Digitized by the Internet Archive
in 2009 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/arkhivrusskoirev01gess

MEUDON-VAL-FLEURY

Arkhiv Russkoi Revolyutsii
P
HSlav
A

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

издаваемый

И. В. ГЕССЕНОМЪ

I

1921

625080
9.12.55

Задачи Архива

Всякая революція, — въ томъ и заключается внутренній смыслъ ея, — нарушаетъ установленный ходъ государственной и общественной жизни, она стремится разбить тѣ формы, безъ которыхъ соціальная жизнь по самому существу своему обойтись не можетъ, и которыя тѣмъ больше ее стѣсняютъ, чѣмъ прочнѣе онѣ сами отвердѣваютъ, и чѣмъ дальше отъ нихъ уходитъ непрестанно стремящаяся впередъ жизнь. Русская революція зашла въ этомъ направленіи, пожалуй, гораздо дальше, чѣмъ всѣ предыдущія, и освободившаяся отъ всякихъ формъ жизнь безудержно разлилась по всему необъятному пространству великой Россіи. Привычная размѣренная поступь смѣнилась колебательнымъ движеніемъ, все бродитъ, сталкивается, перекрещивается. Навыки и привычки отринуты, каждый шагъ приходится обдумывать самостоятельно и каждому нужно дѣйствовать на свой образецъ. Типическія явленія уничтожены, нѣтъ ничего устоявшагося и разрушена всякая связь и зависимость между различными и ближайшими частями прежде единаго цѣлаго. Этотъ великій переломъ не находитъ ни малѣйшаго отраженія и въ печати. Въ совѣтской Россіи существуетъ только большевистская пресса, всецѣло поглощенная агитаціонными задачами и не освѣщающая внутренней жизни страны, внѣ совѣтскихъ границъ печать имѣетъ единственной цѣлью борьбу съ большевиками, и тщетно старались бы мы за страстной, съ обѣихъ сторонъ ослѣпленной, полемикой уловить біеніе пульса подлинной жизни.

При такихъ условіяхъ нѣтъ никакой возможности составить себѣ сколько-нибудь отчетливое представленіе о тѣхъ событіяхъ и процессахъ, которые происходили за годы революціи среди русскаго народа. Совѣтскій режимъ и его постепенное видоизмѣненіе, добровольческое движеніе, его успѣхи и неудачи, роль и бытъ русской эмиграціи, разбросавшейся по всѣмъ частямъ свѣта, отношеніе странъ цивилизованнаго міра къ русскому вопросу и пребывающимъ въ нихъ русскимъ, положеніе русскихъ въ новыхъ государствахъ, образовавшихся изъ тѣла Россіи, — все это извѣстно

только какими-то случайными уродливыми отрывками, и лишь во внѣшнихъ, рѣзкихъ проявленіяхъ, заставляющихъ забывать, что за ними скрываются живые милліоны, которые при всякихъ условіяхъ ведутъ свою жизнь, имѣютъ свой бытъ и думаютъ свою думу. —

Это состояніе полной распыленности и грозной неизвѣстности напоминаетъ о неотложной практической задачѣ, которую переживаемое, неповторяемое время властно ставитъ на очередь.

Задача заключается въ томъ, чтобы сохранить письменный слѣдъ развертывающихся передъ нами трагическихъ событій. Многое изъ того, что каждому изъ насъ привелось видѣть или въ чемъ участвовать, осталось единственнымъ въ своемъ родѣ и больше уже нигдѣ не повторилось. Поэтому, если сейчасъ не записать всего, чему каждый свидѣтелемъ былъ, внутри ли Россіи, или на границахъ ея въ рядахъ боровшихся съ большевиками, или во вновь образовавшихся изъ тѣла Россіи государствахъ, или, наконецъ, среди русской эмиграціи по всѣхъ странахъ міра, то многое изъ фактическихъ данныхъ пропадаетъ безслѣдно и такой недостатокъ можетъ безнадежно затруднить раскрытіе истиннаго смысла переживаемаго нами величайшаго историческаго перелома. Глазамъ современнаго наблюдателя русская дѣйствительность представляется закружившейся въ какомъ-то бѣсовскомъ хаосѣ, который тяжело удручаетъ и колеблетъ вѣру въ будущее Россіи. Врядъ-ли однако можетъ подлежать серьезному сомнѣнію, что среди этого потрясающаго хаоса историческій величавый процессъ властно совершаетъ свой вѣковѣчный ходъ и, какъ бы причудливо не рисовались намъ событія, какими бы случайными они не казались намъ, какъ бы безформенно они не нагромождались, они могутъ лишь затемнить, скрыть отъ насъ закономѣрность совершающагося, могутъ даже потрясти и задержать ее, но не въ силахъ ее опрокинуть и уничтожить. И чѣмъ сложнѣе всѣхъ предыдущихъ русская революція, чѣмъ безудержнѣе размахъ ея, чѣмъ запутаннѣе подъ ея воздѣйствіемъ международныя отношенія, которыя въ свою очередь не мало вліяли на ходъ ея, тѣмъ отвѣтственнѣе становится задача будущаго изслѣдователя, тѣмъ труднѣе будетъ разобраться среди гигантскихъ обломковъ и осколковъ и опредѣлить ту линію, по которой проходитъ равнодѣйствующая боровшихся силъ и настроеній и вокругъ которой складывались и перемежались отдѣльные безчисленные эпизоды. Если фактопись этихъ эпизодовъ будетъ неполной, если многихъ индивидуальныхъ штриховъ будетъ недоставать, то, очевидно, общее представленіе сложится неправильное, уродливое и равнодѣйствующая окажется проведенной невѣрно, смыслъ событій останется скрытымъ навсегда.

Вотъ почему первѣйшій, подлинно священный, долгъ каждаго, кто сознательно относился къ событіямъ, въ которыхъ онъ прямо или косвенно принималъ участіе, или которыя онъ наблюдалъ, по свѣжей памяти — занести

на бумагу свои воспоминанія и впечатлѣнія, не задумываясь надъ формой и способомъ изложенія. Конечно, трудно разсчитывать на трезвое и безпристрастное отношеніе къ событіямъ, которыя еще разыгрываются, къ пожарищамъ, которыя еще дымятся, къ крови, человѣческой крови, которая еще льется широкими потоками. Трудно ждать уравновѣшенности, когда настроенія изо дня въ день такъ капризно мѣняются, когда всѣ склоняются передъ видимостью, передъ успѣхомъ. Тѣмъ болѣе трудно, что упомянутая необходимость отказаться отъ всѣхъ навыковъ и традицій и дѣйствовать по своему разумѣнію, на свой страхъ, порождая сильнѣйшее напряженіе и въ связи съ этимъ усталость и недовольство, съ другой стороны, толкаетъ наиболѣе энергичныя натуры на смѣлые и рѣшительные и ни передъ чѣмъ не останавливающіеся шаги. Со всѣхъ сторонъ въ полномъ вооруженіи выходятъ спасители Россіи и пышнымъ цвѣтомъ расцвѣтаетъ атаманщина, которая врядъ-ли достигла уже своего апогея.

Соотвѣтственно этому каждый склоненъ ставить себя въ центрѣ событій, вести разсказъ, исходя изъ того, что онъ все предвидѣлъ и что, если-бы осуществился бы его планъ дѣйствій, то все пошло бы иначе. Чѣмъ полнѣе авторъ отдается этимъ размышленіямъ, тѣмъ опредѣленнѣе центръ тяжести его воспоминаній перемѣщается: они утрачиваютъ интересъ съ точки зрѣнія той характеристики эпохи, которую силятся дать, но пріобрѣтаютъ цѣнность для характеристики самого пишущаго, какъ одного изъ представителей даннаго момента...

Нужно вообще твердо помнить, что даже и при наивысшей объективности воспоминанія и дневники даютъ богатѣйшій, незамѣнимый матеріалъ автобіографическій, наиболѣе ярко выступаетъ въ нихъ личность самого пишущаго, какъ бы мало онъ не выдвигалъ себя: по тому, что онъ видѣлъ, на что обращалъ вниманіе, что бросалось ему въ глаза, какія черты характера въ окружающихъ его лицахъ онъ подчеркивалъ, по всему этому прежде всего можно безошибочно опредѣлить его собственное міросозерцаніе, его душевное и умственное состояніе. Если же прямо поставить себѣ цѣль дать характеристики, судить и оправдывать, жалѣть и пророчествовать, то ничего, кромѣ автобіографическаго матеріала, воспоминанія представлять не будутъ, и только съ этой точки зрѣнія они будутъ интересны для уясненія себѣ сущности данной эпохи.

Главная трудность заключается не въ томъ, чтобы преодолѣть пристрастіе и предвзятость, важнѣе всего отрѣшиться отъ своей собственной личности, не дѣлать ее центральной фигурой. Въ настоящее время, когда всѣ авторитеты разрушены, когда все вообще поколеблено до самыхъ основаній своихъ, никто не вправѣ навязывать читателю свои выводы — предсказанія, никто не вправѣ претендовать на то, чтобы имъ вѣрили. Предоставимъ каждому дѣлать свои заключенія, которыя вообще еще слишкомъ

преждевременны, позаботимся лишь о томъ, чтобы предупредить невѣрные выводы, основанные на недостаточномъ знаніи фактической обстановки, облегчимъ возможность ориентироваться въ происходящемъ.

Нѣтъ, пожалуй, болѣе вреднаго и празднаго занятія, чѣмъ искать теперь правыхъ и виноватыхъ. Никакой натяжки нѣтъ въ томъ, если сказать, что виноватыхъ нѣтъ, или еще вѣрнѣе, что мы всѣ виноваты и вина еще больше увеличится, если мы станемъ искать, на кого намъ свою вину переложить. Пока еще нельзя отдать себѣ полнаго отчета въ томъ, что именно произошло и какъ глубоки въ сущности тѣ измѣненія, которыя вызваны переворотомъ, всѣ усилія должны быть направлены на то, чтобы какъ можно полнѣе и точнѣе отразить случившееся.

Въ этомъ и заключается задача «Архива» русской революціи. Эта задача очевидно совершенно исключаетъ всякую предвзятость и партійность. Исчерпывающая цѣль изданія — дать правдивую картину, содѣйствовать выясненію исторической истины, при чемъ и литературное изложеніе отступаетъ на задній планъ. Не только мемуары, для печати спеціально написанные, но всякіе дневники, письма, всякаго рода записи въ самой безпритязательной формѣ могутъ имѣть огромное значеніе для разрѣшенія поставленной задачи. Въ главныхъ чертахъ, матеріалъ, подлежащій опубликованію въ Архивѣ распадается на слѣдующія основныя группы:

1) Порядки и событія внутри совѣтской Россіи.
2) Организація, продвиженіе и пораженіе добровольческихъ армій, отношенія къ иностраннымъ отрядамъ и миссіямъ, порядки во временно отнятыхъ у большевиковъ областяхъ.
3) Роль и бытъ русской эмиграціи въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта.
4) Иностранное вмѣшательство, отношеніе представителей общественнаго мнѣнія Европы и другихъ частей свѣта, отношеніе государственныхъ дѣятелей.

Предпринимая настоящее изданіе, мы не скрываемъ отъ себя, насколько трудна и отвѣтственна задача его и мы приложимъ всѣ усилія, чтобы расчистить дорогу объективной исторической истинѣ. Само собой разумѣется, однако, что степень ея достиженія вполнѣ зависитъ отъ того, проникнутся ли пишущіе сознаніемъ высокаго долга свидѣтельствовать въ этотъ часъ великихъ испытаній одну только правду и всю правду.

Временное Правительство

В. Набокова

I

Ровно годъ тому назадъ*, въ эти самые дни, 20—22 Апрѣля, произошли въ Петербургѣ событія, все значеніе которыхъ для судьбы войны и судебъ нашей Родины т о г д а еще не могло быть въ достаточной степени понято и оцѣнено. Т е п е р ь уже ясно видно, что именно въ эти бурные дни, когда впервые послѣ торжества революціи открылось на мгновеніе уродливо-свирѣпое лицо анархіи, — когда вновь, во имя партійной интриги и демагогическихъ пожделѣній, поднятъ былъ Ахеронтъ, и преступное легкомысліе, безсознательно подавая руку предательскому политическому разсчету, поставило Временному Правительству ультиматумъ и добилось отъ него роковыхъ уступокъ и отступленій въ двухъ основныхъ вопросахъ — внѣшней политики и организаціи власти —, въ эти дни закончился первый, блестящій и побѣдный, фазисъ революціи и опредѣлился — пока еще неясно — путь, поведшій Россію къ паденію и позору.

Это не значитъ, конечно, что въ теченіе двухъ первыхъ мѣсяцевъ, когда на развалинахъ самодержавія — формально отжившаго еще 17 Октября 1905 года, но фактически еще цѣлыхъ 11 лѣтъ пытавшагося сохранить свое значеніе, — организовывалась новая, свободная Россія, — что въ этотъ короткій періодъ все обстояло благополучно. Напротивъ того: внимательный и объективный взглядъ могъ бы въ первые же дни «безкровной революціи» найти симптомы грядущаго разложенія. Теперь, post factum, когда просматриваешь газеты того времени, эти симптомы кажутся такими несомнѣнными, такими очевидными! А тогда тѣ люди, которые взвалили на свои плечи неслыханно тяжелую задачу управленія Россіей, — въ особенности на первыхъ порахъ, — какъ будто предавались иллюзіямъ. Они хотѣли вѣрить въ конечный успѣхъ; безъ этой вѣры, откуда бы могли они почерпнуть нравственныя силы? И впервые должна была пошатнуться ихъ вѣра именно въ эти роковые апрѣльскіе дни, когда «революціонный Петроградъ» вынесъ на площадь жизненный для Россіи вопросъ о задачахъ ея внѣшней политики и на красныхъ знаменахъ впервые появились надписи, призывавшія къ свержѣнію Временнаго Правительства или отдѣльныхъ его членовъ.

---

* Писано 21 Апр. 1918 г.

Съ этого момента началася мартирологъ Временнаго Правительства. Можно констатировать, что уходъ Гучкова и принесеніе Милюкова въ жертву требованіямъ Исполнительнаго Комитета Петербургскаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ были для Врем. Правительства первымъ ударомъ, отъ котораго оно уже болѣе не оправилось. И, въ сущности говоря, послѣдующіе шесть мѣсяцевъ, съ ихъ періодическими потрясеніями и кризисами, съ тщетными попытками создать сильную коалиціонную власть, съ фантастическими совѣщаніями въ Малахитовомъ Залѣ и въ Московскомъ Большомъ Театрѣ, — эти шесть мѣсяцевъ были однимъ сплошнымъ умираніемъ. Правда, въ началѣ Іюля былъ одинъ короткій моментъ, когда словно поднялся опять авторитетъ власти: это было послѣ подавленія перваго большевистскаго выступленія. Но этимъ моментомъ Вр. Правительство не сумѣло воспользоваться, и тогдашнія благопріятныя условія были пропущены. Они болѣе не повторились. Легкость, съ которой Ленину и Троцкому удалось свергнуть послѣднее коалиціонное Правительство Керенскаго, обнаружила его внутреннее безсиліе. Степень этого безсилія изумила тогда даже хорошо освѣдомленныхъ людей...

Съ первыхъ дней переворота я стоялъ довольно близко къ Временному Правительству; въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ (до перваго кризиса) занималъ должность управляющаго дѣлами Вр. Правительства, а впослѣдствіи находился съ нимъ — по разнымъ поводамъ и при разныхъ обстоятельствахъ — въ довольно тѣсномъ контактѣ. Къ сожалѣнію, я не велъ тогда ни дневника, ни какихъ либо систематическихъ записей. Занятый съ утра и до поздней ночи, я еле находилъ время для того, чтобы выполнять всю выпавшую на мою долю работу. Поэтому, у меня не сохранилось почти никакихъ документальныхъ данныхъ, относящихся къ тому времени. Я долго колебался, стоитъ ли теперь, по прошествіи столькихъ мѣсяцевъ, приниматься за перо и пытаться записать то, что уцѣлѣло въ памяти. Трудность этой задачи увеличена тѣми условіями, въ которыхъ я теперь нахожусь, — проживая въ «медвѣжьемъ углу» Крыма, уже цѣлый мѣсяцъ совершенно отрѣзаннаго отъ всей остальной Россіи и только что занятаго нѣмцами. У меня подъ рукой нѣтъ ничего для облегченія работы памяти, если не считать кипы номеровъ «Рѣчи», по счастію сохранившихся у П. Н. Петрункевича и имъ мнѣ предоставленныхъ. Правда, это очень драгоцѣнное пособіе, но оно не могло, конечно, отражать хода той внутренней, закулисной политической жизни, которая, какъ это всегда бываетъ, направляла и всецѣло опредѣляла ходъ жизни внѣшней. Въ теченіе тѣхъ двухъ мѣсяцевъ, что я находился на посту Управляющаго дѣлами Врем. Правительства, я чуть не ежедневно присутствовалъ при закрытыхъ его засѣданіяхъ, гдѣ я былъ единственнымъ лицомъ, не принадлежавшимъ оффиціально къ составу Правительства. Впослѣдствіи я подробнѣе коснусь вопроса о моемъ положеніи и о тѣхъ причинахъ, которыя побудили меня мириться въ теченіе моей кратковременной работы съ этимъ положеніемъ только свидѣтеля, но не участника политическаго «творчества» Врем. Правительства. Сейчасъ я хочу только констатировать, что, насколько мнѣ извѣстно, отъ всѣхъ этихъ совѣщаній не осталось никакого слѣда. Записывать пренія въ самомъ засѣданіи я не могъ, въ виду ихъ строго конфиденціальнаго характера. Это, конечно, вызвало бы протестъ прежде всего со стороны Керенскаго, всегда очень подозрительно и ревниво относившагося

ко всему, въ чемъ онъ могъ усматривать покушеніе на «верховныя прерогативы» Вр. Правительства. Писать же post factum у меня не было времени. Думаю, что ни одинъ изъ министровъ не имѣлъ возможности дѣлать какіе либо записи послѣ засѣданія. Само собою разумѣется, что теперь, годъ спустя, я не имѣю ни малѣйшей возможности систематически возстановить то, что происходило на этихъ совѣщаніяхъ.

И тѣмъ не менѣе, я все-таки рѣшилъ приступить къ этимъ запискамъ. Какъ ни скуденъ тотъ матеріалъ, которымъ располагаетъ моя память, все же было бы, думается мнѣ, жаль, еслибы этотъ матеріалъ погибъ безслѣдно. Я считалъ бы крайне важнымъ, чтобы всѣ тѣ, кто такъ или иначе оказались причастными работѣ Вр. Правительства, поступили бы также. Будущій историкъ соберетъ и оцѣнитъ всѣ эти свидѣтельства. Они могутъ оказаться очень разноцѣнными, но ни одно изъ нихъ не будетъ лишеннымъ цѣны, если пишущій задастся двумя абсолютными требованіями: не допускать никакой сознательной неправды (отъ ошибокъ никто не гарантированъ) и быть вполнѣ и до конца искреннимъ.

Вступленіе это мнѣ казалось необходимымъ, такъ какъ оно пояснитъ самый характеръ моихъ воспоминаній и мое собственное отношеніе къ этимъ запискамъ. Приступаю къ моему повѣствованію.

II

Какъ только вспыхнула война, я немедленно — 21 Іюля 1914 года — получилъ бумажку, увѣдомлявшую меня, что я, въ качествѣ офицера ополченія, призываюсь въ 318-ую пѣшую Новгородскую дружину и обязанъ явиться въ мѣсто формированія этой дружины, въ г. Старую Руссу. Не собираюсь сейчасъ подробно касаться всего, пережитаго мною, сперва въ Старой Руссѣ, потомъ въ Выборгѣ, гдѣ дружина находилась до Мая 1915 года, затѣмъ въ мѣстечкѣ Гайнашѣ, на берегу Рижскаго залива, на полпути между Перновомъ и Ригой. Я былъ сперва дружиннымъ адъютантомъ, потомъ въ Гайнашѣ, гдѣ изъ трехъ дружинъ былъ образованъ полкъ (подъ названіемъ 434-го пѣх. Тихвинскаго), — полковымъ адъютантомъ, и въ этотъ первый годъ войны былъ свидѣтелемъ работы по подготовленію тыла, протекавшей, вѣроятно, болѣе или менѣе одинаково по всей Россіи. Думаю, что мои наблюденія въ этой области также не будутъ лишены нѣкотораго интереса, но покамѣстъ откладываю записываніе этого матеріала, а также и всего того, что относится къ моей службѣ въ Азіатской части Главнаго Штаба, куда я былъ совершенно для себя неожиданно и безъ всякаго своего участія переведенъ изъ Гайнаша въ Сентябрѣ 1915 года и гдѣ оставался до самаго переворота, заставшаго меня временно исполняющимъ обязанности дѣлопроизводителя этого учрежденія. Если я здѣсь упоминаю о своей военной службѣ, то только для того, чтобы пояснить, что съ Іюля 1914 года и до Марта 1917 года я не принималъ никакого участія въ политикѣ. Даже вернувшись въ Петербургъ, я не возобновилъ ни публицистической работы въ газетѣ «Рѣчь»*, ни работы въ

* Если не считать ряда фельетоновъ, явившихся плодомъ моей поѣздки въ Англію въ Февралѣ 1916 года и впослѣдствіи напечатанныхъ отдѣльной книгой подъ заглавіемъ «Изъ воюющей Англіи».

Центральномъ Комитетѣ партіи народной свободы. Открыто вернуться къ той и другой я — въ силу своего положенія офицера, служащаго въ Главномъ Штабѣ — не могъ, сдѣлать же это, такъ сказать, конспиративно у меня не было никакой охоты, да и не было бы въ такомъ тайномъ участіи большого смысла. Какъ бы то ни было, мнѣ важно, для поясненія многаго дальнѣйшаго, констатировать это обстоятельство. Съ начала войны и до самой революціи я былъ оторванъ отъ политической и — въ частности — отъ партійной жизни и слѣдилъ за нею только извнѣ, какъ сторонній наблюдатель. Мнѣ были неизвѣстны сложныя отношенія, развившіяся въ эти годы внутри Думы и въ нѣдрахъ нашего Ц. К. Я совершенно не зналъ Керенскаго, — мое знакомство съ нимъ было чисто внѣшнее, мы кланялись при встрѣчѣ и обмѣнивались банальными фразами, — о политической его физіономіи я могъ судить только по его рѣчамъ въ Думѣ, о которыхъ я никогда не былъ высокаго мнѣнія. Конечно, въ силу моей близости къ редакціи «Рѣчи», личныхъ отношеній съ Милюковымъ, Гессеномъ, Шингаревымъ, Родичевымъ и другими, я не могъ, да и не хотѣлъ, вполнѣ терять связь — вѣрнѣе, контактъ — съ партіей и политикой; и не потерялъ ея. Но все же внѣшняя моя отчужденность была причиной того, что послѣ переворота, на первыхъ порахъ моей возобновившейся политической дѣятельности, я не сразу могъ разобраться въ той сложной сѣти и личныхъ, и партійныхъ отношеній, которая опутала — отчасти сковала — работу Вр. Правительства. Я многаго не зналъ и многаго, поэтому, не понималъ. Это отразилось и на собственной моей роли, какъ будетъ видно далѣе.

Перехожу къ внѣшнимъ фактамъ, въ ихъ хронологической послѣдовательности.

23 Февраля жена моя должна была вернуться изъ Раухи, въ Финляндіи, куда она уѣхала съ сыномъ еще въ серединѣ Января и гдѣ оставалась нѣсколько дней послѣ возвращенія сына, поправляясь отъ бронхита. Я ѣздилъ на вокзалъ ее встрѣчать и живо помню, какъ на пути домой я разсказывалъ ей и полковнику Мятлеву (котораго мы въ своемъ автомобилѣ довезли до его дома на Исаакіевской площади), что въ Петербургѣ очень неспокойно, рабочее движеніе, забастовки, большія толпы на улицахъ, что власть проявляетъ первность и какъ бы растерянность и, кажется, не можетъ особенно разсчитывать на войска — въ частности, на казаковъ *. Въ пятницу, 24-го, и въ субботу, 25-го, я ходилъ, какъ всегда, на службу. 26-го, въ воскресенье, Невскій получилъ видъ военнаго лагеря, — онъ былъ оцѣпленъ. Вечеромъ я былъ у І. В. Гессена, у котораго по воскресеньямъ обычно собирались друзья и знакомые. На этотъ разъ я, помнится, засталъ у него только Губера (Арзубьева), который вскорѣ ушелъ. Мы обмѣнивались впечатлѣніями. Происходившее намъ казалось довольно грознымъ. То обстоятельство, что власть — высшая — находилась въ такую критическую минуту въ рукахъ такихъ людей, какъ кн. Голицынъ, Протопоповъ и ген. Хабаловъ, не могло не внушать самой серьёзной тревоги. Тѣмъ не менѣе, еще 26-го вечеромъ мы были далеки отъ мысли, что ближайшіе два-три дня принесутъ съ собою такія колоссальныя, рѣшающія событія всемірно-историческаго значенія.

* Не такъ давно, въ Апрѣлѣ 1918 года, Мятлевъ, находящійся въ Ялтѣ, при встрѣчѣ напомнилъ мнѣ объ этой поѣздкѣ и о моемъ разсказѣ.

Возвращаясь домой съ Малой Конюшенной, я не могъ взять обычный путь — прямо на Невскій и Морскую, такъ какъ черезъ Невскій меня бы не пустили. Я прошелъ переулкомъ на Большую Конюшенную, потомъ черезъ Волынкинъ переулокъ на Мойку, черезъ Пѣвческій мостъ, Дворцовую площадь, совершенно пустынную, мрачную, огромную, мимо Невскаго, по Адмиралтейскому проспекту. Проходя мимо градоначальства, я не могъ не обратить вниманія на большое количество автомобилей (10—12), стоявшихъ передъ подъѣздомъ. Вернулся я въ началѣ перваго, встревоженный и съ мрачными предчувствіями.

Утромъ въ понедѣльникъ, 27-го, я, какъ всегда, въ десять часовъ утра отправился на службу. Азіатская часть Главнаго Штаба помѣщалась тогда въ зданіи бывшаго Главнаго Управленія казачьихъ войскъ, на Караванной противъ Симеоновскаго моста. Проходя по Караванной и поровнявшись со скверомъ, я былъ остановленъ какимъ-то господиномъ со знакомымъ лицомъ (кто онъ такой — я ни тогда, ни потомъ вспомнить не могъ), который мнѣ сказалъ, что на Кирочной — стрѣльба, что часть солдатъ взбунтовалась. Онъ упомянулъ, помнится, о Преображенскомъ полкѣ. Придя затѣмъ въ помѣщеніе Азіатской части, я никакихъ новыхъ свѣдѣній не получилъ. Началась обычная работа, шедшая въ этотъ день какъ-то вяло. Тѣмъ не менѣе мы (мои сослуживцы и я) досидѣли обычное время — до трехъ часовъ, и въ три часа я пошелъ домой, по Невскому, по которому въ это время уже былъ свободный проходъ и толпились массы народу.

Къ вечеру Морская — насколько можно было видѣть изъ оконъ, въ особенности, изъ боковыхъ оконъ тамбура, выходящаго на улицу и дающаго возможность обозрѣвать ее до «Асторіи», съ одной стороны, и до Конногвардейскаго переулка, съ другой, совершенно вымерла. Начали проноситься броневики, послышались выстрѣлы изъ винтовокъ и пулеметовъ, пробѣгали, прижимаясь къ стѣнамъ, отдѣльные солдаты и матросы. Временами отдѣльные выстрѣлы переходили въ оживленную перестрѣлку. Временами, — но всегда на короткое время, — все затихало. Телефонъ продолжалъ работать и свѣдѣнія о происходившемъ въ теченіе дня передавались мнѣ, помнится, моими друзьями. Въ обычное время мы легли спать. Съ утра 28 Февраля возобновилась сильнѣйшая пальба на площади, а также въ той части Морской, которая идетъ отъ лютеранской кирки къ Поцѣлуеву мосту. Выходить было опасно — отчасти изъ-за стрѣльбы, отчасти потому, что съ офицеровъ начали срывать погоны, и уже ходили слухи о наспіяхъ надъ ними со стороны солдатъ. Часовъ въ 11 утра (можетъ быть, даже раньше) подъ окнами нашего дома прошла большая толпа солдатъ и матросовъ, направляясь къ Невскому. Шли безпорядочно и нестройно, офицеровъ не было. Въ эту толпу, повидимому, стрѣляли — не то изъ Асторіи, не то изъ Министерства Земледѣлія: точно это никогда не было установлено, да и самый фактъ стрѣльбы также не установленъ, — возможно, что это было позднѣе выдумано. Какъ бы то ни было, подъ вліяніемъ ли выстрѣловъ (если они были), или по какимъ либо другимъ побужденіямъ, эта толпа начала громить Асторію. Оттуда начали къ намъ являться «бѣженцы»: сестра моя съ мужемъ — адмираломъ Коломейцовымъ, потомъ семья цѣлая, съ маленькими дѣтьми, приведенная знакомыми англійскими офицерами, потомъ еще другая семья нашихъ отдаленныхъ родственниковъ Набоковыхъ. Все это кое-какъ размѣстилось у насъ въ домѣ.

Весь вторникъ, 28-го, а также среду, 1-го Марта, я не выходилъ изъ дому. Было много хлопотъ по устройству неожиданныхъ и невольныхъ гостей, но большая часть дня проходила въ какомъ-то тупомъ и тревожномъ ожиданіи. Точныхъ свѣдѣній было мало. Извѣстно было только, что центральнымъ пунктомъ является Государственная Дума, а къ вечеру 1-го Марта уже говорили, что весь Петербургскій гарнизонъ, а также нѣкоторыя прибывшія изъ окрестностей части присоединились къ возставшимъ.

Утромъ 2-го Марта уже офицеры могли свободно появляться на улицахъ, и я рѣшилъ отправиться въ Азіатскую часть выяснить положеніе. Придя туда, я засталъ на первой большой площадкѣ огромную толпу служащихъ, офицеровъ и писарей. Я быстро прошелъ въ наше собственное помѣщеніе, но черезъ нѣкоторое время пришли мнѣ сказать, что меня просятъ, чтобы сказать нѣсколько словъ по поводу происшедшихъ событій. Я пошелъ къ собравшимся. Меня встрѣтили аплодисментами. Мы всѣ перешли въ большую залу. Я взобрался на столъ и сказалъ краткую рѣчь. Точно не помню своихъ словъ, — смыслъ ихъ заключался въ томъ, что деспотизмъ и безправіе свергнуты, что побѣдила свобода, что теперь долгъ всей страны ее укрѣпить, что для этого необходима неустанная работа и огромная дисциплина. На отдѣльные вопросы я отвѣчалъ, что я самъ еще не въ курсѣ происшедшихъ событій, но что собираюсь днемъ въ Государственную Думу и тамъ все, конечно, узнаю въ подробности, а завтра мы всѣ можемъ вновь собраться. На этомъ мы и покончили, служащіе разошлись, оживленно разговаривая. Я недолго пробылъ въ Азіатской части, гдѣ не было ни начальника ея, ген. Манакина, ни ближайшаго его помощника, ген. Давлетшина, и гдѣ, разумѣется, въ этотъ день ни о какой работѣ нельзя было думать. Вернувшись домой, я позавтракалъ, и въ два часа снова вышелъ съ намѣреніемъ пробраться въ Государственную Думу.

На углу Невскаго и Морской я какъ разъ столкнулся со всѣмъ составомъ служащихъ Главнаго Штаба, которые шли въ Государственную Думу для того, чтобы заявить Временному Правительству, о сформированіи котораго только-что стало извѣстно, свое подчиненіе ему. Я къ нимъ присоединился, мы пошли по Невскому, Литейной, Сергіевской, Потемкинской, Шпалерной. На улицахъ была масса народу. Вездѣ видны были взволнованныя, возбужденныя лица, уже висѣли красные флаги. Въ то время, какъ мы проходили мимо Аничкова дворца, какой-то старикъ, интеллигентнаго вида и прилично одѣтый, увидя меня (я шелъ съ края), сошелъ съ тротуара, подбѣжалъ ко мнѣ, схватилъ меня за руку и, потрясая ее, благодарилъ меня «за все то, что вы сдѣлали», прибавляя съ большой энергіей и рѣшительностью: «но только Романовыхъ намъ не оставляйте, намъ ихъ не нужно!» На Потемкинской мы встрѣтили довольно большую толпу городовыхъ, которыхъ вели подъ конвоемъ, — повидимому, изъ манежа Кавалергардскаго полка, куда они были заключены при началѣ возстанія.

Въ эти 40—50 минутъ, пока мы шли къ Государственной Думѣ, я пережилъ неповторившійся больше подъёмъ душевный. Мнѣ казалось, что въ самомъ дѣлѣ произошло нѣчто великое и священное, что народъ сбросилъ цѣпи, что рухнулъ деспотизмъ... Я не отдавалъ себѣ тогда отчета въ томъ, что основой происшедшаго былъ военный бунтъ, вспыхнувшій стихійно вслѣдствіе условій, созданныхъ тремя годами войны, и что въ этой

основѣ лежитъ сѣмя будущей анархіи и гибели... Если такія мысли и являлись, то я гналъ ихъ прочь.

Когда мы подошли къ Шпалерной, она оказалась совершенно запруженной войсками, направлявшимися къ Думѣ. Приходилось нѣсколько разъ останавливаться и довольно долго ждать. То и дѣло проползали моторы, съ трудомъ прокладывая себѣ дорогу черезъ толпу. Площадь передъ зданіемъ Думы была переполнена такъ, что яблоку негдѣ было упасть; на аллеѣ, ведущей къ подъѣзду, происходила невѣроятная давка, раздавались крики; у входныхъ воротъ какіе-то молодые люди еврейскаго типа опрашивали проходившихъ; по временамъ слышались раскаты «ура». Одну минуту я уже отчаялся дойти до подъѣзда Думы и потерялъ связь съ моими товарищами. Наконецъ, протискиваясь и проталкиваясь, я добрался до ступеней подъѣзда. Въ это время на возвышеніе, устроенное передъ дверью, — а можетъ быть — на открытый автомобиль (мнѣ съ моего мѣста не было хорошо видно) взобрался В. Н. Львовъ и сказалъ привѣтственную коротенькую рѣчь по адресу тѣхъ воинскихъ частей, которыя находились на площади. Его плохо было слышно и рѣчь его не производила никакого впечатлѣнія. Когда онъ кончилъ и спустился къ дверямъ Думы, туда хлынула толпа, давка стала еще сильнѣе. Не помню уже, какъ я оказался въ вестибюлѣ. Внутренность Таврическаго дворца сразу поражала своимъ необычнымъ видомъ. Солдаты, солдаты, солдаты, съ усталыми, тупыми, рѣдко съ добрыми или радостными лицами; всюду слѣды импровизированнаго лагеря, соръ, солома; воздухъ густой, стоитъ какой-то сплошной туманъ, пахнетъ солдатскими сапогами, сукномъ, потомъ; откуда-то слышатся истерическіе голоса ораторовъ, митингующихъ въ Екатерининскомъ залѣ, — вездѣ давка и суетливая растерянность. Уже ходили по рукамъ листки со спискомъ членовъ Временнаго Правительства. Помню, какъ я былъ изумленъ, узнавъ, что министромъ юстиціи назначенъ Керенскій. (Я не понималъ тогда значенія этого факта и ожидалъ, что на этотъ постъ будетъ назначенъ Маклаковъ.) Такой же неожиданностью было назначеніе М. И. Терещенка. Встрѣтившійся мнѣ знакомый журналистъ, по моей просьбѣ, взялся показать мнѣ дорогу къ комнатамъ, гдѣ находились Милюковъ, Шингаревъ и другіе мои друзья. Мы пошли какими-то корридорами, комнатушками, вездѣ встрѣчая множество знакомыхъ лицъ, — но дорогѣ попался намъ кн. Г. Е. Львовъ. Меня поразилъ его мрачный, унылый видъ и усталое выраженіе глазъ. Въ самой задней комнатѣ я нашелъ Милюкова, онъ сидѣлъ за какими-то бумагами, съ перомъ въ рукахъ; какъ оказалось, онъ выправлялъ текстъ рѣчи, произнесенной имъ только-что, — той рѣчи, въ которой онъ высказывался за сохраненіе монархіи (предполагая, что Николай II отречется или будетъ свергнутъ). Около него сидѣла Анна Сергѣевна (его жена). Милюковъ совсѣмъ не могъ говорить, онъ потерялъ голосъ, сорвавъ его, повидимому, ночью, на солдатскихъ митингахъ. Такими же беззвучными охрипшими голосами говорили Шингаревъ и Некрасовъ. Въ комнатахъ была разнообразная публика. Почему-то находился тутъ кн. С. К. Бѣлосельскій (генералъ), ожидавшій, по его словамъ, Гучкова, — очень растерянный. Черезъ нѣкоторое время откуда-то появился Керенскій, — сопровождаемый гр. Алексѣемъ Орловымъ-Давыдовымъ (героемъ процесса съ Пуаре), — взвинченный, взволнованный, истеричный. Кажется, онъ пришелъ прямо изъ засѣданія Исполнительнаго

Комитета Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, гдѣ онъ заявилъ о принятіи имъ портфеля министра юстиціи — и получилъ санкцію въ формѣ перецѣлованія въ товарищи предсѣдателя комитета. Насколько Милюковъ казался спокойнымъ и сохраняющимъ полное самообладаніе, настолько Керенскій поражалъ какой-то потерей душевнаго равновѣсія. Помню одинъ его странный жестъ. Одѣтъ онъ былъ, какъ всегда (т.-е. до того, какъ принялъ на себя роль «заложника демократіи» во Вр. Правительствѣ): на немъ былъ пиджакъ, а воротничекъ рубашки — крахмальный, съ загнутыми углами. Онъ взялся за эти углы и отодралъ ихъ, такъ что получился, вмѣсто франтовскаго, какой-то нарочито-пролетарскій видъ... При мнѣ онъ едва не падалъ въ обморокъ, причемъ Орловъ-Давыдовъ не то давалъ ему что-то нюхать, не то поилъ чѣмъ-то, не помню.

Въ сосѣдней комнатѣ происходило какое-то военное совѣщаніе. Я издали увидѣлъ генераловъ Михневича и Аверьянова.

Кажется, въ то время уже говорили о томъ, что Гучковъ и Шульгинъ уѣхали въ Псковъ, — и говорили какъ-то неодобрительно-скептически.

Дѣлать въ Думѣ мнѣ было нечего. Вести сколько-нибудь систематическій разговоръ съ людьми смертельно усталыми — было невозможно. Пробывъ нѣкоторое время, вобравъ въ себя атмосферу — лихорадочную, сумасшедшую какую-то — я направился къ выходу. По дорогѣ, въ одной изъ маленькихъ комнатъ, я встрѣтилъ П. Б. Струве, который находился въ Думѣ, если не ошибаюсь, чуть ли не со вторника. Настроеніе его было крайне скептическое. Мы съ нимъ недолго поговорили на тему о необычайной сложности и трудности создавшагося положенія. Потомъ я направился домой.

На другой день, 3 Марта, я утромъ, въ обычное время, пошелъ въ Азіатскую часть. На углу Морской и Вознесенскаго я встрѣтилъ М. А. Стаховича, который сообщилъ мнѣ, какъ о совершившемся фактѣ, объ отреченіи Николая II (за себя и за сына) и о передачѣ имъ престола Михаилу Александровичу. Это же самое подтвердилъ мнѣ М. П. Кауфманъ (бывшій министръ народнаго просвѣщенія), котораго я встрѣтилъ недалеко отъ Каравайной. Придя на службу, я засталъ опять крайнее оживленіе, толпу народа на лѣстницѣ и въ большомъ залѣ засѣданій, и снова ко мнѣ обратились съ просьбой сдѣлать какія-нибудь разъясненія по поводу создавшагося положенія. Я согласился. Въ залѣ собрались всѣ служащіе, пришелъ и почтенный ген. Агаповъ, начальникъ казачьяго отдѣла Главнаго Штаба. Въ своей рѣчи я подѣлился тѣми свѣдѣніями, которыя у меня были (правда, крайне скудными), — сказалъ, что фактъ отреченія царя долженъ разрѣшить вопросъ и для всѣхъ тѣхъ, кто стоитъ на почвѣ вѣрноподданической лояльности quand-même, и затѣмъ, останавливаясь на предстоящей задачѣ, развивалъ вчерашнія свои мысли о необходимости положить всѣ свои силы на работу и на поддержку безусловной дисциплины. Вслѣдъ за мною говорили и другіе, въ томъ числѣ ген. Агаповъ. Настроеніе было очень твердое и хорошее, никакихъ диссонансовъ не было замѣтно. Помню даже, что Агаповъ поднялъ нѣкоторые ближайшіе практическіе вопросы, требующіе, какъ онъ указалъ, немедленнаго рѣшенія для того, чтобы не останавливать налаженной работы и не вносить разстройства въ нормальный ходъ дѣлъ.

Пробывъ недолго со своими сослуживцами, я рѣшилъ отправиться къ

начальнику Азіатской части, ген. Манакину, не выходившему изъ дому по нездоровью (кажется, онъ по телефону просилъ меня зайти къ нему). Была чудная, солнечная, морозная погода. Не успѣлъ я придти къ ген. Манакину и поговорить съ нимъ, какъ къ нему позвонили изъ моего дома и жена сказала мнѣ, что меня просятъ немедленно, отъ имени князя Львова, на Милліонную 12, гдѣ находится — въ квартирѣ кн. Путятина — вел. кн. Михаилъ Александровичъ. Я тотчасъ распростился съ ген. Манакинымъ и поспѣшилъ по указанному адресу, разумѣется, пѣшкомъ, такъ какъ ни извозчиковъ, ни трамвая не было. Невскій представлялъ необычайную картину: ни одного экипажа, ни одного автомобиля, отсутствіе полиціи и толпы народа, занимающія всю ширину улицы. Передъ въѣздомъ въ Аничковъ дворецъ жгли орлы, снятые съ вывѣсокъ придворныхъ поставщиковъ.

Я пришелъ на Милліонную, должно быть, уже въ третьемъ часу. На лѣстницѣ дома № 12 стоялъ караулъ Преображенскаго полка. Ко мнѣ вышелъ офицеръ, я себя назвалъ, онъ ушелъ за инструкціями и тотчасъ же вернувшись, пригласилъ меня наверхъ.

Раздѣвшись въ прихожей, я вошелъ сперва въ большую гостиную (въ ней, какъ я узналъ, въ это утро происходило то совѣщаніе Михаила Александровича съ членами Временнаго Правительства и Вр. Комитета Госуд. Думы, которое закончилось рѣшеніемъ велик. князя отказаться отъ навязаннаго ему «наслѣдія»). Въ слѣдующей комнатѣ — повидимому, будуарѣ хозяйки — сидѣлъ кн. Львовъ и Шульгинъ. Кн. Львовъ объяснилъ мнѣ мотивъ моего приглашенія. Онъ разсказалъ мнѣ, что въ самомъ Вр. Правительствѣ мнѣнія по вопросу о томъ, принимать ли Михаилу Александровичу престолъ, или нѣтъ, — раздѣлились. Милюковъ и Гучковъ были рѣшительно и категорически за и дѣлали изъ этого вопроса punctum saliens, отъ котораго должно было зависѣть участіе ихъ въ кабинетѣ. Другіе были напротивъ на сторонѣ отрицательнаго рѣшенія. Вел. князь выслушалъ всѣхъ и просилъ дать ему подумать въ одиночествѣ (я предполагаю, что онъ посовѣтовался съ своимъ секретаремъ Матвѣевымъ, которому онъ очень довѣрялъ, и что тотъ былъ сторонникомъ отказа). Черезъ нѣкоторое время онъ вернулся въ комнату, гдѣ происходило совѣщаніе, и заявилъ, что при настоящихъ условіяхъ онъ далеко не увѣренъ въ томъ, что принятіе имъ престола будетъ на благо родинѣ, что оно можетъ послужить не къ объединенію, а къ разъединенію, что онъ не хочетъ быть невольной причиной возможнаго кровопролитія и потому не считаетъ возможнымъ принять престолъ и предоставляетъ рѣшеніе (окончательное) вопроса Учредительному Собранію.

Тутъ же кн. Львовъ прибавилъ, что въ результатѣ этого рѣшенія, Милюковъ и Гучковъ выходятъ изъ состава Вр. Правительства. «Что Гучковъ уходитъ, это не бѣда: Вѣдь оказывается (sic), что его въ арміи терпѣть не могутъ, солдаты его просто ненавидятъ. А вотъ Милюкова непремѣнно надо уговорить остаться. Это ужъ дѣло Ваше и Вашихъ друзей, помочь намъ». На мой вопросъ, зачѣмъ меня просили придти, кн. Львовъ сказалъ, что нужно составить актъ отреченія Михаила Александровича. Проектъ такого акта набросанъ Некрасовымъ, но онъ не законченъ и не вполнѣ удаченъ, — а такъ какъ всѣ страшно устали и больше не въ состояніи думать, не спавъ всю ночь, то меня и просятъ заняться этой работой. Тутъ же онъ передалъ мнѣ черновикъ Некрасова, сохранившійся до

настоящаго времени въ моихъ бумагахъ, вмѣстѣ съ окончательно установленнымъ текстомъ.

Здѣсь я хотѣлъ бы открыть скобку, прервать на минуту нить моего разсказа, и коснуться вопроса объ отреченіи Михаила Александровича по существу.

Много разъ впослѣдствіи я возвращался мысленно къ этому моменту, и теперь вотъ, въ концѣ Апрѣля 1918 года, когда я пишу эти строки, въ Крыму, завоеванномъ нѣмцами («временно запятомъ», какъ они говорятъ), пережившъ всѣ горькія разочарованія, всѣ ужасы, все униженіе и весь позоръ этого кошмарнаго года революціи, стоя у разбитаго корыта истерзанной, загаженной, расчлененной Россіи, испытавъ всю мерзость большевистской вакханаліи, убѣдившись въ глубокой несостоятельности тѣхъ силъ, на долю которыхъ выпала задача созданія новой Россіи, я спрашиваю себя: не было ли больше шансовъ на благополучный исходъ, если бы Михаилъ Александровичъ принялъ тогда корону изъ рукъ царя?

Надо сказать, что изъ всѣхъ возможныхъ «монархическихъ» рѣшеній это было самымъ неудачнымъ. Прежде всего, въ немъ былъ неустранимый внутренній порокъ. «Наши основные законы не предусматривали возможности отреченія царствующаго императора и не устанавливали никакихъ правилъ, касающихся престолонаслѣдія въ этомъ случаѣ. Но, разумѣется, никакіе законы не могутъ устранить или лишить значенія самый фактъ отреченія, или помѣшать ему. Это есть именно фактъ, съ которымъ должны быть связаны извѣстныя юридическія послѣдствія.. И такъ какъ, при такомъ молчаніи основныхъ законовъ, отреченіе имѣетъ тоже самое значеніе, какъ смерть, то очевидно, что и послѣдствія его должны быть тѣ же, т. е. — престолъ переходитъ къ законному наслѣднику. Отрекаться можно только за самого себя. Лишать престола то лицо, которое по закону имѣетъ на него право, — будь то лицо совершеннолѣтній или несовершеннолѣтній, — отрекающійся императоръ не имѣетъ права. Престолъ россійскій — не частная собственность, не вотчина императора, которой онъ можетъ распоряжаться по своему произволу. Основываться на предполагаемомъ согласіи наслѣдника также нѣтъ возможности, разъ этому наслѣднику не было еще полныхъ 13-ти лѣтъ. Во всякомъ случаѣ, даже если бы это согласіе было категорически выражено, оно подлежало бы оспариванію, здѣсь же его и въ поминѣ не было. Поэтому, передача престола Михаилу была актомъ незаконнымъ. Никакого юридическаго титула для Михаила она не создавала. Единственный законный исходъ заключался бы въ томъ, чтобы послѣдовать тому же порядку, какой имѣлъ бы мѣсто, если бы умеръ Николай II. Наслѣдникъ сдѣлался бы императоромъ, а Михаилъ — регентомъ. Еслибы рѣшеніе, принятое Николаемъ II, не оказалось для Гучкова и Шульгина такой неожиданностью, они, быть можетъ, обратили бы вниманіе Николая на недопустимость такого рѣшенія, предлагающаго Михаилу принять корону, на которую онъ — при живомъ законномъ наслѣдникѣ престола — не имѣлъ права.

Я касаюсь этой стороны вопроса потому, что она не является только юридической тонкостью. Несомнѣнно, она значительно ослабляла позицію сторонниковъ сохраненія монархіи. И, несомнѣнно, она вліяла и на психику Михаила. Я не знаю, обсуждался ли вопросъ съ этой точки зрѣнія въ утреннемъ совѣщаніи, но, несомнѣнно, что Николай II самъ (едва-ли

сознательно) сдѣлать наибольшее для того, чтобы затруднить и запутать создавшееся положеніе. Правда, имъ — по словамъ акта объ отреченіи — руководили чувства нѣжнаго отца, не желающаго разстаться съ сыномъ. Какъ ни почтенны эти чувства, не въ нихъ, конечно, можетъ онъ найти себѣ оправданіе.

Принятіе Михаиломъ престола было бы, такимъ образомъ, какъ выражаются юристы, ab initio vitiosum, съ самаго начала порочнымъ. Но допустимъ, что эта — такъ сказать, формальная — сторона дѣла была бы оставлена безъ вниманія. Какъ обстояло положеніе по существу?

Разсуждая a priori, можно принести очень сильные доводы въ пользу благопріятныхъ послѣдствій положительнаго рѣшенія.

Прежде всего, оно сохраняло преемственность аппарата власти и его устройства. Сохранена была бы основа государственнаго устройства Россіи, и имѣлись бы налицо всѣ данныя для того, чтобы обезпечить монархіи характеръ конституціонной. Этому способствовали бы и тѣ условія, при которыхъ воцарился бы Михаилъ, и его личныя черты: — прямота и несомнѣнное благородство характера, лишеннаго, при томъ, властолюбія и деспотическихъ замашекъ. Устраненъ былъ бы роковой вопросъ о созывѣ Учредительнаго Собранія во время войны. Могло бы быть создано не Временное Правительство, формально облеченное диктаторской властью, и фактически вынужденное завоевать и укрѣплять эту власть, а настоящее конституціонное правительство, на твердыхъ основахъ закона, въ рамки котораго вставлено бы было новое содержаніе. Избѣгнуто бы было то великое потрясеніе всенародной психики, которое вызвано было крушеніемъ престола. Словомъ сказать, переворотъ былъ бы введенъ въ извѣстныя границы, — и, можетъ быть, была бы сохранена международная позиція Россіи. Были шансы сохраненія арміи.

Но все это, къ сожалѣнію, только одна сторона дѣла. Для того, чтобы она была рѣшающей, необходимъ былъ рядъ условій, которыхъ налицо не было. Принявъ престолъ изъ рукъ Николая, Михаилъ сразу имѣлъ бы противъ себя тѣ силы, которыя въ первые же дни революціи выступили на первый планъ и захотѣли овладѣть положеніемъ, войдя въ ближайшій контактъ съ войсками Петербургскаго гарнизона. Эти возставшія войска къ тому времени (3 Марта) уже были отравлены. Реальной опоры они не представляли. Несомнѣнно, для укрѣпленія Михаила потребовались бы очень рѣшительныя дѣйствія, не останавливающіяся передъ кровопролитіемъ, передъ арестомъ Исполнительнаго Комитета Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, передъ провозглашеніемъ, въ случаѣ попытокъ сопротивленія, осаднаго положенія. Черезъ недѣлю, вѣроятно, все вошло бы въ надлежащія рамки. Но для этой недѣли надо было располагать реальными силами, на которыя можно бы было безоглядно разсчитывать и безусловно опереться. Такихъ силъ не было. И самъ по себѣ Михаилъ былъ человѣкомъ, мало или и совсѣмъ не подходившимъ къ той трудной, отвѣтственной и опасной роли, которую ему предстояло бы сыграть. Онъ не обладалъ ни популярностью въ глазахъ массъ, ни репутаціей умственно выдающагося человѣка. Правда, его имя было незапятнано, онъ остался непричастнымъ всѣмъ темнымъ перипетіямъ скандальной хроники Распутинской, — онъ даже нѣкоторое время былъ какъ бы въ оппозиціи, — но всего

этого, конечно, было недостаточно для того, чтобы твердой и увѣренной рукой взяться за руль государственнаго корабля. Я не вижу тѣхъ элементовъ, которые его бы поддержали, — не во имя своихъ личныхъ интересовъ, а во имя интересовъ высшихъ. Кадеты, три недѣли спустя, выкинувшіе республиканскій флагъ (объ этомъ я подробнѣе скажу въ своемъ мѣстѣ), такой опорой не могли быть. Бюрократія, дворянство, придворныя сферы? Все это было совсѣмъ не организовано, совершенно растерялось и боевой силы не представляло. Наконецъ, приходится считаться съ тѣмъ общимъ настроеніемъ, которое преобладало въ эти дни въ Петербургѣ: это было о п ь я н е н і е п е р е в о р о т о м ъ, былъ безсознательный большевизмъ, вскружившій наиболѣе трезвые умы. Въ этой атмосферѣ монархическая традиція — лишевная, къ тому же, глубокихъ элементовъ внутренней жизни — не могла быть дѣйственной, объединяющей и собирающей силой...

Такимъ образомъ, я такъ формулирую тотъ окончательный выводъ, къ которому я уже давно пришелъ. Еслибы принятіе Михаиломъ престола было возможно, оно оказалось бы благодѣтельнымъ или, по крайней мѣрѣ, дающимъ надежду на благополучный исходъ. Но, къ несчастію, вся совокупность условій была такова, что принятіе престола было невозможно. Говоря тріівіальнымъ языкомъ, изъ него бы «ничего не вышло». И прежде всего, это долженъ былъ чувствовать самъ Михаилъ. Если «мы всѣ глядимъ въ Наполеоны», то онъ — меньше всѣхъ. Любопытно отмѣтить, что онъ очень подчеркивалъ свою обиду по поводу того, что братъ его «навязалъ» ему престолъ, даже не спросивъ его согласія. И было бы еще интереснѣе знать, какъ бы онъ поступилъ, еслибы объ этомъ согласіи его заранѣе спросилъ Николай?...

Возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Само собою разумѣется, при данныхъ обстоятельствахъ мнѣ не приходилось заниматься размышленіями на тему о томъ, правильно ли, или неправильно принятое рѣшеніе. Одно для меня было ясно: необходимо было удержать Милюкова въ составѣ Вр. Правительства, во что бы то ни стало, а затѣмъ надо было, въ отношеніи того ближайшаго дѣла, для котораго меня призвали, найти вполнѣ ясную, опредѣлительную и точную формулировку отреченія великаго князя. Въ первомъ отношеніи я обѣщалъ кн. Львову употребить всѣ усилія и все вліяніе, которое я могъ имѣть на Милюкова, при чемъ я имѣлъ въ виду встрѣтиться съ нимъ вечеромъ въ Таврическомъ дворцѣ. Что касается акта отреченія, то я тотчасъ же остановился на мысли попросить содѣйствіе такого тонкаго и осторожнаго спеціалиста по государственному праву, какъ бар. Б. Э. Нольде. Съ согласія кн. Львова, я позвонилъ къ нему, онъ оказался по близости, въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ, и пришелъ черезъ $^1/_4$ часа. Насъ помѣстили въ комнатѣ дочери кн. Путятина. Къ намъ же присоединился В. В. Шульгинъ. Текстъ отреченія и былъ составленъ нами втроемъ, съ сильнымъ видоизмѣненіемъ некрасовскаго черновика. Чтобы покончить съ внѣшней исторіей составленія, скажу, что послѣ окончанія нашей работы, составленный текстъ былъ мною переписанъ и черезъ Матвѣева представленъ великому князю. Измѣненія, имъ предложенныя (и принятыя), заключались въ томъ, что было сдѣлано (первоначально отсутствовавшее) указаніе на Бога и въ обращеніи къ населенію словомъ «прошу» было замѣнено

проектированное нами «повелѣваю». Вслѣдствіе такихъ измѣненій, мнѣ пришлось еще разъ переписать историческій документъ. Въ это время было около шести часовъ вечера. Пріѣхалъ М. В. Родзянко. Вошелъ и вел. князь, который при насъ подписалъ документъ. Онъ держался нѣсколько смущенно — какъ-то сконфуженно. Я не сомнѣваюсь, что ему было очень тяжело, но самообладаніе онъ сохранялъ полное, и я, признаться, не думалъ, чтобъ онъ вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ въ важности и значеніи совершаемаго акта. Передъ тѣмъ, какъ разойтись, онъ и М. В. Родзянко обнялись и поцѣловались, при чемъ Родзянко назвалъ его благороднѣйшимъ человѣкомъ.

Для того, чтобы найти правильную форму для акта объ отреченіи, надо было предварительно рѣшить рядъ преюдиціальныхъ вопросовъ. Изъ нихъ первымъ являлся вопросъ, связанный съ внѣшней формой акта. Надо ли было считать, что въ моментъ его написанія, Михаилъ Александровичъ уже былъ Императоромъ, и что актъ является такимъ же актомъ отреченія, какъ и документъ, подписанный Николаемъ II? Но во-первыхъ, въ случаѣ рѣшенія вопроса въ положительномъ смыслѣ, отреченіе Михаила могло вызвать такія же сомнѣнія относительно правъ другихъ членовъ императорской фамиліи, какія, въ сущности, вытекали и изъ отреченія Николая II. Съ другой стороны, этимъ санкціонировалось бы невѣрное предположеніе Николая II, будто онъ вправѣ былъ сдѣлать Михаила Императоромъ. Такимъ образомъ, мы пришли къ выводу, что создавшееся положеніе должно быть трактуемо такъ: Михаилъ отказывается отъ принятія верховной власти. Къ этому, собственно, должно было свестись юридически цѣнное содержаніе акта. Но по условіямъ момента, казалось необходимымъ, не ограничиваясь его отрицательной стороной, воспользоваться этимъ актомъ для того, чтобы — въ глазахъ той части населенія, для которой онъ могъ имѣть серьёзное нравственное значеніе, — торжественно подкрѣпить полноту власти Вр. Правительства и преемственную связь его съ Госуд. Думой. Это и было сдѣлано въ словахъ «Вр. Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти». Первая часть формулы дана Шульгинымъ, другая мною. Опять-таки, съ юридической точки зрѣнія можно возразить, что Михаилъ Александровичъ, не принимая верховной власти, не могъ давать никакихъ обязательныхъ и связывающихъ указаній насчетъ предѣловъ и существа власти Вр. Правительства. Но, повторяю, мы въ данномъ случаѣ не видѣли центра тяжести въ юридической силѣ формулы, а только въ ея нравственно-политическомъ значеніи. И нельзя не отмѣтить, что актъ объ отказѣ отъ престола, подписанный Михаиломъ, былъ единственнымъ актомъ, опредѣлившимъ объемъ власти Вр. Правительства и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшившимъ вопросъ о формахъ его функціонированія, — въ частности (и главнымъ образомъ) вопросъ о дальнѣйшей дѣятельности законодательныхъ учрежденій. Какъ извѣстно, въ первой деклараціи Вр. Правительства оно говорило о себѣ, какъ о «кабинетѣ», и образованіе этого кабинета разсматривалось какъ «болѣе прочное устройство исполнительной власти». Очевидно, при составленіи этой декларація было еще неясно, какія очертанія приметъ временный государственный строй. Съ момента акта отказа считалось установленнымъ, что Вр. Правительству принадлежитъ въ полномъ объёмѣ и законодательная власть. Между тѣмъ еще накануѣ въ составѣ Вр. Правительства поднимался (по

словамъ Б. Э. Нольде) вопросъ объ изданіи законовъ и принятіи финансовыхъ мѣръ въ порядкѣ ст. 87 осн. зак.

Можетъ показаться страннымъ, что я такъ подробно останавливаюсь на содержаніи акта объ отказѣ. Могутъ сказать, что актъ этотъ не произвелъ большого впечатлѣнія на населеніе, что онъ былъ скоро забытъ, заслоненъ событіями. Можетъ быть, это и такъ. Но все же несомнѣнно, что съ болѣе общей исторической точки зрѣнія актъ 3 Марта имѣлъ очень большое значеніе, что онъ является именно историческимъ актомъ, и что значеніе его, можетъ быть, еще скажется въ будущемъ. Для насъ же въ тотъ моментъ, въ самые первые дни революціи, когда еще было совершенно неизвѣстно, какъ будетъ реагировать вся Россія и иностранныя державы-союзницы на переворотъ, на образованіе Вр. Правительства, на все создавшееся новое положеніе, казалось безконечно важнымъ каждое слово. И мнѣ кажется, что мы были правы.

Я уже упомянулъ о томъ, что работа наша затянулась до вечера. Когда мы вышли, было уже темно. Если память мнѣ не измѣняетъ, я не возвращался домой, а прямо поѣхалъ въ Госуд. Думу, чтобы увидѣться съ Милюковымъ, показать ему захваченный мною черновикъ акта, принять мѣры къ его оглашенію въ печати. Но прежде всего, конечно, я долженъ былъ выполнить данное мною кн. Г. Е. Львову обѣщаніе — употребить всѣ усилія, чтобы убѣдить Милюкова, не выходить изъ состава Вр. Правительства.

Для меня, конечно, не было никакого сомнѣнія въ томъ, что еслибы Милюковъ настоялъ на своемъ рѣшеніи, результатомъ были бы самыя серьёзныя — можетъ быть, даже гибельныя — осложненія. Не говоря уже о впечатлѣніи разлада съ первыхъ же шаговъ, о послѣдствіяхъ для партіи, которая была бы сразу сбита съ толку, — о тяжеломъ положеніи остающихся министровъ-кадетовъ, — съ уходомъ Милюкова Вр. Правительство теряло свою крупнѣйшую умственную силу и единственнаго человѣка, который могъ вести внѣшнюю политику и котораго знала Европа. Въ сущности этотъ уходъ былъ бы настоящей катастрофой.

Придя въ Таврическій дворецъ, я тотчасъ нашелъ Милюкова. Съ нимъ въ этотъ день на ту же тему уже говорилъ Винаверъ, также убѣждавшій его измѣнить свое рѣшеніе. Я прочиталъ ему текстъ отказа Михаила. Его этотъ текстъ удовлетворилъ и, кажется, послужилъ окончательнымъ толчкомъ, побудившимъ его, остаться въ составѣ Вр. Правительства. Кто и когда повліялъ въ томъ же смыслѣ на Гучкова, я не знаю.

Съ Милюковымъ по-прежнему была Анна Сергѣевна. Отъ нея я услышалъ трагическое извѣстіе объ убійствахъ въ Гельсингфорсѣ и о грозномъ положеніи во фронтѣ. Она сама казалась совершенно подавленной этими событіями. Меня они чрезвычайно потрясли. Сразу же въ радостное ликованіе врывались мрачныя, скорбныя ноты, не предвѣщавшія ничего хорошаго. Я долженъ тутъ же отмѣтить, что сразу же было высказано убѣжденіе, приписывающее эти убійства нѣмецкой агитаціи.

Въ какой мѣрѣ германская рука активно участвовала въ нашей революціи, — это вопросъ, который никогда, надо думать, не получитъ полнаго, исчерпывающаго отвѣта. По этому поводу я припоминаю одинъ очень рѣзкій эпизодъ, происшедшій недѣли черезъ двѣ, въ одномъ изъ закрытыхъ,

засѣданій Вр. Правительства. Говорилъ Милюковъ, и не помню, по какому поводу, замѣтилъ, что ни для кого не тайна, что германскія деньги сыграли свою роль въ числѣ факторовъ, содѣйствовавшихъ перевороту. Оговариваюсь, что я не помню точныхъ его словъ, но мысль была именно такова и выражена она была достаточно категорично. Засѣданіе происходило поздно ночью, въ Маріинскомъ дворцѣ. Милюковъ сидѣлъ за столомъ. Керенскій, по своему обыкновенію, нетерпѣливо и раздраженно ходилъ изъ одного конца залы въ другой. Въ ту минуту, какъ Милюковъ произнесъ приведенныя мною слова, Керенскій находился въ далекомъ углу комнаты. Онъ вдругъ остановился и оттуда закричалъ: «Какъ? Что Вы сказали? Повторите?» и быстрыми шагами приблизился къ своему мѣсту у стола. Милюковъ спокойно и, такъ сказать, увѣсисто повторилъ свою фразу. Керенскій словно осатанѣлъ. Онъ схватилъ свой портфель и, хлопнувъ имъ по столу, завопилъ: «Послѣ того, какъ г. Милюковъ осмѣлился въ моемъ присутствіи оклеветать святое дѣло великой русской революціи, я ни одной минуты здѣсь больше не желаю оставаться». Съ этими словами онъ повернулся и стрѣлой вылетѣлъ изъ залы. За нимъ побѣжалъ Терещенко и еще кто-то изъ министровъ, но, вернувшись, они сообщили, что его не удалось удержать и что онъ уѣхалъ домой (въ министерство юстиціи, гдѣ онъ тогда жилъ). Я помню, что Милюковъ сохранилъ полное хладнокровіе и на мои слова ему: «Какая безобразная и нелѣпая выходка!» отвѣчалъ: «да, это обычный стиль Керенскаго. Онъ и въ Думѣ часто продѣлывалъ такія штуки, вылавливая у политическаго противника какую-нибудь фразу, которую онъ потомъ перенначевалъ и пользовался ею, какъ оружіемъ». По существу, никто изъ оставшихся министровъ не высказалъ ни одного слова по поводу фразы, вызвавшей негодованіе Керенскаго, но всѣ находили, что его слѣдуетъ сейчасъ же успокоить и уговорить, — объяснивъ ему, что въ словахъ Милюкова не было общей оцѣнки революціи. Кто-то (кажется, Терещенко) сказалъ, что къ Керенскому слѣдовало бы поѣхать князю Львову. Другіе съ этимъ согласились (Милюковъ держался пассивно, — конечно, весь этотъ инцидентъ былъ ему глубоко противенъ). Кн. Львовъ охотно согласился поѣхать «объясниться» съ Керенскимъ. Конечно, все кончилось пуфомъ, но тяжелое впечатлѣніе осталось. Впрочемъ, было ли хотя одно закрытое засѣданіе, которое бы не оставило такого впечатлѣнія? Но объ этомъ — позже...

Въ этотъ же вечеръ въ Таврическомъ дворцѣ (3 Марта) Милюковъ сказалъ мнѣ, что на меня разсчитываютъ для одного изъ открывающихся крупныхъ постовъ, и спросилъ, согласился ли бы я принять должность финляндскаго генералъ-губернатора. Я сразу же и очень рѣшительно отказался. Помимо всякихъ соображеній личнаго характера, прежде всего, необходимости уѣхать изъ Петербурга, мое отрицательное отношеніе вызывалось сознаніемъ моей полной неподготовительности къ завѣдываніе финляндскими дѣлами. Я никогда ими спеціально не интересовался, у меня въ Финляндіи не было ни связей, ни даже близкихъ знакомствъ, я плохо ориентировался въ тамошнихъ политическихъ настроеніяхъ и партійныхъ теченіяхъ.

Отказавшись отъ какого-либо административнаго поста, я самъ предложилъ свои услуги въ качествѣ «Управляющаго дѣлами Временнаго Правительства», — должность, соотвѣтствующая прежнему управляющему дѣлами Совѣта Министровъ. Я считалъ, что постъ этотъ, съ внѣшней

стороны какъ бы второстепенный, въ условіяхъ новаго временнаго государственнаго строя, въ функціонированіи котораго оставалось такъ много еще неяснаго и неопредѣленнаго, — пріобрѣталъ особое значеніе. Здѣсь, въ сущности говоря, предстояло создать твердыя внѣшнія рамки правительственной дѣятельности, дать ей правильную, однообразную форму, разрѣшить цѣлый рядъ вопросовъ, которые никого изъ министровъ въ отдѣльности не интересовали. Но помимо того, — не отдавая себѣ еще въ то время отчета въ той атмосферѣ, въ которую я попаду, — связанный тѣсными партійными отношеніями съ рядомъ министровъ, я ожидалъ, что въ засѣданіяхъ Временнаго Правительства мнѣ будетъ предоставленъ совѣщательный голосъ. Впослѣдствіи я вернусь къ вопросу о томъ положеніи, которое для меня создалось и которое привело меня, при первомъ же кризисѣ, связанномъ съ уходомъ Милюкова и Гучкова, рѣшительно заявить о своемъ желаніи покинуть постъ управляющаго дѣлами.

Милюковъ не могъ не согласиться съ тѣми доводами, которые я ему привелъ. Мы съ нимъ еще побесѣдовали на тему о возможныхъ кандидатахъ на постъ Финляндскаго генералъ-губернатора. О моемъ старомъ пріятелѣ М. А. Стаховичѣ въ то время еще рѣчь не заходила, и я не знаю, кто предложилъ эту кандидатуру, оказавшуюся, если не во всѣхъ, то во многихъ отношеніяхъ вполнѣ удачной. Не помню, въ тотъ же-ли вечеръ, или на другое утро вопросъ о моемъ назначеніи Управляющимъ дѣлами былъ рѣшенъ положительно. Во всякомъ случаѣ, уже въ субботу, 4 Марта, я присутствовалъ въ вечернемъ засѣданіи Вр. Правительства, происходившемъ въ большомъ залѣ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, въ зданіи министерства на площади Александровскаго театра.

Въ первые дни существованія Вр. Правительства (четвергъ 2-го и пятницу 3 Марта) не могло быть, конечно, рѣчи ни о какомъ организованномъ дѣлопроизводствѣ. Но какое-то подобіе канцеляріи пришлось импровизировать немедленно, при чемъ дѣло это было поручено Я. Н. Глинкѣ, завѣдывавшему дѣлопроизводствомъ Госуд. Думы. Онъ воспользовался силами канцеляріи Думы. Долженъ, однако, указать, что запись перваго — чрезвычайно важнаго — засѣданія Вр. Правительства, въ которомъ оно установило основныя начала своей власти и своей политики, была сдѣлана совершенно неудовлетворительно и даже невразумительно. Когда я ознакомился съ этой записью, то пришелъ въ нѣкоторое недоумѣніе и сказалъ объ этомъ Милюкову. Прочитавъ запись, онъ квалифицировалъ ее гораздо рѣзче меня. Тогда же было условлено, что онъ возьметъ эту запись и возстановитъ по памяти ходъ и рѣшенія перваго засѣданія, послѣ чего Вр. Правительство, провѣривъ въ полномъ составѣ журналъ, подпишетъ его. Запись П. Н. дѣйствительно взялъ, но за два мѣсяца своего пребыванія на посту министра Иностранныхъ дѣлъ не имѣлъ, повидимому, необходимаго досуга, чтобы выполнить эту работу. Сколько разъ я ему о ней ни напоминалъ, онъ всегда смущенно улыбался и обѣщалъ, въ ближайшіе дни заняться ею, — да такъ и не исполнилъ своего обѣщанія. Такъ и осталась запись неиспользованной, — кажется, онъ и не вернулъ ея. Этимъ объясняется, что журналы (печатные) засѣданій Вр. Правительства начинаются съ № 2.

Скажу здѣсь вкратцѣ о томъ, какъ мною была организована канцелярія

Вр. Правительства. Прежде всего надо было разрѣшить вопросъ о моемъ помощникѣ, — о лицѣ, на долю котораго должна была выпасть значительнѣйшая доля черной канцелярской работы. Очевидно, такимъ лицомъ могъ быть только человѣкъ, которому бы я всецѣло и до конца могъ довѣрять, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не долженъ былъ быть чуждъ той канцеляріи Совѣта Министровъ, которой предстояло превратиться въ канцелярію Врем. Правительства. Само собою разумѣется, что первому изъ этихъ требованій не удовлетворялъ тогдашній помощникъ (или товарищъ) управляющаго дѣлами Совѣта Министровъ (И. Н. Лодыженскаго) — А. С. Путиловъ, котораго я лично совсѣмъ не зналъ и который, при томъ, даже не пользовался симпатіями своихъ сослуживцевъ. Мой выборъ остановился на А. М. Опу. Я его зналъ съ 1894 года, служилъ пять лѣтъ вмѣстѣ съ нимъ (съ 1894 до 1899 года, когда я вышелъ въ отставку) въ Государственной канцеляріи, абсолютно довѣрялъ его лояльности и его готовности отдать свои силы работѣ. Съ другой стороны, я считалъ, что онъ имѣетъ солидный дѣловой опытъ, занимая должность помощника статсъ-секретаря Госуд. Совѣта, и что онъ для канцеляріи не будетъ homo novus. Въ самой канцеляріи (гдѣ я нашелъ нѣкоторыхъ изъ бывшихъ моихъ слушателей въ Училищѣ Правовѣдѣнія — гг. Кирпбаума, Фрейганга) я не предполагалъ встрѣтить особеннаго предубѣжденія противъ себя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, я не могъ ожидать, что въ тѣ два мѣсяца, въ теченіе которыхъ я работалъ съ канцеляріей, у меня установятся съ нею такія исключительно сердечныя отношенія. Долженъ здѣсь засвидѣтельствовать, что въ огромномъ большинствѣ своемъ служащіе канцеляріи оказались вполнѣ на высотѣ своей задачи, требовавшей отъ нихъ совершенно исключительной трудоспособности, добросовѣстности и «дискретности». У меня остались самыя лучшія воспоминанія о нашей общей работѣ и о нашемъ прощаніи, когда я получилъ отъ нихъ адресъ, очень тепло составленный. Что касается А. М. Опу, то я не разочаровался ни въ его преданности и готовности работать, ни въ прекрасныхъ качествахъ его ума и сердца. Долженъ прибавить, что наши личныя отношенія были все время и остались наилучшими, и что кромѣ горячей признательности и искренняго уваженія я къ нему никакихъ чувствъ питать не могу. О своихъ намѣреніяхъ по его адресу я его оповѣстилъ по телефону еще въ субботу, получилъ отъ него согласіе. Предстояло еще оформить мое собственное положеніе. Очевидно, назначеніе меня управляющимъ дѣлами Вр. Правительства было несовмѣстимо съ дальнѣйшимъ пребываніемъ прапорщикомъ. Уже въ субботу, 4-го, вечеромъ А. И. Гучковъ подписалъ приказъ, коимъ я увольнялся, по этому случаю, въ отставку. Въ понедѣльникъ, 6-го, я въ Маріинскомъ дворцѣ принялъ канцелярію. Представлялъ ее мнѣ А С. Путиловъ, утромъ посѣтившій меня. Онъ привѣтствовалъ меня рѣчью, я отвѣтилъ тоже короткой рѣчью. Потомъ пришелъ И. Н. Лодыженскій и мы съ нимъ довольно долго бесѣдовали въ бывшемъ его служебномъ кабинетѣ. Все обошлось вполнѣ корректно, доброжелательно, по хорошему. Но въ примѣненіи къ Лодыженскому и къ Путилову я впервые столкнулся съ тѣмъ вопросомъ о матеріальномъ обезпеченіи ушедшихъ въ отставку чиновниковъ, достигшихъ болѣе или менѣе высокихъ степеней, который впослѣдствіи долженъ былъ причинить Вр. Правительству столько затрудненій. Такъ какъ я не намѣренъ, да и не могъ бы, держаться въ этихъ запискахъ хронологическаго

порядка, то я и коснусь сейчасъ этого вопроса, благо онъ подвернулся подъ перо.

Какъ извѣстно, въ первые дни и даже въ первыя недѣли революціи, и въ прессѣ, и въ разныхъ публичныхъ рѣчахъ любили развивать — наряду съ темой о «безкровномъ» характерѣ революціи, — пролившей съ тѣхъ поръ, въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи и развитіи, такія рѣки крови, — еще и тему о волшебной ея быстротѣ, о той легкости, съ какой былъ признанъ новый строй всѣми тѣми силами, которыя, казалось, были надежнѣйшей и вѣрнѣйшей опорой стараго порядка. Въ числѣ этихъ была и бюрократія — всероссійская и въ частности петербургская. Я припоминаю, что еще въ 1905 году, на первомъ, послѣ 17 Октября, съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей (въ Москвѣ, въ домѣ Морозовой на Воздвиженкѣ) былъ поставленъ вопросъ о коренномъ обновленіи всей мѣстной администраціи, главнымъ образомъ, конечно, губернаторовъ), при чемъ выставлялось соображеніе, что отъ слугъ абсолютизма нельзя ожидать ни готовности, ни умѣнья служить новому строю, — что они будутъ ему недоброжелательствовать и проявлять къ нему то отношеніе, которое на современномъ революціонномъ жаргонѣ получило названіе «саботажа». Я тогда выступалъ противъ этого предположенія. Я указывалъ, что едва ли въ нашемъ распоряженіи имѣется достаточное количество подготовленныхъ идейныхъ работниковъ, способныхъ немедленно впречься въ сложную государственную машину, — съ другой же стороны, шутливо напоминая извѣстное изреченіе Кукольника «прикажетъ государь, могу быть акушеромъ», я доказывалъ, что отъ мѣстныхъ администраторовъ (въ ихъ большинствѣ, конечно) не приходится ожидать той стойкости убѣжденій и глубины приверженности старымъ началамъ, того упорства, которыя устояли бы противъ властнаго mot d'ordre'a, даннаго сверху (предполагая, разумѣется, искренность и «подлинность» этого mot d'ordre). Мнѣ возражалъ тогда И. И. Петрункевичъ. Къ сожалѣнію, я не присутствовалъ при этомъ возраженіи, въ которомъ Ив. Ил., очень удачно и остроумно воспользовавшись моей цитатой, при общемъ смѣхѣ заявилъ, что онъ не хотѣлъ бы быть той роженицей, которую обслуживалъ бы такой «по Высочайшему повелѣнію акушёръ», и что въ данномъ случаѣ участь этой роженицы была бы участью Россіи. При всемъ остроуміи этого возраженія, оно меня не убѣдило. Ибо главнымъ основаніемъ непріемлемости старыхъ администраторовъ выставлялась не ихъ техническая неподготовленность (много ли у насъ вообще технически подготовленныхъ людей?), а ихъ внутреннее отношеніе, ихъ настроеніе, — и только въ этомъ отношеніи и имѣла смыслъ моя цитата. Я хотѣлъ сказать — и думаю теперь, — что огромное большинство бюрократіи нисколько не заражено стремленіемъ быть plus royaliste que le roi, — оно охотно бы признало fait accompli, подчинилось бы новому порядку и никакимъ «саботажемъ» не стало бы заниматься. Конечно, и въ центрахъ, и на мѣстахъ, какъ тогда, въ 1905 году, такъ и теперь, въ 1917-мъ, были отдѣльные люди, которыхъ ихъ прежняя дѣятельность и совершенно опредѣленная, яркая политическая физіономія дѣлала и принципіально, и практически непріемлемыми для новаго строя. Эти единицы и подлежали бы изъятію.

Вр. Правительство поступило, какъ извѣстно, иначе. Однимъ изъ первыхъ — и однимъ изъ самыхъ неудачныхъ — его актовъ была знаменитая

телеграмма князя Львова отъ 5 Марта, отправленная циркулярно всѣмъ предсѣдателямъ губернскихъ земскихъ управъ: «придавая самое серьёзное значеніе въ цѣляхъ устроенія порядка внутри страны и для успѣха обороны государства обезпеченію безостановочной дѣятельности всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, Вр. Правительство признало необходимымъ устранить губернатора и вице-губернатора отъ исполненія обязанностей», при чемъ управленіе губерніей временно возлагалось на предсѣдателя губернской управы въ качествѣ губернскаго комиссара Вр. Правительства. Не говоря о томъ, что въ цѣломъ рядѣ губерній, гдѣ предсѣдателемъ управы являлось лицо, назначенное старымъ правительствомъ, это распоряженіе сводилось къ лишенной всякаго смысла и основанія замѣнѣ однихъ чиновниковъ — другими, далеко не лучшими, даже и въ коренныхъ земскихъ губерніяхъ оно привело — во многихъ случаяхъ — къ явной чепухѣ. Предсѣдатель управы былъ нерѣдко ставленникомъ реакціоннаго большинства, а губернаторъ — лицомъ вполнѣ пріемлемымъ и не обладавшимъ никакой реакціонной окраской. Вр. Правительство очень скоро — почти тотчасъ же — убѣдилось въ томъ, что разсматриваемая мѣра была крайне необдуманной и легкомысленной импровизаціей. Но что было ему дѣлать? И въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, оно должно было считаться не съ существомъ, не съ дѣйствительными реальными интересами, а съ требованіями революціонной фразы, революціонной демагогіей и предполагаемыми настроеніями массъ. Такъ, всему этому была принесена въ жертву вся полиція, личный составъ которой (а также и жандармеріи) нѣсколько мѣсяцевъ спустя естественнымъ образомъ влился въ ряды наиболѣе разбойныхъ большевиковъ («рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ — гдѣ лучше»).

Результатомъ такой политики явилось массовое увольненіе — и выходъ въ отставку — добровольный или вынужденный — цѣлаго ряда высшихъ чиновниковъ, военныхъ и гражданскихъ. Къ этому же приводила ликвидація ряда учрежденій и, наконецъ, естественное прекращеніе работы (напр., въ Государственномъ Совѣтѣ). И вотъ ставился вопросъ: какъ быть съ этой многочисленной арміей людей, очутившихся, по ихъ собственнымъ заявленіямъ, въ положеніи «раковъ на мели»? Ничтожное меньшинство этихъ людей не заслуживало вниманія и не возбуждало симпатій, — среди нихъ были, конечно, и люди вполнѣ обезпеченные въ матеріальномъ отношеніи. Но подавляющее большинство представляли люди, многіе годы добросовѣстно тянувшіе бюрократическую лямку, дожившіе иногда до преклонныхъ лѣтъ, обремененные многочисленными семьями, — люди, всю жизнь бывшіе совершенно чуждыми политикѣ, но честно и усердно трудившіеся. А среди членовъ Госуд. Совѣта были такіе люди, какъ Н. С. Таганцевъ, А. Ѳ. Кони и другіе, менѣе извѣстные люди, но вполнѣ почтенные и безупречные.

Теперешніе хозяева положенія (часъ которыхъ, впрочемъ, уже пробилъ*, гг. большевики, конечно, не задавались, никогда подобными вопросами и самая ихъ возможность встрѣтила бы со стороны Ленинныхъ и Троцкихъ откровенное глумленіе. Для нихъ совершенно безразлична судьба отдѣльныхъ людей. «Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ» — вотъ удобный

* Такъ можно было думать въ Апрѣлѣ 1918 года . . .

отвѣтъ на все. Да имъ и не приходится и не приходилось сталкиваться съ описанными затрудненіями, потому что никто, конечно, не могъ быть столь наивнымъ, чтобы обращаться къ нимъ, ожидая отъ нихъ справедливаго и человѣческаго отношенія. Съ совершенно спокойной совѣстью они выбросили на улицу весь сенатъ и всю магистратуру, и трагически безвыходное положеніе людей, работавшихъ всю жизнь и на старости лѣтъ оказавшихся въ буквальномъ смыслѣ слова безъ куска хлѣба, ихъ нисколько не смущаетъ.

Вр. Правительство было въ иномъ положеніи. Не обладая якобинской неустрашимостью, въ ея частомъ сочетаніи съ якобинской же безсовѣстностью, оно оказывалось въ крайнемъ затрудненіи при разрѣшеніи и общаго вопроса о судьбѣ членовъ ликвидируемыхъ учрежденій, и частныхъ вопросовъ о судьбѣ отдѣльныхъ лицъ. Возьму, какъ одну изъ наиболѣе яркихъ иллюстрацій, вопросъ о членахъ Государственнаго Совѣта по назначенію. Среди нихъ были люди, не имѣвшіе никакихъ заслугъ передъ страной, назначенные по соображеніямъ черносотенной политики, для образованія реакціоннаго большинства, — но были, какъ я уже упомянулъ, государственные люди, такіе, какъ Кони или Таганцевъ, а также рядъ лицъ, для которыхъ Госуд. Совѣтъ былъ вѣнцомъ долгой и безупречной службы въ рядахъ администраціи или магистратуры. По закону, члены Госуд. Совѣта по назначенію получали содержаніе, каждый разъ опредѣляемое персонально Верховной Властью. Равнымъ образомъ и пенсіи членамъ Госуд. Совѣта не опредѣлены общимъ образомъ въ законѣ. Въ ближайшее же время послѣ переворота, въ первыя же недѣли, когда выяснилось съ полной несомнѣнностью, что Госуд. Совѣтъ, какъ учрежденіе, обреченъ на совершенную праздность до Учредительнаго Собранія, причемъ Учредит. Собраніе его, конечно, не сохранитъ (ни вообще, ни, тѣмъ болѣе, въ теперешнемъ его видѣ), наиболѣе добросовѣстные и тактичные члены Госуд. Совѣта почувствовали неловкость своего положенія и нравственную невозможность получать крупное содержаніе, не дѣлая ничего, и возбудили вопросъ объ умѣстности подачи въ отставку. При этомъ они считались (какъ мнѣ точно извѣстно изъ личныхъ переговоровъ съ нѣкоторыми изъ нихъ) съ соображеніями двоякаго рода.

Вр. Правительство не упразднило съ самаго начала Госуд. Совѣта, какъ учрежденія. Потому, членамъ по назначенію, не считавшимъ возможнымъ продолжать пользоваться преимуществами своего положенія, приходилось бы подавать прошенія объ отставкѣ, т.-е. брать иниціативу на себя. Еслибы одни подали прошенія, а другіе нѣтъ, получилась бы, очевидно, нелѣпость: на мѣстахъ остались бы лица, прежде всего и болѣе всего дорожившія своими окладами и положеніемъ, а уволены бы были наилучшіе. Кромѣ того, мнѣ приходилось слышать опасенія (искренности которыхъ я не имѣлъ никакого основанія не вѣрить, принимая во вниманіе, отъ кого они исходили), что подача такихъ прошеній рядомъ лицъ одновременно или непосредственно одними вслѣдъ за другими могло бы произвести впечатлѣніе какой-то демонстраціи противъ Вр. Правительства, производимой наиболѣе авторитетными людьми, — а это, конечно, меньше всего входило въ ихъ намѣренія. Наконецъ, last not least, возникалъ вопросъ о личной матеріальной судьбѣ, тревожившій всѣхъ тѣхъ, кто существовалъ только жалованіемъ, и кто не могъ разсчитывать ни на полученіе другого мѣста, ни на

частный заработокъ. Такихъ, конечно, было немало. И всѣ они спрашивали, — будетъ ли имъ назначена пенсія, и въ какомъ размѣрѣ. — Въ самомъ началѣ Вр. Правительство въ двухъ случаяхъ назначило пенсіи въ размѣрѣ 7—10 тысячъ (кажется, дѣло шло о В. Н. Коковцовѣ и объ А. С. Танѣевѣ, но, можетъ быть, здѣсь я ошибаюсь). И тотчасъ же митинговыя рѣчи передъ домомъ Кшесинской (съ первыхъ же дней ставшимъ штабъ-квартирой большевизма) подхватили этотъ фактъ. «Вр. Правительство даетъ многотысячныя пенсіи, расточая народныя деньги на слугъ стараго царскаго режима.» Соціалистическія газеты вторили этимъ обвиненіямъ. Мнѣ особенно памятны подленькія статейки г. Гойхбарта (къ сожалѣнію, одного изъ сотрудниковъ «Права») въ «Новой Жизни». Весь этотъ шумъ произвелъ на Вр. Правительство большое впечатлѣніе. И когда, наконецъ, пришлось поставить во всемъ объёмѣ вопросъ о членахъ Гос. Совѣта (такъ какъ въ связи съ этимъ печать и митинги завопили по поводу того, что члены Гос. Совѣта продолжаютъ получать содержаніе), Правительство потратило цѣлыхъ два засѣданія на обсужденіе его — и не могло придти ни къ какому опредѣленному рѣшенію. Нѣкоторые изъ членовъ Госуд. Совѣта, соотвѣтственно ихъ собственному желанію были назначены въ Сенатъ (и получили, стало быть, сенаторскіе оклады). Судьба другихъ такъ и осталась — при мнѣ — неразрѣшенной. Были ли впослѣдствіи приняты какія-нибудь общія мѣры, я не знаю. Припоминаю, въ связи съ этимъ, эпизодъ, произведшій на меня крайне грустное впечатлѣніе. Н. С. Таганцевъ, съ которымъ меня связывали двадцатилѣтнія дружескія отношенія, какъ-то попросилъ меня (по телефону), побывать у него. Оказалось, что онъ хотѣлъ лично мнѣ передать собственноручно имъ написанное прошеніе объ отставкѣ и о назначеніи ему пенсіи (впослѣдствіи онъ былъ назначенъ въ 1-ый департаментъ Сената и былъ предсѣдателемъ того отдѣленія, въ которое я зачислился; объ этомъ — позже). Передавая мнѣ бумагу, онъ не могъ сдержать своего волненія и всхлипнулъ. «Да, голубчикъ, очень тяжело!» — сказалъ онъ, — «вѣдь я всю жизнь ждалъ осуществленія новаго строя. Все, чего я достигъ — я, сынъ крестьянина, записавшагося въ купцы 3-ей гильдіи, чтобы дать мнѣ образованіе, — всего этого я достигъ только своимъ трудомъ, я никому ничѣмъ не обязанъ. И вотъ теперь — я оказываюсь никому ненужнымъ и возвращаюсь въ первобытное состояніе».

Сюда же относится и другой эпизодъ. Героемъ его былъ малопочтенный человѣкъ, — Липскій, товарищъ и въ свое время правая рука финляндскаго генералъ-губернатора, имѣвшій репутацію одного изъ наиболѣе вопіствующихъ бобриковцевъ. Революція его совершенно выбросила за-бортъ, онъ, помнится, даже былъ вначалѣ арестованъ и вывезенъ изъ предѣловъ Финляндіи. Политическая его физіономія была такова, что о назначеніи ему какого-нибудь оклада нельзя было и мыслить. Меня онъ зналъ потому, что въ концѣ 90-хъ годовъ онъ служилъ въ Госуд. Канцеляріи. И вотъ — начались его посѣщенія. Онъ разсказалъ мнѣ, что положеніе его совершенно безвыходное. Женѣ его предстояла какая-то тяжелая операція, ее приходилось помѣстить въ санаторію, — у него въ Петербургѣ не было пристанища, «мы ютимся у знакомыхъ», поиски частной службы оказались тщетными. Онъ умолялъ меня помочь, посподѣйствовать тому, чтобы ему назначили сенаторское жалованье (онъ былъ сенаторомъ).

Что я могъ ему сказать? Я понималъ, что его дѣло безнадежно, — по человѣчеству я видѣлъ, что человѣкъ просто гибнетъ. Къ несовершенствамъ моимъ, какъ политическаго дѣятеля, я долженъ причислить то мое свойство, которое въ подобныхъ случаяхъ мѣшаетъ мнѣ сказать «туда ему и дорога»... Въ революціонную эпоху политическому дѣятелю приходится быть жестокимъ и безжалостнымъ. Тяжело тѣмъ, кто къ этому органически неспособенъ!

Возвращаюсь къ моему разсказу.

Въ субботу, 4 Марта, Н. В. Некрасовъ просилъ меня и Н. И. Лазаревскаго прибыть къ нему въ министерство путей сообщенія для выполненія порученія, даннаго Вр. Правительствомъ. Порученіе состояло въ томъ, чтобы написать первое воззваніе Вр. Правительства ко всей странѣ, излагающее смыслъ происшедшихъ историческихъ событій и profession de foi Вр. Правительства, а также политическую программу, болѣе опредѣленную и полную, чѣмъ та, которая заключалась въ первой декларацiи, сопровождавшей самое образованіе Вр. Правительства. Часа въ два мы встрѣтились съ Н. И. и вмѣстѣ отправились въ министерство. Тамъ кипѣла лихорадочная дѣятельность, бѣгали служащіе, сидѣло, стояло, ходило множество народа. Не безъ труда розыскали мы Некрасова, предсѣдательствовавшаго въ какомъ-то совѣщаніи. Пришлось немного подождать, совѣщаніе при насъ закончилось, и Некрасовъ повелъ насъ внутреннимъ ходомъ изъ зданія министерства въ квартиру министра. Тамъ, въ кабинетѣ министра, мы нашли члена Гос. Думы, А. А. Добровольскаго, тоже принявшаго, по собственной охотѣ (и, конечно, съ общаго согласія), участіе въ нашей работѣ. Некрасовъ объяснилъ намъ программу воззванія и его задачи и оставилъ насъ. Тотчасъ мы принялись за работу, она продолжалась часовъ до шести-семи вечера. Шла она очень скоро, и результатомъ ея явился проектъ, сохранившійся въ моихъ бумагахъ, но не увидѣвшій свѣта. Этотъ проектъ былъ на другой день доложенъ Н. В. Некрасовымъ Вр. Правительству, но, какъ я потомъ узналъ, встрѣтилъ нѣкоторыя частичныя возраженія. А. А. Мануиловъ внесъ предложеніе — передать его Ѳ. Ѳ. Кокошкину (утромъ пріѣхавшему изъ Москвы) для передѣлки. Это было принято. Какимъ-то образомъ очутился при этомъ М. М. Винаверъ, въ качествѣ сотрудника Кокошкина, при чемъ этотъ послѣдній предоставилъ ему написать текстъ воззванія заново и — какъ мнѣ впослѣдствіи говорилъ самъ Кокошкинъ — текстъ этотъ, цѣликомъ написанный Винаверомъ, былъ имъ, Кокошкинымъ, внесенъ Вр. Правительству, которое его санкціонировало безъ измѣненія. Въ концѣ того же мѣсяца, на страницахъ «Рѣчи», Винаверъ обратился также съ чѣмъ-то вродѣ манифеста «къ еврейскому народу», причемъ этотъ документъ начинался тѣми же словами: «Свершилось великое».

Вечеромъ того же дня происходило первое при моемъ участіи — вѣрнѣе, въ моемъ присутствіи — засѣданіе Вр. Правительства, въ зданіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ залѣ совѣта. Тамъ же происходило второе и третье засѣданіе, 5-го и 6-го Марта. Съ 7-го Марта засѣданія были перенесены въ Маріинскій дворецъ и происходили тамъ во все время, пока я былъ управляющимъ дѣлами, а также и впослѣдствіи, до премьерства Керенскаго, перешедшаго (въ серединѣ Іюля) въ Зимній дворецъ и перенесшаго засѣданія въ Малахитовый залъ.

Эти первыя засѣданія имѣли — вполнѣ понятно! — характеръ хаотическій. Много времени отнимали всякія мелочи. Помню, что чуть ли не въ первомъ засѣданіи, въ субботу, Керенскій объявилъ, что онъ въ товарищи себѣ беретъ П. Н. Шиптикова, и помню, что этотъ незначительный фактъ произвелъ тогда на меня большое и крайне отрицательное впечатлѣніе. Здѣсь для меня впервые проявилась одна изъ основныхъ чертъ этого рокового человѣка. Эта черта — абсолютная неспособность разбираться въ людяхъ и правильно ихъ оцѣнивать. Шиптиковъ — личность, достаточно хорошо извѣстная. Человѣкъ добрый и вполнѣ порядочный, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ съ узко-предвзятымъ отношеніемъ къ каждому вопросу. Ни въ адвокатурѣ, ни въ городской думѣ, ни въ какой-либо другой сферѣ онъ — какъ хорошо извѣстно — никогда не пользовался ни малѣйшимъ авторитетомъ. И его Керенскій хотѣлъ поставить рядомъ съ собою, во главѣ всего судебнаго вѣдомства! Само собою разумѣется, онъ бы этимъ достигъ только одного: полнаго дискредитированія своего собственнаго и своего товарища. Помню, что стоило нѣкотораго труда отговорить Керенскаго. Но нужно замѣтить, что, наряду съ внезапностью и стремительностью, его рѣшенія отличались всегда большой неустойчивостью и перемѣнчивостью. Это впослѣдствіи проявилось въ цѣломъ рядѣ случаевъ, о которыхъ я скажу въ свое время.

Въ самые первые дни вопросъ о судьбѣ отрекшагося императора оставался совершенно неопредѣленнымъ. Какъ извѣстно, немедленно послѣ своего отреченія Николай II уѣхалъ въ ставку. Вр. Правительство сначала отнеслось къ этому обстоятельству какъ-то индифферентно. Ни въ субботу, ни въ воскресенье, ни въ понедѣльникъ не заходила рѣчь въ засѣданіяхъ, гдѣ я присутствовалъ, о необходимости, принять какія-либо мѣры. Возможно, конечно, что вопросъ этотъ уже тогда обсуждался въ частныхъ совѣщаніяхъ. Во всякомъ случаѣ, для меня было большою неожиданностью, когда во вторникъ, 7 Марта, я былъ приглашенъ въ служебный кабинетъ кн. Львова, въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ я нашелъ кромѣ членовъ Вр. Правительства еще и членовъ Госуд. Думы Вершинина, Грибунина и — кажется — Калинина, при чемъ выяснилось, что Вр. Правительство рѣшило лишить Николая II свободы и перевезти его въ Царское Село. Императрицу Александру Федоровну также рѣшено было признать лишенной свободы. Мнѣ было поручено редактировать соотвѣтствующую телеграмму на имя ген. Алексѣева, который въ то время былъ начальникомъ штаба верховнаго Главнокомандующаго. Это было первымъ, мною скрѣпленнымъ, постановленіемъ Вр. Правительства, опубликованнымъ съ моей скрѣпой . . .

Не подлежитъ сомнѣнію, что при данныхъ обстоятельствахъ вопросъ о томъ, что дѣлать съ Николаемъ II, представлялъ очень большія трудности. При болѣе нормальныхъ условіяхъ не было бы, вѣроятно, препятствій къ выѣзду его изъ Россіи въ Англію, и наши союзническія отношенія были бы порукой, что не будутъ допущены никакія конспиративныя попытки къ возстановленію Николая II на престолѣ. Можетъ быть, еслибы правительство немедленно, 3-го или 4-го Марта, проявило больше находчивости и распорядительности, удалось бы получить отъ Англіи согласіе на пріѣздъ туда Николая, и онъ былъ бы тотчасъ вывезенъ. Не знаю, были ли предприняты тогда какіе-нибудь шаги въ этомъ направленіи. Думается,

что нѣтъ. Отъѣздъ въ ставку осложнилъ положеніе, вызвавъ большое раздраженіе Исполнительнаго Комитета совѣта раб. и солд. депутатовъ и соотвѣтствующую агитацію, результатомъ которой и явился демонстративный актъ Вр. Правительства. Вѣдь, въ сущности говоря, не было никакихъ основаній — ни формальныхъ, ни по существу — объявлять Николая II лишеннымъ свободы. Отреченіе его не было — формально — вынужденнымъ. Подвергать его отвѣтственности за тѣ или иные поступки его, въ качествѣ императора, было бы безсмысленей и противорѣчило бы аксіомамъ государственнаго права. При такихъ условіяхъ, правительство имѣло, конечно, право принять мѣры къ обезвреженію Николая II, оно могло войти съ нимъ въ соглашеніе объ установленіи для него опредѣленнаго мѣстожительства и установить охрану его личности. Вѣроятно, отъѣздъ въ Англію и для самого Николая былъ бы всего желательнѣе. Между тѣмъ, актомъ о лишеніи свободы завязанъ былъ узелъ, который и по настоящее время* остался не распутаннымъ. Но этого мало. Я лично убѣжденъ, что это «битьё лежачаго», — арестъ бывшаго императора, — сыграло свою роль и имѣло болѣе глубокое вліяніе въ смыслѣ разжиганія бунтарскихъ страстей. Онъ придавалъ «отреченію» характеръ «низложенія», такъ какъ никакихъ мотивовъ къ этому аресту не было указано. Затѣмъ, пребываніе Николая II въ Царскомъ селѣ, въ двухъ шагахъ отъ столицы, отъ бушующаго Кронштадта, все время волновало и безпокоило Вр. Правительство, — не въ смыслѣ возможности какихъ-нибудь попытокъ реставраціоннаго характера, а наоборотъ — опасеніемъ самосуда, кровавой расправы. Были моменты, когда, подъ вліяніемъ все усиливающейся бунтарской проповѣди, эти опасенія становились особенно грозными.

Какъ бы то ни было, послѣ прибытія Николая II въ Царское Село, всякій дальнѣйшій путь оказался фактически отрѣзаннымъ, — увезти бывшаго императора за-границу въ ближайшіе же дни стало совершенно невозможнымъ. Значительно позже, уже въ премьерство Керенскаго, рѣшено было увезти всю царскую семью въ Тобольскъ, при чемъ эта мѣра была обставлена очень конспиративно, — настолько, что, кажется, о ней даже не всѣ члены Вр. Правительства были освѣдомлены.

Вечеромъ 7 Марта впервые Вр. Правительство засѣдало, какъ мною уже было упомянуто, въ Маріинскомъ дворцѣ. Въ первые недѣли засѣданія назначались два раза въ день — въ четыре часа и въ девять часовъ. Фактически дневное засѣданіе начиналось (какъ и вечернее) съ огромнымъ запозданіемъ и продолжалось до восьмого часа. Вечернее засѣданіе заканчивалось всегда глубокой ночью. Обычно, во второй своей части оно бывало закрытымъ, т.-е. удалялась канцелярія, — я оставался одинъ.

Здѣсь умѣстно сказать о внѣшнемъ ходѣ тѣхъ засѣданій Вр. Правительства, коихъ я былъ свидѣтелемъ въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ революціи.

Какъ я сейчасъ сказалъ, засѣданія неизмѣнно начинались съ очень большимъ запаздываніемъ. Я дожидался начала въ своемъ служебномъ кабинетѣ, занятый какой-нибудь работой или пріемомъ ежедневныхъ многочисленныхъ посѣтителей. Мнѣ приходили сказать, когда набиралось достаточное количество министровъ для открытія засѣданія. Аккуратнѣе другихъ

* Май-Іюнь 1918 г. Позднѣйшее примѣчаніе (16/29 Іюля 1918 г.): 16 Іюня въ Екатеринбургѣ этотъ узелъ разрубленъ «товарищемъ» Бѣлобородовымъ.

былъ кн. Львовъ, также И. В. Годневъ (государственный контролеръ) и А. А. Мануиловъ. Иногда засѣданія начинались при очень небольшомъ кворумѣ министровъ, имѣвшихъ снѣшныя дѣла не крупнаго значенія. Эти дѣла тутъ же докладывались ими и получали разрѣшеніе. Не сразу удалось добиться установленія опредѣленной повѣстки и того, чтобы дѣла, подлежащія докладу, сообщались заранѣе Управляющему дѣлами. Въ первыхъ засѣданіяхъ, которыя велись очень хаотично, министры докладывали дѣла, и ничемъ то или другое рѣшеніе записывалось очень приблизительно. Я добился того, что, какъ общее правило, каждое представленіе, вносимое Вр. Правительству, заканчивалось проектомъ постановленія, который, разумѣется, могъ подвергаться измѣненіямъ въ зависимости отъ хода и исхода сужденій. Что касается сужденій, происходившихъ въ засѣданіяхъ, то сразу рѣшено было ихъ формально не записывать, а также не отмѣчать разногласій при голосованіяхъ, не вносить особыхъ мнѣній въ журналъ и т. д. Исходной точкой, при этомъ, было стремленіе, избѣгнуть всего того, что могло нарушить единство правительства и отвѣтственность его въ цѣломъ за каждое принятое рѣшеніе. Веденіе подробнаго протокола каждаго засѣданія представляло бы, кромѣ того, и рядъ существенныхъ затрудненій, трудно преодолимыхъ. Члены Вр. Правительства склонны были — особенно въ началѣ — съ нѣкоторой подозрительностью и недовѣріемъ относиться къ присутствію въ засѣданіяхъ чиновъ канцеляріи. Подробное записываніе всего того, что говорилось, вызвало бы протестъ, требованіе провѣрки, и въ концѣ концовъ, при массѣ вопросовъ, разсматриваемыхъ въ каждомъ засѣданіи, ни одинъ журналъ не былъ бы закончепъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что за рѣдкими исключеніями, сужденія, происходившія въ открытыхъ засѣданіяхъ, не представляли большого интереса. Министры приходили въ засѣданіе всегда до послѣдней степени утомленные. Работа каждаго изъ нихъ, конечно, превышала нормальныя человѣческія силы. Въ засѣданіяхъ часто разсматривались очень спеціальные вопросы, чуждые большинству, и министры часто полу-дремали, чуть-чуть прислушиваясь къ докладу. Оживленіе и страстныя рѣчи начинались только въ закрытыхъ васѣданіяхъ, а также въ засѣданіяхъ съ «контактной комиссіей» Исполнительнаго Комитета Совѣта раб. и солд. депутатовъ.

Здѣсь мое положеніе было особенно тягостнымъ и здѣсь я сразу почувствовалъ, что роль моя существенно разнится отъ той, которую я себѣ представлялъ, идя на сравнительно второстепенный постъ управляющаго дѣлами. Дѣло заключается въ слѣдующемъ.

Въ составѣ Вр. Правительства у меня были друзья — личные и политическіе, — были случайные знакомые, были, наконецъ, люди, съ которыми я встрѣтился впервые. Къ первымъ я относилъ: Милюкова, Шингарева, Некрасова, Мануилова, отчасти кн. Львова. Ко вторымъ — Керенскаго, Гучкова, Терещенко. Къ третьимъ — Коновалова, В. Н. Львова, И. В. Годнева. Изъ второй группы лучше другихъ я зналъ М. И. Терещенко, при чемъ, однако, это знакомство было чисто свѣтское. Я сохранилъ о немъ представленіе, какъ о блестящемъ молодомъ человѣкѣ, очень пріятномъ въ обращеніи, меломанѣ и театралѣ, чиновникѣ особыхъ порученій при Теляковскомъ. Скачокъ къ министру финансовъ Вр. Правительства былъ, конечно, очень великъ, и мнѣ трудно было сочетать новую роль Терещенка со старымъ моимъ представленіемъ о немъ. Но, вмѣстѣ

съ тѣмъ, у меня не было никакихъ основаній ожидать отъ него какого-либо иного отношенія, кромѣ полнаго дружелюбія. Гучкова я зналъ со времени общеземскихъ съѣздовъ 1905 года. Онъ сразу отнесся ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ и предупредительностью. То же самое приходится мнѣ сказать и о трехъ лицахъ третьей группы. Для меня нѣтъ сомнѣній, что, не будь въ составѣ правительства Керенскаго, я бы чувствовалъ себя въ средѣ Вр. Правительства совершенно свободно, не обрекъ бы себя на молчаніе, на ту роль пассивнаго слушателя и свидѣтеля, которая, въ концѣ концовъ, стала для меня совершенно невыносимой.

Въ связи съ этимъ, мнѣ хотѣлось бы здѣсь свести мои впечатлѣнія, какъ о Керенскомъ, такъ и о другихъ. Я не собираюсь давать имъ исчерпывающую характеристику: для этого у меня, прежде всего, нѣтъ достаточно матеріала. Но, какъ-никакъ, я встрѣчался со всѣми этими людьми ежедневно въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; я видѣлъ ихъ въ очень важныя и отвѣтственныя минуты, я могъ пристально наблюдать ихъ, а потому, полагаю, даже и отрывочныя мои впечатлѣнія не лишены нѣкотораго интереса и могутъ, со временемъ, когда эти мои замѣтки, въ томъ или другомъ видѣ, будутъ использованы, войти въ общую массу историческихъ матеріаловъ о русской революціи 1917 года и ея дѣятеляхъ.

A tout seigneur tout honneur. Начну съ Керенскаго.

Прошло семь мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ видѣлъ Керенскаго, но мнѣ не стоитъ никакого труда вызвать въ памяти его внѣшній обликъ. Я впервые съ нимъ познакомился лѣтъ восемь тому назадъ. Наши встрѣчи были совершенно мимолетныя, случайныя: на Невскомъ, на какой-нибудь панихидѣ и т. п. Мнѣ про него говорили (еще до избранія его въ Госуд. Думу), что это человѣкъ даровитый, но не крупнаго калибра. Его внѣшній видъ — нѣкоторая франтоватость, бритое актерское лицо, почти постоянно прищуренные глаза, непріятная улыбка, какъ-то особенно открыто обнажавшая верхній рядъ зубовъ, — все это вмѣстѣ взятое мало привлекало. Во всякомъ случаѣ, ни въ немъ самомъ, ни въ томъ, что приходилось о немъ слышать, не только не было ничего, дающаго хотя отдаленную возможность предполагать будущую его роль, но вообще не было никакихъ данныхъ, останавливающихъ вниманіе. Одинъ изъ многихъ политическихъ защитниковъ, далеко не перваго разряда. Въ большой публикѣ его стали замѣчать только со времени его выступленій въ Госуд. Думѣ. Тамъ онъ въ силу партійныхъ условій фактически оказался въ первыхъ рядахъ и, такъ какъ онъ во всякомъ случаѣ былъ головою выше той сѣрой компаніи, которая его въ Думѣ окружала, — такъ какъ онъ былъ недурнымъ ораторомъ, порою даже очень яркимъ, а поводовъ къ отвѣтственнымъ выступленіямъ было сколько угодно, то естественно, что за четыре года его стали узнавать и замѣчать. При всемъ томъ, настоящаго, большого, общепризнаннаго успѣха онъ никогда не имѣлъ. Никому бы не пришло въ голову поставить его, какъ оратора, рядомъ съ Маклаковымъ или Родичевымъ, или сравнить его авторитетъ, какъ парламентарія, съ авторитетомъ Милюкова или Шингарева. Партія его въ четвертой Думѣ была незначительной и маловліятельной. Позиція его по вопросу о войнѣ была, въ сущности, чисто циммервальдской. Все это далеко не способствовало образованію вокругъ его имени какого-либо ореола. Онъ это чувствовалъ и, такъ какъ самолюбіе его — огромное и болѣзненное, а самомнѣніе

такое же, то естественно, что въ немъ очень прочно укоренились такія чувства къ своимъ выдающимся политическимъ противникамъ, съ которыми довольно мудрено было совмѣстить стремленіе къ искреннему и единодушному сотрудничеству. Я могу удостовѣрить, что Милюковъ былъ его bête noire въ полномъ смыслѣ слова. Онъ не пропускалъ случая отозваться о немъ съ недоброжелательствомъ, иронiей, иногда съ настоящей ненавистью. При всей болѣзненной гипертрофiи своего самомнѣнiя, онъ не могъ не сознавать, что между нимъ и Милюковымъ — дистанцiя огромнаго размѣра. Милюковъ вообще былъ несоизмѣримъ съ прочими своими товарищами по кабинету, какъ умственная сила, какъ человѣкъ огромныхъ, почти неисчерпаемыхъ знанiй и широкаго ума. Я ниже постараюсь опредѣлить, въ чемъ были недостатки его, по моему мнѣнiю, какъ политическаго дѣятеля. Но онъ имѣлъ одно огромное преимущество: позицiя его по основному вопросу, — тому вопросу, отъ рѣшенiя котораго зависѣлъ весь ходъ революцiи, вопросу о войнѣ, — позицiя эта была совершенно ясна и опредѣленна и послѣдовательна, тогда какъ позицiя «заложника демократiи» была и двусмысленной, и недоговоренной и, по существу, ложной. Въ Милюковѣ не было никогда ни тѣни мелочности, тщеславiя, — вообще, личныя его чувства и отношенiя въ ничтожнѣйшей степени отражались на его политическомъ поведенiи; оно ими никогда не опредѣлялось. Совсѣмъ наоборотъ у Керенскаго. Онъ весь былъ сотканъ изъ личныхъ импульсовъ. . . . . .

. . . . . .

Трудно даже себѣ представить, какъ должна была отразиться на психикѣ Керенскаго та головокружительная высота, на которую онъ былъ вознесенъ въ первые недѣли и мѣсяцы революцiи. Въ душѣ своей онъ все-таки не могъ не сознавать, что все это преклоненiе, идолизацiя его, — не что иное, какъ психозъ толпы, — что за нимъ, Керенскимъ, нѣтъ такихъ заслугъ и умственныхъ или нравственныхъ качествъ, которыя бы оправдывали такое истерически-восторженное отношенiе. Но несомнѣнно, что съ первыхъ же дней душа его была «ушиблена» той ролью, которую исторiя ему — случайному, маленькому человѣку — навязала, и въ которой ему суждено было такъ безславно и безслѣдно провалиться. . . . . .

. . . . . .

Я сейчасъ сказалъ, что въ «идолизацiи» Керенскаго проявился какой-то психозъ русскаго общества. Это, можетъ быть, слишкомъ мягко сказано. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, нельзя же было не спросить себя, каковъ политическiй багажъ того, въ комъ рѣшили признать «героя революцiи», что имѣется въ его активѣ? Съ этой точки зрѣнiя любопытно теперь, когда «облетѣли цвѣты, догорѣли огни», перечитать въ газетной передачѣ faits et gestes Керенскаго за 8 мѣсяцевъ, его рѣчи, его интервью... Если онъ дѣйствительно былъ героемъ первыхъ мѣсяцевъ революцiи, то этимъ самымъ произнесенъ достаточно вѣскiй приговоръ этой революцiи.

Съ упомянутымъ сейчасъ болѣзненнымъ тщеславiемъ въ Керенскомъ соединялось еще одно непрiятное свойство: актерство, любовь къ позѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ко всякой пышности и помпѣ. Актерство его, я помню, проявлялось даже въ тѣсномъ кругу Вр. Правительства, гдѣ, казалось бы, оно было особенно безполезно и нелѣпо, такъ какъ всѣ другъ друга хорошо знали и обмануть не могли. Одинъ изъ эпизодовъ такого актерства —

столкновеніе съ Милюковымъ, по поводу заявленія этого послѣдняго о роли нѣмецкихъ денегъ въ русской революціи, — разсказанъ выше.

Тѣ, кто были на такъ называемомъ Государственномъ Совѣщаніи въ большомъ Московскомъ театрѣ, въ Августѣ 1917 года, конечно, не забыли выступленій Керенскаго, — перваго, которымъ началось совѣщаніе, и послѣдняго, которымъ оно закончилось. На тѣхъ, кто здѣсь видѣлъ или слышалъ его впервые, онъ произвелъ удручающее и отталкивающее впечатлѣніе. То, что онъ говорилъ, не было спокойной и вѣсской рѣчью государственнаго человѣка, а сплошнымъ истерическимъ воплемъ психопата, обуянпаго маніей величія. Чувствовалось напряженное, доведенное до послѣдней степени желаніе произвести впечатлѣніе, импонировать. Во второй — заключительной — рѣчи онъ, повидимому, совершенно потерялъ самообладаніе и паговорилъ такой чепухи, которую пришлось тщательно вытравлять изъ стенограммы. До самаго конца онъ совершенно не отдавалъ себѣ отчета въ положеніи. За четыре-пять дней до октябрскаго большевистскаго возстанія, въ одно изъ нашихъ свиданій въ Зимнемъ дворцѣ, я его прямо спросилъ, какъ онъ относится къ возможности большевистскаго выступленія, о которомъ тогда всѣ говорили. «Я былъ бы готовъ отслужить молебенъ, чтобы такое выступленіе произошло» — отвѣтилъ онъ мнѣ. «А увѣрены ли Вы, что сможете съ нимъ справиться?». «У меня больше силъ, чѣмъ нужно. Они будутъ раздавлены окончательно.»

Единственная страница изъ всей печальной исторіи пребыванія Керенскаго у власти, дающая возможность смягчить общее сужденіе о немъ, это его роль въ дѣлѣ послѣдняго нашего наступленія (18 Іюня). Въ своей рѣчи на московскомъ совѣщаніи я указалъ на эту роль въ выраженіяхъ, быть можетъ, даже преувеличенныхъ. Но несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ въ Керенскомъ проявилось подлинное горѣніе, блеснулъ патріотическій энтузіазмъ, — увы! слишкомъ поздно...

Чрезвычайно любопытно было отношеніе Керенскаго къ Исполнительному Комитету Совѣта раб. и солд. депутатовъ. Онъ искренно считалъ, что Вр. Правительство обладаетъ верховной властью и что Исполн. Комитетъ не вправѣ вмѣшиваться въ его дѣятельность. Онъ относился съ враждой и презрѣніемъ къ Стеклову-Нахамкесу, который въ теченіе перваго мѣсяца былъ porte-parole Исполнительнаго Комитета въ засѣданіяхъ Вр. Правительства и контактной комиссіи. Нерѣдко послѣ конца засѣданія и въ a parte во время засѣданія онъ негодовалъ на слишкомъ большую мягкость кн. Львова въ обращеніи съ Стекловымъ. Но самъ онъ рѣшительно избѣгалъ полемики съ нимъ, ни разу не попытался отстоять позицію Вр. Правительства. Онъ все какъ-то лавировалъ, все какъ-то хотѣлъ сохранить какое-то свое особенное положеніе «заложника демократіи» — положеніе фальшивое по существу и ставившее Вр. Правительство нерѣдко въ очень большое затрудненіе.

Мои личныя отношенія съ Керенскимъ пережили нѣсколько стадій. Въ самомъ началѣ, при моемъ вступленіи въ должность управляющаго дѣлами, онъ чувствовалъ ко мнѣ большое недовѣріе. Ему, повидимому, казалось, что я усиливаю чисто-кадетскій элементъ во Вр. Правительствѣ, и онъ старался мнѣ помѣшать играть какую-либо политическую роль. Я отлично сознавалъ, что всякая попытка съ моей стороны принять участіе въ обсужденіи того или другого вопроса, хотя бы въ закрытыхъ засѣданіяхъ Вр. Правительства,

вызоветъ рѣзкій протестъ со стороны Керенскаго, — во имя прерогативъ Вр. Правительства — и поставитъ меня въ крайне неудобное положеніе. Въ сущности говоря, именно благодаря присутствію Керенскаго, моя роль оказалась настолько несоотвѣтствующей тому, что я ожидалъ, что на первыхъ же порахъ у меня возникъ вопросъ, оставаться ли мнѣ на моемъ посту? И если я на этотъ вопросъ не отвѣтилъ сразу отрицательно и ушелъ только тогда, когда произошелъ первый кризисъ и составъ Вр. Правительства, съ уходомъ Милюкова (и Гучкова), пополнился Черновымъ, Церетели, Скобелевымъ и Пѣшехоновымъ, то поступилъ я такъ исключительно въ интересахъ дѣла, которое хотѣлъ оставить вполнѣ налаженнымъ и устроеннымъ. Впослѣдствіи, когда Керенскій убѣдился, что я не питаю никакихъ личныхъ замысловъ, онъ измѣнилъ свое отношеніе. Это выразилось не только въ сдѣланныхъ мнѣ предложеніяхъ занять министерскій постъ, но и во всемъ характерѣ личнаго обращенія. Наконецъ, въ самое послѣднее время, Керенскій пытался черезъ меня вліять на партію народной свободы и получить ея поддержку въ Совѣтѣ россійской республики. Объ этомъ я скажу ниже.

Послѣ всего сказаннаго, едва ли кто заподозритъ меня въ пристрастіи, если я все-таки не могу присоединиться къ тому потоку хулы и анаѳематствованія, которымъ теперь сопровождается всякое упоминаніе имени Керенскаго. Я не стану отрицать, что онъ сыгралъ по-истинѣ роковую роль въ исторіи русской революціи, но произошло это потому, что бездарная, безсознательная бунтарская стихія случайно вознесла на неподходящую высоту недостаточно сильную личность. Худшее, что можно сказать о Керенскомъ, касается оцѣнки основныхъ свойствъ его ума и характера. Но о немъ можно повторить тѣ слова, которыя онъ недавно — съ такимъ изумительнымъ отсутствіемъ нравственнаго чутья и элементарнаго такта — произнесъ по адресу Корнилова. «По своему» онъ любилъ родину, — онъ въ самомъ дѣлѣ горѣлъ революціоннымъ паѳосомъ, — и бывали случаи, когда изъ-подъ маски актера пробивалось подлинное чувство. Вспомнимъ его рѣчь о взбунтовавшихся рабахъ, его вопль отчаянія, когда онъ почуялъ ту пропасть, въ которую влечетъ Россію разнузданная демагогія. Конечно, здѣсь не чувствовалось ни подлинной силы, ни яснылъ велѣній разума, но былъ какой-то искренній, хотя и безплодный, порывъ. Керенскій былъ въ плѣну у своихъ бездарныхъ друзей, у своего прошлаго. Онъ оргавически не могъ дѣйствовать прямо и смѣло и, при всемъ его самомнѣніи и самолюбіи, у него не было той спокойной и непреклонной увѣренности, которая свойственна дѣйствительно сильнымъ людямъ. «Героическаго» въ смыслѣ Карлейля въ немъ не было рѣшительно ничего. Самое черное пятно въ его кратковременной карьерѣ — это исторія его отношеній съ Корниловымъ, но объ ней я говорить не буду, такъ какъ знаю о ней только то, что общеизвѣстно.

Къ Керенскому мнѣ придется еще не разъ вернуться на протяженіи моего разсказа. Покамѣстъ ограничиваюсь написаннымъ и перехожу къ другому лицу, на котораго вся Россія возлагала такія колоссальныя ожиданія и которыхъ онъ не оправдалъ.

Я зналъ кн. Г. Е. Львова со времени 1-ой Думы. Хотя онъ числился въ рядахъ партіи народной свободы, но я не помню, чтобы онъ принималъ сколько-нибудь дѣятельное участіе въ партійной жизни, въ засѣданіяхъ фракціи

или центральнаго комитета. Думаю, я не погрѣшу противъ истины, если скажу, что у него была репутація чистѣйшаго и порядочнѣйшаго человѣка, но не выдающейся политической силы. Онъ, послѣ роспуска 1-ой Думы, также былъ въ Выборгѣ, но не принималъ участія въ совѣщаніяхъ и не подписалъ воззванія. Я помню, что онъ остановился въ тѣхъ же номерахъ. въ которыхъ жилъ я и Д. Д. Протопоповъ, и тотчасъ по пріѣздѣ заболѣлъ и такъ и не выходилъ изъ номера до отъѣзда изъ Выборга. Протопоповъ приписывалъ болѣзнь тому волненію, въ которомъ онъ находился. Подобно многимъ изъ насъ, онъ въ душѣ не сочувствовалъ воззванію, не вѣрилъ въ него, считалъ его ошибкой, но сознавалъ свое безсиліе воспрепятствовать ему, не имѣя никакого другого пріемлемаго и яркаго плана дѣйствій. Помню его блѣдное, разстроенное лицо, его безпомощную фигуру. Съ тѣхъ поръ я его 11 лѣтъ не встрѣчалъ. Какъ и всѣ, я считалъ его отличнымъ организаторомъ, возлагалъ большія упованія на его огромную популярность въ земской Россіи и въ арміи. Выше я уже упомянулъ о впечатлѣніи, произведенномъ на меня первой встрѣчей съ кн. Львовымъ въ Таврическомъ дворцѣ, въ день конституированія Вр. Правительства. Я бы сказалъ, что это впечатлѣніе было пророческое. Правда, въ ближайшіе дни кн. Львовъ внѣшне преобразился, загорѣлся какой-то лихорадочной энергіей и, какъ мнѣ казалось, — по крайней мѣрѣ въ первое время — какой-то вѣрой въ возможность устроить Россію.

Задача министра-предсѣдателя въ первомъ Вр. Правительствѣ была дѣйствительно очень трудна. Она требовала величайшаго такта, умѣнья подчинять себѣ людей, объединять ихъ, руководить ими. И, прежде всего, она требовала строго опредѣленнаго, систематически осуществляемаго плана. Въ первые дни послѣ переворота авторитетъ Вр. Правительства и самого Львова стоялъ очень высоко. Надо было воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, прежде всего, для укрѣпленія и усиленія власти. Надо было понять, что всѣ разлагающія силы наготовѣ начать свою разрушительную работу, пользуясь тѣмъ колоссальнымъ переворотомъ въ психологіи массъ, которымъ не могъ не сопровождаться политическій переворотъ, такъ совершенный и такъ развернувшійся. Надо было умѣть найти энергичныхъ и авторитетныхъ сотрудниковъ и либо самому отдаться всецѣло Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, либо — разъ оказывалось невозможнымъ по настоящему совмѣщать обязанности министра внутреннихъ дѣлъ съ ролью премьера, — найти для первой должности настоящаго замѣстителя.

Я не хочу сказать ничего пренебрежительнаго, — а тѣмъ паче — дурного о Д. М. Щепкинѣ или о кн. С. Д. Урусовѣ, но я думаю, что отъ нихъ трудно было ожидать того, чего не могъ дать самъ кн. Львовъ. Щепкинъ — добросовѣстнѣйшій и трудолюбивѣйшій работникъ, прекрасный человѣкъ, полный энергіи и bonne volonté. Но онъ не могъ импонировать ни опытомъ, ни общественнымъ авторитетомъ, ни личной своей индивидуальностью, — самъ это прекрасно сознавалъ и въ самостоятельныхъ дѣйствіяхъ былъ парализованъ этимъ сознаніемъ. Князь Урусовъ видимо совершенно растерялся въ новой обстановкѣ, плохо ориентировался, чувствовалъ себя совершенно не на мѣстѣ. Какъ-никакъ, вся его бюрократическая карьера протекла въ условіяхъ, радикально противуположныхъ тѣмъ, въ которыхъ онъ очутился. И онъ прошелъ какой-то блѣдной тѣнью, тоже одушевленной самыми лучшими намѣреніями, но безсильной

ихъ осуществить. И онъ смогъ бы быть помощникомъ и исполнителемъ, но нельзя было отъ него ожидать рѣшимости, инициативы, творчества.

То обстоятельство, что Министерство Внутреннихъ дѣлъ — другими словами, *все управленіе, вся полиція* — осталось совершенно неорганизованнымъ, сыграло очень большую роль въ общемъ процессѣ разложенія Россіи. Въ первое время была какая-то странная вѣра, что все какъ-то само собою образуется и пойдетъ правильнымъ, организованнымъ путемъ. Подобно тому какъ идеализировали революцію («великая», «безкровная»), идеализировали и населеніе. Имѣли, напр., наивность думать, что огромная столица, со своими подонками, со всегда готовыми къ выступленію порочными и преступными элементами, можетъ существовать безъ полиціи, или же съ такими безобразными и нелѣпыми суррогатами, какъ импровизированная, щедро оплачиваемая милиція, въ которую записывались профессіональные воры и бѣглые арестанты. Всероссійскій походъ противъ городовыхъ и жандармовъ очень быстро привелъ къ своему естественному послѣдствію. Аппаратъ, хоть кое-какъ, хоть слабо, но все же работавшій, былъ разбитъ вдребезги. Городовые и жандармы во множествѣ пошли на пополненіе большевистскихъ рядовъ. И постепенно въ Петербургѣ и въ Москвѣ начала развиваться анархія. Ростъ ея сразу страшно увеличился послѣ большевистскаго переворота. Но самъ переворотъ сталъ возможнымъ и такимъ удобоисполнимымъ только потому, что *исчезло сознаніе существованія власти*, готовой рѣшительно отстаивать и охранять гражданскій порядокъ.

Было бы, конечно, въ высшей степени несправедливо возлагать всю отвѣтственность за совершившееся на кн. Львова. Но одно должно сказать, какъ бы сурово не звучалъ такой приговоръ: кн. Львовъ не только не сдѣлалъ, но даже не попытался сдѣлать что-нибудь для противодѣйствія все растущему разложенію. Онъ сидѣлъ на козлахъ, но даже не пробовалъ собрать возжи. Сколько я пережилъ мучительныхъ засѣданій, въ которыхъ съ какою-то неумолимой ясностью выступали наружу все безсиліе Временнаго Правительства, разноголосица, внутренняя несогласованность, глухая и явная вражда однихъ къ другимъ, и я не помню ни одного случая, когда бы раздался со стороны министра-предсѣдателя властный призывъ, когда бы онъ высказался рѣшительно и опредѣленно. При всемъ томъ, кн. Львовъ былъ осаждаемъ буквально съ утра до вечера. Безпрерывно несся потокъ срочныхъ телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи съ требованіями указаній, разъясненій, немедленнаго осуществленія безотлагательныхъ мѣръ. Къ Львову обращались по всевозможнымъ поводамъ, серьёзнымъ и пустымъ, — какъ къ главѣ правительства и какъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, — безпрерывно вызывали его по телефону, пріѣзжали къ нему въ министерство и въ Маріинскій дворецъ. Первоначально я пытался установить часъ для ежедневнаго своего доклада и полученія всѣхъ нужныхъ указаній, но очень скоро убѣдился, что эти попытки совершенно тщетны, а въ рѣдкихъ случаяхъ, когда ихъ удавалось осуществлять, онѣ оказывались и совершенно безполезными. Никогда не случалось получить отъ него твердаго, опредѣленнаго рѣшенія, — скорѣе всего онъ склоненъ бывалъ согласиться съ тѣмъ рѣшеніемъ, которое ему предлагали. Я бы сказалъ, что онъ былъ воплощеніемъ пассивности. Не знаю, было ли это сознательной политикой или результатомъ ощущенія

своего безсилія, но казалось иногда, что у Львова какая-то мистическая вѣра, что все образуется какъ-то само собой. А въ иные моменты мнѣ казалось, что у него совершенно безнадежное отношеніе къ событіямъ, что онъ весь проникнутъ сознаніемъ невозможности повліять на ихъ ходъ, что имъ владѣетъ фатализмъ и что онъ только для внѣшности продолжаетъ играть ту роль, которая — помимо всякаго съ его стороны желанія и стремленія — выпала на его долю.

Въ избраніи Львова для занятія должности министра-предсѣдателя — и въ отстраненіи Родзянко — дѣятельную роль сыгралъ Милюковъ и мнѣ пришлось впослѣдствіи слышать отъ П. Н., что онъ нерѣдко ставилъ себѣ мучительный вопросъ, не было ли бы лучше, если бы Львова оставили въ покоѣ и поставили Родзянка, человѣка, во всякомъ случаѣ, способнаго дѣйствовать рѣшительно и смѣло, имѣющаго свое мнѣніе и умѣющаго на немъ настаивать.

Тяжелое впечатлѣніе производило на меня и отношеніе кн. Львова къ Керенскому. Мои помощники по канцеляріи нерѣдко имъ возмущались, усматривая въ немъ недостаточное сознаніе своего достоинства, какъ главы правительства. Часто было похоже на какое-то робкое заискиваніе. Конечно, здѣсь не было никакихъ личныхъ мотивовъ. У кн. Львова абсолютно они отсутствовали, онъ чуждъ былъ честолюбія и никогда не цѣплялся за власть. Я думаю, онъ былъ глубоко счастливъ въ тотъ день, когда освободился отъ ея бремени. Тѣмъ удивительнѣе, что онъ не умѣлъ использовать тотъ нравственный авторитетъ, съ которымъ онъ пришелъ къ власти. Тономъ власть имѣющаго говорилъ во Вр. Правительствѣ не онъ, а Керенскій...

Въ естественной послѣдовательности мнѣ приходится теперь говорить о Гучковѣ, — но это мнѣ всего труднѣе.

Прежде всего, я очень мало могъ наблюдать Гучкова въ составѣ Вр. Правительства. Значительную часть времени онъ отсутствовалъ, занятый поѣздками на фронтъ и въ Ставку. Потомъ — въ серединѣ Апрѣля — онъ хворалъ. Но главное: во все время его пребыванія въ должности военнаго и морского министра онъ былъ для внѣшняго наблюденія почти непроницаемъ. Теперь, оглядываясь назадъ на это безумное время, я склоненъ думать, что Гучковъ съ самаго начала въ глубинѣ души считалъ дѣло проиграннымъ и оставался только par acquit de conscience. Во всякомъ случаѣ, ни у кого не звучала съ такой силой, какъ у него, нота глубочайшаго разочарованія и скептицизма, поскольку вопросъ шелъ объ арміи и флотѣ. Когда онъ начиналъ говорить своимъ негромкимъ и мягкимъ голосомъ, смотря куда-то въ пространство слегка косыми глазами, меня охватывала жуть, сознаніе какой-то полной безнадежности. Все казалось обреченнымъ.

Первое засѣданіе, всецѣло посвященное вопросу о положеніи на фронтѣ, было, должно быть, 7 Марта, вечеромъ того дня, когда засѣданія Вр. Правительства были перенесены въ Маріинскій дворецъ. Я могу возстановить эту дату потому, что въ этомъ засѣданіи рѣшено было составить то воззваніе къ арміи и къ населенію, которое появилось 10-го Марта. Оно было поручено мнѣ, написано мною на другой день, 8-го, обсуждалось въ дневномъ засѣданіи 9-го и было принято почти безъ измѣненій. (Почему-то

оно не помѣщено въ изданномъ Государственной Канцеляріей сборникѣ и сохранилось только въ Вѣстникѣ Вр. Правительства и въ газетахъ.) Я помню, что въ этомъ засѣданіи сказались двѣ точки зрѣнія на значеніе происшедшихъ событій для военныхъ нашихъ операцій. Одна была та, которая оффиціально выказывалась въ рѣчахъ и сообщеніяхъ: согласно этой точкѣ зрѣнія, устанавливалась причинная связь между плохимъ веденіемъ войны царскимъ правительствомъ и революціей. Въ революціи какъ бы концентрировался взрывъ протеста противъ бездарнаго, неумѣлаго, измѣнническаго (Штюрмеръ!) поведенія этого царскаго правительства. Революція должна была все это измѣнить, она должна была создать болѣе полную, болѣе искреннюю и потому болѣе плодотворную связь между нами и великими европейскими демократіями, нашими союзниками. Съ этой точки зрѣнія революція могла разсматриваться, какъ положительный факторъ въ дѣлѣ веденія войны. Предполагалось, что командный составъ будетъ обновленъ, что найдутся даровитые и энергичные генералы, что дисциплина быстро возстановится. Долженъ съ грустью сказать, что наши партійные взгляды все время стремились поддерживать этотъ оффиціальный оптимизмъ. У нѣкоторыхъ, какъ напр. у А. И Шингарева, онъ сохранился до очень поздняго времени — до осени 1917 г. Я считаю, что неправильное пониманіе того значенія, которое война имѣла въ качествѣ фактора революціи, и нежеланіе считаться со всѣми послѣдствіями, которыя революція должна была имѣть въ отношеніи войны, — и то и другое сыграло роковую роль въ исторіи событій 1917 года. Я припоминаю, какъ въ одну изъ моихъ поѣздокъ куда-то въ автомобилѣ вмѣстѣ съ Милюковымъ, я ему высказалъ (это было еще въ бытность его министромъ иностранныхъ дѣлъ) свое убѣжденіе, что одной изъ основныхъ причинъ революціи было утомленіе войной и нежеланіе ее продолжать. Милюковъ съ этимъ рѣшительно не соглашался. По существу же онъ выразился такъ: «кто его знаетъ, можетъ быть, еще благодаря войнѣ все у насъ еще кое-какъ держится, а безъ войны скорѣе бы все разсыпалось». Конечно, отъ одного сознанія, что война разлагаетъ Россію, было бы не легче. Ни одинъ мудрецъ ни тогда, ни позже не нашелъ бы способа закончить ее безъ колоссальнаго ущерба — моральнаго и матеріальнаго — для Россіи. Но еслибы въ первыя же недѣли было ясно сознано, что для Россіи война безнадежно кончена и что всѣ попытки продолжать ее ни къ чему не приведутъ, — была бы по этому основному вопросу другая оріентація и — кто знаетъ? — катастрофу, быть можетъ, удалось бы предотвратить. Я не хочу этимъ сказать, что одинъ только фактъ революціи разложилъ армію, и менѣе, чѣмъ кто-либо, я склоненъ преуменьшать гибельное значеніе той преступной и предательской пропаганды, которая сразу же началась. Менѣе, чѣмъ кто-либо, я склоненъ оправдывать, въ отношеніи этой пропаганды, дряблость и равнодушіе Вр. Правительства. Но все же я глубоко убѣжденъ, что сколько-нибудь успѣшное веденіе войны было просто несовмѣстимо съ тѣми задачами, которыя революція поставила внутри страны, и съ тѣми условіями, въ которыхъ эти задачи приходилось осуществлять. Мнѣ кажется, что и у Гучкова было это сознаніе. Я помню, что его рѣчь въ засѣданіи 7 Марта, вся построенная на тему «не до жиру, быть бы живу», дышала такой безнадежностью, что на вопросъ, по окончаніи засѣданія, «какое у васъ мнѣніе по этому вопросу?», я ему отвѣтилъ, что по-моему,

если его оцѣнка положенія правильна, то изъ нея нѣтъ другого вывода, кромѣ необходимости сепаратнаго мира съ Германіей. Гучковъ ст. этимъ, правда, не соглашался, но опровергнуть такой выводъ онъ не могъ. Въ этотъ же памятный вечеръ онъ предложилъ мнѣ, послѣ засѣданія, поѣхать съ нимъ на квартиру военнаго министра (которую онъ въ то время уже занялъ) и присутствовать при разговорѣ его по прямому проводу съ ген. Алексѣевымъ. «Посмотримъ, что онъ намъ скажетъ?» Сообщенія ген. Алексѣева были въ высшей степени мрачны. Въ томъ колоссальномъ сумбурѣ, который создался въ первые же дни революціи, онъ сразу распозналъ элементы грядущаго разложенія и огромную опасность, грозившую арміи. Гучковъ сообщилъ ему предполагаемое содержаніе воззванія и спросилъ его, полагаетъ ли онъ, что такое воззваніе будетъ полезно. Алексѣевъ отвѣтилъ утвердительно. Кстати скажу, что почти одновременно съ составленнымъ мною воззваніемъ появилось аналогичное, написанное въ военномъ министерствѣ, а также приказъ по войскамъ. Всѣ они развивали тѣ же мысли, и всѣ остались совершенно безплодными.

Гучковъ — и это характерно — первый изъ среды Вр. Правительства пришелъ къ убѣжденію, что работа Вр. Правительства безнадежна и безполезна, и что «нужно уходить». На эту тему онъ неоднократно говорилъ во второй половинѣ Апрѣля. Онъ все требовалъ, чтобы Вр. Правительство сложило свои полномочія, написавъ себѣ самому нѣкую эпитафію, съ діагнозомъ положенія и прогнозомъ будущаго. Извѣстная декларація Вр. Правительства отъ 23 Апрѣля (о которой я впослѣдствіи буду еще говорить) ведетъ свое происхожденіе отъ этихъ разговоровъ. «Мы должны дать отчетъ, что нами сдѣлано, и почему мы дальше работать не можемъ, — написать своего рода политическое завѣщаніе». Декларація 23 Апрѣля оказалась, однако, въ иныхъ тонахъ и съ иными выводами. Я думаю, что она была той послѣдней каплей, которая переполнила чашу и вызвала рѣшеніе Гучкова уйти изъ состава Вр. Правительства.

За тѣ два мѣсяца, въ теченіе которыхъ Гучковъ занималъ должность военнаго министра, роль его во Вр. Правительствѣ оставалась неясною. Въ засѣданіяхъ, какъ я уже сказалъ, онъ бывалъ рѣдко. Высказывался еще рѣже. Въ возникавшихъ конфликтахъ онъ старался вносить ноту примиренія, но въ томъ памятномъ столкновеніи между Керенскимъ и Милюковымъ по вопросу о цѣляхъ войны и задачахъ внѣшней политики онъ какъ-то остался въ тѣни, не оказалъ поддержки ни той, ни другой сторонѣ. Да и вообще, онъ какъ будто умышленно уходилъ въ эту тѣнь. Его уходъ изъ состава Вр. Правительства былъ неожиданностью. Помню, что Некрасовъ назвалъ этотъ уходъ — «ударомъ въ спину». Но самъ Гучковъ рѣшительно доказывалъ, что кн. Львовъ долженъ былъ ждать отставки военнаго министра, что онъ, Гучковъ, о ней категорически предупреждалъ.

Въ составѣ Вр. Правительства чрезвычайно характерной фигурой былъ И. В. Годневъ, — государственный контролёръ. Я его совершенно не зналъ, даже въ лицо, и впервые съ нимъ встрѣтился въ засѣданіяхъ Вр. Правительства. Постоянно встрѣчая его фамилію въ думскихъ отчетахъ въ связи съ разнаго рода юридическими вопросами и спорами по толкованію закона, я составилъ себѣ представленіе о немъ, какъ о знатокѣ нашего права, какъ о человѣкѣ, хотя, быть можетъ, и не получившемъ юридическаго

спеціальнаго образованія, но пріобрѣвшемъ соотвѣтствующія познанія на практикѣ и умѣющемъ ориентироваться въ юридическихъ вопросахъ. Кромѣ того, я полагалъ, что Годневъ — одна изъ крупныхъ политическихъ фигуръ Государственной Думы. Хорошо помню мое впечатлѣніе отъ перваго знакомства съ Годневымъ. На немъ самомъ, на всей его повадкѣ и, конечно, всего болѣе на тѣхъ пріёмахъ, съ какими онъ подходилъ къ тому или другому политическому или юридическому вопросу, лежала печать самой простодушной обывательщины, глубочайшаго провинціализма, что-то въ высшей степени наивное и ограниченное. Въ его преклоненіи предъ началомъ законности было нѣчто почтенное и даже трогательное, но, такъ какъ онъ былъ совершенно неспособенъ разобраться въ постоянныхъ столкновеніяхъ новаго порядка съ неотмѣненными правилами основныхъ законовъ, то на каждомъ шагу онъ попадалъ въ тупикъ, испытывалъ мучительное недоумѣніе, искренно волновался. Какъ политическая величина, онъ держался совершенно пассивно; и также волновался во всѣхъ случаяхъ, когда въ средѣ правительства происходили какія-нибудь рѣзкія пререканія и несогласія. Человѣкъ безусловно чистый, исполненный самыхъ лучшихъ намѣреній и заслуживающій самаго нелицемѣрнаго уваженія, онъ былъ — въ средѣ Вр. Правительства — воплощеннымъ недоразумѣніемъ и, повидимому, оставался на своемъ мѣстѣ только по инерціи и потому, что на это мѣсто не было желательныхъ кандидатовъ. Какъ только выяснилась кандидатура Кокошкина (въ Іюлѣ), Годневъ, безропотно сидѣвшій съ Церетели и Скобелевымъ, также безропотно и, навѣрно, съ облегченнымъ сердцемъ передалъ Кокошкину свою должность.

Оберъ-прокуроръ Св. Синода В. Н. Львовъ также, какъ и Годневъ, былъ одушевленъ самыми лучшими намѣреніями и также поражалъ своей наивностью да еще какимъ-то невѣроятно легкомысленнымъ отношеніемъ къ дѣлу, — не къ своему спеціальному дѣлу, а къ общему положенію, къ тѣмъ задачамъ, которыя дѣйствительность каждый день ставила передъ Вр. Правительствомъ. Онъ выступалъ всегда съ большимъ жаромъ и одушевленіемъ, и вызывалъ неизмѣнно самое веселое настроеніе не только въ средѣ правительства, но даже у чиновъ канцеляріи.

Говоря о В. Н. Львовѣ, я не могу здѣсь же не записать эпизода, случившагося гораздо позднѣе, но имѣющаго тѣсную связь съ характеристикой Львова.

Это было въ двадцатыхъ числахъ Августа (1917 года), во вторникъ на той недѣлѣ, въ концѣ которой Корниловъ подступилъ къ Петербургу. Утромъ ко мнѣ позвонилъ Львовъ и сказалъ мнѣ, что у него есть важное и срочное дѣло, по которому онъ пытался переговорить съ Милюковымъ, какъ предсѣдателемъ Центральнаго Комитета, и съ Винавероомъ, какъ товарищемъ предсѣдателя, но ни того, ни другого ему не удалось добиться (кажется, они были въ отъѣздѣ), и потому онъ обращается ко мнѣ и проситъ назначить время, когда бы онъ могъ со мной повидаться. Мы условились, что онъ будетъ у меня въ шесть часовъ вечера. Я нѣсколько запоздалъ возвращеніемъ домой и, когда пришелъ, засталъ Львова у себя въ кабинетѣ. У него былъ таинственный видъ, очень значительный. Не говоря ни слова, онъ протянулъ мнѣ бумажку, на которой было написано приблизительно слѣдующее (списать я текста не могъ, но помню очень отчетливо: «Тотъ генералъ, который былъ Вашимъ визави за столомъ,

просить Васъ предупредить министровъ к. д., чтобы они такого-то Августа (указана была дата, въ которую произошло выступленіе Корнилова, пять дней спустя; кажется, 28-го Августа; сейчасъ я не могу точно ее возстановить, но по газетамъ это трудно сдѣлать) подали въ отставку, въ цѣляхъ созданія правительству новыхъ затрудненій и въ интересахъ собственной безопасности». Это было нѣсколько строкъ по срединѣ страницы, безъ подписи. Не понимая ничего, я спросилъ Львова, что значитъ эта энигма, и что требуется, собственно говоря, отъ меня? «Только довести объ этомъ до свѣдѣнія министровъ, к. д.». «Но, сказалъ я, едва-ли такія анонимныя указанія и предупрежденія будутъ имѣть какое бы то ни было значеніе въ ихъ глазахъ». «Не разспрашивайте меня, я не имѣю права ничего добавить». «Но тогда, повторяю, я не вижу, какое практическое употребленіе я могу сдѣлать изъ Вашего сообщенія». Послѣ нѣкоторыхъ загадочныхъ фразъ и недомолвокъ, Львовъ наконецъ заявилъ, что будетъ говорить откровенно, но беретъ съ меня слово, что сказанное останется между нами, «иначе меня самого могутъ арестовать». Я отвѣтилъ, что хочу оставить за собою право передать то, что узнаю отъ Львова, Милюкову и Кокошкину, на что онъ тотчасъ же согласился. Затѣмъ онъ мнѣ сказалъ слѣдующее: «Отъ Васъ я ѣду къ Керенскому и везу ему ультиматумъ: готовится переворотъ, выработана программа для новой власти съ диктаторскими полномочіями. Керенскому будетъ предложено принять эту программу. Если онъ откажется, то съ нимъ произойдетъ окончательный разрывъ, и тогда мнѣ, какъ человѣку, близкому къ Керенскому и расположенному къ нему, останется только позаботиться о спасеніи его жизни». На дальнѣйшіе мои вопросы, имѣвшіе цѣлью, болѣе опредѣленно выяснить, въ чемъ же дѣло, Львовъ упорно отмалчивался, заявляя, что онъ и такъ уже слишкомъ много сказалъ. Насколько я помню, имя Корнилова не было произнесено, но несомнѣнно сказано, что ультиматумъ исходитъ изъ Ставки. На этомъ разговоръ закончился и Львовъ поѣхалъ къ Керенскому. Насколько можно судить изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя впослѣдствіи были опубликованы, Львовъ въ этомъ первомъ разговорѣ съ Керенскимъ совсѣмъ не выполнилъ того плана, о которомъ онъ мнѣ сообщалъ. Онъ не ставилъ никакихъ ультиматумовъ (это было сдѣлано въ концѣ недѣли, послѣ того, какъ Львовъ съѣздилъ въ Москву и снова вернулся), а просто говорилъ о какихъ-то положеніяхъ и требованіяхъ, исходящихъ отъ какихъ-то общественныхъ группъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, передавалъ разговоръ самъ Керенскій, и Львовъ этого не опровергъ. Я, къ сожалѣнію, не имѣлъ потомъ случая встрѣтиться съ Львовымъ, и весь инцидентъ до настоящаго времени остался для меня недостаточно разъясненнымъ. Но одно для меня несомнѣнно. Или Львовъ по дорогѣ въ Зимній дворецъ рѣзко измѣнилъ свои намѣренія, или — Керенскій уже пять дней зналъ о томъ, что готовится. Я лично склоняюсь скорѣе ко второму предположенію. Къ сожалѣнію, въ то время, когда я пишу эти строки *, я еще не знакомъ съ книгой Керенскаго, въ которой онъ излагаетъ свои показанія по дѣлу Корнилова, разукрашивая ихъ разными позднѣйшими добавленіями. Но если дѣйствительно столь отвѣтственныя порученія были даны такому человѣку, какъ В. Н. Львовъ,

* Конецъ Іюля 1918 г.

то это только свидѣтельствуетъ о томъ, что иниціаторы переворота очень плохо разбирались въ людяхъ и дѣйствовали крайне легкомысленно... Милюковъ впослѣдствіи выражалъ предположеніе, что Львовъ «жестоко напуталъ» во всей этой исторіи. Повторяю, она осталась для меня загадочной. Долженъ еще прибавить, что о разговорѣ моемъ я въ тотъ же вечеръ сообщилъ Кокошкину, а также другимъ нашимъ министрамъ (Ольденбургу и Карташову), съ которыми видѣлся почти ежедневно въ квартирѣ А. Г. Хрущева. Помню, что я просилъ ихъ обратить вниманіе на поведеніе Керенскаго въ вечернемъ засѣданіи. Впослѣдствіи они мнѣ сообщили, что Керенскій держался какъ всегда, никакой разницы.

Къ характеристикѣ В. Н. Львова еще добавлю: когда Милюковъ въ двухъ засѣданіяхъ познакомилъ Вр. Правительство съ нашими «тайными» договорами, ничего не могло быть искреннѣе, непосредственнѣе и наивнѣе негодованія Львова. Онъ характеризировалъ эти договоры, какъ разбойничьи и мошенническіе и, кажется, высказывался за немедленный отказъ отъ нихъ. Въ особенности возмущался онъ Италіей и тѣми «аннексіями» (тогда еще это слово не стало крылатымъ), которая она себѣ выговорила. Съ такой же непосредственностью онъ говорилъ объ «идіотахъ и мерзавцахъ», засѣдающихъ въ Синодѣ. Доклады его бывали проникнуты какимъ-то почти комическимъ отчаяніемъ. Несомнѣнно, В. Н. Львовъ имѣлъ не одну положительную черту: онъ не былъ политическимъ интриганомъ, онъ всею душою отдавался той задачѣ, которую себѣ поставилъ: оздоровленіе высшаго церковнаго управленія. Къ несчастію, эта задача была ему рѣшительно не по плечу. Также, какъ и Годневъ, онъ безропотно уступилъ свое мѣсто, когда оно понадобилось для другого. И несмотря на всю развитую имъ за пять мѣсяцевъ пребыванія въ должности оберъ-прокурора энергію, я не знаю, оставила ли его дѣятельность хоть какіе-нибудь слѣды въ «вѣдомствѣ православнаго исповѣданія».

Я уже выше упомянулъ о томъ, какой неожиданностью для меня было появленіе на посту министра финансовъ М. И. Терещенко. Сперва я даже не хотѣлъ вѣрить, что дѣло идетъ о томъ самомъ блестящемъ молодомъ человѣкѣ, который нѣсколько лѣтъ до того появился на петербургскомъ горизонтѣ, проникъ въ театральныя сферы, сталъ извѣстенъ, какъ страстный меломанъ и покровитель искусства, а съ начала войны, благодаря своему колоссальному богатству и связямъ, сдѣлался виднымъ дѣятелемъ въ Красномъ Крестѣ. Позднѣе, я зналъ, онъ сталъ во главѣ Кіевскаго военно-промышленнаго комитета и на какомъ-то съѣздѣ, бывшемъ въ Петербургѣ, произнесъ рѣчь, которую можно характеризовать какъ рѣчь «кающагося капиталиста». Это было единственнымъ его общественнымъ выступленіемъ, о которомъ я зналъ. Я не зналъ, что онъ былъ въ довольно, повидимому, тѣсныхъ отношеніяхъ съ Гучковымъ и съ Некрасовымъ и пользовался расположеніемъ Родзянко. До сихъ поръ я точно не знаю, кто выставилъ его кандидатуру. Я слышалъ, что онъ отъ нея упорно отказывался. Въ настоящее время о немъ сохранилось воспоминаніе глазнымъ образомъ, какъ о министрѣ иностранныхъ дѣлъ, пробывшемъ на этомъ посту въ теченіе шести мѣсяцевъ, съ начала Мая по конецъ Октября, когда свергнуто было Вр. Правительство. Какъ министръ финансовъ, онъ — за два мѣсяца пребыванія въ этой должности, — кажется, не оставилъ сколько-нибудь замѣтнаго слѣда. Занятъ онъ былъ главнымъ образомъ выпускомъ

знаменитаго займа свободы. Я помню, что когда ему приходилось докладывать Вр. Правительству, его доклады были всегда очень ясными, не растянутыми, а напротивъ, сжатыми, и прекрасно изложенными. По существу я не берусь судить о его качествахъ, какъ министра финансовъ. Онъ отлично схватывалъ внѣшнюю сторону вещей, умѣлъ ориентироваться, умѣлъ говорить съ людьми — и говорить именно то, что должно было быть пріятно его собесѣднику и соотвѣтствовать взглядамъ послѣдняго. Въ своей дѣятельности, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, онъ задался цѣлью слѣдовать политикѣ Милюкова, но такъ, чтобы совѣтъ рабочихъ депутатовъ ему не мѣшалъ. Онъ хотѣлъ всѣхъ надуть — и одно время это ему удавалось... Въ Сентябрѣ 1917 года соціалисты въ немъ разочаровались и ничего больше отъ него не ждали, а Сухановъ-Гиммеръ на страницахъ «Новой Жизни» уже значительно раньше началъ противъ него кампанію. Въ Іюлѣ и Августѣ онъ, вмѣстѣ съ Некрасовымъ и Керенскимъ, составлялъ тріумвиратъ, направлявшій всю политику Вр. Правительства, — и въ этомъ качествѣ онъ несетъ отвѣтственность за слабость, двуличность, безпринципность и безплодность этой политики, вѣчно лавировавшей, вѣчно искавшей компромисса тогда, когда выходъ изъ положенія могъ заключаться только въ отказѣ отъ компромисса, въ рѣшительности и опредѣленности. Въ Октябрѣ — главнымъ образомъ со времени образованія «Совѣта россійской республики» — Терещенко демонстративно порвалъ съ соціалистами. Я былъ нечаяннымъ свидѣтелемъ его бурнаго объясненія съ Керенскимъ и его настояній, чтобы Вр. Правительство освободило его отъ портфеля министра иностранныхъ дѣлъ, при чемъ онъ указывалъ на меня, какъ на своего преемника. Но все это было слишкомъ поздно. М. И. Терещенка постигла печальная судьба. Онъ хотѣлъ завоевать общія симпатіи, общее расположеніе. Между тѣмъ онъ нигдѣ, рѣшительно ни въ какомъ общественномъ кругѣ, ни въ какой политической группѣ не пустилъ прочныхъ корней, никто имъ не дорожилъ, никто не ставилъ его высоко. Ce n'était pas un camarade. Замѣчательно при этомъ, что дипломатическіе представители союзниковъ относились къ Терещенку съ гораздо большими симпатіями, чѣмъ къ Милюкову. Его soupiesse, самая его свѣтскость, отсутствіе у него твердыхъ убѣжденій, продуманнаго плана, полный его диллетантизмъ въ вопросахъ внѣшней политики, — все это дѣлало изъ него, при данныхъ обстоятельствахъ, человѣка, чрезвычайно удобнаго для разговоровъ. А за все время существованія Вр. Правительства вся наша международная политика ограничивалась разговорами.

Къ концу существованія Вр. Правительства, послѣ ухода изъ его состава Н. В. Некрасова, Терещенко воспылалъ ненавистью къ соціалистамъ. Онъ перемѣнилъ фронтъ. Я имѣю основаніе думать, что на такую перемѣну настроенія повліяла Корниловская исторія. Я не знаю, какъ держался Терещенко въ то время, когда развивалась самая исторія, но его очень потрясло самоубійство Крымова, съ которымъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Травля, поднятая противъ Корнилова всѣмъ «соціалистическимъ фронтомъ», была для него очень тяжела и непріятна, возмущала его: объ этомъ онъ мнѣ самъ говорилъ. На этой почвѣ, я думаю, произошло и нѣкоторое охлажденіе между нимъ и Керенскимъ. Въ то же самое время онъ до самаго конца вѣрилъ — или хотѣлъ вѣрить — въ возможность возрожденія арміи и возстановленія фронта. На эту тему я говорилъ съ

нимъ въ Сентябрѣ или Октябрѣ 1917 года. Онъ категорически утверждалъ, что Алексѣевъ къ веснѣ 1918 года можетъ подготовить новую армію. Когда послѣдній военный министръ Вр. Правительства, ген. Верховскій, прямо заявилъ въ военной комиссіи совѣта республики, что Россія больше воевать не можетъ, Терещенко реагировалъ на это заявленіе очень рѣзко. Его столкновеніе съ Верховскимъ въ засѣданіи комиссіи было однимъ изъ самыхъ памятныхъ эпизодовъ послѣднихъ дней жизни Вр. Правительства.

Увы, приходится признать, что по существу Верховскій былъ правъ...

Резюмируя свое мнѣніе о Терещенкѣ, я сказалъ бы, что при всѣхъ его выдающихся способностяхъ и несомнѣнной bonne volonté, онъ не былъ и не могъ быть на высотѣ политической задачи, выпавшей ему на долю. Роль его была для него столь же не по плечу, какъ и для большинства прочихъ министровъ. Столь же мало, какъ они, могъ онъ «спасти Россію». А въ Мартѣ-Октябрѣ 1917 года Россію приходилось спасать въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова.

Къ числу мало знакомыхъ мнѣ членовъ Вр. Правительства принадлежалъ, наконецъ, и А. И. Коноваловъ — министръ торговли и промышленности. Я въ первый разъ съ нимъ встрѣтился въ Таврическомъ дворцѣ, въ первые же дни революціи, и наблюдалъ его въ теченіе тѣхъ двухъ мѣсяцевъ, что я состоялъ въ должности управляющаго дѣлами Вр. Правительства. Затѣмъ я его совсѣмъ потерялъ изъ виду и встрѣтился съ нимъ вторично уже при Вр. Правительствѣ послѣдней формаціи, въ которомъ онъ былъ замѣстителемъ предсѣдателя.

Вотъ человѣкъ, о которомъ я, съ точки зрѣнія личной оцѣнки, не могъ бы сказать ни одного слова въ сколько-нибудь отрицательномъ смыслѣ. И на посту министра торговли, и позднѣе, когда — къ своему несчастію — онъ счелъ долгомъ патріотизма согласиться на настоянія Керенскаго и вступилъ вновь въ кабинетъ, — притомъ, въ очень отвѣтственной и очень тягостной роли замѣстителя Керенскаго, — онъ неизмѣнно былъ мученикомъ, онъ глубоко страдалъ. Я думаю, онъ ни минуты не вѣрилъ въ возможность благополучнаго выхода изъ положенія. Какъ министръ промышленности, онъ ближе и яснѣе видѣлъ катастрофическій ходъ нашей хозяйственной разрухи. Впослѣдствіи, какъ замѣститель предсѣдателя, онъ столкнулся со всѣми отрицательными сторонами характера Керенскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ Коноваловъ въ Октябрѣ 1917 г. уже совершенно отчетливо сознавалъ, что война для Россіи — кончена. Когда — въ это именно время (даже раньше, въ Сентябрѣ, но уже послѣ образованія послѣдняго кабинета) въ квартирѣ кн. Григорія Николаевича Трубецкого (на Сергіевской, въ домѣ Вейнера, — тамъ, гдѣ мы жили въ 1906—07 году, зимой) собралось совѣщаніе, въ которомъ участвовали Нератовъ, бар. Нольде, Родзянко, Савичъ, Маклаковъ, М. Стаховичъ, Струве, Третьяковъ, Коноваловъ и я (кажется, я перечислилъ всѣхъ; Милюкова не было, онъ въ это время былъ въ Крыму, куда уѣхалъ послѣ Корниловской исторіи), для обсужденія вопроса о томъ, возможно ли и слѣдуетъ ли ориентировать дальнѣйшую политику Россіи въ сторону всеобщаго мира, Коноваловъ самымъ рѣшительнымъ образомъ поддержалъ точку зрѣнія бар. Нольде, который въ подробномъ, очень глубокомъ и тонкомъ

докладѣ доказывалъ необходимость именно такой оріентаціи. Къ несчастію, это было все равно уже слишкомъ поздно...

Но это все касается второго періода дѣятельности Коновалова. Въ первомъ составѣ Вр. Правительства я не помню, чтобы онъ игралъ замѣтную роль. Чаще всего, мнѣ кажется, онъ жаловался; жаловался на то, что Вр. Правительство не въ достаточной степени занято разрухой промышленности, растущей не по днямъ, а по часамъ, — разрухой, въ виду безмѣрно растущихъ требованій рабочихъ. Краснорѣчивымъ онъ никогда не былъ, онъ говорилъ чрезвычайно просто и искренно, такъ-сказать, безхитростно, но мнѣ кажется, что раньше всего въ его обращеніяхъ къ Вр. Правительству зазвучали паническія ноты. И въ частныхъ разговорахъ онъ нерѣдко обращался къ этимъ темамъ, словно искалъ одобренія и нравственной помощи. Для меня представляется неразрѣшимой загадкой, какъ могъ А. И. Коноваловъ пойти вторично во Вр. Правительство, съ его предсѣдателемъ Керенскимъ. Повидимому, онъ счелъ долгомъ патріотизма не отказываться и думалъ, что до Учредительнаго Собранія удастся дотянуть. Этотъ миражъ — Учредит. Собраніе — во многихъ умахъ тогда возбуждалъ совершенно неостижимыя надежды. Но о значеніи идеи Учредит. Собранія въ дѣятельности Вр. Правительства я буду говорить особо...

Въ послѣдній разъ я видѣлся съ А. И. Коноваловымъ при трагическихъ обстоятельствахъ, въ день сверженія Временнаго Правительства, 26 Октября. Объ этомъ днѣ мнѣ также придется говорить въ своемъ мѣстѣ.

До сихъ поръ я касался характеристики и роли во Вр. Правительствѣ тѣхъ лицъ, которыя не являлись моими партійными единомышленниками. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я въ этой обстановкѣ познакомился впервые. Теперь мнѣ остается сказать о четырехъ министрахъ ка-детахъ: Милюковѣ, Шингаревѣ, Некрасовѣ, Мануиловѣ, которыхъ я зналъ давно, хотя личная близость у меня была только съ Милюковымъ.

Меньше всего я зналъ Мануилова. Это, конечно, объясняется тѣмъ, что Мануиловъ — москвичъ, въ засѣданіяхъ Центр. Ком. онъ никогда не принималъ особенно дѣятельнаго участія, а внѣ этихъ засѣданій я почти съ нимъ не встрѣчался. Долженъ сказать, что и за два мѣсяца моего участія въ дѣлахъ Вр. Правительства, Мануиловъ все время оставался въ тѣни. Онъ очень рѣдко, почти никогда не принималъ участія въ страстныхъ политическихъ преніяхъ, происходившихъ въ закрытыхъ засѣданіяхъ. Я припоминаю, что по отношенію къ основной контроверзѣ, возникшей въ первый же мѣсяцъ, — по вопросу внѣшней политики, отношенія къ цѣлямъ войны, — Мануиловъ очень вяло поддерживалъ Милюкова, — я бы сказалъ даже, что фактической поддержки вовсе и не было. Съ другой стороны, Мануиловъ какъ-то скорѣе другихъ проникся безнадежностью въ отношеніи дѣятельности Вр. Правительства вообще и чаще и раньше другихъ говорилъ о необходимости ухода Вр. Правительства, въ виду невозможныхъ условій работы, создаваемыхъ контролемъ и постоянной помѣхой со стороны совѣта рабочихъ депутатовъ. Спеціальная его дѣятельность въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія не отличалась той авторитетностью, которой можно было отъ него ожидать. Очень возможно, что это была не его вина, — не вина его личныхъ качествъ. При другихъ, болѣе нормальныхъ условіяхъ, эти качества сдѣлали бы изъ него образцоваго

министра просвѣщенія, такъ какъ не можетъ быть сомнѣнія ни въ его широкихъ взглядахъ, ни въ его большихъ знаніяхъ, ни въ общихъ положительныхъ сторонахъ его, какъ политика и администратора. Но, по существу, онъ не былъ боевой натурой, борцомъ. Онъ и раньше главнымъ методомъ борьбы избиралъ — подачу въ отставку. Это, можетъ быть, было правильно при Кассо, но здѣсь, въ данный моментъ, требовалось что-то другое. Мануиловъ, быть можетъ, оказался бы вполнѣ подходящимъ на посту министра земледѣлія; — хотя мнѣ представляется, что онъ вообще не походилъ, по своему темпераменту, по настроенію, къ данному революціонному моменту. Онъ не импонировалъ никому. И вмѣстѣ съ тѣмъ, его уравновѣшенной натурѣ духовнаго европейца глубоко претила та атмосфера безудержнаго демагогическаго радикализма, въ которой орудовали всякіе Чарнолусскіе. Помню его отчаяніе во время учительскаго съѣзда. Именно въ области народнаго просвѣщенія зловѣщія стороны нашего радикализма-якобинства выразились особенно рельефно и, если въ концѣ-концовъ эта область получила въ качествѣ руководителя г. Луначарскаго, то здѣсь скорѣе всего можно сказать: tu l'as voulu, Georges Dandin. Среди другихъ министровъ, Мануиловъ имѣлъ исключительно «дурную прессу». На него нападали и справа, и слѣва: справа — за бездѣятельность и апатію передъ растущей революціонной волной, за реформу орографіи (въ которой онъ, какъ извѣстно, былъ не причемъ: это безобразіе лежитъ на совѣсти академіи наукъ). Слѣва его обвиняли въ бюрократизмѣ, въ сохраненіи канцелярской рутины, въ призывѣ дѣятелей стараго режима. Особенное раздраженіе вызвало назначеніе Герасимова. Мануиловъ не умѣлъ отбиваться и огрызаться. Онъ приходилъ въ уныніе и отчаяніе. Въ сущности говоря, онъ, быть можетъ, былъ вполнѣ правъ, признавая положеніе безнадежнымъ. Но и въ этомъ случаѣ ему слѣдовало дѣйствовать иначе: рѣшительнѣе, — я бы сказалъ — демонстративнѣе. При всѣхъ своихъ достоинствахъ, онъ остался какой-то тусклой фигурой и, если всѣ привѣтствовали его назначеніе, то уходъ его и замѣна С. Ф. Ольденбургомъ не только не вызвали ни съ чьей стороны сожалѣнія, но даже въ симпатизирующихъ ему кругахъ оцѣнивались скорѣе положительно, чѣмъ отрицательно.

Труднѣе всего мнѣ говорить о Некрасовѣ. Я уже упоминалъ, въ началѣ моихъ записокъ, что, вслѣдствіе моего продолжительнаго отсутствія въ Центр. Комитетѣ, я былъ очень плохо освѣдомленъ насчетъ создавшихся тамъ (и въ Госуд. Думѣ) личныхъ взаимоотношеній. Только значительно позднѣе моего вступле..ія въ должность управляющаго дѣлами Вр. Правительства я имѣлъ бесѣду съ А. И. Шингаревымъ, который раскрылъ мнѣ глаза. Онъ разсказалъ мнѣ про ту «подземную войну», которую издавна велъ Некрасовъ противъ Милюкова. Я тогда только понялъ многое въ поведеніи Некрасова, котораго я до того, по старой памяти, считалъ однимъ изъ самыхъ преданныхъ Милюкову друзей. Но все-таки для меня оставалось неяснымъ, къ чему стремится Некрасовъ. Однако, съ каждымъ днемъ все яснѣе обозначался уклонъ Некрасова въ сторону соціалистовъ, приближеніе его къ Керенскому, на котораго онъ пріобрѣталъ все большее и большее вліяніе и съ которымъ все чаще и чаще пѣлъ въ унисонъ. — Я все-таки недостаточно близко знаю Некрасова, чтобы съ увѣренностью судить о немъ, но я боюсь, что втеченіе своего пребыванія у власти онъ

прежде всего, больше всего руководимъ былъ побужденіями честолюбія. Онъ стремился играть первую роль, — и онъ достигъ цѣли, но лишь для того, чтобы вдохновить постыдное поведеніе Керенскаго въ дѣлѣ Корнилова и затѣмъ сойти со сцены съ поврежденной политической репутаціей, оставленный всѣми прежними друзьями (даже такимъ преданнымъ и близкимъ, какъ И. П. Демидовъ), съ кличкой «злого генія русской революціи». А между тѣмъ Некрасовъ, по моему глубокому убѣжденію, одинъ изъ немногихъ крупныхъ людей, выдвинувшихся на политической аренѣ за послѣдніе годы. У него огромныя дѣловыя способности, умѣніе ориентироваться, широкій кругозоръ, практическая смѣтка. Человѣкъ умный, хитрый, краснорѣчивый, онъ умѣетъ казаться искреннимъ и простодушнымъ, когда это нужно. Но, очевидно, этическія его свойства (говорю, разумѣется, не о личныхъ, а объ общественно-политическихъ) не находятся на высотѣ его интеллектуальныхъ качествъ. Я охотно вѣрю, что въ концѣ концовъ онъ стремился къ побѣдѣ тѣхъ идей, которыя объединяли его съ товарищами по партіи. Но для этого онъ избралъ путь необычайно извилистый и въ концѣ концовъ зашелъ въ тупикъ. Мнѣ представляется, что въ данный моментъ (1918 годъ) онъ долженъ быть однимъ изъ несчастнѣйшихъ людей и что его политическая карьера завершилась окончательно. Довѣрія онъ ни· въ комъ больше не вызоветъ, а довѣріе есть, какъ ни какъ, абсолютно необходимое условіе для политическаго дѣятеля. Разъ проявленная двуличность — никогда не забывается. Некрасовъ оставилъ именно впечатлѣніе двуличности, — маски, скрывающей подлинное лицо. И это особенно чувствуется потому, что всѣ его внѣшніе пріемы подкупаютъ своимъ видимымъ добродушіемъ. «Faux bonhomme» — какъ выражаются мѣтко французы — пожалуй, самая непріятная разновидность человѣка вообще, политическаго дѣятеля въ частности.

Въ концѣ концовъ, если имѣть въ виду, что ка-детскій элементъ въ составѣ Вр. Правительства олицетворялся прежде всего Милюковымъ, приходится сказать, что только одинъ Шингаревъ былъ безусловно, всей душой и до конца, поддержкой и помощью лидера партіи.

Когда я пишу эти строки, прошло уже болѣе полугода со дня трагической смерти Шингарева, — и все же какъ-то трудно, даже въ этихъ запискахъ съ полной свободой говорить о покойномъ. Слишкомъ крупной цѣной заплатилъ онъ за подвигъ своей жизни. Но все же я постараюсь и здѣсь писать всю правду, какъ она мнѣ представляется. А правда эта заключается въ томъ, что Шингаревъ всю свою жизнь оставался по существу тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ бы остаться при болѣе нормальныхъ условіяхъ: русскимъ провинціальнымъ интеллигентомъ, представителемъ третьяго элемента, очень способнымъ, очень трудолюбивымъ, съ горячимъ сердцемъ и высокимъ строемъ души, съ кристально-чистыми побужденіями, чрезвычайно обаятельнымъ и симпатичнымъ, какъ человѣкъ, но въ концѣ концовъ, «разсчитаннымъ» не на государственный, а на губернскій или уѣздный масштабъ. Совершенно случайно онъ сдѣлался финансистомъ. Благодаря своему таланту и трудолюбію, онъ въ этой области настолько освоился, что могъ удачно выступать на думской трибунѣ въ оппозиціонномъ направленіи и одерживать побѣды. Но настоящимъ знатокамъ — теоретикамъ и практикамъ — онъ совершенно не могъ импонировать. Слишкомъ очевиденъ былъ его дилеттантизмъ, слабая подготовка, ограниченный

кругозоръ. Благодаря личнымъ своимъ качествамъ, своей удивительной привлекательности, онъ въ Думѣ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ, самыхъ любимыхъ депутатовъ. Пресса съ нимъ носилась. Правительство очень съ нимъ считалось. Масса народу по тѣмъ или другимъ причинамъ къ нему обращалась ежедневно. Въ партіи его популярность была огромна. Если она уступала популярности Милюкова, то развѣ только въ томъ смыслѣ, что Милюковъ ставился выше, какъ умственная величина, какъ духовный вождь и руководитель, какъ государственный человѣкъ, — но Шингарева больше любили, особенно въ провинціи, гдѣ его выступленія — доклады, лекціи — всегда пользовались исключительнымъ успѣхомъ. Средніе круги чувствовали больше свою духовную связь съ Шингаревымъ, чѣмъ съ Милюковымъ. Онъ былъ имъ ближе, казался болѣе с в о и м ъ. Какъ ораторъ, Шингаревъ уступалъ, разумѣется, и Маклакову, и Родичеву (когда Ф. И. въ ударѣ). Сила въ немъ чувствовалась очень рѣдко. Образности, яркости въ его рѣчахъ не найти. Приковывать вниманіе, ударять по сердцамъ, потрясать — онъ совершенно не могъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этихъ рѣчахъ — всегда къ тому же, очень многословныхъ — не чувствовался тотъ огромный запасъ идей и знаній, который такъ явственно ощущался у Милюкова. Онъ не очаровывалъ, какъ Маклаковъ, не волновалъ и не натягивалъ нервовъ, какъ Родичевъ. Но онъ говорилъ легко и свободно, ходъ его мыслей всегда былъ очень ясенъ и доступенъ, перѣдко его полемика бывала находчивой и остроумной, манера и голосъ очень подкупали. Если его можно было безъ всякаго сожалѣнія перестать слушать, то почти никогда не приходилось чувствовать, что его и не стоило слушать. Достоевскій говоритъ въ «Бѣсахъ», что ни одного оратора нельзя слушать больше 20 минутъ. Для нашей провинціальной публики это совершенно не вѣрно. Она любитъ многословіе и принимаетъ испытываемую ею скуку за доказательство серьёзности и цѣнности рѣчи или лекціи. Недаромъ пользовались всегда въ провинціи огромнымъ успѣхомъ такія сѣрыя бездарности, какъ Гредескулъ.

Къ концу четвертой Думы авторитетъ Шингарева стоялъ очень высоко. И для всякаго объективнаго наблюдателя былъ ясенъ ростъ его самомнѣнія и самоувѣренности, въ особенности послѣ заграничной поѣздки членовъ Думы весною 1916 года. Чувствовалось, что у Шингарева слегка кружилась голова отъ той высоты, на которую его, скромнаго земскаго врача, вознесла не случайная удача, не чужая рука, а его собственная работа. Безъ Госуд. Думы Шингаревъ прожилъ бы честную и чистую жизнь интеллигентнаго мѣстнаго дѣятеля, самоотверженнаго труженика. Госуд. Дума выдвинула его въ первые ряды и подготовила всѣхъ къ тому, что Шингаревъ явился однимъ изъ безспорнѣйшихъ кандидатовъ на министерскій портфель, какъ только старая бюрократія пала. И здѣсь онъ сразу утонулъ въ морѣ непомѣрной, недоступной силамъ одного человѣка работы. Онъ мало кому довѣрялъ, мало на кого полагался. Онъ хотѣлъ самъ во все входить, а это было физически невозможно. Онъ работалъ, вѣроятно 15—18 часовъ въ день, сразу переутомился, и какъ-то очень скоро потерялъ бодрость и жизнерадостность. Въ засѣданіяхъ Вр. Правительства онъ выступалъ очень много, но здѣсь-то именно и оказались недостаточными его силы. Онъ и въ этихъ засѣданіяхъ чувствовалъ себя на трибунѣ Государственной Думы, говорилъ длительно, страшно многорѣчиво,

утомлялся самъ и утомлялъ другихъ до крайности. При этомъ нельзя было обидѣть его ничѣмъ больше, какъ словами: «Андрей Иванычъ, нельзя ли покороче». Онъ въ этихъ случаяхъ отвѣчалъ: «Я могу и совсѣмъ не говорить», тѣмъ самымъ заставляя упрашивать себя... Къ Керенскому, ко всему соціалистическому болоту онъ относился отрицательно и враждебно, но не только не могъ энергически съ ними бороться, а наоборотъ, такими мѣропріятіями, какъ созданіе земельныхъ комитетовъ и передача имъ необрабатываемыхъ помѣщичьихъ земель, а также (уже па посту министра финансовъ) ничѣмъ неоправдываемымъ и ни съ чѣмъ несообразнымъ повышеніемъ ставокъ подоходнаго налога, онъ игралъ въ руку соціалистамъ, наживая себѣ непримиримыхъ враговъ въ средѣ земельныхъ собственниковъ и имущихъ классовъ вообще. Своему закону о введеніи хлѣбной монополіи онъ самъ плохо вѣрилъ. Кстати сказать, установленныя въ этомъ законѣ цѣны вплоть до послѣдней минуты безпрестанно мѣнялись. Кажется, въ концѣ концовъ пришлось на многія изъ нихъ махнуть рукой. По вопросамъ общеполитическимъ и внѣшней политики Шингаревъ былъ неизмѣнно на сторонѣ Милюкова, но я не припоминаю какихъ-либо сильныхъ или яркихъ его выступленій. Послѣ своего окончательнаго ухода изъ состава Вр. Правительства, Шингаревъ сталъ чрезвычайно раздражительнымъ, желчнымъ, — я бы сказалъ — озлобленнымъ. Въ Центр. Комитетѣ было трудно съ нимъ спорить, такъ какъ всякое возраженіе воспринималось имъ очень болѣзненно, словно нѣчто, лично противъ него направленное. Онъ говорилъ порою чрезвычайно рѣзко. Личныя несчастія (смерть жены), постигшія его въ этотъ періодъ времени, надо думать, сильно потрясли его и безъ того измученные нервы. Онъ сталъ тяжелымъ, и лишь по отношенію къ немногимъ (ко мнѣ въ томъ числѣ) онъ сохранилъ вполнѣ и прежнюю манеру, и прежнее обращеніе. Н. И. Лазаревскій разсказывалъ мнѣ, что съ Шингаревымъ было очень трудно работать. Онъ — по словамъ Н. И. — былъ необыкновенно подозрителенъ и недовѣрчивъ по отношенію ко всѣмъ тѣмъ, кто его окружалъ, за исключеніемъ небольшого кружка близкихъ ему лицъ, лично имъ избранныхъ. Гибель его въ Январѣ 1918 г. одинъ изъ самыхъ трагическихъ и въ тоже время безсмысленныхъ эпизодовъ кровавой исторіи большевизма.

Какъ мнѣ уже, кажется, пришлось выше сказать, несомнѣнно, что во Вр. Правительствѣ перваго состава самой крупной величиной — умственной и политической — былъ Милюковъ. Его я считаю, вообще, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ людей и хотѣлъ бы попытаться дать ему болѣе подробную характеристику.

Мнѣ много и часто приходилось слушать Милюкова: въ Центральномъ Комитетѣ, на партійныхъ съѣздахъ и собраніяхъ, на митингахъ и публичныхъ лекціяхъ, въ государственныхъ учрежденіяхъ. Его свойства, какъ оратора, тѣсно связаны съ основными чертами его духовной личности. Удачнѣе всего онъ бываетъ тогда, когда приходится вести полемическій анализъ того или другого положенія. Онъ хорошо владѣетъ ироніей и сарказмомъ. Своими великолѣпными схемами, подкупающими логичностью и ясностью, онъ можетъ раздавить противника. На митингахъ, ораторамъ враждебныхъ партій никогда не удавалось смутить его, заставить растеряться. О внѣшней формѣ своей рѣчи онъ мало заботится. Въ ней нѣтъ образности, пластической красоты. Но въ ней никогда нѣтъ того, что французы называютъ

du remplissage. Если онъ и въ рѣчахъ, и въ писаніяхъ бываетъ многословенъ, то это только потому, что ему необходимо съ исчерпывающей полнотой высказать свою мысль. И тутъ также сказывается его полное пренебреженіе къ внѣшней обстановкѣ, соединенное съ рѣдкой неутомимостью. Въ поздніе ночные часы, послѣ цѣлаго дня жаркихъ преній, когда доходитъ до него очередь, онъ неторопливо и методически начинаетъ свою рѣчь, и тотчасъ же для него исчезаютъ всѣ побочныя соображенія: ему нѣтъ дѣла до утомленія слушателей, онъ не обращаетъ вниманія на то обстоятельство, что они, быть можетъ, просто не въ состояніи слѣдить за теченіемъ его мыслей. И въ газетныхъ своихъ статьяхъ ему также нѣтъ дѣла до соображеній чисто журналистическихъ. Если ему нужно 200 строкъ, онъ напишетъ 200 строкъ, но если въ нихъ не умѣстится его мысль и его аргументація, ему совершенно будетъ безразлично, что передовая статья растянется на три газетныхъ столбца.

И Милюковъ, какъ и многіе другіе, живетъ и жилъ въ крайне неблагопріятный для его личныхъ дарованій историческій моментъ. Волею судебъ Милюковъ оказался у власти въ такое время, когда прежде всего необходима была сильная, не колеблющаяся и не отступающая передъ самыми рѣшительными дѣйствіями власть, — когда требовалась высшая степень единства и солидарности членовъ правительства, полное ихъ довѣріе другъ къ другу. Онъ очутился во главѣ вѣдомства, дѣлающаго иностранную политику, причемъ во взглядахъ на предпосылки этой политики существовало глубокое разногласіе между Милюковымъ и тѣмъ теченіемъ, которое олицетворялось въ Керенскомъ. Керенскій въ моемъ присутствіи причислялъ себя, если не прямо къ циммервальдцамъ, то во всякомъ случаѣ къ элементамъ, духовно очень близкимъ Циммервальду. Милюковъ и въ прессѣ, и съ трибуны Госуд. Думы, съ самаго начала велъ упорную борьбу съ Циммервальдомъ. Онъ былъ абсолютно чуждъ и враждебенъ идеѣ мира безъ аннексій и контрибуцій. Онъ считалъ, что было бы и нелѣпо и просто преступно съ нашей стороны, отказаться отъ «самаго крупнаго приза войны» (такъ Грей называлъ Константинополь и проливы) во имя гуманитарно-космополитическихъ идей интернаціональнаго соціализма. А главное — онъ вѣрилъ, что этотъ призъ дѣйствительно не вышелъ изъ нашихъ рукъ. Это находится въ связи съ общими его взглядами на значеніе революціи для войны. Здѣсь — самый ключъ къ пережитой Россіей трагедіи.

Хорошо извѣстно, какъ относился Милюковъ къ угрозѣ надвигающейся войны въ Іюнѣ и Іюлѣ 1914 года. Онъ писалъ о ней, какъ о грозной и страшной опасности, чреватой огромными бѣдствіями. Конечно, ни онъ, ни кто другой изъ политическихъ дѣятелей не отдавалъ и не могъ себѣ отдавать отчета въ томъ, во что Европу превратитъ война — и что она сдѣлаетъ съ Россіей. И прежде всего, ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не повѣрилъ бы, еслибы ему сказали въ 1914 году, что тогдашніе тринадцатилѣтніе дѣти окажутся участниками войны, — что черезъ четыре года она будетъ въ полномъ разгарѣ и что къ этому времени будетъ мало надежды на сколько-нибудь близкій ея конецъ. Но все же Милюковъ хорошо сознавалъ, во-первыхъ, какой страшный рискъ сопряженъ для Россіи съ объявленіемъ европейской войны, и во-вторыхъ — какъ трудно ожидать, чтобы «историческая власть», оказавшаяся столь безнадежно

и безгранично бездарной и несостоятельной въ дѣлѣ мирнаго управленія Россіей, могла вырости до высоты той задачи, которая ей выпадала. Поэтому, въ рядѣ статей въ «Рѣчи», онъ со всею силою убѣжденія призывалъ къ хладнокровію и самообладанію, къ умѣренности. Хорошо также извѣстно, съ какой злобой тогда на него обрушилась наша вопиствующая націоналистическая пресса, съ «Новымъ Временемъ» во главѣ. Рѣчь шла о «заступничествѣ за Сербію» и, такъ какъ Милюковъ считался болгарофиломъ, а слѣдовательно — сербофобомъ, то въ его выступленіяхъ усмотрѣли — или имъ приписали — враждебное отношеніе къ «маленькой Сербіи» и равнодушіе къ международному престижу Россіи. Поднялась бѣшеная травля, имѣвшая результатомъ закрытіе «Рѣчи» (правда, кратковременное) въ день объявленія войны. Война началась, — и сразу же Милюковъ занялъ по отношенію къ ней совершенно опредѣленное положеніе. И въ Госуд. Думѣ, и въ партіи, и на страницахъ «Рѣчи» онъ повелъ энергичнѣйшую кампанію въ направленіи поднятія военнаго энтузіазма. Лозунгъ «война до побѣднаго конца» относится къ позднѣйшему времени, но корни его доходятъ до самыхъ первыхъ дней войны. Когда выяснилось, что Англія присоединяется къ Франціи и Россіи, убѣжденіе въ возможности быстраго окончанія войны и разгрома Германіи стало положительно господствующимъ. Я живо помню, какъ въ Августѣ или Сентябрѣ гр. П. Н. Игнатьевъ (давній мой другъ, съ которымъ я въ студенческіе годы былъ очень близокъ), встрѣченный мною за обѣдомъ въ ресторанѣ, совершенно серьёзно и, повидимому, самъ вполнѣ вѣря въ осуществимость этого плана, разсказывалъ мнѣ, что Ренненкампфъ идетъ прямо на Берлинъ, обходя крѣпости и оставляя заслоны, и что онъ ручается головой, что черезъ два мѣсяца будетъ въ Берлинѣ. Я также помню, какъ я впервые изъ Старой Руссы, гдѣ формировалась моя дружина, писалъ А. И. Кампикѣ о томъ, что я съ каждымъ днемъ убѣждаюсь въ огромности начатаго предпріятія и въ невозможности сколько-нибудь скораго его осуществленія. Но первые наши успѣхи въ Восточной Пруссіи, а потомъ и въ Галиціи, очень укрѣпили наши надежды, — и только страшныя неожиданности второй половины зимы 1914—1915 года обнаружили, какъ легковѣсны онѣ были. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣзко измѣнилась тактика Госуд. Думы въ отношеніи правительства. Mot d'ordre'омъ осени 1914 года была поддержка кабинета, нѣчто въ родѣ французскаго «Union Sacré». Но къ веснѣ 1915 года обнаружилось, что поддерживать Сухомлинова, Маклакова и Щегловитова значитъ вести Россію сознательно къ пораженію и къ катастрофѣ. И началась борьба. Ходъ и перипетіи этой борьбы извѣстны. Извѣстна и роль, которую игралъ въ ней Милюковъ, и вотъ тутъ съ самаго начала и сказалось то трагическое недоразумѣніе, которое отразилось на всемъ теченіи русской революціи и привело къ гибели Россіи.

Во имя чего велась борьба? Очевидно, прежде всего и, такъ сказать, ex professo — во имя созданія въ Россіи такого правительства, которое было бы способно исправить уже сдѣланныя ошибки и заблужденія, и успѣшно организовать снабженіе и пополненіе арміи. Другими словами, борьба имѣла цѣлью поставить такую власть, которая бы лучше, умѣлѣе воевала. Между тѣмъ, всѣ правительственныя перемѣщенія пріобрѣтали все болѣе и болѣе характеръ какой-то безумной министерской чехарды. Люди приличные и дѣльные, въ родѣ кн. Щербатова или Поливанова, недолго

пробыли на своихъ постахъ. На ихъ мѣста назначались либо такія несостоятельныя бездарности, какъ ген. Шуваевъ, либо прямо зловѣщія фигуры, вродѣ Алексѣя Хвостова, а впослѣдствіи Штюрмера. Чувствовалось дыханіе безумія и смерти. За кулисами орудовали Распутинъ, кн. Андроникова и другіе проходимцы. Царь, съ самаго начала войны и до катастрофы, постигшей его въ первые дни Марта 1917 года, абсолютно не отдавалъ себѣ отчета въ роковомъ значеніи развертывающихся событій. Тѣ, кто пережилъ въ Петербургѣ зимы 1915—1916 и 1916—1917 гг., хорошо помнятъ, какъ съ каждымъ днемъ паростало сознаніе какой-то неизбѣжной катастрофы. Мнѣ передавали, что еще въ 1914 г., въ засѣданіи Центральнаго Комитета партіи к. д., немедленно послѣ начала войны (я въ это время уже былъ въ Старой Руссѣ), Родичевъ воскликнулъ: «Да неужели вы думаете, что съ этими дураками можно побѣдить?» Постепенно выяснялось, что безуміе нашей внутренней политики, тотъ духъ безотвѣтственнаго авантюризма, полнаго пренебреженія къ интересамъ родины, которымъ вѣяло вокругъ трона, вполнѣ отчужденнаго отъ всей страны, занятаго слабымъ, ничтожнымъ, двуличнымъ человѣкомъ, — все это должно было повести либо къ необходимости заключить сепаратный миръ, либо къ перевороту. И передовое русское общественное мнѣніе, давно извѣрившееся въ Николаѣ II, постепенно пришло къ сознанію, что, какъ краснорѣчиво выразился Кокошкинъ въ своей рѣчи о республикѣ и монархіи, нельзя одновременно быть съ царемъ и быть съ Россіей, — что быть съ царемъ значитъ быть противъ Россіи.

1 Ноября 1916 года Милюковъ произнесъ свою знаменитую рѣчь на тему: «Глупость или измѣна?» Направленная непосредственно противъ Штюрмера, рѣчь эта мѣтила, однако, гораздо выше. Имя императрицы Александры Ѳеодоровны въ ней прямо упоминалось. Всѣ помнятъ, какое она произвела огромное впечатлѣніе, но не всѣ, вѣроятно, отдавали себѣ отчетъ въ ея будущихъ послѣдствіяхъ. Только гораздо позже, уже послѣ переворота, стало ходячимъ, особенно въ устахъ друзей Милюкова, утвержденіе, что съ рѣчи 1 Ноября слѣдуетъ датировать начало русской революціи. Самъ Милюковъ, я думаю, смотрѣлъ на дѣло иначе. Онъ боролся за министерство общественнаго довѣрія, за изолированіе и обезсиленіе царя (разъ выяснилось, что ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ условіяхъ царь не можетъ стать положительнымъ факторомъ въ управленіи страною и въ дѣлѣ веденія войны), за возможность активнаго и отвѣтственнаго участія творческихъ силъ въ государственной работѣ. Думаю, что въ теченіе зимы 1916—1917 гг. для него выяснилась необходимость болѣе рѣшительнаго переворота собственно въ отношеніи Николая II. Но я полагаю, что онъ, какъ и многіе другіе, представлялъ себѣ скорѣе нѣчто въ родѣ нашихъ дворцовыхъ переворотовъ XVIII вѣка и не отдавалъ себѣ отчета въ глубинѣ будущихъ потрясеній. Съ другой стороны основная позиція Милюкова по отношенію къ войнѣ становилась все болѣе и болѣе рѣшительной, все тѣснѣе связывалась съ позиціей союзниковъ, въ частности Англіи, и дѣлалась все непримиримѣе въ отношеніи Германіи. Я хорошо помню, какое впечатлѣніе произвелъ онъ на меня и на нѣкоторыхъ близкихъ людей, собравшихся за обѣдомъ у І. В. Гессена въ тотъ день, когда телеграфъ принесъ извѣстіе о первыхъ германскихъ мирныхъ предложеніяхъ. Для насъ это было фактомъ потрясающаго значенія, прежде всего

потому, что въ немъ блеснулъ лучъ слабой и очень отдаленной, но все же — надежды на возможность мира. Съ такой стороны мы прежде всего и оцѣнивали этотъ фактъ. Милюковъ сразу и рѣшительно облилъ насъ ледяной водой. Спокойно и даже весело онъ заявилъ, что германскія предложенія имѣютъ значеніе только постолько, поскольку они свидѣтельствуютъ о тяжеломъ положеніи Германіи, — что въ этомъ только смыслѣ ихъ слѣдуетъ понимать и привѣтствовать, но что единственное возможное реагированіе на нихъ — это категорическое и возможно болѣе рѣзкое ихъ отклоненіе. Очевидно, только глубочайшая вѣра въ «побѣдный конецъ» и въ возможность для Россіи вести войну до такого конца, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться его плодами, диктовали Милюкову такое отношеніе. Самъ Милюковъ недавно въ одномъ письмѣ назвалъ то настроеніе, которое владѣетъ руководящими кругами въ Европѣ, «военнымъ азартомъ». Я думаю, что этотъ азартъ лежитъ въ основѣ всей международной политики съ начала войны. Вступленіе въ нее Италіи, потомъ Румыніи, а, позднѣе всѣхъ, — Америки диктовалось не какими-либо правильно понятыми и законными національными интересами, а тѣмъ менѣе какими-либо соображеніями или побужденіями политической этики, а всецѣло азартомъ, развивающимся въ душѣ того, кто присутствуетъ при огромной игрѣ съ колоссальными ставками и знаетъ, что отъ него зависитъ принять участіе въ этой игрѣ, тѣмъ самымъ обезпечивая себѣ участіе въ будущемъ дѣлежѣ добычи. Извѣстные договоры съ Италіей и Румыніей иного значенія, какъ договоровъ о дѣлежѣ добычи, не имѣютъ. Конечно, къ этой добычѣ стремились во имя національныхъ, а не какихъ-либо личныхъ интересовъ. Конечно и Милюковъ, ухватившійся и до самаго конца цѣпко державшійся за обѣщаніе Константинополя и проливовъ, думалъ только о благѣ Россіи. Но въ концѣ концовъ всѣ завоевательныя стремленія точно также могутъ быть всегда оправдываемы ссылкой на заботу о благѣ страны. Подлинное отношеніе Милюкова къ войнѣ гораздо ближе всегда было къ Romain Rolland, чѣмъ къ Barrès и Action française. Тотъ кругъ идей и настроеній, который владѣлъ Милюковымъ въ годы 1914—1917, былъ лишь поверхностной накипью, онъ даже ощущался Милюковымъ, какъ нѣчто ему чуждое, и выходъ изъ этого круга идей и настроеній долженъ былъ ощущаться имъ какъ «духовное» освобожденіе. Какъ я себѣ представляю, это освобожденіе состоитъ въ возвращеніи къ объективнымъ критеріямъ, соотвѣтствующимъ не той или другой ближайшей цѣли практической политики, а основнымъ идеямъ справедливости, гуманности, отрицанія крови и насилія.

Какъ бы то ни было, изъ того, что сказано въ предшествующихъ строкахъ, уже вытекаетъ съ полной очевидностью неизбѣжность будущихъ конфликтовъ, какъ въ средѣ самого Вр. Правительства, такъ и между нимъ и окружавшими его элементами, наиболѣе причастными къ революціонному движенію въ тѣсномъ смыслѣ слова. Самой вліятельной фигурой въ составѣ Вр. Правительства оказался «заложникъ демократіи» — Керенскій. Еслибы кому-нибудь пришло въ голову, въ день образованія Вр. Правительства назвать Керенскаго военнымъ министромъ, то, я думаю, самъ Керенскій, несмотря на свой безграничный апломбъ, смутился бы. А всѣ другіе приняли бы такое предложеніе за насмѣшку, за глупую шутку. Между тѣмъ, черезъ два мѣсяца Керенскій оказался «провиденціальнымъ» военнымъ министромъ. Въ еще большей степени это приходится сказать о верховномъ главнокоман-

дующемъ. Я помню продолжительное засѣданіе въ Маріинскомъ дворцѣ, посвященное обсужденію и рѣшенію вопроса о томъ, кого слѣдуетъ назначить на эту должность — Алексѣева (въ то время бывшаго начальникомъ штаба Верх. Главнокомандующаго) или Брусилова. За послѣдняго особенно стоялъ Родзянко. Я представляю себѣ, какой эффектъ произвело бы, при этихъ условіяхъ, предложеніе кандидатуры Керенскаго. И оно, навѣрно, сочтено бы было просто за шутку дурного тона. И оно, опять-таки, осуществилось нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Мнѣ кажется, нѣтъ лучшаго критерія степени стремительности въ дѣлѣ возобладанія идей Циммервальда и связаннаго съ нимъ разрушенія нашей арміи, какъ эти два назначенія. Но, въ сущности говоря, зачатки будущаго разложенія уже заключались въ томъ фактѣ, что основной вопросъ — отношеніе къ войнѣ — былъ, при составленіи Вр. Правительства, обойденъ: иначе, какъ допустить, что въ рядахъ его вмѣстѣ съ Милюковымъ оказался Керенскій, взгляды котораго достаточно были извѣстны изъ его рѣчей въ Госуд. Думѣ?

Нужно замѣтить, что въ первые дни и даже недѣли существованія Вр. Правительства вопросы внѣшней политики, связанные съ войной, какъ-то совсѣмъ не выдвигались. Оставалось нераскрытымъ глубокое внутреннее противорѣчіе, заключавшееся въ томъ, что переворотъ, будучи фактически результатомъ военнаго бунта, по существу долженъ былъ повести къ разрушенію дисциплины и разложенію сперва въ Петербургскомъ гарнизонѣ, а затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ этотъ гарнизонъ становился питомникомъ большевизма, очагомъ заразы, — разложеніе должно было проникнуть и дальше; между тѣмъ, по оффиціальной идеологіи, революція должна была поднять нашу военную силу, такъ какъ отнынѣ войска боролись не за ненавистный самодержавный строй, а за освобожденную Россію. Извѣстно, что въ первое время многіе наивные люди думали (и даже писали въ газетахъ), будто Германія очень была смущена патріотическимъ порывомъ русской революціи; она-де сперва возложила на эту революцію большія надежды, но теперь должна убѣдиться, что «сознательная» русская армія, завоевавшая себѣ свободу, будетъ для нея гораздо страшнѣе... и т. д. Не знаю, вѣрилъ ли кто въ самомъ дѣлѣ этому вздору, но, повторяю, онъ былъ не только развиваемъ на страницахъ газетъ, но многократно и настойчиво преподносился оффиціально (напр., при пріёмахъ пословъ, а также многочисленныхъ военныхъ депутацій, которыя стали являться въ концѣ Марта). А между тѣмъ незамѣтно и помаленьку начался подкопъ противъ лозунга «войны до побѣднаго конца», во имя другого — «мира безъ аннексій и контрибуцій». Постепенно начались въ составѣ Вр. Правительства жалобы на то, что Милюковъ ведетъ какую-то свою международную политику и ведетъ ее совершенно самостоятельно. Начало обнаруживаться внутреннее расхожденіе, но на первыхъ порахъ довольно неясно и нерѣшительно. Если я не ошибаюсь, впервые вопросъ былъ поставленъ рѣзко послѣ появленія въ печати бесѣды съ Милюковымъ по вопросу о задачахъ войны (въ № отъ 23 Марта «Рѣчи»), за недѣлю, приблизительно, было опубликовано пресловутое воззваніе совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ къ народамъ всего міра (отъ 14 Марта), въ которомъ впервые показала свое истинное лицо группа вожаковъ Исполнительнаго Комитета. Ничего, конечно, нельзя себѣ представить болѣе противуположнаго другъ другу, чѣмъ эти два документа. Не знаю, подъ вліяніемъ ли своихъ друзей, или непосредственно — Керенскій

былъ приведенъ опубликованіемъ бесѣды съ Милюковымъ въ состояніе большого возбужденія. Кажется, онъ только-что вернулся изъ Москвы. Я живо помню, какъ онъ принесъ съ собой въ засѣданіе номеръ «Рѣчи» и — до прихода Милюкова, — по свойственной ему манерѣ, неестественно похохатывая, стуча пальцами по газетѣ, приговаривалъ: «Ну нѣтъ, этотъ номеръ не пройдетъ». Когда вопросъ былъ поставленъ, Милюковъ заявилъ, что его бесѣда появилась въ противовѣсъ интервью съ Керенскимъ, напечатаннымъ, если не ошибаюсь, въ Московскихъ газетахъ. Не помню, въ этомъ ли именно или въ другомъ, близкомъ по времени, совѣщаніи Керенскій въ очень рѣзкой формѣ доказывалъ Милюкову, что если при «царизмѣ» (одно изъ гнусныхъ выраженій революціоннаго жаргона, чуждаго духу русскаго языка) у министра иностранныхъ дѣлъ не могло и не должно было быть своей политики, а была политика императора, то и теперь у министра иностранныхъ дѣлъ не можетъ быть своей политики, а есть только политика Вр. Правительства. «Мы для Васъ — Государь Императоръ». Милюковъ, внѣшне хладнокровно, но внутренно сильно возбужденный, на это отвѣчалъ приблизительно такъ: «Я и считалъ, и считаю, что та политика, которую я провожу, — она и есть политика Вр. Правительства. Если я ошибаюсь, пусть это мнѣ будетъ прямо сказано. Я требую опредѣленнаго отвѣта и въ зависимости отъ этого отвѣта буду знать, что мнѣ дальше дѣлать». Здѣсь былъ прямой и рѣшительный вызовъ, и на этотъ разъ Керенскій спасовалъ. Устами кн. Львова Вр. Правительство удостовѣрило, что Милюковъ ведетъ не свою самостоятельную политику, а ту, которая соотвѣтствуетъ взгляду и планамъ Вр. Правительства. Выходъ изъ получившагося неловкаго положенія былъ найденъ въ томъ, чтобы принять за правило — не давать на будущее время никакихъ отдѣльныхъ политическихъ интервью. Въ то же самое время было выражено пожеланіе, чтобы Милюковъ возможно скорѣе сдѣлалъ Вр. Правительству подробный докладъ съ цѣлью полнаго его ознакомленія съ международнымъ положеніемъ во всѣхъ его деталяхъ и, прежде всего, со всѣми знаменитыми «тайными договорами». Это было сдѣлано уже въ первой половинѣ Апрѣля, но еще до того, въ концѣ Марта, опубликована была декларація Вр. Правительства по вопросу о задачахъ войны.

Иниціатива этой декларації исходила отъ Церетели. Примѣрно въ серединѣ Марта онъ вернулся изъ ссылки и въ началѣ 20-хъ чиселъ появился въ контактной комиссіи, замѣнивъ Стеклова. Онъ съ особенной настойчивостью, съ самаго начала, — вѣроятно, въ первомъ же засѣданіи, въ которомъ онъ участвовалъ, сталъ проводить мысль, что нужно, не теряя времени обратиться къ арміи, къ населенію, съ торжественнымъ заявленіемъ, заключающимъ въ себѣ, во-первыхъ, рѣшительный разрывъ съ имперіалистическими стремленіями и, во-вторыхъ, обязательство безотлагательно предпринять шаги, направленные къ достиженію всеобщаго мира. Онъ доказывалъ, что если Вр. Правительство сдѣлаетъ такую декларацію, послѣдуетъ небывалый подъёмъ духа въ арміи, что ему и его единомышленникамъ можно будетъ тогда съ полной вѣрой и съ несомнѣннымъ успѣхомъ приступить къ сплачиванію арміи вокругъ Вр. Правительства, которое сразу пріобрѣтетъ огромную нравственную силу. «Скажите это», говорилъ онъ, «и за вами всѣ пойдутъ, какъ одинъ человѣкъ». Я помню, что тогда еще его тонъ и манера дѣйствовали подкупающе. Въ нихъ ощущалось страстное,

подлинное убѣжденіе. Въ своихъ возраженіяхъ Милюковъ главнымъ образомъ касался второго пункта и доказывалъ совершенную недопустимость и въ лучшемъ случаѣ безплодность обращенія, при данныхъ условіяхъ къ союзникамъ съ какими-либо разговорами о мирѣ. Церетели настаивалъ, причемъ нѣсколько комическое впечатлѣніе производили его увѣренія, что если только основная мысль, директива будетъ признана, Милюковъ сумѣетъ найти тѣ тонкіе дипломатическіе пріемы, съ помощью которыхъ эта директива осуществится. Но въ этомъ второмъ пунктѣ Милюковъ никакой уступки не сдѣлалъ. Также рѣшительно онъ уперся и по вопросу объ аннексіяхъ и контрибуціяхъ.

Я теперь себя спрашиваю: не было ли бы лучше, еслибы тогда Милюковъ дѣйствительно поставилъ ультиматумъ не по поводу только этихъ злосчастныхъ словъ, а въ отношеніи самой мысли въ нихъ заключающейся и нашедшей, въ концѣ концовъ, себѣ мѣсто въ декларацiи, правда, въ нѣсколько смягченныхъ и умышленно двусмысленныхъ выраженіяхъ? Для меня этотъ вопросъ — ретроспективно — имѣетъ и личное значеніе. Какъ и при самомъ первомъ моментѣ, когда грозилъ уходъ Милюкова изъ-за вопроса о Михаилѣ, такъ и теперь мнѣ казалось, что этотъ уходъ будетъ имѣть роковыя послѣдствія съ точки зрѣнія международнаго положенія и отношенія къ намъ союзниковъ. Мнѣ казалось, что слѣдуетъ идти, въ случаѣ необходимости, даже на самыя большія уступки, только для того, чтобы сохранить Милюкова въ составѣ Вр. Правительства. И здѣсь я считалъ возможнымъ нѣкоторый макіавелизмъ. Я помню, что мы вдвоемъ съ Милюковымъ обсуждали и исправляли текстъ декларацiи за завтракомъ въ «Европейской гостинницѣ», куда мы пріѣхали прямо со съѣзда партіи народной свободы, открывшагося 25 Марта въ зрительномъ залѣ Михайловскаго театра. Я убѣждалъ его согласиться на включеніе тѣхъ словъ декларацiи (объясняющихъ, чего не хочетъ Россія отъ войны), въ которыхъ вполнѣ ясно фигурировали «аннексіи и контрибуціи». Я говорилъ, что слова эти допускаютъ очень широкое и очень субъективное толкованіе, что, поскольку въ нихъ заключается отказъ отъ завоевательной политики, они соотвѣтствуютъ и нашимъ взглядамъ, но что они вовсе не имѣютъ такого значенія, которое могло бы связать насъ въ будущемъ, на мирной конференціи, въ случаѣ, если война закончится въ пользу нашу. Я помню, что мы нѣсколько разъ мѣняли текстъ, пока не нашли тѣхъ выраженій, съ которыми въ концѣ концовъ примирился Милюковъ. Въ этомъ примиреніи оставалась нѣкоторая reservatio mentalis. Но и помимо того, развѣ, если сравнить послѣдовательныя декларацiи Вильсона, ту, напримѣръ, которая доказывала, что настоящая война должна окончиться безъ того, чтобы кто-нибудь побѣдилъ, съ тѣми, которыя инсценировали и сопровождали объявленіе войны Америкой, развѣ въ нихъ нѣтъ явныхъ противорѣчій? Думать, что простая правительственная декларація, не имѣющая договорнаго характера, связываетъ всѣ послѣдующія правительства — разумѣется, нельзя. Но и то правительство, которое выпустило данную декларацію, связано ею лишь постолько, поскольку она заключаетъ въ себѣ извѣстные непреложные принципы правительственной политики. Уже давнымъ давно доказано, что такого «принципа» — «безъ аннексій и контрибуцій» — выставить было нельзя, что это принципъ двусмысленный и практически не дающій никакого разрѣшенія ряду вопросовъ.

Недаромъ послѣдующая терминологія выработала выраженіе «дезаннексія». Превращеніе Дарданеллъ и Босфора въ русскій каналъ, разумѣется, трудно было бы совмѣстить съ строгимъ толкованіемъ словъ декларацiи. Но если наступили бы тѣ обстоятельства, при которыхъ стало бы возможнымъ такое превращеніе, кто бы помнилъ слова этой декларацiи и кто бы рѣшился ими аргументировать противъ Россіи? Другое дѣло, еслибы русское правительство expressis verbis отказалось отъ тѣхъ возможныхъ выгодъ, которыя были ей обезпечены международными договорами, и заявило бы этотъ отказъ другимъ договаривающимся сторонамъ. Но этого не было, — да и не могло быть сдѣлано Милюковымъ. Самъ онъ на партійномъ съѣздѣ, послѣдовавшемъ за его отставкой, вполнѣ искренно и очень убѣдительно утверждалъ и доказывалъ, что онъ ничего не уступилъ конкретнаго и ни въ чемъ не повредилъ интересамъ Россіи. Но съ другой стороны, трудно отрицать, что во всей этой позиціи было что-то искусственное. Искусственность эта заключалась, впрочемъ, не въ томъ или другомъ толкованіи отдѣльныхъ выраженій декларацiи, а въ томъ, что по существу была пропасть между отношеніемъ къ войнѣ и ея задачамъ Милюкова и тѣхъ соціалистическихъ группъ, которыя пліяли на Керенскаго. Я помню случай, когда эта искусственность была какъ-то особенно подчеркнута, особенно болѣзненно воспринята. Это произошло нѣсколько дней спустя послѣ пріема Вр. Правительствомъ делегацiи французскихъ и англійскихъ соціалистовъ. Рѣчь Милюкова была всецѣло выдержана въ свойственныхъ ему тонахъ и по сущности своей соотвѣтствовала традиціямъ русской иностранной политикѣ во время войны. Послѣ Милюкова говорилъ Керенскій. Онъ говорилъ по-русски — при чемъ Милюковъ переводилъ его рѣчь на англійскій языкъ (а одинъ изъ французовъ — съ англійскаго на французскій). И вотъ здѣсь дѣйствительно ощущалось разительное противорѣчіе, — противорѣчіе въ самомъ духѣ, въ самой отправной точкѣ зрѣнія. Здѣсь стало ясно, что въ самомъ Вр. Правительствѣ есть два враждебныхъ другъ другу основныхъ теченія. И было несомнѣнно, что рано или поздно — скорѣе рано, чѣмъ поздно — искусственная комбинація Керенскій-Милюковъ должна будетъ разрушиться. И вотъ здѣсь я и нахожу отвѣтъ на поставленный мною выше вопросъ — не было ли бы лучше, еслибы Милюковъ еще раньше декларацiи 28 Марта поставилъ ультиматумъ и ушелъ бы изъ Вр. Правительства, не дожидаясь событій 20—23 Апрѣля — выступленія войскъ, вызваннаго нотой министра иностранныхъ дѣлъ отъ 18 Апрѣля? Я думаю, что по тѣмъ же соображеніямъ, по которымъ Милюкову слѣдовало идти въ составъ Вр. Правительства, ему слѣдовало въ немъ оставаться, борясь до конца, въ интересахъ того дѣла, которому онъ служилъ. Революція съ самаго начала создавала компромиссы, искусственныя сочетанія. Компромисснымъ было отношеніе Вр. Правительства къ совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, компромиссомъ было и сосуществованіе въ кабинетѣ двухъ лицъ, радикально неспособнымъ идти рука объ руку, — Керенскаго и Милюкова. Эти компромиссы оказались гнилыми и не остановили катастрофическаго хода русской революціи. Но они, при данныхъ условіяхъ, были неизбѣжны, — отказаться отъ нихъ для насъ ка-детовъ означало бы стать на точку зрѣнія «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше» или — во всякомъ случаѣ — умыть руки. Тѣмъ горше сознавали бы мы свою отвѣтственность за дальнѣйшія событія.

Въ томъ, что до сихъ поръ много сказано о роли Милюкова во Врем. Правительствѣ, я касался только той стороны этой роли, которая связана была съ международной политикой. Надо сказать, что въ моей памяти, по крайней мѣрѣ, это остается и наиболѣе яркой стороной. Я не помню, чтобы Милюковъ ставилъ ребромъ какіе-нибудь вопросы внутренней политики, чтобы онъ требовалъ какихъ-нибудь рѣшительныхъ мѣръ. Повидимому, онъ все-таки полагался больше, чѣмъ слѣдовало, и на государственный инстинктъ русскаго народа, и на здравое пониманіе имъ своихъ интересовъ. Онъ не понималъ, не хотѣлъ понимать и не мирился съ тѣмъ, что трехлѣтняя война осталась чуждой русскому народу, что онъ ведетъ ее нехотя, изъ-подъ палки, не понимая ни значенія ея, ни цѣлей, — что онъ ею утомленъ и что въ томъ восторженномъ сочувствіи, съ которымъ была встрѣчена революція, сказалась надежда, что она приведетъ къ скорому окончанію войны. Онъ не зналъ, какую благодарную почву найдутъ въ русской арміи тѣ ядовитыя сѣмена, которыя съ первыхъ же дней стали открыто въ ней сѣять безотвѣтственные агитаторы. Потому онъ не проявилъ рѣшительнаго, ультимативнаго противодѣйствія допущенію въ предѣлы Россіи пассажировъ знаменитаго запломбированнаго вагона. Надо сказать, что по отношенію къ этимъ пассажирамъ у Вр. Правительства были самыя глубокія иллюзіи. Думали, что уже самъ по себѣ фактъ «импорта» Ленина и К°. германцами долженъ будетъ абсолютно дискредитировать ихъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія и воспрепятствовать какому бы то ни было успѣху ихъ проповѣди. И дѣйствительно, на разныхъ митингахъ эта тема о «запломбированномъ вагонѣ» всегда имѣла большой успѣхъ. Но это не помѣшало развитію путемъ «Правды», «Окопной Правды» и ряду другихъ анархическихъ листковъ самой бѣшеной и самой разрушительной пропаганды. Теперь гг. большевики показываютъ намъ, какъ беззастѣнчивая власть можетъ задушить — безъ всякихъ экивоковъ — враждебную ей печать. Вр. Правительство было связано своими деклараціями о свободѣ слова, всей своей идеологіей. Оно смотрѣло на газетную пропаганду совершенно пассивно. Отчасти въ этой пассивности сказывалось тоже сознаніе своего безсилія, которое помѣшало Вр. Правительству принять рѣшительныя мѣры противъ такихъ явленій прямо уголовнаго характера, какъ захватъ особняка Кшесинской и устройства изъ него цитадели и публичной каѳедры самаго разнузданнаго большевизма. Теперь, конечно, легко упрекать Вр. Правительство за эту пассивность. Но если перенестись мысленно въ ту эпоху и вызвать въ себѣ вновь то настроеніе, которое тогда было преобладающимъ, то станетъ яснымъ, что иначе правительство не могло дѣйствовать, не рискуя остаться въ полномъ одиночествѣ. — Кто бы его поддержалъ? Петербургскій гарнизонъ не былъ въ его рукахъ. «Буржуазные» классы, неорганизованные, не боевые, были бы, конечно, на его сторонѣ, но ограничились бы платоническимъ сочувствіемъ. А, между тѣмъ, здѣсь недостаточно было такого сочувствія, хотя бы и со стороны очень многочисленныхъ группъ населенія.

Не такъ давно мнѣ пришлось съ Милюковымъ говорить на эти темы. Мы коснулись вопроса о томъ, была ли возможность предотвратить катастрофу, еслибы въ самомъ началѣ Вр. Правительство поставило вопросъ о власти ребромъ, оперлось на Государственную Думу, не допустило бы политической роли Совѣта и Исполнительнаго Комитета и, въ случаѣ

сопротивленія, арестовало бы его главарей. Я считалъ и считаю эту возможность чисто-теоретической. Но Милюковъ утверждалъ, что въ первые дни переворота гарнизонъ былъ въ рукахъ Госуд. Думы, и еслибы этотъ первый моментъ не былъ упущенъ, положеніе могло быть спасено. Очевидно, съ этимъ связанъ и вопросъ о Михаилѣ. Еслибы династія удержалась на тронѣ, власть и ея престижъ были бы сохранены. Но я не вижу, какимъ образомъ это могло бы удасться Вр. Правительству безъ монарха. Какія силы сохранили бы его престижъ и авторитетъ? А главное, какъ бы оно справилось съ вопросомъ о войнѣ, — этимъ оселкомъ всей революціи?

Я хорошо помню, что Милюковъ неоднократно возбуждалъ вопросъ о необходимости болѣе твердой и рѣшительной борьбы съ ростущей анархіей. Это же дѣлали и другіе. Но я не помню, чтобы были предложены когда-нибудь какія-нибудь опредѣленныя практическія мѣры, чтобы онѣ обсуждались Вр. Правительствомъ. Отсутствіе хорошо организованной полицейской силы и безусловно преданной правительству силы военной парализовали его. Здѣсь и былъ зародышъ разрушенія, и росту его не могла воспрепятствовать вся огромная энергія, проявленная Вр. Правительствомъ въ дѣлѣ органическаго законодательствованія. А кромѣ того, каждый изъ министровъ былъ настолько поглощенъ своимъ вѣдомствомъ, что ни у кого изъ нихъ не было времени практически обдумывать то, что касалось другихъ вѣдомствъ и предлагать какія-нибудь конкретныя мѣры. Въ частныхъ совѣщаніяхъ обсуждались лишь общеполитическіе вопросы. Конечно, Милюковъ неоднократно обращалъ вниманіе, хотя бы, напримѣръ, на необходимость покончить съ безобразнымъ скандаломъ, невозбранно творившимся передъ домомъ Кшесинской и въ немъ самомъ. Но какъ это сдѣлать? — на этотъ вопросъ у него отвѣта не было.

Исторія ухода Милюкова, навѣрно, очень полно имъ изложена въ уже написанномъ первомъ томѣ исторіи русской революціи. Фактически, конечно, этотъ уходъ былъ дѣломъ рукъ соціалистовъ, которымъ въ данномъ случаѣ помогъ Альберъ Тома, пріѣхавшій 9 Апрѣля въ Петербургъ. Не помню, до пріѣзда ли Тома или уже въ 10-хъ числахъ Апрѣля Милюковъ въ одно утреннее мое посѣщеніе сказалъ мнѣ, что онъ въ самомъ дѣлѣ думаетъ, не лучше ли ему передать портфель министра иностранныхъ дѣлъ Терещенкѣ («онъ, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ въ этихъ вопросахъ безграмотный и хоть съ послами будетъ въ состояніи говорить»), съ тѣмъ, чтобы Мануиловъ взялъ финансы (а, можетъ быть, Шингаревъ — финансы, а Мануиловъ земледѣліе), передавъ портфель министра народнаго просвѣщенія ему, Милюкову. Но я не поддерживалъ этой мысли, и Милюковъ вскорѣ самъ ее оставилъ. Какъ разъ въ это же время вернулся въ Россію Черновъ, и кампанія противъ Милюкова началась во всю. Въ томъ совмѣстномъ засѣданіи Временнаго Правительства съ Комитетомъ Государственной Думы и Исполнит. Комитетомъ Совѣта депутатовъ, въ которомъ обсуждались вопросы внѣшней политики, и сдѣлано было Черновымъ заявленіе о томъ, что пора-де Россіи перестать говорить съ Европой языкомъ «бѣдной родственницы», онъ прямо заявилъ, со свойственными ему пошлыми ужимками, сладенькой улыбкой и кривляніями, что и онъ и его друзья безграничнo уважаютъ П. Н. Милюкова, считаютъ его участіе во Вр. Правительствѣ необходимымъ, но что по ихъ мнѣнію онъ бы лучше могъ развернуть свои таланты на любомъ другомъ посту, хотя бы въ

качествѣ министра народнаго просвѣщенія. Въ тоже время произошелъ рѣзкій инцидентъ съ Керенскимъ, въ связи съ даннымъ имъ бюро прессы оффиціознымъ communiqué о томъ, что предстоитъ опубликованіе правительственнаго сообщенія по вопросамъ иностранной политики. О томъ, что это communiqué дано Керенскимъ, я узналъ отъ Л. Львова (игравшаго въ бюро главную роль). Мнѣ было хорошо извѣстно, что ни о чемъ подобномъ не было рѣчи во Вр. Правительствѣ и я усмотрѣлъ въ поступкѣ Керенскаго недопустимый подвохъ, чтобы не сказать провокацію. Тотчасъ же я сообщилъ объ этомъ Милюкову въ происходившемъ въ то время засѣданіи Вр. Правительства. По окончаніи засѣданія Милюковъ обратился съ вопросомъ, кто далъ такое завѣдомо несоотвѣтствующее дѣйствительности communiqué прессѣ. Керенскій нѣсколько смутился, пытался увиливать, говоря, что онъ не отвѣчаетъ за ту форму, въ которой пресса передала его слова, но въ концѣ концовъ заявилъ, что при сложившихся обстоятельствахъ такое сообщеніе онъ считаетъ необходимымъ. Тогда Милюковъ сказалъ кн. Львову, что, если Керенскій не опровергнетъ сообщенія, онъ, Милюковъ, немедленно подастъ въ отставку. Такъ какъ уже было поздно и всѣ устали, рѣшено было обсудить вопросъ вечеромъ. Произошло очень бурное засѣданіе, въ которомъ Керенскій почувствовалъ себя совершенно одинокимъ, такъ какъ даже его наиболѣе твердые сторонники находили допущенный имъ пріемъ совершенно неприличнымъ и невозможнымъ. Ему пришлось уступить, и онъ по телефону (изъ моего кабинета) сдѣлалъ требуемое опроверженіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, былъ поднятъ вопросъ о томъ, что декларація о задачахъ войны оффиціально не сообщена союзникамъ, и потому является какъ бы документомъ лишь для внутренняго употребленія, что, разумѣется, подрываетъ его значеніе. Соотвѣтственно этому предъявлено было требованіе оффиціально увѣдомить дипломатическихъ представителей о взглядѣ Вр. Правительства по данному вопросу. Противъ этого трудно было спорить, Милюкову пришлось согласиться; и тогда уже было рѣшено, что нота министра иностранныхъ дѣлъ будетъ обсуждена во всемъ составѣ Вр. Правительства, что и произошло. Въ то время А. И. Гучковъ былъ боленъ, у него было ослабленіе сердечной дѣятельности, и засѣданія происходили у него. Я очень отчетливо помню, что доложенный Милюковымъ проектъ при первомъ его прочтеніи произвелъ на всѣхъ, и даже на Керенскаго, впечатлѣніе безспорно пріемлемаго, — мало того, впечатлѣніе, что Милюковъ здѣсь проявилъ максимумъ уступчивости и готовности идти на встрѣчу своимъ противникамъ. Потому вначалѣ пренія еле завязались, но потомъ Керенскій сталъ придираться къ отдѣльнымъ выраженіямъ, предлагая крайне неудачный варіантъ, настроеніе стало портиться, обычный личный антагонизмъ далъ себя почувствовать въ повышенномъ тонѣ и рѣзкихъ выходкахъ. Все-таки, въ концѣ концовъ, удалось обойти разногласія и объединиться на одномъ текстѣ, — на томъ, который былъ опубликованъ. Милюковъ, помнится, въ концѣ засѣданія подчеркнулъ, что стало быть правительство цѣликомъ солидарно съ даннымъ документомъ и беретъ на себя отвѣтственность за его содержаніе. Керенскій не возражалъ. Очевидно, въ этомъ случаѣ здравый смыслъ и разумное отношеніе къ дѣлу оказались въ немъ сильнѣе партійныхъ шоръ. Съ другой стороны, въ данной обстановкѣ онъ, повидимому, не счелъ возможнымъ консультировать своихъ друзей, добросовѣстно увѣренный, что и для нихъ нота является вполнѣ

пріемлемой. Она была опубликована въ № отъ 20 Апрѣля. — Произошли извѣстныя событія, подробно изложенныя въ тогдашнихъ газетахъ. Такъ какъ демонстраціи были направлены противъ Милюкова, Вр. Правительство вынуждено было оффиціально заявить, что нота была имъ одобрена безъ разногласія съ чьей бы то ни было стороны. Въ сущности говоря, вся эта демонстрація была совершеннѣйшимъ пуфомъ и вызвала очень внушительныя контръ-демонстраціи. Но создалось обостренное и повышенное настроеніе. Вѣроятно тотъ фактъ, что въ вопросѣ о нотѣ Керенскій вынужденъ былъ солидаризоваться формально съ Милюковымъ, обострилъ и личный антагонизмъ. Соціалисты упорно продолжали свою работу, Тома игралъ двусмысленную роль и отзывался о Милюковѣ пренебрежительно и враждебно *. Но такъ какъ къ тому времени Милюковъ окончательно рѣшилъ не уступать, то ясно было, что долженъ произойти кризисъ уже по иниціативѣ Вр. Правительства. Онъ и произошелъ. Какую роль при этомъ играли прочіе министры ка-деты — я не берусь теперь сказать. Милюкову былъ предложенъ портфель министра народнаго просвѣщенія, онъ категорически отказался и уѣхалъ изъ засѣданія уже не министромъ. На слѣдующее утро мы съ Винавероиъ были у него, по порученію Центр. Комитета, и долго и настойчиво уговаривали его остаться и согласиться принять портфель министра народнаго просвѣщенія. Намъ казалось, что уходъ Милюкова одновременно съ введеніемъ въ составъ правительства соціалистовъ есть начало крушенія. Конечно, мы при этомъ находили, что, оставаясь въ правительствѣ, Милюковъ, хотя и занимая постъ министра народнаго просвѣщенія, долженъ имѣть возможность вліять на иностранную политику и быть все время въ ея курсѣ. Это было осуществимо въ связи съ возникшимъ тогда проектомъ особаго совѣщанія, выдѣленнаго изъ состава Вр. Правительства и долженствовавшаго вѣдать вопросы обороны, а наряду съ ними и общіе вопросы международной политики. Это совѣщаніе было придумано противъ Милюкова. Мы предлагали ему при измѣнившихся условіяхъ воспользоваться имъ въ интересахъ дѣла и остаться въ правительствѣ, обусловливая свое дальнѣйшее пребываніе тѣмъ, что онъ будетъ однимъ изъ членовъ совѣщанія. Милюковъ не согласился. Сперва онъ спорилъ, но потомъ, когда аргументы были исчерпаны, онъ сказалъ буквально слѣдующее: «Возможно, что ваши доводы правильны, но у меня есть внутренній голосъ, говорящій мнѣ, что я не долженъ имъ слѣдовать. Когда у меня бываетъ такое ясное и опредѣленное сознаніе, — хотя бы и немотивированное, — необходимой линіи поведенія, я слѣдую ему. Я не могу поступить иначе». Мы поняли, что вопросъ исчерпанъ, и ретировались. — Съ этой минуты начался между Милюковымъ и Вр. Правительствомъ разрывъ по существу.

Я уже упомянулъ о декларацiи-воззваніи 23 Апрѣля, въ которой было обѣщано обращеніе къ соціалистамъ съ предложеніемъ имъ принять участіе въ правительствѣ. Это воззваніе было развитіемъ той идеи (на которой, чуть не съ самаго начала, настаивалъ Гучковъ, а потомъ и Мануиловъ), что Вр. Правительство должно уйти, сказавъ странѣ, что оно сдѣлало и

* Въ это же время Вр. Прав. пришло къ рѣшенію о необходимости пополнить свой составъ соціалистами (см. декларацію 23 Апрѣля). Милюковъ былъ принципіально противъ этого и очень нехотя согласился на текстъ декларацiи. Объ этомъ я хочу сказать еще отдѣльно.

почему дальнѣйшія усилія оно считаетъ безплодными: своего рода эпитафія или политическое завѣщаніе. Но воззваніе фактически не заявляло объ уходѣ правительства. Оно, въ сущности, раскрывало во всемъ ея объемѣ картину того, что происходило въ странѣ и дѣлало выводъ: или — крушеніе и гибель «завоеваній революціи», или — поддержка власти населеніемъ, призываемымъ къ добровольному подчиненію. Составленіе этого документа было поручено Кокошкину. Милюковъ впослѣдствіи утверждалъ, что Кокошкинскій текстъ, благодаря Керенскому, превратился въ отвлеченное соціологическое разсужденіе, лишенное всякой практической силы. Это — преувеличенный отзывъ. Керенскимъ — и даже не имъ, а редакціей «Дѣла Народа» — было введено въ воззваніе только нѣсколько строкъ, которыя, дѣйствительно, довольно туманно и отвлеченно излагали причины происходившей неурядицы, и видѣли ея корни въ томъ, что старыя общественно-политическія скрѣпы рухнули прежде, чѣмъ успѣли сложиться и окрѣпнуть новыя связи. Это, конечно, была «соціологія», но вполнѣ безобидная и не она придавала основной тонъ воззванію. Если оно было слабымъ документомъ (а я считаю его однимъ изъ слабѣйшихъ), то не по винѣ Керенскаго, и, конечно, тѣмъ болѣе, не по винѣ Кокошкина. Оно было слабо въ своемъ основномъ тонѣ, и нельзя отрицать, что его идеологія — ставящая во главу угла **добровольное** подчиненіе гражданъ ими же избранной власти — очень было сродни идеологіи анархизма. Во всякомъ случаѣ, суть дѣла была не въ этихъ увѣщаніяхъ, а въ призывѣ соціалистовъ. Кажется, Вр. Правительство само не вѣрило, что они откликнутся. Но соціалисты поняли, что дальнѣйшій отказъ создалъ бы противъ нихъ сильное орудіе и сдѣлалъ бы ихъ положеніе «безотвѣтственныхъ критиковъ» и «контролёровъ» крайне затруднительнымъ. — Они пошли въ министры. Въ сущности говоря, съ этой минуты можно было сказать, что дни Вр. Правительства, поставленнаго «побѣдоносной революціей», — сочтены, что мы перешли въ періодъ всякихъ министерскихъ кризисовъ, изъ которыхъ каждый ослабляетъ власть, — что остановиться на пути къ торжеству большевистскихъ стремленій будетъ невозможно. Еслибы Милюковъ не ушелъ въ первые дни Мая, — все равно ему было не по пути съ Церетели и Скобелевымъ.

«Контактная Комиссія», о которой я уже неоднократно упоминалъ, была образована совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ 10 Марта, причемъ въ первый ея составъ вошли Чхендзе, Скобелевъ, Стекловъ-Нахамкесъ, Филипповскій и Сухановъ. Въ концѣ Марта Церетели замѣнилъ Стеклова. Впрочемъ, если память мнѣ не измѣняетъ, они первое время участвовали совмѣстно. Значительно позже появился Черновъ. Въ теченіе первыхъ недѣль существованія Вр. Правительства засѣданія въ контактной комиссіи происходили часто, раза три въ недѣлю, иногда и больше, всегда по вечерамъ, довольно поздно, по окончаніи засѣданія Вр. Правительства, въ этихъ случаяхъ всегда сокращаемаго. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этихъ засѣданіяхъ былъ Стекловъ. Я впервые тогда съ нимъ познакомился, — не подозрѣвалъ ни того, что онъ — еврей, ни того, что за его благозвучнымъ псевдонимомъ скрывается отнюдь не благозвучная подлинная фамилія. Тѣмъ менѣе, конечно, могла быть извѣстна исторія, — впослѣдствіи раскрытая Л. Львовымъ, — о томъ, къ какимъ униженнымъ всеподданнѣйшимъ ходатайствамъ прибѣгалъ Нахамкесъ для того, чтобы «легализировать» свой псевдонимъ и оффиціально замѣнить имъ свою подлинную фамилію. Но

какъ бы то ни было, съ первой же встрѣчи на меня произвела самое отвратительное впечатлѣніе его манера, вполнѣ подходящая къ фамиліи, въ которой какъ-то органически сочетались «нахалъ» и «хамъ». Тонъ его былъ тономъ человѣка, увѣреннаго въ томъ, что Вр. Правительство существуетъ только по его милости и до тѣхъ поръ, пока это ему угодно. Онъ какъ бы разыгрывалъ роль гувернёра, наблюдающаго за тѣмъ, чтобы довѣренный ему воспитанникъ велъ себя, какъ слѣдуетъ, не шалилъ, исполнялъ его требованія и всегда помнилъ, что ему то и то позволено, а вотъ это — запрещено; при этомъ — постоянно прорывающееся сознаніе своего собственнаго могущества и подчеркиваніе своего великодушія. Сколько разъ мнѣ пришлось выслушивать фразы, въ которыхъ прямо или косвенно говорилось: «Вы (т.-е. Вр. Правительство) очень хорошо, вѣдь, знаете, что стоило бы намъ захотѣть, и мы безпрепятственно взяли бы власть въ свои руки, при чемъ это была бы самая крѣпкая и авторитетная власть. Если мы этого не сдѣлали и п о к а не дѣлаемъ, то лишь потому, что считаемъ васъ въ настоящее время болѣе соотвѣтствующими историческому моменту. Мы согласились допустить васъ къ власти, но именно потому вы въ отношеніи насъ должны помнить свое мѣсто, — вообще, не забываться, не предпринимать никакихъ важныхъ и отвѣтственныхъ шаговъ, не посовѣтовавшись съ нами и не получивъ нашего одобренія. Такъ должны вы помнить, что стоитъ намъ захотѣть, и васъ сейчасъ же не будетъ, такъ какъ никакого самостоятельнаго значенія и вѣса вы не имѣете». Онъ не упускалъ случая развивать эти мысли. Помню, по какому-то случаю кн. Львовъ упомянулъ о томъ потокѣ привѣтствій и благопожеланій, который ежедневно приноситъ сотни телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи, обѣщающихъ Вр. Правительству помощь и поддержку. «Мы — тотчасъ же возразилъ Стекловъ — могли бы вамъ сейчасъ же представить гораздо большее, въ десять разъ большее количество телеграммъ, за которыми стоятъ сотни тысячъ организованныхъ гражданъ, и въ этихъ телеграммахъ отъ насъ требуютъ, чтобы мы взяли власти въ свои руки». Это была тоже другая сторона позиціи: «Мы — дескать, т.-е. Исполн. Комитетъ, своимъ тѣломъ заслоняемъ васъ отъ враждебныхъ ударовъ, — мы внушаемъ подчиненнымъ намъ массамъ довѣріе къ вамъ». Эта сторона была особенно непріятна Керенскому, который съ первыхъ же шаговъ стремился ставить дѣло такъ, что именно онъ, Керенскій, являясь «заложникомъ демократіи», и продолжая формально носить званіе товарища предсѣдателя Исполн. Комитета, считалъ — или хотѣлъ, чтобы другіе считали, что именно онъ, Керенскій, привлекаетъ къ Вр. Правительству всѣ сердца «широкихъ массъ». Оттого онъ менѣе другихъ выносилъ Нахамкеса и съ наибольшимъ раздраженіемъ реагировалъ — въ составѣ Вр. Правительства — на его тонъ. Онъ считалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что его положеніе во Вр. Правительствѣ не даетъ ему возможности полемизировать съ Стекловымъ и «отдѣлывать» его. Онъ, поэтому, часто уклонялся отъ участія въ засѣданіяхъ съ контактной комиссіей, а когда бывалъ въ нихъ, то только «присутствовалъ», сидя возможно дальше, храня упорное молчаніе и лишь злобно и презрительно поглядывая своими всегда прищуренными близорукими глазами на оратора и на другихъ. А по окончаніи засѣданія, оставшись наединѣ съ коллегами-министрами, онъ зачастую съ большой страстностью обрушивался на кн. Львова, упрекая его въ слишкомъ большой мягкости и деликатности и изумляясь, что онъ

допустилъ тѣ или другія заявленія Нахамкеса, не отвѣтивъ на нихъ, какъ слѣдуетъ.

Надо сказать, что Стекловъ въ иныхъ случаяхъ возбуждалъ раздраженіе даже среди своихъ «друзей», вѣрнѣе говоря, среди другихъ членовъ контактной комиссіи, такъ какъ друзей у него, повидимому, немного. Бывали случаи, когда Чхендзе или Скобелевъ перебивали то или другое его заявленіе или же тотчасъ вслѣдъ за нимъ замѣчали, что въ данномъ вопросѣ Стекловъ говоритъ лишь отъ своего имени и выражаетъ свое субъективное мнѣніе и что «у насъ этого не было постановлено». Впрочемъ, это ничуть не смущало Стеклова... Бывало даже, что онъ тутъ же пытался вступать въ полемику со своими коллегами. И, въ сущности говоря, я не знаю, кто изъ нихъ былъ въ самомъ дѣлѣ способенъ противопоставить себя Стеклову въ отношеніи безграничнаго апломба и способности беззастѣнчиво отождествлять себя и свой голосъ съ голосомъ «трудящихся массъ». Впослѣдствіи разглашеніе исторіи со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ («припаденіе къ стопамъ») было сильно использовано противъ Стеклова, и онъ вынужденъ былъ, на время — и даже надолго — стушеваться. Но въ первыя недѣли онъ въ самомъ дѣлѣ игралъ какую-то роль. На первомъ съѣздѣ делегатовъ совѣтовъ раб. и солд. депутатовъ, 29 Марта, онъ выступалъ съ изложеніемъ исторіи отношеній между Вр. Правительствомъ и Исп. Комитетомъ, при чемъ развивалъ проектъ введенія во всѣ вѣдомства комиссаровъ совѣта «для неусыпнаго надзора за всею дѣятельностью Вр. Правительства». Мысль объ этихъ комиссарахъ создавала одинъ изъ самыхъ острыхъ конфликтныхъ вопросовъ. Она была оставлена только тогда, когда введеніе въ составъ Вр. Правительства соціалистовъ сдѣлало его болѣе «надежнымъ» въ глазахъ совѣта раб. и солд. депутатовъ.

Изъ числа другихъ членовъ контактной комиссіи двое — Филипповскій и Сухановъ — почти никогда не говорили, по крайней мѣрѣ за то время, что я принималъ участіе въ дѣлахъ Вр. Правительства. Послѣ Стеклова чаще другихъ выступалъ Скобелевъ. Его я раньше тоже совсѣмъ не зналъ. Это одинъ изъ самыхъ самыхъ малюсенькихъ людей, мало одаренныхъ, очень ограниченныхъ, но случайно, благодаря тому, что Госуд. Дума создала всероссійскую трибуну для ихъ политическихъ выступленій, инспирируемыхъ, а порою прямо продиктованныхъ изъ-за кулисъ, — сдѣлавшихся извѣстными во всей Россіи въ качествѣ porte-voix «рабочихъ массъ». Онъ и старался, — и старался добросовѣстно, — быть такимъ porte-voix. Даромъ слова онъ, кажется, вовсе не обладаетъ. Не знаю, можетъ быть, въ роли митинговаго оратора, въ сочувствующей ему средѣ, онъ можетъ производить извѣстное впечатлѣніе, но здѣсь, гдѣ трафаретовъ не было, а приходилось брать содержаніемъ рѣчи, онъ неизмѣнно оказывался необыкновенно бѣднымъ, безпомощнымъ, скучнымъ — и робкимъ. Все же нельзя отрицать, что въ немъ было больше привлекательности, чѣмъ въ окружавшихъ его. Онъ казался простодушнымъ, болѣе искреннимъ, — болѣе добросовѣстнымъ, чѣмъ они. И, пожалуй, онъ — подъ вліяніемъ атмосферы Госуд. Думы — болѣе отдавалъ себѣ отчета въ огромности создавшихся затрудненій. Впрочемъ, еще недавно, въ Кіевѣ, мнѣ приходилось слышать отъ Шульгина, что Чхендзе уже въ самые первые дни, чуть ли не часы, революціи впадалъ въ полное отчаяніе и, хватаясь за голову, говорилъ, что все пропало. Чхендзе — гораздо болѣе красочная фигура, чѣмъ

Скабелевъ. Въ немъ всегда было, на мой взглядъ, что-то траги-комическое, — во всемъ даже его внѣшнемъ обликѣ, въ выраженіи лица, въ манерѣ говорить, въ акцентѣ. И, конечно, самымъ трагическимъ было то, что такой человѣкъ, какъ Чхеидзе, оказался «вождемъ демократіи» всей Россіи, предсѣдателемъ совѣта рабочихъ депутатовъ, вліятельной фигурой и, по крайней мѣрѣ въ то время, будущимъ кандидатомъ въ предсѣдатели Учредительнаго Собранія, а пожалуй — и въ президенты россійской республики. Въ засѣданіяхъ съ контактной комиссіей онъ выступалъ тогда, когда надо было придать особую вѣскость заявленію или запросу. Но, кажется, и онъ относился отрицательно къ Стеклову.

Засѣданія съ контактной комиссіей происходили не каждый день и не въ опредѣленные дни. Инпціатива ихъ чаще всего исходила отъ самой комиссіи: сообщалось оттуда (обыкновенно это дѣлалъ Чхеидзе), что комиссія желала бы имѣть совѣщаніе съ Вр. Правительствомъ для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ. При этомъ, въ большинствѣ случаевъ, правительство заранѣе не было увѣдомлено о томъ, какіе будутъ поставлены вопросы, и на этой почвѣ порою происходили довольно забавныя неожиданности, обнаруживавшія всю степень разности во взглядахъ на относительное значеніе того или другого факта или мѣропріятія. Я помню, что однимъ изъ вопросовъ, наиболѣе привлекавшихъ вниманіе на первыхъ порахъ, былъ вопросъ о похоронахъ жертвъ революціи. Совѣтъ раб. депутатовъ съ большой безцеремонностью хотѣлъ монополизировать эту церемонію. Не предваряя Вр. Правительство. Исполнит. Комитетъ назначилъ день, опубликовалъ церемоніалъ похоронъ и выбралъ мѣстомъ для братской могилы — Дворцовую площадь, гдѣ, какъ извѣстно, даже приступили къ рытью могилы. Послѣ долгихъ утомительныхъ и нелѣпыхъ пререканій, этотъ вопросъ наконецъ былъ ликвидированъ, правительство сговорилось съ Исполнит. Комитетомъ и произошла одна изъ тѣхъ грандіозныхъ демонстрацій, успѣхъ которыхъ зависитъ отчасти отъ наличности массы праздныхъ людей, готовыхъ стать участниками или зрителями торжественныхъ шествій, отчасти отъ настроенія, жаждущаго вылиться въ какую-то демонстрацію, и находящаго себѣ здѣсь удовлетвореніе.

Какъ я уже сказалъ, примѣрно въ концѣ Марта въ засѣданіяхъ контактной комиссіи появился Церетели. Для меня это была совсѣмъ незнакомая фигура. Во времена второй Думы я его слышалъ неоднократно на каѳедрѣ, но не имѣлъ случая съ нимъ встрѣчаться. Первое впечатлѣніе безусловно подкупало въ его пользу. Имя его было окружено ореоломъ политическаго мученичества, самаго подлиннаго и трагическаго. Краткая его карьера во второй Думѣ, привлекшая къ нему всѣ симпатіи, закончилась 10-тилѣтней ссылкой, протекавшей, по крайней мѣрѣ, въ началѣ, въ самыхъ тягостныхъ для него условіяхъ. Наружность его какъ-то соотвѣтствовала тому представленію, которое создавалось о его характерѣ, нравственномъ обликѣ. Его восточнаго типа лицо красиво и тонко, а большіе черные глаза то горятъ, то подернуты какой-то тоскливой задумчивостью. Онъ очень незаурядный ораторъ. Его акцентъ, менѣе замѣтный, менѣе грубый, чѣмъ у Чхеидзе, порою, придаетъ особенно выразительную силу тому, что онъ говоритъ. Онъ можетъ достигать большой силы, особенно, въ сочувствующей ему атмосферѣ, и когда говоритъ на излюбленныя соціалъ-демократическія темы. Но рядомъ съ этимъ онъ можетъ быть, и нерѣдко

бываетъ, нестерпимо трескучимъ, по существу безсодержательнымъ и фальшивымъ. Въ этомъ отношеніи мнѣ особенно памятны днѣ его рѣчи — одна, сказанная въ торжественномъ засѣданіи всѣхъ четырехъ Думъ, 27 Апрѣля, и другая — въ Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи. Особенно тяжело было слушать послѣднюю, такъ ясно было, что Церетели самъ совершенно не вѣритъ тому, что говоритъ. Между тѣмъ обычно его рѣчь производитъ впечатлѣніе большой убѣжденности и искренности, и въ этомъ одно изъ условій ея успѣха. Конечно, если подходить къ его рѣчамъ съ какими-нибудь требованіями глубокаго содержанія, обилія идей, разносторонняхъ знаній — придется испытать полное разочарованіе. Кругъ руководящихъ идей Церетели очень малъ и узокъ, это, въ сущности говоря, ординарнѣйшій марксистскій трафаретъ, крѣпко усвоенный еще на студенческой скамьѣ. Все, что внѣ этого трафарета, все, что требуетъ внутренняго проникновенія, индивидуальнаго подхода, самостоятельной работы мысли, — все это оставляетъ Церетели совершенно безпомощнымъ.

Лично съ нимъ мнѣ пришлось войти въ болѣе близкое соприкосновеніе въ серединѣ Сентября 1917 года, въ тѣхъ, организованныхъ Керенскимъ, совѣщаніяхъ съ представителями политическихъ партій, результатомъ которыхъ было образованіе кабинета послѣдней формаціи (съ Кишкинымъ, Коноваловымъ, Третьяковымъ, Смирновымъ, Малянтовичемъ, Масловымъ) и учрежденіе Совѣта россійской республики. Самой характерной чертой его тогдашняго настроенія былъ страхъ предъ ростущей мощью большевизма. Я помню, какъ онъ, въ бесѣдѣ со мною глазъ на глазъ, говорилъ о возможности захвата власти большевиками. «Конечно, — говорилъ онъ, — они продержатся не болѣе двухъ-трехъ недѣлъ, но подумайте только, какія будутъ разрушенія! Этого надо избѣжать, во что бы то ни стало». Въ его голосѣ звучала неподдѣльная паническая тревога. Онъ въ то время вѣрилъ въ спасительное значеніе Совѣта Россійской республики. Это названіе придумано имъ (или его единомышленниками). Онъ мнѣ предложилъ его въ тотъ вечеръ, когда я пришелъ, по уговору, на квартиру Скобелева, чтобы обсудить проектъ министерской декларацiи, составленной Церетели. Въ этотъ вечеръ у меня было очень нужное для меня свиданіе въ другомъ мѣстѣ, и я хотѣлъ быть свободнымъ пораньше. Каюсь, возможно, что въ силу этого обстоятельства я съ недостаточной внимательностью отнесся и къ тексту декларацiи, и къ предложенію назвать вновь создаваемое учрежденіе «Совѣтомъ Россійской республики». Долженъ, однако, прибавить въ свое оправданіе, что предыдущій опытъ настроилъ меня скептически въ отношеніи всякихъ декларацій. Я постепенно приходилъ къ убѣжденію, что эта вѣчная торговля изъ-за отдѣльныхъ словъ и выраженій, какое-то старовѣрческое упорство въ отстаиваніи однихъ и въ оспариваніи другихъ, все это — самое жалкое и безплодное византійство, важное и интересное только для партійныхъ кружковъ, разныхъ центральныхъ комитетовъ и проч., но на жизни, совершенно не отражающееся, ей чуждое. Все содержаніе декларацiи было уже напередъ выяснено въ совѣщаніяхъ въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ выработана была программа министерства. Редакція этой программы казалась для меня второстепенной. Благодаря этому въ первоначальномъ проектѣ, установленномъ Церетели и принятомъ мною, оказалось 2—3 очень неудачныхъ мѣста, которыя были исправлены или даже изъяты А. Я. Гальперномъ, тогдашнимъ

управляющимъ дѣлами Вр. Правительства (сейчасъ я не могу припомнить содержаніе этихъ Iapsus'овъ). Церетели протестовалъ по телефону, но въ концѣ концовъ уступилъ. Что касается названія «Совѣтъ Россійской республики», то мнѣ, какъ ка-дету, надлежало, конечно, рѣшительно возразить, такъ какъ мы считали совершенно неправильнымъ установленіе формальной квалификаціи того временнаго строя, который установился въ дни переворота и долженъ былъ дожить до Учредит. Собранія. Я помню, что когда Церетели съ нѣкоторой восторженностью заявилъ мнѣ: «Мы придумали названіе: Совѣтъ Россійской республики. Правда, хорошо? Какъ вы думаете, В. Д.? Мнѣ кажется, это сразу произведетъ большое впечатлѣніе и создастъ симпатіи». Я отвѣтилъ, что болѣе подходящимъ было бы названіе «Совѣтъ Россійскаго государства» или «Совѣтъ при Вр. Правительствѣ»*, но первое названіе слишкомъ сближало новое учрежденіе съ прежнимъ Государственнымъ Совѣтомъ, а второе какъ бы сводило его на уровень обыкновенной совѣщательной коллегіи при правительствѣ. Потому, я не сталъ спорить противъ предложенія Церетели...

Мнѣ придется еще вернуться ко всей этой затѣѣ съ «Совѣтомъ Россійской республики», которой я здѣсь коснулся только въ связи съ характеристикой Церетели. Какъ извѣстно, онъ тогда же, въ концѣ Сентября, уѣхалъ на Кавказъ и вернулся въ Петербургъ только въ началѣ Ноября, послѣ большевистскаго захвата. Тогда, встрѣтившись со мною въ Городской Думѣ, онъ сказалъ мнѣ: «Да, конечно, все, что мы тогда дѣлали было тщетной попыткой остановить какими-то ничтожными щепочками разрушительный стихійный потокъ».

Здѣсь я хочу только вставить еще одинъ эпизодъ, характерный уже не для Церетели. Онъ просто фактически находится въ связи съ исторіей учрежденія Совѣта республики. Когда былъ установленъ текстъ «Положенія» объ этомъ учрежденіи, мы условились съ П. Н. Малянтовичемъ — только-что назначеннымъ новымъ министромъ юстиціи, — что я приду къ нему для окончательнаго проредактированія текста. Онъ мнѣ предложилъ очень поздній часъ, 12 ночи, — я согласился. Засталъ я его въ столь мнѣ памятномъ по дѣтскимъ воспоминаніямъ кабинетѣ въ квартирѣ генералъ-прокурора, очень озабоченнаго... Онъ повѣдалъ мнѣ причину своей озабоченности. Она касалась пресловутаго Н. Д. Соколова, котораго Керенскій назначилъ за два-три мѣсяца до того сенаторомъ перваго департамента. У Соколова вышло столкновеніе съ первоприсутствующимъ по вопросу о мундирѣ. Соколовъ не захотѣлъ подчиниться рѣшенію, принятому сенаторами, сохранить для открытыхъ засѣданій и общихъ собраній мундиръ. Онъ явился въ одно изъ такихъ засѣданій въ сюртукѣ и имѣлъ довольно бурное, повидимому, пререканіе съ Врасскимъ (меня въ этомъ засѣданіи не было), въ результатѣ чего вынужденъ былъ удалиться. Тогда онъ прислалъ заявленіе министру юстиціи, въ которомъ указывалъ на то, что сенатъ поставилъ совершенно незаконное и произвольное требованіе, заставляя сенаторовъ, надѣвать на себя «эмблемы рабства» (этими словами онъ обозначалъ пуговицы на мундирѣ съ изображеніемъ двуглаваго орла надъ закономъ), и самъ въ свою очередь требовалъ рѣшенія вопроса

* Замѣчательно, что впослѣдствіи это послѣднее названіе очень защищалъ А. А. Демьяновъ въ засѣданіи Врем. Прав., въ которомъ былъ заслушанъ и утвержденъ проектъ.

законодательнымъ путемъ въ демократическомъ духѣ. Малянтовичъ былъ страшно озадаченъ. «Какъ вы думаете, что нужно сдѣлать?» спрашивалъ онъ меня. Я ему иронически отвѣчалъ, что не задумывался надъ этимъ серьёзнымъ и сложнымъ вопросомъ, и прибавилъ, что на его мѣстѣ бросилъ бы заявленіе И. Д. Соколова въ корзину подъ столъ. «Какъ можно! Вѣдь вы же знаете Николая Дмитріевича. Онъ этого такъ не оставитъ. Я уже думаю образовать по этому вопросу какую-нибудь комиссію. Главное, сейчасъ очень трудно вводить новыя пуговицы. Откуда ихъ взять? И онѣ будутъ для сенаторовъ новымъ большимъ расходомъ...» Такъ какъ я не отвѣчалъ ничего, онъ со вздохомъ закончилъ: «Можетъ быть, вы потомъ что-нибудь надумаете по этому вопросу...»

Такимъ ничтожнымъ, жалкимъ вздоромъ занимался членъ Вр. Правительства за мѣсяцъ до переворота... Такъ, кажется, и остался до самаго конца открытымъ вопросъ о пуговицахъ...

*

* *

Когда теперь, болѣе года спустя, я мысленно хочу вновь пережить первые два мѣсяца существованія Вр. Правительства, въ моемъ воспоминаніи возникаетъ довольно хаотическая картина. Припоминаются отдѣльные эпизоды, бурныя столкновенія, возникавшія иногда совершенно неожиданно, безконечныя пренія, затягивавшія засѣданіе порою до глубокой ночи. Припоминается ежедневная лихорадочная работа, начинавшаяся съ утра и прерывавшаяся только завтракомъ и обѣдомъ. Я жилъ у себя на Морской, въ пяти минутахъ ходьбы отъ Маріинскаго дворца, это было очень удобно. Припоминаются безпрестанные телефоны, ежедневные посѣтители, — почти полная невозможность сосредоточиться. И припоминается основное настроеніе: все переживаемое представлялось нереальнымъ. Не вѣрилось, чтобы намъ удалось выполнить двѣ основныя задачи: продолженіе войны и благополучное доведеніе страны до Учредительнаго Собранія...

Извѣстно, что постановленіе Вр. Правительства объ образованіи особаго совѣщанія по изготовленію закона о выборахъ въ Учредительное Собраніе состоялось лишь въ концѣ Марта. Способъ комплектованія этого учрежденія (назначеніе лицъ, представленныхъ группами и партіями) былъ выбранъ такой, который обезпечивалъ бы полное къ нему довѣріе. Но къ сожалѣнію это комплектованіе сильно затянулось. Фактически въ этомъ болѣе всего былъ виноватъ Исполнит. Комитетъ совѣта раб. депутатовъ, страшно запоздавшій представленіемъ своихъ кандидатовъ. Нужно, однако, сказать, что и вся постановка вопроса объ Учредит. Собраніи заключала въ себѣ внутренній порокъ, и это безсознательно ощущалось съ первыхъ же дней. Нерѣдко мнѣ приходилось впослѣдствіи слышать такія мнѣнія: Вр. Правительство должно было немедленно, въ первые же дни, образовать небольшую комиссію изъ нѣсколькихъ наиболѣе знающихъ и авторитетныхъ юристовъ, поручить имъ въ двухнедѣльный срокъ выработать законъ о выборахъ и назначить выборы возможно скорѣе, въ Маѣ, напримѣръ. Помню, что такую мысль высказывалъ, въ числѣ другихъ (нѣсколько неожиданно), Л. М. Брамсонъ. Лично я, съ первыхъ же дней пребыванія въ должности управляющаго дѣлами, неоднократно и настойчиво заговаривалъ съ кн. Львовымъ о необходимости возможно скорѣе поднять въ конкретной формѣ

и разрѣшить вопросъ. Но всегда оказывались другія, болѣе настоятельныя, не терпящія отлагательства дѣла. Когда же образовано было наконецъ особое совѣщаніе и началась разработка закона, весь аппаратъ оказался настолько сложнымъ и громоздкимъ, что стало невозможнымъ разсчитывать на сколько-нибудь быстрое окончаніе работы и назначеніе выборовъ въ близкомъ будущемъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что другой планъ — образованіе маленькой комиссіи, быстрая разработка закона, назначеніе выборовъ возможно скорѣе — былъ и осуществимъ и цѣлесообразенъ! Я этого не думаю. Прежде всего, для меня несомнѣнно, что начался бы немедленный походъ противъ правительства, съ обвиненіемъ его въ намѣреніи составить законъ кабинетнымъ, бюрократическимъ путемъ. Всякіе недостатки этого закона ставились бы на счетъ правительству. Подрывался бы авторитетъ составителей — и, конечно, выполненнаго ими проекта. Думаю, что и сами составители оказались бы въ величайшемъ затрудненіи по ряду коренныхъ, принципіальныхъ рѣшеній, — хотя бы, напримѣръ, по вопросу о той или другой системѣ выборовъ — мажоритарной или пропорціональной, или по вопросу объ участіи въ выборахъ чиновъ дѣйствующей арміи и флота, или, наконецъ, по организаціи выборовъ на окраинахъ. Но допустимъ, что всѣ эти затрудненія удалось бы преодолѣть. Какъ можно было организовать выборы въ Россіи, сверху до низу потрясенной переворотомъ, въ Россіи, еще не имѣющей ни демократическаго самоуправленія, ни правильно налаженнаго мѣстнаго административнаго аппарата? А выборы въ арміи?.. Но, конечно, самый огромный рискъ заключался бы въ самомъ созывѣ Учредит. Собранія. Наивные люди могли теоретически представлять себѣ это собраніе и роль его въ такомъ видѣ: собралось бы оно, выработало бы основной законъ, разрѣшило вопросъ о формѣ правленія, — назначило бы правительство и облекло его всею полнотою власти для окончанія войны, а затѣмъ разошлось бы... Это можно себѣ представить, но кто повѣритъ, что такъ въ самомъ дѣлѣ могло случиться? Еслибы до Учредит. Собранія удержалась какая-нибудь власть, то созывъ его былъ бы несомнѣнно началомъ анархіи.

Теперь опытъ съ Учредит. Собраніемъ продѣланъ. Вѣроятно сами большевики въ Октябрѣ еще не представляли, что уже въ началѣ Января, два мѣсяца спустя послѣ переворота, удастся такъ легко раздѣлаться съ этимъ собраніемъ. Какъ извѣстно, одно изъ обвиненій, предъявленныхъ ими Вр. Правительству, заключалось въ томъ, что Вр. Правительство затягивало выборы... А когда для нихъ Учредит. Собраніе оказалось неподходящимъ, они безъ колебаній его разогнали. Еслибы Вр. Правительство чувствовало подлинную, реальную силу, оно могло сразу объявить, что созывъ Учредит. Собранія произойдетъ по окончаніи войны, — и это, конечно, по существу было бы единственно правильнымъ рѣшеніемъ вопроса, послѣ того, какъ отказъ Михаила Александровича сдѣлалъ необходимой постановку вопроса о формѣ правленія. Но Вр. Правительство не чувствовало реальной силы. Ибо съ первыхъ же дней его существованія началась та борьба, въ которой на одной сторонѣ стояли всѣ благоразумные и умѣренные, но увы! — робкіе, неорганизованные, привыкшіе лишь повиноваться, неспособные властвовать элементы общества, а на другой — организованное rascality, со своими тупыми, фанатическими, а порою безчестными вожаками.

Центромъ тяжести всего положенія сразу сталъ вопросъ объ арміи.

Недѣли черезъ три послѣ переворота, начиная съ двадцатыхъ чиселъ Марта, стали прибывать въ Петербургъ депутаціи съ фронта. Цѣлью ихъ пріѣзда выставлялось съ одной стороны — заявить Вр. Правительству о своей готовности, поддержать новый строй и защищать свободу, а съ другой — уяснить себѣ настоящую сущность отношеній между Вр. Правительствомъ и совѣтомъ раб. депутатовъ. — Депутаціи прибывали ежедневно, съ разныхъ фронтовъ, отъ разныхъ частей, въ болѣе или менѣе многочисленномъ составѣ, съ командирами и офицерами во главѣ, съ красными значками и красными знаменами. Почти всегда Вр. Правительство принимало ихъ въ ротондѣ Маріинскаго дворца. Помню, какъ въ началѣ меня поражала картина внутренности этого дворца и какъ трудно было сочетать ее со старыми воспоминаніями, относящимися къ эпохѣ до-реформеннаго Совѣта и моей службы въ Государственной канцеляріи. Тогда Маріинскій дворецъ былъ святилищемъ высшей бюрократіи. Въ немъ помѣщались Государственный Совѣтъ съ Государственной канцеляріей, Комитетъ Министровъ и его канцелярія и канцелярія по принятію прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ. Въ великолѣпныхъ залахъ дворца, устланныхъ бархатными коврами, обвѣшанныхъ тяжелыми драпировками, уставленныхъ золоченой мебелью, безшумно двигались необыкновенно статные камеръ-лакеи въ расшитыхъ ливреяхъ и бѣлыхъ чулкахъ, разнося чай и кофе. Въ дни засѣданій Пленума (по понедѣльникамъ) царила какая-то взволнованная торжественность. Внушительныя фигуры по большей части престарѣлыхъ сановниковъ, въ лентахъ и орденахъ, — военные и придворные мундиры, — сдержанные разговоры — все создавало какую-то атмосферу недоступности, оторванности отъ низменной будничной жизни. Въ эти дни человѣкъ въ пиджакѣ показался бы какой-то неприличной и дикой аномаліей, еслибы онъ вдругъ очутился въ средѣ этихъ выхоленныхъ, нарядныхъ, осанистыхъ людей.

Сейчасъ все это исчезло безслѣдно. Маріинскій дворецъ подвергся радикальному «опрощенію». Въ его роскошныя залы хлынули толпы лохматыхъ, небрежно одѣтыхъ людей, въ пиджакахъ и косовороткахъ самого пролетарскаго вида. Великолѣпные лакеи, смѣнивъ ливреи на сѣрыя тужурки, потеряли всю свою представительность. Прежнее торжественное священнодѣйствіе замѣнилось крикливой суетой. Все это произошло хотя и постепенно, но въ очень короткій промежутокъ времени. Въ первыя недѣли въ Маріинскомъ дворцѣ собиралось только Вр. Правительство да Юридическое Совѣщаніе. Тогдашній «революціонный» городской голова, Ю. Н. Глѣбовъ, настойчиво хлопоталъ о томъ, чтобы большой залъ Государственнаго Совѣта, вмѣстѣ съ аванъ-заломъ, былъ предоставленъ Городской Думѣ для ея засѣданій. Я также настойчиво противодѣйствовалъ этой попыткѣ, которая и провалилась. Но зато Маріинскій дворецъ очень скоро сталъ центральнымъ мѣстомъ всякихъ комиссій, а когда начало свои работы Совѣщаніе по выработкѣ закона о выборахъ въ Учредит. Собраніе, бывали дни, когда всѣ залы, до ротонды включительно, были заняты комиссіями. Въ Мартѣ еще этого не было, ротонда почти всегда бывала свободна, и ею пользовались для пріёма воинскихъ депутацій.

Какъ больно, какъ тягостно сейчасъ вспоминать объ этихъ депутаціяхъ! Сколько выслушано было нами заявленій о готовности поддержать всѣми силами «Народное Временное Правительство», дружно отстаивать свободу и неприкосновенность родины, не слушать смутьяновъ, не поддаваться на

происки враговъ! Какія горячія, часто восторженныя рѣчи! Правда, лица солдатъ по большей части выражали — въ лучшемъ случаѣ — какую-то растерянную тупость; правда, въ словахъ офицеровъ не чувствовалось ни увѣренности, ни властности, и часто рѣзала революціонная фраза, гибельная по своему духу. Правда, казалась непонятной и неправдоподобной эта внезапная революціонная сознательность, и шевелился въ душѣ вопросъ: не есть ли это просто голосъ бунтарства, не сказывается ли здѣсь элементарный протестъ противъ всякой дисциплины, всякаго подчиненія? Главной темой рѣчей былъ почти неизмѣнно вопросъ объ отношеніяхъ между Вр. Правительствомъ и Совѣтомъ раб. депутатовъ. Часто говорилось, что армія смущена и недоумѣваетъ подъ впечатлѣніемъ какого-то двоевластія, что ей нужна единая власть. Въ отвѣтъ на это изъ устъ представителей правительства слышались довольно-таки елейныя заявленія о томъ, что никакого двоевластія нѣтъ, что между нимъ, Вр. Правительствомъ, и Совѣтомъ раб. депутатовъ полное единеніе, взаимное довѣріе, наилучшія отношенія. Говорилось и на тему о войнѣ, но здѣсь какъ-то меньше всего чувствовалось увѣренности.

Первыя депутаціи производили и на Вр. Правительство и на самыхъ депутатовъ сильное впечатлѣніе. Казалось, что устанавливается какая-то духовная связь съ арміей, и что можно будетъ удержать или даже возсоздать крѣпкую и стойкую военную силу. Но это только казалось. Прибывавшія съ фронта депутаціи вступали въ контактъ не только съ правительствомъ, но и съ Совѣтомъ депутатовъ. Правительство ограничивалось тѣмъ, что принимало ихъ въ залахъ Маріинскаго дворца, выслушивало, отвѣчало, депутаціи кричали ему «ура» — и уходили въ Таврическій дворецъ, гдѣ имъ прежде всего внушали убѣжденіе въ величіи и всемогуществѣ Совѣта раб. депутатовъ и его Исполнительнаго Комитета, и гдѣ всевозможные безотвѣтственные люди занимались демагогической и анархической пропагандой. Эту же пропаганду они встрѣчали вездѣ, — на уличныхъ митингахъ, въ казармахъ, — они входили въ соприкосновеніе съ разнузданными и развращенными элементами петербургскаго гарнизона, гордящимися тѣмъ, что «мы сдѣлали революцію», и сами развращались. Въ результатѣ, паломничество депутацій отъ арміи въ Петербургъ сдѣлалось средствомъ зараженія и разложенія войскъ, а не ихъ оздоровленія.

Когда въ серединѣ Апрѣля ген. Алексѣевъ пріѣхалъ въ Петербургъ и въ засѣданіяхъ Вр. Правительства (собиравшагося, по случаю болѣзни А. И. Гучкова, на его квартирѣ) обрисовывалъ настроеніе въ арміи, я хорошо припоминаю, какое чувство жути и безнадежности меня охватывало. Выводъ былъ совершенно ясенъ Несмотря на всѣ оговорки, приходилось уже тогда констатировать, что революція нанесла страшнѣйшій ударъ нашей военной силѣ, что ея разложеніе идетъ колоссальными шагами, что командованіе безсильно. Обнаружилось въ командномъ составѣ два теченія, два типа людей. Одни очень скоро поняли, что они могутъ удержаться на своихъ мѣстахъ только безудержнымъ потаканіемъ революціонизированныхъ солдатъ, заискиваніемъ, утрированіемъ новыхъ «товарищескихъ» отношеній, — по-просту говоря — подличаніемъ передъ солдатами. Эти лица, конечно, только способствовали разрушенію дисциплины, утратѣ сознанія воинскаго долга, — вообще, гибели арміи. Другіе не хотѣли мириться съ новыми порядками и новымъ духомъ, пытались имъ

противодѣйствовать, проявить власть, — и либо попадали въ трагическія исторіи, либо оказывались неудобными въ глазахъ болѣе высокаго начальства и были смѣщаемы со своихъ должностей. Такимъ образомъ, лучшіе, наиболѣе сильные, наиболѣе добросовѣстные элементы исчезали, а оставались либо жалкая дрянь, либо особенно ловкіе люди, умѣвшіе балансировать между двумя крайностями.

Въ моихъ бумагахъ хранится нѣсколько писемъ, въ то время и позже мною полученныхъ отъ гр. Н. Н. Игнатьева, человѣка, прослужившаго всю свою жизнь на военной службѣ, командовавшаго во время войны Преображенскимъ полкомъ, — настоящаго офицера и притомъ очень неглупаго, вдумчиваго и серьёзнаго человѣка. Если не ошибаюсь, революція застала его либо начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса, либо начальникомъ гвардейской пѣхотной дивизіи. Эти его письма произвели на меня большое впечатлѣніе. Они подтвердили мои худшія догадки. Сейчасъ ихъ у меня нѣтъ подъ рукой, и я не могу провѣрить даты, но мнѣ помнится, что очень скоро въ этихъ письмахъ зазвучала такая нота: надо отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что война кончена, что мы больше воевать не можемъ и не будемъ, потому что армія стихійно не хочетъ воевать. Умные люди должны придумать способъ ликвидировать войну безболѣзненно, иначе произойдетъ катастрофа... Я показалъ одно изъ писемъ Гучкову. Онъ его прочелъ и вернулъ мнѣ, сказавъ при этомъ, что онъ получаетъ такія письма массами. «Что же вы думаете по этому поводу?» спросилъ я. Онъ только пожалъ плечами и отвѣтилъ что-то въ родѣ того, что приходится надѣяться на чудо. Но чудо не произошло, процессъ пошелъ естественнымъ и необходимымъ путемъ и привелъ къ естественному и необходимому концу.

Большевистскій переворотъ

(Октябрь 1917 г.)

Въ одномъ изъ мартовскихъ засѣданій Временнаго Правительства, въ перерывѣ, во время продолжавшагося разговора на тему о все развивающейся большевистской пропагандѣ, Керенскій заявилъ — по обыкновенію, истерически похохатывая: «А вотъ погодите, самъ Ленинъ ѣдетъ... Вотъ когда начнется по настоящему!» По этому поводу произошелъ краткій обмѣнъ мнѣніями между министрами. Уже было извѣстно, что Ленинъ и его друзья собираются прибѣгнуть къ услугамъ Германіи для того, чтобы пробраться изъ Швейцаріи въ Россію. Было также извѣстно, что Германія какъ будто идетъ этому на встрѣчу, хорошо учитывая результаты. Если не ошибаюсь, Милюковъ (да, именно онъ!) замѣтилъ: «Господа, неужели мы ихъ впустимъ при такихъ условіяхъ?» Но на это довольно единодушно отвѣчали, что формальныхъ основаній воспрепятствовать въѣзду Ленина не имѣется, что, наоборотъ, Ленинъ имѣетъ право вернуться, такъ какъ онъ амнистированъ, — что способъ, къ которому онъ прибѣгаетъ для совершенія путешествія, не является формально преступнымъ. Къ этому прибавляли, — уже съ точки зрѣнія политической цѣлесообразности подходя къ вопросу, что самый фактъ обращенія къ услугамъ Германіи въ такой мѣрѣ подорветъ авторитетъ Ленина, что его не придется бояться. Въ общемъ, всѣ смотрѣли довольно поверхностно на опасности, связанныя съ

пріѣздомъ вождя большевизма. Этимъ былъ данъ основной тонъ. Связанное своими провозглашеніями свободъ, само безпрерывно митингуя, Вр. Правительство не считало возможнымъ противодѣйствовать, хотя бы, самой необузданной и разрушительной пропагандѣ, устной и въ печати.

Въ газетахъ того времени нашло себѣ отраженіе то странное и неожиданное впечатлѣніе, которое произвелъ пріѣздъ Ленина и его первыя выступленія. Даже Стеклонъ-Нахамкесъ нашелъ нужнымъ заявить, что Ленинъ, повидимому, потерялъ контактъ съ русской дѣйствительностью. «Правда» не сразу сумѣла подняться до уровня своего идейнаго вождя. Въ Исполнит. Комитетѣ первоначальное смущеніе скоро перешло въ опредѣленную враждебность. Но колоссальную настойчивость и самоувѣренность Ленина нельзя было, конечно, побѣдить такъ просто. Все послѣдующее показало, до какой степени ясно, даже въ деталяхъ, былъ продуманъ планъ. Онъ немедленно, шагъ за шагомъ, началъ осуществляться, причемъ главнымъ рычагомъ было утомленіе арміи войною и начавшееся на фронтѣ, подъ прямымъ вліяніемъ Петербургскаго переворота, быстрое, — можно сказать, катастрофическое, — разложеніе.

По своимъ воспоминаніямъ, мнѣ приходится констатировать, что Вр. Правительство съ изумительной пассивностью относилось къ этой гибельной работѣ. О Ленинѣ почти никогда не говорили. Помню, Керенскій уже въ Апрѣлѣ, черезъ нѣкоторое время послѣ пріѣзда Ленина, какъ-то сказалъ, что онъ хочетъ побывать у Ленина и побесѣдовать съ нимъ, и въ отвѣтъ на недоумѣнные вопросы, пояснилъ, что «вѣдь онъ живетъ въ совершенно изолированной атмосферѣ, онъ ничего не знаетъ, видитъ все чрезъ очки своего фанатизма, около него нѣтъ никого, кто бы хоть сколько-нибудь помогъ ему ориентироваться въ томъ, что происходитъ». Визитъ, сколько мнѣ извѣстно, не состоялся. Не знаю, отклонилъ ли его Ленинъ, или Керенскій самъ отказался отъ своего намѣренія. Затѣмъ, какъ я уже, кажется, отмѣчалъ, неоднократно возникали во Вр. Правительствѣ разговоры по поводу безобразій, творившихся съ домомъ Кшесинской, — частной собственностью, захваченной явно-насильственнымъ способомъ и ежедневно подвергавшейся порчѣ и разрушенію. Но дальше разговоровъ дѣло не шло. Когда повѣренный Кшесинской возбудилъ у мирового судьи искъ о выселеніи организаціи, произвольно завладѣвшихъ особнякомъ, Керенскій съ удовольствіемъ указывалъ, что вотъ наконецъ вступили на правильный путь. Но когда его спросили, какимъ же образомъ будетъ приведено въ исполненіе рѣшеніе мирового судьи, онъ отвѣтилъ, что это его не касается, что это — дѣло администраціи, исполнительной власти, Министерства внутреннихъ дѣлъ, — каковое министерство въ то время находилось въ нѣтяхъ. Какъ извѣстно, въ концѣ концовъ удалось выселить большевиковъ, но дѣло уже было сдѣлано, — они вполнѣ и до конца использовали свою площадную трибуну.

Въ первомъ, до извѣстной степени организованномъ, выступленіи противъ Вр. Правительства, 19—21 Апрѣля, когда войска пришли къ Маріинскому дворцу съ плакатами, требовавшими отставки Милюкова, еще не была ясна роль большевиковъ. Выступленіе это было ликвидировано, какъ извѣстно, вполнѣ безболѣзненно. Населеніе Петербурга въ огромной своей массѣ реагировало вполнѣ опредѣленно въ пользу Вр. Правительства. Въ эти дни Гучковъ хворалъ, и засѣданія происходили у него на квартирѣ. Я помню бурный день, начавшійся появленіемъ войскъ на площади Маріин-

скаго дворца и закончившійся безпрерывнымъ митингомъ передъ домомъ военнаго министерства, и горячими овваціями по адресу Милюкова и Гучкова. Въ тотъ день еще чувствовалась большая моральная сила Вр. Правительства, остававшаяся — увы! — совершенно неиспользованной... Петербургъ тогда какъ бы впервые почуялъ возможность будущихъ потрясеній, и въ массѣ своей сказалъ, что онъ ихъ не хочетъ.

Исторія Іюльскихъ дней — дней второго выступленія войскъ, на этотъ разъ уже имѣвшаго характеръ настоящей попытки возстанія, — когда-нибудь будетъ изслѣдована во всѣхъ подробностяхъ, и выяснится весь тайный ходъ ея. Я хочу только вспомнить свои личныя переживанія и впечатлѣнія. Въ то время я уже давно пересталъ быть управляющимъ дѣлами Вр. Правительства. Оффиціальныя мои занятія были, однако, довольно разнообразны, такъ какъ я работалъ въ Юридическомъ Совѣщаніи и въ комиссіяхъ и членумѣ Совѣщанія по составленію закона о выборахъ въ Учредит. Собраніе. Кромѣ того, я былъ членомъ комиссіи по пересмотру и введенію въ дѣйствіе Уголовнаго Уложенія. Кстати сказать: какъ больно теперь вспомнить всю эту напряженную работу, поглотившую столько труда, энергіи, времени, — работу, часто очень высокаго качества (я, конечно, имѣю въ виду работу коллектива, а не свое личное участіе) — и оставшуюся абсолютно безплодной, на половину забытой!..

О томъ, что готовится вооруженное выступленіе большевиковъ, уже давно ходили толки. Керенскій находился на фронтѣ. Пропаганда уличная, митинговая и газетная съ каждымъ днемъ становилась необузданнѣе. Послѣ первыхъ извѣстій объ успѣхахъ въ первые дни наступленія (18 Іюня) стали приходить тревожные слухи. Настроеніе создавалось безпокойное, подавленное.

2 Іюля у насъ было назначено въ помѣщеніи Центральнаго Комитета засѣданіе, по обыкновенію въ $8^1/_2$ часовъ вечера. Отправившись туда послѣ обѣда, я замѣтилъ, подходя къ набережной, очень большое оживленіе. По Милліонной было много солдатъ, какія-то части стояли на Марсовомъ полѣ, около начала Милліонной. Слышались шумные разговоры, что-то разсказывали объ идущихъ съ того берега Невы демонстраціяхъ. Суворовская площадь была запружена народомъ. Уже пройдя мимо англійскаго посольства, я увидѣлъ, что по Троицкому мосту, съ Петербургской стороны, движется большая толпа со знаменами и плакатами. Иду дальше. На Французской набережной меня обгоняетъ моторъ, наполненный вооруженными солдатами, расположившимися внутри и лежащими на переднихъ крыльяхъ съ наведенными впередъ винтовками. Тѣ же безумныя, тупыя, звѣрскія лица, какія мы всѣ помнимъ въ февральскіе дни... Промчался въ томъ же направленіи броневикъ. Придя въ помѣщеніе Центральнаго Комитета, я встрѣтилъ тамъ одну изъ служащихъ въ секретаріатѣ, и узналъ отъ нея, что засѣданіе состоится не здѣсь, а на Фурштадтской: — она назвала номеръ. Я отправился на Фурштадтскую. На углу Шпалерной и Литейной трудно было двигаться. Стояли плотныя массы народу, слышались нестройные крики, а съ Литейной шли вооруженные толпы рабочихъ, направлявшіяся затѣмъ налѣво по Шпалерной, къ Таврическому дворцу и къ Смольному. На плакатахъ были большевистскія надписи: «Долой министровъ-капиталистовъ», «Вся власть Совѣтамъ» и др. Лица были мрачныя, злобныя. Я пошелъ по Литейной къ Фурштадтской, но придя къ указанному

мнѣ дому, долженъ былъ убѣдиться, что мнѣ, повидимому, дали невѣрный адресъ. Пришлось идти обратно на Французскую набережную, выяснить недоразумѣніе, и вернуться вновь на Фурштадтскую, получивъ уже правильное указаніе. Засѣданіе происходило въ одной изъ квартиръ большого дома, съ двумя парадными подъѣздами. Я засталъ Центральный Комитетъ въ довольно большомъ составѣ. Предсѣдательствовалъ Милюковъ. Обсуждался проектъ обращенія къ населенію. Обмѣнъ мнѣніями шелъ какъ-то вяло, — поминутно выходили въ сосѣднюю комнату, звонилъ телефонъ, происходили a parte. Мы сидѣли уже больше часа, когда пришли сообщить, что къ дому подъѣхалъ броневикъ и что выходъ на улицу занятъ солдатами. Это извѣстіе вызывало оживленный разговоръ по вопросу о томъ, не слѣдуетъ ли какъ-нибудь и куда-нибудь укрыть Милюкова и Шингарева*: — провести ихъ по черному ходу, отвести въ какую-нибудь другую квартиру. Но оба они заявили, что если хозяевъ квартиры не смущаетъ ихъ дальнѣйшее пребываніе, они останутся. Засѣданіе продолжалось, и обсужденіе закончилось безъ какихъ-либо инцидентовъ. Кажется, и Милюковъ, и Шингаревъ остались ночевать въ квартирѣ. Выяснилось, что броневикъ уѣхалъ и что выходъ на улицу свободенъ. Былъ двѣнадцатый часъ ночи, было душно и пыльно. Мнѣ предстоялъ большой путь. Я рѣшилъ пойти по Литейной, Пантелеймоновской, мимо Лѣтняго сада и Марсова поля на Мойку и черезъ Дворцовую площадь прямо къ Исаакію. Несмотря на поздній часъ, на Литейномъ было совсѣмъ дневное оживленіе. То и дѣло сходились кучками, шли солдаты съ винтовками, матросы, — гудѣли автомобили. Поближе къ Марсову полю стало тише и пустыннѣе. Я прошелъ свой путь безъ всякихъ инцидентовъ и, дойдя (по Адмиралтейскому бульвару) до Вознесенскаго проспекта, свернулъ на-лѣво. Передъ гостинницей «Англія» стояла кучка встревоженныхъ жильцовъ, — среди нихъ моя кузина, Катя Д., сказавшая мнѣ, что войска стоятъ на Морской, вдоль площади (Маріинской) и на улицахъ, и что меня едва-ли пропустятъ. Я, однако, направился мимо дома Мятлевыхъ и германскаго посольства къ Морской и прошелъ безпрепятственно. Войска были расположены двумя длинными шеренгами, захватывавшими и часть Морской, — до итальянскаго посольства, примѣрно.

Повидимому, это были войска, вызванныя правительствомъ для охраны Маріинскаго дворца.

Ходъ событій въ послѣдующіе дни припоминается мнѣ смутно. Физіономія города быстро измѣнилась. Исчезли автомобили частныхъ людей, по улицамъ помчались броневики и моторы, набитые вооруженными рабочими и солдатами. То и дѣло, въ разныхъ мѣстахъ вспыхивала перестрѣлка, съ разныхъ сторонъ начинали трещать выстрѣлы. Многочисленная публика, переполнявшая тротуары Невскаго Проспекта, вдругъ шарахалась въ сторону, бросалась опрометью бѣжать, чуть не сбивая съ ногъ встрѣчныхъ. То и дѣло, появлялись большіе отряды, шедшіе куда-то съ красными знаменами и плакатами уже отмѣченнаго содержанія. Стояли чудесные жаркіе дни, сіяло солнце, — какой-то разительный контрастъ между жизнью природы и тревожными, взволнованными впечатлѣніями отъ всего происходя-

---

* Шингаревъ только что ушелъ изъ состава Вр. Правительства, вмѣстѣ съ Мануиловымъ.

щаго. Маріинскій дворецъ опустѣлъ, въ засѣданія комиссій никто почти не являлся. Я ходилъ по улицамъ, бывалъ въ редакціи «Рѣчи», старался орієнтироваться въ томъ, что совершалось. Кп. Львовъ и кое-кто изъ министровъ находились въ штабѣ округа (на Дворцовой площади). Разсказывали, что въ первый день была сдѣлана неудачная попытка арестовать Вр. Правительство. Всѣ чего-то напряженно ждали... Кончилась вся исторія, какъ извѣстно, прибытіемъ вѣрныхъ правительству войскъ съ фронта (кавалерійская дивизія), изоляціей и послѣдующимъ обезоруженіемъ возставшихъ, полной побѣдой правительства и временной — увы! — ликвидаціей большевизма. Это былъ моментъ, который Вр. Правительство вполнѣ могло использовать для окончательной ликвидаціи Ленина и К°. Оно не рѣшилось это сдѣлать. Новая правительственная декларація содержала лишь новыя уступки соціализму и циммервальдизму, — затѣмъ покинулъ свой постъ кн. Львовъ и правительство перешло къ Керенскому...

Послѣ іюльскаго кризиса, образованія новаго министерства, созыва Московскаго Государственнаго Совѣщанія, корниловской исторіи и временнаго функціонированія такъ-называемой «директоріи», — учрежденіе «Совѣта Россійской республики» и призывъ въ составъ правительства представителей торгово-промышленнаго элемента (Третьякова, Смирнова, Коновалова), а также видныхъ к.-д. (Кишкина) — были послѣдней попыткой противупоставить нѣчто ростущей волнѣ большевизма. Я принималъ дѣятельное участіе въ этомъ послѣднемъ фазисѣ существованія Вр. Правительства. Милюковъ и Винаверъ были въ отъѣздѣ, я фактически стоялъ во главѣ Центральнаго Комитета. Выше я уже разсказалъ кое-какіе эпизоды, относящіеся къ этому времени. Когда выяснилось, что Церетели, игравшій въ переговорахъ наиболѣе видную роль (со стороны соціалистовъ), уѣзжаетъ на Кавказъ и въ засѣданіяхъ Совѣта не будетъ принимать участія, я спросилъ его, съ кѣмъ же намъ придется имѣть дѣло при партійныхъ переговорахъ и соглашеніяхъ. Онъ указалъ на Ф. Дана (Гурвича).

Какъ извѣстно, при созданіи Совѣта республики сговорившіяся стороны (соціалисты и к.-д., главнымъ образомъ) преслѣдовали совершенно опредѣленную цѣль — укрѣпленіе Вр. Правительства въ его борьбѣ съ большевизмомъ. Нужно было разрѣдить атмосферу, дать правительству трибуну, съ которой оно могло выступать оффиціально и открыто передъ всей страной, дать ему реальную поддержку въ лицѣ партій, выступившихъ въ коалицію и представленныхъ въ самомъ правительствѣ. Для всего этого требовалось, конечно, прежде всего твердое и ясное рѣшеніе всѣхъ партій въ двухъ направленіяхъ: борьбы съ большевизмомъ, — поддержки власти. Когда заключена была работа по намѣчанію будущихъ членовъ Совѣта республики, я и Аджемовъ сговорились съ Гоцомъ, Даномъ и Скобелевымъ и условились встрѣтиться (на квартирѣ Аджемова), чтобы выяснить дальнѣйшій планъ дѣйствій и установить тактическій планъ.

Если не ошибаюсь, мы раза два собирались у Аджемова, и я живо вспоминаю то чувство безнадежности и раздраженія, которое постепенно овладѣвало мною во время этихъ разговоровъ. Я Дана зналъ мало, встрѣчался съ нимъ въ 1906 году, и съ тѣхъ поръ его не видалъ. Его отношеніе къ создавшемуся положенію вещей имѣло очень мало общаго съ отношеніемъ Церетели. На наше (съ Аджемовымъ) опредѣленное заявленіе, что главнѣйшей задачей вновь учрежденнаго Совѣта мы считаемъ

созданіе атмосферы общественнаго довѣрія вокругъ Вр. Правительства и поддержки его въ борьбѣ съ большевиками, Данъ отвѣтилъ, что онъ и его друзья не склонны напередъ обѣщать свое довѣріе и свою поддержку, что все будетъ зависѣть отъ образа дѣйствій правительства, и что, въ частности, они не видятъ возможности встать на точку зрѣнія борьбы съ большевиками прежде всего и во что бы то ни стало... «Но вѣдь въ этомъ-то и заключалась вся цѣль нашего соглашенія», возражали мы, «а Ваше теперешнее отношеніе есть опять-таки прежнее двусмысленное, невѣрное, колеблющееся довѣріе — «постолько, поскольку», которое ничуть не помогаетъ правительству и не облегчаетъ его задачи». Данъ вилялъ, мямлилъ, велъ какую-то талмудическую полемику... Мы разошлись съ тяжелымъ чувствомъ, — съ сознаніемъ, что начинается опять старая канитель, что наши «лѣвые друзья» неисправимы, и что всѣ затраченныя нами усилія, направленныя къ тому, чтобы добиться соглашенія и поддержки власти въ ея борьбѣ съ анархіей и бунтарствомъ, едва ли не пропали даромъ.

Въ концѣ-концовъ, какъ извѣстно, оно такъ и оказалось. Вр. Правительство не имѣло въ Совѣтѣ республики опредѣленнаго и прочнаго большинства, которое бы его поддержало. Рѣшающее значеніе въ этомъ вопросѣ имѣлъ, какъ мнѣ кажется, демонстративный уходъ большевиковъ, послѣ котораго крайнюю лѣвую пришлось занять интернаціоналистамъ, связаннымъ довольно тѣсно съ прочимъ соціалистическимъ болотомъ. Совѣтъ оказался весьма громоздкой машиной и много времени прошло на то, чтобы его соорганизовать и пустить въ ходъ. Совѣщаніе старшинъ можно было смѣло назвать синедріономъ. Подавляющая часть его состава были евреи. Изъ русскихъ были только Авксентьевъ, я, Пѣшехоновъ, Чайковскій... Помню, что на это обстоятельство обратилъ мое вниманіе Маркъ Вишнякъ, сидѣвшій — въ качествѣ секретаря — рядомъ со мною (я былъ товарищемъ предсѣдателя).

Въ предварительныхъ переговорахъ выяснилось, что въ предсѣдатели Совѣта намѣченъ Авксентьевъ, въ товарищи предсѣдателя — Пѣшехоновъ, Крохмаль и я, въ секретари — Вишнякъ. Съ Авксентьевымъ я раньше не былъ знакомъ, — его сумбурно-безсодержательная рѣчь на Московскомъ Совѣщаніи (произнесенная имъ въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ) произвела на меня очень невыгодное впечатлѣніе. Болѣе близкое знакомство въ теченіе Октября и Ноября измѣнило это впечатлѣніе. Лично Авксентьевъ очень привлекательный человѣкъ, — несомнѣнно искренній, отнюдь не страдающій самомнѣніемъ, хорошо отдававшій себѣ отчетъ въ томъ, что Россія находится на краю бездны. Какъ предсѣдатель Совѣта, онъ держалъ себя безукоризненно, а въ личныхъ отношеніяхъ былъ и корректенъ. и пріятенъ. При всемъ томъ, однако, о немъ менѣе всего можно было бы сказать, чтобы онъ былъ выдающейся, сильной личностью, способной импонировать другимъ и вести ихъ за собою. Какъ предсѣдатель, онъ показалъ полную объективность и безпристрастіе, но конечно ему трудно было за одинъ мѣсяцъ — даже меньше — завоевать себѣ какой бы то ни было авторитетъ.

Одна изъ практическихъ задачъ, которыя наша партія себѣ поставила въ совѣтѣ, заключалась въ томъ, чтобы добиться удаленія ген. Верховскаго съ поста военнаго министра. Онъ съ самаго начала обнаружилъ свою полную несостоятельность и представлялся прямо какой-то загадочной фигурой,

какимъ-то психопатомъ, не заслуживающимъ никакого довѣрія. Противъ Верховскаго выступили въ Совѣщаніи сперва Аджемовъ, чрезвычайно рѣзко и страстно, а потомъ К. Н. Соколовъ (пользовавшійся матеріалами, доставленными ему Аджемовымъ). Нѣсколько времени спустя, — должно быть, въ десятыхъ числахъ Октября, придя утромъ изъ кабинета Авксентьева, гдѣ происходило засѣданіе президіума, въ залъ засѣданія совѣта, я засталъ Шингарева, Милюкова и Аджемова совѣщающимися. Они сообщили мнѣ, что пришелъ въ Маріинскій дворецъ посланецъ отъ ген. Верховскаго и передалъ отъ имени послѣдняго, что онъ желалъ бы побесѣдовать по серьёзнымъ вопросамъ съ лидерами к.-д. и проситъ, въ случаѣ ихъ на то согласія, указать какое-либо нейтральное мѣсто, гдѣ бы можно было собраться. Мы предложили Верховскому, пріѣхать въ Маріинскій дворецъ, но онъ по телефону отвѣтилъ, что предпочелъ бы, сойтись гдѣ-нибудь не такъ на виду. Тогда остановили выборъ на моей квартирѣ, на Морской. Время было назначено 2 часа дня. Мнѣ кажется, что кромѣ названныхъ выше лицъ отъ к.-д. участвовалъ также Ф. Ф. Кокошкинъ. Верховскій пріѣхалъ аккуратно въ назначенный часъ, въ сопровожденіи адъютанта. Мы усѣлись въ моемъ кабинетѣ, кругомъ. Верховскій сразу вошелъ in medias res, заявилъ, что онъ хотѣлъ бы знать мнѣніе лидеровъ к.-д. по вопросу о томъ, не слѣдуетъ ли немедленно принять всѣ мѣры — въ томъ числѣ воздѣйствіе на союзниковъ — для того, чтобы начать мирные переговоры. Затѣмъ онъ сталъ мотивировать свое предложеніе и развернулъ отчасти знакомую намъ картину полнаго развала арміи, отчаяннаго положенія продовольственнаго дѣла и снабженія вообще, гибель конскаго состава, полную разруху путей сообщенія, съ такимъ выводомъ: «При такихъ условіяхъ воевать дольше нельзя, и всякія попытки продолжать войну только могутъ приблизить катастрофу».

Мое положеніе было психологически очень трудное. Не менѣе, какъ за мѣсяцъ до того, я принималъ участіе въ частномъ совѣщаніи, созванномъ кн. Григоріемъ Ник. Трубецкимъ, какъ разъ по этому вопросу. Въ этомъ засѣданіи были Терещенко и Нератовъ, а изъ приглашенныхъ припоминаю Родзянко, Коновалова, Третьякова (оба уже были министрами), Савича (члена Госуд. Думы), Стаховича Мих. Ал., Маклакова, П. Б. Струве, бар. Б. Э. Нольде, — кажется, всѣ, Милюковъ отсутствовалъ, его въ то время не былъ въ Петербургѣ. Вопросъ собственно сводился къ тому, допускаетъ ли коньюнктура даннаго момента оріентацію въ сторону мира и требуется ли такая оріентація нашимъ военнымъ положеніемъ.

За время, довольно долго предшествовавшее этому совѣщанію, я неоднократно и со все ростущей тревогой задумывался надъ этимъ вопросомъ. Мнѣ пришлось разъ довольно случайно, въ Зимнемъ дворцѣ, поговорить на эти темы съ Терещенкомъ и высказать ему мои опасенія. Онъ, въ сущности, ихъ раздѣлялъ, но все же утверждалъ, что по словамъ генерала Алексѣева возможно оздоровленіе и реорганизація арміи и подготовка къ весенней кампаніи, — пока же нужно и можно держать фронтъ. Долженъ сказать, что меня нисколько не убѣдили его соображенія. Когда затѣмъ, главнымъ образомъ по иниціативѣ бар. Нольде и Аджемова, вопросъ былъ поставленъ въ Центральномъ Комитетѣ у насъ (это было, должно быть, въ двадцатыхъ числахъ Сентября и также въ отсутствіи Милюкова), бар. Нольде сдѣлалъ обширный

докладъ, сводившійся къ тому, что чѣмъ дольше продолжается война, тѣмъ больше и невознаградимѣе наши потери, что армія наша все въ большей степени становится добычей большевизма, что по всему ходу дѣлъ можно уже теперь предвидѣть окончаніе войны «ни въ чью», безъ рѣшительной побѣды съ чьей бы то ни было стороны, и что намъ нужно напрячь всѣ силы для того, чтобы побудить союзниковъ къ мирнымъ переговорамъ, такъ какъ о сепаратномъ мирѣ, понятное дѣло, не можетъ быть рѣчи.

Центральный Комитетъ отнесся къ докладу и ко всему въ немъ развитому ходу мыслей — въ подавляющемъ большинствѣ своемъ — отрицательно. Защищали его, сколько мнѣ помнится, только А. А. Добровольскій (очень рѣшительно и опредѣленно) и я. Никакихъ постановленій сдѣлано не было, было рѣшено дождаться возвращенія Милюкова и вновь поставить во всемъ объёмѣ вопросъ о войнѣ и о международной политикѣ. Кстати сказать, это обсужденіе такъ и не состоялось. Милюковъ вернулся только около 10-го Октября (послѣ нашего московскаго съѣзда), а черезъ двѣ недѣли произошелъ большевистскій переворотъ.

На совѣщаніи у Трубецкого бар. Нольде болѣе или менѣе точно воспроизвелъ всю свою аргументацію. И на этотъ разъ она въ общемъ не встрѣтила сочувствія. Особенно рѣзко возражалъ М. В. Родзянко, возражалъ и Савичъ, и другіе. Суть возраженій заключалась отчасти въ оспариваніи факта полнаго и безповоротнаго разложенія нашей арміи, отчасти въ указаніи, что нѣтъ ни малѣйшихъ данныхъ разсчитывать на склонность нашихъ союзниковъ отнестись сколько-нибудь благопріятно къ какой бы то ни было нашей иниціативѣ въ постановкѣ вопроса о мирныхъ переговорахъ. Я и тутъ поддерживалъ Нольде. А. И. Коноваловъ съ большимъ жаромъ и искренностью также присоединился къ его выводамъ. Помню его слова о томъ, что то правительство, которому удалось бы дать Россіи миръ, пріобрѣло бы огромную популярность и сдѣлалось бы чрезвычайно сильнымъ.

Мнѣ пришлось уйти до конца засѣданія и я не слыхалъ рѣчей Струве и Маклакова, но, какъ мнѣ потомъ сказали, изъ нихъ только послѣдній отчасти поддерживалъ Нольде. Было рѣшено періодически собираться для обмѣна мнѣніями, но вторичнаго собранія уже не было.

Само собою разумѣется, что и въ Центральномъ Комитетѣ, и въ этомъ совѣщаніи у Трубецкого, мое положеніе было иное, чѣмъ при бесѣдѣ съ Верховскимъ. Онъ къ намъ обращался, какъ къ лидерамъ к.-д. Наиболѣе авторитетными среди насъ были, конечно, Милюковъ и Шингаревъ. Они сразу обрушились на Верховскаго. Мнѣ приходилось молчать, — тѣмъ болѣе что какъ бы ни была обоснована и доказательна аргументація Верховскаго, его собственная несостоятельность была слишкомъ очевидна и ожидать отъ него планомѣрной и успѣшной дѣятельности въ этомъ сложнѣйшемъ и деликатнѣйшемъ вопросѣ было невозможно. Онъ и здѣсь, и раньше всею своею личностью вызывалъ опредѣленно-отрицательное отношеніе. Можно было опасаться, что, предоставленный своей собственной иниціативѣ, онъ заведетъ насъ въ безвыходный тупикъ. Кромѣ того, все его недавнее прошлое было настолько — въ политическомъ отношеніи — сомнительно, что не исключалось предположеніе, что онъ просто играетъ въ руку большевикамъ. Разговоръ закончился тѣмъ, что Верховскій спросилъ: «Такимъ образомъ я не могу разсчитывать на Вашу поддержку въ этомъ направленіи?» и получивъ отрицательный отвѣтъ, всталъ и раскланялся, — а

на другой день, въ вечернемъ засѣданіи комиссіи Совѣта Республики (комиссіи по военнымъ дѣламъ) повторилъ въ дополненномъ видѣ всю свою аргументацію, съ тѣми же выводами. Здѣсь произошло его столкновеніе съ Терещенкомъ, поставившимъ ему въ упоръ вопросъ (на который онъ долженъ былъ отвѣтить утвердительно): «Можетъ ли онъ, Верховскій, подтвердить, что все, имъ сказанное, впервые говорится въ засѣданіи комиссіи, и что въ правительствѣ никакого обмѣна мнѣніями по этому вопросу не было?» Верховскій отвѣтилъ, что дѣйствительно онъ до настоящаго времени такого доклада въ засѣданіи Вр. Правительства не дѣлалъ. Впечатлѣніе получилось совершенно скандальное. Верховскій былъ уволенъ въ отпускъ, при чемъ подразумѣвалось, что онъ изъ отпуска не вернется. А черезъ нѣсколько дней произошелъ большевистскій переворотъ.

Въ эти октябрскіе дни, въ хорошо мнѣ знакомомъ домѣ № 10 на Адмиралтейской набережной, въ бывшей квартирѣ моего тестя, теперь занятой А. Г. Хрущовымъ (это была квартира управляющаго дворянскимъ банкомъ) ежедневно, въ шестомъ часу, собирались министры к.-д. (Коноваловъ, Кишкинъ, Карташовъ, примыкающій Третьяковъ), вмѣстѣ съ делегированными въ эти совѣщанія членами Центральнаго Комитета — Милюковымъ, Шингаревымъ, Винавероиъ, Аджемовымъ и мною. Цѣль этихъ совѣщаній заключалась въ томъ, чтобы, во-первыхъ, держать министровъ въ постоянномъ контактѣ съ Центральнымъ Комитетомъ и, съ другой стороны, имѣть постоянное и правильное освѣдомленіе обо всемъ, происходящемъ въ правительствѣ. Въ этихъ нашихъ собраніяхъ Коноваловъ имѣлъ всегда крайне подавленный видъ и, казалось, что онъ потерялъ всякую надежду. «Ахъ, дорогой В. Д., худо, очень худо!» — Эту его фразу я хорошо помню, онъ неоднократно говорилъ мнѣ ее (ко мнѣ онъ относился съ особеннымъ довѣріемъ и доброжелательностью). Въ особенности его угнеталъ Керенскій. Онъ къ тому времени окончательно разочаровался въ Керенскомъ, потерялъ всякое довѣріе къ нему. Главнымъ образомъ его приводило въ отчаяніе непостоянство Керенскаго, полная невозможность положиться на его слова, доступность его всякому вліянію и давленію извнѣ, иногда самому случайному. «Сплошь и рядомъ, чуть ли не каждый день такъ бываетъ» — говорилъ онъ. «Сговоришься обо всемъ, настоишь на тѣхъ или другихъ мѣрахъ, добьешься, наконецъ, согласія. — «Такъ такъ, Александръ Ѳедоровичъ, теперь крѣпко, рѣшено окончательно, перемѣны не будетъ?» — Получаешь категорическое завѣреніе. Выходишь изъ его кабинета — и черезъ нѣсколько часовъ узнаешь о совершенно иномъ рѣшеніи, уже осуществленномъ, или, въ лучшемъ случаѣ, о томъ, что неотложная мѣра, которая должна была быть принята именно сейчасъ, именно сегодня, опять откладывается, возникли новыя сомнѣнія или воскресли старыя, — казалось бы, уже устраненныя. И такъ изо дня въ день. Настоящая сказка про бѣлаго бычка». Особенно безпокоило его и всѣхъ насъ военное положеніе Петербурга и роль полковника Полковникова, къ которому онъ не чувствовалъ ни капли довѣрія. Повидимому, Керенскій въ эти дни находился въ періодѣ упадка духа, подвинуть его на какія-нибудь энергическія мѣры было совершенно невозможно, а время шло, большевики работали во всю, все меньше и меньше стѣсняясь. Положеніе съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе грознымъ. Слухи о предстоящемъ въ ближайшіе дни выступленіи большевиковъ ходили по городу, волнуя и

тревожа всѣхъ. Въ эти дни было отдано — совершенно академическое — распоряженіе объ арестѣ Ленина.

Наканунѣ большевистскаго возстанія, какъ извѣстно, Керенскій появился въ Совѣтѣ республики, сообщилъ о раскрытомъ заговорѣ и просилъ поддержки и полномочій. Случайно меня не было въ это время въ Маріинскомъ дворцѣ, я вернулся немного спустя и засталъ картину полной растерянности. Происходилъ обычный тягостный и въ данныхъ условіяхъ особенно поражавшій своимъ ничтожествомъ и ненужностью процессъ — отыскиванія такихъ компромиссныхъ формулъ, которыя могли бы быть поддержаны какимъ нибудь большинствомъ. К.-д. въ концѣ-концовъ своей формулы не предложили, рѣшивъ примкнуть къ формулѣ народныхъ соціалистовъ и кооперативовъ, но эти послѣдніе голосовали далеко не дружно, и въ результатѣ, послѣ провѣрки голосованія путемъ выхода въ дверп, большинства не составилось. Въ наиболѣе рѣшительный моментъ Совѣтъ республики оказался несостоятельнымъ, онъ не далъ правительству нравственной поддержки, — напротивъ того, онъ нанесъ ему моральный ударъ, обнаруживъ его изолированность. Я не рѣшусь сказать, что иное голосованіе предотвратило бы на сколько-нибудь долгій срокъ теченіе событій и помѣшало бы большевикамъ, но результатъ этого печальнаго и постыднаго дня не могъ не поднять ихъ духа, не окрылить ихъ надеждой, не придать имъ рѣшимости. И съ другой стороны въ этотъ день съ особенной яркостью выказались отрицательныя черты нашей «революціонной демократіи», ея близорукая тупость, фанатизмъ словъ и формулъ, отсутствіе государственнаго чутья. Никакое разумное, сильное, настоящее правительство съ такими элементами работать бы не могло. Мы разошлись, крайне подавленные.

На другой день, часу въ десятомъ утра, когда я еще былъ въ своей уборной, ко мнѣ постучала прислуга и сказала, что меня хотятъ видѣть два офицера. Я велѣлъ просить ихъ въ кабинетъ и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ къ нимъ. Офицеры эти (одинъ, сколько помнится, штабсъ-капитанъ, другой — поручикъ) были мнѣ незнакомы. Они казались крайне взволнованными. Назвавъ себя и свою должность, старшій изъ нихъ сказалъ: «Вы, вѣроятно, уже въ курсѣ событій и знаете, что началось возстаніе; почта, телеграфъ, телефонъ, арсеналъ, вокзалы захвачены, всѣ главные пункты въ рукахъ большевиковъ, войска переходятъ на ихъ сторону, сопротивленія никакого, дѣло Вр. Правительства проиграно. Наша задача — спасти Керенскаго, увезти его поскорѣе на автомобилѣ, на встрѣчу тѣмъ оставшимся вѣрными Вр. Правительству войскамъ, которыя двигаются къ Лугѣ. Всѣ наши моторы захвачены или испорчены. Мы пріѣхали просить васъ, не можете ли вы либо сами дать два закрытыхъ автомобиля, либо указать намъ, къ кому мы бы могли обратиться за этими автомобилями. Сейчасъ каждая минута дорога». Я былъ до такой степени пораженъ этими словами, что въ первую минуту подумалъ, нѣтъ ли тутъ мошенническаго покушенія съ цѣлью получить моторъ и увезти его. Я спросилъ, гдѣ же находится Керенскій? Офицеръ отвѣтилъ мнѣ, что онъ въ штабѣ округа, въ кабинетѣ Полковникова. Я предложилъ еще два-три вопроса, а затѣмъ долженъ былъ объяснить офицерамъ, что у меня самого имѣется только одинъ старенькій ландолэ Бенца, для городской ѣзды, малосильный и потрепанный, — абсолютно не соотвѣтствующій предполагаемой

цѣли, — а другія какія-либо машины я затрудняюсь указать, такъ какъ послѣ всѣхъ реквизицій — до и послѣ переворота — у меня нѣтъ знакомыхъ, которые обладали бы такими машинами. Такимъ образомъ, я никакой пользы принести не могу. Офицеры тотчасъ же ушли, сказавъ, что они отправятся искать въ другихъ мѣстахъ. Проводивъ ихъ, я предупредилъ жену о происходящихъ событіяхъ и немного погодя вышелъ изъ дому и пошелъ въ Маріинскій дворецъ, гдѣ каждое утро, въ одиннадцатомъ часу, собирался президіумъ Совѣта республики. Тамъ уже было довольно много народу. Преобладало растерянное, взволнованное, безпомощное настроеніе. Фракція с.-р. отсутствовала совершенно, с.-д. также было немного. Авксентьевъ не зналъ, что дѣлать. Членовъ было слишкомъ мало, чтобы начать засѣданіе, а главное — отсутствовала вся его фракція. Послѣ довольно долгаго ожиданія, собравшіеся члены Совѣта стали проявлять нетерпѣніе и начали требовать, чтобы либо было открыто засѣданіе, либо было заявлено, что оно не состоится. Тогда Авксентьевъ собралъ сеніоренъ-конвентъ, чтобы рѣшить, что дѣлать. Въ это время приставъ Совѣта сообщилъ, что сейчасъ Керенскій проѣхалъ черезъ площадь, направляясь къ Вознесенскому проспекту — въ о т к р ы т о м ъ (sic!) автомобилѣ, съ двумя адъютантами, имѣя позади себя второй закрытый моторъ. О томъ, гдѣ прочіе члены Вр. Правительства и что они дѣлаютъ, — никто ничего не зналъ... Собрался сеніоренъ-конвентъ. Очень короткое время спустя, послѣ открытія засѣданія, Е. Д. Кускова (не входившая въ составъ сеніоренъ-конвента) попросила разрѣшенія войти, и сообщила, что прибылъ отрядъ солдатъ, съ офицеромъ во главѣ, что всѣ выходы на площадь заняты, и что офицеръ желаетъ видѣть предсѣдателя. Въ отвѣтъ было заявлено, что предсѣдатель занятъ, что происходитъ засѣданіе совѣта старшинъ, и что, когда оно кончится, можно будетъ переговорить съ предсѣдателемъ. Черезъ нѣкоторое время Е. Д. Кускова вновь вошла въ комнату и передала, что начальникъ отряда предлагаетъ всѣмъ собравшимся и всѣмъ членамъ совѣта немедленно покинуть Маріинскій дворецъ, иначе будутъ приняты рѣшительныя мѣры, вплоть до стрѣльбы. Впечатлѣніе получилось ошеломляющее. Никто, повидимому, не соблазнялся перспективой лечь костьми во славу Совѣта россійской республики, и не было никакого повода вспоминать знаменитые историческіе прецеденты, такъ какъ Совѣтъ республики былъ учрежденіемъ совершенно случайнымъ, выдуманнымъ ad hoc, ни въ какомъ отношеніи не подходящимъ подъ понятіе народнаго представительства. И д е й н о й почвы для защиты его во что бы то ни стало — совершенно не было. Съ полной ясностью ощущалось, что дѣло Совѣта тѣсно связано съ положеніемъ Вр. Правительства. Въ отвѣтъ на поставленный ультиматумъ была наскоро составлена трафаретная формула о примѣненномъ къ Совѣту насиліи и о томъ, что при первой возможности онъ будетъ созванъ вновь. Кажется, кто-то предложилъ собрать всѣхъ наличныхъ членовъ Совѣта въ залѣ общаго собранія, но это предложеніе не было принято, такъ какъ количество членовъ быстро таяло и никакой внушительной демонстраціи нельзя было ожидать. Когда мы вышли въ аванзалъ, непосредственно примыкающій къ залу общаго собранія, оказалось, что вся лѣстница и первая передняя наверху сплошь заняты вооруженными солдатами и матросами. Они стояли двумя шеренгами, съ обѣихъ сторонъ лѣстницы. Обычныя безсмысленныя, тупыя, злобныя физіономіи. Я думаю

ни одинъ изъ нихъ не могъ бы объяснить, зачѣмъ онъ здѣсь, кто его послалъ и кого онъ имѣетъ передъ собою. Я шелъ съ Милюковымъ, мнѣ хотѣлось убѣдиться въ томъ, что онъ безпрепятственно вышелъ изъ дворца. Въ большой прихожей внизу было большое скопленіе солдатъ и матросовъ, стоявшихъ также шеренгами до дверей. Подъѣздъ былъ занятъ снаружи, выпускалъ изъ подъѣзда морской офицеръ. Каждый выходящій предъявлялъ свой именной билетъ. Думая, что это дѣлается съ цѣлью выясненія личностей и выполненія заранѣе данныхъ указаній, я былъ совершенно убѣжденъ, что Милюковъ и я самъ — будемъ арестованы. Мы шли къ дверямъ гуськомъ, я впереди его. Какъ разъ передъ тѣмъ, какъ мнѣ выходить изъ дверей, на подъѣздѣ произошла какая-то заминка, движеніе остановилось. Прошли двѣ-три томительныя минуты. Какъ и во всѣ подобныя минуты, мною въ жизни пережитыя, я ощущалъ только большой подъёмъ нервовъ, ничего болѣе. Насъ выпустили. Мнѣ показалось, что, взглянувъ на билетъ Милюкова, офицеръ заколебался, но во всякомъ случаѣ это продолжалось только одну секунду, — и мы съ нимъ вдвоёмъ очутились на площади. Я его позвалъ къ себѣ позавтракать, но онъ сказалъ мнѣ, что предпочитаетъ отправиться домой, и мы разстались, пожавъ другъ другу руку. Вновь мы съ нимъ встрѣтились уже только въ 1918 году, 10/23 Іюня, въ Кіевѣ, послѣ кошмарныхъ $7^1/_2$ мѣсяцевъ . . .

Вернувшись домой, я нѣкоторое время побылъ у себя, и около трехъ часовъ направился къ однимъ знакомымъ, живущимъ на Фонтанкѣ, недалеко отъ угла Вознесенскаго проспекта. Около четырехъ часовъ я оттуда позвонилъ домой, справляясь, нѣтъ ли чего новаго. Жена мнѣ сообщила, что только-что заѣзжалъ посланецъ отъ А. И. Коновалова (газетный сотрудникъ) и передалъ настойчивое приглашеніе прибыть въ Зимній дворецъ, гдѣ собираются члены Совѣта республики и представители общественныхъ организацій. Тамъ, будто бы, происходитъ засѣданіе Вр. Правительства, въ нормальныхъ условіяхъ, подъ охраной военной силы. Я удивился этому неожиданному приглашенію, но, разумѣется, тотчасъ же рѣшилъ ему послѣдовать. На Подъяческой я сѣлъ въ трамвай, доѣхалъ до Конногвардейскаго бульвара, тамъ пересѣлъ и доѣхалъ до Дворцовой площади. Оказалось, что площадь оцѣплена. Солдаты стояли рѣдкими шеренгами вдоль аллеи, идущей параллельно Александровскому саду, кругомъ площади и вдоль рѣшетки, окружающей дворцовый садъ. По тротуарамъ толпилось довольно много народу. Трудно было понять, что происходитъ и какое назначеніе имѣли разставленныя войска. Вѣрный своей привычкѣ, — въ подобныхъ случаяхъ избѣгать разспросовъ, — я вынулъ имѣющійся у меня пропускъ въ Зимній дворецъ (этимъ пропускомъ я пользовался при посѣщеніи засѣданій Вр. Правительства), молча предъявилъ его первому попавшемуся солдату, и безпрекословно былъ имъ пропущенъ. Безпрепятственно я прошелъ черезъ ворота и вошелъ во дворецъ обычнымъ путемъ, черезъ Салтыковскій подъѣздъ, поднялся по лѣстницѣ и прошелъ въ Малахитовый залъ. Тамъ я засталъ такую картину: Въ залѣ находились всѣ министры, за исключеніемъ Н. М. Кишкина (онъ былъ въ это время въ зданіи штаба округа, тутъ же на Дворцовой площади, и «организовывалъ» оборону, — какъ извѣстно, съ весьма плачевнымъ результатомъ). Чрезвычайно взволнованнымъ казался Коноваловъ. Министры группировались кучками, одни ходили взадъ и впередъ по залѣ, другіе стояли у окна, —

С. Н. Третьяковъ сѣлъ рядомъ со мною на диванъ и сталъ съ негодованіемъ говорить, что Керенскій ихъ бросилъ и предалъ, что положеніе безнадежное. Другіе говорили (помнится, Терещенко, бывшій въ повышенно-нервномъ, возбужденномъ состояніи), что стоитъ только «продержаться» 48 часовъ — и подоспѣютъ идущія къ Петербургу вѣрныя правительству войска. Мой приходъ очень привѣтствовали. Оказалось, что Коноваловъ разослалъ посланцевъ во всѣ стороны, созывая «живыя силы», которыя были бы готовы группироваться вокругъ правительства и поддержать его. Кое-кого изъ посланцевъ по дорогѣ задержали большевики, но другіе доѣхали по назначенію и передали приглашеніе. На него, однако, никто не откликнулся, кромѣ меня. Само собою разумѣется, что присутствіе мое оказалось совершенно безполезнымъ. Помочь я ничѣмъ не могъ, и когда выяснилось, что Вр. Правительство ничего не намѣрено предпринимать, а занимаетъ выжидательно-пассивную позицію, я предпочелъ удалиться, — какъ разъ въ ту минуту (въ началѣ 7-го часа), когда пришли сказать Коновалову, что поданъ обѣдъ. Въ корридорѣ я встрѣтилъ журналистовъ, съ Л. М. Клячко-Львовымъ во главѣ. Они сообщили мнѣ, что собираются остаться со Вр. Правительствомъ до конца. На самомъ дѣлѣ, они побыли послѣ меня очень недолго и съ трудомъ выбрались изъ дворца, я же вышелъ совершенно свободно — и пошелъ домой. Минутъ черезъ пятнадцать-двадцать послѣ моего ухода, всѣ выходы и ворота были заняты большевиками, уже никого больше не пропускавшими. Такимъ образомъ, только счастливая случайность помѣшала мнѣ «раздѣлить участь» Вр. Правительства и пройти черезъ всѣ послѣдовавшія мытарства, закончившіяся Петропавловской крѣпостью.

Вечеръ этого бурнаго дня я, помнится, провелъ дома. На другой день, часамъ къ двумъ, я отправился въ Городскую думу. Утромъ нашъ Центр. Комитетъ собрался въ домѣ графини С. В. Паниной и продолжалъ ежедневно собираться въ теченіе ближайшихъ 10—15 дней, то у Паниной, то у В. А. Степанова, — разъ у Кутлера, въ тотъ день, когда юнкерами была произведена попытка захвата телефонной станціи. Днемъ ежедневно собиралась Городская дума, а по вечерамъ — образовавшійся немедленно послѣ переворота «Комитетъ спасенія родины и революціи» засѣдалъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія, воспользовавшись помѣщеніемъ Крестьянскаго союза.

Городская дума въ эти дни напоминала собой огромный растревоженный муравейникъ. Всѣ залы, комнаты, кулуары, лѣстницы кишѣли людьми. Кого только тутъ не приходилось встрѣчать! Но увы, только въ самые первые дни можно было предаваться иллюзіямъ и думать, что Городская дума вмѣстѣ съ Комитетомъ спасенія смогутъ стать какимъ-то организующимъ центромъ, который окажетъ большевикамъ сильное сопротивленіе. Очень скоро стало ясно, что никакой дѣйствительной, организованной силы въ ихъ распоряженіи не имѣется. Къ числу самыхъ тяжелыхъ моихъ воспоминаній я отношу воспоминаніе о поѣздкѣ — вмѣстѣ съ Авксентьевымъ и, помнится, Шрейдеромъ (городскимъ головой) и Исаевымъ (предсѣдателемъ городской думы) къ англійскому послу Бьюкенену. Поѣздка эта была предпринята на другой день послѣ переворота. Она имѣла цѣлью, «успокоить» посла, увѣрить его, что успѣхъ большевистскаго возстанія — чисто-кажущійся, мишурный, что Керенскій ведетъ цѣлый корпусъ на выручку Петербурга и Вр. Правительства... Богъ знаетъ, въ какой степени

сами мы вѣрили этимъ успокоительнымъ заявленіямъ... Бьюкенень, котораго я видѣлъ передъ своей поѣздкой въ Англію въ Январѣ 1916 года въ этомъ самомъ кабинетѣ, гдѣ онъ теперь насъ принималъ, былъ разстроенъ и угнетенъ. Разговоръ плохо клеился, тѣмъ болѣе, что Авксентьевъ съ трудомъ изъяснялся по-французски. При упоминаніи объ ожидаемомъ корпусѣ посолъ нѣсколько оживился, но все же въ общемъ этотъ никчемный визитъ оставилъ у меня отвратительное впечатлѣніе. Вспоминались широковѣщательныя рѣчи при пріемѣ пословъ Вр. Правительствомъ въ Маріинскомъ дворцѣ, — рѣчи, звучавшія увѣренностью въ силѣ правительства и въ величіи революціи, — и невольно сопоставлялся тотъ моментъ, такой еще недавній, съ позорными переживаніями большевистскаго coup de main. Какъ извѣстно, ближайшіе же дни обнаружили всю тщету надеждъ на военную силу, закончившись разгромомъ казаковъ Краснова и бѣгствомъ Керенскаго.

Засѣданія городской думы были сплошной истерикой. Основной тонъ давался городскимъ головой, Г. И. Шрейдеромъ, человѣкомъ, во многихъ отношеніяхъ почтеннымъ, но какъ будто лишеннымъ задерживающихъ центровъ. Смѣхотворный «Всероссійскій земскій соборъ», имъ созванный во исполненіе будто бы состоявшагося постановленія городской думы (на самомъ дѣлѣ были сумбурныя пренія и принято было нѣчто въ родѣ пожеланія), оказался полной неудачей: при данныхъ условіяхъ ничего другого нельзя было ожидать. Большевики, вѣроятно, относились съ большой пропіей къ этой попыткѣ «организаціи общественнаго мнѣнія» и продолжали дѣлать свое очень реальное дѣло. Что касается ежедневныхъ думскихъ засѣданій, то они носили характеръ сплошнаго митинга. Не было никакой повѣстки, никакого плана занятій. Все проходило въ видѣ срочныхъ, спѣшныхъ, внѣочередныхъ заявленій. Чаще всего ихъ дѣлалъ самъ городской голова. Вслѣдъ затѣмъ начинались бурныя пренія. Большевики въ массѣ своей послѣ переворота перестали ходить въ засѣданія, но оставили представителей фракціи: гласнаго Кобозева, отвратительнѣйшаго субъекта, и кого-то еще. Эти господа вначалѣ пробовали отругиваться, но потомъ по большей части сидѣли молча и черезъ нѣкоторое время тоже перестали являться въ засѣданія. Въ нашей фракціи первую скрипку игралъ бѣдный А. П. Шингаревъ. Онъ выступалъ постоянно, съ большой страстностью, неизмѣнно обзывая большевиковъ предателями и убійцами. Увы, мы не могли подозрѣвать, что эти выступленія были его лебединой пѣснью... Нѣсколько позже пріѣхалъ изъ Москвы (гдѣ его засталъ переворотъ) Винаверъ. Но я не помню какихъ-нибудь его яркихъ выступленій въ этотъ періодъ.

Отъ гор. думы въ Комитетъ спасенія родины и революціи были отъ фракціи к.-д. делегированы гр. С. В. Панина, кн. В. А. Оболенскій и я. Мы очень аккуратно посѣщали эти засѣданія, особенно въ первые дни, когда еще казалось, что вокругъ комитета можно объединить какія-то дѣйственныя силы, что-то такое предпринять. Но наше личное положеніе въ комитетѣ было довольно своеобразное. Составъ его, ex professo, былъ «демократическій», въ томъ особенномъ смыслѣ этого слова, который исключаетъ изъ понятія «демократіи» всѣ не-соціалистическіе элементы. Ни одинъ изъ насъ, поэтому, не вошелъ въ составъ бюро комитета. Между тѣмъ, вся сколько-нибудь реальная работа комитета протекала въ бюро.

Отсюда шла и организація военнаго выступленія (юнкеровъ), приведшая къ такому трагическому финалу. Въ самомъ же комитетѣ занимались резолюціями, — по обыкновенію, споря о каждой фразѣ, о каждомъ отдѣльномъ словѣ, точно отъ этихъ фразъ и словъ записѣло спасеніе «родины и революціи». Количество собиравшихся все таяло, безцѣльность и безплодность засѣданій все больше и больше бросалась въ глаза... Такъ проходили первые дни послѣ переворота. Утромъ — засѣданія Центр. Комитета, разговоры, такъ-называемая «информація», на-половину, если не больше, состоявшая изъ разныхъ непровѣренныхъ слуховъ и фантастическихъ разсказовъ, потомъ длинныя, утомительныя, совершенно безплодныя пренія, заканчивавшіяся принятіемъ какого-нибудь проекта воззванія или никому ненужной резолюціей. Тѣ 15—20 человѣкъ, которые собирались, слишкомъ ясно, слишкомъ несомнѣнно ощущали свое полное безсиліе, оторванность, отсутствіе организацій, на которыя они могли бы опираться. То же самое ощущалось и въ городской думѣ, и въ комитетѣ спасенія...

Въ первые дни казалось, что вопросъ о возможности какой бы то ни было избирательной кампаніи, связанной съ Учредительнымъ Собраніемъ, рѣшается самъ собою отрицательно. Помнится, я самъ высказывался въ этомъ смыслѣ и въ Центр. Комитетѣ, и во Всероссійской Комиссіи по выборамъ. Послѣдняя рѣшила временно прекратить свои занятія, и дѣйствительно не собиралась въ теченіе двухъ (приблизительно) недѣль. Всѣ ожидали, что большевики начнутъ кампанію противъ Учредительнаго Собранія. Они оказались хитрѣе. Какъ извѣстно, въ своемъ первомъ манифестѣ они поставили Вр. Правительству въ вину, что оно медлило созывомъ Учредит. Собранія, и въ теченіе перваго мѣсяца послѣ переворота они афишировали свои стремленія къ этому созыву. И только почувствовавъ свои силы, — или, правильнѣе говоря, — убѣдившись въ безсиліи противниковъ, они сперва осторожно, а потомъ откровенно и грубо открыли свой походъ. Избирательной кампаніи въ Петербургѣ они въ теченіе Ноября не препятствовали. Первый митингъ, организованный нашей партіей, былъ назначенъ, если не ошибаюсь, на воскресенье, 5 Ноября. Долженъ былъ выступать А. И. Шингаревъ. Мы ожидали большевистскихъ демонстрацій, обструкціи и т. п. Ничего этого не произошло. Какъ обыкновенно бываетъ, митингъ привлекъ исключительно ка-детскую или сочувствующую к.-д. публику, — къ тому же онъ происходилъ въ Тенишевскомъ училищѣ, въ Литейномъ раіонѣ, — этой цитадели кадетства, — и прошелъ онъ, какъ передавали, съ большимъ подъёмомъ. Послѣ того была цѣлая серія митинговъ въ Петербургѣ и окрестностяхъ. Я выступалъ въ Тенишевскомъ училищѣ, въ залѣ Калашниковской биржи, въ гимназіи на Казанской, въ Лугѣ и Петергофѣ. Кромѣ того, — по особымъ приглашеніямъ, — въ залѣ Главнаго штаба (для чиновъ его) и въ обществѣ «Саламандра» (для служащихъ). Возможно, что были и другія выступленія, которыхъ я сейчасъ не припомню. Представители другихъ (соціалистическихъ) партій ва этихъ митингахъ почти не выступали, большевики отсутствовали совершенно. Настроеніе публики въ общемъ было тревожное и угрюмое...

Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій Комитета спасенія родины и революціи, гр С. В. Панина сообщила мнѣ, что очень желательно мое участіе въ засѣданіи товарищей министровъ Вр. Правительства, назначенномъ

у А. А. Демьянова, въ его квартирѣ на Бассейной. Если не ошибаюсь, я былъ только въ одномъ засѣданіи (въ первомъ), и вспоминаю о немъ съ величайшимъ отвращеніемъ. Это было собраніе людей, совершенно растерявшихся. Въ немъ принимали участіе, кромѣ товарищей министровъ, и три министра-соціалиста, выпущенныхъ, какъ извѣстно, большевиками въ первые же дни изъ Петропавловской крѣпости. Когда они (Никитинъ, Малянтовичъ, Гвоздевъ) вошли въ комнату, Демьяновъ попытался было «встрѣтить ихъ аплодисментами», но его никто не поддержалъ. Болѣе чуткіе люди понимали, что аплодировать тутъ нечему. Освобожденіе министровъ-соціалистовъ произошло при обстоятельствахъ, отнюдь для нихъ не почетныхъ. Казалось бы, когда имъ было заявлено, что они свободны, но что другіе — «буржуазные» — министры остаются въ крѣпости, простое чувство товарищеской солидарности должно было побудить ихъ категорически протестовать противъ такого различія (абсурдность котораго подчеркивалась тѣмъ, что вѣдь глава Вр. Правительства былъ соціалистъ), — и притомъ протестовать не словами только, не письменными заявленіями, а фактически, дѣйственно, отказавшись отъ предоставляемой имъ при такихъ условіяхъ свободы. Пусть бы ихъ насильно выдворили изъ крѣпости: противъ силы, конечно, ничего не подѣлаешь. Но уйти такъ, какъ они ушли, — этически было недопустимо, и я вполнѣ понимаю, что когда А. И. Коновалову было объ этомъ уходѣ сказано, онъ былъ крайне подавленъ. Какъ бы для полноты картины, одинъ изъ министровъ (кажется, Гвоздевъ) нашелъ возможнымъ и нужнымъ попросить свиданія съ М. И. Терещенкомъ, чтобы «посовѣтоваться» съ нимъ и спросить, какъ отнесется онъ и другіе, остающіеся въ крѣпости, министры къ освобожденію соціалистовъ! Что могъ на это отвѣтить бѣдный Терещенко? Разумѣется, онъ сказалъ, что слѣдуетъ воспользоваться любезностью большевиковъ, но настоящія свои чувства онъ все-таки вполнѣ скрыть не могъ, и, повидимому, также былъ угнетенъ, — такъ передавалъ самъ его собесѣдникъ... Разумѣется, не было недостатка въ благовидныхъ предлогахъ, объясняющихъ поведеніе министровъ-соціалистовъ. Они, дескать, вышли для того, чтобы «вести борьбу», сохранить видимость «аппарата власти» и — въ первую голову — добиваться освобожденія остальныхъ членовъ Вр. Правительства. Фактически, сразу обнаружилось, что они во всѣхъ этихъ направленіяхъ совершенно безсильны. Наиболѣе, повидимому, чуткій изъ нихъ — А. М. Никитинъ — явно страдалъ отъ создавшагося положенія. Въ томъ засѣданіи, въ которомъ я присутствовалъ, онъ съ большимъ волненіемъ интерпеллировалъ Гвоздева, требуя, чтобы Гвоздевъ вмѣстѣ съ нимъ, Никитинымъ, отправился въ Смольный, чтобы потребовать въ категорической формѣ и «ни передъ чѣмъ не останавливаясь», освобожденіе оставшихся въ заключеніи министровъ, а въ случаѣ отказа — потребовать, чтобы освобожденные были вновь посажены!.. Однако, Гвоздевъ не обнаружилъ ни малѣйшаго желанія послѣдовать этому зову, и прочіе присутствовавшіе — въ первую голову Демьяновъ — доказывали Никитину, что его планъ фантастиченъ, неосуществимъ, что задача заключается въ томъ, чтобы «сберечь» обломки Вр. Правительства... И въ концѣ-концовъ, Никитинъ отказался отъ своего намѣренія.

Эпизодъ съ Никитинымъ — самое яркое, что осталось въ моей памяти отъ всего этого засѣданія. Оно велось крайне сумбурно, Демьяновъ, въ

качествѣ предсѣдателя, не умѣлъ ни ставить вопросы, ни конкретизировать пренія. Было обычное нестерпимое многословіе, безконечныя рѣчи, которыхъ никто не слушаетъ. Настроеніе въ общемъ было отвратительное, а у иныхъ — въ особенности у Гвоздева — просто какое-то паническое. Въ качествѣ конкретныхъ мѣръ борьбы обсуждалась, кажется, только одна: чиновничья забастовка, — и надо сказать, что эта забастовка и героически-безумное выступленіе юнкеровъ были единственными, реально проявленными формами сопротивленія большевикамъ.

Въ дальнѣйшемъ я не принималъ больше участія въ этихъ собраніяхъ, такъ какъ оффиціальное мое положеніе во Вр. Правительствѣ совершенно не уполномочивало меня на то, личное же мое отношеніе было вполнѣ отрицательное.

Въ связи съ начавшейся избирательной кампаніей, недѣли черезъ двѣ послѣ переворота, Всероссійская Комиссія по выборамъ рѣшила собраться въ полномъ составѣ, вмѣстѣ съ канцеляріей, въ Маріинскомъ дворцѣ, откуда внутренняя и внѣшняя большевистская охрана въ то время была уже уведена, — чтобы обсудить вопросъ о томъ, возобновить ли ей свою дѣятельность, или нѣтъ. Помимо политическихъ сомнѣній, вопросъ этотъ вызывалъ и серьёзныя юридическія сомнѣнія. При тѣхъ условіяхъ, при которыхъ должна была протекать избирательная кампанія и предстояло совершиться выборамъ, несомнѣнно предвидѣлось, что цѣлый рядъ требованій избирательнаго закона (касающихся сроковъ, составовъ комиссій и т. п.) не могли быть соблюдены. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, представлявшихся и раньше, до переворота, Всероссійская Комиссія вносила соотвѣтствующее представленіе Вр. Правительству, съ проектомъ постановленія, допускавшимъ (въ законодательномъ порядкѣ) отступленіе для отдѣльнаго случая отъ общаго требованія закона. Большевистскій переворотъ устранялъ возможность этого пути, такъ какъ Вр. Правительство фактически было свергнуто, а вновь образовавшуюся совѣтскую власть Всероссійская Комиссія не могла признать. Такимъ образомъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, оказывалось фактически невозможнымъ соблюсти требуемые закономъ сроки, или образовать избирательную комиссію въ составѣ, требуемомъ по закону, получалось безвыходное положеніе. Всероссійская Комиссія, по самому своему положенію, могла работать только при наличности правительства. Этими соображеніями мы руководились, когда, тотчасъ послѣ переворота, рѣшили прервать дѣятельность комиссіи, принявъ мѣры къ сохраненію ея дѣлопроизводства и документовъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ это время всѣ — и мы въ томъ числѣ — ни минуты не вѣрили въ прочность большевистскаго режима и ожидали его быстрой ликвидаціи. Независимо отъ этихъ соображеній, тотъ повсемѣстный сумбуръ и хаосъ, который наступилъ вслѣдъ за переворотомъ, прервалъ дѣятельность всѣхъ учрежденій по выборамъ и — временно, по крайней мѣрѣ, — остановилъ стоящую съ ними въ непосредственной органической связи дѣятельность Всероссійской Комиссіи.

Однако, дни шли за днями, — и положеніе мѣнялось въ томъ смыслѣ, что бездѣятельность Всероссійской Комиссіи могла очень легко быть истолкована въ смыслѣ злостнаго ея намѣренія тормозить выборы, «саботировать» ихъ. Поступали съ мѣстъ телеграммы съ запросами, какъ быть, состоятся ли выборы, какія директивы должны служить руководствомъ для мѣстныхъ

учрежденій по выборамъ. Съ другой стороны, большевистское «правительство», нагло обвинивъ Вр. Правительство въ намѣреніи «затянуть» выборы, само какъ будто готовилось содѣйствовать созыву Учредительнаго Собранія въ назначенный срокъ, т.-е. 28 Ноября. Всѣ эти обстоятельства побуждали комиссію вновь обсудить вопросъ о дальнѣйшей своей дѣятельности. Съ этой цѣлью и рѣшено было собраться.

Въ назначенный день придя въ Маріинскій дворецъ, я засталъ очень смущенныхъ чиновъ канцеляріи. Оказалось, что предсѣдатель комиссіи, Н. П. Авиновъ, экстренно и неожиданно выѣхалъ въ Москву, и предсѣдательскія обязанности переходили ко мнѣ, — и первое, что приходилось мнѣ, въ качествѣ предсѣдательствующаго, выполнить, было объясненіе съ прибывшими по порученію Совѣта народныхъ комиссаровъ представителями его — завѣдующимъ дѣлами Бончъ-Бруевичемъ и какимъ-то солдатомъ. По словамъ чиновъ канцеляріи, эти два лица, прибывъ во дворецъ, разспросили о мѣстопребываніи Всероссійской Комиссіи и, получивъ соотвѣтствующія указанія, отправились въ канцелярію и потребовали, чтобы имъ показали дѣлопроизводство, и вообще освѣдомили ихъ насчетъ дѣятельности комиссіи. Имъ было заявлено, что сейчасъ долженъ придти товарищъ предсѣдателя комиссіи, замѣняющій отсутствующаго предсѣдателя, и предложено было подождать меня и объясняться со мною.

Бончъ-Бруевича я немного зналъ по встрѣчѣ съ нимъ въ Кіевѣ осенью 1913 года, на дѣлѣ Бейлиса. Тогда онъ былъ весь — почтительность. Если я не ошибаюсь, я съ нимъ обѣдалъ у С. В. Глинки. Такъ какъ мы съ нимъ тогда говорили только о дѣлѣ Бейлиса, то у меня не могло о самомъ Бончъ-Бруевичѣ составиться никакого представленія. Какъ я впослѣдствіи узналъ, онъ попалъ въ завѣдующіе дѣлами Совѣта комиссаровъ по протекціи Стеклова-Нахамкеса, — былъ креатурой этого послѣдняго. Брамсонъ разсказалъ мнѣ, что онъ пользовался самой отвратительной репутаціей и считался человѣкомъ, нечистымъ на руку. Въ исторіи возникновенія газеты «Новая Жизнь» онъ сыгралъ опредѣленно-грязную роль, по словамъ А. И. Коновалова. Здѣсь, въ Маріинскомъ дворцѣ, онъ встрѣтился со мною, какъ старый знакомый, подчеркнуто-вѣжливо, и заявилъ, что Совѣтъ народныхъ комиссаровъ живо интересуется вопросомъ о выборахъ въ Учредительное Собраніе и желалъ бы выяснить себѣ роль Всероссійской Комиссіи. Я пригласилъ его и спутника его — солдата — въ залу, служившую чайной комнатой (рядомъ съ аванъ-залой), туда же пришелъ Л. М. Брамсонъ (второй товарищъ предсѣдателя), и мы приступили къ бесѣдѣ. Я выяснилъ Бончъ-Бруевичу точку зрѣнія Всероссійской Комиссіи, въ основѣ которой лежало непризнаніе вновь возникшей власти «Совнаркома»*. Бончъ-Бруевичъ пытался начать убѣждать меня въ томъ, что власть большевиковъ столь же — если не болѣе — законнаго происхожденія, какъ и власть Вр. Правительства, но я отклонилъ этотъ разговоръ. Къ этому я прибавилъ, что сейчасъ предстоитъ совѣщаніе комиссіи, на которомъ будетъ вновь обсужденъ вопросъ о дальнѣйшей работѣ. «Могу ли я надѣяться, что вы поставите меня въ извѣстность о результатахъ обсужденія?» Я отвѣтилъ, что оффиціально ни въ какія

* Тогда еще это подлое выраженіе не было въ употребленіи. Называю его „подлымъ“ по ассоціаціи представленій.

сношенія съ Совѣтомъ комиссія, навѣрно, не вступитъ, но ему, Бончъ-Бруевичу, я готовъ, въ видѣ частнаго разговора, и, если комиссія не будетъ противъ этого возражать, — сообщить о послѣдующемъ рѣшеніи. Онъ этимъ вполнѣ удовольствовался. Солдатъ, бывшій съ нимъ, почти не принималъ участія въ разговорѣ и только разъ вмѣшался для того, чтобы «отъ имени фронта» заявить о томъ огромномъ нетерпѣніи, съ которымъ ожидаются выборы, и о необходимости всячески имъ содѣйствовать. Въ отвѣтъ ему было указано, что именно большевистскій переворотъ, произведенный наканунѣ выборовъ и за мѣсяцъ до Учредительнаго Собранія, принесъ огромный ударъ всему дѣлу выборовъ и поставилъ подъ сомнѣніе возможность ихъ осуществленія. — На этомъ разговоръ кончился, и оба нашихъ собесѣдника удалились. Я открылъ засѣданіе комиссіи и послѣ непродолжительныхъ дебатовъ мы приняли рѣшеніе — возобновить дѣятельность комиссіи, совершенно игнорировать большевистское правительство и въ случаѣ возникновенія такихъ вопросовъ, которые требовали бы разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ, предоставлять мѣстнымъ органамъ выпутываться изъ затрудненія, отнюдь, однако, не санкціонируя отступленій отъ закона. При этомъ предполагалось, что Учредит. Собраніе, при провѣркѣ полномочій своихъ членовъ, будетъ считаться съ создавшимся безвыходнымъ положеніемъ и признаетъ несущественными тѣ отступленія (въ отношеніи, главнымъ образомъ, сроковъ и состава комиссій), которыя будутъ допущены мѣстными организаціями. На другой день я позвонилъ утромъ къ Бончъ-Бруевичу и передалъ ему слѣдующее: «Прежде всего, мнѣ поручено вамъ сообщить, что Всероссійская Комиссія постановила безусловно игнорировать Совѣтъ народныхъ комиссаровъ, не признавать его законной властью и ни въ какія отношенія съ нимъ не вступать. Этимъ собственно кончается оффиціальная часть нашей съ вами бесѣды. Частнымъ образомъ, согласно данному Вамъ мною обѣщанію, могу сообщить Вамъ, что комиссія постановила возобновить свои занятія, и тотчасъ же къ нимъ приступила». Бончъ-Бруевичъ горячо меня благодарилъ...

Тутъ же я долженъ отмѣтить, что большевистское правительство не имѣло, повидимому, ни малѣйшаго представленія ни о составѣ комиссій, ни о ея функціяхъ, и повидимому полагало, что комиссія по существу руководитъ выборами и имѣетъ возможность вліять на ихъ ходъ и исходъ. Но какъ бы то ни было, въ теченіе ближайшихъ двухъ-трехъ недѣль комиссія могла работать безпрепятственно. Мы собирались ежедневно въ Маріинскомъ дворцѣ, неоднократно мнѣ приходилось предсѣдательствовать, въ виду частыхъ поѣздокъ Н. Н. Авинова въ Москву. У насъ были оживленныя сношенія съ мѣстными органами, ежедневно приходили кипы телеграммъ, свидѣтельствовавшихъ объ огромныхъ затрудненіяхъ, которыя испытывались на мѣстахъ. По большей части эти телеграммы просили у Всероссійской Комиссіи разрѣшенія допустить тѣ или другія изъятія или отклоненія отъ требованій избирательнаго закона, — и комиссія, безсильная выполнить эти просьбы, вынуждена была оставлять ихъ безъ отвѣта.. Наряду съ этимъ, было, однако, множество случаевъ, когда приходилось давать разъясненія закона, всякія указавія. Затѣмъ, само собою разумѣется, что изъ получаемыхъ телеграммъ складывалась общая картина выборовъ, хотя и неполная, и отрывочная. Большевистская власть, послѣ

визита Бончъ-Бруевича, совершенно перестала интересоваться дѣятельностью комиссіи. Около 20 Ноября рѣшено было перенести дѣлопроизводство и засѣданія комиссіи въ Таврическій дворецъ. Это было выполнено въ мое отсутствіе. Я 19-го Ноября уѣхалъ въ Москву и вернулся 22-го, въ среду, къ вечеру. Вернувшись, я узналъ, что 23-го утромъ назначено засѣданіе уже въ Таврическомъ дворцѣ. Въ самый день моего отъѣзда, часъ спустя послѣ того, какъ я уѣхалъ на вокзалъ, въ домѣ моемъ былъ произведенъ обыскъ, подробности котораго мнѣ до сихъ поръ неизвѣстны. 23-го, часа два послѣ того, что комиссія приступила къ своимъ занятіямъ, явился комендантъ Таврическаго дворца — большевистскій прапорщикъ, фамилію котораго я позабылъ, и потребовалъ отъ имени Совѣта народныхъ комиссаровъ, чтобы комиссія разошлась. Предсѣдательствовалъ Н. Н. Авиновъ, который отвѣтилъ, отъ имени всей комиссіи, категорическимъ отказомъ. Офицеръ удалился, — поѣхалъ за инструкціями въ Смольный — и вернулся съ бумагой, подписанной Ленинымъ и содержавшей предписаніе — весьма нелѣпо редактированное — арестовать «ка-детскую» комиссію по выборамъ и препроводить ее въ Смольный.

Заключеніе наше въ Смольномъ продолжалось пять дней. Всѣ эти пять дней мы провели въ узкой, низенькой, тѣсной комнаткѣ, въ которую приходилось подниматься по лѣсенкѣ, ведущей изъ нижняго корридора. Насъ было человѣкъ 12—15: точно не помню. Человѣка 4—5 уходили ночевать въ другую камеру. «Среди присутствовавшихъ» припоминаю: Авинова, Брамсона, бар. Нольде, Вишняка, Гронскаго, двухъ членовъ Госуд. Думы (одного октябриста, другого — мирнообновленца [прогрессиста], фамиліи ихъ мною совершенно позабыты), редактора извѣстій комиссіи, Добраницкаго и трехъ солдатъ, представителей фронта, В. М. Гессена, не арестованнаго вмѣстѣ съ нами, но явившагося добровольно, сѣвшаго подъ арестъ, пробывшаго съ нами сутки (кажется) и чуть ли не насильственно удаленнаго на второй день *.

Въ первый день намъ было очень неважно. Въ комнатѣ были деревянныя лавки, стулья, двѣ скверныхъ постели, на которыхъ спали наши два старшихъ сочлена — члены Госуд. Думы, больше ничего. Я спалъ на узенькой деревянной лавкѣ, Вишнякъ — на столѣ. Ни бѣлья, ни тюфяковъ намъ не дали. О пищѣ или хотя бы о чаѣ тоже въ первый день не было и рѣчи, и еслибы жена бар. Нольде не принесла провизіи (она первая узнала о случившемся и успѣла кое-что собрать), мы бы остались голодными. Со второго дня все наладилось, мы стали обѣдать въ общей столовой, семьи приносили обильную провизію, появились походныя кровати, бѣлье, принесли еще два-три тюфяка, — и мы провели остальные дни очень весело и оживленно. Единственное, что насъ смущало, была полная неопредѣленность нашей судьбы и грозящая намъ перспектива, быть отправленными въ «Кресты». Допрашивали насъ въ первый уже вечеръ, допросъ производился нѣкіимъ Красиковымъ, — присяжнымъ повѣреннымъ послѣдняго разбора, — и неизмѣнно заключалъ въ себѣ вопросъ, на который мы неизмѣнно отвѣчали отрицательно: «Признаете ли вы власть

* Добраницкій и другіе члены фронтовой комиссіи не были арестованы и сидѣли по собственному настоянію. Ихъ тоже пытались удалить и они употребили военныя хитрости (съ переодѣваніями), чтобы вернуться въ нашъ составъ.

Совѣта народныхъ комиссаровъ?» Я, въ концѣ допроса, категорически поставилъ вопросъ: какая причина нашего ареста? И получилъ отвѣтъ: «непризнаніе власти народныхъ комиссаровъ».

Въ понедѣльникъ, 27-го Ноября, накануне дня, назначеннаго для открытія Учредит. Собранія, часа въ три, въ нашу комнату вошелъ лохматый матросъ — членъ слѣдственной комиссіи — и «именемъ народной власти» объявилъ намъ, что мы свободны. Не могу сказать, чтобы это извѣстіе особенно меня обрадовало. Слишкомъ ясно сознавалось, что нашъ арестъ и наше освобожденіе — простая случайность въ надвигающихся стихійныхъ бѣдствіяхъ, что освобожденные сегодня, мы завтра же можемъ снова быть посаженными, и, быть можетъ, въ гораздо худшихъ условіяхъ. — Прежде, чѣмъ разойтись, мы въ послѣдній разъ пили чай и закусывали, хотѣли составить актъ, излагающій процедуру нашего допроса и освобожденія, но потомъ рѣшили отложить его до другого дня и собраться во вторникъ утромъ въ Таврическомъ дворцѣ, сойдясь предварительно въ квартирѣ Л. М. Брамсона. Однако, какія-то обстоятельства помѣшали мнѣ, во время придти къ Брамсону, и когда я добрался до квартиры, оказалось, что мои коллеги уже ушли въ Таврическій дворецъ. Я поспѣшилъ вслѣдъ за ними. Чѣмъ ближе я подходилъ, тѣмъ гуще были толпы народа. Я хотѣлъ войти во дворецъ съ Таврической, но стоявшіе у входа солдаты меня не пустили. На мое заявленіе, что я членъ Всероссійской Комиссіи по выборамъ и иду въ засѣданіе комиссіи, мнѣ отвѣтили: «Обратитесь къ коменданту». «А гдѣ комендантъ?» «Это другой входъ, со Шпалерной». Я отправился на Шпалерную, но тамъ пройти было совершенно невозможно. Густая толпа стѣной окружала рѣшетку, слышались крики, была сильная давка. Я вернулся на Таврическую, толкнулся въ другой подъѣздъ, тамъ оказался болѣе нерѣшительный солдатъ, — я, напротивъ, обнаружилъ большую рѣшительность — и прошелъ. Какъ только я вошелъ во дворецъ, я узналъ о произведенныхъ утромъ, часа за два до того, арестахъ въ домѣ графини Паниной: самой С. В., Шингарева, Кокошкина, кн. Павла Дм. Долгорукова... Комиссія уже засѣдала. Оказалось, что комендантъ уже приходилъ и требовалъ, чтобы она разошлась, при чемъ въ комнату были введены вооруженные солдаты. Комиссія, однако, отказалась разойтись и продолжала засѣдать, въ присутствіи солдатъ. Нѣсколько времени спустя къ намъ явился Г. И. Шрейдеръ и еще два-три члена Учредит. Собранія, узнавшіе, что комиссіи чинятъ препятствія. Вызвали коменданта, вступили съ нимъ въ бурныя объясненія, потребовали увода солдатъ. Комендантъ сослался на полученныя отъ Урицкаго (комиссара Таврическаго дворца) распоряженія и пошелъ къ нему за указаніями. Черезъ нѣкоторое время пришелъ Урицкій. Какъ сейчасъ помню эту отвратительную фигуру плюгаваго человѣчка, съ шляпой на головѣ, съ наглой еврейской физіономіей... Онъ также потребовалъ, чтобы мы разошлись, и пригрозилъ пустить въ ходъ оружіе. Шрейдера и другихъ членовъ Учредит. Собранія въ это время уже не было, они пошли въ засѣданіе. Мы потребовали, чтобы Урицкій снялъ шляпу, — онъ поспѣшилъ это сдѣлать. Дальнѣйшіе переговоры ни къ чему не привели; Урицкій ушелъ, мы продолжали засѣданіе, ожидая каждую минуту, что насъ начнутъ силой разгонять. Этого, однако, не произошло, мы закончили наши занятія, исчерпавъ всѣ предметы, и часа въ два разошлись, условившись

собраться на другой день опять-таки у Брамсона и поступить сообразно обстоятельствамъ.

На другой день я вышелъ изъ дому часовъ въ десять, далекій отъ мысли, что я больше не переступлю его порога — ни въ 1917 году, ни, вѣроятно, въ 1918 году...

По дорогѣ къ Брамсону я прочелъ декретъ, ставящій партію к.-д. внѣ закона и предписывающій арестъ ея руководителей. Придя къ Брамсону, я былъ встрѣченъ оживленными привѣтствіями: всѣ думали, что я арестованъ.

Въ тотъ же день, подъ вліяніемъ настойчивыхъ совѣтовъ близкихъ мнѣ лицъ, я рѣшилъ уѣхать въ Крымъ, гдѣ семья моя находилась уже съ половины Ноября, воспользовавшись гостепріимствомъ графини С. В. Паниной. По невѣроятной случайности, мнѣ удалось безъ труда получить въ конторѣ спальныхъ вагоновъ билетъ I класса и мѣсто до Симферополя. Не возвращаясь домой и отдавъ по телефону всѣ нужныя распоряженія, я вечеромъ выѣхалъ, взявъ только самыя необходимыя вещи. Въ воскресенье, 3 Декабря, я благополучно добрался до Гаспры. Здѣсь я провелъ всю зиму, весну и часть лѣта безвыѣздно, — пережилъ большевистскій захватъ Крыма, потомъ нѣмецкое нашествіе. 7 Іюня я уѣхалъ въ Кіевъ, намѣреваясь пробраться въ Петербургъ. Это, однако, мнѣ не удалось, 22 Іюля я вернулся въ Гаспру, послѣ $5^1/_2$ довольно мучительныхъ недѣль, проведенныхъ въ Кіевѣ. — Заканчиваю эту часть своихъ записокъ 25 Сентября (8 Октября), когда только-что получены извѣстія о колоссальной важности событіяхъ въ Германіи и Болгаріи...

Влад. Набоковъ

На внутреннемъ фронтѣ

П. Н. Краснова

I

Первые признаки разложенія Россійской Арміи

Въ Апрѣлѣ 1917 года 2-ю Сводную казачью дивизію, которой я командовалъ около двухъ лѣтъ и съ которой былъ почти все время въ бояхъ, смѣнила на позиціи подъ Пинскомъ 172-ая пѣхотная дивизія, и ее отвели въ тылъ, на отдыхъ. Я тогда же рѣшилъ подать рапортъ объ увольненіи меня въ отставку. Новые порядки, введенные Временнымъ Правительствомъ, отсутствіе какой бы то ни было власти у начальниковъ, передача въ руки комитетовъ всѣхъ полковыхъ дѣлъ, быстро расшатывали армію. Пока дивизія стояла на позиціи, въ непосредственной близости къ непріятелю, она держалась. Нарядъ исполнялся правильно, офицеровъ слушались, форму одежды соблюдали. 10-го Апрѣля къ намъ въ дивизію пріѣзжалъ кн. Павелъ Долгоруковъ, членъ к.-д. партіи. Онъ смотрѣлъ собранную для этого случая Донскую бригаду — 16-й и 17-й Донскіе полки, и сказалъ весьма патріотическую рѣчь. На рѣчь отвѣчали я и начальникъ штаба IV кавалерійскаго корпуса, генералъ-маіоръ Черячукинъ, а затѣмъ одинъ урядникъ 16-го полка, который отъ имени казаковъ клялся, что казачество не положитъ оружія и будетъ драться до послѣдняго казака съ нѣмцами, — до общаго мира въ полномъ согласіи съ союзниками. Кн. Павелъ Долгоруковъ ѣздилъ со мною въ окопы, занятые пластунскимъ дивизіономъ. Онъ присутствовалъ при смѣнѣ пластуновъ съ боевого участка, видѣлъ ихъ жизнь въ окопахъ и былъ пораженъ ихъ выправкою, чистотою одежды, молодцеватыми отвѣтами и знаніемъ своего дѣла. Все это онъ мнѣ высказалъ въ самой лестной формѣ и потомъ задумчиво добавилъ: — Если бы это было такъ во всей арміи!.. — А что? спросилъ я. Мы на позиціи были далеки отъ жизни. Въ гости къ намъ никто не пріѣзжалъ, письма политики не касались, газеты были старыя. Мы вѣрили, рили, что великая безкровная революція прошла, что Временное Правительство идетъ быстрыми шагами къ Учредительному Собранію, а учредительное собраніе къ конституціонной монархіи съ великимъ княземъ Михаиломъ

Александровичемъ во главѣ. На совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ смотрѣли, какъ на что-то въ родѣ нижней палаты будущаго парламента.

— Я видѣлъ Московскій гарнизонъ, сказалъ кн. Долгоруковъ. Онъ ужасенъ. Никакой дисциплины. Солдаты открыто торгуютъ форменною одеждою и дезертируютъ. Армія вышла изъ повиновенія. Спасти можетъ только наступленіе и побѣда. — И наступленіе не спасетъ, — отвѣчалъ я. — потому что такая армія побѣды не дастъ.

Я помню, что тогда же меня спросили, какъ я смотрю на переходъ въ наступленіе революціонными войсками, съ комитетами во главѣ. Я отвѣтилъ, что, какъ русскій человѣкъ, я очень хотѣлъ бы, чтобы оно завершилось побѣдою, но, какъ военному, сорокъ лѣтъ вѣрившему въ незыблемость принциповъ военной науки, мнѣ будетъ слишкомъ больно сознавать, что я сорокъ лѣтъ ошибался.

Какъ только казаки дивизіи соприкоснулись съ тыломъ, они начали быстро разлагаться. Начались митинги съ вынесеніемъ самыхъ дикихъ резолюцій. Напримѣръ, требовали раздѣлить суммы, хранящіяся въ денежномъ ящикѣ (16-й Донской полкъ), выдать въ постоянную поску обмундированіе 1-го срока, съ великими трудами заготовленное для 1918 года (почти всѣ полки), требовали, чтобы офицеры, приходя на ученье, здоровались съ каждымъ казакомъ за руку (1-й Волгскій полкъ), увеличенія числа отпускныхъ казаковъ. Всѣ эти требованія отклонялись, но казаки сами стали проводить ихъ въ жизнь. 16-й Донской казачій полкъ разобралъ полковые цейхгаузы и вырядился во все новое, когда и старое было хорошо. Примѣру его частично послѣдовали и другіе полки. Казаки перестали чистить и регулярно кормить лошадей. О какихъ бы то ни было занятіяхъ нельзя было и думать. Масса въ четыре съ лишнимъ тысячи людей, большинство въ возрастѣ отъ 21 до 30 лѣтъ, т.-е. крѣпкихъ, сильныхъ и здоровыхъ, притомъ не втянутыхъ въ ежедневную тяжелую работу, болтались цѣлыми днями безъ всякаго дѣла, начинали пьянствовать и безобразничать. Казаки украсились алыми бантами, вырядились въ красныя ленты и ни о какомъ уваженіи къ офицерамъ не хотѣли и слышать. — Мы сами такіе же, какъ офицеры, — говорили они. — не хуже ихъ.

Потребовать и возстановить дисциплину было невозможно. Всѣ знали, — потому что многіе казаки были этому очевидцами, — что пѣхота, шедшая на смѣну кавалеріи, шла съ громадными скандалами. Солдаты разстрѣляли на воздухъ данные имъ патроны, а ящики съ патронами побросали въ рѣку Стырь, заявивши, что они воевать не желаютъ и не будутъ. Одинъ полкъ былъ застигнутъ праздникомъ Святой Пасхи на походѣ. Солдаты потребовали, чтобы имъ было устроено разговѣнье, даны яйца и куличи. Ротные и полковой комитетъ бросились по деревнямъ искать яйца и муку, но въ разоренномъ войною Полѣсьѣ ничего не нашли. Тогда солдаты постановили разстрѣлять командира полка за недостаточную къ нимъ заботливость. Командира полка поставили у дерева и цѣлая рота явилась его разстрѣливать. Онъ стоялъ на колѣняхъ передъ солдатами, клялся и божился, что онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы достать разговѣнье, и цѣною страшнаго униженія и жестокихъ оскорбленій выторговалъ себѣ жизнь. Все это осталось безнаказаннымъ, и казаки это знали.

Меня на ст. Видиборъ, 4-го Мая, на глазахъ у эшелоновъ 16-го и 17-го Донскихъ полковъ арестовали солдаты и повели подъ конвоемъ со стрѣльбою вверхъ въ Видиборскій комитетъ. Тамъ меня обвинили въ томъ, что я принадлежу къ числу тѣхъ генераловъ, которые ради помѣщиковъ и иностранныхъ капиталистовъ настаиваютъ на продолженіи войны. Однимъ изъ обвинителей былъ казакъ 17-го Донского казачьяго полка, Воронковъ. Потомъ меня подъ конвоемъ же отправили въ Минскъ, гдѣ меня долженъ былъ судить какой-то трибуналъ при Армейскомъ комитетѣ. На мое заявленіе, что есть начальство, которое, если я въ чемъ виноватъ, будетъ меня судить и что никто не смѣетъ задерживать меня при исполненіи служебныхъ обязанностей — мнѣ нагло было заявлено, что единственное начальство, которое они признаютъ, это мѣстный Видиборскій комитетъ, а на Главнокомандующаго имъ плевать. Комитетъ выше Главнокомандующаго. Въ Минскѣ, однако, мои конвойные растерялись, дали мнѣ возможность повидать коменданта станціи, передать о всемъ случившемся въ штабъ Западнаго фронта, меня доставили къ Главнокомандующему фронтомъ, генералу отъ кавалеріи Гурко, который меня сейчасъ же освободилъ и отправилъ къ дивизіи.

Все это осталось безъ наказанія. Стоило только начальству возбудить какое-либо дѣло противъ солдата, какъ на защиту его поднимались комитеты. Въ ротахъ собирались митинги, солдатская масса волновалась и начальство испуганно бросало дѣло.

Пѣхота, смѣнявшая насъ, шла по бѣлорусскимъ деревнямъ, какъ татары шли по покоренной Руси. Огнемъ и мечомъ. Солдаты отнимали у жителей все съѣстное, для потѣхи разстрѣливали изъ винтовокъ коровъ, насиловали женщинъ, отнимали деньги. Офицеры были запуганы и молчали. Были и такіе, которые сами, ища популярности у солдатъ, становились во главѣ насильническихъ шаекъ.

Ясно было, что арміи нѣтъ, что она пропала, что надо, какъ можно скорѣе, пока можно, заключить миръ и уводить и распредѣлять по своимъ деревнямъ эту сошедшую съ ума массу. Я писалъ рапорты вверхъ; — вверху — ближайшее строевое начальство — командиръ корпуса, тѣ, кто имѣетъ непосредственное отношеніе къ солдату, встрѣчали ихъ сочувствіемъ, но выше, въ штабѣ особой арміи — генералъ Балуевъ, въ военномъ министерствѣ, во главѣ котораго сталъ А. Ѳ. Керенскій, къ нимъ относились скептически.

— Къ этому надо привыкнуть, — говорили тамъ. Создается армія на новыхъ началахъ, «сознательная» армія. Безъ эксцессовъ такой переворотъ обойтись не можетъ. Вы должны во имя родины потерпѣть.

Я горячо любилъ свою дивизію, свидѣтельницу столькихъ славныхъ побѣдъ. Я сталъ собирать офицеровъ, комитеты и казаковъ, вести съ ними горячія, страстныя бесѣды, возбуждая въ нихъ прежнее полковое и войсковое самолюбіе, напоминая о великомъ прошломъ и требуя образумиться.

— «Правильно! правильно!» — раздавались голоса; толпа, какъ будто бы понимала и сознавала ошибки свои, хотѣла становиться на правильный путь, но уходилъ я, раздавался чей-нибудь безшабашный голосъ: — «Товарищи! — это что же, генералъ-то насъ къ старому режиму гнетъ! Подъ офицерскую, значитъ, палку!» и все шло прахомъ.

Въ головѣ всѣ рѣшили, что война кончена. — «Какая нонче война! — нонче свобода!»

Это звучное, славное слово стало синонимомъ самыхъ ужасныхъ насилій.

Мнѣ было совѣстно получать жалованье за то, что я ничего не дѣлалъ и жилъ своею жизнью, и я поѣхалъ въ штабъ Особой Арміи настаивать на отставкѣ.

Однако, командующій Арміей, генералъ Балуевъ, моей отставки не принялъ, основываясь на приказѣ Керенскаго, никого изъ лицъ командного состава отъ службы не увольнять, но понявши, что мнѣ оставаться въ дивизіи, гдѣ авторитетъ мой былъ поколебленъ, нельзя, предложилъ мнѣ принять въ командованіе 1-ю Кубанскую дивизію.

10-го Іюня я прибылъ въ дивизію, расположенную въ окрестностяхъ города Мозыря.

II

Въ 1-й Кубанской казачьей дивизіи. Казачьи настроенія

1-ая Кубанская казачья дивизія была второочередная, составленная преимущественно изъ казаковъ старшихъ сроковъ службы. Она сильно пострадала вслѣдствіи безкормицы и плохого снабженія. Люди были оборваны. Много было босыхъ. Лошади истощали до такой степени, что лежали и не могли подняться. Казаки голодали. Такое очень тяжелое положеніе было весьма выгоднымъ для меня. Заботливостью объ улучшеніи матеріальнаго состоянія дивизіи я надѣялся привлечь сердца казаковъ къ себѣ и возстановить порядокъ и дисциплину.

Надо отдать справедливость — всѣ мнѣ пошли навстрѣчу въ этомъ дѣлѣ. Командующій Арміей приказалъ отпустить внѣ очереди сапоги, шаровары, рубахи и шинели для казаковъ, довольствіе было улучшено, Мозырьское земство и окрестные помѣщики приложили всѣ усилія, чтобы дать наилучшее размѣщеніе полкамъ и выкормить лошадей. Отъ Кубанскаго войска удалось добиться пополненій. Всѣ полковыя суммы, которыя на счастье оказались въ цѣлости, были мобилизованы, и завѣдующіе хозяйствомъ съ представителями отъ комитетовъ поѣхали кто въ Кіевъ, кто въ войско заказывать для казаковъ бешметы и черкески, которыхъ они давно не видали.

Эти хозяйственныя заботы отвлекали казаковъ отъ пустой митинговой болтовни и дивизія имѣла серьезный, домовитый, хозяйственный видъ. Сотенные и полковые комитеты совѣщались съ офицерами, какъ лучше, экономичнѣе и богаче одѣть и снабдить казаковъ. Когда же снабженіе начало приходить, а лошади поправляться и дѣлаться сытыми, я почувствовалъ, что между мною и полками установилась та связь, которая до нѣкоторой степени походила на дисциплину.

До революціи и извѣстнаго приказа № 1 каждый изъ насъ зналъ, что ему надо дѣлать, какъ въ мирное время, такъ и на войнѣ. День былъ расписанъ по часамъ, офицеры и казаки заняты, ни скучать, ни тосковать было некогда. Когда стояли въ тылу «на отдыхѣ» и тогда постепенно, послѣ исправленія всѣхъ матеріальныхъ погрѣшностей, начинали занятія, устраивали спортивные праздники и состязанія, къ которымъ нужно было готовиться, солдатскіе спектакли, пѣли пѣсенники и играли трубачи —

день былъ полонъ, онъ несъ свои заботы и свое утомленіе, полковая машина вертѣлась и каждый что-нибудь да дѣлалъ. Лодыри преслѣдовались и наказывались. Лущить сѣмячки было некогда. Послѣ революціи все пошло по иному. Комитеты стали вмѣшиваться въ распоряженія начальниковъ, приказы стали дѣлиться на боевые и не боевые. Первые сначала исполнялись, вторые исполнялись по характерному, вошедшему въ моду тогда выраженію постольку-поскольку. Безусый, окончившій четырехмѣсячные курсы, прапорщикъ, или просто солдать — разсуждалъ, нужно, или нѣтъ то, или другое ученіе и достаточно было, чтобы онъ на митингѣ заявилъ, что оно ведетъ къ старому режиму, чтобы часть на занятіе не вышла и началось бы то, что тогда очень просто называлось эксцессами. Эксцессы были разные — отъ грубаго отвѣта до убійства начальника, и всѣ сходили совершенно безнаказанно.

Дивизія принимала сытый и довольный видъ и было нужно ее занять. Но начать занятія надо было очень осторожно. Я рѣшилъ повести ихъ двухъ видовъ — бесѣды и маневры въ полѣ. Бесѣды я велъ лично съ офицерами и чинами комитетовъ, а тѣ передавали ихъ въ сотняхъ. Казаковъ больше всего интересовали вопросы «даннаго политическаго момента» и, конечно, земля, земля и земля... Вотъ эти-то вопросы и пришлось затронуть и притомъ настолько осторожно, чтобы не обратить бесѣду въ митингъ, что было недопустимо, потому что подорвало бы дисциплину. Офицеры явились для меня великолѣпными помощниками. Я началъ съ объясненія различнаго устройства государствъ и образа правленій. Я слышалъ, какъ казаки совершенно серьезно говорили о республикѣ съ царемъ, или о монархіи, но безъ царя, и т. п. Потомъ я изложилъ программы политическихъ партій, цѣли настоящей войны, разсказалъ о значеніи Босфора и Дарданелъ, что особенно должно было заинтересовать Кубанцевъ, ведущихъ торговлю хлѣбомъ съ Марсельею, вкратцѣ изложилъ исторію казачества и значеніе казаковъ для Россіи, показалъ на примитивныхъ, отъ руки сдѣланныхъ чертежахъ, взаимное соотношеніе казачьихъ войскъ и доказалъ географическую невозможность созданія самостоятельной казачьей республики, о чемъ мечтали многія горячія головы даже и съ офицерскими погонами на плечахъ. Говорилъ и о патріотизмѣ, о побѣдѣ — и, казалось, увлекъ казаковъ. Митинги съ истеричными рѣчами прекратились и смѣнились тихими, разумными бесѣдами съ офицерами; бесѣды эти нравились казакамъ. Сколько я могъ судить большинство склонялось къ тому, чтобы Россія была конституціонной монархіей или республикой, но чтобы казаки имѣли широкую автономію. Очень остро ставился земельный вопросъ, но и тутъ принципы кадетской программы имѣли перевѣсъ. «Такъ — дескать — будетъ прочнѣе и вѣрнѣе».

Маневры, которые я велъ параллельно съ бесѣдами и дѣлалъ неутомительными (2—6 часовъ) въ началѣ тоже нравились, но тутъ къ великому огорченію своему я наткнулся на отрицаніе войны. Война шла кругомъ. Въ двадцати верстахъ отъ насъ была позиція. Очень рѣдкій, правда, орудійный огонь былъ слышенъ на нашихъ бивакахъ, когда мы перешли въ селеніе Тростенецъ. Мы знали, что на югѣ было наступленіе, руководимое Корниловымъ и Керенскимъ и закончившееся позорнымъ бѣгствомъ нашихъ, но тѣмъ не менѣе, когда на маневрахъ я обучалъ рѣзать проволоку, метать ручныя гранаты, врываться въ окопы, а потомъ бросаться

въ конномъ строю въ преслѣдованіе. — я слышалъ разговоры, — что «намъ этого дѣлать не придется. Война кончена!»

Она шла кругомъ, по революція такъ сильно потрясла души казаковъ, что въ нихъ уже не укладывалось съ понятіемъ о гражданской свободѣ — необходимость, сражаться и умирать за родину. И это было ужасно.

Во 2-мъ Уманьскомъ, 2-мъ Полтавскомъ и 2-мъ Запорожскомъ полкахъ занятія шли особенно хорошо. Занимались для выправки, здоровья и бодрости даже сокольскою гимнастикой подъ музыку. Нѣсколько туже шло дѣло во 2-мъ Таманскомъ полку. Во всей дивизіи было установлено правило привѣтствовать другъ другу отданіемъ чести. Переходъ на новыя мѣста — около 200 верстъ, — дивизія, по моему настоянію, сдѣлала не по желѣзной дорогѣ, а походомъ, причемъ походомъ шелъ и стрѣлковый ея дивизіонъ. Весь походъ прошелъ въ образцовомъ порядкѣ, нигдѣ не было жалобъ жителей на обиды и притѣсненія. Казаки, напротивъ, щеголяли ласковостью и предупредительностью къ крестьянамъ.

Несмотря на всѣ эти внѣшніе успѣхи, на душѣ у меня было смутно. Я не обольщался этимъ. Глубоко зная казака и солдата, съ которымъ прожилъ одною жизнью 34 года, я чувствовалъ, что все это непрочно. Это было баловство — игра въ солдатики. Настанетъ часъ великаго испытанія, заскрежещутъ и завоютъ въ небѣ снаряды, налетятъ съ бомбами аэропланы, запоютъ пули и никакими разговорами, никакими бесѣдами я не заставлю ихъ идти впередъ, все разбѣжится и исчезнетъ, предавши офицеровъ. Не было страха передъ неисполненіемъ приказа, или команды, того страха, — который, странное дѣло, — сильнѣе страха смерти. Не было совѣсти и стыда. Я вспоминалъ, какъ раньше того, что я шелъ сзади цѣпей и покрикивалъ: — «Впередъ! — Впередъ! Ничего! Впередъ!» — было достаточно, чтобы командуемый мною полкъ бросился на штурмъ укрѣпленной позиціи. А бросились бы эти? — спрашивалъ я, глядя на нихъ мокнущихъ на походѣ подъ дождемъ. Я видѣлъ недовольныя, злыя лица, и отвѣчалъ — нѣтъ, не бросились бы. Раньше казаку или солдату стыдно было показать, что онъ голоденъ, страдаетъ отъ жары или холода, или промокъ — при пропусканіи колонны мимо себя я видѣлъ въ такихъ случаяхъ веселыя, какъ бы надъ самимъ собою смѣющіяся лица, и на вопросъ: — «что холодно!» — слышалъ веселый, бодрый отвѣтъ: — «никакъ нѣтъ!» — иногда сопровождаемый какою-либо острой солдатской шуткой надъ самимъ собою. Теперь этого не было. Всякое лишеніе, всякое неудобство вызывало косые, мрачные взгляды. Они стали «барами», «господами», они искали комфорта и радости жизни, — а это уже не солдаты и не казаки.

Внѣшне полки были подтянуты, хорошо одѣты и выправлены, но внутренне они ничего не стоили. Не было надъ ними «палки капрала», которой они боялись бы больше, нежели пули непріятеля, и пуля непріятеля пріобрѣтала для нихъ особое страшное значеніе.

Я переживалъ ужасную драму. Смерть казалась желанной. Вѣдь рухнуло все, чему молился, во что вѣрилъ и что любилъ съ самой колыбели въ теченіе пятидесяти лѣтъ — погибла а р м і я.

И все-таки надѣялся. Думалъ, что постепенно окрѣпнетъ дивизія, вернется былая удаль — и мы еще сдѣлаемъ дѣла и спасемъ Россію отъ иноземнаго порабощенія.

Больше всего я боялся тогда, что казаковъ станутъ употреблять на различныя у с м и р е н і я неповинующихся солдатъ. Ничто такъ не портитъ и не развращаетъ солдата, какъ война со своими, разстрѣлы, аресты и т. п. Бывая у своего командира корпуса, генералъ-лейтенанта Я. О. Гилленшмидта, съ которымъ я былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ и на «ты», я постоянно просилъ его поберечь въ этомъ отношеніи дивизію и не посылать ее съ карательными цѣлями.

Просьба была не напрасная. Но всей арміи пѣхота отказывалась выполнять боевые приказы и идти на позиціи на смѣну другимъ полкамъ, были случаи, когда своя пѣхота запрещала своей артиллеріи стрѣлять по окопамъ противника, подъ тѣмъ предлогомъ, что такая стрѣльба вызываетъ отвѣтный огонь непріятеля. Война замирала по всему фронту и Брестскій миръ явился неизбѣжнымъ слѣдствіемъ приказа № 1 и разрушенія арміи. И если бы большевики не заключили его, его пришлось бы заключить Временному Правительству.

20 Августа меня вызвали въ штабъ Особой Арміи, въ Домбровицу. Я засталъ пр. командующаго арміей, генерала Эрдели, въ большой тревогѣ. Командующій Арміей и штабъ опасались, что ихъ же войска могутъ арестовать и убить ихъ. Меня спрашивали, насколько въ этомъ отношеніи надежны казаки дивизіи и станутъ ли они на защиту начальства отъ своихъ солдатъ.

Что я могъ отвѣтить, оставаясь совершенно честнымъ?

Я могъ сказать только подлое слово, рожденное этимъ страшнымъ временемъ: — «постолько — посколько».

Казаки будутъ нести честно караульную службу, они не заснутъ на часахъ, они не допустятъ единичныхъ людей, въ равномъ числѣ они будутъ драться, но если на нихъ навалится с и л а, если ихъ много будетъ убито и ранено — я за нихъ не ручался.

Скоро пришлось съ печалью убѣдиться, что я не ошибался.

Въ тылу, въ глухой деревнѣ, вдали отъ желѣзной дороги, гдѣ я жилъ, мы очень мало знали о томъ, что происходитъ въ Россіи. Смутно слышали, что верховный главнокомандующій Корниловъ требуетъ полнаго возстановленія дисциплины въ арміи, возвращенія офицерамъ и урядникамъ прежней дисциплинарной власти, возстановленія полевыхъ судовъ и смертной казни за цѣлый рядъ преступленій. Это было приказано объявить въ полкахъ. Собранные мною съ этою цѣлью офицеры и полковые комитеты дивизіи разно восприняли это извѣстіе. Офицеры радовались этому, потому что видѣли въ этомъ возрожденіе арміи и ея боеспособности, солдаты и казаки повѣсили головы.

— Это значитъ, опять къ старому режиму, — печально говорили казаки... Значитъ, прощай свобода! Не отдалъ чести, али коня не почистилъ, какъ слѣдуетъ, и становись въ боевую!

Солдаты встревожились еще рѣшительнѣе.

— Этому не бывать. Корниловъ того хочетъ, а мы не хотимъ. Довольно!

Имя Корнилова становилось популярнымъ въ офицерской средѣ, офицеры ждали отъ него чуда — спасенія арміи, наступленія, побѣды и мира, —

потому что понимали, что продолжать войну уже больше нельзя, но и миръ получить безъ побѣды тоже нельзя. Для солдатъ имя Корнилова стало равнозначущимъ — смертной казни и всякимъ наказаніямъ. Корниловъ хочетъ войны, — говорили они, — а мы желаемъ мира.

Но о томъ, что Корниловъ ради спасенія Россіи хочетъ захватить власть въ свои руки, что онъ хочетъ стать диктаторомъ, — никто не думалъ. И не только казаки и офицеры, или я, но даже и командиръ корпуса объ этомъ не подозрѣвали.

Объ іюльскихъ дняхъ въ Петроградѣ и попыткѣ большевиковъ захватить власть мы знали мало. «Были безпорядки», — говорили въ дивизіи, и больше интересовались тѣмъ, кто убитъ и раненъ, такъ какъ были между ними и знакомые, но о роковомъ значеніи начавшейся борьбы за власть во время войны мы не думали. Слишкомъ были заняты своими злободневными текущими дѣлами.

И потому, когда, 24 Августа, я получилъ отъ генералъ-маіора Д. П. Сазонова, бывшаго помощника Походнаго Атамана великаго князя Бориса Владиміровича телеграмму: — «23 Августа, 16 часовъ 57 мин. Наштаверхъ приказалъ представить васъ назначенію коман-кор. третьяго коннаго. Будьте готовы по телеграммѣ выѣхать къ корпусу. Прошу заѣхать Ставку Штабатаманъ 10777 Генералъ Сазоновъ». — Она меня только удивила. По имѣвшимся у меня частнымъ свѣдѣніямъ III кавалерійскій корпусъ, которымъ командовалъ генералъ Крымовъ, находился гдѣ-то въ Херсонской губерніи, въ районѣ города Ананьева, и ѣхать въ него черезъ Ставку мнѣ было совсѣмъ не по пути. О томъ, что III кавалерійскій корпусъ уже перебрасывался къ Петрограду, мы въ своей деревенской глуши и не подозрѣвали.

Будь это назначеніе въ старое дореволюціонное время, оно меня, конечно, страшно обрадовало бы. III кавалерійскій корпусъ, бывшій раньше подъ командою гр. Келлера, пользовался необыкновенно громкой боевой репутаціей. Я имѣлъ счастіе, въ рядахъ этого корпуса командовать 10-мъ Донскимъ казачьимъ полкомъ и принять участіе въ громкой побѣдѣ корпуса надъ австрійцами у селеній Баламутовка, Малицы, Ржавенцы и Тоноруцъ, гдѣ мы захватили болѣе 6000 плѣнныхъ и большую добычу. 1-ая Донская дивизія, входившая въ составъ этого корпуса, была для меня родною дивизіей. Я въ ней командовалъ полкомъ въ мирное время въ Замостьи и съ нею продѣлалъ весь походъ 1914 года и до конца Апрѣля 1915 года. Всѣ офицеры, и даже казаки этой дивизіи, были не только моими боевыми товарищами, но, смѣло скажу, — были моими друзьями. Имѣть ее въ своемъ корпусѣ по-настоящему — это было бы величайшимъ счастіемъ.

Теперь, при общемъ развалѣ арміи и крушеніи всѣхъ идеаловъ, это давало только новыя огорченія и разочарованія, а главное задерживало меня на военной службѣ, которая при томъ характерѣ, который она приняла, становилась мнѣ противной и лишала меня возможности, уйти въ отставку...

Но, прежде чѣмъ отправиться въ Ставку, мнѣ пришлось пережить нѣсколько тяжелыхъ часовъ и убѣдиться въ томъ, что я не ошибся, считая, что полки моей дивизіи уже неспособны, выдержать сколько-нибудь сильное испытаніе.

III

Бунтъ III-й пѣхотной дивизіи. Убійство комиссара Юго-Западнаго фронта, Ѳ. Ѳ. Линде

Въ ту же ночь, 24-го Августа, мнѣ лично изъ штаба корпуса было передано по телефону, что полки пѣхотной дивизіи, стоявшей на позиціи у селенія Духче въ 18 верстахъ отъ моего штаба, отказываются исполнять боевые приказы по укрѣпленію позиціи, что ими руководитъ нѣсколько весьма зловредныхъ агитаторовъ, которыхъ надо изъять изъ ея рядовъ. На переданное требованіе, выдать этихъ агитаторовъ, солдаты 444-го пѣхотнаго полка отвѣтили отказомъ. Надо ихъ заставить выдать. Командиръ корпуса считаетъ, что достаточно будетъ назначить одинъ полкъ съ пулеметной командой.

Передававшій мнѣ приказаніе за начальника штаба корпуса, полковникъ Богаевскій добавилъ:

— Командиръ корпуса очень хотѣлъ бы, чтобы вы лично поѣхали съ полкомъ. Вѣроятно все обойдется благополучно. Туда пріѣдетъ комиссаръ фронта, Линде, который все это и сдѣлаетъ. Вы нужны только для декораціи. Солдаты должны увидѣть часть въ полномъ порядкѣ.

Я назначилъ 2-й Уманскій полкъ, лучше другихъ обмундированный, внѣшне выправленный, а главное, ближе расположенный къ селенію Духче. Съ полкомъ, кромѣ командира полка, полковника Агрызкова, пошелъ и командиръ бригады, смѣлый и рѣшительный кавказецъ, генералъ-маіоръ Мистуловъ. Въ 7 часовъ утра я пріѣхалъ въ деревню Славитичи, гдѣ былъ полкъ, и нашелъ его въ полномъ порядкѣ. Люди были отлично одѣты, лошади вычищены, но, объѣзжая взводы и вглядываясь въ лица казаковъ, я встрѣчалъ хмурые, косые взгляды и видѣлъ какую-то растерянность. Объяснивши казакамъ нашу задачу, я сказалъ имъ, что отъ ихъ дисциплинированности, отъ ихъ бодраго внѣшняго вида въ значительной степени зависитъ и успѣхъ самаго предпріятія. — Солдаты, — сказалъ я, — должны понять, что они ошибаются. Въ васъ они должны видѣть не враговъ, но старшихъ товарищей, понимающихъ долгъ службы и присяги!

— Постараемся, господинъ генералъ, отвѣтили казаки. Было рѣшено, что мы придемъ въ Духче съ музыкой и пѣснями.

Когда полкъ тронулся, я спросилъ у командира полка: — «Какъ настроеніе казаковъ?» — Увы, въ эти ужасные дни приходилось задавать этотъ, — такой дикій полгода тому назадъ, вопросъ о настроеніи, какъ справляются о настроеніи капризной женщины или больного.

— Ничего, — отвѣчалъ мнѣ Агрызковъ. — Я думаю, свое дѣло сдѣлаютъ. Офицеры хорошо съ ними говорили.

Въ 10 часовъ утра мы прибыли въ селеніе Духче, гдѣ насъ ожидалъ начальникъ пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ Гиршфельдтъ. Онъ направилъ казаковъ къ пѣхотному биваку, приказавши окружить его со всѣхъ сторонъ, оставивъ одну сотню въ его распоряженіи. Видъ Уманцевъ, проходившихъ съ музыкой и пѣснями, привелъ его въ восторженное умиленіе. Смотрѣвшіе на казаковъ писаря и чины команды связи дивизіи тоже видимо были поражены ихъ видомъ и отзывались о казакахъ съ одобреніемъ.

— Настоящее войско! — говорили они. Значитъ, есть, сохранилось!..

Я остался въ штабѣ съ Гиршфельдтомъ ожидать комиссара Линде. Если я не ошибаюсь, Линде былъ тотъ самый вольноопредѣляющійся Л. Гв. Финляндскаго полка, который 20-го Апрѣля вывелъ полкъ изъ казармъ и повелъ его къ Маріинскому дворцу требовать отставки Милюкова.

Около 11-ти часовъ утра на автомобилѣ изъ г. Луцка пріѣхалъ комиссаръ фронта Ѳ. Ѳ. Линде. Это былъ совсѣмъ молодой человѣкъ. Манерой говорить съ ясно слышнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, своимъ отлично сшитымъ френчемъ, галиффэ и сапогами съ обмотками, онъ мнѣ напомнилъ самоувѣренныхъ юныхъ нѣмецкихъ барончиковъ изъ прибалтійскихъ провинцій, студентовъ Юрьевскаго университета. Всею своею молодою, легкою фигурою, задорнымъ тономъ, какимъ онъ говорилъ съ Гиршфельдтомъ, онъ показывалъ свое превосходство надъ нами, строевыми начальниками.

— Ну, еще бы, — говорилъ онъ, манерно морщась, на докладъ Гиршфельдта, что всѣ его увѣщанія не привели ни къ чему и виновные все еще не выданы. — Они васъ никогда не послушаютъ. Съ ними надо умѣть говорить. На толпу надо дѣйствовать психозомъ.

Онъ былъ въ нервномъ, сильно возбужденномъ настроеніи. Его тѣшило то вниманіе, которое обращали на него высыпавшіе толпами на улицы деревни солдаты.

— Комиссаръ! Комиссаръ! — слышалось по рядамъ, и онъ медленно, рисуясь, садился въ автомобиль съ Гиршфельдтомъ. Я поѣхалъ сбоку автомобиля верхомъ.

Виновный 444-й полкъ былъ расположенъ въ дивизіонномъ резервѣ на небольшой лѣсной прогалинѣ. Часть землянокъ была на прогалинѣ, часть тѣснилась по краямъ прогалины въ самомъ лѣсу. Съ прогалины шло двѣ дороги. Одна на деревню Духче, другая черезъ болотистую часть на позицію, которая была занята 443-мъ пѣхотнымъ полкомъ.

Когда мы подъѣзжали, казаки уже окончили окруженіе бивака 444-го полка. Они выставили заставу съ пулеметами по направленію къ позиціи. Они сидѣли на лошадяхъ съ обнаженными шашками и, казалось, готовы были ринуться на пѣхоту.

Командиръ пѣхотнаго полка встрѣтилъ насъ у края бивака и сообщилъ, что солдаты очень напуганы появленіемъ казаковъ и собираются поротно, ружей не разбираютъ. Зачинщики ему названы.

Гиршфельдтъ и Линде вышли изъ автомобиля. Былъ очень жаркій полдень. Солнце высоко стояло на синемъ небѣ, въ лѣсу пахло хвоею, можжевельникомъ. У землянокъ раздавались крики офицеровъ, приказывавшихъ выходить всѣмъ до одного и строиться поротно. Нѣкоторыя роты уже были готовы и строемъ сводились въ батальонныя колонны. Я и Мистулонъ сошли съ лошадей и слѣдовали пѣшкомъ въ нѣкоторомъ отдаленіи за Линде и Гиршфельдтомъ.

— Вотъ вторая рота (если память мнѣ не измѣняетъ), — сказалъ командиръ полка. Она главная зачинщица всѣхъ безпорядковъ.

Линде вышелъ впередъ. Лицо его было блѣдно, но сильно возбуждено. Онъ оглянулъ роту гнѣвными глазами, и сильнымъ, полнымъ возмущенія голосомъ началъ говорить. Я почти дословно помню его рѣчь.

— Когда ваша Родина изнемогаетъ въ нечеловѣческихъ усиліяхъ,

чтобы побѣдить врага, — отрывисто, отчетливо говорилъ Линде, и его голосъ отдавало лѣсное эхо, — вы позволили себѣ лѣнтяйничать и не исполнять справедливыя требованія своихъ начальниковъ. Вы не солдаты, а сволочь, которую нужно уничтожить. Вы зазнавшіеся хамы и свиньи, недостойные свободы. Я, комиссаръ Юго-Западнаго фронта, я, который вывелъ солдатъ, свергнуть Царское правительство, чтобы дать вамъ свободу, равной которой не имѣетъ ни одинъ народъ въ мірѣ, требую, чтобы вы сейчасъ же мнѣ выдали тѣхъ, кто подговаривалъ васъ не исполнять приказъ начальника. Иначе вы отвѣтите всѣ. И я не пощажу васъ!

Тонъ рѣчи Линде, манера его говорить и начальственная осанка сильно не понравились казакамъ. Помню, потомъ, мой ординарецъ, урядникъ, дѣлясь со мною впечатлѣніями дня, сказалъ: «Они, господинъ генералъ, сами виноваты. Уже очень ихъ рѣчь была не д е м о к р а т и ч е с к а я. Вы съ нами никогда такъ не говорите и не ругаетесь. Да и намъ бы простили. А онъ что — свой же братъ солдатъ, членъ исполнительнаго комитета, а все сынлетъ: свиньи, да сволочи... Самъ-то кто? Нѣмецъ притомъ. Можетъ быть, солдаты его и за шпіона приняли».

Когда Линде замолчалъ, рота стояла блѣдная, солдаты тяжело дышали. Видимо, они не того ожидали отъ «своего» комиссара.

— Ну, что же! — грозно сказалъ Линде и пошелъ вдоль фронта.

Командиръ полка сталъ вызывать людей по фамиліямъ. Онъ уже зналъ зачинщиковъ. Выходившіе были смертельно блѣдны, тою зеленоватою блѣдностью, которая показываетъ, что человѣкъ уже не въ себѣ. Это были люди большею частью молодые, тишичные горожане, можетъ быть, рабочіе, вѣрнѣе, люди безъ опредѣленныхъ занятій. Ихъ набралось двадцать два человѣка.

— Это и всѣ? — спросилъ Линде.

— Всѣ, — коротко отвѣтилъ командиръ полка.

Одинъ изъ вызванныхъ началъ что-то говорить. Линде бросился къ нему.

— Молчать! Сволочь! Негодяй! Послѣ поговоришь...

— Возьмите ихъ, — сказалъ онъ сопровождавшему его казачьему офицеру.

— Не выдадимъ!.. Товарищи! что же это!.. — раздалось изъ роты, и нѣсколько рукъ, сжатыхъ въ кулаки, поднялось надъ фронтомъ.

Я обернулся. Конная сотня, стоявшая шагахъ въ двадцати, грозно надвинулась, и люди стихли.

— Ведите этихъ подлецовъ, и при малѣйшей попыткѣ къ бѣгству — пристрѣлить, — сказалъ Гиршфельдтъ казачьему офицеру.

— Понимаю, — хмуро отвѣтилъ тотъ, скомандовалъ арестантамъ и повелъ ихъ, окруженныхъ казаками, изъ лѣса.

Дѣло было сдѣлано, настроеніе солдатъ было очень возбужденное, квадраты батальонныхъ колоннъ, выстроившихся на лѣсной прогалинѣ, были грозны, и я подумалъ, что хорошо будетъ, если Линде теперь же и уѣдетъ, пока солдаты не поняли своей силы и нашего безсилія. Я сказалъ это ему.

— Нѣтъ, генералъ. Вы ничего не понимаете, — сказалъ Линде. Первое впечатлѣніе сдѣлано. Надо воспользоваться психологическимъ моментомъ. Я хочу поговорить съ солдатами и разъяснить имъ ихъ ошибки. —

Линде и начальникъ дивизіи, генералъ Гиршфельдтъ сіяли счастьемъ отъ первой удачи; какая-то непреодолимая судьба несла ихъ въ самую пасть опасности. Они уже никого не слушались и Линде полагалъ вѣроятно, что онъ овладѣлъ массой. Мнѣ же было жутко на него смотрѣть. По лицамъ солдатъ второй роты я понялъ, что дѣло далеко не кончено, что судомъ комиссара они недовольны. Я приказалъ офицерамъ и урядникамъ разойтись между солдатами и наблюдать за ними. Насъ было едва пятьсотъ человѣкъ, разсыпанныхъ по всему лѣсу. Солдатъ въ 444-мъ полку было свыше четырехъ тысячъ, да много сходилось и изъ сосѣднихъ полковъ. Весь лѣсъ былъ сѣрымъ отъ солдатскихъ рубахъ.

Линде подошелъ къ первому батальону. Онъ отрекомендовался — кто онъ, и сталъ говорить довольно длинную рѣчь. По содержанію это была прекрасная рѣчь, глубоко патріотическая, полная страсти и страданія за Родину. Подъ такими словами подписался бы съ удовольствіемъ любой изъ насъ, старыхъ офицеровъ. Линде требовалъ безпрекословнаго исполненія приказаній начальниковъ, строжайшей дисциплины, выполненія всѣхъ работъ.

Нѣмцы изрѣдка пострѣливали со своей позиціи и германскія шрапнели, пущенныя съ далекихъ батарей, разрывались высоко надъ лѣсомъ въ ясномъ синемъ небѣ. Это еще болѣе возбуждало Линде. Онъ указывалъ на нихъ и говорилъ, что на боевой позиціи всякое преступленіе является измѣной Родинѣ и свободѣ. Говорилъ онъ патетически, страстно, сильно, мѣстами красиво, образно, но акцентъ портилъ все. Каждый солдатъ понималъ, что говоритъ не русскій, а нѣмецъ.

Кончивъ, Линде, несмотря на протестъ командира полка, хотѣвшаго держать людей все время въ строю и подъ наблюденіемъ, приказалъ разойтись людямъ 1-го батальона и пошелъ говорить со вторымъ. Люди перваго батальона разошлись по кучкамъ и стали совѣщаться. Нѣкоторые слѣдовали за Линде, и насъ уже сопровождала порядочная толпа солдатъ.

Ко мнѣ то-и-дѣло подходили офицеры 2-го Уманскаго полка и говорили:

— Уведите его. Дѣло плохо кончится. Солдаты сговариваются убить его. Они говорятъ, что онъ вовсе не комиссаръ, а нѣмецкій шпіонъ. Мы не справимся. Они и на казаковъ дѣйствуютъ. Посмотрите, что идетъ кругомъ. —

Дѣйствительно подлѣ каждаго казака стояла кучка солдатъ и слышался разговоръ.

Я снова пошелъ къ Линде и сталъ его убѣждать. Но убѣдить его было невозможно. Глаза его горѣли восторгомъ воодушевленія, онъ вѣрилъ въ силу своего слова, въ силу убѣжденія. Я сказалъ ему все.

— Васъ считаютъ за нѣмецкаго шпіона, сказалъ я.

— Какія глупости, — сказалъ онъ. Повѣрьте мнѣ, что это все прекрасные люди. Съ ними только никто никогда не говорилъ. —

Было около трехъ часовъ пополудни и сильно жарко. Линде уже не говорилъ рѣчей, но и онъ, и генералъ Гиршфельдтъ стояли въ плотной толпѣ солдатъ и отвѣчали на задаваемые имъ вопросы. Вопросы эти были все наглѣе и грубѣе. Изъ темной солдатской массы выступали уже опредѣленныя лица, которыя неотступно слѣдовали за Линде. Помню одного изъ нихъ. Неловкій парень, съ длинными, какъ у обезьяны руками, колченогій, съ круглымъ идіотскимъ лицомъ, блѣдная кожа котораго была покрыта ярко-желтыми веснушками, типичный дегенератъ, солдатъ этотъ все время привязывался съ самыми неожиданными вопросами, то къ Линде, то

къ Гиршфельдту. Я удивлялся терпѣнію Линде, съ какимъ онъ старался разъяснить самые острые вопросы.

Для того, чтобы изолировать казаковъ отъ вліянія солдатъ я приказалъ собрать оставшіяся четыре сотни на площадкѣ, приказалъ завести машину Линде и подать ее ближе, и рѣшительно вывелъ Линде изъ толпы.

— Вамъ надо уѣхать сейчасъ же, — строго сказалъ я. Я ни за что не отвѣчаю.

— Вы боитесь, — сказалъ Линде.

— Да, я боюсь, но боюсь за васъ. Вся злоба направлена противъ васъ. Меня, можетъ быть, и не тронутъ, побоятся казаковъ, но вамъ сдѣлаютъ худо. Уѣзжайте! —

Линде колебался. Лицо его было возбуждено, я чувствовалъ, что онъ упоенъ собою, влюбленъ въ себя и вѣритъ въ свою силу, въ силу с л о в а.

Машина фыркала и стучала подлѣ, заглушая наши слова, шоферъ и его помощникъ сидѣли съ блѣдными лицами. Руки шоффера напряженно вцѣпились въ руль машины.

— Хорошо, я сейчасъ поѣду, — сказалъ Линде и взялся за дверцу автомобиля. Я пошелъ садиться на свою лошадь.

Но въ это мгновеніе къ Линде подошелъ командиръ полка. Онъ хотѣлъ еще болѣе убѣдить его уѣхать.

— Уѣзжайте, сказалъ онъ, 443-й полкъ снялся съ позиціи и съ оружіемъ идетъ сюда. Онъ хочетъ съ вами говорить.

— Какъ! воскликнулъ Линде, — самовольно сошелъ съ позиціи? Я поѣду къ нему. Я поговорю съ нимъ. Я сумѣю убѣдить его и заставить выдать зачинщиковъ этого гнуснаго дѣла. Надо вынуть заразу изъ дивизіи.

— Люди вооружены, сказалъ командиръ полка.

— Я, комиссаръ. Меня не тронутъ. Это мой долгъ, — сказалъ онъ. — Вѣдь вы знаете, сказалъ онъ мнѣ, — они обвиняютъ генерала Гиршфельдта въ томъ, что онъ продалъ нѣмцамъ за 40,000 рублей свою позицію. Какъ это глупо! За сорокъ тысячъ!! Вѣчно нелѣпая басня объ измѣнѣ генераловъ!

Въ это время въ лѣсу, въ направленіи позиціи раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Ко мнѣ подскочилъ взволнованный казачій офицеръ, начальникъ заставы, и растерянно доложилъ:

— Ваше превосходительство, пѣхота наступаетъ на насъ правильными цѣпями, въ строгомъ порядкѣ. Я приказалъ пулеметчикамъ открыть по нимъ огонь, но они отказались.

Я передалъ этотъ докладъ Линде и еще разъ просилъ его немедленно уѣхать.

— Но вѣдь это уже настоящій бунтъ! — сказалъ онъ, мой долгъ быть тамъ! Генералъ, вы можете не сопровождать меня. Я поѣду одинъ. Меня не тронутъ.

— Мой долгъ ѣхать съ вами, — сказалъ я и тронулъ свою лошадь рядомъ съ автомобилемъ.

Толпа, тысячъ въ шесть солдатъ, запрудила всю прогалину и ѣхать можно было очень тихо. Впереди изрѣдка раздавались выстрѣлы.

Вдругъ раздался чей-то отчаянный рѣзкій голосъ, покрывая общій гомонъ толпы.

— Въ ружье!..

Толпа точно ждала этой команды. Въ одну секунду всѣ разбѣжались по землянкамъ и сейчасъ же выскакивали оттуда съ винтовками. Рѣзко и сильно, сзади и подлѣ насъ застучалъ пулеметъ и началась бѣшеная пальба. Всѣ шесть тысячъ, а можетъ быть и больше, разомъ открыли бѣглый огонь изъ винтовокъ. Лѣсное эхо удесятерило звуки этой пальбы. Казаки шарахнулись и понеслись къ дорогѣ и мимо дороги на проволоку резервной позиціи.

— Стой! — крикнулъ я. Куда вы! Съ ума сошли! Стрѣляютъ вверхъ!

— Сейчасъ вверхъ, а потомъ и по васъ! — крикнулъ, проскакивая мимо меня, смертельно блѣдный мой вѣстовой Алпатовъ, уже потерявшій фуражку.

Полкъ, мой отборный конвой, трубачи — все исчезло въ одну секунду. Видна была только густая пыль по дорогѣ, да удаляющіеся тамъ и сямъ, упавшіе съ лошадей люди, которые вскакивали и бѣжали догонять сотни. Остался при Линде я, генералъ Мистуловъ и мой начальникъ штаба, генеральнаго штаба полковникъ Муженковъ. Но стрѣляли дѣйствительно вверхъ и у меня еще была надежда вывести Линде изъ этого хаоса.

Автомобиль повернули обратно, и мы поѣхали при громѣ пальбы снова на прогалину мимо землянокъ. Но въ это время пули стали свистать мимо насъ и щелкать по автомобилю. Ясно, что теперь уже автомобиль сталъ мишенью для стрѣльбы.

Шоферы остановили машину, во мгновеніе ока выскочили изъ нея и бросились въ лѣсъ. За ними выскочили и Линде съ Гиршфельдтомъ. Гиршфельдтъ побѣжалъ въ лѣсъ, а Линде бросился въ землянку. На спускѣ въ землянку какой-то солдатъ ударилъ его прикладомъ въ високъ. Онъ поблѣднѣлъ, но остался стоять. Видно ударъ былъ не сильный. Тогда другой выстрѣлилъ ему въ шею. Линде упалъ, обливаясь кровью. И сейчасъ же всѣ съ дикими криками, улюлюканіемъ бросились на мертваго. Мнѣ нечего было больше дѣлать. Я съ Мистуловымъ и Муженковымъ рысью поѣхалъ изъ лѣса. Выстрѣлы провожали насъ. Однако стрѣляли, не цѣлясь. Много пуль свистало надъ нами, но только одна ранила лошадь полковника Муженкова.

За лѣсомъ я сталъ нагонять пѣшихъ казаковъ. Они то шли, то бѣжали, то ложились. Ихъ было человѣкъ двадцать. Сзади нихъ шло два офицера и съ ними генералъ Гиршфельдтъ.

— Какъ вамъ не стыдно, Уманцы! — сказалъ я имъ. — Ну, чего разбѣжались? Чего падаете? Пѣхота стрѣляетъ зря. Никого не убило. Видите, я ѣду верхомъ, на большой лошади, и то меня не тронуло.

— Его сила, ваше превосходительство! — отвѣчали пступленно казаки, всѣхъ перебьетъ. Нашихъ много полегло. Полъ полка нѣтъ.

Изъ этихъ немногихъ словъ мнѣ стало ясно одно. Полкъ надо собрать и успокоить. Верстахъ въ двухъ за лѣсомъ мы встрѣтили двуколку съ солдатомъ, на нее усадили уставшаго и запыхавшагося генерала Гиршфельдта и съ нимъ двухъ офицеровъ и приказали ѣхать въ штабъ дивизіи, въ деревню Духче. Я продолжалъ ѣхать шагомъ. Стрѣльба почти прекратилась, лишь изрѣдка свистала надъ нами какая-либо пуля. Мало-по-малу ко мнѣ начали собираться разсѣявшіеся по полямъ казаки.

Первымъ явился мой вѣстовой Алпатовъ, со сконфуженнымъ лицомъ и безъ фуражки.

— А мы думали, васъ убили, ваше превосходительство, улыбаясь, сказалъ онъ.

— Фу! да и дурной же! — сказалъ я ему. — Хороши будете безъ шапки!

— Я у пѣхоты скраду! — улыбаясь, отвѣчалъ Алпатовъ. — Какъ палили то! Страсть! Я думалъ, никто живъ не будетъ.

— Такъ вѣдь вверхъ! — съ досадою сказалъ я.

— И то вверхъ, — согласился Алпатовъ.

Недалеко отъ Духче полковникъ Агрызковъ собиралъ полкъ. Увидѣвши меня, онъ поскакалъ ко мнѣ.

— Полкъ сильно разстроенъ, — доложилъ онъ. Половина людей не знаю гдѣ. Надо идти домой, успокоить. Меня и васъ грозятъ убить. Говорятъ, что мы нарочно привели ихъ въ западню, чтобы истребить.

— Вы лучше спросите меня, полковникъ, гдѣ комиссаръ, котораго охранять вы были обязаны, — сухо сказалъ я ему.

— А гдѣ? — растерянно спросилъ Агрызковъ.

— Убитъ солдатами на моихъ глазахъ, сказалъ я.

Агрызковъ тяжело вздохнулъ и поѣхалъ за мной. Я направился къ полку. Видъ жидкихъ сотенъ казаковъ, растерянныхъ и растрепанныхъ, многихъ, потерявшихъ лошадей, былъ безотраденъ. Я молча объѣхалъ ряды и сказалъ Агрызкову: Соберите полкъ въ Духче и ожидайте тамъ приказаній.

Послѣ этого я поѣхалъ въ Духче. Тамъ все было спокойно. Я связался съ командиромъ IV кавалерійскаго корпуса телефономъ и доложилъ ему о происшествіи. Командиръ корпуса потребовалъ, чтобы я пріѣхалъ немедленно къ нему, къ нему же направилъ и Уманцевъ. Онъ былъ очень обезпокоенъ тѣмъ, что произошло, и вызвать къ штабу корпуса 2-й Полтавскій полкъ и броневыя машины.

Въ Духче пріѣхалъ генералъ отъ пифантеріи Волкобой, командиръ армейскаго корпуса, въ который входила пѣхотная дивизія, и сталъ совѣщаться съ Гиршфельдтомъ о томъ, что дѣлать. Я поѣхалъ верхомъ въ деревню Пожарки, гдѣ былъ штабъ IV кавалерійскаго корпуса.

Уже затемно, съ Муженковымъ и двумя вѣстовыми я пріѣхалъ въ Пожарки. На дворѣ господскаго дома стояло двѣ броневыя машины. Среди чиновъ штаба было волненіе, носились слухи, что вся III-я пѣхотная дивизія сошла съ фронта и идетъ на Пожарки. Я разсѣлъ эти слухи, да и телефонъ изъ Духче скоро сообщилъ намъ иныя, хотя и очень печальныя, извѣстія.

При моемъ отъѣздѣ, генералъ Волкобой, считавшій себя любимцемъ солдатъ, почтенный старикъ, съ сѣдой бородой, типичный русскій старикъ, «дѣдушка», какъ звали его солдаты, убѣдилъ Гиршфельдта поѣхать въ дивизію безъ конвоя и уговорить солдатъ повиноваться. Они поѣхали вдвоемъ на лѣсную прогалину. Тамъ ихъ окружила толпа солдатъ. Солдаты прежде всего потребовали освобожденія арестованныхъ — Волкобой тутъ же приказалъ ихъ отпустить. Потомъ схватили Гиршфельдта, повели его въ лѣсъ, раздѣли, привязали къ дереву, истязали и надругивались надъ нимъ, послѣ чего убили. Волкобой убѣжалъ въ землянку, плакалъ

и умолялъ пощадить его въ уваженіе къ его сѣдинамъ. Солдаты со смѣхомъ выволокли его изъ землянки, посадили въ автомобиль и, окруживъ издѣвавшимися надъ нимъ солдатами, отвезли въ штабъ его корпуса.

Вмѣстѣ съ Гиршфельдтомъ былъ убитъ командиръ полка и еще одинъ офицеръ. Убійства, наступающая темнота, лѣсъ, все подѣйствовало отрезвляюще на солдатъ и они тихо ушли на позицію и рѣшили сидѣть на ней и никуда не уходить. Не раскаяніе и не угрызеніе совѣсти руководили ими, но страхъ наказанія и сознаніе, что вина ихъ очень велика.

Ночью полковникъ Агрызковъ, убѣдившись въ плохомъ настроеніи казаковъ 2-го Уманскаго полка, увелъ ихъ за рѣку Стырь на свои квартиры. Въ полку никто не былъ убитъ. Было помято лошадьми нѣсколько казаковъ, да нѣсколько лошадей покалѣчилось на проволокахъ во время безумнаго бѣгства. Полтавцы, переговоривши съ Уманцами, поставовили, что они на вѣрную смерть не пойдутъ. Такимъ образомъ въ нѣсколько часовъ была разрушена вся та работа по пріобрѣтенію довѣрія, которую я дѣлалъ три мѣсяца.

Въ штабъ корпуса ночью прибылъ помощникъ комиссара Линде изъ Луцка и исполнительный комитетъ совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ гор. Луцка, — они утромъ хотѣли ѣхать творить судъ и расправу надъ виновниками убійства Линде и Гиршфельдта. Въ штабѣ же находился войсковой старшина Хонерсковъ, командиръ пластунскаго (не изъ казаковъ, а изъ солдатъ) дивизіона бывшей моей 2-й казачьей Сводной дивизіи и комитетъ дивизіона. Они явились по личному почину предложить командиру корпуса свои услуги по охранѣ штаба корпуса и возстановленію порядка на позиціи.

Утромъ предполагалось начать развѣдку и приступить къ смѣнѣ частей III-й дивизіи съ позиціи для отвода ея въ тылъ. Но мнѣ уже не пришлось принимать въ этомъ участія. Въ ночь на 26 Августа пришла изъ Ставки Верховнаго Главнокомандующаго телеграмма, подписанная Корниловымъ. Я былъ назначенъ командиромъ III коннаго корпуса и Корниловъ требовалъ моего немедленнаго прибытія въ Ставку. Генералъ Гилленшмидтъ, у котораго въ корпусѣ я былъ больше двухъ лѣтъ и который очень меня любилъ, сердечно простился со мною.

— Поѣзжай немедленно, сказалъ онъ. Я не знаю, что тамъ, но чувствую, что тамъ тебѣ сразу предстоитъ работа. Богъ, да поможетъ тебѣ.

Въ тѣ печальные дни, когда не проходило недѣли, чтобы кто-либо изъ начальниковъ не былъ убитъ, то случайно, то умышленно, мы всѣ чувствовали себя обреченными на смерть и были къ ней готовы каждую минуту.

— Лишь бы не мучили, сказалъ мнѣ Гилленшмидтъ, говоря о смерти отъ руки своихъ же.

— Я не признаю мученій, отвѣчалъ я ему. Страшенъ первый ударъ Но онъ несомнѣнно вызываетъ притупленіе чувствительности, полубезсознательное состояніе, и дальнѣйшіе удары уже не даютъ ни болевого, ни моральнаго ощущенія.

26-го Августа я уѣхалъ изъ дер. Ножарки и въ тотъ же день, сдавши дивизію генералу Колесникову и отправивъ своихъ лошадей, почью поѣхалъ на станцію Ковель, чтобы ѣхать въ Могилевъ.

IV

Въ Ставкѣ у генерала Корнилова

28-го Августа, въ 4 часа утра, я прибылъ въ Могилевъ. Когда я въ 9 часовъ вышелъ, чтобы ѣхать въ Ставку, Могилевъ имѣлъ обычный видъ. На станціи, какъ и всегда, толпились офицеры, много было солдатъ ударныхъ батальоновъ съ голубыми щитами, нашитыми на лѣвомъ рукавѣ рубахи съ изображеніемъ бѣлой краской черепа и мертвыхъ костей. Не понравились они мнѣ. Чѣмъ-то бутафорскимъ вѣяло отъ этихъ неаккуратно сдѣланныхъ парукавныхъ нашивокъ. Поразила меня еще и крайняя сдержанность, совсѣмъ необычная нашимъ, всегда такъ неумѣренно болтливымъ, офицерамъ. Какъ будто боялись другъ друга и другъ за другомъ слѣдили.

Такъ, *ничего не зная о томъ*, что происходитъ, я на штабномъ автомобилѣ, всегда отходящемъ въ 9 часовъ во дворецъ, отправился въ штабъ Верховнаго Главнокомандующаго. Я всю войну провелъ на позиціи. Въ Ставкѣ я никогда не былъ, даже въ штабахъ Армій за всѣ три года войны счетомъ былъ три раза. Я съ любопытствомъ оглядывалъ большой городъ и массы солдатъ, ходившихъ по нему. Проѣхалъ взводъ туркменъ, и я полюбовался ихъ прекрасными статными лошадьми. Въ общемъ былъ полный порядокъ.

Послѣ небольшихъ формальностей меня пропустили въ домъ Верховнаго Главнокомандующаго. Главнокомандующій былъ занятъ и мнѣ предложили подождать на площадкѣ 2-го этажа парадной лѣстницы. Вскорѣ туда поднялся искалѣченный офицеръ. Онъ страстно, въ повышенномъ тонѣ сталъ говорить мнѣ о томъ, что батальонъ инвалидовъ постановилъ предоставить себя въ полное распоряженіе Верховнаго Главнокомандующаго и что онъ пріѣхалъ съ депутаціей заявить объ этомъ генералу Корнилову. О Корниловѣ онъ отзывался восторженно со слезами на глазахъ. «Тяжело же должно быть теперь положеніе Главнокомандующаго, — подумалъ я, — если инвалидамъ приходится его защищать». Во время разговора съ инвалидомъ меня потребовали въ кабинетъ начальника штаба. Начальникъ штаба сбивчиво и неясно, видимо сильно волнуясь, объяснилъ мнѣ, что только-что Корниловъ объявилъ Керенскаго измѣнникомъ, а Керенскій сдѣлалъ то же самое по отношенію къ Корнилову, что необходимо арестовать Временное Правительство и прочно занять Петроградъ вѣрными Корнилову войсками, тогда явится возможность продолжать войну и побѣдить нѣмцевъ. Съ этою цѣлью Корниловъ двинулъ на Петроградъ III-й конный корпусъ, который съ приданной къ нему Кавказской Туземной дивизіей разворачивается въ Армію, командовать которой назначенъ генералъ Крымовъ. Кавказская дивизія разворачивается въ Туземный корпусъ приданіемъ къ ней 1-го Осетинскаго и 1-го Дагестанскаго полковъ. Я же назначенъ принять отъ Крымова III-й конный корпусъ, чтобы освободить его для командованія арміей. Сложная работа разворачиванія Кавказской Туземной дивизіи въ корпусъ шла на походѣ, да и не на настоящемъ походѣ, а въ вагонахъ желѣзнодорожныхъ эшелоновъ. На деликатное дѣло военнаго переворота были брошены части съ только-что назначенными начальниками. Туземцы не знали Крымова, Уссурійская конная дивизія III-го корпуса не знала меня.

На мой вопросъ, гдѣ же я могу настигнуть свой корпусъ, начальникъ

штаба очень неувѣренно началъ говорить, что корпусъ можетъ быть уже въ Петроградѣ, или въ Псковѣ, въ Псковѣ навѣрное, что Туземцы или въ Павловскѣ, или на станціи Дно, что все движется эшелонами и въ данное время связи еще нѣтъ. Въ это время дверь кабинета начальника штаба распахнулась и въ нее быстрыми, твердыми шагами вошелъ невысокаго роста генералъ, аккуратно одѣтый, съ коротко остриженными черными волосами и черными нависшими надъ губою усами. Лицо его было смуглое, глаза узкіе, чуть косые и съ сильнымъ блескомъ, быстрые. Я никогда не видалъ раньше Корнилова, но сейчасъ же узналъ его по портретамъ. Я представился ему.

— Съ нами вы, генералъ, или противъ насъ? — быстро и твердо спросилъ меня Корниловъ.

— Я старый солдатъ, ваше высокопревосходительство, — отвѣчалъ я, и всякое ваше приказаніе исполню въ точности и безпрекословно.

— Ну, вотъ и отлично. Поѣзжайте сейчасъ же въ Псковъ. Постарайтесь отыскать тамъ Крымова. Если его тамъ нѣтъ, оставайтесь пока въ Псковѣ; нужно, чтобы побольше было генераловъ въ Псковѣ. Я не знаю, какъ Клембовскій? Во всякомъ случаѣ явитесь къ нему. Отъ него получите указанія. Да поможетъ вамъ Господь! — Корниловъ протянулъ мнѣ руку, давая понять, что аудіенція кончена.

Поѣздъ на Псковъ отходилъ въ 2 часа дня, было всего половина 12-го и я пошелъ пѣшкомъ по Могилеву въ штабъ Походнаго Атамана. На улицахъ толпилось очень много ударниковъ изъ ударныхъ батальоновъ, они щеголевато отдавали честь, но видимо были смущены, собирались кучками и о чемъ-то шептались.

Въ штабѣ Походнаго Атамана у меня все были старые знакомые и сослуживцы. И начальникъ штаба, генералъ отъ кавалеріи Смагинъ, и Сазоновъ, и чины штаба, полковники Власовъ и Грековъ, были увѣрены въ полномъ успѣхѣ дѣла. Они мнѣ подробно разсказали о томъ, что Керенскій опредѣленно ведетъ армію къ полному разложенію и, если онъ останется у власти, солдаты покинутъ фронтъ и станутъ брататься съ нѣмцами. Керенскій совершенно подчинился исполнительному комитету совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, того совѣта, который издалъ приказъ № 1. Правительство ничего не стоитъ и ничего не понимаетъ; — Россіи угрожаетъ гибель. Спасти можетъ только диктатура, и въ рѣшительную минуту, когда самое существованіе Россіи висѣло на волоскѣ, Верховный Главнокомандующій взялъ на себя свергнуть Керенскаго и стать во главѣ Россіи до Учредительнаго Собранія.

Тутъ же мнѣ показали приказъ Корнилова, написанный въ сильныхъ, но слишкомъ личныхъ тонахъ. «Сынъ казака-крестьянина» звучало какъ-то не у мѣста и не отвѣчало всему тону приказа, написанному не по-крестьянски. Въ прекрасно, благородно, смѣло написанномъ приказѣ звучала фальшь. Я ее сейчасъ замѣтилъ. Въ штабѣ Походнаго Атамана ее не замѣчали, но солдаты и казаки уловили ее сразу и потомъ только ее и видѣли. Психологія тогдашняго крестьянина и казака была проста до грубости: — «долой войну. Подавай намъ миръ и землю. Миръ по телеграфу». — А приказъ настойчиво звалъ къ войнѣ и побѣдѣ. Керенскій, который лучше понималъ настроеніе массы, сейчасъ же учуялъ эту фальшь, и его контрприказъ, объявлявшій Корнилова измѣнникомъ и контръ-революціонеромъ,

говорившій о тѣхъ завоеваніяхъ революціи, которые солдатомъ понимались, какъ своевольничаніе, ничего недѣланіе, пьянство и отсутствіе какой бы то ни было власти, сразу завоевалъ симпатіи солдатской массы. Разговаривая со Смагинымъ и Сазоновымъ, я откровенно высказалъ и слѣдующіе свои взгляды по поводу всего дѣла.

Замышляется очень деликатная и сильная операція, требующая вдохновенія и порыва. Coup d'état, — для котораго неизбѣжно нужна нѣкоторая театральность обстановки. Собирали III-й корпусъ подъ Могилевымъ? Выстраивали его въ конномъ строю для Корнилова? Пріѣзжалъ Корниловъ къ нему? Звучали побѣдные марши надъ полемъ, было сказано какое-либо сильное увлекающее слово, — Боже сохрани — не рѣчь, а, именно, с л о в о, — была обѣщана награда? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Ничего этого не было. Эшелоны ползли по желѣзнымъ путямъ, часами стояли на станціяхъ. Солдаты толпились въ красныхъ коробкахъ вагоновъ, а потомъ, на станціи, толпами стояли около какого-нибудь оратора — желѣзнодорожнаго техника, посторонняго солдата, — кто его знаетъ кого? Они не видѣли своихъ вождей съ собою и даже не знали, гдѣ они? Я помню, какъ гр. Келлеръ повелъ насъ на штурмъ Ржанендовъ и Топороуца. Молчаливо, весеннимъ утромъ на черномъ пахатномъ полѣ выстроились 48 эскадроновъ и сотенъ и 4 конныя батареи. Раздались звуки трубъ, и на громадномъ конѣ, окруженный свитой, подъ развѣвающимся своимъ значкомъ явился графъ Келлеръ. Онъ что-то сказалъ солдатамъ и казакамъ. Никто ничего не слыхалъ, но заревѣла солдатская масса «ура», заглушая звуки трубъ и потянулись по грязнымъ весеннимъ дорогамъ колонны. И когда былъ бой — казалось, что графъ тутъ же и вотъ-вотъ появится со своимъ значкомъ. И онъ былъ тутъ, онъ былъ въ полѣ и его видали даже тамъ, гдѣ его не было. И шли на штурмъ весело и смѣло.

Тутъ все начальство осталось позади. Корниловъ задумалъ такое великое дѣло, а самъ остался въ Могилевѣ, во дворцѣ, окруженный туркменами и ударниками, какъ будто и самъ не вѣрящій въ успѣхъ. Крымовъ неизвѣстно гдѣ, части не въ рукахъ у своихъ начальниковъ.

Легенда о «всадникѣ на бѣломъ конѣ», въѣзжающемъ побѣдителемъ въ городъ, слишкомъ сильно въѣлась въ народные умы, чтобы ею можно было пренебрегать, совершая coup d'état.

Все это я высказалъ въ штабѣ. Но меня разувѣрили и успокоили. Керенскаго въ арміи ненавидятъ. Кто онъ такой? — штатскій, едва-ли не еврей, не умѣющій себя держать фигляръ, а противъ него брошены лучшія части. Крымова обожаютъ, туземцамъ все равно, куда идти и кого рѣзать, лишь бы ихъ князь Багратіонъ былъ съ ними. Никто Керенскаго защищать не будетъ. Это только прогулка; все подготовлено.

Но тогда еще менѣе мнѣ было понятно, почему же въ эту прогулку не пошелъ сразу съ нами Корниловъ?

Въ штабѣ Походнаго Атамана горячо желали мнѣ успѣха, но сами волновались, сами боялись даже Могилева. Я хотѣлъ идти на станцію пѣшкомъ. Меня не пустили.

— Нельзя, милый другъ, сказалъ мнѣ Д. П. Сазоновъ. Мало ли что можетъ случиться? Мы тебѣ дадимъ автомобиль.

Смагинъ навязалъ сопровождать меня сотника Генералова, случайно

бывшаго у нихъ, опять-таки подъ тѣмъ предлогомъ, что мало ли что можетъ выйти, и всегда хорошо имѣть при себѣ вѣрнаго и надежнаго человѣка.

Въ часъ дня я былъ на станціи, получилъ мѣсто въ прямомъ скоромъ поѣздѣ и въ ожиданіи его сѣлъ обѣдать. На станціи я узналъ, что только-что уѣхалъ изъ Ставки въ Петроградъ на паровозѣ Филоненковъ*, пріѣзжавшій отъ Керенскаго уговаривать Корнилова. Разсказывавшій мнѣ это офицеръ сказалъ, что Корниловъ убѣдилъ Филоненкова въ правотѣ своего поступка и Филоненковъ будто бы теперь помчался уговаривать Керенскаго признать диктатуру Корнилова, при чемъ Корниловъ оставлялъ за Керенскимъ постъ министра юстиціи.

Въ разговоръ вмѣшался другой офицеръ и сталъ доказывать, что Керенскій никогда не примирится съ постомъ министра юстиціи, что онъ крайне честолюбивъ и самъ жаждетъ диктатуры, при этомъ разсказывалъ тѣ сплетни, которыя ходили тогда, что Керенскій спитъ въ постели императрицы и носитъ бѣлье императора.

Дѣлалось страшное, великое дѣло, а грязная пошлость выпирала отовсюду.

Въ 2 часа 50 минутъ я съ сотникомъ Генераловымъ сѣлъ въ отведенное намъ купе и поѣхалъ къ Петрограду.

Поѣздъ шелъ поразительно точно. Провожатый вагона говорилъ намъ, что всѣ желѣзнодорожники на сторонѣ Корнилова, что они мечтаютъ, чтобы кто-либо обуздалъ безпардонныя банды солдатъ, которыя носятся теперь по всѣмъ путямъ, загаживаютъ вагоны перваго класса, бьютъ стекла, срываютъ обивку и терроризируютъ всѣхъ желѣзнодорожниковъ.

По пути я обдумывалъ, что же мы должны будемъ дѣлать. Нашей задачей, сколько я могъ понять въ Ставкѣ, являлся — арестъ членовъ Временнаго Правительства и арестъ совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, иными словами захватъ Зимняго дворца, Смольнаго института и Таврическаго дворца. Какое и откуда сопротивленіе мы могли встрѣтить? Конечно, «краса и гордость революціи» — матросы вступятся за своего вождя и героя, можетъ быть, рабочіе и весьма вѣроятно Петроградскій гарнизонъ, который сталъ въ положеніе преторіанцевъ и боится, что Корниловъ отправитъ его на фронтъ. Нашихъ силъ было мало. Но, считаясь съ трусливымъ настроеніемъ Петроградскихъ солдатъ, съ тѣмъ, что корпусъ представляетъ изъ себя отборныхъ бойцовъ, считаясь съ тѣмъ, что уличный бой вести очень трудно и офицеры Петроградскаго гарнизона, училища и пр. вѣроятно на нашей сторонѣ, можно было разсчитывать и на успѣхъ. Хотѣлось только возможно скорѣе увидѣть корпусъ, собраннымъ въ полѣ, какъ грозная сила, со всѣми его батареями и пулеметами, а не имѣть его разбросаннымъ по путямъ желѣзной дороги.

Невольно задумывался и о своемъ положеніи. Въ случаѣ удачи — ореолъ славы Корнилова захватитъ и насъ, его сотрудниковъ, въ случаѣ крушенія дѣла, намъ придется раздѣлить его участь, — тюрьму, полевой судъ и смертную казнь. Однако чувствовалъ, что и въ этомъ случаѣ идти чадо, потому что не только морально — всѣ симпатіи мои были на сторонѣ Корнилова, но и юридически я былъ правъ, такъ какъ получилъ

* Верховный комиссаръ.

приказаніе отъ своего верховнаго главнокомандующаго и обязанъ его исполнить. Характерно то, что ни я, ни генералы Смагинъ, Сазоновъ, ни офицеры штаба Походнаго Атамана, мы ни разу не останавливались надъ вопросомъ о томъ, къ какой политической партіи принадлежитъ Корниловъ и Крымовъ, куда будутъ они гнуть, если окажутся у власти. А между тѣмъ мы знали, что Корниловъ считался революціонеромъ, что Крымовъ, котораго почему-то считали монархистомъ и реакціонеромъ, игралъ какую-то таинственную роль въ отреченіи Государя Императора и сносился и дружилъ съ Гучковымъ. Мы всѣ такъ жаждали возрожденія арміи и надежды на побѣду, что готовы были тогда идти съ кѣмъ угодно, лишь бы выздоровѣла наша горячо любимая армія.

Спасти армію! Спасти какою угодно цѣною. Не только цѣною жизни, но и цѣною своихъ убѣжденій — вотъ, что руководило нами тогда и заставляло вѣрить Корнилову и Крымову.

V

На станціи Дно. Туземный корпусъ

Въ 6 часовъ утра, 29 Августа, мы прибыли на станцію Дно и здѣсь намъ заявили, что поѣздъ дальше не пойдетъ: между Вырицей и Павловскомъ путь разобранъ, идетъ перестрѣлка между всадниками Туземнаго корпуса и солдатами Петроградскаго гарнизона, вышедшими навстрѣчу. Всѣ пути были заставлены эшелонами съ частями Туземнаго корпуса. Въ залѣ I-го и II-го классовъ и въ буфетѣ, несмотря на ранній часъ, столпотвореніе вавилонское. Офицеры, всадники, солдаты. Кто спитъ на полу или на лавкѣ, кто уже обѣдаетъ, кто пьетъ чай, кто разложилъ карты и въ толпѣ откровенно диктуетъ приказаніе. Кухонный чадъ, волны табачнаго дыма и отсутствіе какого бы то ни было воинскаго порядка. Масса знакомыхъ — въ 1915 году я командовалъ 3-й бригадой Кавказской Туземной дивизіи — меня обступили. Никто толкомъ ничего не зналъ. Эшелоны застряли на всемъ пути, но никто не зналъ, что дѣлать, приказаній ни отъ кого получено не было. Осетины и Дагестанцы могли подойти только черезъ нѣсколько дней. Командиръ Туземнаго корпуса, князь Багратіонъ, находился верстахъ въ восьми отъ станціи въ какомъ-то имѣніи. Туда ѣхалъ командиръ Ингушскаго полка, полковникъ Мерчуле, я переговорилъ по телефону съ княземъ и поѣхалъ къ нему, чтобы сговориться.

Странно было проѣзжать по шоссированной дорогѣ между мокрыхъ, порыжѣлыхъ кустовъ ивы и смотрѣть на болотистыя луговины и уже золотыя березы, такія близкія и родныя мнѣ съ дѣтства, такъ напомнившія дачи и маневры всей моей жизни; и теперь предстояли тоже маневры, но только какіе!

По пути попадались всадники, и такъ не гармонировали они своими изношенными сѣрыми черкесками и рыжими папахами, своими поджарыми горскими лошадьми, сухими лицами съ длинными носами — съ печальной природой плаксиваго Сѣвера.

Князь Багратіонъ только-что всталъ. Ночью онъ получилъ пакетъ отъ Крымова и теперь пригласилъ меня разсмотрѣть съ нимъ присланную ему диспозицію. Диспозицію и планъ Петрограда, приложенный къ ней,

разсматривали таинственно, какъ заговорщики. Приказъ Крымова говорилъ о томъ, что дѣлать, когда Петроградъ будетъ занятъ. Какой дивизіи занять какія части города, гдѣ имѣть наиболѣе сильные караулы. Все было предусмотрѣно: и занятіе дворцовъ и банковъ, и караулы на вокзалахъ желѣзной дороги, телефонной станціи, въ Михайловскомъ манежѣ, и окруженіе казармъ, и обезоруженіе гарнизона — не было предусмотрѣно только одного — встрѣчи съ боемъ до входа въ Петроградъ. Самъ Крымовъ былъ въ Псковѣ, но собирался мчаться дальше въ самый Петроградъ, впереди своихъ войскъ. Прочитавши это приказаніе, князь Багратіонъ поѣхалъ со мною на станцію Дно. Тамъ былъ телефонъ съ Вырицей, откуда командиръ 3-й бригады, князь Гагаринъ, могъ донести Багратіону о томъ, что происходитъ.

Произошло же слѣдующее: третья бригада, шедшая во главѣ Кавказской Туземной дивизіи, у станціи Вырицы наткнулась на разобранный путь. Черкесы и ингуши вышли изъ вагоновъ и собрались у Вырицы, а потомъ пошли походнымъ порядкомъ на Павловскъ и Царское Село. Между Павловскомъ и Царскимъ Селомъ ихъ встрѣтили ружейнымъ огнемъ, и они остановились. По донесеніямъ со стороны, вышедшіе на встрѣчу солдаты гвардейскихъ полковъ драться не хотѣли, убѣгали при приближеніи всадниковъ, но князь Гагаринъ не могъ идти одинъ съ двумя полками, такъ какъ попадалъ въ мѣшокъ. Надо было пододвинуть впередъ эшелоны Туземной дивизіи и начать движеніе III-го коннаго корпуса на Лугу и Гатчино, а гдѣ находился III-й конный корпусъ, никто точно не зналъ. Гдѣ-то тоже на путяхъ; а Уссурійская конная дивизія даже сзади. Надо было ударить по Петрограду силою въ 86 эскадроновъ и сотень, а ударили одною бригадою князя Гагарина въ 8 слабыхъ сотень, на половину безъ начальниковъ. Вмѣсто того, чтобы бить кулакомъ, ударили пальчикомъ — вышло больно для пальчика и нечувствительно тому, кого ударили.

На станціи Дно стояли эшелоны Кавказской Туземной дивизіи. Было очевидно, что подать ихъ впередъ эшелонами нельзя. Все равно, почему? Потому ли, что настроеніе желѣзнодорожниковъ послѣ воззванія Керенскаго измѣнилось и они уже были противъ Корнилова и называли его измѣнникомъ, потому ли, что технически, при разрушенномъ пути, нельзя было подать эшелоны впередъ, но эшелоны стояли, а кн. Багратіонъ не рисковалъ выгрузиться и идти походомъ къ Вырицѣ. Казалось далеко.

Мой поѣздъ на Псковъ долженъ былъ отойти въ 2 часа. Около этого времени на станцію прибыло 2 эшелона Приморскаго драгунскаго полка. Солдаты сейчасъ же выскочили изъ вагоновъ и собрались на опушкѣ лѣса за путями. У нихъ уже были воззванія Керенскаго и они горячо обсуждали, кто измѣнникъ, Корниловъ или Керенскій. Командиръ полка, полковникъ Шипуновъ, узнавши, что я нахожусь на станціи и что я назначенъ командиромъ III-го коннаго корпуса, пошелъ представиться мнѣ и просилъ меня поговорить съ солдатами.

Я отправился за пути. Солдатская толпа сейчасъ же обступила меня. Я вглядѣлся въ лица. Хорошія, славныя, честныя это были лица. Драгуны были прекрасно, щегольски одѣты и отлично выправлены. Я сказалъ имъ, кто я. Сказалъ, что я знаю полкъ еще по Японской войнѣ, когда былъ съ ними на охранѣ побережья у Кайджоо и видѣлъ ихъ въ бою подъ Дашичао. Я прочелъ и разъяснилъ имъ приказъ Корнилова.

— Мы должны исполнить приказъ нашего Верховнаго Главнокомандующаго, какъ вѣрные солдаты безъ всякаго разсужденія. Русскій народъ въ Учредительномъ Собраніи разсудитъ, кто правъ, Керенскій или Корниловъ, а сейчасъ нашъ долгъ повиноваться.

— Господинъ генералъ, — отвѣчалъ мнѣ солидный подпрапорщикъ, вахмистръ со многими георгіевскими крестами. — Оборони Боже, чтобы мы отказывались исполнить приказъ. Мы съ полнымъ удовольствіемъ. Только вишь ты, какая загвоздка вышла. И тотъ измѣнникъ, и другой измѣнникъ. Намъ дорогою сказывали, что генералъ Корниловъ въ Ставкѣ уже арестованъ, его нѣтъ, а мы пойдемъ на такое дѣло? Ни сами не пойдемъ, ни васъ подъ отвѣтъ подводить не хотимъ. Останемся здѣсь, пошлемъ развѣдчиковъ узнать, гдѣ правда, а тогда — съ нашимъ удовольствіемъ — мы свой солдатскій долгъ отлично понимаемъ.

Но оставаться на станціи Дно, когда каждая минута была дорога и каждый лишній солдатъ былъ нуженъ Крымову въ Псковѣ, я считалъ невозможнымъ.

— Хорошо, сказалъ я. Я съ вами согласенъ, что безъ развѣдки мы не можемъ кинуться въ бой. Вашъ путь идетъ черезъ Псковъ. Въ Псковѣ находится Главнокомандующій Сѣвернымъ фронтомъ. Я ѣду сейчасъ въ Псковъ и, если Главнокомандующій подтвердитъ приказъ генерала Корнилова — мы обязаны его исполнить.

— Совершенно правильно, — раздались голоса солдатъ. — Мы исполнимъ то, что намъ скажутъ въ штабѣ фронта. Такъ пусть и будетъ.

Я надѣялся на солидарность между генералами. Я былъ увѣренъ, что генералъ Клембовскій станетъ на точку зрѣнія Корнилова — необходимости спасать, но не разрушать армію.

Драгуны разошлись по вагонамъ и черезъ полчаса ихъ эшелоны потянулись по свободному пути на Псковъ.

Въ 5 часовъ пополудни прибылъ и мой Псковскій поѣздъ, и я поѣхалъ съ нимъ, обгоняя въ пути драгунскіе эшелоны.

VI

Въ эшелонахъ

Ночь была темная, августовская. На остановкахъ то я, то сотникъ Генераловъ выходили на станціи и ходили мимо драгунскихъ эшелоновъ. И почти всюду мы видѣли одну и ту же картину: гдѣ на путяхъ, гдѣ въ пагонѣ, на сѣдлахъ у склонившихся къ нимъ головами вороныхъ и караковыхъ лошадей сидѣли или стояли драгуны и среди нихъ юркая личность въ солдатской шинели. Слышались отрывистыя фразы.

— Товарищи, что же вы! Керенскій васъ изъ-подъ офицерской палки вывелъ, свободу намъ далъ, а вы опять захотѣли тянуться передъ офицеромъ, да чтобы въ зубы вамъ тыкали. Такъ, что ли?

— Товарищи! Керенскій за свободу и счастіе народа, а генералъ Корниловъ за дисциплину и смертную казнь. Ужели вы съ Корниловымъ?

— Товарищи! Корниловъ измѣнникъ Россіи и идетъ вести васъ на бой на защиту иностраннаго капитала. Онъ большія деньги на то получилъ, а Керенскій хочетъ мира!..

Молчали драгуны, но лица ихъ становились все сумрачнѣе и сумрачнѣе.

Приверженцы Керенскаго пустили по желѣзнымъ дорогамъ тысячи агитаторовъ и ни одного не было отъ Корнилова.

Какая страшная драма разыгрывалась въ темной душѣ солдата въ эти дни? Какія ужасныя мысли медленно ползли и копошились въ его мозгу? Начальники: съ Верховнымъ Главнокомандующимъ, генераломъ Корниловымъ, вели солдатъ противъ Временнаго Правительства, того Временнаго Правительства, которое дало имъ неслыханную свободу, которое попустительствовало имъ въ ихъ преступленіяхъ противъ начальниковъ и, не отказываясь на словахъ, отказалось на дѣлѣ отъ войны, потому что лѣто, — періодъ упорныхъ сраженій, проходило тихо, если не считать двухъ неудавшихся наступленій іюньскаго на югозападномъ фронтѣ и іюльскаго на сѣверномъ, сорванныхъ солдатами, оставшимися совершенно безнаказанными.

Послѣ революціи — даже и помимо приказа № 1, между офицерами и солдатами появилась пропасть. Революція для солдата — это была свобода, а свобода — отрицаніе войны. Послѣ революціи и отреченія императора, война исчезла изъ понятія солдата. Вѣдь войну все время называли капиталистически-имперьялистской. Императора больше не было; для того, чтобы окончательно освободиться отъ войны, надо было теперь освободиться отъ капиталистовъ; объ этомъ откровенно кричали по всей арміи большевики. Такія рѣчи я слышалъ, когда меня, 5-го Мая, судилъ трибуналъ Видиборскаго солдатскаго совѣта, такихъ же рѣчей я наслушался и отъ солдатъ 111-й пѣхотной дивизіи передъ убійствомъ комиссара Линде. Солдатъ усталъ отъ войны, окопная жизнь ему на смерть надоѣла, его тянуло домой, на ту самую землю, которой онъ, наконецъ, добился. Дезертировать мѣшалъ страхъ наказанія и остатокъ совѣсти, и солдатъ ждалъ и прислушивался только къ одному слову, и это слово было миръ. Временное Правительство и особенно исполнительный комитетъ совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ это слово произносили часто, то принимая, то отрицая возможность мира, они думали, значитъ, о мирѣ, обсуждали его. Войны хотѣли только генералы и офицеры, потому что она имъ выгодна, такъ какъ даетъ имъ чины и награды — такъ внушали солдату, и солдатъ этому вѣрилъ. Керенскій вовсе не былъ популяренъ, какъ личность, какъ ораторъ, какъ идейный человѣкъ; смѣялись надъ его жестами и его пафосомъ, но Керенскій былъ ихъ адвокатомъ и защитникомъ передъ офицерами и генералами, и потому былъ любимъ не какъ Керенскій, а какъ идея мира. Уже то, что онъ былъ штатскій, а не офицеръ, давало надежду солдатамъ, что онъ пойдетъ противъ войны за миръ, потому что ему-то миръ былъ нуженъ, а не война. И мы увидимъ, какъ отметнулась солдатская масса отъ своего кумира Керенскаго и готова была предать его, какъ только Керенскій пошелъ за войну, отказался отъ мира «по телеграфу». Миръ «по телеграфу» дали большевики, и солдатская масса пошла за ними.

Среди солдатской массы нѣкоторыя части выдѣлялись изъ общаго уровня. Вслѣдствіи воинственнаго воспитанія дома, вслѣдствіи того, что война давала не только одни несчастья, но и выгоды, которыми дорожили и дома, въ домашнемъ быту: — производство въ офицеры, георгіевскіе кресты, иногда добыча — на войну былъ взглядъ болѣе благожелательный. Эти части были части казачьи. Казаки вслѣдствіи своего воспитанія дольше не

принимали мира. Но и казаки были разные. Были воинственныя войска съ твердыми традиціями, и были войска невоинственныя съ традиціями молодыми, въ однѣхъ и тѣхъ же войскахъ были станицы воинственныя и миролюбивыя. Потому-то Корниловъ и выбралъ для выполненія своей цѣли казаковъ и горцевъ Кавказа, что въ нихъ идея мира «по телеграфу» не свила еще прочнаго гнѣзда и они согласны были повоевать еще.

На призывъ Корнилова къ войнѣ солдатская масса уже знала, какъ отвѣтить. Ей это подсказали опытные и умѣлые агитаторы. Арестовать офицеровъ и послать делегатовъ въ Петроградъ за указаніями. Всѣ шесть мѣсяцевъ послѣ революціи это было самое обычное дѣло. Чуть-что — выбрать делегатовъ, снабдить ихъ мандатами и — ай-да! въ Петроградъ въ исполкомъ, которому вѣрили, какъ Богу. Недовольны пищей, фельдфебель по старой привычкѣ смазалъ по уху за пѣвинность, не смѣнили стараго ротнаго — въ исполкомъ, тамъ свои разсудятъ истиннымъ, правильнымъ, честнымъ солдатскимъ и рабочимъ судомъ!

Предоставленные самимъ себѣ, томящіеся въ застрявшихъ на путяхъ эшелонахъ, казаки и солдаты, смущаемые воззваніями Керенскаго и его агитаторами, и пошли по этой проторенной за шесть мѣсяцевъ дорожкѣ — арестовать офицеровъ и послать делегаціи въ Петроградъ спросить, что дѣлать? Итакъ, въ то самое время, когда Крымовъ расписывалъ диспозицію занятія Петрограда, а ингуши и черкесы перестрѣливались съ гвардейскими стрѣлками, а Петроградскій гарнизонъ волновался и готовъ былъ сдаться Корнилову, Керенскій же и Временное Правительство не знали, что дѣлать, и думали о бѣгствѣ — вѣдь наступали на нихъ казаки и дикая дивизія съ самимъ безстрашнымъ Корниловымъ, — къ нимъ, которыхъ должны были арестовать, за совѣтомъ и помощью явились представители комитетовъ Донской и Уссурійской дивизіи и команда связи, составленная изъ солдатъ, а не горцевъ, какъ представители дикой дивизіи!

Ясно было, что все предпріятіе Корнилова рухнуло, еще и не начавшись.

Керенскій обласкалъ казаковъ. Онъ тутъ же произвелъ наиболѣе рѣчистыхъ и подхалимистыхъ двухъ казаковъ въ офицеры, велѣлъ имъ ѣхать обратно съ приказомъ остановиться и арестовать тѣхъ офицеровъ, которые будутъ требовать дальнѣйшаго движенія на Петербургъ. Генералу Крымову послалъ приказъ пріѣхать къ нему для переговоровъ. И твердый, волевой человѣкъ, генералъ Крымовъ послушался. Онъ сѣлъ въ автомобиль съ адъютантомъ подъесауломъ 9-го Донского казачьяго полка, Кульгавовымъ и помчался въ Петроградъ, предавая этимъ Корнилова.

Поѣхалъ онъ съ грознымъ рѣшеніемъ требовать отъ Керенскаго, угрожать ему, поѣхалъ глубоко взволнованный и сильно потрясенный...

Таковы были событія за тѣ сутки, которыя солдаты и казаки провели въ ваговахъ, стоя на станціяхъ замершей въ какомъ-то снѣ желѣзной дороги. Иногда по чьему-то никому неизвѣстному распоряженію къ какому-нибудь эшелону прицѣпляли паровозъ и его везли два, три перегона, сорокъ, шестьдесятъ верстъ и потомъ онъ оказывался гдѣ-то въ сторонѣ, на глухомъ разъѣздѣ безъ паровоза, безъ фуража для лошадей и безъ обѣда для людей. Въ то время, какъ штабъ Корнилова былъ парализованъ и, выпустивши части, на этомъ и успокоился, пособники Керенскаго въ лицѣ разныхъ мелкихъ станціонныхъ комитетовъ и совѣтовъ и даже просто сочувствующихъ Керенскому желѣзнодорожныхъ агентовъ и большевиковъ,

которые уже начали свою работу, запутывая положеніе корпуса до невозможнаго.

30 Августа части арміи Крымова, конной арміи, мирно сидѣли въ вагонахъ съ разсѣдланными лошадьми при полной невозможности мѣстами вывести этихъ лошадей изъ вагоновъ за отсутствіемъ приспособленій по станціямъ и разъѣздамъ восьми желѣзныхъ дорогъ: — Виндавской, Николаевской, Новгородской, Варшавской, Дно—Псковъ—Гдовъ, Гатчино—Луга, Гатчино—Тосно и Балтійской! Они были въ Новгородѣ, Чудовѣ, на ст. Дно, въ Псковѣ, Лугѣ, Гатчино, Гдовѣ, Ямбургѣ, Нарвѣ, Везенбергѣ и на промежуточныхъ станціяхъ и разъѣздахъ! Не только начальники дивизій, но даже командиры полковъ не знали точно, гдѣ находятся ихъ эскадроны и сотни. Къ этому привело путешествіе по желѣзной дорогѣ арміи, направленной для гражданской войны. Отсутствіе пищи и фуража естественно озлобляло людей еще больше. Люди отлично понимали отсутствіе управленія и видѣли всю ту безтолковщину, которая творилась кругомъ, и начали арестовывать офицеровъ и начальниковъ. Такъ большая часть офицеровъ Приморскаго драгунскаго, 1-го Нерчинскаго, 1-го Уссурійскаго и 1-го Амурскаго казачьихъ полковъ были арестованы драгунами и казаками. Офицеры 13-го и 15-го Донскихъ казачьихъ полковъ были въ состояніи полуарестованныхъ. Почти вездѣ въ фактическое управленіе частями вмѣсто начальниковъ вступили комитеты. Начальнику 1-й Донской казачьей дивизіи, генералъ-маіору Грекову, удалось собрать нѣкоторыя части своей дивизіи подъ Лугой. Онъ рѣшилъ идти походомъ на Петроградъ. Но вернувшіеся изъ Петрограда члены комитета привезли приказъ оставаться и требованіе генералу Грекову явиться къ Керенскому. Генералъ Грековъ, понимая, что послѣ отъѣзда Крымова ему ничего не остается дѣлать, какъ ѣхать къ Керенскому, сѣлъ въ автомобиль и поѣхалъ въ Петроградъ. Еще раньше туда же отправился и начальникъ Уссурійской конной дивизіи, генералъ-маіоръ Губинъ, увлеченный къ Керенскому своимъ комитетомъ.

Генералъ Корниловъ разсчитывалъ на полное сочувствіе своему плану всего генералитета... Но... ошибся... Онъ былъ моложе многихъ. Были другіе, которымъ тоже хотѣлось играть роль... Генералъ Клембовскій вмѣсто помощи, или хотя бы нейтралитета по отношенію къ Корнилову, снесся съ Керенскимъ и покинулъ Псковъ, оставивъ вмѣсто себя начальника гарнизона, грубаго и ловкаго, не стѣсняющагося мѣнять убѣжденія Бончъ-Бруевича.

Такого было положеніе къ тому времени, когда я, наконецъ, добрался до города Пскова.

VII

Въ Псковѣ

На станцію Псковъ поѣздъ пришелъ въ 12 часовъ ночи на 30-ое Августа. Пассажирамъ было заявлено, что поѣздъ дальше не пойдетъ. Опять та же исторія — полотно дороги разрушено, движенія поѣздовъ нѣтъ. Такъ же, какъ станція Дно была переполнена офицерами и всадниками Кавказской Туземной дивизіи, станція Псковъ была переполнена офицерами и солдатами Приморскаго драгунскаго полка и солдатами Псковскаго гарнизона.

Я сталъ разспрашивать у офицеровъ объ обстановкѣ.

— Гдѣ генералъ Крымовъ?

— Утромъ уѣхалъ на Лугу, должно быть, сейчасъ тамъ.

Имѣя указаніе отъ генерала Корнилова соединиться возможно скорѣе съ Крымовымъ и принять отъ него командованіе III-мъ конным корпусомъ, я пошелъ къ коменданту станціи просить отправить меня на паровозѣ или на дрезинѣ въ Лугу. Измученный, усталый комендантъ отнесся къ моей просьбѣ съ полнымъ участіемъ, но сослался на категорическое приказаніе штаба фронта ни одного человѣка не пропускать въ Петроградскомъ направленіи. Нужно разрѣшеніе штаба фронта.

— Дайте мнѣ телефонъ штаба, я буду говорить съ генераломъ Клембовскимъ, сказалъ я.

— Генерала Клембовскаго нѣтъ.

— Гдѣ же онъ?

— Поѣхалъ въ Петроградъ. Онъ назначенъ Верховнымъ Главнокомандующимъ.

— А Корниловъ? невольно спросилъ я.

— Не знаю. Или бѣжалъ, или арестованъ. Вы читали приказъ Керенскаго, объявляющій его измѣнникомъ.

— Читалъ. Но что изъ этого?

Впрочемъ, подумалъ я, комендантъ могъ ничего не знать. Это могла быть и провокація.

Мнѣ дали соединеніе со штабомъ фронта.

— Кто меня спрашиваетъ? услышалъ я голосъ.

— А позвольте спросить, кто у телефона, спросилъ я, все еще надѣясь, что это Клембовскій.

— Временно командующій Сѣвернымъ фронтомъ, генералъ-маіоръ Бончъ-Бруевичъ, а вы кто?

Я назвалъ себя и просилъ извиненія, что побезпокоилъ въ столь поздній часъ. Было около двухъ часовъ ночи.

— Я прошу васъ сейчасъ пріѣхать ко мнѣ. Мнѣ нужно съ вами переговорить. Я посылаю за вами автомобиль, сказалъ мнѣ Бончъ-Бруевичъ.

Черезъ полчаса я былъ принятъ генераломъ Бончъ-Бруевичемъ въ присутствіи молодого человѣка съ блѣднымъ лицомъ и съ черными усиками, въ рубашкѣ съ солдатскими защитными погонами.

— Комиссаръ Савицкій, кивнулъ мнѣ Бончъ-Бруевичъ, мы будемъ говорить при немъ. Какія вы задачи имѣете?

Я отвѣтилъ, что имѣю приказаніе явиться къ генералу Крымову, и никакихъ больше задачъ не имѣю.

— Генералъ Крымовъ, какъ-то загадочно проговорилъ Бончъ-Бруевичъ, находится въ Лугѣ, а пожалуй, что теперь и въ Петроградѣ. Вамъ не за чѣмъ ѣхать къ нему. Оставайтесь лучше здѣсь.

— Я получилъ приказаніе и я долженъ его исполнить. Я долженъ принять отъ него корпусъ и распутать ту путаницу, которая въ немъ происходитъ.

— А вы видите путаницу? спросилъ Бончъ-Бруевичъ.

Комиссаръ, присутствовавшій здѣсь, меня стѣснялъ, да и самъ Бончъ-Бруевичъ казался мнѣ подозрительнымъ. Я вскользь сказалъ о томъ, что

эшелоны застряли на путяхъ, люди и лошади голодаютъ и дальше это не можетъ продолжаться, такъ какъ грозитъ уничтоженіемъ конскому составу и можетъ вызвать голодныхъ людей на грабежи.

— Я съ вами совершенно согласенъ, сказалъ мнѣ генералъ Бончъ-Бруевичъ. Мы объ этомъ съ вами поговоримъ утромъ.

— Я буду васъ просить дать мнѣ автомобиль до Луги.

— Къ сожалѣнію не могу исполнить вашей просьбы. У насъ всѣ машины городского типа и не выдержатъ дороги, да и бензина нѣтъ.

Я видѣлъ, что генералъ Бончъ-Бруевичъ лгалъ. Не могло же не быть въ штабѣ фронта нѣсколькихъ полевыхъ машинъ, да до Луги и городская машина могла довезти? Я попрощался съ генераломъ Бончъ-Бруевичемъ и пошелъ проводить остатокъ ночи въ комендантское управленіе. Сидя въ комнатѣ дежурнаго адъютанта, я обдумывалъ, что же дѣлать? Первое, что мнѣ казалось необходимымъ — возстановить части. Выпуть ихъ изъ коробокъ, поставить по деревнямъ, или на бивакѣ, и накормить людей и лошадей. Все равно, съ голодными людьми и на некормленныхъ лошадяхъ далеко не уѣдешь.

Утромъ 30-го, я отправился къ генералу Бончъ-Бруевичу. Повидимому, за ночь онъ получилъ какія-либо извѣстія о проказахъ казаковъ на путяхъ, потому что онъ началъ съ того, что спросилъ у меня совѣта, что дѣлать съ эшелонами, которые загромоздили всѣ пути, остановили движеніе по желѣзной дорогѣ и прекратили подвозъ продовольствія на фронтъ. Я предложилъ сосредоточить Уссурійскую дивизію въ районѣ Везенберга, пользуясь тѣмъ, что она эшелонирована на путяхъ, идущихъ къ Нарвѣ и Ревелю, и Донскую въ районѣ Нарвы. Этимъ совершенно разгружалась бы Варшавская дорога, а я имѣлъ весь корпусъ въ кулакѣ и на путяхъ къ Петрограду, такъ что по соединеніи съ Крымовымъ могъ исполнить ту задачу, которая будетъ указана корпусу.

Генералъ Бончъ-Бруевичъ составилъ при мнѣ телеграмму, которую адресовалъ: «главковерху Керенскому».

— Вы видите, сказалъ онъ, продолжать то, что вамъ вѣроятно приказано и что вы скрываете отъ меня, вамъ не приходится, потому-что верховный главнокомандующій Керенскій, вотъ и все.

Я ушелъ. И все-таки я считалъ своимъ долгомъ отыскать Крымова, своего непосредственнаго начальника. Отъ Бончъ-Бруевича я пошелъ въ гаражъ попросить автомобиль, но получилъ тамъ отказъ: — машины испорчены, нѣтъ бензина. Полковникъ Зарубаевъ, завѣдывавшій гаражемъ, сообщилъ мнѣ, что какой-то американскій корреспондентъ, имѣющій собственный автомобиль, ѣдетъ въ пять часовъ въ Лугу, чтобы наблюдать бой между Корниловскими войсками и Петроградскимъ гарнизономъ и что онъ устроитъ меня съ нимъ. Я ухватился за это. Извѣстіе, что бой все-таки ожидается, говорило мнѣ, что, можетъ быть, не все еще потеряно и что свѣдѣнія Бончъ-Бруевича умышленно невѣрныя.

Въ комендантскомъ управленіи меня ожидалъ полевой жандармъ изъ штаба главнокомандующаго.

— Главнокомандующій приказалъ мнѣ озаботиться отводомъ вамъ квартиры, сказалъ онъ.

Такая заботливость о моей персонѣ меня удивила.

— Гдѣ же мнѣ отвели квартиру? спросилъ я.

— Въ кадетскомъ корпусѣ, я сейчасъ васъ туда могу отвезти.

Оставаться въ дежурной комнатѣ комендантскаго управленія было нельзя, я стѣснялъ адъютанта. Я забралъ свои вещи и съ своимъ ординарцемъ, кубанскимъ урядникомъ Пономаренко, и сотникомъ Генераловымъ отправился въ корпусъ.

На входной двери квартиры, въ которую меня вводили, было написано: «Комиссаріатъ сѣвернаго фронта». Въ прихожей толпились солдаты и какіе-то люди подозрительнаго вида.

— Вѣроятно вы ошиблись, сказалъ я жандарму, здѣсь помѣщеніе комиссаріата.

— Ничего, они обѣщали потѣсниться.

Дѣйствительно ко мнѣ вышелъ Савицкій и сказалъ, что я могу здѣсь располагаться. Какой-то предупредительный и весьма обязательный хорошо одѣтый юноша пошелъ показать мнѣ мою комнату. Это была большая комната въ два окна, выходящія во внутренній садъ. Въ комнатѣ стояла прекрасная мягкая постель, такъ и манившая къ покою послѣ двухъ безсонныхъ ночей.

— Вотъ здѣсь электричество, показывалъ мнѣ юноша. Можно столъ поставить, стулья. Очень хорошо.

— Комната отличная, въ раздумьи сказалъ я. Меня поразилъ гулъ солдатскихъ голосовъ и какъ будто стукъ ружей за дверью. Я открылъ дверь. За дверью была просторная прихожая. Она наполнялась вооруженными солдатами.

— Вы что за люди? спросилъ я ихъ.

— Такъ что, господинъ генералъ, караулъ къ арестованному, бойко отвѣтилъ мнѣ бравый унтеръ-офицеръ.

— Благодарю васъ, сказалъ я любезному юношѣ, но комната мнѣ что-то не нравится. Въ ней будетъ слишкомъ шумно, а мнѣ надо заниматься.

И я спокойно прошелъ мимо караула, вышелъ во дворъ, а изъ двора на улицу, гдѣ еще стоялъ извощикъ съ моимъ чемоданомъ.

Куда ѣхать? Куда ѣхать? думалъ я.

Очевидно, что Псковъ не на сторонѣ Корнилова, — а тотъ, «кто не съ нами, тотъ противъ насъ». Въ 5 часовъ дня за мною долженъ былъ пріѣхать американецъ и везти меня къ Крымову — къ своимъ, къ казакамъ. Оставалось ждать этого американца. А если онъ не пріѣдетъ, что вполнѣ возможно? Тогда все-таки ѣхать въ Лугу — къ казакамъ, къ родному 10-му Донскому полку. На чемъ? — на лошадяхъ Уральскихъ казаковъ конвоя Главнокомандующаго, на телѣгѣ, идти пѣшкомъ. Таково было мое рѣшеніе. Искать Крымова, но не бѣжать. Самое слово «бѣжать» мнѣ было противно. Я никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ ни отъ кого, ни отъ чего не бѣгалъ... Рѣшилъ, что не побѣгу и теперь.

Американецъ, какъ и надо было ожидать, не пріѣхалъ, можетъ быть, и не было никакого американца.

Утомленіе сказывалось, а силы были нужны на завтра, чтобы ѣхать верхомъ, или идти пѣшкомъ. Мнѣ предложилъ переночевать у него тотъ самый комендантскій адъютантъ поручикъ Пилипенко, котораго я такъ стѣснялъ. Онъ имѣлъ комнату на окраинѣ города недалеко отъ вокзала въ

семействѣ вдовы доктора или офицера, убитаго на войнѣ; меня можно будетъ помѣстить вмѣстѣ съ сотникомъ Генераловымъ въ гостиной.

Къ 9-ти часамъ вечера, подготовивши все для поѣздки верхомъ на лошадяхъ уральскихъ казаковъ въ Лугу, я перебрался къ поручику Пилипенко. Приняли меня тамъ очень сердечно, угощали чаемъ съ печеньями и холоднымъ ужиномъ, устраивали койки и, наконецъ, около 12-ти часовъ ночи, мы улеглись на покой въ гостиной — я возлѣ рояля, а сотникъ Генераловъ у стѣны за какимъ-то трельяжемъ. Благодѣтель-сонъ сейчасъ же прогналъ всѣ думы, заботы, тревоги и волненія.

Но недолго онъ продолжался.

Сильные непрерывные звонки у входной двери меня разбудили. Я зажегъ свѣчу и посмотрѣлъ на часы. Былъ часъ ночи. Я спалъ меньше часа. Я сейчасъ догадался въ чемъ дѣло, но продолжалъ лежать, нарочно не вставая. Прислуга хозяйки зашлепала босыми ногами. Въ дверь стали раздаваться удары прикладами. Она отворилась, и прихожая наполнилась большимъ количествомъ людей, грозно стучавшихъ ружьями. Они не помѣщались въ прихожей и часть стучала винтовками по лѣстницѣ. Спросили меня.

Прислуга отвѣтила, что не знаетъ, кто у нихъ стоитъ, стоитъ какой-то генералъ, а фамиліи его не знаетъ. Въ комнатѣ хозяйки слышались охи и плачъ. Въ квартирѣ шелъ растерянный шорохъ, мой вѣрный ординарецъ Пономаренко, вѣроятно памятуя исторію съ Линде, моментально убѣжалъ на дворъ по черному ходу. Сотникъ Генераловъ сидѣлъ на постели и пугливо озирался. Было много комичнаго во всемъ этомъ, и это меня примирило.

Въ гостиную стали входить, стуча прикладами, юнкера школы прапорщиковъ сѣвернаго фронта, съ ними былъ ихъ офицеръ и какой-то молодой человѣкъ въ штатскомъ платьѣ.

— Вы генералъ Красновъ? обратился штатскій ко мнѣ.

— Да, я генералъ Красновъ, отвѣчалъ я, продолжая лежать. А вамъ что отъ меня нужно?

— Господинъ комиссаръ проситъ васъ немедленно прибыть къ нему для допроса, отвѣчалъ онъ.

— Странный способъ приглашать для допроса генераловъ, вваливаясь къ нимъ съ вооруженною командой и наводя панику на несчастныхъ хозяевъ. сказалъ я.

— Такъ дѣлали при царскомъ режимѣ! вызывающе отвѣтилъ мнѣ молодой человѣкъ.

— Вѣроятно вы для того и свергали Государя Императора, чтобы повторять всѣ темныя стороны его царствованія, сказалъ я.

Это сконфузило вошедшаго, и онъ растерялся. Я медленно одѣвался. Золъ я былъ страшно. И не на то золъ, что меня арестовали. Я зналъ, что меня арестуютъ и куда-нибудь засадятъ, это естественно вытекало изъ неудачи Корниловскаго предпріятія, изъ арестовъ солдатами офицеровъ и отсутствія какихъ бы то ни было распоряженій отъ Корнилова и Крымова. Если не распоряжается Корниловъ, то распоряжается Керенскій, и тогда мы «измѣнники» и намъ прямой путь въ петлю. Волноваться объ этомъ не стоило. То, что меня взяли черезъ комиссара и юнкера, а не солдаты, это было хорошо. Я могъ надѣяться, что обойдется безъ «эксцессовъ»,

что будетъ допросъ и какое-то подобіе суда, а если такъ, то обвинить меня не такъ-то легко. Исполнилъ приказъ — вотъ и все. Но злило меня то, что мнѣ не дали выспаться, что мнѣ придется идти на допросъ не въ полной ясности ума, что меня разбудили и доставили столько волненій и безпокойства тѣмъ милымъ хозяевамъ, которые меня такъ радушно пріютили. И потому я будировалъ. Умышленно медленно одѣваясь и умываясь, я ворчалъ:

— Хорошее воспитаніе для будущихъ офицеровъ — арестовывать своихъ генераловъ, говорилъ я. Вѣроятно вы очень боялись стараго безоружнаго генерала, что пригнали чуть не цѣлую роту юнкеровъ.

Уже надѣвши шинель и пристегнувши шашку съ револьверомъ, я спросилъ:

— А автомобиль у васъ есть?

— Нѣтъ, извините, автомобиля нѣтъ, растерянно отвѣтилъ молодой человѣкъ. По тону его голоса я понялъ, что вѣчно правильная тактика никогда не обороняться, но всегда наступать, возымѣли свое дѣйствіе, и юноша подавленъ мною.

— Я пѣшкомъ не пойду, сказалъ я, усаживаясь на диванѣ.

— Какъ же быть-то? пробормоталъ юноша. У меня есть извозчикъ.

— Шагомъ не поѣду. Пусть сзади бѣжитъ рота. Это будетъ красиво по крайней мѣрѣ.

Юнкера фыркали, давясь отъ смѣха.

Офицеръ, бывшій съ юнкерами, понялъ, что я издѣваюсь надъ молодымъ человѣкомъ и вступился за него.

— Я полагаю, сказалъ онъ, что вы можете отпустить нарядъ. Сопротивленія мы не встрѣтили.

— А вы ожидали, что весь корпусъ съ пушками и пулеметами станетъ мнѣ на защиту, одинъ былъ при мнѣ казакъ, да и тотъ прошмыгнулъ мимо васъ, какъ заяцъ, — съ горечью сказалъ я. Не тѣ времена, господа, теперь, чтобы генералы могли сопротивляться.

Было рѣшено, что мы поѣдемъ съ молодымъ человѣкомъ на извозчикѣ, а юнкера пойдутъ по домамъ. Во второмъ часу мы молча поѣхали по городу. Ѣхалъ вооруженный шашкой и револьверомъ генералъ и съ нимъ штатскій. Ничего подозрительнаго. Возвращались, можетъ быть, съ какой-нибудь пирушки. Городъ былъ тихъ и пустыненъ. Мы никого не встрѣтили. Если бы я хотѣлъ бѣжать, я могъ бы бѣжать сколько угодно. Но я бѣжать не хотѣлъ.

VIII

На допросѣ у комиссара

Знакомое зданіе корпуса. Помѣщеніе комиссаріата. Какъ я былъ недальновиденъ, что отказался отъ комфортабельной комнаты съ пружинной кроватью. Все было бы гораздо скорѣе, я успѣлъ бы выспаться и не пришлось бы ночью ѣхать на плохомъ извозчикѣ.

Почти пустая просторная казеннаго типа комната. Тускло горитъ электричество. У простѣнка между окнами небольшой столъ. За нимъ три

человѣка. Посерединѣ молодой человѣкъ, съ блѣднымъ, красивымъ, одухотворенным лицомъ, съ большими, возбужденными глазами. Маленькіе усы надъ правильнымъ ртомъ. Одѣтъ чисто въ форму поручика саперныхъ войскъ. Это, какъ я узналъ впослѣдствіи, поручикъ Станкевичъ, комиссаръ Сѣвернаго фронта и правая рука Керенскаго. Справа — маленькій, сгорбленный лохматый рыжій человѣкъ, въ рыжемъ пиджакѣ. Скомканная рыжая бороденка и усы, бѣгающіе рыжіе глазки — типичный революціонеръ, какъ ихъ описываютъ въ романахъ, какой-нибудь «товарищъ Миронъ», или «товарищъ Тарасъ» — вѣроятно въ свое время пострадалъ за убѣжденія. Но лицо умное и несмотря на всю свою некрасивость — симпатичное. Съ умными людьми всегда легче имѣть дѣло, подумалъ я. Это былъ помощникъ комиссара, Войтинскій, большевикъ, идейный человѣкъ, ставшій на защиту арміи отъ разрушенія. Я слышалъ про него много хорошаго. И, наконецъ, по лѣвую руку уже знакомый мнѣ вольноопредѣляющійся Савицкій. Этотъ пропизываетъ меня своими красивыми, черными глазами. Такъ и говоритъ: «Что, попался таки, голубчикъ!»

Справа, у стѣны, на диванѣ четыре человѣка, по костюму рабочіе. Лица тупыя, сѣрыя, безразличныя. Вѣроятно представители Псковскаго «исполкома». Весь трибуналъ на лицо.

Станкевичъ предложилъ мнѣ сѣсть. Начался допросъ. Почему я оказался въ эти тревожные дни въ Псковѣ? Отвѣтъ простъ: получилъ предписаніе вступить въ командованіе III-мъ конным корпусомъ и ѣхать его принимать. У меня и предписаніе съ собою.

— Почему именно васъ, а не кого-либо другого намѣтилъ Крымовъ, а потомъ Корниловъ на должность командира III-го корпуса, спросилъ Войтинскій.

— Корпусъ мнѣ хотѣли дать давно, еще весною. Генералъ Алексѣевъ выдвигалъ меня на корпусъ и я зналъ, что получу или IV-й, или III-й. — Третій освободился раньше, мнѣ его и дали.

— Не дали ли его вамъ по политическимъ убѣжденіямъ? вкрадчиво спросилъ меня Войтинскій.

— Я солдатъ, гордо сказалъ я, и стою внѣ политики. Лучшимъ доказательствомъ вамъ служитъ то, что я оставался до послѣдней минуты при убитомъ на моихъ глазахъ комиссарѣ Линде и старался его спасти. А комиссаръ Линде одинъ изъ крупныхъ виновниковъ революціи.

Меня попросили подробно разсказать о смерти Линде, о чемъ въ Псковѣ только-что узнали. Я разсказалъ все, чему былъ очевидцемъ.

Мой разсказъ расположилъ судей въ мою пользу. Они стали совѣщаться между собою.

— Знаете ли вы, сказалъ мнѣ Войтинскій, что Корниловъ арестованъ своими войсками и Керенскій вступилъ въ верховное командованіе.

— Это вѣрно?

— Я вамъ говорю.

Я посмотрѣлъ на Войтинскаго. Да, этотъ человѣкъ не лжетъ. Онъ можетъ заблуждаться въ своихъ политическихъ теоріяхъ, но въ фактахъ онъ лгать не будетъ.

— Генералъ Алексѣевъ принялъ на себя должность начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго, — продолжалъ Войтинскій.

— Это хорошо, сказалъ я. Генерала Алексѣева очень уважаютъ въ арміи.

— Вы видите, что вся эта авантюра, задуманная Корниловымъ, рухнула, сказалъ Станкевичъ, она пошла не на пользу, а во вредъ арміи. Въ частности въ III-мъ конномъ корпусѣ, считавшемся самымъ твердымъ, началось полное разложеніе. Необходимо теперь всѣмъ стать на работу и приняться за оздоровленіе арміи.

— Поздно, сказалъ я. Армія погибла. У насъ толпа опасная для насъ и безопасная для непріятеля.

Допросъ началъ принимать форму бесѣды. Я скоро понялъ, что Войтинскій и Станкевичъ на моей сторонѣ, обвинитель только одинъ — Савицкій, члены исполкома, какъ статисты въ плохомъ театрѣ дружно со всѣмъ соглашались.

Было рѣшено, что я дамъ подписку о томъ, что безъ вѣдома комиссара не выѣду изъ Пскова, и буду отпущенъ къ себѣ домой. Я написалъ эту записку. Вѣдь, оставаясь въ Псковѣ, я тѣмъ самымъ исполнялъ вторую часть приказа Корнилова, высказавшаго пожеланіе, чтобы побольше генераловъ было въ Псковѣ.

Станкевичъ былъ такъ любезенъ, что даже обѣщалъ послать моей женѣ телеграмму о томъ, что я живъ и здоровъ.

Въ третьемъ часу я вышелъ изъ комиссаріата и побрелъ пѣшкомъ отыскивать свою квартиру. Долго я бродилъ по мало знакомому мнѣ городу, пока наконецъ не нашелъ своего дома и не улегся продолжать спать уже при свѣтѣ наступающей зари.

На другой день, 31-го Августа, я былъ съ докладомъ о томъ, что произошло со мною ночью, у начальника штаба, генерала Вахрушева, а потомъ у и. об. главнокомандующаго Бончъ-Бруевича. Ни тотъ, ни другой не возмутились моимъ ночнымъ арестомъ.

— Что подѣлаете, сказалъ мнѣ своимъ грубымъ голосомъ Бончъ-Бруевичъ, бывшій на этотъ разъ одинъ безъ ассистента изъ комиссаріата. Вотъ вчера на улицѣ солдаты убили офицера за то, что онъ въ разговорѣ съ пріятелемъ сказалъ «совѣтъ собачьихъ и рачьихъ депутатовъ». И ничего не скажешь. Времена теперь такія. Ихъ власть. Я безъ нихъ ничего. И потому у меня порядокъ и красота. И дисциплина, какъ нигдѣ... Да, вы знаете, вѣдь Крымовъ-то вашъ — вчера застрѣлился.

— Какъ? спросилъ я.

— Въ Петроградѣ, у Керенскаго. Да! Вотъ какъ! Я его хорошо зналъ. Крутой былъ человѣкъ. А въ командованіе корпусомъ вы все-таки вступите, я переговорю съ генераломъ Алексѣевымъ по прямому проводу. Корпусъ надо успокоить. А васъ Донцы знаютъ...

На томъ мы и разстались, что я вступлю въ командованіе корпусомъ по полученіи разрѣшенія отъ Алексѣева, что корпусъ будетъ включенъ въ число войскъ сѣвернаго фронта и расквартированъ въ районѣ Пскова. Алексѣевъ отвѣтилъ приказомъ о допущеніи меня къ командованію корпусомъ и о подчиненіи корпуса главнокомандующему сѣвернымъ фронтомъ. Я пошелъ къ генералъ-квартирмейстру, генералу Лукирскому, чтобы намѣтить съ нимъ квартирные районы, написалъ приказъ корпусу о сосредоточеніи его къ Пскову и пошелъ къ помощнику начальника военныхъ сообщеній,

полковнику Карамышеву, чтобы съ нимъ вмѣстѣ распутать всѣ бродячіе эшелоны.

Штабу корпуса было отведено помѣщеніе въ квартирѣ смотрителя Псковской тюрьмы, гдѣ я вечеромъ того же дня и устроился вдвоемъ съ сотникомъ Генераловымъ — я и онъ — это былъ весь нашъ штабъ, а работы предстояло масса.

IX

Моральное состояніе III-го коннаго корпуса

Люди задумывали планы и планы эти казались имъ вполнѣ исполнимыми и великолѣпными, но вмѣшивалась судьба и разрушала всѣ эти планы и устраивала такъ, что результатъ того, что дѣлали люди, былъ совершенно обратенъ тому, чего они хотѣли достигнуть.

Крымовъ застрѣлился. Это неправда, что его будто бы убилъ на квартирѣ Керенскаго адъютантъ Керенскаго. Крымова всюду и вездѣ неотлучно сопровождалъ честнѣйшій и благороднѣйшій офицеръ подъесаулъ Кульгавовъ. Онъ мнѣ подробно доложилъ всѣ обстоятельства смерти Крымова и я не имѣю ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ правдивости его показанія. Да у Крымова, какъ у человѣка сильной воли, было слишкомъ много причинъ, чтобы покончить съ собою.

Разговоръ его съ Керенскимъ былъ очень сильный. Крымовъ кричалъ на Керенскаго, потомъ поѣхалъ къ Beau-frère'у Керенскаго, полковнику Барановскому, и у него прилегъ въ кабинетѣ на оттоманкѣ. Кульгавовъ былъ рядомъ въ комнатѣ. Никто не входилъ къ Крымову. Черезъ нѣкоторое время раздался выстрѣлъ. Кульгавовъ бросился въ комнату. Крымовъ лежалъ на оттоманкѣ смертельно раненый, револьверъ валялся на полу. Это не была инсценировка самоубійства, но само самоубійство. Черезъ нѣкоторое время Крымовъ скончался, и армія его, шедшая на Петроградъ, осталась безъ вождя.

Все разпалилось. Штабныя команды никого не признавали и не слушались. Начальникъ штаба, генералъ-маіоръ Солнышкинъ, слабый, безвольный человѣкъ, притомъ алкоголикъ, въ рѣшительныя минуты безнадежно напивавшійся, не могъ подобрать штаба. Начальникъ Уссурійской конной дивизіи, генералъ-маіоръ Губинъ былъ совершенно растерянъ. Почва ушла у него изъ-подъ ногъ и онъ не зналъ что дѣлать. Драгуны арестовали полковника Шипунова и большинство офицеровъ и ими правилъ, опираясь на комитетъ, его помощникъ, ловкій штабъ-офицеръ, надѣявшійся пройти, пользуясь смутой въ выборные командиры полка; въ Уссурійскомъ полку командиромъ былъ суетливый, но безтолковый полковникъ Пушковъ, въ остальныхъ полкахъ дивизіи командировъ не было, они были въ отсутствіи, а исправляющіе ихъ должность старались, какъ можно меньше дѣлать, руководствуясь тѣмъ мудрымъ правиломъ, что тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, тотъ не ошибается. Въ порядкѣ была только 1-ая Донская дивизія.

И вотъ, потянулись комитеты къ комиссарамъ. Я еще не успѣлъ вступить въ командованіе корпусомъ, какъ увидѣлъ желтые погоны Уссурійцевъ въ садикѣ кадетскаго корпуса и среди нихъ Войтинскаго, увидѣлъ

драгунъ съ ихъ предсѣдателемъ комитета юнымъ мальчикомъ, вольноопредѣляющимся Левицкимъ, толпящихся возлѣ Станкевича.

Le vin est tiré, il faut le boire.

Спасать Россію не пришлось. Передо мною стояла задача болѣе скромная — спасать офицеровъ, оздоровлять корпусъ, возстановлять въ немъ порядокъ, хотя бы настолько, чтобы корпусъ не былъ опасенъ для мирныхъ жителей. Это могли сдѣлать по тогдашнему состоянію корпуса только комиссары.

Я пошелъ къ Станкевичу и Войтинскому.

И Станкевичъ, и Войтинскій, и Савицкій, въ особенности первые два, съ полною отзывчивостью, скажу болѣе — сердечностью отнеслись къ этому деликатному дѣлу уговариванія солдатъ и казаковъ и примиренія ихъ съ офицерами. Войтинскій, разминая свою рыжую бороденку, цѣлыми часами говорилъ съ комитетами и делегатами отъ сотень и эскадроновъ и отвѣчалъ на самые дикіе вопросы. Ему несли жалобы не только на то, что когда-то было претерпѣно отъ офицеровъ, но даже на то, что они въ будущемъ могли потерпѣть. Казаки и солдаты торговались, добиваясь удаленія нѣкоторыхъ офицеровъ — и почти всегда лучшихъ, наиболѣе честныхъ и стойкихъ и возвышенія различныхъ интригановъ и воровъ. Войтинскій ихъ убѣждалъ, совѣтовался со мною и взаимными усиліями работою до поздней ночи мы достигли того, что части вернули своихъ начальниковъ и стали имъ повиноваться.

Одною изъ цѣлей похода Корнилова на Петроградъ было уничтожить комиссаровъ и комитеты, которые были всѣми признаны крайне вредными, ближайшимъ результатомъ неудачи похода было усиленіе комиссаровъ и поднятіе значенія комитетовъ, признаніе самими начальниками ихъ необходимости. Я съ самаго начала революціи боролся противъ комитетовъ, низводя ихъ на степень только хозяйственнаго контроля, артели, кооператива для закупокъ, и первый комиссаръ, котораго я увидалъ былъ Линде — теперь мнѣ пришлось цѣлыми днями бесѣдовать съ комитетами и быть частымъ гостемъ у комиссара и его помощника и это было вызвано дѣйствительною необходимостью.

Но былъ результатъ и гораздо худшій. Неудача Крымова подняла большевиковъ и усилила ихъ позицію въ Петроградскомъ Совѣтѣ и не прошло и трехъ дней послѣ того, какъ Керенскій взялъ на себя бразды правленія въ арміи и флотѣ, какъ онъ почуялъ болѣе сильную опасность слѣва — со стороны большевиковъ. «Завоеваніямъ революціи» угрожали не правые круги, притихшіе и подавленные подъ солдатскимъ терроромъ, а анархія и большевизмъ. Какъ ни странно это было, но за первою помощью Керенскій обратился къ тому самому III-му конному корпусу, который шелъ арестовать его.

1-го Сентября къ Пскову собрались Приморскій драгунскій и Уссурійскій казачій полки и стали разгружаться и расходиться по деревнямъ; драгуны въ большомъ порядкѣ, уссурійцы въ порядкѣ относительномъ. Всѣ остальныя части были повернуты обратно и направлены на Псковъ, а 2-го Сентября въ 8 часовъ вечера за мною экстренно пріѣхалъ адъютантъ начальника штаба фронта и повезъ меня въ штабъ. Мнѣ передали шифрованную телеграмму отъ Верховнаго Главнокомандующаго Керенскаго о томъ, что въ виду возможности высадки нѣмцевъ въ Финляндіи и безпорядковъ

тамъ, необходимо сосредоточить 1-ю Донскую дивизію въ районѣ Павловскъ —Царское, штабъ въ Царскомъ, а Уссурійскую дивизію въ Гатчино—Петергофѣ, штабъ въ Петергофѣ.

Каждый изъ насъ, уже по самой дислокаціи корпуса, понималъ, что безпорядки въ Финляндіи и высадка нѣмцевъ это тотъ фиговый листокъ, которымъ прикрывались настроенія Смольнаго института и открытая пропаганда Ленина въ войскахъ Петроградскаго гарнизона.

Я былъ въ отчаяніи. Только-что сдѣланная работа успокоенія разрушалась. Кто повѣритъ, что ожидается высадка нѣмцевъ? — скажутъ: опять контръ-революція, опять измѣна. Вся надежда была на подпись Керенскаго и на комиссаровъ. И дѣйствительно Керенскому повѣрили, а Войтинскому и Станкевичу удалось уговорить полки, что приказъ надо исполнить. Но, конечно, главное было то, что никто ни оружіемъ, ни словами не мѣшалъ намъ въ походѣ — большевики еще не были готовы. Къ 6-му Сентября корпусъ сосредоточился на указанныхъ ему мѣстахъ.

X

Петроградскія настроенія

Въ революціонномъ Петроградѣ и его воинскихъ учрежденіяхъ я былъ первый разъ. 4-го Сентября я пріѣхалъ со штабомъ въ Царское Село и въ часъ дня являлся Главнокомандующему Петроградскимъ военнымъ округомъ. Таковымъ оказался мой старый знакомый по Л. Гв. Измайловскому полку, генералъ-маіоръ Тепловъ. Эта милѣйшая личность, гуманнѣйшій человѣкъ, любитель литературы, изящныхъ искусствъ, поэзіи, совсѣмъ не военный, всегда отличавшійся либеральными взглядами, былъ схваченъ Керенскимъ и посаженъ на мѣсто Главнокомандующаго. Главнокомандующимъ онъ кажется былъ всего пять дней.

26 лѣтъ я прослужилъ въ войскахъ гвардіи и Петроградскаго округа. Я помню округъ при великомъ князѣ Владимірѣ Александровичѣ и я бывалъ въ штабѣ, когда начальникомъ штаба былъ Бобриковъ. Съ представленіемъ о штабѣ была связана извѣстная таинственность, серьезность, почти святость учрежденія. Важный швейцаръ, безупречная чистота прихожей и лѣстницы, тишина въ величественной пріемной, гдѣ висятъ портреты бывшихъ командующихъ войсками. Солидные посѣтители — генералы въ орденахъ и лентахъ, почтенныя вдовы, рѣдко штатскій, да и тотъ во фракѣ или вицъ-мундирѣ какого-либо вѣдомства.

Теперь у подъѣзда, во образѣ часовыхъ, стояло два юнкера 1-го военнаго Павловскаго училища. Я самъ окончилъ Павловское училище и былъ фельдфебелемъ роты Его Величества и потому знаю, что такое былъ юнкеръ Павловскаго училища на часахъ. Душевно — онъ священнодѣйствовалъ, тѣлесно это была прекрасно отдѣланная статуя, неподвижно замершая на своемъ посту — лѣпи съ него модель, или пиши картину.

Теперь у подъѣзда болтались, разговаривая и пересмѣиваясь, два молодыхъ человѣка, длинноволосыхъ, растрепанныхъ, небрежно, мѣшковато одѣтыхъ въ шинели съ священными для меня погонами Павловскаго училища. Было больно смотрѣть на нихъ. Да — демократизація арміи совершилась — она началась вотъ здѣсь, у этого строгаго зданія

Александровской эпохи, а окончилось подъ Тарнополемъ и Ригой, убійствомъ Линде и теперешнимъ моимъ положеніемъ корпуснаго уговаривателя...

Тотъ же швейцаръ, но растерянный, недоумѣвающій, не знающій что дѣлать. Онъ сидѣлъ въ углу у вѣшалки заваленной сотнями пальто и уже никому не помогалъ ни раздѣваться, ни одѣваться. Меня онъ узналъ и только безнадежно махнулъ рукой. По лѣстницѣ непрерывное движеніе вверхъ и внизъ солдатъ и молодыхъ людей, то по одиночкѣ, то группами, грязно, небрежно одѣтыхъ. Лѣстница и пріемная заплеваны и засыпаны съмечками. Каждый идетъ, куда ему угодно, на дверяхъ наклеены бумажки съ небрежно сдѣланными надписями, что за ними и, конечно, на первомъ планѣ — «политическій комиссаръ».

Въ пріемной, на меня, одѣтаго по формѣ, при походной амуниціи смотрѣли, какъ на чучело. Сюда каждый являлся по товарищески въ разстегнутой рубахѣ, безъ пояса, а многіе уже и безъ погонъ. Демократизація арміи завершила свой кругъ и подходила къ большевизму.

Тепловъ меня сейчасъ же принялъ. Въ его добрыхъ глазахъ стояли слезы. Большая борода посѣдѣла и была растрепана.

— Да, вотъ въ какомъ видѣ вы меня видите, сказалъ онъ. — А штабъ-то! Помните?..

Портреты начальниковъ штабовъ былой эпохи грозно смотрѣли на насъ со стѣнъ. Казалось ихъ души были съ нами и возмущенно шептались кругомъ. Въ громадныя окна глядѣлъ чудный сентябрьскій день и Александровская колонна съ Ангеломъ мира, осіянная солнцемъ. Тѣни прошлыхъ великолѣпныхъ парадовъ, бывшихъ на этой площади тѣснились въ воспоминаніи и надо всѣмъ лежала печать томительной и безысходной грусти. Тутъ, больше чѣмъ гдѣ-либо, понялъ я, что мы дошли до конца и дальше идти уже некуда. Дальше — пропасть.

— Какія указанія я вамъ могу дать? — говорилъ Тепловъ. Я здѣсь халифъ на часъ. Можетъ быть, завтра уже меня не будетъ. Скажу одно — идетъ борьба за власть. Съ одной стороны Керенскій, который все-таки хочетъ добра Россіи и хочетъ ее съ честью вывести изъ тяжелаго положенія — но подлѣ него никого, — съ другой, совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, которымъ уже овладѣли большевики съ Ленинымъ и который становится все болѣе и болѣе популярнымъ среди Петроградскаго гарнизона. Вы вызваны для борьбы противъ него, а сможете ли вы бороться?.. Да... тяжелыя времена!.. Но помочь, ничѣмъ не могу. Я... вѣдь до завтра.

Тепловъ и «до завтра» не досидѣлъ на своемъ посту. Въ тотъ же день изъ вечерней газеты я узналъ, что Керенскій отставилъ его и на его мѣсто назначилъ командовавшаго въ моемъ же корпусѣ 1-мъ Амурскимъ казачьимъ полкомъ генеральнаго штаба полковника Полковникова.

Полковниковъ — продуктъ новаго времени. Это типъ тѣхъ офицеровъ, которые дѣлали революцію ради карьеры, летѣли, какъ бабочки на огонь и сгорали въ ней безъ остатка. Въ японскую войну 1905 года — это двадцатидвухлѣтній офицеръ, донской артиллеристъ, пропикнутый священнымъ пыломъ войны и жаждой славы. Онъ прекрасно и лихо работаетъ съ казаками. Послѣ войны — академія генеральнаго штаба; дальнѣйшая карьера идетъ гладко и къ 1917 году онъ командиръ 1-го Амурскаго полка — чуть-что не выборный, пользующійся большою популярностью среди

казаковъ. Походъ Крымова. Полковниковъ чуетъ своимъ хитрымъ сердцемъ, что солдаты и казаки колеблются, отрывается отъ полка и мчится въ Петроградъ къ Керенскому.

34-хлѣтній полковникъ становится главнокомандующимъ важнѣйшаго въ политическомъ отношеніи округа съ почти 200.000-ною арміею. Тутъ начинается метаніе между Керенскимъ и Совѣтомъ и вѣрность постольку-поскольку. Полковниковъ помогаетъ большевикамъ создать движеніе противъ Правительства, но потомъ ведетъ юнкеровъ противъ большевиковъ. Много дѣтской крови взялъ на себя онъ... И въ концѣ концовъ, Полковниковъ въ Мартѣ 1918 года звѣрски повѣшенъ большевиками на Дону, въ Задонской степи, на зимовникѣ Безуглова.

Но теперь — Полковниковъ, объ измѣнѣ котораго Корнилову зналъ весь корпусъ, становится начальникомъ и распорядителемъ корпуса. Полковникову приходилось докладывать секретные планы и совѣщаться съ нимъ о работѣ, не зная, съ кѣмъ онъ идетъ — съ большевиками, или противъ нихъ!

Керенскій, взявши на себя управленіе арміей, на первыхъ же шагахъ своей дѣятельности запутался до крайности. 30-го Августа его начальникъ штаба, генералъ Алексѣевъ, подтвердилъ мое назначеніе на постъ командующаго III-мъ конным корпусомъ. Керенскій одобрилъ это, отдавалъ мнѣ приказанія, а 9-го Сентября, не смѣняя меня, допустилъ къ командованію тѣмъ же корпусомъ начальника 7-й кавалерійской дивизій, барона Врангеля.

Растеряиный, истеричный, ничего не понимающій въ военномъ дѣлѣ, не знающій личнаго состава войскъ, не имѣющій никакихъ связей и въ то же время не любящій съ кѣмъ бы то ни было совѣтоваться, Керенскій кидался къ тѣмъ, кто къ нему приходилъ. Врангель случайно пріѣхалъ въ эту минуту въ Ставку. Керенскій зналъ, что Крымовъ застрѣлился, что корпусъ въ Петроградѣ и предложилъ Врангелю корпусъ, не думая обо мнѣ. Меня это только развязывало. Я подалъ рѣшительно въ отставку. Но тутъ ввязались въ дѣло казачьи комитеты. Они уже почуяли власть, притомъ въ Донской дивизіи я былъ любимъ, а Уссурійская начинала любить меня — комитеты явились къ Керенскому и потребовали, чтобы я остался командиромъ корпуса, потому что я казакъ и корпусъ казачій, а баронъ Врангель нѣмецъ. Керенскій сейчасъ же согласился съ комитетами, и меня оставили, а Врангелю стали искать другой корпусъ, чтобы онъ не обидѣлся.

Во главѣ военнаго министерства былъ поставленъ Верховскій — революціонный пажъ. Въ бытность въ Пажскомъ корпусѣ за какую-то продѣлку, показавшуюся корпусному начальству слишкомъ либеральной, Верховскій былъ отправленъ рядовымъ въ Туркестанъ. Тамъ былъ произведенъ въ офицеры и кончилъ академію Генеральнаго штаба. Репутація либерала и революціонера осталась за нимъ. Верховскій былъ водворенъ на Мойку въ домъ военнаго министра. Онъ рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать, и пошелъ по самой модной линіи. Пріемная его наполнилась солдатами, делегатами и депутатами, онъ проводилъ, выслушивая ихъ, цѣлыя дни, начиная пріемъ съ 8-ми часовъ утра. Когда я былъ у него со своей отставкой 18-го Сентября — ему представлялись какіе-то представители новаго, не то Польскаго, не то Украинскаго корпуса, бравые молодцы,

одѣтые въ опереточную форму съ малиновыми и голубыми лампасами на черныхъ рейтузахъ.

— Не правда ли, хорошо? Не правда ли, красиво? — говорили они мнѣ, охорашиваясь передъ тѣмъ, какъ войти въ кабинетъ министра.

Что же дала намъ революція въ смыслѣ правильныхъ назначеній на командныя должности и выдвиганія истинныхъ талантовъ? Прежде всего, новые правители стремились омолодить армію, выбить изъ нее старый режимъ и контръ-революцію и посадить людей, сочувствующихъ революціи и новымъ порядкамъ. Но свелось это къ тому, что стройная, можетъ быть, не всегда правильная и справедливая, но все-таки система назначеній по кандидатскому списку строго продуманному, послѣ самаго серьезнаго и тщательнаго разсмотрѣнія аттестацій, составленныхъ цѣлымъ рядомъ начальниковъ, смѣшилась чисто случайными назначеніями и самымъ неприличнымъ протекціонизмомъ. Всюду вылѣзали впередъ самые злокачественные «ловчилы», которые тянули за собою другихъ такихъ же и грязь и муть поднимались со дна арміи. Каждый начальникъ быстро понялъ характеръ Керенскаго и истеричность его натуры и многіе стали проталкиваться впередъ, валя тѣхъ, кто стоялъ по пути. Всякое средство было хорошо, всякая протекція годилась. Даже совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ было хорошее и, пожалуй, самое вѣрное средство занять высокое положеніе. Немудрено, что Верховскій и Полковниковъ протолкались впередъ.

Мнѣ нужно было смѣнить начальника Уссурійской дивизіи, который слишкомъ палъ духомъ и подпалъ подъ вліяніе комитета, и дивизіей фактически командовалъ его начальникъ штаба и предсѣдатель дивизіоннаго комитета, ловкій мальчишка, вольноопредѣляющійся Левицкій. Но Губинъ цѣплялся за мѣсто и ѣздилъ къ Керенскому, отстаивая свое право.

Въ трехъ полкахъ Уссурійской дивизіи не было командировъ, хорошій командиръ полка 1-й Донской дивизіи, войсковой старшина Бочаровъ не былъ утвержденъ въ должности. Мои ходатайства, мои просьбы и рапорты о назначеніяхъ валялись безъ отвѣта и все это не способствовало укрѣпленію порядка въ частяхъ корпуса.

У Керенскаго не было для его поста главнаго — воли. Не было власти — настоящей власти, а не позированія на власть; и подъ его командованіемъ армія, разрушенная снизу, въ корнѣ подточенная революціей — гибла сверху.

Есть такая скверная поговорка — «рыба съ головы воняетъ» — и вотъ въ эти-то дни тяжелый смертный духъ потянулъ отъ арміи, отъ тѣхъ начальниковъ, которые въ лучшемъ случаѣ ничего не дѣлали, въ худшемъ — работали на два фронта: и Временному Правительству, и большевикамъ.

Не хочется, да можетъ быть и не нужно — судьба все равно сурово покарала ихъ разстрѣлами, нищетой, эмиграптствомъ заграницей, — не хочется называть фамилій, но сколько людей въ это время уподобились той старушкѣ, которая стоя передъ изображеніемъ страшнаго суда, гдѣ были нарисованы ангелы въ раю и черти въ аду ставили двѣ свѣчи — одну ангелу, другую діаволу, ибо неизвѣстно куда попадешь, въ рай или въ адъ. Такъ и эти начальники кланялись и забѣгали, и возили свои доклады Керенскому и — въ Совѣтъ, на

всякій случай, а что изъ этого выходило — то будетъ видно изъ дальнѣйшаго.

Керенскаго за все время я ни разу не видалъ. Онъ меня къ себѣ не требовалъ, а мнѣ не за чѣмъ было идти къ нему. Чѣмъ онъ могъ мнѣ помочь? Съ меня довольно было и комиссаровъ. Я зналъ, что онъ мнѣ не довѣрялъ, потому что я былъ старорежимный генералъ и не скрывалъ своего отвращенія къ новымъ порядкамъ.

XI

Работа въ корпусѣ

Но, что бы ни было на душѣ, работать было нужно и работать, не покладая рукъ. Жизнь этого требовала.

Керенскій правильно учелъ значеніе присутствія III-го коннаго корпуса подъ Петроградомъ. Совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ присмирѣлъ. Царскосельскій гарнизонъ, когда кругомъ стали Донцы, измѣнился до смѣшного. Солдаты начали чисто одѣваться и отдавать честь офицерамъ. Все это сдѣлало только то, что появились нерасхлюстанныя части, что у воротъ дворца великой княгини Маріи Павловны стоялъ чисто одѣтый часовой, который не лущилъ сѣмечекъ, казаки праздно не шатались по городу, а тѣ, кто появлялся на улицахъ, были чисто одѣты и отдавали щеголевато честь офицерамъ. Одна внѣшность уже вліяла оздоровляющимъ образомъ, надо было поддержать ее и воспитать снова офицеровъ и казаковъ.

Какъ и на Юго-Западномъ фронтѣ, и здѣсь интендантство Петроградскаго военнаго округа широко пошло мнѣ на помощь. Удалось получить даже сѣросиніе шаровары, о которыхъ такъ мечтали казаки. Я опять началъ съ матерьяльнаго, съ одежды и кухонь, но не оставлялъ и моральнаго воздѣйствія на части.

6-го Сентября начальники дивизій донесли мнѣ о томъ, что полки собраны и расквартированы въ указанныхъ имъ районахъ. 7-го числа въ 10 часовъ утра я былъ въ Пулковѣ въ районѣ расположенія 9-го и 10-го Донскихъ казачьихъ полковъ. Въ просторной сельской школѣ были собраны всѣ офицеры и большая часть урядниковъ полковъ. Прибыло много казаковъ, моихъ старыхъ сослуживцевъ, для того, чтобы посмотрѣть на меня.

Я коротко и совершенно откровенно разсказалъ офицерамъ и казакамъ обстановку. Я не скрывалъ отъ нихъ, что цѣль нашего присутствія въ Петроградѣ не столько угроза нѣмецкой высадки, сколько страшная темная работа большевиковъ, стремящихся захватить власть въ свои руки.

Дорогія мнѣ лица окружали меня. Я видѣлъ пламенные, восторженные взгляды моихъ соратниковъ подъ Бѣлжецемъ, Комаровымъ, Незвиской, Залещиками и многихъ, многихъ дѣлахъ. Я чувствовалъ, что среди нихъ я свой.

Я кончилъ.

— Ваше превосходительство! — раздались гуломъ голоса, не извольте ни о чемъ безпокоиться. Мы — Корниловцы! Велите — и мы вамъ Керенскаго самого предоставимъ. Мы понимаемъ, гдѣ порядокъ.

Я тронулся къ выходу. Толпа меня провожала. Старый бригадный командиръ, полковникъ Толоконниковъ, съ краснымъ лицомъ, длинными сѣдыми усами и сѣдою бородою, со слезами на выцвѣтшихъ блѣдно-сѣрыхъ глазахъ поднялъ руку и остановилъ потокъ голосовъ. «Неужели рѣчь? — подумалъ я, какъ это было бы безтактно и неумѣстно».

Но онъ, въ наступившей тишинѣ, произнесъ вѣрнымъ голосомъ первое слово Донского гимна-пѣсни. И всѣ офицеры и казаки, не сговариваясь, дружно грянули:

Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихій Донъ,
И послушно отозвался
На призывъ Монарха онъ...

Всѣ сняли фуражки. Такъ подъ могучіе напѣвы этой пѣсни я сѣлъ въ автомобиль и съ нею въ сердцѣ и въ душѣ уѣхалъ изъ Пулкова въ Петроградъ въ штабъ округа, къ полковнику Полковникову.

Ну, эти, — думалъ я про казаковъ 9-го и 10-го полковъ, надежны. Эти не подведутъ — и рѣшилъ имѣть ихъ, какъ свой послѣдній резервъ.

Въ 5 часовъ дня того же 7-го Сентября я говорилъ въ Павловскѣ съ офицерами и представителями 13-го и 15-го Донскихъ казачьихъ полковъ. Слушали внимательно, но настроеніе было не то. Не было общаго сліянія и единой мысли. Производство Керенскимъ двухъ казаковъ-измѣнниковъ въ хорунжіе возымѣло свои дѣйствія. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ я говорилъ о томъ, что самочинные совѣты солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ мѣшаютъ работѣ правительства и ведутъ страну къ внутреннимъ потрясеніямъ и пролитію крови, что это только жажда власти и неприличная борьба за власть, кто-то сзади крикнулъ по-митинговому: — «неправда». Крикнувшаго сейчасъ же вытолкали сами казаки вонъ изъ помѣщенія, но впечатлѣніе рѣчи было потеряно. Я остался послѣ сообщенія и долго бесѣдовалъ съ офицерами и казаками. Здѣсь были аресты казаками офицеровъ, довѣріе было утеряно и тутъ надо было поработать и привести части въ порядокъ. Но командиры полковъ, полковники М. М. Ивановъ и Ситниковъ были мнѣ хорошо извѣстны, какъ доблестные офицеры, и они ручались, что не отстанутъ отъ 1-й бригады Толоконникова.

8-го Сентября я читалъ это же сообщеніе въ Гатчинѣ офицерамъ и представителямъ Уссурійскаго и Амурскаго полковъ и Уссурійскаго дивизіона. Сообщеніе дѣлалось въ громадномъ залѣ одной изъ Гатчинскихъ казармъ, приспособленномъ послѣ революціи для спектаклей; говорить пришлось со сцены и это, конечно, умаляло значеніе сообщенія начальника. Кромѣ того въ залъ набралось много постороннихъ солдатъ Гатчинской автомобильной школы. Несмотря на это, бесѣда прошла гладко. Оставшись потомъ съ офицерами, я съ грустью убѣдился, что здѣсь опасность угрожаетъ именно отъ офицеровъ. Большинство были безнадежно сѣры по своему образованію и воспитанію. Они нисколько не возвышались надъ рядовыми казаками, во многихъ отношеніяхъ были ниже ихъ. Но, главное, они не любили казаковъ. Возвысившись надъ ними дешевою цѣною четырехмѣсячныхъ курсовъ, или угодливостью передъ начальниками, они сторонились отъ казаковъ и тѣ отвѣчали имъ презрѣніемъ. При обходѣ мною помѣщеній, занятыхъ полками, я всюду видѣлъ грязь,

неряшливость и запущенность. Въ Амурскомъ полку нѣсколько казаковъ не имѣли сапогъ, бѣлье было заношено, шаровары и рубахи порваны. Маленькія монгольскія лошадки ихъ стояли понурившись, нечищенныя и некормленныя. На все отвѣтъ одинъ: Нѣтъ, не получали, не добились...

Здѣсь работа нужна была громадная, а работать было некому. Командира бригады не было. Командиръ Уссурійскаго полка, полковникъ Пушковъ, былъ не казакъ и не сумѣлъ сойтись ни съ офицерами, ни съ казаками, командиръ Амурскаго полка, Полковниковъ, милостью Керенскаго командовалъ всѣми нами, а вмѣсто него въ полку былъ штабъ-офицеръ, который для виду занимался широкой политикой отдѣленія Амурскихъ казаковъ отъ Россіи. Нѣсколько лучше былъ Уссурійскій дивизіонъ.

Вечеромъ я былъ въ Петергофѣ въ манежѣ Конногренадерскаго полка, по революціонной модѣ обращенномъ въ театръ-кабарэ, кинематографъ и еще какую-то пакость. Командиръ Приморскаго полка перестарался и, воспользовавшись громадностью помѣщенія, нагналъ весь полкъ. При моемъ приходѣ никто не всталъ, а командиръ полка не скомандовалъ «встать» и пришлось это скомандовать самому. Между какихъ-то павильоновъ и пестрыхъ кіосковъ толпились солдаты Приморскаго и казаки Перчинскаго полковъ. На лицахъ въ большинствѣ — тупая скука, но у нѣкоторыхъ раздраженное любопытство съ примѣсью злорадства. Говорить опять пришлось съ эстрады. Поднявшись на нее, увидалъ, что въ манежѣ немало посторонняго элемента. Какіе-то штатскіе, какія-то дамы. Попросилъ удалиться. Ушли не безъ протеста, да могли и не уйти. Наступалъ вечеръ, въ углахъ манежа клубились сумерки. Бесѣда потеряла характеръ интимности. Вмѣсто яркихъ, выпуклыхъ фактовъ пришлось говорить общими мѣстами. Когда я началъ говорить о необходимости строевыхъ занятій и о томъ, какъ ихъ вести, чтобы заинтересовать солдата — большинство солдатъ демонстративно встало и начало уходить. Пришлось прикрикнуть на нихъ и заставить вернуться. Привычка къ митингамъ выявляла себя. Послѣ бесѣды раздались аплодисменты, а изъ темныхъ угловъ крики «долой» и свистки. Командиръ Приморскаго полка завѣрялъ меня, что это кричали не драгуны, а посторонніе, жаловался на то, что съ послѣднимъ пополненіемъ ему прислали развращенныхъ солдатъ, настоящихъ большевиковъ. Было уже темно, когда я сквозь густую толпу солдатъ проходилъ къ автомобилю. Однако враждебнаго отношенія къ себѣ не замѣтилъ. Старались не толкаться. Изъ толпы я выѣхалъ въ полной тишинѣ.

Гадко, склизко и противно было на душѣ, когда я вернулся. Строилъ планы работы, какъ оздоровить весь этотъ матеріалъ и всюду натыкался на одно главное препятствіе — не было офицеровъ. Офицеры — даже и лучшіе, кадровые, ушли отъ солдатъ, какъ солдаты ушли отъ офицеровъ. Испытавши униженіе ареста они уже боялись своихъ солдатъ и не вѣрили имъ.

Раньше мы говорили офицерамъ: станьте ближе къ солдату, не отходите отъ него, и офицеръ самоотверженно шелъ въ солдатскую землянку и былъ все время съ солдатомъ. Они повѣряли другъ другу свои думы, вмѣстѣ мечтали о славѣ, о наградѣ, о подвигахъ, объ отдыхѣ, о возвращеніи домой послѣ побѣды. Вмѣстѣ пѣли свои хорошія солдатскія пѣсни.

Какъ я скажу теперь офицеру: станьте ближе къ солдату, когда

тихой бесѣды быть не могло? Злобно отворачивались сѣрые глаза солдата отъ офицера и на кроткую бесѣду слышался дикій выкрикъ: «Га — мало кровушки нашей попили»...

Стѣна стояла между ними. Военнаго братства не было и надо было его вернуть. Конечно не спектаклями и кинематографами, а старою пѣснею, общими ученьями и маневрами...

Таковы были планы, таково было тяжелое мучительное настроеніе на душѣ въ эти сентябрьскіе дни, когда я даже не зналъ хорошенько, я, или баронъ Врангель, командуетъ III-мъ конпымъ корпусомъ.

XII

Отношеніе къ корпусу наверху

Въ серединѣ Сентября, ближе ознакомившись съ Петроградскими настроеніями и съ составомъ своего корпуса, я составилъ докладъ, въ которомъ указывалъ на необходимость въ противовѣсъ совѣту солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, Петроградскому гарнизону и вооруженнымъ рабочимъ для поддержки правительства и обезпеченья правильныхъ и спокойныхъ выборовъ въ Учредительное Собраніе и самой работы Учредительнаго Собранія сосредоточить въ ближайшихъ окрестностяхъ Петрограда очень надежную конную часть съ большою артиллеріею, причемъ одну треть по очереди держать въ самомъ Петроградѣ. Сдѣлавши характеристику III-му конному корпусу, я предлагалъ: Уссурійскую дивизію, какъ мало надежную, убрать въ другое мѣсто. Вмѣсто нее въ корпусъ влить гвардейскую казачью и 2-ю казачью сводную дивизію; гвардейцевъ поставить въ ихъ постоянныхъ казармахъ, гдѣ они по привычкѣ перешли бы на мирное положеніе и возстановили бы внутренній порядокъ. Гвардейскимъ офицерамъ хорошо была знакома вся тактика городской войны и Петроградъ былъ имъ извѣстенъ до мелочей. Революціонные же казачьи полки 1-й, 4-й и 14-й отправить на Донъ, гдѣ они несомнѣнно оздоровѣли бы, соприкоснувшись со своими родителями.

Но кому я отдамъ этотъ докладъ?

По закону, я долженъ былъ представить его по командѣ — Полковникову.

А былъ я увѣренъ въ томъ, что Полковниковъ идетъ заодно съ правительствомъ, а не противъ него?

Былъ ли я увѣренъ въ самомъ Керенскомъ? По чистой совѣсти отвѣчу — нѣтъ.

Планъ былъ созданъ, разсмотрѣнъ съ начальникомъ 1-й Донской казачьей дивизіи, съ начальникомъ штаба и штабъ-офицеромъ генеральнаго штаба, всѣми одобренъ, его надо приводить въ исполненіе и приводить въ исполненіе спѣшно, потому что выборы не за горами, власти у меня для этого нѣтъ, а тѣмъ, у кого власть — я не вѣрю.

Пойти по старому пути къ комиссарамъ? — Но Войтинскаго и Станкевича, которымъ я вѣрилъ, что они не съ большевиками, здѣсь не было, это ихъ не касалось, а комиссаръ Петроградскаго округа, капитанъ Кузьминъ, произвелъ на меня отталкивающее впечатлѣніе очень хитраго человѣка, глубоко конспиративнаго, неизвѣстно къ чему стремящагося.

Я не политикъ и рѣшилъ идти прямымъ солдатскимъ путемъ. 16-го сентября я поѣхалъ къ Полковникому и доложилъ ему на словахъ, а потомъ передалъ и письменный докладъ. Съ его стороны я встрѣтилъ полное сочувствіе этому и мнѣ показалось, что мои подозрѣнія напрасны и что онъ въ полной мѣрѣ воспринялъ мою точку зрѣнія. Онъ обѣщалъ очень осторожно нащупать Керенскаго и сдѣлать ему объ этомъ докладъ.

— Съ Черемисовымъ (главнокомандующимъ Сѣвернаго фронта) сказалъ онъ, говорить не стоитъ. Я уже имѣю приказаніе передать корпусъ ему и отправить васъ въ районъ г. Острова, гдѣ онъ войдетъ въ V-ю армію и будетъ считаться въ резервѣ Главнокомандующаго. Но это надо разстроить. Они думаютъ только о себѣ, а не о Россіи.

Тѣмъ не менѣе вернувшись въ штабъ корпуса въ Царское Село, я нашелъ приказаніе приступить къ перевозкѣ корпуса въ районъ Острова, и отдалъ объ этомъ распоряженія.

Но повидимому Полковниковъ все-таки попытался бороться за оставленіе III-го коннаго корпуса подъ Петроградомъ. Прошла недѣля, а мы не могли добиться эшелоновъ для спѣшной перевозки корпуса. Шла какая-то невидимая борьба. Въ штабѣ округа мнѣ передавали, что Совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ очень недоволенъ присутствіемъ корпуса въ Царскомъ Селѣ и настаиваетъ, чтобы его убрали подальше.

Ну — подумалъ я — если Совѣтъ этого хочетъ, Керенскій непремѣнно это сдѣлаетъ, а потомъ будетъ каяться. Но будетъ поздно.

Такъ и вышло. 26-го Сентября пришло категорическое приказаніе идти къ Острову и къ 28-му Сентября всѣ части корпуса сосредоточились въ районѣ Острова по деревнямъ.

28-го Сентября я представлялся въ Псковѣ главнокомандующему Сѣвернымъ фронтомъ, Черемисову. Въ ожиданіи пріема присматривался къ обстановкѣ. Адъютантъ съ громкой еврейской фамиліей представителей богатаго еврейскаго міра держался небрежно, свысока третируя меня и моего хорошаго знакомаго генерала Я. Д. Юзефовича, только-что назначеннаго командующимъ XII-й Арміей. У вѣстового въ рукахъ большевистская газета «Окопная правда». Изъ бесѣды съ Черемисовымъ выяснилъ, что онъ очень считается съ мѣстнымъ совѣтомъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ и большой сторонникъ демократизаціи арміи. Понялъ, что мнѣ съ нимъ не по пути. Передъ тѣмъ, какъ ѣхать изъ Пскова, зашелъ къ комиссару Станкевичу. Этотъ молодой человѣкъ мнѣ больше нравился. Онъ-то хотя былъ искрененъ, и если мы и были разныхъ понятій, то я зналъ, что онъ честно хотѣлъ спасенія арміи и Россіи. Поговорили по душѣ о занятіяхъ и о необходимости перетасовать командный составъ корпуса.

На другой день, 29-го Сентября, ко мнѣ прибылъ молодой офицеръ съ университетскимъ значкомъ, отрекомендовавшійся поручикомъ Л. Гв. Егерскаго полка, Матушевскимъ, членомъ Исполнительнаго Комитета Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Онъ прибылъ съ бумагами изъ Ставки, предлагающими допустить его до ознакомленія съ корпусомъ.

Итакъ новая, побочная власть, знаменитый исполкомъ уже заинтересовался корпусомъ. Изъ разговора съ нимъ я понялъ, что моя докладная записка не секретъ для него.

Кто же сообщилъ? Полковниковъ или Керенскій? Или оба вмѣстѣ? Или записка забѣжала по пути въ исполкомъ, и исполкомъ обезпокоился.

Матушевскій пріѣхалъ съ самыми хорошими намѣреніями. Онъ слышалъ о томъ непримиримомъ отношеніи къ офицерамъ, которое существуетъ среди командъ штаба корпуса, онъ пріѣхалъ примирить и отъ имени совѣта, который пользуется исключительнымъ вліяніемъ на солдатъ поговорить съ корпуснымъ комитетомъ.

Надо было выгнать его. Но выгнать его — это окончательно порвать тѣ тонкія нити, которыми я только-что связывался со штабными командами. Рѣшили устроить засѣданіе штабного комитета, но въ своемъ присутствіи.

Вечеромъ я пришелъ въ засѣданіе, но оказалось, что Матушевскій забѣжалъ раньше меня и я засталъ не бесѣду, но форменный солдатскій митингъ со страстными рѣчами, съ криками «правильно» и «долой».

Однако при мнѣ всѣ затихли.

Предсѣдательствовалъ предсѣдатель комитета, солдатъ Соловьевъ, желчный, болѣзненный человѣкъ изъ Петербургскихъ мастеровыхъ, очень не глупый, съ которымъ даже пріятно было говорить съ глазу на глазъ, настолько вѣрно понималъ онъ всю нашу разруху и настолько искренно скорбѣлъ о прошломъ. Но онъ ненавидѣлъ офицеровъ всѣми фибрами своей души, ненавидѣлъ безпричинно за одно то, что они офицеры.

Говорилъ солдатъ Коржиковъ — искровой команды, большевикъ. Это тоже Петроградецъ, но изъ зажиточной купеческой семьи. Онъ страстно обвинялъ начальника искровой станціи и офицеровъ штаба въ измѣнѣ на фронтѣ. Измѣна заключалась въ томъ, что когда-то, еще до революціи начальникъ искровой станціи и другіе офицеры привели своихъ знакомыхъ дамъ на станцію, показывали имъ дѣйствіе искрового телеграфа, объясняли его устройство и принимали при нихъ радіотелеграмму. Въ этомъ была измѣна и предательство. Коржиковъ истерично кричалъ, требуя немедленной смѣны этихъ офицеровъ и преданія ихъ военно-революціонному суду. Глаза солдатъ горѣли злобою и ненавистью.

Послѣ него говорилъ Соловьевъ. Онъ еще подлилъ масла въ огонь и настроеніе командъ было таково, что казалось, что солдаты вотъ вотъ бросятся на офицеровъ и разорвутъ ихъ.

Тогда выступилъ Матушевскій. Онъ отрекомендовался членомъ исполкома и это произвело сильное впечатлѣніе на комитетъ. Говорилъ онъ отлично, съ пріемами мастера оратора, то понижая голосъ до шопота, то доводя его до страстнаго болѣзненнаго крика. Это была защита офицеровъ. Яркая, блестящая защита. Она не убѣдила солдатъ, но она утишила злобу и залила огонь страстей.

На этомъ надо было кончить и расходиться. Но тутъ выскочилъ съ ненужными и неумѣстными оправданіями начальникъ штаба Уссурійской дивизіи, генеральнаго штаба капитанъ Смирновъ, съ крайне безтактной рѣчью и все пропало. Началось общее возбужденіе и крики съ мѣстъ.

Пришлось сказать мнѣ. Я сказалъ о заслугахъ передъ Родиной III-го корпуса, о его славѣ и сказалъ, что этою славою корпусъ обязанъ офицерамъ.

Рѣчь моя усмирила солдатъ и мы разошлись болѣе или менѣе мирно.

За ужиномъ Матушевскій, котораго офицеры просили разсказать имъ

о таинственномъ исполкомѣ произнесъ горячее слово въ защиту большевиковъ, Ленина и Троцкаго.

Когда онъ кончилъ, кто-то изъ офицеровъ сказалъ: за ними никто не пойдетъ.

Матушевскій всталъ. Лицо его было блѣдно.

— За ними не посмѣютъ не пойти, — тихо почти шопотомъ произнесъ онъ. — Вы не знаете, кто такое Троцкій. Повѣрьте мнѣ, когда будетъ нужно, Троцкій не задумается поставить гильотину на Александровской площади и будетъ рубить головы всѣмъ непокорнымъ... И всѣ пойдутъ за нимъ...

Стояла гробовая тишина. Впечатлѣніе его словъ было ужасно. Я понялъ, что такъ оставить этого нельзя. Я всталъ и сказалъ нѣсколько словъ на тему о той Голгоѳѣ страстей, на которую восходитъ офицерство, о той великой крови, которую оно льетъ на защиту Родины. Послѣ Голгоѳы было Свѣтло-Христово воскресеніе, я глубоко вѣрую въ то, что кровь офицеровъ пролита не напрасно...

Матушевскій ночевалъ у меня и уѣхалъ рано утромъ. Прощаясь, онъ сказалъ мнѣ: Въ васъ мы имѣемъ сильнаго противника... А, можетъ быть, мы еще сойдемся...

Ясно было одно: взоры исполкома обращены на насъ.

XIII

Во что бы то ни стало

На новыхъ квартирахъ я повелъ ту же работу, что когда-то велъ въ 1-й Кубанской дивизіи. Каждый день опредѣленная часть корпуса была на маневрѣ, почти всегда въ моемъ присутствіи, послѣ маневра разборъ, отдача въ приказѣ всѣхъ ошибокъ. Два раза въ недѣлю бесѣда съ офицерами. Во всѣхъ полкахъ съ 15-го Октября должны быть устроены полковыя учебныя команды для подготовки урядниковъ и широкія программы этихъ командъ были разосланы; во всѣхъ полкахъ были устроены библіотеки, для командъ штаба былъ намѣченъ рядъ ежедневныхъ бесѣдъ, по два часа по вечерамъ; предполагалось прочитать курсы географіи и исторіи Россіи, политической экономіи и военнаго искусства. Лекторы усиленно готовились къ этому по особымъ мною составленнымъ программамъ.

Развратy и разлагающей пропагандѣ большевизма я рѣшилъ противопоставить работу и силу образованія и просвѣщенія.

Дѣятельность моя, скрыть которую, конечно, нельзя было, обратила вниманіе. Одни сочувствовали и хотѣли посильно помочь, другіе мѣшали. Я уклонялся отъ посторонней помощи и по мѣрѣ силъ боролся съ мѣшающими.

1-го Октября ко мнѣ пріѣхалъ помощникъ комиссара, Савицкій, съ нимъ какая-то дама съ университетскимъ значкомъ и А. Гликбергъ, извѣстный поэтъ Саша Черный. Они говорили о какихъ-то библіотекахъ и чтеніяхъ для солдатъ. Когда я имъ разсказалъ, какъ въ глухихъ деревняхъ, по маленькимъ избамъ, часто безъ освѣщенія вечеромъ живутъ солдаты и казаки корпуса, какъ къ нимъ трудно добираться осенью по распутицѣ, когда и верхомъ съ трудомъ къ нимъ проѣдешь — они задумались.

— Но, если я буду сегодня читать одной группѣ, завтра другой, — робко сказала дама.

— Что читать? — спросилъ я.

— Чехова.

— Чехова? Десяти тысячамъ человѣкъ, по три и по четыре сразу? Когда же вы кончите?

Они уѣхали.

9-го Октября у меня былъ полковникъ пограничной стражи, Заневскій, пріѣхавшій отъ Главнокомандующаго «знакомиться съ настроеніемъ частей». Я его просто прогналъ, чему онъ, кажется, былъ даже радъ.

Все это было глупо, нудно, досадливо иногда, но не опасно.

Опасность угрожала съ другого конца и скоро уничтожила корпусъ безъ остатка.

6-го Октября штабъ Сѣвернаго фронта экстренно потребовалъ посылки 2 сотенъ и 2 орудій въ Старую Руссу, 2 сотенъ и 2 орудій въ Торопецъ и 2 сотенъ и 2 орудій въ Осташковъ.

Это было самое страшное. Это сразу прекращало воспитаніе солдатъ, вырывало части изъ рукъ старшихъ, болѣе опытныхъ начальниковъ, подрывало правильность снабженія и довольствія и ставило малевькія казачьи части въ густую солдатскую массу, уже обработанную большевиками. Я исполнилъ приказъ и отправилъ на эту службу весь Уссурійскій казачій полкъ и $1^1/_2$ изъ бывшихъ у меня шести Донскихъ батарей, но сейчасъ же написалъ въ штабъ фронта, кому только могъ, просьбу, этого не дѣлать, такъ какъ это разрушаетъ корпусъ, который можетъ понадобиться въ полномъ составѣ для борьбы противъ большевиковъ.

— Кому вы это пишете? — сказалъ мнѣ исправляющій должность начальника штаба, полковникъ С. П. Поповъ.

— Какъ кому? По командѣ. Главнокомандующему Сѣвернымъ фронтомъ, или какъ по-большевистски называютъ, Главкосѣву Черемисову.

— Да развѣ вы не знаете, что Черемисовъ заодно съ большевиками, что онъ все время проводитъ въ Совѣтѣ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, стоитъ за полную демократизацію арміи и попускаетъ, а кто говоритъ, что и покровительствуетъ изданію большевистской газеты «Окопная Правда».

— Но что же дѣлать, Сергѣй Петровичъ? Выходитъ, что все начальство передалось большевикамъ. Тогда проще — устранить Временное Правительство и передать власть большевикамъ мирно. Столковаться съ ними, какъ это теперь говорится. Былъ Львовъ, сталъ Керенскій, ну, будетъ Ленинъ — хуже не будетъ. Это прямое послѣдствіе отреченія Государя.

— Да, это такъ.

— Что же, прикажете плыть по теченію?

— Но что вы сдѣлаете, если измѣнили верхи? Вѣдь все это дѣлается не безъ вѣдома Керенскаго. Керенскій самъ рубитъ сукъ, на которомъ сидитъ.

— Керенскому это простительно. Онъ ничего не понимаетъ ни въ военномъ, ни въ государственномъ дѣлѣ, но о чемъ же думаютъ Черемисовъ и Лукирскій?

— Думаютъ, какъ угодить новому барину — «грядущему хаму».

— И мы молча будемъ пособничать, сказалъ я.

— Протестовать безполезно.

— Будемъ не только протестовать, но и бороться. Можетъ быть и мы сумѣемъ въ борьбѣ обрѣсти право свое.

Бумагу мы послали. Отвѣтомъ было приказаніе, поставить 5 сотенъ въ Псковѣ. Я поѣхалъ лично въ штабъ и эти пять сотенъ отстоялъ, но побѣда была вызвана не силой моего убѣжденія, а просто тѣмъ, что для нихъ не нашлось въ Псковѣ помѣщенія, да и совѣтъ высказался противъ помѣщенія казаковъ въ Псковѣ.

Итакъ съ Октября мѣсяца корпусъ оказался фактически въ распоряженіи у большевиковъ и большевики продолжали работу по его растасовкѣ.

8-го Октября штабъ потребовалъ два полка въ Ревель. Я отправилъ 13-й и 15-й полки. Это требованіе было якобы боевого характера. Послѣ занятія острова Эзеля нѣмцами командованіе фронтомъ опасалось за Ревель. Но что будетъ дѣлать кавалерія въ крѣпости, объ этомъ не думали.

9-го Октября потребовали еще одинъ полкъ съ двумя орудіями въ Витебскъ. Не безъ скандаловъ пошелъ Приморскій драгунскій полкъ. Полковой комитетъ заявилъ, что если это для дѣйствій противъ его братьевъ-солдатъ, то онъ не пойдетъ и работать, какъ жандармы не будетъ.

— Ну, а если ваши братья-солдаты дезертируютъ съ фронта, братаются съ нѣмцами, грабятъ и насилуютъ жителей — вы будете молчать и пособничать? Вѣдь это измѣна Родинѣ, — сказалъ я.

— И революціи, — поспѣшилъ добавить вольноопредѣляющійся Левицкій, опасаясь, что слово Родина вызоветъ обратное дѣйствіе.

— На это товарищи-солдаты неспособны, отвѣчалъ кто-то изъ комитета.

— А вы ручаетесь за нихъ?

Комитетъ молчалъ. Драгуны постановили идти. Мнѣ было не жалко ихъ отпускать. Въ случаѣ какого-либо движенія они не только не помогли бы, но внесли бы большую путаницу въ дѣйствія.

21-го Октября потребовали 6 сотенъ и 4 орудія въ Боровичи для усмиренія тамошняго гарнизона. Тамъ произошли обычные эксцессы. Убили начальника гарнизона и командира пѣхотнаго полка и ограбили лавки. Послалъ Уссурійскій дивизіонъ и часть Амурцевъ.

Такимъ образомъ къ 22-му Октября отъ 1-й Донской дивизіи оставалось — 6 сотенъ 9-го Донского полка и 4 сотни 10-го Донского полка (2 сотни ушли въ Новгородъ), отъ Уссурійской конной дивизіи было въ моемъ распоряженіи: 6 сотенъ 1-го Нерчинскаго полка и 2 сотни 1-го Амурскаго полка. Изъ бывшихъ въ корпусѣ 24 орудій Донской артиллеріи оставалось при мнѣ 12 орудій, да было 4 орудія только-что сформированной и почти необученной, во всякомъ случаѣ, ни разу не стрѣлявшей 1-й Амурской казачьей батареи. Вмѣсто грозной силы въ 50 сотенъ мы имѣли только 18 сотенъ разныхъ полковъ. *

---

* Корпусъ состоялъ изъ 9-го (6 сотенъ), 10-го (6 сотенъ), 13-го (6 сотенъ), 15-го (6 сотенъ) Донскихъ казачьихъ полковъ, Приморскаго драгунскаго (6 эскадроновъ), 1-го Нерчинскаго казачьяго (6 сотенъ), 1-го Амурскаго к. (6 сотенъ), 1-го Уссурійскаго казачьяго (6 сотенъ) полковъ и Уссурійскаго казачьяго (2 сотни) дивизіона и 6 Донскихъ и 1 Амурской батарей.

Можно ли говорить, что большевики не готовились планомѣрно къ своему выступленію 25-го октября? Но кто имъ помогалъ?

23-го Октября весь «корпусъ», — то-есть оставшіяся 18 сотенъ — было приказано передвинуть въ районъ Стараго Пебальга и Вендена, гдѣ поступить въ распоряженіе штаба 1-й Арміи, потому что тамъ ожидались безпорядки и массовые эксцессы. Я поѣхалъ въ Псковъ узнать обстановку, а 24-го Октября отправилъ въ штабъ 1-й Арміи квартирьеровъ и приступилъ къ погрузкѣ 10-го Донского казачьяго полка въ вагоны.

25-го Октября я получилъ телеграмму. Точнаго содержанія ея не помню, но общій смыслъ былъ тотъ: Донскую дивизію спѣшно отправить въ Петроградъ; въ Петроградѣ безпорядки, поднятые большевиками. Подписана телеграмма двумя лицами «Главковерхъ Керенскій» и полковникъ Грековъ.

Полковникъ Грековъ — донской артиллерійскій офицеръ и помощникъ предсѣдателя Совѣта союза казачьихъ войскъ, казачьяго учрежденія, пользующагося большимъ вліяніемъ у казаковъ.

Ловко! подумалъ я. Но откуда же при теперешней разрухѣ я подамъ спѣшно всю 1-ю Донскую дивизію къ Петрограду?

Тѣмъ не менѣе 9-й полкъ направилъ къ погрузкѣ въ вагоны. 4 сотни 10-го полка приказалъ остановить на станціи, послалъ телеграммы въ Ревель и Новгородъ о сосредоточеніи къ Лугѣ, откуда рѣшилъ идти походомъ, чтобы не повторять ошибки Крымова, увы, уже сдѣланной мудрыми распоряженіями штаба фронта.

А квартирьеры? Они уже ушли и рыщутъ вѣроятно по имѣніямъ и мызамъ, отыскивая помѣщенія. Послалъ нарочнаго и за ними...

Самъ поѣхалъ въ Псковъ просить начальника штаба и начальника военныхъ сообщеній ускорить всѣ эти перевозки такъ, чтобы хотя бы къ вечеру 26-го я могъ бы имѣть часть изъ Ревеля и Новгорода въ Лугѣ.

Все было обѣщано сдѣлать. Въ штабѣ я нашелъ большую тревогу. Тихо шопотомъ передавали, что Временное Правительство свергнуто и не то разбѣжалось, не то борется въ Зимнемъ дворцѣ, отстаиваемое юнкерами; вся власть захвачена Совѣтами съ Ленинымъ и Троцкимъ во главѣ.

Вернувшись изъ Пскова, я напечаталъ приказъ, гдѣ полностью передалъ телеграмму Керенскаго и Грекова и призывалъ казаковъ къ увѣреннымъ и смѣлымъ дѣйствіямъ. Приказъ послалъ съ нарочными и въ Ревель, и въ Новгородъ. Послѣ чего собрался самъ и поѣхалъ на станцію Островъ, гдѣ уже былъ погруженъ штабъ 1-й Донской дивизіи, безъ ея начальника, случайно бывшаго въ отпуску въ Петроградѣ.

XIV

Измѣна штаба фронта

Глухая осенняя ночь. Пути Островской станціи заставлены красными вагонами. Въ нихъ лошади и казаки, казаки и лошади. Кто сидитъ уже второй день, кто только-что погрузился. На станціи санитары, врачи и двѣ сестры Проскуровскаго отряда. Просятъ, чтобы имъ разрѣшено было отправиться съ первыми эшелонами, чтобы быть при первомъ дѣлѣ.

Казаки, кто спитъ въ вагонахъ, кто стоитъ у открытыхъ воротъ вагона и поетъ въ полголоса свои пѣсни.

Ахъ, да ты подуй,
Подуй вѣтеръ съ полуночи,
Ты развей, развей тоску!..

слышится откуда-то съ дальняго пути.

Вдоль пути шмыгаютъ темныя личности, но ихъ мало слушаютъ. Большевики не въ фаворѣ у казаковъ и агитаторы это чуютъ.

Послѣ цѣлаго ряда распоряженій относительно остающихся частей — штаба Уссурійской дивизіи, 1-го Нерчинскаго полка и 1-й Амурской батареи, и длительныхъ разговоровъ съ новымъ командующимъ дивизіей, генералъ-маіоромъ Хрещатицкимъ, я, въ 11 часовъ ночи, прибылъ на станцію.

— Лошади погружены? — спросилъ я.

— Погружены, — отвѣчалъ мнѣ полковникъ Поповъ.

— Значитъ, можно ѣхать?

— Нѣтъ.

— Но вѣдь нашему эшелону назначено въ 11 часовъ, а теперь безъ двухъ минутъ одиннадцать.

— Ни одинъ эшелонъ еще не отошелъ.

— Какъ? А девятый полкъ?

— Стоитъ на путяхъ.

— Стоило гнать, сломя голову. Но что же вышло?

— Комендантъ станціи говоритъ, — нѣтъ разрѣшенія выпустить эшелоны.

Пошелъ къ коменданту. Комендантъ былъ сильно растерянъ и смущенъ.

— Я ничего не понимаю. Получена телеграмма выгружать эшелоны и оставаться въ Островѣ, — сказалъ онъ.

— Кто приказываетъ?

— Начальникъ военныхъ сообщеній.

Я соединился съ Псковомъ. Полковникъ Карамышевъ, какъ будто бы, ожидалъ меня у аппарата.

— Въ чемъ дѣло?

— Главкосѣвъ приказалъ выгружать дивизію и оставаться въ Островѣ.

— Но вы знаете распоряженіе Главковерха? Идти спѣшно на Петроградъ.

— Знаю.

— Ну такъ чье же приказаніе мы должны исполнить?

— Не знаю. Главкосѣвъ приказалъ. Я эшелоны не трону. И въ Ревель и въ Новгородъ послано: отставить.

Начиналась уже серьезная путаница. Надо было выяснить положеніе. Можетъ быть, справились сами, одни усмирили большевиковъ. Одно — идти съ *генераломъ* Корниловымъ противъ *адвоката* Керенскаго, кумира толпы и другое — идти съ этимъ кумиромъ противъ Ленина, который далеко не всѣмъ солдатамъ нравился.

Я послалъ за автомобилемъ, сѣлъ въ него съ Поповымъ и погналъ въ Псковъ.

Позднею глухою ночью я пріѣхалъ въ спящій Псковъ. Тихо и мертво на улицахъ. Всѣ окна темныя, нигдѣ ни огонька. Пріѣхалъ въ штабъ.

Насилу дозвонился. Вышелъ заспанный жандармъ. Въ штабѣ никого. Хорошо, подумалъ я, штабъ Сѣвернаго фронта реагируетъ на безпорядки и переворотъ въ Петроградѣ.

— А, можетъ быть, уже все кончено, сказалъ мнѣ Поповъ, — и мы напрасно безпокоимся. Теперь бы спать и спать...

— Гдѣ начальникъ штаба? — спросилъ я у жандарма.

— У себя на квартирѣ.

— Гдѣ онъ живетъ?

Жандармъ началъ объяснять, но я не могъ его понять.

— Постойте, я одѣнусь, провожу васъ.

Полковникъ Поповъ пошелъ на телеграфъ переговорить съ Островомъ, тамъ напряженно ждали выгружаться или нѣтъ, а я поѣхалъ съ жандармомъ къ генералу Лукирскому. Парадная лѣстница заперта. На стуки и звонки никакого отвѣта. Нигдѣ ни огонька. Пошли искать по черной. Насилу добились деньщика.

— Генералъ спитъ и не приказали будить.

Съ трудомъ добился отъ него, чтобы пошелъ разбудить начальника штаба.

Наконецъ въ столовую, куда я прошелъ, вышелъ заспанный Лукирскій въ шинели, одѣтой поверхъ бѣлья. Я доложилъ ему о томъ, что имѣю два взаимно противорѣчащихъ приказанія, и не знаю, какъ поступить.

— Я ничего не знаю, — лѣниво и устало сказалъ мнѣ Лукирскій.

— Какъ ничего не знаете? Но вѣдь вы начальникъ штаба.

— Обратитесь къ главнокомандующему. Вы его сейчасъ застанете дома на совѣтѣ. А я ничего не знаю.

Пошелъ къ главнокомандующему. Весь верхній этажъ его дома на берегу рѣки Великой ярко освѣщенъ. Кажется единственное освѣщенное мѣсто въ Псковѣ. Съ трескомъ отскочилъ отъ него автомобиль съ какими-то солдатами и помчался вверхъ по городу.

Опять тотъ же адъютантъ съ громкой еврейской фамиліей меня встрѣтилъ.

— Главкосѣвъ занятъ въ совѣтѣ, — сказалъ онъ на мою просьбу доложить обо мнѣ, — и я не могу его безпокоить.

— Я все-таки настаиваю, чтобы вы доложили. Дѣло не можетъ быть отложено до утра.

Адъютантъ съ видимой неохотой открылъ дверь, изъ-за которой я слышалъ чей-то мѣрный голосъ. Въ открытую дверь я увидалъ длинный столъ, накрытый зеленымъ сукномъ, и за нимъ человѣкъ двадцать солдатъ и рабочихъ. Въ головѣ стола сидѣлъ Черемисовъ. Онъ съ неудовольствіемъ выслушалъ адъютанта и что-то сказалъ ему.

— Хорошо, сказалъ возвращаясь адъютантъ, — Главкосѣвъ васъ приметъ, но только на одну минуту.

Меня провели въ кабинетъ главнокомандующаго. Минутъ десять я ожидалъ, стоя передъ громадной картой, на которой цвѣтными полосами было показано, какъ катился назадъ нашъ фронтъ этимъ лѣтомъ. Сдали Ригу... Отошли къ Вендену... Сдали Эзель... Къ веснѣ, кто знаетъ, — можетъ быть, нѣмцы уже будутъ въ Петроградѣ?

Дверь медленно отворилась и въ кабинетъ вошелъ Черемисовъ. Лицо у него было сѣрое отъ утомленія. Глаза смотрѣли тускло и избѣгали

глядѣть на меня. Онъ зѣвалъ не то нервною зѣвотою, не то искусственною, чтобы показать мнѣ насколько все то, о чемъ я говорю ему, пустяки.

— Временное Правительство въ опасности, — говорилъ я, — а мы присягали Временному Правительству и нашъ долгъ...

Черемисовъ посмотрѣлъ на меня.

— Временнаго Правительства нѣтъ, — устало, но настойчиво, какъ будто, убѣждая меня, сказалъ онъ.

— Какъ нѣтъ? — воскликнулъ я.

Черемисовъ молчалъ. Наконецъ тихо и устало сказалъ:

— Я вамъ приказываю выгружать ваши эшелоны и оставаться въ Островѣ. Этого вамъ достаточно. Все равно вы ничего не можете сдѣлать.

— Дайте мнѣ письменное приказаніе, — сказалъ я.

Черемисовъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на меня, пожалъ плечами и, подавая мнѣ руку, сказалъ:

— Я вамъ искренно совѣтую оставаться въ Островѣ и ничего не дѣлать. Повѣрьте, такъ будетъ лучше.

И онъ пошелъ опять туда — въ «совѣтъ».

Я вышелъ на улицу. У автомобиля меня ожидалъ Поповъ. Я разсказалъ ему результатъ свиданія.

— Знаете, — сказалъ мнѣ Поповъ. — Это дѣло политическое. Пойдемте къ комиссару. Войтинскій все это время былъ порядочнымъ человѣкомъ. Его долгъ намъ подать совѣтъ. Да безъ комиссара мы и части не повернемъ. Вонъ уже 9-й полкъ волнуется отъ того, что сидитъ сутки въ вагонахъ.

Я согласился и мы поѣхали въ комиссаріатъ.

Войтинскаго, который и жилъ въ комиссаріатѣ, не было тамъ. По словамъ дежурнаго «товарища» онъ ушелъ куда-то на засѣданіе, но долженъ скоро вернуться.

Мы сѣли въ комнатѣ «товарища» и ждали. Уныло тикали стѣнные часы и медленно ползла осенняя ночь. Было три, было половина четвертаго. Наконецъ, около четырехъ часовъ Войтинскій пріѣхалъ.

Онъ обрадовался, увидавши насъ. Все лицо его некрасивое, усталое, просіяло.

— Вы какъ нельзя болѣе кстати, — сказалъ онъ и началъ распрашивать про обстановку, про настроеніе частей.

— Что говорилъ Черемисовъ? — быстро спрашивалъ онъ. — А вы какъ думаете?.. Прямо Богъ послалъ васъ сюда именно сегодня... Мнѣ нужно съ вами поговорить наединѣ. Пойдемте ко мнѣ.

Мы пошли по пустымъ комнатамъ комиссаріата. Кое-гдѣ тускло горѣли лампы. Наконецъ въ какой-то дальней комнатѣ онъ остановился, тщательно заперъ двери и подойдя ко мнѣ вплотную, таинственно шопотомъ сказалъ:

— Вы знаете... Онъ здѣсь!

Я не понялъ, о комъ онъ говоритъ, и спросилъ: — Кто онъ?

— Керенскій!... Никто не знаетъ... Онъ тайно только-что пріѣхалъ изъ Петрограда... Вырвался на автомобилѣ... Идетъ осада Зимняго дворца... Но онъ спасетъ... Теперь, когда онъ съ войсками, онъ спасетъ... Пойдемте къ нему... Или лучше я скажу вамъ его адресъ... Намъ неудобно идти вмѣстѣ... Идите... Идите къ нему. Сейчасъ...

XV

Чѣмъ былъ для меня Керенскій

Мѣсяцъ лукавымъ таинственнымъ свѣтомъ заливалъ улицы стараго Пскова. Романическимъ средневѣковьемъ вѣяло отъ крутыхъ стѣнъ и узкихъ проулковъ. Мы шли съ Поповымъ пѣшкомъ, чтобы не привлекать вниманія автомобилемъ. Шли какъ заговорщики... Да по существу мы и были заговорщиками — двумя мушкетерами средневѣковаго романа!

Ночь была въ той части, когда утомленная она готова уже уступить утру и когда сонъ обывателя становится особенно крѣпкимъ, а грезы фантастическими. И временами, когда я глядѣлъ на закрытыя ставни, на плотно опущенныя занавѣски, на окна, подернутыя капельками росы и сверкающія отраженіями высокой луны, мнѣ казалось, что и я сплю, и этотъ городъ, и то, что было, и то, что есть, не болѣе, какъ кошмарный сонъ.

Я шелъ къ Керенскому. Къ тому Керенскому, который...

Я никогда, ни одной минуты не былъ поклонникомъ Керенскаго. Я его никогда не видалъ, очень мало читалъ его рѣчи, но все мнѣ было въ немъ противно до гадливаго отвращенія.

Противна была его самоувѣренность и то, что онъ за все брался и все умѣлъ. Когда онъ былъ министромъ юстиціи — я молчалъ. Но, когда Керенскій сталъ военнымъ и морскимъ министромъ, все возмутилось во мнѣ. Какъ, думалъ я, во время войны управлять военнымъ дѣломъ берется человѣкъ, ничего въ немъ не понимающій! Военное искусство одно изъ самыхъ трудныхъ искусствъ, потому что оно помимо знаній требуетъ особаго воспитанія ума и воли. Если во всякомъ искусствѣ диллетантизмъ не желателенъ, то въ военномъ искусствѣ онъ не допустимъ.

Керенскій полководецъ!.. Петръ, Румянцевъ, Суворовъ, Кутузовъ, Ермоловъ, Скобелевъ.... и Керенскій.

Онъ разрушилъ армію, надругался надъ военною наукою и за то я презиралъ и ненавидѣлъ его.

А вотъ иду же я къ нему этою лунною волшебною ночью, когда явь кажется грезами, иду, какъ къ Верховному Главнокомандующему, предлагать свою жизнь и жизнь ввѣренныхъ мнѣ людей въ его полное распоряженіе?

Да, иду. Потому что не къ Керенскому иду я, а къ Родинѣ, къ великой Россіи, отъ которой отречься я не могу. И если Россія съ Керенскимъ, я пойду съ нимъ. Его буду ненавидѣть и проклинать, но служить и умирать пойду за Россію. Она его избрала, она пошла за нимъ, она не сумѣла найти вождя способнѣе, пойду помогать ему, если онъ за Россію...

Вотъ о чемъ грезили, о чемъ переговаривались мы съ С. П. Поповымъ, пока искали квартиру полковника Барановскаго, у котораго былъ Керенскій.

Искали долго. Спросить? — не у кого. Городъ спитъ, никого на улицахъ. Наконецъ, скорѣе по догадкѣ, усмотрѣвши въ одномъ домѣ два освѣщенныхъ окна во второмъ этажѣ, завернули въ него и нашли много неспящихъ людей, суету, суматоху, безтолочь, воспаленные глаза, блѣдныя лица, квартиру, перевернутую кверху дномъ и самого Керенскаго.

XVI

Керенскій

— Генералъ, гдѣ вашъ корпусъ? Онъ идетъ сюда? Онъ здѣсь уже, близко? Я надѣялся встрѣтить его подъ Лугой?

Лицо со слѣдами тяжелыхъ безсонныхъ ночей. Блѣдное, нездоровое, съ больною кожей и опухшими красными глазами. Бритые усы и бритая борода, какъ у актера. Голова слишкомъ большая по туловищу. Френчъ, галиффе, сапоги съ гетрами — все это дѣлало его похожимъ на штатскаго, вырядившагося на воскресную прогулку верхомъ. Смотритъ проницательно, прямо въ глаза, будто ищетъ отвѣта въ глубинѣ души, а не въ словахъ; фразы короткія, повелительныя. Не сомнѣвается въ томъ, что сказано, то и исполнено. Но чувствуется какой-то нервный надрывъ, ненормальность. Несмотря на повелительность тона и умышленную рѣзкость манеръ, несмотря на это «генералъ», которое сыпется въ концѣ каждаго вопроса — ничего величественнаго. Скорѣе — больное и жалкое. Какъ то, на одномъ любительскомъ спектаклѣ, я слышалъ, какъ довольно талантливо молодой человѣкъ читалъ стихотвореніе Апухтина «Сумасшедшій». Вотъ такая же повелительность была и въ словахъ этого плотнаго средняго роста человѣка, чуть рыжеватаго, одѣтаго въ защитное, бѣгающаго по гостиной между столикомъ съ допитыми чашками кофе, угловатыми диванчиками и пуфами и вдругъ останавливающагося противъ меня и дающаго приказаніе или говорящаго фразу, и казалось, что все это закончится безумнымъ смѣхомъ, плачемъ, истерикой и дикими криками: — «все васильки, красные, синіе въ полѣ!»....

Я сразу узналъ Керенскаго по тому множеству портретовъ, которые я видалъ, но тѣмъ фотографіямъ, которыя печатались тогда во всѣхъ иллюстрированныхъ журналахъ.

Не Наполеонъ, но безусловно позируетъ на Наполеона. Слушаетъ невнимательно. Будто не вѣритъ тому, что ему говорятъ. Все лицо говоритъ тогда — знаю я васъ; у васъ всегда отговорки, но нужно сдѣлать и вы сдѣлаете.

Я доложилъ о томъ, что не только нѣтъ корпуса, но нѣтъ и дивизіи, что части разбросаны по всему сѣверозападу Россіи и ихъ раньше необходимо собрать. Двигаться малыми частями — безуміе.

— Пустяки! Вся армія стоитъ за мною противъ этихъ негодяевъ. Я вамъ поведу ее и за мною пойдутъ всѣ. Тамъ никто имъ не сочувствуетъ. Скажите, что вамъ надо? N. N. — обратился онъ къ Барановскому* — запишите, что угодно генералу.

Я сталъ диктовать Барановскому, гдѣ и какія части у меня находятся и какъ ихъ оттуда вызволить. Онъ записывалъ, но записывалъ невнимательно. Точно мы играли, а не въ серьезъ дѣлали. Я говорилъ ему, что-то, а онъ дѣлалъ видъ, что записываетъ.

— Вы получите всѣ ваши части, — сказалъ Барановскій. — Не только Донскую, но и Уссурійскую дивизію. Кромѣ того, вамъ будутъ приданы

---

* Я не помню имени и отчества Барановскаго.

37-ая пѣхотная дивизія, 1-ая кавалерійская дивизія и весь XVII-ый армейскій корпусъ, кажется все, кромѣ разныхъ мелкихъ частей.

— Ну вотъ, генералъ. Довольны? — сказалъ Керенскій.

— Да, сказалъ я, — если это все соберется и если пѣхота пойдетъ съ нами, Петроградъ будетъ занятъ и освобожденъ отъ большевиковъ.

Слыша о такихъ значительныхъ силахъ я уже не сомнѣвался въ успѣхѣ. Дѣло было иное. Можно будетъ выгрузить казаковъ и въ Гатчинѣ и составить изъ нихъ развѣдывательный отрядъ, подъ прикрытіемъ котораго высаживать части XVII-го корпуса и 37-й дивизіи на фронтѣ Тосно — Гатчино и быстро двигаться, охватывая Петроградъ и отрѣзая его отъ Кронштадта и Морского канала. Моя задача сводилась къ болѣе простымъ дѣйствіямъ. Стало легче на душѣ... Но если бы это было такъ — развѣ сидѣлъ бы Черемисовъ теперь съ Совѣтомъ? развѣ принялъ бы онъ меня извѣстіемъ, что Временнаго Правительства уже нѣтъ? Три дивизіи пѣхоты и столько же кавалеріи, безпрепятственно идущія среди моря арміи, это показываетъ, что армія на сторонѣ Керенскаго, а если такъ — бунтовался бы развѣ гарнизонъ Петрограда, задерживали бы эшелоны въ Островѣ? Нѣтъ, тутъ что-то было не такъ. Сомнѣніе закрадывалось въ душу и я высказалъ его Керенскому.

Мнѣ показалось, что онъ не только не увѣренъ въ томъ, что названныя части пойдутъ по его приказу, но неувѣренъ даже и въ томъ, что Ставка, то-есть, генералъ Духонинъ передалъ приказанія. Казалось, что онъ и Пскова боится. Онъ какъ-то вдругъ сразу осѣлъ, завялъ, глаза стали тусклыми, движенія вялыми.

Ему надо отдохнуть, подумалъ я и сталъ прощаться.

— Куда вы, генералъ?

— Въ Островъ, двигать то, что я имѣю, чтобы закрѣпить за собою Гатчину.

— Отлично. Я поѣду съ вами.

Онъ отдалъ приказаніе подать свой автомобиль.

— Когда мы тамъ будемъ? — спросилъ онъ.

— Если хорошо ѣхать, черезъ часъ съ четвертью мы будемъ въ Островѣ.

— Соберите къ одиннадцати часамъ дивизіонные и другіе комитеты, я хочу поговорить съ ними.

— Ахъ, зачѣмъ это! — подумалъ я, но отвѣтилъ согласіемъ. Кто его знаетъ, можетъ быть, у него особенный даръ, умѣнье вліять на толпу. Вѣдь почему-нибудь приняла же его Россія? Были же ему и овація и восторженныя встрѣчи и любовь и поклоненіе. Пусть казаки увидятъ его и знаютъ, что самъ Керенскій съ ними.

Минутъ черезъ десять автомобили были готовы, я разыскалъ свой и мы поѣхали. Я — по приказанію Керенскаго — впереди, Керенскій съ адъютантами сзади. Городъ все такъ же крѣпко спалъ и шумъ двухъ автомобилей не разбудилъ его. Мы никого не встрѣтили и благополучно выбрались на Островское шоссе.

XVII

Выступленіе въ походъ

Блѣднымъ утромъ мы подъѣзжали къ Острову. Верстахъ въ пяти отъ города я встрѣтилъ сотни 9-го Донского полка, идущія изъ города по своимъ деревнямъ. Я остановилъ ихъ.

— Куда вы? — спросилъ я.

— Ночью было передано отъ васъ приказаніе выгружаться и идти по домамъ, — отвѣчалъ командиръ сотни.

— Я не отдавалъ такого приказанія. Поворачивайте назадъ, мы сейчасъ ѣдемъ на Петроградъ, съ нами ѣдетъ Керенскій.

— Какъ, Керенскій? — съ удивленіемъ спросилъ командиръ сотни. Казаки, прислушивавшіеся къ моимъ словамъ, стали передавать одинъ другому: — «Керенскій здѣсь, Керенскій здѣсь».

Въ эту минуту подъѣхалъ и Керенскій. Онъ поздоровался съ казаками. Казаки довольно дружно ему отвѣтили. Сомнѣній не было и сотни стали заходить плечомъ къ Острову. Мы поѣхали дальше. Мнѣ негдѣ было устроить Керенскаго. Моя квартира была разорена и я поѣхалъ съ нимъ въ собраніе, гдѣ предложилъ ему чай и закусить, а самъ пошелъ отдавать распоряженія. Мимо меня прошли сотни 9-го полка, лица казаковъ выражали любопытство.

Вѣсть о томъ, что Керенскій въ Островѣ сама собою распространилась по городу. Улица передъ собраніемъ стала запружаться толпою. Явились дамы съ цвѣтами, явились матросы и солдаты Морского артиллерійскаго дивизіона, стоявшаго по ту сторону рѣки Великой въ предмѣстьи Острова. Я поставилъ часовыхъ у дверей дома и вызвалъ въ ружье всю Енисейскую сотню, которая стала въ длинномъ корридорѣ, ведшемъ къ столовой и никого не пропускала. Наверху собирались комитеты. Какъ ни слѣдили мы, чтобы не было постороннихъ, но таковыхъ набралось не мало. Однако передніе ряды были заняты комитетомъ 1-й Донской казачьей дивизіи, бравыми казаками, на лицахъ которыхъ было только любопытство и никакого озлобленія. Совершенно иначе былъ настроенъ комитетъ Уссурійской дивизіи и особенно представители Амурскаго казачьяго полка, въ которомъ было много большевиковъ.

Я пошелъ доложить Керенскому, что комитеты готовы. Керенскій спалъ, сидя за столомъ. Лицо его выражало крайнее утомленіе. При моемъ входѣ онъ сразу проснулся.

— А! Хорошо. Сейчасъ иду. А потомъ и поѣдемъ, — сказалъ онъ.

Я никогда не слыхалъ Керенскаго и только слышалъ восторженные отзывы о его рѣчахъ и о силѣ его ораторскаго таланта. Можетъ быть, потому я слишкомъ много ожидалъ отъ него. Можетъ быть, онъ сильно усталъ и не приготовился, но его рѣчь, произнесенная передъ людьми, которыхъ онъ хотѣлъ вести на Петроградъ, была во всѣхъ отношеніяхъ слаба. Это были истерическіе выкрики отдѣльныхъ, часто не имѣющихъ связи между собою фразъ. Все тѣ же избитыя слова, избитые лозунги. «Завоеванія революціи въ опасности». «Русскій народъ самый свободный народъ въ мірѣ». «Революція совершилась безъ крови — безумцы большевики хотятъ полить ее кровью». «Предательство передъ союзниками» — и т. д. и т. д.

Донцы слушали внимательно, многіе, затаивъ дыханіе, восторженно, съ раскрытыми ртами. Сзади въ двухъ, трехъ мѣстахъ раздались крики: — «неправда! Большевики не этого хотятъ!» Кричалъ злобный круглолицый урядникъ Амурскаго полка.

Когда Керенскій кончилъ, раздались довольно жидкіе аплодисменты. И сейчасъ же раздался полный ненависти голосъ урядника-амурца.

— Мало кровушки нашей солдатской попили! Товарищи! передъ вами новая Корниловщина! Помѣщики и капиталисты!..

— Довольно!.. Будетъ!.. Остановите его... — кричали изъ переднихъ рядовъ.

— Нѣтъ, дайте сказать!.. Товарищи! васъ обманываютъ... Это дѣло замышляется противъ народа...

Я послалъ вывести оратора и уговорилъ уйти Керенскаго.

Керенскій торопился ѣхать на станцію, но оттуда передавали, что нѣтъ еще вагона.

Толпа у дома, гдѣ былъ Керенскій становилась гуще. Офицеры мнѣ передавали, что настроеніе ея далеко не дружелюбное и не совѣтовали отправлять Керенскаго безъ конвоя. Я вышелъ на улицу. Стояли какія-то дамы съ цвѣтами.

— Что, скоро выйдетъ Керенскій? — спросили онѣ. — Ахъ, я никогда не видала Керенскаго! Попросите его поговорить съ толпой.

— Большевики за дѣло стоятъ, — говорили въ толпѣ. — Солдату что нужно? — миръ, а онъ опять о войнѣ завелъ шарманку, — говорили солдаты.

— Схватить его и предоставить Ленину, — вотъ и все.

— А казаки?

— Казаки ничего не сдѣлаютъ.

Я вызвалъ со станціи конный взводъ 9-го Донского полка для конвоированія автомобиля и приказалъ на станціи выставить почетный караулъ. Около перваго часа пополудни мы поѣхали на станцію.

Почетный караулъ сдѣлалъ свое дѣло. Онъ былъ великолѣпенъ. Вр. командующій полкомъ, войсковой старшина Лаврухинъ (командиръ полка, полковникъ Короченцовъ заболѣлъ дипломатическою болѣзнью) постарался. Громадная сотня была отлично одѣта. Шинели сверкали георгіевскими крестами и медалями. На привѣтствіе Керенскаго она дружно гаркнула: — «здравія желаемъ, господинъ верховный главнокомандующій», а потомъ прошла церемоніальнымъ маршомъ, тщательно отбивая шагъ. Толпа, стоявшая у вокзала, притихла. Вагонъ явился, какъ изъ-подъ земли, и комендантъ станціи объяснялъ свою медлительность тѣмъ, что онъ хотѣлъ подать «для господина Верховнаго Главнокомандующаго салонъ-вагонъ» и стѣснялся дать этотъ потрепанный миксъ.

Мы сѣли въ вагонъ, я отдалъ приказаніе двигать эшелоны. Паровозы свистятъ, маневрируютъ. По путямъ ходятъ солдаты Островскаго гарнизона, число ихъ увеличивается, а мы все стоимъ, насъ никуда не прицѣпляютъ и никуда не двигаютъ.

Я вышелъ и пригрозилъ расправой. Полная угодливость въ словахъ и никакого исполненія.

Командиръ Енисейской сотни, есаулъ Коршуновъ, начальникъ моего конвоя, служилъ когда-то помощникомъ машиниста. Онъ взялся провезти насъ, сталъ на паровозъ съ двумя казаками и дѣло пошло.

Все было ясно. Добровольно никто не хотѣлъ исполнять приказанія Керенскаго, такъ какъ неизвѣстно чья возьметъ; «примѣните силу и у насъ явится оправданіе, что мы дѣйствовали не по своей волѣ».

Зная настроеніе Псковскаго гарнизона и то, что, конечно, изъ Острова уже дали знать въ Псковъ, что съ казаками ѣдетъ Керенскій, я приказалъ Коршунову вести поѣздъ, нигдѣ не останавливаясь, набрать воды передъ Псковомъ, и Псковъ пассажирскій, и Псковъ товарный проскочить полнымъ ходомъ — и не напрасно.

Наконецъ около трехъ часовъ пополудни мы тронулись.

На станціи Черской остановка. Начальникъ военныхъ сообщеній, генералъ Кондратьевъ, ожидалъ насъ, онъ просилъ пропустить его къ Керенскому. Я присутствовалъ при разговорѣ. Керенскій накричалъ на него за промедленіе съ эшелонами. Полная угодливость со стороны Кондратьева.

Керенскій продиктовалъ ему, какія части должны быть направлены въ первую очередь, рѣчь шла о цѣлой арміи. Кондратьевъ почтительно кланялся.

Мнѣ и полковнику Попову, бывшему со мной въ одномъ купэ, это показалось хорошей примѣтой. Значитъ, Черемисовъ пойдетъ съ Керенскимъ — рѣшили мы.

На станціи Псковъ громадная, въ нѣсколько тысячъ, толпа солдатъ. Наполовину вооруженная. При приближеніи поѣзда она волнуется, подвигается ближе. Я стою на площадкѣ; у паровоза Коршуновъ и его лихіе енисейцы; поѣздъ ускоряетъ ходъ и станція, забитая сѣрыми шинелями, уплываетъ за нами.

Въ вагонахъ на рѣдкихъ остановкахъ слышны пѣсни. Раздаютъ запоздалый ужинъ. Пахнетъ казачьими щами. Слышна передобѣденная молитва: «Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ». Никакихъ агитаторовъ. Все идетъ хорошо.

Со встрѣчнымъ Петроградскимъ поѣздомъ прибыли офицеры, бывшіе въ Петроградѣ. Сотникъ Карташовъ подробно докладываетъ мнѣ о томъ, какъ юнкера обороняютъ Зимній дворецъ, о настроеніи гарнизона, колеблющагося, не знающаго на чью сторону стать, держащаго нейтралитетъ. Въ купэ входитъ Керенскій.

— Доложите мнѣ, поручикъ, — говоритъ онъ, это очень интересно, — и протягиваетъ руку Карташову. Тотъ вытягивается, стоитъ смирно и не даетъ своей руки.

— Поручикъ, я подаю вамъ руку, внушительно заявляетъ Керенскій.

— Виноватъ, господинъ верховный главнокомандующій, — отчетливо говоритъ Карташовъ, — я не могу подать вамъ руки. Я — Корниловецъ!

Краска заливаетъ лицо Керенскаго. Онъ пожимается и выходитъ изъ купэ.

— Взыщите съ этого офицера — на ходу кидаетъ онъ мнѣ...

Поѣздъ мчится, прорѣзая мракъ холодной, тихой сентябрьской ночи. Проѣхали, не останавливаясь, Лугу... Приближаемся къ Гатчинѣ. Всюду тишина. Смолкли казачьи пѣсни. Но безпрерывное движеніе поѣзда успокаиваетъ почему-то увѣренность въ успѣхѣ.

Я задремалъ. Дверь купэ распахнулась. Я открываю глаза. Въ дверяхъ Керенскій и съ нимъ политическій комиссаръ, капитанъ Кузьминъ.

— Генералъ, — торжественно говоритъ мнѣ Керенскій. — Я назначаю васъ командующимъ арміей, идущей на Петроградъ; поздравляю васъ, генералъ!..

И перемѣнивши тонъ, добавляетъ обыкновеннымъ голосомъ:

— У васъ не найдется полевой книжки? Я напишу сейчасъ объ этомъ приказъ.

Я молча подаю ему свою книжку. Онъ выходитъ. Командующій арміей, идущей на Петроградъ! Идетъ пока, считая синицу въ рукахъ — шесть сотенъ 9-го полка и четыре сотни 10-го полка. Слабаго состава сотни, по 70 человѣкъ. Всего 700 всадниковъ — меньше полка нормальнаго штата. А если намъ придется снѣшиться, откинуть одну треть на коноводовъ — останется боевой силы всего 466 человѣкъ — двѣ роты военнаго времени!!..

Командующій арміей и двѣ роты!

Мнѣ смѣшно... Игра въ солдатики! Какъ она соблазнительна съ ея пышными титулами и фразами!!!..

Блѣдное утро смотритъ въ окно. Сѣрый тоскливый осенній день. Станціонная постройка, выкрашенная красной краской. Мокрая рябина, покрытая гроздьями снѣлыхъ, хваченныхъ морозомъ ягодъ. Мы стоимъ на Гатчино товарной...

XVIII

«Взятіе» Гатчины

Въ Гатчино меня ожидало пріятное извѣстіе. Изъ Новгорода прибылъ эшелонъ 10-го Донского полка, двѣ сотни и 2 орудія. Командиръ эшелона, чудный офицеръ, есаулъ Ушаковъ пробился силою, несмотря на всѣ препятствія со стороны желѣзнодорожниковъ. Я приказалъ выгружаться, имѣя цѣлью захватить Гатчино врасплохъ. Въ полутьмѣ ранняго утра вышли сотни 9-го и 10-го полковъ и артиллерія. Я послалъ развѣдку въ городъ, а самъ съ сотнями выдвинулся на Петербургское шоссе. Офицеры, сопровождавшіе Керенскаго, четыре человѣка, въ какой-то придорожной чайной устроили чай для Керенскаго.

Въ Гатчино тихо. Гатчино спитъ. Развѣдка донесла, что на Балтійской желѣзной дорогѣ выгружается рота, только-что прибывшая изъ Петрограда, и матросы. Посылаю туда сотни и самъ ѣду съ ними. Казаки со всѣхъ сторонъ забѣгаютъ къ станціи. Видно, какъ рота выстраивается на перронѣ. Кругомъ ходитъ публика, желѣзнодорожные служащіе. Рота стоитъ развернутымъ строемъ, представляя собою громадную мишень. Я приказываю снять одно орудіе съ передковъ и ставлю его на путяхъ. Отъ пушки до роты не болѣе тысячи шаговъ. Человѣкъ восемь казаковъ Енисейской сотни съ тѣмъ же молодцомъ Коршуновымъ бѣгутъ къ ротѣ. Короткій разговоръ и рота сдаетъ ружья. Это рота Л. Гв. Измайловскаго полка и команда матросовъ.

Ко мнѣ ведутъ офицеровъ. Безусые растерянные мальчики.

— Господа, какъ вамъ не стыдно! — говорю я имъ.

Молчатъ. Тупо смотрятъ на меня, сами видимо не понимаютъ, что произошло.

— Вы пошли противъ Временнаго Правительства, — возвышая голосъ говорю я. — Вы измѣнили Родинѣ. Я повѣсить васъ долженъ.

Лица блѣднѣютъ.

— Господинъ генералъ, — лепечетъ одинъ изъ нихъ, мы не шли противъ Временнаго Правительства.

— Куда же вы шли?

— Мы шли... Мы шли въ Гатчино... Охранять Гатчино отъ... отъ разграбленія.

Что я буду дѣлать съ плѣнными? Ихъ 360 человѣкъ, а въ моихъ трехъ сотняхъ едва наберется 200!

Обезоруживши ихъ, я отпускаю ихъ на всѣ четыре стороны. Мнѣ ихъ некуда дѣвать и некѣмъ охранять. Когда еще придетъ 37-ая пѣхотная и 1-ая кавалерійская дивизіи, когда еще подойдетъ XVII армейскій корпусъ. Да и придутъ ли?

Какая опасность отъ этихъ людей?

— Мы можемъ ѣхать обратно? — спрашиваютъ солдаты.

— Поѣзжайте и скажите вашимъ товарищамъ, чтобы они не глупили, говорю я имъ.

— Да мы что! Мы ничего! — добродушно заявляютъ солдаты. — Намъ что прикажутъ, мы то и дѣлаемъ.

Ко мнѣ подъѣзжаетъ казакъ. Варшавская станція занята казаками. Взята въ плѣнъ рота и 14 пулеметовъ. Что прикажете дѣлать съ плѣнными?..

— Обезоружить и отпустить!

Ихъ некуда было дѣвать и прятать, ихъ нечѣмъ было кормить, потому что базы и тыла у насъ не было. Отправлять въ Лугу? — но отношеніе Луги къ намъ неизвѣстно. Посылать въ Псковъ? — но Псковъ явно враждебенъ къ намъ. Оставалось распускать ихъ, надѣясь, что они распылятся, разойдутся по своимъ деревнямъ, на нѣсколько дней станутъ безопасны. А тамъ подойдетъ XVII корпусъ и можно будетъ ихъ, или снова мобилизовать, или, если будетъ надо, посадить за проволоку.

Ясно было, что Гатчино обороняться не будетъ. Я еще отдавалъ на площади передъ Балтійской станціей приказанія, когда мнѣ доложили, что Керенскій уже находится въ Гатчинскомъ дворцѣ и требуетъ меня для распоряженій.

Я нашелъ его въ одной изъ квартиръ Запасной половины. Съ нимъ его адъютанты — молодые люди, капитанъ Свистуновъ, комендантъ дворца, капитанъ Кузьминъ и какія-то двѣ молодыя, нарядно одѣтыя, красивыя женщины. Они закусывали. Обстановка была не для серьезнаго разговора и я увелъ Керенскаго въ другую комнату. Онъ настаивалъ на немедленномъ движеніи дальше. Но съ кѣмъ? Было у меня три сотни и 2 орудія. Гатчино спокойно, но кто знаетъ, каково будетъ настроеніе ея частей, когда они увидятъ, что мы уйдемъ и насъ слишкомъ мало. Даже на разъѣзды не хватитъ!

— Но вы сами видите, что сопротивленія никакого не будетъ. Петроградскій гарнизонъ на нашей сторонѣ, — сказалъ Керенскій.

Я, однако, отказался идти въ разбродъ. Надо было дождаться подхода остальныхъ эшелоновъ, хотя бы своихъ, послать разъѣзды къ Царскому, Красному и Петергофу и всѣми возможными способами выяснить, что

дѣлается въ Петроградѣ. Оттуда непрерывно прибывали юнкера и офицеры, бѣжавшіе отъ большевиковъ, было много частныхъ лицъ, которые всѣ допрашивались мною. Моя жена жила въ Царскомъ Селѣ у подруги моего дѣтства, жены одного артиллерійскаго генерала, мнѣ удалось связаться съ нею городскимъ телефономъ и получить свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ Царскомъ. Всѣ полученныя донесенія сводились къ слѣдующему:

Въ Царскомъ спокойно. Къ вечеру съ великими трудами удалось собрать двѣ роты, одна пошла къ Гатчино, другая къ Красному Селу. Шли въ безпорядкѣ, въ разбродъ.

Въ Петроградѣ идетъ борьба между большевиками и Правительствомъ. На сторонѣ большевиковъ матросы, которыхъ считаютъ до пяти тысячъ и вооруженные рабочіе. На сторонѣ Правительства только юнкера. По существу, Правительства нѣтъ. Оно разсѣялось и никакихъ распоряженій не отдаетъ, но въ Городской думѣ засѣдаетъ какой-то «Комитетъ спасенія Родины и Революціи», который организуетъ борьбу съ большевиками и ведетъ агитацію въ частяхъ Петроградскаго гарнизона. Солдаты держатся пассивно. Никакого желанія выходить изъ города и воевать. Были случаи, что солдатскіе патрули обезоруживались женщинами на улицѣ. Преображенскій и Волынскій полки будто бы рѣшили выступить противъ большевиковъ, какъ только мы подойдемъ къ Петрограду. 1-й, 4-й и 14-й Донскіе полки собираются выступить къ намъ навстрѣчу, къ Пулково, и идти съ нами. Ихъ убѣждаетъ сдѣлать это совѣтъ союза казачьихъ войскъ, который очень энергично работаетъ. Этотъ совѣтъ непрерывно снабжалъ меня донесеніями. Отъ 1-го Донского казачьяго полка пріѣхала даже делегація. Я ее принялъ. Три казака весьма подлаго вида. Косятся, выспрашиваютъ, производятъ внечатлѣніе развѣдчиковъ нашихъ настроеній, а не переговорщиковъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ. Нашъ донской комитетъ, руководимый доблестнымъ и прекраснымъ офицеромъ, подъесауломъ Ажогинымъ, обрушился на нихъ, говоря имъ, что они позорятъ казачье имя, что имъ нельзя будетъ вернуться на Донъ. Они отмалчивались, но уходя заявили — какой же это демократическій комитетъ, когда въ него допущены офицеры?..

Но были свѣдѣнія и менѣе оптимистическія. Они говорили, что Петроградскій гарнизонъ ничто — съ нимъ и сами большевики не считаются. Онъ не выступитъ ни на чьей сторонѣ и ничего дѣлать не будетъ. Опора большевиковъ матросы и красногвардейцы — то-есть вооруженные рабочіе, которыхъ будто бы больше ста тысячъ. Рабочіе очень воинственно настроены и хорошо организованы. Изъ Кронштадта въ Неву пришла «Аврора» и нѣсколько миноносцевъ. Большевистскіе вожди распоряжаются съ подавляющей энергіей и организуютъ все новые полки при полномъ бездѣйствіи Правительства и властей. Верховскій, Полковниковъ и все военное начальство находится въ состояніи растерянности и лавируетъ такъ, чтобы сохранить свое положеніе при всякомъ правительствѣ.

Я это видѣлъ и въ Гатчино. Въ Гатчино находилась школа прапорщиковъ. Почти батальонъ молодыхъ людей отнюдь не большевистскаго настроенія. Но начальство ея выступить съ нами отказалось. Самое большее, что они могли взять на себя — это поставить заставы на дорогахъ и наблюдать за внутреннимъ порядкомъ въ городѣ. Офицеры авіаціонной школы всѣ были съ нами, но боялись своихъ солдатъ и могли только дать два аэроплана, которые полетѣли въ Петроградъ разбрасывать мои

приказы «командующаго арміей, идущей на Петроградъ» и воззванія Керенскаго.

Эшелоны съ войсками приходили туго. Пришло еще двѣ сотни 9-го Донского полка и пулеметная команда, полъ-сотни 1-го Амурскаго полка и совершенно мнѣ ненужный штабъ Уссурійской конной дивизіи.

— А гдѣ Нерчинцы? — спросилъ я у генерала Хрещатицкаго.

— Главкосѣвъ Черемисовъ оставилъ ихъ въ Псковѣ для охраны штаба фронта, — отвѣчалъ Хрещатицкій.

— Да вѣдь вы получили категорическое приказаніе отправить ихъ въ Гатчино.

— Главкосѣвъ приказалъ командиру полка и они высадились, — отвѣчалъ начальникъ дивизіи.

Въ распоряженія Керенскаго и мои вмѣшивались сотни лицъ. Ставка—Духонинъ — бездѣйствовала, была парализована. Изъ Ревеля примчался ко мнѣ офицеръ и передалъ мнѣ, что начальникъ гарнизона отмѣнилъ погрузку 13-го и 15-го Донскихъ полковъ «впредь до выясненія обстановки». Ни 37-й пѣхотной, ни 1-й кавалерійской дивизій, ни частей XVII корпуса не было видно на горизонтѣ. Тщетно справлялся я по всѣмъ телеграфамъ Николаевской дороги. Никакихъ эшелоновъ на сѣверъ не шло. Приморскій полкъ въ Витебскѣ отказался исполнить мой приказъ.

Таково было отношеніе начальства — именно начальства, — то-есть Черемисова въ Псковѣ, начальника гарнизона въ Ревелѣ, Духонина въ Ставкѣ, командира XVII корпуса и начальниковъ дивизій, 37-й пѣхотной и 1-й кавалерійской, къ выступленію большевиковъ. Никто не пошелъ противъ нихъ.

Отозвалась только Луга; — 1-й осадный полкъ въ составѣ 800 человѣкъ рѣшилъ идти на помощь Керенскому и погрузился въ Лугѣ. Да уже ночью ко мнѣ пришелъ отличный офицеръ, капитанъ Артифексовъ, котораго я зналъ по службѣ въ 1-мъ Сибирскомъ полку, командовавшій теперь броневымъ дивизіономъ въ Рѣжицѣ, и обѣщалъ придти ко мнѣ на помощь со своими броневыми машинами.

Разъѣздъ, шедшій на Пулково, встрѣтилъ застрявшій броневикъ «Непобѣдимый» и не долго думая атаковалъ его. Команда «Непобѣдимаго» бѣжала и онъ достался намъ. Въ авіаціонной школѣ нашлись офицеры добровольцы, которые взялись исправить броневикъ и составить его команду. Къ 11-ти часамъ вечера онъ былъ доставленъ на дворъ Гатчинскаго дворца и офицеры принялись его чинить.

Къ вечеру 27-го Октября я имѣлъ: 3 сотни 9-го Донского полка, 2 сотни 10-го Донского полка, 1 сотню 13-го Донского полка, 8 пулеметовъ и 16 конныхъ орудій. То-есть, моихъ людей едва хватало на прикрытіе артиллеріи. Всего казаковъ у меня было, считая съ Енисейцами — 480 человѣкъ, а при спѣшиваніи — 320.

Идти съ этими силами на Царское Село, гдѣ гарнизонъ насчитывалъ 16.000, и далѣе на Петроградъ, гдѣ было около 200.000, — никакая тактика не позволяла; это было бы не безумство храбрыхъ, а просто глупость. Но гражданская война — не война. Ея правила иныя, въ ней — рѣшительность и натискъ все; взялъ же Коршуновъ съ 8-ю енисейцами въ плѣнъ полторы роты съ пулеметами. Обычаи и настроеніе Петроградскаго гарнизона мнѣ были хорошо извѣстны. Ложатся поздно, долго гуляютъ

но трактирамъ и кинематографамъ, за то и утромъ ихъ не поднимешь — захватъ Царскаго на разсвѣтѣ, когда силы не видны, казался возможнымъ; занятіе Царскаго и наше приближеніе къ Петрограду должно было повліять морально на гарнизонъ, укрѣпить положеніе борющихся противъ большевиковъ и заставить перейти на нашу сторону гарнизонъ. Вѣдь — опять-таки думалъ я — идетъ не царскій генералъ Корниловъ, но соціалистическій вождь — демократъ Керенскій, вчерашній кумиръ солдатской толпы, идетъ за то же Учредительное Собраніе, о которомъ такъ кричали солдаты...

Я собралъ комитеты. Въ этой подлой войнѣ они мнѣ были нужны для того, чтобы и то, что у меня было, не развалилось. Высказалъ свои соображенія. Казаки вполнѣ согласились со мною.

На 2 часа утра 28-го Октября было назначено выступленіе.

XIX

«Взятіе» Царскаго Села

Въ 2 часа мнѣ доложили, что отрядъ готовъ. На площади передъ дворцомъ въ резервной колоннѣ стоялъ казачій полкъ, батареи вытянулись по улицѣ. Я объѣхалъ ряды. Все было въ порядкѣ. Головная сотня по моему приказанію вытянулась впередъ, бойко застучали копытами по грязному шоссе лошади дозорныхъ казаковъ. За второю отъ головы сотнею потянулись громыхая казачьи пушки. Гатчино притаилось. Нигдѣ ни огонька, нигдѣ не свѣтится ни одна щель ставни. Врядъ ли спала она въ эту тревожную ночь, когда быстро стучали конскія копыта по камнямъ и тяжело гремѣли и звенѣли пушки?

Было темно. Я попробовалъ вести отрядъ перемѣнными аллюрами, но батареи отставали — пришлось идти шагомъ. Отошли четыре версты, остановились, слѣзли, подтянули подпруги и пошли дальше. Въ восьми верстахъ отъ Гатчино, — не доходя деревни Романова, остановились. Въ чемъ дѣло?

Впереди застава — рота стрѣлковъ. Не пропускаетъ. Что же дѣлаетъ? — Разговариваетъ.

Прорысилъ мимо меня дивизіонный комитетъ съ подъесауломъ Ажогинымъ. Такая «война» была мнѣ противна, но при малыхъ монхъ силахъ приходилось покоряться: — она была выгодна для меня.

Разговоры затягиваются, время идетъ. Близокъ разсвѣтъ. Я командую: — «шагомъ маршъ» и ѣду къ заставѣ. На срединѣ шоссе три офицера стрѣлка и нѣсколько солдатъ.

— Сдавайтесь, господа, говорю я имъ ласково.

— Уже сдаютъ винтовки, говоритъ мнѣ командиръ головной сотни.

Мы ѣдемъ дальше. Въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ видна выстраивающаяся рота безъ оружія. Съ поля, изъ наскоро нарытаго окопа подходятъ люди, несутъ и отдаютъ казакамъ винтовки. Путь свободенъ.

— Куда прикажете вести людей? — спрашиваетъ меня офицеръ стрѣлокъ.

— Оставайтесь въ деревнѣ до обѣда, отдохните, а послѣ обѣда идите домой, въ Царское Село...

Не разстрѣливать же ихъ поголовно? А другого исхода не было. Или на волю, или перестрѣлять.

Въ мутномъ свѣтѣ наступающаго хорошаго солнечнаго дня показалось Царское Село. Опять остановка. Дорогу преграждаетъ цѣпь. Солдатъ много. Не меньше батальона (800 человѣкъ). Раздаются рѣдкіе выстрѣлы. Заставы мои прижались за домами деревни Перелѣсино. Наступаетъ психологическій моментъ — отъ него зависитъ все дальнѣйшее. Я приказываю спѣшить двѣ головныя сотни и выѣхать на позицію тремъ батареямъ. Остальнымъ сотнямъ ихъ прикрывать. Самъ ѣду къ цѣпямъ.

Огонь со стороны стрѣлковъ усиливается. Трещитъ пулеметъ, но все-таки это не настоящій огонь батальона. Или у нихъ мало патроновъ, или они не хотятъ стрѣлять. Я приказываю энергично наступать, а артиллеріи открыть огонь по казармамъ. Тамъ, подлѣ казармъ живетъ моя жена — это знаютъ многіе казаки и офицеры, бывавшіе у нея тогда, когда мы стояли въ Царскомъ. Командиръ батареи деликатно бьетъ на высокихъ разрывахъ. Казармы Царскаго окутываются дымками шрапнелей. Но цѣпи не отходятъ. Идти впередъ? Но насъ до смѣшного мало. Продвигаясь впередъ, мы попадаемъ подъ обстрѣлъ съ обоихъ фланговъ.

Опять выручаютъ Енисейцы. Коршуновъ ведетъ ихъ — всего 30 человѣкъ — въ обходъ.

И цѣпи стрѣлковъ отходятъ. Мы продвигаемся за Перелѣсино. Видны въ концѣ шоссе ворота Царскосельскаго парка. Тамъ все кишитъ людьми. Весь гарнизонъ столпился у воротъ. Если они откроютъ дружный огонь по насъ, то моихъ казаковъ смететъ такъ же, какъ смела 111-ая пѣхотная дивизія монхъ Кубанцевъ. Но они не стрѣляютъ. Похоже, что тамъ митингъ. Дивизіонный комитетъ садится на лошадей и ѣдетъ впередъ. По нему раздается пять, шесть выстрѣловъ. Онъ, не обращая вниманія, ѣдетъ дальше Кучка въ 9 всадниковъ быстро приближается къ толпѣ. Отъ толпы отдѣляется нѣсколько человѣкъ.

Разговоры...

Октябрьское солнце поднимается на блѣдномъ небѣ. Серебрится роса на рыжей травѣ и кочкахъ болота, блестятъ дощатыя крыши домовъ, ярко сверкаютъ зеленые купола Софійскаго собора. День настаетъ, а они все разговариваютъ. Это надо кончить. Я сажусь на свою громадную лошадь и въ сопровожденіи адъютанта, ротмистра Рыкова, и двухъ пѣстовыхъ галопомъ ѣду туда.

Комитетъ окруженъ офицерами стрѣлками. Идутъ разговоры. Или они стараются выиграть время, ожидая помощи (конечно моральной — физической силы у нихъ было слишкомъ достаточно) изъ Петрограда, или сами не знаютъ, что дѣлать.

— Господа, — говорю я имъ. — Не нужно кровопролитія. Сдавайте оружіе и расходитесь по домамъ.

Офицеры соглашаются со мною и идутъ уговаривать стрѣлковъ. Но между стрѣлками расколъ. Часть — около полка — густой колонной отдѣляется впередъ и идетъ къ намъ, чтобы сдать ружья. Но другая часть бѣжитъ въ цѣпь по опушкѣ парка, стараясь отхватить насъ. Я и комитетъ. отъѣзжаемъ къ цѣпямъ.

Въ цѣпяхъ разговариваетъ съ казаками статный, красивый человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ выправкой отличнаго спортсмена въ полувоенномъ платьѣ,

съ амуниціей и биноклемъ. Съ нимъ какіе-то два молодыхъ человѣка и офицеръ-казакъ.

— Савинковъ, говоритъ онъ мнѣ.

Мы здороваемся. Савинковъ распрашиваетъ про обстановку.

— Что вы думаете дѣлать? спрашиваетъ онъ меня.

— Идти впередъ, говорю я. — Или мы побѣдимъ, или погибнемъ; но если пойдемъ назадъ, погибнемъ навѣрно.

Савинковъ соглашается со мною. Онъ говоритъ мнѣ нѣсколько словъ по поводу того, какъ лестно обо мнѣ и любовно отзывались казаки.

Революціонеръ и царскій слуга!

Какъ все это странно!?

Сзади изъ Гатчины подходитъ нашъ почищенный броневикъ, за нимъ мчатся автомобили — это Керенскій со своими адъютантами и какими-то нарядными экспансивными дамами.

— Въ чемъ дѣло, генералъ? отрывисто обращается онъ ко мнѣ. — Почему вы ни о чемъ мнѣ не доносили? Я сидѣлъ въ Гатчинѣ, ничего не зная.

— Доносить было не о чемъ, говорю я. — Все торгуемся.

И я докладываю ему обстановку.

Керенскій въ сильномъ нервномъ возбужденіи. Глаза его горятъ. Дамы въ автомобилѣ, и ихъ видъ праздничный, отзывающій пикникомъ, такъ неумѣстенъ здѣсь, гдѣ только-что стрѣляли пушки. Я прошу Керенскаго уѣхать въ Гатчино.

— Вы думаете, генералъ? щурясь говоритъ Керенскій. — Напротивъ, я поѣду къ нимъ. Я уговорю ихъ.

Я приказываю Енисейской сотнѣ сѣсть на лошадей и сопровождать Керенскаго, ѣду и самъ.

Керенскій врѣзается въ толпу колеблющихся солдатъ, стоящихъ въ двухъ верстахъ отъ Царскаго Села. Автомобиль останавливается. Керенскій становится на сидѣнье и я опять слышу проникновенный, истеричный голосъ. Осенній вѣтеръ схватываетъ слова и несетъ ихъ въ толпу, отрывистыя, тусклыя, уже никому непужныя, желтыя и поблекшія, какъ осенніе листья.

...Завоеванія революціи... Ударъ въ спину... Нѣмецкіе наемники и предатели!..

Казаки енисейцы въѣзжаютъ въ толпу и силой отбираютъ винтовки. Сзади подъѣхалъ нашъ грузовикъ и гора винтовокъ растетъ на немъ.

Обезоруженные солдаты сконфуженно идутъ прямо полемъ къ казармамъ. Но тамъ, у вороть Царскаго настроеніе иное. Тамъ кто-то распоряжается. Цѣпи выходятъ изъ парка, они учуяли нашу малочисленность и стараются окружить насъ. Съ моего праваго фланга тревожныя донесенія. На него изъ Павловска наступаютъ цѣпи и оттуда стрѣляетъ батарея.

Я прошу Керенскаго отъѣхать назадъ и вызываю взводъ Донской батареи; той самой батареи, которая не разъ выручала меня въ тяжелыя минуты въ настоящей войнѣ. Донскія пушки становятся на шоссе въ какой-нибудь верстѣ отъ цѣпей и громаднаго скопища солдатъ у вороть Царскосельскаго парка. Молодцовъ артиллеристовъ можно перестрѣлять, какъ куропатокъ. Я и енисейцы отъѣзжаемъ въ боковыя улички предмѣстья.

Наступаетъ томительная тишина. И вдругъ — тахъ, тахъ, тахъ, — затрещали ружья по нашему лѣвому флангу.

— Первое!.. — раздалась команда, — пли!

И за первой, почти сливаясь, ударила вторая пушка. И затихла. Два бѣлыхъ мячика разрыва отчетливо сверкнули надъ самыми головами центральной толпы. И будто слизнули они все это море головъ и блестящихъ штыками винтовокъ. Все стало пусто. Вся эта громадная многотысячная толпа метнулась въ сторону и побѣжала сломя голову къ станціи, наваливаясь въ вагоны и требуя отправки въ Петроградъ.

Казаки стали входить въ Царское.

Въ сумеркахъ Царское было занято. Солдаты гарнизона, не успѣвшіе убѣжать по желѣзной дорогѣ, попрятались въ казармы, отказывались выдать оружіе, но и не предпринимали ничего враждебнаго противъ насъ. Казаки почти безъ сопротивленія овладѣли станціей желѣзной дороги, подошли къ Александровской и заняли радіостанцію и телефонъ.

Побѣда была за нами, но она съѣла насъ безъ остатка.

XX

Въ Царскомъ Селѣ

До часа ночи я оставался на окраинѣ Царскаго Села, устанавливая связь со своими частями. Тактически мнѣ не надо было входить въ Царское. Окруженное громадными парками съ путанными дорожками, представляющее изъ себя множество домовъ, легкихъ для обороны и трудныхъ для атаки, требующее большого гарнизона для наблюденія за порядкомъ — оно было мнѣ не нужно. Но политически нужно было не только войти въ него, но и занять дворцы, сѣсть въ нихъ прочно, выкурить оттуда мѣстныя силы. Царское занято тогда, когда Керенскій будетъ сидѣть во дворцѣ, а я на своей старой штабъ-квартирѣ — въ служительскомъ домѣ дворца Маріи Павловны; безъ этого Царское не повѣритъ, что оно взято, а не повѣритъ Царское — не повѣритъ и Петроградъ. Въ часъ ночи я перешелъ въ центръ Царскаго Села и маленькая горсть казаковъ, всего двѣ сотни, стала на дворѣ дворца Маріи Павловны. Надо было отдохнуть, накормить людей и лошадей, обдумать положеніе.

И опять для того, чтобы продолжить моральную побѣду, надо было идти, не останавливаясь, буде возможно тою же ночью — на Петроградъ.

Хорошо идти? Но съ кѣмъ?

За весь день, 28 Октября, къ намъ подошло три сотни 1-го Амурскаго казачьяго полка, но амурцы заявили, что «въ братоубійственной войнѣ принимать участія не будутъ, что они держатъ нейтралитетъ» и отказались даже выставить заставы для охраны Царскаго Села и смѣнить усталыхъ донцовъ... Они стали въ деревняхъ, не доходя до Царскаго Села.

Тѣ люди, которые шли со мною были сильно утомлены. Они двое сутокъ провели безъ сна въ непрерывномъ нервномъ напряженіи. Лошади отупѣли, не имѣя отдыха. Необходимо было дать передышку. Но мои люди не столько устали физически, сколько истомились въ ожиданіи помощи. Комитеты мнѣ заявили, что казаки до подхода пѣхоты дальше не пойдутъ. Надежда на то, что кто-либо подойдетъ за день и желаніе лучше

выяснить обстановку заставила меня назначить на 29 Октября дивизию въ Царскомъ Селѣ.

Офицеры моего отряда — все Корниловцы — возмущались поведеніемъ Керенскаго. Онъ обѣщалъ дать помощь, но онъ не только не даетъ намъ посторонніхъ войскъ, но и не можетъ принудить вернуть корпусу части, входящія въ него. Его популярность пала, онъ ничто въ Россіи и глупо поддерживать его. Вѣроятно подъ вліяніемъ разговоровъ съ офицерами и казаками, которые говорили: — пойдемъ съ кѣмъ угодно, но не съ Керенскимъ, ко мнѣ зашелъ Савинковъ и предложилъ мнѣ убрать Керенскаго, арестовать его и самому стать во главѣ движенія.

— Съ вами и за вами пойдутъ всѣ, говорилъ мнѣ Савинковъ.

Но я зналъ, что это было не такъ. Я былъ генералъ, это во-первыхъ. Во-вторыхъ мое отношеніе къ войнѣ и побѣдѣ было слишкомъ хорошо извѣстно солдатскимъ массамъ. Я могъ усмирить солдатское море не изъ Петрограда, а изъ Ставки, ставши Верховнымъ Главнокомандующимъ и отдавши приказъ о немедленномъ перемиріи съ нѣмцами на какихъ угодно условіяхъ. Только такая постановка дѣла могла привлечь на мою сторону солдатскія массы. Но, конечно, на это я не могъ пойти. Да это не спасло бы Россію отъ разгрома. Съ этимъ не согласились бы офицеры и лучшая часть общества. А безъ этого, — безъ мира — сверженіе и арестъ Керенскаго только сдѣлали бы изъ него героя и еще болѣе усилили бы разруху.

Была и еще одна деликатная сторона дѣла. Керенскій явился ко мнѣ искать у меня спасенія и помощи. Я не отказалъ въ ней, я не прогналъ его сразу. Онъ былъ до нѣкоторой степени гостемъ у меня, онъ мнѣ довѣрился и арестовывать его было бы не честно, не благородно, не по-солдатски. Я отвергъ предложеніе Савинкова.

Но съ извѣстными настроеніями казаковъ все-таки приходилось считаться. 9-й Донской казачій полкъ волновался. Ко мнѣ явился войсковой старшина Лаврухинъ, окруженный крайне возбужденными казаками, почти съ требованіемъ немедленно удалить Керенскаго изъ отряда, потому-что казаки ему не вѣрятъ, считаютъ, что онъ идетъ за одно съ большевиками и предаетъ насъ для того, чтобы уничтожить единственныхъ вѣрныхъ Правительству людей, а отчасти мстя за участіе въ походѣ съ Корниловымъ. На мое счастіе въ Царское пріѣхали Станкевичъ и Войтинскій. Я просилъ ихъ поговорить съ казаками и разъяснить имъ всю политическую сторону борьбы и необходимость наступленія на Петроградъ во что бы то ни стало, а самъ отправился къ Керенскому. Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось уговорить его переѣхать въ Гатчино, гдѣ отношеніе было лучше, куда прибылъ мой штабъ корпуса, установилъ аппаратъ Юза со Ставкой и откуда онъ могъ скорѣе подать намъ помощь.

Другой моею заботою было усилить до предѣловъ возможнаго свой отрядъ за счетъ Царскосельскаго гарнизона. Неужели изъ 16.000 солдатъ стрѣлковъ не найдется хотя бы одной тысячи, которая согласилась бы пойти съ нами! Я вызвалъ офицеровъ къ себѣ. Они всѣ были противъ большевиковъ и обѣщали повліять на солдатъ. Начались митинги. Но резолюціи были самыя неутѣшительныя. Солдаты обѣщали не вмѣшиваться въ «братоубійственную» войну и держать полный нейтралитетъ. Я и этому долженъ былъ быть радъ, по крайней мѣрѣ не ударятъ въ спину.

Въ Царскомъ Селѣ находилась пулеметная команда 14-го Донского казачьяго полка. Я вызвалъ ея офицеровъ и комитетъ. Явились самые настоящіе большевики. Злые, упорные, тупые, все ненавидящіе. Тщетно и я и чины дивизіоннаго комитета говорили имъ о любви къ Дону, о необходимости согласія всѣхъ казаковъ между собою, о призывѣ отъ совѣта союза казачьихъ войскъ стать на защиту правительства. Напрасно простые казаки комитета, энергично разрушая программу большевистскихъ вождей, говорили: «намъ, господа, казакамъ, съ большевиками никакъ не по пути», — представители 14-го полка уперлись, какъ бараны, что они заодно съ Ленинымъ, что Ленинъ за миръ и категорически отказались помочь.

Весь день прошелъ въ безплодныхъ переговорахъ. Пришли ко мнѣ помогать нѣсколько человѣкъ юнкеровъ изъ Петрограда, запасная сотня оренбурцевъ Л. Гв. Своднаго казачьяго полка, вооруженная одними шашками и предводительствуемая очень лихимъ юношей, два орудія запасной конной батареи изъ Павловска, наполовину безъ прислуги, отличный блиндированный поѣздъ, да къ вечеру я узналъ, что три сотни 9-го Донского казачьяго полка высадились въ Гатчино. Я послалъ имъ приказаніе спѣшно выступить походомъ къ Царскому Селу.

Итакъ, къ вечеру 29 Октября, мои силы были — 9 сотень, или 630 конныхъ казаковъ, или 420 спѣшенныхъ, 18 орудій, броневикъ «Непобѣдимый» и блиндированный поѣздъ. Если настроеніе Петроградскаго гарнизона такое же, какъ настроеніе гарнизоновъ Гатчины и Царскаго Села — войти въ городъ будетъ возможно... А тамъ? Тамъ это будетъ уже дѣло Керенскаго, Войтинскаго и Станкевича, дѣло комитета спасенія Родины и Революціи, дѣло совѣтовъ союза казачьихъ войскъ, наконецъ, дѣло Савинкова и министровъ организовать гарнизонъ Петрограда и произвести съ помощью его, а не насъ, необходимую чистку города и аресты.

Керенскій, Савинковъ и Станкевичъ настаивали на наступленіи. По ихъ свѣдѣніямъ въ Петроградѣ борьба съ большевиками въ полномъ разгарѣ. Насъ ждутъ, мы должны придти и спасти жителей города и Россію отъ большевистскаго ига. Вечеромъ ко мнѣ явились комитеты 1-й Донской и Уссурійской дивизій. Подъесаулъ Ажогинъ конфузясь и стѣсняясь заявилъ, что казаки отказываются идти на Петроградъ одни, безъ пѣхоты. Если пѣхота не приходитъ — значитъ она вся противъ правительства и идетъ съ большевиками. Намъ однимъ все равно ее не побѣдить. Я горячо началъ возражать имъ. Я говорилъ, что пѣхота сама не знаетъ, чего она хочетъ. Заняли же мы безъ боя Гатчино и Царское? Какъ можемъ мы отказываться идти впередъ, не зная, что будетъ. А если правда, что 1-й, 4-й и 14-й Донскіе полки выйдутъ намъ навстрѣчу, если Преображенцы и Волынцы только и ожидаютъ насъ. Мы должны развѣдать, узнать все и тогда рѣшить. Я самъ понимаю, что девятью сотнями намъ Петрограда не взять, да если бы и взяли, такъ не охранили бы, но къ намъ примкнутъ сотни тысячъ людей; будетъ великимъ позоромъ для нашихъ славныхъ знаменъ, если мы откажемся даже развѣдать.

— Вы меня знаете за всю войну, горячо говорилъ я казакамъ. — Развѣ я водилъ васъ когда-либо очертя голову? Сдѣлаемъ развѣдку, произведемъ усиленную рекогносцировку съ боемъ, а тогда и увидимъ, кто нашъ противникъ. И, если нельзя — то нельзя. Отойдемъ, будемъ обороняться и ждать помощи.

— Не придетъ эта помощь! Всѣ противъ насъ! — съ тоскою сказалъ кто-то изъ казаковъ.

Но комитетъ сдался. — Попробовать надо, раздавались голоса. — Какъ же такъ, безъ развѣдки-то никакъ не возможно. Генералъ правъ...

Разошлись, постановивъ на томъ, что мой приказъ исполнять точно. Я понималъ, что при такомъ настроеніи казаковъ печего было и думать о серьезномъ боѣ, да и мало было насъ — и отдалъ приказъ объ усиленной рекогносцировкѣ въ направленіи на Пулково.

Всю ночь казачьи заставы перестрѣливались съ матросами у Александровской станціи. Небольшая команда матросовъ прошла къ віадуку, лежащему между Александровской и р. Пудостью и здѣсь обстрѣляла поѣздъ, шедшій съ осаднымъ полкомъ изъ Луги. Солдаты осаднаго полка остановили поѣздъ, частью сдались, частью разбѣжались, куда глаза глядятъ, бросивши свои пушки на платформахъ. Мнѣ стоило большого труда уже своими казаками, офицерами и юнкерами при помощи броневого поѣзда довезти эти пушки обратно въ Гатчино.

Отъ Артифексова — ничего. Позднѣе я узналъ, что его дивизіонъ отказался грузиться въ Рѣжицѣ. Онъ повелъ его походомъ. Но на пути солдаты взбунтовались. Ему пришлось двоихъ застрѣлить изъ револьвера и только этимъ спастись и бѣжать отъ своего дивизіона.

Да... Не везло...

Рано утромъ 30-го, прорвавшійся изъ Петрограда гимназистъ передалъ мнѣ клочокъ бумаги, величиной немного болѣе гербовой марки, на которомъ стоялъ бланкъ совѣта союза казачьихъ войскъ и мелко было написано:

«Положеніе Петрограда ужасно. Рѣжутъ, избиваютъ юнкеровъ, которые «являются пока единственными защитниками населенія. Пѣхотные полки ко«леблются и стоятъ. Казаки ждутъ, пока пойдутъ пѣхотныя части. Со«вѣтъ союза требуетъ вашего немедленнаго движенія на Петроградъ. Ваше «промедленіе грозитъ полнымъ уничтоженіемъ дѣтей-юнкеровъ. Не забывайте, «что ваше желаніе безкровно захватить власть — фикція, такъ какъ здѣсь «будетъ поголовное истребленіе юнкеровъ. Подробности узнаете отъ по«сланныхъ. *

Предсѣдатель А. Михѣевъ.
Секр. Соколовъ».

Я объявилъ эту записку собравшимся казакамъ и казалось поднялъ въ нихъ настроеніе.

XXI

Бой подъ Пулковымъ

Свѣжій осенній день. То солнце, то косой холодный дождь. На западной окраинѣ Царскосельскаго парка въ виду Александровской станціи выстраивается мой отрядъ. У Александровской идетъ рѣдкая перестрѣлка.

Я направляю сотню 13-го полка по шоссе на Красное Село на дер.

* Эта записка совершенно случайно сохранилась у меня въ одной изъ моихъ записныхъ книжекъ. Печальный свидѣтель начала кроваваго кошмара.

Сузи, — сотню 9-го полка на Петроградское шоссе на дер. Рѣдкое Кузьмино, полусотню на нижнюю дорогу на Большое Кузьмино въ обходъ Пулково, взводъ на Славянку и къ Колпино. Ушли... и у меня почти никого не осталось. Ожидаю донесеній. Обстановка совсѣмъ какого либо малаго маневра подъ Краснымъ Селомъ. Даже и развѣдка на короткѣ... Не прошло и часа, какъ я получилъ извѣстіе, что сотни остановились. У Сузи и у Кузьмино началась перестрѣлка.

Идемъ на выстрѣлы. Броневой поѣздъ продвигается по Варшавской вѣткѣ къ Петрограду.

Я выѣзжаю въ Кузьмино. По Кузьмину уже свищутъ пули. Приходится слѣзать и идти пѣшкомъ. За мною цѣлая свита, чего я такъ не люблю. Савинковъ не отстаетъ отъ меня, какъ бы рисуясь своимъ нахожденіемъ въ цѣпяхъ. Съ нимъ два какихъ-то штатскихъ, только-что прибывшихъ изъ Петрограда. Мнѣ называютъ ихъ. Кажется, господа Гоцъ и Данъ. Мнѣ эти имена ничего не говорятъ. Я ихъ не знаю, но знаю одно, что имъ не мѣсто въ цѣпяхъ, въ бою и я ихъ подъ разными предлогами удаляю. Помогаетъ мнѣ въ этомъ и все усиливающійся огонь противника. Часто свистящія пули заставляютъ исчезнуть съ поля битвы какихъ-то гимназистовъ-велосипедистовъ, офицера съ двумя барышнями, вышедшими изъ дачъ посмотрѣть на бой. Только мужики и бабы съ ребятишками все не могутъ понять, что это не маневры и никакъ не уходятъ. Офицеры прогоняютъ ихъ.

— Ну чего гонишь то! Эка невидаль. Сколько маневровъ-то тутъ было. Никогда не гоняли. И царь пріѣзжалъ и то не гоняли, — ворчатъ мужики.

Но появляются раненые и настроеніе мѣняется. Рѣдкое Кузьмино пустѣетъ. Посторонникъ никого. Одинъ Савинковъ безстрашно ходитъ по цѣпямъ и смотритъ въ бинокль на Пулково.

Съ окраины дер. Рѣдкое Кузьмино, гдѣ залегли казаки, позиція противника и вся мѣстность до Петрограда видны отлично. За Рѣдкимъ Кузьминымъ глубокій оврагъ, по дну котораго въ осыпяхъ голубой глины течетъ рѣка Славянка. Этотъ оврагъ отдѣляетъ насъ отъ большевиковъ. За оврагомъ небольшая деревушка, потомъ Пулково. Всѣ склоны Пулковской горы изрыты окопами и черны отъ красной гвардіи. Даже на глазъ можно сказать, что тамъ не менѣе пяти, шести тысячъ. Они то разсыпаются въ цѣпи, то сбиваются въ кучи. Густыя, длинныя цѣпи ихъ спускаются внизъ и идутъ къ оврагу. Въ бинокль видно, что это не солдаты. Цѣпи двухъ видовъ. Однѣ въ черныхъ штатскихъ пальто, идутъ неровно, то подаются впередъ, то бѣгутъ назадъ — это красная гвардія. Другія одѣтыя въ черные, короткіе бушлаты, наступаютъ, соблюдая строгое равненіе, быстро залегаютъ, примѣняясь къ мѣстности — это матросы. Красная гвардія въ центрѣ, на Пулковой горѣ, матросы по флангамъ. Три броневика работаютъ по шоссе. Они снабжены пушками и обстрѣливаютъ Рѣдкое Кузьмино. Другой артиллеріи — пока нѣтъ.

Моя сила въ артиллеріи и броневомъ поѣздѣ. Я разставилъ батареи за Рѣдкимъ Кузьминымъ — одну батарею вызвалъ совсѣмъ открыто передъ Рѣдкое Кузьмино и артиллерійскимъ огнемъ держу противника въ почтительномъ отдаленіи. Одинъ изъ нашихъ снарядовъ поналъ подлѣ броневика и видно какъ изъ него убѣжала команда, а броневикъ остался стоять за

дер. Сузи. Кто-то, вѣроятно, начальникъ и распорядитель боя носился въ автомобилѣ по шоссе, но и его остановили на шоссе удачнымъ попаданіемъ...

Слѣва мои пулеметчики перешли въ наступленіе и заставили отойти противника къ деревнѣ Сузи. Мнѣ уже было очевидно, что противникъ рѣшилъ сопротивляться, что однимъ огнемъ артиллеріи его не собьешь, а живой силы, чтобы надавить на него, у меня недостаточно, рекогносцировка дала свои результаты, но я не уходилъ. У меня были другія ожиданія. Громъ пушекъ подъ самымъ Петроградомъ, извѣстіе, что мы деремся подъ Пулково, должны же были какъ-нибудь повліять на Петроградскій гарнизонъ и на донскіе полки, тамъ находящіеся. Если они станутъ на нашу сторону, если въ Петроградѣ произойдетъ возстаніе не однихъ юнкеровъ — Пулково будетъ очищено. Но на это нужно время. Хотя бы до вечера. И до вечера надо драться. Около полудня я получилъ донесеніе, что большая колона с о л д а т ъ — тысячъ до десяти, движется отъ Московскаго шоссе на перерѣзъ Варшавской желѣзной дороги, выходя намъ въ тылъ къ Большому Кузьмину. Я послалъ броневой поѣздъ и тридцать конныхъ казаковъ. Послѣ получаса томительнаго ожиданія донесеніе: колона — Л. Гв. Измайловскій полкъ, въ полномъ составѣ, послѣ первой же шрапнели бѣжалъ въ безпорядкѣ, одинъ офицеръ взятъ въ плѣнъ.

Офицера привели ко мнѣ. Онъ показалъ, что солдаты, услышавши выстрѣлы подъ Пулковымъ выступили въ весьма воинственномъ настроеніи. Но по мѣрѣ того, какъ подходили ближе къ мѣсту боя, настроеніе падало. Онъ съ комиссаромъ полка пошли впередъ, чтобы подать примѣръ. Когда подошелъ поѣздъ, они залегли въ канавѣ. Послѣ перваго выстрѣла комиссаръ выскочилъ изъ канавы и побѣжалъ къ полку съ крикомъ: «спасайся, кто можетъ». Офицеру показалось совѣстно лежать въ канавѣ, онъ пошелъ къ поѣзду и сдался. Полкъ разбѣжался.

Разговоры объ этомъ произвели сильное впечатлѣніе на молодого офицера Л. Гв. Своднаго Казачьяго полка, стоявшаго за неимѣніемъ винтовокъ у его казаковъ въ бездѣйствіи сзади Александровской. Онъ прискакалъ ко мнѣ и просилъ разрѣшить ему атаковать деревню Сузи.

— Погодите, сказалъ я ему. — Еще рано. Вы атакуете вмѣстѣ со всѣми.

Но не понялъ ли онъ меня, или уже очень хотѣлось ему отличиться и потѣшиться надъ большевиками, но не прошло и пяти минутъ, какъ за домами стали мелькать конныя фигуры скачущихъ казаковъ. Ко мнѣ подошелъ полковникъ Поповъ и съ тревогою спросилъ: «вы приказывали атаковать оренбуржцамъ».

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.

— Смотрите, они уже атакуютъ!

Вернуть было невозможно. Сотня оренбургской молодежи съ беззавѣтною лихостью развернулась въ лаву и ринулась на деревню Сузи, занятую матросами.

Мы всѣ вышли изъ-за домовъ слѣдить за нею. Казалось, что вотъ-вотъ она достигнетъ своей цѣли и — кто знаетъ — потрясетъ противника. Правѣе Сузи, внѣ поля атаки, цѣлыя толпы черныхъ фигуръ въ безпорядкѣ кинулись бѣжать. Но это были красногвардейцы. Матросы стойко оставались

на мѣстахъ. Донцы пулеметчики бѣгомъ побѣжали впередъ, чтобы пулеметнымъ огнемъ помочь атакующей части...

Но казаки наткнулись на болотную канаву. Лошади стали вязнуть и атака остановилась. Еще секунда напряженнаго волненія. Видно, какъ люди выстрѣлами, едва не въ упоръ, падаютъ люди. Командиръ сотни убитъ. И сотня — кто верхомъ, кто, соскочивши съ лошади, пѣшкомъ побѣжала назадъ. Освободившіяся отъ всадниковъ лошади задравши хвосты метались вдоль фронта и падали, сраженныя пулями матросовъ.

Потери сотни были не такъ велики, какъ того можно было ожидать. Убить командиръ сотни и около 18-ти казаковъ было ранено, да погибло до сорока лошадей, но морально эта неудачная атака была очень невыгодна для насъ. Она показала стойкость матросовъ. А матросы численно болѣе нежели въ 10 разъ превосходили насъ. Какъ же было бороться при такихъ условіяхъ?

Бой сталъ затихать. Прибывшія изъ Гатчино двѣ сотни 9-го полка съ великою неохотою спѣшивались и вступали въ бой. То та, то другая батарея смолкала. Снаряды были на исходѣ. Патроновъ было мало. Я послалъ за снарядами и патронами въ Царское Село. Но тамъ у артиллерійскаго склада стояла сильная вооруженная команда, которая сказала, что въ виду заявленнаго нейтралитета она никому ни снарядовъ, ни патроновъ не дастъ.

Ко всему этому на Пулковской горѣ матросы установили морское дальнобойное орудіе и начали обстрѣливать мой тылъ, бросая снаряды вдоль шоссе по коноводамъ. Снаряды долетали и до Царскаго Села и падали возлѣ Экономическаго Общества и дворца Великой Княгини Маріи Павловны. Это начало вліять на Царскосельскій гарнизонъ. Во всѣхъ полкахъ собрались митинги.

Царскосельская молодежь, студенты, лицеисты и кадеты, кто верхомъ, кто на велосипедѣ, кто на извощикѣ, все время поддерживали связь со мною, сообщая мнѣ о всемъ, что творится у меня въ тылу. Они безстрашно проникали въ казармы, присутствовали на митингахъ, нѣкоторые даже вступали въ споры, и поставляли меня въ извѣстность о всѣхъ резолюціяхъ Царскосельскаго гарнизона.

Резолюціи были одинаковы: — потребовать отъ казаковъ прекращенія боя съ угрозой, что иначе весь гарнизонъ съ оружіемъ въ рукахъ выйдетъ казакамъ въ тылъ. Эти резолюціи волновали коноводовъ. Обременные, кто тремя, кто четырьмя лошадьми, они чувствовали себя подъ такою угрозой совсѣмъ плохо.

Смеркалось. Короткій осенній день смѣнялся сумерками ненастной ночи. Моросилъ дождь. Артиллерійскій огонь смолкалъ. Батареи безъ приказа отходили назадъ. Матросы, не сдерживаемые артиллерійскимъ огнемъ, перешли въ наступленіе. Съ большимъ искусствомъ они стали накапливаться на обоихъ флангахъ; не только Большое Кузьмино было занято ими, но они выходили уже на Варшавскую желѣзную дорогу, на царскую вѣтку и приближались къ станціи Царское Село, выходя мнѣ въ тылъ. Пули прорѣзывали деревню Рѣдкое Кузьмино съ трехъ сторонъ. Я приказалъ отойти за полотно Варшавской дороги. Уходилъ я послѣднимъ. У меня болѣла лѣвая нога и я хромая не могъ поспѣвать за быстро уходящими казаками. Матросы уже входили въ Рѣдкое Кузьмино,

непрерывно стрѣляя. Но стрѣляли они плохо. Казаки, укрываясь за домами, перебѣгали отъ дома къ дому, я шелъ съ подъесауломъ Кульгавовымъ и ротмистромъ Рыковымъ прямо по дорогѣ. Пули свистали близко, но ни одна не попала.

Съ трудомъ перелѣзъ я черезъ крутую насыпь желѣзной дороги и прошелъ въ одну изъ ближайшихъ дачъ, чтобы написать приказъ объ отходѣ. Въ ста шагахъ вдоль по насыпи лежала рѣдкая казачья цѣпь. Дальше все Рѣдкое Кузьмино было полно матросами и красногвардейцами. Они подходили уже и къ станціи Александровской, но изъ Рѣдкаго Кузьмина не выходили. Боялись темноты.

Черная непогодливая ночь наступала.

XXII

«Перемиріе» съ большевиками

Въ несуразной обстановкѣ дачной гостиной — дачи, спѣшно покинутой жильцами, при свѣтѣ кухонной чадной лампочки, достанной у дворника, я писалъ приказъ «III конному корпусу». «Усиленная рекогносцировка, произведенная сегодня выяснила то, что... для овладѣнія Петроградомъ считаю нашихъ силъ недостаточно... Царское село постепенно окружается матросами и красногвардейцами... Необходимость выжидать подхода обѣщанныхъ силъ вынуждаетъ меня отойти къ Гатчино, гдѣ занять оборонительное положеніе... для чего: — головной отрядъ и т. д.».

Къ чему я это писалъ? Развѣ что для исторіи. Въ «обѣщанныя силы» никто не вѣрилъ. Онѣ были обѣщаны и имъ послано приказаніе еще 25 Октября, прошло пять дней и никто не подошелъ. Зрѣли планы отсидѣться въ Гатчино за рѣками Пудостью и Ижорой, укрѣпить мосты. А тамъ, что Богъ дастъ. Въ крайности, въ случаѣ нажима непріятеля отходить съ боемъ на Донъ. Лишь бы люди дрались, не измѣнили и не предали.

Командиры полковъ, батарей и сотенъ собирались получить приказанія. Лица хмурыя, недовѣрчивыя, усталыя. Чувствуется глубокое разочарованіе и страшный надрывъ. Тяготитъ и безпокоитъ вопросъ о раненыхъ и убитыхъ. Не бросать же ихъ большевикамъ. Мы видали сегодня утромъ трупы солдатъ осаднаго полка. Они были раздѣты и изуродованы красной гвардіей до неузнаваемости.

Глухою ночью, когда зги не было видно, подошли коноводы къ опушкѣ парка, цѣпи незамѣтно сошли съ насыпи и разошлись по лошадямъ. Я не могъ идти и послалъ за своею лошадью. Долго отыскивали ее, наконецъ, ее подали. Ничего не видно со свѣта.

— Алпатовъ, гдѣ вы? — окликнулъ я. Лошадь узнала мой голосъ и отвѣтила тихимъ ржаніемъ.

— Я здѣсь, отвѣчалъ Алпатовъ. Я ощупью нашелъ стремя и сѣлъ. Поѣхалъ за полками въ Царское. На штабной квартирѣ никого. Ожидаетъ послѣдній мой автомобиль. Я послалъ его за моей женой: ей уже не безопасно было оставаться въ Царскомъ. Казармы стрѣлковъ ярко освѣщены и въ окнахъ толпятся солдаты. Ни выстрѣловъ, ни криковъ. Насъ пятеро конныхъ ѣдетъ мимо нихъ темными силуетами, мелькая вдоль

парка. «Кто ѣдетъ?» — Молчимъ. Зловѣщая тишина провожаетъ насъ. Въ небѣ не видно звѣздъ. Мелкій надоѣдливый дождь начинаетъ накрапывать.

За Царскимъ Селомъ я пошелъ рысью, нагналъ и сталъ обгонять полки. Шли въ порядкѣ. Пулеметчики 9-го полка шли пѣшкомъ и волокли за собою пулеметы. Коноводы ихъ удрали и не подали имъ лошадей. Но ругали они коноводовъ, а со мною разговаривали безъ озлобленія.

Около часа ночи я былъ въ Гатчино. Керенскій меня ожидалъ. Онъ былъ растерянъ.

— Что же дѣлать, генералъ? спросилъ онъ меня.

— Будетъ помощь? спросилъ я его.

— Да, да, конечно. Поляки обѣщали прислать свой корпусъ. Навѣрно будетъ.

— Если подойдетъ пѣхота, то будемъ и драться и возьмемъ Петроградъ. Если никто не придетъ — ничего не выйдетъ. Придется уходить.

Отдалъ распоряженіе на всѣ дороги къ переправамъ поставить заставы съ артиллеріей, и глубокою ночью прилегъ отдохнуть. Не успѣлъ я заснуть, какъ меня разбудили. У меня полковникъ Марковъ, командиръ артиллерійскаго дивизіона.

— Ваше превосходительство, взволнованно говоритъ онъ, — казаки отказываются идти на заставы и не берутъ снарядовъ. Сказали, что по своимъ больше стрѣлять не будутъ.

— Передайте, что я приказываю разобрать снаряды и выполнить мой боевой приказъ.

Едва ушелъ Марковъ, какъ явился Лаврухинъ и заявилъ, что 9-й Донской полкъ не взялъ патроновъ и не пошелъ на заставы. Гатчино никѣмъ не охраняется.

Наканунѣ вечеромъ пришли двѣ сотни 10-го Донского полка изъ Острова. Я направилъ ихъ на заставы и ожидалъ установки съ ними связи. Рано утромъ поѣхалъ ихъ провѣрить. Въ Гатчино спокойно, но какъ-то сумрачно. Донцы 10-го полка устроили окопы, перекопали шоссе, чтобы броневыя машины не могли подойти, смотрятъ на холодныя воды рѣки Пудости и говорятъ: — никогда красногвардеецъ въ бродъ не пойдетъ, а тутъ удержимъ.

На душѣ стало немного спокойнѣе. Поѣхалъ назадъ уговаривать артиллерію. На дворцовомъ дворѣ, гдѣ стояли казаки, нашелъ толпы казаковъ и среди нихъ матросовъ. Это прибыли переговорщики. Они вели переговоры не отъ себя, а отъ таинственнаго союза желѣзнодорожниковъ «викжеля». «Викжель» уговаривалъ прекратить братоубійственную войну и сговориться миромъ. Онъ угрожалъ въ противномъ случаѣ желѣзнодорожной забастовкой. Это было послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія казаковъ. Идея мира на внутреннемъ фронтѣ казалась имъ не менѣе заманчивой, нежели идея мира на фронтѣ внѣшнемъ. Всѣ, даже самые солидные казаки, носились съ этою идеею и находили ее прекрасной. Я вызвалъ комитеты. Говорятъ одно, но думаютъ другое.

«Никогда Донскіе казаки не подпадутъ подъ власть Ленина и Бронштейна»... «Этому не бывать». «Намъ съ большевиками не по пути!»...

И рядомъ съ этимъ: — «отчего не вступить въ мирные переговоры, можетъ быть, до чего-нибудь и договоримся. Что же, развѣ большевики не

люди?» «Они тоже драться не хотятъ». «Это дѣло Керенскаго». «Онъ заварилъ кашу, онъ пускай и расхлебываетъ». «Время протянется, можетъ быть, къ намъ и подойдетъ кто. Тогда со свѣжими силами можно и снова войну начать». «Все одно намъ, однимъ казакамъ, противъ всей Россіи не устоять. Если вся Россія съ ними — что же будемъ дѣлать?»

Тщетно я, Ажогинъ и фельдшеръ Ярцевъ, лихой казакъ, перевязывавшій мнѣ рану, когда меня ранили въ 1915 году въ бою подъ Незвиской, уговаривали и доказывали, что съ большевиками мира быть не можетъ — у казаковъ крѣпко засѣла мысль не только мира съ ними, но и черезъ посредство большевиковъ отправленія домой на Донъ, и съ этимъ уже не было никакой силы бороться. Въ концѣ переговоровъ ко мнѣ пришелъ адъютантъ Керенскаго, онъ просилъ меня, предсѣдателя комитета и начальника штаба придти къ нему на совѣщаніе.

Въ дворцовой гостиной запасной половины Керенскій насъ ожидалъ. Онъ получилъ телеграмму отъ Викжеля повидимому съ ультимативными требованіями сговориться съ большевиками. Съ нимъ былъ капитанъ Кузьминъ и Ананьевъ, члены совѣта союза казачьихъ войскъ; онъ послалъ за Савинковымъ и Станкевичемъ.

Разговоръ шелъ о высшей политикѣ. Возможно или невозможно примиреніе съ большевиками? Керенскій стоялъ на томъ, что если хотя одинъ большевикъ войдетъ въ правительство, то все пропало, работа станетъ невозможна, Станкевичъ полагалъ, что съ большевиками сговориться все-таки можно, допускъ ихъ къ власти и сознаніе отвѣтственности за эту власть ихъ должно отрезвить, Савинковъ настаивалъ на продолженіи военныхъ дѣйствій, говорилъ, что надо отстояться въ Гатчино, онъ самъ сейчасъ поѣдетъ къ командиру польскаго корпуса Довборъ-Мусницкому, который готовъ драться, Войтинскій поѣдетъ въ Псковъ и Ставку, а разъ явится сила, то можно будетъ сломить большевиковъ.

Я, начальникъ штаба, полковникъ Поповъ, и подъесаулъ Ажогинъ молчали. Образованіе новаго министерства съ большевиками, или безъ нихъ — это было дѣло правительства, а не войска, и насъ не касалось.

На вопросъ, поставленный мнѣ Савинковымъ, можемъ ли мы продержаться нѣсколько дней въ Гатчинѣ, я отвѣтилъ, оцѣнивая позицію у Пудости и Тайцъ и боеспособность красной гвардіи — да, можемъ, но, оцѣнивая моральное состояніе казаковъ, отказавшихся брать снаряды и патроны и воевать, конечно, нѣтъ. Перемиріе намъ необходимо, чтобы выиграть время, если за это время къ намъ подойдетъ хотя одинъ батальонъ свѣжихъ войскъ, мы продержимся и боемъ.

Рѣшено было войти въ переговоры о перемиріи съ «викжелемъ». Противъ этого былъ только Савинковъ. Станкевичъ долженъ былъ поѣхать въ Петроградъ искать тамъ соглашенія, или помощи, Савинковъ ѣхалъ за поляками, а Войтинскій въ Ставку просить ударные батальоны.

Но пока шло совѣщаніе начальства, другое совѣщаніе шло у комитетовъ. Прибывшіе матросы парламентеры, безбожно льстя казакамъ и суля имъ немедленную отправку спеціальными поѣздами прямо на Донъ, заявили, что они заключатъ миръ съ генералами не согласны, а они желаютъ заключить миръ черезъ головы генераловъ съ подлинной демократіей, съ самими казаками.

Казаки явились ко мнѣ. Они просили меня составить имъ текстъ

договора, который они и будутъ отстаивать отъ своего имени, какъ бы игнорируя меня.

Я составилъ текстъ такого содержанія:

— Большевики прекращаютъ всякій бой въ Петроградѣ и даютъ полную амнистію всѣмъ офицерамъ и юнкерамъ, боровшимся противъ нихъ.

— Они отводятъ свои войска къ Четыремъ рукамъ. Лигово и Пулково нейтральны. Наша кавалерія занимаетъ исключительно въ видахъ охраны Царское Село, Павловскъ и Петергофъ.

— Ни та, ни другая сторона до окончанія переговоровъ между правительствами не перейдетъ указанной линіи. Въ случаѣ разрыва переговоровъ о переходѣ линіи надо предупредить за 24 часа.

Съ такими мирными предложеніями наши представители казаки отправились уже поздно вечеромъ 31-го Октября къ большевикамъ.

Керенскій выработалъ свой текстъ, мнѣ неизвѣстный, и съ этимъ текстомъ на большевистскій фронтъ поѣхалъ на автомобилѣ капитанъ Кузьминъ.

Казаки вздохнули свободно. Они вѣрили въ возможность мира съ большевиками.

Совсѣмъ иначе чувствовали себя я и офицеры. Только борьба и побѣда могли сломить большевиковъ.

Вечеромъ изъ Ставки въ Гатчино прибылъ французскій генералъ Нисель. Онъ долго говорилъ съ Керенскимъ, потомъ пригласили меня. Я сказалъ Нисселю, что считаю положеніе безнадежнымъ. Если бы можно было дать хоть одинъ батальонъ иностранныхъ войскъ, то съ этимъ батальономъ можно было бы заставить Царскосельскій и Петроградскій гарнизоны повиноваться правительству силой. Нисель выслушалъ меня, ничего не сказалъ и поспѣшно уѣхалъ.

Ночью пришли тревожныя телеграммы изъ Москвы и Смоленска. Тамъ шли кровавые бои и рѣзня офицеровъ и юнкеровъ. Ни одинъ солдатъ не всталъ за Временное Правительство. Мы были одиноки и преданы всѣми...

XXIII

Бѣгство Керенскаго. Въ плѣну у большевиковъ

Я не хочу испытывать терпѣніе читателя и потому не передаю многихъ мелкихъ подробностей. Эти дни были сплошнымъ горѣніемъ нервной силы. Ночь сливалась съ днемъ и день смѣнялъ ночь не только безъ отдыха, но даже безъ ѣды, потому-что некогда было ѣсть. Разговоры съ Керенскимъ, совѣщанія съ комитетами, разговоры съ офицерами воздухоплавательной школы, разговоры съ солдатами этой школы, разговоры съ юнкерами школы прапорщиковъ, чинами городского управленія, городской думы, писаніе прокламацій, воззваній, приказовъ и пр. и пр. Всѣ волнуются, всѣ требуютъ сказать, что будетъ, и имѣютъ право волноваться, потому-что вопросъ идетъ о жизни и смерти. Всѣ ищутъ совѣта и указаній, а что посовѣтуешь, когда кругомъ стала непроглядная осенняя ночь, кругомъ рѣжутъ, бьютъ, разстрѣливаютъ и воютъ дикими голосами: — га! мало кровушки нашей попили!

Инстинктивно все сжалось во дворцѣ. Офицеры сбились въ одну компату, спали на полу, не раздѣваясь, казаки, не разставаясь съ ружьями,

лежали въ корридорахъ. И уже не вѣрили другъ другу. Казаки караулили офицеровъ, потому-что, и не вѣря имъ, все-таки только въ нихъ видѣли свое спасеніе, офицеры надѣялись на меня и не вѣрили и ненавидѣли Керенскаго.

Утромъ, 1-го Ноября, вернулись переговорщики и съ ними толпа матросовъ. Наше перемиріе было принято, подписано представителемъ матросовъ Дыбенко, который и самъ пожаловалъ къ намъ. Громаднаго роста, красавецъ мужчина съ вьющимися черными кудрями, черными усами и юной бородкой, съ большими томными глазами, бѣлолицый, румяный, заразительно веселый, сверкающій бѣлыми зубами, съ готовой шуткой на смѣющемся ртѣ, физически силачъ, позирующій на благородство, онъ очаровалъ въ нѣсколько минутъ не только казаковъ, но и многихъ офицеровъ.

— Давайте намъ Керенскаго, а мы вамъ Ленина предоставимъ, хотите ухо на ухо помѣняемъ! — говорилъ онъ смѣясь.

Казаки вѣрили ему. Они пришли ко мнѣ и сказали, что требуютъ обмѣна Керенскаго на Ленина, котораго они тутъ же у дворца повѣсятъ.

— Пускай доставятъ сюда Ленина, тогда и будемъ говорить, сказалъ я казакамъ и выгналъ ихъ отъ себя. Но около полудня за мной прислалъ Керенскій. Онъ слыхалъ объ этихъ разговорахъ и волновался. Онъ просилъ, чтобы казачій караулъ у его дверей былъ замѣненъ карауломъ отъ юнкеровъ.

— Ваши казаки предадутъ меня, съ огорченіемъ сказалъ Керенскій.

— Раньше они предадутъ меня, сказалъ я, и приказалъ снять казачьи посты отъ дверей квартиры Керенскаго.

Что-то гнусное творилось кругомъ. Пахло гадкимъ предательствомъ. Большевистская зараза только тронула казаковъ, какъ уже были утеряны ими всѣ понятія права и чести.

Въ три часа дня ко мнѣ ворвался комитетъ 9-го Донского полка съ войсковымъ старшиною Лаврухинымъ. Казаки истерично требовали немедленной выдачи Керенскаго, котораго они сами подъ своей охраной отведутъ въ Смольный.

— Ничего ему не будетъ. Мы волоса на его головѣ не позволимъ тронуть.

Очевидно, это было требованіе большевиковъ.

— Какъ вамъ не стыдно, станичники! сказалъ я. — Много преступленій вы уже взяли на свою совѣсть, но предателями казаки никогда не были. Вспомните, какъ наши дѣды отвѣчали царямъ Московскимъ: — съ Дона выдачи нѣтъ!.. Кто бы ни былъ онъ — судить его будетъ нашъ русскій судъ, а не большевики...

— Онъ самъ большевикъ!

— Это его дѣло. Но предавать человѣка, довѣрившагося намъ, неблагородно и вы этого не сдѣлаете.

— Мы поставимъ свой караулъ къ нему, чтобы онъ не убѣжалъ. Мы выберемъ вѣрныхъ людей, которымъ мы довѣряемъ, кричали казаки.

— Хорошо, ставьте, — сказалъ я.

Когда они вышли, я прошелъ къ Керенскому. Я засталъ его смертельно блѣднымъ, въ дальней комнатѣ его квартиры. Я разсказалъ ему, что настало время, когда ему надо уйти. Дворъ былъ полонъ матросами

и казаками, по дворецъ имѣлъ и другіе выходы. Я указалъ на то, что часовые стоятъ только у парадного входа.

— Какъ ни велика вина ваша передъ Россіей, — сказалъ я, я не считаю себя вправѣ судить васъ. За полчаса времени я вамъ ручаюсь.

Выйдя отъ Керенскаго, я черезъ надежныхъ казаковъ устроилъ такъ, что караулъ долго не могли собрать. Когда онъ явился и пошелъ осматривать помѣщеніе, Керенскаго не было. Онъ бѣжалъ.

Казаки кинулись ко мнѣ. Они были страшно возбуждены противъ меня. Раздавались голоса о моемъ арестѣ, о томъ, что я предалъ ихъ, давши возможность бѣжать Керенскому.

Но тутъ произошло новое событіе, которое совершенно все перевернуло. Къ Гатчинскому дворцу, въ стройномъ порядкѣ сверкая штыками, подходила густая колонна солдатъ. Она тянулась далеко по дорогѣ, идущей къ Петрограду. Люди были отлично одѣты, на всѣхъ взводахъ, сверкая погонами, шли офицеры. Это шелъ Л. Гв. Финляндскій полкъ. Онъ сталъ выстраиваться въ резервную колонну противъ дворца. Казаки оставили меня и разбѣжались куда попало. Я остался одинъ. Офицеры штаба находились всѣ вмѣстѣ въ сосѣдней комнатѣ.

Въ мою комнату вошло человѣкъ двадцать вооруженныхъ финляндцевъ.

— Господинъ генералъ, сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ. Финляндскій полкъ требуетъ, чтобы вы вышли къ нему на площадь.

— Какъ смѣете вы! — закричалъ я что было силы на нихъ, — требовать меня, корпуснаго командира! Вонъ отсюда, чтобы и духа вашего не было.

И къ моему удивленію солдаты стали пятиться и, толкая другъ друга, выбѣжали изъ моей комнаты. Прошло минутъ десять въ грозной томительной тишинѣ. Въ мою комнату постучали.

— Можно войти, послышался голосъ.

— Войдите, отвѣчалъ я, готовый на все.

Вошелъ элегантно одѣтый капитанъ Финляндскаго полка, видимо кадровый офицеръ.

— Господинъ генералъ, сказалъ онъ, — честь имѣю представиться: командующій Л. Гв. Финляндскимъ полкомъ. Я долженъ извиниться передъ вами. Мои люди безъ меня позволили себѣ самочинно ворваться къ вамъ. Гдѣ разрѣшите стать полку на ночлегъ? Люди сильно устали. Они походомъ шли изъ Петрограда.

Что сей сонъ обозначаетъ, — подумалъ я, — уже не помощь ли это пришла къ намъ?

— Становитесь въ Кирасирскихъ казармахъ, любезно сказалъ я.

— Слушаюсь. Будетъ исполнено.

Повернулся кругомъ и вышелъ.

Я пошелъ взглянуть, что происходитъ. Неужели дѣйствительно помощь? Но за финляндцами шли матросы, за матросами красная гвардія. Въ окна, сколько было видно, все было черно отъ черныхъ шинелей матросовъ и пальто красной гвардіи. Тысячъ двадцать народа заполнило Гатчино и въ ихъ темной массѣ совершенно растворились казаки.

Таково было большевистское перемиріе.

И вотъ въ эту-то пору ко мнѣ пришелъ Лаврухинъ и сказалъ, что 9-й полкъ проситъ меня выйти и объяснить ему, какъ бѣжалъ Керенскій.

Я пошелъ. Казаки 9-го полка были построены въ резервную колонну при винтовкахъ, пѣшкомъ. Ихъ окружала густая толпа солдатъ, матросовъ, красногвардейцевъ и любопытныхъ жителей Гатчины. Я протолкался черезъ нихъ и, подходя къ полку, обычнымъ голосомъ крикнулъ, какъ кричалъ имъ и въ 1914 и 1915 годахъ на поляхъ настоящей войны.

— Здорово молодцы станичники!

Привычка взяла свое.

Громовой отвѣтъ: «здравія желаемъ, господинъ генералъ», раздался изъ рядовъ полка.

Положеніе было спасено.

Я глубоко вошелъ въ ряды полка, сталъ среди казаковъ.

— Да, сказалъ я, — Керенскій бѣжалъ. И это къ нашему счастью. Какъ охраняли бы мы его теперь, когда мы окружены врагами?

— Мы бы его выдали, глухо пронеслось по рядамъ.

— А Ленина вы получили? Вы бы выдали его, чтобы позоромъ покрыть свое имя, чтобы про васъ говорили, что вы предатели. Хорошо? А?

Казаки молчали.

— Я знаю, что я дѣлаю. Я васъ привелъ сюда и я васъ отсюда выведу. Поняли это! Вѣрьте мнѣ и вы не погибнете, а будете на Дону.

И я спокойно, въ гробовой тишинѣ притихшаго полка вышелъ изъ его рядовъ. Когда я проходилъ черезъ толпу я слышалъ, какъ тамъ говорили: — Керенскій бѣжалъ. — И одни говорили это со вздохомъ радости, другіе со вздохомъ разочарованія.

XXIV

Кошмаръ

Во дворцѣ творилось, чортъ знаетъ что. Матросы, красногвардейцы и солдаты шатались по комнатамъ, тащили ковры, подушки, матрацы. Казаки сбились въ кучу въ корридорѣ и притихли, за ними въ двухъ комнатахъ были офицеры. Начальникъ Уссурійской дивизіи со штабомъ и комитетомъ подъ суматоху сѣлъ на лошадь и уѣхалъ изъ Гатчины.

Уже въ сумеркахъ ко мнѣ вбѣжалъ какой-то штатскій съ жидкой бородкой и типичнымъ еврейскимъ лицомъ. За нимъ неотступно слѣдовалъ малевькій казакъ 10-го Донского полка съ винтовкой, больше его роста, въ рукахъ и одинъ изъ адъютантовъ Керенскаго.

— Генералъ, сказалъ, останавливаясь противъ стола, за которымъ я сидѣлъ, штатскій; — прикажите этому казаку отстать отъ насъ.

— А вы кто такіе? — спросилъ я.

Штатскій сталъ въ картинную позу и гордо кинулъ мнѣ:

— Я — Троцкій.

Я внимательно посмотрѣлъ на него.

— Ну-же! Генералъ! — крикнулъ онъ мнѣ. — Я Троцкій.

— То-есть Бронштейнъ, — сказалъ я. — Въ чемъ дѣло?

— Ваше превосходительство, — закричалъ маленькій казакъ, — да какъ же это можно? Я поставленъ стеречь господина офицера, чтобы онъ не убѣгъ, вдругъ приходитъ этотъ еврейчикъ и говоритъ ему: — я Троцкій,

идите за мной. Офицеръ пошелъ. Я часовой, я за нимъ. Я его не отпущу безъ разводящаго.

— Ахъ, какъ это глупо, — морщась, сказалъ Троцкій, и вышелъ сопровождаемый адъютантомъ Керенскаго и уцѣпившимся въ его рукавъ маленькимъ, но бойкимъ казачишкой.

— Какая великолѣпная сцена для моего будущаго романа! — сказалъ я толпившимся у дверей офицерамъ.

Но было не до романа. Было ясно, что перемиріе полетѣло къ чорту и все погибло. Мы въ плѣну у большевиковъ. Однако эксцессовъ почти не было. Кое гдѣ матросы задѣвали офицеровъ, но сейчасъ же являлся Дыбенко, или юный и юркій Рошаль и разгонялъ матросовъ.

— Товарищи! — говорилъ Рошаль офицерамъ, — съ ними надо умѣючи. Въ морду ихъ! Въ морду!

И онъ тыкалъ въ морды улыбающимся красногвардейцамъ.

Я присматривался къ этимъ новымъ войскамъ. Дикою разбойничьею вольницею, смѣшанною съ современною разнузданною хулиганщиною несло отъ нихъ. Шарятъ повсюду, крадутъ что попало. У одного изъ нашихъ штабныхъ офицеровъ украли револьверъ, у другого сумку, но если ихъ поймаютъ съ поличнымъ, то отдаютъ и смѣются: «товарищъ, не клади плохо! Я отдалъ, а другой не отдастъ». Разоружили одну сотню 10-го Донского казачьяго полка, я пошелъ съ комитетомъ объясняться съ Дыбенко. Какъ же это, молъ, такъ — по перемирію оружіе остается у насъ — оружіе вернули, но не преминули слизнуть какое-то тряпье. Шутки грубыя, голоса хриплые. То-и-дѣло въ комнату, гдѣ ютились офицеры, заглядывали вооруженные матросы.

— А, буржуи, говорили они, — ну погодите, скоро мы всѣхъ васъ передушимъ.

И это уже не шутка, это дѣйствительная угроза. Офицеры III-го Конного корпуса входили на ту Голгоѳу страданій, которую пройти пришлось всему офицерству и которая еще не кончилась и теперь.

Несмотря на позднее время всюду во дворцѣ по коридорамъ и комнатамъ, по дворамъ и на улицѣ, при свѣтѣ лампъ и фонарей сноры и митинги. Матросы ругаютъ Керенскаго, но и Ленина не хвалятъ.

— Намъ что Ленинъ! Окажется Ленинъ плохъ и его вздернемъ. Ленинъ намъ не указъ.

Чувствуется полное безвластіе наверху. Сейчасъ вожди Дыбенко, Рошаль и другіе. За ними пока пустое мѣсто. Возьметъ власть тотъ, кто дастъ миръ этому народу и разгонитъ его по домамъ и тогда уже будетъ создавать новую силу, болѣе послушную и менѣе мятежную.

Около часа почи меня позвали обѣдать. За всѣми этими событіями мы ничего еще не ѣли.

Обѣдъ приходилъ къ концу, когда въ коридорѣ послышался шумъ. Быстро приближалась къ намъ толпа, грозно стуча сапогами и винтовками. Громадныя двери распахнулись на обѣ половины и въ комнату ворвалось, наполняя ее, нѣсколько солдатъ и во главѣ ихъ высокій худощавый загорѣлый офицеръ съ полковничьими погонами. Онъ направился ко мнѣ и, протягивая властнымъ жестомъ руку и становясь въ величественную театральную позу, воскликнулъ:

Удостоверение № 17.

Предъявитель сего, есть действительно
вахтер дивизионного интендантства
6-й пехотной дивизии Иван Никаноров
командированный за покупки рыбы
въ разн. города Российской Республики.
что подписью съ приложеніемъ гербовой
печати удостоверяется

Дивизионный Интендантъ

12. Января 1918 г.

Председатель Комиссіи Чудновецъ

СОВѢТЪ
Союза Казачьихъ
Войскъ.

30 Авг. 1917 года

№ —

ПЕТРОГРАДЪ.

Генералу
Г Краснову

— Генералъ, я васъ арестую! — онъ сдѣлалъ паузу, обвелъ рукою кругомъ и добавилъ: и со всѣмъ вашимъ штабомъ!

— Кто вы такой? — спросилъ я.

— Полковникъ Муравьевъ! — торжественно заявилъ офицеръ. Вы мой трофей!..

Въ комнатѣ стало тихо. Театральность обстановки повліяла на офицеровъ. Но вдругъ къ самому носу полковника Муравьева протолкался блѣдный, исхудалый, измученный подъесаулъ Ажогинъ и за нимъ, какъ два его постоянныхъ ассистента, сотникъ Коротковъ и фельдшеръ Ярцевъ.

— Я требую, полковникъ, — кричалъ маленькій Ажогинъ, чтобы вы немедленно извинились передъ генераломъ и нами въ томъ, что вы вошли сюда, не спросивши разрѣшенія.

Муравьевъ презрительно скосилъ глаза.

— П-п-аззвольте! Пажжалуйста... Какъ вы, оберъ-офицеръ, говорите съ полковникомъ! — начальственнымъ топомъ заявилъ Муравьевъ. — Вы з-заб-бываетесь!..

— Я и не зналъ, что въ демократической арміи существуетъ чинопочитаніе, — съ ироніей воскликнулъ Ажогинъ. Кромѣ того я предсѣдатель дивизіоннаго комитета, выборный отъ пяти тысячъ казаковъ и не мнѣ съ вами, а вамъ со мною нужно считаться.

Муравьевъ опѣшилъ отъ такого стремительнаго натиска. А Ажогинъ такъ и сыпалъ. Хороша, молъ, честность большевиковъ, хорошо ихъ слово! Дыбенко клянется и божится, что никто и тронуть не смѣетъ, а уже начинаются аресты.

— Я ничего не зналъ, — сказалъ Муравьевъ.

— Да гдѣ вы были тогда, когда мы переговаривались?

— Я былъ въ полѣ...

— Пока вы были въ полѣ и ничего не дѣлали, все было сдѣлано безъ васъ.

Начался длинный, бурный споръ, потомъ помирились, Муравьевъ заявилъ, что онъ извиняется передъ нами и сѣлъ за столъ, а съ нимъ и его свита. Вдругъ вспомнили, что гдѣ-то видались на войнѣ, были вмѣстѣ и передъ нами вмѣсто грознаго вождя большевиковъ оказался добрый малый, армейскій забулдыга-полковникъ, и офицеры стали говорить съ нимъ о подробностяхъ боя подъ Пулковымъ и о потеряхъ сторонъ. Мы скрыли свои потери. У насъ было 3 убитыхъ и 28 раненыхъ, большевики, по словамъ Муравьева, потеряли больше 400 человѣкъ.

Споръ о моемъ арестѣ былъ исчерпанъ, но множество вопросовъ было еще не рѣшено и ко мнѣ въ комнату пришелъ Дыбенко и подпоручикъ одного изъ гвардейскихъ полковъ Тарасовъ-Родіоновъ, человѣкъ лѣтъ тридцати съ университетскимъ значкомъ.

— Генералъ, — сказалъ Тарасовъ, мы просимъ васъ завтра поѣхать со мною въ Смольный для переговоровъ. Надо рѣшить, что дѣлать съ казаками.

— Это скрытый арестъ? — спросилъ я.

— Даю вамъ честное слово, что нѣтъ, — сказалъ Тарасовъ.

— Я ручаюсь вамъ, генералъ, — сказалъ Дыбенко, что васъ никто не тронетъ. Въ 10 часовъ вы будете въ Смольномъ, а въ 11 мы вернемъ васъ обратно.

— Вы понимаете, — сказалъ Тарасовъ-Родіоновъ, или намъ придется арестовать и разоружить вашъ отрядъ. или взять васъ для переговоровъ.

— Хорошо, я поѣду, — сказалъ я.

— Я поѣду съ вами, — рѣшительно заявилъ и. д. начальника штаба, полковникъ С. П. Поповъ.

Когда офицеры штаба узнали, что я ѣду въ Смольный, они стали настаивать, чтобы я взялъ съ собою и ихъ. Особенно домогались мои адъютанты, подъесаулъ Кульгавовъ и ротмистръ Рыковъ. но я попросилъ поѣхать съ собою только сына подруги моего дѣтства — Гришу Чеботарева, который зналъ, гдѣ находится моя жена, и долженъ былъ увѣдомить ее, если бы что либо случилось...

До утра во дворцѣ продолжался шумъ и гамъ. То арестовывали, то освобождали офицеровъ. Матросы явно ухаживали за казаками и льстили имъ.

— Въ Россіи, только и есть войско, товарищи, что матросы, да казаки, — остальное дрянь одна.

— Соединимся, товарищи, вмѣстѣ и Россія наша. Пойдемъ вмѣстѣ.

— На Ленина! — лукаво подмигивая говорилъ казакъ.

— А хоть бы и на Ленина. Ну его къ бѣсу! На что онъ намъ сдался, шутъ гороховый...

— Такъ чего же вы, товарищи, воевали? — говорили казаки.

— А вы чего?

И разводили руками. И никто не понималъ, изъ-за чего пролита была кровь и лежали мертвые у готовыхъ могилъ, офицеръ оренбурецъ и два казака, и страдали по госпиталямъ раненые...

XXV

Въ Смольномъ

Передъ разсвѣтомъ выпалъ снѣгъ и тонкою пеленою покрылъ замерзшую грязь дорогъ, поля и сучья деревьевъ. Славно пахнуло легкимъ морозомъ и тихою зимою.

Автомобиль должны были подать къ 8-ми часамъ, но подали еле къ 10-ти. Тарасовъ-Родіоновъ волновался и первничалъ. То просилъ меня выйти, то обождать въ корридорѣ. Рошаль собралъ вокругъ себя на внутреннемъ дворцовомъ дворѣ всѣхъ матросовъ и, ставши на телѣгу, что-то говорилъ имъ. У дворца громадная толпа солдатъ и красной гвардіи и это нервитъ Тарасова, онъ отдаетъ дрожащимъ голосомъ приказанія шоферамъ.

Мы садимся. Впереди Поповъ и Гриша Чеботаревъ, сзади я и Тарасовъ-Родіоновъ. Автомобиль тихо выѣзжаетъ изъ дворцовыхъ воротъ.

Какой-то громадный солдатъ въ пяти шагахъ отъ насъ схватываетъ винтовку на изготовку и кричитъ:

— Стрѣлять этихъ генераловъ надо, а не на автомобиляхъ раскатывать!

Тарасовъ мертвенно блѣденъ. Я спокоенъ — тотъ, кто выстрѣлитъ, тотъ не кричитъ объ этомъ. Этотъ не выстрѣлитъ. Я смотрю въ злобные сѣрые глаза солдата и только думаю: за что? — онъ и не знаетъ меня вовсе.

— Скорѣе! скорѣе! — говоритъ Тарасовъ шоффераму, но тѣ и сами понимаютъ, что зѣвать нельзя.

Автомобиль поворачивается налѣво и мчится мимо статуи Павла I, стоящаго съ тростью и засыпаннаго бѣлымъ чистымъ снѣгомъ, мимо обелиска, поворачиваетъ еще разъ — мы на шоссе.

Въ Гатчинѣ людно. Шатаются солдаты и красногвардейцы. У Мозино мы обгоняемъ роту красной гвардіи. Она запрудила все шоссе, автомобиль даетъ гудки и красногвардейцы сторонятся, косятся, бросаютъ злобные взгляды, но молчатъ.

Подъ Пулковымъ изъ какого-то дома по насъ стрѣляли. Одна пуля щелкнула подлѣ автомобиля, другая ударила въ его край.

— Скорѣй! — говоритъ Тарасовъ-Родіоновъ.

Третьяго дня здѣсь былъ бой. По сторонамъ дороги видны окопы, лежатъ неубранные трупы лошадей оренбургскихъ казаковъ, видны воронки отъ снарядовъ.

За Пулковымъ Тарасовъ-Родіоновъ становится спокойнѣе. Онъ начинаетъ мнѣ разсказывать, сколько счастья дадутъ Русскому народу большевики.

— У каждаго будетъ свой уголъ, свой домикъ, свой кусокъ земли. И у васъ будетъ покой на старости лѣтъ.

— Позвольте, — говорю я, — но вѣдь вы коммунисты, какъ же это у меня будетъ свой домъ и своя земля. Развѣ вы признаете собственность?

Молчаніе.

— Вы меня не такъ поняли, — наконецъ, говоритъ Тарасовъ. — Все это принадлежитъ государству, но оно какъ бы ваше. Не все ли вамъ равно? Вы живете. Вы наслаждаетесь жизнью, никто у васъ не можетъ отнять, но собственность это дѣйствительно государственная.

— Значитъ будетъ государство, будетъ Россія? — спрашиваю я.

— О! да еще и какая сильная! Россія народная! — отвѣчаетъ восторженно Тарасовъ-Родіоновъ.

— А какъ же интернаціоналъ? Вѣдь Россія и Русскіе это только зоологическое понятіе.

— Вы меня не такъ поняли, — говоритъ Тарасовъ и умолкаетъ.

Мы въѣзжаемъ въ тріумфальныя ворота. Когда-то ихъ любовно строилъ народъ для своей побѣдоносной гвардіи, теперь . . . гдѣ эта гвардія?

— Увижу я Ленина? Представятъ меня передъ его свѣтлыя очи? — спрашиваю я Тарасова.

— Я думаю, что нѣтъ. Онъ никому не показывается. Онъ очень занятъ, — говоритъ Тарасовъ.

Знакомыя, родныя мѣста. Вотъ Лафонская площадь, вотъ окна конюшни казачьяго отдѣла, манежъ № 1, гдѣ я провелъ столько счастливыхъ часовъ, служа въ постояномъ составѣ школы. Тамъ дальше на Шпалерной моя бывшая квартира. Не нарочно ли судьба даетъ мнѣ послѣдній разъ посмотрѣть на тѣ мѣста, гдѣ я испыталъ столько счастья и радости . . . Печальное предчувствіе сжимаетъ мое сердце.

Послѣдствіе усталости, безсонныхъ ночей, недоѣданія, слабость? . . . Не нужно этого.

У Смольнаго толпа. Крутится кинематографъ, снимая насъ. Ну какъ же! Привезли трофеи побѣды красной гвардіи — командира III кавалерійскаго корпуса!!

Въ Смольномъ хаосъ. На каждой площадкѣ лѣстницы пропускной постъ. Столикъ, барышня, подлѣ два, три лохматыхъ «товарища» и повѣрка «мандатовъ». Все вооружено до зубовъ. Пулеметныя ленты сплошь да рядомъ безъ патроновъ крестъ на крестъ перекручены поверхъ потрепавныхъ пиджаковъ и пальто, винтовки, которыя никто не умѣетъ держать, револьверы, шашки, кинжалы, кухонные ножи.

И несмотря на все это вооруженіе толпа довольно мирнаго характера и множество — дамъ, нѣтъ это не дамы, и не барышни, и не женщины, а тѣ «товарищи» въ юбкахъ. которыя вдругъ, какъ тараканы изъ щелей, повылѣзали въ Петроградѣ и стали липнуть къ красной гвардіи и большевикамъ, — претенціозно одѣтыя, съ разухабистыми манерами онѣ такъ и шныряютъ внизъ и вверхъ по лѣстницѣ.

— Товарищъ, ваше удостовѣреніе?

— Членъ слѣдственной комиссіи Тарасовъ-Родіоновъ, генералъ Красновъ. его начальникъ штаба...

— Проходите, товарищъ.

— Куда вы, товарищъ?

— Къ товарищу Автономову...

Такъ съ рукъ на руки насъ передавали и вели среди непрерывнаго движенія разныхъ людей вверхъ и внизъ на третій этажъ, гдѣ, наконецъ, насъ пропустили въ комнату, у дверей которой стояло два часовыхъ матроса.

Комната полна народа. Есть и знакомыя лица. Капитанъ Свистуновъ, комендантъ Гатчинскаго дворца, одинъ изъ адъютантовъ Керенскаго, а затѣмъ различныя штатскія и военныя лица изъ числа сочувствовавшихъ движенію. Настроеніе разное. Одни блѣдны, предчувствуя плохой конецъ, другіе возбужденно веселы, что-то замышляютъ. Новая власть близка, источникъ повышеній здѣсь. игра еще не проиграна.

Кто сидитъ третій день, уже сорганизовался. Оказывается кормятъ недурно, даютъ чай, можно сложиться и купить сахаръ, тутъ и лавочка спеціальная есть въ Смольномъ.

— Но вѣдь это арестъ?

— Да арестъ, — отвѣчаютъ мнѣ. — Но будетъ и хуже. Вчера генерала Карачана, начальника артиллерійскаго училища, взяли, вывели за Смольный и въ переулкѣ застрѣлили. Какъ бы и вамъ того же не было, генералъ, — говоритъ одинъ.

— Ну, зачѣмъ такъ, — говоритъ другой, — можетъ быть, только посадятъ въ Кресты, или Петропавловку.

— Въ Крестахъ лучше. Я сидѣлъ, — говоритъ третій.

Вниманіе, возбужденное нашимъ приходомъ, ослабѣваетъ. Каждый занятъ своими дѣлами. Пришла жена одного изъ арестованныхъ, они садятся въ углу и тихо бесѣдуютъ.

Часы медленно ползутъ. Въ два часа принесли обѣдъ. Супъ съ мясомъ и лапшой, большіе куски чернаго хлѣба, чай въ кружкахъ.

Рядомъ комната. Бывшая умывальная институтокъ. Въ ней тише. Я прошелъ туда, снялъ шинель, положилъ подъ голову и прилегъ на асфальтовомъ полу, чтобы отдохнуть и обдумать свое положеніе. Болѣе чѣмъ очевидно, что Тарасовъ-Родіоновъ обманулъ, что меня заманили и я попалъ въ западню.

Въ 5 часовъ я проснулся. Ко мнѣ пришелъ Тарасовъ-Родіоновъ и съ нимъ блѣдный лохматый матросъ.

— Вотъ, — сказалъ мнѣ Тарасовъ, — товарищъ съ насъ сниметъ допросъ.

— Позвольте, — говорю я, — поручикъ, вы обѣщали мнѣ, что черезъ часъ отпустите, а держите меня въ этой свинской обстановкѣ цѣлый день. Гдѣ же ваше слово?

— Простите, генералъ, — ускользая въ двери, проговорилъ Тарасовъ. — Но лучшее наше помѣщеніе, гдѣ есть кроватъ, занято великимъ княземъ Павломъ Александровичемъ, если его сегодня отпустятъ, мы переведемъ васъ въ его комнату. Тамъ будетъ великолѣпно.

Матросъ, назначенный для слѣдствія, имѣлъ усталый и измученный видъ. Онъ далъ бумагу, чернила и перо и просилъ написать, какъ и по чьему приказу мы выступили и какъ бѣжалъ Керенскій.

Вдвоемъ съ Сергѣемъ Петровичемъ Поповымъ мы составили безличный отчетъ и подали матросу.

— Теперь мы свободны? — спросилъ Поповъ.

Матросъ загадочно посмотрѣлъ на насъ, ничего не отвѣтилъ и ушелъ.

Я долго смотрѣлъ, какъ сгущались сумерки надъ Невою и загорались огни на набережной и на мосту Петра Великаго. Скоро темная ночь стала за окномъ. Въ нашихъ двухъ комнатахъ тускло горѣло по одной электрической лампочкѣ. Кто читалъ, кто щелкалъ на машинкѣ, учась писать, кто примащивался спать на полу. Кое-кого увели. Увели Свистунова и пронесся слухъ, что онъ получаетъ какое-то крупное назначеніе у большевиковъ, увели адъютанта Керенскаго, еще троихъ выпустили. Всего оставалось человѣкъ восемь, не считая насъ.

И вдругъ въ комнату шумно, сопровождаемый Дыбенко, ворвался весь нашъ комитетъ 1-й Донской дивизіи.

— Ваше превосходительство, — кричалъ мнѣ Ажогинъ, — слава Богу! Вы живы. Сейчасъ мы все устроимъ. Эти канальи хотѣли разоружить казаковъ и взять пушки вопреки условію. Мы имъ покажемъ! Вы говорите, что это зависитъ отъ Крыленко, — обратился Ажогинъ къ Дыбенко, — тащите ко мнѣ этого Крыленко. Я съ нимъ поговорю, какъ слѣдуетъ.

Онъ горѣлъ и кипѣлъ благороднымъ негодованіемъ, этотъ доблестный донской офицеръ, и его волненіемъ заражались и чины комитета, сотникъ Карташовъ, не подавшій руки Керенскому, фельдшеръ Ярцевъ и тотъ маленькій казачокъ, что привязался къ Троцкому; всѣ они были при шашкахъ, въ шинеляхъ, возбужденные быстрой ѣздой на автомобилѣ и морознымъ воздухомъ, шумные, смѣлые, дающіе большевиковъ своею инициативой.

Дыбенко былъ на ихъ сторонѣ. Самъ такой же шумный, онъ, казалось, не прочь былъ пристать къ этой казачьей вольницѣ, которой на самого Ленина начихать.

Черезъ полчаса меня попросили въ другую комнату. Я пошелъ съ Поповымъ и Чеботаревымъ. У дверей стояло два мальчика лѣтъ по 12-ти, одѣтыхъ въ матросскую форму, съ винтовками.

— Что, видно у большевиковъ солдатъ не стало, что они дѣтей въ матросы записали, — сказалъ Поповъ одному изъ нихъ.

— Мы не дѣти, — басомъ отвѣтилъ матросъ и улыбнулся жалкой, блѣдной улыбкой.

Въ комнатѣ классной дамы, по серединѣ стоялъ небольшой столикъ и стулъ. Я сѣлъ за этотъ столъ. Приходили матросы, заглядывали на насъ и уходили снова. По коридору такъ же, какъ и днемъ, непрерывно сновали люди.

Наконецъ, пришелъ небольшой человѣкъ въ помятомъ кителѣ съ прапорщичьими погонами, фигура невзрачная, лицо темное, прокуренное. Мнѣ онъ почему-то напомнилъ учителя исторіи захолустной гимназіи. Я сидѣлъ, онъ остановился противъ меня. Въ дверяхъ толпилось человѣкъ пять солдатъ въ шинеляхъ.

Это и былъ прапорщикъ Крыленко.

— Ваше превосходительство, — сказалъ онъ, — у насъ несогласія съ вашимъ комитетомъ. Мы договорились отпустить казаковъ на Донъ съ оружіемъ, но пушки мы должны отобрать. Онѣ намъ нужны на фронтѣ и я прошу васъ приказать артиллеристамъ сдать эти пушки.

— Это невозможно, — сказалъ я. — Артиллеристы никогда своихъ пушекъ не отдадутъ.

— Но, судите сами, здѣсь комитетъ V арміи требуетъ эти пушки, — сказалъ Крыленко. — Каково наше положеніе. Мы должны исполнить требованіе комитета V арміи. Товарищи, пожалуйте сюда.

Солдаты, стоявшіе у дверей, вошли въ комнату и съ ними ворвался комитетъ 1-й Донской дивизіи.

Начался жестокій споръ, временами доходившій до ругательствъ, между казаками и солдатами.

— Живыми пушки не отдадимъ! — кричали казаки. — Безчестья не потерпимъ. Какъ мы безъ пушекъ домой явимся! Да насъ отцы не примутъ, жены смѣяться будутъ.

Въ концѣ-концовъ убѣдили, что пушки останутся за казаками. Комитеты ругаясь ушли. Мы остались опять съ Крыленко.

— Скажите, ваше превосходительство, — обратился ко мнѣ Крыленко, — вы не имѣете свѣдѣній о Калединѣ? Правда, онъ подъ Москвой?

А вотъ оно что! — подумалъ я. — Вы еще не сильны. Мы еще не побѣждены. Поборемся.

— Не знаю, — сказалъ я съ многозначительнымъ видомъ. — Калединъ мой большой другъ... Но я не думаю, чтобы у него были причины спѣшить сюда. Особенно, если вы не тронете и хорошо обойдетесь съ казаками.

Я зналъ, что на Дону Калединъ едва держался и по личному опыту зналъ, что поднять казаковъ невозможно.

— Имѣйте въ виду, прапорщикъ, — сказалъ я, — что вы обѣщали меня отпустить черезъ часъ, а держите цѣлыя сутки. Это можетъ возмутить казаковъ.

— Отпустить васъ мы не можемъ, — какъ бы про себя, сказалъ Крыленко, — но и держать васъ здѣсь негдѣ. У васъ здѣсь нѣтъ кого-либо, у кого вы могли бы поселиться, пока выяснится ваше дѣло.

— У меня здѣсь есть квартира на Офицерской улицѣ, — сказалъ я.

— Хорошо. Мы васъ отправимъ на вашу квартиру, но раньше я поговорю съ вашимъ начальникомъ штаба.

Крыленко ушелъ съ Поповымъ. Я отправилъ Чеботарева съ автомобилемъ въ Гатчино для того, чтобы моя жена переѣхала въ Петроградъ. Вскорѣ вернулся Поповъ. Онъ широко улыбался.

— Вы знаете, зачѣмъ меня звали? — сказалъ онъ.

— Ну? — спросилъ я.

— Троцкій спрашивалъ меня, какъ отнеслись бы вы, если бы правительство, то-есть большевики, конечно, предложили бы вамъ какой-либо высокій постъ.

— Ну и что же вы отвѣтили?

— Я сказалъ: — пойдите предлагать сами, генералъ вамъ въ морду дастъ!

Я горячо пожалъ руку Попову. Милѣйшая личность былъ этотъ Поповъ. Въ самыя тяжелыя, критическія минуты онъ не только не терялъ присутствія духа, но и не разставался со своимъ природнымъ юморомъ. Онъ весь день нашего заключенія въ Смольномъ, то издѣвался надъ Дыбенко, то изводилъ Тарасова-Родіонова, то критиковалъ и смѣялся надъ порядками Смольнаго института. Онъ и тутъ остался вѣренъ себѣ. О томъ, что мы играли нашими головами, мы не думали, мы давно считали, что дѣло наше кончено и что выйти отсюда, несмотря на всѣ обѣщанія, врядъ ли удастся.

— Вы знаете, ваше превосходительство, — сказалъ мнѣ Поповъ серьезно, — мнѣ кажется, что дѣло еще не вполнѣ проиграно. По всему тому, что мнѣ говорилъ и о чемъ спрашивалъ Троцкій, они васъ боятся. Они не увѣрены въ побѣдѣ. Эхъ! если бы казаки вели себя иначе...

Насъ перевели въ прежнее помѣщеніе и о томъ, чтобы отправлять на квартиру, не было ни слова. Наступила ночь. Заключенные понемногу затихали, устраиваясь спать въ самыхъ неудобныхъ позахъ, кто сидя, кто лежа на полу, кто на стульяхъ, не раздѣваясь, какъ спятъ на станціи желѣзной дороги, въ ожиданіи поѣзда; да каждый изъ нихъ и ждалъ чего-то. Вѣдь они были приведены сюда только для допроса.

Наконецъ, въ 11 часовъ вечера, къ намъ пришелъ Тарасовъ-Родіоновъ.

— Пойдемте, господа, — сказалъ онъ.

Часовые хотѣли было насъ задержать, но Тарасовъ сказалъ имъ что-то и они пропустили.

Въ Смольномъ все та же суматоха. Такъ же одни озабоченно идутъ наверхъ, другіе внизъ, такъ же все полно вооруженными людьми, стучатъ приклады, гремитъ уроненная на каменной лѣстницѣ винтовка.

У выхода толпа матросовъ.

— Куда идете, товарищи?

Тарасовъ-Родіоновъ начинаетъ объяснять.

— По приказу Троцкаго, — говоритъ онъ.

— Плевать намъ на Троцкаго. Приканчивать надо эту канитель, а не освобождать.

— Товарищи, постойте... Это самосудъ!

— Ну да, своимъ-то судомъ правильнѣе и скорѣе.

Гуще и сильнѣе разгорѣлась перебранка между двумя партіями матросовъ. Объектомъ спора были мы съ Поповымъ. Матросы не хотѣли выпускать своей добычи. Вдругъ чья-то могучая широкая спина заслонила меня, какой-то гигантъ наперъ на меня, ловко притиснулъ къ двери,

открылъ ее, и я, Поповъ и великанъ красавецъ въ бушлатѣ гвардейскаго экипажа и въ черной фуражкѣ съ козырькомъ и офицерской кокардой втиснулся съ нами въ маленькую швейцарскую.

Передъ нами красавецъ боцманъ, типичный представитель стараго гвардейскаго экипажа. Такіе боцмана были рулевыми на императорскихъ вельботахъ. Сытый, холеный, могучій и красивый.

— Простите, ваше превосходительство, — сказалъ онъ обращаясь ко мнѣ, — но такъ вамъ много спокойнѣе будетъ. Я не сильно толкнулъ васъ? Ребята ничего. Пошумятъ и разойдутся безъ васъ. А то, какъ бы чего нехорошаго не вышло. Темнаго народа много.

И дѣйствительно шумъ и брань за дверьми стала стихать, наконецъ, и совсѣмъ прекратилась.

— Васъ куда предоставить прикажете? — спросилъ меня боцманъ.

Я сказалъ свой адресъ.

— Только простите, я васъ отправлю на автомобилѣ скорой помощи, такъ менѣе примѣтно. А то сами понимаете, народъ-то какой!.. А людей я вамъ дамъ надежныхъ. Ребята славные.

Насъ вывели матросы гвардейскаго экипажа. Долго мы бродили по грязному двору, заставленному автомобилями, слышали выклики между шоферами, какъ въ старину, только имена звучали другія.

— Товарища Ленина машину подавайте! — кричалъ кто-то изъ сырого сумрака.

— Сейчасъ, — отзывался сиплый голосъ.

— Товарища Троцкаго!

— Есть...

Въ эту грозную эпоху со стоическимъ хладнокровіемъ несли службу и оставались на своихъ постахъ желѣзнодорожники и шоферы... Сегодня эшелоны Корнилова, завтра Керенскаго, потомъ товарища Крыленко, потомъ еще чьи-нибудь. Сегодня машина собственнаго его величества гаража, завтра товарища Керенскаго, потомъ Ленина. Лица смѣнялись съ быстротою молніи и plus que ça change, ça reste la même chose...

Громадный автомобиль Краснаго Креста, въ который влѣзли я, Поповъ, Тарасовъ-Родіоновъ и шесть гвардейскихъ матросовъ съ неистовымъ шумомъ сорвался съ мѣста и тяжело покатился къ воротамъ. У разведеннаго костра грѣлись красногвардейцы. При видѣ матросовъ они пропустили автомобиль, не опрашивая и не заглядывая во внутрь.

Въ городѣ темно. Фонари горятъ рѣдко, прохожихъ нигдѣ не видно.

Черезъ четверть часа я былъ дома. Почти одновременно подъѣхала моя жена съ Гришей Чеботаревымъ и командиромъ Енисейской сотни, есауломъ Коршуновымъ.

XXVI

Въ Великихъ Лукахъ. Конецъ III Коннаго корпуса

Писать ли дальше? Я жилъ дома, пользуясь полной свободой. Ко мнѣ приходили гости, жена моя уходила въ городъ и приходила, мы говорили по телефону. Въ прихожей неотлучно находилось два матроса, но это были не часовые, а скорѣе генеральскіе ординарцы. Они помогали

гостямъ одѣваться. На кухнѣ и черной лѣстницѣ не было никого. Я въ любую минуту могъ переодѣться въ штатское платье и бѣжать.

Но, повторяю, бѣжать я и теперь не хотѣлъ, это не въ моей натурѣ, да и глубоко я вѣрилъ въ то, что отъ своей судьбы не убѣжишь.

А Донской комитетъ, непрерывно сообщаясь со мною и совѣтуясь у меня, дѣлалъ свое дѣло. 4-го Ноября онъ добился отправки эшелоновъ въ районъ Великихъ Лукъ, куда стягивался весь корпусъ. 6-го Ноября комитетъ явился ко мнѣ съ подъесауломъ 53-го Донского казачьяго полка Петровымъ, назвавшимся чѣмъ-то въ родѣ комиссара новаго правительства. Мнѣ показалось, что онъ играетъ двойную роль. Хочетъ служить большевикамъ и въ то же время на всякій случай подслуживается ко мнѣ. Такихъ людей въ ту пору было много. Я рѣшилъ использовать его. Въ Кронштадтѣ сидѣло три офицера 13-го Донского казачьяго полка, захваченные матросами, когда они ѣхали ко мнѣ изъ Ревеля, и есаулъ Коршуновъ, арестованный въ Петроградѣ. Я далъ задачу Петрову освободить ихъ.

Петровъ добился ихъ освобожденія.

Наконецъ, вечеромъ, 6-го Ноября, члены комитета сотникъ Каргашовъ и подхорунжій Кривцовъ привезли мнѣ пропускъ на выѣздъ изъ Петрограда. Я не знаю, насколько этотъ пропускъ былъ настоящій. Мы объ этомъ тогда не говорили, но мнѣ рекомендовали его не очень давать разглядывать. Это былъ клочокъ сѣрой бумаги съ печатью Военнаго Исполнительнаго Комитета С. С. и Р. Д. съ подписью товарища Антонова, кажется того самаго матроса, который снималъ съ меня показанія. Въ сумерки, 7-го Ноября, я, моя жена, полковникъ Поповъ и подхорунжій Кравцовъ, забравши кое-что изъ платья и бѣлья, сѣли на сильную машину штаба корпуса и поѣхали за городъ. Мы всѣ были въ формѣ, я съ погонами съ шифровкой III корпуса, при оружіи.

Въ наступившей темнотѣ мы промчались черезъ заставу, гдѣ что-то махалъ руками растерявшійся красногвардеецъ и повеселись, минуя Царское Село, по Новгородскому шоссе. Въ 10 часовъ вечера мы были въ Новгородѣ, гдѣ остановились для того, чтобы добыть бензинъ.

А въ это время на Петроградскую мою квартиру явился отъ Троцкаго нарядъ Красной гвардіи, чтобы окончательно меня арестовать.

На другое утро мы были въ Старой Руссѣ, гдѣ среди толпы солдатъ сѣли на поѣздъ и поѣхали въ Великіе Луки.

9-го Ноября я былъ въ Великихъ Лукахъ и здѣсь испыталъ серьезное огорченіе. Въ Великихъ Лукахъ стояли эшелоны 10-го Донского казачьяго полка, *моего полка*. Казаки этого полка были мною воспитаны, они со мною вмѣстѣ были въ бояхъ, мы жили тѣсною, дружескою жизнью. Кому-то изъ моихъ адъютантовъ пришло въ голову, что самое безопасное будетъ, если я поѣду съ ними на Донъ и онъ пошелъ въ полкъ переговорить объ этомъ.

Казаки отказались взять меня, потому-что это было для нихъ *опасно*.

Не то огорчило меня, что они не взяли меня. Я бы все равно не поѣхалъ, потому-что долгъ мой передъ корпусомъ не былъ выполненъ, мнѣ надо было его собрать и отправить къ Каледину, а огорчилъ мотивъ отказа — *трусость*.

Ядъ большевизма вошелъ въ сердца людей моего полка, который я

считалъ лучшимъ, наиболѣе мнѣ вѣрнымъ, чего же я могъ ожидать отъ остальныхъ?

Я поселился въ Великихъ Лукахъ.

Я считался командиромъ III каваперійскаго корпуса, со мною былъ громадный штабъ и при мнѣ было казначейство съ двумя милліонами рублей денегъ, но всѣ дни мои проходили въ разговорахъ съ казаками. Все неудержимо хлынуло на Донъ. Не къ Каледину, чтобы сражаться противъ большевиковъ, отстаивая свободу Дона, а домой въ свои станицы, чтобы ничего не дѣлать и отдыхать, не чувствуя и не понимая страшнаго позора нація.

Они готовы были какою угодно цѣною ѣхать по домамъ. И приходилось часами уговаривать ихъ, чтобы ѣхали то они, хотя бы, честно, съ оружіемъ и знаменами.

Это было то же дезертирство съ фронта, которое охватило пѣхоту, но пѣхота бѣжала безпорядочно, толпами, а это было организованное дезертирство, гдѣ люди ѣхали сотнями, со своими офицерами въ полномъ порядкѣ, но не все ли равно — они ѣхали домой, ѣхали съ фронта, покидая позиціи, они были дезертирами. Я говорилъ имъ это, говорилъ часами. Они слушали меня, убѣждались какъ будто и послѣ трехъ, четырехъ часовыхъ разговоровъ наступало молчаніе, лица становились упрямыми и кто-нибудь говорилъ общую всѣмъ мысль.

— Когда же, господинъ генералъ, будетъ намъ отправка?

Одна мысль, одна мечта была у нихъ — домой! Эти люди были безнадежно потеряны для какой бы то ни было борьбы, на какомъ бы то ни было фронтѣ. Имъ нужно было, какъ Ильѣ Муромцу, коснуться родной земли, чтобы набрать новыя силы. Я написалъ атаману Каледину свои соображенія по этому поводу. Я писалъ ему, что переживши весь развалъ арміи въ строю, непосредственно командуя частями, я пришелъ къ тому заключенію, что казаки стали совершенно небоеспособными, что единственное средство вернуть войску силу, это отпустить всѣхъ по домамъ, призвать на ихъ мѣсто подъ знамена молодежь, не бывшую на войнѣ, и начать учить ее по старымъ методамъ. Для подготовки же офицеровъ, которые были далеко не на высотѣ знаній, создать въ Новочеркасскѣ офицерскую школу и расширить училище и корпусъ. Въ станицахъ образовать спортивныя общества и кружки.

Отвѣтъ отъ Каледина получился въ видѣ нервно, порывисто написаннаго на листѣ почтовой бумаги письма. Калединъ соглашался со мною, но писалъ, что это невозможно, что у него для этого нѣтъ власти. Я понялъ, что онъ плыветъ по теченію, а теченіе несло неудержимо къ большевикамъ.

12-го Ноября 1-ая Донская дивизія потекла на Донъ и успокоилась, но начала волноваться Уссурійская конная дивизія, требуя отправки ея на дальній востокъ. Это не входило въ мои планы. Я хотѣлъ отправить ее тоже на Донъ, гдѣ она могла бы быть полезной. Но комитетъ дивизіи поѣхалъ самъ въ Ставку къ Крыленко и добился отъ него пропуска на востокъ.

6-го Декабря началась отправка эшелоновъ Уссурійской конной дивизіи.

Въ серединѣ Декабря въ Великихъ Лукахъ, переполненныхъ большевистскими пѣхотными полками, оставался только прикомандированный къ

корпусу 3-й Уральскій казачій полкъ и команды штаба корпуса. Уральскіе казаки одиночнымъ порядкомъ уходили по домамъ и полкъ таялъ съ каждымъ днемъ. Моя квартира охранялась только моимъ деньщикомъ и вѣстовымъ, спавшими такъ крѣпко, что разбудить ихъ было не легко. Но большевики еще не опредѣлили своего отношенія къ казакамъ и казачеству. Казаки были, какъ бы, государство въ государствѣ и ихъ пока не трогали, съ ними заигрывали. Такъ, 6-го Декабря начальникъ пѣхотнаго гарнизона полковникъ Патрикѣевъ, отдалъ приказъ о снятіи погонъ и знаковъ отличій, но сейчасъ же добавилъ, что это не касается частей III-го корпуса, которыя, какъ казачьи, имѣютъ право продолжать носить погоны, такъ какъ управляются своими законами. Съ мѣстнымъ комиссаромъ Пучковымъ мы жили дружно. Онъ, хотя и называлъ себя большевикомъ, но оказался ярымъ монархистомъ, офицеры штаба корпуса часто бывали у него, дѣло всегда оканчивалось выпивкой и воспоминаніями отнюдь не большевистскаго характера. Я рѣшилъ использовать это выгодное положеніе и добиться пропуска для штаба корпуса въ Пятигорскъ, для расформированія. Моя цѣль была остановить эшелонъ въ Великокняжеской и передать все имущество корпуса Каледину. Имущество было не малое. Оставалось полъ милліона денегъ, было болѣе тысячи комплектовъ прекраснаго обмундированія, вагонъ чая, вагонъ сахара, нѣсколько автомобилей, аппаратъ Юза, радіостанція и т. д. Генерала Солнышкина я командировалъ въ Ставку и онъ, благодаря личному знакомству съ Бончъ-Бруевичемъ, бывшимъ начальникомъ штаба у Крыленко и генераломъ Раттелемъ, начальникомъ военныхъ сообщеній, добился назначенія эшелона на Пятигорскъ и пропусковъ.

Дѣло это шло медленно, а положеніе наше въ Великихъ Лукахъ становилось очень тяжелымъ. Послѣдніе казаки покидали городъ, мы оставались одни. Носить погоны больше стало немыслимо. Солдаты съ ножами охотились за офицерами. Но снимать погоны мы считали для себя оскорбительнымъ и потому 21-го Декабря всѣ переодѣлись въ штатское. Однако это не улучшило положенія. Насъ знали въ лицо и готовились расправиться съ нами и особенно со мной. Я каждый день ѣздилъ верхомъ. Разъ за мною погнались солдаты съ ножами, другой разъ въ деревнѣ стрѣляли по мнѣ.

Можетъ быть, думалъ я, настало время бѣжать, но какъ бѣжать? За мною слѣдили команды штаба, писаря, мой деньщикъ и вѣстовой наблюдали за мной. Конечно, я могъ выѣхать на прогулку верхомъ и не вернуться. Я часто ѣздилъ одинъ. Но тогда пришлось бы бросить жену и офицеровъ штаба, которые такъ надѣялись на меня, что я ихъ выведу.

А между тѣмъ, несмотря на всѣ обѣщанія объ отправкѣ штаба въ Пятигорскъ, эшелоновъ намъ все не давали. 11-го Января 1918 года пришло требованіе сдать всѣ деньги корпуснаго казначейства въ Великолуцкое уѣздное казначейство. Деньги сдали, протестовать было безполезно, да и законнаго права не было. Корпусъ былъ расформированъ.

Наконецъ 16-го Января намъ дали поѣздъ на Пятигорскъ. Совершенно благополучно погрузились офицеры и чиновники корпуса, остатки командъ, погрузили имущество, автомобили, лошадей, сѣли и мы. Все шло гладко. Я рѣшилъ воспользоваться случаемъ и проѣхать съ женою къ ея сестрѣ въ Москву съ тѣмъ, чтобы догнать эшелоны въ пути.

Въ Москвѣ я узналъ, что атаманъ Калединъ объявленъ большевиками

изменникомъ, что гдѣ-то у станціи Чертково идутъ бои между большевиками и донскими казаками. Съ трудомъ въ товарномъ вагонѣ, переполненномъ солдатами, непстово ругавшими Корнилова, Каледина и два раза помянувшими и меня, я съ женою 28-го Января добрался до Царицына. Надо было искать свой эшелонъ. Справляться на станціи, оцѣпленной солдатами, матросами и красногвардейцами, было рискованно и я пошелъ въ городъ. Въ гостинницѣ я увидалъ одного изъ офицеровъ штаба, ротмистра фонъ-Кюгельгена, который сообщилъ мнѣ, что наканунѣ въ Царицынѣ ихъ эшелонъ остановили, отобрали все имущество, лошадей, повсюду искали меня. И приговоренъ къ смертной казни, мои портреты, найденные въ вещахъ моей жены, посланы по всѣмъ станціямъ отъ Царицына до Пятигорска, чтобы искать меня. По всему городу ходятъ солдаты и красногвардейцы, разыскивая меня, такъ какъ есть свѣдѣнія, что я въ Царицынѣ.

Настало время бѣжать.

Ротмистръ Кюгельгенъ и ротмистръ Щербачевъ, стоявшій здѣсь же въ гостинницѣ, провели меня въ номеръ жены начальника штаба, которая была больна, и у нея я дождался вечера. Тѣмъ временемъ Щербачевъ изготовилъ мнѣ документъ, что я артельщикъ 44-й пѣхотной дивизіи Семенъ Никоновъ, командированный для закупки рыбы на югѣ Россіи. У жены моей былъ ея настоящій паспортъ.

Вечеромъ мы сѣли съ женой въ поѣздъ, идущій на Тихорѣцкую. Въ маленькомъ купе набилось 11 пассажировъ. Было темно. Тускло горѣла свѣча въ фонарѣ. Пришелъ патруль. Матросъ и два красногвардейца. Я сталъ въ тѣни и подалъ свой документъ. На мнѣ старое пальто съ барашковымъ воротникомъ и шапка поддѣльнаго бобра. Матросъ посмотрѣлъ мой документъ и молча вернулъ его мнѣ. Документы всѣхъ мужчинъ были провѣрены. Моя жена документа не дала.

Матросъ пошелъ къ выходу.

— А у дамы документа не смотрѣли, — сказалъ красногвардеецъ.

— Мы у дамочекъ документовъ не провѣряемъ, — галантно отвѣчалъ матросъ и вышелъ изъ вагона.

Былъ осмотръ вещей. У меня въ чемоданѣ лежало военное платье, погоны, послужной списокъ, дневники. Но красногвардейцамъ надоѣла провѣрка, пассажировъ было много, начальникъ станціи ворчалъ, что поѣздъ слишкомъ задерживаютъ и до нашего вагона осмотръ не дошелъ.

Поздно ночью мы тронулись...

На другое утро мы переѣхали границу войска Донского. Станція Котельниково. Я спокойно выхожу изъ вагона. Спасенъ... Свои!..

На дверяхъ дамской комнаты большой плакатъ: «Канцелярія Котельниковскаго Совѣта солдатскихъ, рабочихъ, крестьянскихъ и казачьихъ депутатовъ»...

И тутъ уже была совѣтская власть.

Поспѣшно иду въ вагонъ.

Три казака и солдатъ останавливаютъ меня у самаго вагона.

— Товарищъ, вы кто такое будете? — спрашиваютъ они меня.

— А вамъ какое дѣло, — кидаю я и сажусь въ вагонъ.

На счастье поѣздъ трогается.

Въ 5 часовъ дня въ Великокняжеской. Здѣсь еще держится атаманская

власть. Мои дорогіе члены Донского комитета, Ажогинъ, Карташовъ въ штабѣ дивизіи. Но уже все кончено. Всѣ казаки штаба разошлись. Офицеры сами чистятъ лошадей. Дивизіи давно нѣтъ. Завтра, или послѣзавтра здѣсь будетъ признана Совѣтская власть. О Калединѣ ничего не знаютъ. Бои идутъ подъ Новочеркасскомъ, но, *кажется*, Новочеркасскъ еще не занятъ большевиками.

Все-таки надо ѣхать туда. Коннозаводчикъ Михалюконъ даетъ мнѣ лошадей и 30-го Января подъ проливнымъ дождемъ мы ѣдемъ въ открытомъ шарабанѣ.

Два дня я ѣхалъ по родной Донской степи. Мѣнялъ лошадей, обѣдалъ и ночевалъ на зимовникахъ у коннозаводчиковъ. Тишина и безмолвіе кругомъ. Поютъ жаворонки, солнце пригрѣваетъ, голубое марево играетъ на горизонтѣ.

На зимовникѣ Вонифатія Яковлевича Королькова комитетъ изъ 2-хъ казаковъ, 2-хъ солдатъ и 2-хъ германскихъ военноплѣнныхъ. Онъ взялъ опеку надъ имѣніемъ, чтобы «народное хозяйство» не расхищалось. Узнали о моемъ пріѣздѣ, пришли ко мнѣ.

— Вы что за человѣкъ? — хмуро и сердито спрашиваетъ казакъ и вдругъ лицо его расплывается въ широкую улыбку, — а вы не генералъ Красновъ будете?

— Если знаете, такъ чего же спрашиваете? — говорю я.

— А я у васъ въ дивизіи въ конносаперной командѣ служилъ, помните Акимцевъ казакъ*, — радостно говоритъ «членъ комитета». — Вамъ лошадей? Сейчасъ подамъ.

Очевидно здѣсь не скроешься. «Попа», какъ говоритъ пословица, — «и въ рогожѣ узнаешь».

Черезъ полчаса мнѣ поданъ четверикъ въ отличной коляскѣ. «Комитетъ» провожаетъ меня наилучшими пожеланіями.

Ночью 31-го Января я былъ на берегу замерзшаго Дона въ станицѣ Богаевской. Изъ оконъ въѣзжей избы видны огни Новочеркасска, ярко горятъ электрическіе фонари по Крещевскому спуску и у собора. До Новочеркасска 23 версты.

Но лошадей нѣтъ. Надо ждать до утра.

На въѣзжей, въ комнатѣ, гдѣ вмѣсто свѣчей тускло мигаетъ лампадка, три молодыхъ офицера. Я достаю свѣчу и зажигаю ее. Одинъ всматривается въ меня и вдругъ говоритъ:

— Вы генералъ Красновъ?.. А меня помните? Мальчикомъ я у васъ въ трубаческой командѣ служилъ. Помните, когда вы адъютантомъ были.

Гдѣ же узнать! Это было 16 лѣтъ тому назадъ, и ему было лѣтъ 15.

— Тяжело, ваше превосходительство, на Дону. Третьяго дня мы бѣжали изъ Нижне-Чирской станицы. Большевики заняли... А вчера, слышно, Калединъ застрѣлился!..

— Какъ застрѣлился? — говорю я.

— Такъ точно. Сегодня похоронили...

Я не могу больше говорить. Первый разъ нервы измѣняютъ мнѣ. Я выхожу на улицу и долго мы ходимъ вдвоемъ съ женой по узкой тропинкѣ по берегу Дона.

---

* Если память мнѣ не измѣняетъ въ фамиліи.

Калединъ застрѣлился! Что тамъ въ Новочеркасскѣ, который такъ таинственно мигаетъ своими электрическими фонарями, что за широкимъ Дономъ и займищемъ, поросшимъ кустами, на гордомъ обрывѣ, гдѣ стоитъ златоглавый соборъ и бронзовый Ермакъ протягиваетъ сибирскую корону Московскому царю? Что тамъ, гдѣ подъ скалою, накрытою буркою, спитъ вѣчнымъ сномъ Баклановъ?

Ужели Совѣтская власть?

Куда ѣхать? Гдѣ скрыться тому, у кого на каждомъ хуторѣ есть сослуживцы, есть друзья и враги?

1-го Ферваля на трясской телѣгѣ, запряженной парой худыхъ лошадей, я въѣзжалъ въ Новочеркасскъ, потому-что куда же мнѣ было и ѣхать больше?!...*

---

* Въ Великихъ Лукахъ мною было составлено оффиціальное «Описаніе дѣйствій III коннаго корпуса подъ Петроградомъ противъ Совѣтскихъ войскъ съ 25 октября по 8 ноября». Въ описаніи этомъ воспроизведены всѣ приказы мои и Керенскаго, всѣ телеграммы и юзограммы, относящіеся къ походу. Описаніе было напечатано въ 100 экземплярахъ въ типографіи штаба корпуса. При разгромѣ Штабного эшелона въ Царицынѣ большевики съ особеннымъ усердіемъ искали и уничтожали эти книжки. Единственый экземпляръ, оставшійся у меня, былъ мною переданъ въ Новочеркасскѣ Павлу Ник. Милюкову и у него пропалъ въ Кіевѣ. Настоящее описаніе сдѣлано мною по моимъ дневникамъ и по памяти въ іюлѣ 1920 года.

Отъ Москвы до Берлина въ 1920 г.

Р. Донского*

Внуку моему Всеволоду

Править Русью призванъ только черный народъ.
То по старой сплетнѣ всякъ равенъ,
А по нашей лишь онъ полноправенъ.
Гр. А. Толстой. «Потокъ Богатырь».

Дорогой мой Лодочка! Морознымъ вечеромъ 1920 года, когда тебѣ еще не было 2-хъ лѣтъ, мы сидѣли съ тобою въ нетопленной комнаткѣ небольшого домика на одной изъ окраинъ города Минска. Надвигались сумерки. Мать и бабка возились съ печкой, а ты въ теплой шубенкѣ и шапкѣ прикурнулъ у меня на рукахъ. Мы только что вырвались изъ отвратительной, грязной гостиницы, въ которой прожили три дня, и устраивались на новой квартирѣ. На душѣ было скверно и тоскливо. Поляки отобрали у меня всѣ деньги, и мы не знали, вернутъ ли ихъ. Всѣ говорили, что въ Германію насъ не пропустятъ. А отношеніе къ намъ въ Польшѣ было таково, что оставаться тамъ было немыслимо. Ты пригрѣлся у моего мѣхового воротника и мирно дремалъ, а я смотрѣлъ на твою безмятежную рожицу и горько раскаивался въ томъ, что вытащилъ тебя изъ Москвы въ полную неизвѣстность, ожидающую насъ впереди.

Вотъ въ этотъ то вечеръ я и рѣшилъ записать подробно наше бѣгство изъ Москвы и обстоятельства, побудившія насъ покинуть Россію, чтобы, когда ты выростешь и научишься читать и понимать прочитанное, ты могъ самъ рѣшить, правъ ли былъ твой дѣдъ, увозя тебя, или неправъ. А если ты, прочитавъ мои записки, припомнишь немного исторію, ты поймешь, что жизнь человѣчества подвержена тѣмъ же законамъ, какъ и жизнь отдѣльныхъ индивидуумовъ. Такія же внезапныя пробужденія атавистическихъ инстинктовъ, какія наблюдаются у послѣднихъ, періодически проявляются и въ жизни человѣчества. Привыкнувъ къ жизни большого культурнаго

* Р. Донской—литературный псевдонимъ одного изъ московскихъ профессоровъ, находящагося нынѣ за границей. Псевдонимъ этотъ авторъ воспоминаній по вполнѣ понятнымъ причинамъ пока раскрывать не желаетъ. Предлагаемыя вниманію читателей воспоминанія предназначались авторомъ не для печати, а для семейнаго архива, и редакція съ ними ознакомилась случайно.

центра, къ своимъ лекціямъ, книгамъ, театрамъ, трамваямъ, поѣздамъ, телефонамъ и т. д. и т. д., я совершенно забылъ о возможности такихъ атавистическихъ взрывовъ и никакъ не ждалъ, что въ началѣ XX вѣка къ намъ ворвется первобытная жизнь во всей ея неприкрашенной наготѣ и перевернетъ все вверхъ дномъ. Я радуюсь за тебя, моя крошка, что ты пережилъ все это въ раннемъ дѣтствѣ. Къ тому времени, когда ты вырастешь, жизнь, вѣроятно, успѣетъ вернуться къ культурнымъ формамъ, періода затишья на твой вѣкъ хватитъ и тебѣ не придется на склонѣ дней ломать налаженной жизни, какъ пришлось это мнѣ съ бабкой.

Итакъ, малютка, слушай.

Родился ты въ Москвѣ 5 Марта 1918 года, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ большевистскаго переворота. Жили вы около Тверского бульвара и занимали одну комнату, гдѣ ютились отецъ, мать, ты и твоя няня Мариша. Когда тебѣ было нѣсколько недѣль отъ роду, меня съ бабкой часовъ въ 6 утра разбудила твоя мать, прибѣжавшая къ намъ вся въ слезахъ. Ночью у васъ былъ обыскъ, ворвались солдаты съ винтовками, перевернули все вверхъ дномъ и перепугали на смерть Маришу, съ которой сдѣлалось нервное разстройство.

— Мнѣ нужно въ госпиталь, я не могу оставаться дома, плакала мать, отцу тоже надо ѣхать на службу, а Мариша совсѣмъ съ ума сошла, въ каждомъ углу ей мерещатся солдаты съ ружьями, что будетъ съ Лодкой.

Бабка отмѣнила уроки и пошла стеречь тебя, пока вернутся отецъ съ матерью.

Мѣсяца черезъ два вашъ домъ реквизировали, давши вамъ три дня на пріисканіе новой квартиры. Найти что-нибудь такъ быстро, конечно, и думать было нечего. Дядя Шура «уплотнился» и вы въѣхали къ нему, Приблизительно черезъ мѣсяцъ вы нашли двѣ комнаты неподалеку отъ насъ у бѣженцевъ изъ Варшавы, которые скоро уѣхали, и вся квартира осталась за вами, но ненадолго. По «стратегическимъ соображеніямъ» изъ верхнихъ этажей вашего дома опять таки въ трехдневный срокъ выбросили всѣхъ жильцовъ, въ томъ числѣ и васъ. На этотъ разъ васъ пріютили знакомые, у которыхъ вы прожили съ мѣсяцъ и вамъ вскорѣ повезло. Въ томъ же домѣ (но въ другомъ подъѣздѣ), гдѣ мы жили, случайно освободилась квартира, которую мнѣ въ качествѣ предсѣдателя домового комитета удалось отвоевать для васъ. И вы переѣхали въ четвертый разъ въ теченіе зимы. Насколько легко давались вамъ эти переѣзды, ты поймешь изъ того, что отецъ бѣгалъ по своимъ службамъ съ 9 утра до $2^1/_2$ ночи, а мать, несмотря на болѣзнь почекъ, служила въ двухъ больницахъ. (Въ Россійской Федеративной Соціалистической Республикѣ это называлось восьмичасовымъ рабочимъ днемъ).

Мы съ бабкой въ отношеніи реквизицій были счастливѣй, ибо насъ спасала моя лабораторія. Попытокъ уплотнить насъ было не мало, приходили и матросы, и солдаты, и еще какіе то люди. Въ качествѣ предсѣдателя домового комитета ихъ принималъ я лично и, въ концѣ концовъ, научился съ ними обходиться. Съ однимъ приходилось говорить на равной ногѣ и сказать нѣсколько словъ о значеніи науки, другимъ импонировалъ больше сухой оффиціальный тонъ, третьи больше подавались на

просьбу «войти въ положеніе». Словомъ приходилось лавировать. Кстати о предсѣдательствѣ въ домовомъ комитетѣ. Если бы ты могъ представить себѣ, во что превратила совѣтская власть это хорошее по существу учрежденіе. Какихъ только бумагъ мнѣ не приходилось подписывать. Одной жилицѣ, которую я совершенно не зналъ, я ежемѣсячно удостовѣрялъ право на пенсію, которую она гдѣ-то все-таки ухитрялась получать, несмотря на отмѣну пенсій. Выдалъ нѣсколько разрѣшеній вступить въ бракъ (честное слово, малютка, дѣдъ не шутитъ), а одинъ разъ удостовѣрилъ «крайнюю необходимость вымыться въ банѣ». Подписывалъ все и только просилъ жильцовъ приносить уже готовыя удостовѣренія.

Лѣтомъ 1918 года мнѣ было предложено организовать новую научную лабораторію. Дѣло было интересное, и за него я взялся горячо. Начались поиски помѣщенія. Полагая, что лучше всего дѣйствовать изъ центра и сверху, я пошелъ къ предсѣдателю Московскаго совдепа, Владимірскому (если не ошибаюсь, онъ раньше былъ секретаремъ Городской управы). Выслушавъ меня, онъ предложилъ обратиться въ жилищный отдѣлъ, завѣдующимъ коего была его жена (вѣроятно, во исполненіе декрета о томъ, что мужъ и жена не могутъ служить въ одномъ и томъ же учрежденіи). На вопросъ, гдѣ Владимірская, мнѣ показали на большой залъ засѣданій (дѣло было въ Городской думѣ), на дверяхъ котораго висѣлъ аншлагъ: посторонннимъ входъ воспрещается. Я заглянулъ въ дверь: огромный залъ былъ заставленъ столами, за которыми работало нѣсколько сотъ человѣкъ. Между столами расхаживала Владимірская. Я велѣлъ доложить о себѣ. Прошло больше часа, Владимірская все ходила между столами.

— Попробуйте пройти къ секретарю, посовѣтовали мнѣ.

Въ большой комнатѣ шелъ пріемъ просителей. Я сталъ въ очередь. Это были все выселяемые интеллигенты, которые просили либо о предоставленіи новыхъ помѣщеній, либо объ оставленіи ихъ въ старыхъ. Пріемъ вела дѣвица коммувистка, изъ тѣхъ, что одинъ ученикъ бабки за рѣшительность ихъ нрава прозвалъ «большевисткими валькиріями». Пріемъ шелъ быстро. Два, три громкихъ окрика валькиріи и проситель вылеталъ бомбой. Передо мной стоялъ предсѣдатель домового комитета уплотняемаго дома. Съ цифрами въ рукахъ, иллюстрирующими кубическое содержаніе воздуха въ домѣ, количество жильцовъ и пр., онъ началъ доказывать невозможность уплотненія.

— Я давно знаю наизусть все, что вы собираетесь мнѣ сказать, перебила валькирія его первую же фразу. Выбросьте въ сарай всѣ ваши гостинныя-ампиры и прочій хламъ и вы увидите, сколько у васъ мѣста освободится! Вамъ что? обратилась она ко мнѣ.

Я изложилъ дѣло.

— Въ 17-ую комнату! Вамъ что?

Выходя я припомнилъ характеристику жизненныхъ запросовъ идейныхъ работниковъ коммунизма, данную инженеромъ Л., однимъ изъ виднѣйшихъ представителей большевизма, который получилъ воспитаніе за границей и долго прожилъ въ Германіи, занимая крупный постъ въ ея промышленномъ мірѣ. Большевики употребляли его для непосредственныхъ сношеній съ западной Европой.

— Что же вы хотите, сказалъ онъ, отъ людей, которые верхомъ человѣческаго благополучія привыкли считать наличность кровати, стула и трехногаго стола со стопкой бумаги и портретомъ Карла Маркса на немъ?

17-ая комната оказалась тою же самой, гдѣ я ждалъ раньше Владимірскую. Прошло еще болѣе часа въ ожиданіи. Владимірская все ходила между столами. Наконецъ, я окончательно потерялъ терпѣніе, рѣшилъ войти безъ доклада. Подошелъ къ ней и попробовалъ представиться.

— Вы читали надпись на дверяхъ?

— Читалъ.

— Уходите!

— Изложивъ дѣло, съ удовольствіемъ.

— Я позову швейцара.

— Зовите.

— Пойдемте! И она подвела меня къ одному изъ столовъ.

— Составьте протоколъ! распорядилась она и отошла.

— Чиновникъ взялъ четвертушку бумаги.

— Ваше имя?

— Профессоръ Московскаго университета имя рекъ.

— По какому дѣлу?

— Командированъ такимъ то вѣдомствомъ по такому то дѣлу.

— Присядьте на минутку.

— Онъ подошелъ къ Владимірской и началъ ей что то шептать. Черезъ минуту она подошла ко мнѣ.

— Уходите, показала она мнѣ величественнымъ жестомъ на дверь.

— Прежде чѣмъ не подпишу протокола, я не уйду.

— Я позову швейцара.

— Зовите.

Она отошла. Я сѣлъ, а чиновникъ принялся за текущую работу. Давъ мнѣ остыть, онъ сказалъ мнѣ:

— Профессоръ, вѣдь вы же врачъ.

Я понялъ, что онъ хочетъ сказать.

— Я уйду, отвѣтилъ я. Но вы теперь знаете мое дѣло. Дайте мнѣ хорошій совѣтъ.

— Самое простое — найти подходящее помѣщеніе самому и дѣйствовать черезъ мѣстный совдепъ. Этотъ путь будетъ самымъ вѣрнымъ.

Начались поиски. Цѣной мѣсячной бѣготни по Москвѣ, я нашелъ подходящій домъ въ Зубовѣ, занятый трамвайными кондукторами, и отправился въ Хамовническій совдепъ просить отвести помѣщеніе мнѣ. Приняла меня секретарь жилищнаго отдѣла, но уже не изъ типа валькирій, а простой милый ребевокъ лѣтъ 15—16. Я изложилъ ей дѣло, но она отвѣтила категорическимъ отказомъ: рабочихъ тронуть нельзя. И она начала говорить о жилищной нуждѣ рабочихъ.

— Если бы вы были знакомы съ литературой вопроса, вы не стали бы настаивать, закончила она.

Я, видя, что съ нею каши не сваришь, попросилъ провести меня къ предсѣдателю, каковымъ оказалась тоже дѣвочка, но уже постарше — лѣтъ 18—19. Внимательно выслушала меня и тоже отказала. Я сталъ

доказывать, что общежитіе можно устроить въ любомъ домѣ, а для лабораторіи нужно особое оборудованіе — газъ и прочее.

— Я согласна, но (и дѣвушка постаралась придать своему полу-дѣтскому личику особо многозначительное выраженіе) этотъ домъ намъ важенъ по своему положенію. Вы понимаете?

— Нѣтъ.

— Здѣсь имѣютъ значеніе соображенія чисто стратегическаго свойства.

— Въ стратегіи я не силенъ, согласился я съ ней, а потому спорить не берусь.

— Да почему вы настаиваете именно на этомъ домѣ? Мы вамъ можемъ дать лучшее помѣщеніе. Вамъ районъ Дѣвичьяго поля подходитъ?

— Очень.

— Такъ мы вамъ реквизируемъ нервную клинику. Она все равно пустуетъ. Это очень просто.

Я поспѣшилъ ретироваться, боясь, какъ бы она и впрямь не привела въ исполненіе этой простой мысли. Вѣдь отъ такого срама я бы по всю жизнь не омылся.

До осени все же удалось получить помѣщеніе въ одномъ изъ ликвидированныхъ старыхъ учрежденій. Мнѣ предстояло уѣхать изъ Москвы мѣсяца на полтора и передъ отъѣздомъ я зашелъ въ Лефортовскій военный госпиталь, съ которымъ у меня остались связи послѣ войны. Это было черезъ нѣсколько дней послѣ покушенія на Ленина. Тамъ во дворѣ анатомическаго театра я увидѣлъ разостланный огромный брезентъ, изъ подъ котораго торчала пара мертвыхъ ногъ въ носкахъ.

— У васъ опять подвалъ затопило, что трупы не убраны? — спросилъ я служителя Григорія, съ которымъ мы были пріятелями еще съ войны.

Тотъ вмѣсто отвѣта отбросилъ брезентъ и я увидѣлъ 24 трупа съ раздробленными черепами. Всѣ лежали въ одномъ бѣльѣ, въ разнообразныхъ позахъ, въ два ряда, голова къ головѣ. Черепа ихъ напоминали разбитые спѣлые арбузы, и изъ широкихъ отверстій съ развороченными краями вываливались обезображенные мозги и обломки костей. Я не могъ не узнать всесокрушающаго дѣйствія выстрѣла изъ винтовки въ упоръ. Большинству стрѣляли въ високъ, нѣкоторымъ въ лобъ. Все было понятно.

— Въ первый разъ привезли? — спросилъ я Григорія.

— Въ первый. Предупредили, что сегодня ночью привезутъ еще сорокъ.

Я посмотрѣлъ Григорію въ глаза, онъ отвернулся и мы пошли прочь. Въ Учредительное собраніе Григорій подавалъ голосъ за эсъ-эровъ, а въ городскую думу за большевиковъ.

— Программа у нихъ больно хороша, объяснилъ онъ мнѣ тогда.

— Ну, а земля, какъ же, Григорій?

— Земля моя! Я, чтобы заплатить за нее, 5 лѣтъ въ шахтѣ работалъ.

— Да вѣдь въ программѣ то совсѣмъ другое.

— Мало бы что другое! А если я не отдамъ, тогда что?

Теперь я вспомнилъ этотъ разговоръ и спросилъ.

— Что же Григорій, у большевиковъ программа все-таки хорошая?

— Вездѣ убиваютъ, уклончиво отвѣтилъ онъ, отвернувшись въ сторону.

На другой день послѣ посѣщенія госпиталя я былъ по дѣлу о

помѣщеніи лабораторіи въ бывшемъ IX отдѣленіи управы (врачебно-санитарное). Нужнаго мнѣ врача я засталъ у телефона. Насколько я понялъ разговоръ шелъ о томъ, чтобы казненныхъ перестали возить для погребенія въ больницы.

— А много къ вамъ доставляютъ? спросилъ я его.

— Полными грузовиками, отвѣтилъ онъ, сильно понизивъ голосъ. Сегодня въ Солдатенковскую доставили что то около 30. Подняли смотрителя почью, онъ было запротестовалъ, начали грозить ружьями. Когда стали выгружать, оказалось, что одинъ еще живъ. Смотритель отказался принять его. Тогда тѣ усмѣхнулись, положили живого на грузовикъ, отъѣхали на Ходынку и черезъ пять минутъ вернулись — дошелъ, говорятъ. принимайте.

— И во всѣ больницы привозятъ?

— Въ большинство.

Изъ разговора съ прозекторами я выяснилъ, что разстрѣливаютъ обычно изъ винтовки въ упоръ, стрѣляя въ голову. Но, повидимому, практиковались и другіе методы. Одна изъ ученицъ бабки разсказала ей слѣдующій случай. Мужа ея сестры тоже приговорили, и, посадивъ съ другими осужденными на автомобиль, вывезли на Петроградское шоссе за Всесвятское. Тамъ было устроено нѣчто въ родѣ охоты на куропатокъ. Осужденныхъ по очереди спускали съ автомобиля, задержавъ его ходъ и кричали: — Бѣги! Тотъ инстинктивно бросался къ лѣсу, и его подстрѣливали съ бѣгущаго автомобиля. Зять ученицы былъ спущенъ однимъ изъ первыхъ. Раздался выстрѣлъ, попавшій въ плечо и онъ упалъ. Когда автомобиль отъѣхалъ, онъ поползъ къ Серебряному бору и укрылся въ кустахъ. Черезъ нѣсколько времени разразилась гроза, и автомобиль, собирая подстрѣленныхъ возвратился къ мѣсту, гдѣ тотъ упалъ подъ проливнымъ дождемъ. Его немного поискали, поспорили о мѣстѣ, гдѣ упалъ казненный (одни говорили здѣсь, другіе дальше) и, не желая мокнуть, уѣхали. Просидѣвъ весь день въ Серебряномъ бору, спасшійся чудомъ молодой человѣкъ ночью прокрался въ Москву и ему удалось убѣжать въ провинцію.

Это было самое начало террора и отвѣтъ на покушеніе на Ленина. Профессоръ М., лечившій Ленина, говорилъ мнѣ, что тотъ поразилъ его необычайной силой воли и той стойкостью, съ которой онъ выносилъ мучительныя перевязки. М. смотрѣлъ на разыгрывавшуюся въ Россіи трагедію изъ первыхъ рядовъ партера. Я по своей спеціальности попалъ за кулисы и своими глазами видѣлъ какъ Ленинъ расправлялся съ тѣми, кто заставилъ его выносить эти перевязки. И онъ очевидно вошелъ во вкусъ. Весной 1919 года я послалъ одного изъ ассистентовъ за матеріаломъ въ анатомическій театръ Яузской больницы, и онъ тамъ нашелъ уже 80 труповъ съ раздробленными черепами. А въ Москвѣ въ то время не было ни заговоровъ, ни волненій. Очевидно у Ленина — просто размахнулась рука, раззудилось плечо, а пріѣхавшій недавно въ Берлинъ профессоръ С. разсказалъ мнѣ слѣдующее. Лѣтомъ 1920 г., вскорѣ послѣ оффиціальной отмѣны смертной казни, у д-ра N. разстрѣляли взрослаго сына. Одинъ изъ его товарищей, который былъ хорошъ съ прозекторомъ, пошелъ въ анатомическій театръ разыскивать трупъ и увидѣлъ картину. Небольшой подвалъ былъ до потолка набитъ казненными, которые были сложены, какъ штабель дровъ. Объ опознаніи трупа не могло быть конечно и рѣчи. Тогда

старуха мать подкупила могильщиковъ и пришла въ назначенную ночь на кладбище. Тамъ ей предъявляли подрядъ всѣ трупы, прежде чѣмъ бросить ихъ въ общую яму, и она опознала дорогое ей, обезображенное лицо. За баснословную сумму денегъ она добилась, что сына ея зарыли не въ общей, а въ отдѣльной ямѣ, которую она обозначила своимъ условнымъ знакомъ . . .

Вскорѣ послѣ посѣщенія Лефортовскаго госпиталя я уѣхалъ. Когда я вернулся черезъ пять недѣль, я не узналъ Первопрестольной. Уѣзжая я оставилъ магазины открытыми, хотя и значительно опустѣвшими. Вернулся же я въ разгаръ націонализаціи торговли, когда во всей Москвѣ сдирали вывѣски. Такой ободранный домъ становился разноцвѣтнымъ: мѣсто, покрытое вывѣской переставали штукатурить, а вывѣски вѣшались въ различное время; когда ихъ удалили подъ ними оказался цвѣтъ, въ который былъ оштукатуренъ домъ когда-то раньше, зачастую отличный отъ послѣдняго. Особенно жалкій видъ имѣли маленькіе дома, когда-то сплошь покрытые вывѣсками. Раздѣвшись, они являли москвичамъ всю убогость своихъ облупленныхъ фасадовъ, прикрытыхъ раньше разноцвѣтными плакатами. Но самое скверное было, конечно, не обезображиваніе домовъ, а то, что съ закрытіемъ магазиновъ ничего нельзя было купить. Сначала мы недоумѣвали, какъ будемъ жить, но потомъ жизнь устроилась по своему. Табачные магазины были замѣнены мальчишками, продававшими на улицахъ папиросы и спички, кое-что изъ припасовъ начали таскать на домъ различные спекулянты, главнымъ образомъ дворники. А все что угодно — отъ великолѣпной кружевной блузки до Цейссовскаго микроскопа, можно было купить на Сухаревкѣ. Это буржуи (или, вѣрнѣе, люди интеллигентныхъ профессій, ибо истые буржуи давно разбѣжались) въ поискахъ за пропитаніемъ продавали свое имущество. Трудно даже представить себѣ, чего только не претворяла Сухаревка въ совѣтскіе рубли. Однажды я увидѣлъ тамъ приличнаго господина въ драповомъ пальто, продававшаго клѣтчатую подкладку этого самаго пальто, очевидно разсудившаго, что подкладка — буржуазный предразсудокъ.

*

* *

Черезъ недѣлю по возвращеніи я пошелъ въ засѣданіе факультета и засталъ тамъ неожиданную для меня картину. Число членовъ возросло съ тридцати до трехсотъ (вошло въ него свыше 100 приватъ-доцентовъ, почти столько же студентовъ и почти столько же ассистентовъ). Рядомъ съ деканомъ сидѣлъ политическій комиссаръ, молоденькая женщина врачъ Познеръ. Деканомъ въ мое отсутствіе выбрали В. С. Гулевича. Атмосфера была напряженная. Студенты положительно горѣли жаждой реформъ преподаванія. Но въ чемъ должны состоять эти реформы, конечно, яснаго отчета не отдавали себѣ. Профессора насторожились, ожидая натиска и разрушенія и собираясь отстаивать дорогую имъ alma mater. Шли выборы президіума (деканата) и на очереди стоялъ вопросъ о выборѣ товарища декана. Я до сихъ поръ любуюсь тѣмъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ, съ какимъ велъ засѣданія В. С. Гулевичъ, какъ умѣло онъ отводилъ готовыя разразиться бури и съ какимъ тактомъ онъ выяснялъ политическому комиссару неумѣстность нѣкоторыхъ его выступленій. Справедливость требуетъ оговорить, что г-жа Познеръ («гувернантка» какъ мы ее

прозвали) была одушевляема самыми лучшими намѣреніями и, если дѣлала промахи, то по незнанію академической жизни и ея обычаевъ. И такихъ промаховъ было немного.

Выборы товарища декана заняли два засѣданія. Студенты выставили кандидатуру профессора Б. и упорно держались за нее. Но собрать большинства онъ не смогъ. Баллотировался онъ четыре раза, но безуспѣшно. Съ другой стороны проваливались и кандидаты старой профессуры. Наконецъ, послѣ безконечныхъ «перерывовъ» и «частныхъ совѣщаній» сошлись на пріемлемой для старой профессуры кандидатурѣ. Съ другими кандидатами происходила таже исторія. И на конструкцію деканата ушло больше мѣсяца. Наконецъ, факультетъ сконструировался и началась академическая жизнь. Но какая! На первый курсъ было принято по распоряженію комиссаріата 5000 человѣкъ, а помѣщенія были разсчитаны на 250 человѣкъ. На вступительной лекціи по анатоміи набилась полная аудиторія и во дворѣ осталась огромная толпа. У проф. Граве на вступительной лекціи одному студенту сдѣлалось дурно, но онъ остался въ стоячемъ положеніи, стиснутый толпой, и ни профессоръ, ни ассистенты не могли къ нему подойти, пока аудиторія не была частью освобождена. Это все было на первыхъ лекціяхъ. Но скоро рвеніе остыло, а съ наступленіемъ морозовъ занятія фактически прекратились.

Дровъ у университета не было, и въ аудиторіяхъ стояла температура отъ минусъ трехъ до плюсъ двухъ градусовъ, глядя по погодѣ. Читать чисто теоретическія лекціи, сопровождая ихъ показываніемъ рисунковъ было, хотя и трудно, но все же возможно. О настоящихъ же демонстраціяхъ, особенно, чтеніи на больныхъ, не могло быть и рѣчи. А безъ демонстрацій что же за лекціи на медицинскомъ факультетѣ? Практическія занятія вести было невозможно при установившейся температурѣ, и академическая жизнь замерла на всю зиму. Лабораторіи и музеи въ нетопленныхъ помѣщеніяхъ стали постепенно разрушаться. Какъ то я зашелъ въ патолого-анатомическій институтъ и увидѣлъ картину: въ корридорѣ лежали сваленные въ кучи ледяные кубики въ родѣ брусковъ искусственнаго льда. Это были замерзшіе вынутые изъ лопнувшихъ банокъ, зачастую рѣдчайшіе препараты, представляющіе огромную цѣнность.

Въ клиникахъ количество больныхъ сократилось до минимума, и могущіе ходить проводили цѣлый день въ «кубовой», гдѣ топились печи. Здѣсь же происходили врачебные осмотры и нѣчто въ родѣ лекцій.

Почти вся академическая жизнь сосредоточилась на засѣданіяхъ факультета, которыя въ силу его огромности носили зачастую сумбурный характеръ, доходившій при баллотировкахъ до того, что никто не понималъ, какой вопросъ и въ какой формулировкѣ баллотируется. (В. С. Гулевичъ вскорѣ послѣ начала учебнаго года былъ избранъ ректоромъ и ушелъ изъ декановъ). Особенно донимали декреты, зачастую противорѣчивые и въ большинствѣ невыполнимые. Разобраться въ нихъ въ собраніи въ 300 человѣкъ было, конечно, немыслимо, и пришлось избрать особую постоянную комиссію для ихъ толкованія, которую такъ и назвали «декретная комиссія».

Весною было рѣшено устроить лѣтній семестръ для пополненія дефектовъ зимняго. Но пополнить удалось немногое и на экзаменахъ студенты поражали невѣжествомъ, котораго раньше даже и представить себѣ было невозможно.

Моя работа цѣликомъ сосредоточилась въ этомъ году въ новой лабораторіи, которую удавалось отапливать, гдѣ былъ еще запасъ реактивовъ и гдѣ подобрались очень хорошіе врачи. Работа у насъ шла во всю, и даже удалось провести повторительные курсы для врачей. Было сдѣлано нѣсколько интересныхъ научныхъ работъ, напечатать которыя къ сожалѣнію было негдѣ. Но моя лабораторія была однимъ изъ немногихъ счастливыхъ исключеній, благодаря тому, что удалось получить какимъ то чудомъ дрова и благодаря тому, что врачи ея отличались совершенно исключительною любовью къ дѣлу. Значительное же большинство московскихъ научныхъ лабораторій стало уже въ эту зиму.

*
* *

Насколько замерла научная работа Москвы, настолько оживилась театральная. Помимо переполненныхъ театральныхъ и концертныхъ залъ спектакли и концерты шли непрерывно во всякихъ пролеткультахъ, клубахъ, организаціяхъ, лазаретахъ и т. д. Прежняя интеллигентская публика оказалась совершенно вытѣсненной изъ театральныхъ и концертныхъ залъ, которые наполнялись солдатами, матросами, рабочими и представителями «новой буржуазіи». Но это былъ подъемъ лишь количественный. Качественно же театральное искусство въ Москвѣ упало, какъ никогда. Ни одинъ серьезный театръ не далъ послѣ большевистской революціи ни одной новой достойной вниманія постановки.

А насколько я понялъ изъ разговоровъ со многими артистами, никогда они еще не получали такъ мало удовлетворенія отъ своей работы. По крайней мѣрѣ никогда раньше у русскаго актера я не замѣчалъ и намека на недоброжелательство къ публикѣ. А теперь ничего кромѣ презрѣнія къ публикѣ я отъ нихъ не слышалъ. Случайно одинъ артистъ Большого театра сказалъ мнѣ, что онъ всѣ оперные костюмы одѣваетъ наверхъ толстой лыжной фуфайки (обычный московскій костюмъ того времени) и, когда я удивился этому, онъ со злостью спросилъ:

— А для кого я мерзнуть стану? Для товарищей и ихъ дамъ, которыя во время моего пѣнія подсолнухи лущатъ?

Другой драматическій артистъ жаловался мнѣ:

— Вы не можете себѣ представить, что переживаешь, когда сидишь въ нетопленной уборной въ одномъ бѣльѣ и натираешь лицо полузамерзшей краской. А въ головѣ одна мысль — для кого ты стараешься, и что въ твоей игрѣ понимаютъ?

А многіе оперные артисты говорили мнѣ, что наибольшее удовлетвореніе онѣ получали отъ церковныхъ концертовъ. Многіе церковные приходы, желая прійти на помощь своимъ священнослужителямъ, стали устраивать въ церквахъ платные концерты, на которыхъ оперные артисты исполняли духовныя пѣснопѣнія. И эта новая для нихъ музыка удовлетворяла ихъ больше привычной работы на сценѣ, благодаря иному составу слушателей. Разъ я слышалъ Шаляпина и никогда я не видѣлъ его на эстрадѣ такимъ злымъ. Съ самаго его выхода начались крики «дубинушку». Шаляпинъ, исполнявшій программный номеръ во фракѣ, вышелъ въ шубѣ, буквально прокричалъ «дубинушку» и уѣхалъ. А передъ моимъ

отъѣздомъ одинъ изъ большихъ симфоническихъ дирижеровъ, прощаясь со мною, говорилъ мнѣ беззвучнымъ злымъ шепотомъ.

— Бетховена! Вѣдь я имъ подлецамъ Бетховена дирижирую. И они думаютъ, что это и дальше такъ пойдетъ. Нѣтъ, дудки.

Теперь, когда я пишу эти строки, этотъ дирижеръ находится въ Парижѣ.

Что особенно убивало артистовъ, это — халтуры по всевозможнымъ пролеткультамъ и солдатскимъ клубамъ. А на нихъ приходилось ѣздить по тому, что за многія платили продуктами. Кромѣ того на этихъ халтурахъ открывалась возможность напиться чаю съ настоящимъ сахаромъ, а иногда получить къ нему даже и бутербродъ, намазанный топленымъ масломъ. Отправлялись на такіе концерты всѣ участники сразу. Пѣшкомъ съ пустыми мѣшками собирались они въ назначенное мѣсто въ центрѣ города, гдѣ ихъ ждалъ грузовикъ или нѣсколько дровней; и обратно возвращались тѣмъ же порядкомъ, но уже съ полными мѣшками. Одна изъ ученицъ бабки, очаровательное колоратурное сопрано, спеціалистка по Моцарту и французскимъ Bergerettes XVIII вѣка, жила главнымъ образомъ этими халтурами.

— Если бы я могла спѣть имъ «дубинушку», мечтала она всегда.

Такъ мы просуществовали зиму. Жить не жили, а прозябать кое-какъ удавалось.

*

* *

Несмотря на категорическое заявленіе медицинскаго факультета о невозможности принять на первый курсъ больше 300 человѣкъ, весною выяснилось, что будутъ приняты всѣ желающіе. Представленіе о томъ, что на медицинскій факультетъ нельзя принимать людей безъ опредѣленной подготовки, тоже было оставлено безъ вниманія и попрежнему единственнымъ условіемъ пріема осталось достиженіе 16-ти лѣтъ (о необходимости умѣть читать и писать хотя бы по орѳографіи Мануйлова-Луначарского условія пріема не упоминали). Если даже принять во вниманіе, что далеко не всѣ принятые посѣщаютъ университетъ, то и при этомъ условіи объ удовлетвореніи потребностямъ преподаванія существующими учебно вспомогательными университета не могло быть и рѣчи. Поэтому поднялся вопросъ объ открытіи новаго медицинскаго факультета, за что взялся московскій университетъ. Я былъ избранъ въ комиссію и лѣто у меня прошло въ интенсивной работѣ. Съ осени удалось открыть новую школу. Въ качествѣ клиникъ мы получали огромный генеральный военный госпиталь Петра I (2400 кроватей). Мы надѣялись, что военному вѣдомству удастся отапливать госпиталь и что такимъ образомъ будутъ налажены клиническія занятія. Но наши надежды, увы, не сбылись.

Осень началась при тяжелыхъ ауспиціяхъ. Домовые комитеты были разгромлены и управленіе домами было передано назначеннымъ центральной властью квартальнымъ управленіямъ (квартухозамъ). Въ результатѣ цѣны на квартиры сразу вскочили вдвое и всѣ дома съ центральнымъ отопленіемъ остались безъ дровъ. Кромѣ того, были прекращены какіе бы то ни было ремонты, починки водопроводовъ, канализацій и т. д. Пришлось запасаться дровами каждой квартирѣ въ отдѣльности и ставить печи. Тутъ проявилось

въ полной силѣ тяготѣющее на большевикахъ проклятіе: къ чему бы ни прикасались эти коммунисты, отовсюду безъ остатка вытравлялись коммунистическія начала и, взявъ въ свои руки управленіе московскими домами, они первымъ долгомъ замѣнили коммунистическое центральное отопленіе индивидуальнымъ печнымъ. Съ осени же началась массовая ломка деревянныхъ домовъ на топливо. Жильцы дома, подлежащаго слому, выбрасывались вонъ, а организація, получая ордеръ на домъ, запасшись соотвѣтственными инструментами, приступала къ слому. Какъ только на улицѣ раздавался грохотъ падающихъ балокъ, населеніе сбѣгалось и окружало счастливцевъ, получившихъ домъ. Каждый поровнлъ утащить хоть нѣсколько щепокъ. Наблюдающій за сломомъ милиціонеръ строго слѣдилъ, чтобы домъ достался именно тѣмъ, кто имѣлъ на него ордеръ и время отъ времени стрѣлялъ для острастки въ воздухъ и тогда толпа сразу разсыпалась. А черезъ минуту она уже снова была на мѣстѣ и высматривала плохо лежащіе щепки и чурбаны. Приступали къ сломкѣ рано утромъ и спѣшили закончить ее къ вечеру, ибо оставить на ночь полуразрушенный домъ значило утромъ найти уже пустое мѣсто. По окончаніи сломки предстояла трудная задача — безъ всякихъ перевозочныхъ средствъ доставить балки и доски по назначенію. Дѣлалось это такъ: на балку накидывалась веревка, въ которую впрягались смотря по толщинѣ и длинѣ одинъ, два и больше человѣкъ и они волокомъ тащили балку по улицамъ. Иногда приходилось видѣть всю улицу запруженную людьми, тащащими въ разныя стороны длинныя толстыя бревна. Въ результатѣ Москва рѣзко измѣнила свой обликъ. Къ концу осени, столь характерныхъ для нея деревянныхъ домиковъ съ мезонинами совсѣмъ не стало. Не стало и ея безконечныхъ деревянныхъ заборовъ (послѣдніе растаскивались ночами безъ всякихъ ордеровъ). Рядъ улицъ превратился въ новыя большія площади съ учнло торчащими посреди нихъ остатками печей. Когда то отгороженные отъ улицъ заборами, частные сады соединились съ послѣдними и тоже образовали площади. Иной разъ даже трудно было ориентироваться въ мѣстности и получалось впечатлѣніе, что ошибся дорогой.

Осенью съ пропитаніемъ стало замѣтно хуже, чѣмъ лѣтомъ. Картина запустѣнія все увеличивалась. Трупы лошадей попадались на улицѣ все чаще и чаще. Они, конечно, не убирались за неимѣніемъ перевозочныхъ средствъ, да и нужды въ этомъ не было, ибо такой трупъ очень быстро пожирался собаками. Какъ быстро онѣ справлялись со своимъ дѣломъ, ты можешь заключить изъ слѣдующаго примѣра. Однажды я, идя въ лабораторію, увидѣлъ на Кремлевской набережной трупъ лошади. Она, очевидно, только что пала. По крайней мѣрѣ около нея было всего двѣ собаки. Одна едва начала обдирать заднюю ногу, другая, прогрызши животъ, лакомилась внутренностями и отъ нея былъ виденъ только хвостъ и заднія ноги; это было въ половинѣ одиннадцатаго. А въ три, когда я шелъ домой, отъ лошади остался лишь скелетъ. Студенты въ анатомическомъ театрѣ не справились бы такъ быстро съ этой работой и едва ли бы отработали скелетъ такъ чисто и аккуратно.

*

* *

Съ осени работать въ лабораторіи стали гораздо труднѣе. Запасы реактивовъ истощились и пришлось добывать новые. А это было не легко. Для бѣготни за разрѣшеніями на покупки я приспособилъ одного изъ служителей, расторопнаго и пронырливаго буржуйчика, бывшаго владѣльца національнированной часовой мастерской. Онъ цѣлые дни бѣгалъ по всякимъ центрамъ, икамъ, комамъ, главкамъ, хозамъ, продамъ и пр. Но дѣло плохо спорилось. Въ какихъ условіяхъ приходилось работать, ты поймешь изъ слѣдующаго примѣра. Для монхъ работъ постоянно нужна менделѣевская замазка — смѣсь воска, канифоли и муміи. Раньше, когда выходилъ запасъ замазки, я давалъ служителю цѣлковый, онъ бѣжалъ въ ближайшую скобяную лавочку и черезъ 20 минутъ замазка была готова. Теперь, когда она мнѣ понадобилась, пришлось сначала найти всѣ нужныя составныя части, а затѣмъ получить разрѣшеніе на покупку. Все, что нужно, нашлось въ ближайшей скобяной лавкѣ, но воскъ оказался на учетѣ въ центрожирѣ, канифоль въ центросмолѣ, а мумія въ центрокраскѣ. Всѣ три учрежденія помѣщались на трехъ различныхъ окраинахъ Москвы, а лабораторія на четвертой. Написали три бумаги и часовщикъ ихъ началъ разносить (трамвай къ этому времени пересталъ ходить). На это ушло три полныхъ дня. Слѣдующіе три дня ушли на полученіе отвѣтовъ, которые всѣ гласили одно: сообщить подробно, для какихъ именно работъ нужны просимыя вещества и мотивировать необходимость производства этихъ работъ. Написали еще три бумаги. Еще шесть дней ушли на бѣготню. Два учрежденія дали разрѣшеніе на пріобрѣтеніе, а одно отказало, и я, прогонявъ двѣ недѣли человѣка, замазки все таки не получилъ. Что же мудренаго въ томъ, что мой часовщикъ сбѣжалъ, ссылаясь на дороговизну сапогъ. Разстались мы большими друзьями и онъ на прощанье предложилъ сдѣлать мнѣ серебряную зажигалку (спички достигли 60 руб. за коробокъ).

— Можетъ быть, у васъ найдется пара ломаныхъ серебряныхъ ложекъ. Принесите — я сдѣлаю изящную вещицу.

Ложки я принесъ и черезъ недѣлю получилъ зажигалку. Она работала великолѣпно.

— А вы на снѣтъ посмотрите, похвалился часовщикъ, и показалъ на два маленькихъ кругленькихъ стеклышка. Я посмотрѣлъ и обмеръ.

— Плакали мои ложки, подумалъ я про себя, зажигалку съ такими картинками нельзя вынуть изъ кармана въ приличномъ обществѣ. Перестарался мой часовщикъ.

И я вспомнилъ исторію съ замазкой. Достать нужныхъ реактивовъ нельзя, а такой мерзости, какая вставлена въ зажигалку, сколько хочешь.

Вскорѣ на лабораторію свалилось новое несчастіе. Доставать опытныхъ животныхъ до сихъ поръ было трудно, но все же возможно. Свинка стоила 200 руб. Иногда за ними приходилось посылать въ Орелъ, что обходилось дороже, но все же свинки были. Итакъ дѣло шло, пока комиссаріатъ здравоохраненія (наркомздравъ) не рѣшилъ централизовать дѣло снабженія лабораторій животными (учредить центросвинку, какъ сострилъ мой ассистентъ). Во всѣ города, гдѣ имѣлись питомники, былъ отправленъ чиновникъ, который реквизировалъ всѣхъ свинокъ и привезъ ихъ въ Москву — 420 штукъ. Изъ нихъ черезъ недѣлю издохло отъ неумѣлаго ухода 409, а 11 были отправлены на поправку въ деревню, въ качествѣ неприкосновеннаго запаса. Мы же остались безъ свинокъ. Или, вѣрнѣе, почти безъ

свинокъ, ибо кое что отъ реквизиціи все таки уцѣлѣло, но цѣна сразу же поднялась до 1000—1500 за свинку и находить ихъ стало очень трудно. Такихъ денегъ лабораторія платить не могла и работы почти прекратились. А съ наступленіемъ морозовъ онѣ и совсѣмъ стали; ибо разрѣшить топливнаго вопроса мы не смогли.

Работа стала не только въ лабораторіяхъ, но сдѣлалась почти невозможной даже въ канцеляріяхъ, ибо замерзало чернило. А отогрѣвать его было нечѣмъ. Пришлось выработать новый методъ растапливанія льда безъ огня. Для этого нѣсколько совѣтскихъ барышенъ садились около чернильницы и начинали усиленно дышать на нее, пока чернило не оттаетъ. Къ сожалѣнію оно вновь замерзало и процессъ оттаиванія требовалъ гораздо больше времени, чѣмъ процессъ замерзанія. Такъ что совѣтскія дѣвицы большую часть времени службы употребляли не на писаніе, а на дышаніе на чернильницу. Работа шла, конечно, въ шубахъ, шапкахъ и теплыхъ перчаткахъ. Однажды, зайдя въ одинъ изъ пархозовъ къ знакомому инженеру, я засталъ въ его канцеляріи слѣдующую картину. Четыре дѣвицы въ шубахъ возились съ большой пилой около громаднаго покрытаго корой пня въ полтора обхвата, тщетно пытаясь напилить изъ него дровъ. Какъ онѣ бѣдненькія умудрились втащить эту махину на четвертый этажъ, я до сихъ поръ не пойму. Очевидно страхъ окончательно замерзнуть придалъ имъ силы.

— Здѣсь Иванъ Ивановичъ? спросилъ я.

Но онѣ были такъ заняты своей пилой, которую едва удерживали въ равновѣсіи, что даже не оглянулись. А на столахъ лежали кучи подлежащихъ исполненію бумагъ.

*

* *

Съ наступленіемъ холодовъ сыпной тифъ достигъ поистинѣ гомерическихъ размѣровъ. Прошлогодняя эпидемія намъ казалась кошмарной, но тогда смертность была невелика. Теперь же она значительно увеличилась, а заболѣваемость по весьма несовершенной статистикѣ бывшаго IX отдѣленія управы возрасла приблизительно втрое. Условія пользованія больныхъ въ больницахъ представить себѣ трудно. Больные лежали въ потопленныхъ палатахъ въ собственномъ бѣльѣ, почти безъ присмотра, ибо въ большинствѣ сыпнотифозныхъ больницъ на врача приходилось 150—200 больныхъ, а въ нѣкоторыхъ и больше. Переполненіе достигало крайнихъ предѣловъ и число больныхъ въ большинствѣ превышало число кроватей. Въ разгарѣ заболѣвавія сыпнотифозные находятся въ сильно возбужденномъ состояніи — бредятъ, кричатъ, поютъ, ловятъ чортиковъ, бѣгаютъ по палатамъ, выскакиваютъ въ окна. Такихъ больныхъ за неимѣніемъ спотворныхъ приходилось связывать. За отсутствіемъ же горячечныхъ рубахъ ихъ просто привязывали въ кроватямъ, чѣмъ попало. Если ты это все вспомнишь, то поймешь, какой адъ творился въ такихъ биткомъ набитыхъ палатахъ съ воющими больными, привязанными къ кроватямъ. Тамъ обычно стоялъ такой содомъ, что разговаривая съ сидѣлками, приходилось почти кричать. Къ этому нужно прибавить почти полное отсутствіе лѣкарствъ и инструментовъ.

Какъ то я разговорился съ однимъ милымъ молодымъ врачомъ, докторомъ Павловымъ, который частенько заходилъ ко мнѣ въ лабораторію. На его долю въ больницѣ приходилось до 300 больныхъ.

— Ну скажите, что же вы дѣлаете на обходахъ?

— Щупаю пульсъ.

— И больше ничего?

— А что же я еще могу дѣлать?

— А если пульсъ плохъ?

— Когда есть сердечныя, назначаю ихъ.

— А часто онѣ бываютъ?

— Разъ на разъ не приходится.

— Ну а предосторожности принимаете?

— Какія же могутъ быть предосторожности, усмѣхнулся онъ. Безъ халата не хожу, воротникъ халата и рукава мочу въ керосинѣ, когда онъ есть. Но только это ни къ чему. Попробуйте ка сюда не впустить вошь.

И онъ поднялъ ногу. Сапоги у него расползлись, пальцы вылѣзали наружу, на задникахъ сіяли дыры.

Дня черезъ три онъ зашелъ ко мнѣ изъ больницы съ темнературой. Я забезпокоился, не сыпнякъ ли.

— Возможно, сказалъ онъ просто. Но начало что то не характерное, возможно, что обойдется.

Черезъ четыре дня я былъ на его отпѣваніи.

Въ эту эпидемію врачи заболѣвали въ огромномъ количествѣ и мало кто изъ заболѣвшихъ выздоравливалъ. Такъ что тѣмъ, кто успѣлъ перенести сыпной тифъ въ прошломъ году, когда эпидемія была не такая злая, всѣ завидовали.

Такая же картина запустѣнія, какъ въ больницахъ, наблюдалась и въ аптекахъ, которыя стояли почти безъ лѣкарствъ. Къ тому же онѣ были націонализированы, въ нихъ былъ введенъ 8-ми часовой рабочій день, всѣ аптекарскіе ученики стали чиновниками, и въ аптеку сразу ворвался чуждый ей дотолѣ духъ бюрократизма. Раньше сутокъ послѣ заказа лѣкарство получить стало невозможнымъ. Это въ лучшемъ случаѣ, а то срокъ изготовленія назначался въ 2—3 дня. Никакія просьбы и мольбы не помогали. Профессія врача развиваетъ черствость — это несомнѣнно, ибо врачъ на страданія больного никогда не реагируетъ такъ живо, какъ рядовой обыватель. Есть эта черствость, конечно, и во мнѣ. И не смотря на нее, нѣкоторыя сцены, которыя я видѣлъ въ аптекахъ, потрясли меня до глубины души. Особенно рѣзко запечатлѣлась одна изъ такихъ сценъ. Мужчина среднихъ лѣтъ пришелъ за лѣкарствомъ.

— Адреналина нѣтъ, отвѣтили ему.

— А безъ адреналина вы сдѣлали?

— Прописано съ адреналиномъ.

— Такъ я же просилъ, если не будетъ адреналина, сдѣлать безъ него.

— Прописано съ адреналиномъ.

Мужчина заплакалъ.

— Моя жена при смерти, лепеталъ онъ, я сутки жду солевого раствора для вливанія, и вы его не хотите сдѣлать. Когда же вы сдѣлаете?

— Черезъ 24 часа.

Господинъ взялъ рецептъ и, шатаясь, вышелъ. А я отозвалъ въ сторону аптекаря, пошептался съ нимъ и, уплативъ ему баснословную сумму, положилъ въ карманъ цѣлую банку съ адреналиномъ, который былъ необходимъ задыхавшейся въ астматическомъ припадкѣ бабкѣ. Ушедшему ни съ чѣмъ господину нужно было всего нѣсколько капель адреналина, но онъ къ сожалѣнію ушелъ раньше и я не могъ подѣлиться съ нимъ. Пришлось утѣшить себя тѣмъ, что «соціологическій опытъ», объектомъ коего былъ плакавшій въ аптекѣ мужчина, течетъ совершенно правильно, какъ предсказалъ Ленинъ: за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ по Москвѣ ходило его весьма глубокомысленное изреченіе.

— То, что теперь у насъ, еще не голодъ. Голодъ будетъ тогда, когда 10 человѣкъ будутъ драться изъ за одной дохлой крысы.

Мудрено ли, что при такихъ условіяхъ смертность въ Москвѣ достигла небывалыхъ размѣровъ и что хоронить покойниковъ становилось съ каждымъ мѣсяцемъ труднѣе. Въ 1918 году я хоронилъ свою мать. Совѣтскія похороны стоили тогда 600 рублей, причемъ гробъ давался на прокатъ и везли его на кладбище на дровняхъ. Ждать очереди приходилось въ среднемъ около 10 дней, въ теченіе которыхъ покойникъ разлагался въ квартирѣ. Я заплатилъ за похороны 3000 руб. и получилъ на пятый день въ собственность простой еловый гробъ, но слегка подкрашенный въ коричневый цвѣтъ и обитый узенькимъ позументомъ по краю, и дроги въ одну лошадь. Помогалъ мнѣ во всемъ мой часовщикъ. Мы поставили гробъ на дроги и тронулись на кладбище. На душѣ было тяжко и обидно. Никогда не думалъ раньше, что придется хоронить свою мать, какъ нищую. А когда мы шли по Арбату, я услышалъ нѣсколько замѣчаній.

— Вотъ это гробъ такъ гробъ! говорили встрѣчныя бабы. Его обратно уже не повезутъ. Это похороны.

На кладбищѣ я понялъ ихъ восторгъ, увидѣвши совѣтскія похороны, и разсмотрѣвъ черезъ щели гробовъ полуразложившіеся трупы, которые вытряхивались въ общія ямы.

Это было въ 1918 г., а въ 1919 съ похоронами стало куда хуже. Мой товарищъ докторъ С. хоронилъ жену. Везти ее ему пришлось уже не на дрогахъ, а въ извощичьихъ санкахъ, поставивъ гробъ на колѣни. Дорогой санки перевернулись на сугробѣ и гробъ покатился по улицѣ.

*

* *

Съ осени я сосредоточилъ свою дѣятельность на новой школѣ и читалъ лекціи въ Лефортовскомъ госпиталѣ. Когда выпалъ снѣгъ, трамваи окончательно стали и пришлось ходить на лекціи пѣшкомъ. Выходилъ я изъ дому въ 8 часовъ утра. Въ это время улицы обычно были полны народомъ, который шелъ молча, опустивъ угрюмо головы, съ пустыми мѣшками за плечами или съ салазками. Это московская интеллигенція, нынѣ армія совѣтскихъ чиновниковъ, отправлялась на службу и въ чаяніи перехватить гдѣ нибудь мерзлой картошки тащила мѣшки и салазки. Большинство было въ самодѣльныхъ теплыхъ сапогахъ, нѣкоторые въ валенкахъ. Попадались люди, завернутые вмѣсто шубъ въ байковыя одѣяла и подпоясанные веревками. Я вступалъ въ ряды этой арміи и начиналъ отмѣривать версты. Чѣмъ дальше я шелъ, тѣмъ больше рѣдѣли ряды прохожихъ, которые постепенно

расходились по своимъ учрежденіямъ. Къ 10 часамъ улицы пустѣли и снова сразу наполнялись около 4 часовъ, когда армія направлялась домой. Большинство тащили салазки и мѣшки опять пустыми, ибо добыть продукты удавалось не всякому. Къ этому времени на перекресткахъ и площади выползали бабы съ ведрами горячей каши, и нѣкоторые изъ толпы, вытащивъ ложки, оставливались пообѣдать. Это были немногіе счастливцы, ибо лакомое блюдо изъ хорошей крупы съ масломъ стоило очень дорого. Большинство довольствовалось дешевыми обѣдами въ «комиссаріатскихъ» столовыхъ изъ двухъ блюдъ. На первое обычно давалась горячая, ничѣмъ не подкрашенная, вода съ небольшимъ количествомъ вареной капусты, а иногда и съ хвостикомъ воблы. На второе мерзлая вареная картофелина, иногда политая клюквеннымъ отваромъ. Изрѣдка давалось на второе четверть селедки. Тогда въ столовой былъ настоящій праздникъ. Нѣкоторые, съѣвъ такой обѣдъ на службѣ, второй забирали домой на ужинъ. Но это допускалось не во всѣхъ комиссаріатахъ.

По дорогѣ въ госпиталъ я обычно дѣлалъ двѣ остановки на 20 минутъ для отдыха и въ госпиталь приходилъ къ половинѣ одиннадцатаго. Въ нетопленной аудиторіи, не снимая шубы, шапки и перчатокъ, я читалъ, едва ворочая отъ усталости языкомъ, двухчасовую лекцію безъ какихъ либо намековъ на демонстраціи. Слушалъ меня десятокъ, другой такихъ же усталыхъ и замерзшихъ студентовъ, пришедшихъ сюда съ мѣшками мерзлой картошки за плечами. По окончаніи лекціи я шелъ отдохнуть въ одно изъ отдѣленій госпиталя, гдѣ, не снимая шубы, валился на вшивую кровать, а черезъ часъ уходилъ домой, куда попадалъ къ половинѣ четвертаго: и того одна двухчасовая лекція отнимала у меня $7^1/_2$ часовъ.

Послѣ одной изъ такихъ лекцій я зашелъ въ анатомическій театръ и засталъ прозектора за работой: онъ при помощи Григорія вытаскивалъ мебель и инструменты изъ небольшого кабинетика рядомъ съ комнатой служителей.

— Готовлю себѣ съ женой зимнее логовище, объяснилъ онъ. Тутъ общая печка со служителями, значитъ, будетъ тепло.

У него была казенная квартира въ госпиталѣ изъ трехъ хорошихъ комнатъ, а освобождаемая комната была маленькая — 4 на 5 аршинъ, рядомъ со вскрывочной и выходила въ корридоръ, по которому носили трупы.

— Неужели же вы не можете отопить хотя бы одной комнаты? спросилъ я.

— Отопить бы можно, да ко мнѣ вселили слесаря — вотъ главное.

Я вспомнилъ, глядя на него, о томъ, какой скандалъ поднялъ во-время войны командующій войсками, когда увидѣлъ при посѣщеніи госпиталя, что въ зданіи анатомическаго театра живутъ служителя. А ихъ комната была втрое больше этой и занимала изолированное положеніе.

— Что же, Григорій, вы все еще большевикъ? спросилъ я своего пріятеля.

— Никакъ нѣтъ, г. докторъ. Я теперь никто.

— Что такъ? Разочаровались въ программѣ?

— Программы всѣ хороши, отвѣтилъ онъ сердито. А вотъ поступаютъ всѣ скверно.

Такъ завершилась политическая эволюція Григорія, отъ безсознательныхъ къ безпартійнымъ черезъ эсъ-эрство и коммунизмъ.

*

По дорогѣ въ госпиталь я обычно отдыхалъ въ трамвайныхъ будочкахъ на наружныхъ скамейкахъ, ибо зайти внутрь было невозможно по очень простой причинѣ, съ которой я ознакомился во время перваго же рейса въ госпиталь. Когда я вошелъ въ будку на Театральной площади, я наткнулся въ углу на огромную кучу испражненій. Отскочилъ въ другой, но и тамъ было тоже. Рѣшивъ присѣсть на наружной скамейкѣ, я повернулся къ выходу и увидѣлъ сидящаго на корточкахъ солдата, привѣтливо смотрящаго на меня.

— Не стѣсняйтесь, товарищъ, присаживайтесь, пригласилъ онъ меня.

— Я не стѣсняюсь, но только вѣдь это трамвайная будка.

— Да вѣдь мы ихъ давно въ н—ки обратили, самодовольно похвалился онъ.

Это происходило въ двухъ шагахъ отъ общественной ретирады. Вообще я долженъ сказать, что правящій классъ Россійской соціалистической федеративной совѣтской республики (эр—эс—эф—эс—эр) имѣлъ въ то время весьма смутное представленіе о назначеніи ватеръ-клозетовъ. Одинъ изъ артистовъ Большого театра, которому много приходилось пѣть въ различныхъ пролеткультахъ, занявшихъ лучшіе московскіе особняки, повѣдалъ мнѣ, что въ большинствѣ изъ нихъ онъ находилъ чашки унитазовъ идеально чистыми, но за то кругомъ на полу лежали громадныя кучи испражненій Такія же кучи онъ находилъ и въ роскошныхъ ваннахъ этихъ особняковъ. Причемъ нерѣдко зловонная жидкость вытекала и въ коридоръ.

Во время большевистскаго возстанія въ Маломъ театрѣ было какое то большевистское учрежденіе. И когда артисты въ первый разъ вошли въ «домъ Щепкина», они нашли полы своихъ уборныхъ покрытыми такими же кучами. А я своими глазами видѣлъ въ 1918 году протоколъ ученаго комитета главнаго военно-санитарнаго управленія, въ которомъ прочиталъ слѣдующее. Одинъ полковой командиръ сообщалъ, что его казарма настолько загрязнена человѣческими испражненіями, что жить въ ней уже нельзя. Сначала онъ хотѣлъ ее очистить и вывезти нечистоты, но ихъ оказалось столько, что у полка не хватитъ перевозочныхъ средствъ. Тогда онъ сталъ думать о томъ, чтобы сжечь ихъ во дворѣ казармы. Но встрѣтилась новая бѣда. Въ его распоряженіи не оказалось достаточнаго количества горючихъ матеріаловъ. И теперь бѣдный полковой командиръ, стоя безпомощно передъ этими благоухающими горами, запрашиваетъ ученый комитетъ, не изыщетъ ли тотъ какое либо средство для ихъ уничтоженія, «доступное въ условіяхъ времени и мѣста». Эта поучительная для потомства исторія хранится теперь за соотвѣтственнымъ номеромъ въ дѣлахъ ученаго комитета съ приложеніемъ рапорта, подписаннаго безпомощными каракулями полкового командира.

По вечерамъ, раза два въ недѣлю, та армія интеллигентовъ, находящихся на совѣтской службѣ, которая ежедневно отъ 8 до 10 и отъ 4 до 6 заполняла пустынныя обычно московскія улицы, выгонялась для очистки снѣга. Раньше это дѣлали дворники. Но теперь они были заняты другимъ, болѣе важнымъ дѣломъ — они кормили насъ. Не будь этихъ благодѣтелей, продававшихъ намъ по баснословнымъ цѣнамъ пищевые продукты, добываемые отъ деревенскихъ «родственниковъ», мы, конечно, давно умерли бы съ голоду. А поэтому намъ нечего было роптать на то, что мы дѣлаемъ и ихъ работу, а они, наши кормильцы, заложивъ руки за спину, важно прохаживаются около насъ и смотрятъ, чтобы буржуи работали, какъ слѣдуетъ. Да по

правдѣ сказать, мы и не работали, а только дѣлали видъ, что работаемъ. И въ результатѣ нашей работы улицы только ухудшались. Если бы онѣ были предоставлены самимъ себѣ, онѣ къ концу зимы стали бы только на аршинъ, полтора выше тротуаровъ (тротуары чистили дворники), но по нимъ можно было бы ѣздить. А послѣ нашего вмѣшательства снѣга не убавлялось, за-то улицы превращались въ нѣчто похожее на замерзшія морскія волны и ѣздить по нимъ было еще труднѣе, чѣмъ по «желѣзному озеру» берлинскаго Луна-парка. Но насъ это не касалось, ибо (большевики достаточно развили въ насъ классовое самосознаніе) — мы ходили пѣшкомъ, а ѣздили только комиссары. И выгоняли насъ сюда только ради нихъ. Такъ какой же смыслъ былъ намъ трудиться? Правда, иногда и нашему брату приходилось прокатиться въ автомобилѣ, но это къ счастью доводилось не часто и не всякому, и такихъ прогулокъ мы боялись пуще огня.

*

* *

Но не подумай, малютка, что нашего брата возили въ автомобиляхъ исключительно въ чрезвычайку. Бывало и иначе, особенно съ врачами. Какъ то утромъ на Дѣвичьемъ полѣ я встрѣтилъ нашего декана завтракающимъ: онъ на ходу очищалъ перочиннымъ ножомъ сырую морковку и съ видимымъ отвращеніемъ глоталъ ее. А черезъ два часа я встрѣтилъ его уже у себя въ переулкѣ на автомобилѣ, прыгающемъ по проложеннымъ моими руками рытвинамъ.

— Батюшки, подумалъ я, М—а въ чрезвычайку везутъ.

Но гляжу — нѣтъ, не похоже. Съ нимъ только одинъ человѣкъ, да и тотъ вполнѣ приличнаго вида, а самъ онъ сидитъ важно, развалясь, будто и впрямь комиссаръ ѣдетъ. Что за притча?

Черезъ нѣсколько дней въ засѣданіи факультета я разсказалъ ему о своемъ испугѣ, но онъ мечтательно улыбнулся и глаза его подернулись матовой влагой.

— Меня вызывали въ Метрополь (тамъ помѣщались квартиры народныхъ комиссаровъ и видныхъ коммунистовъ).

Истинный смыслъ этой счастливой улыбки и затуманеннаго взора, я понялъ нѣсколько дней спустя, особенно въ сопоставленіи съ его завтракомъ сырой морковкой. Я сидѣлъ въ дежурной комнатѣ одной изъ московскихъ больницъ, послѣ дѣлежки привезенной изъ провинціи партіи мерзлаго картофеля. Въ углу укладывалъ свой мѣшокъ извѣстный московскій педіатръ Ю. Онъ считалъ, что ему не додали двухъ съ половиною фунтовъ и, завязывая веревку, отчаянно ругался. Пиджакъ на немъ, несмотря на надѣтую подъ нимъ толстую лыжную фуфайку, висѣлъ, какъ на вѣшалкѣ. Когда то полное лицо исхудало до неузнаваемости и сморщилось. Высокій, крутой, лысый лобъ отъ этого выдался еще болѣе и все лицо несмотря на очки и жидкую бороденку стало похоже на лицо маленькаго рахитика.

— Чѣмъ вы были и чѣмъ вы стали? сказалъ я ему. Кто бы могъ подумать два года назадъ, что человѣкъ съ вашей практикой будетъ такъ бравиться изъ за двухъ съ половиною фунтовъ несъѣдобнаго картофеля.

Педіатръ надѣлъ шубу, которая благодаря исчезнувшему животу, спереди висѣла почти на четверть ниже, чѣмъ сзади, и началъ укрѣплять на спинѣ мѣшокъ.

— Да, батюшка, было, да прошло. Былъ когда-то и у меня собственный выѣздъ. А вотъ теперь самъ впрягаюсь.

И онъ, согнувшись подъ тяжестью мѣшка, неловко, ловилъ за спиной ускользающую веревку. Я ему помогъ и, зная, что онъ вторую недѣлю посѣщаетъ Метрополь, гдѣ лечитъ ребенка одного изъ народныхъ комиссаровъ, спросилъ, какія новости въ сферахъ.

— Гонораръ вчера получилъ, вотъ какія новости. И сморщенное личико его расплылось въ широкую улыбку.

— Небось, тысячу рублей на серебряномъ блюдѣ вынесли?

— Да, нашли дурака. Барыня суетъ мнѣ въ руку желтую бумажку, а я отстранилъ ее и говорю: я денегъ не признаю и жду съ нетерпѣніемъ того времени, когда они будутъ доведены до полнаго абсурда (повторяю фразу, сказанную когда то ея мужемъ). Барыня смутилась. Вы, говоритъ, докторъ, меня въ неловкое положеніе ставите. А я говорю: извиняюсь, сударыня, но я въ этомъ не виноватъ, и откланиваюсь. На другой день красноармеецъ принесъ мнѣ двухъ утокъ. Хорошая птица — сама себя жаритъ, мечтательно прибавилъ онъ.

— То-есть?

— Это жена моя такъ говоритъ. Значитъ, масла не нужно.

Получилъ однажды приглашеніе въ Метрополь и я. Нужно было взять кровь у одного подростка изъ комиссарской семьи для изслѣдованія, не сыпной ли тифъ. Мнѣ не хотѣлось отправляться туда и я попросилъ съѣздить одного изъ ассистентовъ. Онъ такъ формулировалъ свои впечатлѣнія.

— Никогда бы не думалъ, чтобы такую гостиницу, какъ Метрополь, въ такой короткій срокъ можно до такой степени загадить.

— Очень грязно?

— Это не слово. Закатилъ у больной рукавъ колоть вену, а подъ нимъ вши ползаютъ. А ротъ! Да если бы въ доброе старое время я у себя въ 1-ой городской больницѣ увидалъ такой ротъ, какъ у этой бѣдной дѣвочки, вотъ бы съ трескомъ вылетѣла сестра.

А бабкѣ твоей посчастливилось попасть по дѣлу не только въ Метрополь, а и въ самый Кремль, въ квартиру одного изъ вліятельнѣйшихъ народныхъ комиссаровъ. Квартира помѣщалась въ парадныхъ царскихъ аппартаментахъ. Проходя мимо зимняго сада, соединяющаго дворецъ съ оружейной палатой, бабка увидѣла, что садъ превращенъ въ сушильную для бѣлья: тамъ были развѣшаны батистовыя dessous народной комиссарши.

* * *

Теперь, моя малютка, нѣсколько словъ о жизни нашей семьи въ эту зиму. Я уже сказалъ тебѣ, что центральное отопленіе не дѣйствовало и пришлось ставить печи. Онѣ были сдѣланы изъ кровельнаго желѣза и формой напоминали гробики. Отъ печи отходили желѣзныя трубы въ дымоходъ. Постановка одной такой печи обходилась отъ 5 до 10.000 руб., глядя по длинѣ трубы. Это по вольнымъ цѣнамъ. По карточкамъ стоило гораздо дешевле. Но по карточкамъ давали только одинъ аршинъ трубъ и одно колѣно. А мнѣ, напримѣръ, нужно было 12 аршинъ и 2 колѣна. Къ тому же съ карточкой приходилось стоять въ очередяхъ, а это, помимо потери времени, было не всегда безопасно. Такъ, поэтъ Балтрушайтисъ хотѣлъ

купить себѣ по карточкѣ шляпу и сталъ въ очередь. Произошло какое-то недоразумѣніе и всю очередь отвели въ чрезвычайку, гдѣ Балтрушайтисъ просидѣлъ три недѣли. Купивши печь, нужно было добыть кирпичей и глины, чтобы обложить ее изнутри, а ни того, ни другого купить было нельзя. Глины, наконецъ, гдѣ то твой отецъ добылъ и привезъ на салазкахъ. Я же натаскалъ кирпичей изъ ломаемаго по близости дома. Смѣшавшись съ толпой «безордерныхъ», я усердно разбиралъ печку. Милиціонеръ нѣсколько разъ пугалъ насъ выстрѣлами, но мы продолжали дѣлать свое дѣло. Набравъ мѣшокъ кирпичей, я взваливалъ его на спину и тащилъ домой. Всего пришлось сдѣлать три рейса. У васъ въ квартирѣ былъ передъ кухней коридоръ необычайной длины, а потому вамъ пришлось покупать очень много трубъ. Не имѣя возможности платить по 400 руб. за аршинъ, отецъ рѣшилъ замѣнить ихъ дождевыми трубами, которыя онъ ходилъ по ночамъ сдирать съ сосѣднихъ домовъ. Дѣлалъ онъ это не одинъ. И къ началу зимы въ Москвѣ осталось очень мало домовъ съ цѣлыми водосточными трубами. Въ большинствѣ внесли одни остатки, рѣдко доходящіе до половины дома. Послѣ невѣроятныхъ усилій мы устроили въ каждой квартирѣ по логовищу изъ двухъ теплыхъ комнатъ, гдѣ спали, ѣли, работали, принимали гостей.

Дровъ намъ удалось добыть по сносной цѣнѣ, изъ кооператива. Я ихъ сложилъ, конечно, не въ сараѣ, а у себя въ квартирѣ, занявши полкомнаты.

Этихъ новыхъ печей я боялся такъ, какъ ихъ и слѣдовало бояться — какъ огня. Мнѣ устанавливалъ печь печникъ и я былъ спокоенъ. А въ другихъ квартирахъ работали сами жильцы и нерѣдко выводили трубы не въ дымоходы, а въ вентиляторы, обшитые деревомъ, что, конечно, угрожало пожаромъ. Я, въ качествѣ бывшаго предсѣдателя домового комитета, усиленно пропагандировалъ осторожность, бѣгалъ по квартирамъ, осматривалъ проводки, словомъ надоѣлъ жильцамъ до нельзя. Когда начали топить эти импровизированныя печи, пошли пожары. Въ твоей комнатѣ загорѣлась поздно вечеромъ перегородка, черезъ которую была проложена труба. Рѣдкая недѣля проходила безъ пожара. Въ тушеніи принимали участіе всѣ жильцы дома: рубили топорами тлѣющія перегородки, таскали ведрами воду и такъ далѣе. А грязь послѣ такого пожара приходилось убирать уже лично квартирохозяину. Наконецъ, пожары кончились и, казалось, всѣ дефекты были исправлены.

Но у насъ въ домѣ что-то не ладилось, и каждая топка сопровождалась появленіемъ дыма изъ подъ половъ. Я полѣзъ на чердакъ и увидѣлъ, что изъ щелей вентиляціоннаго хода идетъ дымъ. Ясно было, что гдѣ то печь выведена въ вентиляторъ. Но гдѣ? Обошелъ еще разъ всѣ квартиры — все въ порядкѣ. Вызвалъ пожарныхъ, они осмотрѣли весь домъ и ничего не нашли. Тогда я рѣшилъ пробовать печи по очереди. Распорядившись, чтобы вездѣ огонь былъ потушенъ, я затопилъ свою печь и къ ужасу своему увидѣлъ — дымъ, выходящій изъ подъ пола. Печь потушили и сорвали трубы. Оказалось, что печникъ, взявшій съ меня 1500 руб. за три часа работы, ошибся и пробилъ стѣну не надъ дымоходомъ, а надъ идущимъ рядомъ съ нимъ вентиляторомъ. Исправлять ошибку ему было лѣнь и онъ вывелъ трубу въ вентиляторъ. Когда жильцы узнали, что я, отравляя ихъ жизнь своими осмотрами, самъ полъ зимы топилъ черезъ вентиляторъ, веселью ихъ не было предѣловъ и они нѣсколько дней не давали мнѣ проходу. Но мнѣ

было не до смѣха. Я вспомниалъ о запасахъ дровъ, сложенныхъ во всѣхъ квартирахъ и думалъ о томъ, что ты, моя малютка, прожилъ половину зимы на кострѣ, котораго чуть чуть не поджегъ твой собственный дѣдъ.

Многіе изъ жителей Москвы не сумѣли добыть себѣ печей и переселились въ ванныя, гдѣ обогрѣвались колонками. Въ ванной жила и наша бывшая домовладѣлица. При одномъ изъ осмотровъ печей я былъ у нея въ квартирѣ и засталъ ея дѣтишекъ въ ванной. Старшій 12-ти лѣтъ варилъ въ колонкѣ картофель, а младшая 6-ти лѣтъ прикурнула на скамеечкѣ, облокотившись на ванную въ ожиданіи завтрака. Электричества днемъ не было и ванная освѣщалась только печуркой. Мать ихъ была на службѣ въ одномъ изъ безчисленныхъ «комовъ». Эти заброшенныя малютки были два года назадъ одними изъ богатѣйшихъ людей въ Москвѣ, и въ гостинныхъ рядомъ съ этой ванной давались еженедѣльные балы съ оркестромъ музыки. А теперь въ гостинныхъ жили какіе то пятистепенные комиссары и благодаря этому хозяйка ихъ была лишена возможности получать обычный для людей ея положенія источникъ существованія путемъ постепенной продажи обстановки и довольствовалась жалованіемъ.

Запасъ дровъ у насъ хотя и былъ, но очень небольшой и приходилось пополнять его тѣми или иными способами. Въ Гоголевскомъ училищѣ былъ когда то госпиталь, выбравшійся оттуда и отъ него осталось нѣсколько соть складныхъ кроватей, которыя были свалены въ сараѣ. Учителя рѣшили разобрать ихъ на топливо и одна изъ преподовательницъ, пріятельница тьоей матери, приняла въ долю и насъ. Мать, возвращаясь изъ клиникъ, ежедневно заходила въ школу, ей выносили кровать, которую она взваливала на плечи и тащила на себѣ отъ Дѣвичьяго поля до Арбатскихъ воротъ.

Съ наступленіемъ крѣпкихъ морозовъ въ домѣ начали лопаться клозетныя трубы. Лопнули онѣ и въ нашей квартирѣ, у васъ же какъ то уцѣлѣли и намъ пришлось ходить черезъ дворъ въ вашъ клозетъ. Какъ то вечеромъ, когда вы всѣ сидѣли у насъ, я пошелъ туда, захвативъ ключъ отъ чернаго хода и въ темной кухнѣ столкнулся съ двумя грабителями (это была четвертая кража у васъ). Одного я схватилъ за руку. Но онъ выстрѣтилъ изъ револьвера, и я его выпустилъ. Хорошо, что мы жили въ первомъ этажѣ — ходить было близко. А вотъ тѣмъ, кто снималъ квартиру выше, тѣмъ приходилось хуже. Эти разрѣшали канализаціонный вопросъ довольно своеобразно. Разостлавъ на полу номеръ «совѣтскихъ извѣстій», они слѣдовали примѣру солдата изъ трамвайной будки. Затѣмъ сложивъ «Извѣстія» въ аккуратный пакетъ, они выбрасывали его въ форточку. Пакетъ быстро превращался въ ледышку и такихъ мерзлыхъ пакетовъ валялось на улицахъ Москвы великое множество. О томъ, что съ ними будетъ, когда наступитъ оттепелъ никто не думалъ. Всѣ жили настоящимъ днемъ и такъ далеко, какъ время желанной оттепели, никто не загадывалъ. Вопросъ о клозетахъ сильно безпокоилъ московскіе квартупхозы. И они намѣтили разрѣшить его такъ. Всѣ клозеты предполагалось запереть и въ каждомъ домѣ оставить одинъ, отапливаемый квартупхозомъ. Хозяинъ квартиры, осчастливленный выборомъ, долженъ былъ безпрепятственно впускать къ себѣ всѣхъ жильцовъ дома. Проведенія въ жизнь этого геніальнаго плана мы не дождались и уѣхали раньше его осуществленія.

На наше счастье у насъ какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ водопроводъ. А вотъ тѣмъ, у кого лопнулъ, приходилось совсѣмъ плохо. Особенно страдала отъ недостатка водопровода одна изъ моихъ ассистентокъ Ф., обаятельный человѣкъ, близкая подруга твоей матери. Она заканчивала очень интересную работу и до поздняго вечера засиживалась въ нетопленной лабораторіи одна, при свѣтѣ коптящей керосиновой лампы. Домой на шестой этажъ она возвращалась къ 8 часамъ и сейчасъ же принималась за стряпню ужина, спѣша закончить все къ приходу мужа, который возвращался къ девяти. Но для этого нужно было принести со двора воды. Черная лѣстница была очень крутая и не освѣщалась, а вода, которую расплескивали на нее изъ геде,ъ жильцы дома, образовала на каждой ступенькѣ скользкіе ледяные валики.

— Повѣрите, говорила она мнѣ, когда я стою въ полной темнотѣ на этомъ покатомъ ледяномъ каткѣ съ уклономъ въ 50 градусовъ, на уровнѣ четвертаго или пятаго этажа, уцѣпившись одной рукой за перила, а другой держа полное, тяжелое, расплескивающееся ведро, мною иногда овладѣваетъ такой ужасъ, что я готова громко кричать о помощи.

Вставъ утромъ, мы справляли хозяйственныя дѣла, кололи дрова, убирали комнаты и прочее. Самое тяжелое — была колка дровъ. И твоя мать передъ самымъ отъѣздомъ отрубила себѣ топоромъ кусокъ большого пальца съ костью. Затѣмъ отецъ, мать и я разбѣгались на службу, а Мариша, сплавивъ тебя бабкѣ, спѣшила въ очереди за продуктами. Часовъ съ 10—11 къ бабкѣ приходили ученики и время до обѣда ты проводилъ у нея въ классѣ, играя съ учениками, дожидающимися очереди, а иногда часами просиживая за роялемъ на колѣняхъ у бабки и терпѣливо выслушивая вокализы.

Обѣдали мы въ четыре часа, причемъ для сокращенія расходовъ вели общее хозяйство. Съ продуктами становилось все хуже и хуже. Цѣны росли ежечасно. Хлѣбъ дошелъ до 250 руб. за фунтъ, мерзлый картофель до 65, масло до 2000, сахаръ 1200. Одно твое молоко стоило намъ 1000 р. въ день. По карточкамъ выдавали только одинъ хлѣбъ, да и тотъ нерегулярно. Въ среднемъ на человѣка доставалось 25 граммъ въ день. Всѣ усилія приходилось направлять на то, чтобы прилично питать тебя, а самимъ довольствоваться главнымъ образомъ мерзлой картошкой. Но самое ужасное — это была каша изъ вареной ржи, которую зачастую приходилось ѣсть безъ масла. Прожевать ее стоило такихъ усилій, что послѣ обѣда болѣло за ушами. А проглотить было еще труднѣе: толкаешь ее бывало въ пищеводъ, а она лѣзетъ обратно въ глотку. Но, въ концѣ концовъ, мы все таки приспособились и каждый глотокъ такой каши запивали чаемъ, или просто горячей водой. Тогда она проходила гораздо легче. Но даже и при такомъ питаніи мѣсячнаго заработка четырехъ человѣкъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ нѣсколько мѣстъ (у меня было 4) хватало едва на недѣлю съ небольшимъ. Исхудали мы всѣ страшно, особенно твоя мать, отъ которой осталась одна тѣнь и платья висѣли на насъ, какъ на вѣшалкахъ. Одинъ ты росъ на радость намъ крѣпкимъ бутузомъ и никто не хотѣлъ вѣрить, что тебѣ только $1^1/_2$ года.

Обѣдъ кончался быстро. Отецъ сейчасъ же убѣгалъ на вечернія занятія, мать шла отдыхать (она бѣгала по госпиталямъ изъ послѣднихъ силъ и мнѣ было совершенно ясно, что въ случаѣ зараженія сыпнякомъ она не вынесетъ), бабка шла къ себѣ продолжать уроки, а мы оставались

вдвоемъ въ моемъ большомъ заставленномъ книжными полками кабинетѣ, служившемъ одновременно и столовой и моей спальней, и начинали сумерничать. Я ложился на диванъ, а ты ползалъ по мнѣ, сосредоточенно и методически, обыскивая мои карманы, куда я имѣлъ обыкновеніе прятать для тебя крошечные кусочки сахара.

— Хахаръ, лаконически констатировалъ ты свою находку и отправлялъ найденное за щеку.

Сумерки постепенно сгущались. Черные переплеты уходили куда-то въ темноту, а вокализы звучали въ сосѣдней комнатѣ все грустнѣе и унылѣе. Не вынося темноты, ты начиналъ нудиться, а я старался развлечь тебя сказками. Но вотъ внезапно вспыхивала на потолкѣ двухсотсвѣчная полуватная лампа, отражаясь искрами отъ золота переплетовъ. Ты вскакивалъ, хлопая въ ладоши.

— Огонякъ! Огонякъ, привѣтствовалъ ты появленіе тока. И затѣмъ радостно протягивалъ мнѣ ручонки.

— Дѣдъ писать, требовалъ ты.

Мы садились за письменный столъ, ты хваталъ ручку, раза три—четыре поворачивалъ ее въ чернильницѣ такъ, что перо скрипѣло, насаживалъ крупную кляксу и размазывалъ ее. Затѣмъ слѣдовала игра телефономъ и пишущей машиной. Наскучивъ ты лѣзъ на руки и просилъ:

— Дѣдъ! Ль.

Ль на твоемъ языкѣ обозначало все, что шумитъ и движется — отъ автомобиля до электрической центрофуги включительно. Мы шли въ лабораторію, я пускалъ центрофугу и ты весь замиралъ отъ восторга. Я смотрѣлъ на твою крохотную фигурку, стоящую посреди большого стола, заставленнаго реактивными стклянками и болѣлъ душой за твое уродливое дѣтство, протекающее между роялемъ и центрофугой, безъ игрушекъ, безъ сверстниковъ, безъ правильнаго питанія.

— Бѣжать, во что бы то ни стало, бѣжать, думалъ я. Куда бы то ни было бѣжать, но спасти ребенка.

Скоро приходила Маринна и уносила тебя спать. Ученики бабки расходились, и мы начинали топить печку. Это было большое событіе дня. Отогрѣвшись у огня, я надѣвалъ шубу и шелъ въ нетопленную лабораторію дѣлать анализы, если таковые бывали (что случалось послѣднее время рѣдко) или садился за письменный столъ. Это было время, когда я привыкъ читать свои журналы. Но теперь ихъ не было. Я бралъ съ полки какую нибудь книгу, чаще всего комедіи Аристофана и погружался въ чтеніе. Очень любилъ я перечитывать также жизнеописаніе Сократа и небольшую книжку Lasslaux выучилъ почти наизусть. Бабка ложилась рано, я же привыкъ засиживаться, и ждалъ обычнаго сигнала: во второмъ часу со стороны Арбатской площади раздавался винтовочный выстрѣлъ и спустя минуту по нашему переулку вихремъ проносился чудесный автомобиль. Что это значило, я не зналъ. Но это повторялось изъ ночи въ ночь и служило мнѣ сигналомъ ложиться спать. Не снимая лыжной фуфайки, я залѣзалъ подъ теплое одѣяло и начиналъ стараться заснуть. Если электричество своевременно гасло — сонъ приходилъ быстро. Если же оно продолжало горѣть — это значило, что въ нашемъ кварталѣ будетъ обыскъ и тогда ночь текла тревожно. При каждомъ шумѣ автомобиля мы вскакивали и выглядывали въ окна. Иногда автомобиль пробѣгалъ мимо, иногда останавливался по

близости, изъ него выходили люди съ винтовками и скрывались въ подъѣздѣ.

Ты, можетъ быть, удивишься, малютка, почему мы такъ боялись обысковъ, разъ мы были внѣ политики. Но, вѣдь мы, интеллигенты, были виноваты всегда и во всякую минуту, стоило только захотѣть обнаружить нашу вину. У меня было цѣлыхъ 4 сажени дровъ, полпуда муки, три четверти фунта масла, 2 фунта сахару и три пиджака. Развѣ этого мало? Вѣдь было же напечатано въ «совѣтскихъ извѣстіяхъ» разъясненіе по поводу одного разстрѣла: «обыскъ показалъ квартирную обстановку типичнаго спекулянта, такъ напр. были обнаружены крахмальные воротнички и цѣлый ассортиментъ галстуковъ (6 штукъ)». Къ тому же жизнь наша была регулирована декретами до такихъ мелочей, что при желаніи несоблюденіе декрета найти всегда было не трудно.

До какой детализаціи доходило правительство, регулируя нашу жизнь, ты поймешь изъ слѣдующаго случая. Однажды я шелъ глубоко задумавшись по Кисловкѣ и былъ пробужденъ крикомъ, раздавшимся спереди и, какъ будто, исходящимъ изъ самой земли:

— Подъ воги нужно смотрѣть, а не въ небо.

Въ ту же минуту я обо что то споткнулся и потерялъ равновѣсіе, а тоть же голосъ прокричалъ по моему адресу непечатное ругательство, но уже сзади и тоже снизу. Отбросивъ запутавшееся между ногъ полѣно, я оглянулся и увидѣлъ, сидящаго на корточкахъ интеллигента съ его неизмѣннымъ каракулевымъ воротникомъ. Въ правой рукѣ онъ держалъ топоръ, а лѣвой тянулся къ полѣну, которое я очевидно выбилъ у него изъ рукъ.

— Что это вы такъ неудобно устроились? спросилъ я его.

— Да вѣдь это же по декрету! взвизгнулъ онъ высокой фистулой, исполненной отчаянія.

Тутъ только я вспомнилъ, что на дняхъ дѣйствительно вышелъ декретъ, строго запрещающій колоть дрова въ кухняхъ и на лѣстницахъ и категорически требующій, чтобы это дѣлалось на тротуарахъ. Передо мной сидѣлъ на корточкахъ несомнѣнно новый русскій типъ — «запуганный интеллигентъ», происходящій, видимо, по прямой линіи отъ «кающагося интеллигента». Фигура его была настолько комична, а въ голосѣ чувствовалось столько тоски и столько искренней готовности выполнить декретъ, что я невольно расхохотался.

— Да, вамъ смѣшно, ворчалъ запуганный интеллигентъ, а мнѣ.... Куда прешь, образина! заревѣлъ онъ вдругъ яростнымъ басомъ старушкѣ, наткнувшейся на только-что поставленное полѣно. Старушка отъ неожиданности отпрыгнула въ бокъ и, всплеснувъ руками, затараторила.

— Батюшки! Съ ума сошелъ. На тротуарѣ дрова колетъ. Никому проходу не даетъ.

Запуганный интеллигентъ поднялся, сердито плюнулъ и, забравъ полѣно и топоръ, рѣшительнымъ шагомъ направился къ себѣ на верхъ, съ явнымъ намѣреніемъ оказать неподчиненіе декрету.

Мудрено ли проштрафиться при такой регламентировкѣ всѣхъ мелочей жизни, послѣ которой любой каторжный режимъ и аракчеевскія поселенія покажутся верхомъ безсистемности и безпорядочности. А потому я ничуть не удивился, когда однажды Мариша, разбудивъ меня часовъ въ семь

объявила, что «Якова Васильевича забрали», хотя и знала, что онъ въ политическомъ отношеніи такъ же невиненъ, какъ и ты, мой младенецъ. Немного страшнымъ мнѣ казалось лишь то обстоятельство, что въ эту ночь электричество потухло своевременно. Очевидно примѣты не всегда сбываются, подумалъ я.

Яковъ Васильевичъ былъ врачъ, жившій въ одномъ подъѣздѣ съ нами. За нѣсколько дней передъ тѣмъ жена его перенесла тяжелую операцію и лежала въ постели. Нужно было видѣть, какъ справлялся со свалившимся на семью несчастіемъ его пятнадцатилѣтній сынишка Боря, общій пріятель всего дома. Онъ и по очередямъ бѣгалъ, и обѣдъ варилъ, и за матерью ходилъ, и отцу въ чрезвычайку ѣду носилъ (заключеннымъ казеннаго довольствія не полагалось). Одного только не успѣвалъ онъ дѣлать — ходить въ гимназію, которую онъ бросилъ уже больше года изъ за хлопотъ по хозяйству. Якова Васильевича выпустили черезъ три недѣли. Такъ онъ и не добился, за что его арестовали. Да, правду сказать, особенно и не добивался — радъ былъ, что выпускаютъ. Появился онъ домой такъ же неожиданно, какъ и исчезъ, но растолстѣвшимъ и свѣжимъ: сказались трехнедѣльный отдыхъ отъ пѣшеходныхъ визитовъ и Борины хлопоты, который любилъ отца до безумія и таскалъ ему самые сладкіе куски.

А сколько было такихъ вывихнутыхъ, какъ Боря. Дѣти большинства интеллигентовъ бросили гимназіи и занимались хозяйственными дѣлами или служили въ совѣтскихъ учрежденіяхъ. Это въ лучшемъ случаѣ.. А сколько ихъ оказалось вовлеченными въ омутъ спекуляцій. У одного моего товарища врача разстрѣляли сына, пятнадцатилѣтняго гимназиста, за спекуляцію.

* * *

Родной мой мальчикъ! Сейчасъ я прочиталъ написанное. Пока я читалъ, ты сидѣлъ рядомъ съ моимъ письменнымъ столомъ, за своимъ дѣтскимъ столикомъ и тоже дѣлалъ видъ, что читаешь. Когда я дома, ты все дѣлаешь, «какъ дѣдъ». Тебѣ даже пришлось дать мои старые очки безъ стеколъ, которые ты важно надѣваешь, садясь за свой столикъ. Я взглянулъ на твою комичную рожицу въ этихъ очкахъ и подумалъ.

— Выростетъ Лодка, и дѣдъ перестанетъ быть его идеаломъ. Онъ начнетъ даже критиковать дѣда и, прочтя то, что я написалъ, скажетъ: сгустилъ дѣдъ краски. Разсердился, что жизнь выбила его изъ колеи на старости лѣтъ и брюзжитъ. Взглянулъ съ эгоистической точки зрѣнія на міровое явленіе и показываетъ мнѣ только одну сторону медали — оборотную. А лицевой не замѣтилъ.

Такъ вотъ, милый мой мальчикъ, смѣю тебя увѣрить, что сгущенія красокъ нѣтъ. Изъ всего, что разсказалъ я тебѣ, только два факта приведены со словъ третьяго лица — разстрѣлъ у Серебрянаго бора и арестъ Балтрушайтиса — все остальное я самъ видѣлъ. Конечно, современники не судьи описываемыхъ ими событій. Окончательную оцѣнку переживаемой нами эпохи дамъ не я и даже не твои сверстники — это дѣло будущихъ историковъ. Я же лишь хочу дать тебѣ правдивую картину того, что мы переживали. Хотя кое что изъ пережитаго можетъ быть подвергнуто и моей оцѣнкѣ, несмотря на то, что я не историкъ и не экономистъ: самъ вѣдь Ленинъ часто заявлялъ, что то, что дѣлаютъ большевики, представляетъ

собой лишь соціалистическій экспериментъ. А научный экспериментъ это моя область, малютка, и въ ней я проработалъ всю жизнь. Конечно, дѣдъ твой далеко не Мечниковъ и не Павловъ, но методикой эксперимента онъ владѣетъ настолько, что такому неопытному экспериментатору, какъ Ленину, приступающему къ первому опыту въ своей жизни, было бы чему у него поучиться. Вѣдь общія основы методики научнаго эксперимента остаются неизмѣнными и для физика, и для химика, и для біолога, и для патолога, и для соціолога. Мѣняются объекты, инструменты, техника, но такія основы, какъ выработка правильнаго общаго плана, оцѣнка возможности произвести опытъ въ данныхъ условіяхъ и обстановкѣ, соблюденіе предосторожностей (Kautelen, какъ говорятъ нѣмцы) установленіе необходимыхъ контролей поправки въ предѣлахъ точности метода и проч. и проч., то-есть все то, что отличаетъ научный экспериментъ отъ стряпни невѣжественной кухарки — все это остается неизмѣннымъ для спеціалистовъ всѣхъ областей. Я не взялся бы судить о такихъ сложныхъ историческихъ явленіяхъ, какъ дифференцировка классовъ, протекающихъ въ условіяхъ историческаго развитія. Но тѣ же явленія въ условіяхъ эксперимента, гдѣ процессъ, требующій многихъ десятковъ лѣтъ, завершался у меня на глазахъ въ теченіе немногихъ дней, были для меня гораздо яснѣе.

И такъ о дифференцировкѣ классовъ. Когда совершилась большевистская революція и была объявлена диктатура пролетаріата, я сталъ задумываться надъ тѣмъ, гдѣ же теперь мое мѣсто. Денегъ и недвижимости у меня не было. Правда, у меня была недурная библіотека, и небольшая, но хорошо оборудованная лабораторія, а у бабки въ классѣ стоялъ хорошій Ренишъ. Но вѣдь это все по соціологической терминологіи было не имущество, а «орудія производства». Имущество же состояло изъ небольшого запаса платья и бѣлья, не возобновлявшагося съ первыхъ годовъ войны, кухоннаго скарба и небольшого количества мебели, среди которой настоящей мебелью можно было назвать только пять креселъ (три у меня въ кабинетѣ и два у бабки), да прелестный, сдѣланный по моему рисунку шахматный столикъ (два письменныхъ стола въ кабинетѣ, очевидно, тоже были «орудіями производства»). Къ тому же все это имущество и всѣ «орудія производства» были пріобрѣтены мною личнымъ трудомъ и я за всю свою жизнь ни разу не испыталъ, что такое эксплуатація труда себѣ подобнаго и «добавочная цѣнность».

— Неужели, думалъ я, противъ шахматнаго столика и пары креселъ, хотя бы и на англійскихъ пружинахъ, можетъ быть пущено въ ходъ такое громоздкое средство, какъ диктатура. Нѣтъ, я несомнѣнный пролетарій и мое мѣсто среди диктаторовъ.

Такъ думалъ я въ простотѣ душевной, тогда еще совершеннѣйшій политическій младенецъ. Увы, я не только не получилъ мѣста среди диктаторовъ, но былъ сдѣланъ объектомъ диктатуры. И произошло это вотъ почему.

Русская буржуазія проявила поразительно малую сопротивляемость и вмѣсто борьбы предпочла разбѣжаться за предѣлы Совдепіи. Осталась лишь мелкая рыбка, которая и была быстро до чиста обобрана. Въ результатѣ буржуазіи не оказалось. Но разъ не было объекта для диктатуры, то послѣдняя сама собой падала. И вотъ объектъ былъ найденъ въ лицѣ интеллигенціи, которую стали называть буржуазіей. И, конечно, совершенно

несосновательно. Ибо, повторяю, буржуазія очень скоро послѣ переворота (въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ) окончательно исчезла и остались лишь двѣ большихъ группы пролетаріата, изъ коихъ одна сморкалась въ руку, а другая употребляла носовые платки. Или, если тебѣ больше нравится антропологическое сравненіе—чернокожіе и бѣлые пролетаріи. У бѣлыхъ гражданскія права немедленно отняли, а чернокожихъ надули самымъ примитивнымъ образомъ, какъ можно надуть только чернокожихъ. Сказавъ, что въ ихъ руки передается вся полнота власти, имъ предоставили осуществлять свою диктатуру черезъ четырехъ- и пятистепенную систему выборовъ, даже не обезпечивъ тайной подачи голосовъ. Мы всѣ когда то жестоко критиковали избирательный законъ 3 іюня. А вѣдь какой это былъ образцовый государственный актъ по сравненію съ явно мошеннической избирательной системой совѣтской конституціи. Въ результатѣ и бѣлые и красные одинаково оказались крѣпостными въ рукахъ олигархической шайки, усвоившей себѣ способы управленія XIII и XIV вѣка.

Такъ длилось недолго, ибо деревенскій пролетаріатъ, раздѣлившій помѣщичью землю, быстро превратился въ буржуазію, которая начала эксплоатацію бѣлаго пролетаріата со свирѣпостью, до которой ни одна буржуазія въ мірѣ не доходила. Понизивъ производство пищевыхъ продуктовъ до минимума и взвинтивъ до гомерическихъ предѣловъ ихъ стоимость, деревенская буржуазія снимала съ бѣлаго пролетарія, выражаясь отнюдь не фигурально, послѣднюю рубашку. Значительная часть городского чернокожаго пролетаріата быстро оріентировалась въ положеніи и, выступивъ въ роли посредника, тоже начала довольно быстро превращаться въ буржуазію. До какой беззастѣнчивости доходила эксплоатація бѣлыхъ вновь народившейся чернокожей буржуазіей, ты поймешь хотя бы изъ того, что отправка въ деревню дорогого піанино въ обмѣнъ на пудъ — два муки было отнюдь не рѣдкостью. Такъ произошло у насъ на глазахъ новое разслоеніе классовъ, въ условіяхъ «соціологическаго опыта».

О томъ, что я буржуй, а не пролетарій, я впервые узналъ на трамваѣ, вскорѣ послѣ большевистскаго переворота. На лекціи я раньше ѣздилъ всегда на извозчикѣ, какъ на вокзалъ, съ чемоданами и ящиками, набитыми препаратами, съ папками и пр. Когда, послѣ большевистскаго переворота, стоимость одного конца на извозчикѣ достигла приблизительно трети моего мѣсячнаго жалованія, демонстраціи пришлось сократить, чтобы можно было ѣздить на трамваѣ. Я захватывалъ съ собой пару стѣнныхъ таблицъ, три, четыре бавки съ препаратами и десятокъ, другой діапозитивовъ. Но и эта, больше чѣмъ скромная, демонстрація составляла нѣсколько весьма солидныхъ пакетовъ. Когда я однажды, навьюченный ими, влѣзъ на переднюю площадку трамвая, вожатый привѣтствовалъ меня озлобленнымъ окрикомъ.

— Ишь буржуй нагрузился! Недощупались еще до тебя!

Я тогда былъ еще политически совершенно невоспитанъ и въ простотѣ душевной думалъ, что чернокожему, помимо ременной плетки, гуляющей по его спинѣ, можетъ быть доступна и иная аргументація. И я попробовалъ объяснить ему, куда я ѣду и что везу съ собой.

— Ѣздить на лекціи на передней площадкѣ всякій дуракъ сумѣетъ, отвѣтилъ онъ мнѣ. А ты вотъ на ручкѣ постой! Это работа нервная.

Когда я разсказалъ объ этомъ случаѣ своему другу Р., правовѣрному большевику, вступившему въ ихъ ряды тотчасъ послѣ раскола партіи, онъ мнѣ сказалъ.

— Конечно, не къ чему было съ нимъ разговаривать. Я на твоемъ мѣстѣ просто отстранилъ бы его и повелъ вагонъ самъ. Увидя, что тебя вагонъ слушается не хуже, чѣмъ его, онъ сразу понялъ бы, что «ручка» ужъ не такое мудреное дѣло.

— А я попалъ бы въ комиссаріатъ.

— Не думаю. Онъ бы такъ обалдѣлъ, что и крикнуть не догадался.

Исполнить совѣта Р. я не могъ уже потому, что вскорѣ насъ прогнали съ передней площадки, доступъ на которую былъ признанъ исключительной привилегіей чернокожихъ. И я сталъ ѣздить на лекціи, повиснувъ на подножкахъ или стоя на буферѣ. О какихъ бы то ни было демонстраціяхъ при такихъ условіяхъ думать, конечно, не приходилось и я сталъ читать изъ «чистаго разума» (такъ выражался нашъ служитель Маркъ о лекціяхъ безъ демонстрацій).

Такъ, результаты эксперимента дали совѣтскимъ соціологамъ совершенно неожиданные результаты. Что реакція идетъ иной разъ въ опытѣ какъ разъ совершенно въ обратную сторону, чѣмъ ожидалъ экспериментаторъ — это тебѣ засвидѣтельствуетъ всякій химикъ. Но въ данномъ случаѣ было не то. Опытъ былъ поставленъ съ такимъ невѣжествомъ въ области методики, что никакой реакціи вообще не получилось. Вмѣсто пея была простая смѣна элементовъ. Если ты хочешь произвести какую либо реакцію въ безвоздушномъ пространствѣ, ты долженъ выкачать изъ подъ колпака воздухъ, а потомъ закрыть кранъ. Если ты этого не сдѣлаешь, подъ колпакъ войдетъ новый воздухъ и реакція пойдетъ въ прежнихъ условіяхъ. Новымъ въ опытѣ получится только простая смѣна элементовъ подъ колпакомъ. Вотъ крана то Ленинъ и не сумѣлъ закрыть. Онъ захотѣлъ посмотрѣть, какъ пойдетъ жизнь страны безъ частной торговли. Это — тотъ же опытъ выкачиванія, который онъ произвелъ весьма примитивно по методу Стеньки Разина съ ватагой. (Этому отцу примѣненной имъ методики соціологическаго изслѣдованія онъ даже поставилъ на Красной площади памятникъ, но потомъ убралъ. Ужъ что то очень неподходящее вылѣпилъ ему Коненковъ). Ограбить купцовъ «во всероссійскимъ масштабѣ» и провести такимъ образомъ первую часть опыта — самое выкачиваніе — было, конечно, не трудно. А вотъ закрыть кранъ — это была задача посложнѣе и съ нею чернокожіе соціологи не справились. Родился новый Мюръ и Мерилизъ — Сухаревка. Тѣстовыхъ замѣнили бабы съ кашей, магазины — торговля въ разносъ. Въ корнѣ же все осталось, какъ прежде. Только товаръ сталъ дороже и хуже, да «добавочная стоимость» попала въ новый карманъ. Получилась не реакція, а простая перегруппировка элементовъ, и не научный соціологическій экспериментъ, а самый обыкновенный грабежъ, отличавшійся отъ грабежа Стеньки только размахомъ масштаба. Пожалуй, была и еще одна разница. Плоды волжскихъ соціалистическихъ экспериментовъ пожиналъ Стенька съ ватагой, а тутъ попользовалась одна ватага. Я разумѣю толпу чернокожихъ комиссаровъ, присосавшихся къ незадачливому экспериментатору.

Съ деревней произошло тоже самое. Выкачать помѣщиковъ было, конечно, нетрудно. А вотъ закрыть кранъ помѣшалъ мой пріятель Григорій 120 милліоновъ такихъ же, какъ онъ. Григорій былъ коммунистомъ только

до тѣхъ поръ, пока къ той землѣ, которую онъ заработалъ, сидя въ шахтѣ ему не удалось прирѣзать помѣщичьей. А прирѣзавъ, онъ сразу сталъ безпартійнымъ и, ухватившись за кранъ, твердо и рѣшительно сказалъ:

— Земля моя!

Съ фабриками дѣло обстояло иначе. Но отнюдь не потому, что здѣсь опытъ удался, а потому, что фабричное хозяйство — организмъ болѣе сложный и труднѣе возстанавливаемый, чѣмъ сельское или торговое. На фабрикахъ даже простой перегруппировки элементовъ не произошло. Просто осталась пустыня.

Вотъ тебѣ мнѣніе стараго экспериментатора о соціологическомъ опытѣ, свидѣтелемъ котораго онъ былъ. Это былъ не научный экспериментъ и даже не стряпня невѣжественной кухарки, а нѣчто худшее. Чернокожіе экспериментаторы, добравшись до инструментовъ необычайной силы, пустили ихъ въ ходъ, не умѣя съ ними обращаться, и взорвали лабораторію.

Конечно, въ мірѣ ничто не проходитъ безслѣдно. И этотъ гигантскій взрывъ будетъ тоже имѣть свои послѣдствія. Какія? Вопросъ заходитъ за предѣлы эксперимента и переходитъ въ область исторической эволюціи, а потому судить объ этомъ я не берусь. Для этого нужно быть соціологомъ и экономистомъ. Я же повторяю, хочу дать тебѣ картину того, что мы переживали и это отступленіе вышло у меня случайно. Думаю только, что возстановленіе жизни пойдетъ по своимъ собственнымъ законамъ и внѣ воли обанкротившихся чернокожихъ экспериментаторовъ.

Въ нашемъ кругу въ то время были очень въ ходу споры о томъ, что представляетъ собой Ленинъ, честный ли онъ человѣкъ и т. д. Я полагаю, что Ленинъ былъ честенъ постольку, поскольку можно назвать честнымъ разбойничьяго атамана, грабящаго не въ свою пользу, а только въ пользу своей ватаги. Но этотъ вопросъ для меня второстепененъ. Гораздо интереснѣе для меня вопросъ о томъ, имѣлъ ли право Ленинъ приступить къ своему эксперименту. Мнѣ никогда не приходилось экспериментировать на людяхъ и къ этому я чувствовалъ всегда инстинктивное отвращеніе, хотя и не могу совершенно отрицательно отнестись къ такого рода экспериментамъ. Не задолго до войны, напримѣръ, на каторжникахъ были поставлены, въ Западной Европѣ, въ широкомъ масштабѣ очень важные опыты иммунизаціи живыми чумными бактеріями. Но эти эксперименты производили люди очень опытные и притомъ, предварительно выяснивъ ихъ возможность громадной подготовительной работой на животныхъ. Ленинъ, приступая къ своему опыту, объектомъ коего долженъ былъ явиться не кроликъ и не человѣкъ, а цѣлый народъ, даже не потрудился толкомъ дать себѣ отчетъ въ возможности произвести опытъ, а начавъ его производство, онъ проявилъ такую бездну невѣжества, при наличности которой даже опытъ на лягушкахъ становится безнравственнымъ дѣломъ.

* * *

— Но, скажешь ты, если дѣду жилось плохо, то можетъ быть стало лучше его служителю.

Извольте, малютка! мой служитель раньше получалъ 20 руб. въ мѣсяцъ и могъ купить на эти деньги 10 пудовъ чудесной бѣлой муки. Когда я уѣзжалъ, онъ сталъ получать 2500 руб. и этого ему хватало на

10 фунтовъ несъѣдобнаго хлѣба (по карточкамъ онъ получалъ около 25 гр. въ день и нѣсколько кусковъ сахара въ мѣсяцъ).

— Но неужели же жизнь, сплошь состояла изъ однихъ мрачныхъ фактовъ? Были же и положительныя стороны, были и свѣтлыя, радостныя явленія, были же и среди большевиковъ честные люди! воскликнешь ты.

Поищемъ. Положительныя стороны..... Что могу я отмѣтить, какъ врачъ теоретикъ? Академическая жизнь замерла, научная работа стала, печатный станокъ работалъ только въ экспедиціи заготовленія денежныхъ знаковъ. Правда, открылось широкое поле для изученія эпидемическихъ заболѣваній, достигшихъ небывалыхъ размѣровъ. Но по приведеннымъ выше условіямъ работы использовать можно было лишь незначительную часть матеріала. Тоже можно сказать объ изслѣдованіи патологіи голоданія, которое при иныхъ условіяхъ работы можно было бы поставить очень широко, ибо падающихъ отъ голода людей подбирали на улицѣ очень часто. Подобрали въ такомъ же состояніи и бывшаго редактора одной провинціальной газеты, у котораго я проработалъ 10 лѣтъ и съ которымъ былъ друженъ. Онъ былъ изъ извѣстной всей Россіи семьи милліонеровъ. Широкое поле открылось и для гистологовъ, для которыхъ очень важно имѣть органы совершенно здоровыхъ людей тотчасъ послѣ смерти. Въ прежнее время сдѣлать это было очень трудно, теперь же матеріала было сколько хочешь. Но я не слышалъ, чтобы кто нибудь изъ моихъ коллегъ коллекціонировалъ на трупахъ казненныхъ — отвращеніе къ террору преодолѣвало ихъ научные интересы.

Вотъ и все положительное, что я могу отмѣтить, какъ спеціалистъ — если только это можно назвать положительнымъ. Какъ не спеціалистъ — тоже не могу сказать ничего хорошаго. Если бы оно было, конечно, о немъ упоминали бы рѣчи народныхъ комиссаровъ на съѣздахъ совѣтовъ, гдѣ показывался товаръ лицомъ. Припоминая теперь всѣ эти рѣчи, которыя я читалъ всегда очень внимательно, я могу сказать, что всѣ онѣ, признавая безнадежность переживаемаго момента, призывали къ терпѣнію во имя грядущаго свѣтлаго будущаго. Оправдаются ли эти пророчества — на этотъ вопросъ ты со временемъ дашь лучшій отвѣтъ, чѣмъ могу сдѣлать я. Я уже сказалъ тебѣ, что я не соціологъ и пророчествовать о томъ, что произойдетъ на мѣстѣ гигантскаго взрыва, которымъ закончился «соціологическій опытъ», я не берусь.

Да, милый мой мальчикъ, вспомнилъ одно свѣтлое явленіе. Большевики сняли памятникъ Скобелеву — этотъ безобразнѣйшій и безграмотнѣйшій памятникъ, который я когда либо видѣлъ, и отъ котораго Москва въ свое время открещивалась всѣми силами. И на его мѣстѣ поставили обелискъ съ превосходной статуей Андреева.

— Статуей свободы, какъ они говорили. — Статуей мира, какъ мнѣ сказалъ лично Андреевъ.

Кромѣ того они разрушили каланчу на Тверской части, отъ чего сильно выиграло это прекрасное зданіе. Но они же разрушили юго-восточную башню Кремля и фасадъ Чудова монастыря, которыхъ не возстановили. А часы на Спасской башнѣ они не совсѣмъ удачно попытались заставить играть «интернаціоналъ» вмѣсто «коль славенъ» (ни одинъ музыкантъ не разберетъ, что они теперь играютъ). И отъ всего этого Кремль ужъ никакъ не выигралъ. Они же пробовали сдѣлать изъ лучшаго русскаго

оспопрививательнаго института въ Воспитательномъ домѣ центральную молочную кухню. Институтъ сломать сумѣли, а кухни у нихъ не вышло. Такъ зданіе, когда я уѣзжалъ, второй годъ и стояло въ состояніи полнаго разгрома.

Заговоривъ объ обелискѣ, я не могу не сказать тебѣ нѣсколько словъ о тѣхъ памятникахъ, которые большевики понаставили въ огромномъ количествѣ на всѣхъ площадяхъ, скверахъ и улицахъ Москвы. Среди нихъ я могу отмѣтить чудесный памятникъ Дантону, работы Андреева (отрубленная, безобразная голова Дантона, изрытая оспой, съ перебитымъ носомъ, лежащая на кафедрѣ, съ которой онъ говорилъ свои рѣчи), и милую работу Волнухина, незатѣйливую статую Шевченко. Все остальное было верхомъ безграмотности, по сравненію съ которой даже блаженной памяти Скобелевскій памятникъ казался образцомъ художественности. Я долго стоялъ передъ памятникомъ Стеньки Разина работы Коненкова и все не могъ рѣшить вопроса, въ серьезъ работалъ Коненковъ или посмѣялся надъ чернокожими меценатами. Думаю, что посмѣялся. Къ счастью у большевиковъ не было ни бронзы, ни чугуна для постановки памятниковъ и они отливали свои «monumenta aere perennia» изъ гипса, который естественно не могъ противостоять московскимъ дождямъ и снѣгамъ. И теперь огромное большинство ихъ разсыпалось. Разсыпались они какъ то сразу. Однажды, я, идя на службу, увидѣлъ кучу мусора на мѣстѣ, гдѣ еще вчера кукольная фигурка Каляева съ поднятой въ рукѣ бомбой высилась на какихъ то непонятныхъ гипсовыхъ пѣтушиныхъ языкахъ, огромнаго размѣра... (Я думалъ, что эти языки не совсѣмъ удачное воспроизведеніе пламени, и полагалъ, что памятникъ символизируетъ гибель Каляева ради грядущихъ свѣтлыхъ лѣтъ жизни. Но мнѣ объяснили, что это совсѣмъ не пламя, а революціонная волна, выпесшая на своемъ гребнѣ Каляева.) Такъ разсыпалось большинство памятниковъ и среди нихъ, къ моему глубокому сожалѣнію, и Дантонъ. Одинъ только деревянный, пестро размалеванный Стенька стойко выдерживалъ московскіе ливни и метели и продолжалъ выситься со ватагой на Красной площади, словно парикмахерская вывѣска. Его чернокожіе меценаты вскорѣ сами убрали, очевидно разобравши, въ чемъ дѣло. Такъ неудачно закончилась ихъ затѣя съ украшеніемъ Москвы.

Были ли среди большевиковъ хорошіе, честные люди? Конечно, были. И, вѣроятно, много. Я лично зналъ нѣсколькихъ. Ко мнѣ частенько заходилъ д-ръ В. изъ бывшихъ земскихъ врачей, чистокровный идеалистъ. Онъ жилъ въ Метрополѣ, по довольствовался пайкомъ и былъ всегда голоденъ. Однажды, бабка, доставъ крупчатки, подала намъ къ чаю бѣлыхъ булочекъ. Если бы ты видѣлъ, какъ у него загорѣлись глаза.

— Такихъ вещей въ Метрополѣ нѣтъ! — сказалъ онъ, и началъ отправлять въ ротъ булку за булкой. Даже о чаѣ забылъ.

Я смотрѣлъ на него, вспоминалъ утокъ д-ра Ю-а, которыя сами себя жарятъ и мнѣ хотѣлось сказать ему то, что сказалъ мнѣ сегодня ты, выдавивъ на мою рукопись цѣлый тюбикъ, забытаго мной на столѣ, синдетикона. А сказалъ ты мнѣ слѣдующее:

— Дуракъ ты, дуракъ, дѣдъ.

Д-ръ В. былъ прекрасный шахматистъ. Когда онъ приходилъ, мы усаживались за мой чудесный шахматный столикъ (кто-то теперь на немъ

играетъ?) и онъ объявлялъ мнѣ матъ за матомъ, разсказывая послѣднія новости изъ «сферъ».

— Пріѣхали представители треста, сообщилъ онъ однажды, и на днѣхъ мы подписываемъ концессію на постройку желѣзной дороги отъ Мурмана до Владивостока и цѣлаго ряда заводовъ вдоль нея. На Мурманскомъ побережьѣ будетъ деревообдѣлочный заводъ, способный по своей мощности обслуживать всю Россію, консервный заводъ для приготовленія солонины и кожевенный заводъ, который снабдитъ всю Россію подметками изъ прессованной оленьей кожи. Такая подошва почти неизносима и представляетъ собой тоненькую пластинку (онъ поднялъ ногу и на своемъ продырявленномъ сапогѣ показалъ толщину) — вотъ такую. Въ Архангельскѣ будутъ заводы для приготовленія консервовъ изъ рыбы...

Послѣдовалъ длиннѣйшій перечень полезнѣйшихъ заводовъ до самаго Владивостока. Позже я узналъ изъ газетъ, что представители дѣйствительно пріѣзжали и чуть-чуть было не получили авансовъ. Но они оказались не представителями, а обыкновенными жуликами.

Въ другой разъ, когда я разсказалъ ему наши канализаціонныя несчастія, онъ отвѣтилъ мнѣ.

— Да, Москва разрушается, мы это знаемъ. Но возстановлять ее не стоитъ. Гораздо дешевле вывести городъ за теперешнюю черту, построивъ новый городъ-садъ. Соотвѣтственный проэктъ уже разрабатывается.

Милый русскій мечтатель, жаждущій обуть всю Россію въ подметки изъ прессованной кожи, а самъ щеголяющій почти босикомъ!

Во время Деникинскаго наступленія его послали наладить эвакуацію сыпвотифозныхъ. Ну и надѣлалъ же онъ тамъ дѣлъ! Завѣдующій отдѣломъ эвакуаціи главнаго военно-санитарнаго управленія, образованный историкъ и одинъ изъ умнѣйшихъ и дѣльнѣйшихъ чиновниковъ, какихъ я зналъ (а зналъ я ихъ не мало) волосы на себѣ рвалъ, разсказывая мнѣ о его подвигахъ.

Другой большевикъ, съ которымъ я былъ близокъ, былъ Гриша Т., молоденькій студентъ, другъ дѣтства твоей матери. Онъ тоже голодалъ, ходилъ въ дырявыхъ сапогахъ, и женившись, никакъ не могъ купить кровати для своей жены. Мы съ нимъ вели безконечные споры объ индивидуализмѣ и коллективизмѣ. Однажды, придя къ намъ, онъ сообщилъ, что только что вернулся съ фронта, гдѣ командовалъ арміей.

— Милый Гриша, спросилъ я его, не думаете ли вы, что прежде чѣмъ стать командующимъ арміей нужно много и долго учиться?

— Это наука простая, отвѣтилъ онъ, и я постигъ ее очень быстро.

— Вы такъ думаете? А вотъ Сократъ думалъ иначе. Онъ говорилъ, что управленіе государствомъ самая трудная изъ всѣхъ наукъ и не переставалъ твердить это аѳинянамъ. За это аѳинскіе большевики и расправились съ нимъ.

— Старикъ ошибался, пошутилъ Гриша.

Но я закусилъ удила.

— А вы знаете, что сказалъ Сократъ о вашемъ историческомъ прототипѣ, кожевникѣ Клеонѣ, когда тотъ принялъ начальствованіе надъ войсками, оперирующими противъ Сфактеріи?

— Не знаю, скажите, кисло улыбнулся Гриша, очевидно не ожидая услышать изъ устъ Сократа ничего добраго по своему адресу.

Я взялъ книжку Lasslaux и прочиталъ ему.

— Одному изъ учениковъ Сократа приписывается горькая шутка: онъ посовѣтовалъ произвести въ званіе лошадей всѣхъ афинскихъ ословъ, полагая, что это легче, чѣмъ изъ перваго встрѣчнаго сдѣлать полководца.

Гриша обидѣлся и видимо охладѣлъ ко мнѣ.

Третьимъ былъ мой самый близкій другъ, проф. Р., талантливый анатомъ со свѣтлой головой и большимъ практическимъ мясломъ. Онъ былъ въ правительствѣ въ качествѣ члена высшей инспекціи*. И я долженъ сказать, что такой убійственной оцѣнки личности и дѣятельности Ленина, какую я слышалъ отъ него, едва ли тотъ удостанвался отъ самыхъ заклятыхъ своихъ враговъ. Когда мы уѣзжали, Р. умиралъ въ хирургической клиникѣ отъ рака гортани. На меня пала тяжелая обязанность установить окончательный діагнозъ и продемонстрировать ему микроскопическій препаратъ, явившійся для него смертнымъ приговоромъ. Дня за три до отъѣзда онъ прислалъ мнѣ письмо, прося зайти къ нему. Я зналъ, о чемъ будетъ разговоръ. Давно, давно я оказалъ ему большую услугу. Тогда онъ убѣгалъ отъ преслѣдованій царскихъ жандармовъ и его жена уѣхала по паспорту твоей бабки. Теперь роли перемѣнились. Убѣгалъ я, но онъ этого еще не зналъ и звалъ меня, чтобы попросить у меня второй услуги — поручить мнѣ своего сына. Что могъ я ему отвѣтить? И я уѣхалъ, не зайдя къ нему.

Вотъ тѣ дѣйствительно честные большевики, которыхъ я зналъ, малютка. Честные и единственные. Другихъ я не зналъ.

Я говорю, конечно, объ идейныхъ руководителяхъ движенія. Что же касается до исполнителей ихъ предначертаній и техническаго персонала по производству опыта — то-есть до комиссаровъ мелкаго калибра, то объ этой публикѣ можно говорить, конечно, только въ юмористическихъ тонахъ. Когда я во время войны впервые вошелъ въ военный госпиталь, я былъ пораженъ косностью бюрократической машины военнаго вѣдомства.

— Не удивляйтесь, сказалъ мнѣ одинъ старый кадровый военный врачъ. До сихъ поръ вы имѣли дѣло только съ Щедринскими типами. У насъ живы еще Гоголевскіе.

Но тѣ, что мы увидѣли въ совѣтскихъ канцеляріяхъ, были уже не Гоголевскими и даже не фонъ-Визинскими типами. Это были просто чернокожіе, усѣвшіеся за письменные столы.

* * *

Первая мысль о необходимости бѣгства явилась мнѣ, когда мы однажды пускали съ тобой электрическую центрофугу. Чѣмъ дальше обдумывалъ я наше положеніе, тѣмъ сильнѣе крѣпла во мнѣ эта мысль. Мы жили — какъ всѣ интеллигенты въ то время — распродавая свое имущество. Его должно было хватить намъ еще на полгода, съ трудомъ на годъ. А тамъ предстоялъ голодъ не только для насъ — къ нему мы уже привыкли — а и для тебя. Не лучше ли продать все сразу, увезти съ собой вырученную сумму и попытаться устроиться при ея помощи за границей. Нравственнаго удовлетворенія жизнь въ Москвѣ не давала, ѣсть было

* Нѣчто въ родѣ прежняго государственнаго контроля. Это было единственное учрежденіе, гдѣ допускалось хотя бы подобіе критики дѣйствій правительства.

нечего — о чемъ же дальше думать. Домашніе согласились со мною быстро. Рѣшить уѣхать было одно, а выполнить рѣшеніе другое. Въ то время всѣ граждане Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики были обращены въ крѣпостную зависимость и передвигаться изъ города въ городъ было возможно только по казеннымъ, а отнюдь не личнымъ надобностямъ. Насколько строго соблюдалось это правило, ты можешь судить хотя бы по тому, что не за долго до нашего отъѣзда одинъ изъ моихъ ассистентовъ хотѣлъ съѣздить въ провинцію проститься съ умирающей матерью. Дѣло дошло до управляющаго дѣлами совѣта народныхъ комиссаровъ и бѣдная старуха умерла, не дождавшись его разрѣшенія. У меня созрѣлъ такой планъ. Нужно было получить командировку на фронтъ, а затѣмъ перейти границу съ контрабандистами — обычный въ то время заграничный маршрутъ русскихъ интеллигентовъ. Командировку мнѣ добыть было не трудно: стоило только придумать экспедицію въ прифронтную полосу для борьбы съ сыпнымъ тифомъ. И я быстро получилъ мандатъ, подписанный народнымъ комиссаромъ, себѣ и двумъ ассистентамъ. Въ качествѣ одного должна была ѣхать, конечно, мать, а бабку я надѣялся провести фуксомъ, подъ видомъ другого. Затрудненіе встрѣтилось съ отцомъ. Конечно, я могъ вытребовать и трехъ ассистентовъ, но вести двухъ неспеціалистовъ было уже опаснѣе. Къ счастью отцу удалось устроиться въ другой соотвѣтственной партіи въ качествѣ спеціалиста, онъ уѣхалъ раньше насъ и вся тяжесть и ликвидаціи и выѣзда легла на мои плечи. Мѣсяцъ, ушедшій на распродажу имущества, я провелъ какъ въ туманѣ и изъ этого времени почти ничего не помню. Приходили какіе то люди, представители новой буржуазіи, осматривали мебель, мѣряли мои костюмы — и все это смѣшалось въ памяти въ какую то сѣрую кашу. Выплываютъ лишь отдѣльные эпизоды. Ясно помню, какъ выносили въ мѣшкахъ мою библіотеку, которую я собиралъ 15 лѣтъ, экономя изъ своего скромнаго жалованья, и до сихъ поръ еще (прошло уже больше полугода) ощущаю острое чувство боли и незаслуженной обиды. Помню какого то чернокожаго, который надѣвъ задомъ напередъ мою плюшевую пиляпу смотрѣлъ на себя въ зеркало и самодовольно говорилъ:

— Въ аккуратъ къ моему коричневому пальту.

Запечатлѣлась въ памяти одна спекулянтша, которая всегда носила намъ продукты. Она торговала у бабки платье и, стараясь сбавить цѣну, хвалилась покупками.

— Танькѣ замужъ пора, такъ ей подвѣнечное платье купила.

И она развернула совсѣмъ прозрачное combinaison все изъ прошивокъ.

— Вотъ тутъ подпорю, она показала на панталоны — а тутъ стачаю. Хорошее платье и стоитъ недорого . . .

Возни съ распродажей имущества было не мало. Получалъ я совѣтскими деньгами, которыя приходилось мѣнять на крупныя купюры царскихъ обязательствъ, чтобы было меньше прятать. Дѣлало это для меня нѣсколько человѣкъ: одинъ бывшій директоръ банка, два бывшихъ присяжныхъ повѣренныхъ, одинъ биржевой маклеръ и одинъ антикваріи. Подпольная биржа работала во всю. Собиралась она на Ильинкѣ въ подворотняхъ и тамъ совершались сдѣлки и устанавливались цѣны. Торговали всѣмъ, какъ на настоящей биржѣ: чеками на заграничные банки, иностранными деньгами, процентными бумагами. Но всѣ расплаты на крупныя суммы шли по частнымъ

квартирамъ, ибо носить товаръ на Ильинку было опасно. Какъ-то въ обѣдъ ко мнѣ прибѣжалъ мой маклеръ въ совсѣмъ растрепанныхъ чувствахъ.

— Вы знаете откуда я къ вамъ? Прямо изъ чрезвычайки.

— Какимъ образомъ?

— Да подходитъ ко мнѣ сегодня на биржѣ коллега и говоритъ: «Берешь Петры *?» Сколько? «Два». — Почемъ? «По одиннадцати съ половиной» — Беру. «Пойдемъ въ подворотню». Только что онъ полѣзъ въ карманъ, а тутъ, какъ изъ подъ земли, выросли двое въ кожаныхъ тужуркахъ. Приставили револьверы. — Руки вверхъ! Обыскали, отняли Петровъ и повели. Только дорогой я сообразилъ, что имъ подалъ сигналъ мальчишка, который, пока мы торговались, терся около насъ. Ну идемъ. На Лубянской площади встрѣтили знакомаго. «Ich bin verhaftet», крикнулъ я ему. Думаю — пускай женѣ скажетъ. А на Лубянкѣ насъ нагнали еще двое въ кожаныхъ тужуркахъ. «Что у васъ товарищи?» — Двухъ Петровъ поймали. «Ну что вы съ ерундой возитесь. Тамъ серьезное дѣло идетъ, пойдемъ скорѣе». И ушли всѣ четверо, унеся Петровъ. А я забѣжалъ за бумажкой и пришелъ къ вамъ. Только слегка попорчена.

И онъ развернулъ стотысячный вексель государственнаго казначейства. На оборотѣ была сдѣлана невѣроятными каракулями надпись на манеръ передаточной, въ которой я могъ разобрать только одно слово «уплатить». Подъ подписью стояла подпись тою же рукой, въ которой я съ трудомъ прочиталъ «финанцывой компсаръ», а около красовалась печать тульскаго совдепа. Бумагу, конечно, пришлось признать испорченной.

На другой день утромъ одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ сообщилъ новость, что нашего маклера забрали. Я его успокоилъ, но мы такъ и не смогли рѣшить вопроса, кто арестовалъ маклера — дѣйствительные вечекисты или просто жулики.

Съ директоромъ банка у меня былъ особенный телефонный шифръ. Онъ бывало звонитъ.

— Я досталъ вамъ сто граммъ адреналина для вашей супруги.

— Въ какой укупоркѣ?

— Одинъ флаконъ въ 50 граммъ, а два по 25.

— Чистый препаратъ или съ коканомъ?

— Одна маленькая баночка съ коканомъ, а остальныя чистыя.

Это значило: куплено на 100 тысячъ обязательствъ. Одна купюра въ 50 тысячъ, двѣ по 25. Одна 25-ти тысячная, зарегистрированная совѣтскимъ правительствомъ, другія нѣтъ.

Обычно я выдавалъ деньги на руки упомянутымъ выше лицамъ у себя на дому, а они черезъ нѣкоторое время приносили мнѣ бумаги. Выдавать приходилось иногда очень крупныя суммы до 300.000 совѣтскихъ. Деньги эти, прежде чѣмъ превратиться въ бумагу, проходили черезъ рядъ рукъ. Все безъ расписокъ, на основаніи личнаго довѣрія. И ни разу не пропало у меня ни одной копѣйки. Иногда бывало и такъ.

— Къ вамъ сегодня въ 5 часовъ, звонили мнѣ по телефону, придетъ мой добрый знакомый и принесетъ вамъ изслѣдованіе. Вы будете въ это время дома?

---

* Царскія пятисотрублевки.

Это значило, что бумага съ изъяномъ и безъ меня ее купить не рѣшаются. А владѣлецъ боится выпустить ее изъ рукъ. Такихъ людей приходило порядочно. Одни приносили бумаги задѣланными въ переплеты книгъ, кто похрабрѣе снималъ сапогъ и вытаскивалъ бумагу изъ-подъ стельки. Одну бумагу привесли совершенно истлѣвшей. Владѣлица проносила ее больше года на груди, подъ рубашкой.

Дома деньги и бумаги я прятали между двойными стѣнками термостата, въ которомъ стояли живыя холерныя и дифтерійныя культуры. Послѣднія гарантировали мнѣ цѣлость денегъ въ случаѣ обыска. Къ концу декабря все было ликвидировано и отъѣздъ былъ назначенъ.

* * *

Московскій Художественный театръ обычно устраивалъ у себя встрѣчу новаго года. Не измѣнилъ онъ себѣ и на этотъ разъ. Уѣзжая навсегда изъ Россіи, намъ очень хотѣлось проститься со старой Москвой, гдѣ мы съ бабкой провели лучшія 15 лѣтъ жизни и которую отъ души любили; и мы пошли. Я снялъ свою лыжную фуфайку и надѣлъ визитку. Пріятно было войти въ хорошо знакомые ярко освѣщенные коридоры, полные прилично и чисто одѣтыми людьми (Станиславскій и Немировичъ были даже во фракахъ). Но это радостное настроеніе быстро упало и смѣнилось тяжкимъ ощущеніемъ, которое обычно испытываешь на погребальныхъ обѣдахъ. Отъ веселья, бившаго раньше ключомъ на вечеринкахъ Художественнаго театра, не осталось и помина. Лучшая часть труппы еще лѣтомъ перебралась къ бѣлымъ. А оставшіеся были въ самомъ убійственномъ настроеніи. Къ тому же, вечеръ почтила своимъ присутствіемъ театральная комиссарша Малиновская. Въ бархатномъ платьѣ, съ лицомъ кухарки за повара и съ осанкой невѣнчанной королевы, она ни на шагъ не отступала отъ Ставиславскаго и Немировича, которые, какъ могли, играли роль любезныхъ хозяевъ. А вокругъ нихъ была пустота. Большинство артистовъ пробѣгали мимо нихъ бочкомъ съ очень любезными лицами, но съ явной опаской, какъ бы случайно не задержаться.

На другой день я пошелъ доставать разрѣшенія отъ чрезвычайной комиссіи на выѣздъ. Ибо мандата было мало для полученія билетовъ и чрезвычайка имѣла право налагать свои запреты на передвиженія. Принималъ прощенія полуграмотный солдатъ латышъ, вооруженный до зубовъ. Когда я къ нему подошелъ, онъ объяснялся съ какой-то дряхлой старушкой, со морщеннымъ отъ голода личикомъ величиной съ кулакъ. Старуха плакала горькими слезами и причитывала:

— Батюшка, до чего мы дожили. Мнѣ же ѣсть здѣсь нечего, а тамъ у меня дочь. Выпусти Христа ради.

— Нельзя, упрямо говорилъ латышъ. Лазлѣсается только по казеннымъ командировкамъ.

— Ради Христа! молила старушка.

Латышъ тупо смотрѣлъ на нее и вдругъ безсмысленно заоралъ:

— Уцетъ тлудовыхъ силъ! Понимаесь! Тебѣ сто? обратился онъ ко мнѣ.

Я подалъ ему мандатъ и бумагу, подписанную народнымъ комиссаромъ съ просьбой о выдачѣ мнѣ разрѣшенія на поѣздку. Тотъ просмотрѣлъ документы и вернулъ все обратно.

— Удостовѣленія по мѣсту службы нужно.

Мое было у меня въ карманѣ. Но бабкинаго я представить не могъ, ибо тамъ было сказано, что она преподавательница пѣнія. Значитъ, вся моя комбинація рушилась. Я началъ доказывать, что мандатъ народнаго комиссара — тоже удостовѣреніе. Но латышъ озлился.

— Я сказалъ тебѣ, сто по мѣсту службы, а не отъ палоднаго комиссала.

Дѣлать было нечего. Я повернулся уходить и столкнулся съ какимъ-то запуганнымъ интеллигентомъ, который пришелъ сюда за тѣмъ же, зачѣмъ и я. На лицѣ у него былъ написанъ ужасъ и онъ отъ самой двери началъ отвѣшивать латышу почтительные поклоны. Вышелъ я въ отвратительномъ настроеніи, ибо затрудненіе съ вывозомъ бабки встрѣтилось очень серьезное. Но вдругъ меня осѣнило.

— Вѣдь у меня въ лабораторіи есть свободное мѣсто препаратора.

Опредѣлить бабку на службу было не трудно и на другой день въ рукахъ у меня уже была нужная бумажка. «Р. С. Ф. С. Р. и т. д. Настоящимъ удостовѣряется, что товарищъ Л. И. Д. — дѣйствительно состоитъ препараторомъ лабораторіи и т. д.» А внизу «нищать», какъ говорили латыши. Такъ твоя бабка, чтобы выѣхать изъ Москвы, превратилась изъ пѣвицы въ нѣчто чуть-чуть высшее, чѣмъ лабораторная служительница. Я вручилъ латышу эту, больше чѣмъ комическую, бумажку и получилъ разрѣшеніе.

Разрѣшеніе вцикa прошло гладко и осталось выхлопотать только мѣста въ штабномъ вагонѣ. Это былъ единственный плацкартный классный. Остальные были 3 класса, обычно биткомъ набитые и вшивые до послѣдней степени. Подъ флагомъ сыпного тифа это удалось безъ труда и всѣ формальности съ выѣздомъ на этомъ кончились.

Поѣздъ отходилъ въ 10 часовъ вечера. Дня отъѣзда я совершенно не помню. Утромъ у меня былъ д-ръ Л., которому я сдавалъ счета и авансы лабораторіи, а что мы дѣлали послѣ его ухода, я рѣшительно не помню. Кто-то приходилъ прощаться, кто-то плакалъ — а кто, не знаю. Когда стемнѣло я взялъ двухъ извозчиковъ и мы съ однимъ знакомымъ поѣхали на вокзалъ съ вещами. Часа два отняла у насъ процедура полученія билетовъ и мѣстъ въ штабномъ вагонѣ. Потомъ подъѣхали на двухъ извозчикахъ мать съ бабкой, Маруша съ тобою и одна ученица бабки. Послѣ вашего пріѣзда у меня немного просвѣтилось въ памяти. Отчетливо запечатлѣлся залъ перваго класса, въ которомъ мы сидѣли, ожидая впуска въ вагоны, длиннѣйшая очередь пассажировъ у выходной двери, охраняемой вооруженными солдатами и сыщики чрезвычайки, шнырявшіе въ толпѣ. Ты былъ въ новой котиковой шапкѣ, въ новой шубѣ, доходившей до пять и въ валенкахъ, за которые мать заплатила 2000 руб. (за одни валенки). На мнѣ были самодѣльные теплые сапоги выше колѣнъ, бабка была одѣта въ мое спортивное пальто, а мать въ бабкину шубу. Почему мы совершили этотъ маскарадъ и почему мать и бабка не поѣхали каждая въ своей шубѣ, я такъ до сихъ поръ и не понимаю. Просто потеряли голову передъ отъѣздомъ. Мать почему-то бросила въ Москвѣ все свое бѣлье, и все твое и ея имущество уложилось въ маленькую ручную корзиночку. Остальной багажъ составляли большой хорошій Globetrotter съ бѣльемъ и платьемъ моимъ и бабкинымъ, чемоданъ съ моими книгами и рукописями, портпледъ,

лабораторія, коробка съ индивидуальными пакетами и большой ящикъ съ гипсовой формой скульптурной карикатуры на меня, сдѣланной твоимъ дядькой Володей. Послѣднія три вещи требуютъ поясненій. Въ виду того, что мы ѣхали якобы для обслѣдованія инфронтовой полосы, необходимо было имѣть при себѣ походную лабораторію. Такую бутафорскую лабораторію я и захватилъ съ собой. Она представляла собою небольшую шкатулку съ двойнымъ дномъ, въ которое я спряталъ деньги, раздѣленную перегородками на рядъ мѣстъ для реактивовъ, склянокъ и аппаратовъ. Изъ аппаратовъ былъ только одинъ, да и тотъ не лабораторный — бабкинъ ингаляторъ. А вмѣсто реактивовъ стояло твое молоко и нѣсколько бутылочекъ со спиртомъ, предназначенныхъ для раздачи въ дорогѣ, въ качествѣ взятокъ. (Въ то время бутылка спирта стоила въ подпольной продажѣ нѣсколько тысячъ и достать его безъ соотвѣтственныхъ знакомствъ было невозможно). Вотъ этой-то безхитростной «Лабораторіей» я и импонировалъ всю дорогу чернокожимъ комиссарамъ. Ибо у меня была бумага о томъ, что я везу съ собой «лабораторное имущество исключительной цѣнности», а потому имѣю право на мѣста въ штабномъ вагонѣ вмѣстѣ съ ассистентами. Индивидуальные пакеты предназначались для матери, которая, какъ я уже тебѣ сказалъ незадолго до отъѣзда, коля дрова, отрубила себѣ кусокъ большого пальца съ костью. Рана была пешуточная и требовала ухода и чистыхъ перевязокъ. Наконецъ, третья вещь — ящикъ съ формою — имѣетъ самую смѣшную исторію. У меня была гипсовая карикатура на меня въ видѣ фавна, работы дяди Володи и единственная память о немъ. Уѣзжая я со всѣмъ смогъ разстаться — даже со своей библіотекой, но бросить память дяди Володи у меня не хватило духа. Везти же съ собой въ научную командировку бюстъ, сработанный явно съ меня, было невозможно, даже уповая на непроходимую глупость чернокожихъ комиссаровъ. Поэтому я рѣшилъ сдѣлать съ бюста гипсовую форму, которая, конечно, затушевала бы сходство и въ случаѣ обыска объяснить чернокожимъ, что это слѣпокъ съ рогатого человѣка, котораго я нашелъ въ деревнѣ. Всѣ домашніе смѣялись надо мной и убѣждали бросить свою затѣю, пророча мнѣ непріятности. Но я возражалъ, что когда чернокожій увидитъ у меня слѣпокъ рогатаго человѣка, то онъ проникнется къ моей учености большимъ уваженіемъ, чѣмъ отъ всѣхъ моихъ рукописей. Такъ на мое и вышло и въ Л. «рогатый» (какъ мы стали въ дорогѣ называть нашу самую крупную и громоздкую вещь) сослужилъ свою службу. Но объ этомъ послѣ.

И такъ мы сидѣли на вокзалѣ, въ грязномъ, запущенномъ, едва освѣщенномъ залѣ не было никого, кромѣ насъ. По срединѣ были свалены наши вещи. Бабка сидѣла на «рогатомъ» и набивала папиросы. Было невыразимо тяжко. И рѣзкимъ контрастомъ съ общимъ погребальнымъ настроеніемъ звучали твои ликующіе крики. Увидѣвъ себя въ новой обстановкѣ, ты положительно пришелъ въ ражъ. Выдѣлывалъ антраша въ своей неуклюжей, доходящей до пятъ шубкѣ, лазалъ по скамейкамъ и вопилъ въ истошный голосъ. Шубу съ тебя пришлось снять и тогда ты окончательно разошелся. Бѣгалъ ты быстро, а валенки тебѣ мѣшали и ты отбрасывалъ ноги какъ-то такъ неуклюже, что получалось впечатлѣніе будто онѣ движутся сами по себѣ, независимо отъ туловища. А вся твоя ликующая крохотная фигурка въ сѣрой фуфайкѣ и вязанныхъ штанахъ и въ коричневыхъ дѣтскихъ валенкахъ напоминала заводную игрушку.

Часа черезъ полтора ожиданія я съ бабкой пошелъ занять мѣста въ очереди. У дверей на платформу стоялъ огромный хвостъ на общіе вагоны и рядомъ другой поменьше на штабной. Мы помѣстились во второмъ. Я захватилъ Globetrotter, бабка «лабораторію». Стали мы съ тѣмъ, чтобы занять мѣста въ вагонѣ, а потомъ мнѣ предстояло перетащить на себѣ всѣ вещи, ибо носильщиковъ дозваться было немыслимо. Около трехъ четвертей часа прошло въ ожиданіи, послѣ чего двери открыли и на платформу ринулась штабная очередь. Въ этотъ моментъ одинъ изъ шнырявшихъ въ залѣ шпиковъ взялъ меня подъ руку и отвелъ въ сторону для обыска. Я сунулъ ему мандатъ, онъ прочиталъ его, вѣжливо раскланялся и сказалъ «пожалуйста, товарищъ». Мы бросились къ дверямъ, но увы! штабная очередь успѣла выйти и въ двери перла веренница чернокожихъ, съ огромными сундуками и мѣшками за спинами — это имущество бѣлыхъ переправлялось въ деревню. Съ большимъ трудомъ протискались мы подъ общіе озлобленные крики.

— Ишь, буржуи чемоданы тащатъ.

Тутъ только понялъ я, что не слѣдовало брать съ собой щегольскаго Globetrotter. Не будь его, не было бы попытка обыска.

У вагона новое недоразумѣніе. Чернокожій, провѣряющій пропуски, оказался, какъ и слѣдовало ожидать, неграмотнымъ. У меня было написано «три мѣста въ штабномъ вагонѣ», а онъ почему-то читалъ одно мѣсто. Наконецъ, и это недоразумѣніе разсѣялось и мы заняли маленькое купэ. Вагонъ былъ хорошій, но ничѣмъ не освѣщался, такъ что вещи приходилось разставлять ощупью въ полной темнотѣ. Оставивъ бабку одну, я пошелъ обратно за тобою съ матерью и за вещами. Отъ Мариши тебя пришлось оторвать почти силой, такъ она бѣдная плакала, прощаясь съ тобою. На мое счастье, накопецъ, попался носильщикъ, который согласился за 600 руб. помочь мнѣ перенести вещи. Часть изъ нихъ я взвалилъ на себя, остальныя взялъ носильщикъ. Мать подхватила тебя и мы тронулись, справившись однимъ рейсомъ. Попавъ въ темный вагонъ, ты испугался и заскулилъ.

— Баба? Баба? началъ ты звать.

— Я здѣсь, Лодочка, отозвался изъ темноты знакомый голосъ.

Черезъ минуту ты былъ уже на рукахъ у бабки.

— Дѣда? вачалъ ты тогда хныкать.

Я подошелъ къ тебѣ, а ты, удостовѣрившись, что и я здѣсь, уже звалъ маму, которую потерялъ въ темнотѣ.

Но мать доставала свѣчи и черезъ минуту ты уже немного успокоился при свѣтѣ огарка. Не успѣли мы толкомъ разложиться, какъ поѣздъ тронулся и мимо поплыли такъ хорошо знакомые столбы Александровскаго вокзала. Сколько разъ мы уѣзжали съ этого самаго перрона за границу, и какая разница — тогда и теперь...

Столбы бѣжали все быстрѣе и быстрѣе. Прощай Москва и, вѣроятно, на вѣки; 15 лучшихъ лѣтъ жизни у меня и у бабки останались позади ускоряющаго бѣгъ поѣзда. А что впереди неизвѣстно. Не дай Богъ, малютка, тебѣ испытать когда нибудь то, что мы съ бабкой испытывали въ этотъ вечеръ.

* * *

Сутки до Орши прошли сѣренько. Въ вагонѣ ѣхало нѣсколько офицеровъ на фронтъ, агитаторы и еще какая-то неопредѣленная публика. Мы сидѣли въ своемъ купэ, забавлялись съ тобою и пили чай, съ захваченнымъ изъ Москвы жаренымъ мясомъ. Въ сосѣднемъ вагонѣ помѣщался «буфетъ», изъ котораго я носилъ кипятокъ по 2 руб. стаканъ. Тамъ же продавались котлеты по 100 руб. штука и бѣлыя лепешки по 40 руб. штука. Для тебя въ «лабораторіи» стояли два литра молока, которые мы подогрѣвали тутъ же на спиртовкѣ. Ты былъ настроенъ чудесно, много спалъ и истреблялъ невѣроятное количество «хахара».

Дорогой чрезвычайка нѣсколько разъ провѣряла документы. Когда вошла первая комиссія, ты привѣтствовалъ ее возгласомъ:

— Товарищи окаянные!

Это явилось для насъ сюрпризомъ, ибо никогда ничего подобнаго мы отъ тебя не слышали. Къ счастью ты произнесъ эти новыя слова не совсѣмъ разборчиво и они ихъ не поняли. Провѣрки не обошлись безъ курьезовъ. Такъ у ѣхавшаго въ сосѣднемъ купэ полкового командира, направлявшагося въ Смоленскъ принимать полкъ, отобрали револьверъ. Что отобрали, это еще ничего. Но въ простотѣ душевной даже расписку выдали.

Въ Оршу мы прибыли въ десятомъ часу вечера. Небольшой грязный вокзалъ, совершенно неосвѣщенный. Ходить приходилось буквально ощупью держась за стѣну. И въ этой темнотѣ пришлось разыскивать помѣщенія всякихъ комиссій, долженствовавшихъ выдать разрѣшеніе на покупку билетовъ до Л. Кое какъ справившись съ этой трудной задачей, я, наконецъ, досталъ билеты и пошелъ наводить справки о поѣздѣ. Онъ стоялъ далеко на путяхъ и весь состоялъ изъ вшивыхъ товарныхъ вагоновъ и одного вагона третьяго класса, служившаго въ качествѣ почтоваго. Ѣхать ночь въ товарномъ вагонѣ не хотѣлось и я завелъ переговоры съ почтовыми чиновниками.

— Товарищъ, я профессоръ, ѣду на борьбу съ сыпнымъ тифомъ, везу цѣнное имущество, лабораторію, не впустите ли меня къ себѣ?

— Мы, товарищъ, рады бы, да, сами знаете, отвѣтственность, въ случаѣ контроля. Никакъ не возможно.

— Товарищъ, наклонился я къ его уху, у меня въ лабораторіи есть спиртъ. Много вамъ предложить не могу, но граммъ 200 выкрою.

— Постойте, я поговорю со своимъ товарищемъ, сразу перемѣнилъ онъ тонъ и черезъ минуту уже высунулся въ окно.

— Пожалуйте, пригласилъ онъ меня.

— Я, конечно, не заставилъ себя долго просить и, втащивъ въ вагонъ «рогатого», началъ его пристраивать между скамьями.

— А это еще кто? услышалъ я съ площадки вагона окрикъ того же чиновника.

— Ассистенты профессора Д., отвѣчалъ голосъ бабки. Обычно звонкій и увѣренный въ себѣ, онъ на этотъ разъ прозвучалъ такъ тихо и такъ робко, что я его сразу даже не узналъ.

— Много васъ?

— Двое.

Я вмѣшался въ дѣло и черезъ минуту старшій ассистентъ уже бѣгалъ по вагону и совалъ въ печку дрова, приговаривая:

— Лода печу топить.

Чугунная печка разгоралась все жарче, чайникъ весело шумѣлъ на ней, чиновники расшивали свои 200 граммъ, ты спалъ на подстилкѣ изъ шубъ, а ночь бѣжала быстро, быстро. Изрѣдка ты просыпался, прислушивался къ монотонному стуку колесъ и говорилъ: «Гудитъ ль! Гудитъ!» и снова засыпалъ. Къ разсвѣту мы были въ Л., куда я имѣлъ рекомендательное письмо къ одному еврею Ж—чу, который долженъ былъ свести меня съ контрабандистами, занимающимися переправкой черезъ польскую границу.

* * *

Когда мы вылѣзли изъ вагона, было еще темно. Чиновники подавали мнѣ вещи, а я оттаскивалъ ихъ къ сторонкѣ на темной платформѣ. Когда я положилъ первые чемоданы, изъ сосѣдней теплушки выскочилъ десятокъ красноармейцевъ. Они подбѣжали къ вещамъ, окруживъ ихъ узкимъ кольцомъ, и начали «оправляться» у самыхъ чемодановъ. Я очень сдержанно попросилъ ихъ отойти къ сторонкѣ, но въ отвѣтъ получилъ нѣсколько непечатныхъ ругательствъ. Дѣлать нечего — къ сторонкѣ отошелъ я и сталъ ждать, пока они кончатъ. Морозъ, слава Богу, былъ крѣпкій и пока я вытащилъ остальныя вещи и изъ вагона вылѣзли бабка съ матерью и съ тобою, огромная лужа, которую они оставили, уже замерзла. Поѣздъ отошелъ дальше и мы остались одни на платформѣ. Ночь была темная и заря еще не занималась. На платформѣ ни души. Было жутко. Нужно было идти разыскивать Ж—ча. Оставить васъ троихъ съ вещами было страшно. А забрать вещи съ собой невозможно. Сначала я думалъ взять «лабораторію» и идти одному. Но, обсудивъ вопросъ, рѣшили, что безопаснѣе оставить все съ вами, ибо если бы начали грабить на вокзалѣ, то прежде всего бросились бы на чемоданы, а не на «лабораторію». А если бы меня ограбили по дорогѣ, то, конечно, забрали бы то, что я несу, то-есть все наше состояніе. Розыскавъ съ трудомъ станціоннаго сторожа, я узналъ отъ него, какъ пройти къ Ж—чу и нырнулъ въ темную невѣдомую мнѣ улицу. Домикъ стоялъ въ 5 минутахъ отъ станціи. На стукъ въ дверь никто не отвѣтилъ. Я попробовалъ нажать — она открылась и я очутился въ кухнѣ. Громадная русская печь пылала во всю и ярко освѣщала растрепанную старуху съ ухватомъ въ рукахъ.

— Ж—чъ здѣсь живетъ?

— Здѣсь. Я его сейчасъ разбужу. А вы пройдите въ столовую.

Въ столовой у стола, едва освѣщеннаго коптящей лампочкой, сидѣло душъ пять красноармейцевъ. Черезъ пару минутъ вышла заспанная жена Ж—ча.

— Мужъ сейчасъ встанетъ, а вы присядьте.

Я объяснилъ, что мнѣ нужно бы забрать съ вокзала вещи. Она откуда то достала красноармейца и мы пошли съ нимъ на вокзалъ. Бѣжалъ я туда рысью, ибо очень боялся за васъ. Вхожу на платформу, смотрю въ вашу сторону — ничего не видно. Бѣгу дальше, наконецъ, вырисовываются очертанія людей и вещей. Слава Богу, все благополучно. Ты лежишь сверху на GloBetrotter'ѣ, закутанный въ старую бабкину шубу поверхъ своей одежды и сладко спишь. Еврейчикъ-красноармеецъ началъ таскать вещи, а мы всѣ остались на платформѣ. Пока онъ справился, занялась заря и дорогой мы уже могли осмотрѣть Л. Оно оказалось поселкомъ изъ

8—10 избъ, стоящимъ у самаго лѣса. Когда мы пришли, Ж—чъ уже всталъ. Это былъ молчаливый, спокойный еврей лѣтъ 50-ти. Онъ стоялъ у стола, за которымъ сидѣли красноармейцы. Я подалъ ему письмо. Онъ молча прочиталъ его, положилъ въ карманъ, помолчалъ съ минуту.

— Я уже знаю. Моему сыну говорилъ о васъ М—нъ.

— А у насъ можно прожить нѣсколько дней?

— Почему же нѣтъ?

Опять молчаніе. Мы всѣ стоимъ.

— Ребенка уложить бы хорошо.

— Можно и уложить.

Подошла его жена и объяснила, что бабкѣ, матери и тебѣ будетъ отдѣльная комната, а мнѣ придется жить въ конторѣ. Комната оказалась закуткомъ въ два съ половиной на три аршина. По стѣнамъ стояли двѣ кровати, настолько короткія, что даже матери приходилось лежать, свернувшись калачикомъ. А что за матрацы были на нихъ! Впечатлѣніе получалось, будто лежишь на булыжной мостовой.

Уложили тебя и снова вышли въ столовую. Красноармейцы ушли, лампа была потушена и въ окна смотрѣло тусклое январьское утро. У стола сидѣлъ Ж—чъ и клевалъ носомъ. Помолчали. Оглядѣли помѣщеніе. Грязь была невообразимая. Отъ столовой былъ отгороженъ не доходящими до потолка перегородками рядъ «спаленъ» такой же величины, какъ ваша. Вмѣсто дверей висѣли какія то тряпки, изъ за которыхъ виднѣлись неубранныя кровати. Въ первый разъ въ жизни пришлось быть въ такой обстановкѣ. Помолчали еще. Я подвинулся поближе къ Ж—чу, и убѣдившись, что никого кромѣ насъ въ комнатѣ нѣтъ, заговорилъ шепотомъ.

— Г. Ж—чъ, вы знаете, зачѣмъ мы пріѣхали?

— Сыну же М—нъ сказалъ.

— И вы думаете, удастся?

— А почему бы нѣтъ.

Опять молчаніе.

— Какъ же это сдѣлать?

— Я этимъ не занимаюсь. Встанетъ сынъ, онъ знаетъ людей, которые занимаются.

Опять замолчали.

Потомъ пили чай. Потомъ Ж—чъ ушелъ въ свою спальню, мать и бабка умудрились какъ то устроиться на одной кровати (другая была занята тобою). А я прилегъ на кушеткѣ въ конторѣ. Часовъ около 10 въ контору вошелъ какой то молодой человѣкъ, въ рубашкѣ и съ полотенцемъ черезъ плечо.

— Вы молодой Ж—чъ?

— Нѣтъ я конторщикъ. Ж—чъ еще спитъ, — и пошелъ въ кухню умываться.

Я опять легъ. Въ контору приходили какіе то люди въ солдатскихъ шинеляхъ. Посидятъ, покурятъ и уйдутъ. Конторщикъ пробовалъ ихъ выпроводить.

— Сегодня праздникъ, что вы лѣзете сюда!

— Контора наша, отвѣчали они, мы и сидимъ.

Наконецъ, появился Ж—чъ, умылся и сѣлъ пить чай. Онъ былъ похожъ на отца и заставить его говорить было такъ же трудно. Онъ былъ такъ же невозмутимъ и любимымъ его выраженіемъ было:

— Наплевать. Ничего не значитъ.

Къ тому же говорить о дѣлѣ было невозможно, ибо все время мимо шныряли какіе то люди. Все, что мнѣ удалось узнать это то, что намъ придется сходить въ мѣстечко, которое лежитъ въ 6 верстахъ отъ станціи. Я заторопился идти, но Ж—чъ заявилъ, что еще рано.

— Пойдемъ, немного погодя.

Я опять легъ. Время тянулось нудно. Народъ толокся и ругался съ Ж—чемъ и конторщикомъ, которые доказывали, что разъ контора закрыта, то нечего и сидѣть здѣсь.

— Контора наша, отвѣчали они, такъ вамъ что за дѣло.

— Что это за народъ? спросилъ я Ж—ча.

— Наши.

— Рабочіе?

— Нѣтъ, такъ наши.

Такъ я ничего и не понялъ. Прошло съ часъ времени. Ты проснулся и поминутно выскакивалъ изъ своей клѣтушки и мать и бабка едва удерживали тебя сказками.

— Не пора ли намъ идти?

— Нѣтъ, рано.

Прошло еще нѣсколько часовъ, которые молодой Ж—чъ провелъ, сидя у окна и любуясь видомъ на станцію.

Наконецъ, онъ всталъ.

— Мама, gieb mir Essen!

Подали обѣдъ. Я сѣлъ ѣсть съ нимъ. Вытащилъ изъ «лабораторіи» бутылочку со спиртомъ и сдѣлалъ водку. У отца съ сыномъ лица просвѣтлѣли. Выпили по рюмкѣ и закусили чернымъ хлѣбомъ съ солью. Публика изъ конторы собралась около стола и съ завистью на насъ смотрѣла. Выпили по второй и закусили супомъ. И все молча. Потомъ выпили по третьей и закусили мясомъ. Обѣдъ былъ прѣсный и невкусный, но послѣ Москвы казался настоящимъ пиромъ. Ѣли свѣжее хорошее мясо, и рядомъ не было матери, которая въ Москвѣ несла тяжелую обязанность считать и распредѣлять куски.

— Наконецъ, послѣ обѣда Ж—чъ надѣлъ шапку съ наушниками и кратко сказалъ.

— Ну, теперь пора.

Вышли. Дорога шла все время чудеснымъ сосновымъ боромъ. Былъ яркій солнечный морозный день. Ж—чъ немного разговорился. Оказалось, что границу переходятъ ежедневно и дѣло налажено хорошо. Я немного успокоился. Часа черезъ полтора мы пришли въ какую то еврейскую лавку, въ углу которой были составлены въ козлы 4 винтовки. Хозяинъ — старый еврей съ плутоватымъ лицомъ. Мы присѣли въ углу и завели разговоръ въ полголоса.

— То-есть, что я вамъ скажу. Я самъ поѣду съ вами и сдамъ на руки польскому офицеру. Онъ всегда выходитъ ко мнѣ на встрѣчу. У насъ такъ заведено.

— Гдѣ же это? Въ полѣ?

— Зачѣмъ въ полѣ? Вотъ деревня занятая поляками, а вотъ нейтральная полоса въ 10 верстъ. И вотъ вы ждете въ нейтральной деревнѣ, а къ вамъ приходитъ польскій офицеръ и приноситъ пропускъ до самой Варшавы. Накажи меня Богъ. И все это стоитъ 2000 руб. царскими съ человѣка.

Черезъ лавку изъ внутреннихъ комнатъ прошло двое солдатъ.

— Предсѣдатель чрезвычайной комиссіи, пояснилъ хозяинъ. Онъ у меня уже полгода живетъ. Это ихъ винтовки.

Я съежился.

— И вы у него подъ носомъ занимаетесь такими дѣлами?

— Ну, конечно. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ у меня поселился, я свѣтъ увидѣлъ и узналъ, что такое спокойная жизнь.

Я сдуру не захватилъ съ собой царскихъ денегъ и у меня были только совѣтскія, думскія и краткосрочныя обязательства. Еврей мой о послѣднихъ деньгахъ даже не слышалъ и побѣжалъ справляться къ какому-то знакомому, а я остался одинъ (Ж—чъ ушелъ раньше). Вдругъ входитъ Ж—чъ и дѣлаетъ мнѣ таинственный знакъ.

— Пойдемте.

Я рѣшилъ, что дѣло не ладно съ чрезвычайкой, и поспѣшно вышелъ. Но оказалось другое.

— Я сейчасъ узналъ, что этотъ работаетъ не отъ себя. Онъ только комиссіонеръ. Такъ мы пойдемъ прямо къ тому, у кого онъ работаетъ — къ Л.

Л. жилъ въ совсѣмъ приличномъ домикѣ, обставленномъ даже уютно. Мы сѣли въ пріемной и начали бесѣдовать. Условія тѣ же, но нѣтъ хвастовства и обѣщаній, что встрѣчать будетъ польскій офицеръ. Стараюсь выяснить всю процедуру переѣзда. Оказывается, выѣзжать придется вечеромъ и всю ночь ѣхать на лошадяхъ лѣсомъ. Къ разсвѣту пріѣдемъ въ деревню на нейтральной полосѣ. Тамъ сдадутъ насъ уже новому лицу, которое доставитъ насъ на польскіе аванпосты. Путешествіе ночью мнѣ не улыбается и я пробую убѣдить ихъ ѣхать днемъ. Показываю свой мандатъ и доказываю, что встрѣчи съ большевистскими патрулями мнѣ опасаться нечего. Л. прочиталъ мандатъ.

— Мандатъ хорошій. Только я бы вамъ совѣтовалъ даже и съ нимъ избѣгать встрѣчи. Къ тому же вы поѣдете не одни, мы возимъ партіями. А у вашихъ попутчиковъ такихъ мандатовъ нѣтъ.

Я увидѣлъ, что ихъ не заставишь измѣнить своихъ плановъ, и попытался выяснить дорогу, которой мы поѣдемъ. Досталъ десятиверстку и развернулъ ее на столѣ.

— Мнѣ говорили въ Москвѣ, что удобнѣе всего ѣхать на мѣстечко П.

— Мы такъ и возили. Но теперь эта дорога испорчена.

— То-есть?

— На дняхъ насъ тамъ накрыли.

— Арестовали?

— Ну, зачѣмъ арестовали. Пришлось заплатить сто тысячъ. И теперь у насъ другая дорога. Вчера поѣхала первая партія. Вы поѣдете вторыми.

Изъ сосѣдней комнаты вышелъ человѣкъ въ щегольскомъ фрэнчѣ и съ пачкой «совѣтскихъ извѣстій».

— Кто это? спросилъ я Л.

— Комиссаръ мѣстечка.

— Зачѣмъ же онъ здѣсь?

— Комнату у меня снимаетъ.

Я поспѣшилъ покончить дѣло. Условились по 2000 руб. царскими съ человѣка. Но такъ какъ царскихъ у меня не было, то согласились, что я заплачу часть вещами, часть думскими. Окончательный торгъ долженъ былъ состояться въ тотъ же вечеръ у меня по осмотрѣ вещей.

Когда мы шли домой я выразилъ Ж—чу опасеніе, какъ бы мы не попались. Въ самомъ дѣлѣ, я говорилъ о переѣздѣ два раза и оба раза за дверью сидѣли совѣтскіе комиссары. Одинъ видѣлъ меня надъ картой. Но онъ обпадежилъ меня.

— Наплевать. Ничего не значитъ!

— Ну, а тотъ народъ, что толчется у васъ, вѣдь онъ же можетъ заподозрить истину. Могутъ донести.

— Тоже наплевать, ничего не значитъ.

Домой пришли, когда совсѣмъ уже смеркалось. Часовъ въ 9 пріѣхалъ Л. съ братомъ и началась торговля. Я отдалъ ему дюжину превосходныхъ до-военныхъ рубахъ, дюжину кальсонъ, полдюжины носковъ, бабкино шелковое платье и еще кое-какія мелочи. Все это онъ оцѣнилъ въ 2000 р. царскихъ и потребовалъ доплаты 20.000 р. думскими. Торговаться не приходилось и мы тотчасъ же покончили, условившись, что на другой день въ 4 часа за нами пріѣдутъ подводы. Въ результатѣ сдѣлки мы остались почти голыми съ двумя смѣнами бѣлья каждый и въ одномъ костюмѣ. Но отдавали все радостно, разсчитывая купить нужное въ Берлинѣ. Когда же пріѣхали въ Берлинъ, оказалось, что они забрали у насъ вещей по самому скромному подсчету на 20.000 руб. царскими. Проводивъ Л., легли спать. Я легъ въ конторѣ на кушеткѣ и со мной легло еще двое человѣкъ на двухъ диванахъ. Когда же проснулся на другой день, я увидѣлъ, что и на трехъ столахъ конторы тоже лежитъ по человѣку.

Слѣдующій день прошелъ такъ же тоскливо. Ходилъ на станцію и далъ въ Москву «служебную» телеграмму по условленному шифру о томъ, что все благополучно и что сегодня выѣзжаемъ на границу. До обѣда коротали время въ вашей «комнатѣ», сидя на кроватяхъ и на вещахъ и забавляясь съ тобой. Ты окончательно истомился сидѣть сиднемъ въ крохотномъ закутѣ и поминутно открывалъ дверь, а мы старались держать ее закрытой, чтобы не мозолить глаза праздношатающейся публикѣ. Была суббота и Ж—чи шабашевали. Утромъ у нихъ было что то въ родѣ богослуженія: старый еврей, набросивъ на плечи полосатый платокъ, читалъ библію и всѣ слушали. Около 2-хъ часовъ уложились и стали ждать подводъ. Время тянулось невыразимо медленно. Часа въ три открылась дверь нашей «комнаты» и вошла какая то непристойнѣйшая физіономія въ синемъ пенснэ.

— Вы куда ѣдете, товарищъ?

— А вы почему интересуетесь?

— Я слѣдователь чрезвычайной комиссіи.

— Тогда извольте мандатъ.

Непристойнѣйшая физіономія прочитала и вытянулась. Потомъ начала просить навѣстить предсѣдателя чрезвычайной комиссіи, который болѣетъ уже нѣсколько дней. Пошли съ матерью. Больной лежалъ на станціи въ вагонѣ и у него оказался сыпной тифъ. Пришли обратно и стали ждать.

Часы дошли до четырехъ. Подводъ нѣтъ. Половина пятаго — нѣтъ. Пять — нѣтъ. Половина шестого — нѣтъ. Мы совершенно истомились и уже не знаемъ, что думать. Наконецъ, около 6 часовъ пріѣхали. Оказалось, что извозчикъ — еврей не захотѣлъ выѣзжать въ субботу до захода солнца. Быстро нагрузили вещи, расплатились со Ж—чемъ (1500 руб. керенками за прожитіе и 500 руб. совѣтскими за доставку вещей со станціи), сѣли въ сани и хотѣли ѣхать. Но не тутъ то было. Какой то типъ во френчѣ во время погрузки стоявшій у самыхъ саней и наблюдавшій, какъ клали чемоданы, остановилъ возницу.

— Подъѣзжайте къ угловой избѣ.

Оказывается чрезвычайка.

Отдаю мандатъ, который уносятъ въ избу и черезъ минуту выносятъ обратно съ резолюціей: обыскать. Открываютъ первый чемоданъ, вытряхиваютъ все до дна и начинаютъ осматривать каждую вещь. Я соображаю, что съ такимъ обыскомъ они проканителятся часа три. А насъ въ мѣстечкѣ ждутъ и мы уже опаздываемъ на два часа. И я пускаюсь на хитрость.

— Товарищъ Т—ва, кричу я матери, которая возится у чемодана. Не трудитесь съ обратной укладкой, мы дальше не ѣдемъ.

— Почему?

— Я не могу работать при такихъ условіяхъ и возвращаюсь въ Москву съ докладомъ народному комиссару, что мнѣ не дали возможности выполнить командировку.

Мое заявленіе производитъ нѣкоторое впечатлѣніе, но не особенно сильное, ибо обыскъ продолжается.

— Вы, товарищъ, не волнуйтесь, обратился ко мнѣ парень во френчѣ.

— Я и не волнуюсь. Но только я пріѣхалъ работать, а не таскаться по обыскамъ. А сегодня это второй разъ со мною. Я вижу, что работать здѣсь нельзя, и уѣзжаю обратно — только и всего.

— Вотъ нашелъ что то, торжественно заявилъ парень, ощупывающій подушки, и запустилъ руку подъ наволочку. Всѣ насторожились и парень вытащилъ твои штанишки.

— Молодецъ, похвалилъ я его, сразу видно, что вы свое дѣло понимаете.

— А тутъ у васъ что?, указалъ парень на ящикъ съ «рогатымъ».

— Тутъ слѣпокъ съ рогатаго человѣка.

— Съ какого рогатаго?

— Я въ Оршѣ нашелъ человѣка съ рогами и сдѣлалъ съ него слѣпокъ для университетскаго музея.

Парень во френчѣ задумался.

— Прекратите пока обыскъ, распорядился онъ. А васъ товарищъ, я попрошу въ канцелярію.

Тамъ онъ пошепталися съ двумя такими же парнями, какъ онъ самъ.

— Вы куда сейчасъ направляетесь?

— Въ мѣстечко Л., гдѣ нашелъ помѣщеніе для лабораторіи, а оттуда развернувшись будемъ объѣзжать сосѣднія деревни.

Парни во френчахъ еще пошептались.

— Можете ѣхать, положилъ резолюцію начальникъ.

Мы быстро уложились и ударили по лошадямъ. Смеркалось быстро и мы гнали крупной рысью по опушкѣ лѣса — я впереди съ вещами, а сзади

мать, бабка и ты. Дорогой встрѣтились съ пьяными красноармейцами, стрѣлявшими изъ винтовокъ въ воздухъ. Къ мѣстечку подъѣхали уже въ полной темнотѣ и рѣшили не останавливаться, чтобы не обращать на себя лишняго вниманія, а остальную компанію ждать въ лѣсу за рѣкой.

— Наши увидятъ, что мы проѣхали, объяснилъ извозчикъ.

Деревню мы пролетѣли вихремъ вскачь. Мелькнула плотина водяной мельницы и небольшая избушка около нея.

— Здѣшняя чрезвычайка, объяснилъ мнѣ ямщикъ.

За мельницей на ходу къ намъ въ сани вскочилъ Л.

— Что вы такъ долго?

— Насъ обыскивали.

— Ждите у лѣса, — и онъ, соскочивъ, уже бѣжалъ въ деревню.

У лѣса мы простояли съ полчаса, пока подъѣхали остальные. Всѣ были на одной подводѣ. Л. на ходу соскочилъ, сѣлъ ко мнѣ и велѣлъ трогать. Черезъ минуту на поворотѣ изъ заднихъ саней я услышалъ пѣстовый крикъ бабки.

— Лодочка, Лодочка!

Выскакиваю изъ саней и вижу картину. Ваши сани перевернулись на косогорѣ, вещи высыпались, а мать съ бабкой копошатся въ снѣгу. Къ счастью, падать было мягко и никто даже не ушибся. Уложили вещи на ново и, такъ какъ матери съ больной рукой тебя держать было неудобно, она сѣла на первыя сани, а я съ бабкой и съ тобой на вторыя. Тебѣ устроили нѣчто въ родѣ постели. Подъ голову положили въ видѣ подушки одѣяло, укутали тебя шубой, ты сразу же уснулъ и потянулась дорога.

Ночь была не очень холодная, ясная и безлунная. Звѣзды горѣли ярко, ярко, а лѣсъ, одѣтый снѣговымъ уборомъ, при ихъ мерцающемъ свѣтѣ едва вырисовывалъ свои очертанія и тихо шумѣлъ.

Бабка боялась, что ты замерзнешь и все прикрывала шубой твою рожицу. Но ты сейчасъ же просыпался и протестовалъ.

— Откррр . . .требовалъ ты.

Мы курили папиросу за папиросой, чтобы разогнать сонъ и время отъ времени щупали твой носикъ — теплый ли онъ, и твои ножки — не сползли ли валенки. Ты время отъ времени просыпался и кричалъ:

— Откррр . . . .

Это шапка сползала тебѣ на лобъ слишкомъ низко. Мы поправляли ее, ты поводилъ сонными глазенками, прислушивался къ шуму лѣса и говорилъ:

— Гудить ль, гудить!

Очевидно, ты принималъ его во снѣ за стукъ вагона. Затѣмъ ты снова засыпалъ. Деревья причудливыхъ очертаній, одѣтыя снѣгомъ, бѣжали мимо. Попадались спящія деревни, которыя мы пролетали вихремъ. И опять начинался лѣсъ. Лѣсомъ ѣхать было жутко. Думали о волкахъ и медвѣдяхъ. Вспоминался видѣнный въ берлинскомъ зоологическомъ саду великолѣпный экземпляръ бураго звѣря съ надписью «Russischer Bär. Minsk» — какъ разъ изъ этого самаго лѣса. Но еще хуже чѣмъ въ лѣсу было въ деревняхъ. Уходящій въ полную тьму рядъ избъ съ запертыми ставнями. Ни одного огонька. Мертвая тишина, нарушаемая лишь мѣрнымъ звукомъ копытъ, да изрѣдка собачьимъ лаемъ. А за каждой избой грезится засада. Промелькнетъ черное пятно такой деревни и въ лѣсу становится опять легче

на душѣ. И съ каждой промелькнувшей мимо деревней крѣпнетъ сознаніе, что граница становится все ближе и ближе.

Во второмъ часу ночи подводы остановились среди густого лѣса. Подошелъ Л.

— Мы въ полуверстѣ отъ большевистской части. Развѣдчикъ идетъ въ деревню узнать, какъ сегодня разставлены патрули и свободна ли дорога. Пожалуйста, соблюдайте полную тишину.

Только-что онъ отошелъ, какъ изъ-подъ твоей шубы раздался знакомый повелительный окрикъ:

— Откррр....

У насъ съ бабкой такъ и упало все внутри. Вѣдь ты, одѣтый въ шубу, пролежалъ въ одной позѣ на очень неудобномъ ложѣ около 8 часовъ. Значитъ и покричать тебѣ было бы не грѣшно. Вотъ тебѣ и выйдетъ «полная тишина!» Я наклонился къ твоему уху и началъ разсказывать тебѣ шопотомъ твою любимую сказку про зайку и лисичку. Ты внимательно слушалъ, поводя глазками, и изрѣдка шепталъ:

— Гудитъ ль, гудитъ.

А минутъ черезъ десять ты уже мирно спалъ. Развѣдчика мы прождали минутъ сорокъ. И эти сорокъ минутъ по своей напряженности стоили всей оставшейся позади ночи. Дорога оказалась занятой патрулями и намъ пришлось дѣлать кругъ лѣсомъ безъ всякой дороги верстъ въ пятнадцать. Вести насъ долженъ былъ пришедшій изъ деревни вмѣстѣ съ развѣдчикомъ мужикъ. Повернули лошадей и тронулись. Какъ мы выбрались, до сихъ поръ не понимаю. Лошади временами вязли въ снѣгу по брюхо. Вѣтки ельника хлестали насъ по лицамъ. Часа черезъ два показалась дорога. Мы завернули и погнали вскачь. Послѣ я уже узналъ, что это была самая опасная часть пути, ибо здѣсь часто ѣздятъ большевистскіе разъѣзды. Проскакали мы такъ минутъ пятнадцать, потомъ круто завернули и выѣхали на гладкое снѣжное поле. На востокѣ чуть брезжила красная полоска и клала розовые блики на снѣжную пелену. Вдали что-то чернѣло.

— Деревня Ш., объяснилъ ямщикъ. А тамъ за рѣкой уже польскія позиціи.

Поле промелькнуло быстро и на разсвѣтѣ мы уже высаживались на дворѣ какой-то избы.

Тутъ только разсмотрѣли мы своихъ спутниковъ. Это была пара молодыхъ евреевъ Д—ъ. Онъ типичный спекулянтъ, она тонная дама въ великолѣпной дохѣ. Съ ними молоденькій студентикъ изъ Вильны.

— Хорошо бы самоварчикъ, — предложилъ я.

— Самоваръ у насъ унесли тѣ, къ кому вы ѣдете, — съ озлобленіемъ отвѣтила мнѣ хозяйка.

Я оглянулся и увидѣлъ полуразвалившуюся избу, едва освѣщенную коптящей лучиной, лежащей на краю стола. Такого убожества и грязи я никогда себѣ не представлялъ. Оказывается, деревня съ 1915 года все время переходила изъ рукъ въ руки и въ ней поочередно побывали и австрійцы, и нѣмцы, и большевики, и поляки. И всѣ грабили. Въ результатѣ отъ деревни уцѣлѣло всего нѣсколько полуразвалившихся избъ, жители разбѣжались, а оставшіеся оказались обобранными до чиста.

Настало тягостное молчаніе, которое прервалъ твой радостный голосокъ.

— Ававка... (Собака).

И ты показывалъ на печку, съ которой въ это время слѣзалъ старый растрепанный, одѣтый въ грязныя лохмотья еврей, дѣйствительно напоминающій большую собаку.

Тебя всѣ окружили и начали хвалить, какъ ты себя велъ дорогой. Когда наши попутчики узнали, что имъ придется ѣхать съ ребенкомъ, они такъ испугались, что даже хотѣли остаться.

Затопили печку и поставили кипятить воду въ котелкѣ для чая.

Пришелъ Л., съ нѣкіимъ паномъ В—имъ, типичнымъ полякомъ. Дальнѣйшую нашу переправу онъ бралъ на себя. Мы усѣлись за столомъ и стали слушать. Оказалось, что польскій поручикъ, съ которымъ онъ ведетъ дѣла, выѣхалъ въ Борисовъ и вернется сегодня ночью. До утра намъ нужно просидѣть въ Ш., а на разсвѣтѣ намъ подадутъ подводы и мы выѣдемъ одни. У поста насъ встрѣтитъ панъ В—ій и сдастъ патрулю. Мы заволновались. Д—амъ оказывается было обѣщано доставить пропускъ до Варшавы въ Ш. и они поднялн крикъ, что ихъ обманули. Я въ эти пропуски не вѣрилъ, ибо прекрасно понималъ, что на передовыхъ позиціяхъ они не выдаются. Но все же сидѣть сутки въ Ш., куда каждую минуту могли нагрянуть большевики, мнѣ вовсе не улыбалось. Я началъ требовать, чтобы мнѣ дали подводы и отвезли на аванпосты, не дожидаясь поручика. Но В—ій не соглашался, увѣряя, что это можетъ для насъ плохо кончиться. Дѣлать было нечего и пришлось размѣщаться. Д—овъ отвели въ сосѣднюю избу къ кузнецу, а насъ оставили тамъ, гдѣ мы были. Избенка была маленькая, темная, невѣроятно грязная. Вся обстановка состояла изъ ужасающаго вида кровати, стола и трехъ деревянныхъ скамеекъ 6 вершковъ шириной и 2 аршина длиной. Вся эта «мебель» была предоставлена намъ. А хозяева, старикъ и старуха, спали на лежанкахъ на русской печкѣ. На кровать никто изъ насъ лечь не рѣшился и ею воспользовался Л. Мы же устроились на лавкахъ, предварительно вымывъ ихъ захваченной изъ Москвы дезинфекціонной смѣсью, и на вещахъ. Но кромѣ тебя никто не заснулъ. Часовъ съ 11 началъ стучать пулеметъ на польскихъ позиціяхъ (деревня Ш. стоитъ на берегу Березины, а противоположный берегъ былъ занятъ поляками). Мнѣ, конечно, представилось, что это уже началось сраженіе съ большевиками. Прошу Л. привести В—аго или меня проводить къ нему. Онъ пошелъ и принесъ отвѣтъ, что В—ій зайдетъ. Пулеметъ постучалъ, постучалъ и замолкъ. Бабка занялась хозяйствомъ. Достала баранины и картофеля и начала готовить обѣдъ. Ты гонялся за кошкой, лѣзъ во всѣ грязные углы и ведра и выпачкался до нельзя. Мать и бабка нервничали, я ходилъ изъ угла въ уголъ, самъ не свой, и никто не могъ толкомъ занять тебя. Пулеметъ то стучалъ, то замолкалъ и наводилъ уныніе. Часа черезъ два пришелъ В—ій, которому я сообщилъ свои опасенія. Онъ началъ успокаивать меня. Большевики не показывались въ Ш. больше двухъ мѣсяцевъ. Но для меня это былъ не доводъ и я опять началъ просить переправить насъ съ вечера. Онъ обѣщался, когда стемнѣетъ, пройти на позиціи и постараться устроить дѣло. И потянулся нескончаемый день. Подъ размѣренный стукъ пулемета въ голову лѣзла всякая чушь. Что будетъ, если нагрянетъ большевистскій пикетъ? У меня мандатъ. Но вѣдь даже большевики не повѣрятъ, что я занимаюсь научной работой въ разоренной деревнѣ въ полуверстѣ отъ польскихъ позицій. Не лучше ли плюнуть на В—аго и сейчасъ же

пѣшкомъ переправиться черезъ Березину до аванпостовъ. Разъ пять принимались обсуждать этотъ вопросъ. И все-таки каждый разъ рѣшали ждать. Бабка приготовила чудесный обѣдъ изъ жареной баранины съ картофелемъ. Несмотря на тяжелое душевное состояніе, съѣли его съ аппетитомъ, ибо никто изъ насъ и не помнилъ, когда онъ ѣлъ такія вкусныя вещи. Потомъ сѣли пить чай. Забѣжали на минуту Д—ы. Возмущались, что ихъ надули. Оказывается, что они изъ-за этого мифическаго пропуска прожили лишнюю недѣлю въ Л. Начало смеркаться. Зажгли лучину. И это немного отвлекло. Нужно было періодически обламывать сгорѣвшую часть и замѣнять одну лучину другою. Часовъ въ 9 пришелъ В—ій. На позиціяхъ условились принять насъ въ 6 часовъ утра. Въ 5 часовъ мы должны были сѣсть на подводы и переѣхать черезъ рѣку съ ямщиками. А у пикета насъ встрѣтитъ В—ій. Значитъ предстояла еще одна тревожная ночь. Начали снова укладываться. Не спавши сутки, я такъ измочалился, что, преодолѣвъ отвращеніе, одѣтый свалился на отвратительную грязную кровать. Ночь прошла тревожно. Постукивалъ пулеметъ. У старика хозяина разстроился желудокъ и онъ нѣсколько разъ выходилъ изъ избы. Каждый разъ, когда онъ хлопалъ дверью, мы вскакивали и намъ казалось, что пришли большевики. Наконецъ, забрезжилъ свѣтъ и мы начали укладываться. Заплатили за постой 1200 рублей и черезъ часъ уже сидѣли на саняхъ и задворками направлялись къ рѣкѣ. Берегъ былъ крутой и съ тобою ѣхать мы не рѣшились. Вылѣзли изъ саней, я взялъ тебя на руки и, увязая въ снѣгу по колѣна, мы начали спускаться на ледъ на встрѣчу къ новой жизни, которая олицетворялась намъ въ эту минуту въ образѣ польскаго часового, стоявшаго на деревянной вышкѣ по ту сторону рѣки. У подножія вышки вырисовывалась на бѣломъ снѣгу высокая черная фигура В—аго, въ шубѣ и въ остроконечной шапкѣ.

— Кто идетъ? — раздался сверху окрикъ часового.

— Утикинеры, — отвѣтилъ по-польски ямщикъ.

Часовой сбѣжалъ съ лѣстницы.

— За мною, — скомандовалъ онъ.

Панъ В—ій пожелалъ намъ счастливаго пути и мы простились. Часовой пошелъ по направленію къ кучѣ избушекъ, примостившихся у рѣки, а мы шажкомъ тронулись за нимъ. Внутри у насъ все пѣло и въ головѣ стояла одна мысль:

— Вырвались таки!

Петроградъ — Вятка въ 1919—20 году

С. Воронова

Октябрьская революція застала меня въ одномъ изъ Петроградскихъ Гвардейскихъ полковъ, въ который я былъ призванъ, какъ ратникъ ополченія. Къ этому времени жизнь въ полку окончательно развалилась. Солдатская служба оторвала меня отъ управленія, принадлежащаго мнѣ, коммерческаго предпріятія и я воспользовался предоставившейся мнѣ свободой, чтобы привести въ порядокъ мои запущенныя дѣла. Въ то время казалось, что большевизмъ не сумѣетъ разорить всю жизнь страны. Въ началѣ декабря я официально былъ уволенъ изъ полка декретомъ о демобилизаціи арміи. Въ теченіе всего восемнадцатого года я былъ занятъ своимъ дѣломъ, которое вынужденно прекратило свое существованіе лишь въ декабрѣ мѣсяцѣ. Съ этого времени начинаются мои мытарства. Средства мои быстро изсякали, большая часть моего имущества была конфискована и я поддерживалъ существованіе своей семьи продажей нашей обстановки, платья и т. д. Изъ опасенія попасть на общественныя работы я поступилъ на службу конторщикомъ одного изъ районовъ комиссаріата продовольствія. Въ мои обязанности входило веденіе книгъ по открывшимся въ то время общественнымъ чайнымъ. Чайныя эти просуществовали не долго и къ осени того же года были закрыты за отсутствіемъ топлива, чая и сладостей.

Сѣро и скучно тянулась жизнь въ комиссаріатѣ, переполненномъ служащими, высчитывавшими доли золотниковъ продуктовъ, перепадавшихъ на петроградскаго обывателя. Единственнымъ яркимъ пятномъ на фонѣ этой мертвой канцелярщины являлся комиссаръ нашего района — 20-лѣтній прикащикъ галантерейнаго магазина, назначенный на этотъ постъ мѣстнымъ совдепомъ за стойкость своего большевистскаго міросозерцанія. Несмотря на свои 20 лѣтъ, этотъ молодой администраторъ былъ привычнымъ пьяницей и не проходило недѣли, чтобы служащіе комиссаріата не были свидѣтелями какой-нибудь пьяной продѣлки этого молодца. Къ концу моего пребыванія на этой службѣ, комиссаръ, гуляя какъ то ночью въ пьяномъ видѣ, занялся выбиваніемъ стеколъ въ подвальныхъ этажахъ. За этимъ занятіемъ онъ былъ арестованъ и избитъ проходившими милиціонерами. На утро онъ, конечно, былъ освобожденъ своимъ собутыльникомъ-начальникомъ районной милиціи и по долгу службы въ тотъ же день явился въ комиссаріатъ съ распухшимъ отъ пьянства лицомъ, подбитыми глазами и

забинтованными руками, израненными отъ битья стеколъ. Въ маѣ мѣсяцѣ я ушелъ изъ комиссаріата и поступилъ въ одинъ изъ красноармейскихъ лазаретовъ въ качествѣ дѣлопроизводителя. Служба эта предоставляла мнѣ полуголодный красноармейскій паекъ, благодаря которому я имѣлъ ежедневно 1 фунтъ хлѣба, правда неудобоваримаго, кое-когда пшенную кашу и неизмѣнный супъ изъ воблы, плюсъ два фунта сахару въ мѣсяцъ. При существовавшихъ тогда въ Петроградѣ цѣнахъ — 1 ф. хлѣба — 250 руб., масло — 2000, фунтъ крупы — 400 руб., 1 ф. соли 300, паекъ этотъ при всей своей скудости являлся большимъ благомъ. Благодаря пайку я пользовался еще однимъ преимуществомъ: старшій врачъ обезпечилъ мнѣ ночлегъ въ своемъ кабинетѣ.

Квартира моя, какъ и большинство жилыхъ помѣщеній, стояла нетопленной, водопроводъ и электричество не дѣйствовали, уборныя не функціонировали. Обитатели столицы выливали экскременты прямо на дворъ. При этихъ условіяхъ, оснѣщаемый, а иногда и отапливаемый кабинетъ старшаго врача казался мнѣ раемъ, несмотря на присутствіе въ немъ вшей, и вопреки тому, что нѣсколько разъ въ ночь сонъ мой прерывался телефонными переговорами о прибытіи новыхъ больныхъ, увозѣ сыпнотифозныхъ и т. д. Однако мое сибаритство въ лазаретѣ продолжалось недолго. Въ нашъ лазаретъ, для высшаго надзора и коммунистической пропаганды среди служащихъ и больныхъ, былъ назначенъ комиссаръ. Комиссаромъ этимъ оказалась 18-ти лѣтняя дѣвица, не то работница, не то проститутка — дѣвица, обладавшая большой дозой развязности, замѣнявшей ей всѣ остальныя качества администратора. Ей удалось завербовать въ партію трехъ неграмотныхъ сидѣлокъ, соблазнившихся перспективой получить новые сапоги, якобы предоставляемые вновь поступающимъ въ партію. Для развлеченія же и просвѣщенія больныхъ новая комиссарша организовала нѣсколько концертовъ и митинговъ. Артисты довольно охотно участвовали въ такихъ концертахъ, дававшихъ имъ однодневный паекъ. На митингахъ же гастролирующіе ораторы проснѣщали красноармейцевъ по вопросамъ текущаго момента.

Помню на одномъ изъ такихъ митинговъ, на которомъ присутствовало 200-300 красноармейцевъ, ораторъ разъяснялъ солдатамъ о истинной сущности контръ-революціонныхъ генераловъ Колчака и Деникина, о томъ, какіе ужасы несутъ за собой побѣды этихъ генераловъ и какъ хорошо живется народу подъ сѣнью двуглаваго символа большевистской власти Ленина и Троцкаго.

Ораторъ говорилъ съ жаромъ, доступно и, казалось, долженъ былъ произвести на слушателей желаемое впечатлѣніе. По окончаніи почти часовой рѣчи въ аудиторіи царитъ гробовое молчаніе. Ораторъ спрашиваетъ, все ли было ясно въ его изложеніи и нѣтъ ли какихъ нибудь вопросовъ. Солдатики сосредоточенно молчатъ. Ораторъ повторяетъ свой вопросъ. Тогда изъ заднихъ рядовъ поднимается немолодой уже солдатъ и, собравшись съ духомъ, обращается къ новому начальству: «А вотъ насчетъ отлучекъ изъ лазарета какъ же? Намъ бы съ ночевкой». —

Возвращаюсь къ вопросу о моей спальнѣ. Комиссаръ-дѣвица рѣшила, быть можетъ и не безъ основанія, что ночевать мнѣ въ кабинетѣ старшаго врача негоже и мнѣ пришлось подчиниться. Жизнь моя съ этихъ поръ стало совершенно невыносимой, мнѣ ежедневно приходилось мѣнять мѣста

монхъ ночевокъ и, если я сегодня спалъ на плитѣ въ кухнѣ нашего бывшаго старшаго дворника, нынѣ члена К. П. и комиссара нѣсколькихъ націонализированныхъ домовъ, въ обществѣ самого комиссара, его жены и любовницы, то на завтра я долженъ былъ довольствоваться ночлегомъ на полу темнаго коридорчика, на который однако выходила топившаяся печь изъ сосѣдней комнаты, въ которой жило семейство монхъ друзей: мужъ, жена и 2 дѣтей.

Въ это время я началъ подумывать о поѣздкѣ въ Вятку, гдѣ находилась еще съ лѣта моя семья. Но выѣздъ изъ Петрограда былъ запрещенъ и право пользованія желѣзной дорогой предоставлялось либо по командировкамъ, либо по отпускамъ по болѣзни, даваемымъ особой комиссіей врачей. Первый путь былъ для меня закрытъ и я прибѣгнулъ поэтому ко второму. Шансовъ на отпускъ по болѣзни, несмотря на мое исхуданіе и большую слабость, не было никакихъ. Отпуска давались либо чахоточнымъ въ послѣднемъ градусѣ, либо оправлявшимся послѣ сыпного или иныхъ тифовъ. Врачи же, засѣдавшіе въ комиссіяхъ, были запуганы и исполняли свои обязанности сурово. И тѣмъ не менѣе я получилъ отпускъ, благодаря случайно находившемуся въ составѣ комиссіи знакомому врачу. Но, получивъ медицинское свидѣтельство, я для осуществленія своего права на выѣздъ изъ Петрограда долженъ былъ бы еще недѣли двѣ ходить по разнымъ учрежденіямъ, стоять въ безконечныхъ очередяхъ на морозѣ и т. д. Половина моего мѣсячнаго отпуска ушла бы на выполненіе этихъ формальностей. Какъ преодолѣвали всѣ эти мытарства остальные — мнѣ совершенно непонятно.

И на этотъ разъ мнѣ помогла моя служба въ лазаретѣ: я получилъ для проѣзда военный литеръ, который нужно было засвидѣтельствовать только у коменданта Петрограда. Уже черезъ день я находился на Николаевскомъ вокзалѣ въ толпѣ красноармейцевъ — въ ожиданіи поѣзда. Поѣзда въ Вятку идутъ разъ въ день; единственными пассажирами являются красноармейцы, ѣдущіе въ отпускъ по болѣзни. Громадная толпа изможденныхъ, плохо одѣтыхъ солдатъ, съ утра расположилась на дебаркадерѣ, въ ожиданіи поѣзда. Въ 2 часа подается поѣздъ и толпа съ шумомъ устремляется занимать мѣста. Вагоновъ мало, народу много. Шумъ, толкотня, обычная россійская ругань... Публика, наконецъ, разсѣлась. Въ вагонахъ яблоку упасть негдѣ, площадки забиты людьми. На платформѣ продолжается суматоха и крики красноармейцевъ, не попавшихъ въ поѣздъ и вынужденныхъ дожидаться слѣдующаго дня. Въ составъ поѣзда входитъ вагономъ 8 третьяго класса, 1 вагонъ миксть и одинъ международный. Большевистскія власти отмѣнили классы, но, какъ и всѣ ихъ распоряженія, такъ и этотъ декретъ сохраняетъ свою силу только на бумагѣ. Вмѣсто старой номенклатуры — I, II, и III классъ — первые два класса сохранили свое значеніе подъ новымъ титуломъ: мѣста съ мягкимъ сидѣніемъ. Правда, въ смыслѣ заразы сыпнымъ тифомъ эти мягкія сидѣнія, кишащія вшами — труднѣе удаляемыми, чѣмъ съ деревянныхъ скамей III класса, опаснѣе, но пассажиры, ѣдущіе по командировкѣ или больные по медицинскому свидѣтельству, имѣющіе право на «мягкое сидѣніе», добиваются своего права. Къ разочарованію этихъ лицъ оба вагона съ мягкими сидѣніями оказались закрытыми и охраняемыми вооруженными красноармейцами. Какъ мы узнали въ пути, мѣста въ этихъ вагонахъ сохранялись для особо привиллегированныхъ чиновниковъ, ѣхавшихъ по особо

важнымъ дѣламъ и удобно расположившихся въ нихъ въ сопровожденіи какихъ то молодыхъ, хорошо упитанныхъ и весьма веселыхъ дамъ.

Въ вагонѣ, въ который попалъ я, царилъ адъ кромѣшный. Верхнія и нижнія полки, мѣста для багажа, проходы — все было полно. На лавкахъ лежали по двое. Выйти изъ вагона было немыслимо. Вагонъ еще не тронулся, но духота стояла невообразимая. Солдаты курили и усиленно плевали на полъ, послѣднее они продѣлывали довольно искусно, не задѣвая сосѣдей. Черезъ нѣсколько часовъ полъ представлялъ изъ себя скользкое болото, въ которомъ ноги буквально вязли. Къ ужасу моему я обнаружилъ на своей лавкѣ присутствіе вшей. Для предохраненія отъ этихъ насѣкомыхъ я везъ съ собой дезинфекціонную жидкость, которой я время отъ времени обмазывалъ шею и руки, кромѣ того я былъ обвѣшанъ мѣшочками съ сѣрой — однако находка моя меня не на шутку встревожила.

Путешествіе нынѣ по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ влечетъ за собою по отзыву врачей почти неминуемую опасность заразы тифомъ — пассажиръ, совершившій два три рейса и оставшійся здоровымъ, представляетъ счастливое исключеніе.

Въ первое время я занялся было уничтоженіемъ вшей, но скоро убѣдился въ тщетности моихъ усилій, тѣмъ болѣе, что сосѣди мои относились къ этому явленію совершенно индифферентно. Вши уже давно стали въ Россіи обычными домашними животными, а въ послѣднее время пріобрѣли даже опредѣленную довольно высокую цѣну: ѣхавшіе со мной красноармейцы увѣряли меня, что въ нѣкоторыхъ частяхъ вши отъ сыпнотифозныхъ больныхъ продаются по 1000 рублей за баночку. Расчетъ здѣсь слѣдующій: красноармеецъ, перенесшій сыпной тифъ, обязательно получаетъ мѣсячный отпускъ.

Въ нашемъ вагонѣ, кромѣ красноармейцевъ, ѣхали еще двѣ три безбилетныхъ бабы, спекулянтки, скрывавшіяся отъ часто проходившаго контроля подъ лавками, не взирая на ужасающее состояніе пола, о которомъ я упомянулъ выше — дѣвица; по виду мѣщанка, лежавшая на средней лавкѣ въ объятіяхъ молодаго рыжаго солдата (по интимнымъ разговорамъ и не менѣе интимнымъ тѣлодвиженіямъ этой пары, я предполагалъ, если не родство, то старинное знакомство между ними, какъ оказалось, однако, эти люди встрѣтились въ этомъ вагонѣ впервые и на второй день я къ удивленію моему услышалъ, какъ дѣвица, въ антрактахъ между горячими поцѣлуями, задумчиво спрашивала своего кавалера: «А интересно бъ мнѣ узнать вашу фамилію и какъ васъ звать?») и молодой коммунистъ изъ военной разъѣдки штаба 7-ой арміи, въ кожанной куртке и въ безукоризненныхъ сапогахъ, ѣхавшій въ сопровожденіи своей жены въ командировку по дѣламъ на станцію Буй. Таинственность и совершенная непонятность такой командировки разъяснилась впослѣдствіи чрезвычайно просто: молодой коммунистъ ѣхалъ на мѣсто своей родины за продуктами. По долгу своего званія коммунистъ пытался вести по пути душеспасительную пропаганду, но не находилъ никакого сочувствія среди окружающихъ. Особенно онъ преслѣдовалъ спекулянтку, скрывавшуюся отъ контроля, разъясняя, что баба, помимо зазорности своего ремесла, наноситъ ущербъ государству, безплатно пользуясь желѣзной дорогой. Кстати для свѣдѣнія непосвященныхъ читателей упомяну, что обычный составъ пассажировъ — уволенные въ отпускъ красноармейцы пользуются даровымъ проѣздомъ по военнымъ литерамъ.

Итакъ, коммунистъ велъ неудачную пропаганду, спекулянтка жаловалась на тяжесть жизни, парочка на верхней полкѣ продолжала свой флиртъ, а крестьяне вели обычную бесѣду о крестьянскихъ нуждахъ и, судя по ихъ разговорамъ, казалось, ничего не измѣнилось на Руси.

До Вологды — голодный край, на станціяхъ достать ничего нельзя; послѣ Вологды картина нѣсколько мѣняется: въ буфетѣ вы за 8-10 рублей можете получить тарелку пустыхъ щей, а у крестьянъ, пришедшихъ изъ сосѣднихъ деревень, вымѣнять на табакъ, соль и нитки — молоко, жареную рыбу, а иногда и хлѣбъ. Денегъ крестьяне не берутъ. За восьмушку махорки даютъ $1^1/_2$—2 бутылки молока или 2—3 фунта хлѣба. Чѣмъ ближе къ Вяткѣ, тѣмъ больше появляется хлѣба, въ Галичѣ рыба. Какъ только поѣздъ останавливается, красноармейская масса волной устремляется на крестьянъ и въ мгновеніе ока товарообмѣнъ законченъ и рынокъ пустъ. Маленькая глухая станція Сѣв. жел. дор. на нѣсколько мгновеній оживляется и превращается въ шумный рынокъ — тысячная толпа шумитъ и съ необыкновенной быстротой заключаетъ разнообразныя коммерческія сдѣлки. Оборотъ такого рынка, конечно, не великъ — въ среднемъ всѣ товары, предлагаемые на немъ, врядъ ли достигаютъ стоимости въ 10 рублей, по цѣнамъ до-военнаго времени, но въ результатѣ путешествующая публика кое-какъ утоляетъ свой голодъ, крестьяне снабжаются продуктами городского производства — принципъ коммунистическаго товарообмѣна торжествуетъ, и продавцы, и покупатели разсчитываютъ свою прибыль и убытки до слѣдующаго раза.

До Вятки ѣдемъ двое-трое сутокъ — вмѣсто нормальныхъ 24 часовъ. Но за то поѣзда идутъ ежедневно безъ пересадки и, за исключеніемъ поѣзда Петроградъ—Москва, путь въ Вятку — единственный, сохранившій классные вагоны и подобіе росписанія. Далѣе Вятки составъ поѣзда мѣняется — классные вагоны замѣняются теплушками, а скорость поѣзда зависитъ отъ имѣющагося въ наличности топлива, состоянія мостовъ, расположенія машиниста и тысячи другихъ непредвидимыхъ причинъ. Путь отъ Вятки до Перми поѣздъ въ то время дѣлалъ отъ пяти до десяти дней.

Станція Вятка, какъ и многія станціи по пути, украшена хвойными гирляндами, по срединѣ красуются лики Ленина и Троцкаго, на дверяхъ пестрѣютъ загадочные инициалы — «У. Т. Ч. К.» (участковая транспортная чрезвычайная комиссія) имѣется и «Агитпунктъ» и складъ большевисткой пропагандной литературы.

На станціи васъ ожидаютъ извозчики и за 200—300 рублей везутъ въ городъ. Вы ѣдете по пустыннымъ занесеннымъ снѣгомъ улицамъ, проѣзжаете черезъ цѣлый рядъ тріумфальныхъ, съ портретами и безъ портретовъ, арокъ, сооруженныхъ нынѣшними властителями и съ изумленіемъ читаете красующіяся на углахъ новыя названія улицъ: Проспектъ Карла Маркса — передѣланный вятичами въ «Карлу Марлу» —, Ленина, улица Меринга, тов. Дерендяева, Либкнехта, Розы Люксембургъ, Маклина и многихъ другихъ. близкихъ вятскому уму и сердцу.

Вятка переполнена людьми, бѣжавшими отъ голода и холода изъ Петрограда и Москвы. Здѣсь вы могли встрѣтить столичныхъ профессоровъ, адвокатовъ, учителей. Въ квартирѣ, въ которой жила моя семья, помѣщалось въ пяти комнатахъ и чуланѣ 18 человѣкъ. Въ другихъ домахъ — та же картина. И тѣмъ не менѣе, на улицахъ человѣческаго движенія не

замѣтно, прячутся ли люди въ домахъ отъ вятскихъ холодовъ или считаютъ небезопаснымъ привлекать на себя вниманіе начальства, лишній разъ появляясь на улицѣ?.. Бросается въ глаза петроградскому жителю большое количество хорошо упитанныхъ лошадей, на которыхъ окрестные крестьяне за 30 и 40 верстъ привозятъ припасы въ мѣстныя совѣтскія учрежденія и на рынокъ. Въ Вяткѣ жизнь, конечно, легче чѣмъ въ столицахъ. Есть дрова, правда сырые, въ домахъ горитъ электричество, продовольствіе сравнительно дешево. Хлѣбъ 40—50 руб. за фунтъ, масло — 500 руб., молоко — 30 руб., мясо — 75—80 руб. Но добыча этихъ продуктовъ весьма затруднительна. Съ утра вятская публика тянется по 30-ти градусному морозу на рынокъ — разстоянія большія. На рынкѣ нѣсколько рядовъ крестьянскихъ розвальней и возлѣ нихъ толпится громадное количество народа. Съ трудомъ проталкиваешься и видишь, что продается не то, что тебѣ нужно. Найдя необходимый предметъ, покупай не зѣвая, ибо на каждый фунтъ мяса, масла или хлѣба масса покупателей. Хорошо если крестьянинъ продастъ на деньги, а не на «мѣнокъ». Въ послѣднемъ случаѣ затрудненія непреодолимыя: крестьянинъ требуетъ того, въ чемъ нуждается и горожанинъ: керосинъ, соль, табакъ, ткани, сапоги. Крестьяне непривѣтливы и весьма односложны. Желѣзный законъ спроса и предложенія явно благопріятствуетъ крестьянамъ. Съ крестьянками сговориться еще труднѣе, онѣ издаютъ какіе то нечленораздѣльные звуки и крайне недовѣрчивы. Вятское нарѣчіе съ непривычки трудно усваивается петроградскимъ ухомъ. Представьте себѣ всю эту картину на фонѣ леденящаго жилы холода и вы поймете, что положеніе создается не изъ пріятныхъ.

Площадь рынка большая, народу масса, но опять, какъ на маленькой станціи, стоимость имѣющагося въ наличности товара до смѣшного мала. По прежнимъ цѣнамъ товаръ въ самые большіе базарные дни врядъ ли достигаетъ 100 рублей, по приблизительному подсчету. Мѣновая цѣнность предметовъ также представляетъ интересъ: за восьмушку махорки давали 3—4 фунта хлѣба, за фунтъ соли — фунтъ масла. Рыночная цѣна мануфактуры стояла весьма высоко — за аршинъ ситца давали $1^1/_2$—2 фунта масла. За старую шелковую нижнюю юбку было выручено 3 фунта масла и одинъ пудъ муки. Однимъ изъ курьезныхъ объектовъ мѣновой торговли являлась папиросная бумага, употреблявшаяся для закручиванія папиросъ. Я привезъ съ собой нѣсколько старыхъ, использованныхъ копировальныхъ книгъ изъ моей конторы. За листъ такой книги съ ясными копіями моей прежней англійской переписки давали 10 руб., такимъ образомъ 10 привезенныхъ мною книгъ представляли капиталъ въ 50,000 руб., при томъ капиталъ постоянно возроставшій, ибо цѣны на предметы продовольствія и обихода и въ Вяткѣ росли съ головокружительной быстротой и за мѣсяцъ моего пребыванія тамъ повысились отъ 50 до 100%.

Днемъ вся городская жизнь сосредоточивается въ совѣтскихъ учрежденіяхъ, гдѣ кипитъ работа, увы, какъ и вездѣ безплодная. Тѣ же неподготовленные рабочіе стоятъ во главѣ учрежденій и, напрягая мускулы лица, силятся войти въ премудрость подаваемыхъ имъ для подписи бумагъ. Тѣ же бойкіе молодые люди, дѣлающіе карьеру и пишущіе эти никому ненужныя бумаги, и, наконецъ, неизмѣнныя совѣтскія барышни. Вечеромъ вы всю эту публику можете встрѣтить въ театрѣ и на многочисленныхъ вечерахъ, устраиваемыхъ служащими отдѣльныхъ учрежденій въ самихъ же учрежденіяхъ.

Большевики и тутъ не зѣваютъ и на митингахъ неутомимо пережевываютъ все тѣ же двѣ, три мысли, предписанныя имъ изъ далекой Москвы. Но публика перестала посѣщать эти митинги и тутъ большевики прибѣгли къ весьма остроумному средству. Они назначаютъ митингъ въ театрѣ за часъ ранѣе представленія, скажемъ въ 7 часовъ. Но русская публика тоже не лыкомъ шита, приходитъ въ театръ къ 8. Оказывается митингъ еще не начался, упорные большевики ожидаютъ полнаго сбора публики. Въ 8 часовъ публика почти въ сборѣ и первый ораторъ заявляетъ, что ввиду запаздыванія публики митингъ можетъ начаться только теперь и ужъ пусть посѣтители не пеняютъ, если спектаклъ придется начать позже. Волей неволей приходится принимать всю дозу большевистской пропаганды. Большевики перехитрили. Содержаніе рѣчей: прежде всего текущій моментъ, а затѣмъ особая тема, предписанная въ то время сверху: привлеченіе интеллигенціи къ дружной совмѣстной работой съ совѣтской властью. Въ Петроградѣ на большихъ митингахъ, спеціально устроенныхъ для интеллигенціи, говорилъ Зиновьевъ и читалъ по бумажкѣ самъ себя стѣсняющійся Горькій, а здѣсь подвизались dii minores. Нѣкоторые говорили недурно: напоминали аудиторіи о старинной тоскѣ русской интеллигенціи по плодотворной работѣ для народа, ссылаясь на ненаходившаго примѣненія своихъ способностей Евгенія Онѣгина, на Рудина, указывали, что нынѣ осуществилась мечта интеллигенціи, нынѣ ей открыты всѣ пути для примѣненія своихъ силъ, своихъ познаній на пользу народа и сѣтовали, что нынѣ интеллигенцію надо уговаривать и тащить на работу. Но любопытнѣе всего, что весь этотъ бисеръ предназначался для аудиторіи, на семь восьмыхъ состоящей изъ совѣтскихъ барышенъ и молодыхъ людей во френчахъ съ безукоризненными проборами, пришедшими послушать новую пьесу или потанцевать, и что они принимались ораторами за русскую интеллигенцію. Въ концѣ концовъ, рѣчи казенныхъ ораторовъ кончались (оппонентовъ на нынѣшнихъ митингахъ нѣтъ) и присутствовавшая «интеллигенція» принималась за болѣе свойственныя ей задачи, чѣмъ тѣ, къ которымъ призывали ее ораторы.

Въ Вяткѣ имѣется довольно богатая публичная библіотека имени Герцена, весьма интереснъ французскій и польскій отдѣлы — дары бывшихъ ссыльныхъ поляковъ. Во время наступленія Колчака большевики почему-то рѣшили эвакупровать и библіотеку. Протесты администраціи библіотеки не приводили ни къ чему. Книги были упакованы и увезены изъ помѣщенія библіотеки. По счастливой случайности черезъ Вятку проѣзжалъ Троцкій. Завѣдующій библіотекой обратился къ нему и послѣ большихъ затрудненій удостоился аудіенціи. Троцкій распорядился книги вернуть. Конечно, много книгъ пропало, много было повреждено, а разборка и приведеніе библіотеки въ прежній видъ потребовала много мѣсяцевъ.

Помимо эвакуацій, обоснованныхъ, или безсмысленныхъ вродѣ приведенной, въ Россіи сейчасъ наблюдается повсемѣстно очень интересное явленіе: это особая страсть учрежденій къ переѣздамъ. Вятскій Совнархозъ (губернскій совѣтъ народнаго хозяйства) за два мѣсяца перемѣнилъ 3 мѣстожительства, по причинамъ никому неизвѣстнымъ. Иногда учрежденія мѣняются своими мѣстами, иногда на долгое время помѣщенія остаются пустыми. По закону комбинацій каждое учрежденіе при дальнѣйшемъ развитіи этой жажды путешествій должно будетъ неизбѣжно вернуться къ первоначальному своему мѣстожительству. Злые языки утверждаютъ, что переѣзды эти имѣютъ

болѣе глубокое основаніе, ибо такимъ путемъ хоронятся всякаго рода злоупотребленія и заметаются слѣды совершенныхъ преступленій. При въѣздѣ въ новое помѣщеніе неудобныхъ документовъ не оказывается — они де затерялись въ пути.

Добыча продовольствія, какъ я уже упомянулъ, являлась въ Вяткѣ дѣломъ не легкимъ и поэтому я надумалъ поѣхать поискать счастья по деревнямъ. У меня имѣлось нѣкоторое количество табаку, соли и кой-какая мануфактура, и я разсчитывалъ, что взамѣнъ имѣвшихся у меня продуктовъ, я привезу въ Вятку достаточное количество разныхъ съѣдобныхъ вещей. Самъ Вятскій уѣздъ въ этомъ отношеніи интереса не представлялъ, съ новаго года крестьяне сами уже покупали хлѣбъ, а молока еле хватало на собственныя нужды, такъ что масла никто не билъ. Ѣхать нужно было въ Совѣтскій уѣздъ (бывшій Кукоревскій) и сосѣдній съ нимъ Нолинскій. Оба эти уѣзда всегда считались богатыми, хлѣбородными, въ былое время оттуда даже экспортировался хлѣбъ въ сосѣднюю Архангельскую губернію, и по этимъ уѣздамъ Вятка считалась когда-то «хлѣбу матка».

Ѣхать предстояло на лошадяхъ, верстъ 130—150 отъ Вятки. Первый возникшій вопросъ — откуда достать лошадей. Если нанять подводу изъ Вятки то за одинъ конецъ туда придется заплатить 1500—2000 руб. Кто то посовѣтовалъ мнѣ подежурить утромъ у Губпродкома, куда крестьяне подвозятъ муку изъ казенныхъ ссыпокъ. Подвозъ муки для крестьянъ является натуральной повинностью, но власть платитъ за такія поѣздки довольно щедро для казеннаго учрежденія по 6 руб. за версту за лошадь и поэтому повинность эта исполняется крестьянами довольно аккуратно. Подежуривъ два утра, я нашелъ попутчика въ Совѣтскій уѣздъ и сговорился съ нимъ за 600 руб.

Возница мой участвовалъ въ послѣдней войнѣ, былъ въ плѣну у нѣмцевъ и вернулся оттуда значительно окультуреннымъ. Нѣмецкую жизнь (онъ работалъ у нѣмецкихъ крестьянъ) онъ весьма хвалилъ и жалѣлъ, что вернулся въ Россію. Однако идеи большевизма ему отчасти нравились и онъ только скорбѣлъ о томъ, что благодаря хищничеству комиссаровъ и косности крестьянъ нельзя осуществить ихъ въ жизни. То же положеніе, которое получалось въ дѣйствительности, онъ считалъ невыносимымъ. На первомъ же привалѣ въ одной изъ деревень, верстъ за 30 отъ Вятки, дѣло было къ вечеру, вы могли получить нѣкоторое представленіе о положеніи деревни въ Совѣтской Россіи. Большинство крестьянъ обуты въ лапти (это зимой), избы освѣщаются лучиной — бережливые крестьяне, какъ будто бы въ предвидѣніи тяжелаго времени, сохранили штативы для лучинъ, словомъ, какъ въ старое доброе время «въ избушкѣ распѣвая дѣва прядетъ и, зимній другъ ночей, трещитъ лучина передъ ней». Керосиновая лампа недолго просуществовала въ русской деревнѣ, впервые она появилась лѣтъ 40 тому назадъ.

Ѣсть пріѣзжающему нечего, ни хлѣба, ни молока достать нельзя. Предсказаніе моихъ вятскихъ друзей относительно голоднаго Вятскаго уѣзда оправдывается. На слѣдующихъ остановкахъ кой-гдѣ намъ удавалось получить хлѣбъ и молоко, и то только благодаря связямъ моего возницы. Крестьяне, узнавъ, что я изъ Петрограда, осторожно спрашивали меня о томъ что слышно, явно не довѣряютъ мнѣ — я одѣтъ въ военный полушубокъ, въ высокихъ сапогахъ — меня очевидно принимаютъ за комиссара и поэтому относятся ко мнѣ... ну, какъ бы къ земскому

начальнику. На другой день мы переѣзжаемъ въ Совѣтскій уѣздъ. Здѣсь царитъ необычная суматоха изъ-за того, что по уѣзду разъѣзжаетъ карательный отрядъ, по сбору невнесенныхъ крестьянами съ прошлой осени налоговъ натурой. Налоги эти касались только Совѣтскаго и смежнаго съ нимъ Нолинскаго уѣздовъ, какъ самыхъ хлѣбородныхъ въ губерніи. Исчислены же они были по урожаю прошлаго года и каждая волость обязана была доставить по этой нормѣ опредѣленное количество зерна. Но дѣло въ томъ, что за послѣдній годъ крестьяне запахали меньше земли, такимъ образомъ, норма налога была черезчуръ велика, а съ другой стороны, разверстка по волостямъ дала поводъ къ злоупотребленіямъ со стороны мѣстныхъ совѣтовъ и платить по отдѣльнымъ деревнямъ пришлось какъ разъ наиболѣе неимущимъ крестьянамъ.

Въ настоящее время въ мѣстныхъ совѣтахъ сидятъ по преимуществу хозяйственные мужики. Со времени Февральской революціи составъ волостного правленія, нынѣ нареченнаго совѣтомъ — рѣзко измѣнился. Лѣтомъ 1917 года я случайно присутствовалъ на новыхъ выборахъ — по всѣмъ правиламъ четыреххвостки въ волостное правленіе, въ одной изъ деревень Костромской губерніи. Обстоятельные крестьяне, очевидно не вполнѣ довѣряя новымъ порядкамъ, а отчасти и не одобряя ихъ, даже кандидатуръ своихъ не выставляли и избранными оказывались люди случайные и далеко не пользовавшіеся авторитетомъ и довѣріемъ своихъ земляковъ. Въ первые большевистскіе комитеты крестьянской бѣдноты попали уже сознательные деревенскіе отбросы. Но съ той поры утекло много воды, крестьяне убѣдились, что большевики воцарились не на одинъ день и рѣшивъ, что такъ или иначе съ волками приходится по волчьи выть, выставили изъ совѣтовъ «бѣдноту» и, воспользовавшись упрощенной большевиками выборной системой, устроились такъ, какъ въ былое время до революціи. Понятно, что при такомъ составѣ совѣта, правильнаго распредѣленія налоговъ по отдѣльнымъ хозяйствамъ ожидать было нельзя.

Въ ожиданіи карательнаго отряда крестьяне прятали остатки своихъ запасовъ и не скрывали своего озлобленія противъ нынѣшняго правительства. Въ одной избѣ я испыталъ это на себѣ. Старуха-крестьянка, принимая меня за носителя власти, категорически отказалась накормить меня: «Вы и такъ у насъ все отняли, ничего у меня не осталось». И только послѣ моихъ разъясненій, подкрѣпленныхъ возницей, что я ни въ какихъ отношеніяхъ къ нынѣшнему правительству не состою, хозяйка смягчилась и продала мнѣ и молоко и хлѣбъ и даже пару яицъ.

Карательные отряды свирѣпствовали и безчинствовали, забирали все, что попадалось подъ руку, и тѣмъ не менѣе не собрали и десятой доли того, что требовалось. Но для меня это служило небольшимъ утѣшеніемъ, ибо и мнѣ пришлось отправиться во свояси съ пустыми руками. Крестьяне не соглашались продавать что либо изъ запрятаннаго ими продовольствія, изъ боязни попасться подъ тяжелую руку сборщиковъ податей. На обратномъ пути одинъ изъ крестьянъ, правда, согласился уступить мнѣ кое-что изъ своихъ запасовъ, но предлагаемые мною въ обмѣнъ товары ему были не нужны и онъ требовалъ у меня мой тулупъ и мѣховую шапку, предоставляя мнѣ ѣхать домой безъ верхнихъ вещей. Принявъ во вниманіе, что до Вятки мнѣ еще оставалось верстъ 70 и, учитывая стоявшій на дворѣ 30-ти градусный морозъ, мнѣ пришлось отказаться отъ этой сдѣлки.

Такимъ образомъ главная цѣль моей поѣздки не увѣнчалась успѣхомъ. Но за недѣльное мое путешествіе по деревнямъ и селамъ я успѣлъ нѣсколько ознакомиться съ крестьянской жизнью во время совѣтскаго режима и усмотрѣть новыя начала, внесеныя въ нее большевизмомъ. Совѣтское правительство особенно гордится своею дѣятельностью въ области народнаго образованія. Усилія нынѣшней власти превратить Россію въ грамотную страну, открыть для народа двери въ школу, начиная съ низшей и кончая высшей, выработанныя по школьному дѣлу широковѣщательныя программы, съ примѣненіемъ новѣйшихъ методовъ воспитанія и преподаванія, все это вызвало интересъ и своего рода признаніе, даже въ нѣкоторыхъ заграничныхъ кругахъ. Эта реформаторская дѣятельность сказалась въ деревнѣ слѣдующимъ образомъ.

Деревенская школа, называемая по новой программѣ школой первой ступени, измѣнилась весьма мало. Въ этой школѣ остался старый преподавательскій персоналъ, обучающій ребятъ по старому методу. Существуетъ еще кой-какая дисциплина, а ученики, далекіе отъ вліянія «коммунистическаго» города, еще являются матеріаломъ, способнымъ къ воспріятію грамоты. Но, уже начиная съ села, картина мѣняется. Здѣсь появляется школа второй ступени, соотвѣтствующая прежней гимназіи, или вѣрнѣе реальному училищу. Такихъ школъ большевики пооткрывали почти въ каждомъ крупномъ селѣ. И вотъ тутъ получилась слѣдующая картина. — Прежде всего полный недостатокъ преподавательскаго персонала, преподаваніе находится въ лучшемъ случаѣ въ рукахъ учительницы, окончившей или просто учившейся въ епархіальномъ училищѣ. Неудивительно, поэтому, что въ одной изъ такихъ школъ учительница сообщила дѣтямъ изумительный фактъ о прохожденіи свѣта со скоростью 30 верстъ въ минуту. Объ этомъ мнѣ съ сокрушеніемъ разсказывалъ рабочій-электротехникъ, заброшенный совѣтской судьбой въ глухой уголъ Вятской губерніи и добывавшій свое пропитаніе починкою часовъ, желѣзной посуды и т. п.

Что касается состава учениковъ, то характеръ такового рѣзко отличается отъ деревенской школы, причемъ чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ дѣло съ учениками обстоитъ хуже. Въ сельской школѣ уже имѣются ученики, разбирающіеся въ «задачахъ текущаго момента», имѣется также ученическая организація, являющаяся, собственно говоря, хозяиномъ школы. Въ результатѣ: сокращеніе до минимума занятій и организація за счетъ ученія всякаго рода вечеровъ, танцевъ, спектаклей и т. д. Жизнь учительницы въ такой школѣ — настоящая каторга. Послѣ трудового дня, состоящаго не столько въ преподаваніи, сколько въ уговариваніи строптивыхъ учениковъ (какія бы то ни было кары не допускаются и даже самое слово «наказаніе» запрещено), вполнѣ исчерпывающаго силы недоѣдающей учительницы, она, наконецъ, добирается домой, чтобы заняться приготовленіемъ несложнаго обѣда. Но вечеръ также не принадлежитъ этой несчастной труженицѣ, сплошь да рядомъ она получаетъ записку отъ «Комуча», то-есть комитета учениковъ, съ предписаніемъ организовать вечеринку для учащихся, или заняться постановкой спектакля или исполнять роль тапера на танцевальномъ вечерѣ, если къ своему несчастію учительница играетъ на роялѣ.

Но функціи учительницы этимъ не исчерпываются, въ нѣкоторыхъ случаяхъ учительница получаетъ предписаніе свыше объѣхать окрестныя школы для чтенія лекцій или для пропаганды совѣтскаго строя. Но, такъ какъ

начальство не довѣряетъ лойяльности такой пропагандистки, то въ качествѣ цензора къ ней прикомандировывается одинъ изъ ея воспитанниковъ — членъ Комуча.

Обо всемъ этомъ разсказывала мнѣ со слезами на глазахъ учительница одной изъ такихъ школъ въ присутствіи крестьянъ — родителей своихъ учениковъ, которые, очевидно, безсильны бороться съ укоренившимися въ школѣ правами.

Большое неудовольствіе вызываетъ у крестьянъ запрещеніе преподавать въ школахъ Законъ Божій. Къ отдѣленію церкви отъ государства крестьяне, насколько я знаю, относятся индифферентно, они вѣрнѣе и не замѣтили и не поняли смысла этого декрета. Положеніе сельскаго духовенства, ни въ какія времена не пользовавшагося особой любовью и уваженіемъ крестьянства, и никогда не бывшаго блестящимъ, — въ настоящее время стало совершенно невыносимымъ: — сельскій священникъ обратился въ настоящаго пролетарія, не пользующагося однако никакимъ покровительствомъ со стороны пролетарскаго правительства, а наоборотъ, подвергающагося съ его стороны всяческимъ скорпіонамъ.

При поискахъ лошадей для обратнаго пути, я встрѣтился съ большимъ затрудненіемъ: крестьяне запрашивали за поѣздку 3000 руб. Оставалось ѣхать на перекладныхъ. Хотя для права пользованія перекладными необходимо было особое удостовѣреніе на то со стороны мѣстныхъ властей, и несмотря на мое недовѣріе къ организаціи большевиками такого рода транспорта, я рѣшилъ прибѣгнуть къ этому способу передвиженія. Отправившись на почтовую станцію и предъявивъ возсѣдавшему тамъ крестьянину, какую то бумагу, снабженную многочисленными печатями, но не имѣвшую никакого отношенія къ праву пользоваться перекладными, я, къ моему счастью, немедленно получилъ отъ него какую то квитанцію для проѣзда до слѣдующей станціи. Въ дальнѣйшемъ мнѣ приходилось только обмѣнивать старыя квитанціи на новыя и, такимъ образомъ, право мое въ пути не подвергалось никакимъ сомнѣніямъ. Помимо всѣхъ ожиданій, организація транспорта оказалась блестящей: лошадей у крестьянъ еще достаточно (до слѣдующей реквизиціи на нужды красной арміи), очередную свою повинность они несутъ аккуратно и лошадей на промежуточныхъ станціяхъ дожидаться не приходилось. Со временъ Пушкинскаго станціоннаго смотрителя и сравнительно недавняго времени въ началѣ девятисотыхъ годовъ, когда мнѣ въ качествѣ чиновника Министерства Земледѣлія приходилось ѣздить на перекладныхъ — прогрессъ большой.

Квитанціи на дальнѣйшіе переѣзды вы всякій разъ получаете въ мѣстномъ совѣтѣ, гдѣ установлено 24 часовое дежурство членовъ Совѣта для пріема почты, отправки проѣзжающихъ и всякихъ другихъ обязанностей, коими изобилуетъ всякая совѣтская служба. Главную роль, какъ и вездѣ, играетъ писарь. Членъ совѣта встрѣчаетъ меня на крыльцѣ, и снова ошибаясь, судя по одеждѣ о моей персонѣ, помогаетъ мнѣ вылѣзть изъ саней и несетъ мои пожитки въ избу. Изба украшена портретами нынѣшнихъ властителей: прищуривъ калмыцкіе глаза, предсѣдатель Совнаркома скептически смотритъ на стоящаго передъ мной въ почтительной позѣ крестьянина «средняка», низшаго представителя законодательной и исполнительной власти республики, а рядомъ съ нимъ рѣзко чернѣетъ птичій профиль Троцкаго. Въ одномъ изъ совѣтовъ въ красномъ углу виситъ большой портретъ

Карла Маркса. Я не удерживаюсь и спрашиваю дежурнаго члена, кого изображаетъ портретъ. «Это», говоритъ онъ: «Карлъ Марксъ». «А кто же это такой?» не унимаюсь я. Крестьянинъ недовѣрчиво смотритъ на меня, боясь подвоха. «А Богъ его знаетъ, изъ какихъ онъ будетъ» — нехотя бурчитъ онъ, наконецъ. «Такъ-съ», продолжаю я, «стало быть, онъ вмѣсто образовъ повѣшенъ». Крестьянинъ чувствуетъ иронію моего замѣчанія, лицо его просвѣтляется и онъ шопотомъ начинаетъ посвящать меня въ ужасы современнаго режима и въ чинимыя нынѣ карательными отрядами безчинства. Къ сожалѣнію мнѣ не привелось лично видѣть работу карательныхъ отрядовъ, но по отзывамъ крестьянъ, у меня сложилась картина, напоминающая набѣги половцевъ и печенѣговъ на древнюю Русь.

Итакъ послѣ недѣльнаго скитанія по снѣжнымъ равнинамъ Вятской губерніи, я явился въ городъ съ пустыми руками. Отпускъ мой кончался и я съ ужасомъ думалъ о предстоящемъ мнѣ возвращеніи въ Петроградъ. Состояніе мое напоминало чувство человѣка, невинно ссылаемаго на безсрочную каторгу, отъ которой его могла избавить одна только смерть. Съ такими чувствами я возвратился на свою родину, въ когда-то любимый мною Петроградъ.

На обратномъ пути мнѣ удалось получить мѣсто въ вагонѣ Международнаго О—ва. Хотя, какъ я упоминалъ выше, вагоны съ мягкими сидѣньями въ смыслѣ риска заразы сыпнымъ тифомъ представляются болѣе опасными, чѣмъ вагоны III класса, но за то я ѣхалъ въ купэ, въ обществѣ всего двухъ пассажировъ, а тщательное обслѣдованіе купэ къ счастью дало отрицательные результаты. Поэтому, забравшись на верхнюю скамейку, я старался не думать о томъ, что меня ждало въ будущемъ, и принялъ участіе въ разговорѣ моихъ спутниковъ. Одинъ изъ нихъ ѣхалъ изъ Перми и чтобы добраться до Вятки провелъ 10 дней въ теплушкѣ въ ужасающихъ условіяхъ, другой сѣлъ въ Вяткѣ. Оба по виду казались интеллигентами, разговоръ же все время вертѣлся вокругъ продовольственныхъ вопросовъ и каждый старался сообщить другому, сколько продуктовъ онъ везетъ съ собой и за какіе товары продукты эти были получены. Въ дальнѣйшемъ оказалось, что оба мои спутника профессора высшихъ учебныхъ заведеній, одинъ Петроградскаго, а другой Нижегородскаго университета. Изъ разговора я узналъ, что дѣло съ университетами обстоитъ почти также, какъ съ сельскими школами. Основанъ цѣлый рядъ университетовъ, доступъ слушателей въ нихъ свободный, а преподаватели отсутствуютъ. Недостатокъ преподавательскаго персонала во вновь открытыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ замѣчался и въ столицахъ, гдѣ для пополненія профессорскаго кадра, были выпечены свѣжіе спеціально для этого случая ученые. Въ провинціальныхъ же университетахъ дѣло съ профессорами носитъ катастрофическій характеръ. Жизнь пришла этому на помощь и создала гастролирующихъ профессоровъ, переѣзжающихъ изъ университета въ университетъ. Предоставляю читателямъ судить о раціональности такого способа распространенія просвѣщенія, принимая во вниманіе, что поѣздъ въ Россіи дѣлаетъ въ настоящее время отъ 5 до максимумъ 25 верстъ въ часъ. Сами профессора, однако, ничего не имѣютъ противъ создавшагося положенія, ибо оно даетъ имъ возможность совершать частыя поѣздки въ провинцію, гдѣ они закупаютъ для своихъ голодныхъ семей предметы продовольствія.

Что касается широкой массы, получившей доступъ въ университеты, то,

самой собой разумѣется, она оказалась совершенно неподготовленной для воспріятія высшей науки. Неунывающее правительство и тутъ нашло выходъ въ созданіи т. н. рабочихъ университетовъ, въ которыхъ въ продолженіи шести мѣсяцевъ проходится курсъ средней школы. Въ смежномъ съ нами купэ ѣхало трое рабочихъ изъ Перми, слушатели такого рабочаго университета, делегированные своимъ университетомъ на Всероссійскій Съѣздъ рабочихъ университетовъ въ Москву. И я и мои спутники не были знакомы съ постановкой преподаванія въ этихъ университетахъ, гдѣ въ теченіе 6 мѣсяцевъ полуграмотный человѣкъ обучается всѣмъ наукамъ средней школы. Но къ нашему сожалѣнію и означенные делегаты не имѣли ни малѣйшаго представленія объ этомъ вопросѣ. Пермскій рабочій университетъ очевидно находился еще въ проектѣ, и въ умахъ нашихъ делегатовъ казалось сложился очень своеобразный взглядъ на это учрежденіе, какъ на своего рода прикладные технические курсы. На предстоящемъ съѣздѣ они во всякомъ случаѣ рѣшили возбудить ходатайство объ отпускѣ на нужды своего университета машинъ и станковъ для устройства мастерскихъ и полагали, что правительство дастъ имъ разрѣшеніе получить эти орудія изъ столичныхъ технических высшихъ учебныхъ заведеній.

Мирныя наши бесѣды о судьбахъ отечественнаго просвѣщенія были прерваны на второй день нашего путешествія заградительнымъ отрядомъ, напавшимъ на нашъ поѣздъ на ст. Череповецъ. Чины заградительнаго отряда, вооруженные съ ногъ до головы, составляютъ цѣлую армію, т. н. Вохр (войска внутренней охраны) и между прочими обязанностями обслуживаютъ продовольственныя мѣропріятія правительства. Появленіе этихъ «вохровъ» произвело цѣлый переполохъ и надо признаться отнюдь не необоснованный, ибо въ результатѣ пассажиры поѣзда оказались основательно обобранными. У наиболѣе робкихъ отобрали самыя минимальныя количества масла, сала и муки, (чуть ли не $^1/_2$ фунта), а наше купэ благодаря затраченной энергіи отстояло свои продукты. Какъ оказалось впослѣдствіи, въ числѣ лицъ, не пострадавшихъ отъ отряда, находился какой то инспекторъ милиціи, ѣхавшій изъ Вологды и везшій съ собой въ вагонѣ восемь пудовъ масла, то-есть состояніе выше милліона рублей по тогдашнимъ петроградскимъ цѣнамъ.

Къ Петрограду мы подъѣхали къ часу ночи. Публика обсуждала вопросъ, куда дѣваться въ эту ночь. Гостиницъ нѣтъ, извощики, если и имѣются, стоятъ не менѣе 10.000 рублей за конецъ, оставаться до утра въ вагонѣ не разрѣшено, а перспектива переночевать въ зданіи вокзала, на полу, среди цѣлой арміи солдатъ, покрытыхъ вшами, никому не улыбалась.

Жуткое чувство охватило меня, когда я среди темной ночи очутился на Знаменской площади, окруженный толпой мужчинъ и женщинъ, предлагавшихъ за хлѣбъ, везти на телѣжкахъ мой багажъ. За 2 фунта хлѣба одинъ изъ этихъ рикшъ доставилъ меня съ Николаевскаго вокзала на Пески.

За время моего отсутствія жизнь въ Петроградѣ сдѣлалась еще тяжелѣе, или быть можетъ такъ показалась мнѣ, избалованному Вятской роскошью. Цѣны на продукты во всякомъ случаѣ значительно поднялись. Весна въ этомъ году установилась ранняя. Благодаря теплымъ днямъ начали оттаивать груды экскрементовъ, наваленныхъ въ каждомъ дворѣ. Запахъ

на улицахъ стоялъ невообразимый. Городскія власти распорядились вывезти накопившіяся за зиму нечистоты. Обязанность по этой уборкѣ легла конечно на населеніе. Въ мѣстахъ, гдѣ проходила трамвайная сѣть, жители домовъ вывозили нечистоты прямо на улицу, гдѣ они лежали 2—3 дня въ ожиданіи вагоновъ, вывозившихъ ихъ на свалку. Невообразимую картину представлялъ Невскій, гдѣ по обѣ стороны проспекта тянулись сложенныя такимъ образомъ возвышенія. Въ дома, находившіеся вдали отъ трамвая, за нечистотами пріѣзжали фургоны, запряженные лошадьми англійской упряжью — остатки транспортныхъ средствъ бывшаго дворцоваго вѣдомства.

Къ веснѣ я снова перемѣнилъ мѣсто своей службы и, оставивъ лазаретъ, переселился въ Царское, нынѣ Дѣтское Село, гдѣ получилъ мѣсто воспитателя въ одномъ изъ тамошнихъ дѣтскихъ пріютовъ. Печальную картину являетъ нѣкогда блестящее Царское Село. Грязь, пустынныя улицы, во многихъ мѣстахъ зіяющая пустота сломанныхъ на дрова домовъ; деревянные заборы пошли на тѣ же нужды. Съ каждымъ пріѣзжающимъ изъ Петрограда поѣздомъ улица на короткое время оживляется вереницею измученныхъ мужчинъ и женщинъ, съ непремѣнными для каждаго совѣтскаго обывателя котомками за спиной. Почти все пропитаніе привозится царскоселами изъ Петрограда. Коммуна не выдавала своимъ жителямъ съ самой осени даже $^1/_4$ фунта хлѣба, которымъ пользовались петроградцы. Существовавшій въ Царскомъ Селѣ ежедневный базаръ въ смыслѣ пропитанія не давалъ ничего: нѣсколько фунтовъ мяса, тухлой конины, кой-какія овощи и молоко, главнымъ же предметомъ торговли являлись предметы обихода, остатки котораго царскосельскіе жители продавали съѣзжавшимся на базаръ окрестнымъ крестьянамъ. Здѣсь царила та же пестрота и тоже разнообразіе, что на Петроградскомъ рынкѣ: сапоги, поношенное мужское и женское платье, вѣера, посуда, бинокли, картины и т. д.

Временами на этотъ рынокъ производились облавы: отрядъ красноармейцевъ внезапно окружалъ все пространство рынка, продавцы спѣшно собирали свои товары, тщетно стараясь укрыть таковые, покупатели въ паническомъ ужасѣ метались по площади рынка. Въ результатѣ: всѣ имѣвшіеся на лицо товары конфисковывались, а люди отправлялись на общественныя работы. Большинство отпускалось къ концу того же дня и на другой день базаръ снова кишѣлъ людьми.

Пребываніе мое въ пріютѣ въ качествѣ преподавателя продолжалось недолго и уже въ концѣ мая я, воспользовавшись предоставившимся мнѣ случаемъ, бѣжалъ изъ Россіи съ эшелономъ, отправлявшимся на родину, нѣмецкихъ военноплѣнныхъ.

* * *

Окидывая взоромъ мою жизнь втеченіе $2^1/_2$ лѣтъ въ Совдепіи, я долженъ признаться, что несмотря на всѣ испытанныя мною физическія и моральныя страданія — меня, по сравненію съ другими россійскими гражданами, не покидала счастливая звѣзда. Я не подчинялся никакимъ предписаніямъ совѣтской власти, нигдѣ и никогда не регистрировался, не платилъ никакихъ налагаемыхъ на буржуазію ни натуральныхъ, ни денежныхъ налоговъ, не ходилъ ни на какія повинности по уборкѣ снѣга, нечистотъ и т. д.

и несмотря на все это, можетъ быть, именно вслѣдствіе этого, ни разу не былъ арестованъ, если не считать одного случая, заслуживающаго упоминанія. Во время моей службы въ лазаретѣ намъ, какъ то разъ, было выдано нѣсколько фунтовъ селедки на каждаго служащаго. Селедки я этой не выносилъ, поэтому рѣшилъ обмѣнять ее на папиросы. Съ этой цѣлью я отправился въ сосѣднюю лавочку — какимъ то чудомъ (или за взятку) оставшейся не закрытой. Лавочка эта принадлежала весьма предпріимчивой женщинѣ, торговавшей всякими съѣстными припасами и снабжавшей ими всѣ сосѣдніе дома. Между прочимъ въ этой лавочкѣ можно было достать молоко по 20 руб. за стаканъ и что то вродѣ пирожныхъ по 30 руб. Войдя въ лавочку, я замѣтилъ сидѣвшихъ за столикомъ двухъ молодыхъ людей, пившихъ молоко съ пирожными, остальная довольно многочисленная публика толпилась въ лавочкѣ въ ожиданіи своей очереди. Когда такобал дошла до меня, я предложилъ торговкѣ свою селедку и къ большому моему удовлетворенію получилъ 25 штукъ папиросъ. Тутъ же я сообщилъ ей, что я зайду попозже обмѣнять на папиросы оставшіяся у меня селедки. Выходя изъ лавочки, я былъ остановленъ однимъ изъ сидѣвшихъ за столикомъ молодыхъ людей, потребовавшимъ отъ меня предъявленія моихъ документовъ. На мой вопросъ, по какому праву онъ обращается ко мнѣ съ такимъ требованіемъ, онъ показалъ мнѣ свою карточку агента уголовной милиціи. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ приказалъ своему спутнику закрыть входъ въ лавочку и объявилъ, что всѣ находящіеся въ ней арестованы. Начался допросъ и обслѣдованіе покупателей. Оба представителя власти не стѣснялись ни въ способѣ обращенія съ публикой, ни въ выборѣ выраженій. «Убирайся къ черту, старикъ, отъ тебя воняетъ, какъ изъ с ...а» съ этими словами одинъ изъ агентовъ выпроваживаетъ изъ лавочки почтеннаго старика. «Будешь долго со мной разговаривать, такъ я съ тобой поговорю еще не такъ», обращается другой къ прилично одѣтой дамѣ, протестовавшей противъ его грубыхъ пріемовъ. Какого то молодого человѣка, уже допрошеннаго и замѣшкавшагося въ лавочкѣ, выпроваживаютъ силой. Наконецъ, лавочка очищена отъ посѣтителей за исключеніемъ меня и какого-то господина съ жестянымъ бидономъ. Подозрѣніе сыщиковъ привлекъ именно этотъ бидонъ. По показаніямъ арестованнаго, онъ ходилъ съ этимъ бидономъ на рынокъ за керосиномъ, но керосина на рынкѣ не оказалось, въ лавочку онъ пришелъ за картофелемъ. Это показаніе не удовлетворяетъ агента, по его утвержденію бидонъ пахнетъ спиртомъ. Между мной и агентомъ происходитъ слѣдующій діалогъ. «Разрѣшите узнать, за что я арестованъ?» «За спекуляцію». Я объясняю ему, что получилъ по красноармейскому пайку нѣсколько селедокъ и мѣняю ихъ на папиросы, въ чемъ врядъ ли можно усмотрѣть признаки спекуляціи. «Почемъ я знаю», отвѣчаетъ агентъ, «можетъ быть, у васъ нѣсколько вагоновъ селедки. Такихъ господъ, какъ васъ, разстрѣливаютъ». И въ подкрѣпленіе своихъ словъ онъ подноситъ къ моему лицу револьверъ. Въ слѣдующую минуту онъ грозитъ тѣмъ же револьвероиъ маленькому мальчику, подошедшему извнѣ къ окну магазина. Мальчикъ не смущается и отъ окна не отходитъ, что вызываетъ одобреніе сыщика. Начинается обыскъ лавочки. Издѣвательства надъ перепуганной торговкой сыпятся, какъ изъ рога изобилія. Одинъ изъ агентовъ входитъ въ ражъ. «Я видалъ», кричитъ онъ лавочницѣ, «какъ ты шептала кому то изъ покупателей

и посылала его за твоимъ пріятелемъ; тебя никто не спасетъ, пусть самъ Зиновьевъ придетъ сюда, я плевать на него хочу, я исполняю свои обязанности, я служу пролетаріату» и т. д. Въ лавочку стучится молодой человѣкъ во френчѣ. Ему открываютъ дверь. Онъ оказывается знакомымъ обоихъ агентовъ, узнавшимъ ихъ изъ окна и пришедшимъ посмотрѣть на ихъ работу. Не стѣсняясь присутствіемъ арестованныхъ, молодые люди, очевидно давно не видѣвшіеся, начинаютъ вспоминать былые дни. Всѣ они оказываются бывшими клубными шулерами, нынѣ временно прекратившими свою дѣятельность. Воспоминаній много и всѣ весьма поучительныя. Въ лавочку входитъ еще одно дѣйствующее лицо: мѣстный комиссаръ милиціи, за которымъ очевидно и посылала лавочница. Обыскъ переходитъ въ комнату, находящуюся за лавкой. Милиціонеръ слѣдуетъ за сыщиками туда же. Въ комнатѣ тонъ разговора мѣняется и понижается до дружественнаго шопота. Очевидно сговариваются о величинѣ взятки. Черезъ нѣсколько минутъ вся компанія выходитъ съ довольными лицами и освобождаетъ насъ отъ ареста.

Предсказаніе русской революціи*

Однажды утромъ, въ серединѣ Января 1917 г., я былъ вызванъ къ телефону. Кто-то по-русски спросилъ, дѣйствительно ли я Неклюдовъ?

«Да, это я. Кто говоритъ?»

«Я — Ризовъ, болгарскій посланникъ въ Берлинѣ, очень хотѣлъ бы побесѣдовать съ вами. Можете ли вы меня принять, и когда?»

Мнѣ нужно было нѣсколько минутъ, чтобы оправиться отъ неожиданности и обдумать свой отвѣтъ; я сказалъ ему, что я не могу дать отвѣта до полудня и что онъ долженъ позвонить въ двѣнадцать часовъ, чтобы узнать о моемъ рѣшеніи.

Я тотчасъ пригласилъ своихъ коллегъ, англійскаго, французскаго и итальянскаго пославника, и передалъ на ихъ обсужденіе вопросъ о томъ, долженъ ли я принять Ризова. Г-нъ Томмазини, единственный изъ трехъ моихъ коллегъ, зналъ Ризова; но зналъ его великолѣпно. На нашемъ совѣщаніи мы пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ: пребываніе Ризова въ Берлинѣ и предпринятый имъ шагъ должны быть хорошо извѣстенъ Берлину: возможно даже, что Ризовъ телефонировалъ мнѣ изъ дома барона фонъ-Луціуса. Тѣмъ не менѣе, я долженъ принять Ризова, хотя бы для того, чтобы увидѣть, какъ онъ себя будетъ вести. Такимъ образомъ, когда въ полдень Ризовъ позвонилъ мнѣ, я сказалъ ему, что я приму его въ 2 часа.

Ровно въ 2 часа Ризовъ былъ у меня въ кабинетѣ. Я не протянулъ ему руки, но попросилъ его сѣсть и предложилъ папиросу. «Какова цѣль вашего посѣщенія, г-нъ Ризовъ?» спросилъ я послѣ минуты взаимнаго молчанія. Нѣсколько подавленный холодностью моего пріема, Ризовъ началъ говорить съ явнымъ затрудненіемъ. Онъ сказалъ, что предпринятый имъ шагъ носитъ совершенно частный характеръ, что онъ пришелъ, чтобы сообщить мнѣ о политическихъ мнѣніяхъ и комбинаціяхъ, являющихся его личными убѣжденіями, что онъ имѣетъ основаніе полагать — послѣ своего недавняго посѣщенія Софіи, — что взгляды болгарскаго правительства совершенно согласуются съ его взглядами. Тутъ я его прервалъ: «Скажите мнѣ, Ризовъ, предпринятый вами шагъ извѣстенъ въ Берлинѣ? Мнѣ

* Приводимый отрывокъ заимствованъ изъ вышедшей недавно на англійскомъ языкѣ книги б. русскаго посланника въ Швеціи, Н. А. Неклюдова.

кажется невозможнымъ, чтобы онъ не былъ бы извѣстенъ и чтобы баронъ фонъ-Луціусъ не былъ точно освѣдомленъ, зачѣмъ вы пріѣхали въ Стокгольмъ».

«Нѣтъ», — было отвѣтомъ: «Я ничего не сообщалъ объ этомъ германскому правительству. Оффиціальной цѣлью моего путешествія является созданіе болѣе тѣсныхъ коммерческихъ и политическихъ отношеній со Скандинавскими странами, чѣмъ это было до сихъ поръ. Въ настоящее время мы нуждаемся въ рядѣ товаровъ, которыми насъ можетъ снабдить одна Швеція. Отсюда я поѣду въ Христіанію. Я только-что пріѣхалъ изъ Копенгагена, я путешествую подъ вымышленнымъ именемъ и въ германской миссіи не знаютъ даже моего адреса».

Я смотрѣлъ на своего собесѣдника со столь явно выраженнымъ недовѣріемъ, что онъ началъ заикаться и смутился; потомъ онъ вернулся къ своей политической темѣ. Онъ не сказалъ абсолютно ничего опредѣленнаго; по его мнѣнію, настоящая война между Болгаріей и Россіей является совершенно ненормальной и должна быть прекращена, какъ можно скорѣе. Болгары (я продолжаю цитировать Ризова) имѣютъ достаточныя основанія, чтобы таить злобу противъ о ф и ц і а л ь н о й Россіи; но въ сердцѣ своемъ они питаютъ нерушимую любовь къ русскому народу. Для обѣихъ сторонъ было бы важно облегчить примиреніе; быть можетъ, настоящій моментъ является подходящимъ, чтобы начать совершенно конфиденціальныя бесѣды, которыя могутъ привести къ дѣйствительнымъ переговорамъ.

Въ то время, какъ Ризовъ высказывалъ всѣ эти мысли, я хранилъ полное молчаніе, все еще ожидая, не сдѣлаетъ ли онъ какихъ-нибудь конкретныхъ предложеній, которыхъ мнѣ такъ и не удалось дождаться. Подъ конецъ, раздраженный моимъ молчаніемъ и выраженіемъ моего лица, Ризовъ остановился и, послѣ небольшой паузы, сказалъ:

«Могу ли я надѣяться, милостивый государь, что вы сообщите въ Петроградъ все то, что я вамъ сказалъ?»

«Послушайте, г-нъ Ризовъ, — отвѣчалъ я, — вы достаточно долго служили на дипломатическомъ поприщѣ, чтобы понимать, что моимъ долгомъ является извѣстить г-на Покровскаго о вашемъ посѣщеніи и обо всемъ, что вы сказали; но я васъ долженъ предупредить, что я къ своему отчету не прибавлю ни слова, выражающаго мое личное мнѣніе».

«Но могу ли я надѣяться, что въ Петроградѣ моему шагу будетъ приписана вся та важность, которую онъ заслуживаетъ и что мнѣ будетъ присланъ оттуда черезъ Васъ отвѣтъ?»

«А!.. Что касается этого, — отвѣчалъ я, — я не могу вамъ дать никакихъ обѣщаній. Вы сами заявили мнѣ, что вашъ шагъ носитъ совершенно ч а с т н ы й характеръ, и какъ ни интересны взгляды и слова г-на Ризова, возможно, что у меня на родинѣ не сочтутъ необходимымъ отвѣчать на нихъ. Съ другой стороны, въ высшей степени вѣроятно, что я получу отвѣтъ на телеграмму, которую я отправлю еще сегодня».

«Могу я надѣяться на отвѣтъ въ теченіе ближайшихъ четырехъ дней, такъ какъ я долженъ ѣхать въ Христіанію и не могу далѣе этого срока откладывать мой отъѣздъ?»

«О, нѣтъ. Я не могу гарантировать столь скораго отвѣта. Не знаю, будетъ ли вообще отвѣтъ».

«Въ такомъ случаѣ, будьте любезны сообщить мнѣ по телефону во вторникъ, пришелъ ли отвѣтъ изъ Петрограда. Мой номеръ ....».

«Нѣтъ, г-нъ Ризовъ, я не буду вамъ телефонировать. Вы можете протелефонировать мнѣ за нѣсколько часовъ до вашего отъѣзда въ Христіанію, и я скажу вамъ, имѣю ли я что-либо вамъ сообщить».

Ризовъ поднялся, чтобы уходить.

«Я вижу, — сказалъ онъ, — что вы мало обращаете вниманія на то, что я вамъ сказалъ и не хотите говорить со мной откровенно. Но черезъ мѣсяцъ, или самое позднее черезъ полтора, произойдутъ событія, послѣ которыхъ, я увѣренъ, что съ русской стороны будутъ болѣе склонны къ разговорамъ съ нами. Быть можетъ, вы меня тогда вновь увидите!»

Въ тотъ же вечеръ я отправилъ Покровскому телеграмму, въ которой я доносилъ весь мой разговоръ съ Ризовымъ и мнѣніе моихъ союзныхъ коллегъ по поводу шага, предпринятаго болгарскимъ посланникомъ въ Берлинѣ. Я прибавилъ, что, если въ Софіи дѣйствительно желаютъ вступить съ нами въ переговоры, то Ризовъ — въ силу своего настоящаго положенія и той роли, которую онъ игралъ раньше, — является человѣкомъ, наименѣе способнымъ вызвать наше довѣріе. Въ этомъ случаѣ была бы интересной и успѣшной бесѣда съ вліятельными болгарскими генералами или ихъ довѣренными лицами; и такъ какъ обѣ арміи противостоятъ другъ другу на нижнемъ Дунаѣ, то было бы въ высшей степени легко для болгаръ устроить тамъ свиданіе съ нашими представителями. Четыре дня спустя Ризовъ вызвалъ меня къ телефону.

«Получили ли вы отвѣтъ, милостивый государь?»

«Нѣтъ, пока нѣтъ».

«Въ такомъ случаѣ я не могу больше ждать, я уѣзжаю въ Христіанію сегодня вечеромъ. У меня только къ Вамъ еще одна просьба: я надѣюсь, что моя бесѣда не извѣстна представителямъ вашихъ союзниковъ».

«Послушайте, Ризовъ, прервалъ я его, я отказываюсь вести подобные разговоры по телефону. Насъ могутъ подслушать. Желаю вамъ всего хорошаго». И я повѣсилъ трубку.

Черезъ два дня послѣ отъѣзда Ризова я получилъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ телеграмму, предлагающую мнѣ — въ случаѣ вторичнаго визита Ризова — внимательно выслушать его и постараться заставить его сдѣлать болѣе опредѣленныя предложенія; такія же инструкціи получилъ и мой коллега въ Христіаніи.

Я слышалъ впослѣдствіи, что мой коллега — г-нъ Гулькевичъ — въ соотвѣтствіи съ этими инструкціями имѣлъ болѣе значительныя бесѣды съ Ризовымъ, чѣмъ моя. Но и эти бесѣды окончились ничѣмъ*.

Ризовъ, который, повидимому, былъ совершенно здоровъ, когда онъ приходилъ ко мнѣ въ Стокгольмѣ, умеръ внезапно вскорѣ спустя.

* «Таймсъ» опубликовалъ въ No. отъ 4 Октября 1918 г. статью, касающуюся переговоровъ, якобы имѣвшихъ мѣсто между Ризовымъ и нѣкоторыми русскими представителями въ Христіаніи и въ Стокгольмѣ. Я поспѣшилъ исправить это изложеніе, въ письмѣ, отправленномъ изъ Ниццы къ издателю «Таймса», поскольку оно касалось лично меня и Стокгольма. Къ сожалѣнію, «Таймсъ» не нашелъ возможнымъ отпечать мое исправленіе, указывая, въ качествѣ извиненія на вынужденную экономію въ матеріалѣ «въ эти дни».

Документы и письма

Основы Конституціи Россійскаго Государства

Написалъ

Докторъ К. П. Крамаржъ.*

Когда я былъ въ Парижѣ на мирной конференціи, французскіе и другіе политическіе дѣятели постоянно спрашивали меня, какимъ образомъ предполагаютъ Русскіе разрѣшить вопросъ національностей, представители коихъ вели въ Парижѣ столь интенсивную агитацію, что она не могла не оказать вліянія на конференцію, бывшую, именно вначалѣ, вполнѣ подъ вліяніемъ четырнадцати пунктовъ Вильсона.

Въ русской средѣ я не получилъ точнаго и единогласнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Поэтому мнѣ казалось полезнымъ, чтобъ по крайней мѣрѣ представители Россіи въ Парижѣ могли объединиться на ясно формулированной программѣ будущаго устройства ихъ отечества; и такъ какъ вся жизнь моя была посвящена борьбѣ за устроеніе федеративной Австріи, то вопросы централизма, автономіи и федераціи мнѣ очень близки. Поэтому я набросалъ «Конституцію Россійскаго Государства», которую сначала далъ Б. В. Савинкову, а потомъ просмотрѣлъ съ Ю. В. Ключниковымъ. Послѣднему я очень обязанъ за сотрудничество по разработкѣ деталей русскаго государственнаго устройства, ибо эти детали были мнѣ всеже мало знакомы за отсутствіемъ за границей изданій по русскому государственному праву. Мой проектъ былъ разсмотрѣнъ разными политическими дѣятелями въ Парижѣ и посланъ лѣтомъ 1919 года съ миссіей ген. Драгомирова въ Ростовъ и Таганрогъ. Въ мою бытность въ Ростовѣ этотъ проектъ разбирала со мной особая комиссія. Впрочемъ я лично смотрю на свою работу только какъ на одинъ изъ проектовъ, предлагаемыхъ на обсужденіе тѣмъ, кто будетъ призванъ вырабатывать новую конституцію Россіи и какъ на примѣръ возможнаго удовлетворенія справедливыхъ требованій всѣхъ народовъ безъ федераціи или конфедераціи въ единой великой Россіи.

---

* *Примѣчаніе.* Печатаемый проектъ конституціи Россійскаго Государства разработанъ извѣстнымъ другомъ Россіи, виднымъ ученымъ и политическимъ дѣятелемъ докторомъ К. П. Крамаржемъ. Проектъ этотъ, во время пребыванія д-ра Крамаржа въ Парижѣ, былъ разсмотрѣнъ группой лицъ различныхъ политическихъ направленій въ составѣ кн. Г. Е. Львова, П. Б. Струве, В. А. Маклакова, Б. В. Савинкова, М. А. Стаховича, М. М. Винавера и М. С. Аджемова. Изъ Парижа д-ръ Крамаржъ проѣхалъ въ Крымъ и Ростовъ, гдѣ проектъ вновь подвергся обсужденію, въ которомъ участвовали проф. П. И. Новгородцевъ, А. В. Кривошеинъ, Н. Н. Львовъ, кн. Павелъ Долгоруковъ, П. И. Астровъ и Н. Н. Чебышевъ.

Конституція Россійскаго Государства

1. Учредительное собраніе имѣетъ опредѣлить форму и основы государственнаго устройства Россіи.

2. Основные законы опредѣляютъ, а также обезпечиваютъ свободу вѣроисповѣданія, свободу національную, свободу слова и печати, обществъ, союзовъ и собраній, неприкосновенность личности, обезпеченную судебными гарантіями.

I. Глава Государства

3. Глава Государства избирается общимъ собраніемъ обѣихъ палатъ простымъ большинствомъ голосовъ присутствующихъ членовъ. Кворумъ выборовъ долженъ быть не менѣе двухъ третей ($^2/_3$) числа членовъ обѣихъ палатъ.

4. Глава Государства отвѣтственъ лишь за покушеніе на ниспроверженіе конституціи.

5. Въ случаѣ отказа, смерти или отрѣшенія по суду должны быть произведены не позже двухъ недѣль новые выборы. Пока новый Глава Государства не вступитъ въ исполненіе своихъ обязанностей, его права и обязанности переходятъ на предсѣдателя Государственнаго Совѣта, котораго на это время замѣняетъ его товарищъ.

6. Глава Государства назначаетъ и увольняетъ всѣхъ чиновниковъ общеимперскихъ и областныхъ не ниже IV класса.

7. Назначеніе общеимперскихъ министровъ и предсѣдателей областныхъ министерствъ контрасигнуется общеимперскимъ канцлеромъ. Назначеніе областныхъ министровъ контрасигнуютъ предсѣдатели областныхъ министерствъ.

8. Ни одинъ актъ главы государства не имѣетъ обязательной силы, если онъ не скрѣпленъ подписью канцлера или главой соотвѣтствующаго вѣдомства.

Глава Государства санкціонируетъ и обнародываетъ законы имперскіе и областные, скрѣпленные отвѣтственными министрами. Онъ утверждаетъ общеимперскіе законы въ теченіе трехъ мѣсяцевъ по принятіи ихъ палатами. Если послѣ отказа главы государства въ утвержденіи закона обѣ палаты приняли тотъ-же законъ безъ измѣненія вторично, глава государства или утверждаетъ законъ, или распускаетъ палаты. Въ случаѣ принятія того же закона обѣими палатами новаго состава, глава государства обязанъ законъ немедленно утвердить.

9. Глава государства созываетъ палаты и областные сеймы, опредѣляетъ сроки ихъ открытія и закрытія и имѣетъ право ихъ роспуска.

Выборы въ Государственную или Областную Думу, въ Государственный Совѣтъ новаго созыва должны быть произведены въ теченіе трехъ мѣсяцевъ во всей имперіи. Новыя палаты, выбранныя послѣ роспуска, должны быть созваны не позже шести недѣль послѣ окончанія выборовъ.

10. Глава Государства объявляетъ войну по рѣшенію обѣихъ палатъ; онъ же заключаетъ миръ и ратифицируетъ международные договоры по одобренію обѣихъ палатъ.

11. Глава Государства является верховнымъ начальникомъ арміи и флота, назначаетъ и увольняетъ офицеровъ всѣхъ чиновъ по предложенію министра военныхъ дѣлъ.

12. Глава Государства имѣетъ право помилованія, жалуетъ ордена и другіе знаки отличія.

II. Государственная Дума и Государственный Совѣтъ

13. Законодательная власть осуществляется двумя палатами: Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ. Государственная Дума имѣетъ ..... Государственный Совѣтъ ..... членовъ.

14. Государственная Дума избирается на основаніи всеобщаго, равнаго и тайнаго избирательнаго права на шесть (6) лѣтъ.

15. Право избирать въ Государственную Думу обезпечено всѣмъ гражданамъ 25-тилѣтняго (двадцать пять) возраста, пользующимся полнотой гражданскихъ правъ и проживающимъ въ мѣстѣ выборовъ не менѣе года. Всѣ граждане старше 30 лѣтъ (тридцать), имѣющіе избирательное право, могутъ быть избираемы членами Государственной Думы. Спеціальный избирательный законъ опредѣлитъ подробности избирательнаго права и производства выборовъ.

16. Членамъ обѣихъ палатъ обезпечивается право неприкосновенности и безотвѣтственности за рѣчи и работу въ палатахъ. Судебному или административному преслѣдованію они могутъ быть подвергнуты только съ позволенія палаты, къ которой принадлежатъ. Безъ этого позволенія они могутъ быть подвергнуты заключенію или задержанію лишь въ случаѣ опасности побѣга.

17. Члены Государственнаго Совѣта избираются на шесть лѣтъ областными сеймами, согласно съ постановленіями спеціальнаго избирательнаго закона; члены Совѣта могутъ быть одновременно членами сеймовъ; для избранія требуется 40 лѣтній (сорокалѣтній) возрастъ.

18. Компетенцію палатъ составляютъ слѣдующіе вопросы:

а) Вопросы иностранной политики. Утвержденіе международныхъ договоровъ политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ. Объявленіе войны и заключеніе мирныхъ договоровъ.

б) Военные законы, законы о наборѣ, срокѣ службы, о жалованіи, содержаніи и пособіи офицеровъ и нижнихъ чиновъ, военные расходы и т. д.

в) Законы о православной церкви, о жалованіи, содержаніи и пособіяхъ священнослужителей и о смѣтѣ церковныхъ учрежденій.

г) Общіе финансы государства; общеимперская смѣта, общеимперскіе налоги и подати, всякіе общеимперскіе займы.

д) Законы о порядкѣ контроля общихъ и областныхъ финансовъ.

е) Законодательство о монетной системѣ, о Государственномъ Банкѣ.

ж) Законодательство о мѣрахъ и вѣсахъ. Законодательство о Банкахъ и Акціонерныхъ обществахъ.

з) Законодательство о таможенныхъ пошлинахъ.

и) Законодательство о государственныхъ желѣзныхъ дорогахъ, о портахъ, о правилахъ провоза и тарифной политики на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ, о воздухоплаваніи, объ урегулированіи рѣкъ и постройкѣ каналовъ, которые будутъ признаны общеимперскими.

і) Законодательство о почтѣ, телеграфѣ, телефонѣ, о почтовыхъ сберегательныхъ кассахъ.

к) Законы о воспитаніи, о школьной повинности, объ учрежденіи, управленіи и учебныхъ основахъ школъ всѣхъ типовъ, о жалованіи, содержаніи и пособіяхъ учительскаго персонала во всей имперіи.

л) Законодательство о соціальныхъ мѣропріятіяхъ, соціальномъ призрѣніи и здравохраненіи.

м) Законодательство о правѣ гражданскомъ, о гражданскомъ и уголовномъ судопроизводствѣ, о правѣ торговомъ, вексельномъ.

н) Законодательство объ аграрномъ правѣ, объ охранѣ лѣсовъ, о правѣ пользованія водами.

о) Законодательство о государственныхъ монополіяхъ.

п) Основные законы о государственномъ Управленіи, общемъ и областномъ, о жандармеріи и полиціи.

р) Измѣненіе основныхъ законовъ, упомянутыхъ въ § 2.

19. Всѣ касающіеся финансовыхъ вопросовъ законы, предложенные правительствомъ, должны первоначально разсматриваться въ Государственной Думѣ.

20. Для измѣненія основныхъ законовъ требуется большинство двухъ третей (⅔) голосовъ каждой изъ палатъ при наличіи половины законнаго числа ихъ членовъ.

21. Государственный Совѣтъ можетъ отклонять или измѣнять законы, принятые Государственной Думой, но лишь въ теченіе шести мѣсяцевъ по полученіи закона изъ Государственной Думы.

Если Государственная Дума приметъ вторично ⅔ голосовъ въ первоначальномъ видѣ тотъ-же законъ, отклоненный или измѣненный Государственнымъ Совѣтомъ, то таковой поступаетъ на утвержденіе Главы государства помимо согласія Государственнаго Совѣта, кромѣ случая, указаннаго въ § 19.

Если Государственный Совѣтъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ законъ, принятый Государственной Думой, не отклонитъ, не измѣнитъ или вообще не разсмотритъ, то, несмотря на это, онъ поступаетъ на утвержденіе Главы государства.

22. Члены обѣихъ палатъ имѣютъ право дѣлать предложеніе законовъ и запросы правительству. Предложенія и запросы должны быть подписаны не менѣе чѣмъ двадцатью членами Думы, десятью Государственнаго Совѣта. Правительство обязано отвѣтить на запросы въ теченіе одного мѣсяца.

23. Обѣ палаты созываются одновременно декретомъ Главы Государства ежегодно, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ Москвѣ.

24. Очередная сессія палатъ объявляется оконченной декретомъ Главы государства не ранѣе принятія ими бюджета.

III. Общегосударственное управленіе

25. Общеимперское Управленіе Государства состоитъ изъ слѣдующихъ министровъ:

1. Государственный Канцлеръ.
2. Министръ Иностранныхъ дѣлъ.
3. Министръ Военныхъ дѣлъ.
4. Министръ Морской.
5. Министръ Общеимперскихъ финансовъ.
6. Министръ Торговли и Промышленности.
7. Министръ Путей сообщенія, почтъ и телеграфовъ.
8. Министръ Юстиціи.
9. Министръ Народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ.
10. Министръ Земледѣлія.
11. Министръ Труда (общественныхъ работъ).
12. Министръ Соціальнаго законодательства, призрѣнія и здравоохраненія.

26. Государственный канцлеръ и министры отвѣтственны передъ Государственной Думой. Въ судебномъ порядкѣ они привлекаются лишь по постановленію Государственной Думы, принятому большинствомъ ⅔ голосовъ и отвѣчаютъ передъ трибуналомъ, состоящимъ изъ всѣхъ членовъ Государственнаго Совѣта по избранію.

27. Высшей судебной инстанціей являются Верховный уголовный и гражданскій и Верховный административный судъ. Предсѣдатели и члены этихъ судовъ назначаются Главой Государства, при чемъ половину членовъ Верховнаго административнаго

суда имперскій министръ юстиціи предлагаетъ изъ числа лицъ, представляемыхъ областными правительствами.

28. Православная церковь управляется патріархомъ и св. синодомъ.

29. Глава Государства имѣетъ право отвода кандидатовъ въ патріархи и главъ другихъ вѣроисповѣданій и Государственный канцлеръ право отвода кандидатовъ въ члены св. синода и высшихъ церковныхъ управленій другихъ вѣроисповѣданій.

30. Управленіе военной частью и жандармеріей находится въ исключительномъ вѣдѣніи общеимперскаго министерства военныхъ дѣлъ.

31. Военное министерство предлагаетъ Главѣ Государства назначеніе военныхъ начальниковъ въ областныхъ главныхъ городахъ и въ губерніяхъ. Губернскіе военные начальники подчинены областнымъ и послѣдніе прямо военному министерству.

32. Правительство областное, губернаторы и уѣздные начальники могутъ потребовать военныя части для поддержанія порядка или въ случаѣ разныхъ катастрофъ. Но войско подчинено исключительно своимъ военнымъ начальникамъ, каковые имѣютъ право требовать удовлетворенія всѣхъ принадлежащихъ имъ по закону правъ относительно постоя, прокормленія, транспорта и т. д. отъ гражданскихъ властей. Обязанности гражданскихъ властей относительно постройекъ казармъ, предоставленія мѣста для обученія войскъ и т. д. опредѣляются общеимперскимъ закономъ.

33. Таможенное управленіе подвѣдомственно исключительно общеимперскому министерству финансовъ, равно какъ и различныя управленія монополій и налоговъ, доходъ отъ конхъ предназначенъ для общеимперской казны.

34. Общеимперское министерство финансовъ для взиманія своихъ налоговъ пользуется имперскими казначействами, которыя имѣетъ право учреждать по всей имперіи; оно также имѣетъ право, гдѣ сіе понадобится, по соглашенію съ соотвѣтствующимъ областнымъ правительствомъ, пользоваться и областными казначействами.

35. Фабричная инспекція вѣдается общеимперскимъ инспекторатомъ, согласующимъ общеимперскіе и областные интересы.

36. Всѣ пути сообщенія, за исключеніемъ мѣстныхъ, порты, а также почта, телеграфъ и телефонъ являются общегосударственными и находятся въ вѣдѣніи общеимперскихъ министерствъ.

37. Министерства торговли, народнаго просвѣщенія, земледѣлія, труда, соціальнаго призрѣнія и здравоохраненія могутъ имѣть, насколько это требуется для проведенія общегосударственныхъ законовъ, или свои учрежденія въ областяхъ, или могутъ командировать общегосударственныхъ инспекторовъ для наблюденія за проведеніемъ этихъ законовъ въ областяхъ, если оно поручено областнымъ учрежденіямъ.

38. Контроль Государственнаго хозяйства, общегосударственнаго и областнаго, производится общегосударственнымъ контролемъ, который имѣетъ свои отдѣленія во всѣхъ областяхъ.

Всѣ государственныя учрежденія обязаны давать отчётъ въ своемъ финансовомъ хозяйствѣ. Учрежденія общегосударственныя — общегосударственному главному контролю, областныя — его областнымъ отдѣленіямъ.

39. Государственный контроль единъ и независимъ. Государственнаго контролера назначаетъ Глава Государства по предложенію Государственнаго Канцлера изъ числа четырехъ кандидатовъ, избранныхъ по два Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ.

40. Государственный контролеръ обязанъ въ особенности слѣдить за тѣмъ, чтобы на государство или области ни въ какой формѣ не возлагались финансовыя обязательства, не отвѣчающія въ полной мѣрѣ требованіямъ закона и чтобы ни въ какой формѣ не были бы заключены займы или иныя обязательства, не дозволенные закономъ.

41. Докладъ Государственнаго контролера долженъ предлагаться ежегодно палатамъ и областнымъ сеймамъ.

Свои заключенія Государственный контролеръ представляетъ Государственному Канцлеру или областнымъ предсѣдателямъ Совѣта министровъ по принадлежности.

Въ случаяхъ большой важности Государственный контролеръ имѣетъ право сообщить о своихъ заключеніяхъ прямо палатамъ или областному сейму.

IV. Областное законодательство и управленіе

42. Россійское Государство раздѣляется учредительнымъ собраніемъ на области, сообразно національнымъ, экономическимъ и соціальнымъ мѣстнымъ условіямъ.

Каждая область управляется областнымъ сеймомъ и правительствомъ.

43. Областные сеймы состоятъ изъ одной палаты, избираемой на шесть лѣтъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Государственная Дума.

Число депутатовъ сеймовъ опредѣляется въ соотвѣтствіи съ числомъ жителей областей, но разсчету одинъ депутатъ на ..... жителей.

44. Депутаты пользуются правомъ неприкосновенности и безотвѣтственности на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и члены Государственной Думы. Депутаты тоже имѣютъ право предлагать законы и иныя постановленія сеймамъ и дѣлать запросы областному правительству. Предложенія законовъ и запросы должны быть подписаны не менѣе чѣмъ десятью членами сейма. Правительство обязано отвѣтить въ теченіе двухъ недѣль.

45. Областные сеймы созываются обязательно ежегодно, но не одновременно съ Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ.

Если по какой либо причинѣ областной сеймъ не приметъ закона о бюджетѣ, то послѣдній сеймомъ принятый и Главой Государства утвержденный бюджетъ остается въ силѣ до того времени, нока новый не будетъ принятъ сеймомъ.

46. Компетенціи областныхъ сеймовъ подлежатъ:

1. Установленіе смѣты областныхъ доходовъ и расходовъ.
2. Законодательство о мѣстныхъ областныхъ и земскихъ налогахъ, кредитныхъ операціяхъ и о контролѣ финансоваго хозяйства вемствъ.
3. Учрежденіе разныхъ училищъ, кромѣ нисшихъ, и ихъ смѣты, а также постановленія относительно примѣненія и изученія русскаго языка, посколько таковыя выходятъ за предѣлы статьи 56.
4. Законодательство о нравахъ мѣстныхъ языковъ.
5. Законодательство о мѣстныхъ церквахъ, о поддержкѣ ихъ учрежденій и ихъ смѣтѣ.
6. Законодательство о мѣстныхъ путяхъ сообщеній.
7. Законодательство объ урегулированіи рѣкъ, о постройкѣ каналовъ, посколько сооруженіе и управленіе послѣднихъ не подлежитъ имперскимъ учрежденіямъ.
8. Законодательство о правѣ аграрномъ, посколько оно предоставлено общимъ законодательствомъ областнымъ сеймамъ.
9. Законодательство о ремесленныхъ корпораціяхъ.
10. Законодательство соціальное, посколько областнымъ сеймамъ таковое предоставлено общеимперскими законами.
11. Созданіе учрежденій общественнаго здравоохраненія, призрѣнія и т. д.

12. Законодательство о мѣстномъ управленіи и мѣстной полиціи, поскольку оно предоставлено общимъ законодательствомъ сеймамъ *.

13. Законы, изданіе которыхъ спеціально предоставляется областнымъ сеймамъ общеимперскимъ законодательствомъ.

47. Областное Управленіе осуществляется областнымъ министерствомъ, въ составъ котораго входятъ министръ внутреннихъ дѣлъ, какъ предсѣдатель совѣта министровъ, и министры, назначаемые по предложенію предсѣдателя совѣта и за его подписью Главой Государства.

48. Министры отвѣтственны передъ областнымъ сеймомъ за исполненіе законовъ сейма. Въ судебномъ порядкѣ они привлекаются лишь по постановленію областного сейма, принятому большинствомъ $^2/_3$ голосовъ, и отвѣчаютъ передъ судомъ, состоящимъ изъ всѣхъ членовъ Государственнаго Совѣта по избранію.

Въ составъ областного кабинета входятъ:

1. Предсѣдатель областного министерства, министръ внутреннихъ дѣлъ.
2. Министръ Народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ мѣстныхъ.
3. Министръ Юстиціи.
4. Министръ Земледѣлія.
5. Министръ Мѣстныхъ путей сообщенія.
6. Министръ Торговли и Промышленности.
7. Министръ Соціальнаго призрѣнія и общественной гигіены.
8. Министръ Финансовъ.

49. Областные чиновники ниже IV класса, отъ V до X включительно, назначаются и увольняются областнымъ правительствомъ. Областной министръ внутреннихъ дѣлъ назначаетъ всѣхъ чиновъ мѣстной полиціи.

V. Вопросъ объ языкахъ

50. Русскій языкъ является языкомъ государственнымъ. Общіе законы публикуются на русскомъ языкѣ въ общемъ государственномъ сборникѣ законовъ и на русскомъ языкѣ съ переводомъ на мѣстный въ собраніяхъ законовъ мѣстныхъ.

51. Областные законы публикуются на языкахъ, допускаемыхъ въ засѣданіяхъ областныхъ сеймовъ и на русскомъ языкѣ.

51. Подлинникомъ считается русскій текстъ въ общихъ законахъ; въ областныхъ — мѣстные и русскій.

52. Въ общеимперскихъ центральныхъ устанавленіяхъ допускается только русскій языкъ. Въ общеимперскихъ государственныхъ учрежденіяхъ, находящихся въ областяхъ, можно пользоваться при взаимныхъ сношеніяхъ съ жителями областей язы-

---

* *Примѣчаніе.* Областной сеймъ имѣетъ, поэтому, право и обязанность заботиться между прочимъ о постройкѣ и управленіи общественныхъ училищъ, если таковыя не состоятъ на попеченіи земствъ, о постройкѣ мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ и большихъ шоссе, соединяющихъ разныя губерніи области, о работахъ на рѣкахъ; право издавать законы объ обязательномъ страхованіи, объ устройствѣ элеваторовъ и магазиновъ для земледѣльческихъ продуктовъ, объ укрѣпленіи овраговъ, облѣсеніи; объ устройствѣ кассъ и банковъ взаимнаго, аграрнаго и ремесленнаго кредита, заботиться о постройкѣ больницъ въ главныхъ городахъ областей, домовъ для душевно больныхъ и глухонѣмыхъ, большихъ родильныхъ пріютовъ, пріютовъ для сиротъ, покинутыхъ, безпризорныхъ дѣтей и пр.

ками, принятыми для областныхъ учрежденій. При взаимныхъ сношеніяхъ съ мѣстными учрежденіями нужно пользоваться только русскимъ языкомъ.

53. Въ областныхъ сеймахъ допускаются тѣ языки, которые приняты для сего рѣшеніемъ областного сейма и, кромѣ того, русскій.

55. Вопросъ объ языкѣ областныхъ учрежденій рѣшается областными сеймами, но во всемъ государствѣ на ходатайства и заявленія, поданныя на русскомъ языкѣ, устно или письменно, отвѣтъ дается на русскомъ языкѣ.

56. На монетахъ, почтовыхъ, гербовыхъ маркахъ—языкъ русскій. На бумажныхъ деньгахъ можно обозначать цѣнность и на мѣстныхъ языкахъ.

57. Языкъ преподаванія въ школахъ устанавливается рѣшеніемъ мѣстныхъ сеймовъ, но преподаваніе русскаго языка должно быть обязательнымъ во всѣхъ школахъ государства. На русскомъ языкѣ должно, кромѣ того, обязательно вестись по крайней мѣрѣ въ начальныхъ и среднихъ школахъ преподаваніе русской исторіи и въ областныхъ не русскихъ университетахъ русской исторіи, исторіи русскаго права, права гражданскаго и уголовнаго и ихъ судопроизводствъ.

58. Всѣ Государственные чиновники, общеимперскіе и областные, должны вполнѣ владѣть русскимъ языкомъ. Чиновники нисшихъ классовъ общегосударственныхъ учрежденій, принимаемые на службу въ областяхъ, должны вполнѣ владѣть мѣстными языками, допускаемыми для пользованія въ мѣстныхъ сеймахъ.

59. Всѣ надписи правительственныхъ учрежденій, правительственныя публикаціи, правительственныя бумаги и т. д. во всемъ государствѣ на первомъ мѣстѣ должны быть на русскомъ языкѣ.

VI. Земства

60. Области раздѣляются въ административномъ отношеніи на губерніи, уѣзды и волости. Въ губерніяхъ имѣются губернскія, въ уѣздахъ уѣздныя, въ волостяхъ волостныя земства.

61. Въ губернскія, уѣздныя и волостныя земства особо выбираются представители отъ городовъ и деревень.

Общее число гласныхъ въ губернскихъ, уѣздныхъ и волостныхъ земствахъ устанавливается областнымъ сеймомъ, а также и относительное число гласныхъ отъ городскихъ и сельскихъ жителей.

При этомъ учитывается не только количество населенія въ городахъ и деревняхъ, но также количество платимыхъ ими налоговъ.

62. Земства не могутъ собираться въ засѣданіе въ одно время съ областнымъ сеймомъ.

63. Компетенціи Земствъ принадлежатъ между прочимъ:

1. Устройство нисшихъ школъ, общеобразовательныхъ и спеціальныхъ.
2. Постройка мѣстныхъ шоссе, соединяющихъ города и деревни одной губерніи и ихъ поддержаніе (паровые катки, губернскія каменоломни и т. д.).
3. Устройство больницъ и родильныхъ пріютовъ, организація медицинской помощи въ городахъ и деревняхъ.
4. Учрежденіе опытныхъ агрономическихъ станцій, образцовыхъ хозяйствъ, губернскихъ магазиновъ; элеваторовъ съ очистительными станціями и т. п.
5. Устройство артезіанскихъ колодцевъ, резервуаровъ, работы по лѣсоразведенію, укрѣпленію овраговъ и т. д.
6. Устройство пожарной полиціи въ городахъ и деревняхъ.
7. Установленіе и способъ покрытія земскихъ нуждъ и т. д.

63. Областные сеймы распредѣляютъ сферы компетенціи губернскихъ, уѣздныхъ и волостныхъ земствъ.

65. Областные сеймы могутъ закономъ передавать часть своей компетенціи земствамъ.

66. Чиновники въ губерніяхъ и уѣздахъ, служащіе въ управленіи областномъ и земскомъ, назначаются исключительно областнымъ правительствомъ.

Чиновники въ губерніяхъ и уѣздахъ отвѣтственны передъ своимъ начальствомъ въ областномъ правительствѣ. Въ сферѣ компетенціи земствъ губернскихъ и уѣздныхъ земства имѣютъ право запросовъ, на которые указанные чиновники обязаны отвѣчать. Политическую отвѣтственность за ихъ дѣйствія несутъ областные министры.

67. Изъ должностныхъ лицъ въ губерніи (главный школьный инспекторъ, губернскій главный врачъ, губернскій инспекторъ ремесленныхъ организацій и ремесленныхъ школъ, губернскій главный агрономъ, губернскій начальникъ финансовой части, губернскій главный инженеръ и т. д.) при губернаторѣ устанавливается общее собраніе, собираемое періодически, а также въ особомъ случаѣ по его усмотрѣнію, для обсужденія вопросовъ общаго управленія губернскихъ дѣлъ.

68. Всѣ распоряженія полицейскаго и военнаго характера, а также рѣшенія спѣшныя, принимаются самимъ губернаторомъ или уѣзднымъ начальникомъ подъ ихъ личной отвѣтственностью.

69. Для дѣлъ, которыя не признаны особо спѣшными, какъ напримѣръ для школьныхъ, дорожныхъ, агрономическихъ, для рѣшенія вопросовъ о разрѣшеніи новыхъ фабрикъ, промышленныхъ заведеній; для вопросовъ больничныхъ, общественной гигіены и т. д. образуются спеціальныя смѣшанныя комиссіи изъ представителей соотвѣтствующихъ вѣдомствъ въ губерніи, уѣздахъ и изъ гласныхъ земствъ.

Эти смѣшанныя комиссіи составляютъ также ежегодный докладъ о всѣхъ нуждахъ губерніи или уѣзда, каковыя нужды должны найти свое удовлетвореніе по смѣтѣ областнаго сейма, а также губернскаго или уѣднаго земства.

70. Апелляція противъ рѣшеній мѣстныхъ властей идетъ къ губернатору и въ послѣдней инстанціи къ областному министерству.

71. По всѣмъ дѣламъ административной юстиціи апелляція идетъ къ административному суду, учрежденному въ каждой области и въ послѣдней инстанціи къ Верховному общегосударственному административному суду.

VII. Города и деревни

72. Города и деревни выбираютъ свое представительство всеобщей подачей голосовъ. Право голосованія имѣютъ всѣ жители не моложе 25 лѣтъ, проживающіе по крайней мѣрѣ одинъ годъ въ данномъ городѣ или деревнѣ и не лишенные гражданскихъ правъ.

73. Города и деревни пекутся о мѣстныхъ нуждахъ, о порядкѣ, чистотѣ, гигіенѣ, о бѣдныхъ, къ работѣ неспособныхъ и т. д.

Земство можетъ возложить на города и деревни опредѣленныя обязательства въ отношеніи школъ.

74. Города и деревни имѣютъ право устанавливать особыя прибавки къ прямымъ и косвеннымъ налогамъ, взимаемымъ на мѣстахъ. Въ томъ случаѣ, если эти прибавки превышаютъ 10%, онѣ долженъ быть утверждены уѣзднымъ земствомъ, также и заключеніе займовъ, если таковые увеличиваютъ общую сумму задолженности городовъ больше чѣмъ на 10 000 рублей, а въ деревняхъ на 1000 рублей. Если прибавки превышаютъ 20%, а задолженность 25 000 р. или 2500 рублей — земствомъ губернскимъ.

75. Для этой цѣли губернскія и уѣздныя земства должны избрать спеціальную комиссію. Губернская комиссія рѣшаетъ всѣ дѣла городовъ и деревень во второй инстанціи.

76. Конечная апелляція идетъ къ совѣту по городскимъ и деревенскимъ дѣламъ, избираемому областнымъ сеймомъ изъ числа своихъ членовъ.

77. По дѣламъ административной юстиціи большой важности (напр. о концессіяхъ для фабрикъ, для продажи вещей, о строительныхъ вопросахъ и т. д.), предоставленнымъ областнымъ закономъ па рѣшеніе городовъ, рѣшающей инстанціей служитъ административный судъ въ главномъ городѣ области.

Примѣчанія къ главнымъ статьямъ Конституціи

Мнѣ кажется, что споръ о томъ, должна-ли Россія стать федеративной или остаться единой и дать автономію своимъ областямъ, на которыя она была-бы раздѣлена, могъ возникнуть только вслѣдствіи нѣсколько небрежнаго употребленія словъ федерація и автономія. Это не ново. Въ странѣ вѣчныхъ споровъ объ этихъ вопросахъ, въ бывшей Австріи, смѣшиваніе этихъ двухъ словъ было почти правиломъ. Тѣмъ понятнѣе это въ странахъ, гдѣ вопросами этими никогда не имѣли надобности заниматься. Иначе не могли бы такъ легко принять русскую революціонную фразу о «федеративной русской республикѣ». Вѣдь федерація предполагаетъ добровольный договоръ независимыхъ, самостоятельныхъ государствъ о соединеніи въ одно федеративное государство для точно опредѣленныхъ государственныхъ цѣлей. Примѣры извѣстны: Сѣверо-Американскіе Штаты, Швейцарія, Германія.

Подобныхъ свободныхъ государствъ въ Россіи не было и, поэтому, для будущей Россіи нѣтъ субъектовъ, т. е. свободныхъ государствъ, для такого федеративнаго договора. Тотъ фактъ, что въ каждой національности нашлось нѣсколько человѣкъ, болѣе или менѣе видныхъ дѣятелей, которые въ Парижѣ провозгласили себя представителями того или другаго новаго государства, этотъ фактъ не можетъ всѣже быть достаточнымъ, чтобы эти государства въ смыслѣ международнаго права дѣйствительно существовали. Для этого было бы нужно не только признаніе ихъ державами, но и добровольное или вынужденное согласіе государства, частью котораго они были, т. е. Россіи. Во всякомъ случаѣ нельзя говорить о новыхъ Государствахъ безъ формальнаго международнаго акта. Нельзя творить государства подобно тому, какъ открываютъ лавочки или фабрики и не достаточно о томъ заявленія въ газетахъ или посылки письма къ предсѣдателю конференціи объ «открытіи» государства и его конторы въ Парижѣ. И нельзя предположить, чтобъ союзныя державы за милліоны жизней, принеся которыя, Россія сдѣлала возможной ихъ побѣду, хотѣли вознаградить великую страдалицу-союзницу разрываніемъ ее на куски.

Если теперь, вслѣдствіи нежданно долгаго существованія совѣтской власти, державы должны были считаться съ разными государственными образованіями, возникшими на окраинахъ Россіи и если державы и признали ихъ, то признали ихъ только какъ правительства de facto, а не de jure, не желая сдѣлать чего-либо предосудительнаго по отношенію къ будущей Россіи. Разумѣется, что также разные миры, заключенные совѣтскимъ правительствомъ съ этими «Государствами», не имѣютъ для Учредительнаго Собранія никакого значенія и ни къ чему послѣднее не обязываютъ. Оно одно будетъ имѣть право рѣшать о границахъ государства. Я сомнѣваюсь, что Россія начнетъ свою новую жизнь согласіемъ на расчлененіе своей земли, которую ея народъ въ

столѣтнихъ боихъ собралъ своею кровью, не изъ жадности къ чужому добру, а просто потому, что хотѣлъ свободно дышать, а это ни для какого великаго народа невозможно безъ свободнаго доступа къ морю. Русскій народъ не можетъ допустить, чтобъ маленькія народности по побережью Балтійскаго моря милостиво разрѣшали ему выходъ въ широкій Божій міръ и чтобы выходъ этотъ по желанію могли закрыть. Также на Каспійскомъ морѣ Россія не можетъ допустить существованія такихъ государствъ, которыя могли-бы официально и еще чаще неофициально препятствовать свободному плаванію русскихъ кораблей по этому внутреннему русскому морю, наполненному водой русской Волги. Хотѣть этого значитъ хотѣть будущихъ войнъ, потому что великій народъ просто не можетъ не стремиться всѣми силами къ тому, чтобы исправить ошибки свои или своихъ представителей, тѣмъ болѣе, если этими ошибками были затронуты его жизненные интересы. Это вопросъ чести и достоинства будущей Россіи. Итакъ, для нея никакихъ государствъ, возникшихъ на ея территоріи, не существуетъ и навѣрное существовать не будетъ. Слѣдовательно нѣтъ юридическихъ основаній говорить о какой-то федеративной Россіи. *Россія* должна была-бы сначала создать своимъ согласіемъ эти государства, еслибъ хотѣла устроить имперію, какъ федерацію.

Думаю, что никакія заманчивыя перспективы могущества и процвѣтанія будущаго федеративнаго государства не могутъ соблазнить русскій народъ, потому что опытъ дѣятельности и отношеніе всѣхъ этихъ «самостійныхъ» формацій къ Россіи не очень привлекателенъ, такъ это было, какъ при Германо-Австрійскомъ хозяйничаньѣ въ этихъ «республикахъ», такъ и послѣ побѣды союзниковъ. И гдѣ гарантія, что всѣ эти маленькія государства, по признаніи ихъ Россіей, захотятъ вступить въ федеративный союзъ съ ней? Нельзя закрывать глаза передъ тѣмъ, что ихъ существованіе сдѣлалось довольно важнымъ факторомъ въ политикѣ разныхъ державъ. Такимъ образомъ, вопросъ о заключеніи федеративнаго договора съ Россіей и вопросъ о томъ, что въ этой федераціи будетъ общимъ, переставалъ-бы быть вопросомъ, касающимся исключительно Россіи и этихъ народностей, какъ тому надлежало бы быть. Все это для Россіи не допустимо. Россія своей кровью добыла себѣ свободный выходъ къ морю и черезъ Кавказъ и не можетъ торговаться, подъ какими условіями было-бы ей возможно вновь получить туда свободный доступъ.

Россія страшно, ужасно пострадала за свой прекрасный подвигъ защиты свободы малаго славянскаго народа, но она не забыла и не забудетъ, что безъ нея не было-бы побѣды, что она Таненбергомъ сдѣлала возможной Марну и потому никогда не допуститъ, чтобы въ отплату за все это она должна была бы потерять самыя важныя части своей территоріи, или была бы вынуждена выкупать цѣлость Россіи разными концессіями.

Но съ другой стороны, Россія все же за свои страданія получила возможность новой жизни не только для Русскихъ, но и для всѣхъ нерусскихъ народностей старой Россіи. Самодержавіе не могло существовать безъ бюрократическаго централизма. Новая Россія будетъ свободная и поэтому можетъ быть и децентрализована и безъ всякой боязни можетъ дать разнымъ нерусскимъ народностямъ полную свободу національной жизни и національнаго развитія. Она не захочетъ держать народы полицейской и военной силой, но свободной внутренней привязанностью къ новой, свободной Россіи и не только за то, что имъ будетъ возможно жить по своему, безъ всякаго гнёта, но еще и потому, что не будутъ порваны ихъ столѣтнія экономическія связи съ Россіей, которыми всѣ эти народы до сихъ поръ жили и безъ которыхъ имъ было-бы очень трудно дальше существовать.

Въ этомъ отношеніи не они нужны Россіи, а Россія имъ. Какъ независимыя государства они были бы только предметомъ интригъ разныхъ державъ, какъ то было

раньше съ Польшей; а въ децентрализованной, свободной Россіи они будутъ жить исключительно для внутренняго развитія своего народа, безъ страха за свою внѣшнюю свободу.

Въ будущей Россіи имъ нечего бояться. Внутренній русскій имперіализмъ, равно какъ и внѣшній, умеръ навсегда и будущая Россія станетъ дѣйствительно страной демократической свободы для всѣхъ своихъ гражданъ безъ различія народности.

Но эту свободу Россія должна дать себѣ сама свободнымъ своимъ починомъ, безъ всякаго давленія извнѣ, какъ свободное проявленіе верховной воли всѣхъ гражданъ новой Россіи въ свободно избранномъ учредительномъ или народномъ собраніи.

Для этой свободы нѣтъ лучшаго пути, чѣмъ автономія отдѣльныхъ областей, т. е. право ихъ давать себѣ свободно законы по всѣмъ нуждамъ мѣстнаго характера и имѣть для приведенія этихъ законовъ свое независимое правительство, отвѣтственное областному законодательному учрежденію. Но эти области не государства. Ихъ права ограничены, и въ то же время гарантированы основнымъ закономъ, принятымъ общеимперскими палатами и утвержденнымъ Главой Государства. И тѣмъ же основнымъ закономъ должны быть обезпечены также права общеимперскаго законодательства и общеимперскаго управленія.

При этомъ возникаютъ разные вопросы:

1. Слѣдуетъ ли раздѣлить всю Россію на области или только выдѣлить отдѣльныя области для разныхъ національностей?
2. Какое основное правило должно быть принято для раздѣленія компетенціи между центромъ и областями теперь и въ будущемъ?
3. Какъ обезпечить необходимое вліяніе центра на управленіе областей?
4. Нужно ли особое учрежденіе для рѣшенія споровъ о компетенціи между центромъ и областями?

ад 1. Мнѣ кажется, что для будущаго развитія Россіи было-бы большой опасностью, еслибы внутреннему ея устройству предназначено было выполнять лишь одну задачу: обезпечить свободное развитіе разныхъ національностей и такимъ способомъ уничтожить ихъ сепаратизмъ. Изъ такой тенденціи вышло бы недопустимое, для будущности особенно опасное устройство государства. Всѣ не русское въ Россіи было бы, какъ бы нарочно, подчеркнуто. При бѣгломъ взглядѣ на карту Россіи становилась бы ясной вся опасность, угрожающая ей отъ окраинъ. Избѣжать ея надо во что бы то ни стало. Также нельзя допустить двоякаго гражданства въ будущей Россіи. Россія имѣла бы гражданъ съ автономными правами, зависящихъ отъ центра только въ сферѣ общихъ государственныхъ интересовъ и поэтому болѣе свободныхъ, чѣмъ граждане остальной централизованной Россіи. Положеніе послѣднихъ при новыхъ порядкахъ отличалось-бы отъ стараго лишь новыми политическими и конституціонными правами. Но эти граждане не имѣли бы права въ своихъ географически и климатически однородныхъ мѣстностяхъ работать свободно и независимо отъ опеки дальняго центра на пользу развитія всѣхъ природныхъ и другихъ богатствъ близкаго ихъ душѣ родного края. Національно отдѣленныя области работали бы непремѣнно гораздо интенсивнѣе, чѣмъ остальная огромная Россія. Сравненіе обѣихъ неизбѣжно усиливало бы самомнѣніе окраинныхъ областей относительно ихъ высокой культурности, — уже и теперь они ее приводятъ въ оправданіе своего стремленія къ сепаратизму, — и развитіе русской государственной жизни неминуемо шло-бы путемъ постоянно усиливающагося обособленія окраинъ отъ остальной Россіи. Нельзя себѣ представить что-либо болѣе опасное для будущаго единства Россіи.

Но и сама русская Россія совсѣмъ незаслуженно пострадала бы отъ такою рѣшенія. Централистическая Россія не въ состояніи вывести народъ и страну изъ ужаснаго

положенія, въ какомъ они находятся послѣ войны и большевиковъ. Если Россія передъ войной представляла совершенно недопустимую теперь картину некультурной массы съ тонкимъ слоемъ культурныхъ элементовъ и если, не смотря на это, возможно было управленіе столь огромной страной, то только потому что вся государственная работа ограничивалась организаціей внѣшней военной и внутренней полицейской силы государства, оставляя почти совсѣмъ въ сторонѣ народъ, его культурное и экономическое развитіе. Вся страшная опасность этой неразумной политики обнаружилась во время войны и за революцію. Новая Россія можетъ возродиться только при такомъ устройствѣ внутренняго управленія, какое будетъ содѣйствовать самой интенсивной народной работѣ на мѣстахъ, на всемъ необъятномъ пространствѣ русской территоріи. Эту огромную задачу централизмъ никогда не разрѣшитъ.

Такимъ образомъ и русская Россія слишкомъ обширна для интенсивной административной работы, которая могла бы удовлетворять всѣмъ нуждамъ и потребностямъ населенія; а съ другой стороны, война и систематическое избіеніе интеллигенціи такъ уменьшили число людей, пригодныхъ для государственной работы, что при централистической системѣ было-бы невозможно найти ихъ въ достаточномъ количествѣ. Надо на мѣстахъ искать людей, любящихъ свой родной край и готовыхъ посвятить себя работѣ на поднятіе благосостоянія тѣхъ мѣстъ, которыя имъ дороги и близки. Трудно найти людей для управленія громаднымъ государствомъ, но возможно ихъ найти для работы на мѣстахъ. Изъ этихъ людей потомъ выработаются дѣятели, которые будутъ полезны на болѣе широкомъ поприщѣ.

Надо всю Россію децентрализовать, раздѣлить на области и дать этимъ областямъ возможность не только свободно работать, но еще возможность самаго идеальнаго соревнованія, чтобы каждая область стремилась раньше и лучше другихъ привести себя къ полному расцвѣту. Для этого области должны быть въ своемъ законодательствѣ, въ управленіи и главное въ финансахъ совершенно свободны и независимы.

Я умышленно не опредѣляю размѣровъ областей. Это сдѣлаютъ спеціалисты по политической и экономической географіи Россіи. Я хочу только сказать, что представляю себѣ области довольно большими, имъ придется заключать въ себѣ нѣсколько губерній съ ихъ земствами. Мнѣ казалось напр. возможнымъ раздѣлить Великороссію на четыре области, Малороссію — на три и т. д.

Думаю еще, что не необходимо формировать область изъ одной лишь народности; на Кавказѣ напр. это повело бы къ абсурду. Свободное развитіе каждой народности, если ихъ нѣсколько въ одной области, можно закрѣпить національной автономіей и обезпеченіемъ соотвѣтствующаго численности каждой народности участія въ управленіи области, какъ центральномъ, такъ и мѣстномъ.

Возможно также, что нельзя будетъ дать нѣкоторымъ частямъ государства, какъ напр. въ Азіи, такую же полноту автономныхъ правъ, какъ всѣмъ другимъ областямъ. Но такое исключеніе не можетъ служить аргументомъ противъ необходимости одинаковаго рѣшенія вопроса о внутреннемъ управленіи во всей Россіи.

ад 2. Раздѣленіе компетенціи между центромъ и областями предлагаю рѣшить на основаніи принциповъ, которые мы всегда защищали въ нашей долголѣтней борьбѣ противъ централизма въ Австріи. Современное государство требуетъ единаго управленія на всемъ своемъ протяженіи не только въ вопросахъ внѣшняго могущества и силы т. е. иностранной политики и управленія военнымъ дѣломъ, но требуетъ еще единства законодательства и управленія во всѣхъ вопросахъ экономической и соціальной политики, поскольку это единство необходимо для того, чтобъ государство было способно къ экономической борьбѣ на всемірномъ рынкѣ.

Для этого тоже неизбѣжно нужно, чтобы правовыя условія промышленнаго предпринимательства и условія работы, созданныя соціальными законами, были одинаковы по всей Россіи; а также и основныя условія аграрной политики, напр. вопросъ о частной собственности на крестьянскую землю; опредѣленіе maximum'а помѣщичьяго владѣнія и вопросъ о томъ, должна ли его величина быть одинаковою или различною въ разныхъ частяхъ Россіи; также и главные принципы школьной политики, столь важные для душевной и физической работоспособности всего населенія. Въ этомъ отношеніи устанавленіе одинаковой платы всему учительскому персоналу явится важной гарантіей того, что не будетъ привилегированныхъ, богатыхъ областей въ вопросѣ народнаго воспитанія.

Но не одно только законодательство требуетъ единства въ этихъ экономическихъ и соціальныхъ вопросахъ, и управленіе должно также быть во многихъ отрасляхъ въ рукахъ центральнаго вѣдомства. При этомъ, можно идти на встрѣчу мѣстнымъ интересамъ, разрѣшивъ выбирать чиновниковъ до извѣстнаго класса изъ мѣстныхъ компетентныхъ лицъ, что не представитъ особыхъ затрудненій, такъ какъ и центральное управленіе должно быть раздѣлено на округа, которымъ можно дать право самостоятельно принимать на службу низшихъ чиновниковъ. Но что касается должностей, имѣющихъ распорядительную власть, то выборъ центральнаго вѣдомства не смѣетъ быть ничѣмъ ограниченъ, если весь аппаратъ долженъ дѣйствовать безошибочно. Это особенно важно для всѣхъ отраслей транспорта, не имѣющаго исключительно мѣстнаго характера, равно какъ и для управленія таможенъ, портовъ, почты и телеграфа, монополій, общегосударственныхъ финансовъ и т. д.

Я затруднюсь предложить опредѣленное рѣшеніе финансовыхъ вопросовъ, потому что не имѣю никакихъ данныхъ относительно будущихъ нуждъ центральнаго управленія Россіи. Приходится ограничиться одними принципами. Косвенные налоги или имѣютъ большое значеніе для промышленности и потому требуютъ равномѣрнаго управленія во всемъ государствѣ, или потребленіе предметовъ, ими обложенныхъ, не всегда бываетъ локальнымъ, такъ что было бы несправедливо оставить ихъ взиманіе на мѣстахъ производства; съ другой стороны очень трудно распредѣлить ихъ взиманіе по количеству фактическаго потребленія въ разныхъ областяхъ. Тоже самое можно сказать о государственныхъ монополіяхъ, потребленіе предметовъ которыхъ никогда не бываетъ локальнымъ. Что касается прямыхъ налоговъ, то всѣ налоги на промышленность, торговлю, на акціонерныя общества должны быть установлены равномѣрно во всемъ государствѣ и ихъ взиманіе должно находиться въ вѣдѣніи общеимперскихъ казначействъ, равно какъ и подоходный налогъ. Нельзя допустить, чтобы одна какая-нибудь область притягивала промышленность на счетъ другой области пониженіемъ налоговъ или податными облегченіями. Но доходъ съ этихъ налоговъ, поскольку онъ не нуженъ для центральныхъ финансовъ, долженъ быть возвращенъ областному казначейству въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ онъ изъ каждой области поступилъ. Разумѣется, нельзя думать о какихъ-то матрикулярныхъ взносахъ отдѣльныхъ областей по примѣру Германіи. Области не государства, а на интересы цѣлаго государства слѣдуетъ смотрѣть, какъ на интересы основные (primaires), поэтому нужды государства должны быть покрыты собственными доходами.

Компетенція и центра, и областей высчитана taxative и сдѣлано это умышленно. Въ бывшей Австріи мы спорили о томъ, что именно представляетъ основу государства: Королевства и Земли, или же центръ — Вѣна? Мы, Чехи, защищавшіе историческое право Земель Чешской Короны на самоопредѣленіе, слѣдовательно и федеративный характеръ Австріи, мы всегда утверждали, что основнымъ законодательнымъ собраніемъ являются сеймы и что центральный Reichsrat имѣетъ только компетенцію taxative,

высчитанную въ основныхъ законахъ, и законодательство о всѣмъ томъ, что общественная жизнь приноситъ новаго, должно было-бы по этимъ основнымъ законамъ принадлежать сеймамъ. Таково было право, но Вѣна была сильнѣе, чѣмъ право и логика, почему развитіе и шло путемъ обратнымъ. Это вело къ непрерывной борьбѣ и было одной изъ главныхъ причинъ развала Австріи.

Поэтому, мнѣ кажется, что нельзя предоставить будущее развитіе компетенціи центра и областей одному случаю или вопросу, кто будетъ сильнѣй въ толкованіи основныхъ законовъ. Мнѣ представляется самымъ благоразумнымъ оставить рѣшеніе о всѣхъ измѣненіяхъ компетенціи центральной Думѣ и государственному Совѣту, гдѣ представители областныхъ сеймовъ будутъ имѣть рѣшающее большинство. Для измѣненія основныхъ законовъ нужно большинство $^2/_3$ голосовъ обѣихъ палатъ. Ст. 20 относится только къ обыкновеннымъ законамъ, для которыхъ конституція не требуетъ $^2/_3$ голосовъ *обѣихъ* палатъ. Слѣдовательно, нельзя безъ согласія государственнаго Совѣта, представляющаго областные сеймы, перемѣнить основные законы въ ущербъ областной автономіи. Можно еще впрочемъ прибавить, что еслибы въ государственномъ Совѣтѣ были также члены, выбранные корпораціями или назначенные главой государства, то объ измѣненіи компетенціи центра или областей могутъ голосовать въ государственномъ Совѣтѣ только тѣ его члены, которые выбраны сеймами, но не члены, выбранные разными корпораціями, или назначенные главой государства и что для принятія измѣненія надо $^2/_3$ всего состава этихъ выбранныхъ членовъ Совѣта. Это было-бы достаточной зарукой для народностей, а также для того, чтобы перемѣны компетенціи, центра и областей не были дѣломъ случайныхъ увлеченій или политическихъ страстей.

ад 3. Многіе политики, охотно дающіе областямъ самыя широкія права, озабочены тѣмъ, что центральное правительство не будетъ имѣть достаточнаго вліянія на политику областей, если не будетъ спеціальнаго органа центральной власти на мѣстѣ, который имѣлъ бы не только право смотрѣть за всѣмъ, что тамъ дѣлается, но которому кромѣ того хотѣли бы дать право назначать мѣстныхъ министровъ. Боясь, что въ центрѣ не окажется достаточнаго знанія мѣстныхъ людей, предлагаютъ назначать въ области, какъ представителей главы государства, нѣчто вродѣ ген.-губернаторовъ.

Признаюсь, что съ этимъ мнѣніемъ мнѣ невозможно согласиться; я даже считаю учрежденіе ген.-губернаторства довольно опаснымъ. Именно народности приняли бы его теперь непремѣнно съ недовѣріемъ, какъ отзвукъ старыхъ временъ и такимъ образомъ было бы потеряно много хорошихъ плодовъ новой эры. А главное, я не могу себѣ ясно представить конституціонный характеръ такого ген.-губернатора. Онъ не можетъ быть главой областного правительства, такъ какъ при этомъ онъ долженъ быть отвѣтственъ передъ областнымъ сеймомъ и поэтому потерялъ бы возвышенный характеръ представителя центральной власти.

Вслѣдствіе этого пришлось бы такого ген.-губернатора сдѣлать чѣмъ то вродѣ намѣстника. Но еслибы ему дано было бы право назначать областныхъ министровъ, то нельзя было бы подчинить его государственному канцлеру, а только главѣ государства. Центральное правительство потеряло бы при этомъ всякую возможность вліять на дѣла областей и трудно было бы сохранить равномѣрное развитіе послѣднихъ, что такъ необходимо для блага цѣлаго. Такимъ образомъ, области развивались бы болѣе самостоятельно, чѣмъ это желательно, и это со временемъ могло бы представлять большую опасность для единства Россіи. Трудно было бы избѣжать этой опасности, такъ какъ сами ген.-губернаторы поддерживали бы такія центробѣжныя стремленія для возвышенія своей власти и своего авторитета; особенно, если ген.-губернаторъ былъ бы назначенъ изъ народности, въ области преобладающей, чего

слѣдовало-бы ожидать, дабы не дать повода къ жалобамъ на старыя русскія централистическія замашки.

Итакъ, мнѣ кажется, что предложенный мною способъ управленія областями больше гарантируетъ единство Россіи, хотя онъ повидимому и придаетъ правительствамъ областей самостоятельный характеръ. По моему мнѣнію нельзя допустить, чтобы кто-либо другой, чѣмъ глава государства, назначалъ областныя правительства. Именно въ силу того, что Россія даетъ своимъ частямъ такую широкую автономію, слѣдуетъ сохранить единый источникъ всей государственной власти для центра и для областей. Нельзя забывать, что областныя правительства суть дѣйствительно правительства, исполняющія важныя государственныя функціи. Это не просто расширенныя вемства. Областные сеймы и правительства имѣютъ большую часть государственныхъ правъ и обязанностей, которыя раньше принадлежали центральному русскому правительству и государственной Думѣ. И такъ какъ главой всей исполнительной власти во всей Россіи, какъ въ центрѣ, такъ и въ областяхъ, не можетъ быть никто иной, какъ глава государства, то и слѣдуетъ, чтобы всѣ управляющіе именемъ главы государства, какъ въ центрѣ, такъ и въ областяхъ, были прямо назначены главой государства, а не посредствомъ кого-либо другого. Иначе было-бы совсѣмъ несправедливо умалено значеніе областной государственности и это было-бы тѣмъ менѣе допустимо, чѣмъ обширнѣй компетенція областныхъ сеймовъ.

Такъ какъ управляющіе разными вѣдомствами въ областяхъ являются послѣдней инстанціей, прямыми представителями верховной власти и такъ ихъ вѣдомства являются важнѣйшими отраслями внутренней государственной жизни, то правительства областей слѣдуетъ сдѣлать министерствами, отвѣственными за исполненіе областныхъ законовъ передъ областными сеймами, подобно тому, какъ общегосударственные министры отвѣтственны передъ Думой и Совѣтомъ. Поэтому конституціонно необходимо, чтобы областное правительство было министерскимъ кабинетомъ съ предсѣдателемъ министерства во главѣ политически отвѣтственнымъ передъ областнымъ сеймомъ. Хотя въ Россіи такимъ образомъ будетъ больше министровъ, чѣмъ обыкновенно бывало, но это все же при 150 милліонномъ населеніи нельзя считать серьезнымъ препятствіемъ для послѣдовательнаго проведенія конституціонныхъ принциповъ во всѣхъ отрасляхъ государственной жизни.

Не смотря на то, что при этой системѣ области получаютъ почти обликъ государства, можно легче, чѣмъ съ какимъ нибудь ген.-губернаторомъ, сохранить нужное вліяніе центра на области. Во первыхъ, глава государства назначаетъ и увольняетъ всѣхъ областныхъ министровъ. Этимъ сохраняется непосредственная связь области съ центромъ. Кромѣ того, я предлагаю, чтобы назначеніе областнаго предсѣдателя министерства, который одновременно долженъ быть и министромъ внутреннихъ дѣлъ, было контрасигновано государственнымъ канцлеромъ. Это не простая формальность. Государственный канцлеръ этимъ самымъ принимаетъ на себя отвѣтственность за это назначеніе и его послѣдствія передъ государственной Думой и Совѣтомъ, почему имѣетъ право и обязанность слѣдить за ходомъ дѣлъ въ областяхъ. При такомъ устройствѣ, государственный канцлеръ и областной министръ-президентъ естественно сочтутъ нужнымъ сговориться не только о томъ, какъ вести внутреннюю политику областей, но также относительно состава областного Кабинета, хотя назначеніе отдѣльныхъ областныхъ министровъ и должно быть контрасигновано только предсѣдателемъ областного министерства. Такъ, наилучшимъ образомъ будетъ обезпечена равномѣрность развитія всѣхъ областей и единство *духа* правленія во всей Россіи. Всѣ это легко можно будетъ контролировать, потому что вопросы будутъ рѣшаться не въ тайныхъ бюрократическихъ канцеляріяхъ, а открытыми дѣйствіями прави-

тельствъ, отвѣтственныхъ передъ сеймами, гдѣ общественная критика не будетъ отсутствовать.

Впрочемъ, это не единственная возможность вліянія центра. Областные законы должны будутъ утверждаться главой государства и, разумѣется, глава государства сочтетъ своей обязанностью спросить мнѣніе общегосударственнаго правительства, главнымъ образомъ, въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ областные законы должны быть проведеніемъ принциповъ, установленныхъ общегосударственнымъ закономъ (такъ наз. Rahmengesetz). Кромѣ того, всѣ высшіе областные чиновники (до IV класса) будутъ назначены главой государства, который можетъ при этомъ совѣщаться съ центральнымъ правительствомъ.

Въ этомъ не только залогъ единства Россіи, но также гарантія для областей, что не будетъ излишнихъ треній между частями и цѣлымъ. Для того, чтобъ центръ не назначалъ личностей, для областей непріемлемыхъ, достаточно власти сеймовъ, которымъ областное правительство, контрасигнующее всякое подобное назначеніе, должно быть за это отвѣтственнымъ.

Помимо этого, во всѣхъ областяхъ будутъ военные начальники, которымъ также должна быть подчинена жандармерія, и общегосударственные чиновники (назначействъ, монополій, почтъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д.), долженствующіе всегда наглядно представлять единство государства.

Наконецъ, я предлагаю по примѣру Англіи назначеніе особыхъ инспекторовъ центральнаго правительства, которые слѣдили бы за проведеніемъ тѣхъ общегосударственныхъ законовъ, коихъ проведеніе предоставлено областному законодательству. Это учрежденіе всего лучше обезпечило-бы единство принциповъ, но также могло бы отлично содѣйствовать и тому, чтобъ въ различныхъ областяхъ не укоренилась лѣнивая пассивность и чтобъ всѣ работали во взаимномъ соревнованіи для возстановленія мощи и экономическаго возрожденія Россіи.

ad 4. Одной изъ важныхъ заботъ лицъ, размышляющихъ о будущей децентрализованной Россіи, является опасеніе споровъ о компетенціи между центромъ и областями. Для разрѣшенія этихъ споровъ предлагаютъ какой то верховный судъ, подобно существующему въ Соединенныхъ Штатахъ. Мнѣ кажется, что нельзя всѣ учрежденія другихъ странъ просто переносить въ Россію. Не могу себѣ представить составъ такого суда, который не встрѣтилъ бы протеста и опасеній ни съ той, ни съ другой стороны. Прошлое Россіи слишкомъ мало располагаетъ къ довѣрію къ личному составу правительства и къ его готовности воздержаться отъ оказанія вліянія всѣми способами на рѣшенія такого суда.

Къ тому же, можно свободно обойтись и безъ него. Центральная власть въ новой Россіи не будетъ больше абсолютическимъ правительствомъ бюрократовъ, привыкшихъ смотрѣть на централизмъ, какъ на единственное спасеніе Россіи отъ развала. Общегосударственное управленіе будетъ конституціонное, отвѣтственное передъ палатами. И вся Россія будетъ построена на принципѣ силы центра и свободы частей. Въ самостоятельной, дѣятельной жизни частей общегосударственная власть должна видѣть самое первое условіе собственнаго могущества и силы Россіи извнѣ и внутри; слѣдовательно, скорѣе приходится опасаться слишкомъ усиленнаго обособленія частей.

Но правительство, сильное не только войскомъ, но прежде всего благоразумной политикой, съ благоволеніемъ смотрящее на автономную жизнь областей и при этомъ твердо хранящее всѣ прерогативы центральной власти, будетъ имѣть достаточно средствъ, чтобы не допустить уменьшенія компетенціи центра. Выше мы уже о нихъ говорили.

Что же касается споровъ о компетенціи центральныхъ и областныхъ административныхъ учрежденій, то слѣдуетъ дать верховному административному суду достаточный авторитетъ, —подборомъ его состава, дабы возможно было бы передавать ему рѣшеніе вышеупомянутыхъ конфликтовъ. При конфликтахъ изъ-за компетенціи въ области законодательства можно полагаться на государственную Думу и Совѣтъ. Именно Совѣтъ, состоящій изъ представителей областныхъ сеймовъ, не допуститъ умаленія правъ областей. А съ другой стороны обѣ палаты, избавленныя отъ заботъ о мелочахъ, убивавшихъ работоспособность старой Думы, поставятъ себѣ въ обязанность заниматься самыми высшими и важнѣйшими вопросами государственной жизни всей Россіи и, воспитанныя такимъ образомъ въ общегосударственномъ духѣ, сдѣлаются лучшими защитниками интересовъ всего государства противъ всякаго рода вреднаго партикуляризма.

Не подлежитъ сомнѣнію, что важную роль въ переустройствѣ Россіи будетъ играть особа государственнаго канцлера, который долженъ воплощать въ себѣ идею примиренія децентрализаціи Россіи съ крѣпкой центральной властью. Задача безспорно очень трудная! Но слѣдуетъ вѣрить, что Россія найдетъ своихъ строителей, какъ найдетъ своихъ освободителей. Россія, основанная только на силѣ централистической бюрократіи, развалилась, какъ карточный домикъ, и этотъ опытъ будетъ для всѣхъ лучшимъ предостереженіемъ на тернистомъ пути къ возрожденію отечества.

Къ подробностямъ проекта мнѣ хочется прибавить нѣсколько замѣчаній. Въ первоначальномъ проектѣ говорилось о президентѣ республики. Но признаюсь, что это было очень нелогично. Статья первая гласитъ, что форму правленія опредѣлитъ учредительное собраніе, — иначе и быть не можетъ, а дальше говорилось о президентѣ республики. Поэтому теперь, не предрѣшая вопроса, я говорю вообще о главѣ государства, которымъ можетъ быть или царь, или президентъ. Я далекъ отъ всякой попытки повліять на рѣшеніе представителей Россіи. Тѣмъ болѣе, что на вопросъ республики или монархіи смотрю не какъ на догматъ, а какъ на вопросъ о томъ, что могло бы быть въ данный моментъ и при данныхъ условіяхъ для государства полезнѣй. Но во всякомъ случаю, даже если Учредительное Собраніе рѣшитъ, что Россія должна быть царствомъ, думаю, что царь не долженъ бы имѣть больше власти, чѣмъ президентъ республики и что онъ долженъ бы быть выбранъ палатами лишь пожизненно. Мнѣ тоже не хочется, чтобы президентъ республики, выбранный палатами на 7 лѣтъ, былъ безвластной фигурой, служащей лишь для декораціи. Поэтому мой проектъ даетъ главѣ государства, будь то президентъ или царь, право распускать палаты и сеймы безъ какихъ-либо ограниченій, считая это въ конституціонномъ государствѣ за самое сильное орудіе власти его главы. Такимъ образомъ возможно въ моемъ проектѣ слово президентъ безъ существенныхъ измѣненій замѣнить выраженіемъ глава государства.

Еще во время моего заключенія въ тюрьмѣ, я очень основательно занимался всѣми этими вопросами и тогда меня очень плѣняла мысль объ избираемомъ царѣ изъ рода Романовыхъ, который былъ бы избираемъ тѣмъ же способомъ, какъ президентъ республики. Мнѣ казалось, что такимъ образомъ лучше всего были-бы примирены и символъ, и трехсотлѣтняя традиція, и принципъ верховной воли народа.

Это было въ первые дни революціи, передъ избіеніемъ царскаго семейства и великихъ князей. Но и позже, чѣмъ больше размышлялъ я объ этомъ по-истинѣ жгучемъ вопросѣ, тѣмъ яснѣе становилось мнѣ, что теперь, послѣ революціи и всемірной войны, и всѣхъ переворотовъ въ старинныхъ европейскихъ монархіяхъ, едва ли можно желать возстановленія наслѣдственной монархіи. Принципъ наслѣдственности

наивысшей мощи въ государствѣ слишкомъ феодаленъ для нашего времени. Слишкомъ сильно нужно было бы вѣрить въ сверхъестественныя начала монархіи, а это послѣ историческихъ и недавнихъ опытовъ довольно трудно.

Съ другой стороны всемірная война съ ея милліонами людскихъ жертвъ во всѣхъ государствахъ дала волѣ народа совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ это было передъ войной. Трудно себѣ представить, чтобы народъ могъ теперь удовлетворитьсл однимъ фактомъ рожденія, чтобы слѣпой случай рѣшалъ о томъ, будетъ ли царь хорошъ или плохъ и чтобы народъ не хотѣлъ оказывать вліянія при набраніи своего «хозяина». Теперь надо считаться и въ Россіи съ болѣе развитымъ народнымъ сознаніемъ. Къ тому же рѣшеніе о свободномъ набраніи своего царя и избраніе лица, наиболѣе достойнаго принять имя монарха, было бы, въ случаѣ постановленія учредительнаго собранія о монархіи въ Россіи, наилучшимъ примиреніемъ и монархическаго и современнаго принципа, по которому вся власть исходитъ изъ народа.

Это было бы тоже самымъ лучшимъ средствомъ противъ всѣхъ самодержавныхъ пополановеній монарха. Наслѣдственнаго монарха воспитываютъ въ традиціи «Помазанника Божія», и иначе быть не можетъ. Такое воспитаніе, получаемое монархомъ, не остается безъ вредныхъ послѣдствій, такъ какъ съ дѣтства будущему государю внушается мысль, что онъ существо высшее надъ всѣмъ народомъ. При избирательной монархіи не было бы «наслѣдственнаго» двора и всего, съ нимъ связаннаго, что часто еще хуже вліяло на дѣла страны, чѣмъ воля монарха. Члены семейства монарха были бы принуждены вести иную жизнь, чѣмъ раньше. Наслѣдственная монархія ихъ прямо толкала къ паразитному существованію. Все имъ доставалось по рожденію: доходы, положеніе, чины; ничто — по заслугамъ. Часто личныя заслуги были имъ даже вредны. Въ избирательной монархіи дѣло обстояло бы иначе. Никто изъ семейства монарха не былъ-бы лишенъ возможности быть избраннымъ, но избраніе это находилось бы въ обязательной зависимости отъ личныхъ заслугъ избираемаго и довѣрія къ нему страны. Интриги въ данномъ случаѣ много не помогли бы. Нельзя получить большинство голосовъ членовъ государственной Думы и государственнаго Совѣта при помощи только одной подпольной работы, разными болѣе или менѣе сомнительными средствами, именно въ нынѣшнія времена, когда вся политическая жизнь протекаетъ при открытыхъ дверяхъ. Все это и было бы тѣмъ важнѣе, еслибы въ Россіи было принято рѣшеніе выбирать царя изъ дома Романовыхъ. Но мнѣ кажется, что царю, избранному волею народа, его представителями въ обѣихъ палатахъ, тоже необходимо было бы дать посвященіе на царство народной церковью. Этого требуетъ психологія народа, еслибы онъ самъ аахотѣлъ царя. Вообще слѣдовало бы выборному акту придать торжественный характеръ, какъ то приличествуетъ наивысшему проявленію народной воли. Избраніе не смѣло бы быть публичнымъ. Только послѣ того, какъ обѣ палаты въ общемъ заасданіи выбрали бы будущаго царя требуемымъ большинствомъ, слѣдовало бы провоагласить имя избраннаго въ торжественномъ, публичномъ, общемъ засѣданіи палатъ. Предсѣдателемъ избирательнаго конгресса долженъ бы быть по очереди предсѣдатель государственной Думы и предсѣдатель государственнаго Совѣта. Жребій рѣшилъ бы о предсѣдателѣ перваго набирательнаго конгресса. При помаааніи на царство предсѣдатель набирательнаго конгресса воаложилъ-бы корону на голову избраннаго, а въ руку его вложилъ бы жезлъ предсѣдатель другой палаты. Этимъ было-бы наглядно выражено, что, не смотря на помазаніе, источникъ власти царя въ волѣ народа. Разумѣется, обрядъ помазанія совершался бы только надъ царемъ; царица не короновалась-бы.

Нежелательно, чтобы царь въ настоящія времена былъ бы собственникомъ большихъ латифундій или промышленныхъ предпріятій. Для избѣжанія слишкомъ авто-

кратическихъ поползновеній царя было-бы хорошо доходъ его сдѣлать зависимымъ отъ рѣшенія палатъ. «La liste civile» опредѣлялась бы всегда на десять лѣтъ законом. Противъ возможныхъ попытокъ избраннаго царя измѣнить избирательную монархію въ наслѣдственную необходимо было бы оградиться такимъ образомъ, чтобы въ присягѣ войскъ и чиновниковъ было настоятельно сказано, что они присягаютъ на вѣрность только избранному палатами монарху и обязаны защищать конституцію всѣми средствами противъ всякаго посягательства на ея принципы, еслибы даже это сдѣлалъ самъ избранный царь. Разумѣется, что царь долженъ былъ бы тоже передъ коронаціей присягать на вѣрность конституціи. Въ присягѣ слѣдовало бы дать право каждому бороться всѣми средствами противъ нарушенія конституціи и главное противъ всякой насильственной попытки измѣнить избирательную монархію въ наслѣдственную. Не только президентъ республики, но и царь могъ бы быть преданъ суду за покушеніе на конституцію.

Въ случаѣ продолжительной болѣзни, дѣлающей царя совершенно неспособнымъ исполнять свои обязанности, мѣсто его занималъ-бы регентъ, выбранный палатами такимъ-же образомъ, какъ царь. Конечно нельзя для выбора новаго царя или президента распускать палаты и назначать новые выборы. Такія проволочки были бы очень опасными періодами междувластія и могли бы дать поводъ къ очень серьезнымъ агитаціямъ.

Я знаю, что мысль объ избираемомъ царѣ есть мысль непривычная, но, можетъ быть, именно она могла бы примирить въ Россіи и тѣхъ, которые послѣ революціи и большевизма еще глубже, чѣмъ когда либо раньше, вѣрятъ въ неизбѣжность монархіи для Россіи, и тѣхъ, которые даже послѣ ужасовъ послѣднихъ лѣтъ не потеряли вѣры въ народъ и въ его право быть вершителемъ своихъ судебъ.

Въ «Основахъ» не говорится о верховной судебной власти главы государства. Это сдѣлано умышленно, ибо въ этомъ отношеніи была бы существенная разница между президентомъ республики и царемъ. Если Россія была бы республикой, то рѣшенія всѣхъ судовъ провозглашались бы во имя Россійской республики; если царствомъ — во имя царя. Это дѣло конечной редакціи конституціи, послѣ того, какъ учредительное собраніе рѣшитъ о формѣ государства.

Что касается законодательныхъ палатъ, то возможно было бы устроить государственный совѣтъ такимъ образомъ, чтобъ $^3/_4$ (три четверти) его членовъ были выбраны областными сеймами, а послѣдняя четверть была составлена слѣдующимъ образомъ: одну ея половину выбирали бы разныя корпораціи и учрежденія (университеты, высшія техническія училища, академія наукъ, торговыя палаты, центральныя рабочія организаціи, земледѣльческіе институты); другую половину назначалъ бы глава государства. Такимъ образомъ была-бы дана возможность участія въ государственномъ Совѣтѣ также и представителямъ литературы, науки, кромѣ лицъ, выбранныхъ университетами, и вообще выдающимся личностямъ, которыя по выбору не могли бы или даже не хотѣли работать на пользу государства въ учрежденіи, наиболѣе для того пригодномъ. Съ другой стороны, участіе такихъ личностей въ законодательныхъ работахъ подняло бы безъ сомнѣнія престижъ законодательныхъ учрежденій въ Россіи и за границей.

Разумѣется, что назначеніе членовъ Совѣта главой государства не было-бы его личнымъ актомъ и должно бы быть скрѣплено подписью государственнаго канцлера во избѣжаніе старорежимныхъ привычекъ дѣлать изъ государственнаго совѣта хранилище болѣе или менѣе неудачныхъ сановниковъ. Это назначеніе не было бы пожизненнымъ, а только на время законодательнаго періода государственнаго Совѣта и продолжалось бы лишь до роспуска палатъ.

Относительно областныхъ сеймовъ я долженъ сказать, что между лицами, занимающимися вопросами будущаго устройства Россіи, преобладаетъ мнѣніе, что депутаты этихъ сеймовъ должны быть выбраны губернскими земствами. Съ этимъ можно было бы согласиться въ томъ случаѣ, еслибы для первоначальныхъ выборовъ въ городскую Думу и въ деревенское Управленіе сохранено было равное, тайное и общее голосованіе. Но во всякомъ случаѣ, мнѣ казалось бы очень полезнымъ для работы въ областныхъ сеймахъ, еслибы часть ихъ была выбрана экономическими, культурно просвѣтительными и соціальными корпораціями, какъ то: торговыми палатами, земледѣльческими совѣтами, ремесленными корпораціями, рабочими организаціями, университетами и т. п. Конечно нельзя установливать, чтобы назначеніе этихъ представителей разныхъ учрежденій въ областные сеймы дѣлалось главой государства, потому что исключеніе, допущенное для государственнаго Совѣта, не имѣло бы здѣсь никакого оправданія.

Что касается вообще выборовъ въ законодательныя палаты, то излишне увѣрять, что я лично стою за всеобщее, тайное, равное и прямое избирательное право. Мое столь рѣшающее участіе въ парламентской борьбѣ за всеобщее избирательное право въ бывшей Австріи служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. Но не слѣдуетъ забывать, что мы пришли къ этому послѣднему слову избирательнаго права лишь послѣ сорокалѣтней парламентской жизни и послѣ ряда постепенныхъ реформъ въ смыслѣ демократизаціи избирательнаго права. Также нельзя забывать, что въ продолженіе сорока лѣтъ была въ Австріи общая школьная повинность; и не смотря на это, общее избирательное право показало, что широкія массы избирателей не всегда находятся на высотѣ своего избирательнаго права. Когда въ 1908 году, въ округѣ мнѣ очень близкомъ, который всегда славился своей культурностью, былъ выбранъ депутатомъ соціалистъ, много мужчинъ и женщинъ пришли дѣлить землю и имущество. Надо имѣть ввиду, что право выбирать членовъ законодательнаго собранія не есть право абстрактное, но очень существенное съ очень опредѣленнымъ и очень важнымъ содержаніемъ, для котораго нужна сознательность тѣхъ, кто правомъ этимъ пользуется. Теперь мы ясно видимъ, куда приводитъ инстинктивный, не совсѣмъ сознательный выборъ широкихъ массъ, такъ много пострадавшихъ и еще страдающихъ отъ послѣдствій войны и какъ злоба, отчаяніе и мечты о новой жизни заглушаютъ въ нихъ часто голосъ холоднаго разсудка. Въ результатѣ всего этого получилась, что я въ «Конституціи Россійскаго Государства» въ ст. 14 выпустилъ изъ традиціонной формулы слово «прямое». Никому въ точности не извѣстно психическое состояніе русской деревни; но можно думать, что едва ли теперь деревня въ партійномъ смыслѣ стала сознательнѣй. Быть можетъ, она возненавидѣла политику. Если еще раньше было совсѣмъ рисковано ожидать отъ неграмотнаго мужика и тѣмъ болѣе отъ его бабы сознательныхъ выборовъ, то едва ли теперь дѣло обстоитъ иначе.

Несмотря на это, я не хотѣлъ бы нарушить принципъ всеобщаго права голосованія. Это фундаментъ новой, свободной Россіи. Но въ какой формѣ воля *всего* народа осуществится, это уже не вопросъ принципа, а возможности настоящаго, сознательнаго выбора. Поэтому я примирился бы съ такого рода рѣшеніемъ, чтобъ деревни и города съ населеніемъ ниже извѣстной цыфры (напр. до 10 000 человѣкъ) выбирали черезъ избирателей. Обыкновенному мужику очень трудно сознательно дать голосъ за кого-нибудь ему лично неизвѣстнаго, или за ту или другую партію. Но онъ охотно выберетъ въ избиратели человѣка, котораго онъ лично знаетъ и образъ мыслей и желанія котораго такіе же, какъ и его. Этимъ избраннымъ было бы гораздо легче объяснить потомъ политическое значеніе выборовъ. Конечно этимъ не исключается политическая работа въ деревнѣ ради вліянія на выборы избирателей, но всѣ же въ общемъ выборы для мужика ближе и, можно сказать, конкретнѣе, когда онъ выбираетъ своего сосѣда, будь онъ того или другого политическаго направленія, чѣмъ неизвѣстнаго ему депутата. Послѣ введенія общей школьной повинности на новыхъ началахъ, когда воспитаніе всѣхъ жителей деревни уже дастъ свои плоды, тогда можно будетъ по всей новой Россіи ввести прямое избирательное право.

Нельзя также забывать тяжелыя современныя условія, которыя дѣлаютъ почти невозможнымъ составленіе въ короткій срокъ списка избирателей для прямыхъ выборовъ. Но во всякомъ случаѣ я предлагаю тайные выборы, дабы избѣжать какого-либо давленія при выборахъ. Мнѣ кажется, что теперь, послѣ большевистскаго режима это нужнѣе, чѣмъ было когда-либо раньше.

Способъ выборовъ черезъ избирателей могъ бы быть слѣдующій. Для выборовъ въ государственную Думу и областные сеймы каждая деревня или городъ съ населеніемъ ниже 10 000 жителей выбираетъ одного избирателя на 500 жителей. Избиратели выбираютъ депутата въ своихъ уѣздныхъ городахъ. Оставляя прямые выборы для тѣхъ городовъ и деревень, которые имѣютъ больше 10 000 жителей, я не хочу этимъ сказать, чтобы жители деревень были гражданами второго разряда. Но въ густо населенныхъ мѣстахъ отсутствуетъ главный моментъ, который говоритъ за выборы избирателей, т. е. знаніе личностей избирателей, а съ нимъ ихъ политическаго и соціальнаго направленія. Въ большихъ городахъ тоже можно легче объяснить реальное значеніе выбора того или другого лица, — въ деревняхъ при настоящемъ культурномъ уровнѣ мужика нужно больше полагаться на личное знакомство и личное довѣріе его къ тому, кому онъ дастъ право выбирать за себя представителя въ Думу.

. Областные министры отвѣтственны передъ сеймами только за проведеніе законовъ, принятыхъ этими сеймами. Предсѣдатель совѣта областныхъ министровъ — за общую областную политику кабинета. Изъ этого слѣдуетъ, что предсѣдатель долженъ быть также министромъ внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ политика областей будетъ, за отсутствіемъ политики иностранной, сосредоточена главнымъ образомъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Этимъ также усилится вліяніе государственнаго канцлера на всю внутреннюю политику областей и, такимъ образомъ, лучше всего удержится равномѣрное развитіе всѣхъ областей огромнаго Государства. Если-бы центральное правительство передало по особымъ причинамъ кое-что изъ своей компетенціи областному правительству, то послѣднее за эту дѣятельность отвѣчало бы не передъ областнымъ сеймомъ, а передъ центральнымъ правительствомъ. Я настаиваю на точномъ разграниченіи отвѣтственности каждаго исполнительнаго органа законодательной власти передъ центральными палатами и областными сеймами, потому что это составляетъ, по моему мнѣнію, самую надежную охрану конституціонныхъ порядковъ.

Эту отвѣтственность исполнительныхъ органовъ я тоже хотѣлъ бы сохранить въ предлагаемой мною системѣ земствъ. Между правительствомъ и земствами съ ихъ органами была пропасть, ставшая непроходимой отъ враждебной политики абсолютической бюрократіи противъ гражданскаго самоуправленія. Но и въ странахъ, гдѣ нѣтъ этой острой враждебности, мы видимъ антагонизмъ между бюрократіей и органами самоуправленія, служащій препятствіемъ правильному развитію общественной жизни. Поэтому въ наукѣ и въ политическихъ программахъ говорится о необходимости устраненія такого двоевластія.

Это возможно только тогда, когда граждане не чувствуютъ правительственную власть, какъ нѣчто чужое, враждебное, но какъ свое, потому что видятъ въ государствѣ все то, что дорого имъ самимъ. Граждане такого государства не будутъ имѣть никакого интереса урвать часть власти у правительства и получить ее въ собственныя руки. Наоборотъ, ихъ самымъ важнымъ интересомъ будетъ, чтобы все правленіе сверху до низу, не только въ центрѣ, но также на мѣстахъ, въ губерніяхъ, уѣздахъ было какъ можно лучше, чтобы оно имѣло всю полноту правъ государственной администраціи и въ то же время, чтобы повсюду выборные элементы населенія имѣли право и возможность контроли и критики. При этомъ, каждый органъ правленія, даже и въ низшихъ инстанціяхъ, долженъ быть отвѣтственъ не только передъ своимъ начальствомъ въ губерніи или области, но также передъ мѣстнымъ земствомъ, уѣзднымъ или областнымъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что лучшимъ исполнительнымъ органомъ будетъ чиновникъ, назначенный областнымъ правительствомъ и ему подчиненный, а не чиновникъ, назначенный мѣстнымъ земствомъ. Земская служба имѣла выдающихся людей, но все-же ихъ служебная карьера земствомъ и заканчивалась, что не вредно и для нихъ самихъ, и для интересовъ общества. Также слишкомъ большая зависимость отъ земства не всегда бываетъ полезна, равно какъ, съ другой стороны, чиновники земства часто имѣютъ больше вліянія на ходъ дѣлъ, чѣмъ земство и управа. Это не исключительно русскій опытъ. Всюду, гдѣ выборные элементы приваны къ исполнительной дѣятельности, какъ напр. у насъ въ Чехіи въ уѣздныхъ управахъ, чиновникъ управы, какъ постоянный и поэтому лучше всѣхъ анающій дѣло, играетъ болѣе рѣшающую роль, чѣмъ ато отвѣчаетъ идеѣ самоуправленія въ смыслѣ русскомъ или нашемъ. Эта идея предполагаетъ непосредственную дѣятельность выборныхъ элементовъ, хотя само дѣло отъ преобладанія чиновническаго элемента въ большинствѣ случаевъ ничего не теряетъ, даже часто выигрываетъ.

Какъ всюду, такъ и здѣсь желательно ясное, опредѣленное отношеніе. Несомнѣнно, что роль исполнителей для выборныхъ элементовъ мыслима и полезна лишь въ самыхъ узкихъ рамкахъ мѣстной дѣятельности. На болѣе широкомъ поприщѣ и при болѣе сложной, интенсивной работѣ необходимо дать предпочтеніе чиновнику, обладающему соотвѣтствующими качествами. Ихъ имѣетъ, или по крайней мѣрѣ долженъ и можетъ имѣть, обыкновенно чиновникъ, отвѣчающій условіямъ принятія на государственную службу, пользующійся, — что очень важно, — авторитетомъ государственной власти и могущій подыматься на всѣ ступени должностей, соотвѣтствующихъ его знаніямъ.

Для удовлетворенія правъ гражданскаго элемента въ самоуправленіи будетъ совершенно достаточно, если земство получитъ право контроли надъ чиновниками, право запросовъ, и право и обязанность высказывать въ мѣстномъ земствѣ мнѣніе населенія о дѣятельности чиновниковъ на мѣстѣ. Здѣсь этотъ контроль можетъ быть дѣйствительнѣе, чѣмъ въ областномъ сеймѣ или въ Думѣ, гдѣ и критика, и правительство могутъ очень легко воспользоваться незнаніемъ дѣла всѣхъ другихъ не мѣстныхъ депутатовъ. Еще по другой причинѣ контроль этотъ дѣйствительнѣй,

чѣмъ въ томъ случаѣ, когда чиновникъ не самостоятельный государственный органъ, а только помощникъ управы. Послѣдняя слишкомъ близка чиновнику, онъ ея органъ, отвѣтственность несетъ не чиновникъ, а членъ управы, т. е. выборный, вліятельный членъ земства. Вслѣдствіи этого контроль не имѣетъ достаточной и необходимой отдаленности, чтобы быть дѣйствительнымъ и безпощаднымъ.

Но я не вижу нужды препятствовать земствамъ въ ихъ по крайней мѣрѣ косвенномъ вліяніи на назначеніе тѣхъ чиновниковъ, которые по своей службѣ приходятъ въ тѣсное соприкосновеніе съ выборными элементами (смѣшанныя комиссіи) и которые не призваны рѣшать самостоятельно вопросовъ управленія.

При этой системѣ исчезнетъ антагонизмъ между государственными и земскими чиновниками. Этотъ антагонизмъ и въ свободномъ государствѣ вредитъ управленію, а въ странахъ, гдѣ населеніе въ оппозиціи противъ правительства, выростаетъ въ непримиримую вражду. Именно въ Россіи, гдѣ въ этомъ антагонизмѣ сосредоточилась борьба свободной Россіи противъ самодержавія и гдѣ эти воспоминанія не могутъ скоро исчезнуть, необходимо замѣнить старую земскую систему новой. Надо не допускать вновь появленія пагубнаго антагонизма между земствомъ и правительствомъ, хотя бы областнымъ и автономнымъ, антагонизма, который неизбѣжно возникъ бы въ силу старыхъ традицій и воспоминаній.

Полное самоуправленіе и съ выборными чиновниками мой проектъ предоставляетъ только городамъ, деревнямъ и волостямъ исключительно для мѣстныхъ нуждъ и потребностей. Здѣсь все близко, интересы чисто локальные, такъ что заботы о нихъ можно поручить мѣстному самоуправленію. Но и здѣсь нуженъ контроль высшихъ инстанцій въ земствахъ и областяхъ, именно въ вопросахъ финансовыхъ, когда расходы и главное задолженность превышаютъ извѣстную норму. Но этотъ контроль производится также при участіи выборныхъ элементовъ и не представляетъ бюрократической опеки самоуправленія.

Въ заключеніе мнѣ хочется еще предложить для избѣжанія бюрократизаціи мѣстнаго управленія учрежденіе смѣшанныхъ комиссій изъ членовъ земствъ и представителей отдѣльныхъ вѣдомствъ. Въ литературѣ послѣднихъ лѣтъ передъ войной объ этомъ много говорилось. Конечно, такое «коллегіальное» рѣшеніе не допустимо тамъ, гдѣ администрація должна дѣйствовать быстро, безъ проволочекъ, именно въ случаяхъ общественной опасности, въ дѣлахъ военныхъ и т. д., и когда нужно принимать политическую отвѣтственность. Но тамъ, гдѣ возможно обсудить дѣло безъ спѣха, гдѣ требуются спеціальныя знанія мѣстныя или техническія, какъ напр. въ дѣлахъ строительныхъ, въ вопросахъ концессій для разныхъ предпріятій, въ вопросахъ школьныхъ, аграрныхъ, ремесленныхъ, вопросахъ гигіены или гдѣ вопросъ касается индивидуальныхъ правъ, которыя можно защищать въ порядкѣ административной юстиціи, тамъ такія смѣшанныя комиссіи даютъ наилучшую гарантію противъ ошибокъ и односторонностей бюрократизма.

Послѣ этого могу, надѣюсь, сказать, что въ системѣ, мной предложенной, доведенъ до послѣдней возможности принципъ участія выборныхъ элементовъ во всемъ государственномъ управленіи, не только въ видѣ контроля общегосударственныхъ палатъ и областныхъ сеймовъ, но также вездѣ въ губернскихъ и уѣздныхъ земствахъ, а въ послѣднихъ даже прямымъ участіемъ выборныхъ представителей при рѣшеніи всѣхъ важныхъ вопросовъ государственнаго управленія, гдѣ не требуется немедленное рѣшеніе, за которое власти отвѣчаютъ не только передъ законодательными собраніями, но также въ порядкѣ административнаго суда.

По моему мнѣнію это самый лучшій способъ рѣшенія вопроса объ участіи гражданъ въ государственномъ управленіи. Непосредственная административная дѣятель-

ность выборныхъ гражданскихъ элементовъ потеряла свои преимущества съ того момента, когда и мѣстное управленіе сдѣлалось столь сложнымъ и отвѣтственнымъ, что непремѣнно требуетъ полнаго посвященія всѣхъ силъ такому дѣлу. Это возможно только для чиновника, но не для гражданина. Послѣдній можетъ посвятить общественному дѣлу только часть своего времени и отъ него нельзя требовать спеціальной подготовки, необходимой для исполненія сложныхъ задачъ управленія общаго и мѣстнаго, если оно должно находиться на высотѣ современныхъ требованій. Лишь бы контроль былъ строгій, благоразумный, понимающій дѣло и его будетъ достаточно для охраненія гражданскихъ правъ и свободъ.

Я писалъ проектъ русской конституціи, когда мы всѣ надѣялись, что возрожденіе Россіи, установленіе въ ней порядка очень близки и съ этимъ близка огромная задача дать многострадальной имперіи конституцію, которая принесла бы всѣмъ гражданамъ необъятнаго Государства заруки свободы и порядка и возможность интенсивной работой въ центрѣ и на мѣстахъ возстановить силу и славу отечества. Обстоятельства измѣнились, но моимъ глубокимъ убѣжденіемъ остается, что Россія воскреснетъ и что всѣ задачи ея внутренняго устройства остаются неизмѣнными и жгучими.

Россія возродится! Быть можетъ, позже чѣмъ мы ожидали, но возродится непремѣнно и тѣ, которые должны будутъ дать ей внутреннее устройство, осуществляющее возможность свободно жить и работать на пользу родины всюду, въ каждомъ уголкѣ огромной земли и приносящее нерусскимъ народностямъ полную обезпеченность свободной жизни въ возрожденномъ государствѣ, тѣ должны уже теперь знать, что они предложатъ учредительному собранію, а не потомъ лишь искать путь, по которому должна идти Россія къ новой славѣ и новому могуществу. И я былъ-бы счастливъ, еслибы мнѣ удалось убѣдить всѣхъ, любящихъ Россію, что спасеніе идетъ не сверху, а снизу. Всюду на мѣстахъ должна кипѣть работа, для которой конституція Россіи обязана дать всю свободу и всѣ возможности.

Сверху Россію погубили автократическій бюрократизмъ и большевитское насиліе. Пусть грядущая Россія возродится работой снизу, дружной работой всѣхъ русскихъ и нерусскихъ своихъ гражданъ! Потомъ она станетъ нерушима, даже еслибы новыя бури сломили ея верхушки. Пусть будетъ каждый русскій человѣкъ строителемъ своего новаго отечества и не найдется больше силы, которая подорвала бы могущество свободной Россіи.

Прага, 25 января 1920 года

Докладъ начальнику операціоннаго отдѣленія германскаго восточнаго фронта о положеніи дѣлъ на Украйнѣ въ Мартѣ 1918 года.*

Ко времени вступленія нѣмецкихъ войскъ на Украину тамъ царилъ полный хаосъ. При занятіи Кіева большевиками значительная часть украинскихъ войскъ заявила о своемъ нейтралитетѣ. И когда оставшіяся вѣрными правительству войска были разбиты, то Рада и министры бѣжали въ Житомиръ. Однако въ Житомирѣ отказались принять Раду и члены ея разъѣхались въ разныя стороны. Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ нѣкоторыя украинскія части еще держались, но онѣ не поддерживали связей другъ съ другомъ, и можно сказать, что Рада къ моменту подписанія мирнаго договора фактически не имѣла ни власти, ни сторонниковъ въ странѣ.

Внутреннее положеніе Украины болѣе всего напоминаетъ состояніе Мексики послѣ паденія Хуэрты. Въ странѣ нѣтъ никакой центральной власти, захватывающей болѣе или менѣе значительную территорію. Вся страна раздѣлена на цѣлый рядъ отдѣльныхъ областей, ограничивающихся предѣлами уѣзда, города, а иногда даже отдѣльными селами и деревнями. Власть въ такихъ областяхъ принадлежитъ различнымъ партіямъ, а также и отдѣльнымъ политическимъ авантюристамъ, разбойникамъ и диктаторамъ. Можно встрѣтить деревни, описанныя окопами и ведущія другъ съ другомъ войну изъ за помѣщичьей земли. Отдѣльные атаманы властвуютъ въ областяхъ, подчиненія которыхъ они добиваются съ помощью своихъ приближенныхъ и наемниковъ. Въ ихъ распоряженіи находятся пулеметы, орудія и бронированные автомобили; какъ и вообще много оружія растасканно населеніемъ.

Нельзя сказать, что большевики опираются лишь на оставшіяся въ Украинѣ русскія войска и на пришедшія изъ Великороссіи банды; они имѣютъ и много сторон-

---

* Авторъ доклада извѣстный нѣмецкій публицистъ Колинъ Россъ служилъ съ осени 1917 года въ военномъ отдѣленіи министерства Иностранныхъ дѣлъ (Militärische Stelle des Auswärtigen Amtes), въ обязанности котораго входило снабженіе иностранной печати свѣдѣніями о ходѣ военныхъ операцій. Въ качествѣ служащаго этого отдѣленія онъ часто посѣщалъ всѣ фронты и наблюдалъ за ходомъ военныхъ операцій изъ передовыхъ линій. При занятіи нѣмцами Украины Колинъ Россъ находился при передовыхъ нѣмецкихъ отрядахъ, съ которыми и вступилъ въ Кіевъ.

Печатаемый докладъ былъ составленъ по просьбѣ начальника операціоннаго отдѣленія восточнаго фронта (Ober-Ost). Послѣ представленія доклада Колинъ Россъ имѣлъ бесѣду съ генераломъ Гофманомъ, который на рядъ указаній относительно необходимости упорядоченія отношеній съ Украиной и ошибокъ, совершенныхъ нѣмецкимъ военнымъ командованіемъ, отвѣтилъ: «Ха! Вся Украина меня интересуетъ только до ближайшаго урожая. А тамъ, пусть съ ней будетъ все, что угодно.»

никовъ на Украинѣ. Всѣ рабочіе настроены большевистски, какъ и значительная часть демобилизованныхъ солдатъ. Трудно установить, каково отношеніе крестьянъ къ большевикамъ. Въ тѣхъ деревняхъ, въ которыхъ побывали большевистскія банды, гдѣ онѣ грабили и реквизировали, крестьяне настроены антибольшевистски. Но въ другихъ мѣстахъ, повидимому, большевистская пропаганда имѣла успѣхъ и среди крестьянъ.

Главный интересъ крестьянъ сосредоточенъ на вопросѣ о надѣленіи землей; они пойдутъ за Радой, если она не откажется отъ распредѣленія помѣщичьей земли между крестьянами. Но если Рада что либо измѣнитъ въ 3-емъ и 4-омъ Универсалѣ, въ которыхъ провозглашается безвозмездное отчужденіе земли въ пользу крестьянъ, то крестьяне пойдутъ за большевиками. И хотя большевики изъ за своего террора во многихъ мѣстахъ очень быстро лишились власти, все же ихъ лозунгъ: «Бери, все твое»,слишкомъ заманчивъ, чтобы снова и снова не оказывать своего соблазнительнаго вліянія на народныя массы.

Украинская самостійность, на которую опирается Рада, имѣетъ въ странѣ чрезвычайно слабые корни. Главнымъ ея защитникомъ является небольшая группа политическихъ идеалистовъ.

Въ народѣ часто можно встрѣтить полное отсутствіе интереса къ національной самобытности. Съ другой стороны и украинцы не являются сплоченной политической группой, но дѣлятся на различныя соціалистическія теченія. Рада, власть которой усиливается со времени прихода нѣмцевъ съ каждымъ днемъ, все же опирается теперь, какъ, по всей вѣроятности, еще долго и въ будущемъ, на нѣмецкіе штыки.

Состоятельные круги населенія, интеллигенція и офицеры относятся пассивно къ смѣнѣ правительствъ. Они пойдутъ со всякимъ правительствомъ, которое не будетъ слишкомъ соціалистическимъ и, хотя бы отчасти, будетъ защищать ихъ интересы.

Евреи были всецѣло на сторонѣ большевиковъ и большинство руководителей большевиковъ — евреи.

Особую роль играютъ многочисленные здѣсь поляки и среди нихъ, прежде всего, представители экспропріированнаго польскаго крупнаго землевладѣнія. Они пытаются завязать сношенія съ нѣмецкими штабами и офицерами и ведутъ травлю противъ Рады.

Среди военныхъ образованій, объявившихъ о своемъ политическомъ нейтралитетѣ, надо упомянуть о самостоятельныхъ воинскихъ частяхъ другихъ народностей, о польскихъ частяхъ и, прежде всего, о чехо-словацкихъ.

Какъ ни велика политическая сумятица въ странѣ, все же усталость отъ войны и революціи и потребность въ покоѣ и порядкѣ во всѣхъ слояхъ населенія чрезвычайно велика. Можно сказать, что всякое правительство, которое будетъ въ извѣстной мѣрѣ опираться на большинство народа и будетъ въ состояніи обеапечить покой и порядокъ, сможетъ укрѣпиться.

Нынѣшнее правительство Рады развиваетъ, опираясь на нѣмецкія войска, чрезвычайную дѣятельность. Но, при различіи, а отчасти, и непримиримости соціальныхъ интересовъ, трудности, которыя ему предстоитъ преодолѣть, въ высшей степени велики. Еще долгое время будетъ длиться ожесточеннѣйшая внутренная борьба. И главная трудность заключается въ томъ, что народъ деморализованъ революціей и большевистской пропагандой и въ корнѣ поколеблены понятія власти и дисциплины.

Украинское войско

Украинское войско—войско наемниковъ; оно состоитъ изъ бывшихъ солдатъ и офицеровъ, безработныхъ и авантюристовъ. Въ основѣ своей оно совершенно демократично. Чиновъ никакихъ нѣтъ, есть только должности командующихъ отдѣльными воинскими единицами. Простые солдаты получаютъ жалованье въ 333 рублей въ мѣсяцъ и, кромѣ того, пропитаніе, квартиру и одежду. Семьи ихъ получаютъ пособіе. Командующій каждой воинской единицы получаетъ на 15% больше непосредственно ему подчиненныхъ. Власть и авторитетъ командующаго чрезвычайно не велики. Денщиковъ или прислуги нѣтъ даже и у высшихъ офицеровъ. Военный министръ самъ себѣ чиститъ сапоги. Характерно, что въ поѣздѣ военнаго министра австрійскіе военноплѣнные исполняютъ обязанности поваровъ.

Численность Украинской арміи приблизительно равна 2000 человѣкъ; армія дѣлится на цѣлый рядъ отрядовъ, отличающихся другъ отъ друга своей формой. Въ ея распоряженіи находится небольшое количество орудій, пулеметовъ и бронированныхъ автомобилей. Боевая ея сила чрезвычайно мала.

Командующимъ всѣми вооруженными силами является военный министръ Жуковскій, начальникъ его штаба—генералъ Ожецкій; оба, повидимому, бывшіе офицеры русскаго Генеральнаго Штаба. Кромѣ нихъ пользуются особой извѣстностью генералы Прессовскій и Петлюра. Послѣдній—авантюристъ, пользующійся большой популярностью.

Смѣна руководителей военнаго и гражданскаго управленія чрезвычайно часта. Насколько согласована работа военныхъ и гражданскихъ властей и насколько она затруднена взаимными интригами, трудно сказать. Повидимому, идетъ ожесточенная, скрытая борьба за власть. При моемъ отъѣздѣ изъ Кіева говорили, что генералъ Петлюра вышелъ въ отставку; возможно, что его большая популярность, ярко проявившаяся во время вступленія украинскихъ войскъ, показалась опасной военному министру.

Самъ Жуковскій производитъ впечатлѣніе энергичнаго человѣка, знающаго, что онъ хочетъ. Въ настоящее время онъ чрезвычайно напряженно работаетъ надъ тѣмъ, чтобы держать армію въ своихъ рукахъ. Онъ хочетъ постепенно пріучить войска къ дисциплинѣ, и, кромѣ того, по его плану въ ряды арміи должны быть приваны новобранцы за одинъ годъ.

Украинское войско носитъ пока русскую форму, отличительнымъ его знакомъ является голубая или желто-голубая повязка на лѣвой рукѣ. Фантастическимъ не то казацкимъ, не то татарскимъ головнымъ уборомъ въ родѣ длинныхъ цвѣтныхъ колпаковъ и т. п. стараются придать войску національный характеръ и этимъ повліять на моральное состояніе и на національное чувство солдатъ. Вооруженіе крайне разнообразно. По примѣру всѣхъ революціонныхъ войскъ, каждый стремится имѣть на себѣ какъ можно больше оружія.

Военная оцѣнка

И при дальнѣйшихъ военныхъ операціяхъ нельзя разсчитывать на серьезную поддержку со стороны украинскихъ войскъ, но они важны въ качествѣ политической декораціи. Война до сихъ поръ была желѣзно-дорожной войной; и возможна она была только благодаря благожелательному отношенію желѣзнодорожныхъ служащихъ, относившихся нейтрально къ происходившей до сихъ поръ борьбѣ партій; эти служащіе по всюду, куда ни приходили нѣмцы, оказывали имъ помощь и поддержку, и только благодаря ихъ готовности помочь было возможно функціонированіе желѣз-

ныхъ дорогъ. Самымъ важнымъ обстоятельствомъ для дальнѣйшаго веденія войны является общая усталость отъ войны, малая боеспособность большевистскихъ войскъ и почти сказочный страхъ, съ которымъ повсюду встрѣчаютъ извѣстіе о приближеніи «германцевъ». Сохраненіе этого моральнаго престижа является основой дальнѣйшихъ успѣховъ.

До сихъ поръ почти не приходилось наталкиваться на организованное вражеское сопротивленіе. Въ качествѣ наиболѣе дисциплинированныхъ и боеспособныхъ частей проявили себя чехо-словацкі войска. Возможно, однако, что при перерывѣ или замедленіи дальнѣйшаго продвиженія прійдется натолкнуться на болѣе энергичное сопротивленіе; больше всего надо опасаться, что вожди большевистскаго движенія найдутъ время для разрушенія всяческихъ техническихъ сооруженій, а также для увоза или уничтоженія продовольственныхъ запасовъ. По моему личному впечатлѣнію, создавшемуся во время моего передвиженія съ передовыми отрядами въ самыхъ разныхъ мѣстахъ, незначительные войскіе отряды при поддержкѣ бронированныхъ поѣздовъ или же бронированныхъ автомобилей, сопровождаемыхъ грузовыми автомобилями съ пулеметными командами, — могутъ пройти сотни километровъ вглубь страны и захватить самыя важныя техническія сооруженія, узловыя желѣзнодорожныя станціи, а также продовольственные склады и удержать ихъ до подхода подкрѣпленій. Лично у меня впечатлѣніе, что дѣйствительно организованныя большевистскія силы чрезвычайно не велики; такъ напримѣръ ихъ въ Кіевѣ было отъ 4 до (максимально) 8 тысячъ человѣкъ, но при помощи террора они господствовали въ городѣ въ 600 000 жителей, среди которыхъ было 30 000 офицеровъ.

Экономическое положеніе

Украина производитъ впечатлѣніе страны, не испытывающей ни въ чемъ недостатка. Даже въ явно плохо снабженныхъ городахъ, даже въ Кіевѣ, переживающемъ такія трудности, можно увидѣть въ магазинахъ и гостиницахъ всяческіе жизненные продукты въ неограниченномъ количествѣ. Единственный продуктъ питанія, недостатокъ котораго чувствуется въ городахъ, это—хлѣбъ, такъ какъ крестьяне не везутъ хлѣба въ городъ. Зато мясо можно найти по всюду въ любомъ количествѣ.

По словамъ жителей повсюду въ деревняхъ есть большіе запасы зерна, спрятаннаго и зарытаго въ землю. Трудно сказать насколько это сообщеніе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но, по моему впечатлѣнію, это — такъ. При моемъ посѣщеніи многихъ деревень, я видѣлъ, что крестьяне чрезвычайно хорошо живутъ, у нихъ очень много мелкаго скота, и они предлагаютъ въ большомъ количествѣ шинки, свое національное кушаніе. Вдоль желѣзнодорожной линіи, и прежде всего на узловыхъ станціяхъ, я наталкивался на значительные продовольственные склады.

Но полученіе продовольственныхъ продуктовъ, особенно запасовъ зерна, будетъ связано съ большими трудностями. Крестьянинъ, располагающій значительными запасами зерна и деньгами, не хочетъ ничего продавать. Количество кредитныхъ билетовъ, благодаря неограниченному ихъ печатанію, такъ велико и ихъ цѣнность такъ упала, что обладаніе ими не представляетъ никакого соблазна для крестьянина. Кромѣ того онъ не знаетъ, что и когда онъ сможетъ получить за свои продукты, и поэтому онъ предпочитаетъ держать ихъ спрятанными. Къ тому же играетъ еще большую роль антагонизмъ между городомъ и деревней. При ужасающемъ недостаткѣ подвижного состава крестьянинъ не можетъ купить въ городѣ ничего изъ того, въ чемъ онъ нуждается. И даже при очень высокой цѣнѣ на хлѣбъ трудно будетъ склонить крестьянина продать жизненные припасы въ значительномъ количествѣ. Но онъ

охотно обмѣняетъ ихъ на товары, въ которыхъ онъ испытываетъ острую нужду. Это, въ первую голову, — сельско-хозяйственныя орудія, кожа, посуда, платье и сапоги.

Другимъ основаніемъ для нежеланія продавать хлѣбъ является запрещеніе продажи алкоголя и отмѣна правительственной винной монополіи. Водка, какъ и вообще алкоголь, является на Украинѣ въ высшей степени ходкимъ товаромъ, и въ городахъ ее можно получить лишь за баснословную цѣну. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ крестьяне приготовляютъ изъ зерна водку. А такъ какъ высшая цѣна на зерно не превышаетъ 18 рублей за пудъ, а изъ пуда зерна можно получить 3 бутылки водки цѣнностью въ 90 рублей, то перегонка водки является новымъ основаніемъ для крестьянъ не продавать зерна, какъ продукта питанія.

Рада стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что крестьяне противозаконно захватили большіе запасы продовольствія изъ государственныхъ магазиновъ, служившихъ для снабженія фронта. Она хочетъ съ помощью нѣмецкихъ войскъ оказать давленіе на крестьянъ и принудить ихъ выдать запасы. Иногда при приближеніи нѣмецкихъ войскъ крестьяне выдавали комиссарамъ Рады продовольствіе, лошадей и т. п. Но такіе пріемы, въ случаѣ ихъ длительнаго примѣненія, конечно, вызовутъ сильную ненависть всего крестьянскаго населенія къ нѣмецкимъ войскамъ, и представляется значительно болѣе цѣлесообразнымъ получить продовольственные припасы отъ крестьянъ добромъ.

Что касается дальнѣйшаго снабженія страны и центральныхъ державъ, то всѣ представители крупнаго землевладѣнія указываютъ, что крестьяне обрабатываютъ землю только для собственнаго потребленія и что избытокъ для вывоза можетъ быть полученъ только съ помощью крупнаго землевладѣнія. Часть имѣній были засѣяны осенью и дали хорошіе всходы. Но для дальнѣйшаго веденія хозяйства нѣтъ необходимыхъ средствъ, такъ какъ крестьяне захватили живой инвентарь и орудія. Кромѣ того въ имѣніяхъ никто не хочетъ сѣять, не зная, кто будетъ снимать урожай. Дальнѣйшимъ препятствіемъ для веденія хозяйства въ большихъ имѣніяхъ является и высокая оплата труда.

Эта высокая оплата, а также и трудность, а иногда и невозможность, найти рабочія руки является главнымъ препятствіемъ для экономическаго развитія Украины. Она обусловливается деморализаціей народа и тѣмъ, что онъ отвыкъ отъ всякой работы. Чрезвычайно важнымъ препятствіемъ для налаживанія и въ будущемъ хозяйственныхъ отношеній между Украиной и центральными державами является полное обезцѣненіе денегъ. Финансовое положеніе Украины совершенно хаотично. Въ обращеніи находится громадное количество ничѣмъ не покрытыхъ бумажныхъ денегъ различныхъ правительствъ. И финансовымъ фундаментомъ настоящаго правительства, не располагающаго никакими податями или другими доходами, является выпускъ ни чѣмъ не покрытыхъ кредитныхъ билетовъ. Вслѣдствіи этого цѣнность рубля уменьшилась въ 10 разъ. Вздорожаніе прямо фантастическое. И имѣстѣ съ тѣмъ каждый до простого чернорабочаго, бродяги или демобилизованнаго солдата располагаетъ громадными денежными суммами, такъ какъ самый пустяковый физическій трудъ, какъ напримѣръ, разгрузка желѣзнодорожнаго вагона, оплачивается отъ 30 до 50 рублей въ день.

Во время вступленія нѣмецкихъ войскъ населеніе оцѣнивало марку въ рубль; и купцы были въ восторгѣ, когда нѣмцы принимали этотъ курсъ. Но затѣмъ военныя власти установили курсъ въ 1 марку 50 пфен. Обезцѣненіе марки этимъ, однако, не закончилось, и въ мартѣ Рада объявила во всѣхъ газетахъ, что по соглашеніи съ нѣмецкими военными властями курсъ рубля установленъ въ 2 марки. Это извѣстіе распространилось невѣроятно скоро, такъ что даже крестьяне въ деревняхъ прини-

мали марку только за 50 коп. Появилась даже тенденція оцѣнивать ее лишь въ 48 коп.

Это быстрое обезцѣненіе марки имѣло прямо чудовищныя послѣдствія. Всякій русскій солдатъ и всякій чернорабочій располагаетъ болѣе значительными средствами, чѣмъ нѣмецкій офицеръ. А нѣмецкій солдатъ не имѣетъ никакой возможности пріобрѣсти себѣ въ деревнѣ столь желанную прибавку къ своему часто скромному пайку. При значительномъ обиліи жизненныхъ припасовъ такое положеніе вызываетъ естественное озлобленіе офицеровъ и солдатъ и можетъ легко привести къ незаконнымъ реквизиціямъ и. т. п. Кромѣ того нѣмецкій офицеръ по отношенію къ русскому, а также по отношенію къ тѣмъ слоямъ населенія, среди которыхъ онъ вращается, находится въ странномъ положеніи, такъ какъ онъ никакъ не можетъ жить съ ними на равной ногѣ, не располагая очень большими средствами.

Въ виду того, что поднять теперь курсъ марки кажется нецѣлесообразнымъ, и во всякомъ случаѣ чрезвычайно труднымъ, и это можетъ вызвать большое озлобленіе, то единственнымъ способомъ оздоровить эти уродливыя отношенія заключается въ полномъ прекращеніи притока нѣмецкихъ денегъ на Украину и оплаты арміи по болѣе высокой ставкѣ въ рубляхъ. Эти расходы, какъ и вообще всѣ расходы, связанные съ дальнѣйшими военными операціями должна нести Украина.

Противо-нѣмецкое настроеніе

Отношеніе къ нѣмцамъ пока хорошо. Состоятельные круги населенія, интеллигенція и офицерство встрѣчали нѣмцевъ съ искреннимъ ликованіемъ и привѣтствовали ихъ, какъ освободителей отъ невыноснаго гнета. Это особенно проявилось въ Кіевѣ въ первые дни послѣ прихода. Въ этомъ отношеніи украинцы не отличались отъ великороссовъ и поляковъ. Великорусское населеніе особенно привѣтливо встрѣчало нѣмцевъ. Большевики изливали свою ненависть преимущественно на офицерахъ. Въ Кіевѣ по достовѣрнымъ даннымъ было разстрѣляно, по крайней мѣрѣ, 1000 офицеровъ, а, вѣроятно, и больше.

Также и низшіе слои населенія въ большинствѣ своемъ относятся дружественно или, по крайней мѣрѣ, безразлично къ нѣмцамъ и лишь еле замѣтное меньшинство — враждебно. Какъ опредѣленные враги нѣмцевъ, пока выступаютъ большевистски настроенные рабочіе.

Но уже и теперь есть симптомы, указывающіе, что въ недалекомъ будущемъ это доброжелательное отношеніе къ нѣмцамъ измѣнится. Чѣмъ дольше будетъ пребываніе нѣмцевъ, тѣмъ больше будутъ забываться ужасы большевистскаго террора, и тѣмъ острѣе будутъ ощущаться неудобства оккупаціи. Населеніе пока еще убѣждено, что съ установленіемъ связи съ Германіей оно получаетъ въ неограниченномъ количествѣ товары. Но чѣмъ яснѣе станетъ для него, что объ атомъ не можетъ быть никакой рѣчи, и что оно наоборотъ обречено испытывать такую же нужду въ товарахъ, какъ и центральная Европа, тѣмъ враждебнѣе будетъ отношеніе къ нѣмцамъ.

Конечно, ухудшеніе отношенія вызывается отчасти и поведеніемъ отдѣльныхъ солдатъ и офицеровъ. Реквизиціи встрѣчаютъ съ недовѣріемъ, ибо населеніе не увѣрено въ томъ, что онѣ будутъ оплачены. Имѣли мѣсто и насильственныя реквизиціи безъ выдачи квитанцій, какъ и обращеніе церквей въ конюшню, покрытіе лошадей церковнымъ облаченіемъ и т. п. Въ Кіевѣ уже въ первые дни носились мало отрадные слухи о томъ, что нѣмецкіе офицеры били на улицахъ русскихъ солдатъ и т. п.

Политика, печать, пропаганда

Въ настоящее время каждый нѣмецкій офицеръ и солдатъ на Украинѣ играютъ роль видныхъ политическихъ дѣятелей. Ихъ слова принимаются за официальныя заявленія Германской имперіи и народа. Но при этомъ они совершенно не получаютъ опредѣленныхъ директивъ. Можно сказать, что каждый штабъ и каждый офицеръ дѣлаетъ и вынужденъ дѣлать политику на свой манеръ. Куда бы ни пришелъ нѣмецкій отрядъ, хотя бы взводъ пѣхоты или бронированный автомобиль, сейчасъ же командующій офицеръ вступаетъ въ переговоры съ мѣстной Радой и вынужденъ рѣшить цѣлый рядъ вопросовъ высшей политики. Вслѣдъ за нимъ приходитъ старшій офицеръ, который часто придерживается другихъ взглядовъ, и такія перемѣны происходятъ по нѣсколько разъ, пока дѣло не дойдетъ до штаба.

Нѣмецкіе офицеры часто придерживаются того взгляда, что съ Радой — этой бандой соціалистовъ-революціонеровъ, разумѣется, нельзя поддерживать сношеній, и что, какъ можно скорѣе, должно быть образовано другое правительство. И естественно, что всѣ слои населенія, стремящіеся установить другіе порядки—представители крупнаго землевладѣнія и монархисты—стараются завязать сношенія съ нѣмецкими офицерами и штабами, и склонить ихъ на свою сторону. А такъ какъ противоположныя теченія въ гораздо меньшей степени доступны наблюденію нѣмецкой арміи, то естественно, что общая картина неправильно освѣщается, и легко создается оцѣнка вещей, не соотвѣтствующая дѣйствительному положенію.

При этомъ, общее положеніе въ настоящее время чрезвычайно благопріятно для нѣмецкой пропаганды среди населенія. Вся страна уже нѣсколько недѣль отрѣзана отъ внѣшняго міра и лихорадочно жаждетъ извѣстій. Мѣстныя газеты вынуждены ограничиваться свѣдѣніями, почерпаемыми изъ случайно попадающихъ иностранныхъ газетъ. Такъ напримѣръ, послѣднія нѣмецкія газеты, прибывшія въ Кіевъ, были отъ середины Декабря прошлаго года.

Немедленное снабженіе страны извѣстіями изъ нѣмецкихъ источниковъ является крайне необходимымъ; при этомъ кажется цѣлесообразнымъ созданіе большого официальнаго учрежденія, работающаго въ первую голову съ помощью нѣмецкой печати и нѣмецкихъ корреспондентовъ.

Далѣе кажется необходимымъ немедленно начать рѣшительную борьбу съ чрезвычайно искусной пропагандой Антанты, которая уже ведется и теперь. Такъ, въ началѣ марта было распространено сообщеніе, что англичане прорвали Дарданеллы и высадили войска въ Одессѣ; это сообщеніе было отпечатано въ газетахъ, и ему всѣ повѣрили.

Заключеніе

Въ заключеніи я хотѣлъ бы сказать слѣдующее: Рада держится только благодаря нѣмецкой оккупаціи. Но ея власть усиливается съ каждымъ днемъ. И можно предполагать, что параллельно съ усиленіемъ власти Рады, ея отношеніе къ нѣмцамъ будетъ становится все враждебнѣе.

Образованіе сѣверо-западнаго Правительства

Незадолго до пріѣзда въ Финляндію генерала Юденича, въ Гельсингфорсѣ образовался подъ пресѣдательствомъ А. Ф. Тренова особый комитетъ по дѣламъ русскихъ въ Финляндіи. Комитетъ былъ организованъ съ разрѣшенія финскаго правительства, которое выдало ему ссуду въ пятьсотъ тысячъ марокъ. Тренову, однако, недолго пришлось оставаться на посту предсѣдателя. Въ началѣ 1919 года въ Финляндію бѣжали изъ Петербурга П. Б. Струве и А. В. Карташевъ. Въ ато время въ Выборгѣ былъ созванъ съѣздъ представителей русской промышленности и торговли, послѣ котораго на мѣсто Тренова во главѣ комитета былъ поставленъ Карташевъ, являвшійся вмѣстѣ съ тѣмъ представителемъ т. н. національнаго центра, подпольной организаціи, образовавшейся въ Россіи для борьбы съ большевиками.

Комитетъ тоже состоялъ главнымъ образомъ изъ русскихъ промышленниковъ и фабрикантовъ; изъ другихъ элементовъ въ немъ игралъ видную роль кн. В. М. Волконскій, б. товарищъ пресѣдателя гос. думы и товарищъ министра вн. дѣлъ и гр. Буксгевденъ, б. чиновникъ особыхъ порученій при моск. генералъ губернаторѣ, обвинявшійся въ организаціи убійства депутата Іоллоса и покушенія на убійство гр. Витте. Какъ Комитетъ, такъ и выдѣленный изъ него Совѣтъ промышленности подъ предсѣдательствомъ Ф. Ф. Утемана, хотя по уставамъ своимъ и не долженъ былъ вмѣшиваться въ политику, поставилъ главной своей задачей оказаніе помощи Юденичу, для чего въ гельсингфорскихъ банкахъ и былъ сдѣланъ подъ общимъ поручительствомъ заемъ въ два милліона марокъ. Однако отношенія между комитетомъ и совѣтомъ, съ одной стороны, и Юденичемъ, съ другой, далеко не были свободны отъ треній. Въ самомъ комитетѣ царило несогласіе и онъ дѣлился на двѣ группы, которыя другъ друга обвиняли въ «нѣмецкой ріентаціи», что тогда считалось тяжкимъ преступленіемъ. Каждая изъ этихъ группъ старалась пріобрѣсти вліяніе на Юденича и генералъ склонялся то на ту, то на другую сторону. Ближайшіе совѣтники генерала постоянно мѣнялись; кромѣ того, имѣлись таковые и внѣ названныхъ организацій, къ числу ихъ принадлежалъ на первомъ мѣстѣ англичанинъ Личъ, тоже оказывавшій Юденичу помощь. Впослѣдствіи, когда Юденичъ началъ свое наступленіе на Петербургъ и, казалось, вотъ-вотъ возьметъ столицу, Личъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ извѣстнымъ банкиромъ Рубинштейномъ въ Финляндію, получилъ отъ генерала неосуществившуюся концессію на устройство эмиссіонаго банка въ Петербургѣ съ устраненіемъ всѣхъ русскихъ банковъ. Укрывшіеся въ Финляндіи представители т. н. общественнаго элемента, стоявшіе внѣ комитета и совѣта, недовольные такимъ положеніемъ дѣлъ, образовали подъ предсѣдательствомъ Е. И. Кедрина группу, которая всячески стремилась добиться, чтобы при Юденичѣ было образовано какое нибудь совѣщаніе изъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей, которое бы опредѣлило направленіе его дѣятельности. Генералъ шелъ на это неохотно и медленно, но все же уступалъ. Однако

первое совѣщаніе, имъ образованное по своему выбору, не состоялось. Совѣтъ промышленности запротестовалъ, требуя, чтобы представители промышленности были избраны самимъ совѣтомъ, а другіе члены совѣщанія были назначены по соглашенію съ нимъ. Тогда названная группа приступила къ выработкѣ положенія о совѣщаніи и представила проектъ Юденичу, причемъ предполагалось, что совѣщаніе будетъ находиться «въ контактѣ» съ группой. Генералъ проектъ одобрилъ и назначилъ пять лицъ (Ліанозова, Кузьмина-Караваева, Суворова, Карташева и Кондырева) членами «Политическаго Совѣщанія». Совѣщаніе это быстро эманципировалось отъ всякой связи съ группой, а съ другой стороны не наладило отношеній и къ Комитету и Совѣту, напротивъ, послужило новымъ источникомъ взаимныхъ недоразумѣній и счетовъ.

Совѣщаніе продолжало начатые уже Юденичемъ переговоры съ финскимъ правительствомъ объ оказаніи военной помощи въ борьбѣ съ большевиками, но вслѣдствіи внутреннихъ политическихъ осложненій переговоры подвигались очень туго. Финляндіи предстоялъ непосредственно выборъ президента, причемъ наиболѣе серьезнымъ кандидатомъ былъ естественно Маннергеймъ, который однако имѣлъ много противниковъ. Маннергеймъ, полагавшій, что походъ противъ большевиковъ укрѣпитъ его положеніе, стоялъ за интервенцію и на этой же точкѣ зрѣнія стояли всѣ его сторонники. Напротивъ, его противники, уже какъ таковые, были противъ интервенціи, опасаясь, что она сдѣлаетъ неизбѣжнымъ избраніе Маннергейма президентомъ. Когда послѣ острой борьбы президентомъ былъ избранъ Стольбергъ, переговоры съ финскимъ правительствомъ постепенно сошли на нѣтъ и вниманіе Совѣщанія перенеслось въ сторону Эстоніи, куда члены его и стали ѣздить для переговоровъ съ эстонскимъ правительствомъ и для выясненія на мѣстѣ обстановки, въ которой орѣанизовались русскіе отряды.

Къ этому времени въ Финляндію и Эстонію прибыла англійская военная миссія подъ начальствомъ генераловъ Гофа и Марша, назначеніе которой, какъ потомъ утверждали изъ англійскихъ источниковъ, было состоять при Юденичѣ, но фактически они считали себя распорядителями.

Но и внутри себя политическое совѣщаніе было неспособно отъ серьезныхъ недоразумѣній и нѣкоторые члены его тщетно добивались отъ Юденича опубликованія какой нибудь опредѣленной программы дѣйствій, которая была тѣмъ болѣе необходима, что поведеніе начальниковъ отрядовъ въ Эстоніи не способно было внушить довѣріе къ ихъ настроеніямъ и цѣлямъ. Въ то время, какъ Политическое Совѣщаніе, опираясь на помощь англійской миссіи, развивало свою дѣятельность, генералъ Маршъ за спиной его съ необычайной скоропалительностью подготовилъ образованіе сѣверозападнаго правительства. О томъ, какъ образованіе этого правительства, завершившееся полнымъ пораженіемъ Юденича, произошло, разсказали впослѣдствіи въ своемъ докладѣ Карташевъ, Кузьминъ-Караваевъ и Супоровъ. Изъ этого доклада мы и заимствуемъ его чисто фактическую часть и приложенные къ нему документы. Послѣдній изъ печатаемыхъ документовъ, рисующій отношенія генерала Гофа къ Юденичу, къ упомянутому докладу не приложенъ и доставленъ намъ непосредственно.

Образованіе сѣверозападнаго правительства, сочетавшееся съ признаніемъ независимости Эстоніи, привело, какъ извѣстно, къ недоразумѣніямъ между Англіей и Франціей. Гофъ и Маршъ были отозваны, руководительство операціями на сѣверозападномъ фронтѣ было передано Франціи, которая рѣшила послать генерала Манжена; но тотъ отказался. Тогда оно было поручено генералу Нисселю, который однако до Ревеля и Гельсингфорса не доѣхалъ, отдавъ всѣ свои заботы ликвидаціи бермонтовскаго инцидента. Наступленіе Юденича потерпѣло полное крушеніе.

Изъ доклада Карташева, Кузьмина-Караваевъ и Суворова

I

Съ 31 іюля по 7-ое августа всѣ члены Политическаго Совѣщанія, кромѣ члена совѣщанія по должности, — начальника штаба Главнокомандующаго, были въ Ревелѣ, откуда В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, А. В. Карташевъ и М. Н. Суворовъ на 3-е августа выѣзжали въ Нарву. С. Г. Ліанозовъ былъ занятъ въ Ревелѣ дѣлами вѣренныхъ ему Отдѣловъ и въ Нарву не ѣздилъ. Равнымъ образомъ, С. Г. Ліанозовъ, въ виду неотложной дѣловой работы въ Ревелѣ, и 7-го августа не вернулся въ Гельсингфорсъ.

8 и 9 августа мы имѣли чрезвычайно тревожныя телефонныя сообщенія отъ С. Г. Ліанозова изъ Ревеля, говорившаго намъ, что въ отношеніяхъ съ эстонцами внезапно произошелъ грозящій разрывомъ рѣзкій поворотъ и требовавшаго немедленнаго нашего пріѣзда въ Ревель. Безотлагательно же нами были начаты хлопоты по полученію визъ, и 10-го августа мы выѣхали на пароходѣ въ Ревель. Передъ отъѣздомъ намъ были получены свѣдѣнія, что нашего пріѣзда ожидаетъ генералъ Маршъ.

На пароходной пристани въ Ревелѣ А. В. Карташева и М. Н. Суворова встрѣтилъ англійскій офицеръ, который доложилъ, что онъ присланъ генераломъ Маршемъ и имѣетъ порученіе просить немедленно, вмѣстѣ съ нимъ, ѣхать на автомобилѣ въ англійское консульство. В. Д. Кузьмину-Караваеву встрѣчавшій насъ также на пристани полковникъ Б. П. Поляковъ объяснилъ, что приглашеніе къ нему не обращено, вѣроятно, исключительно вслѣдствіи того, что его пріѣзда не ожидали. А потому В. Д. Кузьминъ-Караваевъ тоже отправился въ консульство, гдѣ и ему было сообщено, что генералъ Маршъ проситъ его принять участіе въ созванномъ совѣщаніи.

Въ залѣ консульства, когда мы вошли, были генералъ Маршъ съ чинами англійской миссіи, а равно представители миссій американской и французской. Изъ русскихъ здѣсь же находились: полковникъ К. А. Крузенштернъ, К. А. Александровъ, М. С. Маргуліесъ, М. М. Филиппео, С. Г. Ліанозовъ и два лично намъ неизвѣстныхъ, какъ потомъ оказалось, гг. Горнъ и Ивановъ. Кромѣ того въ залѣ были: корреспондентъ газеты «Times» г. Поллокъ и секретарь отдѣла внѣшнихъ сношеній штаба Сѣверо-Западной арміи ротмистръ Барщъ.

Генералъ Маршъ предложилъ всѣмъ сѣсть и обратился къ собраннымъ имъ русскимъ съ рѣчью на русскомъ языкѣ, сущность которой сводится къ слѣдующему. Положеніе сѣверо-западной арміи катастрофическое. Безъ совмѣстныхъ дѣйствій съ эстонцами продолжать операцію на Петроградъ невозможно. Эстонцы требуютъ, для совмѣстныхъ дѣйствій, предварительнаго признанія независимости Эстоніи, ибо они должны дать ясный лозунгъ своимъ войскамъ, во имя котораго солдаты будутъ проливать кровь. У русскихъ нѣтъ организованной авторитетной власти, съ которой эстонцы могутъ заключить договоръ на почвѣ признанія независимости Эстоніи. Русскіе сами ни на чемъ между собой сговориться не могутъ. Русскіе только говорятъ и спорятъ. Довольно словъ — нужно дѣло. «Я васъ пригласилъ, продолжалъ далѣе ген. Маршъ, и вижу передъ собой самыхъ выдающихся русскихъ людей, собравныхъ безъ различія партій и политическихъ воззрѣній». Затѣмъ ген. Маршъ предложилъ намъ, русскимъ, немедленно, не выходя изъ комнаты, образовать демократическое русское правительство, которое сегодня же должно заключить договоръ съ эстонскимъ правительствомъ. Текстъ договора онъ тутъ же огласилъ. Если, прибавилъ ген. Маршъ въ заключеніе, правительство не будетъ къ 7 часамъ образовано, то всякая помощь со стороны союзниковъ будетъ сейчасъ же прекращена. Его буквальныя слова: «Мы васъ будемъ бросать.» Ген. Маршъ передалъ М. Г. Суворову текстъ предложеннаго къ заключенію съ эстонцами соглашенія и списокъ лицъ, которыхъ онъ пред-

лагаетъ включить въ составъ правительства Сѣверо-Западной Области (прилож. № 1 и № 2), и вмѣстѣ съ представителями англійской, французской и американской миссій удалился, заявивъ, что вернется за отвѣтомъ въ 7 часовъ. Въ это время было 6 час. 20 мин.

Объ отказѣ исполнить требованіе генерала Марша, предъявленное въ столь ультимативной формѣ и къ тому же совершенно для насъ неожиданно, само собою разумѣется, не могло быть и рѣчи. Намъ слишкомъ хорошо было извѣстно, до какой степени разстройства дошло положеніе дѣла, какъ на фронтѣ, т. е. въ войскахъ, такъ равно и въ тылу, т. е. въ занятыхъ мѣстностяхъ — главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что помощь вооруженіемъ, снаряженіемъ и обмундированіемъ, категорически обѣщанная союзниками еще въ іюнѣ, запоздала прибытіемъ болѣе, чѣмъ на мѣсяцъ. И для насъ слишкомъ ясно рисовались неустранимыя послѣдствія приведенія въ исполненіе угрозы, объявленной ген. Маршемъ: гибель надежды освободить Петроградъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда только что прибыли изъ Англіи два парохода съ танками, снарядами, ружьями и пушками, съ сапогами и съ обмундированіемъ на десять тысячъ человѣкъ и когда со дня на день ожидалось прибытіе еще двухъ пароходовъ, и полный окончательный развалъ неодѣтой, необутой и неполучавшей два мѣсяца жалованья арміи.

При такихъ условіяхъ, единогласный отвѣтъ генералу Маршу былъ готовъ даже раньше назначеннаго имъ срока. По уполномочію приглашенныхъ ген. Маршемъ лицъ, отвѣтъ былъ формулированъ ему, снова въ присутствіи представителей союзныхъ миссій, М. Н. Суворовымъ. М. Н. Суворовъ сказалъ, что приглашенныя ген. Маршемъ лица принимаютъ на себя обязательство въ кратчайшій срокъ образовать правительственную власть и, впредь до ея образованія, берутъ на свою отвѣтственность общее руководство русскимъ дѣломъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ просятъ сохранить за ними право смотрѣть на переданный списокъ министровъ, какъ на списокъ предположительный и въ отношеніи состава, и въ отношеніи распредѣленія портфелей, а равно право извѣстить о происшедшемъ главнокомандующаго, генерала Юденича, и до его пріѣзда не принимать окончательнаго рѣшенія о конструкціи правительственной власти и о составѣ членовъ правительства.

Ген. Маршъ согласился съ нашимъ отвѣтомъ, но сказалъ, что ему, во всякомъ случаѣ, необходимы три лица, немедленно снабженныя полномочіями для подписанія предложеннаго имъ текста соглашенія съ представителями эстонскаго правительства, которые приглашены и сейчасъ прибудутъ. Съ свой стороны, ген. Маршъ предложилъ дать эти полномочія первымъ тремъ лицамъ по переданному имъ списку: С. Г. Ліанозову, М. Н. Суворову и К. А. Крузенштерну. Отъ насъ, русскихъ, это не встрѣтило возраженій, но нами было подчеркнуто, что мы уполномочиваемъ названныхъ лицъ на данное опредѣленное дѣйствіе, т. е. на подписаніе соглашенія, не предрѣшая вопроса о нихъ, какъ министрахъ уже образованнаго правительства. Далѣе, ген. Маршъ подвергъ свое предложеніе голосованію поднятіемъ рукъ, и оно было единогласно принято.

Представители эстонскаго правительства дѣйствительно, спустя нѣсколько минутъ, прибыли, но подписаніе соглашенія не состоялось, такъ какъ они заявили, что не имѣютъ на то полномочій отъ Государственнаго Совѣта, засѣданіе коего будетъ лишь утромъ на слѣдующій день. Генералъ Маршъ отложилъ подписаніе соглашенія до 6 часовъ вечера 11 августа.

Въ теченіе вечера 10 августа, а равно днемъ 11 августа мы собирались въ составѣ лицъ, которыя были приглашены ген. Маршемъ. На этихъ собраніяхъ было принято рѣшеніе извѣстить генерала Юденича и просить, какъ главнокомандующаго, такъ и старшихъ военныхъ начальниковъ, пріѣхать въ Ревель. Далѣе былъ подвергнутъ

обсужденію текстъ предложеннаго ген. Маршемъ соглашенія съ эстонскимъ правительствомъ и обсуждался вопросъ о конструкціи правительственной власти на основѣ требованія ген. Марша. Текстъ соглашенія былъ нѣсколько видоизмѣненъ, главнымъ образомъ, въ смыслѣ его грамматическаго упорядоченія и устраненія возможности его толкованія, какъ обѣщанія эстонскаго правительства учредить въ Петроградѣ демократическое русское правительство. При обсужденіи вопроса о конструкціи правительственной власти обнаружилось коренное различіе мнѣній. Но большинство, впрочемъ, видимо склонилось къ системѣ конструкціи правительства «при главнокомандующемъ».

До назначеннаго ген. Маршемъ, для подписанія соглашенія, на 11-ое августа срока генералъ Юденичъ не имѣлъ возможности пріѣхать. М. Н. Суворовымъ, по его порученію, было получено по прямому проводу сообщеніе, въ которомъ ген. Юденичъ извѣщалъ, что, вслѣдствіе порчи пути, можетъ пріѣхать лишь ночью и, какъ глава русскаго дѣла въ районѣ Сѣверо-Западной арміи, просилъ передать генералу Маршу, что онъ требуетъ, чтобы до его пріѣзда, задержаннаго случайнымъ обстоятельствомъ, не было принимаемо никакого окончательнаго рѣшенія.

11 августа, въ назначенный часъ, мы собрались въ англійскомъ консульствѣ, кромѣ А. В. Карташева, который, въ виду принятаго имъ рѣшенія не входить въ составъ правительства, отъ прибытія къ ген. Маршу уклонился. Постепенно прибывали представители миссій.

Ген. Маршъ, не открывая засѣданія, предложилъ всѣмъ иностранцамъ перейти въ сосѣднюю комнату, куда затѣмъ пригласилъ вмѣстѣ съ собою С. Г. Ліанозова. Тамъ, въ этой комнатѣ, С. Г. Ліанозову было предложено, не читая, подписать «Заявленіе эстонскому правительству и представителямъ Соединенныхъ Штатовъ, Франціи и Великобританіи въ Ревелѣ», подъ тестомъ коего было напечатано: «Премьеръ-Министръ, Министръ финансовъ» и далѣе шелъ перечень шестнадцати министровъ, а внизу значилось: «Вполнѣ согласно съ вышеизложеннымъ. Генералъ, Главнокомандующій Сѣверо-Западной русской арміей.» И когда С. Г. Ліанозовъ подписать «Заявленіе», не читая, отказался, ген. Маршъ сказалъ, что русскіе все только говорятъ и спорятъ, а потому онъ желалъ получить, какъ первую, подпись С. Г. Ліанозова, послѣ чего имѣлъ въ виду вызывать въ ту же комнату по одному для подписи «Заявленія» и всѣхъ другихъ приглашенныхъ имъ лицъ. На замѣчаніе, что для дѣйствительности «Заявленія», повидимому, считается необходимой и подпись генерала Юденича, котораго въ данную минуту нѣтъ въ Ревелѣ и который можетъ своей подписи не дать, — ген. Маршъ сказалъ, что на случай, если ген. Юденичъ «Заявленія» не подпишетъ, «у насъ готовъ другой главнокомандующій».

Тѣмъ не менѣе, С. Г. Ліанозовъ настоялъ на томъ, что раньше, чѣмъ подписать «Заявленіе», онъ обязанъ не только его прочесть, но и ознакомить съ его содержаніемъ насъ, ожидавшихъ въ сосѣдней комнатѣ.

Первое же наше бѣглое ознакомленіе съ текстомъ «Заявленія» (прилож. № 3) привело къ единодушному заключенію, что текстъ имѣетъ такіе дефекты, какъ со стороны содержанія, такъ и со стороны изложенія, что даже при наличности оговорки о вынужденности его принятія онъ уважающими свои имена людьми не можетъ быть ни подписанъ, ни тѣмъ болѣе врученъ эстонскому правительству и представителямъ миссій. И съ этимъ, послѣ переговоровъ, которые опять въ нашемъ отсутствіи велъ С. Г. Ліанозовъ, ген. Маршъ согласился. Но онъ, все-таки, потребовалъ чтобы «Заявленіе» было безотлагательно подписано. Онъ сдѣлалъ лишь слѣдующую уступку: вычеркнулъ слова «и временно во Псковѣ», т. е. исключилъ указаніе на созывъ временнаго Учредительнаго Собранія во Псковѣ, и въ заголовкѣ назвалъ заявленіе

«предварительнымъ», съ оговоркою обязанности подписавшихъ представить не позже слѣдующаго дня другой, ими выработанный, текстъ. При этомъ ген. Маршъ сказалъ С. Г. Ліанозову: «Это никуда не пойдетъ, будетъ у насъ въ карманѣ».

«Предварительное» заявленіе подписали «министры»: С. Г. Ліанозовъ, М. С. Маргуліесъ, К. А. Александровъ, М. М. Филиппео, г. Ивановъ и г. Горнъ. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ мотивировалъ отказъ дать свою подпись тѣмъ, что онъ министромъ себя не считаетъ и министромъ не будетъ, о чемъ еще утромъ заявлялъ С. Г. Ліанозову. М. П. Суворовъ — тѣмъ, что онъ, какъ военный генералъ, принимать званіе военнаго министра безъ разрѣшенія Главнокомандующаго, а тѣмъ болѣе даже безъ его вѣдома, не имѣетъ права.

Послѣ подписанія «Заявленія» ген. Маршъ вышелъ къ собравшимся и привѣтствовалъ образовавшееся правительство.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ген. Маршъ принесъ извиненіе за тѣ формы, въ которыхъ дѣйствовалъ, сославшись на то, что, какъ солдатъ, онъ привыкъ дѣйствовать рѣшительно, не заботясь о формахъ. На предложенные ему затѣмъ вопросы, ген. Маршъ сказалъ, что телеграмму ген. Юденича онъ прочелъ. «Эта телеграмма, — заявилъ онъ, — слишкомъ автократична, она пришлась намъ не по вкусу».

II

Еще 7-го іюня мы имѣли продолжительную бесѣду въ Ревелѣ съ представителями эстонскаго правительства. И, резюмируя эту бесѣду, эстонскій премьеръ-министръ г. Штрандманъ, оговорившись, что не считаетъ себя дипломатомъ и будетъ формулировать свою точку зрѣнія съ полной откровенностью, сказалъ: «Мы оцѣниваемъ положеніе и понимаемъ, что вы, русскіе, во что бы то ни стало нуждаетесь въ нашей военной помощи. И мы не исполнили бы нашего долга передъ своей родиной, еслибы не стремились всѣми мѣрами использовать исключительно для насъ благопріятную минуту, дабы формально закрѣпить за Эстоніей фактически ей принадлежащую государственную самостоятельность и независимость.» На это мы могли только отвѣтить, что вполнѣ понимаемъ такую постановку вопроса со стороны эстонскаго правительства, но съ своей стороны, каково бы ни было наше личное отношеніе къ признанію независимости Эстоніи, исходя изъ положенія, при подобной постановкѣ вопроса, не видимъ.

А потому мы предложили представителямъ эстонскаго правительства ограничиться заключеніемъ договора военно-техническаго характера съ командиромъ сѣвернаго корпуса. Такого рода договоръ существовалъ и ранѣе.

Наше предложеніе было принято. И съ того момента переговоры, на предметъ заключенія военно-техническаго соглашенія, хотя шли медленно, но не прерывались. Сѣверо-Западная армія безпрепятственно пользовалась эстонскими желѣзными дорогами и, въ мѣрѣ возможности для Эстоніи, получала помощь вооруженіемъ и даже деньгами. Еще 4 августа, генералъ Лайдонеръ, при разговорѣ съ членомъ Политическаго Совѣщанія С. Г. Ліанозовымъ, завѣдывавшимъ отдѣломъ финансовъ, въ виду критическаго денежнаго положенія, выразилъ согласіе немедленно выплатить жалованье чинамъ арміи по тѣмъ нормамъ числа чиновъ и окладовъ, которыя были опредѣлены въ прежнемъ соглашеніи.

Вмѣшательство генерала Марша вернуло вопросъ въ ту плоскость, въ которой онъ находился ранѣе. Тотъ текстъ, который 10 августа былъ предложенъ генераломъ Маршемъ приглашеннымъ имъ русскимъ, для подписанія «не выходя изъ комнаты», былъ составленъ въ формѣ двухсторонняго обязательства. Онъ заключалъ въ себѣ съ русской стороны признаніе абсолютной независимости Эстоніи, со стороны эстонской — обѣщаніе оказать немедленную поддержку вооруженной силой.

На слѣдующій день, 11 августа, министрамъ демократическаго правительства Сѣверо-Западной Области Россіи было предложено для подписи уже одностороннее обязательство, которое, безъ всякихъ гарантій для русскаго дѣла, заключало въ себѣ признаніе абсолютной независимости Эстоніи, просьбу, обращенную къ представителямъ союзныхъ державъ, добиться отъ своихъ правительствъ признанія астонской независимости, признаніе генерала Юденича Главнокомандующимъ, и просьбу, обращенную къ ген. Юденичу, начать переговоры съ Главнокомандующимъ эстонской арміей.

Ген. Юденичъ пріѣхалъ въ ночь на 12-ое августа. Оказалось, что 7 августа въ Нарвѣ былъ ген. Гофъ, съ которымъ ген. Юденичъ велъ продолжительную бесѣду и съ вѣдома котораго ген. Юденичъ составилъ письмо на имя главнокомандующаго эстонскими войсками ген. Лайдонера. Въ этомъ письмѣ ген. Юденичъ заявлялъ, что онъ, какъ глава русской власти въ раіонѣ Сѣверо-Западнаго фронта, признаетъ независимость Эстоніи подъ условіемъ безотлагательнаго участія эстонскихъ войскъ въ развитіи операцій на Петроградъ, и далѣе излагалъ подробности военно-техническаго соглашенія. Письмо имъ было вручено генералу Гофу. При этомъ, въ довѣрительномъ разговорѣ съ ген. Гофомъ, ген. Юденичъ не скрылъ, что смотритъ на свое признаніе независимости Эстоніи, какъ на вынужденное, и въ откровенныхъ выраженіяхъ квалифицировалъ настойчивыя требованія астонцевъ, чтобы онъ, генералъ Юденичъ, призналъ эстонскую независимость.

Генералъ Гофъ, передавая письмо ген. Юденича, вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ отъ своего имени меморандумъ, и въ меморандумѣ повторилъ тѣ выраженія, которыя довѣрительно слышалъ отъ ген. Юденича. Всѣхъ подробностей своего разговора съ ген. Гофомъ, ген. Юденичъ намъ не переданалъ. Но у насъ осталось впечатлѣніе, что письмо ген. Лайдонеру было прямымъ результатомъ этого разговора. Далѣе отъ ген. Юденича мы узнали, что въ русскихъ войскахъ и собственно на русскомъ фронтѣ въ послѣдніе дни ничего особенно тревожнаго не произошло, а что въ двухъ астонскихъ полкахъ были волненія, съ признаками роста большевистскаго настроенія.

Что касается отношенія Верховнаго Правителя Колчака, то онъ еще 14 іюня изъ Омска телеграфировалъ генералу Юденичу: «Верховная власть Россійскаго Правительства, возглавляемая Верховнымъ Правителемъ адмираломъ Колчакомъ, въ губерніяхъ, освобождаемыхъ ввѣренными Вамъ войсками, осуществляется Вами именемъ Верховнаго Правителя. Поэтому никакого новаго правительства на ввѣренной Вамъ территоріи допускать не слѣдуетъ.»

На телеграмму «правительства г. Ліанозова», генераломъ Юденичемъ была получена телеграмма изъ Омска отъ 28 августа, начинающаяся въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Освѣдомившись о перемѣнѣ управленія Сѣверо-Западной Области, Верховный Правитель повелѣлъ передать, что Вамъ будетъ оказано всемѣрное содѣйствіе для успѣшнаго завершенія борьбы съ большевизмомъ въ Петроградскомъ раіонѣ». И далѣе опять дважды подчеркивается, что адмиралъ Колчакъ попрежнему продолжаетъ считать высшимъ представителемъ мѣстной русской власти — и военной, и гражданской — лично генерала Юденича.

Приложеніе № 1

Текстъ договора, предложеннаго генераломъ Маршемъ 10-го августа 1919 года въ Ревелѣ, для немедленнаго подписанія отъ лица Россіи и Эстоніи.

1. Правительство Русской Сѣверо-Западной Области, включая прежнихъ губерній: Петроградской, Псковской и Новгородской, признало абсолютную независимость Эстоніи.

2. Эстонское Правительство обѣщаетъ оказать немедленную поддержку Русской Сѣверо-Западной Области вооруженною силою, чтобы освободить Петроградскую, Псковскую и Новгородскую губерніи отъ большевистскаго ига, и установить въ Петроградѣ демократическое правительство, которое будетъ уважать человѣческія права, какъ-то: жизнь, личную свободу и собственность имущества.

3. Военное командованіе союзными силами объединено въ рукахъ генерала Юденича и генерала Лайдопера, черезъ коихъ Союзная Военная Миссія снабжала и продолжаетъ снабжать боевыми припасами, необходимыми для вышеупомянутыхъ цѣлей.

Приложеніе № 2

Переводъ съ англійскаго

Составъ правительства Русской Сѣверо-Западной Области, предложенный генераломъ Маршемъ 10 августа 1919 года въ Ревелѣ приглашеннымъ имъ русскимъ гражданамъ.

1.	Премьеръ-министръ и министръ финансовъ. . . .	Ліанозовъ.
2.	Военный министръ	Суворовъ.
3.	Министръ иностранныхъ дѣлъ.	Крузенштернъ.
4.	Министръ культа.	Карташевъ.
5.	Министръ внутреннихъ дѣлъ	Александровъ.
6.	Министръ торговли, народнаго здравія и снабженія	Маргулиссъ.
7.	Министръ юстиціи	Сенаторъ Ивановъ.
8.	Морской министръ	Пилкинъ.
9.	Министръ продовольствія	Эйшинскій.
10.	Государственный контроль	Горнъ.
11.	Министръ просвѣщенія	Эрнъ.
12.	Министръ земледѣлія.	Богдановъ.
13.	Министръ почтъ и телеграфа	Филиппео.
14.	Министръ переустройства фабрикъ	Бутлеровъ.
15.	Министръ народнаго благосостоянія	Кондыревъ.
16.	Министръ безъ портфеля	Ивановъ.

Приложеніе № 3

Текстъ «Заявленія», предложенный генераломъ Маршемъ для немедленной подписи 11 августа въ Ревелѣ.

З а я в л е н і е

Эстонскому Правительству и Представителямъ Соединенныхъ Штатовъ Франціи и Велико-Британіи въ Ревелѣ.

Ввиду настоятельной необходимости образовать демократическое Правительство для Сѣверо-Западной Области Россіи, единственно съ которымъ Эстонское Правительство согласно вести переговоры съ цѣлью способствовать русской дѣйствующей арміи освободить Петроградскую, Псковскую, Новгородскую губерніи отъ большевистской тиранін, учредить въ Петроградѣ и временно во Псковѣ Учредительное Собраніе, которое либо подтвердитъ, либо измѣнитъ, какъ можно выразиться на юридическомъ языкѣ, наши соотвѣтствующія назначенія, какъ министры, каковыя мы принуждены (въ подлинникѣ напечатано: «принужденмъ») обстоятельствами, независящими отъ нашей воли принять на себя, мы, нижеподписавшіеся, симъ заявляемъ, что Прави-

тельство Сѣверо-Западной Россіи сформировано, какъ указано ниже. Какъ первый актъ въ интересахъ нашей страны, мы симъ признаемъ абсолютную независимость Эстоніи и просимъ Представителей Соединенныхъ Штатовъ Америки, Франціи и Велико-Британіи добиться отъ своихъ Правительствъ признанія абсолютной независимости Эстоніи. Какъ нашъ второй актъ, мы признаемъ Генерала Юденича Главнокомандующимъ Сѣверо-Западной русской арміи и просимъ его начать немедленно переговоры съ Главнокомандующимъ Эстонской Арміей относительно военныхъ деталей, обезпечивающихъ дѣйствительную помощь эстонскихъ войскъ.

Премьеръ-министръ
Министръ финансовъ
Военный министръ
Министръ Иностранныхъ дѣлъ
Министръ Культа
Министръ Внутреннихъ дѣлъ
Министръ Торговли, Народнаго здравія и Снабженія
Министръ Юстиціи
Морской Министръ
Министръ Продовольствія
Государственный контроль
Министръ Просвѣщенія
Министръ Земледѣлія
Министръ Почтъ и Телеграфа
Министръ переустройства фабрикъ
Министръ народнаго благосостоянія
Министръ безъ портфеля

..... августа 1919 г.
Ревель

Вполнѣ согласно съ вышеизложеннымъ

..... августа 1919 г.
Ревель

Генералъ
Главнокомандующій Сѣверо-Западной русской Арміей

Послѣ переговоровъ ген. Марша съ С. Г. Ліанозовымъ, въ текстъ были внесены слѣдующія измѣненія: въ заголовкѣ передъ словомъ «Заявленіе» было поставлено слово «Предварительное» и въ концѣ заголовка: «съ обязанностью представить завтра окончательный текстъ», были зачеркнуты слова «и временно во Псковѣ» и зачеркнуты обозначенія портфелей подписавшихъ «Заявленіе» министровъ.

Приложеніе № 4

Составъ Сѣверо-Западнаго правительства къ 24-му августа 1919 года, согласно подписямъ подъ опубликованной декларацієй.

1. Предсѣдатель Совѣта Министровъ, Министръ Иностранныхъ дѣлъ и финансовъ . . . . . С. Г. Ліанозовъ.
2. Министръ Внутреннихъ дѣлъ . . . . . К. А. Александровъ.
3. Министръ Военный . . . . . ген. Н. Н. Юденичъ.

4. Министръ Торговли и Промышленности, Снабженія и Народнаго Здравія. . . . . М. С. Маргуліесъ.
5. Министръ Юстиціи . . . . . Е. И. Кедринъ.
6. Министръ Продовольствія . . . . . Ф. Г. Эйшинскій.
7. Министръ Морской . . . . . В. К. Пилкинъ.
8. Министръ Народнаго Просвѣщенія . . . . . Ф. А. Эрнъ.
9. Министръ Общественнаго Призрѣнія . . . . . А. С. Пѣшковъ.
10. Государственный Контролеръ . . . . . В. Л. Горнъ.
11. Министръ Земледѣлія. . . . . П. А. Богдановъ.
12. Министръ Исповѣданій . . . . . И. Ф. Евсѣевъ.
13. Министръ Почтъ и Телеграфа. . . . . М. М. Филиппео.
14. Министръ Общественныхъ работъ . . . . . Н. Н. Ивановъ.

Приложеніе № 5

Текстъ декларации, составленной Политическимъ Совѣщаніемъ и предложенной 3 августа 1919 года Главнокомандующему генералу Юденичу для утвержденія.

Къ населенію русской территоріи Сѣверо-Западнаго фронта.

Объявляю русскимъ гражданамъ, населяющимъ русскую территорію сѣверо-западнаго фронта:

Какъ Главнокомандующій всѣми русскими вооруженными сухопутными и морскими силами сѣверо-западнаго фронта, я являюсь органомъ государственной власти, подчиненнымъ Всероссійскому Правительству и получившимъ отъ него свои полномочія. Этимъ опредѣляется моя государственная и политическая программа, которой руководствуется и состоящее при мнѣ Политическое Совѣщаніе. А посему въ основу своей военной и государственной работы я полагаю тѣ же обновляющія начала политической свободы и демократіи, о которыхъ неоднократно и торжественно заявлялъ Верховный Правитель.

Начала сіи таковы:

1. Рѣшительный отказъ отъ возврата къ старому режиму.

2. Возсоздаваемая всероссійская власть должна быть укрѣплена на основѣ народовластія. Для сего немедленно по очищеніи Родины отъ большевиковъ и по водвореніи законнаго порядка, должно быть созвано Всероссійское Учредительное Собраніе на началахъ всеобщаго избирательнаго права, дабы народъ могъ безпрепятственно выявить свою волю и установить ту форму правленія, которая дѣйствительно осуществитъ великія идеи свободы, нынѣ провозглашенныя по всему міру.

3. Единство Великой Россіи должно сочетаться съ утвержденіемъ за всѣми народностями, обитающими на ея исторической территоріи права развивать свою національно-культурную жизнь. Въ борьбѣ съ разложившимъ Отечество большевизмомъ всѣ народы Россіи обрѣтутъ право на устроеніе ихъ государственнаго бытія, въ формахъ самостоятельности, соотвѣтственно ихъ усиліямъ и участію въ общемъ дѣлѣ побѣды надъ разложеніемъ.

4. Административное управленіе государства должно быть усовершенствовано путемъ установленія ближайшей и органической его связи съ мѣстнымъ земскимъ и городскимъ самоуправленіемъ.

5. Всѣ граждане государства Россійскаго, безъ различія національностей, вѣроисповѣданій и классовъ, равны въ правахъ и обязанностяхъ передъ закономъ.

6. Всѣмъ обезпечивается по возстановленіи государственно-правовой жизни неприкосновенность личности и жилища и гражданская свобода: религіозной совѣсти, слова устнаго и печатнаго, союзовъ, собраній и стачекъ.

7. Земельный вопросъ рѣшается согласно съ волей народа. Земля будетъ передана трудящемуся земледѣльческому населенію для закрѣпленія въ собственность.

8. Интересы рабочаго класса найдутъ полное и всестороннее обезпеченіе въ особыхъ законахъ.

Граждане, призываю васъ сплотиться вокругъ знамени возсоздаваемой на новыхъ началахъ Великой Россіи. Приложите всѣ силы къ низверженію противной волѣ русскаго народа варварской тираніи большевиковъ, чтобы положить конецъ начатой большевиками братоубійственной войнѣ.

Приложеніе № 6

Воззваніе къ гражданамъ Пскова

Граждане Пскова!

Трудности нынѣшняго положенія столь увеличились, что было рѣшено обратиться къ демократическимъ чувствамъ Русскаго народа и выяснить, какъ русскому народу, такъ и союзнымъ демократіямъ Англіи, Франціи и Соединенныхъ Штатовъ столь важный фактъ, что русскія силы, борющіяся нынѣ противъ большевиковъ, дѣйствительно воодушевлены искренней любовью къ свободѣ русскаго народа и стремятся возстановить права демократическаго самоуправленія для тѣхъ русскихъ, которые находятся сейчасъ въ рабствѣ у ненавистныхъ большевиковъ, этихъ тирановъ, болѣе деспотичныхъ и болѣе самодержавно-жестокихъ, чѣмъ любой изъ царей.

Для этихъ цѣлей, руководящіе государственные люди Сѣверо-Западной Россіи объединились, чтобы создать свободное и демократическое правительство для губерній Псковской, Петроградской и Новгородской.

Это правительство составлено изъ представителей всѣхъ партій, такъ какъ существенно необходимо, чтобы, пока существуетъ большевистская тиранія, не было бы междуусобныхъ треній между свободными русскими.

Это правительство пользуется совѣтами и матеріальной помощью союзниковъ Россіи, которые нынѣ выгрузили запасы продовольствія, оружія, одежды и снаряженія, чтобы дать возможность вновь образованному правительству освободить какъ можно болѣе русскихъ изъ подъ тираніи большевиковъ.

Это вновь образованное правительство не только пользуется совѣтами и помощью союзниковъ, но оно обезпечило себѣ чистосердечное сотрудничество и довѣріе всѣхъ выдающихся русскихъ Сѣверо-Западной Россіи настолько, что самъ генералъ Юденичъ не только призналъ правительство г-на Ліанозова, но предоставилъ себя въ полное его распоряженіе и принялъ участіе въ его трудахъ и отвѣтственности.

Граждане Пскова! Я описалъ вамъ, такимъ образомъ, правительство, которое нынѣ образовано для Сѣверо-Западной Россіи, съ одобренія представителей союзниковъ, и я имѣю удовольствіе сообщить вамъ, что вашъ согражданинъ и городской голова г. Эйшинскій избранъ въ число лицъ, призванныхъ руководить судьбами Россіи, дабы возстановить и навѣки обезпечить демократическія гарантіи для всѣхъ свободныхъ русскихъ.

Говоря съ вами, какъ другъ свободной Россіи и какъ представитель союзной демократіи Великобританіи, я обращаюсь къ вамъ, дабы вы мужественно согласились предоставить въ распоряженіе вашей, находящейся въ бѣдствіяхъ, страны работу

вашего городского головы, дабы онъ могъ нести тяжелую долю участія въ работахъ новаго правительства, которому, съ Божьей помощью, предназначено стать орудіемъ освобожденія вашего народа отъ тирановъ.

Когда я читаю описаніе того, что псковичи сдѣлали въ защиту свободы въ старые дни, я исполняюсь надеждой, что они снова объединятся и гордо пошлютъ своего городского голову занести новыя страницы въ исторію города и снова включить имя Пскова въ число тѣхъ городовъ, которые заслужили благодарность Россіи своей мужественной защитой демократическихъ свободъ народа.

А потому я призываю васъ, граждане Пскова, не только дать то разрѣшеніе, которое я прошу отъ васъ во имя свободной Россіи и ея союзниковъ и во имя самой цивилизаціи, но дать его быстро, дабы вашъ городской голова могъ занять мѣсто среди другихъ министровъ, когда они пріѣдутъ на демократическій конгрессъ представителей народа, который созванъ въ Юрьевѣ.

Граждане Пскова! Прежде, чѣмъ проститься съ вами, я молюсь всемогущему Богу, даровавшему западнымъ демократіямъ побѣду надъ германцами, дабы онъ вдохновилъ ваши души, преуспѣялъ ваше оружіе и даровалъ русской демократіи побѣду надъ ея врагами и освобожденіе отъ ея угнетателей.

Г. Пири-Гордонъ,
Уполномоченный.

Великобританская Дипломатическая
Коммиссія въ Прибалтійскомъ краѣ.

Возваніе было напечатано въ газетѣ «Заря Россіи», во Псковѣ, 21 августа 1919 года № 19.

Письмо генерала Гофа генералу Юденичу

Ваше Высокопревосходительство

Имѣя ввиду тѣ многочисленныя затрудненія, съ которыми Вамъ приходится бороться, посылаю Вамъ нижеслѣдующія замѣтки, дабы онѣ были бы Вамъ въ помощь для борьбы съ недовольствомъ и интригами, которыя существуютъ, благодаря нынѣшнему печальному положенію злосчастной Россіи. Одновременно мнѣ хотѣлось бы лично Вамъ выразить мое полное удовлетвореніе Вашимъ отношеніемъ и лояльностью, съ которой Вы отвергали всякія попытки вовлечь Васъ въ политическія интриги. Мнѣ извѣстно изъ многихъ источниковъ, что крайнее неудовольствіе царитъ въ Сѣверо-Западной Арміи. Главныя причины этого неудовольствія слѣдующія:

а) Неприбытіе военнаго снаряженія изъ Англіи.
б) Отсутствіе помощи со стороны Союзниковъ.
в) Помощь, предложенная Германіей безъ вознагражденія.
г) Прибытіе войскъ князя Ливена, хорошо снаряженныхъ нѣмцами.
д) Эстонцы имѣютъ англійскіе сапоги и обмундированіе, тогда какъ русская Сѣверо-Западная Армія таковыхъ не имѣетъ.

Такъ какъ вышеуказанныя причины тренія безусловно результатъ незнанія истиннаго положенія вещей и раздуваются нѣмецкими или большевистскими интригами, то я считаю необходимымъ вкратцѣ довести до Вашего свѣдѣнія нижеслѣдующіе пункты, отвѣчая по очереди на каждую жалобу.

а) Причина неприбытія военнаго снаряженія изъ Англіи, аварія парохода, который, уже выйдя въ море, долженъ былъ изъ за порчи машинъ возвратиться въ гавань и разгрузиться. Эти припасы теперь прибыли, и я думаю, что Вы сами

согласитесь, что прибыли въ очень короткій срокъ принимая во вниманіе всѣ затрудненія морскихъ перевозокъ.

б) До моего прибытія Вамъ не было обѣщано никакой помощи.

Вы тогда наступали и забирали припасы у большевиковъ, сердца Вашихъ людей были вѣрны и ихъ лица были обращены въ сторону врага.

Наше обѣщаніе помочь Вамъ повидимому развело мягкотѣлость среди людей.

Заявленіе, что Союзники совсѣмъ не помогаютъ русскимъ — явный вздоръ, такъ какъ списки снаряженія, отправленнаго Колчаку и Деникину (см. прил. А, Б, В) ярко доказываютъ это.

Милліоны пудовъ, тысячи тоннъ и колоссальное количество военнаго снаряженія уже получены русскими Арміями.

До какой степени было велико напряженіе и до какой степени малы реаультаты, что врядъ ли общественное мнѣніе (Англіи) согласится нести такое бремя.

Среди русскихъ есть многіе, которые, вмѣсто того чтобы стражаться за свою родину, стараются всѣми силами отрѣзать тѣ жизненныя струи помощи, которыя идутъ отъ Союзниковъ. Союзниковъ начинаетъ тяготить эта черная неблагодарность, и имѣя дома столько не разрѣшенныхъ проблемъ, нельзя ожидать, чтобы они пожелали бы такое отношеніе къ себѣ.

в) Вы должны настоять, чтобы Ваши старшіе офицеры, а по возможности всѣ офицеры, прочли бы §§ 116—118, 160, 163—165, 170, 171, 179, 198, 200—208, 258, 259, 292, 293, 483 — Мирнаго договора.

Помощь и самопожертвованіе Великой Россіи въ первый годъ войны дали возможность нѣсколько лѣтъ спустя составить и подписать этотъ замѣчательный документъ.

За помощь Великой Россіи въ тѣ дни Союзники будутъ навсегда благодарны. Но мы уже болѣе чѣмъ возвратили нашъ долгъ натурой. Берегитесь, иначе тѣ самые элементы, которые были причиной законнаго неудовольствія въ русской Арміи, снова доведутъ бѣлыя силы Россіи до полнаго уничтоженія.

Германія воалелѣяла большевиковъ за счетъ человѣчества и ея руки обагрены кровью Русскихъ.

Многіе русскіе командиры до такой степени тупоумны или памятью коротки, что уже открыто говорятъ о необходимости обратиться за помощью къ нѣмцамъ, противъ воли Союзныхъ Державъ. Скажите этимъ дуракамъ, чтобы они прочли Мирный договоръ. Все, что Германія имѣетъ, уже ею потеряно. Гдѣ находятся ея корабли для перевозки припасовъ, гдѣ находятся ея подвижной составъ?

Когда Союзники, огорченные неумѣніемъ и неблагодарностью, прекратятъ помогать бѣлымъ частямъ, тогда, проведенное съ такимъ затрудненіемъ, кольцо, сдавливающее Красную Россію, лопнетъ.

Какими путями могутъ германскія войска прибыть въ Мурманскъ, на Кавказъ или на Колчаковскій фронтъ?

г) Нѣмцы снарядили войска Ливена краденными припасами. Черезъ нѣсколько недѣль всѣ германскіе припасы должны быть сданы намъ, а нѣкоторые изъ Вашихъ офицеровъ до такой степени глупы и никакъ не могутъ сообразить, что Германія отнюдь не, давала этихъ припасовъ изъ желанія помочь или отъ доброты сердечной, а потому давала, что знала, что эти припасы уже ею утеряны.

Я приложилъ въ видѣ отвѣта на § Д копію радіограммы, посланной Маршаломъ Фошъ Генералу фонъ-деръ-Гольцъ. Передайте Вашимъ офицерамъ эту радіограмму и спросите у нихъ, куда они хотятъ идти, на соединеніе съ нѣмцами? Кто будетъ распоряжаться германскими боевыми припасами? Желаютъ ли они союза съ ничтожной

кучкой юнкеровъ, которыхъ не признаетъ германскій народъ и которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ потопили весь міръ въ морѣ крови. Это та самая ничтожная кучка, которая, когда ее заставили принять бой ею же вызванный, стала пользоваться большевизмомъ и подводной войной. Пріемы, которые заставили отшатнуться отъ нея всѣхъ порядочныхъ европейскихъ и азіатскихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей и оставили Россію истекающую отъ ранъ. Тѣ изъ Вашихъ офицеровъ, которые жалуются, вмѣсто того чтобы сражаться, предлагаютъ исцѣлить эти раны при помощи нѣмцевъ же. Понимаютъ ли эти недопольные, что они со своими необоснованными и реакціонными рѣчами, отталкиваютъ отъ своихъ же братьевъ крестоносцевъ весь демократическій міръ.

д) Тотъ маленькій фактъ, что Россія не смогла объединить Эстонію, Латвію и латышей въ одну демократическую единицу, затѣмъ двинуться сообща на красную Россію, не предвѣщаетъ ничего хорошаго въ будущемъ для того класса бѣлыхъ русскихъ, которые въ данную минуту обращаютъ во враговъ своихъ друзей и приводятъ въ уныніе всѣхъ желающихъ Россіи добра. Эстонцы уже купили и заплатили, до моего прибытія, за то снаряженіе, которое они сейчасъ получили. Въ заключеніе я хочу указать на то, что какова бы то ни была будущность Россіи, она во всякомъ случаѣ будетъ демократическая. Только тѣ, которые ставятъ свою родину выше собственныхъ интересовъ, готовы сражаться и молча терпѣть нужду, будутъ имѣть отвѣтственное положеніе въ возрожденной Россіи и будутъ поддержаны Союзниками. Теперь настало время, чтобы ясно доказать, кто достоинъ управлять Новой Россіей, которая, хотя и медленно эволюціонируетъ, но съ достаточной быстротой, чтобы ясно доказать всѣмъ реакціонерамъ и узкимъ доктринерамъ, что для нихъ тамъ нѣтъ мѣста. Армія, находящаяся подъ Вашимъ командованіемъ, имѣетъ возможность взять Петроградъ и этимъ самымъ матеріально помочь другимъ Вашимъ болѣе значительнымъ Арміямъ, находящимся на полѣ брани. Укажите Вашимъ офицерамъ и солдатамъ, что всѣ раздоры и недовольства должны быть поглощены однимъ пламеннымъ желаніемъ взять Петроградъ.

Съ имѣющимися у Васъ силами, подкрѣпленными аэропланами, боевыми припасами и танками, которыми Васъ снабжаемъ, и съ тѣми трофеями, которые будутъ взяты у непріятеля, Вы имѣете полную возможность взять Петроградъ. Но при существующемъ настроеніи Вашихъ офицеровъ наступленіе немыслимо. И если не будетъ улучшенія въ этомъ направленіи и не будетъ выражено искреннее желаніе схватиться на смертный бой съ большевиками, то мнѣ придется серіозно подумать о томъ, не лучше ли послать боевые припасы, предназначенные для Васъ, на другой фронтъ, гдѣ они будутъ использованы въ борьбѣ противъ большевиковъ, а не противъ Вашихъ друзей и сосѣдей.

Начальникъ всѣхъ Союзныхъ Военныхъ Миссій
въ Финляндіи и въ Прибалтійскихъ Штатахъ
Генералъ-Лейтенантъ

Гофъ.

Гельсингфорсъ,
4 августа 1919 г.

Копіи № 1, 2, 3, 4 — Генералу *Юденичу.*
Копія № 5
Копія № 6 — Капитану *де Фарамондъ.*
Копія № 7 — Полковнику *Данеле.*
Копія № 8 — Капитану *Гризино.*

Изъ частной переписки

Послѣдніе дни Леонида Андреева

Въ концѣ февраля 1919 года мнѣ удалось, благодаря подкупности большевистскихъ комиссаровъ, бѣжать въ Финляндію, гдѣ я прежде всего попалъ въ карантинъ. Тамъ я долженъ былъ отсидѣть недѣлю, причемъ доступъ постороннимъ въ карантинъ воспрещался. Каково же было мое радостное удивленіе, когда на третій день моего пребыванія къ намъ въ комнату ввалился въ огромной дохѣ и высокихъ валенкахъ Леонидъ Николаевичъ Андреевъ. Непосредственно передъ большевистскимъ переворотомъ газета «Русская Воля», которую онъ съ увлеченіемъ редактировалъ, порешла въ другія руки и редакторомъ ея намѣченъ былъ Савинковъ. Леонидъ Николаевичъ наканунѣ переворота уѣхалъ въ Финляндію и поселился въ Тюрисевѣ недалеко отъ своей великолѣпной дачи.

Послѣ горячихъ привѣтствій начался неумолкаемый разговоръ: я коротко разсказалъ ему все, что пришлось пережить въ Петербургѣ за время владычества большевиковъ и послѣ этого нить бесѣды взялъ въ свои руки Леонидъ Николаевичъ, и въ теченіе двухъ часовъ въ яркихъ образахъ развивалъ свои взгляды на положеніе Россіи. Рѣчь его была насквозь проникнута такой нѣжной задушевной любовью къ несчастной родинѣ и она вызывала страстное негодованіе, когда онъ говорилъ о большевистскихъ экспериментаторахъ, въ особенности, о Горькомъ. На другой день Л. Н. снова пробрался ко мнѣ, а когда я вышелъ изъ карантина, то прежде чѣмъ уѣхать въ Гельсингфорсъ, я провелъ у Л. Н. цѣлый день на его дачѣ. Большими шагами онъ ходилъ все время по кабинету и отъ времени до времени задыхаясь, настойчиво убѣждалъ меня по пріѣздѣ въ Гельсингфорсъ взять въ свои руки мѣстную газету и все дѣло информаціи: онъ глубоко вѣрилъ, что если познакомить Европу съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи, то цивилизованный міръ не можетъ не прійти на помощь во имя спасенія столь многообѣщавшей русской культуры.

По разнымъ соображеніямъ, о которыхъ здѣсь говорить не мѣсто, я уклонялся отъ слѣдованія совѣтамъ Андреева, когда же наконецъ вслѣдствіи непрекращающихся настояній друзей я рѣшился вернуться къ газетной работѣ, то первымъ дѣломъ написалъ Леониду Николаевичу, напоминая ему объ его обѣщаніи работать совмѣстно со мною. Между тѣмъ, за это время здоровье Л. Н., быстро разрушавшееся, значительно ухудшилось и прилагаемое письмо его и составляетъ отвѣтъ на мое предложеніе.

Въ началѣ августа, передъ наступленіемъ Юденича, Л. Н. почувствовалъ себя лучше и пріѣхавъ въ Гельсингфорсъ, прожилъ со мною подъ одной крышей двѣ недѣли. Его охватила жажда работы и онъ мечталъ стать во главѣ организаціи антибольшевист-

ской пропаганды. Однако, его стремленіе не встрѣтило сочувствія въ тѣхъ лицахъ, отъ которыхъ зависѣло осуществленіе его плана и огорченный Л. Н. рѣшилъ уѣхать въ Америку. Мы отправили телеграмму нашему общему пріятелю, видному американскому журналисту и въ ожиданіи его отвѣта Л. Н. уѣхалъ домой, чтобы собраться въ далекій путь.

Увы, не больше недѣли спустя я получилъ отъ супруги его телеграмму, извѣщавшую о внезапной смерти Леонида Николаевича, а еще черезъ два дня я получилъ въ Нью-іорка вмѣсто отвѣта запросъ, правда ли что Андреевъ скончался.

Какъ видно изъ письма его, Л. Н. все время находился въ полосѣ стрѣльбы, а когда онъ вернулся изъ Гельсингфорса, ему пришлось пережить налеты большевистскихъ аэроплановъ, произведшіе на него гнетущее впечатлѣніе. Онъ выѣхалъ изъ своей дачи и поселился у пріятели, но тамъ черезъ нѣсколько дней за работой сердце отказалось служить и Леонида Николаевича не стало. Совершенно готовая, отчетливо сложившаяся въ головѣ характеристика революціи, докатившейся до большевизма, безслѣдно похищена его смертью.

І. Г.

Письмо Леонида Андреева

Дорогой Іосифъ Владиміровичъ! Я сейчасъ, какъ тотъ студентъ, что двѣ ночи дежурилъ на Шаляпина, получилъ билетъ, а на спектаклѣ, когда его пригрѣло и музыка заиграла — заснулъ и крѣпко проспалъ весь вечеръ, пока не разбудилъ капельдинеръ: кончилось. Но тотъ счастливецъ спалъ, пригрѣтый и убаюканный, а я просто боленъ. Боленъ и въ настоящую, по крайней мѣрѣ, минуту инвалиденъ. Два года я живу въ волненіи, которому не было выхода; всю послѣднюю зиму я тщетно стремился къ планомѣрной (не художественной) работѣ и ея не было. Кончилось тѣмъ, что весь запасъ и волненій и чувствъ обрушился на меня же самого — и сердце сдало. Не могу писать. Самое маленькое напряженіе мысли, легкое волненіе передъ машинкой — и готовъ, сердце бухаетъ, потомъ останавливается, дыханія нѣтъ — хоть помирай.

Докторъ мой призналъ, что сердце «ослабѣло» и запретилъ всякое дѣйствованіе, и умственное и даже физическое. Такимъ манеромъ я живу вотъ уже почти два мѣсяца, ни Богу свѣчка, ни черту кочерга. Принимаю всѣ мѣры, чтобы возстановиться. Переѣхалъ въ свой домъ на Черную Рѣчку и началъ исподволь упражнять физику, работать по саду, ставить заборы. Нѣсколько получшало, но такъ мало еще, что случайный разговоръ о политикѣ или номеръ газеты можетъ сразу вернуть къ сердечнымъ припадкамъ. Писемъ не пишу, людей стараюсь видѣть меньше, читаю сказки. Оттого и Вамъ не писалъ, каялся, но не писалъ, думалъ: потомъ объясню.

А тутъ и Бурцевъ зоветъ работать, и Карташовъ, и вотъ наконецъ Ваше письмо. Бѣда! И опять стараюсь не разстраиваться своей инвалидностью, набираю воздуху, солнца и дыханія, доказываю себѣ, что хворость моя не настоящая и пройдетъ. Иначе, что же? Утѣшаюсь и тѣмъ, что опоздать никуда не могу, ибо работы впереди — цѣлыя горы.

Такъ вотъ какія мои дѣла, дорогой Іосифъ Владиміровичъ. Конечно, какъ только возстановлюсь хоть для маленькой работы, немедленно снесусь съ Вами. А пока буду слушать стрѣльбу, она идетъ каждодневно и иногда съ трехъ сторонъ горизонта; бѣгаю на башню смотрѣть въ бинокль морскіе бои, гадаю и догадываюсь. Вчера ночью гдѣ то за Ино были такіе внушительные залпы и грохоты, что вздрагивалъ домъ. Надо сказать, что всѣ мы привыкли къ стрѣльбѣ, какъ къ простому шуму, и только

мой миролюбивѣйшій песъ, Маркизъ, прячется въ домъ — не выноситъ. Нѣсколько поволновалъ насъ сестрорѣцкій бой — отчетливо слышался пулеметъ, но и это миновало.

А нынче получилъ неожиданное и радостное извѣстіе: телеграмму отъ брата офицера, съ осени пропавшаго, что онъ живъ и здоровъ. И знаете, откуда. Изъ Омска! Прямо такъ и значится: Омскъ — Теріоки. Для меня это прямо чудо. И принесъ это чудо самый обыкновенный почтальошка. Значитъ, братъ добрался и устроился у Колчака, чему я очень радъ, можетъ быть, это отъ плохой жизни, но въ Колчака я твердо вѣрю. Единственный, кто.

Объ англійскомъ S. O. S. съ статьей Павла Н. я слыхалъ и мнѣ чрезвычайно радостно, что предисловіе написалъ какъ разъ П. Н. При всѣхъ его «ошибкахъ», я считаю его самымъ большимъ государственнымъ человѣкомъ Россіи; да и лично онъ внушаетъ мнѣ сильнѣйшую симпатію. И какъ онъ работаетъ! Завидно. Знаю, что и Вы хорошо работаете и . . . да что разстраивать раны.

Крѣпко жму Вашу руку. Будьте здоровы, бодры, работайте, а меня помяните не словомъ укоризны, но вздохомъ дружескаго сожалѣнія.

9 іюня 1919 г. Леонидъ Андреевъ

Описаніе польскаго отступленія

Рига, 26 августа 1920 г.

Милая А. И.

Вы вѣрно удивитесь, получивъ мое письмо изъ Риги; послѣ 26—27-ми дневнаго путешествія на лошаднхъ изъ Минска мы недавно прибыли сюда. Я давно ожидала катастрофы въ нашихъ мѣстахъ, но послѣднее дѣйствіе разыгралось очень ужъ быстро. Мой братъ, прогостивъ у меня 10 дней, спокойно поѣхалъ въ Минскъ, гдѣ еще все было тихо, а на слѣдующій день онъ еле попалъ въ поѣздъ на Варшаву, а еще черезъ день, когда я съ дочерью пріѣхали въ городъ, нельзя было и думать о томъ, чтобы попасть въ поѣздъ. За ночь желѣзнодорожники испортили 25 паровозовъ, а посланные ихъ усмирять и оберегать подвижной составъ жандармскіе и полицейскіе чины отказались повиноваться, солдаты выкидывали публику съ вокзаловъ, грабили и убивали населеніе и поджигали городъ. Мы цѣлый день тщетно прождали своего управляющаго съ лошадьми изъ деревни, а вечеромъ распространился слухъ, что большевики подходятъ къ городу; насъ подхватила на возы послѣдняя отходящая воинская часть. Дочь пришла въ такой ужасъ при мысли снова очутиться у большевиковъ, голодать, поступить на совѣтскую службу, что я рѣшила все сдѣлать, чтобъ выбраться. Мы ѣхали среди грабежей, избіеній и пожаровъ, чинимыхъ отступающей польской арміей. Всѣ мѣстечки на нашемъ пути горѣли. Намъ пришлось 28 верстъ ѣхать сплошнымъ лѣсомъ: распространился слухъ, что большевики устроили засады въ лѣсу, чтобъ перехватить наши обозы. Обезумѣвшіе отъ страха поляки, посыпая какимъ то горючимъ порошкомъ по обѣимъ сторонамъ дороги, устраивали сплошныя огненныя завѣсы. Пылали и трещали громадныя сосны, взрывались снаряды, попадающіе въ огонь, мы задыхались, опалили себѣ щеки и руки, а лошади бока, но ни остановиться, ни поддаться куда нибудь нельзя было; отстающія подводы бросались на произволъ судьбы, ибо всякое промедленіе могло грозить катастрофой, большевики шли по

пятамъ и окружали лѣсъ. На нолъ пути отъ Барановичъ насъ нагналъ нашъ управляющій, мы рѣшили отдѣлиться отъ арміи и повернуть на Лиду. Среди бѣженцевъ и солдатъ появилась дезинтерія и буквально ничего нельзя было купить на всемъ пути, все было съѣдено. Въ Лидѣ мы попали въ другую отступающую отъ Молодечно польскую армію и съ ней докатились до Гродны. Мы пріѣхали въ городъ ночью и сейчасъ же перебрались черезъ мостъ на ту сторону Нѣмана, такъ какъ мостъ собирались уже взрывать. У насъ сломалось колесо и пришлось остановиться въ предмѣстьи въ какой то хатѣ; цѣлыя сутки мы присутствовали при возмутительномъ ограбленіи и избіеніи народа, преимущественно евреевъ; всего не опишешь. На слѣдующій день днемъ внезапно разнесся слухъ, что большевики входятъ въ городъ и со всѣхъ сторонъ на Бѣлостокское шоссе, на которомъ мы стояли, ринулись военные обозы, бѣжецы, артиллерія, пѣхота, автобусы и т. д. Началась настоящая паника; появился опять горючій порошокъ, отъ котораго сгорѣло много телѣгъ, мы сами едва не погибли, вокругъ насъ запылали постройки, взрывались снаряды, вывезенные артиллеріей и тутъ же уничтожаемые вокругъ горящихъ построекъ, солдаты на автобусахъ ревѣли, что ихъ котлы сейчасъ взорвутся, большевики стрѣляли изъ тяжелыхъ орудій и изъ пулеметовъ, жители бросали бомбы въ отступающую армію, однимъ словомъ настоящій хаосъ; я думала, что мы погибнемъ, но, наконецъ, обозы двинулись и стало немного легче. Мы не поѣхали съ арміей на Бѣлостокъ, а повернули на Оссовецъ и Граево, думали перейти въ Германію, но это оказалось невозможнымъ и мы рѣшили ѣхать навстрѣчу наступающей литовской арміи. Въ Августовскихъ лѣсахъ свободно орудовали шайки грабителей всѣхъ національностей, но мы проскочили; на Литовской границѣ насъ продержали сутки, но, наконецъ, пропустили въ Ковну; здѣсь латвійскій консулъ отказалъ намъ въ визахъ и мы рѣшили ѣхать безъ оныхъ; на границѣ насъ не хотѣли пускать въ Латвію, и гнали назадъ въ Литву; мы простояли цѣлый день на шоссе и только вечеромъ я, наконецъ, добилась, что меня отвели въ штабъ, оставивъ дочь, вещи и лошадей въ залогъ. Въ штабѣ мнѣ удалось договориться и отсюда пошло легче. Насъ подъ конвоемъ отправили въ Митаву, а оттуда пустили и въ Ригу, куда мы попали на 26 день путешествія. Вотъ Вамъ описаніе нашего путешествія вкратцѣ, всего не перескажешь, хотѣли насъ и ограбить, и арестовать, сами мы были больны желудкомъ отъ воды, которую мы пили изъ всѣхъ лужъ ввиду ужасной жары; на насъ костюмы буквально разсыпались, а на дочери половина юбки сгорѣла. Что теперь дѣлать дальше я совсѣмъ не знаю; изъ имѣнія мы уѣхали передъ самымъ снятіемъ большого и хорошаго урожая и передъ совершеніемъ купчихъ на запроданные участки земли. Все, конечно, погибло. У меня есть немного денегъ въ Германіи и на дняхъ отправлю туда дочь къ бабушкѣ; надѣюсь, что ей удастся поступить тамъ на медицинскій факультетъ. Здѣсь университетъ очень плохо поставленъ и необходимъ латвійскій языкъ. Сама я еще останусь немного, чтобъ ликвидировать пару лошадей, на которыхъ мы пріѣхали, и вообще подумать, что дѣлать, но думается плохо, грустно и энергіи нѣтъ.

Содержаніе

Задачи Архива 5
Временное Правительство — Влад. Набокова 9
На внутреннемъ фронтѣ — П. Краснова 97
Отъ Москвы до Берлина въ 1920 году — Р. Донского 191
Петроградъ—Вятка въ 1919—20 г — С. Воронова 241
Предсказаніе русской революціи — Н. Неклюдова 257

Документы и письма:

Основы Конституціи Россійскаго Государства — К. Крамаржа . . . 263
Докладъ начальнику операціоннаго отдѣленія германскаго восточнаго фронта о положеніи дѣлъ на Украинѣ въ Мартѣ 1918 г. . . . 288
Образованіе сѣверо-западнаго правительства 295
Доклада Карташева, Кузьмина-Караваева и Суворова 296
Письмо генерала Гофа генералу Юденичу 306

Изъ частной переписки:

Послѣдніе дни Леонида Андреева 309
Описаніе польскаго отступленія въ Августѣ 1920 г. 311

*

Напечатано издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ

625080
P Arkhiv Russkoi Revolyutsii.
HSlav v. 1 (1921)
A

DATE | NAME OF BORROWER

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

Digitized by the Internet Archive
in 2009 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/arkhivrusskoirev02gess

MEUDON-VAL-FLEURY

P
HSlav
A
Archiv Russkoi Revolyutsii

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

И. В. ГЕССЕНОМЪ

II

1921

625081
9.12.55

Къ исторіи Манифеста 17-го Октября

Записка Н. И. Вунча*

21 сентября уѣхалъ на Кавказъ управляющій дѣлами комитета министровъ баронъ Нольде, вслѣдствіе чего во временное исправленіе должности его вступилъ помощникъ управляющаго Вунчъ, на обязанность котораго упадалъ поэтому и докладъ всѣхъ комитетскихъ дѣлъ предсѣдателю комитета графу С. Ю. Витте. Графъ былъ все время чрезвычайно озабоченъ и нѣсколько разъ въ разговорѣ возвращался къ тому, насколько плохо внутреннее наше положеніе, и что представляется неизбѣжнымъ или ввести повсюду военное положеніе, или даровать настоящую конституцію. При этомъ С. Ю. высказывалъ, что принятіе какихъ-нибудь разрозненныхъ мѣръ не дастъ благопріятныхъ результатовъ, въ частности же, репрессіи противъ печати безполезны, такъ какъ немедленно усилится подпольная пресса. 6 октября предсѣдатель поручилъ составить всеподданнѣйшій докладъ въ томъ смыслѣ, чтобы впредь до разсмотрѣнія совѣщаніемъ графа Сольскаго проекта о преобразованіи комитета министровъ, установлены были временныя полномочія предсѣдателя комитета по объединенію дѣятельности министровъ, причемъ С. Ю. просилъ съ составленіемъ этого доклада поторопиться. На другой день предсѣдатель занимался подробнымъ разсмотрѣніемъ представленнаго ему проекта, 8-го же октября вечеромъ передалъ для прочтенія и для распоряженій о перепискѣ къ слѣдующему утру — обширную записку, заключающую въ себѣ разъясненіе его взгляда на способы успокоенія страны съ выводомъ о необходимости перехода къ конституціонному образу правленія. На слѣдующій день утромъ записка переписанная была представлена предсѣдателю. Въ происшедшемъ при этомъ разговорѣ, на замѣчаніе помощника управляющаго, съ какою быстротою событія привели къ предположенію о введеніи конституціи, С. Ю. съ горячностью замѣтилъ, что за послѣднее время послѣдовали Мукденъ, Цусима; что закрыто было сельско-хозяйственное совѣщаніе, къ которому имѣли отношеніе либе-

* Исторія записокъ Н. И. Вунча и кн. П. Д. Оболенскаго такова: Гр. С. Ю. Витте, тяготясь высказываемыми противъ него обвиненіями, что онъ вырвалъ согласіе на манифестъ 17 Октября 1905 г., обратился къ двумъ непосрественнымъ свидѣтелямъ возникновенія манифеста—пом. управляющаго дѣлами Ком. Министровъ, Н. И. Вунчу, и кн. Н. Д. Оболенскому (личному другу Николая II) съ просьбой изложить извѣстные имъ факты, предшествовавшіе подписанію манифеста. Отвѣтомъ на эту просьбу и являются печатаемыя записки.

ральные элементы, теперь ищущіе иного выхода; что онъ пришелъ къ убѣжденію о совершенной неотвратимости предлагаемаго имъ средства. Затѣмъ предсѣдателемъ дано было порученіе составить краткій по этой запискѣ всеподданнѣйшій докладъ, который могъ бы быть въ случаѣ надобности напечатанъ. Въ теченіе 9 октября записка была предсѣдателемъ нѣсколько измѣнена* во вступительной части включеніемъ указанія, что докладъ составленъ по приказанію и указаніямъ Его Величества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ концѣ записки было добавлено, что, можетъ быть, есть и другой исходъ — идти противъ теченія, но это надо сдѣлать рѣшительно и систематически; С. Ю. сомнѣвается въ успѣхѣ этого, но онъ можетъ и ошибаться; во всякомъ случаѣ, за выполненіе всякаго плана можетъ взяться только человѣкъ, который въ него вѣритъ. 10-го октября предсѣдатель ѣздилъ къ государю и вѣроятно тогда же оставилъ Его Величеству свою записку. Послѣ того занимались уже только краткимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ, онъ еще передѣлывался и 13-го октября вечеромъ окончательно былъ прочитанъ предсѣдателемъ. С. Ю. сказалъ, что ѣдетъ на другой день къ Государю, и пригласилъ Вуича его сопровождать на пароходѣ. 14-го октября погода была неимовѣрно скверная, снѣгъ съ дождемъ, и пароходъ изрядно качало. Дорогою перечитывали еще разъ докладъ и С. Ю. говорилъ, что онъ не можетъ принять должность предсѣдателя совѣта, если докладъ этотъ не будетъ утвержденъ. Говорили также о постыдности положенія, при которомъ вѣрноподданные должны добираться къ своему Государю чуть не вплавь. С. Ю. поѣхалъ съ пристани прямо во дворецъ, гдѣ оставался до часу, затѣмъ пріѣхалъ завтракать въ приготовленное помѣщеніе и говорилъ, что могъ настоять на немедленномъ утвержденіи доклада, но не захотѣлъ вырывать согласія и поэтому ему предложили еще разъ вернуться во дворецъ. Со второй аудіенціи С. Ю. возвратился на пароходъ послѣ 5-ти часовъ, такъ что назадъ ѣхали въ темнотѣ. Положеніе оставалось тоже самое и рѣшеніе было отложено до завтра. 15-го октября опять поѣхали около 9-ти часовъ утра. На пароходѣ былъ баронъ Фредериксъ и князь Алексѣй Оболенскій; оказалось, что князь привезъ съ собой проектъ манифеста, о которомъ до того отъ предсѣдателя ничего слышать не приходилось. Стали читать проектъ.

Вступленіе весьма краснорѣчивое, но предсѣдатель говоритъ: да это не существенно, а вотъ что у васъ вышло въ пунктахъ. Первый пунктъ оказался о свободахъ; предполагалось сказать въ родѣ того, что на правительство возлагается обязанность немедленно выработать и въ опредѣленный срокъ представитъ Государю проекты законовъ о свободѣ собраній и проч. Далѣе слѣдовалъ пунктъ о расширеніи выборныхъ правъ, а затѣмъ говорилось о рабочихъ. Отъ послѣдняго пункта князь тутъ же немедленно, въ виду замѣчанія предсѣдателя, отказался. Стали затѣмъ пробовать сгладить редакцію первыхъ пунктовъ и въ то же время у одного изъ присутствующихъ явилась мысль, нельзя ли связать эти мѣры съ указомъ 12 декабря 1904 г., какъ продолженіемъ этого указа. Изъ попытки этой ничего въ ту минуту не вышло, а такъ какъ въ это время

* Въ тотъ-же день она была вновь переписана и въ двухъ экземплярахъ представлена предсѣдателю.

подходили уже къ пристани, то рѣшили пока только установить въ общихъ чертахъ содержаніе пунктовъ манифеста, намѣтили три такихъ пункта (два предложенныхъ княземъ А. Д. и третій о полномочіяхъ государственной думы) и все вкратцѣ было отмѣчено на особомъ листѣ. При этомъ С. Ю. сказалъ, что можно писать и коротко, такъ какъ все это разъяснено во всеподданнѣйшемъ докладѣ. Всѣ разговоры и предположенія никакихъ особыхъ возраженій со стороны присутствовавшихъ не вызывали. Затѣмъ было рѣшено, что пока С. Ю. будетъ во дворцѣ, бывшія съ нимъ лица попробуютъ составить окончательный проектъ манифеста. Къ возвращенію С. Ю. изъ дворца въ приготовленное для него помѣщеніе проектъ былъ уже составленъ. При этомъ первоначальный проектъ князя А. Д. остался какъ то въ сторонѣ, а руководились при составленіи новаго проекта замѣтками, сдѣланными на пароходѣ. С. Ю. пріѣхалъ изъ дворца около часу, говоря, что дѣло еще окончательно не рѣшено, но что можно и подождать день или два. Князь А. Д. взволнованно доказывалъ нежелательность этого, въ чемъ былъ поддержанъ и другимъ слушателемъ. Затѣмъ проектъ былъ прочитанъ Сергѣю Юльевичу. Первый пунктъ о свободахъ казался составленнымъ ясно въ томъ смыслѣ, что Государь рѣшилъ даровать свободы, а введеніе ихъ составитъ ближайшую задачу правительства. Эта часть проекта при чтеніи ни съ чьей стороны никакихъ замѣчаній не вызвала, а затѣмъ подробно говорили о двухъ послѣдующихъ пунктахъ, причемъ князь Оболенскій высказался противъ дальнѣйшихъ измѣненій изготовленнаго проекта, такъ какъ это вызывало бы только излишнее промедленіе. Тѣмъ не менѣе долго говорили объ этихъ пунктахъ. Обсуждалось, расширить ли выборы только по отношенію рабочихъ или также и другихъ частей населенія, неполучившихъ избирательныхъ правъ. С. Ю. рѣшилъ, соглашаясь съ кн. Оболенскимъ, поставить вопросъ шире; при этомъ слова о непріостановленіи выборовъ вызывали у него сомнѣніе, такъ какъ, можетъ быть, нельзя будетъ обойтись безъ пріостановки при передѣлкѣ закона, но окончательно согласился ихъ оставить, такъ какъ по существу дѣла откладывать выборы не представлялось желательнымъ. По пункту о законодательной власти думы останавливались на томъ, не слишкомъ ли рѣшительны выраженія этого пункта, но затѣмъ признали, что они соотвѣтствуютъ смыслу всеподданнѣйшаго доклада. Поѣхалъ С. Ю. вторично во дворецъ къ 3 часамъ и, возвратившись затѣмъ на пароходъ послѣ 5 часовъ, говорилъ, что во дворцѣ происходило совѣщаніе съ участіемъ Вел. Кн. Николая Николаевича, бар. Фредерикса и генер. Рихтера. Вел. Князь сначала говорилъ за строгія мѣры, но потомъ присоединился рѣшительно къ мыслямъ С. Ю. такъ же, какъ и Рихтеръ. Его Величество окончательно сказалъ: если Я соглашусь, то дамъ вамъ знать вечеромъ. Въ тотъ же день предсѣдатель никакого увѣдомленія болѣе не получалъ и къ 10 час. вечера говорилъ, крестясь, что, очевидно, бумагъ ждать нечего и онъ освободится отъ всего этого дѣла, такъ какъ оказалось, что въ 6 час. къ Государю были вызваны Горемыкинъ и Будбергъ и оттого, вѣроятно, и днемъ не былъ данъ рѣшительный отвѣтъ. 16 октября никакихъ новыхъ свѣдѣній не было. 17-го утромъ выяснилось, что наканунѣ и въ теченіе ночи шли переговоры о томъ, чтобы всеподданнѣйшаго доклада С. Ю. вовсе не распубликовывать, а редакцію манифеста

измѣнить въ томъ смыслѣ, чтобы не упоминать о предстоящей дѣятельности Правительства по осуществленію намѣреній Государя, а прямо объявить о дарованіи реформъ отъ имени Его Величества. С. Ю. не счелъ возможнымъ на это согласиться. Днемъ на пароходѣ «Нева» С. Ю. отправился въ Петергофъ, поѣхалъ прямо къ Его Величеству и привезъ изъ дворца подписанный манифестъ и утвержденный всеподданнѣйшій докладъ. На обратномъ пути С. Ю. высказывалъ мнѣніе, что если удастся дотянуть до собранія думы, тогда все спасено, а если невозможны будутъ выборы, то ручаться ни за что нельзя.

20-го октября по распоряженію предсѣдателя, было составлено и опубликовано въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» правительственное сообщеніе, въ которомъ объяснялось, что осуществленіе указанныхъ въ манифестѣ 17-го октября реформъ требуетъ законодательныхъ опредѣленій и ряда административныхъ мѣръ; до того прежніе законы должны дѣйствовать.

(подп.) Николай Вунчъ. 31 декабря 1906 г.

Записка князя Н. Д. Оболенскаго

Октябрь 1905 года будетъ отмѣченъ будущимъ русскимъ лѣтописцемъ, какъ историческій мѣсяцъ, въ теченіе котораго произведена была первая реальная попытка пойти на встрѣчу необходимости (въ высшихъ сферахъ еще въ то время не вполнѣ сознанной) совершить послѣдній шагъ по пути реформъ и обновленія русской жизни, начатыхъ еще въ царствованіе Императора Александра II.

Обстановка, среди которой въ эти историческіе дни чувствовало себя русское общество, была скорбная, тяжелая, угнетающая. Неудачно веденная война обнаружила несовершенства государственнаго механизма во всей ихъ болѣзненной правдѣ. Зароненное въ среду неудовлетворенаго, разочарованнаго, оскорбленнаго въ самомъ скромномъ честолюбіи общества неудовольствіе это стало концентрически расти и захватывать всѣ классы населенія, каждый разно и по своему толковавшіе о причинахъ нашихъ внѣшнихъ и внутреннихъ неудачъ.

Почва эта являлась благопріятнымъ разсадникомъ для тѣхъ лицъ, которыя съ интернаціональными идеями разнообразныхъ оттѣнковъ ставили цѣлью своихъ мыслей и дѣйствій вызвать, въ какой удастся формѣ, смуту въ Россіи, пользуясь которой, ниспровергнуть существующій, мало кого удовлетворяющій государственный порядокъ. Вся эта сложная, много-причинная и много-образная эволюція общественной мысли выразилась въ забастовкахъ, открытыхъ смутахъ, грабежахъ, политическихъ убійствахъ и насиліяхъ, на глазахъ безучастнаго и скорѣе враждебно къ Правительству настроеннаго русскаго общества.

Сознаніе ненужности безотрадно веденной, жестокой и неудачной войны съ Японіей находило нѣкоторое успокоеніе въ той мирной побѣдѣ, которая была одержана въ Портсмутѣ, когда, такъ или иначе, съ относительно ничтожными жертвами, прекратилось безрезультатное кровопролитіе, грозившее намъ, къ довершенію бѣдъ, потерею Владивостока, Камчатки и прилегающихъ къ Сибири острововъ на морѣ, господство надъ которыми всецѣло перешло въ руки японцевъ.

Общество подъ впечатлѣніемъ этого акта запоздавшей государственной мудрости облегченно вздохнуло и имя человѣка, пріобрѣвшаго для своего отечества миръ внѣшній, естественно приходило на мысль передъ задачею внутренняго успокоенія и надѣленія государства прочнымъ внутреннимъ миромъ. Предсѣдатель комитета министровъ Статсъ-Секретарь графъ Витте, утомленный нравственно испытанными напряженіями, вернулся въ Россію и, принявшись за повседневную работу, съ первыхъ шаговъ столкнулся съ отголосками внутренняго хаоса и того настроенія, которые настоятельно требовали энергичнаго и неотложнаго разрѣшенія. Въ первыхъ же засѣданіяхъ комитета министровъ и въ отдѣльныхъ совѣщаніяхъ у гр. Сольскаго рѣзко опредѣлилась необходимость внести въ государственную работу свѣжую струю, приступивъ къ основнымъ преобразованіямъ всего правительственнаго механизма.

6-го октября С. Ю. Витте пишетъ Государю Императору письмо, въ которомъ всеподданнѣйше спрашиваетъ разрѣшенія прибыть въ Новый Петергофъ для доклада нѣкоторыхъ своихъ соображеній въ связи съ происходившими уже въ то время открытыми политическими демонстраціями, многочисленными митингами и собраніями общественныхъ дѣятелей и общимъ неустройствомъ, принявшимъ острый характеръ явно враждебныхъ правительству манифестацій и политической забастовки. Желѣзныя дороги бездѣйствовали, сообщеніе съ Нов. Петергофомъ поддерживалось лишь пароходами по Невѣ.

8-го октября былъ полученъ Высочайшій отвѣтъ: Государь Императоръ писалъ гр. Витте, что и Самъ Онъ думалъ вызвать его къ себѣ для обмѣна мыслей по выше упомянутымъ вопросамъ и просилъ гр. Витте прибыть въ Петергофъ на другой день къ 6-ти часамъ вечера.

Въ пятницу 8-го октября вечеромъ гр. С. Ю. Витте, при участіи помощника упр. дѣлами комитета министровъ д. с. с. Вунча, составилъ программу намѣченныхъ реформъ, съ изложеніемъ въ общихъ чертахъ, по пунктамъ, тѣхъ давно назрѣвшихъ у него данныхъ, которыя должны были въ извѣстной постепенности лечь въ основу работы и политики будущаго совѣта министровъ.

Казалось, что, выступая съ такой программой, гр. Витте, стоя во главѣ министровъ, могъ разсчитывать удовлетворить и успокоить благомыслящую часть русскаго общества.

9-го октября къ 6 часамъ вечера гр. Витте отправился въ Петергофъ на пароходѣ и, будучи принятъ Его Величествомъ, доложилъ Государю Императору, что изъ настоящаго тяжелаго внутренняго положенія правительству, по его мнѣнію, представляются два выхода:

1) облечь неограниченною диктаторскою властью довѣренное лицо, дабы энергично и безповоротно въ самомъ корнѣ подавить всякій признакъ проявленія какого-либо противодѣйствія правительству, хотя бы цѣною массового пролитія крови.

—Для такой дѣятельности гр. Витте не считалъ себя подготовленнымъ.—

2) Перейти на почву уступокъ общественному мнѣнію и предначертать будущему Кабинету указанія вступить на путь конституціонный; иначе говоря, Его Величество предрѣшаетъ дарованіе конституціи и утверждаетъ программу, разработанную гр. Витте.

Послѣдній счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ обратить особое вниманіе Государя Императора на всю важность принимаемаго рѣшенія, сопряженнаго съ нѣкоторымъ самоограниченіемъ; причемъ возвратъ къ прежнему порядку оказался бы немыслимымъ.

Вслѣдствіе этого гр. Витте просилъ Государя, до принятія окончательнаго рѣшенія, обсудить въ особомъ совѣщаніи этотъ вопросъ, привлекши къ совѣщанію этому противниковъ предлагаемаго направленія, мнѣнія которыхъ съ достаточною ясностью опредѣлились въ бывшихъ за послѣднее время засѣданіяхъ и совѣщаніяхъ.

Если-же Государю угодно будетъ все таки согласиться на предлагаемую программу, то не стѣснять гр. Витте въ выборѣ сотрудниковъ, предоставивъ ему право распредѣленія портфелей даже среди общественныхъ дѣятелей.

Далѣе, гр. Витте, указывая на важность принимаемаго рѣшенія, когда однимъ почеркомъ пера измѣнялся весь государственный строй, и на серьезность намѣчаемаго добровольнаго самоограниченія правъ, испрашивалъ пригласить на совѣщаніе Ея Величество Государыню Императрицу и Великихъ Князей.

На другой день 10 октября гр. Витте былъ вновь приглашенъ въ Петергофъ, гдѣ повторилъ все сказанное наканунѣ въ присутствіи только Ея Величества и оставилъ свою программу.

Прошли 11 и 12 октября и наступила среда 13 октября. За это время составленная гр. Витте программа подвергалась дѣятельному и вліятельному обсужденію лицъ приближенныхъ, а также имѣвшихъ докладъ у Государя. Въ результатѣ въ среду 13 октября гр. Витте получилъ депешу отъ Государя, приблизительно слѣдующаго содержанія: «Назначаю васъ предсѣдателемъ совѣта министровъ для объединенія дѣятельности всѣхъ министровъ». О программѣ не упоминалось вовсе. Получивъ такого рода депешу, гр. Витте справедливо заключилъ, что программа имъ представленная не принята и не утверждена, и 14-го ѣздилъ въ Петергофъ и доложилъ Его Величеству, что нравственно не считаетъ для себя возможнымъ исполнить Высочайшее повелѣніе сдѣлаться первымъ министромъ, до утвержденія его программы, но вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждалъ еще разъ необходимость программу эту всесторонне обсудить въ совѣщаніи лицъ, которыхъ Государю угодно было бы привлечь для этой цѣли и что съ каждымъ днемъ внутреннее положеніе ухудшается, вызывая неотложную необходимость придти къ тому или иному рѣшенію. Его Величество, послѣ доклада гр. Витте, призвалъ кн. Орлова (гр. Гейденъ находился въ отпуску) для отдачи ему приказаній относительно приглашеній на совѣщаніе для обсужденія программы гр. Витте.

По указанію Его Величества былъ составленъ списокъ лицъ, имѣющихъ быть приглашенными, и предрѣшено было, что одну только программу гр. Витте утверждать нельзя, но что для надлежащаго уясненія, что все въ ней изложенное исходитъ лично отъ Государя, содержаніе ея необходимо облечь въ форму манифеста. На обсужденіе программы приглашены были: Вел. Князь Николай Николаевичъ, ген. адъют. бар. Фредериксъ, ген. ад. Рихтеръ, гр. Витте, ст. секр. Горемыкинъ и баронъ Будбергъ. Послѣ этого кн. Орлову передано было черезъ камердинера приказаніе Его Величества, дабы гг. Горемыкинъ и Будбергъ

были доставлены въ Петергофъ на отдѣльномъ пароходѣ, въ самомъ засѣданіи не участвовали, и ожидали дальнѣйшихъ приказаній во дворцѣ. Затѣмъ гр. Витте получилъ изъ Петергофа увѣдомленіе, что 15 октября въ 11 ч. утра назначено у Его Величества особое совѣщаніе, на которое приглашается и онъ. Ему предложено также привезти съ собою проектъ манифеста, дабы все намѣченное имъ вывести изъ области однихъ обѣщаній въ область Государемъ утвержденныхъ фактовъ. Гр. Витте первоначально рѣшилъ въ своей программѣ измѣнить редакцію вступленія, въ смыслѣ болѣе яснаго подтвержденія, что программа эта выработана по повелѣнію и личному указанію Его Величества. Полагалъ, однако, что облечь программу эту въ форму манифеста и трудно, и можетъ быть преждевременно. Однако случайно здѣсь находившемуся кн. А. Д. Оболенскому гр. Витте предложилъ попытаться за ночь составить проектъ манифеста и на другой день 15-го октября сопровождать его въ Петергофъ вмѣстѣ съ д. с. с. Вупчемъ.

Въ субботу 15-го октября въ 11 часовъ утра въ Петергофѣ подъ предсѣдательствомъ Государя началось совѣщаніе, на которомъ присутствовали: Вел. Князь Николай Николаевичъ, ген. ад. баронъ Фредерпксъ, ген. ад. Рихтеръ и гр. Витте.

Вел. Кн. Николай Николаевичъ испросилъ разрѣшеніе задавать вопросы гр. Витте въ виду своего незнакомства съ предметомъ и спрашивать объясненіе того, что ему покажется неяснымъ. Въ засѣданіи этомъ гр. Витте обрисовалъ въ общихъ чертахъ общее положеніе Россіи, какъ оно ему представлялось въ эти дни, останавливаясь съ особеннымъ вниманіемъ на томъ фактѣ, что даже умѣренные элементы русскаго общества заявляютъ себя, если не активно, то пассивно противъ правительства и что, по его крайнему разумѣнію, при настоящихъ обстоятельствахъ могутъ быть два исхода: 1) диктатура или 2) вступленіе на путь конституціи, причемъ доложилъ съ нужными поясненіями всѣ пункты своей программы.

Въ основу программы этой, какъ окончательная цѣль, легли: а) дарованіе законодательныхъ правъ государственной думѣ и б) дарованіе свободы слова, собраній, совѣсти и неприкосновенности личности.

Вел. кн. Николай Николаевичъ неоднократно прерывалъ докладчика, дабы яснѣе усвоить себѣ отдѣльныя подробности доложеннаго. Засѣданіе затянулось до часу дня и Государь приказалъ сдѣлать перерывъ до $2^1/_2$ ч., предложивъ къ этому часу представить и проектъ манифеста, несмотря на то, что гр. Витте еще разъ доложилъ, что программа менѣе свяжетъ Государя и что лучше было бы манифеста не составлять, такъ какъ въ немъ изложить всю сущность программы было бы затруднительно.

Въ три часа дня засѣданіе возобновилось. Гр. Витте нѣсколько запоздалъ, корректируя проектъ манифеста, который и подвергся обсужденію. Присутствующіе не возражали, но гр. Витте просилъ еще разъ Государя не рѣшаться на подписаніе столь серьезнаго акта, не уяснивъ всесторонняго его значенія въ виду чрезвычайной государственной и исторической важности дѣлаемаго шага и вѣроятности, что даже послѣ этого успокоеніе можетъ наступить не сразу. Его Величество отпустилъ всѣхъ, положилъ проектъ манифеста въ столъ и поблагодарилъ гр. Витте, сказавъ, что помолится Богу, еще подумаетъ и скажетъ ему, рѣшится ли онъ на этотъ актъ или нѣтъ.

По отъѣздѣ гр. Витте Государь приказалъ ген. ад. бар. Фредериксу призвать статсъ-секретаря Горемыкина и Будберга, ожидавшихъ въ Петергофѣ, и передать имъ на разсмотрѣніе этотъ манифестъ. Оба тотчасъ приступили къ его обсужденію и нашли его несоотвѣтствующимъ. Членъ гос. сов. Горемыкинъ принципіально не соглашался съ необходимостью такого акта, а бар. Будбергъ главнымъ образомъ критически отнесся къ формальной сторонѣ самого изложенія манифеста, находя таковое недостаточно хорошо редактированнымъ. Горемыкинъ согласился помочь въ редактированіи новаго проекта.

Въ это время гр. Витте случайно освѣдомленъ былъ, что проектъ его манифеста обсуждается безъ него и, опасаясь, что такой манифестъ могъ бы быть подписанъ Государемъ и что онъ, гр. Витте, принужденъ будетъ въ силу обстоятельствъ принять его къ исполненію и руководствоваться изложенными въ немъ видоизмѣненіями ст. секр. Горемыкина и бар. Будберга, телефонировалъ бар. Фредериксу и дворцовому ком. кн. Енгалычеву, прося ихъ доложить Его Величеству о томъ, что онъ ходатайствуетъ объ измѣненіяхъ, сдѣланныхъ въ его редакціи, поставить его въ извѣстность, или же предложить авторамъ измѣненій стать во главѣ дѣла. Изъ Петергофа было отвѣчено, что сдѣланное въ манифестѣ измѣненіе незначительно и лишь редакціонное. Гр. Витте просилъ все таки измѣненія эти, предварительно подписанія, передать ему на прочтеніе.

Въ воскресенье 16 октября по Петербургу распространился слухъ, обсуждавшійся въ различныхъ кружкахъ, что проектъ государственныхъ преобразованій гр. Витте не одобренъ, а утвержденъ и принятъ другой проектъ члена государственнаго совѣта Горемыкина; слухи эти въ общей ихъ сложности произвели угнетающее впечатлѣніе.

16 октября вечеромъ (послѣ предварительнаго предупрежденія по телефону) около полуночи къ гр. Витте пріѣхалъ ген. ад. баронъ Фредериксъ со своимъ начальникомъ канцеляріи ген. м. А. А. Мосоловымъ. Бар. Фредериксъ извинился передъ гр. Витте, сообщивъ, что манифестъ измѣненъ не въ редакціонномъ только отношеніи, какъ онъ это сообщилъ, но и по существу и просилъ гр. Витте согласиться принять манифестъ въ этомъ измѣненномъ видѣ къ исполненію, такъ какъ измѣненный манифестъ заключалъ въ себѣ, по его мнѣнію, больше уступокъ, чѣмъ проектированный гр. Витте. Ознакомившись съ новою редакціей манифеста, гр. Витте усмотрѣлъ, что между проектомъ представленнымъ имъ и проектомъ ему привезеннымъ различіе по существу сводилось къ слѣдующему: 1) въ проектѣ гр. Витте опредѣленно говорилось, что Его Величеству благоугодно повелѣть своему правительству озаботиться проведеніемъ въ жизнь Его неуклонною волею предначертанныхъ реформъ; въ проектѣ, привезенномъ бар. Фредериксомъ, тѣ же пункты опредѣлены, какъ даруемые; 2) о правѣ на законодательный починъ со стороны государственной думы въ этомъ послѣднемъ проектѣ не упоминалось вовсе. При этомъ гр. Витте еще разъ просилъ барона Фредерикса испросить у Государя Императора не печатать пока манифеста, а лишь утвердить и обнародовать одну программу съ тѣми измѣненіями, которыя въ ея вступленіи уже сдѣлалъ самъ гр. Витте, относя все въ ней изложенное къ инициативѣ, указаніямъ и волѣ Его Величества. Бар. Фредериксъ отвѣтилъ, что вопросъ о томъ, что настоящая реформа должна быть возвѣщена населенію манифестомъ, рѣшенъ безповоротно.

Въ заключеніе гр. Витте заявилъ бар. Фредериксу, что онъ ясно сознаетъ, что со стороны его Величества въ основу отношеній къ нему, несмотря на все вниманіе Государя Императора, несомнѣнно легло чувство нѣкотораго недовѣрія, что при наличіи такого серьезнаго фактора совмѣстная государственная работа крайне затруднится и что, быть можетъ, было бы цѣлесообразнѣе оставить самую мысль о назначеніи его первымъ министромъ, а для объединенія министровъ избрать одного изъ авторовъ измѣненнаго манифеста, причемъ просилъ довести до свѣдѣнія Его Величества о своей готовности и въ этомъ случаѣ на второстепенномъ посту послужить общему дѣлу.

Высказанное гр. Витте предположеніе имѣло за собою несомнѣнное основаніе, такъ какъ ближайшія къ Государю лица не вѣрили въ искренность гр. Витте и были убѣждены, что онъ, въ своихъ честолюбивыхъ намѣреніяхъ, стремится быть президентомъ Россійской республики и что въ предвидѣніи возможности такого факта находитъ себѣ объясненіе та выдающаяся ласка и любезность, предметомъ которой сдѣлался гр. Витте при возвращеніи изъ Портсмута со стороны германскаго императора Вильгельма II, прозрѣвавшаго въ немъ будущаго Русскаго республиканскаго президента.

На другой день 17 октября въ 9 час. утра бар. Фредериксъ отправился съ докладомъ къ Государю Императору. Результатомъ этого доклада было немедленное приглашеніе туда же Вел. Князя Николая Николаевича и гр. Витте; послѣдній могъ прибыть лишь къ $4^1/_2$ часамъ дня.

Вел. Князь Николай Николаевичъ, проникшись основательностью данныхъ гр. Витте объясненій, выразилъ свое полное сочувствіе проекту гр. Витте и доложилъ о невозможности, за недостаткомъ войскъ, прибѣгнуть къ военной диктатурѣ. Вел. Кн. и бар. Фредериксъ были приняты Государемъ раньше пріѣзда гр. Витте, при чемъ тутъ же рѣшено было, что Его Величество подпишетъ манифестъ, составленный гр. Витте, и утвердитъ программу, представленную имъ. Въ канцеляріи министра Императорскаго двора, времено переведенной въ Петергофъ, приказано было приступить къ перепискѣ манифеста.

Въ 6-омъ часу вечера работа эта была закончена. Гр. Витте, уже прибывшій изъ Петербурга, поѣхалъ въ Александрію и въ его присутствіи Государь Императоръ подписалъ манифестъ и утвердилъ программу. Такимъ образомъ, не безъ нѣкоторой борьбы, колебаній и сомнѣній, Государю угодно было вернуть Россію на покинутый ею, въ силу разнообразныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ, путь реформъ и завершить великое дѣло своего Августѣйшаго Дѣда.

При обратномъ возвращеніи въ Петербургъ на палубѣ парохода находился Вел. Кн. Николай Николаевичъ. Онъ казался веселымъ и довольнымъ. Обратившись къ гр. Витте, Его Высочество замѣтилъ: «Сегодня 17 октября и 17 годовщина того дня, когда въ Боркахъ была спасена династія. Думается мнѣ, что и теперь династія спасается отъ не меньшей опасности сегодня происшедшимъ историческимъ актомъ.»

Августъ-сентябрь 1906.

Изъ воспоминаній
ген. Лукомскаго

Предисловіе

Правдивая исторія данной эпохи пишется не ея современниками, а послѣдующими историками, которые описаніями современниковъ пользуются какъ матеріаломъ.

Такимъ же матеріаломъ для будущаго историка русской революціи, вылившейся въ настоящее время въ большевизмъ, послужитъ и «Исторія русской революціи», выпускаемая П. Н. Милюковымъ, и всѣ воспоминанія и записки, которыя уже написаны многими лицами и будутъ еще написаны.

У прежнихъ историковъ подъ руками, обыкновенно, были архивы съ оффиціальными и документальными данными. Эти данныя служили канвой, по которой вышивали, пользуясь описаніемъ событій современниками.

Въ распоряженіи будущихъ историковъ, которые будутъ описывать Европейскую войну, революцію и гражданскую войну въ Россіи — архивовъ можетъ не оказаться.

Вся переписка о началѣ революціи, собранная по моему приказанію въ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго въ четыре дѣла, оставалась до большевистскаго переворота въ Могилевѣ.

За два дня до его убійства въ Могилевѣ, генералъ Духонинъ, исполнявшій должность Верховнаго Главнокомандующаго, хотѣлъ выѣхать изъ Могилева въ Кіевъ. Съ собой онъ хотѣлъ взять наиболѣе важныя дѣла, бывшія въ штабѣ; въ томъ числѣ, какъ мнѣ передавали, и дѣла, содержавшія документы начала революціи.

Но писаря и мѣстный революціонный комитетъ воспротивились отъѣзду генерала Духонина и дѣла, уже погруженныя на автомобили, были выброшены на землю.

Часть изъ нихъ была внесена обратно въ помѣщеніе штаба, часть разорвана и пущена по вѣтру, часть сожжена.

Что сталось съ дѣлами, касавшимися распоряженій Верховныхъ Главнокомандующихъ по арміямъ и содержащими документы по началу революціи и по Корниловскому выступленію — неизвѣстно. Большая часть архивовъ штабовъ фронтовъ пропала.

Мнѣ передавали, что въ періодъ захвата большевиками Петрограда погрому подверглись и архивы Главнаго и Генеральнаго Штабовъ.

При занятіи Кіева большевиками, весной 1918 года, арестованныхъ офицеровъ одно время содержали въ помѣщеніи архива штаба округа и они спали на «дѣлахъ».

При чемъ, какъ мнѣ передавали, эти «дѣла» шли на топку, на обертку пакетовъ и на другія надобности.

При эвакуаціи Новороссійска погибли почти всѣ документы «Корниловскаго» и «Деникинскаго» періодовъ.

Опасеніе, что многихъ документальныхъ данныхъ, касающихся эпохи Европейской войны, революціи и гражданской войны въ Россіи — можетъ не оказаться, обязываетъ насъ, современниковъ, записать и напечатать все, что мы знаемъ про эти періоды и чему мы были свидѣтелями.

Эти соображенія заставили и меня взяться за перо.

Съ ноября 1916 года по апрѣль 1917 года я былъ генералъ-квартирмейстеромъ Верховнаго Главнокомандующаго. На этой должности я въ Ставкѣ былъ свидѣтелемъ всѣхъ событій начала революціи.

Въ апрѣлѣ 1917 года я принялъ I-й армейскій корпусъ, а съ 3 іюня 1917 года я былъ начальникомъ штаба при Верховныхъ Главнокомандующихъ Брусиловѣ и Корниловѣ.

Послѣ, такъ-называемаго , «Корниловскаго выступленія» я, совмѣстно съ Корниловымъ, Деникинымъ и другими, былъ арестованъ и сидѣлъ въ Быховской тюрьмѣ.

19 ноября/2 декабря 1917 года, вмѣстѣ съ другими арестованными, бѣжалъ на Донъ.

Во время гражданской войны я былъ начальникомъ штаба у генерала Корнилова, а при генералѣ Деникинѣ былъ начальникомъ военнаго управленія, помощникомъ Главнокомандующаго и, съ іюня 1918 года по январь 1919 года, былъ предсѣдателемъ особаго совѣщанія, исполнявшаго функціи Правительства.

Въ періодъ генерала Врангеля я былъ его представителемъ при союзномъ командованіи въ Константинополѣ.

Думаю, что мои воспоминанія представятъ интересъ и для современниковъ и для будущихъ историковъ.

Хотя я обладаю хорошей памятью, но, почти не имѣя подъ рукой необходимыхъ справокъ и матеріаловъ, я могу допустить нѣкоторыя неточности въ изложеніи и ошибки въ датахъ.

Заранѣе прошу за это извинить и прошу тѣхъ, которые могутъ сдѣлать необходимыя исправленія или указать на допущенныя мною ошибки — сообщить объ этомъ мнѣ, или сдѣлать поправки путемъ печати.

Нисколько не претендуя на непогрѣшимость своихъ выводовъ, буду радъ, если и они подвергнутся критикѣ.

«Du choc des opinions jaillit la vérité».

Буду писать и дѣлать заключенія — какъ это представляется мнѣ. А истина получится изъ сопоставленія различныхъ описаній однихъ и тѣхъ же событій.

Первые мѣсяцы революціи

Вернувшійся изъ Крыма въ февралѣ 1917 года генералъ Алексѣевъ чувствовалъ себя очень слабымъ и мы совѣтовали ему себя не переутомлять и позволить ему докладывать лишь наиболѣе серьезные вопросы.

Но онъ насъ не послушалъ и немедленно взвалилъ на себя всю громадную текущую работу, знакомясь подробно, одновременно съ этимъ, со всей перепиской по штабу, бывшей во время его отсутствія.

Черезъ нѣсколько дней это отразилось на его здоровьѣ и появилась еще большая слабость и повышенная температура.

Доктора потребовали, чтобы онъ въ теченіе дня лежалъ нѣсколько часовъ.

25 февраля/10 Марта была получена изъ Петрограда телеграмма отъ военнаго министра, генерала Бѣляева, что на заводахъ въ Петроградѣ объявлена забастовка и что среди рабочихъ, на почвѣ недостатка въ столицѣ продуктовъ, начинаются безпорядки.

Въ телеграммѣ добавлено было, что мѣры къ прекращенію безпорядковъ приняты и что ничего серьезнаго нѣтъ.

Въ тотъ же день была получена вторая телеграмма отъ генерала Бѣляева, въ которой сообщалось, что рабочіе на улицахъ поютъ революціонныя пѣсни, выкидываютъ красные флаги и что движеніе разростается. Заканчивалась телеграмма указаніемъ, что къ 26 февраля/11 марта безпорядки будутъ прекращены.

26 февраля/11 марта генералъ Бѣляевъ и Главный начальникъ Петроградскаго военнаго округа, генералъ Хабаловъ, уже доносили, что нѣкоторыя изъ войсковыхъ частей, вызванныхъ для прекращенія безпорядковъ, отказываются употреблять оружіе противъ толпы и переходятъ на сторону бунтующихъ рабочихъ и черни, которая начинаетъ присоединяться къ рабочимъ.

Генералъ Бѣляевъ продолжалъ успокаивать, сообщая, что всѣ мѣры для прекращенія безпорядковъ приняты и что онъ увѣренъ, что они будутъ подавлены.

Генералъ Хабаловъ сообщалъ болѣе тревожныя данныя и просилъ о присылкѣ подкрѣпленій, указывая на ненадежность Петроградскаго гарнизона.

Предсѣдатель Государственной Думы, М. В. Родзянко, прислалъ очень тревожную телеграмму, указывая, что начинаются въ войскахъ аресты офицеровъ, что войска переходятъ на сторону рабочихъ и черни, что положеніе крайне серьезно и что необходима присылка въ Петроградъ надежныхъ частей.

Генералъ Алексѣевъ, послѣ доклада Государю Императору, послалъ телеграммы Главнокомандующимъ Сѣвернаго и Западнаго фронтовъ съ указаніемъ немедленно приготовить для отправки въ Петроградъ по одной бригадѣ пѣхоты съ артиллеріей и по одной бригадѣ конницы.

Было указано во главѣ отправляемыхъ бригадъ поставить энергичныхъ генераловъ.

26 февраля/11 марта вечеромъ и утромъ 27 февраля/12 марта были получены телеграммы отъ Предсѣдателя Государственной Думы на имя Государя Императора, въ которыхъ, въ очень мрачныхъ краскахъ, описывалось происходящее въ Петроградѣ и указывалось, что единственный способъ прервать революцію и водворить порядокъ — это немедленно уволить въ отставку всѣхъ министровъ, объявить манифестомъ, что кабинетъ министровъ будетъ отвѣтственъ передъ Государственной Думой и поручить сформированіе новаго кабинета министровъ какому либо лицу, пользующемуся довѣріемъ общественнаго мнѣнія.

Генералъ Алексѣевъ доложилъ эти телеграммы Государю, который приказалъ вызвать генералъ-адъютанта Н. І. Иванова* и поручить ему отправиться въ Петроградъ и принять руководство подавленіемъ мятежа.

Приказано было съ генераломъ Ивановымъ послать какую-нибудь надежную часть.

Генералъ Алексѣевъ вызвалъ генерала Иванова, передалъ ему приказаніе Государя и сказалъ, что вмѣстѣ съ нимъ изъ Могилева будетъ отправленъ Георгіевскій батальонъ.

Насколько еще не придавалось серьезнаго значенія происходящему въ Петроградѣ, показываетъ, что съ отправкой войскъ съ сѣвернаго и западнаго фронтовъ не торопились, а было приказано лишь «подготовить» войска къ отправкѣ.

Что касается генерала Иванова, то и онъ, повидимому, считалъ, что все закончится скоро и мирно, такъ какъ поручилъ своему адъютанту купить въ Могилевѣ провизію, которую собирался отвезти своимъ знакомымъ въ Петроградъ.

27 февраля/12 марта, около двѣнадцати часовъ, генерала Алексѣева вызвалъ къ прямому проводу Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

Великій Князь сообщилъ генералу Алексѣеву тѣ же данныя, которыя были изложены въ телеграммахъ предсѣдателя Государственной Думы, и просилъ Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго немедленно доложить Государю, что и онъ считаетъ единственнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія — срочно распустить нынѣшній составъ совѣта министровъ, объявить о согласіи создать отвѣтственное передъ Государственной Думой правительство и поручить сформировать новый кабинетъ министровъ или предсѣдателю всероссійскаго земскаго союза князю Львову, или предсѣдателю Государственной Думы Родзянко.

Генералъ Алексѣевъ пошелъ съ докладомъ къ Государю Императору.

Государь выслушалъ и сказалъ Начальнику Штаба, чтобы онъ передалъ Великому Князю, что Государь его благодаритъ за совѣтъ, но что онъ самъ знаетъ, какъ надо поступить.

Вслѣдъ за этимъ была получена новая телеграмма — отъ предсѣдателя Совѣта Министровъ.

Князь Голицынъ, указывая, что событія принимаютъ катастрофическій оборотъ, умолялъ Государя немедленно уволить въ отставку весь составъ министровъ. Онъ указывалъ, что вообще существующій составъ министровъ теперь оставаться у власти не можетъ, а нахожденіе въ его составѣ Протопопова вызываетъ общее негодованіе и возмущеніе; что онъ считаетъ единственно возможнымъ спасти положеніе и даже спасти династію — только тѣмъ, что Государь немедленно пойдетъ на уступку общественному мнѣнію и поручитъ составить новый кабинетъ министровъ, отвѣтственный передъ законодательными палатами, или князю Львову, или Родзянко.

Генералъ Алексѣевъ хотѣлъ эту телеграмму послать съ офицеромъ для передачи ее Государю черезъ дежурнаго флигель-адъютанта.

Но я сказалъ генералу Алексѣеву, что положеніе слишкомъ серьезно и надо ему идти самому; что, по моему мнѣнію, мы здѣсь не отдаемъ себѣ

---

* Жилъ въ Могилевѣ.

достаточнаго отчета въ томъ, что дѣлается въ Петроградѣ; что, повидимому, единственный выходъ — это поступить такъ, какъ рекомендуютъ Родзянко, Великій Князь и князь Голицынъ; что онъ, генералъ Алексѣевъ, долженъ уговорить Государя.

Генералъ Алексѣевъ пошелъ.

Вернувшись минутъ черезъ десять, генералъ Алексѣевъ сказалъ, что Государь остался очень недоволенъ содержаніемъ телеграммы кн. Голицына и сказалъ, что самъ составитъ отвѣтъ.

— «Но Вы пробовали уговорить Государя согласиться на просьбу Предсѣдателя Совѣта Министровъ? Вы сказали, что и Вы раздѣляете ту же точку зрѣнія?»

— «Государь со мной просто не хотѣлъ и говорить. Я чувствую себя совсѣмъ плохо и сейчасъ прилягу. Если Государь пришлетъ какой-нибудь отвѣтъ — сейчасъ же прійдите мнѣ сказать».

Дѣйствительно у генерала Алексѣева температура была болѣе 39 градусовъ.

Часа черезъ два ко мнѣ въ кабинетъ прибѣжалъ дежурный офицеръ и сказалъ, что въ наше помѣщеніе идетъ Государь.

Я пошелъ на встрѣчу.

Спускаясь съ лѣстницы, я увидѣлъ Государя уже на первой площадкѣ.

Его Величество спросилъ меня:

— «Гдѣ генералъ Алексѣевъ?»

— «Онъ у себя въ комнатѣ; чувствуетъ себя плохо и прилегъ. Прошу Васъ, Ваше Императорское Величество, пройти въ Вашъ кабинетъ, а я сейчасъ позову генерала Алексѣева».

— «Нѣтъ, не надо. Сейчасъ же передайте генералу Алексѣеву эту телеграмму и скажите, что я прошу ее немедленно передать по прямому проводу. При этомъ скажите, что это мое окончательное рѣшеніе, которое я не измѣню, а поэтому безполезно мнѣ докладывать еще что-либо по этому вопросу».

Передавъ мнѣ, какъ теперь помню, сложенный пополамъ синій телеграфный бланкъ, Государь ушелъ.

Я понесъ телеграмму Начальнику Штаба. Телеграмма была написана карандашемъ собственноручно Государемъ и адресована предсѣдателю Совѣта Министровъ.

Въ телеграммѣ было сказано, что Государь, при создавшейся обстановкѣ, не допускаетъ возможности производить какія-либо перемѣны въ составѣ Совѣта Министровъ, а лишь требуетъ принятія самыхъ рѣшительныхъ мѣръ для подавленія революціоннаго движенія и бунта среди нѣкоторыхъ войсковыхъ частей Петроградскаго гарнизона.

Затѣмъ Государь указываетъ, что онъ предоставляетъ, временно, предсѣдателю Совѣта Министровъ диктаторскія права по управленію въ Имперіи внѣ раіона подчиненнаго Верховному Главнокомандующему, а что, кромѣ того, въ Петроградъ для подавленія возстанія и установленія порядка командируется съ диктаторскими полномочіями генералъ-адъютантъ Ивановъ.

Получалось въ Петроградѣ два диктатора!

Я вновь просилъ генерала Алексѣева идти къ Государю и умолять измѣнить рѣшеніе; указать, что согласиться на просьбу, изложенную въ трехъ аналогичныхъ телеграммахъ, необходимо.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній Начальникъ Штаба пошелъ къ Государю. Вернувшись сказалъ, что Государь рѣшенія не мѣняетъ.

Телеграмма была послана.

Потомъ въ Ставкѣ говорили, что, послѣ полученія телеграммы отъ предсѣдателя Совѣта Министровъ, Государь больше часа говорилъ по телефону.

Особый телефонъ соединялъ Могилевъ съ Царскимъ Селомъ и съ Петроградомъ.

Такъ какъ предсѣдателю Совѣта Министровъ Государемъ Императоромъ была послана телеграмма, то всѣ были увѣрены, что Государь говорилъ съ Императрицей, бывшей въ это время въ Царскомъ Селѣ.

До вечера изъ Петрограда было получено еще нѣсколько телеграммъ, указывавшихъ, что положеніе становится все болѣе и болѣе серьезнымъ.

Главнокомандующему сѣвернымъ фронтомъ было послано приказаніе немедленно по подготовкѣ частей, предназначаемыхъ къ отправленію въ Петроградъ, ихъ послать по назначенію.

Часовъ въ 9 вечера, когда я сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, кто-то ко мнѣ постучался и затѣмъ вошелъ дворцовый комендантъ, генералъ Воейковъ.

Дворцовый комендантъ сказалъ мнѣ, что Государь приказалъ немедленно подать литерные поѣзда* и доложить, когда они будутъ готовы; что Государь хочетъ сейчасъ же, какъ будутъ готовы поѣзда, ѣхать въ Царское Село; при чемъ онъ хочетъ выѣхать изъ Могилева не позже 11 часовъ вечера.

Я отвѣтилъ, что подать поѣзда къ 11 ч. вечера можно, но отправить ихъ раньше 6 ч. утра невозможно по техническимъ условіямъ: надо приготовить свободный пропускъ по всему пути и всюду разослать телеграммы.

Затѣмъ я сказалъ генералу Воейкову, что рѣшеніе Государя ѣхать въ Царское Село можетъ повести къ катастрофическимъ послѣдствіямъ, что, по моему мнѣнію, Государю необходимо оставаться въ Могилевѣ; что связь между Штабомъ и Государемъ будетъ потеряна, если произойдетъ задержка въ пути; что мы ничего опредѣленнаго не знаемъ, что дѣлается въ Петроградѣ и Царскомъ Селѣ и что ѣхать Государю въ Царское Село опасно.

Генералъ Воейковъ мнѣ отвѣтилъ, что принятаго рѣшенія Государь не измѣнитъ, и просилъ срочно отдать необходимыя распоряженія.

Я далъ по телефону необходимыя указанія начальнику военныхъ сообщеній и пошелъ къ генералу Алексѣеву, который уже легъ спать.

Разбудивъ его, я опять сталъ настаивать, чтобы онъ немедленно пошелъ къ Государю и отговорилъ его отъ поѣздки въ Царское Село.

Я сказалъ, что если Государь не желаетъ идти ни на какія уступки, то я понялъ бы, если бъ онъ рѣшилъ немедленно ѣхать въ особую армію (въ которую входили всѣ гвардейскія части), на которую можно вполнѣ положиться; но ѣхать въ Царское Село — это можетъ закончиться катастрофой.

---

* Литерными поѣздами назывались два поѣзда, всегда отправлявшіеся одинъ за другимъ при царскихъ поѣздкахъ. Въ одномъ изъ поѣздовъ ѣхалъ Государь.

Генералъ Алексѣевъ одѣлся и пошелъ къ Государю.

Онъ пробылъ у Государя довольно долго и, вернувшись, сказалъ, что Его Величество страшно безпокоится за Императрицу и за дѣтей и рѣшилъ ѣхать въ Царское Село.

Въ первомъ часу ночи Государь проѣхалъ въ поѣздъ, который отошелъ въ 6 часовъ утра 28 февраля/13 марта.

Утромъ 28 февраля/13 марта была получена телеграмма отъ предсѣдателя Государственной Думы, въ которой сообщалось, что революція въ Петроградѣ въ полномъ разгарѣ, что всѣ правительственные органы перестали функціонировать, что министры толпой арестовываются, что чернь начинаетъ завладѣвать положеніемъ и что Комитетъ Государственной Думы, дабы предотвратить истребленіе офицеровъ и администраціи и успокоить разгорѣвшіяся страсти, рѣшилъ принять правительственныя функціи на себя; во главѣ Комитета остается онъ — предсѣдатель Государственной Думы.

Съ этого момента Комитетъ Государственной Думы принялъ на себя, такъ сказать, управленіе революціоннымъ движеніемъ.

Но, параллельно съ Комитетомъ Государственной Думы, образовался въ Петроградѣ «Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ», который фактически вліялъ на рѣшенія этого Комитета.

Поѣздъ Государя дошелъ до станціи «Дно», но дальше его не пропустили — подъ предлогомъ, что испорченъ мостъ.

Государь хотѣлъ проѣхать черезъ Бологое по Николаевской желѣзной дорогѣ, но не пустили и туда.

Создалось ужасное положеніе: связь Ставки съ Государемъ потеряна, а Государя явно не желаютъ, по указанію изъ Петрограда, пропускать въ Царское Село.

Наконецъ Государь рѣшилъ ѣхать въ Псковъ.

Въ Псковъ Государь прибылъ къ вечеру 1/14 марта.

Что собственно побудило Государя направиться въ Псковъ, гдѣ находился штабъ Главнокомандующаго Сѣвернаго фронта, генерала Рузскаго, а не вернуться въ Ставку въ Могилевъ?

Объясняютъ это тѣмъ, что въ бытность въ Могилевѣ при началѣ революціи — онъ не чувствовалъ твердой опоры въ своемъ начальникѣ штаба генералѣ Алексѣевѣ и рѣшилъ ѣхать къ арміи на сѣверный фронтъ, гдѣ надѣялся найти болѣе твердую опору въ лицѣ генерала Рузскаго.

Возможно, конечно, и это, но возможно и то, что Государь, стремясь скорѣй соединиться со своей семьей, хотѣлъ оставаться временно гдѣ-либо по близости къ Царскому Селу, и такимъ пунктомъ, гдѣ можно было имѣть хорошую связь и со Ставкой, и съ Царскимъ Селомъ, былъ именно Псковъ, гдѣ находился штабъ сѣвернаго фронта.

* * *

Между тѣмъ отправившійся изъ Могилева въ Петроградъ, съ Георгіевскимъ батальономъ, генералъ Ивановъ благополучно 28 февраля/13 марта прибылъ въ Царское Село. Поѣздъ его никѣмъ задержанъ не былъ. По прибытіи въ Царское Село, генералъ Ивановъ, вмѣсто того, чтобы сейчасъ же высадить батальонъ и начать дѣйствовать рѣшительно,

приказалъ батальону не высаживаться, а послалъ за начальникомъ гарнизона и комендантомъ города.

Въ мѣстныхъ частяхъ войскъ уже начиналось броженіе и образовались комитеты; но серьезныхъ выступленій еще не было. Кромѣ того, нѣкоторыя части, какъ конвой Его Величества, такъ и собственный Его Величества пѣхотный полкъ, были еще, въ массѣ своей, вѣрными присягѣ.

Слухъ о прибытіи эшелона войскъ съ фронта вызвалъ въ революціонно настроенныхъ частяхъ смущеніе; никто не зналъ — что направляется еще за этимъ эшелономъ.

Но скоро стало извѣстнымъ, что ничего, кромѣ этого единственнаго эшелона, съ фронта не ожидается.

Оставленіе Георгіевскаго батальона въ поѣздѣ и нерѣшительныя дѣйствія генерала Иванова сразу измѣнили картину.

Къ вокзалу стали прибывать запасныя части, квартировавшія въ Царскомъ Селѣ, и начали занимать выходы съ вокзальной площади и окружать поѣздъ съ прибывшимъ эшелономъ.

Мѣстныя власти были совершенно растеряны и докладывали генералу Иванову, что они надѣются поддержать порядокъ въ Царскомъ Селѣ; что высадку и какія либо дѣйствія Георгіевскаго батальона они считаютъ опасными.

Если батальонъ высадится, то произойдетъ неизбѣжное столкновеніе съ мѣстными войсками, порядокъ будетъ нарушенъ и Царской Семьѣ будетъ угрожать опасность. Совѣтовали генералу Иванову отправиться обратно.

Съ подобными же совѣтами и указаніями къ генералу Иванову стали прибывать различныя лица и изъ Петрограда.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, генералъ Ивановъ согласился, чтобы его эшелонъ отправили на станцію Дно.

Такимъ образомъ, изъ командировки генерала Иванова въ Царское Село и Петроградъ, съ диктаторскими полномочіями, ничего, кромѣ скандала, не получилось.

* * *

Послѣ отъѣзда Государя изъ Ставки, въ теченіе 28 февраля/13 марта и 1/14 марта, событія въ Петроградѣ развертывались съ чрезвычайной быстротой.

Въ Ставкѣ мы получали изъ Петрограда одну телеграмму за другой, которыя рисовали полный разгаръ революціоннаго движенія, переходъ почти всѣхъ войскъ на сторону революціонеровъ, убійства офицеровъ и чиновъ полиціи, бунтъ и убійства офицеровъ въ Балтійскомъ флотѣ, аресты всѣхъ мало-мальски видныхъ чиновъ администраціи.

Волненія начинались въ Москвѣ и другихъ крупныхъ центрахъ, гдѣ были расположены запасные батальоны.

Пѣхотныя части, отправленныя съ сѣвернаго фронта въ Петроградъ, въ Лугѣ были встрѣчены делегатами отъ мѣстныхъ запасныхъ частей, стали сдавать свои винтовки и объявили, что противъ своихъ драться не будутъ.

Отъ предсѣдателя Государственной Думы получались телеграммы, въ которыхъ указывалось, что противъ Государя въ Петроградѣ страшное возбужденіе и что теперь уже совершенно недостаточно произвести смѣну министерства и образовать новое, отвѣтственное передъ Государственной Думой, а ставится вполнѣ опредѣленно вопросъ объ отреченіи Государя отъ престола; что это единственный выходъ изъ положенія, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, анархія охватитъ всю страну и неизбѣженъ конецъ войны съ Германіей.

Въ частности, относительно Петрограда указывалось, что только отреченіе Государя отъ престола можетъ предотвратить почти поголовное избіеніе офицеровъ гарнизона и во флотѣ, и разрушеніе центральныхъ административныхъ аппаратовъ.

М. В. Родзянко телеграфировалъ, что посылка войскъ съ фронта ни къ какимъ результатамъ не приведетъ, такъ какъ войска будутъ переходить на сторону революціонныхъ массъ и анархія будетъ только увеличиваться.

Положеніе было дѣйствительно трудное.

Съ самаго начала, главнымъ образомъ вслѣдствіе успокоительныхъ телеграммъ, получавшихся отъ военнаго министра генерала Бѣляева, не были приняты рѣшительныя и достаточныя мѣры для подавленія революціоннаго движенія, а къ 1/14 марта пожаръ разгорѣлся настолько сильно, что потушить его было не легко.

Выходъ конечно былъ.

Это немедленный отъѣздъ Государя въ раіонъ Особой Арміи и отправка въ Петроградъ и Москву сильныхъ и вполнѣ надежныхъ отрядовъ.

Революціонное движеніе и въ этотъ періодъ потушить было еще возможно.

Но какой цѣной?

Представлялось совершенно неоспоримымъ, что посылка небольшихъ частей изъ раіоновъ сѣвернаго и западнаго фронтовъ никакого результата не дастъ.

Для того же, чтобы сорганизовать вполнѣ достаточные и надежные отряды, требовалось дней 10—12 (пришлось бы нѣкоторыя дивизіи снимать съ фронта). За этотъ же періодъ весь тылъ былъ бы охваченъ революціей и навѣрно начались бы безпорядки и въ нѣкоторыхъ войсковыхъ частяхъ на фронтѣ.

Получалась увѣренность, что пришлось бы вести борьбу и на фронтѣ и съ тыломъ. А это было совершенно невозможно.

Слѣдовательно, рѣшеніе подавить революцію силою оружья, заливъ кровью Петроградъ и Москву, не только грозило прекращеніемъ на фронтѣ борьбы съ врагомъ, а было бы единственно возможнымъ только именно съ прекращеніемъ борьбы, съ заключеніемъ позорнаго сепаратнаго мира.

Послѣднее же было такъ ужасно, что представлялось неизбѣжнымъ сдѣлать все возможное для мирнаго прекращенія революціи — лишь бы борьба съ врагомъ на фронтѣ не прекращалась.

Кромѣ того, было совершенно ясно, что если бъ Государь рѣшилъ, во что бы то ни стало, побороть революцію силою оружья и это привело къ прекращенію борьбы съ Германіей и Австро-Венгріей, то не только наши союзники никогда этого не простили бы Россіи, но и общественное мнѣніе Россіи этого не простило бы Государю.

Это могло бы временно пріостановить революцію, но она, конечно, вспыхнула бы съ новой силой въ самое ближайшее время, вѣроятно въ періодъ демобилизаціи арміи, и смела бы не только правительство, но и династію.

Утромъ 1/14 марта отъ предсѣдателя Государственной Думы получена была телеграмма, что въ Псковѣ, куда выѣхалъ со станціи «Дно» Государь Императоръ, отправляется депутація отъ имени Комитета Государственной Думы въ составѣ А. И. Гучкова и В. В. Шульгина, что имъ поручено освѣтить Государю всю обстановку и высказать, что единственнымъ рѣшеніемъ, для прекращенія революціи и возможности продолжать войну, является отреченіе Государя отъ престола, передача его Наслѣднику Цесаревичу и назначеніе регентомъ Великаго Князя Михаила Александровича.

Главнокомандующій сѣвернымъ фронтомъ, генералъ Рузскій, съ которымъ объ этомъ уже переговорилъ М. В. Родзянко, обратился къ Начальнику Штаба Верховнаго Главнокомандующаго съ просьбой высказать по этому вопросу свое заключеніе и дать ему данныя — какъ къ этому вопросу относятся всѣ Главнокомандующіе фронтовъ.

Генералъ Рузскій заявилъ, что онъ долженъ знать всю обстановку къ пріѣзду во Псковъ Государя Императора.

Онъ сказалъ, что Государю, вѣроятно, будетъ недостаточно выслушать мнѣніе только его, генерала Рузскаго; хотя онъ лично и думаетъ, что врядъ ли есть какой либо иной выходъ изъ создавшагося положенія кромѣ того, который будетъ предложенъ Государю выѣхавшей изъ Петрограда депутаціей, но ему необходимо точно знать, какъ на это смотритъ Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго и другіе Главнокомандующіе фронтовъ.

Генералъ Рузскій закончилъ заявленіемъ, что, такъ какъ у Государя утеряна въ данное время связь съ арміей, то начальникъ Его Штаба, на основаніи Положенія о полевомъ Управленіи войскъ, фактически вступилъ въ исполненіе обязанностей Верховнаго Главнокомандующаго и поэтому долженъ, съ точки зрѣнія боевой, дать оцѣнку происходящимъ событіямъ.

Генералъ Алексѣевъ поручилъ мнѣ составить телеграмму Главнокомандующимъ фронтовъ съ подробнымъ изложеніемъ всего происходящаго въ Петроградѣ, съ указаніемъ о томъ, что ставится вопросъ объ отреченіи Государя отъ престола въ пользу Наслѣдника Цесаревича съ назначеніемъ Регентомъ Великаго Князя Михаила Александровича, и съ просьбой, чтобы Главнокомандующіе срочно сообщили по послѣднему вопросу свое мнѣніе.

Телеграмма была подписана генераломъ Алексѣевымъ и, по прямому проводу, передана всѣмъ Главнокомандующимъ.

Черезъ нѣсколько времени меня вызвалъ къ прямому проводу Главнокомандующій западнаго фронта, генералъ Эвертъ, и сказалъ, что онъ свое заключеніе дастъ лишь послѣ того, какъ выскажутся генералы Рузскій и Брусиловъ.

Такъ какъ мнѣніе генерала Рузскаго о томъ, что другого выхода, повидимому, нѣтъ, кромѣ отреченія отъ престола Государя Императора, было извѣстно, то это мнѣніе Главнокомандующаго Сѣвернаго фронта

я и сообщилъ генералу Эверту, сказавъ, что заключеніе генерала Брусилова будетъ ему сообщено.

Вслѣдъ за этимъ, изъ штаба юго-западнаго фронта, передали телеграмму генерала Брусилова, который сообщилъ, что, по его мнѣнію, обстановка указываетъ на необходимость Государю Императору отречься отъ престола.

Мнѣніе генерала Брусилова было передано генералу Эверту и онъ отвѣтилъ, что, какъ ему ни тяжело это сказать, но и онъ принужденъ присоединиться къ мнѣніямъ, высказаннымъ генералами Рузскимъ и Брусиловымъ.

Затѣмъ была получена изъ Тифлиса копія телеграммы Великаго Князя Николая Николаевича, адресованной на имя Государя.

Великій Князь докладывалъ Государю, что, какъ это ни отвѣтственно передъ Богомъ и Родиной, но онъ вынужденъ признать, что единственнымъ выходомъ для спасенія Россіи и династіи и для возможности продолжать войну является отреченіе Государя отъ престола въ пользу Наслѣдника.

Главнокомандующій Румынскаго фронта, генералъ Сахаровъ, долго не отвѣчалъ на посланную ему телеграмму и требовалъ, чтобы ему были сообщены заключенія всѣхъ Главнокомандующихъ.

Послѣ посланныхъ ему мнѣній Главнокомандующихъ онъ прислалъ свое заключеніе.

Въ первой части своей телеграммы, отзываясь очень рѣзко объ образовавшемся Комитетѣ Государственной Думы, называя его шайкой разбойниковъ, захватившихъ въ свои руки власть, онъ указываетъ, что ихъ надо просто разогнать.

Во второй части телеграммы онъ говоритъ, что то, что сказалъ, подсказываетъ ему сердце, но разумъ принужденъ признать необходимость отреченія отъ престола.

Всѣ заключенія Главнокомандующихъ были переданы генералу Рузскому, причемъ и генералъ Алексѣевъ высказался за отреченіе Государя въ пользу Наслѣдника.

Послѣ пріѣзда Государя въ Псковъ генералъ Рузскій доложилъ ему всѣ телеграммы.

Поздно вечеромъ 1/14 марта генералъ Рузскій прислалъ телеграмму, что Государь приказалъ составить проектъ манифеста объ отреченіи отъ престола въ пользу Наслѣдника съ назначеніемъ Великаго Князя Михаила Александровича регентомъ.

Государь приказалъ проектъ составленнаго манифеста передать по прямому проводу генералу Рузскому.

О полученномъ распоряженіи я доложилъ генералу Алексѣеву и онъ поручилъ мнѣ, совмѣстно съ начальникомъ дипломатической части въ Ставкѣ г. Базили, срочно составить проектъ манифеста.

Я вызвалъ г-на Базили и мы съ нимъ, вооружившись Сводомъ Законовъ Россійской Имперіи, приступили къ составленію проекта манифеста.

Затѣмъ составленный проектъ былъ доложенъ генералу Алексѣеву и переданъ по прямому проводу генералу Рузскому.

По приказанію генерала Алексѣева, послѣ передачи проекта манифеста въ Псковъ, объ этомъ было сообщено въ Петроградъ предсѣдателю Государственной Думы.

Отъ М. В. Родзянко, послѣ этого, была получена довольно неясная телеграмма, заставившая думать, что и эта уступка со стороны Государя можетъ оказаться не достаточной.

2/15 марта, послѣ разговора съ А. И. Гучковымъ и В. В. Шульгинымъ, Государь хотѣлъ подписать манифестъ объ отреченіи отъ престола въ пользу Наслѣдника.

Но, какъ мнѣ впослѣдствіи передавалъ генералъ Рузскій, въ послѣднюю минуту, уже взявъ для подписи перо, Государь спросилъ, обращаясь къ Гучкову, можно ли будетъ ему жить въ Крыму.

Гучковъ отвѣтилъ, что это невозможно; что Государю нужно будетъ немедленно уѣхать за границу.

«А могу ли я тогда взять съ собой Наслѣдника?» спросилъ Государь.

Гучковъ отвѣтилъ, что и этого нельзя; что новый Государь, при регентѣ, долженъ оставаться въ Россіи.

Государь тогда сказалъ, что, ради пользы Родины, онъ готовъ на какія угодно жертвы, но разстаться съ сыномъ — это выше его силъ; что на это онъ согласиться не можетъ.

Послѣ этого Государь рѣшилъ отречься отъ престола и за себя и за наслѣдника, а престолъ передать своему брату Великому Князю Михаилу Александровичу.

На этомъ было рѣшено и передѣланный манифестъ былъ Государемъ подписанъ*.

Передъ отреченіемъ отъ престола Государь подписалъ Указъ объ увольненіи въ отставку прежняго состава Совѣта Министровъ, и о назначеніи предсѣдателемъ Совѣта Министровъ князя Львова.

Приказомъ по арміи и флоту и Указомъ Правительствующему Сенату Верховнымъ Главнокомандующимъ Государь назначилъ Великаго Князя Николая Николаевича.

Все это съ курьеромъ было послано въ Ставку для немедленнаго распубликованія.

Получивъ телеграмму о томъ, что Государь отрекся отъ престола въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича, въ Ставкѣ стало ясно, что на этомъ дѣло не кончится.

Во первыхъ, по основнымъ законамъ о престолонаслѣдіи, Царь могъ отречься отъ престола только за себя; за своего наслѣдника онъ отрекаться отъ престола не могъ.

Во вторыхъ, приходящія отрывочныя и не достаточно ясныя телеграммы — указывали, что отреченіе Государя врядъ ли удовлетворитъ довлѣющій надъ комитетомъ Государственной Думы Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

---

* Въ стенограммѣ доклада В. В. Шульгина комитету Государственной Думы о результатѣ поѣздки его и Гучкова къ Государю, объ окончательномъ рѣшеніи Государя отречься въ пользу брата излагается не такъ.

Въ стенограммѣ сказано:

«Когда Гучковъ кончилъ, заговорилъ Царь. Его голосъ и манеры были гораздо спокойнѣй и дѣловитѣй. Совершенно спокойно, какъ о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ, онъ сказалъ: «Я вчера и сегодня цѣлый день обдумывалъ и принялъ рѣшеніе отречься отъ престола. До 3хъ часовъ дня я готовъ былъ пойти на отреченіе въ пользу моего сына, но затѣмъ я понялъ, что разстаться съ моимъ сыномъ я не способенъ». Тутъ онъ сдѣлалъ очень короткую остановку и продолжалъ: «Вы это, надѣюсь, поймете. Поэтому я рѣшилъ отречься въ пользу брата.»

Въ третьихъ, было крайне сомнительнымъ, чтобы Великій Князь Михаилъ Александровичъ, по свойствамъ своего характера, согласился въ такую минуту стать Императоромъ.

И дѣйствительно изъ Петрограда была получена телеграмма, что Великій Князь Михаилъ Александровичъ, со своей стороны, отрекается отъ престола.

Предсѣдатель Государственной Думы прислалъ телеграмму, что надо задержать приказъ, объявляющій о вступленіи на престолъ Великаго Князя Михаила Александровича, чтобы не произошло путаницы.

На фронты были посланы подробныя разъясненія происходившихъ событій.

3/16 марта Государь вернулся изъ Пскова въ Могилевъ.

Настроеніе въ Ставкѣ было подавленное.

Никто не вѣрилъ, что новое временное правительство, формируемое въ Петроградѣ, съ княземъ Львовымъ во главѣ, окажется на должной высотѣ.

Чувствовалось, что пройденъ только первый этапъ революціи; что Государственная Дума, до нѣкоторой степени, руководившая ходомъ событій до отреченія Государя отъ престола и по почину которой было образовано временное правительство, начинаетъ отстраняться, затмеваться новымъ органомъ, создавшимся въ видѣ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ; чувствовалось, что этотъ новый органъ, прежде всего, враждебенъ арміи и врядъ ли, съ образованіемъ временнаго правительства, откажется отъ желанія производить дальнѣйшее углубленіе революціи.

Этотъ совѣтъ, съ первыхъ же дней революціи, посылалъ на фронтъ агитаторовъ, возбуждавшихъ солдатъ противъ офицеровъ и требовавшихъ созданія во всѣхъ частяхъ войскъ комитетовъ, которые захватили бы въ свои руки власть.

Началось броженіе и въ войсковыхъ частяхъ, бывшихъ въ Могилевѣ.

Генераломъ Алексѣевымъ были посланы телеграммы Главнокомандующимъ фронтами съ требованіемъ срочно командировать на узловыя станціи надежныя войсковыя части, образовать при нихъ военно-полевые суды и затѣмъ, вылавливая агитаторовъ изъ поѣздовъ, тутъ же предавать ихъ военно-полевому суду.

Узнавъ объ этомъ распоряженіи генерала Алексѣева, временное правительство потребовало его отмѣны.

* * *

Желая водворить порядокъ въ Петроградѣ, еще въ періодъ формированія временнаго правительства, предсѣдатель Государственной Думы просилъ генерала Алексѣева срочно командировать въ Петроградъ на должность главнаго начальника Петроградскаго военнаго округа командира 25 армейскаго корпуса, генерала Корнилова.

Генералъ Корниловъ былъ вызванъ по телеграммѣ и черезъ нѣсколько дней проѣхалъ въ Петроградъ.

* * *

На другой день послѣ пріѣзда Государя изъ Пскова, изъ Кіева въ Могилевъ пріѣхала Вдовствующая Императрица Марья Ѳеодоровна.

Императрица оставалась въ Могилевѣ до отъѣзда Государя въ Царское Село.

Государь задерживалъ свой отъѣздъ изъ Могилева и это, повидимому, нервило Петроградъ, такъ какъ оттуда нѣсколько разъ запрашивали о времени, когда Государь рѣшилъ уѣхать изъ Ставки.

Задерживался ли Государь изъ за желанія продлить свое свиданіе съ Матерью Императрицей, или просто ему трудно и больно было окончательно рѣшиться ѣхать въ Царское Село и стать узникомъ временнаго правительства — я не знаю; но что Государь оттягивалъ свой отъѣздъ — это вѣрно.

Наконецъ Государь сказалъ генералу Алексѣеву, что онъ выѣзжаетъ въ Царское Село 8/21 марта.

Объ этомъ была послана телеграмма въ Петроградъ и оттуда было отвѣчено, что для сопровожденія Государя до Царскаго Села, 8/21 марта утромъ, пріѣдутъ нѣсколько делегатовъ, командируемыхъ отъ временнаго правительства.

Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Могилева, Государь пожелалъ попрощаться со всѣми чинами штаба.

По распоряженію генерала Алексѣева всѣ чины штаба Верховнаго Главнокомандующаго и представители конвоя были собраны въ большой залѣ помѣщенія дежурнаго генерала.

Государь вошелъ и, сдѣлавъ общій поклонъ, обратился къ намъ съ короткой рѣчью, въ которой сказалъ, что благо Родины, необходимость предотвратить ужасы междуусобицы и гражданской войны, а также создать возможность напрячь всѣ силы для продолженія борьбы на фронтѣ — заставили его рѣшиться отречься отъ престола въ пользу своего брата Великаго Князя Михаила Александровича; но что Великій Князь, въ свою очередь, отрекся отъ престола.

Государь обратился къ намъ съ призывамъ повиноваться временному правительству и приложить всѣ усилія къ тому, чтобы война съ Германіей и Австро-Венгріей продолжалась до побѣднаго конца.

Затѣмъ, пожелавъ всѣмъ всего лучшаго и поцѣловавъ генерала Алексѣева, Государь сталъ всѣхъ обходить, останавливаясь и разговаривая съ нѣкоторыми.

Напряженіе было очень большое; нѣкоторые не могли сдержаться и громко рыдали. У двухъ произошелъ истерическій припадокъ. Нѣсколько человѣкъ, во весь ростъ, рухнули въ обморокъ.

Между прочимъ, одинъ старикъ конвоецъ, стоявшій близко отъ меня, сначала какъ то странно застоналъ, затѣмъ у него начали капать изъ глазъ крупныя слезы, а затѣмъ, вскрикнувъ, онъ, не сгибаясь въ колѣняхъ, во весь свой большой ростъ, упалъ навзничь на полъ.

Государь не выдержалъ; оборвавъ свой обходъ, поклонился и, вытирая глаза, быстро вышелъ изъ зала.

Передъ отъѣздомъ изъ Могилева, Государь подписалъ слѣдующее обращеніе къ войскамъ:

«Въ послѣдній разъ обращаюсь къ вамъ, горячо любимыя мною войска. Послѣ отреченія за себя и за сына моего отъ престола Россій-

скаго, власть передана временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему.

Да поможетъ ему Богъ вести Россiи по пути славы и благоденствiя.

Да поможетъ Богъ вамъ, доблестныя войска, отстоять нашу Родину отъ злого врага. Въ продолженiе двухъ съ половиной лѣтъ вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сдѣлано усилiй и уже близокъ часъ, когда Россiя, связанная со своими доблестными союзниками однимъ общимъ стремленiемъ къ побѣдѣ, сломитъ послѣднее усилье противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной побѣды.

Кто думаетъ теперь о мирѣ, кто желаетъ его — тотъ измѣнникъ Отечеству, его предатель. Знаю, что каждый честный воинъ такъ мыслитъ. Исполняйте же вашъ долгъ, защищайте доблестную нашу Родину, повинуйтесь временному правительству, слушайтесь вашихъ начальниковъ.

Помните, что всякое ослабленiе порядка службы только на руку врагу.

Твердо вѣрю, что не угасла въ вашихъ сердцахъ безпредѣльная любовь къ нашей Великой Родинѣ. Да благословитъ васъ Господь Богъ и да ведетъ васъ къ побѣдѣ Святой Великомученикъ и Побѣдоносецъ Георгiй».

Ставка, 8/21 марта 1917 года. «Николай»

Это обращенiе Государя было немедленно передано во всѣ штабы фронтовъ для сообщенiя въ войска.

Впослѣдствiи, какъ мнѣ говорилъ генералъ Алексѣевъ, его упрекали изъ Петрограда за то, что онъ позволилъ себѣ передать въ войска обращенiе уже отрекшагося отъ престола Императора . . .

Послѣ того какъ Государь, съ нѣкоторыми лицами свиты, сѣлъ въ поѣздъ, произошелъ совершенно не нужный и непрiятный инцидентъ.

Г-да делегаты, присланные изъ Петрограда, по собственному ли почину, или по полученному указанiю, произвели повѣрку всѣхъ ѣдущихъ въ поѣздѣ и нѣкоторымъ изъ нихъ объявили, что они должны выйти изъ поѣзда и въ Царское Село имъ ѣхать не разрѣшается.

Въ числѣ этихъ лицъ, изгоняемыхъ изъ поѣзда, были: министръ двора — графъ Фредериксъ, дворцовый комендантъ — Воейковъ и адмиралъ Нiловъ.

Все это дѣлалось крайне рѣзко и просто неприлично. Эти господа объявили, что они хозяева поѣзда и ихъ распоряженiя должны исполняться.

Было объ этомъ доложено Государю.

Государь махнулъ рукой и сказалъ тихимъ голосомъ: «Надо исполнить ихъ требованiе. Пускай теперь дѣлаютъ — что хотятъ».

Поѣздъ ушелъ.

Временнымъ правительствомъ былъ обѣщанъ Государю съ семьей свободный выѣздъ за границу.

Къ несчастью, въ это время Наслѣдникъ и Великiя Княжны были больны корью и всей Царской Семьѣ пришлось, въ качествѣ арестованныхъ, оставаться въ Царскомъ Селѣ.

Но если бъ даже Царская Семья могла выѣхать за границу, то крайне сомнительно, чтобы это было допущено Петроградскимъ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Это явствуетъ изъ того, что, по требованію этого совѣта, по указанію временнаго правительства, Государь долженъ былъ ежедневно, при смѣнѣ карауловъ, проходить мимо нихъ, чтобы они видѣли, что онъ на лицо, что онъ не сбѣжалъ.

Такимъ образомъ, Государь, уже съ момента пріѣзда въ Царское Село, находился подъ арестомъ, а въ совѣтѣ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ уже подымались голоса о необходимости суда надъ отрекшимся отъ престола Императоромъ.

Впослѣдствіи, когда, вопреки обѣщанію временнаго правительства, Царскую Семью отправили не за границу, а, подъ предлогомъ вывезти изъ Царскаго Села въ болѣе безопасное мѣсто, повезли въ ссылку въ Сибирь — стало ясно, что Россіи не избѣжать позора расправы озвѣрѣлыхъ негодяевъ, или наемныхъ убійцъ, съ Царской Семьей.

Вдовствующая Императрица уѣхала въ Кіевъ въ день, когда Государь отправился въ Царское Село.

Если не ошибаюсь, 10/23 марта въ Могилевъ пріѣхалъ Великій Князь Николай Николаевичъ.

Генералъ Алексѣевъ и я поѣхали съ докладомъ въ поѣздъ Великаго Князя.

Великій Князь насъ принялъ и сказалъ, что онъ получилъ письмо отъ предсѣдателя временнаго правительства, въ коемъ кн. Львовъ указываетъ, что Великому Князю, по многимъ соображеніямъ, невозможно быть Верховнымъ Главнокомандующимъ и проситъ его въ командованіе не вступать.

Вмѣсто доклада, мнѣ пришлось написать проектъ отвѣтной телеграммы отъ Великаго Князя предсѣдателю временнаго правительства о томъ, что должности Верховнаго Главнокомандующаго Великій Князь принимать не будетъ.

А между тѣмъ Великій Князь Николай Николаевичъ, пользовавшійся большой популярностью въ арміи, былъ единственный человѣкъ, который могъ бы желѣзной рукой поддержать дисциплину въ арміи, не допуститъ развала и довести войну до конца.

Но, естественно, Великій Князь представлялся опаснымъ для «завоеваній революціи» и недопущеніе его къ занятію поста Верховнаго Главнокомандующаго надо было ожидать.

* * *

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Великаго Князя Николая Николаевича въ Могилевъ пріѣхали члены новаго временнаго правительства.

На вокзалѣ, кромѣ оффиціально встрѣчавшихъ лицъ отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, были представители городского самоуправленія, составъ образовавшагося въ Могилевѣ совѣта рабочихъ депутатовъ, незначительное количество публики и чины желѣзнодорожной стражи.

Поѣздъ подошелъ.

Генералъ Алексѣевъ пошелъ въ министерскій вагонъ. Прошло минутъ десять и, поочереди, стали появляться члены новаго правительства

и, рекомендуясь (Я — такой-то, министръ юстиціи), обращались къ толпѣ съ рѣчью.

Это было и непривычно и просто смѣшно.

Кто-то изъ стоявшихъ рядомъ со мной сказалъ: «совсѣмъ какъ выходъ на сцену царей въ опереткѣ Belle Hélène».

* * *

Верховнымъ Главнокомандующимъ былъ, нѣсколько позже, назначенъ генералъ Алексѣевъ, а начальникомъ штаба — генералъ Деникинъ.

Послѣ образованія временнаго правительства первый острый періодъ революціи прошелъ и наступилъ второй болѣе длительный — періодъ «углубленія революціи».

Если онъ былъ менѣе бурный въ тылу, то онъ постепенно становился все болѣе и болѣе бурнымъ на фронтѣ.

Агитація въ войскахъ все болѣе усиливалась.

Руководители ея, находясь въ Петроградѣ въ составѣ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, а нѣкоторые и въ составѣ временнаго правительства, начали прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы вытравить изъ арміи всѣ «старорежимные порядки», а въ первую голову — воинскую дисциплину, говоря, что ее надо замѣнить «сознательной, революціонной дисциплиной».

Какъ слѣдствіе этого, начали всюду образовываться комитеты, стремящіеся захватить власть въ свои руки, дисциплина стала расшатываться, начались сначала единичные, а затѣмъ все болѣе и болѣе учащавшіеся случаи убійства офицеровъ и генераловъ.

Армія стала разваливаться.

Петроградскій Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ выпустилъ и разослалъ по телеграфу во всѣ арміи приказъ (подъ названіемъ приказъ № 1), который въ корнѣ подрывалъ дисциплину, лишая офицерскій командный составъ какой либо власти надъ солдатами.

Въ составленіи этого приказа принимали участіе генеральнаго штаба генералъ Потаповъ (назвавшій себя «первымъ революціоннымъ генераломъ») и извѣстный «сенаторъ» (былъ проведенъ въ сенаторы Керенскимъ) Соколовъ, впослѣдствіи избитый солдатами, когда онъ ихъ уговаривалъ слушать распоряженія временнаго правительства.

Временное правительство отрицало свое участіе въ изданіи этого приказа, но попустительство было явное, такъ какъ, во первыхъ, этотъ приказъ былъ переданъ въ арміи по прямому проводу изъ Управленія генеральнаго штаба, а, во вторыхъ, оффиціальное заявленіе временнаго правительства о томъ, что этотъ приказъ отъ него не исходитъ, несмотря на настоянія генерала Алексѣева, появилось съ значительнымъ запозданіемъ, и въ арміяхъ приказъ № 1 былъ принятъ какъ распоряженіе правительства и послужилъ первымъ рѣшительнымъ толчкомъ къ развалу.

Въ Петроградѣ, въ военномъ министерствѣ, съ первыхъ же дней революціи выдѣлилась группа молодыхъ офицеровъ генеральнаго штаба (прозванныхъ «младотурками»), которые, желая выдѣлиться и выдвинуться въ періодъ революціи, начали проповѣдывать необходимость ради-

кальной ломки «старыхъ, отжившихъ и нереволюціонныхъ» отношеній между офицерами и солдатами; требовали введенія всюду комиссаровъ и комитетовъ, уничтоженія погонъ и проч.

И среди болѣе пожилыхъ, и въ генеральскихъ чинахъ, наканунѣ ярыхъ монархистовъ, появилось много убѣжденныхъ республиканцевъ. Ихъ прозвали «мартовскими эсъ-эрами».

При военномъ министерствѣ была образована особая комиссія для пересмотра уставовъ и положеній и для выработки новыхъ формъ отношеній между военнослужащими, на замѣну «старорежимныхъ».

Комиссія эта работала въ тѣсномъ контактѣ съ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и подобострастно прислушивалась къ требованіямъ, оттуда исходящимъ.

Предсѣдателемъ этой комиссіи былъ назначенъ генералъ Поливановъ, который, позорнымъ потворствомъ демагогическимъ требованіямъ нѣкоторыхъ членовъ этой комиссіи, способствовалъ развалу арміи.

Большинство этихъ «реорганизаторовъ» не понимало, что во время войны нельзя производить такихъ опытовъ съ арміей и безсознательно шло на поводу тѣхъ, которые сознательно шли на развалъ дисциплинированной, регулярной арміи.

Новый военный министръ, А. И. Гучковъ, говорилъ, что онъ приметъ всѣ мѣры къ поддержанію дисциплины въ арміи и будетъ пресѣкать всѣ попытки къ ея развалу.

Но первые же его шаги, въ качествѣ военнаго министра, предпринятые съ цѣлью освѣженія командного состава, были неудачны.

Среди старшихъ начальниковъ были дѣйствительно такіе, которыхъ надо было убрать; но военный министръ принялся за это дѣло слишкомъ рѣшительно и довольно неосмотрительно.

Былъ составленъ списокъ всѣхъ старшихъ начальствующихъ лицъ отъ командующихъ арміями до начальниковъ дивизій включительно и, затѣмъ, г. Гучковъ предложилъ нѣсколькимъ генераламъ, которымъ онъ довѣрялъ, поставить противъ всѣхъ помѣщенныхъ въ спискѣ отмѣтки о годности и негодности.

Затѣмъ, по соглашенію съ генераломъ Алексѣевымъ, было уволено со службы свыше 100 генераловъ изъ числа занимавшихъ высшія командныя и административныя должности.

Это, въ свою очередь, вызвало колоссальное перемѣщеніе и на болѣе низкихъ должностяхъ.

Въ этотъ періодъ такую операцію производить было рисковано.

Затѣмъ г. Гучковъ, ходомъ событій, былъ увлеченъ на соглашательскій путь съ крайними элементами и кончилось это тѣмъ, что, увидя полную свою безпомощность и неминуемую гибель арміи, какъ регулярной силы, онъ отказался отъ поста военнаго министра.

Донесенія, поступавшія изъ армій, указывали, что все постепенно разваливается.

Хуже всего было, конечно, въ тыловыхъ частяхъ, въ различныхъ тыловыхъ и техническихъ командахъ и во вновь сформированныхъ дивизіяхъ, въ которыхъ былъ менѣе прочный офицерскій и унтеръ-офицерскій кадръ и которыя были почти исключительно пополнены изъ запасныхъ батальоновъ.

Думать о возможности скоро начать какія либо активныя дѣйствія на фронтахъ было трудно.

Надо было постараться снова прибрать расшатавшіяся части къ рукамъ.

А это было болѣе чѣмъ сомнительно — безъ какихъ либо экстраординарныхъ мѣръ; чувствовалось, что мы летимъ по наклонной плоскости въ пропасть.

Тѣ, которые дѣлали революцію въ періодъ войны только ради ниспроверженія монархическаго строя и которымъ было безразлично какъ это отразится на продолженіи войны, выбрали время для производства революціи великолѣпно.

Царь, ради спасенія Родины и чтобы избѣжать междуусобицы и дать Россіи возможность честно исполнить свой долгъ передъ союзниками, отрекся отъ престола.

Командный составъ и рядовое офицерство, освобожденные Царемъ отъ присяги, ради тѣхъ же цѣлей, признали временное правительство и добросовѣстно и самоотвержено продолжали свою работу.

Тѣ, которые дѣлали революцію за деньги, полученныя отъ германскаго генеральнаго штаба, исполнили свою іудину работу отлично.

Но и тѣ, которые дѣлали революцію во время войны, въ наивномъ предположеніи, что можно ее остановить на той грани, на которой они захотятъ и что можно будетъ продолжать войну — являются такъ же преступниками передъ Родиной.

Они такъ же, какъ и первые, способствовали развалу арміи и невозможности продолжать войну.

Они безсознательно помогли Германіи вывести русскую армію изъ строя*.

---

* Въ обществѣ было и будетъ много споровъ о томъ, «кто сдѣлалъ революцію». Какъ мнѣ передавали, А. Ф. Керенскій, котораго какъ то упрекнули въ томъ, что онъ былъ однимъ изъ руководителей революціоннаго движенія въ февралѣ и мартѣ 1917 года и что этимъ онъ сыгралъ въ руку нѣмцевъ, будто бы, отвѣтилъ: «Революцію сдѣлали не мы, а генералы. Мы же только постарались ее направить въ должное русло».

Указываютъ и на то, что Чхеидзе, одинъ изъ главныхъ дѣятелей совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, въ первые дни революціи, своей растерянностью, доказалъ, что и соціалистическія партіи никакого участія въ началѣ революціи не принимали.

Отъ многихъ представителей конституціонно-демократической партіи (к. д.) я лично слышалъ, что вообще они были противъ революціи, а тѣмъ болѣе въ періодъ войны.

Остаются, по мнѣнію многихъ, какъ будто, слѣдующія причины начала революціи:

а) Голодъ — который толкнулъ на улицу народъ;

б) Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Протопоповъ, который, будто бы, хотѣлъ и сумѣлъ вызвать революцію на улицу искусственно, чтобы аатѣмъ задушить ее оружіемъ;

в) Германскіе агенты, которые воспользовались общимъ недовольствомъ старымъ режимомъ и недостаткомъ продовольствія и вызвали революцію на улицу.

Исторія установитъ истину.

Но и теперь можно опредѣленно установить:

Недостатокъ хлѣба могъ толкнуть на улицу рабочихъ и населеніе, а не войска, которыя этого недостатка не испытывали.

Въ пропагандѣ среди войскъ, помимо агентовъ Германіи, приняли участіе члены образовавшагося Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, съ перваго же дня революціи прилагавшіе всѣ усилія для разложенія арміи.

Въ серединѣ марта я впервые узналъ, что группой общественныхъ дѣятелей предполагался въ мартѣ—апрѣлѣ 1917 года дворцовый переворотъ.

Было, яко-бы, два предположенія.

Одни считали достаточнымъ добиться удаленія изъ Россіи Императрицы Александры Ѳеодоровны и настоять передъ Государемъ на установленіи широкой конституціи; другіе считали необходимымъ добиться отреченія отъ престола Государя въ пользу Наслѣдника, съ назначеніемъ регентомъ Великаго Князя Михаила Александровича.

Чѣмъ бы закончился намѣчавшійся дворцовый переворотъ, еслибъ онъ не былъ сорванъ начавшейся революціей, конечно, сказать трудно. Но надо полагать, что дѣло однимъ дворцовымъ переворотомъ не закончилось бы, такъ какъ крайнія лѣвыя партіи и нѣмцы шли по одному пути — устроить въ Россіи революцію именно во время войны.

* * *

Работать въ Ставкѣ стало трудно и тяжело; чувствовалось полное безсиліе задержать ходъ событій и остановить начавшійся развалъ арміи.

Въ концѣ марта я обратился къ генералу Алексѣеву съ просьбой освободить меня отъ должности генералъ-квартирмейстера и дать мнѣ назначеніе въ строй.

Я просилъ дать мнѣ освобождавшійся XI-й армейскій корпусъ. Но въ этотъ же день отъ Главнокомандующаго юго-западнымъ фронтомъ было получено представленіе о назначеніи командиромъ XI-го армейскаго корпуса другого генерала и я былъ назначенъ командиромъ I-го арм. корпуса, бывшаго на сѣверномъ фронтѣ.

Въ началѣ апрѣля я отправился къ мѣсту моего новаго служенія.

I-й арм. корпусъ въ это время былъ отведенъ въ резервъ и штабъ корпуса находился въ Везенбергѣ.

Съ первыхъ же дней моего командованія я убѣдился, что придется быть не командиромъ корпуса, а «главноуговаривающимъ».

Въ хорошемъ видѣ еще были артиллерійскія и инженерныя части, въ которыхъ, вслѣдствіе меньшей убыли во время войны, было много кадровыхъ офицеровъ и солдатъ. Дисциплина въ этихъ частяхъ еще держалась.

Что же касается всѣхъ трехъ пѣхотныхъ дивизій, то онѣ были на пути къ полному развалу.

Соціалистическія партіи п о д х в а т и л и начавшуюся революцію и стали ее углублять, совершенно не считаясь съ тѣмъ, что дѣлать это, во время войны, значитъ губить армію и идти на прекращеніе войны.

Большинство членовъ Государственной Думы и представители не соціалистическихъ, но оппозиціонныхъ правительству партій, только первые два дня смотрѣли на начавшееся движеніе — не какъ на народную революцію, а какъ на опасное для государства народное возмущеніе и военный бунтъ, которые необходимо пресѣчь, а затѣмъ рѣшили, что революцію необходимо признать, взять возжи въ руки и направить ее въ желаемомъ направленіи.

Они думали, что справятся съ ходомъ событій и остановятъ развитіе революціи на желаемой для нихъ грани.

Я ежедневно получалъ донесенія отъ начальниковъ дивизій, рисовавшихъ положеніе въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, указывавшихъ, что образовавшіеся въ частяхъ войскъ комитеты рѣшительно во все вмѣшиваются; занятій части войскъ производить не хотѣли; дисциплинарную власть начальствующія лица примѣнять не могли; комитеты стремились получить въ свое распоряженіе всѣ экономическія суммы частей войскъ.

Я ежедневно бывалъ то въ одномъ, то въ другомъ полку.

Но кромѣ планомѣрныхъ, намѣченныхъ мною разъѣздовъ по частямъ войскъ, мнѣ приходилось, почти ежедневно, по просьбѣ то одного, то другого изъ начальниковъ дивизій, ѣздить въ полки, въ которыхъ возникали тѣ или иныя недоразумѣнія.

Мнѣ съ большимъ трудомъ удавалось сохранить только внѣшнюю дисциплину въ войскахъ.

Корпусъ былъ расквартированъ на очень широкомъ пространствѣ, примыкая на западъ къ рѣкѣ Наровѣ.

Близость Петрограда давала себя чувствовать. Вся выходящая въ Петроградѣ пропагандная литература, въ видѣ всевозможныхъ воззваній, листковъ и проч., уже на слѣдующій день по выходѣ была въ частяхъ войскъ моего корпуса.

Почти ежедневно въ войскахъ появлялись пропагандисты, отправляемые изъ Петрограда.

Къ концу апрѣля, съ появленіемъ въ Петроградѣ Ленина, пропаганда еще усилилась.

Открытая пропаганда, которую велъ Ленинъ въ Петроградѣ и которой потворствовало временное правительство, дѣлало почти невозможнымъ борьбу противъ нея въ войскахъ.

15/28 мая я получилъ приказъ подготовить корпусъ къ отправкѣ на фронтъ.

Сейчасъ же, какъ въ войскахъ объ этомъ узнали, стали ко мнѣ поступать донесенія начальниковъ дивизій, что изъ полковъ поступаютъ свѣдѣнія о томъ, что солдаты, основываясь на, яко бы, недостаточномъ для современнаго боя числѣ имѣющихся въ частяхъ пулеметовъ и недостаточной подготовкѣ къ боевой работѣ недавно прибывшихъ пополненій, заявляютъ, что раньше присылки двойного, противъ положеннаго, числа пулеметовъ и должной подготовки присланныхъ пополненій они на позицію стать не могутъ.

Но 1/14 іюня началась посадка войскъ для отправки на фронтъ и никакихъ серьезныхъ недоразумѣній не произошло.

3/16 іюня я получилъ изъ Ставки, отъ Начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генерала Деникина, телеграмму, въ которой онъ мнѣ сообщаетъ, что приказомъ Временнаго Правительства я назначенъ начальникомъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго и мнѣ надо немедленно выѣхать въ Могилевъ.

Передъ этимъ былъ полученъ приказъ, что, вмѣсто генерала Алексѣева, Верховнымъ Главнокомандующимъ назначенъ генералъ Брусиловъ.

4/17 іюня пріѣхалъ мой замѣститель и я отправился въ Могилевъ.

Явившись новому Верховному Главнокомандующему, я, въ день моего пріѣзда въ Могилевъ, принялъ отъ генерала Деникина должность

начальника штаба. Генералъ Деникинъ былъ назначенъ Главнокомандующимъ западнаго фронта.

Въ Ставкѣ были еще подъ впечатлѣніемъ рѣчи генерала Деникина, произнесенной имъ 22 мая/4 іюня на закрытіи офицерскаго съѣзда въ Могилевѣ.

Общій голосъ былъ, что, за все послѣднее время, эта рѣчь была единственнымъ просвѣтомъ.

Вотъ эта рѣчь:

«Верховный Главнокомендующій*, покидающій свой постъ, поручилъ мнѣ передать вамъ, господа, свой искренній привѣтъ и сказать, что его старое солдатское сердце бьется въ унисонъ съ вашимъ, что онъ болѣетъ той же болью и живетъ той же надеждой на возрожденіе истерзанной, но великой русской арміи.

Позвольте и мнѣ отъ себя сказать нѣсколько словъ.

Съ далекихъ рубежей земли нашей, забрызганныхъ кровью, собрались вы сюда и принесли намъ скорбь свою безысходную, свою душевную печаль.

Какъ живая развернулась передъ нами тяжелая картина жизни и работы офицерства среди взбаламученнаго армейскаго моря.

Вы — безсчетное число разъ стоявшіе передъ лицомъ смерти. Вы — безтрепетно шедшіе впереди своихъ солдатъ на густые ряды непріятельской проволоки подъ рѣдкій гулъ родной артиллеріи, измѣннически лишенной снарядовъ! Вы — скрѣпя сердце, но не падая духомъ, бросавшіе горсть земли въ могилу павшаго сына, брата, друга!

Вы ли теперь дрогнете?

Нѣтъ.

Слабые — поднимите головы! Сильные — передайте вашу рѣшимость, вашъ порывъ, ваше желаніе работать для счастья родины, перелейте въ порѣдѣвшіе ряды нашихъ товарищей на фронтѣ. Вы не одни, съ вами все, что есть честнаго, мыслящаго, все, что остановилось на грани упраздняемаго нынѣ здраваго смысла.

Съ вами пойдетъ и солдатъ, понявъ ясно, что вы ведете его не назадъ — къ безправію и нищетѣ духовной, а впередъ — къ свободѣ и свѣту!

И тогда надъ врагомъ разразится такой громовой ударъ, который покончитъ и съ нимъ и съ войной.

Проживши съ вами три года войны одной жизнью, одной мыслью, дѣливши съ вами и яркую радость побѣды и жгучую боль отступленія, я имѣю право бросить тѣмъ господамъ, которые плюнули намъ въ душу, которые съ первыхъ же дней революціи совершили свое Каиново дѣло надъ офицерскимъ корпусомъ . . . я имѣю право бросить имъ:

Вы лжете! Русскій офицеръ никогда не былъ ни наемникомъ, ни опричникомъ.

Забитый, загнанный, обездоленный не менѣе, чѣмъ вы, условіями стараго режима, влача полунищенское существованіе, нашъ армейскій офицеръ сквозь бѣдную трудовую жизнь свою донесъ, однако, до отечественной войны — какъ яркій свѣтильникъ — жажду подвига. Подвига — для счастья Родины.

---

* Генералъ Алексѣевъ.

Пусть же сквозь эти стѣны услышатъ мой призывъ и строители новой государственной жизни.

Берегите офицера! Ибо отъ вѣка и до нынѣ онъ стоитъ вѣрно и безсмѣнно на стражѣ русской государственности.

Смѣнить его можетъ только смерть».

Эта рѣчь ярко отражаетъ въ себѣ то положеніе, въ которое попали офицеры.

Съ первыхъ же дней революціи лѣвая печать обрушилась на офицеровъ, изображая ихъ какъ изверговъ, насильниковъ, враговъ народа, наемниковъ Царской власти, опричниковъ.

Вся пропаганда въ войскахъ была направлена къ тому, чтобы дискредитировать офицеровъ, возстановить противъ нихъ солдатъ.

Всѣ распоряженія временнаго правительства сводились къ уменьшенію вліянія офицеровъ на солдатъ, къ лишенію офицеровъ какой-бы то ни было власти.

Если до временнаго правительства доходилъ какой либо слухъ, или получалось донесеніе какого нибудь войскового комитета о превышеніи власти со стороны какого-нибудь начальника — немедленно назначалось строжайшее разслѣдованіе и виновный или подозрѣваемый въ чемъ либо — мѣшался съ грязью.

Всякимъ соображеніямъ отъ войсковыхъ комитетовъ придавалась вѣра и часто, безъ всякихъ серьезныхъ основаній, смѣщались лица даже занимавшія крупныя командныя должности.

Но противъ эксцессовъ направленныхъ противъ офицеровъ, противъ ихъ травли и преслѣдованій — никакихъ мѣръ не принималось.

Съ солдатской массой заигрывали, углубляли революцію, а офицеровъ предавали.

Одни предавали безсознательно, а другіе вполнѣ сознательно, считая ихъ, въ массѣ, контръ-революціонерами, опасаясь ихъ возможнаго вліянія на солдатъ и считая необходимымъ, для сохраненія завоеваній революціи, ихъ обезвредить.

Рѣчь генерала Деникина ясно указываетъ, что еще не терялась надежда спасти армію; офицеры призывались, несмотря на всю тяжесть создавшейся обстановки, твердо стоять на своемъ посту и работать для спасенія Родины.

Настроеніе въ Ставкѣ было тяжелое.

Новый Верховный Главнокомандующій, генералъ Брусиловъ, принялъ сразу болѣе чѣмъ недостойный заискивающій тонъ по отношенію къ Могилевскому совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Этотъ совѣтъ при генералѣ Алексѣевѣ дѣйствовалъ осторожно и не рѣшался открыто предъявлять какихъ либо требованій къ Ставкѣ.

Поведеніе генерала Брусилова сразу придало смѣлости членамъ совѣта и къ Верховному Главнокомандующему отъ него поступили опредѣленныя требованія принять мѣры къ уничтоженію «контръ-революціоннаго гнѣзда» въ Ставкѣ.

Генералъ Брусиловъ нѣсколько разъ собиралъ у себя членовъ этого совѣта, бесѣдовалъ съ ними, и заявилъ, что онъ самъ не допуститъ въ Ставкѣ проявленія контръ-революціоннаго движенія и что если у Совѣта имѣются какія либо конкретныя данныя, то онъ проситъ ихъ ему дать.

На основаніи же голословныхъ обвиненій онъ никого изъ служащихъ въ Ставкѣ удалять не можетъ.

Тѣ обѣщали представить матеріалъ, вполнѣ изобличающій чиновъ Ставки въ контръ революціонныхъ намѣреніяхъ и поступкахъ, но такъ ничего и не представили.

Пріѣхавшему въ Ставку новому военному министру Керенскому была представлена полная картина того развала, который происходитъ въ арміи.

Хотя онъ и соглашался съ необходимостью принять мѣры для возстановленія дисциплины, но категорически высказался противъ возстановленія смертной казни, отмѣненной вначалѣ революціи.

Все еще временному правительству, находившемуся подъ вліяніемъ Петроградскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, мерещилась контръ-революція и оно боялось вернуть командному составу прежнюю власть.

Стремленіе имѣть всюду свой глазъ и свое ухо — выразилось въ насажденіи всюду политическихъ комиссаровъ.

Выборъ этихъ комиссаровъ часто былъ очень неудаченъ.

Помню, какъ Керенскій представлялъ генералу Брусилову, если не ошибаюсь, капитана Калинина (или Калнина), назначеннаго комиссаромъ на западный фронтъ.

Генералъ Брусиловъ, поздоровавшись съ новымъ комиссаромъ, спросилъ его, гдѣ онъ началъ службу.

— «Въ такой-то конной батереѣ».

— «Долго ли Вы въ ней служили?»

— «Немного больше года».

— «А послѣ конной батареи гдѣ протекала Ваша служба?»

Довольно продолжительное молчаніе, а затѣмъ отвѣтъ: «нигдѣ».

— «Т. е. какъ такъ нигдѣ? я не понимаю. Гдѣ же Вы были послѣ конной батареи?»

— «Я былъ обвиненъ въ политическомъ преступленіи и находился въ Сибири въ тюрьмѣ, а затѣмъ въ ссылкѣ».

— «А! но какъ же Вы теперь капитанъ?»

— «Послѣ революціи я, какъ бывшій политическій, былъ изъ ссылки возвращенъ и, въ сравненіи со сверстниками, произведенъ въ капитаны».

Генералъ Брусиловъ ничего не нашелся сказать.

И вотъ такихъ «опытныхъ» политическихъ дѣятелей временное правительство назначало комиссарами!

Что они могли дѣлать иное, какъ не продолжать развалъ арміи?

Отношеніе членовъ временнаго правительства къ явно вреднымъ и преступнымъ элементамъ видно, хотя бы, изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Какъ-то мнѣ доложили, что въ поѣздѣ, прибывшемъ на станцію Могилевъ изъ Петрограда, ѣдетъ какой то прапорщикъ, который всю дорогу велъ самую возмутительную пропаганду и раздавалъ въ поѣздѣ большевистскую литературу, и что этотъ прапорщикъ ѣдетъ на юго-западный фронтъ.

Я, по телефону, приказалъ задержать поѣздъ, арестовать этого прапорщика, произвести дознаніе и обыскъ въ купэ, въ которомъ онъ находился.

Дознаніе подтвердило все, что было мнѣ сообщено, а арестованный прапорщикъ оказался Крыленко, впослѣдствіи первый верховный главнокомандующій (Главковерх) у большевиковъ.

Онъ везъ цѣлый тюкъ листовокъ самаго возмутительнаго содержанія.

При обыскѣ у Крыленко оказался «мандатъ» отъ Петроградскаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Я доложилъ Брусилову и было рѣшено Крыленко отправить въ штабъ юго-западнаго фронта (тамъ находилась его часть) съ предписаніемъ немедленно предать его суду.

Въ Петроградъ же было по телеграфу сообщено объ этомъ арестѣ, чтобы обратить вниманіе на дѣятельность Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Результатъ получился совершенно неожиданный.

Военное Министерство потребовало присылки Крыленко въ Петроградъ; тамъ же, вѣроятно подъ давленіемъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, безъ всякаго суда, его выпустили на свободу.

Много позже, въ Новочеркасскѣ, одинъ изъ нашей стражи въ Быховской тюрьмѣ, прапорщикъ Георгіевскаго батальона Гришинъ, при которомъ я разсказалъ этотъ случай, сказалъ:

«А я, Ваше Превосходительство, все же чувствую нѣкоторое удовлетвореніе. Вѣдь тогда, когда Вы приказали арестовать Крыленко — я былъ караульнымъ начальникомъ на станціи. Такъ, когда мы привели Крыленко въ караульное помѣщеніе, то я нынѣшняго большевистскаго главнокомандующаго, какъ прапорщикъ — прапорщика, хорошо отхлесталъ нагайкой».

Другой случай касается нѣкоего штабсъ-капитана Муравьева, впослѣдствіи командовавшаго у большевиковъ арміей, взявшаго Кіевъ и звѣрски расправившагося тамъ съ офицерами.

Этотъ Муравьевъ явился въ Ставку съ письмомъ изъ военнаго министерства, въ которомъ просилось отнестись благосклонно къ проекту этого господина.

Явившись ко мнѣ, Муравьевъ доложилъ, что вслѣдствіе развала на фронтѣ теперь начинаютъ тамъ формировать особыя ударныя части, которыя своимъ примѣромъ должны будутъ увлечь другихъ и, конечно, при будущемъ наступленіи сыграютъ крупную роль; что и въ тылу формируются женскія ударныя части*.

Но что все это недостаточно, что онъ рѣшилъ ходатайствовать объ утвержденіи устава особаго общества, которому было бы предоставлено право немедленно приступить къ широкому формированію ударныхъ батальоновъ какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу.

Помимо того, что явно каторжный видъ этого Муравьева не внушалъ никакого довѣрія, я принципіально не считалъ правильнымъ допустить какую-то организацію изъ непзвѣстныхъ лицъ къ такой работѣ.

* Участь этихъ несчастныхъ женскихъ батальоновъ, съ которыми такъ носился Керенскій, впослѣдствіи, на фронтѣ, была грустная: на западномъ фронтѣ вокругъ помѣщеній или бивуаковъ, ими занимаемыхъ, приходилось выставлять охрану, чтобы ихъ не насиловали озвѣрѣвшіе солдаты.

А женскій батальонъ, охранявшій Зимній Дворецъ при большевистскомъ выступленіи 25 октября/7 ноября 1917 года, подвергся самымъ ужаснымъ насиліямъ.

Въ составѣ этихъ батальоновъ было много идейныхъ, совсѣмъ юныхъ дѣвушекъ.

Кромѣ того, я считалъ, что на фронтѣ есть только опредѣленные начальники и существованіе, параллельно съ ними, какой-то самостоятельной организаціи невозможно.

Я это высказалъ Муравьеву.

Онъ просилъ разрѣшенія представиться генералу Брусилову, о чемъ, какъ онъ сказалъ, проситъ и военный министръ.

Я сказалъ, что доложу Главнокомандующему.

Генералъ Брусиловъ рѣшилъ принять Муравьева, но согласился съ моимъ мнѣніемъ и обѣщалъ опредѣленно отказать въ его просьбѣ.

На другой день Муравьевъ вновь ко мнѣ явился и сказалъ, что генералъ Брусиловъ далъ свое согласіе на утвержденіе устава и даже подписалъ какое-то удостовѣреніе на имя Муравьева.

Я пошелъ къ генералу Брусилову. Оказалось, что онъ лишь сказалъ Муравьеву, что онъ не будетъ возражать противъ организаціи формированія ударныхъ частей въ тылу.

Я сталъ доказывать, что и это невозможно, что онъ намъ наформируютъ такія части, которыя окончательно погубятъ фронтъ.

Генералъ Брусиловъ, въ концѣ концовъ, со мной согласился и приказалъ въ этомъ духѣ написать въ Петроградъ.

Въ Петроградъ было написано, но переписка по этому вопросу тянулась еще долго и Муравьеву военнымъ министерствомъ и впослѣдствіи поручались различныя работы.

Много пришлось возиться съ вопросомъ формированія Украинскихъ частей.

Пріѣзжавшій въ Ставку Петлюра* добивался полученія разрѣшенія формировать отдѣльную Украинскую армію.

Въ этомъ отношеніи временное правительство поддержало Ставку и было разрѣшено только постепенно украинизировать нѣсколько корпусовъ на юго-западномъ и румынскомъ фронтахъ, отнюдь не перемѣщая офицеровъ.

Генералъ Брусиловъ отлично понималъ, что политика, которую проводило временное правительство по отношенію къ арміи — ее губило.

Но неправильный тонъ, имъ принятый съ самаго начала, не давалъ ему возможности рѣзко измѣнить линію своего поведенія.

Онъ постепенно, путемъ разговоровъ съ наѣзжавшимъ въ Ставку Керенскимъ и путемъ подачи записокъ, старался добиться возстановленія прежней власти командного персонала.

* * *

Между тѣмъ союзники настаивали на началѣ активныхъ дѣйствій на нашемъ фронтѣ.

Съ другой стороны, теплилась надежда, что, можетъ быть, начало успѣшныхъ боевъ измѣнитъ психологію массы и возможно будетъ начальникамъ вновь подобрать вырванныя изъ ихъ рукъ возжи.

На успѣхъ надѣялись вслѣдствіе сосредоточенія на фронтѣ значительной артиллеріи и считали, что, можетъ быть, при поддержкѣ могу-

* Не безызвѣстный Украинскій дѣятель.

щественнаго артиллерійскаго огня части пойдутъ впередъ, а побѣда дастъ и все остальное.

Наступленіе было намѣчено на всѣхъ фронтахъ

Наиболѣе сильный ударъ намѣчался на юго-западномъ фронтѣ.

Дабы подбодрить войска и влить въ нихъ «революціонный порывъ», г. Керенскій отправился на юго-западный фронтъ.

Послѣ сильной артиллерійской подготовки, 18 іюня/1 іюля, началось наступленіе и первоначально успѣхъ былъ.

Но уже черезъ нѣсколько дней выяснилось, что многія части драться не хотятъ; начались самовольные уходы съ позицій, неисполненіе боевыхъ приказовъ.

Частичный успѣхъ на фронтѣ VIII-й арміи дѣлу не помогъ.

Прорывъ фронта Германцами, нѣсколько сѣвернѣй участка, гдѣ нами наносился главный ударъ, повлекъ за собой паническое отступленіе почти по всему юго-западному фронту.

Только примѣненіемъ суровыхъ мѣръ и массовыми разстрѣлами дезертировъ удалось остановить въ концѣ концовъ войска. Но, при отступленіи, были потеряны большіе артиллерійскіе склады и значительное количество артиллеріи.

Наступленіе на западномъ фронтѣ не дало никакихъ результатовъ: войска сначала заняли разрушенныя артиллерійскимъ огнемъ германскія позиціи, а затѣмъ отошли въ исходное положеніе.

На сѣверномъ фронтѣ все, въ сущности говоря, ограничилось артиллерійскимъ огнемъ.

На Румынскомъ фронтѣ сначала былъ достигнутъ незначительный тактическій успѣхъ, но затѣмъ мы перешли къ оборонѣ.

Послѣ неудачнаго іюньскаго наступленія и временное правительство поняло, что для поднятія дисциплины и возстановленія боеспособности арміи нужно принять рѣшительныя мѣры и вернуть престижъ и власть командному составу.

Комиссары, бывшіе на фронтѣ, со своей стороны, присоединили свои голоса къ настойчивымъ требованіямъ команднаго состава.

Временное правительство убѣдилось, что одними уговорами ничего не подѣлаешь.

Первымъ рѣшительнымъ въ этомъ отношеніи шагомъ было назначеніе на постъ главнокомандующаго юго-западнаго фронта командующаго VIII-й арміей, генерала Корнилова, проводившаго взглядъ, что только желѣзная дисциплина можетъ спасти армію.

Г. Керенскій на словахъ соглашался на необходимость принять рѣшительныя и суровыя мѣры для спасенія арміи, но, въ дѣйствительности, колебался и оттягивалъ разрѣшеніе этого вопроса.

Во всякомъ случаѣ временное правительство не считало возможнымъ совершенно уничтожить комитеты и упразднить комиссаровъ.

Г. Савинковъ, который былъ на сторонѣ болѣе рѣшительныхъ дѣйствій для возстановленія порядка въ арміи, такъ же былъ лишь за ограниченіе круга дѣятельности комитетовъ, но не за ихъ упраздненіе. Комиссаровъ онъ считалъ нужнымъ сохранить.

* * *

Въ Петроградѣ 3/16 іюля произошло выступленіе большевиковъ.

Большая часть Петроградскаго гарнизона осталась на сторонѣ правительства и выступленіе большевиковъ не удалось.

Но, къ общему возмущенію, временное правительство проявило себя, послѣ подавленія болшевистскаго выступленія, преступно слабымъ.

Ленину, котораго можно было легко арестовать, дали возможность скрыться.

Арестованнаго Троцкаго (Бронштейна), по приказанію временнаго правительства, изъ подъ ареста освободили.

Предателей и измѣнниковъ родины, работавшихъ на германскія деньги, открыто требовавшихъ прекращенія войны и мира «безъ аннексій и контрибуцій», не только не покарали со всей строгостью закона, но дѣло о нихъ было фактически прекращено и имъ предоставлена была возможность вновь начать въ Петроградѣ и въ арміи ихъ предательски-разрушительную работу.

Столь странное и преступное передъ родиной попустительство со стороны временнаго правительства по отношенію къ руководителямъ большевистскаго движенія объясняется, прежде всего, слишкомъ тѣсной связью временнаго правительства съ Петроградскимъ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ (въ числѣ членовъ правительства были, какъ Черновъ, члены этого Совѣта) и страхомъ передъ нимъ.

А Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, въ своей массѣ, былъ настроенъ явно большевистски.

Послѣ подавленія большевистскаго выступленія, военное министерство нѣсколько ускорило темпъ своей работы по выработкѣ мѣръ, связанныхъ съ возстановленіемъ боеспособности арміи.

Во Ставкѣ также былъ приготовленъ перечень мѣропріятій, безъ проведенія коихъ въ жизнь считалось невозможнымъ сохранить армію, какъ боевую и дисциплинированную силу.

Первымъ пунктомъ въ этомъ перечнѣ было указано на необходимость возстановить смертную казнь и въ тылу.

Г. Керенскій обратился къ Верховному Главнокомандующему съ предложеніемъ собрать въ Ставкѣ военный совѣтъ, на который пригласить главнокомандующихъ фронтами и тѣхъ генераловъ, которыхъ генералъ Брусиловъ признаетъ полезнымъ выслушать на засѣданіи. Собраніе совѣта было назначено, если не ошибаюсь, на 18/31 іюля.

Кромѣ главнокомандующихъ фронтами, на этотъ совѣтъ генералъ Брусиловъ пригласилъ генераловъ Алексѣева, Рузскаго, Гурко и Драгомирова.

Послѣ мартовскаго переворота, ген. Гурко былъ назначенъ Главнокомандующимъ западнаго фронта вмѣсто генерала Эверта, а генералъ Драгомировъ — Главнокомандующимъ сѣвернаго фронта вмѣсто генерала Рузскаго.

Но оба они на своихъ мѣстахъ долго не оставались.

На засѣданіи, бывшемъ въ Петроградѣ въ Зимнемъ Дворцѣ, они оба выступили съ рѣзкой критикой дѣятельности военнаго министерства и временнаго правительства, указывая, что эта дѣятельность ведетъ къ гибели арміи.

Вслѣдъ за этимъ былъ смѣщенъ генералъ Гурко, а нѣсколько позднѣй генералъ Драгомировъ.

За два дня до засѣданія отъ г. Керенскаго былъ по телеграфу полученъ запросъ о томъ, кого именно пригласилъ генералъ Брусиловъ на засѣданіе.

Въ отвѣтной телеграммѣ былъ сообщенъ перечень приглашенныхъ.

Вслѣдъ за этимъ г. Керенскій прислалъ телеграмму, что онъ считаетъ недопустимымъ присутствіе на засѣданіи генераловъ Гурко и Драгомирова; что, если они будутъ, то онъ, Керенскій, на засѣданіи не будетъ...

Этотъ фактъ очень характеренъ для оцѣнки личности г. Керенскаго. Мелочный, злобный, интересы дѣла ставившій ниже своего мелкаго самолюбія и тщеславія.

Онъ зналъ отлично, что оба эти генерала были однимъ изъ лучшихъ боевыхъ генераловъ, выдвинутыхъ войной. Но онъ также зналъ, что они оба прямолинейны и рѣзки, и не хотѣлъ допустить ихъ присутствія на засѣданіи, дабы избѣжать рѣзкой критики.

Генералъ Брусиловъ приказалъ послать соотвѣтствующія телеграммы обоимъ генераламъ. Но было поздно, такъ какъ они уже выѣхали въ Могилевъ. Пришлось, по пріѣздѣ ихъ въ Ставку, имъ объявить, что г. Керенскій не хочетъ ихъ видѣть на засѣданіи.

Наканунѣ засѣданія генералъ Брусиловъ былъ чѣмъ-то занятъ и отложилъ мой докладъ до слѣдующаго дня.

На другой день, какъ всегда, въ 9 часовъ утра, я пришелъ къ нему съ докладомъ.

Только что начался докладъ, какъ по телефону сообщили, что подходитъ экстренный поѣздъ, въ которомъ ѣхалъ г. Керенскій.

Надо сказать, что послѣ вступленія на постъ премьеръ-министра, послѣ кн. Львова, Керенскаго въ Ставкѣ еще не было; такимъ образомъ онъ появился въ Могилевѣ въ качествѣ предсѣдателя временнаго правительства впервые и, повидимому, ожидалъ торжественной встрѣчи.

Генералъ Брусиловъ спросилъ меня, какъ быть? Я отвѣтилъ, что докладъ у меня небольшой; но, что если онъ задержится на вокзалѣ, то не успѣетъ прочитать всѣхъ необходимыхъ для засѣданія матеріаловъ, которые я ему принесъ, и онъ къ засѣданію можетъ оказаться не достаточно ориентированнымъ.

Генералъ Брусиловъ рѣшилъ на вокзалъ не ѣхать, а послалъ встрѣтить г. Керенскаго своего генерала для порученій, который долженъ былъ доложить, что Верховный Главнокомандующій извиняется, что не встрѣтилъ, но что у него срочная работа, и онъ проситъ предсѣдателя временнаго правительства пріѣхать на засѣданіе къ двумъ часамъ дня, т. е. къ часу, назначенному для засѣданія самимъ Керенскимъ.

Окончивъ докладъ, я прошелъ къ себѣ.

Минутъ черезъ десять прибѣгаетъ взволнованный адъютантъ генерала Брусилова и говоритъ, что Верховный Главнокомандующій проситъ меня срочно придти къ нему, такъ какъ надо ѣхать на вокзалъ.

Надѣвъ шашку, выхожу въ переднюю и впжу генерала Брусилова уже спускающагося съ лѣстницы.

— «Въ чемъ дѣло?»

— «Керенскій прислалъ своего адъютанта сказать мнѣ, что онъ ждетъ меня въ вагонѣ и проситъ пріѣхать немедленно. Поѣдемъ вмѣстѣ».

Пріѣзжаемъ на вокзалъ.

Адъютантъ Керенскаго пошелъ докладывать и черезъ нѣсколько минутъ вернулся и сказалъ, что предсѣдатель временнаго правительства насъ ожидаетъ.

Входимъ въ салонъ-вагонъ.

Г. Керенскій, небрежно развалившись, сидитъ на диванѣ.

При нашемъ входѣ, едва приподнявшись, здоровается и, обращаясь къ ген. Брусилову, говоритъ: «Генералъ, доложите о томъ, что дѣлается на фронтѣ . . .» Ген. Брусиловъ дѣлаетъ краткій докладъ.

Г. Керенскій выслушалъ и, сказавъ, что будетъ на засѣданіи въ два часа дня, насъ отпустилъ.

Впослѣдствіи мнѣ передавали, что г. Керенскій, дѣйствительно ожидавшій почетный караулъ и торжественную встрѣчу, былъ страшно обозленъ и возмущенъ тѣмъ, что генералъ Брусиловъ осмѣлился даже не пріѣхать его встрѣтить.

Возмущенно онъ, въ присутствіи пріѣхавшихъ съ нимъ, заявилъ:

«При Царѣ эти генералы не посмѣли бы себя такъ нагло держать. А теперь позволяютъ себѣ игнорировать предсѣдателя правительства! Я имъ покажу». И послалъ за ген. Брусиловымъ.

Изъ приглашенныхъ на совѣтъ не пріѣхалъ съ фронта генералъ Корниловъ, приславшій телеграмму, что боевая обстановка ему не позволяетъ покинуть фронтъ.

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ генерала Брусилова.

На засѣданіи очень сильную и яркую рѣчь произнесъ генералъ Деникинъ.

Рѣчь была настолько рѣзкая, что генералъ Брусиловъ, перебивъ генерала Деникина, сказалъ: «нельзя ли короче и затрагивайте только вопросы, касающіеся поднятія боеспособности арміи».

Генералъ Деникинъ тогда заявилъ, что онъ проситъ или дать ему возможность высказаться полнстью, или онъ ничего больше говорить не будетъ.

Генералъ Брусиловъ попросилъ его продолжать.

Генералъ Деникинъ подробно разобралъ отношеніе временнаго правительства и, въ частности, военнаго министерства къ арміи и офицерскому составу съ момента революціи, указавъ, что въ развалѣ арміи, въ значительной степени, виновно временное правительство; указавъ, что оно, своимъ попустительствомъ, все время позволяло прессѣ и агентамъ большевиковъ оскорблять корпусъ офицеровъ, выставлять ихъ какими-то наемниками, опричниками, врагами солдатъ и народа; что временное правительство, своимъ несправедливымъ отношеніемъ къ офицерамъ, ихъ превращаетъ въ какихъ то паріевъ.

Закончилъ свою рѣчь генералъ Деникинъ указаніемъ, что тѣ, которые сваливаютъ всю вину въ развалѣ арміи на большевиковъ, — лгутъ; что прежде всего виноваты тѣ, которые углубляли революцію, и «Вы, г-нъ Керенскій»; что большевики только черви, которые завелись въ ранѣ, нанесенной арміи другими.

Послѣ рѣчи генерала Деникина Керенскій всталъ и обращаясь къ нему сказалъ: «позвольте мнѣ Васъ поблагодарить за откровенно и смѣло высказанное Вами мнѣніе».

Это было театрально, но . . . возразить ничего г. Керенскій не сумѣлъ.

Послѣ генерала Деникина началъ говорить ген. Рузскій, указывая, что временному правительству нужно особенно беречь корпусъ офицеровъ, на которомъ всегда зиждилась и будетъ зиждиться мощь арміи; что русскіе офицеры всегда были близки къ солдатамъ, заботясь о нихъ и раздѣляя съ ними на походѣ и въ бою всѣ радости и горести; что временное правительство совершаетъ ошибку, потворствуя преслѣдованію офицеровъ въ печати и на всевозможныхъ митингахъ; что дѣйствія временнаго правительства могутъ повести къ гибели корпуса офицеровъ . . .

Г. Керенскій прервалъ генерала Рузскаго и въ очень рѣзкой формѣ сталъ говорить, что нападки на временное правительство не справедливы: что въ развалѣ арміи виновны во многомъ генералы, саботирующіе новый строй; генералы, которые при старомъ режимѣ не смѣли возражать, а теперь стараются дискредитировать власть.

Генералъ Алексѣевъ, который передъ засѣданіемъ сказалъ мнѣ лично, что онъ отведетъ душу и скажетъ всю правду истиннымъ виновникамъ развала арміи, послѣ прерванной рѣчи генерала Рузскаго, сказалъ:

«Послѣ того, что сказано генералами Деникинымъ и Рузскимъ — я ничего добавить не могу. Я всецѣло присоединяюсь къ тому, что они сказали».

Засѣданіе такъ и не выработало ничего конкретнаго.

Предсѣдатель временнаго правительства, вмѣстѣ со своими спутниками, уѣхалъ въ Петроградъ въ тотъ же день.

На другой день была получена изъ Петрограда телеграмма, что, согласно постановленію временнаго правительства, генералъ Брусиловъ освобождается отъ должности Верховнаго Главнокомандующаго, а на его мѣсто назначается Главнокомандующій юго-западнаго фронта генералъ Корниловъ.

До пріѣзда генерала Корнилова мнѣ предлагалось вступить во временное исполненіе должности Верховнаго Главнокомандующаго.

А. Лукомскій

Интеллигенція на Дону

Александра Дроздова

Средь груды тлѣющихъ костей
Кто царь, кто рабъ, судья иль воинъ?
Кто царства Божія достоинъ
И кто отверженный злодѣй?
Среди невѣдомыхъ гробовъ
Кто есть убогій, кто богатый?
Ал. Толстой.

Мало что вы трудолюбивы! Надъ чѣмъ вы трудитесь? Торо.

I

Исторія какъ бы помолодѣла съ тѣхъ поръ, какъ Россія, поплевавъ на руки, неловко и бочкомъ, точно сырая женщина, привычная къ покою и жаркимъ перинамъ, сѣла на революціонныя дрожки — все рѣзвѣй и расторопнѣй ея бѣгъ, и дробнѣй, и проворнѣй стукъ неутомимыхъ ея башмаковъ. Давно ли, покрикивая на дворянъ, она тянула за волосы безотвѣтныхъ мужиковъ изъ дотошной ямы барщины — и вытянула только на половину, остались на лаптяхъ и портянкахъ комья феодальнаго рабства. Со временъ крѣпкаго Пестеля раскачивали императорскій тронъ дрожащія руки интеллигенціи нашей, и раскачали лишь къ пасмурному утру 26-го февраля 1917 г., а на то, чтобы не пустить подъ россійскій гербъ новую, псевдо-соціалистическую династію, уже не достало силъ. Съ этой поры идетъ по Россіи неумолчный трескъ: ходитъ сиволапый темными чащами, гнетъ, ломаетъ и давитъ, а впереди все лѣсъ да лѣсъ, прямые стволы, колючій можжевельникъ — и не видать опушки.

Деникинъ палъ. Исторія намела уже на его прахъ новые листья, новыя щепы, новый грунтъ, и кажется, что давнымъ-давно, въ далекомъ прошломъ колесилъ усатый ген. Мамонтовъ по большевистскимъ тыламъ, и горсти русскаго офицерства срывали въ Курскѣ красныя тряпки, давно переставшія быть синонимами свободы и говорящія лишь о томъ, что тамъ, гдѣ вѣютъ они, прочно владычатъ произволъ и кровь. Деникинъ взялъ въ свои руки власть изъ рукъ ген. Корнилова, убитаго снарядомъ во время боя подъ Екатеринодаромъ; у него были свѣтлыя надежды, честное стремленіе бросить утопающей Россіи пробковый поясъ, и долго ходилъ онъ на своихъ путяхъ и перепутьяхъ, величаво нося плечи, шевеля генеральскими погонами съ такимъ видомъ, какъ если бы на эти погоны молилась вся иззябшая и изстрадавшаяся Россія.

Военный разгромъ еще не означаетъ разгрома національной идеи, во имя которой былъ созданъ боевой антибольшевистскій фронтъ; но военный разгромъ Деникина, къ печали нашей, больше, нежели простая неудача неискуснаго стратега и воина: онъ означаетъ разгромъ интеллигентской идеологіи, возникшей за спинами добровольческихъ армій. Интеллигенція массами бѣжала въ бѣлую Россію, массами шла на помощь-дѣлу возрожденія и тамъ, подъ вой снарядовъ, подъ крики раненыхъ, въ тѣни махровой спекуляціи, родила эту свою новую вѣру, создала новый свой культъ, выдвинувшій опредѣленный принципъ: все для фронта и все во имя фронта. Передъ угрозой большевизма были сданы всѣ старыя интеллигентскія позиціи: интеллигенція отказалась отъ оппозиціи правительству, отъ инициативы, даже отъ свободы — она милитаризировалась и въ уголъ зрѣнія своего поставила шпагу, къ тому же не вообще какую-либо хорошо отточенную шпагу, но именно шпагу ген. Деникина. Она впервые за всю исторію свою пошла на службу и въ добровольную неволю, ибо было признано безоглядочно, что хорошо лишь то, что дѣлаетъ шпага, и что все, что дѣлаетъ не шпага, преступно и гибельно для дѣла національнаго возсозданія родины. Интеллигенція пришла къ ген. Деникину растерянной, оплеванной, потрясенной, поруганной, неся въ рукахъ разбитыя скрижали и всѣ десять заповѣдей, стертыхъ губкой комиссара Луначарскаго и замусленныхъ окровавленными пальцами комиссара Ленина. Все это хорошо зналъ ген. Деникинъ, и принялъ интеллигенцію на службу, и повелъ ее, учительницу долгой и кромѣшной русской жизни, столь же непринужденно и столь же увѣренно, какъ взводъ солдатъ.

Я долженъ оговориться: я говорю о той интеллигенціи, которая активно работала и помогала послѣднему походу на большевистскую Москву; въ большинствѣ своемъ эта интеллигенція была внѣпартійна — тѣнь и осколокъ старой интеллигенціи нашей, либеральной и передовой, которая худо-ли, хорошо-ли, въ былыя времена вела Россію къ свѣтлымъ днямъ, къ короленковскимъ огнямъ впереди. Соціалистическая ея часть должна была молчать; несочувствующіе жили въ сторонѣ. Изъ партій одна конституціонно-демократическая не только работала для арміи, но и дѣлала погоду въ правительствѣ. Эту ея роль я оставлю въ сторонѣ въ настоящихъ моихъ очеркахъ — она требуетъ спеціальной разработки.

II

Я пріѣхалъ на Донъ въ концѣ іюня 1919 г. какъ разъ въ ту пору, богатую надеждами и упоеніемъ военной побѣдой, когда ген. Шиллингъ подходилъ къ Одессѣ, ген. Май-Маевскій обложилъ Харьковъ и едва не взялъ въ плѣнъ Троцкаго, лично руководившаго обороной красной крѣпости, когда ген. Врангель во главѣ кубанскихъ частей, подъ зноемъ южнаго солнца, въ безводной духотѣ Сальскихъ степей уже бомбардировалъ красный Царицынъ. За моими плечами стоялъ совѣтскій Крымъ, откуда я только что урвался. Я приплылъ изъ Ялты въ Новороссійскъ на рыбачьей парусной фелюгѣ, насъ было человѣкъ десять мореплавателей, и среди нихъ режиссеръ государственныхъ театровъ, В. Мейэрхольдъ, который бѣжалъ не столько отъ большевиковъ, сколько

отъ добровольцевъ, безчинствовавшихъ въ первые дни своего прихода съ той безшабашною и безсмысленною яростью, которая рождается лишь въ мутныя эпохи гражданскихъ войнъ. Я помню случай, когда компанія перепившихся офицеровъ, во главѣ съ полковникомъ царской службы, ворвалась въ помѣщеніе арестованныхъ и тамъ шашками изрубила кинематографическаго актера Джамарова, офицера царской же службы, добровольно явившагося къ деникинскимъ властямъ и разсказавшаго, что, будучи насильственно мобилизованъ большевиками, онъ пробирался на югъ съ тѣмъ, чтобы перекинуться на сторону бѣлыхъ, что и сдѣлалъ. Воистину, и на крымскомъ сапогѣ были свои Дамьены, съ тою лишь разницей, что они даже не покушались на современныхъ Людовиковъ и были вполнѣ преданы имъ.

Мы плыли нѣсколько сутокъ среди нахохлившихся волнъ съ пѣнистыми гребнями, вынесли два шторма, едва не потопившихъ насъ, отъ которыхъ энергіей браваго боцмана и милостью Нептуновой укрылись въ анапскую бухту. Въ Новороссійскѣ я разстался съ Мейерхольдомъ — онъ былъ опасно боленъ и очень подавленъ духомъ. Предчувствіе не обмануло его: тотчасъ же всѣ газеты, питаемыя казной, подняли крикъ о Мейерхольдѣ-большевикѣ; его судили, таскали по тюрьмамъ, допрашивали въ контръ-развѣдкахъ, и такъ провелъ онъ время вплоть до паденія Новороссійска, когда его выпустили, ибо не о томъ уже приходилось думать.

Въ Ростовѣ я нашелъ пріятеля своего, журналиста Н. Н. Штиглица, впослѣдствіи умершаго отъ жесточайшаго воспаленія легкихъ. Человѣкъ правыхъ, хотя и не вполнѣ отстоявшихся или проницательныхъ убѣжденій, вскормленный и вспоенный Бор. Суворинымъ, милый Коля, о которомъ я всегда вспоминаю съ теплой грустью, стоялъ во главѣ суворинскаго «Вечерняго Времени», горѣлъ любовью къ Россіи, которую считалъ уже воскресшей, чувствовалъ себя счастливымъ женихомъ и съ ревностью влюбленнаго въ свое дѣло мастера, засучивъ рукава и ежеминутно поправляя огромныя стекляшки очковъ, писалъ, редактировалъ и верстал свою газету. Тутъ же я встрѣтилъ друзей своихъ по Петербургу. Первое впечатлѣніе, послѣ большевистскаго карающаго кулака, матросовъ изъ гнусныхъ комендатуръ съ воспаленными отъ кокаина глазами, безсудныхъ разстрѣловъ на ялтинскомъ молу, подъ лупоглазой скорбящей луной, подъ куполами дремучей Яйлы, было отрадно и ласково. Всѣ горѣли, все кипѣло, на улицахъ сіяли лица женщинъ, прекрасныхъ и оживленныхъ, весело бѣгали въ сѣрыхъ шинелишкахъ офицеры, газетчики звонкими мѣдными голосами кричали на углахъ все о новыхъ и новыхъ побѣдахъ надъ бѣгущими красными.

— А, да у васъ тутъ жизнь! — говорилъ я. — Ну, а интеллигенція? Работаетъ?

— Зайдите въ Освагъ, въ пропаганду, увидите.

Глядѣли гордо, говорили гордо, и уже свѣтились глаза, какъ-будто Москва, освобожденная отъ скверны Москва была рядомъ, гудѣла густымъ сиропомъ колокольнаго своего звона, блистала золотомъ куполовъ, дымила фабриками, качала хоругвями крестныхъ ходовъ. Единый кличъ соединилъ, склеилъ, спаялъ всѣхъ: «На Москву!», и съ восторгомъ приняли всѣ приказъ ген. Деникина, коимъ генералъ посылалъ свои войска на широкую московскую дорогу.

Я началъ осматриваться.

Интеллигенція распадалась на двѣ явныя, рѣзко подчеркнутыя группы: дѣйствующую и пассивную. Вторая — безразлично, пришлая или коренная, — послушивала, поговаривала, почитывала газеты, похаживала въ театры и поигрывала на скачкахъ. Чтобы имѣть деньги, она либо служила въ банкахъ, въ комиссіонныхъ конторахъ, либо занималась внѣпартійнымъ ремесломъ, говоря, что жизнь учитъ быть подальше отъ всякой власти, дожидалась первыхъ поѣздовъ на Москву и уже откладывала деньги на покупку плацкартъ. Въ эту группу входила, конечно, та безталанная, сѣренькая, безинціативная интеллигенція, изъ кадровъ которой выходили средніе врачи, средніе адвокаты, средніе педагоги и всякая вообще средняя русская середина. Но до революціи и въ первую февральскую революцію эта масса вставала въ оппозицію, записывалась въ партіи, кричала на митингахъ: «позоръ!» или «правильно!» и такъ или иначе, но дула на парусъ государственной общественной фелюги. Нынче она и это нашла излишнимъ дѣлать.

Первая, активная группа въ свою очередь раскалывалась на два ядра: сочувствующую и несочувствующую. Сочувствующая работала на дѣло возрожденія, не покладая рукъ, съ азартомъ скакового жокея, съ вѣрою Серафима Саровскаго и съ упорствомъ офицера, который готовится въ Военную Академію. Вторая гордо молчала или занималась не компрометирующимъ дѣломъ. Такъ, оставалась въ надменномъ одиночествѣ писательница Маріэтта Шагинянъ, писала разсказы про любовь и про чудаковатыхъ нѣмецкихъ профессоровъ и называла походъ Деникина контръ-революціею. Отошелъ отъ политики бывшій министръ временъ Керенскаго Никитинъ, посвятившій себя дѣлу кооперацiи. Въ Харьковѣ группа новожизнепцевъ во главѣ съ Базаровымъ, оставшаяся на югѣ при отступленіи большевиковъ, продолжала выпускать еженедѣльный журнальчикъ «Жизнь», проникнутый тѣмъ духомъ методической и неяркой оппозиціи, въ которой стоялъ Горькій къ большевикамъ въ ту пору, когда уличныя расправы, застѣнки Петерса, рваныя ноздри и кипящая смола ему еще не нравились. Въ «Жизни», хорошо спѣвшись, выводили меньшевистскія рулады Деверданіани-Санъ, Базаровъ и Ст. Вольскій. При большевикахъ они писали, что если коммунисты травятъ меньшевиковъ и не признаютъ народнаго волеизъявленія, то это нехорошо. Было все это наивно, но безвредно, и поэтому большевики ихъ терпѣли. При добровольцахъ господа Базаровы запѣли то же самое, но въ отношеніи къ Деникину. Это тоже было безвредно, но «Вечернее Время» закричало караулъ, генералы обезпокоились и, несмотря на то, что существовала предварительная цензура, рѣшили закопать дерзкій журнальчикъ въ могилу.

И закопали.

Второе крыло первой группы интеллигенціи, интеллигенціи дѣйственной, составляло подавляющее большинство и, какъ я сказывалъ раньше, стояло безоглядочно и твердо на платформѣ добровольческой арміи и всячески поддерживало ее. Къ этой группѣ примкнулъ я самъ съ первыхъ же дней и, если впослѣдствіи отошелъ, то на то были свои вѣсскія причины, которыя выступятъ сами собой передъ внимательнымъ глазомъ моего читателя.

Пришлая интеллигенція прибѣжала на Донъ въ одной сорочкѣ, выпрыгнувъ изъ окна горящаго дома, едва спасшись отъ падающихъ балокъ, ломящихся потолковъ, отъ накаленнаго зѣва пламени; она въ душахъ своихъ принесла либо ожесточенность, либо тугую волю къ безпощадной борьбѣ до конца, либо обиду на народъ, ее не понявшій, либо злую растерянность, которая приходитъ всегда съ ломкою міросозерцанія. Съ такой растерянностью въ душѣ ходитъ пятнадцатилѣтній мальчикъ, выпоспвшій съ дѣтства глупую романтику о свѣтозарной, многосильной райской женской любви, и вдругъ понявшій на шестнадцатомъ году, что все — одна физіологія: голыя колѣни, безстыдный шопотъ и липкое отвращеніе. Въ такой растерянности ходитъ молодой монахъ, почуявшій вдругъ разомъ, что напрасно горятъ свѣчи въ поставцахъ, и напрасно клиръ кличетъ Бога — никакого Бога нѣтъ на свѣтѣ, и нѣтъ на свѣтѣ ничего, кромѣ недолголѣтней жизни и вѣчной смерти.

Въ сущности интеллигенція наша оказалась въ положеніи Полевого, которому нѣкогда Александръ Герценъ, задорный представитель поколѣнія, идущаго на смѣну, сказалъ, что онъ, Полевой, такой-же отсталый консерваторъ, противъ которыхъ всю жизнь сражался. Этотъ приговоръ интеллигенціи былъ подписанъ самою жизнью. Жизнь сказала ей: ступайте прочь, вы, отсталые люди. И вотъ тѣ, кто былъ ослѣпленъ чисто-человѣчески, лично и близоруко, пошли въ деникинскій Освагъ проповѣдывать возвращеніе къ старой сверженной жизни, къ той жизни, когда никто не смѣлъ имъ сказать:

— Подите прочь, вы, отсталые люди!

Лишь немногіе почуяли, что среди крови, въ визгѣ братскихъ скрещенныхъ клинковъ должны родиться новые мессіи и изъ сѣмени, брошеннаго рукою революціи, долженъ вырасти нѣжный и чистый стебель новой жизни. Впереди этихъ немногихъ — я съ вѣрой говорю это — шелъ старый народникъ и старый литературный ветеранъ, писатель Евгеній Чириковъ. Силъ его не хватило, его съѣлъ милитаризованный Освагъ, побѣдила сила, провалившая всю эту плохо слаженную эпопею. Но теперь, когда все отцвѣло и отзвучало, я изъ чужого холода за-границы протягиваю свою руку ему, съ кѣмъ работалъ рука объ руку: онъ не успѣлъ сдѣлать всего, но зато онъ сдѣлалъ многое, безъ чего вся эта заваруха такъ одной заварухой и осталась бы; о которой даже нечего вспомнить.

III

На углу Таганрогскаго пр. и Садовой, гдѣ обычно цѣлый день шумитъ пестрая толпа, ревутъ сирены штабныхъ автомобилей, крутится хамелеономъ то вскипающая, то падающая паника, то вскипающій, то падающій пѣтушиный военный задоръ, въ громадной витринѣ виситъ огромная карта военныхъ дѣйствій, и толстый желтый шнуръ показываетъ капризы и колебанія гражданскаго фронта. Нѣтъ, ни клещи большевистскаго безсудія, ни крушеніе культурной, славно слаженной жизни, ни потери старыхъ уютовъ, стараго покоя, старыхъ навыковъ, милыхъ и хорошо утрамбованныхъ привычкою, не измѣнили и никакъ не отпечатались на психологіи городского населенія, выметеннаго изъ сѣверныхъ городовъ въ города южные. Ориентація на желтый шнуръ была единственной

вѣрной ориентаціей новыхъ и старыхъ ростовцевъ, и ежели онъ лежалъ достаточно высоко, пододвигая къ Москвѣ трехцвѣтные флажки, то чемоданы, дорожные сундуки и толстобокіе глобъ-троттеры укладывались съ тѣмъ, чтобы слѣдовать въ Россію, ежели-же шнуръ спикалъ внизъ, къ морю, то тѣ-же сундуки и тѣ-же глобъ-троттеры укладывались для дальняго и безвѣстнаго путешествія — быть можетъ въ Крымъ, въ холодныхъ, пустыхъ, трясскихъ теплушкахъ, быть можетъ и дальше, на черноморскихъ пароходахъ, туда, гдѣ суетится и блещетъ Парижъ, туда, гдѣ пухнутъ отъ опредѣлившихся національныхъ самолюбій славяне, туда, гдѣ о чемъ-то себѣ думаетъ трудовой и будничный Берлинъ.

Въ сосѣдней витринѣ висятъ аляповатые, какъ полотна ярмарочныхъ паноптикумовъ, безстыдные, какъ русская пошлость, скудоумные и лишенные всякой остроты лубки. Здѣсь Троцкій изображенъ не человѣкомъ и не евреемъ даже, а жидомъ, горбоносымъ жидомъ, съ окровавленными губами, какъ у кладбищенскаго вурдалака, и карающій штыкъ добровольца протыкаетъ его — нѣсколько преждевременно, не правда-ли? Здѣсь изображена совѣтская Россія въ видѣ причудливаго отвратительнаго спрута и просто Россія въ видѣ откормленной молодицы въ кокошникѣ, который ей не къ лицу. Кровавый Троцкій и добровольческій штыкъ. Убѣдительно и показательно. А рядомъ ген. Деникинъ и другіе генералы.

Эти витрины — преддверіе Освага, отдѣла пропаганды при Особомъ Совѣщаніи.

Самъ Освагъ, многолюдный, трудовой, чиновничій, расположился на Садовой 60, въ помѣщеніи гостиницы, занявъ четыре этажа громаднаго зданія, гдѣ можно было-бы съ успѣхомъ оборудовать большой и свѣтлый лазаретъ для раненыхъ. Право, онъ поразилъ меня великолѣпіемъ своимъ и широтой бюрократическаго размаха, когда я впервые въ простой русской рубахѣ, подпоясанной кушакомъ, ибо все, что могъ проѣсть, проѣлъ въ большевистскомъ Крыму, сталъ подыматься по широкимъ ступенямъ, почтительно снявъ шляпу. Солдаты внизу ворочали тяжелые тюки съ литературой, сопя и покряхтывая, и могучія ихъ спины взмокали отъ пота; офицеры, одѣтые въ щеголеватые френчи, присланные тогда еще расточительнымъ Ллойдъ-Джоржемъ, ласково звенѣли шпорами, порхая изъ этажа въ этажъ, ибо это занятіе имъ нравилось больше, нежели схватки съ коммунистическими батальонами на поляхъ порабощеннаго отечества. Оглушительный трескъ машинокъ наполнялъ размашистые корридоры. Мнѣ была нужда до проф. Э. Гримма, помощника управляющаго Отдѣломъ Пропаганды.

Я спросилъ о немъ у адъютанта, стоявшаго съ папиросой въ углу тонкаго усмѣшливаго рта и сердито оглядывавшаго посѣтителей. Я замѣтилъ, что мой кушакъ и мои стоптанные сапоги ему не понравились. Цѣдя слова сквозь зубы, онъ переспросилъ меня тягучимъ голосомъ:

— Вамъ профессора?

— Да, я хочу видѣть Эрвинъ Давидовича.

— Обратитесь къ дежурному офицеру.

Я обратился. Дежурный офицеръ сидѣлъ за перегородкой у столика и отмахивался отъ вопрошавшихъ его посѣтителей съ небрежной досадой.

— Зачѣмъ вы хотите видѣть Гримма? — сказалъ онъ мнѣ.

— Разрѣшите мнѣ, господинъ капитанъ, доложить объ этомъ тому, кого я хотѣлъ бы видѣть.

Офицеръ далъ мнѣ бланкъ для заполненія. Здѣсь были отпечатаны готовые вопросы, выпытывающіе, какъ мое имя и какъ имя моего батюшки, гдѣ я былъ до сего времени, чѣмъ занимался и чѣмъ занимаюсь теперь, на какой предметъ желаю видѣть профессора и кто мнѣ знакомъ изъ видныхъ лицъ. Я написалъ первое, что мнѣ пришло въ голову.

— Теперь подождите, — сказалъ мнѣ офицеръ, крикнулъ мальчика, далъ ему мою рапортичку, и тотъ исчезъ за дверью профессора Гримма. Чувствуя себя преступникомъ, агентомъ Москвы, человѣкомъ съ бомбой въ карманѣ, я сталъ дожидаться. Входили и выходили люди, бѣгали барышни съ кипами несчетныхъ дѣлъ, лукаво поглядывая на меня и кокетничая глазами, походкой, бедрами; вздыхали дожидающіеся, а время шло, а Освагъ работалъ, а проф. Гриммъ не принималъ. Такъ онъ и не принялъ меня до окончанія присутствія, и такъ я, несмотря на то, что былъ приглашенъ работать, не видался съ нимъ вплоть до того времени, когда мы всѣ, по колѣно въ грязи, въ декабрьской ростепели, подъ насмѣшки и улюлюканіе кубанскихъ частей, бросившихъ фронты, пѣшкомъ отступали къ Батайску.

Освагъ былъ построенъ схематически слѣдующимъ образомъ. Вершина — проф. Соколовъ; его помощники — полк. Энгельгартъ, нѣкогда красный комендантъ Петербурга, и проф. Гриммъ. Дальше шли части: информаціонная, коей завѣдывалъ энергичный и очень дѣльный прив.-доц. Ленскій, литературная, коей завѣдывалъ полковникъ Житковъ и бывшій въ подчиненіи у него Е. Н. Чириковъ, художественная, возглавляемая бар. Раушъ, агитаціонная и канцелярская. Всѣ эти части дробились на болѣе мелкія ячейки, причемъ въ основу полагался принципъ: чѣмъ больше людей, тѣмъ успѣшнѣй работа. Нѣкоторые подотдѣлы придумывались тѣми людьми, которые хотѣли быть зачисленными въ пропаганду. Изъ журналистовъ въ Освагѣ работалъ одинъ Сергѣй Чазовъ, но и тотъ почему-то въ телеграфномъ Прессъ-Бюро, изъ писателей Е. Чириковъ, Вл. Эльснеръ, впослѣдствіи П. Ломакинъ, П. Сургучевъ, Е. Вѣнскій. Остальные были люди чернилъ, люди исходящей и входящей, и обильный, такъ называемый, уклоненческій элементъ.

Трудно, невозможно сказать, на что уходила колоссальная рабочая энергія этого исполинскаго механизма, куда дѣвались присутственные часы, утренніе и вечерніе, для чего и кому на пользу съ лихостью царскихъ бюрократическихъ министерствъ исписывались стопы ни въ чемъ не повинной бумаги и выплачивалось огромное содержаніе штатнымъ и сверхштатнымъ особамъ различныхъ классовъ, разсыльнымъ, агитаторамъ безъ образованія и темперамента, писателямъ дотолѣ не писавшимъ, художникамъ дотолѣ не рисовавшимъ, газетчикамъ дотолѣ думавшимъ, что типографская краска пахнетъ сиренью. Тѣ, кто работалъ и могъ работать, три четверти своей энергіи употребляли на борьбу съ этими тупыми щупальцами казенщины, чиновничьяго самодовольства, невѣжества и узости, которыми Освагъ душилъ творческую мысль и всякую творческую инициативу.

Чириковъ былъ въ подчиненіи у полк. Житкова, который сочинялъ вѣрноподданническія брошюры о генералахъ, засѣдалъ въ театральной

секціи и какъ сказывастъ стоустая молва, однажды увѣреннымъ крѣпкимъ росчеркомъ написалъ на обложкѣ «Ревизора»: «Ознакомившись съ комедіей Н. В. Гоголя, нахожу ее къ постановкѣ въ пропагандныхъ театрахъ недопустимой.» Если это анекдотъ, то это смѣло могло и не быть анекдотомъ. Я часто заходилъ къ Е. Н. Онъ всегда хлопоталъ. Онъ писалъ воззванія, брошюры, налаживалъ народную газету — но брошюры его цензуровались полковниками, зачастую признавались вольнодумными и далеко не всегда попадали на печатный станокъ. Конечно, онъ былъ не ко двору, но работалъ, потому что считалъ себя не въ правѣ не работать.

Какъ-то я надумалъ выпускать еженедѣльную газету, не скованную кандалами «осважизма», и Е. Н. одобрилъ мою мысль. Чтобы достать бумагу по нормированной цѣнѣ, нужно было подать рапортъ на имя прив.-доц. Ленскаго и собрать нѣсколько подписей, которыя ручались бы за то, что я не большевикъ; на рапортѣ моемъ, состряпанномъ со скрежетомъ зубовнымъ, ибо въ формѣ я никогда не былъ искусенъ, подписались Чириковъ, Эльснеръ и еще кое-кто изъ литературной семьи. Бумаги мнѣ не дали. Позже я узналъ, что сильные міра сего отозвались обо мнѣ: «Э, это горѣловская публика, нечего имъ бумагу давать.» Ларчикъ былъ незатѣйливъ, ларчикъ открывался не хитро: я состоялъ членомъ редакціи создаваемой въ Ростовѣ М. М. Горѣловымъ, редакторомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» и «Русской Воли», независимой либеральной газеты.

Освагъ имѣлъ несчетное количество газетъ во всѣхъ уголкахъ освобожденной отъ большевиковъ территоріи, въ губернскихъ городахъ, въ тихихъ медвѣжьихъ городишкахъ, задавленныхъ сплиномъ, неповоротливой и тяжеловѣсной уѣздной сплетней и тупымъ равнодушіемъ ко всему бѣлому и всему красному, на черноморскомъ побережьи и на Кавказѣ. Во главѣ этихъ газетъ, гдѣ ихъ хватало, стояли журналисты, гдѣ-же не хватало журналистовъ, тамъ стояли люди тѣхъ профессій, которыя не учатъ ослушанію декретовъ, исходящихъ изъ центра. Газеты велись въ томъ направленіи, которое можно обозначить словами: ура, во что-бы то ни стало и при какихъ-бы то ни было обстоятельствахъ. Во всѣ эти газеты разсылались статьи и телеграммы изъ центральнаго Прессъ-Бюро, печатаемыя въ числѣ, соотвѣтствующемъ количеству газетъ. Первое время, время побѣдоноснаго наступленія добровольческихъ армій, можно было писать о томъ, что волнуетъ, что тревожитъ, о томъ, что подсказываетъ вамъ ваша писательская совѣсть. Но когда Троцкій собралъ крѣпкій коммунистическій кулакъ и Буденый, переброшенный съ Волги, прорвалъ фронтъ у Купянска, прив.-доц. Ленскій правильно почувствовалъ, что ура, пожалуй, спадетъ на нѣсколько тоновъ ниже, и потому ввелъ систему заказныхъ статей. Я не хочу быть одностороннимъ, и потому долженъ сказать, что темы, вырабатываемыя на совѣщаніяхъ прив. доц. Ленскаго, поручались для разработки тѣмъ, кто ихъ хотѣлъ разрабатывать, чаще всего тѣмъ, кто ихъ предлагалъ, и такимъ образомъ на этихъ совѣщаніяхъ, къ счастью, не пахло дурнымъ запахомъ подваловъ «Земщины», «Русскаго Знамени» и другихъ историческихъ газетъ изъ числа послушныхъ.

Конечно, эта мѣра не привела ни къ чему и населеніе не вѣрило уже осважному ура, громыхавшему въ тѣ дни, когда обывателю хотѣлось кричать караулъ. Авторитетъ Освага далъ глубокій и безнадежный кренъ, обыватель увидѣлъ, что король ходитъ нагишомъ и тѣло его

безобразно, а въ войскахъ объ Осваг'Ѣ говорили не иначе, какъ приплетая его имя къ имени матушки. Поняла это и власть, и началась безпощадная чистка. Но печальная роль была сыграна, и сыграна съ такимъ трескомъ, который не забывается. Бюрократизмъ побѣдилъ: интеллигенція капитулировала.

Что-же всетаки было создано громоздкимъ и многолюднымъ Осваго мъ? Я говорю съ чистымъ сердцемъ и съ чистою душой: ничего, кромѣ вреда. Осважные плакаты казались жалкими рядомъ съ великолѣпными плакатами большевиковъ, а вѣдь въ художественной части работали такія имена, какъ И. Билибинъ и Е. Лансере. Изъ груды брошюръ, писаныхъ нарочито псевдо-народнымъ, т. е. бездарнымъ и напыщеннымъ языкомъ, можно выдѣлить лишь десятокъ брошюръ Е. Чирикова, И. Наживина, И. Сургучева и кн. Е. Трубецкого. Вотъ этотъ-то десятокъ брошюръ, написанныхъ ярко, кровью души, эта горсточка нетенденціозной, искренней, правдивой агитаціи, агитаціи сердца, и есть одно и единственное свѣтлое пятно на фонѣ синихъ обложекъ «дѣлъ за такими-то номерами», кипъ рапортовъ и отчетовъ, сѣрой газетной тарабарщины, вялой и ненужной, годной лишь для того, чтобы базарныя торговки, переругиваясь съ покупателемъ, завертывали въ нихъ молодую картошку. Агитація хороша, когда она дерзка и напориста, она хороша, когда кажетъ юркую свою рожу изъ-за плечъ оратора противника; нужно, чтобы за агитаторомъ гонялись враги подобно тому, какъ Лафайетъ гонялся за Жанъ-Поль Маратомъ подъ сводами заштатныхъ францисканскихъ монастырей. У большевиковъ за бронепоѣздомъ идетъ агіопоѣздъ; у Деникина агіопоѣздъ трухтѣлъ, жалобно и трусливо позванивая скрѣпами цѣпей, вслѣдъ за пассажирскимъ.

Военная бюрократія побѣдила, чтобы безславно пасть черезъ недѣлю на тифозныхъ улочкахъ Новороссійска, подъ вой ледяного нордъ-оста и проклятія замученныхъ офицеровъ. Военная бюрократія топила и потопила всякій патріотическій пылъ, всякое озареніе духа, которое освѣщало хотя-бы на мигъ тусклые и скучные коридоры ея бездушныхъ канцелярій. Она писателя Чирикова заставляла становиться въ строй, ибо винтовка въ его старческихъ рукахъ казалась внушительнѣе, нежели испытанное перо, котораго она боялась. Она таскала по допросамъ писателя И. Ломакина за то, что тотъ, изнывая подъ игомъ краснаго Царицына и чтобы спасти отца, заподозрѣннаго въ буржуйствѣ, написалъ двѣ-три хроникерскихъ замѣтки въ какомъ-то уномъ совдепскомъ листкѣ; журналиста Г. Алексѣева она гнала приблизительно за то же.

Интеллигенція, пришедшая къ желтымъ пескамъ Дона, къ ковылю неохватныхъ донскихъ степей, несла истинный патріотическій подъемъ, тотъ подъемъ, котораго не хватило въ дѣтскіе мѣсяцы нашей революціи, подобно тому, какъ не хватило его ни въ Германіи, ни раньше, въ прошломъ, во Франціи. Кажется, это Іосифъ Маццини, человѣкъ, который слышалъ крики: «Evviva l'Italia! evviva Mazzini!» сказалъ однажды: «Я видѣлъ французскихъ рабочихъ, остававшихся равнодушными зрителями 2 декабря, потому что всѣ вопросы сводились для нихъ къ вопросу о матеріальномъ благоденствіи. Теперь они жалуются, что потеряли свободу, не завоевавъ благоденствія.» Нашу интеллигентскую няньку ген. Деникинъ замѣнилъ муштрованнымъ деньщикомъ, а въ сердцѣ этой няньки

свѣтло и чисто горѣло и юношески-свѣтлое воодушевленіе, и великій духовный идеальный подъемъ.

Почуявъ свое пораженіе, интеллигенція стала искать иныхъ путей, иной работы для націи внѣ того правительства, которое съ грубыми ошибками тянулось къ раскрѣпощенію націи; первымъ ушелъ изъ пропаганды Чириковъ; появились кружки, въ которыхъ интеллигенція собирала разбитыя силы. Но было уже поздно, Россія вновь трещала по швамъ, и уже слышенъ былъ издалеча гулъ и посвистъ красныхъ печенѣговъ, лавиной шедшихъ на ослабѣвшій югъ.

IV

Исторія интеллигенціи всѣхъ странъ имѣетъ одну черту, проходящую изъ столѣтія въ столѣтіе съ потрясающей спорадичностью — я говорю о страсти къ кружковщинѣ. Воспитанная ли на гегеліанствѣ, какъ то было у насъ въ свѣжіе и молодые сороковые годы, вскормленная ли угрюмой поэзіей Жанъ Жака, какъ французы Демуленъ и С. Жюстъ, вспоенная ли сен-симонизмомъ, переброшвшимся отъ береговъ Сены, сдобреннымъ, какъ сдобная булка изюмомъ, отечественными куплетами, вродѣ:

Русскій императоръ
Въ вѣчность отошелъ,
Ему операторъ
Брюхо распоролъ,

интеллигенція со страстью сжималась въ тѣсные кружки, сначала для того, чтобы пробить себѣ въ гранитѣ современной жизни просторные тунели къ знанію, потомъ для того, чтобы укрыться отъ омерзительнаго молота реакціи, въ послѣдніе годы для того, чтобы въ кружкѣ, «у себя», разобраться въ томъ хаосѣ скрещенныхъ, сплетенныхъ и перепутанныхъ противорѣчій, которыя безъ устали выдвигала жизнь. Теперь, когда я вспоминаю о ростовскомъ кружкѣ, группировавшемся вокругъ Е. Ф. Никитиной, русской феминистки и поэтессы, я вижу ясно, что вовсе не литература была тамъ своего рода спидетикономъ, склеивающимъ насъ въ тяжелыя минуты, но эта исконная тяга интеллигента къ интеллигенту, которые устали и измучились.

Мы собирались по субботамъ и неизмѣнно все въ одномъ и томъ же составѣ: Е. Н. Чириковъ, всегда бодрый, шутливый и ласковый, проф. Ладыжниковъ, Борисъ Лазаревскій, Любовь Столица, худ. П. Билибинъ, Е. Лансере, Игнатій Ломакинъ, или графъ Ломакинъ, прозванный такъ за внушительную свою внѣшность, зычный голосъ и свѣтскую изысканность за столомъ, я, худ. Голубевъ-Багрянородный, Е. Ф. Никитина и супругъ ея, министръ временъ Керенскаго, о которомъ я уже упоминалъ. Постоянно бывали дочь Чирикова, молодая художница Людмила Евгеньевна, и жена его, актриса Іолшина. Это было ядро. Остальные приходили, какъ гости: художники, литераторы и актеры, забредавшіе въ Ростовъ, а изрѣдка, какъ лакомое блюдо, заѣзжавшіе изъ Европы политическіе дѣятели.

Программа нашихъ субботниковъ варьировалась рѣдко: кто нибудь читалъ, потомъ спорили о прочитанномъ, художники зарисовывали читавшихъ, потомъ переходили въ столовую, и здѣсь, за ужиномъ, за

пирогами и печеньями, на которые Е. Ф. была великая мастерица, открывалась трагедія, мучившая каждаго изъ насъ, и разстегивались наши мысли, безбоязненно и нестѣсненно. Чириковъ дѣлался серьезнымъ; онъ никогда не говорилъ о томъ, что дѣло безнадежно, что работники идеи не дотянули своей идеи, но въ его мѣткихъ, короткихъ рѣчахъ, произносимыхъ съ характернымъ волжскимъ говоркомъ, сама собой обнажалась печальная правда.

Онъ разсказывалъ:

— Вотъ изволите ли видѣть. Изъ Освага посылаемъ литературу въ Анапу, запаковываемъ тяжелые тюки. Литература приходитъ въ Анапу, мѣстный отдѣлъ вскрываетъ посылку и находитъ — большевистскія брошюры. Такъ нельзя.

Лазаревскій въ своей неизмѣнной черной куркѣ, съ насупленнымъ лицомъ и добрыми-добрыми глазами, которые такъ и не хотѣли быть сердитыми, безпокойно вышагивалъ изъ угла въ уголъ, то надѣвая, то снимая пенснэ, и вдругъ, подойдя ко мнѣ, хлопалъ меня по плечу:

— Поговоримъ, старикъ!

Это значило, что мы пойдемъ съ нимъ въ уголокъ гостиной, сядемъ на диванчикѣ и будемъ толковать о томъ, что литература забыта, загнана въ тушкѣ и тяжело, тяжело жить беллетристу въ наше кромѣшное время. Онъ любилъ меня. Наша дружба была давняя, петербургская, мы встрѣтились съ нимъ впервые въ крошечной редакціонной комнатушкѣ «Вѣстника Европы» на Моховой, у Овсянико-Куликовскаго, и, неисправимый фаталистъ, Бор. А. видѣлъ въ этомъ нѣчто заумное — вотъ встрѣтились два писателя, зрѣлый и только что начинающій, подъ испытаннымъ благословленіемъ любимаго академика, и дружба ихъ стала неразрывна, интимна и крѣпка.

Въ кружкѣ велся журналъ, «Ежевозможникъ Пенептиконъ», гдѣ художники набрасывали карикатуры, концовки, зарисовки, а писатели писали все, что имъ вздумается. О каждомъ собраніи велись протоколы. Возникла мысль открыть свое книгоиздательство, и пошла возня въ Осваг'ѣ съ просьбой отпустить бумагу. Думали выпустить литературный альманахъ, книги отдѣльныхъ авторовъ, сказочки для дѣтей. Всему этому не суждено было сбыться: удалось только выпустить книжку со сказками Е. Чирикова, Л. Столицы, моей, Б. Лазаревскаго и Е. Никитиной, и книжку стиховъ Е. Ф. Никитиной, но эти книги появились въ канунъ занятія большевиками Ростова, и я не сомнѣваюсь, что за очевидной буржуазностью своей были изъяты съ книжныхъ витринъ.

Мнѣ памятна послѣдняя наша суббота, когда уже палъ Харьковъ, Купянскъ, Сумы, и бѣженцы, появившіеся на улицахъ, внесли растерянность и панику, когда болѣе предусмотрительные, съ тѣмъ чутьемъ близкой крови, которое выработалось у населенія за гражданскую войну, погружали свои чемоданы въ теплушки, когда всякому внимательному глазу былъ уже виденъ развалъ арміи и неудержимый развалъ тыла. Многіе бодрились, но настроеніе было паническое. Въ этотъ вечеръ Никитинъ читалъ свои воспоминанія объ осадѣ Зимняго Дворца. Я сидѣлъ возлѣ стола и смотрѣлъ на широкое, умное лицо бывшаго министра; его ровный спокойный голосъ казался жуткимъ: онъ пережилъ дворцовую осаду, но осады города Ростова ему не удалось пережить — вмѣстѣ съ кооператив-

ными дѣятелями, Никитинъ, не успѣвшій бѣжать изъ города, былъ разстрѣлянъ большевиками.

Его чтеніе на всѣхъ навѣяло грусть. Уже занесена была красная длань надъ многими изъ насъ, снова впереди была мглистая темь, безъ маячныхъ огней, безъ зарницъ предразсвѣтныхъ, и почти погасла, треща, какъ робкая лучина, послѣдняя надежда. Шутили. Записывали другъ у друга адреса, потому что уже многіе намѣчали себѣ путь: кто въ Крымъ, кто въ Сербію, кто къ чехамъ. И позже, въ сырости декабрьской оттепели, шли молча по вымершимъ улицамъ Ростова, пришибленнымъ крадущейся опасностью, считающимъ свои послѣднія свободныя ночи. Фонари горѣли жалко, съ тоскливымъ дреньканьемъ стеколъ, гдѣ-то у Таганрогскаго дрянно ругался пьяный офицеръ и медленно, унылой скисшей походкой, бродили уличныя женщины съ жалконькими цвѣтками на вымокшихъ шляпкахъ.

— Мужчина, — сказала мнѣ одна, — что не веселъ?

Кажется, въ ея голосѣ была насмѣшка. Я постоялъ, поглядѣлъ на небо: хлопья талаго снѣга валились сплошной стѣною, слѣпя глаза.

V

Часть интеллигенціи, чуравшейся союза съ правительствомъ, не видѣвшая въ предпріятіи Деникина ничего, кромѣ мертворожденной попытки воскресить гніющіе останки монархіи, ничего, кромѣ вообще мертворожденнаго дѣла, все же не считала себя въ правѣ оставаться внѣ событій. Пути къ иной работѣ, неоффиціальной, были въ сущности закрыты, особенно съ момента объявленія военной диктатуры и милитаризаціи всѣхъ, даже самыхъ штатскихъ отраслей управленія. Оставалось одно — печатное слово, которое и расцвѣло пышнымъ цвѣтомъ, несмотря на цензуру и на невѣроятныя цѣны на бумагу и типографскій трудъ. Въ Ростовѣ выходило восемь утреннихъ газетъ: «Пріазовскій Край», «Донская Рѣчь», «Свободная Рѣчь» (кадетскій офиціозъ), шульгинская «Свободная Россія», осважная «Жизнь», «Народная газета» — голосъ донского Освага, «Заря Россіи», основанный Пѣшехоновымъ и Мякотинымъ «Парусъ» и одна вечерняя, суворинское «Вечернее Время». Я не считаю газетъ, періодически возникавшихъ и самовольно или подъ давленіемъ лопавшихся, погромнаго органа «Въ Москву!», листка Пуришкевича «Благовѣстъ» и понедѣльничныхъ газетъ.

Кромѣ того, выходили журналы: «Донская Волна», бездарно ведущійся осважный «Орфей», потерявшій кредитъ у своего начальства послѣ перваго-же номера, «Лукоморье», «Пути Россіи» и всякія осважныя и полуосважныя пародіи на журналы. Печатное поле было широко и просторно.

Изо всего этого перечня только «Пріазовскій Край», «Донскую волну», «Парусъ» и «Вечернее Время» можно назвать органами независимыми, и только «Парусъ» органомъ оппозиціоннымъ. Для меня вообще остается тайной, какъ могла существовать такая газета, какъ «Парусъ», гдѣ ярко, какъ всегда, писалъ Александръ Яблоновскій. Предполагавшаяся къ выходу газета М. М. Горѣлова «Возрожденіе» такъ и не смогла улучить момента, когда ослабѣетъ цензурный гнетъ. Поблажка давалась только

правымъ кругамъ, но справедливость требуетъ замѣтить, что правительство закрыло и такую газету, какъ «Въ Москву!», писавшую въ своемъ подзаголовкѣ: «возьми хворостину, гони жида въ Палестину», и пользовавшуюся громадной, воистину чудовищной популярностью. Правда, стимуломъ запрещенія явилось опасеніе еврейскаго погрома, который уже закипалъ на рынкахъ, на сумятливыхъ ростовскихъ толкучкахъ. Газету закрылъ ростовскій градоначальникъ Бѣляевъ, черезъ три дня послѣ этого удаленный со службы за какія-то недоразумѣнія.

Общій тонъ газетъ ориентировался на расположеніе духа господина Освага, господинъ же Освагъ всегда былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Старѣйшая ростовская газета «Пріазовскій Край» по просту потеряла лицо, несмотря на участіе столичныхъ журналистовъ и хорошо поставленную информацію. «Жизнь» была основана Ю. М. Семеновымъ, молодымъ человѣкомъ изъ московскаго университета, и велась съ тѣмъ безобиднымъ дилетантизмомъ, который принято называть наивнымъ, дабы не сказать чего-нибудь другого. Эта газета пачками отправлялась на фронтъ. Фронтъ вообще былъ свалочнымъ мѣстомъ. Туда же отправлялось и «Вечернее Время». Но это была яркая и по своему талантливая газетка, живая и задорная. Въ ней много писалъ Б. Суворинъ; зайдя въ эту редакцію, напоминавшую кулисы дрянного захолустнаго театрика, вы всегда могли видѣть могучую фигуру ея редактора, сосущаго папиросу и пьющаго пиво съ храбростью отчаянія.

«Рѣчь» была офиціозомъ кадетовъ и, само собою, офиціозомъ большинства изъ Особаго Совѣщанія. Тамъ писались дѣльныя передовыя и намѣчались дѣльныя программы. «Великая Россія» вела свою линію, сначала усиліями Н. Чебышева и В. Левитскаго, потомъ усиліями П. Б. Струве. Возникшая наканунѣ катастрофы «Донская Рѣчь» старалась походить на серьезную передовую газету. Но газетѣ этой недоставало перцу, той изюминки, которая отмѣчаетъ живую и взволнованную мысль — эта изюминка была въ «Парусѣ», несмотря на какой-то недодѣланный, сырой внѣшній видъ. Въ «Зарѣ Россіи» В. М. Ренниковъ отдавалъ предпочтеніе частушкамъ на темы о слабости и немощи большевистской, тихенькимъ фронтовымъ разсказикамъ и такимъ статьямъ, содержанія которыхъ не понять — такъ выходило и таинственнѣй, и безопаснѣй въ отношеніи цензурномъ.

Таково лицо ростовскихъ газетъ. Оно оставалось неизмѣннымъ съ побѣдоноснаго наступленія и до безпорядочнаго отступленія, при раскатахъ близкой канонады не дрогнулъ на немъ ни одинъ мускулъ, не сморгнулъ глазъ, не покривились губы. Газеты честно служили своимъ господамъ. Публицистовъ на Дону было мало, и я смѣло могу утверждать, что писала въ газетахъ интеллигенція en masse: адвокаты и врачи, студенты и офицеры, дамы скучающія и нескучающія, недоучившіеся юноши, слишкомъ много учившіеся старцы, бездѣльники, зѣваки и дѣльные, умные, порядочные люди. Таковъ былъ гипнозъ этого времени, такова была идеологія донской интеллигенціи. Многіе писали въ разныхъ газетахъ одновременно — Ив. Наживинъ, напримѣръ, въ прошломъ толстовецъ, въ настоящемъ ярый милитаристъ съ сильнымъ уклономъ вправо. Общее поправѣніе отмѣтило эту эпоху нашей революціи — иначе, конечно, не могло быть и было такъ.

Но грянулъ часъ — и ни пушинки не осталось отъ новой молодой Россіи, такъ чудесно и свято поднявшей трехцвѣтный патріотическій флагъ. Все, что могло бѣжать, кинулось къ Черному морю, въ давкѣ, среди стоновъ умирающихъ отъ тифа, среди крика раненыхъ, оставшихся въ городѣ для того, чтобы получить ударъ штыка озвѣрѣлаго красноармейца. Ахъ, есть минуты, которыхъ не проститъ самое любящее сердце, которыхъ не благословитъ самая кроткая рука! Поля лежали сырыя и холодныя, сумрачныя, почуя близкую кровь — и шла лавина бѣгущихъ, упорная, озлобленная, стенающая, навстрѣчу новой оскаленной безвѣстности, навстрѣчу новымъ судьбамъ, скрывшимъ въ темнотѣ грядущаго свое таинственное лицо. И мелкимъ шагомъ шла на новыя мѣста интеллигенція, неся на плечахъ гробишко своей идеологіи, переломленной пополамъ вмѣстѣ со шпагой генерала Деникина. Распались дружескія путы, связавшія ее въ моменты общаго стремленія къ Бѣлокаменной — и вотъ пошли бродить по блестящей, опьяненной побѣдою Европѣ толпы Вѣчныхъ Жидовъ, озлобленныхъ другъ на друга, разноязыкихъ, многодушныхъ, растерянныхъ, многое похоронившихъ назади, ничего не унесшихъ съ собой кромѣ тоски по Россіи, безславной и горючей.

Берлинъ, 1920 г.

Александръ Дроздовъ

Кіевская эпопея

(ноябрь—декабрь 1918 г.)

Въ дорогѣ

Былъ октябрь 1918 года . . . Нашъ поѣздъ переѣхалъ границу Вселикаго Войска Донского и тихо потащился полями Украины. Мелькаютъ въ окнахъ вагона бѣлыя хаты съ облетѣвшими садами, убранныя поля съ торчащимъ рыжимъ жнивьемъ, надъ которымъ носятся стаи птицъ . . . Ѣдемъ медленно, останавливаясь подолгу на станціяхъ и полустанкахъ. На каждомъ вокзалѣ — нѣмецкій караулъ. Словно замерли на часахъ подтянутые, чистенькіе нѣмцы. А невдалекѣ отъ нихъ можно увидѣть кучки сѣрыхъ, рваныхъ людей, злобно смотрящихъ на незванныхъ иноземцевъ . . .

На какомъ то разъѣздѣ поѣздъ стоитъ цѣлый часъ — у слѣдующей станціи произошло крушеніе . . .

— «Пассажирскій разбился . . . рельсы разобрали . . .» разсказываетъ желѣзнодорожникъ. — «Да, кто же это?» волнуется дама изъ второго класса. — «Кто? — Развѣ мало здѣсь . . .» тянетъ желѣзнодорожникъ, «цѣлые отряды теперь ходятъ, съ оружіемъ . . . Хлѣбъ убрали и пошли...»

— «Такъ ихъ половить всѣхъ!» горячится дама. — «Нѣмцевъ послали туда . . . Да развѣ — всѣхъ переловишь», флегматично отвѣчаетъ желѣзнодорожникъ.

Поѣздъ рванулся, зашщали вагоны. Тихо тронулись . . . Черезъ нѣсколько верстъ замедляемъ ходъ и еле-еле продвигаемся. Рядомъ съ линіей лежитъ, какъ мертвый титанъ — разбитый пассажирскій поѣздъ кругомъ разставлены пулеметы, ходятъ нѣмецкіе солдаты . . .

«Что никого не поймали?» спрашиваетъ будочника пассажиръ изъ окна.

«Никого . . . Была перестрѣлка . . . Никого . . .», отвѣчаетъ равнодушно будочникъ.

Поѣздъ ускоряетъ, пошелъ полнымъ ходомъ.

Люди въ вагонахъ мало разговариваютъ. Какъ будто всѣ чѣмъ то недовольны, чего то ждутъ . . . Держу въ рукахъ газету — читаю о возстаніи крестьянъ и войнѣ ихъ съ нѣмцами.

Уже полдень. Мы подъѣзжаемъ къ Кіеву . . . Зашумѣлъ поѣздъ по желѣзнодорожному мосту и передъ нами, за синимъ, серебрящимся Днѣпромъ, на покатыхъ горахъ, съ золотыми куполами, красными горящими на закатѣ крестами — столица Украины.

Я нѣсколько дней живу въ Кіевѣ. Хожу по улицамъ—наблюдаю жизнь. И тяжело и непріятно становится отъ этихъ наблюденій . . . Кіевъ — переполненъ. Особенно много бѣженцевъ изъ Совдепіи. Шумящія улицы пестрятъ шикарными туалетами дамъ . . . Элегантные мужчины, военные мундиры . . . Биткомъ набитые кафѣ . . . переполненные театры, музыка, гулъ, шумъ . . . проститутки, спекулянты . . . Но въ этомъ чаду ощущается какая-то торопливость, предчувствіе неминуемаго конца. Какъ будто веселящіеся люди чувствуютъ за собой погоню и спѣшатъ провести «хоть часъ» . . . На фонѣ кутящей, пьющей, одуряющейся толпы мелькаютъ сѣрые мундиры чопорныхъ нѣмецкихъ офицеровъ и каменныхъ солдатъ, — это тѣ — кому обязана толпа своимъ весельемъ.

Увѣренность въ близкой опасности раздѣляется всѣми . . . Ее реально видятъ, понимаютъ и сегодняшніе правители Украины, но у нихъ нѣтъ «своей» силы, на которую можно было бы опереться. А — чужая — нѣмецкая, послѣ революціи, съ каждымъ днемъ становится ненадежнѣе.

И вотъ въ поискахъ «силы» Гетманъ издалъ приказъ о мобилизаціи офицеровъ.

Я иду къ воинскому начальнику . . . Дворъ и улицы около зданія запружены бывшими офицерами. Въ военныхъ шинеляхъ, безъ погонъ, безъ кокардъ. Усталыя лица. Большинство молчатъ. Только нѣкоторые что то горячо разсказываютъ. Ихъ обступили кучками . . . — «Да вы бы разспросили хорошенько», возражаетъ кто то разсказчику . . . — «Разспросили — онъ не желаетъ по русски говорить, . . . разспросите его . . .» — «Господа, а не читали въ сегодняшней газетѣ: — можно въ русскія дружины поступать, по охранѣ города», говоритъ кто то изъ кучи, показывая газету . . .

Вѣрно: — дружина ген. Кирпичева — по охранѣ города . . . Совсѣмъ хорошо. Избавляешься отъ службы въ войскахъ Гетмана и охрана города дѣйствительно имѣетъ смыслъ и необходима.

Иду на Прорѣзную улицу — въ штабъ дружины . . . Небольшія комнаты полны пришедшими офицерами. Здѣсь волненіе, шумъ . . . Всѣ хотятъ узнать объ условіяхъ службы, освобождаетъ ли она отъ украинскихъ войскъ и т. п. — Красивый, худой брюнетъ — полковникъ Ротъ предупредительно вѣжливо отвѣчаетъ на разспросы . . . «господа, служба только по охранѣ города . . . жалованье 500 карбованцевъ въ мѣсяцъ . . . будетъ общежитье . . . довольствіе . . . суточныя . . . поступленіе въ дружину освобождаетъ отъ общей мобилизаціи . . . Но при поступленіи вы должны представить рекомендаціи 2-хъ лицъ, — общественныхъ дѣятелей или военныхъ» . . . Офицеры довольны. Вѣдь всѣ изъ нихъ уже поголодали, узнали — безработицу. А тутъ хорошія условія и «охрана города» — необходимая при всякомъ правительствѣ . . .

На утро, доставъ солидныя рекомендаціи, я записываюсь въ дружину у звенящаго шпорами, картавящаго гвардейца-адъютанта. И, по своему раіону, получаю назначеніе во 2-й отдѣлъ дружины, на Бульварно-Кудрявскую улицу — домъ Вагнера.

Черезъ день являюсь на мѣсто службы. Начальникъ отдѣла, гв. полковникъ Крейтонъ разбиваетъ собравшихся человѣкъ 60 офицеровъ

на четыре подотдѣла. Я попадаю во 2-й, начальникомъ котораго — гв. полковникъ Сперанскій.

Но пока что весь отдѣлъ, вмѣстѣ, несетъ службу въ домѣ Вагнера . . . Домъ — особнякъ реквизированъ для военныхъ цѣлей. Раньше здѣсь помѣщалось какое то ученое о-во, но теперь ему отвели одну маленькую комнату, а въ остальныхъ расположилась «охрана города». Настелили соломы, принесли винтовки, патроны, пулеметы, защелкали затворами, затопали сапогами . . . Напрасно членъ ученаго о-ва, глубоко-штатскій человѣкъ, съ длинными волосами проситъ «хоть еще одну комнату», «намъ это совершенно необходимо» увѣряетъ онъ полковника. — «Въ Совдепіи вы бы такъ не разговаривали», зарычалъ полковникъ и глубоко-штатскій человѣкъ скрылся за скрипнувшей дверью . . .

Собравшимся офицерамъ дѣлъ нѣтъ. Помощникъ начальника отдѣла, полковникъ Кондра читаетъ лекціи, какъ офицеры должны вести себя, какъ серьезенъ моментъ и что очень скоро придутъ союзники. А съ ихъ приходомъ положеніе окончательно укрѣпится. Намъ же надо, пока что, поддержать порядокъ «до ихъ прихода» . . .

Въ городѣ также кутитъ, пьянствуетъ веселящаяся толпа. Также мелькаютъ нѣмецкіе мундиры. Но съ каждымъ днемъ тревога среди обывателей увеличивается. Въ рабочихъ кварталахъ все чаще собираются на улицахъ темныя кучки, толпясь, наклоняясь близко лицами, о чемъ то говорятъ и, завидя взводъ офицеровъ, расходятся, оглядываясь злобными, двусмысленными улыбками . . .

Намъ приказано каждую ночь быть въ отдѣлѣ, въ полной боевой готовности. Всю ночь мы несемъ службу. По улицамъ ходятъ дозоры. Въ саду, за особнякомъ и у воротъ стоятъ часовые.

Стоя на часахъ, прислушиваешься, какъ то тамъ, то сямъ въ городѣ трещатъ выстрѣлы.

Людей въ отдѣлѣ мало — человѣкъ 60, и несмотря на приказы о дальнѣйшей мобилизаціи — число не увеличивается. Безсонная служба — почти безъ смѣны — утомительна. Весь день сидятъ, дремлютъ офицеры — на соломѣ въ особнякѣ. Въ одинъ изъ такихъ дней пріѣхалъ ген. Кирпичевъ съ какимъ то штатскимъ господиномъ. Всѣхъ подняли, выстроили и генералъ обратился съ рѣчью:

«Господа, теперь мы вошли въ составъ арміи ген. Деникина. Намъ предстоитъ важная задача: поддержать порядокъ до прихода союзниковъ, которые уже близко . . . За нашего вождя, ген. Деникина, ура! . . . Организатору и иниціатору офицерскихъ дружинъ, Игорю Александровичу Кистяковскому, ура! . . .» Кричатъ ура и штатскій господинъ привѣтливо снимаетъ шляпу. — Это министръ Кистяковскій.

«Вхожденіе» въ составъ арміи ген. Деникина многихъ удивило, но никто немогъ подумать, что ген. Кирпичевъ и Кистяковскій завѣдомо лгали.

Дни идутъ въ безсмѣнномъ несеніи карауловъ. Настроеніе становится нервнѣе, тревожнѣе. Въ одну изъ ночей дозоры принесли сорванное съ дома воззваніе Винниченки и Петлюры съ призывомъ къ возстанію. А на слѣдующій день стало извѣстно, что дружина Святополка-Мірскаго куда то выступила.

Нашъ 2-й подотдѣлъ перевели на Львовскую улицу въ пріютъ «Ясли». Здѣсь такой же безпорядокъ и сумятица. Опять приказано быть все

время въ зданіи и въ полной готовности. Но это уже становится трудным, такъ какъ штабы дружинъ, отдѣловъ, подотдѣловъ — персполнены, а строевыхъ офицеровъ — горсть. Ежедневно приходятъ свѣдѣнія о готовящемся возстаніи въ городѣ. Насъ разсылаютъ по улицамъ. Тревога замѣтно усиливается . . .

На позиціи

Поздпимъ вечеромъ 19 ноября въ пріютъ «Ясли» пріѣхалъ нач. 2-го отдѣла полк. Крейтонъ. «Господа, Вы должны выступить на вокзалъ... Тамъ положеніе ненадежное. Надо разоружить какую то дружину . . .» Полк. Крейтонъ что то путаетъ, но сознаніе дисциплины не позволяетъ сомнѣваться. Надо выступать. Собираемся. Подотдѣлъ долженъ былъ бы идти вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ, но полк. Сперанскаго — нѣтъ. Его не было ни сегодня, ни вчера, ни позавчера. Его мы почти не видимъ. Выступаемъ безъ него. За старшаго — капитанъ . . . Темная ночь. Колонной по отдѣленіямъ, четко отбивая шагъ — идемъ городомъ... Пришли на вокзалъ. Здѣсь еще какія то части . . . Волненіе, сумятица... Больше всѣхъ бѣгаетъ, кричитъ — полный генералъ . . . Это — Канцыревъ.

Но вмѣсто разоруженія «какой то дружины» генералъ объявляетъ намъ приказъ: мы должны ѣхать на постъ Волынскій и поступить тамъ въ распоряженіе начальника участка. Мы удивлены. Намъ объясняютъ задачу: съ Бѣлой Церкви наступаютъ банды Петлюры; дружина Святополка-Мірскаго уже имѣла съ ними бой, но неудачный; мы должны идти ей на помощь.

Среди офицеровъ волненіе, недовольство . . . Стало быть, полк. Крейтонъ лгалъ о разоруженіи «какой то дружины»! Вмѣсто «разоруженія» насъ, городскую охрану, вывозятъ за городъ! . . . Но разсуждать поздно. Уже поданы вагоны. Кто то подходитъ, разсказываетъ, что дружину Святополка-Мірскаго разбили вдребезги, раненыхъ не успѣли подобрать, петлюровцы идутъ «тучами». Разсказъ еще больше понижаетъ настроеніе. Всѣ чувствуютъ обманъ, но та же самая «дисциплинированность» заставляетъ молчать . . . Садимся въ темные вагоны, звенятъ штыки сцѣпившихся винтовокъ . . . Поѣздъ ѣдетъ къ Посту Волынскому. Остановились . . . Кто то пошелъ на станцію доложить о прибытіи. Въ вагонахъ межъ офицерами снова поднимается волненіе . . . «Зачѣмъ?! Куда насъ вывезли! Съ нами нѣтъ ни одного начальника, всѣ остались въ Кіевѣ! . . .» Въ полутемныхъ вагонахъ шумъ, крѣпкая ругань . . . Но достаточно одного, сдержаннаго замѣчанія: «что вы, господа, солдаты что ли, митинговать вздумали» и крики затихаютъ.

Уже ползетъ въ окна сѣрый разсвѣтъ. Въ нетопленныхъ вагонахъ холодно. Большинство задремало, склонясь на винтовки . . . Разсвѣло. Вышли на пути. Узнали, что мы стоимъ въ резервѣ и командуетъ нами ген. Канцыревъ.

День проходитъ въ разговорахъ. Большинство офицеровъ примирилось съ положеніемъ и успокоилось. Но нѣкоторые безслѣдно скрылись.

Пришелъ поѣздъ съ офицерами дружины Святополка-Мірскаго. Они только что изъ боя подъ Мотовпловкой. Возмущенно разсказываютъ: «пошли мы безъ развѣдки, намъ говорили, что петлюровцевъ тутъ очень

немного, банды какія то . . . а мы налетѣли на ихъ главныя силы, на сѣчевиковъ . . . почти въ кольцо попали . . . потери понесли страшныя, раненыхъ побросали . . . сердюки съ нами были — разбѣжались . . .»

Бой подъ Мотовиловкой обсуждается и комментируется подъ крѣпкую ругань начальства. Снова подымается возмущеніе, но та же дисциплинированность заставляетъ замолкать.

Вечеръ. Темно. Мы получили приказъ выступать. Изъ темныхъ вагоновъ выпрыгиваютъ люди. Выстроились. Пошли по талому снѣгу, путаясь въ рядахъ.

«Куда мы идемъ?» спрашиваютъ по рядамъ. — «Чортъ ихъ знаетъ — говорятъ, на окраину Жулянъ, что ли . . .»

Вошли въ село. Въ маленькихъ оконцахъ кое-гдѣ мелькаютъ желтые огоньки. Бѣлыя хатки уснули подъ соломенными, снѣжными крышами... Хлюпаетъ подъ ногами дорога, звякаютъ штыки . . . Отрядъ растянулся по темной улицѣ . . . Село кончилось. Остановились.

«Ну, куда же?» спрашиваютъ по рядамъ. Впереди полковникъ. Его окружили. «Г-нъ полковникъ, куда же мы идемъ? гдѣ у насъ противникъ?» недовольно спрашиваютъ. «А чортъ его знаетъ, я самъ не знаю — не то тамъ, не то тамъ», раздраженно отвѣчаетъ полковникъ, показывая въ противоположныя стороны. «Вотъ что, господа, часть въ 10 человѣкъ пойдетъ съ пулеметчиками въ Красный Трактиръ, — вы поведете, полк. Крамаревъ, — а вы — расположитесь здѣсь; на утро увидимъ въ чемъ дѣло», приказываетъ полковникъ.

Красный Трактиръ

Я иду, въ числѣ 10-ти человѣкъ, въ Красный Трактиръ. Старшимъ у насъ — молодой, энергичный полковникъ съ георгіевскимъ крестомъ — Крамаревъ. Онъ идетъ и безъ умолку разговариваетъ, критикуя штабы. «Чортъ знаетъ — у насъ вездѣ такъ. Въ штабахъ сидятъ олимпійцы какіе то. Тыкнутъ пальцемъ-вотъ участокъ, вотъ направленіе, найдете то-то и то-то. А тутъ ни частей нашихъ нѣтъ, ни связи никакой! Чортъ знаетъ! . .»

— «А что мы будемъ, госп. полковникъ, въ этомъ Красномъ Трактирѣ дѣлать?» — «Тамъ нашъ полкъ стоитъ конный — Лубенскій. Онъ охраняется разъѣздами на 8-мъ верстъ впередъ. А мы въ селѣ съ пулеметами станемъ.»

Впереди неувѣренно вздрогнулъ огонекъ. Это Красный трактиръ. Дошли. Идемъ улицей. Отъ большой хаты отдѣлилась фигура часового — «кто идетъ?» — «Свои.» — Пропуска часовой не спрашиваетъ. «Здѣсь штабъ Лубенскаго полка?» — «Здѣсь.» — Вошли въ комнату. Тяжелый воздухъ. Полъ устланъ людьми. «Гдѣ командиръ полка?» спрашиваетъ Крамаревъ, расталкивая уснувшаго телефониста. — «Тамъ, напротивъ, въ хатѣ» — бормочетъ спросонья, не вставая, телефонистъ. — «Ничего тутъ не добьешся! всѣ спятъ!» волнуется Крамаревъ. Вышли на улицу — «Вотъ что, господа — занимайте халупы и располагайтесь. Утро вечера мудренѣе.» — «Госп. полковникъ, не выставить ли на всякій случай постъ!» замѣчаетъ кто-то. — «Э, пустяки. Отъ кавалеристовъ же разъѣзды на 8-мь верстъ ходятъ. Ложитесь, господа . . .»

Съ трудомъ достучались въ дверь хаты. На смерть перепуганная старуха, не пускаетъ, боится. Наконецъ подъ причитанія и оханія хозяйки легли на узкихъ скамейкахъ, заснули мертвымъ сномъ. И только раннимъ утромъ вскочили отъ испуганнаго крика вбѣжавшаго офицера. — «Господа! мы пропали! Деревня занята петлюровцами! Всѣхъ нашихъ схватили!»

Вскочили! Схватили винтовки! Но что дѣлать? Надо полковнику сказать. Побѣжали въ сосѣднюю хату. Полковникъ ничего не знаетъ, не вѣритъ. Съ нимъ, вшестеромъ вышли изъ хаты на улицу . . . Гдѣ то недалеко — выстрѣлы . . . По улицѣ, вдали, ходятъ вооруженныя фигуры, видны верховые . . . Кто это? Наши? Нѣтъ? Не понять. Но только что мы отдѣлились отъ хатъ — какъ насъ окликнулъ вооруженный человѣкъ. Онъ стоялъ шагахъ въ 60-ти. «Идите сюда! Сдавайте оружіе! Все равно — всѣ здѣсь!» кричалъ онъ по украински. Крамаревъ взволновался. «Господа это нашъ! Надо пойти къ нему. Это ошибка.» — «Да не ходите, госп. полковникъ — это петлюровецъ.» — «Нѣтъ, не можетъ быть. Это недоразумѣніе, господа. Идемте впередъ, сейчасъ все выяснимъ», волнуется Крамаревъ . . . Съ винтовками на перевѣсъ мы идемъ по селу къ копошащимся чернымъ фигуркамъ. Въ головѣ одна мысль: наши? или нѣтъ? Если нѣтъ, сколько ихъ? Отобьемся ли?

Вотъ мы уже дошли до штаба Лубенскаго полка. Около хаты толпятся молодые, краснорожіе сердюки и лубенцы. Съ равнодушными лицами, какъ будто ничего не случилось, они выносятъ изъ хаты оружіе. — «Зачѣмъ, куда Вы оружіе несете?» спрашиваю я здороваго, румянаго сердюка. — «Та я не знаю — приказали сносить вонъ туда», равнодушно отвѣчаетъ онъ. — «Кто приказалъ?» — «Та я не знаю . . .» Стало быть, они сдались? Ничего не понимаю. — «Господа, стойте здѣсь, не двигайтесь съ мѣста. Я одинъ пойду и все узнаю», говоритъ Крамаревъ. — «Не ходите, госп. полковникъ — одинъ.» — «Оставайтесь здѣсь», приказываетъ онъ и пошелъ къ стоявшей вдали кучкѣ . . . Мы встали около хаты съ винтовками наготовѣ. Глаза впились въ удаляющуюся фигуру полковника въ зеленой бекешѣ и высокой шапкѣ. Вотъ онъ подошелъ. Разговариваетъ съ высокимъ человѣкомъ въ поддевкѣ. Ничего. Но вотъ Крамаревъ отпрыгнулъ отъ него, побѣжалъ. А высокій въ поддевкѣ приложился изъ винтовки. Крамаревъ бѣжитъ. Тотъ цѣлится . . . Выстрѣлъ. Промахъ. Бѣжитъ. Выстрѣлъ . . . Крамаревъ вскрикнулъ, упалъ, протянувъ по снѣгу руки, и не подымается.

Убилъ! закричалъ кто то.

Сердюки, лубенцы бросились къ винтовкамъ. Мы отскочили за хату. По насъ затрещали выстрѣлы, засвистали пули. Мы бросились въ улицу. За нами метнулись какія-то фигуры. Свистятъ пули . . . Мы отстрѣливаемся и отступаемъ въ поле. Глубокій снѣгъ — трудно идти. Разсыпались цѣпью . . . Но куда же отступать? На душѣ тяжелымъ камнемъ лежитъ только что видѣнная смерть Крамарева. Красный Трактиръ занятъ петлюровцами.

Нашъ ли Постъ Волынскій? Неизвѣстно . . . Лѣземъ по снѣгу — наугадъ къ Посту. Гдѣ то недалеко бьетъ артиллерія. Вдали показалась какая то цѣпь. Ничего не понять . . . Гдѣ наши? Гдѣ противникъ? Куда отступать? . . .

«Господа! Да куда же мы идемъ! Вправо деревня какая-то! Надо обойти ее!» — Начинаются споры о дорогѣ. «Я поведу.» — «Да вы не знаете дороги! Куда вы ведете!» — «Господа, какъ же мы бросили полковника! Мы не должны были этого дѣлать», говоритъ одинъ. «Ну, объ этомъ — поздно», отвѣчаетъ другой . . .

Лѣземъ оврагомъ по глубокому снѣгу. Вылѣзли на равнину. — «Смотрите! Конный! Къ намъ ѣдетъ!» — Кто это? Нашъ? Ихъ? — «Господа, кто-нибудь одинъ, навстрѣчу идите.» —

Офицеръ идетъ навстрѣчу приближающемуся конному. Другіе остановились, затаивъ дыханіе . . . «Нашъ! Нашъ!» кричитъ онъ. Всѣ побѣжали.

Подъѣхавшій офицеръ-артиллеристъ взволнованно разспрашиваетъ: «Кто Вы такіе? Стало быть, Красный Трактиръ занятъ? . . . Господа, ради Бога идемте къ намъ на батарею. Связь порвана. Никакихъ частей кругомъ нѣтъ.

Наши сердюки ненадежны. Ради Бога, господа. Не знаемъ что дѣлать. Прикрытія нѣтъ. Только при сердюкахъ не говорите о Красномъ Трактирѣ. Чортъ ихъ знаетъ — ненадежные. Разбѣгутся.» — «А по чемъ Вы стрѣляете такъ часто?» спрашиваетъ одинъ изъ насъ. — «Да ни по чемъ. Такъ для ободренія», отвѣчаетъ офицеръ.

Пришли на батарею. Около орудій сидятъ здоровые, красные парни — сердюки. Межъ ними похаживаетъ закутанный башлыкомъ офицеръ. Нашъ провожатый доложилъ закутанному башлыкомъ капитану-командиру батареи. Онъ ведетъ насъ въ халупу.

«Въ чемъ же дѣло, господа?» Мы разсказали. — «А Ваше положеніе каково госп. капитанъ?» — «Наше такое же, какъ Ваше. Не могу ни съ кѣмъ связи наладить. Гдѣ петлюровцы? Гдѣ наши? — не понимаю. Пожалуйста, господа, оставайтесь при батареѣ . . . Вы навѣрное, голодные. Я сейчасъ прикажу дать консервовъ, водки . . .»

Мы закусываемъ. Окна дребезжатъ отъ выстрѣловъ. Батарея стрѣляетъ «для ободренія».

Черезъ нѣсколько часовъ въ хату вошелъ капитанъ и разсказалъ, что связь съ Постомъ Волынскимъ налажена, на Красный Трактиръ пошли наши части, а вправо отъ батареи уже есть наша цѣпь. Но не успѣлъ онъ докончить своихъ словъ, какъ въ хату вбѣжалъ вѣстовой и быстро испуганно доложилъ, что на батарею наступаетъ какая то цѣпь и уже совсѣмъ близко . . . Всѣ выскочили изъ хаты. Шагахъ въ 200, путаясь, мѣшаясь, на батарею двигалась цѣпь. Люди въ ней что то кричали, махали руками . . . Если это противникъ? — Странно . . . Они никогда бы не шли такъ шумно . . . Наши? — Зачѣмъ же они цѣпью идутъ на батарею . . . На всякій случай всѣ защелкали затворами . . .

Къ цѣпи подскакали какіе то верховые. Цѣпь сгрудилась въ кучу. Слышны крики, шумъ . . . Одиночный выстрѣлъ. Какъ будто, кто то упалъ . . . Цѣпи расходятся и двинулись въ обратную сторону.

Посланный узнать солдатъ доложилъ: сердюкія цѣпи поднялись съ позицій, «не хотѣли воевать», но офицеръ застрѣлилъ главнаго агитатора — унтеръ-офицера и повернулъ цѣпь обратно . . .

Простоявъ день въ прикрытіи батареи, мы присоединились къ своему отряду, который занялъ окраину Жулянъ. Расположились по хатамъ. Офицеры, второй разъ занимавшіе Красный Трактиръ, разсказываютъ, какъ они захватили петлюровскій обозъ. Крестьяне везли петлюровцамъ — яйца, сало, хлѣбъ, мясо, масло, водку . . . — «Вотъ смотрите», комментируетъ разсказчикъ, «все сами везутъ, а тутъ ни до чего не докупиться: не ма, да не ма.»

Съ вечера уходимъ въ дозоры. Моя очередь въ полночь. Я и штабсъ-капитанъ Гарцъ должны обойти линію фронта отъ Жулянъ до Краснаго Трактира, побывать въ немъ и вернуться назадъ . . . Ночь темная — ни зги. Все черно — еле сѣрѣетъ снѣгъ. Идемъ по окраинѣ села. Здѣсь — фронтъ на разстояніи — $1^1/_2$—2 верстъ — стоятъ часовые. Переходимъ отъ поста къ посту, опрашиваемъ: — все спокойно.

Пошли къ Красному Трактиру. На бѣломъ снѣгу виднѣются очертанія хатъ. Тихо подошли. Никто не окликнулъ. Идемъ узкой улицей. Впереди шаги. Какая то часть . . . Наши? Или нѣтъ? Можетъ быть опять петлюровцы? Прижались къ воротамъ. Идутъ, разговариваютъ. Наши. Вышли. Это школа старшинъ. Поговорили съ начальникомъ: всё спокойно, только жалуется на отношеніе жителей.

На утро нашъ отрядъ уходитъ въ резервъ на Постъ Волынскій. Заняли пустые вагоны 3-го и 4-го классовъ. Расположились отдыхать . . . Здѣсь на Посту Волынскомъ штабъ командующаго участкомъ, командующій отрядомъ, штабы полковъ, дружинъ, отдѣловъ, подотдѣловъ. На путяхъ стоятъ вагонъ-салоны съ кухнями и поварами, вагоны I, II и III классовъ. Около нихъ толпятся, суетятся штабные хорошо-одѣтые офицеры . . . Изрѣдка долетаютъ и рвутся у путей тяжелые снаряды противника.

Въ вагонахъ строевыхъ — полное отдохновенье. Выдана четвертями водка, больше бутылки на человѣка, продукты, деньги. Усталые офицеры, — только что прочли приказъ командующаго войскамп ген. Келлера: «если не можешь пить рюмки — не пей; если можешь ведро — дуй ведро», и конечно «дуютъ ведро», закусываютъ и неистово ругаютъ матерными словами переполненные штабы и своихъ начальниковъ. Пьяны почти всѣ. Повалились. Заснули. Ночь. Тревога! Крики. Пожаръ! — Всѣхъ вызываютъ. Загорѣлись аэропланные гаражи. Но изъ 27 человѣкъ нашего подотдѣла только шесть въ состояніи выйти. Остальные пьяны. Изъ вагоновъ выбѣгаютъ люди. Всё небо охвачено громаднымъ заревомъ. Огненные клубы дыма подымаются тучами. Съ аэропланныхъ гаражей огонь перекинулся на бараки и вагоны. Со всѣхъ сторонъ къ пожару бѣгутъ красныя фигуры людей. Шумъ. Крики. Нельзя понять что надо дѣлать? . . .

«Стой! стой!» кричитъ нашъ какой то полковникъ. Мы остановились. Полковникъ — пьянъ, качается . . . «Становись! Я беру инициативу въ свои руки!» бормочетъ онъ. Не обращаемъ вниманья на полковника, бѣжимъ дальше, начали ломать сосѣднія зданія, лѣзутъ на крыши. Шумъ, трескъ ударовъ, крики. Ломаютъ — что надо и что не надо . . . Наконецъ кругомъ горящихъ ангаръ — всё сломано и пожаръ потухаетъ . . . Люди разошлись.

Пробывъ день на отдыхѣ, мы снова отправляемся на фронтъ въ Жуляны . . .

Сегодня съ нашей стороны предполагается наступленіе. — Вышли передъ разсвѣтомъ. Морозъ крѣпкій. Темное небо синѣетъ, розовѣетъ съ краю. Подъ ногами хрустятъ замерзшія лужи. Дошли до окраины Жулянъ. Здѣсь намъ — 10-ти человѣкамъ — данъ участокъ версты въ 3, на которомъ приказано держаться «во что бы то ни стало».

Десять человѣкъ разсыпались въ цѣпь. Подъ утро морозъ крѣпчаетъ. На снѣгу холодно. Руки замерзли — не дѣйствуютъ, а со стороны противника, изъ лѣсу слышится какой то гулъ, какъ будто происходитъ наступленіе.

Настроеніе напряженное. Но уже свѣтло: сейчасъ должны идти въ наступленіе сердюки. Съ краю пурпуроваго неба выкатилось красное солнце. Справа долетѣли шумы, говоръ людей. Это сердюки. Вотъ закричали «Слава». Запѣли украинскую пѣсню. И отъ хатъ отдѣлились фигуры людей. Цѣпи наступаютъ съ пѣснями.

Уже прошли далеко впередъ по полю. Сзади ихъ вылетѣла, карьеромъ понеслась батарея. Стала подъ бугромъ, отъѣхали передки. И въ утренней, бодрой тишинѣ — громыхнули первыя орудія.

Впереди затрещали винтовки. Сошлись.

Гремитъ артиллерія съ нашей стороны. Долетаютъ, со звономъ рвутся на мерзлой землѣ ихъ снаряды. Трещатъ винтовки. Бой въ разгарѣ. Уже несутъ раненыхъ. Они разсказываютъ, что столкнулись съ сѣчевиками и тѣ не отступаютъ, «здорово дерутся».

Бой кончается къ вечеру — безрезультатно. Потери, понесенныя сердюками, напрасны. Кромѣ потерь — половина сердюковъ куда то разбѣжалась.

Опять отходимъ на Постъ Волынскій. Здѣсь тотъ же безпорядокъ, путаница. Рядовыхъ офицеровъ — помѣщаютъ въ нетопленые бараки. Всѣ же составы заняты не особенно трезвыми штабами.

На утро всѣхъ облетѣла вѣсть: изъ Софіевской Борщаговки привезли вагонъ съ 33 трупами офицеровъ. На путяхъ собралась толпа, обступили открытый вагонъ: въ немъ навалены другъ на друга голые, полураздѣтые трупы съ отрубленными руками, ногами, безголовые, съ распоротыми животами, выколотыми глазами . . . нѣкоторые же просто превращены въ безформенную массу мяса.

Это жертвы крестьянъ Софіевской Борщаговки. Получивъ свѣдѣнія изъ штаба, что деревня свободна, и приказъ занять ее — отрядъ офицеровъ вошелъ въ Софіевскую Борщаговку. На разспросы — крестьяне отвѣчали, что никого нѣтъ. На самомъ же дѣлѣ деревня была занята петлюровцами. — Отрядъ размѣстился по хатамъ. Ихъ захватили. И разстрѣляли. А крестьяне вылили свою ненависть къ «гетьманцамъ» въ звѣрскомъ изуродованіи тѣлъ . . .

Окружавшіе вагонъ офицеры возбуждены, негодуютъ. Слышны крики: «Сжечь деревню къ черту!», «Перестрѣлять десятаго!» И кромѣ этого сыплется ругань по адресу штабовъ посылающихъ людей на обумъ.

Уже больше 2-хъ недѣль, какъ мы выѣхали изъ Кіева. Насъ бросаютъ съ участка на участокъ. Каждая ночь проходитъ въ дозорахъ, караулахъ. Изъ 25 человѣкъ выѣхавшихъ осталось 10.

Мы просимъ отпуска или смѣны, но ни того ни другого не даютъ. Отвѣтъ одинъ: нѣтъ людей.

И, переночевавъ на Посту Волынскомъ, мы отправляемся на новый фронтъ — въ Михайловскую Борщаговку. Здѣсь мы должны смѣнить сердюцкій «полкъ». Въ «полку» этомъ 80 сердюковъ и тѣ съ каждымъ днемъ разбѣгаются.

Совмѣстно съ другимъ отрядомъ смѣнили и заняли участокъ версты въ 4. Далеко другъ отъ друга стали караулы съ пулеметомъ — и это «фронтъ». Такимъ фронтомъ опоясанъ весь Кіевъ.

Опять караулы, дозоры — каждую ночь. Служба становится невыносимой. Каждый понимаетъ, что противостоять малѣйшему наступленію мы не въ состояніи, а тутъ кромѣ ненужной и непосильной службы надо еще зорко слѣдить за недовольными, непріязненно настроенными крестьянами. 33 трупа у всѣхъ живы въ памяти.

Простоявъ нѣсколько дней и безсонныхъ ночей въ Мих. Борщаговкѣ — мы получили приказъ перейти на окраину Софіевской и Петропавловской Борщаговокъ. Перешли, смѣнили прежнюю часть въ 20 офицеровъ. Фронтъ этого участка — верстъ 5—6. На немъ встали 3 караула съ пулеметами. Смѣненные офицеры разсказываютъ, что прошлую ночь петлюровцы пробовали наступать. Подъѣхали на телѣгахъ. — Но караулы отбили пулеметами. И тутъ же прибавляютъ, чтобы мы зорко смотрѣли, такъ какъ въ лѣсу какіе то кавалеристы зарубили 2-хъ офицеровъ-дозорныхъ.

— Между Софіевской и Петропавловской Борщаговками лежитъ глубокій, широкій, извивающійся оврагъ. Онъ идетъ со стороны противника и заходитъ намъ въ тылъ. При желаніи этимъ оврагомъ можно провести дивизію и сразу покончитъ со всѣмъ «фронтомъ». Мы великолѣпно понимаемъ это, понимаетъ это начальникъ участка и чтобъ парализовать такую возможность — каждую ночь въ оврагъ выставляется постъ въ два (!) человѣка. —

Ночи идутъ въ тревожной, безсонной службѣ. Усталость дошла до предѣла. Люди засыпаютъ на ходу. Больше нѣтъ силъ. И мы уже не просимъ, а требуемъ отдыха. Нач. участка полк. Зметновъ согласенъ съ нами, въ свою очередь требуетъ для насъ отдыха. И наконецъ намъ на смѣну приходитъ такая же горсть офицеровъ.

Но офицеры не одни. Съ ними ѣдутъ на массивныхъ откормленныхъ коняхъ великолѣпные, нѣмецкіе гвардейцы-кавалеристы.

Нѣмцы рѣшили открыто выступить — поддержать фронтъ, объясняютъ намъ пришедшіе.

Вѣрится съ трудомъ, но всё равно — лишь бы смѣнили. Идемъ на Постъ Волынскій и съ первымъ паровозомъ ѣдемъ въ Кіевъ.

Отпускъ въ Кіевъ

Теперь въ Кіевѣ еще яснѣе чувствуется тревога, близость катастрофы. По всѣмъ улицамъ расклеены воззванія: «Героемъ можешь ты не быть, но добровольцемъ быть обязанъ», пестрятъ приказы о мобилизаціи съ угрозой разстрѣломъ. Но также по Крещатику бѣгутъ, спѣшатъ, ѣдутъ, хохочутъ шикарныя дамы съ спекулянтами и офицерами въ блестящихъ формахъ.

И кажется нелѣпымъ и смѣшнымъ! Мы 10 человѣкъ на протяженіи 5 верстъ, подъ вѣчной опасностью, покрытые вшами и грязью охраняемъ этихъ «пользующихся жизнью» и веселящихся. Да стоитъ ли?! Кіевскія газеты успокаиваютъ горожанъ извѣстіями о близости союзниковъ. Союзники близко! Союзники въ Жмеринкѣ! Въ Бирзулѣ! На Черномъ морѣ показались вымпелы! . . . Нѣмцы готовы поддержать Гетмана и добровольцевъ! Послѣднее радіо Эпно! Заявленіе Мулена!

Но средняго обывателя — не успокоишь. У него своя мѣрка! дороговизна жизни. Эта мѣрка показываетъ катастрофу и тревога его увеличивается съ каждымъ днемъ.

Пришли въ подотдѣлъ на Львовскую. Тамъ подъ страхомъ разстрѣла скопилось довольно много офицеровъ, юнкеровъ. Всѣ днемъ лежатъ на соломѣ, а почью съ винтовками ходятъ въ дозоры и патрули по городу. Изъ интендантскихъ складовъ привозятъ обмундированіе, бѣлье, валенки, полушубки — все это безконтрольно растаскивается дружинниками. Привозятъ новое — опять растаскивается. Суточныя увеличились до 40 карбованцевъ въ день.

И чѣмъ сильнѣй отовсюду просачивается тревога — тѣмъ хаотичнѣй, безалабернѣй идетъ работа въ военныхъ штабахъ. Всё равно конецъ!

Генерала Келлера смѣнилъ кн. Долгоруковъ. Въ газетахъ его грозные приказы; въ минуту опасности онъ клянется умереть «среди ввѣренныхъ мнѣ войскъ».

Черезъ 4 дня отдыха — весь подотдѣлъ высылается на позицію. Теперь нами командуетъ 70-лѣтній ген. Харченко. Ночью погрузились и на разсвѣтѣ мы на Посту Волынскомъ.

Опять на фронтѣ

Здѣсь та же картина. Вернувшіеся съ позицій офицеры сидятъ въ полутемныхъ вагонахъ, курятъ — стоитъ синій дымъ — пьютъ водку, выдаваемую для поддержанія духа и, нехотя, ждутъ какого-нибудь конца...

На путяхъ перекатываются безчисленные штабные вагоны, съ «охранами», «особыми отрядами», сестрами, около станціи наскоро сбитъ дощатый штательный пунктъ. Въ маленькой комнатѣ мечутся сестры — кормятъ набившихся офицеровъ и солдатъ.

Но вотъ новость! Изъ Житоміра прибыло подкрѣпленіе: отрядъ губернскаго старосты Андро. Они прорвались сквозь петлюровскія цѣпи и подъ охраной бронепоѣзда добрались до Кіева. Всѣ обступили вновь прибывшихъ, такихъ же грязныхъ, усталыхъ людей, напоминающихъ не войска, а разбойную банду.

— «Сколько васъ», раздаются вопросы. — «Всего человѣкъ 300 — въ строю человѣкъ 80», отвѣчаютъ прибывшіе. Отвѣтъ покрывается хохотомъ и матерной бранью. «Какъ у насъ стало быть! То же!»

Но намъ недолго приходится пробыть на Посту Волынскомъ. Мы — 20 чел. — подъ командой 70-лѣтняго ген. Харченко (онъ въ штатскомъ платьѣ) выступили въ с. Жуляны. Ген. Харченко въ роли ротнаго командира доставляетъ рядъ веселыхъ минутъ. Подошли къ селу, гдѣ должны расположиться. Харченко впереди всѣхъ—переходитъ отъ хаты

къ хатѣ, стучитъ въ окно и спрашиваетъ дребезжащимъ старческимъ голосомъ: «Тетенька, не пустите ли насъ? . . .» — «Что Вы Ваше превосходительство», хохочутъ офицеры, «да развѣ на войнѣ спрашиваютъ разрѣшенія въ хату войти!» Но генералъ передумалъ и не хочетъ здѣсь останавливаться . «Нѣтъ, нѣтъ, господа, я передумалъ, здѣсь намъ неудобно, пойдемте.» — «Да почему же Ваше превосходительство?» — «Нѣтъ, нѣтъ . . . видите — артилерія близко, сохрани Богъ — шальной снарядъ . . . Надо быть всегда осторожнымъ . . . Вы молодежь, молодежь . . .»

Офицеры смѣются и командиръ роты ген. Харченко ведетъ насъ дальше въ менѣе опасную хату. Но смѣясь всѣ чувствуютъ, что это оперетка съ трагическимъ концомъ.

Заняли халупы. Впереди въ окопахъ стоитъ только что прибывшій Житомірскій отрядъ. Караулъ отъ караула — версты на 2. Это — фронтъ. Мы же несемъ охрану деревни и являемся резервомъ.

Въ хатѣ генерала Харченко безпрестанно трещитъ телефонъ: разговоры ведутся съ штабомъ Ольвіопольскаго гусарскаго полка (въ этомъ полку 20 пѣшихъ человѣкъ), съ штабомъ Кинбурнскаго Драгунскаго полка (въ 15 человѣкъ), съ штабомъ отряда Андро — въ 80 чел. и съ безконечными штабами отдѣловъ, подотдѣловъ, дружинъ — гдѣ въ каждой «отдѣльной части» — два, три десятка человѣкъ. Черезъ два дня изъ штаба командующаго участкомъ сообщили: нашъ фронтъ рѣшили поддержать нѣмцы. И дѣйствительно въ этотъ же день мы увидѣли нѣмецкихъ гвардейцевъ-кавалерпстовъ, ѣдущихъ по селу, гдѣ они и расположились. Но скоро стало извѣстно, что въ другомъ селѣ большой нѣмецкій отрядъ разоруженъ петлюровцами.

И черезъ нѣсколько дней вошедшій въ хату офицеръ доложилъ генералу, что нѣмцы уходятъ съ позицій. Мы вышли на улицу. Съ громомъ, шумомъ, криками скакали нѣмецкіе пулеметчики и кавалеристы . . .

«Wohin? Wohin?» крпчатъ имъ вышедшіе офицеры.

«Nach Hause! Nach Hause!» смѣются, машутъ руками нѣмцы.

Хоть вѣры въ помощь нѣмцевъ никогда и не было, однако уходъ ихъ произвелъ большое впечатлѣніе. Фронтъ оголился. Пути къ Кіеву совершенно открылись. Нашъ фронтъ: на 1 версту — 1 человѣкъ. Малѣйшему давленію мы не въ силахъ оказать сопротивленія — и исходъ авантюры сталъ яснымъ.

А противникъ съ каждымъ днемъ замѣтно шевелился, съ утра до поздняго вечера по всему фронту гремѣла его артилерія. Облетѣлъ слухъ о не сегодня-завтра готовящемся наступленіи.

Нашъ маленькій отрядъ взволновался, «замитинговалъ», и настоялъ передъ ген. Харченко, чтобы одинъ изъ насъ поѣхалъ въ штабъ командующаго участкомъ — выяснить положеніе и вызвать на позиціи начальника 2-го подотдѣла полк. Сперанскаго, ни разу еще здѣсь не бывшаго.

Я поѣхалъ отъ офицеровъ. На Посту Волынскомъ нашелъ вагонъ I кл. — штабъ участка. Вошелъ. На ступенькахъ прекрасно-одѣтый штабной офицеръ грубо освѣдомился: кто я такой и что мнѣ нужно? — «Мнѣ нужно лично видѣть командующаго участкомъ полк. Крейтона.» Вхожу въ вагонъ. На темно-красныхъ, бархатныхъ диванахъ сидятъ: полк. Крейтонъ, Сперанскій, Боровскій и др. Возлѣ нихъ батарея

пустыхъ, разнообразныхъ бутылокъ. Они о чемъ то мирно бесѣдуютъ. Полк. Крейтонъ увидѣлъ меня и вывелъ въ сосѣднее купе. «Въ чемъ дѣло?» спрашиваетъ онъ, обдавая винным букетомъ. Разсказываю, что мы понимаемъ безнадежность фронта, что офицеры на позиціяхъ волнуются и просятъ выяснить имъ дѣйствительное общее положеніе. — «Что-жъ тутъ выяснять, господа. Положеніе трудное, но не безнадежное», отвѣчаетъ полк. Крейтонъ «я солдатъ — не политикъ и могу вамъ сказать только одно: мы должны ждать приказаній нашего Главнокомандующаго Кн. Долгорукова и держаться во что бы то ни стало». «Да, но, господинъ полковникъ . . .» — «Больше ничего не могу сказать», перебиваетъ Крейтонъ. — «Разрѣшите узнать госп. полковникъ, ведетъ ли переговоры о перемиріи французскій консулъ Муленъ?» Крейтонъ махнулъ рукой. «Да, онъ выѣхалъ вести какіе то переговоры, но этотъ Муленъ хорошо только можетъ двойку поставить*, а его переговоры — «ерунда».

То, на что у офицеровъ была хоть маленькая надежда, оказывалось «ерундой».

При веселомъ, пьяномъ штабѣ и усталой на позиціяхъ горсти офицеровъ — конецъ рисовался непривлекательнымъ.

Послѣ разговора съ Крейтономъ я вызвалъ полк. Сперанскаго и передалъ желаніе подчиненныхъ поговорить съ нимъ. «Передайте, что я какъ-нибудь пріѣду.» — «У меня здѣсь лошадь, госп. полковникъ». Сперанскій замялся. — «Ну, хорошо, я сейчасъ». И черезъ полчаса дровни подвезли насъ къ позиціонной хатѣ. «Здравствуйте, господа, въ чемъ дѣло?» говоритъ, входя, Сперанскій и принимаетъ неприступно-боевой видъ. Одинъ изъ офицеровъ разсказываетъ ему, какъ рисуется намъ положеніе, и спрашиваетъ, «что же дѣлать, госп. полковникъ?» — «Ждать приказаній Главнокомандующаго кн. Долгорукова», грубо отвѣчаетъ Сперанскій, «васъ кажется кормятъ, платятъ вамъ 40 рублей суточныхъ — такъ вы и ведите себя какъ за 40 рублей . . . Въ случаѣ наступленія — мы отойдемъ на наши резервы . . .» — «Куда же это? въ Кіевъ — госп. полковникъ?» — «Куда? — Не знаю. Это будетъ въ приказѣ», отвѣчаетъ, вставая, Сперанскій.

Дальнѣйшіе разговоры излишни. Что либо выяснить—невозможно. Нѣкоторые, болѣе рѣшительные офицеры—самовольно уходятъ въ Кіевъ. Другіе — менѣе рѣшительные, съ остаткомъ сознанія «дисциплины» и съ чувствомъ товарищества остаются ждать конца.

Въ этотъ день — 13 декабря 1920 года — вечеромъ мы получили приказъ выступить на желѣзно-дорожную будку и вмѣстѣ съ другими частями смѣнить на передовой линіи — Житомірскій отрядъ.

Мы выступили. Бившая весь день артилерія противника съ темнотой смолкла. Вечеръ поздній, холодный. Крѣпкій морозъ. Злой вѣтеръ протяжно воетъ на штыкахъ. Мететъ поземка. Человѣкъ 20 — по узкой дорогѣ — мы движемся въ темномъ полѣ. Блеснулъ огонекъ. Дошли. Будка.

Въ сырой, нетопленой комнатѣ, освѣщенной огаркомъ свѣчи, заваленной камнями и какими то столярными принадлежностями, — лежатъ въ обнятку съ винтовками люди въ сѣрыхъ шинеляхъ. Кто то пробуетъ тутъ же согрѣть чай, раздувая на камняхъ огонь . . .

---

* Муленъ — по профессіи учитель.

Мы смѣнили Житомірскій отрядъ. Нами командуетъ полк. Сперанскій. Его штабъ — въ противоположной будочкѣ сторожа. Наши люди разошлись по карауламъ. Мнѣ съ четырьмя офицерами приказано обойти дозоромъ линію фронта, провѣрить часовыхъ. Вышли. Спльный вѣтеръ разогналъ сгрудившіяся, тяжелыя тучи. Остались легкія, сѣрыя. Они несутся въ лунномъ свѣтѣ, то скрывая, то обнажая желтый дискъ. Ночь — красивая. Пять фигуръ, сразу ставшіе въ полѣ маленькими и безпомощными, съ раздуваемыми вѣтромъ шинелями — идутъ узкой тропой къ первому караулу. Прошли съ версту отъ будки. Изъ чернѣющей на снѣгу дыры — вылѣзла темная фигура съ винтовкой наизготовку. — «Кто идетъ?!» глухо, взволнованно долетаетъ крикъ. — «Свои». — «Пропускъ!» — «Мушка». — Иду къ начальнику караула. Позади сѣрѣющей линіи окоповъ въ маленькомъ блиндажикѣ сидятъ плотно прижавшись другъ къ другу — шесть человѣкъ. Сидятъ молча. «Ну какъ, ничего не замѣчали, госп. капитанъ», спрашиваю я нач. караула. — «Ничего какъ будто», нехотя отвѣчаетъ капитанъ, «да, въ такую пургу и не замѣтишь ни черта». Поговорили. Вылѣзъ. Иду дальше. Опять охватилъ злой вѣтеръ, засыпаетъ снѣгомъ. Идемъ версты полторы до второго караула. Отъ второго — къ третьему — четвертому. Все спокойно. Въ караулахъ сидятъ по 6—7 человѣкъ. Это и есть «фронтъ».

Вернулись на будку. Доложили, что всё спокойно. Повалились на каменный полъ, плотно прижимаясь другъ къ другу отъ холода. Но не спится. Даже не дремлется. По тѣлу бѣжитъ мелкая, нервная дрожь — не то отъ стужи, не то отъ непріятнаго предчувствія.

До вечера артилерія противника гудѣла безъ перерыва, какъ будто начиналась подготовка. Теперь тихо — ни выстрѣла. Но къ утру всѣ ждутъ наступленія. Было около 3-хъ часовъ ночи — когда гдѣ то далеко влѣво, непріятно громыхнуло первое орудіе. Въ будкѣ всѣ вздрогнули, насторожились. «Началось», сказалъ кто то. За первымъ снарядомъ, какъ будто сорвалась стая — грянули залпы, одинъ за другимъ. По всему фронту отъ Краснаго Трактира до нашей будки засвистали, лопаясь, шрапнели, заревѣли гранаты . . .

Послѣдній день

По всему фронту гремитъ, гудитъ артилерія. Влѣво, въ Красномъ Трактирѣ и вправо, у Святошина трещатъ винтовки и пулеметы. Ясно: съ разсвѣтомъ начнется общее наступленіе на Кіевъ.

Въ будкѣ всѣ встали, взяли винтовки. Внутри — въ груди что то непріятно сосетъ и тянетъ. Конецъ авантюры. Каковъ то онъ будетъ? . . .

Бороздя черное небо, свистятъ снаряды и звонко лопаются на мерзломъ снѣгу. «Господинъ полковникъ, надо на батарею передать, чтобъ стрѣльбу открыли», говоритъ кто то Сперанскому. — «Да — но телефонъ не дѣйствуетъ», отвѣчаетъ Сперанскій. Въ углу комнаты, низко нагнувшись надъ трубкой, кричитъ телефонистъ . . . но безотвѣтно. Провода порваны . . . «Разрѣшите, я сбѣгаю на батарею, госп. полковникъ», говорю я. — «Бѣгите, скажите, чтобъ изъ всѣхъ орудій огонь открыли», отвѣчаетъ Сперанскій.

Бѣгу бѣлесо-темнымъ полемъ. По всему фронту реветъ артилерія, гула отдѣльныхъ выстрѣловъ не слышно. Общій ревъ — словно кипитъ адскій котелъ. Добѣгаю до Жулянъ. Уже сѣрѣетъ разсвѣтъ. Видны наши орудія. 8 пушекъ съ приподнятыми кверху дулами молчатъ. Около нихъ нѣсколько темныхъ фигуръ.

Добѣжалъ до хаты командира батареи. Вхожу. Въ хатѣ за столомъ, въ шинели, въ фуражкѣ сидитъ капитанъ. Передъ нимъ — телефонъ. Онъ пытается съ кѣмъ то связаться. «Что Вамъ?» спрашиваетъ капитанъ, оторвавшись отъ трубки — Докладываю. — «Передайте полк. Сперанскому, что я могу стрѣлять только изъ одного орудія. У меня нѣтъ прислуги». Я дѣлаю изумленное лицо. — «Разбѣжались», раздраженно поясняетъ капитанъ. И снова кричитъ въ телефонъ: «вторая! вторая!».

Теперь я уже не бѣгу. Торопиться некуда. Тихо прохожу около молчащихъ орудій. Одно изрѣдка вздрагиваетъ — стрѣляетъ. Почти разсвѣло. Со стороны противника еще сильнѣе реветъ артилерія. Влѣво и вправо трещатъ винтовки и пулеметы.

Дошелъ, доложилъ Сперанскому. Всѣ уже вышли изъ будки, толпятся, жмутся къ стѣнѣ отъ рвущихся снарядовъ. — «Занять позиціи», приказываетъ Сперанскій. Офицеры тонкой цѣпочкой идутъ на позиціи. И располагаются вмѣстѣ съ ночными караулами въ ихъ окопахъ. Окопы занесены снѣгомъ. Мы первые лѣземъ въ нихъ, утаптываемъ. Отсюда видна почти вся линія нашего фронта — бѣлая, снѣжная полоса окоповъ, кое-гдѣ стоящіе 5—6 офицеровъ съ пулеметомъ.

Зорко смотримъ въ бѣлую даль противника, ища его цѣпи. Но даль спокойна.

Влѣво на полотнѣ показались два человѣка. Что такое? У одного въ рукахъ какой то большой разноцвѣтный флагъ. Идутъ, близятся. Крайній къ будкѣ офицеръ побѣжалъ доложить полк. Сперанскому. Фигуры стали ясны. Вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ съ страшнымъ взрывомъ взлетѣлъ кверху фонтанъ земли, снѣга и скрылъ фигуры. — Взорвали путь. Уцѣлѣли ли они? . . . Фонтанъ взорванной земли таетъ. И опять движутся впередъ два человѣка. Вотъ они уже у будки. Нашъ караулъ не выдержалъ, всѣ побѣжали. Можетъ быть это парламентеры? Можетъ быть это исходъ?

Полк. Сперанскій уже разговариваетъ съ штатскимъ господиномъ, въ мѣховомъ пальто, съ пенснэ на носу. Это французскій консулъ Муленъ. Онъ взволнованъ — его чуть не взорвали — требуетъ паровозъ, чтобъ ѣхать въ Кіевъ. Напрасно офицеры пытаются разспросить Мулена и сопровождающаго его желѣзнодорожника. Они молчатъ. Но видно по нихъ, что ничего радостнаго нѣтъ. Паровозъ поданъ. Муленъ съ желѣзнодорожникомъ уѣхали. А мы опять пошли зачѣмъ то стоять въ окопахъ . . . Опять зорко вглядываемся вдаль. Вправо и влѣво — на оконечностяхъ фронта — гремитъ артиллерія, трещитъ стрѣльба. Въ центрѣ же противъ насъ пока тихо. Но вотъ вдали, между нами и Мих. Борщаговкой появилась рѣдкая цѣпь. Наступаетъ, движется. Въ сосѣднемъ караулѣ затрещалъ пулеметъ. Вдали показались еще и еще цѣпи, наступающія на Софіевскую и Михайловскую Борщаговки. Цѣпи быстро перебѣгаютъ. Изъ деревни раздались рѣдкіе неувѣренные выстрѣлы. Петлюровцы близятся къ деревнѣ, уже скрываются съ поля — входятъ въ нее.

И влѣво и вправо трескъ стрѣльбы гулко уносится назадъ. Значитъ — наши отступаютъ.

Я побѣжалъ въ землянку, къ телефону — доложить полк. Сперанскому. По всѣ мои попытки напрасны. Въ трубкѣ кричатъ двадцать голосовъ, ругаясь, перебивая другъ друга. Всѣ добиваются соединенія и всѣ хотятъ сказать одно и то же: держаться нельзя, насъ обходятъ, отступаемъ.

Офицеръ нашего караула побѣжалъ доложить Сперанскому. Но не успѣлъ онъ вернуться съ приказаньемъ, какъ дальніе караулы, видя, что ихъ обошли, снялись и начали отступать. За ними снялись всѣ.

Всѣ отходятъ къ будкѣ. Замѣтивъ отступленіе, сильнѣй загудѣла артилерія, засыпая нашъ участокъ снарядами. Подходимъ къ будкѣ. — На линіи желѣзной дороги стоитъ Сперанскій. Онъ нетрезвъ, изъ кармана полушубка торчитъ бутылка водки. «Куда Вы отступаете! Стойте!» кричитъ онъ дикимъ голосомъ. Ближайшіе офицеры объяснили ему, что весь фронтъ вправо отъ насъ ушелъ, что петлюровцы уже заняли Мих. Борщаговку и если мы не уйдемъ сейчасъ же, то — будетъ поздно. Сперанскій пробуетъ звонить въ штабъ — на Постъ Волынскій, но отвѣта нѣтъ. Пришедшіе оттуда говорятъ, что штабъ уже бѣжалъ. Подъ взрывы артилеріи начали медленной цѣпью отходить. У Поста Волынскаго увидѣли со всѣхъ сторонъ отступающія кучки. Гдѣ штабъ? спрашиваютъ всѣ. Никто не знаетъ. Куда идти? — Тоже не знаютъ. Всѣ толпятся, движутся, ругаются, кричатъ. Но ревущая сзади артилерія и всѣ ближе, ближе приближающаяся стрѣльба заставляетъ куда-нибудь уходить. Прошли Постъ Волынскій, идемъ по шоссе среди столпившихся людей, лошадей, орудій, автомобилей. Откуда то появился нач. участка полк. Крейтонъ, полк. Стессель (оба не особенно трезвы) и съ ними полк. Боровскій (уже во всемъ штатскомъ).

«Куда же мы пойдемъ!?» кричатъ полк. Крейтону съ разныхъ сторонъ. — «Пойдемъ на Кіевъ — пока ничего неизвѣстно. Вѣроятно будемъ пробиваться на Донъ». Но теперь эти «пробиванія» встрѣчаются нескрываемой грубой ироніей. Съ полупьянымъ штабомъ, разбѣгающимся раньше строевыхъ, безъ обозовъ, — горсть въ нѣсколько сотъ человѣкъ будетъ пробиваться на Донъ черезъ всю Украину! . . .

Офицеры, живущіе на ближайшихъ окраинахъ, бросаютъ винтовки, потихоньку расходятся. А всѣ, во главѣ съ полк. Крейтономъ, Стесселемъ и др. идутъ по шоссе на Кіевъ. Полк. Крейтонъ пробуетъ ободрять — «нѣмцы постановили въ Совѣтѣ солдатскихъ депутатовъ — выступить на защиту города и насъ. Союзники уже совсѣмъ близко». Но теперь, когда ближе всего петлюровцы, никто не вѣритъ ободреніямъ.

По шоссе трудно двигаться отъ столпившихся людей, артилеріи, повозокъ. Остановились около казармъ. Изъ нихъ высыпали нѣмцы, окружили, смотрятъ, смѣются, машутъ руками, что то кричатъ. Одинъ ловкій молодой нѣмчикъ устанавливаетъ фотографическій аппаратъ. Но на него закричали десятки голосовъ, покрывая самыми нелестными ругательствами, и онъ убралъ разставленную треногу.

Мы уже вошли на Деміевку. Слышна стрѣльба по всему городу. На тротуары высыпали горожане, въ большинствѣ рабочіе. Смѣются, отпускаютъ шутки. «Эхъ сколько плѣнныхъ то! только что-то безъ конвою», говоритъ одинъ. «Единая, недѣлимая», кричитъ другой. Никто

имъ не отвѣчаетъ, отвертываются, стараются не замѣчать злыхъ шутокъ.

«Куда же мы идемъ?» спрашиваютъ полк. Крейтона. — «На вокзалъ, господа — тамъ ген. Кирпичевъ, тамъ все выяснится». Дошли до жел. дор. путей. Идемъ мимо вагоновъ, всѣ торопятся. По городу трещитъ стрѣльба. Остановились у вокзала. Одни разбѣгаются, бросая винтовки, другіе взволнованно переговариваются, совѣщаются. Изъ вагона вышелъ ген. Кирпичевъ съ штабомъ гвардейцевъ. Всѣ столпились вокругъ него . . . «Господа, у насъ есть два выхода: или пробиваться на Донъ, или распыляться отсюда же. Выбирайте». Пауза. «Ваше превосходительство», отвѣчаетъ какой то офицеръ, «о пробиваніи не можетъ быть рѣчи, распыляться же отсюда нельзя потому, что городъ уже занятъ петлюровцами. Единственный исходъ — это всѣмъ идти къ городской думѣ, я не кіевлянинъ, я не знаю куда — однимъ словомъ, въ центръ города и тамъ вступить въ переговоры черезъ представителей думы». — Всѣ согласно зашумѣли, кромѣ гвардейскаго штаба (имъ, оказывается, хочется въ штабѣ пробиваться на Донъ). «Въ Педагогическій музей надо идти!» кричитъ кто то. Кирпичевъ согласенъ. Въ Педагогическій музей . . . Строятся, торопятся, бросаютъ вещи, мѣшки, патроны, стаскиваютъ съ ногъ валенки — переодѣвая сапоги. Колонной по отдѣленіямъ идемъ въ городъ. По тротуарамъ идутъ дозорные. Я — въ правомъ дозорѣ. «Если что-нибудь замѣтите — доложите. Мы сейчасъ же примемъ боевой порядокъ», говоритъ Кирпичевъ. Идемъ по улицамъ. Изъ домовъ выбѣгаютъ, толпятся люди, съ любопытствомъ смотря на насъ «Кто это? петлюровцы? — Нѣтъ. Гетманцы». «А куди же они идутъ?» — Выходимъ на Владимірскую. Уже недалеко музей. Тротуары запружены людьми, здѣсь въ большинствѣ интеллигенція. «Скажите ради Бога, куда вы идете?» спрашиваетъ, хватая за руку, пожилая женщина въ траурѣ съ заплаканными глазами. Отвѣчать не приказано. Отрядъ, дробно отбивая шагъ, подъ тысячами глазъ, торопится къ музею. Около зданія толпятся другія части и толпа любопытныхъ. «Лѣвое плечо впередъ! Маршъ!» и мы входимъ въ широкія двери вестибюля, пробираясь сквозь встрѣчную толпу офицеровъ, солдатъ, сердюковъ. Это было 14 декабря 1920 года.

Въ Педагогическомъ музеѣ

Въ Педагогическомъ музеѣ скопилось болѣе 2000 человѣкъ. Но въ комнатахъ лежатъ только наиболѣе усталые. Большинство наполнило большой вестибюль, толпятся у входа, стоятъ кругомъ зданія — ждутъ «конца». Конецъ авантюры — почти пришелъ. По городу со всѣхъ сторонъ близится, трещитъ стрѣльба. Слышны неясные крики толпы. Мы столпились у зданія — ждемъ послѣдняго акта. Вдругъ за угломъ, совсѣмъ близко толпа закричала громкое: «Слава! Слава!» и затрещали выстрѣлы. Всѣ около музея вздрогнули, метнулись, большинство кинулось: въ зданіе, толкая другъ друга. Въ кучкѣ оставшихся на улицѣ закричали въ цѣпь! въ цѣпь! Захлопали затворами. Но къ оставшимся бросились изъ толпы. — «Господа! что Вы! — бросьте, все равно вѣдь всё кончено! Вы всѣхъ погубите!». И черезъ мгновеніе около музея

не было никого, а въ вестибюлѣ стоялъ взволнованный ген. Канцыревъ, собираясь вступить въ переговары . . .

Въ музеѣ заняты комнаты, проходы, лѣстницы. Гулъ тысячъ голосовъ внезапно обрывается жуткой тишиной. Всѣ прислушиваются къ уличному шуму. И опять гудятъ — обсуждаютъ положеніе — ждутъ переговоровъ.

Черезъ полчаса стало извѣстно — впредь до выясненія участи, входъ занятъ украинскимъ и нѣмецкимъ карауломъ. И украинскія власти приказали всѣмъ, какъ плѣннымъ, снять погоны, кокарды.

Въ комнатахъ, проходахъ, въ уборной, на лѣстницѣ — офицеры, генералы срываютъ съ себя погоны, кокарды. Офицеры генеральнаго штаба рвутъ аксельбанты. И этотъ пустякъ — сорванные погоны — сразу даютъ почувствовать «плѣнъ».

Я попалъ въ комнату No. 8. Громадный залъ — сплошь устланъ лежащими людьми, тутъ же — винтовки, патроны. Негдѣ упасть яблоку. Проходить приходится шагая черезъ тѣла. Въ растворенное окно долетаютъ глухіе раскаты крикокъ и выстрѣлы.

Уже поздній вечеръ. Всѣ лежатъ и послѣ безсоннаго стоянія на фронтѣ — съ удовольствіемъ, усталые засыпаютъ мертвымъ сномъ.

Утро. Я очнулся. Не могу сообразить: гдѣ я? что такое? Ахъ, да... музей, арестъ. По громадной комнатѣ несется, перекатывается гулъ разговора. Съ кухни достали ведра съ кипяткомъ — пьютъ чай; появились сестры милосердія. Разговоры объ одномъ и томъ же: что будетъ? Со всѣхъ сторонъ слышна безпощадная брань по адресу команднаго состава. Очень немногіе офицеры безконечныхъ штабовъ — попали въ музей. Въ большинствѣ—штабы скрылись. Раньше всѣхъ, бросивъ фронтъ на произволъ судьбы — бѣжалъ главнокомандующій кн. Долгоруковъ, клявшійся въ приказахъ «въ минуту опасности умереть съ ввѣренными ему войсками». Скрылся представитель Добр. арміи ген. Ламновскій, въ то время какъ мелкіе чины его штаба — попали въ музей. Полк. Сперанскій бѣжалъ изъ музея ночью, подкупивъ караулъ.

Узнали, что мы — Кіевскіе дружинники — никогда въ Добр. арміи ген. Деникина не состояли. И официальное заявленіе объ этомъ ген. Кирпичева — было ложью.

И если на позиціяхъ чувство «дисциплины» сдерживало многихъ, то теперь чувство близкой опасности и сознанія глупѣйшей, пьяной авантюры — заставило большинство быть крайне рѣзкимъ.

Кое какъ выбравшись изъ зала, я спустился по заваленной людьми нѣсколькоэтажной лѣстницѣ въ вестибюль. Хотѣлось получить какую-нибудь газету. А здѣсь, черезъ часовыхъ, доставали.

У входныхъ дверей расхаживали громадные, молчаливые нѣмцы и стояли неувѣренные, молодые петлюровцы. Кучка офицеровъ окружила караульнаго, даютъ ему деньги, просятъ купить газетъ. — Но вдругъ на улицѣ у первыхъ дверей въ зданіе послышался шумъ, крики, сильнѣй, сильнѣй. И въ настежь распахнутыя двери, съ красными бантами на папахахъ, на шинеляхъ, крича, хлопая затворами, бросились вооруженные люди . . . «Стой! Стой! Занимай входы! вправо! влѣво!» кричали они щелкая затворами. Впереди — съ громаднѣйшимъ маузеромъ въ рукахъ, съ выбившимися космами волосъ изъ-подъ папахи, весь въ красныхъ бантахъ — какой то неистовый унтеръ-офицеръ. Кучка офицеровъ

метнулась къ лѣстницѣ. Нѣмцы схватились за винтовки. Лейтенантъ съ криками Halt! бросился къ ворвавшимся.

Казалось, сейчасъ раздадутся выстрѣлы, стоны и начнется общее избіеніе. Лежавшіе на лѣстницѣ люди съ шумомъ побѣжали въ комнаты. Въ комнатахъ, ничего не понявъ, всѣ вскочили и, какъ одинъ, защелкали затворами. Лица стали блѣдны. Глаза уставились на двери, наступила жуткая, жуткая тишина. Наконецъ минутъ черезъ 10 — вошелъ офицеръ: «Господа, не волнуйтесь ради Бога, все улажено. Пришли петлюровцы съ требованіемъ немедленно разоружиться». Тишина смѣнилась шумомъ разговора. Оказывается, солдаты Черноморскаго коша, узнавъ, что «гетьманцы» сидятъ въ музеѣ до сихъ поръ съ оружіемъ, пришли его отобрать. Съ ними началъ переговоры ген. Канцыревъ, пытаясь доказать озвѣрѣлымъ, ворвавшимся солдатамъ, что возможно еще наше освобожденіе и пропускъ съ оружіемъ на Донъ. Черноморцы и слушать не хотѣли, давъ срокомъ выдачи оружія полчаса. Въ это время подоспѣли выбранные для переговоровъ комнатой No. 8 — полк. Ерощенко и пор. Строгоновъ. Они увѣрили солдатъ, что оружіе будетъ выдано сейчасъ же. И черезъ нѣсколько минутъ съ грохотомъ, шумомъ всѣ складывали въ углы своихъ комнатъ—винтовки, патроны, револьверы, а сами безоружные спускались въ вестибюль. До сихъ поръ съ оружіемъ въ рукахъ такъ не чувствовался плѣнъ. Теперь — ощутили свою полную беззащитность, полную подчиненность каждымъ ворвавшимся солдатамъ.

Оружіе выдано. Петлюровцы снесли его на грузовики и увезли. Насъ всѣхъ обыскали. Кто имѣлъ большія деньги — отобрали. Мы снова разсѣлись по своимъ комнатамъ. Теперь начался уже настоящій плѣнъ. Дни потянулись томительно, длинно.

Но, несмотря на «настоящій плѣнъ» — снятіе погонъ, выдачу оружія — командный составъ и въ музеѣ пытался сохранить видъ «воинской части». Уже на второй день сидѣнья была объявлена запись желающихъ ѣхать на Кубань и Донъ. Цѣлые дни въ комнатахъ раздаются крики «желающіе на Донъ! Записываться здѣсь!» Люди стоятъ въ очереди. Кто то записываетъ. Для чего? — Неизвѣстно. Говорятъ, пропустятъ.

Вмѣстѣ съ криками о записи начали вызывать на свиданье въ вестибюль.

Около музея, на другой же день нашего ареста, стала нѣсколькотысячная очередь родственниковъ и близкихъ. Въ большинствѣ женщины: матери, жены, сестры, невѣсты, любовницы. Для того, чтобы попасть въ музей — онѣ стояли безсмѣнно день, ночь и наконецъ попадали на 10 минутъ въ вестибюль увидѣть и поговорить съ арестованнымъ.

Внизу у дверей на лѣстницѣ человѣкъ 20 штатскихъ людей ждутъ свиданья. По бокамъ — конвойные съ винтовками, ручными гранатами. Женщины плачутъ. Всѣ смотрятъ кверху по лѣстницѣ, — ища своего арестованнаго. Гулко летитъ фамилія, съ лѣстницы — по комнатамъ. Вызываемый съ какой то странной улыбкой сбѣгаетъ внизъ — къ своимъ, обнимается, начинаетъ говорить . . . Но строгій петлюровецъ уже беретъ его за руку, торопитъ уходить, толкаетъ. Арестованный прощается. Его крестятъ, даютъ какой то свертокъ, онъ уходитъ, скрываясь въ общей толпѣ.

Съ ранняго утра у дверей уборной стоитъ длинная, длинная веренпца — въ очереди. Каждому приходится стоять здѣсь больше часа. Но скоро уборная испорчена. И комендантъ зданія приказалъ назначить арестованныхъ на чистку. Петлюровцы ведутъ полковниковъ, пожилыхъ офицеровъ — убирать клозеты.

А желающихъ «оправиться» строятъ по 10-ти человѣкъ въ вестибюлѣ, командуютъ: «крокомъ рушъ» и ведутъ на дворъ. Послѣ душныхъ, переполненныхъ комнатъ — свѣжій воздухъ кажется необыкновенно пріятнымъ, а узенькій дворъ — вольнымъ и просторнымъ.

Около офицеровъ стоитъ конвойный. Если добродушный — остритъ, если нѣтъ, торопится и ругаетъ. Помню одинъ, смотря на насъ, сказалъ, качая головой. «Эхъ офицеришки бѣдные — тоже, поди, дома жена, дѣтишки» . . . Кто то попробовалъ его разжалобить дальше, но онъ пасмурно отвѣтилъ: «А зачѣмъ же противъ народу шли». Людей въ музеѣ съ каждымъ днемъ прибавлялось. Всѣхъ арестованныхъ и взятыхъ въ плѣнъ сводили сюда. Скопилось тысячъ до 4-хъ. Всё было переполнено. Больше появилось сестеръ. Они приносили ѣду, газеты, разсказывали новости.

Получили номеръ «Свободныхъ Мыслей», — первый по занятіи Кіева Петлюрой. Въ немъ яркая статься Финка «О сидоровой козѣ» — съ призывомъ къ русской вѣчно избиваемой интеллигенціи «поднять выше голову» и бороться за себя, за свое существованіе. На другой день узнали, что газета закрыта, а Финкъ арестованъ. Немного посмѣялись надъ «Прощаньемъ съ Кіевомъ» Дона Аминадо:

«Не такъ ужъ тѣсенъ Божій міръ,
А мнѣ мила моя свобода.
Прощай Аскольдъ, прощай и Диръ
И хай живе межъ Вами згода».

Пугали насъ украинскія газеты: «Нова Рада» и «Відроженнія». Въ обѣихъ велась сильная кампанія противъ «добровольцевъ» и приводились дѣйствительно вѣсскіе аргументы. Такъ, по «Відрожденія», на собравшейся въ Кіевѣ сшлкѣ появился крестьянинъ съ вырѣзаннымъ языкомъ. Языкъ вырѣзанъ — карательнымъ отрядомъ. Здѣсь же въ музеѣ сидѣло довольно много такихъ карателей, не стѣснявшихся разсказывать о своихъ подвигахъ.

«Нова Рада» приводила факты грабежей добровольцевъ. И тутъ же въ музеѣ приходилось узнавать, что она не лгала.

Изъ газетъ узнали объ убійствѣ ген. Келлера «при попыткѣ бѣжать». И о томъ, какъ въѣхавшему на бѣломъ конѣ Петлюрѣ подносили саблю убитаго графа. И о томъ, какъ на банкетѣ украинскихъ самостійниковъ Винниченко поднялъ бокалъ «за единую недѣлимую Украину».

Приходили въ музей «консула»: бѣлорусскій, литовскій, латышскій, сибирскій (!), представитель Дона. Всѣ они пытались освободить своихъ подданныхъ, составляли безчисленные списки, но изъ этого ничего не выходило.

Съ каждымъ днемъ сидѣнье въ музеѣ становилось тяжелѣй. Плохая пища, духота, отсутствіе уборной, вши и къ этому полная неизвѣстность своей судьбы и приближеніе большевиковъ съ сѣвера. И въ то время, какъ рядовой офицеръ не могъ подумать даже: когда онъ будетъ свободенъ — сильные міра ежедневно освобождались. Одни за деньги

(въ большинствѣ казенныя), другіе — благодаря связямъ. Въ одинъ изъ дней стало извѣстно, что самъ украинскій комендантъ музея бѣжалъ съ освобожденнымъ ген. Волховскимъ и съ 400 тысячъ казенныхъ денегъ. А рядовые офицеры все сидѣли и сидѣли. Но и въ такой обстановкѣ находились неунывающіе люди. Какъ сейчасъ вижу: штабсъ-капитанъ Лебедевъ сидитъ прислонившись къ стѣнѣ, бренчитъ на гитарѣ и подъ общій смѣхъ, пріятнымъ басомъ распѣваетъ куплеты на злобу дня . . .

Ходятъ плѣнные, какъ тѣни,
Ни отчизны, ни семьи.

И потомъ, сдѣлавъ бравурный переборъ:

Ахъ, вы сѣни, мои сѣни
Сѣни новыя мои.

Комендантъ нашъ удручаетъ
Безнадежно, навсегда . . . .
. . . Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда.

Черноморецъ, какъ хозяинъ,
Раскричится иногда . . .
. . . Что ты ночью бродишь Каинъ,
Чортъ занесъ тебя сюда.

Въ другомъ углу, лежитъ юнкеръ, задравши ноги, громко выкрикиваетъ «Журавля» — описывающаго Кіевскую авантюру.

«Раньше всѣхъ несется въ бой
Личный Гетмана конвой.
Журавель мой, журавель, журавушка молодой.

А за нимъ всегда готова
И дружина Кирпичева.
Журавель мой и т. д.

Рвется въ бой, но всё безъ толку
И дружина Святополка.
Журавель мой и т. д.

Съ крикомъ слава (не ура)
Претъ на Кіевъ Петлюра.
Журавель мой и т. д.
. . . . . .

Тянутся дни . . . Какъ легъ на свое мѣсто — такъ и лежишь. Не въ состояніи даже никуда повернуться. Выкрикиваютъ фамиліи; на свиданье. Кричатъ о записи на Донъ. Въ углу играютъ въ карты. Тамъ поютъ. Тамъ смѣются съ хорошенькой сестрой. И никто не знаетъ: что съ нами сдѣлаютъ, наконецъ? и когда будемъ мы свободны?

Наступленіе большевиковъ съ сѣвера многихъ волнуетъ, такъ какъ настроеніе украинцевъ извѣстно и слѣдующій этапъ Петлюризма совершенно ясенъ.

Одинъ наивный офицеръ попробовалъ разсказать нашимъ караульнымъ, что скоро насъ выпустятъ и мы вмѣстѣ съ ними пойдемъ бить большевиковъ. Такъ они подняли такой гвалтъ, шумъ. И совершенно отвергли возможность союза съ «буржуяками» противъ своихъ же братьевъ.

Въ уборной музея я нашелъ интересную, украинскую прокламацію. Она призывала рабочихъ и крестьянъ къ свержению власти Петлюры и установленію Совѣтской Республики. Но не такой, какъ въ Москвѣ, гдѣ всю власть взяли прежніе буржуи и интеллигенты. «У насъ должно быть подлинное рабоче-крестьянское правительство, изъ насъ, братья-рабочіе и крестьяне». Все говорило за крайнюю опасность нашего положенія. Мы сидѣли, не видя конца, и некому, казалось, было за насъ заступиться. Наконецъ мы прочли первое выступленіе въ нашу пользу — с. р. Зарубина въ Городской Думѣ. Вслѣдъ за этимъ къ намъ пріѣхала думская комиссія, а черезъ нѣсколько дней — слѣдователи, производить дознаніе о каждомъ. Мы заполняли какіе то опросные листы, ходили на допросы, но всё сидѣли и сидѣли.

Въ скучные дни кому то пришла мысль устроить концертъ. Составили программу. Достали разрѣшеніе у коменданта. И въ круглую аудиторію музея уже валитъ публика. Заняли мѣста. Въ первыхъ рядахъ — наши генералы, безъ погонъ, съ унылымъ видомъ, рядомъ съ ними — сестры, нѣмецкіе солдаты и наши властители — сѣчевики, въ французскихъ шлемахъ, съ винтовками въ рукахъ, увѣшанные гранатами.

Сзади — море арестованныхъ. Выступаетъ хоръ съ солдатскими лубочными пѣснями, потомъ — великолѣпная имитація балалаечнаго оркестра, потомъ — поютъ солисты; юмористы, разсказчики — уходятъ со сцены подъ дружный хохотъ арестованныхъ, петлюровцевъ и нѣмцевъ; вотъ солдатъ прокалываетъ себѣ длинной булавкой руки, тѣло и заявляетъ, что онъ могъ бы затопитъ весь залъ водой — (загипнотизировать) — да комендантъ зданія запрещаетъ. И опять общій хохотъ. Вотъ куплетистъ Дарогоневскій приплясываетъ подъ напѣвы:

Ой, яблочко, куда ты катишься?
Въ музей попадешь, не воротишься, и т. д.

Концертъ всѣмъ чрезвычайно понравился, особенно петлюровцамъ. На другой день къ устроителямъ пришелъ депутатъ отъ караула: «нельзя ли еще разъ устроить».

Но концерта больше не было.

. . . Въ томъ же залѣ служили всенощную . . . Залъ переполненъ. Священникъ хорошо, съ чувствомъ служитъ. Молятся арестованные. Тутъ же стоятъ, крестятся и сумрачно смотрятъ на насъ — вооруженные сѣчевики . . .

Тянутся дни. Наступило 25 декабря — Рождество. Разговоры объ освобожденіи усилились. Приходятъ родные — обнадеживаютъ. Уже многихъ освободили.

Но въ одинъ изъ дней Рождества произошелъ эпизодъ, совершенно неожиданно рѣшившій судьбу арестованныхъ.

. . . Было часовъ 11 ночи. Большія комнаты застланы людьми. Всѣ укладываются спать на свои шинели, многіе заняты обычнымъ дѣломъ: сидятъ полуголые, разсматриваютъ рубахи, кальсоны — бьютъ вшей. Многіе заснули.

Я, сжатый съ обѣихъ сторонъ другими, задремалъ. Но вдругъ вскочилъ отъ невѣроятнаго треска, взрыва. Показалось, что падаютъ стѣны, рушится зданіе . . . Вылетѣли, дребезжа окна. И тутъ же раздался

дикій крикъ сотенъ голосовъ. Люди вскочили съ мѣстъ, бросились, побѣжали къ дверямъ по лежащимъ. Страшный крикъ не прекращается. «Изъ пушекъ по насъ стрѣляютъ!» кричитъ кто то. «Господа спокойно! Это взрывъ!» доносятся голоса среди общаго шума . . . Бѣжать конечно некуда. Но всѣ ждутъ второго удара и метнулись, сами не зная куда.

Въ отворенныя двери нашей комнаты стали входить окровавленные раненые. Забѣгали сестры.

Въ сосѣднемъ кругломъ залѣ громадный куполъ изъ толстаго стекла рухнулъ внизъ — на лежащихъ. Стекла падали съ такой силой, что пробивали насквозь стулья. Здѣсь — стоны, крики, паника отчаянная. Раненые съ окрававленными лицами, руками, одеждой толпятся — выбѣгая изъ комнаты. Есть тяжело-раненые.

Но не прошло десяти минутъ послѣ взрыва, какъ къ намъ въ комнату влетѣли, размахивая нагайками, вооруженные до зубовъ гайдамаки въ опереточныхъ костюмахъ. «Панове! Тихо! Не то по гайдамацки будемъ ногаями бить!» кричали они. И стало тихо. Только раненыхъ носили, перевязывали, да обсуждали вполголоса, что же это такое было? И опять укладывались спать на свои шинели . . .

На утро увидѣли, что во всемъ зданіи всѣ окна выбиты. Нашъ кварталъ опутанъ проволокой, оцѣпленъ войсками. Къ намъ никого не пускаютъ. Стало еще тяжелѣй. Изъ газетъ узнали, что во взрывѣ, гдѣ пострадали 200 съ лишнимъ арестованныхъ, украинцы обвиняютъ насъ же. Будто бы мы сдѣлали это съ цѣлью побѣга.

Къ намъ стали хуже относиться. Чаще въ холодныхъ комнатахъ появляются вооруженные украинцы — что то высматриваютъ. Вотъ вошелъ солдатъ — мальчишка — весь въ оружіи, въ красныхъ и желто-голубыхъ бантахъ. Идетъ по комнатѣ, всматривается во всѣхъ и нѣкоторыхъ наиболѣе видныхъ, пожилыхъ или хорошо одѣтыхъ манитъ пальцемъ и куда то уводитъ. Въ комнатѣ жуткая тишина. Куда выводятъ? — никто не знаетъ. Но каждый, въ кого тыкнетъ пальцемъ этотъ мальчишка, немедленно встаетъ и ему подчиняется. Выведенные вернулись. Ихъ водили на работу — чистить клозеты подъ присмотромъ конвоя.

Но вотъ опять пришелъ этотъ мальчишка и заявилъ громко: «генералы, та полковники — выходь!»

Куда? Зачѣмъ? Но онъ предупреждаетъ, что кто не выйдетъ, тому плохо будетъ. Самому и за него еще отвѣтитъ комната.

Тамъ и сямъ поднялись оставшіеся генералы, полковники — собираютъ свои пожитки, прощаются съ знакомыми, — куда то уходятъ подъ командой мальчишки.

Жутко становится, когда изъ комнаты уводятъ кого-нибудь неизвѣстно куда. Словно что то тоскливо пустѣетъ въ тебѣ самомъ.

Узнали, что генераловъ и полковниковъ отвезли въ Лукьяновскую тюрьму.

Въ дни Рождества комнаты сильно порѣдѣли. Многихъ выпустили по ордеру. Многіе освободились за деньги. Исчезъ изъ музея полк. Крейтонъ. Бѣжалъ во время взрыва, прикинувшись раненымъ, ген. Канцыревъ. Скрылся Кирпичевъ. Осталось человѣкъ 600.

Въ выбитые взрывомъ окна врывается холодный вѣтеръ со снѣгомъ. Въ комнатахъ свободно, холодно.

Стало еще томительнѣй, непріятнѣй.

Послѣ взрыва — нѣтъ свиданій. Никого не пускаютъ даже въ улицу эту. Говорятъ, что около колючей проволоки, опутывающей нашъ кварталъ, стоятъ толпами родственники. Но какъ ни стараешься заглянуть въ выбитые окна — не видно. Газетъ — нѣтъ. Сестеръ пускаютъ лишь немногихъ. Долетѣлъ слухъ, что взбунтовался большевиствующій Черноморскій кошъ. Отношеніе караула всё хуже и хуже. Двухнедѣльное сидѣнье — даетъ себя знать.

30 декабря утромъ намъ приказали раздѣлиться на украинцевъ и не украинцевъ. Не украинцевъ оказалось человѣкъ 120. Украинцевъ больше 400. Пришелъ самъ командиръ осаднаго корпуса полк. Коновалецъ. Перекликалъ украинцевъ, вычеркивалъ неподходящія фамиліи. Но вдругъ среди дня опять всѣмъ приказали соединиться. Прошелъ нелѣпый слухъ: всѣхъ вывезутъ въ Германію. Это показалось смѣшнымъ, невѣроятнымъ и никто не повѣрилъ.

Вывозятъ въ Германію

Но вотъ уже комендантъ объявилъ официально, что сегодня, 30 декабря, насъ, вотъ такихъ, какъ мы есть — полуголыхъ, вшивыхъ, полуголодныхъ, — вывозятъ подъ конвоемъ въ Германію. Вѣрить или не вѣрить нельзя. Теперь — это фактъ. Захотѣлось дать знать близкимъ — но нельзя. Мы оцѣплены. Никого не пускаютъ. Въ комнатахъ началось безпокойство. Всѣ пишутъ записки роднымъ, близкимъ. Обступили нѣсколькихъ сестеръ — умоляютъ переправить.

Вечеръ. Уѣзжающіе въ Германію собираютъ вещи: жестяной ведерный чайникъ, жестяныя кружки, немного сахару и хлѣба. Весь багажъ. Собрались. Уже разбились на вагоны, по 35 человѣкъ, и сидятъ въ ожиданіи.

Строиться! Встали «по вагонамъ». Пошли, зашумѣли сапогами по пустѣющимъ заламъ. Въ вестибюлѣ двери открыты настежь — врывается морозный вѣтеръ. По бокамъ выстроились нѣмецкіе и украинскіе солдаты. Распоряжается всѣмъ бравый лейтенантъ.

Подъ конвоемъ, строемъ вышли на улицу. Послѣ 16 дней сидѣнья въ душныхъ комнатахъ морозный воздухъ необыкновенно пріятенъ, а идти по улицѣ — хоть и подъ конвоемъ — кажется блаженствомъ.

Въ городѣ военное положеніе и на улицахъ ни души, кромѣ вооруженныхъ конныхъ и пѣшихъ петлюровцевъ. Насъ подвели къ трамваямъ. Въ одну линію ихъ стоитъ многое множество. Въ темнотѣ лентой свѣтятся огоньки. Кругомъ съ саблями наголо гарцуютъ конные украинцы. Въ вагонахъ — пѣшіе нѣмцы и петлюровцы.

Очевидно, всѣ сѣли. Какой то сигналъ, и процессія трамваевъ двинулась, охраняемая гарцующими кавалеристами. Свѣтятся зеленые, красные, желтые огоньки, плывутъ въ темнотѣ ночи . . . Трамваи катятся быстрѣй и быстрѣй. Рядомъ рысью летятъ кавалеристы.

Какой то офицеръ припалъ къ окну, толкаетъ другого: «Смотри, Коля, смотри, у насъ въ столовой огонь . . . видишь? видишь?»; онъ долго смотритъ въ окно съ бѣгущими столбами, окнами и скачущимъ рядомъ кавалеристомъ.

Ѣдемъ. На душѣ грустно . . . Кто то подъ страхомъ разстрѣла мобилизовалъ. За это другой посадилъ подъ арестъ и взорвалъ. А теперь кто то оторвалъ отъ дома, работы, отъ близкихъ людей, запираетъ, какъ скотовъ въ вагоны, и зачѣмъ то отправляетъ въ чужую страну. И на «этого» изнасиловавшаго подымается въ душѣ злоба . . .

Трамваи стали. Выходи! Вылѣзли. Въ темнотѣ чернѣютъ фигуры часовыхъ. Повели строемъ на вокзалъ. Вотъ уходимъ на платформу. Шпалерами стоятъ каменные нѣмцы, чередуясь съ петлюровцами. Первые молчатъ — вторые сыпятъ замѣчанія и ругательства. «А . . . вашу мать добровольцы — гетьманцы!» «Що це едына неделыма!» «Та куда ихъ везутъ тамъ — перерубить ихъ тутъ всѣхъ сволочей» . . .

Подвели къ темнымъ вагонамъ. Открыли двери. Сажаютъ въ темноту по 35 человѣкъ и запираютъ на замокъ. Въ темнотѣ разбираютъ мѣста. Слышно, какъ водятъ другихъ. Звякаютъ замки . . . Легли съ братомъ на нары. Одна мысль: о своихъ. Они вѣдь даже не знаютъ, что насъ вывезли куда то. Да и доѣдемъ ли еще? Вездѣ власть на мѣстахъ, а караулъ нашъ: 10 нѣмцевъ добровольцевъ и офицеръ.

Поѣздъ заскрипѣлъ, рванулся, тронулся.

Поѣхали въ Германію . . .

Мы ѣдемъ ночь и день въ наглухо запертыхъ вагонахъ. 35 человѣкъ лежатъ, плотно прижавшись другъ къ другу отъ холода и тѣсноты.

Знаемъ, что проѣхали Фастовъ. Поѣздъ останавливался, не доѣзжая станціи. А её пролстѣлъ на полномъ ходу. Качаются, скрипятъ вагоны... Голодно, холодно . . . Мысли о домѣ перебѣгаютъ на мысли о будущемъ. Куда же мы ѣдемъ? Гдѣ остановимся? . . .

Говорятъ, въ Казатинѣ будетъ обѣдъ. Поздней ночью подъѣзжаемъ къ Казатину. Шумятъ встрѣчные поѣзда. Очевидно мы около вокзала. Остановились. Слышны какіе то голоса, крики. Черезъ минуть 20 отъ заднихъ вагоновъ ясно донесся шумъ многихъ людей. «Навѣрное не пускаютъ дальше», прошепталъ кто то въ вагонѣ.

Шумъ, крикъ близится. Но вдругъ поѣздъ заскрипѣлъ, рванулъ вагоны, тронулся. Шумъ сталъ сначала сильнѣй. Затрещали выстрѣлы по поѣзду, но онъ быстрѣй и быстрѣй убѣгалъ отъ Казатина.

Теперь еще проѣхать границу Украины — Голобы. А дальше зона нѣмецкой оккупаціи.

И опять ѣдемъ ночь и день въ запертыхъ вагонахъ. Разъ въ 24 часа, а иногда и въ 36 — заскрипитъ дверь вагона и какой то темный человѣкъ съ фонаремъ въ рукѣ поставитъ ведро супа. Всѣ бросаются, съ жадностью хлебаютъ скверную похлебку. И снова ложатся. А дверь, скрипя, запирается . . .

Ночью 2-го января 1919 г. подъѣзжаемъ къ границѣ Украины — Голобамъ. Поѣздъ, заскрипѣвъ, сталъ. Въ нашихъ вагонахъ — мертвая тишина, какъ будто везутъ багажъ. На станціи — слышны голоса. И скоро, опять какъ въ Казатинѣ, голоса сильнѣй, сильнѣй, переходятъ въ крикъ. Слышно ясно, говорятъ по украински, спрашиваютъ, что это за поѣздъ? — «Съ больными, ранеными», отвѣчаетъ имъ кто то. Но они не успокаиваются. Вотъ шаги нѣсколькихъ людей приближаются къ нашему вагону. Въ вагонѣ — жутко-тихо. Вотъ взялись за скобу двери. Тишина стала еще напряженнѣй. Не слышно дыханій. Отворяютъ. Съ

фонаремъ въ рукахъ 2 вооруженныхъ человѣка. «Що цэ за люди?» грубо, но и нерѣшительно спрашиваетъ одинъ изъ нихъ. — Молчаніе. — «Що цэ за люди?», повторяетъ вооруженный. — Молчаніе . . . «Больные», говоритъ кто то. «Яки это больны?» — «Спросите у коменданта поѣзда», отвѣчаетъ кто то изъ темноты . . . Всѣ напряженно смотрятъ на вооруженныхъ людей, въ свѣтѣ фонаря кажущихся зловѣщими.

Но вдругъ послѣ словъ о комендантѣ они повернули и пошли къ заднимъ вагонамъ. Кто то изъ насъ запираетъ дверь. И опять въ вагонѣ — тишина ожиданія.

Если узнаютъ — не пропустятъ, схватятъ. На платформѣ зашумѣли голоса. Но поѣздъ засвистѣлъ, рванулъ и пошелъ. Переѣхали границу Украины.

На слѣдующей станціи пересадка. Вышли на платформу. Ведутъ нѣмцы. Ночь холодная, падаетъ съ неба мокрый, мерзнущій снѣгъ. Вѣтеръ. Тускло свѣтятъ фонари станціи.

Привели къ толстому нѣмецкому майору. Онъ сказалъ что то непонятное, раздѣлилъ и отправилъ по вагонамъ, но теперь уже совсѣмъ скотскимъ, безъ соломы, съ остатками только что выведенныхъ животныхъ. Заперли по 35 человѣкъ. Всѣ стоятъ — сѣсть нельзя. Холодно — стынутъ ноги. Хочется ѣсть. Но мы подъ замкомъ.

Тронулись.

На утро двери вагоновъ открыли. Поѣздъ идетъ — всѣ сидятъ, смотрятъ на угрюмый, разоренный войной и оккупаціей край. На каждой станціи — нѣмецкіе товарные поѣзда. Русскіе рабочіе подъ присмотромъ нѣмецкихъ солдатъ грузятъ на нихъ то уголь, то муку, лѣсъ, сѣно, солому. Поѣзда уходятъ въ Германію.

Ѣдемъ черезъ Бѣлостокъ, Брестъ-Литовскъ, Оссовецъ — вездѣ одна и та же картина. Разбитые снарядами дома, понурые измученные люди, худой скотъ, почти нечего купить. А нѣмецкіе поѣзда грузятъ необходимые населенію предметы и увозятъ въ Германію.

Теперь на станціяхъ можно слѣзать. Пробуемъ говорить съ мѣстными людьми о нѣмцахъ. Только рукой машутъ они. «Всё — чисто всё, вывозятъ, разорили всѣхъ . . .», слышимъ жалобы.

Съ каждымъ часомъ мы близимся къ Германской границѣ. 3 января переѣхали ее и остановились у ст. Prostken.

Всѣ высыпали изъ вагоновъ. Для большинства германскій ландшафтъ новъ. Оборванные, вшивые, грязные, голодные «эмигранты» съ любопытствомъ смотрятъ на красненькіе черепичные домики деревень, на словно скатертью покрытое шоссе съ подстриженными деревьями, на здоровыхъ дѣтишекъ, стучащихъ деревянными туфлями.

Замелькали одна за другой станціи Körschen, Allenstein, Deutsch-Eylau, Graudenz, Schneidemühl . . . Живя въ Россіи — о Германіи думалось, какъ о странѣ совершенно разоренной, доведенной войной до нищенства. Въ воображеніи рисовались голодъ, нужда, разоренье. Но, переѣхавъ границу, впечатлѣнье было иное. Эти чистенькія станціи съ кіосками полными газетъ, журналовъ, книгъ, открытокъ и всё такъ дешево — удивили. Въ Россіи всё печатное было уже недоступно. Аккуратные, убранные вокзалы; продаютъ кофе, пиво, пирожное. Тоже удивило. Въ Россіи всё это бѣшено дорого, а здѣсь пфенниги.

Дали обѣдъ и по куску кровяной колбасы. Правда, обѣдъ не ахти, но лучше, чѣмъ намъ давали на Украинѣ — Мелькаютъ красные черепичные домики, аккуратные квадратные огороды, подстриженное, вылизанное шоссе. Желѣзнодорожники въ синихъ мундирахъ съ блестящими пуговицами. Всё такъ тихо, спокойно. Даже странно — нигдѣ ни выстрѣла. Люди потихоньку «живутъ». Живутъ съ напряженной дисциплиной, съ крѣпко сбитой организаціей.

Послѣ пережитой россійской безкрайней анархіи Германія показалась страной буржуазнаго отдохновенія.

Хочется купить открытку, послать своимъ, извѣстить — ни копейки денегъ. Да и не дойдетъ. Вѣдь мы отрѣзаны отъ Россіи. Ѣдемъ, быстро, ѣдемъ по Германіи.

На одной изъ станцій ночью проснулись отъ криковъ толпы. Что такое? Какъ въ Россіи! — Это повстрѣчались съ эшелономъ русскихъ военноплѣнныхъ, ѣдущихъ на родину. «А буржуи! Убѣгаете сволочи!» осыпали насъ военноплѣнные. Долго они ругались, кричали, грозили.

Мы молчали. И разъѣхались въ разныя стороны.

Проѣхали Kreuz, Küstrin, Neustadt. Вскорѣ по вагонамъ предупредили: въ Берлинѣ волненія, спартакистскіе безпорядки; черезъ городъ поѣдемъ — двери запереть и ни слова.

Неужели и здѣсь война?

Опять багажомъ ѣдемъ черезъ Берлинъ. Гдѣ то, проѣзжая надъ улицей, увидѣли въ щелку вагона демонстрацію съ красными флагами, услыхали крики, донеслись выстрѣлы. Какъ у насъ, подумалось.

Проѣхали столицу Германіи, проѣхали Spandau и поѣздъ остановился у ст. Döberitz.

Döberitz

Уже вечерѣло. По вагонамъ отдано распоряженіе: вылѣзать. Вылѣзли. Куда? Что такое? На платформѣ у станціи толпятся военноплѣнные французы, русскіе. Рядомъ стоитъ поѣздъ, въ который французы грузятся — уѣзжаютъ на родину, очевидно. У большого окна салонъ-вагона — французскій офицеръ въ голубомъ мундирѣ, въ красной расшитой шапочкѣ. Онъ ѣстъ печенье и удивленно — презрительно уставился на странныхъ оборванцевъ. Вотъ онъ, не то для удовольствія, не то изъ жалости, не довѣвъ пачки печенья — бросилъ ее въ нашу кучу и лѣниво отошелъ отъ окна. За печеньемъ метнулись, толкаются, хватаютъ — голодные.

Насъ строятъ ѣдущіе съ нами нѣмцы и ведутъ въ Döberitz. Оказывается, мы идемъ въ лагерь военноплѣнныхъ. На улицахъ попадаются встрѣчныя группы военноплѣнныхъ: русскіе, французы, румыны, сербы, итальянцы.

Русскіе кричатъ: «Изъ какого лагеря товарищи?!» — Но никто имъ не отвѣчаетъ — не знаютъ, что сказать.

Уже стемнѣло. Мы вышли изъ города. На возвышеніи чернѣли бараки лагеря, обнесенные проволокой. Гдѣ то далеко по направленію къ Берлину трещали выстрѣлы и ухала артилерія.

Вошли въ большой лагерный дворъ и въ темнотѣ остановились. Откуда то сразу обступили военноплѣнные. Опять непріятные вопросы: «Изъ какого лагеря, товарищи?» — «Съ Украины», вдругъ нерѣшительно говоритъ кто то. Удивленію нѣтъ границъ! «Съ Украины? Зачѣмъ же

вы пріѣхали?» Кто то пытается объяснить, но напрасно. Уже поняли... «А, буржуи бѣгутъ. Ну, недалеко убѣжите, здѣсь тоже большевизмъ завтра будетъ, слышите — стрѣльба, бой подъ Берлиномъ идетъ!»

Насъ обдали злобой, отъ которой становится больно и непріятно.

Идемъ въ бараки. Помѣщаютъ не съ русскими, а съ французами, итальянцами. Въ освѣщенномъ электричествомъ баракѣ гудитъ разноцвѣтная толпа. Красные штаны и свѣтлыя куртки французовъ, синіе матросы, голубые зуавы, черные итальянцы — всѣ обступили насъ. Уже узнали, кто мы. Крики, шумъ. Съ наръ спрыгиваютъ другіе, бѣгутъ, разспрашиваютъ. Гудятъ разговоры. Французъ-матросъ съ богатырской квадратной грудью ведетъ меня и товарищей — занять мѣста. Лѣземъ на голыя нары. Но лежать намъ не даютъ. Французы безъ умолку разспрашиваютъ. Не вѣрятъ, что мы офицеры. Интересуются, что такое «boulgevique». Ругаютъ бошей и русскихъ военнопленныхъ. Необыкновенно горды побѣдой. «Nous sommes Français», кричитъ какой то французъ. Но мы очень голодны. Даже разсказывать трудно. Наши союзники это замѣтили — несутъ галетъ, консервовъ, шоколада. И стыдно брать. И отъ голода нѣтъ силъ отказаться.

Весь вечеръ проходитъ въ разсказахъ и разговорахъ.

Раннимъ утромъ, чуть только начало свѣтать — мы уже проснулись отъ криковъ «lumière! lumière!» Вмѣстѣ съ криками по бараку полетѣли консервныя коробки, поднялся шумъ. Итальянцы поютъ, топаютъ, приплясываютъ. Французы кричатъ.

Они скоро ѣдутъ на родину. И близость отправки сдѣлала ихъ дѣтьми. Шумъ, гамъ не прекращается весь день. Они получаютъ продукты на дорогу, деньги. Бѣгаютъ. Забросали полъ пустыми банками консервовъ, ломаютъ нары. Угощаютъ насъ.

А на дворѣ мы встрѣчаемся съ нашими русскими. Пасмурные, озлобленные они недовѣрчиво вступаютъ въ разговоръ. Съ злобой смотрятъ на богатство и радость французовъ. «Всю войну такъ жрали. А нашъ братъ съ капусты дохъ. На нихъ же служили ... ихъ мать. Хоть одна бы сволочь намъ что-нибудь прислала». Въ словахъ земляка справедливая обида.

Но мало говоримъ мы съ нашими. Они вскрыли въ насъ «буржуевъ» и открыто непріязненны. Даже пожалѣли, что мало ихъ осталось въ этомъ лагерѣ, а то бы ...

Черезъ день по нашемъ прибытіи французы, итальянцы, сербы, румыны отправлялись на родину.

Въ громадный дворъ лагеря изъ настежь открытыхъ бараковъ выбѣгаютъ плѣнные. Бѣгутъ въ разныя стороны, къ своимъ группамъ и тамъ строятся въ колонны съ чемоданами, мѣшками на рукахъ. Надъ каждой изъ колоннъ развѣвается, самими сдѣланный, громадный національный флагъ; у многихъ въ рукахъ — маленькіе флажки. Длинныя колонны громко, радостно поютъ свои гимны. Несется марсельеза, поютъ итальянцы, сербы, румыны. Кричатъ свое ура. Машутъ шапками!!

Мы рваные, голодные стоимъ кучками вдалекѣ двора. Безъ семьи, безъ своего народа, вышвырнутые съ родины ... Колонны съ радостными пѣснями, криками, махая шапками — шумно двинулись одна за другой. Пошли — на родину ... Въ нашей кучкѣ у однихъ навернулись слезы, другіе неловко отвернулись. И отошли.

Романъ Гуль

Отступленіе отъ Одессы

(Январь 1920 г.)

Къ концу 1919 г. ясно обозначилось пораженіе и разложеніе Добровольческой Арміи. Она безостановочно катилась на югъ къ Черному морю почти безъ всякаго давленія со стороны противника. Главное командованіе постепенно теряло изъ своихъ рукъ нити управленія арміями; связь между высшими штабами и отдѣльными войсковыми частями становилась съ каждымъ днемъ слабѣе, пока совершенно не исчезла. Каждая часть начинала дѣйствовать на свой рискъ и страхъ, отходя куда и когда угодно, не считаясь съ общей обстановкой и игнорируя боевые приказы. Сыпной тифъ, принявшій съ наступленіемъ холода угрожающіе размѣры, и массовое дезертирство солдатъ, потерявшихъ всякое довѣріе къ командному составу, лишили армію боеспособности и превратили ее въ какой-то огромный обозъ, наполненный семьями офицеровъ, бѣженцами изъ занятыхъ большевиками областей, гражданскими чиновниками, эвакуируемыми вмѣстѣ съ отходомъ войскъ, и всякимъ родомъ посторонняго люда, ничего общаго съ арміей не имѣющаго и невѣроятно тормозящаго ея движеніе. Вся эта масса приближалась къ приморскимъ городамъ частью походнымъ порядкомъ, частью — гдѣ это еще можно было — по желѣзнымъ дорогамъ.

Само собою понятно, что при такихъ обстоятельствахъ оборона черноморскаго побережья, въ частности Одесскаго района, имѣла шансы на успѣхъ лишь при полномъ напряженіи силъ всѣхъ еще не разложившихся частей и въ случаѣ привлеченія къ дѣлу обороны всѣхъ слоевъ населенія и общества, не сочувствующихъ большевизму. Однако ген. Шиллингъ не сумѣлъ использовать эти силы несмотря на довольно благопріятную обстановку, получившуюся вслѣдствіе благожелательнаго настроенія къ дѣлу Добровольческой Арміи среди нѣкоторыхъ частей мѣстнаго населенія.

Вся южная часть Херсонской губерніи покрыта цѣлой сѣтью богатѣйшихъ и весьма благоустроенныхъ нѣмецкихъ колоній. Колонистъ хлѣборобъ въ одно и то же время отличный солдатъ и злѣйшій врагъ коммунизма. Ему присуща, какъ и каждому богатому крестьянину, а въ особенности нѣмецкому, крупная доля консерватизма, а за землю свою онъ готовъ отдать жизнь.

Возстаніе нѣмцевъ-колонистовъ весною 1919 г. подъ предводительствомъ русскаго генерала (изъ колонистовъ) Шелля, подавить которое стоило большевикамъ громадныхъ усилій и многочисленныхъ жертвъ,

было краснорѣчивымъ показателемъ ихъ ненависти къ непривычному для нихъ совѣтскому строю и къ совѣтскимъ порядкамъ. Взятіе Одессы добровольцами въ августѣ 1919 г. тоже происходило при участіи колонистовъ, среди которыхъ идея борьбы съ коммунизмомъ пользовалась громадной популярностью. Лучшія пѣхотныя части Добровольческой Арміи пополняли свой составъ почти исключительно нѣмцами-колонистами.

Однако, вопреки требованіямъ самихъ колонистовъ и ихъ представителей, выраженнымъ, между прочимъ, на первомъ съѣздѣ колоній въ сентябрѣ 1919 г., командованіе Добровольческой Арміи отказалось отъ объявленія всеобщей мобилизаціи колонистовъ и всячески старалось препятствовать дальнѣйшему развитію нѣмецкихъ батальоновъ, сформированныхъ по собственной иниціативѣ. Нѣкоторые «военные авторитеты» доходили даже до того, что считали неумѣстнымъ пользоваться услугами людей нѣмецкаго происхожденія, памятуя войну съ Германіей.

Когда же одесскому району стала угрожать непосредственная опасность, Совѣтъ нѣмецкихъ колоній рѣшилъ по собственному почину организовать самооборону края, предоставивъ высшее руководство уже упомянутому ген. Шеллю. Это рѣшеніе было принято весьма враждебно со стороны штаба Главнокомандующаго Войсками Новороссійской Области. Особенно старался повредить этому дѣлу пользовавшійся самой плохой репутаціей въ офицерскихъ кругахъ Начальникъ Штаба генералъ Ч., про котораго ходили упорные слухи, что онъ тайно состоитъ на совѣтской службѣ.

Чтобы создать противовѣсъ организаціи самооборны колонистовъ, была создана должность Начальника Обороны Одесскаго района, которому de iure были подчинены всѣ отряды самообороны. Начальникомъ обороны былъ назначенъ генералъ-майоръ графъ Игнатьевъ, бывшій командиръ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка. Работа его громаднаго штаба шла чрезвычайно вяло: за полтора мѣсяца дѣло обороны фактически не подвинулось ни на шагъ впередъ. Между штабомъ обороны и штабомъ самообороны не было никакой согласованности дѣйствій, наоборотъ, оба штаба зачастую работали другъ противъ друга.

Другой рѣшающей мѣрой штаба ген. Шиллинга была отправка изъ Одессы въ Вознесенскъ самой надежной воинской части, перваго пѣхотнаго полка колонистовъ. Несмотря на то, что солдатамъ этого полка обѣщали не выводить ихъ изъ района колоній, полку все таки было приказано отправиться въ Вознесенскій районъ. Когда-же солдаты отказались исполнить это приказаніе и частью разошлись по домамъ, частью перешли въ организаціи генерала Шелля, генералъ Ч. объявилъ колонистовъ неблагонадежнымъ элементомъ и приказалъ прекратить снабженіе организаціи самообороны оружіемъ. Начались длительные переговоры, во время которыхъ, понятно, работа по формированію новыхъ частей самообороны едва подвигалась впередъ.

Тѣмъ временемъ большевики стали подходить къ Одесскому району. Безъ боя были заняты ими Вознесенскъ и Николаевъ. Среди крестьянъ началось большевистское движеніе: организовывались банды, нападавшіе на колоніи и на мелкіе добровольческіе отряды. Крестьяне тайно и явно поддерживали большевиковъ, потому что надѣялись получить отъ нихъ земли колонистовъ контръ-революціонеровъ.

Въ результатѣ большевикамъ удалось довольно свободно пройти полосу колоній. Тамъ, гдѣ они встрѣчали сопротивленіе, они подавляли его, примѣняя свое обычное средство — терроръ. Мелкіе отряды «самообороны» частью ликвидировались, частью отошли въ городъ. Послѣдняя надежда на оборону Одессы рухнула. Участь города была рѣшена.

Правда, имѣлась еще возможность организовать оборону самой Одессы, ибо въ ней имѣлось около 80.000 вооруженныхъ людей, большей частью офицеровъ. Но вся эта вооруженная масса была лишена всякой организаціи и недоставало тѣхъ людей, которые могли бы ее создать. Офицерство къ тому времени было настолько деморализовано, что никто не думалъ о сопротивленіи надвигающейся опасности, а каждый мечталъ лишь о томъ, какъ бы получить возможно больше казенныхъ денегъ, обмѣнять ихъ на иностранную валюту и скорѣй скрыться за-границу. На укрѣпленіе Одесскаго района были ассигнованы громадныя суммы и намѣчались грандіозныя фортификаціонныя работы. Но все осталось на бумагѣ. Военные инженеры получили колоссальные авансы, но никакихъ работъ не производили.

При такихъ условіяхъ рѣшено было начать эвакуацію. Войска Новороссіи должны были переправиться въ Варну, частью морскимъ путемъ, частью походнымъ порядкомъ черезъ Румынію. Согласно приказа ген. Шиллинга право на эвакуацію моремъ имѣли лишь семьи офицеровъ, гражданскіе чиновники и больные. Всѣ строевыя части должны были отходить походнымъ порядкомъ. Однако и этотъ приказъ остался на бумагѣ. Въ тѣ дни можно было наблюдать, какъ въ Одесскомъ порту преспокойно грузились цѣлые полки и строевыя артиллерійскія части — счастливцы, которымъ такъ или иначе удалось зафрахтовать пароходъ. За то не хватало на корабляхъ мѣста для госпиталей, переполненныхъ больными и ранеными офицерами, которымъ пришлось остаться въ Одессѣ и стать жертвами большевистской расправы. Наканунѣ сдачи города погрузилось въ порту Одесское Сергіевское Артиллерійское Училище въ составѣ 300 здоровыхъ юнкеровъ, а Одесскій Кадетскій Корпусъ отправился впослѣдствіи со всѣмъ преподавательскимъ персоналомъ походнымъ порядкомъ.

Итакъ Одесскій гарнизонъ, въ случаѣ прихода большевиковъ, долженъ былъ отходить. Но куда? Никакихъ опредѣленныхъ приказаній дано не было, а было предоставлено отдѣльнымъ частямъ выбирать себѣ направленіе. Одни рекомендовали идти на Овидіополь, другіе на Маяки, третьи на Тирасполь. Но самый кардинальный вопросъ — пропуститъ ли Румынія отряды Добровольческой Арміи — оставался открытымъ. Въ штабѣ генерала Шиллинга царило по этому вопросу полное невѣдѣніе. Отъ чиновъ штаба, которымъ надлежало бы быть въ этомъ вопросѣ вполнѣ освѣдомленными, никакого толка добиться нельзя было. Штабъ ген. Шиллинга вообще не интересовался вопросомъ, какая участь ожидаетъ подчиненныя ему войска. Штабъ ген. Шиллинга имѣлъ свой пароходъ «Владимиръ» и въ одинъ прекрасный день благополучно погрузился на него.

Бѣгство ген. Шиллинга было для Одесскаго гарнизона большой неожиданностью, ибо еще наканунѣ было заявлено, что большевики далеко и что имъ будетъ оказано самое рѣшительное сопротивленіе.

Власть въ городѣ перешла въ руки коменданта города полковника Стесселя. Однако и ему пришлось дня черезъ два оставить Одессу съ остатками гарнизона. Городу угрожала опасность не только отъ Красной Арміи, передовые отряды которой подходили къ Одессѣ со стороны Николаева, но и отъ мѣстныхъ коммунистовъ, давно уже организовавшихся и обладавшихъ большимъ количествомъ оружія. 23-го января ст. ст. вспыхнуло на Молдаванкѣ (предмѣстье Одессы) возстаніе, подавить которое удалось съ большимъ трудомъ. Зато въ ночь на 25 января коммунисты заняли Пересыпь и начали оттуда обстрѣливать изъ пулеметовъ гавань и русскіе, и иностранные пароходы. Англійскій крейсеръ, стоявшій на внѣшнемъ рейдѣ, открылъ огонь, но не рѣшился стрѣлять по городу, куда къ тому времени успѣли уже пробраться коммунисты. Въ городѣ и гавани началась невѣроятная паника. Офицеры и ихъ семьи, проживавшіе разбросанно по всему городу на частныхъ квартирахъ, въ ужасѣ бросились въ гавань, надѣясь попасть на корабли или бѣжали на западныя окраины города, для соединенія съ обозами и частями, отступающими походнымъ порядкомъ. Въ гавани собралась многотысячная толпа, ожидая погрузки на пароходы. Но ввиду недостатка угля и нежеланія моряковъ подвергать себя опасности, большинство кораблей отказалось принимать пассажировъ и поспѣшило уйти въ море. Оставшимся на берегу и тѣснимымъ уже со всѣхъ сторонъ большевиками ничего другого не оставалось, какъ пробиваться черезъ кольцо большевиковъ и отходить вдоль берега въ юго-западномъ направленіи. Наскоро, тутъ же въ гавани, сформированному офицерскому отряду удалось къ вечеру прочистить дорогу и дать возможность остальнымъ покинуть, подъ прикрытіемъ темноты, Одессу. Ночью почти всѣ части Одесскаго гарнизона соединились въ колоніи Гроссъ-Либенталь или Большая Вакаржа (20 верстъ западнѣе Одессы). Къ тому времени въ Одессу вошли уже регулярныя части Красной Арміи. Англійскіе крейсера обстрѣляли еще слегка Пересыпь, а къ утру снялись съ якоря, бросая на произволъ судьбы несчастный городъ и остатки Добровольческой Арміи, взятой недавно еще ими подъ свое покровительство.

Овидіопольскій Отрядъ

Гроссъ-Либенталь — цвѣтущая нѣмецкая колонія, насчитывающая болѣе 10.000 жителей. Въ ней имѣется восьмиклассная гимназія, народная библіотека и нѣсколько народныхъ училищъ. Электрическая станція снабжаетъ свѣтомъ дома колонистовъ. Не смотря на то, что съ каждымъ днемъ сюда прибывали все новыя и новыя части, всѣ свободно размѣщались въ колоніи, всѣмъ хватало мѣста.

Что-же представляли изъ себя части Добровольческой Арміи? Ничто иное, какъ громадные, безконечные обозы, нагруженные далеко не однимъ военнымъ имуществомъ, но главнымъ образомъ всевозможными товарами (сахаромъ, табакомъ, кожами, мыломъ и мн. др.). Денегъ у всѣхъ было много, но деньги эти (деникинскія) нигдѣ, кромѣ Одессы, не принимались. Потому каждый, кто могъ, закупилъ въ Одессѣ всевозможные товары, расчитывая ихъ продать за-границей, въ Румыніи или въ Польшѣ, куда предполагалось отходить. Военные, а тѣмъ болѣе

боеспособные, составляли незначительную часть отступающей массы. Преобладали жены и дѣти офицеровъ; гражданскіе чиновники, эвакуируемые со своими семьями изъ одного мѣста въ другое; бѣженцы, везущіе съ собою свои послѣднія пожитки — среди этихъ пожитокъ находилось впрочемъ не мало драгоцѣнныхъ вещей; иностранцы, не желавшіе оставаться съ большевиками и примкнувшіе къ Добровольческой Арміи; больные, перевозимые на подводахъ; раненые и наконецъ спекулянты всякихъ категорій, расчитывающіе на удобный случай перейти границу вмѣстѣ съ отрядами Добровольческой Арміи.

Въ Гроссъ-Либенталѣ мы впервые узнали, что румынская граница закрыта и что румыны никого не пускаютъ черезъ Днѣстръ. Однако этому слуху какъ-то не вѣрили и надѣялись, что въ концѣ-концовъ все-таки удастся сговориться съ румынами.

Все же многія части, не задерживаясь, двинулись изъ Гроссъ-Либенталя прямо на Тирасполь, гдѣ имъ удалось благополучно соединиться съ арміей генерала Бредова, отступившей впослѣдствіи въ Польшу. Но уже 26 января, т. е. черезъ сутки послѣ паденія Одессы, эта дорога была перерѣзана красной кавалеріей, напавшей у кол. Гофнунгсталь на добровольческіе обозы и учинившей тамъ кровавую расправу надъ несчастными офицерами и ихъ семьями, застигнутыми врасплохъ.

Оставался лишь путь на Овидіополь. Легендарное мѣсто ссылки великаго римлянина — невзрачный городокъ на берегу днѣстровскаго лимана, расположенный напротивъ Аккермана (по румынски — Цитатеи Альба), уѣзднаго города бывш. Бессарабской губерніи. Лиманъ оказался покрытымъ толстымъ слоемъ льда, такъ что переправа даже тяжелыхъ обозовъ была вполнѣ возможна. Въ то время какъ по вечерамъ Овидіополь погружался въ полнѣйшую тьму, изъ Аккермана сверкали многочисленные электрическіе огоньки, весело манившіе насъ на эту сторону границы, гдѣ нѣтъ гражданской войны, гдѣ можно жить по-человѣчески, по-европейски.

Овидіополь былъ переполненъ войсками и бѣженцами. На скорую руку былъ сформированъ отрядъ. Старшимъ начальникомъ оказался генералъ Васильевъ, принявшій на себя обязанности начальника гарнизона и отряда. Однако фактически командовалъ отрядомъ полковникъ Стессель, бывшій комендантъ Одессы. Начальнику его штаба, полковнику Мамонтову, было поручено вести съ румынскими властями переговоры о переправѣ русскихъ войскъ въ Аккерманъ.

28 января отправился по льду въ Аккерманъ Одесскій Кадетскій Корпусъ со всѣмъ преподавательскимъ персоналомъ. Директоръ Корпуса ѣздилъ наканунѣ въ Аккерманъ и получилъ отъ румынскаго коменданта разрѣшеніе на переправу послѣ того, какъ имъ была послана телеграмма румынской королевѣ Маріи. Дѣти благополучно переправились черезъ лиманъ (10 верстъ) и уже приближались къ бессарабскому берегу, какъ вдругъ были обстрѣляны румынской артиллеріей. Кадеты въ испугѣ и недоумѣніи остановились — среди нихъ были раненые и контуженные. Не желая подвергать дѣтей новой опасности, директоръ корпуса приказалъ кадетамъ вернуться въ Овидіополь, а самъ поѣхалъ подъ прикрытіемъ бѣлаго флага въ Аккерманъ для выясненія инцидента.

Въ этотъ день удалось переправиться на тотъ берегъ лишь румынскимъ поддапнымъ (бессарабцамъ) и нѣкоторымъ полякамъ. Обстрѣлъ дѣтей произвелъ среди русскихъ въ Овидіополѣ удручающее впечатлѣніе.

Однако ночью прошелъ слухъ, что обстрѣлъ кадетъ произошелъ по недоразумѣнію и что полковнику Мамонтову удалось добиться отъ румынъ разрѣшенія на переправу. Дѣйствительно черезъ нѣсколько часовъ былъ полученъ отъ генерала Васильева приказъ выступить всѣмъ частямъ гарнизона съ утра на ледъ и перейти на румынскую территорію, соблюдая всѣ существующія на этотъ предметъ правила международнаго права.

И вотъ съ утра стали спускаться по набережной Овидіополя и тянуться по льду безконечные обозы: впереди иностранцы, дальше гражданскіе бѣженцы, Кадетскій Корпусъ, госпиталя, слабосильныя команды, войсковые обозы и, наконецъ, строевыя части. Мимо обозовъ нѣсколько разъ проѣзжалъ автомобиль съ румынскимъ офицеромъ, который любезнымъ жестомъ приглашалъ насъ на тотъ берегъ . Дѣйствительно пропустили почти всѣхъ иностранцевъ и кадетъ. Провѣрки документовъ шли очень медленно и мы весь день простояли на льду, ожидая нашей очереди.

Когда стало темнѣть, румыны заявили, что остальныхъ они раньше утра пропустить не могутъ. Пришлось ночевать на льду, подъ открытымъ небомъ, при сильномъ морозѣ и пронизывающемъ вѣтрѣ. Особенно страдали больные (въ большинствѣ сыпно-тифозные), лежа на повозкахъ безъ всякой защиты отъ холода. Всю ночь на льду стоялъ стонъ этихъ несчастныхъ, умирающихъ отъ жажды, а помочь имъ было невозможно, ибо нигдѣ нельзя было достать прѣсной воды. Всѣхъ поддерживали одни надежды, что утромъ примутъ насъ румыны и мы попадемъ хотя въ мало-мальски культурныя условія.

Однако, утромъ насъ ожидало новое горькое разочарованіе. Съ разсвѣтомъ, когда приводились въ порядокъ обозы, мы увидѣли какихъ-то людей, возвращавшихся съ румынскаго берега. Къ нашему немалому удивленію мы скоро узнали въ нихъ несчастныхъ кадетъ. «Насъ выгнали румыны», заявили дѣти. Оказалось, что румыны вечеромъ приняли дѣтей и размѣстили ихъ въ мѣстной гимназіи. Въ 11 часовъ ночи въ зданіе гимназіи былъ введенъ румынскій отрядъ съ пулеметами и кадетамъ было предложено немедленно покинуть гимназію и вернуться въ Овидіополь.

Но измученные двухдневными переходами дѣти заявили румынамъ, что они ни за что не уйдутъ, даже если ихъ будутъ обстрѣливать. Тогда румыны въ видѣ милости разрѣшили кадетамъ остаться въ Аккерманѣ до 6 часовъ утра.

Узнавъ о такомъ обращеніи румынъ съ дѣтьми, мы потеряли всякую надежду попасть въ Аккерманъ и рѣшили вернуться въ Овидіополь. Пытавшіеся все-таки пробраться на бессарабскій берегъ встрѣчались румынской пограничной стражею пулеметнымъ огнемъ.

Чѣмъ было вызвано такое отношеніе румынъ — неизвѣстно. Возможно, что румыны, увидя передъ собою нашъ 10 тысячный отрядъ съ громадными обозами, испугались и рѣшили взять обратно данное обѣщаніе. Возможно однако, что вина лежала на сторонѣ нашего начальства, генерала Васильева и полковника Стесселя, не сумѣвшихъ сговориться съ румынскими властями. Ходилъ слухъ, что румыны потребо-

вали во время переговоровъ безусловнаго разоруженія и выдачи всего военнаго имущества — требованіе впрочемъ вполнѣ справедливое, и соотвѣтствующее обычаямъ международнаго права — на что начальники нашего отряда ни за что не хотѣли соглашаться, считая это несовмѣстимымъ съ достоинствомъ Добровольческой Арміи. По другимъ версіямъ въ Аккерманѣ была получена изъ Букареста инструкція, никого ни подъ какимъ видомъ не пропускать черезъ границу.

Что намъ оставалось теперь дѣлать? Большевики наступали со стороны Одессы и ихъ части успѣли уже занять село Маяки на Днѣстрѣ, что верстъ на 20 выше Овидіополя. Мы оказались почти въ безвыходномъ положеніи: были прижаты къ румынской границѣ и не имѣли возможности перейти ее. Послѣ долгихъ совѣщаній было рѣшено во что бы то ни стало пробиваться на сѣверъ вдоль Днѣстра и гдѣ-нибудь въ Подольской губерніи соединиться съ украинскими или польскими войсками.

Этотъ планъ былъ-бы вполнѣ осуществимъ, если Овидіопольскій отрядъ состоялъ бы исключительно изъ строевыхъ и боеспособныхъ частей. Но увы! отрядъ генерала Васильева былъ ничто иное, какъ громадный обозъ, растянутый на 12 верстъ.

Вооруженныхъ людей набралось бы въ отрядѣ пожалуй тысячи три, но всѣ эти люди не составляли боевой единицы, а были раздроблены на цѣлый рядъ автономныхъ частей, совершенно произвольно и случайно сформированныхъ.

Такъ былъ, напримѣръ, отрядъ кадетъ, отрядъ Кременчугской городской стражи, отрядъ «Союза Возрожденія Россіи», которымъ командовалъ извѣстный В. В. Шульгинъ и мн. др.

Было ясно, что при такихъ условіяхъ шансы на благополучный исходъ задуманнаго предпріятія были съ самаго начала весьма не велики.

И вотъ, 31 января (ст. ст.) вся эта масса, весь этотъ караванъ двинулся въ путь.

Не успѣли мы пройти какихъ-нибудь 15 верстъ, какъ на насъ напали большевики и обстрѣляли нашъ обозъ. Но на этотъ разъ все обошлось благополучно. Большевиковъ отбили и отрядъ двинулся дальше. Приходилось обходить всѣ русскія деревни изъ-за большевистскихъ наклонностей ихъ жителей и держаться исключительно нѣмецкихъ колоній, враждебно настроенныхъ къ большевикамъ.

Отрядъ шелъ почти безъ остановокъ днемъ и ночью. Приходилось цѣлыми днями ничего не ѣсть, не пить. Лошади съ трудомъ вытягивали перегруженныя подводы. Люди, голодные, изнуренные и усталые, волоклись какъ тѣни, длинной вереницею по обѣимъ сторонамъ дороги. Проходя мимо чистаго снѣга, всѣ съ жадностью бросались на него, чтобы утолить жажду. По ночамъ многіе падали отъ усталости и замерзали или попадали въ руки большевикамъ, шедшимъ по пятамъ отряда. Такъ мы путешествовали трое сутокъ.

Въ нѣмецкой колоніи Кандель мы вторично встрѣтились съ большевиками. На этотъ разъ дѣло было гораздо серьезнѣе. Они очевидно предполагали на этомъ мѣстѣ устроить намъ ловушку и обойти колонію со всѣхъ сторонъ. Едва мы успѣли размѣститься въ чистыхъ домахъ колонистовъ, весьма радушно насъ принявшихъ и угостившихъ кто чѣмъ могъ, какъ начался сильный артиллерійскій обстрѣлъ колоніи. Благо-

даря поставленной у насъ чрезвычайно слабо развѣдкѣ, краснымъ удалось незамѣтно подойти почти вплотную къ нашей стоянкѣ. Паника, которая неминуемо должна была произойти, еще усилилась, когда въ нашемъ тылу показалась красная кавалерія.

Тѣмъ не менѣе удалось сравнительно быстро собрать достаточное количество боеспособныхъ людей, чтобы отбить нападеніе большевиковъ. Перейдя затѣмъ въ контръ-наступленіе, мы даже заняли сосѣднюю колонію Зельчъ и захватили у красныхъ нѣсколько пулеметовъ.

Однако этимъ мелкимъ успѣхомъ наше положеніе не улучшилось. Мы находились всего въ 10 верстъ отъ желѣзной дороги Раздѣльная—Тирасполь. Отъ мѣстныхъ жителей мы узнали, что большевики подвозятъ изъ Одессы сильныя подкрѣпленія и держатъ наготовѣ бронепоѣзда. Стало ясно, что съ такимъ громаднымъ обозомъ, съ женщинами, съ дѣтьми, съ больными и съ не-военными совершенно невозможно пробиваться черезъ кольцо большевиковъ. Оставался выборъ — бросить всѣхъ, кто не могъ носить оружія на произволъ судьбы, а вооруженнымъ съ боемъ пробиваться впередъ или вторично попытаться отойти всѣмъ въ Румынію.

Выбрали второе. Рѣшено было хотя бы силою добиться переправы черезъ Днѣстръ на румынскую территорію.

Въ ночь на 3 февраля Овидіопольскій отрядъ покинулъ Кандель и утромъ началъ переправу.

Рѣка Днѣстръ сама по себѣ не широкая, всего какихъ-нибудь 20—30 сажень; но по обѣимъ ея берегамъ тянутся болота шириною на шесть верстъ, такъ называемыя плавни, зимою покрытыя льдомъ и заросшія камышемъ. Когда мы переправлялись черезъ эти плавни, было приказано бросить весь обозъ, за исключеніемъ повозокъ съ больными. Изъ вещей разрѣшено было брать съ собою только то, что каждый могъ унести на себѣ или навьючить на свою лошадь.

Сколько цѣннаго имущества, какое безчисленное количество оружія и повозокъ было тутъ брошено и попало въ руки мѣстныхъ бандитовъ, успѣвшихъ уже сорганизоваться и напасть на хвостъ нашего отряда.

Въ шести верстахъ отъ Днѣстра, за плавнями, живописно расположено на склонѣ холмовъ и виноградниковъ большое бессарабское село Раскаяцъ. Въ тѣ дни тамъ стояли пулеметная команда III батальона 32 румынскаго пѣхотнаго полка. Генералъ Васильевъ лично ѣздилъ туда для переговоровъ. Вначалѣ румыны категорически отказались впустить насъ. Когда-же генералъ Васильевъ заявилъ, что онъ въ такомъ случаѣ будетъ принужденъ съ боемъ войти въ Раскаяцъ, они испугались и разрѣшили отряду переночевать въ Раскаяцѣ. Тѣмъ не менѣе они обстрѣливали всѣхъ прибывавшихъ днемъ въ село и только съ наступленіемъ темноты прекратили стрѣльбу.

Для ночевки намъ было предоставлено 50 крестьянскихъ избъ въ самыхъ бѣдныхъ кварталахъ громаднаго села. Выходить за предѣлы отведеннаго для насъ района было румынами строго воспрещено. Въ полусознательномъ состояніи, едва передвигая ноги, мы, словно тѣни, молча и безшумно вошли въ Раскаяцъ. Отведенныхъ избъ разумѣется не хватило для всего отряда и большинство изъ насъ провело ночь подъ открытымъ небомъ, устроившись возможно комфортабельнѣе на стогахъ кукурузы.

Настало утро рокового для насъ 4 февраля. Ночью румыны предъявили начальнику отряда ультиматумъ очистить къ восьми часамъ утра деревню и вернуться обратно за Днѣстръ.

Съ утра въ деревнѣ началась суматоха. Начальство растерялось и не давало никакихъ распоряженій. Никто не зналъ, что нужно дѣлать: оставаться или уходить.

Такъ какъ къ 8 ч. утра деревня еще была занята отрядомъ, румыны открыли жесточайшій огонь изъ 14 пулеметовъ, установленныхъ на окружающихъ деревню высотахъ и виноградникахъ. Стрѣляли они отнюдь не въ воздухъ, а цѣлились весьма мѣтко въ людей, показывающихся на улицахъ. Сперва всѣ попрятались; но вскорѣ стали выбѣгать на улицу отдѣльные люди и направляться на гать, гдѣ была дорога, по которой мы наканунѣ вошли въ Раскаяцъ.

Примѣру этихъ людей стали слѣдовать и другіе и наконецъ по гати двинулась громадная, обезумѣвшая отъ ужаса толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей, желая спастись отъ огня румынъ, которымъ очевидно доставляло громадное удовольствіе обстрѣливать несчастныхъ, беззащитныхъ, травимыхъ то въ одну, то въ другую сторону людей.

Все перемѣшалось въ этой многотысячной толпѣ: люди, потерявшіе во время общей суматохи своихъ близкихъ и родныхъ и испытывающіе въ тѣ минуты ужасъ предсмертной агоніи, лошади, навьюченныя остатками пожитковъ несчастныхъ, повозки съ тяжело-больными сыпнотифозными, отдѣльные всадники.

Непріятная трескотня румынскихъ пулеметовъ, стоны раненыхъ и умирающихъ, отдѣльные выкрики людей, желавшихъ навести въ толпѣ порядокъ, истерики женщинъ и плачъ дѣтей — все это сливалось въ какую-то дикую и кошмарную симфонію, которая у всѣхъ, кто ее слышалъ и кому было суждено пережить это ужасное утро, навсегда останется въ ушахъ...

Приказаніе румынскихъ властей было точно исполнено: отрядъ очистилъ деревню, оставивъ на улицахъ и на гати цѣлый рядъ убитыхъ и много раненыхъ. Храбрые румынскіе пулеметчики еще долго продолжали свою работу и обстрѣливали даже тѣхъ, которые приходили на помощь раненымъ.

Какая-же участь постигла вернувшихся на «русскій» берегъ Днѣстра? Голодные, истощенные до крайности, потерявшіе свои послѣднія вещи, эти несчастные попадали въ руки бандитовъ, поджидавшихъ уже на томъ берегу своихъ жертвъ. Бандиты ихъ грабили догола, а затѣмъ безцеремонно приканчивали. Нѣсколько дней спустя румынскіе пограничники нашли на плавняхъ 12 труповъ, разсѣченныхъ топорами и изуродованныхъ до неузнаваемости.

Другіе попали въ руки регулярнымъ краснымъ войскамъ. Передавали, что красные послали парламентера къ генералу Васильеву, вокругъ котораго собрался небольшой отрядъ, съ предложеніемъ сдаться, обѣщая сохраненіе жизни.

Многіе, сознавая свое безвыходное положеніе, тутъ-же кончали самоубійствомъ. Такъ, напримѣръ, застрѣлился на глазахъ своей жены полковникъ баронъ Майдель.

Спаслись очень немногіе.

Эти послѣдніе обязаны своимъ спасеніемъ хладнокровію и рѣшительности бывшаго юрисконсульта Королевскаго итальянскаго Консульства въ Кіевѣ Г. А. Хойнацкаго, къ счастью очутившагося среди насъ. Во время всеобщей паники и бѣгства изъ деревни, вокругъ г-на Хойнацкаго собрались его ближайшіе знакомые, а также небольшая группа иностранцевъ (поляковъ, латышей, бессарабцевъ и др.), рѣшившихъ во что бы то ни стало оставаться на мѣстѣ и испытать свое счастье въ переговорахъ съ румынами, ибо уходъ обратно за Днѣстръ означалъ вѣрную смерть.

Наскоро былъ сконструированъ итальянскій флагъ изъ краснаго англійскаго носового платка, бѣлой тряпки и кѣмъ-то пожертвованной солдатской гимнастерки защитнаго цвѣта. Съ этимъ флагомъ г-нъ Хойнацкій отправился къ румынскому коменданту вести переговоры. Послѣдній вначалѣ категорически настаивалъ на нашемъ выселеніи съ румынской территоріи, ссылаясь на полученную имъ инструкцію не пропускать никого черезъ границу, даже румынскихъ подданныхъ. Тогда г-нъ Хойнацкій объявилъ ему, что румынскія власти обязаны считаться съ представителемъ союзнаго государства, взявшаго подъ свою защиту небольшую группу иностранцевъ. Комендантъ долго настаивалъ на своемъ, но въ концѣ концовъ послѣ упорныхъ убѣжденій г-на Хойнацкаго разрѣшилъ временно оставаться въ Раскаяцѣ иностранцамъ, однако требовалъ немедленнаго ухода всѣхъ русскихъ.

Вернувшись къ намъ, г-нъ Хойнацкій рекомендовалъ во-первыхъ всѣмъ офицерамъ снять погоны и вообще придать себѣ по возможности штатскій видъ, а во-вторыхъ придумать всѣмъ, имѣющимъ чисто-русскія фамиліи, иностранныя и выдавать себя за иностранцевъ. Былъ составленъ списокъ присутствующихъ «иностранцевъ» и отосланъ коменданту. Однако черезъ нѣкоторое время явилась команда румынъ съ сержантомъ во главѣ, объявившимъ намъ, что мы всѣ русскіе и потому должны немедленно покинуть деревню. Положеніе наше было чрезвычайно критическое, ибо почти никто не имѣлъ никакихъ документовъ, кромѣ военныхъ.

Къ счастью удалось благополучно предотвратить грозящую намъ опасность: кто-то сунулъ румынскому сержанту серебрянный рубль, послѣ чего онъ сталъ сговорчивѣе. Г-нъ Хойнацкій вторично отправился къ румынскому коменданту и предложилъ ему запросить относительно насъ его начальство, пока-же разрѣшить намъ оставаться на мѣстѣ. На это комендантъ согласился.

Вечеромъ того же дня пріѣхалъ въ Раскаяцъ Командиръ III баталіона 32 полка майоръ Т., человѣкъ въ высшей степени корректный и спокойный. Онъ распорядился не выселять насъ изъ Раскаяцъ, а отправить въ Аккерманъ, гдѣ находился международный пропускной пунктъ. Это распоряженіе было отчасти вызвано заступничествомъ нашихъ новыхъ союзниковъ, мѣстныхъ нѣмецкихъ колонистовъ, виноградарей, въ особенности-же энергичнаго и гостепріимнаго г-на З., который, будучи въ отличныхъ отношеніяхъ съ майоромъ, раскрылъ ему всю правду, объяснилъ ему наше безвыходное положеніе и уговорилъ его не выселять насъ. Тотъ-же г-нъ З. добился у румынъ отправки нашихъ больныхъ и раненыхъ въ ближайшій госпиталь и похоронъ убитыхъ на мѣстномъ православномъ кладбищѣ.

Два дня мы еще прожили въ Раскаяцѣ, при чемъ дѣло обошлось не безъ инцидентовъ. По ночамъ врывались въ избы, въ которыхъ мы ночевали, румынскіе солдаты и безпощадно насъ грабили, забирая деньги, кольца, часы, сапоги и все, что имъ нравилось.

Наконецъ насъ отправили на подводахъ въ Аккерманъ: всего 127 спасшихся изъ 16.000-аго Овидіопольскаго отряда.

Помѣстили насъ въ Аккерманѣ частью въ гостинницѣ, частью въ еврейской школѣ. Режимъ былъ строго тюремный. Днемъ и ночью стояли у дверей часовые. Гулять по городу вначалѣ совершенно не разрѣшалось, потомъ лишь по особому разрѣшенію коменданта и въ сопровожденіи караульнаго. Мы считались въ карантинѣ.

Жутко становилось намъ, когда мы съ балкона нашей гостинницы смотрѣли на столь хорошо намъ знакомый лиманъ и на окутанный туманомъ Овидіополь, гдѣ уже во всю хозяйничали большевики. До послѣднаго дня мы не были увѣрены, что румыны не отправятъ насъ обратно въ Россію.

Но въ общемъ въ Аккерманѣ намъ жилось довольно хорошо. Добрые нѣмцы-колонисты ежедневно пріѣзжали изъ сосѣднихъ колоній, чтобы привозить намъ обѣдъ, кофе, молоко и много другого съѣдобнаго.

Кромѣ того насъ всѣхъ взялъ подъ свое покровительство мѣстный представитель Польши, г-нъ Вагнеръ, бывшій чиновникъ I Департамента Сената, самъ испытавшій на себѣ всѣ прелести совѣтскаго режима и понявшій наше положеніе.

Во время двухнедѣльнаго нашего пребыванія въ карантинѣ бывали нерѣдко всевозможные инциденты между нами и румынскимъ начальствомъ; но всѣ эти инциденты удавалось благополучно улаживать благодаря вмѣшательству г-на Вагнера. Онъ-же умѣлъ великолѣпно разсѣивать подозрѣнія румынъ противъ нѣкоторыхъ изъ насъ, подозрѣнія ровно ни на чемъ не основанныя и въ большинствѣ случаевъ удивительно наивныя.

Въ Аккерманѣ иногда появлялись мелкими партіями другіе участники нашего похода, покинувшіе Раскаяцъ въ то кошмарное утро которымъ послѣ долгихъ скитаній и невѣроятныхъ лишеній и мытарствъ удалось наконецъ спастись въ Румынію.

Ровно четыре недѣли послѣ нашего отхода изъ Одессы, насъ отправили по желѣзной дорогѣ изъ Аккермана въ Галацъ. Часть нашихъ спутниковъ оттуда поѣхала черезъ Тульчу въ Варну; остальные устроились въ польскомъ санитарномъ поѣздѣ, посланномъ спеціально за бѣженцами, и были благополучно доставлены до Львова, откуда уже разъѣхались по всѣмъ сторонамъ.

Ф. Штейнманъ

Полтора года въ совѣтскомъ Главкѣ

Съ начала 1919 г. по сентябрь 1920 г. мнѣ пришлось прослужить въ одномъ изъ видныхъ промышленныхъ учрежденій Совѣтской Россіи, занимая должности послѣдовательно отъ дѣлопроизводителя до управляющаго отдѣломъ (въ качествѣ „спеціалиста"). Личныя наблюденія, накопившіяся у меня за время этой службы, могутъ быть небезинтересны, какъ потому, что даютъ извѣстный матеріалъ для общей картины жизни центральныхъ совѣтскихъ канцелярій, такъ, въ частности, и потому, что описываемое мною учрежденіе — Главный Лѣсной Комитетъ и входящее въ его составъ Управленіе Деревообрабатывающей Промышленности, является однимъ изъ наиболѣе важныхъ Главковъ.

Въ вѣдѣніи этого Управленія состоятъ всѣ предпріятія по механической обработкѣ дерева (лѣсопильные и фанерные заводы и т. д.), а также промышленность по кустарной обработкѣ дерева по всей Совѣтской Россіи, включая Украину, Сибирь, Кавказъ; общее число подвѣдомственныхъ Управленію предпріятій — около 2000. Уже это обстоятельство — неопредѣленность для самого Управленія числа управляемыхъ предпріятій — крайне характерно для всей «работы». Еще болѣе гадательнымъ являлось число рабочихъ въ предпріятіяхъ: по однимъ даннымъ, къ лѣту 1920 г., это число равнялось 44.000 чел., по другимъ, къ тому же времени, — 120.000 чел. Обѣ цифры безъ разбора давались, какъ официальныя данныя, и клались въ основаніе докладовъ, декретовъ и распоряженій. О томъ, какіе заводы работаютъ, какіе стоятъ, и почему, свѣдѣнія чисто случайныя и проблематичныя. Только лѣтомъ 1920 г. удалось заставить заводоуправленія сообщать о случаяхъ уничтоженія заводовъ пожарами, и надо отдать справедливость: отвѣты посыпались, какъ изъ рога изобилія. Еще менѣе знаютъ въ центрѣ, что именно и какъ дѣлаютъ немногіе работающіе заводы: подавляющая масса заводовъ не даетъ ни производственныхъ отчетовъ, ни отчетовъ въ израсходованіи лѣсныхъ матеріаловъ и милліардовъ рублей, отпускаемыхъ по смѣтамъ и безпрерывнымъ сверхсмѣтнымъ требованіямъ.

Не надо однако полагать, что центральныя учрежденія не дѣлаютъ попытокъ къ налаженію отчетности. Совершенно напротивъ: и Главлѣскомъ, и его Управленіе Деревообработыв. Пром., и всѣ Отдѣлы и подъотдѣлы послѣдняго безпрестанно вырабатываютъ самыя остроумныя формы отчетныхъ бланковъ и вѣдомостей. Эти же формы составляетъ и Центральный Статистическій Комитетъ, и Финансово-Счетный отдѣлъ Высовнархоза, и бывшій Департаментъ Неокладныхъ Сборовъ, не помню,

какъ переименованный, и т. д., и т. д. Всѣ эти различныя формы претендуютъ на всеобъемлющесть и научную точность; нѣкоторыя изъ нихъ не умѣщаются на простыхъ листахъ бумаги, а располагаются на простыняхъ, склеенныхъ изъ нѣсколькихъ листовъ. Выработанныя формы, съ самымъ категорическимъ приказомъ о заполненіи и съ угрозами чрезвычайкой, разсылаются одновременно и разновременно по мѣстамъ и черезъ нѣсколько недѣль попадаютъ на лѣсопильный заводъ. Во главѣ завода въ лучшемъ случаѣ стоитъ полуграмотный приказчикъ, для котораго всѣ эти противорѣчащія другъ другу анкеты и требованія совершенно невыполнимы. Да и на немногихъ болѣе крупныхъ предпріятіяхъ, гдѣ имѣется интеллигентный персоналъ, бланки и формы центра являются непосильнымъ бумажнымъ дождемъ. Какъ на результатъ подобной постановки отчетности, укажу на слѣдующіе примѣры. 3 января 1920 г. въ наше учрежденіе, какъ и во всѣ прочіе Главки, прибыла срочнѣйшая телефонограмма Ларина, съ предложеніемъ представить ему не позднѣе 1 ч. дня 5 января основной отчетъ по управляемой отрасли промышленности за 1919 г., по слѣдующимъ пунктамъ: число заводовъ, работающихъ и неработающихъ, число рабочихъ и служащихъ, количество потребленнаго сырья и техническихъ матеріаловъ, количество выработанныхъ лѣсныхъ матеріаловъ, истраченныя суммы денегъ. За исполненіе работы къ сроку обѣщалась соблазнительная премія: на каждаго участника работы по 2 ф. сахара и четверть чая. «Мобилизовали» сотрудниковъ, засѣли за вечернія занятія. Первымъ долгомъ обратились въ Статистико-Экономическій Отдѣлъ Главлѣскома, который долженъ получать два раза въ мѣсяцъ телеграммы съ заводовъ о ходѣ работы. Однако, мы нашли тамъ свѣдѣнія только съ 5 заводовъ за разрозненные мѣсяцы; остальные 2000 съ лишнимъ заводовъ отчета не дали. Кинулись опять къ перепискѣ и толстымъ «дѣламъ» Управленія, но и тамъ нашли не больше. Между тѣмъ, начальство требуетъ отчетъ; 2 ф. сахара къ праздникамъ — соблазнъ немалый, — и отчетъ былъ составленъ «логическимъ» путемъ: взяли приблизительное число заводовъ, интуитивно опредѣлили число работающихъ станковъ, путемъ умноженія на 25 вывели число рабочихъ и такимъ же геніально простымъ путемъ получили всѣ остальныя нужныя цифры. Отчетъ былъ представленъ Ларину за 2 часа до срока и, вмѣстѣ съ другими, составленными, какъ я слышалъ отъ участниковъ, по тому же рецепту, легъ въ основаніе докладовъ и преній въ засѣданіяхъ Президіума Высовнархоза и Совнаркома.

Другой подобный же случай произошелъ весной 1920 г. Послѣ занятія Архангѣльска, предсѣдатель Главлѣскома Ломовъ, главнымъ талантомъ котораго является способность говорить, когда угодно, о чемъ угодно и сколько угодно, отправился туда для организаціи Совѣтскаго Сѣвера. По возвращеніи въ Москву, Ломовъ просилъ представить ему докладъ о состояніи россійской деревообрабатывающей промышленности. Докладъ пришлось составлять мнѣ, и онъ былъ такъ же высосанъ изъ пальца, какъ и отчетъ за 1919 г. При всемъ желаніи болѣе добросовѣстно отнестись къ дѣлу, это было невозможно, а отчетъ подавай во что бы то ни стало. Когда вскорѣ послѣ этого въ Москву прибыла англійская рабочая делегація, и одинъ изъ членовъ ея, деревообдѣлочникъ Парсель, посѣтилъ Главлѣскомъ, ему былъ врученъ этотъ же докладъ. Не знаю,

что сдѣлалъ Парсель съ нимъ по возвращеніи въ Англію, но увѣренъ, что всѣ прочія свѣдѣнія, даваемыя совѣтскими дѣятелями иностраннымъ гостямъ, интересующимся состояніемъ русской промышленности, не могутъ похвастаться бо́льшей степенью достовѣрности. Кстати, съ Парселемъ при томъ же посѣщеніи произошелъ и другой курьезъ. Необходимо было показать знатному гостю не только бумаги, но и произведенія совѣтской промышленности. Подвели его къ шкафу, въ которомъ красовалась прекрасная коллекція всевозможныхъ катушекъ для текстильныхъ фабрикъ — вотъ, молъ, наша совѣтская работа. На бѣду, англичанинъ взялъ одну катушку въ руки. Помню его улыбку и легкій конфузъ коммунистическаго чичероне, когда мы увидѣли на обратной сторонѣ катушки марку а н г л і й с к о й фирмы.

Если такова освѣдомленность Управленія о работѣ подвѣдомственныхъ ему предпріятій, то нетрудно себѣ представить, каковы реальныя основанія для всевозможныхъ «производственныхъ программъ», «заданій» и т. д. на будущее время. Неудивительно, что и самъ Президіумъ Высовнархоза, эти программы утверждающій, усвоилъ себѣ критическое отношеніе къ нимъ и механически сокращаетъ въ нѣсколько разъ предполагаемыя программы и смѣтныя суммы Главковъ. Впрочемъ, послѣдніе перехитрили Президіумъ и предусмотрительно умножаютъ смѣтныя суммы на соотвѣтствующій множитель. Краткій, но яркій примѣръ: смѣта Кустарнаго отдѣла Управленія на 1920 г. была подана на сумму 44 милліарда рублей, утверждены — 6 милліардовъ. Не надо говорить, что дѣйствительной работы едва ли будетъ произведено на нѣсколько процентовъ отпущенной суммы. Другой примѣръ, иллюстрирующій степень пониманія дѣйствительнаго положенія вещей руководителями россійской промышленности. Въ августѣ 1920 г. была составлена «производственная программа на 1920—21 г. г.» Оказалось, что потребность въ обработанныхъ лѣсныхъ матеріалахъ, заявленная однимъ только важнѣйшими центральными учрежденіями (при чемъ эти заявки были, разумѣется, выведены по общему совѣтскому методу), превышаетъ вдвое максимумъ возможной выработки, при совершенно неправдоподобномъ предположеніи, что всѣ болѣе или менѣе неправные заводы будутъ снабжены сырьемъ и смогутъ работать. Когда объ этомъ было доложено одному изъ руководителей Главлѣскома, Кабанову, онъ разрѣшилъ вопросъ очень просто: «Ну что жъ, придется приказать немедленно построить недостающее количество заводовъ». Надо знать жалкое состояніе существующихъ заводовъ, полное отсутствіе матеріаловъ и техническихъ силъ, чтобы вполнѣ оцѣнить эту фразу.

При всѣхъ этихъ условіяхъ, управленіе промышленностью изъ центра сводится къ составленію и пересоставленію всевозможныхъ организаціонныхъ, производственныхъ и строительныхъ плановъ, къ громадной, но случайной перепискѣ по выплывающимъ отдѣльнымъ вопросамъ и къ разрѣшенію дрязгъ и конфликтовъ мѣстныхъ органовъ.

Но, можетъ быть, все это только недостатки бюрократическаго центра, противъ которыхъ борются и коммунисты, можетъ быть, настоящая производительная работа ведется мѣстными органами, далекими отъ бумагомаранья и воодушевленными дѣловымъ рвеніемъ? Какъ многомѣсячная переписка, такъ и личное знакомство съ очень большимъ количествомъ вѣчно разъѣзжающихъ въ Москву «делегатовъ» убѣдили меня въ томъ,

что совѣтскія «мѣста» работаютъ гораздо хуже центра. Нашими «мѣстами» были: въ каждомъ губернскомъ городѣ — Гублѣскомы или Гублѣсы, въ уѣздныхъ городахъ — Уѣздлѣскомы, на заводахъ — заводоуправленія. Служащіе (помимо рабочихъ) всѣхъ этихъ учрежденій составляютъ армію въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Вотъ примѣръ работоспособности и добросовѣстности этихъ органовъ, при томъ примѣръ типическій. Владимирскій Гублѣскомъ одно время сталъ присылать въ Москву настолько аккуратные отчеты, что невольно явилось сомнѣніе въ ихъ даже приблизительной правильности; при первой же провѣркѣ оказалось, что въ отчетѣ давались свѣдѣнія о работѣ въ 1920 г. заводовъ, сгорѣвшихъ въ 1916 г. Элементарныя бухгалтерскія книги на заводахъ запущены на цѣлые годы, даже при наличности конторскаго персонала. Куда дѣваются получаемые изъ центра десятки милліоновъ — никто не можетъ сказать, — однимъ словомъ, о мѣстныхъ органахъ можно повторить все, сказанное о центрѣ, съ той разницей, что здѣсь еще больше невѣжества и наглости.

Все это не значитъ однако, что въ составѣ Главлѣскома и его органовъ находятся исключительно бездарные или лѣнивые люди; напротивъ, среди служащихъ есть много дѣйствительныхъ и усердныхъ спеціалистовъ лѣсного дѣла, но поставленная передъ ними задача — выполнить невыполнимое, да еще при невозможныхъ условіяхъ жизни и подъ руководствомъ кучки коммунистовъ и авантюристовъ, диктаторствующихъ и фантазерствующихъ какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ, — непзбѣжно приводитъ къ работѣ по описанной системѣ. Самое большее, что можетъ сдѣлать человѣкъ, силой обстоятельствъ вовлеченный въ совѣтское учрежденіе и не желающій активно участвовать въ разрушеніи остатковъ русской промышленности, это избѣгать и, по мѣрѣ возможности, предотвращать эксперименты, направленные непосредственно на разрушеніе матеріальныхъ цѣнностей будущаго, напр., вырубку на дрова лѣсныхъ площадей вокругъ лѣсопильныхъ заводовъ и т. д.

Что же является, все-таки, реальной силой, двигающей всю огромную переписку, заставляющей создавать фантастическіе смѣты и проекты и поддерживающей работу немногихъ неостановившихся станковъ?

Мнѣ мало приходилось непосредственно наблюдать настроеніе рабочихъ, но одно можно сказать опредѣленно: «коммунистическаго воодушевленія трудомъ» нигдѣ нѣтъ и въ помпнѣ, такъ называемая «рабочая дисциплина» и производительность труда упали до минимума. Работа ведется или по инерціи тамъ, гдѣ сохранились остатки прежней организаціи, въ видѣ нахожденія бывшаго владѣльца или его довѣреннаго въ составѣ заводоуправленія, или въ виду того, что лѣсопилка связана съ мельницей, размалывающей за незаконные поборы натурой зерно мѣстныхъ крестьянъ, которымъ сбываютъ и доски съ завода, или же, наконецъ, въ силу отсутствія другого выбора. Необходимо также помнить и о декретированномъ прикрѣпленіи къ мѣсту работы. Несмотря на это, когда голодъ становится совсѣмъ не въ моготу, рабочіе цѣлыми партіями бросаютъ заводъ и уѣзжаютъ въ далекія губерніи за хлѣбомъ.

Среди служащихъ опредѣленно различаются три основныя группы: масса низшихъ канцелярскихъ служащихъ, средніе и высшіе «отвѣтственные» служащіе-спеціалисты, и, наконецъ, коммунисты, задающіе тонъ

всему этому концерту. Составъ массы канцелярскихъ служащихъ довольно сѣрый. Большой процентъ составляютъ «совѣтскія барышни», съ очень малой степенью грамотности и абсолютнымъ нежеланіемъ хоть сколько-нибудь вникнуть даже въ ту механическую бумажную работу, которую онѣ выполняютъ. Въ послѣднее время «Рабоче-Крестьянская» Инспекція усердно занялась насажденіемъ въ этой средѣ «трудовой дисциплины». Къ намъ въ Управленіе былъ командированъ инспекторъ-коммунистъ, записывавшій въ штрафной журналъ всѣхъ, являвшихся на службу позже 10 ч. 15 м. утра; опоздавшимъ грозила кара, въ видѣ лишенія пайка и т. д. Эти мѣры могли бы имѣть смыслъ только въ томъ случаѣ, если бы къ каждой барышнѣ можно было приставить на все время по коммунисту; впрочемъ, и это не помогло бы, ибо инспектора гораздо менѣе интеллигентны, чѣмъ служащіе, и не могли бы услѣдить за ними. На этихъ-то барышняхъ, въ сущности, и держится вся система совѣтскаго бюрократизма: безъ нихъ нельзя ни написать бумаги, ни отправить ея, ни выдать ордеръ, ни составить смѣты и т. д. Есть среди канцелярскихъ служащихъ и почтенные труженики, и люди, стоящіе по своему прошлому, по своимъ способностямъ и знаніямъ много выше своего нынѣшняго положенія; мнѣ кажется, однако, что такихъ людей не такъ ужъ много, ибо отсутствіе среди коммунистовъ интеллигентныхъ силъ и невыносимыя условія жизни почти механически выдвигаютъ каждаго мало-мальски дѣльнаго человѣка. При этомъ несовсѣмъ правильно, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ моего опыта, утвержденіе, что служащихъ заставляютъ записываться въ коммунисты или выдавать себя за сочувствующихъ; правда, бывали и у насъ анкеты о партійной принадлежности, но при мнѣ можно было обойтись ссылкой на безпартійность и даже на «независимость». Условія жизни канцелярскихъ служащихъ дѣйствительно ужасны. Жалованье смѣхотворно, паекъ абсолютно недостаточенъ, тѣмъ болѣе, что онъ выдается полностью только «отвѣтственнымъ», — одно изъ примѣненій принципа равенства. Передъ служащими стоитъ вѣчная дилемма: или буквально умирать съ голода, или, рискуя жизнью, заниматься спекуляціей.

Но гораздо важнѣй для пониманія пружинъ, двигающихъ совѣтскій промышленный механизмъ, является психологія «отвѣтственныхъ» чиновниковъ, въ рукахъ которыхъ находятся распорядительныя функціи, и которые создаютъ и руководятъ осуществленіемъ безчисленныхъ плановъ и проектовъ, ежедневно рождающихся въ совѣтскихъ канцеляріяхъ и направленныхъ къ достиженію полнаго коммунистическаго идеала. Это тѣ лица, которыя замѣнили бывшихъ лѣсопромышленниковъ, заводовладѣльцевъ, директоровъ и членовъ правленій, т. е. нынѣшніе члены коллегій, управляющіе и завѣдующіе всѣхъ ранговъ, уполномоченные, агенты и т. д. На высшихъ ступеняхъ этой іерархической лѣстницы (совѣтская табель о рангахъ включаетъ не менѣе 27 степеней), какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ, стоятъ коммунисты; подъ ихъ контролемъ — спецы. Соціальный составъ и стажъ всѣхъ этихъ лицъ разнообразенъ: много бывшихъ лѣсныхъ служащихъ и приказчиковъ, есть и лѣсопромышленники, много людей свободныхъ профессій и бывшихъ чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, до полиціи включительно. Впрочемъ для коммуниста не требуется никакого стажа, кромѣ партійной принадлежности. Во

главѣ Украинскаго Лѣскома стоялъ студентъ одного изъ первыхъ курсовъ медицинскаго факультета Малюта, до своего новаго назначенія въ короткій срокъ провалившій лѣсозаготовительную кампанію на Уралѣ; во главѣ Гублѣскомовъ стояли и стоятъ слесаря, сплавщики и даже . . . шарманщики — предсѣдатель Витебскаго Гублѣскома Плющевъ, во время сбѣжавшій съ казенными деньгами.

Формально условія жизни отвѣтственныхъ служащихъ немногимъ лучше остальныхъ: нѣсколько лишнихъ тысячъ въ мѣсяцъ или нерегулярно выдаваемый скудный паекъ не мѣняютъ положенія. Это не относится къ коммунистамъ, которые черпаютъ полной рукой изъ остатковъ государственнаго и частнаго достоянія. Но къ двумъ возможнымъ выходамъ — умирать съ голода или спекулировать, для высшихъ и среднихъ служащихъ присоединяется и третій — злоупотребленія по службѣ, и по этому пути пошло громадное большинство. Тонъ и здѣсь задаютъ коммунисты: повидимому, l'appétit vient en mangeant.

Можно категорически утверждать, что подавляющимъ большинствомъ всѣхъ этихъ людей движетъ тотъ же могучій рычагъ личнаго интереса, который объявленъ однимъ изъ отжившихъ принциповъ капиталистическаго общества. Такъ какъ, однако, коммунистическій строй оффиціально упразднилъ личную заинтересованность въ производствѣ, связанную съ принципомъ частной собственности, то заинтересованность эта неизбѣжно направляется въ нелегальное и часто вредное для самаго производства русло: гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно. Никакія преміи не могутъ измѣнить дѣла, ибо онѣ не въ состояніи угнаться за стоимостью жизни и за опасными, но крупными незаконными заработками.

Нѣтъ ни одной смѣты, ни одного проекта, ни одной хоть сколько-нибудь существенной бумаги, за которой не скрывался бы чей-нибудь движущій ее частный интересъ, не имѣющій ничего общаго съ предполагаемымъ интересомъ соціалистическаго производства и обычно ему совершенно противоположный. Такъ какъ каждая бумажка рождаетъ цѣлую переписку ряда учрежденій, то наблюдатель иногда не сразу можетъ опредѣлить, за какой изъ этой цѣпи бумажекъ скрывается личный интересъ, и въ чемъ онъ состоитъ; но стоитъ вглядѣться повнимательнѣй, поговорить съ участниками переписки, — и вы неизбѣжно увидите гдѣ-либо тотъ же скрытый двигатель личной выгоды.

Составляется годовая смѣта завода или цѣлаго Гублѣскома. Главлѣскомомъ отпускается по смѣтѣ громадная сумма денегъ, отчетъ въ израсходованіи которой дается, когда угодно и какъ угодно. Да дать отчетъ и не трудно. Такъ напримѣръ, въ смѣтѣ есть пунктъ расходовъ по заготовкѣ и подвозкѣ къ заводу круглаго лѣса для распиловки; разстояніе возки лѣса исчислено въ 10 верстъ, на самомъ же дѣлѣ это разстояніе равно 1 верстѣ, чаще всего лѣсъ заготовленъ еще бывшимъ владѣльцемъ и лежитъ на заводѣ уже нѣсколько лѣтъ. Получается громадная «экономія» въ расходахъ, о которой центръ ничего не знаетъ и знать не можетъ: посылать на всѣ заводы людей для провѣрки работы нѣтъ возможности и, наконецъ, и эти люди тоже только люди и хотятъ ѣсть. Формально, все въ порядкѣ: на расходы по возкѣ имѣются оправдательные документы, въ видѣ самодѣльныхъ расписокъ отъ имени крестьянъ-возчиковъ въ полученіи денегъ и, что самое главное, продовольствія за

возку. Строится новый заводъ или ремонтируется старый, и на постройку получается, при извѣстной энергіи, такое количество всякихъ станковъ, машинъ, матеріаловъ, ремней, котораго хватитъ на десятокъ заводовъ и стоимость котораго въ нынѣшней Россіи неисчислима; заводъ строится годы, а матеріалы переходятъ съ казенныхъ складовъ на нелегальный частный рынокъ, опять покупаются за громадныя деньги Отдѣломъ Снабженія того же или другого Главка и начинаютъ дальнѣйшее регреtuum mobile, обогащая всѣхъ, прикосновенныхъ къ постройкѣ завода, къ снабженію Главковъ и т. д. Подаются и утверждаются милліонныя смѣты на давно сгорѣвшіе или завѣдомо и безнадежно бездѣйствующіе заводы. Одинъ изъ Гублѣскомовъ прифронтовой полосы, при малѣйшемъ слухѣ о приближеніи къ городу фронта, отстоящаго за нѣсколько десятковъ верстъ, немедленно сворачивался; черезъ нѣсколько дней слухи оказывались неосновательными и обязанными своимъ распространеніемъ чуть ли не самому Президіуму Гублѣскома. Черезъ нѣсколько дней делегатъ Гублѣскома ѣдетъ въ Москву просить пилъ, топоровъ, продовольствія, ибо прежніе запасы Гублѣскома, разумѣется, со всѣми отчетами, исчезли при эвакуаціи. Подобныхъ «комбинацій» можно привести безконечное множество, и въ нихъ обыкновенно участвуютъ не только провинціальные головотяпы, но и «товарищи» изъ центра, разсматривающіе и утверждающіе эти смѣты и заявленія. Нѣсколько «идейныхъ» коммунистовъ, подпись которыхъ иногда требуется на нужной бумажкѣ, или не въ состояніи разглядѣть смыслъ подсовываемой имъ переписки, или, чаще всего, на время прячутъ свою идею въ карманъ. Правда, тамъ, гдѣ они чувствуютъ себя обойденными, они строго блюдутъ интересы коммунистической республики.

Независимо отъ этого непосредственнаго присвоенія и расхищенія казеннаго имущества, процвѣтаетъ и взяточничество въ собственномъ смыслѣ. Казалось бы, кто и за что станетъ давать взятки, когда частной промышленности нѣтъ и въ результатѣ работы никто не заинтересованъ; тѣмъ не менѣе, и дающихъ и берущихъ еще очень много. Въ области заготовки и вывозки дровъ и лѣсныхъ матеріаловъ, гдѣ допускается, въ извращенной и хищнической формѣ, частная инициатива, въ видѣ сдачи подрядовъ, берутъ при подписаніи договоровъ, берутъ за отводъ лѣсныхъ площадей, берутъ за выдачу авансовъ, берутъ за отпускаемое продовольствіе и инструменты, берутъ при пріемкѣ дровъ, берутъ за подлоги въ обмѣрѣ дровъ и въ указаніи разстоянія возки, — словомъ, всѣхъ возможностей взять не перечтешь. Въ деревообрабатывающей промышленности, имѣющей дѣло съ національзированными заводами, соприкосновенія съ частными лицами меньше; но и здѣсь берутъ за отсрочку національзаціи, за требующійся составъ Правительственнаго Правленія завода, за сдачу подрядовъ, за отпускъ лѣсныхъ матеріаловъ, и т. д. Въ послѣднее время, въ связи съ дальнѣйшими шагами въ проведеніи принциповъ чистаго коммунизма, легальная область частной инициативы сокращена почти до нуля; однако, многіе находятъ, что новый способъ работы — «хозяйственный», по смѣтамъ, о порядкѣ составленія которыхъ уже говорилось, гораздо выгоднѣе и спокойнѣе подряднаго. Къ тому же, взятки даютъ не только частныя лица, но и учрежденія: Продрасметъ не отпуститъ Главлѣскому пилъ, Наркомпродъ продовольствія, Главкожъ —

кожи, безъ «смазки» соотвѣтствующихъ лицъ; въ свою очередь, при распредѣленіи Главлѣскомомъ этихъ предметовъ или лѣсныхъ матеріаловъ между другими учрежденіями, дѣло не обходится безъ взятокъ.

Суммы отдѣльныхъ взятокъ и хищеній варьируются, смотря по роду проводимой операціи и по чину берущаго, отъ тысячъ до милліоновъ рублей. Немудрено, что молва приписываетъ отдѣльнымъ лицамъ, коммунистамъ, стоящимъ во главѣ Главлѣскома, состоянія во много десятковъ милліоновъ, что многіе заводы, по нелегальнымъ сдѣлкамъ, перешли изъ рукъ прежнихъ владѣльцевъ въ собственность нынѣшнихъ фактическихъ хозяевъ. Кромѣ денежныхъ взятокъ весьма распространены и, казалось, совсѣмъ старомодныя приношенія натурой. При колоссальной дороговизнѣ въ столицахъ, нѣсколько фунтовъ сливочнаго масла, мѣшокъ муки и т. п. имѣютъ болѣе реальную цѣнность, чѣмъ цѣлыя пачки совѣтскихъ тысячныхъ билетовъ.

Берутъ и совершаютъ злоупотребленія цѣлыми организованными товариществами, берутъ и въ одиночку. Всѣ отлично понимаютъ другъ друга съ полуслова, и даже безъ словъ; атмосфера взяточничества всецѣло царитъ въ учрежденіяхъ. Соблюдается правило: не пойманъ — не воръ. Пока служащій не попадется на удочку агента-провокатора или не проворуется уже слишкомъ неловко, ни у кого не возбуждается вопросъ, какимъ образомъ этотъ человѣкъ, больше того — коммунистъ, получающій максимумъ 25—30 тысячъ въ мѣсяцъ, можетъ тратить сотни тысячъ въ вечеръ на вино, карты и т. п. Еще разъ повторяю, что во всемъ этомъ въ особенности отличаются коммунисты и полу-коммунисты, занимающіе наиболѣе отвѣтственныя мѣста членовъ коллегій, начальниковъ Управленій, предсѣдателей важнѣйшихъ мѣстныхъ органовъ.

Какъ ни парадоксально покажется подобное утвержденіе, но это колоссальное развитіе злоупотребленій имѣетъ свои положительныя стороны, какъ съ точки зрѣнія коммунистической промышленной дѣятельности, такъ и съ противоположной точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ будущей русской промышленности. Не будь замѣшаны во всѣхъ совѣтскихъ промышленныхъ комбинаціяхъ соображенія личной выгоды, отмерла бы главная часть дѣятельности учрежденій, исчезла бы или сократилась до минимума «производственная инициатива», лишенная своего дѣйствительнаго стимула. Далѣе, если промышленность еще кое-какъ удерживается на современномъ низкомъ уровнѣ и только постепенно опускается на самое дно, если заготовка дровъ въ прошломъ году дала нѣкоторый положительный, по нынѣшнимъ условіямъ, результатъ, если незначительная часть заводовъ еще кое-какъ движется, то только благодаря этому вездѣсущему и неискоренимому личному интересу. Съ другой стороны, ему же обязана русская промышленность тѣмъ, что не всѣ заводы расхищены, не всѣ запасы лѣсныхъ матеріаловъ уничтожены, сожжены или распроданы. Такимъ образомъ, и въ коммунистическомъ «хозяйствѣ» единственной живой и организующей силой является индивидуальный интересъ. Выбитый изъ обычнаго русла, онъ продолжаетъ течь подъ почвой и обходится производству во много разъ дороже всякой «прибавочной стоимости», давая несравненно меньшіе результаты.

Въ заключеніе коснусь вопроса объ экспортѣ изъ Россіи лѣсныхъ матеріаловъ, развитіе котораго въ предѣлахъ Главлѣскома я

имѣлъ возможности наблюдать въ самой непосредственной близости. Предписаніе свыше о выясненіи возможности экспорта и подготовкѣ къ нему было дано въ началѣ 1920 г. Одновременно начатъ былъ отборъ такъ наз. ударныхъ заводовъ, предназначенныхъ для работы на экспортъ и другія первостепенныя нужды, и, съ другой стороны, опредѣленіе количества экспортныхъ матеріаловъ, какъ доставшихся большевикамъ въ Архангельскѣ, такъ и захваченныхъ у владѣльцевъ въ Петроградскомъ Порту и въ другихъ пунктахъ сѣверо-западныхъ губерній. Идея концессій, въ нынѣшнихъ широкихъ размѣрахъ, еще не всплыла вторично на поверхность. Къ сентябрю выяснилось слѣдующее. Послѣ многомѣсячныхъ споровъ и интригъ, около 150 лѣсопильныхъ, фанерныхъ и др. заводовъ были объявлены ударными. Въ ихъ числѣ есть дѣйствительно бывшіе первоклассные заводы, но входятъ туда и такія предпріятія, какъ созданіе совѣтскаго строительства, Рязанскій Государственный заводъ, усердно рекламируемый въ совѣтской прессѣ, — полу-шарлатанское предпріятіе, собранное изъ растасканнаго имущества Земскаго Союза, тратящее колоссальныя средства и изготовляющее никуда негодные фанерные бараки для солдатъ, жестяные чайники и т. п., но зато доставляющее весьма аккуратно крупу, муку, масло и прочія промышленныя произведенія того же рода на подводахъ изъ Рязани въ Москву, для Гг. членовъ коллегіи Главлѣскома. Къ ударнымъ же заводамъ отнесены и совершенно фантастическіе Сухонскіе Государственные заводы: предполагается построить около Вологды невиданныхъ размѣровъ универсальные заводы всѣхъ видовъ обработки дерева; постройка ведется невѣжественными авантюристами безъ всякаго плана, до сихъ поръ не опредѣлено точно расположеніе будущаго завода; между тѣмъ для постройки разрушено нѣсколько прекрасныхъ заводовъ (заводы Малютина и др. на р. Сухонѣ), растаскано съ различныхъ складовъ и заводовъ на много милліоновъ машинъ, ремней, гвоздей, большая часть чего расхищена, не дойдя до мѣста; объ астрономическихъ суммахъ затраченныхъ денегъ говорить не приходится.

Перспективы работы ударныхъ заводовъ въ текущемъ, да и въ будущемъ году, совершенно ничтожны. Сырье для заводовъ (бревна) не можетъ быть заготовлено и подвезено во-время и въ достаточномъ количествѣ, ибо Наркомпродъ не въ состояніи будетъ дать даже минимальнаго количества продовольствія для работы; заводы, даже лучшіе, находятся въ совершенно расшатанномъ состояніи, нѣтъ инструментовъ и техническихъ матеріаловъ (въ частности, совершенно отсутствуютъ клеевыя вещества для фанеры), рабочіе не работаютъ, управляющіе не управляютъ, — однимъ словомъ, общая картина совѣтской дѣятельности, по существу не мѣняющаяся отъ того, что данная группа заводовъ поставлена въ нѣсколько лучшія условія снабженія, чѣмъ остальная масса всецѣло заброшенныхъ предпріятій. Это скоро поняли и совѣтскіе экспортеры и обратили главное вниманіе на болѣе легкую и эффективную работу — приготовленія къ вывозу лѣсныхъ матеріаловъ — планокъ, фанеры и т. п. — захваченныхъ у частныхъ владѣльцевъ. Матеріалы эти находятся, въ количествѣ двухъ съ лишнимъ десяткомъ тысячъ стандартовъ (по совѣтскимъ даннымъ къ сентябрю мѣсяцу), что составляетъ до военный годовой оборотъ одной фирмы, — въ Петроградѣ, Архангельскѣ и другихъ

опредѣленныхъ пунктахъ и сравнительно легко поддаются учету. Когда учетъ, съ грѣхомъ пополамъ, былъ произведенъ; начались разныя экспортныя манипуляціи. Товаръ, отъ лежанія на мѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, сильно испортился и врядъ ли въ такомъ видѣ понравится англичанамъ: необходимо его пересортировать и отторцевать (обрѣзать потемнѣвшіе концы). Черезъ нѣсколько недѣль работа эта, за малоуспѣшностью и неутѣшительностью результатовъ, была прервана. Сомнѣваюсь, чтобы при этомъ были возвращены суммы, полученныя «за содѣйствіе» при сдачѣ подрядовъ на сортировку. Затѣмъ была придумана слѣдующая коммерческая хитрость: въ Петроградѣ товаръ лучшаго качества, чѣмъ въ сосѣднихъ губерніяхъ; нельзя ли предварительно смѣшать въ натурѣ всѣ эти матеріалы для того, чтобы незамѣтно сбыть англичанамъ и второсортныя доски. Эта первобытная хитрость, предполагающая, что иностранцы будутъ принимать товаръ не по осмотру, а по «маркѣ», для своего осуществленія потребовала бы колоссальныхъ непроизводительныхъ затратъ средствъ и обогатила бы нѣсколько лицъ. Къ концу сентября эта «работа» не была начата, точно такъ же, какъ подобная операція надъ Архангельскимъ товаромъ, намѣчавшаяся съ обратной цѣлью: предполагалось перепутать товаръ различныхъ фирмъ, чтобы сдѣлать, на всякій случай, болѣе затруднительнымъ опредѣленіе дѣйствительныхъ собственниковъ. Такимъ образомъ, уже тогда совѣтскіе экспортеры предчувствовали возможность такихъ случаевъ, какъ недавній приговоръ англійскаго суда по иску Лютера. Помню радость и гордость новоявленныхъ экспортеровъ, почувствовавшихъ себя признанной фирмой, послѣ отправки партіи Лютеровской фанеры, безпрестанные разговоры по прямому проводу съ Петроградомъ, широкіе планы на будущее и т. д. Когда я черезъ нѣсколько дней, уже оставивъ службу, задалъ вопросъ Замначупдревпрому (по русски — Замѣстителю Начальника Управленія Древообрабатывающей промышленности), не думаетъ ли онъ, что за-границей могутъ признать собственниками импортируемаго изъ Россіи товара прежнихъ владѣльцевъ, онъ улыбнулся и ничего не отвѣтилъ. Между тѣмъ, право собственности и на остальной экспортный товаръ можетъ быть точно установлено, хотя бы потому, что соотвѣтствующія русскія и иностранныя фирмы, конечно, имѣютъ гораздо болѣе полныя и точныя свѣдѣнія о количествѣ и движеніи своего товара, чѣмъ всѣ Лѣскомы и наблюдающія за ними чрезвычайки вмѣстѣ.

Мои наблюденія заканчиваются сентябремъ прошлаго года и относятся только къ Главку, гдѣ я служилъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, однако, что порядки всѣхъ другихъ Главокъ и Центровъ не лучше, если только не хуже, въ чемъ меня убѣдили какъ случаи, когда приходилось непосредственно сталкиваться съ другими учрежденіями, такъ и разсказы служащихъ въ этихъ учрежденіяхъ лицъ; съ другой стороны, если и произошли съ тѣхъ поръ перемѣны лицъ, названій и «организаціи», эти перемѣны не могутъ улучшить самую систему и, во всякомъ случаѣ безсильны вызвать хоть какую-нибудь созидательную работу.

Рига, 3 января 1921 г.

І. Рапопортъ

Брестъ-Литовскъ

(Изъ мемуаровъ Оттокара Чернина)

Лѣтомъ 1917 года мы получили извѣстіе, указывающее на вѣроятность заключенія мира съ Россіей. Донесеніе отъ 13 іюня 1917 года, которое я получилъ изъ одной нейтральной страны, гласило:

«Русская печать какъ буржуазная, такъ и соціалистическая отражаютъ слѣдующія явленія:

На фронтѣ и въ тылу происходятъ ожесточенные споры относительно требованія союзниковъ начать наступленіе противъ центральныхъ державъ, требованіе, которое поддерживаетъ Керенскій своими многочисленными рѣчами, произносимыми имъ на всѣхъ частяхъ фронта. Большевики, т.-е. соціалъ-демократы, подчиняющіеся руководству Ленина, и ихъ печать рѣшительно выступаетъ противъ такого наступленія. Но и большая часть меньшевиковъ, т.-е. партія Чхеидзе, въ которую входятъ и нынѣшніе министры Церетели и Скобелевъ, противъ наступленія, и это противорѣчіе мнѣній угрожаетъ и такъ лишь съ трудомъ поддерживаемому единству партіи. Часть меньшевиковъ, такъ называемые интернаціоналисты, такъ какъ они хотятъ возоздать интернаціоналъ — ихъ также называютъ циммервальдцами или кинтальцами — подчиняющіеся руководству возвратившагося изъ Америки Троцкаго (собственно Бронштейна), а также возвратившимся изъ Швейцаріи Ларину, Мартову, Мартынову и т. д. въ этомъ вопросѣ, какъ и въ вопросѣ о вхожденіи соціалъ-демократовъ меньшевиковъ въ составъ Временнаго Правительства въ рѣшительномъ противорѣчіи съ большинствомъ партіи. Это было причиной того, что Левъ Дейчъ, одинъ изъ основателей Марксистской соціалъ-демократіи, открыто заявилъ на партійномъ съѣздѣ о своемъ выходѣ изъ партіи, которая, по его мнѣнію, является недостаточно патріотической и не требуетъ «конечной побѣды». Онъ вмѣстѣ съ Георгіемъ Плехановымъ является главной опорой группы русскихъ «соціалъ-патріотовъ», которая по названію своей газеты именуется «Единствомъ», но ни своей численностью, ни своимъ вліяніемъ не играетъ особенной роли. Такимъ образомъ, «Рабочая Газета», являющаяся официальнымъ органомъ меньшевиковъ, вынуждена занимать промежуточную позицію и печатаетъ больше статьи, направленныя противъ наступленія.

И въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, которую въ правительствѣ представляетъ министръ земледѣлія Черновъ, и которая б. м. является самой сильной русской партіей, т. к. ей удалось подчинить себѣ все крестьянское движеніе — на Всероссійскомъ Съѣздѣ крестьянскихъ депутатовъ въ Центральный Комитетъ были избраны преимущественно соціалисты-революціонеры и ни одинъ соціалъ-демократъ — и въ партіи соціалистовъ-революціоперовъ, какъ кажется, самая многочисленная и вліятельная группа высказывается рѣшительно противъ наступленія. Это ясно

проявляется въ главныхъ партійныхъ органахъ, въ «Дѣлѣ Народа» и въ «Землѣ и Волѣ». Только малая и, повидимому, мало вліятельная часть партіи, группирующаяся вокругъ органа «Воля Народа», безусловно высказывается, какъ и Плехановская группа и буржуазная печать, за наступленіе для облегченія положенія союзниковъ. Въ противоположность этому, партія Керенскаго — трудовики, какъ и близко къ нимъ стоящіе народные соціалисты, представителемъ которыхъ въ правительствѣ является министръ продовольствія Пѣшехоновъ, еще не составила окончательнаго мнѣнія, должна ли она въ этомъ случаѣ слѣдовать Керенскому. Устная информація, какъ и замѣтки въ русскихъ газетахъ, какъ напримѣръ въ «Рѣчи», утверждаютъ, что состояніе здоровья Керенскаго таково, что оно заставляетъ опасаться возможности его смерти въ ближайшее время. Официальный органъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ «Извѣстія» часто и очень настойчиво подчеркиваютъ необходимость наступленія. Характерно, что когда рѣчь министра земледѣлія Чернова на крестьянскомъ съѣздѣ получила толкованіе, что онъ противъ наступленія, то онъ былъ вынужденъ оправдываться въ этомъ толкованіи передъ своими коллегами по кабинету.

И если, такимъ образомъ, въ странѣ по вопросу о наступленіи царитъ ожесточенная борьба мнѣній, то на фронтѣ по сообщеніямъ русскихъ газетъ всѣхъ партій, — отмѣчающихъ это то съ радостью, то съ горемъ, — мало настроены начать такое наступленіе. Особенно настроена противъ наступленія пѣхота. Военное одушевленіе можно встрѣтить только среди офицеровъ, кавалеріи или по крайней мѣрѣ среди части ея и среди артилеристовъ. Характерно, что и казаки стоятъ за войну, во всякомъ случаѣ у нихъ есть для этого и другое основаніе: воспользовавшись успѣхомъ на фронтѣ, свергнуть революціонный порядокъ. Въ то время какъ большинство русскихъ крестьянъ не располагаетъ землею, превышающей 5 десятинъ, а 3 милліона ихъ безземельны, у всякаго казака 40 десятинъ, и при обсужденіи аграрнаго вопроса на эту несправедливость все время указывали. Это является достаточнымъ основаніемъ для особливаго положенія, занимаемаго казаками по отношенію къ революціи, а также и для того, почему они всегда были самой вѣрной опорой царя.

Крайне характерными для настроенія на фронтѣ являются слѣдующіе факты:

Въ засѣданіи отъ 30 мая Всероссійскаго Съѣзда офицерскихъ делегатовъ одинъ изъ представителей офицеровъ 3-го Елизаветградскаго гусарскаго полка, выступившій въ защиту наступленія, сдѣлалъ, по сообщенію „Рѣчи“ отъ 31 мая, слѣдующее характерное заявленіе: «Вы всѣ знаете, какіе размѣры приняли безпорядки на фронтѣ. Пѣхота перерѣзаетъ телефонные провода, соединяющіе ее съ артилеріей. Пѣхота заявляетъ, что солдаты б о л ь ш е м ѣ с я ц а на фронтѣ не останутся, но разойдутся по домамъ».

Очень поучительно также описаніе одного изъ делегатовъ фронта, сопровождавшаго французскихъ и англійскихъ соціалистовъ большинства въ ихъ поѣздкѣ по фронту. Это описаніе опубликовано органомъ меньшевиковъ, «Рабочей Газетой», т.-е. газетой Чхеидзе, Церетели и Скобелева въ номерахъ отъ 18 и 19 мая. Этимъ соціалистамъ Антанты было съ возможной ясностью сказано на фронтѣ, что русская армія не хочетъ и не можетъ дольше сражаться за имперіалистическія цѣли Англіи и Франціи. Положеніе транспорта, продовольствія, фуража, а также и опасность, которой подвергаются завоеванія революціи отъ затягиванія войны, требуютъ быстраго окончанія войны. Представители французскихъ и англійскихъ соціалистовъ не безъ неудовольствія столкнулись съ такимъ настроеніемъ на фронтѣ. Къ тому же, отъ нихъ еще потребовали, чтобы они обязались сообщить объ этихъ своихъ впечатлѣніяхъ и на западномъ фронтѣ (во Франціи). Очень зло отзываются также и объ Америкѣ; представители фронта открыто говорятъ о грабительской политикѣ Америки по отношенію

къ Европѣ и союзникамъ. Вмѣстѣ съ этимъ требуютъ возможно болѣе скораго созыва Интернаціональной Соціалистической Конференціи и поддержки таковой со стороны англійскихъ и французскихъ соціалистовъ большинства. На одномъ изъ собраній на фронтѣ французскіе и англійскіе соціалисты получили слѣдующій отвѣтъ: «сообщите вашимъ товарищамъ, что мы отъ вашихъ правительствъ и народовъ ждемъ твердыхъ заявленій объ отказѣ отъ аннексій и контрибуцій. Мы не прольемъ ни одной капли крови за имперіалистовъ русскихъ, нѣмецкихъ или англійскихъ. Мы ожидаемъ самаго быстраго сговора рабочихъ всѣхъ странъ относительно окончанія позорной и угрожающей русской революціи, въ случаѣ своей затяжки, войны. Мы не заключимъ сепаратнаго мира, но скажите вашимъ, чтобы они скорѣе сообщили о своихъ военныхъ цѣляхъ.»

По сообщеніямъ, французскіе соціалисты совершено измѣнили свое отношеніе. Это повидимому подтверждается извѣстіями относительно позиціи Кашена и Мутэ на съѣздѣ французскихъ соціалистовъ. Въ противоположность этому англичане не идутъ ни на какія уступки, даже и Сандерсъ, который нѣсколько сблизился съ русскими.

Согласно частному сообщенію въ здѣшнемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ министра снабженія Тома стрѣляли во время одной изъ его военныхъ рѣчей на фронтѣ.

Разруху на фронтѣ описываетъ солдатъ или офицеръ Кушинъ въ той же «Рабочей Газетѣ» отъ 24 мая слѣдующимъ образомъ: «Все яснѣе и отчетливѣе проявляется страстное стремленіе къ миру и при этомъ къ какому угодно миру, даже къ сепаратному миру съ потерей десяти губерній, избавляющему отъ страданій войны. Объ этомъ страстно мечтаютъ, хотя объ этомъ еще и не говорятъ въ собраніяхъ и резолюціяхъ, и всѣ сознательные элементы арміи борятся съ таковымъ направленіемъ стремленія въ миру». Чтобы это парализовать есть только одинъ путь: солдаты должны увидѣть упорную борьбу демократіи за миръ и быстрое окончаніе войны.

Созываемый на 1/14 іюня въ Петербургѣ Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ при участіи представителей фронтовыхъ организацій имѣетъ слѣдующій первый пунктъ порядка дня: Война. Вопросы обороны и борьба за миръ. Къ этому времени правительство навѣрное должно будетъ выступить съ сообщеніемъ относительно поступившихъ еще до начала іюня отвѣтовъ союзниковъ о цѣляхъ войны. Этотъ съѣздъ по всей вѣроятности окончательно рѣшитъ вопросъ о принятіи участія въ Стокгольмской Конференціи и назначитъ представителей. Пунктомъ четвертымъ порядка дня является національный вопросъ. Между Петербургскимъ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и засѣдающимъ въ Кіевѣ солдатскимъ съѣздомъ произошло открытое столкновеніе по вопросу о формированіи Украинской арміи. Организація самостоятельнаго «Центральнаго Украинскаго военнаго комитета» только углубила этотъ конфликтъ. Относительно все увеличивающейся внутренней разрухи, обострения національнаго вопроса, а также увеличивающихся аграрныхъ и заводскихъ неурядицъ послѣдуютъ дальнѣйшія систематическія сообщенія.»

Въ концѣ ноября я написалъ одному изъ моихъ друзей слѣдующее письмо, которое я привожу здѣсь in extenso и которое точно передаетъ мою тогдашнюю оцѣнку положенія.

Вѣна 17 ноября 1917 года

Дорогой другъ, послѣ долгаго дня заботъ, непріятностей и трудовъ я хочу тебѣ писать, чтобы отвѣтить на твои столь заслуживающія вниманія соображенія; сношенія съ тобой отвлекаютъ мое вниманіе и позволяютъ хоть на короткое время забывать повседневныя невзгоды.

Ты пишешь мнѣ, что ты слышалъ, что отношеніе императора ко мнѣ ухудшилось, и ты сожалѣешь объ этомъ. Да, я тоже объ этомъ сожалѣю, хотя бы уже потому, что это до невыносимости увеличиваетъ тренія повседневной работы, ибо лишь только это обнаруживается, а это обнаруживается очень скоро, какъ сейчасъ же всѣ мои враги, мужчины и женщины, съ обновленной силой устремляются въ это слабое мѣсто въ надеждѣ сбросить меня; люди похожи на хищныхъ птицъ, они на большомъ разстояніи чуютъ падаль — падаль это я, и массами слетаются. И право достойна удивленія та ложь, которую они способны выдумать, и тѣ интриги, которыя они умѣютъ сплести для того, чтобы этимъ увеличить уже начавшееся расхожденіе. Ты спрашиваешь, кто изъ моихъ враговъ самый злостный.

Прежде всего это тѣ, о которыхъ ты самъ догадываешься.

Во вторыхъ, это враги, которые есть у всякаго министра и которые въ большинствѣ случаевъ состоятъ изъ лицъ, желающихъ стать на его мѣсто и, наконецъ, въ третьихъ, это политическіе клоуны изъ жокей-клуба, обиженные тѣмъ, что они ожидали отъ меня всякихъ личныхъ преимуществъ, а я ихъ выгналъ вонъ. Послѣдняя группа забавна, вторая — опасна, но первая — смертельна.

Такимъ образомъ, я въ ни коемъ случаѣ долго не останусь министромъ. Благодареніе Богу, избавленіе близко. Я очень хотѣлъ бы только поскорѣе покончить съ Россіей и такимъ образомъ, быть можетъ, создать возможность общаго мира. Извѣстія изъ Россіи все настойчивѣе указываютъ, что русское правительство безусловно и какъ можно скорѣе хочетъ заключить миръ. Нѣмцы же въ этомъ случаѣ совершенно увѣрены въ успѣхѣ. Если они смогутъ перебросить свои массы на западъ, то они не сомнѣваются, что они прорвутъ фронтъ, займутъ Парижъ и Калэ и будутъ непосредственно угрожать Англіи. Такой успѣхъ, однако, м о ж е т ъ дать миръ, если тогда удастся склонить Германію отказаться отъ завоеваній. Я во всякомъ случаѣ не могу себѣ представить, чтобы Антанта послѣ потери Парижа и Калэ не согласилась бы на миръ inter pares; во всякомъ случаѣ, прійдется употребить чрезвычайныя усилія. Гинденбургъ до сихъ поръ выполнилъ все, что онъ предсказалъ, — это надо за нимъ признать, и вся Германія твердо вѣритъ въ ожидающіе ее успѣхи на западѣ — необходимой предпосылкой конечно является освобожденіе отъ восточнаго фронта, т.-е. миръ съ Россіей. Такимъ образомъ русскій миръ м о ж е т ъ б ы т ь первой ступенью на лѣстницѣ всеобщаго мира.

Въ послѣдніе дни я получилъ достовѣрные извѣстія о большевикахъ. Ихъ вожаки почти исключительно евреи, руководящіеся совершенно фантастическими идеями; и я не завидую странѣ, которой они управляютъ. Но насъ, конечно, интересуетъ, въ первую голову, ихъ желаніе мира; оно повидимому дѣйствительно существуетъ: они не могутъ продолжать войны.

Въ кабинетѣ представлены три теченія; первое изъ нихъ не хочетъ серьезно считаться съ Ленинымъ и считаетъ его недолговѣчнымъ, второе — хотя и не раздѣляетъ этого мнѣнія, но противится веденію переговоровъ съ такого рода революціонерами, и, наконецъ, третье, защищаемое, на сколько мнѣ извѣстно, мною однимъ, желаетъ вести переговоры несмотря на возможную недолговѣчность Ленина и несомнѣнную революцію. Чѣмъ кратче будетъ пребываніе Ленина у власти, тѣмъ поспѣшнѣе надо вести переговоры, ибо никакое послѣдующее русское правительство не возобновитъ войны — создать же себѣ въ качествѣ партнера русскаго Меттерниха я не могу, если его въ дѣйствительности нѣтъ.

Германцы не особенно охотно идутъ на переговоры съ Ленинымъ, повидимому руководясь вышеуказанными причинами; при этомъ они, какъ это часто съ ними бываетъ, непослѣдовательны. Германскіе военные — которые какъ извѣстно ведутъ всю германскую политику, сдѣлали, какъ кажется, все, чтобы свалить Керенскаго

и поставить на его мѣсто «что либо другое». Это «другое» смѣнило Керенскаго и хочетъ теперь заключить миръ, надо, слѣдовательно, приступить къ дѣлу, какъ ни велики сомнѣнія, внушаемыя такимъ партнеромъ.

Узнать что-либо точное о большевикахъ нельзя, или лучше сказать узнать можно очень многое, но противорѣчивое. Они начинаютъ съ того, что уничтожаютъ все, напоминающее о трудѣ, благосостояніи и культурѣ, и истребляютъ буржуазію. Они повидимому совсѣмъ уже забылп о «свободѣ и равенствѣ» и ихъ программа заключается въ звѣрскомъ подавленіи всего того, что не является пролетаріатомъ. Русская буржуазія почти также труслива и глупа, какъ и наша, и позволяетъ себя рѣзать, какъ барановъ.

Конечно, этотъ русскій большевизмъ представляетъ европейскую опасность и, если бы мы имѣли силы не только добиться для насъ сноснаго мира, но и установить упорядоченныя отношенія въ чужихъ государствахъ, то было бы правильно совсѣмъ не вступать въ переговоры съ этими людьми, пойти походомъ на Петербургъ и возстановить порядокъ; но этихъ силъ у насъ нѣтъ и мы нуждаемся въ самомъ скоромъ мирѣ для нашего спасенія; мы не можемъ получить этого мира, если германцы не возьмутъ Парижа, они же могутъ взять Парижъ только въ томъ случаѣ, если мы освободимся отъ восточнаго фронта. Такъ замыкается кругъ. Это все вещи, которыя утверждаютъ сами германскіе военные и поэтому съ ихъ стороны крайне нелогично, если они, повидимому, теперь начинаютъ говорить другое изъ за личности Ленина.

Я не могъ окончить этого письма позавчера, постараюсь это сдѣлать сегодня.

Вчера была опять сдѣлана попытка, ты, конечно, угадываешь кѣмъ, выяснить мнѣ преимущество сепаратнаго мира. Я говорилъ объ этомъ императору и сказалъ ему, что это напомнило бы мнѣ поведеніе человѣка, стрѣляющагося изъ за страха смерти. Я не могу въ этомъ принять участіе, но всегда готовъ подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ уйти, а онъ, конечно, найдетъ людей, готовыхъ предпринять такую попытку. Лондонская конференція постановила раздѣлить монархію и въ этомъ постановленіи заключенный нами сепаратный миръ, конечно, ничего не измѣнитъ. Румыны, сербы, итальянцы должны получить громадныя части нашей территоріи, у насъ отнимаютъ Тріестъ, а остатокъ дѣлится на рядъ государствъ: на Чешское, Польское, Венгерское и Нѣмецкое. Связь этихъ новыхъ государствъ будетъ чрезвычайно слаба и, другими словами, сепаратный миръ приведетъ къ тому, что Австро-Венгрію раньше изуродуютъ, а потомъ раздробятъ. Но прежде, чѣмъ мы придемъ къ этому результату, мы должны будемъ еще продолжать войну и прежде всего противъ Германіи, которая, конечно, сейчасъ же заключитъ миръ съ Россіей и оккупируетъ Австро-Венгрію. Германскіе генералы не будутъ такъ глупы, чтобы ждать пока Антанта нападетъ на Германію черезъ Австрію, но постараются Австрію обратить въ поле войны. Такимъ образомъ мы этимъ не закончимъ войны, но лишь перемѣнимъ противника и предоставимъ отдѣльныя, до сихъ поръ пощаженныя области, какъ Тироль и Богемію, ужасамъ войны — чтобы въ концѣ концовъ добиться собственнаго расчлененія.

Съ другой стороны, мы, быть можетъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сможемъ вмѣстѣ съ Германіей получить общій миръ — сносный, миръ соглашенія — если удастся германская оффензива. Императоръ по большей части молчитъ, а среди его приближенныхъ одни тянутъ направо, другіе налѣво; при такомъ положеніи мы ничего не выигрываемъ у Антанты и непрерывно теряемъ довѣріе въ Берлинѣ. Если хотятъ перекинуться на сторону враговъ, то пусть ужъ это сдѣлаютъ; но постоянно дѣлать видъ предателей, не рѣшаясь на предательство, такую политику я не могу признать умной.

Я думаю, что мы добьемся сноснаго, соглашательскаго мира; мы должны будемъ кое что уступить Италіи и, конечно, ничего за это не получимъ, мы должны будемъ

далѣе измѣнить всю структуру имперіи, на манеръ Fédération Danubienne, какъ этого хотятъ во Франціи — по мнѣ не вполнѣ ясно, какъ можно будетъ провести это измѣненіе противъ воли венгерцевъ и кѣмцевъ. Но я надѣюсь, что мы переживемъ войну и нашимъ врагамъ придется пересмотрѣть постановленіе ихъ Лондонской конференціи. Пусть только старый Гинденбургъ войдетъ въ Парижъ и тогда Антанта скажетъ спасительное слово, что она готова приступить къ переговорамъ. Тогда я твердо рѣшилъ пойти на крайнія мѣры, открыто обратиться къ народамъ центральныхъ государствъ и спросить ихъ, хотятъ ли они ради завоеваній продолжать войну или заключить миръ.

Какъ можно скорѣе покончить дѣло съ Россіей, затѣмъ сломать волю Антанты насъ уничтожить и заключить миръ, хотя бы съ потерями — вотъ мой планъ и та надежда, которой я живу. Конечно, послѣ взятія Парижа всѣ «руководящіе круги» — кромѣ императора Карла — потребуютъ «хорошаго» мира, а такого мира мы ни въ коемъ случаѣ не получимъ, и я возьму на себя одіумъ за то, «что испортилъ мирный договоръ».

Такъ, думаю я, выйдемъ мы съ подбитымъ глазомъ изъ войны. Но старыя времена никогда не вернутся. Новый міропорядокъ родится въ бояхъ и схваткахъ, я объ этомъ нѣсколько времени тому назадъ открыто говорилъ въ моей рѣчи въ Будапештѣ при общемъ неодобреніи.

Письмо вышло длиннымъ и теперь поздняя ночь. Будь здоровъ и не оставляй меня своими письмами.

Твой старый другъ

Чернинъ.

Описаніе мирныхъ переговоровъ въ Брестъ Литовскѣ я беру изъ своего дневника. Несмотря на кое-какія ошибочные взгляды, встрѣчающіеся въ ниже приводимыхъ запискахъ и несмотря на различныя мало важныя детали, я его не сокращаю, такъ въ этой своей формѣ онъ даетъ, какъ мнѣ кажется, ясную картину теченія переговоровъ.

19 декабря 1917 года

Отъѣздъ изъ Вѣны въ среду 19-го, въ 4 часа. Сѣверный вокзалъ. Я засталъ на вокзалѣ собравшихся раньше меня Граца, Визнера, Коллоредо, Гауча и Андріана, а также фельдмаршала-лейтенанта Чичерикса и маіора Флекъ-фонъ-Баденa.

Во время пути я пользуюсь случаемъ, чтобы изложить фельдмаршалу-лейтенанту Чичериксу мои цѣли и необходимую для ихъ достиженія тактику. Я заявилъ ему, что по моему убѣжденію Россія предложитъ заключить всеобщій миръ и что мы, конечно, должны будемъ поддержать это предложеніе. Я сказалъ ему, что я отнюдь не потерялъ надежды, что въ Брестѣ удастся проложить путь къ общему миру. Въ случаѣ же, если Антанта не откликнется, то тогда по крайней мѣрѣ останется свободнымъ путь къ сепаратному миру. Послѣ этого я велъ продолжительную бесѣду съ начальникомъ отдѣленія Грацомъ и посланникомъ Визнеромъ. Эти разговоры заняли почти весь день.

20 декабря 1917 года

Въ 5 часовъ съ минутами мы прибыли въ Брестъ. На вокзалѣ насъ встрѣчали начальникъ штаба западнаго фронта генералъ Гофманъ со свитой, состоящей приблизительно изъ 10 человѣкъ, а также посланникъ фонъ Розенбергъ и Мерей. Я вышелъ на перронъ, чтобы поздороваться, и послѣ небольшой бесѣды вернулся въ поѣздъ вмѣстѣ съ Мерей, который изложилъ мнѣ событія послѣднихъ дней. Мерей считаетъ общее положеніе не скернымъ и думаетъ, что, если не произойдетъ ничего непредвидѣннаго, то намъ удастся въ сравнительно скоромъ времени сѣсть за зеленый столъ.

Въ 6 часовъ я поѣхалъ къ генералу Гофману съ отвѣтнымъ визитомъ и услышалъ отъ него интересныя подробности о психологіи русскихъ делегатовъ, а также и детали, какъ ему удалось такъ счастливо заключить перемиріе. У меня было впечатлѣніе, что Гофманъ соединяетъ съ большимъ знаніемъ дѣла и энергіей большую умѣлость и спокойствіе, но также и большую прусскую грубость, что дало ему возможность добиться отъ русскихъ, несмотря на оказанное въ началѣ противодѣйствіе, чрезвычайно выгодныхъ условій перемирія. Нѣсколько времени спустя пришелъ, какъ это было и условлено, принцъ Леопольдъ Баварскій и я съ нимъ имѣлъ непродолжительную и незначительную бесѣду.

Затѣмъ мы всѣ вмѣстѣ отправились на обѣдъ, въ которомъ принимаетъ участіе весь штабъ восточнаго фронта, состоящій приблизительно изъ 100 человѣкъ. Картина этого обѣда по всей вѣроятности одна изъ любопытнѣйшихъ, какую только можно видѣть. Роль хозяина игралъ принцъ Баварскій, рядомъ съ принцемъ сидѣлъ предсѣдатель русской делегаціи, еврей, недавно выпущенный изъ Сибири, по имене Іоффе, за нимъ генералы и другіе делегаты. Кромѣ упомянутаго Іоффе, самая выдающаяся личность делегаціи это зять русскаго министра иностранныхъ дѣлъ Троцкаго, по имени Каменевъ, который, также благодаря революціи, былъ выпущенъ изъ тюрьмы и теперь играетъ выдающуюся роль. Третьимъ делегатомъ является madame Биценко, это женщина съ очень богатымъ прошлымъ; ея мужъ мелкій чиновникъ, она сама очень рано примкнула къ революціонному движенію. 12 лѣтъ тому назадъ она убила генерала Сахарова, который былъ губернаторомъ въ какомъ то русскомъ городѣ и за проявленную имъ энергію былъ приговоренъ соціалистами къ смерти. Она пошла съ прошеніемъ къ генералу, держа спрятаннымъ подъ передникомъ револьверъ. Когда генералъ сталъ читать прошеніе, она выпустила въ него четыре пули и убила его на мѣстѣ. Она была сослана въ Сибирь, гдѣ провела 12 лѣтъ, отчасти въ одиночномъ заключеніи, а потомъ подъ болѣе мягкимъ арестомъ, и ей тоже революція подарила свободу. Эта замѣчательная женщина, которая въ Сибири такъ изучила французскій и нѣмецкій языки, что она можетъ читать, не умѣя однако говорить, такъ какъ она не знаетъ, какъ слова произносятся, типичная представительница русскаго интеллигентнаго пролетаріата. Она поразительно тиха и замкнута, у нея удивительно очерченная рѣшительная линія рта и иногда страстно вспыхивающіе глаза. Все, что кругомъ нея происходитъ, кажется ей совершенно безразличнымъ; только если рѣчь заходитъ о великихъ принципахъ интернаціональной революціи, она неожиданно пробуждается, у нея измѣняется все выраженіе лица и она начинаетъ напоминать хищное животное, неожиданно увидѣвшее добычу и приготавливающееся броситься на нее.

Послѣ обѣда я имѣлъ свой первый продолжительный разговоръ съ господиномъ Іоффе. Вся его теорія основывается на томъ, что надо ввести во всемъ мірѣ самоопредѣленіе народовъ на возможно болѣе широкой основѣ и затѣмъ побудить эти освобожденные народы взаимно полюбить другъ друга. Что это прежде всего приведетъ къ гражданской войнѣ во всемъ мірѣ, этого господинъ Іоффе не отрицаетъ, но полагаетъ, что такая война которая осуществитъ идеалы человѣчества — война справедливая и оправдывающаяся своей цѣлью. Я ограничился тѣмъ, что указалъ господину Іоффе, что надо было бы раньше на Россіи доказать, что большевизмъ начинаетъ новую счастливую эпоху, и лишь затѣмъ завоевывать миръ своими идеями. Прежде чѣмъ, однако, доказательство на этомъ примѣрѣ не будетъ сдѣлано, Ленину будетъ довольно трудно принудить миръ раздѣлить его воззрѣнія.

Мы готовы заключить всеобщій миръ безъ аннексій и контрибуцій, и ничего не имѣемъ противъ того, чтобы вслѣдъ за тѣмъ русскіе порядки развивались такъ, какъ это кажется правильнымъ русскому правительству. Мы также готовы научиться

чему либо у Россіи и, если ея революція будетъ сопровождаться успѣхомъ, то она принудитъ Европу примкнуть къ ея образу мыслей, хотимъ ли мы этого или нѣтъ. Но пока умѣстенъ самый большой скептицизмъ, и я указалъ ему, что мы не собираемся подражать русскимъ порядкамъ и категорически запрещаемъ всякое вмѣшательство въ наши внутреннія дѣла. Если же онъ и дальше будетъ исходить изъ своей утопической точки зрѣнія возможности пересадить свои идеи къ намъ, то было бы лучше, если бы онъ немедленно, съ первымъ же поѣздомъ уѣхалъ обратно, ибо въ такомъ случаѣ нѣтъ никакой возможности заключить миръ. Господинъ Іоффе смотрѣлъ на меня удивленно своими мягкими глазами. Онъ помолчалъ немного и затѣмъ сказалъ навсегда оставшимся у меня въ памяти дружественнымъ, я бы сказалъ, почти просящимъ тономъ: я все же надѣюсь, что намъ удастся и у васъ устроить революцію.

Въ возможность послѣдней я также вѣрю и безъ благосклоннаго участія Іоффе — это устроятъ сами народы, если Антанта будетъ по прежнему стоять на своей точкѣ зрѣнія и не захочетъ пойти на уступки.

Удивительные люди эти большевики. Они говорятъ о свободѣ и примиреніи народовъ, о мирѣ и согласіи и вмѣстѣ съ тѣмъ они являются жесточайшими тиранами, которыхъ только знала исторія, — они просто искореняютъ буржуазію и ихъ аргументами являются пулеметы и висѣлицы. Сегодняшній разговоръ съ Іоффе доказалъ мнѣ, что эти люди безчестны и въ лживости своей превосходятъ все, въ чемъ обвиняютъ цеховыхъ дипломатовъ — ибо такъ подавлять буржуазію и одновременно съ этимъ говорить объ осчастливливающей міръ свободѣ — это ложь.

21 декабря 1917 года

Днемъ я поѣхалъ съ своими сотрудниками на завтракъ къ принцу Баварскому. Онъ занимаетъ маленькій замокъ, находящійся на разстояніи получасовой ѣзды на автомобилѣ отъ Бреста. Повидимому, онъ очень интересуется военными дѣлами и много работаетъ.

Первую ночь я провелъ въ своемъ поѣздѣ и во время утренняго завтрака наши служителя перетащили вещи въ предоставленное намъ помѣщеніе. Намъ отведенъ небольшой домъ, въ которомъ помѣщаются теперь всѣ члены австро-венгерской делегаціи. Домъ стоитъ рядомъ съ офицерскимъ собраніемъ и въ немъ можно найти весь тотъ комфортъ, котораго здѣсь можно требовать. Весь день я провелъ за работой со своими сотрудниками, а вечеромъ прибыли делегаціи трехъ союзниковъ. Въ этотъ же вечеръ у меня была первая бесѣда съ Кюльманомъ съ глазу на глазъ, и я тотчасъ же твердо установилъ, что не можетъ быть никакого сомнѣнія, что русскіе сдѣлаютъ предложеніе заключить в с е о б щ і й м и р ъ и что мы должны принять это предложеніе. Кюльманъ, хотя и нѣсколько колеблется, но раздѣляетъ мою точку зрѣнія; конечно, формула предложенія должна гласить: «никто не имѣетъ права дѣлать аннексіи или требовать контрибуцій» — если Антанта пойдетъ на это предложеніе, то наступитъ конецъ этимъ ужаснымъ страданіямъ. Къ сожалѣнію, это мало вѣроятно.

22 декабря 1917 года

Все утро было посвящено первому совмѣстному засѣданію союзниковъ, на которомъ были академически установлены только что мною указанныя, обсужденныя съ Кюльманомъ положенія. Днемъ состоялось первое пленарное засѣданіе, оно было открыто принцемъ Баварскимъ, и на немъ предсѣдательствовалъ Кюльманъ. Было рѣшено, что предсѣдательство будетъ поочередно передаваться по латинскому алфавиту принимающихъ участіе государствъ, т.-е. Allemagne, Autriche etc. Докторъ Кюльманъ просилъ господина Іоффе изложить намъ принципы, которые по его мнѣнію должны быть положены въ основу будущаго мира и русскій делегатъ вслѣдъ

за этимъ изложилъ уже извѣстные по газетамъ 4 основныхъ положенія. Мы приняли предложеніе къ свѣдѣнію и заявили, что мы послѣ нашего вааимнаго совѣщанія дадимъ возможно болѣе скорый отвѣтъ. Таково было теченіе перваго краткаго засѣданія мирнаго конгресса.

23 декабря 1917 года

Рано утромъ мы съ Кюльманомъ выработали нашъ отвѣтъ. Онъ уже извѣстенъ изъ газетъ. Работа была чрезвычайно трудна. Кюльманъ лично стоитъ за всеобщій миръ, но онъ боится вмѣшательства военныхъ, желающихъ заключить миръ только послѣ полной побѣды; въ концѣ концовъ, намъ удалось составить отвѣтъ. Тогда начались новыя трудности съ турками. Эти заявили, что они должны настаивать, чтобы немедленно послѣ заключенія мира Россія вывела свои войска съ Кавказа. На это требованіе не могли согласиться германцы, ибо оно implicite заключало согласіе яа одновременный выводъ войскъ изъ Польши, Курляндіи и Литвы, на что Германія не могла пойти. Послѣ жаркихъ споровъ и повторныхъ усилій съ трудомъ удалось заставить турокъ отказаться отъ ихъ требованій. Второе опасеніе турокъ заключалось въ томъ, что Россія не достаточно ясно отказалась отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла. Тѣмъ не менѣе, турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ, что внутреннее положеніе Австро-Венгріи представляетъ еще болѣе благопріятную почву для русскаго вмѣшательства, чѣмъ положеніе Турціи, и что, если это не выываетъ у меня опасеній, то онъ возьметъ обратно и свои.

Болгары, главой делегаціи которыхъ является министръ юстиціи Поповъ и которые отчасти не понимаютъ по-нѣмецки, а отчасти плохо знаютъ по-французски и поэтому поняли смыслъ нашего отвѣта только потомъ, заявили, что они свое отношеніе къ нему выскажутъ только 24-го.

24 декабря 1917 года

Утромъ и днемъ чрезвычайно длительныя совѣщанія съ болгарами, во время которыхъ я съ Кюльманомъ, съ одной стороны, и болгарскіе представители, съ другой, ведемъ ожесточенные споры. Болгарскіе делегаты трѣбуютъ включенія въ отвѣтъ спеціальнаго пункта, по которому для Болгаріи дѣлаются исключенія въ формулѣ о недопустимости аннексій и контрибуцій въ томъ смыслѣ, что пріобрѣтенія Болгаріей румынскихъ и сербскихъ областей не можетъ считаться аннексіей. Эта оговорка, само собой разумѣется, уничтожила бы совершенно всю нашу работу и мы ни подъ какимъ видомъ не могли на нее согласиться. Бесѣда одно время велась въ очень возбужденномъ тонѣ и болгарскіе делегаты дошли даже до угрозы, что они уѣдутъ, если мы не пойдемъ на уступки. Кюльманъ и моя малость оставались совершенно тверды и заявили имъ. что мы ничего не имѣемъ противъ ихъ отъѣзда, что мы не имѣемъ ничего противъ, чтобы они даже бы дали свой самостоятельный отвѣтъ, но что въ редактированномъ нами отвѣтѣ ничего не будетъ измѣнено. Въ виду того, что эти переговоры ни къ чему не привели, пленарное засѣданіе было отложено на 25-ое и болгарскіе делегаты телеграфно вапросили Софію о новыхъ инструкціяхъ.

Болгары получили отрицательный отвѣтъ.

Они очень подавлены и не ставятъ больше никакихъ препятствій при выработкѣ общаго плана дѣйствій. Такимъ образомъ, пока эта сторона дѣла въ порядкѣ.

Днемъ у меня опять былъ споръ съ германцами. Германскіе военные «боятся», что Антанта можетъ согласиться на всеобщій миръ, ибо тогда она можетъ закончить войну «не безъ прибыли». Нельзя слушать этой болтовни. Если имъ дѣйствительно удастся одержать на западномъ фронтѣ большія побѣды, которыхъ такъ опредѣленно ждутъ германскіе генералы, то ихъ требованія станутъ безграничными и еще болѣе затруднятъ всякіе переговоры.

25 Декабря 1917 года

Сегодня состоялось пленарное засѣданіе, на которомъ мы сообщили русскимъ нашъ отвѣтъ на ихъ мирное предложеніе. Я предсѣдательствовалъ и прочелъ этотъ отвѣтъ, на него отвѣчалъ Іоффе. Такимъ образомъ, предложеніе всеобщаго мира сдѣлано и мы ждемъ отвѣта. Чтобы не терять времени, мы продолжаемъ наши переговоры, касающіеся Россіи. Въ этомъ отношеніи мы сдѣлали большой шагъ впередъ и, быть можетъ, прошли черезъ самое трудное. Возможно, что вчерашній день былъ рѣшительнымъ поворотнымъ пунктомъ всемірной исторіи.

26 декабря 1917 года

Въ 9 часовъ утра начались переговоры по спеціальнымъ вопросамъ. Приготовленная Кюльманомъ программа, касающаяся экономическихъ вопросовъ и вопросовъ представительства, была такъ скоро и гладко принята, что уже въ 11 часовъ засѣданіе должно было быть прервано за отсутствіемъ матеріала. Быть можетъ, это хорошее предзнаменованіе.

Сегодняшній день будетъ использованъ моими сотрудниками тѣмъ, что они занесутъ результаты переговоровъ въ протоколъ; завтра засѣданіе будетъ продолжено, будутъ обсуждаться территоріальные вопросы.

26 декабря 1917 года

Вечеромъ передъ обѣдомъ Гофманъ сообщилъ русскимъ о германскихъ планахъ относительно окраинныхъ областей. Положеніе таково: пока продолжается война на западѣ, германцы не могутъ очистить Курляндіи и Литвы, ибо не говоря о томъ, что они хотятъ удержать ихъ въ качествѣ залога до переговоровъ о всеобщемъ мирѣ, эти области являются еще необходимыми для снабженія арміи. Желѣзнодорожный матеріалъ, фабрики и, прежде всего, продовольствіе необходимы, пока длится война. Естественно, что они не могутъ очистить эти области сейчасъ. Послѣ заключенія мира вопросъ рѣшитъ право на самоопредѣленіе этихъ областей. Но въ томъ и заключается самая большая трудность, какъ будетъ осуществлено это право на самоопредѣленіе.

Русскіе, конечно, не хотятъ, чтобы голосованіе происходило въ то время, когда въ этихъ областяхъ еще находятся германскіе штыки — а германцы, со своей стороны, утверждаютъ, что безпримѣрный большевистскій терроръ лишитъ выборы всякаго значенія, такъ какъ «буржуа» по мнѣнію большевиковъ не люди.

Моя мысль поручить контроль нейтральному государству была отклонена обѣими сторонами. Во время войны ни одно нейтральное государство не согласится на такую роль, а нѣмецкая оккупація должна прекратиться до общаго мира. De facto обѣ спорющія стороны боятся террора противника и обѣ хотятъ сами его примѣнять. —

У меня много свободнаго времени. То турки еще не готовы, то болгары, то устраиваютъ отдѣльное совѣщаніе русскіе, и засѣданія откладываются или, едва начавшись, обрываются.

Я читаю теперь мемуары изъ французской революціи. Это очень своевременное чтеніе, принимая во вниманіе то, что происходитъ теперь въ Россіи и возможно произойдетъ во всей Европѣ. Тогда не было еще большевиковъ, но тогда въ Парижѣ, какъ теперь въ Петербургѣ были люди, которые подъ лозунгами свободы тиранизировали міръ. Шарлотта Кордэ сказала: я убила не человѣка, но дикаго звѣря. — Эти большевики тоже исчезнутъ и, кто знаетъ, не найдется ли Кордэ и для Троцкаго.

Одинъ изъ русскихъ разсказывалъ мнѣ о царской семьѣ и о той обстановкѣ, въ которой она жила. Онъ съ большимъ уваженіемъ отзывался о Николаѣ Николаевичѣ, какъ о сильномъ человѣкѣ, полномъ энергіи и отваги, котораго надо уважать, даже будучи его врагомъ. Въ противоположность ему, царь, будто бы, трусливъ, лживъ и достоинъ презрѣнія. Буржуазія доказала свою неспособность тѣмъ, что она терпѣла

такого императора. Вообще по его мнѣнію всѣ монархи въ большей или меньшей степени дегенераты, и онъ не понимаетъ, какъ можно признавать такую форму правленія, при которой существуетъ опасность, что глава государства можетъ быть дегенератомъ. Я возражалъ ему, что у монархіи прежде всего то преимущество, что по крайней мѣрѣ одно мѣсто въ государствѣ не является объектомъ личнаго карьеризма; что же касается дегенераціи, то это часто дѣло точки зрѣнія; есть также дегенеративные некоронованные главы государствъ. По мнѣнію моего собесѣдника, этой опасности нѣтъ, если онъ выбирается народомъ. Я отвѣчалъ, что г-нъ Ленинъ, напримѣръ, не былъ избранъ и мнѣ кажется сомнительнымъ, былъ ли бы онъ избранъ, если бы выборы прошли свободно, безъ давленія. — Быть можетъ, и въ Россіи можно найти людей, которые со своей стороны обвиняютъ его въ дегенеративности.

27 декабря 1917 года

Русскіе въ отчаяніи; часть ихъ хочетъ уѣзжать. Они думали, что германцы просто откажутся отъ оккупированныхъ областей и отдадутъ ихъ большевикамъ. Длительныя совѣщанія между русскими, Кюльманомъ и мною. Время отъ времени въ нихъ принимаетъ участіе и Гофманъ. Я формулировалъ слѣдующія положенія:

I. Пока не заключенъ всеобщій миръ, мы не можемъ отдать оккупированныя области; онѣ являются областями, снабжающими наши арміи (фабрики, дороги, воздѣлываемыя поля и т. д.).

II. Послѣ заключенія всеобщаго мира въ Польшѣ, Курляндіи и Литвѣ должно произойти народное голосованіе, которое рѣшитъ судьбу этихъ народовъ. Форма этого голосованія подлежитъ еще обсужденію, дабы русскіе получили увѣренность, что голосованіе пройдетъ безъ принужденія. Это повидимому не удовлетворяетъ ни тѣхъ, ни другихъ. Положеніе очень ухудшилось.

Послѣ полудня. Положеніе все ухудшается. Бѣшенныя телеграммы отъ Гинденбурга объ «отказѣ» отъ всего. Людендорфъ телефонируетъ каждый часъ; новые припадки бѣшенства. Гофманъ очень раздраженъ. Кюльманъ «холоденъ»*, какъ всегда. Русскіе заявляютъ, что неопредѣленность нѣмецкихъ заявленій относительно свободы голосованія непріемлема. Я заявилъ Кюль-и Гоф-манамъ, что я буду идти вмѣстѣ съ ними до конца, но если ихъ усилія не приведутъ ни къ чему, то я вступлю съ русскими въ сепаратные переговоры, такъ какъ ни Берлинъ, ни Петербургъ не хотятъ свободнаго голосованія; Австро-Венгрія же желаетъ получить наконецъ миръ. Кюльманъ понимаетъ мою точку зрѣнія и говоритъ, что онъ скорѣе самъ у й д е т ъ, чѣмъ допуститъ разрывъ переговоровъ. Онъ просилъ меня письменно изложить мою точку зрѣнія. Это «усилитъ» его положеніе. Просьба исполнена. Онъ протелеграфировалъ объ этомъ императору.

Вечеръ. Кюльманъ думаетъ, что завтра будетъ разрывъ или дѣло наладится.

28 декабря

Настроеніе вялое. Новые гнѣвные выпады изъ Крейцнаха**. Въ противоположность имъ въ полдень телеграмма Бушэ: Гертлингъ пмѣлъ докладъ у императора Вильгельма и этотъ послѣдній вполнѣ удовлетворенъ. Кюльманъ сказалъ мнѣ: императоръ единственно разумный человѣкъ во всей Германіи.

Мы въ концѣ концовъ примирились на комиссіоной формулѣ, т.-е. въ Брестѣ должна быть создана комиссія ad hoc, которая должна выработать детальный планъ относительно очищенія и голосованія. Это tant bien que mal временный выходъ. Всѣ уѣзжаютъ домой для представленія докладовъ. Ближайшее засѣданіе назначено на 5 января 1918 года.

---

* Не поддающаяся переводу игра словъ. Kühlmann обозначаетъ «холодного человѣка». Прим. пер.

** Крейцнахъ — Германская Ставка. Прим. пер.

Русскіе опять немного повеселѣли.

Вечеромъ за обѣдомъ я держалъ отъ имени русскихъ и четвернаго союза благодарственную рѣчь принцу Леопольду. Онъ тотчасъ же отвѣтилъ и очень мило, но потомъ сказалъ мнѣ: это было неожиданнымъ нападеніемъ. Для меня это тоже было неожиданнымъ, ибо германцы обратились ко мнѣ съ просьбой сказать рѣчь лишь во время обѣда.

Въ 10 часовъ вечера отъѣздъ въ Вѣну.

Отъ 29 до утра 3-го я былъ въ Вѣнѣ. Двѣ продолжительныя аудіенціи у императора дали мнѣ возможность сдѣлать докладъ о Брестѣ. Онъ, конечно, совершенно одобряетъ ту точку зрѣнія, что надо, если только возможно, добиться мира.

Я отправилъ заслуживающее довѣрія лицо въ окраинныя области, чтобы установить, каково на самомъ дѣлѣ тамъ настроеніе. Онъ сообщаетъ, что всѣ, кто только не большевики, настроены противъ большевиковъ. Вся буржуазія, крестьяне, короче говоря, всѣ имѣющіе какую либо собственность дрожатъ передъ этими красными разбойниками и тянутся къ Германіи.

Терроръ, проводимый Ленинымъ, какъ говорятъ, не поддается описанію. Даже въ Петербургѣ всѣ страстно желаютъ вступленія нѣмецкихъ войскъ, чтобы быть освобожденными отъ этихъ людей.

3 января 1918 года

На обратномъ пути.

Въ поѣздѣ на пути въ Брестъ на одной изъ станцій я въ 6 часовъ вечера получилъ слѣдующую шифрованную телеграмму отъ оставшагося въ Брестѣ барона Гауша:

«Отъ русской делегаціи сегодня утромъ получена слѣдующая телеграмма изъ Петербурга по аппарату Юза: генералу Гофману для господъ представителей германской, австро-венгерской, болгарской и турецкой делегацій. Правительство русской республики считаетъ необходимымъ дальнѣйшіе переговоры вести на нейтральной территоріи и, со своей стороны, предлагаетъ перенести переговоры въ Стокгольмъ. Что касается отношенія къ предложеніямъ, высказаннымъ германской и австро-венгерской делегаціями въ пунктахъ первомъ и второмъ, то правительство русской республики а также и всероссійскій центральный исполнительный комитетъ совѣтовъ рабочихъ солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ въ полномъ согласіи съ высказаннымъ нашей делегаціей мнѣніемъ полагаютъ, что эти предложенія противорѣчатъ принципу самоопредѣленія націй даже въ той ограниченной формулировкѣ, которая была дана въ пунктѣ третьемъ отвѣтной деклараціи четверного союза отъ 12-го предыдущаго мѣсяца Предсѣдатель русской делегаціи А. Іоффе.» Майоръ Брикманъ уже сообщилъ по телефону объ этомъ находящейся на пути въ Брестъ германской делегаціи. Господинъ фонъ Кюльманъ велѣлъ по телефону же дать отвѣтъ, что онъ продолжаетъ свою поѣздку и прибудетъ сегодня вечеромъ въ Брестъ.

Я, конечно, также не прерываю своего путешествія и считаю маневръ русскихъ блеффомъ; если они и не пріѣдутъ, то мы будемъ вести переговоры съ украинцами, которые должны быть уже въ Брестѣ.

Въ Вѣнѣ я видѣлся изъ политическихъ дѣятелей съ Беккомъ, Бернрейтеромъ, Гаузеромъ, Векерле, Зейдлеромъ и нѣкоторыми другими. Всѣ единогласно заявляютъ: миръ долженъ быть заключенъ, но сепаратный миръ — безъ Германіи — невозможенъ.

Но какъ я этого долженъ добиться, если ни Германія, ни Россія не захотятъ образумиться, этого мнѣ никто не сказалъ.

4 января 1918 года

Ночью была ужасная снѣжная метель. Отопленіе въ поѣздѣ замерзло и пребываніе въ немъ мало пріятно. Утромъ, когда я проснулся въ Брестѣ на

опасныхъ путяхъ стояли поѣзда болгаръ и турокъ. День изумительный, холодно, воздухъ, какъ въ С. Морицѣ. Я пошелъ къ Кюльману, завтракалъ съ нимъ и обсуждалъ обстановку въ Берлинѣ. По его словамъ, въ Берлинѣ всѣ страшно возбуждены. Кюльманъ предложилъ Людендорфу, чтобы онъ поѣхалъ съ нимъ въ Брестъ и принялъ участіе въ переговорахъ. Но послѣ многочасовой бесѣды выяснилось, что самъ Людендорфъ собственно толкомъ не знаетъ, чего онъ хочетъ, и онъ самъ заявилъ, что находитъ свою поѣздку въ Брестъ излишней, «все что онъ можетъ тамъ сдѣлать, это напортить». Боже милостивый, дай этому человѣку почаще такія минуты просвѣтлѣнія. Производитъ такое впечатлѣніе, что все озлобленіе вызвано скорѣе ревностью къ Кюльману, чѣмъ существомъ дѣла. Міръ не долженъ думать, что «дипломатическое искусство», а не военные успѣхи, привели къ заключенію мира. Генералъ Гофманъ повидимому былъ очень отличенъ императоромъ Вильгельмомъ, и онъ, какъ и Кюльманъ даютъ понять, что они довольны результатами своей поѣздки.

Мы обсудили отвѣтную телеграмму въ Петербургъ, въ которой отклоняется конференція въ Стокгольмѣ, и нашу тактику на будущее время. Мы сошлись на томъ, что если русскіе не пріѣдутъ, то мы заявимъ о прекращеніи перемирія, и должны будемъ пойти на рискъ ожиданія, какъ къ этому отнесутся въ Петербургѣ. Въ этомъ вопросѣ между мною и Кюльманомъ царило полное согласіе. Тѣмъ не менѣе, настроеніе, какъ у насъ, такъ и у германцевъ было очень подавленное. Не подлежитъ сомнѣнію, что если русскіе окончательно прервутъ переговоры, то положеніе будетъ очень тяжелое. Единственное спасеніе положенія въ быстрыхъ и энергичныхъ переговорахъ съ украинской депутаціей и мы приступили поэтому къ этой работѣ тотчасъ же днемъ. Такимъ образомъ, есть еще надежда, что въ этомъ отношеніи въ ближайшее время мы добьемся положительныхъ результатовъ.

Вечеромъ послѣ обѣда пришла телеграмма изъ Петербурга, извѣщавшая о прибытіи делегаціи вмѣстѣ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Троцкимъ. Было любопытно видѣть, какая радость охватила германцевъ и эта неожиданная и столь бурно проявившаяся веселость доказала, какъ тяжела была для нихъ мысль, что русскіе могутъ не пріѣхать. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это означаетъ большой шагъ впередъ и у насъ всѣхъ чувство, что мы теперь дѣйствительно находимся на пути къ заключенію мира.

5 января 1918 года

Въ 7 часовъ утра нѣкоторые члены делегаціи вмѣстѣ съ принцемъ Леопольдомъ Баварскимъ отправились на охоту. Мы проѣхали по желѣзной дорогѣ отъ 20 до 30 километровъ, а потомъ въ открытыхъ автомобиляхъ поѣхали въ замѣчательный дѣвственный лѣсъ, занимающій площадь отъ 200 до 300 кв. километровъ. Погода очень холодна, но прекрасна. Много снѣга и пріятное общество. Дичи противъ всѣхъ ожиданій очень мало. Адъютантъ принца загналъ кабана, другой подстрѣлилъ двухъ зайцевъ. Вотъ и все. Возвратились въ 6 час вечера.

6 января 1918

Сегодня происходили первые переговоры съ украинскими делегатами; присутствовали они всѣ вмѣстѣ со своимъ шефомъ. Украинцы рѣзко отличаются отъ русскихъ делегатовъ. Они значительно менѣе революціонны и питаютъ несравненно больше интереса къ своей странѣ, и менѣе интереса къ всеобщему соціализму. Они собственно не интересуются Россіей, но исключительно Украиной и всѣ ихъ усилія направлены къ тому, чтобы какъ можно скорѣй добиться самостоятельности. А должна ли быть эта самостоятельность полной, международной или только въ рамкахъ русскаго федеративнаго государства — это, повидимому, для нихъ не ясно. Очевидно, что очень умные украинскіе делегаты желаютъ использовать насъ какъ трамплинъ, оттолкнувшись

отъ котораго, они надѣются обрушиться на большевиковъ. По ихъ тактикѣ мы должны признать ихъ самостоятельность, тогда они поставятъ большевиковъ передъ этимъ fait accompli и принудятъ ихъ признать за ними ихъ полное равноправіе въ вопросѣ обсужденія и заключенія мира. Въ нашихъ же интересахъ, принудить украинцевъ согласиться на наши основы мира, или же отколоть ихъ отъ петербуржцевъ. На ихъ желаніе самостоятельности мы имъ заявили, что мы готовы признать ихъ самостоятелность, если украинцы со своей стороны признаютъ слѣдующіе три пункта: во первыхъ, окончаніе переговоровъ въ Брестъ-Литовскѣ, а не въ Стокгольмѣ, признаніе старой государственной границы между Австро-Венгріей и Украиной и, въ третьихъ, невмѣшательство одного государства во внутреннія дѣла другого. Характерно, что на это предложеніе не получено еще никакого отвѣта.

7 января 1918

Утромъ прибыли всѣ русскіе подъ предводительствомъ Троцкаго. Они просили тотчасъ передать, что они извиняются, что не смогутъ принимать участіе въ общихъ трапезахъ. Да и кромѣ этого ихъ не видно. И повидимому, теперь дуетъ совсѣмъ другой вѣтеръ, чѣмъ въ послѣдній разъ. Германскій офицеръ, привезшій русскую делегацію изъ Минска, полковникъ баронъ Ламецанъ разсказывалъ интересныя детали объ атомъ путешествіи. Прежде всего, онъ утверждаетъ, что окопы передъ Двинскомъ совершенно пусты и что кромѣ нѣсколькихъ постовъ тамъ вообще нельзя встрѣтить русскихъ. Далѣе, что на безчисленныхъ станціяхъ делегатовъ ожидали депутаты, единогласно требовавшіе мира. Троцкій отвѣчалъ всѣмъ въ высшей степени искусно и дружественно, но это на него производило все болѣе подавляющее впечатлѣніе. У барона Ламецана создалось впечатлѣніе, что русскіе делегаты находятся въ совершенно отчаянномъ положеніи, такъ какъ они могутъ выбирать только между двумя возможностями, вернуться или безъ мира, или со скернымъ миромъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ они будутъ прогнаны. Кюльманъ сказалъ: Ils n'ont que le choix à quelle sauce ils se feront manger. На это я отвѣтилъ ему: Tout comme chez nous.

Только что пришла телеграмма изъ Будапешта о враждебныхъ демонстраціяхъ по отношенію къ Германіи. Въ германскомъ консульствѣ были выбиты окна; ясный симптомъ, каково было бы настроеніе, если бы миръ не удался изъ за нашихъ требованій.

8 января 1918 года

Турецкій великій визирь Талаатъ Паша прибылъ въ ночь на сегодня и только что былъ у меня. Онъ повидимому всецѣло за то, чтобы заключить миръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ склоняется къ тому, чтобы въ случаѣ возможнаго конфликта съ Германіей выдвинуть меня впередъ, а самому остаться на заднемъ планѣ. Талаатъ Паша одинъ изъ способнѣйшихъ и, быть можетъ, самый энергичный изъ всѣхъ турецкихъ дѣятелей.

До революціи онъ былъ маленькимъ телеграфнымъ чиновникомъ и входилъ въ революціонный комитетъ. Въ качествѣ чиновника онъ перехватилъ правительственную телеграмму, доказывавшую ему, что революціонныя стремленія открыты и игра проиграна, если тотчасъ же не выступить. Онъ задержалъ телеграмму, предупредилъ Революціонный Комитетъ и убѣдилъ его тотчасъ же выступить. Это удалось, султанъ былъ низложенъ и Талаатъ сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ. Съ желѣзной энергіей въ свою очередь, началъ онъ бороться съ противоположными тенденціями. Позднѣе онъ сталъ великимъ визиремъ и вмѣстѣ съ Энверъ-Пашой онъ олицетворялъ волю и мощь Турціи.

Сегодня днемъ состоится бесѣда пяти руководителей делегацій союзниковъ и Россіи, послѣ этого — пленарное засѣданіе.

Только что засѣданіе отложено, такъ какъ украинцы еще не кончили своихъ приготовленій. Поздно вечеромъ у меня была бесѣда съ Кюльманомъ и Гофманомъ, во время которой мы довольно хорошо спѣлись по вопросу о тактикѣ. Я имъ вновь заявилъ, что я пойду вмѣстѣ съ ними и до послѣдней возможности буду защищать ихъ требованія, но въ тотъ моментъ, когда германцы окончательно порвутъ съ русскими, я сохраню за собою полную свободу дѣйствій. У меня было впечатлѣніе, что оба они достаточно ясно поняли мою точку зрѣнія, особенно Кюльманъ, который если бы это отъ него зависѣло, навѣрное, не далъ бы переговорамъ окончиться ничѣмъ. Въ частности мы сошлись на томъ, что мы въ ультимативной формѣ будемъ требовать продолженіе переговоровъ въ Брестъ-Литовскѣ.

9 января 1918

Руководясь принципомъ, что ударъ является лучшей защитой, мы рѣшили не дать русскому министру иностранныхъ дѣлъ даже возможности высказаться, но немедленно предъявить ультиматумъ.

Троцкій явился съ большой рѣчью, но успѣхъ нашего нападенія былъ столь великъ, что онъ тотчасъ просилъ отложить засѣданіе, такъ какъ новое положеніе требуетъ новыхъ рѣшеній. Перенесеніе конференціи въ Стокгольмъ было бы нашей гибелью, такъ какъ въ этомъ случаѣ было бы совершенно невозможно устранить оттуда большевиковъ всѣхъ странъ и все то, что мы съ самаго начала съ громадными усиліями старались избѣжать-какъ бы у насъ не были вырваны возжи и эти элементы не взяли на себя руководство, это неминуемо бы случилось. Теперь нужно обождать, что принесетъ намъ завтрашній день: или побѣду, или полный крахъ переговоровъ.

Троцкій несомнѣнно интересный и ловкій человѣкъ и очень опасный противникъ. У него совершенно исключительный ораторскій талантъ, быстрота и находчивость репликъ, которые мнѣ рѣдко приходилось наблюдать и при этомъ рѣдкая наглость. соотвѣтствующая его расѣ.

10 января 1918

Засѣданіе только что кончилось. Троцкій въ большой, разсчитанной на всю Европу и въ своемъ родѣ дѣйствительно красивой рѣчи уступилъ по всѣмъ пунктамъ. Онъ принимаетъ, какъ онъ заявилъ, германско-австрійско-венгерскій «ультиматумъ» и остается въ Брестъ-Литовскѣ, такъ какъ онъ не хочетъ намъ доставить удовольствіе свалить вину за продолженіе войны на Россію. Въ связи съ рѣчью Троцкаго тотчасъ была конструирована комиссія, которая займется обсужденіемъ непріятныхъ территоріальныхъ вопросовъ. Я старался попасть въ комиссію, такъ какъ я хотѣлъ непрерывно контролировать ходъ столь важныхъ переговоровъ. Это было не такъ легко, такъ какъ эти вопросы по существу касались только Курляндіи и Литвы, т. е. не насъ, а Германіи.

Вечеромъ у меня была продолжительная бесѣда съ Кюль- и Гоф-маномъ, во время которой генералъ и стаатсъ-секретарь довольно рѣзко разошлись другъ съ другомъ. Упоенный успѣхомъ нашего, предъявленнаго Россіи, ультиматума Гофманъ хотѣлъ продолжать въ томъ же тонѣ и дать русскимъ «еще одинъ хорошенькій ударъ по головѣ». Кюльманъ и я стояли на противоположной точкѣ зрѣнія и требовали приступа къ спокойнымъ и дѣловымъ переговорамъ, гдѣ каждый параграфъ одинъ за другимъ были бы разъяснены, а неясные отложены. Лишь послѣ того, какъ будетъ окончена эта работа очищенія, надо будетъ по телеграфу запросить у обоихъ императоровъ директивъ для рѣшенія вопроса объ остающихся невыясненныхъ и собранныхъ вмѣстѣ параграфахъ. Это несомнѣнно самый вѣрный путь для того, чтобы избѣжать крушенія и схода съ рельсъ.

Новый конфликтъ съ украинцами. Эти послѣдніе требуютъ признанія ихъ самостоятельности и заявляютъ, что они уѣдутъ, если это не будетъ сдѣлано.

Адлеръ разсказывалъ мнѣ въ Вѣнѣ, что Троцкій оставилъ свою библіотеку, которую онъ очень цѣнитъ, какъ кажется, у нѣкоего Бауера въ Вѣнѣ. Я сказалъ Троцкому, что я распоряжусь о присылкѣ ему его библіотеки, если бы онъ этого хотѣлъ. Вслѣдъ за тѣмъ я просилъ его облегчить положеніе нѣкоторыхъ военноплѣнныхъ, такъ напримѣръ, Л. К. п В., относительно которыхъ были свѣдѣнія, что съ ними со всѣми болѣе или менѣе скверно обращаются; Троцкій принялъ это къ свѣдѣнію. заявилъ, что онъ противъ скверпаго обращенія съ военно-плѣнными и обѣщалъ навести справки; но онъ подчеркнулъ, что его готовность пойти навстрѣчу не стоитъ ни въ какой связи съ вопросомъ о библіотекѣ. Онъ при всякихъ обстоятельствахъ обратилъ бы вниманіе на мою просьбу. Библіотеку онъ хотѣлъ бы получить.

11 января 1918

Утромъ и днемъ продолжительныя засѣданія комиссіи по территоріальнымъ вопросамъ. Съ нашей стороны въ комиссіи принимали участіе Кюльманъ, Гофманъ, Розенбергъ, одинъ изъ секретарей, далѣе моя малость, Чичериксъ, Визнеръ и Коллоредо. Русскіе присутствовали въ полномъ составѣ, однако безъ украинцевъ. Я заявилъ Кюльману, что я хочу присутствовать лишь въ качествѣ секунданта, такъ какъ германскіе интересы въ этомъ вопросѣ несравненно болѣе затронуты, чѣмъ наши. Я лишь время отъ времени вмѣшиваюсь въ обсужденіе.

Троцкій сегодня днемъ совершилъ тактическую ошибку. Въ своей доходящей до рѣзкости рѣчи, заявилъ онъ намъ, что мы играемъ фальшивую игру, мы хотимъ аннексій и придаемъ этимъ аннексіямъ видъ права на самоопредѣленіе. Никогда онъ на это не согласится и скорѣе прерветъ переговоры, чѣмъ будетъ ихъ продолжать въ такомъ духѣ. Если бы мы были честны, то мы позволили бы пріѣхать въ Брестъ представителямъ Польши, Курляндіи и Литвы, чтобы здѣсь независимо отъ нашего вліянія они высказали свои взгляды. Къ этому надо прибавить, что съ начала переговоровъ идетъ споръ о томъ, правомочны ли нынѣ существующіе въ оккупированныхъ областяхъ законодательные органы говорить отъ имени своихъ народовъ. Мы отвѣчаемъ на этотъ вопросъ утвердительно, русскіе отрицательно. Мы тотчасъ же приняли предложеніе Троцкаго пригласить представителей этихъ народностей въ Брестъ, но присовокупили къ этому, что признавая ихъ свидѣтельства, мы вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ ихъ заявленія для насъ рѣшающими.

Интересно было наблюдать, какъ охотно Троцкій взялъ бы обратно то, что онъ сказалъ, но онъ тотчасъ же нашелся въ новомъ положеніи, сохранилъ свою выдержку и попросилъ прервать засѣданіе на 24 часа, такъ какъ онъ долженъ обсудить со своими коллегами вновь создавшееся положеніе послѣ нашего столь многозначительнаго отвѣта. Я думаю, что Троцкій не будетъ дѣлать никакихъ трудностей. Если бы поляки могли быть привлечены, то это было бы хорошо; трудность заключается въ томъ, что и германцы не хотятъ поляковъ, такъ какъ знаютъ и ихъ антипрусское настроеніе.

11 января 1918

У Радека вышла ссора съ германскимъ шоферомъ, что имѣло и свой эпилогъ. Генералъ Гофманъ предоставилъ русскимъ автомобиль, они пользовались имъ для прогулокъ; на этотъ разъ автомобиль не былъ своевременно поданъ. Радекъ устроилъ шоферу грубую сцену, послѣдній пожаловался и Гофманъ взялъ шофера подъ свое покровительство. Троцкій, повидимому, призналъ точку зрѣнія Гофмана правильной и онъ вообще з а п р е т и л ъ всей делегаціи катаніе. Они получили свое, получили по заслугамъ.

Никто не пикнулъ. Они вообще всѣ трепещутъ передъ Троцкимъ и на засѣданіяхъ въ присутствіи Троцкаго никто не смѣетъ рта открыть.

12 января 1918

Гофманъ произнесъ свою несчастную рѣчь. Онъ работалъ надъ ней много времени и очень гордился ожидающимъ его успѣхамъ. Кюльманъ и я не скрыли отъ него, что онъ этой рѣчью достигнетъ лишь того, что страна начнетъ насъ травить. Это произвело на него извѣстное впечатлѣніе, которое однако было заглажено быстро пришедшей похвалой Людендорфа. Положеніе, во всякомъ случаѣ, обострилось, что было излишнимъ.

15 января 1918

Сегодня я получилъ письмо отъ одного изъ нашихъ намѣстниковъ, обращающее мое вниманіе на то, что намъ непосредственно угрожаетъ катастрофа, вызываемая недостаткомъ питанія.

Я тотчасъ же протелеграфировалъ императору слѣдующее: «Я получилъ только что письмо намѣстника N. N., которое подтверждаетъ всѣ мои постоянно повторяемыя Вашему Величеству опасенія, и констатируетъ, что въ вопросѣ продовольствія намъ угрожаетъ непосредственная катастрофа. Положеніе, вызванное легкомысліемъ и неспособностью министровъ — ужасно и я боюсь, что уже поздно предупредить катастрофу, которую мы должны ожидать въ ближайшіе же дни. Мой освѣдомитель пишетъ мнѣ слѣдующее: «Изъ Венгріи мы получаемъ только незначительныя количества, изъ Румыніи лишь 10 000 вагоновъ маиса. Намъ не хватаетъ, по крайней мѣрѣ, 30 000 вагоновъ зерна, безъ которыхъ мы просто должны погибнуть. Я отправился, узнавъ о таковомъ положеніи дѣлъ, къ министру президенту, чтобы переговорить съ нимъ объ этомъ. Я сказалъ ему каково положеніе: черезъ нѣсколько недѣль остановится наша военная промышленность, движеніе желѣзныхъ дорогъ, снабженіе арміи сдѣлается невозможнымъ, армію ждетъ катастрофа, и эта катастрофа приведетъ къ полному крушенію Австріи, и, вслѣдствіе этого, также и Венгріи. Онъ отвѣчалъ на всѣ мои отдѣльные вопросы словами: «да, положеніе таково», и прибавлялъ, что дѣлается все возможное, чтобы исправить это положеніе, особенно въ отношеніи венгерскихъ поставокъ. Но никому, даже Его Величеству, не удалось чего либо добиться. Можно только надѣяться, что Deus ex machina спасетъ насъ отъ окончательной гибели».

Я прибавилъ къ этому:

«Я не нахожу словъ для того, чтобы правильно характеризовать апатію Зейдлера. Какъ часто и какъ настоятельно я просилъ Ваше Величество своимъ энергичнымъ вмѣшательствомъ принудить съ одной стороны Зейдлера, а съ другой Гадика привести дѣла въ порядокъ. Еще отсюда я письменно заклиналъ Ваше Величество дѣйствовать, пока еще есть время. Но все напрасно».

Я развивалъ далѣе ту мысль, что единственное спасеніе могло бы заключаться въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе получить временную помощь изъ Германіи и затѣмъ реквизировать несомнѣнно находящіеся еще въ Венгріи запасы; въ заключеніе я просилъ императора освѣдомить австрійскаго министра президента объ этой телеграммѣ.

16 января 1918 года

Отчаянные крики о помощи и требованія продовольствія изъ Вѣны. Я долженъ тотчасъ обратиться съ просьбой о помощи въ Берлинъ, въ противномъ случаѣ мы наканунѣ катастрофы. Я отправилъ слѣдующій отвѣтъ генералу Ландверу:

«Докторъ Кюльманъ отправилъ телеграмму въ Берлинъ, но мало надѣется на успѣхъ. Единственная надежда въ томъ, что Его Величество, слѣдуя моему совѣту, немедленно и срочно протелеграфируетъ императору Вильгельму.

Послѣ моего возвращенія я положу Его Величеству мою точку зрѣнія, заключающуюся въ томъ, что невозможно продолжать руководить внѣшней политикой, если продовольственный аппаратъ столь скверно функціонируетъ. Ваше превосходительство еще нѣсколько недѣль тому назадъ положительно утверждало, что мы сможемъ продержаться до ближайшаго урожая.»

Одновременно съ этимъ я отправилъ телеграмму императору: «Поступающія телеграммы доказываютъ, что положеніе у насъ начинаетъ становиться критическимъ. Что касается продовольствія, то мы сможемъ избѣжать катастрофы только при двухъ условіяхъ: во первыхъ, если намъ временно поможетъ Германія, и во вторыхъ, если мы используемъ ату временную поддержку для того, чтобы привести въ порядокъ нашъ функціонирующій ниже всякой критики продовольственный аппаратъ и захватимъ находящіеся еще въ Венгріи запасы.

Я только что описалъ доктору Кюльману все положеніе и онъ отправитъ телеграмму въ Берлинъ. Однако, онъ смотритъ очень пессимистически, такъ какъ сама Германія терпитъ большой недостатокъ. Я думаю, что единственная надежда на успѣхъ нашихъ шаговъ заключалась бы въ томъ, что Ваше Величество тотчасъ черезъ военное управленіе отправило бы по юзовскому аппарату непосредственно телеграмму императору Вильгельму, въ которой Вы его настойчиво просили бы самому вмѣшаться и, посылкой зерна воспрепятствовать — въ противномъ случаѣ неизбѣжному — взрыву революціи. Я особенно обращаю вниманіе еще и на то, что начало безпорядковъ у насъ въ тылу сдѣлаетъ совершенно невозможнымъ заключеніе мира здѣсь. Лишь только русскіе представители замѣтятъ приближеніе революціи, они откажутся отъ заключенія мира, такъ какъ всѣ ихъ разсчеты основаны на этомъ.

17 января 1918 года

Скверныя извѣстія изъ Вѣны и ея окрестностей; большія забастовки, вызываемыя уменьшенной выдачей муки и затяжнымъ характеромъ Брестскихъ переговоровъ. Слабость Вѣнскаго министерства превосходитъ всякія ожиданія.

Я отправилъ въ Вѣну телеграмму, въ которой я выражалъ надежду, что мнѣ удастся въ скоромъ времени обезпечить доставку продовольствія изъ Украины, если ближайшія недѣли въ тылу пройдутъ спокойно и заклиналъ сдѣлать все возможное, чтобы не воспрепятствовать заключенію здѣсь мира. Въ тотъ же день вечеромъ я отправилъ министру-президенту доктору Зейдлеру слѣдующую телеграмму:

«Я глубоко сожалѣю, что у меня нѣтъ власти исправить всѣ ошибки, совершенныя учрежденіями, завѣдующими продовольствіемъ.

Германія категорически заявляетъ, что она не можетъ прійти на помощь, такъ какъ у нея и для себя продовольствія слишкомъ мало.

Если бы Ваше превосходительство, или подчиненныя вамъ учрежденія своевременно обратили на это вниманіе, то была бы еще возможность подвезти румынскіе запасы. При настоящемъ положеніи вещей, и не вижу никакого другого выхода, какъ примѣненіе грубѣйшаго насилія въ реквизиціи и въ отправкѣ въ Австрію венгерскихъ запасовъ, до тѣхъ поръ, пока не будутъ подвезены румынскіе и, какъ я надѣюсь, украинскіе.»

20 января 1918 года

Переговоры привели къ тому результату, что Троцкій заявилъ, что непріемлемыя для него требованія германцевъ, онъ передастъ на обсужденіе въ Петербургѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ категорически обязался вернуться обратно. Онъ согласенъ на привлеченіе представителей окраинныхъ областей только въ томъ случаѣ, если ему будетъ предоставлено право выбора лицъ. Это непріемлемо. Съ украинцами, которые, несмотря на свою молодость, обнаружили достаточную зрѣлость, чтобы использовать благопріятное для нихъ

положеніе, переговоры подвигаются впередъ съ большимъ трудомъ. Сначала они потребовали восточной Галиціи для новой «Украины». Этого нельзя было даже поставить на обсужденіе. Тогда они сдѣлались скромнѣе, но съ тѣхъ поръ, какъ у насъ начались безпорядки, они знаютъ, каково наше положеніе и что мы д о л ж н ы заключить миръ, чтобы получить продовольствіе. Теперь они требуютъ предоставленія восточной Галиціи особыхъ правъ. Вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ Вѣнѣ и австрійское министерство должно сказать рѣшающее слово.

Зейдлеръ и Ландверъ еще разъ телеграфно заявили, что безъ украинскаго продовольствія катастрофа въ ближайшее время неминуема. Въ Украинѣ есть продовольственные продукты; если намъ удастся ихъ получить, то мы избѣгнемъ катастрофы.

Положеніе слѣдующее: безъ подвоза извнѣ — такъ утверждаетъ Зейдлеръ — черезъ нѣсколько недѣль начнется повальный моръ. Германія и Венгрія не даютъ больше ничего. Всѣ посланцы сообщаютъ, что на Украинѣ большіе избытки, вопросъ лишь въ томъ, сможемъ ли мы ихъ своевременно заполучить. Я надѣюсь на это. Но если мы не добьемся с к о р о мира, то у насъ повторятся безпорядки, а съ каждой новой демонстраціей въ Вѣнѣ намъ приходится дороже платить за миръ, такъ какъ господа Севрюкъ и Левицкій — по этимъ безпорядкамъ, какъ по термометру, точно опредѣляютъ степень нашего голода. Если бы люди, устроившіе эти демонстраціи, знали только, какъ они ими затруднили подвозъ украинскаго продовольствія! Мы были такъ близки къ подписанію договора!

Восточно-галиційскій вопросъ я передамъ австрійскому министерству; онъ долженъ быть рѣшенъ въ Вѣнѣ. Но холмскій вопросъ я беру на свою отвѣтственность, Я не могу и не имѣю права для сохраненія польскихъ симпатій смотрѣть, какъ сотни тысячъ умираютъ съ голоду, когда есть еще возможность помочь.

21 января 1918 года

Поѣздка въ Вѣну. Впечатлѣніе отъ вѣнскихъ безпорядковъ большее, чѣмъ я предполагалъ и дѣйствуетъ подавляюще. Украинцы не ведутъ больше переговоровъ. они д и к т у ю т ъ.

Въ пути, при чтеніи прежнихъ протоколовъ, я нашелъ замѣтки относительно бесѣдъ, имѣвшихъ мѣсто съ Михаэлисомъ 1-го августа. По этимъ замѣткамъ помощникъ статсъ секретаря фонъ-Штуммъ говорилъ слѣдующее: «Министерство иностранныхъ дѣлъ стоитъ въ связи съ украинцами и сепаратистское движеніе на Украинѣ очень сильно. Для поддержанія ихъ движенія украинцы просили, чтобы имъ было обѣщано присоединеніе Холмской губерніи и населенныхъ украинцами областей восточной Галиціи. Поскольку Галиція принадлежитъ Австріи, постольку стремленіе присоединить восточную Галицію не выполнимо. Иначе обстояло бы дѣло, если бы Галиція соединена была съ Польшей — тогда бы уступка восточной Галиціи была возможна».

Повидимому, возбуждающій споры, вопросъ уже давно предрѣшенъ германцами. 22 января имѣло мѣсто совѣщаніе, на которомъ былъ рѣшенъ украинскій вопросъ. Императоръ открылъ совѣщаніе, послѣ чего предоставилъ слово мнѣ. Я указалъ прежде всего на трудности, противостоящія заключенію мира съ Петербургомъ, трудности уже извѣстныя по предыдущимъ замѣткамъ моего дневника. Я выразилъ свои сомнѣнія въ возможности заключенія для насъ и нашихъ союзниковъ мира съ Петербургомъ. Вслѣдъ за этимъ я изложилъ ходъ переговоровъ съ украинцами. Я сообщилъ, что украинцы первоначально потребовали уступки восточной Галиціи, что я отклонилъ. Они также поставили категорическія требованія, касающіяся русинскихъ областей, но и эти требованія разбились о мой отказъ. Теперь они требуютъ раздѣленія Галиціи и созданія самостоятельной Австрійской провинціи изъ Восточной Галиціи и Буковины. Я подчеркнулъ тѣ важныя послѣдствія, которыя можетъ имѣть принятіе украинскаго

требованія на дальнѣйшее развитіе австрійско-польскихъ отношеній. Компенсаціей украинцевъ является то, что въ самомъ мирномъ договорѣ будетъ заключаться и соглашеніе по торговымъ вопросамъ, дающее намъ возможность немедленно получить продовольствіе. Кромѣ того, Австро-Венгрія потребуетъ примѣненіе принципа полной взаимности къ живущимъ въ Украинѣ полякамъ.

Я настойчиво подчеркивалъ, что считаю своимъ долгомъ изложить ходъ мирныхъ переговоровъ, такъ какъ окончательное рѣшеніе не можетъ входить въ мою компетенцію, но только въ компетенцію всего министерства и прежде всего австрійскаго министра — президента. Австрійское правительство должно рѣшить, слѣдуетъ ли принести эту жертву, или нѣтъ, но при этомъ я, конечно, не оставилъ никакого сомнѣнія у всѣхъ присутствовавшихъ, что при отклоненіи украинскихъ пожеланій мы по всей вѣроятности, не сможемъ и въ переговорахъ съ Украиной прійти ни къ какимъ результатамъ и будемъ вынуждены, не заключивши въ Брестъ-Литовскѣ никакого мира, вернуться домой.

Послѣ меня слово взялъ министръ-президентъ, докторъ Зейдлеръ. Онъ прежде всего подчеркнулъ необходимость немедленнаго заключенія мира, а затѣмъ освѣтилъ вопросъ о созданіи Украинской имперской провинціи, преимущественно съ парламентарной точки арѣнія. Министръ президентъ полагалъ, что несмотря на ожидаемую ярую оппозицію поляковъ с о с т а в и т с я большинство въ двѣ трети для принятія соотвѣтственнаго законопроэкта. Онъ не скрываетъ отъ себя, что таковое рѣшеніе вызоветъ ожесточенную парламентскую борьбу, но еще разъ подчеркиваетъ свою надежду на сохраненіе большинства въ двѣ трети даже противъ голосовъ польской делегаціи. Послѣ Зейдлера говорилъ венгерскій министръ-президентъ докторъ Векерле. Онъ привѣтствовалъ прежде всего, что украинцамъ не были сдѣланы уступки относительно живущихъ въ Венгріи русинъ. Правильное раздѣленіе національностей въ Венгріи невозможно, кромѣ того венгерскіе русины, въ культурномъ отношеніи, стоятъ слишкомъ низко для того, чтобы имъ была предоставлена національная самостоятельность. Докторъ Векерле настойчиво предостерегалъ отъ допущенія вмѣшательства въ австрійскія дѣла извнѣ, опасность подобнаго шага очень велика, мы становимся при немъ на покатую плоскость и должны твердо стоять на той точкѣ зрѣнія, что имперія должна послѣдовательно отклонять какое бы то ни было вмѣшательство извнѣ. Резюмируя свою рѣчь Векерле высказался противъ точки арѣнія австрійскаго министра-президента.

Послѣ этого, я вторично взялъ слово, чтобы заявить, что я прекрасно понимаю громадное значеніе и великія опасности, таящіяся въ моей точкѣ зрѣнія. Это правда, что принимая ее мы становимся на покатую плоскость, но если я не сильно ошибаюсь, мы уже долгое время, благодаря войнѣ, находимся на этой покатой плоскости и не можемъ еще знать, какъ низко скатимся мы. Я поставилъ доктору Векерле прямой вопросъ, что долженъ дѣлать отвѣтственный руководитель иностранной политики, если ему австрійскій министръ президентъ и оба министра продовольствія единогласно заявляютъ, что венгерская помощь продовольственными продуктами можетъ помочь намъ пережить не болѣе двухъ мѣсяцевъ, а послѣ этого катастрофа совершенно неминуема, если мы не получимъ продовольствія откуда нибудь еще. Докторъ Векерле прервалъ своими возраженіями мои заявленія. Я заявилъ тогда, что если онъ, Векерле, снабдитъ Австрію продовольствіемъ, то я первый съ радостью стану на его точку зрѣнія; но, поскольку онъ упорствуетъ въ своемъ категорическомъ отказѣ и утверждаетъ, что не можетъ ничѣмъ намъ помочь, постольку мы находимся въ положеніи человѣка, который вынужденъ для своего спасенія выпрыгнуть изъ окна четвертаго этажа. Этотъ человѣкъ не можетъ думать, сломаетъ ли онъ при этомъ себѣ ноги, или нѣтъ, и предпочитаетъ возможную смерть неотвратимой. Если положеніе дѣйствительно

таково, что по истеченіи двухъ мѣсяцевъ мы останемся безъ всякаго продовольствія, то мы должны сдѣлать выводы изъ этого положенія. Послѣ этого вторично взялъ слово докторъ Зейдлеръ и совершенно согласился со всѣми высказанными мною положеніями.

Во время дальнѣйшаго обсужденія подверглась разсмотрѣнію вѣроятность окончательной неудачи австро-польскаго рѣшенія польскаго вопроса, въ связи съ украинскимъ миромъ. Говорили также, какая ситуація создастся вслѣдствіе этого. Начальникъ отдѣленія, докторъ Грацъ взялъ слово, чтобы сдѣлать докладъ по этому вопросу. Докторъ Грацъ подчеркнулъ, что австро-польское рѣшеніе и въ случаѣ непріятія украинскихъ требованій все равно не можетъ увѣнчаться успѣхомъ, такъ какъ ему препятствуютъ германскія требованія. Германцы требуютъ, не говоря о громадномъ территоріальномъ урѣзываніи конгрессовой Польши, подавленіе польской промышленности, право совладѣнія польскими желѣзными дорогами и государственными имуществами, а также перенесеніе части военнаго долга на Польшу. Столь ослабленную и едва жизнеспособную Польшу, которая естественно должна будетъ быть недовольной, мы не можемъ присоединять къ намъ. Докторъ Грацъ защищалъ ту точку зрѣнія, что было бы правильнѣе вернуться къ обсуждавшейся уже однажды въ общей формѣ программѣ, по которой объединенная Польша предоставляется Германіи и за это Румынія присоединяется къ имперіи. Докторъ Грацъ подробно развилъ связанные съ этой программой вопросы. Императоръ вслѣдъ за этимъ резюмировалъ высказанные взгляды въ томъ смыслѣ, что прежде всего надо стремиться къ миру съ Петербургомъ и Украиной и что съ Украиной надо вести переговоры на основѣ раздѣленія Галиціи. Вопросъ о томъ, не должно ли быть окончательно оставлено австро-польское рѣшеніе, не былъ окончательно рѣшенъ, но пока оставленъ открытымъ.

Въ заключеніе взялъ слово общій министръ финансовъ Буріанъ, который такъ же, какъ и докторъ Векерле предостерегалъ отъ австрійской точки зрѣнія. Буріанъ подчеркивалъ, что если война должна измѣнить внутреннюю структуру имперіи, то это преобразованіе должно прійти изнутри, а не извнѣ, ибо только въ этомъ случаѣ оно можетъ способствовать процвѣтанію имперіи. Онъ подчеркнулъ далѣе, что если австрійская точка зрѣнія о раздѣленіи Галиціи будетъ осуществлена, то въ высшей степени важна ф о р м а проведенія этого раздѣленія. Баронъ Буріанъ совѣтовалъ относящіеся къ этому вопросу параграфы не включать въ мирный договоръ, но въ его секретное приложеніе. Въ этой формѣ, по мнѣнію Буріана, заключается единственная возможность ослабить тяжелыя послѣдствія предпринимаемыхъ австрійскимъ правительствомъ шаговъ. —

Таковы сохранившіяся въ моемъ дневникѣ записи о совѣщаніи. Такимъ образомъ, австрійское правительство было не только своевременно освѣдомлено о проэктируемомъ соглашеніи съ Украиной, но это соглашеніе было предпринято согласно его прямой волѣ, по его настоянію и на его отвѣтственность.

28 января 1918

Вечеромъ пріѣхалъ въ Брестъ.

29 января 1918

Пріѣхалъ Троцкій.

30 января 1918

Первое пленарное засѣданіе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что революціонныя выступленія въ Австріи и Германіи колоссально усилили надежду у петербуржцевъ на возможность переворота, и мнѣ кажется, что совершенно невозможно прійти съ русскими къ какому бы то ни было результату. Со стороны русскихъ явно просвѣчиваетъ, что они разсчитываютъ на взрывъ міровой революціи въ ближайшія недѣли и ихъ тактика направлена на то, чтобы выиграть время и дождаться этого момента.

Засѣданіе не привело ни къ какому результату. Кюльманъ и Троцкій только обмѣнялись колкостями. Сегодня первое заседаніе комиссіи, обсуждающей территоріальные вопросы, въ которой я приму на себя предсѣдательствованіе и буду говорить объ интересующихъ насъ территоріальныхъ вопросахъ.

Въ теперешнемъ положеніи единственно интереснымъ является то, что отношенія между Петербургомъ и Кіевомъ значительно ухудшились и кіевская комиссія вообще не признается большевиками за самостоятельную.

1 февраля 1918

Засѣданіе подъ моимъ предсѣдательствомъ о территоріальныхъ вопросахъ съ петербургскими русскими. Я стремлюсь къ тому, чтобы использовать вражду петербуржцевъ и украинцевъ и заключить, по крайней мѣрѣ, миръ съ первыми или со вторыми. При этомъ у меня есть еще слабая надежда, что заключеніе мира съ одной изъ сторонъ окажетъ столь сильное вліяніе на другую, что мы быть можетъ добьемся мира съ обѣими.

Какъ и слѣдовало ожидать, Троцкій на мой вопросъ, признаетъ ли онъ, что украинцы самостоятельно могутъ вести переговоры о своей границѣ съ нами, отвѣтилъ категорическимъ отрицаніемъ. Послѣ этого мы обмѣнялись незначительными замѣчаніями и я предложилъ отложить заседаніе и созвать пленарное засѣданіе, дабы кіевскіе и петербургскіе представители могли совмѣстно обсудить вопросъ.

2 февраля 1918 года

Я просилъ украинцевъ открыто, наконецъ, высказать свою точку зрѣнія петербуржцамъ и успѣхъ былъ даже слишкомъ великъ. Грубости, высказанныя украинскими представителями петербуржцамъ сегодня, были просто комичными и доказали, какая пропасть отдѣляетъ оба правительства, и что не наша вина, если мы не можемъ заключить съ ними одного договора. Троцкій былъ въ столь подавленномъ состояніи, что вызывалъ сожалѣніе. Совершенно блѣдный, съ широко раскрытыми глазами, онъ нервно что то рисовалъ на пропускной бумагѣ. Крупныя капли пота текли съ его лица. Онъ повидимому глубоко ощущалъ униженіе отъ оскорбленій, наносимыхъ ему его же согражданами въ присутствіи враговъ.

Здѣсь только что были оба брата Рихтгофены. Старшій изъ нихъ сбилъ около 60-ти, а младшій «только» около 30-ти вражескихъ летчиковъ въ воздушныхъ бояхъ. У старшаго лицо, какъ у молодой красивой дѣвушки. Онъ разсказывалъ мнѣ, «какъ это дѣлается». По его словамъ ато очень просто. Надо только близко подлетѣть сзади къ вражескому летчику и затѣмъ стрѣлять въ упоръ — тогда противникъ падаетъ внизъ. Надо только побороть въ себѣ «собственнаго негодяя» и не бояться очень близко подлетѣть къ противнику. Современные герои.

Два интересныхъ случая разсказали мнѣ по поводу пріѣзда обоихъ Рихтгофеновъ.

Англичане назначили премію за голову старшаго. Когда объ этомъ узналъ Рихтгофенъ, онъ заявилъ имъ въ сброшенной запискѣ, что, чтобы они легче могли его узнать, съ завтрашняго дня онъ выкраситъ свой аппаратъ ярко красной краской. На слѣдующее утро всѣ аппараты, бывшіе подъ его начальствомъ, были выкрашены въ красную краску. Одинъ за всѣхъ и всѣ за одного.

Второй случай: Рихтгофенъ и одинъ англичанинъ вертѣлись другъ около друга и, какъ сумасшедшіе, обстрѣливали одинъ другого. Они все больше сближались и совершенно отчетливо могли уже видѣть лицо другъ друга. Неожиданно, что то портится въ пулеметѣ Рихтгофена и онъ не можетъ больше стрѣлять. Англичанинъ смотритъ удивленно на него: и понявъ въ чемъ дѣло, привѣтствуетъ его рукой и улетаетъ . . .Я хотѣлъ бы познакомиться съ этимъ англичаниномъ, чтобы .сказать ему, что въ моихъ глазахъ онъ выше героевъ древности.

3 февраля 1918.

Отъѣздъ въ Берлинъ. Кюльманъ, Гофманъ, Коллоредо.

4 февраля 1918.

Пріѣздъ въ Берлинъ. Днемъ вичего не было, германцы совѣщаются отдѣльно.

5 февраля 1918

Въ продолженіе всего дня засѣданія. У меня было нѣсколько острыхъ столкновеній съ Людендорфомъ. Желаемая ясность, если и не достигнута, то мы во всякомъ случаѣ на пути къ ней. Кромѣ выясненія тактики въ Брестѣ пдетъ вопросъ о томъ, чтобы, наконецъ, письменно установить, что мы обязаны сражаться только за сохраненіе до-военныхъ границъ Германіи. Людендорфъ рѣзко возражалъ и сказалъ: «если Германія заключитъ миръ безъ прибыли, то она проиграла войну.»

Когда разнорѣчіе все больше обострялось, ко мнѣ подошелъ Гертлингъ и тихо сказалъ: «Оставьте его. Мы сдѣлаемъ это вдвоемъ безъ Людендорфа.»

Я сейчасъ выработаю проектъ и пошлю Гертлингу. Вечеръ: обѣдъ у Гогенлоэ.

6 января 1918 года

Вечеромъ пріѣхали въ Брестъ. Визнеръ отлично и безъ устали работалъ; положеніе сдѣлалось яснѣе еще и потому, что вчера пріѣхалъ лидеръ австрійскихъ русиновъ, Николай Василько и хотя онъ, очевидно увлеченный той ролью, которую теперь играютъ въ Брестѣ его русско-украинскіе товарищи, высказывается здѣсь много болѣе національно шовинистически, чѣмъ раньше въ Вѣнѣ, намъ все же удалось окончательно выяснить минимумъ украинскихъ требованій. Я совѣтовалъ въ Берлинѣ закончить переговоры съ украинцами, какъ можно скорѣе. Послѣ этого я отъ имени Германіи началъ бы переговоры съ Троцкимъ и увидѣлъ бы, нельзя ли путемъ разговора съ глазу на глазъ окончательно выяснить, возможно ли соглашеніе или нѣтъ. Это мысль Граца. Послѣ нѣкоторыхъ возраженій съ этимъ согласились и

7 февраля 1918 года

произошла моя бесѣда съ Троцкимъ. Я взялъ съ собою Граца, который превзошелъ всѣ мои ожиданія. Я началъ съ того, что сказалъ Троцкому, что по моему впечатлѣнію мы находимся наканунѣ разрыва и возобновленія войны; я хотѣлъ бы знать, прежде чѣмъ предпринять этотъ тяжкій по своимъ послѣдствіямъ шагъ, дѣйствительно ли это является совершенно неизбѣжнымъ. Я поэтому прошу г-на Троцкаго мнѣ откровенно и ясно высказать тѣ условія, которыя онъ можетъ принять. Въ отвѣтъ на это Троцкій очень откровенно и ясно заявилъ, что онъ отнюдь не столь наивенъ, какъ мы повидимому это предполагаемъ, что онъ отлично знаетъ, что сила является самымъ сильнымъ аргументомъ, и что центральныя державы могутъ отнять у Россіи окраинныя области. Онъ уже неоднократно въ засѣданіяхъ хотѣлъ помочь Кюльману и говорилъ ему, что вопросъ идетъ не о правѣ свободнаго самоопредѣленія народовъ въ окупированныхъ областяхъ, но о грубыхъ и голыхъ аннексіяхъ, и что передъ силой онъ долженъ склониться. Никогда онъ не откажется отъ своихъ принциповъ и никогда онъ не заявитъ, что онъ признаетъ это толкованіе права самоопредѣленія народовъ. Германцы могутъ коротко и ясно заявить, каковы тѣ границы, которыя они требуютъ, тогда онъ установитъ передъ всей Европой, что дѣло идетъ о грубыхъ аннексіяхъ, но что Россія слишкомъ слаба, чтобы сопротивляться. Только Моондзунскіе острова кажутся для него непереваримымъ кускомъ. Вслѣдъ за этимъ, и это очень характерно, Троцкій заявилъ, что онъ никогда не согласится на то, что мы заключимъ миръ съ Украиной, такъ какъ Украина не находится больше въ рукахъ Рады, но въ рукахъ его войскъ. Украйна является частью Россіи и заключеніе мира съ нею означало бы вмѣшательство во внутреннія дѣла Россіи. Положеніе дѣлъ повидимому таково, что приблизительно 10 дней тому назадъ дѣйстви-

тельно русскія войска заxватили Кіевъ, но затѣмъ были вновь прогнаны оттуда и Рада теперь вновь держитъ власть въ своихъ рукахъ. Освѣдомленъ ли Троцкій объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ или говоритъ сознательно неправду, трудно установить, но кажется вѣрно первое.

Пропала послѣдняя надежда придти къ соглашенію съ Петербургомъ. Въ Берлинѣ схваченъ призывъ петербургскаго правительства, въ которомъ оно возбуждало германскихъ солдатъ, призывало ихъ къ убійству императора и генераловъ и къ братанію съ совѣтами. Вслѣдъ за этимъ пришла телеграмма отъ императора Вильгельма къ Кюльману съ приказомъ немедленно прервать переговоры и потребовать кромѣ Курляндіи и Литвы также и неоккупированыя области Лифляндіи и Эстляндіи, — не обращая вниманія на право самоопредѣленія народовъ.

Низость этихъ большевиковъ дѣлаетъ переговоры невозможными. Я не могу обвинять Германію въ томъ, что она возмущается такимъ поведеніемъ; но приказъ изъ Берлина все же не можетъ быть исполненъ. Мы не хотимъ увеличивать наши трудности еще Лифляндіей и Эстляндіей.

8 февраля 1918 года

Сегодня вечеромъ должно состояться подписаніе мира съ Украйной. Первый миръ въ эту ужасную войну. Но сидитъ ли Рада дѣйствительно въ Кіевѣ? Василько показалъ мнѣ телеграмму по аппарату Юза, датированную 6 сего мѣсяца изъ Кіева и адресованную мѣстной украинской делегаціи, и Троцкій отклонилъ мое предложеніе послать въ Кіевъ австрійскаго офицера генеральнаго штаба съ тѣмъ, чтобы онъ намъ принесъ аутентическія извѣстія. Очевидно, что его утвержденіе, что большевики являются господами Украйны, было только хитростью. Кромѣ того, Грацъ сказалъ мнѣ, что Троцкій, съ которымъ онъ говорилъ сегодня утромъ, очень подавленъ тѣмъ, что мы все же сегодня заключаемъ миръ съ Украйной. Это укрѣпляетъ меня въ рѣшеніи подписать его. Грацъ условился съ Петербуржцами устроить завтра засѣданіе. На немъ будетъ выяснено, возможно ли соглашеніе или неизбѣженъ разрывъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Брестское интермеццо большими шагами приближается къ своему концу.

Послѣ заключенія мира съ Украйной я получилъ отъ императора слѣдующую телеграмму:

Императорскій поѣздъ 9 февраля 1918 года.

Глубоко взволнованный и обрадованный извѣстіемъ о заключеніи мира съ Украйной, выражаю я вамъ, дорогой графъ Чернинъ, отъ всего сердца благодарность за вашу цѣлесообразную и успѣшную работу. Вашими усиліями Вы создали прекраснѣйшій день моего до сихъ поръ столь богатаго заботами правленія и я молю Всемогущаго Бога, чтобы онъ и далѣе поддерживалъ васъ на трудномъ пути — на благо имперіи и ея народовъ.

Карлъ».

11 февраля 1918 года

Троцкій отказывается подписать миръ. Ни миръ, ни война.

Разрушительное дѣйствіе вѣнскихъ безпорядковъ выясняется изъ слѣдующаго сообщенія г-на фонъ Скржинскаго, изъ Монтрё, 12 февраля 1918 г. Скржинскій пишетъ: я узналъ изъ достовѣрнаго источника, что Франція встала на слѣдующую точку зрѣнія: «Мы были уже готовы приступить къ предварительнымъ переговорамъ съ Австріей. Но теперь возникаетъ вопросъ, достаточно ли она прочна для той роли, которую ей хотѣли дать играть. Опасно класть въ основу новаго направленія политики государство, которому, быть можетъ, уже угрожаетъ судьба Россіи»:

Къ этому Скржинскій прибавляетъ: въ самые послѣдніе дни я слышалъ: «Рѣшено выждать нѣкоторое время».

Наше положеніе во время переговоровъ съ Петербургомъ было такимъ образомъ слѣдующее: было невозможно заставить германцевъ стать на точку зрѣнія отказа отъ Курляндіи и Литвы. Физической силы у насъ не было. Съ одной стороны давленіе, оказываемое высшимъ командованіемъ, а съ другой нечестная игра русскихъ сдѣлала это невозможнымъ. Мы стояли поэтому передъ альтернативой, или при подписаніи мира отдѣлиться отъ Германіи и подписать сепаратный мирный договоръ, или же совмѣстно съ тремя союзниками подготовить миръ, заключающій въ себѣ въ скрытомъ видѣ аннексію русскихъ окраинныхъ областей.

Первая часть альтернативы включала въ себя большую опасность, что уже замѣтная въ четверномъ союзѣ трещина разрастется въ пропасть. Четверной союзъ не могъ болѣе выносить такихъ экспериментовъ. Мы стояли наканунѣ грандіознаго послѣдняго военнаго напряженія и замкнутость четвернаго союза ни подъ какимъ видомъ не могла быть поколеблена. Съ другой стороны, угрожала опасность, что Вильсонъ, единственный государственный человѣкъ въ мірѣ, готовый поддержать мысль о компромиссномъ мирѣ, получитъ въ нашемъ мирномъ договорѣ неправильную картину нашихъ намѣреній. Я надѣялся тогда — и въ этомъ я не ошибся — что этотъ выдающійся человѣкъ пойметъ положеніе и увидитъ, что мы дѣйствовали подъ давленіемъ принужденія. Его рѣчи, которыя онъ произнесъ по нашему адресу послѣ заключенія Брестскаго договора, подтвердили правильность моего предположенія.

Миръ съ Украйной былъ заключенъ подъ давленіемъ начинающагося голода. Онъ носитъ на себѣ характерныя черты своего происхожденія. Это несомнѣнно. Но также несомнѣнно, что мы не смотря на то, что изъ Украйны мы получили гораздо меньше, чѣмъ ожидали, безъ украинскаго продовольствія вообще не могли бы дотянуть до новаго урожая. По подсчету, весною и лѣтомъ 1918 года къ намъ изъ Украйны прибыли сорокъ двѣ тысячи вагоновъ. Было невозможно получить это продовольствіе откуда нибудь еще. Милліоны людей были спасены благодаря этому отъ голодной смерти. Пусть помнятъ объ этомъ тѣ, кто осуждаетъ Брестскій миръ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что при большихъ запасахъ, находившихся въ Украйнѣ, несравненно большее количество могло бы быть доставлено въ Австрію, если бы лучше функціонировалъ аппаратъ собиранія и транспорта.

Документы и дневники

Журналъ Засѣданія Совѣта Министровъ Крымскаго Краевого Правительства

16 Апрѣля 1919 года на Суднѣ „Надежда“*

Предсѣдательствуетъ: С. С. КРЫМЪ.

Присутствуютъ: В. Д. НАБОКОВЪ, М. М. ВИНАВЕРЪ, С. А. НИКОНОВЪ, А. А. СТЕВЕНЪ, А. П. БАРТЪ, П. С. БОБРОВСКІЙ.

Совѣтъ Министровъ, не имѣя возможности въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль въ виду тревожнаго времени подробно изложить въ журналѣ мотивы принимаемыхъ имъ спѣшно рѣшеній, постановилъ—составить настоящій общій журналъ о событіяхъ послѣднихъ двухъ недѣль, каковыя событія представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Въ пятницу 28 марта на совѣщаніи Совѣта Министровъ съ Командующимъ Добровольческой Арміей ген. Боровскимъ и Начальникомъ его Штаба ген. Пархомовымъ послѣдніе заявили Правительству, что положеніе на фронтѣ въ общемъ твердое и Добровольческая Армія будетъ всѣми силами защищать Крымъ, но что, къ сожалѣнію, только что получены свѣдѣнія объ оставленіи ст. Салково, что, по словамъ ген. Боровскаго, объясняется слабостью той части, на которую возложена была защита Салькова. А на слѣдующій день утромъ ген. Пархомовъ запросилъ по телефону, можетъ ли застать Министровъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, явился въ помѣщеніе Совѣта Министровъ и заявилъ, что Армія отступила къ мосту, отдавъ весь Чонгарскій

---

* Печатаемый здѣсь журналъ засѣданія Совѣта Министровъ Крымскаго Краевого Правительства отъ 16 апрѣля 1919 г. освѣщаетъ одинъ историческій эпизодъ, который въ силу разныхъ случайныхъ обстоятельствъ остался неизвѣстнымъ широкимъ слоямъ русскаго общества. Въ этомъ эпизодѣ, какъ увидитъ читатель, весьма много характерныхъ чертъ, — характерныхъ, между прочимъ, потому, что онѣ неизмѣнно повторялись каждый разъ, когда измѣнившаяся обстановка ставила передъ нашими бывшими союзниками опредѣленныя требованія, удовлетворить которымъ они не хотѣли или не могли. Въ такихъ случаяхъ неизмѣнно вина въ неудачѣ сваливалась на русскихъ. Крымскій эпизодъ отличается отъ другихъ, пожалуй, только тѣмъ, что здѣсь проявлена была высшая степень безцеремонности и грубаго презрѣнія къ личности. Для пережившихъ эту исторію она навсегда останется однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ воспоминаній.

«Крымское краевое правительство» первоначально создано было въ періодъ германской оккупаціи и возглавлялось ген. Сулькевичемъ. Въ началѣ Ноября 1918 г., по требованію общественныхъ организацій, ген. Сулькевичъ сложилъ съ себя свои обязанности, причемъ на мѣсто его былъ избранъ (совѣщаніемъ земскихъ и городскихъ гласныхъ) извѣстный крымскій дѣятель С. С. Крымъ. Образованное имъ краевое правительство просуществовало до вторичнаго вторженія большевиковъ въ Крымъ, весною 1919 года. Оно опиралось на мѣстные демократическіе элементы и имѣло поддержку добровольческой арміи и союзныхъ силъ, занимавшихъ съ января 1919 г. Севастополь. Въ рѣшительный моментъ эти поддержка оказалась недостаточной . . .

полуостровъ, нѣсколько пушекъ и бронированный поѣздъ, что мостъ не подготовленъ для взрыва и что Правительству необходимо приступить къ эвакуаціи.

Правительство рѣшило, что необходимо принять срочныя мѣры для защиты перешейковъ, которые оказались гораздо менѣе защищенными, чѣмъ Правительство имѣло основаніе предполагать по прежнимъ заявленіямъ Командованія Добровольческой Арміи.

Вслѣдствіе сего Правительство назначило инженера С. Н. Чаева Главноуполномоченнымъ по снабженію Арміи въ распоряженіе Командующаго Арміей, ассигновавъ въ его распоряженіе на указанную цѣль одинъ милліонъ рублей.

Что же касается эвакуаціи, то Правительство рѣшило лишь избрать лицо, которому поручить разработать планъ эвакуаціи и на всякій случай сдѣлать къ ней всѣ приготовленія; однако самой эвакуаціи не производить. И когда возникли слухи о предположеніи Правительства оставить Симферополь и слухи эти вызвали даже запросъ французскаго Командованія, обращенный къ Министру Внѣшнихъ Сношеній, послѣдній въ бесѣдѣ, напечатанной во всѣхъ Крымскихъ газетахъ, выяснилъ истинную точку зрѣнія Правительства, и поднявшаяся было паника значительно успокоилась.

Нѣсколько дней спустя въ Симферополь прибылъ Командующій союзными войсками въ Крыму полковникъ Труссонъ, выѣхавшій на слѣдующій день вмѣстѣ съ командующимъ Арміей и Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ на позиціи у Сиваша. Всѣ исполненныя Чаевымъ работы на Сивашѣ полковникъ Труссонъ призналъ вполнѣ удачными — мостъ къ тому времени удалось уже взорвать — но на обратномъ пути въ Джанкоѣ получено было извѣстіе объ отступленіи нашей Арміи отъ Перекопа. Полковникъ Труссонъ заявилъ, что онъ окажетъ нашей Арміи всякое содѣйствіе — техническими средствами и живою силою какъ греческою, такъ и французскою, но при условіи, если она удержитъ вторую линію у озеръ. Въ противномъ случаѣ онъ никакой помощи оказать не сумѣетъ и большевики будутъ черезъ 3—5 дней въ Симферополѣ, а онъ стянетъ всѣ союзныя (собственно греческія) войска обратно въ Севастополь.

Въ субботу вечеромъ получено было извѣстіе, что вторая линія сдана и одновременно съ этимъ извѣстіе изъ Севастополя о томъ, что полковникъ Труссонъ, въ виду такого положенія дѣла, никакой больше помощи не окажетъ. Совѣтъ Министровъ рѣшилъ командировать немедленно въ Севастополь Министра Внѣшнихъ Сношеній для выясненія вопроса о защитѣ Севастополя; затѣмъ, исходя изъ указаній полковника Труссона объ оставшемся 3—5 дневномъ срокѣ, назначилъ отъѣздъ Правительства на понедѣльникъ. А въ воскресенье утромъ Начальникъ Штаба Добровольческой Арміи сообщилъ, что большевики приближаются уже къ Дюрменю, что до прихода войскъ въ Симферополь остается только два-три дня и что по приказу ген. Деникина Штабъ Добровольческой Арміи въ Симферополѣ долженъ закончить эвакуацію къ средѣ 9 Апрѣля. При такихъ условіяхъ Правительство рѣшило переѣхать и перевести весь Правительственный аппаратъ въ Севастополь, съ тѣмъ чтобы оттуда управлять той частью территоріи Крыма, которая будетъ свободна отъ большевиковъ, если только союзники будутъ защищать Севастополь. Въ Симферополѣ же рѣшено возложить всю гражданскую власть на Министра Внутреннихъ Дѣлъ, который долженъ былъ оставаться въ Симферополѣ въ качествѣ представителя гражданской власти до самой послѣдней минуты.

Въ засѣданіи Совѣта Министровъ, происходившемъ 8 Апрѣля вечеромъ въ Севастополѣ въ помѣщеніи Министерства Внѣшнихъ Сношеній, было доложено:

1. Министръ Внѣшнихъ Сношеній, выѣхавшій по порученію Правительства изъ Симферополя въ ночь съ 5-го на 6-ое Апрѣля, тотчасъ по полученіи свѣдѣній о томъ, что французское командованіе въ виду сдачи нашими войсками второй линіи позицій у озеръ, рѣшило отозвать союзныя войска, сообщилъ Правительству телеграммою отъ 6 Апрѣля и дополнилъ свое сообщеніе устно въ настоящемъ засѣданіи о ходѣ своей бесѣды съ полковникомъ Труссономъ, къ которому онъ отправился тотчасъ по

прибытіи въ Севастополь для выясненія вопроса о томъ, будутъ ли французскія власти защищать Севастополь. Полковникъ Труссонъ заявилъ Министру, что онъ ожидаетъ на дняхъ прибытія батальона въ 1000 человѣкъ и что, если онъ прибудетъ, Севастополь можетъ держаться въ теченіе 7 дней. А для того, чтобы прочно защищать Севастополь, нужно не менѣе 10.000 человѣкъ, которыхъ у него нѣтъ. Полковникъ Труссонъ обнаруживалъ во время бесѣды большое волненіе по поводу того, что Добровольческая Армія не удержала второй позиціи, что посланный въ качествѣ арьергарда греческій отрядъ былъ выдвинутъ впередъ и понесъ большія потери, въ виду бѣгства добровольцевъ; причемъ заявилъ, что онъ готовъ былъ помочь арміи хотя и малочисленной, но желающей драться, но совершенно не желаетъ помогать арміи, бѣгущей съ поля битвы; а въ отвѣтъ на указаніе, что среди добровольцевъ имѣется 300 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ, заявилъ, что никто этихъ цифръ не провѣрялъ.

2. Министръ-Предсѣдатель, Министръ Внѣшнихъ Сношеній и Министръ Юстиціи доложили, что въ понедѣльникъ, по полученіи извѣстія, что отрядъ полк. Слащова подошелъ къ Армянску и что наша отступившая Армія предприняла наступленіе, они явились къ полковнику Труссону и заявили какъ ему, такъ и вслѣдъ за этимъ Адмиралу Амету на суднѣ «Jean Bart», что Правительство оставило Симферополь на время, въ виду указаній военныхъ властей, въ томъ числѣ и самаго полк. Труссона, согласно коимъ съ момента оставленія нашими войсками второй линіи позицій до занятія большевиками Симферополя пройдетъ не болѣе 3—5 дней, что эвакуація Правительству была предложена Добровольческой Арміей, которая сама назначила срокъ для эвакуаціи штаба на среду, 9 Апрѣля, но что, какъ только наступленіе увѣнчается успѣхомъ, и противникъ будетъ откинутъ на вторую линію, Правительство вернется въ Симферополь. Полковникъ Труссонъ, нисколько не возражая противъ принятой Правительствомъ мѣры, заявилъ, что никакихъ распоряженій относительно защиты Севастополя у него нѣтъ, что удерживать Севастополь онъ можетъ въ теченіе 3 дней, и что надо стараться выиграть время (gagner du temps). Адмиралъ Аметъ первоначально выразилъ неудовольствіе по поводу того, что Правительство оставило Симферополь, но затѣмъ, выслушавъ объясненія Министровъ, призналъ, что они были правы (vous avez eu raison), и въ заключеніе предложилъ Правительству сдѣлать нѣчто практическое, а именно образовать коммиссію по эвакуаціи. Полковникъ Труссонъ выразилъ готовность поѣхать на слѣдующій день въ Симферополь вмѣстѣ съ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ для свиданія съ генераломъ Боровскимъ и съ организаторами нѣмецкой стрѣлковой бригады — для того, чтобы послѣ удачи наступленія, принять за организацію единой Арміи со включеніемъ въ нее какъ годныхъ частей Добровольческой Арміи, такъ и союзныхъ отрядовъ — не только греческихъ, но и французскихъ, а также новыхъ мѣстныхъ формированій (нѣмецкихъ, татарскихъ и другихъ).

3. Предсѣдатель Совѣта Министровъ сообщилъ, что онъ утромъ 8 Апрѣля выѣхалъ вмѣстѣ съ полковникомъ Труссономъ въ Симферополь, но что въ Симферополѣ получилось извѣстіе о неудачѣ нашего наступленія и объ отходѣ нашихъ частей на Джанкой, вслѣдствіе чего поѣздка полковника Труссона оказалась безцѣльной, и полковникъ заявилъ, что онъ считаетъ положеніе безвозвратно потеряннымъ и потребуетъ немедленно возвращенія всѣхъ греческихъ войскъ.

4. Министры Торговли, Финансовъ и Труда сообщили, что въ исполненіе возложеннаго на нихъ наканунѣ порученія организовать, согласно пожеланію адмирала Амета, коммиссію по эвакуаціи, они созвали утромъ 8 Апрѣля въ помѣщеніи Начальника Округа совѣщаніе, въ которомъ приняли участіе, кромѣ названныхъ Министровъ, Министръ Внѣшнихъ Сношеній и Министръ Народнаго Просвѣщенія, Товарищъ Министра Внутреннихъ дѣлъ Винбергъ, Начальникъ Штаба Крѣпости ген. Рербергъ, Главноуполномоченный по эвакуаціи Карпинскій и Начальникъ Округа Рыбарскій. На совѣщаніи выяснилось, что еще наканунѣ образована была по требованію французскихъ властей эвакуаціонная коммиссія, т. н. франко-русская, подъ предсѣдательствомъ Коменданта крѣпости ген. Субботина, въ составѣ представителей какъ русскаго

морского командованія, такъ и французскаго командованія Морского и Сухопутнаго, вслѣдствіе чего совѣщаніе рѣшило ограничиться откомандированіемъ въ составъ указанной коммиссіи, въ качествѣ представителя гражданской власти, главноуполномоченнаго по эвакуаціи Каринскаго и Начальника Округа Рыбарскаго; засѣданіе Коммиссіи должно было состояться въ 7 час. вечера.

5. Министръ Юстиціи и Министръ Внѣшнихъ Сношеній заявили, что узнавъ, въ отсутствіе Министра-Предсѣдателя, уѣзжавшаго въ Симферополь, объ образованіи указанной франко-русской коммиссіи и желая, въ виду ожидавшагося отплытія адм. Амета, переговорить съ нимъ о судьбѣ выраженнаго имъ Правительству пожеланія, рѣшили предварительно свидѣться съ ген. Субботинымъ. Запросивъ въ 5 час. дня по телефону, могутъ ли они увидѣть ген. Субботина, они получили отвѣтъ, что генералъ находится уже въ засѣданіи франко-русской коммиссіи въ штабѣ командующаго флотомъ. Отправившись туда, министры вызвали изъ засѣданія ген. Субботина, который имъ заявилъ, что дѣйствительно сейчасъ происходитъ засѣданіе, въ которомъ кромѣ него участвуютъ Главный Командиръ Порта Адмиралъ Саблинъ, замѣститель адмирала Амета командиръ судна «Vergniaud» Команд. Вуазенъ, Комендантъ Base Navale Pelle-Desforges и представитель полковника Труссона; что ими распредѣляются транспорты для эвакуаціи, что дѣло съ транспортами для насъ обстоитъ очень плохо, такъ какъ французы и греки забираютъ для себя самые лучшіе транспорты — повидимому, для отправки своихъ войскъ. Къ адмиралу Амету Министрамъ, въ виду поздняго времени, уже не удалось поѣхать.

6. Наконецъ Военный Министръ заявилъ отъ имени предсѣдателя коммиссіи ген. Субботина ходатайство объ отпускѣ 500.000 рублей на «эвакуацію и на оборону», а Морской Министръ адмиралъ Канинъ заявилъ отъ имени адмирала Саблина ходатайство объ ассигнованіи $2^1/_2$ милліоновъ рублей для оплаты труженниковъ флота, мотивируя это ходатайство тѣмъ, что безъ такой оплаты эвакуація неосуществима.

Обсудивъ при указанныхъ условіяхъ общее положеніе, Совѣтъ Министровъ въ засѣданіи 8 Апрѣля пришелъ къ заключенію, что эвакуація не только предуказана командованіемъ Добровольческой Арміи и предложеніями, исходящими отъ адм. Амета, но и осуществляется уже дѣйствіями коммиссіи, назначенно по соглашенію между военнымъ командованіемъ русскимъ и французскимъ — какъ морскимъ, такъ и сухопутнымъ —, и что это мѣропріятіе вполнѣ соотвѣтствуетъ разъясненіямъ, даннымъ полковникомъ Труссономъ о необходимости выиграть время и о предположеніи защищать Севастополь не болѣе 3—7 дней. Въ виду сего Совѣтъ Министровъ призналъ своимъ долгомъ обезпечить населенію возможность спастись отъ опасности, грозящей ему при приближеніи большевиковъ и при беззащитности послѣдняго убѣжища, какимъ являлся до того времени Севастополь въ представленіи Правительства и значительной части населенія. Совѣтъ Министровъ ассигновалъ потому въ распоряженіе предсѣдателя франко-русской коммиссіи ген. Субботина 500.000 рублей и въ распоряженіе адм. Саблина авансомъ 500.000 рублей. Выслушавъ затѣмъ сообщеніе явившагося къ концу засѣданія Главноуполномоченнаго по эвакуаціи Н. С. Каринскаго о состоявшемся только что съ его участіемъ засѣданіи Коммиссіи по эвакуаціи, Совѣтъ Министровъ принялъ къ свѣдѣнію, что въ Коммиссіи Главноуполномоченному удалось съ большимъ трудомъ обезпечить на транспортѣ «Ріонъ» 1000 мѣстъ для эвакуаціи правительственныхъ чиновъ, и то лишь при условіи, что Главноуполномоченный возьметъ на себя заботу по погрузкѣ на тотъ же транспортъ 500 легко раненыхъ. Всѣ другіе транспорты взяты въ распоряженіе коменданта крѣпости ген. Субботина, который заявилъ, что эвакуація всего гражданскаго населенія, за исключеніемъ указанныхъ 1000 человѣкъ, должна быть предоставлена ему. Вслѣдъ затѣмъ разрѣшенъ былъ вопросъ о выдачѣ служащимъ эвакуаціоннаго содержанія, причемъ предложеніе о примѣненіи въ полномъ объемѣ закона о 6-мѣсячномъ содержаніи было отклонено, въ виду состоянія кассы, и рѣшено было выдать служащимъ лишь 3-мѣсячное эвакуаціонное содержаніе. На слѣдующее утро, по случаю прибытія на Севастопольскій рейдъ греческаго адмиральскаго судна «Килькисъ», Ми-

нистръ Внѣшнихъ Сношеній сдѣлалъ командующему судномъ эдмиралу Какулидису визитъ, во время котораго возбужденъ былъ вопросъ о принятіи Правительства на суда, въ виду опасности, грозящей ему не только отъ появленія большевиковъ извнѣ, моментъ котораго можно болѣе или менѣе учесть, но главнымъ образомъ отъ единичныхъ покушеній со стороны возбужденныхъ приближеніемъ большевиковъ большевистски настроенныхъ массъ. Предположеніе это осуществилось на слѣдующій день: въ четвергъ 10 Апрѣля члены Правительства съ ихъ семьями за исключеніемъ Н. Н. Богданова и М. М. Бутчика, сѣли на находившееся подъ греческимъ командованіемъ судно «Трапезондъ». Предварительно члены Правительства сочли нужнымъ оповѣстить о своемъ рѣшеніи какъ морское, такъ и сухопутное французское командованіе. Съ этою цѣлью Министръ Внѣшнихъ Сношеній и Министръ Юстиціи, по порученію Совѣта Министровъ, отправились на флагманское судно «Jean Bart», гдѣ, въ виду отъѣзда адмирала Амета въ Одессу, были приняты старшимъ по рангу командиромъ судна Вуазенномъ и начальникомъ штаба ген. Амета, Каанавомъ. Оба они никакихъ возраженій противъ перехода Правительства на союзное судно и противъ предположеннаго отъѣзда Правительства на этомъ суднѣ въ Константинополь не встрѣтили, обусловивъ, однако, окончательный свой отвѣтъ согласіемъ полк. Труссона. Надлежитъ указать, что къ этому времени французское командованіе рѣшило объявить въ Севастополѣ осадное положеніе, не войдя, однако, съ Правительствомъ ни въ какое по этому поводу соглашеніе и не предложивъ ему взять на себя гражданскую власть при военномъ губернаторѣ, каковымъ объявилъ себя полк. Труссонъ. При такихъ условіяхъ Правительственная власть, и безъ того ограниченная уже предѣлами одного Севастополя, превращалась въ нѣчто, лишенное всякаго реальнаго содержанія. Оба Министра отправились къ полк. Труссону, которому объяснили, что при создавшемся положеніи, при переходѣ почти всей власти въ руки его, Труссона, какъ военнаго губернатора, и назначеннаго имъ себѣ въ помощники ген. Субботина, остатокъ власти, сводящійся исключительно къ рѣшенію въ масштабѣ городского хозяйства финансовыхъ и продовольственныхъ вопросовъ, можетъ быть переданъ городскому самоуправленію. Полк. Труссонъ вполнѣ согласился съ планами Правительства, не встрѣтивъ никакихъ возраженій противъ отъѣзда, и просилъ лишь послѣ посадки Правительства на судно, сообщить ему объ этомъ, для того, чтобы онъ могъ тотчасъ сдѣлать свое оффиціальное сообщеніе. Въ четвергъ, 10 Апрѣля, Совѣтъ Министровъ перешелъ на пароходъ «Трапезондъ» и тамъ составилъ опредѣленіе, коимъ объявлялъ объ оставленіи территоріи Крыма, предложилъ органамъ городского и земского самоуправленія принять на себя исполненіе обязанностей гражданской власти, каковое постановленіе Министръ Внѣшнихъ Сношеній при особомъ письмѣ немедленно препроводилъ полк. Труссону. Въ пятницу, 11 Апрѣля, около 5 час. вечера на пароходъ «Трапезондъ» явился русскій офицеръ, предъявившій Правительству писанную карандашемъ записку ген. Субботина, коею онъ предлагалъ офицеру немедленно отправиться на «Трапезондъ» и пригласить всѣхъ членовъ Правительства явиться къ военному губернатору полк. Труссону въ Морскія Казармы, съ тѣмъ что въ случаѣ неявки министры будутъ отвѣчать по закону и ни одно судно не будетъ выпущено изъ порта. Министры отправились на берегъ, гдѣ въ сопровожденіи офицера явились къ полк. Труссону. Послѣдній указалъ, что за израсходованіемъ значительныхъ суммъ на эвакуацію, въ кассѣ не осталось никакихъ средствъ и потому онъ требуетъ, чтобы Правительство немедленно вернуло всѣ деньги, розданныя имъ чиновникамъ, иначе онъ не выпуститъ ни одного парохода изъ рейда. А когда Правительство указало, что часть расходовъ (на уплату жалованья) произведена была во исполненіе закона, котораго Правительство не могло не исполнить, а другая часть была ассигнована Правительствомъ по требованію франко-русской эвакуаціонной коммиссіи, при чемъ ген. Субботинъ, независимо отъ ассигнованныхъ ему 500.000 руб. самовольно взялъ изъ Банка еще 500.000 рублей, пригрозивъ и съ своей стороны Правительству въ случаѣ сопротивленія запрещеніемъ выѣзда — полк. Труссонъ отвѣтилъ, что законъ нашъ онъ уничтожаетъ (je l'annule) и онъ его не смущаетъ; что ген. Субботина и адм. Саблина онъ въ тотъ же день посадитъ въ тюрьму, а Правительству даетъ срокъ для вне-

сенія денегъ до 11 часовъ утра слѣдующаго дня. Предсѣдатель Совѣта Министровъ обратилъ при этомъ вниманіе полк. Труссона на то, что форма приглашенія членовъ Правительства съ угрозою примѣненія репрессивныхъ мѣръ представляется совершенно неумѣстной. Во время бесѣды полк. Труссонъ, между прочимъ, указалъ, что по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ ему финансовымъ Коммиссаромъ французской эскадры Шардономъ, у Крымскаго Правительства имѣлось дней 5 тому назадъ 11 милліоновъ, и всѣ эти деньги израсходованы. Въ виду рѣшительныхъ возраженій Министра Финансовъ, указавшаго, что въ кассѣ недѣлю тому назадъ имѣлось не болѣе 7 милліоновъ, и что изъ нихъ болѣе $2^1/_2$ милліоновъ взято по текущимъ счетамъ, полк. Труссонъ предложилъ Министру Финансовъ снестись по этому поводу непосредственно съ Коммиссаромъ. На слѣдующее утро въ 8 часовъ, Министръ Финансовъ, въ сопровожденіи Предсѣдателя Совѣта Министровъ, Министра Внѣшнихъ Сношеній и Министра Юстиціи отправились на судно «Jean Bart», предполагая не только объясниться съ Коммиссаромъ по поводу сообщенныхъ имъ неточныхъ свѣдѣній, но и указать лично адмиралу Амету на совершенную недопустимость пріемовъ полк. Труссона, какъ по существу, такъ и по формѣ ихъ. Адмиралъ Аметъ отказался принять делегацію, финансовый же Коммиссаръ, получивъ отъ Министра Финансовъ точныя, по днямъ, свѣдѣнія о движеніи суммъ въ кассѣ Краевого банка и Краевого Казначейства за весь послѣдній мѣсяцъ, причемъ выяснилось, что 11 милліоновъ имѣлось въ кассѣ только 18 Марта, послѣ чего наличность, подъ вліяніемъ усиленныхъ требованій владѣльцевъ текущихъ счетовъ, постепенно таяла и къ 5 Апрѣля упала до 7 милліоновъ, — заинтересовался вопросомъ объ эвакуированныхъ Правительствомъ цѣнностяхъ, причемъ Министромъ Финансовъ было указано, что въ числѣ эвакуированныхъ цѣнностей, находящихся на суднѣ «Кагулъ» и въ Севастопольскомъ Казначействѣ, должно находиться около 25 милліоновъ краткосрочныхъ обязательствъ Государственнаго Казначейства, подъ обезпеченіе коихъ выпущено Правительствомъ свыше 20 милліоновъ рублей размѣнныхъ знаковъ и кромѣ того имѣется около 700.000 рублей денегъ Министерства Продовольствія и еще нѣкоторыя другія цѣнности, и что если Правительственной власти требуются средства на удовлетвореніе государственныхъ нуждъ, она можетъ позаимствовать ихъ изъ указанныхъ источниковъ. Въ 11 часовъ утра делегація Совѣта Министровъ, въ составѣ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, Министра Финансовъ, Министра Внѣшнихъ Сношеній и Министра Юстиціи, ознакомившись предварительно съ движеніемъ по всѣмъ счетамъ за послѣднюю недѣлю въ Государственномъ Банкѣ и въ Казначействѣ, вручила полк. Труссону ноту за подписью всѣхъ Министровъ (см. приложеніе), доказывающую правильность всѣхъ мѣръ, принятыхъ Правительствомъ, и всѣхъ расходовъ, имъ произведенныхъ. Полк. Труссонъ, прочтивъ делегацію чрезвычайно рѣзко отказался было даже прочитать ноту и приложенный къ ней расчетъ и кратко заявилъ: «гдѣ деньги, дайте деньги, иначе не уѣдете. Мнѣ нужны деньги, а не ваши разъясненія». На указанія Министровъ, что у Крымскаго Правительства остались деньги въ другихъ мѣстахъ, гдѣ имѣются отдѣленія банка (въ Керчи, Ялтѣ, Ѳеодосіи), а въ Севастополѣ касса естественно изсякла, ибо изъ нея пришлось уплачивать жалованіе чиновникамъ всего Крыма, полк. Труссонъ отвѣтилъ, что ссылка на Керчь, Ѳеодосію и Ялту его не удовлетворяетъ, но что онъ согласенъ получить нужные ему на расходы по Севастополю 8—10 милліоновъ рублей изъ Государственныхъ цѣнностей Крыма, эвакупированныхъ въ Севастополь; а до полученія этихъ денегъ онъ Правительства не выпуститъ. Делегація 4-хъ Министровъ заявила, что никакихъ другихъ денегъ у нея нѣтъ, что она готова передать всѣ спасенныя Правительствомъ цѣнности на храненіе французскимъ властямъ, съ тѣмъ, чтобы имъ расходовались необходимыя суммы на нужды Края, а остатокъ былъ бы затѣмъ переданъ въ одну изъ русскихъ Миссій въ Европѣ, но никоимъ образомъ не попалъ бы въ руки большевиковъ. О такомъ согласіи делегаціи составленъ былъ особый актъ на русскомъ и французскомъ языкахъ (приложенія II и III) и оба экземпляра вручены тутъ же полк. Труссону. Послѣдній принялъ актъ, направилъ его къ начальнику штаба адм. Амета, на предметъ производства ревизіи эвакуированныхъ цѣнностей, съ тѣмъ, чтобы до перевода денегъ на «Jean Bart» Ми-

нистры не были выпущены. Въ тотъ же день начался осмотръ цѣнностей на «Кагулѣ» и въ казначействѣ, закончившійся однако лишь на слѣдующій день. Вечеромъ въ тотъ же день 12 Апрѣля, Морское Союзное Командованіе предъявило къ Министрамъ, находящимся на «Трапезондѣ» требованіе покинуть судно, и перейти на другое, стоящее на рейдѣ судно «Надежда», такъ какъ «Трапезондъ» долженъ уйти въ Константинополь, а Министры выпущены быть не могутъ. Черезъ часъ на судно «Надежда», гдѣ были уже собраны всѣ члены Правительства, явился французскій морской офицеръ отъ имени адм. Амета и заявилъ, что адм. Аметъ желалъ бы быть въ курсѣ движеній г. г. Министровъ (être au courant des mouvements des m. m. les ministres). На слѣдующій день въ 1 часъ дня возобновилась ревизія; къ тремъ часамъ дня въ результатѣ ея обнаружено въ составѣ эвакуированныхъ цѣнностей, кромѣ весьма значительнаго количества $^0/_0$-ныхъ бумагъ, 5 милліоновъ краткосрочныхъ обязательствъ, 750.000 рублей денежныхъ знаковъ Министерства Продовольствія и на 1 милліонъ обязательствъ Краевого Казначейства. О вѣроятномъ мѣстѣ нахожденія остальныхъ краткосрочныхъ обязательствъ Министръ Финансовъ доложилъ Совѣту Министровъ особымъ письмомъ на имя Предсѣдателя Совѣта Министровъ, переводъ какого письма сообщенъ былъ полк. Труссону (приложеніе IV). Тѣмъ не менѣе ни въ день 13 Апрѣля, ни въ слѣдующій день 14 Апрѣля, ни, наконецъ, 15 Апрѣля никакихъ распоряженій объ отъѣздѣ Правительства дано не было, а Правительство оставалось на суднѣ въ Севастопольскомъ рейдѣ, пока 15 Апрѣля подъ вечеръ на высотахъ, окружающихъ Севастополь не раздалась пушечная и пулеметная стрѣльба большевистскихъ войскъ. Канонада все болѣе приближавшаяся къ рейду продолжалась уже 4 часа, когда, наконецъ, въ 10 часовъ вечера 15 Апрѣля отданъ былъ приказъ «Надеждѣ» уйти въ море.

Совѣтъ Министровъ постановилъ:

1. Дѣйствія Министровъ, о коихъ изложено въ семъ журналѣ, и въ частности актъ, подписанный делегаціей 4-хъ министровъ 12-го Апрѣля о передачѣ цѣнностей французскимъ властямъ, утвердить;
2. Все изложенное занести въ журналъ и копію его сообщить, какъ союзнымъ Правительствамъ, такъ и русскимъ посламъ при нихъ.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ, Министръ Земледѣлія (Подп.): С. КРЫМЪ.
Министръ Юстиціи (Подп.): Влад. НАБОКОВЪ.
Министръ Внѣшнихъ Сношеній (Подп.): П. ВИНАВЕРЪ.
Министръ Народнаго Просвѣщенія (Подп.): С. НИКОНОВЪ.
Министръ Финансовъ (Подп.): А. БАРТЪ.
Министръ Торговли (Подп.): А. СТЕВЕНЪ.
Министръ Труда, Краевой Секретарь (Подп.): П. БОБРОВСКІЙ.

АКТЪ

Тысяча девятьсотъ девятнадцатаго года Апрѣля 12-го дня составленъ настоящій актъ въ томъ, что Крымское Краевое Правительство передаетъ французскимъ властямъ въ Севастополѣ цѣнности, вывезенныя изъ Краевого Банка на крейсеръ «Кагулъ», а равно цѣнности, находящіяся въ зданіи Казначейства въ Севастополѣ, съ тѣмъ, что мы предоставляемъ французскимъ властямъ расходовать эти цѣнности на нужды кран по ихъ усмотрѣнію, а остатокъ, который окажется, передать одному изъ россійскихъ посольствъ въ Европѣ.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ С. КРЫМЪ.
Управляющій Министерствомъ Финансовъ А. БАРТЪ.
Министръ Внѣшнихъ Сношеній М. ВИНАВЕРЪ.
Министръ Юстиціи Влад. НАБОКОВЪ.

ACTE

1919. Le 12 Avril. Par le present acte le Gouvernement de Crimée remet aux autorités françaises à Sébastopol les valeurs emportées de la Banque d'Etat et embarquées à bord de cuirassé «Kagoul» et les valeurs déposées dans la Caisse d'Etat (trésor) à Sébastopol.

Les autorités françaises sont autorisées de disposer de ces valeurs pour subvenir aux besoins de la Crimée dans la mesure qu'elles trouveront nécessaire. Le restant après que les dépenses seront effectuées, devra être remis à l'une des Ambassades de Russie en Europe.

(Suivent les signatures.)

Изъ секретнаго доклада

О причинахъ неудачи борьбы съ большевиками на сѣверо-западномъ фронтѣ

1919 годъ былъ для всѣхъ русскихъ патріотовъ, чаявшихъ возрожденія Единой Великой Россіи изъ пепла большевизма, годомъ самыхъ тяжелыхъ разочарованій. Въ началѣ года Колчакъ, хотя и отступилъ отъ Вятки и Перми, но твердо держался на Уралѣ. Деникинъ подготовлялъ свое наступленіе съ юга и продвинулся до линіи Кіевъ-Курскъ-Царицынъ.

На сѣверѣ ген. Миллеръ, поддерживаемый англичанами, продвигался медленно, какъ казалось, на соединеніе съ Колчакомъ. На западѣ боролись съ большевиками поляки, литовцы, латыши съ помощью германскихъ оккупаціонныхъ войскъ и астонцы съ помощью вновь сформированной сѣверо-западной русской арміи ген. Юденича. Финляндія уже въ 1918 году очистила свою территорію отъ красныхъ и твердо обороняла свои границы. Кольцо вокругъ Совѣтской Россіи, какъ будто, смыкалось и надежды на скорое освобожденіе Петрограда и Москвы казались основательными.

Но вмѣсто того, большевики въ этомъ генеральномъ сраженіи, ведомомъ на четыре фронта, оказались побѣдителями и къ началу 1920 года вся Россія и Сибирь, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отколовшихся окраинъ, оказались вновь въ рукахъ Совѣтскихъ властей.

Не мѣсто здѣсь изслѣдовать причины развала, такъ называемыхъ, бѣлыхъ армій, не мѣсто здѣсь взводить на кого бы то ни было своихъ или чужихъ обвиненія — объ этомъ вынесетъ свой приговоръ безпристрастный историкъ, а не участникъ въ этой борьбѣ, какимъ является докладчикъ.

Задача этого доклада — зафиксировать событія послѣдняго года на побережіи Балтійскаго моря, чтобы дать будущему историку матеріалъ для того, чтобы разобраться въ тѣхъ чрезвычайно сложныхъ обстоятельствахъ, которыя сопровождали событія на этомъ, такъ называемомъ, сѣверо-западномъ фронтѣ.

Во время великой всемірной войны Прибалтика являлась второстепеннымъ театромъ войны, но была въ то же время важнымъ плацдармомъ для обороны Петрограда и всего праваго фланга нашего западнаго фронта.

Въ Апрѣлѣ 1915 года германцы взяли Либаву и продвинулись въ Курляндіи до линіи рѣки Виндавы. Въ Іюлѣ они предприняли энергичное наступленіе своимъ лѣвымъ флангомъ и послѣ тяжелыхъ боевъ за обладаніе узловымъ пунктомъ, Шавлями, продвинулись до рѣки Курляндская Аа, занявъ губернскій городъ Митаву.

Въ Августѣ шли бои вокругъ гор. Вильны, во время которыхъ германская кавалерія произвела глубокій прорывъ у Свѣнцянъ. Послѣ удачной ликвидаціи

нами этого прорыва, наша оборонительная линія твердо укрѣпилась по линіи озеръ отъ Дриссвятъ до Иллукста, затѣмъ по рѣкѣ Зап. Двинѣ съ сохраненіемъ сильныхъ предмостныхъ укрѣпленій на западномъ берегу атой рѣки впереди Крейцбурга и Икскуля и большого плацдарма на западѣ отъ Риги въ знаменитыхъ болотахъ Тируль. Война изъ полевой обратилась въ позиціонную и наши 12-ая, 5-ая и 1-ая арміи держали крѣпко означенную линію два цѣлыхъ года.

Въ 1917 г. наступила революція, повлекшая за собою развалъ нашихъ армій съ печальнымъ явленіемъ братанія на фронтѣ. Безъ всякихъ особыхъ причинъ нами было оставлено Икскульское предмостное укрѣпленіе съ знаменитымъ «Орлинымъ гнѣздомъ», объ которое до тѣхъ поръ разбивались всѣ попытки нѣмцевъ къ наступленію. Это событіе послужило сигналомъ къ общему ослабленію линіи, обороняемой нашей 12-й арміей.

1 Сент. (нов. ст.) германцы у Икскуля предприняли переправу черезъ рѣку Зап. Двину. Наша артиллерія геройски защищалась, но не поддержанная пѣхотою, покинувшей позиціи, не могла задержать германцевъ, которые, переправившись, угрожали Ригѣ обходомъ съ тыла.

Наши войска, стоявшія впереди Риги, обойденныя съ тыла, едва успѣли въ поспѣшномъ и безпорядочномъ отступленіи черезъ гор. Ригу вырваться изъ этого охвата; но внутренній порядокъ частей и связь между собою были нарушены и отступленіе на востокъ отъ Риги приняло характеръ паническаго бѣгства съ потерею всего имущества и съ производствомъ грабежей и насилія на всѣхъ путяхъ отступленія.

Армейскіе комитеты и комиссары тщетно старались возстановить порядокъ, большевистскій элементъ въ арміи взялъ верхъ и привелъ къ полному ея развалу.

Отступавшая въ безпорядкѣ армія остановилась только тогда, когда выяснилось, что германцы вовсе ея не преслѣдуютъ и что между нею и непріятелемъ образовалось пустое пространство верстъ въ 20—30. Армія заняла такъ называемыя Венденскія позиціи, но послѣдствія ея разгрома выразились въ значительномъ усиленіи большевистскаго вліянія во всѣхъ ея комитетахъ, приведшемъ вскорѣ къ полному ея разложенію.

Вслѣдъ за взятіемъ Риги послѣдовалъ въ томъ же Сентябрѣ второй ударъ со стороны непріятеля. Занятіе острова Эзеля германцами представляло угрозу всему нашему правому флангу и даже столицѣ. Во всякое другое время это событіе считалось бы чрезвычайно серьезнымъ, но «товарищамъ» было не до этого. Правительство Керенскаго, это «крупнѣйшее недоразумѣніе русской революціи», какъ остроумно выразился Троцкій, со дня на день теряло подъ собою почву и безболѣзненно уступило мѣсто правительству Совѣтовъ солдатскихъ, рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ.

Начался періодъ большевизма, ознаменовавшійся заключеніемъ перемирія съ германцами. Начались переговоры, принявшіе въ декабрѣ 1917 г. и въ январѣ 1918 г. затяжной характеръ.

Военныя событія тяжело отразились на населеніи Балтійскаго побережія и разорили страну до самаго основанія ея экономической и политической жизни.

Послѣ вахвата власти большевиками условія въ Прибалтикѣ еще ухудшились, все болѣе приближаясь къ анархіи. Можно ли тутъ удивляться, что все мѣстное населеніе всѣхъ національностей, стоявшее за порядокъ, съ нетерпѣніемъ ждало прибытія нѣмцевъ.

18 февраля 1918 г. нѣмцы начали быстро наступать на сѣверо-востокъ отъ своихъ рижскихъ позицій. Армію охватила паника и солдаты бѣжали, бросая на

мѣстахъ орудія, обозы и все имущество, которое они не успѣли распродать. Сравнительно лучшую дисциплину сохранили латышскіе полки. Сформированные еще въ 1916 году по иниціативѣ латышскаго члена Думы Гольдмана для защиты роднаго края, они храбро участвовали въ оборонѣ Риги и въ началѣ января 1917 г. при трескучемъ морозѣ въ 30 градусовъ прорвали германскія позиціи и дошли до предмѣстьевъ гор. Митавы, произведя тревогу по всему германскому фронту. Но нѣмцы сумѣли ликвидировать этотъ прорывъ.

Въ началѣ революціи эти полки сохранили нѣкоторую долю дисциплины и даже извѣстнаго монархическаго чувства. Разложеніе ихъ шло медленнѣе остальныхъ частей 12-ой арміи. Даже большевизмомъ они заразились позже, но зато, отступивъ отъ нѣмцевъ въ февр. 1918 г. за предѣлы родной земли, сдѣлались самыми ярыми защитниками Совѣтскаго Правительства, оставаясь и тамъ наиболѣе дисциплинированными частями красной арміи. Они сдѣлались тѣлохранителями Ленина въ Кремлѣ и исполнителями самыхъ террористическихъ приказаній Троцкаго.

Сила ихъ при отходѣ изъ Лифляндіи была въ 8 полковъ, въ совѣтской Россіи число это было удвоено. Полки до 1918 года были трехбатальоннаго состава, изъ коего одинъ батальонъ былъ резервный.

Одновременно съ отступленіемъ арміи изъ предѣловъ Прибалтійскаго Края бѣжали и большевики, успѣвъ предварительно арестовать болѣе 600 лицъ обоего пола, всѣхъ возрастовъ, всѣхъ сословій и національностей въ видѣ заложниковъ для огражденія оставшихся въ странѣ большевиковъ отъ карательныхъ репрессій германцевъ, т. к. продвиженіе послѣднихъ имѣло болѣе характеръ карательной экспедиціи, чѣмъ военнаго похода. Заложники въ невѣроятно тяжелыхъ условіяхъ были вывезены въ Сибирь и размѣщены по тюрьмамъ въ Красноярскѣ и Екатеринбургѣ. Только въ Апрѣлѣ (1918 г.) на основаніи спеціальной статьи Брестъ-Литовскаго договора эти заложники были возвращены изъ Сибири въ Прибалтійскій Край.

Начался періодъ германской оккупаціи. Къ чести оккупаціонныхъ властей слѣдуетъ сказать, что спокойствіе и безопасность были быстро возстановлены; пути сообщенія были приведены въ исправность и изъ Берлина черезъ Ригу и Ревель было установлено до Гельсингфорса сравнительно быстрое и удобное сообщеніе. Города пообчистились послѣ большевистскаго режима и жизнь стала протекать въ болѣе или менѣе нормальныхъ условіяхъ. Но этого же, къ сожалѣнію, нельзя было сказать объ экономической жизни. Война, эвакуація, большевизмъ и оккупація въ конецъ разорили страну, и германскія оккупаціонныя власти оказались не на высотѣ, для возстановленія мало-мальскихъ нормальныхъ условій. Необыкновенно тяжело ложились на, и безъ того разоренное, сельское населеніе постонныя повторныя реквизиціи лошадей, скота, хлѣба, молочныхъ скоповъ, шерсти, фруктовъ и яицъ. Все отбиралось по невѣроятно ничкимъ цѣнамъ, не оставляя земледѣльческому населенію достаточно для существованія. Очевидно, продукты скрывались и настроеніе населенія противъ оккупаціонныхъ властей со дня на день ухудшалось. Этому способствовало еще то обстоятельство, что весь низшій персоналъ мѣстной германской военной администраціи оказался склоннымъ къ ваяточничеству и вымогательству. Даже и среди офицеровъ были многіе, оставившіе въ этомъ отношеніи печальную по себѣ славу. Необыкновенно озлобляло населеніе то обстоятельство, что всѣ германскіе военно-служащіе отправляли постоянно почтою къ себѣ домой посылки съ продуктами, которыхъ и безъ того едва хватало въ странѣ. Даже многіе бывшіе ярые германофилы начали желать возвращенія въ страну старыхъ русскихъ порядковъ.

Международное положеніе прибалтійскихъ губерній, несмотря на Брестъ-Литовскій миръ, оставалось неопредѣленнымъ. Германское имперское Правительство вслѣдствіе разлада германскихъ политическихъ партій не могло найти удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса. Между Курляндіей, завоеванной раньше, и территоріей, занятой въ 1918 году, дѣлалось различіе. Въ вопросѣ присоединенія Курляндіи къ Германской Имперіи въ формѣ личной уніи съ Пруссіей или особаго герцогства, мнѣнія въ Германіи мало расходились, остальной же территоріей они скорѣе тяготились и желали дать ей самостоятельность подъ протекторатомъ имперіи.

Одинъ очень умный и образованный германскій офицеръ генеральнаго штаба еще въ Апрѣлѣ 1918 г. въ Минскѣ въ разговорѣ сказалъ, что онъ считалъ бы присоединеніе прибалтійскихъ губерній величайшимъ несчастіемъ для Германіи. Онъ высказался въ томъ смыслѣ, что Германія никогда не умѣла справляться съ инородцами и колоніями. «Россія, прибавилъ онъ, тоже этого не умѣла, но она только отъ времени до времени ударами нагайки наносила имъ болѣзненное ощущеніе скоро проходящее, мы же, нѣмцы, дѣйствуемъ на самолюбіе инородцевъ постоянными уколами шпильки и это гораздо непріятнѣе.» Онъ полагалъ, что послѣ возстановленія порядка въ Россіи сѣверную часть Прибалтійскаго Края слѣдовало бы вернуть Россіи съ сохраненіемъ за Германіей лишь Курляндіи. На послѣднюю они всѣ смотрѣли, какъ на страну, особенно подходящую для заселенія нѣмцами изъ избытка населенія имперіи. Въ Курляндіи они чувствовали себя полными хозяевами и предпринимали постройку путей сообщенія, казармъ и фабрикъ на солидныхъ основаніяхъ.

Прибалтійское дворянство стояло на юридической точкѣ зрѣнія, что послѣ торжества большевизма въ Россіи оно уже не связано болѣе присягой, а потому хлопотало о полученіи отъ германскаго правительства возможно болѣе выгодныхъ условій. Хлопоты эти, однако, успѣхомъ не увѣнчались въ виду недовѣрія германскаго правительства, подпавшаго подъ сильное вліяніе лѣвыхъ партій Рейхстага, къ слишкомъ консервативнымъ тенденціямъ дворянскихъ корпорацій. И тутъ послѣдовало для Балтовъ одно разочарованіе за другимъ. Всѣ ихъ надежды рушились въ моментъ паденія германской монархіи, совпавшаго съ заключеніемъ общаго перемирія съ державами согласія.

Оккупаціонная армія на русскомъ фронтѣ уже давно была заражена большевизмомъ и только слѣпые не хотѣли видѣть, что уже съ момента заключенія мира съ большевиками (Мартъ 1918 г.) ядъ большевизма заразилъ солдатъ. Уже задолго до германской революціи солдаты, въ особенности въ тылу, стали по своему наружному неряшливому виду походить на своихъ русскихъ товарищей. Приказанія офицеровъ исполнялись неохотно и въ ихъ отсутствіи ихъ открыто и громко ругали.

Результатомъ всего этого было, что ноябрьская революція 1918 г. застала германскихъ солдатъ вполнѣ подготовленными къ роли «сознательныхъ товарищей». Началась распродажа ими казеннаго имущества и оружія, каждый торопился нажиться возможно скорѣе и устроиваться такъ, чтобы какимъ нибудь образомъ вернуться на родину. Повторялись всѣ знакомыя картины русской революціи, даже извѣстная прическа нашихъ сѣрыхъ героевъ революціи нашла быстро распространеніе среди нѣмцевъ.

Особенно критическимъ было положеніе германской арміи на восточныхъ окраинахъ. На основаніи дополнительнаго соглашенія между Германіей и Совѣтскимъ Правительствомъ германцы должны были осенью 1918 г. эвакупровать области, лежащія восточнѣе границъ трехъ прибалтійскихъ губерній. Сюда входили города Двинскъ и Псковъ съ соединяющей ихъ желѣзною дорогою.

Германское военное командованіе, хотя и заключило миръ съ большевиками, но не сочувствуя имъ, благосклонно отнеслось къ формированію небольшой русской арміи, поставившей себѣ задачу охранить Псковскую область отъ вторженія большевиковъ послѣ ухода германцевъ. Къ командованію этой арміи предназначался ген. графъ Келлеръ, впослѣдствіи убитый въ январѣ 1919 г. въ Кіевѣ. Но онъ въ Псковъ не прибылъ и командованіе взялъ на себя ген. Вандамъ.

Германцы снабдили армію оружіемъ и снаряженіемъ и предполагали оставить при уходѣ еще и другое военное имущество, необходимое ей. Но формированіе арміи, точно также, какъ и организація Областнаго Управленія, не были окончены къ моменту германской революціи.

Большевики воспользовались безпоридками въ германской арміи и 25 Ноября начали наступленіе на Псковъ. Русская небольшая армія, численностью около 3000 человѣкъ, занимала позиціи восточнѣе Пскова. Рядомъ съ нею стояли германскія части. Командованіе русскими силами принялъ на себя за недѣлю до боя полковникъ Неффъ. Положеніе этихъ выдвинутыхъ частей сдѣлалось отчаяннымъ, когда онѣ вдругъ узнали, что германцы не только безъ предупрежденія покинули свои позиціи, но и самый городъ Псковъ, отчасти распродавъ свое имущество, отчасти бросивъ его на произволъ судьбы или, вѣрнѣе сказать, ворвавшихся въ городъ большевиковъ.

При такой обстановкѣ русскія части конечно держаться не могли и имъ пришлось уличными боями пробить себѣ дорогу черезъ городъ и подъ обстрѣломъ непріятеля переправиться отчасти по мостамъ, отчасти на лодкахъ черезъ рѣку Великую на лѣвый (западный) берегъ, бросивъ въ Псковѣ все личное имущество свое и имущество своихъ частей. Большевики же ознаменовали свою побѣду многочисленными разстрѣлами въ городѣ, начиная съ владѣльцевъ гостинницъ и кофеенъ, гдѣ бывали офицеры, и кончая рабочими тѣхъ мастерскихъ и заводовъ, которые работали на армію. По оффиціальнымъ даннымъ, опубликованнымъ въ мѣстныхъ большевистскихъ газетахъ, число ихъ жертвъ въ первые же дни превосходило 300 убитыхъ.

На западъ же отъ Пскова длинными рѣдкими колоннами растянулись отступавшія русскія части, враждебно встрѣчаемыя большевистски настроенными мѣстными жителями. Много отставшихъ было перебито. Въ самомъ плачевномъ состояніи остатки арміи достигли Валка, гдѣ полковнику Неффу удалось ихъ собрать и перейти на эстонскую территорію. Часть же штаба и масса офицеровъ докатились поѣздами прямо до Риги. Такъ какъ большевики, не встрѣчая сопротивленія, быстро подвигались и, оттѣснивъ армію полковника Неффа на сѣверъ, заняли Валкъ, то находившіеся въ Ригѣ офицеры и чины Штаба оказались отрѣзанными отъ своихъ частей и при дальнѣйшемъ наступленіи на Ригу большевиковъ уѣхали по желѣзной дорогѣ отчасти въ Либаву, отчасти прямо въ Германію.

Полковникъ же Неффъ въ серединѣ Декабря заключилъ договоръ съ Эстонскимъ Правительствомъ, сосредоточилъ свои части у Ревеля и помогъ отстоять этотъ городъ отъ большевиковъ.

Въ теченіе Декабря положеніе въ Ригѣ дѣлалось изо дня въ день все болѣе критическимъ. Германскія войска категорически отказывались сражаться противъ своихъ русскихъ товарищей, продавали имъ за безцѣнокъ все что могли и уступали имъ за извѣстную мзду одинъ городъ за другимъ.

Въ Ригѣ всполошились, и жители принялись за организацію отрядовъ земской обороны, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ балтійскаго Ландесвера. Наскоро формировались роты латышскія, нѣмецко-балтійскія и русскія. Изъ германскихъ добровольцевъ, желавшихъ поддержать дисциплину въ развалившейся германской арміи, была сформирована такъ наз. Желѣзная дивизія.

Но при общемъ развалѣ, при полной растерянности германскаго высшаго командованія и при полной неподготовленности молодыхъ добровольческихъ частей, задержать наступленіе большевиковъ восточнѣе Риги не удалось. Въ городѣ началась паника. Кто могъ понасть въ поѣздъ, бѣжалъ въ Германію или въ Либаву. Одна изъ латышскихъ ротъ въ городѣ взбунтовалась и была окружена и разоружена другими частями, поддержанными артиллерійскимъ огнемъ съ англійскихъ военныхъ судовъ, стоявшихъ на рѣкѣ Зап. Двинѣ. Въ оборонѣ города флотъ, несмотря на неоффиціальное о томъ обѣщаніе адмирала, по приказанію изъ Лондона не участвовалъ, но помогъ эвакуировать въ Данію и Англію нѣкоторое количество бѣженцевъ.

2-го Янв. 1919 г. городъ былъ брошенъ на произволъ судьбы и начался четырехъ съ половиною мѣсячный режимъ большевиковъ, ознаменовавшійся чрезвычайно сильнымъ терроромъ.

Отступившія отъ Риги ландесверныя и германскія добровольческія части еще разъ задержались въ Митавѣ на линіи рѣки Курляндской Аа, но 8 Января эвакуировали и этотъ городъ, отступая при невѣроятно тяжелыхъ условіяхъ снабженія и снаряженія при сильныхъ январьскихъ морозахъ до линіи рѣки Виндавы, гдѣ и задержались.

Одновременно въ тылу въ Либавѣ происходило переформированіе всѣхъ добровольческихъ частей и подготовка ихъ къ новому походу. Сюда же прибыло Латвійское Правительство съ премьеръ-министромъ Ульманисомъ во главѣ. Въ виду того, что германцы по условіямъ перемирія обязаны были эвакуировать Курляндію, организація всѣхъ добровольческихъ частей шла отъ имени и за счетъ молодого латвійскаго правительства. Однако, въ виду того обстоятельства, что у этого Правительства не было никакихъ средствъ, Германія согласилась отпускать взаимообразно Латвійскому Правительству, какъ денежныя средства, такъ и обмундированіе, снаряженіе и вооруженіе. Германскіе добровольцы и весь командный составъ считались на службѣ Латвіи. По особому соглашенію между представителями Германской Имперіи и Временнымъ Правительствомъ Латвіи, заключенному еще въ Ригѣ 29 Дек. 1918 г. (§ 1) «Временное Правительство Латвіи согласно признать по ходатайству о томъ всѣ права гражданства въ Латвіи за всѣми иностранцами, состоящими въ арміи и прослужившими не менѣе 4-хъ недѣль въ добровольческихъ частяхъ, сражающихся за освобожденіе латвійской территоріи отъ большевиковъ.» Соглашеніе это подписано съ германской стороны Виннигомъ, а съ латвійской Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ К. Ульманисомъ и министрами Р. Паэгле и Я. Залитомъ.

По этому соглашенію германскіе добровольцы, пріобрѣтая права гражданства въ Латвіи, несомнѣнно пріобрѣтали право на покупку земельныхъ участковъ въ предѣлахъ республики. Впослѣдствіи Латвійское Правительство Ульманиса отказалось отъ исполненія обязательствъ, взятыхъ на себя этимъ соглашеніемъ, мотивируя свой отказъ ссылкою на Версальскій миръ, по которому всѣ обязательства, данныя кѣмъ либо германцамъ или Германіи, считаются недѣйствительными и не имѣющими силы. Такое отношеніе Латвійскаго Правительства къ вопросу вызвало лѣтомъ 1919 года сильное броженіе среди германскихъ добровольцевъ, желавшихъ поселиться въ предѣлахъ Курляндіи.

Одновременно съ переформированіемъ Ландесвера въ Январѣ 1919 г. началось и формированіе русскаго отряда, принявшаго названіе «Либавскій добровольческій стрѣлковый отрядъ», но болѣе извѣстнаго подъ названіемъ Ливенскаго отряда. День основанія отряда былъ 15-ое Января, когда былъ выпущенъ приказъ № 1. Поводомъ къ формированію его подало то обстоятельство, что въ Либавѣ сосредоточилась

масса русскихъ офицеровъ-бѣженцевъ, не имѣвшихъ прямого отношенія къ Прибалтійскому Краю, а потому не поступившихъ въ ряды добровольческихъ формированій Ландесвера. Генералъ Родзянко уже въ Ригѣ, а затѣмъ въ Либавѣ хлопоталъ объ организаціи русскихъ. Вмѣстѣ съ кн. Ливеномъ онъ нѣсколько разъ ѣздилъ къ командирамъ англійскаго флота, сперва къ адмиралу Сан-Клэръ, а затѣмъ къ Сару Коанъ. Встрѣчаемые весьма любезно, русскіе не могли однако добиться отъ союзниковъ, чтобы организація русскихъ была матеріально поддержана союзниками. Въ виду безнадежности дѣла ген. Родзянко переѣхалъ въ Ревель, гдѣ принялся за переформированіе спасшейся въ Эстоніи Псковской арміи, въ составъ которой входилъ и отрядъ Балаховича.

Авторъ этого доклада остался въ Либавѣ и, послѣ безнадежныхъ попытокъ получить помощь отъ союзниковъ, энергично поддержанный группою русскихъ офицеровъ-патріотовъ, оставшихся въ Либавѣ и не послѣдовавшихъ за тѣми, которые бѣжали въ болѣе спокойную Германію, вошелъ въ соглашеніе съ балтійскимъ Ландесверомъ. По этому соглашенію Либавскій отрядъ, не входя въ составъ Ландесвера, обязался временно подчиниться командиру Ландесвера, за что получилъ полное снабженіе, снаряженіе, вооруженіе и довольствіе. Соглашеніе это должно было длиться до момента, когда отряду возможно будетъ идти на соединеніе съ сѣверозападной арміей, т. е. по предположенію вслѣдъ за взятіемъ гор. Риги.

Отрядъ былъ чисто русскій, принципы его были тѣ же, что и въ добровольческой арміи, т. е. борьба съ большевиками для возстановленія Единой Великой Россіи и для доведенія ея до Учредительнаго Собранія. Въ мѣстную политику Прибалтійскаго кран отрядъ не вмѣшивался и въ случаѣ недоразумѣній въ этомъ краѣ обнаался оставаться нейтральнымъ. На службу въ отрядъ принимались только офицеры русской службы и добровольцы русско-подданные, какъ раньше служившіе въ арміи, такъ и не служившіе вовсе. Служившіе раньше въ германской арміи отъ пріема въ отрядъ были исключены.

Вступавшіе въ отрядъ поступали на дѣйствительную службу Россійскаго государства и обязывались подчиняться всѣмъ уставамъ военной службы и законамъ Россійскаго государства, изданнымъ до 29 Февраля 1917 года. Срокъ службы добровольцевъ обсуловливался сроками, введенными въ балтійскомъ Ландесверѣ, т. е. первоначально по 1 Іюня, затѣмъ по 1 Окт. 1919 года. Для офицеровъ служба была по самому смыслу своему безсрочнан. О формированіи отряда черезъ русскую миссію въ Стокгольмѣ былъ поставленъ въ извѣстность Деникинъ, которому отрядъ считалъ себя подчиненнымъ, точно также какъ и адмиралу Колчаку. Лишь въ Іюнѣ пришло отъ Колчака оффиціальное извѣщеніе, что князь Ливенъ назначаетсн командиромъ русскихъ стрѣлковыхъ частей въ Курляндіи съ подчиненіемъ генералу Юденичу, какъ главнокомандующему фронтомъ.

Обмундированіе въ отрядѣ было германское, но съ русскими погонами и по мѣрѣ возможности русскими пуговицами. Фуражка имѣла голубой околышекъ съ русской кокардой. На лѣвомъ рукавѣ носилась угловая нашивка бѣло-сине-краснаго цвѣта, а подъ ней бѣлый четырехгранный крестъ.

Численность отряда была ограничена германскимъ командованіемъ, боявшимся усиленія русскаго вліянія въ краѣ, въ 400 человѣкъ, но даже это число долгое время не могло быть достигнуто. 31 Января 1919 года, когда отрядъ безъ кавалеріи и безъ обоза срочно получилъ задачу занять къ сѣверу отъ Либавы фронтъ въ 30 верстъ, отъ имѣнія Априкенъ Газенпотскаго уѣзда до Сакенгаузена на берегу моря, боевой составъ его былъ всего 65 штыковъ.

Дѣйствительно, положеніе Либавы въ эти дни было критическимъ. Большевики только что заняли города Гольдингенъ и Виндаву, угрожая Либавѣ съ сѣвера. При серьезномъ наступленіи большевиковъ, конечно, и думать нельзя было объ удержаніи Либавы, а потому въ порту уже все было приготовлено для эвакуаціи добровольческихъ частей, кого въ Германію, а кого въ Ревель.

Но большевики наступать не могли; продвигаясь весьма быстро отъ Пскова до Виндавы, они выдохлись. Въ особенности латышскіе полки, уже раньше сильно потрепанные Колчакомъ на Уралѣ, вернувшись на родину, распылились, расходясь по домамъ. Сила нѣкоторыхъ полковъ не достигала 100 человѣкъ. Началась въ Лифляндіи и Курляндіи мобилизація, но даже при большевистскихъ пріемахъ подвигалась она медленно и новобранцы, неодѣтые, необученные и плохо вооруженные, для наступательныхъ дѣйствій вовсе не годились, для обороны же только постолько, посколько наступленіе добровольческими частями не велось энергично.

Главныя силы свои большевики сосредоточили по рѣкѣ Виндавѣ южнѣе Гольдингена и здѣсь оборона энергично велась небольшими ландесверными частями, въ особенности Митавской ротой, русской ротой капитана Дыдерова и латышскими ротами полковника Колпака, павшаго на этомъ участкѣ смертью героя. Команду надъ латышскими частями принялъ доблестный и симпатичный полковникъ Баллодъ. Южнѣе латышскихъ частей стояла германская добровольческая Желѣзная дивизія маіора Бишофъ, еще южнѣе уже въ Литвѣ (бывш. Ковенской губ.) находился присланный изъ Германіи VI Резервный корпусъ, въ составъ котораго входила гвардейская резервная дивизія.

Общее руководство всѣмъ фронтомъ сосредоточено было въ рукахъ генерала графа фонъ-деръ-Гольца, штабъ-квартира коего была въ Либавѣ.

Въ виду того обстоятельства, что большевики не нажимали, высшему командованію удалось переформировать балтійскій ландесверъ на новыхъ началахъ. Нельзя забыть, что части были наскоро сформированы изъ бывшихъ русскихъ офицеровъ прибалтійскаго края и добровольцевъ молодыхъ и старыхъ, никогда не служившихъ на военной службѣ. Надо удивляться, какъ при такихъ обстоятельствахъ эти мало сплоченныя части безъ всякой подготовки, увлекаемые лишь восторженной любовью къ родинѣ, совершили сравнительно удачно отступленіе отъ Риги до рѣки Виндавы съ постоянными аръергардными боями и засадами въ лѣсахъ.

Командный языкъ былъ русскій и вообще настроеніе военной молодежи было явно руссофильское. Германцы рѣшили подчинить ландесверъ своему вліянію и начали ломку съ вопроса команднаго состава, языка и метода обученія. Командиромъ Ландесвера вмѣсто русскаго генерала барона Фрейтагъ-Лорингофена назначенъ былъ сперва германскій полковникъ Розенъ, затѣмъ весьма талантливый, храбрый и симпатичный маіоръ Флетчеръ, который быстро сумѣлъ завоевать себѣ довѣріе и преданность, какъ офицеровъ, такъ и добровольцевъ.

Старшіе офицеры Ландесвера, полковники русской службы перешли отчасти въ русскій отрядъ, отчасти въ Ревель. Масса офицеровъ Ландесвера хотѣла также демонстративно перейти въ русскій отрядъ, но лишь немногимъ это удалось, большинству въ этомъ было отказано.

Для обученія строю въ каждую роту были назначены инструкторами германскіе унтеръ-офицеры. Молодежь завошла, но въ концѣ концовъ подчинилась и надо отдать германцамъ справедливость, что никто кромѣ нихъ не сумѣлъ бы изъ этихъ разрозненныхъ добровольческихъ частей въ нѣсколько недѣль сформировать хорошо обученныя и сплоченныя воинскія части.

Особенно выдѣлялся ударный отрядъ (Stoßtruppe), составъ котораго былъ наполовину германскій съ исключительно германскими офицерами.

Этотъ отрядъ силою приблизительно въ 1200 штыковъ иссомнѣнно представлялъ собою въ боевомъ смыслѣ самую лучшую часть не только Ландесвера, но всего фронта, но одновременно онъ являлся и носителемъ наиболѣе ярко крайняго германофильства. Командиромъ его былъ лейтенантъ баронъ Гансъ Мантейфель, храбрый и талантливый офицеръ, павшій геройской смертью во главѣ своего отряда при взятіи Риги 22 мая 1919 г. Отрядъ имѣлъ двѣ великолѣпныя батареи и свою саперную роту. Всѣ остальныя роты были объединены подъ командованіемъ графа Эйлепбурга, храбраго офицера и симпатичнаго, идейнаго человѣка. Сила его отряда была въ 800 штыковъ. Въ его отрядъ входилъ эскадронъ барона Гана, штабъ-ротмистра 12-го Ахтырскаго гусарскаго полка. Это была наилучшая кавалерійская часть всего фронта, съ хорошимъ конскимъ составомъ, т. к. большинство лошадей принадлежали офицерамъ и добровольцамъ эскадрона.

Кромѣ того, въ составъ Ландесвера входили два самостоятельныхъ эскадрона, а именно барона Драхенфельса, подполковника 19-го Архангелогородскаго драгунскаго полка, и вольный эскадронъ барона Энгельгарда, помѣщика Илукстскаго уѣзда Курляндской губ. Первый эскадронъ силою въ 100 коней участвовалъ въ боевыхъ дѣйствіяхъ на правомъ флангѣ фронта уже въ Литвѣ, а второй эскадронъ силою въ 80 коней занимался болѣе карательными экспедиціями, чѣмъ боевыми задачами.

Латыши были объединены подъ командою полковника Колпака, а послѣ его смерти полковника Баллода. Сила ихъ была приблизительно въ 2000 штыковъ. Тактически они были подчинены командиру Ландесвера, но имѣли свою отличительную форму—красный околышъ на фуражкѣ и красныя петлицы съ бѣлой полоской. Командный языкъ былъ латышскій. Между нѣмецко-балтійскими и латышскими частями отношенія все время были самыя коректныя; заслуга принадлежитъ какъ высокимъ нравственнымъ качествамъ полковника Баллода, такъ и тактичности маіора Флетчера.

Отно́шенія между ландесверными частями и русскими добровольцами были въ началѣ натянутыя, но по мѣрѣ продвиженія и вообще совмѣстной работы, это чувство уступило мѣсто самому честному товарищескому отношенію. И опять заслуга принадлежитъ какъ боевой доблести русскаго отряда, такъ и тактичности маіора Флетчера, который открыто выражалъ свое восхищеніе передъ боевой работой русскихъ.

За Февраль мѣсяцъ боевая обстановка на фронтѣ начала измѣняться постепенно въ пользу добровольческихъ частей. Рекрутское депо въ Либавскомъ военномъ порту (бывшемъ имени Императора Александра III) посылало пополненіе за пополненіемъ на фронтъ и за это время удалось его укрѣпить на востокъ настолько, что лѣвый флангъ могъ начать продвиженіе на сѣверъ, причемъ задача русскаго отряда была продвигаться на сѣверъ, занимая пространство между лѣвымъ флангомъ Ландесвера и моремъ.

2-го Марта русскій отрядъ силою въ 120 штыковъ впервые участвовалъ съ нѣкоторыми ландесверными частями въ налетѣ на гор. Виндаву. Въ операціи участвовалъ ударный отрядъ Мантейфеля 800 штыковъ при 2-хъ орудіяхъ, рота Радена—150 штыковъ, рота Клейста—200 штыковъ и эскадронъ Гана.

Для этого части, находившіяся въ 40—50 верстахъ южнѣе Виндавы, были посажены на подводы и продвинулись въ одной колоннѣ до имѣнія Зурсъ, на берегу рѣки въ 15 верстахъ отъ Виндавы. Тутъ произошелъ ночью первый авангардный

бой, во время котораго командиръ Ландесвера маіоръ Флетчеръ, былъ раненъ въ голову и въ бокъ, но, послѣ перевязки, остался въ строю и продолжалъ руководить операціей.

Въ семь часовъ утра главныя силы подошли къ городу съ юга, рота Клейста произвела обходное движеніе съ востока по правому берегу рѣки Виндавы, а эскадронъ Гана шелъ по берегу моря и долженъ былъ войти въ городъ съ запада.

Бой продолжался около 3-хъ часовъ. Большевики стрѣляли изъ пулеметовъ и винтовокъ изъ-за заборовъ и изъ домовъ. Артиллеріи у нихъ не было, а потому они долго обороняться не могли и уже въ полдень городъ былъ въ рукахъ добровольческихъ частей. Насколько неожиданно было это наступленіе на Виндаву, видно изъ того, что въ лютеранской киркѣ на тотъ же вечеръ большевиками былъ назначенъ маскированный балъ.

На четвертый день послѣ взятія Виндавы получено было извѣстіе, что большевики перешли рѣку Виндаву сѣвернѣе города Гольдингена, гдѣ оставлено было очень мало войска подъ командою графа Эйленбурга. Красные обходомъ города съ запада грозили захватить весь небольшой гарнизонъ. Маіоръ Флетчеръ оставилъ тогда въ Виндавѣ только роту Радена, а самъ отправился на выручку Гольдингена, посадивъ свои части на обывательскія подводы. Несмотря на поспѣшность отправки, большевики узнали объ этомъ и, когда наши части подошли, положеніе города оказалось уже обезпеченнымъ. Большевики уже очистили западный берегъ рѣки и въ окрестностяхъ слѣдъ ихъ простылъ и только значительныя поврежденія центра города и колокольни свидѣтельствовали о силѣ большевистскаго артиллерійскаго обстрѣла.

Но уже черезъ нѣсколько дней большевики вновь произвели энергичное наступленіе на городъ Виндаву. Донесенія оттуда давали мало надежды на возможность гарнизону удержаться въ городѣ. Въ проливной дождь наши части вновь были посажены на подводы и отправлены на выручку Виндавы. Но на полъ-пути было получено сообщеніе, что гарнизону Виндавы удалось не только отстоять городъ, но и удачнымъ обходнымъ движеніемъ лѣсными дорогами обойти бронированный поѣздъ и разрушить на востокъ отъ него желѣзнодорожный путь, послѣ чего поѣздъ большевиками былъ брошенъ.

Наши части вернулись вновь въ Гольдингенъ. Къ этому моменту русскій Либавскій отрядъ усилился влитіемъ въ него русской роты балтійскаго Ландесвера подъ командою капитана Дыдерова. Изъ слившихся частей были сформированы двѣ роты, рота Дыдерова и пулеметная рота шт.-кап. Эшкольцъ. Кромѣ того, къ отряду прибыло изъ Либавы два взвода кавалеріи, кадръ для формированія батареи и необходимый обозъ. Благодаря неимовѣрнымъ усиліямъ и умѣлости завѣдующаго хозяйствомъ отряда, подполковника Бириха, матеріальная часть значительно улучшилась.

Усиленный, такимъ образомъ, отрядъ могъ уже получить самостоятельную задачу при слѣдующей самой крупной операціи, начавшейся 13 Марта наступленіемъ отъ Гольдингена на востокъ до Туккума и закончившейся 18 Марта взятіемъ города Митавы.

Наступленіе велось одновременно отдѣльными колоннами, причемъ начальникамъ отдѣльныхъ колоннъ давалась только задача достиженія извѣстныхъ цѣлей съ предоставленіемъ самой широкой инициативы.

Сѣверная колонна, силою въ 1200 штыковъ, подъ командою лейтенанта Мантейфеля съ его ударнымъ отрядомъ должна была подойти къ Туккуму по дорогѣ ведущей сѣвернѣе Московско-Виндавской ж. д.

Вторая колонна Эйленбурга силою въ 800 штыковъ шла южнѣе и должна была подойти къ Туккуму съ юго-запада.

Русскій отрядъ силой въ 250 человѣкъ долженъ былъ идти еще южнѣе въ восточномъ направленіи и выйти на дорогу изъ Туккума къ Митавѣ верстъ 20 на югъ отъ Туккума.

Еще правѣе шелъ латышскій отрядъ Баллода силой въ 2000 штыковъ, черезъ мѣстечко Фрауенбургъ на уѣздный городъ Добленъ.

Связь между русскимъ и латышскимъ отрядами должна была бы быть поддержана вольнымъ эскадрономъ Энгельгарда. Но онъ не будучи военнымъ, этой связи установить не сумѣлъ и она была установлена независимо отъ него, но съ запозданіемъ въ три дня.

Правѣе Баллода, по линіи желѣзной дороги отъ Муравьева къ Альтъ-Аутцу продвигалась германская Желѣзная дивизія маіора Бишофа, силою въ 4000 штыковъ, южнѣе его шла гвардейская резервная дивизія.

Быстрѣе всѣхъ продвинулась сѣверная колонна и уже 15 Марта въ 9 часовъ утра вошла въ Туккумъ, откуда большевики бѣжали въ паническомъ страхѣ.

Вторая колонна Эйленбурга встрѣтила сопротивленіе у мызы Самитенъ, гдѣ большевиками былъ разрушенъ мостъ, вслѣдствіе этого они въ ночь съ 14-го на 15-ое Марта нѣсколько часовъ здѣсь задержались.

Русскій отрядъ, наткнувшись уже въ 25 верстахъ отъ Гольдингена на передовые посты большевиковъ, преслѣдовалъ въ первый же день похода красныхъ отъ Вормена до мызы Шедена. Здѣсь они задержались. Въ 11 часовъ вечера отрядъ съ боемъ продвинулся къ имѣнію, но большевики, пользуясь темнотою, успѣли бѣжать, бросивъ много имущества и нѣсколько пулеметовъ. На слѣдующій день, поддерживая влѣво — вплоть до боя у мызы Самитенъ — связь съ колонною Эйленбурга, русскій отрядъ весь день и всю слѣдующую ночь не останавливаясь продвигался впередъ, не встрѣчая по лѣснымъ дорогамъ сопротивленія. Послѣ дождей предыдущихъ дней наступили сильные морозы до 15 Р. Дороги обледенѣли и движеніе орудій, кухонь и обоза было весьма затруднено. Часто приходилось останавливать всю колонну, чтобы вытащить изъ канавы орудіе или подводу. Несмотря на эти задержки, колонна къ разсвѣту подошла къ рѣкѣ Абау южнѣе Туккума, потерявъ связь влѣво съ отсталшей вслѣдствіе боя колонной Эйленбурга и не установивъ связи вправо съ колонной Баллода, отсталшей предположительно верстъ на 30.

На берегу рѣки Абау удалось окружить имѣніе Фридрихсбергъ, гдѣ большевистскій комитетъ укладывалъ свои архивы на подводы для бѣгства. Члены комитета защищались оружіемъ, но домъ былъ скоро взятъ добровольцами. Въ домѣ оказалось двое убитыхъ, одинъ покончилъ съ собою самоубійствомъ, остальные были арестованы и переданы военно-полевому суду, который вынесъ шестерымъ смертный приговоръ, а двухъ оправдалъ. Этотъ комитетъ, какъ было установлено, руководилъ въ свое время разграбленіемъ сосѣдняго имѣнія, причемъ арендаторъ и его дочь были разстрѣляны. Вещи убитаго арендатора были найдены въ канцеляріи комитета.

На рѣкѣ Абау отрядъ задержался до возстановленія связи съ Эйленбургомъ, который послѣ удачнаго боя продвинулся впередъ, а на слѣдующій — третій день похода перешелъ рѣку и продвинулся на востокъ до станціи Шлампенъ Московско-Виндавской ж. д., 16 верстъ южнѣе Туккума.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этой станціи оказалось единственное имѣніе, въ которомъ помѣщикъ уцѣлѣлъ. Онъ былъ своими рабочими допущенъ въ члены коммуны, причемъ ему въ виду его образованія и лѣтъ былъ предоставленъ постъ секретаря коммуны съ правомъ пользоваться для себя и для дочери двумя комнатами въ своемъ барскомъ домѣ. По его словамъ коммунистическое ученіе, въ началѣ встрѣ-

ченное рабочими восторженно, потерпѣло полное крушеніе, когда рабочимъ было объяснено, что поросята, рождающіеся отъ ихъ собственныхъ свиней, не составляютъ ихъ частной собственности, а подлежатъ раздачѣ равномѣрно между всѣми членами коммуны. Коммунистамъ послѣ этого не удалось возстановить своего вліянія и рабочіе сами желали возвращенія къ нормальнымъ условіямъ.

Изъ Шлампена русскій отрядъ установилъ вновь твердую связь со штабомъ маіора Флетчера, находившагося уже въ Туккумѣ. Онъ вошелъ въ городъ вмѣстѣ съ первой колонной и, узнавъ, что большевики только за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ увели изъ Туккумской тюрьмы значительное число лицъ изъ интеллигенціи и мелкихъ собственниковъ, походнымъ порядкомъ по дорогѣ къ Шлоку послалъ имъ въ догонку добровольцевъ, которые ихъ нагнали и освободили. Но масса труповъ, наскоро зарытыхъ въ городѣ и въ окрестностяхъ, громко говорили о жестокомъ террорѣ, который господствовалъ здѣсь въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.

Между тѣмъ положеніе русскаго отряда, выдвинувшагося впередъ, становилось въ Шлампенѣ весьма критическимъ. Телефонъ на станціи не былъ разрушенъ и удалось установить телефонную связь со станціями южнѣе лежащими, гдѣ находились еще большевики. Изъ подслушанныхъ разговоровъ можно было установить, что въ Митаву прибылъ какой-то русскій кавалерійскій полкъ изъ Казани и что онъ направленъ на Туккумъ. Явно было изъ телефонныхъ разговоровъ, что потеря Туккума, гдѣ раньше находился ихъ штабъ, очень всполошила большевиковъ.

Разъѣзды упомянутаго выше полка уже въ слѣдующую ночь появились у нашей передовой заставы и начали насъ обходить съ праваго фланга. Опасность обхода была тѣмъ болѣе велика, что вольный эскадронъ Энгельгарда не выполнилъ своей задачи наблюденія за пространствомъ между русскимъ отрядомъ въ Шлампенѣ и отрядомъ Эйленбурга, стоявшимъ 15 верстъ сѣверо-западнѣе, поэтому, когда этотъ отрядъ безъ достаточной развѣдки означеннаго эскадрона продвинулся южнѣе, то наткнулся на засаду и потерялъ при этомъ нѣсколько добровольцевъ убитыми.

Въ виду полной неустойчивости всего положенія выдвинувшихся до Туккума ландесверныхъ частей, маіоръ Флетчеръ рѣшилъ молніеноснымъ ударомъ нагрянуть на Митаву и взять ее врасплохъ, не дожидаясь подхода съ запада вдоль желѣзной дороги Желѣзной дивизіи Бишофа. Въ ночь съ 17 на 18 Марта походная колонна добровольческихъ частей выступила изъ Туккума, имѣя въ головѣ русскій отрядъ.

У водяной мельницы Малеймуйже въ 10 верстахъ южнѣе Шлампена головной взводъ кавалеріи наткнулся на засаду большевистской спѣшенной кавалеріи, засѣвшей въ оврагѣ по обѣ стороны отъ дороги и открывшей въ 10 часовъ вечера при лунномъ освѣщеніи огонь изъ пулеметовъ и винтовокъ по походной колоннѣ. Произошло среди обывательскихъ подводъ нѣкоторое замѣшательство, но присутствіе духа командира батареи, капитана Андерсона, быстро спасло положеніе. Онъ сразу приказалъ выкатить на поле одно орудіе и началъ прямой наводкой стрѣлять по непріятельской цѣпи.

Одновременно часть роты съ пулеметами разсыпалась въ цѣпь и вскорѣ непріятельскій огонь началъ слабѣть и прекратился. Когда мельница была занята, то и слѣдъ отъ большевиковъ простылъ. Засимъ русскій отрядъ былъ направленъ на востокъ къ Кальнецемскому мосту чрезъ рѣку Курляндская Аа заслономъ и имѣлъ здѣсь на слѣдующій день продолжительный бой съ укрѣпившимися въ старыхъ окопахъ военнаго времени большевиками. Защищаемая такимъ образомъ съ фланга и съ тыла колонна Ландесвера могла ускореннымъ аллюромъ продвинуться прямо на Митаву. Въ шести верстахъ отъ Митавы произошелъ небольшой бой, но вскорѣ большевики, охваченные паническимъ страхомъ, бѣжали, оставивъ въ Митавѣ массу

имущества и санитарный поѣздъ. Единственное, что они успѣли сдѣлать — это арестовать заново и вывезти массу заложниковъ изъ тюремъ изъ числа интеллигенціи. Слѣдующая ночь была чрезвычайно холодная и заложниковъ вели пѣшкомъ по мерзлому шоссе въ той одеждѣ, въ которой ихъ застали. Многіе старики и старухи не выдержали и падали въ пути; ихъ приканчивали выстрѣлами или прикладами. Очень немногимъ удалось въ пути бѣжать и скрыться въ лѣсу. Остальные въ неимовѣрно истощенномъ состояніи, пройдя 40 верстъ безъ остановокъ, были брошены въ Рижскія тюрьмы. Здѣсь свирѣпствовалъ сыпной тифъ и немедленно интеллигентныя женщины изъ числа заложниковъ были назначены на работы стирки бѣлья тифозныхъ больныхъ.

Послѣ взятія Митавы первый день прошелъ спокойно. Производилась чистка города и разыскивались многочисленные трупы разстрѣлянныхъ большевиками, которые едва зарытые въ землю, заполняли дворы и сады вокругъ губернской тюрьмы.

Однако, положеніе города оставалось весьма критическимъ. Онъ былъ взятъ налетомъ. Въ тылу на западъ отъ Митавы находились большевистскія войска, отступавшіе отъ Альтъ-Аутца и Доблена подъ давленіемъ желѣзной дивизіи и латышей. Положеніе этихъ частей было бы безвыходнымъ, если бы имѣлось больше добровольческихъ частей для окруженія ихъ; теперь они, охваченные паникой, ринулись въ юго-восточномъ направленіи черезъ г. Баускъ къ Западной Двинѣ, но до того момента, когда опредѣлилось направленіе ихъ отступленія, они представляли серьезную угрозу Митавѣ. Отколовшіяся отъ большевистскихъ силъ банды долго еще мѣшали сообщеніямъ между Митавой и Туккумомъ, гдѣ оставленъ былъ весьма незначительный гарнизонъ, находившійся постоянно подъ угрозой нападенія со стороны Шлока.

Дѣйствительно, большевики произвели нападеніе на Туккумъ съ востока. Гарнизонъ города состоялъ изъ 35 штыковъ сборной команды и 50 человѣкъ саперной роты Штромберга. Большевики заняли высоту, господствующую надъ городомъ съ сѣвера, и поставили одинъ пулеметъ. Случайно одинъ изъ саперъ выстрѣлилъ въ направленіи наступавшихъ ружейной гранатой. Граната разорвалась въ 20-ти шагахъ отъ пулемета съ присущимъ ей трескомъ, но безъ дальнѣйшаго вреда. Прислуга большевистскаго пулемета сразу прилегла, а затѣмъ бѣжала, бросивъ пулеметъ. Саперы съ криками ура бросились на высоту, захватили пулеметъ и повернули его на бѣгущихъ большевиковъ, послѣ чего послѣдніе туда больше не возвращались.

На второй день послѣ взятія Митавы большевики неожиданно повели наступленіе на городъ съ востока, подойдя къ самому предмѣстію съ двумя бронированными поѣздами и нѣсколькими броневиками.

Митавскій гарнизонъ только что расположился отдыхать послѣ боевъ и переходовъ послѣднихъ дней, когда его вызвали къ мостамъ по тревогѣ. Оборона шоссейнаго моста была поручена русскому отряду, которому удалось отбить двѣ серьезныя атаки, послѣ чего большевики уже ограничивались обстрѣломъ города изъ своихъ поѣздовъ.

Городъ былъ на этотъ разъ спасенъ и русскій отрядъ за это дѣло сталъ пользоваться большой популярностью среди жителей Митавы.

Позже пріѣзжалъ къ начальнику отряда министръ Внутреннихъ Дѣлъ Латвіи Д-ръ Вальтерсъ и передалъ оффиціально благодарность Латвійскаго Правительства за спасеніе Митавы.

Но уже черезъ два дня было установлено появленіе новой угрозы городу съ сѣвера. Большевики, перейдя ниже Митавы рѣку по льду, начали накапливаться въ лѣсахъ, окружающихъ городъ. 22-го марта туда былъ направленъ русскій отрядъ, къ которому была придана германская добровольческая пулеметная рота. Бой начался въ пяти верстахъ отъ города около мызы Шведгофъ.

Противникъ, засѣвшій на опушкѣ лѣса, сперва открылъ оживленный ружейный огонь, но, благодаря значительному превосходству нашего пулеметнаго огня, принужденъ былъ сперва отступить, а затѣмъ бѣжать. Преслѣдованіе велось энергично на разстояніи 12 верстъ и привело къ полному очищенію западнаго берега рѣки. Удалось установить, что наши двѣ небольшія роты привели въ паническое бѣгство весь 15-й латышскій совѣтскій полкъ, который, войдя въ деревню, гдѣ стоялъ батальонъ 10-го полка, увлекъ и его въ свое бѣгство.

Теперь всѣ части ожидали немедленнаго наступленія на Ригу. Большевики въ эти дни были настолько убѣждены въ этомъ, что спѣшно начали эвакуировать Ригу. Улицы, по которымъ большевики предполагали отступать, очищались отъ всѣхъ жильцовъ-буржуевъ. Послѣдніе всѣ выводились на улицу, гдѣ распредѣлялись на три категоріи: первая къ немедленному разстрѣлу, вторая къ заключенію въ тюрьмѣ и третья къ выселенію въ предмѣстія, въ концентраціонные лагеря и на низменные острова на Двинѣ. Въ эти дни свирѣпствовалъ въ городѣ самый жестокій терроръ. Разстрѣловъ было столько, что солдаты отказывались производить ихъ и эта работа поручалась коммунистическимъ дѣвушкамъ-добровольцамъ, которыя находили особое удовольствіе въ истязаніи своихъ жертвъ до окончательнаго ихъ разстрѣла.

Во всякомъ случаѣ настроеніе большевиковъ въ это время было таково, что о серьезной оборонѣ Риги они не только думать не могли, но и не хотѣли, войска же добровольческихъ частей рвались въ бой, т. к. у каждаго были близкіе родственники или друзья въ Ригѣ.

Несмотря на такое настроеніе мы провели цѣлыхъ два мѣсяца на позиціяхъ по лѣвому берегу Курляндская Аа отъ Бауска до Шлока съ небольшими тэтъ-де-понами впереди Митавы и Кальнецема на правомъ, восточномъ, берегу рѣки. Митава съ упомянутымъ тетъ-де-пономъ занята была желѣзной дивизіей маіора Бишофа, со штабомъ въ Митавѣ. Южный участокъ отъ Митавы до Бауска занимала германская гвардейская резервная дивизія со штабомъ въ имѣніи Гроссъ-Платенъ. Сѣверный же участокъ отъ Митавы до Шлока оборонялся добровольческими частями, причемъ латыши занимали Кальнецемскій тэтъ-де-понъ. Ландесверъ стоялъ сѣвернѣе до моря, а русскій отрядъ имѣлъ сторожевое охраненіе по рѣкѣ Курляндская Аа отъ Кальнецема до Митавы. Штабъ маіора Флетчера находился въ Туккумѣ.

Во время этой стоянки удалось опредѣлить тѣ большевическія силы, которыя защищали фронтъ рижскаго плацдарма отъ моря до западной Двины у Фридрихштадта. Сѣвернѣе Митаво-Рижскаго шоссе стояли почти исключительно латышскіе полки силою въ среднемъ въ 800 человѣкъ, всего приблизительно 6 полковъ или двѣ дивизіи съ соотвѣтствующей артилеріей. Послѣдняя была русская, батареи были 4-хъ орудійныя и не болѣе двухъ на дивизію, стрѣляли онѣ хорошо, но снарядовъ было очень мало.

На фронтѣ противъ Митавы имѣлись по крайяей мѣрѣ двѣ батареи гаубичныя. На участкѣ южнѣе шоссе стояли русскіе совѣтскіе полки, а именно 97-й, 98-й и 99-й, составлявшіе Новгородскую дивизію. Тутъ же находилось и два или три латышскихъ полка. Артиллеріи при этихъ частяхъ было мало, не болѣе батареи на дивизію. Равномѣрно по всему фронту распредѣлены были коммунистическія роты, хорошо одѣтыя, оборудованныя и вооруженныя, чего нельзя было сказать про мобилизованныя латышскія части. Задача этихъ ротъ состояла, главнымъ образомъ, въ принужденіи мобилизованныхъ частей держаться на позиціяхъ. Кромѣ того, у большевиковъ сформированъ былъ интернаціональный батальонъ, какъ говорятъ, подъ командою германскаго матроса. Этотъ батальонъ появлялся на Олай-

скомъ фронтѣ противъ Митавы. Всего можно полагать, что рижскій плацдармъ защищался арміей силою приблизительно въ 10—14 тысячъ человѣкъ на фронтѣ. Сила же наступавшихъ «бѣлыхъ», включая ландесверъ, желѣзную дивизію и германскую гвардейскую дивизію едва ли достигала 10.000 на фронтѣ, въ тылу же находилось несоотвѣтственно большое число людей на довольствіе, такъ напримѣръ, ландесверъ, имѣя на фронтѣ въ лучшемъ случаѣ 3500 людей, довольствовалъ изъ котла въ тылу около 20.000, включая сюда всякія хозяйственныя и санитарныя учрежденія.

Причинъ для задержки добровольческихъ частей на линіи Митавы было нѣсколько:

Во 1-хъ, нельзя забывать, что Митава была взята налетомъ, что тылъ поэтому не былъ обезпеченъ отъ нападенія бандъ.

Во 2-хъ, требовалось извѣстное время для исправленія путей сообщенія, для налаживанія снабженій и присылки пополненій.

Въ 3-хъ, вопросъ о снабженіи изголодавшейся Риги продовольствіемъ въ случаѣ взятія города не нашелъ еще удовлетворительнаго разрѣшенія, въ особенности въ виду невозможности пользоваться морскимъ путемъ, такъ какъ благодаря холодной веснѣ, въ морѣ было еще много льда.

Въ 4-хъ, германское правительство не желало, при создавшихся политическихъ обстоятельствахъ, разрѣшить германскимъ частямъ идти далѣе линіи рѣки Курляндская Аа, т. к. оно смотрѣло на всю операцію лишь, какъ на средство обезпечить свои восточныя границы отъ нападенія со стороны большевиковъ, а эта цѣль была уже достигнута взятіемъ Митавы въ достаточной мѣрѣ.

Въ 5-хъ, наконецъ, правительства Антанты не могли согласиться на вопросѣ, кому и когда освободить Ригу. Инструкціи, которыя имъ давались германскому командованію на мѣстахъ, были крайне противорѣчиваго характера.

Позиціонная война, пока рѣка была покрыта льдомъ, являлась для добровольческихъ частей, растянувшихся въ одну длинную линію, почти безъ резервовъ въ тылу, очень утомительной задачей.

Поздно наступившій разливъ облегчилъ задачу, но одновременно появились случаи сыпного тифа, грозившаго принять характеръ эпидеміи. Умеръ отъ тифа помощникъ начальника русскаго отряда — полковникъ Раръ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ всѣхъ чиновъ отряда. Въ серединѣ апрѣля отрядъ уведенъ былъ въ тылъ для дезинфекціи и приведенія себя въ порядокъ. Къ тому времени стали подходить пополненія изъ Либавы и Виндавы, были получены орудія, началось формированіе гаубичной батареи, отъ Латвійскаго Правительства получены по реквизиціи лошади изъ Добленскаго уѣзда, вообще, отрядъ началъ видимо усиливаться. Необходимо было еще наладить полученіе пополненій изъ бывшихъ русскихъ военноплѣнныхъ, находившихся въ Германіи. Попытки вывезти ихъ оттуда, несмотря на разрѣшеніе державъ согласія и на содѣйствіе германскихъ властей, всегда разбивались объ какое-нибудь мелкое препятствіе, а потому командиръ русскаго отряда рѣшилъ ѣхать лично въ Берлинъ для организаціи дѣла.

Неожиданно въ Либавѣ въ серединѣ апрѣля разыгрались политическія событія, имѣвшія серьезныя послѣдствія на развитіе дальнѣйшихъ событій въ Прибалтикѣ. Ударный батальонъ балтійскаго ландесвера, отведенный въ Либаву на отдыхъ, 16 апрѣля сверг министерство Ульманиса и арестовалъ нѣкоторыхъ членовъ министерства. Поводомъ послужило недовѣріе балтійскихъ фронтовыхъ частей къ министерству вообще и къ двумъ министрамъ Залиту и Гольдману, въ особенности. Послѣдніе обвинялись въ сношеніяхъ съ большевиками, а потому войска желали

удаленія ихъ. «Бунтъ», совершенно неподготовленный, руководимый нѣкоторыми очень молодыми, политически неопытными офицерами ударнаго отряда ландесвера, во главѣ котораго стояли нѣкоторые члены семьи Мантейфелей, оказался ударомъ въ пустую. На мѣсто свергнутаго министерства нельзя было найти новаго. Военныя и дипломатическія миссіи союзниковъ явно стояли на сторонѣ министерства Ульманиса и въ началѣ не желали вовсе разговаривать съ другими группами. Только американская миссія заняла болѣе примирительную точку зрѣнія и старалась создать коалиціонное министерство между сторонниками Нѣдриса, латышскаго писателя и націоналиста, выдвинутаго ландесвероиъ, и свергнутаго Ульманисомъ. Но коалиція не удалась, министерство Нѣдриса, поддержанное германскими окупаціонными властями, не было признано союзниками, а Ульманисъ продолжалъ играть роль изгнанника. Дѣло не прошло безъ столкновеній. Въ первый день переворота солдаты одной германской добровольческой части ворвались въ расположеніе латышскихъ частей въ районѣ военнаго порта и, обезоруживъ латышей, ограбили ихъ. Съ другой стороны латыши арестовали Нѣдриса, тайно увели его за городъ, откуда ему съ различными приключеніями удалось бѣжать въ одной рубашкѣ и добѣжать въ такомъ видѣ къ ближайшему германскому посту.

Всѣ эти событія не могли не усилить вражды между различными національностями и вызвать недовѣріе союзниковъ къ ландесверу и прибалтійскимъ нѣмцамъ вообще. Озлобленіе латышей было особенно сильно противъ ландесвера и семьи Мантейфелей, изъ которыхъ командиръ ландесвера палъ при взятіи Риги въ маѣ 1919 г., а его отецъ былъ убитъ какой-то бандой осенью того же года.

Событія въ Либавѣ, къ счастью, мало отразились непосредственно на фронтѣ. Въ переворотѣ участвовалъ только ударный отрядъ Мантейфеля, стоявшія на фронтѣ ландесверныя части въ немъ не участвовали и отношенія между ними и латышскими частями остались и послѣ этихъ событій корректными.

Между тѣмъ, начальникъ Либавскаго отряда удалось въ Берлинѣ, при содѣйствіи объединившихся для этой цѣли русскихъ въ Берлинѣ, организовать отправку русскихъ пополненій изъ концентраціонныхъ лагерей въ Германіи. Сенаторъ Бельгардъ взялъ на себя тяжелый трудъ руководить этимъ дѣломъ, требовавшимъ большого дипломатическаго такта, чтобы умѣть примирить требованія представителей Антанты съ требованіями германскихъ военныхъ властей.

Со второй половины мая перевозка пополненій наладилась и отрядъ началъ разростаться.

Между тѣмъ, на фронтѣ опять начались военныя операціи. 16-го мая русскій отрядъ, смѣнивъ часть латышскихъ ротъ, занялъ совмѣстно съ латышами Кальнецемскій тэтъ-де-понъ. Съ 18 по 20 мая большевики сильными повторными атаками старались сбить насъ, направляя главныя свои силы противъ праваго участка, занимаемаго русскими. Всѣ атаки были отбиты съ большими потерями для большевиковъ. Изъ показаній плѣнныхъ выяснилось, что непосредственно отъ Троцкаго былъ полученъ категорическій приказъ занять мостъ, т. к. большевики вполнѣ правильно оцѣнивали значеніе Кальнецема, какъ угрозы Ригѣ. На 22 мая, по собраннымъ разведкою свѣдѣніямъ, ожидалось новое наступленіе большевиковъ. Командиръ ландесвера рѣшилъ предупредить это неожиданнымъ переходомъ въ наступленіе со своей стороны.

Въ 1 часъ 30 мин. ночи 22 мая балтійскій ландесверъ, имѣя ударный отрядъ во главѣ, неожиданно атаковалъ большевиковъ и уже къ 3 часамъ ночи, пробившись къ нимъ въ тылъ, началъ ускореннымъ маршемъ походъ на Ригу съ такимъ расчетомъ, чтобы занять городскіе мосты черезъ Двину раньше, чѣмъ отступавшія большевистскія

части могли поспѣть туда. Русскій отрядъ вмѣстѣ съ латышами подъ командою полковника Баллода пошелъ обходнымъ путемъ по южному берегу озера Бабитъ. По рѣкѣ Курляндская Аа направилась сильно вооруженная рѣчная флотилія на спеціально приспособленныхъ для сего рѣчныхъ пассажирскихъ и буксирныхъ пароходахъ. Сѣвернѣе рѣки по берегу моря отъ Шлока двинулись латышскія и ландесверныя части. Одновременно двинулась изъ Митавы по шоссе желѣзная дивизія Бишофа. Германскія части не имѣли отъ своего Правительства разрѣшенія участвовать въ Рижской операціи, но, въ виду наступленія ландесвера, принуждены были для обезпеченія своего фланга продвинуться на новыя позиціи, что ими и было исполнено.

Въ два часа дня Мантейфель съ ударнымъ отрядомъ подошелъ къ деревянному городскому, бывшему понтонному, мосту, одновременно по Митавскому шоссе къ желѣзнодорожному мосту стали подходить бронированные автомобили маіора Бишофа. Большевики въ Ригѣ были застигнуты врасплохъ. Они узнали о приближеніи бѣлыхъ лишь, когда они съ боемъ вошли въ западныя предмѣстья города. На деревянномъ мосту произошелъ короткій бой, причемъ палъ командиръ эскадрона графъ Рейтернъ-Нолькенъ. Ударники ворвались въ городъ съ Мантейфелемъ во главѣ, который при этомъ былъ убитъ, и послѣдніе направились къ ближайшей тюрьмѣ, чтобы спасти заключенныхъ тамъ заложниковъ, въ другихъ же тюрьмахъ большевики успѣли многихъ перебить, въ томъ числѣ женщинъ, нѣсколькихъ пасторовъ, другихъ же увезли изъ города на грузовикахъ для отправки въ Москву заложниками, откуда они вернулись лишь въ маѣ 1920 года.

Къ шести часамъ дня въ городъ вступилъ русскій отрядъ и занялся очищеніемъ сѣверныхъ частей города, включая и Царскій Лѣсъ, куда собралась масса большевиковъ. Трудно было организовать съ утомленными войсками фактическую охрану частнаго имущества отъ грабежа. Это болѣе или менѣе удалось несмотря на нахожденіе именно въ сѣверномъ участкѣ холодильника съ припасами и виннаго склада на водочномъ заводѣ Вольфшмидта.

На слѣдующій день работа по очисткѣ сѣверныхъ предмѣстій отъ большевиковъ продолжалась и распространилась до устья рѣки Двины у Мюльграбена, Магнусгофа и на лѣвомъ берегу рѣки Больдераа, причемъ была захвачена значительная военная добыча, въ томъ числѣ и одинъ вполнѣ исправный броневикъ.

Плѣнныхъ была масса, т. к. большая часть мобилизованныхъ большевиками солдатъ бѣжали изъ своихъ частей и сотнями сдавались въ плѣнъ.

Ихъ всѣхъ сконцентрировали на заводѣ «Проводникъ».

26-го мая русскій отрядъ покинулъ Ригу для преслѣдованія большевиковъ, отходившихъ по Псковскому шоссе. Задача отряда состояла въ обходѣ лѣсными дорогами станціи Роденпойсъ для содѣйствія отряду Эйленбурга, направившагося туда же по шоссе. Недалеко отъ станціи Роденпойсъ коммунистическая рота, засѣвъ въ густомъ лѣсу, произвела неожиданное нападеніе на продвигавшуюся по гати колонну. Несмотря на своевременное предупрежденіе дозорными, часть не успѣла по мѣстнымъ условіямъ во время развернуться и имѣла сравнительно значительныя потери ранеными и въ особенности лошадьми. Убитъ былъ командиръ аскадрона ротм. Родзевичъ и нѣсколько артиллеристовъ и выбылъ изъ строя вслѣдствіе ранія начальникъ отряда.

Но бой, благодаря доблести батареи, стрѣлявшей прямой наводкой подъ градомъ пуль, окончился въ нашу пользу и большевики, прекративъ огонь, бѣжали. Вскорѣ къ намъ подоспѣли подкрѣпленія изъ латышскихъ частей, по шоссе продвинулся Эйленбургъ и ст. Роденпойсъ къ вечеру была въ нашихъ рукахъ.

Преслѣдованіе большевиковъ продолжалось и въ слѣдующіе дни до линіи рѣки Лифляндская Аа.

Въ городѣ въ это время быстро возстановлялась жизнь. Впечатлѣніе при взятіи Риги отъ душевнаго и физическаго состоянія горожанъ было удручающее. Разсказы о большевистскомъ режимѣ, о террорѣ и о лишеніяхъ превосходили все, что проникло до тѣхъ поръ въ печать. Разсказы эти подтверждались при находкѣ массы разстрѣлянныхъ и изуродованныхъ труповъ. Ко всѣмъ бѣдствіямъ присоединились форменный голодъ и эпидемія тифа.

На фонѣ всеобщаго бѣдствія особенно яркаго выдѣляется картина празднествъ въ дворянскомъ домѣ по поводу свадьбы дочери главнаго комиссара Стучки. Масса гостей съѣхалась по этому поводу со всѣхъ концовъ Россіи и, говорятъ, никогда еще и нигдѣ, ни въ одномъ залѣ не видно было такого ослѣпительнаго количества дорогихъ камней и драгоцѣнностей, какъ на гостяхъ товарища Стучки.

Послѣ взятія Риги маіоръ Флетчеръ, какъ главнокомандующій, назначилъ градоначальника и начальниковъ отдѣльныхъ управленій города. Сюда вернулись многіе полицейскіе чины, служившіе во время германской оккупаціи. Къ сожалѣнію, одновременно вернулись и многіе нежелательные элементы, своими дѣйствіями подрывавшіе авторитетъ вновь назначенныхъ высшихъ чиновъ. Почти одновременно прибыли въ Ригу и военныя миссіи союзныхъ державъ и американская продовольственная комиссія. Послѣдняя начала сразу снабжать жителей давно невиданнымъ бѣлымъ хлѣбомъ и организовала образцовыя кухни для дѣтей младшаго и школьнаго возрастовъ. Вскорѣ переѣхало въ Ригу и правительство Нѣдриса. Но уже черезъ двѣ недѣли вся обстановка рѣзко измѣнилась. Въ началѣ іюня при преслѣдованіи большевиковъ, ландесверныя части неожиданно наткнулись южнѣе г. Вендена на передовые посты эстонцевъ, уже очистившихъ сѣверную часть Венденскаго и Вольмарскаго уѣздовъ отъ большевиковъ. Ландесверъ полагалъ, что встрѣтитъ у эстонцевъ поддержку. Но не то случилось. Послѣ нѣсколькихъ случайныхъ выстрѣловъ между передовыми постами, эстонцы выдвинули свой бронированный поѣздъ, началась перестрѣлка и ландесверъ, перейдя въ наступленіе, прогналъ эстонцевъ изъ города и занялъ Венденъ. Одновременно начались съ помощью союзныхъ миссій переговоры между сторонами, приведшіе 9-го іюня къ соглашенію, оформленному протоколомъ, подписаннымъ обѣими сторонами съ согласія представителей англійской, французской и американской военныхъ миссій. По этому соглашенію эстонцы обязались очистить латвійскую территорію и отойти къ своимъ этнографическимъ границамъ.

Этотъ протоколъ былъ посланъ въ Ревель на утвержденіе главы всѣхъ союзныхъ миссій, англійскаго генерала Гоффа. Совершенно неожиданно для всѣхъ, онъ, вмѣсто утвержденія протокола, прислалъ отъ себя 15-го іюня въ ультимативной формѣ новыя требованія къ балтійскому ландесверу, которыя этотъ считалъ для себя непріемлемыми. Требовалось, чтобы балтійскія добровольческія части отошли на рижскія позиціи и чтобы министерство Нѣдриса было смѣщено и замѣнено министерствомъ Ульманиса.

Требованія эти, сами по себѣ тяжелыя, могли послужить однако базой для дальнѣйшихъ переговоровъ. Положеніе ландесвера, если бы онъ отошелъ на рижскія позиціи, было чрезвычайно выгодное для продолженія переговоровъ и слѣдовало предоставить эстонцамъ иниціативу наступленія на Ригу. И матеріальное и моральное преимущество было бы на сторонѣ ландесвера. Вмѣсто того, маіоръ Флетчеръ подъ сильнымъ давленіемъ крайнихъ германофиловъ и редактора газеты «Rigaesche Zeitung» Д-ра Серафима рѣшилъ предупредить готовившихся къ наступленію

эстонцевъ и самъ въ день окончанія перемирія, 20-го іюня, у Вендена перешелъ въ наступленіе.

Русскій отрядъ, сформированный для борьбы съ большевиками, съ обязательствомъ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Прибалтики, объявилъ себя нейтральнымъ и былъ уведенъ съ фронта. Первый и третій батальонъ были по просьбѣ союзныхъ миссій отправлены въ Либаву для поддержанія порядка въ этомъ городѣ послѣ ухода германскихъ окупаціонныхъ войскъ, а второй батальонъ оставленъ въ Ригѣ для содѣйствія мѣстнымъ гражданскимъ властямъ.

На фронтѣ дѣла пошли не важно для ландесвера. Эстонцы, хорошо вооруженные и снабженные англичанами, оказались противникомъ болѣе серьезнымъ, чѣмъ большевики. Броневой ихъ поѣздъ оказался живой крѣпостью, съ которою балтійскіе добровольцы справиться не могли. Началось отступленіе. Духъ добровольцевъ, быстро поднимавшійся при успѣхахъ, также рѣзко началъ падать при неудачѣ. Война съ эстонцами была чрезвычайно непопулярна и большинству изъ балтійскихъ добровольцевъ непонятна. Отступленіе приняло безпорядочный характеръ и едва не привело къ полному развалу ландесвера. Эстонцы, поддержанные латышами сѣверныхъ уѣздовъ Лифляндіи, подъ командой полковника Замитана стали подходить къ Ригѣ, обстрѣливая уже предмѣстія. Испорченъ былъ снарядомъ главный водопроводъ и городъ остался безъ воды. Шайки германскихъ солдатъ производили въ городѣ грабежи. Настроеніе латышскихъ солдатъ полковника Баллода по отношенію германцевъ и балтійцевъ со дня на день ухудшалось. На улицахъ происходили столкновенія, при которыхъ пускались въ дѣло ручныя гранаты. Полковникъ Баллодъ имѣетъ великую заслугу, что сумѣлъ сдержать свои части настолько, что дѣла не приняли болѣе крупныхъ размѣровъ. Въ Ригѣ вновь началась паника. Всѣ боялись вторженія эстонцевъ въ городъ и производства ими грабежей и избіеній. Вмѣшались союзныя миссіи и, чтобы спасти городъ, уговорили эстонцевъ заключить перемиріе, по которому германскія части должны были отойти на западъ отъ Риги до линіи рѣчки Миссы на полъ-пути между Митавой и Ригой. Балтійскій же ландесверъ, впредь до разрѣшенія его судьбы, былъ отведенъ и сосредоточенъ въ Туккумѣ.

Лишь послѣ этого и послѣ того, какъ всѣ временныя учрежденія городского управленія были эвакуированы изъ Риги, войска Замитана и эстонцы торжественно вступили въ городъ. Порядокъ, поддержанный до тѣхъ поръ совмѣстно латышскими войсками Баллода и 2-мъ батальономъ русскаго отряда, нигдѣ не былъ нарушенъ.

По договору, заключенному между балтійскимъ командованіемъ и эстонцами, балтійскій ландесверъ долженъ былъ быть очищенъ отъ всѣхъ чиновъ германской службы и командованіе перешло къ англійскому полковнику Александру.

По окончаніи переформированія ландесверъ изъ Туккума былъ отправленъ на противо-большевическій фронтъ у Крейцбурга, откуда, принимая участіе во всѣхъ боевыхъ дѣйствіяхъ, продвинулся совмѣстно съ латышами и поляками до линіи Рѣжица-Люценъ-Двинскъ, въ такъ называемой Летгалліи.

Лишь въ февралѣ 1920 г. ландесверъ, какъ таковой, былъ расформированъ, англійскій полковникъ Александръ уволенъ и ландесверъ переименованъ въ 13-й Туккумскій полкъ подъ командою латышскихъ офицеровъ.

Германцы, отступивъ отъ Риги, укрѣпились на линіи рѣчки Миссы и рѣки Курляндская Аа до Шлока. Между германскими и латышскими передовыми постами лежала нейтральная зона. Для проѣзда изъ Риги въ Митаву и обратно требовалось на каждый разъ разрѣшеніе, какъ германскихъ, такъ и латышскихъ властей. Поѣзда между этими городами не ходили вовсе. Въ Ригѣ уже лѣтомъ постоянно распространялись тревожные слухи о предстоящемъ наступленіи нѣмцевъ на Ригу.

Пока происходили всѣ эти событія, въ іюнѣ силы русскаго отряда стали быстро расти. Изъ Германіи и изъ Польши, гдѣ была организована цѣлая система вербовки и отправки русскихъ военно-служащихъ, еженедѣльно прибывали пополненія. Вслѣдствіе этого роты могли быть переименованы въ батальоны. Сила батальоновъ была: 1-й бат. — 800 штыковъ, 2-й — 400 штыковъ, а 3-й — 300 штыковъ. Кромѣ того сформированъ стрѣлковый дивизіонъ изъ 250 спѣшенныхъ кавалеристовъ. При отрядѣ имѣлся эскадронъ въ 100 коней, одна 4-хъ орудійная полевая и такая же горная батарея, броневой взводъ съ однимъ броневикомъ и авіаціонный отрядъ съ тремя аппаратами. Сформированъ былъ кадръ желѣзнодорожнаго батальона и бригада по эксплоатаціи жел. дорогъ. Всего отрядъ разросся до 3500 человѣкъ.

Прибыли также изъ Германіи полковники Бермондъ и Вырголичъ съ предложеніемъ сформировать собственные отряды съ подчиненіемъ высшему командованію начальника русскаго отряда. Формированіе этихъ отрядовъ происходило въ Митавѣ. Полковникъ Бермондъ далъ своему отряду названіе отряда имени Графа Келлера. По своимъ принципамъ формированія Бермондъ расходился съ принципами, принятыми въ русскомъ Либавскомъ отрядѣ. Между тѣмъ, какъ въ послѣднемъ штаты штабовъ были сокращены до минимума, въ отрядѣ принимались офицеры исключительно русской службы и то съ большимъ разборомъ, тыловыя учрежденія были доведены до минимальныхъ размѣровъ и всѣ пополненія по полученіи обмундированія немедленно отправлялись на фронтъ, гдѣ вливались въ строевыя роты, полковникъ Бермондъ считалъ цѣлесообразнымъ начать съ формированія многочисленныхъ штабовъ, принималъ добровольцами, какъ офицеровъ, такъ и солдатъ германской службы, русскихъ же офицеровъ принималъ безъ всякаго разбора, гоняясь за количествомъ въ ущербъ качества, и полагалъ, что формированія должны производиться всѣ въ глубокомъ тылу до момента, когда отрядъ разростется въ крупную единицу. Благодаря такой системѣ формированіе отряда не было закончено лѣтомъ, въ періодъ, когда климатическія условія могли бы позволить предпринять наступленіе на большевиковъ, хотя номинальная сила отряда уже дошла въ августѣ до 4-хъ или 5000 человѣкъ.

Тоже самое слѣдуетъ сказать о полковникѣ Вырголичѣ, который, начавъ формированіе въ Митавѣ, продолжалъ его въ Шавляхъ. Сила его отряда была не болѣе 1500 человѣкъ.

Всѣ три отряда, а именно Либавскій (Ливенскій), 2) имени Графа Келлера (Бермонда) и 3) полковника Вырголича объединились въ одинъ западный корпусъ сѣверо-западной добровольческой арміи. Штабъ корпуса началъ въ іюлѣ формироваться въ Митавѣ.

Но организація корпуса еще не была доведена до конца, когда 9 Іюля получено было отъ генерала Юденича письменное приказаніе о немедленномъ переводѣ на Нарвскій фронтъ всего отряда по очищеніи его отъ германофильскихъ элементовъ. Первый Ливенскій отрядъ, не имѣя въ своихъ рядахъ германцевъ, могъ быть весьма быстро отправленъ на сѣверъ, требовалось лишь около 10 дней для приведенія матеріальной части въ исправность. Но тутъ, къ удивленію всѣхъ, было получено изъ Либавы извѣстіе, что распоряженіемъ ген. Гоффа первый и 3-й батальоны безъ обозовъ и безъ артиллеріи и безъ приказанія командующаго отрядомъ поспѣшно были посажены на англійскій транспортъ и отправлены въ Нарву. Трудно объяснить себѣ эту поспѣшность, связанную съ безтактностью ген. Гоффа, иначе, какъ его желаніемъ скорѣе освободить Либаву отъ присутствія весьма популярнаго въ городѣ русскаго отряда. Эта безцеремонность вызвала сильное броженіе среди всѣхъ чиновъ отряда и повліяло на настроеніе въ весьма отрицательномъ смыслѣ.

Полковникъ Бермондъ и Вырголичъ отказались исполнить приказаніе Юденича перейти на Нарвскій фронтъ, если союзники не пожелаютъ гарантировать полученія отъ союзниковъ снабженія, снаряженія и довольствія въ тѣхъ же размѣрахъ, въ какихъ это получалось до тѣхъ поръ отъ германцевъ. Такъ какъ союзныя миссіи отказались отъ выдачи такого обязательства, то эти два отряда остались въ Курляндіи. Они были затѣмъ исключены изъ состава добровольческаго корпуса и только штабъ корпуса вмѣстѣ съ командиромъ прослѣдовали съ однимъ изъ эшелоновъ Ливенскаго отряда въ Нарву.

Здѣсь отрядъ былъ переименованъ въ дивизію, а именно въ 5-ую (Ливенскую). Батальоны переименованы въ полки, получившіе слѣдующія наименованія:

1) 17-й Либавскій	(1 Ливенскій полкъ)	850 штыковъ.
2) 18-й Рижскій	(2-й „ „)	450 „
3) 19-й Полтавскій	(3-й „ „)	350 „
4) Стрѣлковый дивизіонъ	. . . . .	250 „
Тяжелыхъ орудій	. . . . .	2 „
Легкихъ „	. . . . .	6 „
Броневиковъ	. . . . .	2 „

Исполняющимъ должность Начальника дивизіи въ виду выбытія вслѣдствіе ранения начальника отряда, назначенъ былъ полк. Дыдеровъ, беззавѣтно храбрый, преданный своему дѣлу, безупречной честности офицеръ, пользовавшійся искреннимъ довѣріемъ всѣхъ чиновъ бывшаго отряда.

Чтобы правильно понять всѣ событія, происходившія въ это время въ Прибалтикѣ, надо уяснить себѣ тѣ силы, которыя вліяли на ходъ событій въ этомъ краѣ въ теченіе этого года. До заключенія Германіей общаго перемирія, единственнымъ вліяніемъ здѣсь было германское. Казалось, что край такъ или иначе связанъ съ судьбою германской имперіи. Только немногіе, болѣе дальновидные, сомнѣвались въ побѣдѣ германцевъ и предвидѣли, что при возстановленіи Россіи вопросъ о Прибалтикѣ будетъ подлежать пересмотру.

Положеніе рѣзко измѣнилось, когда, послѣ германской революціи и развала фронта, германское правительство наскоро организовало двѣ новыя республики: Эстонію и Латвію, и передало наскоро сформированнымъ правительствамъ этихъ республикъ соотвѣтствующія территоріи. Все это дѣлалось подъ давленіемъ событій на фронтѣ съ такою поспѣшностью, что объ упорядоченіи условій будущей политической и экономической организаціи и рѣчи быть не могло. Эстонія уже съ декабря 1918 г. была отрѣзана отъ германскаго вліянія вторгнувшимися въ Латвію большевиками, а сама Латвія не успѣла организоваться, когда правительству пришлось бѣжать изъ Риги. Въ той и другой республикѣ власть перешла къ партіи, національно-шовинистически настроенной, что прежде всего въ Эстоніи отразилось тяжело на помѣстномъ дворянствѣ, земли коего были національзированы. Въ Латвіи благодаря военнымъ событіямъ обостреніе отношеній началось позже и не приняло такого крайняго характера, какъ въ Эстоніи.

Вскорѣ въ Балтійскомъ морѣ появились союзные флоты и вліяніе Антанты въ особенности же Англіи сдѣлалось рѣшающимъ факторомъ на Балтійскомъ побережьи.

Только явная опасность большевистскаго продвиженія заставила державы согласія допустить до поры, до времени дальнѣйшее пребываніе германскихъ войскъ въ Курляндіи.

Съ этого момента всѣ дальнѣйшія событія станутъ понятными, если смотрѣть на нихъ, какъ на продолженіе состязанія между Антантой и Германіей на бывшей русской территоріи. При этомъ, борьба съ большевизмомъ является лишь предлогомъ для

тѣхъ или иныхъ мѣръ. Державами согласія опасность большевизма была недооцѣнена, германская же опасность переоцѣнивалась и внушала больше опасеній, чѣмъ угроза большевиковъ.

Германцы же, со своей стороны, боролись съ большевиками только постолько, посколько послѣдніе представляли угрозу восточнымъ границамъ германскаго государства. Поэтому они не брезговали пользоваться большевиками тамъ, гдѣ они могли непосредственно или косвенно нанести вредъ державамъ согласія.

Одинъ высокопоставленный германскій генералъ объяснилъ это откровенно одному русскому офицеру генеральнаго штаба и прибавилъ, что онъ, къ своему великому сожалѣнію, поставленъ въ необходимость вести дѣло такъ, чтобы его правая рука не знала, что дѣлаетъ лѣвая.

Одинъ изъ высшихъ офицеровъ германской оккупаціонной арміи объяснилъ, что германскіе патріоты въ виду невыполнимости условій мира, предлагаемыхъ Германіи, согласны были бы впустить въ страну большевиковъ; конечно, прибавилъ онъ, большевики разорили бы Германію, но несомнѣнно заразили бы и государства Согласія, причемъ вредъ, нанесенный послѣднимъ, настолько превосходилъ бы вредъ, нанесенный Германіи, что послѣдняя могла бы политически и экономически возродиться раньше другихъ и вновь взять на себя руководящую роль въ Европѣ.

Одно стало теперь ясно всѣмъ русскимъ патріотамъ, а именно, что при такихъ взглядахъ на положеніе, какъ державъ Согласія, такъ и Германіи, интересы Россіи обязательно должны будутъ страдать. Несомнѣнно, изъ всѣхъ странъ Германія была та, которая для собственнаго благополучія была наиболѣе заинтересована въ возстановленіи единой Россіи, но при этомъ она бдительно слѣдила, чтобы это возсозданіе не случилось съ помощію союзниковъ бывшей царской Россіи. Изъ этого станетъ ясно то недоброжелательство, которое Германія обнаруживала къ тѣмъ русскимъ арміямъ, которыя боролись съ большевиками при поддержкѣ въ той или иной мѣрѣ союзниками. Германія неоднократно предлагала русскимъ свою помощь, но при создавшейся политической обстановкѣ это означало для Россіи отказъ отъ поддержки союзниками, а на это анти-большевистская Россія, считавшая, что она союза съ державами не нарушала и что союзъ еще въ силѣ, идти не могла. Русскіе патріоты надѣялись, что большевистская опасность заставитъ государства Согласія и Германію найти общую почву для общей борьбы съ все болѣе угрожающимъ міровымъ пожаромъ. Русскіе патріоты, которые не были ни антантофилы, ни германофилы, а просто русскими, надѣялись именно на совмѣстную работу всѣхъ въ борьбѣ противъ большевизма для спасенія всего міра. Но къ сожалѣнію, союзническая политика по отношенію къ Россіи была неопредѣленная и мѣнялась въ зависимости отъ обстоятельствъ. Вѣрнѣе можно сказать, что союзнической политики по отношенію къ Россіи вовсе не было, а была политика той или иной страны, или выражаясь точнѣе, того или иного военнаго или дипломатическаго представителя одной изъ союзныхъ странъ. Нерѣдко случалось даже, что политика дипломатовъ расходилась съ политикой военныхъ одной и той же миссіи. Какъ общее правило можно сказать, что отношеніе военныхъ представителей союзныхъ миссій было болѣе благосклонное къ русскому вопросу, чѣмъ отношеніе дипломатовъ, въ особенности, если эти военные знали лично дореволюціонную Россію и ея старую армію.

На отношеніе союзныхъ миссій къ вопросу возсозданія Россіи всегда вліяли тѣ или иныя событія, какъ то: выступленія у себя дома соціалистическихъ партій, забастовки или угрозы забастовокъ и успѣхъ или неуспѣхъ совѣтской красной арміи. На вопросъ вооруженнаго вмѣшательства вліяло также чувство неувѣренности въ возможности пустить въ дѣло войска, утомленныя войною. Этимъ объясняется, что

обѣщанія, данныя одинъ день, на другой же день брались обратно, снабженія, обѣщанныя къ извѣстному сроку, не приходили, или приходили съ запозданіемъ или приходили въ негодномъ состояніи. Напримѣръ, аэропланы, присланные въ Сѣверо-западную армію, прибыли съ неподходящими къ этимъ аппаратамъ моторами, танки, кромѣ одного исправнаго, всѣ прибыли въ такомъ состояніи, что не могли быть во-время пущены въ дѣло.

Нельзя отрицать факта, что среди представителей союзныхъ миссій было много горячихъ друзей Россіи и они болѣе другихъ страдали отъ чувства невозможности помочь своимъ русскимъ друзьямъ болѣе энергично, но какъ общее правило, конечно, надо сказать, что руководители союзной международной политики доказали, что они не были заинтересованы въ возстановленіи сильной Россіи, а наоборотъ были заинтересованы въ ослабленіи русскаго вліянія на Балтійскомъ морѣ. Такъ, напримѣръ, когда два русскихъ миноносца большевистскаго флота изъ Кронштадта передались англичанамъ, то они передали суда эстонцамъ. Это такъ озлобило русскихъ, что уже другіе суда большевистскаго флота рѣшили не переходить къ такъ называемымъ бѣлымъ, хотя этотъ переходъ уже былъ подготовленъ. Вмѣсто того, чтобы облегчить переходъ, англичане удивительно лихимъ налетомъ быстроходными моторными лодками аттаковали стоявшія на Кронштадскомъ рейдѣ суда русскаго большевистскаго флота и попытались его уничтожить. Ясно, что въ интересахъ русской арміи было не уничтоженіе цѣннаго русскаго флота, а облегченіе его перехода, чѣмъ былъ бы предрѣшенъ и вопросъ о взятіи Петрограда.

Когда русскими былъ возбужденъ вопросъ о полученіи отъ англичанъ разрѣшенія временно создать въ Либавскомъ военному порту базу для пополненій, предназначенныхъ для Сѣверо-западной арміи, то англійская миссія генерала Гоффа поторопилась ускорить отправку въ Нарву русскихъ частей, стоявшихъ въ Либавѣ, даже съ нарушеніемъ основныхъ правилъ приличія, передавъ русскимъ батальонамъ приказаніе грузиться помимо ихъ прямого начальства.

Всюду, гдѣ усиливалось на балтійскомъ побережьи русское вліяніе, англійская дипломатія принимала мѣры для ослабленія его. Французы и, въ особенности, американцы относились благосклоннѣе къ русскому вопросу и они это, гдѣ могли, горячо доказывали, но вліяніе ихъ въ балтійскомъ раіонѣ было ограниченное.

Много близорукости союзники проявили въ исторіи съ генераломъ графомъ фонъ-деръ Гольцемъ и русскимъ полковникомъ Бермондомъ. Еще въ іюлѣ 1919 года, когда Ливенскій отрядъ былъ переправленъ изъ Курляндіи къ Юденичу въ Нарву, а Бермондъ остался въ Митавѣ, можно было легко заставить его съ его русскими частями перейти на сѣверъ, обезпечивъ его изъ средствъ союзниковъ тѣмъ же самымъ, чѣмъ его до тѣхъ поръ обезпечивали нѣмцы. Сила послѣднихъ состояла именно въ томъ, что они фактически выдавали довольствіе, снаряженіе и все необходимое частямъ, между тѣмъ какъ союзники отъ словъ не переходили къ дѣлу.

Близоруко также было отношеніе союзныхъ миссій къ вопросу о принятіи небольшого количества германскихъ добровольцевъ въ русскіе отряды.

Гольцъ, по настоянію Верховнаго Совѣта въ Парижѣ, былъ отозванъ изъ Курляндіи и въ его отсутствіи произошелъ въ концѣ августа военный мятежъ среди германскихъ добровольцевъ, требовавшихъ для себя исполненія обязательства относительно отведенія имъ земель для поселенія въ Курляндіи. Отъ этого возстанія пострадали тѣ небольшія латышскія части, которыя находились въ Митавѣ и которыхъ добровольцы, пользуясь случаемъ, ограбили.

Очевидно, какъ Латвійское Правительство, такъ и союзныя миссіи въ Ригѣ съ все возрастающимъ недовѣріемъ относились къ Гольцу и Бермонду, передовые посты

которыхъ стояли лишь въ 20 верстахъ отъ Риги. Но справиться съ ними никто не могъ бы, если бы Бермондъ самъ не далъ повода къ вооруженному столкновенію.

Это неопредѣленное и чреватое послѣдствіями положеніе въ Латвіи не могло не отразиться невыгодно и на русскомъ сѣверо-западномъ фронтѣ.

Какъ выше было упомянуто, въ февралѣ 1919 года ген. Родзянко отправился изъ Либавы въ Ревель, гдѣ взялся за переформированіе и организацію бывшей Псковской арміи полк. Нефа. Съ помощью русскихъ, эстонцамъ удалось до мая всю свою территорію очистить отъ большевиковъ и къ началу лѣта русскія части стояли уже въ предѣлахъ Петроградской губерніи на позиціяхъ впереди Нарвы. Большую заслугу имѣлъ въ это время Балаховичъ, со своимъ отрядомъ постоянно тревожившій большевиковъ удалыми набѣгами на нихъ.

Фронтъ этотъ официально былъ подчиненъ ген. Юденичу, но послѣдній сидѣлъ въ Гельсингфорсѣ и на ходъ событій Эстонскаго фронта имѣлъ самое незначительное вліяніе. Вокругъ Юденича собралась масса русскихъ офицеровъ, изъ которыхъ онъ намѣревался сформировать кадръ для русской арміи, долженствовавшей съ помощью Финляндіи начать одновременно съ арміей Родзянко наступленіе на Петроградъ.

Переговоры между русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ С. Д. Сазоновымъ и финляндскимъ правительствомъ и генераломъ Маннергеймомъ затянулись и не достигли своей цѣли. Въ іюнѣ ген. Маннергеймъ подалъ въ отставку и надежда на выступленіе Финляндіи исчезла. Генералъ Юденичъ со штабомъ въ іюлѣ переѣхалъ въ Нарву.

Но уже до его прибытія армія Родзянко въ концѣ мая и началѣ іюня предприняла наступленіе на Ямбургъ и восточнѣе его. Псковъ тоже былъ очищенъ отъ большевиковъ. Одновременно произошло на Красной Горкѣ 12 іюня возстаніе, ингерманландцы подъ руководствомъ финскихъ офицеровъ присоединились къ движенію, но благодаря обстоятельствамъ, судить о которыхъ еще рано за неимѣніемъ всего матеріала, это выступленіе кончилось ничѣмъ. Единственнымъ плюсомъ для сѣверо-западной арміи надо отмѣтить присоединеніе къ ней всего гарнизона Красной Горки, силою въ 6500 человѣкъ, который послѣ 52 часоваго обстрѣла большевистскимъ флотомъ, не получивъ во-время ожидаемой помощи извнѣ отъ англійскаго флота съ моря и отъ арміи Родзянко съ суши, отошелъ отъ приведеннаго въ негодность форта къ сѣверо-западной арміи.

Генералъ Юденичъ, по прибытіи въ Нарву, нашелъ положеніе чрезвычайно запутаннымъ. Съ одной стороны, онъ находился въ полной зависимости отъ союзниковъ, которые при малѣйшемъ расхожденіи съ ними во взглядѣ, грозили прекратить снабженіе, съ другой стороны, онъ, какъ и армія, всецѣло зависѣлъ отъ эстонцевъ, обозленныхъ тѣмъ, что русское правительство имени Колчака не желало признать ихъ независимости. Наконецъ, въ самой арміи Юденичъ, какъ совсѣмъ ей чужой, не пользовался ни довѣріемъ, ни авторитетомъ, психологическій же моментъ играетъ въ добровольческой арміи гораздо болѣе рѣшающую роль, чѣмъ въ войскахъ регулярной арміи. Къ этому надо прибавить еще массу интригъ, явныхъ и подпольныхъ, среди высшаго команднаго состава и ихъ многочисленныхъ штабовъ.

Снабженіе арміи было самое плачевное. О теплой пищѣ уже давно не было помина. Единственное, что выдавалось, это было 2 фунта американскаго бѣлаго хлѣба и полъ фунта американскаго же сала. Жалованіе не было выдано за два и за три мѣсяца. Можно ли удивляться тому, что при такихъ обстоятельствахъ армія, перешедшая къ позиціонной войнѣ, начала грабить на мѣстахъ, чѣмъ, конечно, возбуждала противъ себя непріязненныя чувства населенія, еще недавно встрѣчавшаго восторженно бѣлую армію, какъ освободительницу отъ ига большевиковъ.

Снабженіе, обѣщанное еще въ іюнѣ англичанами, все не прибывало и настроеніе, конечно, падало, въ особенности когда въ серединѣ іюля изъ Либавы прибылъ первый эшелонъ ливенцевъ, великолѣпно одѣтыхъ, обутыхъ и снаряженныхъ изъ германскихъ источниковъ и получавшихъ, какъ всѣмъ было извѣстно, свое жалованіе совершенно правильно 1-го, 11-го и 21-го числа каждаго мѣсяца. Контрастъ между ними и войсками, снабженными союзниками, говорилъ не въ пользу послѣднихъ; англичане поняли это и черезъ 10 дней послѣ прибытія ливенцевъ прибылъ 5 августа первый пароходъ съ оружіемъ и снаряженіемъ.

Во всѣхъ распоряженіяхъ англійскихъ представителей чувствовалась сильная нервность подъ вліяніемъ страха передъ усиленіемъ германскаго вліянія. Эта нервность особенно рельефно выразилась въ приказаніи генерала Марча, переданномъ ген. Юденичу въ ультимативной формѣ о сформированіи въ Ревелѣ сѣверо-западнаго русскаго правительства, причемъ данъ былъ списокъ лицъ, долженствовавшихъ войти въ составъ правительства съ угрозою, что если это правительство не будетъ сформировано въ теченіе 40 минутъ, то всякая поддержка русской арміи будетъ немедленно прекращена. Такъ создалось сѣверо-западное русское правительство Ліанозова.

Видя такое безвыходное положеніе Юденича, и эстонцы стали обращаться съ нимъ все съ большимъ нахальствомъ. Былъ даже такой случай, что вагонъ генерала Юденича, вызваннаго англичанами въ Ревель на совѣщаніе, распоряженіемъ мѣстнаго эстонскаго коменданта былъ отцѣпленъ отъ поѣзда на ст. Нарва. Эстонская армія, за исключеніемъ нѣсколькихъ хорошихъ полковъ на фронтѣ, недоброжелательно, даже враждебно смотрѣла на русскихъ и устраивала имъ, гдѣ могла, непріятности. Довѣрія не было никакого. Благодаря ненадежности эстонскихъ частей, въ концѣ августа нами былъ потерянъ Псковъ. За нѣсколько дней до того уже, Ямбургъ былъ занятъ большевиками.

Положеніе арміи было весьма стѣсненное на небольшой территоріи Гдовскаго и Ямбургскаго уѣздовъ съ угрозою справа отъ Пскова, съ Чудскимъ озеромъ въ тылу, съ моремъ на лѣвомъ флангѣ и съ эстонцами въ Нарвѣ и за рѣкой Наровою. Какъ штабъ главнокомандующаго въ Нарвѣ, такъ и правительство Ліанозова въ Ревелѣ находились на территоріи республики Эстоніи.

Настроеніе сразу поднялось, когда въ сентябрѣ стало обильно прибывать отъ англичанъ снабженіе и жалованіе было выдано въ денежныхъ знакахъ сѣверо-западнаго правительства. Армія обулась, одѣлась и вооружилась. Съ громаднымъ подъемомъ духа армія перешла 28 сент. въ частичное, а 10 октября въ общее наступленіе. Уже черезъ нѣсколько дней Луга, Гатчино, Красное Село, а затѣмъ и Царское Село были въ нашихъ рукахъ. Казалось, что взятіе Петрограда неминуемо съ часу на часъ. Вмѣсто того, армія принуждена была начать отступленіе. Ея лѣвый флангъ былъ обойденъ благодаря тому, что онъ не былъ должнымъ образомъ обезпеченъ эстонцами и англійскимъ флотомъ. Правый флангъ у Царскаго Села попалъ въ тяжелое положеніе благодаря тому, что вслѣдствіи недостиженія нашими частями ст. Тосно на Николаевской жел. дор. Троцкій со свойственной ему энергіей сумѣлъ подвезти наскоро громадные красные резервы. Взятіе Гдова большевиками явилось серьезной угрозой глубокому тылу. Неисправленіе моста чрезъ Лугу у Ямбурга, взорваннаго еще въ августѣ нами же, имѣло катастрофическое вліяніе на невозможность организовать подвозъ всего необходимаго для арміи.

Словомъ, все казалось сложилось такъ, что армія должна была погибнуть. Ей удалось еще вырваться изъ охвата большевиковъ, но дни ея были сочтены.

Въ январѣ 1920 года эстонцы начали мирные переговоры съ большевиками. Сѣверо-западная армія была оттѣснена въ Эстонію, гдѣ ее преслѣдовали, оскорбляли

и разоружали. Дошло до ареста самого Юденича, котораго только спасло энергичное вмѣшательство французскаго военнаго представителя.

Русскихъ начали убивать на улицѣ, запирать въ тюрьмы и концентраціонные лагеря, вообще притѣснять всякими способами. Съ бѣжэнцами изъ Петроградской губ., число коихъ было болѣе 10 000, обращались хуже, чѣмъ со скотомъ. Ихъ заставляли сутками лежать при трескучемъ морозѣ на шпалахъ желѣзной дороги. Масса дѣтей и женщинъ умерло. Всѣ переболѣли сыпнымъ тифомъ. Средствъ дезинфекціи не было. Врачи и сестры при такихъ условіяхъ также заражались и умирали. Вообще картина бѣдствія такова, что если бы это случилось съ арминами, а не съ русскими, то вся Европа содрогнулась бы отъ ужаса. Американскій и датскій Красные Кресты дѣлали, что могли, но помочь въ крупныхъ размѣрахъ никто не могъ. Кто былъ крѣпокъ — выдержалъ, остальные померли. Началась ликвидація. Начальство уѣхало. Ликвидаціонная Комиссія сдѣлала, что могла, но судьба героевъ бывшей сѣверо-западной арміи еще не опредѣлилась и они понемногу разсѣивались по всѣмъ странамъ свѣта. Значительная часть однако находится еще въ неимовѣрно тяжелыхъ условіяхъ въ Эстоніи и долгъ чести былъ бы для нашихъ союзниковъ совмѣстно съ бывшимъ русскимъ высшимъ командованіемъ обезпечить имъ эвакуацію въ какую нибудь страну, гдѣ герои неимовѣрно тяжелаго похода нашли бы возможность для дальнѣйшаго существованія для себя и своихъ семей.

Не мѣсто здѣсь разбираться въ причинахъ, приведшихъ къ этому печальному результату. Критика событій можетъ быть цѣнной только, если она безпристрастна, а для этого нужно имѣть въ рукахъ матеріалы, которые сейчасъ еще недоступны. Но, что уже теперь можно сказать, это, что вину нельзя сваливать на одного, а что мы должны принять во вниманіе стеченіе всѣхъ обстоятельствъ. Конечно, очень сомнительную роль при наступленіи на Петроградъ сыграли эстонцы, въ особенности, тѣмъ, что они не обезпечили лѣваго фланга и не сумѣли вести переговоровъ съ гарнизономъ Красной Горки. Только уже при отступленіи присутствіе ихъ на лѣвомъ флангѣ спасло армію отъ охвата съ этой стороны.

Отсутствіе англійскаго флота, задача коего былъ обстрѣлъ Кронштадта и Красной Горки и обезпеченіе лѣваго фланга арміи отъ дессантовъ съ моря, имѣло катастрофическія послѣдствія. Отсутствіе его объясняется тѣмъ, что онъ былъ отозванъ для участія въ оборонѣ Риги отъ наступленія Бермонда.

Почему Бермондъ рѣшился выступить, вообще, и въ данный моментъ въ особенности, конечно, всегда останется загадочнымъ. Еще за мѣсяцъ до наступленія на Петроградъ ген. Юденичъ былъ лично въ Ригѣ и вызывалъ къ себѣ Бермонда, но Бермондъ къ нему не явился, послѣ чего Юденичъ его объявилъ измѣнникомъ русскаго дѣла.

Полковникъ Бермондъ, называвшій самъ себя также княземъ Аваловымъ, былъ человѣкомъ весьма тщеславнымъ и воображалъ, что можетъ идти противъ большевиковъ только во главѣ собственной арміи, которой онъ далъ наименованіе западной добровольческой. Германцы и, въ особенности, ген. графъ ф. д. Гольцъ, великолѣпно учитывая эту черту его характера, сумѣли воспользоваться ею, чтобы уговорить его предпринять наступленіе на Ригу съ русскими его войсками именно въ то время, когда Юденичъ началъ свое наступленіе на Петроградъ. Въ германскихъ интересахъ, какъ ихъ понимали германскіе военные, лежало, чтобы наступленіе Юденича не удалось, т. к. освобожденіе Петрограда съ помощью союзниковъ означало бы укрѣпленіе ихъ вліянія въ столицѣ, а слѣдовательно и въ организаціи будущаго русскаго правительства. Можно поэтому предполагать, даже если этого нельзя доказать документально, что Бермондъ сознательно или безсознательно (это безразлично) дѣйствовалъ въ интересахъ германской политики во вредъ интересамъ Россіи. Почему его правительство, во главѣ

котораго стоялъ человѣкъ безупречной честности, несомнѣнно преданный Россіи, сенаторъ графъ К. К. Паленъ, тоже пошло по тому же пути, можно объяснить лишь непониманіемъ общаго положенія, политической близорукостью и слишкомъ большимъ довѣріемъ къ полководческимъ талантамъ Бермонда.

Но вина лежитъ также и въ общемъ руководствѣ, гдѣ чувствовался недостатокъ сильной воли. Нельзя не упомянуть о неладахъ и интригахъ среди высшаго командного состава и ихъ штабовъ. Снабженіе арміи, когда она быстро продвигалась, технически было плохо налажено въ особенности благодаря отсутствію желѣзнодорожнаго моста у Ямбурга. Конечно, и дисциплина въ нѣкоторыхъ частяхъ арміи была не на должной высотѣ и вообще къ арміи примкнуло масса элементовъ нравственно нечистыхъ, запачкавшихъ своими дѣйствіями доброе имя арміи. Но честь героямъ, положившимъ за высокую идею возсозданія Россіи свою жизнь. Могилы ихъ въ Красномъ Селѣ и Гатчинѣ громко говорятъ объ этихъ богатыряхъ, которые носили съ честью бѣлый крестъ на рукавѣ, являясь истинными идейными крестоносцами, положившими жизнь свою, чтобы освободить родную землю отъ господства преступныхъ изверговъ человѣчества — коммунистовъ и ихъ споспѣшниковъ и наймитовъ. Честь всѣмъ героямъ этого похода, которые вновь доказали, къ чему способенъ русскій солдатъ при самыхъ ужасныхъ условіяхъ, его окружающихъ. Но стыдъ и срамъ тѣмъ, которые въ минуты общаго подъема опозорили имя добровольческой сѣверо-западной арміи и осквернили тотъ крестъ, которымъ армія гордится. Да пойметъ, наконецъ, будущая Русь, что противъ изверговъ и преступниковъ, какими являются вожаки коммунистовъ, можно бороться лишь съ чистыми руками, доказывая не словами, а дѣломъ, что идейные крестоносцы приходятъ единственно для того, чтобы сломить ту нечистую антихристіанскую силу, которая временно восторжествовала на Руси. Побѣда надъ большевиками изъ побѣды военной должна обратиться въ побѣду нравственную; пока этого не будетъ, никакія военныя побѣды, какъ бы блестящи онѣ ни были, не дадутъ Россіи того возрожденія, ради котораго ведется братоубійственная война.

Результатъ неудачной борьбы съ большевиками въ 1919 году означаетъ для Россіи дальнѣйшее расчлененіе ея, усиленіе новыхъ окраинныхъ государствъ, распространеніе власти совѣтовъ на всю русскую территорію отъ Бѣлаго и Балтійскаго морей до Чернаго и Каспійскаго и укрѣпленіе въ Россіи системы, приводящей страну къ полному истощенію ея благосостоянія.

Для Западной Европы успѣхъ большевиковъ означаетъ усиленіе крайне-лѣвыхъ революціонно настроенныхъ партій, тормозящихъ постоянными забастовками возвращеніе народовъ послѣ войны къ нормальной жизни. Если оцѣнить убытки уже понесенные Западной Европой и еще предстоящія ей, то ясно будетъ, что даже съ дѣловой точки зрѣнія выгодно было бы истратить своевременно хотя бы и крупныя суммы на побѣдную борьбу съ большевизмомъ въ Россіи, чѣмъ дать большевической заразѣ въ Европѣ принять затяжной характеръ.

Для Россіи, быть можетъ, этотъ печальный исходъ окажется цѣлебнымъ. Русскіе патріоты поймутъ, наконецъ, что противъ крайнихъ элементовъ коммунизма нельзя бороться во имя какихъ нибудь расплывчатыхъ неопредѣленныхъ либеральныхъ лозунговъ. Необходимо выдвинуть противъ анархіи лозунгъ сильной власти, а противъ антихристіанскаго соціализма — лозунгъ христіанства. Послѣдній лозунгъ предполагаетъ высокій нравственный уровень русскихъ патріотовъ, и если послѣдняя година испытанія приведетъ Россію къ нравственному возрожденію на христіанскихъ началахъ, то можно будетъ сказать, что и это время не прошло безъ пользы для человѣчества и для Россіи.

„Изъ моей тетради"

С. В. Милицынъ

(Послѣдніе дни Преображенскаго полка)

Іюнь 1917 года

Я все еще не могу осмыслить революціи. Въ головѣ засѣли слова: «одни поторопились придти, другіе ужъ очень поспѣшили уйти». Я ждалъ перемѣнъ. Старый строй становился невыносимымъ. Ну, а теперь? Развѣ каждый толковый русскій человѣкъ не вправѣ задать вопросъ: Куда мы идемъ? А другіе вопросы . . . Напримѣръ: зачѣмъ нашъ министръ Керенскій все время топчетъ въ грязь престижъ Временнаго Правительства? Зачѣмъ онъ такъ часто твердитъ толпѣ, что онъ одинъ только соціалистъ въ кабинетѣ, что онъ тамъ находится, какъ заложникъ и какъ контролеръ. Вѣдь отсюда такъ легко сдѣлать выводъ, что остальные члены кабинета неблагонадежны, настроены противъ народа, что имъ вѣрить нельзя.

Наша юрисконсультская часть ворчитъ. Такъ всѣ хотѣли работать надъ укрѣпленіемъ новаго строя. Но какой же это строй, когда Министръ Юстиціи и Генералъ-Прокуроръ Республики всѣмъ истерично выкрикиваетъ, что Временное Правительство должно быть взято подъ надзоръ черни. Мнѣ кажется, что Керенскій сказался весь при первомъ посѣщеніи министерства. Онъ, говорятъ, вбѣжалъ, пожалъ руку швейцару и нашему Сигизмунду и пренебрежительно бросилъ: «Ну что, чинушки еще не пришли?» Наши сторожа сразу перемѣнили свой тонъ, тоже онъ продѣлываетъ и по отношенію своихъ коллегъ по кабинету. Что это? Планъ или недомысліе?

Да. Нужно что то дѣлать, иначе крахъ. А что? Вотъ который уже разъ задаю этотъ вопросъ и все же продолжаю тянуть министерскую лямку, участвуя въ этой неразберихѣ.

Нѣтъ, сегодня нужно рѣшить.

Оглянулся. Кажется, я только одинъ остался на Елагиномъ. Всѣ уже разбрелись, ночь проходила. Прощальная бѣлая ночь. Взморье вѣяло влагой и чуть-чуть лизало берегъ, кругомъ было пустынно и тихо.

Пошелъ и я.

Городъ еще не спалъ. На Каменностровскомъ и у Троицкаго моста стояли еще группы углубляющихъ революцію. И когда они спятъ? Я уже не спрашиваю: Когда работаютъ? Нѣтъ, спятъ то когда? И все одни и тѣ же вопросы: воевать или не воевать, и требуется ли эту самую революцію углублять?

«Углубляй, углубляй ее, пока не зароешь, что ей и не вылѣзть будетъ» — вспомнилъ я слова какого-то гражданина Республики, оброненныя на летучемъ митингѣ около Екатерининскаго сада.

Ну, а всетаки, что же дѣлать? Брошу все и пойду въ армію.

Я давно объ этомъ думалъ, но какъ-то не додумывалъ. Рѣшилъ и стало легче, даже радостно. И планы начали рождаться въ утомленной головѣ.

Подойти къ солдатской средѣ, слиться съ ней и попробовать на нее воздѣйствовать. У насъ у всѣхъ въ крови болѣзненная тяга къ народу.

Итакъ рѣшено. Первый день новой жизни. А онъ нарождался такой яркій и красивый. Тамъ далеко, у грани домовъ небо уже пылало, зажженое близкимъ, но еще невидимымъ солнцемъ. Горящее золото поднималось все выше и выше. Вотъ оно сейчасъ захватитъ и расплавитъ неподвижно застывшіе клочки лиловатыхъ облачковъ. Небо быстро свѣтло зеленѣло. Только Нева еще темная, но и она мѣстами уже отливала синевой рѣдкихъ сапфировъ. Какъ красива эта рѣка въ раннее утро!

Любуюсь. Смотрю на стройный рядъ дворцовъ, оживающій Лѣтній садъ и на далекія деревья заброшеннаго сада Михайловскаго дворца. Какое это мрачное мѣсто! Проклятье времени повисло надъ нимъ.

Удивительно много было совпаденій въ этотъ день.

Въ министерствѣ я рѣшительно заявилъ, что ухожу въ полкъ. Начальство не возражало, только поставило условіемъ, чтобы я не прерывалъ работъ въ совѣщаніяхъ, куда я былъ командированъ представителемъ отъ министерства и чтобы я исполнялъ нѣкоторыя текущія дѣла. Завтра обо мнѣ будетъ сдѣланъ докладъ товарищу министра Зарудному. Сослуживцы къ моему шагу отнеслись снисходительно-насмѣшливо.

«Донъ-Кихотство, дорогой мой» сказалъ мнѣ Н. П. Р. «Сдѣлать тамъ ничего не сдѣлаете, только нервы себѣ испортите, да какой-нибудь мерзостью заразитесь. Солдаты распоясались, митингуютъ и сѣмечки жрутъ. Самое меньшее — они васъ вышибутъ, тутъ, батенька, нужна желѣзная дисциплина. Палка, и больше ничего.»

«А что здѣсь дѣлать? Мы вѣдь на сучкѣ сидимъ.»

«Ну, кто какъ», сострилъ Р.

Скоро я долженъ былъ идти на совѣщаніе, образованное подъ предсѣдательствомъ С. А. Котляревскаго для обсужденія общихъ вѣроисповѣдныхъ вопросовъ, поставленныхъ на очередь происшедшимъ измѣненіемъ государственнаго строя.

Я вышелъ изъ министерства и наткнулся на манифестацію офицерскихъ депутатовъ съ фронта. Шли къ Казанскому собору. Шли стройно. Какія лица! Загорѣлыя, исхудалыя, видно много видавшія. Какія-то особенныя морщины заботливости. Я смѣшался съ толпой и простоялъ весь чинъ панихиды по павшимъ воинамъ. Слышалъ оригинальное слово священника съ фронта. Видъ у него тоже особенный: коротко остриженъ, безъ бороды. Говорилъ онъ голосомъ обыкновеннаго оратора. Послѣ панихиды говорилъ мѣстный протоіерей Орнатскій, но уже съ интонаціями и выговоромъ, принятыми для церковныхъ проповѣдниковъ, и по-моему это портило проповѣдь.

Неужели и этотъ день есть шагъ къ гибели?

Совѣщаніе было назначено въ залѣ совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Проходя по Екатерининскому саду, я увидѣлъ Л. І. Петражицкаго. Онъ сидѣлъ противъ памятника. Я такъ и бросился къ нему.

«Помните, г. профессоръ, я писалъ . . .»

«Какже, какже. Я васъ сразу по голосу узналъ.»

Разговорились. Л. І. тоже шелъ на совѣщаніе, было еще рано и мы остались сидѣть въ саду. Говорили о состояніи Россіи. Онъ былъ полонъ мрачныхъ предчувствій. У меня особенно въ памяти его страдальческія слова: «ночей не сплю. Все мысль работаетъ. Вѣдь гибнетъ русское государство . . . И какъ это русскіе могутъ заниматься своими дѣлами! Я полякъ, мнѣ все равно . . . но не могу. Мучаюсь.»

Онъ сжималъ мучительныя складки, эти морщины думъ, словно хотѣлъ изъ головы, мозга изгнать эти думы.

Эти слова дорогого для меня человѣка еще болѣе укрѣпили мое намѣреніе идти въ полкъ.

Совѣщаніе оказалось очень интереснымъ. Участвовали такіе люди, какъ Петражицкій, Кони, Карташевъ, Кузьминъ-Караваевъ, Маціевичъ . . .

Вечеромъ видѣлся съ полковникомъ Ш., капитаномъ Н. Они поздравили меня съ поступленіемъ въ ихъ полкъ. Раздобыли вина и весело провели время на Караванной, и затѣмъ въ квартирѣ Б., бывшаго присяжнаго повѣреннаго, а теперь товарища прокурора Петербургскаго суда и приближеннаго Керенскаго. Возвращаясь домой, я на углу Невскаго и Михайловской оказался свидѣтелемъ забавной сценки.

Стояла кучка спорящихъ: нѣсколько солдатъ, бабы и какой-то интеллигентъ въ соломенной шляпѣ.

Онъ горячо и толково доказывалъ необходимость продолженія войны. Стоявшій противъ него высокій солдатъ все время ему поддакивалъ, и какъ только тотъ кончилъ, солдатъ быстрымъ движеніемъ руки сдвинулъ свою фуражку, скрестилъ руки и съежившись въ сторону оратора, озлобленно заговорилъ:

«Такъ, такъ, воевать говоришь надо. Такъ. Вотъ мы три года воевали, въ окопахъ мерзли и мокли. А почему ты, шляпа, не воевала? Ты здоровый и годы у тебя призывные, гдѣ же ты былъ? Не подарки ли на фронтъ возилъ, да у солдатъ георгіевскія медали отбивалъ. Много васъ такихъ видали. Почему не воевалъ?»

«Да я еще пойду» — смущенно оправдывалась шляпа.

«Врешь, не пойдешь. Языкомъ трепать будешь. Много васъ такихъ . . .»

Бабы смѣялись и поддакивали. Не знаю, какъ онъ отъ нихъ отдѣлался.

Эта стычка на меня произвела впечатлѣніе и многое сказала.

Іюль

Наконецъ, я оправился. Такъ и не знаю, что за болѣзнь была у меня. Генрихъ Ивановичъ назвалъ тифоидомъ. Пусть будетъ такъ.

А какой день! Тихій, жаркій. Первый день, когда тяготитъ платье. Песокъ нагрѣлся и жжетъ ноги. Море густо переливается, какъ расплавленный свинецъ.

Хорошо здѣсь у Финскаго залива, но неудержимо тянетъ въ Петербургъ. Вѣдь тамъ многое произошло. Ликвидировано вооруженное выступленіе большевиковъ. Власть такъ и лѣзла въ ротъ Керенскому. Только пользуйся и доканчивай начатое.

Нѣсколько дней живу въ Петербургѣ. Впечатлѣнія нерадостныя. Преображенцы бранятъ Керенскаго за то, что онъ не учелъ, какъ слѣдуетъ событій 3—5 іюля, не сумѣвъ воспользоваться свалившеюся на него властью. Ему въ вину ставятъ освобожденіе большевиковъ и увольненіе генерала Половцева. Думаютъ, что послѣдній уволенъ только потому, что Керенскій испугался начавшей расти его популярности.

«Ну, а смогъ бы Половцевъ ликвидировать Керенскаго и Керенщину?»

Т. улыбнулся и ничего не отвѣтилъ.

«Не преждевременно ли объ этомъ думать?»

«А когда же по вашему? Когда окончательно разложится армія и погибнетъ дисциплина?»

Августъ

Опять сталъ посѣщать совѣщанія. На одномъ изъ нихъ — по единовѣрческимъ дѣламъ — представитель Московскихъ поморцевъ, Онуфріевъ проектировалъ предоставить совѣту поморской церкви право издавать обязательныя постановленія для Христіанъ этой общины. Вотъ яркій примѣръ правоваго вырожденія, результатъ полицейскаго строя, гдѣ такъ охотно законъ аамѣняли обязательными постановленіями. Съ такимъ политически извращеннымъ населеніемъ далеко не ускачешь.

У Земеля столкнулся съ Б. В. С. Растались мы студентами, а встрѣтились — онъ управляющій военнымъ министерствомъ, а я вольноопредѣляющійся гв. преображенскаго полка. Онъ серьезенъ и почти важенъ. Разсказывалъ, какъ его одолѣваютъ разные просители. Въ комичныхъ тонахъ онъ передалъ свой разговоръ съ вдовой вице-адмирала Макарова.

«Она мнѣ нѣсколько разъ повторила: я вдова вице-адмирала Макарова, а я свое: сударыня не могу.»

По уходѣ его мнѣ С. С. шепнула: «Тутъ недоразумѣніе. Макарова, какъ я слышала, способствовала его освобожденію. Она видимо на это ему и намекала».

Полкъ выступаетъ на Корниловскій фронтъ. Будущее загадочно и тревожно. Весь день страшный вѣтеръ. По небу полаутъ зловѣщія тучи. Тамъ тоже полчища и наступленіе.

А вдругъ? Боюсь вѣрить.

О тяжелыхъ переживаніяхъ послѣднихъ дней мнѣ не хочется писать. Да и что писать? Я совершенно не знаю тайны происшедшаго. Что это? Игра въ провокацію, или преступная попытка Керенскаго на чужой крови обновить свою популярность? Ничего не понимаю.

Сентябрь

Постепенно втягиваюсь въ казарменную жизнь. Сначала я былъ зачисленъ въ пятый, затѣмъ третій и наконецъ въ четвертый взводъ 10-ой роты. Рота эта очередная на фронтъ. 9-ая только что ушла. Каждый день встаю въ 7 часовъ. Въ 9-мъ у насъ молитва и повѣрка, затѣмъ до 11 строевыя занятія. Обѣденный перерывъ до 2-хъ часовъ и опять занятія до 4—5 часовъ. Во всемъ Петербургѣ, кажется, только мы и занимаемся. Нѣсколько раъ были на Марсовомъ полѣ, производили аттаки и перебѣжки. Отношеніе солдатъ сносное и даже хорошее. Никакой грубости, никакого ввѣрства я не замѣчаю. Одно непріятно — это матершина. Ругаются при всякомъ поводѣ и беаъ повода. Это даже не брань, а манера выражаться. Къ политическимъ вопросамъ равнодушны. Мало ихъ трогаютъ и вопросы о судьбѣ родины. Можетъ быть они увѣрены въ ея безопасности. Сравнивая солдатъ съ чиновниками, я прихожу къ заключенію, что они въ своемъ равнодушіи къ судьбѣ Россіи, совершенно одинаковы. На первомъ планѣ свои интересы, свое корыто.

Рота наша состоитъ главнымъ образомъ изъ бѣлобилетчиковъ. Вольноопредѣляющихся только трое. Есть нѣсколько интеллигентовъ: присяжный повѣренный фонъ-Денъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго Муйжнекъ, младшій дѣлопроизводитель кредитной канцеляріи Кречинъ, банковскій служащій Минквицъ, студентъ Бушъ и Кашинъ. Нѣкоторые изъ нихъ мнѣ прямо заявляли, что имъ противно бывать въ казармѣ. По-моему солдаты это чувствуютъ и какъ-то особенно недоброжелательны именно къ этимъ изъ моихъ новыхъ знакомыхъ.

Вотъ уже нѣсколько дней въ ротѣ царитъ оживленіе. Наши интеллигенты сорганизовались и рѣшили добиться перевыборовъ ротнаго комитета. Главнымъ козыремъ въ ихъ борьбѣ является обвиненіе стараго комитета, что онъ до сихъ поръ не выхлопоталъ зимняго обмундированія, и ничего не сдѣлалъ въ культурно-просвѣтительномъ отношеніи для солдатъ. Ежедневно въ 3-мъ взводѣ устраиваются послѣ повѣрки ротныя собранія. Муйжнекъ уже нѣсколько разъ выступалъ. Изъ его рѣчей я узналъ, что онъ соціалистъ-революціонеръ и сидѣлъ при царскомъ режимѣ въ тюрьмѣ. Такимъ образомъ шансы на избраніе у него несомнѣнно есть. Денъ предсѣдательствуетъ на собраніяхъ и очень удачно. И голосъ, и фигура и спокойный тонъ какъ раъ ему даны для предсѣдательствованія. Онъ тоже, конечно, будетъ избранъ.

Изъ-за этихъ собраній совершенно забросили строевыя занятія, чѣмъ очень недоволенъ ротный командиръ Осадчій.

«Ну-съ вотъ и мы въ разговоры пустились. Такъ къ фронту не подготовимся» какъ-то онъ съ горечью замѣтилъ. Его успокаиваютъ, увѣряя, что новый комитетъ явится ярымъ для него помощникомъ для проведенія дисциплины и занятій.

Выборы состоялись. Муйжнекъ, Денъ, Минквицъ прошли первыми по числу голосовъ. Далѣе прошли солдаты. Въ результатѣ Муйжнекъ оказался предсѣдателемъ комитета, а Денъ членомъ и секретаремъ ротнаго суда.

«Образованные теперь устроились, ни въ наряды, ни на занятія ходить не надо» — острили у насъ въ взводѣ солдаты.

«Удивительно, какъ они не любятъ нарядовъ.»

«А видѣли когда-нибудь, чтобы они казармы убирали?»

«За бѣлымъ хлѣбомъ такъ первые, а какъ взводъ мести, такъ утекаютъ.»

«Ничего, еще заставимъ.»

Все это я слушалъ и принималъ къ свѣдѣнію. Въ первую же субботу (у насъ взводъ убирался по субботамъ) я уговорилъ Буша заняться уборкой, но какъ только мы взялись за метла, подошелъ солдатъ Виноградовъ и вырвавъ у меня метлу, сказалъ: «не ваше это дѣло. Ужъ дайте намъ, мы уберемъ». Мы охотно уступили. А въ слѣдующую субботу тотъ же Виноградовъ заставилъ Кречина убирать взводъ. Вотъ тутъ и разбирайся.

Второй день обсуждаемъ на общемъ собраніи роты сочиненную Деномъ инструкцію для ротнаго суда. Солдаты стараются понять написанное, но видимо плохо. Говорятъ только интеллигенты.

Открыли клубъ. Значитъ, танцовать будемъ, а строевыя занятія все еще не возобновились. Осадчій ходитъ хмурымъ и видимо что-то замышляетъ.

Какъ то подошелъ ко мнѣ и спросилъ: «Ну что скучно?»

«Да. Хорошо бы на Марсово поле сходить.»

«Скоро я опять возьмусь.»

Наконецъ намъ новичкамъ дали винтовки. Мнѣ попала съ №. 17 000. Стало веселѣе, цѣлые дни возимся съ ними, разбираемъ, чистимъ и изучаемъ отдѣльныя части.

Осадчій снова за насъ взялся. На дняхъ неожиданно послѣ повѣрки онъ выкликнулъ по особому списку человѣкъ сто изъ роты и сказалъ, чтобы изъ названныхъ никто не отлучался. Я тоже значился въ этомъ спискѣ. Начали гадать. Одни увѣряли, что мы войдемъ въ маршевую роту, другіе, что насъ пошлютъ на охрану финляндскаго побережья. Въ дѣйствительности же оказалось совсѣмъ иное. Часть зачислили въ команду пѣшихъ развѣдчиковъ и отправили въ Красное Село. Другихъ откомандировали на телефонные курсы, а насъ остальныхъ повели на учебную стрѣльбу. Я выпустилъ три пули. Одна попала въ мишень, другая въ щитъ и только третья «поѣхала за молокомъ», какъ говорятъ солдаты. Мое попаданье — простая случайность. Я почти не цѣлясь, выпустилъ всѣ три пули. А Бушъ, хорошій охотникъ, и долго бралъ на прицѣлъ и ни одной не попалъ.

На обратномъ пути въ казармы произошелъ неожиданный обмѣнъ мнѣній. На углу Спасской и Надеждинской мы остановились отдохнуть и покурить. Улицы были грязны и вотъ, когда мы кучкой стояли, мимо насъ пролетѣлъ автомобиль и окатилъ грязью — въ особенности отдѣленнаго Соловьева.

«Фу ты чортъ! И когда же мы избавимся отъ буржуевъ. И свободу мы завоевали и революцію устроили, а все въ рожу грязью плюютъ.»

«А ты что отъ свободы то получилъ? Солдатъ былъ, имъ и остался. Только что товарищемъ стали называть. На фронтъ — ты иди. Внутри что спасать — ты же. Вотъ хоть взять въ нашей образованныхъ, изъ господъ то, они все наверху. Какъ поплавки, сколь не топи, все наверхъ выскочатъ.»

«А забылъ, что намъ жалованье увеличили. Теперь пять цѣлкашей въ мѣсяцъ заколачиваемъ.»

«Чего смѣешься! А тебѣ на даровыхъ то хлѣбахъ сколько еще надо? Сразу, братъ, ничего не дается, нонѣ ужъ тѣмъ хорошо, что при умѣ ты можешь всего достичь. Пути тебѣ не заказаны. Раньше тебя забивали. Того не смѣй, этого не смѣй, туда не суйся. А нонѣ ты воленъ свою линію вести.»

«Ну ка поведи.»
«И поведу, и никто мѣшать не смѣетъ.»
«А слышалъ ты, что большевики говорятъ?»
«Ну?»
«Мы должны все въ свои руки взять. И землю, значитъ, и фабрики и капиталы.»
«А какъ на счетъ автомобилей?»
«Чего ты зубоскалишь?»
«Я тебя въ серьезъ спрашиваю. И чего обижаешься.»
«И автомобили конечно. Что-жъ ѣздить развѣ не сумѣемъ. Еще какъ развалимся.»
«И другихъ грязью забрасывать будемъ?»
«Коли кто подвернется.»

Октябрь

Я окаался оторваннымъ отъ роты. Меня и другихъ юристовъ откомандировали въ военно-окружной судъ для защиты подсудимыхъ. Я впервые столкнулся съ институтомъ присяжныхъ засѣдателей при военныхъ судахъ. Вотъ крайне жалкая и неудачная реформа, а главное ненужная. Ея, кажется, никто не просилъ и не требовалъ. Почему она проведена? Не по соображеніямъ ли чисто програмнаго характера и либеральной моды? Я всегда былъ сторонникомъ суда присяжныхъ, но не могъ не соглашаться съ нѣкоторыми доводами противъ этого института нѣмецкаго ученаго Іеринга. Какими бы онъ сверкнулъ сарказмами, еслибы при его жизни въ какой-нибудь странѣ додумались до учрежденія присяжныхъ засѣдателей при военныхъ судахъ. Въ самомъ дѣлѣ! Давать перевѣсъ бытовымъ и инымъ соображеніямъ надъ требованіями закона тамъ, гдѣ все держится строгой, неумолимой дисциплиной — развѣ это не недоразумѣніе? Да еще давать это во время начавшагося разложенія арміи!

Дни, проведенные въ судѣ, были для меня самыми тягостными за это время. Я слабѣлъ физически и морально. Меня тянуло въ роту, и я буквально отдыхалъ только тамъ. Вечерами въ казармѣ бывало тихо и уютно. Солдаты сидѣли кучками, обыкновенно около печекъ. Нѣкоторые читали, или учили уроки. Въ нашемъ взводѣ трое посѣщали гимназическіе курсы на Кирочной. Карты не были въ модѣ; боялись Осадчаго. Иногда впрочемъ картежники рисковали собираться въ уборной. Но и туда налеталъ ротный и «урезонивалъ».

Въ послѣдніе дни все чаще и чаще стали поговаривать о готовящемся выступленіи большевиковъ. Нѣкоторые изъ нашего взвода были на собраніяхъ и вынесли впечатлѣніе, что выступленіе неизбѣжно. Я вслушиваюсь въ разговоры, разспрашиваю и прихожу къ убѣжденію, что среди нашихъ солдатъ почти нѣтъ сторонниковъ большевизма. Но и за Временное Правительство они не пойдутъ. Имя Керенскаго слишкомъ ненавистно. Странно, ему въ особенности ставятъ въ вину, что онъ спитъ на царской кровати. Объ этомъ кто то пустилъ сплетню, и она попала въ цѣль. Если авторъ этой сплетни учитывалъ психику солдата, то онъ несомнѣнно тонкій психологъ. Хотя русскій солдатъ и сталъ товарищемъ и гражданиномъ республики, но въ тайникахъ души у него еще сохранилось испуганное обаяніе нѣкоторыхъ предметовъ и символовъ. Конечно, я говорю не о всѣхъ. Есть и много отъявленныхъ мерзавцевъ среди солдатъ, для которыхъ ничего святого и запретнаго нѣтъ. Я имѣю въ виду преображенцевъ, которыхъ знаю. И я увѣренъ, что ни одинъ изъ нихъ не рѣшился бы осквернить кровать Александра III. «А Керенскій, говорятъ, на ней валяется.» И солдаты негодуютъ. «А можетъ самъ въ цари мѣтитъ». Сплетни своего достигла.

«Юнкерами, бабами себя окружилъ. Намъ видно не довѣряетъ» — эти фразы я уже нѣсколько разъ слышалъ. Я пробовалъ говорить съ нѣкоторыми изъ болѣе вдумчивыхъ солдатъ. И что же? Они также не склонны защищать Временное Правительство. «Но вѣдь тогда у власти Ленинъ и компанія?»

«А развѣ хуже будетъ?» спрашивали они меня. Я имъ объяснялъ, но они мало, повидимому, мнѣ вѣрили и часто отдѣлывались фразой: «Не посмѣютъ они этого сдѣлать.»

Таковъ былъ отвѣтъ на всѣ мои указанія на послѣдствія торжества большевиковъ. Я подѣлился своими впечатлѣніями съ нѣкоторыми изъ кадровыхъ офицеровъ. У нихъ только одно желаніе — удержать полкъ отъ выступленія. А тамъ будущее покажетъ какъ дѣйствовать.

Зашелъ какъ-то въ Министерство. Тамъ большое оживленіе. Оказывается поднятъ вопросъ объ эвакуаціи министерства въ Москву. Работаетъ особая комиссія для выясненія и опредѣленія нормъ пособій. У насъ уже составленъ списокъ лицъ, которыя должны получить пособія.

Сегодня съ трудомъ пробрался въ казармы. Всѣ подступы на Дворцовую площадь заняты Павловцами. Въ казармахъ оживленіе. Скоро Павловцы пойдутъ въ аттаку на Дворецъ. Осадчій и комитетъ противъ выступленія. Меня скоро послали на Кирочную. Когда я подходилъ къ Литейному, услышалъ винтовочные залпы и таканье пулеметовъ. Значитъ началось.

Переворотъ совершился. Преображенцы всетаки выбѣжали, но участія не принимали. Такъ увѣряли очевидцы. Пострадалъ изъ Преображенцевъ одинъ только Ивановъ, членъ нашего комитета, и то не отъ пуль, а отъ матросскаго приклада. Оказывается, юнкера были отведены въ залъ нашей учебной команды, и вотъ, когда завоеваніе дворца свершилось и побѣда была вполнѣ одержана, Ивановъ сталъ юнкеровъ группами выпускать на свободу. Объ этомъ какъ-то узнали матросы, явились въ казармы и побили Иванова. Преображенцы къ стыду своему его не отстояли.

Жуткіе дни. Городъ полонъ слуховъ о кровавыхъ расправахъ большевиковъ съ юнкерами и женщинами изъ батальона смерти. Неистствуютъ матросы и красногвардейцы. Первые и съ виду-то звѣри. Особенно противное впечатлѣніе у меня осталось отъ трехъ матросовъ, которыхъ я встрѣтилъ на углу Невскаго и Садовой. Они конвоировали юнаго, черненькаго, небольшого артиллериста-офицера. Онъ шелъ гордо, руки за спиной, съ презрѣніемъ къ своей стражѣ. Я не вытерпѣлъ, сошелъ съ панели и откозырялъ ему. Одинъ изъ матросовъ посмотрѣлъ на меня пьяными, заплывшими глазами и что-то грубое пробормоталъ, похожее на «брысь».

Грязные звѣрскіе люди, а вѣдь и они когда то были чистыми дѣтьми, вѣрующими и любящими. Что и кто ихъ сдѣлалъ звѣрьми, жадными къ чужой собственности и жизни? Кто-то соблазнилъ, но кто-то не замѣтилъ этого и не помѣшалъ. Кто же въ этомъ болѣе виноватъ?

Ноябрь и Декабрь

Былъ цѣлые сутки въ караулѣ въ б. Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Всего насъ было 12 человѣкъ. Изъ нашего взвода я и Лукьяновъ. Разговоръ сразу завязался на политическую тему. Началъ Аршанскій.

«Слышали новость? Крыленко издалъ приказъ о правѣ представителей полковъ заключать перемиріе и представлять договоры на утвержденіе совѣтской власти?»

«Что же! Значитъ сколько полковъ, столько и мирныхъ договоровъ? Украинскій полкъ заключитъ одинъ миръ, Великорусскій другой и такъ далѣе. Да и дѣйствителенъ ли приказъ Крыленко для украинскихъ частей?»

«Ему это наплевать. Ему одного нужно — заключайте миръ и расправляйтесь со своими начальниками. Вотъ прапорщику, что нужно.»

«Ерунды еще много будетъ», мрачно замѣтилъ Мироненко.

«Наобѣщали то они много. Ну дураки и повѣрили. Все горе наше въ томъ, что въ Россіи дураковъ много, довѣрчивыхъ, темныхъ много», не унимался Аршанскій.

«Вотъ они тутъ крутятъ, а отвѣчать народу придется», тихо съ ноткой грусти вставилъ Лукьяновъ.

«А ну ихъ къ чорту. Давайте лучше чай пить. Чья очередь за кипяткомъ?»

Пошелъ Аршанскій и я. Мнѣ можно было и не идти, но захотѣлось поближе познакомиться съ Аршанскимъ. Я не раскаялся. Онъ ярый противникъ большевиковъ, по убѣжденіямъ соціалъ-демократъ. Аршанскій — Витебскій еврей, много въ жизни скитался и терпѣлъ. Въ ротѣ у него есть сторонники и такимъ образомъ одна противобольшевистская группа готова. Онъ тоже того мнѣнія, что у насъ въ ротѣ большевиковъ нѣтъ.

Караулъ нести было легко. Съ вечера мы долго не спали и все разговаривали. Много я наслушался интереснаго въ эту ночь. Еще разъ я увидѣлъ, что мы чиновники и интеллигенція просмотрѣли народъ. Отъ насъ многое ускользнуло, а главнымъ образомъ, тотъ душевный надломъ, который съ одной стороны далъ людей, сознательно желающихъ новыхъ формъ жизни, а съ другой — хулигановъ, бороться съ которыми мы пробовали одними обязательными постановленіями.

Съ двухъ часовъ ночи до четырехъ мнѣ пришлось нести караулъ на главномъ подъѣздѣ. Со мной милостиво поговорилъ старый швейцаръ. Очевидно ему не спалось, онъ и рѣшилъ отвести душу съ солдатомъ. Конечно бесѣда началась съ вопроса: какой губерніи, давно ли служитъ и т. п. Затѣмъ оханье надъ порядками. Его ужасало, главнымъ образомъ, то, что въ Министерствѣ никого изъ порядочныхъ не осталось. Всѣ лучшіе ушли, а вотъ самая дрянь «шантрапа» осталась и дѣлами хочетъ вертѣть.

«Толку мало будетъ», убѣжденно заключилъ старикъ.

Невольно пришло на мысль, что я еще ни одного защитника большевизма не встрѣтилъ. Вотъ развѣ только моя знакомая, Ольга Павловна, съ которой я на-дняхъ видѣлся. Она ихъ не ругаетъ, и беззаботно увѣряетъ, что ихъ кафе послѣ переворота стало лучше торговать, и что матросы совсѣмъ не звѣри. Напротивъ такіе забавные. Что то хотятъ разыграть, какихъ то новыхъ джентльменовъ, но ничего у нихъ не выходитъ. «Неуклюжіе, смѣшные такіе. И знаете! Они насъ стѣснюются. Да, да! Чувствуютъ наше превосходство! Подождите, мы ихъ еще образуемъ. Вѣдь есть такое русское слово? Нѣтъ, большевики вовсе не страшны. Жить съ ними можно. Николай Владимировичъ тоже говоритъ» . . .

Николай Владиміровичъ — конный гренадеръ. Въ кафе Ольги Павловны сотрудничаютъ нѣсколько офицеровъ. Посмотримъ, что дальше будетъ . . .

Конецъ ночи я прекрасно проспалъ на деревянномъ диванѣ для курьеровъ, положивъ подъ голову всѣ попавшіеся портфели.

Утромъ явились власти. Тутъ былъ и Обнорскій, съ которымъ я сталкивался въ совѣщаніяхъ. Онъ меня не узналъ. Ждали пріѣзда Троцкаго. Бывшіе служащіе министерства явились, кажется, только для сдачи дѣлъ. Большевикамъ служить пока согласился одинъ Чельцовъ, зять министра Протопопова.

Изъ роты бѣгутъ. Кто въ отпускъ, кто на комиссію. Но это отчасти хорошо: уходитъ элементъ ненадежный и трусливый, на смѣну же имъ вливаются кадровые преображенцы съ фронта. Комитетъ почти весь исчезъ. Мнѣ пришлось выставить свою кандидатуру и я прошелъ въ члены и предсѣдатели комитета. Кречинъ и Бушъ перекочевали въ полковую канцелярію на должности писарей. Другіе тоже полѣзли. Солдаты обратили на это бѣгство вниманіе и хотятъ постановить на ротномъ собраніи потребовать ихъ въ строй. Интеллигенты опять провалились въ глазахъ солдатъ. Мнѣ откровенно тоже не нравится это отлынваніе отъ строя. Какой даютъ примѣръ и вправѣ ли послѣ этого обвинять солдатъ, что они ничего не дѣлаютъ, распустились и жрутъ сѣмечки? А потомъ, неужели пріятнѣе сидѣть въ полковой канцеляріи, чѣмъ въ казармѣ?

Аршанскій, Шутровичъ, Борисовъ и др. усиленно агитируютъ за то, чтобы солдаты подождали Учредительнаго Собранія и не уходили домой. Ихъ увѣщанія

какъ будто имѣютъ успѣхъ. Во всякомъ случаѣ все больше и больше выясняется группа, которая не уйдетъ.

Начались пьяные погромы. Наши уже разъ напились въ Зимнемъ дворцѣ. Ахъ, эта глупая, фальшивая, полицейская трезвость. Она имѣла только одно послѣдствіе — непреодолимую жадность напиться.

«Во всю!» — какъ говорятъ солдаты, «все время сосало. Вотъ бывало на позиціи зимой, или въ мокроту, сырость, какъ хотѣлось выпить. Не напиться, пѣтъ, зачѣмъ, дай, какъ прежде, чарку, да я тебѣ пятнадцать окоповъ возьму. Эхъ и зачѣмъ эту глупую трезвость ввели. Русскому человѣку и не пить.»

«И придумалъ то — говорятъ — пьяница Распутинъ. Онъ царю шепнулъ, а тотъ и давай и дума тоже.»

«Вѣдь въ прежнія войны пили и побѣждали, а вотъ тебѣ и трезвая война, во какъ закончили. Отъ трезвости и революція пошла.»

«А сколько черти добра испортили. Бывало займемъ какое мѣстечко, али имѣніе, сейчасъ къ погребу караулъ, а потомъ давай выливать. Дорогія вина, медъ въ пруды спускали.»

«Да, напиться бы не мѣшало. Душу отвести.»

Я увѣренъ что солдаты проникнутъ во дворецъ. Ихъ не удержать. Стыдно, а долженъ сознаться — мнѣ и не хотѣлось удерживать. Вотъ грабить цѣнныя вещи во дворцѣ, осквернять его не пойдутъ, а за коньякомъ полѣзутъ.

Собираются кучками, перешептываются. «Говорятъ, винища то сколько» съ искорками въ глазахъ шепчетъ южанинъ, недавно прибывшій съ фронта, «что страсть. И всякаго. Керенскій каждый день по бутылкѣ мадеры высасывалъ» . . . Новая сплетня про Керенскаго. Не даетъ онъ покоя солдатамъ. Все къ нему сведутъ.

Повидимому сегодня сдѣлаютъ попытку проникнуть въ винные погреба. Приказано принять мѣры. Меня и еще двухъ солдатъ назначили ночными дневальными у воротъ. Роздали по пяти боевыхъ патроновъ.

Тихая, зимняя ночь. Вчера только выпалъ снѣгъ — такой онъ чистый и гладкій. Небо безъ облаковъ, чуть подернуто легкой бѣлесоватой дымкой. Чувствуется мечтательная ласка Петербургской зимы. Въ такія ночи въ былыя времена тройки позвякивали и петербуржцы первопутокъ справляли. И Милліонная не была такой пустыней, какъ сейчасъ, и такой темной. Свѣтъ только у канавки. Тамъ горитъ одинокій фонарь и костеръ, разведенный красногвардейцами. А дальше въ обѣ стороны темнѣющій рядъ домовъ и черная мгла. Дворецъ чуть замѣтенъ. Ни одного огня въ окнахъ. А внутри? Затоптанный паркетъ, изорванная штыками мебель, разбитые бутылки, расплесканное вино. Здѣсь пиръ былъ недавнихъ побѣдителей, разгулъ потерявшей узду черни. А вѣдь еще такъ недавно онъ былъ смущающей, пугающей тайной для вѣрноподданныхъ.

«Великій царь, твои чертоги
Смущаютъ бѣднаго раба» . . .

Въ пятомъ часу я опять у воротъ. Якунинъ, котораго я смѣнилъ, сказалъ мнѣ, что нѣсколько солдатъ вышло изъ казармъ, переговорили съ красногвардейцами и ушли по Зимней канавкѣ къ Невѣ. Казалось непонятнымъ, почему они пошли на Набережную. Въ погреба раньше проникали съ площади. Значитъ они пошли не туда. Въ мое дневальство еще нѣсколько нашихъ солдатъ прошло въ томъ же направленіи. Туда же убѣжали нѣкоторые изъ красногвардейцевъ.

Послѣ все разъяснилось. Они проломали окно и рѣшетки съ канавки и проникли въ погреба. Къ утру большинство было пьяно. У дворца гудѣли и шумѣли. Иногда слышались винтовочные выстрѣлы. Въ казармахъ и во дворѣ валялись пьяные. Орали пѣсни, кричали и бранились.

Трезвые старались навести порядокъ: вязали особенно буйныхъ, спьянѣвшихъ укладывали спать и отнимали вино.

Вечеромъ я былъ во Дворцѣ. Въ подвальныхъ корридорахъ валялись бутылки и всюду виднѣлись мокрые слѣды. Много народу видно тутъ перебывало. Но погреба! . . . вотъ сразу чувствовалось, что было дѣло. Полы были залиты виномъ — въ особенности въ первыхъ корридорахъ — съ краснымъ виномъ и мадерой выдержки 1913—1914гг. Мнѣ объяснили, что не разбираясь въ названіяхъ, грабители разбивали бутылки, чтобы узнать, какое это вино. Искали все водокъ и коньяку. Масса крѣпкихъ напитковъ была захвачена матросами, погружена и куда-то увезена.

Винные погромы разростаются. Въ пьяницъ стрѣляютъ, а они все таки лѣзутъ и грабятъ. Большевики видятъ въ этомъ козни контръ-революціонеровъ.

У насъ на винной почвѣ разыгралась цѣлая исторія. Нашъ каптенармусъ Бѣлянинъ, старый преображенецъ и Георгіевскій кавалеръ, возвращаясь на-веселѣ въ казармы, не могъ снести, что красногвардейскіе оборванцы (или, какъ у насъ говорятъ, краснооборванцы) стоятъ съ винтовками. Рѣшилъ ихъ обезоружить. Уже заканчивалъ свои операціи, но тутъ одинъ изъ красногвардейцевъ, воспользовавшись моментомъ неосторожности Бѣлянина, ударилъ его штыкомъ въ животъ и нанесъ тяжкое раненіе. На шумъ выбѣжали наши пулеметчики, захватили красногвардейцевъ, жестоко ихъ избили и арестовали. Въ особенности одного. Преображенцы, конечно, взволновались, устроили собраніе въ залѣ учебной команды, на которое прибыли власти и членъ исполнительнаго комитета совѣта солдатскихъ, крестьянскихъ и рабочихъ депутатовъ, Стецкій. Ласковымъ, вкрадчивымъ голосомъ онъ увѣрялъ, что преображенцы ссорами съ рабочими губятъ революцію, что играютъ въ руку контръ-революціи и становятся врагами народа. Затѣмъ избитый красногвардеецъ демонстрировалъ свои ушибы. Парень искренно плакалъ, разсказывая, какъ съ нимъ раздѣлались. Но все это не помогло. Солдаты стояли на своемъ и требовали снятія красногвардейскихъ карауловъ.

Видя такое настроеніе преображенцевъ, предсѣдатель полковаго комитета, Прилипинъ, пошептавшись со Стецкимъ, объявилъ, что вопросъ о столкновеніи передать лучше всего на обсужденіе полкового комитета при участіи представителей отъ красногвардейцевъ и отъ 10-ой роты.

Засѣданіе было назначено въ часъ дня. Отъ 10-й роты былъ командированъ я, причемъ рота уполномочила меня добиваться снятія караула и преданія суду красногвардейца, ранившаго нашего каптенармуса. Но я жестоко провалился. Не понявъ и не учтя, что переносъ дѣла въ комитетъ былъ сдѣланъ исключительно въ цѣляхъ его провалить, я, поощренный успѣхомъ на собраніи, взялъ сразу тотъ же обвинительный и рѣзкій тонъ. Ну мнѣ и попало. Прилипинъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ со Смольнымъ и имѣлъ въ комитетѣ много единомышленниковъ, получавшихъ оттуда субсидіи. Они теперь всѣ на меня и обрушились. Не только не прошли мои предложенія о преданіи суду красногвардейца и снятіи карауловъ, но былъ поднятъ вопросъ о принятіи мѣръ противъ «господъ», которые стараются сѣять рознь между солдатами и рабочими. Къ концу засѣданія пріѣхалъ Луначарскій и сообщилъ «товарищамъ преображенцамъ», что Австро-Венгрія приняла совѣтское предложеніе о заключеніи мира безъ аннексій и контрибуцій. Это была ложь, но комитетъ аплодировалъ и былъ очень доволенъ.

Наши остались недовольными исходомъ дѣла и ворчали. Это настроеніе не осталось секретомъ для верховъ и постепенно стало арѣть намѣреніе о смѣнѣ президіума полкового комитета. Поводы къ этому были еще и другіе: какія то подозрительныя комбинаціи съ полковыми свиньями и продуктами.

Ко мнѣ какъ-то подошли члены полкового комитета отъ пулеметной команды и сказали, что они будутъ проводить меня въ товарищи предсѣдателя, а въ предсѣдатели капитана Путилова. Скоро состоялись выборы и мы оба прошли, измѣнился и составъ

самаго комитета. Прошло нѣсколько прапорщиковъ — ярыхъ противниковъ большевизма. Мы скоро всѣ спѣлись.

Путиловъ мнѣ нѣсколько разъ уже намекаетъ, что есть группы, ставящія себѣ цѣлью свержепіе большевиковъ вооруженной силой. Очевидно, онъ хочетъ узнать мои намѣренія. Я откровенно высказалъ свои взгляды. Онъ увѣрилъ меня, что дѣло серьезное, и что онъ уже нѣсколько разъ имѣлъ свиданіе съ однимъ военнымъ атташе. Свиданія эти происходили въ ресторанѣ Дононъ, кабинетъ No. 17.

Послѣ одного изъ засѣданій полкового комитета, онъ просилъ меня зайти къ нему. Тамъ я засталъ трехъ семеповцевъ: Максимова, Корифельда (кажется, сотрудникъ «Сатирикона») и еще одного, фамилія котораго у меня не осталась въ памяти. Былъ еще одинъ человѣкъ. Онъ сидѣлъ отдѣльно на диванѣ, не снимая своей дорогой шубы. Я принялъ его за близкаго знакомаго Путилова. Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ Филоненко, бывшій главный комиссаръ фронта при Керенскомъ.

Вопросъ шелъ о готовности полковъ къ выступленію противъ большевиковъ. Я мало принималъ участія въ разговорѣ. Бесѣда продолжалась недолго. Скоро семеновцы и я ушли. Путиловъ съ Филоненко видимо собирались куда-то ѣхать, такъ какъ у воротъ стояла наша полковая выѣздная лошадь, которой пользовались командиръ полка и предсѣдатель комитета.

На дняхъ мнѣ Путиловъ сообщилъ, что повидимому въ распоряженіи соціалистовъ-революціонеровъ никакихъ организованныхъ силъ не имѣется. «Они предложили мнѣ, говорилъ онъ, встать во главѣ противобольшевистскихъ отрядовъ, увѣряя, что въ Петергофѣ есть готовыя части къ выступленію. Очередь за Преображенскимъ и Семеновскимъ полками. Когда же я пожелалъ сначала познакомиться съ этими частями и поѣхалъ въ Петергофъ, то тамъ никакихъ отрядовъ не нашелъ.»

Замѣчаю, что среди нашихъ соціалисты-революціонеры ведутъ агитацію, но пока успѣха не имѣютъ. Осторожны до трусливости, таинственны и очень туманны въ своихъ планахъ. Все хотятъ дать понять, что они знаютъ какой то секретъ народнаго счастья, котораго у большевиковъ нѣтъ. Все дѣло только въ томъ, что нужно всецѣло довѣриться имъ, соціалистамъ-революціонерамъ. А большевики плюютъ на всякіе секреты и таинственности и говорятъ солдату: бери все, что хочешь. И землю, и миръ, и хлѣбъ, а по пути и все, что понравится, по душѣ придется. Конечно, для заурядпаго солдата такая проповѣдь ближе и понятнѣе.

Пусть пока эти двѣ партіи борются. Наша задача объединить и организовать убѣжденныхъ противниковъ большевизма, такіе среди солдатъ есть и ихъ мы не должны уступать ни большевикамъ, ни соціалистамъ-революціонерамъ.

Въ послѣднее время произошелъ рядъ столкновеній и интересныхъ событій.

На собраніе полкового комитета явились представители крестьянскихъ депутатовъ и просили дать караулъ въ ихъ клубъ, которому большевики угрожаютъ разгромомъ. Рѣчь держалъ Овчинниковъ. Преображенцы недоумѣвали. Впервые предъ ними всталъ вопросъ: кого же защищать? Раньше было ясно: народъ и пролетаріатъ шли противъ буржуевъ. Ну а теперь? Значитъ братъ на брата? Долго волновались. Характерна была рѣчь солдата Маслягина. Онъ говорилъ о томъ, что каждая партія тянетъ къ себѣ солдатскую винтовку, что отъ рѣчей и убѣжденій затуманилась и безъ того темная наша солдатская голова, что Учредительное Собраніе можетъ превратиться въ говорильню, и что въ концѣ концовъ народъ, для котораго вся революція затѣвалась, ничего не получитъ и будетъ такимъ же подвластнымъ, какъ и раньше. Только имена и фамиліи владыкъ перемѣнятся.

Еще болѣе возбужденнымъ прошло собраніе по поводу попытокъ смѣнить нашъ и Семеновскій караулы въ Таврическомъ дворцѣ. Къ концу засѣданія, когда вырабатывалась резолюція о неправомѣрности этихъ попытокъ, прибѣжалъ изъ Таврическаго

дворца преображенецъ съ извѣстіемъ, что караульный начальникъ по распоряженію Подвойскаго арестованъ, и что для смѣны караула вызваны финляндцы. И дѣйствительно скоро мы увидѣли финляндцевъ съ оркестромъ, заворачивающихъ съ Кирочной къ дворцу. Спѣшно туда командировали Щетинина, Войцека, Иванова и меня. Мы пробрались съ преображенцемъ изъ караула ко дворцу съ Кирочной черезъ паркъ, смутили своимъ появленіемъ часового семеновца и до прихода финляндцевъ уже были въ кабинетѣ у Подвойскаго. Онъ началъ было съ приказанія, чтобы мы удалились, но мы твердо заявили, что не уйдемъ, пока не получимъ всѣхъ необходимыхъ данныхъ для доклада полковому комитету, сюда насъ пославшему. Комиссару по военнымъ дѣламъ пришлось уступить, и онъ, удаливъ всѣхъ постороннихъ изъ комнаты, повелъ съ нами «товарищескую» бесѣду. Много непріятныхъ словъ ему наговорилъ Войцекъ. Въ результатѣ финляндцы ушли домой, вопросъ же объ арестѣ караульнаго начальника былъ рѣшенъ отрицательно. Комитетъ послѣ нашего доклада вынесъ еще болѣе рѣзкую резолюцію, указывающую на незакономѣрность дѣйствій Подвойскаго.

Какъ-то надняхъ меня вызвала В. В. Ш. Ея братъ, бывшій преображенецъ сидѣлъ въ Кронштадской тюрьмѣ. Она принимала мѣры къ его освобожденію и теперь только нужно было, чтобы за него поручился полкъ, и тогда онъ на свободѣ. Мы это быстро устроили: наша рота и команда конныхъ развѣдчиковъ дала свои поручительныя грамоты, написали командировочный мандатъ Шутровичу и онъ въ дня дня добился освобожденія Б. В. Ш.

«Теперь мы начнемъ дѣйствовать», заявилъ мнѣ К. «Штабъ нашъ будетъ въ экономическомъ клубѣ. Первое — нужно удалить изъ комитета Путилова.»

«Почему?»

«Онъ держится оріентаціи на соціалистовъ-революціонеровъ. Б. В. достанетъ средства. Мы уже ведемъ переговоры съ центральнымъ комитетомъ партіи народной свободы и представителемъ Кривошеина И. И. Т. Приходите къ намъ сегодня на Таврическую. Тамъ вы увидите очень интересную личность. Присмотритесь внимательнѣй.»

Личностью этой оказался Филоненко.

Говорили о выступленіи. Б. В. предлагалъ рѣшительныя мѣры. Павловскій полкъ споитъ, въ Литовскій пустить проститутокъ, кого подкупить и т. д. Но на это на все нужны деньги. Слѣдовательно прежде всего и необходимо принять шаги въ этомъ направленіи. Нашъ полкъ трактовался, какъ несомнѣнный сторонникъ выступленія. Эта увѣренность меня нѣсколько смущала. Но я подумалъ, что К. и В. Б., можетъ быть, лучше менн знаютъ настроеніе перваго батальона. Нужно провѣрить.

Почти каждый день захожу въ клубъ. К. настроенъ очень оптимистически. Увѣряетъ, что управленіе почти сформировано: В. Б. что-то въ родѣ диктатора, К. при немъ адъютантомъ, далѣе еще рядъ назначеній . . .

Смотрю я на его исхудалое, блѣдное лицо, большіе черные воспаленные глаза, на эту постоянную нервную жестикуляцію и думаю: «Больной ты, нервный человѣкъ. И зачѣмъ такъ много и быстро говоришь. Передохни и одумайся.»

Да, несомнѣнно всѣмъ намъ нужно одуматься и передохнуть. Ужъ очень быстрый аллюръ сразу взяли.

Опять столкновеніе. Наши и семеновцы начали издавать газету «Сѣрая шинель». Она не понравилась Смольному и теперь большевики хотятъ захватить редакцію. Наша рота выставила караулъ. Послѣдовалъ запросъ: на какомъ основаніи онъ выставленъ. А одинъ солдатъ Смородиновъ даже увѣрилъ, что караулу платятъ и что деньги отъ буржуевъ. Смородинова заставили замолчать, а относительно караула рѣшили, что если находятся желающіе его нести, то это ихъ дѣло. На этомъ же засѣданіи вырабатывались и обсуждались лозунги, съ которыми долженъ выступить

полкъ предъ Учредительнымъ Собраніемъ. Говорили, конечно, о землѣ, волѣ, мірѣ, а Зюзя внесъ предложеніе о націонализаціи банковъ. Этотъ человѣкъ умѣлъ убѣждать. Всегда говорилъ улыбаясь и съ шуточками. Такъ и теперь, онъ многихъ сбилъ съ толку, и назрѣвало опасеніе, что предложеніе будетъ принято. Я это замѣтилъ по выкрикамъ и выраженіямъ лицъ. Тогда я пустился на хитрость. Попросилъ слова и заявилъ, что я присоединяюсь къ заявленію товарища Зюзи, только для меня неясно: Какихъ банковъ? Русскихъ только или и иностранныхъ, дѣйствующихъ въ Россіи?

Начались безтолковыя прешя. Въ концѣ рѣшили націонализировать всѣ банки.

Тогда я опять поставилъ вопросъ: «А какъ вы полагаете, иностранцы, напримѣръ, нѣмцы, такъ и согласятся на это и скажутъ: если хотите насъ разорить, то пожалуйста, мы ничего противъ не имѣемъ.»

Зюзя качалъ головой и улыбался.

«Ну такъ какже?»

«Не надо о банкахъ.»

Пошла полоса митинговъ. Приближается день открытія Учредительнаго Собранія. Партіи стараются во-всю. На нашихъ собраніяхъ обыкновенно выступаютъ соціалисты-революціонеры и большевики. Я былъ отъ преображенцевъ на митингѣ у семеновцевъ, предсѣдательствовалъ у насъ на митингахъ и пришелъ къ заключенію, что наши начинаютъ окончательно обалдѣвать, и въ этомъ виноваты эсъ-эры. Сначала позиція была ясна, Учредительное Собраніе необходимо для авторитетнаго закрѣпленія завоеваній революціи и окончательнаго разрѣшенія всѣхъ основныхъ вопросовъ народной жизни. Это солдаты понимали и этого желали. «Скажетъ Учредительное Собраніе и баста. Никакихъ разговоровъ, тогда и порядокъ будетъ.» Такъ на этомъ они и стояли и заявляли о своей готовности защищать Учредительное собраніе.

Большевики же увѣряли, что Учредительное Собраніе не нужно, и безъ его штемпелей народъ все получитъ. Штемпеля — это лишь проволочка, да еще какая, вѣдь въ Учредительное Собраніе попали люди, противъ которыхъ мы боролись, которыхъ свергали оружіемъ. Развѣ Керенскій туда не попалъ? Развѣ онъ тамъ не будетъ тянуть ту же канитель? Тогда для чего же мы старались, проливали кровь? Опять быть въ дуракахъ и ждать? Учредительное Собраніе лишь подмѣна воли народной. Выходитъ, что оно скажетъ, т. е., Керенскій, кадеты и другіе буржуи, и конецъ. Народъ же молчи.

Чтобы разбить эти доводы, эсъ-эры на послѣднихъ митингахъ выдвинули понятіе о референдумѣ, объ обращеніи къ народу въ случаѣ, если Учредительное Собраніе пойдетъ по пути, неугодному народу. Ово, какъ заявилъ эсъ-эръ Поповъ, не собирается узурпировать волю народа, а поможетъ волѣ этой правильно выявиться. Роль его — разработать законы.

Вотъ тутъ солдаты и обалдѣли. «Что же, коли какой законъ не понравится, то будутъ всю Россію опрашивать. Вотъ волынку то заведутъ. Тутъ земли и до второго пришествія не получишь.»

Соціалисты-революціонеры явно проваливались. Да и съ внѣшней стороны они уступали большевикамъ. Эти, какъ говорится, жарили во-всю, лгали, все обѣщали и орали до-хрипоты.

Эсъ-эры же больше ныли. И обязательно, почти каждый ораторъ начиналъ съ того, что онъ былъ на каторгѣ, или въ тюрьмѣ при царскомъ режимѣ. Буревой даже такъ увлекся, что выходило, что онъ шести лѣтъ уже сидѣлъ въ тюрьмѣ.

Наши рѣдко выступали, но за то всегда удачно. Принципіальныхъ вопросовъ они не затрагивали, а пользовались опрометчивыми и противорѣчивыми заявленіями большевиковъ и этимъ ихъ били.

Памятенъ послѣдній митингъ наканунѣ открытія Учредительнаго Собранія. Ждали Чернова, но онъ не пріѣхалъ. Меня поразила рѣчь сибирскаго депутата, на другой день убитаго красногвардейцами на Марсовомъ полѣ. Онъ какимъ то зловѣщимъ, проникновеннымъ шопотомъ закончилъ свою рѣчь словами: «сегодня страшная

ночь, преображенцы, отъ васъ русскій народъ многаго ждетъ»; я замѣтилъ по нѣкоторымъ лицамъ, что эти слова произвели впечатлѣніе. Напрасно большевикъ Шубинъ пытался вышутить этого оратора, сравнивъ его съ Керенскимъ, который тоже все пугалъ и даже нѣсколько разъ предлагалъ стрѣляться и перейти черезъ его трупъ, а самъ въ критическую минуту преспокойно удралъ. Впечатлѣніе не разсѣялось. Я и сейчасъ помню это лицо — большое, сѣро-блѣдное, съ длинными прямыми волосами и большой русой бородой. Лицо склоненно-протянутое къ слушателямъ съ застывшимъ жестомъ правой руки и этотъ предсмертный шопотъ. Что чувствовалъ въ ту минуту этотъ трагически погибшій за свободу народа человѣкъ? Можетъ быть уже видѣлъ вѣяніе смерти надъ своей головой и гибель великаго освобожденія. Была полная тишина. Всѣ какъ то сразу насторожились. Что, еслибы тогда они знали, что завтра эта голова будетъ раздроблена винтовочнымъ залпомъ и мозги будутъ валяться растоптанными, смѣшанными съ грязью на Марсовомъ полѣ? Не дрогнули бы ихъ сердца еще болѣе и не зажглись бы желаніемъ подвига и служенія великому дѣлу? И какъ знать! Не пошли бы ли они за нимъ?

Въ концѣ митинга, когда большинство уже разошлось, какіе то лѣвые эсъ-эры хотѣли навязать новую резолюцію въ большевистскомъ духѣ, въ отмѣну ранѣе принятой нашимъ полкомъ и оглашенной въ печати. Напрасно я убѣждалъ оставшихся, что они не вправѣ этого дѣлать, что прежняя резолюція прошла черезъ роты и команды и что только этимъ порядкомъ можетъ быть принята новая. Лѣвые ораторы брали верхъ, аргументируя ссылками на то, что настоящее собраніе столь же правомочно, какъ роты и команды вмѣстѣ взятыя, и предлагали провѣрить, отъ всѣхъ ли частей полка есть представители. Преображенцы ужъ начали выкрикивать, что отъ всѣхъ. «Я отъ пятой» . . . «Я изъ девятой» . . . Чувствую, что дѣло проиграно. Студентъ, лѣвый эсъ-эръ уже началъ читать предлагаемую резолюцію. Мнѣ оставалось одно, я это и сдѣлалъ: взялъ свою панаху, бумаги и ушелъ изъ собранія. Крековъ я не послушался, а остановить силой никто не захотѣлъ.

Я шелъ по пустыннымъ, вымершимъ улицамъ столицы. Зима была во-всю. По новому стилю уже январь. Стояли свѣтлыя лунныя ночи. Слегка морозило, сыропротивно морозило. Вѣтерокъ всюду загонялъ холодокъ. Хотѣлось въ уютъ, тепло.

На углу Фонтанки меня кто-то окликнулъ. Смотрю, бѣжитъ за мной какая то сѣрая шинель.

«Фу, чортъ, усталъ. Ты откуда?»

«Съ митинга.»

«Ну, что опять товарищи грызлись? И когда эта сволочь замолчитъ.»

Я вспомнилъ увѣренія К. относительно полка и рѣшилъ провѣрить. Войценъ командовалъ второй ротой и, конечно, зналъ о настроеніи перваго батальона.

«Какъ у васъ въ батальонѣ?»

«Хочешь знать — выстунять ли завтра?»

«Нѣтъ, не то, мнѣ вообще интересно настроеніе батальона.»

«А понимаю . . . У насъ много дѣльныхъ солдатъ, но они скоро разбѣгутся по домамъ. Вотъ, если имъ платить.»

«Ахъ, опять деньги» . . .

«Да, да, безъ денегъ ничего не выйдетъ. Ужъ время такое. Или деньги, или такое . . . явное сочувствіе. Общій крикъ: вы наши спасители, и цвѣты, улыбки. . .

Я засмѣялся.

«Что ты? Я правду говорю. Большевики этимъ и берутъ. Посмотри на Прилипина. Откуда у него деньги, брилліантовое кольцо? Отъ своей нашихъ немного нажилъ. Или у Спицына. Вотъ этотъ поганый трусъ теперь дѣлами вертитъ, а передъ первымъ боемъ сумасшедшимъ представился. Его въ обозъ отправили. Разстрѣлять бы гадину надо. Все миндальничали. Такъ вотъ у нихъ деньги. Придутъ они въ Смольный, или куда въ другое мѣсто къ большевикамъ — свои люди, къ нимъ внимательны, ласковы. Товарищи . . . И коммунистки руки жмутъ. А у насъ? Куда

мы можемъ, къ кому пойти? Мы все еще въ черномъ тѣлѣ. Все еще должны для кого-то работать. Опротивѣли мнѣ наши высшіе классы. Гроша мѣднаго не хотятъ собрать для общаго дѣла. И настоящаго, искренняго сочувствія нѣтъ, единенія настоящаго. Такъ, использовать хотятъ. А потомъ опять на черную работу. Въ околоточные ступай. Ты знаешь, я въ Москвѣ былъ околоточнымъ. Я тогда тоже чувствовалъ, что теперь. Служишь, жертвуешь собой, чтобы этимъ хорошо и безопасно жилось, — онъ показалъ рукой на большой домъ, мимо котораго мы проходили — а они тебя презираютъ, считаютъ оскверненіемъ руку подать, да что . . . тебя же травятъ, молъ, свободѣ мѣшаешь. Вотъ я сегодня былъ у нашего рыжаго въ клубѣ. Сидятъ, ѣдятъ, пьютъ, въ карты играютъ и ждутъ, когда мы большевиковъ свергнемъ. А чтобы . . .

Онъ вдругъ рѣзкимъ движеніемъ схватилъ меня за плечо.

«Смотри, смотри, что это?»

Мимо насъ тихо проѣзжали простыя дровни. Я недоумѣвалъ.

«Развѣ не видишь?» шепталъ надъ моимъ ухомъ Войцекъ. Я испугался его лица — поблѣднѣвшее съ остановившимися, расширенными полными ужаса глазами. Луна бросала свѣтъ прямо на него.

«Не видишь? Да вѣдь это ноги торчатъ изъ подъ рогожи. Онъ трупы везетъ. Растрѣлянные.»

Мужикъ беззаботно посвистывалъ на лошаденку. Она еле плелась. А изъ подъ рогожи дѣйствительно торчали ноги, труповъ было нѣсколько. «Фу, чортъ» тяжело и глубоко вздохнулъ Войцекъ.

«Какъ дохлую скотину возятъ. Ну и времена!»

Не знаю почему, но у меня тогда явилась мысль, что Войцекъ будетъ разстрѣлянъ.

Путиловъ сказался больнымъ и мнѣ пришлось дежурить въ комитетѣ въ день открытія Учредительнаго Собранія и исполнять обязанности предсѣдателя. Послѣ пришелъ Путиловъ, но въ должность не вступилъ. Въ комитетѣ все время оставались я и комиссаръ полка Хазовъ. Приходили депутаціи отъ эсъ-эровъ членовъ Учредительнаго Собранія и просили полкъ выступить на защиту народа и собранія. Говорились громкія рѣчи, и дѣлались кѣмъ то подозрительныя попытки вывести полкъ на улицу. Такъ къ намъ нѣсколько разъ звонили, что Семеновскій полкъ уже выступилъ и ведетъ бой съ латышами, а въ Семеновскій сообщали, что Милліонныя казармы окружены тѣми же латышами, а у Кирочныхъ идетъ перестрѣлка съ красногвардейцами и литовцами. Я все время держалъ телефонную связь съ адъютантомъ Семеновскаго полка, и всякій слухъ мы провѣряли. Къ концу дня установили живую связь съ Семеновскимъ и 9-мъ запаснымъ кавалерійскимъ полками, а затѣмъ съ 14 Донскимъ.

Къ вечеру въ комитетъ пришли Котельниковъ и еще одинъ преображенецъ-большевикъ, фамиліи не помню, и начали въ шутливыхъ тонахъ разсказывать о происшедшихъ столкновеніяхъ манифестантовъ съ красногвардейцами.

«И шли то все буржуи, чиновники Ну и попало.»

«Зачѣмъ врать», рѣзко оборвалъ Котельникова вошедшій Климовъ. Съ нимъ былъ и Аршанскій. «Никакихъ буржуевъ тамъ не было. Мы съ Аршанскимъ все время тамъ были. Народъ, простой русскій народъ и нашу интеллигенцію разстрѣливали. Вотъ ту, которая рабочихъ и народъ просвѣщала. Вотъ кого. На углу Знаменской и Кирочной простую дѣвушку подстрѣлили. Горничная, или работница. За что убили, кому она угрожала? А вы тутъ что говорите? Стыдно сознаться, что своихъ убили. Эхъ, вы . . .»

«Надо же имъ людей морочить. Это имъ приказали.»

«Кто намъ приказалъ?»

«Кто? Смольный.»

«А ты его не слушаешься?»

«Зачѣмъ ему слушаться? Онъ православный.»

Аршанскій вспылилъ: «что? ты намекаешь, что я еврей. Да я еврей, но я свободный еврей, и подошвъ Троцкаго лизать не буду. А вы уже лижете и будете лизать. Вы холопы, рабы, а главное тупые, оболтанные люди. Развѣ вы можете быть иными?»

«Ну, ну потише!»

«Что? Хотите стращать. Не запугаете.»

«Какой храбрый. Не хуже Столыпина.»

Котельниковъ, отшучиваясь, искалъ сочувствія, но сторонниковъ себѣ тогда онъ не нашелъ.

Я слушалъ этотъ споръ и думалъ: вотъ во что вылилась давнишняя мечта всѣхъ нашихъ свободолюбцевъ объ Учредительномъ Собраніи. Толпа, идущая привѣтствовать это собраніе, разстрѣливается не царскими полицейскими, а русскими рабочими и народъ молчитъ и не встаетъ на защиту своихъ избранниковъ. Какая же цѣна этому народу и какое у него можетъ быть будущее?

Путиловъ ушелъ изъ предсѣдателей. По указанію изъ штаба мы провели Войцека. К. по-прежнему настроенъ оптимистически. Еще съ кѣмъ то завязалъ сношенія. Бранитъ Путилова и Филоненко. Я понялъ, что они мѣтаютъ получить денежныя средства отъ одного представителя военной иностранной миссіи. К. даже сказалъ, что противъ Путилова придется принять мѣры. Послѣ я узналъ, что къ Путилову являлось нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ Панютинъ, и угрожая браунингами, заявили, что если онъ будетъ мѣшать дѣлу, то съ нимъ покончатъ. Я начинаю опасаться, что штабъ взялъ не вѣрный курсъ. Рѣшилъ, что буду содѣйствовать дѣйствительно продуманнымъ и разумнымъ мѣрамъ и въ тоже время продолжать свою работу. Я себѣ намѣтилъ планъ дѣйствій. Работа должна сводиться исключительно къ объединенію противниковъ большевизма. При этомъ никакихъ партійныхъ программъ, никакихъ реставраціонныхъ затѣй. Цѣль одна, — если представится возможнымъ, — взять власть въ солдатскія руки и установить порядокъ. На это солдаты могутъ пойти. Имъ не чужда мысль, что пора винтовки для себя использовать. Практически я предлагалъ установить связь между полками и создать объединенный органъ изъ представителей полковъ съ постояннымъ предсѣдателемъ. Этотъ объединенный органъ — войсковой комитетъ — и взялъ бы власть въ свои руки, еслибы удалось. Съ переходомъ къ нему власти, возстанавливаются временно всѣ министерства и учрежденія, во главѣ которыхъ назначаются временно-управляющіе изъ болѣе дѣятельныхъ служащихъ. Общественныя организаціи обязательно запрашиваются о всѣхъ кандидатахъ на мѣста управляющихъ министерствами. Самъ же войсковой комитетъ остается лишь органомъ наблюдающимъ и охраняющимъ порядокъ. Его роль намъ казалась лишь временной. Въ душѣ мы думали, что логически придемъ къ военной диктатурѣ, хотя бы даже только скрытой. Кто будетъ диктаторомъ — мы вопроса не поднимали, но всетаки имѣли въ виду два имени изъ военной среды, зарекомендовавшихъ себя какъ во время войны, такъ и въ періодъ развала арміи твердостью характера и государственнымъ чутьемъ.

Въ общемъ это были забавныя мечты, но только этимъ путемъ можно было заинтересовать солдатъ и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые выплыли на верхъ, достигли офицерскихъ чиновъ и другихъ званій.

Скоро завязались сношенія почти со всѣми полками и комитетъ сорганизовался. Въ него вошли пока представители полковъ нашего, Семеновскаго, Финляндскаго, Волынскаго, Петербургскаго и Московскаго. Въ предсѣдатели попалъ я. Собираться было рѣшено разъ въ недѣлю по средамъ у насъ на Милліонной.

Штабъ предлагаетъ сдѣлать: провести Ш. въ помощники командира полка и уговорить преображенцевъ встрѣтить на Николаевскомъ вокзалѣ Патріарха. Это необходимо для полученія денежныхъ средствъ. «Ш. провести — это пустяки», по мнѣнію К., «его преображенцы любятъ.» Онъ съ восторгомъ разсказываетъ, какъ Ш. умѣетъ подтягивать. На дняхъ онъ встрѣтилъ преображенца въ растегнутой шинели, остановилъ, распекъ, а затѣмъ расцѣловалъ. Солдатъ смутился, сейчасъ же привелъ себя въ порядокъ и вытянулся.

Все это, конечно, очень хорошо. Но насколько я успѣлъ подмѣтить, популярность Ш. особенная. Преображенцы его дѣйствительно любятъ, вспоминаютъ, какимъ онъ былъ хорошимъ командиромъ, какъ ругался, но какъ то шутливо, улыбаясь любятъ. А вотъ пойти съ нимъ противъ большевиковъ — это еще для нихъ большой вопросъ. Въ глазахъ ихъ онъ всетаки старорежимецъ. А полнаго возврата къ старому они не хотятъ.

Рѣшили объединяться. Сегодня Ш. обѣдаетъ у Донона въ кабинетѣ No. 17 съ Лисовымъ, Плутенко, Войцекомъ и др., и затѣмъ устраиваемъ кутежъ всѣмъ прапорщикамъ. Въ кабинетѣ дѣло сошло прекрасно: всѣ обѣщали поддержку въ проведеніи Ш. въ помощники командира полка. Относительно же встрѣчи Патріарха было условлено — уговорить преображенцевъ его встрѣтить, но безъ оружія. Къ счастью Патріархъ не пріѣхалъ.

Январь—мартъ 1918 года

Попойкой для прапорщиковъ распоряжался Лисовъ. Устроена она была въ собраніи на Милліонной. Изъ кадровыхъ офицеровъ никого не было.

Застольныя пѣсни, воспоминанія о быломъ, о побѣдахъ Преображенскаго полка настроили всѣхъ патріотично. Вспоминали посѣщенія государемъ полка, его любовь и привязанность къ нему. И чувствовалось, вотъ, вотъ сорвутся слова о желаніи отдать свои силы для возстановленія старой славы. Но нѣтъ, что-то недосказанное чувствовалось въ словахъ этихъ людей, какая то скрытая боязнь. Можетъ быть, боязнь потерять достигнутое. Вотъ они бывшіе солдаты сидятъ въ собраніи, куда раньше не смѣли входить. Сидятъ въ этой стильной билліардной, гдѣ бывалъ государь. Сидятъ, пьютъ спиртъ, запихиваютъ въ ротъ пальцами закуски и при случаѣ рыгаютъ. А вѣдь все герои, рѣдкіе народные самородки. Новые люди!

Я вспомнилъ прежнее изящество, лоскъ и красоту, здѣсь царившія. Какъ понятно брезгливое негодованіе кадровыхъ. А безъ этихъ новыхъ людей ничего не сдѣлаешь. Тогда то въ этотъ вечеръ я понялъ, чего они боятся. Лисовъ мнѣ разъяснилъ.

Подъ конецъ пирушки онъ разоткровенничался. Сталъ вспоминать свое прошлое.

«Знаешь, когда я больше всего болѣлъ душой? Вотъ, когда меня государь сдѣлалъ пропорщикомъ. Отъ своихъ то я отсталъ, а туда не приняли. Бывало послѣ парада гг. офицеры къ себѣ въ собраніе, солдаты въ казармы. А я куда? Такъ и не знаю. Обидно было. А разъ! Ты знаешь капитана Н. Ты вѣдь давно въ дружбѣ съ нимъ. Такъ вотъ онъ и поручикъ Ч. какъ то звонятъ ко мнѣ въ Красное, что пріѣдутъ. Я былъ дежурнымъ. Я для нихъ завтракъ приготовилъ, вышелъ встрѣтить. Н. то мнѣ руку подалъ, а Ч. нѣтъ. Я такъ и остался съ протянутой рукой. При солдатахъ это. Такъ вѣришь ли? Я ночью плакалъ, какъ ребенокъ. Я? Ты видишь, я какой?»

Онъ ударилъ въ свою могучую грудь.

«Я, который ничего не боялся. Спроси солдатъ. Руку въ бояхъ потерялъ. Готовъ эту послѣднюю отдать. Но чтобы Ч. не было. А думаешь, это будетъ? Переродятся они? Поймутъ насъ, подойдутъ къ намъ? Вотъ теперь? Ты думаешь, я и вотъ всѣ они пойдемъ за рыжимъ? Онъ тогда намъ — мнѣ, Плутенко, Войцеку обѣщалъ . . . тамъ въ кабинетѣ полковничьи чины. Дадутъ? Не вѣримъ. Да и кто дастъ? Да если и дадутъ, то все же я Лисовымъ останусь, и чувствовать это придется. О! чувствовать они умѣютъ давать. Такъ за что же мы пойдемъ? Еслибы мы повѣрили, что старому конецъ. Да, тогда. А то можетъ, и изъ квартиръ казенныхъ выгонятъ и опять въ черное тѣло.»

Я его успокаивалъ, увѣряя, что о поворотѣ къ старому никто не думаетъ. Но онъ видимо мало мнѣ довѣрялъ.

Но все таки какъ же разсѣять эти опасенія — этотъ вопросъ все время меня занималъ. Ясно, что К. и другимъ нужно на время забыть выдвигать себя впередъ на несуществующіе еще посты, а давать дорогу Лисовымъ. Самимъ же оставаться въ роли

совѣтчиковъ и незамѣтныхъ руководителей. Хитрость и осторожность должны быть на первомъ планѣ. А потомъ — будущее покажетъ, что дальше дѣлать.

Разрывъ Брестскихъ переговоровъ и новое наступленіе нѣмцевъ. Проходя по Невскому въ казармы, я встрѣтилъ у Казанскаго собора офицера съ кокардой и шпорами, продающаго газеты. Позвякивая шпорами онъ выкрикивалъ: «движеніе нѣмцевъ на Петроградъ.» Помнится, добавлялъ даже слово: «успѣшное». Весело, бодро такъ покрикивалъ. А у казармъ плачущая русская простая женщина. «Зачѣмъ моего взяли? Онъ не на учетѣ! А взяли. А кто на учетѣ, тѣхъ не взяли», причитывала она. «Да онъ самъ записался.» «Да, когда разстрѣломъ грозили.» «Ну, плачь, плачь. Ничего. Поплачешь и пройдетъ.»

Кто же правъ — офицеръ съ кокардой и шпорами или этотъ красноармеецъ - доброволецъ? Кому изъ нихъ исторія и грядущія поколѣнія поставятъ плюсъ и минусъ?

У насъ въ помѣщеніи четвертой роты большевики открыли вербовочный пунктъ для красной арміи. Поступаетъ все молодежь. Ее одѣваютъ и необученной посылаютъ на фронтъ. Какіе же они защитники Россіи? Прямо жаль ихъ.

Вотъ они идутъ, какъ ни какъ на защиту страны, а интеллигенція (не вся конечно) ждетъ съ нетерпѣніемъ прихода нѣмцевъ. Мой сослуживецъ по сенату, баронъ К. какъ-то сообщилъ мнѣ, какъ самую радостную вѣсть, что нѣмецкая оккупація Петербурга рѣшена и что нѣмцы первымъ долгомъ обязательно возстановятъ сенатъ. Злорадничали также и нѣкоторые офицеры: «Теперь попробуютъ нѣмецкой палки. Будутъ подъ каблукомъ оберъ-лейтенантовъ.» Что это? Я отказываюсь понимать. Временное затменіе, или послѣдняя степень вырожденія.

Слухи о быстромъ продвиженіи нѣмцевъ ростутъ. Сегодня ночью какой то большевикъ пріѣхалъ на автомобилѣ изъ Пскова и клялся, что Псковъ занятъ горсточкой нѣмцевъ. «Одна рота преображенцевъ и ихъ бы прогнали. Красная же армія бѣжитъ.»

Я разбудилъ девятую роту, говорилъ имъ о положеніи вещей, но ихъ это мало тронуло.

Пріѣзжалъ Подвойскій, уговаривалъ преображенцевъ выступить. Сейчасъ вызываетъ къ себѣ командира полка, комиссара и предсѣдателя комитета.

Онъ просилъ насъ откровенно сказать: выступитъ ли полкъ?

«Весь нѣтъ, но если бы вы позволили намъ образовать отрядъ изъ добровольцевъ и демобилизовать уставшихъ отъ войны, то мы бы быстро намъ дали боеную единицу.»

«Разрѣшаю, дѣйствуйте.»

И когда уходили, онъ вышелъ за нами изъ кабинета и, еще разъ насъ удержавъ, сказалъ: «я увѣренъ, что Преображенскій полкъ впишетъ въ свою исторію еще одну блестящую страницу. Когда я у васъ вчера былъ и увидѣлъ стѣны учебнаго зала, всѣ увѣшанныя знаками былыхъ побѣдъ и походовъ, я былъ подавленъ величіемъ полка и въ тоже время восхищенъ. Да, такъ . . .»

Онъ еще разъ простился и когда пожималъ руку Ш. неожиданно проговорилъ: «вамъ, полковникъ, я хочу предложить отвѣтственное назначеніе.»

Ш. смутился отъ этого неожиданнаго предложенія и самой формы обращенія.

Я вмѣшался: «Нѣтъ, товарищъ народный комиссаръ. Ужъ если полку суждено будетъ выступить, то мы не отдадимъ вамъ нашего командира. Полкъ пойдетъ только съ нимъ.»

«Ну хорошо, хорошо.»

Ш. благодарилъ меня. Мы всѣ трое, несясь на нашей лошади въ казармы, ликовали. Теперь, такъ сказать, на законномъ основаніи будемъ вышибать изъ полка нежелательный элементъ и принимать своихъ.

Въ комптетѣ я нашелъ боевой приказъ о томъ, что нашъ, Семеновскій, Волынскій и Гренадерскій полки должны сегодня же къ 8 часамъ вечера прибыть на Балтійскій вокзалъ и погрузиться. Посадка для остальныхъ полковъ была назначена на Вар-

шавскомъ вакзалѣ. Приказъ былъ подписанъ Еремѣевымъ. И тутъ же другой приказъ, подписанный Юреневымъ, о немедленной демобилизаціи полка. Рѣшили собрать комитетъ. Засѣданіе было назначено въ 6 часовъ. До этого времени нужно было опросить другіе полки, куда и были командированы члены комитета. Самъ я пошелъ въ штабъ командующаго округомъ. Тамъ я засталъ какихъ то двухъ товарищей и передалъ имъ, что въ 8 ч. не можетъ быть произведена посадка полка. Показалъ два противорѣчивыхъ приказа.

«Чортъ знаетъ что такое. И чего Юреневъ суется. Вы, товарищъ, слушайтесь нашихъ приказовъ. А мы уже съ Юреневымъ раздѣлаемся. Хоть нѣсколько преображенцевъ пусть выступитъ. За ними другіе пойдутъ. Лишь бы только можно было слухъ пустить, что вы выступаете.»

Дорогой на Кирочную я обдумалъ положеніе и пришелъ къ выводу, что нужно уговорить полкъ выступить. Натиска нѣмцевъ, конечно, не остановимъ, да мнѣ почему то казалось, что они на Петербургъ и не пойдутъ. Зачѣмъ имъ лѣзть сюда? Выведя нашъ и другіе полки изъ Петербурга, можно будетъ отвести ихъ въ другое мѣсто, напримѣръ, въ Вологду и тамъ еще болѣе объединиться и столковаться. Было одно для меня ясно, что если мы не выступимъ и нѣмцы столкуются съ большевиками, насъ демобилизуютъ. Въ душѣ я надѣялся на Лисова и рѣшилъ съ нимъ тотчасъ же поговорить, но къ сожалѣнію опоздалъ: засѣданіе уже началось и мнѣ сразу пришлось выступить съ докладомъ, и не зная, о чемъ тутъ говорилось до меня, я началъ съ призыва выступить на фронтъ. Какъ я ни старался, но по лицамъ видѣлъ, что слова мои никакого впечатлѣнія не производятъ. Я видѣлъ тупые, недоумѣвающіе взгляды, а по временамъ даже враждебные. Нѣкоторые же сидѣли, опустивъ головы, словно имъ было стыдно за меня. «Что то тутъ было», мелькнуло у меня въ головѣ. Оборвалъ свою рѣчь призывомъ. И ни одного хлопка. Провалъ былъ полный.

«Чортъ возьми», думалъ я, «вѣдь долженъ же быть кто-нибудь за меня. Вѣдь я же звалъ на фронтъ! Значитъ игралъ въ руку большевикамъ. И никто не поддержалъ.»

Потомъ то я все узналъ и понялъ. Оказывается, только что предъ моимъ приходомъ выступалъ командиръ полка и заявилъ, что при настоящихъ условіяхъ состоянія полка, онъ считалъ бы для себя тягчайшимъ преступленіемъ вести его на фронтъ. А ему вѣрили и его любили. Конечно, я долженъ былъ провалиться. Я потомъ передалъ свои планы Лисову и Ш., и мы стали готовиться къ выступленію.

Пришлось пережить нѣсколько отвратительныхъ минутъ. Въ послѣднее время, хотя я еще числился предсѣдателемъ ротнаго комитета, въ ротѣ почти не бывалъ. И вотъ за это время большевистски настроенный Смородиновъ, часто бывавшій въ Смольномъ, такъ какъ состоялъ депутатомъ совѣта, успѣлъ вооружить противъ меня нѣкоторыхъ солдатъ. Онъ имъ внушилъ, что я человѣкъ подозрительный по своимъ убѣжденіямъ. «Зачѣмъ онъ пошелъ въ полкъ?»—спрашивалъ Смородиновъ—«ему 43 года, чиновникъ, никто его не тянулъ, а онъ пошелъ. Теперь къ власти пробрался и вершитъ дѣлами.» Обо всемъ этомъ меня предупредили. Я явился въ роту, созвалъ общее собраніе и прямо обратился къ Смородинову: «Ну въ чемъ же я виноватъ?» Онъ обрушился на меня съ цѣлымъ рядомъ обвиненій. Тутъ было и про подозрительное поступленіе въ полкъ, про стремленіе къ власти, про мое поведеніе во время столкновенія съ красногвардейцами, про исторію съ карауломъ въ редакціи «Сѣрая Шинель» и еще что-то. Во всемъ этомъ виноватъ только я. Онъ оралъ на меня, злобно выпучивъ глаза и сжимая кулаки. Кажется, стой я около него, онъ ударилъ бы меня, но я былъ высоко, на предсѣдательскомъ мѣстѣ, т. е., на парахъ третьяго взвода и съ увѣсистымъ звонкомъ въ рукѣ.

Я слушалъ его, оглядывалъ собравшихся и не видѣлъ ни одного сочувствующаго взгляда. Всѣ были противъ. Даже Сухихъ, Шутровичъ, Лукьяновъ, Борисовъ старались не смотрѣть на меня и опускали глаза, когда я оборачивался въ ихъ сторону. Я рѣшилъ разомъ все кончить. Уловивъ моментъ, когда Смородиновъ утомился и сдѣлалъ передышку, я крикнулъ: «Къ власти я не стремился. Это ложь. Четвертый

взводъ долженъ подтвердить, что я два раза отказывался баллотироваться въ комитетъ. Въ товарищи предсѣдателя полковаго комитета я пошелъ по просьбѣ пулеметчиковъ. Они это должны подтвердить. И разъ вы всѣ теперь не хотите, чтобы я былъ въ комитетѣ у васъ предсѣдателемъ, то я отказываюсь отъ этой чести и ухожу. Объявляю засѣданіе закрытымъ.»

Взялъ предсѣдательскій колокольчикъ, спустился съ наръ и быстро вышелъ изъ казармы. Мнѣ что-то вслѣдъ кричали, но я не повернулся и не остановился.

Конечно, я былъ обезкураженъ и подавленъ.

Что же! Значитъ, я ошибся въ солдатахъ. Это сѣрыя, неблагодарныя скотины, продавшіе за сѣмечки родину и свободу. Значитъ всѣ, кто меня отговаривалъ отъ поступленія въ полкъ, правы?

Я переживалъ отвратительныя минуты . . .

Я на Невскомъ. Смѣшался съ толпой. Повстрѣчались знакомые. Беззаботное, веселое настроеніе. Оказывается, получены достовѣрныя свѣдѣнія, что нѣмцы все-таки оккупируютъ Петербургъ. Это одно изъ условій мирнаго договора. Большевики, конечно, это скрываютъ. Петербургъ будетъ объявленъ вольнымъ городомъ. Ну, а остальная Россія? Это, повидимому, не такъ интересно. Лишь бы Петербургъ зажилъ прежнею жизнью.

Зашелъ въ кафе къ Ольгѣ Павловнѣ. Торговля идетъ во-всю. Она сіяетъ и также весело болтаетъ, кокетничая своими непринужденно-изящными жестами и изгибами. Оказывается — поступила въ комиссаріатъ соціальнаго обезпеченія и какія-то тамъ реформы проводитъ. Она теперь этимъ также гордится, какъ знакомствомъ съ великимъ княземъ Дмитріемъ Павловичемъ.

Неунывающіе люди. Неунывающій городъ. Невскій полонъ. Тамъ вдали догораетъ весенній закатъ. На дома и улицы падаютъ первыя тѣни. Замигали и разгорѣлись гирлянды огней. И еще нарядней сталъ городъ. Неужели ему суждено жалкое будущее? Мерзость запустѣнія и гибель всей этой вѣковой красоты? Вотъ куда доскакалъ твой огненный конь, Великій Петръ! Какими геніальными представились мнѣ эти два памятника! Тутъ вся исторія Императорской Россіи. На площади у Сената молодая, только что воспрянувшая страна. Куда она устремится? Какую красоту и мощь выявитъ? А тамъ въ концѣ Невскаго тоже Россія — но уже другая, перенесшая полицейскій режимъ. Она еще сильна, черноземно-могуча и сдерживаемая сильной рукой, застыла въ упрямой, тупой позѣ. Куда она шагнетъ своей лапищей, если ослабнутъ или лопнутъ повода? Не раздавитъ ли она на своемъ пути все красивое и разумное и тихо, тяжело, съ животной тупостью пойдетъ къ своему безславному концу?

«Народъ — богоносецъ!» «Великій страстотерпецъ!» Гдѣ же онъ?

Да, въ этотъ мартовскій вечеръ я переживалъ отвратительныя минуты. Мнѣ казалось, что я все потерялъ, что будущее стало безпросвѣтнымъ. Осталось лишь одно — въ нищетѣ и безправіи доживать свои дни. Говорилъ себѣ: «Вѣдь я никогда, ни-разу еще не чувствовалъ себя свободнымъ гражданиномъ, обладающимъ суммой неприкосновенныхъ правъ. Ни разу!»

Что же намъ остается русскимъ, намъ, желающимъ мыслить и работать? Терпѣть, еще смиряться и находить утѣшеніе въ думахъ о суетности всего земного? Убѣждать себя, что эта жизнь временна, что міръ лишь квартира, и стоитъ ли ее устраивать, отдавать этому всѣ свои силы и помыслы. Не суета ли это? Не пошлое ли мѣщанство, котораго мы всѣ такъ боялись. Идеи, идеи на первомъ планѣ. Мечты и устремленія.

Я въ Казанскомъ соборѣ. Смотрю — кругомъ все упавшіе на колѣни люди. Крѣпко, крѣпко прижимаютъ пальцы къ своему челу, словно хотятъ вспомнить все, не забыть излить всѣ скорби, накопившіяся въ измученной душѣ.

«Азъ рекъ. Господи, услыши мя . . .» Нѣжно молится хоръ.

Ахъ, сколько мольбы и слезъ въ этихъ устремленныхъ въ золотую высь глазахъ. Какъ изстрадалась русская душа!

Боже! Неужели Ты не услышишь ихъ?

«Господи, къ Тебѣ прибѣгохъ, научи мя творити Болю Твою . . .»

И это послѣднее желаніе русской души. А какже этотъ безграничный идеалъ: «Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный.» «Будьте сынами Божіими.» Это оказалось не по плечу бѣдному человѣку.

И онъ — жертва вечерняя, «агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра», онъ завѣщалъ такой идеалъ.

Я вспомнилъ слова Римскаго проконсула: «Его никто не видѣлъ смѣющимся, но часто плачущимъ. Онъ съ длинными вьющимися волосами цвѣта каштана и грустнымъ ваоромъ.»

Спаситель міра! Какая великая жертва. Какія неизмѣримыя страданія.

«Отецъ мой, да минуетъ меня чаша сія, если же нѣтъ, то да будетъ Твоя Боля, а не моя.»

Кровавый потъ струился по его лицу. Онъ вернулся къ своимъ излюбленнымъ ученикамъ. А они спали.

Принести себя въ жертву за грѣхи всего міра!

Смотрю на это пригвожденное ко кресту тѣло, съ упавшей на грудь головой, и ужасная мысль сверлитъ мой мозгъ: «Неужели ты не былъ? Неужели только мифъ?»

Какой ужасъ! Какая осиротѣлая жизнь! Какъ несчастны, безгранично жалки эти молящіеся люди. Мнѣ стало холодно. Я испуганно оглянулся. Служба кончалась, издалека слышалось невнятное торопливое чтеніе. Народъ началъ расходиться. Уже гасли огни. Только предъ распятымъ Богомъ ещё горѣлъ лѣсокъ чистенькихъ, бѣленькихъ стволиковъ. Они ласково, несмѣло мигали и тянулись своими огоньками въ высь, тоже моля творца міра о дарованіи милости всѣмъ плачущимъ и обиженнымъ и примиреніи всякой душѣ скорбящей и озлобленной.

Тревожно спалъ эту ночь. Вѣрнѣе, я не спалъ: забывался на мигъ и тотчасъ просыпался отъ какой то гнетущей тоски и сразу же вставалъ мучительный вопросъ: что случилось?

Ахъ, да эта сцена въ ротѣ . . . Силился успокоиться. Зажегъ электричество. Хотѣлъ читать. Нѣтъ, отъ себя вѣрно не уйдешь. Только подъ утро заснулъ. Все плавалъ по какимъ то невѣдомымъ, безбрежнымъ морямъ. Искалъ чего то. Потомъ видѣлъ нашу лошадь. Мы ее дѣтьми «Гнѣдухой» авали. Подходила ко мнѣ, скалила зубы и все хотѣла куда то меня тащить. Проснулся успокоеннымъ. Странно, я нѣсколько разъ замѣчалъ, что «Гнѣдуха» мнѣ часто снится предъ перемѣнами въ моей жизни. Увидѣлъ ее и успокоился. Смѣшно, а это было такъ.

Въ роту пришелъ рано, до молитвы и повѣрки. Вошелъ и въ темнотѣ корридора кто-то около меня шмыгнулъ. Еще. Родилась испуганная мысль — не бить ли хотятъ. Невольно опустилъ руку въ карманъ, гдѣ лежалъ револьверъ. Но нѣтъ, слышу несмѣлое привѣтствіе. Здороваются . . . Лукьяновъ, Сухихъ. Они идутъ со мной рядомъ. Другіе подходятъ.

Ну, значитъ, одумались.

Просятъ собрать роту.

«Да я же не предсѣдатель.»

«Ну, зачѣмъ же! Мы всѣ просимъ остаться. Это Павлушка вчера наерундилъ. Дикій онъ. Ему и досталось за это отъ пулеметчиковъ.»

Рота собралась. Смородиновъ конфузливо молчалъ. Пришли изъ пулеметной команды и сразу все повернулось. Смородинову еще разъ пришлось выслушать много рѣзкихъ и непріятныхъ словъ. Онъ несмѣло оправдывался, почти повинялся за вчерашнее. Я все же предложилъ переизбрать комитетъ. Подавляющимъ большинствомъ былъ преизбранъ старый и я остался предсѣдателемъ.

Нашъ штабъ заработалъ во-всю. «Теперь мы вольемъ въ полкъ надежныхъ бѣлогвардейцевъ», воскликнулъ Ш. И стали вливать. Пополненія шли главнымъ образомъ въ нашу роту и во 2-ую, къ Войцеку. Условными знаками, по которымъ

мы могли узнать послзнныхъ вербовщиками штаба, были перо и скрипичный ключъ. Показалъ человѣкъ перо, или нарисовалъ ключъ — значитъ, нашъ. Пріемъ шелъ успѣшно. Начались строевыя занятія. По корридору 10 роты маршировали, щелкали затворами и стучали прикладами. Однимъ словомъ готовились къ выступленію. А этажомъ выше работали вербовщики красной арміи. И оттуда забѣгали посмотрѣть, что дѣлается въ 10 ротѣ. Стали ходить слухи, что аатѣвается бѣлогвардейская организація. Главнымъ доводомъ служило указаніе на то, что обучаютъ пріему: на караулъ. Раза два въ комитетъ забѣгали Черновъ и Грибасъ — наши большевики и организаторы красной арміи.

«Что это, товарищъ, у васъ организуется?» Я объяснилъ.

«А почему же учатъ пріему: смирно, на-карзулъ?»

«Развѣ?»

«Мы сами видѣли!»

«А скажите: этотъ пріемъ запрещенъ? А какъ-же встрѣчать народнаго комиссара по военнымъ дѣламъ, или главнокомандующаго?»

«Только не командой: смирно, на-караулъ. Это старый режимъ.»

По уходѣ ихъ я сейчасъ же написалъ докладъ Подвойскому, что вотъ тогда то вы разрѣшили формировать добровольческій отрядъ для выступленія на фронтъ. Нынѣ отрядъ этотъ сформированъ, а потому ждемъ вашихъ дальнѣйшихъ указаній. Докладъ отвезъ полковой комиссаръ Плутенко. Онъ былъ возвращенъ съ резолюціей Подвойскаго: «Отрядъ немедленно расформировать, какъ неудовлетворяющій требованіямъ, предъявляемымъ къ соціалистической арміи.» Намъ только этого и нужно было. Теперь онъ письменно удостовѣрилъ, что отрядъ формировался по его приказанію. Этотъ документъ я взялъ себѣ и спряталъ за голенище.

Распустить мы отрядъ не распустили, а только прекратили строевыя занятія. Принимать добровольцевъ продолжали.

Мои опасенія сбылись. Съ исчезновеніемъ опасности нѣмецкаго наступленія, началась наша ликвидація. Получили предписаніе очистить Милліонныя казармы и передать ихъ особой комиссіи. Постановили очистить пока еще одинъ корридоръ для нуждъ красной арміи. Солдаты уходить не хотятъ и было уже столкновеніе съ красноармейцами. По этому поводу Лисова и меня вызывалъ Подвойскій. Мы увѣрили его, что дѣлается все, чтобы уговорить солдатъ перейти въ Кирочныя казармы. Подвойскій далъ три дня сроку.

Становится все тревожнѣе. Черновъ и компанія устроили общее собраніе и хотѣли вынести порицаніе комитету за саботажъ въ дѣлѣ очищенія казармъ. На комитетъ лили помои, даже намекали на прошлое Войцека. Мнѣ пришлось отдуваться за всѣхъ. Меня спасали и поддерживали фельдфебель А. Н. Лебедевъ и Маслягинъ. Послѣдній сказалъ горячую и рѣзкую рѣчь, полную нападокъ на совѣтскую власть. Онъ говорилъ, что никакихъ перемѣнъ для народа нѣтъ, что встали лишь другіе люди у власти, а мы по-прежнему безъ правъ. У царя была гвардія, у Керенскаго бабьи батальоны и юнкера, у Ленина и Троцкаго красногвардейцы. А мы опять въ черномъ тѣлѣ. Солдаты ему неистово аплодировали. Представитель изъ Смольнаго заинтересовался Маслягинымъ и дивился, что онъ состоитъ членомъ совѣта солдатскихъ, крестьянскихъ и рабочихъ депутатовъ. Лебедевъ и Маслягинъ спасли комитетъ и предложеніе о порицаніи было провалено.

Войцекъ ушелъ изъ предсѣдателей и комитета. Пришлось мнѣ принять предсѣдательствованіе, хотя я искренно отказывался отъ баллотировки.

Опять пріѣзжалъ Подвойскій и снова вопросъ объ очищеніи казармъ. Пока я съ нимъ объяснялся, Сѣмашко и еще одинъ какой-то большевикъ съ испитымъ лицомъ и безцвѣтными воспаленными глазами все время цѣдили сквозь зубы: «нужно рѣши-

тельнѣй дѣйствовать. Разстрѣлять нѣкоторыхъ для примѣра, дѣло сразу наладится.» Подвойскій укоризненно качалъ головой и успокаивалъ ярыхъ своихъ сотрудниковъ. Въ концѣ объясненій я предложилъ: «Я не могу рѣзко идти противъ воли солдатъ. Власти никакой надъ ними не имѣю. Вотъ гораздо было бы лучше, если бы въ предсѣдатели комитета согласился пойти товарищъ Черновъ.»

«А въ самомъ дѣлѣ! Это идея.»

Черновъ отказывался, ссылаясь на обиліе работы по формированію красной арміи. Я его увѣрялъ, что комитетъ немного у него отниметъ времени. Ему придется давать лишь общія руководящія указанія, а всю работу буду нести я.

«Нѣтъ, вы не имѣете права отказываться» — рѣшительно заявилъ Подвойскій.

Черновъ согласился.

Теперь мнѣ оставалось только уговорить членовъ комитета подать за него голоса. Это было не такъ легко. Его презирали солдаты за трусость и ничтожество. Я объяснилъ, почему это нужно сдѣлать. Онъ будетъ лишь фирмой, фактически ему ничего не удастся провести, такъ какъ руководителями дѣла останемся мы. И для солдатъ будетъ ясно, кто ихъ врагъ. Кое-какъ убѣдилъ. Черновъ прошелъ двумя голосами. Непосвященные изумлялись — и негодовали.

Черновъ явился въ комитетъ. Прицѣпилъ какую то кавказскую шашку и надѣлъ огромную папаху. Солдаты переглядывались и улыбались. Попробовалъ предсѣдательствовать, но несовсѣмъ удачно. Бѣдный совсѣмъ не можетъ формулировать, да къ тому же еще заикается.

Сославшись, что ему нужно въ Смольный, онъ скоро покинулъ засѣданіе комитета. Я увѣренъ, что онъ больше не явится.

Ш. набросился на меня изъ-за Чернова. Увѣряетъ, что это позоръ для Преображенскаго полка, что теперь онъ потеряетъ кредитъ во всѣхъ общественныхъ кругахъ. Я объяснялъ ему, почему это сдѣлано, но онъ не придавалъ значенія моимъ указаніямъ и вполнѣ опредѣленно потребовалъ перевыбранія. Пришлось согласиться. Было внесено нѣкоторыми ротами предложеніе о перевыборахъ всего комитета. Черновъ выставилъ свою кандидатуру по музыкантской командѣ, но не прошелъ. Предсѣдателемъ опять попалъ я. Чувствую, что этими перевыборами мы приближаемъ развязку и что Подвойскій теперь поведетъ рѣзкую аттаку противъ насъ. Я не понималъ политики Ш. Да, если мы готовы и сильны, на разрывъ нужно идти, но вѣдь мы же слабы и не сплочены.

Опять приказъ о демобилизаціи и очищеніи казармъ. Я теряюсь. Штабъ опредѣленныхъ указаній не даетъ. Появился на горизонтѣ Спицынъ. Бѣгаетъ и раскрываетъ контръ-революцію. Всѣ признаки за то, что съ нами расправятся. Въ комитетѣ трется провокаторъ Антипинъ. Удивительно, какъ Ш. довѣрчивъ и не умѣетъ разбираться въ людяхъ. Я на сторожѣ и на всѣ попытки Антипина получить свѣдѣнія о нашихъ планахъ дѣлаю безсмысленно-вопрошающее лицо и обнаруживаю полное неданіе. Онъ мнѣ нѣсколько разъ скрипичный ключъ рисовалъ и какъ бы невзначай показывалъ лампасъ донского казака, а я все недоумѣваю. Онъ, кажется, начинаетъ убѣждаться, что я не въ курсѣ дѣла.

На послѣднихъ собраніяхъ представителей полковъ мы все ставили и обсуждали вопросъ — какъ отнестись къ попыткамъ упраздненія старыхъ полковъ. Представители должны были научить настроенія солдатъ и ихъ отношеніе къ этой мѣрѣ.

Сегодня вопросъ этотъ долженъ получить полное освѣщеніе. Собрались всѣ представители. Явились даже два матроса съ крейсеровъ «Діана» и «Аврора». Были приняты два рѣшенія: требовать сохраненія гвардейскихъ полковъ и дать винтовки той части Волынскаго полка, которая отказалась войти въ составъ V совѣтскаго полка и была разоружена. Отвезти винтовки поручено было Кононову при содѣйствіи

командира перваго батальона Путилова. При провозѣ винтовокъ произошло столкновеніе съ красноармейцами и каша заварилась. Меня всю ночь разыскивалъ Спицынъ. Звонилъ, оказывается, на квартиру, въ которой я жилъ, но такъ какъ квартира принадлежала не мнѣ, то на его вопросъ — это квартира предсѣдателя комитета — ему естественно отвѣтила прислуга, что нѣтъ. Такъ онъ ничего и не добился. Прибѣгалъ въ комитетъ, тамъ меня искалъ. А я черезъ комнату отъ комитета спалъ на писарскомъ столѣ.

—

Сегодня во время обѣда въ нашей столовой я былъ арестованъ какимъ то матросомъ по ордеру чрезвычайной комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей и спекуляціей. Когда меня туда отправляли, ко мнѣ все время приставалъ Антипинъ и шепталъ: «нѣтъ ли у васъ что-нибудь спрятать и передать.»

Дуракъ. Уже тотъ фактъ, что матросы и Спицынъ позволили ему увиваться около меня, въ то время какъ другихъ удаляли, долженъ былъ сказать, что провокаторская его роль слишкомъ ясна.

Я рѣзко ему отвѣтилъ: «спасибо; пожалуйста оставьте меня. Прятать мнѣ нечего, переданать тоже. Думаю, что меня сегодня же освободятъ.»

«Вотъ какъ» — растерянно онъ протянулъ. Просидѣлъ я до вечера въ столовой градоначальника. Самымъ непріятнымъ былъ моментъ, когда служащіе чреавычайки блины ѣли. Часамъ къ 5 или 6 явилась депутація преображенцевъ во главѣ съ командиромъ полка и просила допустить ее къ Урицкому. Его не было и имъ пришлось говорить съ его секретаремъ. Онъ сказалъ, что я обвиняюсь въ принадлежности къ контръ-революціонной организаціи, и если обвиненіе не подтвердится, то меня выпустятъ.

Въ 10 часу пріѣхалъ Урицкій, снялъ съ меня допросъ, взялъ подписку о неотлучкѣ изъ Петербурга и освободилъ. Домой я не пошелъ, а пробрался въ «Дарьялъ». Тамъ я нашелъ Всеволожскаго, Татищева, Нелидова и Сашу Макарова. Меня напоили, накормили, а главное — я услышалъ старыя пѣсни и музыку.

Ночевать я отправился къ Татищеву. Въ эту ночь разоружили нашу роту.

На другой день (14 марта) меня вновь арестовали въ назармахъ на Милліонной и отправили ночью въ Смольный, гдѣ уже сидѣли наши добровольцы. Черезъ два дня насъ перевели въ Кресты.

Изъ Дневника

баронессы Фрейтагъ фонъ-Лорингофенъ

31 Декабря 1918 г.

Сегодня канунъ Новаго Года, какой печальный для насъ всѣхъ. Въ городѣ страшная паника. Слухи о приближающейся красной арміи встревожили всѣхъ. Изъ имѣній все устремилось въ городъ. Поѣзда одинъ за другимъ уходятъ, увозя несчастныхъ бѣженцевъ. Послѣднія части нѣмецкой оккупаціонной арміи ушли утромъ. Нѣмецкихъ солдатъ почти не видно. Такъ называемая «Желѣзная дивизія» частью тоже ушла, меньшая часть еще вмѣстѣ съ ландверомъ на фронтѣ. Передъ уходомъ нѣмецкихъ частей можно было часто видѣть на улицахъ, какъ нѣмецкіе солдаты продавали свои ружья латышамъ. Пока еще одинъ Балтійскій ландверъ частью на фронтѣ, частью въ городѣ старается поддержать порядокъ. Съ приближеніемъ внѣшняго врага и внутренніе большевики подняли головы. Въ казармахъ взбунтовалась цѣлая латышская часть ландвера. Она была усмирена по требованію англійскаго адмирала Нельсона временнымъ латышскимъ правительствомъ. Разстрѣляно десять зачинщиковъ. Два англійскихъ крейсера еще находятся въ Рижскомъ порту; латышское вр. правительство тоже пока еще въ городѣ. — Въ четыре часа дня появились въ городѣ вездѣ расклеенныя объявленія за подписью адмирала Н. и латышскаго вр. правительства о томъ, что слухи о приближеніи къ Ригѣ цѣлой красной арміи лишены всякаго основанія; тѣ небольшіе отряды, которые замѣчены были въ различныхъ мѣстахъ, суть ничто иное, какъ отдѣльныя разбойничьи банды, которыя частью разсѣяны, частью уничтожены нашими храбрыми добровольцами. Въ заключеніи англійскій адмиралъ обѣщаетъ населенію полную безопасность, ссылаясь на присутствіе англійскихъ кораблей. Населеніе ожило, и многіе, имѣвшіе билеты на пароходы, вернули ихъ или переуступили, рѣшивъ, что, пожалуй, паника преждевременна и, какъ всегда, у страха глаза велики. Я лично думаю, что дни Риги сочтены. Мои belles soeurs со всѣми дѣтьми уже три дня какъ покинули городъ и уѣхали въ Германію, мужья ихъ пока въ ландверѣ. — Мужа въ послѣдніе дни почти не вижу, онъ аваленъ работой. Въ тѣ короткіе промежутки свободнаго отъ занятій времени, когда мы видимся и успѣваемъ другъ другу сказать нѣсколько словъ, я еще больше убѣждаюсь, что Рига будетъ взята большевиками. Къ счастью вопросъ, куда я дѣнусь съ Люшей въ случаѣ ухода мужа съ ландверомъ, вчера благополучно разрѣшился. Предложили мѣсто сестры милосердія къ хирургической больной. Люша останется при мнѣ, а мое жалованье идетъ въ счетъ его содержанія. Семья симпатичная, состоитъ изъ двухъ пожилыхъ, моей больной и ея тетки, и двухъ братьевъ старичковъ С., помѣщиковъ и сосѣдей по имѣнію, живущихъ у нихъ. Такимъ образомъ, я буду въ

семьѣ и одиночество въ чужомъ мнѣ городѣ не будетъ такъ замѣтно. — Вчера произошло еще одно событіе: Б. М. сдѣлалъ Дэзи предложеніе. Они уже давно любятъ другъ друга и теперь, когда Д. овдовѣла, ничто не препятствуетъ ихъ браку. Мать его, обожающая его, какъ старшаго и единственнаго сына, относится къ ихъ браку не сочувственно. Конечно, она желала бы для сына чистокровную нѣмку, Д. же только по матери имѣетъ нѣмецкую кровь, кромѣ того, родилась и воспитана въ Петроградѣ. — Главное, они счастливы, дико счастливы! Несмотря на всѣ просьбы Б., чтобъ она бѣжала съ его матерью за-границу, Д. не согласилась, говоря, что не можетъ оставить своего десятилѣтняго брата и, не имѣя средствъ ѣхать съ нимъ, не желаетъ жить на счетъ его семьи. Б. пришлось покориться. Рѣшено, что она остается сестрою въ частной клиникѣ, гдѣ она и сейчасъ работаетъ. Въ 10 ч. они заѣхали за мною и, несмотря на все мое нежеланье видѣть людей и быть сегодня въ обществѣ, я не могла отказать этой счастливой милой парѣ принять тоже участіе въ встрѣчѣ Новаго Года. — Когда мы пріѣхали въ Hôtel de Rome, было уже довольно поздно и все общество было въ сборѣ. Рѣчь шла, конечно, о событіяхъ послѣднихъ дней, о слухахъ съ фронта. Настроеніе преобладало, какъ это и не удивительно, оптимистическое — можетъ быть, подъ вліяніемъ вина. Мнѣ невольно пришло сравненіе «Пиръ во время чумы». Мать Б. тоже пріѣхала съ дочерью. Мы заняли отдѣльный столикъ, за которымъ, кромѣ насъ всѣхъ, сидѣла еще молодая чета Б. Наша сіяющая счастливая парочка заставила насъ дѣйствительно забыть суровую дѣйствительность. Она была общимъ предметомъ вниманія, и поздравленія и пожеланія сыпались на нее со всѣхъ сторонъ. Все общество поджидало начальника ландвера, который обѣщалъ пріѣхать; отъ него надѣялись узнать, въ какомъ положеніи наши дѣла на фронтѣ. За десять минутъ до полуночи онъ появился въ залѣ въ сопровожденіи начальника штаба и адъютанта. Все общество шумно привѣтствовало его, со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы. «Что на фронтѣ? Справедливы ли слухи о прорывѣ? Дѣйствительно ли уходитъ изъ Риги ландверъ?» — «Я извиняюсь, что опоздалъ», раздался его спокойный голосъ, «дѣлъ много, черезъ четверть часа принужденъ покинуть ваше любезное общество, присутствующихъ здѣсь господъ офицеровъ прошу также прибыть въ штабъ, такъ какъ есть срочные вопросы. Господа, было бы легкомысленно съ моей стороны утверждать, что все обстоитъ великолѣпно. Положеніе серьезно и весьма серьезно; съ нашей стороны дѣлается все, что возможно, но если вы меня спрашиваете совѣта, то я вамъ отвѣчу: береженнаго и Богъ бережетъ. Кто въ состояніи отправить семью въ болѣе безопасное мѣсто, обязанъ это сдѣлать для собственнаго спокойствія и свободы дѣйствій. Относительно ландвера слухи неосновательны. Онъ до конца исполнитъ свой долгъ и, если уйдетъ, то, конечно, послѣднимъ. Господа, не будемъ портить себѣ встрѣчу Новаго Года всевозможными предположеніями ... вотъ, кстати, и вино. Позвольте пожелать всѣмъ здѣсь присутствующимъ благополучнаго Новаго Года». «А ландверу — побѣдъ», раздалось со всѣхъ сторонъ. Онъ особенно сердечно поздравилъ Б. и его невѣсту. Лицо его на минуту совсѣмъ прояснилось, глядя на ихъ счастливыя лица. Послѣ взаимныхъ поздравленій общество разбилось на отдѣльныя группы. Н. В. одна вносила дисгармонію въ нашъ нѣсколько оживившійся кружокъ. Она была очень нервна и мы не узнавали сегодня въ ней обычно беззаботной кокетливой женщины. Она поминутно обращалась къ мужу съ вопросомъ: «что же надо дѣлать, папочка?» «Ахъ, все это не такъ страшно, Ниночка; мнѣ, напримѣръ, гораздо важнѣе обѣщаніе англійскаго адмирала, чѣмъ всѣ совѣты начальника ландвера. Англичане — народъ обстоятельный и, если адмиралъ заявляетъ, что нѣтъ опасности, то повѣрь, что это такъ и есть.» — «Мнѣ кажется, вы придаете слишкомъ большое значеніе обѣщаніямъ англійскаго адмирала, холодно возразилъ Б. Я долженъ

васъ разочаровать: наше славное врем. правительство уже два часа тому назадъ покинуло Ригу, направляясь къ Либавѣ, а англійскіе крейсера стоятъ уже подъ парами и тоже вѣрно не замедлятъ покинуть портъ». — «Простите, но этого не можетъ быть! Вы, какъ нѣмецъ, не любите англичанъ и относитесь къ нимъ пристрастно, но Вы не можете не признать, что это величайшіе политики въ мірѣ.» — «Во-первыхъ, я не вижу, за что я ихъ долженъ любить, — а на счетъ политики, простите, я такую политику уважать не могу». Разговоръ шелъ еще нѣкоторое время на эту тему, когда мать Б. къ общему удовольствію прервала его замѣчаніемъ, что, кажется пора по домамъ. — Начался разъѣздъ. Усадивъ мать и сестру въ санп, Б. проводилъ Д. В. и меня, такъ какъ мы всѣ живемъ въ одномъ домѣ. —

1 Января

Слухи съ фронта очень тревожные: небольшая часть ландвера наскочила на большія силы непріятеля. Есть убитые и очень много раненыхъ, послѣднихъ сейчасъ эвакуируютъ дальше. Улицы запружены обозами, повозками, кухнями, все это тянется по направленію къ Двинѣ. Сегодня ушло нѣсколько пароходовъ съ бѣженцами. Сомнѣнія нѣтъ, Рига обречена! Англійскіе крейсера еще въ порту, — англійскій адмиралъ продолжаетъ обѣщать населенію полную безопасность. И есть еще дураки, которые вѣрятъ! Еще никто не говоритъ объ уходѣ ландвера, но развѣ это не ясно, что не сегодня, завтра она оставитъ городъ! Дорога къ Ригѣ свободна и большевики не замедлятъ явиться. —

Къ пяти часамъ, какъ было вчера условлено, мы собрались къ чаю у Дэзи; въ ея уютныхъ двухъ комнатахъ было все очень мило устроено. Будущая belle mère съ дочерью тоже присутствовала. Кромѣ меня съ мужемъ и четы С. никого больше не было. Еще разъ поздравивъ жениха и невѣсту и выпивъ по бокалу шампанскаго, мы всѣ довольно скоро ушли, предоставивъ ихъ другъ другу, такъ какъ уже черезъ два часа Б. долженъ былъ ѣхать на фронтъ съ какимъ-то порученіемъ. Завтра уѣзжаетъ его мать и сестра за-границу. Рѣшено окончательно, что мы съ Дэзи и дѣтьми остаемся въ Ригѣ. Его мать и не очень настаивала, чтобы Д. съ братомъ уѣхали съ ними, находя, повидимому, это совершенно естественнымъ. Эгоизмъ этихъ людей для меня нѣчто новое!

2 Января

Сегодня ушелъ послѣдній поѣздъ изъ Риги. Съ нимъ уѣхали мать и сестра Б. Мы съ Д. провожали ихъ. Б. удалось ихъ сравнительно хорошо устроить, онѣ могли сидѣть. На вокзалѣ было невообразимое столпотвореніе. Платформа была завалена всякаго рода вещами. Съ трудомъ можно было подвигаться впередъ. Люди буквально давили другъ друга, чтобы попасть въ поѣздъ. Прощанія уѣзжающихъ съ остающимися были душераздирающими. Вотъ съ повязанной головой и рукой на перевязи юный воинъ въ третій разъ поднимается на ступеньки, чтобъ проститься съ поджидающей на платформѣ вагона матерью и каждый разъ принужденъ отступить передъ нажимающей со всѣхъ сторонъ публикой. Такъ имъ, кажется, не удалось проститься. Люди сидѣли, стояли, висѣли на крышѣ, на ступенькахъ, на буферахъ. Какъ они доѣдутъ живыми при 18 гр. мороза — одному Богу извѣстно. Б. простился раньше съ своими и уѣхалъ, торопясь къ своей части. Теперь уже не секретъ, черезъ нѣсколько часовъ ландверъ оставляетъ Ригу, долженъ сдѣлать это поспѣшно, такъ какъ непріятель быстро приближается и можетъ каждую минуту преградить ему путь отступленія. Когда мы съ Д. возвращались съ вокзала, былъ уже второй часъ; пошли пѣшкомъ; шли молча, каждая занятая своими мыслями, и невеселы были эти мысли! Черезъ два часа уйдетъ ландверъ и тогда мы останемся совсѣмъ однѣ въ чужомъ городѣ, среди чужихъ, безразличныхъ людей . . . на произволъ приближающейся дикой

орды . . . Мы зашли за дѣтьми и направились къ Двинѣ, гдѣ уже былъ выстроенъ ландверъ, готовый къ походу. Картина, представившаяся нашимъ глазамъ, была волшебной красоты. Слѣва громадное зданіе семинаріи съ золотымъ куполомъ, рядомъ скверъ, покрытый бѣлымъ пушистымъ инеемъ, какъ сказочный садъ выдѣлялся на ярко-красномъ фонѣ неба, вдоль него тянулась безконечная лента выстроеннаго ландвера. Въ сторонѣ уже стояла довольно большая группа людей, состоящая большею частью изъ матерей и женъ, остающихся въ городѣ и пришедшихъ въ надеждѣ еще разъ, можетъ быть въ послѣдній, увидѣть своихъ дорогихъ. Стоящіе часовые не пропускали за цѣпь, но время отъ времени изъ строя отдѣлялся юный воинъ, замѣтивъ въ группѣ стоявшихъ знакомое дорогое лицо, подбѣгалъ и простившись, быстро возвращался на мѣсто. Нашихъ еще не было видно. Все время непрерывно раздавались взрывы. Очевидно, взрывали остающіеся орудія и пулеметы. Мы стояли уже больше часу. Становилось невыносимо холодно. Недалеко отъ насъ стояла небольшая кучка какихъ-то оборванцевъ, тихо между собою разговаривающихъ и злорадно поглядывающихъ въ нашу сторону. Наши будущія власти, подумала я. Очевидно и Д. непріятно поразила эта кучка людей, она мнѣ кивнула въ ихъ сторону и тихо сказала: «вотъ въ чьей власти мы остаемся». Дѣти начали жаловаться на холодъ. Но вотъ у выхода засуетились. Изъ главнаго зданія быстро вышло начальство, какъ-то торопясь пошло по фронту и, послѣ короткой рѣчи, которую мы разобрать не могли, раздалась команда. Ряды стройно задвигались и двинулись по направленію Торенсберга. Въ послѣдній моментъ уже къ намъ подбѣжали мужъ и Б. и, быстро простившись съ нами и дѣтьми, пошли догонять уходившія части. Это былъ короткій моментъ, гдѣ одинъ взглядъ, одно рукопожатіе сказали больше, чѣмъ самыя краснорѣчивыя слова. Вотъ и послѣдній рядъ завернулъ за уголъ зданія, чрезъ моментъ все скрылось съ нащихъ глазъ. Среди оставшихся плакали. Дазя взяла меня молча подъ руку; бѣдняга едва сдерживала рыданія, я тоже боролась со слезами. Мы тихо пошли черезъ скверъ. Дѣти, притихшіе и печальные, слѣдовали за нами. — Когда мы проходили мимо стоявшей кучки оборванцевъ, раздались насмѣшливыя замѣчанія: «своихъ Фрицевъ провожали».

10 часовъ вечера

Какое жуткое чувство неизвѣстности! Все время слышны выстрѣлы. Съ улицы доносятся крики и ѣзда. Люша давно спитъ крѣпкимъ сномъ. Счастливый возрастъ! Онъ спитъ въ комнатѣ бар. М. — я рядомъ съ больной. Славная М. — приняла на себя всѣ мои обязанности. Я такъ счастлива, что онъ со мною. Моя больная оказалась симпатичной старушкой. Обоюдное одиночество способствовало скорѣйшему нашему сближенію. Ея обѣ дочери съ мужьями и сынъ съ семьей вчера тоже уѣхали. — Сейчасъ мы всѣ, кромѣ больной, сидимъ въ гостинной. Оба старика бодрятся, заняты раскладываніемъ пасьянса. В. М. по обыкновенію вяжетъ въ углу дивана, а я пишу, вѣрнѣе, сижу и ничего не дѣлаю. Отсутствую, — милліонъ всякихъ мыслей и ничего опредѣленнаго. Горничная Юлія вноситъ чай и прерывающимся голосомъ разсказываетъ, что въ городѣ грабятъ лавки и убиваютъ. Чернь подожгла интендантскіе склады и громитъ ихъ. Я отдернула тяжелую портьеру съ окна. Небо было залито заревомъ пожара. На дворѣ было свѣтло, какъ днемъ. Къ сожалѣнію, наши окна выходили во дворъ и, что происходило на улицѣ, намъ не было видно. Какая ужасная ночь и что ждетъ еще впереди! . . . Когда прислуга убрала посуду и ушла къ себѣ, — мы принялись съ М. убирать все серебро въ огромную кушетку, на которой я спала въ комнатѣ больной. Это была нелегкая работа, пришлось отрывать, а потомъ опять прибивать полотно снизу. Брилліанты и золотыя вещи замотали въ клубки шерсти. Деньги и цѣнныя бумаги тоже искусно спрятали въ центральное

отопленіе. Больная тоже помогала намъ заворачивать вещи въ бумагу. Я рада была этой работѣ; она отвлекала отъ тяжелыхъ гнетущихъ мыслей. Старики тоже не рѣшались ложиться и, сидя въ углу, курили свои трубки, нарѣдка перекидываясь словомъ. Мы только что закончили свою работу, когда вдругъ въ передней раздался слабый звонокъ; всѣ невольно вздрогнули. Я вышла узнать, въ чемъ дѣло. Въ дверяхъ стояла Марихенъ снизу отъ В. (бонна сына). «Ради Бога, баронъ Н. К. проситъ васъ на минуточку внизъ. Зная, что мужъ Н. долженъ былъ тоже уйти съ ландверомъ, несмотря на всю свою вѣру въ англійскаго адмирала и обстоятельность англійскаго народа, я рѣшила, что Н. испугалась навѣрное одиночества и, успокоивъ своихъ стариковъ, которые просили не засиживаться, спустилась внизъ. — Каково было мое удивленіе, столкнувшись въ дверяхъ гостинной съ самимъ хозяиномъ и его другомъ С. Н. еще въ военныхъ пальто и фуражкахъ. «Развѣ ландверъ», начала я, но В. поторопился меня успокоить: «онъ благополучно отбылъ изъ Торенсберга, я въ послѣдній моментъ выскочилъ изъ поѣзда и вернулся назадъ. Мысль, что жена съ ребенкомъ однѣ въ чужомъ городѣ, не давала мнѣ покою». — «Но вѣдь это, безуміе, вы еще больше ухудшаете ея положеніе своимъ присутствіемъ; о Васъ я уже не говорю». — «Да вотъ и онъ, указалъ В. на пріятеля, — тоже вернулся». — «Да, что и, я вернулся за компанію, у меня вѣдь тоже есть жена и сынъ». «Я умру, умру отъ одного страха за Васъ», пищала Н., прижимаясь къ плечу мужа. «Какъ же быть, здѣсь же Вамъ оставаться нельзя, завтра пойдутъ навѣрно обыски». Онъ сказалъ, что они пришли только успокоить жену и, переодѣвшись въ штатское, сейчасъ уйдутъ къ его пріятельницѣ, старушкѣ-саножницѣ, которая ихъ и укроетъ на время обысковъ. «Будьте милая, баронесса, и выпустите насъ только на улицу, чтобъ въ домѣ никто не видѣлъ». Черезъ десять минутъ они были готовы и я ихъ благополучно выпустила. Улица была полна бѣгущаго народа: мужчины, женщины, дѣти тащили на саняхъ и на плечахъ ящики, мѣшки, кули, очевидно награбленные въ горѣвшихъ складахъ. Зарево пожара освѣщало какимъ-то зловѣщимъ краснымъ свѣтомъ эту необычайную ночную картину. Подождавъ, пока они благополучно перебрались на другую сторону, я едва успѣла закрыть дверь, какъ изъ швейцарской выглянула швейцариха и, увидавъ меня, вышла изъ своего подполья: «Боже, откуда Вы такъ поздно, сестрица, въ такую ночь-то? Видѣли объявленіе у нашихъ воротъ. Смерть нѣмцамъ, измѣнникамъ, а у насъ, поди, всѣ квартиры почти баронскія». Она дрожала какъ въ лихорадкѣ. «Ничего, Богъ поможетъ, идите лучше спать, Берзингъ». «Какой тутъ сонъ, каждую минуту ждешь, вотъ, вотъ позвонятъ. Уже днемъ сегодня говорили на улицахъ, что ночью будутъ ходить по квартирамъ искать виновниковъ». Пожелавъ ей еще спокойной ночи, я поторопилась наверхъ, гдѣ меня ждали въ большомъ волненіи старики. Разсказавъ имъ все, уговорила ихъ ложиться спать. Сама же, не раздѣваясь, прилегла въ гостинной на диванѣ. Зарево ярко освѣщало комнату. Я долго не могла заснуть. Самыя ужасныя картины рисовались возбужденному воображенію, но въ концѣ концовъ усталость взяла свое и я крѣпко заснула.

3 Января

Ночью англійскіе крейсера покинули портъ. Утромъ разбудила меня М., сообщивъ, что уже во многихъ домахъ по Елисаветинской идутъ обыски и аресты. Она протянула мнѣ летучій листокъ вмѣсто газеты, гдѣ въ безконечныхъ столбцахъ слѣдовали всевозможные декреты совѣтскаго правительства за подписью «Штучко». Да, ничего хорошаго не обѣщаетъ намъ эта «Штучка». Первый декретъ, напечатанный жирнымъ шрифтомъ, гласилъ о сдачѣ оружія въ двухдневный срокъ, подъ страхомъ смертной казни. — У насъ въ квартирѣ находилось нѣсколько ружей, оставшихся послѣ уѣхавшихъ внуковъ и сына. Рѣшено было единогласно всѣ отослать по указанному адресу. —

Послѣ завтрака мнѣ пришлось сходить относительно моей больной къ доктору. Улицъ не узнать, онѣ полны исключительно чернью. Всѣ вооружены, не исключая женщинъ и подростковъ. На извозчикахъ поминутно проѣзжаютъ какіе-то пьяные типы съ ружьями на взводѣ, раскачиваясь во всѣ стороны и на всю улицу горланя: «смерть Фрицамъ и ихъ укрывателямъ!» При ихъ приближеніи толпа разбѣгается въ стороны. Дойдя до Вейдендамма, пришлось остановиться, со всѣхъ сторонъ бѣжала толпа. Раздался неистовый крикъ удовольствія, со стороны Вейдендамма показалась конница красной арміи. Повидимому, она вступала въ городъ. Чернь восторженно привѣтствовала большевиковъ. Люди и лошади были въ довольно хорошемъ видѣ. Солдаты въ шинеляхъ и сѣрыхъ мѣховыхъ шапкахъ. Подростки и бабы, приплясывая, стрѣляли въ воздухъ, выражая этимъ полный восторгъ. Когда же за конницей показались латышскіе стрѣлки, восторгу не было границъ; толпа неистово ревѣла, раздался латышскій гимнъ. Кое-какъ пробравшись между двумя проходившими частями на другую сторону и съ трудомъ подвигаясь въ толпѣ, я на углу слѣдующей улицы столкнулась съ душераздирающей процессіей: два совсѣмъ молодыхъ русскихъ офицера въ полушубкахъ, одинъ безъ фуражки съ разрубленной щекой, изъ которой ручьемъ текла кровь, съ ними еще два нѣмецкихъ солдата въ вицъ-мундирахъ безъ фуражекъ шли подъ конвоемъ вооруженныхъ латышей; они шли молча съ опущенными головами, очень блѣдные, но спокойно. «Куда ихъ ведутъ», невольно спросила я. Отвратительнаго вида женщина, усмѣхаясь, отвѣтила мнѣ: «извѣстно, сестрица, куда!» Я непроизвольно двинулась за ними, одинъ изъ сопровождавшихъ латышей, замѣтя меня, пригрозилъ ружьемъ. На мой вопросъ, что съ ними хотятъ сдѣлать, онъ приложился къ ружью. Боже, какая жестокость, возможно-ли! Не успѣли они еще пройти и пятидесяти шаговъ, подошли какъ разъ къ скверику, черезъ который мы вчера съ Дэзи возвращались, какъ ихъ всѣхъ четверыхъ выстроили, раздались выстрѣлы — и тѣла ихъ тяжело опустились на снѣгъ. Крикъ ужаса замеръ у меня на губахъ. Колѣни до того дрожали, что я принуждена была опуститься на ближайшую скамью. Вотъ онъ красный терроръ!

4 Января

Обыски и аресты идутъ во всемъ городѣ. Сегодня арестованы Ф., отецъ совершенно больной 68 лѣтній старикъ и его сынъ, и много другихъ, ихъ подъ конвоемъ уводятъ въ тюрьму. Сегодня неоднократно можно было встрѣтить такія процессіи.

7 Января

Возвращаясь домой, въ воротахъ встрѣтила человѣкъ шесть вооруженныхъ латышей, выходившихъ изъ нашего дома: — перепуганная швейцариха шепнула мнѣ, что былъ обыскъ въ обѣихъ квартирахъ четвертаго этажа (надъ нами), причемъ обѣ семьи выселяются и обязаны до вечера оставить свои квартиры, не смѣя ничего взять изъ мебели или вещей, кромѣ смѣны бѣлья и небольшого количества съѣстныхъ припасовъ. Потомъ я была свидѣтельницей, какъ эти несчастные люди съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ и съ скудными узелками въ рукахъ покидали свои жилища. Съ старой 80-лѣтней бабушкой, которую несли на рукахъ, сдѣлалось дурно. Обѣ семьи были многочисленны и совсѣмъ несостоятельны: одна — пастора, другая — учителя. Теперь, вѣрно, скоро и за нами очередь! Вечеромъ водворились новые квартиранты — члены какой-то коммунистической организаціи. Праздновали ли они свое новоселье или взятіе Риги, но, повидимому, у нихъ шелъ пиръ горой. Пьяными голосами орали какія-то дикія пѣсни, немилосердно колотили по роялю. Играла гармоника, подъ которую танцовали; у насъ въ квартирѣ буквально все тряслось и прыгало. Слышенъ былъ шумъ опрокидываемыхъ стульевъ, неистовые крики ура, звонъ разбиваемой посуды, порой дикія взвизгиванья женщинъ. — Въ пятомъ часу весь скандалъ перенесся

на лѣстницу. Коммунисты выставляли вонъ своихъ дамъ, которыя пьяными голосами кричали и ругались. Мы всю ночь такъ и не сомкнули глазъ. Въ шестомъ часу наконецъ все въ домѣ затихло.

9 Января

Газеты принесли вѣсть о взятіи Митавы большевиками Варывъ порохового погреба былъ слышенъ въ Ригѣ. Сегодня обнаружилось очень непріятное обстоятельство, а именно: горничная Юлія со слезами сообщила мнѣ, что вчера во время обыска верхнихъ квартиръ были также наложены печати на всѣ чердачныя отдѣленія, причемъ, уходя, солдаты сказали, что въ случаѣ завтра на одномъ изъ отдѣленій окажется спрятаннымъ оружіе, вся соотвѣтствующая квартира будетъ разстрѣляна до послѣдняго человѣка. Я сначала не могла понять ея волненія, такъ какъ знала, что всѣ ружья были отосланы М., но тутъ выяснилось, что два ружья племянника, онѣ съ М. отнесли на свое чердачное отдѣленіе и закопали подъ ящиками и всякимъ мусоромъ. Ясно, что завтра ихъ найдутъ и тогда никому не сдобровать, а что еще хуже, это то, что Эмма — кухарка, кажется, обо всемъ догадывается и ужъ изъ одного страха можетъ донести; по словамъ Юліи, достать ружьи нѣтъ никакой возможности, и она рѣшила сегодня же еще вечеромъ уйти отъ господъ, у которыхъ прослужила 20 лѣтъ. Обѣщавъ ей все уладить, я вошла въ комнату больной. Всѣ старики были въ сборѣ, волновались и не знали, что дѣлать. Увидавъ меня, закричали: «Слышали?» «Что же дѣлать, надо попробовать достать ихъ». — «Да, вѣдь это невозможно! Вы не знаете нашего чердака». Въ концѣ концовъ было рѣшено отослать послѣ обѣда обѣихъ кухонныхъ донъ съ порученіями. Юлія должна была стать на стражѣ на лѣстницѣ у кухни, а М. идти со мною на чердакъ, гдѣ я хотѣла попробовать перелѣзть въ промежутокъ между рѣшетчатой стѣной и крышей. Задача была нелегкая и въ томъ отношеніи, что все время по лѣстницѣ поднимались какіе-то субъекты въ квартиру коммунистовъ. Нужно было улучить моментъ, чтобы незамѣтно проскочить на чердакъ. Раза два пришлось отступить въ кухню, такъ какъ по лѣстницѣ то спускались, то поднимались какіе-то типы. Наконецъ-таки проскочили. Взобраться по тонкой рѣшетчатой высокой стѣнкѣ была далеко нелегкая задача. Пришлось призвать на помощь все свое искусство молодыхъ лѣтъ и побиться добрыхъ полчаса, пока я съ большими усиліями добралась наконецъ до верху, каждую секунду ожидая, что сорвусь и упаду вмѣстѣ со стѣнкой, которая буквально раскачивалась подо мной во всѣ стороны, но въ тотъ моментъ, когда я уже была наверху, мы услышали голоса, шаги, ключъ въ замкѣ повернулся. М. едва успѣла задуть свѣчу и спрятаться въ углу за бочку, а я замерла въ своемъ поднебесьи, балансируя во всѣ стороны, чтобы какъ-нибудь сохранить равновѣсіе. Дверь открылась и на чердакъ вошли дѣвушка въ сопровожденіи солдата съ корзиной, весело болтая по латышски, они принялись снимать бѣлье на общемъ чердакѣ. Бесѣда ихъ, къ моему ужасу, затянулась бы очевидно значительно дольше, еслибы не слишкомъ рѣшительный маневръ кавалера, вздумавшаго ее поцѣловать, послѣ чего, она къ моему величайшему удовольствію, поторопилась оставить чердакъ. Ея рыцарь послѣдовалъ покорно за ней. Въ углу мелькнулъ огонекъ и изъ-за бочки показалось испуганное и все перемазанное лицо М. — Видъ ея былъ до того комиченъ, что несмотря на весь ужасъ нашего положенія, я не могла удержаться отъ смѣха, причемъ потеряла равновѣсіе и скользнула внизъ по стѣнкѣ, упавъ на что-то мягкое, очень пыльное оказавшееся старымъ сломаннымъ диваномъ. За рѣшеткой раздался испуганный голосъ М.: «Вы не ушиблись?» «Нѣтъ, наоборотъ!» Немного придя въ себя, я отыскала, по указанію М., ружья и укрѣпивъ ихъ себѣ на спинѣ, тѣмъ же путемъ благополучно вернулась обратно. М. со слезами бросилась мнѣ на шею. Радость стари-

ковъ и Юліи были безграничны, но теперь предстоялъ вопросъ — куда ихъ дѣть? Каждую минуту могли явиться съ обыскомъ. — Разобравъ ихъ, завернувъ въ бумагу и положивъ въ портъ-плэдъ, куда еще сверху положила нѣсколько полѣньевъ, я вышла, когда немного стемнѣло, съ своей страшной ношей на улицу, направляясь къ дому № 3, бывшей квартирѣ моего beau frère; теперь весь домъ былъ занятъ военной организаціей по продовольствію войскъ. Тамъ во дворѣ, очень темномъ, я и хотѣла забросить ихъ въ погребъ. На первомъ углу меня патруль пропустилъ, но на слѣдующемъ подошелъ и спросилъ, что я несу. На мое счастіе, это былъ русскій! «Немного дровъ», отвѣтила я. Онъ взялся рукой за ношу и ощупавъ полѣно, пропустилъ со словами: «идите, сестрица, съ Богомъ». Фу, какъ сердце бьется, только бы добраться благополучно до воротъ; на мое счастье — ни души на улицѣ, вотъ и ворота, еще моментъ и я была во дворѣ, гдѣ безъ труда достигла погреба и, отдѣлавшись отъ своей ноши, благополучно вернулась къ безпокоившимся за меня старичкамъ. —

10 Января

Зашла къ Д., но не застала, узнала отъ Саши, что она почти безвыходно въ клиникѣ, онъ видитъ ее очень рѣдко. Сегодня торжественныя похороны «жертвъ нѣмецкаго произвола», такъ гласитъ громадная надпись на первой страницѣ сегодняшней газеты. Изъ десяти растрѣлянныхъ латышскимъ вр. правительствомъ зачинщиковъ бунта въ латышской ротѣ, ихъ оказалось теперь двадцать семь. Къ тѣмъ десяти были присоединены всѣ убитые въ ночь пожара при ограбленіи складовъ. Всѣ трупы были звѣрски изуродованы большевиками съ цѣлью, конечно, еще больше возстановить чернь противъ нѣмецкихъ имущихъ классовъ. Всѣ двадцать семь гробовъ были выставлены для обозрѣнія звѣрствъ «бѣлаго террора». Похороны были торжественные, съ музыкой, военнымъ парадомъ, рѣчами, депутаціями, чуть не до грудныхъ дѣтей, съ огромными плакатами и вызывающими надписями. Городъ разукрасился красными и черными флагами. Для этой цѣли было окрашено въ красный и черный цвѣтъ все національзированное великолѣпное столовое и постельное бѣлье въ частныхъ домахъ. Самъ «Штучка», одѣтый съ иголочки, живописно жестикулируя, стоялъ въ автомобилѣ и говорилъ очень убѣдительно и очень понятно для черни: «Борцы за свободу лежатъ предъ нами убитые, мало, замученные ненавистниками свободы, палачами народа; они пали жертвами нѣмецкаго произвола. Товарищи! Мы будемъ недостойны этой свободы, если не отомстимъ за нихъ. Да, товарищи, за каждаго убитаго большевика — сто нѣмцевъ!» Раздались апплодисменты и возгласы: «правильно». Конечно, это было во вкусѣ «свободнаго народа». Результатомъ будутъ, несомнѣнно, новые аресты, новыя жестокости. Наконецъ, жертвы произвола были опущены въ общую могилу подъ звуки музыки и пѣнья на соборной площади, которая теперь переименована въ площадь коммунистовъ. Вскорѣ надъ могилой поднялся высокій холмъ изъ цвѣтовъ, вѣнковъ и лентъ съ самыми потрясающими надписями. Вечеромъ въ городѣ было большое гулянье. Улицы всѣ были запружены латышскими стрѣлками съ ихъ дамами въ экспропріированныхъ нарядахъ «съ чужого плеча». Такъ закончился этотъ славный день въ исторіи большевиковъ! . . .

14 Января

Утромъ получила записку отъ В. снизу — непремѣнно придти сегодня вечеромъ къ нимъ, но такъ, чтобъ никто изъ «подозрительныхъ» 4-го этажа не видѣлъ. В. я тоже не видала съ той памятной ночи. Сейчасъ послѣ ужина я спустилась къ нимъ; они еще сидѣли за столомъ. Кромѣ нихъ и С. Н., сидѣлъ еще, я бы сказала, подозрительнаго вида субъектъ. Видя мое замѣшательство, В. всталъ мнѣ навстрѣчу и громко сказалъ: «баронесса, Вы можете свободно говорить обо всемъ, мы въ дружескомъ

кружкѣ». Ну, что касается меня, я бы охотно отказалась отъ дружбы съ этимъ типомъ. «Поэвольте вамъ представить большевика О . . .» Н. сидѣла тоже наряднан и сіяющая, какъ въ добрыя старыя времена. — «Да, баронесса», весело поздоровалась она со мной, «мой мужъ тоже большевикъ, наконецъ-то кончились эти ужасные дни пытки, но вы вѣдь ничего не знаете! Э . . ., разскажи же все». Ея мужъ разсказалъ какъ послѣ восьми дней пытки по чужимъ холоднымъ чердакамъ и погребамъ, они наконецъ рѣшили съ С. Н. выйти на улицу, готовые на все, какъ случайно встрѣтили стараго петроградскаго пріятеля — офицера, какъ во всемъ ему признались и какъ чрезъ него «личнаго друга Штучки» В. получилъ мѣсто въ морскомъ министерствѣ съ жалованьемъ въ 1000 р. въ мѣсяцъ, обезпечилъ квартиру отъ обысковъ и получаетъ продовольствіе на всю семью, надѣется и друга своего С. Н. туда пристроить. «Вы меня осуждаете, баронесса!» заключилъ онъ свой разсказъ. «Нѣтъ, я стараюсь вдуматься въ Васъ и думаю, что роль Ваша нелегкая будетъ, дай Богъ и сыграть ее благополучно до конца». — «Значитъ, Вы теперь «редиска», пошутила я. Они всѣ очень смѣялись моей шуткѣ. Съ этой минуты эта кличка за нимъ осталась. При прощаніи, однако, было рѣшено рѣже видѣться и незамѣтно отъ верхнихъ коммунистовъ.

16 Января

Послѣ двухнедѣльнаго исчезновенія сегодня въ первый разъ зашла ко мнѣ Д.; она была необыкновенно блѣдна и ротъ ея поддергивался, какъ у маленькаго ребенка, готоваго заплакать. Мы прошли въ комнату М.; тяжело опустившись въ кресло и устало положивъ голову на руки, она сказала: «Боже, съ чего начать, все такъ ужасно! Знаешь, сегодня скончался въ больницѣ отъ тифа мой двоюродный братъ Рольфъ.» Потомъ она разсказала, какъ узнавъ черезъ тюремнаго врача, что онъ въ тюрьмѣ и очень боленъ, — она выхлопотала съ большими трудностями у комиссара разрѣшеніе на его перевозъ въ больницу; въ какомъ ужасно жалкомъ положеніи она его нашла въ маленькой камерѣ, въ которой находились 20 заключенныхъ; не хватало коекъ, спали по двое, остальные ютились на мокромъ, грязномъ полу. Въ углу стояло ведро, отравляющее и безъ того уже тяжелый воздухъ камеры. Рольфъ лежалъ въ полубредовомъ состояніи, умоляя кого-то все время вырвать его изъ этого ада. Дэзи присѣла около него въ ожиданіи сторожей съ носилками, стараясь успокоить его видомъ полученнаго письменнаго разрѣшенія, но онъ уже неясно сознавалъ, что вокругъ него происходитъ. Въ это время въ камеру вмѣсто ожидаемыхъ сторожей, вошли четыре женщины латышки съ ружьями; «сколько васъ здѣсь», спросила первая вошедшая, еще совсѣмъ молодая дѣвушка въ огромной черной шляпѣ съ страусовыми перьями, модномъ, короткомъ бархатномъ костюмѣ и ажурныхъ чулкахъ. Было что-то непріятное въ ея довольно красивомъ лицѣ. Получивъ отвѣтъ, она съ усмѣшкой замѣтила: «Ну, пора очистить квартиру для новыхъ жильцовъ. А что же этотъ?» указала она ружьемъ на лежавшаго подъ шинелью Рольфа. Дэзи отвѣтила, что это очень больной. «Ну, тѣмъ лучше, намъ работы меньше». Она прошла дальше. «Кто на очереди?» И подойдя къ сидѣвшему на нарахъ, спросила: «Ваша фамилія З.?» Получивъ утвердительный отвѣтъ, сдѣлала ему знакъ слѣдовать за ней. Были еще названы фамиліи; теперь вызвано было шесть человѣкъ, когда вдругъ она спросила: «За что Вы арестованы?» — «Не знаемъ». «Въ чемъ Васъ обвиняютъ?» — «Не знаемъ». «Впрочемъ, намъ это совершенно безразлично». Одинъ изъ вызванныхъ спросилъ, оставляетъ ли онъ навсегда эту камеру и долженъ ли взять свои вещи; у него оказалась еще пара сапогъ и смѣна бѣлья. «Лишній трудъ, и эти придется снять» — былъ жестокій отвѣтъ. Стало всѣмъ ясно, для какой цѣли ихъ уводили. Одинъ изъ вызванныхъ громко зарыдалъ: «сжальтесь, у меня жена и маленькія дѣти»; трясясь всѣмъ тѣломъ, онъ

опустился на нары, къ нему подошелъ стоявшій впереди, — это былъ знакомый пасторъ, я его только теперь узнала. Обнявъ плачущаго за плечи, онъ спокойно сказалъ: «идемъ, братъ, Всевышній знаетъ путь, по которому насъ ведетъ, если мы и не знаемъ его», и заботливо поддерживая его, повелъ за другими. Кто-то изъ присутствующихъ подалъ рыдавшему его узелокъ; онъ только махнулъ рукой. Когда дверь за послѣднимъ закрывалась, я еще разъ услышала голосъ жестокой дѣвушки — «здѣсь немного, всего шесть». Затѣмъ въ камерѣ наступило глубокое молчаніе. Погодя, я спросила, не могу ли быть для нихъ чѣмъ-нибудь полезной. Большинство дали мнѣ письма къ роднымъ, писанныя на клочкахъ, одинъ мнѣ передалъ мнѣ свой манжетъ, сунувъ все это въ волоса подъ косынку, я обѣщала повидать ихъ близкихъ и передать все, о чемъ они просили менн. Наконецъ, вошли сторожа съ носилками и, уложивъ больного, мы покинули камеру. Сегодня Рольфъ, не приходя въ сознаніе, умеръ. Въ бреду все звалъ жену. Крупныя слезы текли по лицу Дэзи. «У насъ въ клиникѣ, погодя начала она, вчера тоже трехъ больныхъ изъ кроватей вытащили и увезли. Судьба клиники на волоскѣ виситъ. Врачъ нашъ уже тоже недѣлю какъ арестованъ и едва-ли его освободятъ; какой-то бродяга, которому онъ въ 1905 г. отказалъ въ выдачѣ медицинскаго свидѣтельства, теперь, узнавъ его, обвиняетъ въ смерти своего брата, разстрѣляннаго будто бы по винѣ доктора. Обвиненіе голословное, но въ данный моментъ развѣ это играетъ какую-нибудь роль!» Было уже послѣ шести, когда Дэзи собралась уходить. Видя ея разстроенный видъ, я предложила ее проводить до клиники, чему она очень обрадовалась. Было очень холодно и добрая М. заставила меня одѣть полушубокъ ея племянника. Когда мы вышли, улицы были пусты и темны. Уже войдя въ ворота клиники, мы замѣтили необычайное волненіе среди стоявшей кучки служащихъ. «Случилось что-то?», спросила Дэзи старика швейцара, идущаго намъ навстрѣчу. «Сестрица еще не знаетъ? Сегодня нашего добраго доктора застрѣлили разбойники, не только его, и жену, и обоихъ мальчиковъ», старикъ заплакалъ. Дэзи прислонилась къ стѣнкѣ: «Что вы говорите?» «Да, пусть вамъ Калинъ разскажетъ, она была свидѣтельницей». Онъ поманилъ рукой стоявшую среди служащихъ и разсказывавшую женщину. Она подошла къ намъ и разсказала, что была старшей сестрой съ письмомъ послана на квартиру доктора . Когда она подошла уже къ дому, къ подъѣзду подъѣхалъ автомобиль, въ которомъ сидѣлъ докторъ съ тремя вооруженными людьми. Затѣмъ, выйдя, они поднялись по парадной лѣстницѣ, а она черезъ дворъ поднялась на кухню, въ которой сначала никого не было, но потомъ пришла изъ комнатъ прислуга и сказала, что привезли доктора и что теперь идетъ обыскъ въ кабинетѣ доктора; изъ письменнаго стола выбрираютъ всѣ бумаги; сначала было все тихо въ квартирѣ, слышались голоса, нзрѣдка взволнованный голосъ жены доктора, но вотъ голоса становились все громче и громче, поднялся шумъ. Чуя недоброе, она съ прислугой доктора спрятались въ коррндорѣ за шкафомъ; оттуда онѣ видѣли, какъ вооруженные мужчины старались вытащить доктора въ переднюю, а жена его, крѣпко держась за его руку, не отпускала. Оба сына 13 и 17 лѣтъ слѣдовали за ними, стараясь успокоить мать. Обезумѣвщан отъ страха за мужа, женщина старалась оттолкнуть державшихъ мужа. Одинъ изъ нихъ замахнулся и ударилъ ее по лицу. Показалась кровь, тогда оба мальчика съ крикомъ бросились на оскорбителя своей матери. Здѣсь уже завязалась общая свалка. Раздался бѣшенный крикъ одного изъ мужчинъ: «сейчасъ всѣхъ разстрѣлять и этихъ щенковъ». На шумъ съ улицы прибѣжали еще двое и всю несчастную семью потащили изъ квартиры. Свидѣтельница съ прислугой не успѣли спуститься по черной лѣстницѣ, какъ раздался душераздирающій крикъ жертвъ, послышались выстрѣлы и все затихло, затѣмъ раздался шумъ отъѣзжающаго автомобиля. Спустившись ввизъ, онѣ увидѣли во дворѣ у воротъ

тѣла несчастныхъ мучениковъ. На женѣ доктора буквально ничего не осталось отъ платья. Ея младшій сынъ лежалъ ничкомъ около нея, обхвативъ мать крѣпко руками, всѣ четверо были мертвы. Дази едва держалась на ногахъ, зубы ея стучали. Я съ швейцаромъ помогли ей подняться по лѣстницѣ. Съ помощью дежурной и совершенно разстроенной сестры, мы уложили ее въ постель. Я еще немного посидѣла около нея, пока она немножко успокоилась и съ тяжелой головой и сердцемъ пошла домой. И все ато для блага народа!! . . .

18 Января

Изъ Митавы пригнали пѣшкомъ много арестованныхъ мужчинъ и дамъ, въ томъ числѣ мать и сестру моей belle soeur. Общими усильями собрали въ городѣ бѣлья, платья и съѣстного, но, прождавъ на морозѣ передъ тюрьмой напрасно два часа, получили отвѣтъ, что ранѣе недѣли ничего приниматься для заключенныхъ не будетъ. Списокъ выдали. Большая часть была изъ нѣмецкаго дворянства, но было немного и латышей.

20 Января

Въ 6 часовъ утра бомбой къ намъ въ спальню влетѣла Юлія и выпалила, что въ домѣ уже опять идутъ обыски. Съ моей больной сдѣлалось дурно; причиной оказались четыре великолѣпныя серебряныя вазы, принесенныя вчера ея племянницей изъ сосѣдней квартиры и теперь находившіяся въ шкафу въ ея комнатѣ. Терять нельзя было ни минуты; положили ихъ въ простой мѣшокъ и засунули съ помощью кухарки Эммы въ кухнѣ въ мусорный ящикъ. Вскорѣ пять вооруженныхъ латышей заявились къ намъ въ квартиру и начался обыскъ. Въ буфетѣ было еще оставлено кое-какое серебро, которое ими было взято. Смотрѣли всюду, въ шкафахъ, столахъ, но ничего особенно не перерывая; пробовали диваны и кресла. Такъ переходили они изъ комнаты въ комнату. Около моей кушетки-сокровищницы стояла прикрытая занавѣсью 30-фунтовая жестяная банка съ кофеемъ, они заглянули и подъ кушетку, но банки около не замѣтили. — Въ общемъ искали благодушно, хотя всѣ пятеро были латыши. Пока они дѣлали обыскъ у Штр., гдѣ забрали весь табакъ и сахаръ, я прошла въ кухню, чтобъ перенести драгоцѣнный мѣшокъ въ комнату, но Эмма уже по собственному почину меня предупредила. Обыскъ кончился болѣе чѣмъ благополучно. М. напоила ихъ въ кухнѣ кофеемъ. Изъ запасовъ они взяли сравнительно тоже не такъ много. Только вино взяли все, оставивъ нѣсколько бутылокъ, по моей просьбѣ, старикамъ. Вино, повидимому, и табакъ ихъ особенно любезно настроили. Безъ всякаго сомнѣнія, что все это они національзировали исключительно въ свою пользу. Итакъ мы разстались дружелюбно. Послѣ ихъ ухода, улучивъ удобный моментъ, я снесла двѣ вазы внизъ къ В . . . Но двѣ другія старушки хотѣли оставить у себя, ссылаясь на то, что обыскъ былъ и такъ хорошо сошелъ и что теперь намъ бояться ровно нечего. Я имъ не противорѣчила. Въ пятомъ часу зашла къ Д., она уже была на ногахъ и работала. Возвращаясь домой, я встрѣтила у насъ во дворѣ штатскаго, лицо котораго мнѣ показалось знакомымъ. Онъ скрылся въ другомъ подъѣздѣ нашего дома. Уже, поднимаясь по лѣстницѣ, я вспомнила, гдѣ я его видѣла; это былъ одинъ изъ пяти дѣлавшихъ у насъ утромъ обыскъ: Весь вечеръ я не могла отдѣлаться отъ непріятнаго чувства, произведеннаго этой встрѣчей. У больной сидѣли какъ разъ гости и, узнавъ, что у насъ уже былъ обыскъ и сошелъ благополучно, собирались намъ завтра прислать уйму вещей. Потомъ, прощаясь съ ними, я просила ихъ завтра еще ничего не присылать. Старушка моя удивленно на меня посмотрѣла, но ничего не сказала. Уже лежа въ постели, я все еще думала о непріятной встрѣчѣ.

Ровно въ пять часовъ я проснулась, какъ отъ электрическаго тока и въ тотъ же моментъ почти раздался рѣзкій звонокъ въ кухнѣ. Накинувъ халатъ, я вышла въ гостиную и въ дверяхъ передней столкнулась съ вчерашнимъ штатскимъ. Онъ былъ съ сопровожденіи двухъ другихъ съ ружьями. Тутъ же стояли всѣ три прислуги и швейцариха. Онъ сердитымъ голосомъ говорилъ имъ что-то по латышски, грозя рукой. Онѣ плакали. Увидѣвъ меня, онъ закричалъ ломаннымъ русскимъ языкомъ: «Гдѣ мѣшокъ съ серебромъ. Слышите! Мы вамъ покажемъ, какъ не слушаться нашихъ декретовъ, у насъ расправа съ измѣнниками короткая». Очевидно, былъ доносъ, но кто? Неужели, Эмма? «Если вы помогаете врагамъ народа», обратился онъ теперь на русскомъ языкѣ къ нимъ, то мы расправимся съ нами, какъ съ бѣшеными собаками.» Поднялся неимовѣрный ревъ. «Отвѣчайте! Сейчасъ былъ мѣшокъ съ серебромъ, одна изъ васъ его припрятала, намъ все извѣстно, которая изъ васъ?» — «Я, — дрожащимъ голосомъ прошептала Эмма, баронесса ... сестра, — поправилась она, приказала». «Слышите?» обратился онъ ко мнѣ; я молчала. «Ну, да что тутъ толковать, мы его сами найдемъ. Всѣ съ нами въ одну комнату и ни съ мѣста!» Въ кроватяхъ остались больная и незамѣченный Люша. Втроемъ они принялись за дѣло. Все выворачивалось и выбрасывалось изъ столовъ и шкафовъ. Каждая вещь пересматривалась. Плохо, подумала я, если доберутся до моей кушетки. На столѣ лежали въ корзинѣ клубки съ бриллiантами, черезъ минуту они лежали въ углу, а столъ былъ опрокинутъ и тщательно осмотрѣнъ. Одинъ изъ нихъ открылъ центральное отопленіе и торжественно извлекъ обѣ серебряныя ваазы и еще какія-то мелочи, спрятанныя М. Я все смотрѣла, когда очередь дойдетъ до большой жардиньерки, подъ которой мы укрѣпили большой серебряный подносъ. Вотъ и до нея дошли, полетѣли горшки съ цвѣтами на полъ; большую пальму тоже опрокинули, искали въ землѣ, а «слона», то и не примѣтили. Въ столовой изъ стоячихъ часовъ, изъ секретнаго отдѣленія вытащили мѣшокъ съ золотыми и серебряными монетами, причемъ искавшій нашелъ сейчасъ секретную пружину, что было не такъ легко. Повертѣлъ мѣшкомъ передъ нашими носами, онъ злобно сказалъ: «погодите, мы вамъ покажемъ». Перешли въ комнату М. Люша, проснувшись, выскочилъ изъ кровати, которую они перерыли до основанія. Ни одной книги не оставили не пересмотрѣнной. Съ ночного столика забрали золотые часы и кольца. Очередь дошла до комнаты больной. Ея кровать была тоже осмотрѣна. Въ бѣльевомъ шкафу нашли еще немного серебра. Пока они добросовѣстно перерывали шкафы и комоды, я незамѣтно приблизилась къ кушеткѣ и отодвинула ее отъ стѣны, боясь, что они могли замѣтить ея неестественную тяжесть, а такъ они могли къ ней подойти со всѣхъ сторонъ. Вотъ и за ней очередь! Постель мою полетѣла на полъ. Одинъ сталъ ее пробовать, засунулъ руку въ складки, заглянулъ подъ нее и тутъ замѣтилъ около жестянку съ кофеемъ. Вниманіе его было отвлечено. Кушетка спасена! ... Такъ проходили мы комнату за комнатой, пока не дошли до ванной, гдѣ изъ угла былъ наконецъ извлеченъ пустой мѣшокъ. Полное недоумѣніе! «А серебро? Гдѣ же вещи?» — «Вы ихъ нашли въ отопленіе и въ шкафу», спокойно отвѣтила я. «Они временно были мною положены въ мѣшокъ». — «Это тѣ вещи», обратился онъ къ Эммѣ. «Я не знаю, какія были вещи въ мѣшкѣ, говорили, что серебро». «Ну, трибуналъ разберетъ!» Обыскъ продолжался пять часовъ. Съ нашихъ мучителей потъ лилъ ручьемъ. Они поминутно вытирались чудесными платками, повидимому, тоже гдѣ-нибудь націонализированными. Обыскъ кончился. Свирѣпый большевикъ записалъ всѣ наши имена, приказавъ затѣмъ М. и всей прислугѣ слѣдовать на нимъ. Закрывъ за ними дверь, я вернулась въ комнату больной. Старушка лежала въ обморокѣ, а оба брата ее усердно поливали холодной

водой. Давъ ей понюхать нашатырнаго спирту, отъ чего она сейчасъ пришла въ себя, и перемѣнивъ бѣлье, и предложила заняться варкой кофе, такъ какъ былъ одиннадцатый часъ. — Всѣ они конечно страшно волновались, что найдено серебро, такъ какъ по декрету оно все должно было быть сдано. Уводъ М. и прислуги всѣхъ тоже очень безпокоилъ. «Чортъ знаетъ, что они еще тамъ отъ страху всего поразскажутъ», волновались братья. Я ихъ успокаивала, что обыскъ сравнительно отлично сошелъ, что могло выйти гораздо хуже, если бы они открыли секретъ моей кушетки, и что эти чудныя хрустальныя вазы съ серебромъ особенной цѣнности, съ точки зрѣнія серебра, не имѣютъ. Мало по малу всѣ немного успокоились и принялись мнѣ помогать при приготавливаніи завтрака. На Люшу обыскъ не произвелъ особеннаго впечатлѣнія, онъ возмущенъ былъ, что всѣ его книги были на полу разбросаны. За кофеемъ всѣ были уже въ болѣе нормальномъ состояніи духа. Старички даже начали подсмѣиваться и острить одинъ на счетъ другого. С. увѣрялъ, что услышавъ голоса въ передней, Г. никакъ не могъ попасть ногами въ туфлю, а Г. увѣрялъ, что С. пытался безрезультатно натянуть на руки вмѣсто фуфайки свои брюки. Черезъ два часа наконецъ вернулась М. съ дѣвушками въ сопровожденіи какого-то довольно приличнаго на видъ господина, который вызвалъ меня и спросилъ, дѣйствительно ли мною было спрятано серебро, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, задалъ еще нѣсколько вопросовъ. Разногласій повидимому не было въ нашихъ отвѣтахъ, такъ какъ онъ замѣтилъ, что показанія сходятся. «Зачѣмъ вы скрыли серебро, сестра. Вы вѣдь знали о декретѣ?» — «Я это сдѣлала безъ корыстной цѣли, зная, что эти вещи дороги моей больной по воспоминаніямъ». Онъ покачалъ головой. «Хорошо, что вы попали на порядочнаго человѣка, а то могло кончиться для васъ очень скверно», и кивнувъ головой въ мою сторону, онъ вышелъ. Кого онъ предполагалъ подъ «порядочнымъ человѣкомъ» — себя, или производившаго обыскъ — осталось невыясненнымъ. Потомъ вся тайна второго обыска открылась: вечеромъ въ день перваго обыска зашла къ нашей прислугѣ дѣвушка изъ квартиры бар. В. (въ другомъ подъѣздѣ) — дѣвица очень красная. Эмма же съ дуру и разскажи ей, смѣясь, какъ она при обыскѣ «надула комиссара» и скрыла цѣлый мѣшокъ серебра. Въ тотъ же вечеръ комиссаръ былъ на вечеринкѣ у красной дѣвицы почетнымъ гостемъ и главнымъ ухаживателемъ. Она и подшутила надъ нимъ, какъ «баронши» дурачатъ ихъ. Это уже являлось вопросомъ задѣтаго самолюбія. Отсюда и была такая ужасная злость.

26 Января

Газеты приносятъ вѣсти о бояхъ на фронтѣ большевиковъ, но съ кѣмъ? Слухи различны, кто говоритъ, что это германцы, идущіе противъ большевиковъ, по требованію Entente, другіе говорятъ, — это русская сѣверная армія, по третьимъ источникамъ, это шведы съ американцами. Изъ большевистскихъ газетъ мы знаемъ только, что «противникъ наступалъ большими силами, но былъ нашими доблестными стрѣлками отбитъ съ большимъ урономъ». Но слухи передавались изъ устъ въ уста, что наши насъ не забыли и дѣлаютъ все, чтобы насъ освободить. Всѣ эти дни сижу безвыходно дома и моя больная и я чувствуемъ себя скверно. Сегодня вышелъ декретъ о сдачѣ всѣхъ арм. пассовъ. Это очень непріятная вещь для тѣхъ, кто носитъ скомпрометированную фамилію у большевиковъ. Нашъ симпатичный шведъ-массажистъ далъ мнѣ хорошую мысль, если она осуществима безъ бумагъ, а именно — записаться въ союзъ сестеръ милосердія Кр. Кр. Такимъ образомъ, у меня будетъ латышскій документъ, гдѣ придется, конечно, фамилію переврать; но на основаніи чего они мнѣ его выдадутъ? «Попытка — не пытка», говоритъ пословица, завтра попытаю счастья.

27 Января

Ровно въ 9 часовъ я была уже въ канцеляріи союза сестеръ милосердія, гдѣ прождала до 10-ти, пока явился комиссаръ съ своей секретаршей — несимпатичной латышской дѣвицей въ красной шелковой блузѣ. Во время ожиданія я обдумала планъ дѣйствія: мой паспортъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть предъявленъ — значитъ, утерянъ. Секретарша встрѣтила меня нелюбезно и послѣ первыхъ же словъ заявила, что безъ бумагъ она ничего для меня сдѣлать не можетъ. Я не дала себя обезкуражить и продолжала описывать въ самыхъ мрачныхъ краскахъ свое положеніе, какъ русской въ чужомъ городѣ безъ средствъ съ ребенкомъ. «Вы развѣ не здѣшняя?» Я ухватилась за этотъ вопросъ и стала подробно ей разсказывать, откуда я и гдѣ работала, конечно, все изъ области фантазіи. Я и не предполагала, что умѣю такъ легко лгать. Она, повидимому, смягчалась. «Но какъ же я Васъ запишу въ союзъ сестеръ Кр. Кр., не имѣя бумагъ о томъ, что Вы дѣйствительно сестра милосердія. Я сейчасъ же вытащила два докторскихъ удостовѣренія, выданныя мнѣ знакомыми докторами и помѣченныя заднимъ числомъ, что я дѣйствительно сестра Кр. Кр. военнаго времени. — «Какъ ваша фамилія?» — «Фрейтагъ», отвѣтила я. Послѣ нѣкотораго размышленія она сказала, что какъ исключеніе дѣлаетъ это, въ виду моего тяжелаго матеріальнаго положенія. Люша былъ тоже вписанъ въ этотъ историческій документъ, который впослѣдствіи оказалъ мнѣ огромныя услуги. По ея совѣту я отправилась прямо съ этимъ документомъ въ милицію, гдѣ онъ былъ «товарищемъ» прописанъ и была приложена печать. Выйдя отъ секретарши столкнулась за дверью съ безконечнымъ хвостомъ въ нѣсколько рядомъ тянущимся внизъ по лѣстницѣ далеко на улицу. Всѣ торопились записаться въ какой нибудь союзъ, чтобы получить продовольственныя карточки, такъ какъ послѣднія выдавались только членамъ союзовъ. Довольная результатомъ, я съ облегченнымъ сердцемъ отправилась домой . . .

28 Января

Всѣ магазины и лавки націонализированы и буквально ничего купить нигдѣ нельзя. Голодъ въ городѣ даетъ себя уже тоже сильно знать. Съ рынка все исчезло . . .

29 Января

Запасы и у насъ тощаютъ, особенно они уменьшились послѣ второго обыска. Сегодня въ первый разъ ѣли «кригзуппе». Хозяйки рѣшили только обѣдъ готовить дома, а къ ужину подогрѣвать эту самую «кригзуппе», но во всякомъ случаѣ, мы лично еще не знаемъ, что такое голодъ; сталкиваться же съ нимъ приходится на каждомъ шагу. Поминутно звонятъ изголодавшіеся люди, особенно ужасенъ видъ этихъ робкихъ исхудалыхъ блѣдныхъ дѣтскихъ личекъ съ полными слезъ глазами, умоляющихъ о «корочкѣ хлѣба». —

4 Февраля

Сегодня прибыло много военныхъ частей изъ Россіи, но видъ людей уже совсѣмъ другой: плохо одѣтые, вялые и хмурые, они дѣлали впечатлѣніе людей, идущихъ не по своей волѣ.

5 Февраля

Въ нашемъ домѣ, только въ другомъ подъѣздѣ, жильцы выселяются почти изъ всѣхъ квартиръ.

8 Февраля

Сегодня былъ произведенъ неожиданный обыскъ у нашей швейцарихи, повидимому, заподозрѣнной въ укрывательствѣ вещей одного изъ выселенныхъ квартирантовъ. Вещей не нашли, но открыли съѣстныхъ припасовъ «сверхъ нормы» и, какъ

бѣдная женщина ни старалась имъ объяснить, что ей иногда привозитъ изъ деревни ея зять, знающій ея тяжелое положеніе въ городѣ съ большой семьей, они все забрали и увели еще ея 17-лѣтняго сына-реалиста. Отчаянію этой бѣдной матери не было границъ. Она бросалась на колѣни, цѣловала ихъ руки, умоляя все взять, только оставить ей ея сына, «вѣдь онъ же ничего дурного не сдѣлалъ», повторяла она. «Тамъ разберутъ, знаемъ мы васъ, продажное племя, и души свои нѣмцамъ продали» — былъ на все одинъ отвѣтъ. Поднимаясь по лѣстницѣ, я все думала, какимъ бы образомъ помочь этимъ бѣднымъ людямъ. Попросить «редиску» похлопотать за мальчика. Я успѣла только открыть дверь въ квартиру, какъ изъ нашей гостиной ко мнѣ выбѣжала взволнованная В . . . «Какой ужасъ, баронесса . . . Сегодня на улицѣ забрали С. Н. съ другими мужчинами и дамами на принудительныя работы и этотъ легкомысленный человѣкъ вздумалъ среди бѣла дня бѣжать, спрятавшись въ сосѣднемъ дворѣ гдѣ-то за дровами. Замѣтившая его женщина выдала; несчастнаго всю дорогу били прикладами, изорвали на немъ все платье. Какъ разъ въ это время по улицѣ проходила его жена съ сыномъ. Мальчикъ узналъ отца и закричалъ на всю улицу: «мамочка, смотри, папочку бьютъ». Они попытались пойти за ними, но сопровождавшій солдатъ пригрозилъ, что будетъ стрѣлять, такъ что они и не знаютъ, куда его увели. Я спросила, не можетъ ли ея мужъ помочь, прибавивъ свою просьбу относительно сына швейцарихи. Она только покачала головой, едва ли это возможно будетъ! Уже поздно вечеромъ В. узналъ косвенными путями, что С. Н. арестованъ и сидитъ по Елисаветинской 17 въ зданіи политическаго сыска. Лично В. ничего предпринять не можетъ, не возбудивъ подозрѣнія у «товарищей». Рѣшено было, что я въ качествѣ сестры милосердія пойду туда и скажу, что, узнавъ о его бѣгствѣ и арестѣ, считала своимъ долгомъ придти и сообщить, что С. Н. уже и раньше иногда обнаруживалъ время отъ времени признаки ненормальности и, что вѣрнѣе всего, что его страшная нервность и была причиной его бѣгства. Повредить это не могло, а пользу, можетъ быть, какую-нибудь и принесетъ. —

9 Февраля

Утромъ отправилась въ домъ № 17. Картина, представившаяся моимъ глазамъ, была несовсѣмъ обыденная. Въ большомъ помѣщеніи съ большими столами и шкафами вдоль стѣнъ находились человѣкъ пятнадцать молодыхъ женщинъ. Онѣ были въ самыхъ разнообразныхъ нарядахъ, отъ солдатской шинели до вырѣзанныхъ шелковыхъ платьевъ съ ажурными чулками. Очевидно, это было время отдыха: большая часть сидѣла на столахъ, за недостаткомъ стульевъ, и ѣла. На столѣ стояло блюдо съ жареннымъ мясомъ, черный и бѣлый хлѣбъ лежалъ пирамидой рядомъ. Когда я вошла, одна замѣтила, что теперь у нихъ перерывъ и выразила удивленіе, что патруль пропустилъ: я извинилась и уже намѣревалась выйти, когда другая, огромнаго роста дѣвица въ синемъ шелковомъ открытомъ платьѣ съ безконечной коралловой цѣпочкой на шеѣ, спросила: «А что вамъ нужно, сестра?» Спросивъ, находится ли С. Н. здѣсь, я передала ей все, какъ было вчера рѣшено. «Комиссара сейчасъ нѣтъ, я ему скажу, когда онъ придетъ, но вѣдь это извѣстно, что у всѣхъ этихъ господъ нервы сдаютъ, когда дѣло доходитъ до отвѣта» . . . «Къ этому не привыкать намъ», вмѣшалась другая, «для всѣхъ есть у насъ одно хорошее средство». — «Я только хотѣла предупредить, что это больной человѣкъ», перебила я ее. Онѣ молчали. Я вышла . . .

12 Февраля

Встрѣтила м-мъ Н., она мнѣ сообщила, что у нихъ на квартирѣ былъ обыскъ и что всѣ бумаги забраны. Все это едва ли обѣщаетъ хорошее. Бѣдная женщина!

13 Февраля

Несчастная швейцариха слегла; сына посадили въ тюрьму; сегодня зашла къ ней, она со слезами жаловалась на возмутительное поведеніе коммунистовъ по отношенію къ ея 15-лѣтней дочери, исполнявшей теперь ея обязанности.

16 Февраля

Два сосѣднихъ дома очистили отъ квартирантовъ, всѣхъ выселили къ Красной Двинѣ въ холодные бараки.

18 Февраля

Уже больше недѣли, какъ жители Риги не видѣли хлѣба, — все отправляется на фронтъ, цѣлые вагоны муки, крупы и мяса увозятся изъ города. — Нужда въ городѣ сильно растетъ. Смертность большая, особенно дѣтей и стариковъ. Мы имѣемъ еще порядочный запасъ муки. Оконныя подушки у насъ всѣ набиты мукой вмѣсто песку; одинъ двадцати-фунтовый мѣшокъ въ пестромъ шелковомъ чехлѣ покоится на диванѣ вмѣсто подушки.

19 Февраля

Декретъ о сдачѣ бѣлья и вещей, кромѣ необходимыхъ двухъ смѣнъ. У насъ опять волненіе среди стариковъ. Что дѣлать? Конечно, ждать пока сами придутъ, было мое мнѣніе, но рѣшили иначе. Собрали кое-что изъ бѣлья, платья и обуви и М. торжественно съ Эммой отвезли по адресу. «Гражданокъ» даже поблагодарили, но я думаю, что этимъ мы едва-ли отдѣлаемся . . .

20 Февраля

Торжественныя похороны утопленнаго въ лужѣ Рѣжицкими мужиками коммуниста. Громкая надпись золотыми буквами на черной лентѣ гласитъ: «погибшему славной смертью борцу за свободу и пр.» Славная смерть, нечего сказать!

21 Февраля

Неожиданная встрѣча на улицѣ съ институтской подругой Н. Ф. Уговорила зайти къ ней поблизости. Боже, въ какомъ все видѣ! Живетъ она въ темной комнаткѣ, у какой-то мегеры; занимается шитьемъ, на дверяхъ надпись «М-мъ Натали-портниха». Она мнѣ разсказала, какъ она бѣжала изъ Петрограда, какъ въ Ригѣ она сравнительно хорошо устроилась компаньонкой у своей родственницы; какъ съ приходомъ большевиковъ мужъ родственницы съ дѣтьми уѣхалъ за-границу, а она осталась съ женою въ городѣ; какъ потомъ арестовали родственницу и она, Наташа, осталась на улицѣ безъ средствъ, почти безъ вещей и вотъ теперь перебивается со дня на день грошевой работой». «Ты знаешь, я еще ничего съ утра не имѣла во рту, подожди, будемъ пить кофе», и она вышла. Невеселыя мысли зароились въ моемъ воображеніи: Вотъ она нищета и голодъ, а кто поручится, что въ одинъ прекрасный день ты съ Люшей не очутишься въ такомъ же положеніи. Какая ужасная мысль! Отъ одной мысли дѣлается уже холодно. Вошла Наташа, неся на подносѣ два стакана какой-то мутной жидкости и тарелку, на которой лежали черные кусочки чего-то, оказавшейся кофейной гущей съ прибавкой овсяной муки и соли, подсушенной на огнѣ. Это она ѣла вмѣсто хлѣба. Въ пальто у меня лежала маленькая булочка для больной швейцарихи; я ее подала Наташѣ: «Но я съѣмъ твой завтракъ», протестовала она. Я поспѣшила ее увѣрить, что уже завтракала. Сговорившись, что она завтра къ намъ придетъ, мы разстались . . .

22 Февраля

Ниночка запиской сообщила, что Н. перевели въ центральную и повидимому дѣло его скверно, если не поможетъ какая-нибудь счастливая случайность. Къ обѣду пришла Наташа. Добрая М. накладывала ей двойныя порціи на тарелку. Дѣйстви-

тельно, сегодня я замѣтила, какъ страшно она измѣнилась. Остались кости и кожа; страдаетъ еще всевозможными недугами, но духъ поразительно бодръ. Она разсказала намъ, что она слышала отъ одного большевика, которому подарила экспропріированную ею въ чужой квартирѣ лампу, о томъ, что дѣла нашихъ далеко не такъ плохи: Либава до сихъ поръ въ нѣмецкихъ рукахъ и наши медленно, но упорно подвигаются впередъ. Въ красной арміи много дезертировъ и вообще солдаты, не латыши, идутъ неохотно и только благодаря страшному террору, примѣняемому большевиками въ войскахъ. Мы выпили даже за здоровье Наташинаго большевика за эти вѣсти! . . .

24 Февраля

Отправились съ Д. и Н. въ центральную тюрьму съ вещами и ѣдой. Долго пришлось ждать, пока наконецъ вышли сторожа и по очереди стали принимать вещи. Сейчасъ и наша очередь; сторожъ подошелъ къ стоявшей передъ нами молоденькой дѣвушкѣ; «кому», былъ его вопросъ; она назвала фамилію. «Его уже нѣтъ». «Какъ нѣтъ, вѣдь отца еще не вызывали въ трибуналъ». — «Не знаю; можетъ быть, перевели», онъ отвѣчалъ неохотно, избѣгая смотрѣть въ лицо. Дѣвушка заплакала. «Скажите, вѣдь его не убили?» — «Говорю, не знаю; сходите къ тюремному комиссару, можетъ, узнаете», посовѣтовалъ онъ ей и обратился къ намъ. Наши вещи были приняты; и этому радуешься . . .

25 Февраля

Попавшійся на улицѣ В. мнѣ разсказалъ, что несчастный Н. обнаруживаетъ въ тюрьмѣ признаки сумасшествія. Очевидно, что все случившееся съ нимъ въ тотъ ужасный день имѣло для него роковое послѣдствіе.

26 Февраля

Боже, еще драма! Арестовали нашего милаго старика сапожника, живущаго съ женою визави насъ въ подвальномъ помѣщеніи, — нашли у него золотой портсигаръ, данный ему однимъ изъ давнишнихъ кліентовъ на сбереженіе или для продажи — неизвѣстно. Старикъ былъ возмущенъ и всю дорогу, говорятъ, ругалъ своихъ мучителей, которые, не доставивъ его въ тюрьму, по дорогѣ застрѣлили. Несчастная старушка долго не получала разрѣшенія его хоронить; на покупку гроба разрѣшенія не получила, похоронивъ его завернутымъ въ простыню.

4 Марта

Я и сейчасъ еще не могу придти въ себя отъ всего видѣннаго мною сегодня. Когда я возвращалась домой вдоль Schützengarten'а, то я встрѣтила со стороны Вейдендамма толпу дѣтей и женщинъ подъ конвоемъ, направляющуюся въ сторону къ Двинѣ. Взрослыхъ было сравнительно не такъ много, все больше дѣти различныхъ возрастовъ. Старшіе вели младшихъ за руку; но что въ этой толпѣ дѣтей поражало, это безпримѣрное спокойствіе этихъ маленькихъ арестованныхъ. Старшіе шли съ серьезными сосредоточенными лицами, изрѣдка наклоняясь къ младшимъ, чтобъ отвѣтить на заданный вопросъ или подбодрить утомившагося малыша. На улицѣ всѣ были возмущены видомъ этого потрясающаго зрѣлища. Чернь выражала громко свой протестъ. Слышались возгласы: поскорѣй бы уже пришли «они», а то житья нѣтъ отъ этихъ проклятыхъ, только народъ морятъ! Невольно вспомнилась мнѣ другая картина, съ какимъ восторгомъ тогда этотъ самый народъ встрѣчалъ вступленіе въ городъ большевиковъ! Да, картина совершенно измѣнилась; теперь ихъ встрѣчаютъ молча и провожаютъ глазами полными ненависти и затаенной злобы. — Не оправдали себя большевики, даже въ глазахъ черни . . . Когда толпа арестованныхъ дѣтей заворачивала за уголъ сада, передо мной на одну минуту мелькнула сестринская бѣлая косынка и знакомая фигура. — Дзэи! но нѣтъ, какимъ образомъ могла она попасть въ

эту толпу?! Но разъ зародившаяся мысль не давала мнѣ больше покою и я быстро направилась въ клинику, чтобы лично убѣдиться, что она тамъ. Въ клиникѣ ничего не могли сказать, кромѣ того, что Д. ушла по порученію одной больной и еще не возвращалась. Послѣ обѣда, когда я собиралась опять пойти въ клинику, раздался звонокъ и въ столовую вошла сама Дэзи. Она разсказала намъ обо всемъ случившемся. Утромъ она, по порученію больной, пошла къ ней на квартиру, чтобы привести дѣтей къ матери, которую день передъ этимъ оперировали. Не заставъ бабушки дѣтей, она съ помощью бонны одѣла ихъ и, выйдя съ ними на лѣстницу, столкнулась съ солдатами, которые приказали ей остановиться и ждать, въ виду того, что въ домѣ идутъ обыски и аресты. Въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій она присѣла съ дѣтьми на ступенькахъ, приблизительно черезъ полчаса показались изъ всѣхъ квартиръ женщины и дѣти въ сопровожденіи вооруженныхъ солдатъ. Вся процессія двинулась по лѣстницѣ внизъ; имъ было тоже приказано слѣдовать за другими. Во дворѣ стояла уже толпа арестованныхъ, готовая къ отводу, къ ней присоединились и она. Раздалась команда и толпа двинулась впередъ . Ей ничего не оставалось, какъ взять малышей за руки и слѣдовать за другими. Дорогой она спросила рядомъ съ ней идущаго солдата, куда ихъ ведутъ. «Не знаю, сестрица, должно быть въ тюрьму». — «За что же?» — «А кто ихъ знаетъ, намъ неизвѣстно». Дэзи стала ему разсказывать, какъ она попала, и что мать дѣтей лежитъ послѣ операціи и ждетъ ихъ теперь къ себѣ . . . Солдатъ хмуро молчалъ. Когда подходили къ зданію тюрьмы, открылись ворота и арестованныхъ повели внутрь. Солдатъ вдругъ нагнулся къ ней и шепнулъ: «уходи, сестрица, съ дѣтьми». Сначала она хотѣла слѣдовать за другими, но мысль объ ожидающей своихъ дѣтей больной измѣнили ей первое чувство и она скользнула съ дѣтьми въ сторону. Сегодняшній арестъ дѣтей былъ будто бы отвѣтомъ большевиковъ на присланную будто-то телеграмму нѣмцевъ о томъ, что они будутъ безпощадны къ семьямъ большевиковъ. Каждому, конечно, было ясно, что это было провокація со стороны большевиковъ, предлогъ для новыхъ звѣрствъ! Изъ одной уже только боязни за своихъ близкихъ въ Ригѣ не прислали бы они такой вызывающей телеграммы.

5 Марта

Повидимому, происходитъ нѣчто серьезное на фронтѣ. Большевики проявляютъ большую дѣятельность въ городѣ. Вышелъ строгій приказъ позже шести не показываться на улицѣ. Часть арестованныхъ эвакуирована въ Двинскъ. Цѣлые обозы съ вещами ограбленныхъ и опустошенныхъ квартиръ тянутся по направленію къ товарной ставціи.

9 Марта

Ночью слышна была канонада; гдѣ бы это могло быть? Я встала, открыла окно и, присѣвъ на подоконникъ, съ удовольствіемъ вдыхала свѣжій морозный воздухъ ночи, прислушиваясь къ отдаленнымъ выстрѣламъ. Отъ времени до времени слышенъ шумъ несущагося по улицѣ автомобиля-грузовика; тамъ дальше свистъ локомотива и шумъ поѣздовъ. Въ морозномъ воздухѣ каждый звукъ отчетливо слышенъ. Сегодня, повидимому, дѣятельная ночь у большевиковъ, — это всегда въ связи съ событіями на фронтѣ — и критическій моментъ для жителей Риги.

10 Марта

Моя больная уже немного встаетъ. Скоро моя задача будетъ оконченной здѣсь. Эти дни пушечная стрѣльба почти безпрерывна; особенно хорошо слышна подъ утро. Въ городѣ тоже царитъ большое оживленіе. Прибываютъ все свѣжія части. Я видѣла, какъ они шли съ вокзала. Публика все довольно разношерстная. Вечеромъ Д. зашла сообщить, что ихъ клиника взята подъ красноармейскій лазаретъ. Всѣхъ

больныхъ выселили; привезено много раненыхъ съ фронта. Д. оставила тоже клинику, хочетъ недѣлю отдохнуть. Рижскіе дома пустѣютъ не по днямъ, а по часамъ; все, что возможно, увозится изъ города.

12 Марта

Мои старички просятъ меня, если я и найду работу гдѣ-нибудь въ клиникѣ, остаться съ Люшей жить у нихъ; я имъ сердечно за это благодарна. Мы такъ сжились хорошо вмѣстѣ. Съ 15 начну пріискивать себѣ занятія, будетъ это вѣрно нелегко при теперешнихъ обстоятельствахъ.

15 Марта

Изъ Митавы безпрестанно прибываютъ поѣзда. Привезено опять много арестованныхъ и раненыхъ. Очевидно, Митавѣ грозитъ какая-то «невѣдомая сила»! . . .

16 Марта

Съ двухъ часовъ ночи прислушиваемся къ необыкновенному оживленію на улицѣ. Поминутно несутся моторы съ солдатами и грузомъ, тянутся безконечные обозы съ фуражемъ. Сегодня начались опять въ городѣ массовые аресты. Нѣтъ сомнѣнія, «невѣдомая сила» приближается. Въ газетахъ ничего нѣтъ, еще меньше, чѣмъ обыкновенно. Просто иногда отчаяніе беретъ. Сегодня была въ двухъ частныхъ клиникахъ — вездѣ сестеръ сверхъ комплекта! . . .

17 Марта

Въ городѣ ходятъ смутные слухи о взятіи Митавы; мнѣ кажется, что это правда. Въ этихъ случаяхъ улица лучшій барометръ, а она эти послѣдніе дни какая-то необыкновенно нервная и суетливая — признакъ неувѣренности. Сейчасъ заходила м-мъ С. и сообщила, что ходятъ слухи, что въ тюрьмахъ производятся массовые разстрѣлы заключенныхъ. Она сама сейчасъ видѣла, какъ изъ воротъ тюрьмы выѣхалъ грузовикъ съ заключенными и вооруженными женщинами и быстро понесся по направленію Кайзервальда. Она, бѣдняга, страшно волнуется за своего мужа. Помоги намъ Богъ! . . .

18 Марта

Въ газетахъ ничего о взятіи Митавы, какъ будто и все благополучно, опять безконечные столбцы декретовъ! Но одинъ довольно подозрительный — объ очисткѣ домовъ отъ квартирантовъ. По улицамъ Александровской, Маріинской, Суворовской и Елисаветинской до 22 номера, т.-е. какъ разъ до нашего дома. Не готовятъ ли себѣ большевики отступленія. Всѣ улицы по одному направленію! Въ остальномъ, все по старому! Дэзи въ отчаяніи, получила отъ санитарнаго отдѣла бумагу о явкѣ, предполагается мобилизація сестеръ на фронтъ.

19 Марта

Слухи о взятіи Митавы подтверждаются безбожной расправой большевиковъ съ заключенными. Въ третьемъ часу зашла ко мнѣ Дэзи, прося меня пойти съ нею въ тюрьму, она узнала, что братъ Рольфъ привезенъ изъ Митавы и она надѣется, что, можетъ быть, ей удастся черезъ ей уже знакомаго комиссара что-нибудь для него сдѣлать . . . Надежда у нея, конечно, небольшая, — мы отправились. У воротъ тюрьмы стояла уже громадная толпа родственниковъ и близкихъ, жаждущихъ узнать что-нибудь о судьбѣ своихъ дорогихъ заключенныхъ. Здѣсь были всѣхъ классовъ общества люди, мужчины и женщины. Въ своемъ ужасномъ одномъ общемъ несчастьи они представляли какъ бы одно цѣлое, одну душу. Мы съ Д. направились къ тюремному комиссару, но вмѣсто прежняго здѣсь сидѣлъ незнакомый. Д. робко спросила, не можетъ ли она видѣть комиссара Краузе. Его мрачный замѣститель подозрительно посмотрѣлъ изъ подлобья на насъ и, молча открывъ дверь, крикнулъ въ комнату

рядомъ: «товарищъ Краузе, здѣсь почему-то предпочитаютъ къ вамъ лично обратиться». — «По какому дѣлу?» и онъ появился въ дверяхъ сосѣдней комнаты. Увидѣвъ насъ, онъ холодно замѣтилъ, что его замѣститель налицо. Д. сконфуженно извинилась, объяснивъ, что думала, что нужно къ нему лично обратиться. «Совершенно одинаково», и онъ исчезъ за дверью. «Въ чемъ же дѣло», спросилъ сидѣвшій за столомъ, не переставая писать. Д. отвѣтила, что желала бы получить справку о своемъ родственникѣ. «Сегодня никакихъ справокъ не выдается, въ виду различныхъ непредвидѣнныхъ перемѣнъ», отчеканилъ сидѣвшій. Мы вышли на улицу; какъ разъ въ это время къ тюрьмѣ приближалась телѣга, на ней груда лопатъ, вслѣдъ за ней слѣдовали женщины съ ружьями. Что бы это могло значить? Всѣми нами овладѣло какое-то недоброе предчувствіе. Ворота, какъ по волшебству, открылись, и ужасная телѣга съ ея грузомъ и мрачнымъ эскортомъ исчезла изъ глазъ. Я обернулась въ сторону Д., но ея не было около меня, она исчезла, какъ сквозь землю. Пока я стояла, думая, что предпринять, она вдругъ такъ же неожиданно появилась въ открывшихся на минуту воротахъ тюрьмы. Косынка ея была на боку, а правый рукавъ пальто былъ вырванъ и висѣлъ. Переведя духъ, она сказала. «Ты видѣла этотъ ужасъ! Сейчасъ ихъ всѣхъ разстрѣляютъ. Я видѣла Нагго, онъ стоялъ внизу у окна, съ нимъ были другіе, всѣ страшно блѣдные. Онъ меня узналъ, вскочилъ на подоконникъ и крикнулъ въ форточку что-то — мнѣ показалось: «молитесь за насъ» и еще что-то. Я подбѣжала ближе, но эти ужасныя женщины-звѣри уже схватили и потащили меня къ воротамъ. Подумай, они уже знаютъ, что ихъ ждетъ». Въ толпѣ послышались рыданья, это была невыносимая картина человѣческихъ страданій, горя и отчаянія . .. Къ намъ подошли солдаты, приказавъ намъ немедленно разойтись. Съ какимъ ужасомъ въ душѣ ушелъ каждый! . . .

20 Марта

Всю ночь не сомкнули глазъ. Слухи о массовыхъ разстрѣлахъ подтверждаются разсказами очевидцевъ. Изъ солдатъ большинство отказалось стрѣлять. Эту «священную обязанность» приняли на себя женщины-латышки. Я думаю, это единственный примѣръ въ исторіи міра. Сегодня и нашъ часъ пробилъ! Въ два часа заявился къ намъ мрачнаго вида субъектъ, по его словамъ, военный комиссаръ, съ требованіемъ, чтобы квартира нами была оставлена завтра до часу, въ виду того, что у насъ нѣтъ ордера на проживаніе въ ней. На вопросъ старушки-баронессы, нельзя ли получить такое разрѣшеніе, въ виду ея и обоихъ стариковъ болѣзненнаго состоянія, онъ коротко отвѣтилъ: «пробуйте». Старушки мои были уже опять готовы повѣрить, что это возможно и все устроится, и мнѣ большихъ трудовъ стоило ихъ уговорить, хотя бы серебро изъ кушетки убрать сегодня куда-нибудь изъ квартиры. Я была увѣрена, что, какъ и вездѣ раньше, утромъ рано явятся агенты и не разрѣшатъ ничего взять, даже изъ самаго необходимаго. Старичковъ уговорила тоже сегодня же отослать свои вещи къ родственнику, чтобы завтра не остаться безъ всего. Они всѣ такъ и сдѣлали. Вечеромъ мы съ М. выбрали все серебро и съ помощью племянницы вынесли изъ квартиры въ болѣе безопасныя мѣста. Уже поздно вечеромъ уложила я свои и Люши вещи и Берта снесла ихъ въ подвалъ, откуда ихъ во всякомъ случаѣ будетъ легче взять. Старушки тоже послѣдовали моему совѣту. Туда же были снесены и съѣстные припасы.

21 Марта

Утромъ пошли съ М. за разрѣшеніемъ и, конечно, не получили; намъ всѣмъ отвели двѣ небольшія комнаты съ двумя кроватями гдѣ-то у черта на рогахъ. Я тогда предъявила свой «историческій документъ», ссылаясь на то, что вся моя работа въ этомъ раіонѣ, на основаніи чего, получила разрѣшеніе на одну комнату въ раіонѣ, гдѣ до

сихъ поръ проживала. Кромѣ того, получила разрѣшеніе на перевозъ вещей «въ установленной нормѣ». Мы вернулись домой довольно удрученныя. Такого результата мои старички не ожидали. Съ забѣжавшей къ намъ Н. пошли сейчасъ по частнымъ клиникамъ и въ одной еще нашли свободную комнату, куда я и перевезла сейчасъ свою бывшую больную. М. съ обоими старичками отправились въ отведенныя имъ двѣ комнаты на Матвѣевской улицѣ. Прислуга размѣстилась по знакомымъ, а я, взявъ Люшу за руку, отправилась искать себѣ пріютъ. Это, какъ потомъ оказалось, — было нелегко. Узнавъ, что мы выселены, люди боялись принять насъ къ себѣ. Такъ прошли мы дюжины двѣ квартиръ, получая вездѣ одинъ отвѣтъ: «мы бы съ радостью, но . . .» Уставшіе и голодные возвращались мы къ Д., когда намъ навстрѣчу попалась опять Наташа и, узнавъ въ чемъ дѣло, предложила сейчасъ сходить къ своей петроградской знакомой, у которой еще, кажется, имѣется свободная комната. Д. мы не застали дома, но Саша былъ трогателенъ, онъ принесъ намъ горячаго кофе съ хлѣбомъ и предложилъ отъ Дэзинаго имени побыть у нихъ, пока найдемъ себѣ пріютъ. Разсказалъ, съ какимъ трудомъ удалось Д. отдѣлаться отъ мобилизаціи, получивъ черезъ посредство одной сестры мѣсто въ больницѣ, гдѣ она и работаетъ уже третій день. Вскорѣ пришла Наташа съ доброю вѣстью и мы, не тратя времени, съ помощью дворника и телѣжки, перевезли свои вещи. Комната оказалась съ отдѣльнымъ ходомъ на лѣстницу, уютная, съ двумя кроватями, а сама хозяйка отличнымъ человѣкомъ. — Ну, вотъ покой и у пристани! Уже поздно вечеромъ кто-то постучалъ къ намъ въ дверь. Это была бар. М., пропустившая послѣдній трамъ, и, боясь идти пѣшкомъ въ отдаленную и глухую часть города, она пришла къ намъ переночевать. Милая М. принесла намъ еще булку, хлѣба и крупъ, это было кстати, такъ какъ у насъ, кромѣ карточекъ яа «кригзуппе», ничего не было. Да, вопросъ питанія меня удручаетъ. Купить ничего нельзя, или цѣны такія, что голова кругомъ идетъ. Весь мой запасъ 1000 р., но при этихъ цѣнахъ, это капля въ морѣ . . .

23 Марта

Была въ трехъ клиникахъ, ничего нѣтъ. Наташа тоже съ своей стороны бѣгаетъ, узнаетъ. Сегодня съ ней были у ея хорошаго стараго знакомаго доктора, присланнаго въ Ригу совѣтскими властями открыть на взморьѣ санаторію. Онъ принялъ насъ очень любезно, обѣщалъ устроить, но услышавъ мою фамилію, поторопился взять всѣ свои обѣщанія обратно. На всѣ увѣренія Наташи, что у меня есть латышскій документъ, онъ отвѣчалъ: «поймите же, что могутъ случайно узнать, мое положеніе, какъ прежняго монархиста, и безъ того очень непріятное». И эта надежда разсѣялась дымомъ! Унылыя мы вернулись домой. Сегодня въ первый разъ почувствовала невыносимую боль въ груди, принуждена была даже прилечь. Добрая Н. принесла мнѣ грѣлку, отъ которой стало лучше.

27 Марта

Положительно теряю голову чѣмъ кормить Люшу. Хлѣбъ, который достается съ большимъ трудомъ, стоитъ 25 р. фунтъ, масло 65 р. фунтъ, крупа 25 р. фунтъ, картофель 4 р. фунтъ. Сегодня съ большимъ трудомъ достала четыре фунта хлѣба по 25 р., десять фунтовъ овсяной горькой муки по 10 рублей и растительнаго масла 30 р. за фунтъ, итого 230 р.

29 Марта

Была еще въ различныхъ клиникахъ и лазаретахъ, вездѣ одинъ отвѣтъ: сестеръ сверхъ комплекта. По дорогѣ зашла къ Наташѣ. Прислуга сказала, что она еще не встала; мнѣ это показалось страннымъ, я постучала въ дверь, отвѣта нѣтъ, громко позвала ее по имени. Раздались шаги, дверь открылась и Наташа опять скрылась

за ширмой въ постели. «Иди сюда», позвала она меня. Подойдя и присѣвъ къ ней на кровать, я спросила ее, здорова ли она. «Понимаешь, лежу, чтобы не ощущать голода, буквально нѣтъ больше силъ жить. Спасибо, что ты пришла, я хотѣла уже положить конецъ этому ужасному существованію, опоздай ты немного, и я выпила бы эту гадость». Она указала на стаканъ, стоявшій на стулѣ у постели. «Что это?» — «Сулема». — «Наташа!» «Да вѣдь пойми же два дня ничего не ѣла, а вотъ эта дрянь своего кота ветчиной кормитъ и знаетъ, что рядомъ человѣкъ съ голоду умираетъ», прибавила она, указавъ на дверь хозяйки. Я вылила жидкость изъ стакана въ ведро и сказала, что не уйду, пока она не встанетъ, что затѣмъ мы пойдемъ ко мнѣ и тамъ рѣшимъ, какъ быть. Люша навѣрно уже давно проголодался и ждетъ меня. Остальную часть дня Н. провела у меня, помогая мнѣ въ нашемъ несложномъ хозяйствѣ. Рѣшено было, что она съ утра будетъ приходить къ намъ и исполнять мои обязанности дома, пока я буду рыскать въ поискахъ за занятіями.

30 Марта

Буквально вездѣ, куда ни сунешься, вездѣ одинъ отвѣтъ, нѣтъ свободныхъ вакансій. Зашла Д., она уже девять дней работаетъ въ больницѣ. Работа тяжелая исключительно ночью. Питаніе ужасное, одно хорошо — одинъ фунтъ хлѣба обезпеченъ каждый день. Она обѣщала поговорить со ст. сестрой относительно меня. Видъ у нея очень утомленный и похудѣла она очень; я на нее произвела такое же впечатлѣніе. Она осталась у насъ къ обѣду, который состоялъ изъ стакана чернаго кофе и овсянныхъ блинчиковъ. Н. была за хозяйку и съ свойственнымъ ей юморомъ брала все съ комичной стороны. Я къ сожалѣнію должна была опять прилечь, такъ какъ боли ужасныя . . .

31 Марта

Сегодня исходила всѣ лазареты до послѣдняго и ничего! . . . Вернувшись домой, сейчасъ же легла. Милая Н. принесла горячаго чаю. Пока они обѣдали, я лежала и, чтобы не кричать отъ отчаянія и боли, напѣвала какой-то однообразный мотивъ. Вечеромъ съ Наташей сосчитали наши финансы; за девять дней израсходовано 470 р. Что же дальше? Есть отъ чего съ ума сойти . . .

1 Апрѣля

Сегодня съ Н. тащили черезъ весь городъ въ ремняхъ купленные дрова; достать кого-нибудь, чтобы принесъ, нѣтъ никакой возможности. Дрова теперь тоже своего рода предметъ роскоши; кольцо 35 р. — Устали, какъ почтовыя лошади, а ко всему этому еще эти ужасныя боли. Около четырехъ часовъ зашла Нпочка за Люшей; сегодня рожденіе Андрюши, а мы съ Наташей прилегли. Около шести часовъ постучали въ дверь. Н. открыла, я не слышала съ кѣмъ и о чемъ она говорила, но вдругъ раздалось громкое ура. Я вскочила. Въ комнату вошелъ Саша и волнуясь сообщилъ, что сестра прислала сказать, что въ виду болѣзни одной изъ сестеръ есть свободная вакансія и, если я къ 7 часамъ сегодня явлюсь, то мѣсто останется за мною. Ура! Вмигъ все было забыто, и боли, и голодъ! Оставался часъ на всѣ сборы и дорогу. Черезъ полчаса уходилъ послѣдній трамъ. Поручивъ Люшу заботамъ Н. и сунувъ въ сакъ халатъ и косынку, я въ сопровожденіи Саши направилась къ трамваю. Дорогой онъ мнѣ разсказалъ, что моя предшественница заболѣла тифомъ и что вообще въ больницѣ свирѣпствуетъ тифъ. Ровно въ 7 часовъ я была уже на мѣстѣ. Старшая сестра встрѣтила меня привѣтливо; пошла со мною въ канцелярію, гдѣ уже сидѣли исключительно только товарищи. Здѣсь были провѣрены мои бумаги, вѣрнѣе мой историческій документъ и я включена въ штатъ служащихъ. Затѣмъ сестра повела меня по отдѣленіямъ. У меня ихъ оказалось три, больныхъ около 300 человѣкъ, тяжело больныхъ 20, изъ нихъ пять были тифозные, но лежали въ общихъ палатахъ;

предполагалось ихъ перевести въ тифозное отдѣленіе, когда тамъ освободятся мѣста. Начало недурно, думала я, но одинъ фунтъ хлѣба чего-нибудь да стоитъ! Въ 8 часовъ вступила на дежурство. Сестры въ отдѣленіяхъ латышки, за исключеніемъ двухъ; одна изъ нихъ особенно была симпатична, сестра Регина, къ сожалѣнію, черезъ два мѣсяца ея уже не стало, она умерла отъ тифа. Въ 9 часовъ пришелъ дежурный врачъ и, обойдя со мною всѣ палаты, ушелъ къ себѣ, а я, улучивъ свободный моментъ, спустилась внизъ къ Дэзи. Свиданіе было радостное, теперь будемъ вмѣстѣ работать, вмѣстѣ домой уходить. До одиннадцати было все спокойно, мы съ Д. успѣли уже нѣсколько разъ повидаться и обмѣняться мыслями. Съ 12 ч. началась работа. Привезли раненыхъ и больныхъ. Въ мое отдѣленіе 40 человѣкъ. Несчастные должны были мыться въ холодной водѣ, такъ какъ низшій служебный персоналъ не работаетъ ночью и горячей воды ночью не имѣется. Нѣкоторые были съ высокой температурой и я спросила дежурнаго врача, какъ же быть, неужели и имъ лѣзть въ холодную ванну. «Разъ такое постановленіе существуетъ, приходится подчиняться», былъ отвѣтъ. Брань и неудовольствіе царили среди больныхъ. Помимо всего этого многимъ изъ нихъ пришлось лечь въ своемъ грязномъ бѣльѣ, такъ какъ чистаго не хватало на всѣхъ. Пока вся эта процедура мытья, бритья и стрижки и записей продолжалась, было уже три часа. Тяжело больные отнимали тоже много времени. Въ каждомъ отдѣленіи былъ свой шприцъ для впрыскиванія морфія и камфоры, но ничего для дезинфецированія иглъ, такъ что я въ первое свое дежурство и не рискнула прибѣгнуть къ этому сомнительному «инструменту», вслѣдствіи чего несчастные тяжелораненые страшно страдали. Въ пять часовъ зашумѣли подъ окнами автомобили. Неожиданная эвакуація пятидесяти больныхъ. Опять пришлось ихъ собирать и отправлять. Въ $7^1/_2$ часовъ явились дежурныя сестры и мы съ Д., сдавъ отдѣленія, отправились внизъ въ кухню за своей суточной порціей. Оказалось, что сегодня еще давали четверть фунта колбасы, это уже роскошь! Уложивъ эти драгоцѣнности въ сакъ, мы вышли на улицу, гдѣ еще простояли минутъ двадцать въ ожиданіи трамвая. Отъ усталости мы едва говорили и, найдя свободныя мѣста, успѣли вздремнуть дорогой. Дома прошла сейчасъ въ ванную, гдѣ умылась и перемѣнила бѣлье и платье, послѣ чего только вошла въ нашу комнату, гдѣ Люша и Наташа ждали съ кофеемъ. Наскоро выпивъ горячаго кофе, я сейчасъ же легла. Н. сѣла съ Люшей за нѣмецкій урокъ, обѣщавъ разбудить меня въ два часа. Отлично выспавшись, дала Люшѣ урокъ русскаго языка, а затѣмъ принялись съ Н. за глаженіе бѣлья. Въ $6^1/_2$ час. пришлось уже опять отправляться. По дорогѣ зашла за Д., ей бѣдной сегодня сильно нездоровилось. Вторая ночь была очень безпокойная. Кромѣ привезенныхъ раненыхъ и больныхъ мнѣ принесли еще съ улицы двухъ умирающихъ рабочихъ. Осмотрѣвъ ихъ, докторъ сказалъ, что повидимому отъ истощенія и посовѣтовалъ ихъ положить прямо въ такъ называемую «покойницкую». «Неужели, ничего сдѣлать нельзя?» «У насъ для этого ничего нѣтъ, понимаете. Нѣтъ соотвѣтствующихъ средствъ, даже горячей воды не имѣется. Игра не стоитъ свѣчъ», замѣтилъ онъ, уходя. Когда я нагнулась надъ однимъ, то замѣтила крупную слезу, скатившуюся изъ подъ полузакрытыхъ вѣкъ. Можетъ быть, отецъ семейства, подумала я. Нѣтъ, какъ-то еще не всѣ чувства притупились. Найдя свободную койку, велѣла его положить. У ст. сестры вымолила электрич. кипятильникъ и, согрѣвъ воду, обложила его горячими бутылками, сдѣлала нѣсколько впрыскиваній камфоры и сама не повѣрила глазамъ, когда черезъ два часа замѣтила маленькую перемѣну къ лучшему въ пульсѣ. Мало по малу онъ пересталъ хрипѣть. Съ помощью санитара влила ему въ ротъ немного теплаго молока. Онъ сталъ дышать ровнѣе. Второй былъ очень старъ и всѣ мои старанія не увѣнчались успѣхомъ, пришлось его дѣйствительно

отнести въ «покойницкую». Къ утру мой «пацiентъ» пришелъ въ себя. Я принесла ему немного булки и молока, выпросивъ для него у эконома. Онъ съѣлъ малость и выпилъ. Передавая отдѣленiе, просила сестру обратить на него особенное вниманiе. Домой пришлось пойти пѣшкомъ, по случаю того, что въ воскресенье трамваи не ходятъ.

2 Апрѣля

Напившись чаю, не ложась, отправились съ Н. на рынокъ. Положительно ничего нѣтъ! Послѣ безконечнаго хожденiя купили изъ подъ полы для Люши одинъ фунтъ масла 60 р. и немного картофеля и брюквы. Еслибы не этотъ фунтъ хлѣба, что я приношу каждый день, можно было бы буквально умереть съ голоду. Боли мои даютъ себя сильно чувствовать, иной разъ должна прилечь, чтобы не сдѣлалось дурно. Плохо, коли здоровье еще измѣнитъ! Сегодня мнѣ такъ и не пришлось поспать. Только что я кончила урокъ съ Люшей, пришла бар. М. съ всевозможными новостями и просьбой взять къ себѣ немного бѣлья и серебра. Условились, что Юлiя принесетъ вечеромъ Н. На дежурство пришлось идти опять пѣшкомъ. Дорогой почувствовала опять сильныя боли. Дэзи тоже едва плелась съ страшной головной болью. Одна радость для меня была найти своего пацiента уже сидящимъ на кровати. Онъ со слезами благодарилъ меня. Ему уже все разсказали больные. Сегодня въ общемъ довольно спокойное дежурство, только боли мои меня прямо съ ума сводятъ. Составила три табурета и попробовала прилечь хоть на нѣсколько минутъ, но, повидимому, задремала. Проснулась отъ быстрыхъ шаговъ въ корридорѣ и, когда я вскочила, то Дэзи стояла передо мною, но въ какомъ видѣ! Безъ косынки, волосы растрепанные, вся красная, взволнованная, съ полными слезъ глазами. «Что случилось?» спросила я. «Нѣтъ, это право больше, чѣмъ человѣкъ можетъ выдержать». Она расплакалась. Давъ ей успокоиться, я просила ее толкомъ разсказать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что какой-то товарищъ Рѣзинъ изъ канцелярiи или изъ амбулаторiи влюбился въ нее и уже нѣкоторое время все пристаетъ къ ней съ своими чувствами. Она до сихъ поръ старалась отдѣлаться шутками; сегодня же ночью пришелъ къ ней въ дежурную и сдѣлалъ ей формальное предложенiе. Когда же она ему отказала, говоря, что замужемъ и хотѣла уйти, онъ схватилъ ее и не пускалъ. Не помня себя отъ ужаса, Д. ударила его по лицу. Онъ былъ страшно обозленъ и сказалъ, что она его попомнитъ, если не одумается, онъ уже сообшитъ, кому нужно, «кто мы такiя». Я ей посовѣтовала разсказать обо всемъ старшему врачу. «Это невозможно, онъ тогда навѣрно донесетъ». Да, положенiе пиковое, придется поломать голову, пока выйдешь изъ этого тупика! Рѣшили завтра обсудить этотъ вопросъ. Успокоивъ ее немного и проводивъ внизъ, и поднималась къ себѣ, когда услышала нестовый женскiй крикъ; даже спавшiй санитаръ вскочилъ. Въ тифозномъ отдѣленiи, крикъ былъ оттуда, послышалась бѣготня, громкiе голоса, затѣмъ все стихло. Уже утромъ мы узнали, что одинъ тифозный больной повѣсился. На слѣдующiй день былъ страшный скандалъ, который ст. врачу чуть не стоилъ жизни.

3 Апрѣля

Навѣстила сегодня въ клиникѣ свою бывшую пацiентку, она страшно обрадовалась; жаловалась, что частые обыски въ клиникѣ дѣйствуютъ убiйственно на ея нервы, но въ общемъ ей очень хорошо въ клиникѣ.

6 Апрѣля

Какъ все ужасно складывается. Бѣдная Д. заболѣла тифомъ. Ее положили въ ту же комнатку-дежурку, гдѣ два дня тому назадъ повѣсился больной. Сестра Р. будетъ около нея, это меня нѣсколько успокаиваетъ, такъ какъ это почти единственная опытная и добросовѣстная сестра. Бѣдный Саша, я зашла сообщить ему эту

грустную вѣсть. Бѣдный мальчикъ съ трудомъ сдерживался, чтобы не разрыдаться; онъ такъ безгранично любитъ свою маму Дэзи. Сегодня пришлось дежурить въ пяти отдѣленіяхъ, сестры латышки отказались дежурить ночью, а Дэзина замѣстительница сегодня не пришла. Работы было много: одного изъ привезенныхъ раненыхъ пришлось взять прямо въ операціонную, онъ истекалъ кровью. Всю ночь буквально не пришлось присѣсть. Одинъ моментъ мнѣ сдѣлалось такъ дурно, что я должна была опуститься на подоконникъ, чтобы не упасть. «Да вы просто голодны, сестра, замѣтилъ врачъ. Вамъ надо чего-нибудь поѣсть, идите-ка ко мнѣ въ дежурку, не обижайтесь, что я прямо безъ церемоніи предлагаю Вамъ подкрѣпиться, у меня всего есть еще, слава Богу! Нельзя же всю ночь работать съ холоднымъ шумомъ въ желудкѣ». У него дѣйствительно было всего, даже горячій кофе съ молокомъ и сахаромъ. Подкрѣпившись и поблагодаривъ гостепріимнаго доктора, я хотѣла уходить, когда онъ мнѣ сказалъ: «Вотъ здѣсь кусокъ жаренаго мяса, булка, масло, кусокъ пирога, возьмите все это для Вашего мальчика. Я знаю, что у васъ есть сынъ, не обижайтесь на меня». Какая могла быть обида, я чувствовала глубокую благодарность къ этому доброму человѣку. Съ полными руками вернулась я въ дежурную. Передъ уходомъ домой, спустилась къ Д.; она лежала въ бреду, никого не узнавала и часто произносила имя Рольфа. Р. сказала,.что она всю ночь была безпокойна, все порывалась выскочить изъ кровати. Сестра Р. тоже имѣетъ видъ страшно утомленный.

8 Апрѣля

Опять пѣшкомъ! Сегодня нѣтъ движенія до 12 ч., по случаю собранія служащихъ трамвая. Домой добралась еле живой, — жара нестерпимая. Прилегла, но уже въ часъ встала. Сегодня дѣтямъ обѣщана поѣздка на пароходѣ въ Гагенсбергъ къ Г. Вскорѣ пришли В. съ сыномъ и Саша и мы всей компаніей отправились на пароходную пристань. Дѣти были въ восторгѣ; все время весело болтали, даже суровыя лица большевиковъ на пароходѣ прояснились, глядя на ихъ веселыя, милыя мордочки. Отъ пристани пришлось еще кусочекъ пройти пѣшкомъ до дачи Г. Наташа всю дорогу каламбурила. Поздоровавшись съ хозяйкой, мы сейчасъ всѣ перешли въ садъ, гдѣ было страшно мило. Хозяйка извинялась, что кромѣ саго, ничего не можетъ предложить своимъ гостямъ. Мы ее успокоили, сказавъ, что съ нами есть все, что нужно. Н. въ корзиночкѣ забрала хлѣбъ, масло, пирогъ — вчерашній подарокъ нашего доктора. Дѣти были внѣ себя отъ радости, бѣгали, рѣзвились по саду. Для меня, несмотря на страшную усталость, эти три часа, проведенные въ этомъ зеленомъ уголкѣ, были дѣйствительно пріятнымъ отдыхомъ. Въ $6^1/_2$ вернулись въ городъ и я, у подъѣзда простившись съ дѣтьми, В. и Н., отправилась въ больницу. Саша проводилъ меня кусочекъ, поручивъ милліонъ поцѣлуевъ для своей Дэзи. Онъ и не знаетъ, что его мама Дэзи никого уже не узнаетъ больше. Какъ тяжело!

Сегодняшнюю ночь вмѣсто меня дежуритъ новая сестра, а я дежурю въ тифозномъ. Кромѣ Дэзи, другіе мои больные были спокойны. Д. все время вскакивала, пѣла, просила помянутно пить. Меня не узнавала, называя всевозможными именами; одинъ разъ, когда я ей подавала пить, она вдругъ наклонила голову и перекрестилась. Часто хватается за голову и стонетъ, повторяя «голова моя, голова» . . .

10 Апрѣля

Повидимому большевики крѣпко засѣли въ Ригѣ. У насъ въ больницѣ большинство изъ больныхъ симулянты. Народъ этотъ бѣгаетъ по больницѣ въ бѣльѣ, часто въ своемъ грязномъ, за недостаткомъ казеннаго, босыми и безъ халатовъ. Видъ удручающій! . . . Болѣе серьезныхъ паціентовъ приносятъ съ улицы, все жертвы голода! Сегодня принесли старика и старуху, которые почти сейчасъ же и скончались.

Страстная недѣля! Приближается праздникъ Пасхи, этотъ чудный праздникъ для всѣхъ христіанъ, но ничто не напоминаетъ о его близости . . . церкви всѣ стоятъ закрытыми. Мои «симулянты» ведутъ крупную карточную игру, цѣлыя кучи денежныхъ бумажекъ валяются на столахъ и кроватяхъ. Всѣ мои просьбы и требованія прекратить игру — не помогаютъ. Сегодня даже въ одной палатѣ на мое требованіе отдать карты одинъ латышъ злобно замѣтилъ: «Вы не очень, сестра, ретиво исполняйте полицейскія обязанности, въ лучшемъ видѣ подсѣдемъ и вылетите отсюда». Ужасная публика!

Въ два часа ночи заявился ст. врачъ, пошелъ по палатамъ и засталъ въ одной карточную игру. Онъ страшно вспылилъ, переписалъ всѣхъ и сказалъ, что переведетъ ихъ въ штрафную роту. Мнѣ сдѣлалъ строжайшій выговоръ. Я, конечно, молчала. «Что же вы ничего не отвѣчаете?» вдругъ спросилъ онъ, идя по корридору. Я ничего не отвѣтила; онъ внимательнѣе посмотрѣлъ на меня и уже мягче прибавилъ «съ этимъ народомъ трудно, я скажу дежурному врачу сообщить больнымъ о приказѣ Троцкаго по войскамъ относительно карточной игры, а Вы, сестра, будьте тоже построже», и уже милостиво пожавъ мнѣ руку, пожелалъ спокойной ночи . . .

11 Апрѣля

Сегодня въ больницѣ общее собраніе. Я еще ни разу не была и ст. сестра посовѣтовала мнѣ пойти. Собраніе было около кухни въ обширномъ подвальномъ помѣщеніи; предсѣдательствовалъ ст. врачъ. Говорилъ все больше кухонный персоналъ: судомойки, сидѣлки, сторожа; медицинскій персоналъ сидѣлъ молча. Говорилось преимущественно о неудовлетворительности пищи. Нѣкоторые прямо заявляли, что въ больницѣ идетъ грабежъ за счетъ трудового люда, «и не безъ вѣдома ст. врача», раздалось съ заднихъ скамеекъ. Ст. врачъ нѣсколько разъ порывался отвѣтить, но ему не дали слова. Больные заявляли жалобу на грубое и невнимательное отношеніе сестеръ; отчасти это было вѣрно. Латышки-сестры были фамильярны въ своемъ обращеніи съ солдатами, во подчасъ грубы и рѣзки съ больными, особенно не изъ латышей. Но вотъ встала одна сестра и потребовала слова. Она говорила по латышски, но сидѣвшая рядомъ со мною сестра Герцхенъ перевела мнѣ: она возмущалась, что среди больничнаго персонала слишкомъ много нѣмецкаго элемента; неужели въ самой Латвіи говорила она, не нашлось достаточно латышей на эти мѣста. Возмущалась, что нѣмецкій языкъ преобладалъ даже среди сестеръ латышекъ, что во всемъ замѣчается пагубное для нихъ нѣмецкое вліяніе и что къ ея величайшему прискорбію она не замѣчаетъ ни малѣйшаго противодѣйствія этому со стороны старшихъ властей больницы. — Это уже походъ на насъ, думала я. Наконецъ поднялся ст. врачъ и заявилъ, что ни одинъ изъ вопросовъ, стоящихъ на очереди сегодня, не былъ обсужденъ и что за недостаткомъ времени онъ лишенъ возможности отвѣтить на всѣ сегодняшнія заявленія, а потому все откладывается до слѣдующаго общаго собранія. Поднялся шумъ, крикъ, руготня, — мы поторопились уйти.

12 Апрѣля

Бѣдной Д. очень плохо. Ей дѣлаютъ частыя впрыскиванія камфоры и дегалена. Сашокъ каждый день заходитъ къ намъ узнать о сестрѣ, а я не рѣшаюсь сказать ему правду. Какъ тяжела жизнь!

13 Апрѣля

Сегодня зашла В. ужасно встревоженная: съ нѣкоторыхъ поръ въ министерствѣ ея мужу стали выказывать недовѣріе, а сегодня даже его другъ-капитанъ посовѣтовалъ ему проситься въ другой какой-нибудь отдѣлъ; онъ хочетъ просить мѣсто агронома въ деревню. Я высказалась, что на мой взглядъ это будетъ еще труднѣе, такъ какъ придется имѣть дѣло съ простыми латышами, для которыхъ онъ всегда останется

предметомъ ненависти, и лавировать въ этой средѣ будетъ еще труднѣе, а въ случаѣ прихода нашихъ даже опасно. Она увѣряла, со словъ мужа, что большевики сидятъ крѣпко и никогда не были такъ сильны, какъ въ данное время. Утѣшительно для насъ! Но кто знаетъ? Она предложила намъ ее проводить и напиться у нихъ чаю. Наташа играла немного на роялѣ.

17 Апрѣля

Первый день Пасхи! Какое унылое настроеніе, вездѣ хмурыя лица! Одна природа въ блескѣ своей весенней красоты празднуетъ этотъ свѣтлый праздникъ! Среди больныхъ царитъ тоскливое, нудное настроеніе. Только мелькающіе по палатамъ, сегодня особенно бѣлые халаты и косынки сестеръ, какъ бы протестуютъ противъ общаго сѣраго колорита. Сегодня умеръ у меня въ палатѣ русскій солдатъ; онъ былъ чахоточный и раненъ въ легкое; подозвавъ меня, попросилъ священника исповѣдываться. Пошла я въ канцелярію спросить, какъ же быть. «Не полагается», былъ короткій отвѣтъ. Бѣдняга повидимому страшно страдалъ, все просилъ меня посидѣть около него: «Я, сестрица, не большевикъ; видитъ Богъ, не по своей волѣ сюда пришелъ, нужда заставила. Не думай, сестрица, что народъ по своей волѣ идетъ . . . охъ, тяжело . . . и поисповѣдаться то не разрѣшили, мучители»; я его успокаивала, какъ могла. «Сестрица, коли помру, положи мяѣ въ гробъ вотъ этотъ образокъ и ладонку». Я конечно обѣщала исполнить. Къ утру бѣдняга умеръ. Положивъ въ скрещенныя на груди руки образокъ и ладонку, прикрыла его простыней. Господи, сколько такихъ мучениковъ умираютъ и за что? За какое доброе дѣло? Въ $7\frac{1}{2}$ часовъ явилась дежурная сестра. Узнавъ, что въ палатѣ находится еще покойникъ, она подошла и, рѣзкимъ движеніемъ сорвавъ простыню, удивленно посмотрѣла на меня: «кто его такъ положилъ»; на мой отвѣтъ, она какъ-то ядовито спросила: «какъ, вы даже не знаете, какъ кладутъ нашихъ?» Замѣтивъ образокъ, она еще возмущеннѣе закричала: «это еще что за гадость!» и отбросивъ его въ сторону, грубымъ движеніемъ вытянула руки покойника. «Всякая тутъ нѣмка будетъ свои порядки заводить», волновалась она. На этотъ разъ и больные были возмущены. «Это вы уже напрасно, сестра», замѣтили нѣкоторые робко. Я молча вышла, но внутри меня все кипѣло и возмущалось. Такая душевная грубость, я думаю, и среди звѣрей немыслима.

18 Апрѣля

Придя вечеромъ на дежурство, была встрѣчена восклицаніями сестеръ: «Слава Богу, вы не арестованы, здѣсь уже ходили слухи, что васъ съ вашимъ мальчикомъ арестовали на улицѣ». — «Пока нѣтъ ». «Ну, такъ еще будетъ», спокойно замѣтила писавшая за столомъ сестра Э. Сестры смѣялись: «Что вы такая злая сегодня, сестра?» «Ненавижу этихъ высокомѣрныхъ нѣмокъ, и чего онѣ всюду суются». «Ну, бросьте вашихъ высокомѣрныхъ нѣмокъ», смѣясь замѣтила я, «пдемте въ отдѣленіе, передайте мнѣ вашихъ больныхъ». Она нехотя встала и пошла со мною. По дорогѣ поругалась съ солдатомъ, который жаловался, что не получилъ лѣкарства. Я вздохнула легче, когда она наконецъ ушла. Дэзи все еще между жизнью и смертью; докторъ къ ней очень внимателенъ. Сегодня принесъ лекарство для нея, которое съ трудомъ можно достать въ городѣ. Она теперь изрѣдка узнаетъ и какъ-то мелькомъ, несовсѣмъ ясно.

20 Апрѣля

Сегодня зашла М. и разсказала по секрету, что въ городъ проникъ подъ видомъ спартакиста нѣмецкій офицеръ и сказалъ кому-то изъ ея родственниковъ, что они надѣются взять Ригу. Боже, еслибы это только была правда! «Тяжелыя испытанія еще предстоятъ жителямъ города», вздохнула она. Я ей разсказала о сегодняшней

исторіи съ сестрой Э., она покачала головой. Наташа по обыкновенію, страшно волновалась и увѣряла, что «такую дрянь» необходимо отравить. —

23 Апрѣля

Наташа переѣхала съ вещами въ освободившуюся комнату рядомъ съ нами. Уплатили 40 р. керенками, на что симпатичная хозяйка и согласилась. Нѣсколько дней получаю по рецепту нашего врача двѣ кружки молока, которыя и приношу домой. Нашли еще одинъ источникъ, гдѣ получаемъ два раза въ недѣлю по одному штофу (8 р.), такъ что Люша еще не голодаетъ, но мы съ Н. живемъ впроголодь. Все это время вообще ни за какія деньги нельзя достать хлѣба, живемъ исключительно моимъ фунтомъ; говорятъ, что и намъ сбавятъ до $^3/_4$ ф.

25 Апрѣля

Была вызвана въ канцелярію, понадобились справки о моей прежней жизни, родственникахъ. На вопросъ, гдѣ мой мужъ, я отвѣтила, что былъ на фронтѣ, а гдѣ теперь, — мнѣ неизвѣстно. Записали мой городской адресъ, не знаю къ добру ли это все!

Сегодня опять страшнѣйшій скандалъ; какая-то сестра изъ бывшихъ сидѣлокъ по ошибкѣ впустила больному въ глазъ, вмѣсто капель, какой-то ѣдкой жидкости. Ее чуть не разорвали въ отдѣленіи. Это характеризуетъ порядки въ нашемъ заведеніи. У меня ночь была довольно благополучная, не считая собственныхъ болей. Д. здоровье неважно, но не хуже; она лежитъ спокойно, по временамъ плачетъ и какъ будто иногда заговаривается. Докторъ думаетъ, что со временемъ это можетъ пройти.

28 Апрѣля

Сегодня въ нашемъ домѣ шелъ обыскъ, я только что собралась идти спать, когда пришла наша хозяйка насъ предупредить. Наташа «ничтоже сумняшеся», написала на листѣ бумаги вершковыми буквами — сестра послѣ ночного дежурства спитъ и проситъ не безпокоить — и водворила на мою дверь съ лѣстницы. На ея вопросъ, что дѣлать съ бѣльемъ и серебромъ старушекъ, я только рукой махнула, «что Богъ дастъ!» Я была такой уставшей и боли до того замучили, что еслибы мнѣ сказали, что въ домѣ пожаръ, я бы и тогда не тронулась съ мѣста. Наташа съ Люшей перешли въ сосѣднюю комнату, а я почти сейчасъ заснула. Проснувшись послѣ пяти, узнала, что обыскъ благополучно миновалъ мою комнату. Какъ-то день теперь проходитъ для меня незамѣтно; живешь, какъ сова ночью. А дни стоятъ обворожительные. Сегодня, проснувшись, изъ постели любовалась въ открытое окно цвѣтущими каштанами и большимъ грушевымъ деревомъ, сплошь покрытымъ бѣлыми цвѣтами. Н. съ дѣтьми проводили меня часть дороги. Все уже зелено, солнышко такъ чудно свѣтитъ и такъ безконечно грустно на душѣ . . .

30 Апрѣля

Большевики готовятся къ празднованію 1-го мая. Сегодня, проходя, видѣла среди площади выстроенное на подобіе капища зданіе съ безконечными пирамидками вдоль площади. Огромные красные шесты, украшенные красными лентами и гирляндами цвѣтовъ съ массовской звѣздой на верхушкѣ, тянутся безконечной линіей вдоль улицъ. Вездѣ, куда ни посмотришь — красно. Вся эта бутафорія стоила, говорятъ, больше милліона, а кому она нужна, вся эта безвкусица! Развѣ это не есть пародія столь осуждаемыхъ старыхъ порядковъ? Въ больницѣ получился приказъ, требующій участія въ празднествѣ всѣхъ служащихъ кромѣ дежурныхъ. Я себя освободила отъ этой обязанности, въ виду ночного дежурства.

1 Мая

По случаю великоторжественнаго дня трамъ не ходитъ, и пришлось опять тащиться цѣлый часъ пѣшкомъ домой. Улицы уже съ 8 утра переполнены народомъ и всевозможными депутаціями. Все это строится въ одну безконечную процессію и подъ звуки музыки направляется со всѣхъ сторонъ къ соборной площади, гдѣ высочайшія власти и ораторы всевозможныхъ организацій, живописно группируясь на ступенькахъ храма свободы среди пальмъ и цвѣтовъ, намѣревались возвѣстить освобожденному ими народу новую эру въ исторіи человѣчества. Но, что бросается въ глаза въ этотъ историческій день торжества большевистскихъ идей, это отсутствіе спокойныхъ, довольныхъ лицъ, какъ обыкновенно бываетъ у людей связанныхъ одной общей идеей. Вездѣ, куда ни бросишь взглядъ, — недовольныя, мрачныя, равнодушныя лица. Повидимому, столь восхваляеман свобода не осчастливила освобожденнаго отъ гнета народа. Добравшись наконецъ до своей постели, я рада была, хотя бы во снѣ, забыть удручающую дѣйствительность. Проспавъ добросовѣстно до пяти, я еще лежала въ постели, съ грустью помышляя о предстоящемъ путешествіи пѣшкомъ въ больницу, когда вернулись Н. съ Люшей; и нервая съ свойственнымъ ей комизмомъ принялась разсказывать обо всемъ, что она видѣла и слышала. Я ей часто говорила въ шутку, что слушая ее — забываешь, что въ желудкѣ пусто. Пожелавъ другъ другу спокойной ночи мы разошлись.

3 Мая

Въ нашемъ образцовомъ заведеніи еще заболѣли тифомъ сестра и двѣ сидѣлки. Было опять общее собраніе, очень бурное, на которомъ низшій служебный персоналъ обвинялъ врачей въ будто-бы умышленномъ распространеніи тифа среди трудового персонала больницы. Подъ трудовымъ они, конечно, подразумѣвали исключительно себя. Когда же одинъ врачъ попробовалъ возразить, указавъ, что въ прошломъ мѣсяцѣ умеръ врачъ и двѣ сестры и въ данный моментъ лежатъ въ тифозномъ три сестры и фельдшеръ. Со всѣхъ сторонъ послышались возгласы: «молчать». Грозили кулаками и дѣйствительно оставалось только замолчать. Одна сидѣлка заключила свою рѣчь: «доктора и сестры — другое дѣло, они могутъ себѣ сами помочь, а нашего брата умышленно моритъ». Почему умышленно и кѣмъ, осталось неизвѣстнымъ. Съ каждой минутой ораторы и ораторши становились воинственнѣе, ихъ подзадоривали съ заднихъ скамеекъ возгласами: «такъ ихъ, подѣломъ». Съ минуты на минуту можно было ожидать, что дѣло дойдетъ до драки. Улучивъ удобный моментъ, я вышла. Въ отдѣленіи уже ждала меня работа: принесли съ улицы умирающихъ — мальчика лѣтъ 14 и женщину съ маленькимъ ребенкомъ, всѣхъ троихъ подобрали на улицѣ. По опредѣленію врача: «отъ голода». Подымаются волосы отъ ужаса; куда мы идемъ, или вѣрнѣе, куда ведутъ насъ наши благодѣтели? Послѣ продолжительныхъ стараній удалось привести въ чувство мальчика, женщина же умерла, не придя въ себя. Остался несчастный двухлѣтній заморышъ; уложила его, напоивъ молокомъ, въ дежуркѣ.

7 Мая

Получили жалованье 430 р. керенками, иначе говоря, негодной бумагой, на которую ничего купить на рынкѣ нельзя. Положеніе не совсѣмъ веселое! . . .

Дззи поправляется, но ко всему апатична.

8 Мая

Забѣжала В. сообщить, что мужъ ея уже уѣхалъ на свое новое мѣсто агронома около В. Прислалъ ей уже всякой всячины: масла, хлѣба, яицъ, мяса. Слушая ее, у насъ съ Н., какъ говорится, слюнки потекли. «Я и Вамъ кое-что принесла», добавила она и изъ своей рабочей корзиночки достала свертокъ. «Котлетки! — закричала

Н., и цѣлый «пудъ» хлѣба, да это цѣлое богатство, мы уже и во снѣ давно не ѣли мяса». Наташа забарабанила торжественный маршъ на пустомъ кофейникѣ. «Ахъ, вы наша милая «редисочка», давай Вамъ Богъ много лѣтокъ и дѣтокъ». Но и это было еще не все. В. поавала насъ къ ужину и угостила на славу. Н. взяла даже ноты и съ большимъ чувствомъ играла намъ Сибеліуса и Рахманинова. Я, кромѣ котлеты и кусочка хлѣба съ масломъ, ничего не могла ѣсть изъ-аа болей, но Н. и Люша не заставляли себя просить и оказали честь всему. Потомъ они проводили меня еще немного. Пришлось идти опять всю дорогу пѣшкомъ, трамваи «для удобства» не ходятъ. У больницы столкнулась съ бар. М. и Ш., они живутъ совсѣмъ близко отсюда и зашли меня навѣстить. Къ сожалѣнію, могла очень недолго съ ними поговорить. Они сообщили, что наши спасители приближаются. Опасаются новыхъ ужасовъ со стороны большевиковъ. Обѣщавъ ихъ навѣстить, поднялась въ отдѣленіе. Дежурство въ тифозномъ. Ночью Д. поманила меня къ себѣ и спросила: «что это за муаыка?» Я ничего не слышала. Она заволновалась: «Слушай же, пѣдь это же нѣмецкая Wacht am Rhein.» Затѣмъ отвернулась къ стѣнѣ и затихла. «Ахъ, еслибы это было такъ», подумала я.

10 Мая

Сегодня среди прибывшихъ съ фронта одинъ особенно обратилъ на себя мое вниманіе; онъ и по типу и по манерамъ отличался отъ прочихъ. Быстро умывшись и переодѣвшись въ чистое бѣлье, пока остальные вели безконечные пререканія, онъ подошелъ ко мнѣ и попросилъ по нѣмецки укааать ему мѣсто въ палатѣ. Привычнымъ ухомъ сразу уанала иностранца. Пруссакъ! Неужели пробрался? А можетъ быть спартакистъ, только почему-то не похожъ . . . Фу, какъ сердце забилось! Отвела ему койку въ сторонѣ отъ другихъ.

Вскорѣ принесли еще одного милиціонера въ беасоанательномъ состояніи; сопровождавшая его жена сказала, что онъ сердечный больной; съ нимъ пришлось повозиться. Пока онъ пришелъ въ себя, я спросила его по русски, какъ онъ себя чувствуетъ. Испуганно посмотрѣвъ на меня, онъ скаазалъ что-то по латышски сосѣду, тотъ мнѣ перевелъ, что онъ жалуется, что русская сестра его хочетъ отравить. Что за чудеса! На рѣдкость несимпатичный больной . . . антипатія повидимому обоюдная.

14 Мая

Мой «пруссакъ» попросилъ меня достать ему разрѣшеніе поѣхать въ городъ навѣстить мать. Ему дали отпускъ на два дня. Онъ ушелъ и мы его больше въ больницѣ не видѣли. Дэзи физически замѣтно поправляется, но все такая же отсутсвующая. Товарищъ Р. выкаазываетъ большой интересъ къ ней, сегодня прислалъ бутылку вина. Теперь-то его вниманіе кстати, но что будетъ потомъ? Бѣдная Дэзи! Милиціонеру моему лучше, но онъ все волкомъ на меня смотритъ и у меня къ нему какая-то необъяснимая антипатія.

15 Мая

Повидимому, бои идутъ на фронтѣ серьезные. Слышна безпрерывная канонада, неизвѣстно только, кто стрѣляетъ — наши спасители, или наши мучители. Въ городѣ все спокойно, волненія не замѣчается, какъ будто большевики твердо сидятъ въ немъ. Сегодня торжественно хоронили привезеннаго съ фронта латышскаго полковника. Между прочимъ въ процессіи шелъ отрядъ «Flintenweiber», какъ ихъ здѣсь въ насмѣшку зонутъ.

Когда я шла по Суворовской, навстрѣчу мнѣ попался какой-то штатскій привѣтливо замахавшій мнѣ съ извозчика; лицо его показалось какъ будто знакомымъ, но вѣрнѣе всего, что какой-нибудь подвыпившій франтъ, подумала я и пошла дальше. Вскорѣ я услышала, что меня кто-то нагоняетъ, а затѣмъ раздался знакомый голосъ: «Schwester»; я обернулась, передо мной стоялъ штатскій. Онъ пошелъ со мною

рядомъ. «In kurzer Zeit sind wir in Riga, Mut, Schwesterchen», шепнулъ онъ; теперь я узнала своего «пруссака». Я подала ему руку и онъ исчезъ въ толпѣ. Фу, какъ сердце забилось, пришлось перевести духъ!

18 Мая

Съ фронта прибываютъ солдаты, раненыхъ нѣтъ; думаю, просто бѣгутъ. Сегодня долго стояла ночью у открытаго окна, прислушиваясь къ отдаленной стрѣльбѣ. Какъ-то не вѣрится уже, устали мы и измучились! Дождемся-ли? Я уже работаю изъ послѣднихъ силъ, да развѣ я одна? Весь этотъ голодный, умирающій народъ.

19 Мая

Дежурю въ тифозномъ, апатія Д. приводитъ меня въ отчаяніе. Въ свободную минуту присѣла у ея постели, взяла ея исхудалую руку и, не будучи въ силахъ совладать съ чувствомъ отчаянія, уткнулась лицомъ въ ея подушку и заплакала. Она долго смотрѣла на меня, потомъ нагнулась ко мнѣ и ласково провела рукой по моей щекѣ . . .

20 Мая

Я собиралась уходить домой, когда въ дверяхъ появилась сестра Э. и съ свойственной ей манерой, не здороваясь, спросила, извѣстно ли мнѣ, что сегодня собраніе коммунистовъ, и что всѣ обязаны явиться. Я ей возразила, что въ виду того, что я не коммунистка, едва ли я имѣю право присутствовать на этомъ собраніи, и спросила, будетъ ли она. «Сочту своей священной обязанностью». Чтобы не попасть впросакъ, зашла къ дежурному врачу спросить. Онъ быстро и рѣшительно отвѣтилъ: «ни въ какомъ случаѣ, Ваша обязанность теперь спать». Я была рада такому разрѣшенію вопроса и успокоенная отправилась домой.

Явившись вечеромъ на дежурство, была вызвана опять въ канцелярію; сидѣвшій за столомъ товарищъ долго разсматривалъ какую-то бумагу, изрѣдка поглядывая на меня. Наконецъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ — къ какой партіи я принадлежу. Я, не ожидая такого вопроса, не знала, что собственно отвѣчать и сказала: «мое званіе сестры милосердія исключаетъ меня изъ всякой активной политической партіи». — «Такъ». Затѣмъ послѣдовали опять вопросы — кто я, откуда, кто родные. Я отвѣчала спокойно, не вдаваясь въ подробности. Помолчавъ онъ сказалъ: «нѣкоторые товарищи недовольны, что Вы не знаете латышскаго языка». «Я сама еще болѣе сожалѣю объ этомъ, но за неимѣніемъ свободнаго времени, не могу пополнить этотъ пробѣлъ». Очевидно, это шло отъ сестры Э. Онъ еще разъ пробѣжалъ бумагу, пожалъ плечами и сунулъ ее въ столъ, отпустивъ меня кивкомъ головы.

Навстрѣчу мнѣ попалась взволнованная Р. Отведя меня въ сторону, она сообщила, что здѣсь ходятъ слухи о предстоящемъ арестѣ двухъ нѣмецкихъ сестеръ, фельдшера и сидѣлки. Она была ужасно растроенной; я ее успокоила, говоря, что уже не въ первый разъ эти слухи объ арестѣ. Ночью прибыло опять много «симулянтовъ». Отъ русскаго солдатика узнала, что нѣмецъ сильно напираетъ и палитъ изъ пулемета, что красные оставляютъ фронтъ, или переходятъ къ нѣмцу.

21 Мая

Прибѣжала В. сообщить, что ночью секретно вернулся мужъ ея; его положеніе въ деревнѣ оказалось ужаснымъ. Комитетъ рѣшилъ его арестовать; къ счастью онъ узналъ объ этомъ, и ему удалось еще ночью попасть на поѣздъ, что дальше дѣлать — не знаетъ. Былъ у друга капитана, тотъ ему выхлопоталъ съ трудомъ недѣльный отпускъ.

Сегодня съ Н. отдали послѣднія царскія деньги, кромѣ керенокъ ничего въ кассѣ! Мною тоже овладѣло какое-то чувство апатіи и безразличія. Придя на дежурство, столкнулась съ деж. врачемъ. Онъ мнѣ показался какимъ то страннымъ, взволнован-

нымъ. На мой вопросъ, не случилось ли чего, отвѣтилъ: «ничего новаго», глядя мимо меня. «Вотъ, сестра», продолжалъ онъ, «въ большой палатѣ къ вашему милиціонеру пришелъ сынъ, онъ и сейчасъ тамъ; не знаю, о чемъ они говорили, но когда я вошелъ въ палату, больной со слезами сталъ меня умолять отпустить его съ сыномъ сейчасъ. Доложилъ ст. врачу, разрѣшенія не послѣдовало. Больной узнавъ это, обнаружилъ признаки волненія, граничащіе съ психозомъ. Я сейчасъ отъ него. Прошу Васъ выпроводить сына, перевести больного въ отдѣльную палату и приставить санитара; на всякій случай сдѣлайте впрыскиваніе морфія. Выпроводивъ сына и приставивъ санитара, я пошла внизъ къ ст. сестрѣ за морфіемъ. Въ общемъ прошло не болѣе 15 минутъ. Поднимаясь по лѣстницѣ, замѣтила волненіе среди больныхъ, столпившихся у оконъ. Во дворѣ собрались люди около чего-то бѣлаго на землѣ. Прежде, чѣмъ мнѣ успѣли отвѣтить, я уже знала, что произошло, и бросилась по лѣстницѣ во дворъ. Мы перенесли выбросившагося въ окно милиціонера въ перевязочную. У него было сильно расшиблено лицо и ноги, другихъ поврежденій не оказалось. Какимъ образомъ онъ могъ выскочить черезъ откидывающуюся вверху окна форточку, когда около него находился санитаръ, случайно зашедшій фельдшеръ и большинство больныхъ было на ногахъ, — до сихъ поръ для меня непонятно. Уложивъ его въ отдѣльномъ помѣщеніи и приставивъ отдѣльнаго санитара, я пошла въ дежурку. Все случившееся меня страшно взволновало. Въ дверь постучали, вошелъ деж. врачъ. Онъ былъ очень разстроенъ: «право, не знаю, что вамъ посовѣтовать; бѣжать, скрыться, если можете», сказалъ онъ, «все сейчасъ случившееся еще болѣе ухудшаетъ ваше положеніе». — «Я васъ не понимаю, въ случившемся несчастіи я не виновата, вы сами знаете». «Ахъ, кто говоритъ о винѣ, поставятъ къ стѣнкѣ и все тутъ . И какой чертъ, съ позволенія сказать, посовѣтовалъ вамъ, баронесса, сунуться въ это коммунистическое гнѣздо». — «Не чертъ, а голодъ, докторъ, самый обыкновенный голодъ, но причемъ тутъ баронесса, скажите?» «Не будемъ же играть теперь въ прятки, скверно, очень скверно ваше положеніе, сестра. Вы что же дѣлать думаете?» Я была близка къ отчаянію. «Дежурить и исполнять взятыя на себя обязанности», коротко отвѣтила я. «Помогай Вамъ Богъ!» и онъ вышелъ. Теперь я больше не могла сдерживать слезъ. Выпивъ немного воды я успокоившись, пошла по палатамъ, чтобы не оставаться со своими мрачными мыслями. Около 3-хъ часовъ послышался продолжительный отдаленный гулъ. Гроза! подумала я. Вдругъ вошелъ докторъ. «Вы слышите», спросилъ онъ, подходя къ окну. «Гроза». — «Да что вы? вы бывали на фронтѣ?» Онъ открылъ окно. — «Слушайте, это шумъ летящаго снаряда». Дѣйствительно, шумъ былъ продолжительный и ясный. Сердце сильно забилось. Дождемся ли, тоскливо подумала я. Невольно пришло въ голову замѣчаніе М.: «многое еще предстоитъ испытать въ случаѣ ихъ приближенія къ Ригѣ». Я молчала. Лицо доктора тоже стало свѣтлѣе. «Хотите, чтобы они пришли», нерѣшительно спросила я. «Да, ужъ пора положить конецъ этому безобразію, кто бы тамъ ни былъ!»

22 Мая

Утромъ передъ уходомъ мнѣ пришлось быть въ канцеляріи, гдѣ я была свидѣтельницей слѣдующаго разговора по телефону: — «Вы что же хотите устроить, опять мартовскую панику? . . . Повѣрьте, что эти трусы врутъ . . . у насъ этихъ свѣдѣній не имѣется». Я вышла. Всю дорогу опять пѣшкомъ домой. Канонада безпрерывно и близко гдѣ-то. Что же это такое? А если трусы не врутъ! Въ городѣ все спокойно, никакого волненія не замѣчается. Придя домой, разсказала обо всемъ Наташѣ. Она рѣшила сходить въ городъ на развѣдку, а я легла спать. Люша читалъ у стола. Долго ли я спала — не знаю. Проснулась я отъ возгласа Люши: «Муся, hörst deutsches Kommando?» Я открыла глаза. Что это было во снѣ? Люша лежалъ на окнѣ и

продолжалъ кричать: «Муся, Муся, смотри». Одинъ моментъ, и я была около него. Перегнувшись въ окно, мы увидѣли, Боже, глазамъ не вѣрится! — Отрядъ нѣмецкихъ Feldgraue въ каскахъ съ ружьями шелъ по нашей улицѣ. Поминутно раздавались выстрѣлы. По улицѣ бѣжали люди въ противоположную сторону, нѣкоторые останавливались и поднимали руки, очевидно, сдавшіеся большевики. Черезъ пять минутъ все, что было въ домѣ — старъ, младъ, интеллигентъ, простолюдинъ, богатый, бѣдный — выбѣжало на улицу встрѣчать своихъ спасителей. Они еще намъ кричали не выходить, подождать, запереть двери и окна, такъ какъ еще идетъ стрѣльба, но никто не обращалъ вниманія на эти предостереженія. «Спасены», вырвался, какъ одинъ крикъ изъ сотенъ грудей. Плакали и смѣялись отъ радости, увидѣвъ трехъ изъ ландсвера. Я подбѣжала узнать, гдѣ мой мужъ и beau frère. «Идутъ, всѣ идутъ», весело подтвердили они. Поручивъ Люшу хозяйкѣ, я съ прибѣжавшей сіяющей Наташей, конечно, предварительно обнявшись и расцѣловавшись, отправилась въ городъ. Еще вездѣ стрѣляли и поминутно приходилось укрываться въ подъѣздахъ и за выступами. По Суворовской и Александровскому пр. люди, лошади, обозы, все это смѣшалось въ одну безпорядочную обезумѣвшую массу, старавшуюся уйти. Нѣмецкія части ихъ преслѣдовали. На улицѣ показался автомобиль съ военнымъ начальствомъ и быстро промчался; за нимъ слѣдовали другіе съ солдатами. «Мантейфель, Мантейфель», раздалось со всѣхъ сторонъ. Онъ торопится въ тюрьму на спасеніе заключенныхъ. Въ одну тюрьму ему удалось еще во время поспѣть и всѣхъ спасти, но въ другой большевики многихъ успѣли уже въ послѣдній моментъ передъ уходомъ разстрѣлять. Роковая пуля одной изъ «Flintenweiber» сразила и самого храбраго Мантейфеля, который дѣйствительно проявилъ энергію и смѣлость, рисковалъ жизнью, влетая съ своимъ автомобилемъ въ занятые еще болшьевиками части города для спасенія несчастныхъ заключенныхъ. Вся Рига была на улицѣ, встрѣчая своихъ спасителей. Когда же по улицамъ потянулись обозы, повозки, походныя кухни, общій вздохъ облегченія вырвался изъ тысячей грудей. Благодарностямъ и восторгу не было границъ.

Здѣсь можно было увидѣть трогательныя картины встрѣчъ матерей со своими сыновьями, мужей съ женами. Мы тоже искали своихъ, но напрасно. Избѣгавъ улицы, мы наконецъ рѣшили итти домой. На площади ярко горѣли памятники большевиковъ. Усталыя и счастливыя вернулись мы домой. Наташа отстала купить у солдатика папиросъ, а я поднялась къ намъ въ комнату и принялась съ Люшей приготавливать чай. Онъ уже нѣсколько разъ бросался мнѣ на шею. Вскорѣ прибѣжалъ Саша; мы весело болтали, когда вдругъ по лѣстницѣ раздались быстрые шаги, дверь открылась, послышался Наташинъ голосъ: «смотри, кто». Моментъ, и я лежала въ объятіяхъ мужа. Радость и счастье трудно передать. За нимъ стоялъ Б. «А Дзэи?» Разсказавъ ему въ короткихъ словахъ все, мы сѣли въ стоявшій внизу автомобиль и поѣхали въ больницу. Кромѣ небольшого числа персонала, все бѣжало. Больныхъ, кромѣ тѣхъ, что были сильно ранены, не оказалось ни одного налицо. Вся больница какъ-бы вымерла. Я вошла первой къ Д., она повернула ко мнѣ свое безучастное блѣдное личико, когда же за мной показалась фигура Б., она вдругъ поднялась какъ отъ электрическаго тока, напряженно въ него всматриваясь. Затѣмъ протянувъ къ нему руки, она радостно почти шопотомъ произнесла Б., онъ былъ уже на колѣняхъ у ея кровати и теперь уже крѣпко держалъ свою Д. Рѣшено было ее завтра перевезти въ городъ. Радость Саши и всѣхъ насъ не поддается описанію. Вошедшій врачъ сердечно поздравилъ насъ съ чудеснымъ спасеніемъ и преподнесъ на память приказъ о нашемъ арестѣ на 23 Мая. Еще все не вѣрится счастью!

Содержаніе

Къ исторіи Манифеста 17-го Октября — Записки Н. И. Вунча и кн. Н. Д. Оболенскаго 5
Изъ воспоминаній — ген. А. С. Лукомскаго 14
Интеллигенція на Дону — Александра Дроздова 45
Кіевская эпопея — Р. Гуля 59
Отступленіе отъ Одессы — Ф. Штейнмана 87
Полтора года въ совѣтскомъ Главкѣ — І. Рапопорта 98
Брестъ-Литовскъ — О. Чернина 108

Документы и письма:

Журналъ Засѣданія Совѣта Министровъ Крымскаго Краевого Правительства 16 Апр. 1919 г. 135
Изъ секретнаго доклада 143
Изъ моей тетради — С. В. Милицына 170
Изъ Дневника — бар. Фрейтагъ фонъ-Лорингофенъ 194

СОДЕРЖАНІЕ I ТОМА: Задачи Архива — Влад. Набоковъ, Временное Правительство — П. Красновъ, На внутреннемъ фронтѣ — Р. Донской, Отъ Москвы до Берлина въ 1920 г. — С. Вороновъ, Петроградъ — Вятка въ 1919 — 20 г. — Н. Неклюдовъ, Предсказаніе русской революціи — К. Крамаржъ, Основы Конституціи Россійскаго Государства — Докладъ о положеніи дѣлъ на Украйнѣ въ мартѣ 1918 г. — Образованіе сѣверно-западнаго правительства — Доклады Карташева, Кузьмина-Караваева и Суворова — Письмо ген. Гофа ген. Юденичу — Послѣдніе дни Л. Андреева — Описаніе польскаго отступленія въ августѣ 1920 г.

Напечатано издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ

625033
P Arkhiv Russkoi Revolyutsii.
HSlav v. 2 (1921)
A

DATE | NAME OF BORROWER

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

MAISON-VAL-FLEURY

Digitized by the Internet Archive
in 2009 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/arkhivrusskoirev03gess

P
HSlav
A

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ИЗДАВАЕМЫЙ
И. В. ГЕССЕНОМЪ

III

БЕРЛИНЪ 1921

625082
9.12.55

Copyright by Slowo-Verlag, Berlin
Всѣ права, въ томъ числѣ и право перевода на другіе языки, принадлежатъ Издательству «СЛОВО»

Борьба за возрожденіе Россіи въ сѣверной области

С. Добровольскаго

Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись

Тургеневъ

Отъ автора

Настоящая работа имѣетъ своей цѣлью освѣтить одинъ изъ эпизодовъ гражданской войны — борьбу на нашемъ далекомъ Сѣверѣ съ большевиками. Въ газетѣ и журналахъ удѣлялось много мѣста фронтамъ Колчака, Деникина, Врангеля и Юденича и лишь борьба въ Сѣверной Области мало привлекала общественное вниманіе, такъ какъ этотъ клочекъ Россіи казался далекимъ отъ ея жизненныхъ центровъ и силы его борцовъ столь ничтожными, что этотъ фронтъ не могъ сыграть роль рѣшающаго фактора въ борьбѣ. Между тѣмъ событія, которыя разыгрались здѣсь, далеко не лишены интереса. Это былъ единственный фронтъ, гдѣ фактически была осуществлена интервенція путемъ вмѣшательства въ нашу внутреннюю борьбу вооруженныхъ силъ союзниковъ. Архангельскъ, хотя и не на большой срокъ, вошелъ въ орбиту вліяній высокой политики пословъ великихъ державъ, нашедшихъ въ немъ гостепріимный пріютъ послѣ покинутія ими Совѣтской Россіи, заключившей позорный Брестъ-Литовскій договоръ, и здѣсь искренно и честно была произведена попытка возрожденія Россіи на началахъ правового строя и демократическаго режима, положенныхъ въ основаніе государственнаго бытія всѣхъ европейскихъ странъ.

Мнѣ пришлось тоже принять въ этой борьбѣ свое посильное участіе; мои впечатлѣнія и воспоминанія и составляютъ содержаніе настоящей работы *. Судьба поставила меня въ счастливое положеніе въ смыслѣ возможности прослѣдить какъ вооруженную борьбу нашей маленькой арміи, такъ и попытки государственнаго строительства на новыхъ началахъ. Находясь во

* За исключеніемъ 3ей главы I части, въ которой вкратцѣ со словъ другихъ лицъ описаны событія, имѣвшія мѣсто до моего прибытія въ Сѣверную область.

главѣ военно-судебнаго вѣдомства Области, я какъ военный былъ въ непрерывной связи съ представителями арміи, а какъ юристъ принималъ самое широкое участіе въ творческой дѣятельности власти, входя для этого въ общеніе какъ съ членами Правительства, такъ и съ представителями общественно-политическихъ круговъ.

При изложеніи я старался возможно объективнѣе и точнѣе описать тѣ событія, свидѣтелемъ или участникомъ которыхъ мнѣ пришлось быть, пропуская весь матеріалъ не только черезъ горнило своего скромнаго разума, ни и тщательно прислушиваясь къ голосу своей совѣсти.

Цѣль работы — выяснить причины гибели носителей національно-патріотической идеи возрожденія родины и торжества въ нашей отсталой странѣ героевъ III интернаціонала. Цѣль эта побуждаетъ не утаивать ничего и держаться только правды, какой бы горькой она не оказалась, что мною обѣщано тѣмъ моимъ лучшимъ друзьямъ изъ доблестной офицерской среды, которые или погибли въ неравной борьбѣ со смертельными врагами нашей несчастной родины, или, что пожалуй еще хуже, попали въ руки терзающихъ ее до сихъ поръ палачей и тѣмъ обречены на тяжкія и длительныя страданія... Ихъ свѣтлой памяти и посвященъ мой скромный трудъ.

Декабрь 1920 г.

Введеніе

Февральская революція застала меня въ гор. Кременцѣ Военнымъ Прокуроромъ XI арміи. Съ быстротой кинематографической драмы въ нѣсколько десятковъ тысячъ метровъ пронеслись передо мною выдающіяся событія этой богатой впечатлѣніями эпохи развитія революціоннаго процесса въ арміи. Здѣсь не время и не мѣсто отдаваться имъ: они заслонены сейчасъ не менѣе яркими событіями гражданской войны на бѣлыхъ фронтахъ, участникомъ которой мнѣ суждено было сдѣлаться въ Архангельскѣ и описанію которой и будутъ посвящены дальнѣйшія строки.

Въ Ноябрѣ 1917 г. власть въ XI арміи перешла въ руки революціоннаго большевистскаго комитета, открывшаго военныя дѣйствія противъ самоопредѣлившейся Украйны; я не счелъ болѣе возможнымъ оставаться въ арміи и въ первыхъ числахъ Декабря отбылъ въ Петроградъ.

Я не буду утомлять вниманіе читателей описаніемъ всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ событій, свидѣтелемъ которыхъ мнѣ пришлось быть за время годичнаго пребыванія въ Петроградѣ при большевикахъ. Весь разрушительный процессъ дѣятельности Совѣтской власти и попытка строительства жизни на новыхъ коммунистическихъ началахъ, все это произошло на моихъ глазахъ и было предметомъ самаго внимательнаго наблюденія съ моей стороны. Только испытавъ дѣйствіе такого эксперимента надъ собой и окружающими, человѣкъ понимаетъ все безуміе этой затѣи и пріобрѣтаетъ увѣренность, что она

никогда не уцѣлѣетъ и будетъ отброшена жизнью, а, кромѣ того, только такимъ путемъ пріобрѣтается тотъ опытъ и усвоеніе цѣлей и методовъ борьбы, безъ которыхъ трудно достичь полной побѣды надъ такимъ грознымъ явленіемъ современности, какъ большевизмъ, жертвой котораго уже три года является наша родина и который угрожаетъ благополучію всего міра.

Послѣ годичныхъ мытарствъ въ поискахъ за кускомъ хлѣба, голодовки, ужаснаго нравственнаго состоянія, въ связи съ необходимостью почти все время мѣнять мѣсто почлега, въ виду систематическихъ обысковъ и попытокъ къ аресту, мнѣ удалось въ Ноябрѣ послѣ долгихъ хлопотъ отправить семью въ Финляндію. Руки были развязаны и начались хлопоты о личномъ бѣгствѣ туда же. О переходѣ границы въ частномъ порядкѣ при посредствѣ финновъ-проводниковъ, бравшихъ большія суммы (отъ 3000—15000 р.), нечего было и мечтать, а потому я приступилъ къ розыску бѣлыхъ организацій, чтобы прибѣгнуть къ ихъ помощи. Принимая во вниманіе конспиративность такихъ организацій, задача была нелегкая, но, какъ часто бываетъ, помогъ случай. Въ одной хорошо знакомой морской семьѣ я познакомился съ однимъ изъ членовъ морской бѣлой организаціи, который, узнавъ, что цѣлью моего ухода изъ совдепіи является желаніе принять активное участіе въ борьбѣ съ большевиками, обѣщалъ мнѣ оказать свое содѣйствіе. Черезъ нѣсколько дней мнѣ была назначена явка на конспиративную квартиру, гдѣ я долженъ былъ быть переданъ «по принадлежности» представителю сухопутной бѣлой организаціи. Не безъ волненія переступилъ я порогъ конспиративной квартиры, занимаемой одной извѣстной русской артисткой, такъ какъ со времени вступленія въ связь съ организаціей можно было всегда ожидать всякихъ непріятныхъ неожиданностей: тогда только что былъ опубликованъ списокъ разстрѣлянныхъ членовъ морской организаціи во главѣ съ докторомъ Балтійскаго флота Ковалевскимъ; но обаятельная личность встрѣтившаго меня моряка сразу же подѣйствовала успокоительно. Появившійся вскорѣ послѣ этого представитель «сухопутной» организаціи былъ столь удачно загримированъ подъ «товарища» въ своемъ «френчевомъ нарядѣ» и съ напомаженнымъ чубомъ на лбу, что хозяинъ поспѣшилъ представить его, послѣ чего при общемъ нашемъ смѣхѣ по поводу такого удачнаго маскарада мы приступили къ обсужденію нашего дѣла. Поразительны то мужество и самоотверженность, съ которой эти люди творили въ Петроградѣ свое опасное дѣло въ обстановкѣ провокаціи и блестяще организованнаго большевиками сыска. Какъ мнѣ послѣ стало извѣстно, одинъ изъ тогдашнихъ моихъ собесѣдниковъ былъ разстрѣлянъ послѣ наступленія ген. Юденича на Петроградъ. Еще болѣе поразительна та скромность, съ которой они расцѣнивали свою опасную работу. Прощаясь со мной, тотъ изъ нихъ, кто помогъ мнѣ прибѣгнуть къ помощи бѣлой организаціи, просилъ меня, какъ представителя военной прокуратуры, заступиться въ будущемъ за него, когда его привлекутъ къ отвѣтственности за службу въ красномъ флотѣ. Тогда мнѣ эта мысль показалась и чудовищной и смѣшной, но потомъ заграницей въ кругахъ россійскихъ обывателей, своевременно «эвакуировавшихся» изъ Россіи въ первый періодъ революціи, или уже очутившихся тамъ до ея начала, мнѣ приходилось слышать отъ лицъ, палецъ объ палецъ не ударившихъ для дѣла спасенія родины, кровожадные разговоры о примѣрномъ наказаніи безъ всякаго разбора всѣхъ тѣхъ, кто очутился на службѣ у большевиковъ. Такихъ господъ много снуетъ въ тылу бѣлыхъ фронтовъ, гдѣ они большей частью

занимаются спекуляціей, еще больше ихъ устроилось по заграничнымъ центрамъ, гдѣ они, устроившись на теплыхъ мѣстахъ, ждутъ того момента, когда усиліями борцовъ на бѣлыхъ фронтахъ и тѣхъ самоотверженныхъ героевъ, о которыхъ я упомянулъ выше, будетъ для нихъ открыта граница Россіи. Увы, ихъ много, этихъ господъ, и имъ мы должны быть главнымъ образомъ обязаны тѣмъ, что часто европейское мнѣніе слагается не въ пользу Бѣлой Россіи.

21 Декабря съ трехъ часовъ дня началось мое путешествіе въ Финляндію. Съ небольшимъ чемоданчикомъ и съ пустой крынкой изъ подъ молока (для маскировки намѣреній) прибылъ я на одну изъ площадей Петрограда, гдѣ «сухопутный» представитель передалъ меня изъ рукъ въ руки проводнику — крестьянину финну. Началось томительное и жуткое путешествіе сначала въ трамваѣ, а затѣмъ въ вагонѣ одной изъ мало извѣстныхъ желѣзнодорожныхъ линій, полнаго крестьянами финнами, привозящими въ Петроградъ молоко. Разговоры ихъ, которые я понималъ, такъ какъ немного владѣю финскимъ языкомъ, сводились всѣ къ обмѣну впечатлѣніями объ обыскахъ, которые, хотя и не каждый день, но по нѣсколько разъ въ недѣлю производились на одной изъ станцій, которую намъ предстояло проѣхать. Трудно передать тѣ ощущенія, которыя охватили меня, при приближеніи къ этой станціи. Остановка, холодный воздухъ отъ вливанія новой пассажирской волны, а затѣмъ передаваемыя шопотомъ сверлящія душу фразы: «Идутъ» — «Никто не идетъ» — «Какъ не идутъ, уже начали обходъ съ двухъ концовъ поѣзда» — «Плохо будетъ, если ѣдетъ кто-нибудь изъ буржуевъ или офицеровъ, доберутся до него и арестуютъ» — «Вчера былъ обходъ и одного вытащили» — «Ну, значитъ, сегодня не пойдутъ, разъ вчера обходили». Только уцѣпишься за эту отрадную мысль, какъ опять слышишь: «Идутъ, уже осматриваютъ въ сосѣднемъ вагонѣ». Болѣзненно сжимается сердце и слышишь черезъ толстое пальто сильное біеніе его. Свистокъ, поѣздъ трогается. Не пришли! Кровь приливаетъ къ лицу, радостно бьется сердце, крѣпнетъ вѣра въ счастливый исходъ предпринятаго путешествія, на душѣ тепло и хочется обнять симпатичныхъ финновъ, польщенныхъ моимъ умѣніемъ говорить на ихъ родномъ языкѣ и радушно угощающихъ меня, голоднаго петроградца, хлѣбомъ.

Пересадка въ товарную теплушку, небольшой перегонъ стоя и мы высаживаемся на маленькой станціи среди сосноваго лѣса. Проводникъ подхватываетъ чемоданчикъ и мы идемъ по занесенной снѣгомъ дорогѣ. Послѣ двухъ верстъ ходьбы мы въ избѣ у проводника. Большая семья въ девять душъ, проводникъ — старшій сынъ 18 лѣтъ. Хозяйка угощаетъ меня кофе и со слезами на глазахъ разсказываетъ свою печальную повѣсть. Мужа убили красные, а теперь хотятъ окончательно загубить семью, требуя 15.000 р. единовременнаго налога и угрожая въ случаѣ неуплаты конфискаціей дома съ земельнымъ участкомъ. «Слава Богу, сынъ зарабатываетъ, но вѣдь его дѣло опасное, могутъ донести и его разстрѣляютъ». И, какъ всегда послѣ такого рода разговоровъ, мучительный вопросъ: «Какъ вы полагаете, скоро ли все это кончится?»

Въ два часа ночи подаютъ лошадь; прощаюсь съ гостепріимной хозяйкой и начинаю усаживаться въ сани. Кучеръ помогаетъ садиться и чистымъ русскимъ языкомъ безъ всякаго акцента, дружески улыбаясь, говоритъ: «Закутайтесь хорошенько, г-нъ полковникъ, холодно, а дорога длинная». Не

успѣваю выяснить, кто онъ, проводникъ вскакиваетъ къ нему на облучекъ и среди завывающей метели, завязая въ снѣгу, совершаемъ путешествіе въ 17 верстъ до второго проводника, который долженъ будетъ перевести меня черезъ границу.

Маленькая избушка на курьихъ ножкахъ и новый радушный пріемъ въ простой финской семьѣ. Угощаютъ чаемъ съ ватрушками изъ чернаго хлѣба съ картофелемъ вмѣсто творога. Угощеніе кажется царскимъ послѣ петроградской голодовки. За ѣдой кучеръ расшифровывается — это молодой фельдфебель одного изъ полковъ, стоявшаго когда-то подъ Петроградомъ. Онъ смертельно ненавидитъ большевиковъ и самъ готовится бѣжать къ бѣлымъ въ случаѣ объявленія мобилизаціи красными. Сердечно расцѣловавшись, прощаюсь съ нимъ и съ первымъ проводникомъ и ложусь на дровни для дальнѣйшаго путешествія. Плывемъ въ снѣгу, лошадь вязнетъ по горло и только немного легче становится въ лѣсу, гдѣ дорога не такъ занесена. Послѣ двухчасового путешествія выѣзжаемъ въ поле, по которому гуляетъ снѣжная метель. Оставляемъ лошадь привязанной у какого-то одинокаго сарая, такъ какъ кругомъ жилья нѣтъ, проводникъ вскидываетъ мой чемоданъ на плечи и начинается самый переходъ границы по поясъ въ снѣгу черезъ болотистое поле, изрытое канавами. Часа два продолжается эта мука съ провалами въ воду; временами кажется, что истощенный голодомъ организмъ не выдержитъ этого испытанія, но собираешь послѣднія силы и движешься впередъ. Среди почти механическихъ движеній, связавныхъ съ вытаскиваніемъ все время вязнущихъ ногъ, забываешь, что переходишь границу и что въ карманѣ два конверта съ секретными свѣдѣніями, почерпнутыми изъ штаба красной арміи. Достигаемъ лѣса; дорога немного лучше, но она становится совсѣмъ легкой послѣ того, какъ проводникъ оборачивается и со свѣтящейся при лунѣ улыбкой заявляетъ: «А мы уже въ Финляндіи, граница за нами въ трехъ километрахъ». И бурная радость заливаетъ душу, вырвавшуюся изъ совѣтскаго ада; не чувствуешь болѣе усталости и начинаешь наслаждаться картиной первобытнаго густого лѣса съ постукивающими дятлами и загадочными тѣнями, падающими на узкую дорогу отъ мерцающей луны, которую то открываютъ, то закрываютъ летящія снѣжныя тучи. Но вотъ, видно жилье и въ 6 часовъ утра входимъ въ финскую деревню. Предстояло сдѣлать 75 километровъ до ст. Теріоки и вновь началось тяжелое путешествіе при невѣроятной стужѣ и метели, съ одного воинскаго поста на другой. Подъѣзжая вечеромъ къ Теріоки, я совсѣмъ закоченѣлъ, а моя усталость послѣ физическихъ и нравственныхъ переживаній дошла до того, что я положительно сталъ галлюцинировать и въ сосновомъ лѣсу, среди котораго мы проѣзжали, мнѣ мерещились огромные замки съ зеркальными стеклами.

Въ 7 часовъ вечера я предсталъ передъ теріокскимъ комендантомъ, который отпустилъ меня ночевать въ гостиницу, гдѣ я сразу же легъ спать и лишь на слѣдующій день, проснувшись около часу, отправился отыскивать представителей бѣлой русской организаціи, которымъ я долженъ былъ передать доставленные изъ Петрограда пакеты.

Каждый изъ насъ, испытавшихъ ужасы петроградской жизни при большевикахъ, знаютъ, что обитатели Петрограда жили и живутъ до сихъ поръ иллюзіями о приходѣ извнѣ избавителей, причемъ положеніе большинства петроградцевъ столь тяжкое, что они согласны купить свое спасеніе какой угодно цѣной, а потому приближеніе непріятеля къ столицѣ въ 1918 году

вызвало среди населенія нескрываемую радость. Въ періодъ перехода мною границы, Петроградъ жилъ иллюзіями объ англійской помощи и всюду можно было услышать передаваемыя изъ «достовѣрныхъ» источниковъ свѣдѣнія объ англійскомъ штабѣ въ Теріокахъ и войскахъ ген. Юденича на финляндской границѣ. Иллюзіи эти въ своихъ интересахъ поддерживались и бѣлыми организаціями въ Петроградѣ въ цѣляхъ привлеченія большаго количества участниковъ въ свои кадры. Каково же было мое разочарованіе, когда вмѣсто всего этого я нашелъ въ Теріокахъ лишь конспиративную квартиру, гдѣ нѣсколько русскихъ офицеровъ въ своей своеобразной полувоенной формѣ влачили жалкое существованіе въ пустой дачѣ съ кроватями безъ одѣялъ и бѣлья. Ими очень быстро я былъ информированъ, что организація ген. Юденича еще только что зарождается, а объ иностранной помощи ничего и не слышно.

Среди этихъ офицеровъ мое вниманіе привлекъ морской лейтенантъ Г., только что вернувшійся со свѣжими новостями изъ за границы. Онъ выдѣлялся среди другихъ своимъ широкимъ развитіемъ и большой освѣдомленностью въ дѣлахъ бѣлыхъ. Въ то время въ антибольшевистскихъ кругахъ преобладало мнѣніе, что безъ помощи союзныхъ вооруженныхъ силъ съ большевиками не справиться. Лейтенантъ Г. рѣзко высказывался противъ подобнаго мнѣнія, утверждая, что интервенція принесетъ только вредъ, такъ какъ союзники преслѣдуютъ лишь свои интересы и спасеніемъ Россіи не интересуются; единомыслія въ русскомъ вопросѣ среди нихъ нѣтъ, Россіи они совершенно не знаютъ и не понимаютъ, потому надѣлаютъ массу глупостей и вмѣшательство ихъ, даже при удачѣ, будетъ дорого стоить русскому народу. Кромѣ того, вмѣшательство иностранцевъ позволитъ большевикамъ играть на патріотическихъ чувствахъ русскаго народа, придавая борьбѣ съ бѣлыми національный характеръ, и лишитъ бѣлыхъ должной самостоятельности и иниціативы, такъ какъ иностранцы при оказаніи помощи будутъ претендовать на руководящую роль. Опора на иностранные штыки, а не на свою собственную силу, деморализирующе отразится на бѣлыхъ, вызывая у нихъ ложное представленіе, что спасеніе Россіи придетъ извнѣ, а не благодаря самоотверженности и патріотизму ея сыновъ, и лишитъ бѣлыхъ той энергіи и вѣры въ свои собственныя силы, которыя одни только смогутъ обезпечить имъ побѣду. Подѣлившись далѣе своими грустными впечатлѣніями отъ тѣхъ темныхъ элементовъ, которые уже тогда «примазывались» къ бѣлымъ организаціямъ и отъ отсутствія въ средѣ бѣлыхъ политическаго единомыслія, лейтенантъ Г., проведя параллель между великой французской революціей и развитіемъ революціоннаго процесса у насъ, высказалъ опасеніе, какъ бы борьба бѣлыхъ не только не принесла бы пользы, но даже вредъ, задержавъ то естественное изжитіе большевизма внутри, которое уже началось и будетъ имѣть свой логическій конецъ . . .

Часть I

Путешествіе въ Сѣверную Область и исторія возникновенія въ ней борьбы

Глава I

Россійскій посланникъ въ Стокгольмѣ г. Гулькевичъ. Дорожныя впечатлѣнія и бесѣды. Фіорды

Въ Январѣ 1918 года мною была получена телеграмма отъ Россійскаго посланника въ Стокгольмѣ г. Гулькевича съ предложеніемъ ѣхать въ Архангельскъ для занятія должности по военно-судебному вѣдомству, такъ какъ глава Временнаго Правительства Сѣверной Области Чайковскій вызывалъ туда спеціалистовъ. Я тотчасъ же отвѣтилъ принципіальнымъ согласіемъ, но отъѣздъ мой изъ Финляндіи затянулся, такъ какъ я хотѣлъ устроиться въ возникшую къ этому времени въ Финляндіи организацію ген. Юденича, считая, что мнѣ нѣтъ никакой надобности ѣхать такъ далеко, когда работать можно здѣсь же на мѣстѣ.

Убѣдившись, однако, что предпріятіе ген. Юденича принимаетъ затяжной характеръ, я рѣшилъ ѣхать на Сѣверъ и, исхлопотавъ необходимыя визы, въ томъ числѣ и англійскую на право въѣзда въ Архангельскъ, выѣхалъ 5 Апрѣля изъ Гельсингфорса въ Стокгольмъ. Въ нарядной столицѣ Швеціи я пробылъ 9 дней, поджидая партію офицеровъ изъ Финляндіи, съ которыми долженъ былъ ѣхать на Сѣверъ. Здѣсь я былъ представленъ Россійскому посланнику г. Гулькевичу, обаятельная личность котораго произвела на меня самое чарующее впечатлѣніе. Чрезвычайно внимательный ко всѣмъ, г. Гулькевичъ поражалъ своей удивительной освѣдомленностью во всѣхъ вопросахъ, касающихся внутренняго и внѣшняго положенія Россіи, а также своимъ поразительнымъ умѣніемъ вѣрно оцѣнить переживаемыя событія и сдѣлать изъ всей обстановки правильный выводъ. И немудрено: для него не существовало среди насъ, русскихъ, гражданъ перваго и втораго разряда, онъ принималъ всѣхъ и выслушивалъ съ одинаковымъ вниманіемъ каждаго. Сильное впечатлѣніе произвела на него переданная мною

просьба представителей бѣлой организаціи въ Петроградѣ поспѣшить съ помощью, такъ какъ они, по ихъ словамъ, могли удержаться только до весны, когда имъ предстояло или ждать кровавой ликвидаціи, или выступить противъ бѣлыхъ. Онъ попросилъ меня составить объ этомъ депешу, которая и была немедленно отправлена въ Парижъ.

15 Апрѣля въ обществѣ нѣсколькихъ офицеровъ я выѣхалъ изъ Стокгольма по желѣзной дорогѣ въ Нарвикъ — одинъ изъ маленькихъ портовъ Сѣверной Норвегіи. Судьба послала мнѣ въ дорогѣ очень интереснаго спутника, полковника ген. штаба Б., только что бѣжавшаго изъ совдепіи. На его перепетіяхъ намъ стоитъ немного остановиться. Разъединенный съ женой, которая находилась въ Новониколаевскѣ, Б. рѣшилъ бѣжать черезъ линію восточнаго фронта въ Сибирь. Но попытка эта не удалась; онъ былъ схваченъ красными и ему угрожалъ разстрѣлъ, когда было получено распоряженіе Троцкаго предложить ему на выборъ, какъ «спецу», или начальника штаба арміи или разстрѣлъ. Б. согласился на службу большевикамъ и вскорѣ выхлопоталъ себѣ болѣе спокойное мѣсто — инспектора пѣхоты Сѣвернаго фронта, штабъ котораго находился въ то время въ Ярославлѣ. Черезъ нѣкоторое время онъ въ отдѣльномъ салонъ-вагонѣ съ почетнымъ карауломъ выѣхалъ на инспекцію пѣхотныхъ частей фронта въ Лугу. Въ Петроградѣ ночью, въ то время, какъ его вагонъ передавали съ Николаевскаго вокзала на Варшавскій, онъ бѣжалъ черезъ финляндскую границу.

Съ виду мрачный и необщительный, но въ дѣйствительности сердечный и крайне симпатичный, полк. Б. прекрасно разбирался въ положеніи у большевиковъ, обнаруживая большой умъ и наблюдательность. Онъ сознавалъ всю силу противника и трудность борьбы съ нимъ, но считалъ, что у насъ есть три могучихъ союзника, съ которыми большевикамъ никакъ не справиться — продовольственный кризисъ, разстройство транспорта и отсутствіе топлива. Невольно всѣ разговоры вертѣлись вокругъ вопроса, что насъ ожидаетъ на далекомъ Сѣверѣ, причемъ, такъ какъ составъ правительства мы не знали, то естественно, что мы интересовались личностями генераловъ, стоявшихъ во главѣ военнаго вѣдомства: Миллеромъ и М—скимъ. О генералѣ Миллерѣ полковникъ Б. былъ самаго высокаго мнѣнія, сохранивъ о немъ самыя лучшія воспоминанія по совмѣстной службѣ въ Московскомъ военномъ округѣ. Его отличительными свойствами онъ считалъ: глубокій проницательный умъ, чрезвычайную работоспособность и гуманное отношеніе къ своимъ подчиненнымъ. Что же касается оцѣнки личности ген. М—скаго, то полковникъ Б. отозвался о немъ, какъ о человѣкѣ, хотя и способномъ, но порывистомъ, поверхностномъ, лѣнивомъ и неспособномъ къ систематической, вдумчивой работѣ.

17 Апрѣля въ 1 часъ дня мы прибыли въ Нарвикъ, гдѣ намъ суждено было просидѣть до 20-го и встрѣтить Пасху, такъ какъ, по случаю «Великой Пятницы», чтимой норвежцами болѣе самой Пасхи, очередной пароходъ на Ледингенъ не пошелъ. Здѣсь мы могли ознакомиться съ радушіемъ и гостепріимствомъ норвежцевъ и ихъ сердечнымъ и внимательнымъ отношеніемъ къ намъ. Хозяйка гостиницы и всѣ служащіе приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы своимъ вниманіемъ скрасить встрѣчу нами Свѣтлаго Праздника на чужбинѣ. Еще болѣе незабываемой сердечности было намъ проявлено тогда, когда мы, вторично потерявъ родину, попали въ Норвегію въ порядкѣ бѣгства изъ Сѣверной Области, но объ этомъ ниже.

Съ Нарвика началось наше знакомство съ норвежскими фіордами и трехдневное путешествіе по нимъ до Вардэ. Извиваясь голубой лентой, какъ рѣка, потянулись они среди безконечной цѣпи снѣговыхъ горъ, у подножья которыхъ, гдѣ-то внизу, какъ карточные домики, расположились рыбачьи поселки. И такая панорама продолжается положительно до безконечности... Закроешь глаза и вновь черезъ нѣкоторое время откроешь, — все та же картина: голубое небо, голубая вода и безконечная цѣпь снѣжныхъ горъ поразительной бѣлизны. Начинаешь понимать всю силу характера героевъ Ибсеновскихъ драмъ — Бранта и др., и то созерцательно углубленное настроеніе, вызываемое окружающей природой, которое конденсируетъ глубокія чувства и сильныя страсти, вырывающіяся иногда могучимъ фонтаномъ, какъ горячій гейзеръ на ледяной Исландіи, изъ-подъ ледяной маски внѣшней невозмутимости и спокойствія.

А, вѣдь, на фонѣ этой мертвой величественной природы люди тоже пылали другъ къ другу ненавистью на почвѣ соціальныхъ противорѣчій (д-ръ Штокманъ) и на днѣ чистаго, прозрачнаго, голубого фіорда остался заигравшійся на пристани и нечаянно упавшій въ воду, «Маленькій Эольфъ», котораго не спасли бѣдные рыбаки, питавшіе ненависть къ его родителямъ-богачамъ...

23 Апрѣля рано утромъ мы прибыли въ послѣдній пунктъ нашего пребыванія заграницей — Вардэ, маленькій норвежскій городокъ на голой скалѣ, со всѣхъ сторонъ открытый для вѣчно дующаго холоднаго вѣтра. Здѣсь намъ пришлось пробыть три дня въ ожиданіи русскаго парохода, который долженъ былъ насъ доставить на родину.

Глава II

«Купава». Незамерзающій русскій портъ Мурманскъ. Русскій административный персоналъ и союзное командованіе. Ледовитый океанъ. Борьба со льдами. Прибытіе въ Архангельскъ

26 Апрѣля вечеромъ мы вступили на бортъ русскаго парохода «Купава». Грязный пароходъ съ неряшливо одѣтой и смотрѣвшей исподлобья командой несомнѣнно большевистской оріентаціи, видѣвшихъ въ насъ враговъ народа, ѣдущихъ «пить его кровушку», произвелъ на меня и на моихъ спутниковъ тяжелое впечатлѣніе: мы ожидали другой встрѣчи въ Бѣлой Россіи. Только развѣвавшійся на кормѣ нашъ русскій національный флагъ радовалъ сердце и напоминалъ намъ, что мы у себя дома. Ночь была бурная, штормовая и причинила намъ много непріятностей: мы почти всѣ переболѣли морской болѣзнью.

Лишь подъ утро все стихло: мы стали приближаться заливомъ, составляющимъ какъ бы продолженіе норвежскихъ фіордовъ, къ незамерзающему русскому порту Мурманску и около 12 часовъ дня причалили къ одной изъ

его грандіозныхъ пристаней. Больно рѣзнула по сердцу провѣрка нашихъ паспортовъ союзнымъ военнымъ контролемъ и англійской военной полиціей; оказывается, мы еще пока у себя не хозяева. Рельсовыми путями черезъ грязный портъ, заваленный издающими зловоніе пустыми ящиками и консервными коробками, мимо маленькой замурзанной станціи «Мурманскъ» и составовъ поѣздовъ, частью пустыхъ, а частью занятыхъ подъ постой союзныхъ войскъ и учрежденій, прибыли мы по непролазной грязи въ нештатный городъ Мурманскъ — небольшой поселокъ со снѣжими срубами для жилья и переносными бараками американскаго типа, занятыми союзными войсками. Даже прекрасная солнечная погода не могла скрасить неказистый видъ этого молодого русскаго портоваго города, расположеннаго среди болотистой мѣстности, покрытой лишайниками, мелкими кустами березняка, и прижатаго къ морю снѣговыми горами. Но все это искупается никогда не замерзающей и защищенной отъ вѣтровъ обширной гаванью, допускающей по своей глубинѣ стоянку самыхъ крупныхъ океанскихъ судовъ.

Устроившись въ старомъ и грязномъ вагонѣ 1 класса, который намъ отвели для ночлега, мы пришли въ штабъ начальника военнаго отдѣла Мурманскаго раіона, расположенный въ небольшомъ деревянномъ зданіи. Здѣсь мы познакомились съ встрѣтившимъ насъ чрезвычайно радушно Начальникомъ военнаго отдѣла, полковникомъ Л. И. Костанди, молодымъ и способнымъ офицеромъ Ген. Штаба, который въ теченіе десятидневнаго пребыванія нашего въ Мурманскѣ ознакомилъ насъ съ исторіей бѣлаго переворота на Мурманѣ и съ положеніемъ, которое существовало тамъ къ нашему пріѣзду, а также съ тѣмъ, что ожидало насъ въ Архангельскѣ.

Самый переворотъ произошелъ совершенно безболѣзненно въ порядкѣ соглашенія союзниковъ съ Мурманскимъ совдепомъ послѣ разрыва его съ Москвой, въ виду заключенія послѣдней Брестъ-Литовскаго договора. Предсѣдатель Мурманскаго совѣта, кочегаръ Юрьевъ, сообщилъ объ этомъ соглашеніи по прямому проводу Ленину, обозвавъ его при этомъ измѣнникомъ. Такимъ образомъ, разрывъ произошелъ лишь на почвѣ разногласія въ международной политикѣ, а совѣтская организація была сохранена, что нисколько не смущало союзниковъ, преслѣдовавшихъ свои спеціальныя цѣли — защиту Мурманска отъ возможнаго появленія туда оперировавшихъ въ то время въ Финляндіи германцевъ, для борьбы съ которыми были приняты на англійскую военную службу бѣжавшіе изъ Финляндіи красные финны, образовавшіе отдѣльный отрядъ во главѣ съ однимъ изъ бывшихъ своихъ народныхъ комиссаровъ Токоемъ. Властъ совѣтовъ на Мурманскѣ была уничтожена лишь послѣ образованія въ Архангельскѣ сначала Верховнаго Управленія, а затѣмъ Временнаго Правительства Сѣверной Области, въ составъ которой вошелъ и Мурманскъ. Совѣтская власть пустила на Мурманѣ, особенно въ Мурманскѣ, глубокіе корни, такъ какъ большинство населенія составляло пришлый элементъ рабочихъ вновь выстроенной желѣзной дороги (Мурманъ—стройка); недаромъ Мурманскъ, лишенный осѣдлыхъ буржуазныхъ элементовъ, считался центральной совѣтской властью «удобнымъ полемъ для соціалистическихъ опытовъ», какъ-то и значилось въ одномъ изъ попавшихъ мнѣ потомъ въ руки большевистскихъ документовъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего пріѣзда мы могли сами воочію убѣдиться въ большевистскихъ симпатіяхъ населенія. Согласно приказа Командующаго войсками Сѣверной Области, ген. М—скаго, былъ разрѣшенъ свободный выѣздъ въ

совдепію всѣмъ желавшимъ туда ѣхать и, вотъ, на нашихъ глазахъ отошелъ поѣздъ, перегруженный красными, которыхъ дружески, съ явнымъ сочувствіемъ провожало почти все остальное населеніе Мурманска. На меня это произвело тогда крайне непріятное впечатлѣніе, а изъ бесѣды съ высшими чинами англійскаго штаба я убѣдился, что ихъ это сочувствіе населенія большевикамъ привело положительно въ ярость и, можетъ быть, послужило впослѣдствіи однимъ изъ мотивовъ ихъ нежеланія оставаться тамъ для нашей поддержки. Я помню, тогда мы подѣлились съ полковникомъ Б. опасеніями, что станетъ съ русской властью, въ случаѣ ухода союзниковъ, и наши опасенія оказались не безосновательными, ибо Мурманскъ сыгралъ печальную роль при ликвидаціи Сѣверной Области, такъ какъ съ него началось возстаніе на Мурманѣ, повлекшее за собою паденіе Мурманскаго фронта.

Въ описываемый моментъ русскія вооруженныя силы Мурманскаго фронта состояли изъ ... двухъ полковъ, причемъ одинъ изъ нихъ былъ добровольческій подъ англійскимъ командованіемъ; борьбу вели партизанскаго характера. Изъ союзныхъ войскъ большую часть составляли англичане, которымъ и принадлежало высшее командованіе въ лицѣ генерала Мейнарда.

На слѣдующій день послѣ нашего пріѣзда, полковникъ Б. и я были приняты имъ въ присутствіи чиновъ его штаба. Генералъ прежде всего поздравилъ насъ съ благополучнымъ избавленіемъ отъ большевиковъ, а затѣмъ приступилъ къ самому подробному разспросу о положеніи въ Совѣтской Россіи. Узнавъ, что полк. Б. былъ Инспекторомъ пѣхоты Сѣвернаго фронта у большевиковъ, онъ прежде всего съ любезной улыбкой попросилъ его разсказать о состояніи «ввѣренной ему пѣхоты». Выслушавъ обстоятельный докладъ полк. Б. о состояніи красной арміи, генералъ долго интервьюировалъ меня о политическомъ и финансово-экономическомъ положеніи въ Совѣтской Россіи, а также о царящемъ тамъ террорѣ. Видно было желаніе узнать правду о Россіи и чувствовалось искреннее и сердечное расположеніе къ намъ, а отъ полк. Костанди намъ было извѣстно, что генералъ не ограничивается словами, а проявляетъ свое расположеніе и на дѣлѣ, побуждая свое правительство къ активной поддержкѣ. На другой день послѣ пріема насъ генераломъ Мейнардомъ, къ намъ зашелъ глава французской военной миссіи, полковникъ Бигу, обмѣнъ мнѣніями съ которымъ носилъ самый оживленный характеръ. На наши сѣтованія о слабой поддержкѣ насъ союзниками полковникъ Бигу объяснилъ, что такое невмѣшательство вызывается необходимостью истеченія извѣстнаго срока для изжитія большевизма самимъ русскимъ народомъ, ибо иначе для насильственнаго водворенія порядка потребовались бы громадныя вооруженныя силы и все таки врядъ ли бы этотъ порядокъ былъ бы обезпеченъ подобнымъ методомъ дѣйствій. Свою мысль о томъ, что время работаетъ противъ большевиковъ и преждевременное вмѣшательство въ этотъ цѣлительный процессъ только вредитъ дѣлу, полк. Бигу иллюстрировалъ выступленіемъ чехо-словаковъ на Волгѣ, въ которомъ онъ самъ принималъ участіе, и гдѣ народныя массы неохотно поддерживали бѣлыхъ.

Въ одинъ изъ послѣдующихъ дней я и полк. Б. представились Начальнику Мурманскаго края Е., который произвелъ на насъ впечатлѣніе человѣка практической складки, прекрасно учитывающаго моментъ и чуждаго бюрократической рутины. Между прочимъ, онъ вполнѣ опредѣленно высказался, что будущимъ хозяиномъ земли русской будетъ крестьянинъ,

которому должна быть уступлена захваченная имъ въ революціонномъ порядкѣ земля, а поэтому онъ, лично, окончательно и безповоротно разстался со своимъ имѣніемъ, находящимся въ одной изъ южныхъ губерній Россіи. Свою дѣятельность на Мурманѣ и въ Олонецкой губерніи онъ развивалъ на базисѣ дружной и дѣловой работы съ волостными земствами, выѣзжая обыкновенно на мѣста сразу же послѣ освобожденія ихъ отъ большевиковъ.

Задержка съ ледоколами вызвала наше десятидневное пребываніе въ Мурманскѣ, въ теченіе котораго полковникъ Костанди подробно ознакомилъ насъ съ тѣмъ, что ожидало насъ въ Архангельскѣ. Отзывъ его, равно какъ и Е., о генералѣ Миллерѣ вполнѣ соотвѣтствовалъ оцѣнкѣ личности послѣдняго полк. Б.

Большихъ усилій стоило намъ устроиться на одинъ изъ ледоколовъ, отходящихъ въ Архангельскъ 7 мая. Отправка судовъ, распредѣленіе на нихъ мѣстъ и груза, — все это находилось въ рукахъ англичанъ и намъ пришлось неоднократно ходить въ штабъ генерала Мейнарда, союзный военный контроль (контръ-развѣдка) и къ старшему морскому транспортному офицеру, чтобы добиться разрѣшенія проѣхать изъ одного русскаго города въ другой. Наконецъ, наряду съ англійской визой, поставленной мнѣ въ Стокгольмѣ на въѣздъ въ Архангельскъ, появилась «виза» союзнаго военнаго контроля, разрѣшающая слѣдовать туда же на ледоколѣ «Бонавенчуръ».

7 мая полк. Б., я и еще двое офицеровъ сѣли на «Бонавенчуръ», оказавшійся русскимъ ледоколомъ «Русановымъ», зачисленнымъ вмѣстѣ со всей своей командой на службу по англійскому адмиралтейству. Всѣ лучшія мѣста на пароходѣ были отведены англійскимъ офицерамъ, а намъ были предоставлены мѣста въ трюмѣ, гдѣ царило зловоніе отъ погруженныхъ туда продуктовъ, и въ которомъ намъ предстояло путешествовать въ обществѣ нѣсколькихъ сумасшедшихъ и монахъ будущихъ кліентовъ — арестантовъ, которыхъ везли на судъ въ Архангельскъ. Нечего и говорить, что нашему возмущенію не было предѣла; оно раздѣлялось даже «красной» русской командой ледокола, задѣтой вмѣстѣ съ нами въ патріотическихъ чувствахъ. Возмутительное отношеніе къ намъ иностранцевъ, распоряжавшихся на нашемъ же суднѣ, слило насъ въ единую русскую семью, причемъ матросы выражали намъ свое сочувствіе и старались быть съ нами любезными и внимательными. Старый «ледяной» капитанъ «Бонавенчура-Русанова» Стессель вошелъ въ наше положеніе и обѣщалъ намъ, какъ только ледоколъ тронется, открыть лазаретъ, гдѣ и устроить всѣхъ насъ, но попросилъ насъ выждать отхода ледокола, чтобы и лазаретъ отъ насъ не отняли англійскіе офицеры...

Уже во время самаго хода ледокола мы убѣдились въ возможности такого «джевтельменскаго» поступка со стороны послѣднихъ. Дѣло въ томъ, что каютъ-кампанія ледокола была ими занята подъ свою столовую, гдѣ имъ сервировали то первый завтракъ, то второй завтракъ, затѣмъ чай, обѣдъ и, наконецъ, ужинъ. Въ одинъ изъ промежутковъ между ихъ ѣдой, ѣхавшій на ледоколѣ коммерческій капитанъ рѣшилъ тоже отобѣдать въ каютъ-кампаніи вмѣстѣ со своимъ помощникомъ и директоромъ отдѣленія Московскаго банка въ Архангельскѣ. Только что они расположились, какъ появился одинъ изъ англійскихъ офицеровъ и потребовалъ, чтобы они удалились вонъ, такъ какъ каютъ-кампанія находится въ полномъ и исключительномъ распоряженіи англичанъ. Пришлось прибѣгнуть къ авторитету

капитана и старикъ Стессель быстро осадилъ зарвавшагося иностранца, объяснивъ ему, что въ морѣ онъ единственный распорядитель на суднѣ и что въ случаѣ повторенія подобной выходки онъ закроетъ каютъ-кампанію для всѣхъ англійскихъ офицеровъ. Выступленіе капитана имѣло самыя благопріятныя послѣдствія: виновникъ происшествія ретировался, принесъ предварительно извиненія передъ коммерческимъ капитаномъ, но послѣ этого инцидента мы рѣшили, что общество ѣхавшихъ съ нами англійскихъ офицеровъ не «наше общество» и столовались отдѣльно отъ нихъ въ канцеляріи, любезно отведенной намъ старшимъ помощникомъ капитана.

Но вернусь опять назадъ. Около 7 часовъ вечера мы покинули Мурманскъ и вслѣдъ за ледоколомъ «Ольга» (бывшій Илья Муромецъ), шедшимъ подъ французскимъ флагомъ и съ французской командой, вышли въ открытое море. Вѣтеръ былъ «свѣжій», какъ говорятъ моряки, и мы, спасаясь отъ морской болѣзни, поспѣшили устроиться на койкахъ отведенныхъ намъ лазарета. До вечера слѣдующаго дня, когда мы вошли во льды, насъ все время качало и, выходя на палубу нашего громаднаго, скованнаго изъ желѣза и стали ледокола, я любовался, не безъ жуткаго чувства, тѣмъ, какъ могучія, зеленыя волны Ледовитаго Океана, величиной съ многоэтажный домъ, бросали его, какъ перышко. Около 6 часовъ вечера мы вступили во льды; качка сразу же прекратилась и началось красивое и невиданное зрѣлище, для котораго одного можно было бы продѣлать наше путешествіе: началась борьба со льдами — торжество геніальной технической мысли человѣка надъ могучей природой. Сначала ровныя ледяныя поля, хотя и изъ толстаго льда, но не представляющія серьезной преграды для ледокола. Бѣгу на носъ и вижу какъ, налѣзая на ледъ своимъ приподнятымъ брюхомъ, ледоколъ рѣжетъ или вѣрнѣе колетъ его такъ, какъ прежде всѣмъ извѣстная въ домашнемъ обиходѣ ручная машинка для колки сахара раскалывала сахарную голову. Но вотъ, на встрѣчу приближаются поля торросовъ — сжатыхъ въ горлѣ бѣлаго моря теченіями и вѣтрами льдовъ, спаявшихся въ одну массу невѣроятной толщины подъ водой и съ цѣлыми ледяными горами на верху, обильно усыпанными снѣгомъ. Дается задній ходъ, а затѣмъ ледоколъ съ разбѣга бросается впередъ и на полномъ ходу врѣзается въ ледяной массивъ. Съ невѣроятнымъ шумомъ рушатся ледяныя глыбы, корпусъ ледокола трещитъ отъ сжимающихъ его льдовъ и весь дрожитъ отъ могучаго дѣйствія его мощныхъ машинъ. Все тщетно, — нѣтъ никакого продвиженія впередъ, несмотря на то, что особые винты, размѣщенные подъ корпусомъ ледокола, стараются своимъ вращеніемъ подтянуть и подмять разбитыя льдины подъ себя. Со всѣхъ сторонъ идутъ льдины на приступъ, атакуютъ ледоколъ и лѣзутъ на него, какъ живые люди, переваливаясь иногда черезъ бортъ на палубу. Становится жутко, кажется, что тебя завалитъ, раздавитъ въ ледяной безднѣ. Но вотъ, раздается электрическій звонокъ — «задній ходъ» и, напрягая всѣ свои мышцы, какъ живой человѣкъ, ледоколъ могучимъ порывомъ вырывается изъ ледяныхъ объятій и отлетаетъ назадъ, чтобы снова съ разбѣга нанести новый мощный ударъ торросу. Бѣда не вырваться изъ этихъ желѣзныхъ объятій: попадешь въ ледяную пробку и тогда вмѣстѣ со льдами можетъ угнать далеко, какъ былъ угнанъ въ Карское море «Соловей Будимировичъ», откуда его лишь черезъ шесть мѣсяцевъ вывелъ ледоколъ «Святогоръ». А по дорогѣ льды могутъ нанести подхваченное судно на мель или камень и тогда конецъ:

оно будетъ немедленно раздавлено движущимися льдами. Болѣе сильная «Ольга» нѣсколько разъ помогала намъ выбираться; возвращалась назадъ и, обходя насъ кругомъ почти около самаго борта, бросалась впередъ, чтобы расчистить намъ дорогу. Эта титаническая работа продолжалась всю ночь и сонъ нашъ подъ этотъ трескъ, шумъ, лязгъ и содроганіе всего корпуса ледокола былъ очень тревоженъ. Весь слѣдующій день и ночь продолжалась эта борьба и лишь 10 мая утромъ намъ удалось окончательно вырваться на свѣжую воду. Оказывается по словамъ слѣдовавшихъ съ нами ледокольныхъ капитановъ, ледъ былъ легкій... Мы потратили на то, чтобы пробраться всего два дня, а при тяжелыхъ льдахъ на это требуется отъ одной до двухъ недѣль. Благодаримъ капитановъ за компетентное разъясненіе: съ насъ вполнѣ довольно и легкаго перехода.

Вода постепенно начинаетъ мѣнять свой цвѣтъ съ зелено-синяго на сѣровато коричневый: начинаемъ приближаться къ истокамъ Сѣверной Двины. Минуемъ громадный унылаго вида островъ съ нѣсколькими постройками казарменнаго типа на берегу. Это мрачный Мудюгъ съ каторжной тюрьмой для уголовныхъ преступниковъ и большевиковъ. Часа черезъ полтора входимъ въ Маймаксу, одинъ изъ рукавовъ дельты Сѣверной Двины.

По обоимъ берегамъ громадные лѣсопильные заводы, а среди нихъ русскія двухъярусныя избы съ мезонинами и балкончиками. На берегу въ своихъ обычныхъ костюмахъ крестьяне, бабы и дѣти привѣтливо машутъ намъ платками. Эта родная картина вызываетъ у насъ съ полк. Б. глубокое волненіе, глаза у насъ застилаются какъ бы сѣткой тумана, но мы не стѣсняемся своихъ чувствъ и обмѣниваемся другъ съ другомъ короткими радостными фразами...

Но вотъ, каменныя зданія и большая церковь. Это Архангельскъ? Нѣтъ, это его предмѣстье Соломбала съ красивымъ старинымъ зданіемъ флотскаго полуэкипажа. Соломбала? Что за странное названіе? Директоръ Московскаго банка объясняетъ его историческое происхожденіе, связанное съ нашимъ Великимъ Преобразователемъ. Петръ Великій пріѣзжалъ въ Архангельскъ и далъ балъ въ нынѣшней Соломбалѣ; гости послѣ неумѣреннаго возліянія были слишкомъ невоздержанны и вызвали гнѣвъ царя, который велѣлъ ихъ выдрать. Балъ оказался солонъ, отсюда — Соломбала.

Двигаемся дальше. Рѣка расширяется и на берегу, окаймленномъ красивой набережной, вдоль которой тянется бульваръ, передъ нашими глазами вырисовывается весь Архангельскъ — живописный городъ со старинными зданіями на берегу. Любуемся на свой родной русскій городъ. Къ сожалѣнію на палубѣ холодно и, несмотря на 10 мая, я кутаюсь въ свой зимній тулупъ на мѣху. Ледоколъ медленно пристаетъ къ пристани. Послѣ провѣрки документовъ насъ выпускаютъ на берегъ, куда мы радостные сбѣгаемъ по сходнямъ. Мы у себя дома, на родинѣ, въ Россіи.

Глава III

Прибытіе союзниковъ и переворотъ 2 Августа 1918 года. Верховное Управленіе Сѣверной Области. Coup d'état 6 Сентября. Образованіе Временнаго Правительства Сѣверной Области. Прибытіе ген. Миллера

Прежде чѣмъ перейти къ описанію того, что мнѣ пришлось самому пережить въ Сѣверной Области, я считаю необходимымъ, хотя бы вкратцѣ, остановиться на томъ, что имѣло мѣсто до моего пріѣзда, такъ какъ иначе не получится полной картины той борьбы, которая разыгралась съ большевиками на Сѣверѣ. Мнѣ поневолѣ приходится пропустить подробности этого интереснаго періода первыхъ мѣсяцевъ существованія Области, когда организація власти, какъ военной, такъ и гражданской, еще не выкристаллизовалась и носила сумбурный характеръ.

Нѣкоторыя событія того времени носили характеръ буффонады, гдѣ смѣшались въ одну кучу и «высокая» политика пословъ великихъ державъ и полное непониманіе русской жизни поведеніе высшаго англійскаго командованія, и непзлѣчимое политиканство и конкуренція съ большевиками въ области соціальныхъ опытовъ перваго правительства черновско-эсеровской ориентаціи и, наконецъ, непримиримое отношеніе нѣкоторыхъ, правда немногочисленныхъ, офицерскихъ круговъ къ новому строю, съ тенденціей возвратить русскую жизнь вооруженной рукой въ русло ея безвозвратнаго прошлаго. Я могу только ручаться за то, что я постараюсь, излагая схему этихъ событій, по возможности точно передать все то, что мнѣ было разсказано ихъ участниками или свидѣтелями, принадлежащими къ самымъ разнообразнымъ кругамъ общества, какъ по своему положенію, такъ и по своимъ политическимъ воззрѣніямъ.

Еще задолго до прибытія союзниковъ стали стекаться въ Архангельскъ представители бѣлыхъ организацій, проникавшіе туда или при содѣйствіи англійской контръ-развѣдки въ Петроградѣ, или въ порядкѣ частной инициативы путемъ вступленія на службу въ совѣтскія войска и учрежденія. Часть ихъ группировалась около капитана II ранга Ч., дѣйствовавшаго подъ видомъ англійскаго офицера Томсона, а главное ядро находилось въ Бѣломорскомъ конномъ отрядѣ, сформированномъ изъ конно-горцевъ ротмистромъ N., который еще въ Петроградѣ навербовалъ въ него много офицеровъ для организаціи выступленія въ Архангельскѣ. Ротмистръ N. находился въ сношеніяхъ съ французами въ лицѣ полк. Д., съ которымъ они часто встрѣчались для переговоровъ на набережной Сѣверной Двины. Мѣстныя совѣтскія власти въ лицѣ комиссаровъ вели въ то время осторожную политику въ отношеніи иностранныхъ представителей, находившихся въ Архангельскѣ, боясь открытаго разрыва и прибытія морскихъ вооруженныхъ силъ, которымъ они не могли ничего противопоставить, а командовавшіе сухопутными силами полк. Потаповъ и краснымъ флотомъ адмиралъ В., какъ то было установлено впослѣдствіи произведеннымъ о ихъ дѣятельности предварительнымъ слѣдствіемъ, находились въ сношеніяхъ съ союзниками и къ моменту прибытія послѣднихъ приложили всѣ усилія къ тому, чтобы парализовать всѣ тѣ мѣры, которыя были приняты Совѣтомъ обороны во главѣ съ комиссаромъ Кедровымъ для отраженія союзнаго десанта. Потаповъ, къ моменту

прихода союзниковъ, такъ сгруппировалъ красныя войска, что большая часть ихъ очутилась внѣ Архангельска за Сѣверной Двиной, чѣмъ и обезпечилъ свободу дѣйствій конно-горскому отряду ротмистра N., а адмиралъ В. примѣнилъ саботажъ, проявивъ полное бездѣйствіе власти въ принятіи мѣръ къ загражденію фарватера для воспрепятствованія прохода союзнаго флота къ Архангельску.

Когда слухи о приближеніи союзниковъ распространились съ молніеносной быстротой по городу, вызвавъ ликованіе всего населенія, комиссаровъ охватила паника и они начали стремительную эвакуацію на югъ по желѣзной дорогѣ и вверхъ по Сѣверной Двинѣ. Отправленные для затопленія фарватера ледоколы «Святогоръ» и «Микула Селяниновичъ» были затоплены внѣ его, оставивъ союзникамъ свободный проходъ, а огонь Мудюжскихъ батарей оказался недѣйствительнымъ и стрѣлявшая тамъ батарея была приведена къ молчанію союзнымъ флотомъ.

Самый переворотъ и захватъ власти былъ произведенъ до высадки союзниковъ конно-горскимъ отрядомъ ротмистра N., который быстро разоружилъ и арестовалъ растерявшихся и брошенныхъ своимъ начальствомъ и комиссарами красноармейцевъ, а огнемъ своего единственнаго орудія понудилъ къ сдачѣ посыльное судно «Гориславу», пытавшуюся обстрѣливать берега Сѣверной Двины. Большинство комиссаровъ къ сожалѣнію бѣжало и въ руки бѣлыхъ попалось лишь нѣсколько видныхъ коммунистовъ. Высадившіяся войска были ничтожны, но большевики были въ такой паникѣ, что очищеніе Архангельской губерніи произошло подъ давленіемъ небольшихъ отрядовъ смѣшаннаго характера, въ которые на ряду съ союзными войсками входили русскіе партизане-крестьяне, офицеры и польскіе добровольцы.

Слава, выпавшая на конно-горскій отрядъ за его смѣлое выступленіе, которое могло стоить участникамъ его головы, если бы большевики не такъ растерялись, была омрачена эпизодомъ, отразившимся впослѣдствіи въ приговорѣ военно-окружнаго суда Сѣверной Области. Во время занятія въ Архангельскѣ штаба красныхъ войскъ, чинами отряда былъ захваченъ казенный денежный ящикъ съ четырьмя милліонами рублей, который ротмистръ N., по соглашенію съ нѣкоторыми офицерами отряда, подѣлилъ между собой и горцами, причемъ каждому участнику дѣлежа было выдано офицеру — 150—400 тысячъ рублей, а простому всаднику 10—20 тысячъ. Этотъ поступокъ вызвалъ рѣзкое осужденіе въ широкихъ кругахъ общества, справедливо указывавшихъ, что авторы его ничѣмъ не отличаются отъ большевиковъ, противъ грабежей и насилій которыхъ и было поднято возстаніе, а офицерская среда считала, что дѣлежъ поставилъ участниковъ его на одинъ уровень съ той деморализованной солдатской массой, которая во время паденія національнаго фронта дѣлила между собой казенное имущество. Нельзя не признать, что подобный поступокъ сильно подрывалъ моральный авторитетъ бѣлыхъ, давая большевикамъ отличный поводъ для агитаціи на тему о деморализаціи «бѣлогвардейскихъ бандъ». Приговоромъ военно-окружнаго суда былъ положенъ конецъ этой печальной исторіи: виновные были присуждены къ тюрьмѣ на разные сроки съ законными праволіщеніями, часть изъ нихъ своими подвигами на фронтѣ заслужили полное прощеніе и возстановили свое доброе имя. Сразу же послѣ захвата власти ротмистръ N. провозгласилъ себя главнокомандующимъ, но «операція» съ денежнымъ ящикомъ и рѣзкое заявленіе его Предсѣдателю только что образовавшагося Верховнаго

Управленія Сѣверной Области, Чайковскому, что онъ не желаетъ признавать послѣдняго, вызвали его отставку и назначеніе командующимъ войсками, несомнѣнно не безъ англійскаго вліянія, капитана II ранга Ч.

Мнѣ неизвѣстно, при какихъ условіяхъ произошло образованіе Верховнаго Управленія Сѣверной области и захватъ имъ въ свои руки власти, вырванной отъ большевиковъ. Судя по той поддержкѣ, которая потомъ оказывалась Верховному Управленію очутившимися въ Архангельскѣ послами великихъ державъ — Нюлансомъ (Франція), Френсисомъ (Америка) и Де-Ла-Торетта (Италія), тутъ тоже не обошлось безъ вмѣшательства иностранцевъ.

Въ составъ Верховнаго Управленія вошли члены Учредительнаго собранія Архангельской и другихъ сѣверныхъ губерній: П. В. Чайковскій (н. соц.), Лихачъ (с.-р.), Масловъ (с.-р.), Ивановъ (с.-р.) и Гуковскій (с.-р.), всѣ, за исключеніемъ Чайковскаго, принадлежавшіе къ нашимъ крайнимъ эсеровскимъ теченіямъ, а нѣкоторые, какъ напримѣръ Лихачъ, приложившіе свою руку къ дѣлу развала нашей прежней арміи.

Первыми же актами Верховнаго Управленія, немного страдавшими революціонной фразеологіей и начинавшимися каждый словами: «Во имя спасенія родины и революціи», было объявлено возстановленіе упраздненныхъ большевиками судовъ, органовъ земскаго и городского самоуправленія и администраціи, что, конечно, нельзя было не привѣтствовать, но вся дальнѣйшая дѣятельность Верховнаго Управленія показала, что члены его далеки отъ пониманія жестокой реальной дѣйствительности, не изжили еще своихъ утопическихъ теорій и склонны продолжать ту линію поведенія, которая была взята въ Учредительномъ Собраніи конкурирующимъ съ большевиками въ демагогіи Черновымъ, заслужившимъ за это мѣткое названіе «большевика второго сорта». Дѣло управленія областью совершенно не спорилось въ ихъ неопытныхъ рукахъ. «Своего» административнаго персонала они не имѣли, а къ назначеннымъ изъ прежнихъ кадровъ относились съ недовѣріемъ, заподазривая ихъ въ контръ-революціонности.

Для вновь образовавшейся области возникла опасность — безболѣзненнаго сліянія съ совдепіей, если бы не послѣдовало военнаго переворота, хотя и легкомысленнаго и достаточно нелѣпаго по цѣлямъ и характеру своего выступленія, но имѣвшаго положительные результаты въ смыслѣ повода для реконструкціи власти на болѣе разумныхъ началахъ.

6 сентября группа офицеровъ во главѣ съ Командующимъ Войсками капитаномъ II ранга Ч. арестовала членовъ Верховнаго Управленія и свезла ихъ въ Соловецкій монастырь, причемъ Сѣверная Область осталась безъ всякаго правительства, такъ какъ легкомысленные «переворотчики», какъ ихъ шутя называли впослѣдствіи, даже не подготовили замѣстителей на мѣсто арестованныхъ. Событіе это привело въ дѣйствіе цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ силъ. Члены Верховнаго Управленія Лихачъ и А. Ивановъ успѣли выпустить обращеніе къ населенію съ описаніемъ учиненнаго надъ Верховнымъ Управленіемъ насилія и съ воззваніемъ противъ офицеровъ, которые «желаютъ возстановить царя и съ этой цѣлью скрываютъ въ Архангельскѣ Великаго Князя Михаила Александровича». Воззваніе это вызвало движеніе на Архангельскъ вооруженныхъ крестьянъ во главѣ съ мѣстнымъ агрономомъ эсеромъ Капустинымъ, причемъ крестьянская депутація во главѣ съ нимъ была принята и выслушана американскимъ посланникомъ Френсисомъ. Съ другой стороны англійское командованіе немедленно выставило

рогатки на улицахъ, выслало патрули и городъ принялъ видъ вооруженнаго лагеря. Начальникъ союзной контръ-развѣдки, англійскій полковникъ Т., арестовалъ цѣлый рядъ лицъ, распускавшихъ слухи о Михаилѣ Александровичѣ, и, вызвавъ крестьянъ, прибывшихъ съ Капустинымъ, требовалъ въ цѣляхъ изобличенія лжи, чтобы арестованныя лица указали крестьянамъ адресъ квартиры, въ которой офицеры скрываютъ Великаго Князя.

Въ это же время происходило совѣщаніе пословъ великихъ державъ съ англійскимъ главнокомандующимъ ген. Пулемъ, носившее чрезвычайно бурный характеръ, такъ какъ послы настаивали на возвращеніи къ власти членовъ Верховнаго Управленія и арестованіи офицеровъ, учинившихъ надъ ними насиліе. Въ концѣ концовъ, было принято компромиссное рѣшеніе: арестовать совершившихъ переворотъ офицеровъ, якобы для защиты ихъ отъ пришедшихъ въ городъ крестьянъ, а членовъ Верховнаго Управленія возвратить изъ Соловокъ, предложивъ Чайковскому сформировать новое правительство изъ болѣе умѣренныхъ элементовъ. Въ результатѣ такого рѣшенія было сформировано новое правительство съ Чайковскимъ въ качествѣ предсѣдателя, въ которое вошли: бывшій управляющій дѣлами Верховнаго Управленія П. Ю. Зубовъ, членъ Союза Возрожд. Россіи (земледѣліе), бывшій попечитель учебнаго округа кн. Куракинъ (финансы), бывшій членъ государственной думы докторъ Мефодіевъ, к.-д. (торговля и промышленность), Предсѣдатель суда С. Н. Городецкій (юстиція) и М. М. Федоровъ, нар. соц. (пар. просвѣщеніе).

Для выясненія виновниковъ переворота и степени ихъ участія была организована слѣдственная комиссія; формальному обслѣдованію было также подвергнуто и вооруженное выступленіе крестьянъ, но распоряженіемъ Правительства отъ 1 октября всѣ участники того и другого выступленія были амнистированы.

Взамѣнъ скомпрометировавшаго себя выступленіемъ кап. II ранга Ч., командующимъ войсками и генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ вызванный изъ Лондона полк. Ген.-Штаба Д., а начальникомъ Управленія командующаго войсками — Ген.-Штаба ген. С. Штабъ командующаго войсками капитана II ранга Ч., въ которомъ, благодаря его неопытности въ сухопутныхъ дѣлахъ, царилъ полный безпорядокъ, былъ упраздненъ, причемъ и на этотъ разъ не обошлось безъ новой печальной исторіи: Начальникъ его штаба подп. N. былъ изобличенъ въ присвоеніи и растратѣ на сумму около 50,000 р. и приговоромъ военно-окружнаго суда Сѣв. Области, уже состоявшимся при мнѣ, былъ присужденъ къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія срокомъ на полтора года. Отправленный въ порядкѣ смягченія наказанія на фронтъ рядовымъ, N. заслужилъ тамъ своей работой полное прощеніе и былъ возстановленъ въ своихъ правахъ.

Съ дѣятельностью полк. Д. и его ближайшаго сотрудника по военной части ген. С. я имѣлъ возможность ознакомиться не только по разсказамъ другихъ лицъ, но и по побывавшему въ моихъ рукахъ слѣдственному производству по поводу безпорядковъ, имѣвшихъ мѣсто въ Архангелогородскомъ пѣх. полку, расположенномъ въ Архангельскѣ, произведенному комиссіей подъ предсѣдательствомъ ген. С—ча. Изъ этого слѣдствія было видно, что, хотя войскъ къ этому времени было очень мало, такъ какъ фронтъ защищался союзниками, а въ Архангельскѣ были расположены лишь пѣхотный полкъ, батарея артиллеріи и автомобильный дивизіонъ, высшая военная

власть, въ лицѣ полк. Д. и ген. С., не обнаруживала никакой заботливости, какъ о размѣщеніи и питаніи этихъ частей, такъ и о поддержаніи въ нихъ воинской дисциплины. До разыгравшихся въ полку безпорядковъ они ни разу даже не побывали въ немъ, а между тѣмъ, это была первая попытка созданія мобилизованныхъ частей, то-есть пополненія ихъ людьми, которые были участниками или свидѣтелями развала нашей старой арміи, съ неуравновѣшенной еще революціонной психологіей, и которымъ нужно было постепенно, но твердо и настойчиво, упорнымъ трудомъ, внушить правильныя понятія о военной службѣ и ея требованіяхъ. Ничего этого сдѣлано не было, части были предоставлены самимъ себѣ, а всѣ распоряженія, приказы и уставы полк. Д. носили на себѣ отпечатокъ того, что получило въ арміи мѣткое названіе «керенщины» и что характеризуетъ собою отсутствіе твердости, демагогическую болтовню и безсиліе лишеннаго дисциплинарной власти командиаго состава. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что никакая армія въ такихъ условіяхъ существовать не можетъ, какой бы политическій режимъ въ странѣ не былъ, республиканскій или монархическій, и даже Совѣтская республика, какъ только большевики захотѣли создать у себя прочную красную армію, ввела въ ней воинскую дисциплину, заставивъ солдатскія массы навсегда бросить мечты о всякомъ самоуправленіи и тѣхъ комитетахъ, при посредствѣ которыхъ большевики сами разложили нашу старую армію. Увы, въ глазахъ лицъ категоріи полк. Д. и ген. С. всякое мѣропріятіе, направленное къ поднятію воинской дисциплины, вызывало опасеніе, какъ бы не прослыть контръ-революціонеромъ, и парализовало ихъ волю, толкая ихъ на компромиссное рѣшеніе въ духѣ уговариванія офицеровъ «помириться съ оскорбившими ихъ солдатами и простить ихъ» и митингованія съ послѣдними въ цѣляхъ ихъ увѣщеванія.

Такое поведеніе полк. Д. объясняли тѣмъ, что февральская революція застала его заграницей и онъ, не переживъ всего революціоннаго процесса разложенія арміи, при возникновеніи безпорядковъ терялся и слѣдовалъ совѣтамъ «демократическаго» генерала С., бывшаго въ періодъ февральской революціи однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ А. Ф. Керенскаго.

Отсутствіе твердой власти и организаціонной дѣятельности выводило изъ себя англичанъ, неоднократно предупреждавшихъ, что они пришли не на вѣчныя времена, а поэтому русскимъ надо спѣшить самимъ организоваться, и многія мѣропріятія, какъ, напримѣръ, учрежденіе военныхъ судовъ, прошло подъ непосредственнымъ нажимомъ ген. Пуля, угрожавшаго въ противномъ случаѣ судить виновныхъ въ англійскомъ военномъ судѣ.

Такое направленіе дѣятельности полк. Д. и ген. С. побудило многихъ строевыхъ офицеровъ отказаться отъ службы въ русскихъ войскахъ и вступить въ сформированные союзниками славяно-британскіе и французскіе легіоны, несмотря на то, что имъ тамъ было тоже не легко, такъ какъ они должны были начинать службу въ легіонахъ простыми рядовыми.

Къ этому же времени англичанами была открыта въ Архангельскѣ артиллерійская школа для русскихъ офицеровъ, гдѣ послѣдніе были тоже на положеніи солдатъ, причемъ отношеніе къ нимъ англійскихъ офицеровъ оставляло желать много лучшаго. Англійскіе сержанты также обращались грубо и былъ даже случай, когда одинъ изъ нихъ позволилъ себѣ ударить нашего офицера, не понеся за это никакого взысканія.

Общее недовольство полк. Д. и ген. С. и ихъ неспособность создать русскія вооруженныя силы побудили Временное Правительство, по соглашенію съ союзнымъ командованіемъ, вызвать на Сѣверъ генерала Миллера и генерала М—скаго. Первымъ прибылъ ген. М—скій, извѣстный союзникамъ по своей службѣ во Франціи, гдѣ онъ въ послѣднюю войну командовалъ на фронтѣ особой бригадой. Приблизительно въ это же время совершилась перемѣна и въ высшемъ союзномъ командованіи: ген. Пуль покинулъ свой постъ и былъ замѣщенъ генераломъ Айронсайдомъ.

По своемъ прибытіи ген. М—скій реорганизовалъ Управленіе командующаго войсками въ Штабъ, назначивъ начальникомъ штаба молодого полковника Ген. Штаба Ж., изъ мѣстныхъ старожиловъ. Первые шаги дѣятельности ген. М—скаго отличались энергіей и распорядительностью и увѣнчались полнымъ успѣхомъ по подавленію мятежнаго духа въ мобилизованныхъ войскахъ. Попытка мятежа въ Архангелогородскомъ пѣхотномъ полку была имъ энергично подавлена, что обезпечило ему довѣріе Правительства, войскъ и населенія и привлекло въ русскія войска тѣхъ лучшихъ нашихъ офицеровъ, которые до сихъ поръ уклонялись отъ этого при полковникѣ Д.

Одновременно съ ген. М—скимъ былъ вызванъ и ген. Миллеръ. Насколько мнѣ удалось выяснить, причиной вызова ген. Миллера послужило желаніе создать въ лицѣ его «буферъ» между Временнымъ Правительствомъ и высшимъ англійскимъ командованіемъ, которое относилось съ явнымъ недовѣріемъ къ внутренней политикѣ Чайковскаго. Пока еще не скрылись съ архангельскаго горизонта послы великихъ державъ, Чайковскій, какъ представитель демократіи, находилъ въ нихъ поддержку, но послѣ ихъ отъѣзда англійское военное командованіе, не считавшееся съ замѣнившими пословъ повѣренными въ дѣлахъ, усилило нажимъ на Правительство и позиція послѣдняго оказалась совсѣмъ слабою. Для отраженія этого натиска и противопоставленія англичанамъ авторитета образованнаго русскаго генерала и былъ вызванъ ген. Миллеръ, котораго Чайковскій лично не зналъ, но онъ показался ему подходящимъ для намѣченной роли по рекомендаціи бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ кабинета Керенскаго—Терещенко, съ которымъ ген. Миллеръ видѣлся, впрочемъ, всего лишь одинъ разъ.

По прибытіи 13 Января 1919 года въ Архангельскъ, ген. Миллеръ отъ Чайковскаго узналъ, что онъ былъ вызванъ для принятія должности Командующаго войсками и Генералъ-Губернатора, но оказалось, что во главѣ войскъ уже находился ген. М—скій, завоевавшій, благодаря первымъ удачнымъ шагамъ своей дѣятельности, довѣріе со стороны Правительства, что же касается должности Генералъ-Губернатора, которая могла быть предоставлена генералу Миллеру, то она сводилась къ завѣдыванію морскими силами и путями сообщенія, такъ какъ всѣми дѣлами гражданско-административнаго управленія вѣдалъ губернскій комиссаръ (начальникъ губерніи) В. И. Игнатьевъ (нар. соціалистъ). Послѣдній подчинялся исполнявшему должность Генералъ-Губернатора ген. М—скому, но на второй день пріѣзда ген. Миллера, Игнатьевъ, личнымъ указомъ Предсѣдателя Вр. Правительства Чайковскаго, въ силу его верховныхъ правъ, какъ онъ разъяснилъ это потомъ въ Правительствѣ, былъ назначенъ Управляющимъ Отдѣломъ Внутреннихъ Дѣлъ безъ подчиненія его ген. Миллеру, какъ Генералъ-Губернатору. Такое оригинальное пониманіе функціи Генералъ-Губернатора не встрѣтило сочувствія среди другихъ членовъ Временнаго Правительства и, послѣ

длинныхъ и горячихъ дебатовъ по этому поводу въ присутствіи самого же генерала Миллера, при явномъ недовольствѣ В. И. Игнатьева, было рѣшено, что послѣдній будетъ подчиненъ генералу Миллеру, какъ Начальникъ губерніи, но не какъ Управляющій Отдѣломъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Трудно понять смыслъ этого не удовлетворившаго никого компромисснаго рѣшенія, но для меня несомнѣнно, что оно было принято въ цѣляхъ охраненія демократическихъ принциповъ путемъ оставленія руководства по дѣламъ внутренней политики въ рукахъ пар. соц. Игнатьева и съ возложеніемъ дѣлового, чисто техническаго руководства на обладавшаго большимъ военно-административнымъ опытомъ ген. Миллера, который, кромѣ того, своимъ участіемъ въ этихъ дѣлахъ какъ бы страховалъ политику Правительства въ глазахъ англійскаго военнаго командованія.

Н. В. Чайковскій, судя по единолично изданному имъ распоряженію, хотѣлъ совершенно исключить вліяніе ген. Миллера на внутреннія дѣла. Врядъ ли будетъ справедливо, строго судить его за это, вѣдь онъ почти всю свою жизнь боролся съ властью, главную опору которой составляла военная сила, а потому несомнѣнно въ каждомъ носящемъ генеральскіе погоны подозрѣвалъ «врага свободы и демократіи». Надо цѣнить въ этомъ старомъ честномъ революціонерѣ то, что онъ сумѣлъ подавлять въ себѣ эти естественныя для него чувства подозрѣнія и недовѣрія и охотно шелъ на поддержку всякаго честнаго патріотическаго дѣла, разъ оно преслѣдовало святую цѣль спасенія родины, ничуть не опасаясь «загубить свою революціонную репутацію» и обнаруживая гораздо болѣе терпимости къ своимъ политическимъ противникамъ, чѣмъ они къ нему.

Генералъ Миллеръ засталъ Правительство въ томъ же составѣ, который былъ указанъ выше, включая еще В. И. Игнатьева и Предсѣдателя Финансово-Экономическаго Совѣта Л., пользовавшагося лишь правомъ совѣщательваго голоса. 24 Января Н. В. Чайковскій уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ онъ вошелъ въ составъ Всероссійской дипломатической делегаціи (Сазоновъ, Маклаковъ, кн. Львовъ, Чайковскій и Савинковъ), оставивъ своимъ замѣстителемъ П. Ю. Зубова, а въ Апрѣлѣ, для установленія связи съ Правительствомъ Адм. Колчака, въ Сибирь отбылъ кн. Куракинъ, передавъ отдѣлъ финансовъ П. Ю. Зубову.

Важнѣйшими актами Правительства за этотъ періодъ были принадлежащіе перу ген. Миллера: «Отвѣтъ союзникамъ на предложеніе ѣхать на Принцевы острова» (въ концѣ Января) и «Соображенія о необходимости признать адмирала Колчака Верховнымъ Правителемъ и подчиниться ему (въ концѣ Марта), вскорѣ послѣ чего было получено предложеніе упомянутаго выше дипломатическаго совѣщанія признать верховенство Правительства адмирала Колчака.

30 Апрѣля это рѣшеніе было единогласно принято Временнымъ Правительствомъ Сѣверной Области, о чемъ адмиралу Колчаку въ Омскъ была дана телеграмма, объявленная населенію области въ официальномъ сообщеніи; вотъ ея текстъ:

«Въ интересахъ возстановленія единой Россіи и ея Національнаго государственнаго возрожденія и въ согласіи съ предложеніемъ Русскаго политическаго совѣщанія въ Парижѣ, Временное Правительство Сѣверной Области, въ засѣданіи своемъ 30 Апрѣля 1919 года, постановило: Официально

признать объединяющей и главенствующей властью нынѣ дѣйствующее правительство въ Омскѣ какъ Временное Всероссійское Національное Правительство, сохраняя за собою требуемую обстоятельствами самостоятельность въ области практическихъ дѣйствій впредь до непосредственнаго соединенія.

Исходя изъ этого основного постановленія, Временное Правительство Сѣверной Области, впредь до полученія полныхъ и исчерпывающихъ директивъ отъ Всероссійскаго Правительства и согласованія уже изданныхъ Сибирскимъ Правительствомъ и Правительствомъ Сѣверной Области основныхъ законоположеній, будетъ продолжать свою дѣятельность на прежнихъ основаніяхъ.

Кн. Куракина просимъ считать по прежнему членомъ нашего Правительства для связи и согласованія нашей дѣятельности.

Замѣститель Предсѣдателя Временнаго Правительства

З у б о в ъ».

Одновременно съ этимъ Правительство обратилось къ населенію Области съ воззваніемъ, въ которомъ оно главнымъ мотивомъ своего рѣшенія признать верховенство Правительства адмирала Колчака выставляло, какъ причины международнаго характера, такъ и ту главную роль, которую играло Сибирское Правительство въ очищеніи Россіи отъ большевиковъ.

Сношенія съ Омскомъ были все время очень затруднительны и лишь 13 Іюня Сѣвернымъ Правительствомъ былъ полученъ нижеслѣдующій телеграфный отвѣтъ на телеграмму его съ признаніемъ верховенства Сибирскаго Правительства:

«Россійское Правительство въ Омскѣ привѣтствуетъ мудрое патріотическое рѣшеніе Сѣвера. Правительство признаетъ за вами вызываемую чрезвычайными обстоятельствами самостоятельность въ конкретныхъ практическихъ мѣропріятіяхъ.

Согласно общему принципу Всероссійскаго Правительства, постановленія и распоряженія Областныхъ Правительствъ сохраняютъ силу до согласованія или отмѣны.

Верховный Правитель адмиралъ К о л ч а к ъ.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ В о л о г о д с к і й.

Управляющій дѣлами Т а л ь б е р г ъ».

Въ экстренномъ засѣданіи того же 13 Іюня, Правительство Сѣверной Области постановило: 1) Принять телеграмму къ свѣдѣнію и опубликовать, 2) Впредь всѣ приговоры, рѣшенія и опредѣленія судебныхъ мѣстъ Сѣверной Области объявлять отъ имени Всероссійскаго Временнаго Правительства въ слѣдующей формѣ: «По указу Всероссійскаго Временнаго Правительства».

Часть II

До ухода союзниковъ

Глава I

Первыя архангельскія впечатлѣнія. Генералъ М—скій и генералъ Миллеръ. Организація военной власти и военной юстиціи. Замѣститель Предсѣдателя Временнаго Правительства П. Ю. Зубовъ

Возвращаюсь къ своему прибытію въ Архангельскъ. Сразу же съ парохода полковникъ Б., ротмистръ Ч. и я отправились въ Штабъ Командующаго войсками для подачи рапортовъ о своемъ прибытіи и для выясненія вопроса, гдѣ намъ остановиться. Дежурный офицеръ, принявшій отъ насъ документы, видимо доложилъ находившемуся въ штабѣ ген. М—скому о нашемъ прибытіи, потому что мы получили приглашеніе послѣдняго зайти къ нему въ кабинетъ.

Ознакомившись съ нашимъ служебнымъ стажемъ и узнавъ, что мы недавно покинули Совѣтскую Россію, гдѣ полк. Б. занималъ видное мѣсто въ красной арміи на Сѣверномъ фронтѣ, ген. М—скій, хотя разговоръ нашъ длился не менѣе часа, не обнаружилъ никакого интереса ориентироваться въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыми мы располагали, и не назначилъ намъ другого дня для подробнаго доклада. Бесѣда носила совершенно частный характеръ, причемъ особенное вниманіе ген. М—скій удѣлилъ формѣ, жалуясь на то, что нигдѣ не могъ достать шпоръ, на что штабъ-ротмистръ Ч., носившій шпоры, сконфуженно заявилъ, что онъ съ удовольствіемъ бы уступилъ ему свои, но для него онѣ дороги по воспоминаніямъ, такъ какъ принадлежали убитому германцами товарищу по полку.

На слѣдующій день мы представились ген. Миллеру, который обстоятельно разспрашивалъ насъ о всемъ, произведя на насъ сразу же чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе своей вдумчивостью и серьезностью.

Устроившись временно въ общежитіи военнаго собранія, мы съ полк. Б. стали изучать по приказамъ организацію военнаго управленія и войсковыхъ частей, а я, кромѣ того, и конструкцію военно-судебной власти.

Согласно собраннымъ данныхъ выяснилось, что всѣ функціи военнаго управленія и снабженія были сосредоточены въ рукахъ высшаго англійскаго

командованія — въ Главномъ Штабѣ Союзнаго экспедиціоннаго корпуса. Штабъ ген. М—скаго не имѣлъ даже оперативнаго отдѣленія, а хозяйственно-административныя функціи его сводились къ учету и регистраціи того имущества и продовольствія, которымъ англичане сами снабжали русскія войска. Между тѣмъ, Штабъ Командующаго войсками, при наличіи на фронтѣ не болѣе одной дивизіи, широко расположился въ зданіи Торгово-Промышленнаго клуба со своими отдѣленіями: общимъ инспекторскимъ, наградныхъ и судныхъ, а также всѣхъ видовъ снабженія (артиллерійскаго, инженернаго, интендантскаго и ремонтнаго). Неизвѣстно чему посвящало большую часть своего времени это грандіозное учрежденіе, такъ какъ при уходѣ англичанъ выяснилось, что оно даже не подготовилось къ принятію отъ нихъ всего аппарата управленія и снабженія.

Около 12 часовъ дня въ Штабѣ обыкновенно начинался докладъ у ген. М—скаго. Онъ появлялся какъ метеоръ, всегда куда-то спѣша, и часто въ его кабинетѣ одновременно толпилось нѣсколько докладчиковъ и посѣтителей, которыхъ онъ принималъ на ходу. Я самъ былъ свидѣтелемъ такого скоропалительнаго пріема и удивлялся тому, какъ онъ можетъ усвоить что-нибудь въ такой обстановкѣ, но видимо онъ привыкъ такъ работать, такъ какъ всѣмъ офицерамъ Сѣверной Области памятенъ его приказъ, въ которомъ онъ проситъ посѣтителей и докладчиковъ «не тратить лишнихъ словъ, такъ какъ онъ понимаетъ все съ полуслова». Такъ протекла въ это время дѣятельность Штаба ген. М—скаго, сводившаяся въ сущности къ назначеніямъ и наградамъ личнаго состава одной дивизіи. Въ оправданіе ея ссылались на засилье англичанъ, якобы умышленно забравшихъ все въ свои руки. Какъ мы увидимъ ниже, послѣдніе передъ своимъ уходомъ категорически отвергали это и, наоборотъ, упрекали насъ въ полной бездѣятельности и неумѣніи организоваться до ихъ ухода подъ ихъ прикрытіемъ и при ихъ помощи.

Такую бездѣятельность ничѣмъ нельзя было оправдать и ее какъ рукой сняло, когда военное командованіе перешло къ ген. Миллеру, а Штабъ попалъ въ руки человѣка исключительной работоспособности, ген. К—скаго, что должны признать даже его враги.

Въ моментъ моего прибытія ген. Миллеръ имѣлъ косвенное отношеніе къ военнымъ дѣламъ, больше освѣдомляясь о нихъ отъ ген. М—скаго, чѣмъ непосредственно управляя ими, несмотря на то, что Временное Правительство Сѣверной Области надѣлило его въ отношеніи русскихъ войскъ правами Военнаго Министра и даже, въ нѣкоторыхъ хозяйственно-административныхъ вопросахъ, — Верховнаго Главнокомандующаго. Что было причиной его пассивнаго отношенія къ военнымъ дѣламъ въ этотъ періодъ, установить точно не удалось. Вѣрнѣе всего, что это объясняется однимъ изъ основныхъ свойствъ его характера — врожденной деликатностью, которая диктовала ему щепетильное отношеніе къ правамъ ген. М—скаго, раньше его пріѣхавшаго и фактически командовавшаго войсками.

Ознакомленіе съ законоположеніями по военно-судебному вѣдомству привело меня къ отрадному заключенію, что въ основу ихъ были положены основные принципы законовъ, изданныхъ Временнымъ Правительствомъ послѣ революціи, такъ какъ возбужденіе уголовнаго преслѣдованія наряду съ военнымъ начальствомъ принадлежало военной прокуратурѣ, которая располагала вмѣстѣ съ тѣмъ исключительнымъ правомъ преданія суду.

Однако, ознакомленіе съ приказами Командующаго войсками и бесѣды съ чинами военно-судебнаго вѣдомства установили, что принципы организаціи военной юстиціи проведены только на бумагѣ, а въ дѣйствительности вся власть по прежнему принадлежала военному начальству, такъ какъ всѣ назначенія производились распоряженіями ген. М—скаго и даже должность, стоявшаго во главѣ военно-судебнаго вѣдомства, Главнаго Военнаго Прокурора была учреждена приказомъ Командующаго войсками. Ген. М—скій систематически вмѣшивался въ отправленіе правосудія, вызывая къ себѣ предсѣдателя суда и дѣлая ему въ рѣзкой формѣ замѣчанія за неправильные съ его точки зрѣнія приговоры. Въ виду всего этого, я рѣшилъ самымъ энергичнымъ образомъ настаивать на коренномъ измѣненіи организаціи военно-судебнаго вѣдомства и, когда возникъ вопросъ о фактическомъ привлеченіи меня къ работѣ по моей спеціальности, составилъ докладъ, сущность котораго сводилась къ слѣдующему: Должность Главнаго Военнаго Прокурора упразднялась, какъ несоотвѣтствующая по своему характеру и цѣлямъ объективной обстановкѣ Сѣверной Области, тѣмъ болѣе, что наличіе Всероссійскаго Правительства въ Омскѣ заставляло предполагать, что тамъ уже учреждена такая должность въ порядкѣ образованія центральныхъ органовъ Военнаго Министерства, что, какъ оказалось, и имѣло мѣсто въ дѣйствительности. Принимая во вниманіе, что войска Сѣверной Области образовывали отдѣльный фронтъ, учреждалась должность Полевого Военнаго Прокурора, съ подчиненіемъ непосредственно ген. Миллеру, какъ Военному Министру. Ген. Миллеръ утвердилъ мой докладъ и, такимъ образомъ, произошло полное отдѣленіе военно-судебной власти отъ административной, такъ какъ права ген. Миллера, какъ Военнаго Министра были строго урегулированы закономъ, а всѣ назначенія были изъяты изъ Штаба Командующаго войсками и перешли въ вѣдѣніе Управленія Полевого Военнаго Прокурора.

26 Мая состоялось мое назначеніе Полевымъ Военнымъ Прокуроромъ, въ связи съ чѣмъ мнѣ пришлось сдѣлать визиты различнымъ административнымъ лицамъ и, въ числѣ ихъ, Замѣстителю Предсѣдателя Временнаго Правительства П. Ю. Зубову, Управляющему Отдѣломъ Юстиціи С. Н. Городецкому и Управляющему Отдѣломъ Внутреннихъ Дѣлъ и Архангельскому Губернскому Комиссару В. И. Игнатьеву, то-есть тѣмъ членамъ Временнаго Правительства, съ которыми мнѣ надо было имѣть постоянно дѣла по своей будущей дѣятельности.

П. Ю. Зубовъ сразу же произвелъ на меня самое лучшее впечатлѣніе. Спокойный, вдумчивый, серьезный, лишенный и тѣни желанія «позировать и играть роль», онъ съ перваго взгляда казался немного вялымъ, апатичнымъ и лишеннымъ волевыхъ импульсовъ. Однако, такой выводъ былъ бы ошибочнымъ, такъ какъ онъ умѣлъ быть очень стойкимъ въ моментъ политическихъ кризисовъ и натиска на него лѣво-эсеровскихъ элементовъ и спокойнымъ, сохраняющимъ полное самообладаніе во время паники, которая возникала, увы, не только въ обывательскихъ кругахъ, во время эвакуаціи англичанъ и незадолго до паденія нашего фронта, когда самое существованіе области висѣло на волоскѣ. Апатичность, вялость, въ связи съ полнѣйшимъ отсутствіемъ честолюбія, часто вредили ему, такъ какъ онъ способенъ былъ иногда во время политическихъ кризисовъ слишкомъ откровенно подчеркивать, что Правительство не дорожитъ властью и охотно уступитъ ее

своимъ политическимъ противникамъ. Это расцѣнивалось какъ слабость, вызывало злорадство и усиленіе натиска у противниковъ слѣва и рѣзкія обвиненія въ неспособности проявить твердую власть справа. Къ минусамъ его надо отнести и нѣкоторую техническую неосвѣдомленность въ тѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія, руководителемъ которыхъ его другой разъ случайно ставила судьба: къ нему поперемѣнно переходили въ руки портфели министра земледѣлія, финансовъ и юстиціи, причемъ особенное нареканіе вызвала его дѣятельность въ области финансовъ, но вѣдь въ данномъ случаѣ приходилось считаться съ его скромнымъ стажемъ земскаго дѣятеля. Мнѣ приходилось съ нимъ имѣть дѣла официально — по отдѣлу юстиціи и во время засѣданія Временнаго Правительства, а неофиціально во время нашихъ частыхъ бесѣдъ по текущему политическому моменту, причемъ въ дѣлахъ судебныхъ онъ обнаруживалъ широту взгляда, чуткость и аполитичность, которая не всегда была свойственна его ближайшимъ помощникамъ по гражданской юстиціи, и тѣ же свойства, равно какъ и большая терпимость въ отношеніи инакомыслящихъ, характеризовали его какъ политическаго дѣятеля. Честность и доброта были настолько его неотъемлемыми качествами, что находили признаніе со стороны его враговъ.

Съ характеристикой личностей С. Н. Городецкаго и В. И. Игнатьева мы познакомимся ниже при описаніи работы тѣхъ Отдѣловъ, которыми они руководили.

Глава II

Прибытіе въ Архангельскъ англійскихъ добровольцевъ. Парадъ по случаю дня рожденія англійскаго короля. Дайеровскій баталіонъ

Конецъ Мая, сопровождавшійся дивной солнечной погодой, совпалъ съ періодомъ чрезвычайнаго подъема настроенія въ населеніи Архангельска, въ связи съ прибытіемъ англійскихъ войскъ, состоявшихъ изъ добровольцевъ. Весь городъ разукрасился союзными флагами, протянувшимися пестрой лентой отъ красивой набережной Сѣверной Двины по широкому, уже нестрѣвшему зеленью садовъ Троицкому проспекту (главная улица Архангельска), до самой Соломбалы, гдѣ англичане должны были временно расположиться передъ отправленіемъ на фронтъ. На Соборной площади, недалеко отъ памятника Петру Великому, была воздвигнута грандіозная арка съ надписью «Welcome» (добро пожаловать). Почетный караулъ отъ 1 Сѣв. стрѣлк. полка съ хлѣбомъ и солью встрѣтилъ высадившихся на самой пристани.

У арки они были привѣтствованы Городскимъ Головой Багриновскимъ, а затѣмъ началось ихъ тріумфальное шествіе мимо шпалерами выстроенныхъ русскихъ войскъ, учебныхъ заведеній и административнаго персонала всѣхъ учрежденій Архангельска во главѣ съ Временнымъ Правительствомъ.

Населеніе встрѣчало съ энтузіазмомъ проходившія части, которыя были составлены изъ отборныхъ элементовъ и производили самое лучшее впечатлѣніе своимъ здоровымъ молодцеватымъ видомъ, военной выправкой и новымъ

обмундированіемъ. У большинства на груди пестрѣли цвѣтныя ленточки орденовъ, полученныхъ за бои на поляхъ Франціи.

Въ тотъ же день въ присутствіи представителей иностранныхъ миссій, членовъ Временнаго Правительства, высшаго военнаго и административнаго персонала, представителей земства и города состоялся торжественный пріемъ англійскихъ офицеровъ въ Городской Думѣ, гдѣ вторично Гор. Голова Баргиновскій и англійскій генералъ, командовавшій прибывшими войсками, обмѣнялись привѣтствіями, сущность которыхъ сводилась къ тому, что мы благодарили свою союзницу Англію за присылку лучшихъ сыновъ на борьбу съ насильниками, терзающими нашу родину, а англичане выражали увѣренность, что силами оставшагося вѣрнымъ союзникамъ русскаго народа въ Россіи будутъ возстановлены порядокъ и свобода и наша обновленная родина войдетъ въ семью европейскихъ народовъ такой же великой, какой она была раньше.

Вскорѣ послѣ прибытія англійскихъ добровольцевъ, въ день рожденія англійскаго короля, на Соборной площади состоялся торжественный парадъ англійскихъ войскъ, причемъ для того, чтобы подчеркнуть свое уваженіе къ русской высшей власти края, войсками командовалъ самъ Главнокомандующій ген. Айронсайдъ, а парадъ принималъ ген. Миллеръ.

Эта демонстрація въ честь нашей несчастной, всѣми попираемой родины вызывала чувство глубочайшаго удовлетворенія и порождала всеобщее праздничное настроеніе. Лишь одна воинская часть, принимавшая участіе въ парадѣ, мрачнымъ, озлобленнымъ видомъ своихъ солдатъ производила тягостное впечатлѣніе, а между тѣмъ надъ ней единственной развивался русскій трехцвѣтный флагъ, такъ какъ другія части русскаго гарнизона Архангельска не участвовали. Это былъ, такъ-называемый, Дайеровскій баталіонъ, сформированный англичанами изъ большевиковъ, сидѣвшихъ по различнымъ тюремнымъ учрежденіямъ Архангельска. Исторія сформированія этого баталіона довольно любопытна и я считаю необходимымъ подѣлиться ею съ читателями. Тюремныя учрежденія Архангельска были послѣ переворота и захвата власти бѣлыми переполнены большевистскими элементами, причемъ «населеніе» это весьма медленно уменьшалось въ своемъ составѣ, такъ какъ гражданское судебное вѣдомство, не располагая достаточнымъ служебнымъ персоналомъ, вело чрезвычайно медленно разслѣдованіе, которое благодаря этому принимало характеръ безконечной волокиты. Въ перегруженной тюрьмѣ начался тифъ, что вызвало походъ на Правительство соціалистическихъ элементовъ Гор. Думы и осмотръ тюрьмы представителями Краснаго Креста союзныхъ странъ, которые однако нашли всѣ указанія на «свирѣпствующій тифъ» преувеличенными.

Между тѣмъ тюремные сидѣльцы засыпали высшее англійское командованіе жалобами на якобы несправедливое ихъ содержаніе подъ стражей, чѣмъ и вывели изъ себя плохо разбиравшихся въ нашихъ дѣлахъ практичныхъ англичанъ. Въ одинъ прекрасный день ген. Айронсайдъ рѣшилъ разрубить «Гордіевъ узелъ» и, забравъ съ собой прокурора Архангельскаго Окружнаго Суда и другихъ высшихъ административныхъ лицъ, отправился лично въ тюрьму набирать тамъ... добровольцевъ. Безъ всякаго разбора, не обращая вниманія на протесты прокурорскаго надзора и тюремной администраціи, указывавшихъ ему на всю недопустимость и опасность такого опыта, онъ забралъ изъ тюрьмы всѣхъ выразившихъ «желаніе» служить

у него и тутъ же «раскаявшихся въ своихъ прежнихъ заблужденіяхъ» и направилъ ихъ на службу въ Дайеровскій баталіонъ, носившій это имя въ честь погибшаго на Сѣверномъ фронтѣ въ бояхъ англійскаго капитана Дайера, зачатки какового баталіона состояли изъ забранныхъ въ плѣнъ красноармейцевъ. Лояльное поведеніе послѣднихъ и ввело, главнымъ образомъ, ген. Айронсайда въ заблужденіе, повлекшее за собой описанный выше оригинальный наборъ волонтеровъ, но онъ забывалъ, что красноармейцы были не партійные коммунисты или комиссары, а набранные въ красныя войска русскіе крестьяне, тогда какъ тюремные сидѣльцы состояли преимущественно или изъ крайнихъ элементовъ большевизма, или изъ озлобленныхъ низовъ населенія съ неизжитой еще идеологіей классовой борьбы. Всѣхъ ихъ прекрасно обмундировали и устроили на «англійскій паекъ», превосходившій по качествамъ получаемый нашими войсками, но подвергли строгой дисциплинѣ подъ руководствомъ лучшихъ русскихъ и англійскихъ офицеровъ, причемъ высшее командованіе принадлежало послѣднимъ.

Можно себѣ представить чувства этихъ людей, когда они съ русскимъ національнымъ знаменемъ, врученнымъ знаменщику — уѣздному комиссару изъ коммунистовъ, кричали въ честь англійскаго короля вмѣстѣ съ остальными войсками троекратное ура.

Весь этотъ опытъ и особенно описанный выше парадъ съ «красными», какъ мнѣ это точно извѣстно, чрезвычайно «забавлялъ» ген. Айронсайда, но, какъ мы увидимъ ниже, за нѣкоторыя забавы приходится иногда расплачиваться очень дорогой цѣной. Досадно было, что ген. Миллеръ не исправилъ хоть отчасти на парадѣ ошибки ген. Айронсайда и не обратился къ «Дайеровцамъ» съ теплымъ задушевнымъ русскимъ словомъ съ выраженіемъ надежды, что они сумѣютъ оправдать то братское довѣріе, съ которымъ они приняты обратно въ свою родную семью и забыть свое прошлое также, какъ оно забыто нами; извѣстно вѣдь, что доброе слово всегда находитъ откликъ въ самой зачерствѣлой русской душѣ. Можетъ быть, этотъ пробѣлъ объясняется тѣмъ, что ген. Миллеръ слишкомъ отрицательно относился къ произведенному ген. Айронсайдомъ опыту и ни при какихъ условіяхъ не ожидалъ отъ него благопріятныхъ результатовъ.

Послѣ парада я представлялся ген. Айронсайду. Громадного роста и атлетическаго сложенія генералъ принялъ меня въ своемъ служебномъ кабинетѣ. На вопросъ, какъ мнѣ понравился парадъ, я выразилъ восхищеніе отъ блестящаго вида англійскихъ войскъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтилъ то тяжелое впечатлѣніе, которое произвели на меня «Дайеровцы». Съ видомъ убѣжденнаго знатока Россіи, генералъ сталъ развивать передо мной мысль, что наши солдатскіе бунты происходили, главнымъ образомъ, отъ неумѣлаго и нехорошаго обращенія съ солдатами, которые въ свою очередь, одурманенные революціей, забыли то хорошее, что было въ традиціяхъ лучшаго русскаго офицерства и производили безпорядки и нарушенія дисциплины, недопустимые ни въ одной правильно организованной арміи. «Но теперь все пойдетъ по хорошему», заявилъ генералъ, «они раскаялись, я имъ назначилъ хорошихъ офицеровъ, они отлично одѣты, получаютъ прекрасный паекъ и я увѣренъ, что они покажутъ себя молодцами, а васъ я избавилъ отъ лишней работы, такъ какъ они всѣ были вашими кліентами». Я не удержался и доложилъ генералу свои опасенія, какъ бы они опять не стали

моими кліентами, что видимо не понравилось ему и аудіенція была прекращена.

Въ связи съ пріѣздомъ англійскихъ добровольцевъ, ген. Айронсайдомъ были приняты представители мѣстной печати, которымъ онъ объявилъ, что въ самомъ ближайшемъ будущемъ онъ переходитъ въ энергичное наступленіе для соединенія съ адмираломъ Колчакомъ въ раіонѣ Котласа и Вятки и для передачи ему привезенныхъ въ громадномъ количествѣ вооруженія и снаряженія, въ которыхъ Сибирская армія терпитъ острую нужду. Въ нашихъ военныхъ кругахъ это заявленіе находили неосторожнымъ и открывающимъ планы врагу, но въ обывательской средѣ оно вызвало большой подъемъ настроенія.

Къ этому же моменту необходимо отнести отъѣздъ ген. М—скаго въ Финляндію для выясненія вопроса о совмѣстномъ выступленіи съ нами генерала Юденича, а также самой Финляндіи.

Чувствовалось, что мы наканунѣ крупныхъ и рѣшительныхъ событій на всѣхъ бѣлыхъ фронтахъ, и это создавало крайне приподнятое настроеніе, полное самыхъ свѣтлыхъ надеждъ на благопріятный исходъ борьбы и близкую побѣду.

Глава III

Процессъ Бечина. Отраженіе въ немъ настроенія рабочихъ

Въ концѣ Іюня, въ военно-окружномъ судѣ Сѣв. Области состоялся процессъ предсѣдателя правленія профессіональныхъ союзовъ и члена Гор. Думы Бечина и членовъ того же правленія Наволочнаго, Цейтлина и Клюева, а также секретаря Гор. Думы Антушевича. Процессъ этотъ еще разъ блестяще иллюстрировалъ то неоспоримое положеніе, что нигдѣ жизнь въ ея самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ не отражается такъ отчетливо и полно, какъ на судѣ, дѣйствующемъ съ соблюденіемъ принциповъ устности, гласности и состязательности, положенныхъ въ основу современнаго уголовнаго процесса, поэтому я считаю необходимымъ немного подробнѣе остановиться на немъ.

Передъ судомъ по этому дѣлу, прошедшему при открытыхъ дверяхъ, продефилировали въ качествѣ свидѣтелей представители самыхъ разнообразныхъ слоевъ населенія Сѣверной Области, начиная съ членовъ Правительства и кончая простыми рабочими. Подвергнутые перекрестному допросу сторонъ, они развернули передъ судомъ яркую картину тѣхъ политическихъ страстей, въ объятіяхъ которыхъ до сихъ поръ судорожно бьется младенческая русская политическая мысль, лишенная богатаго опыта многолѣтней конституціонной жизни западно-европейскихъ странъ. Недаромъ процессъ Бечина привлекъ вниманіе не только всего архангельскаго общества, но и иностранныхъ миссій, заставлявшихъ для себя переводить подробные отчеты, печатаемые въ газетахъ. Союзники стремились сдѣлать изъ него выводъ, насколько мы излѣчились отъ язвъ большевизма и достойны того, чтобы на насъ ставить карту въ продолжавшейся гражданской войнѣ. Для меня же и большинства другихъ русскихъ гражданъ Сѣверной Области разрѣшался

мучительный вопросъ, по какой равнодѣйствующей пойдетъ дальнѣйшая борьба силъ, приведенныхъ въ дѣйствіе гражданской войной у насъ въ Сѣверной Области, когда мы лишимся могучей поддержки союзниковъ и будемъ предоставлены самимъ себѣ.

Поводомъ для возникновенія дѣла послужило выступленіе Бечина, Наволочнаго и Цетлина, а также скрывшихся отъ слѣдствія и суда секретаря союза пищевиковъ Симакова и члена Городской Управы Успенскаго, въ день празднованія второй годовщины русской революціи на торжественныхъ засѣданіяхъ, устроенныхъ 12 Марта 1919 года совѣтомъ профессіональныхъ союзовъ на судоремонтномъ заводѣ и Городской Думой въ ея зданіи. Засѣданія эти быстро превратились въ митинги, причемъ перечисленные ораторы открыто призывали къ ниспроверженію Временнаго Правительства Сѣверной Области.

На слѣдствіи и судѣ картина этихъ событій развернулась въ слѣдующемъ видѣ. Особенно многолюдно было собраніе на судостроительномъ заводѣ подъ предсѣдательствомъ Бечина, гдѣ присутствовало до тысячи человѣкъ рабочихъ и гдѣ съ призывомъ для борьбы противъ Временнаго Правительства выступали Успенскій, Цейтлинъ и Симаковъ, развивая классовую точку зрѣнія захвата рабочими власти въ свои руки. Особенно опредѣленной въ этомъ отношеніи была рѣчь Цейтлина, указывавшаго, что всѣ образовавшіяся на окраинахъ правительства ведутъ реакціонную политику, и видѣвшаго выходъ въ разгорающейся міровой революціи, которая передастъ всю власть въ руки рабочихъ массъ. Наиболѣе рѣзкое выступленіе принадлежало здѣсь Бечину, который говорилъ о Совѣтской власти, какъ о естественной и единственной защитницѣ интересовъ рабочаго класса и защищалъ ее отъ обвиненій въ грабежахъ, безчинствахъ и разстрѣлахъ.

Протестуя противъ участія союзниковъ въ борьбѣ съ большевиками, Бечинъ указалъ на солидарность съ нимъ въ этомъ отношеніи солдатской массы, сославшись на полученное съ фронта письмо, въ которомъ будто бы было сказано, что «товарищи солдаты всегда пойдутъ съ рабочими въ защитѣ ихъ интересовъ» и «союзникамъ себя за банку консервовъ и табаку не продадутъ».

Тотъ же характеръ имѣли выступленія этихъ лицъ на торжественномъ засѣданіи Городской Думы, гдѣ Бечинъ, выступавшій отъ имени Совѣта профессіональныхъ союзовъ, произнесъ еще болѣе рѣзкую рѣчь, чѣмъ на судоремонтномъ заводѣ. Указавъ, что Правительство Сѣверной Области держится лишь при помощи штыковъ «заморскихъ гостей» и что сознаніе пролетаріата прояснилось и его первоначальное преклоненіе передъ союзниками смѣнилось ненавистью къ нимъ, онъ призывалъ къ борьбѣ противъ Правительства и союзниковъ.

Въ отношеніи Цейтлина и Клюева выяснилось на судѣ еще одно чрезвычайно характерное обстоятельство, а именно то, что при обсужденіи въ Союзѣ торгово-промышленныхъ служащихъ вопроса объ ассигнованіи извѣстной суммы въ пользу борющихся противъ большевиковъ партизанъ-крестьянъ, Цейтлинъ горячо протестовалъ противъ этого, указывая, что партизаны противники пролетаріата, и его въ этомъ отношеніи горячо поддерживалъ Клюевъ.

Интересъ процесса сосредоточился вокругъ личности Бечина, человѣка неглупаго, честнаго, чрезвычайно популярнаго среди рабочихъ массъ, который въ періодъ пребыванія въ области большевиковъ занималъ весьма

умѣренную позицію и боролся противъ ихъ насилій и произвола, беря часто подъ свою защиту представителей гонимаго буржуазнаго класса.

Усилія судебныхъ властей были направлены на то, чтобы выяснить причины, которыя вызвали столь рѣзкій политическій сдвигъ влѣво въ средѣ, взгляды которой отражалъ Бечинъ, и побудили ея представителей вступить на путь классовой борьбы. Ихъ удалось установить и онѣ составили кульминаціонный интересъ всего процесса.

Оказалось, что никакихъ серьезныхъ реальныхъ основаній къ недовольству рабочихъ массъ не было и всѣ требованія матеріальнаго характера были удовлетворены полностью, но предоставленные самимъ себѣ въ области сознательно-политической жизни, они сдѣлались жертвой исключительнаго вліянія находившихся внѣ области партійныхъ центровъ, ставшихъ къ этому времени на совѣтскую платформу. Было установлено, что описаннымъ выше выступленіямъ Бечина и другихъ предшествовалъ рѣзкій поворотъ въ направленіи дѣятельности соціалистическихъ партій въ Совѣтской Россіи.

Прежде соціалъ-демократы меньшевики, а затѣмъ и соціалисты-революціонеры стояли на опредѣленно противо-большевистской позиціи и вели съ большевиками упорную борьбу, объединяясь въ ней со всѣми государственно настроенными элементами, въ томъ числѣ и съ буржуазными, а также и съ союзниками. Но политика эта оказалась лишь одной изъ формъ борьбы за власть. Видя, что значеніе въ государственномъ управленіи въ освобожденныхъ отъ большевиковъ областяхъ Россіи и, главнымъ образомъ, въ Сибири, постепенно переходитъ къ болѣе умѣреннымъ кругамъ политической мысли и, чувствуя неизбѣжное паденіе своего вліянія, эти соціалистическія партіи стали становиться въ оппозицію областнымъ правительствамъ и союзникамъ. Вскорѣ затѣмъ послѣдовало и формальное перемиріе съ большевиками.

Первыми примирились съ большевиками и объединились съ ними для борьбы съ враждебными большевизму правительствами соціалъ-демократы «меньшевики». Вслѣдъ за меньшевиками по этому пути пошли и соціалисты-революціонеры. Рядъ видныхъ и отвѣтственныхъ дѣятелей этой партіи (Вольскій, Святицкій и др.) выступили съ соотвѣтствующими декларациями и воззваніями. Особенно важнымъ для характеристики этого примиренія явилось воззваніе делегаціи членовъ Учредительнаго Собранія и партіи соціалъ-революціонеровъ, озаглавленное: «Ко всѣмъ гражданамъ Россійской Республики» и подписанное Святицкимъ. Рѣзко враждебное къ правительствамъ Колчака и Деникина, именуя ихъ «героями контръ-революціонныхъ вожделѣній», «шакалами буржуазіи», а ихъ войска «добровольческими черносотенными бандами», оно сообщаетъ о начатой комитетомъ членовъ Учредительнаго Собранія подготовкѣ военнаго выступленія противъ «Колчаковской диктатуры» и призываетъ къ объединенію всѣхъ силъ трудовой демократіи, то-есть исключительно «рабочихъ и крестьянъ» къ борьбѣ съ черносотенной реакціей областныхъ правительствъ.

Воззваніе это категорически возражало противъ какой либо коалиціи съ буржуазными группами и протестовало противъ оказываемой союзниками помощи государственнымъ элементамъ въ борьбѣ съ большевиками, называя эту помощь «преступнымъ и для демократіи россійской непріемлемымъ вмѣшательствомъ во внутреннія русскія дѣла» и предлагало подать руку революціонерамъ

Германіи, Австріи и другихъ странъ, въ которыхъ гордо рѣетъ красное знамя міровой соціальной революціи.

Извѣстія о перемѣнѣ фронта соціалистическихъ партій стали проникать и въ Сѣверную Область. Черезъ военно-плѣнныхъ и путемъ установленной большевиками постоянной связи черезъ линію фронта, въ Архангельскѣ стали получаться призывы къ соотвѣтствующему измѣненію образа дѣйствій и сообщенія о томъ, что уже всѣ архангельскіе меньшевики, покинувшіе съ приходомъ союзниковъ Сѣверную Область, работаютъ въ совѣтскихъ учрежденіяхъ, что положеніе большевиковъ блестяще и что всѣ слухи о творящихся внутри Россіи ужасахъ являются наглой ложью и клеветой, распространяемой въ своихъ интересахъ противниками совѣтской власти.

Воззванія эти нашли благодарную почву въ отравленномъ классовой борьбой самосознаніи рабочихъ массъ Архангельска, причемъ не обошлось безъ идейнаго руководства со стороны мѣстныхъ лидеровъ упомянутыхъ выше партій, изъ числа лишенныхъ власти членовъ Верховнаго Управленія Сѣверной Области. Честный, но ограниченный, какъ всѣ малообразованные фанатики, вышедшіе изъ рабочей среды, Бечинъ, для котораго соціальныя доктрины носили характеръ непреложныхъ истинъ, сыгралъ роль грамофонной пластинки въ болѣе искусныхъ рукахъ.

Еще за мѣсяцъ до собранія 12 Марта Бечину и Цейтлину стало извѣстно о состоявшемся въ Совѣтской Россіи соглашеніи эсеровъ и меньшевиковъ съ большевиками, и уже 23 Февраля Бечинъ выступилъ въ союзѣ металлистовъ при судоремонтномъ заводѣ съ рѣчью и, касаясь въ ней общихъ политическихъ вопросовъ, между прочимъ, опредѣленно заявилъ, что въ центрѣ Россіи партіи соціалистовъ объединились и создали единъ центральный комитетъ, что войскамъ Учредительнаго Собранія данъ приказъ не вступать въ бой съ большевиками, причемъ убѣждалъ не вѣрить газетнымъ свѣдѣніямъ о неблагопріятномъ положеніи внутри Россіи и говорилъ о необходимости прекратить войну съ большевиками, называя ее бойней.

Эта соглашательская политика «мира», примѣняемая всегда односторонне лишь въ лагерѣ бѣлыхъ, такъ какъ въ Совдепіи она стоила бы ея авторамъ головы въ порядкѣ примѣненія къ нимъ суровыхъ правилъ желѣзной пролетарской диктатуры, играла въ руку большевикамъ, расширяя поле для ихъ преступной дѣятельности.

На судѣ было съ непреложностью установлено, что большевики принимали самое активное участіе въ организаціи выступленій 12 Марта, такъ какъ въ выработкѣ программы этого выступленія президіумомъ совѣта профессіональныхъ союзовъ участвовалъ разстрѣлянный по приговору военно-полевого суда коммунистъ Тѣсновъ.

Описанныя выше событія составили фактическій матеріалъ, легшій въ основаніе моей обвинительной рѣчи, основной мыслью которой было противопоставленіе исповѣдуемой подсудимыми классовой точкѣ зрѣнія идеи національно-государственнаго строительства на правовыхъ началахъ. Подчеркнувъ, что побѣда надъ врагомъ можетъ быть достигнута лишь при сохраненіи полнаго спокойствія въ тылу, который въ политическомъ отношеніи долженъ представлять единый національный фронтъ и указавъ на необходимость считаться съ тѣми матеріальными лишеніями и ограниченіями въ сферѣ политическо-правовой, которыя вызываетъ вооруженная борьба, такъ какъ въ это время наши братья на фронтѣ ежеминутно подвергаются

смертельной опасности, я обратилъ вниманіе на то, какія печальныя послѣдствія съ точки зрѣнія государственной безопасности и общественнаго спокойствія можетъ вызвать проведеніе рѣзкой классовой точки зрѣнія въ тылу и какое впечатлѣніе произведутъ на союзниковъ ненавистническіе выпады по ихъ адресу съ ссылкой на солидарность въ этомъ отношеніи съ солдатской массой.

Роль военной юстиціи мною была опредѣлена какъ охранительницы государственнаго порядка въ тылу, причемъ я отмѣтилъ абсолютную аполитичность военнаго суда, какъ органа правосудія и какъ охранителя дисциплины въ арміи, стоящей внѣ всякой политики. Это положеніе было мною конкретизировано отказомъ отъ обвиненія секретаря Городской Думы Антушевича, привлеченнаго къ отвѣтственности за составленіе и оглашеніе черезъ Бечина въ Думѣ рѣзкой декларации противъ Правительства по вопросу о распространеніи тифа и цынги въ тюрьмѣ. Топъ декларации былъ рѣзкій и неумѣстный и я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы обратить вниманіе на то, что, къ сожалѣнію, нѣкоторые наши политическіе круги не могутъ удержаться отъ внесенія «политики» въ самый дѣловой вопросъ, ибо на судѣ была установлена солидарность съ декларацією соціалистическаго блока Думы, но я не нашелъ въ ней призыва къ ниспроверженію власти Правительства, не пойдя въ этомъ отношеніи за гражданской юстиціей.

Приговоромъ военно-окружнаго суда отъ 2 Іюля 1919 года Антушевичъ былъ оправданъ, а Бечинъ, Цейтлинъ, Наволочный и Клюевъ были признаны виновными и приговорены къ каторгѣ, срокомъ на 15 лѣтъ каждый.

Проведеніе дѣла Бечина при открытыхъ дверяхъ съ допущеніемъ представителей печати и съ предоставленіемъ всѣхъ средствъ защиты, несмотря на строгій приговоръ военнаго суда, создало вокругъ послѣдняго благопріятную атмосферу, благодаря строгому проведенію принципа аполитичности военной юстиціи, налагающей свою суровую руку лишь на агентовъ Совѣтской власти. Приговоръ суда вызвалъ удовлетвореніе въ широкихъ слояхъ архангельскаго населенія, включая даже интеллигентскіе демократическіе круги; недовольными остались лишь крайне лѣвые элементы, представителями которыхъ являлись осужденные, но съ ними приходилось считаться какъ съ врагами и для нихъ приговоръ былъ грознымъ предостереженіемъ.

На меня процессъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе: я осозналъ ту пропасть, которая лежала между классовымъ міровоззрѣніемъ рабочей среды и національно-патріотическими кругами общества. Засыпать эту пропасть у насъ было некому, такъ какъ демократическіе интеллигентскіе элементы еще не «самоопредѣлились» и переживали внутреннюю борьбу, въ которой проблески государственной національной мысли еще затемнялись отзвуками прежнихъ тяготѣній въ область соціальныхъ утопій съ тенденціей, вопреки жестокой реальной дѣйствительности, воплотить послѣднія въ жизнь.

Процессъ ясно показалъ, гдѣ друзья и гдѣ враги, давъ возможность произвести точный учетъ силъ, вовлеченныхъ въ круговоротъ политической борьбы у насъ на Сѣверѣ, и выяснивъ исключительное вліяніе на направленіе ихъ дѣятельности центральныхъ партійныхъ организацій, находящихся внутри Россіи и заграницей. Заранѣе можно было предвидѣть, что внутренняя борьба при первомъ же удобномъ случаѣ вспыхнетъ у насъ яркимъ пламенемъ, и «третьимъ радующимся» окажется грозный врагъ, скованный желѣзной дисциплиной пролетарской диктатуры.

Союзники сдѣлали тоже соотвѣтствующій выводъ изъ процесса: онъ укрѣпилъ въ нихъ уже зрѣющее сознаніе, что вмѣшательство ихъ въ наши внутреннія дѣла было преждевременно и что сознаніе народныхъ массъ еще недостаточно прояснилось, нуждаясь въ дальнѣйшемъ воздѣйствіи на нихъ большевизма.

Глава IV

Первыя вѣсти изъ Сибири. Докладъ ген. М—скаго по финляндскому вопросу въ Правительствѣ. Первые слухи объ уходѣ союзниковъ. Національное ополченіе

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ, совершивъ громадный путь на лошадяхъ и оленяхъ, въ Архангельскъ прибылъ представитель Штаба Верховнаго Главнокомандующаго адмирала Колчака, штабсъ-капитанъ Б., присланный состоять для связи при штабѣ нашихъ войскъ. Цѣль пріѣзда штабсъ-капитана Б. заключалась въ постоянномъ и точномъ информированіи гражданской и военной власти Сѣверной Области о дѣйствительномъ положеніи арміи и о всѣхъ важнѣйшихъ мѣропріятіяхъ Всероссійскаго Правительства, возглавляемаго адмираломъ Колчакомъ.

Скоро я имѣлъ случай познакомиться съ штабсъ-капитаномъ Б., оказавшимся въ курсѣ всѣхъ происшедшихъ въ Сибири событій, такъ какъ послѣ развала большевиками арміи онъ уѣхалъ на Поволжье, гдѣ состоялъ активнымъ работникомъ крупной военной организаціи, поставившей своей цѣлью сверженіе власти большевиковъ, и послѣ Уфимскаго Государственнаго совѣщанія въ Сентябрѣ 1918 года непрерывно состоялъ въ штабѣ Верховнаго Главнокомандующаго.

Въ краткихъ словахъ штабсъ-капитанъ Б. ознакомилъ меня съ исторіей ликвидаціи Директоріи, произведенной адмираломъ Колчакомъ въ полномъ согласіи съ Сибирскимъ Правительствомъ, включавшимъ въ себя представителей соціалистическихъ партій, а также съ дальнѣйшей работой Омскаго Правительства по объединенію власти въ своихъ рукахъ, происходившей не безъ противодѣйствія какъ со стороны сибирскихъ сепаратистовъ, мечтающихъ отложиться отъ Россіи и даже войти особымъ штатомъ въ составъ Сѣверной Америки, такъ и со стороны небезызвѣстнаго Забайкальскаго атамана Семенова, съ именемъ котораго связали свои вожделѣнія монархическія группы, мечтавшія о реставраціи и диктатурѣ Великаго Князя Михаила Александровича, о чемъ открыто говорилъ офиціозъ атамана «Русскій Востокъ».

Пресловутый атаманъ одно время причинилъ много хлопотъ адмиралу Колчаку, прервавъ его сообщеніе съ Дальнимъ Востокомъ, гдѣ отрѣзанный отъ центральной власти ген. Хорватъ былъ по этому случаю снабженъ особыми полномочіями, но когда реальное соотношеніе силъ сложилось не въ пользу Семенова, послѣдній смирился, а адмиралъ Колчакъ, принимая во вниманіе его безпрерывную борьбу съ большевиками, приказомъ Верховнаго Правителя въ Маѣ 1919 года возстановилъ Семенова во всѣхъ его правахъ и назначилъ командиромъ Средне-Сибирскаго корпуса, то-есть тѣхъ войскъ, которыми онъ командовалъ и раньше, вскорѣ послѣ чего Семеновъ и двинулъ эти доблестныя, испытанныя войска на Сибирскій фронтъ. Такъ

въ мукахъ родилась сначала единая Сибирская, а затѣмъ Всероссійская власть, списокъ членовъ которой, за исключеніемъ члена Госуд. Думы Пепеляева (к. д.), пестрѣлъ незнакомыми именами провинціальныхъ дѣятелей.

Что касается свѣдѣній, сообщенныхъ штабсъ-капитаномъ Б. о сибирской арміи, то хотя онъ и подчеркнулъ ея недостатки въ одеждѣ, обуви и вооруженіи, вызывавшіе необходимость въ снабженіи себя за счетъ непріятеля, путемъ захвата у послѣдняго въ качествѣ военной добычи — оружія, снарядовъ, съѣстныхъ припасовъ и другого интендантскаго имущества, по зато не поскупился въ похвалахъ ея организаціи, дисциплинѣ и бодрости духа, что будто бы вызвало даже замѣчаніе военныхъ представителей союзныхъ державъ, что эти войска лучше той арміи, которой располагала Россія въ первый періодъ войны. Составъ арміи, занимавшей правда колоссальный фронтъ, штабсъ-капитанъ Б. опредѣлилъ грандіозной цифрой 700.000, изъ которыхъ большая часть находилась въ боевой линіи. Меня такой оффиціальный оптимизмъ приводилъ въ немалое смущеніе, такъ какъ изъ Американской миссіи мною были получены свѣдѣнія совершенно противоположнаго характера, которыя, увы, вскорѣ получили полное подтвержденіе, такъ какъ Сибирская армія стала сначала медленно, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе откатываться на востокъ, пока ея пораженіе не приняло характера полной катастрофы.

Въ первыхъ числахъ Іюля возвратился изъ Финляндіи ген. М—скій и представилъ Временному Правительству докладъ о результатахъ своей поѣздки. Со свойственною ему способностью быстро оріентироваться въ обстановкѣ, ген. М—скій сразу же опредѣлилъ, что отъ предпріятія ген. Юденича нельзя ожидать никакихъ благопріятныхъ результатовъ и что необходимо принять всѣ мѣры къ тому, чтобы побудить къ совмѣстному выступленію съ нами Финляндію, располагающую достаточными организованными силами, чтобы нанести большевикамъ ударъ въ самомъ важномъ и кратчайшемъ направленіи на Петроградъ.

Одновременно съ этимъ ген. Юденичемъ, видимо также мало расчитывавшимъ на собственныя силы, были переданы адмиралу Колчаку тѣ условія, на которыхъ можно было ожидать выступленія Финляндіи, съ содержаніемъ которыхъ я былъ ознакомленъ штабсъ-капитаномъ Б., передававшимъ ихъ по радіо въ Сибирь. Я обращаю вниманіе на подчеркнутыя мною слова «можно было ожидать», такъ какъ ген. Юденичъ, перечисливъ, если мнѣ память не измѣняетъ, 19 пунктовъ финляндскихъ требованій, заканчивалъ свою телеграмму указаніемъ, что лишь при принятіи ихъ ген. Маннергеймъ расчитываетъ склонить къ выступленію правительство и страну, общественное мнѣніе которой вообще не склонно было къ активности въ этомъ вопросѣ.

Ген. Юденичъ настаивалъ на принятіи этихъ требованій, прося дать ему отвѣтъ въ кратчайшій срокъ, такъ какъ выборы президента республики предстояли черезъ двѣ недѣли и кандидатура ген. Маннергейма на этотъ постъ имѣла очень мало шансовъ, а съ уходомъ его терялась всякая надежда на активную помощь со стороны Финляндіи. Къ этому ген. Юденичъ добавлялъ, что если онъ не получитъ своевременно отвѣта, то возьметъ рѣшеніе на себя, такъ какъ обстановка диктуетъ ему необходимость принятія такого шага. Временное Правительство Сѣверной Области, выслушавъ докладъ генерала М—скаго, рѣшило поддержать передъ Всероссійскимъ Правительствомъ

ходатайство ген. Юденича и въ этомъ смыслѣ была отправлена депеша адмиралу Колчаку.

Вскорѣ на телеграмму ген. Юденича послѣдовалъ краткій отвѣтъ: «Помощь Финляндіи считаю сомнительной, а требованія чрезмѣрными», а затѣмъ была получена и болѣе подробная депеша министерства иностранныхъ дѣлъ за подписью Сукина, съ сообщеніемъ, что Верховный Правитель, независимо отъ чрезмѣрно тяжелыхъ требованій, предъявленныхъ Финляндіей, обратилъ вниманіе на то, что даже принятіе ихъ еще не гарантируетъ выступленія ея, такъ какъ послужитъ только почвой для подготовки общественнаго мнѣнія страны къ активному выступленію, при чемъ адмиралъ Колчакъ выражалъ сомнѣніе, чтобы это можно было успѣть сдѣлать въ короткій двухнедѣльный срокъ. Въ заключеніе онъ категорически запрещалъ ген. Юденичу лично входить въ какія либо соглашенія, указавъ ему, что въ области международныхъ отношеній онъ не имѣетъ права выходить изъ рамокъ, опредѣленныхъ Главнокомандующему Положеніемъ о Полевомъ Управленіи войскъ въ военное время.

Ген. М—скій рѣзко порицалъ въ то время адмирала Колчака за его недальновидность при разрѣшеніи вопроса о выступленіи Финляндіи и, дѣйствительно, послѣ неудачнаго похода ген. Юденича, когда войска его принуждены были оставить уже захваченныя ими предмѣстья Петрограда, многіе пришли къ заключенію, что вооруженныя силы Финляндіи могли бы сыграть рѣшающую роль и можетъ быть судьба всѣхъ бѣлыхъ фронтовъ была бы другой, но не будемъ строго судить за это адмирала Колчака и предоставимъ разрѣшеніе этого вопроса суду исторіи.

Къ этому времени слѣдуетъ отнести поступленіе съ Сибирскаго фронта все болѣе и болѣе тревожныхъ свѣдѣній. Войска адмирала Колчака начинаютъ свое стремительное отступленіе, очистивъ раіонъ Котласъ—Вятка, гдѣ предполагалось наше соединеніе съ ними и передача имъ снаряженія, привезеннаго англичанами.

Вскорѣ послѣ полученія непріятныхъ извѣстій съ Сибирскаго фронта, на праздникѣ во французской миссіи, 14 Іюля, по случаю взятія Бастиліи, веселье отравляется первыми слухами «изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ» объ оставленіи союзниками въ недалекомъ будущемъ Сѣверной Области. Слухи эти принимаютъ характеръ вполнѣ точныхъ и провѣренныхъ свѣдѣній къ концу Іюля, и на парадѣ 2 Августа по случаю годовщины прибытія союзниковъ и изгнанія большевиковъ союзныя войска отсутствуютъ, а ихъ старшіе начальники уклоняются отъ принятія почестей и замѣняютъ себя «дублерами» меньшихъ чиновъ, которымъ приходится сконфуженно выслушивать «ура» русскихъ войскъ въ честь «вѣрныхъ союзниковъ».

Парадъ русскихъ войскъ проходитъ великолѣпно, при чемъ въ немъ принимаетъ участіе въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ воинскія части, прекрасно обученное національное ополченіе, организованное по образцу финляндскихъ охранныхъ дружинъ изъ гражданъ добровольцевъ, не подлежащихъ службѣ въ войскахъ. Состоявшее изъ лояльныхъ элементовъ всѣхъ слоевъ населенія при гарантіи личной благонадежности каждаго ополченца квартальнымъ комитетомъ, національное ополченіе сыграло выдающуюся роль въ охраненіи порядка въ Архангельскѣ и его окрестностяхъ. При отсутствіи у насъ надежной милиціи, полицейско-караульная служба всей своей тяжестью ложилась на національное ополченіе, несшее ее въ чрезвычайно

тяжелыхъ условіяхъ, такъ какъ зимой морозы въ Архангельскѣ часто достигали 40°. Патрулированіе улицъ, обученіе строю и стрѣльбѣ отнимало массу времени отъ весьма небольшого досуга, которымъ располагало большинство ополченцевъ, занятыхъ службой по разнымъ частнымъ и общественнымъ учрежденіямъ. Наличіе этого ополченія сыграло выдающуюся роль въ моментъ ухода союзниковъ и эвакуаціи нами области и предохранило насъ отъ массовыхъ эксцессовъ, которые могли имѣть катастрофическія послѣдствія. Честь и хвала всѣмъ тѣмъ, кто потрудился для его организаціи и всѣмъ тѣмъ, кто тихо, скромно и самоотверженно отбывалъ въ его рядахъ свою тяжелую службу; они навѣрно тяжелой цѣной расплачиваются сейчасъ за нее у большевиковъ. Къ сожалѣнію, не всѣ понимали, какой подвигъ они несли, и мы увидимъ ниже, какимъ оскорбленіямъ они часто подвергались со стороны нѣкоторыхъ пьянствовавшихъ и буйствовавшихъ офицеровъ, при старательномъ соблюденіи ими требованій караульной службы.

На парадѣ впервые также выступила офицерская рота, изъ числа пріѣхавшихъ только что изъ Англіи русскихъ офицеровъ, большая часть которыхъ прямо съ пароходовъ была отправлена на фронтъ, гдѣ въ связи съ уходомъ союзниковъ ожидали наступленія весьма серьезныхъ событій и крупныхъ военныхъ операцій. Многіе изъ нихъ въ первыхъ же бояхъ нашли свою смерть.

Вмѣстѣ съ этими офицерами прибыла группа престарѣлыхъ генераловъ, пріѣздъ которыхъ и особенно находившагося среди нихъ бывшаго Нач. Штаба Зап. фронта ген. К., вызвалъ недовольство и тревогу въ офицерскихъ кругахъ. Ихъ считали принадлежащими недоброму старому времени и ничего хорошаго отъ нихъ не ждали.

Въ связи со слухами объ уходѣ союзниковъ повсюду царило приподнятонервное настроеніе, которое находило себѣ благопріятную почву для бѣшеной агитаціи большевиковъ, старавшихся использовать моментъ и развалить нашъ фронтъ. Агитація эта, отозвавшаяся вспышками возстаній на многихъ участкахъ нашего громаднаго по своему протяженію фронта, еще болѣе усиливала тревогу и напряженіе мысли, проникнутой однимъ навязчивымъ вопросомъ: какъ отзовется на судьбѣ Сѣверной Области уходъ союзниковъ?

Глава V

Возстанія въ войскахъ. Причины возстаній. Заявленіе англичанъ объ уходѣ. Увольненіе ген. М—скаго и вступленіе ген. Миллера въ командованіе войсками

Приходится теперь приступить къ самымъ грустнымъ воспоминаніямъ, связаннымъ съ кровопролитіемъ на почвѣ продолжающейся до сихъ поръ братоубійственной гражданской войны. Воспоминанія эти ярки и незабываемы, хотя они почерпнуты большею частью изъ холодныхъ, сухихъ страницъ военно-слѣдственнаго матеріала, но на ряду съ этимъ приходилось и лично выслушивать разсказы нѣкоторыхъ живыхъ свидѣтелей-офицеровъ, которыхъ иногда только чудо спасало отъ неминуемой гибели.

Наша маленькая Сѣверная армія занимала громадный фронтъ протяженіемъ въ нѣсколько тысячъ верстъ. Конечно, о непрерывной линіи защиты

не могло быть и рѣчи, да въ ней и не было надобности: ее создавала природа своими непроходимыми лѣсами характера сибирской тайги. Отдѣльнымъ небольшимъ отрядамъ силою до одного полка, съ придачею громаднаго количества пулеметовъ и сильной артиллеріи, правда легкаго полевого типа, приходилось защищать лишь дефиле, образуемые протекающими рѣками и идущими на Архангельскъ желѣзной и грунтовыми дорогами. Соотвѣтственно съ такимъ распредѣленіемъ вооруженныхъ силъ образовались укрѣпленные раіоны: Онежскій, Желѣзнодорожный, Селецкій, Двинскій, Пинежскій, Мезенскій и Печорскій, причемъ на Желѣзнодорожномъ фронтѣ въ виду защиты кратчайшаго и важнѣйшаго направленія на административный центръ Сѣверной Области — Архангельскъ, было сосредоточено наибольшее количество войскъ, до трехъ полковъ съ придачей имъ не только легкой, но и тяжелой артиллеріи и бронированныхъ поѣздовъ.

Къ Онежскому раіону прилегалъ Мурманскій, который занималъ громадное протяженіе, примыкая своимъ правымъ флангомъ къ финляндской границѣ, и по количеству своихъ войскъ занималъ первое мѣсто. Жизнь его въ военномъ и административномъ отношеніи, въ виду весьма неудовлетворительнаго сообщенія съ Архангельскомъ, носила обособленный отъ всѣхъ другихъ раіоновъ Сѣвернаго фронта характеръ и мнѣ въ дальнѣйшемъ придется ея коснуться лишь съ точки зрѣнія создавшихся съ этимъ раіономъ ненормальныхъ отношеній и неумѣнія центральной власти своевременно подготовить и использовать его какъ редюитъ для войскъ Архангельскаго фронта.

Защита была организована по системѣ вынесенныхъ впередъ и занятыхъ пѣхотой блокгаузовъ (маленькихъ укрѣпленій изъ срубленнаго лѣса, опутанныхъ проволочными загражденіями) съ осиными пулеметными гнѣздами, а главныя силы и артиллерія располагались скрыто сзади. Взять эти укрѣпленія въ лобъ было почти невозможно, такъ какъ пришлось бы принести въ жертву колоссальныя неоправдываемыя цѣлью силы, эшелонировавъ въ затылокъ нѣсколько дивизій, поэтому борьба носила характеръ глубокихъ обходныхъ движеній, которыя можно было производить, главнымъ образомъ, въ осеннее время, такъ какъ зимой мѣшалъ глубокій, выше человѣческаго роста снѣгъ, а весной и лѣтомъ наступала такъ-называемая «распута», при которой почва обращалась въ непроходимое болото. Кромѣ того, въ дебряхъ непроходимаго вѣкового лѣса было очень трудно ориентироваться и поддерживать связь обходныхъ колоннъ съ командными центрами. Все это побуждало большевиковъ къ излюбленному методу своихъ дѣйствій, а именно къ разложенію бѣлыхъ частей агитаціей и пропагандой и захвату власти путемъ организаціи возстаній.

Пинежское и Тулгасовское возстанія имѣли мѣсто незадолго до моего пріѣзда въ Сѣверную Область. На Пивегѣ произошло возстаніе въ 8 Сѣверномъ стрѣлковомъ полку, причемъ жертвами его оказались нѣсколько офицеровъ, часть которыхъ была убита мятежниками, а часть покончила съ собою, взорвавъ себя ручными гранатами. Возстаніе было подавлено Верхне-Пинежскими партизанами-крестьянами, сурово расправившимися съ возставшими. Разслѣдованіе установило, что причиной возстанія послужило недовольство населенія Нижней Пинеги и мѣстныхъ войскъ перфораціей (штемпелеваніемъ керенокъ и царскихъ) и неполученіе сѣмянъ для обсѣмененія полей. Съ перфораціей мы подробнѣе познакомимся въ отдѣлѣ финансовой политики Правительства, здѣсь же необходимо отмѣтить, что для штемпелеванія деньги

отбирались у населенія подъ расписки и оно оставалось на продолжительный срокъ безъ денежныхъ знаковъ, такъ какъ штемпелеванныя кредитки и казначейскіе знаки возвращались съ большимъ опозданіемъ, что вызывало неудовольствіе, ибо мѣшало обычной торговлѣ.

Неудовольствіе это использовали большевики, развивъ агитацію на тему о томъ, что генералы и офицеры собираются бѣжать изъ области и на дорогу собираютъ себѣ деньги, отбирая ихъ у населенія подъ видомъ необходимости ихъ штемпелеванія. Поэтому возставшимъ рекомендовалось захватить Пинежское уѣздное казначейство, гдѣ хранилось около полутора милліоновъ рублей, и бѣжать съ ними къ большевикамъ для спасенія отъ «бѣлогвардейскихъ» офицеровъ народныхъ денегъ, неудачная попытка къ чему и была произведена бунтовщиками.

Разслѣдованіемъ, между прочимъ, было установлено, что между нижне- и верхне-пинежцами существовала вражда, такъ какъ нижне-пинежцы, деревни которыхъ находились въ раіонѣ бѣлыхъ, считали, что война у нихъ ведется изъ-за верхне-пинежскихъ партизанъ, желавшихъ отобрать свои родныя деревни, находившіяся въ рукахъ красныхъ.

Но были еще болѣе грустныя обстоятельства, которыя къ сожалѣнію обнаружились гораздо позже, когда военное командованіе уже перешло къ ген. Миллеру, а командованіе на Пинегѣ хотя и къ престарѣлому и неспособному ориентироваться въ текущихъ событіяхъ, но честному ген. П., который попросилъ меня прислать въ Пинегу военнаго слѣдователя. Оказалось, что въ войскахъ были хищенія и утайки пайка, что, конечно, волновало солдатъ. Произошло это сначала отъ безпечности и полнѣйшаго непониманія хозяйства перваго организатора пинежскихъ отрядовъ молодого, легкомысленнаго и самоувѣреннаго кап. N., который, между прочимъ, занимался обмѣномъ подареннаго ему англичанами рома на мѣха, вызывая такимъ неосторожнымъ поведеніемъ толки среди солдатъ объ утайкѣ ихъ рома для этой операціи.

Его смѣнилъ «фаворитъ» ген. М—скаго, полк. N. Вѣчно пьяный, разнузданный, онъ окружилъ себя соотвѣтствующимъ штабомъ и часто, гарцуя на улицахъ Пинеги, требовалъ, чтобы жители при встрѣчѣ съ нимъ снимали шапки, побивъ однажды за неисполненіе этого требованія предсѣдателя мѣстной земской управы. Мѣстной почтенной учительницѣ онъ тоже въ пьяномъ видѣ заявилъ, что такъ какъ она по своему возрасту не годится въ проститутки, то онъ рекомендуетъ ей, бросивъ педагогическую дѣятельность, открыть публичное заведеніе. Получивъ въ свое безконтрольное распоряженіе 11.000 рублей для цѣлей контръ-развѣдки, онъ обратилъ ихъ въ свою пользу и вернулъ ихъ значительно позже, уже находясь на службѣ въ Мурманскѣ послѣ моего телеграфнаго требованія объ уплатѣ или представленіи отчета. Ему не избѣжать было бы скамьи подсудимыхъ, чему помѣшала лишь наша эвакуація. Дальнѣйшая участь его была очень печальна: онъ былъ разстрѣлянъ возставшими въ Мурманскѣ красными.

Тулгасовское возстаніе произошло въ Двинскомъ раіонѣ, гдѣ взбунтовался одинъ изъ баталіоновъ 3 Сѣвернаго стрѣлковаго полка, перебившій своихъ офицеровъ и сдѣлавшій попытку захватить артиллерію для передачи орудій непріятелю. Артиллерія мужественно огнемъ своихъ орудій и пулеметовъ отбила атаки мятежниковъ и отступила, протащивъ 70 верстъ на

рукахъ свои 4 орудія и прокладывая себѣ дорогу и мосты. Все это было продѣлано группой въ сто человѣкъ, оставшихся вѣрными своему долгу.

Разслѣдованіе установило неосторожность и безпечность молодого и храбраго командира баталіона, 28-лѣтняго полк. Г., не процѣдившаго какъ слѣдуетъ, вопреки указаніямъ свыше, прибывшія въ полкъ пополненія изъ плѣнныхъ красныхъ, часть которыхъ и оказалась организаторами возстанія.

Тотъ же 3 Сѣв. стрѣлковый полкъ, реорганизованный своимъ доблестнымъ командиромъ полк. В., подавилъ въ концѣ Іюля возстаніе Дайеровскаго баталіона, расположеннаго также въ Двинскомъ раіонѣ. Оно началось ночью, причемъ возставшіе прежде всего бросились на штабъ своего баталіона и убили спящими 4 англійскихъ и 3 русскихъ офицеровъ. Та же участь постигла бы и штабъ двинскаго раіона, если бы не осталась вѣрной пулеметная команда баталіона, отогнавшая отъ штаба наступавшихъ бунтовщиковъ. Большинству изъ нихъ удалось бѣжать къ большевикамъ, пойманныхъ же ликвидировали на мѣстѣ англичане.

Не успѣли разсѣяться впечатлѣнія отъ этого крупнаго возстанія, какъ разыгралась кровавая трагедія на Онегѣ. Расположенный тамъ 5 Сѣверный стрѣлк. полкъ былъ укомплектованъ жителями Онежскаго уѣзда, весьма неблагонадежными и тяготѣвшими къ краснымъ. Особеннымъ большевистскимъ духомъ отличались расположенныя на рѣкѣ Онегѣ два большихъ богатыхъ села — Порогъ и Запорожье, жители которыхъ владѣли богатыми рыбными промыслами (семга-порогъ), но среди которыхъ издавна процвѣтало также тунеядство и хулиганство, благодаря громаднымъ подачкамъ отъ извѣстнаго отца Іоанна Кронштадтскаго — уроженца этой мѣстности.

Непосредственнымъ поводомъ къ возстанію послужило недовольство отвлеченіемъ мобилизованныхъ отъ сѣнокоса и другихъ полевыхъ работъ, что и использовали большевики, захватившіе въ результатѣ возстанія весь Онежскій раіонъ.

Возставшіе арестовали почти всѣхъ офицеровъ во главѣ съ командиромъ полка, полк. М., которому на шею накинули веревку и утащили къ большевикамъ. Двѣнадцать человѣкъ офицеровъ были окружены въ одной избѣ и, не пожелавъ сдаться, покончили сами съ собой. Сначала болѣе сильные духомъ застрѣлили другихъ, а потомъ застрѣлились сами. Тѣла ихъ послѣ очищенія раіона Онеги отъ большевиковъ, пропешедшаго уже послѣ ухода англичанъ, были вырыты изъ ямы, куда они были брошены большевиками раздѣтыми, и похоронены съ воинскими почестями.

Вслѣдъ за Онежскимъ возстаніемъ послѣдовала попытка къ возстанію въ 6 Сѣверномъ стрѣлковомъ полку на желѣзнодорожномъ фронтѣ и одновременное раскрытіе заговора въ 7 Сѣверномъ стрѣлковомъ полку, расположенномъ въ сосѣднемъ Селецкомъ раіонѣ. Незадолго до этого на Двинѣ была произведена соединенными русскими и англійскими силами удачная крупная операція съ захватомъ большого раіона у большевиковъ, который затѣмъ по приказанію англійскаго командованія былъ очищенъ, а мужское населеніе взято по мобилизаціи въ наши войска. Вотъ эти то мобилизованные и явились душой заговора въ желѣзнодорожномъ и Селецкомъ раіонахъ, составивъ цѣлый планъ возстанія и открытія фронта большевикамъ и войдя съ послѣдними въ соглашеніе по этому поводу. Согласно этому плану предполагалось обходное движеніе довольно крупными силами большевиковъ, которые должны были, войдя въ тылъ линіи блокгаузовъ, атаковать

артиллерійскую батарею, прикрытіе которой изъ 2 роты 6-го Сѣвернаго стрѣлковаго полка было подготовлено пропагандой къ открытію фронта.

Незадолго до начала этой операціи дрогнула совѣсть у одного изъ бывшихъ въ курсѣ дѣла заговорщиковъ — бывшаго унтеръ-офицера одного изъ нашихъ старыхъ гвардейскихъ полковъ и онъ предупредилъ командира 6 полка о назрѣвающей опасности. 2-я рота немедленно была снята съ позиціи, арестована и замѣнена надежными войсками, которыя вмѣстѣ съ артиллеріей приготовились встрѣтить обходную колонну большевиковъ. Къ сожалѣнію, уже не было времени предупредить роты, находившіяся впереди въ блокгаузахъ. Большевики не заставили себя долго ждать и скоро безъ особыхъ мѣръ предосторожности появились на опушкѣ лѣса противъ того мѣста, гдѣ должна была быть расположена 2 рота. Ихъ встрѣтилъ здѣсь ураганный пулеметный и орудійный огонь, который еще болѣе усилился, когда послышались крики: «Товарищи, не стрѣляйте, свои, свои». Большевики потеряли здѣсь болѣе баталіона убитыми и ранеными.

Въ это время на блокгаузы тоже было произведено нападеніе, причемъ часть гарнизона ихъ, благодаря измѣнѣ, капитулировала и, захвативъ своихъ офицеровъ, передалась противнику.

Въ Селецкомъ раіонѣ обошлось болѣе благополучно. Тамъ, благодаря своевременному обнаруженію одного изъ заговорщиковъ, подвергнутаго строгому допросу, была раскрыта цѣлая организація, дѣйствовавшая въ связи съ заговорщиками желѣзнодорожнаго раіона, которая ставила своей задачей перебить всѣхъ офицеровъ и открыть фронтъ противнику. Участники ея въ количествѣ около 20 человѣкъ были разстрѣляны по приговору военно-полевого суда.

Вездѣ среди участниковъ заговора были отмѣчены фельдфебеля и унтеръ-офицеры, то-есть лучшіе по выправкѣ и дисциплинѣ солдаты, при чемъ разслѣдованіемъ удалось установить, что въ инструкцію организаціи коммунистическихъ ячеекъ въ бѣлыхъ полкахъ входило строжайшее соблюденіе передъ начальствомъ чинопочитанія и повиновенія, дабы своимъ поведеніемъ усыпить бдительность начальства и, занявъ командные солдатскіе посты, пріобрѣсти наибольшее вліяніе на солдатъ. Тѣмъ же разслѣдованіемъ было обнаружено, что разложеніе нашихъ частей велось по строго разработанной системѣ скрыто образуемыхъ въ нихъ коммунистическихъ ячеекъ, находившихся въ непрерывной связи съ непріятелемъ. Когда часть была достаточно подготовлена къ выступленію, отъ краснаго штаба получался детально разработанный планъ открытія фронта въ связи съ одновременнымъ наступленіемъ красныхъ, причемъ офицеровъ приказывалось перебить, замѣнивъ ихъ намѣченными заранѣе лицами.

Дайеровское и Онежское возстанія совершенно вывели изъ душевнаго равновѣсія высшее англійское командованіе и создали приподнятое настроеніе въ англійскихъ войскахъ. Недоброжелатели ген. Айронсайда изъ англійскихъ же круговъ сообщили въ Англію, что убитые дайеровцами англійскіе офицеры являются жертвами легкомысленнаго опыта, произведеннаго генераломъ, и въ англійской печати появились обвиненія его въ введеніи въ заблужденіе англійскаго общества сообщеніями о возрожденіи русской арміи на Сѣверѣ. Айронсайдъ, чувствуя вину въ дайеровскомъ дѣлѣ, рѣшилъ для реабилитаціи себя рѣзко измѣнить свою позицію въ отношеніи насъ и сталъ самымъ энергичнымъ образомъ настаивать на уходѣ англійскихъ войскъ,

указывая на примѣрѣ 5 Сѣв. стрѣлковаго полка, считавшагося однимъ изъ лучшихъ нашихъ полковъ, что на нашихъ солдатъ абсолютно положиться нельзя и никакая совмѣстная боевая дѣятельность съ нами невозможна. Въ руку ему сыграло то обстоятельство, что ген. М—скій наканунѣ самаго возстанія посѣтилъ 5 Сѣв. стрѣлк. полкъ и, вернувшись оттуда, объявилъ въ приказѣ, что онъ нашелъ полкъ въ блестящемъ состояніи. Такимъ образомъ, англичанамъ была демонстрирована несостоятельность самого командующаго войсками въ оцѣнкѣ степени благонадежности его войскъ, что они, конечно, и поспѣшили использовать въ своихъ интересахъ. Въ мѣропріятіяхъ ихъ почувствовалась растерянность и полнѣйшее нежеланіе быть съ нами въ контактѣ. На Онегу былъ посланъ мониторъ для выручки арестованныхъ большевиками англичанъ. Обстрѣлявъ городъ Онегу изъ тяжелыхъ орудій и истребивъ, такимъ образомъ, лучшую часть города, англичане добились черезъ парламентеровъ выдачи своихъ офицеровъ, но категорически отказались предъявить требованіе о нашихъ офицерахъ и поддержать десантную операцію высланнаго нами маленькаго отряда.

Недовѣріе и паника проникли и въ ихъ солдатскую среду, очень враждебно настроенную къ большевикамъ. Характеренъ слѣдующій маленькій эпизодъ. Конвою англичанъ, сопровождавшихъ подъ начальствомъ сержанта небольшую группу нашихъ арестованныхъ солдатъ на пароходѣ изъ Онеги въ Архангельскъ, показалось подозрительнымъ поведеніе послѣднихъ. На пароходѣ создалось приподнято-нервное настроеніе, которое благодаря произведенному кѣмъ то случайному выстрѣлу, вылилось въ безпорядочную стрѣльбу англичанъ по русскимъ солдатамъ, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ было ранено, а двое убито. Характерно, что ѣхавшій тутъ-же русскій офицеръ былъ немедленно изолированъ англичанами отъ солдатъ и ихъ сержантъ, добродушно похлопывая его по плечу, стремился выразить ему свои симпатіи и успокоить его, говоря ломаннымъ языкомъ: «Русскій офицеръ не надо бояться, русскій офицеръ карошъ, а русскій солдатъ с.....ъ, большевикъ».

Такимъ образомъ, если до сихъ поръ уходъ англичанъ мотивировался, главнымъ образомъ, измѣненіемъ курса высшей политики по русскому вопросу, то послѣ дайеровскаго и онежскаго возстаній приходилось считаться съ тѣмъ же рѣшеніемъ высшаго военнаго командованія. По словамъ ген. Миллера ген. Айронсайдъ сталъ неузнаваемъ и насколько онъ прежде крайне радужно смотрѣлъ на наше будущее и шелъ навстрѣчу нашимъ начинаніямъ, настолько онъ теперь впалъ въ преувеличенный пессимизмъ и обнаруживалъ явное недоброжелательство, принимая всѣ мѣры къ тому, чтобы эвакуироваться самому и, во что бы то ни стало, склонить къ этому и наше военное командованіе, что послужило бы оправданіемъ и его ухода. Въ этомъ смыслѣ имъ и было составлено предложеніе ген. Миллеру эвакуироваться, которое было отклонено ген. Миллеромъ сначала 30 іюля принципіально, а затѣмъ окончательно 12 августа послѣ совѣщанія со старшими чинами Штаба и строевыми начальниками, о чемъ подробно въ слѣдующей главѣ.

Одновременно съ этимъ послѣдовало личное вступленіе ген. Миллера въ командованіе войсками вмѣсто ген. М—скаго, вызванное по словамъ ген. Миллера тѣмъ, что ген. М—скій не вѣрилъ въ возможность нашего оставленія въ Архангельскѣ послѣ ухода англичанъ, и такое же настроеніе

создавалъ среди старшихъ начальниковъ. Однако, врядъ ли это было единственной причиной увольненія ген. М—скаго; такихъ «маловѣровъ» средн высшаго русскаго командованія было очень много и они, однако, сохранили свои мѣста. Несомнѣнно, что тутъ сыграло роль и паденіе работоспособности ген. М—скаго, такъ какъ ген. Миллеръ самъ какъ то замѣтилъ мнѣ, что послѣдній «несомнѣнно утрировалъ въ его глазахъ свою чрезмѣрную переобремененность дѣлами».

Приказомъ Верховнаго Правителя ген. Миллеръ былъ утвержденъ въ должности Главнокомандующаго русскими вооруженными силами Сѣвернаго фронта. Штабъ Командующаго войсками былъ реорганизованъ въ Штабъ Главнокомандующаго и Начальникомъ Штаба былъ назначенъ ген. лейт. К.

Глава VI

Прибытіе «спеціалиста по эвакуаціи» англійскаго фельдмаршала Роллинсона. Совѣщаніе ген. Миллера съ офицерами Ген. Штаба и командирами полковъ объ эвакуаціи

Сопровождаемый громадной свитой, прибылъ въ іюлѣ мѣсяцѣ англійскій фельдмаршалъ Роллинсонъ, пользующійся среди англичанъ репутаціей выдающагося полководца за ликвидацію, въ качествѣ командующаго одной изъ англійскихъ армій во Франціи, послѣдняго нѣмецкаго прорыва на западномъ фронтѣ и нанесеніе послѣ этого нѣмцамъ рѣшительнаго пораженія.

Но, увы, къ намъ фельдмаршалъ прибылъ не для проявленія своего стратегическаго таланта, а въ качествѣ выдающагося спеціалиста по «эвакуаціи», каковая репутація установилась за нимъ при ликвидаціи Дарданельскаго предпріятія союзниковъ.

Въ связи съ его пріѣздомъ ген. Миллеръ получилъ отъ англійскаго командованія предложеніе эвакуироваться вмѣстѣ съ союзниками, которое онъ рѣшилъ подвергнуть всестороннему обсужденію совѣщанія старшихъ чиновъ Штаба и командировъ строевыхъ частей. Въ совѣщаніи этомъ приняли участіе Начальникъ Штаба ген. К., ген. М—скій и другіе офицеры Ген. Штаба, а въ качествѣ представителей строя Командующіе Пинежско-Мезенскимъ и Желѣзнодорожнымъ раіонами и командиры 6, 7, и 8 Сѣв. стрѣлк. полковъ. Мурманскій раіонъ былъ представленъ Начальникомъ Штаба полк. А., Командующій же войсками Двинскаго раіона Ген. Штаба полк. князь М. и командиры 3 и 4 Сѣв. стрѣлк. полковъ отсутствовали, такъ какъ къ этому времени англійскимъ командованіемъ въ цѣляхъ демонстративнаго прикрытія своего ухода, была предпринята на Двинѣ наступательная операція, въ которой принимали участіе русскія войска. На разрѣшеніе совѣщанія были поставлены вопросы: 1) слѣдуетъ ли оставаться въ области послѣ ухода англичанъ, 2) можно ли будетъ впослѣдствіи благополучно эвакуироваться безъ нихъ и 3) возможно ли провести наступательную операцію безъ поддержки союзниковъ. Представители строя единодушно дали отрицательный отвѣтъ на всѣ поставленные вопросы, за исключеніемъ ген. П., только что прибывшаго въ Область, не побывавшаго на фронтѣ и въ

силу этого совершенно не знакомаго съ настроеніемъ войскъ и нашими матеріальными средствами, и, съ упорствомъ стараго военнаго служаки, твердившаго, что надо поступить такъ, какъ прикажетъ начальство.

Сущность соображеній представителей строя сводилась къ тому, что настроеніе среди войскъ было болѣе чѣмъ сомнительно, особенно еще потому, что англійское командованіе предложило эвакуироваться всѣмъ желающимъ изъ числа добровольцевъ, находившихся въ славяно-британскихъ и французскихъ легіонахъ, а также понуждало наше командованіе, основываясь на принципѣ самоопредѣленія, отпустить эстонцевъ, латышей и поляковъ. На самыя грустныя размышленія наводили и прошедшія волной по всему фронту описанныя выше возстанія, а также поднятая большевиками по поводу ухода союзниковъ агитація съ указаніемъ, что подъ вліяніемъ рабочихъ иностранныя правительства рѣшили увести свои войска и не поддерживать больше генеральскую контръ-революцію. Офицерскій корпусъ, кромѣ того, былъ встревоженъ полной необезпеченностью тыла въ случаѣ неудачи, считая, что безъ англичанъ никакая эвакуація немыслима, ибо солдаты ихъ не выпустятъ и выдадутъ, какъ виновниковъ войны, большевикамъ.

Исходя изъ настроенія войскъ, а также изъ того, что все снабженіе, средства связи и управленіе находилось до сихъ поръ въ рукахъ англичанъ, строевые начальники признали полную невозможность какого нибудь наступленія безъ помощи послѣднихъ, хотя бы техническими средствами. Изъ числа офицеровъ Ген. Штаба точку зрѣнія строевыхъ офицеровъ поддерживалъ полк. К.; Начальникъ Штаба Мурманскаго раіона полк. А. заявилъ, что обстановка Мурманскаго раіона и настроеніе тамъ войскъ говоритъ за продолженіе борьбы послѣ ухода англичанъ, но оборона Архангельскаго фронта при наличіи той картины, которую нарисовали представители этого фронта, врядъ ли представляется возможной.

На продолженіи борьбы въ Архангельскѣ особенно упорно настаивалъ Начальникъ Штаба ген. К., только что вступившій въ эту должность, не посѣтившій еще фронта для ознакомленія съ положеніемъ на мѣстѣ, чего онъ, впрочемъ, не сдѣлалъ ни разу за все время своего пребыванія Начальникомъ Штаба, ограничиваясь лишь кабинетной работой. Между тѣмъ посѣщеніе фронта его правой рукой — Начальникомъ Операціоннаго Отдѣла Штаба, генераломъ К., привело послѣдняго къ выводамъ, сдѣланнымъ изъ общаго положенія строевыми начальниками.

Ген. М—скій держался въ сторонѣ и своей точки зрѣнія не высказывалъ, такъ что пренія велись, главнымъ образомъ, между представителями строя и Нач. Штаба ген. К., который въ концѣ концовъ въ качествѣ аргумента за продолженіе обороны выдвинулъ распоряженіе Верховнаго Главнокомандующаго адмирала Колчака защищать Область до конца. На это представители строя совершенно резонно заявили, что если существуетъ такой приказъ Верховнаго Главнокомандующаго, то дальнѣйшее обсужденіе вопроса объ оставленіи Области не имѣетъ смысла, такъ какъ они, какъ солдаты, обязаны подчиниться распоряженію Верховнаго Главнокомандующаго, послѣ чего перешли къ вопросу о наступленіи, при чемъ единогласно было постановлено, что разъ рѣшено оставаться, то наступленіе необходимо, такъ какъ оно подниметъ настроеніе войскъ и, кромѣ того, выражалась надежда, что успѣшное

развитіе его можетъ вызвать измѣненіе точки зрѣнія англійскаго командованія и оставленіе англичанъ въ Области.

Для провѣрки этого предположенія, а главное для полученія отъ англичанъ поддержки, безъ чего организація наступленія считалась невозможной, было рѣшено на слѣдующій день всѣмъ еще разъ собраться у генерала Миллера и оттуда отправиться къ фельдмаршалу Роллинсону, такъ какъ въ 12 часовъ дня генералъ Миллеръ далъ обѣщаніе англійскому командованію дать окончательный отвѣтъ, остается ли онъ послѣ ухода англичанъ или эвакуируется съ ними.

Командиры полковъ, возмущенные тѣмъ, что участь строевыхъ офицеровъ опять рѣшается, вопреки ихъ мнѣнію, штабомъ, который не разъ по ихъ мнѣнію, былъ причиной ихъ гибели въ Японскую и послѣднюю войну, рѣшили вечеромъ отдѣльно зайти къ ген. Миллеру и изложить ему еще разъ свою точку зрѣнія на текущій моментъ. Придя къ нему, они заявили, что рѣшили сказать ему «всю правду» съ глаза на глазъ въ отсутствіе офицеровъ Ген. Штаба, такъ какъ послѣдніе въ силу своего образованія, владѣя лучше словомъ, «забили» ихъ своимъ краснорѣчіемъ и не дали имъ возможности высказать всего того, что у нихъ лежало на душѣ. Послѣ этого они въ самой рѣзкой и опредѣленной формѣ обрисовали безъ прикрасъ положеніе строевыхъ частей на фронтѣ, бывшихъ всецѣло въ строевомъ, хозяйственномъ и техническомъ отношеніи на попеченіи англичанъ, и указали на то, что съ уходомъ послѣднихъ они останутся безъ всего, такъ какъ нашъ штабъ не позаботился о своевременномъ оборудованіи и подготовкѣ ихъ къ самостоятельной жизни, обнаруживъ полное бездѣйствіе въ этомъ отношеніи и предоставивъ все англичанамъ, вслѣдствіе чего солдаты въ русскомъ командованіи и офицерахъ видѣли только контръ-революціонеровъ, возстановившихъ ненавистную имъ дисциплину, тогда какъ всѣ матеріальныя блага, столь цѣнимыя нашимъ простолюдиномъ, получались изъ рукъ иностранцевъ. Ген. Миллеръ отнесся съ большимъ вниманіемъ къ докладчикамъ, стараясь своимъ спокойнымъ сердечнымъ тономъ смягчить остроту создавшагося положенія, объяснивъ, между прочимъ, что онъ не можетъ принять на себя всю отвѣтственность за предыдущую дѣятельность штаба, такъ какъ наше высшее командованіе находилось не въ его рукахъ. Онъ обѣщалъ устранить указанные ему дефекты установленіемъ большей связи съ войсками и заботливостью о ихъ духовномъ и матеріальномъ благополучіи.

На слѣдующій день утромъ всѣ вновь собрались въ кабинетѣ ген. Миллера, причемъ тутъ немало удивилъ всѣхъ ген. М—скій, который на частномъ совѣщаніи съ командирами полковъ, имѣвшемъ мѣсто наканунѣ перваго совѣщанія у ген. Миллера, былъ солидаренъ съ ними въ вопросѣ о необходимости покинуть Архангельскую Область, а здѣсь вдругъ неожиданно заявилъ, что надо не только самимъ остаться, но и «заставить» англичанъ остаться, и, когда ген. Миллеръ спросилъ его, какими средствами можно осуществить послѣднюю мѣру, онъ отвѣтилъ, что можно прибѣгнуть и къ силѣ, на что ген. Миллеръ только развелъ руками. Утреннее совѣщаніе осталось при прежнемъ рѣшеніи и носило спѣшный характеръ, такъ какъ къ 12 часамъ нужно было быть у фельдмаршала Роллинсона, а англичане не выносили опозданій.

Фельдмаршалъ Роллинсонъ принялъ всѣхъ чрезвычайно любезно, начавъ съ привѣтствія, въ лицѣ полковыхъ командировъ, доблестныхъ боевыхъ

сотоварищей по минувшей кампаніи. Выслушавъ затѣмъ рѣшеніе русскаго командованія остаться и перейти въ наступленіе, онъ заявилъ, что объ оставленіи англичанъ не можетъ быть и рѣчи, ибо такова воля Правительства, опирающагося на Парламентъ, а поэтому какихъ бы успѣховъ не достигли русскія войска въ своемъ наступленіи, захвати они не только Вологду и Вятку, но Москву и Петроградъ, онъ долженъ будетъ, какъ солдатъ, привести въ исполненіе распоряженіе Правительства и эвакуировать Сѣверную Область. Онъ обѣщалъ передать въ Англію просьбу русскаго командованія объ оставленіи англійскихъ войскъ, но заранѣе предупреждалъ, что изъ этого ничего не выйдетъ, что же касается предполагаемой операціи, онъ обѣщалъ оказать самую широкую поддержку техническими и матеріальными средствами, но отказался предоставить войска для наступленія, а лишь для выполненія оборонительныхъ заданій на занимаемыхъ позиціяхъ.

Гораздо болѣе рѣзкую позицію занялъ присутствовавшій при этомъ ген. Айронсайдъ, который наше оставленіе въ Области считалъ чистѣйшей авантюрой и, желая подорвать въ глазахъ фельдмаршала Роллинсона авторитетъ нашего командного состава, попросилъ его задать командирамъ полковъ вопросъ: «Ручаются ли они за спокойствіе и благонадежность ввѣренныхъ имъ частей». Выслушавъ отрицательный отвѣтъ, онъ настаивалъ на эвакуаціи, указавъ, что мы и въ техническомъ отношеніи неподготовлены для самостоятельной дѣятельности и, обратившись къ стоявшему въ сторонѣ ген. М—скому, попросилъ его доложить совѣщанію, приготовилъ ли онъ персоналъ, необходимый для обслуживанія тыла, на каковой работѣ у него, ген. Айронсайда, было нѣсколько тысячъ человѣкъ.

На совѣщаніи былъ между прочимъ поднятъ вопросъ объ отходѣ на Мурманъ, причемъ англійское командованіе одобрило этотъ проектъ, обѣщавъ предоставить средства для эвакуаціи туда не только войскъ, но и до 10,000 человѣкъ населенія.

Изложенныя выше свѣдѣнія о совѣщаніяхъ съ ген. Миллеромъ и представителями высшаго союзнаго командованія почерпнуты мной отъ нѣсколькихъ участниковъ этихъ совѣщаній, между прочимъ и отъ ген. Миллера, съ которымъ въ указанный періодъ времени мои отношенія приняли по цѣлому ряду поводовъ, характеръ, выходящій изъ предѣловъ обычныхъ служебныхъ докладовъ по моей спеціальности и наши совмѣстныя бесѣды касались естественно и самаго животрепещущаго вопроса — эвакуаціи.

Какъ мы увидимъ ниже, мы въ этотъ моментъ переживали подъемъ патріотическихъ чувствъ, что по моему мнѣнію и склонило окончательно ген. Миллера къ рѣшенію остаться въ области. Однако, этимъ пылкимъ патріотическимъ выступленіямъ не слѣдовало придавать серьезнаго значенія, такъ какъ ихъ нельзя было считать результатомъ выношеннаго въ спокойномъ состояніи духа рѣшенія созрѣвшихъ для политической жизни гражданъ, которые выявили это рѣшеніе въ бурной формѣ, благодаря охватившему ихъ порыву въ связи съ уходомъ союзниковъ и предоставленію насъ своей собственной участи, а нужно было видѣть лишь отраженныя непрочныя настроенія отъ успѣховъ на всѣхъ другихъ бѣлыхъ фронтахъ, ибо въ этотъ моментъ зашевелился на Петроградскомъ направленіи ген. Юденичъ, совершалъ полвымъ ходомъ свое побѣдное шествіе ген. Деникинъ и даже сибирскія войска задержались и перешли въ частичное контръ-наступленіе.

Обыватель опредѣлилъ этотъ моментъ, какъ начало конца большевиковъ, и сыгралъ печальную роль, давъ иллюзію поддержки, которую отъ него склонны были ожидать и при измѣненіи обстановки къ худшему.

Но болѣе всего страшила меня необезпеченность эвакуаціи нашей арміи безъ англичанъ. Въ отступленіе сухопутнымъ путемъ на Мурманъ я абсолютно не вѣрилъ и считалъ это плодомъ досужей фантазіи штаба, вѣрнѣе оторванной отъ всякой реальной дѣйствительности кабинетно-стратегической мысли ген. К., ибо было совершенно неповятно, почему Мурманскія войска должны были бы удержаться послѣ паденія Архангельскаго фронта и почему противникъ долженъ былъ начать съ ликвидаціи нашего фронта, а не попытался бы лишить насъ сначала Мурманскаго редюнта. Бесѣды же съ Командующимъ морскими силами Ледовитаго Океана адмираломъ И. привели меня къ убѣжденію, что въ періодъ ледяной кампаніи эвакуація моремъ составляла бы невозможную задачу даже для англичанъ. Достаточно читателямъ вспомнить описанную мною выше картину борьбы ледокола со льдами въ горлѣ Бѣлаго моря, чтобы каждому стало понятно, что массовая эвакуація моремъ въ періодъ льдовъ была еще болѣе злостной фантазіей, чѣмъ отступленіе сухимъ путемъ.

Въ періодъ ухода англичанъ ледоколовъ у насъ еще и не было, они всѣ были въ Англіи въ полномъ ея распоряженіи и намъ только было обѣщано ихъ возвращеніе. Что касается вопроса объ углѣ, то адмиралъ И. предупреждалъ, что по расчету онъ долженъ былъ кончиться у насъ къ 1 Января, а получить его было почти невозможно, такъ какъ Англія сама испытывала въ немъ недостатокъ, да и англійскіе рабочіе бдительно наблюдали за тѣмъ, чтобы уголь не попалъ въ руки «контръ-революціонеровъ». Наши команды на ледоколахъ, какъ и слѣдовало ожидать, тоже оказались болѣе чѣмъ ненадежными, такъ что англійскому адмиралтейству во избѣжаніе скандаловъ со своими портовыми рабочими и нашими матросами пришлось, направляя впослѣдствіе ледоколы къ намъ, выправлять бумаги на сѣверную Францію. Въ виду всего этого адмиралъ И. высказывалъ убѣжденіе, которое, къ сожалѣнію, претворилось въ дѣйствительность, что никакой плавомѣрной эвакуаціи области не будетъ, а на нѣсколькихъ судахъ, которые окажутся въ нужный моментъ подъ рукой, выберутся лишь тѣ, кто случайно очутится въ это время у берега.

Обмѣнъ мнѣніями съ адмираломъ И., нѣкоторыми строевыми участниками описанныхъ выше совѣщаній, а также съ прибывшими съ фронта командиромъ 3 стрѣлк. полка, полк. В., и командиромъ артил. дивизіона, полк. N. привелъ меня къ убѣжденію, что намъ надо уходить на Мурманъ. Всѣ строевые начальники ручались, что отъ половины до трехъ четвертей ихъ солдатъ послѣдуютъ туда за ними, что по самому скромному подсчету обезпечивало 8000 стойкихъ и надежныхъ бойцовъ съ громаднымъ количествомъ матеріальной части и продовольствія, которыхъ англичане обѣщали перевезти на Мурманъ. Подкрѣпивъ здѣсь прочныя и бодро настроенныя части Мурманскаго фронта и, главное, обезпечивъ порядокъ въ тылу, который имѣлъ въ глубину до 800 верстъ и за недостаткомъ войскъ почти не охранялся, мы, обезпеченные съ праваго фланга бѣлой Финляндіей, съ лѣваго озерами, а съ тыла незамерзающимъ моремъ, могли спокойно оперировать на Петрозаводскъ и Званку, облегчить генералу Юденичу его наступленіе на Петроградъ. Оставаясь на Архангельскомъ фронтѣ, мы горсть

нашихъ стойкихъ борцовъ разжижали весьма ненадежными элементами и свои ничтожныя силы растягивали на громадномъ протяженіи, не имѣя возможности перебрасывать ихъ изъ одного раіона въ другой. Мы ничего не выгадывали и въ отношеніи оттягиванія силъ противника съ сибирскаго фронта, такъ какъ сибирскія войска къ этому времени откатились далеко за Уралъ и наше операціонное направленіе на Вятку для соединенія съ ними потеряло всякое значеніе. Съ нашимъ уходомъ продовольствіе было бы увезено изъ Архангельскаго раіона, всѣ морскія и портовыя средства были бы отэвакуированы на Мурманъ, куда была обезпечена эвакуація и желающимъ благонадежнымъ элементамъ населенія, число которыхъ врядъ ли бы превысило 10,000 человѣкъ, и мы оставили бы большевикамъ голую Сѣверную Двину и пустой городъ, предоставивъ оставшемуся добровольно населенію изжитіе большевизма въ порядкѣ естественнаго процесса. Эти соображенія были доступны всѣмъ, кромѣ тѣхъ, кому принадлежало окончательное рѣшеніе этого вопроса.

Мнѣ пришлось нѣсколько разъ бесѣдовать по этому поводу съ начальникомъ штаба, ген. К. и съ ген. Миллеромъ и я не слышалъ отъ нихъ соображеній, лежащихъ въ окружающей насъ обстановкѣ, которыя могли бы поколебать меня въ томъ, что уходъ на Мурманъ являлся единственно правильнымъ рѣшеніемъ при создавшемся тогда положеніи. Ген. К. твердилъ о желѣзномъ кольцѣ, въ которомъ мы составляемъ звено, не имѣя права вырывать его въ то время, когда кольцо это сжимается со всѣхъ сторонъ и даже самъ Верховный Главнокомандующій перешелъ въ наступленіе. Съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи, онъ настаивалъ, что ему не измѣняетъ его чутье человѣка большого житейскаго и боевого опыта, привыкшаго въ рѣшительныя минуты слѣдовать той неуловимой интуиціи, которая одна только и подсказываетъ правильное рѣшеніе и которая и привела его къ убѣжденію въ необходимости остаться на Архангельскомъ фронтѣ съ принятіемъ на себя всей отвѣтственности за такое рѣшеніе.

Я нарочно останавливаюсь подробно на его мнѣніи, такъ какъ оно было положено въ основаніе рѣшенія по этому вопросу ген. Миллера, на котораго ген. К. въ военномъ дѣлѣ имѣлъ исключительное вліяніе. Офицеры были освѣдомлены объ этомъ прекрасно и считая, что онъ обрекаетъ ихъ на гибель, лишая ихъ всякой надежды на возможность эвакуироваться въ случаѣ катастрофы на фронтѣ и тѣмъ предавая ихъ на жестокія муки непріятелю, питали къ нему самыя непріязненныя чувства. Этотъ его поступокъ не можетъ быть искупленъ той незаурядной работой, которую онъ выполнилъ въ Сѣверной Области по организаціи и руководству штабомъ фронта, который при немъ работалъ съ полнымъ напряженіемъ.

Что касается ген. Миллера, то онъ считалъ, что переходъ на Мурманъ не далъ бы намъ никакихъ выгодъ, такъ какъ непріятель снялъ бы съ Архангельскаго фронта свои войска и перевелъ бы ихъ на Мурманскій фронтъ. На мое замѣчаніе, что оставленіе наше въ Архангельскомъ раіонѣ при необезпеченномъ тылѣ носитъ характеръ чистѣйшей авантюры, которая можетъ стоить жизни опять сотнямъ нашихъ лучшихъ офицеровъ, уже достаточно принесшихъ жертвъ родинѣ, сначала въ національную, а затѣмъ въ гражданскую войну, и не можетъ быть оправдано защитой населенія, большая часть котораго не пзжила большевизма и равнодушно относится къ приходу большевиковъ, не вѣря въ ихъ звѣрства, онъ заявилъ, что война

не ведется безъ жертвъ и что онъ не знаетъ въ военной исторіи ни одного случая, чтобы Главнокомандующій безъ натиска непріятеля и имѣя на лицо успѣхъ на фронтѣ и поддержку населенія въ тылу, оставилъ бы безъ боя фронтъ. Онъ не считалъ возможнымъ принять на себя отвѣтственность за такое рѣшеніе.

Какъ тогда, такъ и сейчасъ я не могу согласиться съ ссылкой его на военную исторію, которая знала національную, а не гражданскую войну, гдѣ плѣнныхъ не берутъ, а безпощадно разстрѣливаютъ, что же касается вопроса объ отвѣтственности, то, несмотря на чувство глубочайшаго уваженія и преданности къ генералу Миллеру, выдающаяся дѣятельность котораго будетъ освѣщена мною особо, такъ какъ все лучшее, что было сдѣлано въ Области, связано нерзрывно съ его свѣтлымъ именемъ, — я въ оцѣнкѣ рѣшенія его остаться въ Архангельскѣ присоединяюсь къ мнѣнію англійскаго полк. Т., который заявилъ, что «вашему Главнокомандующему надо было имѣть гораздо болѣе мужества, чтобы уйти изъ Архангельска, чѣмъ остаться въ немъ».

Рѣшеніе не покидать Сѣверной Области было объявлено ген. Миллеромъ офицерамъ, собраннымъ спеціально для этого случая, и принято было послѣдними безъ всякаго энтузіазма, холодно и мрачно. Отъ штаба послѣдовало объявленіе населенію, въ которомъ, между прочимъ, было указано, что войска остаются въ Области по приказанію Верховнаго Главнокомандующаго адмирала Колчака. Между тѣмъ, штабсъ-капитанъ Б. показывалъ мнѣ подлинную радіо-телеграмму адм. Колчака, въ которой онъ разрѣшеніе вопроса объ уводѣ войскъ Сѣвернаго фронта предоставлялъ всецѣло усмотрѣнію Главнокомандующаго, разрѣшая въ зависимости отъ обстановки эвакуировать ихъ на Мурманъ, а также къ ген. Юденичу или къ генералу Деникину. Пріѣзжавшій въ это время Командующій войсками Мурманскаго раіона ген. С., раздѣлявшій мои взгляды о необходимости оставленія Архангельскаго раіона, доложилъ объ этомъ генералу Миллеру, заявивъ, что прибытіе нашихъ войскъ въ порядкѣ планомѣрной эвакуаціи будетъ радостно привѣтствоваться Мурманомъ, но бѣгство туда съ внесеніемъ паники будетъ встрѣчено огнемъ артиллеріи и пулеметовъ. Заявленіе это также успѣха не имѣло и роковое рѣшеніе осталось въ силѣ.

Какъ я уже упомянулъ выше, однимъ изъ основныхъ факторовъ, повліявшимъ на наше оставленіе въ Области, было удачное наступленіе на всѣхъ фронтахъ, въ томъ числѣ и на нашемъ. Дѣйствительно, проведенная въ это время съ англичанами Двинская операція, въ которой главная роль принадлежала 3 Сѣв. стрѣлковому полку, дала самые блестящіе результаты, такъ какъ нами былъ захваченъ въ плѣнъ большевистскій полкъ въ составѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ со штабомъ полка и штабомъ бригады.

Военноплѣнные производили самое тягостное впечатлѣніе, едва держась на ногахъ отъ голода, истощенные, съ желтыми, опухшими лицами, полураздѣтые и оборванные со слѣдами порки на спинахъ. Не могу забыть такой картины. По Соборной улицѣ проходитъ, еле волоча ноги, партія въ нѣсколько сотъ человѣкъ выходцевъ съ того свѣта — гражданъ пролетарской рабоче-крестьянской республики, а на встрѣчу имъ возвращается съ работы, насвистывая какой-то веселый мотивъ, рота англичанъ, цвѣтущій видъ которыхъ производитъ впечатлѣніе интеллигентныхъ спортсменовъ, возвращающихся съ очередного футбольнаго матча — несчастныя жертвы имперіализма

и пьющей народную кровь буржуазіи, спасти которыхъ отъ эксплуатаціи и предназначены красныя войска. Эта яркая демонстрація гибели націи, подвергнутой вивисекціи фанатиковъ, производила неизгладимое впечатлѣніе, повергая положительно въ отчаяніе отъ мысли, до чего доведутъ нашу несчастную родину терзающіе ее кровавые палачи.

Ненависть красноармейцевъ къ своимъ комиссарамъ и коммунистамъ не знала предѣловъ и они обыкновенно собственноручно разстрѣливали послѣднихъ. Исполосованныя спины плѣнныхъ были лучшимъ средствомъ агитаціи противъ большевиковъ. Они охотно демонстрировали ихъ передъ нашими войсками и деревенскимъ населеніемъ, разсказывая о тѣхъ дисциплинарныхъ мѣрахъ, которыя примѣняла рабоче-крестьянская власть, поддерживая пролетарскую желѣзную дисциплину въ своей арміи. Кромѣ розогъ въ качествѣ наказаній примѣнялись тяжелыя принудительныя работы съ переводомъ на голодный паекъ и разстрѣлъ. Можно легко себѣ представить ихъ настроеніе, когда вмѣсто кровавой массовой расправы и «палочной офицерской дисциплины», о чемъ имъ прожужжала уши большевистская агитаціонная литература, ихъ встрѣчало человѣческое обращеніе, обильный паекъ и отличное обмундированіе. Какими легкими казались имъ обычныя требованія воинской дисциплины, и видно было, съ какой охотою они ихъ выполняли. За исключеніемъ ничтожной части, признанной мало надежной, вся прочая масса ихъ была взята въ наши войска, причемъ составленныя изъ нихъ войсковыя части до конца оставались вѣрными намъ.

Для допроса взятаго въ плѣнъ командира полка мною былъ командированъ одинъ изъ состоящихъ въ моемъ распоряженіи офицеровъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, которому я предложилъ по возможности выяснить положеніе въ красной арміи и виды большевиковъ на ближайшее будущее. Командиръ полка, прапорщикъ военнаго времени, оказался идейнымъ коммунистомъ изъ народныхъ учителей. Считая свою участь предрѣшенной, онъ вѣжливо и спокойно обрисовалъ положеніе Совѣтской власти крайне тяжелымъ, въ виду не только пассивнаго, но прямо таки враждебнаго къ ней отношенія большинства населенія. Въ частности у него въ полку только 20% считалось сочувствующими Совѣтской власти, остальные же 80% были настроены крайне враждебно къ ней, тяготились войной и ждали перваго удобнаго случая, чтобы расправиться со своими руководителями. Несмотря на это, онъ выразилъ увѣренность въ конечной побѣдѣ Совѣтской власти, которая сумѣетъ силой заставить массы выполнить поставленныя ею задачи, ибо для воздѣйствія на несочувствующихъ она какъ власть «народная», располагаетъ той «роскошью въ средствахъ», которую не могутъ себѣ позволить бѣлые. Въ качествѣ иллюстраціи послѣдней мысли онъ сослался на разстрѣлъ имъ цѣлаго красноармейскаго полка на нашемъ фронтѣ, отказавшагося исполнить приказъ о наступленіи.

Я позволилъ себѣ маленькое отступленіе въ сторону описанія нашихъ удачныхъ боевыхъ дѣйствій и настроенія, господствовавшаго въ лагерѣ враговъ, потому, что эти данныя въ связи съ успѣхами на другихъ фронтахъ создавали не только въ обывательскихъ кругахъ, но даже въ Правительствѣ и нашемъ высшемъ командованіи впечатлѣніе, что послѣдній часъ совѣтской власти близокъ. Совершенно на другой точкѣ зрѣнія стояли очевидно болѣе освѣдомленные въ нашихъ дѣлахъ союзники и въ интересахъ полнаго безпристрастія я считаю своимъ долгомъ остановиться на тѣхъ

соображеніяхъ, которыя мнѣ приходилось слышать въ ихъ кругахъ въ связи съ оставленіемъ области и прекращеніемъ всякаго дальнѣйшаго вооруженнаго вмѣшательства въ наши дѣла.

Сѣверная Область въ періодъ пребыванія въ ней пословъ входила въ зону общесоюзническаго вліянія, но съ ихъ отъѣздомъ дипломатическій корпусъ въ лицѣ повѣренныхъ въ дѣлахъ потерялъ всякое значеніе и Область очутилась въ зонѣ исключительнаго вліянія, осуществляемаго всемогущимъ англійскимъ командованіемъ. Не слѣдуетъ забывать того, что англичанинъ не допускаетъ и мысли о постороннемъ вмѣшательствѣ въ его внутреннія дѣла. Отсюда съ неумолимой логикой вытекаетъ то положеніе, что избавленіе Россіи отъ большевизма можетъ быть произведено только руками самого русскаго народа. Вмѣшательство въ наши дѣла вооруженной рукой могло быть произведено первоначально лишь на базисѣ продолженія войны съ Германіей, которая въ это время черезъ Финляндію протягивала свою руку къ нашему Сѣверу, а затѣмъ на предоставленіи п о м о щ и русскому народу, большинство котораго путемъ вооруженнаго возстанія выявило свою волю къ освобожденію отъ большевиковъ. Поэтому, какъ я уже отмѣчалъ выше, первый англійскій Главнокомандующій ген. Пуль сразу по своемъ прибытіи объявилъ, что союзники явились для защиты своихъ интересовъ, нарушенныхъ появленіемъ въ Финляндіи германцевъ, съ которыми продолжалась война, а въ дальнѣйшемъ неоднократно предупреждалъ мѣстныя власти, что пребываніе англичанъ въ Области не вѣчно и рекомендовалъ возможно скорѣе приступить къ строительству государственной жизни, пользуясь прикрытіемъ союзныхъ вооруженныхъ силъ. Прибывшій на его смѣну ген. Айронсайдъ прокламировалъ наступленіе на Вятку—Котласъ для соединенія съ адмираломъ Колчакомъ и передачи ему привезеннаго для его арміи имущества.

Къ этому моменту война съ Германіей была окончена и громоздкій апаратъ англійскаго управленія, основанный на сочетаніи трехъ могучихъ элементовъ — Правительства, Парламента и общественнаго мнѣнія всей страны, держалъ ставку на Всероссійское Правительство адмирала Колчака, исходя изъ взгляда, что оно являлось руководителемъ могучаго народнаго движенія, направленнаго къ сверженію большевистской власти. Отсюда понятно, какія послѣдствія должно было вызвать разложеніе арміи и паденіе фронта адмирала Колчака. Ставка на оздоровленіе русскихъ народныхъ массъ и изжитіе ими большевизма считалась проигранной, что подкрѣплялось свѣдѣніями англійскаго военнаго командованія изъ Архангельска о систематическихъ возстаніяхъ въ нашихъ войсковыхъ частяхъ, а также письмами солдатъ экспедиціоннаго корпуса на родину о томъ, что населеніе Области заражено большевизмомъ, относится къ нимъ враждебно и вовсе не дорожитъ помощью, оказываемой англичанами. Письма эти попали, между прочимъ, въ руки членовъ рабочей партіи и послужили матеріаломъ для запроса въ Парламентѣ, кого собственно говоря поддерживаетъ въ Россіи англійскій народъ въ борьбѣ съ большевиками.

Выводъ, который былъ сдѣланъ изъ создавшагося положенія руководящими политическими кругами Англіи, извѣстенъ — вооруженныя силы Англіи покинули нашу территорію, но нельзя не отмѣтить, что техническая помощь продолжалась.

Въ отказѣ отъ дальнѣйшей интервенціи были тогда солидарны всѣ союзники. Такое рѣшеніе диктовалось имъ съ одной стороны тѣмъ серьезнымъ положеніемъ, которое создалось у нихъ внутри, какъ послѣдствіе міровой войны, съ другой — неудачнымъ развитіемъ событій на нашихъ бѣлыхъ фронтахъ, о чемъ они были прекрасно освѣдомлены. Американская миссія въ Архангельскѣ располагала точными свѣдѣніями о томъ, что дѣлается въ Сибири, и задолго до катастрофы арміи адм. Колчака выражала опасеніе за печальный исходъ событій на этомъ фронтѣ. Однако вѣры въ русскій народъ и въ его будущее возрожденіе она никогда не теряла и мнѣ не разъ приходилось слышать, какъ глава миссіи г. Кооль восхищался здравымъ смысломъ, присущимъ нашему крестьянину, и выражалъ увѣренность въ будущемъ величіи Россіи.

Справедливость требуетъ снять съ англійскаго командованія обвиненіе, что оно, создавъ Архангельскій фронтъ, бросило его на произволъ судьбы, обрекая своихъ сотоварищей по оружію на гибель. Англійское командованіе предложило намъ эвакуироваться на любой изъ другихъ фронтовъ, считая наше оставленіе въ Архангельскѣ послѣ ихъ ухода чистѣйшей авантюрой. Планъ эвакуаціи былъ подробно разработанъ, для обезпеченія ея прибыли лучшія шотландскія войска и крупныя военныя суда, вооруженныя могучей артиллеріей, причемъ ген. Айронсайдъ ручался за полную безопасность эвакуаціи, какъ нашихъ вооруженныхъ силъ, такъ и тѣхъ жителей, которые пожелали бы покинуть Архангельскъ.

Наше командованіе категорически отказалось отъ этого и тѣмъ приняло всю отвѣтственность за дальнѣйшую судьбу оставшихся войскъ на себя.

Можетъ быть, въ порядкѣ исторической перспективы продолженіе нами борьбы на Архангельскомъ фронтѣ и будетъ признано правильнымъ, но, какъ мы увидимъ ниже, никогда не найдетъ себѣ оправданія то обстоятельство, что, въ теченіе пятимѣсячнаго самостоятельнаго существованія области послѣ ухода англичанъ, не было принято никакихъ разумныхъ мѣръ къ обезпеченію въ нужный моментъ эвакуаціи войскъ и лояльныхъ элементовъ населенія.

Глава VII

Земско-городское совѣщаніе. Реконструкція власти. Требованіе политической амнистіи

Кризисъ, вызванный уходомъ союзниковъ, совпалъ съ земско-городскимъ совѣщаніемъ, идея созыва котораго принадлежала Управляющему Отдѣломъ Внутреннихъ дѣлъ В. Игнатьеву, который къ этому моменту уже покинулъ Сѣверную Область, уѣхавъ съ морской экспедиціей въ Сибирь. Совѣщаніе это должно было собраться гораздо раньше, но оно откладывалось со дня на день и созывъ его пришелся на такой моментъ, когда больше всего нужно было избѣгать нарушенія единства антибольшевистскаго фронта, между тѣмъ предстоявшая неизбѣжно въ связи съ Совѣщаніемъ политическая борьба не сулила въ этомъ отношеніи ничего хорошаго. Положеніе осложнилось еще тѣмъ, что Правительство, не сочувствовавшее созыву Совѣщанія, не подготовилось къ тому, чтобы предстать передъ нимъ съ подробно разработанной

дѣловой программой, ознакомленіе съ которой расхолодило бы политическія страсти и придало бы работѣ дѣловой характеръ.

Совѣщаніе открылось рѣчью, избраннаго въ предсѣдатели, предсѣдателя губернской земской управы П. П. Скоморохова (с.-р.), подвергшаго самой рѣзкой критикѣ дѣятельность Правительства во всѣхъ областяхъ управленія. Къ сожалѣнію дѣятельность нѣкоторыхъ членовъ Правительства дѣйствительно давала основательные поводы къ неудовольствію, что и вызвало отставку Управляющаго Отдѣломъ Торг. и Пром. Мефодіева и Управл. Отдѣломъ Юстиціи Городецкаго, но несомнѣнно также, что во многихъ отношеніяхъ, какъ напримѣръ въ вопросѣ о произвольныхъ массовыхъ арестахъ, Правительство явилось «козломъ отпущенія» за дѣйствія высшаго англійскаго командованія.

Замѣститель Предсѣдателя Правительства Зубовъ не сумѣлъ въ твердой и опредѣленной формѣ дать исчерпывающія объясненія на предъявленныя Правительству обвиненія, а своимъ заявленіемъ, что Правительство не держится за власть и согласно уступитъ ее каждому, кто считаетъ себя болѣе способнымъ къ руководительству Областью, создалъ представленіе о слабости власти и признаніи ею своей вины.

Хорошо еще, что выступившій вслѣдъ за тѣмъ ген. Миллеръ создалъ на нѣкоторое время трезвое настроеніе, обратившись съ привѣтственной рѣчью, въ которой онъ обрисовалъ всю серьезность создавшагося положенія, благодаря уходу союзниковъ, и предложилъ Совѣщанію не только на словахъ, но и на дѣлѣ оказать поддержку военному командованію, такъ какъ иначе онъ долженъ будетъ принять предложеніе союзниковъ объ эвакуаціи всѣхъ, кто пожелаетъ продолжать борьбу на другихъ фронтахъ.

Заявленіе это произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе на Совѣщаніе, членамъ котораго конечно не могла улыбаться мысль быть переданными въ руки большевиковъ наканунѣ ожидаемаго въ то время паденія Совѣтской власти и оно вынесло единогласное рѣшеніе оказать съ своей стороны поддержку военному командованію.

Нажимъ со стороны Совѣщанія на Правительство и сознаніе послѣднимъ своей несостоятельности въ нѣкоторыхъ отрасляхъ управленія привели къ реконструкціи власти, произведенной Правительствомъ по соглашенію съ членами Совѣщавія, въ результатѣ чего въ Правительство, кромѣ оставшихся въ его составѣ Замѣстителя Предсѣдателя П. Ю. Зубова, соединившаго въ своихъ рукахъ управленіе Отдѣлами Юстиціи и Земледѣлія, ген. Миллера (Военно-Морскія и Иностр. дѣла) и Федорова (Нар. просв.), вошли городской голова Багриновскій (Внутр. дѣла), инженеръ Цапенко (Отдѣлъ Труда) и, безъ портфелей, предсѣдатель губернской земской управы Скомороховъ и членъ той же управы Едовинъ. Всѣ перечисленные члены Правительства обладали правомъ рѣшающаго голоса, причемъ принадлежность большинства изъ нихъ къ соціалистическимъ партіямъ (Скомороховъ с.-р., Едовинъ с.-р. и Федоровъ нар. соц.) или демократическимъ элементамъ нашей общественности (Зубовъ, Цапенко и Багриновскій) вызывало значительный сдвигъ Правительства влѣво.

Вслѣдъ за образованіемъ новаго состава Правительства земско-городское Совѣщаніе обратилось съ воззваніемъ къ населенію и съ грамотой къ войскамъ, въ которыхъ оно оповѣщало, что послѣ всесторонняго обсужденія создавшагося положенія оно пришло къ твердому заключенію, что

область должна обороняться. Выразивъ убѣжденіе, что противникъ еще никогда не былъ такъ слабъ и что Совѣтская власть находится наканунѣ полнаго пораженія, Совѣщаніе призывало всѣхъ сплотиться вокругъ арміи для борьбы за охрану края и за Всероссійское Учредительное Собраніе. Оповѣщая о томъ же войска, земско-городское Совѣщаніе просило ихъ «держать крѣпко винтовку въ своихъ рукахъ, не поддаваться слухамъ и большевистской лжи, вѣрить своимъ начальникамъ и исполнять ихъ боевые приказы, такъ какъ армія безъ дисциплины не существуетъ».

Нельзя не признать, что эти воззванія сыграли громадную роль, поднявъ духъ и настроеніе въ войскахъ, но ими и ограничилась вся положительная сторона дѣятельности земско-городского Совѣщанія, которое вмѣсто того, чтобы выполнить данное въ грамотѣ войскамъ обѣщаніе, «быть въ рѣшительныя минуты въ ихъ рядахъ», или заняться дѣловой работой, въ которую его хотѣло вовлечь новое Правительство, вступило на путь самаго энергичнаго вмѣшательства въ правительственную дѣятельность съ нескрываемой тенденціей захвата власти для проведенія мѣропріятій, которыя тяжко бы отозвались на безопасности тыла.

Провозгласивъ въ своихъ воззваніяхъ къ населенію и арміи о дальнѣйшей борьбѣ съ большевиками, земско-городское Совѣщаніе выступило съ требованіемъ политической амнистіи для лицъ, осужденныхъ за большевизмъ. Во всѣхъ газетахъ появился поразительный по своей безграмотности проэктъ земско-городского Совѣщанія объ амнистіи, въ которомъ указывалось, что большевизмъ есть столь неопредѣленное и неуловимое для юридической квалификаціи явленіе, что подведеніе его подъ тѣ или другія статьи уголовнаго закона представляется совершенно невозможнымъ. Исходя изъ этихъ соображеній, совѣщаніе считало, что отвѣтственность по дѣйствующимъ законамъ могутъ нести только члены коммунистической партіи, а лица, не входившіе въ ея составъ и осужденные «за большевизмъ», подлежатъ полной амнистіи. На ряду съ требованіями послѣдней тѣмъ же проектомъ устанавливалось упраздненіе Особой Слѣдственной Комиссіи и вводился 24часовой срокъ для предъявленія обвиненія каждому арестованному, при отсутствіи чего онъ по истеченіи указаннаго срока освобождался изъ-подъ стражи. Необходимо прежде всего отмѣтить, что послѣдніе два пункта никакого отношенія къ амнистіи не имѣли и, если упраздненіе Слѣдственной Комиссіи, которая дѣйствительно страшно затягивала дѣла, вызывая этимъ общее неудовольствіе, и имѣло извѣстное основаніе, то претвореніе въ жизнь упомянутаго правила объ арестахъ являлось совершенно неосуществимымъ, какъ по техническимъ соображеніямъ, такъ и въ видахъ охраненія государственной безопасности и порядка, ибо во время войны, національной или гражданской, установленіе такой гарантіи парализовало всякую борьбу власти съ подозрительными и преступными элементами и особенно съ провокаторами и шпіонами изъ непріятельскаго лагеря.

Обезпокоенный принятой Совѣщаніемъ линіей поведенія Предсѣдатель Правительства Зубовъ вызвалъ меня къ себѣ и попросилъ отправиться въ комиссію земско-городского Совѣщанія по амнистіи, гдѣ своими разъясненіями постараться направить возбужденный объ амнистіи вопросъ въ законное русло. Пригласивъ съ собой Военнаго Прокурора Военно-Окружнаго Суда и Прокурора Архангельскаго Окружнаго Суда, я въ тотъ же день вечеромъ отправился въ упомянутую комиссію, гдѣ намъ пришлось встрѣтиться съ

нашими старыми знакомыми. Предсѣдателемъ комиссіи оказался оправданный по дѣлу Бечина г. Антушевичъ, а приглашеннымъ туда «экспертомъ» — защитникъ Бечина, бывшій Управляющій Отдѣломъ Юстиціи Верховнаго Управленія Сѣв. Области г. Гуковскій. Кромѣ того въ составъ комиссіи входило двое крестьянъ, одинъ рабочій и присяжный повѣренный Постниковъ к.-д., очень разумный и образованный адвокатъ-цивилистъ. Въ порядкѣ возникшей между нами и г. экспертомъ полемики выяснилось, что дѣло идетъ не о помилованіи тѣхъ или другихъ лицъ, участь которыхъ земско-городское Совѣщаніе могло бы считать со своей точки зрѣнія отягощенной судебными приговорами, а о политической амнистіи цѣлой категоріи лицъ, считавшихся до сихъ поръ преступными, но послѣ политическаго переворота и связаннаго съ нимъ политическаго сдвига подлежащихъ переводу на положеніе лояльныхъ гражданъ.

Я сразу же заявилъ, что мнѣ ничего не извѣстно, чтобы произошелъ какой-нибудь политическій переворотъ, ибо я не могу считать таковымъ измѣненія, происшедшія въ составѣ Правительства по соглашенію съ земско-городскимъ Совѣщаніемъ, созваннымъ для выясненія нуждъ населенія, и что если комиссія будетъ настаивать на томъ, что требованія Совѣщанія вытекаютъ изъ какого-то политическаго переворота, то я долженъ буду, какъ представитель законной власти, покинуть засѣданіе комиссіи. Кромѣ того я добавилъ, что права Вѣрховной власти принадлежатъ Всероссійскому Правительству адмирала Колчака, отъ имени котораго выносятся судебные приговоры и каковому Правительству только и принадлежитъ право аннулировать эти приговоры въ порядкѣ политической амнистіи.

Прокуроръ Окружнаго Суда г. Д. развилъ мою мысль, заявивъ, что, соглашаясь съ тѣмъ опредѣленіемъ, которое далъ политической амнистіи г. Гуковскій, онъ никакъ не можетъ понять, какой политическій сдвигъ могъ бы привести къ амнистіи большевиковъ, ибо, насколько ему извѣстно, представители послѣднихъ въ составъ новаго Правительства не вошли и послѣднее по примѣру бывшихъ въ Сѣв. Области Правительствъ стоитъ на антибольшевистской платформѣ и за продолженіе борьбы съ Совѣтской властью.

Послѣ нашихъ заявленій предсѣдатель комиссіи поспѣшилъ отгородиться отъ г. эксперта, заявивъ намъ, что изложенный г. Гуковскимъ взглядъ составляетъ его личное мнѣніе.

Изъ дальнѣйшей бесѣды выяснилось, что члены комиссіи никакъ не могли понять, какъ можно осудить за принадлежность къ «большевизму» лицъ, не принадлежащихъ къ Россійской коммунистической партіи большевиковъ. Пришлось терпѣливо приступить къ долгимъ объясненіямъ, что съ точки зрѣнія закона приходится имѣть дѣло съ двумя преступными сообществами, изъ которыхъ одно именуетъ себя Россійской коммунистической партіей (большевиковъ), а другое Совѣтской властью. Ядро второго сообщества составляютъ Ленинъ, Троцкій, Зиновьевъ и другіе, но кромѣ нихъ въ составъ его входятъ не только партійные коммунисты, но и другія лица, сознательно, а не въ силу принужденія или изъ-за куска хлѣба, примкнувшіе къ этому сообществу, причемъ иногда не въ силу какихъ либо идейныхъ соображеній, а просто потому, что они въ порядкѣ борьбы поставили ставку на Совѣтскую власть. Дѣятельность такихъ лицъ въ объективномъ смыслѣ приноситъ не меньшій вредъ и въ оцѣнкѣ ея судебная власть не исходитъ

изъ партійной принадлежности, а лишь разрѣшаетъ вопросъ, поскольку данное лицо является сознательнымъ агентомъ Совѣтской власти. Для иллюстраціи своей мысли я просилъ членовъ комиссіи отвѣтить, чья дѣятельность является болѣе преступной, какого нибудь мелкаго коммуниста или Командующаго противъ насъ красными войсками генерала Ген. Штаба Самойло.

Обращаясь къ вопросу о помилованіи, такъ какъ съ моей точки зрѣнія объ амнистіи не могло быть и рѣчи, я обратилъ вниманіе комиссіи на то, что и оно не будетъ понято на фронтѣ, гдѣ среди солдатъ уже начались разговоры: «Зачѣмъ насъ заставляютъ проливать кровь противъ большевиковъ, когда ихъ хотятъ выпустить на свободу въ тылу.»

Съ тяжелымъ чувствомъ покинулъ я комиссію земско-городского Совѣщанія по амнистіи. Ясно было видно, что на почвѣ выработаннаго вѣками недовѣрія къ правящимъ классамъ, наши объясненія не будутъ имѣть успѣха и истолкуются какъ нежеланіе дѣятелей стараго режима прислушаться къ голосу народныхъ представителей.

Опасеніе это быстро подтвердилось, такъ какъ на слѣдующій день я былъ опять вызванъ Зубовымъ, у котораго я засталъ бывшаго Управляющаго Отдѣломъ Юстиціи Предсѣдателя Арх. Окр. Суда Городецкаго и прокурора того же суда. Д. Зубовъ объявилъ намъ, что такъ какъ земско-городское Совѣщаніе, выслушавъ послѣ нашего посѣщенія комиссію по амнистіи, продолжаетъ настаивать на ней, то Правительство рѣшило дать ему исчерпывающія объясненія о невозможности ея, при чемъ попросилъ меня принять эту обязанность на себя, ибо онъ въ этомъ вопросѣ не компетентенъ, а С. Н. Городецкому нельзя было выступать, такъ какъ имя его, по словамъ Зубова, носило для лѣвыхъ круговъ «одіозный» характеръ и именно его дѣятельность больше всего подверглась нападкамъ земско-городского Совѣщанія. Я далъ свое согласіе на выступленіе, но выразилъ сомнѣніе въ цѣлесообразности такой игры въ парламентаризмъ въ переживаемый нами моментъ, заявивъ при этомъ, что если членовъ Совѣщанія было трудно убѣдить черезъ комиссію, то врядъ ли это удастся въ пленумѣ, гдѣ подъ вліяніемъ преній политическія страсти разыграются еще больше.

На слѣдующій день утромъ я узналъ, что земско-городское Совѣщаніе рѣшило во что бы то ни стало настаивать на амнистіи, постановивъ не расходиться до объявленія ея Правительствомъ. Въ виду этого, я рѣшилъ, что мое выступленіе при такомъ положеніи не только не могло принести пользы, но, наоборотъ, могло создать такую обстановку, при которой неизбѣжна была открытая борьба между Правительствомъ и земско-городскимъ Совѣщаніемъ, чего никакъ нельзя было допустить по условіямъ переживаемаго момента. Поэтому я немедленно отправился къ ген. Миллеру и, вызвавъ его съ происходившаго въ это время засѣданія Правительства, изложилъ ему свою точку зрѣнія, настаивая на томъ, чтобы Правительство само отклонило какъ политическую амнистію, такъ и массовое помилованіе, поставивъ земско-городское Совѣщаніе передъ совершившимся фактомъ. Ген. Миллеръ тутъ же провелъ меня на засѣданіе Правительства, въ которомъ кромѣ него принимали участіе Зубовъ, Багриновскій, Цапенко и Скомороховъ.

Возбужденный мною вопросъ былъ немедленно поставленъ на повѣстку и я прочелъ Правительству докладъ, въ которомъ я настаивалъ на томъ,

что ни общая политическая амнистія, ни массовое помилованіе не допустимы, и указалъ на возможность лишь персональнаго помилованія нѣкоторыхъ лицъ по усмотрѣнію Временнаго Правительства Сѣв. Области, считая, что этимъ прерогативы Верховной власти Всероссійскаго Правительства не нарушаются, такъ какъ такое право по закону принадлежитъ даже власти Главнокомандующаго. При этомъ я указывалъ, что объявленіе амнистіи или массового помилованія будетъ принято широкими слоями населенія не какъ актъ свободнаго волеизъявленія, а какъ мѣропріятіе, вырванное подъ натискомъ земско-городского Совѣщанія, что создастъ впечатлѣніе о слабости власти и ея колебаніяхъ.

Единственнымъ оппонентомъ мнѣ оказался г. Скомороховъ, причемъ соображенія его свидѣтельствовали, что онъ былъ инспирированъ г. Гуковскимъ, нѣкоторые доводы котораго, уже знакомые мнѣ по комиссіи земско-городского Совѣщанія, онъ повторялъ слово въ слово. Особенно меня поразили его рѣзкіе выпады противъ Всероссійскаго Правительства адмирала Колчака, въ связи съ моимъ указаніемъ, что политическая амнистія составляетъ прерогативу послѣдняго.

Правительство, однако, согласилось съ основными положеніями моего доклада и постановило ходатайство земско-городского Совѣщанія объ общей политической амнистіи отклонить и признать лишь возможнымъ персональное помилованіе нѣкоторыхъ осужденныхъ, выборъ которыхъ произвести особо назначенной для этого комиссіей, подъ моимъ предсѣдательствомъ, изъ представителей военнаго и гражданскаго судебныхъ вѣдомствъ, при участіи членовъ земско-городского Совѣщанія.

Рѣшеніе это на слѣдующій день было объявлено земско-городскому Совѣщанію вмѣстѣ съ актомъ объ роспускѣ его, причемъ постановленіе послѣдняго «не расходиться пока не будетъ дана общая амнистія» представляло собой чистѣйшій блёфъ, такъ какъ хотя и меньшая, но все-таки значительная часть Совѣщанія была противъ такого рѣшенія и члены его мирно разъѣхались по домамъ, оставивъ лишь функціонировать нѣсколько образованныхъ Совѣщаніемъ комиссій.

Требованіе амнистіи взбудоражило положительно все населеніе области, вызвавъ между прочимъ негодованіе на фронтѣ, гдѣ шла въ то время кровавая борьба съ большевиками, между тѣмъ, какъ выяснилось въ комиссіи о «персональномъ помиловании нѣкоторыхъ осужденныхъ» и еще раньше во время совѣщаній Правительства, вся шумиха была поднята политическими друзьями Бечина изъ демократическихъ и рабочихъ круговъ Архангельска, съ цѣлью его освобожденія. Но если земско-городское Совѣщаніе, руководимое интеллигенціей и сдерживаемое оппозиціей своего праваго крыла, не претворило въ дѣйствіе своей угрозы «не расходиться» послѣ отказа Правительства въ общей амнистіи, то рабочіе не склонны были къ такимъ половинчатымъ рѣшеніямъ и 1 Сентября въ Архангельскѣ вспыхнула политическая забастовка. Руководителемъ ея оказался спеціально организованный стачечный комитетъ, въ составъ котораго вошли предсѣдатель совѣта профессіональныхъ союзовъ Капустинъ и другіе члены того же совѣта

Прокламаціи стачечнаго комитета начинались лозунгами: «Долой гражданскую войну», «Долой военно-полевые суды», «Долой смертную казнь» и содержали въ себѣ требованія политической амнистіи. Такъ какъ въ ночь съ 30 августа на 1 сентября началось общее наступленіе нашихъ войскъ,

что было прекрасно извѣстно членамъ стачечнаго комитета, то несомнѣнно, что эти дѣйствія носили чисто измѣнническій характеръ, вызвавъ сразу же забастовку портовыхъ рабочихъ, вслѣдствіе чего на фронтъ не могли быть отправлены баржи съ артиллерійскими снарядами, нагрузка которыхъ была прекращена принудительнымъ снятіемъ рабочихъ забастовщиками. Главнокомандующій въ это время былъ на фронтѣ и я отправился къ Нач. Штаба ген. К. для того, чтобы настоять на преданіи стачечнаго комитета и главарей забастовки за измѣну военно-полевому суду, съ чѣмъ ген. К. вполнѣ согласился, а прибывшій вскорѣ ген. Миллеръ тоже одобрилъ принятіе этой мѣры. Однако послѣдняя не была осуществлена и виновные были только арестованы и высланы на Печору.

Вмѣстѣ съ тѣмъ за подписью ген. Миллера появилось сообщеніе, въ которомъ, между прочимъ, объявлялось, что хотя Правительству было заранѣе извѣстно, что именно въ рабочей средѣ ведется злонамѣренная пропаганда о необходимости сближенія и соглашенія съ большевиками, толкающая рабочихъ на такія дѣйствія и выступленія, которыя, разрушая нарождающіяся силы области и вновь предавая ее во власть Совѣтскихъ комиссаровъ, не могутъ быть названы иначе, какъ измѣной дѣлу освобожденія страны, но что Правительство не принимало какихъ либо репрессивныхъ мѣръ въ этомъ направленіи, твердо вѣря, что здравый смыслъ и сознаніе долга подскажетъ каждому гражданину сознаніе недопустимости нарушенія спокойнаго хода общественной жизни въ настоящее время. Захвативъ экземпляръ этого воззванія, я отправился къ ген. Миллеру и доложилъ ему, что воззваніе это напоминаетъ мнѣ заявленіе Керенскаго, неоднократно возвѣщавшаго въ своихъ выступленіяхъ о томъ, что хотя Временное Правительство и освѣдомлено относительно готовящихся посягательствъ на его власть, но «что оно столь авторитетно, что не нуждается въ защитѣ своего авторитета». Указавъ, что врядъ ли Правительство Сѣверной Области имѣетъ основаніе позволить себѣ по условіямъ переживаемаго момента и реальнаго соотношенія силъ такую роскошь, чтобы игнорировать заранѣе извѣстное ему посягательство на самое его существованіе, я совершенно откровенно заявилъ, что считаю, что въ этомъ обращеніи къ населенію заключаются указанія на попустительство высшихъ властей къ государственной измѣнѣ, или на бездѣйствіе власти, уже имѣвшее свои важныя послѣдствія въ видѣ политической забастовки.

Къ этому же моменту у меня въ рукахъ были интересныя данныя о вдохновителяхъ и подстрекателяхъ къ политической амнистіи, съ цѣлью выпуска на свободу своихъ единомышленниковъ, а также къ натиску на Правительство для захвата власти. Данныя эти получены были мною отъ начальника военно-регистраціонной службы, бывшаго судебнаго слѣдователя Арх. Окр. Суда Р., нынѣ уже разстрѣляннаго большевиками, въ рукахъ котораго была сосредоточена розыскная служба въ предѣлахъ Сѣверной Области.

Оказалось, что въ указанный періодъ члены Правительства, Скомороховъ (с.-р.) и Едовинъ (с.-р.), предсѣдатель совѣта профессіональныхъ союзовъ, Капустинъ (с.-р.) и защитникъ Бечина, Гуковскій (с.-р.) имѣли постоянныя секретныя совѣщанія съ прибывшимъ изъ за границы видномъ эсеромъ, членомъ Учредительнаго Собранія и бывшимъ секретаремъ Керенскаго, докторомъ Борисомъ Соколовымъ, прибывшимъ въ нашу область по порученію группы Керенскаго, Минора, Зензинова и др., для связи съ

мѣстными эсерами и руководства ихъ дѣятельностью. Прибытіе его сразу же отразилось на мѣстной печати, такъ какъ стоявшая до сихъ поръ за поддержку Правительства газета «Возрожденіе Сѣвера» (органъ соціалистической мысли) взяла рѣзко-оппозиціонный тонъ и въ ней появился цѣлый рядъ статей доктора Соколова за подписью Борисъ Чужого, въ которыхъ онъ рѣзко порицалъ адмирала Колчака, указывая, что «теперь всякій проходимецъ пытается захватить власть путемъ обѣщанія доставить голодному народу хлѣбъ», и призывалъ демократію въ лицѣ рабочихъ и крестьянъ сплотиться, такъ какъ власть должна принадлежать самому народу, а не офицерамъ, которые «позволили себѣ въ пьяномъ видѣ свергнуть Директорію». Изъ того же источника мнѣ стало извѣстно, что въ описанный моментъ отъ группы Керенскаго были получены директивы приступить немедленно, въ виду того, что дни Совѣтской власти сочтены, къ захвату власти въ царствѣ бѣлыхъ генераловъ, не останавливаясь передъ мѣрами террора, такъ какъ иначе власть останется въ рукахъ буржуазіи, кадетъ и бѣлогвардейскаго офицерства. Эти свѣдѣнія давали возможность разобраться во всѣхъ нашихъ разнообразныхъ событіяхъ и связывали послѣднія единой цѣлью, которую опять намѣтилъ, какъ и въ мартовскомъ выступленіи Бечина, партійный центръ, находившійся за границей. Становилась ясной и позиція соціалистическаго блока земско-городского Совѣщанія въ вопросѣ о политической амнистіи и реконструкціи власти съ вдохновителемъ въ лицѣ «эксперта» г. Гуковскаго, поведеніе г. Скоморохова въ Правительствѣ при отклоненіи амнистіи и забастовка рабочихъ, которые подъ вліяніемъ использовавшихъ нашу внутреннюю борьбу большевиковъ, какъ всегда, пошли дальше своихъ подстрекателей, провозгласивъ конецъ гражданской войнѣ.

Между тѣмъ Правительство, не ограничиваясь помилованіемъ и смягченіемъ участи только тѣхъ лицъ, за которыхъ высказалась комиссія, но подъ вліяніемъ сыпавшихся со всѣхъ сторонъ просьбъ осужденныхъ и ихъ родственниковъ, поднятыхъ на ноги слухами объ общей амнистіи, продолжало выпускать одного за другимъ на свободу видныхъ совѣтскихъ дѣятелей, сводя этимъ на нѣтъ всю дѣятельность судебныхъ властей и создавая въ населеніи впечатлѣніе о чрезмѣрной строгости и явной неправосудности ихъ приговоровъ.

Не рѣшившись откловить совсѣмъ поступившее къ нему ходатайство членовъ земско-городского Совѣщанія о помилованіи Бечина, Наволочнаго, Цейтлина и Клюева, Правительство постановило освободить ихъ «въ случаѣ представленія ими достаточныхъ гарантій, что будучи освобождены они явятся не противниками, а пособниками въ дѣлѣ борьбы съ большевиками», то-есть стало въ плоскость заключенія недопустимыхъ и не имѣвшихъ никогда мѣста договорныхъ соглашеній между преступниками съ одной стороны и той Верховной Властью, которая ихъ милуетъ съ другой. Сношенія съ названными осужденными для полученія отъ нихъ заявленій «съ раскаяніемъ и обѣщаніемъ не выступать болѣе противъ Правительства Сѣв. Области» было возложено на Управляющаго Отд. Внутр. Дѣлъ Багриновскаго, который, по остроумному выраженію Прокурора Арх. Окр. Суда г. Д., вошелъ въ «оживленную переписку съ кліентами послѣдняго».

Глава VIII

Объявленіе англичанъ населенію объ эвакуаціи. Разведеніе ими паники въ войскахъ и населеніи. Возстаніе на Мудюгѣ. Осадное положеніе

Наступили тревожные дни, полные самой лихорадочной дѣятельности. Англійское командованіе открыто объявило населенію и войскамъ о своемъ предстоящемъ уходѣ изъ Области. Всюду на видныхъ мѣстахъ города появились спеціально выстроенныя деревянныя подстановки для плакатовъ, ярко освѣщенныя по ночамъ электричествомъ. На нихъ каждый день стали появляться аншлаги англійскаго командованія самыхъ разнообразныхъ яркихъ цвѣтовъ съ призывами къ населенію спѣшить покинуть область вмѣстѣ съ союзниками. Въ этихъ объявленіяхъ нѣсколько разъ повторялось предложеніе ген. Айронсайда «поторопиться съ отъѣздомъ, такъ какъ послѣдній пароходъ» отходитъ тогда то, послѣ чего англійское командованіе снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за безопасность оставшихся жителей, не пожелавшихъ эвакуироваться вмѣстѣ съ союзниками.

Легко можно себѣ представить, какую панику вызывали эти объявленія въ обывательскихъ кругахъ, въ испуганномъ воображеніи которыхъ, подъ вліяніемъ этихъ воззваній, сразу же послѣ ухода союзниковъ рисовался бунтъ, захватъ области большевиками и рѣзня ими «презрѣнныхъ наемниковъ и прихвостней англо-французскаго капитала», о чемъ въ своей агитаціонной литературѣ возвѣщали большевики, которые, конечно, использовали въ своихъ интересахъ разведенную союзниками панику. Однако, пароходы уходили съ большимъ количествомъ пустыхъ мѣстъ, такъ какъ воспользоваться совѣтомъ эвакуироваться могли только или люди со средствами, могущіе расчитывать устроиться за границей, или тѣ, кто имѣлъ интересы на югѣ и въ новообразовавшихся окраинныхъ государствахъ; средній же обыватель, связанный съ Архангельскомъ своей служебной или частной дѣятельностью, хотя и трепеталъ за свою судьбу, могъ только съ завистью смотрѣть на отъѣздъ счастливчиковъ. Мнѣ пришлось присутствовать при отъѣздѣ иностранныхъ миссій, на одномъ пароходѣ съ которыми отъѣзжали сливки архангельскаго буржуазнаго общества, въ томъ числѣ и довольно большая иностранная колонія Архангельска. Провожать ихъ явилось полъ-города, при чемъ если у провожавшихъ настроеніе было невеселое, то отъѣзжающіе чувствовали себя тоже неважно, являя въ своихъ собственныхъ глазахъ «крысъ, бѣгущихъ съ тонущаго корабля». Среди нихъ было довольно много спекулянтовъ, связанныхъ своей коммерческой дѣятельнотью съ союзниками и прибѣгнувшихъ къ ихъ могучему авторитету для полученія разрѣшенія покинуть область, такъ какъ къ этому времени была объявлена широкая мобилизація въ армію и національное ополченіе. Многіе возмущались ихъ бѣгствомъ, но я радовался такому «очищенію атмосферы», зная что они все равно принесли бы намъ одинъ вредъ, если бы мы ихъ задержали принудительно въ области. Такую точку зрѣнія раздѣлялъ и ген. Миллеръ.

Любопытно прошелъ на моихъ глазахъ и отъѣздъ французской военной миссіи во главѣ съ полк. Д. Незадолго до своего отъѣзда полк. Д. обратился къ Командующему морскими силами адмиралу П. съ требованіемъ предоставить ему особый пароходъ для увоза во Францію пустыхъ бочекъ отъ

проданнаго намъ краснаго вина, такъ какъ онѣ очень дорого стоятъ и область можетъ этимъ отблагодарить французовъ за ту помощь, которую они ей оказали. Адмиралъ въ самой категорической формѣ отказалъ въ предоставленіи парохода, заявивъ, что врядъ ли Франція больше заинтересована въ пустыхъ бочкахъ, чѣмъ въ спасеніи человѣческихъ жизней своей союзницы, для чего предполагается тотъ скромный русскій тоннажъ, который остается въ распоряженіи адмирала, на случай эвакуаціи женщинъ и дѣтей, если таковая потребуется послѣ ухода союзниковъ. Получивъ отказъ, полк. Д. зафрахтовалъ небольшой пароходъ Соловецкаго монастыря «Михаилъ Архангелъ», который долженъ былъ доставить миссію съ пустыми бочками до Мурмана. Расчетливые монахи, кромѣ пустыхъ французскихъ бочекъ, погрузили обернутую въ рогожу смолу, заваливъ этимъ грузомъ всю верхнюю палубу, по которой сновали съ иголочки одѣтые французскіе офицеры, старавшіеся не выпачкаться въ смолѣ, и среди нихъ полк. Д., возмущенный тѣмъ, что монахи нарушили договоръ и нагрузили на пароходъ посторонній грузъ. Насъ такой отъѣздъ представителей «исконной союзницы Россіи» болѣе смѣшилъ, чѣмъ возмущалъ, хотя мы не могли не испытывать ослабленія своихъ союзническихъ симпатій. Пріятно было сознавать въ эту минуту, что несмотря на всю неясность и непрочность нашего положенія и трагическое состояніе нашей родины, въ переживаемый моментъ моральный ущербъ наносился не нашему національному самолюбію.

За дня два до отъѣзда французской военной миссіи, на Мудюгѣ произошелъ бунтъ каторжанъ, главная масса которыхъ состояла изъ осужденныхъ агентовъ Совѣтской власти. Поводомъ къ бунту послужили слухи о томъ, что союзники покинули Архангельскъ и что тамъ власть перешла въ руки красныхъ. Возставшіе бросились на конвойныхъ, перебили ихъ, а затѣмъ направились къ зданію, занимаемому стражей, для захвата оружія. Къ счастью находившіеся тамъ семь стражниковъ не растерялись и открыли по нападавшимъ пулеметный и ружейный огонь, которымъ было убито и ранено нѣсколько бунтовщиковъ. Такой исходъ столкновенія со стражей, видимо, побудилъ большую часть арестантовъ уклониться отъ принятія участія въ бунтѣ и изъ тюрьмы сбѣжало только 52 человѣка, которые на лодкахъ, заранѣе приготовленныхъ для нихъ ихъ единомышленниками изъ числа коснвшихъ на Мудюгѣ сѣно крестьянъ, покинули Мудюгъ и высадились на материкѣ, предварительно сваливъ телеграфные столбы и перерѣзавъ проволоку, чѣмъ и вызвали временное прекращеніе сношеній съ Мудюгомъ. Пришлось отправить небольшой карательный отрядъ съ военно-полевымъ судомъ, для поимки сбѣжавшихъ, выясненія виновныхъ и преданія ихъ суду для сужденія по законамъ военнаго времени. Произведеннымъ разслѣдованіемъ была установлена виновность 11 лицъ, принимавшихъ самое активное участіе въ бунтѣ въ качествѣ руководителей, которые были разстрѣляны по приговору военно-полевого суда, причемъ во время разстрѣла они кричали: «Да здравствуетъ Совѣтская власть». Въ числѣ ихъ оказалось нѣсколько человѣкъ, о помилованіи которыхъ ходатайствовали члены земско-городского Совѣщанія, увѣряя, что они оказались совѣтскими дѣятелями по недоразумѣнію и ручаясь за ихъ лояльность. Возстаніе на Мудюгѣ блестяще иллюстрировало справедливость противоположной точки зрѣнія и дальнѣйшее помилованіе осужденныхъ дѣятелей Совѣтской власти было пріостановлено спеціальнымъ правительственнымъ актомъ. Большинство изъ бѣжавшихъ съ

Мудюга ареставтовъ было переловлено крестьянами, доставившими ихъ властямъ, и только нѣкоторымъ удалось бѣжать къ краснымъ такъ называемой «каторжной тропой», проходившей въ раіонѣ Пинежскаго фронта.

Для обезпеченія порядка въ городѣ въ связи съ уходомъ союзныхъ войскъ, на основаніи исключительныхъ правъ, предоставленныхъ по закону Главнокомандующему, были приняты энергичныя мѣры къ очищенію города отъ всякихъ подозрительныхъ и преступныхъ большевистскихъ элементовъ путемъ высылки ихъ на Іокангу, изолированный полуостровъ, лежащій недалеко отъ Мурмана. Въ основу оцѣнки степени неблагонадежности подлежащихъ высылкѣ лицъ былъ положенъ матеріалъ, собранный Отдѣломъ военно-регистраціонной службы въ порядкѣ внутренняго розыска и провѣренный въ особой комиссіи съ участіемъ представителей администраціи и военно-судебнаго вѣдомства. Несомнѣнно, что среди высланныхъ могло очутиться нѣсколько человѣкъ, попавшихъ туда по недоразумѣнію, въ виду проведенія этой высылки въ спѣшномъ порядкѣ, но они были возвращены съ Іоканги съ первыми же пароходами; остальная же масса была вполнѣ достойна своей участи и относительно ея возникалъ только вопросъ, выбросить ли ее къ ея политическимъ друзьямъ за линію фронта или отправить на Іокангу. Рѣшено было не усиливать непріятеля притокомъ свѣжихъ силъ и отправить ихъ на Іокангу, присоединивъ къ нимъ «населеніе» Архангельской тюрьмы и только что бунтовавшаго Мудюга. Все это составило довольно внушительную цифру въ 1200 человѣкъ, изъ которыхъ только 400 человѣкъ были высланы въ административномъ порядкѣ, а остальные принадлежали къ преступному элементу, осужденному по приговорамъ военнаго и гражданскаго судовъ.

Мѣра эта произвела сильное и отрезвляющее впечатлѣніе на населеніе Архангельска. Всѣмъ стало ясно, что власть оставила путь слабости и колебанія и твердой рукой рѣшила подавить всякое посягательство на ея авторитетъ. Для усиленія боеспособности Архангельскаго гарнизона все надежное и могущее владѣть оружіемъ населеніе Архангельска было призвано въ національное ополченіе, возросшее до 2000 человѣкъ, не считая отправленныхъ на фронтъ для окарауливанія штабовъ, дорогъ и конвоированія арестантовъ и плѣнныхъ. Изъ находившихся на службѣ въ штабахъ и учрежденіяхъ Архангельска офицеровъ и чиновниковъ была сформирована особая офицерская рота, снабженная въ изобиліи пулеметами, къ которой по тревогѣ должны были примыкать пріѣзжавшіе съ фронта офицеры, что въ общей сложности обезпечивало 400 человѣкъ надежныхъ бойцовъ, жившихъ въ одномъ спеціально особо освѣщаемомъ по ночамъ раіонѣ, гдѣ было приказано поселиться всѣмъ офицерамъ.

Расположенные въ Архангельскѣ части изъ изжившихъ большевизмъ красныхъ военноплѣнныхъ, благодаря своимъ блестящимъ руководителямъ и отлично подобранному офицерскому составу не внушали никакихъ опасеній и тревогу возбуждали только морскія силы въ лицѣ экипажа броненосца «Чесмы», гдѣ по даннымъ военно-регистраціонной службы красные имѣли прочное гнѣздо. Несмотря на то, что на «Чесмѣ» было около 30 офицеровъ и 80 человѣкъ національнаго ополченія, соотношеніе силъ было не въ пользу бѣлыхъ, такъ какъ изъ матросской команды въ 400 человѣкъ едва можно было насчитать 100 человѣкъ благонадежныхъ. Послѣ переговоровъ съ адмираломъ удалось разгрузить «Чесму» отъ неблагонадежныхъ элементовъ:

200 человѣкъ было списано и отправлено для несенія гарнизонной службы въ Холмогорскій уѣздъ, причемъ ихъ вооружили японскими ружьями, къ которымъ не было патроновъ. Кромѣ того съ «Чесмы» были сняты всѣ тяжелые снаряды. Такимъ образомъ, всѣ мѣры на случай возстанія были приняты и, имѣя почью подъ рукою винтовку и патроны, можно было спокойно спать до того момента, когда троекратный гудокъ сирены далъ бы намъ знать о тревогѣ и необходимости спѣшить на сборный пунктъ.

Между тѣмъ англійское командованіе не ограничилось разведеніемъ паники въ тылу, а перенесло свою дѣятельность и на фронтъ, гдѣ имъ было предложено эвакуироваться всѣмъ бойцамъ, принадлежавшимъ къ самоопредѣлившимся націямъ, а также русскимъ добровольцамъ, состоявшимъ на службѣ въ славяно-британскихъ легіонахъ. Къ счастью, лучшіе солдаты послѣднихъ подъ вліяніемъ своихъ офицеровъ остались на фронтѣ. Затѣмъ началось снятіе съ фронта англійскихъ частей, сопровождаемое порчей и уничтоженіемъ излишняго военнаго имущества. На глазахъ нашихъ солдатъ на фронтѣ и населенія въ тылу началась порча и сожженіе аэроплановъ, утопленіе въ рѣкѣ имущества, снарядовъ, патроновъ, муки и консервовъ. Въ Селецкомъ раіонѣ французскій легіонъ былъ снятъ съ фронта англійскимъ командованіемъ во время боя и была прервана связь нашихъ войскъ со Штабомъ снятіемъ техническихъ средствъ связи. Въ Архангельскѣ публика сдѣлалась свидѣтельницей утопленія въ Сѣв. Двинѣ пускаемыхъ для этого въ ходъ пустыхъ автомобилей и громаднаго количества патроновъ. Въ защиту такого поведенія англійскаго командованія приводилось указаніе, что всѣмъ необходимымъ мы были снабжены и что уничтожалось лишнее имущество, чтобы оно не попало въ руки большевиковъ, такъ какъ англичане не вѣрили въ то, что мы удержимся безъ нихъ на Сѣверѣ. Если самую причину ликвидаціи имущества можно было съ извѣстной натяжкой признать основательной, то какъ и чѣмъ можно было оправдать самый способъ такой ликвидаціи? Почему она производилась не скрытно по ночамъ, а открыто на глазахъ населенія и нашихъ войскъ? Неужели авторы такихъ мѣръ не учитывали того деморализующаго вліянія, которое онѣ оказывали на наши войска? Неужели вѣрно, что это продѣлывалось умышленно съ цѣлью сорвать нашъ фронтъ для доказательства правильности ихъ соображеній о необходимости нашей эвакуаціи или это была «провокація» съ добрыми побужденіями съ цѣлью вызвать возстаніе и побудить насъ эвакуироваться вмѣстѣ? Всѣ эти вопросы получатъ правильные отвѣты лишь въ порядкѣ историческаго освѣщенія пережитыхъ нами тогда событій и мысль современниковъ послѣднихъ безсильна вскрыть ихъ причину, но факты остаются фактами, замалчивать ихъ нельзя, также какъ нельзя удержаться отъ постановки вопросовъ объ ихъ причинахъ.

Какихъ послѣдствій можно было ожидать отъ всего этого хаоса, создаваго уходомъ союзниковъ, политиканствомъ земско-городского Совѣщанія и обывательской тревоги при бѣшенной агитаціи большевиковъ, старавшихся использовать благопріятный моментъ? Возстанія? Развала фронта? Ближайшая дѣйствительность подарила насъ побѣдой, которая дала намъ 8000 плѣнныхъ при двадцатитысячномъ составѣ нашей арміи. Войска всѣхъ раіоновъ конкурировали другъ съ другомъ въ своей доблести и наступательномъ порывѣ, а Онежскій раіонъ, въ которомъ англичане проявили передъ своимъ уходомъ такое безсиліе, располагая крупными морскими и сухопутными

силами, былъ очищенъ «волчьей сотней» въ 160 человѣкъ, въ которую вошли 60 офицеровъ и 100 солдатъ добровольцевъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что на ряду съ нашими войсками на Желѣзнодорожномъ фронтѣ дрались 80 человѣкъ австралійцевъ, принявшихъ добровольно по своему собственному почину участіе въ нашемъ наступленіи. Воспитанные на охотѣ на дикихъ звѣрей, смѣлые, стремительные, великолѣпно владѣющіе оружіемъ они бросались въ атаку, имѣя обыкновенно ножи въ зубахъ, чтобы въ нужную минуту пустить въ ходъ это излюбленное ихъ оружіе, наводя на большевиковъ панику своимъ видомъ ковбоевъ, на которыхъ они были похожи своими круглыми широкополыми шляпами. Командующій ими маіоръ былъ тяжело раненъ въ обѣ ноги и ему грозила ампутація. За свою доблесть онъ былъ награжденъ георгіевскимъ оружіемъ.

Наши неожиданные успѣхи еще разъ подтвердили правильность того положенія, что мы являемся страной «неограниченныхъ возможностей», но несомнѣнно, что нѣкоторыя причины наступательнаго порыва и успѣха нашихъ войскъ понятны и могли быть заранѣе учтены: 1) противникъ въ то время терпѣлъ пораженіе на всѣхъ фронтахъ; нашего наступленія онъ никакъ не ожидалъ и оно его застало врасплохъ и 2) крестьяне наши только что собрали урожай, который они не склонны были отдать безпощадно реквизирующему все непріятелю. Въ числѣ непредвидѣнныхъ причинъ подъема настроенія и наступательной энергіи войскъ необходимо отмѣтить довольно интересный взглядъ на уходъ союзниковъ солдатской среды, извѣстный мнѣ со словъ многихъ строевыхъ офицеровъ: «Для англичанъ мы не желали захватывать землю, а для себя будемъ». Очевидно господство и безцеремонное хозяйничаніе у насъ англійскаго командованія создало у нихъ на фонѣ агитаціи большевиковъ «о хищничествѣ и эксплуатаціи русскаго народа англо-французскимъ капиталомъ» представленіе о томъ, что союзники, а особенно англичане, оказывая намъ помощь, преслѣдуютъ свои корыстные интересы.

Уходъ англичанъ производился постепенно и окончательная эвакуація Архангельска предполагалась въ среднихъ числахъ октября, но въ ночь съ 26 на 27 сентября они незамѣтно исчезли. Когда утромъ 27 я выѣхалъ изъ своей квартиры на автомобилѣ къ адмиралу И., штабъ котораго находился на яхтѣ «Ярославна», стоявшей у пристани дальняго плаванія, меня поразили царившія въ городѣ безлюдіе и тишина. Проѣзжая мимо Главнаго Штаба Союзныхъ войскъ и зданія Ломоносовской гимназіи, занимаемой шотландскими войсками, я вмѣсто англійскихъ часовыхъ замѣтилъ нашихъ, что навело меня на мысль, что англичане уже ушли, но окончательно все для меня разъяснилось, когда я выѣхалъ на набережную Сѣв. Двины: рѣка была совершенно пуста, такъ какъ на ней виднѣлись только «Чесма», «Ярославна» и два три мелкихъ нашихъ парохода.

Порядокъ въ городѣ царилъ образцовый и онъ весь представлялся мнѣ въ какомъ то совершенно новомъ освѣщеніи. Когда я черезъ нѣкоторое время, отпустивъ автомобиль, шелъ уже пѣшкомъ и подошедшій ко мнѣ веселый и сіяющій офицеръ Штаба адмирала Колчака штабсъ-кап. Б. радостно заявилъ: «Поздравляю васъ, мы опять въ Россіи, какъ вамъ нравится русскій городъ Архангельскъ?», для меня ясно стало, почему этотъ городъ, къ которому я уже успѣлъ привязаться, кажется мнѣ сегодня особенно милымъ и дорогимъ.

На углахъ публика читала только что вывѣшенные приказы Главнокомандующаго объ осадномъ положеніи, по своему объясняя другъ другу, въ чемъ оно состоитъ. Видно было, что объявленіе его произвело надлежащее впечатлѣніе, указывая на то, что власть сильна и стоитъ на стражѣ порядка.

Черезъ двѣ недѣли Главнокомандующій отмѣнилъ осадное положеніе, поблагодаривъ населеніе въ особомъ обращеніи за тотъ порядокъ и дисциплину, которые оно обнаружило въ этотъ критическій моментъ существованія области.

Часть III

Послѣ ухода союзниковъ

Глава I

Положеніе Области въ военномъ отношеніи. Командный составъ, офицерскій корпусъ и солдатская масса. Боевая дѣятельность и досугъ. Культурно-просвѣтительная дѣятельность Штаба. Передвижная труппа во главѣ съ В. Н. Давыдовымъ

Сѣверная Область образовалась въ порядкѣ вооруженной борьбы съ большевиками. Всѣ ея силы, какъ интеллектуальныя, такъ и матеріальныя, были напряжены для достиженія успѣха въ этой борьбѣ, а потому первыя страницы этого отдѣла моихъ воспоминаній будутъ посвящены военнымъ дѣламъ.

Временное Правительство Сѣверной Области проявляло самую широкую заботливость о войскахъ области, идя всегда навстрѣчу всѣмъ требованіямъ военнаго командованія по улучшенію быта солдатъ и офицеровъ и ихъ матеріальнаго обезпеченія. Нигдѣ, ни на одномъ бѣломъ фронтѣ офицеры и солдаты не получали такого содержанія, какъ у насъ, причемъ оклады измѣнялись въ зависимости отъ паденія нашего рубля и повышенія цѣнъ на предметы первой необходимости. Семьи солдатъ были обезпечены прекраснымъ пособіемъ, но еще лучше были обезпечены семьи офицеровъ, находившіяся за границей, которыя получали болѣе чѣмъ приличное пособіе въ валютѣ. Положа руку на сердце, каждый офицеръ Сѣверной Области можетъ сказать, что Временное Правительство Сѣверной Области сдѣлало максимумъ того, что оно могло сдѣлать для его матеріальнаго обезпеченія, и даже тогда, когда насъ постигла катастрофа, оно приняло на свои средства содержаніе въ лагеряхъ болѣе двухъ тысячъ бѣженцевъ, среди которыхъ основную массу составляли солдаты и офицеры со своими семьями, а при ликвидаціи лагерей снабдило ихъ всѣхъ пособіями, достаточными для того, чтобы до пріисканія работы временно не очутиться въ безвыходномъ положеніи. Для того, чтобы оцѣнить всю эту заботливость, надо только вспомнить, что испытали чины Сѣверо-западной арміи ген. Юденича послѣ ея ликвидаціи. Однимъ словомъ, при отличномъ пайкѣ и обмундированіи офицеры

и солдаты Сѣверной арміи находились въ такихъ условіяхъ, въ которыхъ они не скоро очутятся при возстановленіи государственнаго порядка въ Россіи, чему, правда, мы въ значительной степени были обязаны англичанамъ.

Во внутреннюю жизнь и организацію арміи Временное Правительство абсолютно не вмѣшивалось, предоставляя полную свободу дѣйствій генералу Миллеру, къ которому оно относилось съ полнымъ и исключительнымъ довѣріемъ. Вся военная власть принадлежала Главнокомандующему всѣми русскими вооруженными силами на Сѣверномъ фронтѣ ген. Миллеру, который входилъ въ составъ Правительства съ правами Военнаго и Морского Министра.

Въ его же рукахъ находились иностранныя дѣла и вѣдомство путей сообщенія, а къ внутреннимъ дѣламъ онъ также имѣлъ самое близкое отношеніе, сначала въ качествѣ Генералъ-Губернатора, а затѣмъ Главнокомандующаго черезъ свою гражданскую канцелярію.

Однако, онъ не ограничивался этимъ и принималъ самое активное участіе въ разрѣшеніи всѣхъ вопросовъ, входившихъ въ компетенцію Вр. Правительства, стараясь вникнуть и изучить какъ земельный и рабочій вопросы, такъ и ознакомиться съ тѣми основами, которыя обезпечиваютъ правильное отправленіе правосудія.

За исключеніемъ 5, 6 часовъ, удѣляемыхъ сну, ген. Миллеръ былъ остальное время въ работѣ. Эта самоотверженная работа стяжала ему заслуженную популярность какъ въ широкихъ кругахъ населенія, такъ и въ солдатской массѣ. Послѣднюю онъ подкупалъ не пышными рѣчами и игрой на популярность, а своей неустанной заботливостью объ улучшеніи ея быта и матеріальныхъ нуждъ, что больше всего цѣнитъ нашъ народъ.

Популярность его въ обществѣ и политическихъ кругахъ носила исключительный характеръ. Какія бы перемѣны въ составѣ Правительства у насъ не происходили, никогда никакихъ возраженій противъ нахожденія его въ составѣ Правительства не было и этого ген. Миллеръ достигъ не подыгрываніемъ къ тѣмъ или инымъ политическимъ кругамъ, а своимъ безкорыстнымъ идейнымъ служеніемъ родинѣ, полнымъ безпристрастіемъ и невмѣшательствомъ въ политическую борьбу при отсутствіи всякихъ диктаторскихъ замашекъ и контръ-революціонныхъ тенденцій.

Недаромъ мнѣ приходилось слышать заявленія нѣкоторыхъ отвѣтственныхъ демократическихъ дѣятелей, что судьба особенно благоволила къ Сѣверной Области, пославъ ей такого «конституціоннаго» по своей натурѣ генерала.

По свойствамъ своего характера ген. Миллеръ былъ скорѣй администраторомъ, чѣмъ Главнокомандующимъ, администраторомъ идеальнымъ въ условіяхъ нормальнаго мирнаго времени по своему умѣнію уловить пульсъ общественно-политической жизни, найти удовлетворяющую всѣхъ линію компромисса и съ удивительнымъ терпѣніемъ и выдержкой, сохраняя полное безпристрастіе и спокойствіе, слѣдовать въ своей дѣятельности по этой линіи.

Извѣстно, при какихъ условіяхъ сформировался Штабъ Главнокомандующаго и принялъ на себя какъ управленіе войсками, такъ и снабженіе ихъ. Англичане, уходя, все побросали, такъ что надо было приступить къ розыску и регистраціи въ большомъ количествѣ оставленнаго ими имущества, а затѣмъ къ пріему и организаціи его храненія и выдачи. Это

совпало съ принятіемъ имъ на себя руководства боевой дѣятельностью войскъ, которыя не находились въ то время на отдыхѣ, а перешли въ энергичное наступленіе. Если вспомнить при этомъ, что въ Штабѣ ген. М—скаго даже не существовало оперативнаго отдѣленія и что этотъ штабъ ни самъ не подготовился и не подготовилъ никакихъ кадровъ для принятія имущества отъ англичанъ, то станетъ понятно, какая задача выпала на вновь сформированный Штабъ Главнокомандующаго. Даже враги его руководителя ген. К. должны признать, что Штабъ какъ никакъ, во справился съ выпавшей на него тяжелой ролью, благодаря интенсивной работѣ, которая кипѣла въ немъ съ утра до вечера и часто съ вечера до утра, вдохновителемъ которой былъ самъ Начальникъ Штаба, поражавшій всѣхъ своей работоспособностью и выносливостью, несмотря на свой солидный возрастъ.

Руководство боевой дѣятельностью на фронтѣ находилось въ рукахъ командующихъ войсками раіоновъ, изъ числа которыхъ своимъ мужествомъ и доблестью выдѣлялись командовавшій послѣдовательно Двинскимъ, а затѣмъ Желѣзнодорожнымъ раіономъ Ген. Штаба генералъ кн. М., отличавшійся, кромѣ того, большими способностями въ проведеніи поручаемыхъ ему военныхъ операцій и командовавшій послѣ него Желѣзнодорожнымъ раіономъ, вплоть до самаго паденія фронта, ген. В. Послѣдній сильно уступалъ кн. М. въ руководительствѣ боевою дѣятельностью, но зато отличался выдающейся храбростью, принимая личное участіе въ атакахъ впереди своихъ войскъ.

Съ именами кн. М. и ген. В. связаны неразрывно самыя блестящія страницы нашей боевой дѣятельности на Двинѣ и въ Желѣзнодорожномъ раіонѣ.

Войсками Двинскаго раіона командовалъ немного тяжеловатый на подъемъ, но старый опытный солдатъ ген. Д., не терявшій обыкновенно головы въ переживаемыя нами тяжелыя минуты.

Командованіе войсками Пинежско-Мезенскаго раіона находилось въ рукахъ престарѣлаго ген. П., абсолютно неумѣвшаго сообразоваться съ потребностями текущаго момента и изводившаго своихъ подчиненныхъ мелочными требованіями соблюденія воинскаго артикула и настойчивымъ проведеніемъ въ жизнь всѣхъ приказаній Нач. Штаба ген. К., какъ бы они ни были иногда неосуществимы. Его громадными достоинствами были безукоризненная честность и заботливость о солдатахъ, а также трезвый и религіозный образъ жизни, что несомнѣнно дѣлало старика популярнымъ въ солдатской средѣ, бывшей въ періодъ его предшественника полк. N. свидѣтельницей пьянства и хищеній. Всей своей фигурой, взглядами, онъ принадлежалъ далекому прошлому «временъ Очакова и покоренья Крыма» и нѣкоторыя распоряженія его носили положительно анекдотическій характеръ. Такъ напримѣръ отсылка въ «тайную» развѣдку въ раіонъ непріятеля сопровождалась молитвословіемъ съ колокольнымъ звономъ, такъ что скоро всѣ жители, а черезъ нихъ, конечно, и противникъ были въ курсѣ дѣла этой секретной дѣятельности генерала.

Офицерскій корпусъ состоялъ изъ весьма разнообразныхъ элементовъ, которые однако можно свести къ тремъ основнымъ группамъ: мобилизованные мѣстные офицеры, прибывшіе въ область добровольцы и офицеры, доставленные въ область англичанами тоже по добровольному своему желанію изъ англійскихъ лагерей, куда они попали послѣ разгрома Скоропадскаго на

Украинѣ. Основную массу этихъ трехъ группъ составляли офицеры военнаго времени, а кадровые представляли среди нихъ рѣдкое исключеніе.

Мѣстные офицеры, связанные съ краемъ прочными интересами частнаго или служебнаго характера раздѣлялись тоже на двѣ рѣзко другъ отъ друга отличавшіяся категоріи. Одни изъ нихъ не склонны были къ активной борьбѣ, учитывая возможность перехода области къ противнику, а поэтому старались преимущественно устроиться въ тыловыхъ и хозяйственныхъ учрежденіяхъ и въ моменты военныхъ кризисовъ въ нихъ всегда очень громко говорили инстинкты самосохраненія. Другая группа мѣстныхъ офицеровъ принадлежала къ самымъ доблестнымъ и самоотверженнымъ бойцамъ, покрывшимъ свои имена неувядаемой славой. Среди нихъ необходимо отмѣтить «Тарасовцевъ» и «Шенкурцевъ», вышедшихъ изъ простой среды партизанъ-крестьянъ Шенкурскаго уѣзда и Тарасовской волости. Правда, офицерскаго въ нихъ было очень мало, такъ какъ по своему образованію и развитію они очень мало отличались отъ солдатской массы, изъ которой вышли сами и для которой были мало авторитетны. Солдаты въ нихъ видѣли своихъ школьныхъ и деревенскихъ товарищей и имъ трудно было признать надъ собой авторитетъ и дисциплинарную власть «Колекъ» или «Петекъ» и величать ихъ «г. поручикъ», а часто даже «г. капитанъ» и «г. подполковникъ», такъ какъ производство носило у насъ интенсивный характеръ. Къ сожалѣнію, среди шенкурцевъ, которые были сосредоточены въ 3 Сѣв. стрѣлковомъ полку, царило пьянство съ тяжелыми эксцессами въ тылу, составлявшими богатую хронику обвинительныхъ актовъ военно-окружнаго суда Сѣверной Области.

Этой слабости были, хотя и въ значительно меньшей степени, подвержены и другія категоріи офицерства; она давала крупный козырь для агитаціи большевиковъ и положительно составляла нашъ бичъ, несмотря на принимаемыя крутыя мѣры вплоть до разжалованія въ рядовые въ административномъ порядкѣ. Но не будемъ безпощадно строги къ нимъ, вспомнимъ, что они 6-ой годъ смотрѣли въ глаза смерти, что они принимали участіе въ братоубійственной гражданской войнѣ, тяжело ложившейся на ихъ душу, и что они рисковали ежеминутно быть убитыми своими же подчиненными во время очередного возстанія. Многіе пьяные эксцессы носили такой изступленный истерическій характеръ, давали такую картину душевнаго надрыва подъ тяжестью слишкомъ сильныхъ для человѣческой психики впечатлѣній, что мы считали необходимымъ подходить къ оцѣнкѣ ихъ не съ формально-юридической точки зрѣнія, а какъ къ явленіямъ психо-патологическаго характера, тѣмъ болѣе, что часто виновниками ихъ были самые отважные офицеры, совершавшіе на фронтѣ положительно чудеса храбрости.

Прибывшіе въ область офицеры въ большей своей части отличались тоже мужественнымъ и доблестнымъ исполненіемъ своего долга. Къ сожалѣнію, между ними не было полной солидарности, такъ какъ офицеры, спасенные на Украинѣ отъ большевиковъ нѣмцами, не смотря на болѣе чѣмъ внимательное отношеніе къ нимъ въ англійскихъ лагеряхъ, вплоть до полученія каждымъ подарка отъ англійскаго короля въ видѣ хронометра-часовъ, — были проникнуты германофильствомъ, что возмущало офицеровъ, хотя и прошедшихъ суровую школу въ иностранныхъ легіонахъ, но сохранившихъ вѣрность Антантѣ. Все это антантофильство и германофильство, конечно, не носило серьезнаго характера, но, къ сожалѣнію, давало поводъ

для ссоръ и недоразумѣній. Много выше стояла офицерская среда въ артиллеріи, производя своимъ поведеніемъ, воспитанностью и уровнемъ образованія впечатлѣніе офицеровъ мирнаго времени.

Цвѣтъ офицерства составляла небольшая группа кадровыхъ офицеровъ, командовавшихъ отдѣльными войсковыми частями пѣхоты и артиллеріи, на которыхъ собственно говоря и держалась наша маленькая армія. Съ большинствомъ изъ нихъ меня связывали исключительно хорошія отношенія, а дружная совмѣстная работа съ ними въ критическіе моменты нашего существованія навсегда будетъ сохранена въ моей памяти и то довѣріе, которое они мнѣ оказывали, составляетъ предметъ моей гордости.

Переходя къ описанію солдатской массы и господствовавшаго въ ней настроенія, я долженъ прежде всего оговориться, что мои выводы будутъ строиться на данныхъ, полученныхъ съ трехъ ближайшихъ къ Архангельску фронтовъ: Пинежскаго, Двинскаго и Желѣзнодорожнаго (включая Селецкій), такъ какъ стоявшіе въ Мезенскомъ раіонѣ 1 Сѣв. стрѣлк. полкъ, на Печорѣ 10 и на Мурманѣ 2, 9, 11, 12 и 13 полки были слишкомъ далеко расположены отъ Архангельска, а потому не входили въ зону моего ближайшаго наблюденія. Однако, получаемый мною оттуда информаціонный матеріалъ отъ пріѣзжавшихъ офицеровъ, а также отъ солдатъ, слушателей культурно-просвѣтительныхъ курсовъ Штаба, даетъ мнѣ возможность сдѣлать выводъ, что настроеніе солдатъ этихъ раіоновъ мало отличалось отъ того, которое господствовало у насъ.

Солдатскую массу можно тоже раздѣлить на три основныя группы: мобилизованныхъ, добровольцевъ и бывшихъ красноармейцевъ. Среди мобилизованныхъ часть чрезвычайно добросовѣстно относилась къ исполненію своего долга. Къ нимъ преимущественно относились крестьяне ближайшихъ къ фронту волостей, наиболѣе освѣдомленные о томъ, что дѣлается у большевиковъ, а потому не склонные подчиниться имъ. Чѣмъ дальше отъ фронта, тѣмъ становилось хуже, и наиболѣе ненадежный элементъ представляли собой солдаты изъ Архангельскаго, Холмогорскаго и Онежскаго уѣздовъ. Здѣсь не только играло роль обычное для нашего простолюдина соображеніе, что «моя хата съ краю» и что «до насъ, молъ, далеко, а потому это насъ не касаемо», но и большевистская пропаганда, которая свила себѣ прочное гнѣздо въ административныхъ центрахъ Сѣверной Области — Архангельскѣ, Онегѣ и Холмогорахъ. Хуже ихъ были, пожалуй, только взятые по мобилизаціи въ Шенкурскомъ уѣздѣ во время нашего наступленія, которые были озлоблены этой мобилизаціей и послѣ отхода нашихъ войскъ изъ ихъ раіона стремились удрать домой.

Вторую группу солдатъ составляли добровольцы: легіонеры французскихъ и славяно-британскихъ легіоновъ и шенкурскіе, тарасовскіе и пинежскіе партизане. Часть славяно-британскихъ легіоновъ была отборнаго по своимъ боевымъ качествамъ состава, но среди славо-бриттовъ были элементы вродѣ Дайеровскаго баталіона. Недалеко отъ послѣднихъ ушли и французскіе легіонеры, среди которыхъ были преступники и большевики, не выдаваемые намъ для суда по принципу экстерриторіальности союзныхъ войскъ. Приходилось только радоваться, когда эти добровольцы эвакуировались съ англичанами, такъ какъ только лучшіе изъ нихъ пожелали остаться и выполнили свой долгъ до конца.

Шенкурскіе партизане или, какъ ихъ называли, «шенкурята», хотя и непримиримо были настроены къ большевикамъ и по прибытіи союзниковъ были во главѣ разгорѣвшагося противъ совѣтской власти возстанія въ Архангельской губерніи, но представляли собой весьма безпокойный элементъ. Потомки Новгородской вольницы, они были сплошь проникнуты эсеровскими тенденціями, а потому были склонны болѣе подчиняться своимъ партійнымъ центрамъ въ Архангельскѣ, чѣмъ военному начальству, не желая вмѣстѣ съ тѣмъ соблюдать требованія воинскаго порядка и дисциплины. Въ минуты колебанія ихъ партійныхъ вождей они жили настроеніями послѣднихъ и часто нельзя было быть увѣреннымъ, что они вдругъ не станутъ на совѣтскую платформу.

Самый прочный элементъ добровольческой среды представляли собой партизане-крестьяне тарасовцы и пинежцы. Здѣсь на почвѣ охраненія собственническихъ интересовъ, нарушаемыхъ большевистскими опытами и реквизиціями въ пользу красной арміи, царила непримиримая вражда къ Совѣтской власти. Безъ рисовки и лишнихъ словъ, молча и упорно, велась борьба не на жизнь, а на смерть за право работать на своемъ собственномъ клочкѣ родной земли. Насчетъ военной муштры и точнаго соблюденія правилъ воинской дисциплины здѣсь тоже было неважно и одѣтые въ англійское обмундированіе «бородачи» такъ и оставались неуклюжими пахарями; однако несоблюденіе мелочей военнаго артикула не носило тутъ вызывающаго характера и не вызывало никакихъ опасеній у военнаго начальства. Здѣсь царила подлинная Русь, которая никогда и ни при какихъ условіяхъ большевикамъ не подчинится и будетъ вести съ ними непримиримую борьбу. Партизане эти, входя въ избу командира полка, не рапортовали о своемъ прибытіи по уставу внутренней службы, а истово перекрестившись на иконы и нѣсколько разъ глубоко поклонившись имъ, говорили ему: «А я къ Вашей (а то и твоей) милости пришелъ». Въ обращеніи не чувствовалось рабской манеры; народъ на сѣверѣ свободолюбивъ и, давно привыкнувъ къ самостоятельной жизни, держитъ себя съ достоинствомъ, а начальнику отдаетъ дань уваженія въ той формѣ, къ которой привыкъ. Въ боевомъ отношеніи эти люди представляли собой исключительный по своей доблести матеріалъ.

Третью категорію составляли бывшіе красноармейцы. Часть ихъ безъ остатка пзкила большевизмъ и, выдавъ и разстрѣлявъ своихъ комиссаровъ и коммунистовъ, до конца выполняла свой долгъ, зная, что и врагъ не дастъ пощады, если опять попадешь въ его руки. Правда, въ критическія минуты здѣсь могла восторжествовать та точка зрѣнія, что для заслуженія милости, въ случаѣ возможной побѣды врага, нужно перебить своихъ офицеровъ и цѣной измѣны спасти свою жизнь.

Остальные элементы этой категоріи были неустойчивы и настроеніе ихъ измѣнялось въ зависимости отъ развитія боевыхъ дѣйствій. Когда шло общее наступленіе на всѣхъ бѣлыхъ фронтахъ, они съ яростью бросались на врага, самоотверженно рискуя своей жизнью; съ поворотами же счастья не въ нашу пользу они массами, не видя конца борьбѣ, дезертировали домой, куда ихъ влекла тоска по родинѣ, причемъ старались миновать непріятельскія линіи, чтобы тамъ опять не забрали на службу.

Между войсковыми частями эта солдатская масса, доходившая съ тыловыми до 50 тысячъ, была распредѣлена слѣдующимъ образомъ. На Пинегѣ стоялъ 8 Сѣв. стрѣлковый полкъ, состоявшій частью изъ пинежскихъ

партизанъ, частью изъ мобилизованныхъ. На Двинѣ находился малонадежный 4 Сѣв. стрѣлковый полкъ изъ мобилизованныхъ элементовъ и наиболѣе активную роль въ борьбѣ игралъ здѣсь Шенкурскій добровольческій батальонъ. Въ Селецкомъ направленіи работалъ 7 Сѣв. стрѣлк. полкъ, по общимъ отзывамъ лучшій изъ пѣхотныхъ полковъ Сѣвернаго фронта. Основу его составляли тарасовскіе партизане, а изъ мобилизованныхъ вполнѣ надежный элементъ составляли крестьяне Мезенскаго уѣзда. На Желѣзнодорожномъ фронтѣ были сгруппированы: 6 Сѣв. стрѣлк. полкъ, ничѣмъ особеннымъ не выдѣлявшійся ни въ худую, ни въ хорошую сторону, Архангелогородскій стрѣлк. полкъ, составленный почти сплошь изъ красноармейцевъ, и укомплектованный какъ добровольцами, такъ и мобилизованными Шенкурскаго уѣзда, 3 Сѣв. стрѣлк. полкъ, покрывшій себя славой во время боевъ на Двинѣ и на желѣзной дорогѣ, но впослѣдствіи сыгравшій очень печальную роль при паденіи нашего фронта. Въ Архангельскѣ былъ расположенъ запасный полкъ изъ красноармейцевъ, до самаго послѣдняго момента сохранившій дисциплину и порядокъ. Артиллерія наполовину была наполнена учащейся интеллигентной молодежью, подъ вліяніемъ которой и остальные солдаты ея представляли сознательный и надежный элементъ, а наличіе во главѣ ея прекрасныхъ офицеровъ дѣлало этотъ родъ оружія положительно опорой фронта.

Техническая сторона боевой дѣятельности нашего фронта, веденной по строгимъ правиламъ военнаго искусства, уже была вкратцѣ описана мной выше, здѣсь я хочу въ нѣсколькихъ словахъ коснуться самаго характера борьбы съ точки зрѣнія бытовой, принимая во вниманіе, что война велась не національная, а гражданская.

Во время крупныхъ операцій этотъ специфическій ея характеръ какъ-то забывался въ виду отвлеченія всѣхъ выполненіемъ технической стороны боя. Сведеніе же «политическихъ счетовъ» велось въ порядкѣ мелкой партизанской войны, когда пощады другъ другу не давали, а также при захватѣ въ плѣнъ, когда приходилось вмѣшиваться командиому составу для смягченія жестокаго отношенія солдатъ къ противнику. На Пинегѣ партизане были до того свирѣпо настроены, что командиръ 8 полка полк. Б. рѣшилъ выпустить брошюру о гуманномъ отношеніи къ плѣннымъ и организовать по этому поводу бесѣды, но эту мысль пришлось оставить, такъ какъ составлявшіе опору полка пинежскіе партизане выразили свое явное неудовольствіе по поводу такого мѣропріятія, сославшись на тѣ жестокости, которыя учиняли надъ ихъ близкими красные въ занятыхъ послѣдними ихъ деревняхъ. На Печорѣ населеніе, занимающееся охотничьимъ промысломъ, ставило сплки для ловли красныхъ. Одинъ мой знакомый путейскій инженеръ, узнавъ отъ одного изъ такихъ «охотниковъ за черепами», что имъ единолично было поймано и истреблено 60 красныхъ, пришелъ въ ужасъ и пробовалъ убѣдить въ невозможности такого метода дѣйствій, но получилъ категорическій отвѣтъ: «Намъ съ ними не жить, либо они, либо мы». Оказалось, что у этого крестьянина всѣ близкіе были убиты красными отрядомъ Мандельбаума, а самъ онъ совершенно случайно спасся, подвергнувшись страшнымъ пыткамъ; грудь его была вся въ язвахъ, такъ какъ его выдержали подъ открытымъ краномъ кипящаго самовара, пока оттуда не вытекала вся вода. Отрядъ Мандельбаума навелъ ужасъ на всю Печору. Окруживъ какое-нибудь бѣлое селеніе, онъ сгонялъ всѣхъ жителей его на исходъ и

объявлялъ, что мужчинъ онъ оставляетъ только до окончанія полевыхъ работъ, послѣ чего они вмѣстѣ съ дѣтьми будутъ истреблены, а жены ихъ будутъ оставлены въ живыхъ, такъ какъ еще «пригодятся» для красныхъ. Можно себѣ представить, какой характеръ послѣ этого принимала взаимная борьба, принимая во вниманіе невысокій культурный уровень населенія, большую часть котораго составляли полудикіе зыряне.

Партизане несли на себѣ главную тяжесть борьбы. Они ходили въ развѣдку въ глубокій тылъ непріятеля, а въ бояхъ яростно бросались въ штыки, но и у нихъ были свои недостатки, съ которыми Штабъ не считался, несмотря на предупрежденіе строевыхъ начальниковъ. Въ борьбѣ они преслѣдовали, главнымъ образомъ, свои мѣстные интересы и поэтому «шенкурята» 3 Сѣв. стрѣлк. полка дрались героями на Двинѣ, когда они имѣли цѣлью своихъ дѣйствій захватъ своихъ родныхъ деревень, и переводъ ихъ на Желѣзнодорожный фронтъ сразу же вызвалъ ихъ неудовольствіе, которое постепенно все усугублялось, пока не разразилось катастрофой. Тарасовцы 7 полка еще до захвата своихъ деревень заявили своему командиру полка, что впередъ они согласны идти, куда угодно, но назадъ не отступятъ ни на шагъ и, въ случаѣ отхода фронта, не оставятъ своихъ родныхъ деревень. Они были вѣрны своему слову и послѣ взятія своихъ деревень безропотно двинулись на станцію Плесецкую, потерявъ сразу же у родныхъ избушекъ 70 человѣкъ убитыми, которыхъ тутъ же съ почестями похоронили, но мы увидимъ ниже, что они держались своего слова до конца и остались въ своихъ деревняхъ во время нашего отступленія, что вызвало для насъ самыя тягостныя послѣдствія.

Борьба политическихъ партій въ тылу несомнѣнно отражалась крайне неблагопріятно на фронтѣ, причемъ наиболѣе чувствительно реагировали на нее мобилизованные и шенкурскіе добровольцы, а бывшіе красноармейцы и остальные партизане были къ ней довольно равнодушны.

Обращаясь къ вопросу объ организаціи на фронтѣ агитаціи и пропаганды съ цѣлью борьбы съ большевистской агитаціей и внѣдренія въ солдатскія массы разумныхъ государственныхъ идей, необходимо съ грустью признать, что это дѣло было поставлено у большевиковъ гораздо лучше, чѣмъ у насъ. При ген. М—скомъ у насъ въ этой области ничего предпринято не было и войска даже не снабжались, какъ слѣдуетъ, газетами, черпая всѣ свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ изъ большевистской литературы, въ изобиліи разбрасываемой непріятелемъ.

По сформированіи Штаба Главнокомандующаго, при немъ было учреждено спеціальное отдѣленіе «агитаціи и пропаганды», впослѣдствіи переименованное въ культурно-просвѣтительное, которое немедленно наладило доставку газетъ на фронтъ. Въ выборѣ газетъ, если и было нарушено безпристрастіе, то скорѣе въ пользу лѣвыхъ теченій, такъ какъ самое большое количество выписываемыхъ Штабомъ газетъ падало на органъ соціалистической мысли «Возрожденіе Сѣвера», а самый меньшій тиражъ имѣла газета «Отечество», органъ праваго блока гор. Думы, приблизительно октябристскаго характера.

Культурно-просвѣтительное отдѣленіе Штаба приступило къ изданію агитаціонной литературы и нѣкоторыя его воззванія были очень удачны, но самый масштабъ дѣятельности носилъ въ этой области скромный характеръ и не могъ сравниться съ тѣмъ широкимъ размахомъ, который былъ присущъ

противнику, считавшему агитацію и пропаганду самыми вѣрными орудіями своей борьбы. Во то время какъ наши плакаты были скромныхъ размѣровъ и большею частью безъ рисунковъ, противникъ выпускалъ ихъ грандіозныхъ размѣровъ, иллюстрируя свои лозунги великолѣпными рисунками. Чувствовалось, что мы еще не оцѣнили всего вліянія этого могучаго средства борьбы на психологію народныхъ массъ, что мы не умѣемъ спуститься до уровня пониманія послѣднихъ и судимъ по самимъ себѣ, брезгливо относясь къ тому дешевому въ нашихъ глазахъ эфекту, который эти плакаты на насъ производятъ. Противникъ лучше насъ зналъ и понималъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и билъ насъ въ этой области на каждомъ шагу, хотя казалось бы, что его безобразная дѣятельность давала куда больше матеріала для использованія его въ агитаціонныхъ цѣляхъ.

Вскорѣ послѣ ухода англичанъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, при Штабѣ открылись курсы агитаціи и пропаганды, цѣлью которыхъ было не такъ подготовить кадры опытныхъ агитаторовъ и пропагандистовъ, какъ внести черезъ посредство самихъ же солдатъ въ ихъ среду ясныя понятія о цѣнности для человѣчества государственныхъ формъ бытія, а также дать имъ элементарныя понятія о государственномъ устройствѣ преимущественно демократическихъ странъ Западной Европы, гдѣ идеи народонравства уже прочно воплотились въ жизнь. Въ соотвѣтствіи съ такимъ заданіемъ на частномъ совѣщаніи съ нѣкоторыми мѣстными общественными и политическими дѣятелями, примыкавшими къ кадетамъ и къ болѣе радикальнымъ, но не соціалистическимъ теченіямъ, была намѣчена программа лекцій, расчитанныхъ на трехнедѣльный непрерывный курсъ. Къ сожалѣнію, мнѣ приходится по памяти возстанавливать эту программу, такъ какъ у меня на рукахъ нѣтъ ни одного экземпляра ея, но, насколько могу припомнить, слушатели должны были быть ознакомлены немного съ исторіей, какъ русской, такъ и общей, и сдѣлать небольшой экскурсъ въ область государственнаго права и соціальныхъ наукъ. Кромѣ того, рѣшено было ознакомить ихъ съ организаціей современныхъ армій и со значеніемъ и сущностью воинской дисциплины.

Въ соотвѣтствіи съ такой программой и принимая во вниманіе переживаемыя нами событія, по общей исторіи были прочитаны лекціи на темы: «Великая французская революція», «Революціонное движеніе 1848 года» и «Парижская комунна 1871 года», а по русской исторіи были даны нѣкоторыя свѣдѣнія о «Смутномъ времени на Руси» и изъ исторіи нашего освободительнаго движенія; по государственному праву: «Организація государственной власти» и «Конституціи современныхъ государствъ», а изъ области соціальныхъ наукъ было сдѣлано нѣсколько сообщеній по аграрному и рабочему вопросамъ, а также объ организаціи въ современныхъ государствахъ финансовъ, торговли и промышленности.

Первый курсъ, при 60 слушателяхъ, открылся въ присутствіи Главнокомандующаго моимъ сообщеніемъ на тему: «Переживаемый моментъ», въ которомъ я, опредѣливъ большевизмъ, какъ начало контръ-революціи и отнятія у народа всѣхъ завоеваній февральской революціи, для достиженія которыхъ было принесено столько жертвъ лучшими борцами революціонной демократіи, уцѣлѣвшіе представители которыхъ въ лицѣ Предсѣдателя Правительства Чайковскаго и др. идутъ съ нами, а не съ большевиками, цѣлью борьбы съ послѣдними ставилъ возстановленіе на началахъ народонравства государственности, какъ защиты свободы, культуры и порядка. Освѣщеніе разрушительной

дѣятельности большевиковъ во всѣхъ областяхъ нашей государственной жизни составляло главнѣйшее содержаніе моего сообщенія съ цитированіемъ большевистскихъ декретовъ и иллюстраціей всей преступности и безумія ихъ затѣи на примѣрахъ, которымъ я самъ былъ свидѣтелемъ за время годичнаго пребыванія въ Россіи при большевикахъ.

Всего мы успѣли пропустить шесть курсовъ. Читая на нихъ лекціи объ «Организаціи современныхъ армій и о сущности и значеніи воинской дисциплины», мнѣ пришлось убѣдиться, что солдатская аудиторія слушала ихъ съ большимъ интересомъ и вниманіемъ. Опытъ такихъ же сообщеній въ XI арміи послѣ февральской революціи убѣдилъ меня, что успѣхъ въ солдатской средѣ имъ обезпеченъ, такъ какъ изложенныя сухимъ языкомъ требованія воинскихъ уставовъ, по приведеніи ихъ въ извѣстную систему и сообщеніи въ живой образной формѣ, пріобрѣтали для солдатъ характеръ простыхъ и ясныхъ житейскихъ истинъ, вытекающихъ изъ условій своеобразнаго военнаго быта. Эти лекціи доставляли мнѣ громадное удовольствіе; я положительно отдыхалъ душой среди этой простой, сердечной и нетребовательной аудиторіи, платившей всегда сторицей за хорошее къ ней отношеніе. Съ каждой лекціей чувствовалось, что аудиторія вначалѣ холодная и настороженная оттаиваетъ и старается потомъ мелкими знаками вниманія выразить свои симпатіи и добрыя чувства.

Культурно-просвѣтительные курсы вызывали нападки справа, съ указаніемъ, что на нихъ ведется эсеровская пропаганда, а слѣва обвиненія въ черносотенно-кадетскомъ направленіи. Взаимно исключая другъ друга, эти обвиненія свидѣтельствовали о томъ, что принятая руководителями курсовъ линія поведенія была взята довольно правильно. Я знаю, что завѣдывавшій курсами ротмистръ Г., на рѣдкость честный и порядочный человѣкъ, чуждый по своимъ взглядамъ и тѣни какой нибудь контръ-революціонности, принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы отыскать въ Архангельскѣ какого нибудь государственника-соціалиста типа Носке или Шейдемана, чтобы привлечь его къ чтенію лекцій на курсахъ. Увы, въ Архангельскѣ такого не нашлось, да и есть ли они вообще у насъ, ихъ присутствіе, что-то до сихъ поръ не чувствуется...

Культурно-просвѣтительному отдѣленію Штаба принадлежитъ громадная заслуга по организаціи разумныхъ развлеченій для заполненія солдатскаго досуга. Во время пребыванія въ области союзныхъ войскъ наши солдаты могли только съ завистью смотрѣть на многочисленные клубы, организованные для развлеченія солдатъ всѣхъ націй, кромѣ нашей, и соотвѣтствующія предложенія, сдѣланныя ген. М—скому представителями американскаго союза христіанской молодежи, не нашли никакого отклика.

Совсѣмъ иначе это дѣло пошло со вступленіемъ въ командованіе ген. Миллера. На организацію его были отпущены громадныя средства и вскорѣ въ самомъ лучшемъ общественномъ зданіи Архангельска — коммерческомъ собраніи, открылся русскій солдатскій клубъ. Открытіе его было произведено при торжественной обстановкѣ самимъ Главнокомандующимъ, сказавшимъ по этому поводу краткое задушевное слово.

Въ числѣ прочихъ, сопровождавшихъ ген. Миллера лицъ, я обошелъ всѣ обширныя помѣщенія клуба съ читальней, бильярдной, столовыми и громадной чистой кухней, гдѣ лежали горы сладкихъ булокъ и варился кофе, чай и какао, отпускавшіеся солдатамъ по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Между

двумя залами помѣщалась кантина (солдатская лавочка), гдѣ продавались папиросы, спички, почтовая бумага и другіе мелкіе предметы солдатскаго обихода. Послѣ обхода помѣщеній, мы заняли мѣста въ верхнихъ ложахъ зрительнаго зала для присутствованія на спектаклѣ, которымъ началось открытіе сезона законтрактованной штабомъ передвижной труппой, во главѣ съ знаменитымъ артистомъ Александринскаго театра Владиміромъ Николаевичемъ Давыдовымъ. Шелъ старый веселый водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ: «Прежде скончались, потомъ повѣнчались», въ которомъ старый артистъ развернулся во всей красотѣ своего богатаго дарованія.

Залъ, вмѣщавшій не менѣе 800 человѣкъ, былъ биткомъ набитъ солдатами, привѣтствовавшими игру артистовъ, особенно старика Давыдова, громомъ аплодисментовъ. Послѣ водевиля состоялся короткій дивертисментъ изъ музыкальныхъ и вокальныхъ номеровъ. Во время спектакля царилъ образцовый порядокъ, который, впрочемъ, за все время существованія солдатскаго клуба строго поддерживался самими его членами солдатами.

Каждую недѣлю давался одинъ спектакль и одинъ концертъ, а кромѣ того читались лекціи культурно-просвѣтительнаго характера. Клубъ былъ чрезвычайно популяренъ въ солдатской средѣ и всегда полонъ посѣтителями. Вся хозяйственная сторона лежала на женскомъ патріотическомъ союзѣ, представительницы котораго по очереди дежурили, работая на кухнѣ и въ кладовыхъ, продавая въ кантинѣ и буфетѣ. Присутствіе интеллигентныхъ женщинъ чрезвычайно благотворно дѣйствовало на солдатскую среду, оказывавшую имъ сердечное вниманіе.

Передвижная труппа не ограничивалась игрой въ Архангельскѣ, а объѣзжала ближайшіе участки фронта, побывавъ въ Желѣзнодорожномъ, Двинскомъ и Пинежскомъ раіонахъ. Старикъ Давыдовъ, не взирая на свой преклонный возрасть, неутомимо ѣздилъ всюду, несмотря на то, что приходилось по нѣсколько сотъ верстъ дѣлать на лошадяхъ въ невѣроятную стужу. Онъ самъ со смѣхомъ разсказывалъ мнѣ, какъ долженъ былъ въ холодномъ сараѣ, при 40 ⁰ морозѣ на дворѣ, въ одномъ пиджакѣ, по ходу пьесы изображать, что онъ изнываетъ отъ жары. Понятно, съ какимъ энтузіазмомъ встрѣчали на фронтѣ «дѣдушку», какъ его величали солдаты. Въ Желѣзнодорожномъ раіонѣ солдаты, принеся его на рукахъ къ поѣзду, не хотѣли отпускать послѣдній, пока «дѣдушка» не разскажетъ имъ еще что-нибудь передъ отъѣздомъ. Жители Пинеги и другихъ захолустныхъ уголковъ тоже получили возможность увидѣть игру великаго артиста. Пожалуй, талантливый артистъ былъ лучшимъ агитаторомъ и пропагандистомъ культурно-просвѣтительнаго отдѣленія Штаба: его безподобная игра размягчала сердца, пробуждая въ нихъ добрыя человѣческія чувства.

26 ноября по старому стилю я былъ приглашенъ въ солдатскій клубъ на обѣдъ Георгіевскихъ Кавалеровъ — офицеровъ и солдатъ. Около 600 человѣкъ усѣлось за столы, у которыхъ прислуживали дамы женскаго патріотическаго союза. Обѣдъ состоялъ изъ трехъ блюдъ: борща съ пирогомъ, котлетъ съ картофелемъ и какао, а для провозглашенія тостовъ былъ предложенъ горячій глинтвейнъ. Подъ звуки оркестра обѣдъ прошелъ чрезвычайно дружно и оживленно, при образцовомъ порядкѣ, который былъ внесенъ дѣятельностью чрезвычайно умѣло прислуживавшихъ представительницъ женскаго патріотическаго союза. Здравица Главнокомандующаго за

георгіевскимъ кавалеромъ была покрыта могучимъ «ура», послѣ чего солдаты посадили его на стулъ и, пронеся по всему помѣщенію, долго качали.

Такъ создавалась и крѣпла связь между офицерскимъ корпусомъ въ лицѣ Главнокомандующаго и солдатской массой на Сѣверѣ. Она была порвана при очередномъ поворотѣ не въ нашу пользу колеса исторіи, но я глубоко убѣжденъ, что, зажженныя тогда рукой ген. Миллера искры благодарности въ солдатскихъ сердцахъ за его неустанныя заботы о нихъ на Сѣверѣ, тлѣютъ до сихъ поръ и ихъ не удастся заглушить тѣмъ, кто еще разъ оказался временнымъ побѣдителемъ, сыгравъ на не изжитыхъ еще до конца злобныхъ инстинктахъ, пробужденныхъ призывами къ классовой борьбѣ.

Глава II

Морское вѣдомство. Сибирская экспедиція

Существуютъ не только отдѣльныя лица, но цѣлыя корпораціи, для которыхъ не дѣйствительны никакіе, хотя бы самые жестокіе, уроки. Чего только не натерпѣлись наши морскіе офицеры отъ своихъ озвѣрѣвшихъ командъ въ періодъ еще февральской революціи, сколько жертвъ понесли они въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, которыхъ не просто убивали, а предварительно подвергали самымъ мучительнымъ пыткамъ, и, однако, это нисколько не вразумило уцѣлѣвшихъ и, когда они волею судебъ вновь становились у власти, они опять съ какимъ-то непонятнымъ упорствомъ повторяли всѣ свои старыя ошибки, которыя уже разъ привели къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ. Печальный опытъ Русско-Японской войны былъ учтенъ выдающимися нашими моряками въ лицѣ адмирала Эссена и его славныхъ учениковъ Непенина, Колчака и др. лишь въ смыслѣ нашей технической отсталости. Къ устраненію ея были приняты рѣшительныя мѣры и въ минувшую войну нашъ флотъ блестяще справился съ тѣми задачами, которыя ему ставились въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ. Но не даромъ говорятъ, что мы рабы своихъ привычекъ и что послѣднія составляютъ нашу вторую натуру. Технику, несмотря на нашу отсталость, было легче измѣнить, чѣмъ вкоренившіяся вѣками традиціи, и быть во флотѣ остался прежній. На судахъ господствовала феодальная система. Офицеры представляли собой замкнутую корпорацію представителей лучшихъ дворянскихъ семей, которая смотрѣла свысока даже на своихъ сухопутныхъ коллегъ по оружію, а матросы, набираемые преимущественно изъ сознательныхъ элементовъ уральскихъ заводовъ, представляли собой готовый авангардъ для пролетарской революціи. Жизнь однихъ протекла въ каютъ-кампаніи, а другихъ — въ лабиринтѣ кубриковъ (помѣщеніе для матросовъ на судахъ), куда не проникалъ и не стремился проникать начальническій глазъ; соединялись всѣ только на занятіяхъ. Не было принято никакихъ мѣръ для сближенія этихъ столь разнородныхъ элементовъ, и вполнѣ понятно, что должно было произойти, когда реальное соотношеніе силъ было нарушено революціей.

Казалось бы, изъ происшедшей тяжкой катастрофы нужно было сдѣлать соотвѣтствующій выводъ: осторожно приступать къ набору новыхъ командъ, стараясь на ряду съ малонадежнымъ техническимъ элементомъ имѣть

надежную опору въ лицѣ морской пѣхоты, да и самый технический персоналъ стараться пополнить призывомъ на службу благонадежныхъ лицъ, преимущественно интеллигентной среды. Несомнѣнно нужно было отказаться разъ на всегда отъ обособленной жизни и постараться сблизиться съ матросской массой, использовавъ въ этомъ отношеніи опытъ сухопутныхъ войскъ, гдѣ офицерскому составу давно уже вмѣнено въ обязанность не одно техническое руководство, а и удовлетвореніе духовныхъ запросовъ ихъ подчиненныхъ. Посмотримъ же, что имѣло мѣсто у насъ на Сѣверѣ.

Морское вѣдомство во главѣ съ Командующимъ морскими силами и Главнымъ Командиромъ портовъ Ледовитаго Океана было подчинено Главнокомандующему на правахъ Морского Министра. Въ составъ его входили не только морская и рѣчная флотилія и военные порты, но и гражданское управленіе портовъ и мореплаванія съ морскимъ и рѣчнымъ транспортомъ, такъ какъ по условіямъ боевой обстановки считалось необходимымъ сосредоточить все въ однѣхъ рукахъ.

По пріѣздѣ въ Архангельскъ, я засталъ во главѣ морского вѣдомства адмирала В., чрезвычайно опытнаго и искуснаго моряка, но не пользовавшагося въ морской средѣ авторитетомъ и популярностью, такъ какъ онъ командовалъ флотомъ Ледовитаго Океана при большевикахъ. Обстоятельство это было необслѣдовано въ законномъ порядкѣ, что необходимо было сдѣлать въ цѣляхъ всесторонняго выясненія дѣятельности адмирала В., для преданія его въ случаѣ виновности суду, или для реабилитаціи его имени, если бы обвиненіе его въ сознательномъ содѣйствіи Совѣтской власти не подтвердилось. Послѣ долгихъ и неоднократныхъ монхъ настояній ген. Миллеръ согласился на производство предварительнаго слѣдствія, данныя котораго оказались чрезвычайно благопріятными для адмирала В. и дѣло о немъ было прекращено въ законномъ порядкѣ. Но одновременно съ началомъ слѣдствія Главнокомандующій не нашелъ возможнымъ оставить В. на своемъ посту и вмѣсто него Командующимъ морскими силами былъ назначенъ адмиралъ И.

Однимъ изъ первыхъ удачныхъ мѣропріятій адмирала И. было отправленіе въ Сибирь ледокольной экспедиціи, которой онъ долженъ былъ бы руководить самъ, если бы не состоялось его назначеніе. Обслѣдованіе пути, а равно подготовка и руководство выполненіемъ этой сложной задачи, выпало на извѣстнаго изслѣдователя нашихъ полярныхъ путей кап. I ранга В., который и отправился впередъ на ледоколѣ «Вайгачъ». Отправленная вслѣдъ за нимъ экспедиція въ составѣ нѣсколькихъ ледоколовъ подъ командой кап. II ранга М., очень дѣльнаго и толковаго офицера, использовала указанія кап. I ранга В. и благополучно прибыла въ Сибирь, гдѣ, взамѣнъ отправленныхъ для сибирской арміи винтовокъ, получила хлѣбъ и валенки, которые и доставила къ зимѣ въ Архангелскъ для нашей Сѣверной арміи.

Эта экспедиція, организованная на скромныя средства нашей маленькой области и проведенная вполнѣ благополучно, несмотря на предрекаемый ей союзниками, а также спеціалистами изъ норвежскихъ круговъ неуспѣхъ, составляетъ несомнѣнную заслугу нашего маленькаго сѣвернаго флота.

Привлеченіе къ активной дѣятельности адмирала И. вызвало притокъ новыхъ силъ въ морскую среду, но и послѣ этого адмиралъ ощущалъ большой недостатокъ въ личномъ составѣ.

Очень печально обстояло также дѣло съ углемъ. Наличные запасы его были расчитаны до 1 января 1920 года, а полученіе заказаннаго въ Англіи было болѣе чѣмъ сомнительно. Все это диктовало строжайшую экономію въ его расходованіи, вслѣдствіе чего электрическая станція города была переведена на дровяное отопленіе. Между тѣмъ броненосецъ «Чесма» и яхта «Ярославна», на которую съ уходомъ англичанъ перешелъ морской штабъ, поглощали массу угля. Мы уже знаемъ, что броненосецъ «Чесма» не только не представлялъ поддержки нашимъ скромнымъ силамъ, но, наоборотъ, приходилось принимать чрезвычайныя мѣры для его разгрузки отъ зловредныхъ элементовъ. Однако, это разумное мѣропріятіе носило временный характеръ и скоро команда его опять дошла до 350 человѣкъ, причемъ пешіе на немъ охрану ополченцы, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, покинули его и опъ, какъ мы увидимъ ниже, опять сдѣлался цитаделью красныхъ. Жизнь на немъ протекала въ условіяхъ, описанныхъ въ началѣ главы, что мнѣ было извѣстно отъ нѣкоторыхъ офицеровъ, которые просились ко мнѣ на службу для того, чтобы, во что бы то ни стало, списаться съ него. Когда я какъ то спросилъ Начальника Штаба морскихъ силъ, чѣмъ занята команда «Чесмы» и надежна ли она, онъ весело и увѣрено отвѣтилъ, что все въ полномъ порядкѣ, такъ какъ матросы заняты развлеченіями, спектаклями и танцами. Дѣйствительно, всѣ «танцульки» и по вечерамъ Троицкій проспектъ были наполнены матросами, причемъ по внѣшнему виду они ничѣмъ не отличались отъ своихъ коллегъ краснаго флота: тѣ же вызывающія лица съ выпущенными чубами на лбу, декольтированныя груди и брюки клошъ.

Гораздо разумнѣе было бы, снявъ съ броненосца команду, лишить его всякаго военнаго значенія, причемъ мы выиграли бы не только въ экономіи угля, но и въ смыслѣ обезпеченія нашего спокойствія отъ всякихъ неожиданностей. Впрочемъ, въ оправданіе адмирала П. необходимо отмѣтить, что такой задачи ему никто не ставилъ, а, наоборотъ, Штабъ Главнокомандующаго самъ вначалѣ разсматривалъ «Чесму», какъ одинъ изъ нашихъ опорныхъ пунктовъ во время ухода союзниковъ. Много нареканій вызвалъ переѣздъ морского штаба на «Ярославну», такъ какъ это также вызывало непроизводительную трату угля, тогда какъ въ городѣ было много подходящихъ для штаба зданій, которыя могли отопляться дровами.

Командующему морскими силами была подчинена также рѣчная флотилія, во главѣ которой стоялъ кап. I ранга Ч., извѣстный по учиненному имъ 6 сентября 1918 года перевороту и аресту членовъ Верховнаго Управленія. Подвижной, энергичный, смѣлый, окруженный такими же сотрудниками изъ морской молодежи, онъ былъ положительно незамѣнимъ въ критическіе моменты нашего существованія. Съ уходомъ англичанъ, охрана Двины перешла въ его руки и надо было видѣть, съ какой стремительностью онъ вынесся туда на наскоро собранныхъ баржахъ и пароходахъ, вооруженныхъ артиллеріей и какъ смѣло оперировалъ тамъ, несмотря на слабыя силы и весьма ненадежный технической персоналъ своего экипажа.

Но насколько онъ и окружавшіе его сотрудники были способны къ самоотверженному порыву въ минуту опасности, настолько же они были неспособны ни къ какой планомѣрной организаціонной работѣ въ условіяхъ нормальнаго существованія. Когда замерзла Двина, Ч. пришла злосчастная мысль изъ его неблагонадежнаго экипажа сформировать морской стрѣлковый полкъ. Было сформировано нѣсколько ротъ, поселенныхъ въ казармахъ;

внутренняя жизнь морскихъ стрѣлковъ приняла характеръ, основныя черты котораго были отмѣчены выше. Предоставленные самимъ себѣ, морскіе стрѣлки быстро самоопредѣлились въ смыслѣ большевистской оріентаціи. Начальникъ военно-регистраціонной службы Р. многократно докладывалъ по начальству, вплоть до Главнокомандующаго, что положеніе въ морскомъ стрѣлковомъ баталіонѣ носитъ угрожающій характеръ и можетъ имѣть самыя тяжкія послѣдствія. Однако, все шло своимъ чередомъ, несмотря на то, что Главвокомандующій, посѣтивъ какъ то казармы, пришелъ въ ужасъ отъ мрачнаго и озлобленнаго вида людей и былъ страшно возмущенъ тѣмъ, что спрошенные имъ офицеры не знали матросовъ своего взвода по фамиліи.

Когда вступаешь въ полосу бѣдствій, то надъ рѣшеніями людей начинаетъ тяготѣть какой то рокъ. Несмотря на то, что всѣ данныя говорили за немедленное расформированіе морскихъ стрѣлковъ, которые не стѣснялись по всему городу открыто объявляли, что если ихъ отправятъ сражаться, то они откроютъ фронтъ, они все-таки въ концѣ января были отправлены туда. Ген. Д. отказался ихъ принять къ себѣ на Двину, поэтому двѣ роты были расположены въ Холмогорскомъ уѣздѣ, гдѣ ихъ прибытіе сразу же ознаменовалось насиліями надъ жителями и большевистской пропагандой, о чемъ ген. Д. докладывалъ при мнѣ впослѣдствіи Главнокомандующему. Командующій же Желѣзнодорожнымъ раіономъ ген. В. принялъ къ себѣ двѣ роты, что, какъ мы увидимъ ниже, сыграло роковую роль не только для Желѣзнодорожнаго раіона, но и всего нашего фронта.

Всѣ описанныя выше грустныя обстоятельства имѣли мѣсто, несмотря на то, что способнаго и опытнаго моряка адмирала В. смѣнилъ не менѣе опытный и образованный адмиралъ П., обладавшій широкимъ кругозоромъ, что видно, напримѣръ, изъ того, какъ онъ великолѣпно разбирался въ общемъ положеніи въ критическіе моменты нашего существованія. Однако, они оба не въ силахъ были справиться съ выработанной вѣками рутиной и гибельными навыками, вошедшими въ плоть и кровь личнаго состава нашего флота, ибо дѣло было не въ людяхъ, а въ системѣ.

Глава III

Внутренняя политика. Городская дума и земство. Печать

Сѣверная Область включала въ себя неполную Архангельскую губернію, между тѣмъ въ этихъ скромныхъ предѣлахъ приходилось считаться съ нагроможденіемъ властей, имѣвшихъ прямое отношеніе къ внутренней политикѣ въ лицѣ Временнаго Правительства, Управляющаго отдѣломъ внутреннихъ дѣлъ, Генералъ Губернатора и Начальника Губерніи. Если наличіе Временнаго Правительства оправдывалось самымъ процессомъ возстановленія въ этой части Россіи государственной власти послѣ изгнанія изъ нея большевиковъ, а постъ Начальника Губерніи, соединенный съ Управляющимъ отдѣломъ внутреннихъ дѣлъ, былъ также необходимъ, то несомнѣнно, что Генералъ-губернаторство было совершенно излишнимъ учрежденіемъ и, со вступленіемъ ген. Миллера въ должность Главнокомандующаго, оно было упразднено. Однако, такъ какъ Главнокомандующему принадлежали

крупныя права въ области гражданскаго управленія въ смыслѣ охраненія государственной и общественной безопасности, то гражданская канцелярія Ген. Губернатора не была упразднена, а получила наименованіе гражданской канцеляріи Главнокомандующаго.

Такое нагроможденіе властей врядъ ли способствовало успѣху дѣла, создавая взаимныя тренія и волокиту, но въ этой главѣ я хочу коснуться не административной техники управленія, а общаго направленія политическаго курса, такъ какъ только это и можетъ составить интересъ для широкой публики.

Прежде всего, конечно, придется остановиться на дѣятельности въ этой области Временнаго Правительства, такъ какъ несомнѣнно ему принадлежала руководящая роль и на его засѣданіяхъ разрѣшались конфликты, возникавшіе между отдѣльными руководителями внутренней политики.

Мы уже выше ознакомились съ персональнымъ составомъ Правительства до и послѣ реконструкціи власти и партійной принадлежностью его членовъ, а также съ основнымъ направленіемъ его дѣятельности въ моментъ перваго нашего кризиса, вызваннаго уходомъ союзниковъ и открытіемъ земско-Городского совѣщанія. Ниже въ другихъ главахъ я остановлюсь на господствовавшихъ въ Правительствѣ теченіяхъ въ связи съ послѣдующими правительственными кризисами, а поэтому здѣсь я ограничусь лишь сообщеніемъ краткихъ свѣдѣній о внутренней политической группировкѣ его членовъ при разсмотрѣніи вопросовъ принципіальнаго характера.

До земско-городского совѣщанія, при разногласіяхъ намѣчались всегда три теченія. Лѣвое было представлено Управляющимъ Отдѣломъ Внутреннихъ Дѣлъ Игнатьевымъ и Управляющимъ Отдѣломъ Народн. Просв. Федоровымъ (народные соціалисты) правое — Управляющимъ Отдѣломъ Торг. и Промышленности Мефодіевымъ (к.-д.) и Управляющимъ Отдѣломъ Юстиціи Городецкимъ, а центръ — Зубовымъ (союзъ возрожд. Россіи) и ген. Миллеромъ. Рѣшающая роль несомнѣнно принадлежала центру, въ который входилъ Предсѣдатель Правительства, а также Главнокомандующій, имѣвшій исключительное вліяніе на весь курсъ правительственной дѣятельности, тѣмъ болѣе что вмѣстѣ съ Главнокомандующимъ голосовалъ обыкновенно и входившій въ составъ Правительства ген. М—скій.

Послѣ реконструкціи власти правое крыло въ лицѣ Городецкаго и Мефодіева отпало и одно время лѣвое крыло оказывало сильное вліяніе на правительственный курсъ, благодаря наличію Скоморохова (с.-р.), который, какъ мы увидимъ ниже, отличался незаурядным природнымъ умомъ и энергіей. Его партійный товарищъ, Едовинъ слѣпо слѣдовалъ за нимъ, плохо разбираясь при этомъ въ государственныхъ дѣлахъ. Однако, и при этомъ составѣ Правительства умѣренное теченіе въ лицѣ центра имѣло несомнѣнный перевѣсъ, такъ какъ центръ, въ лицѣ Зубова и ген. Миллера, усилился Багриновскимъ и Цапенко, да и Федоровъ былъ далекъ отъ поддержки во всѣхъ случаяхъ Скоморохова и Едовина. Послѣдніе, чувствуя послѣ отклоненія амнистіи и принятія энергичныхъ мѣръ къ сохраненію порядка въ связи съ уходомъ союзниковъ игру свою проигранной, выбыли изъ состава Правительства, если не ошибаюсь, въ концѣ октября, или, какъ они выражались въ своемъ заявленіи по этому поводу, «сложили свои полномочія», считая, что это должно было вызвать уходъ и другихъ членовъ, такъ какъ все Правительство было призвано къ власти земско-городскимъ совѣщаніемъ.

Однако, Правительство не раздѣлило такой точки зрѣнія, считая себя однимъ изъ органовъ Всероссійской власти, въ виду сохраненія преемственности съ таковой въ лицѣ своего Предсѣдателя Н. В. Чайковскаго, а потому полномочія свои не сложило, а Скоморохова и Едовина освободило отъ дальнѣйшаго участія въ составѣ Правительства.

Мотивируя свой уходъ, Скомороховъ заявилъ, что онъ считаетъ новый составъ Правительства болѣе контръ-революціоннымъ, чѣмъ до реконструкціи власти, но никакихъ данныхъ въ обоснованіе такого своего взгляда не привелъ, а лишь сослался на отклоненіе амнистіи. Однако, этотъ вопросъ потерялъ къ этому времени всякую свою остроту, ибо, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, всѣ осужденные за «большевизмъ» совѣтскіе дѣятели были выпущены Правительствомъ въ порядкѣ персональнаго помилованія, а въ заключеніи оставались только Бечинъ, Цейтлинъ и Клюевъ, не пожелавшіе подать требуемое отъ нихъ Правительствомъ заявленіе о томъ, что они «обязуются больше не выступать противъ Правительства Сѣверной Области и раскаиваются въ учиненныхъ ими преступныхъ дѣяніяхъ».

Непосредственное руководство внутренней политической дѣятельностью лежало на Управляющемъ Отдѣломъ Внутреннихъ Дѣлъ, въ рукахъ котораго находился весь административный аппаратъ, такъ какъ этотъ постъ былъ совмѣщенъ съ должностью Начальника Губерніи. На этомъ посту я засталъ В. И. Игнатьева, причемъ, еще до своего личнаго знакомства съ нимъ, мнѣ пришлось со всѣхъ сторонъ слышать, что онъ претендовалъ на руководящую роль въ правительствѣ и что претензіи его въ этомъ отношеніи иногда увѣнчивались успѣхомъ. Не было другого такого лица въ Архавгельскѣ, которое сумѣло бы всѣхъ такъ объединить въ чувствѣ недоброжелательства къ себѣ, какъ В. И. Игнатьевъ. Своей заносчивостью и олимпійскимъ величіемъ, столь негармонировавшими съ его прошлымъ политическаго ссыльнаго въ административномъ порядкѣ и настоящимъ — демократическаго дѣятеля, вышедшаго изъ рядовъ народно-соціалистической партіи, онъ отталкивалъ отъ себя не только рабочихъ, но и гораздо болѣе умѣренные демократическіе элементы въ лицѣ представителей земства и кооперацій; тѣ же качества выводили изъ себя его политическихъ противниковъ справа, считавшихъ его выскочкой, претендующимъ играть роль прежняго губернатора. Къ сожалѣнію, онъ самъ подавалъ поводъ къ подобнымъ обвиненіямъ, не только своей манерой держаться, но и нѣкоторыми своими поступками, какъ напримѣръ арестованіемъ зазѣвавшагося и не отдавшаго ему чести милиціонера, о чемъ имъ былъ отданъ официальный приказъ, окончательно подорвавшій его престижъ въ демократическихъ кругахъ. Мнѣ скажутъ, что это мелочь, но она характерна, а самое печальное это то, что въ его дѣятельности не было ничего крупнаго, что было бы достойно отмѣтить на страницахъ моихъ воспоминаній. Ни одного серьезнаго труда въ разнообразныхъ отрасляхъ ввѣреннаго ему управленія и лишь пышная, но дешевая революціонная фразеологія въ выступленіяхъ, столь не вяжущаяся при этомъ съ натянутымъ и напыщеннымъ видомъ снобирующаго бюрократа, и газетные фельетоны вмѣсто законопроектовъ. Появленіе его у власти было положительно загадкой, причемъ видимо онъ былъ въ этомъ отношеніи обязанъ болѣе всего своей личной энергіи, такъ какъ, по словамъ управлявшаго дѣлами Временнаго Правительства К. Г. Маймистова, Чайковскій не склоненъ былъ сначала привлекать его къ активной

дѣятельности, но онъ предъявилъ ему какіе то серьезные мандаты центральнаго комитета народно-соціалистической партіи и союза возрожденія Россіи, которые склонили Чайковскаго къ предоставленію ему поста Начальника Губерніи, а затѣмъ и Управляющаго отдѣломъ внутреннихъ дѣлъ.

В. И. Игнатьева замѣстилъ Городской Голова Архангельской Городской Думы И. В. Багриновскій, на котораго, въ связи съ его энергичной дѣятельностью въ области городского самоуправленія, возлагались большія надежды. Мнѣ самому приходилось быть свидѣтелемъ его общественныхъ выступленій, которыя рисовали его человѣкомъ искреннимъ, разумнымъ, толково разбирающимся въ окружающей сложной обстановкѣ. Такое же впечатлѣніе было и отъ его первыхъ шаговъ въ качествѣ руководителя внутренней политики, совпавшихъ съ тревожными днями созыва земско-городского совѣщанія и уходомъ союзниковъ, когда онъ твердо и увѣренно поддерживалъ въ Правительствѣ и проводилъ въ жизнь мѣропріятія, которыя дали намъ возможность выйти съ честью изъ выпавшаго тогда на насъ тяжкаго испытанія. Но тѣ, кто его хорошо зналъ, предсказывали, что его не на долго хватитъ для планомѣрной и систематической работы, такъ какъ основными чертами его характера являлись порывъ и настроеніе. Къ сожалѣнію эти предсказанія оправдались и онъ, несмотря на вступленіе наше въ полосу критическихъ событій, отдался своимъ личнымъ дѣламъ, которыя конечно не являются темой для нашего изслѣдованія.

Выдвинувшая его Городская Дума, какъ мы уже видѣли по дѣлу ея оправданнаго секретаря Антушевича, склонна была принимать самое активное участіе въ политической жизни края, не только тогда, когда члены ея привлекались къ этому въ порядкѣ созыва земско-городского совѣщанія, но и тогда, когда на повѣсткахъ ея стояли болѣе скромные вопросы городского хозяйства. Извѣстна свойственная намъ русскимъ черта брать на себя смѣлость переустройства всего міра на новыхъ основаніяхъ, когда мы часто не можемъ справиться съ лопнувшей водопроводной трубой. Давно отмѣчено также, что въ политикѣ не только внутренней, но даже международной, каждый невѣжда считаетъ себя компетентнымъ. Поэтому засѣданія Думы временами не носили твердаго, дѣлового характера и каждый поставленный на повѣстку вопросъ вызывалъ схватку праваго и соціалистическаго блоковъ. Послѣ ухода изъ Думы И. В. Багриновскаго, на выборахъ его замѣстителя, побѣдилъ правый блокъ и постъ Городского Головы занялъ крупный мѣстный торговецъ г. Александровъ. Это вызвало не только длительное противодѣйствіе со стороны соціалистическаго блока, но и оппозицію служащихъ Городской Управы, большая часть которыхъ принадлежала къ демократическимъ элементамъ. Однако, въ своихъ политическихъ выступленіяхъ Городская Дума, какъ въ періодъ Земско-Городского совѣщанія, такъ и въ послѣдній критическій моментъ существованія области была носительницей умѣренныхъ теченій политической мысли и до конца оказывала поддержку Правительству и высшему военному командованію.

Земство было въ рукахъ эсеровъ всѣхъ трехъ группъ (лѣвыхъ, правыхъ и центра) со Скомороховымъ въ качествѣ Предсѣдателя Губернской Земской Управы во главѣ. Правое оборонческое крыло его было незначительно, имѣя своимъ лидеромъ редактора «Возрожденія Сѣвера» А. Иванова. Душой, вдохновителемъ, вѣрнѣе полновластнымъ руководителемъ земства былъ Скомороховъ, авторитету котораго безпрекословно подчинялись представители

лѣвыхъ эсеровъ и центра. Отличительными чертами этой незаурядной фигуры являлись природный умъ и сильная воля, а принимая во вниманіе ту исключительную роль, которую онъ игралъ въ судьбахъ области, я позволю себѣ немного подробнѣе остановиться на характеристикѣ его личности. Мальчикомъ онъ былъ взятъ на побѣгушки въ магазинъ мѣстнаго крупнаго торговца Антонова, у котораго онъ потомъ сдѣлался отвѣтственнымъ приказчикомъ. Съ дѣтскаго возраста онъ весь свой досугъ посвящалъ самообразованію, усвоивъ самоучкой не только грамоту, но пройдя самостоятельно курсъ «гимназіи на дому». Однако, онъ не ограничился этимъ, и, прибѣгнувъ къ содѣйствію проживавшихъ въ Архангельскѣ политическихъ ссыльныхъ, подъ ихъ руководствомъ познакомился съ экономическими и соціальными науками, чѣмъ и опредѣлилось видимо его міровоззрѣніе и партійная принадлежность еще задолго до революціи. Упомянутый выше докторъ Борисъ Соколовъ отзывался о немъ, какъ о надежнѣйшемъ и преданнѣйшемъ членѣ эсеровской партіи, но если вѣрить въ искренность оборончества самого доктора Соколова, то онъ въ Скомороховѣ ошибся, считая его принадлежавшимъ къ правому эсеровскому крылу. Какъ большинство самоучекъ, Скомороховъ былъ самоувѣренъ, а усвоенныя имъ соціальныя доктрины носили для него непреложное значеніе символа вѣры. Все это вмѣстѣ съ конденсированной классовой злобой придавало его энергіи сатанинскій характеръ, когда онъ начиналъ кампанію противъ своихъ враговъ, причемъ нелегальная дѣятельность въ періодъ царскаго режима выработала въ немъ искусные навыки къ подпольной работѣ. Мы увидимъ ниже, какъ онъ послѣ ухода изъ Правительства организовалъ очередной натискъ на послѣднее и въ критическій моментъ нанесъ ударъ, который оказался роковымъ не только для Правительства, но и для самаго существованія области.

Съ дѣятельностью земства въ земельномъ вопросѣ мы познакомимся въ отдѣльной главѣ, а пока отмѣтимъ нѣкоторыя характерныя черты его хозяйственной дѣятельности.

Архангельское земство насчитывало только нѣсколько лѣтъ своего существованія, оно не имѣло ни опыта, ни традицій, ни средствъ, которыми располагали старыя земства сосѣднихъ Вологодской и Вятской губерній. Мы знаемъ какъ даже въ старыхъ земствахъ косная крестьянская масса тяготилась земскими повинностями въ связи съ расходами, которые вызывались открытіемъ школъ, больницъ и проведеніемъ и улучшеніемъ путей сообщенія. Можетъ быть, совѣтская система съ ея первоначальными лозунгами власти на мѣстахъ въ значительной степени и имѣла успѣхъ потому, что сельскіе совдепы использовали ее въ смыслѣ избавленія отъ всякихъ тяготъ не только земскихъ но и государственныхъ, въ силу чего Совѣтской власти при переходѣ къ государственной централизаціи приходится выколачивать сейчасъ налоги въ порядкѣ карательныхъ экспедицій. Поэтому понятно, какъ тяжело должно было чувствовать себя молодое Архангельское губернское земство, считаясь съ явной тенденціей волостныхъ земствъ избавиться отъ земскаго обложенія, особенно въ связи съ реквизиціями, квартирной и подводной повинностями и всякими другими поборами, вызываемыми военными дѣйствіями. Въ виду этого губернское земство существовало исключительно на правительственныя средства, представляя собой какъ бы избранный населеніемъ аппаратъ для осуществленія той отрасли государственной дѣятельности, которую Правительство не брало на себя, а возлагало на

законный органъ самоуправленія, не желая подъ предлогомъ отсутствія средствъ у послѣдняго узурпировать его права. Существуя на правительственныя средства, земство настолько неудовлетворительно вело свое хозяйство, что возникалъ даже вопросъ о правительственной ревизіи. Наряду съ неумѣніемъ и безтолковостью были допущены и прямыя злоупотребленія, что можно было усмотрѣть изъ разслѣдованія, произведеннаго по поводу поставки земствомъ недоброкачественной рыбы военному вѣдомству. Разслѣдованіе это какъ разъ совпало съ послѣднимъ натискомъ земскаго собранія на правительство и матеріалъ его послужилъ прекраснымъ оружіемъ въ рукахъ Главнокомандующаго для охлажденія пылкихъ демагоговъ, подвергшихъ безпощадной критикѣ правительственную политику. Очень жалко, что послѣдовавшее черезъ двѣ недѣли послѣ этого паденіе области помѣшало привлечь къ законной отвѣтственности тѣхъ господъ изъ земской среды, которые проливали крокодиловы слезы о «несчастныхъ солдатахъ, понуждаемыхъ офицерами къ безсмысленной братоубійственной бойнѣ», и одновременно поставляли недоброкачественную рыбу, употребленіе которой могло вывести изъ строя не одинъ десятокъ человѣкъ.

Отсутствіе разумной и добросовѣстной хозяйственной дѣятельности земство компенсировало политическими выступленіями съ обвиненіемъ Временнаго Правительства въ контръ-революціонности и посягательствѣ на народныя права, не имѣя при этомъ никакихъ конкретныхъ данныхъ для фактическаго обоснованія своихъ обвиненій. Если въ чемъ и можно было обвинить Правительство, такъ это въ томъ, что оно слишкомъ щепетильно относилось къ охраненію принциповъ земскаго самоуправленія и на безпочвенные нападки не отвѣтило ревизіей земскихъ учрежденій и передачей виновныхъ прокурорскому надзору. Правительство содержало на казенныя средства не только законную оппозицію, но, какъ мы увидимъ ниже, и прямыхъ предателей, съ которыми можно и должно было разговаривать только въ порядкѣ военно-полевого суда.

Принимая участіе въ земско-городскомъ совѣщаніи, земство усиливало въ немъ лѣвое крыло, давая явный перевѣсъ соціалистическимъ элементамъ, что обезпечивало Скоморохову предсѣдательское мѣсто и исключительное вліяніе на работу земско-городского совѣщанія. Съ дѣятельностью послѣдняго мы уже ознакомились при разсмотрѣніи вопроса о политической амнистіи, ничѣмъ болѣе реальнымъ эта работа не выразилась, что удостовѣрено было даже самимъ Земско-Городскимъ совѣщаніемъ въ проектѣ его конституціи, который принадлежалъ перу одного изъ его членовъ, молодому помощнику присяжнаго повѣреннаго, принадлежавшему къ соціалистическому блоку. Проектъ этотъ былъ одобренъ юридической секціей совѣщанія и предложенъ вниманію Правительства для проведенія его въ жизнь. Рѣдко мнѣ приходилось видѣть что нибудь болѣе безграмотное въ юридическомъ смыслѣ. Указывая на то, что земско-городское совѣщаніе обнаружило «дѣйственность» (?!) и жизнеспособность особенно въ поднятомъ по его иниціативѣ вопросѣ объ общей политической амнистіи, проектъ предлагалъ сохранить этотъ органъ какъ представительный для періодическаго его собранія на предметъ контроля правительственной дѣятельности. Не устанавливая фактической отвѣтственности Правительства передъ земско-городскимъ совѣщаніемъ и не конструируя этотъ органъ, въ смыслѣ его правъ, обязанностей и отвѣтственности его членовъ, на началахъ, положенныхъ въ

основаніе представительныхъ органовъ демократическихъ государствъ, проектъ устанавливалъ право, какъ самого земско-городского совѣщанія, такъ и дѣйствующихъ во время перерыва между сессіями комиссій, провѣрять и контролировать дѣятельность органовъ правительственной власти, не только въ центрѣ, но и на мѣстахъ, съ правомъ допуска и ознакомленія съ дѣлами всѣхъ правительственныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ, какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ, и устраненія замѣченныхъ злоупотребленій. Однимъ словомъ на ряду съ Временнымъ Правительствомъ долженъ былъ появиться совѣтъ временъ начала февральской революціи и мы, несмотря на жестокій опытъ большевизма, закончившійся благодаря такому двоевластію захватомъ власти совѣтами, возвращались авторами проекта къ тому, съ чего начали. Проектъ былъ переданъ на разсмотрѣніе консультаціи при Управляющемъ отдѣломъ юстиціи, которая подвергла его заслуженной жестокой критикѣ, послѣ чего онъ былъ отвергнутъ въ Правительствѣ всѣми голосами противъ Едовина и Скоморохова, который, между прочимъ, по поводу замѣчаній консультаціи на проектъ заявилъ, что «чиновники не желаютъ признавать народныхъ правъ и хотятъ править сами», — выводъ, продиктованный невѣжествомъ въ союзѣ съ классовой злобой.

Остается въ связи съ освѣщеніемъ нашей внутренней политической жизни сказать еще нѣсколько словъ о печати, этомъ могучемъ отразителѣ и двигателѣ политическихъ настроеній каждой, свободной демократической страны.

Въ Архангельскѣ выходили четыре газеты: «Сѣверное Утро», «Отечество», «Русскій Сѣверъ» и «Возрожденіе Сѣвера». «Сѣверное Утро», носило безпартійный характеръ, не представляя собою интереса въ смыслѣ отраженія тѣхъ или иныхъ господствовавшихъ на Сѣверѣ политическихъ теченій, но зато обладало наибольшимъ информаціоннымъ матеріаломъ, въ силу чего охотно читалось, какъ частной публикой, такъ и на фронтѣ. «Отечество» было органомъ праваго крыла праваго блока Гос. Думы, лидеромъ котораго былъ и редакторъ этой газеты Е. П. Семеновъ. Она имѣла скромный тиражъ и неохотно читалась на фронтѣ, въ виду непопулярности въ массахъ проводимыхъ ею политическихъ тенденцій, между тѣмъ иногда печатаемыя ею свѣдѣнія были очень интересны, такъ какъ Е. П. Семеновъ располагалъ большимъ информаціоннымъ матеріаломъ, особенно о дѣятельности Всероссійскаго Правительства адмирала Колчака.

Очень интересной и содержательной газетой былъ «Русскій Сѣверъ», издаваемый группой видныхъ мѣстныхъ кадетъ, но здѣсь иногда позволяли себѣ слишкомъ неумѣренные выпады противъ Правительства на почвѣ защиты эгоистической политики мѣстныхъ торгово-промышленныхъ круговъ, съ которыми газета была связана прочными узами.

Наибольшее распространеніе имѣла газета «Возрожденіе Сѣрева», что, впрочемъ, объясняется тѣмъ, что она была единственнымъ органомъ «соціалистической мысли», но надо отдать ей справедливость, что она располагала богатымъ матеріаломъ и статьи ея были весьма интересны по своему содержанію. Къ сожалѣнію, какъ я уже отмѣтилъ выше, она послѣ пріѣзда доктора Борисъ Соколова взяла рѣзкій оппозиціонный тонъ какъ къ Правительству адмирала Колчака, такъ и къ Правительству Сѣверной Области, а въ послѣдній критическій фазисъ нашего существованія, въ редакціи ея побѣдили крайніе элементы въ лицѣ всѣмъ памятнаго по Архангельску мистера Кентэна, подъ псевдонимомъ котораго скрывался нѣкій Долговъ,

подозрительный субъектъ, называвшій себя анархистомъ, который, между прочимъ, даже позволилъ себѣ какъ-то въ стихотворной формѣ восхвалять Ленина и Троцкаго.

Военная цензура, бывшая сначала въ рукахъ военной канцеляріи Генералъ-Губернатора, а съ упраздненіемъ этой канцеляріи перешедшая въ руки военно-цензурнаго отдѣленія Штаба Главнокомандующаго, носила болѣе чѣмъ снисходительный характеръ, строго держась лишь недопущенія въ печать свѣдѣній, которыя могли бы повредить намъ въ военномъ отношеніи.

Правительство имѣло свой собственный органъ «Правительственный Вѣстникъ Сѣверной Области», но литературная сторона его представляла мало интереса и онъ имѣлъ значеніе лишь какъ официозный освѣдомитель о распоряженіяхъ Правительства и различнаго рода административныхъ назначеніяхъ. Въ качествѣ правительственнаго органа освѣдомленія и агитаціи существовало Сѣверное бюро печати, или какъ его называли «Арбюръ» (Архангельское бюро), издававшее газету «За свободу Россіи»; въ составъ его входили лица, политическую физіономію которыхъ очень трудно было уловить. Въ періодъ успѣховъ на бѣлыхъ фронтахъ газета «За свободу Россіи» держалась боевого тона въ отношеніи большевиковъ, ярко проявляя патріотическія тенденціи. Но съ паденіемъ другихъ бѣлыхъ фронтовъ дѣятельность Арбюра начинаетъ принимать тревожный характеръ. Въ витринахъ его къ удивленію и возмущенію архангельской публики появлялись, то картины стройныхъ парадовъ красныхъ войскъ, принимаемыхъ Троцкимъ, то очередное агитаціонное воззваніе Ленина или Троцкаго, сопровождаемое наивной фразой: «Вотъ какъ они собираются завоевать міръ» или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ. Командующіе войсками раіоновъ, вызывавшіеся къ ген. Миллеру на совѣщаніе незадолго до ликвидаціи нашего фронта, указывали, что въ арміи, благодаря культурно-просвѣтительному отдѣленію Штаба, кое что дѣлается въ смыслѣ агитаціи и пропаганды, но тылъ совершенно заброшенъ и населеніе его поражаетъ своей полной неосвѣдомленностью о событіяхъ, которыя мы переживали, и цѣляхъ, которыя мы преслѣдовали въ борьбѣ съ большевиками. Очевидно, въ порядкѣ борьбы съ «неподходящимъ» для него правительствомъ бюро прибѣгло къ скрытой формѣ саботажа, причины котораго обнаружились въ критическій періодъ нашего существованія, когда Арбюръ вошелъ въ зону исключительнаго вліянія эсеровскихъ теченій, поддерживая самыя тѣсныя сношенія съ докторомъ Б. Соколовымъ, который въ дни катастрофы очутился въ составѣ послѣдняго Правительства какъ разъ въ качествѣ руководителя агитаціи и пропаганды.

Глава IV

Аграрный вопросъ. Рабочій вопросъ.

Аграрный вопросъ не носилъ въ Сѣверной Области характера остроты, такъ какъ помѣщичьихъ земель тамъ не было и лишь монастыри были крупными земельными собственниками. Распоряженіемъ Временнаго Правительства Сѣверной Области церковныя и монастырскія земли были конфискованы и обращены въ національный фондъ. Кромѣ постановленія о монастырскихъ земляхъ были опубликованы еще два закона: о расчисткахъ

и оброчныхъ статьяхъ. Расчистками назывались участки земли, предоставляемые издавна на Сѣверѣ на льготныхъ основаніяхъ тѣмъ, кто брался ихъ расчищать для заведенія на нихъ крестьянскаго хозяйства. Постановленіемъ Временнаго Правительства въ отношеніи оброчныхъ статей и расчистокъ устанавливался максимумъ владѣній на одного домохозяина въ 11 десятинъ. Лишь въ предѣлахъ этого максимума владѣльцу земли предоставлялась возможность спокойно пользоваться его участкомъ, если послѣдній эксплуатировался въ сельско-хозяйственныхъ цѣляхъ, такъ какъ, согласно общаго характера всѣхъ вышеназванныхъ трехъ земельныхъ законовъ, земля каждой волости находилась въ полномъ распоряженіи волостного земства, которое имѣло право поступать съ нею по своему усмотрѣнію. Такъ какъ въ каждой волости были свои порядки и воззрѣнія, а между волостями не было опредѣленныхъ границъ, то законы, базируясь на усмотрѣніи волостного земства, устанавливали полный хаосъ въ области земельныхъ отношеній, создавая массовые споры между волостями о компетенціи той или иной волости рѣшать спорное дѣло. При спорѣ крестьянъ разныхъ волостей между собой выигрывалъ тяжбу обыкновенно тотъ, волость котораго принимала участіе въ разрѣшеніи спора. При столкновеніи интересовъ отдѣльнаго владѣльца съ волостью, которая по закону была не только судьей, но и хозяиномъ земель, поступившихъ въ волостной фондъ, конечно процессъ всегда выигрывала волость, которая была заинтересована въ томъ, чтобы отобрать лишній кусокъ земли и хозяйничать надъ нимъ. Путаницу усугубляло еще и то обстоятельство, что съ формальной стороны постановленія волостной земской управы подлежали обжалованію административнаго суда, а по существу — волостного земскаго собранія, которое было въ этомъ отношеніи послѣдней и окончательной инстанціей, что тоже часто вызывало острые конфликты между судебными учрежденіями и земствомъ.

Въ законѣ о расчисткахъ ясно была видна тенденція сохранить землю за захватчиками ея въ порядкѣ развитія революціоннаго процесса, а не за тѣми, кто дѣйствительно въ свое время потратилъ колоссальный трудъ на ея расчистку. Постоянныя недоразумѣнія порождались также между новыми владѣльцами монастырской земли и бывшими арендаторами ея у монастырей.

Безъ всякихъ поясненій понятно, вліяніе какихъ партійныхъ теченій отразилось на всѣхъ этихъ земельныхъ законахъ, красной нитью черезъ которые проходитъ искорененіе въ области землевладѣнія собственническаго начала.

Законы эти прошли во Временномъ Правительствѣ подъ сильнымъ личнымъ давленіемъ Чайковскаго, за нѣсколько дней до его отъѣзда за-границу.

Однако и въ этомъ своемъ видѣ они не удовлетворяли губернское земство во главѣ со Скомороховымъ, которое особенно настойчиво, сначала въ видѣ ходатайствъ, а потомъ и прямыхъ требованій, настаивало передъ Правительствомъ на отмѣнѣ ограниченія, установленнаго въ отношеніи спокойнаго пользованія владѣльцемъ землей въ предѣлахъ законнаго максимума въ одиннадцать десятинъ и на предоставленіи волостнымъ земствамъ права отбирать земельные участки у владѣльцевъ, не считаясь ни съ нормой, ни съ характеромъ владѣнія. Такъ какъ ограниченіе это продолжало сохранять свою силу, то земство попыталось отмѣнить его своей инструкціей, которую оно должно было составить въ силу закона. Инструкція

эта подвергалась критикѣ консультаціи при управляющемъ отдѣломъ юстиціи, послѣ чего земство пошло уже походомъ на Временное Правительство, которое однако тянуло съ разрѣшеніемъ этого вопроса и своего рѣшительнаго слова по нему не сказало.

Между прочимъ, въ нашу крестьянскую среду проникли свѣдѣнія о томъ, что въ Сибири къ разрѣшенію аграрнаго вопроса подошли болѣе осторожно, съ бережнымъ отношеніемъ къ принципу частной земельной собственности, что имѣло у насъ своимъ послѣдствіемъ столкновеніе въ крестьянской средѣ, часть которой привѣтствовала сибирскіе законы и указывала на необходимость примѣненія ихъ у насъ, а часть рѣзко протестовала противъ нихъ, причемъ не обошлось даже безъ эксцессовъ, одинъ изъ которыхъ въ порядкѣ предварительнаго слѣдствія дошелъ и до меня. По этому поводу я имѣлъ случай побесѣдовать о мѣстныхъ земельныхъ законахъ съ Управляющимъ Отдѣломъ внутреннихъ дѣлъ, В. И. Игнатьевымъ, который приложилъ къ нимъ періодъ ихъ созданія свою руку и руководилъ проведеніемъ ихъ въ жизнь. На мои сѣтованія, что они страдаютъ неопредѣленностью и что главный ихъ недостатокъ состоитъ въ томъ, что Правительство въ стадіи ихъ фактическаго осуществленія отстранилось отъ руководства, предоставивъ собственно говоря все земству, онъ, не мало не смущаясь, заявилъ мнѣ, что въ неопредѣленности содержанія этихъ законовъ и заключается главное достоинство, такъ какъ она придаетъ имъ ту гибкость и эластичность, которая въ зависимости отъ послѣдующаго разрѣшенія аграрнаго вопроса во всероссійскомъ масштабѣ дастъ возможность сдѣлать изъ нихъ выводъ или въ сторону укрѣпленія собственности, или въ развитіе идеи соціализаціи земли.

Рабочій вопросъ тоже не могъ имѣть въ Сѣверной Области особой остроты уже по одному тому, что количество рабочихъ по сравненію съ остальной массой было ничтожно, такъ какъ даже въ Архангельскѣ при пятидесятитысячномъ населеніи ихъ насчитывалось немного болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, да и въ смыслѣ матеріальнаго благополучія они стояли много выше средней обывательской среды, такъ какъ оклады ихъ превышали таковые же мелкихъ служащихъ, какъ частныхъ, такъ и правительственныхъ учрежденій.

Англійское командованіе, имѣя дѣло съ нашими рабочими судоремонтнаго завода и портовыми, выпустило для ихъ вразумленія сравнительную шкалу заработка англійскихъ и нашихъ рабочихъ со справкой о цѣнахъ на предметы первой необходимости, причемъ оказалось, что наши рабочіе совершенно не были обижены въ расцѣнкѣ своего труда, что объяснялось отчасти тѣмъ, что рубль нашъ, утративъ цѣнность на внѣшнемъ рынкѣ, сохранилъ довольно высокую покупательную стоимость на внутреннемъ и цѣны не только на нормированные продукты, но даже и на ненормированные, какъ напримѣръ рыбу, составлявшую основной продуктъ питанія сѣверянъ, были въ области не высоки.

Дѣло Бечина показало, что никакихъ поводовъ матеріальнаго характера къ выступленію рабочихъ противъ Правительства не было и что оно преслѣдовало исключительно политическія цѣли, благодаря тому, что рабочая среда была лишена разумнаго идейнаго руководительства и чувствовала себя совершенно заброшенной демократическимъ Правительствомъ, игнорировавшимъ, какъ духовные запросы рабочихъ, такъ и дѣятельность ихъ

профессіональныхъ союзовъ. Доложивъ объ этомъ Главнокомандующему послѣ процесса, я высказалъ соображеніе, что военный судъ является слишкомъ суровой школой государственности и что необходимо принять какія нибудь другія мѣры. Въ это время рабочій вопросъ входилъ въ компетенцію управляющаго отдѣломъ торговли и промышленности Мефодіева, а въ качествѣ охранителя общественныхъ и государственныхъ интересовъ къ нему имѣлъ касательство В. И. Игнатьевъ. Ни тотъ, ни другой ничего для разрѣшенія его не сдѣлали, хотя Игнатьевъ сначала горячо взялся за дѣло и рѣшилъ издать законъ объ организаціи труда. Кому онъ поручилъ составленіе его — неизвѣстно, но только вмѣсто закона вышелъ фельетонъ обо всемъ вообще, что касается труда, вслѣдствіи чего этотъ законопроектъ и не былъ принятъ Правительствомъ.

При реконструкціи Правительства въ августѣ, въ связи съ созывомъ земско-городского совѣщанія, Правительство рѣшило принять мѣры къ урегулированію рабочаго вопроса и, въ связи съ этимъ, имъ былъ учрежденъ отдѣлъ труда, который былъ врученъ вошедшему въ составъ Правительства директору судоремонтнаго завода инженеру Цапенко, чрезвычайно любимому рабочими и пользовавшемуся въ ихъ средѣ большой популярностью. По полученіи изъ Сибири, приблизительно въ октябрѣ мѣсяцѣ, законоположеній объ организаціи и охранѣ труда, инженеръ Цапенко занялся разработкой примѣненія этихъ законовъ къ архангельскимъ условіямъ, результатомъ чего явился къ новому году довольно объемистый и серьезный трудъ, который однако Временное Правительство не успѣло разсмотрѣть, такъ какъ слишкомъ много было другихъ горячихъ и животрепещущихъ вопросовъ на повѣсткахъ Правительства послѣдніе два мѣсяца его существованія.

Глава V

Финансы, торговля и промышленность

Сѣверная Область, какъ это уже было отмѣчено въ одной изъ предыдущихъ главъ, вмѣщалась въ предѣлы прежней Архангельской губерніи, которая хотя и обладала значительными природными богатствами въ видѣ лѣса, рыбы и пушнины, но зато не имѣла въ достаточномъ количествѣ своего хлѣба, принадлежа въ этомъ отношеніи къ числу не производительныхъ, а потребительныхъ губерній. Конечно, разумное использованіе лѣсныхъ богатствъ и рыбныхъ промысловъ давало бы возможность области свести концы съ концами въ порядкѣ обмѣна этихъ цѣнностей на хлѣбъ, но нельзя забывать, что мы находились въ состояніи войны, для которой, какъ извѣстно, нужны три вещи: деньги, деньги и еще разъ деньги. Вполнѣ понятно, что область не въ состояніи была на свои скромныя средства вести вооруженную борьбу, которая конечно требовала колоссальныхъ затратъ. Ясно, что въ этомъ отношеніи нельзя было обойтись безъ посторонней помощи, которую несомнѣнно не въ силахъ было оказать Омское Правительство, а поэтому она всецѣло пала на союзниковъ, вѣрнѣе на англичанъ. Мнѣ не извѣстенъ точно порядокъ расчета съ ними за предоставленное ими въ большомъ количествѣ вооруженіе, снаряженіе, обмундированіе и продовольствіе для арміи, очевидно тутъ сыграли нѣкоторую роль довольно крупныя

средства, имѣвшіяся заграницей у нашихъ дипломатическихъ представителей для расчета за военные заказы въ связи съ національной войной, но помощь была оказана не только въ военной, но и въ чисто финансовой области, путемъ выпуска сѣверныхъ кредитокъ, обезпеченныхъ Англійскимъ банкомъ.

Когда я пріѣхалъ въ область, я засталъ въ обращеніи самые разнообразные денежные знаки. Наибольшею цѣнностью обладали сѣверныя деньги, выпущенныя англичанами и получаемыя изъ Англіи, гдѣ онѣ печатались. Онѣ считались по офиціальному курсу вдвое дороже всѣхъ другихъ знаковъ, а такъ какъ фунтъ стерлинговъ расцѣнивался въ сорокъ рублей сѣверныхъ, то и курсъ обыкновеннаго рубля стоялъ на Сѣверѣ довольно высоко. Этого курса Правительство придерживалось и въ дальнѣйшемъ, уже послѣ изъятія изъ обращенія сѣверныхъ денегъ, что конечно не соотвѣтствовало дѣйствительному положенію вещей, ибо стоимость нашего рубля все падала.

Вскорѣ послѣ моего прибытія, Правительство отдало распоряженіе о перфораціи (штемпелеваніи) царскихъ, думскихъ и керенокъ, объявивъ извѣстный срокъ, въ теченіе котораго онѣ должны были быть представлены для перфораціи, послѣ истеченія котораго непроштемпелеванные денежные знаки перечисленныхъ категорій подлежали изъятію изъ обращенія. Насколько мнѣ удалось выяснить, мѣра эта была принята подъ вліяніемъ полученныхъ изъ Омска распоряженій, гдѣ были проведены еще болѣе энергичныя мѣропріятія къ аннулированію керенокъ, что вызвало страшное неудовольствіе сибирскаго крестьянства и, какъ потомъ это оповѣщалось большевиками, послужило однимъ изъ поводовъ паденія адмирала Колчака. У насъ штемпелеваніе имѣло главной цѣлью прекратить наплывъ этихъ денегъ изъ-за границы и совдепіи, а также установить количество обращаемыхъ въ области денежныхъ знаковъ, для выясненія нужды въ таковыхъ населенія области и въ связи съ эмиссіоннымъ правомъ Областного банка.

Я уже указывалъ выше, описывая возстаніе на Пинегѣ, какое неудовольствіе вызвала эта мѣра въ крестьянскомъ населеніи и какъ ее въ своихъ интересахъ использовали большевики. Нетрудно понять причины этого неудовольствія, особенно въ прифронтовой полосѣ, гдѣ населеніе переходило то къ краснымъ, то къ бѣлымъ и гдѣ оно, слѣдовательно, нуждалось въ денежныхъ знакахъ, имѣвшихъ значеніе для обѣихъ сторонъ, а ему какъ разъ «портили» самыя цѣнныя съ его точки зрѣнія деньги. Но и въ Архангельскѣ эту мѣру встрѣтили съ большимъ возмущеніемъ, тѣмъ болѣе что выполненіе штемпелевки было поставлено безобразно, такъ какъ она проводилась въ кратчайшій срокъ и вызвала скопленіе публики, которая, простаивая часами въ хвостахъ, подвергала принятую Правительствомъ мѣру самой озлобленной критикѣ. Правда, вскорѣ обыватель нашелъ довольно простой выходъ изъ положенія. Такъ какъ способъ штемпелевки былъ очень простой и состоялъ въ пробитіи маленькихъ отверстій съ изображеніемъ очереднаго номера штемпеля, то приступили къ перфораціи домашнимъ способомъ при посредствѣ шпилекъ и булавокъ, при чемъ «перфорированныя» такимъ образомъ деньги, даже при самой грубой поддѣлкѣ, имѣли свободное обращеніе. Однако большинство населенія совершенно уклонилось отъ штемпелеванія особенно крупныхъ кредитныхъ билетовъ, такъ какъ нештемпелеванные стали приниматься охотнѣе и даже ихъ расцѣнивали дороже въ сравненіи со штемпелеванными равнаго съ ними достоинства. Чтобы

покончить съ неудачными мѣропріятіями Правительства въ этой области, необходимо еще отмѣтить то неудовольствіе, которое вызывало въ населеніи отсутствіе мелкихъ денежныхъ знаковъ, изъ-за чего происходили постоянныя пререканія въ трамваяхъ и магазинахъ, которые чтобы исправить это неудобство завели особыя чековыя книжки. Съ вопросомъ этимъ такъ тянули, что машины для напечатанія этихъ денежныхъ знаковъ прибыли изъ-за границы незадолго до паденія области.

Согласно имѣвшимся въ моихъ рукахъ свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ торгово-промышленныхъ круговъ, торговля при союзникахъ находилась почти вся въ ихъ рукахъ, такъ какъ они были распорядителями морского транспорта и лишь 16% вывозимаго груза приходилось на нашу долю. Подъ прикрытіемъ военнаго мундира въ Архангельскѣ появились многочисленные представители англійскаго торговаго міра, вродѣ селедочнаго короля П—ра, снабдившаго насъ между прочимъ весьма недоброкачественными норвежскими сельдями стараго засола.

Для урегулированія валютнаго вопроса Правительство потребовало отъ экспортеровъ выдачи подписокъ о сдачѣ областному банку вырученной отъ продажи лѣса и другихъ товаровъ валюты, безъ чего не выдавало разрѣшительныхъ свидѣтельствъ на вывозъ. Союзники съ своей стороны не склонны были считаться съ этими правилами и разрѣшали вывозъ товаровъ по выдаваемымъ ими такъ-называемымъ компенсаціоннымъ свидѣтельствамъ. обезпечивавшимъ экспортерамъ оставленіе въ ихъ рукахъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи товаровъ заграницу.

Такъ работали въ этой области англичане, но отъ нихъ не отставали и французы, которые подошли къ этому вопросу немного иначе. Въ Архангельскѣ появился громадный французскій пароходъ «Торъ», нагруженный исключительно предметами роскоши: виномъ, парфюмеріей, сладостями и принадлежностями дамскаго туалета, причемъ всѣ эти товары продавались только на сѣверныя деньги. Такимъ образомъ выкачиваніе валюты пошло путемъ импорта, причемъ когда была сдѣлана попытка запротестовать, то ловкіе друзья сослались на Н. В. Чайковскаго, котораго имъ дѣйствительно удалось убѣдить въ Парижѣ оказать содѣйствіе къ проведенію этой гибельной для нашего финансоваго благополучія операціи. Но мало этого, у валюты появился еще болѣе грозный «внутренній» врагъ въ лицѣ Управляющаго Областнымъ банкомъ г. Б. Послѣдній располагалъ правомъ, при расплатахъ съ частными банками и фирмами, часть суммы выдавать сѣверными, а часть другими денежными знаками. Онъ использовалъ это свое право въ интересахъ одного банка, съ которымъ былъ связанъ близкими отношеніями, путемъ расплаты съ послѣднимъ сѣверными деньгами, причемъ таковая производилась обыкновенно наканунѣ поднятія курса этихъ денегъ, такъ что мало того, что тратилась валюта, но Правительство еще теряло и на курсѣ.

Всѣ указанные выше промахи и недочеты объяснялись въ значительной степени тѣмъ, что финансы находились въ рукахъ слишкомъ довѣрчиваго и мало компетентнаго въ этомъ вопросѣ П. Ю. Зубова, а торговля и промышленность были ввѣрены доктору Мефодіеву, который по своей медицинской спеціальности врядъ ли былъ на высотѣ пониманія врученнаго его руководству дѣла.

Съ созывомъ земско-городского совѣщанія и образованіемъ новаго состава Правительства, Мефодіевъ и г. Б. покинули свои посты. Управляющимъ Областнымъ банкомъ былъ назначенъ г. Р., а соединенные въ одинъ отдѣлъ финансы, торговля и промышленность были вручены инженеру К., одному изъ директоровъ Коломенскихъ заводовъ.

Первые шаги его дѣятельности были ознаменованы крайне рѣзкимъ выступленіемъ въ отношеніи представителей торгово-промышленнаго класса, которыхъ онъ вызвалъ къ себѣ для переговоровъ въ связи съ испытываемыми областью финансовыми затрудненіями, потребовавъ отъ нихъ выполненія принятыхъ ими на себя обязательствъ по сдачѣ валюты. Предполагаю, что это послужило однимъ изъ главныхъ поводовъ для открытія противъ него кампаніи, которая приняла въ концѣ концовъ ожесточенный характеръ. Переговоры во всякомъ случаѣ не привели ни къ какимъ реальнымъ результатамъ, а между тѣмъ область испытывала въ означенный періодъ крайнюю нужду въ платежныхъ средствахъ за-границей.

Въ виду этого, я былъ вызванъ къ Главнокомандующему, гдѣ на совмѣстномъ совѣщаніи съ инженеромъ К. было рѣшено принять исключительныя мѣры для побужденія внесенія валюты тѣми лицами, которыя нарушили свой долгъ и не выполнили принятыхъ передъ Правительствомъ обязательствъ. Въ результатѣ этого былъ изданъ 29 Октября приказъ Главнокомандующаго слѣдующаго содержанія:

«Для борьбы съ врагомъ армія и флотъ нуждаются въ хлѣбѣ, фуражѣ и углѣ, которые можно пріобрѣсти главнымъ образомъ за-границей за счетъ иностранной валюты. Безъ этой валюты Сѣверная Область лишена возможности удовлетворять эти жизненныя потребности своихъ вооруженныхъ силъ, а потому полученіе ея Правительствомъ составляетъ насущную и неотложную потребность для облегченія возможности продолженія вооруженной борьбы. Въ цѣляхъ успѣха веденія войны считаю необходимымъ въ порядкѣ исключительныхъ правъ, предоставленныхъ мнѣ, какъ Главнокомандующему, принять нижеслѣдующія мѣры:

1) Лица, обязавшіяся подпиской о сдачѣ иностранной валюты Сѣверному Областному банку по вывознымъ разрѣшеніямъ и не сдавшія таковой по требованію Отдѣла финансовъ въ назначенный этимъ отдѣломъ срокъ, подвергаются: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы срокомъ отъ 4 до 6 лѣтъ и, сверхъ того, отобранію всего принадлежащаго имущества въ казну.

Основаніе: ст. 12 Правилъ о мѣстностяхъ, объявляемыхъ состоящими на военномъ положеніи.

2) На основаніи второго пункта ст. 19 тѣхъ же Правилъ дѣла объ упомянутыхъ выше преступленіяхъ изъемлю изъ общей гражданской подсудности съ передачей ихъ на разсмотрѣніе военнаго суда».

Приказъ этотъ имѣлъ самые благопріятные матеріальные результаты, ибо, какъ и слѣдовало ожидать, всѣ прикосновенныя къ нему лица, находившіяся въ Архангельскѣ, рѣшили, что съ военнымъ командованіемъ шутки плохи и немедленно внесли въ распоряженіе Областного банка ту валюту, которую они, въ нарушеніе выданныхъ ими обязательствъ, не представляли до сихъ поръ.

Конечно, такое мѣропріятіе, нарушающее нормальныя гражданско-правовыя отношенія Правительства и частныхъ лицъ, могло быть предпринято

только въ порядкѣ исключительныхъ обстоятельствъ и подлежало самому ограничительному толкованію. Между тѣмъ г. К. была обнаружена тенденція дать ему распространительное примѣненіе направленіемъ военно-прокурорскому надзору дѣлъ, которыя ни съ какой стороны подъ этотъ приказъ не подходили. Возвращеніе ему ихъ обратно побудило его обратиться ко мнѣ съ укоромъ, что я лишаю этимъ область продовольствія, которое не можетъ быть пріобрѣтено безъ валюты, на что я отвѣтилъ ему, что военная прокуратура не является нормальнымъ органомъ снабженія и что я сомнѣваюсь, чтобы его финансовыя мѣропріятія могли имѣть успѣхъ, если онъ ихъ собирается проводить черезъ прокурорскій надзоръ.

Отношенія г. К. съ торгово-промышленными кругами обострялись все больше и больше и, наконецъ, дошли до своего кульминаціоннаго пункта послѣ того, какъ послѣднимъ стала извѣстна составленная Управляющимъ Областнымъ банкомъ г. Р. записка объ организаціи импорта и экспорта. Записка эта дѣйствительно носила чрезвычайно поверхностный характеръ, создавая какой-то непонятный органъ изъ представителей отдѣла финансовъ, торгово-промышленнаго класса и общественности, который долженъ былъ взять въ свои руки всю заграничную торговлю. Но кромѣ того, эта записка была совершенно недопустима по своему тону, своими рѣзкими выпадами противъ торгово-промышленнаго класса, которому во всероссійскомъ масштабѣ приписывались всѣ наши бѣдствія, будто бы имѣвшія своимъ источникомъ его корыстолюбіе и нежеланіе поступиться своими интересами для общаго блага. Не говоря уже о томъ, что такое огульное и необоснованное обвиненіе одного класса представлялось совершенно несправедливымъ, такъ какъ вина за нашу разруху несомнѣнно была общая, это обвиненіе было особенно неосторожно, такъ какъ исходило отъ одного изъ отвѣтственныхъ дѣятелей финансовой политики Правительства, обязаннаго къ особой сдержанности по своему служебному положенію.

Нельзя было не согласиться съ представителями торговли и промышленности, что проектъ этотъ носилъ на себѣ отпечатокъ большевизма, ничѣмъ не отличаясь отъ большевистскаго декрета о націонализаціи внѣшней торговли и названіе «совнархозъ», мѣтко брошенное кѣмъ-то, болѣе всего подходило къ проектированному органу. Недаромъ проектъ этотъ имѣлъ такой успѣхъ среди нашихъ крайнихъ лѣвыхъ элементовъ, что, какъ оказывается, имѣлъ въ виду и самъ авторъ его, уже крѣпко къ этому времени связавшій съ ними свою судьбу черезъ Арбюръ.

Торгово-промышленные круги выступили въ отвѣтъ на проектъ г. Р. съ подробной критикой, изложенной въ представленной Главнокомандующему и Правительству особой запискѣ, любезно врученной мнѣ однимъ изъ представителей торгово-промышленнаго класса. Записка эта указывала на всѣ отмѣченные мною выше промахи, допущенные самимъ Правительствомъ при разрѣшеніи валютнаго вопроса, и, съ приложеніемъ діаграмъ и цифровыхъ данныхъ, доказывала, что при установленномъ низкомъ курсѣ на контръ-валюту никакая торговая дѣятельность невозможна, такъ какъ никто себѣ въ убытокъ торговать не станетъ. Поэтому Правительству предлагалось установить болѣе нормальный и соотвѣтствующій рыночнымъ цѣнамъ курсъ на валюту и не требовать по окончаніи торговой операціи сдачи вырученной суммы цѣликомъ, оставляя часть ея владѣльцу въ качествѣ фонда для послѣдующихъ операцій и для поощренія его для дальнѣйшихъ предпріятій.

Дѣятельность гг. К. и Р. подверглась самой безпощадной критикѣ съ указаніемъ, что они дискредитировали себя экзекутированіемъ банковскихъ счетовъ старыхъ кліентовъ, подрывая этимъ всякое довѣріе къ кредитнымъ учрежденіямъ и вызывая параличъ въ торговой дѣятельности. Одновременно въ запискѣ указывалось на несправедливыя льготы, оказываемыя коопераціи, которой почему-то была возвращена Правительствомъ валюта, представленная ею по разрѣшительному вывозному свидѣтельству, при чемъ выражалось пожеланіе, чтобы въ будущемъ эта несправедливость была устранена и торговля частныхъ фирмъ и кооперацій была поставлена въ одинаковыя условія свободы и конкуренціи, чѣмъ лучше всего будутъ обезпечены интересы какъ широкихъ круговъ населенія, такъ и государства, что видно по опыту всѣхъ культурныхъ европейскихъ странъ, гдѣ Правительства, ища выхода изъ труднаго экономическаго положенія, стараются въ равной степени использовать какъ общественно-кооперативныя организаціи, такъ и частную предпріимчивость.

Одновременно Правительство подверглось отповѣди и со стороны кооперативныхъ организацій въ лицѣ представителя «Центросоюза» г. С., поводомъ къ чему послужило рѣзкое выступленіе Управляющаго Отдѣломъ Финансовъ Торговли и Промышленности г. К. на совѣщаніи изъ представителей Правительства, торгово-промышленнаго класса и кооперацій, на которомъ онъ позволилъ себѣ упрекнуть публично мѣстную кооперацію въ своекорыстной дѣятельности и въ полученіи за свое посредничество ростовщическихъ процентовъ. Представитель цевтросоюза представилъ Главнокомандующему особую докладную записку, въ которой просилъ указать ему порядокъ привлеченія за клевету члена Временнаго Правительства г. К., а затѣмъ подробно обрисовалъ всю дѣятельность кооперативныхъ организацій на Сѣверѣ, направленную, согласно запискѣ, на снабженіе области дешевыми продуктами и предметами первой необходимости.

Я не берусь быть судьей того, кто былъ правъ въ возникшемъ тогда столкновеніи между представителями Правительства съ одной стороны, и торгово-промышленными кругами и кооперативами, съ другой. Изъ бесѣдъ съ Предсѣдателемъ Правительства П. Ю. Зубовымъ я вынесъ впечатлѣніе, что Правительство въ вопросахъ финансовой и торговой политики держится взглядовъ, которые положены сейчасъ въ основу дѣятельности правящихъ круговъ почти всѣхъ странъ, испытавшихъ на себѣ послѣдствія міровой войны и которые сводятся къ урегулированію ввоза, съ устраненіемъ изъ него такъ-называемыхъ предметовъ роскоши и къ всемѣрному поощренію производства и вывоза, но съ сосредоточеніемъ въ рукахъ Правительства экспортной валюты, для поддержанія падающаго курса денегъ и уменьшенія или хотя бы задержанія вздорожанія жизни на предметы и продукты первой необходимости.

Цѣны на послѣдніе, которыя мнѣ удалось сохранить въ своей памяти, могутъ отчасти служить иллюстраціей того, что Правительство въ значительной степени достигло указанной цѣли. Населеніе получало ежедневно по фунту бѣлаго хлѣба, стоившаго 55 коп. фунтъ. Рыба въ изобиліи предлагалась на рынкѣ и въ кооперативахъ отъ 2 р. 50 к. (треска) до 4 рублей (камбала, навага и др.) за фунтъ. Мясо было труднѣе достать, но и оно стоило всего отъ 8 до 9 р. фунтъ. Дороже было масло — 40 р. фунтъ и молоко — 10—12 р. бутылка. Конечно я беру архангельскія

цѣны самаго послѣдняго времени, которыя были много выше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ напримѣръ въ Селецкомъ раіонѣ бутылка молока стоила отъ 80 коп .до 1 рубля. Въ офицерскомъ собраніи обѣдъ до послѣдняго времени стоилъ 6 рублей, трамвай въ зависимости отъ перегона отъ 1 до 3 рублей, газета 1 рубль за номеръ. Мнѣ неизвѣстно, что произошло съ цѣнами на продукты при появленіи въ Архангельскѣ большевиковъ, я только знаю точно, что стоившій при насъ 300 рублей англійскій франчъ сразу же послѣ возстановленія рабоче-крестьянской власти сталъ расцѣниваться отъ 15 до 20 тысячъ рублей, а затѣмъ цѣна на него поднялась до 80 тысячъ рублей.

Возвращаясь къ описанію упомянутыхъ выше разногласій, считаю необходимымъ отмѣтить, что они совпали съ критическимъ моментомъ нашего существованія, когда всѣ остальные фронты уже пошатнулись и требовалось особое единеніе и сплоченіе всѣхъ антибольшевистскихъ элементовъ, между тѣмъ оппозиція держалась непримиримаго тона, способствуя этимъ приближенію правительственнаго кризиса, который былъ совсѣмъ не по времени.

Особенно жалко было Главнокомандующаго, котораго засыпали въ это время записками со всѣхъ сторонъ съ обвиненіями другъ друга, причемъ онъ конечно врядъ ли былъ въ состояніи разобраться, кто былъ правъ и кто виноватъ, и его лишь пугала мысль, что въ результатѣ этихъ препирательствъ область останется безъ всякихъ средствъ.

Эти раздоры больше всего были на руку крайнимъ оппозиціоннымъ элементамъ и въ частности ихъ лидеру Скоморохову, который очень ловко использовалъ въ своихъ интересахъ создавшееся противъ Правительства настроеніе. Притворившись сочувствующимъ г. К., онъ всячески поощрялъ натискъ послѣдняго на кооперативы, жалуясь, что тѣ при заключеніи контрактовъ съ земствомъ стараются содрать съ него ростовщическіе проценты, а одновременно съ этимъ собирая у себя совѣщаніе представителей всѣхъ демократическихъ теченій въ томъ числѣ и руководителей кооперативныхъ организацій и указывая на всю недопустимость и нелѣпость финансовой политики Правительства и на притѣсненія, которыя оно чинитъ такимъ демократическимъ организаціямъ, какъ кооперативы, несмотря на всю ихъ аполитичность, — призывалъ всѣхъ къ сплоченію и борьбѣ съ Правительствомъ, предлагая даже въ этомъ отношеніи использовать и недовольство торгово-промышленныхъ круговъ.

Подъ его руководствомъ, незамѣтно, съ экономическихъ вопросовъ переходили на политическіе и въ нужный моментъ онъ ловко выдвигалъ новый лейтъ-мотивъ: «Нужно мириться, такъ какъ генералы на всѣхъ фронтахъ загубили революцію», послѣ чего упорно подчеркивалась мысль, что даже большевики лучше, и если съ ними во время заключить миръ, то и переходъ власти къ нимъ совершится безболѣзненно, безъ всякихъ репрессій съ ихъ стороны. Самое ужасное, что на этихъ засѣданіяхъ присутствовали солдаты, принадлежавшіе къ партійнымъ эсерамъ, черезъ которыхъ эти предательско-соглашательскія тенденціи дѣлались достояніемъ остальной солдатской массы.

Глава VI

Гражданская и военная юстиція

Правильно организованная юстиція составляетъ основу государственнаго порядка, поэтому возстановленіе судебнаго аппарата было одной изъ первыхъ задачъ, сразу же послѣ изгнанія большевиковъ изъ области. Въ отношеніи гражданскаго вѣдомства это было сравнительно нетрудно сдѣлать, такъ какъ, немедленно съ возстановленіемъ государственнаго порядка, мировые суды и Архангельскій Окружный судъ открыли свою дѣятельность и наличный составъ ихъ служащихъ приступилъ къ прерванной большевиками работѣ. Однако, передъ гражданской юстиціей возникли новыя задачи въ связи съ самостоятельнымъ существованіемъ области, что вызвало появленіе въ составѣ Правительства Управляющаго Отдѣломъ Юстиціи, при которомъ впослѣдствіи была организована консультація, игравшая роль маленькаго сената въ смыслѣ окончательнаго редактированія и согласованія законопроектовъ передъ внесеніемъ ихъ во Временное Правительство, послѣ утвержденія имъ они воспринимали силу законовъ и печатались въ Правительственномъ Вѣстникѣ, а также въ Собраніяхъ узаконеній и распоряженій Временнаго Правительства Сѣверной Области.

Въ консультаціи кромѣ предсѣдателя ея — Управляющаго Отдѣломъ Юстиціи, принимали участіе: Предсѣдатель Кассаціоннаго Присутствія Сѣвернаго фронта, Прокуроръ Архангельскаго Окружнаго суда, представители гражданскаго и уголовнаго отдѣленій этого суда и представители адвокатуры. Консультація, какъ я уже отмѣтилъ выше играла видную роль въ приданіи правительственнымъ узаконеніямъ надлежащей формы и яснаго содержанія, что обезпечивалось составомъ ея участниковъ изъ лучшихъ и образованнѣйшихъ юристовъ области.

Для ликвидаціи послѣдствій большевистскаго режима была учреждена Особая Слѣдственная Комиссія изъ чиновъ гражданской магистратуры и прокуратуры при участіи представителя военнаго вѣдомства. Она пользовалась исключительными правами въ смыслѣ привлеченія всѣхъ лицъ, скомпрометировавшихъ себя при большевикахъ, независимо отъ ихъ служебнаго положенія, наблюдательныя же прокурорскія функціи въ отношеніи ея были возложены на Управляющаго Отдѣломъ Юстиціи.

Дѣятельность этой комиссіи вызывала нареканія со всѣхъ сторонъ, такъ какъ работа ея велась столь замедленнымъ темпомъ, что создавала впечатлѣніе безконечной волокиты. Произошло это потому, что поставленная комиссіи задача совершенно не соотвѣтствовала силамъ гражданскаго судебнаго вѣдомства, испытывавшаго колоссальный недостатокъ въ личномъ составѣ, да и была неправильна по существу, такъ какъ несомнѣнно, что главарей большевистскаго движенія нужно было ликвидировать въ порядкѣ военно-полевого суда, а въ отношеніи остальныхъ второстепенныхъ дѣятелей проявить большую осторожность, избѣгая предварительнаго содержанія ихъ подъ стражей и ограничиваясь привлеченіемъ минимальнаго количества наиболѣе скомпрометированныхъ совѣтскихъ служащихъ съ освобожденіемъ остальныхъ отъ всякой уголовной отвѣтственности. Между тѣмъ комиссія широко раскинула свои сѣти и заарестовала массу лицъ, дѣла о которыхъ съ момента переворота и изгнанія большевиковъ — 2 августа 1918 года тянулись вплоть до паденія области, причемъ большая часть привлеченныхъ была въ

результатѣ освобождена самой комиссіей, или оправдана военно-окружнымъ судомъ.

Не только волокита вызывала неудовольствіе, но и обнаруженная комиссіей безпомощность, выразившаяся въ необслѣдованіи дѣятельности болѣе видныхъ представителей совѣтской власти на ряду съ содержаніемъ подъ стражей многихъ мелкихъ агентовъ ея. Особенно въ этомъ отношеніи оказался не на высотѣ филіалъ комиссіи на Мурманѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ, большинство совѣтскихъ дѣятелей могло быть привлечено лишь за соціалистическіе опыты, правда причинившіе краю большіе матеріальные убытки, но гдѣ совѣты не запятнали себя измѣной, составлявшей одинъ изъ характерныхъ моментовъ преступной дѣятельности московскихъ большевиковъ. Однако, и здѣсь большинство привлеченныхъ тоже находилось подъ стражей, безконечно ожидая результатовъ слѣдствія, а въ то же время не былъ привлеченъ къ отвѣтственности бывшій военный руководитель красной арміи ген. З., который, послѣ того какъ предсѣдатель Мурманскаго совдепа кочегаръ Юрьевъ прервалъ сношенія съ Москвой, обозвавъ Ленина измѣнникомъ, продолжалъ сноситься съ большевистскимъ командованіемъ въ лицѣ комиссаровъ и ген. Огородникова, сообщая имъ свѣдѣнія о количествѣ прибывшихъ союзныхъ силъ. Этотъ ловкій генералъ, бывшій лейбъ-гусаръ и флигель-адъютантъ, душа въ душу работалъ съ большевистской властью. Не могу не отмѣтить чрезвычайно интереснаго эпизода, характеризующаго его личность и извѣстнаго мнѣ изъ предварительнаго слѣдствія о Мурманскомъ совдепѣ. Прибывъ какъ то въ Мурманскъ изъ Москвы, гдѣ онъ былъ въ командировкѣ, онъ привезъ Мурманскому совѣту низкій поклонъ «революціонныхъ вождей товарищей Ленина и Троцкаго», причемъ, передавая его, всталъ и фактически низко поклонился Мурманскому совѣту.

По ознакомленіи съ дѣломъ Мурманскаго совѣта я потребовалъ привлеченія ген. З. къ уголовной отвѣтственности, что и было исполнено.

Дѣятельность слѣдственной комиссіи вызывала неудовольствіе не только общественныхъ круговъ, но членовъ Правительства и Главнокомандующаго, а земско-городское совѣщаніе, какъ извѣстно, даже потребовало совсѣмъ упразднить ее.

Но не только это обстоятельство вызвало нареканіе на руководителя гражданскаго судебнаго вѣдомства, управляющаго отдѣломъ юстиціи и предсѣдателя Архангельскаго окружнаго суда С. Н. Городецкаго, — его также усиленно обвиняли въ томъ, что дѣятельность его была проникнута духомъ партійности. Объясняется это тѣмъ, что С. Н. Городецкій былъ втянутъ въ круговоротъ политической борьбы не только по своей должности управляющаго отдѣломъ юстиціи, но и какъ гласный буржуазнаго блока городской думы и предсѣдатель союза интеллигенціи. Между тѣмъ, привлеченію его къ широкой общественной и политической дѣятельности способствовали его общительность и чрезвычайно привлекательныя черты его характера.

Какъ одинъ изъ дефектовъ организаціи гражданской юстиціи необходимо отмѣтить то, что не было создано апелляціонной и — главное — кассаціонной инстанціи, что придавало дѣламъ, въ случаѣ ихъ опротестованія или обжалованія, незаконченный характеръ, вызывая иногда въ населеніи представленіе объ отказѣ въ правосудіи, иллюстраціей чего можетъ служить одно маленькое дѣло объ оскорбленіи дѣйствіемъ нѣкіимъ господиномъ N своей прислуги. По жалобѣ послѣдней обидчикъ былъ осужденъ мировымъ

судьей и приговоръ былъ утвержденъ мировымъ съѣздомъ; виновный принесъ на рѣшеніе послѣдняго кассаціонную жалобу и тѣмъ избавился отъ приведенія приговора въ исполненіе, что вызвало въ демократическихъ слояхъ населенія, не разбирающихся въ тонкостяхъ процесса, представленіе о томъ, что судъ «мирволитъ буржуямъ», разрѣшая имъ безнаказанно «обижать простой народъ».

Отсутствіе кассаціонной инстанціи нельзя было оправдать ни ссылкой на то, что обжалованные приговоры будутъ разсмотрѣны Сенатомъ въ Омскѣ при первой къ тому возможности, ни ограниченнымъ составомъ служащихъ, такъ какъ испытывавшее въ этомъ вопросѣ не меньшія затрудненія военно-судебное вѣдомство еще до моего прибытія открыло кассаціонное присутствіе.

За исключеніемъ этихъ дефектовъ гражданскія судебныя установленія съ честью выполняли выпавшую на нихъ тяжелую и отвѣтственную работу, которая при болѣе чѣмъ скромномъ численномъ составѣ служащихъ требовала величайшаго напряженія. Сессіи уголовнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей шли непрерывно какъ въ Архангельскѣ, такъ и въ уѣздахъ, куда приходилось выѣзжать за сотни верстъ, подвергаясь большимъ неудобствамъ и лишеніямъ какъ въ пути такъ и на мѣстахъ.

С. Н. Городецкій, чрезвычайно опытный и образованный юристъ, выдѣлялся своимъ искуснымъ руководительствомъ судебныхъ засѣданій, пользуясь большой популярностью среди присяжныхъ засѣдателей, чрезвычайно чутко прислушивавшихся къ его образцовымъ резюме. Его ближайшій сотрудникъ прокуроръ Архангельскаго Окружнаго суда г. Д., на котораго по его должности выпадала главная часть работы гражданскаго судебнаго вѣдомства, отличался исключительной работоспособностью, и обладалъ широкими познаніями и яркимъ юридическимъ мышленіемъ.

Необходимо также отмѣтить, что С. Н. Городецкій былъ однимъ изъ создателей національнаго ополченія, почтенная роль котораго была отмѣчена мною выше, и что, начиная съ прокурора суда г. Д., всѣ чины гражданскаго судебнаго вѣдомства состояли ополченцами и, въ качествѣ таковыхъ, съ винтовками въ рукахъ выполнили свой долгъ до конца, неся караульную службу во время посадки на суда и оставленія нами Сѣверной Области.

Военно-судебное вѣдомство включало въ свой составъ Военно-Окружный Судъ Сѣверной Области и Кассаціонное присутствіе Сѣвернаго фронта, замѣнявшее собой Главный Военный Судъ, благодаря чему всѣ дѣла могли имѣть вполнѣ законченный характеръ. Я уже отмѣтилъ выше при описаніи прибытія моего въ Архангельскъ, что въ основу организаціи военно-судебнаго вѣдомства были положены правильные принципы, что составляло громадную заслугу всѣхъ тѣхъ гражданскихъ юристовъ, на которыхъ выпала трудная задача организаціи военно-судебныхъ установленій на Сѣверѣ. Моя роль свелась лишь къ тому, чтобы обезпечить фактическое проведеніе указанныхъ принциповъ въ жизнь, путемъ рѣшительнаго отдѣленія судебной власти отъ административной.

Въ войскахъ въ качествѣ судовъ низшей инстанціи были организованы полковые суды, а для разсмотрѣнія исключительныхъ правонарушеній особые военные суды (военно-полевые). Для наблюденія за правильнымъ отправленіемъ правосудія въ послѣднихъ и полковыхъ судахъ, при всѣхъ Командующихъ войсками раіоновъ, а также при Штабѣ Главнокомандующаго были учреждены завѣдывающіе военно-судебной частью, назначаемые преимуще-

ственно изъ офицеровъ, получившихъ высшее юридическое образованіе, черезъ которыхъ военная прокуратура осуществляла свой контроль надъ военно-полевыми и полковыми судами, принимая всѣ мѣры къ тому, чтобы дѣятельность послѣднихъ носила закономѣрный характеръ, что, между прочимъ, также обезпечивалось пересмотромъ приговоровъ послѣднихъ въ порядкѣ обжалованія въ Военно-Окружномъ судѣ.

Въ послѣднемъ, при полномъ единомысліи между собой юридическихъ элементовъ — военныхъ судей и представителей строя — временныхъ членовъ, протекала важнѣйшая дѣятельность военно-судебнаго вѣдомства, на которое, какъ то видно изъ описаннаго выше дѣла Бечина, выпала главная роль по борьбѣ съ преступными проявленіями большевизма, а также устраненіе злоупотребленій и поддержаніе дисциплины и воинскаго порядка въ арміи.

Большая работа была выполнена также по пересмотру и изданію новыхъ законоположеній, какъ матеріальнаго такъ и процессуальнаго характера, а также воинскихъ уставовъ: внутренней службы и дисциплинарнаго. При пересмотрѣ послѣднихъ были устранены всѣ недопустимые пережитки прошлаго, трактовавшіе солдата, какъ «нижняго» чина, съ сохраненіемъ всѣхъ тѣхъ незыблемыхъ требованій воинской дисциплины, какъ въ области повиновенія и чинопочитанія, такъ и при регламентаціи внутренней и внѣказарменной жизни, которыя положены въ основаніе соотвѣтствующихъ уставовъ демократическихъ странъ.

Я не нахожу возможнымъ входить здѣсь въ оцѣнку принципіальной стороны дѣятельности военно-судебнаго вѣдомства, ибо мнѣ пришлось бы быть судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ, но я считаю себя въ правѣ отмѣтить успѣшность технической стороны работы, которая благодаря тому, что во главѣ суда и прокурорскаго надзора стояли такіе выдающіеся по своимъ способностямъ лица, какъ А. Н. З. и Н. И. С., носила образцовый характеръ. Служащіе суда и надзора отличались чрезвычайной добросовѣстностью и работоспособностью, отлично справляясь съ выпавшей на нихъ тяжелой работой, несмотря на то, что всѣ они также какъ и ихъ непосредственные руководители были не военными, а гражданскими юристами, и только двое изъ нихъ, предсѣдатель суда и военный судья В. М. А., во время національной войны пріобрѣли основательный стажъ въ военно-судебномъ вѣдомствѣ.

Глава VII

Сношенія съ Всероссійскимъ Правительствомъ и распоряженіе послѣдняго объ упраздненіи Вр. Правительства Сѣверной Области

Прежде чѣмъ закончить описаніе сравнительно спокойнаго періода нашего строительства и перейти къ критическому фазису нашего существованія, я позволю себѣ остановить вниманіе читателей на нашихъ сношеніяхъ съ Сибирью, которыя чуть было не привели къ упраздненію нашего Правительства, причемъ не въ силу какого нибудь конфликта, а въ порядкѣ

предпринятаго Омскимъ Правительствомъ объединенія всей власти въ своихъ рукахъ. Еще 10 сентября Главнокомандующимъ была получена радіотелеграмма изъ Омска съ сообщеніемъ объ утвержденіи 29 августа Верховнымъ Правителемъ принятаго совѣтомъ Министровъ «Положенія объ управленіи Сѣвернымъ краемъ» и присвоеніи Главнокомандующему правъ Главнаго Начальника этого края, съ введеніемъ изложеннаго правительственнаго постановленія въ дѣйствіе по телеграфу. Независимо отъ того, что постановленіе это, вызвавшее принятіе такой серьезной и отвѣтственной мѣры, какъ упраздненіе Временнаго Правительства Сѣверной Области, носило характеръ полной неожиданности, такъ какъ нашъ представитель въ Сибири кн. Куракинъ не освѣдомилъ предварительно о немъ ни Правительство, ни Главнокомандующаго, полученіе его совпало съ уходомъ союзниковъ, созывомъ земско-городского совѣщанія и реконструкціей власти по соглашенію съ послѣднимъ, что, видимо, заставило Главнокомандующаго отнестись болѣе чѣмъ осторожно къ проведенію его въ жизнь, тѣмъ болѣе, что переданный по радіо текстъ положенія объ управленіи Сѣвернымъ краемъ страдалъ существенными пропусками и даже самое поверхностное ознакомленіе съ нимъ вызывало полное недоумѣніе — настолько онъ былъ неудовлетворителенъ по своему содержанію. Поэтому Главнокомандующій обратился съ просьбой повторить текстъ этого положенія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, запросилъ у кн. Куракина болѣе подробныхъ объясненій по поводу принятія Всероссійскимъ Правительствомъ такой серьезной мѣры въ столь спѣшномъ порядкѣ и безъ всякихъ предупрежденій.

Пока шли эти сношенія, которыя носили весьма несовершенный характеръ, такъ какъ связь по радіо была налажена плохо, да и сибирская армія начала въ этотъ моментъ свое поспѣшное отступленіе, изъ Сибири возвратилась ледокольная экспедиція, причемъ, вмѣстѣ съ ней прибыли представители Всероссійскаго Правительства во главѣ съ г. Фельдманомъ, доставившіе намъ законы Всероссійскаго Правительства, напечатанные въ Правительственномъ Вѣстникѣ и Собраніи Узаконеній и Распоряженій.

При первоначальномъ разсмотрѣніи ихъ въ комиссіи подъ предсѣдательствомъ Главнокомандующаго, въ которой я также принялъ участіе, наше общее недоумѣніе вызвало то обстоятельство, что сила дѣйствія многихъ законовъ Омскаго Правительства уже была распространена на нашу область съ отмѣной несогласованныхъ съ ними постановленій нашего Правительства, о чемъ послѣднее не было поставлено въ извѣстность, несмотря на то, что въ пересмотрѣ и отмѣнѣ ихъ опять таки принялъ участіе нашъ представитель кн. Куракинъ. Такъ какъ это мѣропріятіе противорѣчило постановленію самого же Всероссійскаго Правительства, сообщенному въ отвѣтъ на признаніе его Верховенства Правительствомъ Сѣверной Области, согласно которому послѣднее сохранило и послѣ этого право законодательства въ области практическихъ мѣропріятій, то рѣшено было приступить къ тщательному пересмотру присланныхъ законоположеній съ опубликованіемъ и введеніемъ въ дѣйствіе лишь тѣхъ изъ нихъ, которыя не вызывали коренной ломки нашего законодательства, что могло бы вызвать крайне нежелательныя внутреннія осложненія.

Вмѣстѣ со своими ближайшими сотрудниками не безъ волненія приступилъ и я къ пересмотру законовъ по военно-судебному вѣдомству. Тревожилъ вопросъ, сохранились ли въ законодательствѣ Омскаго Правительства

основные принципы законодательнаго творчества перваго революціоннаго Правительства Россіи, которыми клался рѣшительный предѣлъ административному вмѣшательству въ судебныя дѣла, и военная прокуратура освобождалась отъ опеки всемогущаго военнаго начальства.

Организація военной юстиціи — одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ показателей политическаго курса правительства и не даромъ я съ тяжелымъ чувствомъ, еще до прибытія на Сѣверъ, прочелъ въ правилахъ Добровольческой арміи ген. Деникина о возстановленіи военно-судебныхъ законовъ и уставовъ, дѣйствовавшихъ до 27 февраля 1917 года. Для меня было достаточно одной этой фразы, чтобы понять, куда идутъ и куда приведутъ насъ руководители Южнаго Правительства.

Однако, всѣмъ сомнѣніямъ было суждено быстро разсѣяться. Завоеванія революціи въ этой области были сохранены и, несмотря на то, что законодательство Сѣверной Области и Сибири протекало совершенно сепаратно другъ отъ друга, оно абсолютно совпало во всѣхъ главнѣйшихъ своихъ положеніяхъ.

Проглядывая и изучая законодательство по военно-судебному вѣдомству, мы считали необходимымъ хотя бы бѣгло ознакомиться съ дѣятельностью Всероссійскаго Правительства во всѣхъ другихъ важнѣйшихъ областяхъ государственной жизни, причемъ ознакомленіе это вызвало у насъ чувство полнаго удовлетворенія, ибо изъ правительственныхъ декларацій и распоряженій можно было усмотрѣть, что въ основу правительственной дѣятельности было положено искреннее желаніе возродить нашу государственность на началахъ правового строя и демократическаго режима.

Одновременно съ прибытіемъ Сибирской экспедиціи полученъ былъ подробный текстъ положенія о Главномъ Начальникѣ Сѣвернаго края съ категорическимъ требованіемъ адмирала Колчака немедленно ввести его въ дѣйствіе. Главнокомандующій не нашелъ болѣе возможнымъ откладывать разрѣшеніе этого вопроса и онъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе Временнаго Правительства, причемъ, по распоряженію Главнокомандующаго, съ докладами по этому поводу выступили юрисконсультъ гражданской канцеляріи Главнокомандующаго г. П. и я. Послѣ нашего доклада Правительство пришло къ единодушному рѣшенію, что временное положеніе объ управленіи Сѣвернымъ краемъ, предоставлявшее Начальнику края лишь права Генералъ-Губернатора, представляется абсолютно непріемлемымъ, такъ какъ Область, въ виду отсутствія нормальной связи съ Сибирью, попала бы въ безвыходное положеніе при разрѣшеніи всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ административнаго, законодательнаго и особенно финансоваго характера.

Въ виду этого Правительство рѣшило переработать это положеніе въ смыслѣ предоставленія болѣе широкихъ полномочій Главному Начальнику края, что было возложено на комиссію подъ моимъ предсѣдательствомъ въ составѣ юрисконсульта г. П. и Управляющаго Областнымъ Государственнымъ банкомъ г. Р. Работа эта была закончена въ кратчайшій срокъ и уже черезъ недѣлю Правительство получило возможность приступить къ разсмотрѣнію изготовленнаго нами проекта новаго положенія, сущность котораго сводилась къ передачѣ всѣхъ полномочій Временнаго Правительства Сѣверной Области Главнокомандующему, какъ Главному Начальнику Сѣвернаго края, впредь до установленія правильныхъ и устойчивыхъ средствъ сообщенія, обезпечивающихъ во всѣхъ отношеніяхъ связь Сѣверной Области

съ Всероссійскимъ Правительствомъ. Для устраненія всякой ломки въ существующемъ и уже налаженномъ правительственномъ аппаратѣ, а также возможныхъ пареканій, что проектируемыя измѣненія преслѣдуютъ контръреволюціонныя цѣли, рѣшено было персональный составъ Временнаго Правительства сохранить съ оставленіемъ всѣхъ Управляющихъ Отдѣлами, которые въ своей совокупности составили бы Гражданское управленіе края, съ помощникомъ Главнаго Начальника края по гражданской части во главѣ, въ лицѣ Предсѣдателя Временнаго Правительства П. Ю. Зубова. Всѣ дѣла законодательнаго характера подлежали обязательному внесенію въ Совѣтъ при Главномъ Начальникѣ края, состоящій изъ Управляющихъ отдѣлами, предсѣдателя финансово-экономическаго совѣщанія области, предсѣдателя Архангельской губернской земской управы и городского головы гор. Архангельска.

Выработанное комиссіей положеніе объ управленіи Сѣвернымъ краемъ, не вызвавъ почти никакихъ возраженій по существу, сдѣлалось предметомъ горячихъ дебатовъ въ виду возникшихъ основательныхъ сомнѣній въ своевременности его проведенія въ жизнь. Сибирскій фронтъ продолжалъ катиться на востокъ и дальнѣйшее благополучіе Омскаго Правительства было подъ большимъ знакомъ вопроса, что заставляло быть весьма осторожнымъ въ установленіи прочной связи съ нимъ, можетъ быть, накапунѣ его паденія. Къ этому же присоединились соображенія внутренно-политическаго характера; было извѣстно, что мѣстные демократическіе круги настроены крайне отрицательно къ проекту, усматривая въ немъ очередное «coup d'état». Послѣднее обстоятельство побудило члена Правительства М. М. Федорова воздержаться отъ голосованія при разрѣшеніи этого вопроса, что онъ объяснилъ полнѣйшимъ своимъ несочувствіемъ постановкѣ самаго вопроса объ упраздненіи Правительства на обсужденіе послѣдняго. Голоса остальныхъ членовъ Правительства подѣлились пополамъ, причемъ за принятіе законопроекта голосовали Главнокомандующій и Цапенко, а противъ Зубовъ и Багриновскій.

Въ виду такого разногласія, въ Сибирь были сообщены не только сущность проекта, но встрѣченныя при обсужденіи проведенія его въ жизнь затрудненія, на что отвѣта не послѣдовало, такъ какъ пораженіе на сибирскомъ фронтѣ скоро приняло характеръ полной катастрофы.

Причины этой катастрофы были бы совершенно непонятны, если бы мы ограничили свое изслѣдованіе таковыхъ анализомъ правительственной дѣятельности, поскольку она нашла свое отраженіе въ офиціальныхъ государственныхъ актахъ, которые, насколько удалось съ ними ознакомиться, носили несомнѣнно демократическій характеръ. Но документальная сторона, къ сожалѣнію, не соотвѣтствовала дѣйствительности, на которую пролили довольно яркій свѣтъ проѣзжавшіе въ это время черезъ область два чехословацкихъ офицера, командированные въ Прагу съ подробными докладами къ Министру-Предсѣдателю Бенешу о положеніи въ Сибири.

Относясь съ большимъ уваженіемъ къ свѣтлой личности адмирала Колчака и къ его искреннимъ и честнымъ стремленіямъ возстановить нашу государственность на новыхъ началахъ, они не находили въ окружавшей его средѣ элементовъ, необходимыхъ для проведенія этихъ началъ въ жизнь. Безлюдіе и тяготѣніе къ прошлому на верхахъ, отсутствіе дисциплины и разложеніе въ арміи, которая по ихъ мнѣнію значительно уступала во всѣхъ

отношеніяхъ по своимъ качествамъ красной, и эгоизмъ и отсутствіе гражданскаго долга въ средѣ сибирскаго крестьянства, не испытавшаго большевизма, который до созданія бѣлаго фронта имѣлъ распространеніе только по сибирской магистрали, а потому деревня жила внѣ условій гражданской войны, не платя къ тому же податей и налоговъ, — все это вмѣстѣ взятое приводило чехо-словацкихъ представителей къ нессимистическому выводу о полной безнадежности не только сибирскаго фронта, но и всего бѣлаго движенія въ Россіи. Чехо-словацкіе легіоны рвались домой и слышать больше не хотѣли объ оказаніи намъ дальнѣйшей поддержки.

Какъ чехо-словацкимъ офицерамъ, такъ и представителямъ Сибирскаго Правительства, царившій у насъ на Сѣверѣ и особенно въ Архангельскѣ порядокъ, носившій характеръ нормальной жизни мирнаго времени, показался недосягаемымъ идеаломъ по сравненію съ имѣвшей мѣсто въ Сибири неурядицей.

При такихъ условіяхъ, конечно, не могло и быть вопроса объ упраздненіи Временнаго Правительства Сѣверной Области и обращеніи насъ въ одну изъ провинцій, подчиненныхъ Сибири.

Между тѣмъ, существованіе областныхъ правительствъ на ряду съ Всероссійскимъ несомнѣнно вредило намъ въ международномъ отношеніи, создавая впечатлѣніе отсутствія единой національной власти, достойной международнаго признанія, и, кромѣ того, давало въ руки большевиковъ отличный поводъ для агитаціи въ смыслѣ трактованія насъ всѣхъ, какъ бунтовщиковъ противъ единой законной власти совѣтскаго правительства. При наличіи же только одного Всероссійскаго Правительства сама совѣтская власть принимала характеръ сообщества, посягнувшаго на ниспроверженіе государственнаго строя, возглавляемаго единой національной властью.

Что касается спеціально Сѣверной Области, то упраздненіе въ ней Правительства въ значительной степени избавило бы насъ отъ партійной борьбы за власть въ самые критическіе моменты нашего существованія, которая могла кончиться и, какъ мы увидимъ ниже, въ дѣйствительности и закончилась полной для насъ катастрофой.

Часть IV

Развалъ фронта и эвакуація

Глава I

Конфликтъ между Штабомъ и фронтомъ. Дѣло штабъ-ротмистра N.

Наступилъ еще болѣе тревожный періодъ, чѣмъ передъ оставленіемъ насъ союзниками: пришли извѣстія о развалѣ всѣхъ остальныхъ бѣлыхъ фронтовъ. Была отброшена отъ Петрограда и ликвидировалась армія Юденича, агонизировала загнанная вглубь Сибири армія адмирала Колчака и началось поспѣшное отступленіе Южной добровольческой арміи. Мы оставались одни противъ могучаго противника, что вызывало такую тревогу среди населенія, что Главнокомандующій выступилъ черезъ представителя бюро печати съ пространными объясненіями по поводу создавшагося положенія, стараясь успокоить населеніе.

Такъ какъ наше военное положеніе въ переживаемый моментъ представляло наибольшій интересъ для всѣхъ круговъ населенія, которое опять, какъ и въ дни предшествовавшіе уходу союзниковъ, задавалось вопросомъ: «Что будетъ съ нами, когда мы останемся одни противъ большевиковъ», то я считаю нужнымъ подробнѣе остановиться на немъ, тѣмъ болѣе, что дѣятельность Штаба Главнокомандующаго въ этотъ моментъ вызывала въ строевой офицерской средѣ очередное общее неудовольствіе.

Цѣлью нашего первоначальнаго удачнаго наступленія, предшествовавшаго еще уходу союзниковъ, былъ захватъ узловыхъ путей для сокращенія фронта путемъ объединенія Селецкаго и Онежскаго раіоновъ съ желѣзнодорожнымъ, послѣ чего возникала возможность освободить часть войскъ для отдыха въ резервѣ, гдѣ бы они могли немного и развлечься, причемъ для разумнаго использованія ими досуга былъ принятъ цѣлый рядъ описанныхъ выше мѣръ культурно-просвѣтительнаго характера.

Но даже эта разумная по своей цѣли операція стоила намъ большихъ жертвъ, которыя были для насъ очень чувствительны, такъ какъ ресурсы нашей живой силы были болѣе чѣмъ ограничены. Поэтому, уже въ этотъ періодъ, командный составъ строевыхъ частей былъ противъ неосторожнаго и чрезмѣрнаго, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ неоправдываемаго даже поставленною цѣлью, форсированія нашихъ скромныхъ силъ.

Казалось бы, что паденіе другихъ фронтовъ должно было повлечь за собой подготовку къ длительной оборонѣ на занимаемыхъ позиціяхъ съ сокращеніемъ нашего тысячеверстнаго фронта путемъ увода нашихъ войскъ изъ отдаленныхъ раіоновъ, что дало бы возможность имѣть и необходимый резервъ, отсутствіе котораго въ случаѣ прорыва на фронтѣ могло поставить насъ въ катастрофическое положеніе. Между тѣмъ, Штабъ повелъ грандіозныя операціи съ захватомъ отдаленныхъ отъ насъ на сотни и тысячи верстъ мѣстностей въ Пинежскомъ, Мезенскомъ и Печорскомъ раіонахъ, а также Яренскаго и Устьсысольскаго уѣздовъ Вологодской губерніи, причемъ въ нѣкоторыхъ раіонахъ, какъ напримѣръ на Пинегѣ, большевики сами очистили занятую ими территорію, предоставивъ намъ кормить брошенное ими голодавшее населеніе. Захватъ новыхъ громадныхъ пространствъ еще болѣе растянулъ нашъ фронтъ, распыляя наши скромныя боевыя силы, повлекъ за собой удлиненіе комуникаціонныхъ линій, расходъ транспорта и, главное, продовольствія, въ которомъ мы сами начинали ощущать недостатокъ, принужденные сокращать пайки сахара и хлѣба не только населенію, но и въ арміи, что неизбѣжно должно было вызвать громадное неудовольствіе. Между тѣмъ, Штабъ продолжалъ развивать въ этомъ направленіи бурную дѣятельность и оторванная отъ реальной дѣйствительности стратегическая мысль кабинетныхъ полководцевъ витала въ мірѣ грандіозныхъ операцій, о которыхъ возвѣщалось въ пышныхъ реляціяхъ съ указаніемъ на захватъ территорій равныхъ по своей величинѣ Франціи или Германіи.

Все это, а также необезпеченность эвакуаціи привело сначала къ скрытому, а потомъ и явному неудовольствію Штабомъ, причемъ много масла въ огонь подлило некорректное отношеніе къ строевымъ офицерамъ отдѣла Штаба, вѣдавшаго личнымъ составомъ, куда офицерамъ постоянно приходилось обращаться за справками и съ различными ходатайствами.

Препирательства нѣкоторыхъ старшихъ начальниковъ со штабомъ приняли острый характеръ недопустимыхъ съ точки зрѣнія воинской дисциплины отношеній и сдѣлались, благодаря неоправдываемой неосторожности нѣкоторыхъ изъ нихъ, достояніемъ офицерской среды, что чуть было не вызвало рѣзкаго активнаго выступленія противъ Штаба.

Поводомъ къ предполагаемому выступленію послужило преданіе военно-окружному суду одного офицера желѣзнодорожнаго раіона за пьянство, буйство и оскорбленіе на словахъ патруля національнаго ополченія и нѣсколькихъ старшихъ офицеровъ Штаба, принимавшихъ мѣры къ прекращенію учиненнаго имъ безпорядка. Произведенное разслѣдованіе показало, что всѣ эти эксцессы явились слѣдствіемъ крайне нездоровой атмосферы, создавшейся на почвѣ обвиненій Штаба въ томъ, что онъ самъ «сидитъ въ безопасности въ тылу», а строевымъ ставитъ невыполнимыя задачи. Такъ какъ эксцессы были учинены въ пьяномъ видѣ, то злоба была сорвана на нѣсколькихъ достойныхъ старшихъ офицеровъ Штаба, совершенно неповинныхъ въ политикѣ его руководителя, и, какъ представителямъ тыла, досталось также ополченцамъ, которые подверглись оскорбленію за то, что, выполняя добросовѣстно обязанности патрульныхъ, приняли мѣры къ прекращенію произведеннаго на улицѣ безпорядка.

Такихъ дѣлъ въ описываемый періодъ, къ сожалѣнію, было не мало и они составляли довольно богатый матеріалъ для милицейской хроники и обвинительныхъ актовъ военно-окружнаго суда. Я уже имѣлъ случай выше

объяснить причины того душевнаго надрыва, который вызывалъ стремленіе, хотя бы на короткій мигъ, забыться среди тѣхъ тяжкихъ переживаній, которыми была такъ богата жестокая дѣйствительность. Къ этимъ причинамъ въ описанный моментъ прибавилось гнетущее душу предчувствіе близкой катастрофы, уже постигшей другіе фронты, неизбѣжность которой инстинктивно чувствовалась всѣми и вызывала представленіе о безцѣльности какъ уже принесенныхъ жертвъ, такъ и тѣхъ, которыя еще предстояло принести.

Конечно, для потерпѣвшихъ мотивы такихъ выступленій были безразличны и архангельское населеніе очень чутко реагировало на нихъ, возмущаясь тѣми незаслуженными обидами, которымъ подвергались его близкіе за свою самоотверженную работу по охранѣ города.

Однако, упомянутое дѣло не привлекло бы особаго вниманія, если бы командовавшему желѣзнодорожнымъ раіономъ кн. М. не пришла крайне неудачная мысль использовать предстоящее судебное засѣданіе въ цѣляхъ демонстраціи противъ Штаба, для чего онъ рѣшилъ выступить защитникомъ самъ и привлечь къ защитѣ еще двухъ лицъ: состоявшаго въ его штабѣ доктора К. и извѣстнаго въ Архангельскѣ присяжнаго повѣреннаго С.

Около дѣла создалась невѣроятная шумиха, дошло до нелѣпыхъ разговоровъ о поворотѣ въ случаѣ надобности княземъ М. фронта на Архангельскъ, о чемъ невоздержанно болтала при солдатахъ сбитая съ толку офицерская молодежь. Надо было, во что бы то ни стало, парализовать скандалъ, который могъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія и, несмотря на то, что дѣло само по себѣ не заслуживало никакого вниманія, мнѣ самому пришлось выступить обвинителемъ. Главнокомандующаго очень взволновала вся эта исторія и онъ хотѣлъ сначала не допускать кн. М. къ защитѣ и совершенно закрыть въ порядкѣ охраненія дисциплины двери засѣданія, но я убѣдилъ его не дѣлать этого и допустить къ слушанію дѣла возможно болѣе офицеровъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, подъ вліяніемъ строгой обстановки судебнаго засѣданія, которое по своему обыкновенію спокойно и образцово провелъ чрезвычайно опытный предсѣдатель суда А. Н. З., страсти улеглись и къ моменту судебныхъ преній создалась совершенно спокойная атмосфера, не вызывавшая никакихъ опасеній. Подвергнувъ жестокой критикѣ поведеніе подсудимаго, я предоставилъ сдѣлать выводъ каждому, насколько нелѣпо и преступно было въ переживаемый нами моментъ нарушать единство въ нашей офицерской средѣ противопоставленіемъ фронта тылу и въ періодъ классовой борьбы называть представителей національнаго ополченія, состоявшаго преимущественно изъ неимущихъ лицъ интеллигентской среды, «буржуями» съ оскорбленіемъ ихъ площадной бранью. Однако, въ интересахъ безпристрастія я остановился на томъ тяжеломъ психическомъ состояніи, которое господствовало въ переживаемый моментъ въ средѣ строевыхъ офицеровъ и не настаивалъ на высшей мѣрѣ наказанія, принимая во вниманіе, что подсудимый особенно отличался душевной неуравновѣшенностью, подъ вліяніемъ тяжкихъ поврежденій черепа, полученныхъ имъ, какъ летчикомъ, во время одного изъ очередныхъ полетовъ.

Защита ограничилась характеристикой личности подсудимаго и описаніемъ тяжкихъ переживаній, выпавшихъ на долю нашего офицерства. Противъ высшаго командованія и Штаба не только не послѣдовало какихъ либо рѣзкихъ выступленій, но даже одинъ изъ защитниковъ подчеркнулъ, что

штабы въ національную войну никогда не проявляли такой заботливости въ вопросѣ снабженія арміи, какъ это имѣло мѣсто на Сѣверѣ.

Судъ приговорилъ подсудимаго къ заключенію въ крѣпость срокомъ на два мѣсяца съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ.

Кн. М. вскорѣ послѣ описаннаго процесса покинулъ Сѣверную Область и его въ качествѣ Командующаго Желѣзнодорожнымъ раіономъ замѣнилъ ген. В. Хотя отношенія со Штабомъ потеряли прежній острый характеръ, но все же продолжали быть натянутыми и холодными. Къ сожалѣнію обостреніе отношеній со Штабомъ сыграло свою печальную роль, породивъ въ офицерской средѣ наиболѣе любимаго и выдѣляемаго княземъ М. 3 Сѣв. стрѣлк. полка духъ неумѣстной критики, передавшейся въ солдатскую массу. Офицерство этого полка преимущественно отличалось пьянымъ эксцессами, подавая дурной и, къ сожалѣнію, заразительный примѣръ своимъ солдатамъ. Пріѣзжавшіе въ Архангельскъ солдаты поражали своимъ разнузданнымъ видомъ и отличались массовымъ нежеланіемъ отдавать честь, заявляя, что въ 3 Сѣв. стрѣлк. полку это не принято. Послѣдовавшія вскорѣ за тѣмъ боевыя дѣйствія показали, что прежній славный боевой духъ полка исчезъ совершенно, такъ какъ въ атаку ходили ген. В., командиръ полка и нѣсколько храбрѣйшихъ офицеровъ, сопровождаемые кучкой вѣрныхъ солдатъ, а весь остальной полкъ только принималъ на себя славу этихъ героевъ. Дурная слава о полкѣ пріобрѣла широкую извѣстность. Послѣ оставленія полка генераломъ В. никто изъ старшихъ офицеровъ не хотѣлъ принимать командованія полкомъ и онъ оставался въ рукахъ молодого подполковника П., который не обладалъ служебнымъ опытомъ и несмотря на свою выдающуюся храбрость не пользовался авторитетомъ, такъ какъ началъ службу въ этомъ полку съ маленькихъ чиновъ, происходя самъ изъ простыхъ шенкурскихъ добровольцевъ. Главнокомандующему и Начальнику Штаба со всѣхъ сторонъ докладывали о томъ, что необходимо принять мѣры къ оздоровленію полка, а нѣкоторые даже совѣтовали расформировать его, считая, что мѣры къ его исправленію уже запоздали, но, какъ и въ исторіи съ морскими стрѣлками, ничего сдѣлано не было и все было предоставлено естественному развитію событій, которыя и привели насъ къ катастрофѣ, началомъ чему послужило возстаніе въ 3 Сѣверномъ стрѣлковомъ полку.

Глава II

Пропаганда мира большевиками. Эвакуаціонный вопросъ

Паденіе другихъ бѣлыхъ фронтовъ было немедленно использовано большевиками въ агитаціонныхъ цѣляхъ для разложенія нашего фронта. Какъ изъ рога изобилія посыпались на насъ прокламаціи съ призывомъ немедленнаго прекращенія борьбы. Нужно отдать справедливость, что составлены онѣ были чрезвычайно искусно и несомнѣнно должны были произвести сильное впечатлѣніе не только на солдатскія массы и населеніе, но даже и на офицеровъ. Такъ какъ наше Правительство не давало повода для обвиненія въ контръ-революціонности, то политическіе вопросы въ прокламаціяхъ большей

частью совершенно обходились и центръ тяжести былъ перенесенъ на доказательство безразсудности и безсмысленности нашего дальнѣйшаго сопротивленія всей остальной Россіи.

«Неужели вы серьезно предполагаете продолжать борьбу съ нами? Вѣдь мы можемъ васъ въ любой моментъ сбросить съ вашего пятачка пинкомъ ноги въ море», — твердили воззванія къ населенію и войскамъ, послѣ чего рекомендовалось немедленно прекратить безсмысленную бойню, а если офицеры будутъ сопротивляться этому, то связать ихъ и выдать. Однако и послѣдніе не были обойдены вниманіемъ, и къ нимъ послѣдовали спеціальныя обращенія за многочисленными подписями офицеровъ красной арміи.

«Братья офицеры, опомнитесь», взывало одно изъ обращеній, «перестаньте быть наймитами своего и иностраннаго капитала. Неужели васъ ничему не научилъ горькій опытъ ведущейся борьбы. Васъ бросили французы въ Одессѣ, чехи въ Сибири и англичане въ Архангельскѣ. Перестаньте приносить безчисленныя жертвы международному капиталу». Далѣе слѣдовало приглашеніе безбоязненно переходить къ непріятелю, гдѣ офицеры возстановлены въ прежнихъ правахъ, какъ въ смыслѣ своего престижа, такъ и въ отношеніи дисциплинарной власти: въ арміи введена прежняя дисциплина, комиссары дружно работаютъ съ командными составомъ, офицеры получаютъ отличное вознагражденіе и вмѣстѣ со своими семьями обезпечены пайкомъ, причемъ даже имѣютъ по прежнему денщиковъ. Послѣ текста на одномъ изъ воззваній слѣдовало около ста шестидесяти подписей, среди которыхъ я нашелъ фамиліи нѣкоторыхъ знакомыхъ мнѣ генераловъ и старшихъ кадровыхъ офицеровъ, съ указаніемъ ихъ прежняго чина и мѣста службы.

Конечно, на каждое изъ этихъ воззваній можно было дать и давался достойный и исчерпывающій отвѣтъ, но нельзя не признать, что они производили очень сильное впечатлѣніе, такъ какъ обстановка борьбы дѣйствительно складывалась не въ нашу пользу и мы оставались одинокими. Конечно, трудно было убѣдить населеніе въ возможности борьбы области съ количествомъ жителей въ 450 тысячъ человѣкъ, то-есть равнымъ приблизительно народонаселенію Петроградской стороны гор. Петрограда, со всей остальной Россіей, а главное, также какъ во время національной войны, намъ приходилось призывать къ продолженію борьбы и самопожертвованію, противоположная же сторона опять играла на шкурническихъ инстинктахъ, призывая къ миру.

Пока мы принимали всѣ мѣры къ тому, чтобъ парализовать преступную пропаганду мира большевиками, намъ въ этомъ отношеніи былъ нанесенъ новый мощный ударъ изъ такихъ круговъ, которые до сихъ поръ, хотя лишь въ сферѣ дѣловыхъ отношеній, но поддерживали насъ. Въ печати появились заграничныя телеграммы о томъ, что кооперативы въ лицѣ Центросоюза выступили съ проектомъ торговли съ Совѣтской Россіей, который однимъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей Центросоюза, г. Беркенгеймомъ, былъ предложенъ вниманію Ллойдъ-Джорджа, Клемансо и Нитти. Хотя полученныя вскорѣ подробности проекта содержали въ себѣ такія данныя, что почти не было никакихъ шансовъ на его осуществленіе, ибо при проведеніи этой торговой операціи въ Совѣтской Россіи Центросоюзъ долженъ былъ функціонировать, какъ государство въ государствѣ на условіяхъ экстерриторіальности, имѣя дѣло съ русскимъ народомъ, а не съ совѣтской властью, — однако широкими кругами населенія изъ проекта этого мѣропріятія было усвоено только одно: бло-

кода снимается и начинается торговля съ Совѣтской Россіей, а при этихъ условіяхъ наша дальнѣйшая борьба совершенно ни къ чему.

Тяжелый грѣхъ взяли себѣ на душу руководители Центросоюза, выступивъ съ этимъ неосторожнымъ проектомъ, изъ котораго впослѣдствіи, какъ и слѣдовало ожидать, ровно ничего не вышло. Я съ полной отвѣтственностью за свои слова утверждаю, что этотъ проектъ Центросоюза сыгралъ у насъ болѣе роковую роль, чѣмъ прокламаціи большевиковъ о прекращеніи борьбы. Мѣстные кооператоры, до этого державшіеся въ сторонѣ отъ политики, сразу же ринулись въ объятія г. Скомороховъ, который, какъ я уже указывалъ выше, развилъ къ этому времени чрезвычайно бурную дѣятельность по подготовкѣ натиска на Правительство съ цѣлью захвата власти. Оборонческіе эсеровскіе круги въ лицѣ доктора Соколова и А. Иванова шли съ нимъ вмѣстѣ, имѣя, видимо, желаніе и послѣ вступленія въ Правительство продолжать борьбу съ большевиками, но самъ Скомороховъ, пользуясь ими, какъ прикрытіемъ въ глазахъ политическихъ противниковъ, имѣлъ другую цѣль — заключеніе мира. Онъ усиленно обрабатывалъ въ этомъ направленіи кооператоровъ и особенно представителей земства, подготовляя послѣднихъ къ активному выступленію противъ Правительства на предстоявшемъ 3 февраля Губернскомъ Земскомъ собраніи.

Въ бесѣдѣ съ Начальникомъ военныхъ сообщеній ген. Б., имѣвшимъ съ нимъ постоянныя сношенія, по поводу подводной повинности земства, онъ прямо заявилъ, что по его личному мнѣнію врядъ ли цѣлесообразно продолжать дальнѣйшую борьбу и намекнулъ, что необходимо выдвинуть къ власти элементы, которые могли бы безболѣзненно ликвидировать область. При этомъ онъ обнаружилъ чрезвычайную заботливость объ офицерахъ, заявивъ, что, конечно, надо принять всѣ мѣры къ обезпеченію ихъ личной неприкосновенности, для чего онъ согласенъ самъ войти въ списокъ заложниковъ за нихъ передъ большевиками. Не говоря уже о томъ, что его поручительство отнюдь не могло служить гарантіей чьей нибудь неприкосновенности, надо было имѣть очень много наивности, чтобы повѣрить въ искренность этихъ его заявленій, принимая во вниманіе ту злобу, которую онъ питалъ къ своимъ классовымъ врагамъ и которую онъ даже не пытался скрывать.

Зная близкія личныя отношенія ген. Б. къ Главнокомандующему, онъ, желая, чтобы его слова дошли до послѣдняго, подчеркнулъ необходимость считаться съ его совѣтами, такъ какъ «связи его съ фронтомъ очень прочны, что онъ можетъ доказать въ любую минуту».

Тревожное настроеніе, созданное паденіемъ другихъ фронтовъ и агитаціей большевиковъ, привлекло вниманіе къ эвакуаціонному вопросу въ связи съ возможнымъ паденіемъ Архангельскаго фронта. Еще въ періодъ ухода союзниковъ высшее командованіе рѣшило принять нѣкоторыя подготовительныя мѣры къ обезпеченію эвакуаціи населенія и войскъ на Мурманъ, который являлся нашимъ естественнымъ и ближайшимъ редюитомъ. Однако, мѣропріятія эти носили крайне несерьезный характеръ, давъ больше пищи для насмѣшки и негодованія. Вмѣсто того, чтобы отпустить Начальнику Мурманскаго края достаточное количество средствъ и командировать къ нему инженеровъ и, главное, рабочихъ, была создана цѣлая эвакуаціонная комиссія, во главѣ которой былъ поставленъ докторъ Б. Снабженіе его колоссальными полномочіями пріостановлять и отмѣнять въ случаѣ надобности распоряженія

мурманскихъ военныхъ и гражданскихъ властей, вызвало довольно остроумное присвоеніе ему титула «эвакуаціоннаго диктатора», что звучало чрезвычайно комично въ связи съ его маленькой штатской фигуркой. Однако, было и не до смѣха; на Мурманѣ, гдѣ и такъ не было единой авторитетной для всѣхъ власти, прибавилось еще одно административное лицо съ крупными полномочіями, а докторъ, кромѣ того, создалъ сейчасъ же внушительные штаты съ соотвѣтствующими окладами и суточными, что тоже вызвало въ обществѣ совершенно справедливыя нареканія, въ виду тѣхъ скромныхъ средствъ, которыми располагала область. Появленіе доктора Б. на Мурманѣ еще болѣе обострило имѣвшій тамъ мѣсто кризисъ рабочихъ рукъ, что вызвало тренія между нимъ и Начальникомъ Мурманскаго края, а дѣятельность его выразилась главнымъ образомъ въ вставленіи стеколъ въ многочисленныхъ оставленныхъ союзниками баракахъ.

Однако, въ эвакуаціонномъ вопросѣ всѣхъ не такъ интересовало будущее размѣщеніе, какъ средства и способы перехода на Мурманъ и обезпеченіе послѣдняго въ военномъ отношеніи. Для «успокоенія» публики по гражданской канцеляріи Главнокомандующаго было выпущено объявленіе, которое съ одной стороны всѣхъ раззабавило, а съ другой еще болѣе усилило тревогу. Начиналось оно съ указанія, что населеніе почему то склонно въ послѣднее время впадать «то въ черезчуръ оптимистическое, то въ чрезмѣрно нессимистическое» настроеніе, между тѣмъ никого не задерживали, когда уѣзжали союзники и всѣ желающіе могли эвакуироваться съ ними, такъ какъ въ дальнѣйшемъ наши власти на себя въ этомъ вопросѣ никакой отвѣтственности не принимали. Послѣ такого неутѣшительнаго введенія тѣмъ не менѣе было подчеркнуто, что планъ эвакуаціи выработанъ и «усвоенъ штабомъ», причемъ за отсутствіемъ достаточныхъ морскихъ средствъ предполагается, въ случаѣ неудачи на фронтѣ, планомѣрное отступленіе сухимъ путемъ на Мурманъ и на Печору. Послѣднее было особенно утѣшительно, такъ какъ въ конечномъ результатѣ все равно обрекало на эвакуацію въ руки большевиковъ, и почему для этого нужно было предварительно путешествовать на Печору, было совершенно непонятно.

Одновременно въ Штабѣ былъ разработанъ планъ отхода нашихъ войскъ на Мурманъ, который долженъ былъ совершиться по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Я помню, съ какимъ негодованіемъ мнѣ разсказывалъ о всѣхъ фантазіяхъ ген. К. въ этой области Начальникъ оперативнаго отдѣленія Штаба талантливый полковникъ Ген. Штаба К., которому была поручена разработка этой операціи. Точно дѣло шло на маневрахъ съ обозначеннымъ противникомъ или предстоялъ очередной эпизодъ національной войны, причемъ въ нашемъ распоряженіи находились прежніе лучшіе полки старой арміи, проникнутые единой національной идеей, боевыми традиціями и товариществомъ и безпрекословнымъ подчиненіемъ волѣ начальства, тогда какъ въ дѣйствительности шла гражданская война въ условіяхъ постоянной измѣны, предательства и возможности въ любой моментъ неожиданнаго образованія внутренняго фронта въ тылу.

Недаромъ на фронтѣ параллельно вели другую работу, организуя на случай катастрофы прочныя ячейки въ частяхъ и заранѣе взвѣшивая всѣ возможности, которыя могла создать причудливая дѣйствительность гражданской войны. Планы ген. К. расцѣнивались тамъ какъ штабныя фантазіи и

дѣятельность его вызывала такое недовѣріе, что считалось необходимымъ скрывать отъ него свои проекты.

Плохо обстояло дѣло и съ морскимъ транспортомъ. Уголь былъ на исходѣ, да и ледоколы все время осуществляли очередныя зданія по перевозкѣ продовольствія, такъ что одновременно въ Архангельскѣ никогда не находилось болѣе двухъ, а бывали періоды, когда оставался одинъ ледоколъ. Адмиралъ на укоры его въ Правительствѣ, совершенно резонно заявилъ, что онъ обо всемъ этомъ своевременно предупреждалъ, а на растерянные вопросы, какъ же эвакупроваться, посовѣтовалъ запастить валенками.

Не принималось никакихъ мѣръ и къ обезпеченію Мурманскаго редюита, а тамъ во многихъ отношеніяхъ было весьма неблагополучно. Военное командованіе находилось тамъ въ очень опытныхъ рукахъ въ смыслѣ чисто боевого руководства, но не ладилось дѣло снабженія, а главное, очень неспокойно было въ тылу, охрана котораго уже не входила въ компетенцію военнаго начальства и всецѣло лежала на обязанности Начальника Мурманскаго края г. Е.

Желѣзнодорожный транспортъ пришелъ въ полное разстройство изъ за отсутствія ремонта и топлива; обслуживавшій его составъ мелкихъ служащихъ былъ болѣе чѣмъ неблагонадеженъ въ политическомъ отношеніи, а нѣкоторые старшіе служащіе — инженеры позволили себѣ самовольно покинуть свои посты и эвакуировались съ англичанами. Для охраны громаднаго тыла, имѣвшаго въ глубину до 800 верстъ, не хватало людей, такъ какъ войскъ съ фронта снимать было нельзя, а милиція была немногочисленна и мало-надежна. Административный персоналъ былъ неопытенъ и крайне малочисленъ для обслуживанія такого большого края, органы юстиціи также почти отсутствовали. Функціи властей не были точно разграничены и въ тылу одновременно наводили порядокъ какъ военные отряды, высланные съ фронта, такъ и организованные Начальникомъ Мурманскаго края г. Е. Послѣдній послѣ ухода англичанъ совсѣмъ потерялъ голову, размѣнялся на мелочи, вмѣшиваясь лично во всѣ дѣла и входя изъ за этого въ пререканія съ неподчиненными ему вѣдомствами. Во всѣхъ областяхъ жизни тутъ же у него подъ бокомъ, въ самомъ Мурманскѣ, царили неразбериха и хаосъ и все кишѣло красными, а Начальникъ края находилъ возможнымъ наводить рѣзкую критику на центральное Правительство, посылая Главнокомандующему телеграммы, составленные въ недопустимомъ тонѣ, съ выкриками, что онъ не желаетъ признавать Правительства Сѣверной Области, а своимъ единственнымъ Начальникомъ считаетъ Главнокомандующаго, хотя имѣетъ силы и возможность поднять бунтъ и отдѣлиться. Ген. Миллеръ, называя такія телеграммы очередной истерикой, спокойно ихъ складывалъ въ ящики своего письменнаго стола, не придавая имъ серьезнаго значенія, хотя было извѣстно, что это не однѣ пустыя словесныя угрозы, но что Начальникъ края обзаводится собственной валютой и усиленно муссируетъ среди своихъ подчиненныхъ мысль о необходимости образовать какой то отдѣльный штатъ подъ покровительствомъ англичанъ. Несомнѣнно, что поводомъ къ такому сепаратизму служило неудовлетвореніе Архангельскомъ многихъ настоятельныхъ нуждъ Мурманскаго края, бывшаго на положеніи пасынка.

Таковы были порядки на Мурманѣ, который долженъ былъ быть въ случаѣ катастрофы нашимъ редюитомъ. Если онъ и держался, то благодаря крѣпкому фронту и наличію въ администраціи Олонецкой губерніи во главѣ

съ очень дѣльнымъ Начальникомъ Губерніи К., нѣсколькихъ опытныхъ уѣздныхъ начальниковъ вродѣ бывшаго земскаго дѣятеля Б-на и бывшаго лѣсничаго Т-на.

Наконецъ, жалобы, сыпавшіяся на г. Е. со всѣхъ сторонъ, собственныя его выходки и доклады всѣхъ командированныхъ на Мурманъ съ разными порученіями административныхъ лицъ привели Главнокомандующаго къ выводу, что дальше такое положеніе вещей не можетъ продолжаться. Начался длительный періодъ проектовъ и раздумій о томъ, какъ организовать тамъ власть. Ясно было, что надо было ввѣрить управленіе одному лицу, такъ какъ многовластіе вело тамъ къ полному безвластію, а между тѣмъ Штабъ Главнокомандующаго выступилъ съ проектомъ, согласно которому на Мурманѣ въ тылу учреждался военный округъ, въ подчиненіе къ которому входилъ Начальникъ Мурманскаго края, а фронтъ оставался самостоятельнымъ и по прежнему подчинялся Архангельску. Главнокомандующій, отвергнувъ этотъ проектъ, не нашелъ возможнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ ни подчинить Командующаго Войсками Мурманскаго раіона ген. С. во всѣхъ отношеніяхъ Начальнику Мурманскаго края, ни тѣмъ болѣе послѣдняго генералу С., заявивъ, что военное командованіе на Мурманѣ не въ достаточной степени обладаетъ административнымъ опытомъ и еще менѣе можетъ справиться со всѣми сложными вопросами въ области финансовой, административной и земельной, чѣмъ г. Е.

Вопросъ такъ и остался неразрѣшеннымъ, какъ въ смыслѣ организаціи правильнаго управленія края, такъ и въ смыслѣ оказанія ему реальной помощи по укрѣпленію порядка въ тылу. Наоборотъ, посланные на Мурманъ изъ Архангельска паровозы оказались никуда негодными, а вмѣсто усиленія тыла надежными элементами и поддержанія его въ военномъ отношеніи, въ Мурманскій портъ изъ Архангельска прибыла цѣлая флотилія судовъ съ краснымъ экипажемъ, который немедленно занялся большевистской пропагандой. На Мурманъ же были направлены освобожденные съ Іоканги солдаты, своевременно высланные туда съ Архангельскаго фронта за свою политическую неблагонадежность, прибывшій же изъ за границы отрядъ датчанъ добровольцевъ былъ изъ Мурманска переведенъ въ Архангельскъ.

Всѣ эти распоряженія вызвали очередные рѣзкіе и энергичные протесты, какъ г. Е., такъ и ген. С., которые однако никакого успѣха не имѣли и дальнѣйшій ходъ событій на Мурманѣ былъ предоставленъ неизбѣжному естественному теченію, имѣвшему для насъ весьма непріятныя послѣдствія.

Глава III

Совѣщаніе старшихъ начальниковъ съ Главнокомандующимъ и членами Временнаго Правительства. Неожиданный правительственный кризисъ

Создавшееся болѣе чѣмъ серьезное положеніе въ связи съ непринятіемъ какихъ либо существенныхъ мѣръ къ парализованію возможной катастрофы какъ со стороны Правительства и Главнокомандующаго, такъ и Штаба, гдѣ зарывшійся въ бумагу ген. К. пытался уложить нашу бурную,

напоминающую непрерывные взрывы работающаго бензино-мотора, жизнь въ канцелярскія формулы его резолюцій, — побудило нѣсколькихъ старшихъ начальниковъ и руководителей вѣдомствъ обсудить совмѣстно тѣ мѣропріятія, которыя надлежало принять въ спѣшномъ порядкѣ для выхода изъ создавшагося положенія. Въ эту группу, созданную по иниціативѣ генералъ-квартирмейстера Штаба ген. К., вошли кромѣ него предсѣдатель финансово-экономическаго совѣщанія и начальникъ Національнаго ополченія ген. С., начальникъ военныхъ сообщеній ген. Б. и я; кромѣ того на первыхъ засѣданіяхъ присутствовалъ Начальникъ гражданской канцеляріи Главнокомандующаго г. Ш. На первомъ же совѣщаніи, имѣвшемъ мѣсто въ началѣ января, было рѣшено всѣмъ вмѣстѣ пойти къ Главнокомандующему и, обрисовавъ ему существующую обстановку, побудить его на принятіе болѣе энергичныхъ мѣропріятій, такъ какъ онъ въ слишкомъ оптимистическихъ тонахъ расцѣнивалъ ее, находясь въ этомъ отношеніи подъ вліяніемъ Начальника Штаба, тогда какъ оставленный для связи при нашемъ Штабѣ послѣ ухода союзниковъ англійскій лейтенантъ Н. считалъ наше военное положеніе настолько непрочнымъ, что даже опредѣлилъ конечный срокъ нашего пребыванія въ области, заявивъ, что мы врядъ ли продержимся болѣе полутора, двухъ мѣсяцевъ.

Прибывъ къ Главнокомандующему, мы изложили ему подробно нашъ взглядъ на существующее положеніе, причемъ намѣтили тѣ мѣры, которыя по нашему единодушному мнѣнію должны были быть осуществлены въ срочномъ порядкѣ.

Исходя изъ того, что мы остались одни противъ противника, располагавшаго колоссальными силами, мы указали на необходимость немедленнаго установленія самыхъ дружественныхъ отношеній съ тѣми изъ новыхъ окраинныхъ государствъ, которыя находились въ состояніи войны съ большевиками, а, въ частности, съ Финляндіей, войска которой примыкали къ нашимъ и представитель военнаго командованія которой находился при Мурманскомъ Штабѣ. Предположено было отправить въ Финляндію особую миссію для обезпеченія себѣ на извѣстныхъ условіяхъ болѣе активной помощи, а также для принятія подготовительныхъ мѣръ къ предоставленію намъ убѣжища въ случаѣ катастрофы. Такъ какъ къ этому времени чрезвычайно обострился карельскій вопросъ, причемъ нѣкоторыя волости выступили противъ насъ съ оружіемъ въ рукахъ, захвативъ заложникомъ одного изъ уѣздныхъ начальниковъ Олонецкой губерніи бар. Т. и угрожая перерывомъ сообщенія на Мурманской жел. дорогѣ, то предположено было войти черезъ особую миссію въ переговоры съ такъ называемымъ Ухтинскимъ карельскимъ правительствомъ и урегулировать этотъ вопросъ также съ Финляндіей черезъ посылаемую туда миссію.

Въ связи съ карельскимъ вопросомъ было обращено особое вниманіе на Мурманскій раіонъ, какъ на наше будущее убѣжище въ случаѣ катастрофы; было указано на необходимость скорѣйшей смѣны Начальника Мурманскаго края г. Е., обострившаго, между прочимъ, наши отношенія съ карелами, и на принятіе цѣлаго ряда мѣръ по военному и гражданскому управленію для обезпеченія этого нашего единственнаго редюита. Вопросъ возможной эвакуаціи также былъ обсужденъ самымъ обстоятельнымъ образомъ, съ указаніемъ на необходимость улучшить немедленно дороги на Мурманъ и принять экстренныя мѣры къ обезпеченію насъ углемъ и морскими перевозоч-

ными средствами, а также къ созданію за границей извѣстнаго валютнаго фонда, дабы, въ случаѣ катастрофы, бѣженцы Сѣверной Области не очутились въ безвыходномъ положеніи. Но особое вниманіе было удѣлено конечно укрѣпленію нашего фронта и обезпеченію порядка въ тылу. Не задолго до этого состоялся первый съѣздъ Командующихъ войсками ближайшихъ раіоновъ для совмѣстнаго совѣщанія съ Главнокомандующимъ и чинами Штаба, на которомъ уже было обнаружено, въ чемъ болѣе всего нуждаются войска. Командующіе войсками жаловались на неудовлетворительную постановку агитаціи и пропаганды, особенно въ тылу, а также указывали на необходимость улучшенія продовольственнаго вопроса и организаціи транспорта.

Дѣйствительно, въ области снабженія были крупные недочеты и чувствовалось неумѣніе использовать нашъ богатый рыбой, дичью и оленьимъ мясомъ край. Во главѣ снабженія стоялъ подчиненный Начальнику Штаба честный и старательный, но престарѣлый и никогда въ жизни этимъ дѣломъ не занимавшійся ген. Б., который съ усердіемъ дѣлилъ оставленные намъ англичанами консервы «по расчету $^3/_8$ банки на $5^1/_2$ человѣкъ», какъ острили по этому поводу въ строю. Неважно также обстояло дѣло и съ транспортомъ. въ чемъ, правда, больше вины падало не на отдѣлъ военныхъ сообщеній, а на земство, которое, боясь крестьянъ и играя на популярность среди населенія, принимало всѣ мѣры къ тому, чтобы избавить его отъ ненавидимой имъ подводной повинности и не выполняло заданій Отдѣла военныхъ сообщеній, который за это подвергался нападкамъ со стороны фронта.

Такъ какъ послѣ съѣзда Командующихъ войсками никакихъ рѣшительныхъ мѣръ къ устраненію указанныхъ дефектовъ Штабомъ принято не было, то совѣщаніе обратило вниманіе Главнокомандующаго на необходимость отдѣленія снабженія и отдѣла военныхъ сообщеній отъ Штаба, на точномъ основаніи Положенія о полевомъ Управленіи войскъ, съ освобожденіемъ ген. Б. отъ лично тяготившихъ его обязанностей, съ которыми онъ съ очевидностью для всѣхъ не справлялся.

Ген. Б. былъ уволенъ и снабженіе, отдѣленное отъ Штаба, было ввѣрено въ опытныя руки ген. С., который прежде занималъ этотъ постъ въ арміи во время національной войны, обладалъ громаднымъ опытомъ въ этомъ дѣлѣ, а какъ предсѣдатель финансово-экономическаго совѣта Сѣверной Области, великолѣпно былъ знакомъ съ положеніемъ мѣстнаго рынка и могъ использовать широко свои связи съ торгово-промышленнымъ міромъ. Къ сожалѣнію, назначеніе его состоялось приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ нашего перваго совѣщанія и по своему обыкновенію мы и съ этой мѣрой запоздали.

Наше маленькое совѣщаніе имѣло возможность повторить всѣ свои соображенія передъ приглашеннымъ Главнокомандующимъ членами Правительства въ лицѣ Предсѣдателя П. Ю. Зубова и Управляющаго Отдѣломъ Торговли и Промышленности г. К., послѣ чего всѣ предположенія совѣщанія были предметомъ обсужденія въ Правительствѣ, въ результатѣ какового были намѣчены миссіи въ Финляндію — во главѣ съ Начальникомъ военныхъ сообщеній ген. Б. и въ Карелію — во главѣ съ генералъ-квартирмейстеромъ ген. К., которые послѣ снабженія ихъ надлежащими полномочіями и отбыли по своему назначенію.

Для поднятія настроенія въ войскахъ на фронтѣ выѣхали члены комиссіи земско-городского совѣщанія по оборонѣ, принадлежавшіе какъ къ правому, такъ и къ соціалистическому блоку, причемъ среди послѣднихъ необходимо отмѣтить А. Иванова (правый эсеръ), который до конца выполнилъ свой долгъ и старался въ своихъ рѣчахъ доказать необходимость продолженія самой упорной борьбы съ большевиками.

Къ означенному періоду относится также неожиданно создавшійся правительственный кризисъ. Почти всѣ члены Правительства принадлежали къ Союзу Возрожденія Россіи и, такъ какъ дѣятельность ихъ вызывала рѣзкую критику со стороны демократическихъ элементовъ, то Архангельское отдѣленіе союза рѣшило устроить экстренное собраніе всѣхъ членовъ, дабы обсудить создавшееся положеніе.

На этомъ совѣщаніи, численный составъ котораго выразился въ весьма скромной цифрѣ, если не ошибаюсь, 17 человѣкъ, дѣятельность принадлежавшихъ къ союзу членовъ Правительства подверглась самой ожесточенной критикѣ со стороны остальныхъ членовъ союза, причемъ, какъ мнѣ хорошо извѣстно, критика эта носила совершенно безпредметный характеръ перебранки и личныхъ выпадовъ на почвѣ того нервнаго настроенія, которое создалось тогда въ Архангельскѣ. Тѣмъ не менѣе, члены Правительства, не находя поддержки въ своей средѣ, рѣшили сложить свои полномочія и вручили свои портфели Главнокомандующему, который попросилъ ихъ временно продолжать работу.

Такимъ образомъ, въ самый отвѣтственный моментъ передъ созывомъ земскаго собранія, которое должно было открыться 3 февраля, когда ожидался очередной натискъ на Правительство и внутреннее положеніе области стало особенно тревожнымъ, Временное Правительство само усугубило серьезность положенія, придавъ своему существованію вдвойнѣ временный характеръ. Недаромъ въ широкихъ кругахъ архангельскаго общества членовъ его рѣзко осуждали за такой шагъ, приписывая ту легкость, съ которой они разстались со своими портфелями, отсутствію гражданскаго мужества и нежеланію нести бремя власти въ столь тяжкій и отвѣтственный моментъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ членовъ Правительства заговорили о своемъ чрезмѣрномъ утомленіи и желаніи для отдыха отбыть заграницу.

Въ первыхъ числахъ февраля состоялось второе совѣщаніе Главнокомандующаго и старшихъ чиновъ Штаба съ Командующими войсками раіоновъ, на которое пріѣхали только ген. В. и ген. Д., командовавшіе ближайшими раіонами — Двинскимъ и Желѣзнодорожнымъ. Совѣщаніе это совпало съ состоявшимся 3 февраля открытіемъ Губернскаго Земскаго Собранія, сразу же поведшимъ энергичную атаку на Правительство, — и успѣло подѣлиться главнымъ образомъ тревожными опасеніями, какъ бы вновь затѣваемая политическая борьба не сорвала намъ фронта; къ детальному обсужденію многочисленныхъ вопросовъ, возбужденныхъ Штабомъ, перейти не удалось, такъ какъ 4 Февраля большевики начали энергичное наступленіе на Двинѣ, которое постепенно вылилось въ бои на всѣхъ участкахъ Архангельскаго фронта, что вызвало экстренный отъѣздъ туда Командующихъ войсками. Было извѣстно, что непріятель рѣшилъ сдѣлать серьезную попытку ликвидировать насъ, а въ случаѣ ея неудачи собирался оставить занимаемыя имъ

въ то время позиціи, не имѣя возможности изъ-за отсутствія транспорта поддерживать сообщеніе на своихъ громадныхъ коммуникаціонныхъ линіяхъ. Мы вступили въ самый рѣшительный фазисъ борьбы.

Глава IV

Попытка Архангельскаго Губернскаго Земскаго Собранія захватить власть въ свои руки. Возстаніе въ 3 Сѣв. стрѣлк. полку. Образованіе новаго Правительства

Если Земско-Городское Совѣщаніе могло претендовать на политическую роль, такъ какъ въ немъ было сосредоточено представительство населенія всей области и оно представляло собой органъ, выходившій по своему назначенію и цѣлямъ изъ рамокъ хозяйственной дѣятельности мѣстныхъ органовъ самоуправленія, то Архангельское Губернское Земское Собраніе отнюдь не могло претендовать на эту роль, такъ какъ въ составъ его не входили представители города Архангельска и Мурманскаго края, включившаго въ себя значительную часть Олонецкой губерніи, гдѣ функціонировали свои органы земскаго самоуправленія.

Между тѣмъ, открывшееся 3 Февраля подъ предсѣдательствомъ Скоморохова Губернское Земское Собраніе сразу же отложило въ сторону всѣ хозяйственные вопросы, для разрѣшенія которыхъ оно было созвано по закону, и выступило на путь самой рѣшительной политической борьбы. Засѣдавія приняли сразу же характеръ митинга, причемъ на повѣсткахъ оказались вопросы о реконструкціи власти и цѣлесообразности продолженія дальнѣйшей вооруженной борьбы. Встревоженный Главнокомандующій попросилъ посѣтить собраніе Управляющаго Отдѣломъ Народнаго Просвѣщенія М. М. Федорова, который какъ членъ Правительства менѣе другихъ вызывалъ нападки со стороны крайнихъ демократическихъ элементовъ, но послѣдній никакъ не могъ добиться, въ чемъ собственно конкретно состояли тѣ правительственные промахи, которые вызвали такіе яростные нападки на Правительство.

Между тѣмъ, страсти митинговавшей аудиторіи разгорались все больше и больше и, наконецъ, при обсужденіи вопроса о продолженіи вооруженной борьбы дошло уже до прямыхъ призывовъ къ измѣнѣ. Партійный составъ собранія, состоявшаго изъ 40 человѣкъ, былъ однороденъ, въ виду принадлежности почти всѣхъ его членовъ къ эсерамъ, однако при голосованіи упомянутаго вопроса они раскололись на три группы. Правая группа въ 8 человѣкъ, во главѣ съ А. Ивановымъ, обнаружила ярко оборончеекія тенденціи, идя подъ лозунгомъ борьбы до конца. Центръ, насчитывавшій 22 члена, придерживался черновской политики колебаній и виляній, указывая на возможность и необходимость борьбы «постольку, поскольку» Правительство пойдетъ на уступки и подчинится требованіямъ собранія, а также въ зависимости отъ общей обстановки и военнаго положенія области, и, наконецъ, лѣвая группа въ 8 человѣкъ взяла рѣзко пораженческій тонъ, настаивая на немедленномъ прекращеніи борьбы, съ указаніемъ, что въ случаѣ сопротивленія офицеровъ ихъ надо связать и выдать большевикамъ, такъ

какъ съ контръ-революціонерами «и бѣло-гадами» нечего стѣсняться, разъ они не желаютъ подчиниться народной волѣ. Все это конечно стало достояніемъ широкой публики и въ томъ числѣ солдать.

Обезпокоенный Главнокомандующій вызвалъ къ себѣ для объясненій Скоморохова, А. Иванова и Едемскаго (тоже членъ собранія), но если послѣдніе двое и склонны были идти на нѣкоторыя уступки, то Скомороховъ смотрѣлъ волкомъ и прямо заявилъ, что Главнокомандующій обязанъ подчиниться народной волѣ, хотя бы таковая высказалась за миръ, причемъ добавилъ, что можетъ быть и онъ самъ склоненъ къ тому, что дальнѣйшая борьба безполезна.

Выжидательная позиція, занятая Правительствомъ и Главнокомандующимъ въ отношеніи собранія, создала въ немъ представленіе о полной капитуляціи передъ нимъ законныхъ властей и собраніе рѣшило встать на путь активныхъ выступленій въ видѣ очередного coup d'état. Была составлена и принята декларація, въ которой послѣ обвиненія Временнаго Правительства въ контръ-революціонности послѣднее приглашалось немедленно сложить свои полномочія и передать таковыя Земскому Собранію, которое объявлялось законодательнымъ органомъ и должно было выдѣлить изъ своей среды отвѣтственное передъ нимъ Правительство. Декларація эта была принята поздней ночью, причемъ Собраніе первоначально рѣшило всѣмъ составомъ направиться къ Главнокомандующему для предъявленія ему ея въ ультимативной формѣ.

Эти наглыя выходки, учиняемыя въ то время, когда на Двинскомъ фронтѣ положеніе съ часу на часъ становилось все хуже и хуже, когда наши немногочисленныя войска въ составѣ 4 Сѣв. стрѣлк. полка и Шенкурскаго баталіона должны были подъ натискомъ свѣжихъ превосходныхъ силъ непріятеля очистить позиціи, предварительно разгромленныя тяжелой артиллеріей красныхъ, и продолжали, хотя и медленно, свое отступленіе, геройски цѣпляясь за каждый клочекъ земли, — вывели изъ себя даже спокойнаго и уравновѣшеннаго ген. Миллера, и имъ была приготовлена комендантская рота запаснаго полка для ликвидаціи возникшаго инцидента. Зная, что бывшіе красноармейцы, изъ которыхъ состоялъ полкъ, расправятся съ измѣнниками самымъ безпощаднымъ образомъ, собраніе благоразумно рѣшило уклониться отъ прогулки къ Главнокомандующему и делегировало для этого своихъ двухъ членовъ, А. Иванова и Едовина (бывшій членъ Временнаго Правительства), которые и прибыли къ Главнокомандующему около часу ночи. Ознакомившись съ декларацією, Главнокомандующій заявилъ, что онъ дастъ отвѣтъ на нее на слѣдующій день, но при этомъ просилъ предупредить членовъ собранія, что если они будутъ настаивать на немедленномъ претвореніи ихъ декларацій въ жизнь, то онъ принужденъ будетъ отнестись къ врученному документу такъ, какъ онъ того заслуживаетъ, и передать его немедленно судебнымъ властямъ для привлеченія составителей къ законной отвѣтственности.

На слѣдующій день утромъ, прибывъ къ Главнокомандующему, я былъ немедленно приглашенъ къ нему, гдѣ я засталъ Начальника Штаба ген. К. и Начальника Національнаго ополченія генерала С.; Главнокомандующій, подѣлившись съ нами впечатлѣніями отъ предыдущей тревожной ночи, заявилъ, что онъ въ 12 час. дня ѣдетъ самъ на засѣданіе Земскаго Собранія

для ликвидаціи возникшаго инцидента, и попросилъ подѣлиться тѣми соображеніями, которыми можно было бы дополнить его предполагаемое обращеніе къ Земскому собранію. Ген. С., какъ предсѣдатель финансово-экономическаго совѣта, уже былъ въ качествѣ члена Правительства освѣдомленъ о всемъ и заявилъ, что онъ ничего не имѣетъ добавить къ тому, что говорилось имъ въ Правительствѣ, уже обсуждавшемъ этотъ вопросъ. Ознакомившись съ проектомъ отвѣта ген. Миллера, я лично предложилъ дополнить его развитіемъ слѣдующей мысли. Борьба на территоріи Сѣверной Области началась не въ силу мѣстныхъ интересовъ, а во всероссійскомъ масштабѣ при участіи въ ней вооруженныхъ союзныхъ силъ, причемъ образовавшіе Верховное Управленіе Сѣверной Области члены Всероссійскаго Учредительнаго Собранія подчеркнули этотъ всероссійскій характеръ борьбы, начиная всѣ свои акты съ воззванія: «Во имя спасенія Родины и революціи». Во главѣ Правительства Сѣверной Области находится Н. В. Чайковскій, въ лицѣ котораго осуществляется преемственность власти и который вмѣстѣ съ тѣмъ является въ Парижѣ и представителемъ Всероссійскаго Правительства. Если признавать возможность за каждымъ изъ земскихъ собраній въ Россіи самовольное, въ порядкѣ захвата власти, принятіе на себя значенія законодательнаго органа, то этимъ сознательно становятся на путь анархіи и внутренней борьбы, ибо тогда вся территорія Россіи покроется такими парламентами, которые еще болѣе углубятъ взаимныя распри. За примѣромъ ходить недалеко, ибо Архангельская Городская Дума вовсе не склонна подчиниться рѣшенію Губернскаго Земскаго Собранія и протестуетъ противъ его попытокъ къ захвату власти самымъ энергичнымъ образомъ. Въ виду этого я считалъ необходимымъ предложить собранію аннулировать принятую имъ декларацію и встать на путь мирнаго сотрудничества съ властью для сформированія новаго Правительства изъ представителей всѣхъ политическихъ теченій на условіи преемственности власти въ лицѣ Н. В. Чайковскаго.

Главнокомандующій, дополнивъ свои замѣтки изложенными выше соображеніями, отправился на засѣданіе Земскаго Собранія, гдѣ въ подробной рѣчи подѣлился съ членами собранія своими взглядами на переживаемый моментъ. Онъ подробно остановился на безпочвенной критикѣ Правительства, указавъ, что хозяйственная дѣятельность земства, которому приходится разрѣшать гораздо болѣе скромныя задачи, чѣмъ Правительству, тоже далеко не на высотѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркнулъ, что собраніе, требуя ухода Правительства, ломится въ открытыя двери, такъ какъ ему прекрасно извѣстно, что всѣ члены Правительства уже сложили свои полномочія и лишь временно исполняютъ свои обязанности. Не имѣя ничего противъ включенія въ составъ новаго Правительства представителей Земскаго Собранія, Главнокомандующій категорически отвергнулъ монопольное право послѣдняго на представительство интересовъ всего края, указавъ, что при сформированіи новаго Правительства онъ станетъ на путь использованія всѣхъ безъ исключенія политическихъ теченій, представители которыхъ находятся не только въ Земскомъ Собраніи.

Развивъ изложенные выше тезисы о преемственности власти и о веденіи борьбы во всероссійскомъ масштабѣ, Главнокомандующій подчеркнулъ также, что онъ не считаетъ возможнымъ отступить отъ этихъ принциповъ въ силу международныхъ отношеній, ибо онъ не увѣренъ, что корабли, везущіе въ область хлѣбъ и другіе предметы продовольствія и снаряженія въ адресъ

Правительства Чайковскаго, не повернуть свой носъ въ другую сторону подъ вліяніемъ рискованныхъ политическихъ экспериментовъ Земскаго Собранія.

Закончивъ свое слово, произведшее весьма сильное впечатлѣніе, Главнокомандующій, уже покидая собраніе, еще разъ обратился къ нему съ просьбой подумать надъ тѣмъ, куда оно толкаетъ область своими опрометчивыми рѣшеніями, и попросилъ собраніе болѣе ясно опредѣлить свое отношеніе къ вооруженной борьбѣ, такъ какъ занятая имъ въ этомъ вопросѣ позиція вызываетъ немалое смущеніе какъ въ населеніи, такъ и въ войскахъ.

Слова эти возымѣли свое дѣйствіе, декларація была положена подъ сукно, а Земское Собраніе обратилось къ войскамъ съ воззваніемъ, призывая спокойно продолжать борьбу, такъ какъ оно взяло на себя охраненіе политическихъ интересовъ передъ Правительствомъ, сформированіе котораго ведется при его участіи.

Большую поддержку Главнокомандующему въ эти тревожные дни оказала Архангельская Городская Дума, обратившаяся къ нему съ особымъ адресомъ, въ которомъ она въ рѣзкой формѣ критиковала позицію, занятую Губернскимъ Земскимъ Собраніемъ и заявляла о готовности отдать всѣ свои силы на защиту провозглашенныхъ Главнокомандующимъ идей. Вообще Архангельское населеніе, за исключеніемъ крайнихъ лѣвыхъ элементовъ, было все настроено враждебно къ политическому курсу, принятому Земскимъ Собраніемъ, что, видимо, и побудило послѣднее объявить себя единственнымъ правомочнымъ законодательнымъ органомъ области, такъ какъ оно не расчитывало въ порядкѣ созыва Земско-Городского Совѣщанія склонить къ принятому имъ образу дѣйствія членовъ Городской Думы. Оборонческая группа Земскаго Собранія состояла преимущественно изъ представителей волостей Печорскаго края и Пинежскаго раіона, только что освобожденныхъ отъ большевиковъ, гдѣ всѣ достаточно вкусили прелесть большевистскаго режима и не склонны были вновь подвергнуться ему. Къ сожалѣнію, это было невразумительно для Скоморохова и его политическихъ друзей, которыхъ неизжитая классовая злоба толкала въ объятія большевиковъ.

Началось сформированіе новаго Правительства, что выпало на долю самого Главнокомандующаго, который одинъ удѣлѣлъ изъ прежняго его состава, съ одной стороны какъ представитель Всероссійской власти по должности Главнокомандующаго, а съ другой потому, что вступленіе его въ составъ Правительства не только не встрѣчало возраженій, но привѣтствовалось всѣми, безъ различія партій, настолько онъ сумѣлъ завоевать симпатіи всѣхъ своей аполитичностью и умѣніемъ во время политическихъ кризисовъ соблюдать строгій нейтралитетъ среди борющихся. Но еще болѣе приходилось считаться съ той популярностью, которой пользовалось его имя во всѣхъ слояхъ населенія и въ войскахъ, гдѣ было извѣстно, какъ онъ, не жалѣя себя, работаетъ съ утра до вечера, руководимый одной заботой — обезпечить благополучіе ввѣренныхъ ему войскъ.

Жалко было въ эти дни смотрѣть на него, настолько онъ имѣлъ измученный видъ отъ всѣхъ этихъ нескончаемыхъ разговоровъ съ мѣстными лидерами политическихъ группъ и партій, въ то время, когда вѣсти съ фронта носили все болѣе и болѣе тревожный характеръ. Если лѣвые обнаруживали узкую партійность и непримиримость, неохотно идя на встрѣчу идеѣ сформированія коалиціоннаго кабинета и ссылаясь на уже имѣвшій мѣсто неудачный опытъ Земско-Городского Совѣщанія, то съ правыми было еще труд-

нѣе разговаривать, потому что здѣсь остро чувствовался недостатокъ въ людяхъ, а во взглядахъ царили полнѣйшій хаосъ и неразбериха.

Каждый день приходилось вести бесѣды съ Главнокомандующимъ, причемъ я, какъ и нѣкоторые другіе старшіе чины арміи, въ лицѣ Командующихъ войсками раіоновъ генераловъ Д. и В., считали своимъ долгомъ предупредить его, что въ предѣлахъ проведенія оборонческой программы для насъ партійный составъ Правительства совершенно безразличенъ, поэтому мы будемъ привѣтствовать вступленіе въ него такихъ дѣятелей какъ А. Ивановъ и другихъ правыхъ эсеровъ, но появленіе у власти господъ вродѣ Скоморохова вызоветъ нашъ немедленный уходъ, ибо мы не желаемъ сознательно предавать себя въ руки непріятеля.

Реконструкція власти совпала и съ перемѣнами въ командномъ составѣ. Ген. К., въ виду общаго отрицательнаго отношенія къ нему въ военныхъ кругахъ, а также недовольный отдѣленіемъ отъ него отдѣла снабженія, ввѣреннаго ген. С., покинулъ постъ Начальника Штаба Главнокомандующаго и лишь временно исполнялъ свои обязанности. Главнокомандующій по своему обыкновенію медлилъ съ вопросомъ объ его замѣстителѣ и, хотя предложилъ этотъ постъ Командующему войсками Мурманскаго раіона ген. С., но не вызывалъ его съ Мурмана, считая невозможнымъ въ такой отвѣтственный моментъ мѣнять тамъ командованіе. Между тѣмъ, дальнѣйшее пребываніе ген. К. у власти вызывало такое неудовольствіе въ арміи, что свѣдѣнія объ этомъ проникли въ отвѣтственные политическіе круги, которые выступили со своими кандидатами передъ ген. Миллеромъ. Послѣдній совершенно правильно отклонилъ это вмѣшательство въ сферу его спеціальныхъ правъ, но, съ другой стороны, этотъ вопросъ такъ и остался неразрѣшеннымъ до паденія фронта.

Вопросъ съ формированіемъ новаго Правительства принялъ затяжной характеръ, главнымъ образомъ, изъ-за отдѣла финансовъ, торговли и промышленности, на руководство которымъ предъявили особую претензію торгово-промышленные круги, заявивъ, что они не заинтересованы въ распредѣленіи другихъ портфелей. Это неосторожное выступленіе, обнаружившее при этомъ стремленіе охранить только свои спеціальные интересы, повлекло за собой настойчивое требованіе лѣвыхъ круговъ предоставить управленіе этимъ отдѣломъ Управляющему Государственнымъ Банкомъ г. Р., который къ этому времени прочно связалъ себя черезъ Арбюро съ представителями соціалистическихъ партій и пріобрѣлъ себѣ тамъ исключительную популярность своимъ проектомъ о національзаціи внѣшней торговли, такъ взволновавшимъ въ свое время торгово-промышленные круги. Его кандидатура встрѣтила рѣзкій протестъ со стороны послѣднихъ и неизвѣстно, какъ бы мы выбрались изъ этихъ взаимно исключающихъ противорѣчій, если бы обрушившіяся на насъ несчастія не побудили пойти на взаимныя уступки; новое Правительство въ концѣ концовъ было сконструировано; однако, это совершилось въ такой моментъ, когда уже никто не могъ насъ спасти отъ неминуемой гибели.

Какъ я уже упомянулъ выше, 4 Февраля началось наступленіе на Двинѣ, которое постепенно вылилось въ общее сраженіе на всѣхъ ближайшихъ къ Архангельску участкахъ фронта. Особенно ожесточенный характеръ носили бои въ Селецкомъ раіонѣ, гдѣ большевики вели повторныя атаки на Средь-Михреньгу, упорно защищаемую 7 Сѣв. стрѣлк. полкомъ, въ составъ кото-

раго входили Тарасовскіе партизане, зубами державшіеся за свои родныя деревни. Атака слѣдовала за атакой, но сломить упорное сопротивленіе партизанъ не удавалось. Отошедшія со своихъ позицій войска Двинскаго фронта, благодаря Шенкурскимъ добровольцамъ, тоже остановились, причемъ возникла надежда съ подходомъ туда резерновъ окончательно ликвидировать въ этомъ направленіи дальнѣйшее продвиженіе большевиковъ. Но въ этотъ моментъ прибыло потрясающее извѣстіе съ Желѣзнодорожнаго фронта.

Въ ночь съ 6 на 7 Февраля взбунтовался 3 Сѣв. стрѣлк. полкъ, открывъ фронтъ непріятелю. Полученныя вскорѣ шифрованныя телеграммы Командующаго войсками ген. В. указывали на причастность къ возстанію членовъ Земскаго Собранія Скоморохова и др., вслѣдствіе чего мною немедленно были командированы для разслѣдованія военно-слѣдственныя власти. Законченное въ теченіе нѣсколькихъ дней предварительное слѣдствіе, а также разсказы одного изъ офицеровъ, руководившихъ подавленіемъ возстанія, возстановили во всей полнотѣ картину послѣдняго.

Числа 5, 6 Февраля агентами контръ-развѣдки совершенно случайно, благодаря неосторожной болтовнѣ одного лежавшаго въ лазаретѣ больного матроса, была открыта преступная организація въ одной изъ морскихъ стрѣлковыхъ ротъ, расположенной на Желѣзнодорожномъ фронтѣ; эта организація поставила своей цѣлью открытіе фронта непріятелю и вошла для этого въ сношеніе съ такой же группой въ 3 Сѣв. стрѣлк. полку, стоявшемъ въ это время на позиціяхъ у группы деревень, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Деніславье. Предполагалось немедленно по отводѣ 3 Сѣв. стрѣлк. полка въ резервъ и замѣнѣ его Архангелогородскимъ стрѣлк. полкомъ поднять возстаніе въ тылу этого полка, чтобы одновременно увлечь и этотъ послѣдній за собой, такъ какъ онъ обнаруживалъ колебаніе и особой увѣренности въ томъ, что онъ тоже выступитъ, не было, и, такимъ образомъ, обнажить на этомъ участкѣ фронтъ, что повлекло бы по плану возставшихъ и измѣну стоявшаго на самой желѣзной дорогѣ 6 Сѣв. стрѣлк. полка, недовольнаго тѣмъ, что его долго не смѣняютъ съ позицій. Такъ какъ допросомъ 11 матросовъ, входившихъ въ преступную организацію, были точно установлены фамиліи заговорщиковъ 3 Сѣв. стрѣлк. полка, то командиру послѣдняго подполковнику П. было сообщено требованіе арестовать ихъ. Послѣдній, получивъ списокъ, былъ ошеломленъ его составомъ, такъ какъ въ него входили наиболѣе преданные и надежные съ его точки зрѣнія солдаты, составлявшіе личную охрану штаба и такъ называемую службу связи, поэтому онъ заколебался и началъ выяснять, не произошло ли недоразумѣнія. Между тѣмъ, видимо, свѣдѣнія о предполагаемомъ арестѣ проникли въ среду заговорщиковъ, они рѣшили ускорить свое выступленіе и въ ночь съ 7 на 8 Февраля ими было поднято возстаніе. Стоявшія на позиціяхъ роты, захвативъ 12 человѣкъ своихъ офицеровъ, перешли къ противнику. Въ это время другія возставшія роты, расположенныя въ деревнѣ, захватили стоявшія тамъ орудія, прислуга которыхъ, не желая присоединиться къ бунтовщикамъ, ушла прочь. Одновременно въ сосѣдней деревнѣ бунтовщиками были также арестованы офицеры и къ нимъ былъ приставленъ караулъ. Оставшаяся вѣрной своему долгу артиллерія, расположенная недалеко отъ этихъ двухъ деревень, открыла огонь сначала по ближайшей деревнѣ, гдѣ были захвачены пушки, вслѣдствіе чего бунтовщики бросили ихъ и сбѣжали, а прислуга

этихъ орудій подъ напряженіемъ офицеровъ возвратилась на мѣста. Послѣ этого орудійный огонь былъ перенесенъ на ту деревню, гдѣ находились арестованные офицеры, причемъ окарауливавшіе ихъ бунтовщики разбѣжались. Въ это время началось наступленіе большевиковъ, во главѣ которыхъ шли уже соединившіеся съ ними бунтовщики. Батарея, стоявшая въ деревнѣ, открыла по нимъ огонь, а оставшіеся вѣрными долгу стрѣлки во главѣ съ командиромъ полка подполк. П. отбили атаку пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ. Однако, силы были слишкомъ неравны и маленькая группа, человѣкъ въ сто, такъ быстро таяла, что пришлось оставить Денисславье, тѣмъ болѣе, что противникъ уже сталъ заходить въ тылъ, причемъ отступавшіе попали при этомъ подъ сильный пулеметный огонь, которымъ имъ были причинены тяжелыя потери и, въ частности, у подполк. П. была раздроблена лѣвая рука.

Измѣна 3 Сѣв. стрѣлк. полка повлекла за собой неисчислимыя бѣдствія и ее несомнѣнно нужно считать началомъ конца. Стоявшій въ резервѣ батальонъ этого полка вызывалъ столь основательныя подозрѣнія, что его не рѣшались вводить въ боевую линію. Архангелогородскій полкъ двинулся на позицію съ явнымъ неудовольствіемъ, и вѣры въ его прочность не было, такъ какъ онъ былъ укомплектованъ изъ красноармейцевъ, лучшіе изъ которыхъ уже полегли въ бояхъ, а оставшіеся, благодаря неуспѣхамъ на другихъ фронтахъ, обнаружили тенденцію къ дезертирству, стараясь при этомъ миновать и красныя войска и стремясь пробраться незамѣченными домой. Высланные въ развѣдку или въ полевой караулъ часто обратно не возвращались, причемъ иногда у оставленныхъ винтовокъ находили записки съ просьбой не винить ихъ за измѣну, такъ какъ, не видя конца борьбѣ, они соскучились по роднымъ и рѣшили пробраться домой. Морскія стрѣлковыя роты были уведены въ тылъ и разоружены, а 6 Сѣв. стрѣлк. полкъ вызывалъ также массу опасеній въ виду его недовольства продолжительнымъ стояніемъ на позиціяхъ.

Такимъ образомъ, на самомъ главномъ участкѣ фронта создалось чрезвычайно непрочное положеніе, вызванное не побѣдой большевиковъ, а измѣной. Непріятель не располагалъ въ этомъ направленіи хорошими частями и показаніями офицеровъ, которые были сначала арестованы, а затѣмъ брошены своимъ конвоемъ и послѣ этого, застрявъ изъ-за артиллерійскаго огня въ деревнѣ, сдѣлались невольными свидѣтелями наступленія большевиковъ, было установлено, что красныя войска шли въ бой неохотно, понукаемыя площадной бранью и ударами палокъ.

Честь большевистской побѣды выпала на долю членовъ Земскаго Собранія гг. Скоморохова, Едовина и Едемскаго, такъ какъ разслѣдованіемъ была установлена связь ихъ съ заговорщиками въ лицѣ роднаго брата послѣдняго, унтеръ-офицера Едемскаго, состоявшаго при Штабѣ полка и др. Пропаганда велась подъ лозунгомъ мира съ большевиками при соблюденіи трехъ условій: 1) Земля должна была остаться въ пользованіи у крестьянъ на существующихъ въ Сѣверной Области условіяхъ, 2) Войска Сѣверной Области могли быть употреблены только для караульной службы въ ея предѣлахъ, и 3) Виновники гражданской войны (очевидно — офицеры) подлежали выдачѣ большевикамъ.

Тѣмъ же разслѣдованіемъ было установлено, что въ тылу фронта въ деревняхъ велась также пропаганда за немедленный миръ, причемъ крестьянъ увѣряли, что ген. Миллеръ уже уѣхалъ съ офицерами. Недаромъ

многихъ пріѣзжавшихъ въ деревню по дѣламъ лѣсниковъ и инженеровъ поражало, что крестьяне очень интересовались тѣмъ, находится ли еще Главнокомандующій въ Архангельскѣ.

Такимъ образомъ очередное предательство совершилось, предательство гнусное и безсмысленное, ибо изъ него, какъ и всегда, пользу извлекли не сами предатели, а большевики. Для заключенія мира съ послѣдними на указанныхъ выше условіяхъ была установлена черезъ линію фронта связь какъ въ желѣзнодорожномъ раіонѣ, такъ и на Двинскомъ направленіи. Въ связи съ этими сношеніями необходимо отмѣтить, что наступленіе на насъ совпало съ открытіемъ Земскаго Собранія, такъ что ударъ намъ наносился одновременно какъ съ фронта, такъ и съ тыла.

Главнокомандующій выпустилъ обращеніе къ населенію съ указаніемъ, что политиканство и преступная болтовня въ нѣкоторыхъ кругахъ населенія повлекли за собой возстаніе въ 3 полку, вызвавшее кровопролитіе, такъ какъ оставшіяся вѣрными долгу войска имѣли штыковую схватку съ бунтовщиками.

Создавшееся грозное положеніе отрезвило наши политическіе круги и новое Правительство сконструировалось съ Главнокомандующимъ во главѣ въ качествѣ замѣстителя Н. В. Чайковскаго. Подъ вліяніемъ Земскаго Собравія отдѣлы народнаго просвѣщенія, юстиціи и земледѣлія были упразднены и въ составъ Правительства вошли: Управляющимъ Отдѣломъ Внутреннихъ дѣлъ бар. Тизенгаузенъ, уѣздный начальникъ на Мурманѣ, правый эсеръ, оборонецъ, по общимъ отзывамъ очень энергичный человѣкъ, кандидатура котораго привѣтствовалась даже правыми; къ сожалѣнію, онъ въ это время находился въ плѣну у карелъ и надежда извлечь его оттуда въ ближайшемъ будущемъ была невелика; финансы, торговля и промышленность были ввѣрены Управляющему Областнымъ Государственнымъ Банкомъ А. Репману, которому въ помощь по отдѣлу торговли и промышленности долженъ былъ быть делегированъ представитель мѣстныхъ торгово-промышленныхъ круговъ. Докторъ Борисъ Соколовъ, правый эсеръ, бывшій секретарь А. Ф. Керенскаго, получилъ въ свои руки агитацію и пропаганду и, кромѣ того, безъ портфелей въ составъ Правительства вошли изъ лѣвыхъ круговъ А. Ивановъ, правый эсеръ, оборонецъ, а отъ буржуазнаго блока докторъ Поповъ, личность совершенно безцвѣтная, партійная принадлежность котораго мнѣ неизвѣстна.

Очень много разговоровъ Главнокомандующій имѣлъ съ докторомъ Соколовымъ въ стадіи предварительнаго обсужденія его кандидатуры, причемъ послѣдній старался убѣдить ген. Миллера въ томъ, что, хотя онъ и близокъ къ Керенскому и сотрудничалъ съ нимъ, но во многомъ не раздѣляетъ взглядовъ послѣдняго. Пропаганду онъ обѣщалъ поставить на такую высоту, что фронтъ нашъ сразу же воспрянетъ, а большевики начнутъ разваливаться. Многихъ тогда въ Архангельскѣ интересовалъ вопросъ, какъ попалъ въ составъ Правительства скромный докторъ санитарнаго поѣзда, до того остававшійся въ тѣни, такъ какъ публикѣ была неизвѣстна та роль, которую Б. Соколовъ игралъ въ Архангельскихъ эсеровскихъ кругахъ. Когда кандидатура его была въ осторожной формѣ выдвинута Скомороховымъ, то Главнокомандующій заинтересовался, почему выдвигается пріѣзжій и никому неизвѣстный врачъ, тѣмъ болѣе, что соціалистическій блокъ находилъ участіе пришлыхъ элементовъ въ Правительствѣ нежелательнымъ, на что Скомороховъ

скромно замѣтилъ, что мѣстные соціалистическіе круги ощущаютъ большой недостатокъ въ культурныхъ силахъ, почему кандидатура доктора Соколова, какъ человѣка образованнаго, встрѣтила въ нихъ сочувствіе.

Новое Правительство имѣло всего лишь нѣсколько засѣданій, выпустивъ обращеніе къ населенію и войскамъ съ призывомъ къ оборонѣ и давъ отвѣтъ на предложеніе большевиковъ о мирѣ. Послѣднее носило несомнѣнно провокаціонный характеръ съ цѣлью отнять послѣдній импульсъ къ борьбѣ, такъ какъ въ немъ указывалось на неприкосновенность командного состава въ случаѣ капитуляціи. Ясно, что этому вѣрить было нельзя, но въ массахъ это создавало впечатлѣніе, что генералы, во что бы то ни стало, хотятъ продолжать борьбу, несмотря на то, что великодушная совѣтская власть прощаетъ имъ ихъ прежнія заблужденія.

Я не имѣю точныхъ свѣдѣній о томъ, что Правительство отвѣтило на предложеніе мира, кажется, оно требовало при заключеніи его соблюденія тѣхъ условій и гарантій, которыя въ нормальномъ порядкѣ борьбы культурныхъ государствъ между собою кладутся въ основаніе такого рода договоровъ, но конечно всякому здравомыслящему человѣку, знакомому со взглядами и методами дѣйствія большевиковъ, должно быть ясно, что расчитывать на соблюденіе этого договора ими, можно было лишь обладая большимъ запасомъ наивности. Я полагаю, что Правительство и само не вѣрило въ то, чтобы его отвѣтъ могъ имѣть какія либо реальныя послѣдствія и дало отвѣтъ на предложеніе мира лишь для того, чтобы сгладить впечатлѣніе отъ ловкаго агитаціоннаго пріема, употребленнаго противникомъ, и чтобы населеніе не могло обвинять его въ томъ, что оно оттолкнуло протянутую непріятелемъ руку. Независимо отъ этого, отвѣтъ носилъ конечно запоздалый характеръ, ибо Правительство къ этому моменту не располагало властью и вооруженной силой, наличность которой обезпечивала бы ему право договаривающейся стороны: фронтъ уже развалился и жалкіе остатки его неудержимо катились къ Архангельску.

Глава V

Паденіе фронта. Послѣдняя ночь въ Архангельскѣ

Въ эти послѣдніе дни нашего существованія въ Архангельскѣ мнѣ, какъ и другимъ старшимъ начальникамъ, было не до Правительства съ его высшей политикой. Надо было спѣшно принимать мѣры къ обезпеченію эвакуаціи, такъ какъ Главнокомандующій былъ отвлеченъ политическими дѣлами, а Штабъ проявлялъ полную бездѣятельность, ибо руководитель его или не понималъ, или не желалъ понять, что катастрофа можетъ разразиться съ часу на часъ.

Сразу же послѣ возстанія 3 Сѣв. стрѣлк. полка, я далъ телеграмму Командующему Желѣзнодорожнымъ раіономъ ген. В. съ просьбой пріѣхать лично для переговоровъ со мной, или командировать кого-нибудь изъ своихъ ближайшихъ помощниковъ, и 12 Февраля ко мнѣ прибылъ полк. N. Разсказавъ мнѣ подробности возстанія, онъ заявилъ, что ген. В. и другіе строевые начальники считаютъ это возстаніе началомъ конца, такъ какъ духъ войскъ пошатнулся и надежныхъ частей на фронтѣ нѣтъ. По ихъ мнѣнію намъ,

считая съ момента возстанія, осталось до полной ликвидаціи отъ двухъ недѣль до мѣсяца, причемъ строевые начальники считаютъ двѣ недѣли болѣе вѣрнымъ срокомъ. Я немедленно доложилъ объ этомъ Главнокомандующему и попросилъ полк. N. сдѣлать то же самое, но ген. Миллеръ нашелъ, что о ликвидаціи фронта преждевременно говорить.

Между тѣмъ, событія продолжали развиваться довольно быстро. Вскорѣ была уступлена врагу станція Плесецкая, что вызывало необходимость отхода войскъ Селецкаго раіона, которыя послѣ этого не могли сохранять свое выдвинутое положеніе. Но Тарасовскіе партизане оказались вѣрны данному ими слову не бросать своихъ родныхъ деревень. Они, какъ я уже отмѣчалъ выше, заранѣе предупреждали, что впередъ пойдутъ куда угодно, но назадъ ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ не желаютъ подвергать своихъ женъ и дѣтей большевистскому террору. Обо всемъ этомъ былъ своевременно освѣдомленъ Штабъ, но ген. К. съ голосомъ строя не считался и «велъ военную игру» не съ существующими въ дѣйствительности войсками, а съ отвлеченными боевыми единицами, числившимися у него на бумагѣ.

Отходъ по стратегическимъ соображеніямъ 7 Сѣв. стрѣлк. полка имѣлъ своимъ послѣдствіемъ выбытіе почти всего полка изъ строя, такъ какъ съ командиромъ полка отошло только около 150 человѣкъ, а весь остальной полкъ со своими офицерами остался въ родныхъ деревняхъ. Однако, даже это не отрезвило высшее командованіе и когда 16 утромъ я и полк. N. вновь посѣтили Главнокомандующаго и доложили ему, что намъ остается до полной ликвидаціи отъ трехъ до семи дней, то онъ назвалъ нашу оцѣнку событій слишкомъ пессимистической, такъ какъ по его мнѣнію, хотя и видно было, что паденіе Архавгельскаго фронта неизбѣжно, но что врядъ ли таковое могло послѣдовать въ ближайшіе дни.

Съ тяжелымъ чувствомъ разстался я съ уѣхавшимъ на фронтъ полк. N., однимъ изъ лучшихъ нашихъ офицеровъ на Сѣверѣ; предчувствіе не обмануло меня, мы съ нимъ уже больше не встрѣтились. Того же 16 Февраля меня посѣтилъ командиръ одной изъ лучшихъ въ Архангельскѣ строевыхъ частей съ просьбой поддержать передъ Главнокомандующимъ и Начальникомъ Штаба его ходатайство о немедленномъ выводѣ его части изъ Архангельска на Мурманъ, такъ какъ солдаты волнуются подъ вліяніемъ агитаціи матросовъ, побуждавшихъ ихъ къ немедленному выступленію и перевороту, причемъ имѣли уже съ ними схватки, при которыхъ въ ходъ были даже пущены штыки. Каждый день промедленія вызывалъ, по мнѣнію полк. N., усиленіе ненадежныхъ элементовъ, которые могли увлечь за собой и другихъ, подстрекнувъ ихъ на переворотъ и избіеніе офицеровъ съ цѣлью заслужить себѣ прощеніе у большевиковъ, ибо основную массу полка составляли красноармейцы. На вопросъ мой, докладывалъ ли онъ все это Начальнику Штаба генералу К., полк. N. отвѣтилъ, что онъ уже неоднократно излагалъ передъ послѣднимъ эти соображенія, но что Начальникъ Штаба сказалъ, что полкъ, согласно выработаннаго плана, можетъ оставить Архангельскъ только тогда, когда непріятельскіе авангарды подойдутъ къ городу, на что полк. N. отвѣтилъ, что непріятельскіе авангарды находятся не только въ городѣ, но и въ самомъ его полку, такъ какъ идетъ не національная, а гражданская война. Хотя мнѣ и трудно было вмѣшиваться въ чисто военныя дѣла, но я доложилъ Главнокомандующему соображенія полк. N., на

что послѣдовалъ отвѣтъ, что все это напрасныя волненія и войска будутъ своевременно уведены.

Въ городѣ въ эти дни царилъ образцовый порядокъ и жизнь шла своимъ чередомъ, какъ въ смыслѣ занятій, такъ и удовольствій. 15 Февраля въ торгово-промышленномъ собраніи организація «Отечество» во главѣ съ Е. П. Семеновымъ устроила концертъ и спектакль, весь сборъ съ котораго шолъ въ пользу воиновъ; веселившаяся публика была далека отъ мысли, что катастрофа уже виситъ надъ городомъ. 16 Февраля я встрѣтилъ проходившую по улицамъ Архангельска одну изъ лучшихъ нашихъ частей. Она имѣла такой блестящій видъ и такъ молодцевато шла подъ пѣсни, что вызывала разговоры прохожихъ о томъ, что навѣрно все благополучно, такъ какъ солдаты настроены хорошо и ведутъ себя образцово. Вся эта обстановка невольно вызывала мысль, что, можетъ быть, высшее командованіе и право и пѣтъ основаній для той тревоги, которую вызывали сообщенія представителей строя.

18 Февраля утромъ я вышелъ изъ управленія, чтобы освѣдомиться въ Штабѣ о нашемъ положеніи и встрѣтилъ на улицѣ полк. Ген. Штаба К., который, увидѣвъ меня, выразилъ удивленіе, что я не принимаю никакихъ мѣръ къ отъѣзду, такъ какъ положеніе фронта критическое. «Не медлите ни минуты, скорѣе нанимайте лошадей и вмѣстѣ съ вашими подчиненными покидайте городъ, вѣдь вы же знаете, что ждетъ всѣхъ васъ съ приходомъ большевиковъ». На мое замѣчаніе, что я согласно практикѣ, выработанной на фронтѣ во время національной войны, жду соотвѣтствующихъ распоряженій Штаба, онъ, махнувъ рукой, заявилъ: «Вы же знаете ген. К., я еще нѣсколько дней тому назадъ, когда очередные ледоколы отходили на Мурманъ, говорилъ ему о необходимости эвакуировать такія учрежденія, какъ судъ, присутствіе котораго съ военной точки зрѣнія не вызывается необходимостью, а служащіе подвергаются смертельной опасности, на что онъ заявилъ мнѣ, что эвакуація суда его не касается, такъ какъ вы непосредственно подчинены Главнокомандующему, а потому сами должны заботиться о ней». Къ этому полк. К. добавилъ, что оперативный отдѣлъ Штаба уже 16 числа выступилъ на Мурманъ. Разставшись съ полк. К., я немедленно заготовилъ соотвѣтствующіе документы для полученія денегъ и подводъ и, захвативъ съ собой Предсѣдателя суда, отправился къ Главнокомандующему. Мы застали ген. Миллера въ совершенно спокойномъ настроеніи, причемъ онъ, прочтя представленные мною документы, выразилъ неудовольствіе, что въ нихъ говорится объ эвакуаціи, заявилъ, что о ней не можетъ быть и рѣчи, а поэтому зачеркнулъ это слово и собственноручно написалъ: «Выѣздная сессія на Мурманъ». Видя, что оффиціальный оптимизмъ настолько овладѣлъ Главнокомандующимъ, что всякіе споры въ этомъ отношеніи будутъ совершенно безрезультатны, я рѣшилъ не возражать ему по поводу его резолюціи и вмѣстѣ съ Предсѣдателемъ суда прежде всего спѣшно отправился въ судъ для ликвидаціи нашихъ дѣлъ, такъ какъ послѣднія, попавъ въ руки большевиковъ, дали бы богатый матеріалъ для чрезвычайки въ отношеніи лицъ, фигурировавшихъ свидѣтелями по большевистскимъ дѣламъ. Не обращая никакого вниманія на то, что согласно оффиціальной терминологіи мы отбывали только въ выѣздную сессію, я, взявъ всю отвѣтственность на себя, приказалъ немедленно сжечь всѣ дѣла Управленія Полевого Военнаго Прокурора и Военно-Окружнаго суда, каковая процедура и была закончена

въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Остальная часть дня была посвящена подготовкѣ къ предстоящему походу, для чего надо было обезпечить себя подводами и продовольствіемъ. Въ серединѣ дня ко мнѣ по телефону обратился Прокуроръ Архангельскаго Окружнаго Суда съ просьбой чиновъ гражданскаго судебнаго вѣдомства присоединиться къ намъ, такъ какъ ихъ предупредили объ отъѣздѣ въ послѣднюю минуту и перевозочными средствами не обезпечили. Хотя мнѣ было извѣстно, что мы не можемъ расчитывать на большое количество подводъ, но объ отказѣ въ такую минуту не могло быть и рѣчи, и я предложилъ чинамъ гражданскаго судебнаго вѣдомства прибыть на сборный пунктъ въ зданіе военно-окружнаго суда къ 9 часамъ вечера.

Предполагалось, что мы составимъ конвой у повозокъ съ женами и дѣтьми какъ нашихъ служащихъ, такъ и другихъ должностныхъ лицъ, отправляемыхъ Краснымъ Крестомъ, для чего необходимо было войти въ связь съ Главноуполномоченнымъ послѣдняго. Однако, въ теченіе дня не удалось установить съ нимъ связи, а поэтому я около 6 часовъ вечера отправился лично въ Штабъ для выясненія этого вопроса, а также чтобы попрощаться съ Главнокомандующимъ.

Тамъ я засталъ Главнокомандующаго уже совершенно въ другомъ настроеніи, онъ положительно осунулся и постарѣлъ за тотъ короткій промежутокъ времени, что прошелъ съ утренняго моего визита. Съ фронта пришли извѣстія, которыя свидѣтельствовали о полной катастрофѣ. Войска бросили позиціи и лишь небольшія группы въ нѣсколько сотъ человѣкъ, оставшихся вѣрными долгу, начали отходъ на Мурманъ. Хорошо, что непріятель не особенно насѣдалъ, и между нимъ и нами образовалась зона, въ которой шло усиленное братаніе. Я распрощался самымъ сердечнымъ образомъ съ Главнокомандующимъ; переживаемая имъ тяжелая душевная драма глубоко взволновала меня, такъ какъ я за свою совмѣстную работу съ нимъ проникся къ нему чувствомъ глубокаго уваженія и сердечной привязанности. И, не розыскавъ Главноуполномоченнаго Краснаго Креста, отправился домой.

Къ 9 часамъ вечера я прибылъ на сборный пунктъ, гдѣ вскорѣ собрались пожелавшіе эвакуироваться чины военнаго и гражданскаго вѣдомства, которыхъ оказалось 42 человѣка, въ томъ числѣ 8 чел. женщинъ и дѣтей.

Трудно передать то щемящее душу настроеніе, которое охватило насъ въ эти послѣдніе часы нашего пребыванія въ Архангельскѣ. Тутъ смѣшались вмѣстѣ и тревога за себя и за своихъ близкихъ сослуживцевъ въ связи съ малой вѣрой въ успѣшность предпринимаемаго нами похода, и сверлящая мозгъ мысль, что опять приходится терять родину и, можетъ быть, надолго обрекать себя на прозябаніе за границей, и чувство сожалѣнія о погибшихъ усиліяхъ и работѣ въ стремленіи принести пользу своему родному народу, еще разъ липающему насъ своей поддержки и предоставляющему насъ своей собственной участи.

Въ городѣ царили еще полный порядокъ и тишина, магазины и кинематографы закрылись въ свои обычные часы. На улицахъ, на ряду съ нѣкоторыми ополченцами, преимущественно изъ демократическихъ слоевъ и взятыхъ въ ополченіе по мобилизаціи, патрулировали мѣстные офицеры и чиновники, пожелавшіе остаться въ Архангельскѣ, а также чины милиціи.

Около 10 часовъ вечера мимо здапія суда прошелъ въ полномъ порядкѣ запасный полкъ. Наконецъ-то его выпустили изъ города. Солдаты шли веселые и спокойные, еще не предчувствуя, какой крестный путь ожидаетъ ихъ впереди. Съ уходомъ полка городъ лишился лучшей охранявшей его части и темныя силы могли поднять свою голову. Однако, спокойствіе продолжало сохраняться и психологическій переломъ въ настроеніи преступныхъ элементовъ еще не наступилъ, они занимали пока выжидательное положеніе.

Подводы все еще не прибывали, что создавало среди поджидавшихъ ихъ довольно первное настроеніе. Снѣгъ валилъ крупными и мокрыми хлопьями, дѣлая дорогу почти что непролазной. Возникало опасеніе въ успѣшности сухопутнаго путешествія съ женщинами и дѣтьми по колѣно въ снѣгу, а предстояло сдѣлать до Мурмана 500 верстъ. У Краснаго Креста никакихъ подводъ не собиралось и вскорѣ мы узнали, что женщины и дѣти были посажены имъ на паровую яхту «Ярославну», стоявшую у Соборной пристани, которая должна была идти на буксирѣ ледокола «Мининъ». Проводившій на Ярославну свою жену, военный прокуроръ С. принесъ свѣдѣніе, что тамъ мѣстъ достаточно и высказался за то, что намъ тоже слѣдуетъ двинуться морскимъ путемъ, такъ какъ сухопутьемъ мы не уйдемъ, ибо по полученнымъ свѣдѣніямъ вышедшіе 16 числа чины контръ-развѣдки, благодаря глубокому снѣгу, сдѣлали въ первый день всего 15 верстъ. Посовѣтовавшись съ предсѣдателемъ суда, я рѣшилъ отправиться на «Ярославну», гдѣ засталъ распоряжавшагося кап. I ранга Ч., назначеннаго комендантомъ «Ярославны»; онъ сразу же написалъ мнѣ записку съ разрѣшеніемъ посадить на яхту всѣхъ чиновъ какъ гражданскаго, такъ и военно-судебнаго вѣдомства. Къ моменту моего возвращенія на сборный пунктъ пришли подводы, которыхъ оказалось всего восемь, причемъ, когда на нихъ погрузили вещи и, главное, продовольствіе, то оказалось, что даже не всѣмъ женщинамъ и дѣтямъ хватитъ мѣста на нихъ. Стало ясно, что сухопутьемъ мы не могли бы уйти никуда.

Съ винтовками въ рукахъ мы проконвоировали подводы до «Ярославны», гдѣ приступили къ погрузкѣ продовольствія и вещей, которая закончилась около часа ночи. Тогда еще не было яснаго сознанія, что, избѣгая сухопутнаго путешествія, мы избавляемъ себя отъ неминуемой смертельной опасности, это выяснилось значительно позже, когда мы уже находились за границей. Не могу не отмѣтить той преданности и вѣрности до конца, которую проявили писаря и солдаты военно-судебныхъ учрежденій. Въ теченіе дня они помогали укладывать и перетаскивать вещи, а ночью приняли самое дѣятельное участіе въ погрузкѣ продовольствія и вещей на «Ярославну». Прощаніе съ ними носило самый трогательный и сердечный характеръ.

Рядомъ съ «Ярославной» чернѣлъ силуэтъ ледокола «Мининъ». Исторія его случайнаго появленія въ рѣшительный для насъ моментъ въ Архангельскѣ не лишена интереса и я позволю себѣ съ ней подѣлиться. Высшее военное командованіе, какъ мы уже отмѣчали выше, было очень далеко отъ правильной оцѣнки нашего положенія, поэтому еще 15 Февраля, то-есть за три дня до катастрофы, ледоколы: «Канада», «Мининъ», «Русановъ» и «Сибиряковъ» были отправлены въ Мурманскъ для перевозки туда рабочихъ и доставки намъ оттуда продовольствія. Такимъ образомъ Архангельскъ остался при одномъ малосильномъ ледоколѣ «Сусанинъ». Хорошо еще, что передъ уходомъ ледоколовъ адмиралъ предупредилъ капитановъ ихъ, что

возможно ихъ экстренное возвращеніе по радіо въ Архангельскъ, въ силу чего наиболѣе опытный и лояльный изъ нихъ, капитанъ З., всю дорогу чамѣчалъ себѣ обратный путь во льдахъ на случай экстреннаго вызова обратно въ Архангельскъ. Получивъ распоряженіе о возвращеніи, онъ, благодаря намѣченному имъ заранѣе пути, на сутки раньше появился въ Архангельскѣ, что намъ спасло жизнь.

Сразу же послѣ подхода «Минина» къ пристани, на него вошли морскіе офицеры и заняли всѣ машинныя и кочегарныя отдѣленія, взявъ подъ самый строгій контроль команду, часть которой была явно неблагонадежна и чрезвычайно подозрительно отнеслась къ требованію возвратиться въ Архангельскъ, такъ что капитану З. пришлось прибѣгнуть къ обману: онъ сказалъ, что ледоколы вызываются для принятія дополнительнаго груза и рабочихъ. Вмѣстѣ съ «Мининымъ» возвратилась и «Канада», которая пристала къ такъ-называемой Экономіи, находящейся въ шестидесяти верстахъ отъ Архангельска, гдѣ производилась обычно погрузка угля на суда и куда пролегала особая желѣзнодорожная вѣтка. Тамъ же стоялъ и «Сусанинъ», который долженъ былъ вмѣстѣ съ «Канадой» принять на себя часть направленныхъ туда больныхъ и бѣженцевъ.

Со вступленіемъ на «Ярославну» мы всѣ разбились на группы для несенія караульной службы около орудій и пулеметовъ, причемъ на меня, какъ на бывшаго артиллериста, выпало дежурство у носовой 75 милиметровой пушки, на которое я и вступилъ отъ 4 до 6 часовъ утра.

Никогда въ жизни не забыть мнѣ этого караула, какъ въ силу той сложной гаммы самыхъ разнообразныхъ настроеній и переживаній, нахлынувшихъ въ душу разомъ волной, такъ и благодаря той красивой панорамѣ, которая въ теченіе двухъ часовъ невольно отвлекала мое вниманіе отъ вихремъ проносившихся въ головѣ мыслей. Усталость и моментами охватывавшая дремота придавали всему переживаемому странный и фантастическій оттѣнокъ. Какимъ-то призрачнымъ, воздушнымъ, казался въ полумракѣ городъ, блиставшій передъ разлукой какой-то особой красотой. За выдвинутою впередъ приставью дальняго плаванія выдѣлялись во мракѣ высокіе валы начинающагося бульвара, напоминавшіе по своимъ контурамъ бастіоны Петропавловской крѣпости, а за ними золотились высокіе купола собора. Гдѣ мы? Не на Невѣ ли? И мысль, радостно оторвавшись отъ жестокой дѣйствительности, несется къ далекому прошлому. Холодный порывъ вѣтра, дующаго съ Двины изъ необъятнаго покрытаго полнымъ мракомъ пространства, разгоняетъ миражи и возвращаетъ къ реальнымъ переживаніямъ момента. Въ городѣ царитъ таинственная, зловѣщая тишина, несмотря на то, что онъ не спитъ, а живетъ. Онъ притаился и съ трепетомъ ожидаетъ, что ему принесетъ грядущій день. Вдругъ издалека начинаютъ долетать скорбные и размѣренные звуки церковнаго звона, какъ будто хоронятъ кого-то близкаго, дорогого. Звонятъ въ подворьи Сурскаго женскаго монастыря на ночное богослуженіе... Послѣднія молитвы передъ предстоящими тяжкими испытаніями... Опять уносишься мыслями куда-то въ безконечность, пока холодный порывъ вѣтра или рѣзкій свѣтъ отъ яркаго рефлектора на носу яхты не возвратитъ къ суровой дѣйствительности. Начинаетъ свѣтать, появляется смѣна и благодатный сонъ погружаетъ утомленный мозгъ въ полное небытіе.

Когда я около восьми часовъ утра проснулся, то мнѣ сообщили, что Главнокомандующій уже прибылъ на «Мининъ». Онъ все стремился на фронтъ и состоявшимъ при немъ нѣсколькимъ офицерамъ едва удалось отговорить его отъ этого, такъ какъ фронта уже не существовало, а его по дорогѣ могли лишь схватить и арестовать начавшіе уже шевелиться злопамѣренные элементы. По пути изъ своей квартиры Главнокомандующій зашелъ въ зданіе Присутственныхъ мѣстъ въ свой служебный кабинетъ, а оттуда отправился на ледоколъ. На площади произошла встрѣча съ матросами, которые шли откуда-то съ узлами награбленныхъ вещей. Узнавъ Главнокомандующаго, они забурлили и послышались угрозы, но бросившійся на нихъ съ револьверомъ полк. Г. обратилъ ихъ въ бѣгство.

Городъ еще наканунѣ былъ переданъ въ руки исполнительнаго комитета рабочихъ. Не только Городская Дума, но даже Земское Собраніе, горделиво заявлявшее до того, что оно является единственнымъ законнымъ выразителемъ народной воли, отказались отъ принятія власти отъ Главнокомандующаго, заявивъ, что они не будутъ достаточно авторитетны для населенія. Пришлось обратиться къ рабочимъ въ лицѣ профессіональныхъ союзовъ, причемъ во главѣ исполнительнаго комитета сталъ предсѣдатель совѣта этихъ союзовъ рабочій Петровъ, только-что возвращенный съ Іоканги, который, между прочимъ, заявилъ Главнокомандующему, что онъ самъ боится большевиковъ и предпочелъ бы ихъ встрѣтить на Іокангѣ, а не во главѣ исполнительнаго комитета. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ состоялось соглашеніе о передачѣ власти, причемъ комитетъ выразилъ пожеланіе, чтобы возможно болѣе офицеровъ покинуло городъ, гарантируя, что къ этому не будетъ чиниться никакихъ препятствій, а также заявилъ, что онъ приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не допустить эксцессовъ въ отношеніи офицеровъ, если послѣдніе удержатся отъ какихъ бы то ни было активныхъ выступленій. Оговорено было также, что не будетъ произведено никакой порчи имущества и продовольствія. По просьбѣ исполнительнаго комитета въ качествѣ Начальника гарнизона былъ оставленъ полковникъ Ген. Штаба К., который заранѣе вошелъ по этому поводу въ соглашеніе съ исполнительнымъ комитетомъ, давно уже подготовивъ въ соотвѣтствующихъ кругахъ почву для приведенія этого плана въ исполненіе.

Благоразуміе диктовало покинуть городъ еще до разсвѣта, но этого никакъ сдѣлать было нельзя, такъ какъ опоздали съ доставкой раненыхъ, которые прибыли только къ утру, когда уже было совершенно свѣтло. Запозданіе съ уходомъ вызвало притокъ къ судамъ частной публики, просившей взять ее съ собой. По возможности просьбы удовлетворялись, но всѣхъ конечно взять было невозможно, такъ какъ суда были уже переполнены до предѣловъ. На этой почвѣ происходили крайне тяжелыя сцены, оставившія во мнѣ на всю жизнь неизгладимо тяжелое впечатлѣніе.

Между тѣмъ, страсти въ городѣ разгорались. Уже были выпущены изъ тюрьмы на свободу арестанты и по улицамъ города ходили толпы рабочихъ и матросовъ съ красными флагами; они нападали на офицеровъ и срывали съ нихъ кокарды и погоны.

По дорогамъ черезъ Двину тянулись въ городъ крестьянскія подводы очевидно съ цѣлью поживиться чѣмъ-нибудь въ случаѣ разгрома имущества буржуевъ, а на встрѣчу имъ какъ группами, такъ и въ одиночку шли солдаты и матросы съ винтовками и безъ винтовокъ, но обязательно съ узлами,

спѣшившіе въ порядкѣ самовольной демобилизаціи удрать домой. Особенно сильное паломничество наблюдалось между берегомъ и броненосцемъ «Чесмой», съ котораго при дружномъ единеніи гражданъ и «красы и гордости революціи» началось хищеніе казеннаго имущества и гдѣ шли бурные митинги въ явно большевистскомъ духѣ. Около 10 часовъ утра на «Чесмѣ» взвился красный флагъ и велико было наше счастіе, что онъ не имѣлъ снарядовъ къ своимъ крупнымъ орудіямъ.

Обстановка диктовала поспѣшный уходъ, такъ какъ въ концѣ концовъ могла быть сдѣлана попытка атаковать стоявшіе у пристани суда, что могло бы имѣть весьма печальные результаты, но пришлось ожидать прибытія датчанъ-добровольцевъ, которыхъ Штабъ забылъ забрать съ собой. Возмущенный прибѣжалъ состоявшій при нихъ полк. Ц. и въ рѣзкой формѣ доложилъ, вѣрнѣе, прокричалъ съ «Ярославны» на «Минина» Начальнику Штаба ген. К., что мы покроемъ позоромъ себя передъ всей Европой, если бросимъ датчанъ на полный произволъ судьбы и предадимъ ихъ въ руки большевиковъ. Пришлось ждать датчанъ, а затѣмъ и забытыхъ кѣмъ-то доблестныхъ танкистовъ. Послѣдніе на танкѣ вмѣстѣ съ рядомъ слѣдовавшей командой предавшихъ солдатъ черезъ весь городъ прибыли къ самой пристани и, испортивъ орудіе и снявъ пулеметы, взошли на бортъ «Ярославны».

Передъ своимъ отъѣздомъ Начальникъ Штаба ген. К. принялъ еще одну послѣднюю мѣру къ укрѣпленію (?) Мурманскаго редюита. Въ послѣдней телеграммѣ Командующему войсками Мурманскаго раіона ген. С. онъ скрылъ отъ него паденіе Архангельскаго фронта, сообщивъ, что Главнокомандующій выѣхалъ къ войскамъ. Ген. С. и войска его узнали объ этомъ какъ изъ большевистскихъ радіо, такъ и по телеграфу черезъ Александровскъ, откуда на Мурманъ была передана телеграмма Архангельскаго Губернскаго Земскаго Собранія съ призывомъ къ войскамъ Мурманскаго раіона сложить оружіе, такъ какъ борьба прекращена.

Такимъ образомъ Скомороховъ успѣлъ приложить свою руку и къ развалу Мурманскаго фронта. Отъ него другого и ждать было нельзя, но насъ интересуетъ другой вопросъ. Почему Начальникъ Штаба ген. К. не выполнилъ своего долга и не предупредилъ ген. С. сначала о надвигавшейся катастрофѣ, а затѣмъ о томъ, что она уже насъ постигла, лишивъ его тѣмъ возможности принять спѣшныя мѣры; какъ къ парализованію проникновенія этихъ печальныхъ извѣстій извнѣ, такъ и къ удержанію въ связи съ этимъ своего фронта до подхода архангельскихъ войскъ.

Глава VI

Отходъ «Минина» и «Ярославны» и обстрѣлъ ихъ. Морской бой съ «Канадой». Судьба бойцовъ Архангельскаго фронта

Около 11 часовъ утра мы тронулись на буксирѣ у «Минина», безъ всякихъ усилій раскалывавшаго ровный рѣчной ледъ. Спокойно мы прошли мимо «Чесмы», откуда не рѣшились въ насъ стрѣлять изъ пулеметовъ и ружей, видя приготовленныя къ дѣйствію два нашихъ 75 миллиметровыхъ орудія. Но какъ только мы поровнялись съ гнѣздомъ красныхъ, Соломбалой — предмѣстіемъ Архангельска, населеннымъ рабочими и гдѣ находились казармы

флотскаго полуэкипажа, какъ началась пулеметная и ружейная стрѣльба, которая сопровождала насъ и дальше при прохожденіи узкаго рукава Двины — Маймаксы, съ обѣихъ сторонъ которой расположены громадные лѣсопильные заводы. Въ стрѣльбѣ принимали участіе рабочіе и матросы, причемъ въ одномъ мѣстѣ стрѣлявшіе дошли до такой наглости, что бросились къ берегу съ винтовками въ рукахъ, крича «сдавайтесь» и сопровождая эти крики площадной бранью. Двумя выстрѣлами изъ кормового орудія «Ярославны» они были разсѣяны и обращены въ паническое бѣгство. Стрѣльба не имѣла для насъ серьезныхъ послѣдствій, былъ раненъ въ руку контръ-адмиралъ П. и получилъ легкое поверхностное раненіе въ область живота командиръ автомобильнаго дивизіона полк. К. Къ нашему счастію, измѣнники не располагали орудіями, замки съ которыхъ были своевременно сняты благодаря предусмотрительности завѣдывавшаго артиллерійскимъ снабженіемъ подполк. Я.

Къ $2^1/_2$ часамъ дня мы подошли къ Экономіи для взятія дополнительно угля и соединенія съ «Кападой» и «Сусаниномъ», но здѣсь ожидалъ насъ новый сюрпризъ: на «Кападѣ» и «Сусанинѣ» развѣвались красные флаги. Прибѣжавшіе вскорѣ оттуда по льду морскіе офицеры сообщили о происшедшей на Экономіи измѣнѣ. Оказалось, комендантъ Экономіи, какой-то прапорщикъ, напился пьянъ и никакихъ мѣръ къ предотвращенію мятежа не принялъ, занятія судовъ офицерскими командами по примѣру «Ярославны» и «Минина» почему-то произведено не было и въ результатѣ мы лишились возможности погрузиться углемъ, а также лишились перевозочныхъ средствъ въ видѣ двухъ ледоколовъ, что было особенно печально, такъ какъ мы были перегружены сверхъ предѣла. По принятіи доклада отъ прибѣжавшихъ съ Экономіи офицеровъ адмиралъ далъ сигналъ: «Кападѣ спустить красные флаги и слѣдовать за мной, иначе открываю огонь», послѣ чего мы медленно тронулись впередъ, но несмотря на произведенные 30 выстрѣловъ «Капада» за нами не послѣдовала.

Ночью мы достигли полосы ледяныхъ полей, причемъ состояніе льдовъ было таково, что стало ясно, что «Ярославнѣ» дальше не пройти, а поэтому морскимъ командованіемъ было отдано распоряженіе о переходѣ всѣхъ на «Мининъ».

Незабываемая картина. Темная непроглядная ночь, кругомъ ледяныя поля и среди нихъ два затерявшихся корабля съ потерявшими родину пассажирами. Суда стали рядомъ бокъ о бокъ и при яркомъ свѣтѣ кормового электрическаго фонаря «Минина» началась пересадка. Первыми для занятія караула перешли датчане, и фигуры ихъ часовыхъ въ остроконечныхъ мѣховыхъ шапкахъ съ винтовками на плечахъ замелькали по палубѣ, бросая на снѣгъ причудливыя тѣни и придавая всей картинѣ еще болѣе фантастическій видъ. Затѣмъ послѣдовала переноска раненыхъ, перешли женщины и дѣти, перегрузили продовольствіе, вещи и уголь и только послѣ всего этого перешли мужчины и команда. Лихорадочно кипѣла работа, продолжавшаяся три часа вмѣсто предположенныхъ шести, и ледоколъ, вмѣщающій нормально 120 человѣкъ, принялъ болѣе 1100 пассажировъ.

Пересадка подарила насъ еще новыми сильными впечатлѣніями. Вотъ на кормѣ «Минина», какъ разъ подъ мощнымъ электрическимъ фонаремъ, приготовляютъ основаніе для снятой съ «Ярославны» пушки, а тутъ же рядомъ, недалеко, доктора и сестры милосердія дѣлаютъ перевязку прапорщику П., которому, благодаря несчастной случайности, выстрѣлами изъ

пулемета при переноскѣ его раздробило обѣ ноги. Вмѣсто ногъ какіе-то кровавые куски мяса, а мужественный П. спокойно разсказываетъ мнѣ самъ о своемъ несчастіи, соболѣзнуя лишь о томъ, найдетъ ли онъ работу за границей безъ ногъ... Пересадка закончена и мы трогаемся дальше, оставляя среди льдовъ одинокой красавицу «Ярославну», горящую огнями...

Днемъ 20 Февраля были перехвачены радіо, которыми обмѣнялся красный Архангельскъ съ находившимися въ морѣ ледоколами «Русановымъ», «Сибиряковымъ» и «Таймыремъ». Они слѣдовали на Мурманъ и имѣли среди пассажировъ офицеровъ и другихъ служащихъ, которыхъ намъ необходимо было снять. Архангельскъ инструктировалъ ихъ не отвѣчать на наши радіо и ночью не поднимать опознавательныхъ огней. Еще до наступленія темноты они были обнаружены нами въ поляхъ такъ-называемыхъ торосовъ, то-есть наиболѣе сжатыхъ льдовъ, причемъ, когда стемнѣло, адмиралъ отдалъ имъ распоряженіе поднять опознавательные огни, что и было ими исполнено. Около 8 часовъ вечера «Мининъ» медленно, имѣя на готовѣ пулеметы, подошелъ къ нимъ и опять эта картина освѣщенныхъ ледоколовъ съ быстро двигающимися на нихъ вооруженными людьми среди окружавшей насъ мертвой ледяной пустыни производила незабываемое впечатлѣніе и могла бы служить прекраснымъ сюжетомъ для кинематографической фильмы.

Ночью началась перегрузка угля съ «Сибирякова» на «Мининъ», имѣвшій весьма ограниченные запасы, а около 11 часовъ утра, 21 Февраля, намъ пришлось пережить самыя интересныя и яркія по впечатлѣніямъ минуты, которыя въ тотъ моментъ показались долгими и полными драматизма. Вдали показалась «Канада» и скоро было перехвачено ея радіо въ Архангельскъ: «Вижу на горизонтѣ четыре судна, на предложеніе сдаться не отвѣчаютъ. Открываю огонь. Комиссары Дубровскій, Бубновскій и Николаевъ». Вскорѣ послѣ этого съ разстоянія въ 5 верстъ началась стрѣльба по «Мининуу». Мы занимали очень невыгодное положеніе рядомъ съ «Сибиряковымъ», не имѣя даже возможности открыть огонь. Пришлось спѣшно прекратить погрузку угля и отходить, а тѣмъ временемъ снаряды противника начали ложиться очень правильно и близко отъ «Минина». Первые выстрѣлы «Канады» были очень удачны. Недолетъ, еще недолетъ, перелетъ; мы по выраженію артиллеристовъ были «взяты въ вилку», пристрѣлка была закончена и можно было ожидать «суживанія вилки съ переходомъ на пораженіе». На мостикѣ, гдѣ я находился съ Главнокомандующимъ, и на палубѣ было спокойно, такъ какъ здѣсь находились только солдаты и офицеры, зато внизу въ переполненныхъ каютахъ среди женщинъ царило жуткое настроеніе и кое-гдѣ начиналась истерика. Положеніе было очень серьезное, такъ какъ было ясно, что попаданіе въ незащищенный броней ледоколъ могло вызвать пожаръ, создать панику и поставить командный составъ въ очень тяжелое положеніе, ибо на суднѣ, кромѣ военныхъ, находились женщины и дѣти. Однако дальнѣйшія событія развились для насъ чрезвычайно благопріятно.

Отойдя отъ «Сибирякова», мы начали отвѣчать изъ нашей кормовой 75 милиметровой пушки, что видимо было большимъ сюрпризомъ для непріятеля, который очевидно не зналъ, что мы сняли одно орудіе съ «Ярославны». Наша стрѣльба, судя по наблюденіямъ, была очень удачной и вскорѣ мы замѣтили, что «Канада» начинаетъ медленно разворачиваться къ намъ своимъ лѣвымъ бортомъ, причемъ во время этого поворота она потеряла направленіе и снаряды ея стали ложиться на четверть версты въ

сторону отъ насъ. Вначалѣ явилось предположеніе, что она имѣетъ другое болѣе мощное орудіе на кормѣ, изъ котораго имѣетъ въ виду обстрѣлять насъ, но затѣмъ стало ясно, что она совсѣмъ уходитъ.

Такъ счастливо закончился нашъ морской бой. Какъ я узналъ значительно позже за границей, причиной такого удачнаго исхода послужило попаданіе одного изъ нашихъ снарядовъ въ «Канаду».

Мы продолжали медленно продвигаться среди льдовъ, а остальные ледоколы, хотя и тронулись по приказу адмирала за нами, но постепенно стали отставать и къ вечеру мы ихъ потеряли изъ вида. Ночью пришлось остановить машины. Сжатіе льдовъ достигло такой силы, что даже могучій «Мининъ», лучшій изъ русскихъ ледоколовъ, не могъ съ ними справиться. Когда же утромъ 22 Февраля мы проснулись, то стали свидѣтелями новаго милосердія, проявленнаго къ намъ Всевышнимъ: вѣтеръ перемѣнился, льды разошлись и мы выбрались на чистую воду.

Днемъ 21 Февраля, около 5 часовъ, было перехвачено сообщеніе по радіо о возстаніи въ Мурманскѣ. Извѣстіе это произвело крайне тягостное впечатлѣніе, вызвавъ основательное опасеніе, что Мурманскому фронту не удастся продержаться до подхода архангельскихъ войскъ. Особенно тяжело было смотрѣть на Главнокомандующаго, который со времени нашего отбытія изъ Архангельска только и жилъ надеждой попасть на Мурманъ для встрѣчи тамъ нашихъ отступавшихъ войскъ.

Было ясно, что намъ придется слѣдовать прямо въ Норвегію и, такъ какъ былъ перехваченъ цѣлый рядъ радіо Архангельска Мурманску о томъ, чтобы были высланы суда для нашего задержанія, а въ Мурманскѣ имѣлся даже миноносецъ, то былъ принятъ цѣлый рядъ предосторожностей: «Мининъ» держался дальше отъ берега и огни ночью были потушены.

Въ ночь съ 23 на 24 февраля мы благополучно миновали меридіанъ Мурманска, 24 прошли Варде, а 25 утромъ вошли въ норвежскіе фіорды, гдѣ встрѣтили пароходъ «Ломоносовъ», на которомъ изъ Мурманска спаслось, кромѣ нѣсколькихъ русскихъ, 25 бельгійцевъ добровольцевъ и двое англійскихъ офицеровъ летчиковъ. Часть пассажировъ съ «Минина» была переведена на «Ломоносовъ» и 25 февраля въ 4 часа дня мы подошли къ небольшому портовому городку Гаммерфесту. Еще когда мы были въ морѣ, съ «Минина» была дана депеша на норвежскую радіо-станцію Инге съ просьбой оказать намъ пріютъ въ Тромзе, наиболѣе крупномъ изъ сѣверныхъ норвежскихъ портовыхъ городовъ. Мы просили принять въ лазаретъ больныхъ и раненыхъ, а также дать возможность выйти на берегъ для отдыха женщинамъ и дѣтямъ, измученнымъ путешествіемъ, совершеннымъ въ невѣроятныхъ условіяхъ скученности при недостаткѣ продовольствія и прѣсной воды; кромѣ того необходимо было почистить ледоколъ и дать передохнуть мужчинамъ, большая часть которыхъ должна была спать на палубѣ. Еще въ пути возникали опасенія, какъ то встрѣтятъ насъ въ Норвегіи, причемъ почему то большинство придерживалось пессимистическихъ взглядовъ на предстоящія намъ перспективы, считая, что въ странѣ доминируютъ симпатіи къ краснымъ.

Однако, этимъ опасеніямъ суждено было очень скоро разсѣяться: намъ былъ оказанъ такой радушный братскій пріемъ, котораго никто изъ насъ не могъ даже предполагать. Какъ только мы подошли къ Гаммерфесту и городъ узналъ о нашемъ прибытіи, на пароходъ были присланы въ

громадномъ количествѣ продовольствіе, фрукты и шоколадъ, для чего многіе торговцы очистили положительно всѣ свои магазины, причемъ все это было предоставлено безвозмездно, такъ какъ норвежцы отказались принять какую бы то ни было плату. Вскорѣ на «Мининъ» прибыли бургомистръ, врачъ и полицеймейстеръ, причемъ бургомистръ на французскомъ языкѣ привѣтствовалъ Главнокомандующаго въ самыхъ прочувствованныхъ выраженіяхъ, высказавъ радость и увѣренность, что со вступленіемъ «Минина» въ норвежскія воды всѣ несчастія для насъ кончились, такъ какъ мы находимся среди дружественнаго намъ норвежскаго народа. Къ этому бургомистръ добавилъ, что онъ очень сожалѣетъ, что мы не остановились въ Гаммерфестѣ и слѣдуемъ въ Тромзе, который уже готовъ принять насъ и гдѣ насъ конечно устроятъ съ большими удобствами, такъ какъ Тромзе куда больше Гаммерфеста.

Какъ Главнокомандующій, такъ и всѣ пассажиры «Минина» выразили горячую благодарность бургомистру Гаммерфеста за сердечный пріемъ, причемъ отъ пассажировъ сейчасъ же былъ составленъ благодарственный адресъ городу, опубликованный въ мѣстныхъ газетахъ. Одновременно съ этимъ была получена телеграмма городского самоуправленія Тромзе, что на экстренномъ засѣданіи единогласно, при участіи представителей рабочихъ, было рѣшено оказать намъ самый радушный пріемъ.

26 вечеромъ мы прибыли въ Тромзе, гдѣ тотчасъ же на «Мининъ» прибыли докторъ съ санитарнымъ персоналомъ и городскія власти. Раненые и больные были высажены на берегъ сразу же, а женщины и дѣти на слѣдующій день утромъ. И тѣ, и другія были окружены такою заботливостью, такимъ вниманіемъ, такимъ уходомъ, что мы архангельскіе бѣженцы не только что сами этого никогда не забудемъ, но нашъ нравственный долгъ заставляетъ насъ передать эти воспоминанія потомству, дабы будущая великая Россія никогда не забыла тѣхъ братскихъ чувствъ, которыя были проявлены къ ней въ дни навшаго на ея вѣрныхъ сыновъ бѣдствія, маленькой численно, но великой своей нравственной красотой и благородствомъ Норвегіей.

Всѣ высаженные на берегъ были расположены въ отличныхъ помѣщеніяхъ, кормили ихъ великолѣпно, дѣтей засыпали фруктами и сладостями и всѣхъ снабдили двумя, тремя комплектами бѣлья и одежды. Когда матери уходили въ городъ за покупками, норвежскія дамы заботливо няньчили ихъ дѣтей. Въ воскресенье помѣщенія бѣженцевъ украсились присланными горожанами живыми цвѣтами. На вечернемъ богослуженіи въ мѣстной церкви пасторъ произнесъ проповѣдь на тему: «Вѣра безъ дѣлъ мертва есть», призывая жертвовать для русскихъ бѣженцевъ. Всюду въ магазинахъ и лавкахъ насъ встрѣчали особо привѣтливо, дѣлая намъ громадныя скидки и иногда отказываясь отъ принятія денегъ.

Когда на предложеніе Норвежскаго Правительства устроиться съ бѣженцами въ Трондъемѣ Главнокомандующій отвѣтилъ согласіемъ, то оттуда немедленно послѣдовалъ запросъ, сколько потребуется для бѣженцевъ одежды и бѣлья.

На свѣтломъ фонѣ оказаннаго намъ братскаго пріема въ Норвегіи нельзя не отмѣтить непристойнаго поведенія представителей «союзныхъ намъ вооруженныхъ силъ» въ лицѣ англійскихъ и бельгійскихъ офицеровъ на «Ломоносовѣ». Вступивъ добровольцами на русскую военную службу и, слѣдовательно, войдя въ составъ нашей арміи, они, спасшись изъ Мурманска на

захваченномъ ими для этого русскомъ пароходѣ, позволили себѣ объявить его своимъ призомъ и вошли по этому поводу въ пререканія съ Главнокомандующимъ. Руководителями въ этомъ дѣлѣ были двое англійскихъ офицеровъ. Главнокомандующему стоило большихъ хлопотъ уладить инцидентъ «съ союзниками» въ нейтральныхъ водахъ и путемъ сношенія съ Лондономъ, гдѣ находилась дирекція Мурманскаго пароходства, которому принадлежалъ «Ломоносовъ», добиться того, чтобы при посредствѣ норвежскихъ властей этимъ авантюристамъ было предложено покинуть пароходъ, который и былъ переданъ въ полное распоряженіе Главнокомандующаго.

28 февраля я покинулъ «Мишинъ» и черезъ два дня выѣхалъ изъ гостепріимной Норвегіи въ Финляндію къ своей семьѣ. Одновременно съ этимъ «Мишинъ» отправился въ Трондъемъ, гдѣ его пассажировъ ожидало такое же гостепріимство норвежцевъ, но только на болѣе продолжительный срокъ.

Архангельская эпопея закончилась, но не совсѣмъ. На пути изъ Архангельска на Мурманъ агонизировала горсть отборнѣйшихъ борцовъ...

Мнѣ остается очень немного добавить къ той картинѣ разложенія фронта, которая уже была описана выше. Необходимо только отмѣтить, что эксцессовъ въ отношеніи офицеровъ на фронтѣ почти не было. Лишь на Средь-Михреньгѣ, благодаря своей неуравновѣшенности, погибъ подполковникъ Ч., понуждавшій солдатъ, вопреки сложившейся обстановкѣ, къ дальнѣйшему сопротивленію большевикамъ. Въ общемъ солдатская масса разсталась съ офицерами дружелюбно. Въ одномъ изъ полковъ прощаніе носило дружескій характеръ. «Вы домой и мы домой», говорили солдаты и даже иногда старались добыть для офицеровъ подводы, желая имъ счастливаго и благополучнаго пути. Несомнѣнно во взаимоотношеніяхъ былъ сдѣланъ громадный шагъ впередъ и солдаты не видѣли въ офицерахъ «бѣлогвардейцевъ и золотопогонниковъ», посягающихъ отнять у народа свободу.

Пинежскій, Мезенскій и Печерскій раіоны, какъ то уже было предусмотрѣно въ эвакуаціонномъ планѣ, были предоставлены своей участи. Начальникъ Штаба К. надѣлилъ по этому поводу Командующаго Пинежско-Мезенскимъ раіономъ ген. П. правами командира отдѣльнаго корпуса, «для обезпеченія ему необходимыхъ широкихъ полномочій на предметъ самостоятельныхъ дѣйствій». Конечно, старикъ П. со всѣми своими чрезвычайными полномочіями, а также, къ сожалѣнію, и съ войсками попалъ въ руки большевиковъ. Войска Двинскаго раіона, вопреки планамъ Штаба, не успѣли присоединиться при отступленіи къ войскамъ Желѣзнодорожнаго раіона и принуждены были отойти на Архангельскъ, гдѣ и капитулировали, причемъ командовавшій ими ген. Д. попалъ вмѣстѣ съ офицерами въ тюрьму, гдѣ онъ навѣрно не разъ вспоминалъ добрымъ словомъ ген. К., ибо онъ всегда упорно твердилъ, что войскамъ Двинскаго раіона ни въ какомъ случаѣ не успѣть во время отойти съ боемъ на соединеніе съ войсками Желѣзнодорожнаго раіона.

Послѣднія съ 19 февраля начали свой крестный путь на Голгофу. Имъ пришлось на пути ликвидировать возстаніе въ гор. Онегѣ, что конечно потомъ тяжко отозвалось на ихъ участи. Они слѣдовали въ трехъ группахъ, причемъ послѣднюю составляли вышедшія изъ Архангельска части во главѣ съ ген. Б., бывшимъ Начальникомъ снабженія, а авангардъ шелъ подъ командой Командующаго войсками Желѣзнодорожнаго раіона ген. В.

Когда 27 февраля они подошли къ Сорокамъ — станціи на Мурманской желѣзной дорогѣ, то уже Мурманскаго фронта не существовало. Еще 23 февраля для высшаго военнаго командованія на Мурманѣ стало ясно, что больше медлить съ отходомъ въ Финляндію нельзя. Въ войскахъ, подъ вліяніемъ большевистскихъ радіо о развалѣ фронта, призыва Архангельскаго Губернскаго Земскаго собранія къ прекращенію вооруженной борьбы и возстаній въ тылу, въ Мурманскѣ и Александровскѣ, началось разложеніе. Вслѣдствіе этого, оставшіеся вѣрными долгу въ количествѣ около 1500 человѣкъ, перешли финляндскую границу, сдѣлавъ двухнедѣльный тяжкій переходъ черезъ полузамерзшія карельскія болота (ламбушки), гдѣ люди и лошади на каждомъ шагу проваливались по горло въ снѣгъ и воду. Временами имъ казалось, что нѣтъ никакой надежды выбраться и только нежеланіе попасть въ кровавыя руки врага толкало на новыя сверхчеловѣческія усилія, благодаря которымъ намѣченная цѣль была достигнута.

Войска Архангельскаго фронта были встрѣчены въ Сорокахъ красными бронепоѣздами и двумя красноармейскими полками. Предстояло послѣ тяжелаго пути принять бой, послѣ котораго продѣлать тотъ же походъ, что и мурманскимъ войскамъ, но при возможности и въ дальнѣйшемъ натолкнуться на новыя красныя силы. Послѣ военнаго совѣщанія рѣшено было капитулировать, для чего вошли въ переговоры съ Сорокскимъ совдепомъ, въ результатѣ чего въ руки красныхъ попало около полутора тысячи отборныхъ бойцовъ. Небольшая группа въ 11 человѣкъ ушла на лыжахъ и пробралась въ Финляндію. Изъ среды ея раздавались обвиненія, что капитуляція была произведена безъ достаточныхъ основаній и что шансы на успѣхъ въ случаѣ боевого столкновенія были, а также была возможность и уйти. Что касается ухода, то конечно этой группѣ въ нѣсколько человѣкъ только потому и удалось уйти, что главная масса сдалась и большевики занялись ею, но позволительно усумниться и въ возможности продолженія борьбы, имѣя за собой столько понесенныхъ уже лишеній и страданій и при томъ безъ увѣренности, что эта борьба послѣдняя. Если бы хоть какіе нибудь шансы на успѣхъ были, то очевидно, что они склонили бы къ принятію боя тѣхъ, кто до этого момента былъ образцомъ мужества и чуть ли не въ каждомъ очередномъ бою подвергалъ себя смертельной опасности, находясь всегда впереди атакующихъ войскъ. Во всякомъ случаѣ, если это была ошибка, то за нее заплочено кровью, которая въ данномъ случаѣ была пролита за спасеніе остальныхъ, такъ какъ взявшіе на себя разрѣшеніе вопроса о сдачѣ были впослѣдствіи разстрѣляны большевиками.

Мое глубочайшее убѣжденіе, что вопросъ долженъ идти не о тѣхъ, кто сдался, а о томъ, кто поставилъ этихъ доблестныхъ героевъ въ условія, которыя закончились сдачей, — кто зарывшись въ бумагу и оторвавшись отъ живой дѣйствительности, упорно проводилъ въ жизнь свои неосуществимые планы. Когда такіе господа въ условіяхъ мирной обстановки проливали въ порывахъ административнаго экстаза потоки чернилъ, то это вызывало въ большинствѣ случаевъ только скромный расходъ на послѣднія, не имѣя за собой обыкновенно никакихъ особенно серьезныхъ послѣдствій, но вѣдь тутъ пролились не чернила, а настоящая человѣческая кровь лучшихъ сыновъ родины. Какая гарантія, что и въ будущемъ участь новыхъ самоотверженныхъ бойцовъ не попадетъ опять въ такія же руки.

Этотъ вопросъ волновалъ какъ тѣхъ, кто уже разстрѣлянъ или испытываетъ тяжкія муки въ плѣну, такъ и тѣхъ, кто уцѣлѣлъ, но потерявъ еще разъ Родину, желаетъ чтобы въ будущей борьбѣ его руководителями были лица, которыя давали бы ему хоть слабую надежду, что, вступивъ подъ ихъ руководствомъ въ борьбу, онъ не будетъ въ рѣшительную минуту брошенъ на полный произволъ судьбы.

Отъ многихъ изъ нихъ я имѣлъ настойчивыя просьбы разсказать всю правду о томъ, какъ они боролись, какъ старались спасти Родину и почему изъ этихъ попытокъ ничего не вышло. Только во исполненіе этого дружескаго завѣта я и взялъ на себя смѣлость взяться за перо и привлечь вниманіе русскаго общества къ этимъ строкамъ, порой можетъ быть сухимъ и неуклюжимъ, но которыя могутъ быть цѣнны для каждаго русскаго человѣка не по литературнымъ своимъ качествамъ, а потому, что содержаніемъ ихъ является не фантазія и романъ, а самая настоящая суровая русская быль.

Я бы считалъ свой трудъ не законченнымъ, не сдѣлавъ изъ него тѣхъ выводовъ, которые напрашиваются сами собой при безпристрастномъ анализѣ всего изложеннаго выше фактическаго матеріала. Необходимо установить точно причины гибели бѣлаго фронта на Сѣверѣ для того, чтобы использовать скромный опытъ имѣвшей тамъ мѣсто борьбы и въ будущемъ не повторять завѣдомыхъ ошибокъ прошлаго.

Собственно говоря, главной причиной паденія нашего фронта послужила ликвидація всѣхъ остальныхъ, ибо Сибирская и Сѣверо-западная арміи къ моменту паденія нашего фронта уже не существовали, а на югѣ Деникинская армія тоже уже развалилась. Другихъ союзниковъ въ это время у насъ тоже не было, такъ какъ, хотя Финляндія, Польша и нѣкоторыя окраинныя государства находились еще въ состояніи войны съ совѣтской Россіей, но никакихъ активныхъ операцій не вели, а Эстонія какъ разъ въ этотъ моментъ приступила къ мирнымъ переговорамъ. Такимъ образомъ, мы были совершенно изолированы въ борьбѣ съ могучимъ врагомъ, что и дало ему возможность ликвидировать насъ. Правда, если бы мы были единодушны и защищали наши лѣсныя дефиле съ героизмомъ спартанцевъ при Ѳермопилахъ, то можетъ быть большевики и оставили бы насъ въ покоѣ, считая, что «игра не стоитъ свѣчъ» и предоставивъ намъ тѣмъ возможность досидѣть до того момента, когда у насъ появились бы болѣе активные союзники въ лицѣ Врангеля и Польши, но, увы, единодушія у насъ какъ разъ и не было и въ связи съ этимъ прискорбнымъ обстоятельствомъ необходимо перейти къ другимъ причинамъ нашего пораженія, неразрывно связаннымъ съ главной:

1) Отсутствіе въ народной массѣ идей здоровой государственности и недостаточное изжитіе ею большевизма.

Въ разрѣшеніи нашей участи въ неблагопріятномъ смыслѣ главная роль принадлежала народной массѣ, часть которой, благодаря преступной пропагандѣ какъ изнутри, такъ и извнѣ, стала на путь прямой измѣны и открытія фронта, а остальные, повѣривъ лозунгамъ немедленнаго мира, разошлись по домамъ. Тщетны были указанія, что мира они не получатъ и что вмѣсто

того, чтобы защищать родныя деревни будутъ посланы бороться за торжество третьяго интернаціонала на западный фронтъ и на Кавказъ, гдѣ большевики въ это время сосредоточивали свои силы: произошло то, что и въ національную войну, побѣдили шкурническіе инстинкты и штыкъ былъ воткнуть въ землю. Могучее вліяніе на такого рода поведеніе оказало неизжитіе нѣкоторой частью населенія Области большевизма, такъ какъ за время своего перваго кратковременнаго пребыванія въ Области большевики не успѣли до конца произвести свои опыты, да и терроръ не имѣлъ въ то время широкаго примѣненія. Крестьяне мало вѣрили въ то, что до нихъ доберутся, и перемѣна режима въ ихъ представленіи сводилась къ тому, что вмѣсто волостной управы появится вывѣска волостного совдепа, гдѣ будутъ сидѣть тѣ же свои люди, что и въ земствѣ. Резюмируя все вышеизложенное, можно сказать, что большая часть народной массы еще не достаточно испытала большевистскій режимъ, была мало проникнута идеями здоровой государственности, и лишенная политическаго руководительства стала довольно легкой жертвой искусной пропаганды, веденной какъ самими большевиками, такъ и ихъ пособниками у насъ. Не малую роль сыгралъ также страхъ отвѣтственности передъ сильнымъ врагомъ, который грозилъ жестокими репрессіями за продолженіе борьбы и требовалъ немедленной капитуляціи.

2) Неудовлетворительная постановка агитаціи и пропаганды.

Какъ я уже отмѣтилъ при изложеніи фактической части своего труда, наши руководящіе правительственные круги не дооцѣнивали всего значенія этого могучаго средства борьбы въ смыслѣ его исключительнаго вліянія на психологію массъ. Между тѣмъ у противника это дѣло было въ рукахъ отвѣтственныхъ коммунистическихъ дѣятелей и насколько важное значеніе они придавали ему, видно изъ того, что въ критическіе моменты они на фронтъ вмѣстѣ съ броневыми поѣздами двигали агитаціонные поѣзда имени Троцкаго и Ленина. Достаточно припомнить послѣдній фазисъ нашей борьбы на Сѣверѣ, чтобы понять, какого успѣха они достигли въ этой области.

3) Отсутствіе единаго національнаго противобольшевистскаго фронта.

Внутри Области все время шла ожесточенная политическая борьба, цѣлью которой одно время былъ захватъ власти со стороны эсеровскихъ круговъ. Другихъ поводовъ къ борьбѣ съ Правительствомъ у нихъ не было, ибо въ основу аграрной реформы былъ положенъ принципъ націонализаціи земли съ передачей ея въ полное распоряженіе волостныхъ земствъ, а рабочій вопросъ также не имѣлъ характера остроты, въ виду удовлетворенія матеріальныхъ требованій и предоставленія свободнаго развитія профессіональному движенію. Конечно, Правительство не могло допустить открытой пропаганды большевистскихъ идей и призывовъ къ передачѣ всей власти совѣтамъ и, если эсеровскіе круги собирались послѣ выступленія къ власти предоставить у насъ рабочимъ свободу дѣйствій въ этомъ направленіи, то они конечно въ кратчайшій срокъ достигли бы тѣхъ же результатовъ, что и Временное Правительство въ періодъ его руководительства Керенскимъ. Ужасно было то, что правые эсеры, видимо придерживавшіеся искренно оборонческихъ тенденцій, служили обыкновенно только ширмой для пораженческихъ круговъ той же партіи, которые пользовались ими какъ прикрытіемъ для захвата власти, преслѣдуя при этомъ совсѣмъ другія цѣли, чѣмъ ихъ правые сотоварищи. Это особенно рельефно сказалось въ

періодъ нашего послѣдняго политическаго кризиса, когда сформированное изъ право-эсеровскихъ круговъ Правительство національной обороны просуществовало всего нѣсколько дней, ибо почва для паденія власти и торжества большевизма была подготовлена ихъ лѣвыми товарищами, стремившимися къ захвату власти не для продолженія борьбы, а для заключенія мира съ большевиками, и развалившими пропагандой на эту тему фронтъ. Плохо также обстояло дѣло и въ другихъ политическихъ партіяхъ, объединившихся у насъ въ правый буржуазный блокъ, не выдвинувшій изъ своей среды яркихъ лицъ и склонный къ мелкимъ партійнымъ дрязгамъ и препирательствамъ, съ нескрываемой тенденціей торгово-промышленныхъ круговъ охранять только свои спеціальные интересы.

4) Слабость Правительства и диллетантизмъ его членовъ.

Правительство, имѣя въ своемъ составѣ демократическихъ дѣятелей, вышедшихъ изъ среды Союза Возрожденія Россіи, большая часть которыхъ принадлежала съ Н. В. Чайковскимъ къ народно-соціалистической партіи, старалось въ своей политической дѣятельности идти по равнодѣйствующей указанныхъ выше двухъ враждебныхъ теченій, что сказывалось въ компромиссномъ, половинчатомъ рѣшеніи многихъ вопросовъ, не удовлетворявшемъ ни ихъ правыхъ, ни лѣвыхъ политическихъ противниковъ и создававшемъ вокругъ Правительства общую враждебную атмосферу. Отсутствіе опредѣленности и твердости въ проведеніи своей программы и слабая тенденція къ самозащитѣ при несомнѣнномъ диллетантизмѣ большинства членовъ Правительства еще болѣе создавало впечатлѣніе непрочности временной власти и, когда населеніе въ критическій моментъ было поставлено передъ выборомъ между нею и другой, которая вовсе не была популярна и скорѣе наводила страхъ и ужасъ, но зато импонировала своей одерживающей побѣды силой, — оно, скрѣпя сердце, ввѣрило свою участь послѣдней.

5) Неспособность и бюрократизмъ высшаго военнаго командованія.

Отсутствіе напряженной планомѣрной работы и заботливости о войскахъ до ухода союзниковъ имѣло своимъ послѣдствіемъ непрерывные безпорядки въ войскахъ и подрывъ въ глазахъ союзнаго командованія нашего престижа, а наступившая послѣ ухода союзниковъ полоса упорной работы, къ сожалѣнію, носила на себѣ клеймо бюрократизма, рутины и косности при полной оторванности отъ реальной дѣйствительности, что имѣло своимъ послѣдствіемъ: а) веденіе военныхъ операцій въ масштабѣ, не соотвѣтствовавшемъ нашимъ скромнымъ силамъ, съ захватомъ отдаленныхъ отъ главнаго театра войны безлюдныхъ колоссальныхъ пространствъ, что привело къ удлиненію фронта и комуникаціонныхъ линій и обостренію продовольственнаго вопроса и б) оставленіе наше послѣ ухода союзниковъ въ Архангельскомъ раіонѣ безъ принятія какихъ либо разумныхъ мѣръ для обезпеченія эвакуаціи, что повлекло за собой гибель нашихъ лучшихъ бойцовъ, предоставленныхъ въ рѣшительный моментъ собственными силами выполнять неосуществимый планъ штаба по отходу на Мурманъ.

Перечисленныя причины, какъ каждая въ отдѣльности, такъ и особенно всѣ онѣ вмѣстѣ, несомнѣнно сыграли свою роль при ликвидаціи нашего фронта, однако, онѣ не имѣли бы рѣшающаго значенія, если бы мы въ отношеніи необходимыхъ для борьбы рессурсовъ — физической силы и прочаго, такъ не отставали отъ противника, или будь у насъ союзники, въ

видѣ ли другого фронта, или въ лицѣ дѣйствующихъ активно иностранныхъ державъ, хотя бы и не крупныхъ.

Нѣтъ надобности доказывать, что всѣ перечисленные нами факторы, оказавшіе воздѣйствіе на неудачный исходъ борьбы на Сѣверѣ, являются тяжелымъ наслѣдіемъ нашего прошлаго, знакомство съ которымъ, одного изъ нашихъ талантливыхъ государственныхъ дѣятелей, покойнаго С. Ю. Витте дало ему возможность еще въ періодъ заключенія портсмутскаго договора предсказать, что «слѣдующая война для Россіи — ея политическая катастрофа» («Былое» за 1918 годъ. Записки Коростовца).

На Сѣверѣ эти факторы гораздо меньше выявили свою силу, чѣмъ на другихъ бѣлыхъ фронтахъ, и для парализованія ихъ была произведена большая работа усиліями простыхъ русскихъ гражданъ безъ участія видныхъ политическихъ лидеровъ. Если бы такая работа въ соотвѣтствующемъ масштабѣ была произведена на другихъ бѣлыхъ фронтахъ, то врядъ ли мы были бы свидѣтелями ихъ катастрофы.

Произведенная на Сѣверѣ работа, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказала полную возможность государственнаго строительства на началахъ, положенныхъ въ основаніе бытія западно-европейскихъ демократій, несмотря даже на тяжелое наслѣдіе прошлаго, опровергая установившійся въ нѣкоторыхъ политическихъ кругахъ взглядъ, что у насъ успѣхъ можетъ имѣть только режимъ организованнаго насилія, источникомъ котораго должна быть власть, стоящая внѣ организованной народной воли.

Правда, и у насъ были допущены крупныя ошибки, но вѣдь не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ.

На совѣтской службѣ

М. Смильгъ-Бенаріо

«Ты долженъ, наконецъ, понять, сказалъ мой братъ, что большевики загубили Россію. Неужели тебѣ не ясно, что все то, что теперь у насъ происходитъ, ничего общаго съ соціализмомъ не имѣетъ. Вѣдь большевики довели нашу страну до полнаго культурнаго одичанія и систематически разгромили ея хозяйственную жизнь. Фабрики остановились, города почти вымерли, а голодающіе пролетаріи или разбѣжались по деревнямъ, или превратились въ красноармейцевъ, которые съ помощью винтовки должны насадить въ Россіи соціализмъ. Какъ же ты можешь работать совмѣстно съ тѣми преступными элементами, которые сидятъ нынѣ въ большинствѣ совѣтовъ? И вообще, какъ ты можешь оказывать помощь тому преступленію, которое совершается сейчасъ надъ Россіей?»

«Я хорошо знаю, отвѣтилъ я, что большевистская власть принесла съ собою много горя. Я знаю, что хозяйственная жизнь страны разрушается, знаю, что большевизмъ понемногу превращается во владычество отдѣльныхъ комиссаровъ, знаю также, что многіе изъ этихъ комиссаровъ люди съ темнымъ прошлымъ. Я, конечно, вижу, что всюду царитъ ужасъ, горе и несчастье, но, именно, поэтому я глубоко убѣжденъ, что мы интеллигенты и соціалисты должны работать вмѣстѣ съ большевиками. Ибо только такимъ образомъ мы сможемъ очистить революцію отъ той мрази, которая къ ней присосалась. Кромѣ того, ты какъ будто совершенно не принимаешь во вниманіе сущность большевизма, который стремится къ осуществленію идеала соціальной справедливости. Большевики были первыми, которые провозгласили лозунгъ всемірной соціальной революціи, — лозунгъ, давно забытый соціалистическимъ движеніемъ. Въ каждой революціи течетъ кровь, и если для уничтоженія капитализма и имперіализма, сущность которыхъ съ такой ясностью обнаружилась въ этой войнѣ, вмѣстѣ съ виновными должны пасть и невинные, то это не должно насъ отшатнуть отъ осуществленія нашей конечной цѣли. Изъ-за какой-то особой интеллигентской чувствительности мы не должны останавливаться на полъ-дорогѣ, а должны продолжать борьбу во имя освобожденія порабощеннаго человѣчества».

«Все это очень красивыя слова, дорогой мой, но ты повидимому совсѣмъ не отдаешь себѣ отчета въ томъ, что тотъ путь, по которому идутъ большевики, совсѣмъ не ведетъ къ соціализму, а, тѣмъ болѣе, къ коммунизму. Если ты будешь продолжать работать съ этими людьми, которые скомпрометировали соціализмъ, то и на тебя падетъ доля вины за то, что сейчасъ совершается надъ Россіей и соціализмомъ».

«Ты меня все равно не убѣдишь. Я пойду своей дорогой, а ты иди своей. Я во многомъ не согласенъ съ большевиками, но сейчасъ мнѣ приходится выбирать между большевизмомъ и русской реакціей. И такъ какъ третьяго выхода я не вижу, то мнѣ ничего другого не остается дѣлать, какъ присоединиться къ большевистскому движенію».

Но братъ мой упорно стоялъ на своемъ: «А я тебѣ еще разъ говорю, что тотъ, кто работаетъ съ преступниками, самъ становится преступникомъ».

Разговоръ этотъ я велъ со своимъ братомъ въ серединѣ августа 1918 г. въ Петроградѣ. Я какъ разъ тогда вернулся изъ Москвы, гдѣ я 6 мѣсяцевъ работалъ въ народномъ комиссаріатѣ юстиціи въ отдѣлѣ государственнаго права, подъ руководствомъ профессора Рейснера.

Возвратившись по семейнымъ обстоятельствамъ въ Петроградъ, я, несмотря на предостереженіе моего брата, вновь рѣшилъ поступить на государственную службу. Я пошелъ къ петроградскому военному комиссару тов. Позерну. На основаніи рекомендацій, полученныхъ мною изъ Москвы, тов. Позернъ принялъ меня на службу въ качествѣ состоящаго для особыхъ порученій при петроградскомъ военномъ комиссаріатѣ. Такимъ образомъ я очутился въ центрѣ жизни красной арміи петроградскаго военнаго округа. Несмотря на тѣ разногласія, которыя я впослѣдствіи съ нимъ имѣлъ, я все же сохранилъ наилучшія воспоминанія о Позернѣ. Онъ внѣшне имѣетъ большое сходство съ бывшимъ императоромъ: тѣ же формы лица, та же бородка и та же любезная улыбка. Иной разъ, когда Позернъ въ полной военной формѣ принималъ парадъ, мнѣ казалось, точно передо мной стоитъ двойникъ убитаго государя. Позернъ является внѣ всякихъ сомнѣній одной изъ симпатичныхъ личностей среди большевистскихъ вождей. Человѣкъ желѣзной силы воли, онъ беззавѣтно отдался работѣ по организаціи красной арміи сѣверной области. Съ утра до поздней ночи онъ безъ отдыха работалъ въ военномъ комиссаріатѣ. Своей сердечностью и любезностью онъ крайне выгодно отличается отъ другихъ большевиковъ. Я ему былъ отъ души преданъ. И я признаюсь, что съ того времени, какъ я началъ сомнѣваться въ большевизмѣ, на меня большое вліяніе оказывало то обстоятельство, что Позернъ является большевикомъ. Ибо я говорилъ себѣ, что дѣло, за которое борется такой человѣкъ, не можетъ быть дѣломъ преступнымъ и несправедливымъ.

Но чѣмъ больше я работалъ въ военномъ комиссаріатѣ, тѣмъ все болѣе и болѣе на меня стали находить сомнѣнія. Все чаще я сталъ чувствовать, что братъ мой, предостерегая меня отъ большевизма, былъ правъ. И если эти сомнѣнія не слишкомъ глубоко грызли сердце мое, то только потому, что у меня попросту не было времени отдаваться своимъ мыслямъ. Засѣданія, парады, допросы, ревизіи и служебныя поѣздки отнимали у меня цѣлый день, такъ что вечеромъ, возвращаясь поздно усталымъ домой, мнѣ было не до того, чтобы думать о правильности большевистскихъ методовъ. Иной разъ, правда, мнѣ казалось, точно судьба нарочно желаетъ мнѣ доказать, что въ томъ огромномъ преступленіи, которое совершалось надъ Россіей, лежитъ и доля моей вины. Я вынужденъ былъ силой обстоятельствъ быть свидѣтелемъ дикаго разгула большевистской власти.

Терроръ

Въ одно печальное тумапное августовское утро сидѣлъ я въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Окна мои выходили на Дворцовую площадь. Направо находился Зимній Дворецъ, а налѣво помѣщалось огромное зданіе бывшаго генеральнаго штаба.

Я бесѣдовалъ съ начальникомъ личнаго отдѣла, какъ вдругъ неожиданно на площади раздались выстрѣлы. Мы подбѣжали къ окну и увидѣли, какъ за кѣмъ-то началась на велосипедахъ погоня. Я быстро сбѣжалъ внизъ.

«Что тутъ случилось?» спросилъ я стоявшихъ на площади нѣсколькихъ военныхъ.

«Урицкаго, предсѣдателя чрезвычайки, только-что убили», взволнованно отвѣтилъ одинъ солдатъ.

И дѣйствительно черезъ нѣсколько минутъ подъѣхалъ санитарный автомобиль и увезъ съ собой тѣло убитаго, еще недавно грознаго, предсѣдателя петроградской чрезвычайки. Смерть наступила моментально отъ пули попавшей въ голову.

Какъ извѣстно, убійцей Урицкаго оказался студентъ петроградскаго политехническаго института Каннегиссеръ. Каннегиссера я хорошо зналъ по институту, гдѣ мы работали на одномъ отдѣленіи. Покушеніе, а особенно личность убійцы меня крайне потрясли. Тяжело было у меня на сердцѣ, когда черезъ часъ взволнованно прибѣжалъ къ намъ въ комиссаріатъ тогдашній комиссаръ военнаго контроля, молодой коммунистъ Духвинскій, съ которымъ я былъ въ весьма дружескихъ отношеніяхъ, и, захлебываясь отъ восторга, сталъ разсказывать, какъ подъ его руководствомъ былъ пойманъ Каннегиссеръ. Какъ извѣстно, послѣ убійства Урицкаго начался страшнѣйшій терроръ. Всякій, кто былъ въ тѣ страшные дни въ Петроградѣ, знаетъ, какая дикая разнузданность, какое своеволіе тогда царили въ столицѣ. Никто, за исключеніемъ коммунистовъ и отвѣтственныхъ служащихъ, не чувствовалъ себя въ безопасности. Вооруженные красноармейцы и матросы врывались въ дома и арестовывали лицъ по собственному усмотрѣнію. Не было и рѣчи о томъ, что арестованные имѣли хотя бы отдаленное отношеніе къ убійству или самому убійцѣ. Достаточно было, чтобы данное лицо получало хлѣбную карточку по четвертой категоріи, и его уже арестовывали. Арестованныхъ отправляли безъ всякаго предварительнаго допроса въ тюрьму, хотя вся ихъ вина состояла только въ томъ, что они были «буржуями» или интеллигентами. И эти ни въ чемъ не повинные люди считались заложниками.

Волна краснаго террора, какъ извѣстно, раскатилась затѣмъ по всей Россіи. Комиссаръ внутреннихъ дѣлъ Петровскій издалъ приказъ, по которому всѣ мѣстные совѣты обязаны были забирать опредѣленное количество гражданъ и разсматривать эту «буржуазную сволочь», какъ дословно было сказано въ томъ приказѣ, какъ заложниковъ. Въ случаѣ же если «контръреволюціонеры, буржуи и кулаки» осмѣлились бы въ данной мѣстности поднять возстаніе, то мѣстнымъ совѣтамъ предлагалось заложниковъ безжалостно разстрѣливать. Вся Россія стонала отъ большевистскаго террора. Никто не зналъ, что принесетъ ему ближайшій часъ.

«Мы убиваемъ цѣлые классы»

Жизнь въ Петроградѣ становилась все болѣе невыносимой. Тяжелая рука террора давила многострадальный городъ. Ежедневно происходили аресты и разстрѣлы, а власть не только не стремилась пріостановить массовое убійство, а наоборотъ, она лишь разжигала дикіе инстинкты солдатскихъ массъ. Предсѣдатель петроградской коммуны Зиновьевъ не испугался бросить въ массы лозунгъ: «Вы, буржуазія, убиваете отдѣльныхъ личностей, а мы убиваемъ цѣлые классы». И эти слова не остались пустой фразой. Послушная казенная пресса подхватила эти слова и сдѣлала все отъ себя зависящее, чтобъ разжечь въ массахъ жажду крови. Зиновьевъ и присные съ нимъ могли торжествовать побѣду.

Черезъ нѣсколько дней послѣ убійства Каннегиссера, я, придя рано утромъ въ комиссаріатъ, ве встрѣтилъ Позерна, который всегда уже съ самаго ранняго утра сидѣлъ за своимъ столомъ. Я обратился къ управляющему дѣлами военнаго комиссаріата тов. Ильину-Женевскому съ вопросомъ, гдѣ Позернъ и когда онъ придетъ. Женевскій взглянулъ на меня вопросительно и спросилъ: «А вы что, развѣ ничего не знаете?» «Нѣтъ, а что такое случилось?» спросилъ я. Ильинъ тогда нагнулся ко мнѣ и тихо въ полголоса сказалъ мнѣ: «Позерна вызвали въ Кронштадтъ, тамъ ночью матросы ворвались въ тюрьму и безъ суда разстрѣляли арестованныхъ заложниковъ. Говорятъ, что разстрѣляли чуть ли не 500 человѣкъ».

Вскорѣ пришлось мнѣ почувствовать тяжесть террора и въ нашей собственной семьѣ. И какъ это почти что всегда бываетъ, весь ужасъ событій начинаешь болѣе сильно ощущать лишь тогда, когда подъ ихъ ударами падаютъ близкіе намъ люди, если имъ даже удается избѣгнуть смерти.

Однажды вечеромъ мнѣ по телефону позвонила моя невѣстка, и взволнованнымъ голосомъ сообщила мнѣ, что ея двоюродный братъ, пріятель моего брата, арестованъ. На ея просьбу я отвѣтилъ, что сдѣлаю все зависящее, чтобы спасти его отъ смерти. И, дѣйствительно, просьба моя и нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ въ чрезвычайкѣ была небезуспѣшной: родственникъ моей невѣстки былъ черезъ недѣлю уже освобожденъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ его освобожденія, мы съ братомъ посѣтили нашего родственника. Онъ сильно измѣнился, раньше это былъ человѣкъ съ всегда сіяющей улыбкой и имѣлъ, несмотря на свои пожилые годы, всегда бодрый и здоровый видъ. Теперь же передо мной стоялъ совсѣмъ другой человѣкъ, съ сѣдыми волосами и сгорбившейся подъ тяжестью лишеній послѣднихъ дней спиной. Послѣ первыхъ привѣтствій онъ, рыдая, разсказалъ намъ слѣдующее:

«Ночью, въ два часа, я вдругъ услышалъ звонокъ съ чернаго хода. Меня сразу же охватило дурное предчувствіе. Вы, вѣдь, знаете, до чего у насъ въ эти дни истаскались нервы. Прислуга встала, но дверь не открыла, а побѣжала ко мнѣ въ спальню и сказала взволнованнымъ голосомъ: «Тамъ какіе-то люди требуютъ, чтобъ я отперла дверь, но я боюсь». Я быстро одѣлся и самъ открылъ дверь. Въ квартиру вошло нѣсколько вооруженныхъ людей.

«Вы гражданинъ Т., спросилъ одинъ изъ военныхъ, мы должны у васъ произвести обыскъ».

«Да, это я», отвѣтилъ я. — Обыскъ былъ произведенъ крайне поверхностно, причемъ ничего предосудительнаго не было найдено. Затѣмъ комиссаръ, руководившій обыскомъ, сталъ меня допрашивать и, между прочимъ, спросилъ меня, къ какой партіи я принадлежу. Несмотря на то, что я заявилъ, что я безпартійный, и несмотря также на то, что никакого оружія и ничего другого запрещеннаго у меня не было найдено, комиссаръ объявилъ меня арестованнымъ. На мой протестъ онъ заявилъ, что моя принадлежность къ буржуазному классу служитъ достаточнымъ поводомъ для моего ареста. Какъ я впослѣдствіи выяснилъ, въ ту ночь комиссаръ, придя въ нашъ домъ вмѣстѣ съ вооруженными красноармейцами, потребовалъ отъ дворника списокъ лицъ, получающихъ хлѣбныя карточки по четвертой категоріи. И на основаніи этого списка были произведены въ нашемъ домѣ обыски у «буржуевъ». Аресты онъ производилъ также по собственному усмотрѣнію.

Меня отвели въ мѣстный совдепъ и посадили въ комнату, наполненную всякими «контръ-революціонерами». Въ этой комнатѣ мы просидѣли цѣлый день безъ ѣды, и казалось, о нашемъ существованіи уже забыли. Но вотъ къ одиннадцати часамъ вечера появилась стража, и намъ приказали быть готовыми. Въ сопровожденіи стражи насъ отправили въ Дерябинскіе казармы. Прибывъ въ казармы, наша партія была размѣщена въ отдѣльныхъ камерахъ, которыя были уже до того биткомъ набиты. Мы всѣ расположились на сыромъ холодномъ полу. Несмотря на страшную усталость, никто изъ насъ не думалъ о снѣ. Мы собирались разговорами разсѣять мрачныя мысли, но ободрить другъ друга намъ не удавалось. Ибо мы всѣ знали, въ какомъ положеніи мы находимся и что намъ угрожало. На другое утро насъ вывели во дворъ, гдѣ уже выстроилась партія приблизительно въ сто человѣкъ. Черезъ нѣкоторое время явился комиссаръ тюрьмы, молодой человѣкъ, приблизительно 25 лѣтъ, съ лицомъ типичнаго преступника. Шапка у него была одѣта набекрень, за спиной находилась винтовка, сбоку висѣлъ наганъ, а въ рукѣ онъ держалъ нагайку, такъ что, глядя на него, казалось, что мы возвратились во времена старой царской Россіи. Комиссаръ сдѣлалъ выкличку, а затѣмъ онъ обратился къ намъ со слѣдующими словами: «Послушайте-ка вы, буржуи, васъ теперь отправятъ въ тюрьму. Ежели кто либо изъ васъ вздумаетъ бѣжать, то его ждетъ пуля».

И видно для того, чтобы придать своимъ словамъ больше вѣсу, комиссаръ выстрѣлилъ изъ нагана въ воздухъ.

Подъ сильнымъ конвоемъ насъ повели по улицамъ. Вскорѣ мы стали приближаться къ Петропавловской крѣпости. Когда мы ближе подходили къ ней, всякій спрашивалъ себя: «Неужели насъ поведутъ сюда?» И дѣйствительно, конвой повелъ насъ къ деревянному мосту, который отдѣляетъ крѣпость отъ города. Когда мы прошли черезъ мостъ, и за нами закрылись ворота, сердце мое сжалось отъ внутренней боли. «Заживо погребенные» — эту мысль можно было прочесть на блѣдныхъ лицахъ моихъ спутниковъ...

Меня вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими посадили въ одну изъ камеръ знаменитаго Трубецкого бастіона. Въ камерѣ было холодно, сыро и душно. Пребываніе въ ней было для насъ всѣхъ силошнымъ страданіемъ. Мы все наше время проводили въ постоянномъ страхѣ за нашу жизнь. Рѣдко мы засыпали, ибо мы все ждали, что придутъ какъ-нибудь ночью за нами и насъ

выведутъ на разстрѣлъ. Каждую ночь, приблизительно къ тремъ часамъ утра, раздавались выстрѣлы въ крѣпости. Для насъ не было никакого сомнѣнія, что эти выстрѣлы обозначали: то разстрѣливались жертвы кроваваго террора. И каждый изъ насъ съ ужасомъ думалъ, что вотъ скоро придетъ и его чередъ, не въ эту, такъ въ слѣдующую ночь. До чего нервы мои въ эти дни пребыванія въ Трубецкомъ бастіонѣ были напряжены, объ этомъ можетъ судить лишь тотъ, кто самъ находился въ такомъ же положеніе. какъ и я. Сырость, недоѣданіе, ежеминутная боязнь разстрѣла, и вообще вся та мрачная обстановка, которая меня окружала, сдѣлали свое дѣло — какъ вы видите, въ эти нѣсколько дней я посѣдѣлъ и постарѣлъ. И всегда я спрашиваю себя, почему я долженъ былъ страдать, за что? Неужели потому только, что я владѣлецъ магазина? Вѣдь только въ этомъ и состоитъ моя единственная «вина». Да, мои друзья, кончилъ свой печальный разсказъ нашъ родственникъ. Такъ выглядитъ та свобода, къ которой годами стремился нашъ народъ».

И онъ грустно при этомъ улыбнулся...

Въ послѣдующіе дни я былъ настолько занятъ службой, что у меня совершенно не было времени отдаваться мыслямъ о происходящихъ событіяхъ.

Но черезъ нѣсколько дней мнѣ вновь пришлось услышать о происходящихъ въ Петроградѣ ужасахъ. Однажды утромъ я встрѣтилъ по дорогѣ въ комиссаріатъ сослуживицу, которая состояла издавна членомъ партіи большевиковъ. По ея заплаканнымъ глазамъ можно было сразу замѣтить, что ее постигло какое-то горе. Я спросилъ ее о причинѣ.

«Что за мрачныя и печальныя времена мы сейчасъ переживаемъ, сказала она — представьте себѣ, пять дней тому назадъ были арестованы четыре инженера съ Путиловской верфи. Одинъ изъ нихъ женатъ на моей двоюродной сестрѣ. Сестра моя справлялась въ чрезвычайкѣ о судьбѣ своего мужа, но вѣдь туда простой смертный не можетъ пробраться. По ея просьбѣ я пошла на Гороховую, и что жъ вы думаете, мнѣ тамъ заявили, что этихъ четырехъ инженеровъ «по недоразумѣнію» разстрѣляли».

Если я порою отъ знакомыхъ или постороннихъ слышалъ о всякихъ большевистскихъ ужасахъ, то я ко всѣмъ этимъ разсказамъ относился довольно скептически, ибо я уже со времени своего пребыванія въ Москвѣ привыкъ къ тому, что какъ оппозиціонная пресса, такъ и обыватель любили преувеличивать тѣ ужасы, которые происходили съ момента октябрьскаго переворота въ нашей странѣ. Но въ данномъ случаѣ я долженъ былъ вѣрить, ибо передо мной стояла настоящая большевичка.

Въ тотъ же день къ обѣду пришелъ къ моей матушкѣ мой братъ. Я замѣтилъ, что онъ при себѣ имѣлъ свой револьверъ. Я его попросилъ отдать мнѣ на время револьверъ, ибо ношеніе оружія запрещено, а разрѣшеніе, полученное имъ раньше на ношеніе оружія, было уже недѣйствительнымъ. Но братъ мой ни за что не хотѣлъ отдать револьвера.

«Сейчасъ времена не такія, чтобы можно было спокойно разставаться съ оружіемъ».

Черезъ нѣсколько дней поздно вечеромъ меня вызвали по телефону.

У телефона находился мой добрый пріятель, бывшій членъ І-го Исполкома.

«Я сегодня былъ на Гороховой, сказалъ онъ, — и тамъ встрѣтилъ вашего брата. Онъ арестованъ и просилъ меня сообщить объ этомъ».

«Что такое? мой братъ арестованъ, воскликнулъ я, — да вы что, шутите?»

«Нѣтъ, я не шучу. Вы только не волнуйтесь, а подумайте, что сдѣлать, чтобъ его освободить».

Несмотря на поздній часъ, я немедленно поѣхалъ въ военный комиссаріатъ. «Тов. Позернъ не оставитъ меня въ бѣдѣ, — подумалъ я, — можетъ быть, онъ еще въ комиссаріатѣ». По дорогѣ я встрѣтилъ партію въ 30 человѣкъ, которыхъ вели подъ конвоемъ. Я подбѣжалъ къ арестованнымъ, почему-то думая, что среди нихъ можетъ быть и мой братъ. Я сквозь темноту внимательно всматривался въ лица арестованныхъ, но брата моего среди нихъ не было. Одинъ изъ конвойныхъ крикнулъ на меня: «Проходи, ну чего, людей не видѣлъ. Проходи».

Черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ нашемъ комиссаріатѣ. Я направился въ свой кабинетъ и составилъ прошеніе на имя Президіума Петроградской Чрезвычайной Комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей. Указавъ на мое положеніе въ военномъ комиссаріатѣ, я просилъ освободить брата моего подъ мое поручительство.

Затѣмъ я пошелъ въ кабинетъ къ Позерну. Позернъ, дѣйствительно, еще сидѣлъ за столомъ въ своемъ кабинетѣ и совѣщался какъ разъ съ военнымъ руководителемъ Петроградскаго гарнизона. Онъ на меня нѣсколько удивленно посмотрѣлъ, а потомъ, улыбаясь, сказалъ: «Въ такой поздній часъ вы ко мнѣ. Случилось что-нибудь особенное?»

«Нѣтъ, товарищъ, по службѣ ничего особеннаго не произошло, но нашу семью постигло большое горе. Моего брата сегодня вдругъ арестовали. Я совершенно не могу себѣ представить, какое вообще обвиненіе ему могутъ предъявить».

«Да, это непріятная исторія, сказалъ Позернъ, — ну, что жъ, надо будетъ кое-что для вашего брата сдѣлать».

Я попросилъ его тогда поддержать мою просьбу въ Чрезвычайную Комиссію объ освобожденіи моего брата. Позернъ внимательно прочелъ мое прошеніе, а затѣмъ сбоку написалъ: «Прошу Чрезвычайную Комиссію освободить изъ-подъ ареста брата нашего близкаго сотрудника, въ случаѣ если не имѣется конкретныхъ обвиненій».

Я его отъ души поблагодарилъ и съ радостнымъ сердцемъ побѣжалъ на телефонную станцію нашего комиссаріата вызвалъ оттуда по прямому проводу одного изъ членовъ Ч. К. и попросилъ его немедленно вынести внизъ для меня пропускъ, ибо, какъ извѣстно, безъ спеціальнаго пропуска въ Комиссію нельзя было попасть. Явившись въ Ч. К., я попросилъ доложить о себѣ кому-нибудь изъ членовъ президіума. Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ вышелъ членъ президіума тов. Борщевскій, которому я передалъ прошеніе, съ просьбой по возможности немедленно освободить моего брата. Тов. Борщевскій обѣщалъ мнѣ немедленно навести справку, по какому поводу произведенъ арестъ моего брата. Я его поблагодарилъ и, нѣсколько успокоившись, пошелъ домой. Придя приблизительно уже къ тремъ часамъ ночи домой, я, физически и нравственно совершенно разбитый, бросился въ постель. Но несмотря на страшную усталость я не могъ заснуть, ибо мысли мои все время были направлены въ одну сторону: я думалъ о своемъ братѣ, сидѣвшемъ на Гороховой.

Вдругъ дрожь пробѣжала по тѣлу моему. «Боже мой, вѣдь онъ при себѣ, навѣрное, имѣлъ револьверъ, а ношеніе оружія простымъ смертнымъ

нынѣ подъ страхомъ разстрѣла запрещено. Его значитъ могутъ за это разстрѣлять».

И цѣлую ночь я провелъ безъ сна, въ страхѣ за судьбу своего брата. Рано утромъ меня разбудилъ звонокъ по телефону. Моему удивленію и радости моей не было границъ, когда я услышалъ голосъ брата. Онъ сообщилъ мнѣ, что еще ночью его вызвали на допросъ, а затѣмъ освободили изъ-подъ ареста.

Такимъ образомъ, мое прошеніе и заступничество Позерна сдѣлали свое дѣло. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ ареста братъ мой былъ уже на свободѣ. Въ тѣ дни такое быстрое освобожденіе было большою рѣдкостью въ анналахъ петроградской чрезвычайки.

Всѣ эти переживанія личнаго характера вызвали во мнѣ сильное сомнѣніе въ правильности тѣхъ методовъ, съ которыми большевики хотѣли осуществить соціализмъ и углубить завоеванія революціи. Какъ убѣжденный демократъ и соціалистъ, я никогда всецѣло не былъ согласенъ съ методами большевистской партіи. Эпоха террора сдѣлала большевизмъ для меня еще болѣе чуждымъ. Я сталъ болѣе и болѣе критически относиться къ большевистскому движенію, причемъ я сталъ сталкиваться почти на каждомъ шагу съ случаями, которые мнѣ ясно доказывали, что наша революція подъ властью большевиковъ вырождается въ движеніе бунтовщическое и анархическое.

Принудительныя выселенія

Чтобы облегчить квартирную нужду бѣднаго населенія, большевики, какъ извѣстно, стали принудительно вселять семьи рабочаго населенія въ квартиры буржуазіи. Съ точки зрѣнія соціальной справедливости противъ такого вселенія, въ концѣ концовъ, ничего нельзя возразить, но для большевиковъ, повидимому, не столько имѣло значеніе облегчить положеніе бѣднаго населенія, какъ притѣснить такъ называемую буржуазію. Бывали часто случаи, что квартиры со всѣмъ имуществомъ просто реквизировались, а владѣльцы должны были очистить квартиры въ 24 часа. Въ Москвѣ, напримѣръ, какъ разъ передъ моимъ отъѣздомъ, было въ теченіе 3-хъ дней выселено населеніе цѣлаго квартала, находившагося вблизи В. Ч. К. Что при этомъ выселялись не только буржуи, объ этомъ особенно упоминать не приходится. Въ Питерѣ реквизиціи и вселенія производились также не только въ «буржуазныхъ» кварталахъ. Къ буржуазіи принадлежала, вѣдь, также и наша интеллигенція. Учителя, врачи, адвокаты должны были часто очищать вмѣстѣ со семьями свои квартиры, причемъ часто выселяемымъ разрѣшалось братъ лишь часть своего бѣлья. Такимъ образомъ, петербургская властъ систематически потворствовала тому, чтобы подорвать матеріальное благосостояніе нашей интеллигенціи. И это въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ сравнительно такъ мало интеллигентныхъ силъ!

На мнѣ, между прочимъ, лежала обязанность просматривать и удостовѣрять правильность жалобъ на реквизиціи квартиръ и помѣщеній, совершавшихся военными властями въ Петроградѣ. При этомъ я довольно часто наталкивался на поистинѣ возмутительные случаи. Вотъ, характерный примѣръ. На Охтѣ стояло со временъ Екатерины Великой большое старинное зданіе, бывшее когда-то не то дворцомъ, не то помѣщичьей усадьбой. Въ этомъ зданіи находился домъ для умалишенныхъ.

Предсѣдатель мѣстнаго совѣта, который былъ одновременно и мѣстнымъ военнымъ комиссаромъ, рѣшилъ, что зданіе это великолѣпно подходитъ подъ казарму для мобилизованныхъ красноармейцевъ, и отдалъ распоряженіе очистить въ теченіе 4-хъ дней зданіе для нуждъ красной арміи. Какъ потомъ выяснилось, предсѣдатель мѣстнаго совѣта былъ въ лично враждебныхъ отношеніяхъ съ управляющимъ больницы. По жалобѣ комитета больницы я отправился выяснить на мѣстѣ положеніе вещей. Я установилъ, что въ той мѣстности былъ рядъ другихъ подходящихъ зданій, которыя могли быть реквизированы. Несмотря на то, что на основаніи моего доклада нашъ комиссаріатъ отдалъ приказъ реквизицію больницы не производить, пресѣдатель мѣстнаго совдепа все же рѣшилъ показать свою властъ. Уже были посланы милиціонеры, которые должны были просто выкинуть на улицу несчастныхъ больныхъ. Въ послѣдній моментъ, благодаря моей угрозѣ привлечь предсѣдателя совѣта, какъ лицо военное, находящееся въ подчиненіи нашему комиссаріату, къ отвѣтственности и предать военно-революціонному суду, удалось снять реквизицію.

Впослѣдствіи я потребовалъ отъ подлежащихъ властей, чтобы Охтенскій военный комиссаръ, онъ же предсѣдатель мѣстнаго совдепа, былъ смѣщенъ со своей должности. Но такъ какъ онъ былъ старымъ коммунистомъ, то его не могли изъ-за такихъ «мелочей», какъ мнѣ объ этомъ дословно заявили, смѣстить. Этотъ отвѣтъ былъ характернымъ для выясненія сущности большевистской власти. Диктатура партіи силою вещей должна была превратиться въ безотвѣтственное владычество отдѣльныхъ лицъ.

Трудовая повинность для буржуазіи

Чтобы совершенно уничтожить буржуазію, какъ классъ, петроградская власть ежедневно придумывала новыя мѣры, направленныя противъ нея. Однимъ изъ такихъ мѣропріятій была трудовая повинность. Къ работамъ по трудовой повинности стали въ Петроградѣ, насколько я знаю, привлекать со временъ холерной эпидеміи. Послѣ этого перваго «опыта» Петроградскій Исполкомъ, главнымъ образомъ въ лицѣ своего предсѣдателя Зиновьева, сталъ обращаться въ районные совѣты съ просьбой о присылкѣ «буржуевъ» на работы, причемъ, какъ я потомъ узналъ, самъ Зиновьевъ давалъ районнымъ совѣтамъ слѣдующій добрый совѣтъ — въ случаѣ недостатка «рабочихъ силъ», просто ловить на улицахъ первыхъ попавшихся «буржуевъ». Такимъ образомъ, въ началѣ трудовая повинность имѣла совершенно неорганизованный и случайный характеръ. Но понемногу «дѣло» стало развиваться. Вскорѣ я получилъ «удовольствіе» ближе познакомиться съ постановкою дѣла привлеченія буржуазіи къ трудовой повинности.

Въ серединѣ октября 18-го года командующій 6-ой арміей, стоявшей на сѣверномъ фронтѣ, потребовалъ отъ нашего комиссаріата выслать для нуждъ арміи 800 рабочихъ, которые должны были строить дороги и рыть траншеи. Нашъ комиссаріатъ рѣшилъ для этой цѣли использовать лицъ, привлеченныхъ къ трудовой повинности. Позернъ отдалъ мнѣ распоряженіе, чтобы я взялся за проведеніе въ жизнь этого дѣла, но я категорически отказался отъ этого порученія.

«Вы знаете, товарищъ, мои политическія убѣжденія, — сказалъ я ему, — и вы поэтому поймете, почему я отказываюсь произвести такъ называемую

мобилизацію буржуазіи». Позернъ сразу же согласился съ моими доводами и попросилъ меня тогда вызвать члена совѣта I-го гор. района тов. Ряжкина, который руководилъ трудовой повинностью въ названномъ районѣ. Я переговорилъ съ Ряжкинымъ, а затѣмъ мы вмѣстѣ съ нимъ пошли къ Позерну и обсудили всѣ возможности дѣла мобилизаціи буржуазіи. Ряжкинъ согласился произвести мобилизацію буржуазіи, причемъ увѣрилъ насъ съ Позернымъ, что онъ въ теченіе 8 дней сможетъ доставить къ Николаевскому вокзалу 800 «буржуевъ». Я, со своей стороны, вошелъ въ сношеніе съ желѣзнодорожнымъ отдѣломъ военнаго комиссаріата, дабы послѣдній къ указанному сроку приготовилъ вагоны для отправки рабочихъ.

Какъ потомъ выяснилось, «мобилизація» была произведена Ряжкинымъ слѣдующимъ способомъ: Въ совѣтъ были приглашены различные граждане, главнымъ образомъ изъ купеческаго сословія, якобы для регистраціи, въ случаѣ привлеченія ихъ въ будущемъ къ трудовой повинности. Когда же граждане приходили въ совѣтъ для регистраціи, ихъ арестовывали и отправляли въ Семеновскія казармы, гдѣ они должны были ждать отправки. Но несмотря на такой весьма «умный» способъ привлеченія къ трудовой повинности, все же 800 человѣкъ собрать не удалось. Тогда Ряжкинъ съ другими членами мѣстнаго совѣта, руководствуясь директивами, данными имъ въ свое время Зиновьевымъ, рѣшились на слѣдующій «замѣчательный» шагъ. За три дня до отправки на сѣверный фронтъ, былъ по приказу Ряжкина поздно вечеромъ оцѣпленъ Невскій проспектъ. И всѣхъ, кто случайно находился на этой улицѣ, и которые не могли предъявить партійный билетъ или удостовѣреніе отъ какого-нибудь государственнаго учрежденія, были арестованы и препровождены въ Семеновскія казармы. Среди «мобилизованныхъ» находились также и женщины. На слѣдующее утро женщины были освобождены, а мужчинъ оставили въ казармахъ. На третій день вся эта партія была отправлена въ Вологду, гдѣ ее, по соглашенію, долженъ былъ принять представитель 6-ой арміи.

Никто изъ мобилизованныхъ такимъ нѣсколько страннымъ, чтобы не сказать болѣе, путемъ не получилъ разрѣшенія привести въ порядокъ свои домашнія дѣла, попрощаться со своими родными или хотя бы только пріобрѣсти соотвѣтственную одежду и обувь. Ни Позернъ, ни я не имѣли никакого понятія о томъ, какъ производилась первая мобилизація рабочихъ для сѣвернаго фронта.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отправки первой партіи въ Вологду, мнѣ пришлось съ одной комиссіей поѣхать въ Ямбургъ. Комиссія эта должна была ликвидировать конфликтъ, который произошелъ тамъ между мѣстнымъ совѣтомъ и военнымъ контролемъ. Комиссія состояла изъ 3-хъ лицъ: изъ представителя Ч. К., тов. Борщевскаго, представителя военнаго контроля и меня, въ качествѣ представителя Петроградскаго военнаго комиссаріата.

Во время поѣздки я разговорился съ Борщевскимъ и спросилъ его о Каннегиссерѣ, судьба котораго меня интересовала.

«Правда ли это, — спросилъ я его, — что Каннегиссеръ еще живъ?»

«Да, это правда», отвѣтилъ Борщевскій.

«Но чѣмъ же это можно объяснить, вѣдь его по-моему должны были давно разстрѣлять».

«Видите ли, сказалъ мнѣ Борщевскій, — мы его нарочно не разстрѣливаемъ. На кой чортъ мы его сейчасъ разстрѣляемъ. Пусть еще помучается нѣкоторое время. Разстрѣлять мы его всегда еще успѣемъ».

Мнѣ вспомнился одновременно другой разговоръ, который я нѣсколько времени до того велъ съ членомъ коллегіи народнаго комиссаріата юстиціи Козловскимъ. Мы говорили съ нимъ о тѣхъ порядкахъ, которые царили во Всероссійской Чрезвычайной Комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей. Я спросилъ его тогда, почему комиссаріатъ юстиціи не принимаетъ никакихъ мѣръ противъ тѣхъ преступныхъ и жестокихъ элементовъ, которые проникли въ чрезвычайку.

«Вѣдь нужно же произвести чистку чрезвычайки, сказалъ я, — вѣдь всѣ эти элементы прямо компрометируютъ нашу революцію».

«Да, товарищъ, это легко сказать, возразилъ мнѣ Козловскій, — но думаете ли вы, что такіе люди, какъ вы или я, годятся для чрезвычайки? Конечно нѣтъ! Мы сейчасъ ведемъ безпощадную борьбу, борьбу не на жизнь, а на смерть, съ контръ-революціей, и на такую борьбу мы, интеллигенты, не способны. На такую борьбу годятся лишь толстокожіе. Само собой разумѣется, что среди тѣхъ жестокихъ элементовъ, которые находятся въ чрезвычайкѣ, имѣются многіе съ довольно темнымъ прошлымъ. Противъ этого нельзя ничего сдѣлать. Мы должны съ этимъ примириться».

«Сдѣлать противъ этого кое-что можно, сказалъ я себѣ, — но просто противъ этого ничего не хотятъ сдѣлать».

Лишь впослѣдствіи мнѣ стало совершенно ясно, что вся система большевистскаго государственнаго правленія основана на томъ, что жестокимъ и преступнымъ элементамъ дается возможность развить свою «дѣятельность».

Въ Ямбургѣ мы остались два дня. Въ свободное время мы посѣщали семью одного стараго ямбургскаго еврея, знакомаго Борщевскаго. Мы при разговорѣ касались главнымъ образомъ политическихъ событій. Старикъ часто ставилъ намъ различные вопросы. Большей частью отвѣчалъ Борщевскій, который почти все время употреблялъ слова, какъ «безпощадный», «смерть», «разстрѣлъ» и т. д. При этомъ Борщевскій также говорилъ о необходимости въ борьбѣ со своими врагами прибѣгать иной разъ къ жестокимъ средствамъ. Онъ разсказалъ при этомъ нѣсколько случаевъ изъ своей «практики».

Старикъ внимательно его слушалъ и подъ конецъ сказалъ:

«Я ужъ старъ и сѣдъ, можетъ быть поэтому я и не могу понять такъ хорошо стремленія молодого поколѣнія. Я знаю, что въ прошломъ было много несправедливаго и плохого. Но я вамъ говорю: зло вы вашими способами не искорените. Надо въ первую очередь цѣнить человѣческую жизнь. Наша старая священная религія, наши пророки и ученые всегда говорили, что человѣческая жизнь есть высшее благо. Человѣкъ долженъ быть самоцѣлью, а не средствомъ. Да, молодой человѣкъ, — сказалъ онъ Борщевскому, — вы улыбаетесь, а я вамъ говорю — дѣйствія ваши и вашихъ партійныхъ товарищей къ добру не приведутъ. Придетъ, можетъ быть, время, когда и вы вспомните мои слова. Царь и его слуги также безнаказанно дѣйствовали, какъ и вы сегодня это дѣлаете. И при самодержавіи человѣческая жизнь не имѣла цѣнности, и вы знаете сами, къ чему это привело. И я вамъ всѣмъ говорю: ваши взгляды и ваши дѣйствія, которые ведутъ лишь къ кровопролитію и одичанію, добрыхъ плодовъ не принесутъ».

Послѣ того какъ наша комиссія ликвидировала конфликтъ между ямбургскимъ совѣтомъ и военнымъ контролемъ, мы отправились на поѣздъ. Передъ отъѣздомъ у представителя военнаго контроля появилась «блестящая» мысль.

«Знаете что, товарищи, сказалъ онъ, — надо-ка поговорить съ завѣдующимъ продовольственнымъ отдѣломъ, можетъ, онъ намъ дастъ картошки».

Мы съ Борщевскимъ сразу же согласились на это предложеніе, пошли въ продовольственный отдѣлъ и, дѣйствительно, каждый изъ насъ получилъ оттуда полтора пуда картошки. Съ этой драгоцѣнной ношей мы сѣли въ поѣздъ и отправились въ Питеръ.

На Балтійскомъ вокзалѣ стоялъ, какъ на всѣхъ россійскихъ вокзалахъ, заградительный отрядъ. Солдаты этого отряда тщательно осматривали вещи всѣхъ выходившихъ пассажировъ. При видѣ того усердія, которое проявлялось солдатами по отношенію къ чужому багажу, я нѣсколько обезпокоился за судьбу нашей картошки. На мой вопросъ, не отнимутъ ли у насъ эту ношу, Борщевскій увѣренно заявилъ:

«Бросьте глупости говорить. Кто же посмѣетъ отнять у насъ нашу картошку?»

И дѣйствительно, несмотря на то, что каждый изъ насъ открыто несъ на плечахъ своихъ полтора пуда, насъ сразу же, какъ мы только предъявили наши удостовѣренія, пропустили безъ всякихъ препятствій. Какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ я протаскивалъ свой мѣшокъ съ картофелемъ, солдаты заградительнаго отряда набросились на какую-то женщину и отняли у нея муку, которую она несла съ собою. Женщина, какъ водится, подняла страшный крикъ, но ни слезы, ни просьбы ея не помогли.

Мы подошли къ ожидавшему насъ автомобилю и бросили въ него наши три мѣшка, но радостно на душѣ у меня не было. Мнѣ вдругъ стало ясно, насколько несправедливъ тотъ государственный порядокъ, при которомъ мы трое въ силу нашего служебнаго положенія имѣемъ возможность провезти необходимые жизненные продукты, въ то время, какъ у простого смертнаго, эти же самые продукты отнимались. Но дома меня встрѣтили при видѣ моей драгоцѣнной ноши съ такой искренной и великой радостью, что у меня сразу прошло то тяжелое чувство, которое я все время ощущалъ.

На слѣдующій день былъ парадъ петроградскаго гарнизона на Марсовомъ Полѣ. Я, если такъ можно выразиться, находился въ свитѣ военнаго комиссара. Войска прошли мимо насъ церемоніальнымъ маршемъ, они имѣли бодрый и хорошій видъ и казались дисциплинированными. На парадѣ присутствовалъ предсѣдатель петроградской коммуны, который послѣ парада обратился къ солдатамъ съ рѣчью. Какъ всегда, рѣчь его была сплошной и низкой демагогіей. Я смотрѣлъ то на Зиновьева, то на эту солдатскую массу и спрашивалъ себя, кто въ общемъ заслуживаетъ больше презрѣнія — этотъ демагогъ, который возбуждаетъ толпу, или сама толпа, которая бурно привѣтствуетъ этого демагога.

По окончаніи парада я отправился въ военный комиссаріатъ Рождественскаго района, чтобы переговорить тамъ съ мѣстнымъ комиссаромъ по одному служебному дѣлу. Комиссара я тамъ не засталъ. Изъ отвѣтственныхъ служащихъ былъ только комендантъ на лицо. Я рѣшилъ пойти къ коменданту и передать ему то порученіе, которое я долженъ былъ выполнить. Патруль повелъ меня черезъ темный грязный коридоръ. Потомъ мы прошли по узкой деревянной лѣстницѣ и остановились около одной двери.

«Здѣсь комендантъ», сказалъ мнѣ солдатъ.

Я постучалъ. Вначалѣ я отвѣта не получилъ. Я постучалъ тогда еще разъ. Заспанный голосъ донесся изъ комнаты: «Войдите».

Я открылъ дверь и вошелъ въ комнату. Прямо передо мной у окна стоялъ столъ, на которомъ находились сабля и два револьвера. Налѣво въ углу стояли нѣсколько винтовокъ. Направо находилась кровать, на которой лежалъ мужчина въ военной формѣ; онъ остался лежать и при моемъ появленіи.

«Вы комендантъ?» спросилъ я.

«Да, я», отвѣтилъ онъ мнѣ, все еще продолжая лежать.

Я назвалъ себя. Онъ моментально вскочилъ съ постели и съ глубокимъ поклономъ и сладчайшей улыбкой попросилъ меня сѣсть.

«Простите меня, пожалуйста, если я только-что тутъ лежалъ», — сказалъ онъ. «Но знаете, я всѣ эти ночи такъ много работалъ, что я могу отъ трудовъ отдыхать только днемъ. Я видите ли — и тутъ его голосъ понизился — каждую ночь совершаю обыски въ нашемъ районѣ и арестовываю офицеровъ и другихъ контръ-революціонеровъ. Знаете, я ужъ тутъ напустилъ страху. Они меня здѣсь во! какъ боятся. Какъ только наступаетъ ночь, я сразу же иду на охоту».

И это слово, повидимому, ему самому очень понравилось, ибо онъ ехидно улыбнулся.

«Я, знаете, товарищъ, не то что другіе, которые берутъ отъ государства деньги и ничего не дѣлаютъ. Я, дѣйствительно, работаю, стараюсь, не за страхъ, а за совѣсть. И ежели я при этомъ и устаю, то все же у меня сознаніе, что я служу вѣрой и правдой совѣтскому правительству».

Я внимательно всматривался въ лицо коменданта. Это былъ типичный околоточный надзиратель или унтеръ-офицеръ стараго режима. По его жестокому и грубому лицу можно было сразу видѣть, что его профессія состоитъ въ томъ, чтобы мучить людей, попавшихъ въ его лапы. По всей его рабской манерѣ можно было въ немъ сразу увидѣть бывшаго «браваго» солдата. Какъ онъ, можетъ быть, въ свое время арестовывалъ революціонную молодежь, такъ онъ и теперь съ тѣмъ же равнодушіемъ арестовывалъ «контръ-революціонеровъ». Это былъ типъ, котораго можно было тогда, а навѣрно и теперь еще, часто встрѣтить въ совѣтскихъ учрежденіяхъ. Бывшіе полицейскіе, офицеры, унтеръ-офицеры и старые царскіе чиновники быстро освоились съ требованіями новаго времени и перекрасились въ красный цвѣтъ.

Посылка на принудительныя работы въ Вологду

Черезъ нѣкоторое время командующій 6-ой арміей Гиттисъ потребовалъ для нуждъ сѣвернаго фронта еще 500 человѣкъ. Нашъ комиссаріатъ вновь поручилъ дѣло мобилизаціи этихъ рабочихъ отдѣлу по трудовой повинности при первомъ городскомъ районѣ. Тов. Ряжкинъ обѣщалъ намъ доставить требуемое количество людей въ теченіе 7-ми дней. Какъ впослѣдствіи выяснилось, и эта партія была такимъ же «простымъ» способомъ мобилизована, какъ и первая.

Въ день отправки второй партіи въ Вологду тов. Позернъ попросилъ меня лично справиться въ первомъ городскомъ районѣ о ходѣ дѣла. Пріѣхавъ въ первый городской районъ, находившійся на Большой Московской,

я навелъ тамъ справки о положеніи вещей, причемъ Ряжкинъ мнѣ съ торжествомъ заявилъ, что удалось собрать 500 человѣкъ. Такъ какъ я хотѣлъ удостовѣриться, получили-ли мобилизованные отпущенные имъ изъ военно-хозяйственнаго управленія съѣстные припасы, то я рѣшилъ отправиться въ Семеновскія казармы. Лишь прибывъ въ казармы, я впервые узналъ о томъ, какимъ способомъ произошла мобилизація. Когда мой автомобиль въѣхалъ во дворъ казармы, первое, что я увидѣлъ, это было приблизительно 10 монаховъ, стоявшихъ у воротъ. Я спросилъ сопровождавшаго меня уполномоченнаго перваго гор. района, принадлежатъ ли эти монахи также къ числу мобилизованныхъ, и получилъ утвердительный отвѣтъ. Вначалѣ я пошелъ къ такъ называемому секретарю, у котораго находился списокъ «мобилизованныхъ». Я провѣрилъ этотъ списокъ и меня поразило наличіе въ немъ большого количества лицъ старше 45 лѣтъ. Послѣ того, какъ я пробылъ въ зданіи около часа и удостовѣрился въ томъ, что съѣстные припасы, отпущенные по приказу нашего комиссаріата, дѣйствительно были получены мобилизованными, я вышелъ во дворъ и намѣревался доложить о видѣномъ тов. Позерну. Во дворѣ стояла уже громадная толпа. То были мобилизованные «буржуи», которые должны были быть отправлены на сѣверный фронтъ. Толпа инстинктивно поняла, что я являюсь представителемъ высшей власти. Меня моментально окружили и стали обращаться съ просьбой объ освобожденіи. Я былъ пораженъ и удивленъ тѣмъ, что я услышалъ. Изъ словъ отдѣльныхъ лицъ мнѣ стало ясно, что никакой мобилизаціи не было произведено, а что всѣ эти люди были незаконнымъ способомъ пойманы на улицѣ и отправлены въ казарму.

Я, конечно, не имѣлъ возможности пойти навстрѣчу просьбамъ мобилизованныхъ. Поѣздъ, съ которымъ они должны были отправиться на фронтъ, стоялъ уже наготовѣ. Но я все же рѣшилъ выслушать просьбы хотя бы нѣсколькихъ лицъ наудачу. Одинъ изъ просителей — пожилой мужчина, заявилъ мнѣ, что сынъ его сражается въ рядахъ красной арміи на чехословацкомъ фронтѣ и предъявилъ мнѣ соотвѣтствующій документъ. Между тѣмъ, верховное командованіе красной арміи еще лѣтомъ издало приказъ о томъ, что ближайшіе родственники лицъ, находящихся на фронтѣ, освобождаются отъ трудовой повинности. Я спросилъ уполномоченнаго перваго гор. района, какимъ образомъ могло произойти, чтобы этого человѣка мобилизовали.

«Да, помилуй Богъ, — отвѣтилъ онъ мнѣ, — гдѣ же у насъ было время въ такой короткій срокъ заниматься такими дѣлами».

Тогда я заявилъ, что въ качествѣ представителя военной власти, я подъ своей отвѣтственностью объявляю просителя освобожденнымъ. Случайно находившагося тутъ же студента я также, на основаніи существовавшаго декрета отъ народнаго комиссаріата просвѣщенія, освободилъ. Я велѣлъ обоимъ сѣсть въ автомобиль и хотѣлъ покинуть это мѣсто людского страданія. Но какъ только другіе увидѣли, что я двоихъ освободилъ, всѣ бросились къ автомобилю и вновь окружили его. Поднялся страшный шумъ, всякій сталъ просить о своемъ освобожденіи. Одинъ заявлялъ, что онъ совсѣмъ не «буржуй», другой заявлялъ, что онъ боленъ и т. д. Съ простертыми руками, съ умоляющимъ взоромъ стояли эти несчастные вокругъ меня.

Но что жъ я могъ сдѣлать? Вѣдь не могъ же я своей властью освободить всю эту толпу! Я далъ знакъ шоферу, и машина медленно покатилась.

Въ этотъ моментъ на подножку вскочилъ пожилой мужчина и крикнулъ съ раздирающимъ душу голосомъ: «Дорогой товарищъ, помилуйте меня, шестеро дѣтей оставилъ я дома». Не успѣлъ я еще отвѣтить, какъ сопровождавшій меня членъ совѣта ударомъ въ грудь столкнулъ просившаго съ подножки автомобиля. При этомъ онъ громко крикнулъ: «Да, оставите ли вы, наконецъ, насъ въ покоѣ», и прибавилъ затѣмъ крѣпкое русское ругательство. «Шестеро дѣтей», воскликнулъ еще разъ упавшій. Но машина уже быстро покатилась впередъ, и я оставилъ эту шумную несчастную толпу позади себя.

Въ этотъ день я окончательно порвалъ въ душѣ съ большевизмомъ. Для меня стало ясно, что я никогда, ни при какихъ условіяхъ не смогу пріять въ качествѣ догмата то издѣвательство надъ человѣческой личностью, которое вошло въ систему существующей власти . . .

Черезъ нѣсколько недѣль была образована центральная комиссія по трудовой повинности. Въ эту комиссію долженъ былъ войти также и представитель отъ военнаго комиссаріата. Тов. Позернъ спросилъ меня, не согласишусь ли я въ качествѣ такового войти въ эту комиссію. Несмотря на то, что я ясно сознавалъ, что должность эта совершенно не соотвѣтствуетъ ни моимъ политическимъ, ни моимъ нравственнымъ убѣжденіямъ, я все же далъ свое согласіе. Я надѣялся, что, въ качествѣ члена центральной комиссіи по трудовой повинности, мнѣ удастся облегчить положеніе сосланныхъ на сѣверный фронтъ.

Когда я впервые, въ качествѣ оффиціальнаго представителя военнаго комиссаріата, пришелъ въ центральную комиссію, я сразу же могъ убѣдиться въ томъ, какого сорта «соціалисты» проявляютъ тамъ свою власть. Чтобы пройти въ комнату, гдѣ засѣдалъ президіумъ центральной комиссіи, надо было миновать залъ, въ которомъ находилось большое количество людей, въ большинствѣ женщинъ, которые наводили справки объ участи сосланныхъ, или же хотѣли подать соотвѣтствующія прошенія. Въ тотъ моментъ, когда я вошелъ въ залъ, изъ комнаты президіума выскочилъ секретарь комиссіи съ револьверомъ въ рукахъ и грозно крикнулъ: «Уйдете, или нѣтъ?»

Когда онъ меня увидѣлъ (онъ зналъ меня въ лицо по предыдущимъ моимъ посѣщеніямъ), онъ нѣсколько смутился и какъ наказанный школьникъ прошепталъ:

«Простите, товарищъ, я васъ и не замѣтилъ».

«Помилуй Богъ, отвѣтилъ я иронически, — не смущайтесь, продолжайте только вашу работу».

«Да, вѣдь, знаете, товарищъ, совершенно невозможно работать, когда вокругъ стоятъ всѣ эти ревущія женщины. У насъ рѣшено на ихъ прошенія отвѣта не давать. Я ужь это имъ сотни разъ заявлялъ. А они все стоятъ на своемъ, и не уходятъ; такъ что же мнѣ остается дѣлать. Я рѣшилъ тогда прибѣгнуть къ этой игрушкѣ», сказалъ этотъ «коммунистъ», указывая на свой револьверъ.

Мнѣ удалось съ самаго начала уговорить своихъ товарищей по комиссіи, запретить ту охоту за людьми, которая въ тѣ дни совершалась чуть ли не ежедневно на улицахъ бывшей столицы. Кромѣ того, по моему настоянію, рѣшено было принимать всѣ прошенія, а также устныя жалобы въ центральную комиссію. Затѣмъ я сталъ собирать матеріалъ о тѣхъ, которыхъ

отправили на сѣверный фронтъ. При этомъ я натолкнулся на прямо невѣроятные случаи. Такъ напримѣръ, выяснилось, что всѣхъ тѣхъ, которыхъ поймали на улицѣ, не подвергли медицинскому осмотру. Такимъ образомъ были отправлены на сѣверный фронтъ много больныхъ, которые къ физическимъ работамъ совершенно не были способны. Среди тѣхъ, которыхъ потомъ удалось съ большимъ трудомъ освободить, были многіе, страдавшіе порокомъ сердца, было много чахоточныхъ и другихъ тяжко-больныхъ.

Что это значитъ, если власть находится въ рукахъ грубыхъ и полудикихъ людей, это показываютъ нѣкоторыя «глубоко-продуманныя рѣшенія», которыя постановляли члены совѣта перваго гор. района. Такъ напримѣръ, былъ вытребованъ въ совѣтъ, якобы для регистраціи, владѣлецъ одного ларька. Но онъ въ это время былъ какъ разъ въ деревнѣ. Его братъ, который былъ по профессіи банщиковъ, пошелъ въ совѣтъ, чтобы тамъ навести справку, по какому поводу вытребовали его брата. Въ совѣтѣ ему заявили: «Ахъ, такъ, твоего брата, значитъ, нѣтъ; ну, что жъ? тогда ты можешь за него поработать». И этотъ ничего не предполагавшій банщикъ былъ тутъ же схваченъ и отправленъ черезъ нѣсколько дней въ качествѣ «буржуя» на сѣверный фронтъ.

Другой примѣръ: въ совѣтъ пришелъ какой-то крестьянинъ, который хотѣлъ получить разрѣшеніе на выѣздъ изъ Петрограда. Онъ не зналъ, въ какой комнатѣ выдаютъ эти разрѣшенія. Онъ случайно вошелъ въ комнату, въ которой находилась мѣстная комиссія по трудовой повинности. На его вопросъ, гдѣ можно получить разрѣшеніе на выѣздъ, ему сказали, чтобы онъ подождалъ въ сосѣдней комнатѣ. Между тѣмъ, въ этой комнатѣ сидѣли вызванные якобы для регистраціи, которые должны были быть отправлены на сѣверный фронтъ. Черезъ нѣкоторое время пришли нѣсколько красноармейцевъ и отвели всѣхъ находившихся въ этой комнатѣ, а также и того, кто хотѣлъ получить пропускъ для выѣзда, въ Семеновскія казармы. Такимъ образомъ, несчастный, дѣйствительно, совершилъ путешествіе, но только не туда, куда онъ хотѣлъ, а на тяжелыя работы на сѣверный фронтъ.

На случаи такого рода я наталкивался на каждомъ шагу. И что меня больше всего возмутило при собираніи матеріаловъ о посылкѣ мобилизованной буржуазіи на сѣверный фронтъ, это то, что дѣйствительные капиталисты и спекулянты среди сосланныхъ совершенно не были привлечены къ трудовой повинности. Дѣйствительные капиталисты, по всей вѣроятности, во-время откупились.

Когда стало извѣстно среди населенія, что въ центральной комиссіи принимаютъ просителей, ко мнѣ ежедневно стали являться десятки людей съ прошеніями и жалобами. И почти всегда мнѣ приходилось наталкиваться на возмутительные случаи. Такъ я помню, какъ однажды ко мнѣ явилась одна бѣдная прачка, мужъ которой раньше служилъ курьеромъ у Сименса и Гальске и который также, въ качествѣ «буржуя», былъ отправленъ на работу. Въ ея прошеніи, полномъ орѳографическихъ ошибокъ, находились, между прочимъ, слѣдующія фразы: «Какъ раньше, такъ и теперь долженъ страдать простой рабочій. Буржуи же сидятъ у себя дома и спятъ въ теплой постели. Рабочій же долженъ мучиться. Если мой мужъ не вернется, то я съ моими дѣтьми скоро умру съ голоду».

Въ одномъ изъ другихъ прошеній сестра одного ремесленника писала: «Братъ мой однажды вечеромъ сидѣлъ въ трактирѣ. Вдругъ туда вошли

красноармейцы и арестовали всѣхъ, находившихся тамъ; между ними и моего брата. У брата не было какъ разъ соотвѣтствующаго удостовѣренія. Когда я на другой день узнала объ арестѣ моего брата, я пошла въ совѣтъ, чтобы выяснить недоразумѣніе. Но господинъ комиссаръ меня не принялъ, а велѣлъ прогнать вонъ. Черезъ три дня мой братъ, который къ тому же боленъ суставнымъ ревматизмомъ, былъ посланъ на работы въ Архангельскую губернію. Такимъ образомъ, я и мой тяжко-больной отецъ лишились единственнаго кормильца».

Однажды я натолкнулся даже и на такой возмутительный случай: ко мнѣ явилась жена одного безработнаго, бывшаго раньше на Путиловскомъ заводѣ. Она заявила, что она осталась съ четырьмя маленькими дѣтьми и не имѣетъ никакихъ средствъ къ дальнѣйшему существованію. Такъ какъ я, несмотря на соотвѣтствующія удостовѣренія, имѣлъ основаніе не всегда вѣрить всему тому, что мнѣ сообщаютъ просители, то я довольно часто поручалъ мѣстнымъ районнымъ комиссіямъ удостовѣриться въ правильности тѣхъ данныхъ, которыя мнѣ сообщались. Я поступилъ такимъ же способомъ и въ данномъ случаѣ. Районная комиссія Нарвскаго района, въ которомъ жила эта женщина, выяснила, что вся семья живетъ въ одной комнатѣ, въ сыромъ и полутемномъ подвальномъ помѣщеніи. И единственнаго кормильца этихъ бѣдныхъ людей отправили, въ качествѣ «буржуя», на работы въ Архангельскую губернію!

Когда, наконецъ, съ полной очевидностью выяснилось, что многіе изъ сосланныхъ были отправлены на работу совершенно неправомѣрнымъ способомъ, я сдѣлалъ командующему 6-ой арміи соотвѣтствующее заявленіе. На основаніи этого заявленія командующій арміей согласился немедленно освобождать всякаго, кто по моему мнѣнію былъ неправомѣрнымъ способомъ сосланъ на работы. Такимъ образомъ, мнѣ удалось понемногу вернуть многихъ сосланныхъ. По ихъ словамъ можно было установить приблизительно слѣдующую картину ихъ крестнаго пути:

Вечеромъ дня отправки изъ Петрограда всѣхъ ссылаемыхъ разставили въ ряды на дворѣ Семеновскихъ казармъ. Они были окружены сильнымъ конвоемъ. Передъ тѣмъ какъ двинуться въ путь къ Николаевскому вокзалу, начальникъ конвоя громкимъ голосомъ заявилъ: «Кто посмѣетъ выйти изъ рядовъ, тотъ будетъ немедленно разстрѣлянъ». Когда партія стала выходить изъ воротъ казармъ, на улицѣ уже стояли жены и дѣти ссылаемыхъ. Раздались душу раздирающіе крики. Жены бросились, было, къ своимъ дорогимъ роднымъ, но солдаты ихъ оттолкнули прочь. Одинъ молодой студентъ увидѣлъ среди отправляемыхъ своего старика отца. Со слезами на глазахъ онъ бросился на колѣни передъ начальникомъ отряда и сталъ его просить разрѣшить ему замѣстить отца. Начальникъ, тронутый самопожертвованіемъ юноши, великодушно согласился на эту просьбу. И сынъ отправился на работы вмѣсто своего больного отца. Точно стадо вьючныхъ животныхъ ихъ повели къ Николаевскому вокзалу. Ссылаемые не знали, зачѣмъ и куда ихъ ведутъ. Ибо для того, чтобы кто-нибудь все же не вздумалъ бѣжать, отъ отправляемыхъ скрыли мѣсто ихъ назначенія. Они даже не знали, хотятъ ли ихъ оставить въ Питерѣ или нѣтъ.

При отправкѣ транспорта на вокзалѣ произошла сцена, которая показываетъ, до какой низости можетъ дойти порой человѣкъ. Одинъ изъ отправляемыхъ, большой крѣпкій мужчина, по внѣшнему виду купецъ, попросилъ

начальника конвоя разрѣшить ему проститься со своими близкими, которые ожидали его на другомъ неоцѣпленномъ стражей перронѣ. Но начальникъ конвоя въ просьбѣ отказалъ, ибо боялся, что проситель не вернется. Тогда проситель заявилъ, что въ то время, пока онъ пойдетъ прощаться со своими родными. у поѣзда въ качествѣ заложника останется его 16-лѣтній приказчикъ. Начальникъ конвоя согласился на эту комбинацію. Купецъ, обѣщавъ вернуться черезъ нѣсколько минутъ, покинулъ перронъ. Но прошелъ часъ-другой, а онъ все не возвращался. Мальчикъ сталъ горько плакать, прося начальника конвоя его отпустить. Но начальникъ былъ неумолимъ:

«У меня нѣтъ времени искать теперь твоего хозяина, сказалъ онъ, — теперь ты поѣдешь вмѣсто него съ нами. Я тутъ не причемъ, я долженъ доставить столько людей, сколько у меня находится въ спискахъ».

Поѣздка продолжалась два дня и одну ночь. По прибытіи транспорта въ Вологду между начальникомъ конвоя и мѣстнымъ комендантомъ вокзала произошелъ въ присутствіи сосланныхъ приблизительно слѣдующій разговоръ:

«Кого же это вы намъ тутъ привели?»

«А это питерскіе буржуи, которые присланы для работъ на фронтѣ».

«Что, буржуевъ, бѣлогвардейцевъ къ намъ привели? Да, что мы тутъ въ Вологдѣ съ ними будемъ дѣлать. Намъ тутъ самимъ ѣсть нечего».

Начальникъ конвоя стыдливо улыбнулся.

«Да, вамъ смѣшно, крикнулъ комендантъ. — а намъ для всей этой сволочи надо найти помѣщенія. Вы бы ужъ лучше ихъ сразу въ Питерѣ прикончили. Насъ только лишней работой заваливаете».

Партію прибывшихъ разставили въ рядъ и повели затѣмъ по улицамъ Вологды. Прохожіе останавливались; одни глядѣли съ злобной насмѣшкой, другіе съ сожалѣніемъ. Уличные мальчишки бѣжали за арестованными и кричали: «Питерскихъ буржуевъ ведутъ. Питерскихъ бѣлогвардейцевъ!»

Вскорѣ партія достигла того мѣста, гдѣ сосланные должны были быть размѣщены. То была знаменитая Вологодская тюрьма. Холодныя и сырыя камеры этой тюрьмы были первымъ пріютомъ этихъ физически и морально разбитыхъ людей.

Съ ними обращались, какъ съ самыми тяжкими преступниками, а по прибытіи въ Вологду бросили въ тюрьму. При этихъ обстоятельствахъ не удивительно, что уже въ первую ночь нѣсколько человѣкъ сошло съ ума, а нѣкоторые покончили съ собой...

Пребываніе въ Вологодской тюрьмѣ продолжалось недолго. Черезъ нѣсколько дней сосланныхъ распредѣлили по различнымъ линіямъ фронта, гдѣ они подъ огнемъ англичанъ должны были совершать тяжелыя земляныя работы. Ихъ раздѣлили на отдѣльныя партіи по 10 человѣкъ въ каждой. Причемъ была введена круговая порука. Отдѣльные начальники, которые руководили работами, заявили, что если одинъ убѣжитъ, то остальные 9 будутъ разстрѣляны.

Одни должны были рыть траншеи, другіе прокладывать дороги и строить бараки для солдатъ. Работа эта была большей частью сопряжена съ опасностью для жизни. Часто сосланныхъ на работы красноармейцы заставляли выносить подъ огнемъ англичанъ пулеметы, оставленные во время боя. На сосланныхъ смотрѣли, какъ на ополченцевъ. И они должны были до конца похода оставаться въ арміи. Между тѣмъ, руководители 6 арміи

согласно декрета не имѣли права удерживать этихъ людей болѣе трехъ мѣсяцевъ.

Но развѣ въ періодѣ диктатуры существуетъ право. «Какое намъ дѣло до законовъ, существующихъ въ Петроградѣ. — У насъ свои законы! Вся власть на мѣстахъ!»

Работа и сопряженныя съ нею опасности не были главнымъ зломъ сосланныхъ. Они куда больше страдали отъ холода и голода. Въ легкой одеждѣ и въ тонкой обуви приходилось этимъ людямъ работать при страшныхъ морозахъ. Между тѣмъ, они отъ арміи не получали никакой соотвѣтствующей одежды. Ихъ мольбы оставались безъ отвѣта. Близкіе ихъ и родные отправлялись въ Вологду и привозили имъ съ собой необходимую теплую одежду. Но военныя власти отказывали въ дальнѣйшей отправкѣ вещей на линію фронта, подъ предлогомъ, что для буржуазіи фронтовая почта работать не можетъ. Солдатамъ же, находившимся въ Вологдѣ и отправлявшимся на фронтъ, вещи довѣрять также нельзя было. Ибо наши красноармейскіе «коммунисты» понимали коммунизмъ по-своему. «Все твое мое, а все мое только мое». Не даромъ уже тогда стали говорить въ народѣ про коммуну — «Кому „на“, а кому нѣтъ».

Отъ голода приходилось сосланнымъ много страдать. Ибо имъ отпускалось весьма малое количество хлѣба, несмотря на то, что они должны были исполнять тяжелую физическую работу. У мѣстныхъ крестьянъ имъ почти ничего не удавалось купить, такъ какъ тѣхъ натравили на несчастныхъ «буржуевъ», которые въ своемъ огромномъ большинствѣ, въ дѣйствительности, таковыми совсѣмъ и не были. Комитеты бѣдноты видно уже и на далекомъ сѣверѣ начали проявлять свою «благотворную» дѣятельность по части натравливанія одного класса населенія на другой.

Изъ какихъ элементовъ, между прочимъ, эти комитеты бѣдноты. состояли, видно хотя бы изъ слѣдующаго весьма характернаго факта, свидѣтелемъ котораго я былъ. Какъ извѣстно, въ концѣ 18 года въ Петроградѣ состоялся съѣздъ комбѣдовъ. На съѣздъ собралось болѣе 20 тысячъ человѣкъ. Это громадное количество пришлось распредѣлить по всѣмъ свободнымъ частнымъ и общественнымъ помѣщеніямъ Петрограда. Часть этой бѣдноты была распредѣлена и въ гостинницѣ «Франція», гдѣ я, въ качествѣ служащаго военнаго комиссаріата, имѣлъ комнату. Когда окончился съѣздъ и «бѣднота» разъѣхалась по домамъ, управляющій гостинницы выяснилъ, что делегаты взяли съ собой ножи, вилки, ложки и даже портьеры. На память! Какъ потомъ выяснилось, и въ другихъ гостинницахъ делегаты комбѣдовъ проводили свои коммунистическія идеи тѣмъ же своеобразнымъ способомъ.

Трудовая повинность въ Петроградѣ

Мнѣ пришлось въ центральной комиссіи по трудовой повинности не только заниматься вопросами, связанными съ ссылкою обѣихъ партій «рабочихъ» въ Вологду, но и организаціей трудовой повинности въ самомъ Петроградѣ. Когда была образована центральная комиссія по трудовой повинности, то уже почти во всѣхъ районахъ существовали мѣстныя комиссіи. Комиссіи эти были различнымъ образомъ организованы и каждая по-своему привлекала буржуазію къ трудовой повинности. Чтобы ввести хотя бы нѣкоторый порядокъ въ дѣло привлеченія къ трудовой повинности, необходимо

было выработать единый планъ и единый способъ привлеченія къ работамъ. Работа по организаціи трудовой повинности дала мнѣ возможность лично всмотрѣться въ работу, совершавшуюся районными комиссіями. Удручающее впечатлѣніе производили на меня предсѣдатели районныхъ комиссій. Это были въ большинствѣ грубые, жестокіе и невѣжественные люди, которые не умѣли, какъ слѣдуетъ, хотя бы подписать свое имя и которые, конечно, не имѣли никакого понятія, какъ организовать все дѣло. Въ особенности вспоминается мнѣ личность предсѣдателя Выборгской районной комиссіи, тов. Абрамова. Этотъ тов. Абрамовъ имѣлъ лицо типичнаго алкоголика и преступника. Люди, которымъ я имѣлъ полное основаніе вѣрить, увѣряли меня, что онъ при исполненіи своихъ обязанностей вѣчно въ пьяномъ состояніи. Кстати, этотъ самый Абрамовъ былъ впослѣдствіи, послѣ моего ухода, вмѣсто меня назначенъ предсѣдателемъ центральной комиссіи. Повидимому, и Зиновьевъ былъ того же мнѣнія, какъ и Козловскій, что на такого сорта должности годятся лишь преступники.

Ежедневно являлись къ намъ въ центральную комиссію съ жалобами на неправомѣрныя дѣйствія въ районныхъ комиссіяхъ. Особенно много было жалобъ на то, что районы привлекали къ трудовой повинности лицъ старше 50 лѣтъ. Насколько мѣстныя власти терроризировали населеніе, видно хотя бы изъ слѣдующаго случая. Ко мнѣ однажды явился полуслѣпой и полуглухой старичокъ. Онъ былъ настолько слабъ, что его должна была провожать его внучка. Каково было мое удивленіе, когда я отъ него узналъ, что его привлекаютъ къ трудовой повинности. Онъ просилъ меня дать ему удостовѣреніе, по которому онъ не долженъ быть привлеченъ къ трудовой повинности. Въ этой просьбѣ я ему отказалъ, ибо считалъ выдачу такого удостовѣренія совершенно излишней. Но черезъ день онъ вновь явился и предъявилъ мнѣ бумагу, на основаніи которой онъ долженъ былъ явиться на работы. Послѣ этого я ему, конечно, выдалъ надлежащее удостовѣреніе.

Однажды Василеостровская районная комиссія послала на работы по выгрузкѣ дровъ партію въ 25 человѣкъ. Изъ нихъ 12 было старше 50, а 8 старше 55 лѣтъ. Я былъ возмущенъ, что Василеостровская комиссія привлекаетъ на работы только стариковъ. Я ихъ немедленно силою своей власти отъ работъ освободилъ, несмотря на то, что это вызвало нареканіе со стороны другихъ членовъ центральной комиссіи.

Однажды къ намъ въ комиссію была доставлена партія въ 35 человѣкъ, которую мы должны были распредѣлить по районамъ. Среди этой партіи находился одинъ старый татаринъ, который предъявилъ удостовѣреніе, изъ котораго было видно, что онъ уже отбылъ трудовую повинность въ Спасскомъ районѣ. Комиссія Спасскаго района отпустила его на нѣсколько дней для отдыха. Несмотря на это удостовѣреніе, его вмѣстѣ съ остальными схватили на улицѣ и продержали ночь въ тюрьмѣ. На его протесты членъ Петроградской районной комиссіи, въ предѣлахъ района котораго онъ былъ пойманъ, заявилъ ему: «Какое намъ дѣло до Спасскаго района. Ты пойманъ въ нашемъ районѣ и здѣсь твое удостовѣреніе недѣйствительно».

Татаринъ былъ крайне удивленъ, когда я ему по выясненію этого дѣла заявилъ, что онъ можетъ идти домой. Отъ радости онъ заплакалъ.

«Судъ надъ буржуями»

Однажды вечеромъ къ намъ въ комиссію были приведены десять человѣкъ изъ Вологды. Они были обвинены въ томъ, что они хотѣли подкупить начальника конвоя, отправлявшаго первую партію на сѣверный фронтъ. Послѣ того, какъ они въ Вологдѣ сидѣли цѣлый мѣсяцъ въ предварительномъ заключеніи, вологодскія власти рѣшили ихъ отправить въ распоряженіе нашей комиссіи. Мои товарищи по комиссіи рѣшили въ свою очередь отправить эти 10 человѣкъ въ распоряженіе чрезвычайной комиссіи. Я самымъ рѣшительнымъ образомъ сталъ возражать противъ этого рѣшенія, ибо я хорошо зналъ, что въ чрезвычайной комиссіи ихъ ждетъ либо разстрѣлъ, либо, въ лучшемъ случаѣ, долгосрочное тюремное заключеніе. Я потребовалъ, чтобы предварительно мы выслушали этихъ 10 человѣкъ, а затѣмъ бы рѣшили, что съ ними сдѣлать. Мои товарищи вначалѣ не соглашались съ моимъ мнѣніемъ. Они ко мнѣ стали уже тогда относиться съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, ибо я былъ для нихъ всегда слишкомъ мягокъ. Благодаря происходившимъ часто пререканіямъ, мои отношенія къ остальнымъ членамъ комиссіи становились все болѣе натянутыми. Но все же мнѣ удалось ихъ убѣдить произвести намъ самимъ допросъ присланныхъ въ наше распоряженіе. Допросъ выяснилъ слѣдующія обстоятельства:

Эти 10 человѣкъ, какъ и многіе другіе, были въ свое время вызваны въ комиссію по трудовой повинности I-го гор. района якобы для регистраціи. Но ихъ, конечно, и не думали регистрировать, а тутъ же, несмотря на протесты, арестовали и отправили въ Семеновскія казармы. Ихъ близкіе узнали объ ихъ печальной участи лишь тогда, когда они уже находились въ Вологодской тюрьмѣ. Такъ какъ обвиняемые по дорогѣ получали весьма мало продовольствія, а съ собой они ничего взять не успѣли, то они собрали между собой деньги, чтобы, какъ они заявили, по прибытіи въ Вологду имѣть возможность, какъ слѣдуетъ, поѣсть. Деньги эти они отдали начальнику конвоя съ просьбой позаботиться объ ихъ пропитаніи. Когда транспортъ прибылъ въ Вологду, всѣ 10 человѣкъ пошли въ сопровожденіи начальника конвоя на вокзалъ, гдѣ былъ заказанъ ими обѣдъ. Во время ѣды начальника конвоя вызвали къ поѣзду, гдѣ конвойные бросили ему обвиненіе, что онъ подкупленъ этими 10 лицами. Начальникъ конвоя понялъ, что дѣло принимаетъ для него непріятный оборотъ. Онъ заявилъ, что «буржуи» дѣйствительно его хотѣли подкупить, но онъ на это не согласился. А для того, чтобы конвойныхъ успокоить, онъ велѣлъ немедленно арестовать этихъ 10 человѣкъ. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ онъ пошелъ въ залъ вокзала, гдѣ обѣдали обвиняемые, и арестовалъ ихъ. По дорогѣ въ тюрьму одинъ изъ солдатъ заявилъ обвиняемымъ, что ихъ ведутъ на разстрѣлъ, ибо они пытались подкупить начальника конвоя. Но все же ихъ повели не на разстрѣлъ, а заперли въ тюрьму. На слѣдующій день въ тюрьмѣ ихъ посѣтилъ начальникъ конвоя и заявилъ, что онъ ходатайствовалъ за нихъ и что они будутъ въ скоромъ времени освобождены. Одинъ изъ несчастныхъ заключенныхъ изъ благодарности даже поцѣловалъ у начальника конвоя руку. Но несмотря на обѣщаніе имъ пришлось цѣлый мѣсяцъ пробыть въ Вологодской тюрьмѣ.

Въ объяснительной запискѣ къ этому дѣлу начальникъ конвоя заявлялъ, что эти 10 буржуевъ, дѣйствительно, хотѣли его подкупить, и что онъ

отъ нихъ деньги принялъ, но сдѣлалъ это только для того, чтобы имѣть доказательство противъ обвиняемыхъ. Меня крайне удивило то обстоятельство, что начальникъ конвоя лишь тогда рѣшилъ вернуть деньги, когда его товарищи по конвою стали обвинять его во взяточничествѣ. Кромѣ того, ясно было, что если бы у него совѣсть была чиста, онъ бы не посѣтилъ обвиняемыхъ въ тюрьмѣ и не ходатайствовалъ бы за нихъ. Также было ясно для меня и то, что обвиняемые, дѣйствительно, хотѣли подкупить начальника конвоя, ибо сумма въ 2 тысячи рублей, переданная ими начальнику конвоя, казалась мнѣ слишкомъ большой для одного обѣда, даже для 10 человѣкъ. Но съ другой стороны мнѣ казалось, что нельзя разсматривать, какъ преступленіе, попытку этихъ людей вернуться въ Петроградъ, принимая во вниманіе тѣ обстоятельства, при которыхъ они были взяты на работы. Я рѣшилъ поэтому, во что бы то ни стало, добиться освобожденія этихъ людей, тѣмъ болѣе, что мѣсяцъ пребыванія въ Вологодской тюрьмѣ можно было считать достаточнымъ наказаніемъ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось убѣдить своихъ товарищей по комиссіи въ правотѣ моихъ доводовъ, и мнѣ не удалось добиться немедленнаго освобожденія этихъ людей, изъ которыхъ никто въ дѣйствительности къ буржуазному классу не принадлежалъ. Одинъ изъ нихъ къ тому же былъ семнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, другой чахоточнымъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, мы постановили слѣдующее: Передать ихъ дѣло не въ распоряженіе чрезвычайной комиссіи, а въ районный судъ. При этомъ мы съ обвиняемыхъ взяли расписку, что они каждые три дня до разбора ихъ дѣла въ судѣ будутъ являться для регистраціи въ комиссію. Одновременно мы имъ заявили, что, если кто либо изъ нихъ сбѣжитъ, то всѣ остальные несутъ отвѣтственность по законамъ военнаго времени. Какъ ни суровъ былъ этотъ «приговоръ», я все же далъ подъ него свою подпись, ибо это была единственная возможность облегчить несчастнымъ ихъ страданія.

Но для того, чтобы дѣло этихъ десяти приняло на судѣ по возможности благопріятный для нихъ оборотъ, я лично зашелъ къ предсѣдателю суда, передалъ ему акты по этому дѣлу и соотвѣтственно его обработалъ. При прощаніи онъ мнѣ обѣщалъ дѣло этихъ десяти прекратить.

Въ одно воскресенье на Марсовомъ Полѣ состоялся парадъ. Въ этотъ день состоялся 1-ый выпускъ пролетарскихъ офицеровъ. Погода была мрачной. Шелъ дождь, но парадъ все же удался. Какъ въ старые времена, колонны прошли церемоніальнымъ маршемъ. По окончаніи парада Позернъ обратился съ рѣчью къ пролетарскимъ офицерамъ. Въ ней онъ, между прочимъ, указалъ, что основная задача этихъ новыхъ офицеровъ, вышедшихъ изъ рядовъ пролетаріата, это держать высоко знамя соціализма. Имъ суждено будетъ красное знамя революціи водрузить и въ другихъ странахъ.

Я стоялъ рядомъ съ Позерномъ и могъ хорошо поэтому слышать всю его рѣчь. «О какомъ это соціализмѣ говоритъ Позернъ, думалъ я, — о томъ соціализмѣ, за который боролись тысячи лучшихъ людей? Или, можетъ, онъ думаетъ, что эти офицеры должны съ помощью своихъ штыковъ насадить тотъ «соціализмъ», который царитъ у насъ въ центральной комиссіи по трудовой повинности?»

Вечеромъ въ честь красныхъ офицеровъ былъ данъ спектакль въ Маріинскомъ театрѣ. Долженъ былъ быть представленъ «Борисъ Годуновъ»

съ Шаляпинымъ въ главной роли. Такъ какъ мнѣ нужно было оставаться въ военномъ комиссаріатѣ, то я оттуда вмѣстѣ съ Позерномъ прямо поѣхалъ въ театръ. По дорогѣ мы разговорились о нашихъ служащихъ. Мы оба согласились на томъ, что у насъ въ комиссаріатѣ, какъ и всюду въ Россіи, плохо работаютъ, и что понемногу начинаетъ развиваться страшнѣйшій бюрократизмъ.

«Въ этомъ бюрократизмѣ, по-моему, главнымъ образомъ виновата сложная и плохо организованная система нынѣшняго государственнаго управленія», сказалъ я.

«Нѣтъ, не система виновата, возразилъ Позернъ, а главнымъ образомъ саботажъ интеллигенціи. Кромѣ того, все же нельзя забыть, что народъ еще не привыкъ къ самостоятельной дѣятельности».

«Да, товарищъ, отвѣтилъ я, горько улыбнувшись, — въ томъ-то и дѣло, что народъ нашъ еще не столько развитъ, чтобы взять всецѣло бразды правленія въ свои собственныя руки».

«Противъ этого можно еще спорить, но, конечно, многое могло бы быть у насъ лучше. Въ государственномъ механизмѣ многаго не хватаетъ».

«Мнѣ кажется, что нельзя съ такою рѣзкостью проводить свои идеи. Мы этой рѣзкостью пріобрѣтаемъ лишь излишнихъ враговъ. Многое, что сейчасъ совершается, можетъ быть дѣлаемо въ болѣе мягкихъ и менѣе грубыхъ формахъ».

«Ну, конечно, сказалъ Позернъ, иронически улыбаясь, — въ болѣе мягкихъ формахъ. Сразу же видно, что вы принадлежите къ соглашателямъ».

Въ этотъ моментъ машина подъѣхала къ театру и мы должны были оборвать нашъ разговоръ.

Въ залѣ Маріинскаго театра, гдѣ въ прежнія времена можно было встрѣтить лишь гвардейскихъ офицеровъ, представителей дворянства, дѣятелей финансоваго міра, надушенныхъ, элегантныхъ дамъ, сидѣли теперь солдаты, рабочіе и совѣтскіе служащіе въ ихъ простыхъ одеждахъ.

Передъ представленіемъ, къ присутствующимъ обратился съ рѣчью народный комиссаръ просвѣщенія, тов. Луначарскій. Онъ напоминалъ о тѣхъ тяжелыхъ временахъ, которыя нѣкогда переживала Россія въ царствованіе Бориса Годунова. Тогда было время, когда русскій народъ боролся за свою національную свободу. Теперь же онъ борется за свое соціальное освобожденіе. И какъ тогда, такъ и теперь народъ достигнетъ своего и на развалинахъ стараго капиталистическаго міра, полнаго соціальныхъ несправедливостей, онъ построитъ новый міръ, въ соотвѣтствіи съ идеалами соціализма. Онъ указалъ затѣмъ на то, какъ много уже сдѣлано для соціальнаго блага народа и что уже достигнуто съ октябрьской революціи во внѣшней и внутренней жизни Россіи. Необходимо еще многое совершить, для того чтобы укрѣпить завоеванія нашей соціальной революціи. Но съ другой стороны, можно уже и теперь съ увѣренностью сказать, что революція у насъ въ Россіи побѣдила.

«А вы, красные офицеры, — окончилъ свою рѣчь Луначарскій, — вы покажите врагамъ совѣтской республики, что русскій народъ сумѣетъ защищать свою революцію и свою независимость».

Послѣ рѣчи Луначарскаго начался спектакль. Какъ и всегда, «Борисъ Годуновъ» произвелъ на меня и въ этотъ разъ глубокое впечатлѣніе. Я уже

раньше слышалъ эту оперу, но никогда содержаніе ея меня такъ не затрагивало, какъ въ тотъ вечеръ.

И мнѣ вдругъ пришла мысль, что и я виновенъ въ одномъ большомъ преступленіи. Развѣ это не я, на основаніи приказа военнаго комиссаріата, поручилъ совѣту 1-го гор. района доставить на сѣверный фронтъ необходимое количество человѣческаго матеріала? И въ то время, какъ тамъ на сценѣ передъ глазами царя проходила картина его преступленія, я увидѣлъ предъ собою другую картину: Суровый холодный сѣверъ... Въ траншеяхъ стояли по колѣно въ водѣ, въ разорванныхъ одеждахъ, съ измученными лицами сотни несчастныхъ и совершали свою тяжелую работу. Вдали отъ своихъ близкихъ и друзей погибали тамъ эти мученики и жертвы человѣческаго озвѣренія... Я содрогнулся при этихъ мысляхъ.

Однажды вечеромъ ко мнѣ на квартиру явилась одна знакомая дама и разсказала слѣдующее:

«Четыре мѣсяца тому назадъ мой шуринъ, который служилъ въ Красномъ Крестѣ, былъ арестованъ якобы за спекуляцію. Теперь уже онъ 4 мѣсяца сидитъ въ Кронштадтской тюрьмѣ. Его до сихъ поръ ни разу не допросили. Нѣсколько дней тому назадъ его жена получила отъ него письмо. Въ немъ онъ пишетъ, что тѣло у него покрылось язвами, полученными имъ во время пребыванія въ тюрьмѣ. Изъ письма видно, что онъ въ отчаяніи. Если онъ еще пробудетъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ, то я увѣрена, что онъ не выдержитъ, ибо у него къ тому же тяжелый порокъ сердца. Прошу васъ, помогите мнѣ. Можетъ, вы могли бы переговорить, съ кѣмъ нужно, объ этомъ дѣлѣ на Гороховой».

Я ей обѣщалъ сдѣлать все отъ меня зависящее.

На слѣдующій день я пошелъ въ чрезвычайную комиссію и велѣлъ о себѣ доложить члену президіума, тов. Чурину, у котораго находилось дѣло, о которомъ я хотѣлъ хлопотать. Онъ меня принялъ крайне любезно и затребовалъ немедленно акты по этому дѣлу. Но прошло не менѣе часа, пока, наконецъ, акты были найдены.

Когда тов. Чуринъ прочелъ документы, онъ заявилъ: «Да, послушайте, вѣдь этотъ же господинъ бывшій офицеръ».

«Да, во время войны онъ былъ офицеромъ», — отвѣтилъ я.

«Такъ что жъ вы хотите? Этимъ все сказано».

«Но, помилуйте, товарищъ, — возразилъ я, — я думаю, что принадлежность къ офицерскому сословію не является еще достаточной причиной, чтобы держать человѣка четыре мѣсяца безъ допроса».

«Я не понимаю, что вы отъ меня хотите? Вы же слышали, что этотъ человѣкъ бывшій офицеръ».

«По моему, это еще не есть преступленіе».

«Какъ вы можете мнѣ говорить такія вещи?» — сказалъ онъ, возвысивъ голосъ. «Если вы революціонеръ, то вы не должны такъ говорить».

Потомъ вдругъ неожиданно онъ спросилъ меня:

«Скажите, товарищъ, а вы коммунистъ?»

Разговоръ, повидимому, сталъ принимать для меня непріятный оборотъ. Послѣ нѣкотораго раздумья я спокойно отвѣтилъ:

«Нѣтъ, я не членъ коммунистической партіи».

«Вы не коммунистъ», — произнесъ Чуринъ, и онъ посмотрѣлъ на меня удивленными глазами. «Такъ какимъ образомъ, скажите мнѣ, пожалуйста, вы являетесь предсѣдателемъ центральной комиссіи по трудовой повинности?»

При этомъ вопросѣ я, откровенно говоря, почувствовалъ себя довольно неважно. Въ холодномъ тонѣ я отвѣтилъ:

«По всей вѣроятности, имѣлись основанія, почему меня районныя комиссіи избрали предсѣдателемъ. Но я вижу, что намъ съ вами больше не о чемъ говорить. До свиданія».

И съ этими словами я покинулъ чрезвычайку.

Я пошелъ пѣшкомъ домой. Мнѣ захотѣлось вдругъ курить, но папиросъ у меня не было. По карточкамъ уже цѣлый мѣсяцъ ни одной штуки пельзя было получить. На Невскомъ я замѣтилъ на различныхъ углахъ женщинъ, мужчинъ и дѣтей, продававшихъ по безбожнымъ цѣнамъ хлѣбъ, шоколадъ, сахаръ, папиросы и тому подобныя вещи. Я подошелъ къ одной пожилой женщинѣ, которая продавала папиросы и спросилъ ее, сколько онѣ стоятъ.

«За деньги я не продаю», получилъ я въ отвѣтъ. «Я мѣняю папиросы лишь на хлѣбъ».

Я содрогнулся отъ этого отвѣта. Вотъ до чего дошла наша хлѣбородная Россія!

На углу Литейнаго и Невскаго продавцовъ было такъ много, что они образовали цѣлую толпу. Такъ какъ я никогда не имѣлъ возможности внимательно всмотрѣться въ уличную жизнь Петрограда, то я рѣшилъ использовать свободное время, которое я случайно тогда имѣлъ, и немножко потолкаться среди этой разношерстной толпы.

«Не хотите ли шоколаду, молодой человѣкъ», — спросила меня хорошо одѣтая дѣвушка.

Одновременно ко мнѣ подбѣжало еще нѣсколько человѣкъ и предложили мнѣ какую-то, съ позволенія сказать, дрянь. Въ толпѣ я замѣтилъ двухъ юныхъ гимназистовъ, въ возрастѣ отъ 13 до 14 лѣтъ. Они громко предлагали прохожимъ свой товаръ — горячіе пирожки. Въ этотъ моментъ подошли къ мальчуганамъ нѣсколько кокотокъ; одна изъ нихъ спросила: «Сколько же стоитъ пирогъ?» «Пять рублей штука», заявилъ одинъ изъ гимназистовъ.

«Шшь ты, маленькій спекулянтъ, какую цѣну загнулъ. Можетъ быть, ты дешевле продашь», сказала она сладкимъ голосомъ и нѣжно прижалась къ мальчику. Въ этотъ моментъ проходило какъ разъ трое матросовъ.

«Шшь ты, какія хорошенькія дѣвочки», — крикнулъ одинъ изъ нихъ, а затѣмъ, подмигивая глазомъ, онъ сказалъ: «Пойдемте-ка съ нами, нечего вамъ тутъ безъ дѣла шататься». Кокотки немедленно оставили гимназистовъ вмѣстѣ съ ихъ пирожками и ушли съ матросами.

«Да, конечно», крикнулъ одинъ изъ мальчугановъ вдогонку уходившимъ кокоткамъ. «Какъ только увидите вашихъ кавалеровъ, такъ вы ужъ готовы все забыть», и при этомъ онъ выругался крѣпкимъ русскимъ словомъ.

Эта сценка лучше всякихъ словъ показывала, что заботы большевиковъ о подрастающемъ поколѣніи, благодаря общему тяжелому положенію, въ которомъ находилась страна, фактически сводится къ нулю.

Вначалѣ октября 18-го года матушка и братъ мой покинули Петроградъ. Матушка моя уѣхала въ Германію къ своимъ родственникамъ, а братъ мой рѣшилъ перебхать въ Вильну. Тамъ можно было еще кое-какъ прокормиться, ибо въ Петроградѣ становилось невозможнымъ жить съ женой и ребенкомъ. Когда я встрѣчалъ своего маленькаго племянника, то сердце мое всегда надрывалось отъ боли. Мальчикъ былъ блѣденъ и худъ. Несмотря на свои пять лѣтъ, голодъ заставлялъ его вдумываться въ то, что происходило. «Знаешь что, дядя, — сказалъ онъ мнѣ однажды, — теперь нужно меньше ѣсть, ибо у насъ въ странѣ голодъ». Но не только голодъ заставилъ моего брата покинуть Петроградъ. Онъ былъ членомъ центральнаго комитета Плехановской группы «Единства» и, въ качествѣ такового, ему вновь могъ грозить арестъ. И такъ какъ никакихъ дальнѣйшихъ видовъ на будущее въ Питерѣ не было, то ему ничего другого не оставалось, какъ покинуть родной городъ. Вообще, къ этому времени началось повальное бѣгство изъ Питера. Кто только могъ, покидалъ голодную столицу. Изъ круга моихъ знакомыхъ и близкихъ я почти остался одинъ въ Петроградѣ. Улицы опустѣли. Бывшаго мірового города нельзя было узнать...

Вечеромъ 10 ноября пришли первыя извѣстія о германской революціи. Вечеромъ того же дня я долженъ былъ переговорить по одному дѣлу съ начальникомъ политическаго управленія военнаго комиссаріата Ильинымъ-Женевскимъ. Когда я вошелъ въ кабинетъ къ Ильину, его тамъ еще не было. Я рѣшилъ подождать. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ одинъ изъ служащихъ комиссаріата и спросилъ начальника Политическаго Управленія. Секретарь сказалъ, что онъ сейчасъ придетъ, но если проситель желаетъ, то онъ можетъ обратиться и ко мнѣ. Тогда служащій подошелъ ко мнѣ и спросилъ меня, не могу ли я ему помочь въ томъ горѣ, которое его постигло. На мой вопросъ, въ чемъ дѣло, онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

Изъ-за событій послѣдняго времени жена его лишилась разсудка. Ея помѣшательство произошло на религіозной почвѣ. Вначалѣ онъ помѣстилъ ее въ одной лечебницѣ для умалишенныхъ. Но въ виду того, что условія пребыванія въ больницѣ были ужасно тяжелыми, то онъ рѣшилъ взять ее обратно къ себѣ домой. Такъ какъ дома призоръ за ней былъ довольно слабый, то ей удалось однажды бѣжать изъ дому. Какъ потомъ оказалось, она сѣла въ поѣздъ по направленію въ Новгородъ. Въ Новгородѣ на вокзалѣ она была арестована агентами Новгородской чрезвычайки. При допросѣ она, какъ потомъ было занесено въ протоколъ, заявила, что она ниспослана Богомъ на землю проповѣдывать слово Божіе, для того, чтобы люди вновь стали думать о спасеніи души своей и ходить въ церковь. Вмѣсто того, чтобы на основаніи этого несвязнаго бреда передать ее на излеченіе въ лечебницу для умалишенныхъ, члены Новгородской чрезвычайной комиссіи не сочли даже нужнымъ подвергнуть ее медицинскому осмотру, а прибѣгли къ болѣе радикальному средству. Они постановили несчастную разстрѣлять.

«Я прошу васъ, закончилъ нашъ служащій свой печальный разсказъ, — помогите мнѣ, чтобы мнѣ выдали тѣло жены и чтобы я могъ ее похоронить. Вотъ это все, о чемъ я прошу».

Послѣ того, какъ онъ мнѣ предъявилъ соотвѣтствующіе документы, по которымъ я могъ провѣрить правдивость его разсказа, я обѣщалъ переговорить объ этомъ дѣлѣ съ начальникомъ политическаго отдѣла.

Мнѣ вспомнился при этомъ другой случай, гдѣ также виновные не понесли должнаго наказанія. Нѣсколько дней до того, въ кабинетъ того же начальника управленія взволнованно вбѣжалъ одинъ изъ комиссаровъ Военнаго Контроля. На мой вопросъ о причинѣ его волненія, онъ мнѣ отвѣтилъ:

«Чортъ знаетъ, что такое! произошла довольно непріятная исторія. Представьте себѣ, изъ Пскова мнѣ переслали бумаги по дѣлу одного бѣлогвардейскаго шпіона на мое окончательное разсмотрѣніе. Я дѣло внимательно прочелъ и написалъ резолюцію: разстрѣлять. И вотъ теперь получаю изъ Пскова сообщеніе, что псковской отдѣлъ по недоразумѣнію разстрѣлялъ другого. На мой вопросъ, будутъ ли тѣ, которые виновны въ этомъ «недоразумѣніи», привлечены къ отвѣтственности, комиссаръ мнѣ сказалъ: «Гдѣ же тамъ ихъ привлекать къ отвѣтственности. Вѣдь не можемъ же мы въ самомъ дѣлѣ ежедневно мѣнять нашихъ уполномоченныхъ и служащихъ».

Взяточничество въ 1-омъ гор. районѣ

Для меня было, съ самаго начала моего пребыванія въ центральной комиссіи по трудовой повинности, ясно, что большое количество членовъ районной комиссіи, а также служащіе обогащаются, пользуясь существующимъ произволомъ. Я про себя рѣшилъ, что если я кого-либо изъ служащихъ поймаю съ поличнымъ, то я его немедленно передамъ въ распоряженіе чрезвычайной комиссіи.

Центральная комиссія по трудовой повинности и комиссія 1-го гор. района находились въ одномъ и томъ же зданіи. Благодаря этому я имѣлъ возможность болѣе близко познакомиться съ работами комиссіи даннаго района. Я уже съ нѣкотораго времени сталъ обращать вниманіе на дѣйствія бывшаго секретаря центральной комиссіи Вомпаса, который сталъ членомъ районной комиссіи. Это былъ тотъ самый «герой», который съ револьверомъ въ рукахъ разгонялъ плачущихъ женщинъ. Хотя Исполкомъ мѣстнаго совдепа представилъ мнѣ его въ качествѣ убѣжденнаго коммуниста, я все же особеннаго довѣрія къ этому «коммунисту» не имѣлъ.

Среди многочисленныхъ просителей, пришедшихъ ко мнѣ съ просьбой объ освобожденіи ихъ близкихъ, сосланныхъ на работу въ Вологду, была и одна женщина, которая мнѣ предъявила медицинское свидѣтельство о болѣзни ея мужа. По этому свидѣтельству мужъ ея якобы страдалъ какой-то весьма тяжкой болѣзнью ногъ и поэтому, якобы, не былъ способенъ къ какой бы то ни было физической работѣ. Я прошеніе и свидѣтельство этой женщины переслалъ Вологодскимъ властямъ и попросилъ ихъ подвергнуть сосланнаго медицинскому осмотру, и въ случаѣ если окажется, что онъ, дѣйствительно, боленъ той болѣзнью, о которой говорилось въ прошеніи, немедленно его освободить. Для ускоренія его возможнаго освобожденія, я сообщилъ сущность дѣла по телеграфу.

Объ этомъ дѣлѣ я уже почти забылъ, какъ вдругъ я о немъ вспомнилъ изъ-за вмѣшательства Вомпаса.

Послѣдній черезъ нѣкоторое время явился ко мнѣ и сказалъ:

«Будьте добры, товарищъ, освободите тутъ одного сосланнаго, который недавно прибылъ сюда изъ Вологды. Его, видите ли, послали въ Питеръ закупить папиросы. Теперь же выяснилось, что человѣкъ этотъ боленъ, и вотъ онъ стремится использовать временное пребываніе въ Петроградѣ, чтобы его окончательно освободили отъ трудовой повинности. Когда онъ ко мнѣ пришелъ и разсказалъ въ чемъ дѣло, то я сказалъ ему, что онъ можетъ, пока что, оставаться въ Питерѣ. Вы товарищъ, надѣюсь, противъ этого ничего имѣть не будете. Мнѣ ужъ больно жалко его стало. Я думаю, что вы тоже рѣшите его освободить».

Я былъ крайне удивленъ, что какъ разъ Вомпасъ явился ко мнѣ просить за одного изъ сосланныхъ. Если бы кто-нибудь изъ другихъ товарищей обратился бы ко мнѣ съ такой просьбой, то у меня, навѣрное, не появилось задней мысли. Но чтобы человѣкъ, котораго я зналъ, какъ очень грубаго и жестокаго субъекта, явился бы ко мнѣ и сталъ просить за другого, это казалось мнѣ явленіемъ болѣе чѣмъ страннымъ. И я рѣшилъ, что тутъ что-то не въ порядкѣ. Я отвѣтилъ ему поэтому:

«Сосланный будетъ только въ томъ случаѣ освобожденъ, если совѣтскій врачъ удостовѣритъ его неспособность къ труду».

Когда я затѣмъ спросилъ Вомпаса о фамиліи того, о которомъ онъ такъ нѣжно заботился, то оказалось, что это тотъ самый, объ условномъ освобожденіи котораго я телеграфировалъ въ Вологду. Черезъ два дня, во время пріемныхъ часовъ, Вомпасъ меня вновь посѣтилъ, на этотъ разъ со своимъ протеже.

«Это и есть тотъ человѣкъ, сказалъ Вомпасъ, — о которомъ я уже говорилъ вамъ, товарищъ. Онъ боленъ, а потому его нельзя отправить обратно въ Вологду».

Я попросилъ тогда предъявить свидѣтельство совѣтскаго врача, но проситель предъявилъ мнѣ свидѣтельство, написанное частнымъ врачемъ.

«Къ чему вы предъявляете мнѣ эту бумагу, сказалъ я ему, — вѣдь вы очень хорошо знаете, что свидѣтельства частныхъ врачей недѣйствительны. Будьте поэтому любезны немедленно отправиться къ нашему врачу. Пусть онъ васъ подвергнетъ осмотру и напишетъ соотвѣтствующее свидѣтельство, а это свидѣтельство я пока-что оставлю у себя».

«А вамъ къ чему это свидѣтельство?» — спросилъ меня взволнованнымъ голосомъ Вомпасъ.

«На то у меня имѣются свои соображенія», отвѣтилъ я холодно.

«Вамъ не къ чему этотъ документъ, отдайте мнѣ его обратно», закричалъ Вомпасъ.

И съ этими словами онъ хотѣлъ вырвать изъ рукъ моихъ врачебное свидѣтельство просителя.

«Пожалуйста, не забывайтесь, документъ останется у меня».

Я поднялся со своего мѣста и далъ обоимъ понять, что разговоръ оконченъ.

Послѣ того, какъ Вомпасъ съ просителемъ ушли, я немедленно записалъ фамилію «больного» и рѣшилъ арестовать его, въ случаѣ если въ теченіе ближайшихъ трехъ дней онъ не явится ко мнѣ со свидѣтельствомъ совѣтскаго врача. Нервное и неожиданно человѣколюбивое поведеніе Вомпаса заставляли меня заключить, что онъ подкупленъ. Прошли три дня, проситель не приходилъ. Вомпасъ по всей вѣроятности ему посовѣтовалъ, не

являться больше въ комиссію. Онъ, повидимому, надѣялся на то, что я, будучи страшно обремененъ работой, по просту забуду это дѣло. Съ другой же стороны, достаточно было, чтобы Вомпасъ выдалъ просителю соотвѣтствующій документъ, и тотъ не могъ быть больше привлеченъ въ Петроградѣ къ трудовой повинности. Но я дѣла не забылъ. На четвертый день я отдалъ приказъ объ арестѣ уклонявшагося отъ трудовой повинности. Арестъ былъ произведенъ въ тотъ же день и уклонявшійся былъ въ сопровожденіи 2-хъ красноармейцевъ препровожденъ къ намъ въ комиссію. Арестованный былъ въ крайне угнетенномъ состояніи.

«Мнѣ извѣстно, — заявилъ я ему, — что вы, чтобы избѣжать трудовой повинности, подкупили одного изъ служащихъ районной комиссіи. Я вамъ совѣтую немедленно сказать мнѣ всю правду. Это въ вашемъ же интересѣ».

Но онъ категорически отрицалъ предъявленное ему обвиненіе.

«У меня здѣсь нѣтъ времени съ вами долго разговаривать, заявилъ я ему въ суровомъ тонѣ. Если вы мнѣ немедленно не скажете всю правду, то я велю васъ сегодня еще отправить въ Вологду».

«Помилуйте, господинъ комиссаръ, да какъ же вы можете меня, больного человѣка, послать вновь на работы. Вѣдь я же не могу работать. Ужъ тогда вы меня лучше прямо разстрѣлять велите».

«Я вамъ еще разъ заявляю: вы мнѣ должны разсказать всѣ обстоятельства подкупа. Если вы мнѣ не разскажете правды, то вы будете сосланы. Если же вы мнѣ скажете правду, то я вамъ здѣсь, въ присутствіи своего секретаря, даю обѣщаніе, что я васъ возьму подъ свое покровительство. Для меня важно искоренить взяточничество въ нашей комиссіи».

Послѣ нѣкотораго упорства арестованный мнѣ разсказалъ слѣдующее: Когда онъ прибылъ въ Питеръ съ цѣлью закупить для нуждъ красной арміи папиросы, онъ рѣшилъ сдѣлать все отъ себя зависящее, чтобы остаться здѣсь. Такъ какъ несмотря на его болѣзнь, его уже разъ сослали на работы, то онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что освободиться отъ трудовой повинности законномѣрнымъ способомъ онъ не можетъ. Онъ поэтому сталъ узнавать, кто въ совѣтѣ беретъ взятку. Ему указали на нѣкого Таммера, работавшаго въ транспортномъ отдѣлѣ 1-го гор. района. Онъ пошелъ къ этому Таммеру и спросилъ его, нельзя-ли какимъ-либо способомъ освободиться отъ трудовой повинности. Таммеръ отвѣтилъ ему, что это возможно, но что это будетъ стоить двѣ тысячи рублей. На это предложеніе арестованный немедленно согласился. На слѣдующій вечеръ онъ явился вмѣстѣ съ Таммеромъ къ Вомпасу. Таммеръ повелъ разговоръ съ Вомпасомъ на эстонскомъ языкѣ, такъ что арестованный не могъ понять его содержанія. Послѣ этого разговора Таммеръ увѣрилъ арестованнаго въ томъ, что Вомпасъ обѣщалъ ему провести это дѣло. На слѣдующій день Таммеръ ему сказалъ, чтобы онъ принесъ медицинское свидѣтельство. Съ этимъ свидѣтельствомъ Вомпасъ явился съ нимъ ко мнѣ въ комиссію, гдѣ и произошла описанная выше сцена. Но такъ какъ попытка Вомпаса не удалась, то всѣ трое рѣшили въ этотъ вечеръ встрѣтиться въ кафе. Вомпасъ и Таммеръ обѣщали арестованному, что все, что въ дальнѣйшемъ нужно, они сдѣлаютъ сами безъ него и что ему не нужно будетъ приходить больше въ совѣтъ. Затѣмъ они ему дали удостовѣреніе, въ которомъ было сказано, что районная комиссія освобождаетъ его отъ трудовой повинности. Послѣ этотъ освобожденный передалъ Таммеру условленный «гонораръ».

Показанія арестованнаго были письменно изложены и имъ подписаны. Затѣмъ я ему заявилъ: «Теперь вы можете идти домой, вы свободны. Послѣ всѣхъ тѣхъ несправедливостей, которыя вамъ пришлось пережить за послѣднее время, вамъ ничего другого не оставалось дѣлать, какъ освободиться съ помощью взятки. Но что нашлись люди, которые использовали ваше тяжелое положеніе для своего обогащенія, это является наибольшей подлостью и низостью. Вомпасъ и Таммеръ будутъ привлечены мною къ отвѣтственности».

Въ тотъ же день я передалъ дѣло чрезвычайной комиссіи. При этомъ я заявилъ, что я, въ качествѣ предсѣдателя центральной комиссіи, освободилъ арестованнаго мною «буржуя» и объяснилъ причину этого моего поступка. Но членъ президіума, съ которымъ я разговаривалъ, не согласился съ моими доводами. «Необходимо арестовать и „буржуя“», заявилъ онъ.

«Я васъ прошу, пожалуйста, этого не дѣлать, сказалъ я, — ибо я попаду въ крайне неловкое положеніе. Вѣдь я ему обѣщалъ, что онъ къ отвѣтственности привлеченъ не будетъ».

«Да, товарищъ, но вы не имѣли права дать такое обѣщаніе, отвѣтилъ членъ президіума. Какъ мнѣ ни непріятно, но я долженъ буду и его арестовать».

Въ плохомъ настроеніи я вышелъ изъ чрезвычайной комиссіи. Такъ какъ было уже поздно, то я не могъ больше обѣдать въ нашемъ комиссаріатѣ, а потому я пошелъ въ «Медвѣдь», гдѣ находилась одна изъ многочисленныхъ «коммунистическихъ» столовыхъ, гдѣ за дешевую цѣну «счастливое населеніе» Петрограда могло получать обѣдъ. Передъ кассой стояла большая толпа людей, которая страшно шумѣла. Одни кричали, другіе ругались, третіе выражали свое неудовольствіе по той или иной причинѣ: въ общемъ передо мною стояли недовольные и злые люди. Голодъ измѣнилъ не только внѣшне петроградца, но также оказалъ вліяніе на измѣненіе его характера. Онъ сталъ какимъ-то меланхолическимъ, замкнутымъ, недовольнымъ и озлобленнымъ.

Вернувшись домой, я вновь сталъ думать о тѣхъ трехъ, которыхъ должны будутъ этой ночью арестовать.

И вдругъ мнѣ пришла одна мысль. Я быстро подошелъ къ телефону и сталъ нервно перелистывать телефонную книжку. «Вѣрно, слава Богу, у него есть телефонъ». Я позвонилъ. Къ телефону подошла жена буржуя. Нѣсколько взволнованнымъ голосомъ сказалъ я: «У телефона предсѣдатель центральной комиссіи по трудовой повинности». И я при этомъ назвалъ свою фамилію. «Прошу васъ, передайте вашему мужу, чтобы онъ немедленно явился ко мнѣ на мою частную квартиру. Я хочу съ нимъ переговорить объ одномъ для него весьма важномъ дѣлѣ. Ему нечего бояться, онъ можетъ спокойно ко мнѣ явиться».

И дѣйствительно, черезъ часъ гражданинъ явился. Нѣсколько боязливо и смущенно онъ вошелъ въ мою комнату. Я попросилъ его сѣсть и при этомъ я замѣтилъ, какъ руки его дрожали. Внѣшне спокойно, но въ душѣ будучи крайне взволнованнымъ, я сталъ говорить:

«Я васъ къ себѣ попросилъ, чтобы вамъ заявить, что дѣло ваше находится нынѣ на Гороховой 2. Къ сожалѣнію, слѣдователь, у котораго находится ваше дѣло, не согласился съ моей точкой зрѣнія. Онъ рѣшилъ привлечь также васъ къ отвѣтственности. И поэтому вы сегодня ночью будете

на вашей квартирѣ арестованы. Я вамъ обѣщалъ, что я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы помочь вамъ въ вашемъ тяжеломъ положеніи. Слово свое я сдержу. Я вамъ совѣтую сдѣлать слѣдующее. Вы дома сегодня больше ночевать не должны. А сейчасъ вы пойдите домой, скажите вашей женѣ, въ чемъ дѣло, сдѣлайте ей соотвѣтствующія указанія и завтра же покиньте Петроградъ. А чтобы вамъ легче было скрываться, вотъ возьмите паспортъ на чужое имя».

И съ этими словами я ему передалъ одинъ изъ многочисленныхъ паспортовъ, которые находились въ центральной комиссіи.

Я вамъ еще разъ хочу сказать лишь одно: «Если я самъ сейчасъ совершаю незаконный поступокъ, то только потому, что я разсматриваю вашъ проступокъ не какъ преступленіе. Какъ служащій, я васъ долженъ признать виновнымъ и привлечь къ отвѣтственности, но какъ человѣкъ, я васъ считаю жертвой нынѣшняго беззаконія, и именно поэтому мнѣ не хочется взять на свою совѣсть отвѣтственность за вашу жизнь».

Гражданинъ взялъ паспортъ и не промолвилъ ни слова. Съ удивленными глазами онъ смотрѣлъ на меня. Потомъ онъ всталъ и произнесъ тихимъ дрожащимъ голосомъ: «Такъ значитъ, я долженъ уѣхать изъ Питера?»

«Вамъ ничего другого не остается дѣлать, если вы еще сегодня не хотите сидѣть въ тюрьмѣ».

Онъ провелъ рукой по лбу и быстро затѣмъ произнесъ: «Да, конечно, вы правы, другого исхода нѣтъ».

Потомъ онъ схватилъ мою руку, крѣпко пожалъ ее и сказалъ:

«Спасибо».

Когда онъ ушелъ, мнѣ казалось, точно громадная тяжесть свалилась съ моихъ плечъ. Мнѣ стало вдругъ легко на душѣ. Я зналъ, почему: человѣкъ во мнѣ побѣдилъ чиновника.

Въ ту же ночь Таммеръ и Вомпасъ были арестованы. Но на слѣдующее утро, придя къ себѣ въ комиссію, я былъ крайне удивленъ, когда я узналъ, что Вомпаса освободили изъ чрезвычайной комиссіи. Когда я потребовалъ въ чрезвычайной комиссіи разъясненія, то слѣдователь, тов. Лебедевъ, мнѣ объяснилъ, что изъ допроса и изъ всего дѣла невозможно точно выяснить, что Вомпасъ также получилъ взятку.

«Въ то же время, сказалъ Лебедевъ, — Исполкомъ 1-го гор. района мнѣ звонилъ по телефону и заявилъ, что Вомпасъ хорошій коммунистъ и что его просятъ поэтому освободить. Такъ я его рѣшилъ тогда освободить».

Я обратилъ вниманіе тов. Лебедева на то, что Вомпасъ, внѣ всякихъ сомнѣній, также виновенъ въ полученіи взятки. Если и нельзя точно доказать, что онъ самъ лично взялъ деньги, то все же нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ съ Таммеромъ работалъ сообща. «Вѣдь я думаю, что чрезвычайной комиссіи извѣстно, замѣтилъ я, — что многіе, которые берутъ взятки, изъ осторожности совершаютъ сдѣлки черезъ агентовъ. Роль такого агента могъ играть въ данномъ случаѣ Таммеръ, тѣмъ болѣе, что послѣдній прямого отношенія къ нашей комиссіи не имѣетъ. И если все же Таммеръ дѣлалъ «дѣла» по освобожденію отъ трудовой повинности, то только потому, что онъ зналъ, что у него есть кто-то въ районной комиссіи, кто готовъ освобождать, и этотъ кто-то и былъ Вомпасъ. И ясно также, что онъ изъ одной любезности къ Таммеру на такое дѣло не могъ пойти».

«Да, вы, положимъ, правы, товарищъ, отвѣтилъ Лебедевъ, — но вѣдь все же нельзя доказать, что Вомпасъ былъ непосредственно подкупленъ. Кромѣ того, какъ я вамъ говорилъ, товарищъ, Исполкомъ за него просилъ, онъ незамѣнимый работникъ».

Послѣ такого отвѣта я считалъ лишнимъ бесѣдовать объ этомъ дѣлѣ съ товарищемъ Лебедевымъ.

Я покинулъ чрезвычайку съ тяжелымъ чувствомъ. Интриги противъ меня со стороны моихъ товарищей по комиссіи все увеличивались. Меня обвиняли всегда въ томъ, что я, якобы, слишкомъ мягокъ къ привлекаемымъ къ трудовой повинности. Между тѣмъ, мягкость моя состояла въ дѣйствительности только въ томъ, что я слѣдилъ за тѣмъ, чтобы районныя комиссіи исполняли инструкціи, изданныя въ свое время Петроградскимъ Совѣтомъ. Меня поэтому не смущали тѣ обвиненія, которыя порою бросали въ меня мои коллеги по комиссіи. Я, право, не изъ-за нихъ рѣшилъ пойти на службу въ центральную комиссію по трудовой повинности. Но, съ другой стороны, для меня было всегда ясно, что мое независимое и подчасъ оппозиціонное поведеніе рано или поздно приведетъ меня къ паденію и я вынужденъ буду покинуть свой постъ. А теперь, тѣмъ болѣе, я чувствовалъ, что я не долго еще останусь во главѣ нашихъ комиссій. Вомпасъ и его друзья изъ 1-го гор. совѣта уже позаботятся о томъ, чтобы меня вытравить изъ центральной комиссіи. Кромѣ того, и мое отношеніе ко всей Вологодской трагедіи вызвало недовѣріе ко мнѣ въ Петроградскомъ совѣтѣ. Въ верхахъ мной были недовольны. Я къ моей должности, повидимому, не «подходилъ».

Дѣло въ томъ, что я не только велъ переговоры съ командующимъ 6-ой арміи, который согласился на то, чтобы я могъ освобождать отдѣльныхъ лицъ, но я также сталъ пытаться вообще вернуть обѣ партіи, сосланныя въ Вологду такимъ поистинѣ возмутительнымъ и неслыханнымъ способомъ. Послѣ того, какъ я собралъ достаточно матеріала, изъ котораго видно было, какимъ образомъ произошла «мобилизація», я рѣшилъ предъявить весь этотъ матеріалъ Позерну и привлечь его на свою сторону. «Позернъ, думалъ я, является единственнымъ человѣкомъ, который мнѣ поможетъ. Онъ вѣдь долженъ понять, что съ точки зрѣнія элементарной государственной мудрости нельзя допустить, чтобы государство обманнымъ способомъ завлекало гражданъ на военныя работы».

Я поѣхалъ въ военный комиссаріатъ. Позерна какъ разъ не было въ зданіи. Но онъ долженъ былъ скоро прійти и поэтому я рѣшилъ его подождать. Случайно я встрѣтилъ Женевскаго. «Ахъ, товарищъ, сказалъ онъ, — какъ поживаете, давно васъ здѣсь не видно было. Ну, что слышно хорошаго?» «Вотъ счастливый случай, подумалъ я, — надо Женевскаго обработать! вѣдь онъ, какъ никакъ, тутъ важная птица!»

Я поэтому пошелъ съ нимъ вмѣстѣ въ его кабинетъ и разсказалъ ему, по какому дѣлу я желаю говорить съ Позерномъ. И для того, чтобы показать, какой невѣроятный произволъ царилъ при «охотѣ» на улицахъ на буржуазію и при отправкѣ на работу въ Вологду, я ему разсказалъ слѣдующій случай изъ моей «практики».

«Охота на Невскомъ какъ разъ подходила къ концу. Было арестовано около 500 человѣкъ. Среди нихъ были и женщины, которыхъ разставили

въ ряды и окружили конвоемъ. Въ этотъ моментъ случайно проходилъ молодой человѣкъ съ портфелемъ въ рукахъ. Когда онъ увидѣлъ нѣсколько необыкновенную даже и для тогдашнихъ временъ сцену, онъ остановился и сталъ съ любопытствомъ глядѣть, какъ отправляютъ буржуазію на работу. Постоявъ такъ нѣсколько минутъ, онъ подошелъ къ одному изъ конвойныхъ и спросилъ его, въ чемъ дѣло. Но солдатъ оттолкнулъ его прочь. Молодой человѣкъ нисколько не смутился и обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ другому солдату. Тотъ оказался нѣсколько болѣе «энергичнымъ». Онъ схватилъ молодого человѣка за воротникъ, толкнулъ его въ стоявшую для отправки партію людей и произнесъ, смѣясь: «Ты хочешь знать, что случилось. Такъ вотъ, пожалуйста, сюда! Теперь ты узнаешь, куда тебя отправятъ». Такимъ образомъ несчастный долженъ былъ отправиться въ казармы. Три дня онъ ходилъ по двору казармы, держа все время портфель въ рукахъ, а на третій день онъ вмѣстѣ съ другими былъ отправленъ въ Вологду».

«Вотъ, занятная исторія, произнесъ Женевскій, — вѣдь это же прямо анекдотъ», и онъ сталъ смѣяться. Это было все, что онъ могъ мнѣ отвѣтить на мою просьбу о поддержкѣ моего дѣла. Для него, повидимому, этотъ случай не былъ страшнымъ примѣромъ того произвола, который царилъ у насъ въ Россіи, но всего только занятной исторіей, которая его совершенно не возмутила.

Я пошелъ затѣмъ къ Позерну, который къ тому времени уже возвратился въ комиссаріатъ, разсказалъ ему, въ чемъ дѣло, и просилъ его принять мѣры къ возвращенію сосланныхъ обратно въ Петроградъ. Но велико было мое удивленіе, когда Позернъ мнѣ отвѣтилъ: «Что случилось, того не воротить. Эти люди необходимы на фронтѣ, а изъ-за какой-то гуманности мы не можемъ ослаблять нашу армію. Вы очень хорошо знаете, товарищъ, прибавилъ онъ, улыбаясь, что на слезы и мольбы мы въ нынѣшнее время обращать вниманія не можемъ».

Отвѣтъ этотъ тѣмъ болѣе меня возмутилъ, что я его слышалъ отъ Позерна.

«Рѣчь идетъ не о слезахъ, возразилъ я въ рѣзкомъ тонѣ, а въ первую очередь о томъ, что наше достоинство падаетъ въ глазахъ населенія. Такіе случаи, какъ такъ называемая «мобилизація» на трудовую повинность ни въ коемъ случаѣ не могутъ привести къ усиленію власти революціоннаго правительства. Наоборотъ, такими способами управленія мы сами себѣ роемъ могилу. Кромѣ того, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя у меня имѣются, я могу вамъ заявить, что сосланные никакой пользы своей работой не приносятъ. Вѣдь какіе же это, въ концѣ концовъ, рабочіе?»

«Простите, товарищъ, но объ этомъ дѣлѣ дальше съ вами разговаривать у меня нѣтъ времени. Вы больше ничего не имѣете мнѣ сообщить?»

«Нѣтъ», отвѣтилъ я, и вышелъ изъ кабинета.

Отношеніе Позерна къ этому дѣлу меня глубоко возмутило. Онъ былъ единственнымъ человѣкомъ изъ власть имущихъ, который могъ бы мнѣ помочь въ возвращеніи сосланныхъ въ Вологду. Но я все же не унывалъ.

Я созвалъ собраніе изъ представителей всѣхъ районныхъ комиссій, гдѣ я внесъ предложеніе о томъ, что по постановленію районныхъ комиссій на центральную комиссію по трудовой повинности возлагается обязанность снестись съ надлежащими властями съ цѣлью возвращенія сосланныхъ на работы

на сѣверный фронтъ. Предложеніе это было принято представителями районныхъ комиссій единогласно. Съ этимъ постановленіемъ я вновь пошелъ къ Позерну и сообщилъ ему результатъ совѣщанія. Такъ какъ не подлежало никакому сомнѣнію, что командующій 6-ой арміей возвратитъ сосланныхъ только при условіи, если взамѣнъ пришлютъ другихъ рабочихъ, то я предложилъ Позерну, на основаніи постановленія нашего совѣщанія, провести мобилизацію буржуазіи въ Петроградѣ, по всѣмъ правиламъ европейскаго образца. Это тѣмъ болѣе легко можно было провести, что существовалъ законъ центральнаго правительства, по которому можно было произвести таковую мобилизацію. Мнѣ казалось, что при тогдашнихъ условіяхъ таковая мобилизація была единственнымъ выходомъ вернуть несчастныхъ. При нормальной мобилизаціи же такія дикія сцены, которыя произошли при отправкѣ первыхъ двухъ партій, не могли бы повториться.

Позернъ согласился на мое предложеніе и попросилъ меня, выработать соотвѣтствующій планъ мобилизаціи. Черезъ нѣсколько дней я таковой планъ разработалъ и передалъ Позерну. Онъ его нашелъ пріемлемымъ и передалъ для дальнѣйшей разработки въ мобилизаціонный отдѣлъ.

Я крайне былъ доволенъ ходомъ дѣла, ибо думалъ, что сосланные въ Вологду въ скоромъ времени смогутъ быть замѣнены мобилизованными и дѣйствительно экипированными людьми. Но я ошибся въ своихъ надеждахъ. Мобилизаціонный отдѣлъ нашего комиссаріата постановилъ призвать въ ополченіе лишь лицъ первыхъ трехъ годовъ — 99, 98 и 97. Когда мнѣ стало извѣстнымъ это рѣшеніе, я немедленно пошелъ въ комиссаріатъ и обратился къ начальнику мобилизаціоннаго отдѣла. Я ему объяснилъ, что мобилизація лишь трехъ возрастовъ ни къ какому результату не приведетъ, такъ какъ ясно, что 18- и 19-тилѣтнихъ адвокатовъ, акціонеровъ, банковыхъ директоровъ, фабрикантовъ, священниковъ и тому подобныхъ лицъ. мы найдемъ весьма мало. Я поэтому потребовалъ, чтобы призваны были по меньшей мѣрѣ 10 возрастовъ. Это свое мнѣніе я также разъяснилъ второму военному комиссару Богатину, но безъ успѣха. Военный комиссаріатъ остался при своемъ мнѣніи, ибо Богатинъ надѣялся, что мобилизація трехъ возрастовъ дастъ по меньшей мѣрѣ 1000 человѣкъ. И что же въ дѣйствительности случилось? По всему Петрограду было призвано всего 8 человѣкъ.

У Зиновьева и Максима Горькаго

Послѣ этого печальнаго результата, военный комиссаріатъ постановилъ призвать въ ополченіе всю буржуазію до 40-лѣтняго возраста. Но пока должны были быть проведены всѣ мѣропріятія, связанныя съ такой мобилизаціей, должно было пройти не менѣе мѣсяца. Между тѣмъ, начались уже сильные холода. Большинство сосланныхъ должны были погибнуть въ своихъ легкихъ одеждахъ. Я поэтому рѣшилъ обратиться къ предсѣдателю Петроградской коммуны Зиновьеву и попросить его, чтобы онъ своей властью приказалъ вернуть сосланныхъ въ Питеръ. Я пошелъ въ Смольный и велѣлъ доложить о себѣ Зиновьеву. Меня принялъ Копяткевичъ, управляющій дѣлами совѣта комиссаровъ сѣверной области. Копяткевичъ заявилъ мнѣ, что Зиновьевъ долженъ какъ разъ поѣхать на собраніе коммунистической партіи и поэтому не можетъ меня принять. Мнѣ ничего другого не оставалось, какъ передать Копяткевичу матеріалъ по моему дѣлу.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ Зиновьева отвѣтъ, въ которомъ было сказано, что я долженъ вновь обратиться въ военный комиссаріатъ по этому дѣлу.

Я уже начиналъ сомнѣваться въ томъ, что сосланные смогутъ вернуться. Все же я разсчитывалъ на предстоящую мобилизацію буржуазіи. Но уже черезъ нѣсколько недѣль начальникъ мобилизаціоннаго отдѣла мнѣ сообщилъ, что мобилизованные 18 возрастовъ буржуазіи должны будутъ быть отправлены на Западный фронтъ и поэтому о замѣнѣ сосланныхъ въ Вологду не можетъ быть и рѣчи. Когда я получилъ это сообщеніе, я понялъ, что спасти сосланныхъ невозможно. Большинство изъ нихъ были обречены на смерть.

Дѣятельность моя въ центральной комиссіи по трудовой повинности отнынѣ больше не имѣла смысла. Оставаться въ этомъ учрежденіи и сознавать одновременно, что никакой пользы никому я принести больше не смогу, было для меня невыносимо. Мои товарищи по комиссіи становились все болѣе подозрительными по отношенію ко мнѣ. Они стали открыто выражать недовольство по поводу моего отношенія къ дѣлу. Съ другой стороны и личные недруги мои изъ 1-го гор. района создали вокругъ меня атмосферу, при которой работать становилось совершенно невозможно. Я поэтому рѣшилъ подать въ отставку. Отставка была принята и вмѣсто меня былъ назначенъ предсѣдатель Выборгской комиссіи Абрамовъ, тотъ самый господинъ, характеристику котораго я уже выше далъ.

Я вновь возвратился къ своимъ обычнымъ занятіямъ въ военный комиссаріатъ. Но, все же, то обстоятельство, что всѣ мои попытки, измѣнить постановку дѣла по трудовой повинности и возвратить сосланныхъ окончились неудачей, не давало мнѣ покоя. Я поэтому рѣшилъ какимъ-нибудь способомъ двинуть дѣло. Независимой прессы не существовало, а поэтому, публиковать данные о тѣхъ порядкахъ, которые существовали въ комиссіяхъ по трудовой повинности, конечно, нельзя было. Разсчитывать на соотвѣтствующую кампанію прессы я такимъ образомъ не могъ.

Однажды я прочелъ въ «Сѣверной Коммунѣ», что Максимъ Горькій выбранъ въ президіумъ Петроградскаго Исполнительнаго Комитета. Мнѣ тотчасъ же пришла мысль обратиться къ нему, ибо я былъ увѣренъ, что Горькій используетъ свое оффиціальное положеніе, дабы помочь тѣмъ несчастнымъ, которые были сосланы въ Вологду. При помощи одного изъ своихъ бывшихъ сослуживцевъ я собралъ необходимый матеріалъ, по которому можно было судить объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ такъ называемую мобилизацію. Съ этимъ матеріаломъ я пошелъ къ Горькому. На этотъ разъ я не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Я разсказалъ обо всѣхъ подробностяхъ дѣла, о моихъ безуспѣшныхъ переговорахъ съ Зиновьевымъ и Позерномъ и, передавъ Горькому матеріалъ, попросилъ его предпринять соотвѣтствующіе шаги. Горькій отнесся крайне отзывчиво къ моимъ словамъ. Онъ, между прочимъ, сказалъ, что онъ уже раньше зналъ о тѣхъ неслыханныхъ сценахъ, которыя происходили въ связи съ привлеченіемъ буржуазіи къ трудовой повинности. Среди сосланныхъ на работу находился, по словамъ Горькаго, также извѣстный писатель Изгоевъ.

«Вообще, сейчасъ у насъ въ Питерѣ ужасные порядки. Вотъ, вчера пришла ко мнѣ одна моя знакомая, жена присяжнаго повѣреннаго, продолжалъ Горькій, — и попросила меня вступиться за ея мужа. Его обвиняютъ въ

томъ, что онъ принялъ участіе въ какомъ-то революціонномъ заговорѣ. Въ чрезвычайкѣ, куда повели моего знакомаго, его стали бить прикладами, и такъ какъ онъ человѣкъ уже пожилой, то онъ отъ побоевъ потерялъ сознаніе. Что касается вашего дѣла, то я передамъ его лично Ленину. Я черезъ нѣсколько дней ѣду въ Москву и возьму вашъ матеріалъ».

«А развѣ не цѣлесообразнѣе будетъ предпринять что-либо въ Петроградѣ», спросилъ я его.

«Вы же сами видѣли, отвѣтилъ Горькій, — что здѣсь ничего достигнуть нельзя. Въ Петроградѣ нынѣ произволъ возведенъ въ принципъ».

Я поблагодарилъ Горькаго за его участіе въ моей просьбѣ и заявилъ при прощаніи, что я готовъ, показанія свои при необходимости лично подтвердить и разъяснить. Послѣ этого разговора я началъ опять надѣяться, что, можетъ быть, удастся вернуть сосланныхъ въ Вологду.

Ужасы большевистской Россіи

До моего поступленія въ центральную комиссію по трудовой повинности я организовалъ Бюро печати при нашемъ комиссаріатѣ и завѣдывалъ имъ. Съ моимъ назначеніемъ въ центральную комиссію я, конечно, былъ вынужденъ оставить мою работу тамъ. Послѣ того, какъ я вернулся обратно въ военный комиссаріатъ, я по старой памяти часто захаживалъ въ свой бывшій отдѣлъ. Однажды, какъ-то придя въ Бюро печати, я засталъ тамъ нѣсколькихъ бывшихъ сослуживцевъ, изъ которыхъ одинъ обратился ко мнѣ: «Хотите ли, товарищъ, знать, что происходитъ у насъ на Руси? Вотъ, почитайте-ка!» И съ этими словами онъ передалъ мнѣ бюллетень бюро военныхъ комиссаровъ. Эти бюллетени издавались въ Москвѣ подъ редакціей предсѣдателя бюро, тов. Юречева. Въ нихъ помѣщались свѣдѣнія не для «печати». Когда-нибудь историкъ, который захочетъ получить полную картину о тѣхъ ужасахъ, которые творились въ нашей странѣ въ дни большевистскаго режима, долженъ будетъ непремѣнно использовать эти бюллетени.

Я началъ читать передавный мнѣ моимъ сослуживцемъ очередной бюллень. Въ немъ помѣщались свѣдѣнія о событіяхъ послѣдней недѣли.

«Въ Н—ской волости такой-то губерніи произошло возстаніе кулаковъ, которые натравили населеніе на совѣтскую власть. Съ помощью военныхъ мѣръ возстаніе удалось быстро подавить. Вожди возстанія разстрѣляны».

«Н—скій пѣхотный полкъ взбунтовался и перешелъ на сторону бѣлогвардейцевъ».

«Пѣхотный полкъ В... взбунтовался въ гор. Н. Солдаты убили командира полка, а затѣмъ разсѣялись съ оружіемъ въ рукахъ по городу. Въ городѣ начались грабежи и поджоги. Посланы войска для усмиренія».

«Солдаты одного петербургскаго пѣхотнаго полка разграбили при отправкѣ на фронтъ на станціи Н. поѣздъ съ съѣстными припасами. Этому открытому грабежу нельзя было воспрепятствовать».

«Въ Н—скомъ уѣздѣ, такой-то губерніи, крестьяне подъ вліяніемъ агитаціи мѣстныхъ кулаковъ разогнали комитетъ бѣдноты. Въ уѣздъ посланы войска и контръ-революціонеры понесутъ должное наказаніе».

«Въ такой-то волости Н—ской губерніи крестьяне отказались выдать урожай. При этомъ произошли кровавыя столкновенія между мѣстными крестьянами и продовольственнымъ отрядомъ. Крестьяне должны были сдаться. До сихъ поръ по постановленію уѣздной чрезвычайной комиссіи разстрѣляны 10 зачинщиковъ».

«Во многихъ деревняхъ такой-то губерніи крестьяне отказались поставлять лошадей для красной арміи. Крестьяне оказали пришедшимъ карательнаго отряда упорное сопротивленіе, которое все же удалось быстро сломить. Особая комиссія, делегированная губернской чрезвычайкой, уже прибыла на мѣсто и начала дѣйствовать».

«Въ селѣ такомъ-то Н—ской губерніи мѣстные крестьяне отказались слѣдовать приказу о мобилизаціи. Село было подвергнуто артиллерійскому обстрѣлу. Послѣ этого крестьяне сдались. Слѣдствіе ведется ускореннымъ темпомъ».

И такъ далѣе безъ конца!

Здѣсь подавлено возстаніе, тамъ разстрѣляли нѣсколькихъ людей, въ другомъ мѣстѣ разрушены села и деревни, въ третьемъ грабятъ и убиваютъ — море огня и крови. Такова была картина Россіи въ началѣ 19-го года!

При чтеніи этого бюллетеня мнѣ невольно вновь пришли мысли о бѣгствѣ. Вѣдь оставаться дальше въ Россіи при томъ положеніи, при какомъ я находился, означало — работать на укрѣпленіе той самой власти, которая виновна во всѣхъ этихъ ужасахъ!

Черезъ нѣсколько дней я случайно имѣлъ возможность посѣтить балетъ въ Маріинскомъ театрѣ. Балетъ былъ еще единственнымъ мѣстомъ въ Петроградѣ, гдѣ я порою могъ забыть всѣ тѣ ужасы, которые меня окружали. По окончаніи спектакля, я при выходѣ изъ театра случайно встрѣтилъ одного изъ тѣхъ гражданъ, которыхъ мнѣ удалось освободить изъ Вологды. Онъ подобострастно мнѣ поклонился. Я его сразу же узналъ и спросилъ, какъ онъ поживаетъ.

«Спасибо, очень хорошо, отвѣтилъ онъ съ сладчайшей улыбкой на лицѣ, — я теперь работаю въ Смольномъ».

«Что такое? спросилъ я его съ удивленіемъ, — вы работаете въ Смольномъ?»

«Такъ точно, отвѣтилъ онъ, продолжая сладко улыбаться, — мнѣ удалось устроиться тамъ въ санитарномъ отдѣлѣ. Я теперь занимаюсь тѣмъ, что реквизирую въ магазинахъ и частныхъ квартирахъ мебель для санитарныхъ цѣлей».

Итакъ, человѣкъ, который только-что страдалъ подъ гнетомъ большевистской власти, изъ нужды идетъ на службу въ Петроградскій Совѣтъ, реквизируетъ у другихъ мебель, мучаетъ своихъ согражданъ и, можетъ быть, станетъ въ скоромъ времени даже коммунистомъ «по убѣжденію».

Черезъ нѣсколько дней, меня посѣтилъ одинъ товарищъ, пріѣхавшій изъ Вологды. Во время разговора я, между прочимъ, спросилъ его, не знаетъ ли онъ что-либо о судьбѣ сосланныхъ изъ Петрограда на военныя работы. Онъ мнѣ разсказалъ кое-что о нихъ, а затѣмъ вдругъ сказалъ: «Ахъ, да, между прочимъ, знаете, вы въ Вологдѣ среди отбывающихъ трудовую повинность сдѣлались своего рода знаменитостью. Всѣ сосланные

знаютъ васъ по фамиліи. Васъ тамъ вмѣстѣ съ тов. Ряжкинымъ ежедневно проклинаютъ. Сосланные считаютъ васъ обоихъ главными виновниками ихъ несчастій. Такъ что смотрите, прибавилъ онъ смѣясь, — въ Вологду ни ногой».

Я сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ, чтобы помочь сосланнымъ, чтобы вернуть ихъ ихъ женамъ и дѣтямъ. Благодаря моимъ стараніямъ большая часть этихъ людей была освобождена. И вотъ теперь, вдругъ тѣ же самые люди проклинаютъ и ненавидятъ меня. Развѣ это не иронія судьбы? Меня ненавидятъ и проклинаютъ. И почему это? почему? Только потому, что всѣ эти люди знаютъ, что я стою во главѣ ненавистной центральной комиссіи.

«А я говорю тебѣ, — вспомнилъ я вдругъ слова своего брата, — что если ты работаешь совмѣстно съ тѣми, которые совершаютъ великое преступленіе надъ нашей родиной, то ты самъ становишься преступникомъ».

Довольно, я больше не выдержу. Вонъ изъ этого города, гдѣ я родился, который я когда-то любилъ, а теперь ненавижу. Лучше быть разстрѣляннымъ, лучше подвергнуть себя невозможнымъ страданіямъ, чѣмъ продолжать работать въ Петроградѣ.

Было одно обстоятельство, которое заставляло меня искать выходъ изъ того положенія, въ которомъ я находился, именно въ бѣгствѣ. Я находился на военной службѣ и не могъ поэтому покинуть службу. Передо мной стояла альтернатива: бѣжать или продолжать работать съ большевиками. Я предпочелъ первое.

Приготовленія къ бѣгству

На слѣдующее утро я отправился въ иностранный отдѣлъ комиссаріата внутреннихъ дѣлъ къ своему товарищу, который мнѣ какъ-то предложилъ оказать помощь въ случаѣ, если я захочу уѣхать изъ Россіи.

«Я пришелъ къ вамъ, сказалъ я своему товарищу, — чтобы напомнить вамъ о вашемъ обѣщаніи. Помогите мнѣ покинуть Питеръ и совѣтскую Россію».

Товарищъ мой сразу же согласился сдѣлать все обѣщанное и далъ мнѣ слѣдующій совѣтъ. Я долженъ подать прошеніе на его имя, въ которомъ я подъ чужимъ именемъ, въ качествѣ германскаго подданнаго, прошу его, выдать мнѣ мои германскія бумаги, которыя я въ свое время передалъ иностранному отдѣлу, когда я хлопоталъ о принятіи моемъ въ русское подданство. Когда онъ получитъ мое прошеніе, онъ немедленно дастъ распоряженіе вернуть мнѣ требуемыя бумаги. При очередномъ докладѣ завѣдующій паспортнымъ отдѣленіемъ заявитъ ему, что такихъ бумагъ не удалось найти и что они, вѣроятно, затеряны. Онъ тогда распорядится выдать мнѣ соотвѣтствующее удостовѣреніе, въ которомъ будетъ сказано, что мои нѣмецкія бумаги, которыя я въ свое время подалъ въ иностранный отдѣлъ, потеряны.

«На основаніи этого удостовѣренія вамъ германскій совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ денутатовъ выдастъ бумагу, въ которой будетъ сказано, что вы въ качествѣ германскаго подданнаго находитесь подъ защитой германской республики. Затѣмъ уже вы, въ качествѣ нѣмца, сможете потребовать, чтобы васъ отправили на родину».

Предложеніе мнѣ очень понравилось. Я сразу же на него пошелъ. Тутъ-же, въ присутствіи моего товарища, я написалъ прошеніе на имя иностраннаго отдѣла, а товарищъ сейчасъ-же написалъ резолюцію о томъ, чтобы мнѣ выдали требуемыя бумаги.

На третій день я явился въ иностранный отдѣлъ и попросилъ доложить обо мнѣ завѣдующему паспортнымъ отдѣломъ. Такъ какъ я съ измѣненіемъ моей фамиліи превратился въ простого смертнаго, то мнѣ пришлось весьма долго ждать, пока, наконецъ, завѣдующій соизволилъ меня принять. Я назвалъ свою новую фамилію и спросилъ его съ нѣмецкимъ произношеніемъ, не можетъ ли онъ мнѣ вернуть просимые документы.

«Ахъ, это вы, господинъ ...., произнесъ онъ, — видите, къ сожалѣнію, я вамъ долженъ сообщить, что ваши бумаги не найдены, они, по всей вѣроятности, затеряны у насъ».

«Такъ что же мнѣ дѣлать, спросилъ я его опечаленнымъ голосомъ. — Я хочу поѣхать къ себѣ на родину».

«Вамъ абсолютно не о чемъ безпокоиться. Мы выдадимъ вамъ удостовѣреніе, въ которомъ мы подтвердимъ, что ваши нѣмецкія бумаги затеряны. Еще разъ прошу васъ: не безпокойтесь. Мы считаемъ нашей обязанностью помочь вамъ въ вашемъ тяжеломъ положеніи».

Вечеромъ того же дня я вновь пошелъ въ иностранный отдѣлъ, на этотъ разъ къ моему товарищу. Какъ разъ въ это время къ нему пришелъ представитель германскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Товарищъ мой принялъ его въ моемъ присутствіи и разсказалъ ему, въ чемъ дѣло.

«Случай этотъ принципіальный, говорилъ онъ. — Мы должны съ вами прійти къ соглашенію по поводу такихъ удостовѣреній, выданныхъ нашимъ комиссаріатомъ. Въ данномъ же случаѣ, я думаю, вы выдадите просителю нѣмецкій паспортъ. Изъ-за потери его документовъ, онъ фактически находится между небомъ и землей».

Представитель германскаго совѣта поставилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые я отвѣтилъ на нѣмецкомъ языкѣ, и затѣмъ мнѣ сказалъ, чтобы я зашелъ въ консульство.

На слѣдующій день я въ назначенный часъ зашелъ въ бывшее германское консульство. Представитель германскаго совдепа встрѣтилъ меня крайне любезно. Онъ повелъ меня къ секретарю германскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ Отто Перцу. На основаніи объясненій сопровождавшаго меня представителя германскаго совѣта, господинъ Перцъ велѣлъ выдать мнѣ германскій паспортъ. Потомъ я пошелъ въ канцелярію консульства, гдѣ одинъ изъ служащихъ записалъ мою фамилію, а также данныя о моемъ рожденіи и постоянномъ мѣстопребываніи. Служащій сказалъ мнѣ, что я могу зайти черезъ два дня и мнѣ будетъ выданъ паспортъ. И дѣйствительно, черезъ два дня я въ карманѣ своемъ уже имѣлъ паспортъ. Я немедленно отправился на Мойку, гдѣ во дворцѣ бывшихъ князей Юсуповыхъ находился отдѣлъ германскаго консульства, отправлявшій германскихъ подданныхъ изъ Россіи въ Германію. Предъявивъ свой документъ о принадлежности своемъ къ германской имперіи, я попросилъ служащаго отдѣла записать меня на слѣдующій поѣздъ, съ которымъ отправляютъ германскихъ подданныхъ въ Германію.

Черезъ нѣсколько дней меня вызвалъ по телефону мой бывшій ученикъ, которому я когда-то давалъ частные уроки. «Простите меня, пожалуйста, что я вамъ помѣшалъ, но дѣло въ томъ, что позавчера арестовали моего отца. Можетъ, вы будете такъ любезны и предпримете какіе-нибудь шаги для его освобожденія».

Я за послѣднее время настолько привыкъ ко всякимъ просьбамъ, что я даже не выразилъ своего сожалѣнія по поводу ареста отца моего ученика; и довольно сухо спросилъ: «За что же вашего отца арестовали?» «Его обвиняютъ въ спекуляціи, но я васъ увѣряю, что это ложь», отвѣтилъ онъ мнѣ.

Такъ какъ я зналъ, что отецъ моего бывшаго ученика довольно крупный мануфактурный торговецъ, то я, конечно, не повѣрилъ увѣреніямъ моего ученика. Но въ виду его настойчивыхъ просьбъ сдѣлать что-нибудь въ пользу отца, я попросилъ его разсказать мнѣ, при какихъ обстоятельствахъ и по поводу чего произошелъ арестъ. И я узналъ слѣдующее: За день до ареста къ нимъ на квартиру явились два мѣшечника и предложили купить 10 фунтовъ масла по 70 рублей за фунтъ. Отецъ моего ученика хотѣлъ купить лишь 5 фунтовъ, но мѣшечники на это не согласились. Они хотѣли продать или все, или ничего. Но такъ какъ покупатель отъ такой, повидимому, для него невыгодной сдѣлки отказался, то мѣшечники ушли ни съ чѣмъ. Казалось бы, на этомъ исторія и кончилась. Но вотъ черезъ два часа мѣшечники вновь явились, и на этотъ разъ въ сопровожденіи представителя мѣстной комендатуры. Представитель этотъ заявилъ отцу моего ученика, что онъ обязанъ купить предложенный ему товаръ, иначе его ждутъ непріятности. Отецъ ученика, зная существующіе порядки, рѣшилъ въ споръ съ представителемъ власти не входить и согласился немедленно купить весь товаръ. Онъ заплатилъ за товаръ, а «продавцы», получивъ деньги, удалились. Но какъ только они ушли, въ квартиру вошли трое солдатъ въ сопровожденіи того самаго представителя мѣстной комендатуры, который только-что былъ вмѣстѣ съ двумя мѣшечниками. Вошедшіе заявили, что хозяина квартиры подозрѣваютъ въ закупкѣ съѣстныхъ припасовъ для перепродажи со спекулятивными цѣлями. Чтобы провѣрить правильность этихъ подозрѣній, пришедшіе должны произвести обыскъ. Обыскъ далъ «благопріятные» результаты. У отца ученика нашли 10 фунтовъ только-что купленнаго масла. Масло «реквизировали», а отца моего ученика арестовали и отправили по обвиненіи въ спекуляціи въ мѣстную комендатуру.

Несмотря на то, что я за послѣднее время всякіе виды видалъ и поэтому меня ужъ больше почти ничего не удивляло, мнѣ все же казалось, что даже и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ такого рода случай является невѣроятнымъ. Я обѣщалъ моему ученику снестись съ мѣстной комендатурой и тутъ же поставилъ его въ извѣстность, что я просить объ освобожденіи отца не буду, а лишь спрошу, такъ ли обстоитъ дѣло, какъ онъ мнѣ разсказалъ. Я немедленно вызвалъ по телефону коменданта даннаго района и разсказалъ ему обстоятельства ареста отца моего бывшаго ученика и потребовалъ, чтобы онъ сейчасъ же провѣрилъ, соотвѣтствуетъ-ли разсказъ дѣйствительности.

Приблизительно черезъ часъ комендантъ сообщилъ мнѣ по телефону, что, къ сожалѣнію, все то, что мной передано, соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

«Тотъ человѣкъ, который сопровождалъ двухъ мѣшечниковъ, оказался однимъ изъ монхъ помощниковъ. Я ему сдѣлалъ строгій выговоръ, а арестованнаго немедленно велѣлъ отпустить. Я крайне сожалѣю, что подобный случай могъ произойти. Я позабочусь уже о томъ, чтобы такіе случаи больше не повторялись».

Черезъ нѣсколько дней явился ко мнѣ одинъ изъ бывшихъ монхъ сослуживцевъ по центральной комиссіи. Взволнованнымъ голосомъ онъ сообщилъ мнѣ, что по желанію комиссіи по трудовой повинности 1-го гор. района рѣшено потребовать, чтобы я далъ отчетъ о своей дѣятельности чрезвычайной комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей. Узнавъ объ этомъ, я понялъ, что мнѣ недолго осталось быть на свободѣ, ибо, если меня захотятъ загубить, а это видно хотятъ, то не трудно найти соотвѣтствующее обвиненіе.

Если я еще до этого сообщенія, которое сдѣлалъ мнѣ одинъ изъ монхъ бывшихъ сослуживцевъ, думалъ оставить Россію, потому что я не могъ болѣе продолжать работать на государственной службѣ, то теперь я долженъ былъ думать о бѣгствѣ для того, чтобы избѣжать серьезной опасности. Поэтому я рѣшилъ въ тотъ же день явиться въ германское консульство, чтобы тамъ вновь переговорить объ отъѣздѣ. Я велѣлъ о себѣ доложить члену германскаго совѣта, господину В. О немъ мнѣ какъ-то упомянулъ одинъ германскій военнопленный, сражавшійся на чехо-словацкомъ фронтѣ. Я сказалъ члену совѣта, что меня якобы направилъ къ нему тов. Х. Когда я ему разсказалъ, что я желаю поскорѣе вернуться въ Германію, онъ мнѣ сказалъ: «Къ сожалѣнію, я не могу вамъ помочь. Транспортъ съ германскими плѣнными отправляется лишь черезъ мѣсяцъ. Однако, мнѣ удалось убѣдить его отправить меня съ военнопленными, отправляемыми послѣзавтра.

Въ день отъѣзда, когда послѣднія приготовленія къ нему уже были окончены, я въ послѣдній разъ пошелъ въ военный комиссаріатъ. Я долго оставался въ немъ. Мнѣ не хотѣлось уходить изъ этихъ огромныхъ помѣщеній, гдѣ я въ короткое время такъ много пережилъ. Въ послѣдній разъ я взглянулъ изъ большого пріемнаго зала на Дворцовую Площадь, на Александровскую колонну, на мрачное огромное зданіе Зимняго Дворца и затѣмъ отправился домой.

Вечеромъ я поѣхалъ на Финляндскій вокзалъ. Извозчикъ взялъ съ меня за проѣздъ отъ Таврической улицы на Финляндскій вокзалъ 80 рублей. Два года тому назадъ эта сумма казалась какой-то дикой. Нынѣ же, когда въ Совдепіи привыкли считать только десятками тысячъ, насъ эта сумма уже больше не удивляетъ. На вокзалѣ собрались уже германскіе плѣнные, отправлявшіеся въ Германію. Тутъ же находились и бѣжавшіе изъ германскаго плѣна русскіе солдаты, большею частью бѣлоруссы, которые съ нашимъ поѣздомъ отправлялись къ себѣ на родину. Я обратился къ представителю германскаго совѣта, находившемуся на вокзалѣ, и онъ мнѣ подтвердилъ, что имя мое значится въ спискѣ. Отправлялся я въ качествѣ

пѣхотинца какого-то баденскаго полка. При этомъ сообщеніи я не могъ удержаться отъ улыбки.

Вещи мои были провѣрены представителями военнаго контроля, причемъ у меня отняли нѣсколько кусковъ мыла и фунтъ чая. Послѣ просмотра моихъ вещей, служащій военнаго контроля спросилъ меня, не имѣю ли я при себѣ денегъ. Я ему предъявилъ 1000-ый билетъ. Остальныя деньги въ количествѣ 5000 рублей были частью спрятаны, частью зашиты въ моей шинели.

Насъ помѣстили въ хорошо отопленный санитарный вагонъ. До Орши поѣздка длилась 4 дня. Чѣмъ болѣе мы отдалялись отъ Питера, тѣмъ менѣе мы испытывали голодъ. Въ Витебскѣ, напримѣръ, несмотря на хлѣбную монополію, на рынкѣ продавали открыто хлѣбъ по 6 рублей за фунтъ. По сравненію съ Петербургскими цѣнами, гдѣ за хлѣбъ уже платили 20 руб. за фунтъ, хлѣбъ въ Витебскѣ казался крайне дешевымъ. Кромѣ того, и это было самое главное, въ Витебскѣ хлѣба можно было достать сколько угодно, въ то время какъ въ Питерѣ можно было добыть хлѣбъ лишь со страшными трудностями. Неудивительно поэтому, что изъ Питера попаѣхало много народу для закупки продуктовъ. Люди сидѣли со своими мѣшками на крышахъ, на подножкахъ и даже между вагонами. Сцены, имѣвшія мѣсто на желѣзной дорогѣ, напоминали времена демобилизаціи. На вокзалѣ въ Витебскѣ стояла громадная толпа, которая вмѣстѣ съ своими мѣшками стремилась вернуться въ Петроградъ. Люди въ буквальномъ смыслѣ слова брали штурмомъ поѣздъ, уходившій въ Петроградъ, и дрались изъ-за полученія мѣста въ вагонѣ. Тѣ дикія сцены на Витебскомъ вокзалѣ, свидѣтелемъ которыхъ я былъ, какъ бы символизировали собой то хаотическое состояніе, въ которомъ находилась наша несчастная родина.

До Орши транспортъ нашъ власти въ общемъ оставляли въ покоѣ. Лишь въ Оршѣ члены чрезвычайной комиссіи провѣряли наши паспорта. Къ счастью, эта провѣрка прошла для меня весьма благополучно. Послѣ того, какъ мы цѣлый день простояли на этой станціи, мы продолжали свой путь. Поѣздка изъ Минска въ Пинскъ продолжалась цѣлую недѣлю, несмотря на то, что разстояніе между этими двумя городами сравнительно было небольшое. Эта часть пути была для насъ всѣхъ положительно физическимъ мученіемъ. Мы сидѣли въ холодныхъ товарныхъ вагонахъ, наполненныхъ навозомъ, причемъ вагоны были настолько набиты людьми, что по ночамъ мы совершенно не могли лежать и были настолько стиснуты, что чувствовали себя, точно сельди въ бочкѣ. Но все же отъ этой тѣсноты мы не такъ страдали, какъ отъ холода. Вагоны были нетоплены. Съ обоихъ сторонъ дуло. Въ какихъ условіяхъ мы ѣздили, видно хотъ бы изъ того, что дальнѣйшая ѣзда зависѣла въ высокой мѣрѣ отъ того, помогали-ли мы собирать дрова для локомотива или нѣтъ. Однажды даже ночью къ нашему вагону подошелъ машинистъ и сталъ кричать хриплымъ голосомъ: «Эй вы, ребята, выходите дрова рубить. Чѣмъ больше нарубите, тѣмъ скорѣе мы можемъ двинуться дальше».

По дорогѣ нѣсколько людей заболѣли. То были главнымъ образомъ бѣженцы, возвращавшіеся изъ восточныхъ губерній въ свои родныя бѣлорусскія и польскія деревни. Больные должны были оставаться въ вагонѣ. Чтобы предохранить себя отъ заразы, я и находившіеся со мной германскіе военноплѣнные весь день почти безъ перерыва курили.

Наконецъ, послѣ тяжелой недѣльной поѣздки мы достигли Пинска. Здѣсь на наше счастье находился германскій военный транспортъ, пришедшій изъ Украйны и направлявшійся въ Германію. Мы, «военноплѣнные», распрощались съ бѣженцами и пересѣли въ германскій вагонъ. Нѣмецкіе солдаты встрѣтили своихъ сородичей весьма сердечно. Насъ хорошо накормили, и мы впервые смогли немножко отдохнуть. Изъ Пинска германскій транспортъ направился черезъ Кобринъ, Брестъ-Литовскъ, Бѣлостокъ къ пограничному городку Простенъ.

Городокъ этотъ, находящійся у самой границы, носилъ на себѣ еще слѣды великой войны. Но все же среди полуразрушенныхъ зданій виднѣлись уже заново выстроенныя и выкрашенныя. Мнѣ казалось, что этотъ городокъ является символомъ нашего времени. Великое столкновеніе народовъ разрушило и разбило старую жизнь. На ея развалинахъ родится новая, болѣе справедливая. Крестный путь, который приходится теперь пройти нашему народу, когда-нибудь окончится и наступятъ иныя времена. Много горя и несчастія мнѣ пришлось пережить, много подлаго и ужаснаго мнѣ пришлось увидѣть, но все же я не потерялъ надежды, что, несмотря на все, въ странѣ нашей въ концѣ концовъ восторжествуетъ истинная свобода и соціальная справедливость...

Поѣздка изъ Петербурга въ Сибирь въ январѣ 1920 г.

Андрея Левинсона

30-го декабря 1919 года выѣхалъ я изъ Петербурга въ Барнаулъ. Рѣшился я на эту поѣздку изъ побужденій личныхъ и частныхъ, которыя и объясню; офиціальнымъ же поводомъ для нея послужило возникшее въ то время предположеніе объ эвакуаціи на Востокъ одного изъ учебныхъ заведеній, гдѣ я состоялъ профессоромъ.

Еще въ первый годъ революціи, тотчасъ послѣ переворота, рѣшился я отправить жену свою и малютку дочь, только-что переболѣвшихъ брюшнымъ тифомъ, на поправку къ роднымъ, на Алтай. Жена вернулась уже въ Февралѣ 1918 года подъ вліяніемъ грозныхъ слуховъ о Петербургѣ и страховъ за меня, остававшагося тамъ; лѣтомъ, когда должна была схлынуть волна демобилизаціи, мы намѣревались вмѣстѣ съѣздить за дочкой.

Но вотъ, въ маѣ выступили чехи, и на два года между нами и ребенкомъ легла подвижная полоса фронта. Дважды пыталась жена перейти эту полосу; въ первый разъ въ Самарѣ, освобожденіе которой казалось въ тѣ дни предрѣшеннымъ; во второй — въ Тюмени, также пережившей было канунъ эвакуаціи послѣ пресловутаго «провала» красныхъ у станціи Пѣтухово; оба раза напрасно. Ѣздила она въ Сибирь — въ качествѣ организатора губернскаго отдѣла «Центропечати». Только лишь дошло до насъ извѣстіе о паденіи Омска, а вслѣдъ за тѣмъ и о возстаніяхъ партизанъ въ Новониколаевскѣ и въ Барнаулѣ, я собрался въ дорогу разыскивать, — а то и спасать ребенка и близкихъ людей. На этотъ разъ жена смогла послѣдовать за мною — въ тридцатидневный путь, едва не ставшій для нее роковымъ — уже подъ видомъ «научнаго сотрудника» одного изъ моихъ коллегъ. Такъ и насъ, устойчивыхъ петербуржцевъ, захватилъ смерчъ, носившій столичную интеллигенцію изъ конца въ конецъ Россіи, чтобъ прибить ее, наконецъ, къ чужимъ берегамъ.

По всему этому не надобно и объяснять, что ѣхалъ я не какъ досужій наблюдатель, а тѣмъ паче не какъ дѣйственный участникъ совершавшагося на моихъ глазахъ; я былъ поглощенъ огромной тревогой за самое мнѣ дорогое и не въ меньшей мѣрѣ большими трудностями предпріятія нашего. Не велъ я и записей видѣнному и слышанному.

Но не могъ я, конечно, не вобрать въ себя — каждой порой существа своего — столь небывалыхъ, столь разительныхъ впечатлѣній, какъ не могли

и личныя тягчайшія невзгоды заслонить зрѣлища безпримѣрнаго человѣческаго страданія, обступившаго насъ вплотную.

Непритязательное описаніе пережитого, въ порядкѣ временной послѣдовательности — и есть предметъ этихъ страницъ; ни политическаго исповѣданія, ни домысловъ о значеніи событій онѣ не заключаютъ. То всего лишь сѣрыя и окровавленныя лоскутья русской современности, черты — то трагическія, то тривіальныя — нашего потрясеннаго бытія.

Воспоминаніе о первомъ перегонѣ Петербургъ—Вятка сплошное и тусклое, съ незначущими инцидентами. Кругомъ осколки былыхъ навыковъ культурнаго быта: загрязненный и переполненный вагонъ международнаго общества. Все привычное, хоть искаженное. Нашъ попутчикъ, латышъ-курсантъ, будущій «красный командиръ», что-то отмалчивается. Я присматриваюсь: вѣдь престижъ курсантовъ, побѣдителей Юденича подъ Пулковымъ, значителенъ; они сегодня фавориты власти. Чѣмъ больше приближаемся мы, однако, къ полосѣ заградительныхъ отрядовъ, тѣмъ живѣе становится нервическая озабоченность нашего сосѣда; онъ то и дѣло бормочетъ что-то о забытыхъ имъ, самыхъ яко бы важныхъ, документахъ.

Встревоженъ онъ недаромъ. При каждомъ обходѣ — та же игра; изъ багажа его извлекается то мѣшокъ съ солью, то кипа ассигнацій. Литеръ его на проѣздъ сомнительной подлинности; онъ робѣетъ и, ворча, отдаетъ товаръ; когда же изъ-подъ нашего сидѣнія вытаскиваются куски «мануфактуры», спрятанные туда спутникомъ нашимъ, и мы едва не попадаемъ въ бѣду.

Въ корридорѣ на мѣшочкѣ съ сухарями сидитъ батюшка-вегетаріанецъ съ лицомъ мужицкаго Христа; обликъ поразительный, но вялыя рѣчи довольнаго собою самоучки.

Послѣ Вологды мы начинаемъ слегка голодать. Жена, бывалая путешественница, лишь за мѣсяцъ до того возвращавшаяся по той же Сѣверной дорогѣ, опрометчиво утверждала, что все необходимое мы достанемъ на станціяхъ у крестьянъ, выходящихъ къ поѣзду. Опытъ ея, однако, устарѣлъ. Совѣтская организація голода успѣла упразднить и этотъ источникъ. Лишь любезности подрядчика-дровяника обязаны мы были тѣмъ, что встрѣтили Новый Годъ съ кускомъ хлѣба въ рукахъ. Въ Вяткѣ мы покинули вагонъ, послѣднюю связь съ столицей; отнынѣ мы вступали въ кругъ новаго, невѣдомаго для петербуржца быта, — быта Совѣтской Россіи.

Мы на вокзалѣ; медленно приближаемся къ досчатому закутку, гдѣ чека провѣряетъ и штемпелюетъ пропуски; кругомъ сѣрая съ рѣдкой пестринкой, солдатская, по преимуществу, толпа. Здѣсь впервые я пораженъ необщимъ видомъ иныхъ жуткихъ фигуръ. То люди съ призрачнымъ очертаніемъ и выраженіемъ глазъ безумнымъ или, я сказалъ бы, потустороннимъ. Такъ представляю я себѣ евангельскаго Лазаря, воскрешеннаго, но уже смердѣвшаго, съ глазами заглянувшими въ смерть. Это — тифозные красноармейцы, выписанные изъ лазаретовъ въ отпускъ на завтра по мановенію кризиса.

Близъ вокзала негласная продажа съѣстного; для насъ — жадная и жалкая радость отъ кусковъ жирной горячей говядины и ржаныхъ калачей.

Контроль пройденъ; на наши командировки поставленъ комендантомъ штампъ «делегатскій вагонъ». Однако, въ составѣ единственный классный

вагонъ — штабной; онъ доступенъ лишь дѣльцамъ съ военными командировками. Черезъ вагонъ — теплушка, даже безъ лѣсенки; на ней надпись мѣломъ: «делегатскій»; въ щель двери протягивается чья-то могучая рука, дѣлаю усиліе, и я въ теплушкѣ. По правдѣ, я пораженъ до полной безпомощности; теплушка мнѣ вновѣ; на фронтѣ — дальше пригородной запасной части — я не бывалъ. Забрались мы не поздно и успѣли примоститься на верхнихъ нарахъ, въ углу у оконца. Смущенье приходитъ, и я начинаю различать лица тѣхъ, съ кѣмъ придется коротать четырехдневный путь до Перми. Товарищей по заключенію, ибо теплушка зимой — катящійся острогъ, общая камера съ прогулками на стоянкахъ.

Сразу становится яснымъ, кто будетъ хозяиномъ въ вагонѣ. То высокій парень съ волчьей челюстью и тяжелымъ взглядомъ, матросъ. На немъ кожаная куртка, красные жандармскіе шнуры тянутся къ кобурѣ нагана. Выраженіе жилистой силы и ненасытной жестокости; нельзя не думать, глядя на этого кронштадтца, о потопленныхъ баржахъ съ офицерами-заложниками. Грубо и презрительно третируетъ онъ пестрое населеніе теплушки, но выноситъ на себѣ почти весь трудъ по отапливанію вагона.

Товарищи нашего старосты или, какъ прозвали его, «коменданта» — молодой матросикъ, приземистый Адонисъ въ свитерѣ, видѣвшій въ Берлинѣ ноябрьскую революцію, да двое длиннобородыхъ молчальниковъ-эстонцевъ. Все — «балтфлотцы», ходоки за продовольствіемъ для командъ. Впрочемъ, какъ выяснилось позже, ихъ единственный мандатъ — винтовка. То авантюристы, вольные трапперы въ дѣвственныхъ лѣсахъ Новой Россіи.

Непосредственные сосѣди наши по нарамъ — люди иной формаціи; то мобилизованные на заготовки лабазники и приказчики съ Калашниковской биржи. Возглавляетъ ихъ сѣдоусый съ бравой жандармской выправкой человѣкъ; оказалось, бывшій брантмейстеръ, позже зять извѣстнаго петербургскаго буфетчика-милліонера, а сегодня командировочный, подрядчикъ. Совершенно напрасно я тѣшу себя «бѣлогвардейскими» нашептываніями ему; элегантный пожарный, съ выхоленными усами, членъ Петроградскаго Совѣта и «сочувствующій».

Прочіе — купцы изъ Островскаго, въ поддевкахъ. Намъ они причинили всѣ, какія возможно, страданія ненавистнической грубостью своею; ихъ спортомъ было — вытѣснять насъ съ тѣсныхъ и безъ того наръ.

Тутъ умѣстно будетъ объяснить, что я и вообще во всю почти дорогу непроизвольно навлекалъ на себя ненависть или хотя бы подозрительное недоброжелательство окружающихъ. Тому виною было то неистребимо столичное и «барское», что угадывалось безъ труда, покрой одежды, молчаніе, почитаемое за брезгливость, вѣжливость, сходившая за ироніо, инстинктивное мое «отлыниваніе» отъ дровяной страды. Правда, когда мнѣ случалось браться за работу съ пилой или тамъ топоромъ, явная моя безпомощность задѣвала еще обиднѣе. Званіе же профессора, прямо таки спасительное при сношеніяхъ съ властями, вызывало у попутчиковъ скорѣе недобрыя чувства. Все это обрекло меня — по уговору съ женой — на нѣмыя роли, что и выдвигаетъ ее на первый планъ въ этихъ запискахъ.

Третья группа путниковъ: народные учителя, переселявшіеся на счастливый, сытый Востокъ; пришли они послѣдніе и такъ и просидѣли четыре почи на доскахъ, вокругъ печи; народъ безотвѣтный.

Путь до Перми продолжался четверо сутокъ; простои на каждомъ полустанкѣ, почевки въ «депо»; хожденіе гурьбой къ дежурному по станціи, злорадные отвѣты: «это вамъ, товарищи, не восемьнадцатый годъ!» или грозные окрики: «я вызову вооруженную силу», въ общемъ же — циническое равнодушіе сословія сразу привилегированнаго и фрондирующаго къ судьбѣ всего, что не есть «желѣзнодорожникъ». Случалось, что намъ обѣщали дать паровозъ, если мы наберемъ дровъ своими силами; но стоило пассажирамъ погрузить дрова, какъ паровозъ подавался подъ другой составъ.

Оставалось одно: искать пропитанія. Товарообмѣнъ на станціяхъ совершался контрабандой подъ страхомъ набѣга милиціи. Да и стояли мы тамъ, гдѣ это не ожидалось. Однако за соль и табакъ (коихъ у меня не было) добывали молоко и «буханки» ржаного хлѣба; дѣлились между собою, но съ нами никогда.

Мѣняли и матросы; хлопотали о молокѣ, а пока старушка копошилась, унесли два пуда свинины. Поѣздъ задержали, приходила милиція въ круглыхъ барашковыхъ шапкахъ съ околышами; у насъ кой-кто видѣлъ, какъ прятали мясо, но объявить не рѣшались, какъ не посмѣли милиціонеры усумниться въ гнѣвномъ отрицаніи «коменданта».

Цѣлые сутки на раскаленной печкѣ варился этотъ трофей, дабы не испортилась свинина; мы всѣ сидѣли точно въ духовой печи.

Однако и у насъ бывали удачи; стрѣлочникъ, опознавшій жену мою, уступилъ за шитое полотенце хлѣба, огурцовъ и творога. Въ другой разъ, когда мы, уйдя отъ сытыхъ сосѣдей, стоически шагали по перрону, раздался изъ сумрака радостный голосъ: «Здравствуйте, барыня!» То оказался профессіональный мѣшечникъ, которому жена въ ту поѣздку «спасла сухари». Онъ уступилъ намъ за 100 рублей мороженаго зайца, бородачъ-матросъ распласталъ его топоромъ, одолжилъ намъ походный котелокъ, немного соли... Словомъ, счастливый вечеръ. Я много говорю о томъ, что ѣли, и буду; умолчать изъ смущенія объ этомъ огромномъ, главномъ значило бы исказить перспективу.

Въ другую ночь я вышелъ изъ нашего пекла и бродилъ по путямъ (нѣтъ ничего томительнѣй безсонницы въ раскаленной, закрытой, а главное, неподвижной теплушкѣ) и набрелъ подъ буферомъ между вагонами встрѣчнаго эшелона на какую-то массу. То былъ совсѣмъ юный красноармеецъ въ припадкѣ возвратнаго тифа; онъ былъ выписанъ изъ госпиталя послѣ второго припадка и самостоятельно пробирался «на родину». Его подняли. Черезъ нѣсколько минутъ составъ тронулся. Для какого будущаго спасъ случай этого мальчика?

Не всѣ такъ удачливы. Ужъ на обратномъ пути мы подобрали солдата, «бѣлогвардейца», котораго переѣхалъ нашъ маршрутный поѣздъ; въ морозную ночь онъ тайкомъ забрался на тормазъ, на ходу задремалъ и упалъ. Ему раздробило суставы одной руки и одной ноги. Онъ лежалъ на полу нашей теплушки въ лужѣ крови (боль должна была быть непереносимая) и вяло, и скучно твердилъ голосомъ безъ выраженія: «Тѣ гнали, эти гонятъ... вотъ теперь руку...»

Мы не могли помочь; довезли его до ближайшаго пріемнаго покоя Да что въ томъ? Тамъ всего деревянная койка и надпись: ни медикаментовъ, ни даже санитара.

Въ вагонѣ только и разговоровъ, что о паровозѣ, да еще о панацеяхъ отъ тифа. Кто провелъ вокругъ шеи и кистей магическіе круги пахучимъ бергамотовымъ масломъ, кто зашилъ въ подкладку френча пакетъ съ нафталиномъ. И мы что-то предпринимали. Зато какъ заныло сердце, когда я протянулъ женѣ для экспертизы первую снятую съ себя вошь. Я, хоть и валялся въ баракахъ во время войны, никогда не видалъ ихъ. Значитъ и я вытянулъ билетъ въ лотереѣ смерти. А кругомъ говорятъ, что банкъ играетъ безъ проигрыша. Будь — что будетъ, лишь бы ѣхать, лишь бы вертѣлись колеса!

Но вотъ и послѣдній разъѣздъ; дальше составъ не пойдетъ; мостъ черезъ Каму взорванъ. Молчаливый крестьянинъ привязываетъ нашу поклажу къ салазкамъ, мы слѣдуемъ за нимъ по полуразрушенному рельсовому пути, а потомъ по льду рѣки — на станцію.

Жму руку женѣ, такъ счастливъ морознымъ воздухомъ, огромными линіями пейзажа, изъ-черна зеленой массы лѣсовъ на волнистыхъ холмахъ, широкой рѣкой; мнѣ кажется, что я вышелъ изъ долголѣтней тюрьмы, что четырехдневное чистилище въ теплушкѣ послѣднее испытаніе, которымъ мы купили у судьбы удачу, что черезъ четыре, ну шесть дней — мы у цѣли! Вѣдь Петербургъ — такъ безконечно далекъ...

Пока я поддерживаю санки на крутомъ, замерзшемъ откосѣ, насъ настигаетъ высокій, согбенный человѣкъ въ штатскомъ пальто, съ тяжелой сумкой черезъ плечо. Другую сумку несетъ за нимъ веселый оборванецъ: это дешевле сапокъ. Еще въ Вяткѣ меня остановило это аскетически исхудалое узкое лицо съ печальными глазами, гдѣ мелькали уже знакомые по столькимъ глазамъ искорки безумія. Оказалось, что онъ предпочелъ простой вагонъ делегатскому и проѣхалъ эти четыре дня съ 70 красноармейцами (насъ «делегатовъ» было всего 40). На нарахъ сидѣли въ три ряда; его единственнымъ отдыхомъ было — упереться ногами въ потолокъ теплушки.

Ш. — красный офицеръ. Нѣкогда владѣлецъ пароходства и бѣговой конюшни, инженеръ-изобрѣтатель, позже прапорщикъ военнаго времени. Далѣе тюрьма, мобилизація, походъ на Колчака, бѣгство подъ Ишимомъ во время паники красныхъ, эвакуація въ Петроградъ, — сыпнякъ и плевритъ. Ѣдетъ онъ на Челябинскъ въ Златоустъ къ женѣ; вѣнчался онъ за нѣсколько недѣль до отправки на Востокъ; у него дочь, которой онъ еще не видѣлъ. Онъ еще очень слабъ. Но меланхолическій его стоицизмъ непоколебимъ. Черезъ недѣлю, двѣ опять въ часть, едва ли въ штабъ. А тамъ, что Богъ дастъ. Разбѣжится команда, его разстрѣляетъ военкомъ; настигнутъ казаки, зарубятъ краснаго командира.

Но вотъ пятиверстный нашъ радостный путь пройденъ и уже смеркается, когда мы достигаемъ вокзала, его смрадныхъ, заплеванныхъ залъ. Здѣсь начинается прифронтовая полоса; требуются новые штампы. Пока попутчикъ наводитъ справки, ждемъ въ буфетѣ; пью изъ жестяной кружки горячую бурду. «Смотрите, не садитесь къ столу», говорятъ мнѣ, «непремѣнно заползутъ».

Иду къ кассѣ становиться въ «хвостъ». Но не такъ это просто. Полъ передъ кассами устланъ копошащимися, какъ черви, тѣлами въ сѣрыхъ шинеляхъ. Тотъ лежитъ въ повалку: спящій? больной? трупъ? Другой съ обезьяньимъ, сморщившимся въ кулачокъ желтымъ лицомъ и глазами маніака автоматическимъ и виртуознымъ движеніемъ руки ловитъ и щелкаетъ

на ногтѣ неисчислимыхъ насѣкомыхъ; онъ не поднимется, чтобъ дать дорогу даже матросу; полная нирвана.

Жена прячетъ меня, предъявляетъ наши командировки знакомому, по счастью, коменданту, намъ отмѣчаютъ пумерованные мѣста въ вагонѣ 4-го класса. Я тамъ — блаженство лежанія на деревянной лавкѣ; сутки до Екатеринбурга проходятъ во снѣ и какъ во снѣ; даже гложущая мысль о пищѣ замираетъ, хоть «обѣтованная земля», край хлѣба и мяса, чаемый отъ самой Вологды, словно убѣгаетъ отъ насъ впередъ, чѣмъ дальше продвигаемся мы на Востокъ. Разговоровъ никакихъ; съ нами ѣдутъ на службу студенты-медики; они на сторожѣ, да и мы тоже.

Въ Екатеринбургѣ обычный церемоніалъ; вагонъ идетъ дальше на Тюмень; мы рѣшаемся остаться. Тюмень и Челябинскъ предѣльные пункты правильнаго сообщенія. Дальше вчерашній фронтъ, царство случайности, куда еще не ступала нога штатскаго. Не иду на станцію, чтобъ не пропали вещи и чтобъ не видѣть тифозныхъ; читаю въ мѣстномъ листкѣ, что ихъ зарегистрировано 5.000; городъ относительно благополученъ по тифу. Я опять голоденъ. Возвращается жена съ билетами на Тюмень и кускомъ бѣлаго хлѣба; купить нельзя было, но она видѣла, какъ за окошечкомъ жевалъ кассиръ, попросила; онъ устыдился очень и далъ.

Намъ бы и ѣхать, да тутъ затесался матросикъ-«иоенкомъ». Онъ де изъ Тюмени; тамъ заторъ; о продвиженіи на Омскъ и думать нечего. Въ паникѣ мы спѣшимъ на перронъ; челябинскій почтовый давно ушелъ, но стоитъ подъ парами поѣздъ члена Реввоенсовѣта Максимова. Жена ведетъ переговоры съ щеголемъ-комендантомъ; тотъ галантно соглашается взять, но внезапно озадаченъ появленіемъ вслѣдъ за «ассистенткой» и самого профессора. Новый торгъ, побѣда, протаскиваемъ подъ составами нашъ багажъ и вотъ мы въ отдѣленіи перваго класса, на малиновомъ бархатѣ, гдѣ на нижней лавкѣ уже дремлетъ новый пріятель нашъ Ш. Поѣздъ трогается, несется впередъ; мелькаютъ ставціи, гдѣ тотчасъ у вагоновъ выставляется караулъ. Покупаемъ у мальчишекъ молоко и классическія шаньги — съ картофелемъ вмѣсто творога. Словомъ, мы идемъ въ гору, отъ самой Перми намъ везетъ. Вотъ и Челябинскъ, этотъ первый азіатскій городъ, желанная «Сибирь», это Эльдорадо наступавшихъ на Востокъ крестьянъ-красноармейцевъ, которымъ агитаторы сулили здѣсь какое-то волшебное изобиліе, — и первое, что бросилось мнѣ въ глаза на перронѣ, былъ плакатъ: «Движеніе на Омскъ пріостановлено до особаго объявленія». Нашъ экстренный поѣздъ привезъ насъ въ западню.

Мы осторожно минуемъ вокзалъ и, выйдя въ боковую калитку, беремъ — за сто рублей — извозчика. Рѣшили ѣхать по адресу, указанному Ш.; мы сами никого въ городѣ не знемъ. Навстрѣчу намъ несутся съ лихостью савки; развѣваются длинныя уши бѣлыхъ заячьихъ шапокъ, слышна гармоника: святочное гулянье. Вотъ и городъ, широкія улицы, приземистые дома, на главной улицѣ каменные, даже въ стилѣ московскаго «декаданса» съ Петровки, но главное амбары, запертые амбары безъ конца. Огромный, вымершій лабазъ. Два базара: красный и зеленый — заколочены. Монастырь, обнесенный стѣной, поэтичный, за городомъ; въ городѣ соборъ. Москва въ тысячу разъ болѣе Азія, красочная и картинная, чѣмъ этотъ азіатскій городъ. Тула, что ли, только безбожная, безъ золотыхъ главъ и колоколенъ. Театръ, круглой постройки, деревянный ампиръ. Мы узнаемъ, что

онъ превращенъ въ лазаретъ, какъ и всѣ кинематографы; въ городѣ числятся 20.000 тифозныхъ, а сколько больныхъ таятся изъ фатализма, изъ суевѣрнаго — а то и разумнаго страха передъ больницей.

Мы пріѣхали; знакомая Ш. выѣхала, какъ и вообще всѣ «совѣтскіе служащіе», сорвавшіеся съ мѣсть столичные интеллигенты уже потянулись изъ этой временной столицы красной Сибири въ завоеванный только-что Омскъ. Извозчикъ торопитъ, но куда дѣваться въ совѣтскомъ городѣ, да еще въ праздникъ?

Но вѣдь мы «отвѣтственные работники», хоть и сомнительнаго рода, а въ командировкѣ моей предусмотрительно упомянутъ даже не наркомъ, а болѣе могущественный товарищъ наркома. Ѣдемъ къ коменданту города. Мой посолъ — жена, и что жъ, посольство удачное. Черезъ нѣсколько минутъ «все устроено», мы пересажены съ нашего извозчика на казеннаго (натуральная повинность), самъ милѣйшій комендантъ застегиваетъ полость, понеслись, остановились у особняка, высокій флегматичный матросъ встрѣчаетъ насъ на порогѣ, часовой сторопится, красноармейцы несутъ наши вещи въ маленькую съ выбѣленными стѣнами комнату, другіе уже тащатъ двѣ деревянныя койки.

Мы «дома», въ губкомдезертирѣ (губернскій комиссаріатъ по борьбѣ съ дезертирствомъ), комиссаръ котораго и оказываетъ намъ самое широкое и тактичное гостепріимство. Сладкія булки, холодный гусь, возможность снять съ себя всевозможные свитеры, меланхолическое удовлетвореніе при констатированіи малочисленности угнѣздившихся въ нижнемъ платьѣ паразитовъ, размышленія о томъ, какъ намъ не везетъ и все-таки въ концѣ концовъ везетъ, новый, легкомысленный подсчетъ срока, нужнаго для окончанія пути, — вотъ сонмъ впечатлѣній, увѣнчанныхъ двѣнадцатичасовымъ сномъ.

На слѣдующее утро ѣдемъ на вокзалъ, справляться у дежурнаго по станціи, обходитъ составы въ чаяньи оказіи. И такъ три дня — напрасно. Въ городѣ, утратившемъ значеніе, ни дѣлать, ни видѣть нечего; прицѣниваться къ бѣлому хлѣбу, свининѣ, четвертямъ молока сразу надоѣло; жилищемъ нашимъ, гдѣ рядомъ благодушно, какъ мнѣ показалось, судитъ дезертировъ бывшій мировой судья, а внизу, въ тѣсной камерѣ содержатся не то безпечные, не то забитые арестанты, мы тяготимся крайне; жить въ каталажкѣ потѣшно, но и стыдно. Пробуемъ обратиться къ этапному коменданту, дежурный телефонируетъ ему, тотъ вызываетъ насъ къ себѣ на домъ; чудно ему, что обратился штатскій, профессоръ. Оказывается — подъ френчемъ коменданта — матросъ балтфлота; помочь выѣхать онъ не можетъ, но очень сердечно проситъ «быть гостями». Петербургскій профессоръ для кронштадца прежде всего «землякъ» на чужой сторонѣ. Жены бесѣдуютъ о нарядахъ, о достоинствахъ японской «фанзы». На слѣдующій день матросикъ съ «Авроры» съ отеческой гордостью показываетъ мнѣ свой этапъ о 14-и учрежденіяхъ; столовая, баня, ночлежный пунктъ; по письменному его предписанію меня брѣютъ (всѣ парикмахеры города мобилизованы); вижу впервые верблюдовъ въ упряжкѣ. Но мы недаромъ «побираемся» на станціи; находимъ санитарную летучку, ждущую отправки на востокъ; намъ разрѣшаютъ грузиться. Мы пріѣзжаемъ почевать.

Ничего не скажу о новыхъ нашихъ сожителяхъ, ибо спустя сутки мы всѣ почти перебираемся въ другую «летучку», гдѣ намъ и суждено вмѣстѣ прожить цѣлыхъ 8 дней. Составъ этотъ, не имѣющій при себѣ больныхъ,

но всущій грузъ кожи, назначенъ въ первую очередь. Но здѣсь порядки строже. Старшій врачъ, человѣкъ съ университетскимъ значкомъ съ жестокимъ формализмомъ отказываетъ намъ въ мѣстѣ, наконецъ требуетъ формальнаго предписанія отъ мѣстнаго «начэвака» (начальника эвакуаціоннаго пункта, предметъ каламбуровъ: «ночевалъ у начэвака». Впереди — полчаса, ищемъ въ морозной мглѣ. Тамъ съ первыхъ словъ получаемъ требуемое и я еще до отправки успѣваю принять участіе въ обязательномъ спортѣ: похищеніи мерзлыхъ 48-вершковыхъ дровъ съ штабелей. Это необходимость и обычай, передъ которымъ спасуютъ бдительность и винтовки охраны. Нерѣдко одинъ составъ обкрадываетъ другой, чтобъ не замерзнуть.

Ночью, послѣ томительной неизвѣстности, поѣздъ трогается. Это мѣрило нашего самочувствія; колеса стучатъ, значитъ намъ все нипочемъ. Занимаемъ, преодолѣвая затаенный эгоизмъ попутчиковъ нашихъ, мѣста на полкахъ вагона 4-го класса; мы посторонніе и будто бы мѣшаемъ; такъ и во весь путь добрососѣдскія отношенія то и дѣло смѣняются рѣзкимъ «отталкиваніемъ» по отношенію къ намъ, чужимъ и чуждымъ.

Ѣдутъ изъ Москвы врачи ускореннаго выпуска, сестры, санитары, легкомы (фельдшера, нынѣ по уловляющей простодушныя самолюбія табели о рангахъ — лекарскіе помощники) изъ отпуска по болѣзни, «военкомы» — коммунисты — къ своимъ частямъ и госпиталямъ.

Врачей съ нами трое; одинъ — польскій еврей, упитанный и полный заботъ о своей особѣ, соединяетъ сложную діалектику оправданія большевизма въ его идейномъ стержнѣ со сладкой мечтой на правахъ польскаго подданнаго сняться съ учета и уѣхать за границу; другой — близорукій, задумчивый и нерасторопный, но доброты явно безконечной, душою далекъ отъ насъ; его прямое призваніе талмудическая экзегетика; война помѣшала его раввинскому экзамену.

Третій — красивый, курчавый, почти еще мальчикъ — мечтатель практическій. Онъ служитъ самой призрачной, самой капризной изъ богинь — спекуляціи. Учитываетъ уплату натурой за частные визиты, шансы, связанные съ недостаткомъ врачей въ Сибири. Онъ будетъ посылать своему шурину продовольственныя посылки отъ имени подчиненныхъ красноармейцевъ, для перепродажи на Сухаревкѣ. До окончанія войны сдѣлаетъ полъ милліона. Есть и маленькія средства для оборота.

Впрочемъ, и раввинъ везетъ кой-какія сбереженія, зашитые въ папаху. Мы называемъ его «золотая голова», но не въ воздаяніе его умственнымъ способностямъ, какъ полагаютъ военкомы. Жена секретничаетъ съ врачами на еврейскомъ языкѣ, который сходитъ за французскій и ставится ей на видъ, какъ буржуазная замашка. Въ общемъ, всѣмъ троимъ — тяжело на душѣ; ѣдутъ они въ тайгу, въ тайгу совѣтскую, спасать, гдѣ нельзя спастись, да и почти нельзя спастись.

Ѣдетъ сестра, тоже еврейка, стриженная съ чудесными замученными черными глазами; еще очень слаба послѣ тифа. Она изъ интеллигентной харьковской семьи, кажется курсистка, доброволецъ германской войны. О ней съ несказанной, по-женски деликатной заботливостью печется санитаръ, красивый, съ твердымъ подбородкомъ и мощнымъ торсомъ юноша, простой парень и вмѣстѣ рыцарь. Въ мелочный и брюзгливый бытъ слишкомъ длительнаго пути вносятъ они строгость и умиленіе большой любви. Но еще

передъ Омскомъ этого богатыря-сидѣлку снимаютъ съ поѣзда: воспаленіе легкихъ и плевритъ.

Прочіе хозяева вагона, низшій медицинскій персоналъ — народъ грубый и суетный, погруженный въ любованіе своими галифэ, ѣду или ревнивое ухаживаніе за пассажиркой, бѣлокурой и голубоглазой, съ высокимъ птичьимъ щебетаніемъ и короткими птичьими мыслями. Ѣдетъ эта «плавающая-путешествующая» невѣдомо зачѣмъ изъ Ташкента черезъ Самару въ Омскъ, и видимо, послѣ мѣсяцевъ пути, не торопится доѣхать; впереди, какъ позади, развалины; что и дѣлать ей, какъ не бродяжить по летучкамъ, подобно столькимъ «каликамъ-перехожимъ», что неустанно и безцѣльно бродятъ сегодня по пепелищу Россіи.

Каждый изъ этихъ бывалыхъ людей встрѣчаетъ насъ сакраментальнымъ, какъ масонское привѣтствіе вопросомъ. Тифомъ болѣли? — Нѣтъ. — Ну, будете болѣть; мы всѣ болѣли.

Наши военкомы люди не одинаковой складки. Иванъ Ивановичъ, чернобородый, румяный, съ волчьими зубами латышъ, лишняго не говоритъ, но хваткъ у него крѣпкая. Смотришь, а онъ уже примостился во второмъ классѣ, гдѣ можно распаковать погребецъ съ водкой и лакомствами. Ни слова пропаганды или хвастовства. Рудокопъ, молча и флегматично разрабатывающій благодарную жилу.

Другой, петербургскій слесарь, полякъ, съ чахоткой, схваченной въ тюрьмѣ, истеричень и сварливъ, то любезенъ, то занальчивъ. Для этого обреченнаго человѣка коммунизмъ — месть за бѣдность, за болѣзнь, за собственную незначительность. То злобится, то размякнетъ. Однажды въ душную ночь отказалъ слегка занемогшей женѣ моей въ глоткѣ воды — за буржуазность; въ другой разъ — онъ на побѣгушкахъ. Везетъ онъ жену главнаго врача своего госпиталя, который гдѣ-то между Челябинскомъ и Омскомъ. Московская дама съ лорнетомъ; ни разу за 8 дней не сняла она въ жаркомъ вагонѣ ватнаго костюма; закуталась отъ вшей и всю дорогу лежала больная отъ страха.

Послѣдняя и очень картинная фигура: казакъ-мусульманинъ въ мурмолкѣ и съ красными лампасами, столь находчиво возвращенными большевиками строптивому казачеству. Умница, силачъ и краснобай, онъ колетъ дрова шашкой, разсказываетъ намъ о пропагандѣ у восточныхъ народовъ, пьетъ четвертями молоко. Слушая его, видишь мысленно сонмы степныхъ всадниковъ, несущихся на Европу подъ знаменемъ пророка по манію большевиковъ. Большевикъ — большой человѣкъ, богатырь, освободитель отъ европейцевъ, посланецъ Аллаха, гроза невѣрныхъ...

Дни текутъ однообразно. Какъ всегда главный интересъ: закупка съѣстного на станціяхъ. Мы всѣ немного больны отъ жирной свинины, пироговъ съ мясомъ... Разговоры трафаретные; обязательная условная ложь — считать другъ друга лояльными коммунистами; мнѣ же и вообще запрещено женою говорить: что-то есть въ невиннѣйшихъ замѣчаніяхъ моихъ изобличающее врага. Впрочемъ мнѣ и жена не жена; совмѣстныя командировки супруговъ воспрещены декретомъ; она — моя ассистентка; недаромъ истеричный военкомъ предлагаетъ ей въ минуту малодушія бросить «профессора» и ѣхать въ другомъ направленіи; онъ же броситъ жену врача, которую везетъ къ мужу, своему сослуживцу.

Съ каждымъ днемъ мы ближе къ мѣстамъ недавнихъ боевъ; однако, слѣды войны немногочисленны или неявны; на Уралѣ мы видѣли разбитые вагоны подъ откосами. Здѣсь — изрѣдка ряды заграждений, разбитыя водокачки, въ Курганѣ обгорѣлый вокзалъ. На станціяхъ стада «перебѣжчиковъ». Доктрина ихъ не сложна. Паекъ, что у тѣхъ, то у этихъ примѣрно одинъ, только у Колчака строже, а за слово «товарищъ» — шомполъ. Главное, не хотѣлось уходить далеко; какъ только фронтъ отрѣзалъ этихъ пермяковъ и вотяковъ отъ своей губерніи — они и перешли.

Другая разновидность участниковъ войны: плѣнные бѣлогвардейцы, отпущенные по домамъ. О нихъ придется разсказывать не разъ. Поступали съ ними такъ: отпускали на свободу, но снабжая ни литерами на проѣздъ, ни аттестатами на довольствованіе при этапахъ.

Впервые мы увидѣли бѣлогвардейцевъ на одной изъ станцій около Петропавловска. Они облѣпили паровозъ маршрутнаго поѣзда, слѣдующаго съ Востока. Вѣтеръ страшный, лица обмерзли, по спинамъ тепло. Ѣхали которые уже сутки безъ пищи. Мы всѣ отдали имъ все, что запасли, вплоть до сухихъ корокъ. Страшны были эти голодные среди окружающаго изобилія! Другой мелкій путевой инцидентъ. Однажды дверь въ вагонъ открывается, кто-то невидимый вталкиваетъ сѣрую фигуру въ шинели, пришелецъ падаетъ на лавку.

Это тифозный. Врачи и сестры нашли его полузамерзшимъ на тормазѣ своего вагона, сжалились надъ нимъ, испугались за себя и «подкинули» его намъ.

Но не тутъ то было. Оставить тифознаго у насъ значитъ заразить еще не болѣвшихъ, а главное лишиться мѣста въ поѣздѣ. Нашъ вагонъ санитарный, при первомъ признакѣ инфекціи онъ будетъ безпощадно очищенъ отъ пассажировъ, и мы будемъ брошены на глухой станціи, среди несчастныхъ, уныло ломящихся въ каждый поѣздъ: «нельзя ли довезти? Мнѣ недалеко, до Омска...» Послѣ яростныхъ пререканій жуткій гость возвращенъ первоначальнымъ хозяевамъ.

Наканунѣ Новаго года по старому стилю мы крѣпко засѣли въ большомъ базарномъ селѣ. Идемъ осматривать мясной базаръ, сотни подводъ, тысячи тушъ. Но насъ уже зовутъ попутчики наши, врачи. Мы всѣ приглашены чай пить къ мѣстнымъ сестрамъ милосердія; скоро мы всѣ въ сборѣ въ каморкѣ сестрицъ, за самоваромъ; сестры столичныя и куда какъ рады рѣдкимъ гостямъ.

Какъ закинула ихъ въ эту глушь совѣтская фортуна? Онѣ продвигались съ летучкой на фронтъ, проѣздомъ ихъ сняли съ поѣзда и назначили на эпидемію. Черезъ полчаса они вспрыскивали камфару тифознымъ ребятишкамъ. На десятки, а то и сотни верстъ, налицо былъ единственный фельдшеръ. Каждаго заболѣвшаго онъ добросовѣстно помѣщалъ въ баракъ, отчего всѣ больные сыпнымъ получали возвратный и наоборотъ, а больные, положимъ, испанкой — и тотъ, и другой. Зато безъ медицинской помощи не оставался никто.

Было тѣсно; одна изъ сестеръ, дюжая и веселая, съ зычнымъ смѣхомъ усадила на колѣни младшаго изъ врачей и душила его огромными руками. Другая конфузилась, да и мы тоже. Въ этихъ медвѣжьихъ объятьяхъ — тоска обездоленной по молодости и любви.

Молодому же коллегѣ и вообще повезло въ этихъ мѣстахъ; у него былъ полонъ ротъ пломбъ и парнишки на базарѣ ходили за нимъ гурьбой: «Смотри-ка: мужикъ съ золотыми зубами!»

Послѣ чая ужинъ въ агитпунктѣ, онъ же коммунистическій клубъ; некрашенные столы и скамьи, кабацкій хриплый граммофонъ, два плаката противъ Колчака, засиженные мухами, и хоть бы одна газета. Мы уходимъ къ себѣ въ эшелонъ, не доѣвъ жаренныхъ куропатокъ; мрачный юморъ этого пиршества томителенъ. Спѣшимъ забраться на полки и встрѣчаемъ Новый годъ въ раздумьи о томъ грозномъ, что для многихъ изъ насъ впереди.

Къ Иртышу подъѣзжаемъ позднимъ вечеромъ. Мостъ взорванъ. Эшелонъ, когда настанетъ его очередь, «нередадутъ» частями по льду. Утромъ мы, не дождавшись, наряжаемъ подводу и ѣдемъ на станцію Омскъ, минуя городъ, котораго я такъ и не увидѣлъ. Каждый старается тронуться незамѣтно и найти оказію ранѣе и помимо прочихъ. За нами скачутъ лишь двое «красныхъ командировъ», только что выпущенныхъ съ московскихъ курсовъ, но столь безцвѣтныхъ, что я забылъ упомянуть о нихъ раньше. Щегольскіе френчи, шпоры и традиціонныя длинныя съ прорѣхою шинели, былая гордость юнкеровъ; въ каждомъ движеніи, взглядѣ дѣтская, самолюбивая радость: «я офицеръ».

Омскъ, вокзалъ. Нѣсколько сотъ верстъ до Ново-Николаевска, двѣсти съ чѣмъ-то по вѣткѣ до Барнаула — и мы у цѣли.

Складываемъ багажъ у заколоченной уже мѣсяцъ кассы; въ буфетъ пройти нельзя; тамъ идетъ мытье половъ. Въ главномъ же помѣщеніи на лавкахъ, на полу, подъ плакатомъ «губчекатифа» съ санитарными заповѣдями, копошится солдатская масса, стоя, сидя, лежа (на полу нельзя, такъ на перилахъ кассы). Спустя часъ толпу перегоняютъ въ буфетъ и начинаютъ мыть сулемой и карболкой залъ; сизифовъ трудъ. Сбыть же эту толпу отпускныхъ, отсталыхъ, больныхъ, перебѣжчиковъ, бѣлогвардейцевъ, дезертировъ, безъ изъятія покрытыхъ паразитами некуда; на западъ не движется ни одинъ поѣздъ.

Мы сначала идемъ по ложному пути; намъ указываютъ, что на сортировочной, верстахъ въ двухъ отъ вокзала, стоитъ летучка; но пока мы колеблемся двинуться съ вещами, сердобольный желѣзнодорожникъ сообщаетъ таинственно, что собирается экстренный составъ для комиссара путей сообщенія Сибревкома тов. Воинова, слѣдующаго срочно въ Томскъ. Вскорѣ и разрѣшеніе примкнуть получено; какое счастіе! По разсчету мы въ 36 часовъ въ Ново-Николаевскѣ, а тамъ — рукой подать.

Однако, посадка не обходится безъ треволненій. Воиновъ распоряжается прицѣпить для пассажировъ классный вагонъ; пока что намъ лишь условно разрѣшаютъ присѣсть съ вещами въ служебномъ вагонѣ. Но классный — боленъ, вагончикъ для артельщиковъ идетъ лишь до перваго депо; приходится оставаться тамъ, куда забрались. Къ намъ присоединяется интеллигентъ въ пенснэ и штатской шубѣ; по тому, какъ онъ настойчиво стучится въ салонъ-вагонъ «министра», умозаключаемъ, что нашъ конкурентъ «шишка» и большевикъ. Съ нимъ — еще двое спутниковъ.

Но дѣло еще не выиграно. Въ вагонѣ помѣщаются четыре бригады: двѣ смѣны кондукторовъ и двѣ машинистовъ. Они требуютъ, чтобъ мы покинули вагонъ, самочинно провѣряютъ наши командировки, разрѣшеніе,

данное намъ Вонновымъ признавать отказываются: «онъ намъ не начальникъ, теперь начальниковъ нѣтъ». Мало того, машинисты отказываются везти, если посторонникъ не удалять. Не припомню, какъ дѣло обошлось, но мы остались.

Здѣсь приходится сказать: выводъ за 30, а позже еще 18 дней пути — не жди человѣчности отъ желѣзнодорожниковъ. «Утечка» (желѣзнодорожная чрезвычайка) сжалится и даже хлѣбомъ накормить голодныхъ, милиція усадить въ поѣздъ внѣ очереди женщину съ ребенкомъ (и то, и другое знаю изъ опыта,) но желѣзнодорожникъ никогда.

Они одни выше закона. Ихъ палладіумъ — плакать: «Никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ техническія распоряженія желѣзнодорожнаго начальства». Ни у кого не видѣлъ я такого цинизма и такого ожесточенія. Замаперѣлые комиссары ублажаютъ желѣзнодорожниковъ взятками. Что тутъ: месть за все перенесенное въ 17 и 18 годахъ во время возвращенія арміи по домамъ, неимовѣрно тяжелый трудъ среди окружающей праздности, сознаніе своей незамѣнимости, а потому и неприкосновенности, но безпримѣрный эгоизмъ, желчный и агрессивный, этого сословія оставляетъ въ тѣни даже холодную безнощадность крестьянъ къ голодному горожанину.

Конечно, замѣчанія эти не систематическія обобщенія, а эмпирическіе выводы, — но продуманные вполнѣ. Мы, посторонніе, вятеромъ примащиваемся наверху, въ крайнемъ отдѣленіи, занимая «второй и третій ярусъ»; насъ не видно и не слышно; пусть о насъ забудутъ. Межъ тѣмъ, напоръ желающихъ ѣхать все усиливается, но допущенъ только членъ союза коммунистической молодежи, придурковатый, но не безъ хитрости паренекъ. При немъ тощій свертокъ газетъ: онъ «везетъ литературу». Позже, кажется въ Барабинскѣ, садятся еще милиціонеръ при винтовкѣ и ввѣренный ему арестантъ-«самогонщикъ», котораго онъ везетъ въ Ново-Николаевскъ судиться въ ревтрибуналѣ. Преступникъ безпеченъ, какъ фаталистъ, солдатикъ же томится отвѣтственностью, да и выдано ему всего сухарей на три дня.

Наши сосѣди, мнимые большевики, на самомъ дѣлѣ кооператоры. Тотъ, что въ пенснэ, бывшій городской голова одного изъ городовъ западной Сибири, журналистъ и редакторъ газеты; онъ соціалъ-демократъ меньшевикъ, при Колчакѣ былъ смѣщенъ и посаженъ въ тюрьму; ново-николаевское возстаніе вернуло ему свободу. Въ Омскѣ былъ по вызову Сибревкома, предлагавшаго ему отвѣтственный постъ и поручившаго ему ревизію; отъ службы онъ пока отказался и ѣхалъ къ семьѣ. Первый его спутникъ — инспекторъ союза кредитныхъ товариществъ, юристъ, ушедшій въ кооперацію, второй — инструкторъ и бывшій машинистъ. Впервые за весь путь между ними и нами протянулись нити взаимной пріязни и солидарности, — столь облегчившей намъ надвигавшіяся бѣдствія. Для городского головы профессоръ не былъ уже тѣмъ экзотическимъ существомъ, раздражающимъ парадоксомъ, что для всѣхъ въ дорогѣ; онъ читалъ и помнилъ мои статьи. Здѣсь, за три слишкомъ тысячи верстъ отъ столицы испыталъ я прочность профессіональнаго братства.

Уже три почти недѣли до меня не доходили политическія новости; наше — быстрое по обстоятельствамъ времени — передвиженіе опережало почту, да и слишкомъ мы были озабочены. Тутъ мы узнали, что пришла телеграмма о снятіи блокады. Мы лишь улыбнулись предполагаемой совѣтской уткѣ.

Пока что мы ѣдемъ и очень быстро; на станціяхъ, даже въ депо при смѣнѣ паровозовъ, гдѣ менѣе привилегированный поѣздъ ночевалъ бы непремѣнно, стоимъ не болѣе получаса; опять на перронахъ продаютъ съѣстное, но мы не запасаемся; вѣдь завтра мы въ Николаевскѣ, да еще сохранились купленные въ Омскѣ вязка бѣлыхъ баранокъ и пироги. Погода, какъ и во всю дорогу, мягкая и ясная. Но чѣмъ ближе мы къ Чулыму (послѣднее депо передъ цѣлью), тѣмъ больше она омрачается. Поднимается въ тайгѣ буранъ, заметаетъ путь. Всю ночь мы слышимъ, какъ паровозъ борется со стихіей, какъ колеса, словно по песку, скрипятъ по снѣгу, какъ для новаго разбѣга осаживается назадъ поѣздъ; когда заснешь, то и дѣло просыпаешься отъ зловѣщей недвижности поѣзда и гула вьюги въ степи. Утро ясное и морозное застаетъ агонію поѣзда; напрасны усилія; паровозъ зарывается въ сугробъ, но «взять» его не можетъ. Всѣхъ вызываютъ на очистку пути отъ быстро леденѣющаго и твердѣющаго барьера: команду красноармейцевъ охраны, жильцовъ служебнаго вагона. И что жъ, путь расчищенъ, мы медленно продвигаемся, доѣзжаемъ до разъѣзда, къ вечеру послѣ длительныхъ маневровъ опять трогаемся въ путь и окончательно застрѣваемъ за версту отъ слѣдующаго.

Выгнаны на очистку заноса мѣстные крестьяне, но гдѣ имъ справиться; телеграммой вызвана подмога изъ Ново-Николаевска, но когда мобилизованные на повинность «буржуи» дороются до насъ черезъ 70 верстъ заносовъ? Правда, мы еще не понимаемъ значительности препятствія. Какъ водится, первая забота — о хлѣбѣ насущномъ. Сколько насъ дорога не учитъ, а мы всегда попадаемъ въ просакъ, отъ излишняго оптимизма. Намъ давно ѣсть нечего и насъ поддерживаетъ лишь плотная торбочка хлѣбосольныхъ кооператоровъ.

Выходимъ — по глубокому снѣгу — на развѣдку, выслѣживать пищу, за нами, какъ индѣйцы, крадутся другіе, выслѣживая насъ. Деревня далеко, а на станціяхъ начинаютъ голодать, ибо отъ дня паденія Омска нѣтъ движенія грузовъ.

Главный нашъ конкурентъ — старикъ-еврей въ вытертой поддевкѣ; какъ оказывается, крупный хищникъ колчаковской эпохи, подрядчикъ, комиссіонеръ и ростовщикъ; одинъ изъ красноармейцевъ опознаетъ въ немъ «хозяина»: работалъ у него на заводѣ. И нынѣ у него хлопотъ полонъ ротъ, карманы полны денегъ и мандатовъ, онъ ѣдетъ что-то скупать за счетъ ревкома. Но странно, желѣзнодорожники и красноармейцы смотрятъ на перелицованнаго буржуя съ любовной какой-то насмѣшливостью, безъ злобы. Онъ даже популяренъ.

Сначала пьемъ чай въ будкѣ стрѣлочника, посовѣщавшись, пить или не пить, ибо за перегородкой — больные дѣти. Потомъ заводимъ знакомство съ женой дорожнаго мастера и заполучаемъ хоть и не гуся, но зато картошку съ подливкой отъ гуся, съѣденнаго вчера опередившимъ насъ на этотъ разъ заводчикомъ.

Но намъ хочется не ѣсть, а ѣхать. Постепенно мы уясняемъ себѣ положеніе. То, что мы видимъ, освѣщается черезъ то, что мы слышимъ долгими вечерами, которые бригады, непривычные къ правильному сну, заполняютъ толками о только что вихремъ пронесшихся событіяхъ.

На всемъ протяженіи отъ Чулыма до Николаевска, на 60 верстъ впереди насъ, на 30 позади тянется почти непрерывная «лента» поѣздовъ. Они еще

за недѣлю до бурана забивали оба пути, но вторую ленту уже успѣли «растаскать». Вокругъ этого сплошного почти вала и уплотнился заносъ, не сдерживаемый деревянными щитами, давно сломанными на дрова. Вагоны замело до крышъ.

Поѣзда слѣдуютъ другъ за другомъ подчасъ на разстояніи всего пяти саженей. Составъ ихъ разнообразенъ: пульмановскіе вагоны дальневосточнаго экспресса, просто классные, санитарные, теплушки, цистерны, платформы, груженныя автомобилями, ящиками съ шрапнелью, необозримымъ, неисчислимымъ добромъ. Наши попутчики, конвоиръ и винокуръ, раздобыли себѣ по полевому телефону изъ открытаго вагона, груженнаго драгоцѣнными аппаратами, но охрана конфисковала. Дальше еще цистерны, холодильники, салонъ-вагоны, больные паровозы, взятые на буксиръ, вагоны безъ конца, тысячи вагоновъ — и въ нихъ ни души. Лишь изрѣдка, черезъ десять, черезъ пятнадцать эшелоновъ надъ какимъ-либо вагономъ вьется дымокъ, какъ надъ юртой самоѣда, это скудная и запоздалая охрана. Разительна недвижность этихъ паровозовъ, моторовъ, вагоновъ всей структурой своей выражающихъ движеніе!

Вспоминается исторія Шерлокъ Хольмса объ «исчезнувшемъ экстренномъ поѣздѣ». Исторію же этихъ сотенъ поѣздовъ, вышедшихъ изъ Омска и никуда не пришедшихъ, мы постепенно узнаемъ.

По вечерамъ мы, лежа на своихъ полкахъ, прислушиваемся къ бесѣдѣ желѣзнодорожниковъ; ораторы: угрюмый и вялый сивоусый оберъ-кондукторъ и другой кондукторъ, помоложе, тучный и злобный, съ обликомъ мясника. Этотъ послѣдній сегодня ярый большевикъ со всѣмъ аппаратомъ октябрьскаго краснорѣчья, здѣсь еще не затрепаннаго («довольно пили нашу кровь» и т. п.). Машинисты больше слушаютъ. Злорадство и бахвальство разсказчиковъ — лучшее ручательство за страшную правду.

Крупные подрядчики и импортеры Омска тревожились давно, несмотря на заявленіе правителя о томъ, что столица Сибири сдана не будетъ. Они исподволь готовились къ длительному бѣгству среди зимы. За ихъ счетъ производилось оборудованіе теплушекъ, обшиваніе досками, конопаченіе. Рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ зарабатывали по 18-и тысячъ въ день при стоимости бѣлаго хлѣба въ 40 копѣекъ фунтъ. Когда тонкая цѣпь защитниковъ стала все быстрѣе осѣдать и поддаваться къ Омску, «буржуи» съ семьями и имуществомъ двинулись въ путь, купивъ у машинистовъ согласіе везти. Но на первой же станціи ихъ ожидалъ новый ультиматумъ поѣздной команды: уплатить контрибуцію въ 100 или 50 тысячъ или выгружаться; этотъ шантажъ повторялся непрерывно; лишь очень богатые или очень удачливые составы куда-либо продвинулись; остальные застряли въ пути и положили начало безмѣрной катастрофѣ эвакуаціи.

Когда стало яснымъ, что Омску не сдоброватъ, поднялись всѣ; не только «буржуи», но ремесленники, рабочіе, совершенные бѣдняки, очертя голову, бросились въ грозную неизвѣстность — таковы были паника и ненависть. И въ это стихійное движеніе бѣженства приказъ объ эвакуаціи арміи, учрежденій въ полномъ составѣ, интендантскихъ складовъ, офицерскихъ и чиновничьихъ семей влилъ еще огромную силу и огромную массу движущагося матеріала. Мы знаемъ, что то спасеніе, которое мерещилось на востокѣ было призрачнымъ; что навстрѣчу отступающей громадѣ поднялся Ново-

Николаевскъ. Но и безъ возстанія въ тылу могъ ли этотъ караванъ, на десятки верстъ растянувшійся по обѣимъ колеямъ, куда-либо дойти?

Видимо Богъ поразилъ безумьемъ побѣжденную власть. То, что нельзя было вывезти, сжигалось. Зашедшій погрѣться въ нашъ теплый уголъ красноармеецъ разсказываетъ, что вагоны съ тяжело-раненными военноплѣнными были также подожжены и что онъ самъ спасся черезъ окно. Безумецъ или хвастунъ? Но этотъ разсказъ слышалъ я позже изъ многихъ устъ.

Что же сталось съ этимъ городомъ на колесахъ? И объ этомъ знаю лишь, что довелось услышать за эти ночи въ запосѣ. Цѣлые вагоны вымирали отъ тифа, отъ холода, отъ голода, особенно дѣти. Уйти было некуда, а нужды слишкомъ много. То и дѣло, вооруженные крестьяне, «партизаны» или просто хозяева, производили налеты, грабили и убивали защищавшихся. По всему пути, подъ снѣгомъ, штабели обобранныхъ, незакопанныхъ труповъ; что за смрадъ будетъ по веснѣ!

Такъ мирно толковали у насъ въ вагонѣ и, повидимому, то правда. Тому порука — лента мертвыхъ поѣздовъ со сгинувшими людьми.

Межъ тѣмъ, дни идутъ, и выручки не видно. Запасы опять на исходѣ, намъ тяжко въ духотѣ и угольной пыли вагона; пока мы въ пути, надъ нами виситъ зараза. Да чѣмъ ближе цѣль, тѣмъ больше одолѣваютъ нетерпѣніе и тревога. Мы съ кооператорами рѣшаемъ пробираться дальше во что бы то ни стало. До ближайшаго торговаго села 10 верстъ. А оттуда въ Ново-Николаевскъ 55 на лошадяхъ.

Дорожный мастеръ предоставляетъ для жены моей и вещей подводу пригоннаго на очистку пути крестьянина: плетенный коробъ. Мы мужчины идемъ пѣшкомъ то по путямъ, то по близлежащей шоссейной дорогѣ. Послѣ отвратительной тоски нашего плѣна въ заносѣ хорошо, почти весело шагать «по шпаламъ». — День солнечный, небо синее, тайга подъ снѣгомъ алая на солнцѣ съ фіолетовыми тѣнями. Слегка морозитъ, но отъ мѣрной ходьбы тепло.

Безпредѣльнымъ кажется одиночество въ пустынѣ, но вотъ все чаще на горизонтѣ появляются черныя точки, въ одиночку и небольшими группами. Они приближаются: это люди съ черными отъ стужи и истощенія лицами (такія лица въ средневѣковыхъ изображеніяхъ смерти, когда еще не знали анатоміи), въ рваныхъ шинеляхъ, съ руками безъ рукавицъ, запрятанными въ рукава, безъ привычнаго солдатскаго мѣшка за плечами. Нѣкоторые перевязаны окровавленными, грязными, покоробившимися тряпками. Эти люди — то, что осталось отъ арміи адмирала Колчака, менѣе чѣмъ за годъ до того подходившей къ Самарѣ и Казани.

Красный побѣдитель поступилъ съ ними съ дьявольской гуманностью. Разоружилъ и отпустилъ на всѣ четыре стороны. И вотъ эти пермскіе, вятскіе, приволжскіе идутъ домой по сибирской магистрали за двѣ, за три тысячи верстъ, среди зимы и среди тайги.

Кто несчастнѣе, они или тѣ 70.000, что заперты въ тифозный карантинъ военнаго городка въ Ново-Николаевскѣ, окруженные наведенными на нихъ орудіями? И тутъ, и тамъ почти вѣрная смерть. Но у этихъ пѣшеходовъ есть хоть надежда, хоть маячитъ передъ ними фата-моргана родного села.

На нихъ нѣтъ ничего, кромѣ отребья шинели, остатковъ сапогъ; они до чиста ограблены партизанами. Идутъ они врозь въ надеждѣ легче про-

кормиться, не напугать крестьянъ. Но тѣ и безъ того баррикадируются отъ жуткихъ гостей: даромъ кормить не хотятъ (да и накормишь ли тысячи?). Боятся грабежей.

Единственное прибѣжище этой арміи призраковъ — станціонныя зданія, пустыя, нетопленныя. Единственный шансъ ускорить путь, взобраться тайкомъ на тормазъ вагона. Но до мѣста, гдѣ желѣзнодорожное движеніе возстановлено, идти тысячу слишкомъ верстъ. Да и не дай Богъ въ морозную ночь задремать на тормазѣ: пробужденія нѣтъ.

Не разъ наша охрана расталкивала полуокоченѣвшихъ людей, забравшихся къ намъ ради иллюзіи убѣжища. А черныхъ точекъ все больше; многіе идутъ изъ Тайги, прошли уже сотни верстъ. Погода къ нимъ милостива, но что станется съ ними завтра, когда грянутъ морозы?

До смертнаго часа буду помнить эту разорванную цѣпь людей, тянущихся на западъ мимо нескончаемой «ленты» отступленія, замерзшаго на рельсахъ лицомъ къ востоку.

Только свидѣтели отхода Великой Арміи изъ Москвы въ 12-мъ году видѣли подобное, думается мнѣ. Но все же та катастрофа была осѣнена мрачнымъ воскрыльемъ Наполеоновской славы. Объ этихъ сгинувшихъ русскихъ крестьянахъ знаетъ одна тайга.

Но мы уже у цѣли, въ конторѣ кооперативнаго склада. Сторожъ топитъ печь, ребятки бѣгутъ за молокомъ, только хозяйка не встаетъ съ постели; ей что-то «неможется». Мы предпочитаемъ не разспрашивать. Заказываемъ на завтра лошадей, ужинаемъ, согрѣваемся глоткомъ водки и укладываемся всѣ пятеро на ночлегъ, разостлавъ на полу плэды и шубы.

Утромъ насъ будятъ засвѣтло; намъ предстоитъ шестичасовой путь. Наскоро напившись чаю, выходимъ на дворъ: дыханье захватываетъ отъ мороза. Справляемся по реомюру: 40 слишкомъ градусовъ. То давно ожидаемый переломъ погоды; вѣдь конецъ января. Конечно, мы рѣшаемъ ѣхать. На мнѣ зимнее пальто на ватинѣ и шелку, ботинки и мелкія калоши, на женѣ легчайшее пальто, на ватинѣ лишь до пояса, съ обезьяней шалью, очень элегантное, модель отъ француза, и ботинки безъ всякихъ калошъ.

Въ ваговахъ тепло, да и неоткуда было взять другую одежду. Артельщики въ собачьихъ, лохматыхъ дохахъ улыбаются. Наконецъ, одинъ изъ кооператоровъ ссужаетъ меня высокими сапогами, которые самъ смѣнилъ на катанки; жена пялитъ на манто полушубокъ хозяйки, той самой, что почему-то лежитъ въ постели — и съ Богомъ, въ путь.

Мы усѣлись на сѣнѣ въ нашей кошевкѣ, укрылись, чѣмъ могли, какъ будто бы согрѣлись, но ненадолго; такъ холодно, что и сказать нельзя. Сведенныя въ неудобной позѣ ноги стынутъ и болятъ невыносимо. Неужто проѣхали всего пять верстъ, быть не можетъ. Выглядываю изъ-подъ шали, въ которую спряталъ лицо. Въ утреннемъ полумракѣ не видать ничего, только по высокой желѣзнодорожной насыпи, уже освѣщенной солнцемъ, мимо брошенныхъ поѣздовъ, попадающихся теперь уже рѣже, движутся черныя точки. Это «вяцкіе» идутъ домой, покорные стихійной тоскѣ по роднымъ мѣстамъ, съ фатализмомъ безподобнымъ и губительнымъ. И каждый разъ, когда терзаемый стужей, я выглядываю изъ-подъ шарфа — на горизонтѣ движутся маленькіе черные автоматы.

Но вотъ наконецъ деревня, большая, о 40 дворахъ. Подъѣзжаемъ къ первому, стучимся: «У васъ больныхъ нѣтъ?» — «Какое нѣтъ, почитай всѣ

больные». Колесимъ отъ дома къ дому; всюду одинъ отвѣтъ. Пока поднимаешь ноги какъ гири, топчешься, но не согрѣться никакъ. Ну что жъ, заходимъ въ тифозную избу. И точно, на печи лежитъ на брюхѣ скелетъ и смотритъ на насъ знакомыми глазами «съ того свѣта». Флегматичный старикъ мямлитъ: «вотъ второй заболѣлъ, а старшого на той недѣлѣ схоронили».

Мы узнаемъ, что въ деревняхъ вдоль магистрали тифъ повальный, не минуетъ никого. Врача ни одного, медикаментовъ никакихъ. Цѣлыя семьи лежатъ въ бреду и некому подать воды, затопить печь; а вѣдь надо еще расколоть ледъ, нарубить дровъ. Сосѣди либо боятся зачумленной избы, либо сами валяются.

Я такъ изнемогъ, что съ отчаяніемъ присаживаюсь на лавку. Чай пить мы не рѣшаемся, лицомъ къ лицу со смертью. Черезъ десять минутъ ѣдемъ дальше.

На второмъ привалѣ — совершенно то же.

Наконецъ послѣ шести самыхъ мучительныхъ часовъ моей жизни, вдали показывается городъ. Мы движемся уже среди цѣлаго обоза подводъ, навстрѣчу попадается отрядъ красноармейцевъ въ полушубкахъ, выѣзжаемъ на проспектъ, вотъ и правленіе, спутники наши объясняются, насъ ведутъ въ комнатку одного изъ управляющихъ, появляется самоваръ, японскій желтый сахаръ и водка, къ которой тянусь, потому что чувствую въ ней спасеніе. Спасибо кооператорамъ: безъ нихъ не миновать бы намъ страшнаго Ново-Николаевскаго вокзала и безплодныхъ скитаній въ городѣ, подобномъ переполненной до нельзя больницѣ, въ поискахъ за жилищемъ.

Вотъ и въ нашей комнатѣ на дняхъ лишь находился больной, сынъ добрѣйшаго хозяина нашего, бѣлый офицеръ, нынѣ отправленный въ Барнаулъ.

Ново-Николаевскъ вспоминаю какъ въ туманѣ. Все время меня била сильнѣйшая лихорадка, ходилъ какъ оглушенный, качаясь, но не поддавался. Всѣ силы души напрягалъ, чтобы не «сдать» такъ близко отъ цѣли. Тѣмъ болѣе, что мѣстный кооператоръ утверждалъ, что видѣлъ въ Барнаулѣ, въ аптекѣ, провизора, по описанію напоминавшаго моего шурина; надежда найти своихъ крѣпнетъ.

Но трудно мнѣ, и друзья-попутчики, ложась рядомъ со мною на полъ, осторожно косятся на меня. Не хотятъ меня огорчать, но я имъ страшенъ.

Жена всѣ дни лежитъ на куцомъ диванчикѣ; она устала, ей «ничего не хочется».

Брожу по городу, покупаю у «ходи» чай по 150 рублей за фунтъ, но все вижу, какъ сквозь пелену. Что это было, тифъ, перенесенный на ногахъ, или просто нездоровье, по сей день не знаю. Насѣкомыми мы были покрыты. Здѣсь, на 25-ый день пути, первая баня.

Захожу побриться — мечта цѣлой недѣли. Парикмахеръ, еврей, несмотря на плосконосое татарское лицо и свѣтлые волосы, разсказываетъ мнѣ о послѣднихъ дняхъ до возстанія. Видно у него огромная потребность подѣлиться тѣмъ ужасомъ, отъ котораго бритва дрожитъ въ его рукѣ и кривятся губы.

Чѣмъ тревожнѣе становились вѣсти съ запада, тѣмъ ожесточеннѣе репрессіи со стороны войскъ атамана Анненкова, занимавшихъ (если я вѣрно запомнилъ) городъ.

Всѣмъ евреямъ (ихъ тамъ горсть и никакого антагонизма они не вызывали) было предписано зарегистрироваться — на предметъ собственной безопасности. Каждый день за кѣмъ-либо приходилъ нарядъ казаковъ и тотъ не возвращался. Однажды пришли за его шуриномъ, владѣльцемъ парикмахерской. Взяли и его сестру, на шестомъ мѣсяцѣ беременности. Ихъ обвинили въ связи съ коммунистами. Самого разсказчика спасли сосѣди и мало-типичный обликъ. Больше онъ своихъ не видалъ.

Послѣ переворота его вызвали опознавать трупы, онъ шурина такъ и не нашелъ, сестру же узналъ по одеждѣ и животу. Голова была начисто снесена ударомъ шашки...

Каждый день мы справляемся о поѣздѣ въ Барнаулъ, но вѣтка занесена; наконецъ отправка назначена. Не безъ усилія поднимаю жену, ѣдемъ на Алтайскій вокзалъ. Тутъ ужъ я дѣйствую силою своей «нарядной» командировки; кооператоры, которымъ ѣхать не полагается (они направляются къ семьямъ), жмутся сзади. И точно, дежурный предупредительно указываетъ номеръ и мѣсто нахожденія еще не поданнаго вагона, по просьбѣ моей выдаетъ оправдательную записку, и мы тащимся грузиться. Въ теплушкѣ уже сидятъ 7 человѣкъ: уѣздное Чекэ, направляющееся къ мѣсту службы; имъ досаденъ нашъ приходъ, но скоро насъ уже тридцать человѣкъ, стѣны вагона потрясаются ударами тщетно ищущихъ мѣста, тяжелая дверь все время ходитъ, пропуская мольбы и угрозы, а вмѣстѣ и гложущій, рѣжущій, невыносимый холодъ.

Нашъ товарный вагонъ изрѣшетенъ щелями, отверстій для трубы два, одно лишь пропускаетъ стужу. Жена забирается наверхъ, также и кооператоры, завертываются въ одѣяла: пытаюсь улечься и я, но не могу вынести холода. Сажусь на доску позади печурки; когда она накаляется до красна, ногамъ становится теплѣе, но дымятся и коробятся чужіе сапоги. Съ обѣихъ сторонъ я прижатъ сосѣдями. Вновь приходится, уже въ четвертый или пятый разъ, уживаться съ попутчиками. Такихъ у насъ еще не было.

Чекисты, за исключеніемъ предсѣдателя, народъ смирный. Тотъ начинаетъ съ криковъ: «Вонъ женщинъ!» Такъ и вообще военные: отъ комиссаровъ до дезертировъ привыкли считать передвиженіе въ поѣздахъ своей исключительной прерогативой. Наши бумаги слегка укрощаютъ его. Но во всю ночь продолжаются хвастливыя и грубыя рѣчи о ненужности интеллигенціи и всемогуществѣ мозолистыхъ рукъ, которыми онъ здираетъ меня и запугиваетъ двухъ прижавшихся другъ къ другу гимназистокъ. «Дорогу строили не инженеры, а десятники, всѣхъ выгонимъ землю пахать...» Банальный крикунъ; смотрю на него съ томительной скукой.

Зато другая группа приковываетъ все вниманіе, на которое способна моя затравленная и опустошенная лишеніями послѣднихъ дней мысль.

Это «партизаны», знаменитые «роговцы», та буйная сила, которая пріуготовила паденіе Колчака и легкое торжество красной арміи. Кто они? Таежный народъ, звѣроловы, браконьеры, бродяги, такъ и не изжившіе бунтарскаго хмѣля, а тамъ, за ними, темная и злобная деревня, кряжистый эгоизмъ и ненависть ко всему городскому, чужому, «россійскому».

Что подняло ихъ съ пиками въ рукахъ противъ режима, утвердившаго ихъ собственническія права?

Отчасти безчинства атамановъ, поборы, побои, безпорядокъ и хищничество, чинимые самовольно мѣстной воинской властью и которому я встрѣ-

тилъ въ пути и позже множество свидѣтелей. Но лишь отчасти. Пороки колчаковской власти, ея слабость въ центрѣ и безсиліе на огромной периферіи повредили ей меньше, чѣмъ ея добродѣтели, заключенное въ ней организующее начало. Мятежная вольница тайги возстала противъ порядка, противъ порядка какъ такового. Такъ, много мѣсяцевъ послѣ совмѣстной побѣды надъ Колчакомъ неприступные горные поселки бросали вызовъ «россійскимъ» краснымъ, объявивъ у себя «анархію», выставивъ пулеметы и закапывая живымъ въ землю совѣтскихъ инструкторовъ.

Когда саранча эта спускалась съ горъ на города, съ обозами изъ тысячи порожнихъ подводъ, съ бабами, — за добычей и кровью, распаленная самогонкой и алчностью — граждане молились о приходѣ красныхъ войскъ, предпочитая расправу, которая поразитъ меньшинство, общей гибели среди партизанскаго погрома. Нуженъ былъ Троцкій съ опытомъ его и умѣньемъ чтобъ постепенно организовать разложеніе вчерашнихъ соратниковъ; каждая же вспышка непокорности грозитъ не только большевизму, но самому бытію городовъ. Ужасна была борьба городовъ, подобныхъ Кузнецку, куда красная армія пришла слишкомъ поздно.

Но это обобщенія, не безъ вліянія пережитаго позже. Пока же, сидя на доскѣ, присматривался я къ живописнымъ фигурамъ меня окружавшимъ. Памятенъ мнѣ особо одинъ, охотникъ: могучія плечи, распирающіе кожухъ, голубые, холодные, нагло и весело улыбающіеся глаза (такіе глаза у Долохова въ «Войнѣ и мирѣ»), орлиный носъ, вьющіеся русые усы, безпечная, изящная осанка: не то «Кожанный чулокъ», не то Соловей-разбойникъ.

Разсказываетъ урывками, какъ жгли церкви, чтобъ не стрѣляли съ колоколенъ (или не наблюдали), поддавали жару попамъ. Онъ добродушенъ по-своему, самъ предлагаетъ женѣ моей одѣяло, но въ то же время жизнь и кровь человѣческая ему явно ничочемъ.

Тянется зимняя ночь. Наконецъ, и жена сползаетъ съ наръ; ее мучитъ отмороженный палецъ ноги. Молодой «комполкъ» (командиръ полка) съ четырьмя звѣздами на рукавѣ, прапорщикъ военнаго времени, только-что переведенный съ Архангельскаго фронта, совѣтуетъ ей разуться совершенно и согрѣть ногу у печки, потомъ дарить ей теплые шерстяные носки. Онъ былъ контуженъ въ германскую войну, много пережилъ съ тѣхъ поръ — и видимо такъ и не пришелъ въ себя послѣ контузіи. Говоритъ что-то о полярной войнѣ, о замерзаніи.

Но и эта ночь минула. Днемъ прибыли на станцію Черепаново, чистенькую; я одинъ обѣдалъ въ опрятномъ буфетѣ, отдыхая отъ вагона. И вдругъ нечаянная радость; одинъ изъ кооператоровъ выхлопоталъ намъ доступъ въ служебное отдѣленіе почтоваго вагона. Съ несказаннымъ облегченіемъ покидаемъ свою теплушку подъ ироническіе возгласы чекистовъ и обѣщаній на мѣстѣ нѣкоторые элементы «пощупать и почистить».

Женѣ моей достается койка; лежитъ она какъ пластъ, не ѣстъ, а въ глазахъ мелькаетъ — до ужаса уже знакомое мнѣ по стольнимъ глазамъ — выраженіе потусторонней пустоты. Только ночью она, на стоянкѣ, проситъ пить; но водокачки не нахожу; собираю въ чайникъ нечистый отъ угольной пыли снѣгъ и подаю ей горстями. Потомъ сплю, скрючившись на чемоданахъ, спустивъ ноги на полъ, устланный храпящими тѣлами. Но и этотъ безцѣнный покой взбудораженъ тревогой. У вагона загораются буксы. Дой-

деть ли онъ или придется выходить, проситься обратно къ чекистамъ? Доходить.

Мы въ Барнаулѣ. За нами ровно 30 дней пути. Беремъ сообща подводу, ѣдемъ 5 верстъ среди мглистаго утренняго тумана, но дорогѣ оставляемъ попутчиковъ нашихъ, звонимъ въ аптеку, гдѣ 2 года тому назадъ служилъ мой шуринъ. Насъ встрѣчаетъ дежурная помощница: братъ жены не состоитъ здѣсь больше, но онъ въ городѣ, тутъ же и дѣвочка наша; всѣ живы.

Посылаютъ слугу за шуриномъ; онъ пріѣзжаетъ за нами на подводѣ, нѣсколько минутъ, и мы въ домѣ. Сидимъ на стульяхъ, родные наши сидятъ противъ насъ и плачутъ. Мы и не сознаемъ, что на насъ страшно смотрѣть. Плачетъ и жена. «А гдѣ жъ отецъ?» — «Отецъ въ Канскѣ, уѣхалъ».

Уже послали за врачемъ. Онъ, еще не сбросивъ шубы, констатируетъ у жены тифъ. Я это зналъ четыре дня.

Тесть мой однако не уѣхалъ. Его на дняхъ похоронили. Старикъ поѣхалъ съ товаромъ въ Канскъ (или какой-то другой городъ), но никогда не было ему удачи. Выступили партизаны, и онъ двѣ недѣли скитался, прячась въ лѣсу, и голодалъ. Наконецъ, добрался до желѣзной дороги, пріѣхалъ домой, хворалъ 4 дня и скончался. Дочку нашу застали здоровой, выросшей. Я отдалъ ей куклу, Матрешку изъ Московскаго кустарнаго склада, которую хранилъ для нея съ мая 18-го года.

Мой разсказъ законченъ. Многое пришлось увидать и узнать за семь недѣль жизни въ городѣ, за 18 дней обратнаго пути, хотъ и безъ всякаго сравненія болѣе благополучного. Но это ужъ другая стадія, впечатлѣніями которой когда-нибудь подѣлюсь съ читателемъ, если найдетъ онъ что-нибудь для себя нужное въ данномъ разсказѣ о поѣздкѣ по семейнымъ дѣламъ изъ Петербурга въ Сибирь въ январѣ 1920-го года.

Очерки жизни въ Кіевѣ въ 1919—20 гг.

Л. Л—ой

I

Графъ Пирро

Съ тѣхъ поръ какъ мнѣ удалось какимъ-то чудомъ выбраться изъ Совѣтской Россіи, я привыкла дѣлить людей на двѣ категоріи. Одна изъ нихъ это тѣ, которые, правда, знаютъ по наслышкѣ о томъ, что тамъ происходитъ, интересуются, — пожалуй, даже сочувствуютъ, но относятся ко всему этому, приблизительно такъ, какъ мы въ свое время относились къ газетнымъ сообщеніямъ о чумѣ въ Азіи.

Ужасно, люди гибнутъ сотнями, тысячами..., да ничего не подѣлаешь: Слава Богу, далече! Лишь бы карантинъ былъ хорошій. Эти люди, когда узнаютъ, что я русская и недавно оттуда, относятся ко мнѣ сочувственно и хорошо. «Неправда ли, тамъ ужасно?» — спрашиваютъ они на языкѣ тѣхъ странъ, визу куда мнѣ удалось получить, и, обыкновенно, не дождавшись отвѣта, продолжаютъ: «слава Богу, что хоть вамъ удалось оттуда выбраться: здѣсь вы отдохнете и забудете». Но есть еще и другіе, есть тѣ, которые были тамъ сами. Они знаютъ, что выбраться оттуда еще недостаточно, что забыть нельзя. Они помнятъ, какъ обливалось кровью сердце у нихъ, когда они спасали свою жизнь и оставляли тамъ своихъ близкихъ, свои семьи, своихъ друзей. Они понимаютъ также, что, выбравшись оттуда, надо продолжать жить здѣсь, а жизнь это вещь во всѣхъ отношеніяхъ очень сложная.

Вотъ, когда эти люди спрашиваютъ меня о томъ, что дѣлается тамъ, и съ дрожью въ голосѣ называютъ лицъ, фамиліи которыхъ мнѣ, по большей части, незнакомы, тогда мнѣ дѣлается больно и досадно, что я такъ мало знаю и такъ мало могу имъ разсказать.

Мнѣ жилось въ Кіевѣ при большевикахъ относительно легче, чѣмъ остальнымъ. Объясняется это тѣмъ, что неожиданно для самой себя я очутилась служащей Китайскаго Исполнительнаго Комитета и Союза Китайскихъ гражданъ; впрочемъ, такъ это учрежденіе называется теперь, а прежде, когда я въ него поступала, это было просто Китайское Консульство.

Случилось это вотъ какъ: Въ день прихода въ Кіевъ Совѣтской власти, въ первыхъ числахъ февраля 1919 года, половина нашего дома была реквизирована штабомъ какой-то дивизіи или полка, не помню. Пришли они рано утромъ, человѣкъ 15; отдѣлили для себя, разумѣется, не спрашивая насъ, нѣсколько парадныхъ комнатъ, а намъ разрѣшили оставаться въ на-

шихъ спальняхъ. Обѣщали, что насъ стѣснять ни въ чемъ не будутъ, лишь бы имъ не мѣшали работать; словомъ, мы остались очень довольны нашими новыми постояльцами.

Вечеромъ я сидѣла одна въ столовой, братъ же домой не вернулся, а изъ сосѣднихъ комнатъ доносились смѣхъ и пѣнье, тамъ, очевидно, было очень весело. Дѣйствительно, солдаты ограбили какой-то буржуйскій погребъ, перепились и вскорѣ одинъ изъ нихъ явился въ столовую ко мнѣ делегатомъ: «чего-ты, бабочка, одна сидишь, иди въ наши аппартаменты чай пить». Я обѣщала сейчасъ прійти и незамѣтно чернымъ ходомъ, захвативъ почему-то, даже и теперь не могу понять почему, котиковую шапку брата, улизнула изъ дому.

Дѣло было зимой, вечеромъ, въ первый день занятія городъ большевиками; на улицахъ было пустынно и жутко, и я рѣшила зайти въ ближайшій къ намъ домъ моего дяди, гдѣ помѣщалось Китайское Консульство. Передъ своимъ бѣгствомъ въ Одессу, мой дядя, по примѣру прочихъ, пожелалъ заручиться какой-нибудь охраной для своего имущества. Вспомнилъ объ этомъ слишкомъ поздно, всѣ европейскіе консула уже размѣстились по особнякамъ въ Липкахъ, и на его долю никого не оставалось. Кто-то сказалъ ему, что на окраинѣ города, на Васильковской, кажется, улицѣ живетъ китаецъ, по всѣмъ видимостямъ, — консулъ, и будетъ, вѣроятно, очень радъ найти лучшее помѣщеніе. Мой дядя немедленно поѣхалъ за нимъ, привезъ на извозчикѣ и водворилъ у себя. Послѣдніе дни передъ отъѣздомъ и семья дяди, и всѣ мы, бывавшіе тамъ, не переставали ухаживать за консуломъ. Я и теперь не могу вспомнить безъ смѣха нашихъ разговоровъ. «А что, чаю много пьютъ въ Китаѣ?» освѣдомлялись мы по очереди. «Цай? пьютъ цай; китайцы очень любятъ цай». Его манера не выговаривать большинства буквъ, произносить *р* вмѣсто *л*, которое вообще отсутствуетъ въ китайскомъ языкѣ, а, въ особенности, его необыкновенно комическій внѣшній видъ забавляли насъ, а онъ добродушно смѣялся вмѣстѣ съ нами, не понимая причины нашего веселья.

Вотъ, подъ охрану къ этому мандарину, я и отправилась теперь, въ трудную минуту.

Китаецъ принялъ меня въ высшей степени привѣтливо, пригласилъ также по телефону моего брата, и мы остались жить тамъ. Для большей правдоподобности я стала корреспонденткой, а братъ юрисконсультомъ консульства. Кромѣ насъ двухъ, штатъ состоялъ изъ консула самого, его лакея-китайца (бывшаго впослѣдствіи одно время его замѣстителемъ) и молодого человѣка, — котораго дядя передъ отъѣздомъ помѣстилъ въ одной изъ комнатъ, — произведеннаго теперь въ секретари. Впрочемъ, кіевляне вскорѣ всѣ узнали о существованіи нашего учрежденія; консулъ, по своему добродушію, никому не отказывалъ, и число служащихъ очень увеличилось. Появились врачи, корреспонденты, машинисты, курьеры, завѣдующіе канцеляріей, всего по нѣскольку экземпляровъ. Многіе поселились въ домѣ, благо пустыхъ комнатъ много было, и кончилось дѣло такъ, что однажды, поздно вечеромъ, когда мы, собравшись всѣ вмѣстѣ, распрашивали консула, любятъ ли китайцы чай, у подъѣзда позвонили. Курьеры, врачи и корреспондентки попрятались, вышелъ отворить лакей-китаецъ. Выяснилось, что пришли изъ Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи за скрывающимися въ консульствѣ частными людьми. Консулъ насъ не выдалъ, поѣхалъ объясняться, но въ результатѣ

число служащихъ принужденъ былъ сократить. Зато оставшіеся стали пользоваться полной безопасностью.

Въ то премя большевикамъ никто еще не угрожалъ, французская авантюра лопнула, добровольцы были загнаны далеко на Кавказъ, и Совѣтская власть чувствовала себя очень крѣпко. Какъ и всегда въ такое время, они особой жестокости не проявляли, разстрѣловъ почти не было, а занимались они, главнымъ образомъ, тѣмъ, что выматывали у населенія душу своими приказами. Первый знаменитый приказъ былъ о выселеніи буржуевъ изъ ихъ квартиръ въ лачуги и о вселеніи туда бѣдноты. Послѣдняя отнеслась къ этому очень недовѣрчиво, и мнѣ лично кажется, что вселить бѣдноту и выселить буржуазію было одинаково трудно. Буржуевъ вообще не нашлось. Всѣ жители города Кіева оказались честными тружениками въ дѣлѣ насажденія и укрѣпленія Совѣтской власти, всѣ были снабжены бумагами, ни къ кому не придерешься!

Я пропускаю весь этотъ періодъ, какъ не представляющій особаго интереса для читателей, потому что такіе большевистскіе приказы знаютъ, въ сущности, всѣ, а мнѣ хочется остановиться на одномъ эпизодѣ, который рисуетъ довольно ярко способы борьбы съ буржуазіей, практиковавшіеся въ Совдепіи.

Это было позже, лѣтомъ 1919 года, когда началось наступленіе добровольцевъ. Непосредственной угрозы Кіеву еще не было, но Совѣтская власть насторожилась и рѣшила взяться, какъ слѣдуетъ быть, за борьбу съ контръреволюціей.

Однажды вечеромъ нашъ богдыханъ явился домой въ особенномъ возбужденіи. Понять что-нибудь изъ его рѣчи было довольно трудно, но послѣ долгаго и терпѣливаго усилія, мы выяснили, что число представителей иностранныхъ государствъ въ Кіевѣ увеличилось. Пріѣхалъ назначенный туда консулъ Бразиліи графъ Пирро, и черезъ нѣсколько дней мы устраиваемъ банкетъ въ его честь. Будутъ всѣ представители Европы и Азіи, а такъ какъ я хорошо знаю англійскій языкъ, то занимать его сіятельство, посла Бразиліи, буду я.

Мои знакомые, которымъ я разсказала о высокой чести, выпадающей мнѣ на долю, стали относиться ко мнѣ съ особымъ почтеньемъ. Нѣкоторые просили доставить имъ мѣста въ новомъ консульствѣ, которое должно было только сорганизоваться и будетъ нуждаться въ служащихъ. Особенно приставалъ ко мнѣ одинъ мой пріятель, недавно только спдѣвшій въ Ч. К. за то, что имѣлъ сахарный заводъ, и больше тамъ сидѣть не хотѣвшій. У него были, правда, доказательства, что онъ вовсе не сахарозаводчикъ, а скромный ученикъ драматической студіи, но ему хотѣлось чего-нибудь повѣрнѣе: артистамъ большевики перестали довѣрять, что-то ужъ очень много ихъ оказалось.

Я обѣщала, что если Его Бразильское Сіятельство вообще снизойдетъ до разговора со мной, то я попрошу о мѣстѣ для него. Словомъ, ждали мы съ большимъ нетерпѣніемъ и вотъ, наконецъ, наступилъ торжественный день.

Съ утра мы всѣ были въ приподнятомъ настроеніи. На банкетѣ въ честь пословъ мы никогда не бывали, а при большевикахъ всякое развлеченье особенная рѣдкость. Пріѣхалъ именитый гость съ большимъ опозданіемъ. На террасѣ въ саду собрались уже представители всѣхъ державъ и всячески выражали свое удивленіе по этому поводу. Нашъ консулъ, имѣвшій особенно комическій видъ въ бѣломъ шелковомъ костюмѣ, не нахо-

далъ себѣ мѣста. Человѣкъ онъ былъ съ очень большой амбиціей, и еще немного, вѣроятно, предложилъ бы мнѣ, какъ корреспонденткѣ, писать приказъ о мобилизаціи въ Китаѣ. Наконецъ, въ припадкѣ негодованія, онъ совсѣмъ ушелъ изъ дому. Гости тоже собирались расходиться, какъ вдругъ появился графъ Пирро.

Я привѣтствовала его на англійскомъ языкѣ, но онъ прервалъ меня, сказавъ, что хорошо понимаетъ по-русски и не хочетъ утруждать меня разговоромъ на чужомъ языкѣ. Разыскался и представитель Небесной Имперіи, и мы всѣ пошли къ столу.

Какъ я уже сказала, занимать высокаго гостя выпало на мою долю; всякій легко пойметъ, что приступила я къ этому не безъ нѣкоторой робости. Я считала новаго консула человѣкомъ очень большевистскаго направленія и высказывать открыто свои мысли побаивалась. Кромѣ того, меня нѣсколько смущалъ его странный тонъ и манера держать себя за столомъ. Впрочемъ, неумѣнье обращаться съ ножемъ и вилкой можно было, пожалуй, отнести на счетъ его бразильскаго происхожденія. Въ самомъ дѣлѣ! Почемъ я знаю? Можетъ быть, въ Бразиліи принято ѣсть варенье ножемъ.

Разговоръ между нами, разумѣется, начался съ того, гдѣ лучше — въ Бразиліи или Россіи, и хорошо ли въ Бразиліи вообще. Графъ отвѣчалъ съ большой готовностью и сейчасъ же далъ мнѣ понять, что раньше ему въ Россіи очень нравилось, а теперь, увы, уже не то. Этой темы я развивать не хотѣла и перешла къ тому, какъ хорошо онъ говоритъ по-русски. Это даже не было лестью съ моей стороны. Я помню, какъ искренно удивилась, когда на предложеніе китайца налить ему вино, графъ добродушно отвѣчалъ: «валяйте, валяйте, голубчикъ». Въ отвѣтъ на высказанное мною удивленіе, графъ объяснилъ, что жилъ въ Россіи очень долго, и потому привыкъ къ нѣкоторымъ чисто русскимъ оборотамъ рѣчи, но зато есть слова, представляющія для него непреоборимыя затрудненія.

«Какія же напримѣръ?» полюбопытствовала я, ожидая услышать что-нибудь очень сложное.

«Да вотъ, хотя бы: вилка. Никакъ сказать не могу».

Вилка! Такое легкое слово, казалось бы! Но у графа, дѣйствительно, получалось «филька». Это было тѣмъ болѣе странно, что все остальное онъ произносилъ съ даже непривычной для моего Кіевскаго уха чистотой рѣчи. Но всѣ эти мелочи я вспомнила только потомъ. Графъ пилъ очень много и былъ очень веселъ. Воспользовавшись этимъ, я рѣшила исполнить данное мной обѣщаніе и освѣдомилась, есть ли въ Бразильскомъ консульствѣ свободныя вакансіи.

«Никого у меня еще нѣтъ», оживленно сказалъ графъ. Вотъ не посовѣтуете ли вы кого-нибудь? Я вѣдь здѣсь совсѣмъ чужой!»

Такой удачи я никакъ не ожидала и, разумѣется, отвѣтила, что если графъ согласенъ положиться на мою рекомендацію, то я могу предложить ему опытнаго секретаря.

«Непремѣнно, непремѣнно! Да вотъ, еще корреспондентка намъ нужна. Не хотите ли вы взять это мѣсто?

«Нѣтъ, не могу, я вѣдь уже состою на службѣ въ Китайскомъ консульствѣ».

«Ахъ, да, правда! Въ такомъ случаѣ посовѣтуйте мнѣ кого-нибудь, только, тутъ графъ нагнулся ближе ко мнѣ и, продолжая въ конфиденціальномъ

тонѣ, — только не большевиковъ. Вамъ я могу сказать по секрету, — я ихъ ненавижу!»

«Во всякомъ случаѣ, не больше моего, радостно отозвалась я. — Можете быть совершенно спокойны, я вамъ дамъ буржуевъ чистѣйшей воды».

«Ну да, буржуевъ, и вообще контръ-революціонеровъ. Вѣдь у меня они всѣ будутъ въ полной безопасности».

Я была въ восторгѣ отъ моего новаго знакомаго. Мы условились, что на слѣдующій день въ 10 часовъ утра новый секретарь будетъ уже на службѣ, и заговорили о другомъ. Подъ вліяніемъ моей благодарности графу, я рѣшила даже закрыть глаза на то, что, какъ выяснилось изъ дальнѣйшаго разговора, онъ когда-то съѣлъ на пари сразу шесть гусей.

«Мало ли что можно соврать подъ вліяніемъ вина, думала я, — а все-таки онъ хорошій человѣкъ, и у него можно будетъ многихъ устроить».

Обѣдъ подходилъ къ концу, графъ пилъ и веселился все больше и больше.

Наконецъ встали.

«Мнѣ нужно вамъ кое-что сказать, не отойдите ли вы со мной въ сторону», съ этими словами обратился ко мнѣ мой второй сосѣдъ за столомъ, пожилой человѣкъ, служащій одного изъ консульствъ, нынѣ трагически погибшій.

«Вы такъ были поглощены графомъ Пирро, что меня совсѣмъ не замѣтили, — улыбаясь, сказалъ онъ, а между тѣмъ я хочу вамъ дать хорошій совѣтъ. Не поступайте къ нему на службу. Объ этомъ, кажется, у васъ рѣчь шла?»

«Я и не собиралась, — удивленно отвѣчала я, поступаетъ одинъ мой знакомый».

«Ну, вотъ видите! Такъ знаете что? Послушайтесь стараго человѣка и не посылайте къ нему вашего знакомаго».

«Да отчего же?»

«Это все равно, отчего. Не спрашивайте меня ни о чемъ, я вамъ все равно не отвѣчу. А дальше поступайте, какъ хотите. Я свой долгъ исполнилъ».

Я призадумалась. Очень ужъ соблазнительно было это мѣсто для моего балансировавшаго надъ Ч. К. знакомаго, но и въ тонѣ моего новаго собесѣдника звучало что-то внушавшее довѣріе къ нему. Я рѣшила никого на службу въ Бразильское Консульство не опредѣлять и обѣщала ни передъ кѣмъ не упоминать о данномъ мнѣ совѣтѣ.

Прошло нѣсколько дней; и вдругъ, на всѣхъ улицахъ города Кіева появилось расклеенное объявленіе о томъ, что графъ Пирро снабженъ особыми полномочіями и что всѣ служащіе Бразильскаго Консульства находятся подъ особымъ покровительствомъ Совѣтской Республики.

Меня чуть камнями не забросали. Какъ! я знакома съ графомъ Пирро и не могла никому ни въ чемъ помочь, никого къ нему опредѣлить!

«Да вы просто не хотѣли», говорили мнѣ. «Сказали бы лучше прямо, что оставляете эту протекцію на всякій случай для себя. Такъ не поступаютъ».

Приходилось, скрѣпя сердце, отмалчиваться. Я, впрочемъ, и сама не была убѣждена въ томъ, что поступила правильно, не использовавъ ни для кого всѣхъ имѣвшихся у меня возможностей.

Между тѣмъ, дѣла большевиковъ стали хуже. Добровольцы наступали, и въ связи съ этимъ терроръ усилился. Хожденіе по улицамъ было разрѣшено только до одиннадцати часовъ вечера. Однажды ко мнѣ пришла моя знакомая. Арестовали ея брата, ему угрожало быть разстрѣляннымъ, или, въ лучшемъ случаѣ, увезеннымъ заложникомъ въ Москву, и она просила меня поговорить съ всесильнымъ бразильскимъ графомъ. Я не могла и не хотѣла ей отказать и позвонила ему по телефону, — просить объ аудіенціи. Онъ подошелъ самъ, я тотчасъ же узнала его голосъ.

«Графа нѣтъ дома», сказалъ онъ мнѣ.

«А когда онъ придетъ?»

«Не знаю, придетъ ли сегодня вообще, а кто говоритъ?»

Я назвала себя.

«Ахъ, такъ, ну что же, приходите».

«Да вѣдь его дома нѣтъ?»

«А вы придите въ одиннадцать часовъ, тогда застанете», смѣясь, отвѣтилъ онъ мнѣ.

Я повѣсила трубку и извинилась передъ моей знакомой въ томъ, что ничего не могу сдѣлать.

Съ графомъ Пирро мнѣ лично больше сталкиваться не приходилось, а что произошло дальше, я думаю, для читателей ясно вполнѣ. Въ Бразильское Консульство дѣйствительно поступило много людей, считавшихъ себя, въ виду усилившагося террора, въ особенной опасности. Графъ Пирро всѣхъ принялъ съ распростертыми объятіями, и всѣ они были въ свое время арестованы и, по большей части, разстрѣляны. Въ числѣ прочихъ погибла г-жа Поплавская, совсѣмъ еще молодая женщина, служившая у него, кажется, секретаремъ. Графъ Пирро, зная, что у нея мужъ во Франціи, предложилъ ей туда поѣхать, возможность ее туда послать у него была, а такъ какъ онъ выдавалъ себя за яростнаго врага большевизма, то предложилъ ей взять съ собой какой-то будто бы необходимый тамъ шифръ. Они вмѣстѣ выбрали ея дорожное платье, вмѣстѣ этотъ шифръ туда и зашили. Всѣ эти подробности мнѣ разсказывалъ теперь въ Варшавѣ одинъ изъ товарищей Поплавскаго по консульству, впослѣдствіи сидѣвшій съ ней въ одной камерѣ и освобожденный по спеціальному приказанію Раковскаго.

Выходя изъ дому на вокзалъ, Поплавская почувствовала себя плохо и, зайдя въ ближайшій подъѣздъ, гдѣ былъ телефонъ, вызвала графа. Она просила его разрѣшить ей отложить отъѣздъ, такъ какъ у нея плохое предчувствіе. «Всѣ женщины таковы», отвѣчалъ ей Пирро, «сначала усиленно добиваются чего-нибудь, а потомъ, когда приходитъ исполненіе — пугаются». Затѣмъ онъ спросилъ ее, откуда она говоритъ, и задержавъ ее немного разговорами у телефона, въ концѣ концовъ, все-таки посовѣтовалъ ѣхать, такъ какъ другой такой возможности можетъ и не быть.

Не успѣла Поплавская отойти отъ телефона, какъ была арестована и отправлена въ Ч. К.

На допросѣ, сознавая отлично, что этимъ себя губитъ, она назвала Пирро провокаторомъ, а допрашивавшихъ ее негодяями.

На разстрѣлъ она пошла, какъ на праздникъ, говорилъ мнѣ ея товарищъ.

Эта исторія и происшедшіе въ связи съ ней аресты надѣлали много шума въ Кіевѣ. Дѣло получило большую огласку и большевики спохва-

тились, что такого способа борьбы съ контръ-революціей въ программѣ ихъ партіи нѣтъ. Въ газетѣ появились сообщенія о какой-то организаціи, выдававшей себя за бразильское консульство и поставившей себѣ цѣлью сверженіе совѣтской власти. Во главѣ стоялъ нѣкто, называвшій себя графомъ Пирро и разстрѣлянный будто бы въ первую очередь. Я лично слышала потомъ отъ нѣкоторыхъ большевиковъ, что онъ передъ приходомъ деникинскихъ войскъ бѣжалъ въ Москву на автомобилѣ Петерса, бывшаго предсѣдателя московской Ч. К., пріѣзжавшаго тогда въ Кіевъ для наведенія революціоннаго порядка. Кто былъ Пирро, въ точности установить не удалось. Одни считали его маленькимъ агентомъ Кіевской чрезвычайки. Другіе — ихъ было много, думали, что это былъ самъ Петерсъ.

Разсказанное мной случилось давно, два года тому назадъ. Съ тѣхъ поръ произошло очень много событій. Изъ Совѣтской Россіи утекло много крови и воды. Мнѣ хочется теперь, когда я здѣсь, когда я могу болѣе или менѣе спокойно, вспоминать о перенесенномъ тамъ, подѣлиться съ читателями еще кое-какими воспоминаніями. Пусть простятъ мнѣ нѣсколько безсвязную форму: все это было слишкомъ сильно пережито.

II

Добровольцы

Канонада, канонада всякій день, всякій часъ! Отъ нея нельзя никуда скрыться, о ней нигдѣ нельзя забыть! Что бы мы ни дѣлали, о чемъ бы ни говорили, она сопутствуетъ каждому нашему поступку, каждому нами сказанному слову.

Съ тѣхъ поръ, какъ добровольцы заняли Кіевъ, мы не имѣли ни минуты покоя. Я помню хорошо тотъ день, когда они вошли въ городъ, и, особенно, ту ночь, которая этому предшествовала. Тогда тоже гремѣли орудія, но подъ ихъ грохотъ звенѣли стаканы, и, собравшись всѣ вмѣстѣ, мы пили за тѣхъ, кого считали своими избавителями.

Утромъ все стихло, на улицахъ было пусто, изрѣдка пробѣжитъ, догоняя свою часть, какой-нибудь запоздавшій солдатъ-большевикъ. Съ испуганнымъ, злымъ выраженіемъ онъ озирается вокругъ, онъ чувствуетъ, что всѣ, даже вчерашніе друзья, стали ему врагами. Бываютъ случаи, что его тутъ же убиваютъ.

Добровольцы стали входить въ городъ часамъ къ 11 утра. Я вышла на Крещатикъ немного позже, улицы были запружены радостнымъ, праздничнымъ народомъ. Войска проходили разукрашенныя цвѣтами, офицеры изрѣдка говорили рѣчи, благодарили за то сочувствіе, съ которымъ ихъ встрѣчаютъ, скромно просили прощенья въ томъ, что такъ долго заставляли себя ждать.

Августовское солнце казалось весеннимъ и еще прибавляло красоты и веселья.

Общій энтузіазмъ захватилъ и меня, я тоже купила цвѣты и стала въ сторонѣ, не рѣшаясь подать ихъ. Но вотъ проходитъ какая-то часть.

Цвѣтовъ у нихъ нѣтъ, ихъ ведетъ человѣкъ въ штатскомъ платьѣ, съ винтовкой черезъ плечо. Толпа стоитъ и смотритъ на нихъ. Я рѣшаюсь, подхожу къ идущему впереди и протягиваю ему свои цвѣты. Онъ съ изумленьемъ и благодарностью смотритъ на нихъ, потомъ береть ихъ, снимаетъ перчатку и цѣлуетъ мнѣ руку. Взволнованная, я отхожу въ сторону.

«Вы знаете, кому дали цвѣты?» спрашиваетъ меня какой-то господинъ на тротуарѣ.

«Не все ли равно кому? Добровольцамъ».

«Это раскаявшаяся большевистская часть, перешедшая на сторону добровольцевъ».

«Ну такъ что же! Я не жалѣю о томъ, что сдѣлала по певдѣнью. Если они чистосердечно отказались отъ своего прошлаго, въ которое, можетъ быть, были вовлечены, то мои цвѣты у нихъ вполнѣ на мѣстѣ».

Я иду дальше, картина все та же, всюду царитъ радость, знакомые при встрѣчѣ поздравляютъ другъ друга, цѣлуются; нѣкоторые, говорятъ, даже христосуются. Но уже есть тѣнь на картинѣ, уже ползетъ откуда-то и раздается все громче и громче грозное для жителей города и гибельное для добровольцевъ слово «жидъ».

Двемъ я выхожу на Печерскъ; тамъ будутъ, будто бы, встрѣчать самого Деникина. Манифестаціи проходятъ одна за другой; вотъ впереди одной идетъ дама, въ рукахъ она держитъ національный флагъ. Большая, плоская, некрасивая, она кричитъ на всю улицу: «Господа, кто за Деникина, идите за мной. Петлюра его не впускаетъ въ городъ, въ нашъ городъ! Господа, идите за мной, этого нельзя допустить!»

Машинально я вмѣшиваюсь въ толпу. Идемъ по направленію къ Лаврѣ. Неужели Петлюра, дѣйствительно, не впускаетъ Деникина? И, если это правда, то какъ же мы, съ этой дамой во главѣ, можемъ ему помѣшать?

А въ толпѣ уже одинъ только разговоръ, одна общая для всѣхъ тема: «жидъ». Ненависть къ нимъ объединила всѣхъ, и какая ненависть: «жиды, жидовка, комиссаръ, комиссарши». «Бить, рѣзать, грабить». Нѣкоторые, болѣе мягкіе, вспоминаютъ варшавскій бойкотъ. Но всѣ, безъ исключенія, отожествляютъ евреевъ съ большевиками, и всѣ, безъ исключенія, требуютъ для нихъ наказанія.

У дворца мы останавливаемся. Оттуда выходитъ духовенство, поютъ «вѣчную память». Всѣ снимаютъ шапки, женщины доходятъ до истерики, военные салютуютъ. И никто не хочетъ понять, что нельзя манифестировать у Царскаго дворца, когда по ту сторону Днѣпра стоятъ еще большевики.

Съ приходомъ Деникинскихъ войскъ я перешла изъ Китайскаго Исполкома въ нашъ домъ, тоже по Левашевской улицѣ, и была твердо убѣждена, что съ китайской службой уже навсегда покончила.

На другой день я пошла туда за нѣкоторыми забытыми вещами. У самаго исполкома свалка, окружили кого-то, одѣтаго въ грузинскую форму, и бьютъ его. За него хватается и старается защитить своимъ тѣломъ женщина; бьютъ и ее. «Что такое, въ чемъ дѣло?» спрашиваю. «Чекиста поймали», радостно гогочетъ толпа. «Да почемъ же они знаютъ, что это чекистъ?» «Ну какъ же, того вся улица знала, тоже папаху носилъ».

Два офицера пытаются отстоять его; говорятъ, что чекистовъ надо арестовывать, а не избивать на улицѣ. Ихъ не слушаютъ, еще немного будутъ бить и ихъ.

Толпа стремится куда-то, увлекая за собой своихъ жертвъ. На мостовой остаются слѣды крови. Я слышала потомъ, что ихъ растерзали обоихъ и что избили заступавшихся за нихъ офицеровъ. Думаю, впрочемъ, что послѣднее неправда. — Первое время по приходѣ добровольцевъ, настроеніе въ Кіевѣ было очень тяжелое. Особенно плохо приходилось живущимъ въ Липкахъ. На Садовую улицу, гдѣ были Ч. К., совершались настоящія паломничества, и сопровождались они всегда избіеніями евреевъ и чекистовъ. Послѣдніе, разумѣется, наблюдали все это съ другой стороны Днѣпра, а страдали невинные: пользуясь общимъ озлобленіемъ, люди сводили между собой свои счеты и мстили другъ другу.

Однажды, неподалеку отъ Ч. К., я встрѣтила г-на Н., богатаго помѣщика, постоянно жившаго въ Кіевѣ. Прежде я его мало знала, но при большевикахъ онъ какъ-то обращался ко мнѣ, прося сохранить въ Исполкомѣ его картины. Я это сдѣлала, и съ тѣхъ поръ мы ближе познакомились. Теперь онъ стоялъ на углу Левашевской и Институтской, съ нимъ нѣсколько мужиковъ. «Всѣхъ перерѣзать надо, — говорилъ Н. Сколько они христіанской крови пролили, сколько надъ нами издѣвались».

«Да что, баринъ! Слышно, уже на Слободкѣ убили 70 человѣкъ».

«Что 70, мало! Всѣхъ надо истребить! Довольно они надъ нами царствовали».

Я остановилась послушать. Увидя меня, Н. отвернулся. Я не хочу долго описывать именно это настроеніе. Все это уже достаточно часто ставилось въ вину добровольцамъ, и я думаю, что они сами впослѣдствіи поняли, какую ошибку совершили, поддерживая и даже отчасти раздувая ненависть къ евреямъ среди кіевлянъ. Мнѣ хочется разсказать теперь о томъ, какъ мы пережили тяжелые дни 1—5 октября, о которыхъ здѣсь, Европа, вѣроятно, даже не узнала.

Послѣ того, какъ угомонилась немного Кіевская черная сотня, мы стали жить въ городѣ, подъ защитой добровольческихъ властей болѣе или менѣе спокойно. Былъ одинъ случай, правда, что большевистская флотилія подошла по Днѣпру совсѣмъ близко къ Кіеву и даже обстрѣляла его, но намъ это объяснили случайнымъ недосмотромъ берегового дозора, и это скоро было забыто, тѣмъ болѣе, что человѣческихъ жертвъ за собой почти не повлекло. Канонада нѣсколько ослабѣла, да и мы къ ней привыкли постепенно и нашли ей объясненіе: «Да какъ вы то себѣ представляли, говорили мы другъ другу, — какъ только Кіевъ будетъ занятъ, большевики сложатъ оружіе и война прекратится? Ясно, что разъ продолжаются военныя дѣйствія, то и канонада иногда бываетъ слышна. Надо помнить, что Кіевъ это линія фронта».

Перваго октября рано утромъ я проснулась отъ особенно близкихъ разрывовъ. Я не придала этому значенія, мысленно повторила сама себѣ всѣ только-что приведенныя объясненія и собралась заснуть дальше. Въ тотъ день какъ разъ мнѣ поставили въ комнату керосиновую печку, и я радовалась непривычному въ Кіевѣ теплу.

Однако грохотъ поневолѣ дѣйствовалъ на нервы. Я встала, одѣлась. Всѣ домочадцы уже собрались въ залѣ, выглядѣвшей особенно разоренно и неуютно послѣ того, какъ въ ней очень долго квартировали большевистскія части.

«Что случилось, въ чемъ дѣло?» спрашиваемъ другъ друга. Никто ничего не знаетъ; говорятъ, какая-то банда подошла близко къ городу и обстрѣливаютъ ее изъ Кіева. «Да вѣдь стрѣляютъ не только отсюда, бываютъ и разрывы», говоритъ другой. Надо вспомнить, что и тогда уже, и особенно теперь, не было ни одного кіевлянина, не сумѣвшаго бы отличить выстрѣлъ отъ разрыва и даже тотъ сортъ орудія, изъ котораго стрѣляютъ.

«Ну такъ что же? ясно, что банда отвѣчаетъ. Вѣдь теперь у всякаго мужика есть своя пушка».

Смотримъ въ окна. На улицахъ много народу, стоятъ, собравшись въ кучку, воспитанницы Института съ узелками въ рукахъ. Я выхожу изъ дому и спрашиваю ихъ, что онѣ здѣсь дѣлаютъ.

«Насъ распустили домой», говорятъ онѣ. «Отчего?» «Не знаемъ отчего; кажется, большевики въ городѣ, и мы не знаемъ, куда намъ идти».

Мой братъ, какъ разъ въ то время, купилъ квартиру въ Пассажѣ и жилъ тамъ, отдѣльно отъ матери и меня. Черезъ нѣсколько минутъ онъ является и накидывается на насъ: «Вы еще здѣсь, забирайте скорѣе цѣнности и ѣдемъ ко мнѣ». «Да что же такое, наконецъ, случилось?» «Никто не знаетъ, что именно, кто-то наступаетъ на городъ; неизвѣстно, банда ли, или правильныя большевистскія части, и добровольцы уходятъ въ Дарницу».

Начинается поспѣшное складываніе вещей, братъ торопитъ насъ: слово банда всѣхъ особенно пугаетъ; ясно, что первымъ долгомъ, какъ и всегда, пострадаютъ Липки, гдѣ мы имѣемъ несчастье жить. Наконецъ, собрались и переходимъ въ Пассажъ. Тамъ начинаются обычныя въ такихъ случаяхъ обсужденія, какая комната изъ имѣющихся на лицо наиболѣе безопасная. Раздумываютъ надъ тѣмъ, съ какой изъ четырехъ сторонъ свѣта идетъ наступленіе, затѣмъ чуть ли не съ компасомъ въ рукѣ эта сторона разыскивается. Теперь мы уже знаемъ, куда ядро попасть логически не должно, что отнюдь не мѣшаетъ ему иногда именно тамъ и разорваться. Нѣкоторые кіевляне имѣли еще обыкновеніе заставлять окна матрацами, но мы до этого не доходили.

Мы усаживаемся всѣ вмѣстѣ въ облюбованномъ нами помѣщеніи; идутъ обычные разговоры, высказываются догадки о томъ, кто это пытается взять городъ; высчитывается количество воды и то, на сколько времени ея можетъ хватить. Жилецъ моего брата заходитъ къ намъ и предлагаетъ изобрѣтенный имъ способъ утоленія жажды, — сосать морковь. Я съ негодованіемъ отвергаю, лучше я сама пойду за водой на Днѣпръ. «Все это одни разговоры, — философски говоритъ жилецъ. Никуда вы не пойдете, а сами придете ко мнѣ за морковью».

Ночь проходитъ въ пріятномъ невѣдѣніи того, кто на насъ наступаетъ, и что, въ сущности, въ городѣ происходитъ. Канонада стихла, только изрѣдка раздается звукъ пулемета. Утромъ, часовъ въ 10, я не выдерживаю и выхожу изъ Пассажа на Мерингговскую. «Вы куда?» спрашиваетъ меня прохаживающійся взадъ и впередъ около дома добровольческій офицеръ, въ походной формѣ, съ винтовкой въ рукахъ. «Къ себѣ домой, на Левашевскую». «Лучше не ходите, не спокойно». «Развѣ тамъ большевики?» «Нѣтъ, большевиковъ мы отогнали, но слышите стрѣльбу? Все-таки лучше не выходите». Дѣйствительно, пулеметъ раздается отовсюду. Я все-таки иду, слишкомъ ужъ тяжело взаперти. Прихожу домой, и узнаю отъ знакомыхъ, что

вчера приходили большевики, съѣли нашъ обѣдъ, велѣли открыть наши шкафы, посмотрѣли, что въ нихъ, но ничего не взяли, сказали, что идутъ за возомъ, еще вернутся. Шкафы запирать запретили, видимо надѣются поживиться, какъ слѣдуетъ быть. «Какіе большевики? — удивляюсь я, — вѣдь сейчасъ въ городѣ добровольцы!» «Не знаю, только вчера были большевики».

Въ совершенномъ недоумѣніи я ухожу въ Пассажъ. Тамъ уже тоже кое-кто отважился выйти на улицу; разсказываютъ, что большевики, воспользовавшись веселымъ настроеніемъ выпившаго подъ праздникъ добровольческаго караула, ворвались вчера въ городъ, и добровольцы, застигнутые врасплохъ, должны были отступить въ Дарницу, но теперь вернулись и отбили Кіевъ. Къ вечеру начинаетъ лить дождь, и предсѣдатель домового комитета въ Пассажѣ проситъ жильцовъ пріютить у себя, — кто сколько можетъ, — стоявшихъ во дворѣ добровольческихъ солдатъ и накормить ихъ. Всѣ, конечно, соглашаются съ восторгомъ. Къ намъ приходятъ двое; мы ихъ усаживаемъ, просимъ пить съ нами чай и раздѣлить нашъ скудный ужинъ. Солдаты благодарятъ, и за столомъ начинается общій разговоръ, сначала о томъ, изъ какихъ они губерній, долго ли на службѣ, а потомъ о большевикахъ. Солдаты ихъ ненавидятъ отъ всей души, и мы, съ радостью, удостовѣряемся, что признаковъ разложенія въ добрарміи нѣтъ. Спрашиваемъ, хорошо ли большевики дерутся. Тема оказывается выбрана неудачно: «Да что, — говоритъ одинъ, — эти сруликн только удирать умѣютъ, развѣ это войска. Только что много ихъ, оттого мы и отступили. Да и наши хороши: перепились и не замѣтили, что большевики у самаго носа».

Разговоръ обрывается; послѣ нѣкотораго времени другой солдатъ, человѣкъ, повидимому, свѣтскій, котораго молчаніе тяготитъ, говоритъ, задумчиво глядя въ окно: «Ишь, дождь какой! Вотъ теперь бы на Подолѣ забраться жидовъ рѣзать. Самая подходящая погода».

Мнѣ наши гости окончательно перестаютъ нравиться, брату тоже, и, поднявшись съ мѣста, онъ предлагаетъ имъ пойти отдохнуть. Солдаты, видимо, соображаютъ, что тутъ что-то не ладно, и одинъ изъ нихъ, вызвавъ жильца брата на кухню, спрашиваетъ его, не евреи ли мы.

«Вотъ тамъ не хорошо вышло, — говоритъ онъ, получивъ утвердительный отвѣтъ, — люди насъ пріютили, обогрѣли, а мы ихъ такъ поблагодарили! Скажите имъ, что мы этого не думали, что это только разговоръ нашъ солдатскій такой».

Квартирантъ нашъ все передаетъ дословно; это насъ примиряетъ нѣсколько съ нашими гостями, и прощаемся мы съ ними дружелюбно. Они, сконфуженные, особенно задушевно благодарятъ насъ за гостепріимство. Богъ съ ними, можетъ быть, это, въ самомъ дѣлѣ, только слова.

На другой день, на утро Кіевъ принимаетъ болѣе или менѣе обычный видъ. На улицѣ масса войскъ, вызванныхъ изъ-подъ Воронежа. Праздничное настроеніе нарушается только массой арестованныхъ, которыхъ водятъ подъ конвоемъ по улицамъ. Мы знаемъ хорошо, что ихъ ожидаетъ, знаемъ также, что не всѣ они виноваты. Боже мой, когда же въ Россіи перестанетъ литься кровь, бѣлая, красная — всякая! И какъ много пролилось ея въ послѣдующіе дни, тѣ дни, когда была Кіевская улица, когда банды солдатъ, переходя изъ дома въ домъ, на глазахъ у начальства грабили, насиловали, убивали! Эти дни Шульгинъ назвалъ пыткой страха для евреевъ. Я не стану входить

здѣсь въ оцѣнку такого опредѣленія; о немъ въ свое время уже достаточно было говорено; скажу только, что однимъ страхомъ пытка не ограничивалась.

Вскорѣ послѣ этого мы съ матерью перешли изъ Пассажа въ нашъ домъ и жили тамъ довольно одиноко, съ двумя старыми слугами. Поэтому я была даже довольна, когда однажды утромъ пришелъ офицеръ съ реквизиціонной карточкой на четыре комнаты для команды телефонистовъ, человѣкъ въ 15. Офицеръ этотъ съ университетскимъ значкомъ на груди и Георгіемъ въ петлицѣ произвелъ на меня самое лучшее впечатлѣніе. Впослѣдствіи, до самаго послѣдняго дня паденія Кіева, у насъ жили добровольцы. Я знаю, что, вообще говоря, ихъ принято бранить, и я сама выше говорила о нихъ достаточно много дурного. Тѣмъ большею радостью будетъ для меня указать, что тѣ изъ нихъ, которые жили у насъ, а ихъ было много, оставили по себѣ самое лучшее воспоминаніе. Это были по большей части кадровые офицеры, люди, продѣлавшіе весь германскій походъ, и я сама была свидѣтельницей того, какъ, во время царящаго тогда общаго разгула, жившіе у насъ въ залѣ полковники сами стирали и сушили у камина свое бѣлье, обѣдали изъ солдатскаго котла и ужинали суррогатами кофе съ чернымъ хлѣбомъ. — Послѣдніе шесть недѣль отъ 5-го октября до взятія Кіева большевиками были для меня, и, кажется, для очень многихъ, самымъ тяжелымъ временемъ, за всю революцію. Мы безнадежно цѣплялись за добровольческую армію, сознавая, что цѣпляемся за пустое мѣсто, что спасти насъ они не могутъ, что они еще вѣрнѣе обречены на гибель, чѣмъ мы.

Канонада гремѣла, свѣта, воды и дровъ не было, и при стеаринновыхъ огаркахъ собирались мы вмѣстѣ, баюкая себя надеждами и, въ то же время, высчитывая, сколько времени пройдетъ до тѣхъ поръ, когда большевики фатально должны будутъ войти. Я вспоминаю также послѣднюю недѣлю, — недѣлю перемѣны власти, вспоминаю факелами горящіе большіе дома, вспоминаю разставленные по улицамъ пулеметы и раненыхъ офицеровъ, и солдатъ, которыхъ въ послѣдніе минуты, подъ свистъ большевистскихъ пуль уносили на вокзалъ.

Мнѣ вспоминается также, какъ въ первый день взятія города большевиками я шла изъ Пассажа домой съ подругой. По улицамъ проходили войска, оборванные, голодные и все же грозные. Мы остановились смотрѣть на нихъ, и вотъ одинъ изъ нихъ выдѣлился изъ общей массы, пьяный, шатаясь подошелъ ко мнѣ и схватилъ меня за руку: «Гдѣ ваши цвѣты?» спросилъ онъ. Я смотрѣла на него, ничего не понимая. «Цвѣты ваши гдѣ?» повторилъ онъ. «Добровольцамъ, небось, подносили, а намъ не хотите?» Я вырвала руку и пошла прочь отъ него. «Вотъ изъ-за этихъ каракулей нѣту житья сѣрымъ шпелямъ!» крикнулъ мнѣ вдогонку другой, хотя я была въ простомъ суконномъ пальто.

Два дня еще послѣ взятія города большевиками продолжалась артиллерійская стрѣльба. Одни говорили, что это добровольческій поѣздъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, отстрѣливается, и что весь составъ этого поѣзда впослѣдствіи погибъ. Другіе объясняли это наступленіемъ на большевиковъ частей генерала Шиллинга, шедшаго будто бы изъ Одессы на соединеніе; и не слушая этихъ слуховъ, ни во что больше не вѣря, ни на что не надѣясь, мы бродили среди догоравшихъ домовъ въ тщетныхъ поискахъ хлѣба, мѣста и дровъ.

III

Отъ поляковъ до большевиковъ

«Да вставай же ты, ради Бога, скорѣе, поляки уходятъ».

Съ этими словами ворвалась ко мнѣ въ комнату Марья Семеновна, бывшая няня моей двоюродной сестры, носившая въ свое время на рукахъ и меня, теперь служившая домоправительницей въ Китайскомъ Исполнительномъ Комитетѣ.

«Куда они уходятъ?» — полюбопытствовала я, со сна еще плохо понимая, что мнѣ говорятъ.

«Да, что ты, Богъ съ тобой, сдурѣла, что ли? Куда уходятъ! А кто ихъ знаетъ — куда, въ Польшу навѣрное, чтобъ имъ на томъ свѣту на мосту провалиться».

«Смотри, смотри, вонъ уже автомобили ѣдутъ!»

Я привыкла къ такимъ сенсаціямъ, приносимымъ, обыкновенно, Марьей Семеновной съ базара, поэтому извѣстіе на меня особаго впечатлѣнія не произвело. Однако, я встала и подошла къ окну.

Наша Левашевская улица, дѣйствительно, имѣла не совсѣмъ обычный видъ. Часто проѣзжали грузовики, сновали взадъ и впередъ автомобили, проходили съ озабоченнымъ видомъ польскіе офицеры.

Наша парадная дверь была открыта настежь. Пусть читатель не удивляется; со времени прихода поляковъ, у насъ въ Китайскомъ Исполкомѣ, поселился съ женой польскій главнокомандующій Смилгъ-Рыдзъ.

«А вѣдь, знаете, Марья Семеновна, дѣйствительно, похоже на то, что уходятъ! А что нашъ генералъ дѣлаетъ?»

«Да ужъ съ 6 утра въ штабъ поѣхалъ, весь домъ на ногахъ, это я только тебя будить пожалѣла. А генеральша тамъ чего-то съ деньщиками ссорится!»

«Ну, если ссорится, значитъ, все въ порядкѣ».

«Тебѣ все смѣхъ, подожди, вотъ придутъ большевики, тогда посмѣешься!»

«Да вѣдь вы же, Марья Семеновна, сами твердили, что лучше свое плохое, чѣмъ чужое хорошее?»

«Такъ то — я, а ты вѣдь буржуйка, вамъ плохо будетъ!»

«Ничего, Марья Семеновна, мы ихъ не впустимъ, отобьемъ!»

На самомъ дѣлѣ, мнѣ, дѣйствительно, было не до смѣху. Неужели уходятъ? Казалось совершенно немыслимымъ пережить еще одинъ приходъ Совѣтской власти, не хотѣлось даже на одну минуту допустить такую возможность. Тѣмъ болѣе это было ужасно для насъ, что мой братъ за два дня до того уѣхалъ по дѣлу въ Житоміръ, и теперь намъ угрожала возможность быть надолго отрѣзанными отъ него.

Я поспѣшно одѣлась и вышла на улицу, направляясь въ Пассажъ, гдѣ была квартира моего брата. Внѣшній видъ улицъ, когда я спускалась въ городъ, былъ тотъ же, что и всегда, и я немного успокоилась. Можетъ быть, мнѣ это все казалось, думала я, вѣдь это же немыслимо, чтобы такое побѣдное войско и вдругъ такъ скоро удрало. Вчера еще я говорила съ польскими офицерами, и ничего особенно страшнаго отъ нихъ не

слыхала. Фронтъ былъ по прежнему близко отъ Кіева, но ничего угрожающаго не наблюдалось.

Въ Пассажѣ я нашла мою невѣстку лежащей въ слезахъ на диванѣ; рядомъ съ ней газета.

«Что съ тобой?»

«Да вотъ, прочти, былъ налетъ на Житоміръ».

Въ газетѣ, дѣйствительно, сообщалось о томъ, что войска Буденнаго произвели налетъ на Житоміръ, что гдѣ-то произошелъ прорывъ польскаго фронта, но что теперь дѣла поправились и положеніе возстановлено.

Я безуспѣшно пыталась утѣшить невѣстку:

«Пустяки, мало ли что бываетъ, военное счастіе перемѣнчиво. Да и чего же ты теперь, заднимъ числомъ, плачешь; вѣдь Житоміръ опять занятъ поляками?»

Когда женщина любитъ, то ея политическія убѣжденія сильно страдаютъ отъ этого:

«Ты пойми, чего я боюсь, — горько плача говорила мнѣ невѣстка, — вѣдь можетъ такъ случиться, что тамъ опять будутъ большевики, а здѣсь останутся поляки, и тогда мы отъ Феди будемъ отрѣзаны».

«Такъ ты чего же хочешь, чтобы и здѣсь были большевики?»

«Да, ужъ, разумѣется, лучше такъ, чѣмъ, чтобы мы были подъ разной властью».

«Ну такъ можешь радоваться, твое желаніе, кажется, будетъ исполнено, и мы всѣ соединимся подъ властью Московскаго совдепа. Поляки уходятъ!»

Это моей невѣсткѣ тоже не понравилось, и она продолжала плакать еще горше.

Такъ какъ квартира брата находится въ центрѣ города, то туда обыкновенно сходятся всѣ знакомые. На этотъ разъ пріемъ начался рано, — признакъ перемѣны власти. Люди приходили, каждый со своими новостями, утѣшительными или нѣтъ, въ зависимости отъ ихъ темперамента.

Первымъ пришелъ инженеръ Н., человѣкъ по характеру добрый и веселый. Мы обрадовались, и не безъ основанія. Извѣстія были самыя утѣшительныя.

«Что вы это, Богъ съ вами, Надежда Павловна, плакать вздумали? И не стыдно вамъ? Это вы прочли о налетѣ на Харьковъ? Такъ вѣдь радоваться надо, а не плакать!»

«Радоваться? Почему? Что тутъ такого веселаго?»

«Дѣло не въ весельи, а въ томъ, что теперь поляки за умъ возьмутся, они увидѣли, что все же и съ большевиками считаться надо. Прежде они думали, что это такъ, дрянь одна, голытьба, а не войско, а теперь уже будутъ осторожны. А, вѣдь, это вы, я надѣюсь, сами понимаете, что большевикамъ съ поляками не справиться. Вы польское войско видали? Видали ихъ конницу татарскую съ полумѣсяцами?»

«Видали. Видали конницу. А вотъ вы-то видали, что сейчасъ на улицѣ дѣлается?»

«Это, что автомобили ѣздятъ? Да, помилуйте, не стыдно вамъ такъ паникъ поддаваться. Кажется, ужъ достаточно насмотрѣлись, могли бы привыкнуть. Ясно, что разъ всѣ штабы здѣсь, то извѣстіе о налетѣ на

Житомiръ должно было обсуждаться. Въ связи съ этимъ принимаются мѣры, поэтому усиленное движеніе!»

«Ну, что жъ, тѣмъ лучше, значитъ, по вашему, опасности никакой?»

«Да, конечно же, никакой. Базарные слухи! Вы лучше меня обѣдать пригласите, а то безъ меня опять въ уныніе впадете».

«Непремѣнно, непремѣнно останьтесь».

Сѣли обѣдать. Во время варениковъ съ вишнями снова звонокъ. Пришелъ еще одинъ знакомый.

Вошелъ. Молча пожалъ намъ руки. Молча опустился на стулъ. Аппетитъ у насъ пропалъ сразу.

«Ну что, Петя, что слышно?» робко спрашиваю я.

«Ничего! Что же можетъ быть слышно! Все пропало!»

«Что пропало? Неужели Житомiръ взятъ обратно большевиками?»

«А вы, какъ думали, что они пришли, понюхали и ушли? Конечно, взятъ, и Кіевъ эвакуируется самымъ настоящимъ образомъ. Самое позднее послѣзавтра здѣсь будутъ большевики. Это неважно, что мы погибнемъ, тудъ намъ и дорога; обидно только, что такъ неожиданно все это стряслось!»

«Ты бы въ гости пошелъ куда-нибудь, — совѣтую ему я, — а то сѣлъ здѣсь, какъ грибъ, и только тоску наводишь!»

«Какіе тамъ гости, — отмахивается онъ, — не до гостей теперь. А, если вы не хотите правдѣ въ глаза смотрѣть, то я, конечно, могу уйти».

Моя невѣстка снова горько плачетъ.

«Мнѣ кажется, что вы, Петръ Михайловичъ, слишкомъ мрачно смотрите на вещи, — вмѣшивается Н., — во-первыхъ, Кіевъ еще не эвакуируется, во-вторыхъ, всѣмъ извѣстно, что на помощь идетъ изъ Варшавы армія Пилсудскаго, и, наконецъ, если бы поляки и ушли, то не надолго. Ясно, что Антанта не потерпитъ. . .»

«Подите вы съ вашей Антантой», хоромъ накидываемся на него мы всѣ.

Послѣ этого наступаетъ молчаніе. Бродимъ по квартирѣ, смотримъ въ окна. Изрѣдка обмѣниваемся нетуѣшительными вопросами: «Вы, Надежда Павловна, мукой запаслись?» — «Мукой-то запаслась, да вотъ сахару мало». — «Ничего, я вамъ достану, у меня два пуда, одинъ я вамъ пришлю!» — «Цѣлый пудъ? Зачѣмъ мнѣ такъ много?» — «Да берите, мало ли что можетъ случиться, если «они» будутъ обстрѣливать городъ, то ужъ ничего не достанешь!»

Часовъ въ 6 мы выходимъ на улицу. Обманывать себя нечего. Городъ представляетъ картину самой обычной форменной эвакуаціи. Автомобильное движеніе съ утра еще усилилось. Военныхъ масса, и видъ у всѣхъ самый растерянный. У меня такое чувство, что вотъ, кажется, жизнь готова отдать, лишь бы они остались, а въ глубинѣ души не могу не позлорадствовать: «Ага, вошли сюда чуть ли не церемоніальнымъ маршемъ, всѣхъ побѣдили, а передъ оборваннымъ голоднымъ русскимъ войскомъ, небось, удираете!» Это же чувство написано въ глазахъ у многихъ, но высказать его никто не рѣшается. Слишкомъ ужъ много горя и бѣдствій для всѣхъ несутъ съ собою наши родные войска!

Къ вечеру я возвращаюсь домой, то-есть въ Китайское Консульство. Въ комнатѣ Марьи Семеновны уже собралось обычное общество: она, я, секретарь и живущая внизу старуха-старьевщица. Та успѣла принести съ Еврейскаго базара самыя свѣжія политическія новости, и мы теперь ихъ будемъ сообща разбирать.

«А что, Любовь Александровна, правда, что поляки уходятъ?»

«Говорятъ, что да, — неохотно отвѣчаю я, присаживаясь на постель, — а у васъ на базарѣ, что слышно?»

«Да вотъ, разсказываютъ, не знаю — правда ли, будто Петлюра воззваніе выпустилъ къ народу. Не хотѣли, говоритъ, нѣмцевъ, не хотѣли поляковъ, такъ вотъ же турокъ къ вамъ приведу. Будете всѣ подъ турецкой властью».

«Глупости», говорю я и вспоминаю Антанту, которая, по словамъ Н., вмѣшается и не допуститъ владычества большевиковъ. Мнѣ начинаетъ казаться, что если большевики придутъ, то на этотъ разъ, кромѣ какъ на турокъ, которыхъ приведетъ Петлюра, дѣйствительно, разсчитывать не на кого. И самое ужасное то, что, вѣроятно, мы всѣ скоро въ этихъ турокъ увѣруемъ. Вѣдь жить въ безнадежности нельзя.

Дни идутъ, идутъ, какъ всегда передъ приходомъ Совѣтской власти. Въ тупомъ отчаяніи бродятъ люди по городу, запасаясь продуктами и утѣшая себя въ то же время самыми нелѣпыми слухами:

Идетъ на помощь армія Пилсудскаго, заключается союзъ поляковъ съ нѣмцами, наступаютъ откуда-то уже давно несуществующіе добровольцы.

Каждое утро, просыпаясь, я спрашиваю Марью Семеновну, тутъ ли еще генералъ Смилгъ-Рыдзъ, и получаю обычно въ отвѣтъ, что тутъ, но дома опять не ночевалъ. Все въ штабѣ. Скверно!

Знакомые польскіе офицеры, прощаясь съ нами, обѣщаютъ скоро вернуться; говорятъ, чтобы мы не отчаивались, что неудачи временныя, что отступаютъ они недалеко и не на долго.

Съ Житоміромъ связи никакой и, что тамъ дѣлается, намъ совершенно неизвѣстно.

Въ послѣдній день пребыванія въ городѣ поляковъ, въ 11 часовъ утра, я случайно подошла къ окну своей комнаты, на Левашевской улицѣ.

«Вы бы, барышня, лучше въ погребъ ушли, а то сейчасъ весь кварталъ взрывать будутъ», посовѣтовалъ мнѣ дворникъ.

«Кто? Зачѣмъ?»

«Извѣстно кто, поляки. Еще большевиковъ ругаютъ, а сами хуже ихняго поступаютъ».

Народъ, повидимому, почувствовалъ, что уже пора направить свои симпатіи въ сторону большевиковъ, и я ничуть не удивляюсь, если по деревнямъ будутъ стрѣлять въ спину отступающимъ полякамъ, — какъ и всякой отступающей власти, — независимо отъ нея самой.

«Да для чего же взрывать-то?»

«А у нихъ снаряды остались въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, такъ не хотятъ большевикамъ оставлять, а людей имъ развѣ жалко. Хуже собакъ съ нами поступаютъ».

Улица, дѣйствительно, вымерла, возможно, что это правда. Мы спускаемся всѣ въ подвалъ и какъ разъ во время. Черезъ минуту раздается оглушительный взрывъ и со звономъ летятъ стекла въ нашемъ и сосѣднемъ домахъ. Потомъ другой, третій, такъ продолжается нѣсколько часовъ.

Когда я часъ въ 4 выхожу изъ дому, весь тротуаръ покрытъ стеклами. Польскихъ солдатъ почти незамѣтно, только въ Царскомъ саду стоятъ нѣсколько орудій и 2—3 человѣка при нихъ. Повидимому, еще не успѣли вывезти.

Въ Пассажѣ я застаю Н. На его добродушномъ лицѣ написано желаніе утѣшить и сознаніе совершенной невозможности этого.

«Вы не теряйте надежды, — говоритъ онъ мнѣ. Знаете, вѣдь мосты всѣ взорваны, такъ мнѣ одинъ знакомый военный, спеціалистъ по этой части, объяснилъ это тѣмъ, что поляки сконцентрировали всѣ свои войска на нашу сторону Днѣпра и будутъ здѣсь защищаться. Имъ вѣдь нужно только денька два продержаться, а тамъ подкрѣпленіе придетъ изъ Варшавы».

«Знаю, армія Пилсудскаго. Только держаться некому, Смилгъ-Рыдзъ уже на автомобилѣ уѣхалъ».

Онъ замолкаетъ.

Эту ночь городъ проводитъ безъ власти. Мы, Кіевляне, впрочемъ, къ этому привыкли и не очень смущаемся. Мы отлично знаемъ, что вотъ уже скоро три года, какъ ничего, кромѣ непріятностей, отъ власти не имѣли. Въ такихъ случаяхъ на улицахъ появляются какіе-то неизвѣстные молодые люди съ повязками на рукахъ. Грабятъ ли они сами, или защищаютъ отъ грабителей, въ точности никому неизвѣстно. Говорятъ, что есть настоящіе, которые защищаютъ, и поддѣльные, которые грабятъ. Справиться объ этомъ, въ случаѣ надобности, можно по бездѣйствующему телефону въ какомъ-то учрежденіи, которое тоже иногда оказывается поддѣльнымъ. По-моему, самое лучшее — это стараться ихъ избѣгать.

Ночуемъ мы, моя мать и я, въ Пассажѣ, въ большихъ домахъ всегда безопасно, а на слѣдующее утро на улицахъ появляются «они». По прежнему, кажется страннымъ и непонятнымъ, что эта кучка оборванныхъ людей взяла городъ, городъ, гдѣ столько здоровыхъ, сильныхъ мужчинъ, гдѣ всѣ такъ жадно стремятся къ освобожденію и ничего не хотятъ для этого сдѣлать.

Я вытаскиваю изъ ящика свою, мирно отдыхавшую тамъ въ теченіе мѣсяца, китайскую бумагу и выхожу съ ней на улицу. Тянутся обозы, идутъ истомленные голодные солдаты. Пока ихъ еще мало. Объясняется это на самомъ дѣлѣ отсутствіемъ мостовъ, а люди, вродѣ Н., будутъ объяснять близостью поляковъ и неувѣренностью въ обладаніи городомъ большевиковъ, и мы будемъ вѣрить, потому что вѣрить надо, иначе жить нельзя.

Организуется власть; какъ изъ рога изобилія сыплется приказъ за приказомъ.

«Мы ушли не надолго, мы пришли навсегда», красуется гордая надпись на стѣнахъ университета. А мы, Кіевляне, снова покорно вдѣли головы въ ярмо и готовы ждать, ждать од безконечности, пока кто-нибудь — все равно кто — только не мы сами, освободитъ насъ.

IV

Дѣло Агѣева

«Не хотите ли пойти со мной завтра въ судъ на дѣло Агѣева», предложилъ мнѣ мой хорошій знакомый тов. Р., комендантъ одного изъ городовъ на югѣ Россіи. Большевистскій судъ! Я себѣ этого совсѣмъ не представляла. Не въ подвалъ же Чрезвычайной Комиссіи онъ хочетъ меня повести.

«А что это за дѣло такое и гдѣ оно будетъ разбираться?» — «Ну, какъ, неужели вы не знаете? Дѣло бывшаго комиссара по Артиллеріи XII Арміи, обвиняется во взяточничествѣ, содержательствѣ игорныхъ домовъ, разглашеніи впередъ за деньги приказовъ и т. д. Вашъ Кіевскій продуктъ, можете на него порадоваться. Слушаться оно будетъ въ куиеческомъ клубѣ. Приходите непремѣнно, посмотрите красный бомондъ. Билетъ я вамъ достану».

«А что ему угрожаетъ?»

«Разстрѣлъ, конечно. Да вѣдь негодяй же такой, что, ей-Богу, жалѣть о немъ не приходится».

Какой бы Агѣевъ ни былъ негодяй, но видѣть, какъ человѣка будутъ приговаривать къ смертной казни мнѣ не хотѣлось, а съ другой стороны, очень ужъ любопытно было посмотрѣть обстановку ихъ суда. Я колебалась, колебалась и, въ концѣ концовъ, все-таки приняла предложеніе.

Мы пришли на другой день часовъ въ 11 утра. Дѣло давно уже началось и залъ былъ переполненъ, но благодаря моему спутнику, мы получили мѣста, какъ разъ за скамьей подсудимаго. Я до такой степени была поражена тѣмъ, что увидала, что долго не могла прислушиваться къ объясненіямъ Агѣева, во время которыхъ мы какъ разъ вошли.

Мнѣ всего одинъ разъ до того пришлось быть въ судѣ, это было въ Кіевѣ же на дѣлѣ Бейлиса, и я могу смѣло сказать, что теперешняя обстановка нисколько не уступала въ торжественности бывшей при царѣ. Тотъ же громадный столъ, покрытый краснымъ сукномъ, тѣ же канделябры на немъ, тѣ же стенографистки по бокамъ, тѣ же пристава, безшумно наблюдающіе за порядкомъ, только называются они теперь комендантами. Вмѣсто царскихъ портретовъ по стѣнамъ висѣли, если не ошибаюсь, портреты Ленина и народнаго комиссара юстиціи. Я не говорю уже о предсѣдателѣ и членахъ суда; на ихъ лицахъ было написано то же сознаніе своего долга и права судить и приговаривать, какое было у ихъ царскихъ предшественниковъ; одѣты они были въ штатское платье.

Публика также представляла большой интересъ. Были жены, то-есть то, что называется женами въ Совдепіи, всѣхъ членовъ суда. Въ туалетахъ онѣ, повидимому, не стѣснялись и одѣты были, хотя и неумѣло, чувствовалось отсутствіе привычки къ этому, но по большей части богато. Нѣкоторые носили довольно дорогіе мѣха. Кромѣ нихъ, публика состояла изъ высшихъ большевистскихъ сановниковъ и небольшого количества частныхъ лицъ. Словомъ то, что мой спутникъ назвалъ краснымъ бо-мондомъ.

Постепенно, однако, я освоилась съ обстановкой и стала прислушиваться къ тому, что говорилъ Агѣевъ. Наканунѣ я успѣла все-таки разспросить о немъ, его многіе знали, такъ какъ онъ былъ кіевлянииомъ по происхожденію и всю свою жизнь провелъ въ Кіевѣ. Выяснилось, что, строго говоря, очень жалѣть о немъ, дѣйствительно, не стоило. Кромѣ всего того, что разсказалъ мнѣ о немъ Р., я узнала, что онъ былъ провокаторомъ. Незадолго передъ своимъ арестомъ онъ спровоцировалъ трехъ банкировъ-валютчиковъ, въ очень маленькомъ масштабѣ, затѣмъ взялъ у нихъ взятку, остался недоволенъ ею и выдалъ ихъ Ч. К. Говорили, что этой взяткой онъ долженъ былъ подѣлиться съ кѣмъ-то изъ чекистовъ, не захотѣлъ этого сдѣлать и на этомъ попался самъ. До революціи онъ былъ карточнымъ шулеромъ. Свои объясненія Агѣевъ давалъ довольно спокойно и

даже гладко, повидимому, тяжести ожидавшаго его приговора не сознавалъ. Напиралъ очень много на свои заслуги передъ революціей, на то, что былъ неоднократно раненъ, конечно, категорически отрицалъ всѣ предъявленныя ему обвиненія; а состоялп они въ томъ, во-первыхъ, что онъ очень много и азартно игралъ въ карты, во-вторыхъ, что зная о томъ, что будетъ приказъ о реквизиціи портсигаровъ для награжденія ими красныхъ героевъ, предупредилъ объ этомъ ювелировъ и взялъ съ нихъ взятку золотыми вещами. Разсказывая о тѣхъ жертвахъ, которыя принесъ на алтарь революціи, Агѣевъ прежде всего остановился на томъ, что во время эвакуаціи большевиковъ, передъ приходомъ войскъ Деникина, не могъ захватить свою жену, которая осталась въ Кіевѣ и была разстрѣляна добровольцами.

«Замучили они ее, мою Марусеньку, руки ей отрубили. Я ей говорилъ: Маруспчка... тутъ слезы, кажется, не очень искреннія, помѣшали ему продолжать.

«Да почему же вы ее съ собой не эвакуировали?» спросилъ его предсѣдатель.

«Я не могъ захватить свою жену, когда на пароходѣ не было мѣста, даже для товарищей».

«Неужели же вы, комиссаръ арміи, не могли найти мѣста для своей жены, когда люди, занимающіе самыя незначительныя должности, отлично находили мѣста для своихъ женъ!»

«Да вѣдь она и сама не хотѣла ѣхать, у насъ сынъ въ красной арміи тоже раненъ былъ, онъ отъ насъ былъ тогда отрѣзанъ, и она не хотѣла ѣхать, пока не получитъ извѣстій о немъ».

«Значитъ, теперь уже выходитъ, что она сама не хотѣла, а не то, что мѣста не было. А теперь, скажите, были ли вы тогда уже знакомы со своей второй женой?»

«Да, былъ».

«А были вы уже тогда съ ней въ близкихъ отношеніяхъ? Предупреждаю васъ, на этотъ вопросъ вы можете не отвѣчать».

«Отчего же. Нѣтъ, не былъ».

Давая дальше объясненія по поводу найденныхъ у него при обыскѣ золотого портсигара и кольца, Агѣевъ заявилъ, что вещи эти онъ дѣйствительно взялъ, но что онѣ ему были необходимы:

«Вѣдь вы же, товарищи, знаете, какъ дорога жизнь», вкрадчивымъ голосомъ говорилъ онъ, обращаясь къ членамъ суда, «можетъ быть, этого и не слѣдовало дѣлать, можетъ быть, это была ошибка съ моей стороны, но я хотѣлъ послать эти вещи въ деревню обмѣнять на муку. Такъ дешевле выходитъ».

«Значитъ вы, обвиняемый Агѣевъ, имѣете обыкновеніе для дешевизны обмѣнивать на муку чужіе портсигары?» холоднымъ и язвительнымъ тономъ допрашивалъ предсѣдатель, не глядя на него и поглаживая красивыя бѣлыя руки.

Агѣевъ самъ, обращаясь къ суду, говорилъ вначалѣ «товарищи», но и предсѣдатель и члены суда называли его обвиняемымъ или «подсудимый Агѣевъ».

Обращались они съ нимъ вообще очень рѣзко, не давали говорить, поминутно обрывали, и въ ихъ тонѣ чувствовалось уже, каковъ будетъ приговоръ. Агѣевъ, который вначалѣ старался держаться съ ними на равной

ногѣ и былъ какъ будто спокоенъ, сталъ, повидимому, самъ сознавать это. Онъ первначалъ все больше и больше, часто пилъ воду, хватался за голову, и жалко, и противно было слышать умоляющій голосъ, которымъ онъ обращался къ трибуналу, прося дать ему возможность что-нибудь пояснить.

«Почему же чужіе портсигары? Это былъ мой, я купилъ его, но не успѣлъ заплатить сразу, такъ какъ не зналъ его вѣса. Такія вещи вѣдь расцѣниваются на золотники».

«А развѣ у этого ювелира, по какой-нибудь злой случайности, не было вѣсовъ для взвѣшиванія, вѣдь обычно они бываютъ въ такомъ магазинѣ?»

«Можетъ быть, и были, но у меня съ собой денегъ не было».

«Такъ какъ же именно, подсудимый Агѣевъ, деньги у васъ отсутствовали, или вѣсы въ магазинѣ?»

«И то, и другое, да вѣдь это не важно же, товарищи, вѣдь на слѣдующій день я заплатилъ сполна!»

«Вопросъ о томъ, заплатили ли вы, выяснится изъ свидѣтельскихъ показаній».

Упоминая о своихъ заслугахъ передъ революціей, Агѣевъ съ особенной настойчивостью остановился на томъ, что добровольно выслѣдилъ и даже самъ на автомобилѣ доставилъ въ Ч. К. 3-хъ, впослѣдствіи разстрѣлянныхъ банкировъ-валютчиковъ. Но и тутъ предсѣдатель оборвалъ его:

«Скажите, обвиняемый, зачѣмъ собственно вы, занимающій такое трудное и отвѣтственное мѣсто, какъ комиссаръ арміи, отдавали драгоцѣнныя минуты своего времени ловлѣ спекулянтовъ? Вѣдь вы же не членъ Чрезвычайной Комиссіи или Особаго Отдѣла?»

«Я — коммунистъ», гордо произнесъ въ отвѣтъ Агѣевъ, повидимому, сильно расчитывая на эффектъ этой фразы, но мнѣ кажется, хотя предсѣдатель промолчалъ, эффектъ отъ нея былъ обратный тому, котораго ожидалъ подсудимый. Слишкомъ очевидно для всѣхъ было, что причина провокаціи не лежала въ чисто партійныхъ убѣжденіяхъ Агѣева.

Агѣевъ много и съ пафосомъ говорилъ о вѣрѣ своей въ конечное торжество революціи, о томъ, какъ старался всѣ силы отдать на служеніе ей, на то, чтобы когда-нибудь въ, можетъ быть, близкомъ будущемъ достигнуть диктатуры пролетаріата.

«Обвиняемый, вы обнаруживаете полную политическую безграмотность», снова и съ особой рѣзкостью оборвалъ его предсѣдатель, «диктатура пролетаріата не будетъ, она есть; черезъ диктатуру пролетаріата мы идемъ къ общему равенству».

«Я знаю, я ошибся», испуганно пролепеталъ Агѣевъ и, какъ гимназистъ, приподнявшись черезъ минуту съ своего мѣста, поправился: «я думалъ — въ міровомъ масштабѣ».

Разсказывая о заблужденіяхъ своего прошлаго, Агѣевъ особенно настаивалъ на томъ, что шулеромъ никогда не былъ. Онъ много и азартно игралъ въ карты, былъ даже при старомъ режимѣ зарегистрированъ, но не какъ шулеръ, а какъ профессіональный игрокъ. Но все это было до революціи, а потомъ онъ поступилъ въ партію коммунистовъ и навсегда порвалъ съ своимъ прошлымъ.

«А между тѣмъ, вы продолжали играть и потомъ», сказалъ ему кто-то изъ членовъ суда. «Тѣмъ болѣе вы съ вашимъ прошлымъ должны были быть осторожнымъ, разъ революція уже одинъ разъ простила васъ».

«Революція меня не прощала, мнѣ не въ чемъ было просить прощенія. Мои ошибки были обычныя заблужденія, свойственныя молодости, а не преступленія».

Въ показаніяхъ и отвѣтахъ Агѣева замѣчалась странная двойственность. Наряду съ нѣкоторымъ нахальствомъ, иногда почти грубостью, онъ при первой попыткѣ оборвать его, обнаруживалъ совершенную растерянность.

«Скажите, обвиняемый Агѣевъ, вотъ вы говорите, что совершенно перестали играть въ карты, а между тѣмъ и свидѣтельскими показаніями установлено, и вы сами подтвердили, что ходили въ тайные игорные дома?»

«Я ходилъ туда изъ чувства долга. Мы получили свѣдѣнія, что такіе дома существуютъ, что тамъ крупно играютъ и я хотѣлъ эти свѣдѣнія провѣрить».

«А скажите, пожалуйста, обвиняемый, развѣ принято при исполненіи такихъ обязанностей брать съ собою женъ? Вѣдь вамъ, какъ коммунисту, было вѣроятно тяжело и противно ходить въ эти дома, такъ зачѣмъ же вы жену съ собою брали?»

«Я ходилъ туда обычно послѣ театра, нарочно въ такое время, когда могъ застать самую крупную игру и не хотѣлъ жену оставлять одну дома».

«Но сами-то вы не играли?»

«Нѣтъ, не игралъ».

«А между тѣмъ, облава застала васъ съ картами въ рукахъ».

«Я хотѣлъ, чтобы меня не стѣснялись и продолжали играть и при мнѣ».

«Васъ заставали и видѣли тамъ играющимъ очень часто. Впрочемъ, все это выяснится изъ свидѣтельскихъ показаній».

Послѣ объясненій Агѣева былъ объявленъ двадцатиминутный перерывъ и судъ въ полномъ составѣ удалился. Обвиняемаго также увели. Видъ у него въ достаточной степени жалкій и, хотя преступленій за нимъ было много, смотрѣть на него было все же тяжело. Мой спутникъ, который встрѣчалъ его раньше пзящнымъ красавцемъ во флотской формѣ, говорилъ, что онъ неузнаваемъ. Въ публикѣ съ нетерпѣніемъ ждали свидѣтельскихъ показаній. Ожидалось много разоблаченій, и говорили, что свидѣтели окончательно погубятъ Агѣева. Особенно интересовало всѣхъ показаніе предсѣдателя Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи тов. Павлова. Въ залѣ передавали другъ другу фразу, будто бы принадлежавшую Агѣеву. Когда Павловъ, удивлявшійся его тратамъ, спросилъ его: «да гдѣ же ты деньги берешь?» Агѣевъ отвѣтилъ ему: «тамъ же, гдѣ и ты». Между прочимъ, въ первой части процесса, предсѣдатель спросилъ Агѣева, правда ли, что онъ хвасталъ, что на ты съ Павловымъ. Агѣевъ въ ту минуту, какъ разъ настроенный комбативно, отвѣчалъ: «на ты я съ нимъ не былъ, а если бы и былъ, то не вижу чѣмъ тутъ хвастать».

Перерывъ закончился и послѣ громогласно превозглашеннаго комендантомъ: «судъ идетъ, прошу встать», засѣданіе возобновилось. Начался допросъ свидѣтелей.

«Пригласить свидѣтеля товарища Павлова», сказалъ Ивановъ.

Предсѣдатель Чрезвычайной Комиссіи, какъ человѣкъ очень занятой, допрашивался первымъ.

Въ залѣ водворилось особое жуткое молчаніе.

Тихой, спокойной походкой, съ палкой въ рукахъ, если не ошибаюсь, шляпой на головѣ, Павловъ подошелъ къ столу. Всѣ, не отрывая глазъ,

смотрѣли на него. Страшно было подумать, какъ всецѣло всѣ мы, и публика, и подсудимый, и даже судьи, сидящіе за краснымъ столомъ, находились во власти этого человѣка.

Небольшого роста, тонкій, изящный, съ пожалуй даже красивымъ лицомъ; а между тѣмъ, въ его манерѣ стоять, опершись на палку, въ его тихомъ, мѣрномъ голосѣ, въ его увѣренныхъ рѣдкихъ жестахъ, было что-то невообразимо отталкивающее.

«Скажите, пожалуйста, товарищъ», особенно мягко обратился къ нему предсѣдатель, «знакомъ ли вамъ подсудимый?»

«Да, я знаю его», тихо, не глядя на Агѣева, отвѣчалъ Павловъ. «Это бывшій комиссаръ XII Арміи Агѣевъ».

«Приходилось вамъ съ нимъ встрѣчаться?»

«Да, онъ приходилъ ко мнѣ по дѣлу и одинъ разъ даже оставался пить чай у меня. Къ тому же мнѣ приходилось встрѣчаться съ нимъ въ кабинетѣ комиссіи, при допросахъ обвиняемыхъ».

«Какое впечатлѣніе онъ производилъ на васъ?»

«Я всегда считалъ Агѣева нравственно нечистоплотнымъ человѣкомъ».

Я не могу вспомнить точно и въ ихъ послѣдовательности всѣ отвѣты Павлова, но помню хорошо, что эту фразу онъ произнесъ своимъ спокойнымъ голосомъ, не глядя на подсудимаго, не менѣе 3-хъ разъ. Жутко звучалъ въ устахъ предсѣдателя Ч. К. аттестатъ о нравственной нечистоплотности, и жутко было представить себѣ, что на слѣдующій день въ подвалѣ на Екатерининской улицѣ будетъ сидѣть, ожидая своей очереди быть разстрѣляннымъ, Агѣевъ.

«Простите, пожалуйста, товарищъ Павловъ, вотъ вы сказали, что встрѣчались съ Агѣевымъ у себя въ кабинетѣ. Такъ вотъ, намъ хотѣлось бы знать, практикуется ли это теперь вообще, что лицо, не имѣющее отношенія къ комиссіи, даже, если занимаетъ такой отвѣтственный постъ, какой занималъ Агѣевъ, присутствуетъ при допросахъ».

«Такіе пріемы практиковались всегда; они называются очной ставкой».

«Благодарю васъ, товарищъ, теперь мнѣ ясно, значитъ Агѣевъ присутствовалъ въ комиссіи только при его очныхъ ставкахъ. Но не обнаруживалъ ли онъ вообще, частнымъ образомъ въ бесѣдахъ съ вами особаго интереса къ нѣкоторымъ дѣламъ?»

«Да, онъ очень интересовался дѣломъ банкировъ».

«Вы, можетъ быть, вспомните, тов. Павловъ, не удивлялъ ли васъ исключительный интересъ Агѣева къ этому дѣлу?»

«Очень удивлялъ».

«Товарищъ Павловъ, вспомните», умоляющимъ голосомъ заговорилъ, вставая съ своего мѣста Агѣевъ, «не говорилъ ли я вамъ, что вообще хочу поступить на службу въ Чр. Комиссію».

«Говорили».

«Не объяснилъ ли я этого жаждой мщенья за разстрѣлянную жену?»

«Причинъ вашихъ я не помню».

«Больше никто не имѣетъ вопросовъ?» — вмѣшался предсѣдатель, очевидно не желавшій отнимать время у Павлова. «Благодарю васъ, товарищъ!» Послѣ Павлова показывали еще другіе низшіе служащіе и агенты Ч. К. Все ими сказанное сводилось къ проявленному Агѣевымъ исключительному интересу къ дѣлу банкировъ, и съ каждымъ показаніемъ Агѣевъ все больше и больше

терялъ самообладаніе. Не спрашивая позволенія предсѣдателя, иногда не вставая съ мѣста, онъ самъ обращался съ вопросами къ свидѣтелямъ. «Кто здѣсь предсѣдатель, вы или я», крикнулъ на него, наконецъ, потерявшій терпѣніе Ивановъ. «Простите меня, ради Бога, я такъ нервничаю», умоляющимъ голосомъ сказалъ Агѣевъ. Воду онъ выпилъ всю, а другой никто не подавалъ ему. Казалось, что даже у сидѣвшаго съ нимъ рядомъ защитника по назначенію было къ нему только гадливое чувство. Держа въ рукахъ графинъ, онъ жалобно озирался на публику, тогда комендантъ суда подалъ ему воду и онъ сталъ снова пить стаканъ за стаканомъ. Особенно волновался Агѣевъ при выясненіи вопроса о томъ, былъ ли онъ шулеромъ, и, мнѣ кажется, послѣднимъ свѣтлымъ мгновеніемъ его жизни было, когда одинъ изъ агентовъ судугроза (судебно-уголовнаго розыска), подтвердилъ, что оттискъ большого пальца правой руки брался не только у шулеровъ, но и у профессіональныхъ игроковъ. Когда давали показанія ювелиры, предупрежденные Агѣевымъ о готовящейся у нихъ реквизиціи вещей, тотъ изъ нихъ, у котораго Агѣевъ, будто бы, купилъ портсигаръ, заявилъ, что деньги за него и на другой день не получилъ.

Агѣевъ всплеснулъ руками.

«Да вѣдь вы на предварительномъ слѣдствіи показали, что вамъ Агѣевъ на слѣдующій день заплатилъ», спросилъ его предсѣдатель.

«Ну да, я показалъ», отвѣтилъ ювелиръ — крошечный толстый человѣчекъ, старавшійся, мнѣ кажется, нарочно усилить комизмъ своего акцента и отвѣтовъ: «Мы съ нимъ оба сидѣли въ Ч. К., такъ онъ ко мнѣ подошелъ на дворѣ и говоритъ: «скажи, что я тебѣ заплатилъ, а не то тебѣ плохо будетъ», такъ я испугался и сказалъ, какъ онъ велѣлъ».

«Чего же вы испугались?»

«Чего я испугался? вы посмотрите на меня, а потомъ на него, такъ вы увидите, чего я испугался».

Дѣйствительно, контрастъ между красивой и рослой фигурой Агѣева и маленькимъ ювелиромъ былъ большой. Въ публикѣ раздался смѣхъ, а между тѣмъ, съ этимъ показаніемъ оборвалась послѣдняя нить, привязывавшая человѣка къ жизни.

Очень тяжелое впечатлѣніе произвело показаніе второй жены Агѣева. Нарочно ли, или по незнанію языка, она была полька, она только отяготила обвиненіе. На предложенный ей обвинителемъ вопросъ, была ли она въ интимныхъ отношеніяхъ при жизни его первой жены, она, несмотря на данное ей разрѣшеніе не отвѣчать, отвѣтила утвердительно. Она держала себя вполнѣ спокойно. А онъ жадно, не отрывая глазъ, смотрѣлъ на нее. Это была маленькая, неказистая, скромно одѣтая женщина. Когда она уходила, онъ долго провожалъ ее глазами, а потомъ, понимая уже, повидимому, что ждетъ его, спросилъ предсѣдателя, разрѣшено ли ему будетъ съ ней проститься.

Во время допроса какого-то свидѣтеля, обвинителю подали записку, и онъ, прочтя ее, обратился къ предсѣдателю съ заявленіемъ, что ему извѣстно о томъ, что въ залѣ находится человѣкъ, лично давшій Агѣеву взятку въ 300.000. Это произвело очень большое впечатлѣніе. «Выйдите тотъ, кто далъ эту взятку», истерически крикнулъ Агѣевъ. Предсѣдатель велѣлъ ему молчать подъ какой-то угрозой, — не знаю въ сущности, чѣмъ

еще ему можно было угрожать, а затѣмъ пошептался съ членами и произнесъ, чеканя каждое слово:

«Верховный революціонный трибуналъ своей властью гарантируетъ прощенье и полную безопасность тому, кто далъ взятку Агѣеву, пусть онъ выйдетъ».

Наступило гробовое молчаніе. Никто не выходилъ. Агѣевъ, упавъ головой на столъ, громко зарыдалъ.

Въ залѣ раздался крикъ: «Разбойники, палачи, за что вы его мучаете, будьте вы прокляты».

«Товарищъ комендантъ, выведите изъ залы суда сидящаго во второмъ ряду и арестуйте его», холоднымъ голосомъ приказалъ Ивановъ.

Агѣевъ приподнялся.

«Господинъ предсѣдатель, простите его, это мой сынъ».

Ивановъ наклонилъ голову:

«Я это знаю. Въ свое время онъ будетъ освобожденъ».

Молодого человѣка увели изъ залы, несмотря на его сопротивленіе. Больше оставаться я не могла. Мы ушли.

Очевидцы процесса, остававшіеся до конца, разсказывали, что нѣсколько времени спустя у Агѣева сдѣлался припадокъ сумасшествія: «кровь, кровь, всюду кровь», кричалъ онъ, стряхивая и вытирая платкомъ руки. Нѣкоторые считали это симуляціей. Судъ совѣщался недолго и вынесъ смертный приговоръ. Агѣевъ уже пришелъ въ себя и выслушалъ его спокойно и съ достоинствомъ. Онъ просилъ разрѣшенія оставшіеся ему 48 часовъ провести въ обществѣ сына и жены. Это ему было позволено.

Въ Кіевѣ усиленно говорили, что въ теченіе этихъ 48 часовъ изъ Харькова пришелъ приказъ о помилованіи и о замѣнѣ наказанія, но что по нѣкоторымъ причинамъ Агѣева предпочли разстрѣлять. Въ Харьковъ же было отвѣчено, что помилованіе пришло слишкомъ поздно.

Екатеринославскія воспоминанія

(Августъ 1918 г. — іюнь 1919 г.)

Г. Игренева.

I

Я пріѣхалъ въ Екатеринославъ въ эпоху гетманскаго режима. Поѣздка скорымъ поѣздомъ изъ Харькова продолжалась 6 часовъ. Изъ Кіева до Екатеринослава можно было доѣхать въ 12. Могло ли тогда придти въ голову, что Екатеринославъ вскорѣ окажется мѣстомъ, на долгое время отрѣзаннымъ отъ остального міра!

Жизнь въ Екатеринославѣ била ключомъ. Офиціальная украинско-галиційская «мова» совершенно игнорировалась населеніемъ, непонимавшимъ ее. Нѣмецкая оккупація, тягостная и жестокая въ деревняхъ, въ городѣ ощущалась мало. Послѣ совѣтской голодовки поражала баснословная дешевизна цѣнъ на съѣстные припасы и громадное изобиліе ихъ на рынкахъ. Екатеринославъ былъ заваленъ бѣлыми булками, молочными продуктами, колбасами, фруктами и считался въ продовольственномъ отношеніи самымъ благодатнымъ пунктомъ Украины. Моего преподавательскаго оклада въ Университетѣ, 450 рубл. въ мѣсяцъ, съ излишкомъ хватало на жизнь. — Первые два съ половиною мѣсяца жили совершенно спокойно. Занятія во вновь открытомъ университетѣ наладились и шли съ большимъ успѣхомъ. Посѣщаемость лекцій на юридическомъ факультетѣ доходила до 500—600 человѣкъ. Спокойствіе въ городѣ нарушалось только слухами о происходящихъ въ деревняхъ крестьянскихъ возстаніяхъ и о необычайной жестокости, съ которой австрійскія оккупаціонныя войска ихъ подавляли. Несмотря на оккупацію, нѣмецкія газеты до Екатеринослава почти не доходили. Поэтому извѣстіе, что Германія проситъ мира, напечатанное въ вечернихъ телеграммахъ, издававшихся австрійскимъ военнымъ штабомъ, было для всѣхъ полной неожиданностью. Послѣдовавшія затѣмъ сообщенія о ноябрскомъ революціонномъ взрывѣ и переворотѣ 11-го ноября вызвали въ городѣ большое возбужденіе. Спокойнѣе всего отнеслись къ этимъ извѣстіямъ стоявшія въ городѣ войска. Въ ихъ средѣ незамѣтно было никакого волненія. Элегантные австрійскіе офицеры попрежнему продолжали эффектно возсѣдать въ самыхъ роскошныхъ, по екатеринославскому масштабу, кафэ и гордо прогуливаться по главнымъ улицамъ. Солдаты попрежнему вытягивались въ струнку и отдавали честь. По настроенію войскъ нельзя было предполагать, что въ ихъ государствахъ произошла грандіозная катастрофа. Въ первое время казалось, что на Украинѣ остается все по старому.

Вскорѣ по заключеніи перемирія между Антантой и нѣмецкими государствами, по городу стали ходить слухи, что союзники рѣшили послать войска на Украину для борьбы съ сѣверно-русскимъ большевизмомъ. Каждый день въ газетахъ печатались фантастическія извѣстія о прибывшихъ въ Одессу и Новороссійскъ громадныхъ дессантахъ французскихъ и англійскихъ войскъ. Слухи были подтверждены офиціальнымъ обращеніемъ французскаго военнаго аташе въ Одессѣ «къ населенію южной Россіи», расклееннымъ на всѣхъ столбахъ города. Воззваніе объявляло большевиковъ внѣ закона и призывало всѣ слои населенія оказывать поддержку союзническимъ войскамъ

въ предстоящей борьбѣ съ «красными варварами». Екатеринославское населеніе откликнулось на воззваніе съ большимъ воодушевленіемъ. Различныя общественныя организаціи созывали особыя совѣщанія для обсужденія плана встрѣчи союзныхъ войскъ; происходили принципіальные споры о текстѣ привѣтственныхъ адресовъ и формахъ поддержки. Одновременно командующій добровольческой арміей — генералъ Деникинъ объявилъ мобилизацію офицеровъ, и гетманъ Скоропадскій пытался войти съ нимъ въ соглашеніе. — Войскъ Антанты въ Екатеринославѣ ожидали со дня на день. Екатеринославскія газеты сообщали, что англійскіе и французскіе солдаты уже въ Александровскѣ, даже въ Синельниковѣ (въ 25 верстахъ отъ Екатеринослава) . . .

Но союзныя войска не приходили, а въ газетахъ стали появляться тревожныя извѣстія, что нѣмцы, ссылаясь на условія перемирія, по которымъ ихъ войска должны очистить всѣ занятыя мѣстности, собираются уходить изъ Украйны. Эти слухи вскорѣ были подтверждены офиціальнымъ заявленіемъ нѣмецкаго совѣта солдатскихъ депутатовъ въ Кіевѣ. Требованіе Антанты, чтобы нѣмецкія войска продолжали оставаться на Украинѣ, несмотря на всѣ угрозы, было рѣшительно отклонено нѣмецкими совѣтами. Нѣмцы энергично готовились къ возвращенію на родину. — Предстоящій уходъ оккупаціонныхъ войскъ сразу замутилъ на Украинѣ всѣ перспективы. Гетманская власть потеряла немедленно свою устойчивость.

II

Первымъ проявленіемъ тревожнаго настроенія въ Екатеринославѣ была студенческая политическая забастовка, направленная противъ гетманскаго режима. Соціалистическія партіи единодушно стали вести агитацію въ пользу немедленнаго сверженія гетмана и возстановленія республики. Въ это время (дѣло было въ самомъ концѣ ноября) пришли первыя извѣстія о возстаніи галиційскихъ стрѣлковъ подъ предводительствомъ Петлюры, поддержанномъ украинскимъ крестьянствомъ. Нѣмецкіе совѣты солдатскихъ депутатовъ поспѣшили объявить о своемъ нейтралитетѣ, и движеніе вскорѣ приняло широкій масштабъ. Главная масса «петлюровцевъ» обложила Кіевъ и черезъ короткое время добилась успѣха: гетманъ былъ низложенъ и бѣжалъ. — Въ Екатеринославъ петлюровцы вошли совершенно мирно. Они заняли нижнюю часть города, прилегающую къ вокзалу (Екатеринославъ расположенъ на склонѣ высокаго холма.) Въ верхней части города продолжалъ сохраняться гетманскій режимъ, защищаемый 8-ымъ офицерскимъ корпусомъ, объявившимъ о своемъ присоединеніи къ добровольческой арміи. Австрійскія войска были совершенно равнодушны. Такое положеніе длилось цѣлую недѣлю и продолжалось даже послѣ того, какъ Кіевъ былъ взятъ Петлюрой и провозглашена Украинская Директорія. — Петлюровцы были добродушные малые. Разодѣтые въ опереточные зипуны, они распѣвали національныя пѣсни, красиво гарцовали на своихъ лошадяхъ, стрѣляли въ воздухъ, проявляли большую склонность къ спиртнымъ напиткамъ, однако никого не трогали. Казалось, что все обойдется мирно. Ничто не предвѣщало вооруженнаго столкновенія. Но оно все же внезапно произошло.

Въ одну изъ ночей въ первыхъ числахъ декабря я былъ разбуженъ громкой командой: «пли», раздавшейся подъ самымъ окномъ (я жилъ въ первомъ этажѣ). Не успѣлъ я вскочить, какъ раздалась оглушительная ружейная и пулеметная трескотня, которая затѣмъ не прекращалось до вечера слѣдующаго дня. Пули стучали, какъ дождь, по крышѣ нашего дома. Какъ впослѣдствіи оказалось, въ нашемъ дворѣ стояла команда петлюровцевъ, а на противоположномъ углу улицы расположились солдаты 8-го корпуса. — Столкновеніе между войсками, цѣлую недѣлю мирно уживавшимися въ одномъ городѣ, было настолько неожиданно, что никто изъ жителей нашего дома не могъ догадаться, кто собственно сражается. Высказывались предположенія о большевистскомъ возстаніи и о сраженіи австрійскихъ войскъ съ явившимися, наконецъ, союзническими солдатами. Недоумѣніе разсѣялось только уже днемъ,

когда къ намъ явились солдаты для обыска, они оказались петлюровцами и были по обыкновенію очень добродушны. Мы узнали отъ нихъ, что бой возникъ потому, что 8-ой корпусъ не захотѣлъ добровольно уйти изъ Екатеринослава, мотивируя свой отказъ необходимостью охранять мирныхъ жителей отъ грабежей. Кровопролитіе было остановлено вмѣшательствомъ австрійскаго командованія, которое пригрозило обстрѣлять городъ тяжелой артиллеріей. Дерущіеся вняли этому аргументу и 8-ой корпусъ на слѣдующій день мирно ушелъ. Впрочемъ, часть его солдатъ осталась и перешла къ петлюровцамъ. Перебѣжничество затѣмъ повторялось при каждой смѣнѣ режима. Петлюровцы торжествовали побѣду. Національные украинскіе анпуны загарцовали на главныхъ улицахъ города. Стало весело, шумно и пьяно. Гайдамаки пѣли, плясали, но главнымъ образомъ стрѣляли, не въ людей, а просто такъ себѣ, въ воздухъ. Днемъ еще было сносно, но ночью становилось жутко. Нельзя было пройти нѣсколько шаговъ по улицѣ, чтобы передъ ухомъ не просвистѣла пуля. Бывали и жертвы, особенно дѣти . . . Въ учрежденіяхъ, управляемыхъ петлюровцами, господствовала полная безтолковщина. Одно учрежденіе не подозрѣвало о существованіи другого; каждое вѣдомство въ отдѣльности непосредственно сносилось съ Кіевомъ. Ежедневно публиковались приказы о мобилизаціи, которые въ тотъ же вечеръ отмѣнялись. Такъ по крайней мѣрѣ разъ пять объявлялась мобилизація студенчества и ни разу не приводилась въ исполненіе. Изъ учрежденій были изгнаны всѣ служащіе не владѣвшіе «украинской мовой».— Городъ былъ полонъ всевозможныхъ чудесныхъ слуховъ о Махно и его разбойничьей шайкѣ, свившей себѣ гнѣздо въ Гуляй-Полѣ (Екат. губ.). Въ народѣ говорили, что Махно требуетъ отъ петлюровцевъ, чтобы его впустили въ Екатеринославъ всего лишь на три дня: за это время онъ обѣщаетъ ввести новый анархо-коммунистическій строй — отобрать все у богатыхъ и отдать бѣднымъ. Разсказывали, что Махно благородный человѣкъ и «врагъ лишь жидамъ и нѣмцамъ», а населенію его нечего бояться. Я слушалъ всѣ эти толки и не придавалъ имъ никакого значенія, не подозрѣвая даже о той реальной силѣ, которой уже тогда обладалъ Махно. Но прежде, чѣмъ пришлось въ этомъ убѣдиться, въ Екатеринославѣ произошло еще одно сраженіе: бой между петлюровцами и австрійцами. Петлюровцы потребовали у стоявшихъ въ городѣ австрійскихъ частей, чтобы они сдали оружіе передъ эвакуаціей на родину. Нѣмцы категорически отказались и съ оружіемъ въ рукахъ отстаивали свою воинскую честь. Ожесточенная ружейная и пулеметная стрѣльба длилась цѣлые сутки. Среди мирныхъ жителей было не мало жертвъ. Побѣдили конечно петлюровцы, ибо австрійцы только оборонялись: у нихъ не было достаточно сильныхъ стимуловъ для борьбы до конца. — Сильное впечатлѣніе производило арѣлище, какъ гайдамаки срывали погоны у австрійскихъ офицеровъ. Гордые оккупаторы, союзники державы едва не побѣдившей всю Европу, склонялись передъ толпой полупьяныхъ украинскихъ стрѣлковъ, представлявшихъ совершенный нуль въ военномъ отношеніи. Такъ повернулась къ нимъ судьба. Вскорѣ послѣ своего разоруженія нѣмцы исчезли. Тихо и незамѣтно вышли изъ Екатеринослава австрійскія части, послѣ своего позора не показывавшіяся больше на улицахъ. Ихъ уходъ обыватель почувствовалъ только впослѣдствіи, когда черезъ недѣлю послѣ ихъ исчезновенія на Екатеринославъ напалъ Махно.

III

Кто такой Махно? И въ чемъ секретъ его стихійной силы въ Екатеринославщинѣ? Этотъ вопросъ не разъ приходилъ въ голову за время пребыванія въ Екатеринославѣ: имя Махно ни у кого не сходило съ языка. — Изъ разспросовъ мнѣ удалось узнать лишь слѣдующія подробности изъ его біографіи. Родомъ изъ Гуляй-Поля, по одной версіи — народный учитель, по другой — рабочій, онъ въ 1902 г., за убійство родного брата съ корыстной цѣлью, былъ приговоренъ Екатеринославскимъ окружнымъ судомъ къ 15-ти годамъ каторжныхъ работъ Въ 1905 году неожиданно снова появился на

горизонтѣ, объявилъ себя анархистомъ, участвовалъ въ какихъ то экспропріаціяхъ и потомъ снова появлялся изъ виду. Вынырнулъ снова только въ 1917 г. въ качествѣ предсѣдателя Гуляй-Польскаго совѣта рабочихъ депутатовъ. Пытался организовать Гуляй-Польскую анархическую коммуну. Послѣ прихода нѣмцевъ на Украину сталовится однимъ изъ вождей крестьянскихъ повстанческихъ бандъ, ведущихъ партизанскую борьбу противъ оккупаціонныхъ войскъ. Это доставило ему широкую популярность среди крестьянъ Екатеринославской губерніи. Послѣ подавленія повстанческаго движенія организуетъ болѣе тѣсную разбойничью шайку, съ которой совершаетъ рядъ крупныхъ грабежей. Перемѣна режима не оказываетъ вліянія на его дѣятельность, и въ петлюровской сумятицѣ онъ продолжаетъ съ успѣхомъ свою работу. На собранные путемъ грабежей деньги Махно скупаетъ у австрійскихъ солдатъ всякое вооруженіе, въ томъ числѣ тяжелую артиллерію и громадные запасы ручныхъ гранатъ. Превосходно вооруженная разбойничья шайка прочно обосновывается на родинѣ своего вождя — въ Гуляй-Полѣ и объявляетъ насильственную мобилизацію крестьянъ ближайшихъ деревень. Такъ организовалъ Махно свое войско, которое онъ повелъ на завоеваніе Екатеринослава. Послѣ ухода австрійскихъ войскъ, городъ былъ открытъ для его нападенія. Махно всѣ ждали и все-таки не вѣрили, что онъ придетъ. Какъ то не вѣрилось, что въ XX-омъ вѣкѣ возможно завоеваніе большого, крупнаго центра шайкой разбойниковъ. Петлюровскія власти увѣрялли, конечно, что махновцы разбѣгутся при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Но событія не заставили себя долго ждать. Ровно черезъ недѣлю послѣ ухода австрійцевъ (это было въ серединѣ декабря) по городу пронесся слухъ, что Махно занялъ Синельниково и ведетъ наступленіе на желѣзнодорожный мостъ черезъ Днѣпръ — соединительное звено между Екатеринославомъ и правобережной Украиной. Къ вечеру городъ наполнился отступающей петлюровской кавалеріей. Когда раннимъ утромъ слѣдующаго дня мы съ женой отправились на ближайшій рынокъ, чтобы запастись припасами передъ предстоящимъ событіями, петлюровскіе солдаты настойчиво предлагали публикѣ разойтись, предупреждая, что сейчасъ будетъ открыта пальба по желѣзнодорожному мосту, уже занятому Махновцами. Дѣйствительно, на рыночной площади были разставлены тяжелыя орудія. Не успѣли мы нѣсколько отойти отъ площади, какъ грянули первые оглушительные удары. Пятеро сутокъ съ этого момента, безъ передышки, шла ожесточенная артиллерійская пальба. Что пришлось пережить за эти безумные дни, не поддается описанію. Махновцы, занявъ при первой же атакѣ вокзалъ, буквально засыпали городъ артиллерійскими снарядами. Въ первый же день зданіе духовной семинаріи, въ которой помѣщались гуманитарные факультеты университета, получило 18 пробоинъ, изъ нихъ 8 на вылетъ. Два снаряда попали въ общежитіе семинаристовъ, къ счастью въ это время были каникулы, и убито было всего нѣсколько человѣкъ. Снаряды разрывались въ частныхъ квартирахъ; каждый день приносилъ извѣстія о новыхъ жертвахъ и разрушеніяхъ. Въ воздухѣ стоялъ невыносимый гулъ отъ пальбы. Стекла въ окнахъ дребезжали и лопались. Дома тряслись такъ сильно, что падали картины со стѣнъ. Мы лежали на полу въ передней, не имѣвшей оконъ, совершенно изнуренные отъ безсонныхъ ночей и безпрерывнаго гула. Но моральное состояніе было хуже физическаго. Махно день за днемъ бралъ городъ все новыя улицы. Петлюровцы въ безпорядкѣ отступали. Подъ властью разбойника . . . что ждетъ впереди? Все явственнѣе къ звукамъ артиллерійской пальбы примѣшивались ружейные залпы и стукъ пулеметовъ. На четвертый день Махно занялъ всю нижнюю часть города и повелъ наступленіе на гору. Снаряды стали разрываться надъ нашими головами; къ звукамъ взрывовъ присоединился свистъ пролетающихъ шрапнелей и лязгъ ихъ осколковъ о камни мостовой. Пули дождемъ сыпались на крышу. Всѣ жители дома собрались въ казавшейся сравнительно болѣе безопасной передней перваго этажа. Думали о смерти и молчали. Стрѣляли такъ сильно, что уже нельзя было различать ударовъ. Къ 7 ч. вечера стрѣльба внезапно аатихла. Сосѣди отправились наверхъ. Вдругъ постучали въ дверь. На мой вопросъ, кто тамъ, раздался грубый голосъ: «А ну ка, открой!» Я открылъ и невольно отшатнулся: на меня направлены

были дула нѣсколькихъ ружей. Въ квартиру ворвалось гурьбой человѣкъ 10, съ ногъ до головы вооруженныхъ молодцовъ, обвѣшанныхъ со всѣхъ сторонъ ручными гранатами; одѣты они были въ самые разнообразные костюмы: одни — въ обычныя солдатскія шинели, другіе въ роскошныя енотовыя шубы, очевидно только что снятыя съ чужихъ плечъ, третьи, наконецъ, въ простые крестьянскіе зипуны. На испуганный вопросъ подоспѣвшихъ хозяевъ квартиры (я снималъ у нихъ только комнаты): кто вы? раздался отвѣтъ: «петлюровцы!», и послышался дружный хохотъ: «Небось обрадовались; а мы вашихъ любимчиковъ въ порошокъ истерли и въ Днѣпръ сбросили. Поиграли и будетъ. Мы — махновцы и шутокъ не любимъ». «Намъ квартира эта нужна; выбирайся отсюда поскорѣй», прибавилъ предводитель отряда. — Хозяйкѣ квартиры удалось убѣдить незванныхъ гостей, что переднихъ двухъ комнатъ и прихожей будетъ вполнѣ достаточно для ихъ цѣлей. Мы перебрались въ заднія комнаты. Въ квартиру прибывали все новые и новые махновскіе солдаты. Они безцеремонно проникли и въ слѣдующія комнаты и сѣли за столъ, на которомъ стояла кое какая снѣдь. Наши дамы вѣжливо потчевали ихъ, стараясь разыграть радушныхъ хозяекъ... Махновскіе гости, угощавшіеся за столомъ, были очень разнаго типа. Одинъ изъ нихъ смуглый брюнетъ, съ ярко бѣлыми зубами, весь еще былъ опьяненъ только-что пролитой кровью. Онъ хвасталъ все время своими подвигами, не выпуская изъ рукъ револьвера, которымъ онъ только что, по его разсказамъ, пристрѣлилъ буржуя и буржуйку; «такіе глупые», прибавилъ онъ, жутко улыбаясь: «все время пищали»... Другой, блѣдный и изможденный, въ желѣзной австрійской каскѣ, сосредоточенно молчалъ, водя своими стеклянными глазами прирожденнаго убійцы. Внезапно онъ вытащилъ изъ голенища гамаши, очевидно, только что снятые съ убитой, и обращаясь къ моей женѣ, сказалъ, ухмыляясь: «Возьми,барышня, на память, кажется, женскіе чулки». Жена стала увѣрять, что ей не нужно этого подарка, что видимо задѣло страшнаго кавалера. Положеніе спасъ нашъ хозяинъ, который взялъ гамаши для своей дочери. — Совсѣмъ иного тина, чѣмъ остальные, былъ другой махновецъ: по виду мирный сельскій пахарь, лѣтъ 45, одѣтый въ обычное крестьянское платье, онъ поминутно крестилъ свой ротъ, приговаривалъ послѣ каждаго проглоченнаго куска: «Спасибо хозяину и хозяйкѣ». Невольно возникало недоумѣніе, какъ затесался этотъ мирный человѣкъ въ буйную разбойничью ватагу; повидимому, это была жертва насильственной махновской мобилизаціи.

Въ столовую вошелъ самъ начальникъ отряда (какъ потомъ оказалось, пулеметной команды) — солдатъ съ совершенно неопредѣленнымъ выраженіемъ лица; онъ пришелъ звать своихъ товарищей на смѣну и, отказавшись отъ угощенія, сталъ насъ просвѣщать: «Нашъ батька», повѣдалъ онъ намъ: «самъ генералъ: онъ царской арміи подпоручикъ. Онъ коммунистъ настоящій, не то что петлюровцы, жидами купленные. Махно каждому позволяетъ взять по одной парѣ всего, сколько нужно, чтобы на себѣ носить. А кто больше возьметъ, тѣхъ всѣхъ разстрѣливаетъ. Мы только жидовъ и нѣмценъ рѣжемъ — они то и есть главные буржуи». «А ты, не жидовка ли будешь?» грозно спросилъ онъ у нашей хозяйки, типичной хохлушки-брюнетки, и вразумительно помахалъ передъ ней пальцей, въ которую была вдѣта ручная граната. Хозяйка показала на образа, висѣвшіе на стѣнѣ, и гроза миновала. — Махновцы, сидѣвшіе въ столовой, ушли на смѣну, и ихъ начальникъ позволилъ намъ запереть на крючокъ дверь изъ столовой въ половину квартиры, занятую отрядомъ. Всю ночь отдѣльные солдаты дергали за дверь въ надеждѣ ограбить, но при окликахъ уходили, ничего не отвѣчая. Во дворъ къ намъ былъ поставленъ пулеметъ, который стучалъ всю ночь; какъ оказалось, его чинили и пробовали. Мы всѣ, конечно, не спали и прислушивались. У махновцевъ слышно было безпрерывное движеніе и шопотъ; только впослѣдствіи мы узнали, что въ нашей квартирѣ былъ избитъ прикладами и чуть не разстрѣлянъ врачъ — сосѣдъ, который, новѣривъ, что пришедшіе солдаты петлюровцы, сталъ поносить махновцевъ. Его цѣлую ночь продержали подъ дулами ружей, ежеминутно угрожая убить, а онъ ползалъ на колѣнихъ и молилъ о пощадѣ; наконецъ его избили и подъ утро вытолкнули на улицу . . .

На разсвѣтѣ пріютившаяся у насъ пулеметная команда выстроилась въ боевой готовности передъ домомъ; на другомъ концѣ площади стояли еще петлюровцы. Послѣ ухода махновцевъ мы нашли подъ кроватью цѣлую кучу ручныхъ гранатъ. Шкафъ былъ взломанъ и все платье, и бѣлье изъ него украдено. Мы поспѣшили позвать солдатъ, чтобы вернуть имъ оставленные на память бомбы.

Припасы всѣ были съѣдены, и жена рѣшилась, пользуясь затишьемъ, выйти на площадь поискать продовольствія. Махновцы, стоявшіе тамъ, узнали ее и пустили пройти: «А, ты изъ того дома будешь? ну иди, иди; только скорѣй! А то стрѣлять надо. Мы подождемъ, но немного». Когда черезъ минутъ 10 жена вернулась, раздобывъ хлѣба, дѣйствительно началась отчаянная стрѣльба. Однако, это стрѣляла не наша знакомая махновская команда, а палила тяжелая артиллерія подоспѣвшихъ на помощь паъ Кременчуга петлюровскихъ частей. Махновцы въ безпорядкѣ разбѣгались. Имъ не удалось даже, какъ слѣдуетъ, пограбить города, не говоря уже о попыткѣ Махно организовать совмѣстно съ коммунистами совѣтскую власть. Единственное, что Махно успѣлъ въ Екатеринославѣ: это разстрѣлять прокурора окружного суда Аверьянопа — своего обвинителя въ дѣлѣ о братоубійствѣ. — Къ вечеру махновскіе отряды окончательно были изгнаны изъ Екатеринослава и разсыпались по Екатеринославской губерніи, гдѣ стали интенсивно продолжать свою дѣятельность. Объ ихъ окончательной ликвидаціи силами петлюровцевъ нельзя было и думать: слишкомъ сильные корни пустилъ Махно въ украинскомъ крестьянствѣ и слишкомъ дезорганизованы были петлюровцы. Тѣмъ не менѣе, они торжественно праздновали побѣду и прославляли происшедшія событія, какъ проявленіе крѣпости своего режима. Во всѣхъ газетахъ были напечатаны длиннѣйшія оффиціальныя сообщенія, рѣшавшія вопросы государственнаго управленія въ категоріяхъ, свойственныхъ политической мысли «Запорожской Сѣчи»... Населеніе сидѣвшее, 6 дней взаперти, хлынуло на полуразрушенныя улицы, засыпанныя осколками снарядовъ, обвалившейся штукатуркой домовъ, стекольными осколками; мертвецы всѣ были подобраны; за то поражало количество труповъ лошадей и собакъ . . . Петлюровцы хоронили павшихъ и . . . стрѣляли въ воздухъ. А населеніе ждало новаго нападенія Махно. Но оно не произошло. Очередной обстрѣлъ Екатеринослава былъ уже произведенъ регулярными частями совѣтской красной арміи.

IV

Еще дней за 10 до нападенія махновцевъ Екатеринославъ оказался отрѣзаннымъ отъ Харькова. По оффиціальной версіи вслѣдствіе занятія части желѣзнодорожнаго пути махновцами и разрушенія на этомъ промежуткѣ телеграфа. Вскорѣ послѣ «побѣды» петлюровцевъ надъ махновцами изъ Кіева пришли сильно запоздавшія извѣстія, что совѣтскія войска предприняли наступленіе на Украину и заняли Бѣлгородъ (являвшійся въ тѣ времена границей между Украиной и Великороссіей). Петлюровское правительство сообщало, что оно отправило большія силы противъ большевиковъ, и нѣсколько разъ оповѣщало объ одержанныхъ ими побѣдахъ, правда въ совершенно неопредѣленномъ тонѣ. Между тѣмъ, въ населеніи сталъ упорно ходить слухъ, что Харьковъ занятъ большевиками. Петлюровскія власти потребовали у мѣстныхъ газетъ напечатанія категорическихъ опроверженій этихъ слуховъ. Опроверженія уже были набраны и напечатаны, но . . . не успѣли газеты выйти*, какъ неожиданно началась ожесточенная артиллерійская пальба (послѣ трехнедѣльнаго отдыха). Какія войска наступаютъ на Екатеринославъ, было для населенія совершенной загадкой. О большевикахъ никто не думалъ, такъ какъ отъ Харькова до Екатеринослава больше 200 верстъ, и казалось чудовищнымъ, чтобы петлюровскія власти рѣшились скрывать отъ населенія приближеніе красной арміи, которое не могло быть внезапнымъ. Обыватель терялся въ догадкахъ, а тѣмъ

* Это было вечеромъ, а газеты выходили по утрамъ.

временемъ палили все сильнѣе и сильнѣе; снаряды снова стали разрываться въ городѣ и разрушать зданія. Снова пришлось пережить 5 кошмарныхъ дней тяжелаго артиллерійскаго боя. Не буду повторять его описанія . . . Нова была только полная неизвѣстность: жители томительно недоумѣвали, кто новый завоеватель. На вопросы объ этомъ петлюровскіе солдаты лѣниво отвѣчали: «А кто его знаетъ! Все одно — врагъ». Въ самый день, когда разбитые на голову петлюровцы бѣжали изъ Екатеринослава, по городу усиленно распространялись слухи, что пришли добровольческія войска, а по другой версіи даже французскіе солдаты, неожиданно прибывшіе въ Одессу послѣ столь долгаго заноза нія. Меньше всего ждали большевиковъ. А между тѣмъ, это были они. Въ городъ вступила регулярная красная армія подъ командой Дыбенко. Оказалось, что Харьковъ уже больше мѣсяца былъ подъ властью большевиковъ. Махновцы фигурировали, какъ мы только теперь узнали, въ качествѣ повстанческаго авангарда совѣтскихъ войскъ. — Населеніе Екатеринослава насторожилось и притаилось. Никто не рѣшался выходить на улицу. Но вскорѣ обыватель ощутилъ нѣкоторое облегченіе, такъ какъ почувствовалъ организованную армію и твердую власть. По сравненію не только съ махновцами, но и съ петлюровцами, красноармейцы производили необычайно дисциплинированное впечатлѣніе. Красноармейское офицерство ничѣмъ по виду не отличалось отъ обычнаго: оно щеголяло по улицамъ въ изысканныхъ воинскихъ нарядахъ и каталось на лихачахъ. Солдаты держались въ страхѣ и повиновеніи и производили забитое впечатлѣніе. Выдѣлялись китайцы, которые пытались грабить; послѣ нѣсколькихъ разстрѣловъ на мѣстѣ преступленія они притихли. Въ общемъ первые дни прошли такъ спокойно, что населеніе начало благословлять совѣтскій режимъ, положившій конецъ естественному состоянію. Однако вскорѣ пришлось познакомиться и съ обратной стороной медали. На 5-ый день въ Екатеринославъ пріѣхала изъ Харькова чрезвычайная комиссія по борьбѣ съ контръ-революціей и стала напряженно работать. Пошли безконечные аресты и разстрѣлы безъ суда. Хватали направо и налѣво всѣхъ, кто попадалъ подъ руки, не только былыхъ приверженцевъ гетмана, но даже и петлюровцевъ. Многихъ разстрѣливали тутъ же въ чрезвычайкѣ, послѣ перваго же допроса, часто по недоразумѣнію . . . Не было ни одной интеллигентной семьи, въ которой никто не былъ бы арестованъ. Справокъ объ арестованныхъ не давали; чрезвычайная комиссія охранялась двойной цѣпью патруля, который никого не пропускалъ въ ея стѣны . . . Дѣятельность «Ч. К.» такъ домиинировала въ городѣ, что дѣлала какъ то незамѣтной власть наскоро организованнаго президіума екатеринославскаго совѣта рабочихъ депутатовъ. Однако, и эту власть обыватель почувствовалъ вскорѣ, и прежде всего въ продовольственномъ отношеніи. Послѣ учрежденія городского комиссаріата продовольствія въ Екатеринославѣ замѣтно стали тать запасы. Прежде всегда (даже непосредственно послѣ сраженій) заваленный припасами рынокъ сразу опустѣлъ. Цѣны росли ежедневно и съ бѣшенной быстротой. За первые 3 недѣли они поднялись вдвое и стали затѣмъ рости въ геометрической прогрессіи. Причины этого на первый взглядъ страннаго явленія были чрезвычайно просты. Раздавъ населенію продовольственныя карточки, на которыя нельзя было получить никакихъ продуктовъ, даже хлѣба, такъ какъ продовольственно-кооперативнаго аппарата наладить еще не удалось, комиссаріатъ продовольствія сталъ энергично бороться съ свободой торговли. Екатеринославъ былъ оцѣпленъ заградительными отрядами, отбиравшими безжалостно у крестьянъ всѣ продукты, которые они пытались привести въ городъ. Между тѣмъ, громадные городскіе запасы продовольствія стали быстро раскупаться всякими закуночными отрядами, нахлынувшими съ сѣвера. При помощи такой системы богатый въ продовольственномъ отношеніи центръ плодороднѣйшаго края былъ превращенъ въ короткій срокъ въ голодную пустыню. И такъ какъ въ городѣ не существовало налаженной кооперативной организаціи, положеніе населенія начало становиться хуже, чѣмъ на сѣверѣ. Вѣдь заработки были несоизмѣримо ниже и, хотя большевики и повысили немедленно по прибытіи тарифныя ставки вдвое, но угнаться за ростомъ цѣнъ онѣ, конечно, не могли. Къ тому же

у совѣтскихъ органовъ въ Екатеринославѣ не было достаточно денежныхъ знаковъ. Деньги печатались въ Москвѣ и съ большими задержками доходили до Украины. Служащіе всѣхъ вѣдомствъ цѣлыми мѣсяцами оставались безъ жалованія. Въ особенно тяжеломъ положеніи оказались преподаватели учебныхъ заведеній всѣхъ разрядовъ. Имъ съ момента прихода большевиковъ (въ концѣ января) до мая ни разу не выплачивали жалованья. Отдѣльныя учрежденія посылали своихъ ходатаевъ въ Харьковъ и Кіевъ, и наиболѣе расторопные изъ нихъ возвращались съ деньгами, менѣе же счастливые съ пустыми карманами ... Понятно, какова была при такихъ условіяхъ жизнь. —

Изъ множества реформъ, съ головокружительной быстротой предпринятыхъ большевиками, разскажу только о молніеносныхъ преобразованіяхъ въ области народнаго просвѣщенія, которыя я непосредственно наблюдалъ. Комиссаромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ студентъ II-го курса горнаго института, который очень энергично принялся за дѣло. Прежде всего была предпринята реформа средней школы. Въ серединѣ учебнаго года были закрыты 8-ые классы, и юноши переведены въ высшія учебныя заведенія; вмѣсто аттестатовъ имъ были выданы удостовѣренія, что они «прослушали курсъ гимназіи». Въ каждомъ учебномъ заведеніи созваны были педагогическіе совѣты для перевыборовъ преподавателей подъ личнымъ контролемъ юнаго комиссара. Передъ выборами комиссаръ обращался къ каждому преподавателю съ вопросомъ: «Изложите Ваше политическое и педагогическое credo». Въ качествѣ полноправныхъ сочленовъ педагогическихъ совѣтовъ, даже при рѣшеніи чисто учебныхъ дѣлъ, были, кромѣ учащихся, привлечены и служители. На замѣчаніе одного изъ участниковъ такого совѣта, что въ сѣверной Россіи совѣтскій уставъ среднихъ учебныхъ заведеній не предусматриваетъ такого состава, комиссаръ отвѣтилъ: «Но вѣдь мы стремимся создать нѣчто болѣе совершенное». — Въ каждой гимназіи были учреждены коммунистическія ячейки среди учениковъ: «для надзора надъ проведеніемъ въ жизнь совѣтскихъ мѣропріятій относительно школы». Главную обязанность этихъ ячеекъ составляло доносить на преподавателей. Благодаря дѣятельности коммунистическихъ ячеекъ учебная жизнь въ школахъ была совершенно нарушена. Въ составъ ячеекъ вошли всѣ наиболѣе лѣнивыя и испорченныя дѣти, въ надеждѣ такимъ путемъ уклониться отъ учебы, что имъ дѣйствительно удавалось блестяще. Въ серединѣ урока неожиданно вставали цѣлыя группы учениковъ и безмолвно направлялись къ выходу; на изумленный вопросъ учителя: «куда вы?» — пепзмѣнно раздавался отвѣтъ: «на засѣданіе коммунистической ячейки». И учителю оставалось только смириться ... Въ Университетѣ и Горномъ Институтѣ «реформы» не зашли такъ далеко. Все дѣло тамъ свелось къ устраненію выборной администраціи во главѣ съ ректоромъ; на ихъ мѣсто были назначены единоличные комиссары — коммунисты. Комиссаромъ Университета былъ назначенъ студентъ I-го курса — мальчикъ лѣтъ 17-ти. Не имѣя ни малѣйшаго представленія о томъ, какъ взяться за управленіе Университетомъ, онъ передалъ всѣ дѣла завѣдующему канцеляріей правленія — старому и опытному канцеляристу, а самъ только то и дѣлалъ, что произносилъ агитаціонныя рѣчи на ... засѣданіяхъ факультетовъ и совѣта профессоровъ. Онъ призывалъ профессоровъ «присоединиться къ революціи», не поясняя болѣе подробно, въ чемъ такое присоединеніе должно заключаться, и угрожалъ въ противномъ случаѣ репрессіями; но власти своей комиссаръ проявить не успѣлъ, скоро ему пришлось думать о бѣгствѣ. Въ Кіевѣ былъ выработанъ планъ полнаго преобразованія высшихъ учебныхъ заведеній, но большевики въ Екатеринославѣ не дожили до его осуществленія.

V

Уже на второй мѣсяцъ большевистскаго владычества на Украинѣ снова вспыхнуло крестьянское повстанческое движеніе, превратившееся уже здѣсь въ традицію. Махно измѣнилъ большевикамъ и «объявилъ себя независимымъ». Между Кіевомъ

и Екатеринославомъ орудовали банды «Зеленаго» и «Ангела». Сообщеніе съ Кіевомъ такимъ образомъ было нарушено. Обнаружились первые признаки наступленія Деникина, занявшаго Луганскъ. Обыватель снова сталъ ждать событій, а чрезвычайка ежедневно разстрѣливала за распространеніе ложныхъ слуховъ. Колчакъ въ это время былъ въ апогеѣ своихъ военныхъ успѣховъ: ждали общерусскаго переворота. Отрѣзанные отъ Кіева и плохо связанные съ Харьковомъ совѣтскіе правители Екатеринослава совершенно были лишены денегъ; безконечныя аатрудненія съ полученіемъ жалованья усиливали вѣру въ непрочность положенія.

Каждый день распространялись слухи о занятіи Петрограда бѣлыми, о прорывѣ Колчака въ Москву, о занятіи Кіева поляками . . . Мы жили отрѣзанными отъ всего міра и не было никакой возможности провѣрять слухи. Екатеринославскія совѣтскія газеты почти не печатали телеграммъ изъ Россіи; они сообщали только о ежедневныхъ забастовкахъ и революціяхъ въ Западной Европѣ. — Тяжело было жить въ удушливой атмосферѣ совершеннаго отрыва отъ остальнаго свѣта, закупореннымъ въ замкнутый кругъ Екатеринославской совѣтской сатраніи. Такъ длилось мѣсяца два (апрѣль-май). Денегъ не было. И всѣ ждали, ждали, сами не зная чего . . . И дѣйствительно снова грянули пушки. На этотъ разъ къ Екатеринославу подступилъ атаманъ Григорьевъ съ взбунтовавшимися частями красной арміи. Григорьевъ, кадровый офицеръ царской службы, игралъ замѣтную роль при петлюровскомъ режимѣ, въ качествѣ командующаго одной изъ украинскихъ частей. При наступленіи большевиковъ на Кіевъ, онъ перешелъ на ихъ сторону и былъ назначенъ начальникомъ одной изъ красноармейскихъ дивизій, наступавшихъ на Крымъ и Одессу. Здѣсь онъ сразу отличился своими быстрыми военными успѣхами, которые заключались въ занятіи безъ боя эвакуируемыхъ бѣлыми мѣстностей. — Когда намѣтилось рѣзкое недовольство большевиками украинскихъ крестьянъ и началось повстанческое движеніе, Григорьевъ объявилъ себя лѣвымъ эс-эромъ. Выставивъ лозунгъ: «Долой комиссаровъ и жидовъ! Да здравствуютъ истинные совѣты!» — Григорьевъ нріобрѣлъ большую популярность среди своихъ солдатъ. Снесшись предварительно съ Махно, онъ снялъ свою дивизію съ южнаго фронта и повелъ вѣрныхъ ему красноармейцевъ на завоеваніе Екатеринослава, гдѣ онъ долженъ былъ соединиться съ Махно[1]). По дорогѣ Григорьевъ занялъ Кременчугъ, гдѣ было совершенно избіеніе комиссаровъ и устроенъ еврейскій погромъ. Большевикамъ было чего бояться. Получивъ извѣстіе о приближеніи Григорьева, они рѣшили эвакупировать городъ. Въ одинъ вечеръ съ быстротой молніи изъ Екатеринослава исчезли всѣ совѣтскіе дѣятели. Безпрерывно тянулись по главной улицѣ города повозки, нагруженныя совѣтскимъ добромъ. Эвакуированы были даже совѣтскія вывѣски, такъ что черезъ нѣсколько часовъ въ Екатеринославѣ не было даже слѣда пребыванія коммунистовъ. Въ городѣ оставались только красноармейскія части, заявившія о своемъ нейтралитетѣ. «Кто придетъ, аа тѣмъ и будемъ»,флегматично заявляли они и, лущa сѣмячки, спокойно сидѣли въ казармахъ. Городъ остался безъ власти. На стѣнахъ были расклеены прокламаціи, призывавшія присоединиться къ Григорьеву. — Обороняли Екатеринославъ отъ «григорьевцевъ» главнымъ образомъ отряды коммунистической молодежи, состоявшія изъ мальчиковъ отъ 12 до 17 лѣтъ. Стрѣльба на этотъ рааъ локализировалась въ одной части города; тамъ, гдѣ жилъ я, было безопасно. Я наблюдалъ издали за разрывомъ снарядовъ и гулялъ по спокойному городу, отдыхавшему безъ власти. Григорьевъ было уже занялъ часть города, но тутъ подоспѣли надежныя коммунистическія части (латышскіе стрѣлки) изъ Харькова, и григорьевцы были прогнаны. Коммунисты торжественно со всѣмъ своимъ скарбомъ въѣхали обратно въ городъ . . . и снова развѣсили всѣ совѣтскія вывѣски. Екатеринославскій гарнизонъ тутъ же отрекся отъ Григорьева. Жизнь вошла въ обычную колею, что для Екатеринослава означало: напряженное ожиданіе новаго боя въ городѣ, въ атмосферѣ, насыщенной кровавыми слухами . . . Ждали Махно, Григорьева, Деникина, еврейскихъ погромовъ.

[1]) Впослѣдствіи Махно собственноручно убилъ Григорьева, очевидно усмотрѣвъ въ немъ опаснаго конкурента.

Всѣ эти имена и понятія страннымъ и жуткимъ образомъ переплелись между собой. Удушливые пары національной ненависти стояли надъ Екатеринославскимъ болотомъ и отравляли воздухъ. «Бей жидовъ и коммисаровъ» — было самымъ популярнымъ лозунгомъ среди населенія края, и вожди различныхъ теченій не гнушались на него опереться. «Махновцы», «григорьевцы», «деникинцы», всѣ безъ различія смотрѣли на еврейскій погромъ, какъ на единоспасающее средство отъ большевистскаго ига. Гипнозъ этого настроенія былъ такъ великъ, что ему поддавались даже нѣкоторые высокопросвѣщенные общественные дѣятели либеральнаго толка. Тягостно воспоминаніе о разговорахъ, которые приходилось вести съ ними въ этой связи. «Ну что же! еврейскій погромъ, такъ погромъ! Если иначе нельзя, то пусть хотя бы такъ. Если еврейскій погромъ сталъ неизбѣжнымъ путемъ свержения большевиковъ, то его нельзя не принять съ радостью» . . . Было жутко отъ этихъ словъ, жутко за людей, которыя ихъ произносили . . . А атмосфера становилась все болѣе спертой. Давленіе ея было такъ сильно, что помимо военныхъ событій, чисто морально и психологически невозможно было ничего дѣлать. Я чувствовалъ, что задыхаюсь отъ удушья гнилыми парами Екатеринославщины, и далъ себѣ зарокъ уѣхать во что бы то ни стало. Тянуло въ Петроградъ, на который по слухамъ наступалъ англійскій дессантъ. Вотъ бы пробраться туда, пока не поздно! Выбраться изъ заколдованнаго махновскаго края и забыть поскорѣй о немъ! Это была единственная мечта . . . Каждый день распространялся слухъ, что Синельниково занято какими-то войсками. Дѣйствительно, съ Харьковомъ (не говоря уже и Кіевѣ, который былъ отрѣзанъ давно) регулярнаго сообщенія не было. Узнавъ, что организуется студенческій эшелонъ для отъѣзда изъ Екатеринослава, я поспѣшилъ къ нему присоединиться и въ товарномъ вагонѣ, прицѣпленномъ къ воинскому поѣзду, выѣхалъ изъ Екатеринослава. Когда мы проѣзжали Павлоградъ, я узналъ, что въ 12 верстахъ отъ станціи идетъ напряженный бой съ деникинскими частями. Нашъ поѣздъ былъ послѣднимъ. На слѣдующій день Павлоградъ былъ взятъ Деникинымъ, а когда я доѣхалъ до мѣста назначенія (Петрограда), я прочелъ въ газетахъ о занятіи имъ Екатеринослава. Этому городу предстояло пережить въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ не меньшее число боевъ и перемѣнъ, чѣмъ здѣсь описанные. Махно, конечно, былъ всегда въ центрѣ этихъ событій.

Документы

Документы къ «Воспоминаніямъ» ген. А. Лукомскаго.*

Телеграмма предсѣдателя Государственной Думы на имя Главнокомандующаго сѣвернаго фронта генералъ-адъютанта Рузскаго**.
27 февраля 1917 года.

«Волненія, начавшіяся въ Петроградѣ, принимаютъ стихійный характеръ и угрожающіе раамѣры. Основы ихъ недостатокъ печенаго хлѣба и слабый подвозъ муки, внушающій панику; но главнымъ образомъ полное недовѣріе къ власти, неспособной

---

* Послѣ составленія описанія Государственнаго переворота по своимъ воспоминаніямъ и по тѣмъ документамъ, которые у меня сохранились, я получилъ нѣкоторыя дополнительныя данныя и цѣлый рядъ документовъ, относящихся къ этому періоду, вывезенныхъ генераломъ Рузскимъ изъ Пскова на Кавказъ.

Къ сожалѣнію, и среди этихъ документовъ нѣтъ нѣкоторыхъ важныхъ телеграммъ, которыми обмѣнялись между собой генералъ Алексѣевъ и генералъ Рузскій. Такъ напримѣръ, нѣтъ телеграммы отъ генерала Рузскаго, которой, по приказанію Государя, на штабъ Верховнаго Главнокомандующаго возлагалось порученіе о составленіи проекта Манифеста объ отреченіи отъ престола.

Приводимые ниже документы показываютъ, что я, въ своихъ «воспоминаніяхъ», допустилъ нѣсколько серьезныхъ ошибокъ:

1. Телеграмма генерала Алексѣева на имя Главнокомандующихъ, въ которой указывалось, что создавшаяся обстановка требуетъ отреченія Государя отъ престола, послана не до пріѣзда Государя въ Псковъ, а уже во время пребыванія тамъ Его Величества.

2. Распоряженіе объ отправленіи войскъ съ сѣвернаго и западнаго фронтовъ для подавленія мятежа въ Петроградѣ было отдано вечеромъ 27 февраля (12 марта).

3. Генералъ Ивановъ, съ Георгіевскимъ батальономъ, прибылъ въ Царское Село не 28 февраля (13 марта), а 1/14 марта.

4. Дѣятельность генерала Иванова въ Царскомъ Селѣ и Петроградѣ и не могла привести къ какимъ либо положительнымъ результатамъ, ибо 2/15 марта онъ получилъ телеграмму отъ Государя ничего не предпринимать до пріѣзда Государя въ Царское Село и до личнаго доклада.

Въ ночь съ 1 14 на 2/15 марта послѣдовало Высочайшее повелѣніе вернуть обратно на фронтъ войска, посланныя въ Петроградъ.

5. Увѣдомленіе о томъ, что изъ Петрограда въ Псковъ отправляется депутація къ Государю, было получено въ Ставкѣ не 1/14, а 2/15 марта.

6. О составленіи проекта манифеста объ отреченіи отъ престола генералъ Рузскій могъ сообщить въ Ставку лишь 2 15 марта, послѣ 15 часовъ.

7. Изъ поѣзда, съ которымъ 8/21 марта Государь уѣхалъ изъ Могилева, былъ удаленъ только адмиралъ Нилова.

Графу Фредериксу и генералу Воейкову еще раньше было сообщено генераломъ Алексѣевымъ, по требованію изъ Петрограда, что имъ не разрѣшается ѣхать въ Царское Село вмѣстѣ съ Государемъ. А. Л.

** Сокращенныя названія въ телеграммахъ: «Наштаверх, Главкосѣв и проч. мною замѣнены полными наименованіями: Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, Главнокомандующій сѣвернаго фронта и т. д. А. Л.

вывести страну изъ тяжелаго положенія. На этой почвѣ несомнѣнно разовьются событія, сдержать которыя можно временно цѣной пролитія крови мирныхъ гражданъ, но которыхъ, при повтореніи, сдержать будетъ невозможно. Движеніе можетъ перебросится на желѣзныя дороги и жизнь страны замретъ въ самую тяжелую минуту. Заводы, работающіе на оборону въ Петроградѣ, останавливаются за недостаткомъ топлива и сырого матеріала, рабочіе остаются безъ дѣла, и голодная, безработная толпа вступаетъ на путь анархіи, стихійной и неудержимой. Желѣзнодорожное сообщеніе по всей Россіи въ полномъ разстройствѣ. На югѣ изъ 63 доменныхъ печей работаютъ только 28 ввиду отсутствія подвоза топлива и необходимаго матеріала. На Уралѣ изъ 92 домен ныхъпечей остановились 44, и производство чугуна, уменьшаясь изъ дня въ день, грозитъ крупнымъ сокращеніемъ производства снарядовъ.

Населеніе, опасансь неумѣлыхъ распоряженій власти, не везетъ зерновыхъ продуктовъ на рынокъ, останавливая этимъ мельницы, и угроза недостатка муки встаетъ во весь ростъ передъ арміей и населеніемъ.

Правительственная власть находится въ полномъ параличѣ и совершенно безпомощна возстановить нарушенный порядокъ. Россіи грозитъ униженіе и позоръ, ибо война при такихъ условіяхъ не можетъ быть побѣдоносно окончена. Считаю единственнымъ и необходимымъ выходомъ изъ создавшагося положенія безотлагательное призваніе лица, которому можетъ вѣрить вся страна и которому будетъ поручено составить правительство, пользующееся довѣріемъ всего населенія. За такимъ правительствомъ пойдетъ вся Россія, одушевленная вполнѣ вѣрой въ себя и въ своихъ руководителей. Въ этотъ небывалый по ужасающимъ послѣдствіямъ и страшный часъ иного выхода на свѣтлый путь нѣтъ, и я ходатайствую передъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ поддержать это мое убѣжденіе передъ Его Величествомъ, дабы предотвратить возможную катастрофу. Медлить больше нельзя, промедленіе смерти подобно. Пресѣдатель Государственной Думы Родзянко.»

Отмѣтка на телеграммѣ генерала Рузскаго:

«Очень жаль, что съ 24 по 27 февраля неудосужились сообщить о томъ, что дѣлается въ Петроградѣ. Надо думать, что и до 24 были признаки нарождающагося недовольства, грозящаго волненіями, а также и объ агитаціи среди рабочихъ и гарнизона Петрограда. Объ этомъ тоже не потрудились, можетъ быть и съ цѣлью, сообщить на фронтъ.»

Телеграмма генерала Рузскаго.

Ставка. Его Императорскому Величеству Государю Императору.

«Почитаю долгомъ представить на благовоззрѣніе Вашего Величества полученную мною отъ предсѣдателя Государственной Думы телеграмму, указывающую на грозное положеніе въ столицѣ и внутри Государства, вызывающее тревогу за судьбу Родины. Хотя армія остается проникнутой сознаніемъ долга и желанія довести войну до побѣднаго конца, тѣмъ не менѣе на ней непосредственно начинаютъ отражаться послѣдствія продовольственной и желѣзнодорожной неурядицъ, а доходящія на фронтъ свѣдѣнія о тяжеломъ кризисѣ, переживаемомъ населеніемъ, и о волненіяхъ въ Петроградѣ могутъ въ будущемъ создать условія весьма неблагопріятныя.

Нынѣ армія заключаетъ въ своихъ рядахъ представителей всѣхъ классовъ, профессій и убѣжденій, почему она не можетъ не отразить въ себѣ настроеніе страны. Поэтому дерзаю всеподданнѣйше доложить Вашему Величеству о крайней необходимости принять срочныя мѣры, которыя могли бы успокоить населеніе, вселить въ него довѣрье и бодрость духа, вѣру въ себя и свое будущее. Эти мѣры, принятыя теперь, наканунѣ предстоящаго оживленія боевой дѣятельности на фронтѣ, вольютъ новыя силы въ армію и народъ для проявленія дальнѣйшаго упорства въ борьбѣ съ врагомъ; позволяю себѣ думать, что при существующихъ условіяхъ мѣры репрессіи могутъ скорѣй обострить положеніе, чѣмъ дать необходимое, длительное удовлетвореніе. № 1147. Рузскій. 27 февраля.»

Телеграмма военнаго министра

«Ставка. Начальнику Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, копія Главнокомандующему Сѣвернаго фронта.

Положеніе въ Петроградѣ становится весьма серьезнымъ; военный мятежъ не многими оставшимися вѣрными долгу частями погасить пока не удается, напротивъ того, многія части постепенно присоединяются къ мятежникамъ. Начались пожары, бороться съ ними нѣтъ средствъ. Необходимо спѣшное прибытіе дѣйствительно надежныхъ частей, при томъ въ достаточномъ количествѣ для одновременныхъ дѣйствій въ различныхъ частяхъ города. 197. Бѣляевъ. 27 февраля.»

Разговоръ по аппарату начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго съ начальникомъ штаба сѣвернаго фронта:

«У аппарата Начальникъ Штаба. Доложите объ этомъ генералу Данилову.

У аппарата генералъ Даниловъ.

Здравствуйте Юрій Никифоровичъ. Ссылаюсь на телеграмму Главнокомандующему сѣвернымъ фронтомъ Военнаго министра отъ сегодняшняго числа № 197.

Государь Императоръ повелѣлъ:

Генералъ-адъютанта Иванова назначить Главнокомандующимъ Петроградскаго военнаго округа; въ его распоряженіе, возможно скорѣй, отправить отъ войскъ сѣвернаго фронта въ Петроградъ два кавалерійскихъ полка, по возможности изъ находящейся въ резервѣ 15-й дивизіи, два пѣхотныхъ полка изъ самыхъ прочныхъ, надежныхъ, одну пулеметную команду Кольта для Георгіевскаго батальона, который ѣдетъ изъ Ставки. Нужно назначить прочныхъ генераловъ, такъ какъ, повидимому, генералъ Хабаловъ растерялся, и въ распоряженіе генерала Иванова нужно дать надежныхъ, распорядительныхъ и смѣлыхъ помощниковъ. Войска нужно отправить съ ограниченнымъ обозомъ и организовать подвозъ хлѣба и припасовъ распоряженіемъ фронта, такъ какъ трудно сказать, что творится сейчасъ въ Петроградѣ и возможно ли тамъ обезпечить войска заботами мѣстнаго гарнизона. Обстоятельства требуютъ скораго прибытія войскъ, поэтому прошу очень соотвѣтствующихъ распоряженій и сообщите мнѣ, какіе полки будутъ назначены, для увѣдомленія генерала Иванова, который ускоренно отправляется 28 февраля съ Георгіевскимъ батальономъ. Такой же силы наряд послѣдуетъ отъ западнаго фронта, о чемъ иду говорить съ генераломъ Квѣцинскимъ*.

Минута грозная и нужно сдѣлать все для ускоренія прибытія прочныхъ войскъ. Въ этомъ заключается вопросъ нашего дальнѣйшаго будущаго. До свиданія. Алексѣевъ.»

«Могу ли предложить одинъ вопросъ? Даниловъ.»

«Если не продолжительный, то слушаю.»

«Сколько слѣдуетъ послать генераловъ, въ качествѣ помощниковъ генерала Иванова? такъ какъ я понялъ, что во главѣ каждой бригады пѣхотной и кавалерійской нужно имѣть по одному генералу, то должны ли быть отправлены бригадные командиры дивизій, или же генералы могли бы быть посланы отъ другихъ частей; тогда былъ бы шире выборъ и можно было бы отправить особъ смѣлыхъ и рѣшительныхъ. Даниловъ.»

«Конечно, было бы лучше, если бы оба генерала имѣли подъ командой свои полки, хорошо имъ извѣстные и на которые они могли бы имѣть нравственное вліяніе; но рѣшеніе этого вопроса я предоставляю Вамъ въ зависимости отъ того, кто командуетъ тѣми частями, кои отправятся въ Петроградъ. Ничего не имѣю, если поѣдутъ начальники дивизій, такъ какъ имъ прійдется подчинить тѣ запасныя части Петроградскаго гарнизона, которыя останутся вѣрными своему долгу. Алексѣевъ.»

«Слушаю, понялъ и будетъ исполнено. Даниловъ. 21 часъ 27 февраля.»

---

* Былъ Начальникомъ Штаба Западнаго фронта.

Телеграмма начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генерала Алексѣева, на имя всѣхъ Главнокомандующихъ, посланная 28 февраля (13 марта):

«Сообщаю для оріентировки: Двадцать шестого въ тринадцать часовъ сорокъ минутъ получена телеграмма генерала Хабалова о томъ, что двадцать пятаго февраля толпы рабочихъ, собиравшіяся въ различныхъ частяхъ города, были неоднократно разгоняемы полиціей и воинскими частями. Около семнадцати часовъ у Гостиннаго Двора демонстранты запѣли революціонныя пѣсни и выкинули красные флаги. На предупрежденіе, что противъ нихъ будетъ примѣнено оружіе, изъ толпы раздалось нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ, и былъ раненъ одинъ рядовой. Взводъ драгунъ спѣшился и открылъ огонь по толпѣ, при чемъ убито трое и ранено десять человѣкъ. Толпа мгновенно разсѣялась. Около восемнадцати часовъ въ нарядъ конныхъ жандармовъ была брошена граната, которой раненъ одинъ жандармъ и лошадь. Вечеръ прошелъ относительно спокойно. Двадцать пятаго февраля бастовало двѣсти сорокъ тысячъ рабочихъ. Генераломъ Хабаловымъ было объявлено о воспрещеніи скопленія народа на улицахъ и подтверждено, что всякое проявленіе безпорядка будетъ подавляться силой оружья. По донесенію генерала Хабалова съ утра двадцать шестого февраля въ городѣ спокойно. Двадцать шестого въ двадцать два часа получена телеграмма отъ предсѣдателя Государственной Думы Родзянко, сообщавшаго, что волненія, начавшіяся въ Петроградѣ, принимаютъ стихійный характеръ и угрожающіе размѣры и что начало безпорядковъ имѣло въ основаніи недостатокъ печеннаго хлѣба и слабый подвозъ муки, внушающій панику. Двадцать седьмого Военный Министръ всеподданнѣйше доноситъ, что начавшіяся съ утра въ нѣкоторыхъ войсковыхъ частяхъ волненія твердо и энергично подавляются оставшимися вѣрными своему долгу ротами и батальонами. Бунтъ еще не подавленъ, но Военный Министръ выражаетъ увѣренность въ скоромъ наступленіи спокойствія, для достиженія коего принимаются безпощадныя мѣры.

Предсѣдатель Государственной Думы двадцать седьмого, около полудня, сообщаетъ, что войска становятся на сторону населенія и убиваютъ своихъ офицеровъ. Генералъ Хабаловъ двадцать седьмого около полудня всеподданнѣйше доноситъ, что одна рота запаснаго батальона Павловскаго полка двадцать шестого февраля заявила, что не будетъ стрѣлять въ народъ. Командиръ батальона этого полка раненъ изъ толпы. Двадцать седьмого февраля учебная команда Волынскаго полка отказалась выходить противъ бунтовщиковъ и начальникъ ея застрѣлился. Затѣмъ эта команда, съ ротой этого же полка, направилась въ расположеніе другихъ запасныхъ батальоновъ и къ нимъ начали присоединяться люди этихъ частей. Генералъ Хабаловъ проситъ о присылкѣ надежныхъ частей съ фронта. Военный Министръ къ вечеру двадцать седьмого февраля сообщаетъ, что батарея, вызванная изъ Петергофа, отказалась грузиться на поѣздъ для слѣдованія въ Петроградъ. Двадцать седьмого февраля, между двадцати однимъ часомъ и двадцатью двумя, дано указаніе Главнокомандующимъ сѣвернаго и западнаго фронтовъ отправить въ Петроградъ съ каждаго фронта по два кавалерійскихъ и по два пѣхотныхъ полка съ энергичными генералами во главѣ бригадъ и по одной пулеметной командѣ Кольта для Георгіевскаго батальона, который приказано направить двадцать восьмого февраля въ Петроградъ паъ Ставки.

По Высочайшему повелѣнію Главнокомандующимъ Петроградскимъ военнымъ округомъ съ чрезвычайными полномочіями и подчиненіемъ ему всѣхъ министровъ назначенъ генералъ-адъютантъ Ивановъ.

Двадцать седьмого, около двадцати четырехъ часовъ, мною сообщено Главнокомандующимъ о необходимости подготовить мѣры къ тому, чтобы обезпечить во что бы то ни стало работу желѣзныхъ дорогъ.

Двадцать седьмого, послѣ девятнадцати часовъ, Военный Министръ сообщаетъ, что положеніе въ Петроградѣ становится весьма серьезнымъ. Военный мятежъ немногими вѣрными долгу частями погасить не удается, и войсковыя части постепенно присоединяются къ мятежникамъ. Начались пожары. Петроградъ объявленъ въ

осадномъ положеніи. Двадцать восьмого, въ два часа, послана телеграмма отъ меня Главнокомандующимъ сѣвернаго и западнаго фронтовъ о направленіи въ Петроградъ, сверхъ уже назначенныхъ войскъ, еще по одной пѣшей и конной батареѣ отъ каждаго фронта.

Двадцать восьмого, въ три часа, мною послана телеграмма командующему войсками Московскаго военнаго округа о принятіи необходимыхъ мѣръ на случай, если безпорядки перекинутся въ Москву и объ обезпеченіи работы желѣзнодорожнаго узла и прилива продовольствія.

Двадцать восьмого февраля, въ часъ, отъ генерала Хабалова получена телеграмма на Высочайшее имя, что онъ возстановить порядка въ столицѣ не могъ. Большинство частей измѣнило своему долгу и многіе перешли на сторону мятежниковъ. Войска, оставшіяся вѣрными долгу, послѣ борьбы въ продолженіи всего дня, понесли большія потери.

Къ вечеру мятежники овладѣли большей частью столицы и оставшіяся вѣрными присягѣ небольшія части разныхъ полковъ стянуты у Зимняго Дворца.

Двадцать восьмого февраля, въ два часа, Военный Министръ сообщаетъ, что мятежники заняли Маріинскій Дворецъ и тамъ находятся члены революціоннаго правительства. Двадцать восьмого февраля, въ восемь часовъ двадцать пять минутъ, генералъ Хабаловъ доноситъ, что число оставшихся вѣрными долгу уменьшилось до шестисотъ человѣкъ пѣхоты и до пятисотъ всадниковъ при пятнадцати пулеметахъ и двѣнадцати орудіяхъ, имѣющихъ всего восемьдесятъ патроновъ и что положеніе до чрезвычайности трудное.

Головной эшелонъ пѣхотнаго полка, отправляемый съ сѣвернаго фронта, подойдетъ къ Петрограду примѣрно къ утру перваго марта.

Государь Императоръ, въ ночь съ 27 на 28 февраля, изволилъ отбыть въ Царское Село. По частнымъ свѣдѣніямъ революціонное правительство вступило въ управленіе Петроградомъ, объявивъ въ своемъ манифестѣ переходъ на его сторону четырехъ гвардейскихъ запасныхъ полковъ, о занятіи арсенала, Петропавловской крѣпости, главнаго артиллерійскаго управленія.

Только что получена телеграмма Военнаго министра, что мятежники во всѣхъ частяхъ города овладѣли важнѣйшими учрежденіями. Войска подъ вліяніемъ утомленія и пропаганды бросаютъ оружіе, переходятъ на сторону мятежниковъ, или становится нейтральными. Все время на улицахъ идетъ безпорядочная стрѣльба; всякое движеніе прекращено; появляющихся офицеровъ и нижнихъ чиновъ на улицахъ разоружаютъ.

Министры всѣ цѣлы, но работа министерствъ, повидимому, прекратилась.

По частнымъ свѣдѣніямъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта Щегловитовъ арестованъ. Въ Государственной Думѣ образовался совѣтъ лидеровъ партій для сношенія революціоннаго правительства съ учрежденіями и лицами; назначены дополнительные выборы въ Петроградскій совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ отъ рабочихъ и мятежныхъ войскъ.

Только что получена отъ генерала Хабалова телеграмма, изъ которой видно, что фактически вліять на событія онъ больше не можетъ. Сообщая объ этомъ, прибавляю, что на всѣхъ насъ легъ священный долгъ передъ Государемъ и Родиной сохранить вѣрность долгу и присягѣ въ войскахъ дѣйствующихъ армій, обезпечить желѣзнодорожное движеніе и приливъ продовольственныхъ запасовъ. 1813. Алексѣевъ. 28 февраля.»

Телеграмма помощника начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго Клембовскаго съ передачей копіи телеграммы генерала Алексѣева:

«Главнокомандующимъ. Копія телеграммы генерала Алексѣева генералъ-адъютанту Иванову въ Царское Село: Частныя свѣдѣнія говорятъ, что 28 февраля Петроградѣ наступило полное спокойствіе, войска примкнули Временному Правительству

полномъ составѣ, приводятся порядокъ. Временное Правительство подъ предсѣдательствомъ Родзянко засѣдаетъ Государственной Думѣ; пригласило командировъ воинскихъ частей для полученія приказаній по поддержанію порядка. Воззваніе къ населенію, выпущенное Временнымъ Правительствомъ, говоритъ о необходимости монархическаго начала Россіи и необходимости новыхъ выборовъ для выбора и назначенія Правительства. Жду нетерпѣніемъ пріѣзда Его Величества, чтобы представить ему изложенное и просьбу принять эти пожеланія народа. Если эти свѣдѣнія вѣрны, то измѣняются способы вашихъ дѣйствій; переговоры приведутъ умиротворенію, дабы избѣжать позорной междуусобицы, столь желанной нашему врагу, дабы сохранить учрежденія, заводы и пустить въ ходъ работы.

Воззваніе новаго министра путей сообщеній Бубликова къ желѣзнодорожникамъ, мною полученное кружнымъ путемъ, зоветъ къ усиленной работѣ всѣхъ, дабы наладить разстроенный транспортъ. Доложите Его Величеству все это и убѣжденіе, что дѣло можно привести мирно хорошему концу, который укрѣпитъ Россію. 1833. Алексѣевъ. 1846. Клембовскій. 28 февраля 1917 года.

Телеграмма Главнокомандующему сѣвернаго фронта отъ Предсѣдателя Государственной Думы:

«Временный комитетъ членовъ Государственной Думы сообщаетъ Вашему Высокопревосходительству, что, ввиду устраненія отъ управленія всего состава бывшаго совѣта министровъ, Правительственная власть перешла въ настоящее время къ временному комитету Государственной Думы. Предсѣдатель Государственной Думы Родзянко. 1 марта 1917 года.

Телеграмма Дворцоваго Коменданта:

Изъ Старой Руссы. Псковъ. Генералъ-адъютанту Рузскому:

«Его Величество слѣдуетъ черезъ Дно-Псковъ. Прошу распоряженія о безпрепятственномъ проѣздѣ. 95. Дворцовый Комендантъ Воейковъ. 13 ч. 5 м. 1 марта.»

Телеграмма на имя генерала Алексѣева отъ начальника штаба сѣвернаго фронта:

«Ввиду ожидающагося черезъ два часа прослѣдованія черезъ Псковъ поѣзда Лит. Главнокомандующій сѣвернаго фронта проситъ оріентировать его срочно, для возможности соотвѣтствующаго доклада, откуда у начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго свѣдѣнія заключающіяся телеграммѣ 1833. 1 марта 15 ч. 45 м. 1193. Даниловъ.»

Телеграмма генералъ-квартирмейстера Верховнаго Главнокомандующаго на имя начальника штаба сѣвернаго фронта:

«По приказанію Начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго передаю для доклада Главнокомандующему сѣвернаго фронта съ просьбою генералъ-адъютанта Алексѣева доложить Государю.

Первое — въ Кронштадтѣ безпорядки. Части ходятъ по улицамъ съ музыкой. Вице адмиралъ Курошъ доноситъ, что приняты мѣры къ усмиренію съ тѣмъ составомъ, который имѣется въ гарнизонѣ, онъ не находитъ возможнымъ, такъ какъ не можетъ ручаться ни за одну часть.

Второе — генералъ Мрозовскій сообщаетъ, что Москва охвачена возстаніемъ и войска переходятъ на сторону мятежниковъ.

Третье — адмиралъ Непенинъ доноситъ, что онъ не призналъ возможнымъ протестовать противъ призыва временнаго комитета и такимъ образомъ Балтійскій флотъ призналъ Временный Комитетъ Государственной Думы. Свѣдѣнія, заключающіяся

въ телеграммѣ 1833, получены изъ Петрограда изъ различныхъ источниковъ и считаются достовѣрными.

Если будетъ хоть малѣйшее сомнѣніе, что литерные поѣзда могутъ не дойти до Пскова, надлежитъ принять всѣ мѣры для доставленія доклада по принадлежности, пославъ хотя бы экстреннымъ поѣздомъ съ надежнымъ офицеромъ и командой нижнихъ чиновъ для исправленія пути, если бы это имѣло мѣсто.

Генералъ Алексѣевъ нездоровъ и прилегъ отдохнуть, почему я и подписываю ату телеграмму. 1 марта 1917 г. 17 ч. 15 м. Лукомскій.»

Разговоръ по прямому проводу помощника начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго съ генералъ-квартирмейстеромъ штаба сѣвернаго фронта:

«Здѣсь у аппарата генералъ Болдыревъ.»

«У аппарата генералъ Клембовскій.»

«Начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго и Великій князь Сергѣй Михайловичъ просятъ Главнокомандующаго всеподданнѣйше доложить Его Величеству о безусловной необходимости принятія тѣхъ мѣръ, которыя указаны въ телеграммѣ генерала Алексѣева Его Величеству, такъ какъ имъ это представляется единственнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія.

Такъ какъ Главнокомандующій, повидимому, держится тѣхъ же взглядовъ, какъ и начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, то исполненіе просьбы ихъ не представитъ затрудненія для него и, быть можетъ, закончится успѣшно.

Великій князь Сергѣй Михайловичъ, съ своей стороны, полагаетъ, что наиболѣе подходящимъ лицомъ былъ бы Родзянко, пользующійся довѣріемъ.

Передайте пожалуйста все это на вокзалѣ Главнокомандующему по возможности безотлагательно до прихода поѣзда. Клембовскій.»

«Здравія желаю Ваше Высокопревосходительство. Приказаніе Ваше будетъ точно исполнено и беззамедлительно; поѣздъ Его Величества пока еще не прибылъ. Не будетъ ли еще какихъ либо указаній съ вашей стороны? Болдыревъ.»

«Могу лишь прибавить одно — время не терпитъ, есть много вопросовъ, которые надлежитъ разрѣшить, между тѣмъ обращаться не къ кому. Клембовскій. 1 марта 1917 г. 17 ч. 45 м.»

Телеграмма генерала Алексѣева, посланная въ Псковъ на имя Государя 1-го марта:

«Его Императорскому Величеству.

Ежеминутно растущая опасность распространенія анархіи по всей странѣ, дальнѣйшаго разложенія арміи и невозможности продолженія войны при создавшейся обстановкѣ настоятельно требуютъ немедленнаго изданія Высочайшаго акта, могущаго еще успокоить умы, что возможно только путемъ призванія отвѣтственнаго министерства и порученія составленія его предсѣдателю Государственной Думы.

Поступающія свѣдѣнія даютъ основаніе надѣяться на то, что думскіе дѣятели, руководимые Родзянко, еще могутъ остановить всеобщій развалъ и что работа съ ними можетъ пойти, но утрата всякаго часа уменьшаетъ послѣдніе шансы на сохраненіе и возстановленіе порядка и способствуетъ захвату власти крайними лѣвыми элементами. Ввиду этого усердно умоляю Ваше Императорское Величество соизволить на немедленное опубликованіе изъ Ставки нижеслѣдующаго манифеста:

«Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Грозный и жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы для борьбы съ нашей Родиной. Близокъ рѣшительный часъ. Судьбы Россіи, честь геройской нашей арміи, благополучіе народа, все будущее дорогого намъ отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца.

Стремясь сильнѣе сплотить всѣ силы народныя для скорѣйшаго достиженія побѣды, я призналъ необходимымъ призвать отвѣтственное передъ представителями народа Министерство, возложивъ образованіе его на предсѣдателя Государственной Думы Родзянко, изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ всей Россіи.

Уповаю, что всѣ вѣрные сыны Россіи, тѣсно объединившись вокругъ престола и народнаго представительства, дружно помогутъ доблестной арміи завершить ея великій подвигъ.

Во имя нашей возлюбленной Родины призываю всѣхъ русскихъ людей къ исполненію своего святого долга передъ нею, дабы вновь явить, что Россія столь же несокрушима, какъ и всегда, и что никакія козни враговъ не одолѣютъ ее. Да поможетъ намъ Господь Богъ.» 1865. Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ. 1 марта 1917 г.»*

Начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго отъ начальника штаба сѣвернаго фронта:

«Для свѣдѣнія докладываю: оба литерныхъ поѣзда Псковъ. Дальнѣйшій ихъ маршрутъ не выясненъ. 1 марта 22 ч. 30 м. 1213. Даниловъ.»

Разговоръ начальника штаба сѣвернаго фронта по прямому проводу со штабомъ Петроградскаго военнаго округа (1 марта въ 23 ч. 30 м.)

«У аппарата начальникъ штаба арміи сѣвернаго фронта генералъ Даниловъ. Съ кѣмъ я говорю?»

«Съ помощникомъ начальника штаба Петроградскаго округа полковникомъ Сиреліусомъ.»

Генералъ Даниловъ, по порученію генерала Рузскаго, просилъ выяснить, когда предсѣдатель Государственной Думы можетъ подойти къ аппарату, чтобы переговорить съ Главнокомандующимъ сѣвернаго фронта по крайне срочному и отвѣтственному дѣлу.

М. В. Родзянко, черезъ полковника Сиреліуса, отвѣтилъ, что будетъ у аппарата въ $2^1/_2$ часа ночи (съ 1 на 2 марта).

Телеграмма Государя на имя генералъ-адъютанта Иванова въ Царское Село:

«Надѣюсь прибыли благополучно.

Прошу до моего пріѣзда и доклада мнѣ никакихъ мѣръ не предпринимать. Николай. 2 марта 0 ч. 20 м.»**

---

* Эта телеграмма была доложена Государю генераломъ Рузскимъ 1/14 марта въ $23^1/_2$ часа. Государь согласился подписать этотъ манифестъ и опубликовать его 2/15 марта. Но послѣдующія событія показали, что принятое Государемъ рѣшеніе уже не достигнетъ успокоенія и манифестъ не былъ опубликованъ.

** Такимъ образомъ, если бъ генералу Иванову и удалось приступить къ какимъ либо рѣшительнымъ мѣрамъ для подавленія мятежа, то эта телеграмма должна была его заставить ничего не предпринимать до пріѣзда Государя.

Тогда же, т. е. въ ночь съ 1/14 на 2/15 марта, послѣ доклада генерала Рузскаго, Государь приказалъ вернуть на фронтъ всѣ тѣ части, которыя были двинуты въ Петроградъ для подавленія мятежа силой.

Телеграмма генералъ-квартирмейстера штаба сѣвернаго фронта на имя генералъ-квартирмейстера Верховнаго Главнокомандующаго:

«Начальникъ штаба поручилъ мнѣ сообщить для доклада помощнику начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго:

Первое, что въ два съ половиной часа сегодня второго марта Главнокомандующій сѣв. фронта будетъ говорить по аппарату съ Предсѣдателемъ Государственной Думы Родзянко по особому уполномочію Его Величества. Есть надежда на благопріятное разрѣшеніе.

Второе — у насъ имѣются свѣдѣнія, что гарнизонъ Луги перешелъ на сторону комитета. Эшелоны войскъ, предназначенные распоряженіе генералъ-адъютанта Иванова, задержались Царскимъ поѣздомъ между Двинскомъ и Псковомъ. Ввиду событій Лугѣ возникаетъ вопросъ о ихъ обратномъ возвращеніи, о чемъ Главнокомандующій сѣв. фронта будетъ имѣть всеподданнѣйшій докладъ у Государя. Генералъ Даниловъ уѣхалъ на вокзалъ доложить Главнокомандующему о времени разговора его по аппарату съ предсѣдателемъ Гос. Думы. Псковъ. 2 марта 0 ч. 50 м. 1215. Болдыревъ.»

Телеграмма начальника штаба сѣвернаго фронта командующему пятой арміей, помощнику начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго и начальнику военныхъ сообщеній сѣвернаго фронта:

«Ввиду невозможности продвигать эшелоны далѣе Луги и нежелательности сконленія ихъ на линіи, особенно Псковѣ, и разрѣшенія Государя Императора вступить Главнокомандующему сѣв. фронтомъ сношеніе предсѣдателемъ Государственной Думы, послѣдовало Высочайшее соизволеніе вернуть войска, направленныя станцію Александровскую, обратно Двинскій раіонъ, гдѣ расположить ихъ распоряженіемъ командующаго пятой арміей. 1 ч. 2 марта. 1216. Даниловъ.»

Разговоръ по прямому проводу генерала Рузскаго съ Родзянко. Начало разговора 3 ч. 30 м. 2 марта 1917 г.

«Доложите генералу Рузскому, что подходитъ къ аппарату предсѣдатель Гос. Думы Родзянко.»

«У аппарата генералъ-адъютантъ Рузскій.»

«Здравствуйте, Михаилъ Владиміровичъ, сегодня около 7 ч. вечера прибылъ въ Псковъ Государь Императоръ.

Его Величество при встрѣчѣ мнѣ высказалъ, что ожидаетъ вашего пріѣзда.

Къ сожалѣнію, аатѣмъ выяснилось, что Вашъ пріѣздъ не состоится, чѣмъ я былъ глубоко огорченъ. Прошу разрѣшенія говорить съ Вами съ полной откровенностью — это требуетъ серьезность переживаемаго времени. Прежде всего я просилъ бы Васъ меня освѣдомить, сообщивъ истинную причину отмѣны Вашего прибытія въ Псковъ. Знаніе этой причины необходимо для дальнѣйшей бесѣды. Рузскій.»

«Здравствуйте, Николай Владиміровичъ, очень сожалѣю, что не могу пріѣхать; съ откровенностью скажу — причины моего непріѣзда двѣ: во первыхъ эшелоны, высланные Вами въ Петроградъ, взбунтовались; вылѣзли въ Лугѣ изъ вагоновъ; объявили себя присоединившимися къ Государственной Думѣ; рѣшили отнимать оружье и никого не пропускать, даже литерные поѣзда; мною немедленно приняты были мѣры, чтобы путь для проѣзда Его Величества былъ свободенъ; не знаю, удастся ли это.

Вторая причина — полученныя мною свѣдѣнія, что мой пріѣздъ можетъ повлечь за собой нежелательныя послѣдствія; невозможность оставить раабушевавшіяся народныя страсти безъ личнаго присутствія, такъ какъ до сихъ поръ вѣрятъ только мнѣ и исполняютъ только мои приказанія. Родзянко.»

«Изъ бесѣдъ, которыя Его Величество велъ со мной сегодня, выяснилось, что Государь Императоръ сначала предполагалъ предложить Вамъ составить министерство,

отвѣтственное передъ Его Величествомъ, но затѣмъ, идя на встрѣчу общему желанію законодательныхъ учрежденій и народа, отпуская меня, Его Величество выразилъ окончательное рѣшеніе, и уполномочилъ меня довести до Вашего свѣдѣнія объ этомъ, — дать отвѣтственное передъ законодательными палатами министерство, съ порученіемъ Вамъ образовать кабинетъ. Если желаніе Его Величества найдетъ въ Васъ откликъ, то спроектированъ манифестъ, который я сейчасъ же передамъ Вамъ. Манифестъ этотъ могъ бы быть объявленъ сегодня 2 марта съ помѣткой «Псковъ». Не откажите въ Вашихъ соображеніяхъ по всему изложенному. Рузскій.»

«Я прошу Васъ проектъ манифеста, если возможно, передать теперь же. Очевидно, что Его Величество и Вы не отдаете себѣ отчета въ томъ, что здѣсь происходитъ; настала одна изъ страшнѣйшихъ революцій, побороть которую будетъ не такъ легко; въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ, я неуклонно, при каждомъ моемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, предупреждалъ Государя Императора о надвигающейся грозѣ, если не будутъ немедленно сдѣланы уступки, которыя могли бы удовлетворить страну. Я долженъ Вамъ сообщить, что, въ самомъ началѣ движенія, власти, въ лицѣ министровъ, стушевались и не принимали рѣшительно никакихъ мѣръ предупредительнаго характера; немедленно же началось братаніе войскъ съ народными толпами; войска не стрѣлили, а ходили по улицамъ, и толпа имъ кричала — «ура!» Перерывъ занятій законодательныхъ учрежденій подлилъ масла въ огонь и, мало по малу, наступила такая анархія, что Гос. Думѣ вообще, а мнѣ въ частности, оставалось только попытаться взять движеніе въ свои руки и стать во главѣ, для того чтобы избѣжать такой анархіи, при такомъ разслоеніи, которое грозило бы гибелью Государству.

Къ сожалѣнію, мнѣ это далеко не удалось; народныя страсти такъ разгорѣлись, что сдержать ихъ врядъ ли будетъ возможно; войска окончательно деморализованы: не только не слушаются, но убиваютъ своихъ офицеровъ; ненависть къ Государынѣ Императрицѣ дошла до крайнихъ предѣловъ; вынужденъ былъ, во избѣжаніе кровопролитія, всѣхъ министровъ, кромѣ военнаго и морского, заключить въ Петропавловскую крѣпость. Очень опасаюсь, что такая же участь постигнетъ и меня, такъ какъ агитація направлена на все, что болѣе умѣренно и ограничено въ своихъ требованіяхъ; считаю нужнымъ Васъ освѣдомить, что то, что предполагается Вами — не достаточно и династическій вопросъ поставленъ ребромъ.

Сомнѣваюсь, чтобы съ этимъ можно было справиться. Родзянко.»

«Ваши сообщенія, Михаилъ Владиміровичъ, дѣйствительно рисуютъ обстановку въ другомъ видѣ, чѣмъ она рисовалась здѣсь, на фронтѣ. Если страсти не будутъ умиротворены, то вѣдь нашей родинѣ грозитъ анархія на долго и это, прежде всего, отразится на исходѣ войны; между тѣмъ, затративъ столько жизней на борьбу съ непріятелемъ, нельзя теперь останавливаться на полдорогѣ и необходимо довести ее до конца, соотвѣтствующаго нашей великой Родинѣ; надо найти средство для умиротворенія страны.

Прежде передачи Вамъ текста манифеста не можете ли Вы мнѣ сказать, въ какомъ видѣ намѣчается рѣшеніе династическаго вопроса. Рузскій.»

«Съ болью въ сердцѣ буду теперь отвѣчать, Николай Владиміровичъ.

Еще разъ повторяю — ненависть къ династіи дошла до крайнихъ предѣловъ, но весь народъ, съ кѣмъ бы я ни говорилъ, выходя къ толпамъ и войскамъ, рѣшилъ твердо — войну довести до побѣднаго конца и въ руки нѣмцамъ не даваться.

Къ Государственной Думѣ примкнулъ весь Петроградскій и Царскосельскій гарнизоны; то же повторяется во всѣхъ городахъ; нигдѣ нѣтъ разногласія; вездѣ войска становятся на сторону Думы и народа, и грозныя требованія отреченія въ пользу сына, при регенствѣ Михаила Александровича, становятся опредѣленнымъ требованіемъ.

Повторяю, съ страшной болью передаю Вамъ объ этомъ, но что же дѣлать; въ то время, когда народъ въ лицѣ своей доблестной арміи проливалъ свою кровь и несъ неисчислимыя жертвы — Правительство положительно издѣвалось надъ нами; вспомните освобожденіе Сухомлинова; Распутина и всю его клику; вспомните Маклакова,

Штюрмера, Протопопова; всѣ стѣсненія горячаго порыва народа помогать по мѣрѣ силъ войнѣ; назначеніе князя Голицына; разстройство транспорта, денежнаго обращенія; непринятіе никакихъ мѣръ къ смягченію условій жизни; постоянное измѣненіе состава законодательной палаты въ нежелательномъ смыслѣ; постоянные аресты, погоня и розыскъ несуществовавшей тогда еще революціи — вотъ тѣ причины, которыя привели къ этому печальному концу.

Тяжелый отвѣтъ передъ Богомъ ваяла на себя Государыня Императрица, отвращая Его Величество отъ народа.

Его присылка генерала Иванова съ георгіевскимъ батальономъ только подлила масла въ огонь и приведетъ только къ междуусобному сраженію, такъ какъ сдержать войска, не слушающія своихъ офицеровъ и начальниковъ, нѣтъ рѣшительно никакой возможности; кровью обливается сердце при видѣ того, что происходитъ. Прекратите присылку войскъ, такъ какъ они дѣйствовать противъ народа не будутъ. Остановите ненужныя жертвы. Родзянко.»

«Все, что Вы, Михаилъ Владиміровичъ, сказали, тѣмъ печальнѣй, что предполагавшійся пріѣздъ Вашъ какъ бы предрѣшалъ возможность соглашенія и быстраго умиротворенія Родины; Ваши указанія на ошибки, конечно, вѣрны, но вѣдь это ошибки прошлаго, которыя въ будущемъ повторяться не могутъ, при предполагаемомъ способѣ разрѣшенія переживаемаго кризиса; подумайте, Михаилъ Владиміровичъ, о будущемъ; необходимо найти такой выходъ, который далъ бы немедленное умиротвореніе. Войска на фронтѣ съ томительной тревогой и тоской оглядываются на то, что дѣлается въ тылу, а начальники лишены авторитетнаго слова сдѣлать имъ надлежащее разъясненіе. Переживаемый кризисъ надо ликвидировать возможно скорѣй, чтобы вернуть арміи возможность смотрѣть только впередъ въ сторону непріятеля. Войска въ направленіи Петрограда съ фронта были отправлены по общей директивѣ изъ Ставки, но теперь этотъ вопросъ ликвидируется; генералъ-адъютанту Иванову нѣсколько часовъ тому назадъ Государь Императоръ далъ указаніе не предпринимать ничего, до личнаго свиданія; эти телеграммы посланы черезъ Петроградъ и остается только пожелать, чтобы онѣ скорѣй дошли до генерала Иванова.

Равнымъ образомъ Государь Императоръ изволилъ выразить согласіе, и уже послана телеграмма, два часа тому назадъ, вернуть на фронтъ все, что было въ пути. Вы видите, что со стороны Его Величества принимаются какія только возможно мѣры, и было бы въ интересахъ Родины и той отечественной войны, которую мы ведемъ, желательнымъ, чтобы починъ Государя нашелъ бы отзывъ въ сердцахъ тѣхъ, кои могутъ остановить пожаръ. Рузскій.» (Затѣмъ передается проектъ манифеста, предложеннаго генералъ-адъютантомъ Алексѣевымъ.)

«Если будетъ признано необходимымъ внести какія либо частичныя поправки, сообщите мнѣ, равно какъ и объ общей схемѣ такового. Въ заключеніе скажу, Михаилъ Владиміровичъ, я сегодня сдѣлалъ все, что подсказывало мнѣ сердце и что могъ для того, чтобы найти выходъ для обезпеченія спокойствія теперь и въ будущемъ, а также, чтобы арміямъ въ кратчайшій срокъ обезпечить возможность спокойной работы; этого необходимо достигнуть въ кратчайшій срокъ; приближается весна, и намъ нужно сосредоточить всѣ наши усилія на подготовкѣ къ активнымъ дѣйствіямъ и на согласованіе ихъ съ дѣйствіями нашихъ союзниковъ; мы обязаны думать также о нихъ; каждый день, скажу болѣе, каждый часъ въ дѣлѣ водворенія спокойствія крайне дорогъ. Рузскій.»

«Вы, Николай Владиміровичъ, истерзали въ конецъ и такъ растерзанное сердце; по тому позднему часу, въ который мы ведемъ разговоръ, Вы можете себѣ представить, какая на мнѣ лежитъ огромная работа, но, повторяю Вамъ, я самъ вишу на волоскѣ, и власть ускользаетъ у меня изъ рукъ; анархія достигаетъ такихъ размѣровъ, что я вынужденъ былъ сегодня ночью назначить временное правительство.

Къ сожалѣнію, манифестъ запоздалъ; его надо было издать послѣ моей первой телеграммы немедленно, о чемъ я просилъ Государя Императора; время упущено и возврата нѣтъ; повторяю Вамъ еще разъ: народныя страсти разгорѣлись въ области

ненависти и негодованія; наша славная армія не будетъ ни въ чемъ нуждаться; въ этомъ полное единеніе всѣхъ партій, и желѣзнодорожное сообщеніе не будетъ затруднено; надѣемся также, что послѣ воззванія временнаго правительства крестьяне и всѣ жители повезутъ хлѣбъ, снаряды (?!) и другіе предметы снаряженія; запасы весьма многочисленны, такъ какъ объ этомъ всегда заботились общественныя организаціи и особое совѣщаніе.

Молю Бога, чтобы Онъ далъ силы удержаться хотя бы въ предѣлахъ теперешняго разстройства умовъ, мыслей и чувствъ, но боюсь, какъ бы не было еще хуже.

Больше ничего не могу Вамъ сказать; помогай Вамъ Богъ, нашему славному вождю, въ битвѣ уничтожить проклятаго нѣмца, о чемъ въ обращеніи, посланномъ къ арміи отъ комитета Государственной Думы, говорится опредѣленно въ видѣ пожеланія успѣховъ и побѣдъ. Желаю Вамъ спокойной ночи, если только вообще въ эти времена кто либо можетъ спать спокойно. Глубокоуважающій Васъ и душевно преданный Родзянко.»

«Михаилъ Владиміровичъ, еще нѣсколько словъ; дай, конечно, Богъ, чтобы Ваши предположенія въ отношеніи арміи оправдались, но имѣйте въ виду, что всякій насильственный переворотъ не можетъ пройти безслѣдно; что если анархія, о которой Вы говорите, перекинется въ армію и начальники потеряютъ авторитетъ власти?

Подумайте, что будетъ тогда съ родиной нашей? Въ сущности конечная цѣль одна — отвѣтственное передъ народомъ министерство и есть для сего нормальный путь для достиженія цѣли — въ перемѣнѣ порядка управленія Государствомъ. ДайБогъ Вамъ здравія и силъ для Вашей отвѣтственной работы. Глубоко уважающій Васъ Рузскій.»

«Николай Владиміровичъ, не забудьте, что переворотъ можетъ быть добровольный и вполнѣ безболѣзненный для всѣхъ, и тогда все кончится въ нѣсколько дней; одно могу сказать: ни кровопролитія, ни ненужныхъ жертвъ не будетъ. Я этого не допущу. Желаю всего лучшаго. Родзянко.»

«Дай Богъ, чтобы все было такъ, какъ Вы говорите. Послѣднее слово: скажите Ваше мнѣніе, нужно ли выпускать манифестъ? Рузскій.»

«Я право не знаю, какъ Вамъ отвѣчать; все зависитъ отъ событій, которыя летятъ съ головокружительной быстротой. Родзянко.»

«Я получилъ указаніе передать въ Ставку объ его напечатаніи, а по сему это и сдѣлаю, а за тѣмъ пусть, что будетъ. Разговоръ нашъ доложу Государю. Рузскій.»

«Ничего противъ этого не имѣю и даже прошу объ этомъ. Родзянко.»

Разговоръ оконченъ въ 7½ часовъ (утра) 2 марта и переданъ въ Ставку Начальнику Штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

Телеграмма Государя:

«Начальнику Штаба. Ставка.

1865. Можно объявить представленный манифестъ*, помѣтивъ его Псковомъ. 1223. Николай. 2 марта 5 ч. 15 м.»

Разговоръ по телеграфу генералъ-квартирмейстера Верховнаго Главнокомандующаго съ начальникомъ штаба сѣвернаго фронта:

Начало разговора 9 часовъ 2 марта 1917 года.

«У аппарата генералъ Даниловъ.»

«Здравствуй, Юрій Никифоровичъ, у аппарата Лукомскій.

Генералъ Алексѣевъ проситъ сейчасъ же доложить Главнокомандующему, что необходимо разбудить Государя и сейчасъ же доложить ему о разговорѣ генерала Рузскаго съ Родзянко.

Переживаемъ слишкомъ серьезный моментъ, когда рѣшается вопросъ не одного Государя, а всего Царствующаго Дома и Россіи. Генералъ Алексѣевъ убѣдительно проситъ безотлагательно это сдѣлать, такъ какъ теперь важна каждая минута и всякіе этикеты должны быть отброшены.

* Объ образованіи отвѣтственнаго министерства.

Генералъ Алексѣевъ проситъ, по выясненіи вопроса, немедленно сообщить оффиціально и со стороны высшихъ военныхъ властей сдѣлать необходимое сообщеніе въ арміи, ибо неизвѣстность хуже всего и грозитъ тѣмъ, что начнется анархія въ арміи.

Это оффиціально, а теперь прошу тебя доложить отъ меня генералу Рузскому, что, по моему глубокому убѣжденію, выбора нѣтъ и отреченіе должно состояться. Надо помнить, что вся Царская Семья находится въ рукахъ мятежныхъ войскъ, ибо, по полученнымъ свѣдѣніямъ, дворецъ въ Царскомъ Селѣ занятъ войсками, какъ объ этомъ вчера уже сообщалъ вамъ генералъ Клембовскій. Если не согласятся, то, вѣроятно, произойдутъ дальнѣйшіе эксцессы, которые будутъ угрожать Царскимъ дѣтямъ, а затѣмъ начнется междуусобная война, и Россія погибнетъ подъ ударами Германіи, и погибнетъ династія. Мнѣ больно это говорить, но другого выхода нѣтъ. Я буду ждать твоего отвѣта. Лукомскій.»

«Генералъ Рузскій черезъ часъ будетъ съ докладомъ у Государя и поэтому я не вижу надобности будить Главнокомандующаго, который только что, сію минуту, заснулъ и черезъ полчаса встанетъ; выигрыша во времени не будетъ никакого. Что касается неизвѣстности, то она, конечно, не только тяжка, но и грозна, однако, и ты, и генералъ Алексѣевъ отлично знаете характеръ Государя и трудность получить отъ него опредѣленное рѣшеніе; вчера, весь вечеръ, до глубокой ночи, прошелъ въ убѣжденіи поступиться въ пользу отвѣтственнаго министерства. Согласіе было дано только къ двумъ часамъ ночи, но, къ глубокому сожалѣнію, оно, какъ это въ сущности и предвидѣлъ Главнокомандующій, явилось запоздалымъ; очень осложнила дѣло посылка войскъ генералъ-адъютанта Иванова; я убѣжденъ, сожалѣю, почти въ томъ, что несмотря на убѣдительность рѣчей Николая Владиміровича и прямоту его, едва ли возможно будетъ получить опредѣленное рѣшеніе; время безнадежно будетъ тянуться, вотъ та тяжкая картина и та драма, которая происходитъ здѣсь.

Между тѣмъ исполнительный комитетъ Государственной Думы шлетъ рядъ извѣщеній и заявляетъ, что остановить потокъ нѣтъ никакой возможности. Два часа тому назадъ Главнокомавдующій вынужденъ былъ отдать распоряженіе о томъ, чтобы не препятствовали распространенію заявленій, которыя клонятся къ сохраненію спокойствія среди населенія и къ приливу продовольственныхъ средствъ; другого исхода не было.

Много горячихъ доводовъ высказалъ генералъ Рузскій въ разговорѣ съ Родзянко въ пользу оставленія во главѣ Государя съ отвѣтственнымъ передъ народомъ министерствомъ, но видимо время упущено и едва ли возможно разсчитывать на такое сохраненіе.

Вотъ пока все, что я могу сказать.

Повторяю — отъ доклада генерала Рузскаго я не жду опредѣленныхъ рѣшеній. Даниловъ.»

«Дай Богъ, чтобы генералу Рузскому удалось убѣдить Государя. Въ его рукахъ теперь судьба Россіи и Царской Семьи. Лукомскій.»

Телеграмма генерала Алексѣева на имя Главнокомандующихъ фронтами (генералу Рузскому была послана копія этой телеграммы):

«Его Величество находится Псковѣ, гдѣ изъявилъ свое согласіе объявить манифестъ идти на встрѣчу народному желанію учредить отвѣтственное передъ палатами министерство, поручивъ предсѣдателю Государственной Думы образовать кабинетъ.

По сообщеніи этого рѣшенія Главнокомандующимъ сѣвернаго фронта предсѣдателю Гос. Думы, послѣдній, въ разговорѣ по аппарату, въ три съ половиной часа второго сего марта, отвѣтилъ, что появленіе такого манифеста было бы своевременно 27 февраля; въ настоящее же время этотъ актъ является запоздалымъ, что нынѣ наступила одна изъ страшныхъ революцій; сдерживать народныя страсти трудно; войска деморализованы. Предсѣдателю Гос. Думы хотя пока и вѣрятъ, во онъ опасается, что сдержать народныя страсти будетъ невозможно. Что теперь династическій вопросъ

поставленъ ребромъ и войну можно продолжать до побѣдоноснаго конца лишь при исполненіи предъявленныхъ требованій относительно отреченія отъ престола въ пользу сына при регенствѣ Михаила Александровича. Обстановка, повидимому, не допускаетъ иного рѣшенія, и каждая минута дальнѣйшихъ колебаній повыситъ только притязанія, основанныя на томъ, что существованіе арміи и работа желѣзныхъ дорогъ находится фактически въ рукахъ петроградскаго временнаго правительства. Необходимо спасти дѣйствующую армію отъ развала; продолжать до конца борьбу съ внѣшнимъ врагомъ; спасти независимость Россіи и судьбу династіи. Это нужно поставить на первомъ планѣ, хотя бы цѣной дорогихъ уступокъ. Если Вы раздѣляете этотъ взглядъ, то не благоволите ли телеграфировать весьма спѣшно свою вѣрноподданническую просьбу Его Величеству черезъ Главнокомандующаго сѣвернымъ фронтомъ, извѣстивъ меня.

Повторяю, что потеря каждой минуты можетъ стать роковой для существованія Россіи и что между высшими начальниками дѣйствующей арміи нужно установить единство мысли и цѣлей и спасти армію отъ колебаній и возможныхъ случаевъ измѣны долгу. Армія должна всѣми силами бороться съ внѣшнимъ врагомъ, а рѣшеніе относительно внутреннихъ дѣлъ должно избавить ее отъ искушенія принять участіе въ переворотѣ, который болѣе безболѣзненно совершится при рѣшеніи сверху. 2 марта 1917 г. 10 ч. 15 м. 1872. Алексѣевъ.»*

Разговоръ по прямому проводу помощника начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго съ генералъ-квартирмейстеромъ штаба сѣвернаго фронта (утромъ 2 марта 1917 г.):

«Извѣстно ли вамъ о прибытіи сегодня конвоя Его Величества въ полномъ составѣ въ Государственную Думу съ разрѣшенія своихъ офицеровъ и о просьбѣ депутатовъ конвоя арестовать тѣхъ офицеровъ, которые оказались принять участіе въ возстаніи? Извѣстно ли также о желаніи Государыни Императрицы переговорить съ предсѣдателемъ исполнительнаго комитета Государственной Думы и, наконецъ, о желаніи Великаго Князя Кирилла Владиміровича прибыть лично въ Государственную Думу, чтобы вступить въ переговоры съ исполнительнымъ комитетомъ? Клембовскій.»

«Нѣтъ, эти извѣстія намъ неизвѣстны. Болдыревъ.»

«Въ Москвѣ по всему городу происходятъ митинги, но стрѣльбы нѣтъ.

Генералу Мрозовскому предложено подчиниться Вр. Правительству.

Арестованы Штюрмеръ, Добровольскій, Бѣляевъ, Войновскій Кригеръ, Горемыкинъ, Дубровинъ, два помощника градоначальника и Климовичъ. Исполнительный комитетъ Гос. Думы обратился къ населенію съ воззваніемъ возить хлѣбъ, всѣ продукты на станціи желѣзныхъ дорогъ для продовольствованія арміи и крупныхъ городовъ. Петроградъ раздѣленъ на раіоны, въ которые назначены раіонные комиссары. Представители (?) арміи и флота постановили признать власть исполнительнаго комитета

---

* По своему содержанію ата телеграмма вполнѣ опредѣленно подсказывала Главнокомандующимъ отвѣтъ, который начальникъ штаба желалъ, чтобы они сообщили Государю.

Среди документовъ, находящихся нынѣ въ моемъ распоряженіи, нѣтъ даже намека на то, что этотъ запросъ главнокомандующимъ сдѣланъ генераломъ Алексѣевымъ по просьбѣ генерала Рузскаго, какъ я объ этомъ излагаю въ своихъ «Воспоминаніяхъ».

Это тѣмъ болѣе странно, что я пользуюсь документами, вывезенными генераломъ Рузскимъ изъ Пскова на Кавказъ. Казалось бы, что если эта телеграмма явилась слѣдствіемъ переговоровъ между генералами Алексѣевымъ и Рузскимъ, то у послѣдняго, въ его документахъ, должно было быть какое нибудь на это указаніе.

Во всякомъ случаѣ, повторяю, какъ это и изложено въ моихъ воспоминаніяхъ, я, на основаніи словъ генерала Алексѣева, считалъ, что не онъ является иниціаторомъ этого запроса, посланнаго Главнокомандующимъ. А. Л.

Гос. Думы впредь до образованія постояннаго правительства. Все изложенное надо доложить Главнокомандующему для всеподданнѣйшаго доклада. Клембовскій.»

Телеграмма генерала Алексѣева на имя Государя Императора, переданная 2 марта 1917 г. въ 14 ч. 30 м.:

«Всеподданнѣйше представляю Вашему Императорскому Величеству, полученныя мною на Имя Вашего Императорскаго Величества телеграммы:

Отъ Великаго Князя Николая Николаевича:

«Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ сообщаетъ мнѣ создавшуюся небывало роковую обстановку и проситъ меня поддержать его мнѣніе, что побѣдоносный конецъ войны, столь необходимый для блага и будущности Россіи и спасенія династіи, вызываетъ принятіе сверхмѣры.

Я, какъ вѣрноподданный, считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимымъ колѣнопреклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россію и Вашего Наслѣдника, зная чувство святой любви Вашей къ Россіи и къ Нему.

Осѣнивъ себя крестнымъ знаменьемъ, передайте ему — Ваше наслѣдіе.

Другого выхода нѣтъ. Какъ никогда въ жизни, съ особо горячей молитвой молю Бога подкрѣпить и направить Васъ. Генералъ-адъютантъ Николай.»

Отъ генералъ-адъютанта Брусилова:

«Прошу Васъ доложить Государю Императору мою всеподданнѣйшую просьбу, основанную на моей преданности и любви къ Родинѣ и Царскому Престолу, что, въ данную минуту, единственный исходъ, могущій спасти положеніе и дать возможность дальше бороться съ внѣшнимъ врагомъ, безъ чего Россія пропадетъ, — отказаться отъ престола въ пользу Государя Наслѣдника Цесаревича при регентствѣ Великаго Князя Михаила Александровича. Другого исхода нѣтъ; необходимо спѣшить, дабы разгорѣвшійся и принявшій большіе размѣры народный пожаръ былъ скорѣе потушенъ, иначе повлечетъ за собой неисчислимыя катастрофическія послѣдствія. Этимъ актомъ будетъ спасена и сама династія въ лицѣ законнаго наслѣдника. Генералъ-адъютантъ Брусиловъ.»

Отъ генералъ-адъютанта Эверта:

«Ваше Императорское Величество, начальникъ штаба Вашего Величества передалъ мнѣ обстановку, создавшуюся въ Петроградѣ, Царскомъ Селѣ, Балтійскомъ морѣ и Москвѣ и результатъ переговоровъ генералъ-адъютанта Рузскаго съ предсѣдателемъ Государственной Думы.

Ваше Величество, на армію въ настоящемъ ея составѣ при подавленіи внутреннихъ безпорядковъ разсчитывать нельзя. Ее можно удержать лишь именемъ спасенія Россіи отъ несомнѣннаго порабощенія злѣйшимъ врагомъ родины при невозможности вести дальнѣйшую борьбу. Я принимаю всѣ мѣры къ тому, чтобы свѣдѣнія о настоящемъ положеніи дѣлъ въ столицахъ не проникали въ армію, дабы оберечь ее отъ несомнѣнныхъ волненій. Средствъ прекратить революцію въ столицахъ нѣтъ никакихъ.

Необходимо немедленное рѣшеніе, которое могло бы привести къ прекращенію безпорядковъ и сохраненію арміи для борьбы противъ врага.

При создавшейся обстановкѣ, не находя иного исхода, безгранично преданный Вашему Величеству вѣрноподданный умоляетъ Ваше Величество, во имя спасенія Родины и династіи, принять рѣшеніе, согласованное съ заявленіемъ предсѣдателя Государственной Думы, выраженнымъ имъ генералъ-адъютанту Рузскому, какъ единственно видимо способное прекратить революцію и спасти Россію отъ ужасовъ анархіи. Генералъ-адъютантъ Эвертъ.»

Всеподданнѣйше докладывая эти телеграммы Вашему Императорскому Величеству, умоляю безотлагательно принять рѣшеніе, которое Господь Богъ внушитъ

Вамъ; промедленіе грозитъ гибелью Россіи. Пока армію удается спасти отъ проникновенія болѣзни, охватившей Петроградъ, Москву, Кронштадтъ и другіе города, но ручаться за дальнѣйшее сохраненіе воинской дисциплины нельзя.

Прикосновеніе же арміи къ дѣлу внутренней политики будетъ знаменовать неизбѣжный конецъ войны, позоръ Россіи и развалъ ея.

Ваше Императорское Величество горячо любите Родину и ради ея цѣлости, независимости, ради достиженія побѣды соизволите принять рѣшеніе, которое можетъ дать мирный и благополучный исходъ изъ создавшагося болѣе чѣмъ тяжелаго положенія.

Ожидаю повелѣній. 2 марта 1917 г. 1878. Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ.»

Телеграмма генерала Сахарова на имя Главнокомандующаго сѣвернаго фронта, копія генералу Алексѣеву:

«Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ передалъ мнѣ преступный и возмутительный отвѣтъ предсѣдателя Государственной Думы Вамъ на высокомилостивое рѣшеніе Государя Императора даровать странѣ отвѣтственное министерство и просилъ главнокомандующихъ доложить Его Величеству черезъ Васъ о рѣшеніи даннаго вопроса въ зависимости отъ создавшагося положенія. Горячая любовь моя къ Его Величеству не допускаетъ душѣ моей мириться съ возможностью осуществленія гнуснаго предложенія, переданнаго Вамъ предсѣдателемъ Думы. Я увѣренъ, что не русскій народъ, никогда не касавшійся Царя своего, задумалъ это злодѣйство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственной Думой, предательски воспользовалась удобной минутой для проведенія своихъ преступныхъ цѣлей. Я увѣренъ, что арміи фронта непоколебимо стали бы за своего Державнаго Вождя, если бы не были призваны къ защитѣ Родины отъ врага внѣшняго и если бы не были въ рукахъ тѣхъ же государственныхъ преступниковъ, захватившихъ въ свои руки источники жизни арміи. Переходя къ логикѣ разума и учтя создавшуюся безвыходность положенія, я, непоколебимо вѣрный подданный Его Величества, рыдая вынужденъ сказать, что, пожалуй, наиболѣе безболѣзненнымъ выходомъ для страны и для сохраненія возможности биться съ внѣшнимъ врагомъ является рѣшеніе пойти на встрѣчу уже высказаннымъ условіямъ, дабы промедленіе не дало пищи къ предъявленію дальнѣйшихъ, еще гнуснѣйшихъ, притязаній. Яссы, 2 марта. 13 317. Генералъ Сахаровъ.»

Всѣ эти телеграммы были доложены Государю генераломъ Рузскимъ между 14 и 15 часами 2/15 марта.

Государь, выслушавъ докладъ генерала Рузскаго, рѣшилъ отречься отъ престола въ пользу Наслѣдника Цесаревича и составилъ нижеслѣдующія двѣ телеграммы:

Телеграмма Государя предсѣдателю Государственной Думы:

«Предсѣдателю Государственной Думы. Петроградъ. Нѣтъ той жертвы, которую я не принесъ бы во имя дѣйствительнаго блага и для спасенія родной матушки Россіи. Посему я готовъ отречься отъ престола въ пользу моего сына съ тѣмъ, чтобы онъ оставался при мнѣ до совершеннолѣтія, при регенствѣ брата моего Великаго князя Михаила Александровича. Николай.»

Телеграмма Государя Начальнику Штаба Верховнаго Главнокомандующаго:

«Наштаверхъ Ставка.

Во имя блага, спокойствія и спасенія горячо любимой Россіи я готовъ отречься отъ престола въ пользу моего сына.

Прошу всѣхъ служить ему вѣрно и нелицемѣрно. Николай.»

Въ дѣйствительности, обѣ эти телеграммы не были отправлены по назначенію.

Послѣ ихъ подписанія, Государю, выходившему изъ вагона въ 15 ч. 10 м., было доложено о выѣздѣ въ Псковъ депутатовъ (А. И. Гучкова и В. В. Шульгина).

Государь приказалъ телеграмму на имя предсѣдателя Государственной Думы задержать до прибытія депутатовъ, а телеграмму на имя генерала Алексѣева взялъ обратно; въ 15 ч. 45 м. Государь потребовалъ возвратить ему и телеграмму на имя М. В. Родзянко о согласіи отречься отъ престола въ пользу сына.

Во всякомъ случаѣ документально устанавливается, что рѣшеніе отречься отъ престола принято было Государемъ еще до разговора съ депутатами, выѣхавшими изъ Петрограда.

Телеграмма Помощника Начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго на имя Начальника штаба сѣвернаго фронта:

«Телеграмма 1223 объ объявленіи манифеста не приводится въ исполненіе въ ожиданіи дальнѣйшихъ указаній послѣ доклада Главнокомандующаго сѣвернаго фронта.

Очень прошу оріентировать начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго, въ какомъ положеніи находится вопросъ. Изъ вашего штаба сообщили, что литерные поѣзда стоятъ въ Псковѣ и нѣтъ никакихъ распоряженій относительно отправленія. Между тѣмъ получены извѣстія, что начальникъ штаба эксплоатаціоннаго отдѣла сѣверо-западныхъ дорогъ инженеръ Гаваловъ отдалъ распоряженіе по линіи объ отправленіи литерныхъ поѣздовъ къ Двинску. Прошу сообщить, что извѣстно. 2 марта 1917 г. 1886. Клембовскій.»

Телеграмма начальника штаба сѣвернаго фронта на имя генерала Алексѣева:

«Около 19 часовъ Его Величество приметъ члена Государственнаго Совѣта Гучкова и члена Государственной Думы Шульгина, выѣхавшихъ экстреннымъ изъ Петрограда.

Государь Императоръ въ длительной бесѣдѣ съ генералъ-адъютантомъ Рузскимъ, въ присутствіи моемъ и генерала Саввича, выразилъ, что нѣтъ той жертвы, которой Его Величество не принесъ бы для истиннаго блага родины. Телеграммы Ваши и Главнокомандующихъ были всѣ доложены. 2 марта 1917 г. 1230. Даниловъ.»

Телеграмма начальника штаба сѣвернаго фронта на имя генерала Алексѣева:

«1886. Литерные поѣзда стоятъ Псковѣ. Дѣйствительно одно время возникло предположеніе у Государя проѣхать черезъ Двинскъ въ Ставку, но вскорѣ эта мысль была оставлена ввиду вторичной бесѣды съ Его Величествомъ генерала Рузскаго, о которой я уже донесъ начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго, а также ввиду выяснившагося прибытія изъ Петрограда депутатовъ. Чтобы не загромождать Ставку противорѣчивыми свѣдѣніями, сообщаю только достовѣрно выяснившееся и въ этомъ отношеніи прошу мнѣ оказать довѣріе, что ничего важнаго не пропущу сообщить.

По поводу манифеста не послѣдовало еще указанія Главнокомандующему, потому что вторичная бесѣда съ Государемъ обстановку видоизмѣнила, а пріѣздъ депутатовъ заставляетъ быть осторожнымъ съ выпускомъ манифеста. Необходимо лишь подготовиться къ скорѣйшему выпуску его, если потребуется. Вѣрнѣе думать, что Государь Императоръ прослѣдуетъ изъ Пскова въ Царское Село, но окончательное рѣшеніе будетъ принято только послѣ выясненія результатовъ пріѣзда Гучкова и Шульгина. 2 марта 18 часовъ. 1237. Даниловъ.»

Телеграмма генерала Алексѣева на имя Государя Императора:

«Получена слѣдующая телеграмма: «Временный комитетъ Государственной Думы, образовавшійся для возстановленія порядка въ столицѣ, принужденъ былъ взять свои руки власть ввиду того, что, подъ давленіемъ войска и народа, старая власть никакихъ мѣръ для успокоенія населенія не предпринимала и совершенно устранена. Настоящее время власть будетъ передана Временнымъ комитетомъ Государственной Думы Временному Правительству, образованному подъ предсѣдательствомъ князя Георгія Евгеніевича Львова.

Войска подчинились новому правительству не исключая состоящихъ ..... (пропускъ) ..... войскъ, а также находящихся Петроградѣ лицъ Императорской фамиліи. и всѣ слои населенія признаютъ только новую власть.

Необходимо для установленія полнаго порядка, для спасенія столицы отъ анархіи, командировать сюда на должность главнокомандующаго Петроградскимъ военнымъ округомъ доблестнаго боевого генерала, имя котораго было бы популярно и авторитетно глазахъ населенія. Комитетъ Государственной Думы признаетъ такимъ лицомъ доблестнаго, извѣстнаго всей Россіи героя, командира двадцать пятаго армейскаго корпуса генералъ-лейтенанта Корнилова. Во имя спасенія родины, во имя побѣды надъ врагомъ, во имя того, чтобы неисчислимыя жертвы этой долгой войны не пропали даромъ наканунѣ побѣды, необходимо срочно командировать генерала Корнилова въ Петроградъ. Благоволите срочно снестись съ нимъ и телеграфировать срокъ пріѣзда генерала Корнилова Петроградъ. Предсѣдатель Вр. комитета Гос. Думы М. Родзянко. 2 марта. 1582.»

Всеподданнѣйше докладываю эту телеграмму и испрашиваю разрѣшенія Вашего Императорскаго Величества исполнить ее во имя того, что въ исполненіи этого пожеланія можетъ заключаться начало успокоенія столицъ и водвореніе порядка въ частяхъ войскъ, составляющихъ гарнизонъ Петрограда и окрестныхъ пунктовъ. Вмѣстѣ съ симъ прошу разрѣшенія отозвать генералъ-адъютанта Иванова въ Могилевъ. 2 марта 1917 г. 1890. Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ.»

Государь на этой телеграммѣ положилъ резолюцію: «Исполнить.»

Телеграмма начальника штаба сѣвернаго фронта на имя помощника начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго:

«Поѣздъ депутатами Гучковымъ, Шульгинымъ запаздываетъ и ожидается не ранѣе 22 часовъ. Такимъ образомъ окончательное рѣшеніе вновь откладывается на нѣсколько часовъ. Какъ только все выяснится, немедленно будетъ сообщено для доклада начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Телеграмма генералъ-адъютанта Алексѣева о генералѣ Корниловѣ въ 20 часовъ 20 м. отправлена для вручевія Государю Императору. Проектъ манифеста* отправленъ въ вагонъ Главнокомандующаго.

Есть опасеніе, не оказался бы онъ запоздалымъ, такъ какъ имѣются частныя свѣдѣнія, что такой манифестъ, будто бы, опубликованъ Петроградѣ распоряженіемъ Временнаго Правительства. Повторяю — послѣднія свѣдѣнія частнаго характера. Псковъ 2 марта 20 ч. 35 м. 1231. Даниловъ.»

Телеграмма вице-адмирала Непенина на имя генераловъ Алексѣева и Рузскаго — для доклада Государю Императору:

«Съ огромнымъ трудомъ удерживаю въ повиновеніи флотъ и ввѣренныя войска. Въ Ревелѣ положеніе критическое, но не теряю еще надежды его удержать.

Всеподданнѣйше присоединяюсь къ ходатайствамъ Великаго Князя Николая Николаевича и Главнокомандующихъ фронтами о немедленномъ принятіи рѣшенія, формулированнаго предсѣдателемъ Гос. Думы. Если рѣшеніе не будетъ принято въ теченіе ближайшихъ часовъ, то это повлечетъ за собой катастрофу съ неисчислимыми

* Составленный въ Ставкѣ, по приказанію Государя, объ отреченіи отъ престола.

бѣдствіями для нашей Родины. 20 ч. 40 м. 2 марта 1917 г. 260. Вице-адмиралъ Непенинъ.»

Поѣздъ съ депутатами (А. И. Гучковымъ и В. В. Шульгинымъ) прибылъ въ Псковъ около 22 часовъ 2/15 марта.

Государь сейчасъ же принялъ депутатовъ и въ 24 часа (со 2/15 на 3/16 марта) были подписаны манифестъ объ отреченіи отъ престола въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича и указы Правительствующему Сенату о назначеніи князя Георгія Евгеніевича Львова предсѣдателемъ совѣта министровъ, а Великаго Князя Николая Николаевича — Верховнымъ Главнокомандующимъ.

Указы Сенату были помѣчены 2/15 марта 14-ю часами, а манифестъ 15-ю часами на томъ основаніи, что первоначальное рѣшеніе Государя объ отреченіи отъ престола состоялось 2/15 марта въ 15 часовъ.

Манифестъ (переданъ изъ Пскова по телеграфу Начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго, всѣмъ Главнокомандующимъ и командующимъ Балтійскаго и Черноморскаго флотовъ):

«Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать на Россію новое тяжкое испытаніе.

Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны.

Судьбы Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца.

Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы, и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша, совмѣстно со славными нашими союзниками, сможетъ окончательно сломить врага.

Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи, почли мы долгомъ совѣсти облегчить народу нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственной Думой, признали мы за благо отречься отъ престола Государства Россійскаго и сложить съ себя Верховную власть.

Не желая разстаться съ любимымъ сыномъ нашимъ, Мы передаемъ наслѣдіе наше брату нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благославляемъ Его на вступленіе на престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ брату нашему править дѣлами Государственными въ полномъ ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, кои будетъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу.

Во имя горячо любимой Родины, призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества къ исполненію своего святого долга передъ нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенароднаго испытанія и помочь Ему, вмѣстѣ съ представителями Народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи. Николай.

Министръ Императорскаго Двора генералъ-адъютантъ графъ Фредериксъ. г. Псковъ 2 марта 1917 г. 15 часовъ.»

Указъ Правительствующему Сенату:

«Князю Георгію Евгеніевичу Львову повелѣваемъ быть предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Николай.

Министръ Императорскаго Двора генералъ-адъютантъ графъ Фредериксъ. г. Псковъ. 2 марта 1917 г. 14 часовъ.»

Указъ Правительствующему Сенату:

«Намѣстнику Нашему на Кавказѣ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу повелѣваемъ быть Верховнымъ Главнокомандующимъ. Николай.

Министръ Императорскаго Двора генералъ-адъютантъ графъ Фредериксъ. г. Псковъ. 2 марта 1917 г. 14 часовъ.»

Расписка А. И. Гучкова и В. В. Шульгина:

«Высочайшій манифестъ отъ 2 марта 1917 года получили. Подписи: Александръ Гучковъ, Шульгинъ. 2 марта 1917 года въ 24 часа.»

Телеграмма А. И. Гучкова и В. В. Шульгина на имя начальника главнаго штаба въ Петроградѣ:

«Просимъ передать Предсѣдателю Думы Родзянко: Государь далъ согласіе на отреченіе отъ престола въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича съ обязательствомъ для него принести присягу конституціи.

Порученіе образовать новое правительство дается князю Львову. Одновременно Верховнымъ Главнокомандующимъ назначается Великій Князь Николай Николаевичъ. Манифестъ послѣдуетъ немедленно Псковѣ. Какъ положеніе Петроградѣ? Гучковъ. Шульгинъ. 3 марта.»

Телеграмма начальника штаба сѣвернаго фронта на имя генерала Алексѣева; копія Главнокомандующимъ фронтами и командующимъ арміями сѣвернаго фронта:

«Его Величествомъ подписаны указы правительствующему сенату о бытіи предсѣдателемъ совѣта министровъ князю Георгію Евгеніевичу Львову и Верховнымъ Главнокомандующимъ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу. Государь Императоръ изволилъ затѣмъ подписать актъ отреченія отъ престола съ передачей такового Великому Князю Михаилу Александровичу. Его Величество выѣзжаетъ сегодня, примѣрно въ два часа, на нѣсколько дней въ Ставку черезъ Двинскъ.

Манифестъ и указы передаются по телеграфу дополнительно. 3 марта. 1244. Даниловъ.»

Разговоръ по прямому проводу ген. Рузскаго съ М. В. Родзянко и кн. Львовымъ:

Въ пять часовъ 3 марта генералъ Рузскій былъ вызванъ къ прямому проводу предсѣдателемъ Государственной Думы Родзянко и княземъ Львовымъ.

«У аппарата генералъ Рузскій.»

«Здравствуйте, Ваше Высокопревосходительство, чрезвычайно важно, чтобы манифестъ объ отреченіи и передачѣ власти Великому Князю Михаилу Александровичу не былъ опубликованъ до тѣхъ поръ, пока я не сообщу Вамъ объ этомъ. Дѣло въ томъ, что съ великимъ трудомъ удалось удержать болѣе или менѣе въ приличныхъ рамкахъ революціонное движеніе, но положеніе еще не пришло въ себя и весьма возможна гражданская война. Съ регенствомъ Великаго Князя и воцареніемъ Наслѣдника Цесаревича помирились бы можетъ быть, но воцареніе его, какъ Императора, абсолютно непріемлемо. Прошу Васъ принять всѣ зависящія отъ Васъ мѣры, чтобы достигнуть отсрочки. Родзянко.»

«Родзянко отошелъ, у аппарата стоитъ князь Львовъ.»

«Хорошо. Распоряженіе будетъ сдѣлано, но насколько удастся пріостановить распоряженіе, сказать не берусь, въ виду того, что прошло слишкомъ много времени.

Очень сожалѣю, что депутаты, присланные вчера, не были въ достаточной степени освѣдомлены съ той ролью и вообще съ тѣмъ, для чего они пріѣзжали. Во всякомъ случаѣ будетъ сдѣлано все, что въ человѣческихъ силахъ въ данную минуту. Прошу вполнѣ ясно освѣтить мнѣ теперь же все дѣло, которое вчера произошло, и послѣдствія, могущія отъ этого быть въ Петроградѣ. Рузскій.»

«У аппарата Родзянко. Дѣло въ томъ, что депутатовъ винить нельзя. Вспыхнулъ неожиданно для всѣхъ насъ такой солдатскій бунтъ, которому еще подобныхъ я не видѣлъ и которые, конечно не солдаты, а просто взятые отъ сохи мужики и которые

всѣ свои мужицкія требованія нашли полезнымъ теперь заявить.* Только слышно было въ толпѣ — «земли и воли», «долой династію», «долой Романовыхъ», «долой офицеровъ» и начались во многихъ частяхъ избіенія офицеровъ. Къ этому присоединились рабочіе, и анархія дошла до своего апогея. Послѣ долгихъ переговоровъ съ депутатами отъ рабочихъ удалось прійти только къ ночи сегодня къ нѣкоторому соглашенію, которое заключается въ томъ, чтобы было созвано черезъ нѣкоторое время Учредительное собраніе для того, чтобы народъ могъ высказать свой взглядъ на форму правленія, и только тогда Петроградъ вздохнулъ свободно, и ночь прошла сравнительно спокойно.

Войска, мало по малу, въ теченіе ночи приводятся въ порядокъ, но провозглашеніе Императоромъ Великаго Князя Михаила Александровича подольетъ масла въ огонь, и начнется безпощадное истребленіе всего, что можно истребить.

Мы потеряемъ и упустимъ изъ рукъ всякую власть, и усмирить народное волненіе будетъ некому.

При предложенной формѣ — возвращеніе династіи не исключено, и желательно, чтобы, примѣрно до окончанія войны, продолжалъ дѣйствовать Верховный Совѣтъ и нынѣ дѣйствующее временное правительство. Я вполнѣ увѣренъ, что, при такихъ условіяхъ, возможно быстрое успокоеніе, и рѣшительная побѣда будетъ обезпечена, такъ какъ несомнѣнно произойдетъ подъемъ патріотическаго чувства, все заработаетъ въ усиленномъ темпѣ и побѣда, повторяю, можетъ быть обезпечена. Родзянко.»

«Я распоряженія всѣ сдѣлалъ, но крайне трудно ручаться, что удастся не допустить распространеніе, такъ какъ имѣлось въ виду этой мѣрой поскорѣй дать возможность арміи перейти къ спокойному состоянію въ отношеніи тыла. Вчера Императорскій поѣздъ, или вѣрнѣе уже сегодня, такъ какъ событія протекли ночью, ушелъ черезъ Двинскъ въ Ставку, и такимъ образомъ центръ дальнѣйшихъ переговоровъ по этому важному дѣлу долженъ быть перенесенъ туда, такъ какъ, по закону, начальникъ штаба, въ случаѣ отсутствія Верховнаго Главнокомандующаго, замѣщаетъ его должность и дѣйствуетъ его именемъ. Кромѣ того, необходимо установить аппаратъ Юза томъ мѣстѣ, гдѣ засѣдаетъ новое правительство въ Петроградѣ, дабы обезпечить вамъ удобство сношеній со Ставкой и мною. Прошу также, два раза въ день, въ опредѣленное время, сообщать мнѣ о ходѣ дѣлъ лично, или черезъ довѣренныхъ лицъ, имена которыхъ желалъ бы знать. Рузскій.»

«Я въ точности выполню Ваше желаніе и аппаратъ Юза будетъ поставленъ, но прошу Васъ, въ случаѣ прорыва свѣдѣній о манифестѣ въ публику и въ армію, по крайней мѣрѣ, не торопиться съ приведеніемъ войскъ къ присягѣ. Къ вечеру сегодня дамъ Вамъ и всѣмъ Главнокомандующимъ дополнительныя свѣдѣнія о ходѣ дѣла. Скажите мнѣ пожалуйста, когда выѣхалъ Гучковъ? Родзянко.»

«Гучковъ выѣхалъ сегодня ночью изъ Пскова около трехъ часовъ.

О воздержаніи приведенія къ присягѣ въ Псковѣ я сдѣлалъ еще вчера распоряженіе; немедленно сообщу о томъ арміи моего фронта и въ Ставку.

У аппарата былъ, кажется, князь Львовъ. Желаетъ ли онъ со мной говорить? Рузскій.»

«Николай Владиміровичъ, все сказано. Князь Львовъ ничего добавить не можетъ. Оба мы твердо надѣемся на Божью помощь, на величіе и мощь Россіи и на доблесть и стойкость арміи и, не взирая ни на какія препятствія, на побѣдный конецъ войны. До свиданія. Родзянко.»

«Михаилъ Владиміровичъ, скажите для вѣрности, такъ ли я Васъ понялъ: значитъ, пока все остается по старому, какъ бы манифеста не было, а равно и о порученіи князю Львову сформировать министерство. Что касается Великаго Князя Николая Николаевича (назначеннаго) Главнокомандующимъ повелѣніемъ Его Величества, отданнымъ Указомъ Государемъ Императоромъ, то объ этомъ желалъ бы знать также Ваше мнѣніе. Объ этихъ указахъ сообщено было вчера очень широко по просьбѣ депутатовъ, даже въ Москву и, конечно, на Кавказъ. Рузскій.»

* Угловатость фразы вызвана, повидимому, ошибками телеграфиста. Прим. ред.

«Сегодня нами сформировано правительство съ княземъ Львовымъ во главѣ, о чемъ всѣмъ командующимъ фронтами посланы телеграммы. Все остается въ такомъ видѣ: Верховный Совѣтъ; отвѣтственное министерство; дѣйствія законодательныхъ палатъ до разрѣшенія вопроса о конституціи Учредительнымъ собраніемъ.

Противъ распространенія Указовъ о назначеніи Великаго князя Николая Николаевича Верховнымъ Главнокомандующимъ ничего не возражаемъ. До свиданія. Родзянко.»

«Скажите, кто во главѣ Верховнаго Совѣта? Рузскій.»

«Я ошибся, не Верховный Совѣтъ, а Временный комитетъ Государственной Думы подъ моихъ предсѣдательствомъ. Родзянко.»

«Хорошо. До свиданія. Не забудьте сообщить въ Ставку, ибо дальнѣйшіе переговоры должны вестись въ Ставкѣ, а мнѣ надо сообщать только о ходѣ и положеніи дѣла. Рузскій.» 3 марта 1917 г. 6 часовъ.

Телеграмма генерала Алексѣева на имя всѣхъ Главнокомандующихъ фронтами:

«Предсѣдатель Государственной Думы, Родзянко, убѣдительно проситъ задержать всѣми мѣрами и способами объявленіе того манифеста, который сообщенъ этой ночью, ввиду особыхъ условій, которыя я Вамъ сообщу дополнительно. Прошу сдѣлать распоряженіе, ознакомивъ съ манифестомъ только старшихъ начальствующихъ лицъ. Прошу отвѣта. 3 марта 1917 г. 6 часовъ 45 м. 1913. Алексѣевъ.»

Телеграмма генерала Алексѣева на имя Главнокомандующихъ сѣвернаго, западнаго, юго-западнаго и Румынскаго (генералу Сахарову) фронтовъ:

«Семь часовъ. 3 марта.

Предсѣдатель Государственной Думы, вызвавъ меня по аппарату, сообщилъ, что событія Петроградѣ далеко не улеглись, положеніе тревожно, неясно, почему настойчиво проситъ не пускать въ обращеніе манифеста, подписаннаго 2 марта, сообщеннаго уже Главнокомандующимъ, и задержать обнародованіе этого манифеста.

Причина такого настоянія болѣе ясно и опредѣленно изложена предсѣдателемъ Думы разговорѣ по аппарату съ Главнокомандующимъ сѣвернаго фронта; конія этого разговора только что сообщена мнѣ. Съ регенствомъ Великаго Князя и воцареніемъ Наслѣдника Цесаревича, говоритъ Родзянко, быть можетъ помирились бы, но кандидатура Великаго Князя, какъ Императора, ни для кого не пріемлема и вѣроятна гражданская война.

На запросъ, почему депутаты, присланные Псковъ для рѣшенія именно этого вопроса, не были достаточно инструктированы, Родзянко отвѣтилъ Главнокомандующему сѣвернымъ фронтомъ, что неожиданно, послѣ, повидимому, отъѣзда депутатовъ, въ Петроградѣ вспыхнулъ новый солдатскій бунтъ, къ солдатамъ присоединились рабочіе, анархія дошла до своего апогея. Послѣ долгихъ переговоровъ съ депутатами отъ рабочихъ, удалось къ ночи 2 марта придти къ нѣкоторому соглашенію, суть коего: чрезъ нѣкоторое время, не ранѣе полугода, собрать Учредительное собраніе для опредѣленія формы правленія; до того времени власть сосредоточивается въ рукахъ Временнаго комитета Государственной Думы, отвѣтственнаго министерства, уже сформированнаго, при дѣйствіи обѣихъ законодательныхъ палатъ. Родзянко мечтаетъ и старается убѣдить, что при такой комбинаціи возможно быстрое успокоеніе, рѣшительная побѣда будетъ обезпечена, произойдетъ подъемъ патріотическихъ чувствъ, все заработаетъ усиленнымъ темномъ.

Нѣкоторыя, уже полученныя, свѣдѣнія указываютъ, что манифестъ уже получилъ извѣстность и мѣстами распубликованъ; вообще немыслимо удержать въ

секретѣ высокой важности актъ, предназначенный для общаго свѣдѣнія, тѣмъ болѣе, что между подписаніемъ и обращеніемъ Родзянко ко мнѣ прошла цѣлая ночь.

Изъ совокупности разговоровъ Предсѣдателя Думы Главнокомандующимъ сѣвернаго фронта и мною позволительно прійти къ выводамъ:

Первое — Государственной Думѣ и ея Временномъ комитетѣ нѣтъ единодушія; лѣвыя партіи, усиленныя совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, пріобрѣли сильное вліяніе.

Второе — на Предсѣдателя Думы и Временнаго комитета Родзянко лѣвыя партіи и рабочіе депутаты оказываютъ мощное давленіе, и въ сообщеніяхъ Родзянко нѣтъ откровенности и искренности.

Третье — цѣли господствующихъ надъ предсѣдателемъ партій ясно опредѣлились изъ вышеприведенныхъ пожеланій Родзянко.

Четвертое — войска Петроградскаго гарнизона окончательно распропагандированы рабочими депутатами и являются вредными и опасными для всѣхъ, не исключая умѣренныхъ элементовъ Временнаго Комитета.

Очерченное положеніе создаетъ грозную опасность болѣе всего для дѣйствующей арміи, ибо неизвѣстность, колебанія, отмѣна уже объявленнаго манифеста, могутъ повлечь шатаніе умовъ въ войсковыхъ частяхъ и тѣмъ разстроить способность борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, а это ввергнетъ Россію безнадежно въ пучину крайнихъ бѣдствій, повлечетъ потерю значительной части территоріи и полное разложеніе порядка въ тѣхъ губерніяхъ, которыя останутся за Россіей, попавшей въ руки крайнихъ лѣвыхъ элементовъ.

Получивъ отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича повелѣніе въ серьезныхъ случаяхъ обращаться къ нему срочными телеграммами, доношу ему все это, испрашиваю указаній, присовокупляя: первое — суть настоящаго заключенія сообщить предсѣдателю Думы и потребовать осуществленія манифеста во имя Родины и Дѣйствующей арміи; второе — для установленія единства во всѣхъ случаяхъ и всякой обстановкѣ созвать совѣщаніе Главнокомандующихъ Могилевѣ.

Если на это совѣщаніе изволитъ прибыть Верховный Главнокомандующій, то срокъ будетъ указанъ Его Высочествомъ. Если же Великій Князь не сочтетъ возможнымъ прибыть лично, то собраться 8 или 9 марта. Такое совѣщаніе тѣмъ болѣе необходимо, что только что получилъ полуофиціальный разговоръ по аппарату между чинами морского главнаго штаба, суть коего: обстановка Петроградѣ 2 марта значительно спокойнѣй, постепенно все налаживается, слухи о рѣзнѣ солдатами офицеровъ — сплошной вздоръ, авторитетъ временнаго правительства, повидимому, силенъ; слѣдовательно основные мотивы Родзянко могутъ оказаться невѣрными и направленными къ тому, чтобы побудить представителей арміи неминуемо присоединиться къ рѣшенію крайнихъ элементовъ, какъ къ факту совершившемуся и неизбѣжному. Коллективный голосъ высшихъ чиновъ арміи и ихъ условія должны, по моему мнѣнію, стать извѣстными всѣмъ и оказать вліяніе на ходъ событій.

Прошу высказать Ваше мнѣніе; быть можетъ, Вы сочтете нужнымъ запросить и командующихъ арміями, равно сообщить, признаете ли соотвѣтственнымъ съѣздъ Главнокомандующихъ. Могилевъ 1918. Генералъ Алексѣевъ.»*

Телеграмма Главнокомандующаго сѣвернымъ фронтомъ на имя генерала Алексѣева:

«1918. Первое — считаю необходимымъ объявленіе манифеста, ибо скрыть его нельзя, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ Ревелѣ, онъ уже объявленъ. Присяга только по выходѣ акта о вступленіи на престолъ.

* Передавъ для отправки эту телеграмму, генералъ Алексѣевъ, проходя къ себѣ въ кабинетъ, сказалъ: «Никогда себѣ не прощу, что повѣрилъ въ искренность нѣкоторыхъ людей, послушался ихъ, и послалъ телеграмму Главнокомандующимъ по вопросу объ отреченіи Государя отъ Престола.» А. Л.

Второе — потребовать отъ новаго правительства воззванія къ арміи и населенію.

Третье — для установленія единства дѣйствій необходимо, чтобы штабъ Верховнаго Главнокомандующаго былъ въ полномъ контактѣ съ правительствомъ и чтобы только Ставка, а не органы правительства, давала необходимыя и своевременныя указанія Главнокомандующимъ фронтами.

Четвертое — для установленія успокоенія Главнокомандующіе должны оставаться на мѣстахъ.

Это единственная авторитетная власть на мѣстахъ, къ помощи которой всѣ обращаются. Во всякомъ случаѣ до фактическаго вступленія въ Главнокомандованіе Великаго Князя, сборъ Главнокомандующихъ не соотвѣтственъ.

Пятое — Командующимъ арміями обстановка внутри Имперіи мало извѣстна, поэтому запрашивать ихъ мнѣніе считаю лишнимъ. 3 марта 16 часовъ. 1254. Рузскій.»

Меморандумъ Эстонскаго Правительства Верховному Совѣту

Въ отвѣтъ на ноту Верховваго Совѣта отъ 4-го Декабря 1919 года изъ Парижа, переданную эстовскому правительству черезъ посредство Начальника Французской Миссіи въ Эстоніи, Эстонское Правительство имѣетъ честь дать нижеслѣдующее объясненіе.

Всегдашнимъ стремленіемъ правительства Эстонской Республики было идти навстрѣчу всѣмъ пожеланіямъ союзныхъ и Дружественныхъ государствъ постолько, посколько это совмѣстимо съ жизненными интересами Эстонскаго Правительства и народа.

Въ данномъ случаѣ Эстонское правительство также приняло всѣ мѣры для удовлетворенія желаній Верховнаго Совѣта. Но, исполняя это, Эстонское правительство не можетъ не считаться съ существующими условіями, при которыхъ ему приходится работать въ данный моментъ. Эстовскій народъ, защищающій самостоятельность и благосостояніе своего государства былъ принужденъ въ теченіе болѣе года поддерживать съ сверхчеловѣческими усиліями кровавую борьбу съ превосходящими его во много разъ военными силами Совѣтской Россіи.

Эстонское правительство обращалось много разъ къ Мирной Конференціи, а также и къ Правительствамъ Союзныхъ и Дружественныхъ Державъ съ настоятельной просьбой оказать эстонскому народу въ его героической борьбѣ противъ силъ Совѣтской Россіи, кромѣ щедро оказываемой матеріальной и военной помощи, также помощь политическую, обезпечивъ ему самостоятельность его государства.

Подобное признаніе дѣйствовало бы на поднятіе духа и храбрости Эстонской Арміи въ своей противобольшевистской борьбѣ; оно дало бы возможность Эстонскому Правительству заключить конвенціи съ Балтійскими и другими государствами, оно облегчило бы Эстонскому Правительству развитіе его внѣшней торговли и оздоровленіе экономической жизни, урегулировавъ финансовую политику, оно дало бы Эстонскому народу увѣренность, что панрусскія правительства Колчака и Деникина и русская Сѣверо-Западная армія, сражающаяся подъ ихъ знаменами, которыя всегда высказывали враждебныя отношенія къ самостоятельности окраинныхъ государствъ, въ частности къ таковой Эстоніи, если бы достигли власти, не напали бы на Эстонію, не нарушили бы ея независимости, за которую нашъ народъ проливалъ свою кровь и приносилъ неисчислимыя жертвы.

Надо признать, что ни Мирная Конференція, ни Союзныя и Дружественныя Правительства не удовлетворили до сихъ поръ просьбы о признаніи самостоятельности Эстоніи. Напротивъ, начальники и все командованіе русской Сѣверо-Западной Арміи не переставали повторять, что они разсчитываютъ уничтожить самостоятельность Эстоніи при первой имъ представившейся возможности.

Тѣмъ не менѣе, Эстонское Правительство и Армія со своимъ Верховнымъ командованіемъ, удовлетворяя союзныя и дружественныя правительства, оказывали

активную помощь Сѣверо-Западной Арміи до тѣхъ поръ, пока русская Сѣверо-Западная Армія сражалась противъ военныхъ силъ правительства Совѣтской Россіи. Но когда въ теченіе послѣднихъ недѣль подъ давленіемъ войскъ Совѣтской Россіи, Сѣверо-Западная Армія, дезорганизованная и деморализованная, отошла къ границамъ Эстоніи въ районъ позицій нашей арміи, возникъ серьезный вопросъ для Правительства и Главнокомандованія Арміи, а именно возможно ли допустить, чтобы массы враждебныхъ и деморализованныхъ военныхъ наводнили тылъ эстонской арміи.

Чтобы оцѣнить важность этого вопроса съ точки зрѣнія Эстонскаго Правительства и Главнокомандованія Арміи, нужно принять во вниманіе, кромѣ привходящихъ обстоятельствъ, съ одной стороны характеръ и настроеніе Сѣверо-Западной Арміи, съ другой отношеніе Эстонской Арміи и народа къ Сѣверо-Западной Арміи.

Не надо забывать, что это бывшій Сѣверный Корпусъ, который служилъ основой для русской Сѣверо-Западной Арміи. Этотъ Корпусъ былъ сформированъ въ 1918 году во время нѣмецкой оккупаціи на средства ипотеченіемъ нѣмецкаго высшаго командованія.

Когда въ началѣ этого (1919) года русскіе большевики начали военныя дѣйствія противъ Эстонской Республики и заняли Псковскую область, Сѣверный корпусъ былъ разбитъ при первомъ же столкновеніи съ красной арміей и былъ принужденъ отступить, чтобы спасти остатки своей арміи.

Тогда же нѣкоторыя воинскія части подъ командованіемъ графа Ливена ушли въ Курляндію. Другой отрядъ, въ составѣ приблизительно 3500 человѣкъ, спасся на Эстонскую территорію, гдѣ поступилъ подъ защиту Эстонской Арміи, которая побѣдоносно наступала. Поведеніе Сѣвернаго Корпуса на Эстонской территоріи было съ самаго начала подозрительнымъ. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Эстонская Армія сосредоточивала всѣ свои силы для изгнанія со своей территоріи кровожадныхъ массъ большевиковъ, стали циркулировать слухи и появляться признаки, доказывающіе, что въ намѣренія командировъ Сѣвернаго Корпуса входитъ движеніе на Ревель съ цѣлью сверженія Временнаго Правителрства, — обуздывавшаго феодальные элементы Прибалтійскихъ нѣмцевъ — и захвата при помощи этихъ же нѣмецкихъ элементовъ власти въ Эстоніи. Только благодаря энергичнымъ мѣрамъ, принятымъ Эстонскимъ Главнокомандованіемъ и Временнымъ Правительствомъ, такія печальныя неожиданности были предотвращены. Въ то же время тотъ фактъ, что отряды Сѣвернаго Корпуса, находящіеся въ тылу Эстонской Арміи подъ ея защитой, употребляли свое оружіе исключительно для грабежей въ деревняхъ и терроризированія жителей, способствовалъ возникновенію чувства обиды въ народныхъ массахъ.

Руководствуясь сильнымъ желаніемъ Союзныхъ и Дружественныхъ Правительствъ, Эстонское Правительство взяло на себя продовольствованіе Сѣвернаго Корпуса, подчиненнаго съ военной точки зрѣнія Главнокомандующему Эстонской Арміи. Этотъ послѣдній провелъ въ немъ надлежащую реорганизацію и помогъ ему образоваться въ боеспособную военную силу, такъ что весной 1919 года Сѣверный Корпусъ при помощи Эстонскихъ войскъ смогъ предпринять свою военную операцію противъ Петрограда. Тогда же генералъ Лайдонеръ, Главнокомандующій Эстонской Арміей сложилъ съ себя права командира Сѣвернаго Корпуса, который, развернувшись въ Сѣверо-Западную Армію, развивалъ свое побѣдоносное наступленіе къ востоку отъ Ямбурга, имѣя составъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ.

Къ сожалѣнію, нужно признать, что командиры русской арміи скоро показали неспособность къ поддержанію порядка и поднятію боеспособности ихъ Армій, сообразно обстоятельствамъ. Такъ же они не сумѣли создать и поддержать въ тылу арміи твердый государственный порядокъ. Недостаточно было терроризировать мирное населеніе. Нужно было понять стремленіе народа, пережившаго всѣ волненія революціи. У командировъ русской арміи недоставало здраваго смысла, чувства равновѣсія и хладнокровія, необходимаго государственнымъ людямъ. Но это были качества, которыхъ политическіе дѣятели и командиры арміи не выказали даже въ моментъ созданія Сѣверо-Западнаго Правительства послѣ крушенія первой операціи

противъ Петрограда. Несостоятельность Сѣверо-Западной Арміи, какъ боеспособной силы, и неспособность ея командировъ, какъ государственныхъ организаторовъ, выяснилась съ наибольшей очевидностью въ моментъ окончательнаго крушенія Сѣверо-Западной Арміи послѣ ея послѣднихъ операцій противъ Петрограда.

Правительство Эстоніи, Эстонскій Народъ и Армія, которая, помогая Сѣверо-Западной Арміи, принимая участіе въ стратегической задачѣ, начала наступленіе противъ большевистской арміи въ районѣ Красной Горки и на Псковскомъ фронтѣ, убѣдилась, что никакая помощь, ни танки, ни другой матеріалъ, щедро доставленный Сѣверо-Западной Арміи Союзными и Дружественными Державами, не могли придать ей боеспособность.

Однако, командиры Сѣверо-Западной Арміи, доказывая свою несостоятельность, какъ боеспособная сила, никогда не отказывались отъ высоко-политической игры.

Также признано, что русская Сѣверо-Западная Армія поддерживала сношенія съ русской Западной Арміей, которая подъ командованіемъ Бермонта принимала участіе во всѣхъ махинаціяхъ нѣмцевъ и балтійцевъ, а также въ военныхъ дѣйствіяхъ нѣмецкаго ландвера противъ Эстонской Республики. Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно для Эстонской Республики, что даже командирамъ Сѣверо-Западной Арміи не были чужды германскія интриги, что установлено въ особенности судебнымъ слѣдствіемъ по дѣлу сен. Нейдгардта, который совмѣстно съ германскими военными попробовалъ прошлымъ лѣтомъ наладить прямое сообщеніе со Штабомъ Сѣверо-Западной Арміи при помощи аэроплана.

Кромѣ того, командованіе Сѣверо-Западной Арміи назначало на отвѣтственные посты реакціонеровъ, дружественно расположенныхъ по отношенію къ нѣмцамъ и провозглашающихъ по отношенію окраинныхъ государствъ и ихъ народовъ возстановленіе Великой Россіи. Эти элементы выказывали глубокую враждебность по отношенію Балтійскихъ окраинныхъ государствъ и въ особенности по отношенію самостоятельности Эстоніи, какъ государства. Вслѣдствіе этихъ намѣреній даже русскіе солдаты стали выказывать враждебныя тенденціи по отношенію къ Эстоніи. Командиры Сѣверо-Западной Арміи, въ частности, открыто высказывали угрозы по адресу Эстоніи, утверждая, что послѣ взятія Петрограда они двинутся на Ревель.

Ввѣ вышеуказанные факты извѣстны во всѣхъ подробностяхъ Эстонской Арміи, а также и широкимъ массамъ населенія. Это враждебное отношеніе русскаго имперіализма по отношенію къ независимости Эстоніи, какъ государства, всегда освѣщалось эстонской прессой, которая, благодаря всеобщему образованію населенія, имѣетъ большое вліяніе на умы арміи и народа.

Такимъ образомъ глубокое недовѣріе по отношенію къ Сѣверо-Западной арміи распространилось въ рядахъ эстонской арміи и въ массахъ населенія. До тѣхъ поръ, пока Сѣверо-Западная армія принимала участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ большевиковъ на русской территоріи, она разсматривалась, какъ союзная. Надѣялись, что даже, если Сѣверо-Западная Армія послѣ одержанныхъ побѣдъ пожелала бы повернуть свое оружіе противъ Эстоніи, мы всегда были бы въ состояніи защищаться противъ «бѣлыхъ» русскихъ войскъ такъ, какъ это мы дѣлали противъ красныхъ войскъ. Эстонская Республика могла бы также надѣяться, что Союзныя и Дружественныя Правительства не остались бы безразличными, видя русскихъ имперіалистовъ, повернувшихъ свое оружіе противъ Эстоніи.

Теперь, когда русская Сѣверо-Западная Армія, деморализованная и дезорганизованная, отступила въ паникѣ до границъ Эстонской Республики, послѣ своей послѣдней экспедиціи противъ Петрограда, положеніе вещей сильно измѣнилось. Было бы безумнымъ самоубійствомъ, по мнѣнію раздраженнаго общества и Эстонской Арміи, разрѣшить такимъ дезорганизованнымъ и враждебнымъ массамъ перейти границы Эстонской Республики, а тѣмъ болѣе собраться въ тылу Эстонской Арміи, которой нужны всѣ ея силы для отраженія бѣшенныхъ атакъ военныхъ силъ русскихъ совѣтовъ.

Для Эстонскаго Правительства было очевидно, что пребываніе Русской Сѣверо-Западной Арміи въ тылу Эстонской Арміи вызвало бы бунтъ въ Эстонской Арміи, слѣдствіемъ чего было бы крушеніе нашего фронта, что вызвало бы смуты и безпорядокъ во внутренней жизни Республики и дало бы свободный доступъ большевистскому движенію въ Эстонію и оттуда на Западъ.

Для предупрежденія всего этого Эстонское Правительство издало приказъ, по которому всѣ воинскія части русской Сѣверо-Западной Арміи, дезертирующія съ противобольшевистскаго фронта и спасающіяся на эстонскую территорію, были бы обезоружены. Личный составъ разоруженныхъ войскъ разсматривался, какъ иностранцы, подчиненные распоряженіямъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Разоруженные отряды русской Сѣверо-Западной Арміи были сосредоточены въ Вирскомъ уѣздѣ (Везенбергѣ) въ окрестностяхъ Нарвскаго фронта и размѣщены въ деревняхъ и имѣніяхъ, гдѣ они могутъ устроиться въ гигіеническихъ условіяхъ. Американская продовольственная миссія взяла на себя удовлетвореніе Сѣверо-Западной Арміи продовольствіемъ, какъ она это дѣлала до сихъ поръ, такъ какъ Эстонская Республика не имѣетъ достаточнаго количества зерна для удовлетворенія насущныхъ нуждъ своего народа. Продовольствованіе Русской Сѣверо-Западной Арміи, какъ фактически и раньше, находится въ рукахъ американской продовольственной Миссіи.

Эстонскія военныя и гражданскія власти дѣлаютъ все, что онѣ находятъ возможнымъ и нужнымъ дѣлать. Имъ совершенно невозможно снабжать части русской Сѣверо-Западной Арміи одеждой, такъ какъ Эстонское Правительство не имѣетъ ея въ достаточномъ количествѣ. Сверхъ того Сѣверо-Западная Армія была богата снабжена продовольствіемъ и обмундированіемъ Союзными и Дружественными Державами.

Эстонское Правительство отнюдь не намѣрено распустить въ данный моментъ личный составъ воинскихъ частей русской Сѣв.-Западн. Арміи, пока потребности зимней стоянки этого не потребуютъ.

Не исключена возможность того, что для предоставленія имъ возможности заработка, Эстонское Правительство окажется принужденнымъ распредѣлить ихъ по другимъ округамъ, такъ какъ, принимая во вниманіе свой малый запасъ продовольствія, Эстонское Правительство не можетъ допустить, чтобы столь большія массы кормились, не давая въ обмѣнъ своей работы. Сверхъ того, принимая во вниманіе настоящія обстоятельства и господствующее настроеніе въ Эстонской Арміи и обществѣ, Эстонское Правительство никакъ не можетъ предположить, что до тѣхъ поръ, пока политическія и военныя обстоятельства на территоріи Эстоніи этого не потребуютъ, было бы отдано Сѣв.-Зап. Арміи оружіе и она была бы реорганизована въ боеспособную часть.

При такихъ обстоятельствахъ Эстонское правительство не можетъ упускать изъ виду, въ связи съ общей безопасностью своей страны, гарантій, которыя заключались бы въ признаніи независимости Эстонской республики и обезпеченіи этой независимости въ будущемъ со стороны панрусскихъ правительствъ Колчака и Деникина, подъ флагомъ котораго ведетъ борьбу Сѣв.-Зап. Армія, и въ признаніи «de jure» Союзными и Дружественными Державами, или ихъ именемъ Верховнымъ Совѣтомъ.

Такое признаніе со стороны Союзныхъ и Дружественныхъ Правительствъ имѣло бы результатомъ слѣдующее: русскія Правительства совмѣстно съ русскими Арміями, поддерживаемыми Союзными и Дружественными Правительствами, не посмѣли бы повернуть оружіе противъ Эстонской Республики, и оно бы дало бы увѣренность Эстонскому Народу и Арміи, увеличивъ энтузіазмъ послѣдней въ ея борьбѣ съ превосходными силами большевистскихъ войскъ; такое признаніе установило бы международныя отношенія Эстоніи, которая могла бы заключить соглашеніе съ сосѣдними Балтійскими Государствами объ организаціи единаго фронта противъ Совѣтской Россіи; Эстонія имѣла бы возможность улучшить свои финансы, консолидируя свою внѣшнюю торговлю и легче получая военное снаряженіе.

Чтобы имѣть возможность ясно установить свое отношеніе къ остатку Сѣв.-Зап. Арміи или рѣшить, какое принимать участіе въ случаѣ ея реорганизаціи, Правительство Эстоніи принуждено просить Верховный Совѣтъ не отказать сообщить ему, согласенъ ли онъ признать независимость и автономію Эстоніи. Опредѣленное рѣшеніе этого вопроса со стороны Верховнаго Совѣта крайне необходимо Правительству Эстоніи въ данный моментъ, чтобы опредѣлить свои отношенія къ Правительству Совѣтской Россіи.

Благодаря помощи союзныхъ и дружественныхъ державъ, Эстонскій народъ велъ въ теченіе болѣе года ожесточенную и кровавую борьбу съ превосходными силами большевиковъ. Народъ и Національная Армія сдѣлали сверхчеловѣческія усилія во имя идеи самостоятельности страны. Къ тому же два мѣсяца тому назадъ Совѣтское Правительство сдѣлало Эстонскому мирное предложеніе, открыто заявляя, что оно готово признать самостоятельность и автономію Эстоніи и утказаться отъ всяческихъ наступательныхъ дѣйствій противъ нея.

Принимая во вниманіе чрезвычайно тяжелое экономическое положеніе страны, послѣ болѣе чѣмъ пятилѣтней войны, и принимая во вниманіе утомленность Національной Арміи и страстное желаніе народа освободиться отъ тяжелаго бремени постоянной войны, Правительство Эстоніи не можетъ отклонить это мирное предложеніе, не давши повода къ предположенію, что оно совершенно безразлично къ окончанію войны.

Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, Правительство открыто заявило о своемъ рѣшеніи принять предложеніе Правительства Совѣтской Россіи и начать въ Юрьевѣ переговоры съ ея представителями.

Въ то же время Эстонское Правительство объявило, что эти переговоры не имѣютъ цѣлью установленія между Эстонской Республикой и таковой же Совѣтской Россіи мира въ полномъ смыслѣ этого слова, но лишь прекращеніе состоянія войны, тогда какъ всякія сношенія дипломатическія, консульскія, почтовыя, а также путей сообщенія и торговыя должны согласоваться съ принципами, принятыми Союзными и Дружественными Державами въ отношеніи Республики Совѣтской Россіи, такъ какъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Эстонская Республика желала бы дѣйствовать въ полномъ согласіи съ Союзными и Дружественными Державами.

По этимъ причинамъ Эстонское Правительство желало бы знать какъ можно скорѣй мнѣніе Верховнаго Совѣта по всѣмъ вышеизложеннымъ вопросамъ, дабы быть въ состояніи урегулировать справедливымъ образомъ свои отношенія къ Сѣв.-Зап. Арміи, а также принять твердую позицію въ мирныхъ переговорахъ съ представителями Совѣтской Россіи.

Дана въ Ревелѣ, 16-го декабря 1919 года.

Премьеръ-Министръ: (подпись) Теннисонъ.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ: (подпись) Биркъ.

Содержаніе

Борьба за возрожденіе Россіи въ сѣверной области — С. Добровольскаго 5
На совѣтской службѣ — М. Смильгъ-Бенаріо 147
Поѣздка изъ Петербурга въ Сибирь въ январѣ 1920 г. — Андрея Левинсона 190
Очерки жизни въ Кіевѣ въ 1919—20 гг. — Л. Л—ой . . . 210
Екатеринославскія воспоминанія — Г. Игренева 234

Документы

Документы къ «Воспоминаніямъ» ген. Лукомскаго . . 247
Меморандумъ Эстонскаго Правительства 271

Содержаніе I и II томовъ «Архива Революціи»

Томъ I

Задачи Архива. — В. Набоковъ, Временное Правительство. — П. Красновъ, На внутреннемъ фронтѣ. — Р. Донской, Отъ Москвы до Берлина въ 1920 г. — С. Вороновъ, Петроградъ—Вятка въ 1919—20 гг. — Н. Неклюдовъ, Предсказаніе русской революціи. — К. Крамаржъ, Основы Конституціи Россійскаго Государства. — Докладъ о положеніи дѣлъ на Украйнѣ въ мартѣ 1918 г. — Образованіе сѣверно-западного правительства (Доклады Карташева, Кузьмина-Караваева и Суворова). — Письмо ген. Гофа ген. Юденичу. — Послѣдніе дни Л. Андреева. — Описаніе польскаго отступленія въ августѣ 1920 года.

Томъ II

Къ исторіи Манифеста 17-го октября (Записки Н. И. Вупча и кн. Оболенскаго). — Ген. Лукомскій, Изъ воспоминаній. — А. Дроздовъ, Интеллигенція на Дону. — Р. Гуль, Кіевская эпопея. — Ф. Штейнманъ, Отступленіе отъ Одессы. — І. Рапопортъ, Полтора года въ совѣтскомъ Главкѣ. — О. Чернинъ, Брестъ-Литовскъ. — Журналъ Засѣданія Совѣта Министровъ Крымскаго Краевого Правительства 16 апрѣля 1919 г. — Изъ секретнаго доклада. — С. В. Милицынъ, Изъ моей тетради. — Бар. Фрейтагъ-фонъ-Лорингофенъ, Изъ дневника.

Предполагаемое содержаніе IV тома

Послѣдніе дни стараго режима (по матеріаламъ Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи Временнаго Правительства). Александра Блока. —

Воспоминанія А. Лукомскаго. —

25 октября 1917 г. (Воспоминанія защитника Зимняго дворца). А. Синегуба. —

Отъ Москвы до Берлина. Часть II. А. Донского. —

Врангелевская эпопея. Ал. Валентинова. —

Документы и письма:

1. Письмо Вел. кн. Александра Михаиловича къ Николаю II въ январѣ 1917 г.
2. Докладная записка Н. Римскаго-Корсакова о мѣрахъ къ предупрежденію революціи.
3. Денежные документы ген. М. Алексѣева и др.

Напечатано издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ

625082
Arkhiv Russkoi Revolyutsii.
v. 3 (1921)
P
HSlav
A
NAME OF BORROWER
University of Toronto
Library
DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET
Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

Digitized by the Internet Archive
in 2009 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/arkhivrusskoirev04gess

Bibliothèque "LE PAON"
N° 251
MEUDON-VAL-FLEURY

251

P
HSlav
A

Arkhiv Russkoi Revolyutsii

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

издаваемый

И. В. ГЕССЕНОМЪ

IV

Изданіе третье

БЕРЛИНЪ 1922

625083
9.12.55

Всѣ права, въ томъ числѣ и право перевода на другіе языки, принадлежатъ Издательству «СЛОВО»

Послѣдніе дни стараго режима*

Александра Блока

I

Состояніе власти

Болѣзнь государственнаго тѣла Россіи — Царь, императрица, Вырубова, Распутинъ — Великіе князья — Дворъ — Кружки: Бадмаевъ, Андрониковъ и Манасевичъ-Мануйловъ — Правые — Правительство: Совѣтъ Министровъ: Штюрмеръ, Треповъ и Голицынъ — Отношеніе правительства къ Думѣ — Гр. Игнатьевъ и Покровскій — Бѣляевъ — Н. Маклаковъ и Бѣлецкій — Протопоповъ

На исходѣ 1916 года всѣ члены государственнаго тѣла Россіи были поражены болѣзнью, которая уже не могла ни пройти сама, ни быть излеченной обыкновенными средствами, но требовала сложной и опасной операціи. Такъ понимали въ то время положеніе всѣ люди, обладавшіе государственнымъ смысломъ; ни у кого не могло быть сомнѣнія въ необходимости операціи; спорили только о томъ, какую степень потрясенія, по необходимости сопряженнаго съ нею, можетъ вынести разслабленное тѣло. По мнѣнію однихъ, государство должно было и во время операціи продолжать исполнять то дѣло, которое главнымъ образомъ и ускорило ростъ болѣзни, именно вести внѣшнюю войну; по мнѣнію другихъ, отъ этого дѣла оно могло отказаться.

Какъ бы то ни было, операція, первый періодъ которой прошелъ сравнительно безболѣзненно, совершилась. Она застигла врасплохъ представителей обоихъ мнѣній и протекла въ формахъ неожиданныхъ для представителей разныхъ слоевъ русскаго общества.

Главный толчокъ къ развитію болѣзни дала война; она уже третій годъ расшатывала государственный организмъ, обнаруживая всю его ветхость и лишая его послѣднихъ творческихъ силъ. Осенній призывъ 1916 года захватилъ тринадцатый милліонъ земледѣльцевъ, ремесленниковъ и всѣхъ прочихъ тех-

* Фактическая часть работы покойнаго поэта основана на показаніяхъ, данныхъ и матеріалахъ, собранныхъ учрежденной Временнымъ Правительствомъ Чрезвычайной Коммисіей для разслѣдованія противозаконныхъ по должности дѣйствій бывшихъ министровъ. Эта работа была напечатана въ журналѣ «Былое» № 15. *Ред.*

никовъ своего дѣла; непосредственнымъ слѣдствіемъ этого было — параличъ главныхъ артерій, питающихъ страну; для борьбы съ наступившимъ кризисомъ неразрывно связанныхъ между собою продовольствія и транспорта требовались исключительные люди и исключительныя способности; между тѣмъ, власть, раздираемая различными вліяніями и лишенная воли, сама пришла къ бездѣйствію; въ ней, по словамъ одного изъ ея представителей, не было уже ни одного «боевого атамана», и весь «духъ борьбы» выражался лишь въ томъ, чтобы «ставить заслоны».

Императоръ Николай II, упрямый, но безвольный, нервный, но притупившійся ко всему, извѣрившійся въ людяхъ, задерганный и осторожный на словахъ, былъ уже «самъ себѣ не хозяинъ». Онъ пересталъ понимать положеніе и не дѣлалъ отчетливо ни одного шага, совершенно отдаваясь въ руки тѣхъ, кого самъ поставилъ у власти. Распутинъ говорилъ, что у него «внутри недостаетъ». Имѣя наклонность къ общественности, Николай II боялся ея, тая давнюю обиду на Думу. Ставъ верховнымъ главнокомандующимъ, императоръ тѣмъ самымъ утратилъ свое центральное положеніе, и верховная власть, бывшая и безъ того «въ плѣну у биржевыхъ акулъ», распылилась окончательно въ рукахъ Александры Федоровны и тѣхъ, кто стоялъ за нею.

Императрица, которую иные находили умной и блестящей, въ сущности давно уже направлявшая волю царя и обладавшая твердымъ характеромъ, была всецѣло подъ вліяніемъ Распутина, который звалъ ее Екатериной II, и того «большого мистическаго настроенія» особаго рода, которое, по словамъ Протопопова, охватило всю царскую семью и совершенно отдѣлило ее отъ внѣшняго міра. Самолюбивая женщина, «относившаяся къ Россіи, какъ къ провинціи мало культурной» и совмѣщавшая съ этимъ обожаніе Распутина, ставившаго ее на поклоны; женщина, воспитанная въ англійскомъ духѣ и молившаяся вмѣстѣ съ тѣмъ въ «тайничкахъ» Ѳеодоровскаго Собора, — дѣйствительно управляла Россіей. «Едва ли можно сохранить самодержавіе, — писалъ около новаго года придворный историографъ, генералъ Дубенскій, — слишкомъ проявилась глубокая рознь русскихъ интересовъ съ интересами Александры Федоровны».

«Въ мистическій кругъ» входила наивная, преданная и несчастливая подруга императрицы А. А. Вырубова, иногда судившая царя «своею простотою ума», покорная Распутину, «фонографъ его словъ и внушеній» (слова Протопопова). Ей, по ея словамъ, «вся Россія присылала всякія записки», которыя она механически передавала по назначенію.

«Связью власти съ міромъ» и «цѣнителемъ людей» былъ Григорій Распутинъ; для однихъ — «мерзавецъ», у котораго была «контора для обдѣлыванія дѣлъ»; для другихъ — «великій комедьянтъ», для третьихъ — «удобная педаль нѣмецкаго шпіонажа»; для четвертыхъ — упрямый, неискренній, скрытный человѣкъ, который не забывалъ обидъ и мстилъ жестоко, и который нѣкогда учился у магнетизера. О вредѣ Распутина напрасно говорили царю такіе разнообразные люди, какъ Родзянко, генералъ Ивановъ, Кауфманъ-Туркестанскій, Нилова, Орловъ, Дрентельнъ, великіе князья, Фредериксъ. Мнѣнія представителей власти, знавшихъ этого безграмотнаго «старца», котораго Вырубова назвала «неаппетитнымъ», при всемъ ихъ разнообразіи, сходятся въ одномъ: всѣ они — нелестны; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, извѣстно, что всѣ они, больше или меньше, зависѣли отъ него; область вліянія этого человѣка, каковъ бы

онъ ни былъ, была громадна; жизнь его протекла въ исключительной атмосферѣ истерическаго поклоненія и непроходящей ненависти: на него молились, его искали уничтожить: недюжинность распутнаго мужика, убитаго въ спину на Юсуповской «вечеринкѣ съ грамофономъ», сказалась, пожалуй, болѣе всего въ томъ, что пуля, его прикончившая, попала въ самое сердце царствующей династіи.

Затворники Царскаго Села и «маленькаго домика» Вырубовой, окрестившіе другъ друга и тѣхъ, кто приходилъ съ ними въ соприкосновеніе, такими же законспирированными кличками, какія были въ употребленіи въ самыхъ низахъ — въ департаментѣ полиціи, — были отдѣлены отъ міра пропастью, которая, по волѣ Распутина, то суживалась, открывая доступъ избраннымъ вліяніямъ, то расширялась, становясь совершенно непереходимой даже для родственниковъ царя, отодвинутыхъ тѣмъ же Распутинымъ на второй планъ; часть ихъ перешла въ оппозицію. «Теперь всѣ Владиміровичи и всѣ Михайловичи въ полномъ протестѣ противъ императрицы», записывалъ въ дневникѣ генералъ Дубенскій; они обращались къ царю съ письмами и записками; такъ, Георгій Михайловичъ въ ноябрѣ писалъ царю о ненависти къ Штюрмеру самыхъ умѣренныхъ круговъ въ арміи и объ отвѣтственномъ министерствѣ, какъ единственной мѣрѣ для спасенія Россіи. Письмо Николая Михайловича уже было опубликовано. Въ обширномъ письмѣ Александра Михайловича отъ 25 декабря — 4 февраля указано, что политика царя идетъ въ разрѣзъ съ желаніемъ народа, что нужно дать свободу общественнымъ силамъ и выбрать министровъ, которымъ страна повѣритъ, и что существующее правительство само подготовляетъ революцію.

Милюковъ былъ въ средѣ этихъ оппозиціонно настроенныхъ великихъ князей послѣ убійства Распутина, въ которомъ одинъ изъ нихъ былъ замѣшанъ, что особенно отшатнуло отъ нихъ царя, написавшаго въ отвѣтъ на просьбу «смягчить участь» Дмитрія Павловича, извѣстную фразу: «никому не дано право, заниматься убійствомъ». Настроеніе въ этой средѣ было двойственное: радовались тому, что очистилась атмосфера, но къ возможности безболѣзненнаго исхода изъ положенія относились безнадежно.

Гораздо ближе къ царской семьѣ стоялъ кругъ придворныхъ. Въ этомъ кругу, гдѣ «атмосфера, по выраженію Воейкова, была манекенъ», кипѣла борьба мелкихъ самолюбій и интригъ. Десятка два людей, у каждаго изъ которыхъ были свои обязанности («я въ шахматы играю, я двери открываю»), трепетали надъ тѣмъ, кто изъ нихъ займетъ мѣсто министра двора послѣ смерти стараго, временами вовсе выживающаго изъ ума «дорогого графа» Фредерикса, къ которому царь питалъ большую привязанность. Нѣкоторые изъ этихъ людей, весьма занятыхъ биржевыми дѣлами и получившихъ отъ правительственныхъ низовъ не очень лестный эпитетъ «придворной рвани», были, по своему, «конституціонно» настроены; большинство питало ярую ненависть къ Распутину. Среди нихъ выдѣлялись, — ближе всѣхъ стоявшій къ царской семьѣ зять Фредерикса, Воейковъ, ловкій коммерсантъ и владѣлецъ Куваки, — и Ниловъ, старый «морской волкъ», пьяница, котораго любили за грубость, — этотъ послѣдній всѣхъ откровеннѣе говорилъ съ царемъ о Распутинѣ; получивъ отпоръ, какъ всѣ остальные, онъ смирился и твердилъ одно: «Будетъ революція, насъ всѣхъ повѣсятъ, а на какомъ фонарѣ, все равно».

Эта среда, какъ и среда правительственная, была ареной, на которой открывался широкій просторъ вліяніямъ большихъ и малыхъ кружковъ; оттуда

летѣли записки, диктовались назначенія, шла вся «большая политика»; наиболѣе видными кружками были кружки Бадмаева, кн. Андроникова и Манасевича-Мануйлова.

Бадмаевъ — умный и хитрый азіатъ, у котораго въ головѣ былъ политическій хаосъ, а на языкѣ шуточки, и который занимался, кромѣ тибетской медицины, бурятской школой и бетонными трубами — дружилъ съ Распутинымъ и Курловымъ, нѣкогда сыгравшимъ роль въ убійствѣ Столыпина; при помощи Бадмаевскаго кружка получилъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ Протопоповъ.

Князь Андрониковъ, вертѣвшійся въ придворныхъ и правительственныхъ кругахъ, подносившій иконы министрамъ, цвѣты и конфекты ихъ женамъ, и знакомый съ царскосельскимъ камердинеромъ, характеризуетъ самъ себя такъ: «Человѣкъ, гражданинъ, всегда желавшій принести какъ можно больше пользы».

Манасевичъ-Мануйловъ, ловкій и умный журналистъ, былъ сотрудникомъ «Новаго Времени», газеты, много лѣтъ вдохновлявшей и пугавшей правительство.

Партія правыхъ, сильно измельчавшая, также разбилась на кружки, которые дѣйствовали путемъ записокъ и личныхъ вліяній. Ихъ оппозиція правительству принимала угрожающіе размѣры при попыткахъ сократить субсидіи, которыми они пользовались всегда, но размѣры которыхъ не были баснословны. Среди правыхъ были, повидимому, и люди дѣйствительно безкорыстно преданные идеѣ самодержавія. Для этихъ «послѣднихъ могиканъ», по выраженію Н. Маклакова, было однако ясно, что они «стояли у могилы того, во что вѣровали»; въ запискѣ, составленной въ кружкѣ Римскаго-Корсакова и переданной царю кн. Голицынымъ въ ноябрѣ, и въ запискѣ Говорухи-Отрока съ поправкой Маклакова, переданной царю въ январѣ, правые тщетно пытались убѣдить его взять болѣе твердый курсъ, особенно по отношенію къ Думѣ, и оставить подражаніе «походкѣ пьянаго — отъ стѣны къ стѣнѣ». Не остановили крушенія — ни выходка Маркова, ни письмо Маклакова, ни попытка усиленія праваго крыла Государственнаго Совѣта при содѣйствіи политически безпринципнаго Щегловитова, ни послѣднія назначенія, вродѣ назначенія князя Голицына.

Если всѣ описанные круги были проникнуты своеобразнымъ міросозерцаніемъ, которое хоть по временамъ давало возможность взглянуть въ лицо жизни — то круги бюрократическіе, непосредственно къ нимъ примыкающіе и передъ ними отвѣтственные, давно были лишены какого бы то ни было міросозерцанія. Все учащающуюся смѣну лицъ въ этихъ кругахъ Пуришкевичъ назвалъ «министерской чехардой»; но лица эти не обновляли и не поддерживали власть, а только ускоряли ея паденіе. Правительство, которое давно не имѣло представленія не только о народѣ, но и о «земской Россіи и Думѣ», возглавлялось «недружнымъ, другъ другу не довѣряющимъ» Совѣтомъ Министровъ; это учрежденіе перестало жить со временъ П. А. Столыпина, послѣдняго крупнаго дѣятеля самодержавія; съ тѣхъ поръ, оно постепенно превращалось, а при Штюрмерѣ фактически превратилось въ старый Комитетъ Министровъ, стоящій внѣ политики и занимающійся «дѣловымъ» регулированіемъ общеимперской службы, которая, по словамъ людей живыхъ и сколько-нибудь связанныхъ со страной, давно стала «каторгой духа и мозга». «Совѣтъ Министровъ, говоритъ Протопоповъ, остался позади жизни и сталъ какъ бы тормазомъ народному импульсу».

Въ сущности, уже замѣна на посту предсѣдателя Совѣта Министровъ опытнаго, но окончательно одряхлѣвшаго бюрократа Горемыкина Штюрмеромъ, въ которомъ царь, какъ оказалось впослѣдствіи, видѣлъ «земскаго дѣятеля», заставила многихъ призадуматься. Штюрмеръ имѣлъ весьма величавый и хладнокровный видъ и самъ аттестовалъ свои руки, какъ «крѣпкія руки въ бархатныхъ перчаткахъ». На дѣлѣ, онъ былъ только «футляромъ», въ которомъ скрывался хитрый обыватель, дѣлавшій все «подъ шумокъ», съ «канцелярскими уловками»; это была игрушка въ рукахъ Манасевича-Мануйлова, «старикашка на веревочкѣ», какъ выразился о немъ однажды Распутинъ, которому случалось и прикрикнуть на безпамятнаго, одержимаго старческимъ склерозомъ и торопившагося, какъ бы только сбыть съ рукъ дѣло, премьера.

Ославленному Милюковымъ въ Думѣ Штюрмеру пришлось уступить мѣсто Трепову. На долю этого бюрократа выпала непосильная задача — взять твердый курсъ въ ту минуту, когда буря началась (въ ноябрѣ 1916 года); при Треповѣ считалось «хорошимъ тономъ» избѣгать примѣненія 87 статьи; но всѣ уловки только подливали масла въ огонь, и недостаточно сильный, ничего не успѣвшій измѣнить за 48 дней своего премьерства, Треповъ палъ, побѣжденный Протопоповымъ, которому удалось уловить его на предложеніи отступного Распутину (чтобы послѣдній не мѣшался въ государственныя дѣла).

Послѣднимъ премьеромъ былъ Н. Д. Голицынъ, самыя обстоятельства назначенія котораго показываютъ, до какой растерянности дошла власть. Стоявшій вдали отъ дѣлъ и завѣдывавшій съ 1915 года только «Комитетомъ помощи русскимъ военнопленнымъ», Голицынъ былъ вызванъ въ Царское село, будто бы императрицей. Его встрѣтилъ царь, который поговорилъ о томъ, кого бы назначить премьеромъ («Рухловъ не знаетъ французскаго языка, а на дняхъ собирается конференція союзниковъ») и, наконецъ, сказалъ: «Я съ вами хитрю, вызвалъ васъ я, а не императрица, мой выборъ палъ на васъ». Голицынъ, «мечтавшій только объ отдыхѣ», напрасно просился въ отставку. Едва ли старый аристократъ, брезгливо называвшій народъ «чернью» и не твердо знакомый съ дѣлопроизводствомъ Совѣта Министровъ, могъ справиться съ претившими ему ставленниками Распутина — Протопоповымъ и Добровольскимъ; Протопопова не могли осилить и болѣе сильные, у него была особая звѣзда, погасшая лишь тогда, когда все было кончено.

Характерно для той «большой политики», которую дѣлалъ Совѣтъ Министровъ и которая сводилась къ изысканію средствъ отдалить неминуемый созывъ Государственной Думы, засѣданіе Совѣта Министровъ 3 января. Его дѣловая сторона изложена въ слѣдующей «памятной запискѣ», составленной П. Ладыженскимъ:

«Совѣтъ Министровъ, въ засѣданіи 3 января 1917 года, обсуждалъ вопросъ о времени предстоящаго возобновленія занятій законодательныхъ учрежденій, причемъ въ средѣ Совѣта были заявлены различныя мнѣнія.

«Пять Членовъ (Покровскій, Шуваевъ, Николаенко, Феодосьевъ и Ланговой) высказались, что въ соотвѣтствіи съ Высочайшимъ Указомъ отъ 15 декабря 1916 года Государственная Дума должна быть созвана 12 января, но возможность созыва Думы должна быть подготовлена соотвѣтствующими мѣропріятіями.

«Предсѣдатель и 8 членовъ (Григоровичъ, Риттихъ, Добровольскій, Протопоповъ, Разумовскій, Войновскій-Кригеръ, Раевъ и Кульчицкій) находили, что при настоящемъ настроеніи думскаго большинства открытіе Думы и появленіе

въ ней Правительства неизбѣжно вызоветъ нежелательныя и недопустимыя выступленія, слѣдствіемъ коихъ долженъ бы явиться роспускъ Думы и назначеніе новыхъ выборовъ. Во избѣжаніе подобной крайней мѣры, Предсѣдатель и согласные съ нимъ Члены Совѣта считали предпочтительнымъ на нѣкоторое время отсрочить созывъ Думы, назначивъ срокъ созыва на 31 января.

«А. Д. Протопоповъ, къ мнѣнію котораго присоединились П. А. Добровольскій, Н. К. Кульчицкій и Н. И. Раевъ, полагали продолжить срокъ настоящаго перерыва занятій Думы до 14 февраля».

Эту формальную и сухую запись дополняетъ живая характеристика засѣданія однимъ изъ его участниковъ — Н. Н. Покровскимъ. Изъ его разсказа мы знаемъ, что Протопоповъ развивалъ здѣсь свою «необыкновенную теорію политическихъ теченій въ Россіи», которую онъ повторилъ и въ засѣданіи 25 февраля. Теорія, по словамъ Н. Н. Покровскаго, заключалась въ томъ, что революціонное теченіе (анархизмъ и соціализмъ) постепенно втекаетъ въ оппозиціонное (общественные элементы съ Государственной Думой во главѣ); такимъ образомъ, оппозиціонное теченіе совпадаетъ съ революціоннымъ и стремится захватить власть, вслѣдствіе чего слѣдуетъ бороться съ оппозиціей всѣми средствами, вплоть до роспуска Думы. Далѣе, Протопоповъ, по словамъ Покровскаго, предлагалъ «графическую схему» и «песъ околесную», такъ что нѣсколько лицъ переглянулись и спросили другъ друга: «Вы что-нибудь поняли?» Характерно, однако, что мнѣніе Протопопова и было принято; правда, онъ пошелъ на извѣстную уступку.

Среди членовъ правительства было немного лицъ, о которыхъ можно говорить подробно, такъ какъ ихъ личная дѣятельность мало чѣмъ отмѣчена; всѣ они неслись въ неудержимомъ водоворотѣ къ неминуемой катастрофѣ. Среди нихъ были и люди высокой честности, какъ напримѣръ, министръ народнаго просвѣщенія графъ Игнатьевъ, много разъ просившійся въ отставку и смѣненный Кульчицкимъ лишь за два мѣсяца до переворота, или министръ иностранныхъ дѣлъ Покровскій, которому приходилось указывать на невозможность руководить внѣшней политикой при существующемъ курсѣ политики внутренней; но и эти люди ничего не могли сдѣлать для того, чтобы предотвратить катастрофу.

Большую роль въ февральскіе дни пришлось сыграть послѣднему военному министру генералу Бѣляеву, котораго Родзянко считаетъ человѣкомъ порядочнымъ. А. А. Поливановъ характеризуетъ его, какъ своего бывшаго ученика — старательнаго и добросовѣстнаго, но къ творчеству неспособнаго и склоннаго къ угодничеству.

Нельзя обойти молчаніемъ двухъ лицъ, которыя приняли участіе въ развертывающихся событіяхъ и готовились стать у власти. Одинъ изъ нихъ — бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, любимецъ царя, Н. Маклаковъ, котораго царскій курьеръ не засталъ на Рождествѣ въ Петербургѣ; повидимому, онъ имѣлъ шансы смѣнить Протопопова; будучи человѣкомъ правыхъ убѣжденій, Маклаковъ сознавалъ «внѣ суматохи и безконечнаго верченія административнаго колеса», что дѣло правыхъ, которыхъ «били, не давали встать, и опять били», безвозвратно проиграно.

Другимъ претендентомъ на власть, который долженъ былъ наканунѣ переворота стать замѣстителемъ генерала Батюшина, былъ С. Бѣлецкій, выдающійся въ свое время директоръ департамента полиціи, едва не ставшій оберъ-прокуроромъ синода; это былъ человѣкъ практики, услужливый и искательный, который умѣлъ «всюду втереться».

Послѣднему министру внутреннихъ дѣлъ Протопопову суждено было занять исключительное мѣсто въ правительственной средѣ. Роль его настолько велика, что на его характеристикѣ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

А. Д. Протопоповъ, помѣщикъ и промышленникъ изъ симбирскихъ дворянъ и членъ Государственной Думы отъ партіи 17 октября, былъ выбранъ товарищемъ предсѣдателя четвертой Государственной Думы. О немъ заговорили тогда, когда, весной 1916 года, онъ отправился заграницу, въ качествѣ члена парламентской делегаціи, и на обратномъ пути, въ Стокгольмѣ, имѣлъ бесѣду съ совѣтникомъ германскаго посольства Варбургомъ. Подробности этой бесѣды, имѣвшей цѣлью нащупать почву для заключенія мира, передавались различно не только лицами, освѣдомленными о ней, но и самимъ Протопоповымъ.

Въ то время у Протопопова были уже широкіе планы. Онъ лелѣялъ мысль о большой газетѣ, которая объединила бы промышленные круги, и въ которой сотрудничали бы «лучшіе писатели — Милюковъ, Горькій и Меньшиковъ». Газета воплотилась впослѣдствіи въ «Русскую Волю». Тогда же въ голову его вступила «дурная и несчастная мысль насчетъ министерства», ибо «честолюбіе его бѣгало и прыгало»: первоначально онъ думалъ лишь о министерствѣ торговли.

Дѣйствуя одновременно въ разныхъ направленіяхъ и не порывая отношеній съ думской средой, Протопоповъ сумѣлъ проникнуть къ царю и заинтересовать его своей стокгольмской бесѣдой, а также — приблизиться къ Бадмаеву, съ которымъ свела его болѣзнь, и къ его кружку, гдѣ онъ узналъ Распутина и Вырубову.

16 сентября 1916 года Протопоповъ, неожиданно для всѣхъ и нѣсколько неожиданно для самаго себя, былъ, при помощи Распутина, назначенъ управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Ему сразу же довелось проникнуть въ самый «мистическій кругъ» царской семьи, оставивъ за собой какъ Думу и прогрессивный блокъ, изъ которыхъ онъ вышелъ, такъ и чуждые ему бюрократическіе круги, для которыхъ онъ былъ непріятенъ, и придворную среду, которая видѣла въ немъ выскочку.

Почувствовавъ «откровенную преданность» и искреннее обожаніе къ «Хозяину Земли Русской» и его семьѣ, и получивъ кличку «Калинина» (данную Распутинымъ), Протопоповъ, съ присущими ему легкомысліемъ и «маніей величія», задался планами спасенія Россіи, которая все чаще представлялась ему «царской вотчиной». Онъ замышлялъ передать продовольственное дѣло въ министерство внутреннихъ дѣлъ, произвести реформу земства и полиціи и разрѣшить еврейскій вопросъ.

На дѣлѣ оказалось прежде всего полное незнакомство съ вѣдомствомъ, сказавшееся, напримѣръ, при посѣщеніи Москвы, описанномъ Челноковымъ. Протопоповъ сталъ управлять министерствомъ, постоянно болѣя «дипломатическими болѣзнями», при помощи многочисленныхъ и часто мѣняющихся товарищей; среди нихъ были неоффиціальные, какъ Курловъ, возбуждавшій особую къ себѣ и своему прошлому ненависть въ общественныхъ кругахъ. Протопопову, по его словамъ, «некогда было думать о дѣлѣ»; онъ втягивался все болѣе въ то, что называлось въ его времена «политикой»; будучи «рѣдкимъ гостемъ въ Совѣтѣ Министровъ», онъ былъ частымъ гостемъ Царскаго Села.

Съ перваго шага, Протопоповъ возбудилъ къ себѣ нелюбовь и презрѣніе общественныхъ и правительственныхъ круговъ. Отношеніе Думы сказалось на

совѣщаніи съ членами прогрессивнаго блока, устроенномъ 19 октября у Родзянко, но Протопоповъ, желавшій, «чтобы люди имѣли счастіе» и полагавшій, что «нельзя геній цѣлаго народа поставить въ рамки чиновничьей указки», оказался несмотря на жандармскій мундиръ Плеве, въ которомъ онъ однажды щегольнулъ передъ думской комиссіей, непріемлемымъ и для бюрократіи, увидавшей въ немъ мечтателя и общественнаго дѣятеля; недаромъ самъ Распутинъ сказалъ однажды, что Протопоповъ — «изъ того же мѣшка», и что у него «честь тянется, какъ подвязка».

Къ этому присоединилось вліяніе личнаго характера Протопопова, который «сталъ въ контры съ собственной Думою» и заставилъ многихъ сдѣлать изъ него «притчу во языцѣхъ» и отнестись къ нему юмористически. Характерно, напримѣръ, его (ставшее извѣстнымъ лишь впослѣдствіи) знакомство съ гадателемъ Шарлемъ Перэномъ, едва ли не германскимъ шпіономъ, о чемъ и предупреждалъ директоръ департамента полиціи; Протопоповъ не хотѣлъ объ этомъ знать, вѣруя въ свой «рокъ»; онъ неудержимо интересовался тѣмъ, что говорилъ ему Перэнъ: что «его планета — Юпитеръ, которая проходитъ подъ Сатурномъ, и разныя гороскопическія вещи».

Полная неудача въ замышленныхъ реформахъ и травля со всѣхъ сторонъ озлобили Протопопова. Въ то время какъ Милюковъ, наканунѣ убійства Распутина, назвалъ его въ Думѣ «загадочной картинкой», Протопоповъ вступилъ уже на путь «революціонно-правой», по собственному выраженію, политики, выразившейся въ борьбѣ съ Государственной Думой, запрещеніи съѣздовъ, преслѣдованіи общественныхъ организацій и печати, давленіи на выборы и, наконецъ, многочисленныхъ арестахъ, завершившихся январьскимъ арестомъ рабочей группы Военно-Промышленнаго Комитета. Этимъ, а также и тѣмъ, что на Протопопова временами «накатывало», что сближало его съ духомъ Царскаго Села, объясняется его пребываніе на посту до конца; послѣ убійства Распутина 17 декабря положеніе Протопопова не только не пошатнулось, но упрочилось: 20 декабря онъ былъ изъ управляющихъ сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и съ тѣхъ поръ, несмотря на всѣ окружавшіе его враждебные толки и на многочисленныя попытки весьма вліятельныхъ лицъ заставить его уйти, продолжалъ свое дѣло до послѣдней минуты.

Личность и дѣятельность Протопопова сыграли рѣшающую роль въ дѣлѣ ускоренія разрушенія царской власти. Распутинъ наканунѣ своей гибели, какъ бы, завѣщалъ свое дѣло Протопопову, и Протопоповъ исполнилъ завѣщаніе. Въ противоположность обыкновеннымъ бюрократамъ, которымъ многолѣтній чиновничій опытъ помогалъ сохранить видимость государственнаго смысла, Протопоповъ принесъ къ самому подножію трона весь истерическій клубокъ своихъ личныхъ чувствъ и мыслей; какъ мячъ, запущенный разсчетливой рукой, безпорядочно отскакивающій отъ стѣнъ, онъ внесъ развалъ въ кучу порядливо разставленныхъ, по видимости устойчивыхъ, а на дѣлѣ шаткихъ кегель государственной игры.

Въ этомъ смыслѣ Протопоповъ оказался, дѣйствительно, «роковымъ человѣкомъ».

II

Настроеніе общества и событія наканунѣ переворота

Январьскіе и февральскіе доклады петербургскаго охраннаго отдѣленія — Арестъ Рабочей Группы Центральнаго Военно-Промышленнаго Комитета и роль Обросимова — Выдѣленіе петербургскаго округа — Приготовленія къ 14 февраля — Настроенія свѣтскихъ круговъ и арміи — Послѣдній всеподданѣйшій докладъ Родзянко — Н. Маклаковъ и его проектъ манифеста — Открытіе сессіи законодательныхъ палатъ.

Таково было состояніе власти, «охваченной», по выраженію Гучкова, «процессами гніенія», что сопровождалось «глубокимъ недовѣріемъ и презрѣніемъ къ ней всего русскаго общества, внѣшними неудачами и матеріальными невзгодами въ тылу». За нѣсколько мѣсяцевъ до переворота, въ особомъ совѣщаніи по государственной оборонѣ, подъ предсѣдательствомъ генерала Бѣляева, Гучковъ сказалъ въ своей рѣчи: «если бы нашей внутренней жизнью и жизнью нашей арміи руководилъ германскій генеральный штабъ, онъ не создалъ бы ничего, кромѣ того, что создала русская правительственная власть». Родзянко назвалъ дѣятельность этой власти «планомѣрнымъ и правильнымъ изгнаніемъ всего того, что могло принести пользу въ смыслѣ побѣды надъ Германіей».

Единственнымъ живымъ органомъ, который учитывалъ политическое положеніе и понималъ, насколько опасна для разстроеннаго правительства организованная общественность, которая, въ лицѣ прогрессивнаго блока, военно-промышленныхъ комтитетовъ и другихъ общественныхъ организацій, давно могла съ гораздо большимъ успѣхомъ дѣйствовать въ направленіи обороны страны, былъ департаментъ полиціи. Доклады охраннаго отдѣленія въ 1916 году даютъ лучшую характеристику общественныхъ настроеній; они исполнены тревоги, но ихъ громкаго голоса умирающая власть уже слышать не могла.

Въ секретномъ докладѣ «отдѣленія по охраненію общественной безопасности и порядка въ столицѣ» отъ 5 января, на основаніи добытаго черезъ секретную агентуру освѣдомительнаго матеріала, сообщается, что, по слухамъ, были передъ Рождествомъ какіе-то законспирированныя совѣщанія членовъ лѣваго крыла Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, что постановлено ходатайствовать передъ Высочайшею Властью объ удаленіи цѣлаго ряда представителей правительства съ занимаемыхъ ими постовъ; во главѣ означеннаго списка стоятъ Щегловитовъ и Протопоповъ.

«Настроеніе въ столицѣ носитъ исключительно тревожный характеръ. Циркулируютъ въ обществѣ самые дикіе слухи, какъ о намѣреніяхъ Правительственной власти, въ смыслѣ принятія различнаго рода реакціонныхъ мѣръ, такъ равно и о предположеніяхъ враждебныхъ этой власти группъ и слоевъ населенія, въ смыслѣ возможныхъ и вѣроятныхъ революціонныхъ начинаній и эксцессовъ. Всѣ ждутъ какихъ-то исключительныхъ событій и выступленій, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Одинаково серьезно и съ тревогой ожидаютъ, какъ разныхъ революціонныхъ вспышекъ, такъ равно и несомнѣннаго якобы въ ближайшемъ будущемъ, «дворцоваго переворота», провозвѣстникомъ коего, по общему убѣжденію, явился актъ въ отношеніи «пресловутаго старца».

Далѣе сообщается, что всюду идутъ толки объ общемъ (а не только партійномъ) террорѣ, въ связи съ вѣроятнымъ окончательнымъ роспускомъ Думы. Политическій моментъ напоминаетъ канунъ 1905 года; «какъ и тогда, все

началось съ безконечныхъ и безчисленныхъ съѣздовъ и совѣщаній общественныхъ организацій, выносившихъ резолюціи рѣзкія по существу, но несомнѣнно, въ весьма малой и слабой степени выражавшія истинные размѣры недовольства широкихъ народныхъ массъ населенія страны».

«Весьма вѣроятно, что начнутся студенческіе безпорядки, къ которымъ примкнутъ и рабочіе, что все это увѣнчается попытками къ совершенію террористическихъ актовъ, хотя бы въ отношеніи новаго Министра Народнаго Просвѣщенія или Министра Внутреннихъ Дѣлъ, какъ главнаго, по указаніямъ, виновника всѣхъ золъ и бѣдствій, испытываемыхъ страною».

«Либеральная буржуазія вѣритъ, что въ связи съ наступленіемъ перечисленныхъ выше ужасныхъ и неизбѣжныхъ событій, Правительственная власть должна будетъ пойти на уступки и передать всю полноту своихъ функцій въ руки кадетъ, въ лицѣ лидируемаго ими прогрессивнаго блока, и тогда на Руси «все образуется». Лѣвые же упорно утверждаютъ, что наша власть зарвалась, на уступки ни въ коемъ случаѣ не пойдетъ и, не оцѣнивая въ должной мѣрѣ создавшейся обстановки, логически должна привести страну къ неизбѣжнымъ переживаніямъ стихійной и даже анархической революціи, когда уже не будетъ ни времени, ни мѣста, ни основаній для осуществленія кадетскихъ вожделѣній и когда, по ихъ убѣжденіямъ, и создастся почва для «превращенія Россіи въ свободное отъ царизма государство, построенное на новыхъ соціальныхъ основахъ».

Передъ 9 января начальникъ охраннаго отдѣленія Глобачевъ докладываетъ о «настроеніяхъ революціоннаго подполья» по партіямъ и приходитъ къ слѣдующему выводу «Рядъ ликвидацій послѣдняго времени въ значительной мѣрѣ ослабилъ силы подполья и нынѣ, по свѣдѣніямъ агентуры, къ 9 января возможны лишь отдѣльныя разрозненныя стачки и попытки устроить митинги, но все это будетъ носить неорганизованный характеръ». Однако же, здѣсь констатируется «общая распропагандированность пролетаріата».

19 января слѣдуетъ вновь обширный «совершенно секретный» докладъ охраннаго отдѣленія. «Отсрочка Думы продолжаетъ быть центромъ всѣхъ сужденій... Ростъ дороговизны и повторныя неудачи правительственныхъ мѣропріятій по борьбѣ съ исчезновеніемъ продуктовъ вызвали еще передъ Рождествомъ рѣзкую волну недовольства... Населеніе открыто (на улицахъ, въ трамваяхъ, въ театрахъ, магазинахъ) критикуетъ въ недопустимомъ по рѣзкости тонѣ всѣ Правительственныя мѣропріятія».

Отмѣчаются «успѣхъ крайне лѣвыхъ журналовъ и газетъ («Лѣтопись», «Дѣло», «День», «Русская Воля» и появленіе «Луча»); оппозиціонныя рѣчи въ самыхъ умѣренныхъ по своимъ политическимъ симпатіямъ кругахъ»; довѣрчивость широкихъ массъ къ Думѣ, которая еще недавно считалась «черносотенной» и «буржуазной», разговоры о «мужествѣ Милюкова и Родзянки» послѣ 1 ноября.

«Озлобленное дороговизной и продовольственной разрухой большинство обывателей — въ туманѣ», питается «злостными сплетнями» о «Думской петиціи», объ «организаціи офицеровъ, постановившей убить рядъ лицъ, якобы, мѣшающихъ обновленію Россіи».

«Неспособные къ органической работѣ и переполнившіе Государственную Думу политиканы... способствуютъ своими рѣчами разрухѣ тыла... Ихъ пропаганда, не остановленная Правительствомъ въ самомъ началѣ, упала на почву усталости отъ войны; дѣйствительно возможно, что роспускъ Государ-

ственной Думы послужитъ сигналомъ для вспышки революціоннаго броженія и приведетъ къ тому, что Правительству придется бороться не съ ничтожной кучкой оторванныхъ отъ большинства населенія членовъ Думы, а со всей Россіей».

«Резюмируя эти колеблющіяся настроенія въ нѣсколькихъ словахъ, можно сказать, что ожидаемый массами въ февралѣ мѣсяцѣ роспускъ Государственной Думы не обязательно вызоветъ, но легко можетъ вызвать всеобщую забастовку, которая объединитъ въ себѣ всевозможныя политическія направленія и которая, начавшись подъ флагомъ популярной сейчасъ «борьбы за Думу», окончится требованіемъ окончанія войны, всеобщей амнистіи, всѣхъ свободъ и пр.».

«Въ дѣйствующей арміи, согласно повторнымъ и все усиливающимся слухамъ, терроръ широко развитъ въ примѣненіи къ нелюбимымъ начальникамъ, какъ солдатамъ, такъ и офицерамъ». «Поэтому, слухи о томъ, что за убійство Распутина — этой «первой ласточки» террора — начнутся другіе «акты», — заслуживаютъ самаго глубокаго вниманія... Нѣтъ въ Петроградѣ въ настоящее время семьи такъ называемаго «интеллигентнаго обывателя», гдѣ «шопотомъ» не говорилось бы о томъ, что «скоро, навѣрно, прикончатъ того или иного изъ представителей правящей власти» и что «теперь такому-то безусловно не сдобровать». Характерный показатель того, что озлобленное настроеніе пострадавшаго отъ дороговизны обывателя требуетъ кровавыхъ гекатомбъ изъ труповъ министровъ, генераловъ... Въ семьяхъ лицъ, мало-мальски затронутыхъ политикой, открыто и свободно раздаются рѣчи опаснаго характера, затрагивающія даже Священную Особу Государя Императора».

Далѣе сообщаются слухи о «національной партіи», образованной Пуришкевичемъ, о рѣзко намѣчающемся авантюризмѣ нашихъ доморощенныхъ «Юань-Шикаевъ», въ лицѣ Гучкова, Коновалова, кн. Львова, стремящихся использовать могущія неожиданно вспыхнуть «событія» въ своихъ личныхъ видахъ и цѣляхъ и беззастѣнчивымъ провокаціоннымъ образомъ муссирующихъ настроеніе представителей авторитетныхъ рабочихъ группъ Военно-Промышленныхъ Комитетовъ».

«Общій выводъ изъ всего изложеннаго: «если рабочія массы пришли къ сознанію необходимости и осуществимости всеобщей забастовки и послѣдующей революціи, а круги интеллигенціи — къ вѣрѣ въ спасительность политическихъ убійствъ и террора», то это указываетъ на «жажду общества найти выходъ изъ создавшагося политически-ненормальнаго положенія», которое съ каждымъ днемъ становится все ненормальнѣе и напряженнѣе».

Слѣдующій «совершенно секретный» докладъ генерала Глобачева относится къ 26 января.

«Передовые и руководящіе круги либеральной оппозиціи, сообщается здѣсь, уже думаютъ о томъ, кому и какой именно изъ отвѣтственныхъ портфелей удастся захватить въ свои руки». При этомъ, «въ данный моментъ находятся въ наличности двѣ исключительно серьезныя общественныя группы», которыя «самымъ кореннымъ образомъ расходятся по вопросу о томъ, какъ раздѣлить «шкуру медвѣдя».

«Первую изъ этихъ группъ составляютъ руководящіе «дѣльцы» парламентскаго прогрессивнаго блока, возглавляемые перешедшимъ въ оппозицію и упорно стремящимся «къ премьерству» предсѣдателемъ Государственной Думы — шталмейстеромъ Родзянко». Они окончательно извѣрились въ возможность принудить представителей Правительства уйти со своихъ постовъ добровольно и

передать всю полноту своей власти думскому большинству, долженствующему насадить въ Россіи начала «истиннаго парламентаризма по западно-европейскому образцу». Поэтому, ихъ задача состоитъ въ томъ, чтобы «заручиться хотя бы дутыми директивами «народа», для чего войти въ сношеніе съ «сохранившей свою революціонную физіономію, но въ то же самое время явно отклонившейся отъ руководящихъ круговъ соціалистическаго стараго «Интернаціонала» рабочей группой». «Давъ время рабочей массѣ самостоятельно обсудить задуманное, представители рабочей группы лично и черезъ созданную ею особую «пропагандистскую коллегію» должны организовать рядъ массовыхъ собраній по фабрикамъ и заводамъ столицы и, выступая на таковыхъ, предложить рабочимъ прекратить работу въ день открытія засѣданій Государственной Думы — 14 февраля с. г. — и, подъ видомъ мирно настроенной манифестаціи, проникнуть ко входу въ Таврическій Дворецъ. Здѣсь, вызвавъ на улицу предсѣдателя Государственной Думы и депутатовъ, рабочіе въ лицѣ своихъ представителей, должны громко и открыто огласить принятыя на предварительныхъ массовыхъ собраніяхъ резолюцію съ выраженіями ихъ категорической рѣшимости поддержать Государственную Думу въ ея борьбѣ съ нынѣ существующимъ Правительствомъ». При этомъ, опасенія рабочей группы противодѣйствія со стороны «инакомыслящихъ подпольныхъ соціалистическихъ теченій» отпали, потому что «соціалъ-демократическія группы большевиковъ, объединенцевъ и интернаціоналистовъ-ликвидаторовъ не склонны ни противодѣйствовать, ни способствовать ихъ затѣѣ», а «занять выжидательную позицію».

Во главѣ второй группы, «дѣйствующей пока законспирированно и стремящейся во что бы то ни стало «выхватить будущую добычу» изъ рукъ представителей думской оппозиціи, стоятъ не менѣе жаждущіе власти А. И. Гучковъ, князь Львовъ, С. Н. Третьяковъ, Коноваловъ, М. М. Федоровъ и нѣкоторые другіе» Эта группа разсчитываетъ на то, что думцы не учитываютъ «еще не подорваннаго въ массахъ лойяльнаго населенія обаянія Правительства» и — съ другой стороны — «инертности» народныхъ массъ. Вся надежда этой группы — неизбѣжный въ самомъ ближайшемъ будущемъ дворцовый переворотъ, поддержанный всего на всего одной двумя сочувствующими воинскими частями». «Независимо отъ вышеизложеннаго, вторая группа, скрывая до поры до времени свои истинные замыслы, самымъ усерднымъ образомъ идетъ навстрѣчу первой», причемъ «заслуживаетъ исключительнаго вниманія возникшее по иниціативѣ А. И. Гучкова предположеніе о созывѣ въ началѣ февраля особаго и чрезвычайнаго совѣщанія руководящихъ представителей Центральнаго Военно-Промышленнаго Комитета, «Земгора», думскихъ оппозиціонныхъ фракцій, профессуры, общественныхъ организацій и, по возможности, Государственнаго Совѣта» . . .

«Что будетъ и какъ все это произойдетъ, заканчиваетъ охранное отдѣленіе, судить сейчасъ трудно, но, во всякомъ случаѣ, воинствующая оппозиціонная общественность безусловно не ошибается въ одномъ: событія чрезвычайной важности и чреватыя исключительными послѣдствіями для русской государственности «не за горами».

Повидимому, непосредственнымъ результатомъ этого доклада и былъ арестъ рабочей группы, состоявшійся 27 января. Объ этой ликвидаціи охранное отдѣленіе составило секретный докладъ. Здѣсь указывается, что представители группы «организовали и подготовляли демонстративныя выступленія рабочей массы столицы на 14 февраля», съ тѣмъ, чтобы заявить депутатамъ Думы

свое «требованіе незамедлительно вступить въ открытую борьбу съ нынѣ существующимъ правительствомъ и Верховной властью и признать себя впредь до установленія новаго государственнаго устройства временнымъ правительствомъ. «Матеріалъ, взятый при обыскахъ, вполнѣ подтвердилъ изложенныя свѣдѣнія, вслѣдствіе чего переписка по этому дѣлу, въ виду признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго 102 ст. Уг. Улож., передана Прокурору Петроградской Судебной Палаты».

Кромѣ того, были обысканы и арестованы четыре члена «пропагандистской коллегіи Рабочей Группы», у которой «достаточнаго матеріала для привлеченія ихъ къ судебной отвѣтственности не обнаружено»; тѣмъ не менѣе, они признаны «лицами безусловно вредными для государственнаго порядка и общественнаго спокойствія; предложено выслать ихъ изъ Петербурга подъ гласный надзоръ полиціи.

А. И. Гучковъ, по его словамъ, былъ убѣжденъ, что департаменту полиціи удастся проникнуть въ среду тѣхъ человѣкъ пятнадцати рабочихъ, которые были въ составѣ Центральнаго Военно-Промышленнаго Комитета, о чемъ онъ не разъ предупреждалъ предсѣдателя рабочей группы Гвоздева. Арестъ былъ предпринятъ, повидимому, не департаментомъ, а министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, «какъ актъ высокой политики». Въ этомъ сознался и Протопоповъ, который докладывалъ царю, что образованіе рабочей секціи опасно и напоминаетъ «организацію Хрусталева-Носаря 1905 г.». Протопоповъ совѣтовался объ арестѣ съ Хабаловымъ, который написалъ письмо Гучкову съ указаніемъ на революціонность Рабочей Группы. Отвѣта на это письмо не было, и Протопоповъ рѣшилъ произвести арестъ «по ордеру военнаго начальства», получивъ на это разрѣшеніе отъ царя.

Послѣ ареста Гучковъ и Коноваловъ предприняли три шага: во первыхъ, выступили съ протестомъ въ прессѣ; во вторыхъ, поѣхали къ князю Голицыну, минуя Бѣлецкаго, Васильева и Протопопова; съ послѣднимъ Гучкову особенно тяжело было встрѣчаться, какъ съ бывшимъ товарищемъ по фракціи.

«Если бы вамъ приходилось арестовывать людей за оппозиціонное настроеніе, то вамъ всѣхъ насъ пришлось бы арестовать», сказалъ Гучковъ Голицыну. Послѣдній «отнесся благосклонно», сослался на Протопопова и обѣщалъ пересмотрѣть дѣло. Протопоповъ разсказываетъ, что Голицынъ сказалъ ему, что онъ сдѣлалъ ошибку, арестовавъ рабочую группу послѣ того письма съ призывомъ рабочихъ къ спокойствію, которое было опубликовано въ газетахъ и подписано членами рабочей группы (а сфабриковано въ департаментѣ полиціи). Гучковъ доказывалъ Голицыну, что группа не замышляла ни вооруженнаго возстанія, ни переворота, но занималась политикой въ томъ смыслѣ, что считала возможнымъ рѣшеніе вопросовъ обороны лишь при условіи измѣненія политическихъ условій работы.

Третьимъ шагомъ Гучкова и Коновалова было собраніе представителей Центральнаго Военно-Промышленнаго Комитета и особаго совѣщанія по оборонѣ. Объ этомъ собраніи обстоятельно повѣствуетъ совершенно секретный докладъ охраннаго отдѣленія отъ 31 января.

Собраніе состоялось 29 января въ 11 часовъ утра «экстренно и съ соблюденіемъ ряда предосторожностей, при участіи представителей Центральнаго Военно-Промышленнаго Комитета (Гучковъ, Коноваловъ, Кутлеръ и др.), Московскаго Военно-Промышленнаго Комитета (Переверзевъ и др.), Государственной Думы (Керенскій, Чхендзе, Аджемовъ, Карауловъ, Милюковъ, Бубликовъ и др.),

Государственнаго Совѣта и Земскаго и Городского Союзовъ (фамиліи охранному отдѣленію неизвѣстны). Предсѣдательствовавшій Гучковъ сообщилъ объ арестѣ группы; всѣ высказали полное сочувствіе и готовность подать голосъ въ защиту организаціи. Охранное отдѣленіе заканчиваетъ свой докладъ хвастливымъ выводомъ, основаннымъ на наблюденіи «настроеній» участниковъ означеннаго совѣщанія: «имѣются всѣ данныя для того, чтобы признать фактъ ликвидаціи рабочей группы» Центральнаго Военно-Промышленнаго Комитета дѣйствительно исключительнымъ по неожиданности и впечатлѣнію ударомъ для оппозиціонной и на боевой ладъ настроившейся общественности. Розовыя перспективы хитро задуманныхъ и черезъ рабочую группу подготовлявшихся массовыхъ рабочихъ выступленій въ значительной степени поблекли; но, во всякомъ случаѣ, если многія рабочія души и отчаялись въ возможности осуществленія вожделѣнныхъ достиженій, то болѣе стойкіе и упористо-настроенные «завоеватели власти» могли съ досадой воскликнуть лишь одно: «сорвалось, придется начинать сначала».

Въ докладѣ подробно описано настроеніе собравшихся и содержаніе ихъ рѣчей. Между прочимъ, содержаніе рѣчи нѣкоего представителя рабочей группы, рабочаго Обросимова скромно излагается такъ: онъ «указалъ на ошибку тѣхъ, кто стремится видѣть въ арестѣ представителей группы лишь своего рода юридически интересный фактъ; здѣсь нужно признать наличность явленія, имѣющаго крупное политическое значеніе и въ той или иной мѣрѣ задѣвающаго русскую общественность».

А. И. Гучковъ разсказываетъ, что Обросимовъ, къ удивленію его оказавшійся на свободѣ, произнесъ рѣзкую рѣчь о томъ, что группа только прикидывалась мирной, а на самомъ дѣлѣ преслѣдуетъ революціонныя цѣли вплоть до вооруженнаго возстанія и сверженія власти, для чего и пошла въ Комитетъ.

Обросимовъ какъ бы оправдывалъ дѣйствія власти. Гучковъ, всегда относившійся къ нему съ предубѣжденіемъ, отвѣтилъ, что его слова расходятся съ тѣмъ, что ему, Гучкову, извѣстно, и съ тѣмъ, что говорили Гвоздевъ и его товарищи, сидящіе подъ арестомъ. Обросимовъ замолчалъ и сѣлъ; однако его слова смутили присутствующихъ. Чхеидзе и другіе лѣвые промолчали, повидимому, не слишкомъ довѣряя аудиторіи.

Обросимовъ принадлежалъ вообще къ самому лѣвому флангу и науськивалъ группу на самыя рѣзкія выступленія даже на съѣздѣ. Группа была арестована вся, кромѣ двухъ рабочихъ, которыхъ не было въ городѣ, и Обросимова, объяснившаго, что его не было дома. Предсѣдатель группы Гвоздевъ не убѣдился подозрѣніями Гучкова и довѣрчиво считалъ, что Обросимовъ человѣкъ хорошій. Гучкова же убѣждало въ томъ, что Обросимовъ не чистъ, еще и то обстоятельство, что ему было извѣстно, что въ департаментѣ полиціи имѣется подробный отчетъ о совѣщаніи, не могшій пройти черезъ канцелярію Военно-Промышленнаго Комитета. Протопоповъ разсказываетъ, что Обросимовъ согласился отбыть наказаніе, и что онъ, Протопоповъ, испросилъ бы у царя помилованіе этому сотруднику и далъ бы ему возможность бѣжать, какъ это дѣлалось обычно. Обросимовъ, по словамъ Гучкова, человѣкъ «недалекій, неспособный, паснстанный».

Подробности совѣщанія группы Гучкова неизвѣстны; «къ намъ, говоритъ онъ, они приходили уже сговорившимися, застрѣльщиками»; они вошли въ группу не столько изъ интереса къ работѣ по оборонѣ, сколько изъ-за того, что тутъ имъ представлялась единственная возможность организоваться въ легальной формѣ, для преслѣдованія своихъ интересовъ.

Послѣ ареста Обросимова Протопоповъ боялся, что департаментъ полиціи не будетъ больше получать свѣдѣній о рабочей средѣ. Васильевъ успокоилъ его, что свѣдѣнія будутъ «также, какъ и прежде». «Очевидно, говоритъ Протопоповъ, постоянныхъ сотрудниковъ въ рабочей средѣ департаментъ полиціи имѣлъ достаточно».

Былъ проектъ арестовать Гучкова. Царь боялся его, а Протопоповъ доложилъ, что арестъ только «увеличилъ бы его популярность», которая «будетъ подорвана, когда обнаружатся злоупотребленія въ Военно-Промышленномъ Комитетѣ». «Царь, прибавляетъ онъ, понималъ, что я ему доложилъ правду». Г-жа Сухомлинова написала Протопопову, что «за арестъ секціи въ Царскомъ Селѣ ему поставленъ плюсъ».

Итакъ, министерство внутреннихъ дѣлъ «нанесло ударъ оппозиціи»; однако, тревожное настроеніе росло. Глобачевъ доноситъ о забастовкахъ и сходкахъ на фабрикахъ и заводахъ 31 января, 1, 3, 4 февраля. 5 февраля появляется его обширнѣйшій и совершенно секретный докладъ о «положеніи продовольственнаго дѣла въ столицѣ», а 7 февраля — соображенія по поводу «широкаго распространенія спиртовыхъ суррогатовъ» — лаковъ и политуры.

Въ началѣ февраля петербургскій военный округъ былъ выдѣленъ изъ сѣвернаго фронта въ особую единицу, съ подчиненіемъ его генералъ-лейтенанту Хабалову, которому были даны очень широкія права. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ членъ Военнаго Совѣта, генералъ Фроловъ: «Въ одномъ изъ засѣданій Военнаго Совѣта въ концѣ января или въ началѣ февраля въ Совѣтъ былъ внесенъ докладъ по Главному Управленію Генеральнаго Штаба по отдѣлу объ устройствѣ и службѣ войскъ о выдѣленіи изъ района армій сѣвернаго фронта Петербургскаго военнаго округа и о подчиненіи командующаго войсками военному министру. По чьему желанію это было сдѣлано, я не знаю, но внесено было неожиданно по приказанію генерала Бѣляева и въ экстренномъ порядкѣ. Мотивировалось это особыми условіями, въ которыхъ находится Петроградъ съ его окрестностями. При обсужденіи въ Военномъ Совѣтѣ этого проекта, послѣдній подвергся существенному измѣненію, въ смыслѣ изъятія его изъ подчиненія военному министру . . . Генералъ Бѣляевъ согласился на сдѣланныя измѣненія. Меня очень поразило это желаніе въ проектѣ подчинять командующаго войсками военному министру, несмотря на широкія полномочія, которыя проектъ предоставлялъ командующему войсками по сравненію съ командующими войсками внутреннихъ округовъ, каковые по закону по отношенію къ военному министру не ставятся въ подчиненіе. Я лично объяснилъ себѣ предоставленіе такихъ большихъ полномочій командующему войсками цѣлью болѣе успѣшной борьбы съ рабочими волненіями».

Протопоповъ описываетъ, какъ онъ былъ по этому поводу у императрицы, бранилъ Рузскаго и хвалилъ Хабалова, настаивая на выдѣленіи Петербургскаго округа. Хабаловъ являлся царю и императрицѣ, послѣ чего протопоповскій планъ и былъ приведенъ въ исполненіе.

Въ докладѣ охраннаго отдѣленія отъ 5 февраля говорится: «съ каждымъ днемъ продовольственный вопросъ становится острѣе, заставляетъ обывателя ругать всѣхъ лицъ, такъ или иначе имѣющихъ касательство къ продовольствію, самыми нецензурными выраженіями». Слѣдствіемъ новаго повышенія цѣнъ и исчезновенія съ рынка предметовъ первой необходимости явился «новый взрывъ недовольства», охватившій «даже консервативные слои чиновничества»... «Тщетно публицисты въ газетахъ призываютъ къ терпѣнію . . . Никогда еще не было

столько ругани, дракъ и скандаловъ, какъ въ настоящее время, когда каждый считаетъ себя обиженнымъ и старается выместить свою обиду на сосѣдѣ». «Обывателя стригутъ по нѣсколько разъ въ день, и онъ по своей безпечности лишь вопитъ къ администраціи: «спасите, не дайте снять совершенно шкуру!»

Выводъ доклада: «если населеніе еще не устраиваетъ голодные бунты, то это еще не означаетъ, что оно ихъ не устроитъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ: озлобленіе растетъ, и конца его росту не видать . . . А что подобнаго рода стихійныя выступленія голодныхъ массъ являтся первымъ и послѣднимъ этапомъ по пути къ началу безсмысленныхъ и безпощадныхъ эксцессовъ самой ужасной изъ всѣхъ — анархической революціи — сомнѣваться не приходится».

7, 8, 9, 10, 13 февраля продолжаютъ поступать доклады о забастовкахъ на разныхъ заводахъ, сопровождающихся иногда вмѣшательствомъ полиціи, въ которую 8 февраля на Путиловскомъ заводѣ «посыпался градъ желѣзныхъ обломковъ и шлака».

7 ферваля охранное отдѣленіе доноситъ, что «предстоящее 14 февраля открытіе Государственной Думы создастъ повышенное настроеніе» въ столицѣ, и что, несмотря на ликвидацію рабочей группы, «нынѣ слѣдуетъ считать неизбѣжными стачки 14 февраля и попытки устроить шествіе къ Таврическому Дворцу, не останавливаясь даже передъ столкновеніями съ полиціей и войсками». «С.-д. большевики, относясь къ Рабочей Группѣ, какъ къ организаціи политически-нечистой, и не признавая Государственной Думы, постановили рѣшеніе группы не поддерживать, а создать движеніе пролетаріата собственными силами, пріурочивъ выступленіе къ 10 февраля, то-есть къ годовщинѣ суда надъ бывшими членами с.-д. фракціи большевиковъ Государственной Думы. Въ этотъ день предполагается всеобщая стачка . . . С.-д. объединенцы (Междурайонный Комитетъ) и с.-д. меньшевики (Центральная Инициативная Группа) вынесли рѣшенія, вполнѣ аналогичныя съ большевиками» . . .

Глобачевъ заключаетъ свой докладъ обѣщаніемъ «со стороны ввѣреннаго ему отдѣленія принять всевозможныя мѣры къ предотвращенію и ослабленію грядущихъ весьма серьезныхъ событій».

9 февраля въ газетахъ появилось объявленіе Хабалова петербургскимъ рабочимъ, сопровожденное воззваніемъ Милюкова.

Кромѣ агентуры въ рабочей, интеллигентской и обывательской средѣ, существовали освѣдомители и въ свѣтскомъ обществѣ. На двухъ листкахъ отъ 28 января и отъ 10 февраля, сообщенныхъ Васильевымъ Протопопову, содержатся интересныя данныя о графинѣ И. И. Шереметьевой, рожденной графинѣ Воронцовой-Дашковой, которая считается «либеральной дамой»; «ее увлекла мысль создать у себя вліятельный либерально-аристократическій политическій салонъ». Сообщается, что «слухи о заговорѣ и чуть ли не декабристскихъ кружкахъ въ средѣ офицеровъ гвардейской кавалеріи подтвержденія не встрѣчаютъ». «Политическихъ дамъ» въ Кавалергардскомъ и Лейбъ-Гусарскомъ полкахъ нѣтъ. «Нѣчто подобное» — салонъ жены бывшаго кавалергарда г-жи Лазаревой, родной тетки причастнаго къ убійству Распутина Сумарокова-Эльстона; домъ ея посѣщаютъ кавалергарды, а иногда Родзянко, который здѣсь дѣлится своими думскими впечатлѣніями. Кавалергарды и лейбъ-гусары нѣсколько будируютъ на разруху и на Царское Село. Они полагаютъ, что убійствомъ Распутина вредныя вліянія не исчерпаны. Тяжело отражается на нихъ и отсутствіе побѣдъ: они «закисли»; по данныхъ о зрѣющемъ заговорѣ — нѣтъ (впрочемъ въ одной подобной же запискѣ, безъ подписи отъ 25 января, указано — что выясняются

симптомы происходящей группировки офицеровъ гвардейскихъ полковъ. Такъ, въ настоящее время, повидимому, «по опредѣленному плану используется отпускъ офицеровъ гвардейской кавалеріи»; слѣдуютъ подробности о лейбъ-гусарахъ, синихъ кирасирахъ и связяхъ нѣкоторыхъ круговъ съ Родзянко).

Среди депутатовъ-націоналистовъ, сообщается далѣе, разнесся слухъ, что великій князь Димитрій Павловичъ убитъ на фронтѣ. Графиня Игнатьева опровергаетъ этотъ слухъ, такъ же, какъ и другіе «злостные вымыслы — объ отреченіи Государя Императора отъ престола».

Къ предстоящей сессіи Государственной Думы графиня Игнатьева относится спокойно, не раздѣляя опасеній правыхъ о «грандіозномъ скандалѣ». Относительно Протопопова, который посѣтилъ ее, графиня полагаетъ, что «Россія, со времени историческихъ людей, не имѣла такого сильнаго, мужественнаго, православно-религіознаго человѣка, преданнаго Царю и Родинѣ», и находитъ, что онъ очень бодръ, моложавъ и свѣжъ на видъ (интересно отмѣтить, что Протопоповъ, по собственному признанію, посѣщалъ графиню Игнатьеву съ тѣмъ, чтобы узнать, какія собранія у нея происходятъ).

Далѣе приводится интересное мнѣніе графини Игнатьевой о томъ, что не слѣдуетъ увеличивать жалованія духовенству (тогда засѣдала комиссія подъ предсѣдательствомъ Питирима) потому, что всѣ ассигновки, кромѣ военныхъ, должны быть сокращены, а священники очень хорошо обезпечены, и имѣли бы еще больше доходовъ, если бы не лѣнились посѣщать частные дома съ молитвою въ праздничные дни; предвыборной агитаціи священники тоже не умѣютъ вести, а политическое вліяніе на крестьянъ имѣютъ «велосипедисты», агитирующіе среди крестьянъ «гдѣ-нибудь въ полѣ» и раздающіе имъ «листочки» съ заманчивыми обѣщаніями.

О настроеніяхъ арміи разсказываетъ тотъ же Протопоповъ, который, не довѣряя свѣдѣніямъ контръ-развѣдки, хотѣлъ возстановить въ войскахъ постоянную секретную агентуру, уничтоженую генераломъ Джунковскимъ, о чемъ и докладывалъ царю. Несмотря на согласіе царя, департаментъ полиціи не успѣлъ завести постоянныхъ сотрудниковъ въ арміи; однако, до Протопопова доходили свѣдѣнія, что «настроеніе и тамъ повышается». «Я зналъ, пишетъ онъ, что въ войскахъ читаются газеты преимущественно лѣваго направленія, распространяются воззванія и прокламаціи; слышалъ, что служащіе Земскаго и Городского Союзовъ агитируютъ среди солдатъ; что генералъ Алексѣевъ сказалъ царю: «Войска уже не тѣ стали», намекая на растущее въ нихъ оппозиціонное настроеніе... Я думалъ, что настроеніе запасныхъ батальоновъ и другихъ войскъ, стоявшихъ въ Петроградѣ, мнѣ болѣе извѣстно; считалъ благонадежными учебныя команды и всѣ войска, за исключеніемъ частей, наполняемыхъ изъ рабочей и мастеровой среды; жизнь показала, что я и тутъ былъ не освѣдомленъ... Я докладывалъ царю, что оппозиціонно настроены высшій командный составъ и низшій; что въ прапорщики произведены многіе изъ учащейся молодежи, по что остальные офицеры консервативны; что офицеры генеральнаго штаба полѣвѣли; надѣлавъ въ войну столько ошибокъ, они должны были покраснѣть и чувствовать, что послѣ войны у нихъ отнимутся привилегіи по службѣ; что оппозиція не искала бы опоры въ рабочемъ классѣ, если бы войско было бы революціонно настроено. Царь, повидимому, былъ доволенъ моимъ докладомъ; онъ слушалъ меня внимательно».

Лицомъ, заинтересованнымъ въ настроеніяхъ арміи съ другой стороны, былъ Гучковъ, который полагалъ, что въ концѣ года никого не приходилось убѣждать

въ томъ, что старый режимъ сгнилъ. Гучковъ надѣялся, что армія, за малыми исключеніями, станетъ на сторону переворота, сопровождаемаго террористическимъ актомъ (какъ лейбъ-кампанцы XVIII вѣка или студентъ съ бомбой), но не стихійнаго и не анархическаго, а переворота, подобнаго заговору декабристовъ. Существовалъ планъ захватить императорскій поѣздъ между Ставкой и Царскимъ и вынудить у царя отреченіе; одновременно, при помощи войскъ арестовать правительство и затѣмъ уже объявить о переворотѣ и о составѣ новаго правительства. Среди офицеровъ были и соціалистически настроенные, готовые идти на республиканскій строй, но были также люди съ принципіальными вѣрованіями и симпатіями. «Отказа не было», но требовалась глубочайшая осторожность, ибо преждевременное раскрытіе сдѣлало бы невозможными дальнѣйшіе шаги.

Такъ осторожно опредѣляетъ настроеніе арміи человѣкъ, съ которымъ, по его словамъ, говорилъ откровенно простой солдатъ и генералъ. Другой знатокъ арміи, генералъ Н. І. Ивановъ просто отказывается судить о ней, говоря: «составъ офицеровъ и солдатъ, перемѣнившійся въ теченіе войны 4—6 разъ, не даетъ возможности судить, что представляютъ изъ себя тѣ части, которыя въ мирное время считались образцовыми».

Очень интересный документъ представляетъ письмо какого-то раненаго «офицера русской арміи», посланное изъ Москвы 25 января Протопопову (копія Милюкову). Авторъ письма говоритъ, съ одной стороны, что надо «обуздать печать» и послать Милюковыхъ и Маклаковыхъ въ окопы, чтобы они перестали работать на оборону и увидѣли, что такое война: легко имъ изъ кабинета предлагать воевать «до побѣднаго конца». Съ другой стороны, офицеръ считаетъ, что нельзя продолжать войну и надо заключить миръ, пока нѣтъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ. «Если миръ не будетъ заключенъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ, то можно съ увѣренностью сказать, что будутъ безпорядки . . . Люди, призванные въ войска, впадаютъ въ отчаяніе . . . не изъ малодушія и трусости, а потому что никакой пользы отъ этой борьбы они не видятъ».

Не лишена, наконецъ, интереса телеграмма командира третьяго коннаго корпуса графа Келлера, отправленная царю уже послѣ отреченія.

Таково было настроеніе разныхъ слоевъ русскаго общества, когда Родзянко поѣхалъ въ Царское Село 10 февраля со своимъ послѣднимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ. Царь еще въ декабрѣ очень сердился на Родзянко; новогодній пріемъ отличался особой сухостью. Послѣдній же докладъ, названный въ газетахъ «высокомилостивымъ», былъ, по словамъ Родзянко «самый тяжелый и бурный». Царь, послѣ убійства Распутина, былъ заранѣе агрессивно настроенъ; императрица «пылала местью», видя въ каждомъ врага. Въ этотъ день у царя были великіе князья Александръ Михаиловичъ и Михаилъ Александровичъ; послѣ Родзянки Щегловитовъ окончательно испортилъ дѣло своимъ докладомъ.

Родзянко разсказываетъ: когда онъ прочелъ докладъ, царь сказалъ: «Вы всѣ требуете удаленія Протопопова?» — «Требую, ваше величество, прежде я просилъ, а теперь требую». — «То есть, какъ?» — «Ваше величество, спасайте себя. Мы наканунѣ огромныхъ событій, исхода которыхъ предвидѣть нельзя. То, что дѣлаетъ ваше правительство и вы сами, до такой степени раздражаетъ населеніе, что все возможно. Всякій проходимецъ всѣми командуетъ. Если проходимцу можно, почему же мнѣ, порядочному человѣку, нельзя? Вотъ су-

жденіе публики. Отъ публики это перейдетъ въ армію и получится полная анархія. Вы изволили иногда меня слушаться, и выходило хорошо».

«Когда?» — спросилъ царь. — «Вспомните, въ 1915 году вы уволили Маклакова». — «А теперь я о немъ очень жалѣю, — сказалъ царь, посмотрѣвъ въ упоръ, — этотъ, по крайней мѣрѣ, не сумасшедшій». — «Совершенно естественно, ваше величество, потому что сходить не съ чего». Царь засмѣялся: — «Ну, положимъ, это хорошо сказано».

«Ваше величество, нужно же принять какія-нибудь мѣры!» продолжалъ Родзянко: — «Я указываю здѣсь цѣлый рядъ мѣръ, это искренно написано. Что-же, вы хотите во время войны потрясти страну революціей?»

«Я сдѣлаю то, что мнѣ Богъ на душу положитъ».

«Ваше величество, вамъ, во всякомъ случаѣ, очень надо помолиться, усердно попросить Господа Бога, чтобы Онъ показалъ правый путь, потому что шагъ, который вы теперь предпринимаете, можетъ оказаться роковымъ».

Царь всталъ и сказалъ нѣсколько двусмысленностей по адресу Родзянко.

«Ваше величество, сказалъ Родзянко, я ухожу въ полномъ убѣжденіи, что это мой послѣдній докладъ вамъ». — «Почему?» — «Я полтора часа вамъ докладываю и по всему вижу, что васъ повели на самый опасный путь . . . вы хотите распустить Думу, я уже тогда не предсѣдатель, и къ вамъ больше не пріѣду. Что еще хуже, я васъ предупреждаю, я убѣжденъ, что не пройдетъ трехъ недѣль, какъ вспыхнетъ такая революція, которая смететъ васъ, и вы уже не будете царствовать».

«Откуда вы это берете?»

«Изъ всѣхъ обстоятельствъ, какъ они складываются. Нельзя такъ шутить съ народнымъ самолюбіемъ, съ народной волей, съ народнымъ самосознаніемъ, какъ шутятъ тѣ лица, которыхъ вы ставите. Нельзя ставить во главу угла всякихъ Распутиныхъ. Вы, государь, пожнете то, что посѣяли». — «Ну, Богъ дастъ». — «Богъ ничего не дастъ, вы и ваше правительство все испортили, революція неминуема».

На слѣдующій день, или черезъ день, у царя былъ Н. Маклаковъ, вызванный Протопоповымъ изъ деревни въ началѣ февраля; Протопоповъ сказалъ Маклакову, что царь поручаетъ ему написать проектъ манифеста на случай, если ему будетъ угодно остановиться не на перерывѣ, а на роспускѣ Думы. Маклаковъ составилъ проектъ, основная мысль котораго заключалась въ обвиненіи личнаго состава Думы: она не сдѣлала первостепеннаго съ точки зрѣнія царя, не увеличила содержанія чиновничеству и духовенству; въ то время, когда всѣмъ надо быть воедино, идетъ борьба съ властью. Поэтому Государственная Дума распускается и новые выборы назначаются на 15 ноября 1917 года. Манифестъ кончается призывомъ царя ко всѣмъ вѣрнымъ — соединиться съ нимъ и вмѣстѣ послужить Россіи.

Этотъ проектъ Маклаковъ и свезъ царю лично, вмѣстѣ со слѣдующимъ письмомъ, помѣченнымъ 9 февраля:

«Ваше Императорское Величество, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ вчера вечеромъ передалъ мнѣ о повелѣніи Вашего Величества написать проектъ манифеста о роспускѣ Государственной Думы. Дозвольте принести мнѣ Вамъ, Государь, мою горячую вѣрноподданнѣйшую благодарность за то, что Вамъ угодно было вспомнить обо мнѣ. Быть Вамъ полезнымъ — всегда такая радость для меня; быть Вамъ нужнымъ именно въ этомъ дѣлѣ — по истинѣ великое счастье. Да поможетъ мнѣ Господь найти надлежащія слова для выраженія этого благо-

славляемаго мною взмаха Царской воли, который, какъ ударъ соборнаго колокола, заставитъ перекреститься всю вѣрную Россію и собраться на молитву службы Родины со страхомъ Божьимъ, съ вѣрою въ нее и съ благословеніемъ передъ Царскимъ призывомъ. Мы обсудимъ внимательно, со всѣхъ сторонъ проектъ манифеста съ Протопоповымъ, и тогда позвольте мнѣ испросить у Вашего Величества счастье лично представить его на Ваше милостивое благовоззрѣніе. Но я теперь же дерзаю высказать свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что надо, не теряя ни минуты, крѣпко обдумать весь планъ дальнѣйшихъ дѣйствій правительственной власти для того, чтобы встрѣтить всѣ временныя осложненія, на которыя Дума и союзы несомнѣнно толкнутъ часть населенія въ связи съ роспускомъ Государственной Думы, подготовленнымъ, увѣреннымъ въ себѣ, спокойнымъ и неколеблющимся. Это должно быть дѣломъ всего Совѣта Министровъ, и Министра Внутреннихъ Дѣлъ нельзя оставить одного въ одиночествѣ со всей той Россіей, которая сбита съ толку. Власть болѣе, чѣмъ когда либо, должна быть сосредоточена, убѣждена, скована единой цѣлью возстановить государственный порядокъ, чего бы то ни стоило, и быть увѣренной въ побѣдѣ надъ внутреннимъ врагомъ, который давно становится и опаснѣе и ожесточеннѣе и наглѣе врага внѣшняго. «Смѣлымъ Богъ владѣетъ», Государь. Да благословитъ Господь Вашу рѣшимость и да направитъ Онъ Ваши шаги на счастье Россіи и Вашей славѣ. Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный Н. Маклаковъ». — Царь, торопившійся куда-то, велѣлъ Маклакову оставить письмо и сказалъ, что посмотритъ.

Между тѣмъ, у Голицына, по обычаю, укоренившемуся съ Горемыкинскихъ временъ, были уже заранѣе заготовлены и подписаны царемъ указы Сенату, какъ о перерывѣ, такъ и роспускѣ Думы. Текстъ указа о роспускѣ былъ слѣдующій:

«На основаніи статьи 105 Основныхъ Государственныхъ Законовъ Повелѣваемъ: Государственную Думу распустить съ назначеніемъ времени созыва вновь избранной Думы на (пропускъ числа, мѣсяца и года).

О времени производства новыхъ выборовъ въ Государственную Думу послѣдуютъ отъ насъ особыя указанія.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего надлежащее распоряженіе.

Николай».

Этотъ указъ былъ испрошенъ еще Штюрмеромъ предъ 1 ноября; потомъ онъ былъ въ рукахъ у Трепова и, наконецъ, перешелъ къ Голицыну, которому царь сказалъ: «Держите у себя, а когда нужно будетъ, используйте». Голицынъ передъ 14 февраля показывалъ бланкъ Ладыженскому, который, по его словамъ, убѣдилъ Голицына, что это будетъ нарушеніемъ основныхъ законовъ, съ чѣмъ Голицынъ согласился.

14 февраля открылись засѣданія Государственной Думы. Родзянко указалъ наканунѣ, въ бесѣдѣ съ журналистами, на вредъ уличныхъ выступленій и на «патріотическое» настроеніе рабочихъ. Въ засѣданіи, гдѣ присутствовалъ Голицынъ, Риттихъ, Шаховской, Кригеръ-Войновской и союзные послы, обширное разъясненіе далъ Риттихъ, разсмотрѣніе его разъясненій было отложено; большія рѣчи по общей политикѣ произнесли Чхеидзе, Пуришкевичъ и Ефремовъ. Газеты констатировали, что первый день Думы кажется блѣднымъ, сравнительно съ общимъ настроеніемъ страны.

Открытіе Государственнаго Совѣта ознаменовалось инцидентомъ: Щегловитовъ не далъ Д. Д. Гримму сдѣлать внѣочередное заявленіе, послѣ чего залъ

засѣданія покинула вся лѣвая группа, часть группы центра и нѣкоторые безпартійные.

Обыватели нѣсколько опасались съ утра выходить на улицу, но въ центрѣ города день прошелъ спокойно. По донесенію охраннаго отдѣленія бастовало 58 предпріятій — съ 89.576 рабочими, были отдѣльныя выступленія (на Петергофскомъ шоссе — съ красными флагами), попытки собраться у Таврическаго Дворца, подавленныя полиціей, и сходки въ университетѣ и политехникумѣ.

15 февраля въ засѣданіи Государственной Думы произнесли по общей политикѣ рѣчи Милюковъ и Керенскій. «Кто то изъ министровъ или служащихъ канцеляріи» доложилъ кн. Голицыну, что рѣчь Керенскаго чуть ли не призывала къ цареубійству. Голицынъ попросилъ у Родзянки нецензурованную стенограмму рѣчи, въ чемъ Родзянко ему отказалъ. Предсѣдатель Совѣта Министровъ, по его словамъ, не настаивалъ, и «былъ очень радъ», что Керенскій не произнесъ слова о цареубійствѣ, ибо «въ противномъ случаѣ онъ счелъ бы своимъ долгомъ передать депутата судебной власти».

Въ этотъ день бастовало только 20 предпріятій съ 24.840 рабочими, на Московскомъ шоссе появлялся красный флагъ, и въ университетъ, гдѣ была сходка, вводили полицію. Въ слѣдующіе дни забастовки пошли на убыль, и до 23 февраля были только отдѣльные невыходы на работу и предъявленіе требованій со стороны рабочихъ.

III

Переворотъ

Послѣдовательный ходъ событій съ начала революціи (23 февраля) до отреченія Михаила Александровича (3 марта) — въ Петербургѣ, Царскомъ Селѣ, Могилевѣ, (Ставкѣ), Москвѣ, по пути слѣдованія императорскаго поѣзда изъ Могилева въ Псковъ и поѣзда съ отрядомъ генерала Иванова изъ Могилева въ Царское Село и обратно, и въ Псковѣ

22 февраля — въ среду — царь выѣхалъ изъ Царскаго Села въ Ставку, въ Могилевъ. «Этотъ отъѣздъ, пишетъ Дубенскій, былъ неожиданный; многіе думали, что государь не оставитъ императрицу въ эти тревожные дни. Вчера прибывшій изъ Ялты генералъ Спиридовичъ говорилъ, что слухи идутъ о намѣреніи убить Вырубову и даже Александру Федоровну, что ничего не дѣлается, дабы измѣнить настроеніе въ царской семьѣ, и эти слова вѣрны».

Разговоры объ отвѣтственномъ министерствѣ уже были; Дубенскій предполагаетъ, что произошло нѣчто, и царь вызвалъ Алексѣева. Царь уѣхалъ съ тѣмъ, чтобы вернуться 1 марта.

Въ четвергъ, 23 февраля, въ Петербургѣ начались волненія. Въ разныхъ частяхъ города народъ собирался съ криками «хлѣба». Появились красныя знамена съ революціонными надписями. Бастовало отъ 43 до 50 предпріятій, т. е. отъ 78.500 до 87.500 рабочихъ. За порядкомъ слѣдила еще полиція, но вызывались уже и воинскіе наряды.

Протопоповъ просилъ Хабалова выпустить воззваніе къ населенію о томъ, что хлѣба хватитъ.

Хабаловъ пригласилъ пекарей и сказалъ имъ, что волненія вызваны не столько недостаткомъ хлѣба, сколько провокаціей; послѣдній выводъ онъ сдѣлалъ изъ донесенія охраннаго отдѣленія объ арестѣ рабочей группы.

Запасы города и уполномоченнаго достигали 500.000 пудовъ ржаной и пшеничной муки, чего, при желательномъ отпускѣ въ 40.000 пудовъ, хватило бы дней на 10—12. Хабаловъ потребовалъ отъ Вейса, чтобы онъ увеличилъ отпускъ муки. Вейсъ возражалъ, что надо быть осторожнымъ, и доложилъ, что лично видѣлъ достаточные запасы муки въ пяти лавкахъ на Сампсоніевскомъ проспектѣ. Генералъ для порученій Перцовъ, посланный Хабаловымъ, доложилъ, что и въ лавкахъ на Гороховой мука есть.

Въ засѣданіи Государственной Думы изъ членовъ правительства присутствовали Риттихъ и Рейнъ. Впервые появился депутатъ Марковъ 2-й. Происходили препія по продовольственному вопросу, предсѣдатель огласилъ письмо Рейна о снятіи имъ законопроекта объ образованіи вѣдомства государственнаго здравоохраненія. Соціалъ-демократы и трудовики внесли запросъ о расчетѣ рабочихъ на нѣкоторыхъ заводахъ.

День въ Могилевѣ прошелъ спокойно.

Въ пятницу, 24 февраля, появилось объявленіе Хабалова: «За послѣдніе дни отпускъ муки въ пекарни для выпечки хлѣба въ Петроградѣ производится въ томъ же количествѣ, какъ и прежде. Недостатка хлѣба въ продажѣ не должно быть. Если же въ нѣкоторыхъ лавкахъ хлѣба нынъ не хватило, то потому, что многіе, опасаясь недостатка хлѣба, покупали его въ запасъ на сухари. Ржаная мука имѣется въ Петроградѣ въ достаточномъ количествѣ. Подвозъ этой муки идетъ непрерывно».

По словамъ Балка, съ 11 час. дня всѣ распорядительныя функціи по подавленію безпорядковъ перешли къ Хабалову и начальникамъ районовъ, которымъ подчинялась вся полиція.

Къ Хабалову явилась депутація отъ мелкихъ пекаренъ съ жалобами на то, что изъ-за объявленія на нихъ валятъ, будто они прячутъ муку; у нихъ же мало муки, и рабочіе забраны на военную службу. Хабаловъ приказалъ немедленно переслать ихъ прошеніе о 1.500 рабочихъ въ отдѣлъ главнаго управленія генеральнаго штаба по отсрочкамъ. Послѣ этого къ Хабалову явилась депутація отъ общества фабрикантовъ; они просили увеличить отпускъ муки для фабрикъ и дать муку отъ интендантства. Окружной интендантъ на запросъ Хабалова сказалъ, что у него на довольствіи 180.000 нижнихъ чиновъ, но удѣлилъ для фабрикъ до 3.000 п.

Въ городѣ бастовало уже отъ 158.500 до 197.000 рабочихъ. Толпы народа, въ теченіе всего дня, усиленно разгонялись полиціей, пѣхотными и кавалерійскими частями. На мостахъ стояли заставы, толпа съ Выборгской стороны шла по льду. Бѣляевъ посовѣтовалъ Хабалову стрѣлять по переходящимъ Неву, но такъ, чтобы пули ложились впереди нихъ. Хабаловъ не отдалъ такого приказа, считая его безцѣльнымъ.

Однако, были отдѣльные случаи стрѣльбы. Между прочимъ, въ 3 часа дня на Знаменскую площадь прорвалась толпа, впереди которой ѣхало до полусотни казаковъ разсыпнымъ строемъ. 15 конныхъ городовыхъ были прогнаны визгомъ, свистомъ, полѣньями, камнями и осколками льда; начался митингъ у памятника Александру III. Среди криковъ «да здравствуетъ республика», «долой полицію», раздавалось «ура» по адресу присутствующихъ казаковъ, которые отвѣчали народу поклонами.

Родзянко объѣхалъ утромъ городъ вмѣстѣ съ Риттихомъ, посѣтилъ Голицына и Бѣляева, котораго просилъ организовать совѣщаніе для передачи продовольствія городу.

Въ засѣданіи Государственной Думы, гдѣ продолжались пренія о продовольствіи, настроеніе было тревожное. Въ перерывѣ происходило совѣщаніе совѣта старѣйшинъ.

Хабаловъ созвалъ у себя въ квартирѣ совѣщаніе, на которомъ присутствовали городской голова Лелянов, его товарищъ Демкинъ, уполномоченный по Петербургу Вейсъ, градоначальникъ Балкъ, командующій войсками полковникъ Павленковъ, начальникъ охраннаго отдѣленія Глобачевъ и жандармскаго отдѣленія Клыковъ, а также, кажется, Протопоновъ и Васильевъ. Обсуждали вопросъ о мѣрахъ къ прекращенію безпорядковъ. Рѣшили, во-первыхъ, слѣдить за болѣе правильнымъ распредѣленіемъ муки по пекарнямъ, причемъ Хабаловъ предложилъ Лелянову возложить эту обязанность на городскія попечительства о бѣдныхъ и на торговыя и санитарныя попечительства; во-вторыхъ, рѣшили въ ночь на 25-ое произвести обыски и арестовать уже намѣченныхъ охраннымъ отдѣленіемъ революціонеровъ, причемъ Глобачевъ указалъ, что назначено собраніе въ бывшемъ помѣщеніи рабочей группы; въ третьихъ, рѣшили вызвать запасную кавалерійскую часть въ помощь казакамъ перваго Донского полка, которые вяло разгоняли толпу; у нихъ не оказывалось нагаекъ; несмотря на то, что 23-го и 24-го было избито уже 28 полицейскихъ, Хабаловъ не хотѣлъ прибѣгать къ стрѣльбѣ.

Въ 1 часъ дня Голицынъ выѣхалъ въ засѣданіе Совѣта Министровъ, какъ обыкновенно, по Каравайной, и ничего не замѣтилъ на улицахъ. Засѣданіе было дѣловое, о безпорядкахъ никто не говорилъ. Въ 6 часовъ вечера возвратиться на Моховую тѣмъ путемъ было уже нельзя, и Голицынъ поѣхалъ кругомъ.

Въ экстренномъ совѣщаніи въ Маріинскомъ Дворцѣ, при участіи предсѣдателей Государственной Думы, Государственнаго Совѣта и Совѣта Министровъ, рѣшено было передать продовольственное дѣло городскому управленію.

Предсѣдатель военно-цензурной комиссіи генералъ Адабашъ написалъ докладъ Бѣляеву о томъ, что, по приказанію Хабалова, имъ сдѣлано распоряженіе не допускать въ газеты рѣчей Родичева, Чхеидзе и Керенскаго, произнесенныхъ въ Государственной Думѣ 24 февраля. Бѣляевъ положилъ на докладъ резолюцію: «печатать въ газетахъ рѣчи депутатовъ Родичева, Чхеидзе и Керенскаго завтра нельзя. Но прошу не допускать бѣлыхъ мѣстъ въ газетахъ, а равно и какихъ либо замѣтокъ по поводу этихъ рѣчей».

Дубенскій записывалъ въ Ставкѣ: «Тихая жизнь началась здѣсь. Все будетъ по старому. Отъ Него (отъ царя) ничего не будетъ. Могутъ быть только случайныя, внѣшнія причины, кои заставятъ что либо измѣниться... Въ Петроградѣ были голодные безпорядки, рабочіе патроннаго завода вышли на Литейный и двинулись къ Невскому, но были разогнаны казаками».

Далѣе записано, что получены свѣдѣнія о томъ, что Алексѣй, Ольга и Татьяна болѣли корью, и что царя безпокоитъ доставка продовольствія на фронтъ: «Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продовольствія получено на 3 дня. Къ тому же, получились заносы у Казатина и продвинуть поѣзда сейчасъ невозможно».

Въ Царскомъ Селѣ заболѣли корью царскія дѣти и Вырубова. Тѣмъ не менѣе, императрица принимала во дворцѣ пословъ и посланниковъ.

Въ субботу, 25 февраля, Хабаловъ объявилъ, что, если со вторника, 28 февраля, рабочіе не приступятъ къ работамъ, то всѣ новобранцы досрочныхъ призывовъ 1917, 1918, и 1919 годовъ, пользующіеся отсрочками, будутъ призваны въ войска; утреннія газеты вышли не всѣ, вечернія вовсе не вышли.

Былъ убитъ приставъ; ранены полиціймейстеръ и нѣсколько другихъ полицейскихъ чиновъ. Въ жандармовъ бросали ручныя гранаты, петарды и бутылки. Войска проявляли пассивность, а иногда и нетерпимость въ отношеніи дѣйствій полиціи. Бастовало до 240.000 рабочихъ. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ были сходки и забастовки.

Въ девятомъ часу вечера у часовни Гостинаго Двора стрѣляли изъ револьвера въ кавалерійскій отрядъ, который спѣшился и открылъ огонь по толпѣ, при чемъ оказались убитые и раненые. Въ этотъ день военный министръ все еще рекомендовалъ Хабалову избѣгать, гдѣ можно, открытія огня, говоря: «Ужасное впечатлѣніе произведетъ на нашихъ союзниковъ, когда разойдется толпа, и на Невскомъ будутъ трупы».

Хабаловъ и Павленковъ провели весь день въ квартирѣ градоначальника. Въ 4 часа 40 минутъ Хабаловъ послалъ въ Ставку Наштаверху секретную шифрованную телеграмму (№ 2813—486): «Доношу, что 23 и 24 февраля вслѣдствіе недостатка хлѣба на многихъ заводахъ возникла забастовка. 24 февраля бастовало около 200 тысячъ рабочихъ, которые насильственно снимали работавшихъ. Движеніе трамвая рабочими было прекращено. Въ серединѣ дня 23 и 24 февраля часть рабочихъ прорвалась къ Невскому, откуда была разогнана. Насильственныя дѣйствія выразились разбитіемъ стеколъ въ нѣсколькихъ лавкахъ и трамваяхъ. Оружіе войсками не употреблялось, четыре чина полиціи получили неопасныя поранения. Сегодня 25 февраля попытки рабочихъ проникнуть на Невскій успѣшно парализуются, прорвавшаяся часть разгоняется казаками, утромъ полиціймейстеру выборгскаго района сломали руку и нанесли въ голову рану тупымъ орудіемъ. Около трехъ часовъ дня на Знаменской площади убитъ при разсѣяніи толпы приставъ Крыловъ. Толпа разсѣяна. Въ подавленіи безпорядковъ, кромѣ петроградскаго гарнизона, принимаютъ участіе пять эскадроновъ 9 запаснаго кавалерійскаго полка изъ Краснаго Села, сотня лейбъ-гвардіи сводно-казачьяго полка изъ Павловска и вызвано въ Петроградъ пять эскадроновъ гвардейскаго запаснаго кавалерійскаго полка. Хабаловъ».

Протопоповъ со своей стороны телеграфировалъ Воейкову: «Внезапно распространившіеся въ Петроградѣ слухи о предстоящемъ якобы ограниченіи суточнаго отпуска выпекаемаго хлѣба взрослымъ по фунту, малолѣтнимъ половинномъ размѣрѣ вызвали усиленную закупку публикой хлѣба, очевидно, въ запасъ, почему части населенія хлѣба не хватило. На этой почвѣ двадцать третьяго февраля вспыхнула въ столицѣ забастовка, сопровождающаяся уличными безпорядками. Первый день бастовало около 90 тысячъ рабочихъ, — второй — до 160 тысячъ, сегодня около 200 тысячъ. Уличные безпорядки выражаются въ демонстративныхъ шествіяхъ частью съ красными флагами, разгромѣ нѣкоторыхъ пунктахъ лавокъ, частичномъ прекращеніи забастовщиками трамвайнаго движенія, столкновеніяхъ полиціей. 23 февраля ранены 2 помощника пристава, сегодня утромъ на Выборгской сторонѣ толпой снятъ съ лошади и избитъ полиціймейстеръ полковникъ Шалфеевъ, въ виду чего полиціей произведено нѣсколько выстрѣловъ въ направленіи толпы, откуда послѣдовали отвѣтные выстрѣлы. Сегодня днемъ болѣе серьезные безпорядки происходили около памятника Императору Александру III, на Знаменской площади, гдѣ убитъ приставъ Крыловъ. Движеніе носитъ неорганизованный стихійный характеръ, наряду съ эксцессами противоправительственнаго свойства буйствующіе мѣстами привѣтствуютъ войска. Прекращенію дальнѣйшихъ безпорядковъ принимаются энергичныя мѣры военнымъ начальствомъ. Москвѣ спокойно. М. В. Д. Протопоповъ».

Около 9 часовъ вечера Хабаловъ получилъ напечатанную на Юзѣ и переданную по прямому проводу въ генеральный штабъ телеграмму: «Повелѣваю завтра же прекратить въ столицѣ безпорядки, недопустимые въ тяжелое время войны съ Германіей и Австріей. Николай».

Часовъ въ 10 собрались начальники участковъ, командиры запасныхъ частей, которымъ Хабаловъ прочелъ телеграмму и сказалъ, что должно быть примѣнено послѣднее средство: если толпа агрессивна, дѣйствовать по уставу, т. е. открывать огонь послѣ троекратнаго сигнала; въ остальныхъ случаяхъ — продолжать дѣйствовать кавалеріей.

Хабалова царская телеграмма «хватила обухомъ». Онъ такъ разстроился, что когда вечеромъ къ нему позвонилъ Леляновъ, онъ сказалъ ему: «Вы выдумали какой то незаконный проектъ, совершенно несогласный съ городскимъ положеніемъ, я не могу на это согласиться». Дѣло въ томъ, что заѣзжавшій днемъ Протопоповъ сообщилъ, что «городъ выдумалъ какой то революціонный проектъ съ продовольствіемъ».

Весь день происходили засѣданія думскихъ фракцій, бюро блока, центральнаго бюро военно-промышленнаго комитета.

Вечернее засѣданіе Городской Думы, гдѣ разсматривался вопросъ о введеніи хлѣбныхъ карточекъ, по докладу охраннаго отдѣленія, «вскорѣ приняло характеръ памятныхъ по 1905 году революціонныхъ митинговъ». На собраніи говорили сенаторъ Ивановъ, члены Государственной Думы Шингаревъ и Керенскій, представители рабочихъ; ждали Родзянко, но онъ не могъ пріѣхать, будучи занятъ въ Государственной Думѣ, гдѣ разбирался законопроектъ о расширеніи правъ городскихъ самоуправленій въ области продовольствія.

Въ ночь на 26 февраля «было арестовано около 100 членовъ революціонныхъ организацій, въ томъ числѣ 5 членовъ Петроградскаго Комитета Россійской Соціалъ-Демократической Партіи». На собраніи въ помѣщеніи Центральнаго Военно-Промышленнаго Комитета «были арестованы два члена Рабочей Группы, избѣгнувшіе задержанія во время ликвидаціи въ минувшемъ январѣ мѣсяцѣ этой преступной группы».

Родзянко былъ у Голицына и просилъ его выйти въ отставку. Голицынъ въ отвѣтъ указалъ папку на столѣ, въ которой лежалъ указъ о роспускѣ Думы, и просилъ устроить совѣщаніе лидеровъ фракцій, чтобы столковаться.

Въ 12 часовъ ночи началось совѣщаніе министровъ въ квартирѣ Голицына. Рѣчь шла о томъ, что въ понедѣльникъ въ Государственной Думѣ предполагается рядъ выступленій, которыя могутъ заставить правительство закрыть Думу. Риттихъ говорилъ о томъ, что Кабинетъ не можетъ поладить съ Думой, потому что Дума не хочетъ ладить съ нимъ. Покровскій говорилъ, что съ Думой работать нужно, и ея требованія должны быть приняты. Оба министра, а также Кригеръ-Войновскій, въ разныхъ выраженіяхъ говорили о томъ, что Кабинету придется уйти. Всѣ, кромѣ Протопопова, Добровольскаго и Раева, были противъ роспуска Думы. Протопоповъ разсказывалъ объ уличныхъ событіяхъ и находилъ, что безпорядки слѣдуетъ прекратить вооруженной силой. Приглашенный на совѣщаніе Хабаловъ доложилъ о событіяхъ дня, о принятыхъ имъ мѣрахъ, о планѣ охраны города и о полученной имъ отъ царя телеграммѣ. Бѣляевъ, Добровольскій и Риттихъ высказались, что безпорядкамъ должна быть противопоставлена сила. Тутъ же, по телефону изъ Городской Думы, узнали, что отдано распоряженіе объ арестѣ Рабочей Группы, причемъ всѣ удивились, почему Протопоповъ въ такую минуту не справился съ мнѣніемъ Совѣта

Министровъ. Вызванные Васильевъ и Глобачевъ объяснили, что полиція застала публичное собраніе человѣкъ въ 50, задержала всѣхъ для выясненія личности и арестовала только двухъ, уже привлеченныхъ къ слѣдствію по 102 статьѣ.

Въ этомъ совѣщаніи уже поднимался вопросъ о введеніи осаднаго положенія. Хабаловъ протестовалъ на томъ основаніи, что по послѣднему положенію командующій войсками округа пользовался правами командующаго арміями, равными правамъ командира осажденной крѣпости. Нѣкоторые изъ министровъ настаивали на введеніи осаднаго положенія, потому что, съ объявленіемъ его, прекращаются всѣ собранія, въ томъ числѣ и засѣданія Государственной Думы и даже ея комиссій. Покровскій возражалъ, что это — вопросъ спорный.

Рѣшено было просить предсѣдателя и членовъ Думы употребить свой престижъ для успокоенія толпы; рѣшено, что Родзянко поѣдетъ къ Голицыну, а Покровскій и Риттихъ войдутъ въ переговоры съ нѣкоторыми лидерами партій (называли Милюкова и Савича).

Голицынъ указалъ, что въ стремленіяхъ на пути къ соглашенію не слѣдуетъ забывать того, что нѣкоторые министры должны будутъ собой пожертвовать: онъ намекалъ на Протопопова. Хабаловъ произвелъ на Голицына впечатлѣніе «очень не энергичнаго и мало свѣдующаго тяжелодума», а докладъ его показался Голицыну «сумбуромъ». Въ этотъ вечеръ онъ просилъ у Хабалова охраны и впослѣдствіи жаловался на то, что не видѣлъ ея, хотя Хабаловъ послалъ роту, которая «закупорила Моховую».

Министры разошлись въ 4 часа ночи, рѣшивъ опять сойтись въ воскресенье въ $8^1/_2$ часовъ. Журналовъ совѣщаній въ эти дни не велось, хотя на всѣхъ совѣщаніяхъ присутствовалъ Ладыженскій.

Жизнь Ставки текла попрежнему однообразно: въ $9^1/_2$ часовъ царь выходилъ въ штабъ, до $12^1/_2$ проводилъ время съ Алексѣевымъ, послѣ этого часъ продолжался завтракъ, потомъ была прогулка на моторахъ, въ 5 часовъ пили чай и приходила петербургская почта, которой царь занимался до обѣда въ $7^1/_2$ часовъ.

Вѣроятно, въ этотъ день между 5 и 7 часами, въ виду тревожныхъ слуховъ отъ пріѣзжающихъ изъ Петербурга («Асторія занята», и т. д.) къ царю «прибѣгалъ» Алексѣевъ. Кромѣ того, царь получилъ двѣ телеграммы отъ Александры Федоровны. Въ одной говорилось, что въ «городѣ пока спокойно», а въ вечерней уже, что «совсѣмъ нехорошо въ городѣ».

Послѣ обѣда съ $8^1/_2$ часовъ царь занимался у себя въ кабинетѣ, а въ $11^1/_2$ пили вечерній чай, и царь съ лицами ближайшей свиты уходилъ къ себѣ.

Дубенскій записалъ въ дневникѣ 25-го: «Изъ Петрограда — тревожныя свѣдѣнія; голодные рабочіе требуютъ хлѣба, ихъ разгоняютъ казаки; забастовали фабрики и заводы; Государственная Дума засѣдаетъ очень шумно; соціалъ-демократы Керенскій и Скобелевъ взываютъ къ ниспроверженію самодержавной власти, а власти нѣтъ. Вопросъ о продовольствіи стоитъ очень плохо . . ., оттого и являются голодные бунты. Плохо очень съ топливомъ . . ., поэтому становятся заводы, даже тѣ, которые работаютъ на оборону. Государь, какъ будто, встревоженъ, хотя сегодня по виду былъ веселъ. Эти дни онъ ходитъ въ казачьей кавказской формѣ, вечеромъ былъ у всенощной и шелъ туда и обратно безъ пальто».

Въ воскресенье, 26 февраля, войска, какъ обыкновенно, заняли всѣ посты, положенные по росписанію; Хабаловъ объявилъ, что для водворенія порядка

войска прибѣгнуть къ оружію (всѣ министры наканунѣ согласились на такое объявленіе).

Въ этотъ день войскамъ пришлось стрѣлять въ народъ въ разныхъ мѣстахъ, и холостыми, и боевыми патронами.

Въ донесеніяхъ за день отмѣчено: «промышленныя предпріятія сего числа, по случаю праздничнаго дня, были закрыты». «Во время безпорядковъ наблюдалось, какъ общее явленіе, крайне вызывающее отношеніе буйствовавшихъ скопищъ къ воинскимъ нарядамъ, въ которые толпа, въ отвѣтъ на предложеніе разойтись, бросала каменьями и комьями сколотаго съ улицъ льда. При предварительной стрѣльбѣ войсками вверхъ, толпа не только не разсѣивалась, но подобные залпы встрѣчала смѣхомъ. Лишь по примѣненіи стрѣльбы боевыми патронами въ гущу толпы оказывалось возможнымъ разсѣивать скопища, участники коихъ, однако, въ большинствѣ прятались во дворы ближайшихъ домовъ и, по прекращеніи стрѣльбы, вновь выходили на улицу».

Вечеромъ, охранное отдѣленіе предполагало арестовать собраніе, которое должно было быть въ домѣ Елисѣева на Невскомъ «съ участіемъ члена Государственной Думы Керенскаго и присяжнаго повѣреннаго Соколова, для обсужденія вопроса о наилучшемъ использованіи въ революціонныхъ цѣляхъ возникшихъ безпорядковъ и дальнѣйшемъ планомѣрномъ руководительствѣ таковыми».

Родзянко утромъ поѣхалъ къ Риттиху, вытащилъ его изъ кровати и повезъ къ Бѣляеву. Онъ видѣлъ, какъ рабочіе шли лавой по льду черезъ Неву, такъ какъ на мосты ихъ не пускали.

Родзянко обратился по телефону къ Хабалову, который сидѣлъ въ зданіи градоначальства, уже не дѣлая никакихъ распоряженій о раздачѣ хлѣба; Родзянко спрашивалъ его, «зачѣмъ кровь», и убѣждалъ, что гранату на Невскомъ бросилъ городовой. Хабаловъ сказалъ, что войска не могутъ быть мишенью и должны отвѣчать на нападеніе, но на высочайшую телеграмму не сослался.

Родзянко звонилъ также къ Бѣляеву, совѣтуя ему разсредоточивать толпу при помощи пожарныхъ. Бѣляевъ снесся съ Хабаловымъ, который отвѣтилъ, что существуетъ распоряженіе ни въ какомъ случаѣ не вызывать пожарныя части для прекращенія безпорядковъ, и что обливаніе водой только возбуждаетъ, то-есть приводитъ къ обратному дѣйствію.

Родзянко телеграфировалъ царю: «Положеніе серьезное. Въ столицѣ анархія. Правительство парализовано. Транспортъ продовольствія и топлива пришелъ въ полное разстройство. Растетъ общественное недовольство. На улицахъ происходитъ безпорядочная стрѣльба. Части войскъ стрѣляютъ другъ въ друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедленіе смерти подобно. Молю Бога, чтобы въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на вѣнценосца».

Копіи этой телеграммы были разосланы командующимъ съ просьбою поддержать передъ царемъ обращеніе предсѣдателя Думы. Отвѣтили Брусиловъ: «Вашу телеграмму получилъ. Свой долгъ передъ родиной и царемъ исполнилъ» — и Рузскій: «Телеграмму получилъ. Порученіе исполнено».

Царь, по разсказу Фредерикса, получивъ эту телеграмму, или слѣдующую за ней (отъ 27 февраля), сказалъ Фредериксу: «Опять этотъ толстякъ Родзянко мнѣ написалъ разный вздоръ, на который я ему не буду даже отвѣчать».

Хабаловъ телеграфировалъ Наштаверху въ Ставку (№ 2899—3713). «Доношу, что въ теченіе второй половины 25 февраля толпы рабочихъ, собиравшіяся на Знаменской площади и у Казанскаго Собора, были неоднократно разгоняемы полиціей и воинскими частями. Около 17 часовъ у Гостинаго Двора демонстранты запѣли революціонныя пѣсни и выкинули красные флаги съ надписями долой войну, на предупрежденіе, что противъ нихъ будетъ примѣнено оружіе, изъ толпы раздалось нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ, однимъ изъ коихъ былъ раненъ въ голову рядовой 9 запаснаго кавалерійскаго полка. Взводъ драгунъ спѣшился и открылъ огонь по толпѣ, причемъ убито трое и ранено десять человѣкъ. Толпа мгновенно разсѣялась. Около 18 часовъ въ нарядъ конныхъ жандармовъ была брошена граната, которой раненъ одинъ жандармъ и лошадь. Вечеръ прошелъ относительно спокойно. 25 февраля бастовало двѣсти сорокъ тысячъ рабочихъ. Мною выпущено объявленіе, воспрещающее скопленіе народа на улицахъ и подтверждающее населенію, что всякое проявленіе безпорядка будетъ подавляться силою оружія. Сегодня 26 февраля съ утра въ городѣ спокойно. Хабаловъ».

Около 4-хъ часовъ дня Хабалову доложили, что четвертая рота запаснаго батальона Павловскаго полка, расквартированная въ зданіяхъ конюшеннаго вѣдомства, выбѣжала съ криками на площадь, стрѣляя въ воздухъ около храма Воскресенія, и при ней находятся только два офицера; рота требовала увода въ казармы остальныхъ и прекращенія стрѣльбы, а сама стрѣляла по взводу конно-полицейской стражи.

Хабаловъ приказалъ командиру и полковому священнику принять мѣры къ увѣщанію, устыдить роту, привести ее къ присягѣ на вѣрность и водворить въ казармы, отобравъ оружіе. Послѣ увѣщаній батальоннаго командира, солдаты дѣйствительно помаленьку сдали винтовки, но 21 человѣка съ винтовками не досчитались.

Бѣляевъ требовалъ немедленно военно-полевого суда, но прокуроръ военно-полевого суда Мендель посовѣтовалъ Хабалову сначала произвести дознаніе. Хабаловъ приказалъ, чтобы самъ батальонъ выдалъ зачинщиковъ и назначилъ слѣдственную комиссію изъ пяти членовъ съ генераломъ Хлѣбниковымъ во главѣ. Батальонное начальство выдало 19 главныхъ виновниковъ, которыхъ и препроводили въ крѣпость, какъ подлежащихъ суду, такъ какъ комендантъ крѣпости Николаевъ сообщилъ, что арестныхъ помѣщеній для всей роты (1.500 человѣкъ) у него нѣтъ.

Среди этого «котла» событій, по выраженію Хабалова, онъ нѣсколько разъ доносилъ въ Ставку, что безпорядки продолжаются и приказаній его величества онъ выполнить не можетъ. Ночью стали поступать тревожныя свѣдѣнія о возстаніяхъ въ другихъ войсковыхъ частяхъ, но они пока не оправдывались.

Протопоповъ телеграфировалъ Воейкову: «Сегодня порядокъ въ городѣ не нарушался до четырехъ часовъ дня, когда на Невскомъ проспектѣ стала накапливаться толпа, неподчинившаяся требованіямъ разойтись. Въ виду сего возлѣ Городской Думы войсками были произведены три залпа холостыми патронами, послѣ чего образовавшееся тамъ сборище разсѣялось. Одновременно значительныя скопища образовались на Литовской улицѣ, Знаменской площади, также на пересѣченіяхъ Невскаго Владимірскимъ проспектомъ и Садовой улицей, причемъ во всѣхъ этихъ пунктахъ толпа вела себя вызывающе, бросая въ войска каменьями, комьями сколотаго на улицахъ льда. Поэтому, когда стрѣльба вверхъ не оказала воздѣйствія на толпу, вызвала лишь насмѣшки надъ

войсками, послѣднія вынуждены были для прекращенія буйства прибѣгнуть къ стрѣльбѣ боевыми патронами по толпѣ, въ результатѣ чего оказались убитые, раненые, большую часть коихъ толпа, разсѣиваясь, уносила съ собой. Началѣ пятаго часа Невскій былъ очищенъ, но отдѣльные участники безпорядковъ, укрываясь за угловыми домами, продолжали обстрѣливать воинскіе разъѣзды. Войска дѣйствовали ревностно, исключеніе составляетъ самостоятельный выходъ четвертой эвакуированной роты Павловскаго полка. Охраннымъ отдѣленіемъ арестованы запрещенномъ собраніи 50 посторонних лицъ въ помѣщеніи Группы Центральнаго Военнаго Комитета и 136 человѣкъ партійныхъ дѣятелей, а также революціонный руководящій коллективъ изъ пяти лицъ. Моему соглашенію командующимъ войсками контроль распредѣленіемъ выпечкою хлѣба также учетомъ использованія муки возлагается на завѣдующаго продовольствіемъ Имперіи Ковалевскаго. Надѣюсь, будетъ польза. Поступили свѣдѣнія, что 27 февраля часть рабочихъ намѣревается приступить къ работамъ. Москвѣ спокойно. М. В. Д. Протопоповъ».

Эта телеграмма была послана 27 февраля въ 4 часа 20 минутъ утра.

Вечеромъ, на частномъ совѣщаніи у Голицына, были приняты двѣ мѣры: перерывъ засѣданій Государственной Думы и введеніе осаднаго положенія въ Петербургѣ (форма послѣдняго распоряженія не обсуждалась).

Родзянко вечеромъ нашелъ у себя въ квартирѣ слѣдующій указъ, уже отпечатанный: «На основаніи статьи 99 Основныхъ Государственныхъ Законовъ, Повелѣваемъ: занятія Государственной Думы прервать съ 26-го февраля сего года и назначить срокъ ихъ возобновленія не позднѣе апрѣля 1917 года, въ зависимости отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе». Такимъ же указомъ были прерваны и занятія Государственнаго Совѣта.

Александра Федоровна заканчивала свою телеграмму, посланную царю въ 11 часовъ 50 минутъ дня, словами: «Очень безпокоюсь относительно города».

Въ Могилевѣ свита была въ тревогѣ, за завтракомъ было мало приглашенныхъ, и царь, всегда любезный, видимо, сдерживался и мало говорилъ. Воейковъ, однако, спокойно далъ коменданту императорскаго поѣзда, полковнику Герарди, отпускъ на нѣсколько дней въ Царское Село. Дубенскій записалъ въ своемъ дневникѣ 26 февраля: «Волненія въ Петроградѣ очень большія, бастуютъ двѣсти тысячъ рабочихъ, не ходятъ трамваи, убитъ приставъ на Знаменской площади. Собралось экстренное засѣданіе въ Маріинскомъ дворцѣ... Государственная Дума волнуется, требуя передачи продовольственнаго дѣла во всей Россіи городскому самоуправленію и земству. Князь Голицынъ и всѣ министры согласны. Такимъ образомъ, вся Россія узнаетъ, что голодный народъ будетъ накормленъ распоряженіемъ не царской власти, не царскаго правительства, а общественными организаціями, т. е., правительство совершенно расписалось въ своемъ безсиліи. Какъ не можетъ понять государь, что онъ долженъ проявить свою волю, свою власть?.. Какая это поддержка нашимъ врагамъ — Вильгельму — безпорядки въ Петроградѣ! Какая радость теперь въ Берлинѣ! А при государѣ все то же, многіе понимаютъ ужасъ положенія, но не «тревожатъ» царя».

Въ понедѣльникъ 27 февраля утромъ Родзянко послалъ царю телеграмму: «Положеніе ухудшается. Надо принять немедленно мѣры, ибо завтра будетъ уже поздно. Насталъ послѣдній часъ, когда рѣшается судьба родины и династіи».

Часовъ въ 7 утра командиръ запаснаго батальона Волынскаго полка передалъ Хабалову по телефону, что учебная команда отказалась выходить, а начальникъ ея или убитъ, или самъ застрѣлился передъ фронтомъ.

Хабаловъ, предписавъ обезоружить и вернуть команду въ казармы, сообщилъ объ этомъ Бѣляеву и поѣхалъ въ домъ градоначальства. Въ теченіе двухъ часовъ, полковникъ Московскаго полка Михайличенко замѣнялъ полковника Павленкова, больного грудной жабой. Въ это утро въ канцелярію градоначальника являлся капитанъ броневой роты, который предлагалъ Хабалову составить 1—2 автомобиля изъ нѣсколькихъ, находящихся въ починкѣ на Путиловскомъ заводѣ. Хабаловъ послалъ его къ завѣдующему броневиками генералу Секретеву и велѣлъ прислать автомобиль, если найдутся надежные офицеры, которыхъ можно туда посадить.

Поступили донесенія, что Волынцы не сдаютъ винтовокъ, къ нимъ присоединяется рота Преображенскаго полка и часть Литовцевъ, и эта вооруженная толпа, соединившись съ рабочими, идетъ по Кирочной, разгромила казармы жандармскаго дивизіона и громитъ помѣщеніе школы прапорщиковъ инженерныхъ войскъ.

Хабаловъ сформировалъ отрядъ изъ 6 ротъ, 15 пулеметовъ и $1^1/_2$ эскадроновъ, всего около 1.000 человѣкъ, и отправилъ его противъ возставшихъ подъ начальствомъ георгіевскаго кавалера полковника Кутепова съ требованіемъ, чтобы они сложили оружіе; въ противномъ случаѣ, было предложено принять рѣшительныя мѣры.

Отрядъ двинутъ, а результатовъ нѣтъ: если онъ дѣйствуетъ, онъ долженъ уже гнать толпу въ уголъ за Таврическій садъ, къ Невѣ. «А тутъ — ни да, ни нѣтъ», говоритъ Хабаловъ.

Казачьи разъѣзды донесли, что Кутеповъ не можетъ продвинуться по Кирочной и Спасской и требуетъ подкрѣпленій.

Брандъ-майоръ Литвиновъ донесъ по телефону, что толпа не даетъ пожарнымъ тушить пожаръ въ зданіи Окружнаго Суда. Около полудня изъ Московскаго полка донесли, что четвертая рота, запиравшая пулеметами Литейный мостъ съ Выборгской стороны, подавлена, остальныя роты стоятъ во дворѣ казармъ, изъ офицеровъ — кто убитъ, а кто — раненъ, и огромныя толпы запружаютъ Самсоніевскій проспектъ.

Запасныхъ войскъ у Хабалова не было, а наряду съ донесеніями поступали требованія охраны отъ Голицына, съ телефонной станціи, изъ Литовскаго замка, изъ Маріинскаго дворца. Заѣзжалъ Протопоповъ и приставалъ къ Хабалову съ разными предложеніями, по обыкновенію, ни на чемъ реальномъ не основанными.

Часа въ 2—3 Хабаловъ былъ у Голицына. Послѣдній былъ уже оповѣщенъ съ утра Бѣляевымъ, который въ это утро приказалъ начальнику Генеральнаго Штаба генералу Занкевичу доложить, что нужно для объявленія осаднаго положенія, и, получивъ отвѣтъ, что для этого требуется высочайшее повелѣніе, сказалъ: «Считайте, что оно уже послѣдовало». Бѣляевъ предлагалъ Голицыну сейчасъ же обсудить дальнѣйшія мѣры, но прошло довольно много времени, какъ пріѣхалъ Хабаловъ, министры были въ сборѣ: онъ произвелъ на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе: «руки трясутся, равновѣсіе, необходимое для управленія въ такую серьезную минуту, онъ утратилъ», говоритъ Бѣляевъ.

Въ сущности, министры только знакомились съ событіями, взглядовъ же никакихъ не высказывали. Всѣ были особенно нервны. Докладывали Хабаловъ

и кое что Протопоповъ. Около 4—5 часовъ рѣшили сойтись въ Маріинскомъ дворцѣ.

Когда опредѣлилось, что пока только Выборгская и Литейная части захвачены возстаніемъ, Хабаловъ рѣшилъ стянуть возможный резервъ на Дворцовой площади, подъ начальствомъ полковника Преображенскаго полка князя Аргутинскаго-Долгорукова. Часть предполагалось послать въ подкрѣпленіе Кутепову, а другую часть — на Петербургскую сторону. Хабаловъ, опасаясь за Пороховые заводы, хотѣлъ оттѣснить возставшихъ къ сѣверу, къ морю.

Выяснилось, что резервъ собрать трудно, нѣкоторыя части можно только удерживать отъ присоединенія къ возставшимъ, а у другихъ нѣтъ патроновъ; не найдя патроновъ въ городѣ, Хабаловъ просилъ по телефону прислать изъ Кронштадта, но комендантъ отвѣтилъ, что самъ опасается за крѣпость. Хабаловъ не зналъ, что и въ окрестностяхъ города вспыхнуло возстаніе: часовъ около 3-хъ дня царскосельскій гарнизонъ грабилъ трактирныя заведенія, встрѣчая маршевые эскадроны, подошедшіе изъ Новгородской губерніи, съ корзинами яствъ и питей. Впрочемъ, сводный гвардейскій полкъ несъ службу и продолжалъ охранять Александровскій дворецъ.

Голицынъ поручилъ Бѣляеву съѣздить въ градоначальство. Тутъ были все «неопытные полковники», и Бѣляевъ, который, по словамъ Балка, былъ «вдумчивъ, спокоенъ и говорилъ мало», позвалъ всѣхъ на совѣщаніе и увидѣлъ «полное отсутствіе идеи и недостаточность иниціативы въ распоряженіяхъ». Настроеніе офицеровъ, въ частности Измайловскаго полка, было «ненадежное», они находили нужнымъ вступить въ переговоры съ Родзянко, о чемъ Хабаловъ доложилъ Бѣляеву, которому вовсе не былъ подчиненъ, но котораго въ растерянности своей сталъ слушаться. Въ отвѣтъ на это военный министръ разсердился и приказалъ находившемуся тутъ же генералу Занкевичу вступить въ командованіе всѣми гвардейскими запасными частями (это было около 7 часовъ вечера). Хабаловъ понялъ это такъ, что онъ устраненъ. Между тѣмъ, Занкевичъ былъ данъ ему въ помощь и устранялъ собою только Чебыкина, Павленкова и Михайличенко, такъ же, какъ Ивановъ впослѣдствіи не смѣнилъ Хабалова, а былъ поставленъ надъ нимъ.

Пріѣхавшій въ градоначальство великій князь Кириллъ Владиміровичъ рекомендовалъ Бѣляеву принять энергичныя мѣры, и, прежде всего, смѣнить Протопопова; выражалъ неудовольствіе, что ему не сообщаютъ о событіяхъ и спрашивалъ, что ему дѣлать съ гвардейскимъ экипажемъ, на что Хабаловъ доложилъ, что гвардейскій экипажъ ему не подчиненъ. Кириллъ Владиміровичъ прислалъ къ вечеру двѣ «наиболѣе надежныя» роты учебной команды гвардейскаго экипажа.

Пріѣхавъ въ Маріинскій дворецъ, гдѣ всѣ члены Совѣта Министровъ «ходили растерянные, ожидая ареста», Бѣляевъ доложилъ о Занкевичѣ, а затѣмъ попросилъ Голицына поговорить съ нимъ наединѣ о замѣнѣ Протопопова; такъ какъ смѣнять министра никто, кромѣ императора, не имѣлъ права, рѣшили предложить Протопопову сказаться больнымъ; Бѣляевъ предложилъ замѣнить его главнымъ военнымъ прокуроромъ Макаренко, но предложеніе это было отвергнуто, и генералъ Тяжельниковъ, по приказанію Бѣляева, отпечаталъ приказъ Голицына: «Вслѣдствіе болѣзни министра внутреннихъ дѣлъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Протопопова, во временное исполненіе его должности вступитъ его товарищъ по принадлежности». Тогда же, по приказанію Бѣляева, было напечатано «объявленіе Командующаго Войсками Петроградскаго Военнаго

Округа» за подписью Хабалова: «По Высочайшему повелѣнію городъ Петроградъ съ 27 сего февраля объявляется на осадномъ положеніи». Объявленіе было напечатано въ количествѣ около 1.000 экземпляровъ, подлинникъ былъ написанъ карандашомъ. Печаталось оно въ Адмиралтействѣ, такъ какъ типографія градоначальства уже не была въ распоряженіи стараго правительства, о чемъ доложилъ Балкъ.

Голицынъ разсказываетъ, что онъ получилъ отъ Бѣляева письмо, начинавшееся словами: «Имѣю честь сообщить Вашему Сіятельству, что по Высочайшему Повелѣнію введено осадное положеніе», но письмо это онъ потерялъ.

Голицынъ обратился къ Протопопову и просилъ его оффиціально заявить, что онъ боленъ и уходитъ. Протопоповъ всталъ, сконфуженно произнесъ: «Ну, что же, я подчиняюсь», и ушелъ, говоря: «Мнѣ теперь остается только застрѣлиться». Бѣлецкій разсказываетъ, что, когда передъ этимъ стало извѣстно, что Щегловитовъ, арестованный на кухнѣ и прикрытый солдатской шинелью увезенъ въ Думу, Протопоповъ такъ растерялся, что требовалъ моментально «схватить Родзянко».

Въ 6 часовъ вечера Ладыженскій передалъ въ экспедицію канцеляріи Совѣта Министровъ составленную Покровскимъ и Баркомъ и подписанную Голицынымъ телеграмму, въ которой говорилось, между прочимъ: «Совѣтъ Министровъ... дерзаетъ представить Вашему Величеству о безотложной необходимости принятія слѣдующихъ... мѣръ... съ объявленіемъ столицы на осадномъ положеніи, каковое распоряженіе уже сдѣлано Военнымъ Министромъ по уполномочію Совѣта Министровъ собственной властью. Совѣтъ Министровъ всеподданнѣйше ходатайствуетъ о поставленіи во главѣ оставшихся вѣрными войскъ одного изъ военачальниковъ дѣйствующихъ армій съ популярнымъ для населенія именемъ»...

Далѣе указывается, что Совѣтъ Министровъ не можетъ справиться съ создавшимся положеніемъ, предлагаетъ себя распустить, назначить предсѣдателемъ Совѣта Министровъ лицо, пользующееся общимъ довѣріемъ, и составить отвѣтственное министерство.

Царь отвѣтилъ того же числа князю Голицыну: «О главномъ начальникѣ для Петрограда мною дано повелѣніе начальнику моего штаба съ указаніемъ немедленно прибыть въ столицу. То же и относительно войскъ. Лично Вамъ предоставляю всѣ необходимыя права по гражданскому управленію. Относительно перемѣны въ личномъ составѣ при данныхъ обстоятельствахъ считаю ихъ недопустимыми. Николай».

Послѣ 8-ми часовъ вечера Голицынъ, Родзянко, великій князь Михаилъ Александровичъ, Крыжановскій и Бѣляевъ обсуждали въ кабинетѣ предсѣдателя Совѣта Министровъ текстъ телеграммы, которую Михаилъ Александровичъ хотѣлъ послать царю, послѣ чего великій князь и Бѣляевъ поѣхали въ домъ военнаго министра, чтобы подать эту телеграмму начальнику штаба верховнаго главнокомандующаго. Михаилъ Александровичъ сообщилъ о «серьезности положенія», о необходимости назначить предсѣдателя Совѣта Министровъ, который самъ подобралъ бы себѣ кабинетъ; онъ спрашивалъ, не уполномочитъ ли его царь сейчасъ же объ этомъ объявить, называя со своей стороны князя Г. Е. Львова, и предлагая принять на себя регентство.

Черезъ полчаса или черезъ часъ Алексѣевъ передалъ отвѣтъ, что его величество благодаритъ за вниманіе, выѣдетъ завтра и самъ приметъ рѣшеніе.

Въ этотъ день Бѣляевъ послалъ въ Ставку Наштаверху слѣдующія четыре телеграммы.

13 часовъ 15 минутъ № 196. Указывается, что начавшіяся съ утра въ нѣкоторыхъ частяхъ волненія подавляются. Выражается увѣренность «въ скоромъ наступленіи спокойствія».

19 часовъ 22 минуты № 197 (копія Главкосѣву). Указывается на «серьезность положенія»; просьба прислать на помощь, «дѣйствительно надежныя части».

19 часовъ 33 минуты № 198. «Совѣтъ Министровъ призналъ необходимымъ объявить Петроградъ на осадномъ положеніи. Въ виду проявленной генераломъ Хабаловымъ растерянности назначилъ на помощь ему генерала Занкевича, такъ какъ генералъ Чебыкинъ отсутствуетъ».

23 часа 53 минуты № 199. Говорится, что изъ Царскаго Села вызваны небольшія части запасныхъ полковъ, батарея изъ Петрограда грузиться въ поѣздъ на Петроградъ отказалась, батарея училищъ не имѣетъ снарядовъ.

Около полуночи Бѣляевъ приказалъ своему секретарю позвонить въ Маріинскій дворецъ и вызвать по телефону Кригеръ-Войновскаго. Секретарь услышалъ въ телефонъ неясный разговоръ нѣсколькихъ голосовъ, увѣщаніе соблюдать тишину и предупрежденіе, что у телефона военный министръ. Вслѣдъ за тѣмъ, къ телефону подошелъ кто то, назвавшій себя министромъ путей сообщенія, но по голосу непохожій на Кригеръ-Войновскаго. Секретарь предупредилъ объ этомъ Бѣляева и передалъ ему трубку. Военный министръ молча слушалъ у телефона минутъ 5, услышалъ слова: «. . . эту пачку уже пересмотрѣлъ, возьми вотъ тѣ бумаги», повѣсилъ трубку и запретилъ всѣмъ сношенія по телефону съ Маріинскимъ дворцомъ.

Около 2 часовъ ночи секретарь Бѣляева былъ вызванъ по телефону изъ Маріинскаго Дворца помощникомъ управляющаго дѣлами Совѣта Министровъ Путиловымъ, который объяснилъ, что, дѣйствительно, въ помѣщеніи канцеляріи Совѣта Министровъ «хозяйничаютъ постороннія лица», важнѣйшія бумаги удалось унести, а министры путей сообщенія и иностранныхъ дѣлъ скрываются въ другой части дворца. Путиловъ просилъ освободить ихъ, но секретарь военнаго министра объяснилъ, что въ ихъ распоряженіи нѣтъ войскъ.

Между тѣмъ, у генерала Занкевича, которому Бѣляевъ передалъ командованіе, были въ распоряженіи уже немногія части, и то колеблющіяся и тающія съ часу на часъ.

Вопросъ объ аттакѣ стоялъ безнадежно, можно было думать только объ оборонѣ отряда на Дворцовой площади.

Генералъ Занкевичъ, надѣвъ мундиръ Лейбъ-Гвардіи Павловскаго полка, выѣхалъ къ солдатамъ и, поговоривъ съ ними, вынесъ убѣжденіе, что на нихъ разсчитывать нельзя. Удержаться на площади было невозможно; Занкевичъ считалъ, что вѣрнымъ слугамъ царя надо умереть въ Зимнемъ Дворцѣ; около 9 часовъ вечера войска были переведены въ Адмиралтейство, а около 11 часовъ — во Дворецъ; при этомъ оказалось, что матросы и часть пѣхоты уже разошлись; осталось всего на всего 1.500—2.000 человѣкъ.

Около часу ночи во Дворцѣ получили извѣстіе о назначеніи генерала Иванова. Управляющій дворцомъ генералъ Комаровъ просилъ Хабалова не занимать дворца, Занкевичъ спорилъ, и вопросъ остался бы открытымъ, если бы заѣхавшій въ ту минуту съ Бѣляевымъ великій князь Михаилъ Александровичъ, которому не удавалось уѣхать въ Гатчину, не согласился съ Комаровымъ. На совѣщаніи великій князь, Хабаловъ и Занкевичъ намѣтили Петропавловскую крѣпость,

но помощникъ коменданта баронъ Сталь, вызванный къ телефону, сообщилъ, что на Троицкой площади стоятъ броневые автомобили и орудія, а на Троицкомъ мосту — баррикады. Хабаловъ предложилъ пробиваться, но Занкевичъ указалъ на колебанія офицеровъ Измайловскаго полка; тогда, на разсвѣтѣ, рѣшили перейти опять въ Адмиралтейство.

Листки съ объявленіемъ осаднаго положенія были напечатаны, но расклеить ихъ по городу не удалось: у Балка не было ни клею, ни кистей. По приказу Хабалова, отданному вялымъ тономъ, два околодочныхъ развѣсили нѣсколько листковъ на рѣшеткѣ Александровскаго сада. Утромъ эти листки валялись на Адмиралтейской площади передъ градоначальствомъ.

Третье объявленіе, переданное Бѣляевымъ для распубликованія — о запрещеніи жителямъ столицы выходить на улицу послѣ 9 часовъ вечера — Хабаловъ счелъ окончательно безцѣльнымъ и оставилъ его безъ исполненія.

Императрица въ этотъ день телеграфировала царю трижды: въ 11 часовъ 12 минутъ дня: «Революція вчера приняла ужасающіе размѣры. Знаю, что присоединились и другія части. Извѣстія хуже, чѣмъ когда бы то ни было. Алисъ»; въ 1 часъ 3 минуты: «Уступки необходимы. Стачки продолжаются. Много войскъ перешло на сторону революціи. Алисъ»; въ 9 часовъ 50 минутъ вечера: «Лили провела у насъ день и ночь — не было ни колясокъ, ни моторовъ. Окружный Судъ горитъ. Алисъ».

Дубенскій записывалъ 27 февраля: «Изъ Петрограда вѣсти не лучше. Была, говорятъ, сильная стрѣльба у Казанскаго Собора, много убитыхъ со стороны полиціи и среди народа. Говорятъ, по городу ходятъ броневые автомобили. Слухи стали столь тревожны, что рѣшено завтра 28-го отбыть въ Петроградъ... Помощникъ начальника штаба Трегубовъ передалъ мнѣ, что на его вопросъ, что дѣлается въ Петроградѣ, Алексѣевъ отвѣтилъ: «Петроградъ въ возстаніи». Трегубовъ дополнилъ, что была стрѣльба по улицамъ, стрѣляли пулеметы. Первое, что надо сдѣлать, — это убить Протопопова, онъ ничего не дѣлаетъ, шарлатанъ. Передъ обѣдомъ я съ Федоровымъ былъ въ вагонѣ у генералъ-адъютанта Иванова. Долго бесѣдовали на тему Петроградскихъ событій и стали убѣждать его сказать государю, что необходимо послать въ Петроградъ нѣсколько хорошихъ полковъ, внушить дѣйствовать рѣшительно, и дѣло можно еще потушить. Ивановъ началъ говорить, что онъ не вправѣ сказать государю, что надо вызвать хорошіе полки, напримѣръ, 23-ю дивизію и т. д., но въ концѣ концовъ согласился и обѣщалъ говорить съ царемъ. Передъ обѣдомъ Алексѣевъ приходилъ къ государю въ кабинетъ докладывать срочное сообщеніе изъ Петрограда о томъ, что нѣкоторыя части, кажется, Лейбъ-Гвардіи Павловскій полкъ, отказались дѣйствовать противъ толпы. На вопросъ графа Фредерикса Алексѣеву, — что новаго изъ Петрограда, начальникъ штаба отвѣтилъ: «Плохія вѣсти, есть новое явленіе», намекалъ на войска. За обѣдомъ, который прошелъ тихо, и государь былъ молчаливъ, Ивановъ всетаки успѣлъ сказать Государю о войскахъ».

«Послѣ обѣда государь позвалъ къ себѣ Иванова въ кабинетъ, и около 9 часовъ стало извѣстно, что Ивановъ экстреннымъ поѣздомъ ѣдетъ въ Петроградъ. Нарышкинъ мнѣ сказалъ, что Павловцевъ окружили Преображенцы и, кажется, стало тише. Все настроеніе Ставки сразу измѣнилось. Всѣ говорятъ, волнуются, спрашиваютъ: что новаго изъ Петрограда».

Въ вечернихъ телеграммахъ стало извѣстно, что именнымъ высочайшимъ указомъ распущены Дума и Государственный Совѣтъ, но это уже поздно, уже

опредѣлилось Временное Правительство, засѣдающее въ Думѣ, подъ охраной войскъ, перешедшихъ на сторону революціонеровъ. Войскъ вѣрныхъ государю осталось меньше, чѣмъ противъ него. Гвардейскій Литовскій полкъ убилъ командира. Преображенцы убили батальоннаго командира Богдановича. Предсѣдатель Государственной Думы прислалъ въ Ставку государю телеграмму, въ которой просилъ его прибыть немедленно въ Царское Село спасать Россію. Всѣ эти страшныя свѣдѣнія идутъ изъ Петрограда отъ графа Бенкендорфа полковнику Ратькову. Про министра внутреннихъ дѣлъ графъ Фредериксъ выразился по-французски такъ: «А о министрѣ внутреннихъ дѣлъ нѣтъ слуховъ, какъ будто онъ мертвый». Графъ Фредериксъ держитъ себя спокойно, хорошо, и говоритъ: «Не надо волноваться».

«Послѣ вечерняго чая, въ 12 часовъ ночи, государь простился со всѣми и ушелъ къ себѣ. Вслѣдъ за нимъ къ нему пошелъ Фредериксъ и Воейковъ, пробыли у царя недолго и вышли, причемъ Воейковъ объявилъ, что отъѣздъ въ Царское Село его величества назначенъ безотлагательно въ эту ночь. Всѣ стали собираться и уже къ 2 часамъ ночи были въ поѣздѣ. Государь любезенъ, ласковъ, тихъ и, видимо, волнуется, хотя, какъ всегда, все скрываетъ. Всю ночь шли у насъ съ Цабелемъ, Штакельбергомъ и Сусловымъ такіе разговоры. Свитскій поѣздъ отошелъ въ Царское въ 4 часа ночи... Назначенъ Ивановъ диктаторомъ».

Въ Ставкѣ до сего дня полагали, что происходитъ «голодный бунтъ», въ революцію не вѣрили и къ слухамъ относились пассивно, чему способствовалъ крайній «фатализмъ» царя, какъ выражается генералъ Дубенскій. Алексѣевъ умолялъ царя въ эти дни пойти на уступки, но изъ этого вышло только то, что уѣхали немного раньше, чѣмъ предполагали.

Во всякомъ случаѣ, настроеніе Ставки рѣзко измѣнилось къ вечеру. 27 февраля Воейковъ, который балаганилъ, устраивалъ свою квартиру и до 5 часовъ дня «прибивалъ шторки и привѣшивалъ картинки», вдругъ понялъ трагичность положенія и «сталъ ходить красный, тараща глаза». Генералъ Ивановъ, придя къ обѣду, узналъ отъ Алексѣева, что онъ назначенъ въ Петербургъ главнокомандующимъ «для водворенія полнаго порядка въ столицѣ и ея окрестностяхъ», причемъ, «командующій войсками округа переходитъ въ его подчиненіе» (на бланкѣ Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, управленіе Дежурнаго генерала, № 3716, подписали генералъ Алексѣевъ и дежурный генералъ Кондзеровскій). Назначеніе это послѣдовало вслѣдствіе указанія бывшаго предсѣдателя Совѣта Министровъ князя Голицына на необходимость командировать въ столицу пользующагося популярностью въ войскихъ боевого генерала.

Ивановъ, слывшій за «поклонника мягкихъ дѣйствій», за обѣдомъ разсказалъ царю, какъ ему удалось успокоить волненія въ Харбинѣ при помощи двухъ полковъ безъ одного выстрѣла. Послѣ обѣда царь сказалъ Иванову: «Я васъ назначаю главнокомандующимъ Петроградскимъ округомъ, тамъ въ запасныхъ батальонахъ безпорядки и заводы бастуютъ, отправляйтесь». Ивановъ доложилъ, что онъ уже годъ стоитъ въ сторонѣ отъ арміи, но полагаетъ, что «далеко не всѣ части останутся вѣрны въ случаѣ народнаго волненія, а потому лучше не вводить войска въ городъ, пока положеніе не выяснится, чтобы избѣжать междуусобицы и кровопролитія».

Царь отвѣтилъ: «Да, конечно».

Послѣ этого разговора, Ивановъ просидѣлъ въ Штабѣ часа два, частью — съ Алексѣевымъ, котораго вызывалъ царь, а потомъ — по прямому проводу

— Родзянко. Алексѣевъ сказалъ ему, что съ сѣвернаго фронта и съ западнаго посылаются по два полка, но еще сомнѣваются, какіе посылать; посовѣтовалъ отправиться съ батальономъ и ротой своднаго полка и показалъ телеграмму отъ Родзянки и телеграмму объ объявленіи осаднаго положенія.

Ивановъ зналъ, что распущена Дума, введено осадное положеніе, не хватаетъ продовольствія и многіе заводы не работаютъ на оборону изъ за недостатка топлива. Рѣшивъ утромъ пойти къ царю, а около полудня ѣхать, онъ пошелъ спать.

Въ это время Воейкова вызвалъ по телеграфу изъ Царскаго Бенкендорфъ и спрашивалъ, не желаетъ ли его величество, чтобы императрица съ дѣтьми выѣхала навстрѣчу; царь поручилъ передать, чтобы ни въ какомъ случаѣ не выѣзжали, и что онъ самъ пріѣдетъ въ Царское.

Воейковъ, по совѣту Бенкендорфа, вызвалъ Бѣляева, который далъ ему «хаотическій отвѣтъ», что «идетъ военный мятежъ и нельзя опредѣлить, какая часть возстала и какая нѣтъ». Воейковъ считалъ, что долженъ имѣть всѣ эти свѣдѣнія отъ Протопопова, но не получалъ ихъ. Въ 8 час. 15 мин. онъ послалъ Протопопову слѣдующую шифрованную телеграмму (№ 35): «Его Величество изволитъ отбыть изъ Ставки черезъ Оршу — Лихославль — Тосно вторникъ 28 февраля 2 часа 30 мин. дня».

Дубенскій разсказываетъ въ своемъ дневникѣ (отъ 3 марта), что «27 февраля было экстренное засѣданіе подъ предсѣдательствомъ государя, Алексѣева, Фредерикса и Воейкова. Алексѣевъ, въ виду полученныхъ извѣстій изъ Петрограда, умолялъ государя согласиться на требованіе Родзянко дать конституцію, Фредериксъ молчалъ, а Воейковъ настоялъ на непринятіи этого предложенія и убѣждалъ государя немедленно выѣхать въ Царское Село».

Около 2 часовъ адъютантъ разбудилъ Иванова и сообщилъ, что царь сейчасъ уѣзжаетъ. Царь принялъ Иванова около 3 часовъ ночи. Ивановъ доложилъ о продовольствіи и просилъ содѣйствія, памятуя сентябрь 1914 года, когда жалобы его на отсутствіе снарядовъ вызвали неудовольствіе даже въ Ставкѣ. Несмотря на то, что Ивановъ просилъ полномочій относительно только 4 министровъ (внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія, промышленности и путей сообщенія), царь сказалъ: «Пожалуйста, передайте генералу Алексѣеву, чтобы онъ телеграфировалъ предсѣдателю Совѣта Министровъ, чтобы всѣ требованія генерала Иванова всѣми министрами исполнялись безпрекословно». (Однако, полномочія эти Ивановъ считалъ впослѣдствіи отпавшими, такъ какъ отъ Алексѣева онъ не получилъ подтвержденія подобнаго приказа царя). — «До свиданія, сказалъ царь, вѣроятно, въ Царскомъ Селѣ увидимся». «Ваше величество, сказалъ Ивановъ, позвольте напомнить относительно реформъ». «Да, да, отвѣтилъ царь, мнѣ только что напоминалъ объ этомъ генералъ Алексѣевъ».

При этомъ царь произнесъ слова «отвѣтственное министерство» и «министерство довѣрія», такъ что Ивановъ считалъ дѣло рѣшеннымъ и конфиденціально говорилъ объ этомъ своему адъютанту, полковнику Кринскому и Ладыженскому (начальнику канцеляріи по гражданскому управленію Штаба Верховнаго Главнокомандующаго). Ивановъ рѣшилъ, что высадится утромъ 1 марта въ Царскомъ. Онъ послалъ коменданту Царскаго Села двѣ телеграммы, одна изъ которыхъ (№ 4) гласила: «Прошу васъ сдѣлать распоряженіе о подготовкѣ помѣщенія для расквартированія въ городѣ Царское Село и его окрестностяхъ 13 батальоновъ, 16 эскадроновъ и 4 батарей. О послѣдовавшемъ распоряженіи прошу меня увѣдомить завтра 1 марта на станціи Царское Село».

Эшелонъ Георгіевскаго батальона, полурота Желѣзнодорожнаго полка и рота Собственнаго Его Величества полка были отправлены изъ Могилева около 11 часовъ утра. Вагонъ Иванова, выѣхавшій нѣсколько позже, былъ прицѣпленъ къ эшелону въ Оршѣ.

Съ сѣвернаго фронта утромъ 28 были отправлены три эшелона 57-го пѣхотнаго Тарутинскаго полка; предполагалось отправить 68 Бородинскій полкъ и кавалерію.

Съ западнаго фронта предполагалось отправить два кавалерійскихъ полка, 2-й дивизіи, 2 пѣхотныхъ и пулеметную команду Кольта.

Ивановъ передалъ Алексѣеву слѣдующій документъ (на бланкѣ генералъ-адъютанта Иванова): 28 февраля 1917 года № 1 «Начальнику Штаба Верховнаго Главнокомандующаго. При представленіи моемъ сего числа около трехъ часовъ утра Государю Императору, Его Императорскому Величеству было благоугодно повелѣть доложить Вамъ, для поставленія въ извѣстность предсѣдателя Совѣта Министровъ, слѣдующее повелѣніе Его Императорскаго Величества.

«Всѣ министры должны исполнять всѣ требованія главнокомандующаго петроградскимъ военнымъ округомъ генералъ-адъютанта Иванова безпрекословно».

Генералъ-адъютантъ Ивановъ».

Права генерала Иванова опредѣлялись слѣдующимъ документомъ отъ 28 февраля (на бланкѣ Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, № 507).

«На основаніи 12 статьи правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, мною предоставляется Вашему Высокопревосходительству принадлежащее мнѣ на основаніи 29 ст. Положенія о полевомъ управленіи войскъ право преданія гражданскихъ лицъ военно-полевому суду по всѣмъ дѣламъ, направляемымъ въ военный судъ, по коимъ еще не состоялось преданія обвиняемыхъ суду. Распоряженія Вашего Высокопревосходительства о сужденіи гражданскихъ лицъ въ военно-полевомъ судѣ могутъ быть дѣлаемы, какъ по отношенію къ отдѣльнымъ дѣламъ, такъ и по отношенію къ цѣлымъ категоріямъ дѣлъ, съ предварительнымъ, въ послѣднемъ случаѣ, объявленіемъ о семъ во всеобщее свѣдѣніе. Подписали: генералъ-адъютантъ Алексѣевъ. Генералъ-лейтенантъ Кондзеровскій».

Командиръ Георгіевскаго батальона, генералъ Пожарскій, собравъ 27 февраля своихъ офицеровъ, объявилъ имъ, что въ Петербургѣ приказанія стрѣлять въ народъ онъ не дастъ, хотя бы этого потребовалъ генералъ Ивановъ.

Въ то время, какъ въ Могилевѣ происходили сборы, и литерные (свитскій и императорскій) поѣзда въ 4 и въ 5 часовъ утра двинулись по направленію въ Смоленскъ — Вязьму — Ржевъ — Лихославль, — генералы Хабаловъ, Занкевичъ и Бѣляевъ (разставшійся съ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ послѣ 2 часовъ ночи) съ кучкой вѣрныхъ имъ офицеровъ и солдатъ перешли изъ Зимняго Дворца въ зданіе Адмиралтейства, заняли фасады, обращенные къ Невскому, артиллерію поставили на дворѣ, во второмъ этажѣ размѣстили пѣхоту, а на углахъ, подходящихъ для обстрѣла, разставили пулеметы. Снарядовъ у нихъ было мало, патроновъ не было вовсе, а ѣсть было нечего; съ большимъ трудомъ достали немного хлѣба для солдатъ. У казачьей сотни, расквартированной въ казармахъ Коннаго полка, лошади были непоены и некормлены. По Адмиралтейству пострѣливали, но оттуда не отвѣчали. Тутъ и происходилъ ночной разговоръ съ Ивановымъ по прямому проводу. Ночью отъ Хабалова отвѣтили, что онъ не знаетъ, гдѣ переговорить съ Ивановымъ, и не можетъ выйти на улицу безъ риска быть арестованнымъ. Ивановъ вызвалъ его

къ прямому проводу къ 8 часамъ утра, и они обмѣнялись слѣдующимъ: Ивановъ передалъ десять вопросныхъ пунктовъ (записаны на трехъ желтыхъ листочкахъ).

«1) Какія части въ порядкѣ и какія безобразятъ? 2) Какіе вокзалы охраняются? 3) Въ какихъ частяхъ города поддерживается порядокъ? 4) Какія власти правятъ этими частями города? 5) Всѣ ли министерства правильно функціонируютъ? 6) Какія полицейскія власти находятся въ данное время въ вашемъ распоряженіи? 7) Какія техническія и хозяйственныя учрежденія военнаго вѣдомства нынѣ въ вашемъ распоряженіи? 8) Какое количество продовольствія въ вашемъ распоряженіи? 9) Много ли оружія, артиллеріи и боевыхъ припасовъ попало въ руки бунтующихъ? 10) Какія военныя власти и штабы въ вашемъ распоряженіи? — Я сейчасъ иду къ генералу Алексѣеву и приду черезъ полчаса».

Хабаловъ отвѣтилъ телеграммой по пунктамъ:

«1) Моемъ распоряженіи зданіе главнаго Адмиралтейства, четыре гвардейскихъ роты, пять эскадроновъ и сотенъ и двѣ батареи, прочія войска перешли на сторону революціонеровъ, или остаются по соглашенію съ ними нейтральными. Отдѣльные солдаты и шайки бродятъ по городу, стрѣляя прохожихъ, обезоруживая офицеровъ. 2) Всѣ вокзалы во власти революціонеровъ, строго ими охраняются. 3) Весь городъ во власти революціонеровъ, телефонъ не дѣйствуетъ, связи съ частями города нѣтъ. 4) Отвѣтить не могу. 5) Министры арестованы революціонерами. 6) Не находятся вовсе. 7) Не имѣю. 8) Продовольствія въ моемъ распоряженіи нѣтъ, въ городѣ къ 25 февраля было 5.600.000 пудовъ запаса муки. 9) Всѣ артиллерійскія заведенія во власти революціонеровъ. 10) Моемъ распоряженіи лично начальникъ штаба округа; съ прочими окружными управленіями связи не имѣю».

Эту телеграмму Хабаловъ подтвердилъ въ послѣдовавшемъ разговорѣ съ Ивановымъ.

Въ то же утро, генералы Тяжельниковъ и Михайличенко, сидя въ Адмиралтействѣ, съ удивленіемъ слушали, какъ Бѣляевъ въ сосѣдней комнатѣ диктовалъ телеграмму, которая начиналась словами очень умѣренными: «Положеніе по прежнему продолжаетъ оставаться тревожнымъ». Далѣе сообщалось, однако, что «мятежники» овладѣли во всѣхъ частяхъ города учрежденіями, войска переходятъ на ихъ сторону или становятся нейтральными, на улицахъ идетъ пальба, движеніе прекращено, офицеровъ разоружаютъ и скорѣйшее прибытіе войскъ крайне желательно (послана въ 11 часовъ 32 минуты въ Ставку Наштаверху, копія — Орша, вслѣдъ Дворцовому Коменданту, № 201).

Около полудня, 28 февраля въ Адмиралтейство явился адъютантъ морского министра, который потребовалъ очистки зданія, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, возставшіе угрожали открыть по нему артиллерійскій огонь изъ Петропавловской крѣпости: На совѣщаніи было рѣшено, что дальнѣйшее сопротивленіе безполезно. Артиллерія отправилась обратно въ Стрѣльну, оставивъ замки отъ орудій; пулеметы и ружья спрятали въ зданіи, и вся пѣхота была распущена безъ оружія. Хабаловъ былъ арестованъ солдатами, осматривавшими зданіе Адмиралтейства, въ тотъ же день, около 4 часовъ, Бѣляевъ прошелъ въ Генеральный Штабъ, откуда въ 2 часа 20 минутъ послалъ слѣдующую секретную телеграмму Наштаверху (№ 9157):

«Около 12 часовъ дня 28 февраля остатки оставшихся еще вѣрными частей въ числѣ 4 ротъ, 1 сотни, 2 батарей и пулеметной роты, по требованію морского министра, были выведены изъ Адмиралтейства, чтобы не подвергнуть

разгрому зданіе. Переводъ этихъ войскъ въ другое мѣсто не признавалъ соотвѣтственнымъ, въ виду не полной ихъ надежности. Части разведены по казармамъ, при чемъ во избѣжаніе отнятія оружія замки орудій сданы морскому министерству».

Послѣ 3-хъ часовъ Бѣляевъ прошелъ въ домъ военнаго министра на Мойку, гдѣ и ночевалъ.

Ивановъ выѣхалъ изъ Могилева около 1 часу дня. Ему въ догонку была послана копія телеграммы Наштаверха на имя начальника военно-походной канцеляріи (№ 1820): «Всеподданнѣйше доношу: военный министръ сообщаетъ, что около 12 часовъ 28 сего февраля остатки оставшихся еще вѣрными частей въ числѣ 4 ротъ, 1 сотни, 2 батарей и пулеметной роты по требованію морского министра были выведены изъ Адмиралтейства, чтобы не подвергнуть разгрому зданіе. Переводъ этихъ войскъ въ другое мѣсто не призналъ соотвѣтственнымъ, въ виду не полной ихъ надежности. Части разведены по казармамъ, причемъ во избѣжаніе отнятія оружія, по пути слѣдованія, ружья и пулеметы, а также замки орудій сданы морскому министерству».

Послѣ отъѣзда Иванова, въ Ставкѣ была получена слѣдующая телеграмма и. о. начальника морского генеральнаго штаба адмирала Каннпста на имя адмирала Русина (№ 2704):

«Положеніе къ вечеру таково: мятежныя войска овладѣли Выборгской стороной, всей частью города отъ Литейнаго до Смольнаго и оттуда по Суворовскому и Спасской. Сейчасъ сообщаютъ о стрѣльбѣ на Петроградской сторонѣ. Сеньоренъ-Конвентъ Государственной Думы, по просьбѣ делегатовъ отъ мятежниковъ, избралъ комитетъ для водворенія порядка въ столицѣ и для сношенія съ учрежденіями и лицами. Сомнительно, однако, чтобы бушующую толпу можно было успокоить. Войска переходятъ легко на сторону мятежниковъ. На улицахъ офицеровъ обезоруживаютъ. Автомобили толпа отбираетъ. У насъ отобрано три автомобиля, въ томъ числѣ Вашего Превосходительства, который вооруженные солдаты заставили выѣхать со двора моей квартиры, держатъ съ Хижнякомъ, котораго заставили править машиной. Командованіе принялъ Бѣляевъ, но судя по тому, что происходитъ, едва ли онъ справится. Въ городѣ отсутствіе охраны и хулиганы начали грабить. Семафоры порваны, поѣзда не ходятъ. Морской Министръ боленъ инфлюэнцей, большая температура — 38, лежитъ, теперь ему лучше. Чувствуется полная анархія. Есть признаки, что у мятежниковъ плана нѣтъ, но замѣтна нѣкоторая организація, напримѣръ, кварталы отъ Литейнаго по Сергіевской и Таврической обставлены ихъ часовыми. Я живу въ Штабѣ, считаю, что выѣзжать въ Ставку до новаго Вашего распоряженія не могу».

Ивановъ прибылъ изъ Могилева въ Витебскъ съ маленькимъ опозданіемъ, часовъ въ 6—7 вечера, и проѣхалъ дальше. Въ этотъ день и на слѣдующій обмѣнивались телеграммами о формированіи и отправкѣ воинскихъ частей генералъ Ивановъ (28 февраля, спѣшно, секретно № 1 Главкозапу и № 2 Главкосѣву), Даниловъ (28 февраля № 1165-В и № 1166-В), Рузскій (28 февраля № 1168-В), Гулевичъ (1 марта, № 535), Тихменевъ (генералу Иванову, 1 марта, № 278), подполковникъ Кринскій (генералу Тихменеву, № 3), генералъ князь Трубецкой (генералу Иванову, 1 марта, № 154). 28 же февраля была разослана «по всей сѣти на имя всѣхъ начальствующихъ» извѣстная телеграмма члена Государственной Думы Бубликова, № 6932.

Императорскій поѣздъ слѣдовалъ безъ происшествій, встрѣчаемый урядниками и губернаторами. Непосредственныя извѣстія изъ Петербурга перестали

поступать; питались только вздорными слухами о томъ, что грабятъ Зимній Дворецъ, убитъ градоначальникъ Балкъ и его помощникъ Вендорфъ.

Въ 3 часа дня царь послалъ императрицѣ изъ Вязьмы слѣдующую телеграмму (по-англійски): «Выѣхали сегодня утромъ въ 5. Мыслями всегда вмѣстѣ. Великолѣпная погода. Надѣюсь, чувствуете себя хорошо и спокойно. Много войскъ послано съ фронта. Любящій нѣжно Ники».

Въ Лихославлѣ Воейковъ получилъ шифрованную телеграмму отъ Бѣляева. Здѣсь были свѣдѣнія, что въ Петербургѣ Временное Правительство съ Родзянко во главѣ. Читали и телеграмму Бубликова съ распоряженіемъ по всѣмъ дорогамъ. Въ 10 часовъ вечера Дубенскій писалъ Федорову: «Дорогой Сергій Петровичъ, дальше Тосны поѣзда не пойдутъ. По моему глубокому убѣжденію, надо Его Величеству изъ Бологого повернуть на Псковъ (320 верстъ) и тамъ, опираясь на фронтъ Г.-А. Рузскаго, начать дѣйствовать противъ Петрограда. Тамъ во Псковѣ скорѣй можно сдѣлать распоряженіе о составѣ отряда для отправки въ Петроградъ. Псковъ — старый губернскій городъ, населеніе его не взволновано. Оттуда скорѣй и лучше можно помочь Царской Семьѣ. Въ Тоснѣ Его Величество можетъ подвергнуться опасности. Пишу Вамъ все это, считая невозможнымъ скрыть, мнѣ кажется, эту мысль, которая въ эту страшную минуту можетъ помочь дѣлу спасенія Государя, Его семьи. Если мою мысль не одобрите, разорвите записку».

Въ Бологомъ въ свитскомъ поѣздѣ стало извѣстно, что въ Любани стоятъ войска, которыя могутъ не пропустить дальше. Однако, поѣздъ продолжалъ слѣдовать по линіи Николаевской желѣзной дороги по направленію къ Петербургу. Въ Малой Вишерѣ офицеръ 1-го желѣзнодорожнаго полка безъ оружія предупредилъ свиту, что въ Любани находятся двѣ роты съ орудіями и пулеметами. Было рѣшено ждать прибытія императорскаго поѣзда. Такъ какъ изъ ряда свѣдѣній опредѣлилось, что Временное Правительство направляетъ литерные поѣзда не на Царское Село, а на Петербургъ, гдѣ, какъ полагали, царю будутъ поставлены условія о дальнѣйшемъ управленіи, — общій голосъ былъ за то, чтобы ѣхать въ Псковъ: тамъ — генералъ Рузскій, человѣкъ умный и спокойный, если въ Петербургѣ возстаніе, — онъ послалъ войска, если переворотъ — онъ вошелъ въ сношеніе съ новымъ правительствомъ. Немногіе говорили, что надо вернуться въ Ставку.

Въ третьемъ часу ночи дождались поѣзда. Генералъ Саблинъ пошелъ туда. Всѣ, кромѣ Нарышкина, спали; Воейкова пришлось разбудить.

Воейковъ отправился къ царю, разбудилъ его и сообщилъ, что на Тосну ѣхать рискованно, такъ какъ она занята революціонными войсками.

Царь всталъ съ кровати, надѣлъ халатъ и сказалъ: «Ну тогда поѣдемте до ближайшаго юза».

Воейковъ вышелъ веселый, со словами: мы ѣдемъ въ Псковъ, «теперь вы довольны»? — Поѣзда повернули назадъ.

Дубенскій записываетъ въ дневникѣ: «Всѣ признаютъ, что этотъ ночной поворотъ въ Вишерѣ есть историческая ночь въ дни нашей революціи. Государь по прежнему спокоенъ и говоритъ мало о событіяхъ. Для меня совершенно ясно, что вопросъ о конституціи оконченъ, она будетъ введена навѣрное. Царь и не думаетъ спорить и протестовать. Всѣ его приближенные за это: графъ Фредериксъ, Ниловъ, графъ Граббе, Федоровъ, Долгорукій, Лейхтенбергскій, всѣ говорятъ, что надо только сторговаться съ ними, съ членами Временнаго Правительства».

Генералъ Ивановъ, проснувшись 1 марта часовъ въ 6—7 утра узналъ, что его поѣздъ находится на станціи Дно, т. е. вмѣсто 500 верстъ, прошелъ только 200. Комендантъ станціи доложилъ, что въ поѣздахъ, вышедшихъ наканунѣ изъ Петербурга, ѣдетъ масса солдатъ въ военной и статской формѣ, что они насильно отбираютъ у офицеровъ оружіе, и что выѣхавшій начальникъ жандармскаго управленія ничего сдѣлать не можетъ и проситъ содѣйствія. Полковникъ Лебедевъ, завѣдующій передвиженіемъ войскъ, телеграфировалъ Иванову: «Доношу, что получены мною свѣдѣнія о поѣздѣ 3, въ которомъ ѣдутъ пьяные солдаты, одѣтые въ статское и вооруженные шашками, ружьями, обезоруживающіе офицеровъ и жандармовъ. Прошу Вашихъ распоряженій».

Ивановъ приказалъ командиру батальона осматривать встрѣчные поѣзда, особенно въ виду того, что по полученному извѣстію, императорскій поѣздъ вышелъ изъ Бологого и къ вечеру ожидался въ Днѣ.

Ивановъ лично видѣлъ нѣсколько прибывшихъ изъ Петербурга поѣздовъ. Они были набиты солдатами, нѣкоторые были пьяны. Изъ разговоровъ женщинъ и стараго чиновника, который разсказывалъ о провокаторахъ, Ивановъ убѣдился, что «безобразія большія». Ему удалось арестовать человѣкъ 30—40, въ томъ числѣ переодѣтыхъ городовыхъ, бѣжавшихъ изъ Петербурга (всѣ они кромѣ 2-хъ были отпущены въ Царскомъ Селѣ, а двое — на обратномъ пути въ Могилевъ) и отобрать у солдатъ 75—100 штукъ шашекъ и прочаго офицерскаго оружія; генералъ Ивановъ, какъ установлено имъ самимъ и показаніями солдатъ Георгіевскаго батальона, примѣнялъ раза три-четыре особаго рода «отеческое воздѣйствіе» съ цѣлью добиться покорности: ставилъ на колѣни пьяныхъ или дерзившихъ ему нижнихъ чиновъ. При этомъ имъ руководили, очевидно гуманныя побужденія, т. е. онъ избѣгалъ преданія этихъ лицъ военно-полевому суду.

Поѣздъ Иванова прибылъ на Вырицу около 6 часовъ вечера.

Въ это время императорскій поѣздъ, безъ всякихъ задержекъ, двигался къ станціи Дно. По словамъ Воейкова, когда всѣ проснулись, «о событіяхъ старались не говорить, потому что это не особенно пріятно было. Общее настроеніе было — испугъ и надежда, что пріѣдемъ въ Псковъ и все выяснится». Во время завтрака и обѣда говорили обо всемъ, только не о дѣлахъ, потому что тутъ прислуга (а по французски царь говорилъ очень рѣдко) и потому что царь избѣгалъ вступать въ политическіе разговоры со свитой (вся атмосфера была — «манекенъ». По словамъ Дубенскаго, царь — человѣкъ мужественный и «поклонникъ» какого-то «рока», «спалъ, кушалъ и занималъ даже разговорами ближайшихъ лицъ свиты».

Около 6 часовъ вечера поѣздъ пришелъ въ Дно.

Съ утра 1 марта противъ дома военнаго министра въ Петербургѣ стали собираться толпы народа. Бѣляева искали еще наканунѣ въ его частной квартирѣ на Николаевской, а 1 марта стали громить эту квартиру.

Опасаясь разгрома служебнаго кабинета на Мойкѣ, Бѣляевъ, съ помощью своего секретаря Шильдера, его помощника Огурцова, швейцара и деньщика, сталъ жечь въ печахъ и каминѣ еще наканунѣ приготовленные для сожженія документы.

Въ числѣ сожженныхъ документовъ были: нѣкоторыя дѣла совѣта министровъ, дѣла особаго совѣщанія по объединенію мѣропріятій, по снабженію арміи и флота и по организаціи тыла (такъ называемое совѣщаніе пяти министровъ), много матеріаловъ, касающихся снабженія арміи и имѣющихъ секретный

характеръ, секретные шифры, маленькій секретный журналъ для записи секретныхъ бумагъ, возвращаемыхъ министромъ послѣ доклада, ленты и подлинныя телеграммы о положеніи въ Петербургѣ, отправленныя военнымъ министромъ начальнику штаба верховнаго главнокомандующаго по прямому проводу.

Въ числѣ бумагъ, повидимому, уничтоженныхъ и не возвращенныхъ изъ дома военнаго министра въ Главный Штабъ и въ главное управленіе генеральнаго штаба, были нѣкоторые секретные и несекретные документы, документы, часть которыхъ имѣла важное значеніе и не имѣла копій; возстановить ихъ возможно только по памяти или совсѣмъ невозможно.

Въ своихъ объясненіяхъ генералъ Бѣляевъ сослался на то, что онъ руководился опасеніемъ, чтобы тайныя бумаги не попали въ руки громившей толпы, среди которой могли быть злонамѣренныя лица. Остался только одинъ подлинный документъ, касающійся данныхъ союзной конференціи, который Бѣляевъ положилъ въ ящикъ стола.

Въ два часа дня Бѣляевъ, узнавъ, что громятъ его частную квартиру на Николаевской, по совѣту морского министра, сидѣвшаго у себя въ штабѣ, перешелъ въ генеральный штабъ, гдѣ его искали ночью, чтобы арестовать. Бѣляевъ позвонилъ въ Государственную Думу; подошедшій къ телефону Н. В. Некрасовъ посовѣтовалъ ему ѣхать въ Петропавловскую крѣпость, Бѣляевъ поѣхалъ въ Думу; предлагалъ дать подписку о невыѣздѣ и просилъ, чтобы ему «дали возможность превратиться въ частнаго обывателя поскорѣе». Ему предложили отправиться въ министерскій павильонъ, откуда вечеромъ перевезли въ крѣпость.

Генералъ Мрозовскій послалъ въ этотъ день царю въ Царское Село изъ Москвы слѣдующую телеграмму: «Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, большинство войскъ съ артиллеріей передалось революціонерамъ, во власти которыхъ поэтому находится весь городъ, градоначальникъ съ помощникомъ выбыли изъ градоначальства; получилъ отъ Родзянки предложеніе признать временную власть Комитета Государственной Думы, положеніе крайне тяжелое, при нынѣшнихъ условіяхъ не могу вліять на ходъ событій, опасаюсь утвержденія власти крайнихъ лѣвыхъ, образовавшихъ исполнительный комитетъ, промедленіе каждаго часа увеличиваетъ опасность, получаю отъ болѣе благомыслящей части населенія заявленія, что призваніе новаго министерства возстановитъ порядокъ и власть. Срочно испрашиваю повелѣнія Вашего Величества. Генералъ Мрозовскій».

Генералъ Ивановъ, узнавъ въ Вырицѣ, что министры арестованы, что въ Царскомъ 27-го былъ бунтъ, и что на станціи Александровской высаживается Тарутинскій полкъ, пришедшій съ фронта, рѣшилъ идти въ Царское, вызвалъ туда начальствующихъ и выѣхалъ самъ, приказавъ къ концу поѣзда прицѣпить второй паровозъ. Прибыли вечеромъ 1 марта.

Въ Царскомъ въ этотъ день послѣ полудня появились броневики и автомобили съ пулеметами, которые обыкновенно доѣзжали только до вокзала и уѣзжали обратно. Полковникъ Гротенъ доложилъ, что гвардейская рота ушла въ Петербургъ. Генералъ Осиповъ отдалъ приказъ о впускѣ и выпускѣ изъ Царскаго Села, такъ какъ гарнизонъ спаивалъ прибывающія части. Послѣ этихъ докладовъ прибыли выборные представители отъ города и войска. Генералъ Пожарскій вновь заявилъ, что его солдаты стрѣлять не будутъ, а георгіевцы объяснили въ отвѣтъ на предложеніе присоединиться, что ихъ батальонъ «нейтраленъ» и имѣетъ цѣлью охрану личности Николая II.

Ивановъ получилъ отъ Алексѣева слѣдующую шифрованную телеграмму. «Частныя свѣдѣнія говорятъ, что въ Петроградѣ наступило полное спокойствіе: войска, примкнувшія къ временному правительству, въ полномъ составѣ приводятся въ порядокъ. Временное правительство подъ предсѣдательствомъ Родзянки, засѣдая въ Государственной Думѣ, пригласило командировъ воинскихъ частей для полученія приказаній по поддержанію порядка. Воззваніе къ населенію, выпущенное временнымъ правительствомъ, говоритъ о незыблемости монархическаго начала Россіи, о необходимости новыхъ основаній для выбора и назначенія правительства. Ждутъ съ нетерпѣніемъ пріѣзда Его Величества, чтобы представить Ему все изложенное и просьбу принять это пожеланіе народа. Если эти свѣдѣнія вѣрны, то измѣняются способы Вашихъ дѣйствій, переговоры приведутъ къ умиротворенію, дабы избѣжать ненужной междуусобицы, столь желательной нашему врагу, дабы сохранить учрежденія, заводы, пустить въ ходъ работы. Воззваніе новаго министра путей сообщенія, опубликованное желѣзнодорожникамъ, мною полученное кружнымъ путемъ, зоветъ къ усиленной работѣ всѣхъ, дабы наладить разстроенный транспортъ. Доложите Его Величеству это убѣжденіе, что дѣло можно привести мирно — хорошему концу, который укрѣпитъ миссію».

Получивъ эту телеграмму (единственную изъ девяти посланныхъ), Ивановъ прочелъ ее не сразу, такъ какъ его вызвала къ себѣ (около 2-хъ часовъ ночи) императрица, которая съ полудня 28 февраля охранялась уже революціонными войсками. Къ тому времени Ивановъ уже зналъ (съ Вырицы), что царскій поѣздъ вышелъ изъ Дна на Псковъ.

Императрица сообщила, что, не получая отвѣта на свою телеграмму, она хотѣла послать аэропланъ, но погода не позволила. На просьбу ея переслать письмо, Ивановъ доложилъ, что у него нѣтъ человѣка. Императрица много говорила о дѣятельности своей и своихъ дочерей на пользу больныхъ и раненыхъ и недоумѣвала по поводу неудовольствій. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ она упоминала отвѣтственное министерство, а Ивановъ указывалъ, что думское большинство удовлетворялось Треповымъ, и вопросъ былъ только о министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ эту минуту, по разсказамъ Иванова, кто то кашлянулъ въ сосѣдней комнатѣ, императрица вышла, и за дверью начался неслышный и непонятный Иванову англійскій разговоръ.

Когда Ивановъ уѣзжалъ, въ Царскомъ Селѣ было тихо. Пришла телеграмма: «Псковъ, часъ пять минутъ ночи. Надѣюсь, благополучно доѣхали. Прошу до моего пріѣзда никакихъ рѣшеній не принимать. Николай». Ивановъ отвѣтилъ, что 2 марта получилъ телеграмму и ждетъ дальнѣйшихъ указаній и телеграфировалъ о томъ же Алексѣеву.

Въ эту ночь въ Царское Село пріѣхалъ командированный начальникомъ генеральнаго штаба (генераломъ Занкевичемъ) полковникъ Доманевскій — для исполненія должности начальника штаба Иванова. Онъ сдѣлалъ докладъ Иванову о томъ, «что въ распоряженіи законныхъ военныхъ властей не осталось ни одной части», и «съ этой минуты (т. е. съ 12 часовъ дня 28 февраля) прекратилась борьба съ возставшей частью населенія». Офицеры и нижніе чины явились въ Государственную Думу, полиція частью снята, частью попряталась, часть министровъ арестована, министерства могутъ продолжать работу только «какъ бы признавъ» Временное Правительство. При такихъ условіяхъ вооруженная борьба трудна и выходъ представляется не въ ней, а въ соглашеніи съ Временнымъ Правительствомъ путемъ «узаконенія наиболѣе умѣренной его части». Среди

возставшихъ обнаруживались «два совершенно опредѣленныхъ теченія»: «одни примкнули къ Думскимъ выборнымъ» и, оставаясь вѣрными монархическому принципу, желали лишь нѣкоторыхъ реформъ и скорѣйшей ликвидаціи безпорядковъ, «другіе поддерживали совѣтъ рабочихъ», «искали крайнихъ результатовъ и конца войны». До 1 марта Временное Правительство было хозяиномъ положенія въ столицѣ, но съ каждымъ днемъ положеніе его становилось труднѣе и власть могла перейти къ крайнимъ лѣвымъ. Поэтому, въ настоящее время «вооруженная борьба только осложнитъ положеніе».

Прибѣжавшій начальникъ станціи сообщилъ, что на вокзалъ двигаются тяжелый дивизіонъ и батальонъ перваго гвардейскаго запаснаго стрѣлковаго полка (въ эту ночь А. И. Гучковъ въ качествѣ предсѣдателя военной комиссіи ѣздилъ на Варшавскій и Балтійскій вокзалы, чтобы навести порядокъ на случай прибытія карательной экспедиціи, причемъ его автомобилъ былъ обстрѣлянъ, и спутникъ его, князь Вяземскій, былъ убитъ). Ивановъ, зная, что Хабаловъ арестованъ и въ городѣ «хозяйничаютъ» Родзянко и Гучковъ, считая, что охрана дворца не входитъ въ его задачу, и понимая, что, «если пойдетъ толпа, тысячи уложишь», рѣшилъ уходить. Такимъ образомъ, послѣ какихъ-то затрудненій съ переводной стрѣлкой и сломаннымъ крюкомъ въ хвостовыхъ вагонахъ, оказавшихся передовыми, весь поѣздъ съ георгіевскимъ батальономъ былъ уведенъ въ ночь съ 1 на 2 марта обратно, на Вырицу.

Черезъ 15 минутъ послѣ ухода ихъ на вокзалѣ въ Царскомъ уже появились народныя войска съ пулеметами; «говорили, если они перейдутъ на нашу сторону, побратаемся».

Когда императорскій поѣздъ пришелъ въ Дно, Алексѣевъ самъ передалъ Родзянко телеграмму о согласіи царя принять его. Послѣдовалъ отвѣтъ, что Родзянко ѣдетъ на станцію Дно. Воейкову по телеграфу сообщили, что поѣздъ готовъ, но изъ Думы сообщили по телефону, что Родзянко еще не выѣзжалъ (въ тотъ день Гучковъ настаивалъ въ Исполнительномъ Комитетѣ, чтобы миссію — склонить царя къ отреченію — взялъ на себя Родзянко, но эта миссія была возложена на него и на В. В. Шульгина). Царь рѣшилъ не ждать въ Днѣ, и Воейковъ послалъ Родзянкѣ телеграмму, что его будутъ ждать въ Псковѣ.

Дубенскій записывалъ:

«Уже 1 марта ѣдетъ къ Государю Родзянко въ Псковъ для переговоровъ. Кажется, онъ выѣхалъ экстреннымъ поѣздомъ изъ Петрограда въ 3 часа дня; сегодня Царское окружено, но вчера императрица телеграфировала по-англійски, что въ Царскомъ все спокойно. Старый Псковъ опять занесетъ на страницы своей исторіи великіе дни, когда пребывалъ здѣсь послѣдній самодержецъ Россіи, Николай II, и лишился своей власти, какъ самодержецъ».

Съ прибытіемъ царскаго поѣзда въ Псковъ, въ девятомъ часу вечера, начались, по словамъ Дубенскаго, «все болѣе грустныя и великія событія».

По прибытіи, въ вагонъ государя вошли генералъ Рузскій и начальникъ его штаба генералъ Даниловъ. По мнѣнію Рузскаго, надо было идти на всѣ уступки, сдаваться на милость побѣдителя и давать полную конституцію, иначе анархія будетъ расти, и Россія погибнетъ.

Воейковъ получилъ телеграмму отъ Бубликова о томъ, что Родзянко не пріѣдетъ. Царь рѣшилъ послать телеграмму Родзянкѣ, смыслъ ея былъ такой: «Ради спасенія родины и счастья народа, предлагаю Вамъ составить новое министерство во главѣ съ вами, но министръ иностранныхъ дѣлъ, военный и морской

будутъ назначаться мной». Царь сказалъ Воейкову: «Пошлите ее по юзу и покажите Рузскому».

Рузскій, по словамъ Воейкова, вырвалъ телеграмму у него изъ рукъ и сказалъ, что здѣсь онъ самъ посылаетъ телеграммы. На докладъ Воейкова объ этомъ, царь сказалъ: «Ну, пускай онъ самъ пошлетъ». — Весь вечеръ шелъ вызовъ Петербурга, и Рузскій, иногда возвращаясь къ царю, говорилъ по прямому проводу (юзъ былъ въ городѣ) всю ночь, до 6 часовъ утра. Такимъ образомъ, всѣ дальнѣйшіе переговоры происходили черезъ Рузскаго, которому было поручено говорить объ условіяхъ конституціи.

Между тѣмъ, придворные безпокоились о своихъ домашнихъ. Дубенскій отрядилъ въ Петербургъ своего человѣка, котораго переодѣли въ статское («хулиганомъ»). Фредериксъ, Дрентельнъ и Воейковъ дали ему письма, и онъ вернулся съ отвѣтами.

Въ четвергъ 2-го марта, утромъ, отвѣты Родзянко Рузскому оказались, по словамъ Дубенскаго, «неутѣшительными». На вопросъ Воейкова о результатѣ телеграммы къ Родзянко Рузскій отвѣтилъ: «Того, что ему послано, теперь недостаточно, придется идти дальше». «Родзянко, пишетъ Дубенскій, сказалъ, что онъ не можетъ быть увѣреннымъ ни за одинъ часъ; ѣхать для переговоровъ не можетъ, о чемъ онъ телеграфируетъ, намекая на измѣнившіяся обстоятельства. Обстоятельство это только что предположено, а, можетъ быть, и осуществлено — избрать регентомъ Михаила Александровича, то-есть совершенно упразднить Императора Николая II. Рузскій находитъ, что войска посылать въ Петроградъ нельзя, такъ какъ только ухудшатъ положеніе, ибо перейдутъ къ мятежникамъ. Трудно представить весь ужасъ слуховъ... Въ Петроградѣ анархія, господство черни, жидовъ, оскорбленіе офицеровъ, аресты министровъ и другихъ видныхъ дѣятелей правительства. Разграблены ружейные магазины»...

Въ это утро генералъ Ивановъ, сидѣвшій въ Вырицѣ, собрался переговорить съ командирами запасныхъ батальоновъ и повидать Тарутинскій полкъ (всѣ остальные были задержаны въ пути), чтобы узнать части, съ которыми придется имѣть дѣло. Свѣдѣнія объ этихъ частяхъ также были неблагопріятны.

Собираясь проѣхать нѣсколько станцій на автомобилѣ, Ивановъ получилъ записку отъ Гучкова, который около 1 часа дня выѣхалъ съ Шульгинымъ въ Псковъ и телеграфировалъ Рузскому, что «ѣдетъ по важному дѣлу», и Иванову, котораго хотѣлъ отговорить въ пути, зная только, что какіе то эшелоны идутъ на Петербургъ. Гучковъ писалъ:

«Ѣду въ Псковъ. Примите всѣ мѣры повидать меня либо въ Псковѣ, либо на обратномъ пути изъ Пскова въ Петроградъ. Распоряженіе дано о пропускѣ Васъ этомъ направленіи».

Ивановъ телеграфировалъ Гучкову въ Псковъ: «Радъ буду повидать Васъ. мы на станціи Вырица. Если то для Васъ возможно, телеграфируйте о времени проѣзда».

Гучковъ отвѣтилъ: «На обратномъ пути изъ Пскова постараюсь быть Вырицѣ, желательнѣе встрѣтить Васъ Гатчинѣ Варшавской».

Тогда Ивановъ рѣшилъ проѣхать по соединительной вѣткѣ черезъ станцію Владимірскую (между Гатчиной и Царскимъ) на Варшавскую дорогу, надѣясь посмотрѣть на станціи Александровской Тарутинскій полкъ и повидаться съ Гучковымъ, послѣ его возвращенія изъ Пскова. На станціи Сусанино поѣздъ Иванова со всѣмъ батальономъ поставили въ тупикъ. Первая телеграмма отъ

Бубликова гласила: «Мнѣ стало извѣстно, что Вы арестовываете и терроризируете служащихъ желѣзныхъ дорогъ, находящихся въ моемъ вѣдѣніи. По порученію Временнаго Комитета Государственной Думы предупреждаю Васъ, что вы навлекаете на себя этимъ тяжелую отвѣтственность. Совѣтую вамъ не двигаться изъ Вырицы, ибо по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ народными войсками вашъ полкъ будетъ обстрѣлянъ артиллерійскимъ огнемъ». Вторая: «Ваше настойчивое желаніе ѣхать дальше ставитъ непреодолимое препятствіе для выполненія желанія Его Величества немедленно слѣдовать Царское Село. Убѣдительнѣйше прошу остаться Сусанино или вернуться Вырицу».

Ивановъ вернулся на Вырицу и послалъ Алексѣеву шифрованную телеграмму (копія Тихменеву): «До сихъ поръ не имѣю никакихъ свѣдѣній о движеніи частей, назначенныхъ мое распоряженіе. Имѣю негласныя свѣдѣнія о пріостановкѣ движенія моего поѣзда. Прошу принятія экстренныхъ мѣръ для возстановленія порядка среди желѣзнодорожной администраціи, которая несомнѣнно получаетъ директивы временнаго правительства».

Для посылки телеграммы Ивановъ далъ одинъ изъ своихъ паровозовъ подполковнику генеральнаго штаба Тилли; онъ долженъ былъ передать ее по прямому проводу изъ Царскаго Села въ Ставку. Тилли доложилъ по телефону, что онъ задержанъ въ Царскомъ Селѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ивановъ получилъ отъ Тихменева слѣдующую телеграмму: «Докладываю для свѣдѣнія депешу Наштасѣва командирамъ 5, Наштаверху, Начвосѣву: «Въ виду невозможности продвигать эшелоны далѣе Луги, нежелательности скопленія ихъ на линіи, особенно Псковѣ и разрѣшенія Государя Императора вступить Главкосѣву сношенія Предсѣдателемъ Государственной Думы, послѣдовало Высочайшее соизволеніе вернуть войска, направляющіяся станцію Александровскую, обратно Двинскій раіонъ, гдѣ расположить ихъ распоряженіемъ командарма 5. 1216-В, 1 часъ, 2 марта, Даниловъ.

Тѣмъ временемъ придворные въ Псковѣ суетились, «толкаясь изъ вагона въ вагонъ». Событія развивались для нихъ «все страшнѣе и неожиданнѣе».

Рузскій послѣ завтрака второй разъ пришелъ къ царю и доложилъ ему семь телеграммъ: отъ великаго князя Николая Николаевича, который колѣнопреклоненно молилъ царя отречься отъ престола и передать его наслѣднику при регентствѣ великаго князя Михаила Александровича, отъ Алексѣева, Сахарова, Брусилова, Эверта, Непенина — и заявленіе Рузскаго — о томъ же; въ телеграммѣ Алексѣева (изъ Могилева) была изложена форма отреченія, которую онъ считалъ для царя желательной.

Послѣ разговора съ Рузскимъ царь рѣшилъ послать отвѣтъ телеграммой съ согласіемъ отречься отъ престола; по словамъ Дубенскаго, это рѣшеніе было принято, «дабы не дѣлать отказа отъ престола подъ давленіемъ Гучкова и Шульгина», пріѣзда которыхъ ждали, и которыхъ царь собирался принять. Слѣдующій эпизодъ, записанный въ дневникѣ Дубенскаго, Воейковъ опровергаетъ категорически:

«Когда Воейковъ узналъ это отъ Фредерикса, пославшаго эту телеграмму, онъ попросилъ у государя разрѣшенія вернуть телеграмму. Государь согласился. Воейковъ быстро вошелъ въ вагонъ свиты и заявилъ Нарышкину, чтобы онъ побѣжалъ скорѣе на телеграфъ и пріостановилъ телеграмму. Нарышкинъ пошелъ на телеграфъ, но телеграмма ушла, и начальникъ телеграфа сказалъ, что онъ попытается ее остановить. Когда Нарышкинъ вернулся и сообщилъ это, то всѣ стоящіе здѣсь почти въ одинъ голосъ сказали: «Все кончено». Затѣмъ

выражали сожалѣніе, что государь поспѣшилъ, всѣ были разстроены, поскольку могутъ быть разстроены эти пустые, эгоистичные въ большинствѣ люди».

Царь долго гулялъ между поѣздами, спокойный на видъ. Черезъ полчаса послѣ отреченія, Дубенскій стоялъ у окна и плакалъ. Мимо вагона прошелъ царь съ Лейхтенбергскимъ, весело посмотрѣлъ на Дубенскаго, кивнулъ и отдалъ честь. «Тутъ, говоритъ Дубенскій, возможна выдержка или холодное равнодушіе ко всему». Послѣ отреченія «у него одеревенѣло лицо, онъ всѣмъ кланялся, онъ протянулъ мнѣ руку, и я эту руку поцѣловалъ. Я все таки удивился, — Господи, откуда у него берутся такія силы, онъ вѣдь могъ къ намъ не выходить». Однако, «когда онъ говорилъ съ Фредериксомъ объ Алексѣѣ Николаевичѣ одинъ на одинъ, я знаю, онъ все таки заплакалъ. Когда съ С. П. Федоровымъ говорилъ, вѣдь онъ наивно думалъ, что можетъ отказаться отъ престола и остаться простымъ обывателемъ въ Россіи: «Неужели вы думаете, что я буду интриговать. Я буду жить около Алексѣя и его воспитывать».

Послѣ отреченія царь сказалъ только: «Мнѣ стыдно будетъ увидѣть иностранныхъ агентовъ въ Ставкѣ, и имъ неловко будетъ видѣть меня». «Слабый, безвольный, но хорошій и чистый человѣкъ, замѣчаетъ Дубенскій, онъ погибъ изъ за императрицы, ея безумнаго увлеченія Григоріемъ, Россія не могла простить этого».

Придворные долго разговаривали, и Воейковъ, по настоянію Дубенскаго, пошелъ убѣждать царя, что онъ не имѣетъ права отказываться отъ престола такимъ «кустарнымъ образомъ» только по желанію Временнаго правительства и командующихъ фронтами. Онъ, замѣчаетъ Дубенскій, отрекся отъ престола, «какъ сдалъ эскадронъ». Въ 9 часовъ вечера въ Псковъ пріѣхали Гучковъ и Шульгинъ, уполномоченные Временнымъ Комитетомъ Государственной Думы, въ которомъ еще колебались между добровольнымъ сохраненіемъ монархіи съ другимъ лицомъ на новыхъ началахъ и сверженіемъ царя и избраніемъ новыхъ политическихъ формъ. Предполагалось рекомендовать царю назначить только предсѣдателя Совѣта Министровъ и отречься въ пользу сына съ регентствомъ Михаила Александровича.

Въ эту ночь, по возвращеніи съ объѣзда вокзаловъ, Гучковъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ Временнаго Комитета Государственной Думы и Исполнительнаго Комитета Совѣта Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ.

По пріѣздѣ въ Псковъ, Гучковъ хотѣлъ видѣть Рузскаго, чтобы ознакомиться съ настроеніями; но встрѣчавшій на вокзалѣ полковникъ сразу пригласилъ ихъ въ вагонъ царя, гдѣ Гучковъ и Шульгинъ встрѣтили Фредерикса и Нарышкина; потомъ пришелъ Рузскій.

Вошедшій черезъ нѣсколько минутъ царь сѣлъ за маленькій столикъ и сдѣлалъ жестъ, приглашающій сѣсть рядомъ. Остальные сѣли вдоль стѣнъ. Царь не обнаружилъ никакихъ признаковъ своего давняго неблаговоленія къ Гучкову, но также и никакой теплоты. Онъ говорилъ спокойнымъ, корректнымъ и дѣловымъ тономъ. Нарышкинъ вынулъ записную книжку и сталъ записывать.

Гучковъ сказалъ, что онъ пріѣхалъ отъ имени Временнаго Комитета Государственной Думы, чтобы дать нужные совѣты, какъ вывести страну изъ тяжелаго положенія; Петербургъ уже всецѣло въ рукахъ движенія, попытки фронта не приведутъ ни къ чему, и всякая воинская часть перейдетъ на сторону движенія, какъ только подышетъ Петербургскимъ воздухомъ.

Рузскій поддержалъ, сказавъ, что совершенно согласенъ съ А. И. и никакихъ запасныхъ частей послать въ Петроградъ не могъ бы.

«Поэтому, продолжалъ Гучковъ, всякая борьба для Васъ безполезна. Совѣтъ нашъ заключается въ томъ, что Вы должны отречься отъ престола».

Разсказавъ, какъ представители царскосельскихъ воинскихъ частей пришли въ Думу и всецѣло присоединились къ новой власти, Гучковъ продолжалъ: «Я знаю, Ваше Величество, что я Вамъ предлагаю рѣшеніе громадной важности и я жду, чтобы Вы приняли его тотчасъ. Если Вы хотите нѣсколько обдумать этотъ шагъ, я готовъ уйти изъ вагона и подождать, пока Вы примете рѣшеніе, но во всякомъ случаѣ, все это должно совершиться сегодня вечеромъ».

Царь, выслушавъ все очень спокойно, отвѣтилъ: «Я этотъ вопросъ уже обдумалъ и рѣшилъ отречься».

Гучковъ сказалъ, что царю, конечно, придется разстаться съ сыномъ, потому что «никто не рѣшится довѣрить судьбу и воспитаніе будущаго государя тѣмъ, кто довелъ страну до настоящаго положенія».

На это царь сказалъ, что онъ не можетъ разстаться съ сыномъ и передаетъ престолъ своему брату Михаилу Александровичу.

Гучковъ, предупредивъ, что онъ остается въ Псковѣ часъ или полтора, просилъ сейчасъ же составить актъ объ отреченіи, такъ какъ завтра онъ долженъ быть въ Петербургѣ съ актомъ въ рукахъ. Текстъ былъ наканунѣ набросанъ Шульгинымъ, нѣкоторыя поправки внесены Гучковымъ. Этотъ текстъ, не навязывая его дословно, въ качествѣ матеріала, передали царю: царь взялъ его и вышелъ.

Гучковъ, которому всѣ предшествовавшія событія не были извѣстны, поразился тѣмъ, что отреченіе далось такъ легко. Сцена произвела на него тяжелое впечатлѣніе своей обыденностью, и ему пришло въ голову, что онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ ненормальнымъ, съ пониженной сознательностью и чувствительностью. Царь, по впечатлѣнію Гучкова, былъ совершенно лишенъ трагическаго пониманія событія: при самомъ желѣзномъ самообладаніи можно было не выдержать, но голосъ у царя, какъ будто, дрогнулъ, только когда онъ говорилъ о разлукѣ съ сыномъ.

Въ вагонѣ ждали часъ или полтора. Рузскій, какъ и начальникъ его штаба генералъ Даниловъ, были, повидимому, сторонниками отреченія; съ Нарышкинымъ разговоровъ не было, больной Фредериксъ едва ли отдавалъ себѣ отчетъ въ происходящемъ и былъ взволнованъ извѣстіемъ, что его домъ сожженъ, безпокоясь о больной женѣ; къ собесѣдникамъ присоединился Воейковъ, который также безпокоился о семьѣ и о своей женѣ (дочери Фредерикса).

Царь вернулся и передалъ Гучкову переписанный на машинкѣ актъ съ подписью «Николай». Гучковъ прочелъ его присутствующимъ вслухъ. Шульгинъ внесъ двѣ-три незначительныхъ поправки, въ одномъ мѣстѣ царь сказалъ: «не лучше ли такъ выразить?» и вставилъ какое-то слово. Всѣ поправки были тотчасъ внесены и оговорены.

Гучковъ сказалъ, что въ виду могущихъ произойти въ дорогѣ случайностей слѣдуетъ составить второй актъ — не копію, а дубликатъ — и оставить его въ штабѣ Главнокомандующаго. Царь нашелъ это правильнымъ и сказалъ, что такъ и будетъ сдѣлано.

Царь сказалъ, что онъ назначаетъ верховнымъ главнокомандующимъ великаго князя Николая Николаевича; Гучковъ ничего не возражалъ, а можетъ быть и подтвердилъ. Была составлена телеграмма Николаю Николаевичу.

Гучковъ сказалъ, что Думскій Комитетъ ставитъ во главѣ правительства князя Львова. Царь сказалъ, что онъ знаетъ его и согласенъ, сѣлъ и написалъ

указъ Сенату о назначеніи князя Львова предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Царь согласился со словами Гучкова о томъ, что остальныхъ министровъ предсѣдатель приглашаетъ по своему усмотрѣнію.

Такимъ образомъ царь назначилъ верховнаго главнокомандующаго и предсѣдателя Совѣта Министровъ уже послѣ того, какъ скрѣпилъ актъ; но на слѣдующее утро, когда Гучковъ и Шульгинъ вернулись въ Петербургъ, на улицахъ уже были плакаты съ перечисленіемъ правительства.

Царь спросилъ о судьбѣ императрицы и дѣтей, отъ которыхъ два дня не имѣлъ извѣстій. Гучковъ отвѣтилъ, что все благополучно, больнымъ дѣтямъ оказывается помощь. Царь заговорилъ о своихъ планахъ, ѣхать ли ему въ Царское или въ Ставку; Гучковъ не зналъ, что посовѣтовать. Они простились.

Гучковъ и Шульгинъ пришли въ вагонъ Рузскаго, гдѣ ждали, когда будетъ готовъ актъ отреченія. Присутствовалъ главный начальникъ снабженія Савичъ, Данилова не было, онъ зашифровывалъ актъ.

Въ тотъ же вечеръ, Гучковъ и Шульгинъ выѣхали въ Петербургъ, а бывшій императоръ — въ Могилевъ; со станціи Сиротино онъ послалъ слѣдующую телеграмму: «Его Императорскому Величеству Михаилу. Петроградъ. Событія послѣднихъ дней вынудили меня рѣшиться безповоротно на этотъ крайній шагъ. Прости меня, если огорчилъ тебя и что не успѣлъ предупредить. Останусь навсегда вѣрнымъ и преданнымъ братомъ. Возвращаюсь въ Ставку и оттуда черезъ нѣсколько дней надѣюсь пріѣхать въ Царское Село. Горячо молю Бога помочь тебѣ и твоей родинѣ. Ника».

Въ пятницу, 3 марта, утромъ, генералъ Ивановъ получилъ телеграммы отъ Родзянко и Гучкова. Родзянко телеграфировалъ: «№ 185. Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ телеграммой отъ сего числа № 1892 увѣдомляетъ назначеніи главнокомандующими войсками петроградскаго округа генералъ-лейтенанта Корнилова. Проситъ передать вашему высокопревосходительству приказаніе о возвращеніи вашемъ въ Могилевъ».

Гучковъ телеграфировалъ: «Тороплюсь Петроградъ, очень сожалѣю, не могу заѣхать. Свиданіе окончилось благополучно».

Провѣривъ переданное Родзянкой распоряженіе Алексѣева по телеграфу, Ивановъ рѣшилъ вернуться въ Ставку. Долго не могли достать второго паровоза и ожидали, что по дорогѣ «устроятъ бенефисъ». Наконецъ, выѣхали и благополучно доѣхали до станціи Дно, гдѣ Ивановъ, въ полночь съ 3 на 4 марта, узналъ отъ коменданта станціи, что Шульгинъ объявилъ 3-го манифестъ, что царь отрекся въ пользу наслѣдника, и регентомъ будетъ великій князь Михаилъ Александровичъ.

4 марта Ивановъ подтвердилъ телеграммой коменданту станціи Дно свое приказаніе отправить вслѣдъ за нимъ въ Могилевъ задержанную въ Днѣ искровую станцію. 5-го въ 9 часовъ утра, по пріѣздѣ въ Псковъ, Ивановъ получилъ извѣстія отъ 3-го марта о дѣйствіяхъ Исполнительнаго Комитета Государственной Думы. Между Новосокольниками и Витебскомъ Ивановъ встрѣтился съ Корниловымъ. Въ Оршѣ, изъ приложенія къ Витебской газетѣ, Ивановъ узналъ объ отказѣ Михаила Александровича. Часа въ 3—4 дня 5-го марта Ивановъ пріѣхалъ въ Ставку, гдѣ получилъ печатный приказъ объ отреченіи царя и Михаила Александровича и узналъ, «что царь назначилъ князя Львова». Ивановъ, который во все время путешествія ни разу не сообщалъ батальону никакихъ свѣдѣній о положеніи, что возбуждало неудовольствіе среди солдатъ, «наставлялъ солдатъ служить вѣрно и честно новому Правительству, благодарилъ ихъ за

службу и, прощаясь, обнялъ и поцѣловалъ въ каждой ротѣ одного солдата за всю роту». —

Бывшій императоръ 4 марта видѣлся въ Могилевѣ со своею матерью. Въ этотъ день, послѣ разговора съ Алексѣевымъ, онъ удалилъ отъ себя Воейкова, а на слѣдующій день просилъ уѣхать и Фредерикса.

8 марта, бывшій императоръ выѣхалъ изъ Ставки и былъ заключенъ въ Царскосельскомъ Александровскомъ дворцѣ.

Моя служба при Временномъ Правительствѣ*

А. Демьянова

Какъ только въ Петербургѣ образовался Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, я былъ приглашенъ туда въ качествѣ его члена. Это приглашеніе было болѣе или менѣе случайнымъ. Рекомендовалъ и ввелъ меня въ Совѣтъ Ник. Дм. Соколовъ. Работа въ Совѣтѣ предстояла интересная. Но, конечно, до поры, до времени. Съ момента, когда въ составъ Совѣта вошло огромное количество представителей войскъ, всякое значеніе Совѣта потерялось. Значеніе пріобрѣла тогда исполнительная комиссія Совѣта, что совершенно естественно, такъ какъ немыслима никакая продуктивная работа въ учрежденіяхъ, насчитывающихъ въ себѣ свыше тысячи членовъ. Попалъ я въ Совѣтъ не какъ представитель партіи народныхъ соціалистовъ, а персонально. Когда Совѣтъ взялъ на себя устрой-

---

* Настоящія записки представляютъ собою пересказъ того, что мною было написано болѣе года тому назадъ, когда я жилъ въ г. Сухумѣ. Мои старыя замѣтки остались въ г. Сухумѣ, когда я по распоряженію Грузинскихъ властей былъ высланъ изъ предѣловъ Грузіи. Я переѣхалъ тогда въ г. Баку. То лицо, которое взялось привезти мои замѣтки въ Баку, по дорогѣ, какъ онъ утверждаетъ, ихъ потерялъ. Я же подозрѣваю, что онъ просто ихъ выкинулъ, боясь или натолкнувшись на обыскъ со стороны Грузинъ. Такъ или иначе, но старыхъ записокъ моихъ нѣтъ. Я рѣшилъ ихъ возобновить, считая, что онѣ могутъ представлять нѣкоторый историческій интересъ.

Пишу эти записки въ качествѣ невольнаго бѣженца безъ всякихъ документальныхъ данныхъ въ рукахъ, не встрѣчая людей, которые могли бы возобновить въ моей памяти недостающія мнѣ свѣдѣнія. Воспоминанія затрагиваютъ лишь событія, коихъ я былъ свидѣтелемъ и которыя связаны съ моей служебной дѣятельностью. Это надобно имѣть въ виду и не ожидать отъ записокъ болѣе того, что онѣ могутъ дать. Никакихъ объясненій общихъ причинъ, создавшихъ революцію, торжество большевиковъ, или исторіи самой революціи, кромѣ общихъ мимолетныхъ и неизбѣжныхъ по сему поводу замѣчаній, въ моихъ запискахъ читатель не найдетъ.

Сумѣю ли я быть объективно правдивымъ при изложеніи своихъ воспоминаній? Я считаю себя на это способнымъ. Ради правды, какъ я себѣ ее представляю, я не буду покрывать промаховъ лицъ, какъ бы близко они ко мнѣ ни стояли. Это иногда — очень тяжело. Но я передъ этимъ и раньше не останавливался и теперь не остановлюсь. Пустъ простятъ меня тѣ, отзывы мои о которыхъ будутъ имъ не по душѣ; пусть они знаютъ, что ничего личнаго я въ свои писанія не вносилъ.

Батумъ. Ноябрь-Декабрь 1920 г.

ство комиссаріатовъ отдѣльныхъ частей Петербурга, иначе говоря, учрежденій, замѣнявшихъ собою старыя полицейскія части, — я былъ назначенъ комиссаромъ Литейной части, и это назначеніе принялъ.

Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, собиравшихся въ зданіи Государственной Думы, сконцентрировался ранѣе образованія того государственнаго учрежденія, которое должно было представлять собою всю Россію и носить функціи государственной власти. Объ образованіи такого учрежденія шли въ то время только переговоры въ думскомъ комитетѣ. Мысли, которыя по этому поводу высказывались нѣкоторыми лицами, стоявшими во главѣ движенія, были настолько своеобразны, что показывали, какъ мало они въ то время понимали дѣйствительность. Лидеръ кадетъ П. Н. Милюковъ весьма въ этомъ отношеніи грѣшилъ.

Сверженіе императорской власти было движеніемъ стихійнымъ. Ни одна политическая партія, ни одно лицо не можетъ сказать, что старое правительство было свергнуто ими. Очевиднымъ для всѣхъ было одно: старая власть не можетъ долѣе существовать. Никто этой старой власти не хотѣлъ защищать, а думали только о томъ, какъ бы и кѣмъ ее замѣнить. Вотъ почему не удивительно, что такіе монархисты, какъ депутаты Шульгинъ и Гучковъ, взяли на себя починъ (удивительно только то, что они взяли на себя эту роль, никѣмъ на то не уполномоченные) поѣхать къ царю и потребовать отъ него отреченія отъ престола. То же стихійное движеніе заставило единственное въ Россіи представительное учрежденіе — Государственную Думу, по духу совершенно консервативную, въ лицѣ особаго думскаго комитета, взять на себя дѣло учрежденія въ Россіи Временной Всероссійской Государственной власти. Но и это не сразу сдѣлалось. Помню, въ самомъ началѣ революціоннаго движенія, въ залѣ Государственной Думы ходили группами отдѣльные депутаты и представители различныхъ политическихъ партій. Группа кадетъ, среди которыхъ былъ и П. Н. Милюковъ, весьма азартно доказывала, что никакой всероссійской власти нельзя устроить при условіи существованія Петербургскаго Совѣта рабочихъ депутатовъ; двухъ властей не можетъ и не должно существовать, такъ убѣждали кадеты. Я присоединился къ бесѣдующимъ, и одинъ изъ молодыхъ кадетовъ (фамиліи его я не знаю) сталъ чуть ли не съ пѣной у рта доказывать мнѣ, что мнѣніе Павла Николаевича совершенно правильно. Однако онъ весьма быстро охладился, когда я его спросилъ, имѣетъ ли — по его мнѣнію — Петербургскій Совѣтъ рабочихъ депутатовъ претензію управлять всей Россіей и не ограничиваетъ ли онъ свои функціи охраной интересовъ только рабочихъ, да и то только одного города Петербурга. Я самъ слышалъ, какъ этотъ депутатъ сталъ вслѣдъ засимъ защищать мысль о необходимости немедленной организаціи всероссійской власти, учрежденія, существованію котораго никакіе Совѣты рабочихъ депутатовъ помѣшать не могутъ.

Въ первые же дни засѣданій Совѣта рабочихъ депутатовъ былъ поднятъ вопросъ объ охранѣ Государственнаго банка и другихъ государственныхъ учрежденій. Однако, какъ только стало извѣстно, что думскій комитетъ избралъ для этой охраны своихъ комиссаровъ, Совѣтъ отъ этой роли немедленно отказался — и безъ всякихъ преній. Было ясно и членамъ Совѣта, что это дѣло общегосударственной власти, на каковую роль въ это время Совѣтъ рабочихъ депутатовъ абсолютно не претендовалъ. Совѣтъ въ первое время своего существованія всегда поддерживалъ Временное Правительство своимъ авторитетомъ въ извѣстной средѣ. Оговариваюсь, однако, что въ рядѣ отдѣльныхъ случаевъ

эту свою роль Совѣтъ не всегда выдерживалъ. Но эту роль не выдерживали и всякія другія политическія организаціи. Происходило много недоразумѣній въ этомъ отношеніи. Власть тогда многихъ увлекала, и границы, гдѣ эта власть не могла и не должна была проявляться, не только не соблюдались, но весьма часто и не понимались.

Думскій комитетъ приступилъ къ избранію состава Временнаго Правительства. Я былъ тогда въ Государственной Думѣ вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ гражданскимъ инженеромъ П. М. Макаровымъ, будущимъ помощникомъ комиссара Ф. А. Головина по управленію дворцовымъ вѣдомствомъ. А. Ф. Керенскій подошелъ къ намъ и обратился къ намъ съ просьбой высказать свое мнѣніе по поводу того, принять ему предложеніе комитета, войти въ составъ Временнаго Правительства въ качествѣ Министра Юстиціи или отказаться. Смущало его слѣдующее обстоятельство: предсѣдатель Совѣта рабочихъ депутатовъ с.-д. Чхеидзе категорически отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія войти въ составъ Временнаго Правительства, причемъ, повидимому, отказъ этотъ, насколько я вспоминаю объясненія А. Ф. Керенскаго, носилъ характеръ желанія отмежеваться отъ Временнаго Правительства какъ учрежденія, къ которому нельзя относиться положительно и которое онъ считалъ не отвѣчающимъ интересамъ рабочихъ массъ. А. Ф. былъ товарищемъ предсѣдателя Совѣта рабочихъ депутатовъ отъ партіи с.-р. Отказъ Чхеидзе ставилъ Керенскаго, въ случаѣ принятія имъ портфеля, въ изолированное положеніе въ Совѣтѣ и могъ повліять на отношеніе къ нему рабочихъ массъ.

Обращеніе А. Ф. къ намъ носило характеръ, какъ мнѣ думается, только повѣрки его собственнаго убѣжденія въ томъ, что онъ долженъ принять сдѣланное ему предложеніе портфеля Министра Юстиціи въ организующейся власти. Для меня и Макарова никакого вопроса въ томъ, идти Керенскому въ составъ Временнаго Правительства или нѣтъ — не существовало. Естественный ходъ событій требовалъ, чтобы наиболѣе популярный членъ Государственной Думы вошелъ въ составъ образуемаго кабинета. Такъ мы ему и сказали.

Керенскій сталъ въ этомъ случаѣ выше партійныхъ интересовъ и вышелъ побѣдителемъ. Онъ объявилъ въ Совѣтѣ рабочихъ депутатовъ о своемъ рѣшеніи вступить во Временное Правительство, поставилъ вопросъ о довѣріи къ нему, призывалъ поддержать вновь организовавшуюся Государственную власть. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ вотировалъ ему свое довѣріе и черезъ него пріялъ Временное Правительство. Чхеидзе промахнулся.

Въ основѣ дѣятельности Чхеидзе никогда не лежала любовь къ Россіи.

Съ паденіемъ монархической власти и при необходимости создать новую власть, консервативные элементы, враждебные идеѣ народовластія, сами отошли въ сторону; они даже не пытались претендовать на какую либо роль въ новомъ правительствѣ. Если было возможно избраніе въ кабинетъ А. И. Гучкова, то это объясняется тѣмъ, что Гучковъ въ Государственной Думѣ все же боролся съ той правительственной неурядицей и тѣми злоупотребленіями въ военной сферѣ, которыя привели Россію къ пораженію. На такихъ же основаніяхъ попалъ въ правительство и Львовъ въ качествѣ оберъ-прокурора Правительствующаго Синода. Въ Думѣ онъ боролся съ духовной рутиной и злоупотребленіями по управленію церковью. Но все же истинно консервативное, все, что только такъ или иначе могло носить характеръ вліянія на прежнюю русскую политику, должно было свестись на нѣтъ. Во главѣ правительства должны были встать

и стали либералы, избранные по необходимости и по неволѣ консервативной Думой. Избравъ правительство, думскій комитетъ сдѣлалъ свое дѣло и умеръ естественной смертью. Какъ ни старались затѣмъ его оживить Родзянко и стоявшіе не у дѣлъ члены комитета, ничего не выходило — комитетъ умеръ своею смертью.

Когда составъ правительства былъ намѣченъ, и П. Н. Милюковъ въ густой толпѣ собравшихся въ Государственной Думѣ партійныхъ работниковъ прочелъ списокъ избранныхъ, то списокъ этотъ былъ встрѣченъ общими симпатіями. Тогда же стало яснымъ, что наиболѣе популярными лицами въ новомъ правительствѣ были Львовъ, предсѣдатель Совѣта Министровъ, и А. Ф. Керенскій. Имя Керенскаго было встрѣчено съ энтузіазмомъ. Оно ярче отражало побѣду народную.

Въ засѣданіи Совѣта рабочихъ депутатовъ Керенскій, хотя и былъ избранъ товарищемъ предсѣдателя, появлялся мало; онъ былъ занятъ въ комиссіи по оборонѣ (какъ было ея оффиціальное названіе — я не помню). Черезъ эту комиссію проходили всѣ распоряженія и принимались всѣ мѣры къ огражденію революціоннаго Петербурга отъ вторженія въ него и нападенія войскъ, преданныхъ старому правительству. Работы, крайне нервной, въ этой комиссіи было сверхъ силъ. Во главѣ революціонныхъ войскъ стоялъ тогда членъ Государственной Думы полковникъ Энгельгардтъ. Никогда никто не зналъ, съ какими намѣреніями подходили къ Петербургу вновь прибывавшія войска. Но таково было настроеніе всей русской арміи, что съ прибытіемъ новыхъ полковъ приходилось только кричать «ура». Керенскій дошелъ въ своей работѣ до предѣловъ крайняго утомленія и расшатанности нервовъ, до состоянія близкаго къ истеріи. Когда онъ былъ назначенъ Министромъ Юстиціи, то въ первые дни пребыванія своего въ Министерствѣ, ему приходилось ходить, опираясь на палку; до того онъ чувствовалъ себя ослабѣвшимъ.

Помню слѣдующій эпизодъ изъ первыхъ дней революціи. Я находился въ залѣ Таврическаго Дворца, когда туда привели арестованнаго Министра Юстиціи Щегловитова. Бѣдягу привели въ томъ видѣ, въ какомъ застали при арестѣ, то-есть въ сюртукѣ, безъ пальто и шубы. И провезли такъ по улицамъ въ изрядный морозъ. Щегловитовъ отъ холода, а можетъ быть и отъ волненія, былъ красенъ. Сконфуженный и похожій на затравленнаго звѣря, огромный, онъ сѣлъ на предложенный ему стулъ. Кто-то далъ ему папиросу, которую онъ закурилъ. Толпа съ любопытствомъ на него глазѣла. Зрѣлище несомнѣнно было очень любопытное. Вдругъ раздались голоса: «Родзянко, Родзянко идетъ». Предсѣдатель Государственной Думы дѣйствительно прибылъ и привѣтливо обратился къ Щегловитову, назвавъ его «Иванъ Григорьевичъ». Однако, руки ему не подалъ. Онъ обнялъ его за талію и сказалъ: «Пройдемте ко мнѣ въ кабинетъ». Но арестовавшіе Щегловитова солдаты, а можетъ быть и матросы, и частныя лица запротестовали. Они де не имѣютъ права его отпускать безъ приказа Керенскаго. Въ это время раздались крики: «Керенскій, Керенскій идетъ». Удивительный контрастъ представляли собой встрѣтившіеся Щегловитовъ и Керенскій. Первый — высокій, плотный, сѣдой и красный, а второй — видомъ совершенно юноша, тоненькій, безусый и блѣдный. Керенскій подошелъ и сказалъ Щегловитову, что онъ арестованъ революціонной властью. Впервые было тогда сказано это слово, сказано, что существуетъ революціонная власть и что приходится съ этой властью считаться и даже ей подчиниться. Это было

въ первые дни революціи. Кажется, 27 февраля. Щегловитова увели въ павильонъ Таврическаго Дворца, куда въ скоромъ времени стали помѣщать и другихъ арестованныхъ.

А. Ф. Керенскій въ составѣ кабинета съ самаго начала сталъ играть первенствующую роль. Это сказалось и въ томъ, что въ то время, когда искали людей для назначенія на различныя отвѣтственныя должности, кандидаты, указанные Керенскимъ, почти всѣ проходили. Чаще же происходило такъ, что кандидатовъ искали и не могли сразу найти, въ то время, какъ у Керенскаго былъ уже готовый на умѣ. Популярнымъ Керенскій оказался и среди иностранныхъ представителей, которые по различнымъ вопросамъ считали нужнымъ заходить къ нему, хотя дѣло относилось къ вѣдѣнію другихъ министровъ. О частной публикѣ и говорить нечего. Все потянулось къ Министру Юстиціи.

Кого же приглашалъ и кого указывалъ А. Ф. Керенскій и на какія должности и посты? Не только имена болѣе или менѣе популярныя, но еще при условіи, чтобы эти популярныя имена были указны различными общественными и политическими организаціями, — такова была его политика. Такимъ пріемомъ онъ стремился заручить довѣріе массъ къ Временному Правительству. Въ извѣстной степени и на первыхъ порахъ, мнѣ думается, этотъ пріемъ достигалъ своей цѣли. Тѣмъ не менѣе, онъ принесъ въ будущемъ весьма замѣтные отрицательные результаты. Ибо часто выходило такъ, что популярность не связывалась съ интересами дѣла. Популярный книжный человѣкъ не являлся человѣкомъ дѣла.

Немедленно по своемъ назначеніи Министромъ Юстиціи Керенскій пригласилъ къ себѣ въ товарищи А. С. Зарудняго, котораго очень любилъ и котораго считалъ маленькимъ Львомъ Толстымъ, то-есть человѣкомъ, имѣющимъ свои убѣжденія, отъ которыхъ онъ ни при какихъ случаяхъ не отказался бы. — Второго товарища министра Керенскій просилъ указать ему Петроградскій Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ. Тотъ же Совѣтъ Керенскій просилъ указать ему и другихъ лицъ, коихъ пожелалъ бы Совѣтъ видѣть на отвѣтственныхъ мѣстахъ въ Министерствѣ, въ Сенатѣ и въ Судѣ. Въ Совѣтъ Керенскій явился лично, назвалъ старшихъ своихъ товарищей своими учителями, совѣтами коихъ желалъ бы пользоваться на своемъ новомъ посту и въ будущемъ. Все это произвело очень хорошее впечатлѣніе. Шумно и съ излишней восторженностью отзывался о Керенскомъ тогдашній предсѣдатель Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ Н. П. Карабчевскій. Былъ созванъ Совѣтъ, дополненный приглашеніемъ наиболѣе популярныхъ въ сословіи лицъ, для обсужденія поднятыхъ Керенскимъ вопросовъ.

Однако, среди Петербургскихъ адвокатовъ Совѣтъ не могъ никого назвать на постъ товарища Министра Юстиціи. Прошелъ первымъ кандидатомъ московскій присяжный повѣренный Тесленко, вторымъ былъ названъ я. Тесленко получилъ противъ меня на одинъ или на два голоса больше. Зато единогласно меня указали, какъ на кандидата въ директора 2-го Департамента Министерства Юстиціи, вѣдающаго назначеніемъ судей на всю Россію.

О результатѣ выборовъ предсѣдатель Совѣта Н. П. Карабчевскій сообщилъ Керенскому. Въ душѣ я очень досадовалъ, что въ препроводительной бумагѣ не было сказано (а это, конечно, слѣдовало сдѣлать), что вторымъ кандидатомъ

въ товарищи министра, хотя и не получивъ большинства голосовъ (голосовало, кажется, 29—30 человѣкъ), былъ указанъ я. Совѣтъ проголосовалъ, между прочимъ, кого рекомендовать Керенскому въ качествѣ чиновника особыхъ порученій. Не смотря на мой протестъ, что назначеніе чиновника особыхъ порученій всегда дѣло личное министра, который въ такихъ случаяхъ стремится имѣть при себѣ болѣе или менѣе близкаго ему человѣка, собраніе все же остановилось на выборѣ этого лица и избрала А. А. Исаева, не запросивъ даже самого Исаева — хочетъ ли онъ получить это мѣсто или нѣтъ. Керенскій остался этимъ очень недоволенъ.

Чиновникомъ особыхъ порученій онъ пригласилъ къ себѣ близкаго ему пріятеля еще со школьной скамьи, присяжнаго повѣреннаго Сомова.

Тесленко не принялъ приглашенія, и на его мѣсто былъ назначенъ Г. Д. Скарятинъ, лѣвый кадетъ, съ которымъ я былъ всегда въ большой дружбѣ, — человѣкъ самой высокой моральной марки. Съ Заруднымъ я былъ тоже въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ и на «ты». Создавалась служба въ кругу лицъ, съ которыми имѣть дѣло было въ извѣстной степени наслажденіемъ, такъ какъ, если бы и были между нами разногласія, то только на почвѣ убѣжденій и взглядовъ, а не на почвѣ какихъ либо интригъ, взаимной вражды, недовѣрія или недоброжелательства.

Въ новыхъ условіяхъ политической жизни мнѣ, само собой разумѣется, работать очень хотѣлось, и я съ большой охотой принялъ приглашеніе на постъ директора 2-го Департамента Министерства Юстиціи. Отъ поста комиссара Литейной части я немедленно отказался. Комиссаромъ я былъ очень недолго. За это короткое время особыхъ событій въ комиссаріатѣ не произошло никакихъ. Но работы тамъ было пропасть и самой разнообразной. Дѣятельность новыхъ полицейскихъ частей въ первой стадіи ихъ работы заслуживаетъ того, чтобы кто либо подробно ее описалъ. Присяжные писатели, вѣроятно, это сдѣлаютъ. Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ комиссаровъ въ Петербургѣ былъ почтенный А. В. Пѣшехоновъ. Надо надѣяться, что онъ опишетъ исторію своей службы въ комиссаріатѣ.

При вступленіи моемъ на должность Керенскій предупредилъ меня, чтобы я не былъ слишкомъ мягкимъ, что мнѣ придется весьма и весьма почистить вѣдомство. Это, конечно, мнѣ было извѣстно, и на это я шелъ.

Директоромъ 2-го Департамента, котораго я долженъ былъ замѣнить, былъ тогда нѣкто Ивановъ*. До назначенія его директоромъ департамента онъ былъ предсѣдателемъ Московскаго Окружнаго суда, а раньше однимъ изъ товарищей предсѣдателя Петербургскаго Окружнаго суда. Это былъ человѣкъ сравнительно молодой, какъ говорятъ, богатый. Иванову я лично очень не симпатизировалъ. И имѣлъ къ тому основаніе. Ивановъ — типичный карьеристъ. Какъ таковой, онъ, само собой разумѣется, долженъ былъ стоять въ оппозиціи къ адвокатурѣ. Кто хотѣлъ сдѣлать при Щегловитовѣ карьеру, долженъ былъ игнорировать адвокатуру; даже всякая грубость, всякое безсмысленное обрываніе въ судѣ адвоката не только сходило съ рукъ судебнымъ чинамъ, но даже до извѣстной степени поощрялось. Это шло со временъ Александра III, который, какъ ходили

* Касаясь довольно подробно Иванова, оговариваюсь, что дѣлаю это не съ точки зрѣнія общественнаго интереса, а скорѣе, если можно такъ выразиться, «вѣдомственнаго».

слухи, какъ-то и гдѣ-то написалъ замѣтку на всеподданнѣйшемъ докладѣ: «терпѣть не могу этого сословія». На грубое отношеніе со стороны Иванова наскочили я и адвокатъ М. В. Беренштамъ въ бытность въ Москвѣ. Мы такъ въ первый моментъ были возмущены поведеніемъ Иванова, что рѣшили было написать на него жалобу Щегловитову. Но по русскому обычаю не сдѣлали этого, и вотъ почему: грубый и незаконный отказъ исполнить нашу просьбу по любезности одного изъ товарищей предсѣдателя Московскаго Окружнаго Суда нынѣ покойнаго старика поляка Доната (фамилію не помню) былъ аннулированъ. Донатъ N. сознательно пошелъ противъ воли Иванова и исполнилъ наше законное требованіе въ выдачѣ намъ безъ задержки исполнительнаго листа.

Само собой разумѣется, что когда судьба свела меня съ Ивановымъ, я и виду не показалъ, что я когда-нибудь съ нимъ встрѣчался и имѣлъ съ нимъ столкновеніе. То же было и съ его стороны, хотя я допускаю, что онъ меня могъ и не помнить. Въ Петербургскомъ Судѣ мнѣ тоже не приходилось съ нимъ встрѣчаться. То обстоятельство, что я занималъ его должность, гарантировало Иванова, что онъ при этомъ получитъ, если не повышеніе по службѣ, то во всякомъ случаѣ все же видный постъ. Словомъ, въ служебномъ отношеніи онъ былъ застрахованъ.

Внѣшняя сторона службы не представляла никакихъ затрудненій. Дня два я принималъ дѣла при Ивановѣ, и этого было совершенно достаточно, чтобы понять, въ чемъ суть предстоящаго дѣла. Но, если съ внѣшней стороны дѣло было просто, то по существу оно было труднѣйшимъ. А, кромѣ того, чего я никакъ не могъ предполагать, и до послѣдней степени утомительнымъ. Нельзя себѣ представить, что это за трудъ, принимать просителей, а ихъ приходила вереница съ 10 часовъ утра до 6—7 часовъ вечера. Послѣ пріемовъ я совершенно изнемогалъ. Новымъ служащимъ всѣмъ оказалось дѣла по горло. Достаточно сказать, что всѣ вновь назначенные, въ томъ числѣ и министры, въ какой-нибудь мѣсяцъ всѣ весьма замѣтно похудѣли.

Работа моя заключалась въ вѣдѣніи служебнаго персонала всего судебнаго вѣдомства, хотя назначенія шли, конечно, непосредственно отъ министра. Затѣмъ на директора 2-го Департамента была возложена гражданская часть, то-есть, дача заключеній по всѣмъ, поступающимъ на заключеніе Министра Юстиціи вопросамъ гражданскаго права, статистика и часть денежныхъ дѣлъ. Первая задача была главнѣйшей. Затѣмъ я уже самъ позаботился, чтобы попасть въ нѣкоторыя законодательныя комиссіи, что я считалъ для себя отдыхомъ отъ своихъ обычныхъ служебныхъ занятій. Много сравнительно времени занималъ просмотръ входящихъ бумагъ по департаменту. Въ прежнее время всѣ входящія бумаги по министерству поступали на просмотръ министра. И это было правильно, но... только для мирнаго времени. Послѣ переворота нельзя себѣ представить, какое количество бумагъ стало поступать въ министерство; однѣхъ телеграммъ каждодневно прибывало столько, что еслибы министръ лично занялся ихъ просмотромъ, то ему не хватило бы времени на другія дѣла. Такимъ образомъ, трудъ просмотра поступавшихъ бумагъ былъ раздѣленъ между товарищами министра и двумя директорами департаментовъ, къ неудовольствію А. С. Заруднаго, находившаго это вреднымъ отступленіемъ отъ существовавшихъ традицій.

Новой метлѣ пришлось много поработать. Чистить щегловитовское хозяйство было дѣломъ потому труднымъ, что все должно было идти изъ Петербурга, и изъ-за существованія закона о несмѣняемости судей. Облегчало положеніе

въ этомъ отношеніи то, что при Щегловитовѣ карьеру дѣлали лица исключительнаго типа. Это были люди, безусловно преданные существовавшей власти, что не значитъ однако «преданные въ душѣ»; такіе, которые исполняли не только то, что приказывали сверху, но и догадывавшіеся о томъ, что хотѣли свыше имъ приказать; люди жестокіе, ненавидѣвшіе все лѣвое и по программѣ преслѣдовавшіе все лѣвое. Имена ихъ были болѣе или менѣе всѣмъ въ судебномъ мірѣ извѣстны. Всѣ они при Щегловитовѣ повылѣзли впередъ, а честное поневолѣ спряталось, то-есть продолжало служить, но замолкло, боясь репрессій. Къ чести судебнаго вѣдомства нужно сказать, что отрицательнаго элемента все же было сравнительно очень немного, но онъ далъ окраску всему судебному вѣдомству. При щегловитовскомъ режимѣ сколько-нибудь талантливая молодежь на службу въ судъ не поступала. Это — несомнѣнный фактъ. Все это искало работы внѣ щегловитовскаго суда. Молодежь шла въ адвокатуру, искала другихъ свободныхъ профессій, можетъ быть, поступала на службу въ другія вѣдомства, но Министерства Юстиціи избѣгала.

Вице-директоромъ 2-го Департамента состоялъ — г. Ложеницынъ, человѣкъ весьма толковый, умѣвшій прекрасно докладывать дѣла; мастеръ въ этомъ дѣлѣ. Но не на немъ лежало главное. Душою дѣла былъ начальникъ Отдѣленія Петръ Петровичъ Жемчужниковъ, молодой человѣкъ, бывшій товарищъ прокурора Петербургскаго Окружнаго Суда. О немъ нужно сказать нѣсколько словъ. Жемчужниковъ началъ свою службу въ министерствѣ при краткосрочномъ пребываніи на посту министра, сенатора А. А. Хвостова, дяди Министра Внутреннихъ Дѣлъ Хвостова. Съ Хвостовымъ я встрѣчался. Съ нимъ познакомилъ меня когда-то родственникъ его, тверской помѣщикъ и земецъ изъ глубоко честныхъ правыхъ Ст. Дм. Квашнинъ-Самаринъ, избранный, не помню, земскимъ или дворянскимъ собраніемъ въ члены Государственнаго Совѣта. А. А. Хвостовъ — типичный бюрократъ, но тоже изъ честныхъ. Школу бюрократическую онъ прошелъ блестящую. Какъ умный и честный человѣкъ, онъ хорошо понималъ, что юстиція на щегловитовскомъ лакейскомъ режимѣ держаться не можетъ; то-есть авторитетъ ея долженъ падать, не говоря уже о томъ, что и само дѣло юстиціи не могло идти нормальнымъ путемъ. Онъ рѣшилъ почистить вѣдомство. Себѣ въ помощники онъ пригласилъ своего дальняго родственника П. П. Жемчужникова, вполнѣ надѣясь на его преданность дѣлу. Онъ не ошибся. Жемчужниковъ изучилъ почти наизусть карьеру всѣхъ служащихъ въ судебномъ вѣдомствѣ; зналъ репутацію каждаго изъ нихъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ прямо незамѣнимымъ человѣкомъ. Само собой разумѣется, по воззрѣніямъ своимъ Жемчужниковъ былъ консерваторъ, въ чемъ открыто признавался, но онъ никогда никого не прикрывалъ за правизну. Я съ нимъ на служебномъ поприщѣ сдружился и посмѣивался надъ нимъ, увѣряя его, что онъ самъ помогаетъ мнѣ удалять изъ вѣдомства всѣхъ консерваторовъ. На несчастіе Жемчужникова это оказывался наихудшій служебный элементъ.

Чиновникъ, чинуша — въ представленіи независимыхъ обывателей — есть что-то не особенно заслуживающее уваженія, несмотря на то, что вся Россія покрыта чиновничествомъ. Чиновникъ, по свойству своему, по служебному своему положенію, обязанъ исполнять только то, что прикажетъ ему выше его стоящее начальство. Онъ можетъ имѣть, если хочетъ, свое мнѣніе, свои убѣжденія, но долженъ держать ихъ при себѣ. Его обязанность — излагать чужія мысли. И это — его профессія, какъ профессія приказчика — продавать чужое добро. Кузьма Прутковъ удивительно тонко обрисовалъ чиновника въ своемъ афоризмѣ:

«чиновникъ подобенъ стальному перу». Опредѣленіе совершенно вѣрное: не чиновникъ пишетъ, но имъ пишутъ. — Конечно, чиновникъ чиновнику рознь, и бѣда начальствующихъ лицъ, попадающихъ въ лапы чиновниковъ, ведущихъ свою служебную игру въ ущербъ дѣлу. Я потому заговорилъ о чиновникахъ, что весьма недавно встрѣтилъ пріятеля по сословію, извѣстнаго присяжнаго повѣреннаго Т., который сказалъ мнѣ, что я, занявъ постъ сначала директора департамента, а затѣмъ и товарища министра, сталъ, по его мнѣнію, самымъ заурядным бюрократомъ, находившимся въ подчиненіи своихъ же подчиненныхъ, слушаясь только ихъ совѣтовъ, а не совѣтовъ товарищей по сословію, и въ ущербъ, конечно, дѣлу. Адвокаты всей Россіи помимо всякихъ просьбъ, обращенныхъ къ нимъ, приняли самое живое участіе въ дѣлѣ обновленія суда. Въ министерство поступало много всякихъ бумагъ со стороны адвокатуры, въ которыхъ бывшіе товарищи по сословію писали о всѣхъ недостаткахъ мѣстнаго суда. Конечно, дѣло клонилось къ необходимости убрать того или иного судью. Адвокатура въ этомъ отношеніи принесла много пользы. Но тѣмъ не менѣе, оказалось весьма и весьма необходимымъ относиться къ ея отзывамъ о лицахъ крайне осторожно. Оказалось, въ этихъ отзывахъ игралъ довольно сильную роль личный элементъ. Тутъ сказывалось, повидимому, и недовольство проигрышемъ дѣла, въ которомъ винили отдѣльныхъ судей, несимпатія къ лицу, словомъ, нѣчто, стоявшее внѣ общественнаго интереса. Были случаи, когда отрицательный отзывъ о судьѣ, данный цѣлой группой присяжныхъ повѣренныхъ, замѣнялся затѣмъ отзывомъ положительнымъ объ этомъ же лицѣ. Таковъ случай — съ прокуроромъ Тифлисской Палаты Кисилевскимъ, о чемъ я буду говорить ниже. Лично я, хотя по профессіи и давнишній адвокатъ, состоялъ неоднократно членомъ Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ и принималъ ближайшее участіе во всѣхъ адвокатскихъ дѣлахъ общественнаго характера, къ адвокатурѣ относился довольно отрицательно, что многимъ изъ моихъ товарищей не особенно нравилось. Я, конечно, глубоко сочувствовалъ тому, чтобы сословіе имѣло свою автономію. Но изъ этой автономіи я не дѣлалъ широкихъ выводовъ о правахъ адвокатуры; права были самыя скромныя. Этими скромными правами адвокатура въ лицѣ ея главарей очень дорожила и гораздо больше, чѣмъ слѣдовало. Боясь потерять автономію, почтенные главари адвокатуры готовы были въ иныхъ случаяхъ фактически отказаться отъ многихъ правъ по автономіи лишь бы и то только номинально сохранить ее. Адвокаты поступали такъ, какъ поступалъ и поступаетъ всегда средній обыватель и обывательскія политическія партіи, ибо и по существу своему адвокатъ за рѣдкими исключеніями есть всегда превосходнѣйшій образецъ обывателя-буржуя. Но какъ бы я отрицательно не относился къ адвокатурѣ въ ея цѣломъ, я все же дорожу тѣмъ, что принадлежу къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ. Адвокатура, какъ сословіе, имѣетъ много привлекательныхъ сторонъ. Даже по составу своему она выше другихъ сословныхъ организацій или другихъ сословій, необъединенныхъ въ организаціи. Большинство адвокатовъ люди безукоризненно честные. Между ними много выдающихся талантливыхъ людей, видныхъ общественныхъ дѣятелей. А за послѣднее время и въ политическомъ отношеніи адвокатура выдвинулась впередъ и сыграла значительную политическую роль въ Россіи. Достаточно упомянуть, что еще во времена Плеве адвокаты подъ сурдинку не побоялись и сумѣли организовать съѣздъ русскихъ адвокатовъ со всей Россіи и на этихъ съѣздахъ выработали основныя положенія необходимѣйшихъ въ Россіи политическихъ реформъ. Политики-адвокаты были въ большинствѣ своемъ политическими защитниками, не

имѣвшими не только крупныхъ заработковъ, но иногда и сколько-нибудь достаточныхъ. Имъ приходилось ѣздить по всей Россіи и Сибири по политическимъ защитамъ на средства, жертвуемыя частными лицами, а чаще на средства, собираемыя по раскладкѣ между собою. Адвокатъ въ силу того, что вѣчно оперируетъ съ законами и что работа его заключается въ логическихъ построеніяхъ, болѣе всякаго другого приспособленъ къ политической дѣятельности. На это его даже наталкиваютъ другіе, ибо кому же, какъ не адвокату, въ эпохи конструированія новой власти взять на себя законодательную работу. Неудивительно, что въ моменты переворота адвокаты вылѣзаютъ на верхъ. Но къ сожалѣнію, адвокаты внесли въ общее россійское дѣло массу легкомыслія и обывательщины. Нужно было относиться съ крайней осторожностью, какъ я выше сказалъ, ко всякой ихъ рекомендаціи того или иного гражданина на ту или иную должность. Всѣ такія рекомендаціи принимались на верху конечно въ расчетъ, но полной вѣры имъ не давалось. Это тоже весьма многимъ не нравилось, и указаніе Г. на мой бюрократизмъ является отголоскомъ этого недовольства. Само собою разумѣется, я правильности замѣчанія Г. на мой счетъ не признаю. Такъ или иначе, во главѣ Министерства Юстиціи сталъ Керенскій-адвокатъ, товарищемъ его А. С. Зарудный, хотя и бывшій товарищъ прокурора, а затѣмъ и чиновникъ Министерства Юстиціи, но все же адвокатъ, другой товарищъ Министра Г. Д. Скарятинъ, бывшій членъ Виленской Судебной Палаты, — адвокатъ; я — директоръ 2-го Департамента — адвокатъ. Въ провинціи на первыхъ же порахъ на должности прокуроровъ Судебныхъ Палатъ и Окружныхъ Судовъ были назначены адвокаты. Словомъ, адвокатура въ судебномъ вѣдомствѣ, да и не въ одномъ судебномъ вѣдомствѣ, заблистала. Это вскружило головы многимъ присяжнымъ повѣреннымъ. Ни одинъ присяжный повѣренный, претендовавшій на полученіе какой либо должности, не мнилъ себя достойнымъ должности ниже товарища оберъ-прокурора Правительствующаго Сената. На эту должность претендовали, казалось, самые скромные по своему общественному положенію присяжные повѣренные, а иногда даже и очень молодые. Какъ характерный примѣръ привожу слѣдующее. Ко мнѣ на пріемъ пришелъ весьма недавно принятый изъ помощниковъ присяжнаго повѣреннаго въ присяжные повѣренные — нѣкто К., состоявшій фактическимъ помощникомъ у Н. П. Карабчевскаго. Онъ сказалъ мнѣ, что такъ какъ ему извѣстно, что будетъ нѣсколько вакансій на должность товарища оберъ-прокурора Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, то онъ весьма былъ бы не прочь занять такую должность, что по своимъ познаніямъ онъ вполнѣ ея достоинъ, и что на мысль занять эту должность его натолкнулъ Н. П. Карабчевскій. Еще до свиданія съ К. я встрѣтился съ Н. П. Карабчевскимъ, который съ своей стороны замолвилъ слово за К., но понимая, что домоганія К. далеко не скромны, прибавилъ, что онъ проситъ за К. по желанію послѣдняго и что въ просьбѣ похлопотать за него онъ не могъ ему отказать. Что мнѣ было дѣлать? Я рѣшился быть съ К. вполнѣ откровеннымъ и заявилъ ему, что должность товарища оберъ-прокурора Сената очень крупный въ служебномъ отношеніи пость, что этого мѣста добиваются судебные чины послѣ весьма продолжительнаго судебнаго стажа, и что было бы весьма несправедливо лишать безупречныхъ по службѣ судебныхъ дѣятелей надежды на полученіе этого мѣста, назначивъ на должность товарища оберъ-прокурора очень еще молодого присяжнаго повѣреннаго въ силу того только, что онъ присяжный повѣренный. «Я знаю, сказалъ я К., что при иныхъ обстоятельствахъ приходится

поступаться этимъ началомъ, что иногда это является требованіемъ политическаго момента. Въ силу этой необходимости бывшій директоръ 2-го Департамента Ивановъ долженъ былъ уйти, и на его мѣсто назначенъ я. Дѣло случая, что попалъ въ директора Департамента именно я; но кто-нибудь долженъ же былъ занять эту должность; у меня было нѣкоторое политическое прошлое, меня и пригласили. Но скажите мнѣ, какія же ваши общественныя заслуги, чтобы претендовать на занятіе отвѣтственной должности, и почему эта должность требуетъ непремѣнно человѣка съ общественнымъ прошлымъ». Я сказалъ К., чтобы онъ никакъ не разсчитывалъ на удовлетвореніе своего желанія. — А просьбъ подобнаго рода было не мало. Вотъ почему показалось заслуживающимъ полнаго вниманія случай, когда два молодыхъ присяжныхъ повѣренныхъ, два уголовныхъ защитника съ довольно большой, но м е л к о й практикой — Бессарабовъ, талантливый ораторъ, и Данчичъ, съ хорошо повѣшеннымъ языкомъ, попросили принять ихъ на скромную должность товарищей прокурора Петроградскаго Окружнаго Суда. Ихъ конечно приняли, такъ какъ вакансіи оказались свободными.

Занявъ должность, я рѣшилъ, что я буду держаться принципа оставленія на мѣстахъ всѣхъ старыхъ дѣятелей, и только тогда замѣнять послѣднихъ, когда въ этомъ будетъ прямая необходимость. Политика революціоннаго правительства никого не должна была безъ нужды обижать. На первыхъ же порахъ пришлось заняться высшими чинами судебнаго міра. Здѣсь поневолѣ не приходилось очень церемониться. Новая власть должна была проявить себя такъ, чтобы общество могло сказать — власть въ надлежащихъ рукахъ. А для этого приходилось замѣнять всѣхъ старыхъ ставленниковъ старой власти, занимавшихъ высокіе отвѣтственные посты какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи и зарекомендовавшихъ себя отрицательно. Жалѣть объ этомъ не приходилось, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ это было нѣчто прямо невозможное. И старые служаки щегловитовскаго пошиба очень хорошо понимали, что ихъ время прошло, и безпрекословно сами уходили въ отставку даже тогда, когда занимали должности несмѣняемыхъ судей. Но были и такіе, которые весьма и весьма упирались.

Правительствующій Сенатъ находился (обидно говорить теперь — «находился» вмѣсто «находится») въ вѣдѣніи Министерства Юстиціи; черезъ Министра Юстиціи проходили всѣ назначенія по Сенату. Въ силу историческихъ событій два департамента Сената, уголовный кассаціонный и гражданскій, занимали особое мѣсто среди другихъ департаментовъ. Всѣ сенаторы могли быть уволены высшей властью, кромѣ сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ, такъ какъ эти сенаторы считались все же судьями и слѣдовательно были несмѣняемы Но законъ опредѣленно этого положенія нигдѣ не проводилъ; это былъ лишь выводъ, дѣлаемый на основаніи толкованія судебныхъ уставовъ. Между тѣмъ сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ ихъ особое положеніе скорѣе обижало, — точно они были не настоящіе сенаторы. Такъ или иначе, отъ новой высшей власти зависѣло принять то или иное толкованіе для опредѣленія судьбы сенаторовъ названныхъ департаментовъ. Особой остроты это положеніе однако не имѣло: сенаторы были послушны; безпрекословно уходили тѣ, которымъ было сказано, чтобы они подали въ отставку.

Въ Сенатѣ было два знаменитыхъ департамента, характеризовавшихъ Сенатъ съ отрицательной стороны — первый административный и уголовный кассаціонный. Первый департаментъ состоялъ большей частью изъ лицъ администра-

тивнаго вѣдомства, изъ бывшихъ высшихъ чиновъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, бывшихъ губернаторовъ и проч. Между ними попадались лица даже безъ высшаго образованія. Это были ставленники старой власти, безпрекословно дѣлавшіе все то, что имъ прикажетъ высшая власть. Изъ этого департамента новой властью была исключена (черезъ меня) больше чѣмъ половина сенаторовъ и замѣнена новыми лицами, занимавшими общественные посты, или ставшіе такъ или иначе во главѣ общественнаго движенія, какъ уважаемые общественные дѣятели. Сюда попало много провинціаловъ.

Объ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ Правительствующаго Сената стоитъ сказать два слова. Самая простая и правильная характеристика стараго дореволюціоннаго уголовнаго кассаціоннаго департамента — это назвать его неправосуднымъ; дѣйствительно тамъ дѣлали, что хотѣли, не считаясь съ закономъ, и даже въ отношеніи не однихъ уголовныхъ политическихъ дѣлъ, но и простыхъ уголовныхъ; а о политическихъ и говорить не стоитъ. Достаточно сказать, что «честныхъ» сенаторовъ уголовныхъ (ихъ все же было не мало) отъ участія въ разсмотрѣніи дѣлъ политическихъ старались устранять и садили на дѣла, ничѣмъ не связанныя съ политикой, напримѣръ, по нарушенію акцизныхъ правилъ и т. д. Такъ поступили съ сенаторомъ З. Былъ такой столъ, дѣла изъ котораго поступали на разсмотрѣніе присутствія въ составѣ сенаторовъ Гредингера, Глищинскаго и Бахтіарова. Этотъ столъ считался прямо безнадежнымъ. По крайней мѣрѣ я, если ко мнѣ обращались кліенты, дѣла которыхъ находились въ этомъ столѣ, предупреждалъ ихъ, что какъ бы правильно и законно дѣло ихъ ни было, предсказывать исхода его при разсмотрѣніи его въ составѣ указанныхъ сенаторовъ невозможно. Я не пишу характеристики гг. сенаторовъ, но долженъ сказать, что со вступленіемъ новой власти сенаторъ Гредингеръ подалъ прошеніе объ отставкѣ, не ожидая, чтобы его попросили объ этомъ. Глищинскій тоже лично подалъ такое прошеніе; онъ отлично понималъ, что оставаться на службѣ онъ не можетъ. Но онъ до крайности меня удивилъ своимъ поведеніемъ: при свиданіи со мной на глазахъ у него были слезы; онъ увѣрялъ, что и при новомъ режимѣ онъ могъ бы съ честью служить, хотя и знаетъ, что такое его заявленіе останется безъ послѣдствій. Одинъ только сенаторъ Бахтіаровъ ни въ какіе переговоры не вступалъ и никакихъ прошеній объ отставкѣ не подавалъ.

Когда Керенскій въ качествѣ Министра Юстиціи посѣтилъ Сенатъ, то онъ обратился съ привѣтственною рѣчью къ представлявшимся ему сенаторамъ; въ своей рѣчи онъ однако не упустилъ случая указать на отрицательную роль, которую игралъ при старомъ режимѣ уголовный кассаціонный департаментъ. Намекъ былъ ясный, и многіе сенаторы уголовники поняли, что часъ ихъ пробилъ. Они уходили безпрекословно, а если и старались кой-когда убѣдить новую власть въ томъ, что, какъ сенаторы, они остаются и теперь годными, то одного указанія на то, что они, столь видные дѣятели стараго режима, своимъ участіемъ въ новой власти, могутъ подорвать довѣріе къ ней, дѣлало то, что они уже больше не настаивали на своемъ желаніи. Несомнѣнно, весьма многихъ изъ нихъ утѣшала мысль, что ихъ признавали видными дѣятелями стараго режима; а нѣкоторыхъ это признаніе даже умиляло.

Какъ указано выше, съ сенаторомъ Бахтіаровымъ вышла заминка. Бахтіаровъ оказался человѣкомъ принципіальнымъ, и безъ борьбы отъ своихъ правъ отказываться не хотѣлъ.

Какъ судья онъ былъ, на мой взглядъ, никуда не годный человѣкъ. Но правыхъ взглядовъ онъ держался не по приказу, а bona fide; по принципу — онъ отъ лѣвыхъ не ждалъ ничего хорошаго. «Если говорятъ лѣвые — значитъ, ложь». Убѣждать его въ чемъ либо было безполезно: онъ просто не слушалъ того, что говорятъ адвокаты лѣвыхъ; лѣвый — всегда виноватъ. Такова въ грубой формѣ характеристика Бахтіарова, какъ судьи. Я къ нему относился очень отрицательно. Меня возмущало то спокойствіе, съ какимъ Бахтіаровъ и компанія его отправляли людей на каторгу за ихъ убѣжденія; точно дѣлали дѣло и притомъ дѣло святое. Совѣсть у нихъ при этомъ оказывалась чиста, какъ горній хрусталь. Я думалъ, что если ты давишь людей, то сиди въ своей мрачной конурѣ и на свѣтъ Божій не показывайся. А Бахтіаровъ былъ веселый человѣкъ и любитель легкаго веселаго флирта. Это былъ постоянный посѣтитель маскарадовъ приказчичьяго клуба. Сенаторы, товарищи Бахтіарова по службѣ, въ томъ числѣ и честные, относились, однако, къ Бахтіарову дружелюбно. По крайней мѣрѣ, когда было рѣшено удалить его, то за него была масса ходатайствъ — дескать, нельзя удалить со службы такого хорошаго человѣка, это будетъ несправедливо. Но удалить его рѣшилъ Керенскій, и этому рѣшенію я вполнѣ сочувствовалъ. Какъ сдѣлать это?! Бахтіаровъ прошенія объ отставкѣ не подавалъ. Я объяснилъ тогда Керенскому, что власть можетъ не дѣлать различія между сенаторами старыхъ департаментовъ и кассаціонныхъ, и въ такомъ случаѣ Бахтіарова можно удалить, какъ всякаго сенатора стараго департамента. Я, однако, предупредилъ Керенскаго, что онъ встрѣтитъ, можетъ быть, сильный отпоръ, если эта мѣра будетъ проведена въ отношеніи сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ. Сенаторъ Бахтіаровъ былъ удаленъ, но отпоръ былъ данъ, и настолько сильный, что Керенскій вынужденъ былъ признать удаленіе Бахтіарова ошибкой, и послѣдній вновь былъ водворенъ въ своемъ званіи. Бахтіаровъ въ концѣ концовъ все-таки сдѣлалъ уступку: онъ ушелъ изъ кассаціоннаго департамента и перешелъ въ общее собраніе, то-есть сталъ сенаторомъ на покоѣ.

Интересно отмѣтить слѣдующее. Новая власть родилась неожиданно. Она упала какъ снѣгъ на голову всѣмъ старымъ чиновникамъ. Казалось бы, со стороны послѣднихъ новая власть должна была встрѣтить, если не отпоръ, то по крайней мѣрѣ недружелюбное отношеніе. Но таково было презрѣніе къ старой власти и такія надежды возлагались на новую власть, что не только не было замѣтно со стороны чиновниковъ недружелюбнаго отношенія къ новой власти, а наоборотъ чувствовалось самое предупредительное отношеніе, связанное съ желаніемъ помочь новой власти въ ея новой дѣятельности. Такое отношеніе не можетъ быть объяснено гутаперчевой душой чиновника; слишкомъ ясны были признаки довѣрія къ новой власти, и достаточно краснорѣчивыхъ данныхъ для установленія этого обстоятельства.

Когда Временное Правительство пало, въ зданіи Сената собирались сенаторы и чины прокуратуры для обсужденія вопроса о томъ, какъ помочь Временному Правительству въ возстановленіи его власти. Когда я уже былъ не у дѣлъ, ко мнѣ по этому же поводу приходили на частную квартиру нѣкоторые изъ оберъ прокуроровъ сената. Первоприсутствующій гражданскаго касс. департамента Ганскау бывалъ часто въ Министерствѣ Юстиціи и въ своемъ обращеніи съ новой властью былъ всегда очень простъ и дружелюбенъ. Другой сенаторъ первоприсутствующій крестьянскаго департамента, уважаемый всѣми и далеко стоящій отъ политики сенаторъ Тимофеевскій, всего достигшій въ своей карьерѣ, одина-

ково готовый выйти въ отставку и продолжать свою службу, былъ со мной въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, какъ и съ Г. Д. Скарятинымъ. Онъ всегда съ охотой посѣщалъ меня, о чемъ я сужу съ его же словъ, и всѣми силами отстаивалъ «своихъ» сенаторовъ, которыхъ въ силу новыхъ требованій приходилось изъ сената удалять. Помню такой случай: предположено было удалить одного сенатора изъ бывшихъ администраторовъ нѣкоего Х. Тимофеевскій стоялъ горой за него. Вопросъ не былъ еще окончательно рѣшенъ, когда вновь назначенный товарищъ оберъ-прокурора Синода А. В. Карташевъ, одинъ изъ самыхъ крупныхъ людей нашего времени, попросилъ Керенскаго оставить въ Сенатѣ Х., такъ какъ онъ хорошо его знаетъ за вполнѣ хорошаго дѣятеля. Этой рекомендаціи для оставленія Х. сенаторомъ было совершенно достаточно. Когда Тимофеевскій пришелъ въ министерство, я хотѣлъ его обрадовать и сообщилъ ему о судьбѣ Х., упомянувъ, что хорошій отзывъ о немъ далъ Карташевъ. «Ну и слава Богу, сказалъ Тимофеевскій, я радъ за Х., и хорошо, что за него поручился товарищъ оберъ прокуроръ Синода, если ручательство первоприсутствующаго для Васъ недостаточно». Эти ехидныя слова были сказаны самымъ дружелюбнымъ тономъ и не носили скрытой обиды или желанія уязвить. Тимофеевскій былъ просто остроумный человѣкъ. Тотъ же Тимофеевскій неоднократно выражалъ свое удовольствіе, что «съ нами», т. е. представителями новой власти можно свободно бесѣдовать о дѣлѣ, тогда какъ къ бывшей власти не всегда можно было и подступиться.

Уже послѣ, когда наступилъ періодъ моихъ скитаній, мнѣ пришлось встрѣтить нѣкоторыхъ бывшихъ дѣятелей судебнаго вѣдомства. Встрѣчи были всегда самыя теплыя. Вспоминали добромъ. Насколько довѣряли новой власти, сказалось и въ слѣдующемъ маленькомъ фактѣ. Послѣ паденія Временнаго Правительства я встрѣтилъ однажды на улицѣ двухъ бывшихъ чиновниковъ Государственнаго Совѣта, работавшихъ при Совѣтѣ Министровъ Временнаго Правительства. Когда они узнали, что члены Временнаго Правительства собираются на совѣщанія въ частной квартирѣ, они предложили свои услуги въ качествѣ секретарей этихъ совѣщаній. Никто ихъ объ этомъ не просилъ, это было собственное ихъ стремленіе. Ихъ работу тогда приняли съ благодарностью, и они являлись на совѣщанія, приведя на нихъ еще и другихъ товарищей.

По натурѣ я не рѣзкій человѣкъ; на своемъ посту мнѣ не приходилось жалѣть объ этомъ и проявлять рѣзкость. Напротивъ, я со всѣми старался говорить съ возможной мягкостью, хотя и совершенно откровенно. Сколькимъ сенаторамъ мнѣ пришлось въ глаза говорить, что отъ нихъ требуется отставка, и ни одинъ при этомъ не выразилъ мнѣ своего неудовольствія или какой-либо претензіи по этому поводу; они хорошо понимали, что не ради исполненія только своего желанія я требую ихъ отставки. Но были конечно и недовольные. Были, правда, и очень непріятныя встрѣчи съ нѣкоторыми провинціальными предсѣдателями Окружныхъ Судовъ. Это были большею частью сравнительно молодые люди, успѣвшіе сдѣлать хорошую щегловитовскую карьеру. Помню хорошо одного съ чрезвычайно плохой репутаціей и, само собой разумѣется, охранника въ душѣ — предсѣдателя Бакинскаго Окружнаго Суда по фамиліи (если не ошибаюсь) Кудрявцева. Кудрявцевъ легко согласился подать въ отставку, но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ, если возможно, оставить его на службѣ. Онъ цинично сказалъ,

что при новой власти онъ совершенно примѣнится къ тактикѣ и требованіямъ новаго Правительства. Само собой разумѣется, услуги его не были приняты. Другой случай былъ не столько непріятенъ, сколько комиченъ. Въ Петербургѣ явился по вызову Министра Юстиціи старшій предсѣдатель Омской Судебной Палаты Едличко. Этотъ вызовъ былъ сдѣланъ ради интересовъ самаго Едличко, ибо, какъ стало извѣстно въ Петербургѣ — съ момента революціи «видныхъ дѣятелей стараго режима» въ г. Омскѣ мѣстной революціонной властью посадили въ тюрьму, въ томъ числѣ и г-на Едличко. По требованію изъ Петербурга — его немедленно освободили и отпустили въ Петербургъ. Я лично не зналъ Едличко, но слышалъ о немъ весьма много. Это былъ суровѣйшій человѣкъ. Само собой разумѣется, строгій судья въ отношеніи политическихъ, близкій пріятель всѣхъ мѣстныхъ властей. Даже канцелярія Судебной Палаты его ненавидѣла (мнѣ лично на него жаловались канцелярскіе служащіе, когда я былъ по одному гражданскому дѣлу въ Омской Судебной Палатѣ), онъ завелъ у себя въ Палатѣ такой порядокъ, что ни одинъ служащій не смѣлъ ни опоздать на службу, ни раньше уйти. Въ служебные часы вся канцелярія должна была сидѣть на мѣстѣ, никто не смѣлъ ни курить, ни спросить себѣ стакана чаю. Словомъ — это была гроза. Едличко подлежалъ увольненію. Но это былъ упорнѣйшій человѣкъ; пріѣхавъ въ Петербургъ — онъ ежедневно ходилъ въ Министерство, являясь на пріемъ ко мнѣ и къ товарищамъ Министра. Отъ него было очень трудно отдѣлаться. Въ извѣстномъ смыслѣ это былъ честный человѣкъ и весьма дѣятельный. На послѣднее качество свое онъ постоянно ссылался и увѣрялъ, что имъ всегда всѣ были довольны, какъ судьей, и даже любили. Въ доказательство послѣдняго онъ приводилъ слѣдующій примѣръ: въ одной изъ сессій, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ (не помню, гдѣ это было и по простому ли уголовному дѣлу или политическому), адвокаты выразили ему свою признательность и поднесли въ знакъ этой признательности — серебряный подстаканникъ. Этотъ серебряный подстаканникъ не разъ служилъ ему аргументаціей въ его пользу. А я думалъ, «чортъ бы далъ нашихъ адвокатовъ, всякому готовы покадить, если имъ въ процессѣ не напакостили». Подстаканникъ на меня не производилъ, однако, никакого впечатлѣнія. Случайно мнѣ пришлось встрѣтить одного изъ представителей-туземцевъ Алтайскаго Округа. Я спросилъ его, какъ онъ относится къ Едличко. Представитель далъ такой отзывъ: «Я добрый человѣкъ, но если бы было въ моей власти, то я бы его повѣсилъ». Словомъ, Едличко не повезло въ отзывахъ о немъ. Мнѣ пришлось чуть ли не въ десятый разъ сказать ему, что на службѣ его оставить не могутъ. Какъ я упомянулъ, Едличко былъ упорный человѣкъ, но онъ оказался и не безъ нѣкоторой наглости. Вотъ что онъ мнѣ отвѣтилъ: «Я въ отставку не подамъ, а прошу Васъ, переведите меня сначала въ другой судебный округъ, и тогда, подумавъ, можетъ быть, я и подамъ въ отставку съ новаго мѣста». Словомъ, Едличко продиктовалъ мнѣ свои условія дальнѣйшей своей службы. Я ему объяснилъ: «Какъ Вамъ, такъ и мнѣ хорошо извѣстно, что Вы, какъ судья, несмѣняемы. Принципъ несмѣняемости судей признанъ въ силѣ и новымъ правительствомъ; слѣдовательно, если Вы сами не подадите въ отставку, Вы въ правѣ продолжать свою службу, но, — прибавилъ я, на прежнемъ мѣстѣ. Такъ какъ Вы настаиваете на продолженіе Вашей службы, то я прошу Васъ немедленно отправиться на мѣсто Вашей прежней службы въ г. Омскъ». Едличко довольно хитро на меня посмотрѣлъ (хитрость, однако, не была веселаго характера), попросилъ у меня листъ бумаги и тутъ же написалъ прошеніе объ отставкѣ. Онъ хорошо

понималъ, что возвратъ въ Омскъ, гдѣ его такъ любили, что посадили въ тюрьму, не сулитъ ему въ будущемъ ничего пріятнаго. Такъ или иначе, отъ службы Едличко въ судебномъ вѣдомствѣ мы избавились.

Много заботъ причинялъ намъ предсѣдатель Петроградскаго Окружного Суда Рейнботъ. Это былъ дѣлавшій карьеру судебный дѣятель; человѣкъ несомнѣнно даровитый, но принципіально не особенно чистый, т. е. ради карьеры способный покривить въ нѣкоторыхъ случаяхъ душой. Къ адвокатамъ онъ не относился прямо враждебно, но поскольку требовала та же карьера, въ достаточной степени пренебрежительно. Ему, конечно, слѣдовало самому догадаться уйти съ отвѣтственнаго и виднаго поста, когда у власти стали новые люди, но онъ «не догадывался», а мы его не трогали, такъ какъ онъ въ извѣстной степени былъ въ этомъ отношеніи застрахованъ. Сравнительно незадолго до революціи въ Петербургскомъ судѣ подъ его предсѣдательствомъ судили адвокатовъ за воззваніе ихъ по дѣлу Бейлиса. Это былъ по существу своему гнуснѣйшій процессъ. Участники въ преслѣдованіи адвокатовъ не могли заслуживать довѣрія со стороны новой власти, но преслѣдованіе Рейнбота носило бы характеръ мстительнаго отношенія къ нему, ибо большинство адвокатовъ, которые были привлечены по дѣлу Бейлиса къ уголовной отвѣтственности, стояли нынѣ у власти. Это и удерживало насъ устранить съ мѣста Рейнбота. Припоминается, что въ концѣ концовъ его перевели въ сенатъ на мѣсто товарища оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента, что являлось повышеніемъ по службѣ.

Упорное нежеланіе выходить въ отставку, хотя на словахъ и выражалась въ томъ готовность, проявили нѣкоторые предсѣдатели провинціальныхъ Окружныхъ Судовъ и члены Окружныхъ Судовъ. Это заставило меня поднять вопросъ объ отмѣнѣ на очень короткій срокъ принципа несмѣняемости. Въ этомъ вопросѣ, возбужденномъ при Министрѣ Юстиціи Переверзевѣ, я потерпѣлъ фіаско. Болѣе подробно объ этомъ я скажу ниже.

Для ознакомленія съ дѣятельностью служебнаго персонала служило такъ называемое «дѣло» (досье) о каждомъ чиновникѣ. Эти досье подчасъ носили чрезвычайно интересный характеръ. Въ «дѣлѣ» отмѣчалось не только ходъ службы дѣятеля, но и всѣ свѣдѣнія о немъ, хотя бы стороннняго характера. Щегловитовъ, повидимому, весьма любилъ собирать о человѣкѣ всю его подноготную. И я думалъ, что «дѣло» Министерства Юстиціи подчасъ мало отличалось отъ «дѣла» охраннаго отдѣленія; оно было даже шире по содержанію. Боже сохрани, было бы скрыть отъ Щегловитова какія либо сплетни относительно служебнаго лица или о случившемся съ нимъ скандалѣ. Всякій подобный случай по требованію Щегловитова подвергался подробному разслѣдованію, иногда тайному. Мнѣ приходилось всю эту литературу прочитывать, прежде чѣмъ имѣть общеніе съ тѣмъ или инымъ лицомъ судебнаго вѣдомства, который являлся ко мнѣ на пріемъ. И вотъ — приходило ко мнѣ служебное лицо, человѣкъ серьезный, обстоятельный, щеголеватый, я слушалъ его, а въ головѣ вертѣлась мысль: «а мнѣ, братъ, извѣстно, что ты подозрѣваешь и не безъ основанія свою жену въ измѣнахъ тебѣ; все, братъ, прописано въ твоемъ досье».

Бесѣдовать съ Керенскимъ о дѣлахъ было чрезвычайно трудно: его почти никогда нельзя было захватить; у него никогда не было ни одной свободной минуты. Я сталъ ходить къ нему рано утромъ, когда онъ вставалъ и пилъ кофе. Тутъ на лету происходили у меня съ нимъ всѣ переговоры. Керенскій — «быстрый разумомъ Невтонъ», схватывалъ предметъ бесѣды на лету, и потому не требовалось много времени на рѣшеніе текущихъ вопросовъ. Чуть ли не все время Керенскаго занимали его разъѣзды съ визитами по различнымъ организаціямъ и выступленія съ рѣчами въ разныхъ собраніяхъ. Популярность его была огромна и все росла. Я уже замѣтилъ, что необходимость заставляла Керенскаго проводить такъ время. Публичное слово имѣло тогда громадное значеніе, и много недоразумѣній было сведено на нѣтъ благодаря однимъ публичнымъ выступленіямъ Керенскаго и другихъ; но, конечно, такая ѣзда или такое времяпрепровожденіе отражалось отрицательно на дѣятельности Керенскаго, какъ Министра Юстиціи. Тѣмъ не менѣе, Керенскій все же всюду поспѣвалъ и не меньше другихъ министровъ занимался дѣломъ.

За Керенскимъ создалась слава, и вполнѣ имъ заслуженная, большого оратора. Онъ умѣлъ зажигать сердца.

Керенскій, какъ талантливый защитникъ, зарекомендовалъ себя въ адвокатурѣ съ первыхъ же своихъ выступленій. Но какъ ораторъ онъ имѣлъ много отрицательныхъ сторонъ.

Онъ всегда слишкомъ нервничалъ. Не безъ основанія его называли неврастеникомъ. Онъ обладалъ громкимъ и излишне рѣзкимъ голосомъ, и въ рѣчахъ его всегда слышались высокія крикливыя ноты. Онъ никогда не говорилъ спокойно, и это слушателей иногда раздражало. Вообще, слушать его было довольно тяжело. Таковъ онъ былъ и въ своихъ первыхъ думскихъ выступленіяхъ. Но только на первыхъ порахъ. Въ послѣднюю же сессію 4 Государственной Думы онъ почти преобразился; уже не было въ его рѣчахъ ни крика, ни излишней нервности. Онъ сдѣлался настоящимъ ораторомъ, слушать котораго было удовольствіемъ и слушать котораго собирались вся Дума, каковой чести изъ думскихъ ораторовъ удостоивались весьма немногіе. Керенскій произнесъ въ Думѣ нѣсколько великолѣпныхъ рѣчей незадолго до революціи. Я помню, что даже Милюковъ, несомнѣнный и крайній недоброжелатель Керенскаго, поздравилъ его за блескъ одного изъ его выступленій. Рѣчи же Керенскаго за время революціи всегда сопровождались его тріумфомъ. Керенскій отличился, когда, какъ премьеръ Временнаго Правительства, выступилъ въ Московскомъ Государственномъ совѣщаніи. Объ его заключительной рѣчи много писалось; Керенскій въ этомъ своемъ заключительномъ словѣ, если можно такъ выразиться, сдѣлалъ проскачку. Неожиданно, нарушая программу рѣчи, онъ впалъ въ лирику, внесъ въ свою рѣчь ноту какого-то отчаянія. Это всѣхъ поразило, и кто-то изъ слушателей громко воскликнулъ: «Не надо, не надо». Во время Московскаго Совѣщанія я жилъ у прокурора Московской Судебной Палаты Сталя, у котораго остановился и милѣйшій, нынѣ покойный, князь Крапоткинъ. Крапоткинъ признавалъ за Керенскимъ величайшій даръ слова. Онъ кромѣ того сказалъ, что не знаетъ въ Европѣ другого такого человѣка, который сумѣлъ бы съ такимъ умѣніемъ вести публичное засѣданіе, состоящее изъ 4 тысячъ слишкомъ человѣкъ. Говорить въ такомъ собраніи, конечно, составляло огромную трудность. Керенскій, произнося рѣчь, каждое свое слово отчеканивалъ, и оно слышалось въ любомъ мѣстѣ театральной залы. На каждомъ абзацѣ своей рѣчи онъ останавливался, давалъ слушателямъ время вос-

пріять его мысль. Таковъ постоянный способъ говорить рѣчи у Ф. И. Родичева. Керенскій примѣнилъ этотъ способъ въ надлежащей обстановкѣ. Сообразно случаю Керенскій говорилъ свою рѣчь чрезвычайно торжественно и языкомъ, какимъ писали въ старину законы. Это было очень красиво. И все же нашелся какой-то профессоръ изъ кадетъ, пріѣхавшій съ Юга Россіи (фамилію его не знаю), который громко заявлялъ, что онъ слышалъ о Керенскомъ, какъ о крупномъ ораторскомъ талантѣ, и удивляется такой его репутаціи, ибо Керенскій показалъ себя въ Совѣщаніи абсолютно не ораторомъ.

Скажу еще нѣсколько словъ о двухъ рѣчахъ Керенскаго. Крайніе лѣвые элементы, хотя и участвовали въ Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи, однако остались имъ очень недовольны. Они находили, что въ немъ не сказался въ достаточной степени демократическій духъ. Правильнѣе сказать, что выразителемъ этого духа (а это и не нравилось крайнимъ лѣвымъ) были не только крайніе лѣвые, но и правые, каковыми считались всѣ, стоящіе правѣе соціалъ-демократовъ и соціалъ-революціонеровъ. Поэтому, по иниціативѣ лѣвыхъ, было созвано второе совѣщаніе (я не помню порядка избранія членовъ этого собранія), которое собралось въ Петербургѣ въ зданіи Александринскаго театра. Въ то время Временное Правительство уже не пользовалось той популярностью, какою пользовалось въ первый періодъ своей дѣятельности; Керенскій уже имѣлъ много враговъ. Совѣщаніе въ Александринскомъ театрѣ было явно настроено противъ него. Керенскій своей рѣчью въ Александринскомъ театрѣ поднялъ престижъ Временнаго Правительства, онъ почти заставилъ Совѣщаніе стать на сторону Временнаго Правительства, хотя собраніе по настроенію до рѣчи Керенскаго не думало стать на этотъ путь. Этой рѣчи Керенскаго лично я не слыхалъ, но мнѣ разсказывали, что онъ превзошелъ себя, и было похоже на то, что онъ являлся укротителемъ посаженныхъ въ клѣтку звѣрей. Третья, на мой взглядъ, и тоже замѣчательная рѣчь Керенскаго была имъ произнесена въ Совѣтѣ Республики, почти наканунѣ паденія Временнаго Правительства и торжества большевиковъ. Тогда кадеты явно стояли противъ Керенскаго, хотя настроеніе это имѣло скорѣе личный характеръ. Повидимому, кадеты отдѣляли Керенскаго отъ Временнаго Правительства; Корниловская исторія уже сыграла тогда свою роль. Всѣ, стоявшіе правѣе кадетъ, а таковыхъ было не мало въ Совѣтѣ Республики, а также часть соціалъ-демократовъ и лѣвые эсеры были всѣ настроены противъ Керенскаго. Въ Совѣтъ былъ внесенъ, если не ошибаюсь, кадетами запросъ, что думаетъ дѣлать Правительство въ виду явной опасности большевизма. Керенскій отвѣчалъ, что Правительство приготовилось встрѣтить большевиковъ, что имъ подготовленъ отпоръ (какъ извѣстно, войска предназначенные къ отпору, перешли затѣмъ на сторону большевиковъ, чѣмъ обезпечили торжество послѣднихъ). Закончилъ свою рѣчь Керенскій призывомъ не винить ни въ чемъ обезсиленнаго грязнаго, худо одѣтаго, обмызганнаго русскаго солдата. Финалъ рѣчи былъ произнесенъ съ большимъ подъемомъ. И опять всѣ, кромѣ лѣвыхъ эсеровъ, оказались на сторонѣ Керенскаго, а кадеты сдѣлали Керенскому овацію, аплодируя ему, вставъ со своихъ мѣстъ. Это была та рѣчь, о которой кадетъ Степановъ, нынѣ тоже покойный, въ своихъ воспоминаніяхъ говорилъ, что «вотъ вышелъ на кафедру кривляться великій человѣкъ». Другой кадетъ прис. пов. Мандельштамъ въ своихъ воспоминаніяхъ тоже высказался объ этой рѣчи отрицательно, забывая объ овацiяхъ, сдѣланныхъ Керенскому его же собратіями по партіи. Я хорошо зналъ Степанова; это былъ честнѣйшій и милѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, но онъ былъ

ярымъ кадетомъ, т. е. послушнѣйшимъ рабомъ кадетской партіи. Степановъ много вреда принесъ въ послѣднее время своей дѣятельностью, когда поддерживалъ ген. Деникина тамъ, гдѣ его слѣдовало учить не дѣлать того, что послѣдній дѣлалъ. Но отзывъ Степанова о Керенскомъ тѣмъ непріятнѣе, что Степановъ былъ въ свое время пріятелемъ Керенскаго.

Популяренъ Керенскій былъ во всѣхъ кругахъ, даже юмористическіе журналы, поднимавшіе такъ или иначе на смѣхъ Министровъ или остря надъ ними, не трогали одного Керенскаго, т. е. не задѣвали его. При канцеляріи Новаго Правительства работали чиновники, состоявшіе при Государственномъ Совѣтѣ. Это были почти все сыновья крупныхъ же чиновниковъ и богатыхъ людей; молодые люди, дѣлавшіе большую карьеру. Само собой разумѣется, какъ принадлежащіе къ кругу блестящихъ старыхъ чиновниковъ, они всѣ были консерваторы по направленію. Нужно было слышать ихъ отзывы о Керенскомъ. Они называли его блестящимъ. Все умное, оригинальное, свѣжее исходило въ засѣданіяхъ Временнаго Правительства, по ихъ мнѣнію, отъ Керенскаго. Это замѣчалось чиновниками и цѣнилось ими. Отрицательнаго отношенія среди нихъ къ Керенскому не было. Это мнѣ лично извѣстно.

Мнѣ приходится останавливаться на личности Керенскаго потому, что теперь, когда я пишу свои замѣтки, имя его одіозно. Нѣтъ лица, которое походя не ругало Керенскаго. Даже эсеры, къ партіи которыхъ принадлежитъ Керенскій, и тѣ не останавливались передъ охаиваніемъ послѣдняго. Явленіе это заслуживаетъ вниманія, и я на немъ вкратцѣ остановлюсь, хотя для этого приходится забѣжать впередъ.

Года два тому назадъ, когда я жилъ въ г. Тифлисѣ послѣ выхода моего изъ тюрьмы, куда меня здорово-живешь засадило Грузинское Правительство, я сталъ заниматься частной газетной работой въ эсеровскомъ партійномъ органѣ «Знамя Народа». Помню, что въ одной изъ своихъ статей я упомянулъ о Керенскомъ, отозвавшись о немъ съ положительной стороны. Редакція вычеркнула этотъ отзывъ, главнымъ образомъ изъ боязни не угодить читающей публикѣ. Меня это удивило, и я сказалъ заправиламъ газеты, что, по моему мнѣнію, тогда только наступитъ нормальное политическое положеніе или тогда умы человѣческіе придутъ въ нормальный порядокъ, когда къ дѣятельности Керенскаго въ Временномъ Правительствѣ перестанутъ относиться только отрицательно. Это не значило, однако, по моему мнѣнію, что Керенскій всегда въ политикѣ правильно поступалъ, хотя онъ иногда былъ вынужденъ дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи, нынѣ считающемся неправильнымъ; вообще, я считаю, что за политику Временнаго Правительства должны нести отвѣтственность всѣ лица, входившія въ составъ кабинета, а не одинъ Керенскій; все Правительство цѣликомъ, ибо это Правительство вовсе не состояло изъ однихъ ставленниковъ Керенскаго, и не изъ мальчиковъ, состоявшихъ у него на побѣгушкахъ. Керенскій ничего единоличной властью не дѣлалъ, а все, что дѣлалось, исходило отъ имени Временнаго Правительства, то-есть отъ всѣхъ лицъ, въ него входившихъ. Дѣйствительно колоссальная популярность Керенскаго давила всѣхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ избаловала его. Понятно поэтому, что съ мнѣніемъ Керенскаго всѣ должны были такъ или иначе считаться. Идти противъ Керенскаго никто не хотѣлъ, ибо это связывалось съ вопросомъ о потери своей собственной популярности. Въ послѣднемъ Керенскій конечно былъ нисколько не виноватъ, это была отрицательная сторона товарищей его по Совѣту Министровъ.

Во время управленія Керенскаго Министерствомъ Юстиціи въ столовой Министра къ часу завтрака собиралось довольно много народу. Это былъ часъ отдохновенія и общей бесѣды. Къ этому часу являлись съ визитами близкіе ему партійные дѣятели, эмигранты, вернувшіеся въ Россію, бывшіе политическіе ссыльные и иностранные гости. Изъ иностранцевъ бывалъ чаще другихъ французскій Министръ Тома. Приходила Вѣр. Ник. Фигнеръ, а по пріѣздѣ въ Петербургъ въ квартирѣ Министра поселилась сама бабушка русской революціи, Брешко-Брешковская, которая повидимому очень тепло относилась къ Керенскому. О ней я хочу сказать нѣсколько словъ. Это былъ очень симпатичный и милый человѣкъ, по облику своему напоминавшій хорошихъ нашихъ бабушекъ изъ старыхъ помѣщицъ. Она была очень привѣтлива; со всѣми своими знакомыми, даже когда ей представляли новое лицо, она, здороваясь, непремѣнно цѣловалась и всѣмъ говорила «ты». Это цѣлованіе походило у ней на какой то обрядъ. Вѣроятно такая привычка была присуща всѣмъ ссыльнымъ политическимъ. Они могли встрѣчаться въ ссылкѣ, какъ знакомые, только съ такими же политически пострадавшими, какъ и они сами, считались между собою близкими и при встрѣчахъ должны были цѣловаться. Я, помню, защищалъ одну барышню, обвиняѣмую въ томъ, что она принадлежала къ партіи с. д. и состояла въ Петербургскомъ комитетѣ. Ее оправдали. Передъ уходомъ изъ Суда она со всѣми осужденными, прощаясь, перецѣловалась. Словомъ, это былъ обычай, которымъ вообще дорожили. Такъ какъ бабушка жила въ Министерствѣ, и я каждый день съ ней встрѣчался, то и цѣловаться съ ней приходилось каждый день, что мнѣ казалось не столько излишнимъ, сколько неловкимъ; мнѣ казалось, что и ей должно же это надоѣсть. Я поэтому сталъ съ ней издали здороваться. Съ бабушкой мнѣ приходилось неоднократно бесѣдовать, но врядъ ли она знала, кто съ ней говорилъ. Народу къ ней приходило множество, и врядъ ли ее особенно интересовало, кто съ ней здоровается. Бабушка прекрасно говорила; у ней была отличная дикція. Рѣчь ея, произнесенная въ Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи, показала, какъ она умѣетъ владѣть словомъ, и какъ она умѣетъ говорить, не напрягая голосовыхъ связокъ, такъ, чтобы ее слышали. Но не всѣ ее любили изъ тѣхъ, кто ее помнилъ молодой. А такъ вообще она была привлекательнѣйшей старушкой. Въ шутку я называлъ ее «Чортовой бабушкой» и вотъ почему. Однажды бесѣдуя съ ней о земельномъ вопросѣ, проблему котораго она кстати сказать разрѣшала весьма радикально, я сказалъ ей, что всего лучше было бы назначить Министромъ Земледѣлія А. В. Пѣшехонова. «Хорошій человѣкъ, очень хорошій, и министромъ пусть его назначатъ, но только пусть онъ перемѣнитъ свою земельную программу». Такая наивность въ бабушкѣ была довольно удивительна. Когда же при продолженіи разговора я упомянулъ о крестьянскихъ безпорядкахъ и замѣтилъ, что крестьянскіе союзы сыграли въ свое время положительную роль, такъ какъ гдѣ они были учреждены, тамъ не было разгромовъ помѣщичьихъ имѣній, она сказала: — «Да какіе же это были разгромы, вѣдь помѣщикамъ говорили, чтобы они уѣзжали, громили вѣдь только тѣхъ, которые не хотѣли уѣзжать». Вотъ какіе взгляды были у бабушки. Помню, что при этомъ разговорѣ присутствовалъ Керенскій, который, смѣясь, сказалъ: «вотъ и ѣзди съ такой бабушкой по Россіи».

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ, имѣвшимъ государственное значеніе, въ обсужденіи котораго, хотя и не оффиціально, я принялъ участіе по вступленіи моемъ въ министерство, былъ вопросъ о смертной казни. Резолюцію объ отмѣнѣ смертной казни составляли А. С. Зарудный и проф. Чубинскій. Они, конечно, стояли за отмѣну смертной казни, но дѣлали исключеніе для примѣненія ея во время войны. Я стоялъ за полную ея отмѣну. Керенскій тоже всталъ на ту же точку зрѣнія и о томъ, что Временное Правительство стоитъ за полную отмѣну смертной казни, объявилъ на одномъ изъ политическихъ публичныхъ засѣданій въ Москвѣ. Какъ извѣстно, полная отмѣна смертной казни въ отношеніи и военнаго времени была затѣмъ тѣмъ же Временнымъ Правительствомъ отмѣнена, что я лично всегда считалъ большой ошибкой. Но Керенскій сдѣлалъ впослѣдствіи еще большую ошибку, когда гдѣ-то сказалъ, что онъ въ качествѣ Верховнаго Главнокомандующаго никогда на практикѣ примѣнять ее не станетъ. Тогда и огорода городить не слѣдовало. Керенскій своимъ признаніемъ и себя, и Временное Правительство сильно въ то время дискредитировалъ.

Особый и совершенно понятный интересъ представляли дѣла такъ называемой охранки. Была создана комиссія, которая занялась приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ Департамента полиціи. Знающихъ эти дѣла было нѣсколько человѣкъ; во главѣ ихъ стояли литераторы Щеголевъ и Бурцевъ, бывшіе редаторы журнала «Былое». Порядокъ въ разрозненныхъ дѣлахъ, архивъ которыхъ былъ перенесенъ въ нижній подвальный этажъ Министерства Юстиціи, былъ очень быстро наведенъ, что однако потребовало много труда. Но все же папсекретнѣйшія дѣла, повидимому, были либо скрыты, либо своевременно заинтересованными въ нихъ лицами уничтожены. Послѣднее вполнѣ возможно, такъ какъ въ первые дни революціи толпа народа устремилась къ департаменту полиціи, ворвалась въ зданіе и принялась жечь все, что попадалось ей подъ руки. Весьма вѣроятно, помогли толпѣ жечь дѣла опытные руководители, заинтересованные въ уничтоженіи нѣкоторыхъ документовъ. Въ первые дни революціи дважды поджигали Петроградскій Окружный Судъ. Одинъ разъ какъ-то отстояли судъ, но при второмъ поджогѣ его спасти не удалось. Не было абсолютно никакого основанія ни съ точки зрѣнія общественнаго интереса, ни съ точки зрѣнія революціоннаго жечь дѣла Суда. Однако ихъ сожгли. И тутъ вѣроятно помогали руки заинтересованныхъ лицъ. Этими заинтересованными лицами могли быть только уголовные, очутившіеся на свободѣ. Правда, могъ быть интересъ поджигать и уничтожать со стороны тѣхъ, которыхъ подзадаривалъ къ этому духъ разрушенія вообще. И такой духъ существовалъ, но расцвѣлъ онъ въ эпоху большевизма.

Стремленіе создать популярность новой власти заставило Керенскаго принять близкое участіе въ дѣлахъ печати. Нужно было, чтобы печать всегда была подъ рукой, чтобы сообщать политическія новости и все, что совершалось новымъ правительствомъ. Было создано особое бюро печати при Министерствѣ Юстиціи. Этому бюро было поручено собирать все интересное, что могло имѣть какой либо общественный интересъ, либо интересъ минуты. Составлялись особые бюллетени, которые каждодневно передавались Керенскому. Это бюро печати имѣло повидимому пропасть работы и не малое число служащихъ. Помѣщалось оно въ отдѣль-

ныхъ для сего комнатахъ квартиры министра. Конечно, все это стоило большихъ денегъ, что не особенно нравилось Зарудному, которому затѣя Керенскаго вообще не особенно была по вкусу. Бюро это работало до того времени, пока Керенскій былъ Министромъ Юстиціи. Когда же онъ былъ назначенъ Военнымъ и Морскимъ Министромъ и переѣхалъ въ новое помѣщеніе, то бюро печати при Министерствѣ Юстиціи постепенно захирѣло и затѣмъ было ликвидировано.

Новое Правительство ознаменовало себя созданіемъ массы законодательныхъ комиссій. Особенно много было работы въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, на долю котораго пришлось пересматривать и создавать новые законы по административному управленію страной. Все земское и городское законодательство подлежало переработкѣ. Я получилъ приглашеніе участвовать въ комиссіи по земскому законодательству. Эта комиссія имѣла — въ свою очередь — массу подкомиссій. Я попробовалъ посѣщать ихъ. Но мнѣ это не удалось, такъ какъ это могло отнять у меня все время. Пришлось бросить это дѣло. Въ то время очень увлекались созданіемъ административнаго суда. А такъ какъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ было очень заинтересовано въ созданіи этого органа, то оно взяло на себя трудъ созданія новаго закона. Административный Судъ долженъ былъ составлять органическое цѣлое съ обыкновеннымъ судомъ; каждый Окружный Судъ долженъ былъ имѣть свое административное судебное отдѣленіе, административные судьи должны были войти въ корпорацію обычныхъ мировыхъ (или назначенныхъ) судей, или членовъ Окружныхъ Судовъ. Мнѣ случайно пришлось познакомиться съ проектомъ закона объ учрежденіи административнаго суда Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Онъ мнѣ показался очень плохо написаннымъ; писали его люди, мало знакомые съ судебными установленіями. Я указалъ на это Керенскому и просилъ его создать свою комиссію для выработки закона, столь близкаго Министерству Юстиціи. Комиссія была создана. Въ нее вошли нѣкоторыя изъ лицъ, участвовавшихъ въ такой же комиссіи при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Весьма многое было передѣлано въ прежнемъ проектѣ, но одинъ, на мой взглядъ, крупный недостатокъ проекта остался въ силѣ. Какъ я сказалъ, идея созданія административнаго суда весьма многихъ прельщала. Благодаря этому, новому закону стали придавать большее значеніе, чѣмъ онъ заслужилъ. Пришли къ убѣжденію, что всякая жалоба на рѣшеніе Окружнаго Суда по административному отдѣленію подлежитъ разсмотрѣнію только высшаго судебнаго органа въ Россіи, то-есть Сената. Судебную Палату нашли для этого недостаточно авторитетною. Повторили ту ошибку, которая имѣлась уже въ старомъ строѣ относительно коммерческихъ судовъ, у которыхъ апелляціонной инстанціей являлся непосредственно Сенатъ. Мое мнѣніе о неправильномъ игнорированіи Судебной Палаты въ качествѣ апелляціонной инстанціи не было признано заслуживающимъ уваженія. Я, однако, не терялъ надежды добиться своего; существовалъ такой порядокъ работъ въ комиссіяхъ: послѣ принятія комиссіей окончательнаго текста проекта новаго закона, таковой отпечатывался на машинкѣ, а копіи съ него разсылались всѣмъ членамъ комиссіи, которые въ правѣ были сдѣлать свои замѣчанія на проектъ закона. Проектъ вмѣстѣ съ замѣчаніями отдѣльныхъ членовъ комиссіи отсылался затѣмъ въ Совѣтъ Министровъ, гдѣ разсматривался и получалъ силу закона. Я думалъ внести свое замѣчаніе о неправильности принятаго порядка жалобъ на рѣшеніе административныхъ судовъ при передачѣ проекта закона въ Совѣтъ Министровъ. Однако,

вопреки обычаю, на этотъ разъ проектъ закона не былъ разосланъ членамъ комиссіи, а прямо попалъ въ Совѣтъ Министровъ. Спрошенный мною по этому поводу директоръ 1-го Департамента Министерства Юстиціи Мордухай-Болтовской, въ вѣдѣніи котораго находился законодательный отдѣлъ, объяснилъ мнѣ, что члены какъ старой, такъ и новой комиссіи настолько были довольны новымъ проектомъ закона и такъ стремились къ скорѣйшему признанію за нимъ силы закона, что рѣшили не терять время на исполненіе, по ихъ мнѣнію, пустой формальности, какъ разсылки проекта, окончательно принятаго комиссіей. Такимъ образомъ я потерпѣлъ фіаско въ своемъ домоганіи.

Въ Министерствѣ Юстиціи было создано по иниціативѣ А. С. Заруднаго другая чрезвычайно важная комиссія — комиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ Императора Александра II. Въ созданіи этихъ уставовъ, какъ извѣстно, игралъ огромную роль сенаторъ Зарудный, отецъ Александра Сергѣевича. Естественно, что сынъ хотѣлъ возстановить уставы въ томъ видѣ, къ которому такъ стремились отецъ его и первые создатели устава, и отъ проведенія въ каковомъ составителямъ приходилось въ нѣкоторыхъ случаяхъ отказываться противъ своего желанія. Кромѣ того, уставы были еще испорчены разными новеллами позднѣйшаго происхожденія. Предсѣдателемъ этой комиссіи былъ избранъ товарищъ Министра Юстиціи А. С. Зарудный. Конечно, это было для него чрезвычайно лестно, но онъ былъ недоволенъ, такъ какъ главная работа по исправленію уставовъ должна была происходить въ многочисленныхъ подкомиссіяхъ, а не въ пленарномъ собраніи огромной по составу комиссіи. Въ комиссіяхъ же были свои предсѣдатели. Задуманная работа была чрезвычайно обширна. Я считалъ это ея грѣхомъ. Такая работа необходима и хороша для мирнаго времени, а мы жили въ горячее время, когда нужны были быстрыя измѣненія законовъ, несоотвѣтствующихъ времени. Мнѣ казалось болѣе цѣлесообразнымъ въ первую очередь заниматься исправленіями частичными, дабы скорѣе внести въ законодательство необходимыя новшества. Но и къ такого рода измѣненіямъ не было, повидимому, большой склонности у большинства членовъ комиссіи. Пульсъ жизни не особенно четко бился у старыхъ, хотя и чрезвычайно добросовѣстныхъ, сенаторовъ и профессоровъ юриспруденціи. А кромѣ того, и А. С. Зарудный былъ нѣсколько виноватъ въ своемъ преклоненіи передъ уставами. Напримѣръ, въ старыхъ уставахъ была проведена совершенно правильная мысль, что всякое преступленіе, въ томъ числѣ и государственное, должно было быть разсматриваемо при участіи присяжныхъ засѣдателей. Но уставы сохранили дѣленіе преступниковъ по рангамъ. Поэтому одно и то же преступленіе могло разсматриваться либо въ Окружномъ Судѣ, либо въ Судебной Палатѣ, либо, наконецъ, въ Сенатѣ. Для новаго времени такое раздѣленіе отвѣтственности являлось чистѣйшимъ вздоромъ. Но Зарудный не хотѣлъ мѣнять уставовъ и нашелъ въ этомъ отношеніи много сочувствовавшихъ ему. Слѣдуетъ прибавить, что къ проведенію идеи суда, равнаго для всѣхъ, Временное Правительство впослѣдствіи склонилось, но провести этотъ принципъ въ жизнь не успѣло. А это имѣло большое практическое значеніе.

Мнѣ съ моими сотрудниками въ вопросѣ о назначеніи на службу лицъ судебнаго вѣдомства много пришлось перебрать (и при томъ безполезно) фамилій, чтобы отыскать подходящее лицо для занятія должности предсѣдателя Петроградскаго Окружнаго Суда на вакантное мѣсто послѣ Рейнбота. Необходимо было

назначить очень опытнаго и даже талантливаго предсѣдателя въ виду предстоящихъ громкихъ судебныхъ процессовъ. Достаточно упомянуть процессъ бывшаго Военнаго Министра Сухомлинова или предстоящій процессъ большевиковъ. Но острота вопроса отпала, когда рѣшено было судить Сухомлинова въ Сенатѣ, гдѣ предсѣдателемъ присутствія былъ Таганцевъ-сынъ, очень опытный и умѣлый судья.

Но какъ бы ни была продуктивна работа комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ, она успѣла сдѣлать только нѣкоторую подготовительную часть возложенной на нее работы. Для приданія простоты составу этой комиссіи (другого подходящаго слова не нахожу), Зарудный пригласилъ для участія въ ней нѣсколькихъ лицъ не судебнаго міра: въ томъ числѣ нынѣ покойнаго шлиссельбуржца Германа Лопатина. Лопатинъ былъ очень доволенъ, какъ происходила работа въ комиссіи; его не то радовало, не то поражало, что въ засѣданіяхъ комиссіи все происходитъ чинно и гладко, а не такъ, какъ въ политическихъ собраніяхъ, съ ихъ горячими дебатами, подчасъ съ криками и ссорами. Было бы въ самомъ дѣлѣ любопытно посмотрѣть, какъ бы наши сенаторы стали кричать при спорахъ!..

Однимъ изъ первыхъ назначеній по Министерству Юстиціи было назначеніе на должность прокурора Петроградской Судебной Палаты присяжнаго повѣреннаго П. Н. Переверзева. Самъ по себѣ милый человѣкъ, «душа человѣкъ», веселый и экспансивный, Переверзевъ производилъ на всѣхъ очень хорошее впечатлѣніе. Онъ пользовался хорошей репутаціей, какъ ораторъ. И дѣйствительно, онъ владѣетъ свободно рѣчью, имѣетъ хорошій голосъ. Насколько я могу судить, рѣчи его, однако, никогда не были программы, но мысли, имъ высказываемыя, были мѣтки, и рѣчи его съ внѣшней стороны были не безъ блеска. Помню, что въ революціонное время онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ какого-то фронта, гдѣ завѣдывалъ врачебнымъ поѣздомъ имени Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ. Явился онъ въ Министерство Юстиціи, одѣтый въ форму, соотвѣтствующую военному образцу, и, какъ оказалось, подъѣхалъ къ Министерству верхомъ. Онъ понравился даже П. П. Жемчужникову. Какъ онъ служилъ въ должности Прокурора Палаты, я не знаю.

Работы у него конечно былъ полонъ ротъ. Ему хотѣлось, какъ онъ говорилъ, имѣть при себѣ своихъ людей. Поэтому онъ просилъ прикомандировать къ нему Бессарабова и Данчича. Просьба его была, конечно, исполнена, и оказалось, что Данчичъ и Бессарабовъ поступили дальновидно, удовольствовавшись на первыхъ порахъ скромною должностью, они вскорѣ получили повышеніе. Переверзеву очень много пришлось возиться съ бывшими министрами, тѣми, которые были арестованы. Часть ихъ онъ вдругъ здорово-живешь въ какомъ-то порывѣ выпустилъ изъ заключенія, то-есть сдѣлалъ это, не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ, чѣмъ поставилъ въ очень неловкое положеніе Керенскаго, который по этому поводу, раздраженный, сдѣлалъ ему весьма серьезный репримандъ, кричалъ на него, какъ разсказывалъ Переверзевъ. Выпущенныхъ лицъ Переверзеву немедленно пришлось водворить въ тюрьму. Онъ былъ этимъ достаточно сконфуженъ.

Во время своего прокурорства Переверзеву пришлось участвовать въ очень серьезномъ дѣлѣ; именно въ Кронштадтскомъ. Керенскій командировалъ его туда, въ качествѣ представителя власти, чтобы убѣдить кронштадтскій Совѣтъ

рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ выпустить изъ тюрьмы арестованныхъ матросами морскихъ офицеровъ. Подробности этого дѣла у меня изгладились изъ памяти. Вѣроятно, кто либо изъ близко стоявшихъ къ этому событію его опишетъ. Помню, однако, слѣдующее. Кронштадтскій Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, хотя и стоялъ въ оппозиціи Временному Правительству, однако, сравнительно былъ мирно настроенъ, то-есть онъ признавалъ Временное Правительство, какъ высшую власть въ Россіи, и готовъ былъ подчиниться ему. Но «краса и гордость революціонной Россіи» — матросы, будущіе большевики, были далеки отъ этого настроенія, и съ своей «красой» собственный ихъ Совѣтъ, повидимому, справиться никакъ не могъ. Переверзевъ долженъ былъ поѣхать въ Кронштадтъ и уговорить матросовъ перестать дѣлать оппозицію власти, то-есть по-просту бунтовать. Переверзеву пришлось, повидимому, испытать много непріятностей въ Кронштадтѣ. Достаточно упомянуть, что во время его рѣчи въ собраніи матросовъ многіе матросы, а можетъ быть и солдаты, демонстративно передъ его носомъ щелкали ружейными затворами. Переверзевъ велъ себя храбро. Но сдѣлалъ какой-то промахъ, что-то обѣщалъ, чего-то по своему обѣщанію не исполнилъ, словомъ, сдѣлалъ какую-то тактическую ошибку, вслѣдствіи которой ему пришлось покинуть Кронштадтъ и даже, насколько я помню, при условіи, что правительство его снова въ Кронштадтъ не пошлетъ.

Теперь, оглядываясь назадъ, надо признать, что Временное Правительство сдѣлало крупнѣйшую ошибку въ своихъ сношеніяхъ съ Кронштадтомъ. Политическое положеніе тогда не было понято, не уразумѣлъ его и делегатъ Правительства Переверзевъ. Ошибки не было въ томъ, что послали «убѣждать». Какъ я раньше говорилъ, «слово» тогда имѣло громадный вѣсъ; и значеніе «слова» нужно было испытать и въ Кронштадтскомъ дѣлѣ. Но разъ «слово» не дало результата, необходимо было употребить средства до военныхъ дѣйствій включительно для наведенія порядка въ Кронштадтѣ, что было равносильно наведенію порядка въ самой Россіи. Въ то время войско еще стояло на сторонѣ Временнаго Правительства, и приказъ идти на взбунтовавшійся Кронштадтъ могъ бы имѣть успѣхъ. Такъ надо полагать, ибо антиправительственное движеніе въ войскахъ все же начиналось.

Новому Правительству волей-неволей приходилось заняться судьбой эксъ-правителей Россіи въ лицѣ ея бывшихъ министровъ и другихъ отвѣтственныхъ лицъ. Была создана особая чрезвычайно-слѣдственная комиссія для выясненія вредной и преступной дѣятельности этихъ лицъ съ тѣмъ, чтобы по выясненіи этой дѣятельности либо привлечь эксъ-министровъ къ уголовной отвѣтственности, либо реабилитировать ихъ передъ новымъ строемъ и отпустить съ миромъ. Предсѣдателемъ этой комиссіи былъ назначенъ московскій присяжный повѣренный Н. Конст. Муравьевъ. Муравьевъ самъ редактировалъ указъ о своемъ назначеніи, въ которомъ опредѣлялись права его какъ товарища министра. Упоминаю объ этомъ потому, что Муравьевъ очень заботился о своемъ служебномъ положеніи. Независимости его, какъ предсѣдателя названной комиссіи, ничего вообще не угрожало, почему стремленіе его получить должность съ правами товарища министра было лишь данью его самолюбію или честолюбію. Муравьевъ очень энергично повелъ свое дѣло. Мнѣ, какъ директору 2-го Департамента, приходилось очень считаться съ его дѣятельностью. Муравьевъ — популярный уголовный защитникъ по политическимъ дѣламъ, зналъ почти всю Россію и хорошо

познакомился съ дѣятельностью судебныхъ чиновъ. Въ свою комиссію онъ постарался собрать весь цвѣтъ судебной администраціи, хотя были, конечно, и ошибочки съ его стороны. Мнѣ постоянно приходилось вызывать въ Петербургъ провинціальныхъ дѣятелей для пополненія чрезвычайной слѣдственной комиссіи и дѣлать въ виду этого множество перемѣщеній. Въ своихъ требованіяхъ Муравьевъ былъ очень настойчивъ, хотя противодѣйствія ему я никогда не чинилъ. Но всякая медленность въ исполненіи его требованій раздражала Муравьева, и онъ немедленно приходилъ ко мнѣ за справкой, въ чемъ заключаются затрудненія для вызова необходимаго ему лица. Въ числѣ ошибочныхъ назначеній я считаю приглашеніе въ комиссію судебнаго слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ Середу, того самаго Середу, который велъ слѣдствіе по адвокатскому Бейлисовскому процессу. Середа велъ это дѣло самымъ предосудительнымъ для судебнаго дѣятеля способомъ. Кромѣ того, какъ я слышалъ, въ его судебномъ прошломъ, былъ поступокъ крайне позорный, когда онъ, явившись подъ видомъ якобы защитника, допросилъ нужнаго ему по политическому дѣлу подслѣдственнаго, находившагося подъ арестомъ. Но въ Щегловитовскомъ періодѣ управленія Министерствомъ Юстиціи подобный поступокъ не былъ въ диковинку. Я помню, въ одномъ изъ обвинительныхъ актахъ по Варшавскому Округу была сдѣлана прямая ссылка на то, что обвиняемый изобличенъ признаніемъ, сдѣланнымъ имъ фальшивому защитнику въ то время, когда въ сосѣдней тюремной камерѣ сидѣли посаженные туда спеціально для подслушиванія ничѣмъ не стѣснявшіеся агенты охранки. Достойно замѣчанія, что и судебные дѣятели не постыдились сообщить объ этомъ фактѣ въ обвинительномъ актѣ. Мнѣ удалось отвратить назначеніе Середы въ слѣдственную Муравьевскую комиссію. Удалить же Середу изъ судебныхъ слѣдователей, какъ несмѣняемаго судью, было нельзя. Входить же съ Середой по этому поводу въ какіе либо переговоры мнѣ не хотѣлось.

Комиссія Муравьева была очень многочисленна по своему составу. Я не имѣлъ рѣшительно никакого касательства къ чрезвычайной слѣдственной комиссіи и мало ею интересовался. Муравьевъ часто ѣздилъ къ Керенскому и докладывалъ о томъ, чего эта комиссія достигла. Керенскій не былъ доволенъ успѣхами этой комиссіи; повидимому, онъ не совсѣмъ былъ доволенъ и дѣятельностью Муравьева. Но врядъ ли можно было кого либо винить въ томъ, что комиссія по существу не достигла цѣли, ради которой была создана. Она и не могла достичь ея, ибо цѣль эта была недостижима. Я полагаю, что и Керенскій, и Муравьевъ должны были это понять съ момента ея образованія. Совершеніе какихъ преступленій можно было приписать бывшимъ министрамъ?! Еслибы послѣднихъ можно было привлечь къ уголовной отвѣтственности за преступленія, подобныя совершеннымъ военнымъ министромъ Сухомлиновымъ, то конечно чрезвычайная слѣдственная комиссія была бы у мѣста, но что могли совершить бывшіе министры — максимумъ — неправосудіе, если дѣло касалось Щегловитова, неправильное лишеніе кого либо свободы, совершенное Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, казнокрадство, мздоимство и проч., каковыя преступленія не представляютъ изъ себя чего либо ужасающаго, то-есть влекущаго чрезмѣрное наказаніе. Между тѣмъ, общество считало старыхъ дѣятелей власти, и совершенно справедливо, злодѣями по отношенію къ русскому народу. Но злодѣй не есть еще преступникъ, и не всякое злодѣяніе предусмотрѣно уголовными законами, въ особенности злодѣянія, совершаемыя высшими міра сего. Нужно было взять быка за рога и всенародно объявить — старая власть преступна, но на нее нѣтъ по закону достаточнаго наказанія; а по сему, вмѣсто

наказанія по закону, враги народа будутъ изгнаны изъ Россіи. Преслѣдованіемъ старыхъ вельможъ въ уголовномъ порядкѣ новая власть ничего не достигла, а сѣла межъ двухъ стульевъ. Вотъ почему нельзя винить ни Муравьева, ни комиссію въ томъ, что комиссія-гора родила мышь. Между тѣмъ общество безусловно было заинтересовано въ томъ, какое же рѣшеніе вынесетъ чрезвычайно-слѣдственная комиссія по дѣлу бывшихъ министровъ. Заинтересованъ былъ въ этомъ и Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Съ докладомъ по дѣламъ, производящимся въ комиссіи, насколько мнѣ извѣстно, безъ вѣдома Министра Юстиціи (кто тогда былъ министромъ, я не помню, но помню, что меня это возмущало), Муравьевъ, боявшійся потерять свою популярность, являлся въ Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Какъ и что онъ доложилъ Совѣту, мнѣ неизвѣстно, но фактъ этотъ былъ оповѣщенъ въ свое время въ газетахъ.

У революціонеровъ, въ томъ числѣ и у Керенскаго, существовалъ, искренній или неискренній, я не знаю, но совершенно неосновательный страхъ передъ контръ-революціей. Даже во время государственнаго совѣщанія въ Москвѣ въ одной изъ своихъ рѣчей Керенскій упомянулъ объ обнаруженномъ контръ-революціонномъ заговорѣ. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: до правительства дошли слухи, что производился какой-то денежный сборъ на освобожденіе Николая II, что существовала какая-то переписка по этому поводу, что ѣздила куда-то какая-то дама, которую посвятили въ эту тайну и которая, испугавшись отвѣтственности, эту тайну кому-то разгласила. Въ этомъ, помнится мнѣ, и заключалось все дѣло. Керенскій поручилъ разслѣдованіе этого дѣла Московскому прокурору Судебной Палаты А. Ф. Сталю. Сдѣлалъ онъ это распоряженіе помимо Министра Юстиціи Заруднаго, который въ то время находился въ Петербургѣ. Помню, что Зарудный такимъ распоряженіемъ Керенскаго остался крайне недоволенъ, а попутно и Сталемъ, не извѣстившемъ его о данномъ ему порученіи. Выяснилось, что контръ-революціонный сборъ дѣйствительно производился, но что дѣло было чисто мошенническое, основанное на эксплоатаціи патріотическихъ чувствъ приверженцевъ стараго режима. Гора родила мышь и настолько маленькую, что прокуроръ Сталь былъ нѣсколько сконфуженъ результатами разслѣдованія; ему казалось, что онъ допустилъ ошибку, принявъ съ самаго начала шутовское дѣло за серьезное. Я его утѣшилъ, сказавъ ему, что даже въ такомъ видѣ дѣло требовало разслѣдованія. Меня это дѣло заинтересовало, не потому, конечно, что оно было связано хотя бы и внѣшне съ идеей контръ-революціи, а потому, что мнѣ казалось, что за такое дѣло могли взяться только мошенники довольно высокой пробы. Изъ дѣла было видно, что заправилы его находились гдѣ-то близъ Москвы (одинъ изъ нихъ и былъ обнаруженъ), но что въ дѣлѣ замѣшаны были еще какіе-то почтенные чины, имѣвшіе мѣстопребываніе на Минеральныхъ водахъ. Мнѣ очень хотѣлось всѣхъ лицъ, замѣшанныхъ въ вымогательствѣ, обнаружить. Я стоялъ за то, чтобы дѣло продолжать и послать на югъ Россіи опытнаго слѣдователя для разслѣдованія всей сути дѣла. Объ этомъ поговорили, но изъ этого ничего не вышло — обрадовались, что контръ-революціонный заговоръ оказался пуфомъ. Обрадовалась, вѣроятно, такому финалу и маленькая шайка заговорщиковъ на карманы наивныхъ приверженцевъ стараго режима.

Какъ примѣръ подозрительнаго отношенія со стороны А. Ф. Керенскаго ко всему тому, что можетъ носить характеръ контръ-революціи, можно привести

еще слѣдующій фактъ. Генералъ Калединъ не пользовался довѣріемъ массъ въ силу того, что онъ былъ видной военной фигурой стараго режима. Я лично не былъ знакомъ съ генераломъ Калединымъ, но я былъ всегда увѣренъ въ томъ, что онъ служитъ новому правительству честно, такъ какъ онъ открыто призналъ его власть; а въ своей рѣчи, произнесенной въ Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи, онъ высказалъ свое политическое credo, которое совпадало съ тѣмъ, къ чему стремилась новая власть. Онъ связалъ себя словомъ, и въ его устахъ это не было пустымъ звукомъ. Но такъ называемый пролетаріатъ въ лицѣ его представителей не вѣрилъ Каледину, можетъ быть, просто не хотѣлъ ему вѣрить, что Каледина повидимому обижало. Распространились въ Петербургѣ слухи о его контръ-революціонной дѣятельности на югѣ Россіи среди Донского казачества, слухи ни на какихъ опредѣленныхъ данныхъ не основанные. Однако, они возбудили подозрѣніе со стороны Керенскаго. Но до разслѣдованія дѣятельности генерала Каледина на мѣстѣ дѣло все же не дошло. Прокуроръ Новочеркасской Судебной Палаты Ермоленко, нами же назначенный, телеграфировалъ Керенскому и мнѣ, что слухи о контръ-революціонной дѣятельности генерала Каледина носятъ характеръ провокаціонный, что благонадежность послѣдняго внѣ сомнѣній. Это повидимому остановило Керенскаго отъ удаленія генерала Каледина отъ занимаемыхъ имъ должностей. Дѣло не было начато, хотя было близко къ этому.

Подошло время, когда князю Львову пришлось изъ Временнаго Правительства уйти, а его мѣсто занять наиболѣе популярному человѣку въ Россіи — Керенскому. Послѣдній въ то время уже занималъ постъ военнаго и морского министра. Керенскій сталъ искать замѣстителя себя въ Министерствѣ Юстиціи и остановился на П. Н. Переверзевѣ, занимавшемъ въ то время должность прокурора Петербургской Судебной Палаты. Повидимому, этотъ выборъ былъ самому Керенскому по вкусу. По крайней мѣрѣ обращеніе его ко мнѣ — хорошаго ли министра онъ нашелъ, выражало ожиданіе одобренія его выбору. Я промолчалъ, ибо ничего сказать не могъ. Переверзевъ — давнишній и одинъ изъ наиболѣе близкихъ мнѣ пріятелей. Противъ него говорить я не могъ. Но я зналъ его за самаго неположительнаго человѣка, человѣка, который подъ вліяніемъ минуты могъ наговорить такого, что потомъ нельзя было найти выхода изъ его словъ, развѣ только, «мало ли что можно сказать», «не всякое лыко въ строку» и проч. Я удивляюсь и теперь, какъ Керенскій могъ не знать Переверзева съ этой стороны и какъ онъ не учелъ этого обстоятельства, встрѣчаясь съ Переверзевымъ не рѣже меня.

Переверзевъ сталъ министромъ. Въ то время уже поговаривали о необходимости назначенія двухъ новыхъ товарищей министра. Я не сомнѣвался, что однимъ изъ нихъ буду назначенъ я. Такъ оно и вышло. Вторымъ товарищемъ министра пригласили популярнаго въ Харьковѣ присяжнаго повѣреннаго Б. Г. Вальца. Въ качествѣ товарища министра я продолжалъ завѣдывать моими отдѣлами, которые находились и раньше въ моемъ вѣдѣніи. На мое же мѣсто директора 2-го Департамента былъ приглашенъ по выбору Переверзева общій же нашъ пріятель присяжный повѣренный М. В. Беренштамъ. Керенскій не сочувствовалъ этому назначенію. По многимъ основаніямъ я тоже не желалъ этого назначенія, хотя не имѣлъ основанія возражать противъ него. Я объясню, почему. Оговариваюсь, однако, что мнѣ крайне непріятно писать о Переверзевѣ

и Беренштамѣ, ибо мнѣ придется говорить о пріятеляхъ то, что мнѣ не нравилось въ нихъ. Но я уже рѣшился, не скрывая, писать правду, поскольку эта правда будетъ касаться общественныхъ вопросовъ.

Беренштамъ — до крайности самолюбивый человѣкъ, нѣсколько избалованный вниманіемъ къ нему нѣкоторыхъ товарищей, по натурѣ нѣсколько грубоватый и чрезвычайно дорожащій своимъ независимымъ положеніемъ. Всѣ эти качества на мой взглядъ должны были мѣшать ему въ оперированіи надъ личностями служебнаго персонала. Беренштамъ при вступленіи въ должность прямо заявилъ мнѣ, что онъ желалъ бы быть вполнѣ самостоятельнымъ въ назначеніи служащихъ. До извѣстной степени это не было опаснымъ, такъ какъ всѣ главныя назначенія уже до него состоялись. Но такое требованіе все же было неумѣстно. Онъ заявилъ мнѣ о немъ, какъ товарищу министра, завѣдующему отдѣломъ назначеній. Не знаю — говорилъ ли онъ на эту тему съ министромъ Переверзевымъ. Я этого не думаю. Въ такомъ случаѣ претензія его являлась странной, ибо всѣ рѣшительно назначенія идутъ за подписью министра, и всѣ министры очень дорожатъ этимъ своимъ правомъ. И я не думаю, чтобы Переверзевъ могъ отказаться, хотя бы на словахъ, въ пользу Беренштама отъ этого своего права, тѣмъ болѣе, что онъ любилъ давать обѣщанія устраивать на мѣста. Я тоже не отказался отъ права имѣть за собою окончательное рѣшеніе вопроса въ назначеніи лицъ на службу, поскольку этотъ вопросъ находился въ стадіи рѣшенія его въ канцеляріи. Беренштамъ жаловался потомъ мнѣ же, что я мѣшалъ ему самостоятельно работать. Жалоба эта была, однако, несправедлива. Всѣ вопросы и назначенія я рѣшалъ съ Беренштамомъ на чисто товарищескихъ началахъ; обо всемъ у насъ шли съ нимъ предварительныя бесѣды, и я ни разу не указывалъ Беренштаму о непремѣнномъ желаніи моемъ назначить то или иное лицо на опредѣленное мѣсто.

У Беренштама не было мягкости въ обращеніи съ просителями, что, можетъ быть, онъ ставитъ себя въ заслугу; я встрѣчалъ впослѣдствіи лицъ, которыя говорили мнѣ, что на своихъ пріемахъ онъ былъ въ достаточной мѣрѣ генераломъ, то-есть мало церемонился съ просителями. Но онъ былъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и безцѣльно жестокъ. Въ своей практикѣ я помню такой случай: пришелъ ко мнѣ кандидатъ на судебную должность, бывшій правовѣдъ, фамиліи котораго теперь не помню, и разсказалъ мнѣ слѣдующее: онъ служилъ въ какомъ-то судѣ кандидатомъ на судебную должность, когда одинъ знакомый его матери, одинъ изъ болѣе или менѣе видныхъ чиновниковъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ предложилъ ей опредѣлить ея сына на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ онъ легко, по его словамъ, могъ бы составить себѣ карьеру. Мать, конечно, съ радостью на это согласилась. Оказалось, однако, что знакомый опредѣлилъ его на службу въ Департаментъ полиціи. Революція застала его въ то время, когда опредѣленіе на новую должность не было еще оформлено. Правовѣдъ просилъ не увольнять его съ судебнаго мѣста и увѣрялъ, что лично онъ никогда не имѣлъ въ виду и не желалъ служить въ Департаментѣ полиціи. — Мнѣ было все равно, говорилъ ли онъ правду или втиралъ мнѣ очки. Я просто не хотѣлъ придавать этому, ничтожному на мой взглядъ, случаю особаго значенія и портить дальнѣйшую службу начавшаго только служить молодого человѣка. Я ему, однако, объяснилъ, что служебное его положеніе во всякомъ случаѣ шатко, такъ какъ новое время не гладитъ по головкѣ лицъ, служившихъ или желавшихъ служить въ такой клоакѣ, какъ Департаментъ полиціи; что, если узнаютъ, что онъ былъ кан-

дитатомъ на службу въ Департаментъ полиціи, то многіе могутъ заявить претензію на назначеніе его на службу въ судѣ, гдѣ вакансій свободныхъ вообще довольно мало. Я сказалъ ему, что переведу его на службу куда-нибудь въ глухую провинцію, гдѣ о немъ ничего не знаютъ. Я такъ и сдѣлалъ. Правовѣдикъ остался этимъ рѣшеніемъ очень доволенъ. Приблизительно такой же случай былъ и при директорствѣ Беренштама. Одинъ изъ служащихъ южнаго раіона весьма долго состоялъ въ своей должности безъ движенія. Его начальство за него хлопотало, но почему-то это ни къ чему не приводило. Онъ усталъ ждать и рѣшилъ, что если ужъ дѣлать карьеру, то не слѣдуетъ останавливаться передъ поступленіемъ на службу въ департаментъ полиціи. По всѣмъ видимостямъ это былъ шагъ съ его стороны только легкомысленный. Новое время застало его, когда онъ только что подалъ прошеніе въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. И этого было достаточно, чтобы потерять старое мѣсто и не получить новаго. Онъ слезно просилъ оставить его на службѣ Министерства Юстиціи, объяснялъ, что ему безъ службы жить нечѣмъ, что пусть опредѣлятъ его, хотя бы, на мѣсто кандидата на судебную должность, но не лишаютъ работы изъ-за куска хлѣба. Но Беренштамъ уперся. Убѣдить его измѣнить свое отношеніе къ судьбѣ этого несчастнаго товарища прокурора я не могъ и не имѣлъ основанія требовать его оставленія на службѣ. Формально Беренштамъ былъ правъ, и я долженъ былъ уступить. Если-бы я настаивалъ на своемъ — Беренштамъ вправѣ былъ бы говорить, что я безъ нужды лишаю его голоса. Но эта жестокость была мнѣ очень и очень не по вкусу.

Беренштамъ недолго прослужилъ въ Министерствѣ Юстиціи; его назначили вскорѣ товарищемъ Министра Продовольствія, то-есть товарищемъ А. В. Пѣшехонова, съ которымъ онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ. Однако, онъ ушелъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ. Онъ надѣялся получить мѣсто 5-го товарища Министра Юстиціи, каковое мѣсто ему обѣщалъ Переверзевъ. (Товарищами министра при Переверзевѣ были: бывшіе — Зарудный и Скарятинъ и два новыхъ — я и харьковскій прис. пов., съ которымъ я очень подружился, — милѣйшій Вальцъ.)

Само собой разумѣется, что мѣсто пятаго товарища министра предложилъ Беренштаму Переверзевъ, ни съ кѣмъ объ этомъ не посовѣтовавшись. Когда же зашла объ этомъ рѣчь съ товарищами министра, то было рѣшено, что въ назначеніи пятаго товарища министра не встрѣчается рѣшительно никакой надобности. Для меня кромѣ того ясно было, что свое предложеніе Беренштаму Переверзевъ сдѣлалъ совершенно зря, ибо любилъ обѣщать мѣста, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ясно было, что обѣщаніе это явно неисполнимо. Меня нисколько, напримѣръ, не удивило, когда я здѣсь на Кавказѣ узналъ изъ открытаго письма московскаго прис. пов. Ш., обвинявшагося въ рядѣ неблаговидныхъ поступковъ по управленію продовольственной частью при Грузинскомъ правительствѣ, что въ бытность его въ Россіи Переверзевъ обѣщалъ и ему мѣсто товарища министра. Объ этомъ обѣщаніи Переверзева рѣшительно никто изъ насъ ничего не зналъ. Беренштамъ, конечно, не былъ въ положеніи Ш. Но все же ему слѣдовало о своемъ назначеніи поговорить не только съ Переверзевымъ. Ему должно было быть извѣстнымъ, что безъ общаго обсужденія вопросъ о назначеніи пятаго товарища министра вообще пройти не могъ. Впослѣдствіи, какъ я слышалъ, Беренштамъ обвинялъ именно меня, что я воспрепятствовалъ его назначенію. Закулисно, т. е. безъ вѣдома товарищей министра, между Беренштамомъ и Переверзевымъ былъ рѣшенъ вопросъ даже о томъ, кто сядетъ на мѣсто

Беренштама, когда онъ получитъ новое назначеніе. Предполагалось назначить директоромъ 2-го Департамента бывш. прис. пов. В. Н. Новикова, ближайшаго друга Беренштама, абсолютно неподходящаго для занятія должности директора 2-го Департамента, человѣка нервнаго, несправедливаго, который всегда передъ кѣмъ нибудь либо преклонялся, либо къ кому либо относился недружелюбно. Беренштаму Новиковъ всегда кадилъ. Въ скобкахъ долженъ сказать, что Новиковъ самъ по себѣ честнѣйшій человѣкъ и ближайшими пріятелями весьма любимъ. Обиженный Беренштамъ ушелъ, и по нашему рѣшенію на его мѣсто былъ приглашенъ отбывавшій воинскую повинность — кадетъ, прис. пов. округа Саратовской Судебной Палаты Б. Б. Араповъ, добросовѣстнѣйшій въ мірѣ человѣкъ, который всѣмъ пришелся ко двору.

Со вступленіемъ Переверзева въ должность Министра Юстиціи начались мои мученія, иначе я не могу назвать тогдашнее длительное свое настроеніе духа.

Какъ я уже раньше сказалъ, Переверзевъ назначилъ меня своимъ товарищемъ. Переверзевъ былъ однимъ изъ моихъ ближайшихъ товарищей, съ которымъ мы были настолько близки, что церемоній между нами не было никакихъ. Такимъ образомъ, все предсказывало, что работа у насъ пойдетъ при взаимномъ другъ къ другу довѣріи совершенно гладко. Однако, съ первыхъ же шаговъ я увидѣлъ, что Переверзевъ не обо всемъ со мной говоритъ, т. е., что есть области, въ которыя онъ избѣгалъ меня пускать, и не потому, что онъ дорожилъ бы полной своей самостоятельностью въ рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ (что я вполнѣ бы одобрялъ, если бы это было такъ, и на что я бы и не претендовалъ), а потому, что, казалось, боялся встрѣтить съ моей стороны неодобреніе его дѣйствій.

Переверзевъ состоялъ членомъ Совѣта прис. пов. и, естественно, онъ долженъ былъ нанести свой визитъ Совѣту, когда былъ назначенъ Министромъ Юстиціи, что онъ и сдѣлалъ, посѣтивъ предсѣдателя совѣта прис. повѣр. Н. П. Карабчевскаго на его частной квартирѣ, куда были приглашены по этому случаю всѣ члены Совѣта. Въ качествѣ бывш. члена Совѣта былъ у Карабчевскаго и я. Переверзевъ произнесъ рѣчь, которую я слушалъ съ большимъ удивленіемъ, или скорѣе, недоумѣніемъ. Въ основу рѣчи Переверзева было положено слѣдующее приблизительно положеніе: властямъ часто приходится дѣлать беззаконія; онъ самъ это испыталъ, будучи прокуроромъ Палаты; также вѣроятно ему придется поступать и въ качествѣ министра; онъ знаетъ, что послѣ такой его дѣятельности Совѣтъ прис. пов. врядъ ли согласится принять его обратно въ сословіе. Какая то особенная муха укусила тогда Переверзева. Я иначе не могъ объяснить его рѣчь, какъ желаніемъ съ его стороны быть оригинальнымъ, сказать что-то свое и новое. Дѣйствительно сказалъ! Я не желаю дѣлать никакихъ комментарій на эту курьезную рѣчь. На мой взглядъ, достаточно привести ея содержаніе, чтобы отнестись съ подозрительностью къ представителю власти, на которомъ особенно лежитъ обязанность слѣдить, чтобы законы не нарушались.

Адвокаты приняли рѣчь Переверзева вѣроятно такъ, какъ принимаютъ всякую застольную рѣчь. Въ содержаніе ея никто не вникалъ. По крайней мѣрѣ я ни отъ кого не слышалъ критики ея.

Еще до назначенія Переверзева министромъ ходили слухи (я ихъ не провѣрялъ, ибо это было въ сторонѣ отъ вопросовъ, меня касавшихся), что при прокурорѣ Петербургской Судебной Палаты, т. е. при Переверзевѣ существуетъ

какой-то товарищъ прокурора Судебной Палаты, на обязанности коего лежитъ подысканіе квартиръ для какихъ то политическихъ организацій. Такъ ли оно было или нѣтъ, я не зналъ хорошенько. Говорилось это съ извѣстной иронією. Никакихъ законовъ о реквизиціи квартиръ тогда вообще не существовало, слѣдовательно, если оно такъ и было, то дѣло это было со стороны прокурора частное и, вѣроятно, въ основу его была положена извѣстная любезность. Во всякомъ случаѣ произошло слѣдующее: тотчасъ по назначеніи Переверзева министромъ къ нему явилась на пріемъ какая-то группа «товарищей» и просила его подыскать квартиры для собравшихся пріѣзжихъ крестьянскихъ депутатовъ, а также для какой то политической организаціи (я не допущу особенной ошибки, если сдѣлаю предположеніе, что организація эта была близкой къ большевикамъ).

Объ этой просьбѣ «товарищей» я узналъ совершенно случайно, войдя въ пріемную министра, когда онъ принималъ этихъ посѣтителей. Само собой разумѣется, я не вмѣшался въ ихъ бесѣду. Помню, что когда просители уходили, то одинъ изъ нихъ театрально поднялъ руку къ потолку и, потрясая ею, театральнымъ же голосомъ говорилъ Переверзеву: «Павелъ Николаевичъ, позаботьтесь же объ этой организаціи, они никакъ не могутъ найти себѣ помѣщенія». Я слушалъ это съ негодованіемъ, и когда просители ушли, я сказалъ Переверзеву, что позаботиться о помѣщеніи крестьянскихъ депутатовъ еще кое какъ допустимо, такъ какъ это все же похоже на какое то общественное дѣло, но заботиться министерству о частныхъ политическихъ организаціяхъ и подыскивать имъ квартиры — не дѣло властей. Надо гнать такихъ просителей къ черту. Вотъ это мое вмѣшательно, повидимому, не особенно пришлось по вкусу Переверзеву. Я это почувствовалъ. Онъ сказалъ мнѣ, что надо же имъ помочь, что нельзя и опасно со всѣми ссориться и проч. Я же былъ очень недоволенъ всѣмъ этимъ. Я неоднократно послѣ этого случая слышалъ разговоры о томъ, что Переверзевъ ищетъ кому то какія то квартиры. Вѣрно это было или нѣтъ — не сумѣю сказать.

На первыхъ порахъ своей дѣятельности Переверзеву пришлось натолкнуться на очень острый вопросъ объ обыскахъ, арестахъ и высылкахъ лицъ въ административномъ порядкѣ. Не помню, почему этотъ вопросъ возникъ именно въ Министерствѣ Юстиціи и почему завѣдываніе этимъ чисто административнаго характера дѣломъ было возложено на Министерство Юстиціи. Кажется, это было наслѣдіе послѣ Керенскаго, который хотѣлъ взять это дѣло въ свои руки. Переверзевъ очень горячо занялся возложенной на него задачей составить проектъ новаго закона, но дѣло было дырявое. Было нѣсколько обсужденій этого вопроса между министромъ и его товарищами, но безъ особаго толка. Переверзевъ говорилъ, что надо быть вооруженнымъ до зубовъ для успѣшной защиты проекта новаго закона въ Совѣтѣ Министровъ. Но трудно было сосредоточить въ Министерствѣ Юстиціи право административныхъ взысканій или что почти то же — право совершать произволъ. Конечно, административныя взысканія есть дѣло исключительно Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, какъ высшаго органа административной власти. Проектъ Министерства Юстиціи нѣсколько разъ докладывался въ Совѣтѣ Министровъ и каждый разъ неудачно; въ концѣ концовъ онъ такъ и не былъ принятъ (что было совершенно правильно), и дѣло обысковъ, арестовъ и высылки въ административномъ порядкѣ было передано Министру Внутреннихъ Дѣлъ и Военному для совмѣстнаго ихъ разрѣшенія. Переверзеву надо было въ свое время объяснить въ Совѣтѣ что проектъ новаго закона имъ

составленъ въ томъ направленіи, въ какомъ ему было поручено составить, что по существу онъ ничего не имѣетъ противъ передачи дѣлъ объ арестахъ, высылкѣ и обыскахъ въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Между тѣмъ, Переверзевъ, повидимому, горой стоялъ за свой проектъ, защищая его цѣлесообразность, чѣмъ подорвалъ къ себѣ довѣріе Совѣта. Онъ самъ, въ весьма скоромъ времени послѣ назначенія министромъ, жаловался, что не имѣетъ успѣха въ Совѣтѣ и что всѣ проекты новыхъ законовъ Министерства Юстиціи откладываются разсмотрѣніемъ, почитаясь повидимому не имѣющими серьезнаго значенія. Словомъ, престижемъ въ Совѣтѣ Переверзевъ не пользовался почти никакимъ.

Какъ то такъ случилось, что Переверзеву, еще когда онъ былъ прокуроромъ Палаты, по его ли инициативѣ или по инициативѣ Керенскаго было поручено завѣдываніе дѣломъ контръ-развѣдки. Когда онъ сдѣлался министромъ, онъ оставилъ это дѣло у себя. Для этого дѣла нужны были средства. Деньги ему отпустилъ Совѣтъ Министровъ. Какъ оказалось, отпустили какъ бы на вѣру, ибо не было сдѣлано никакого постановленія объ учрежденіи контръ-развѣдки и о томъ, въ вѣдѣніи кого она должна находиться и на какихъ основаніяхъ дѣйствовать. Завѣдующимъ контръ-развѣдкой состоялъ какой-то вернувшійся изъ Франціи эсъ-эръ Мироновъ, который каждое утро являлся къ Переверзеву и о чемъ-то съ нимъ довольно долго бесѣдовалъ. — Этимъ бесѣдамъ Переверзевъ, повидимому, придавалъ серьезное значеніе.

Заруднаго учрежденіе этой контръ-развѣдки именно при Министерствѣ Юстиціи глубоко возмущало; какъ человѣкъ горячій, онъ говорилъ о ней чуть ли не съ пѣной у рта и увѣрялъ, что изъ за нея онъ выйдетъ въ отставку.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось имѣть по поводу этой развѣдки столкновеніе съ Мироновымъ, но при Переверзевѣ я въ это дѣло не вмѣшивался, ибо оно было, если можно такъ выразиться, не моего стола. За всѣмъ угоняться было невозможно.

Переверзеву пришлось послѣ его назначенія въ качествѣ министра явиться въ засѣданіе комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ. Онъ обратился къ сенаторамъ и профессорамъ съ привѣтственною рѣчью, и эта рѣчь его мнѣ не понравилась. Тонъ ея былъ таковъ: «Вы мнѣ нужны для того-то и того-то; я прошу васъ сдѣлать то-то и то-то». Мнѣ казалось — комиссія нужна не для министра Переверзева, а нужна для дѣла, общаго всѣмъ, дѣла, въ которомъ Переверзевъ работаетъ только по положенію какъ глава; онъ только первый изъ равныхъ. Переверзевъ въ своей рѣчи находилъ нужнымъ подчеркнуть свое положеніе главы, чтобы показать, какой дескать онъ, Переверзевъ, настоящій, энергичный министръ. Словомъ, тонъ рѣчи былъ напускной и для дѣла ненужный.

Еще до засѣданія комиссіи, въ которой предсѣдательствовалъ Переверзевъ, мнѣ пришлось поднять вопросъ въ Министерствѣ о несмѣняемости судей, о чемъ я выше говорилъ. Моя точка зрѣнія была такова: законъ о несмѣняемости судей есть законъ необходимѣйшій, ибо ставитъ судью въ независимое отъ администраціи положеніе. Но все же это ни болѣе ни менѣе, какъ гарантія противъ произвола администраціи. Если бы администрація была идеальна и не стремилась бы къ подчиненію себѣ совѣсти судей, то не было бы никакой необходимости въ законѣ о несмѣняемости судей. Принципъ несмѣняемости не есть принципъ

самодовлѣющій; онъ есть все же зло, но гарантирующее противъ большаго зла; нельзя представить себѣ ничего худшаго, какъ несправедливаго судью, котораго никто не можетъ смѣстить. Дореволюціонное время посадило въ Россіи множество худыхъ судей, намъ нужно избавиться отъ нихъ. Слѣдуетъ издать законъ, отмѣняющій несмѣняемость судей на очень краткій срокъ, въ каковой и избавиться отъ этихъ дурныхъ судейскихъ элементовъ. Правильность моей точки зрѣнія признавали весьма многія лица. Переверзевъ стоялъ на моей сторонѣ. Но когда вопросъ былъ переданъ на предварительное разсмотрѣніе судебной комиссіи, что было явнымъ проваломъ идеи временнаго уничтоженія несмѣняемости, то было ясно, что этотъ вопросъ въ комиссіи провалится, ибо такіе вопросы, если хотятъ ихъ разрѣшить въ положительномъ смыслѣ, нельзя ставить на обсужденіе цѣлыхъ коллегій; нельзя заставлять цѣлую комиссію отвергнуть принципъ, уважать который является чуть ли не аксіомой.

Очень многія лица внѣ комиссіи стояли за временную отмѣну несмѣняемости судей. Но храбро выступилъ за это въ самой комиссіи только будущій Министръ Юстиціи прис. пов. Малянтовичъ. Большинство же изъ тѣхъ, которые въ бесѣдахъ со мной стояли на моей точкѣ зрѣнія, въ пленарномъ засѣданіи комиссіи, не только отказались отъ своей прежней точки зрѣнія, но даже о ней не заявили. Главными защитниками принципа несмѣняемости судей стали первоприсутствующіе Гражд. Кассац. Департамента Ганскау и оберъ-прокуроръ уголовнаго Кассац. Департамента Носовичъ. Сенаторъ Ганскау говорилъ даже объ этомъ вопросѣ съ волненіемъ.

Словомъ, я провалился. А помогъ этому провалу и Переверзевъ, который въ комиссіи сталъ на сторону защитниковъ несмѣняемости. Онъ объяснилъ впослѣдствіи это тѣмъ, что вопросъ о временной отмѣнѣ несмѣняемости судей явно клонился къ провалу. Но мнѣ не нравилась его непослѣдовательность.

Въ острую оппозицію къ Переверзеву, завершившуюся, однако, благополучно, мнѣ пришлось встать по дѣлу о назначеніи прокурора Тифлисской Судебной Палаты Кисилевскаго на новую должность. Я выше упомянулъ, что тифлисскіе адвокаты дали свой отрицательный отзывъ о Кисилевскомъ, но потомъ взяли его обратно. Это, конечно, не могло понравиться Кисилевскому, который не пожелалъ оставаться далѣе на службѣ въ Тифлисѣ. Нужно было его какъ-нибудь устроить на новомъ мѣстѣ, такъ какъ претензія его была справедлива. Я имѣлъ частныя свѣдѣнія о Кисилевскомъ, какъ о хорошемъ человѣкѣ; мнѣ особенно хотѣлось оказать ему услугу. Однако, въ то время нигдѣ не было для него подходящихъ свободныхъ вакансій. Но Переверзевъ такую вакансію нашелъ. Постъ старшаго предсѣдателя Петроградской Судебной Палаты былъ вакантнымъ. Было очень трудно найти настоящаго замѣстителя на этотъ постъ. О томъ, чтобы назначить на это мѣсто Кисилевскаго, никому въ голову не могло прійти, такъ какъ это было бы рѣдкостнымъ скачкомъ по службѣ. Мѣсто старшаго предсѣдателя Петербургской Судебной Палаты за послѣднее время занимали все сенаторы. Если бы къ этому времени сенаторъ Таганцевъ-сынъ самъ не заявилъ желанія получить вакантное мѣсто старшаго предсѣдателя Петербургской Судебной Палаты, то мы были бы въ большомъ затрудненіи, что намъ дѣлать. И вдругъ въ періодъ переговоровъ съ Таганцевымъ Кисилевскій, послѣ уже состоявшагося частнаго соглашенія съ Таганцевымъ, пришелъ ко мнѣ съ пріема у Переверзева и заявляетъ, что Переверзевъ сказалъ ему, что назначитъ его старшимъ предсѣдателемъ Петербургской Судебной Палаты. Я былъ фрапированъ этимъ сообщеніемъ до послѣдней степени. Я сказалъ

Кисилевскому, что при всемъ моемъ желаніи оказать ему всякое содѣйствіе въ его служебномъ положеніи, я все же предупреждаю его, что постараюсь отклонить это назначеніе, и надѣюсь, что онъ не будетъ за это на меня въ претензіи. Кисилевскій отнесся къ моимъ словамъ безъ всякой предубѣжденности; онъ очень хорошо понималъ, что Переверзевъ перехватилъ черезъ край. Я отправился къ Переверзеву и просилъ его (ранѣе я ему то же говорилъ) безъ предупрежденія меня никого никуда не назначать, что его воля, какъ министра, будетъ исполнена, но онъ не долженъ сводить всякую работу канцеляріи на нѣтъ неожиданностью своихъ распоряженій. Я ему объяснилъ, что всякое назначеніе на должность въ буквальномъ смыслѣ приводитъ въ движеніе все вѣдомство, ибо съ назначеніемъ одного лица передвигается съ мѣста на мѣсто цѣлая плеяда другихъ служащихъ. Въ частности я сказалъ ему и о томъ, что Кисилевскаго по ходу его службы слишкомъ рано назначать старшимъ предсѣдателемъ Петроградской Судебной Палаты, что такимъ назначеніемъ будутъ недовольны въ судебномъ мірѣ. Переверзевъ по обыкновенію выслушалъ, что я ему сказалъ, не возражалъ мнѣ и молча предоставилъ мнѣ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Къ моему удовольствію открылась вакансія въ Сенатѣ на должность товарища оберъ-прокурора, на которую къ всеобщему удовлетворенію и былъ назначенъ Кисилевскій.

Былъ такой случай. П. Н. Переверзевъ попросилъ меня устроить одного своего пріятеля присяжнаго повѣреннаго предсѣдателемъ Окружнаго Суда одного изъ южныхъ городовъ Россіи. Онъ назвалъ и городъ. Этотъ городъ на югѣ служилъ лакомымъ кускомъ для многихъ. Всѣ, кто чувствовалъ себя физически плохо или имѣлъ въ семьѣ больныхъ, стремился попасть туда. Кандидатовъ на открывавшуюся тамъ вакансію предсѣдателя Окружнаго Суда было множество. Но главное несчастіе заключалось въ томъ, что адвокатъ Х., на мой взглядъ, былъ абсолютно неспособенъ занять эту должность. Это былъ адвокатъ безъ практики и въ достаточной мѣрѣ лѣнивый. Переверзевъ настаивалъ на его назначеніи, несмотря на мой протестъ. Я былъ въ очень трудномъ положеніи. Я старался косвенно повліять на Х., объясняя ему, какъ трудно и сложно положеніе всякаго предсѣдателя суда. Но Х., какъ и нѣкоторые другіе адвокаты, не чувствовалъ, что онъ былъ неспособенъ на занятіе этой должности; онъ де не хуже другихъ. Что мнѣ было дѣлать?! Въ то время въ Петербургѣ находился старшій предсѣдатель той Судебной Палаты, къ которой былъ приписанъ упомянутый выше Судебный Округъ. Это былъ одинъ изъ лучшихъ судей въ Россіи. Я откровенно разсказалъ ему положеніе дѣла и необходимость вслѣдствіе настоянія министра назначить Х. предсѣдателемъ —скаго суда. Тотъ сказалъ: «Назначайте; всякихъ предсѣдателей суда мы видѣли; будетъ плохъ, поможемъ ему». Я сообщилъ Х., что желаніе его будетъ удовлетворено. Тогда Х., все же скромный человѣкъ, испугался будущей своей отвѣтственности и отъ мѣста предсѣдателя суда отказался.

Еще одна черта П. Н. Переверзева:

Въ тѣ времена на пріемные часы министровъ являлась масса народа. Это была цѣлая лавина людей. Нужно было всѣхъ просителей по возможности удовлетворить, хотя бы одними отвѣтами. Трудъ по пріему просителей было почти даромъ потраченное время: Ни одного вопроса, походя, рѣшать нельзя. Нужно сразу понять, что проситъ проситель и сдѣлать отмѣтку на прошеніи, что тре-

буется сдѣлать по этому прошенію. Керенскій былъ мастеръ принимать; всѣ уходили отъ него удовлетворенные. Но, конечно, Керенскій на пріемы смотрѣлъ, какъ на обузу. А Переверзевъ чуть что не любилъ ихъ; онъ находилъ, что на пріемахъ узнаешь истинныя нужды народа. Керенскій при своей быстротѣ рѣшеній почти всегда попадалъ въ цѣль. А Переверзевъ дѣлалъ промахъ за промахомъ. Одно дѣтище Керенскаго было крайне неудачно — это новое устройство мирового суда: дѣла сталъ рѣшать судья съ двумя ассистентами (откуда и какъ ихъ назначали — я не помню); это былъ судъ безапелляціонный. Почему и кому въ угоду сравнительно популярный мировой судъ нужно было испортить! Эти судьи такого нарѣшили, что пришлось создать право Министра Юстиціи пересматривать эти рѣшенія и отмѣнять ихъ. И вотъ тутъ Переверзевъ неоднократно отличался. Не разсмотрѣвъ всего производства суда, по жалобѣ потерпѣвшей стороны отмѣнялъ рѣшеніе суда. Словомъ было столько и серьезнаго, и мелочей, которыя раздражали меня въ Переверзевѣ и даже болѣе, чѣмъ раздражали, что я рѣшилъ подать въ отставку, о чемъ и сказалъ Скарятину и Вальцу. Они меня стали уговаривать остаться, между прочимъ, мотивъ ихъ былъ — необходимость не оставлять Переверзева безъ помощи, на что я согласился при условіи сохраненія за собою права открыто критиковать дѣйствія Переверзева, чтобы его дѣятельности не смѣшивали съ дѣятельностью его товарищей, ибо я боялся, оставаясь на службѣ, дискредитировать себя.

Въ бытность Переверзева министромъ, ко мнѣ, какъ завѣдывающему гражданской частью, былъ направленъ проситель, московскій купецъ Нѣмчиновъ, владѣлецъ гостиницы «Дрезденъ». Вотъ, что онъ мнѣ разсказалъ. Какъ только старое правительство пало, въ Москвѣ образовалась революціонная организація, во главѣ которой встали московскіе общественные дѣятели, въ томъ числѣ докторъ Кишкинъ. Эта организація захватила для своихъ нуждъ принадлежащую ему гостиницу «Дрезденъ», что онъ считаетъ крайне несправедливымъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ искать защиты у Правительства и возстановленія своихъ нарушенныхъ правъ. Въ душѣ я очень обрадовался приходу Нѣмчинова. Начавшаяся вакханалія нарушеній всякихъ правъ подъ флагомъ «революціоннаго правотворчества» была мнѣ далеко не по вкусу. Мнѣ хотѣлось такъ или иначе положить ей, гдѣ можно, предѣлъ. Случай съ Нѣмчиновымъ давалъ къ тому нѣкоторый поводъ. Я, конечно, не показалъ Нѣмчинову и вида, что просьба его мнѣ по душѣ, а весьма холодно замѣтилъ ему, что гражданскіе законы новымъ правительствомъ не отмѣнены и что, слѣдовательно, онъ можетъ судебнымъ порядкомъ выселить непрошенныхъ гостей изъ своей гостиницы. Нѣмчиновъ усумнился въ такомъ своемъ правѣ. Я, однако, разъяснилъ ему, что всѣ права на его сторонѣ, и прибавилъ, что, конечно, безъ адвоката ему обойтись нельзя, что противникъ у него будетъ сильный и что ему поэтому придется пригласить для услугъ опытнаго и съ именемъ защитника. Я указалъ ему на московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ Тесленко и Малянтовича, которые будутъ въ этомъ дѣлѣ ему полезны, но оговорился, что Тесленко и Малянтовичъ люди съ хитрецой и, пожалуй, не пожелаютъ вступить въ его дѣло, чтобы не ссориться съ общественной организаціей, но что во всякомъ случаѣ они укажутъ, къ кому нужно будетъ ему обратиться.

Нѣмчиновъ уѣхалъ; однако въ Москвѣ ничего не сдѣлалъ; онъ затѣмъ вновь пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы повидаться со мной, но меня въ мини-

стерствѣ ему не удалось застать и вечеромъ онъ позвонилъ ко мнѣ по телефону на домъ, спрашивая совѣта. Я былъ съ нимъ болѣе, чѣмъ сухъ. Замѣтилъ ему, что по дѣламъ со мной можно бесѣдовать только въ министерствѣ, а не дома, и что вообще по его дѣлу не можетъ быть никакихъ разговоровъ, что ему уже указанъ путь, по которому ему надлежитъ идти и что все дальнѣйшее всецѣло зависитъ отъ него. На этотъ разъ Нѣмчиновъ послушался меня, уѣхалъ въ Москву и предъявилъ искъ у мирового судьи о выселеніи организаціи. Рѣшеніе судьи было превосходно написано, и моя догадка, что рѣшеніе было написано судьей по совѣщаніи съ другими судьями, оказалась по наведенной справкѣ правильной. Въ этомъ рѣшеніи судъ писалъ, что новая власть особенно должна въ интересахъ довѣрія къ ней ограждать незыблемость существующихъ законовъ. Но что въ этомъ дѣлѣ меня особенно поразило, это то, что дѣло со стороны организаціи велъ П. Н. Малянтовичъ (будущій Министръ Юстиціи). Рѣшеніе мирового судьи вошло въ окончательную силу; жалоба Малянтовича въ Съѣздъ Мировыхъ Судей по формальнымъ основаніямъ вслѣдствіе допущенной имъ какой-то ошибки была ему возвращена. Объ этомъ дѣлѣ мнѣ пришлось говорить съ товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Леонтьевымъ, который одобрилъ въ этомъ дѣлѣ мою точку зрѣнія; и отъ Леонтьева я получилъ вскорѣ затѣмъ приглашеніе принять участіе въ комиссіи при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ по вопросу объ изданіи особаго закона о правѣ правительства на реквизицію частныхъ помѣщеній для нуждъ правительственныхъ и общественныхъ. Вопросъ объ изданіи новаго закона подняла указанная выше московская организація. Комиссія была довольно торжественно обставлена; въ ней было много пріѣзжихъ гостей изъ Москвы. Въ качествѣ представителя организаціи въ комиссіи выступилъ московскій присяжный повѣренный Метакса, который сказалъ длиннѣйшую рѣчь на тему, какъ необходимо для правительства и общественныхъ организацій право на реквизицію частныхъ помѣщеній. Въ его рѣчи сквозило большое неудовольствіе по поводу «несправедливаго» рѣшенія мирового судьи, который не сумѣлъ понять значенія поднятаго у него дѣла. Мнѣ пришлось ему отвѣчать. Въ то время въ Петербургѣ было уже въ полномъ ходу дѣло объ особнякѣ Кшесинскій и о дачѣ Дурново. Я сравнилъ дѣйствія московской организаціи съ дѣйствіемъ большевиковъ въ Петербургѣ; я указалъ, что московская организація должна полностью признать свою неправоту и что она даже признала ее тѣмъ, что обратилась къ правительству, потерпѣвъ фіаско въ судебномъ пути, — съ ходатайствомъ объ изданіи новаго необходимаго закона о реквизиціи. Метакса разсердился на мою рѣчь. Онъ сказалъ: «Мы въ другомъ мѣстѣ поговоримъ съ Демьяновымъ на задѣтую имъ тему». Въ какомъ мѣстѣ я долженъ былъ бесѣдовать съ Метаксой, я не зналъ, но съ нимъ мнѣ не пришлось потомъ встрѣчаться. Законъ новый былъ разработанъ, но не помню, чтобы онъ окончательно былъ принятъ Временнымъ Правительствомъ. Энергичный товарищъ Министра Леонтьевъ вышелъ вскорѣ въ отставку, когда ушелъ изъ Временнаго Правительства кн. Львовъ — Министръ Внутреннихъ Дѣлъ.

Съ Леонтьевымъ мнѣ пришлось познакомиться въ Маломъ Совѣтѣ Министровъ. Въ засѣданіяхъ этого Совѣта принимали участіе товарищи Министровъ. Въ немъ разсматривались, такъ называемыя, безспорныя дѣла. Но какъ только вопросъ возбуждалъ споръ, и получалось разногласіе, безспорное дѣло передавалось на разсмотрѣніе непосредственно въ Совѣтъ Министровъ. Засѣданія Малаго

Совѣта меня интересовали, и я къ нимъ готовился. Въ этомъ мнѣ помогалъ чиновникъ Юстиціи г. Гепперъ, весьма опытный юристъ. Онъ очень хорошо зналъ, гдѣ и на какой законъ надо опереться. Мнѣніе же о томъ, что нужно поддержать въ Совѣтѣ и что подлежитъ провалу, было уже дѣломъ моимъ личнымъ. Съ г. Гепперомъ мы подружились; онъ охотно со мной бесѣдовалъ и о старыхъ временахъ и много передавалъ мнѣ любопытнаго изъ бывшей жизни Министерства. Г. Гепперъ, ознакомившись съ вопросами, которые подлежали обсужденію въ Совѣтѣ, докладывалъ мнѣ о нихъ, сообщалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, не нарушаются ли принятіемъ «безспорнаго вопроса» старые законы и, если приходилось ихъ отмѣнить, то какъ нужно было бы это оформить съ внѣшней стороны, ибо, еслибы вводился новый законъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не оговаривалось бы въ немъ, какія статьи стараго закона отмѣняются, то вышла бы большая путаница въ примѣненіи новыхъ законовъ. Придавалъ значеніе (что весьма правильно) посѣщеніямъ Малаго Совѣта и товарищъ Министра Юстиціи А. С. Зарудный. Въ то время предсѣдателемъ Малаго Совѣта Министровъ состоялъ профессоръ Гриммъ. Поговаривали, что онъ уйдетъ, и Зарудный находилъ наиболѣе правильнымъ, чтобы въ замѣстители проф. Гримма по предсѣдательствованію въ Совѣтѣ былъ назначенъ одинъ изъ товарищей Министра Юстиціи.

Я сталъ довольно часто посѣщать засѣданія Малаго Совѣта. Рѣже посѣщали его Зарудный и Скарятинъ. Я весьма быстро сошелся съ проф. Гриммомъ, который относился ко мнѣ съ довѣріемъ, что мнѣ извѣстно со стороны.

Къ этому времени относится слѣдующій эпизодъ: У меня вышло нѣчто въ родѣ скрытаго столкновенія съ Министромъ Путей Сообщенія Некрасовымъ. Однажды ко мнѣ обратился мой бывшій кліентъ съ просьбой выслушать двухъ его пріятелей южныхъ заводчиковъ, которые хотѣли посовѣтоваться со мной по поводу какой-то поставки въ Министерство Путей Сообщенія. Я сначала наотрѣзъ отказался съ ними говорить, но когда бывшій довѣритель мнѣ объяснилъ, что дѣло касается взятки, которую заводчики хотятъ обойти, я согласился ихъ выслушать. Заводчики побывали у меня и дѣйствительно разсказали мнѣ, что безъ взятки они никакой поставки сдѣлать не могутъ. Взятку требовали на какой то южной желѣзной дорогѣ. Въ правдивости ихъ словъ я не имѣлъ основаній сомнѣваться. Я написалъ Некрасову письмо, въ которомъ просилъ его выслушать заводчиковъ, оговорившись однако, что лично съ ними я не знакомъ, но что не имѣю основанія имъ не довѣрять, такъ какъ они мнѣ рекомендованы лицомъ, заслуживающимъ съ моей стороны полнаго довѣрія. Заводчикамъ же я сказалъ слѣдующее: «я даю вамъ письмо къ Некрасову, но съ условіемъ, что вы будете говорить съ нимъ также откровенно, какъ со мной». Черезъ нѣсколько дней послѣ сего, заводчики были вновь у меня и разсказали мнѣ, что мое письмо къ Некрасову имѣло скорѣе отрицательное для нихъ значеніе. Некрасовъ принялъ ихъ очень хорошо, но когда они передали мое письмо къ нему и разсказали, въ чемъ заключается ихъ просьба, Некрасовъ надулся. Разсказъ ихъ меня удивилъ. Съ Некрасовымъ я былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Я и мысли не могъ допустить, чтобы онъ могъ отрицательно отнестись къ просителямъ только потому, что они сослались на меня. Въ чемъ же было дѣло?! Я нашелъ объясненіе въ слѣдующемъ: Некрасовъ не могъ допустить, чтобы у него, въ его вѣдомствѣ могли быть какія либо безобразія, чтобы въ Министерствѣ Путей Сообщенія при немъ, какъ и въ старину, могли брать взятки. Указаніе на возможность безпорядковъ въ его вѣдомствѣ показалось ему вѣроятно несправедливымъ. Его, можетъ быть, могло разсердить непрошенное по его мнѣнію вмѣ-

шательство съ моей стороны не въ свое дѣло. Чѣмъ кончилось дѣло съ поставкой, я не узналъ. Кажется, заводчики не достигли ничего.

Переверзевъ, повидимому, самъ чувствовалъ, что не все удачно идетъ у него по Министерству. Онъ все время былъ въ удрученномъ состояніи духа; дѣйствовало на это состояніе, конечно, и то, что онъ не пользовался авторитетомъ во Временномъ Правительствѣ. Ему стало казаться, что все идетъ прахомъ. Въ то время еще всѣ данныя были на лицо, чтобы бороться за программу Временнаго Правительства, т. е. за доведеніе Россіи до Учредительнаго Собранія, отчаянію не было еще мѣста. Переверзевъ самъ вскорѣ показалъ, что съ большевиками можно и должно бороться. Первый натискъ на нихъ былъ имъ сдѣланъ, когда большевиковъ выдворяли изъ дома Кшесинской. Положеніе было таково: большевики, и Ленинъ въ томъ числѣ, заняли насильно домъ Кшесинской и не желали оттуда уходить. На это насиліе собственница особняка Кшесинская еще въ то время не жаловалась и не подавала иска о выселеніи непрошенныхъ гостей. Казалось бы, не было повода къ начатію дѣла, если смотрѣть на насильственное занятіе чужого дома какъ на актъ только самоуправства, т. е. какъ на преступленіе, преслѣдуемое только въ частномъ порядкѣ по жалобѣ потерпѣвшаго. Нужно признать, что такой взглядъ Временнаго Правительства на дѣло съ захватомъ особняка Кшесинской былъ ошибочнымъ; нужно было видѣть въ дѣйствіяхъ Ленина и другихъ нѣчто большее, чѣмъ самоуправство, то-есть нѣчто, требовавшее непосредственнаго вмѣшательства властей. Въ концѣ концовъ, Кшесинская не стерпѣла издѣвательства надъ собою и предъявила у мирового судьи искъ о выселеніи изъ ея дома какъ Ленина, такъ и занимавшихъ ея особнякъ различныхъ большевистскихъ организацій. Искъ этотъ былъ предъявленъ повѣреннымъ Кшесинской, присяжнымъ повѣреннымъ Хесинымъ. Само собой разумѣется, мировой судья иначе не могъ поступить, какъ удовлетворить справедливое требованіе Кшесинской. Дѣло было выиграно, но оставалось еще привести въ исполненіе рѣшеніе судьи. Ленинъ и компанія не пожелали ему подчиниться. Наступилъ острый моментъ примѣненія къ нимъ внѣшней силы. Судебный приставъ не смогъ этого сдѣлать; оставалось позвать на помощь ему военныя части. Переверзевъ, не ожидая вызова войскъ, обратился къ совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ съ просьбой повліять на отвѣтчиковъ, чтобы они добровольно оставили помѣщеніе, кстати и дачу Дурново, по поводу которой не производилось никакого дѣла *.

Замѣчательный въ своемъ родѣ отзывъ далъ Исполнительный Комитетъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ Министру Юстиціи по поводу его обращенія. Онъ указалъ ему, что существуетъ законъ, который предоставляетъ право владѣльцу дома и власти выселить квартирантовъ изъ насильно занятаго ими помѣщенія, что надо обратиться по дѣлу только въ судъ, а не въ Совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Врядъ ли, однако, справедливый, поучительный и вмѣстѣ съ тѣмъ простой и ехидный отвѣтъ Исполнительнаго Комитета повліялъ сколько нибудь на Переверзева. Врядъ ли онъ его заставилъ покраснѣть. Однако, таковъ характеръ Переверзева, что когда пришлось дѣйствовать, то-есть когда призванная войн-

---

* Очень можетъ быть, что я ошибаюсь относительно времени обращенія Переверзева въ совѣтъ рабочихъ депутатовъ по поводу дома Кшесинской и дачи Дурново. Очень вѣроятно, что обращеніе состоялось раньше и помимо дѣла по иску Кшесинской. Но вѣрно то, что такое обращеніе на самомъ дѣлѣ было.

ская часть, должна была осадить домъ Кшесинской и выселить оттуда квартирантовъ, Переверзевъ оказался на мѣстѣ дѣйствія, и я не ошибусь если выскажу предположеніе, что онъ лично руководилъ дѣломъ выселенія. Энергія, которая могла поправиться, хотя и не дѣло Министра входить самолично въ исполненіе рѣшеній судебныхъ мѣстъ, какъ бы важны они ни были по существу.

Кончилъ свою министерскую карьеру Переверзевъ совершенно соотвѣтственно своему облику.

Петербургской прокуратурой было начато слѣдствіе по дѣлу о большевикахъ. Прокуроръ палаты Каринскій велъ это дѣло съ энергіей. Къ слѣдствію привлечено было очень много лицъ. Какъ мнѣ помнится, Ленинъ въ началѣ производства не былъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности. Одно большевистское дѣло цѣплялось за другое, и производство возросло до громадныхъ размѣровъ. Все дѣло обнимало уже 15 томовъ производства. Керенскій былъ крайне недоволенъ кажущейся ему медленностью веденія дѣла, такъ какъ не видѣлъ его результата, то-есть, чтобы кто либо былъ привлеченъ къ уголовному суду. Пока дѣло находилось въ стадіи предварительнаго слѣдствія положеніе большевиковъ во внѣ все укрѣплялось. Публичные выпады большевиковъ дѣлались все смѣлѣе и смѣлѣе, а общество какъ будто переставало видѣть во Временномъ Правительствѣ силу, способную дать имъ отпоръ. Одно большевистское наступленіе было ликвидировано благодаря помощи казаковъ. Но затѣмъ вновь возросло. Казаки остались не у дѣлъ, обиженные какимъ-то несправедливымъ распоряженіемъ Керенскаго, непосредственно ихъ касавшимся. (Подробностей не помню.) Нужно было повернуть психологію массъ въ отношеніи къ большевикамъ, нужно было нанести имъ моральный ударъ, дабы отвлечь отъ нихъ симпатіи массъ. Сдѣлалъ это Переверзевъ. Онъ опубликовалъ часть обвинительнаго матеріала по дѣлу о большевикахъ. Было напечатано письмо Ленина къ Радеку, въ которомъ, хотя и туманно, но можно было видѣть, что въ денежномъ отношеніи Ленинъ не чистъ, а въ связи съ нѣкоторыми другими матеріалами, что большевики, а значитъ и Ленинъ, тѣ огромныя деньги, которыя ими тратились на пропаганду, получали отъ нѣмцевъ. Если это было такъ, то Ленинъ, конечно, не могъ не знать этого обстоятельства. Ударъ, нанесенный Переверзевымъ, былъ мѣтокъ. Негодованіе охватило русское общество. Только и было разговору, что о продажничествѣ большевиковъ. Но Переверзевъ по обыкновенію не додѣлалъ дѣла. Одновременно съ опубликованіемъ обвинительнаго матеріала онъ не далъ распоряженія о немедленномъ арестѣ всѣхъ тѣхъ лицъ, о которыхъ упоминалось въ его сообщеніи *.

Кстати вспомнить — нашлись доктринеры, въ томъ числѣ новый сенаторъ Н. Д. Соколовъ, которые обвиняли Переверзева за это опубликованіе слѣдственнаго матеріала, видя въ немъ нарушеніе закона, запрещавшаго опубликованіе матеріаловъ слѣдственнаго производства, забывая, что право опубликованія всегда принадлежало слѣдственной власти и только внѣ ея такое опубликованіе преслѣдовалось по закону.

---

* Хронологическая канва нѣсколько искажена авторомъ. Опубликованіе Переверзевымъ обвинительныхъ противъ большевиковъ матеріаловъ состоялось во время перваго выступленія большевиковъ въ началѣ Іюля 1917 г. Распоряженіе Керенскаго, обидѣвшее казаковъ, касалось похоронъ казаковъ, павшихъ при подавленіи этого же выступленія большевиковъ. Прим. ред.

Упущеніе, сдѣланное Переверзевымъ, имѣло послѣдствіемъ крупную стычку его съ Некрасовымъ, тогдашнимъ замѣстителемъ Керенскаго въ Совѣтѣ Министровъ. (Описывая въ краткихъ словахъ дальнѣйшія событія, оговариваюсь, что къ сожалѣнію помню ихъ весьма туманно. Однако, полагаю, что въ общемъ изложеніе ихъ правильно.) Некрасовъ и Переверзевъ были довольно близки другъ къ другу, а въ политикѣ даже и друзьями. Некрасовъ былъ повидимому тоже съ этомъ дѣлѣ неправъ, но по соображеніямъ особаго свойства. Насколько мнѣ помнится, у него сконились свои собственные матеріалы по обвиненію большевиковъ въ сношеніяхъ съ нѣмцами. Онъ, кажется, слѣдилъ за Радекомъ, который долженъ былъ пріѣхать въ Россію черезъ Норвегію. Некрасовъ былъ неправъ въ томъ, что велъ какую то свою политику даже безъ вѣдома Керенскаго. Повидимому, у него было желаніе отличиться и своимъ политическимъ чутьемъ, и предусмотрительностью. Выпадъ Переверзева противъ большевиковъ разстроилъ его планы. Стало извѣстнымъ, что Радекъ, узнавъ, что творится въ Петербургѣ, на границѣ съ Россіей остановился и укатилъ обратно въ Германію. Стычка Переверзева съ Некрасовымъ была очень рѣзка. Они другъ на друга кричали, но Некрасовъ больше горячился и личныхъ выпадовъ противъ Переверзева себѣ не позволилъ, тогда какъ послѣдній передъ этимъ не остановился; разошлись они обозленные. Переверзевъ затѣмъ сдѣлалъ огромную ошибку, напечатавъ свое оправдательное письмо въ газетахъ, гдѣ рѣзко обвинялъ Некрасова. Въ нападкахъ на Некрасова помогалъ ему товарищъ прокурора судебной палаты Бессарабовъ. Въ обществѣ очень много говорили объ этомъ событіи. Некрасовъ написалъ съ своей стороны оправдательное письмо, но отъ браннаго тона воздержался, указавъ однако, что и Переверзеву не слѣдовало переносить въ печать брань по его адресу. Переверзевъ долженъ былъ бросить службу и уѣхалъ изъ Петербурга. Говорили, что между Некрасовымъ и Переверзевымъ долженъ былъ состояться третейскій судъ; называли мое имя, какъ суперъ-арбитра въ этомъ судѣ. Судъ вѣроятно и состоялся бы, еслибы Переверзевъ не уѣхалъ изъ Петербурга. Лично меня поведеніе Переверзева возмущало. Я отдавалъ дань его выпаду противъ большевиковъ, считалъ его крайне удачнымъ, сожалѣлъ, что онъ, какъ я говорилъ выше, не додѣлалъ дѣла до конца, считалъ неправымъ и Некрасова, что онъ велъ свою собственную какую то тайную политику противъ большевиковъ, но ругань Переверзева по адресу Некрасова, перенесенная имъ затѣмъ на столбцы газеты, ничѣмъ не могла быть оправдываема. Помимо неполитичности дѣйствій Переверзева, онъ не имѣлъ права забыть свои отношенія къ Некрасову, основанныя на дружбѣ и связывавшія его съ нимъ общимъ общественнымъ и государственнымъ дѣломъ. Карьера Переверзева — этого во всѣхъ своихъ ошибкахъ все же чистаго и честнаго человѣка, но большого фантазера, безпрограмнаго и неумѣлаго администратора, — кончилась. Я думалъ тогда — она никогда и не можетъ возродиться — столько промаховъ онъ сдѣлалъ. Но людей такъ мало, что чего добраго его опять призовутъ къ власти, и меня это не удивитъ.

Большевики должны ненавидѣть Переверзева. Я знаю, что, когда пришло ихъ время, они готовили крупный процессъ съ именемъ Переверзева. Предупрежденный Переверзевъ скрылся изъ Петербурга. Большевики преслѣдовали его семью. Если бы Переверзева судили, то врядъ ли бы онъ избѣжалъ смертной казни. Но большевики не постѣснялись бы казнить его и безъ суда.

Государственные преступники — министры императорскаго правительства находились подъ арестомъ и были посажены въ Петропавловскую крѣпость, охраняемые «вѣрными» солдатами. Этихъ «вѣрныхъ» солдатъ весьма хвалили въ печати за ихъ бравый видъ и вѣрность долгу; отъ нихъ, дескать, не уйдешь. Дѣйствительно, отъ нихъ уйти было трудно. Бывшіе правители и вельможи были люди все пожилые, немощные. Переносить физическія передряги, связанныя хотя и съ льготнымъ, но все же тюремнымъ режимомъ, имъ было не легко. Многіе изъ нихъ захворали. Тюремный докторъ, а также призванныя медицинскія свѣтила требовали измѣненія ихъ содержанія. Правительство признало возможнымъ нѣкоторыхъ изъ бывшихъ министровъ перевести подъ домашній арестъ. Но этому воспротивилась «вѣрная» тюремная стража. Она прямо сказала, что изъ тюрьмы ихъ не выпуститъ. Однако, послѣ переговоровъ все же выпустила.

Когда я объ этомъ узналъ, мнѣ впервые запала въ голову мысль о непрочности Временнаго Правительства. Протестъ стражи и необходимость переговоровъ съ ней показали слабость правительства. Я тогда же нашелъ, что инцидентъ съ домомъ Кшесинской и дачей Дурново — это цвѣточки сравнительно съ тѣмъ, что произошло въ Петропавловской крѣпости. Тамъ былъ протестъ и непризнаніе авторитета и силы правительства со стороны организаціи, враждебной правительству; здѣсь было то же, но со стороны силы, подчиненной самому правительству.

Новымъ Министромъ Юстиціи былъ назначенъ членъ четвертой Государственной Думы, лидеръ группы прогрессистовъ, почтенный Ефремовъ, честнѣйшій и прекраснѣйшій человѣкъ. Тѣмъ не менѣе, назначеніе его министромъ ничѣмъ другимъ нельзя было объяснить, какъ только тѣмъ, что Ефремовъ стоялъ во главѣ хотя и немногочисленной, но все же пользовавшейся всеобщимъ уваженіемъ политической группы и, слѣдовательно, былъ до извѣстной степени популяренъ. И это назначеніе было той ошибкой, какую неоднократно совершала новая власть, когда имѣла въ виду кого либо назначить на отвѣтственный постъ, полагая, что популярность сдѣлаетъ больше, чѣмъ знаніе и умѣніе. Ефремовъ къ юридическому міру имѣлъ только то отношеніе, что когда-то и то недолго на своей родинѣ (въ казачествѣ) былъ предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей. Не помню, окончилъ ли онъ даже юридическій факультетъ, но знаю, что на практикѣ ему не приходилось заниматься какой либо юриспруденціей. Безъ ошибки можно сказать, что разрѣшеніе самыхъ простыхъ юридическихъ вопросовъ должно было ставить его втупикъ. Я не могу понять, какъ самъ Ефремовъ могъ согласиться пойти въ Министры Юстиціи; объясняю это тѣмъ, что онъ, какъ и другіе, признавалъ необходимымъ, чтобы во главѣ отдѣла власти было лицо, такъ или иначе стоявшее во главѣ революціоннаго движенія. Ефремовъ очень хорошо сознавалъ свое положеніе. Какъ умный и добросовѣстный человѣкъ онъ не сталъ брать на себя разрѣшеніе самостоятельно вопросовъ по его Министерству. А такъ какъ онъ давно состоялъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ со мной и Скарятинымъ и не имѣлъ основанія не довѣрять намъ, то фактически въ то весьма недолгое время, пока онъ стоялъ во главѣ министерства, министерствомъ управляли мы, его товарищи. При Ефремовѣ наступило все же спокойное время, когда не мѣшали работать никакія неожиданности. Но Ефремовъ вскорѣ ушелъ, и я думалъ, по собствен-

нему желанію, видя свою безпомощность. Его назначили предсѣдателемъ Малаго Совѣта Министровъ, а на его мѣсто пригласили А. С. Заруднаго.

Зарудный — крупная личность; человѣкъ убѣжденій и проводящій свои убѣжденія въ жизнь. Когда-то былъ товарищемъ прокурора Петербургскаго Окружнаго Суда, откуда долженъ былъ уйти вслѣдствіе какой-то исторіи на политической подкладкѣ; служилъ затѣмъ въ Министерствѣ Юстиціи въ юрисконсультской части и перешелъ наконецъ въ адвокатуру, гдѣ сразу занялъ почетное положеніе. Прекрасный судебный ораторъ, онъ, когда служилъ въ прокуратурѣ и обвинялъ, былъ чрезвычайно непріятенъ защитникамъ, такъ какъ никогда не стремился къ обвиненію во что бы то ни стало или къ наиболѣе строгому наказанію обвиняемаго. Мякотинъ, не особенно долюбливающій Заруднаго, увѣрялъ, что своей манерой обвиненія онъ все же добивался болѣе строгаго наказанія, чѣмъ слѣдовало по справедливости, такъ какъ, заручившись довѣріемъ къ себѣ присяжныхъ засѣдателей, добивался своего.

Зарудный, какъ адвокатъ, всегда зналъ дѣло, которое ему поручали, до тонкости. Въ этомъ отношеніи онъ былъ добросовѣстнѣйшимъ повѣреннымъ. Въ интересахъ своего подзащитнаго онъ доходилъ до тонкости; все принималъ въ разсчетъ, изучалъ составъ присяжныхъ засѣдателей и принималъ въ разсчетъ характеръ судей. Всегда зналъ, какъ поведетъ защиту и что будетъ говорить. Я всегда считалъ Заруднаго однимъ изъ лучшихъ нашихъ уголовныхъ защитниковъ. Зарудный никогда не стремился къ рекламѣ. Мало того — онъ даже не интересовался, чтобы о рѣчахъ его давали отчетъ въ газетахъ, или чтобы рѣчь его была напечатана даже тогда, когда она имѣла общественное значеніе. Я — не любитель слушать чужія рѣчи и только изрѣдка, да и то скорѣй случайно, являлся на чужую защиту. Помню, какъ-то у меня была своя защита въ судебной палатѣ, и до моего дѣла въ той же палатѣ выступалъ Зарудный. Онъ велъ дѣло (даромъ) какого-то редактора, привлеченнаго къ отвѣтственности за статью въ газетѣ, направленную противъ присяги. Зарудный принесъ съ собою въ судъ цѣлые фоліанты книгъ — ученіе и разборъ ученій отцовъ церкви. Въ защитѣ своей онъ не только ссылался на Евангеліе, но и на ученія отцовъ церкви и доказалъ самымъ неопровержимымъ образомъ, что даже съ ихъ точки зрѣнія присяга есть зло, только по неволѣ терпимое. Палата оправдала редактора. Замѣчательная рѣчь Заруднаго канула въ Лету. А можно вѣрно сказать, что любой прогрессивный журналъ помѣстилъ бы ее у себя съ величайшей охотой. Роль Заруднаго въ процессѣ Бейлиса всѣмъ извѣстна. Онъ былъ душой этого процесса и врядъ ли безъ Заруднаго могъ пройти такъ блестяще этотъ процессъ, несмотря на рѣчи Маклакова, Грузенберга и другихъ. Зарудный взялъ на себя труднѣйшую задачу, требовавшую огромнаго труда и эрудиціи — доказать, что по ученію самихъ евреевъ никакихъ ритуальныхъ убійствъ совершенно быть не можетъ. Онъ произнесъ прекрасную рѣчь, но весь блескъ его защиты заключался въ репликѣ гражданскимъ истцамъ, когда онъ, опровергая ихъ доводы и ссылаясь на Талмудъ и другія религіозныя книги еврейства, показалъ, какъ глубоко онъ изучилъ свой предметъ, свою находчивость и блескъ въ репликѣ.

Какъ политическій дѣятель Зарудный имѣетъ массу крупнѣйшихъ недостатковъ. Онъ вѣритъ только себѣ; онъ не можетъ вслѣдствіе сего состоять въ какой либо партіи, какъ активный ея дѣятель; и если онъ вступилъ въ трудовую народно-соціалистическую партію, то потому только, что по времени необходимо было примкнуть къ какой либо политической партіи, чтобы не остаться внѣ поли-

тической жизни страны. Но само собой разумѣется, что разъ Зарудный сказалъ, что онъ является членомъ партіи, онъ подчинялся ея велѣніямъ безпрекословно. Таковъ его характеръ. Когда Зарудный увлекается, онъ весь горитъ; глаза всегда выдаютъ его волненіе. Двоюродный братъ Ал. С. Зарудпаго сенаторъ С. М. Зарудный сравнивалъ своего брата Сашу «съ Савонаролой»; онъ говорилъ: «посмотрите на его глаза; если кто насъ приговоритъ къ смертной казни, то это братъ Саша». Однако увѣренность Зарудпаго въ себѣ была сверхъ мѣры. Онъ часто бывалъ неправъ и только потому, что не провѣрялъ правильности своихъ мыслей черезъ другихъ, онъ бывалъ иногда несправедливъ. Вѣра въ себя дѣлала его нетерпимымъ къ чужимъ мнѣніямъ. Такъ какъ онъ былъ по характеру весьма настойчивъ, то былъ тяжелъ въ сношеніяхъ съ другими. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ до крайности добрый человѣкъ. Нужно было видѣть его кроткую улыбку, когда онъ шутилъ, или былъ веселъ, чтобы полюбить его. Зная его самостоятельность мнѣній и нетерпимость, я былъ увѣренъ, что министромъ онъ долго не пробудетъ. Такъ оно и вышло.

Какъ только Зарудный вступилъ въ министры, онъ сталъ проводить въ жизнь свои служебныя воззрѣнія. Тотчасъ же онъ потребовалъ, чтобы вся почта, получаемая министромъ, поступала непосредственно къ нему. Когда онъ не успѣвалъ ее просмотрѣть, онъ поручалъ дѣлать это мнѣ. А такъ какъ у министровъ вообще мало времени даже на нужную работу, то этотъ просмотръ часто ложился бременемъ только на одного меня. Я конечно производилъ эту, на мой взглядъ, почти безполезную работу (безполезную по времени, которое она отнимала), ругаясь въ душѣ, но ничего съ Зарудпымъ подѣлать было нельзя.

Зарудный самъ рѣшилъ выйти въ отставку. Его не просили уходить, но и не удерживали, когда онъ заявилъ желаніе уйти изъ министерства. Повода къ уходу его въ отставку я не помню. Но помню, что онъ радовался своему уходу. По обыкновенію онъ увлекся. У него появилась тогда идея помощи власти со стороны; Зарудный думалъ принести ей пользу въ качествѣ публичнаго оратора. Чиновники министерства недолюбливали Зарудпаго; онъ заставлялъ ихъ работать больше, чѣмъ слѣдовало по ходу дѣла. Иной разъ излишняя работа, какъ мнѣ казалось, являлась результатомъ того, что онъ не зналъ всѣхъ обычаевъ чиновничьей службы. Такъ, напримѣръ, когда Зарудный интересовался какимъ либо вопросомъ или нуждался въ справкѣ, онъ писалъ на бумагѣ: «сдѣлать докладъ». А дѣлать министру «докладъ» по установившемуся въ министерствѣ обычаю значило сдѣлать его въ письменной формѣ. Когда я нуждался въ справкѣ, я поступалъ иначе: я вызывалъ къ себѣ того чиновника, въ столѣ котораго производилось дѣло, и устно выяснялъ съ нимъ вопросъ. Такое непосредственное общеніе съ чиновниками приносило и больше пользы и было болѣе по вкусу чиновникамъ. Въ иныхъ случаяхъ Зарудный меня удивлялъ. Помню такой фактъ: во время его управленія министерствомъ, началось слушаніемъ въ особомъ присутствіи Сената, подъ предсѣдательствомъ Таганцева-сына, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, дѣло Сухомлинова. Обвинителемъ выступалъ оберъ-прокуроръ уголовнаго кассаціоннаго департамента Носовичъ. Не знаю, кому въ голову пришла мысль, что въ помощь оберъ-прокурору по политическимъ соображеніямъ нужно пригласить еще «общественнаго обвинителя». Мысль эта врядъ ли была здоровой. Носовичъ, какъ только узналъ объ этомъ, всталъ было на дыбы; онъ увидѣлъ въ этомъ шагѣ недовѣріе къ нему. Но вскорѣ онъ понялъ всю выгоду имѣть при себѣ такого союзника: всякая вина за неудачный исходъ процесса ложилась бы не на одного него. Поэтому

и онъ, а также и Таганцевъ, стали горой за назначеніе въ процессѣ общественнаго обвинителя. Начали искать кого бы назначить на эту роль. Времени было мало на вызовъ кого либо изъ провинціи. Начали перебирать своихъ петербургскихъ адвокатовъ. Было рѣшено, что еврей ни подъ какимъ видомъ не можетъ участвовать въ процессѣ въ качествѣ представителя власти. Остановились въ концѣ концовъ на присяжномъ повѣренномъ Феодосьевѣ, въ достаточной мѣрѣ талантливомъ адвокатѣ, умѣющемъ произносить горячія рѣчи. Особенность Феодосьева та, что его можно было всегда настроить въ извѣстномъ направленіи; онъ великолѣпно ухватывалъ чужую мысль. Но вообще же это легкомысленнѣйшій человѣкъ въ мірѣ. И съ этой стороны онъ немедленно себя и показалъ. Когда на его имени остановились, я лично его спрашивалъ — имѣетъ ли онъ какія либо чисто внѣшнія препятствія къ принятію предложенія. Онъ увѣрялъ, что не имѣетъ никакихъ. Когда же открылось засѣданіе Правительствующаго Сената, защитникъ Сухомлинова отвелъ его, какъ адвоката, съ которымъ совѣщались по дѣлу и котораго якобы приглашала въ защитники Сухомлинова. На самомъ дѣлѣ факта этого не было, а былъ лишь разговоръ о томъ, не согласится ли Феодосьевъ защищать Сухомлинова, если къ нему обратятся съ этой просьбой. Такъ было дѣло со словъ самого Феодосьева. Феодосьевъ однако не сумѣлъ отпарировать нанесенный ему ударъ и немедленно ушелъ изъ процесса, то-есть съ перваго же засѣданія. Въ министерствѣ тогда возникъ вопросъ о нахожденіи ему замѣстителя. Это оказалось чрезвычайно труднымъ. Зарудный однако нашелся; онъ указалъ на молодого адвоката, на товарища прокурора Судебной Палаты (таковымъ его сдѣлалъ Переверзевъ), «талантливаго» Данчича. Всѣмъ же намъ было ясно, что Данчичу такая задача не по плечу. Но Зарудный настоялъ на своемъ. По обыкновенію онъ созвалъ по возникшему вопросу совѣщаніе, наговорилъ членамъ этого совѣщанія кучу любезностей, сказалъ, что вполнѣ подчинится тому, что скажетъ совѣщаніе. Когда же совѣщаніе единогласно выразило мнѣніе, что Данчичъ для этого дѣла не годится, Зарудный все же назначилъ Данчича замѣстителемъ Феодосьева. Данчичъ — добродушный человѣкъ. Онъ открыто признавался послѣ процесса, что не только не былъ въ процессѣ, какъ адвокатъ, на высотѣ, но что онъ въ самомъ лучшемъ видѣ провалился со своею рѣчью въ дѣлѣ Сухомлинова. На мой же взглядъ провалъ Данчича былъ проваломъ самого министерства. На Заруднаго же вся эта исторія не произвела рѣшительно никакого впечатлѣнія. Какъ будто случилось все такъ, какъ слѣдовало случиться. Сенаторы желали, чтобы помимо Носовича выступилъ въ дѣлѣ общественный обвинитель, и онъ, министръ, это устроилъ, и больше отъ него ничего не требовалось; чего же въ такомъ случаѣ безпокоиться и волноваться. Вотъ такого настроенія въ Зарудномъ я и не понималъ. Съ Заруднымъ, какъ я говорилъ, у меня всегда были самыя дружественныя отношенія, что не мѣшало намъ разно смотрѣть на нѣкоторыя вещи. Я предвидѣлъ, что во многомъ съ Заруднымъ мы можемъ не сойтись. Въ дѣловомъ отношеніи я могъ быть ему не по вкусу. На всякій случай я ему сказалъ, что не дорожу мѣстомъ товарища Министра. Меня вообще по существу интересовала тогда больше дѣятельность Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ бился, по-моему, ключъ жизни, хотя Министерство Военное все же во всемъ главенствовало изъ-за состоянія войны. Мой намекъ, что я могу уйти, Зарудный принялъ, повидимому, какъ намекъ, что онъ, по моему мнѣнію, никуда негодный министръ, чего я абсолютно и въ мысляхъ не имѣлъ.

Какъ на образчикъ самостоятельнаго мышленія Заруднаго, я могу сослаться на слѣдующее: Отрицательное положеніе Временнаго Правительства заключалось въ томъ, что оно съ самаго момента своего возникновенія дѣйствовало какъ бы внѣ пространства. Оно управляло, но никому не давало отчета въ своемъ управленіи. Все было основано на одномъ довѣріи. Должны были вѣрить, что Временное Правительство ведетъ народъ къ благу. А такъ какъ составъ самого Временнаго Правительства вовсе не былъ таковъ, чтобы вселить къ нему особое довѣріе крайнихъ партій, а кромѣ того, и вообще одно «довѣріе» вовсе не такой фундаментъ, на которомъ можно было бы строить что либо государственно прочное, то нужно было создать какое-то учрежденіе, которое явилось бы, хотя бы временно, представителемъ народа, для наблюденія и критики дѣйствій правительства. Въ этомъ отношеніи положительную роль сыграло Московское Государственное Совѣщаніе, которое несомнѣнно укрѣпило, хотя и не глубоко, положеніе правительства, но учрежденіе это было непостоянное, а созванное ad hoc; не принесло правительству вреда и демократическое совѣщаніе въ Александринскомъ театрѣ. Окончательно же должно было укрѣпить положеніе Временнаго Правительства Совѣтъ Республики, если бы къ этому времени уже не созрѣло большевистское движеніе. Зарудный проникся идеей, что правительство обязано передъ кѣмъ-то отчетностью, но не вникъ въ вопросъ о томъ, кто и какъ долженъ создать это учрежденіе. Въ своемъ умѣ онъ упростилъ положеніе, признавъ, что правительство обязано подчиниться функціонирующему представительному учрежденію въ лицѣ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Мысль негодная, такъ какъ Совѣтъ не давалъ представительства всей массы народа, а главное, являлся представителемъ въ цѣломъ только одной арміи, а въ отношеніи рабочихъ только одного Петербургскаго раіона. Я не помню, чтобы Зарудный съ кѣмъ либо не только совѣтовался по поводу пришедшей ему въ голову мысли, но даже говорилъ на эту тему. Припоминается мнѣ, что мысль свою о необходимости Временному Правительству подчиниться власти Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ онъ все же высказалъ въ Совѣтѣ Министровъ.

Неправильно было отношеніе Заруднаго еще къ одному чрезвычайно важному, на мой взглядъ, законодательному вопросу. Во главу всякаго политическаго требованія, всегда предъявлявшагося существующему правительству, ставилось требованіе неприкосновенности личности, свободы печати и проч. . . . Временное Правительство съ первыхъ же шаговъ выработало законъ о печати, а вопросъ о неприкосновенности личности продолжалъ оставаться въ тѣни. Я же считалъ его чуть ли не самымъ серьезнымъ вопросомъ дня; я полагалъ, что законъ о свободѣ личности будетъ имѣть значеніе не только закона важнаго по всей сущности, но и имѣющаго декларативный характеръ, то-есть могущаго поднять довѣріе массы къ Временному Правительству. Такого значенія за проектированнымъ закономъ не усматривали ни Зарудный, ни даже Керенскій; при чемъ первый признавалъ, что и безъ изданія новаго спеціальнаго закона личность гражданина вообще неприкосновенна, ибо она ограждается и существующимъ уже русскимъ законодательствомъ, и что новый законъ можетъ имѣть лишь то практическое значеніе, что въ одномъ мѣстѣ сконцентрируетъ все то, что касается свободы личности. Зарудный былъ правъ только отчасти, да и то въ немногомъ. Суть дѣла заключалась именно въ томъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ нарушенія свободы личности гражданинъ точно могъ сослаться на законъ, запрещающій нарушать его свободу, а не искать статей закона, на основаніи

коихъ можно было сдѣлать только выводъ о томъ, что безнаказанно свободу человѣка нарушать нельзя. Кромѣ того, требовалась выработка точныхъ условій, когда и въ какихъ случаяхъ свобода каждаго отдѣльнаго лица могла быть нарушена въ силу самого закона. Зарудный исполнилъ мое желаніе — была создана особая комиссія подъ моимъ предсѣдательствомъ для выработки новаго закона. Я постарался создать проектъ закона въ самое короткое время, что мнѣ и удалось сдѣлать. Проектъ закона былъ представленъ въ ближайшій срокъ въ Совѣтъ Министровъ. Но на этомъ дѣло и остановилось. Зарудный не торопился въ Совѣтѣ съ новымъ закономъ, считая, что хотя новый законъ очень хорошъ, но что имѣются другія болѣе важныя и неотложныя дѣла, которыя требуютъ тоже ближайшаго разсмотрѣнія. Такъ проектъ новаго закона и лежалъ безъ движенія въ Совѣтѣ Министровъ, пока я не вступилъ въ управленіе Министерствомъ. Но и тутъ мнѣ не повезло. По моему настоянію Керенскій дѣйствительно пустилъ его на обсужденіе. Разсмотрѣніе закона стояло уже въ повѣсткѣ засѣданія Совѣта, но въ этотъ день нѣкоторые министры не явились въ засѣданіе Совѣта и потому «столь важный», по выраженію Керенскаго, законъ былъ имъ снятъ съ обсужденія. Такъ вопросъ и умеръ. Наступили худыя времена.

Зарудный имѣлъ стычки съ сослуживцами. Онъ очень оберегалъ свое положеніе, какъ Министра, то-есть главы Министерства, и не позволялъ, чтобы ему наступали на ногу. Во время Московскаго совѣщанія былъ открытъ монархическій заговоръ. Были данныя, указывавшія, что заговоръ на самомъ дѣлѣ существовалъ. Керенскій поручилъ разслѣдованіе дѣла прокурору Московской судебной Палаты Сталю, о чемъ я выше говорилъ, забывъ предувѣдомить о семъ Заруднаго, Министра Юстиціи. Зарудному это не понравилось. Когда Сталь былъ въ Петербургѣ, они по какому-то поводу, связанному съ дѣломъ «заговора», при разговорѣ по телефону, наговорили другъ другу непріятностей, причемъ Зарудный въ разговорѣ не позволилъ себѣ ничего рѣзкаго по отношенію Сталя, а Сталь сказалъ Зарудному какую-то непозволительную дерзость. Это страшно взбѣсило Заруднаго, который потребовалъ отставки Сталя. Сталь призналъ свою вину. Дѣло окончилось тѣмъ, что Сталь формально попросилъ извиненія у Заруднаго, а Заруднаго убѣдили, что Сталя въ ту пору было некѣмъ замѣнить и что вся исторія, если ее не затушить, надѣлаетъ много совершенно лишняго общественнаго шума.

Другой весьма характерный для Заруднаго случай произошелъ по поводу рапорта прокурора Харьковской Судебной Палаты, бывшаго присяжнаго повѣреннаго П. Д. Шидловскаго. Когда Шидловскаго назначили прокуроромъ палаты, онъ съ первыхъ же шаговъ сдѣлалъ одну промашку. Желая ознакомить со своими служебными требованіями сослуживцевъ по прокуратурѣ, онъ обратился къ нимъ съ циркуляромъ, въ которомъ коснулся суда, отнесясь критически къ его дореволюціонной дѣятельности. Это обидѣло судей. Въ своихъ распорядительныхъ засѣданіяхъ нѣкоторые суды подвергли обсужденію циркуляръ прокурора палаты Шидловскаго и раскритиковали его, о чемъ довели до свѣдѣнія по начальству, то-есть представили о семъ министерству. Шидловскій ликвидировалъ инцидентъ тѣмъ, что написалъ второй циркуляръ, аннулировавшій значеніе перваго. Зарудный былъ крайне недоволенъ дѣйствіями Шидловскаго. Онъ сталъ относиться къ Шидловскому явно враждебно. Случилась такая исторія: Старшій предсѣдатель Харьковской Судебной Палаты Крыловъ представилъ Министру списокъ лицъ, которыя должны были получить

повыя назначенія. Въ числѣ ихъ онъ упомянулъ объ одномъ лицѣ, характеризуя его приблизительно такъ: «старательный, очень давно служитъ и вѣроятно будетъ на мѣстѣ». Эта характеристика, если читать между строками представленія, была самая отрицательная въ отношеніи способностей служащаго. Еслибы такой чиновникъ въ будущемъ оказался на службѣ изъ рукъ вонъ плохимъ, то Крыловъ всегда могъ бы умыть въ этомъ дѣлѣ руки и сказать: я же васъ предупреждалъ, что чиновникъ этотъ только терпимъ. Рекомендуемое лицо должно было получить мѣсто судебнаго слѣдователя или можетъ быть даже товарища прокурора какого-то Окружнаго Суда. Съ своей стороны Шидловскій представилъ своихъ кандидатовъ на вакантныя мѣста. Онъ упомянулъ въ своемъ рапортѣ и о кандидатѣ Крылова и самымъ положительнымъ образомъ отвергалъ эту кандидатуру, заботясь о хорошемъ составѣ своихъ сослуживцевъ. Не было рѣшительно никакихъ основаній идти въ этомъ вопросѣ наперекоръ Шидловскому, такъ какъ удовлетвореніе просьбы послѣдняго нисколько бы и не обидѣло Крылова. Такъ на это смотрѣли я и Жемчужниковъ. Однако, дѣло получило неожиданный оборотъ. Я доложилъ Зарудному о положеніи кандидата Крылова, и почему дано предпочтеніе кандидату Шидловскаго. Зарудный неожиданно для меня взялъ сторону отвергаемаго лица и съ горячностью, совершенно не идущей къ дѣлу, сталъ бранить Шидловскаго и говорить, что ни одно представленіе Шидловскаго не заслуживаетъ уваженія, такъ какъ къ нему самому нельзя питать никакого довѣрія. — Онъ вычеркнулъ нашего кандидата и замѣнилъ его Крыловскимъ. Мнѣ это было чрезвычайно непріятно; я боялся, что изъ этого выйдетъ исторія, что Шидловскій можетъ принять къ сердцу неисполненіе его представленія и выйдетъ въ отставку. Но дѣлать было нечего. Всѣ назначенія были Зарудныхъ сдѣланы, но еще имъ не подписаны, когда самъ Зарудный вышелъ въ отставку, а я занялъ его мѣсто. Вопреки обычаю я не исполнилъ распоряженія ушедшаго Министра; кандидата Крылова я немедленно замѣнилъ кандидатомъ Шидловскаго.

Третья стычка была у Заруднаго съ прокуроромъ Петроградской Судебной Палаты Каринскимъ, бывшимъ московскимъ присяжнымъ повѣреннымъ, приглашеннымъ на службу Министромъ Переверзевымъ. Зарудный не взлюбилъ Каринскаго, а послѣдній Заруднаго. Зарудный въ служебныхъ отношеніяхъ съ подчиненными всегда держался оффиціальнаго тона, то-есть какъ начальство. Онъ считалъ это принципіально необходимымъ. А прежнихъ товарищей его по сословію это раздражало; они не признавали за Зарудныхъ права распоряжаться ими по своему усмотрѣнію. Они были конечно въ этомъ отношеніи достаточно неправы, ибо кто-нибудь же долженъ приказывать, если распоряженіе идетъ отъ одного лица.

Стычка Заруднаго съ Каринскимъ была очень рѣзка. Каринскій подалъ въ отставку. Зарудному такъ претило назначать въ прокуратуру товарищей по сословію, то-есть присяжныхъ повѣренныхъ, что онъ настоялъ на назначеніи прокуроромъ Петроградской Судебной Палаты бывшаго прокурора Саратовской Судебной Палаты Карчевскаго, вышедшаго изъ Саратовской прокуратуры по настоянію мѣстныхъ революціонныхъ кружковъ. Съ этой послѣдней точки зрѣнія назначеніе Карчевскаго было смѣлымъ шагомъ со стороны Заруднаго. Но Зарудный былъ очень доволенъ тѣмъ, что на посту прокурора Петроградской Судебной Палаты очутился опытный служака, а не любитель. Онъ даже выражался такъ, что въ работѣ Карчевскаго видно даже изящество.

Меня въ то время интересовало съ практической точки зрѣнія, какъ разрѣшится земельный вопросъ при разсмотрѣніи его въ центральной земельной комиссіи (или комитетѣ), гдѣ предсѣдательствовалъ уважаемый и любимый всѣми профессоръ Постниковъ. Это была обширная комиссія по своему составу. Въ ней участвовали представители различныхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ двое изъ Министерства Юстиціи. Одинъ изъ этихъ представителей былъ сенаторъ Семеновъ-Тянь-Шанскій. Комиссія работала совершенно самостоятельно и, хотя законовъ не издавала, но играла роль руководителя въ изданіи земельныхъ законовъ Министерствомъ Земледѣлія. Какую роль играли въ комиссіи, и играли ли ее вообще, представители Министерства — я не знаю; отчета объ этомъ никому не давалось. Выходило такъ, что чуть ли не для собственнаго удовольствія посѣщали эти комиссіи представители вѣдомствъ. Когда я вступилъ въ отправленіе должности управляющаго Министерствомъ Юстиціи, я вызвалъ къ себѣ сенатора Тянь-Шанскаго и попросилъ его періодически докладывать мнѣ, что дѣлалось въ земельной комиссіи. Въ то время Министромъ Земледѣлія былъ М. Черновъ, — человѣкъ по душѣ чрезвычайно самолюбивый, безцеремонный и мало считающійся съ чужими мнѣніями и съ своими товарищами по Кабинету Министровъ. Стало извѣстнымъ, что онъ ведетъ свою самостоятельную политику помимо политики земельнаго комитета; разсылаетъ циркуляры по провинціальнымъ земельнымъ комитетамъ, по содержанію своему иногда расходящіеся съ существующими земельными законами. Объ одномъ такомъ циркулярѣ много говорилось въ Совѣтѣ Министровъ, но министры другихъ вѣдомствъ никакъ не могли, несмотря на заявленное ими желаніе, получить отъ Чернова копію этого циркуляра. Я рѣшилъ подробнѣе ознакомиться съ тѣмъ, что дѣлаетъ Черновъ.

Не имѣя передъ собою документовъ, я не могу теперь передать сущность циркуляра Чернова и даже содержаніе той записки по поводу дѣйствій министра Чернова, которую я въ свое время разослалъ по вѣдомствамъ.

Я досталъ знаменитый циркуляръ и убѣдился въ правильности тѣхъ слуховъ, которые ходили объ этомъ циркулярѣ. Я занялся разборомъ этого циркуляра, въ чемъ мнѣ помогалъ талантливый видный чиновникъ 1-го Департамента (фамилію котораго, къ сожалѣнію, не помню). Записка моя вышла довольно обширной. Съ внѣшней стороны она была полнымъ противорѣчіемъ тому облику записокъ, которыя составлялись въ казенныхъ вѣдомствахъ. Обыкновенно въ казенныхъ бумагахъ, гдѣ критиковалось мнѣніе одного вѣдомства другимъ, употреблялись дипломатическія выраженія въ родѣ: «едва ли», «казалось бы» и проч. Въ своей запискѣ всѣ эти «едва ли», «казалось бы» я выкинулъ. Составленная мною записка по моему предложенію должна была быть разосланной по другимъ министерствамъ. Но я зналъ, что Зарудный, который весьма дорожилъ вѣдомственными традиціями, перековеркаетъ записку на старый бюрократическій ладъ, чего мнѣ въ данномъ и столь важномъ вопросѣ особенно не хотѣлось. Я сдѣлалъ такъ: чтобы моя записка осталась въ неприкосновенности, я рѣшилъ отъ своего имени оффиціально представить ее Министру Юстиціи съ тѣмъ, чтобы онъ уже самъ рѣшилъ ея судьбу, то-есть оставилъ бы въ томъ видѣ, въ какомъ она была написана или передѣлалъ ее по своему, или же, наконецъ, оставилъ ее безъ движенія. Моя записка въ такомъ случаѣ осталась бы въ цѣлости, хотя бы въ одномъ Министерствѣ Юстиціи. Но въ данномъ случаѣ судьба была за меня. Въ это самое время Зарудный подалъ въ отставку, и я сталъ его замѣстителемъ. Немедленно я сдѣлалъ распоряженіе о разсылкѣ

ея по вѣдомствамъ уже отъ своего имени. О моей запискѣ говорили, и я услышалъ довольно много лестныхъ для меня отзывовъ о ней. Вслѣдъ за ней я разослалъ циркуляръ прокурорамъ окружныхъ судовъ, въ которомъ требовалъ отъ нихъ особеннаго вниманія къ тому, что дѣлалось въ земельныхъ комитетахъ, дабы существующіе земельные законы ими не нарушались. Циркуляръ этотъ далъ тоже свои результаты. Комитеты стали осторожнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ. А въ Псковской губерніи, гдѣ былъ особенно энергичный прокуроръ, комитеты стали чуть ли не пустовать; члены ихъ перестали собираться, боясь привлеченія къ уголовной отвѣтственности за превышеніе власти. Все это было отмѣчено въ Министерствѣ Земледѣлія и закулисно стали говорить, что въ работѣ по разрѣшенію земельнаго вопроса мѣшаетъ Министерство Юстиціи. Я тогда написалъ второй циркуляръ, въ которомъ указывалъ прокуратурѣ, что она не должна быть особенно рьяной въ преслѣдованіяхъ нарушителей закона, что она должна имѣть въ виду, что нарушители законовъ дѣйствуютъ согласно предписаніямъ, даннымъ имъ свыше, но что прокуратура не лишена права привлекать къ отвѣтственности интеллектуальныхъ виновниковъ въ совершеніи беззаконія. Такимъ образомъ прокуратура получила право добраться до самыхъ верховъ Министерства Земледѣлія. Циркуляръ этотъ былъ составленъ, но я не помню — успѣлъ ли онъ быть разосланъ.

Моя записка о земельномъ вопросѣ почему-то сильно задѣла предсѣдателя земельной комиссіи профессора Постникова. Онъ явился ко мнѣ въ Министерство и сказалъ мнѣ, что въ запискѣ все правильно изложено и правильны ея выводы, но что не слѣдовало ее разсылать, предварительно не ознакомивъ его съ содержаніемъ записки. «За что вы на старости лѣтъ пожелали предать меня суду?» — сказалъ бѣдный Постниковъ. Конечно, почтенный А. С. Постниковъ былъ неправъ, сдѣлавъ такое заключеніе; записка абсолютно не касалась дѣятельности земельной комиссіи, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ, и я былъ радъ, что при бесѣдѣ съ Постниковымъ присутствовалъ Г. Д. Скарятинъ, который съ своей стороны подтвердилъ ему, что земельная комиссія и онъ, Постниковъ, абсолютно не затронуты въ запискѣ, дѣло касалось Министерствъ и Министра, не желавшаго считаться съ законами и стремившагося дѣйствовать по-диктаторски самостоятельно.

Передъ уходомъ въ отставку Зарудный передалъ мнѣ дѣла. Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ: «На твоемъ мѣстѣ я непремѣнно бы уничтожилъ отдѣлъ контръ-развѣдки при Министерствѣ». Я уже упоминалъ, какъ Зарудный относился къ этому отдѣлу. Почему онъ самъ этого не сдѣлалъ въ бытность свою Министромъ, я не знаю и объясняю это только тѣмъ, что онъ не успѣлъ. По существу я вполнѣ сочувствовалъ въ этомъ вопросѣ Зарудному и потому въ первую же голову рѣшился заняться этимъ отдѣломъ. Въ тотъ же день «все дѣло» я взялъ къ себѣ на домъ. Ознакомившись съ нимъ, я убѣдился, насколько правъ былъ Зарудный. Не было ни закона, ни постановленія властей объ учрежденіи отдѣла контръ-развѣдки, было только одно распоряженіе со стороны Совѣта Министровъ: выдать на расходы по контръ-развѣдкѣ Министру Юстиціи Переверзеву 100.000 рублей — и больше ничего. Какую-то инструкцію по веденію дѣлъ въ контръ-развѣдкѣ составлялъ или, можетъ быть, вѣрнѣе, намѣревался составить Переверзевъ. Какія-то данныя въ этомъ смыслѣ, помнится, въ дѣлѣ были. Я уже указалъ, что завѣдующій контръ-развѣдкой Мироновъ

засадилъ въ тюрьму человѣкъ десять, не знавшихъ, за что они сидятъ. Въ день назначенія меня управляющимъ Министерствомъ ко мнѣ приходила хлопотать за мужа, молодого офицера Сумарокова, жена его, завѣрявшая меня, что не только нѣтъ никакихъ данныхъ обвинять ея мужа въ контръ-революціи, но что даже и сплетень по этому поводу не можетъ быть никакихъ. Ея ходатайство объ освобожденіи мужа поддерживалъ матросъ Баткинъ, который былъ свидѣтелемъ ареста Сумарокова. Я убѣдился, что незаконность существованія контръ-развѣдки была настолько ясна, что, не уничтоживъ ея, впослѣдствіи нельзя было бы раздѣлаться съ запросами парламента по поводу ея существованія. Я немедленно вызвалъ къ себѣ Миронова и въ присутствіи товарища Министра Вальца попросилъ его изложить мнѣ, какія дѣла по развѣдкѣ находятся въ данный моментъ у него въ производствѣ, кого и за что онъ посадилъ въ тюрьму и сколько времени эти лица сидятъ уже въ заключеніи. Оказалось, никакихъ опредѣленныхъ дѣлъ у Миронова въ производствѣ не имѣется, что публику подъ арестъ онъ посадилъ только по подозрѣнію и что нѣкоторыя лица сидятъ уже довольно долго безъ допроса. Такъ какъ я велъ бесѣду въ качествѣ Министра Юстиціи, то-есть совершенно оффиціальнымъ тономъ, то, какъ генералъ-прокуроръ, выразилъ Миронову свое неудовольствіе по поводу того, что онъ вопреки строгому требованію революціоннаго времени держитъ людей подъ арестомъ, не допрашивая ихъ. Задѣтый моимъ замѣчаніемъ за живое «революціонеръ» Мироновъ объяснилъ мнѣ, что онъ заваленъ работой, которую ведетъ по необходимости одинъ, ибо всѣ его сослуживцы забастовали. Тогда я вновь тѣмъ же оффиціальнымъ тономъ замѣтилъ ему, что онъ поступаетъ неправильно, если своевременно не доводитъ до свѣдѣнія начальства о существующемъ въ его отдѣлѣ безпорядкѣ. Я потребовалъ затѣмъ немедленнаго выпуска всѣхъ заключенныхъ изъ тюрьмы, а когда Мироновъ указалъ, что ему еще надо допросить нѣкоторыхъ изъ нихъ, я ему сказалъ, чтобы, въ случаѣ надобности, допросъ этотъ онъ произвелъ путемъ вызова къ себѣ заподозрѣнныхъ повѣстками, поручившись вмѣстѣ съ тѣмъ, что ни одинъ изъ послѣднихъ отъ явки не уклонится. «Когда же я долженъ ихъ освободить?» спросилъ Мироновъ. — «Немедленно, и объ освобожденіи ихъ донести мнѣ вечеромъ, явясь въ Зимній Дворецъ и вызвавъ меня изъ засѣданія Совѣта Министровъ».

Все было исполнено, какъ я сказалъ. Мироновъ вечеромъ для доклада мнѣ пріѣзжалъ въ Зимній Дворецъ. А на другой день утромъ контръ-развѣдка при Министерствѣ Юстиціи была мной совсѣмъ ликвидирована, о чемъ я довелъ до свѣдѣнія Совѣта Министровъ. Я считалъ себя въ этомъ отношеніи совершенно свободнымъ, такъ какъ не былъ связанъ закономъ объ учрежденіи ея. Въ числѣ освобожденныхъ былъ Пуришкевичъ, который сдѣлалъ мнѣ затѣмъ вмѣстѣ со своей женой визитъ въ Министерство. Конечно, Пуришкевичъ былъ у меня на пріемѣ крайне взволнованъ, и когда онъ говорилъ со мной, у него были на глазахъ слезы. Я былъ съ Пуришкевичемъ во 2-ой Государственной Думѣ, но никогда не велъ съ нимъ знакомства. Впослѣдствіи мнѣ разсказали, что бѣдствія Пуришкевича при Временномъ Правительствѣ не кончились моимъ выпускомъ его изъ заключенія. Его, какъ я слышалъ, арестовала городская милиція по приказу городского комиссара Роговскаго, который, какъ говорили, отдавая приказъ объ его арестѣ, выразился, что Министру Юстиціи надо еще показать, какъ освобождать изъ-подъ ареста такихъ лицъ, какъ Пуришкевичъ. Какъ только я объ этомъ узналъ, я далъ распоряженіе прокурору палаты Карчевскому разслѣдовать это дѣло, и если выяснится, что Пуришкевичъ дѣйстви-

тельно арестованъ по приказу Роговскаго, то немедленно начать дѣло по обвиненію послѣдняго въ превышеніи власти. Въ концѣ концовъ, Пуришкевичъ оказался на свободѣ, но что сдѣлалъ Карчевскій по данному мною ему распоряженію — такъ мнѣ и не пришлось узнать.

Вышеупомянутый Мироновъ служилъ по контръ-развѣдкѣ и при Военномъ Министерствѣ. Послѣ удаленія его изъ Министерства Юстиціи его удалили и изъ Военнаго Министерства.

Что это былъ за человѣкъ? Внѣшнее впечатлѣніе Мироновъ производилъ хорошее. Хорошо отзывался о немъ и Савинковъ. Вѣроятно, это былъ человѣкъ убѣжденный, то-есть вѣрилъ въ то дѣло, за которое брался. Но вспоминая его, я не буду удивленъ, если узнаю, что это былъ не вполнѣ нормальный человѣкъ. Такъ тогда мнѣ казалось.

До назначенія меня управляющимъ Министерствомъ я былъ въ Совѣтѣ Министровъ всего, какъ мнѣ помнится, одинъ разъ, когда меня взялъ туда Зарудный. Многіе Министры приходили въ засѣданіе Совѣта въ сопровожденіи своихъ товарищей, но товарищи, имѣя право высказываться, не участвовали, однако, по общему порядку въ голосованіи. Теперь я вступилъ въ Совѣтъ съ правомъ голоса. Въ Совѣтѣ Министровъ, какъ и въ Маломъ Совѣтѣ, разсылались членамъ Совѣта повѣстки съ обозначеніемъ дѣлъ, подлежащихъ обсужденію. Но во время засѣданій порядокъ дѣлъ часто измѣнялся, если встрѣчалась надобность обсудить какой либо экстренный вопросъ. Само собой разумѣется, мнѣ было весьма интересно принимать непосредственное участіе въ отвѣтственной работѣ Совѣта. Для предварительнаго ознакомленія съ дѣлами Совѣта я употребилъ тотъ же пріемъ, какъ и для изученія дѣлъ Малаго Совѣта, то-есть просилъ чиновника Министерства Юстиціи Геппнера помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ, чтобы я былъ технически болѣе натасканъ. Участіе Геппнера при изученіи подлежавшихъ разсмотрѣнію Совѣта дѣлъ принесло мнѣ большую пользу.

Керенскій въ качествѣ предсѣдателя Совѣта ввелъ въ немъ свой порядокъ въ обсужденіи дѣлъ. Онъ строго наблюдалъ за тѣмъ, чтобы члены Совѣта не обращались другъ къ другу, какъ старые знакомые между собой, называя другъ друга по имени и отчеству, а непремѣнно «Г. Министръ такой-то». Онъ наблюдалъ за тѣмъ, чтобы никто не уходилъ изъ Совѣта, не предупредивъ его, а если кто либо безъ предупрежденія уходилъ, то онъ громко спрашивалъ: «Г. Министръ такой-то, — позвольте узнать основанія Вашего ухода». Это нѣсколько напоминало школьное обращеніе. Лично я не придавалъ бы значенія обращенію между собою Министровъ по имени и отчеству. Соблюденіе строгихъ обычаевъ обыкновенно на сути дѣла не отражается; порядокъ въ обсужденіи дѣлъ можетъ быть образцовымъ въ средѣ самыхъ близкихъ друзей, если ведетъ засѣданіе опытный руководитель. Керенскій былъ, на мой взглядъ, умѣлымъ предсѣдателемъ. Въ то время, когда я сталъ посѣщать засѣданія Совѣта, замѣстителемъ Керенскаго былъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Терещенко, преемникъ Некрасова. Терещенко точно также строго соблюдалъ обычай обращенія между собою членовъ Совѣта, введенный Керенскимъ; даже поправлялъ Министровъ, если они называли его не «господинъ замѣститель предсѣдателя Совѣта», а «Г. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ». Это уже казалось мнѣ совершенно излишней мелочностью. Въ мое время засѣданія подъ предсѣдательствомъ Терещенко происходили довольно часто, такъ какъ Керенскій

въ качествѣ Верховнаго Главнокомандующаго бывалъ нерѣдко въ разъѣздахъ. Дѣлъ въ Совѣтѣ было конечно огромное количество; дѣла, которыя не носили принципіальнаго характера и не требовали для разрѣшенія ихъ изданія новаго закона или же не нуждались въ пленарномъ обсужденіи, разсматривались обыкновенно по утрамъ, когда собирались министры или вызванные на утро Керенскимъ, или же по собственной иниціативѣ. Образцоваго порядка въ веденіи дѣла на утреннихъ засѣданіяхъ не наблюдалось. Часто возбуждались вопросы, которые оставались висѣть въ воздухѣ. Иной разъ давалось порученіе, разработать извѣстный вопросъ, а затѣмъ распоряженіе это на другой день отмѣнялось. Общій же духъ того, что дѣлалось въ самомъ Совѣтѣ, можно опредѣлить такъ: требовалось найти общую формулу, удовлетворявшую болѣе или менѣе всѣхъ, которая являлась бы выраженіемъ того, что требовалось въ данный моментъ рѣшить. Какъ только такая формула бывала найдена, дѣло считалось сдѣланнымъ, и переходили къ разсмотрѣнію слѣдующаго вопроса. Для формулировки рѣшенія въ Совѣтѣ нуженъ былъ быстрый разумъ и умѣніе понимать другихъ. Этой способностью обладалъ въ достаточной мѣрѣ замѣститель Керенскаго, Терещенко.

Я сталъ управляющимъ Министерствомъ Юстиціи въ то время, когда не былъ еще учрежденъ Совѣтъ Республики. При мнѣ засѣдалъ въ Александринскомъ театрѣ Демократическій Съѣздъ. Мысль о необходимости имѣть постоянное, хотя и несовершенное по формѣ, народное представительство была уже у многихъ на умѣ. Помню, что Терещенко въ одномъ изъ утреннихъ съ нимъ свиданій сказалъ мнѣ, что хорошо было бы, если бы Министерство Юстиціи составило проектъ положенія о постоянномъ съѣздѣ представителей народа при Временномъ Правительствѣ. Сказано это было не въ формѣ опредѣленнаго порученія. Я, однако, немедленно занялся этимъ дѣломъ, боясь, что мнѣ скажутъ затѣмъ, что работа эта — не къ спѣху или вовсе не нужна, а я стоялъ душою за учрежденіе такого органа. Проектъ былъ составленъ, и о томъ, что онъ уже готовъ, стало немедленно извѣстно въ печати. Ко мнѣ явились представители ея съ просьбой дать матеріалы для опубликованія. Я согласился, и о моемъ проектѣ былъ данъ подробный отчетъ въ газетахъ; какъ помнится, въ формѣ бесѣды со мной. Составленное затѣмъ Временнымъ Правительствомъ положеніе Совѣта Республики (я стоялъ противъ такого названія, ибо считалъ его забѣганіемъ впередъ, и безъ нужды) разнился нѣсколько съ моимъ проектомъ; оно было, кстати сказать, выработано безъ участія Министра Юстиціи.

Безъ особаго приглашенія я не ѣздилъ на утреннія засѣданія Совѣта Министровъ. Я, однако, замѣтилъ, что юристъ всегда былъ полезенъ въ этихъ совѣщаніяхъ. Спустя только нѣкоторое время, я узналъ, что я всегда могъ по собственному усмотрѣнію являться въ Зимній Дворецъ по утрамъ и что это считалось даже желательнымъ. Но обычая этого я не зналъ, соваться впередъ не хотѣлъ, а Зарудный мнѣ ничего не передавалъ объ этомъ обыкновеніи. Самъ онъ, вѣроятно, тоже безъ приглашенія на такія засѣданія не ѣздилъ.

Однажды ко мнѣ на пріемъ явился генералъ кн. Долгорукій и разсказалъ мнѣ слѣдующее: Отправляясь съ сѣвернаго фронта въ отпускъ, онъ былъ по дорогѣ арестованъ какой-то военной политической организаціей, въ составъ которой входили и матросы, по подозрѣнію въ контръ-революціи. Изъ-подъ ареста онъ былъ освобожденъ Керенскимъ, который обѣщалъ передать разслѣдо-

ваніе дѣла о немъ прокурорскому надзору и при условіи, что представители организаціи будутъ присутствовать при предварительномъ слѣдствіи по этому дѣлу. Генералъ Долгорукій былъ освобожденъ, и дѣло о немъ поступило къ слѣдователю. Но о представителяхъ организаціи тогда забыли. Слѣдователь объ обѣщаніи Керенскаго даже не зналъ. Дѣло же о генералѣ было прекращено за отсутствіемъ уликъ. Но генерала организація не забыла. Кн. Долгорукій находился въ крайнемъ безпокойствѣ. Онъ боялся всякихъ осложненій, вплоть до лишенія вновь свободы насильственнымъ путемъ. Онъ выразилъ желаніе ради своего спокойствія, чтобы о немъ было произведено новое разслѣдованіе. Мнѣ же эта исторія была до крайности непріятна; я былъ недоволенъ Керенскимъ за то, что онъ допустилъ съ своей стороны обѣщаніе, по существу совершенно невозможное, и за то, что если ужъ допустилъ его, то не позаботился своевременно объ его исполненіи. Теперь же приходилось въ угоду безсмысленной черни и изъ-за самолюбія неудовлетворенныхъ лицъ дѣлать что-то явно незаконное и что-то, что по существу своему показывало недовѣріе къ суду. Генералу Долгорукому я это высказалъ. Когда же пришли ко мнѣ «представители» — двое матросовъ и студентъ (очень смирный и неглупый молодой человѣкъ), — то я и имъ объяснилъ, что желаніе ихъ не подлежало бы вовсе удовлетворенію, не будь слова, даннаго имъ первымъ представителемъ власти; но предупредилъ ихъ, что о пересмотрѣ дѣла вообще не можетъ быть и рѣчи. Матросы было заволновались, а одинъ изъ нихъ, размахивая руками, сталъ говорить, что они взяли на себя порученіе отъ товарищей добиться пересмотра дѣла. Я замѣтилъ ему, что ему не слѣдовало брать на себя такихъ порученій. Помнится, что я сказалъ: «такого нелѣпаго порученія». Юноша студентъ сталъ усмирять своего пылкаго товарища. Такъ какъ дѣло было спѣшное, то я просилъ ихъ явиться ко мнѣ вечеромъ на квартиру узнать окончательный отвѣтъ. Керенскаго я повидалъ. Онъ былъ, повидимому, нѣсколько сконфуженъ происшедшимъ и просилъ меня сдѣлать что-нибудь, что могло бы успокоить явившуюся ко мнѣ депутацію. Онъ сказалъ, что дѣйствительно онъ обѣщалъ организаціи участіе ея въ разслѣдованіи дѣла Долгорукаго. Нужно было спасать престижъ Керенскаго. Я рѣшилъ сдѣлать такъ — пригласить въ Министерство представителей организаціи, князя Долгорукаго, судебнаго слѣдователя, который велъ по дѣлу предварительное слѣдствіе, и товарища прокурора, въ вѣдѣніи коего находилось дѣло, и ознакомить представителей съ содержаніемъ предварительнаго слѣдствія. Вечеромъ ко мнѣ на квартиру явились представители. Вновь матросы заволновались и стали увѣрять, что такой способъ завершенія дѣла не можетъ ихъ удовлетворить. Это меня до того взбѣсило, что я, что со мной почти никогда не бывало, сталъ на нихъ кричать и стучать кулакомъ по столу. Я заявилъ имъ, что если они не удовлетворятся тѣмъ, что я имъ предлагаю, я покончу переговоры немедля и что съ такимъ моимъ заявленіемъ они могутъ отправиться къ пославшимъ ихъ. Врядъ ли, однако, «товарищи» особенно ясно понимали разницу между новымъ разслѣдованіемъ дѣла и ознакомленіемъ съ матеріалами уже законченнаго судебнаго слѣдствія. Дѣло кончилось благополучно. Они на все согласились. На другой день въ министерство явился отъ нихъ только одинъ смирный посланецъ студентъ, который радъ былъ поскорѣе покончить съ пустой формальностью, то-есть выслушать то, что ему прочиталъ судебный слѣдователь. Онъ поспѣшилъ уйти изъ моего кабинета.

Разсказываю это, какъ картину тогдашнихъ правительственныхъ нравовъ.

Къ этому времени относится и мое дѣло съ Троцкимъ. Какъ я говорилъ уже, Троцкій былъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности по дѣлу о большевикахъ. Но событіе, въ которомъ онъ принималъ участіе, стояло во всемъ дѣлѣ совершенно особнякомъ. Его обвиняли, и это было исключительно одно обвиненіе, въ томъ, что, будучи на какомъ-то собраніи рабочихъ въ Народномъ Домѣ, онъ произнесъ зажигательную рѣчь, призывая къ убійству Керенскаго. Сообщеніе объ этомъ сдѣлали двое офицеровъ, якобы слышавшихъ эту рѣчь. Троцкаго арестовали. Онъ полностью отрицалъ взводимое на него обвиненіе. Былъ допрошенъ рядъ свидѣтелей, постороннихъ Троцкому, участвовавшихъ въ собраніи, которые мало того, что отрицали приписываемыя Троцкому слова, но показали, что Троцкій старался наоборотъ успокоить расходившуюся тогда толпу. Никакихъ призывовъ онъ тогда вообще не дѣлалъ. Сообщалъ мнѣ о ходѣ предварительнаго слѣдствія прокуроръ Палаты Карчевскій, сказавъ, что Троцкаго въ тюрьмѣ по такому обвиненію держать абсолютно нельзя. Я отлично понималъ, что судебная слѣдственная власть не рѣшится, хотя имѣетъ право, совершенно самостоятельно рѣшать такой вопросъ, выпустить на волю такую птицу, какъ Троцкій, безъ благословенія свыше. Это благословеніе я ей и далъ. Однако, я понималъ, что освобожденіе Троцкаго изъ-подъ ареста вредно. Поэтому я попросилъ предварительно освобожденія Троцкаго доставить мнѣ весь слѣдственный матеріалъ, его касающійся, и ознакомился съ нимъ подробно. Освобожденнаго Троцкаго встрѣтили въ Совѣтѣ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ съ тріумфомъ. А въ тотъ же день управляющій дѣлами Совѣта Министровъ — Гальпернъ предупредилъ меня, что въ вечернемъ засѣданіи Совѣта Министровъ у меня попросятъ объясненія по дѣлу Троцкаго. Я этого ожидалъ, и предупрежденіе Гальперна не застало меня врасплохъ. Въ Совѣтѣ во время засѣданія я получилъ записку сначала отъ Гальперна, который вновь предупреждалъ меня о готовящемся запросѣ, а затѣмъ получилъ записку и со стороны Терещенко, предсѣдательствовавшаго тогда въ Совѣтѣ. Объясненіе мнѣ предстояло сдѣлать въ концѣ засѣданія, когда вопросы по повѣсткѣ будутъ исчерпаны. Я далъ свое объясненіе въ твердомъ тонѣ. Я разсказалъ, въ чемъ заключается обвинительный матеріалъ по дѣлу Троцкаго, объяснилъ, что опредѣленіе объ освобожденіи Троцкаго изъ-подъ ареста дано судебно-слѣдственною властью, что авторитетъ ея долженъ быть во всякомъ случаѣ поддержанъ, что по существу она въ данномъ дѣлѣ совершенно права, сказалъ далѣе, что Министерство Юстиціи должно всегда стоять на стражѣ закона и не допускать, чтобы его могли не только обвинять, но даже подозрѣвать въ томъ, что по его распоряженію могутъ содержать людей въ тюрьмѣ по однимъ лишь политическимъ соображеніямъ, что во всякомъ случаѣ я, пока буду во главѣ Министерства, этого никогда не допущу. Объясненія мои были приняты благосклонно. Многіе говорили мнѣ, что они вполнѣ раздѣляютъ мою точку зрѣнія и что запросъ не имѣлъ другой цѣли, какъ ознакомленіе съ дѣломъ. Одинъ только Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Никитинъ (московскій присяжный повѣренный, по партіи соціалъ-демократъ) мимоходомъ замѣтилъ, что о выпускѣ на волю Троцкаго нужно было предупредить Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, что таково было соглашеніе съ Министерствомъ Юстиціи, когда дѣло касалось замѣтнаго лица. Никитинъ былъ въ извѣстномъ смыслѣ правъ; но я лично не зналъ, что существовало такое соглашеніе, о чемъ долженъ былъ меня въ свое время предупредить Зарудный, чего онъ не сдѣлалъ. Я виноватъ только, что не догадался, по собственному почину, предупредить Никитина. Но никто не мѣшалъ Ники-

тину, какъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, сдѣлать, если онъ находилъ это нужнымъ, распоряженіе о новомъ арестѣ Троцкаго въ административномъ порядкѣ. На его мѣстѣ я бы это сдѣлалъ и не побоялся бы сдѣлать этого.

Когда въ Совѣтѣ ставился на обсужденіе какой либо земельный вопросъ, то сейчасъ же среди членовъ Совѣта проявлялось нервное настроеніе и не потому, что самъ вопросъ по существу былъ чрезвычайно острый, а вслѣдствіе того, что онъ вносился Министромъ Земледѣлія Черновымъ, который въ Совѣтѣ не пользовался ни любовью, ни довѣріемъ. Я выше говорилъ о безцеремонности, съ какой Черновъ обращался съ законами, но онъ еще умѣлъ вносить страшную путаницу въ самое обсужденіе вопроса. Чернову ничего не стоило въ любой моментъ измѣнять текстъ вносимаго имъ закона либо послѣ того, какъ самъ усмотритъ въ немъ недостатки, либо послѣ замѣтки, сдѣланной другими. Слушатели весьма часто не знали, какой текстъ закона обсуждался въ данный моментъ. Начинали возражать, а въ отвѣтъ слышали: «да вы возражаете противъ текста, который уже измѣненъ». Конечно, нельзя было соблюдать порядка при такомъ способѣ обсужденія законовъ. Обсужденіе вопроса откладывалось для предварительной заготовки новаго неоспореннаго текста закона. Это въ свою очередь раздражало Чернова. Помню, что однажды члены Совѣта стали говорить очень нервно по адресу Чернова, что вызвало со стороны предсѣдателя Керенскаго замѣчаніе, что какъ только приступаютъ къ обсужденію вносимыхъ Черновымъ законоположеній, то члены Совѣта безпричинно волнуются. Это замѣчаніе справедливо не всѣмъ понравилось, и Министръ Народнаго Просвѣщенія Ольденбургъ просилъ Керенскаго такихъ замѣчаній впредь не дѣлать. Я не помню, чтобы при мнѣ прошелъ въ Совѣтѣ хотя бы одинъ Черновскій законопроектъ.

Засѣданія Совѣта Министровъ происходили ежедневно. Собирались къ 8 часамъ вечера и засиживались сплошь и рядомъ до 2—3 часовъ ночи. Можно себѣ представить, до какого утомленія доходили министры, работавшіе съ утра. Оберъ-прокуроръ Синода Карташевъ отъ усталости иногда закрывалъ глаза. Въ Совѣтѣ Керенскій доминировалъ. Почему это было такъ, можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что министры ничего не хотѣли дѣлать безъ благословенія Керенскаго; министры преклонялись передъ популярностью послѣдняго, и этой популярности приносили жертвы во вредъ дѣлу. Само собой разумѣется, такое отношеніе избаловало Керенскаго. Я не могу забыть такого эпизода. Изъ всего составъ Временнаго Правительства, избраннаго въ первую очередь, остались только двое — Керенскій и Терещенко. Терещенко тоже пожелалъ уйти, о чемъ и заявилъ въ Совѣтѣ. Его стали уговаривать остаться (каковые уговоры окончились успѣшно). Керенскій съ прерывающимся отъ волненія голосомъ, въ которомъ слышались ноты рыданія, упрекнулъ Терещенко, что онъ его покидаетъ, тогда какъ обѣщалъ не разставаться съ нимъ до послѣдняго момента. И вотъ, что сказалъ Керенскій, что меня поразило: «Вы уйдете — кого же я найду въ замѣстители вамъ. Я лично, вы это должны знать, не имѣю возможности принять въ свое вѣдѣніе Министерство Иностранныхъ Дѣлъ». Выходило такъ, по словамъ Керенскаго, что онъ одинъ способенъ управляться съ любымъ дѣломъ, на него возложеннымъ. Ему даже въ голову не пришла

простая мысль: — а признаютъ ли его самого годнымъ на эту роль. Нужно сказать, что въ словахъ Керенскаго отнюдь не было слышно самомнѣніе, а изрекалось нѣчто въ родѣ истины, о чемъ и задумываться не приходится. Такая самооцѣнка явилась на мой взглядъ результатомъ отношенія къ Керенскому со стороны тѣхъ, съ кѣмъ ему въ послѣднее время приходилось сталкиваться. А что это было во вредъ дѣлу, я приведу тому доказательство. Оно тоже относится къ тому времени, когда Терещенко, оставаясь Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, уступилъ свое мѣсто замѣстителя предсѣдателя въ Совѣтѣ А. Ив. Коновалову.

Послѣ разсмотрѣнія дѣлъ по повѣсткѣ, было заявлено Коноваловымъ, что въ закрытомъ засѣданіи Совѣта будетъ сдѣланъ докладъ Морскимъ Министромъ Вердеревскимъ о событіяхъ на фронтѣ. Въ закрытыхъ засѣданіяхъ Совѣта могли принять участіе лишь одни Министры. Товарищи министровъ и вся канцелярія Совѣта покидала залъ. Морской Министръ Вердеревскій сообщилъ, что взбунтовавшіеся въ г. Выборгѣ матросы утопили и убили массу офицерства. Онъ спрашивалъ, что же дѣлать? Началось обсужденіе. Я высказалъ слѣдующее мнѣніе — другого способа нѣтъ, какъ послать въ Выборгъ вѣрныя войска и флотъ и поступить съ матросами, какъ съ врагами, что передать въ данный моментъ дѣло суду совершенно невозможно, даже по фактическимъ соображеніямъ: взбунтовавшіеся матросы не во власти начальства. Я не исключалъ судъ, но лишь послѣ того, какъ всѣ бунтари будутъ взяты либо въ плѣнъ, либо сами сдадутся, либо будутъ выданы властямъ. Помню, я спросилъ у Военнаго Министра Верховскаго, есть ли у него вѣрныя войска, и когда онъ могъ бы ихъ послать. Быстрый на слова Верховскій немедленно отвѣтилъ, что войска онъ доставитъ въ Выборгъ на третій отъ сего числа день. Но затѣмъ, послѣ переговоровъ, оказалось, что послать войска и флотъ можно лишь черезъ Главнокомандующаго Сѣвернаго фронта, отъ котораго долженъ исходить такой приказъ, чего сразу не сообразилъ Верховскій. Было постановлено поручить Коновалову сообщить Главнокомандующему Сѣвернаго Фронта о состоявшемся постановленіи Совѣта послать въ Выборгъ флотъ и войска для усмиренія взбунтовавшихся. На другой день вечеромъ вновь собралось закрытое засѣданіе Совѣта. Коноваловъ объяснилъ, что онъ не смогъ исполнить порученіе Совѣта, такъ какъ не удалось вызвать къ аппарату находившагося въ Ставкѣ Керенскаго. Оказалося, что Керенскій заболѣлъ (былъ у него жаръ чуть не до 40 градусовъ, свалившій его въ постель) и что онъ до сего времени все еще боленъ. Я замѣтилъ, что А. Ив. Коновалову дано было порученіе говорить не съ Керенскимъ, а съ Главнокомандующимъ Сѣвернаго фронта, что было дано порученіе не ознакомить Ставку съ содержаніемъ постановленія Совѣта, а сообщить для исполненія приказъ Совѣта. Все это было принято во вниманіе и не вызвало возраженій. Но затѣмъ Вердеревскій сообщилъ Совѣту о взятіи нѣмцами острова Эзеля, о томъ, что это взятіе подѣйствовало на умы войска и флота положительнымъ образомъ, что нужно ждать взрыва патріотизма, что посему въ данный моментъ опасно затѣвать что либо, что могло бы возбудить неудовольствіе войскъ и флота и что, по его мнѣнію, Выборгскую исторію въ данный моментъ не выгодно поднимать. Безъ дальнѣйшихъ комментарій скажу, что Совѣтъ такъ и сдѣлалъ, какъ предлагалъ Вердеревскій. Но въ чемъ тутъ виноватъ «безвольный» Керенскій? Безвольнымъ былъ Совѣтъ безъ Керенскаго.

Къ этому времени относится исторія Керенскаго съ генераломъ Корниловымъ, которая послужила поводомъ къ многочисленнымъ обвиненіямъ Керенскаго. Благодаря главнымъ образомъ этой исторіи имя Керенскаго стало для многихъ въ Россіи ненавистнымъ. Относиться явно отрицательно къ Керенскому стало вдругъ какъ бы признакомъ правильности пониманія русской внутренней политики. Представители Добровольческой Арміи чуть ли не открыто говорили о своемъ правѣ повѣсить Керенскаго, если онъ появится среди арміи. Такова была ненависть къ Керенскому.

Мнѣ, какъ управляющему Министерствомъ Юстиціи, пришлось ознакомиться съ данными этого событія по матеріаламъ, имѣвшимся въ рукахъ Главнаго Военнаго Прокурора Шабловскаго, которому было поручено разслѣдованіе этого дѣла. Оговариваюсь, что пишу по памяти, не имѣя возможности провѣрить себя опросомъ другихъ лицъ, соприкасавшихся съ дѣломъ. Записки Керенскаго по поводу дѣла съ Корниловымъ у меня въ рукахъ не было, и до сего времени я съ нею не знакомъ. Допуская однако же возможность ошибки въ сообщаемыхъ мною деталяхъ событія, я полагаю все же, что разсказъ мой въ цѣломъ соотвѣтствуетъ истинѣ.

Шабловскій при разслѣдованіи дѣла былъ очень недоволенъ той ролью, которую сыгралъ въ ней Керенскій. Однако, онъ не защищалъ и генерала Корнилова. Лично я, не будучи знакомъ съ Корниловымъ, относился къ нему не особенно дружелюбно, вѣрнѣй съ нѣкоторой досадой на него по обстоятельствамъ, можетъ быть, съ внѣшней стороны весьма маловажнымъ. Это недружелюбное отношеніе къ нему связывалось у меня въ душѣ всегда съ какой-то жалостью къ нему. Мнѣ было какъ-то обидно за него, что онъ самъ умаляетъ свое достоинство, ибо вся его карьера доказывала высоту его души и любовь къ Россіи. Вотъ, что въ немъ мнѣ не нравилось. Московское Государственное Совѣщаніе уже засѣдало въ Москвѣ; въ немъ долженъ былъ принять участіе и Корниловъ. Онъ, однако, къ открытію засѣданія опоздалъ, пріѣхавъ съ фронта, кажется, на второй день засѣданія совѣщанія. Онъ въѣхалъ въ Москву какъ-то особенно торжественно, сопровождаемый эскортомъ конницы. Съ поѣзда онъ поѣхалъ не прямо въ совѣщаніе, гдѣ его ждали, а сначала къ Иверской. Такой способъ появленія мнѣ не нравился, ибо я видѣлъ въ немъ нѣкоторую демонстрацію, желаніе понравиться народу, то-есть создать себѣ особаго рода популярность. Въ этомъ я увидѣлъ, что онъ не искренекъ, себѣ на умѣ. Оговариваюсь, однако, что таково было только мое личное впечатлѣніе, и я бы легко отъ него отказался, еслибы мнѣ представили доказательства моего ошибочнаго впечатлѣнія. Во всякомъ случаѣ такое впечатлѣніе о Корниловѣ у меня тогда создалось.

Исторія же Керенскаго съ Корниловымъ такова: Изъ Ставки Корнилова пріѣхалъ въ Петербургъ къ Керенскому бывшій прокуроръ Свят. Синода Львовъ. Онъ сообщилъ Керенскому приблизительно слѣдующее: въ Ставкѣ открыто подготовляются къ совершенію coup d'état — смѣстить существующую власть и образовать новое правительство во главѣ съ генераломъ Корниловымъ. Львовъ добавилъ, что Корниловъ вообще противъ него, Керенскаго, ничего не имѣетъ и готовъ оставить его въ кабинетѣ въ качествѣ Министра Юстиціи, но что если Керенскій поѣдетъ въ Ставку къ Корнилову (куда на самомъ дѣлѣ онъ въ то время собирался), то тамъ его арестуютъ. Вотъ, что сообщилъ Керенскому Львовъ, и никому тогда въ голову не могло прійти, что Львовъ, бывшій прокуроръ Свят. Синода, могъ наговорить Керенскому чистѣйшаго, выдуманнаго

изъ головы вздора. Керенскому не было основанія не вѣрить Львову. Оставалось лишь провѣрить его слова для установленія виновности Корнилова. Керенскій рѣшилъ переговорить лично съ Корниловымъ по прямому проводу съ тѣмъ, чтобы при его бесѣдѣ присутствовалъ и Львовъ. Былъ назначенъ часъ для этой бесѣды, о чемъ Корниловъ былъ предупрежденъ. Въ назначенный часъ Керенскій былъ на мѣстѣ, а Львовъ запоздалъ. Нетерпѣливый Керенскій не могъ дождаться прихода Львова и началъ свои переговоры съ Корниловымъ до его прихода, причемъ сдѣлалъ недопустимую ошибку, сказавъ Корнилову, что при ихъ бесѣдѣ присутствуетъ и Львовъ. Затѣмъ онъ сдѣлалъ другой непростительный промахъ, граничащій съ крайнимъ легкомысліемъ, на каковой Корниловъ отвѣтилъ идентичнымъ же: Керенскій спросилъ Корнилова, правда ли то, что говорилъ ему Львовъ, причемъ не сказалъ ему того, что именно говорилъ ему Львовъ. Корниловъ съ своей стороны не спросилъ Керенскаго о томъ, что же такое сказалъ ему Львовъ. Корниловъ передалъ ему, что онъ дѣйствительно ждетъ его къ себѣ въ Ставку и что, если Львовъ ему это передалъ, то это правда. Керенскій, усматривая въ словахъ Корнилова подтвержденіе сообщенія Львова, въ качествѣ Верховнаго Главнокомандующаго, приказалъ Корнилову подать въ отставку и, если не ошибаюсь, явиться въ Петербургъ. Далѣе послѣдовала уже не ошибка со стороны Корнилова, а уже дѣйствительное съ его стороны преступленіе. Корниловъ не только не послушался приказанія своего непосредственнаго начальства, а явно пошелъ противъ правительства, двинувъ на Петербургъ часть своихъ войскъ. Какъ извѣстно, изъ этой затѣи Корнилова ничего не вышло. Корниловъ былъ арестованъ своимъ же другомъ, Главнокомандующимъ Алексѣевымъ. Сочувствовавшій Корнилову Б. В. Савинковъ, который не скрывалъ своихъ симпатій къ Корнилову и не скрывалъ своего недовольства инертностью Керенскаго въ проведеніи имъ, по его мнѣнію, необходимѣйшихъ военныхъ мѣропріятій, иниціаторомъ проведенія которыхъ былъ генералъ Корниловъ, тоже оффиціально призналъ, что Корниловъ показалъ себя мятежникомъ съ точки зрѣнія квалификаціи его дѣйствій по уголовному уложенію. Переворотъ Корнилову не удался. А всякій неудавшійся переворотъ всегда только мятежъ по толкованію взявшей верхъ власти.

Во всей этой исторіи можно было глубоко пожалѣть Корнилова, разумъ котораго не подсказалъ ему сдержать свой темпераментъ. Онъ поступилъ очертя голову, считая себя по существу правымъ и дѣйствующимъ въ интересахъ родины. Къ сказанному можно прибавить слѣдующее: Поступокъ Корнилова былъ съ юридической стороны несомнѣнно преступнымъ дѣяніемъ, но онъ заслуживалъ амнистіи; амнистія предала бы забвенію всю эту грустную исторію.

Интересно еще отмѣтить, что органъ «Рѣчь» открыто сталъ въ этой исторіи на сторону Корнилова, пренебрегая въ данномъ случаѣ юридической государственной стороной вопроса.

Я занималъ должность управляющаго Министерствомъ Юстиціи сравнительно длительное время. Я зналъ, что Керенскій былъ озабоченъ подысканіемъ новаго министра. Чаще другихъ называли имя московскаго присяжнаго повѣреннаго П. Н. Малянтовича, несомнѣнно даровитаго адвоката. Я уже говорилъ, что власть имущіе имѣли тенденцію назначать на «посты» лицъ, заявившихъ себя чѣмъ либо на общественной аренѣ и непремѣнно изъ принадлежавшихъ къ одной изъ доминировавшихъ политическихъ партій. Малянтовичъ, по партіи соціалъ-демократъ, былъ виднымъ общественнымъ дѣятелемъ Москвы. Естественно на

его имени остановились, но неправильно, что не вдались въ оцѣнку того, насколько онъ могъ занимать постъ Министра, по своимъ внутреннимъ качествамъ. Я былъ противъ назначенія Малянтовича по соображеніямъ принципіальнаго свойства. Пріятелю своему, управляющему дѣлами Совѣта Министровъ, А. Я. Гальперну, стоявшему весьма близко къ Керенскому, я объяснилъ, почему я отношусь къ кандидатурѣ Малянтовича въ Министры отрицательно и сдѣлалъ это съ той цѣлью, чтобы Гальперинъ повліялъ на Керенскаго не назначать Малянтовича Министромъ. Самъ я съ Керенскимъ не могъ объ этомъ говорить, чтобы не подумали, что я хлопочу за себя. Отрицательное мое отношеніе къ Малянтовичу основывалось на участіи его въ веденіи дѣла (о чемъ я выше говорилъ) о насильственномъ занятіи гостиницы «Дрезденъ» московскою общественною организаціею. Я не допускалъ мысли, чтобы Министромъ Юстиціи могло быть лицо, открыто отрицавшее силу существующихъ законовъ только потому, что законъ этотъ въ данный моментъ неудобенъ, и чтобы это положеніе онъ выставлялъ въ судѣ какъ юридическій доводъ. Гальперинъ тоже стоялъ на моей точкѣ зрѣнія и даже говорилъ, что приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы повліять на Керенскаго отказаться отъ кандидатуры Малянтовича. Но это оказались только слова. Гальперинъ не имѣлъ, какъ выяснилось, никакого вліянія на рѣшенія Керенскаго. Избалованному Керенскому не очень бы нравилось, чтобы находили не все цѣлесообразнымъ, что ему приходило въ голову. Повидимому, Гальперинъ это понималъ. Словомъ, Гальперинъ, несмотря на свое обѣщаніе, ничего по дѣлу не сдѣлалъ. Малянтовичъ былъ вскорѣ назначенъ Министромъ. Но, должно быть, это назначеніе состоялось все же не безъ борьбы; особеннаго довѣрія къ Малянтовичу, казалось, и Керенскій не чувствовалъ. Керенскій даже поставилъ ему условіемъ его назначенія, чтобы всѣ прежніе товарищи Министра остались на своихъ мѣстахъ, а чтобы закрѣпить мое личное положеніе въ Министерствѣ, меня назначили предсѣдателемъ Малаго Совѣта Министровъ на мѣсто Ефремова, назначеннаго посломъ въ Швейцарію.

Лично противъ Малянтовича я ничего не имѣлъ; мы были всегда съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Наши отношенія не измѣнились бы и далѣе, еслибы самъ Малянтовичъ не подалъ къ этому повода. Малянтовичъ — типичный московскій адвокатъ. Московскій адвокатъ никогда ничего просто не дѣлаетъ; онъ во всемъ открываетъ Америку; никогда ничего просто не скажетъ, но непремѣнно сошлется на свою необыкновенную проницательность въ дѣлахъ, которая помогаетъ ему открыть или понять обстоятельства, столь полезныя для интересовъ дѣла. Словомъ, ничего просто московскій адвокатъ не скажетъ, а все имъ подается какъ бы на особенномъ блюдѣ и съ гарниромъ. Само собой разумѣется, Малянтовичъ явился въ Министерство не просто Министромъ Юстиціи, которому поручено разумно управлять Министерствомъ, а Министромъ, пришедшимъ спасать всю Юстицію отъ грозящаго ей развала; онъ долженъ былъ вести дѣла по собственной имъ спеціально начертанной линіи. Такъ какъ я своего взгляда на назначеніе Малянтовича не скрывалъ, то онъ сталъ ему извѣстнымъ. Онъ тоже не скрылъ отъ меня, что онъ знаетъ о моемъ къ нему отношеніи къ его назначенію, и попросилъ меня, а также Вальца (въ то время Скарятина не было въ Петербургѣ) выслушать его оправданія и ознакомиться съ его точкой зрѣнія на дѣло о гостинницѣ «Дрезденъ», которая, по его мнѣнію, должна будетъ убѣдить насъ въ его полной правотѣ. Мы, конечно, на это охотно согласились, но Малянтовичъ не сумѣлъ насъ убѣдить. Пришлось на дѣло поставить точку. При свиданіи съ нами, онъ не скрылъ отъ насъ, что прави-

тельство очень дорожить тѣмъ, чтобы мы остались служить на прежнихъ должностяхъ, что онъ самъ чрезвычайно радъ работать съ нами и что ничего не предприметъ по Министерству, не посовѣтовавшись предварительно съ нами. Послѣ этого предисловія онъ перешелъ къ обсужденію вопроса, который долженъ былъ явиться тѣмъ новымъ словомъ, которое должно было обновить политику Министерства Юстиціи. Дѣло касалось отношенія къ большевикамъ. Малянтовичъ находилъ, что такъ какъ большевизмъ есть политическое ученіе, то какъ таковое не подлежитъ, какъ и всякое другое ученіе, какому бы то ни было преслѣдованію со стороны власти. Поэтому онъ предложилъ намъ прекратить это преслѣдованіе.

Я теперь боюсь точно опредѣлить мысль Малянтовича, но думаю, что опредѣлилъ ее правильно. Конечно, мы съ Вальцемъ запротестовали; мы объяснили ему, что преслѣдованіе большевиковъ не носитъ вовсе характера преслѣдованія за идеи или ученія, а является результатомъ ихъ дѣйствій, направленныхъ къ сверженію существующаго политическаго строя въ Россіи, посему производство по дѣлу о большевикахъ должно идти своимъ порядкомъ. Малянтовичу не оставалось ничего, какъ только примириться съ нашей точкой зрѣнія, что внѣшне онъ и сдѣлалъ. Былъ затѣмъ назначенъ докладъ по дѣлу о большевикахъ, участниками какового доклада являлись слѣдователи Александровъ и другіе и чины прокурорскаго надзора, въ вѣдѣніи коихъ находилось производство. Малянтовичъ выслушалъ весьма подробный докладъ и сдѣлалъ попытку къ тому, чтобы освободить хотя бы нѣкоторыхъ большевиковъ отъ привлеченія къ уголовной отвѣтственности. Однако, и эта его попытка не привела къ успѣху. Ни я, ни Вальцъ, ни Скарятинъ не нашли къ этому основаній. Казалось бы, дѣло на этомъ и должно было кончиться. Однако, къ удивленію своему мы черезъ два дня узнали, что двое или трое большевиковъ все же были выпущены на свободу и что это сдѣлала прокуратура по соглашенію съ Малянтовичемъ. Не къ чести прокурорскаго надзора (Карчевскій, кажется, здѣсь не принималъ никакого участія) нужно замѣтить, что онъ согласился съ Малянтовичемъ, хотя при докладѣ стоялъ на другой точкѣ зрѣнія. Такимъ образомъ вопреки своему обѣщанію дѣйствовать съ нами совмѣстно и въ дѣлѣ очень отвѣтственномъ Малянтовичъ выступилъ самостоятельно и при томъ сознательно противъ насъ. Я, Вальцъ и Скарятинъ нашли это совершенно недопустимымъ, и заявили Малянтовичу, что всѣ подаемъ въ отставку. Это до чрезвычайности поразило Малянтовича, который, повидимому, искренне не ожидалъ подобнаго исхода его дѣйствій. Онъ сталъ насъ умолять (буквально) оставить свое намѣреніе, обѣщая написать въ газетахъ объясненіе, что онъ въ дѣлѣ о большевикахъ предпринялъ шагъ безъ нашего участія и вопреки нашему желанію, что въ этомъ направленіи онъ дастъ свои объясненія при первомъ своемъ выступленіи въ Совѣтѣ Республики. Мы на это согласились, не желая съ одной стороны дѣлать особыхъ непріятностей Малянтовичу, а съ другой и вызывать общественный скандалъ; къ Малянтовичу мы продолжали относиться какъ къ старому нашему товарищу по сословію. Между тѣмъ помимо нашего желанія въ печать проникли слухи о разногласіи между Министромъ Юстиціи и его товарищами; объ этомъ узнали и въ правительствѣ. Малянтовичу дали понять, что насъ считаютъ правыми въ этомъ дѣлѣ.

Малянтовичъ заготовилъ для печати длиннѣйшее объясненіе, съ которымъ онъ насъ ознакомилъ. Въ объясненіи этомъ онъ откровенно и правдиво излагалъ ходъ дѣла. Но объясненіе это въ газетахъ не появилось, такъ

какъ редакціи отказались его напечатать въ виду его длинноты. Малянтовичъ просилъ насъ дать съ нашей стороны свѣдѣнія въ газетахъ, что между нимъ и нами не возникало такихъ разногласій, которыя могли бы привести насъ къ разрыву.

Скрѣпя сердце, мы на это согласились и напечатали въ газетахъ просимое заявленіе. Точной редакціи нашего весьма короткаго письма я не помню. Но на этомъ дѣло не кончилось. Газеты не замолчали. Опять безъ нашего вѣдома Малянтовичъ по тому же дѣлу помѣстилъ въ газетахъ краткое объясненіе (можетъ быть и интервью), въ которомъ указалъ на то, что дѣйствительно у него съ товарищами Министра было небольшое столкновеніе изъ-за того, что онъ безъ вѣдома товарищей Министра кой-кого изъ большевиковъ выпустилъ на волю, что товарищи Министра дѣйствительно выразили ему свое неудовольствіе, но не потому, что онъ выпустилъ нѣкоторыхъ большевиковъ изъ тюрьмы, а за то, что онъ сдѣлалъ это помимо ихъ; что принципіально товарищи Министра даже и не имѣли ничего противъ такого освобожденія. Выходило такъ, что «мы» разсердились на Министра за его чисто внѣшній промахъ, по существу не имѣющій ничего серьезнаго. Малянтовичъ скрылъ отъ печати главное основаніе нашего съ нимъ расхожденія, что мы, вопреки его точкѣ зрѣнія, считали, что ни одинъ большевикъ, привлеченный къ уголовной отвѣтственности, въ то время не могъ избѣжать предварительнаго заключенія. Не знаю, о чемъ думалъ Малянтовичъ, когда помѣщалъ свое второе объясненіе въ печати; онъ не могъ не знать, что такого шага съ его стороны мы не могли оставить безъ отвѣта.

Особенно негодовалъ Г. Д. Скарятинъ, который равнодушно не могъ относиться къ тому, что сдѣлалъ Малянтовичъ. Характеристика дѣйствія Малянтовича носила въ его устахъ весьма рѣзкій характеръ. Мы рѣшили никакихъ заявленій съ нашей стороны Малянтовичу не дѣлать, а ограничиться письмомъ въ редакціи газетъ, въ которомъ откровенно сказать, что у насъ съ Министромъ разногласія были далеко не формальнаго свойства, а по существу. Чтобы не имѣть предварительныхъ и весьма тяжелыхъ разговоровъ съ Малянтовичемъ по этому поводу, мы рѣшили сообщить ему о нашемъ шагѣ письмомъ же, отправленнымъ ему одновременно съ письмомъ въ редакціи. Такъ мы и сдѣлали. Помню, что насъ очень озаботило, въ какой формѣ написать обращеніе къ Малянтовичу. Рѣшили написать чисто оффиціальное письмо, а такъ какъ къ тому времени была выработана особая форма оффиціальныхъ обращеній безъ упоминанія титуловъ, словъ «Многоуважаемый» или «Милостивый Государь», то письмо наше начиналось просто «Павелъ Николаевичъ» и кончалось также просто, безъ всякихъ «остаюсь и т. п.» — нашими подписями.

Малянтовичъ, получивъ наше письмо, тотчасъ же сдѣлалъ попытку остановить посылку нашего письма въ газеты. Но мы остались твердыми. Малянтовичъ со слезами на глазахъ просилъ насъ не посылать письма; говорилъ намъ, что если мы уйдемъ, то ему нельзя будетъ оставаться въ Министерствѣ, что таковы условія его нахожденія на службѣ. Не могу понять, какъ могло правительство ставить ему такія условія, явно устанавливающія нѣкоторое недовѣріе къ приглашенному въ Министры лицу, и еще удивительнѣе, какъ самъ Малянтовичъ могъ согласиться принять ихъ при поступленіи на службу. Можетъ быть, впрочемъ, своими словами Малянтовичъ хотѣлъ подѣйствовать на наши чувства. Сцена разговора съ нимъ была чрезвычайно тягостна. Знаю, что потомъ Малянтовичъ жаловался на нашу къ нему жестокость и на то, какъ грубо мы ему написали наше письмо (обращеніе). Малянтовичу, однако, не грозила опасность

вынужденнаго ухода изъ Министровъ, такъ какъ прошеній объ отставкѣ мы не подали и не хотѣли подавать. Приходилось другъ друга терпѣть до поры до времени.

Я съ большимъ удовольствіемъ принялъ назначеніе предсѣдателя Малаго Совѣта Министровъ, работа въ немъ мнѣ нравилась. Принявъ назначеніе, я постарался немедленно ознакомиться съ дѣлопроизводствомъ канцеляріи Совѣта Министровъ. Дѣла тамъ не задерживались; работа въ ней кипѣла; всѣ чиновники работали усердно. Напомню, что вся канцелярія состояла изъ бывшихъ служащихъ Императорскаго Правительства, людей все молодыхъ и изъ семей крупной старой бюрократіи; тѣмъ пріятнѣе было установить ея хорошее отношеніе къ новой власти. Чиновники отнеслись къ моему назначенію, повидимому, хорошо, ибо я видѣлъ съ ихъ стороны дружественное къ себѣ отношеніе. Они выразили мнѣ удовольствіе, что я посѣтилъ канцелярію для ознакомленія съ ходомъ работъ, чего ни одинъ изъ моихъ предшественниковъ не догадался сдѣлать.

Особыхъ дѣлъ въ Совѣтѣ, о которыхъ слѣдовало бы упомянуть, я не помню. Но курьезы нѣкоторые случались. Помню такой случай. Въ числѣ дѣлъ Малаго Совѣта находились дѣла по разсмотрѣнію просьбъ о помилованіи. Эти дѣла поступали изъ Министерства Юстиціи. Производство по этимъ дѣламъ было таково: всѣ просьбы о помилованіи въ первую очередь поступали на разсмотрѣніе товарища Министра Вальца, который всѣ явно безнадежныя, а иногда и безсмысленныя просьбы устранялъ. Была, напримѣръ, такая просьба: прошеніе каторжника палача о помилованіи въ виду того, что онъ долго и усердно исполнялъ свое дѣло палача. Всѣ просьбы, сколько-нибудь заслуживающія уваженія, передавались на разсмотрѣніе особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ того же Вальца, въ составъ которой входили между прочимъ и представители нѣкоторыхъ общественныхъ организацій (напримѣръ отъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, представители котораго, кажется, этой комиссіи ни разу не посѣтили). Комиссія относилась къ своему дѣлу чрезвычайно внимательно. Пересматривалось все уголовное производство по дѣлу просителя и выносилось мотивированное заключеніе по дѣлу. Просьбъ о помилованіи поступало огромное количество. Я не ошибусь, если скажу, что подано было такихъ прошеній не менѣе трехъ тысячъ. Изъ этого количества подлежало, согласно заключеніямъ комиссіи, удовлетворенію вѣроятно не болѣе пяти процентовъ. Само собою разумѣется, Малому Совѣту, на окончательное разрѣшеніе котораго поступали прошенія, ничего не оставалось дѣлать, какъ только принимать заключенія комиссіи. Детальное обсужденіе заключеній комиссіи могло бы привести лишь къ тому, что мало знакомые съ дѣломъ члены Совѣта обратили бы самый Совѣтъ въ судбище съ обвинительными и оправдательными рѣчами. Однако, нашелся одинъ членъ Совѣта, товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ В. Я. Гуревичъ, бывшій адвокатъ, сосланный въ Сибирь въ административномъ порядкѣ, который поставилъ вопросъ, какъ онъ сказалъ, на принципіальную точку зрѣнія. Онъ нашелъ, что всякое помилованіе осужденнаго ведетъ къ дискредитированію судебной власти. Эта курьезная во всѣхъ отношеніяхъ точка зрѣнія была особенно удивительна въ устахъ юриста. Я замѣтилъ Гуревичу, что очень сожалѣю, что онъ былъ сосланъ въ Сибирь въ административномъ порядкѣ, а не въ силу судебнаго рѣшенія. Вѣроятно бы онъ, какъ политически осужденный, не сталъ бы

приводить своихъ доводовъ за авторитетность судебныхъ рѣшеній. Я снялъ съ обсужденія всѣ вопросы о помилованіи съ тѣмъ, чтобы передать ихъ на разсмотрѣніе непосредственно въ Совѣтъ. Въ Маломъ Совѣтѣ не допускалось разногласій.

Въ числѣ посѣщавшихъ Малый Созѣтъ былъ представитель Военнаго Министерства генералъ кн. Тумановъ, грузинъ. До того времени мы съ нимъ не встрѣчались. У насъ съ нимъ мало-по-малу стала завязываться дружба. Мнѣ онъ очень нравился. Послѣ переворота, въ самомъ началѣ его, онъ погибъ ужасной смертью. Взбунтовавшіеся солдаты, только потому, что онъ былъ генералъ, убили его и тѣло его бросили въ Мойку.

Вскорѣ мнѣ представился удобный случай разстаться со службой въ Министерствѣ Юстиціи. Посѣтилъ меня пріѣхавшій съ Кавказа А. Ив. Чхенкели. Бесѣдуя о кавказскихъ дѣлахъ, онъ сообщилъ, что представитель Временнаго Правительства на Кавказѣ, бывшій депутатъ первой Государственной Думы Харламовъ оставляетъ свой постъ. Разговоръ коснулся меня — согласился ли бы я занять мѣсто Харламова. Я сказалъ, что пошелъ бы и съ удовольствіемъ. Рѣшили такъ: Чхенкели переговоритъ по прямому проводу со своей закавказской (с.-д.) партіей и выяснитъ, какъ они отнесутся къ моей кандидатурѣ. На другой день онъ пришелъ сказать мнѣ, что кандидатура моя одобрена. Приблизительно къ тому же времени пришелъ ко мнѣ и представитель Тифлисскаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ студентъ (фамиліи его не помню), членъ Совѣта Республики съ такимъ же точно предложеніемъ какъ и Чхенкели и тоже какъ и Чхенкели, переговорившій съ представителями Совѣта о моей кандидатурѣ. Кандидатура моя и въ данномъ случаѣ была одобрена. Наконецъ, и отъ армянской кавказской группы я получилъ то же предложеніе. Оговариваюсь, что всѣ дѣйствовали безъ сговору. Популярность моя имѣла свои внѣшнія основанія. Нужно было отыскать человѣка, который не принадлежалъ бы близко ни къ одной изъ доминирующихъ политическихъ партій на Кавказѣ, а потому и независимаго въ этомъ отношеніи. Я оказался какъ разъ подходящимъ лицомъ. Ни с.-д., ни с.-р., и по національности ни грузинъ, ни армянинъ, ни татаринъ. Однако, оказались и нѣкоторые «но», которые мѣшали мнѣ тотчасъ принять приглашеніе. Группа с.-д. и Тифлисскій Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ стояли на томъ, чтобы представитель Временнаго Правительства не былъ единоличнымъ вершителемъ дѣлъ, передаваемыхъ ему на разсмотрѣніе и разрѣшеніе, а дѣйствовалъ бы совмѣстно съ особымъ совѣщаніемъ, состоящимъ при немъ изъ лицъ по выбору мѣстныхъ общественныхъ организацій. Армянская же группа, которая утверждала, что и русскіе держатся ея тенденціи, желала, чтобы представитель Временнаго Правительства не дѣлился своими функціями ни съ кѣмъ. Армянамъ я говорилъ: «я не боюсь никакой отвѣтственности, а потому согласенъ принять ваши пожеланія», а представителямъ с.-д., что, хотя я и не боюсь принять всю отвѣтственность за веденіе дѣлъ на себя одного, но что для меня все же безопаснѣе дѣлиться отвѣтственностью съ другими лицами. Тѣмъ же и другимъ добавлялъ: «что только въ томъ случаѣ соглашусь быть на Кавказѣ представителемъ Временнаго Правительства, если между группами не будетъ разногласій относительно

порядка исполненія представителемъ своихъ обязанностей». Я просилъ ихъ сговориться какъ-нибудь между собою. Сговоръ этотъ, повидимому, состоялся. Былъ выработанъ компромиссъ: рядъ дѣлъ былъ предоставленъ разрѣшенію единоличной власти представителя и рядъ дѣлъ совмѣстно съ совѣщаніемъ или Совѣтомъ, состоящимъ при представительствѣ. Временное Правительство принципіально высказалось за мою кандидатуру на Кавказѣ. Но дѣло на этомъ такъ и остановилось съ торжествомъ большевиковъ. Исторія эта поучительна вотъ въ какомъ отношеніи. Грузія провозгласила себя автономной; когда же я въ народномъ Совѣтѣ Абхазіи, куда былъ избранъ Абхазской національной группой (въ составъ которой входила и крайняя лѣвая партія), отстаивалъ существующую автономію Абхазіи, грузинскія власти эту автономію свели на нѣтъ; игнорируя прежніе свои договоры съ Абхазіей, меня признали врагомъ Грузіи и засадили въ тюрьму. Въ Абхазскомъ Совѣтѣ представитель Грузіи перводумецъ Ис. Ив. Рамишвили, Вл. Джугели и другіе не стѣснялись никакой клеветы въ отношеніи меня; называли меня монархистомъ, новоиспеченнымъ мартовскимъ соціалистомъ; говорили, что я получаю деньги отъ ген. Деникина и проч. Имъ не было дѣла до моего честнаго прошлаго, которое было принято во вниманіе ихъ же представителями, когда я былъ товарищемъ Министра Юстиціи и когда меня просили пріѣхать въ Тифлисъ въ качествѣ представителя Временнаго Правительства.

Въ самомъ началѣ своего вступленія въ Министерство я говорилъ Скарятину, въ вѣдѣніи котораго находились всѣ законодательныя комиссіи Министерства, и Зарудному, когда онъ былъ Министромъ, что главнымъ образомъ на Министерствѣ Юстиціи лежитъ обязанность озаботиться выработкой проекта основныхъ законовъ Россійскаго Государства, что время созыва Учредительнаго Собранія приближается, что мы ничего не заготовляемъ и ничего не сумѣемъ ему предложить въ этомъ отношеніи, что даже не собираемъ нужныхъ для сего матеріаловъ. Я предлагалъ созвать для выработки проекта основныхъ законовъ свою министерскую комиссію. Меня выслушивали, со мной соглашались, но дѣло не подвигалось впередъ. Свою мысль я высказалъ и Малянтовичу, который понялъ всю важность моего предложенія и рѣшилъ создать такую комиссію. О своемъ рѣшеніи онъ сообщилъ въ Совѣтѣ Министровъ Керенскому. Мысль Малянтовича была принята, но ему самому замѣтили, что такая комиссія должна быть учреждена какъ нѣчто совершенно самостоятельное, и что она не должна находиться въ спеціальномъ вѣдѣніи Министерства Юстиціи. Дѣйствительно, такую комиссію создали, а Малянтовича сдѣлали ея предсѣдателемъ. Комиссіи этой пришлось поработать недолго. Было всего два или три ея засѣданія, а затѣмъ она закончила свое существованіе вмѣстѣ съ существованіемъ Временнаго Правительства, когда пришли большевики. Однако, и въ первые дни своего существованія можно было отмѣтить нѣкоторую ея тенденцію — оставить Россію цѣлостнымъ государствомъ съ сильной центральной властью. О федеративномъ устройствѣ Россіи тогда, повидимому, никто не думалъ. Кажется, одинъ только я и высказался открыто, что отдѣльнымъ народностямъ Россіи нужно дать самыя широкія и независимыя права по самоуправленію. Мысль эта не имѣла успѣха и врядъ ли нашла поддержку въ двухъ-трехъ голосахъ. Напримѣръ соц.-дем. Гальперинъ былъ противъ нея. Нужно, однако, сказать, что вопросъ о государственномъ устройствѣ не былъ поставленъ на обсужденіе комиссіи по существу.

Бесѣда шла лишь о подготовительныхъ работахъ и, какъ я сказалъ, въ этомъ отношеніи можно было лишь отмѣтить нѣкоторую тенденцію во взглядахъ ея членовъ.

Маляитовичъ, какъ и Переверзевъ, не пользовался популярностью въ Совѣтѣ Министровъ. Почему-то къ нему относились не очень доброжелательно. Переверзевъ самъ испортилъ отношеніе къ нему Совѣта, а Маляитовичъ сразу не пришелся ко двору.

Наступилъ конецъ Временному Правительству. Маляитовичъ въ числѣ другихъ Министровъ попалъ въ заключеніе. Я видѣлся съ нимъ послѣ выхода его изъ тюрьмы. Онъ тогда производилъ впечатлѣніе развалины, но не съ точки зрѣнія физической, а въ моральномъ отношеніи. Казалось, Маляитовичъ уже ни во что не вѣрилъ, на все глядѣлъ съ мрачностью и съ недовѣріемъ. Хуже всего было то, что свое пессимистическое настроеніе онъ примѣнялъ тамъ, гдѣ говорилось о необходимости дѣйствовать. Онъ какъ бы гасилъ тотъ огонь, который горѣлъ еще въ умахъ и сердцахъ желавшихъ бороться. Этимъ онъ въ тотъ моментъ принесъ много вреда.

Временному Правительству пришлось существовать и работать въ подпольѣ. Но это уже было не существованіе, а прозябаніе, и прозябаніе довольно позорное.

Защита Зимняго Дворца

(25 октября — 7 ноября 1917 г.)

Александра Синегуба

Въ восемь часовъ утра я былъ уже въ Школѣ и сидѣлъ въ канцеляріи, постепенно входя въ свою тяжелую роль адъютанта Школы. — «Пройдутъ эти дни ожиданія выступленія Ленинцевъ, наладится курсъ для государственной жизни родины, и я тогда подамъ рапортъ объ отставкѣ. — Въ деревнѣ моя работа будетъ полезнѣе, чѣмъ здѣсь среди заговоровъ тѣхъ, кто самъ не отдаетъ себѣ отчета въ послѣдствіяхъ, кто личное ставитъ выше народнаго благополучія... Какъ распинались въ «Колхидѣ», сколько таинственности и вѣрныхъ доказательствъ! Смѣшно... Нѣтъ довѣрія другъ къ другу, а запрягаются въ возъ, должный вывезти Россію на свѣтлый путь жизнедѣятельности. Никакой самодѣятельности, спаянности. А о любви къ Родинѣ и ужъ говорить нечего! Словно это — молодчики, тучами являющіеся въ послѣднее время въ Школу для поступленія въ юнкера и цинично-откровенно объяснявшіе свои побужденія, толкающія ихъ именно въ нашу Школу. Одни стоятъ другихъ: — одинаковые карьеристы тыла» — злобно размышлялъ я, почему-то припоминая случай третьяго дня во время пріема съ предложенной мнѣ взяткой... «А это что?» — прервалъ я невеселыя думы, во время механической подписи размноженныхъ на гектографѣ повѣстокъ къ педагогическому персоналу Школы... «Телюкинъ!» — позвалъ я старшаго писаря, такъ гордившагося, несмотря на свое нынѣшнее эс-эрство, бывшей службой въ личной канцеляріи Государя-Императора.

«Что прикажете?» — выросъ съ вопросомъ передъ мною позванный унтеръ-офицеръ.

«Почему эта телеграмма изъ Главнаго Штаба въ очередномъ докладѣ, кто ее вскрылъ и почему не доложена мнѣ, какъ только я пришелъ?» — задалъ я вопросы Телюкину, внутренне волнуясь и едва воздерживаясь отъ повышенія тона, чтобы этимъ не привлечь вниманія юнкеровъ, зашедшихъ въ канцелярію по дѣламъ службы, а главное тѣхъ разночинцевъ, которые уже успѣли явиться за какими-то справками къ дежурному писарю. — «Это дежурный офицеръ сюда положили; она исполнена, Ваше Высокоблагородіе; сегодня ночью я дежурилъ, и когда пришла телеграмма, то я лично позвонилъ къ Начальнику Школы и ее по приказанію Начальника Школы я вскрылъ и прочиталъ имъ въ телефонъ. Такъ что вы не извольте безпокоиться. Начальникъ Школы лично пріѣзжалъ сюда и сами отдали распоряженія. И сейчасъ въ Главномъ Штабѣ находятся

паши юнкера для связи, также посланы юнкера въ Николаевское Инженерное Училище, Николаевское Кавалерійское Училище, а двое изъ членовъ Совѣта Школы направлены въ личное распоряженіе товарища Керенскаго», — нагибаясь своей длинной фигурой ко мнѣ, конфиденціально доложилъ Телюкинъ.

«А это что-нибудь да значитъ, если даже посланы юнкера непосредственно къ главѣ Временнаго Правительства. Значитъ, Главному Штаву не особенно того», — читалъ я въ его глазахъ. Но чтобы не показать виду, что я его понялъ — а главное, что онъ правильно подчеркнулъ послѣднія распоряженія Начальника Школы — я задалъ вопросъ о томъ, почему онъ, а не дежурный офицеръ принималъ телеграмму изъ Главнаго Штаба.

Отвѣтъ былъ, къ сожалѣнію, самый неожиданный и лишній разъ обрисовывающій и нравы офицерства Школы, и то паденіе не только военной дисциплины, но просто даже честнаго порядочнаго отношенія, если не къ долгу и обязанностямъ, то къ оплатѣ труда, просто къ двадцатому числу. Дежурный офицеръ поручикъ Б—овъ, изъ прапорщиковъ запаса мирнаго времени, оказалось, ушелъ спать къ себѣ на квартиру.

«Но почему же вы, Телюкинъ, не позвонили сперва мнѣ, не послали за мной. Вѣдь я васъ и всѣхъ писарей столько разъ просилъ обо всемъ экстренномъ и внезапномъ немедленно увѣдомлять меня. Особенно, васъ», — попрекнулъ я своего друга. Телюкинъ затоптался и, не выдерживая моего настойчиваго вопросительнаго взгляда, зачесалъ свой несоразмѣрно длинный носъ. «Почему?.. Забыли, да?..» «Никакъ нѣтъ, я сперва хотѣлъ это сдѣлать, но потомъ рѣшилъ, что разъ телеграмма изъ Главнаго Штаба, да и курьеръ передавалъ, что она особой важности, вамъ все равно придется звонить къ Начальнику Школы, и дежурный юнкеръ совѣтывали прямо позвонить къ Начальнику, а къ тому же они говорили, что вчера вы всю ночь провели въ канцеляріи и что и сегодня около двухъ часовъ ночи заходили въ Школу». «Ну ладно, ладно; идите и пошлите горниста за дежурнымъ офицеромъ, да еще Панову прикажите составить списокъ юнкерамъ, ушедшимъ въ связь, и позвоните въ 1-ую роту, чтобы сейчасъ прислали дневникъ нарядовъ». И только Телюкинъ вышелъ, я снова впился въ телеграмму. «Начинается», — заработала мысль. А вѣдь на улицахъ было тихо и движеніе было обычное. Вспомнилъ я Кирочную и Литейный Проспектъ, на которыхъ по обыкновенію послѣднихъ дней прошелся передъ службой, чтобъ взглянуть на Неву и на Выборгскую Сторону. «Однако, много думать не приходится», — заключилъ я свои размышленія, вставая изъ-за стола, чтобы пойти въ кабинетъ Начальника Школы и посмотрѣть на блокъ-ногъ, въ который онъ, въ моменты моего отсутствія, вносилъ тѣ распоряженія, которыя должны были идти черезъ меня. Но не успѣлъ я подойти къ двери въ коридоръ, какъ она отворилась и передо мной появился юнкеръ II-ой роты Исаакъ Гольдманъ съ винтовкой въ рукахъ и патронной сумкой на поясѣ. По возбужденнымъ глазамъ, молодцеватой выправкѣ и учащенному дыханію я сразу догадался, что это одинъ изъ юнкеровъ связи, явившійся, очевидно, съ новостями, должными сыграть какую-то роль. «Здравствуйте, юнкеръ! закройте дверь. Откуда? Съ чѣмъ?» «Изъ Главнаго Штаба съ запиской о немедленной готовности Школы къ выступленію... Въ Штабѣ паника... Никто ничего не дѣлаетъ... Подобныя же распоряженія посланы въ другія Школы и части».

«Петропавловка на нашей сторонѣ. Тамъ говорили, что у Финляндскаго вокзала сосредоточилась тяжелая артиллерія, перешедшая на сторону Ленинцевъ. Но это ничего. Пѣхота и казаки объявили нейтралитетъ, но и это ничего. Если

придутъ войска изъ Гатчины, Царскаго Села, то положеніе будетъ возстановлено быстро и безъ насъ; но если они запоздаютъ, то намъ придется идти арестовывать Ленина, образовавшаго какое-то новое правительство изъ коммунистовъ», — докладывалъ юнкеръ слышанное имъ въ Главномъ Штабѣ, пока я вскрывалъ и читалъ принесенное имъ приказаніе. «Прекрасно, можете идти», — отпустилъ я юнкера. «Вы ѣли уже сегодня?» — справился я. «Никакъ нѣтъ, насъ въ четвертомъ часу отправили въ связь. И товарищи просили, чтобы имъ прислали или смѣну, или пищу». «Хорошо, идите въ роту и передайте фельдфебелю, чтобы онъ послалъ смѣну, вы же оставайтесь въ Школѣ». «Телюкинъ! — позвалъ я снова писаря. — Гдѣ же списокъ юнкерамъ связи? Живо! Да идите сами сюда съ машинкой». Черезъ минуту я уже диктовалъ: «Приказаніе командирамъ 1-ой и 2-ой ротъ. По приказанію изъ Главнаго Штаба немедленно»..... машинка стучала подъ длинными, тонкими пальцами виртуоза своего дѣла, и я едва успѣвалъ комбинировать тѣ распоряженія, которыя могли своимъ исполненіемъ выполнить приказаніе Штаба. «Пулеметы получить у Завѣдывающаго оружіемъ», диктовалъ я, а въ головѣ паростало сомнѣніе. А вдругъ, нестроевая команда, объявившая нейтралитетъ, на этотъ разъ видя, что дѣло приняло характеръ разрѣшенія для Ленина вопроса — «быть или не быть», перемѣнитъ свое рѣшеніе и перейдетъ въ открытую оппозицію. Тогда пулеметы, револьверы и патроны командиры ротъ не получатъ. «Здравствуйте, Александръ Петровичъ», — привѣтствовалъ меня поручикъ Шумаковъ, войдя въ этотъ моментъ ко мнѣ въ кабинетъ. Я получилъ записку поручика Б—ва. Онъ боленъ и продолжать дежурство онъ не можетъ и проситъ меня замѣнить его. Вамъ это извѣстно?» — «Нѣтъ, что за сволочь!» — теряя хладнокровіе и забывая присутствіе солдата, выругалъ я нарушившаго дисциплину поручика. «Не я буду, если онъ не полетитъ подъ судъ. Спасибо, дорогой, что вы пришли. Сейчасъ же приступайте къ дежурству. Ага! хорошо, Пановъ. Позвоните на квартиру Начальника Школы, узнайте, гдѣ онъ; потомъ пошлите за капитаномъ Галіевскимъ, онъ долженъ быть въ первой ротѣ. А, полковникъ Киткинъ пришелъ? Да? Конечно, у него другого дѣла нѣтъ, какъ бесѣдовать съ юнкерами», — отнесся я уже къ поручику Шумакову, послѣ ухода являвшагося писаря. «Борисъ, наладь этотъ вопросъ, ты знаешь, оказывается, Мейснеръ до сихъ поръ не привелъ въ порядокъ пулеметовъ, а револьверы у этого мерзавца Кучерова. Его второй день, подлеца, въ Школѣ нѣтъ. Запилъ. И нашелъ же время! Нѣтъ... я не могу дальше. Этакъ съ ума сойдешь. Согласись, что это форменный бедламъ; а тутъ у меня все болитъ», — началъ я жаловаться на свои недомоганія, какъ вошелъ Телюкинъ и доложилъ о пріѣздѣ Начальника Школы. «Ну, слава Богу! Борисъ, тебѣ Телюкинъ все объяснитъ по этому вопросу, а я къ Полковнику», — и я бросился изъ кабинета черезъ канцелярію, чтобы бѣжать съ докладомъ къ Начальнику Школы. Канцелярія была полна юнкерами и штатскими разночинцами; едва я вошелъ въ нее, какъ меня засыпали какими-то вопросами и просьбами. — «Потомъ, потомъ», — отмахнулся я отъ нихъ. «Господа юнкера, оставьте ваши личныя дѣла и освободите канцелярію. Штатскихъ сегодня не принимать. Всѣ справки прекратить», — отдалъ я распоряженія экспедитору. «Вы господа, — обратился я къ частнымъ посѣтителямъ, — будьте любезны въ слѣдующій разъ зайти», — говорилъ я уже у двери въ корридоръ.

— «Здравствуйте, закройте дверь; доклада не надо — все знаю; теперь не время. Я уже приказалъ портупей-юнкеру Лебедеву собрать Совѣтъ

Школы и Комитетъ юнкеровъ. И сейчасъ я долженъ идти туда. Вы же прикажите прекратить всякіе пріемы. Въ Школѣ не должно быть никого изъ посторонннхъ. Сдѣлано? Отлично! О Мейснерѣ, Б—вѣ — знаю. Всѣ телеграммы знаю. Изъ Главнаго Штаба? Одна проформа. У меня, повторяю, все ясно и налажено. Все измѣнилось. Разсказывать нѣтъ времени. Что выйдетъ, — посмотримъ. Я же рѣшилъ выступить, если юнкера не перемѣнили настроеніе. Во всякомъ случаѣ, выступлю съ желающими. Господамъ же офицерамъ приказываю послѣдовать за мною. Считаю, что это вопросъ долга и чести. Не сомнѣваюсь, что и вы будете тамъ, гдѣ и я», — ровно, спокойно, безъ единой вибраціи въ тонѣ, твердо и безъ рисовки говорилъ Начальникъ Школы. «Итакъ, будьте болѣе внимательнымъ, а главное — выдержаннымъ. Забудьте, пожалуйста, канцелярію и вспомните свои позиціи и проявите себя тѣмъ офицеромъ, какимъ вы были до этого проклятаго времени», — продолжалъ, улыбаясь, онъ. «Ну, можете идти. Всѣ распоряженія — послѣ совѣщанія. Сейчасъ никакихъ. Да приготовьте свое оружіе. А, здѣсь? Ну, это прекрасно!» — кончилъ свой пріемъ, отпуская меня, Начальникъ Школы. Я щелкнулъ шпорами, повернулся и взялся за ручку двери, какъ легшая на мое плечо рука остановила меня. Я повернулся. Въ головѣ было пусто. Ни одной мысли... «Вотъ что, Саня», — съ грустью въ своихъ большихъ голубыхъ глазахъ, тихо заговорилъ уже не Начальникъ Школы, а мой любимый, старшій братъ, — «Все пошло къ черту! Кто-то предалъ. Временному Правительству не удержаться. Только чудо можетъ спасти его. Ни одинъ изъ плановъ не примѣнимъ, и черезъ три дня также не сбросить большевиковъ. — Они будутъ еще сильнѣе. Все должно быть построено иначе. И уже конечно не нами... Я простился съ семьею и написалъ письма родителямъ... Ты тоже напиши... Они насъ поймутъ. Я съ тобою должны погибнуть. Мнѣ только жалко юнкеровъ. Но ты вѣдь понимаешь меня. Мы вѣдь дворяне и разсуждать иначе не можемъ. А тамъ, какъ Богъ... Съ нами будетъ Галіевскій. Ну, бодрись. И иди», — и поцѣловавъ меня, онъ слегка подтолкнулъ меня къ двери. Я вышелъ словно въ туманѣ, не понимая, гдѣ, куда и зачѣмъ иду. «Капитанъ Галіевскій, голубчикъ, постойте минутку!»— пскочилъ я въ полутемномъ корридорѣ на худощавую фигуру куда-то спѣшившаго капитана. «Здравствуйте, послали смѣну юнкерамъ?»

— «А! Александръ Петровичъ!.. Ну какъ же, какъ же, послалъ. Ну что, другъ мой, повоюемъ нынче, а?»

— «Да, да, придется. Жаль только, что обстановка мѣняется».

— «Плевать! Я очень радъ, что не ошибся въ васъ, при пріемѣ васъ въ школу. Только мы, стараго покроя офицеры, и можемъ еще что-нибудь дѣлать. А Б—овъ хорошъ? А? Не даромъ же я пересталъ подавать ему руку. Присяжный повѣренный несчастный — туда же, въ офицеры полѣзъ. Понимаю я его болѣзни. Трусъ! Начальникъ Школы приказалъ ему явиться. Ахъ, голубчикъ, что я вамъ посовѣтую», — продолжалъ капитанъ, когда мы остановились у канцеляріи. «Вы вотъ здѣсь не были въ февралѣ, да и нестроевую команду хорошо не знаете, вѣдь въ ней ни одного порядочнаго человѣка нѣтъ; такъ вотъ вамъ я и говорю — вы на всякій случай снесли бы къ себѣ на квартиру, что у васъ поважнѣе есть, а главное ничего собственнаго, ничего не оставляйте. Ну, бѣгу въ роту. Надо къ пулеметамъ замки наладить. Эти прохвосты мало того, что ключи потеряли отъ склада, такъ что мнѣ пришлось приказать взломать дверь, да еще замки съ пулеметовъ поснимали и куда-то запрятали. Да,

будьте, дорогой Александръ Петровичъ, осторожнѣе съ Мейснеромъ. Онъ что-то крутитъ. Этотъ почище Б—ова будетъ», — шопотомъ закончилъ капитанъ и понесся дальше, а я вошелъ въ канцелярію. На этотъ разъ въ ней было пусто. Писаря, очевидно, пошли на собраніе нестроевой команды и только Телюкинъ складывалъ со стола бумаги въ ящикъ. Въ кабинетѣ я засталъ Бориса Шумакова, сидящаго въ развалку и сладко позѣвывавшаго. «Вотъ, другъ, какъ надо дѣйствовать! Надѣюсь, доволенъ?» — встрѣтилъ меня онъ вопросомъ.

«Дрянь дѣло, но я съ наслажденіемъ буду всаживать въ эту провокаторскую мерзость пульки изъ моего любимчика», — снова заговорилъ онъ, поглаживая увѣснстый наганъ, болтавшійся сбоку въ кожаномъ чехлѣ на поясѣ. — Сами работать не хотятъ и другимъ не даютъ. Ну, что-жъ, что сѣютъ, — то и пожнутъ. А ты чего копаешься со своимъ снаряженіемъ? Тоже готовишься идти? Нѣтъ, нѣтъ, ты долженъ оставаться въ Школѣ. Тебѣ тамъ не мѣсто. И безъ тебя, слава Богу, есть кому идти. Смотри, на что ты похожъ?» — перемѣнилъ мой другъ резонерскій тонъ на подкупающую убѣдительность.

«Ты не правъ, Борисъ. Именно мнѣ, тебѣ, Галіевскому, однимъ словомъ, намъ, старикамъ, тамъ мѣсто и въ первую голову. Я думаю, я надѣюсь, что тамъ все офицерство Петрограда соберется. Подумай, какая это красивая, сильная картина будетъ. Помнишь, я разсказывалъ, что когда я девятнадцатаго числа ѣздилъ съ докладомъ въ Главный Штабъ, то передъ Зимнимъ и передъ Штабомъ стояли вереницы офицеровъ въ очереди за полученіемъ револьверовъ».

— «Ха-ха-ха», — перебилъ меня, разражаясь смѣхомъ, поручикъ. — «Ну и наивенъ же ты. Да вѣдь эти револьверы, эти господа петербургскіе офицеры, сейчасъ же по полученіи продавали. Да еще умудрялись по нѣсколько разъ ихъ получать, а потомъ бѣгали и справлялись, гдѣ это есть большевики, не купятъ ли они эту защиту Временнаго Правительства. Нѣтъ, ты дуракъ, да и законченный, къ тому же! Петроградскаго гарнизона не знаетъ! . .» заливался Шумаковъ. — Мнѣ стало весело отъ этой неудержимой молодой задорности друга, и вдругъ я вспомнилъ, что ничего еще не ѣлъ, а потому предложилъ ему пойти позавтракать.

— «Ѣсть не хочу, а выпить не вредно», — рѣшилъ онъ, подымаясь и беря меня подъ руку. «Выпить?» — переспросилъ я. Въ столовой никого изъ собранской прислуги не оказалось и такъ какъ до обѣда еще оставалось около двухъ часовъ, то мы и рѣшили пойти на кухню и что-нибудь высмотрѣть на закуску къ вину.

— «Здравствуйте!»

— «Здравствуйте, баре-голубчики. Добро пожаловать», — привѣтствовала насъ кривоглазая Фекла, кухарка за повара.

— «Здравствуйте, красавица», — пробасилъ Борисъ. «Ага, картошечка подрумянивается. Добро. Мы вотъ сейчасъ малость закусить хотимъ, красавица, и за ваше доброе сердце по стаканчику вина выпить, чтобы женишокъ поскорѣе къ вамъ заявился», — продолжалъ онъ подшучивать надъ кухаренціей.

— «Сейчасъ, сейчасъ, батюшка. Ужъ для васъ, какъ для сынковъ родныхъ», — сладостно пѣла скрипучимъ тонкимъ тономъ Фекла. «Да вы извольте присѣсть, соколики мои ясные. И куда это парни дѣвались? Совсѣмъ народъ замутился. Все одна хлопочу. И дрова принесу, и картошку очищу, а они, черти, знай семки лускаютъ и лясы на собраніяхъ точатъ. И что это, скажите мнѣ, Христа ради, дѣлается на нашей православной землѣ», — внезапно

перешла на плаксивый тонъ Фекла, лишь только захлопнулась дверь за ушедшимъ ополченцемъ. «Въ нестроевой сказывали, что будто-сь вы юнкерей рабочій народъ разстрѣливать вести хотите... Да я вѣры не дала... Да еще напустилась на смутьяновъ-то нашихъ. Лодыри окаянные!.. Статочное ли дѣло, говорю, чтобы наши господа, мухи никто изъ нихъ не обидѣлъ, да на душегубство пошли. Это имъ, треклятымъ, чужіе погреба дай пограбить, какъ давеча Петровскій вылакали — уроды... Лишь Павлуха мнѣ шкаликъ далъ... Я вотъ имъ и сказываю, что ежели да наши офицеры, ужъ если и пойдутъ, то правду одну съ собой понесутъ, которая вамъ, дармоѣды, глаза палитъ», — кипятилась Фекла, забывъ о картошкѣ и о цѣли нашего прихода. Поручикъ Шумаковъ, не выносившій, въ противоположность мнѣ, болтовни на злободневныя темы, началъ уже рыться въ ящикахъ стола, отыскивая штопоръ, какъ вбѣжалъ посыльный и подалъ записку отъ Начальника Школы. Въ ней намъ приказывалось немедленно собрать всѣхъ наличныхъ чиновъ Школы въ гимнастическомъ залѣ, для производства Общаго Собранія, а также указывались нѣкоторыя мѣры на случай скораго выступленія Школы. Штопоръ не находился, тонъ записки былъ очень категоричнъ, а поэтому терять время на то, пока Фекла сбѣгаетъ за другимъ — не приходилось. И мы, огорченные неудачей, не солоно хлѣбавши, покинули кухню, оставивъ почуявшую что-то недоброе Феклу завывать во всѣ ея легкія. Выйдя въ коридоръ Школы, мы разстались. Поручикъ Шумаковъ, какъ дежурный офицеръ, отправился къ телефону передавать соотвѣтствующія приказанія дежурнымъ юнкерамъ по ротамъ и господамъ офицерамъ, а я помчался въ канцелярію писать допускъ къ запаснымъ винтовкамъ, находившимся подъ охраной караула на внутреннемъ балконѣ гимназическаго зала.

Въ десять часовъ 45 минутъ огромная буфетная зала, съ идущимъ вдоль внутренней стѣны балкономъ, была запружена юнкерами, среди которыхъ отдѣльными группами размѣстились чины нестроевой команды. Кое кто изъ господъ офицеровъ тоже уже находились въ залѣ, стараясь держаться въ сторонѣ отъ возбужденныхъ юнкеровъ, стремясь этимъ предоставить полную свободу фантазированію на злобу грядущихъ событій. Я, всей душою ненавидящій этотъ новый сортъ собраній въ средѣ военной корпораціи, съ чувствомъ глубочайшей горести и боли ожидалъ начала параднаго представленія. Я сидѣлъ и, наблюдая, мучился. А вокругъ — горящіе глаза, порывистые разговоры, открытая прямодушность и страстныя партійныя заявленія. Лишь двѣ, три малочисленныя группки держались въ сторонѣ и внимательно вглядывались то въ колышащуюся массу юнкеровъ, то на двери, въ которыя должны вотъ-вотъ войти члены Совѣта Школы.

— «Что призадумались, Александръ Петровичъ?» — подсѣлъ ко мнѣ съ вопросомъ сѣдовласый капитанъ Галіевскій. «Не по нутру парадное представленіе? Что дѣлать, голубчикъ; намъ, очевидно, этого не понять. Но я такъ думаю, разъ Александръ Георгіевичъ это даетъ, значитъ, это надо. Да и трудно въ наши злые дни. Эхъ, не война бы съ нѣмцами, — я и минутки не остался бы въ этомъ царствѣ болтологіи. Однако, долго что-то не идутъ, вѣдь еще масса работы», — и капитанъ началъ перечислять, что ему надо еще сдѣлать и что и какъ онъ уже сдѣлалъ.

Мы такъ погрузились въ бесѣду, что не замѣтили, какъ вошли члены Совѣта Школы, а также остальные господа офицеры Школы, успѣвшіе прибыть къ этому времени. И только, послѣдовавшая при входѣ Начальника Школы, команда

— «смирно, господа офицеры!» — пропѣтая помощникомъ Начальника Школы — вернула насъ къ сознанію горькой трагической дѣйствительности. Въ залѣ настала тишина и нависла всеобщая напряженность. Всѣ смотрѣли туда, впередъ, гдѣ передъ лицомъ зала, на составленныхъ подмосткахъ отъ классныхъ кафедръ — располагались члены Совѣта и вошедшій его предсѣдатель, Начальникъ Школы. Процедура открытія засѣданія быстро смѣнилась докладомъ о побужденіяхъ, толкнувшихъ Совѣтъ Школы на производство такового.

Оказалось, что передъ Совѣтомъ Школы встала дилемма разрѣшенія вопроса объ отношеніи къ текущему моменту, требовавшему выясненія отношенія Школы къ Временному Правительству, къ мѣропріятіямъ послѣдняго въ борьбѣ съ новымъ, выросшимъ зломъ, въ лицѣ Ленина и исповѣдуемой имъ идеологіи, все болѣе и болѣе увлекающей сырыя рабочія массы Петрограда и войскъ. Конечно, Совѣтъ Школы не колеблясь принялъ въ принципѣ твердое рѣшеніе слѣдовать всѣмъ послѣдующимъ мѣропріятіямъ существующаго до момента открытія Учредительнаго Собранія Правительства. Ввиду особо необычнаго момента и положенія Правительства, — Совѣтъ Школы предложилъ комитетамъ юнкеровъ и нестроевой команды произвести совмѣстное засѣданіе по заслушаннымъ Совѣтомъ Школы вопросамъ. Однако, отъ означеннаго засѣданія Комитетъ нестроевой команды уклонился, делегировавъ для информаціи своего предсѣдателя — старшаго унтеръ-офицера Сидорова. Состоявшееся собраніе приняло въ принципѣ рѣшенія Совѣта, а равно постановило — произвести общее собраніе Школы для разсмотрѣнія принятыхъ резолюцій. И вслѣдъ за докладомъ, послѣдовало чтеніе резолюцій по подвергавшимся обсужденію вопросамъ. Во все время доклада въ залѣ, собравшемъ въ себѣ около 800 человѣкъ, царила жуткая по своей напряженности тишина. Ни звука одобренія, ни шелеста жестовъ отрицанія, ничто не нарушало тишины со всасывающимся въ нее мѣрнымъ чтеніемъ ровнаго въ своихъ нотахъ голоса секретаря Совѣта, портупей-юнкера Лебедева. Чтеніе кончено. Моментъ — и объявляется открытіе преній. Вздохъ облегченія вырвался изъ сгрудившейся аудиторіи. Вотъ входитъ на кафедру первый ораторъ.

Это лидеръ кадетской партіи. Школы юнкеръ Х. И краткій, горячо-страстный призывъ полился къ слушателямъ. Ораторъ находилъ не только необходимымъ принятіе резолюціи Совѣта Школы, но и всѣхъ возможныхъ активныхъ, немедленныхъ мѣропріятій, которыя не только войдутъ въ Школу съ верха іерархической лѣстницы власти, но о которыхъ сейчасъ же надо просить Начальника Школы и гг. офицеровъ Школы. Порывистыя требованія слѣпого подчиненія лишь офицерству Школы, лишь военнымъ законамъ, стоящимъ внѣ всякихъ совѣтовъ и комитетовъ, вызываетъ бурю аплодисментовъ и восторженный гулъ одобренія, за которыми оратора не слышно. Я оборачиваюсь на залъ и весь ухожу въ исканіе протеста. «Онъ долженъ быть!» — говорю я себѣ. «Да, онъ тамъ», — ловлю я легкое движеніе въ обособившихся группахъ, еще ранѣе замѣченныхъ мною. «Посмотримъ и послушаемъ; это становится интереснымъ», — летитъ мысль въ головѣ и останавливается отъ звонка и отъ наставшаго успокоенія. Говоритъ уже новый ораторъ, тоже лидеръ, но уже эсъ-эръ. «Странное дѣло», — ловлю я себя на критикѣ выступленія оратора. «А гдѣ же стрѣлы въ огородъ кадетъ? Что такое? И вы идете дальше рѣшенія объединеннаго засѣданія Совѣта Школы и комитета юнкеровъ? И вы предлагаете съ момента военныхъ дѣйствій передать всю власть офицерству Школы, запрещая какія либо вмѣшательства членамъ Совѣта и комитета? Да, вѣдь

это обратное явленіе августовскому собранію по вопросу конфликта Корнилова съ Керенскимъ», — припомнилъ я дико потрясшую меня рѣчь юнкера князя Кудашева. «Ахъ, да!.. Вѣдь Керенскій — эсъ-эръ. Онъ вашъ. Да, да... Я теперь понимаю. Понимаю, откуда и почему теперь вы къ намъ, къ офицерамъ!» Слѣдующее выступленіе вызываетъ гулъ въ заднихъ рядахъ зала и на балконѣ. Внезапно началось какое-то движеніе къ дверямъ. Звонокъ предсѣдательствующаго не помогаетъ. И вдругъ раздаются крики: «Уходятъ чины нестроевой команды». Оборачиваюсь къ кафедрѣ. Что-то, понуря голову, говоритъ унтеръ-офицеръ Сидоровъ. Что — не слышно. Требованія изъ залы: «Тише, тише, громче!»... грозятъ остаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, какъ вдругъ чей-то звонкій голосъ съ балкона покрываетъ весь гамъ: «громче, такъ громче», — оретъ этотъ голосъ. — «Товарищи солдаты нестроевой команды постановили соблюдать нейтралитетъ. А такъ какъ на этомъ собраніи рѣшается вопросъ о братоубійствѣ, о борьбѣ за капиталъ противъ свободы рабочаго трудящагося народа, противъ нашего защитника Владиміра Ильича Ленина и, значитъ, образованнаго имъ настоящинскаго народнаго Правительства, то мы, члены комитета нестроевой команды, рѣшили васъ, господъ, оставить однихъ. Намъ съ вами не по дорогѣ. Товарищи солдаты! И кто въ Бога вѣритъ! Вонъ отсюда. И на товарища Сидорова, что тамъ на кафедрѣ слезки льетъ, не смотрите. Онъ врагъ пролетаріата, такъ какъ продался буржуазіи!»... окончилъ гремѣть неожиданный голосъ. «Чей это голосъ?» — работала моя голова. «Я всѣхъ чиновъ команды знаю. О, неужели къ намъ сюда въ Школу успѣлъ проникнуть агитаторъ. Хотя — вспомнилъ я наши порядки-непорядки, — ничего удивительнаго нѣтъ. Ай, какъ жалко. Съ собою револьвера нѣтъ. Капитанъ, милый, дайте свой револьверъ, скорѣе»... — обратился я съ просьбой къ сосѣду. Тотъ недоумѣнно взглянулъ на меня и слегка отпатнулся. Но, очевидно, затѣмъ понявъ мои переживанія, схватилъ меня за руку и началъ упрашивать выйти изъ зала. Однако, этотъ моментъ моего порыва, продиктованнаго ослабленіемъ воли, также быстро прошелъ, какъ и налетѣлъ. И мое вниманіе, среди бури гремѣвшаго негодованіемъ остального большинства зала, уже снова было захвачено новой картинкой. «Что еще будетъ?» неожиданно увѣренно говорилъ я себѣ, видя, что отъ обособившихся группокъ юнкеровъ отдѣлились фигурки, направившіяся къ эстрадѣ. Вотъ первый юнкеръ четвертаго взвода второй роты, восемнадцатилѣтній юноша А—къ, съ матовымъ, тонкимъ лицомъ, жгучій брюнетъ, поднялся на кафедру и съ леденящимъ спокойствіемъ на лицѣ ждетъ прекращенія въ залѣ шума и крика. Но это кажется безнадежнымъ. Крики: «Товарищи юнкера, смотрите, чтобы кто изъ юнкеровъ не ушелъ бы за молодцами! Къ столбу позора такихъ!.. Да здравствуетъ Временное Правительство! Къ нему!.. Ура!..» И это «ура» облегчило атмосферу зала, и стоявшій на кафедрѣ юнкеръ, поймавъ моментъ затишья, началъ рѣчь. Но хохотъ, покрывшій первыя слова оратора, анархиста-максималиста, началъ расти, и онъ, вздернувъ плечами, такъ же спокойно сошелъ, какъ и поднялся. Въ этотъ моментъ вбѣжалъ въ залу юнкеръ Х. и, поднявшись на кафедру — закричалъ: «Господа, сейчасъ я видѣлъ Родзянко. Онъ проситъ васъ, заклинаетъ встать на защиту Временнаго Правительства отъ посягательства на него, на благополучіе народа гостей изъ пломбированнаго вагона. Самъ Родзянко занятъ мобилизаціей общественныхъ силъ для оказанія Правительству моральной поддержки» — выпалилъ юнкеръ и также быстро сошелъ съ кафедры...

«Пустяки-занятіе изобрѣлъ для себя господинъ бывшій предсѣдатель Государственной Думы», — вдругъ снова заработала моя мысль, но уже въ веселомъ тонѣ. «Тебя, милягу, эти господчики изъ кабинета Временнаго Правительства оттерли отъ пирога власти, а ты, сердешный, хлопочешь за нихъ. Или думаешь этимъ жестомъ поднять свой кредитъ? Не знаю, кто какъ, а я такъ предполагаю, что это дешевый способъ. Мобилизовать для моральной поддержки! А если всѣ станутъ на точку зрѣнія оказанія поддержки лишь въ формѣ «моральной»? Тогда и я могъ бы, пожалуй, нанять десятка два хулигановъ, да и тѣшиться себѣ надъ вами такъ, какъ вы, вмѣстѣ съ Гучковымъ, потѣшились надъ всѣми нами. Краснобаи проклятые!» . . .

А въ это время на кафедрѣ стояло уже двое. Никто ихъ не слушалъ. Въ залѣ творилось что-то невозможное. Кто хохоталъ, кто чуть не плакалъ отъ надрыва въ тѣхъ призывахъ, которыхъ и самъ не понималъ. Кто требовалъ порядка. Президіумъ тоже надрывался въ призывѣ къ порядку, но ничего не выходило. Нарождался хаосъ. Не знаю, въ фарсъ, или трагедію вылилось бы все это въ дальнѣйшемъ, если бы, выходившій было во время послѣднихъ преній, Начальникъ Школы не вернулся обратно и, съ нескрываемой озабоченностью взойдя на кафедру, не пригласилъ бы жестомъ къ молчанію. Какъ ни были перебудоражены всѣ лучшіе изъ господъ юнкеровъ, — это появленіе Н-ка Школы сейчасъ же привело къ порядку.

«Господа, есть новости. И я прошу спокойно отнестись къ тому, что будетъ вамъ сообщено и что требуетъ немедленнаго вашего рѣшенія», — началъ говорить Начальникъ Школы, окончательно завладѣвая вниманіемъ зала. Помимо только-что полученнаго приказанія отъ Главнаго Штаба явиться сейчасъ же въ боевой готовности къ Зимнему Дворцу для полученія задачъ по усмиренію элементовъ возставшихъ противъ существующаго Правительства, сюда прибылъ юнкеръ Н. отъ Временнаго Правительства съ призывомъ къ вамъ выполнить свой долгъ передъ родиной въ моментъ напятчайшихъ напряженій, въ дни, когда засѣдаетъ народившійся Совѣтъ Республики. При этомъ, я считаю своимъ долгомъ передъ вами подчеркнуть то обстоятельство, что моментъ крайне тяжелый, что обстановка складывается очень неблагопріятно для Правительства, и поэтому для принявшихъ рѣшеніе честно продолжать нести свой долгъ передъ родиной — это можетъ оказаться послѣднимъ рѣшеніемъ въ жизни», — продолжалъ четко, твердо говорить Начальникъ Школы. «Мы это рѣшеніе приняли! Ведите насъ туда. Мы идемъ за вами, и только за вами! . .» — прервали Начальника Школы крики юнкеровъ.

«Прекрасно, господа», — среди вновь потребованнаго Начальникомъ Школы спокойствія раздался его голосъ. — «Прекрасно. Терять времени не будемъ, его у насъ нѣтъ, и поэтому отъ словъ къ дѣлу. Объявляю засѣданіе закрытымъ. Совѣтъ Школы и юнкеровъ, впредь до распоряженія, объявляю распущеннымъ. Приказываю: Командирамъ ротъ немедленно отдать распоряженіе о разводѣ ротъ по помѣщеніямъ и приготовленіи къ выступленію. Форма одежды — караульная. Сборное мѣсто — на дворѣ. Сборъ черезъ 20 минутъ. Если обѣдъ готовъ, то накормить юнкеровъ, если нѣтъ, то пища будетъ выдана изъ Зимняго Дворца. Дежурный офицеръ — пожалуйте ко мнѣ. Господамъ офицерамъ черезъ 5 минутъ собраться въ помѣщеніи столовой офицерскаго Собранія», — уловилъ я послѣднія распоряженія Начальника Школы. Что онъ говорилъ далѣе — не могъ услышать изъ-за раздавшихся командъ и распоряженій, отдаваемыхъ командирами ротъ и подхватываемыхъ фельдфебелями и должностными

юнкерами. «Вотъ это я понимаю, это я чувствую», — анализировалъ я свои переживанія, при видѣ систематизировавшейся массы юнкеровъ въ компактныя, организованныя по слову военнаго искусства группы, носящія названія взводовъ. «Первый взводъ, направо; шагомъ — маршъ!» — неслась команда и мѣрный ритмъ возбужденнаго шага грузно повисъ надъ заломъ.

Черезъ 2 минуты въ залѣ никого не осталось, и я выходилъ изъ нея съ группой офицеровъ, окружившихъ Начальника Школы и выслушивавшихъ различныя приказанія, однако не мѣшавшія острить и веселымъ смѣхомъ поддерживать легкость и ясность въ настроеніи. Я внутренне торжествовалъ.

«Это прекрасно, — говорилъ я себѣ, — бодрость залогъ благополучія; ну, сегодня ужъ постараюсь, пускай на фронтѣ, въ полку, потомъ узнаютъ, что я не подкачалъ мундира 25 сапернаго баталіона.

О, какъ хорошо бы или быть растерзаннымъ штыками возставшихъ, послѣ упорной борьбы, или стать ногою на горло вождей ихъ и подсмѣиваться имъ въ физіономію надъ лицезрѣніемъ ими того, какъ эти несчастные, обманутые ими люди будутъ восторженно привѣтствовать насъ, своихъ избавителей, полные готовности, по первому нашему жесту, смести на нашемъ пути все, что только мы укажемъ. Дорогіе Корниловъ и Крымовъ, что не удалось вамъ, то, Богъ милостивъ, можетъ быть удастся намъ!»

Въ столовой уже все оказалось готовымъ къ обѣду, и горячія закуски дымились посреди стола; офицеры шумно располагались за столомъ, продолжая остря комментировать всевозможныя свѣдѣнія, уже проникшія въ Школу.

Не успѣли мы пообѣдать, какъ въ столовую вошелъ дежурный портупей-юнкеръ и доложилъ, что юнкера уже одѣлись и ожидаютъ приказаній.

«Ну, что-жъ. Тогда идемъ безъ обѣда», — сказалъ Начальникъ Школы. «Господа офицеры, пожалуйте къ ротамъ. Вы, — обратился онъ къ находящемуся тутъ же, по его приказанію, поручику Б—ову, — вы будете въ моемъ особомъ распоряженіи и, если вы послѣдующимъ поведеніемъ не загладите сегодняшней ошибки, то вамъ придется пенять уже на самого себя. Поручикъ Скородинскій и вы, — относясь ко мнѣ, продолжалъ Начальникъ Школы, — будьте также при мнѣ. Въ Школѣ остаются: — вы, господинъ полковникъ, и вы, поручикъ Шумаковъ. Надѣюсь, что у васъ будетъ все благополучно и нестроевая команда изъ-подъ вашего наблюденія не выйдетъ... Вы, докторъ, — обратился къ вернувшемуся изъ кабинета доктору, — пойдете съ нами. Неправда ли?..» «А теперь, господа, по ротамъ! Выводите юнкеровъ; стройте и пойдемъ...»

Офицеры быстро и шумно, но безъ какихъ либо разговоровъ, покидали столовую, стремясь къ своимъ мѣстамъ, къ выполненію полученныхъ приказаній. Даже вѣчно неумолкавшій, о всякаго рода спекуляціяхъ, Николаевъ, съ какой-то особой серьезностью, поправляя на ходу снаряженіе, ни однимъ словомъ не обмолвился, пока мы вмѣстѣ шли по коридору до канцеляріи, гдѣ я и пор. Шумак въ отстали отъ общей компаніи, направясь въ нее.

Я передалъ Борису ключи, обнялся съ нимъ, а затѣмъ мы вмѣстѣ вышли изъ канцеляріи, направляясь на дворъ... «Что-то будетъ дальше», — начинало сверлить въ мозгу.

Черезъ полчаса я шелъ впереди вытянувшагося баталіона юнкеровъ на Литейный Проспектъ. На меня было возложено командованіе авангардомъ баталіона, командованіе которымъ затѣмъ принялъ вернувшійся капитанъ Галіевскій, отлучавшійся къ своей семьѣ.

На улицѣ было тихо — ничто не предвѣщало грозы, и еслибы сзади не остались въ Школѣ трое юнкеровъ, отказавшихся выступить, двое: Дерумъ (латышъ) и Тарасюкъ (хохолъ) безъ объясненія причинъ и третій — юнкеръ Вигдорчикъ, открыто заявившій Начальнику Школы, черезъ дежурнаго офицера, о своей принадлежности къ коммунистической партіи съ до-военныхъ временъ, мы бы еще бодрѣе шли впередъ. Но постепенно воспоминаніе объ оставшихся изгладилось, и забота о вниманіи къ окружающей жизни заняла доминирующее положеніе въ направленіи мыслей. Но все было обычно, буднично. И мысль невольно возвращалась къ раненію самого себя поручикомъ Хрѣновымъ, о чемъ онъ прислалъ рапортъ изъ дому, гдѣ это случилось при зарядкѣ револьвера, за которымъ онъ было побѣжалъ.

«Чортъ возьми! Извольте вотъ теперь командовать его ротой! Странно — но бываетъ!» — сдѣлалъ я выводъ и принялся объяснять юнкерамъ принятую баталіономъ форму построенія. Подходя къ Сергіевской, я получилъ приказаніе отъ командующаго баталіономъ выслать впередъ заставу съ дозорами, которымъ приказывалось вступить въ бой безъ всякаго размышленія. Это было кратко, но ясно, и поэтому, выдѣливъ 1-ый взводъ отъ своей 2-ой роты, я, лично ставъ во главѣ его, быстро, ускореннымъ шагомъ, значительно продвинулся впередъ. Но вотъ снова получается приказаніе идти не къ Марсову полю, а на Набережную Невы, такъ какъ по донесеніямъ развѣдчиковъ на Марсовомъ полѣ происходятъ митинги солдатъ Павловскаго полка.

Подходя къ мосту, у меня, отъ внезапно пробѣжавшаго въ мозгу вопроса: — «а кто эти, стоящіе около него». — сильно запульсировало сердце. «Будьте внимательнѣе и спокойнѣе», — сказалъ я вслухъ юнкерамъ. «Можетъ быть, прійдется дѣйствовать». — «Слушаемся», — кратко отвѣтили они.

Для придачи большаго безразличія къ окружающей обстановкѣ, и значитъ, къ стоящей на посту у моста группѣ часовыхъ, я, вынувъ изъ портсигара папиросу, небрежно зажалъ ее зубами и закурилъ... Поровнялись. Отъ группы, вооруженныхъ и винтовками, и гранатами отошелъ одинъ изъ солдатъ и подойдя вплотную, справился, куда идемъ. Въ отвѣтъ, я задалъ вопросъ, что они тутъ дѣлаютъ. «Мостъ отъ разводки охраняемъ!» — отвѣтилъ солдатъ артиллеристъ изъ гарнизона Петропавловской крѣпости. «Ага, прекрасно!» — внутренне радуясь тому, что Петропавловка пока еще не потеряла головы, похвалилъ я солдата и сейчасъ же пояснилъ ему, указывая на приближающихся юнкеровъ авангарда, что Школа Прапорщиковъ Инженерныхъ войскъ также выполняетъ свой долгъ передъ Родиной и идетъ въ распоряженіе Временнаго Правительства.

«А какъ ведутъ себя Павловцы?» — справился я.

«Сперва митинговали, а потомъ въ казармы зашли. Рѣшили нейтралитетъ объявить, но караулы выставили. Вонъ гуляютъ!» — указалъ въ сторону Марсова поля артиллеристъ.

«Ну, всего вамъ хорошаго», — пожелалъ я часовымъ и мы направились дальше. И скоро свернули на площадь передъ Зимнимъ Дворцомъ. Представшая картина ландшафта этой огромной площади меня обидѣла. Площадь была пуста. Что такое! Отчего такъ пусто? — невольно сорвалось у меня съ языка. Юнкера молчали. Я взглянулъ на нихъ. Легкая блѣдность лицъ, недоумѣнная растерянность ищущихъ взглядовъ краснорѣчивѣе словъ мнѣ разсказали о томъ, что родилось у нихъ въ душѣ. Ясно было, что они еще болѣе меня ожидали встрѣтить иную обстановку. Желая поднять ихъ настроеніе, я воскликнулъ:

«Чортъ возьми, это будетъ очень скучно, если изъ-за опозданія мы останемся въ резервѣ... Ну такъ и есть... Смотрите, у Александровскаго сада и тамъ у края площади передъ аркой бродятъ юнкерскіе патрули».

«Ясно, что части здѣсь были уже въ сборѣ и сейчасъ уже выполняютъ полученныя задачи... Въ окнахъ Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба выглядываютъ офицеры. Значитъ, тамъ происходятъ занятія, а слѣдовательно, обстановка несравненно спокойнѣе, чѣмъ то обрисовывали на Школьномъ собраніи», — дѣлалъ я выводы, впиваясь взглядомъ во второй этажъ знакомаго зданія, гдѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ я старательно корпѣлъ за столомъ. «Что же наши не идутъ? Юнкеръ Б., взгляните на колонну и, если она остановилась, отправьтесь и доложите по цѣпочкѣ, что все благополучно и что я ожидаю приказаній. Я же буду передъ памятникомъ», — отдалъ я распоряженіе одному изъ юнкеровъ.

Юнкеръ оживился и съ энергичнымъ поворотомъ отправился исполнять полученное приказаніе. Въ этотъ моментъ со стороны Александровскаго парка перейдя дорогу подошелъ юнкерскій 2-ой Ораніенбаумской школы прапорщиковъ дозоръ. Старшій дозора остановилъ дозоръ, скомандовалъ смирно и направился ко мнѣ. Я принялъ честь, какъ должное привѣтствіе въ нашемъ лицѣ мундира нашей школы, и потому, желая отвѣтить тѣмъ же, подалъ и своимъ двумъ оставшимся возлѣ меня юнкерамъ: смирно.

Легкая судорога удовольствія, промелькнувшая на крупныхъ лицахъ юнкеровъ дозора, указала мнѣ, что карта мною бьется правильно.

«Что хотите, портупей-юнкеръ?» — спросилъ я вытянувшагося старшаго дозора.

— «Разрѣшите узнать, какой части и цѣль вашего прибытія сюда», — твердо, на густыхъ нотахъ отвѣтилъ вопросомъ старшій дозора.

«Передовой дозоръ идущаго сюда въ распоряженіе Временнаго Правительства баталіона Школы прапорщиковъ инженерныхъ войскъ», — съ чувствомъ безконечнаго сознанія всего вѣса, должнаго заключаться въ названіи и значеніи той части, въ которой протекаетъ служба родинѣ, твердо, но фальцетомъ отвѣтилъ я. «Скажите, портупей-юнкеръ», — сейчасъ продолжалъ я свой отвѣтъ, переходя на вопросъ, «скажите, вы давно здѣсь? Ваша школа? И какія еще части и школы были тутъ и куда онѣ дѣлись? Мы, къ сожалѣнію, кажется запоздали. Вообще, что слышно новаго?»

— «Никакъ нѣтъ, вы не опоздали. Плохо...» — съ набѣгавшей улыбкой горечи началъ было портупей-юнкеръ, но сейчасъ же, спохватившись, желая очевидно скрыть мучившія его душу сомнѣнія, въ искусственно бодромъ тонѣ продолжалъ: «Очевидно еще соберутся. Слава Богу, что вы пришли, это подыметъ настроеніе. И во Дворцѣ говорили, что казаки сюда идутъ и войска изъ Гатчины... А покамѣстъ у насъ тутъ сперва стояли одиночные посты, но такъ какъ утромъ у Александровскаго парка группа рабочихъ обезоружила и избила двоихъ, то теперь мы несемъ дозоры».

«Вотъ оно что. Прекрасно. Мы быстро устроимъ границы должнаго поведенія для господъ хулиганствующихъ. Эхъ чортъ возьми, разрѣшили бы арестовать Ленина и компанію, и все пришло бы въ порядокъ. Ну, всего вамъ хорошаго, господа. Надѣюсь, совмѣстной работой останемся довольны», уже на ходу закончилъ я свою случайную бесѣду со встрѣтившимся дозоромъ, направляясь къ памятнику, чтобы собою обозначить правый флангъ расположенія для имѣющаго въ каждый моментъ подойти баталіона нашей школы.

Дѣйствительно, только мы подошли къ памятнику, какъ изъ-за оставленнаго нами угла показались первые ряды юнкеровъ. Спокойствіе и гордость отъ начавшей обрисовываться въ воображеніи картины встрѣчи съ представителями власти и руководства судьбой Родины сразу захватили меня. И то обстоятельство, что площадь была пуста, что около парадного главнаго входа во дворецъ нелѣпо лежали неизвѣстно откуда свезенные полѣницы дровъ, что около этого входа и у подъѣзда въ зданіе Главнаго Штаба стояли малочисленныя группы людей частью въ военной формѣ, частью въ штатскихъ костюмахъ — какъ-то эти перечисленныя обстоятельства уже иначе укладывались въ моей головѣ, рождая въ ней представленіе о солидности въ отношеніи къ совершающемуся со стороны Правительства. Холодное спокойствіе въ принятіи мѣръ воздѣйствія — лучшая ванна для протрезвленія умовъ заблудшихъ. Въ этомъ спокойствіи есть своеобразная красота.

При появленіи на площади головной части нашего баталіона группы людей у подъѣздовъ начали увеличиваться. Кое-кто изъ одной группы перешелъ въ другую. Это дало новый поворотъ моимъ мыслямъ. — «Наше прибытіе обсуждается. Значитъ положеніе серьезнѣе, чѣмъ это было бы желательно. Очевидно, мы имъ нужны какъ воздухъ», — повторялъ я оцѣнку возникшимъ новымъ соображеніямъ по отношенію невѣдомаго мнѣ положенія дѣлъ въ городѣ. «Что же, очаровательно! За нами дѣло не станетъ. Пускай скорѣе даютъ задачу и полномочія, а тамъ будетъ видно, на чьей улицѣ будетъ праздникъ», — гордо думалъ я, любуясь чистотой передвиженія втянувшагося на площадь баталіона и принимавшаго построеніе въ развернутый фронтъ, лицомъ къ Зимнему Дворцу и правымъ флангомъ къ Главному Штабу Петроградскаго Военнаго Округа.

Построенія закончились. Раздалась команда: «стать вольно». Наблюдавшій за построеніемъ Начальникъ Школы съ поручиками Ск. и Б. направились къ Главному Штабу. Ко мнѣ, на правый флангъ фронта, перешелъ капитанъ Галіевскій... Меня потянуло къ нему.

— «Не густо...», — встрѣтилъ онъ меня замѣчаніемъ.

— «Образуется...», — въ тонъ, лаконично отвѣтилъ я.

— «Равняйсь!» — неожиданно скомандовалъ онъ, поворачиваясь къ линіи фронта. Я быстро взглянулъ по направленію къ Штабу.

Къ намъ приближалась группа лицъ, въ центрѣ которой, часто беря руку подъ козырекъ, отвѣчалъ на чьи-то вопросы нашъ Начальникъ Школы. Было ясно, что съ нимъ идетъ «начальство». «Интересно, выйдетъ ли Керенскій», — не находя знакомой фигуры въ приближающейся группѣ, мелкнулъ вопросъ.

«Господа офицеры, пожалуйте сюда!» — вслѣдъ за командой «вольно», раздалось приказаніе Начальника Школы, отрывая меня отъ размышленій.

Офицеры покинули свои мѣста въ строю и, окруживъ полукольцомъ озабоченное «начальство», строго оффиціально вглядывались въ ихъ лица.

Подошедшій въ этотъ моментъ одинъ изъ офицеровъ Главнаго Штаба, обращаясь къ Начальнику Школы, попросилъ его отойти въ сторону Главнаго Штаба.

— «За Начальника Школы ухватились!» — прошепталъ кто-то сзади меня свое впечатлѣніе.

— «Это мы сдѣлаемъ карьеру!» — также шопотомъ произнесъ другой голосъ.

— «Господа, господинъ Военный Комиссаръ при Верховномъ Главнокомандующемъ поздоровается съ юнкерами», — почти сейчасъ же, возвращаясь обратно въ сопровожденіи очень высокаго, худощаваго штатскаго, бросилъ намъ Начальникъ

Школы. «Нѣтъ, нѣтъ, вы оставайтесь здѣсь», — остановилъ Начальникъ Школы попытавшихся было направиться въ строй офицеровъ, лично же направляясь къ юнкерамъ, въ сопровожденіи все того же штатскаго.

«Батальонъ, смирно!» — скомандовалъ Начальникъ Школы. «Сейчасъ васъ будетъ привѣтствовать господинъ Военный Комиссаръ при Верховномъ Командованіи, поручикъ Станкевичъ». «Господинъ комиссаръ...» обращаясь къ поручику Станкевичу, началъ было соотвѣтствующій уставу рапортъ Начальникъ Школы. Но продолженіе церемоніи рапорта военный комиссаръ отклонилъ и, приподымая штатскій головной уборъ, обратился къ юнкерамъ Школы:

— «Я счастливъ видѣть васъ, товарищи-граждане, здѣсь, въ моментъ напряженія всѣхъ усилій членами Временнаго Правительства на пользу великой нашей революціи. Я радъ, что нѣкоторымъ образомъ родная мнѣ школа... Старшій курсъ долженъ помнить меня... Я былъ въ вашей школѣ въ числѣ вашихъ офицеровъ, пока революція не позвала меня къ повому дѣлу... въ арміи. Я сейчасъ пріѣхалъ изъ арміи. И я свидѣтельствую вамъ, что вѣра арміи въ настоящій составъ Правительства, возглавляемаго обожаемымъ Алекс. Федор. Керенскимъ, необычайно сильна. Дѣло борьбы за Россію съ нѣмцами также въ арміи сейчасъ стоитъ на должной высотѣ. И вотъ, въ этотъ моментъ, подъ стройное зданіе величайшихъ усилій Правительства обезумѣвшими демагогами, помнящими лишь свои партійные расчеты, подводится предательская мина. Вездѣ царитъ вѣра въ ясную будущность Россіи, ведомой стоящимъ на стражѣ революціи Правительствомъ къ побѣдѣ, безъ анексій и контрибуцій, надъ сдающимъ уже врагомъ. И только здѣсь, въ Столицѣ, въ Красномъ Петроградѣ готовится пожъ въ спину Революціи. Я радъ и счастливъ привѣтствовать васъ, такъ рѣшительно и горячо, безъ колебаній, отдающихъ себя въ распоряженіе тѣхъ, кто единственно имѣетъ право руководства жизнью Народа до дня Учредительнаго Собранія. Да здравствуетъ Учредительное Собраніе! Ура!»...

Когда стихли вызванныя рѣчью военнаго комиссара клики ура, комиссаръ отирая платкомъ капли выступившаго на лбу пота, продолжалъ свое привѣтствіе.

Но продолженіе было уже значительно короче. Въ немъ военный комиссаръ высказалъ увѣренность, что товарищи-граждане юнкера окажутся такими же доблестными защитниками дѣла Революціи, какими оказались на фронтѣ тѣ товарищи-граждане офицеры, которые раньше кончили эту родную ему школу.

«Да, да, вы правы, господинъ военный комиссаръ», — согласился я съ нимъ въ этой части его рѣчи.

— «Александръ Петровичъ! — обратился ко мнѣ капитанъ Галіевскій, — я вижу, вамъ очень нравится рѣчь; вы знаете, кто это? Это — одинъ изъ бывшихъ преподавателей полевой фортификаціи у насъ въ Школѣ. Величайшая бездарность, сумѣвшая, однако, быстро сдѣлать карьеру. Вамъ, навѣрное, приходилось слышать также объ учебникѣ по полевой фортификаціи, недавно изданномъ Яковлевымъ, Бартошевичемъ и имъ. Онъ, въ этой книжечкѣ Яковлевской стряпни, врисовалъ нѣсколько, гдѣ-то на фронтѣ позаимствованныхъ чертежиковъ. И послѣ этого вообразилъ себя чуть ли не профессоромъ академіи»...

— «Ну, поѣхали, капитанъ!» — вмѣшался въ разговоръ поручикъ Скородинскій. — «Я хорошо знаю поручика Станкевича — это удивительно милый

и чуткій человѣкъ. Правда, онъ очень увлекающійся, но зато искренній. А что онъ сдѣлалъ карьеру, — это не удивительно. Теперь его партійные друзья на верхахъ власти и, конечно, своихъ приспѣшниковъ они не забываютъ», — закончилъ Скородинскій, отходя отъ насъ.

— «Тоже карьеру сдѣлаетъ», — мотнулъ головою въ его сторону мой собесѣдникъ и видя, что я никакъ не реагирую на его свѣдѣнія, замолчалъ.

— «Очень пріятно встрѣтиться съ вами, господа», — между тѣмъ мягко улыбаясь и порывисто пожимая руки нѣкоторыхъ изъ бывшихъ своихъ сотоварищей по дѣятельности въ Школѣ, просто и искренне здоровался военный комиссаръ.

— «Я прямо изъ Ставки», — продолжалъ онъ. «Какая разница съ вашимъ Питерскимъ настроеніемъ. Но, это ничего . . ., я полагаю, мы быстро уладимъ всѣ шероховатости и вамъ снова можно будетъ вернуться къ болѣе мирному продолженію вашей продуктивной, полезной работы. Ваши бывшіе питомцы отличаются на фронтѣ и пѣхота ихъ высоко цѣнитъ» . . .

— «Владиміръ Станкевичъ», — протянулъ, наконецъ, и мнѣ руку военный комиссаръ.

«Александръ Синегубъ», — въ тонъ представился я.

— «Это нашъ новый офицеръ, недавно съ фронта», — зачѣмъ-то нашелъ нужнымъ прибавить поручикъ Б.

— «Да, у васъ, я вижу, есть новыя лица!» — отвѣтилъ ему военный комиссаръ.

— «Александръ Петровичъ!» — окликнулъ меня поручикъ Скородинскій.

«Что скажете?» — обернулся я къ спѣшившему ко мнѣ поручику.

— «Начальникъ Школы васъ требуетъ. Работа есть. Счастливчикъ!» . . . — ласково улыбаясь, передалъ онъ мнѣ приказъ Начальника Школы.

«А гдѣ начальникъ?» — обрадованно заторопился я.

— «Вонъ тамъ, около группы Багратуни у Главнаго Штаба», — указалъ мнѣ поручикъ на мѣстонахожденіе Начальника Школы.

— «Явитесь къ военному комиссару при Верховномъ Командованіи, поручику Станкевичу», — подчеркивая титулъ служебнаго положенія поручика, мягко, но съ особой, свойственной ему манерой отдавать такъ приказанія, что они, для получающаго таковыя, пріобрѣтали значеніе сверхстепеннаго значенія, — прсговорилъ онъ.

— «Ахъ, вы здѣсь!» — продолжалъ онъ, уже обращаясь къ подошедшему въ этотъ моментъ военному комиссару, — «вотъ, согласно вашего желанія и приказанія Главнаго Штаба, я предоставляю въ ваше распоряженіе полуроту юнкеровъ, подъ командой поручика Синегуба. Я вамъ даю самаго опытнаго офицера, недавно только прибывшаго къ намъ въ Школу съ фронта. Надѣюсь, поручикъ, — снова отнесся Начальникъ Школы ко мнѣ, — вы учтете всю серьезность значенія оказываемой вамъ чести предоставленія выполненія тѣхъ задачъ, которыя вы будете получать непосредственно отъ господина военнаго комиссара и исполнять которыя будете, какъ мои личныя приказанія» . . . — въ упоръ смотря мнѣ въ глаза, добавилъ Начальникъ Школы.

«Слушаю-съ, господинъ полковникъ; а какую полуроту прикажете взять?»

— «Капитанъ Галіевскій получилъ приказаніе и онъ вамъ предоставитъ таковую!»

«Слушаю-съ! Разрѣшите идти?»

— «Да, съ Богомъ!» — весело отвѣтилъ Начальникъ Школы, протягивая мнѣ руку и дѣлая шага два впередъ, приблизился вплотную ко мнѣ и вдругъ, понижая голосъ, быстро проговорилъ: «Дѣло крайне серьезно. Соберите все вниманіе. И чаще присылайте донесенія мнѣ и капитану Галіевскому» — и переходя на обычный тонъ, продолжалъ: «Всѣ указанія испрашивать у господина военнаго комиссара. Ну, въ добрый часъ! Берегите юнкеровъ!» — отпустилъ меня Начальникъ Школы.

«Господинъ военный комиссаръ, — обратился я, поворачиваясь къ комиссару и беря руку подъ козырекъ, — поручикъ Синегубъ, по приказанію Начальника Петроградской Прапорщиковъ Инженерныхъ войскъ Школы, представляется по случаю назначенія въ ваше распоряженіе».

— «Очень пріятно, принимая честь, любезно отвѣтилъ военный комиссаръ, — я попрошу васъ, немедленно выступить. И такъ слишкомъ много времени потеряно», — нервно смотря на часы, бросилъ замѣчаніе военный комиссаръ.

«Слушаю-съ! Разрѣшите построить и куда прикажете вести и какое будетъ назначеніе?»

— «Я буду съ вами. Мы пойдемъ въ Маріинскій дворецъ на охрану засѣдающаго въ немъ Предпарламента, такъ какъ по имѣющимся свѣдѣніямъ готовится обструкція и выступленія противъ засѣдающихъ. Скорѣе стройте юнкеровъ», — нервно закончилъ комиссаръ.

«Слушаю-съ!» и заражаясь необходимостью спѣшить, я бѣгомъ направился къ баталіону юнкеровъ.

— «Александръ Петровичъ», — встрѣтилъ меня поручикъ Мейсперъ, — «ваша полурота готова. Я назначенъ командовать второй полуротой, въ качествѣ резерва для васъ. И, голубчикъ, если надо, вызывайте меня скорѣе», — весь оживляясь, попросилъ поручикъ.

«Спасибо; хорошо; обязательно. Подождите, еще много будетъ дѣла. А что, патроны будутъ выдавать?» — вдругъ съ ужасомъ вспомнилъ я отсутствіе этой соли нашей сущности.

— «Патроны? Во дворцѣ ихъ надо получить. Тамъ большой запасъ. Я сейчасъ доложу капитану Галіевскому», — бросаясь къ командующему баталіономъ, отвѣтилъ поручикъ.

«Полурота, равняйсь!» — принялся я, между тѣмъ, отводить свою полуроту отъ баталіона.

— «Послушайте, поручикъ, — подходя ко мнѣ заговорилъ военный комиссаръ, — постройте мнѣ такъ юнкеровъ, чтобы всѣ могли слышать меня безъ повышенія мною голоса».

«О, чортъ возьми, опять разговорчики. Да вѣдь вамъ спѣшить надо... Хотя это на руку — патроны поднесутъ»... — промелькнуло успокаивающее соображеніе. — «Слушаюсь!» — уже вслухъ отвѣтилъ я и принялся строить полуроту въ каррэ. Военный комиссаръ выждалъ эволюцію фронта и началъ говорить:

— «Господа, въ данное, исключительно тяжелое время для Революціи и Страны свершилось событіе огромной исторической важности. Въ залахъ Маріинскаго Дворца засѣдаетъ цвѣтъ нашей мысли и гордость нашихъ чаяній — Совѣтъ Республики. Я былъ тамъ и видѣлъ ихъ святую работу надъ укрѣпленіемъ завоеваній Революціи и выводомъ страны на тотъ путь величественнаго шествія къ счастью, котораго только достойна демократія міра. Я видѣлъ, какъ, забывъ все личное, забывъ даже о ѣдѣ, сидятъ надъ разрѣшеніемъ

вопросовъ тѣ, кто не только является гордостью нашей мысли, но и творцомъ дѣла дружественнаго, творческаго сожительства демократій всего міра. И ихъ работа, вѣрьте мнѣ, еще священнѣе, чѣмъ защитниковъ нашей великой страны, выбросившей впервые міру такіе лозунги, какъ война до побѣднаго конца, безъ анексій и контрибуцій. И вотъ, товарищи-граждане, въ этотъ моментъ, демагогическая злобность, посѣянная Ленинымъ и разжигаемая врагами революціи и страны, готовится стать катастрофичной для Революціи. Опьяненные демагогіей, отбросы рабочаго міра готовятся произвести срывъ происходящаго Засѣданія Совѣта Республики. Спокойствію въ творческой работѣ, въ часы ея максимальнаго напряженія, грозитъ опасность. А между тѣмъ, дорогъ каждый часъ этого труда, результаты котораго, въ безконечномъ волненіи ожидаютъ и армія, и демократія. И вотъ, дорогіе товарищи, — граждане юнкера, вамъ предоставляется высокая честь охранить спокойствіе работы Совѣта Республики. Я счастливъ, что могу васъ поздравить съ назначеніемъ въ караулъ Маріинскаго Дворца. И я убѣжденъ, что это будетъ лишь почетнымъ для васъ служеніемъ Революціи и Странѣ и что дѣло до примѣненія оружія не дойдетъ, такъ какъ, если массы хулиганствующихъ увидятъ васъ на постахъ у Дворца, они только побурлятъ, и разойдутся»... — застѣнчиво улыбаясь, закончилъ свою рѣчь военный комиссаръ.

«Разлука ты, разлука, чужая сторона», — навязчиво ныло у меня въ ушахъ при вслушиваніи въ рѣчь оратора. «Ей-ей, вы житель какой-то подлунной планеты, но не земли. У васъ нѣтъ времени, а вы продолжаете его тратить на то, что, право, удивительно просто и ясно. Къ чему?» — И какъ бы въ отвѣтъ на мои мысли, сзади раздалось обращеніе ко мнѣ.

— «Господинъ поручикъ, разрѣшите доложить, что мы хотимъ ѣсть, а тамъ у Дворца юнкера получаютъ хлѣбъ».

«Ага! Сейчасъ кончитъ комиссаръ говорить, я попрошу разрѣшенія запастись хлѣбомъ».

— «Вотъ, что насъ губитъ», — вдругъ обратился ко мнѣ юнкеръ N.

«Тише! Бросьте! Вы въ строю!» — оборвалъ я невыдержавшаго юнкера. «Пускай дѣлаютъ, что хотятъ, лишь бы мы сами не забыли о Родинѣ», — уже смягчаясь, добавилъ я.

«Господинъ военный комиссаръ! — какъ только послѣдній кончилъ говорить, обратился я, — разрѣшите получить хлѣбъ, — его здѣсь рядомъ выдаютъ, юнкера сегодня еще не ѣли».

— «Да, да, только скорѣе!» — далъ согласіе военный комиссаръ, съ нѣсколько озабоченнымъ выраженіемъ лица, очевидно, отъ мелькнувшей мысли, что слушать и прекрасныя пѣсни на пустой желудокъ не особенно весело. Пока юнкера получали хлѣбъ, я получилъ отвѣтъ о патронахъ. Патроны дѣйствительно были, но на выдачу требовалось распоряженіе изъ Главнаго Штаба. Отъ кого же это должно было изойти и кто долженъ былъ ихъ выдать, пока, несмотря на всѣ усилія поручика Мейснера, выяснить не удавалось.

— «Вы не можете себѣ представить, какой тамъ внутри царитъ кавардакъ», — указывая на дворецъ и зданіе Главнаго Штаба, разсказывалъ поручикъ. «Я ни отъ кого не могъ добиться ни одного путнаго указанія. Начальникъ Штаба посылаетъ къ адъютантамъ; тѣ къ коменданту Дворца, а послѣдній къ Начальнику Штаба. Чортъ бы ихъ всѣхъ дралъ, сволочь штабная!» — вспылилъ поручикъ. «Хороши гуси. Не бѣда. Я доложу Станкевичу, пускай

распорядится, па то онъ кстати и комиссаръ, чтобы за порядкомъ наблюдать». Военнаго комиссара уже осаждала какая-то группа изъ военныхъ и штатскихъ.

— «Ну, что, готовы?» — встрѣтилъ онъ меня вопросомъ.

«Такъ точно. Хлѣбъ полученъ. Вотъ не могу получить патроновъ».

— «Патроновъ? Зачѣмъ?» — перебилъ меня комиссаръ.

«У насъ мало. По пятнадцати штукъ на винтовку. Пулеметовъ и гранатъ совсѣмъ нѣтъ. Обѣщали выдать здѣсь, но добиться»...

«Это лишнее; дѣло до огня дойти не можетъ. И пятнадцати штукъ за глаза довольно. Идемте, ведите роту. Дорогу знаете во Дворецъ? Прямо по Морской. А придя во дворецъ, вы хорошенько ознакомьтесь съ постами и рѣшительно прикажите огня безъ самой крайней необходимости не открывать. Я буду самъ все время тамъ, такъ что вы можете быть спокойнымъ. А если и подойдетъ къ Маріинскому Дворцу какая либо хулиганствующая толпа, то право для укрощенія ея достаточно одного вида юнкеровъ, стоящихъ на постахъ съ винтовками. Вотъ внутри Дворца надо быть на чеку. Я боюсь, чтобы кто не устроилъ обструкцію въ залѣ засѣданія и не произвелъ паники. Стройте во вздовенные ряды и идемте», — подойдя къ полуротѣ, распорядился военный комиссаръ.

Мы двинулись. Юнкера, сперва молчаливые, теперь вполголоса дѣлились впечатлѣніями. Только военный комиссаръ весь ушелъ въ какую-то бесѣду съ сопровождавшими его: офицеромъ, штатскимъ и двумя юнкерами изъ членовъ Совѣта Школы, зачѣмъ-то ему понадобившимися.

«Не выслать ли впередъ развѣдку?» — подумалъ я, войдя на Морскую.

«Хотя это зачѣмъ же?! Вѣдь достаточно же ясно завѣрилъ военный комиссаръ, что съ боевой точки зрѣнія — все спокойно. А, кромѣ того, если впереди и окажется что-нибудь скверное, то вѣдь, слава Богу, какая у меня силища, вы, мои хорошіе господа юнкера, плохо владѣющіе винтовками, и вы, господинъ Военный Комиссаръ».

«Разъ, два!.. Твёрже ногу!.. Ноги не слышу!» — словами команды попытался я оторвать себя отъ легкомысленныхъ думъ и вдругъ разсмѣялся. — У одного изъ юнкеровъ выпалъ изъ-подъ мышекъ несомый имъ хлѣбъ. Смущенный своею неловкостью, юнкеръ выскочилъ изъ строя за, покатившимся по сѣрому глянцу цементной мостовой, буханкомъ хлѣба. «Куда?» — завопилъ отдѣленный командиръ. — «Изъ строя, безъ разрѣшенія? На мѣсто!» — «Ха, ха, ха...» — смѣялись юнкера. «Ха, ха, ха» — заливались, обрадовавшись случаю остановившіяся на тротуарѣ дзѣ дѣвушки, по костюмамъ и кричащимъ манерамъ, опредѣленно принадлежавшія къ категоріи заблудшихъ созданій. «Да, посмѣяться есть отъ чего», — говорилъ я фланговому юнкеру, — «юнкера въ боевой готовности, и съ хлѣбами подъ мышками, и на Морской».

— «Остановитесь!» — догоняя меня, быстро отдалъ распоряженіе военный комиссаръ.

«Оставайтесь здѣсь, я зайду на телефонную станцію, попытаться произвести смѣну находящагося тамъ караула, который, по полученнымъ свѣдѣніямъ, перешелъ на сторону Ленинцевъ», — сообщилъ мнѣ свое намѣреніе военный комиссаръ.

Я остановилъ полуроту. Пока военный комиссаръ переходилъ улицу, къ намъ подошелъ какой-то офицеръ и сталъ возмущенно разсказывать о томъ, что сегодняшней ночью у Петроградскаго коменданта изъ стола выкрали пароли и отзывы карауловъ Петроградскаго гарнизона. И вотъ сегодня въ часъ смѣны

на телефонную станцію проникли большевики. Но они еще скрываютъ это для того, чтобы перехватывать телефонные разговоры Правительственныхъ органовъ и членовъ Совѣта Республики.

Возбужденное описаніе нервно настроеннымъ офицеромъ, казалось, хотя и интереснымъ, но крайне сомнительнымъ. Особенно меня настраивалъ противъ разсказа видъ разсказчика. Бѣгающіе глаза, тонкій, визгливый голосъ, рѣзко подчеркивавшій простоту стиля фразъ, и приказчичьи ухватки, замѣнявшія ему манеры, буквально били по нервамъ.

«Что-то нечистое здѣсь», — закопошилось въ головѣ, въ результатѣ интуитивнаго отрицанія навязчивой убѣдительности особы въ офицерской формѣ. «Не отъ васъ ли узналъ такую необычайную новость, господинъ военный комиссаръ? Боже мой, надо скорѣе его предупредить. Вѣдь онъ — сама наивность!»

— «Они отказываются добровольно освободить телефонную станцію», — озабоченно проговорилъ военный комиссаръ. — «И я рѣшилъ произвести смѣну силою. Оставьте половину юнкеровъ съ офицеромъ здѣсь, приказавъ слѣдить за воротами и окнами, а съ другой половиной вы продвиньтесь впередъ и уже съ той стороны воротъ ведите наблюденіе за нею. Отдѣлите мнѣ нѣсколькихъ юнкеровъ, и я попытаюсь съ ними проникнуть на станцію. Землячки увидятъ, что съ ними не шутятъ, и сразу сбавятъ тонъ. Тамъ караульный начальникъ какой-то прапорщикъ; очевидно онъ все и мутитъ», — высказалъ свои соображенія военный комиссаръ. «А кто ему подалъ примѣръ, и кто его этому научилъ?» — подумалъ я, услышавъ тонъ глубочайшаго пренебреженія, съ которымъ было произнесено: «какой-то прапорщикъ». Но забота выполненія полученнаго приказанія оказалась сильнѣе всякихъ философствованій, и я, отдѣливъ первое отдѣленіе 1-го взвода въ распоряженіе военнаго комиссара, началъ производить по улицѣ соотвѣтствующее передвиженіе для полученія лучшаго надзора за зданіемъ телефонной станціи, а въ случаѣ надобности и ея обстрѣла.

Прапорщикъ Одинцовъ-младшій, оставаясь на томъ же разстояніи отъ зданія телефонной станціи, построилъ свой 2-ой взводъ 2-ой роты поперекъ Морской, во всю ея ширину фронтомъ къ Маріинской площади. Я же, перейдя съ тремя отдѣленіями 1-го взвода фасадъ телефонной станціи, принялъ тоже построеніе, но фронтомъ въ обратную сторону, въ сторону Невскаго проспекта.

Изъ безвинтовочныхъ юнкеровъ я создалъ команду связи. Между тѣмъ военный комиссаръ съ юнкерами 1-го отдѣленія 1-го взвода подошелъ къ воротамъ станціи, но они оказались уже запертыми. И я, стоя на тротуарѣ, впереди праваго фланга своего взвода, старался предвосхитить у военнаго комиссара выходъ изъ создавшагося положенія, которое, наконецъ, меня убѣдило, что на телефонной станціи дѣйствительно находятся приверженцы Ленина и К°. «Вотъ у кого надо, оказывается, учиться энергіи. И откуда только у нихъ такое руководство. Интересно, какъ бы вы объяснили это теперь?» — мысленно обращался я къ всплывшей въ памяти картинѣ почного совѣщанія 19-го въ «Колхидѣ». — «Начало не дурное, — просмаковалъ я рѣшительность дѣйствій господъ подпольщиковъ. Теперь дѣло за нами. Однако что же предполагаетъ предпринять военный комиссаръ», въ нетерпѣніи вглядываясь въ окна и ворота станціи, топтался я на мѣстѣ.

«Та-та-та-та», — вдругъ рѣзко разрѣзался воздухъ визгливо стучащимъ свистомъ, родившимъ представленіе о желѣзныхъ, зелено-темныхъ и красно-бурыхъ

крышахъ домовъ, которыя съ силою полили металлическимъ градомъ, отчего переливающіеся дробью отзвуки становились коротко-сухими. «Та-та-та-та», — поплыла вдоль Морской новая волна дробящихъ отзвуковъ, отвѣвая отъ себя какой-то захватывающій дыханіе мысли холодокъ.

«Что такое» — пришелъ я въ себя отъ мгновенной внезапности ударившихъ по нервамъ звуковъ. «Пулеметный огонь! Откуда? По насъ?» — И я быстро обернулся, ища пѣшаго или коннаго врага, въ томъ концѣ Морской, который выходилъ на Маріинскую площадь. «Тамъ бой», — мелькнула мысль, но подъ ощущеніемъ уловленныхъ слухомъ новыхъ, болѣе близкихъ, знакомыхъ звуковъ, — представившаяся было въ воображеніи картинка разстрѣла Маріинскаго Дворца уплыла вдаль, а на мѣстѣ ея родилась большая тревога, колко жавшая сердце. «Это стрѣляютъ по юнкерамъ. Стоять такъ нельзя. Слишкомъ большая цѣль»... — работала мысль.

«Къ стѣнкамъ домовъ! Далеко не распространяться!» — крикнулъ я приказаніе юнкерамъ.

Тревожное недоумѣніе, сковавшее было юнкеровъ, мгновенно прошло, и они, повинуясь словамъ команды, вмигъ разсыпались по тротуару, становясь спинами къ стѣнкамъ домовъ.

«Зарядить винтовки!» — вслѣдъ отдалъ я приказъ, въ то же время соображая, куда лучше стать самому, чтобы не выпустить изъ рукъ командованіе полуротой.

«Никто не упалъ, — значитъ, стрѣльба демонстративная и въ воздухъ».

«Но гдѣ же военный комиссаръ и его юнкера?» — окидывая взглядомъ улицу, точно по мановенію волшебнаго жезла ставшую жутко пустою — спрашивалъ я себя. Но въ первыя секунды осмотра сторонъ улицы — я его фигуры не находилъ. «Что такое? — неужели я такъ растерялся, что не вижу военнаго комиссара», — мелькало въ головѣ. Но замѣчая въ то же время, какъ первою прижимались нѣкоторые изъ юнкеровъ къ каменнымъ стѣнамъ домовъ и стальнымъ жалюзи, спустившимся на окна витринъ, что придало этому участку Морской впечатлѣніе глубокой, холодной могилы — во мнѣ проснулось чувство дикой обиды и злобы.

«Воспользоваться горячностью порыва молодыхъ сердецъ и безъ сожалѣнія принять ихъ безразсудочное самопожертвованіе. Ужасно! Вѣдь нѣкоторые не умѣютъ заряжать винтовки», — содрогалась мысль при видѣ, какъ одинъ юнкеръ тщетно старался утопить патроны въ магазинную коробку винтовки. «Какъ куропатокъ перестрѣляютъ насъ изъ оконъ и съ крышъ, если только окажется это имъ выгоднымъ и если есть достаточно для этого средствъ. Проклятье! Какое жалкое, унизительное положеніе! Хотя бы открыли настоящій огонь и убили бы меня», — со злобой вглядываясь въ чердачныя окна, малодушничалъ я.

«Ахъ, вотъ и комиссаръ!» — и я пошелъ навстрѣчу къ нему, идущему ко мнѣ.

«Я все не могу опредѣлить, откуда и гдѣ стрѣльба. Боюсь, что на Маріинской площади бой идетъ. Не отправиться ли туда? Здѣсь сейчасъ ничего такъ не сдѣлаешь!» — обратился я къ нему.

— «Ничего, это пустяки. Вы приведите въ больній порядокъ юнкеровъ и продолжайте осаду станціи. Огня не открывайте, пока они сами не станутъ стрѣлять по васъ. А я отведу ту часть юнкеровъ къ углу Невскаго, чтобы не допустить сюда могущихъ явиться на выручку караулы красногвардейцевъ.

Я убѣжденъ, что на станціи сейчасъ переполохъ, такъ какъ не могутъ они знать, кто открылъ стрѣльбу и кто беретъ верхъ, а видя, что здѣсь находятся юнкера, они даже скорѣе рѣшатъ, что ихъ дѣло пронграно и они сдадутся», — говорилъ мнѣ военный комиссаръ.

«Слушаюсь!» — отвѣчалъ я съ радостью, черпая въ словахъ военнаго комиссара увѣренность, что эта стрѣльба идетъ со стороны вѣрныхъ долгу частей, выполняющихъ, очевидно, порученную имъ задачу. «Навѣрно, гвардейскій экипажъ или семеновцы очищаютъ Маріинскую площадь отъ демонстрирующихъ толпъ», — заработало мое воображеніе. «Надо будетъ и въ сторону площади принять мѣры предохраненія. И если сюда бросятся бѣгущія толпы, то заарестовать. А чтобы было удобнѣе и планомѣрнѣе это выполнить, займу углы Гороховой», — принялъ я рѣшенія и пошелъ передавать соотвѣтствующія распоряженія начальникамъ отдѣленій.

Черезъ нѣсколько минутъ стрѣльба затихла. А еще спустя немного времени, на улицѣ появились любопытствующіе и случайные прохожіе. Юнкера съ винтовками на готовѣ бодро обмѣнивались замѣчаніями, внимательно глядя со своихъ мѣстъ на углахъ улицъ Морской и Гороховой вдоль нихъ и слѣдя за воротами и окнами станціи. Я же съ гордостью расхаживалъ по цементной мостовой. «Больше непринужденности въ видѣ!» — говорилъ я себѣ. «На тебя смотрятъ не только юнкера, но и землячки караула. И чѣмъ ты спокойнѣе и довольнѣе, тѣмъ страшнѣе имъ», — продолжалъ я кокетничать съ собою.

«Но чертъ возьми, какая гладкая мостовая. Вотъ бы наши кирки-мотыги, и устроить бы здѣсь окопчики для пулеметовъ. Ахъ да, пулеметовъ. Надо послать донесеніе къ Начальнику Школы, что мы перешли къ боевой задачѣ, и попросить прислать пулеметы и пироксилиновыхъ шашекъ для взрыва воротъ телефонной станціи». И я, вызвавъ юнкера связи, передалъ ему написанное донесеніе для доставки въ Зимній Дворецъ.

Эта моя мѣра вызвала еще большее оживленіе у юнкеровъ, и я съ наслажденіемъ наблюдалъ за все растущимъ усвоеніемъ создавшагося положенія. «Молодцы друзья», — созерцая выраженія лицъ, мысленно подбадривалъ я ихъ, по временамъ произнося тѣ или иныя замѣчанія.

Расхаживая такимъ образомъ по улицѣ, я одновременно не упускалъ изъ вниманія закрытыхъ воротъ станціи. «Что-то тамъ творится. Пожалуй, военный комиссаръ правъ, и тамъ теперь каются въ своемъ промахѣ и обсуждаютъ, какъ исправить свой поступокъ. Не хотѣлъ бы я быть на вашемъ мѣстѣ», — всматриваясь въ окна, соображалъ я. «Ага, отворяется дверца въ воротахъ, — ужъ не делегація ли?» — мелькнуло радостное предположеніе, и я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ къ воротамъ, приглашая юнкеровъ къ усиленію вниманія.

Юнкера, стоявшіе по сторонамъ воротъ, взяли винтовки на изготовку. Я потихоньку разстегнулъ кобуру, а затѣмъ руки засунулъ въ карманы.

«Ну-съ, выходите», — внутренне торопилъ я, жадно впиваясь въ расширяющуюся щель отворяемой во внутрь двора двери. Наконецъ, высунулась круглая голова на короткой шеѣ. Глаза напряженно забѣгали, осматривая улицу. Затѣмъ голова на мгновеніе обернулась назадъ, показавъ коротко подстриженный затылокъ, и снова повернулась къ намъ, подавшись впередъ, обнаруживая плечи съ офицерскими прапорщичьими погонами.

«Выходите, прапорщикъ, — любезно предложилъ я, — «юнкера стрѣлять не будутъ», — предупредительно добавилъ я, видя, какъ глаза его косились то вправо, то влѣво на винтовки юнкеровъ.

— «Посмотрѣлъ бы я, какъ вы стали бы стрѣлять!» — задорно крикнулъ онъ. «Ступайте вы лучше по домамъ, пока не поздно, а то будетъ худо!» — продолжалъ онъ.

«Тише, прапорщикъ! Больше спокойствія. Вы же видите, что съ офицеромъ разговариваете! Нечего дурака ломать! И повѣрьте мнѣ, право, лучше будетъ и болѣе достойно для васъ, если вы добровольно впустите насъ на станцію. Подумайте хорошенько надъ тѣмъ, что вы дѣлаете и куда ведете людей!»

— «Что вы хотите?» — мѣняя тонъ, задалъ онъ вопросъ.

«Нести караульную службу на станціи».

— «Я ее несу»...

«Я не знаю, какъ и почему вы ее несете, но мнѣ приказано военнымъ комиссаромъ при Верховномъ командованіи арміей смѣнить вашъ караулъ».

— «Дайте пароль и приказаніе коменданта, — я не знаю, кто вы?» — прищурился прапорщикъ. Сзади него раздался смѣхъ. «Тише, товарищи, мѣшаете разговаривать!» — осторожно оборачиваясь, сказалъ онъ.

«Вы, очевидно, только сегодня нацѣпили на себя погоны!» — съязвилъ я.

— «Неправда, я ихъ получилъ на фронтѣ, а не въ тылу!» — презрительно окидывая взглядомъ надѣтое на мнѣ мирнаго образца пальто, съ серебряными погонами, съехидничалъ юный прапорщикъ.

«Жалѣю васъ, что теперь вамъ приходится ихъ пачкать измѣной присягѣ!»

— «Неправда, я не измѣняю присягѣ! Я иду за народомъ, а это вы продались прислужникамъ капитала, одѣвшимся въ соціалистическую тогу. Это вы губите народъ. Э, да что съ вами толковать! Убирайтесь по добру, по здорову, а то мы вамъ пропишемъ, гдѣ раки зимуютъ!» — возбужденно махая револьверомъ, снова закипятился прапорщикъ.

«Послушайте, — не вытерпѣвъ, прикрикнулъ я на него, — я разъ сказалъ уже, чтобы вы приличнѣе разговаривали... Что за хамская манера махать руками», — вынимая изъ кармана руку съ портсигаромъ и беря изъ него папиросу, продолжалъ я. Мое внѣшнее спокойствіе подѣйствовало на него, и онъ опустилъ револьверъ.

— «Вотъ что, — заявилъ онъ, — я даю вамъ пятнадцать минутъ на размышленіе. И если, черезъ 15 минутъ, вы со своими юнкерами не уйдете, то пеняйте на себя!» — закончилъ онъ и исчезъ за дверью.

Я закурилъ выпутую папиросу. «Что же, однако, дѣлать? Такъ стоять — это скучно. А любопытно, что дѣлается сейчасъ на Маріинской площади? Пулеметы молчатъ и лишь идетъ одиночная ружейная стрѣльба. Чортъ возьми! Навѣрное много убитыхъ. Эхъ Ленинъ!.. А еще идеалистъ. Идти къ осуществленію земного рая по трупамъ людей и лужамъ человѣческой крови! Ничего тогда твой рай не стоитъ! Шулеръ ты политическій, а не идеологъ!» — снова вернулось философское настроеніе ко мнѣ.

— «Ну, что у васъ?» — подходя ко мнѣ, задалъ вопросъ военный комиссаръ.

«Да вотъ, пробовалъ убѣждать караульнаго начальника согласиться на смѣну; но онъ, въ свою очередь, требуетъ, чтобы мы ушли и далъ четверть часа

на размышленіе. А что, новаго ничего не слышно?» — въ свою очередь заинтересовался я.

— «Не важно. Многія части держатъ нейтралитетъ. Нѣкоторыя же примкнули къ возставшимъ. Рабочіе Путиловскаго и Обуховскаго заводовъ идутъ въ городъ. Надо станцію скорѣе взять. Во что бы то ни стало ее надо занять, а то операціонный штабъ возставшихъ слишкомъ широко пользуется телефонной сѣтью, и наоборотъ — Правительственные органы лишились этой возможности. А стрѣльба затихаетъ», — замѣтилъ въ раздумьѣ военный комиссаръ.

Въ этотъ моментъ появился юнкеръ связи отъ прапорщика Одинцова и доложилъ, что на Невскомъ появились какіе-то патрули и что на Мойкѣ у мостовъ рабочіе начинаютъ строить баррикады.

Услышавъ докладъ, военный комиссаръ сразу оживился.

— «Продолжайте убѣждать сдаться, — а я пойду, узнаю, въ чемъ дѣло», — заторопился онъ.

«Слушаюсь. Разрѣшите потребовать на всякій случай изъ Зимняго Дворца подкрѣпленіе, по крайней мѣрѣ вторую полуроту. Пулеметы и пироксилинъ я уже вытребовалъ!» — доложилъ я.

— «Попробуйте. Не думаю, чтобы было что присылать. Смотрите же, первыми огня не открывать. Это можетъ все дѣло испортить. Потомъ, будутъ кричать, что мы первые открыли стрѣльбу и что мы идемъ по стопамъ старорежимныхъ городовыхъ: — стрѣляемъ въ народъ», — закончилъ военный комиссаръ и быстро зашагалъ къ Невскому.

«Это чортъ знаетъ, что за двойственность! Тамъ — стрѣльба, а здѣсь не смѣй, а то кто-то какія-то обвиненія предъявитъ. Да вѣдь, разъ мы введемъ порядокъ, то кто же откроетъ ротъ? Или какъ послѣ Іюльскихъ дней будетъ?!.. Комедіанты проклятые!.. Тамъ стрѣльба, а здѣсь жди, чтобы тебя сперва убили... Что за чортовщина, — ничего не понимаю! Ну, ладно, пришлютъ пироксилинъ, на собственный страхъ взорву всю станцію къ чорту!»... — злобствовалъ я и принялся писать новое донесеніе Начальнику Школы и капитану Галіевскому. Донесенія, на этотъ разъ, я написалъ въ двухъ экземплярахъ. «Чортъ его знаетъ, что творится», — заработало во мнѣ сомнѣніе: — «можетъ, и донесенія еще не должны попадать по адресу? — Пошлю двумя дорогами двухъ юнкеровъ: это будетъ надежнѣе». Сказано — сдѣлано!..

Черезъ минуту юнкера связи, получивъ категорическое приказаніе передать донесенія въ собственныя руки по назначенію, уже скрывались вдали: одинъ въ направленіи Невскаго, а другой въ обходъ, по Гороховой, черезъ Александровскій садъ.

Прошло еще нѣсколько минутъ, и изъ одного изъ оконъ станціи раздался голосъ прапорщика:

— «Слушайте, убирайтесь! А то намъ надоѣло ваше присутствіе. Смотрите, если черезъ три минуты вы не уйдете, то перестрѣляемъ васъ какъ собакъ!..»

«Ахъ вы, сволочь этакая!» — вскричалъ я, и выхвативъ револьверъ изъ кобуры, взмахнулъ его на взводъ.

Но прапорщикъ скрылся.

— «Чортъ его знаетъ, что такое», — нервничалъ я, шагая по тротуару. — «Чортъ, а хочется ѣсть!» — замѣчая валяющіеся на дорогѣ куски хлѣба, брошенные юнкерами, вспомнилъ я объ ѣдѣ. «Вѣдь я сегодня такъ ничего и не ѣлъ. Даже рюмки водки не успѣлъ выпить!.. А что сейчасъ въ Школѣ

творится? Шумаковъ пожалуй спитъ въ дежуркѣ, а нестроевые пьянствуютъ и жарятъ въ карты. Хорошенькій результатъ дала революціонная дисциплина!» — И размышленія поплыли одно за другимъ...

На улицѣ, черезъ наши цѣпи, хотя и рѣдко, но все же продолжала проходить публика. Видно было, что улица уже привыкла къ намъ: мы уже достаточное время болтались на ней.

Но вотъ, со стороны Невскаго показался броневикъ.

— «Броневикъ идетъ!..» — раздалось нѣсколько возгласовъ доклада съ мѣста.

«Вижу, — отвѣчалъ я. Это, навѣрное, нашъ. У Зимняго Дворца, когда мы уходили, я видѣлъ, какъ появились двѣ машины. Очевидно, одну изъ нихъ и посылаютъ намъ на поддержку!»

— «Никакъ нѣтъ; это броневикъ возставшихъ — это я хорошо знаю. Я видѣлъ сегодня брата изъ броневого дивизіона. И онъ говорилъ, что часть дивизіона объявила нейтралитетъ, а часть перешла на сторону возставшихъ», — сообщилъ непріятную новость одинъ изъ юнкеровъ.

Въ этотъ моментъ подбѣжалъ юнкеръ связи отъ взвода, отошедшаго къ углу Невскаго и Морской, и доложилъ о томъ, что приближающійся броневикъ пришелъ со стороны Невскаго и что военный комиссаръ требуетъ спокойствія.

«Вниманіе!» — крикнулъ я юнкерамъ, выслушавъ докладъ. «Если я выстрѣлю, открыть по немъ огонь. Безъ этого же моего сигнала, Боже сохрани, стрѣлять! Возможно еще, что это нашъ!»

Броневикъ приближался.

«Если откроетъ огонь сейчасъ, то подрѣжетъ колѣни. Значитъ, пускай юнкера стоятъ», — работала напряженная мысль. «Чего онъ едва тащится? Нѣтъ, это не нашъ! Нашъ былъ бы съ офицеромъ, а офицеръ не позволилъ бы продолжать напряженіе въ нашихъ рядахъ и далъ бы о себѣ знать. Да, да, ...нѣтъ сомнѣнія — это возставшіе. — Чортъ! Что онъ хочетъ? Неужели откроетъ огонь по верхней части туловища! Охъ, успѣю ли положить юнкеровъ? О, мука какая! Стрѣлять въ него нѣтъ смысла: — не прошибешь! Снять юнкеровъ и увести отъ безсмысленнаго разстрѣла», — мелькнуло раздумье.

«Что ты? Обалдѣлъ? Бѣжать будешь? Стыдись! Но какъ онъ медленно ползетъ! Сволочь, издѣвается! Ладно, издѣвайся, а я покурю, но остановись и выйди кто только изъ машины — застрѣлю», — затягиваясь папироской, давалъ я себѣ обѣщаніе.

Броневикъ приблизился. Глазки были открыты; оттуда велось наблюденіе.

«Ладно, смотри, не смотри, а съ мѣста не сойдемъ!» — съ трудомъ удерживаясь отъ желанія вести наблюденіе за дуломъ пулемета, твердо говорилъ я себѣ, попыхивая папиросой.

Но вотъ броневикъ поровнялся съ воротами телефонной станціи и остановился. Черезъ секунду изъ воротъ выскочилъ прапорщикъ и, подойдя къ машинѣ, о чемъ то переговорилъ въ боковой глазокъ съ находящимися внутри машины. Переговоры продолжались не долѣе минуты. Кончивъ говорить, прапорщикъ исчезъ, а машина, вздрогнувъ, снова тихо поползла впередъ... къ намъ.

«Пройдетъ мимо насъ, повернется — и тогда»... — начали было наслаиваться въ головѣ комбинаціи возможныхъ дѣйствій броне-машины, какъ ея новая остановка оборвала ихъ. — «Ну, начнется», — рѣшилъ я. — «Въ животъ или въ голову?» — выросъ вопросъ, и я взглянулъ на дуло пулемета. Оно было накрыто чехломъ.

«Сволочи!» — выругался я. — «Насмѣхаетесь вы, что ли?» и я было шагнулъ къ машинѣ съ желаніемъ выяснить, что же наконецъ они собою представляютъ, какъ скрипъ передовыхъ рычаговъ и начавшійся ходъ машины назадъ съ заворотомъ зада корпуса въ ворота станціи, — остановилъ меня.

Вотъ открылись ворота и машина медленно вошла подъ арку. «Почему они медлятъ?» «Хорошо медлятъ! — сейчасъ же отвѣтилъ я себѣ. Заняли уже станцію своимъ карауломъ. Прислали на помощь броневикъ и строятъ на улицахъ баррикады. Вотъ мы медлимъ. Мало того, — идіотовъ-ротозѣевъ изъ себя изображаемъ!» — негодовалъ я на пассивность дѣйствій военнаго комиссара и Зимняго, откуда все еще не присылали просимый пироксилинъ. «Скорѣе бы его получить, тогда машину подорву убличнымъ снарядомъ, приспособленнымъ, хотя бы къ штыку винтовки, которую и подсуну подъ броневикъ», — размечтался я, какъ ко мнѣ подошелъ портупей-юнкеръ Гаккель, бывшій студентъ Института Путей Сообщенія, и попросилъ разрѣшенія высказать свои соображенія.

«Пожалуйста, говорите, я слушаю васъ», — далъ я согласіе.

— «Разрѣшите доложить, что юнкера очень смущены нашей бездѣятельностью. Сколько времени мы стоимъ здѣсь и дождались того, что уже броневикъ прибылъ. Нѣкоторые опасаются, что здѣсь кроется провокація».

«Что за вздоръ! Вы же видите, что я связанъ повиновеніемъ военному комиссару. Онъ распоряжается здѣсь!» — съ негодованіемъ, горячо запротестовалъ я противъ усмотрѣнія въ моихъ дѣйствіяхъ чего-то нечистаго.

— «Ради Бога! Господинъ поручикъ, — ваше поведеніе, наоборотъ, только и поддерживаетъ настроеніе и повиновеніе вамъ», — торопливо отвѣтилъ портупей-юнкеръ. «Я къ вамъ потому и подошелъ, что знаю васъ. Вы же тоже знаете, что я былъ на фронтѣ и Георгіевскій кавалеръ, и что, конечно, поэтому мнѣ непонятна малодушная тактика какого-то комиссара, который сперва насъ поздравилъ съ почетнымъ назначеніемъ въ караулъ Маріинскаго Дворца, а затѣмъ, зная объ отсутствіи патроновъ и неопытности нашихъ юнкеровъ, держитъ насъ уже столько времени передъ станціей. Если онъ не рѣшался занять ее раньше, то какъ же онъ займетъ ее теперь, когда тамъ броневикъ? Нѣтъ, здѣсь, если не зло скрывается, то глупость, господинъ поручикъ», — серьезно и резонно докладывалъ портупей-юнкеръ.

«Чортъ васъ возьми!» — неслось у меня въ головѣ, — «что вы мои мысли читали, что ли?» . . .

«Но что же дѣлать, дорогой; — надо ждать», — дружественно заговорилъ я. — «Я послалъ четыре донесенія съ просьбой о высылкѣ пироксилина и подкрѣпленія, которое думаю послать на Мойку для снятія баррикадъ. И я думаю, что скоро мы получимъ и то, и другое, а тогда я буду дѣйствовать на свой страхъ и рискъ».

— «Вотъ, это прекрасно, господинъ поручикъ; простите, что безпокоилъ васъ», — довольно отвѣтилъ портупей-юнкеръ.

Въ этотъ моментъ вдругъ Морская заголосила на всевозможные лады. «Что такое?» — повернулся я въ сторону визга и истерическаго крика. «Женщины? Откуда онѣ взялись? Ахъ, съ телефонной станціи!»

— «Это телефонныя барышни. Очевидно ихъ выпроводили въ намѣреніи открыть уже боевыя дѣйствія», — высказалъ свое соображеніе портупей-юнкеръ Гаккель.

Между тѣмъ вой, истерическій вой, вырывавшихся изъ воротъ станціи, потока барышенъ все усиливался. А почти пустынная Морская сразу запестрѣла различнѣйшими бѣгущими, прыгающими нарядами и шляпками.

Юнкера, наблюдая картинку печальнаго бѣгства, искренне захлебывались отъ смѣха, на который болѣе пожилыя барышни отвѣчали, кто усовѣщаніемъ, а кто карканьемъ бѣды.

— «Нашли надъ чѣмъ смѣяться!» — кричали одинѣ, — «вы бы посмотрѣли, какъ съ нами обращались! Это не люди!»...

«Уходите вы поскорѣе отсюда. Васъ губятъ нарочно. Весь городъ въ рукахъ Ленина. Всѣ части перешли на его сторону. А вамъ здѣсь готовятъ западню».

— «Господинъ офицеръ, — принялась тормошить меня одна длинная и сухая, какъ палка, барышня: — Вся станція полна ими. Они черезъ какой-то ходъ съ Мойки, что ли, набираются. А что они дѣлаютъ съ проводами! Многія войсковыя части не знаютъ, въ чьихъ рукахъ телефонная станція, а намъ запрещено говорить... за каждой по солдату стоитъ. Военная часть проситъ телефонъ Главнаго Штаба, или коменданта, или Зимняго Дворца, а они какой-то свой даютъ. Поэтому многія части не знаютъ правды. Я сама слышала, какъ они смѣялись, что одно военное училище убѣдили въ томъ, что Ленинъ и его компанія уже арестованы и что юнкеровъ можно отпустить въ городской отпускъ. Одна барышня передала знакомымъ, что у насъ большевики, такъ ее чуть не убили!.. Уходите отсюда и юнкеровъ спасайте, — все равно ничего не сдѣлаете. Продали Россію!»... — рыдая, кончила барышня и побѣжала дальше.

Я стоялъ, какъ истуканъ.

— «Господинъ поручикъ, — подбѣжалъ ко мнѣ портупей-юнкеръ Гаккель, — съ вами хочетъ говорить одинъ французъ!»

«Въ чемъ дѣло? Кто хочетъ говорить? Какой французъ? Давайте его сюда!» — отвѣтилъ я.

«Господинъ лейтенантъ, — подходя ко мнѣ и приподымая котелокъ, заговорилъ элегантный штатскій на французскомъ языкѣ, — господинъ лейтенантъ, я секретарь второго атташе французскаго посольства», — отрекомендовался онъ. — «Я сейчасъ иду съ Садовой по Гороховой. На Гороховой и на Мойкѣ, у Государственнаго Банка, много рабочихъ, и они сейчасъ идутъ на баррикады, которыя ихъ товарищи начали строить передъ мостомъ черезъ Мойку на Гороховой. Рядомъ лежатъ и пулеметы. А когда я вышелъ на уголъ Морской и увидѣлъ юнкеровъ и спросилъ, что они дѣлаютъ, то я понялъ, что вамъ съ тыла грозитъ опасность. Я только хотѣлъ изъ чувства любви къ вашему прекрасному, но больному сейчасъ народу предупредить васъ объ этомъ. Будьте осторожнѣе, и дай вамъ Богъ всякаго благополучія!» — пожимая мои руки, протянувшіяся къ нему съ благодарностью, кончилъ онъ свою медленную, видя, что я съ трудомъ вникаю въ смыслъ, рѣчь.

— «Можно мнѣ пройти здѣсь? Мнѣ надо на Невскій», — спросилъ онъ, указывая рукою вдоль Морской.

Я предупредилъ его, что это теперь небезопасно, такъ какъ потокъ барышенъ кончился и надъ Морской висѣло унылые пустоты.

«О, ничего! Я не боюсь. Я очень спѣшу и у меня нѣтъ времени обходить!»

«Въ такомъ случаѣ, пожалуйста, разрѣшите просить васъ, все, разсказанное вами мнѣ, передать офицеру, находящемуся на углу Невскаго. И скажите, пожалуйста, ему, чтобы онъ доложилъ объ этомъ въ Зимній Дворецъ и военному комиссару. Спасибо еще разъ», — поблагодарилъ я его.

— «О, пожалуйста! Счастливъ быть полезнымъ. Я ваше порученіе выполню, господинъ лейтенантъ. Можете быть спокойнымъ. До свиданья! Всякаго успѣха!» — и приподнявъ котелокъ, онъ быстро засѣменилъ по Морской къ Невскому. Пройдя послѣдняго юнкера, онъ опустилъ котелокъ на голову, а затѣмъ и скрылся.

«Что дѣлать? Что дѣлать?» — стучало въ вискахъ. Мысли путались и голова горѣла. «Пропали! Бѣдные вы», — сквозь слезы смотря на юнкеровъ, думалъ я. «Увести васъ я не могу. Дѣлать что-нибудь тоже не могу, потому что не знаю, что мнѣ съ вами дѣлать, такими жалкими и безполезными. Бѣдныя ваши жены, дѣти и матери!» — и я, если бы снова не подбѣжалъ портупей-юнкеръ Гаккель, навѣрное разрыдался бы; такъ была сильна спазма, сжавшая горло . . .

«Господинъ поручикъ, съ Маріинской площади идетъ грузовикъ съ рабочими. Разрѣшите его задержать. Я сниму шофера, сяду за руль и подведу его къ воротамъ станціи. Загорожу дорогу броневику!» — восторженно сіяя отъ пришедшей идеи, выпалилъ портупей-юнкеръ.

«Прекрасно! Спасибо! Скорѣе!» — «Стой, стрѣлять буду!» — на перерѣзъ грузовику бросился я и портупей-юнкеръ. Юнкера тоже взяли винтовки на изготовку. Грузовикъ остановился. «Слѣзай! Живо!» — началъ дальше распоряжаться портупей-юнкеръ, а я снова вернулся на свое мѣсто, чтобы наблюдать за воротами станціи.

Рабочіе слѣзли безъ сопротивленія. Шоферъ же началъ ругаться, но портупей-юнкеръ ударомъ приклада въ плечо лучше словъ убѣдилъ въ безнадежности его положенія, и онъ съ извиненіями сталъ слазить со своей машины.

Менѣе, чѣмъ черезъ минуту, машина проплыла мимо меня подъ тихое и внѣшне спокойное привѣтствіе юнкеровъ. Еще нѣсколько секундъ, и огромный грузовикъ, выѣхавъ правыми колесами своей телѣжки на тротуаръ, почти вплотную къ стѣнамъ домовъ, закрылъ собою входъ въ ворота и остановился. Остановивъ машину, портупей-юнкеръ Гаккель спокойно сошелъ съ нея и что-то покрутивъ въ коробкѣ скоростей, со скромностью, достойной скорѣе институтки, чѣмъ боевого солдата, направился ко мнѣ:

— «Господинъ поручикъ! Ваше приказаніе исполнено!» — мягко и легко останавливаясь передо мною, бодро и весело доложилъ портупей-юнкеръ Гаккель.

«Сердечное спасибо, славный и чуткій другъ!» — растроганно поблагодарилъ я его.

— «Радъ стараться, господинъ поручикъ! Господинъ поручикъ, разрѣшите и эту машину туда же», — снова попросилъ портупей-юнкеръ.

«Гдѣ? Какую?» — озадаченно спросилъ я.

— «А вотъ вторая идетъ. Черти, флагъ краснаго креста нацѣпили, а сами навѣрное оружіе перевозятъ».

«А чортъ съ нимъ, съ флагомъ. Арестуйте и эту машину и туда же!» — въ восторгѣ отъ набѣжавшей мысли, что начинаетъ везти, отдалъ я приказъ.

Такъ же чисто и быстро была поставлена рядомъ съ первой, но перпендикулярно къ ней, и вторая машина.

Эта комбинація съ машинами дала мнѣ возможность произвести нѣкоторую необходимую перегруппировку моихъ малочисленныхъ силъ.

А когда я кончалъ производить ее, ко мнѣ явился юнкеръ связи изъ Зимняго Дворца съ сообщеніемъ отъ капитана Галіевскаго. Сообщеніе было радостное, и я имъ подѣлился съ юнкерами.

Капитанъ Галіевскій выслалъ намъ подкрѣпленіе, которое, по полученіи пулемета и пироксилина, уже скоро явится сюда. «Теперь и взорвать станцію будетъ много легче», — показывая на машины, говорилъ я юнкерамъ.

«Затѣмъ во Дворцѣ получены свѣдѣнія, что въ городъ вошли казачьи части генерала Краснова. Первые эшелоны уже заняли кромѣ Царскосельскаго вокзала еще и Николаевскій вокзалъ», — докладывалъ юнкеръ связи, мой любимецъ, юнкеръ 2-ой роты И. Гольдманъ. «А сейчасъ, когда я проходилъ черезъ Невскій на улицу Гоголя, — я слышалъ стрѣльбу по направленію Казанскаго Собора, — очевидно, это съ Николаевскаго вокзала ведутъ наступленіе казаки», — съ довольнымъ видомъ докладывалъ свои соображенія юнкеръ, въ отвѣтъ на мою справку, что за стрѣльба доносится со стороны Невскаго. «Ага, теперь понятно, почему такъ долго не показывается милѣйшій прапорщикъ. Ну, ну, посмотримъ, что будетъ!» — работала мысль.

«А что не видали вы военнаго комиссара, поручика Станкевича?»

— «Никакъ нѣтъ, господинъ поручикъ!»

«А какъ же вы прошли? Вѣдь онъ долженъ быть на углу Морской и Невскаго!»

— «По маршруту, данному капитаномъ Галіевскимъ: Александровскій садъ, улицѣ Гоголя и Кирпичному переулку», — отвѣчалъ юнкеръ связи, на мгновеніе озадачивая меня сообразительностью хитраго капитана. «Такъ, такъ, капитанъ что-то чуетъ, что даетъ кружный путь. Эхъ ты, Господи, что-то будетъ дальше?»

«А что Начальника Школы не видали?» — снова поинтересовался я.

— «Никакъ нѣтъ. Его страшно рвутъ. То зовутъ на засѣданіе Правительства, то въ Главный Штабъ».

— «Броневикъ идетъ со стороны Маріинской Площади!» — раздался докладъ съ мѣста.

«Новое дѣло!» — ударила по мозгамъ мысль и снова стало тепло подъ лѣвымъ соскомъ.

«Вниманіе! Приготовься!» — крикнулъ я юнкерамъ.

На этотъ разъ машина шла быстро. Въ глазки двойной башенки смотрѣли дула пулеметовъ. Пройдя мимо насъ, машина замедлила ходъ. Дула пулеметовъ задвигались.

«Ну, теперь каюкъ», — струсилъ было я, но машина, продолжая двигаться, молчала. Доползя до нашихъ загражденій, машина остановилась.

Вслѣдъ за тѣмъ со стороны Невскаго подошла вторая машина. Изъ этой послѣдней машины выскочило трое человѣкъ, и обойдя наши загражденія, подошли къ первой. Переговорили. Двое направились въ ворота станціи. Дверь въ воротахъ открылась и эти двое вошли въ нее.

«Что же теперь будетъ? Пока казаки генерала Краснова дойдутъ, отъ насъ ничегошеньки не останется. А чортъ, что будетъ, то будетъ!» — тупо работала уставшая мысль. Болѣла голова, ныли ноги. Хотѣлось сѣсть. Закрыть глаза и такъ сидѣть. И подавшись чувству безконечной усталости, я уперся плечомъ въ стѣнку, лѣниво смотря на броневики и на ворота станціи.

Снова вышли изъ воротъ тѣ же люди.

— «Гей, юнкера, отпустите шоферовъ, да живо!» — крикнулъ одинъ изъ нихъ. Шоферы, никѣмъ не охраняемые, такъ какъ я и не думалъ ихъ арестовывать, а только отобрать у нихъ машины, болтались тутъ же. И теперь, когда услышали зовъ, со всѣхъ ногъ бросились къ своимъ машинамъ.

Побитый шоферъ попытался было начать какіе-то разговорчики съ однимъ изъ распоряжавшихся, но моментально отказался отъ пришедшаго намѣренія. Причина, которая его побудила къ этому, — былъ увѣсистый кулакъ, поднесенный къ его подбородку.

— «Живо поворачивайся, скотина. Тебя ждутъ тамъ, а ты прохлаждаешься, сволочь! Ну, ну, живо!» — и шоферъ бомбой отпрыгнулъ къ своей машинѣ.

Черезъ минуту грузовики исчезали въ направленіи Невскаго. Броневики продолжали стоять. На насъ не обращали вниманія.

«Что такое? — недоумѣвалъ я. Они ждутъ, очевидно, приказаній. Но почему не трогаютъ насъ? Да я бы, за продѣлку съ грузовиками, давно уже расправился бы, да такъ, что никто ноги не унесъ бы», — злился я за пренебреженіе къ намъ. «Нѣтъ, они намъ что-то готовятъ, но что? А не все равно тебѣ, что? Они въ данномъ случаѣ господа положенія. А ты свою роль окончилъ. Какъ глупо началъ, такъ глупо кончилъ. Ну, затянулъ Лазаря! Подожди, авось что-нибудь измѣнится». И въ этотъ же моментъ первый броневикъ началъ идти къ Невскому.

А вслѣдъ за его уходомъ на тротуарѣ показалась штатская фигура военнаго комиссара.

«Что такое? Ты мило гуляешь? Или я съ ума сошелъ! Ничего не понимаю! Что за чушь творится!» — гудѣло въ головѣ.

— «Соберите юнкеровъ и постройте ихъ, да быстрѣе. Я согласился прекратить осаду. За что получилъ свободный проходъ для юнкеровъ?» — проговорилъ, подойдя ко мнѣ, не смотря на меня, комиссаръ.

Я не отвѣтилъ ни одного слова.

Черезъ 2—3 минуты мой оставшійся взводъ уже ровнялся, строясь на Гороховой улицѣ. Съ баррикадъ на мосту черезъ Мойку на насъ смотрѣли пулеметы.

«Смирно. На право. На плечо!» — ровно командовалъ я, какъ будто это обычное занятіе на дворѣ школы.

«А второй взводъ тоже уже ушелъ?» — задалъ я вопросъ.

— «Не знаю, но я думаю, они сами догадаются это сдѣлать, увидя, что мы ушли», — отвѣтилъ нашъ злой геній.

«Шагомъ маршъ!» — скомандовалъ я. Взводъ пришелъ въ движеніе.

— «Если бы юнкера не были бабами, все дѣло пошло бы иначе», — вдругъ бросилъ злое, глубоко несправедливое, недостойное обвиненіе достойный другъ главноуговаривающаго.

Чтобы не отяготить своей души, я вмѣсто отвѣта сталъ подсчитывать ногу.

Пересѣкая улицу Гоголя, я чуть было не вздрогнулъ: поперекъ улицы стояла команда матросовъ съ винтовками на изготовку.

«Разъ, два!.. Ногу тверже!..» — съ упорствомъ крикнулъ я слова команды, маршируя дальше, чутко вслушиваясь въ воздухъ, въ стремленіи услышать щелканье затворовъ.

Но въ возухдѣ стояло мѣрное отсчитываніе шага моего взвода.

«Лѣвое плечо впередъ!» — выходя къ Александровскому скверу, подалъ я команду, съ облегченіемъ уводя взводъ отъ тяжело-пудной атмосферы Гороховой, принесшей столько разочарованія, стыда и боли.

Поровнявшись съ Невскимъ, я, все же боясь, что 2-ой взводъ можетъ быть продолжаетъ стоять на Невскомъ, отправилъ къ прапорщику Одинцову юнкера связи съ приказаніемъ идти въ Зимній Дворецъ.

Еще нѣсколько минутъ, и мы вышли на площадь. Разнообразныя чувства волновали душу, когда мы направлялись къ Зимнему Дворцу, гдѣ мерещились упреки, насмѣшки, и чувство горечи къ виновнику нашихъ напрасныхъ переживаній и неудачи сразу выросло въ дикую ненависть и презрѣніе. — «Вотъ и памятникъ, уходящій въ густоту нависшихъ сумерокъ спустившагося на городъ вечера, а нѣсколько дальше къ Милліонной стоять какихъ-то два броневика.

Увидя насъ, броневики вздрогнули и мѣрно поплыли къ намъ. «Наши — не наши? Э, разницы нѣтъ. Обнюхаете насъ и вернетесь на свои мѣста. Сегодня игра въ кошки съ мышками: — вѣдь здѣсь военный комиссаръ!» — проиронизировала мысль серьезно сосредоточенный осмотръ машинами насъ. Однако, юнкера, задѣтые за живое тактикой поведенія машинъ, обратились съ вопросами, что они дѣлаютъ, на чьей сторонѣ. Отвѣтъ былъ самый неожиданный: «Мы держимъ нейтралитетъ. Но выѣхали въ городъ съ цѣлью препятствія боевымъ стычкамъ между обѣими сторонами. Войска драться между собою не должны. Пускай Правительство и штабъ Ленина идутъ на соглашательство, или дерутся между собою. Таково наше, бронедивизіона, рѣшеніе. И вы можете себѣ идти во Дворецъ, но если будете нападать первыми, то мы будемъ противъ васъ».

Но вотъ, мы подошли и къ Дворцу.

Я остановилъ юнкеровъ и послалъ связь къ капитану Галіевскому съ докладомъ о нашемъ прибытіи, поручивъ также узнать, явился ли уже прапорщикъ Одинцовъ-младшій со своимъ взводомъ — на площади его не было, а по времени онъ долженъ былъ бы тоже подойти. Вообще на площади было тускло и пусто, какъ и въ моментъ нашего прихода. Также продолжали нелѣпо-разбросанно лежать дрова передъ Дворцомъ, наводя мысль на воспоминанія о баррикадахъ. «Но почему не видно приготовленій къ устройству наружной обороны? Вотъ, изъ этихъ брусьевъ можно сдѣлать отличныя баррикады. Великолѣпно можно использовать слѣва рѣшетку сада. Затѣмъ, всѣ окна первыхъ этажей. Кромѣ Дворца безусловно занять и привести къ оборонительному состоянію Главный Штабъ, Министерство Финансовъ и Иностранныхъ Дѣлъ, прорывъ подъ Аркой къ Невскому глубокую канаву и заложить мину, если не взводный окопъ устроить. Затѣмъ надо использовать и зданіе Главнаго Управленія Генеральнаго и Главнаго Штабовъ. Гдѣ же офицерство этихъ всѣхъ учрежденій? Или оно уже на выполненіи какой либо задачи? А дадутъ ли намъ еще какую-нибудь задачу или теперь мы останемся за флагомъ? Конечно, военный комиссаръ будетъ дѣлать докладъ Правительству, и совершенно ясно, что докладъ будетъ неблагопріятенъ для юнкеровъ и вреденъ для освѣщенія обстановки момента», — мучительно рвали голову печальные выводы о знакомствѣ съ дѣятельностью и способностями представителя Правительства при верховномъ командованіи.

«Господинъ поручикъ!» — раздалось обращеніе, заставившее вернуться къ ощущенію мелкой дѣйствительности, окружавшей насъ. «Господинъ поручикъ! Капитанъ Галіевскій приказалъ ввести юнкеровъ во дворъ и присоединиться къ баталіону, а затѣмъ вамъ явиться къ нему, а гдѣ онъ находится, — я васъ провожу. Прапорщика Одинцова съ юнкерами во Дворцѣ нѣтъ. Ихъ, по докладу убѣжавшихъ юнкеровъ и нѣкоторыхъ офицеровъ Штаба, очевидцевъ, окружили солдаты Павловскаго полка, рабочіе и броневики, и взяли въ плѣнъ. При чемъ страшно издѣвались и били юнкеровъ. Куда ихъ увели — неизвѣстно»... — возбужденный печальной новостью о судьбѣ товарищей, торопливо доложилъ вернувшійся юнкеръ связи. Вздохъ горести и краткія восклицанія, вырвавшіяся у юнкеровъ, разрядили было нависшую атмосферу молчанія, въ которой мы ожидали возвращенія изъ дворца связи.

Гулъ голосовъ рокотомъ переливался подъ аркой, посреди которой стоялъ броневикъ.

— «Это уже нашъ!» — оживленно прокоментировали юнкера. «Да, здѣсь все уже наше», — тускло мелькнула мысль. А гдѣ-то въ глубинѣ застоналъ червячокъ тоски: «Здѣсь и преступленіе наше, здѣсь и его искупленіе». Простоналъ и исчезъ. Духъ бодрой рѣшимости захватилъ меня при выходѣ изъ-подъ арки во дворъ, гдѣ, между высокими рядами сложенныхъ въ кубы дровъ, стояли козлы винтовокъ, съ разгуливающими передъ ними часовыми, а слѣва и справа торчали холодныя черныя дула трехдюймовыхъ скорострѣлокъ. Весь дворъ говорилъ. И въ этотъ говоръ вносилось рѣзкимъ диссонансомъ ржаніе лошадей. Налѣво отъ входа до дворъ, передъ длиннымъ рядомъ дровъ, оказалось мѣсто, отведенное для нашего баталіона, куда я и подошелъ съ юнкерами.

Наши юнкера, въ большинствѣ, находились тутъ же: кто сидѣлъ на дровахъ, а кто прямо на цементной мостовой двора. Изъ офицеровъ никого не было видно. Когда я, поблагодаривъ своихъ юнкеровъ за ихъ прекрасную службу, разрѣшилъ имъ разойтись изъ строя, мнѣ сейчасъ же было сообщено окружившими насъ юнкерами, что они не надѣялись уже видѣть насъ. Это было трогательно, и я не замедлилъ использовать этотъ моментъ для подлитія масла въ огонь настроенія борьбы и борьбы активной. «Не имѣемъ права мы заниматься разговорчиками съ тѣми, кто билъ, а сейчасъ, можетъ быть, умерщвляетъ нашихъ товарищей, только за то, что тѣ, будучи такими же дѣтьми Русскаго Народа, какъ и рабочіе и крестьяне, отличаются отъ нихъ существенно знаніями, расширяющими кругозоръ міросозерцанія, а потому во имя свѣтлой истины великой правды берутся за оружіе, но берутся не какъ за цѣль, а какъ за средство отрезвленія загипнотизированныхъ ложью слова дикихъ слугъ безумнаго фанатизма нелѣпаго ученія, ведущаго въ ярмо кошмарнаго рабства».

«Вы извините, что я, заболтавшись съ вами, оторвалъ васъ отъ вашего отдыха!» — поставилъ я точку надъ своею бесѣдою съ юнкерами, которые, къ моему большому, внутреннему удовлетворенію, слушали меня съ большимъ вниманіемъ.

«А гдѣ господа офицеры?» — спохватился я, видя, что бесѣда можетъ затянуться, а между тѣмъ, надо идти съ докладомъ къ капитану Галіевскому, о чемъ мнѣ напоминала стоящая тутъ же фигура юнкера связи.

— «Господа офицеры съ нѣкоторыми изъ нашихъ юнкеровъ въ Бѣломъ Залѣ на митингѣ».

«Митингъ? На какомъ такомъ митингѣ?» — какъ ужаленный подсочилъ я съ бревна, на которомъ съ наслажденіемъ сидѣлъ послѣ нѣсколькихъ часовъ стоянія на погахъ.

— «Такъ точно. Самый настоящій митингъ. Во Дворецъ явились, для защиты Временнаго Правительства, школы прапорщиковъ изъ Ораніенбаума, Петергофа, взводъ отъ Константиновскаго Артиллерійскаго, наша школа, и ожидается прибытіе казаковъ. Сперва все шло хорошо. Но бездѣятельность и проникшіе агитаторы, а въ то же время растущіе успѣхи возставшихъ, вызвали броженіе среди Ораніенбаумцевъ и Петергофцевъ. Ихъ комитеты устроили совѣщаніе и потребовали къ себѣ представителя отъ Временнаго Правительства изъ его состава для дачи разъясненій о цѣли ихъ вызова и обстановки момента. А когда разъясненія были выданы Пальчинскимъ, то они объявили, за недостаточностью таковыхъ, общее собраніе для всего гарнизона Зимняго Дворца. И вотъ, уже съ часъ митингуютъ въ Бѣломъ Залѣ, куда вышли всѣ члены Временнаго Правительства во главѣ съ Коноваловымъ. Тамъ такая картина стыда, — горячо докладывалъ портупей-юнкеръ Маціевскій, — что я, сперва заинтересовавшійся причиной собранія, убѣжалъ оттуда. Другъ друга не слушаютъ, кричатъ, свистятъ. Не юнкера, не завтрашніе офицеры, а стадо глупаго баранья. Вы вотъ увидите, господинъ поручикъ, что за физіономіи этихъ юнкеровъ: тупыя, крупныя и грубыя. Уже по виду на нихъ, вы догадаетесь, что все это отъ сохи, полуграмотное, невѣжественное звѣрье... Быдло!..» — съ дрожью въ голосѣ, едва сдерживалъ набѣжавшее желаніе разрыдаться отъ гнета впечатлѣнія дикости картины, еще продолжавшей мучить этого стройнаго, хрупкаго, нѣжнаго юношу.

«Говоритъ Коноваловъ — предсѣдатель Совѣта Министровъ Временнаго Правительства, какое бы то тамъ ни было Правительство, но оно Правительство твоего народа. И что же? Онъ говоритъ, а его перебиваютъ. Коноваловъ такъ и бросилъ. Затѣмъ Масловъ выступилъ, вѣдь старый революціонеръ; Терещенко принимался — вотъ этотъ красиво, хорошо говорилъ, а результатъ тотъ же. Ни къ кому никакого уваженія. Тутъ же и курятъ, и хлѣбъ жуютъ, и сѣмечки щелкаютъ». — Я слушалъ съ закрытыми глазами; меня шатало, тошнило; мысли путались... Наконецъ, забравъ себя въ руки, я справился о Керенскомъ.

— «Господь его вѣдаетъ! Сперва скрывали отъ юнкеровъ даже пребываніе Временнаго Правительства. Говорили, что оно засѣдаетъ въ Главномъ Штабѣ. Потомъ объявили, что находится здѣсь. И что принято рѣшеніе вести оборону Зимняго Дворца, такъ какъ возставшіе предполагаютъ его занять, какъ уже заняли весь городъ. О послѣднемъ, конечно, не говорятъ, а наоборотъ усиленно лгутъ, что идутъ войска, что авангардъ Сѣверной Арміи въ лицѣ казачьихъ частей корпуса генерала Краснова вошелъ въ городъ. Сперва объявили, что занятъ Царскосельскій вокзалъ и Николаевскій, что дало возможность прибыть эшелонамъ изъ Бологое и ст. Дно. Затѣмъ, это было въ три часа дня, что казаки двинулись по Невскому и что только задержались у Казанскаго Собора. Пока вы, господинъ поручикъ, были у телефонной станціи, мы еще вѣрили въ правдивость этихъ сообщеній. Но когда посѣдшая къ вамъ на подкрѣпленіе полурота, увидѣвъ, что на углу Невскаго и Морской происходитъ какая-то стычка, подъ охраной броневиковъ, вернулась назадъ, намъ стало ясно, что происходившая стрѣльба говоритъ о торжествѣ возставшихъ и что здѣсь по инерціи продолжаютъ лганьё. А васъ мы было уже похоро-

нили. И слава Богу, что вамъ удалось вернуться!» — тихо, утомившись отъ возбужденія, закончилъ свое тяжелое описаніе портупей-юнкеръ.

Наступило молчаніе. Сгустившаяся темнота не позволяла видѣть выраженія лицъ. И только звуки пощелкиванія гдѣ-то выстрѣловъ, осѣдавшихъ во дворъ, напоминали о необходимости дѣйствія, но тяжесть впечатлѣнія о взаимоотношеніяхъ членовъ Временнаго Правительства и юнкеровъ, ихъ защитниковъ, — обволакивало туманомъ сѣрыхъ вопросовъ душу, сердце и нервы.

«Ну, а пока друзья, я пойду къ капитану Галіевскому. Поручикъ Скородинскій», — позвалъ я поручика, вышедшаго подъ освѣщенную арку, справа изъ Дворца. — «Кто меня зоветъ?» — оборачиваясь, задалъ вопросъ къ намъ въ темноту длинный, изящный поручикъ. — «Это я, Александръ Синегубъ!»

— «А, здравствуйте, поздравляю съ благополучнымъ возвращеніемъ», — привѣтствовалъ онъ меня, какъ только я вошелъ въ полосу свѣта.

«Чего ужъ благополучнѣе, когда взводъ юнкеровъ потерялъ. Зря время потеряли и людей! — повторилъ я. — Чортъ знаетъ, голова кругомъ идетъ; вотъ что, поручикъ, останьтесь пожалуйста около юнкеровъ — мнѣ надо явиться къ капитану Галіевскому. Чортъ знаетъ, вѣдь мы не въ школѣ. Никого изъ офицеровъ нѣтъ около нихъ. Мало ли какая сволочь начнетъ имъ засорятъ мозги», — попросилъ я поручика. — «Да, да, Александръ Петровичъ, мнѣ это самому въ голову пришло, я и ушелъ съ митинга». «Что онъ все еще продолжается?! Безобразіе, неужели никто его не догадается разогнать? Ну и Правительство! — говорилъ я. — Удивительно слабое, хотя это понятно». — «Но въ концѣ концовъ все же договорились, и юнкера обѣщали остаться, если будетъ проявлена активность и если информація событій будетъ отвѣчать дѣйствительности. Правительство обѣщало, и юнкера теперь расходятся», — сообщалъ поручикъ.

«А гдѣ Начальникъ Школы?»

— «Его рвутъ. Сейчасъ онъ въ Главномъ Штабѣ. Его Правительство назначило комендантомъ обороны Зимняго Дворца, и ему подчинены всѣ, находящіяся въ Зимнемъ Дворцѣ силы».

«Да, что вы говорите?! Слава Богу! Теперь я опять начинаю вѣрить, что мы не погубимъ зря нашихъ юнкеровъ и что что-нибудь да вытащуется у насъ. Ну, я бѣгу къ Галіевскому. Гдѣ капитанъ?»

— «Въ комендантской комнатѣ, первая лѣстница наверхъ, во второмъ этажѣ, сейчасъ же рядомъ съ выходомъ», — отвѣтилъ поручикъ, направляясь въ темень двора.

«Броневикъ есть, а около него ни души», — почему-то вспомнилъ броневикъ, когда сталъ подниматься по ступенькамъ въ темный входъ. Юнкеръ связи, нащупавъ ручку двери, открылъ ее. Передъ глазами оказался длинный, сравнительно узкій корридоръ перваго этажа.

Въ корридорѣ пахло тѣмъ запахомъ, который такъ присущъ стѣнамъ казармъ. «Здѣсь караулъ помѣщался до революціи», — сообщилъ юнкеръ связи, очевидно замѣтивъ, что я повелъ носомъ.

«А теперь гдѣ?» — улыбнувшись наблюдательности юнкера, справился я.

— «Въ Портретной галлереѣ. Но часть и здѣсь. Здѣсь, отъ наружныхъ воротъ. А здѣсь налѣво — патроны выдаютъ», — указалъ онъ первую дверь лѣвой стороны.

«Постойте. А намъ уже выдали?»

— «Никакъ нѣтъ. Патроновъ не хватило! Но теперь новые доставлены, и ихъ будутъ выдавать».

Но вотъ и капитанъ Галіевскій. Я подошелъ съ докладомъ.

— «Александръ Петровичъ! очень радъ, милый, васъ видѣть. Хорошо еще, что хоть такъ кончилось. Съ этими представителями власти у меня уже опухла голова. Но, въ добрый часъ теперь назначенъ комендантъ обороны Зимняго. Вы уже знаете это? Да? Я очень успокоился душою, когда узналъ, что назначили Апаньева. Лишь бы не оказалось поздпимъ это единственно разумное до сихъ поръ мѣропріятіе со стороны Правительства и Главнаго Штаба. Сколько и чего только, дружокъ, я вамъ не перескажу потомъ, вы диву дадитесь. Однимъ словомъ, я пришелъ къ заключенію, что Керенскому надо было передать власть Ленину. Но какъ это сдѣлать? Подождите, вы сами въ этомъ убѣдитесь! А вѣдь самъ исчезъ, оставивъ несчастныхъ дураковъ-сотоварищей расхлебывать кашу, которой, пожалуй, подавятся, а никакъ не расхлебаютъ. Правительство — это какіе-то особенные люди. Въ частности, многіе на меня произвели сильное впечатлѣніе. Я убѣжденъ, что ихъ здѣсь обрабатываютъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Около нихъ все время вертятся какія-то темныя личности, да кое-кто и въ средѣ ихъ далеко отъ этихъ не ушелъ. Но все же оно дитя передъ улизнувшимъ главноуговаривающимъ. Еще вчера, мороча людей въ Совѣтѣ Республики, въ этомъ сборищѣ козлищъ, клялся умереть на своемъ посту, а сегодня, переодѣвшись, какъ разсказываютъ наши, сестрою милосердія, удралъ изъ города. Учуялъ, что его пѣсня все равно къ концу идетъ. Такъ хоть бы чести хватило слово сдержать, другихъ не подвести, такъ нѣтъ, онъ и товарищей предалъ. А тѣ и сейчасъ все еще вѣрятъ въ него, а можетъ быть... Знаютъ, да считаютъ за лучшее, молчать. Ну да я рѣшилъ ихъ по совѣсти защищать. Александръ Георгіевичъ тоже того же мнѣнія. У насъ рѣшенія не мѣняются, не правда-ли. А если дать восторжествовать Ленину безъ сопротивленія, то народъ никогда не разберется, гдѣ черное и гдѣ бѣлое, кто его другъ и кто ему готовитъ ярмо безпросвѣтнаго рабства. И вотъ для этого мы должны погибнуть здѣсь. И теперь я уже вижу, что это неизбѣжно, что нашимъ прежнимъ расчетамъ не осуществиться. Что же дѣлать; не мы — такъ другіе, но начать мы должны. Да, тяжелая расплата за нашъ невольный грѣхъ. Это тяжело говорить. Лучше идемте, посмотримъ, не пришелъ ли Александръ Георгіевичъ», вставая съ диванчика комендантской комнаты, закончилъ Галіевскій.

«Да, да, дорогой капитанъ, именно все такъ, какъ Вы говорите. Вотъ если останемся живы, я разскажу вамъ о своихъ наблюденіяхъ и выводахъ. А если бы Бурцеву объ этомъ разсказать. Старикъ сталъ бы волосы рвать за свое проклятое дѣло благословенія революціи. И хотя онъ начинаетъ опоминаться послѣднее время, но это еще далеко отъ искренности: до нутра у него еще не дошло сознанія. Ну, да провались они всѣ въ болото. А вотъ мнѣ патроновъ надо, господинъ капитанъ. У кого ихъ можно потребовать?»

— «У Васъ полевая книжка есть, такъ Вы напишите требованіе и получите въ караулкѣ, а я побѣгу посмотрѣть, что дѣлается на площади у воротъ. Мѣсто встрѣчи — комендантская», уже на ходу крикнулъ капитанъ. «Слушаюсь», отвѣтилъ я въ догонку, принимаясь выписывать на листкѣ изъ полевой книжки требованіе на патроны для юнкеровъ 2-ой роты.

«Пришлите мнѣ фельдфебеля 2-ой роты Немировскаго», отдалъ я приказаніе, поймавъ одного изъ проходившихъ юнкеровъ 1-ой роты.

— «Слушаюсь», отвѣтилъ тотъ, и побѣжалъ исполнить полученное приказаніе, а я продолжалъ дальше возиться съ полевой книжкой, но уже запося въ ея вторую половину, въ отдѣлъ моихъ впечатлѣній и наблюденій, схему происшедшимъ встрѣчамъ.

«Юнкера говорили еще о Петербургской и Ораніенбаумской школахъ, писалъ я, стараясь оттѣнить легкими штрихами наибольшія выпуклости общаго рельефа. А если свершится чудо, и я уцѣлѣю, то расшифрую записанное, — это дастъ козыри обществу Анны Петровны для конкуренціи съ Бурцевымъ и борьбы съ Батмаевцами».

Удовлетворенный записью, спряталъ полевую книжку въ боковой карманъ пальто. Между тѣмъ прибывали пріемщики изъ школъ, отъ чего на душѣ становилось весело.

«Заработали! Ну давай Богъ! Въ добрый часъ!» — и я выскочилъ въ коридоръ, а изъ него на дворъ. Дворъ гудѣлъ. Возгласы команды, споры, смѣхъ. Все это напоминало бивуакъ, а направо черезъ рѣшетчатыя верхи воротъ свѣтились кое гдѣ огоньки въ зданіи Главнаго Штаба... Мимо прошла команда юнкеровъ 2-ой Петергофской Школы, направляясь къ выходу изъ дворца. «На смѣну дозоровъ пошли», — догадался кто-то. «Ну, а что мы дѣлать будемъ?» — не рѣшаясь прямо спросить меня, начали задавать юнкера другъ другу вопросы при моемъ появленіи, въ расчетѣ вызвать меня на высказаніе какихъ либо соображеній.

— «Счастливчики идутъ. Право, чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Ну вотъ вы вѣчно панически настроены, а я, такъ убѣжденъ, что придетъ утро, а мы все будемъ сидѣть въ резервѣ. Вотъ увидите, что ничего не случится. Не забывайте, что Керенскій, теперь это не секретъ, отправился къ арміи и къ утру войдетъ въ Питеръ. И повѣрьте, эти господа все учитываютъ и, конечно, въ ночь, разъ за день ничего не успѣли сдѣлать, разсѣются такъ же быстро по своимъ норамъ, какъ неожиданно и выползли изъ нихъ». «Неожиданно! когда еще за нѣсколько дней до сегодня пресса называла часъ начала ихъ дѣйствій. Вы эсъэры просто...», кто то старался оспорить мнѣніе говорившаго. «Бросьте разговорчики, господа, не мѣшайте, пока возможно подремать», — неслось съ высоты полѣницъ, гдѣ кое кто умудрился даже всхрапывать, не смущаясь твердостью дровъ.

— «А я васъ ищу, Александръ Петровичъ», выросъ передо мною съ восклицаніемъ поручикъ Скородинскій, очевидно узнавъ меня по любимому мною мурлыканію Рылеевскаго «Часового», привязавшагося къ моему языку чуть ли не съ одиннадцатилѣтняго возраста. «Вамъ есть заданіе, продолжалъ онъ. Капитанъ Галіевскій приказываетъ отвести роты на предназначенныя имъ мѣста по разработанному Начальникомъ Школы плану обороны дворца на случай нападенія на него какихъ либо группъ возставшихъ явно не предполагающихъ наткнуться на такое сопротивленіе, какъ юнкерскіе баталіоны. Вамъ приказано занять первый этажъ налѣво отъ выхода изъ воротъ, распространившись отъ крайняго лѣваго угла дворца такъ, чтобы на Милліонную получился продольный огонь углового окна, куда потомъ вамъ будетъ данъ пулеметъ. Это окно должно явиться вашимъ лѣвымъ флангомъ. Правый уже обозначится стыкомъ съ моимъ лѣвымъ. Я начинаю отъ окна, выходящаго на площадь рядомъ съ главными этими воротами съ лѣвой стороны ихъ, если смотрѣть отсюда по направленію къ

Морской. Такимъ образомъ, мы получаемъ фронтовое наблюденіе за площадью и съ огнемъ на нее. Главная оборона этого участка перваго этажа дворца ввѣряется вамъ съ подчиненіемъ вамъ и меня съ моей ротой. При этомъ вамъ приказывается подъ строжайшей отвѣтственностью не открывать первымъ огня, не смотря ни на что. Огонь разрѣшается лишь въ случаѣ атаки со стороны бандъ, и то, если атака будетъ сопровождаться огнемъ съ ихъ стороны. Такова воля Временнаго Правительства. Кромѣ того, при размѣщеніи юнкеровъ въ комнатахъ приказывается учитывать высоту подоконниковъ въ расчетѣ на закидываніе ручными гранатами комнатъ, а такъ же принять во вниманіе возможную внезапность открытія огня изъ оконъ верхнихъ этажей противолежащихъ Дворцу зданій, которыя, хотя и будутъ приведены въ оборонительное состояніе средствами офицерскихъ отрядовъ, все же могутъ случайно перейти въ руки возставшихъ. Это все мѣры предположительныя и руководящаго характера. Въ данное же время надлежитъ лишь занять позицію и начать вести самое строгое наблюденіе, давъ возможность свободнымъ юнкерамъ лечь отдыхать, такъ какъ рѣшительныя дѣйствія ожидаются лишь къ утру, вслѣдствіи происшедшей какой то заминки въ приближеніи возставшихъ къ Дворцу. Слѣдовательно, опасаться можно лишь случайныхъ бандъ. Къ утру же подойдутъ войска съ фронта. Да я забылъ добавить, что вы должны имѣть резервъ, на случай наружнаго дѣйствія у воротъ. Резервъ надлежитъ имѣть отъ 1-ой роты, т. е. теперь моей. Дѣйствовать резервомъ лишь съ доклада капитану Галіевскому. Ну теперь я, кажется, все передалъ. Эти детали должны быть сообщены юнкерамъ, которымъ вмѣняется въ обязанность самое осторожное обращеніе съ вещами, находящимися въ комнатахъ. И когда будетъ все исполнено, доложить капитану Галіевскому. Онъ желаетъ лично явиться для провѣрки. Къ нему отъ 1-ой роты, по его приказанію, я назначилъ связь, которая въ его распоряженіе уже и ушла», закончилъ поручикъ дѣйствительно подробное приказаніе.

«Вотъ это спасибо, поручикъ, за пріятную новость. А то невѣдѣніе, что съ собою дѣлать, довольно тяжелое чувство. Пока я введу въ помѣщеніе свою роту, вы разъясните вашимъ юнкерамъ полученную задачу» — сдѣлалъ я предложеніе.

— «Слушаюсь, господинъ поручикъ! Разрѣните войти?» — входя въ роль подчиненнаго мнѣ по службѣ, оффиціально строго отвѣтилъ поручикъ Скородинскій.

«Да!.. Фельдфебель 2-ой роты ко мнѣ», крикнулъ я въ темноту, и въ свою очередь началъ распоряженія, радостно встрѣченный юнкерами.

Черезъ нѣсколько минутъ я вводилъ роту въ комнаты 1-го этажа.

Я видѣлъ, какъ юнкера располагались у оконъ, всматриваясь въ происходящее на площади, какъ приспособливались лечь на полу, покрытомъ коврами. Я слышалъ ихъ неувѣренныя формулировки ощущеній, получаемыхъ ими отъ обстановки комнатъ, въ которыхъ еще недавно, года нѣтъ, была атмосфера уюта личной жизни нашихъ земныхъ боговъ. Я понималъ ихъ стѣсненныя тяжелыя движенія членами тѣла, словно налившагося пудами какой-то невѣроятной тяжести. И видя, и слыша, и понимая ихъ, я жалѣлъ и болѣлъ душою за нихъ и за себя и за грѣхъ.

Мы ждемъ. И видно это давало мнѣ силы, не понимая себя, не контролируя своихъ распоряженій, отдавать ихъ въ такомъ видѣ, что, выполняя ихъ, достигалось поставленное мною заданіе. — Не мудрствуй! — твердилъ я себѣ.

Теперь не время! Но... тщетно пытался я взять себя въ руки. И не я одинъ мучился. Юнкера, которые были на дворѣ просты и естественны здѣсь томились и были странны.

Я нѣсколько разъ обращался то къ тому, то къ другому изъ тѣхъ, мысль и чувства которыхъ играли на лицахъ ихъ. Я обращался къ нимъ какъ братъ къ брату, а не начальникъ къ подчиненному, такъ какъ это ощущеніе мною было утеряно съ момента проникновенія въ эти комнаты. Я что-то говорилъ, на что то жаловался, чего-то хотѣлъ — но что, чего — не знаю...

Но время дѣлаетъ свое дѣло.

Постепенно мысль прояснилась, чувства обрѣли покой, и я снова получилъ способность отдачи себѣ отчета въ поступкахъ и обстановкѣ момента. И мнѣ стало легче. Вотъ явилось желаніе и юнкерамъ передать это облегченіе. А для этого я попробовалъ вникнуть въ возможныя мѣропріятія.

Оказывается, голова работаетъ. Мысль такія мѣры нашла. И энергія снова во мнѣ закипѣла. — «Вы бы заснули», — убѣждалъ я молчаливо сидѣвшую парочку друзей юнкеровъ съ горящими глазами, окаймленными налившимися синевой подъ яблочными мѣшками.

— «Пробуемъ, но не выходитъ. Обстановка давитъ», конфузливо признаются юнкера.

«Да это вѣрно. Я васъ понимаю. Но необходимо сохранить силы. Богъ знаетъ, что насъ еще ждетъ впереди. Право перестаньте думать и отдохните», — пробовалъ я урезонить ихъ.

— «А хорошая мебель», — выскочилъ кто-то изъ юнкеровъ съ трезвой оцѣнкой вещей, находившихся въ комнатахъ. — «Да тутъ какъ-то все сохранилось на мѣстѣ, — не успѣли растащить или же разсказы о грабежѣ чистый вымыселъ», — подхватилъ я затронутую тему, чтобы развитіемъ ея отвлечься отъ другихъ.

— «Ну нѣтъ. Тутъ массу растащили, но надо отдать справедливость Керенскому. Онъ горячо и настойчиво требовалъ сохраненія въ цѣлости вещей — объявляя ихъ достояніемъ государства. Но развѣ усмотрить за нашей публикой. Особенно, дворцовыми служащими и той шантрапой, что набила дворецъ», — замѣтилъ одинъ изъ разлегшихся на полу юнкеровъ.

— «А вы видѣли молельню, господинъ поручикъ? Тамъ есть такіе образа, что имъ цѣны нѣтъ».

«Да видѣлъ, но въ нее не входилъ. Не смогъ себя заставить. Вѣдь тамъ государыня Богу молилась. И мнѣ казалось, что если я войду туда, то это будетъ кощунство. Вѣдь мы здѣсь не гости по приглашенію хозяевъ Дворца, а игрушка въ рукахъ судьбы, занесенная ею сюда, для тѣхъ достиженій, которыя еще сокрыты отъ насъ. Поэтому я не смѣлъ войти въ нее. И даже если бы мнѣ сказали, что наша жизнь была бы охранена стѣнами ея, я и тогда не вошелъ бы въ нее и никого добровольно туда не впустилъ».

— «А Керенскій немножко иначе мыслитъ», — началъ опять кто-то говорить о Керенскомъ, но его перебили возгласы изъ сосѣдней комнаты.

«Гдѣ господинъ поручикъ? Доложите, что казаки пришли и располагаются въ корридорахъ и въ комнатахъ около молельни и хотятъ такъ же занять ее».

«Казаки! Какіе казаки? Откуда?» — и я бросился въ корридоръ.

Корридоръ уже былъ набитъ станичниками, а въ него продолжали втискиваться все новые и новые.

«Гдѣ ваши офицеры? Гдѣ командиръ сотни?» — обратился я съ вопросомъ къ одному изъ бородачей уральцевъ. Онъ махнулъ головой и не отвѣчая продолжалъ куда то проталкиваться черезъ своихъ товарищей.

«Что за рвань? — соображалъ я, смотря на ихъ своеобразные костюмы, истасканные до послѣдняго. — Э, да у нихъ дисциплина, кажется, тоже къ черту въ трубу вылетѣла. Хорошенькіе помощники будутъ...»

«Эй! Станичники, кто у васъ здѣсь старшій», снова обратился я съ вопросомъ, но уже къ массѣ.

— «Всякъ за себя — а на што тебѣ», — раздались два слабыхъ отвѣта среди гама, съ которымъ они продолжали продвигаться по корридору, частью заваленному какими-то большими ящиками, о которыхъ острили, что Керенскій не успѣлъ ихъ съ собою забрать по причинѣ преждевременнаго исчезновенія.

Услышавъ эти своеобразные отвѣты, я было чуть не разразился бранью за нелѣпость ихъ и за игнорированіе во мнѣ офицера.

«Смотри — среди нихъ нѣтъ почти молодежи, это все старшихъ возрастовъ. Ага, то-то они и явились сюда», — проталкиваясь среди казаковъ къ стоявшему на ящикѣ и слѣдившему за движеніемъ казаковъ подхорунжему, подумалъ я.

— «Хотя на большомъ засѣданіи представителей совѣта съѣзда казаковъ и говорено было о воздержаніи отъ поддержки Временнаго Правительства, пока въ немъ есть Керенскій, который намъ много вреда принесъ, все же мы наши сотни рѣшили придти сюда на выручку. И то только старики пошли, а молодежь не захотѣла и объявила нейтралитетъ».

«Такъ, такъ. А гдѣ офицеры ваши?»

— «Да ихъ не много, пять человѣкъ съ двумя командирами сотенъ. А они къ коменданту Дворца пошли. Ихъ позвали туда... — Эй, вы тамъ, давай пулеметы туда въ уголъ, вотъ размѣстится народъ, тогда и ихъ пристроимъ... — А вы давно здѣсь», уже обращаясь ко мнѣ, продолжалъ подхорунжій, крѣпкій, бородатый казакъ.

«Съ полудня. Ходили уже къ телефонной станціи, да толку не вышло — уклончиво отвѣтилъ я. — Вотъ что я васъ хотѣлъ попросить — продолжалъ я. — Здѣсь молельня царя есть. Такъ чтобы въ нее не ходили». — «Зачѣмъ толкаться туда, казаки сами не пойдутъ, развѣ который предъ образомъ лобъ перекресить захочетъ».

— «Вы не думайте, поручикъ, станичники понятіе большое имѣютъ», — смотря мнѣ прямо въ глаза, добавилъ подхорунжій.

«Вотъ это спасибо. Ну я побѣгу къ своимъ, а вы, значитъ, располагайтесь, какъ можете, а когда придутъ ваши офицеры, пошлите сказать мнѣ», — спрыгивая съ ящика, попросилъ я.

— «Слушаюсь, господинъ поручикъ», — вслѣдъ отвѣтилъ подхорунжій.

Прійдя къ первому взводу, гдѣ было назначено мѣсто моего пребыванія для юнкеровъ связи, я засталъ поручика Скородинскаго и юнкера Гольдмана, явившагося съ приказаніемъ отъ капитана Галіевскаго. Но не успѣлъ я открыть рта для вопроса, что есть новаго, какъ изъ сосѣдней комнаты, слѣва расположенной, угловой, выходящей окнами и на Милліонную улицу, вбѣжало двое юнкеровъ.

— «Господинъ поручикъ», разлетѣлись они ко мнѣ.

«Стопъ. По очереди. Говорите вы, въ чемъ дѣло?»

— «Господинъ поручикъ, казаки насъ выставляютъ изъ угловой комнаты. Взводный командиръ приказалъ просить васъ прійти».

— «Они ничего слушать не хотятъ и располагаются въ комнатѣ такъ, словно въ конюшню явились», — возмущенно докладывалъ юнкеръ.

«А вы что хотите?» — справился я у второго.

— «У насъ та же картина, господинъ поручикъ, но кромѣ того хотятъ еще въ молельню пойти. Ихъ не пускаетъ часовой, а они кричатъ, что можетъ умирать прійдется, такъ чтобы помолиться туда пустили. — Намъ будетъ очень пріятно помолиться тамъ, гдѣ сами цари молились — кричатъ они, — а вы не пускаете, жидовскія морды. Часовой изъ нашихъ евреевъ оказался. Юнкера обидѣлись и, если вы не прійдете, то еще дѣло до драки дойдетъ», — съ еще большею растерянностью доложилъ второй юнкеръ. «Смѣхъ и грѣхъ — пронеслось въ головѣ. Это теперь не оберешься скандаловъ, съ этими бородатыми дядями».

— «Александръ Петровичъ, — пока только кончили свои доклады юнкера, обратился ко мнѣ поручикъ Скородинскій, — вотъ какъ разъ капитанъ Галіевскій черезъ юнкера связи приказываетъ отдать лѣвую часть этажа оборонѣ казаковъ, такъ какъ у нихъ есть пулеметы, а намъ сосредоточиться лишь въ расположеніи моей роты».

«Ну прекрасно. Передайте въ ваши взводы командирамъ взводовъ, чтобы они ихъ привели въ комнаты направо», — отдалъ я распоряженіе юнкерамъ.

«Фельдфебель Немировскій!» — обратился я къ стоявшему не въ далекѣ фельдфебелю 2-ой роты и прислушивавшемуся къ къ происшедшымъ докладамъ. — «Я здѣсь», — подлетѣлъ онъ со своею пружинностью въ манерѣ вытягиваться при обращеніи офицеровъ къ нему.

— «Наблюдите за отданнымъ приказаніемъ. Да чтобы все это быстро было исполнено. Я буду при 1-омъ взводѣ 1-ой роты. А пока пойдемте къ молельной комнатѣ — предложилъ я Скородинскому — посмотрѣть, что тамъ за антраша выкидываютъ станичники, а то еще дѣйствительно въ рукопашную схватятся».

Черезъ нѣсколько минутъ все приняло обычный видъ порядка въ настроеніяхъ юнкеровъ, — сцѣпившихся съ казаками, но теперь тоже удовлетворенныхъ полученной возможностью войти помолиться тамъ, гдѣ «сами цари съ дѣточками молились», — какъ, мягко улыбаясь сіяющими грустно глазами, говорили они.

«Какіе большіе дѣти они еще» — возвращаясь къ своимъ ротамъ, говорилъ я поручику. «Вотъ и на фронтѣ я не разъ наблюдалъ, какъ бородачи 2-ой Уральской казачьей дивизіи, увлекшись споромъ о преимуществахъ одного святого передъ другимъ, абсолютно не обращали никакого вниманія на лопавшіяся вокругъ нихъ гранаты и шрапнели. А однажды при отступленіи я едва оторвалъ отъ богословскаго спора и выгналъ изъ халупы шестерыхъ казаковъ. Еще немного и мы не успѣли бы сѣсть на коней и ускакать отъ вошедшихъ въ деревню австрійцевъ», вспоминалъ я сюжеты фронтовой жизни.

— «Да, они особенные — соглашался поручикъ со мною. И они мнѣ очень нравятся, только не молодые, тѣ такъ распустились, что противно на нихъ смотрѣть».

«Да, да, а какіе были это войска!» — вздохнули мы и смолкли. Черезъ открытыя окна ночная прохлада освѣжала воздухъ комнатъ, уже пропитавшихся запахомъ сапогъ, внесеннымъ нами въ эти такъ взволновавшія наши чувства стѣны. Тишина, соблюдаемая юнкерами, позволяла улавливать звуки гдѣ-то

вспыхивающей ружейной трескотни, что не мѣшало подумывать о кухняхъ, находящихся во дворцѣ, на предметъ использованія ихъ для приготовленія чая юнкерамъ. И эти думы опять напомнили мнѣ о моемъ 26 часовомъ голодѣ.

«Хорошо еще, что Телюкинъ догадался сунуть коробку папиросъ».

— «А вы бы пошли на верхъ. Тамъ у комендантской есть столовая, гдѣ придворные лакеи сегодня подали дивный обѣдъ и вина. Право, сейчасъ — вы видите — все тихо и можете положиться на меня», — началъ убѣждать поручикъ.

И словно, меня кто подслушалъ. Въ комнату вошелъ капитанъ Галіевскій, и подойдя къ темнотѣ на наши голоса къ намъ, передалъ приказаніе Начальника Школы явиться въ помѣщеніе комендантской.

— «Начальникъ Школы приказалъ всѣмъ офицерамъ школъ и частей собраться для обсужденія мѣръ и полученія заданій по развитію обороны Зимняго. Поэтому, идемте скорѣе, господа. Времени терять нельзя. А у васъ хорошо здѣсь», — невольно поддавшись впечатлѣнію покоя, закончилъ капитанъ.

Спустя немного мы входили въ продолговатую комнату, шумно наполненную офицерствомъ. Здѣсь были и казаки, и артиллеристы, и пѣхотинцы — все больше отъ военныхъ школъ, молодые и старики. Строгіе, озабоченные и безудержно веселые. Послѣдніе были непріятны; они были полупьяны. Начальника Школы еще не было. И поэтому всѣ говорили сразу и на разныя темы. Причемъ преобладающей темой служила противная черта Петроградскаго гарнизона, высчитываніе старшинства въ производствѣ въ тотъ или другой чинъ, всегда съ недовольными комментаріями и завистливыми сравненіями.

Одинъ полковникъ кричалъ: «Я при царѣ 10 лѣтъ былъ полковникомъ, меня тогда обходили и теперь меня обходятъ. Да и не меня одного, а и васъ, и васъ . . . — обращался онъ къ своимъ собесѣдникамъ — а сегодня намъ кланяются, просятъ защищать ихъ, великихъ мастеровъ Революціи, да въ то же время сажаютъ на голову какого-то Начальника Инженерной Школы, изъ молодыхъ. Да чтобы я ему подчинялся? нѣтъ! слуга покорный!»

— «А вино отличное», — смаковалъ капитанъ одной Ораніенбаумской Школы. — «Это марка! И то, представьте себѣ господа, что лакеи, эта старая рвань, намъ еще худшее подали. Воображаю, что было-бы съ нами, если бы мы да старенькаго тяпнули: пожалуй, изъ-за стола не вышли-бы. А что, не приказать ли сюда подать парочку, другую, а то ужасная жара здѣсь, все пить хочется». —

— «Да такъ эти жирные негодяи тебѣ и понесутъ сюда», — возмущенно возразилъ штабсъ-капитанъ той же школы.

— «Ну старики и рѣшили запереть молодыхъ въ конюшняхъ, чтобы ихъ нейтралитетъ былъ для нихъ большимъ удовольствіемъ, а сами рѣшили идти защищать землю и волю, которыя по убѣжденіямъ эсъ-эровскихъ агитаторовъ хочетъ забрать Ленинъ со своею шайкою» — разсказывалъ одинъ изъ казачьихъ офицеровъ группѣ окружавшихъ его слушателей, среди которыхъ стояли офицеры и нашей школы.

— «Господа офицеры!» — прокричалъ вдругъ полковникъ, отказывавшійся отъ подчиненія Начальнику Школы, при появленіи послѣдняго изъ боковой комнаты въ сопровожденіи высокаго штатскаго въ черномъ костюмѣ. Офицеры поднялись со своихъ мѣстъ, и щелканье шпоръ замѣнило стихнувшіе разговоры. — «Здравствуйте, господа офицеры, — началъ говорить Начальникъ Школы,

волею Временнаго Правительства я назначенъ Главнымъ Штабомъ комендантомъ обороны Зимняго Дворца. Поэтому я пригласилъ васъ для принятія слѣдующихъ директивъ: Соблюденіе полнаго порядка во ввѣренныхъ вамъ частяхъ. Господа офицеры должны прекратить шатаніе по дворцу, и, вспомнивъ, зачѣмъ они здѣсь, находиться при своихъ людяхъ, не допуская къ нимъ агитаторовъ, которые уже успѣли сюда проникнуть. Затѣмъ объяснить людямъ, что министръ Пальчинскій свидѣтельствуетъ о полученіи телеграммы о начавшемся движеніи казаковъ генерала Краснова на Петроградъ. Поэтому наша задача сводится сейчасъ къ принятію мѣръ противъ готовящагося нападенія на Дворецъ, для чего прошу начальниковъ частей подойти сюда и разсмотрѣть планъ расположенія помѣщеній Зимняго Дворца. А кромѣ того, дать мнѣ данныя о количествѣ штыковъ и способности принятія на себя той или другой задачи, за выполненіе которой вся отвѣтственность ввиду недостатка времени и условій обстановки момента, конечно, ложится на взявшихъ таковую», — продолжалъ говорить Начальникъ Школы, развернувъ планъ и положивъ его на столъ. Офицеры, почувствовавъ энергію и сильную волю въ словахъ Коменданта Обороны Зимняго Дворца, подтянулись и оживленно стали обступать столъ, всматриваясь въ планъ Дворца. «Здѣсь», — показывалъ карандашемъ на планѣ Комендантъ Обороны, — «расположены сейчасъ казаки и юнкера школы прапорщиковъ Инженерныхъ Войскъ — это первый этажъ на-лѣво...»

— «Виноватъ». — перебилъ Коменданта Начальникъ Петергофской Школы прапорщиковъ, — «я полагалъ бы, что юнкерамъ-инженерамъ слѣдовало бы заняться устройствомъ баррикадъ снаружи Дворца, а внутреннюю оборону и патрули возложить на пѣхоту, т. е. на наши школы». —

— «Совершенно вѣрно, вы полагаете совершенно правильно; но этого нельзя было возложить на ваши школы, ибо онѣ занялись митингами. Теперь, когда болѣе или менѣе настроеніе ваше и вашихъ юнкеровъ выяснено, когда у насъ есть казаки и артиллерія, мы можемъ строго разграничить функціи по родамъ оружій. Поэтому, вы, полковникъ, возьмете на себя оборону рѣшетки этого сада, примыкающаго ко Дворцу, противъ адмиралтейства» — далъ задачу Комендантъ Обороны Начальнику Петергофской Школы.

— «Простите», — возразилъ тотъ, — «юнкера мои очень устали; я разсчитывалъ бы на внутренній караулъ Дворца, такъ сказать на резервъ».

— «Господа, я прошу не отказываться отъ выполненія получаемыхъ заданій. Мы всѣ здѣсь устали. Не уставшихъ нѣтъ. Поэтому я считаю этотъ вопросъ законченнымъ».

— «Господинъ полковникъ», — вбѣгая въ припрыжку въ комнату, еще съ порога закричалъ Штабъ-ротмистръ. «Господинъ полковникъ, имѣю честь явиться. Я едва пробился со своими инвалидами георгіевцами. Сволочи насъ хотѣли разоружить, но мы имъ прописали Кузькину мать. Честь имѣю явиться. Штабсъ-ротмистръ Н. Прошу дать работу. Вы не смотрите, что я одноногій. Я и мои инвалиды въ Вашемъ распоряженіи». —

Дѣйствительно, шумно явившійся Штабъ-ротмистръ былъ съ протезомъ вмѣсто лѣвой ноги. Маленькій, подвижной, съ тараканьими усами, онъ мнѣ напомнилъ пана Володыевскаго изъ «Огнемъ и Мечемъ» Генриха Сенкевича. Это появленіе инвалида отразилось на настроеніи офицеровъ, и когда Штабъ-ротмистръ, завѣренный Комендантомъ Обороны въ предоставленіи ему и его инвалидамъ боевой работы, отошелъ отъ Коменданта, Начальникъ Школы Петергофцевъ заявилъ, что онъ принимаетъ къ исполненію порученную ему задачу.

Вслѣдъ за Петергофцами, получили заданія Ораніенбаумская первая и вторая школы. Первой вручалось дальнѣйшее продолженіе внутренняго караула, а второй предназначена была защита баррикадъ у воротъ, у Дворцоваго Моста и Зимней канавки, причемъ резервомъ для нея считалась Школа Петергофцевъ. На инвалидовъ, явившихся въ группѣ свыше 40 человѣкъ, возлагалась оборона перваго этажа, взамѣнъ баталіона инженерной школы, которую приказывалось вывести во дворъ для прикрытія артиллеріи съ выдѣленіемъ изъ баталіона взводовъ на баррикадныя работы. Поручики Мейсперъ и Лохвицкій получили приказаніе отправиться возводить баррикады у моста черезъ Зимнюю канавку. Поручики Скородинскій и Баклановъ — строить баррикады у Главныхъ Воротъ, изъ тѣхъ полѣницъ дровъ, что лежали на площади передъ Дворцомъ. Капитану Галіевскому ввѣрялось общее руководство работами инженерной школы и наблюденіе за внутренней обороной. Мнѣ было приказано составить расписаніе расположенія частей, съ ними подерживать связь черезъ команду связи, которая организовывалась изъ четырехъ человѣкъ отъ части, и имѣть мѣстонахожденіе въ комендантской, гдѣ объявлялась штабъ-квартира Коменданта обороны. Командиру артиллерійскаго взвода отъ Константиновскаго Училища вмѣнялась оборона воротъ на случай прорыва, а пока нахожденіе въ резервѣ во дворѣ.

Офицеры, получивъ задания, постепенно расходились по своимъ частямъ, обѣщая мнѣ немедленно прислать отъ себя юнкеровъ для команды связи. Комендантъ обороны уже сидѣлъ за столомъ, черкая карандашемъ на планѣ названія частей въ мѣстахъ, имъ отведенныхъ. Я сидѣлъ надъ полевой книжкой.

«Слава Богу, дѣло начинаетъ клеиться», успокоительно звенѣла мысль въ головѣ.

Все, казалось, налаживалось и прояснялось. Но вотъ открывается дверь, и передъ столомъ выростаетъ офицеръ артиллерійскаго взвода Константиновскаго Училища.

«Господинъ Полковникъ», — обратился онъ къ Коменданту Обороны, — «я присланъ командиромъ взвода доложить, что орудія поставлены на передки и взводъ уходитъ обратно въ Училище согласно полученному приказанію отъ Начальника Училища черезъ приказаніе отъ Командира батареи».

Взрывъ гранаты произвелъ бы меньше впечатлѣнія, чѣмъ сдѣланное заявленіе офицеромъ взвода.

И сейчасъ же вслѣдъ за офицеромъ явилось нѣсколько юнкеровъ Константиновцевъ, въ нерѣшительности остановившихся на порогѣ комнаты.

Комендантъ Обороны и оставшіеся офицеры добровольцы вскочили со своихъ мѣстъ и въ недоумѣніи смотрѣли на докладывавшаго офицера.

«Какъ это такъ?!» — вырвалось у Коменданта. — «Немедленно остановите взводъ». — «Поздно!» — отвѣтили юнкера. — «Взводъ уже выѣзжаетъ. Мы просили остаться, но командиръ взвода объявилъ, что онъ подчиняется только своему командиру батареи. Вотъ мы и еще нѣсколько юнкеровъ остались. Взводъ уходить не хотѣлъ, но командиръ взвода настоялъ съ револьверомъ въ рукахъ». —

— «Да что вы съ ума сошли?» — раскричался Комендантъ на офицера Константиновца, — «вѣдь взводъ, разъ онъ здѣсь, подчиненъ только мнѣ. Немедленно верните взводъ!» — приказалъ онъ одному изъ офицеровъ. «А Васъ я арестую», — обращаясь къ офицеру артиллеристу, продолжалъ Комендантъ.

— «Я не причемъ, господинъ Полковникъ, а остаться я не могу, мнѣ приказано вернуться», — и быстро повернувшись, артиллеристъ выскочилъ изъ комнаты. Нѣсколько офицеровъ было съ крикомъ сорвались со своихъ мѣстъ, хватаясь за кобуры своихъ револьверовъ.

— «Стойте! ни съ мѣста!» — снова прогремѣлъ Комендантъ.

— «Пускай уходятъ. Имъ же будетъ хуже: они не дойдутъ до Училища. Ихъ провоцировали, и они расплатятся за измѣну».

— «А Вы», — обращаясь къ юнкерамъ, продолжалъ Комендантъ, — «присоединяйтесь къ Инженерной Школѣ. Спасибо Вамъ за вѣрность долгу . . . и идите». —

Юнкера еще помялись на мѣстѣ, и затѣмъ, получивъ отъ меня указаніе куда пройти, вышли. Я боялся взглянуть на Коменданта обороны. Я боялся увидѣть чувство горести на его лицѣ.

— «А можетъ быть ихъ задержать въ воротахъ», — замѣтилъ кто-то изъ офицеровъ, нарушая наступившее молчаніе. «Къ сожалѣнію некому этого сдѣлать; едва-ли успѣли занять баррикады», — отвѣтилъ Комендантъ, вставая и направляясь къ выходу. «Я иду къ Временному Правительству въ Бѣлый Залъ», обращаясь ко мнѣ, сказалъ Комендантъ, пріостанавливаясь въ дверяхъ съ планомъ въ рукахъ. Но не успѣлъ онъ выйти изъ комнаты, какъ слегка отталкивая его отъ двери влетѣлъ въ комнату офицеръ женщина. «Гдѣ Комендантъ Обороны? господа», — женскимъ, настоящимъ женскимъ голосомъ спросилъ офицеръ. «Это я», — отвѣтилъ Комендантъ.

— «Ударная рота женскаго баталіона смерти прибыла въ Ваше распоряженіе. Рота во дворѣ. Что прикажете дѣлать?» — вытягиваясь и отдавая честь по военному, отрапортовалъ офицеръ женщина. «Спасибо. Радъ. Займите 1-ый этажъ вмѣстѣ съ инвалидами. Поручикъ, — отнесся Комендантъ ко мнѣ, — пошлите юнкера связи съ госпожей . . . съ господиномъ офицеромъ для указанія мѣста и сообщите объ этомъ Капитану Галіевскому. Еще разъ прошу принять выраженіе благодарности. Дѣла будетъ много. Не безпокойтесь, не забудемъ Васъ», добавилъ Комендантъ, замѣтивъ выраженіе легкой неудовлетворенности, пробѣжавшей по личику офицера, и вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ вслѣдъ за выходомъ Коменданта, комната опустѣла, а спустя еще немного времени начали постепенно прибывать юнкера для связи. Кончивъ возиться съ полевой книжкой, я сталъ соображать о близости столовой. Наконецъ я, не выдержавъ сидѣнія, отправился разыскивать столовую, захвативъ съ собой одного изъ юнкеровъ. Это оказалось довольно сложнымъ занятіемъ. Но вотъ я и у цѣли, у двери комнаты, гдѣ сейчасъ насыщу свой пустой желудокъ. Толстый, бритый, важный лакей отворилъ дверь. Я шагнулъ на яркій ослѣпительный свѣтъ и остановился. Клубы табачнаго дыма, запахъ винпаго перегара ударили въ носъ, запершило въ горлѣ, а отъ пьянаго разгула какихъ-то офицеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые почти сползали со стульевъ, у меня закружилась голова, затошнило. Я не выдержалъ картины, и несмотря на желаніе ѣсть и пить, я выскочилъ изъ комнаты. «Пиръ во время чумы . . . Пиръ во время чумы . . . позоръ, это офицеры . . .» — и предо мною стала моя адъютантская комната въ Школѣ и въ ней Борисъ, говорящій мнѣ: «Нѣтъ, ты дуракъ, да и законченный, къ тому же Петроградскаго гарнизона не знаешь». «Да, да, ты правъ, Борисъ, я дуракъ; ну а дураковъ учить надо. Вотъ сегодня и танцуешь, моралистъ паршивый — ругалъ я себя. — Э, брось, братъ, не мудрствуй лукаво, не забывай, что имѣешь дѣло съ людьми, что это самый вульгарный типъ животнаго міра . . .

А пожалуй, это лучше, что я не остался въ столовой, — возвращаясь въ комендантскую, соображалъ я. — Напился бы чего добраго, самъ напился... вѣдь тебѣ стоитъ только начать пить и ты станешь ничуть не лучше другихъ, а пожалуй, и похуже».

Новаго ничего не было. Минуты томительнаго ожиданія бѣжали тягуче медленно. Но вотъ скрипнула дверь, и показалась фигура капитана Галіевскаго. Блѣдный отъ волненія, шатаясь отъ усталости, капитанъ направился ко мнѣ.

— «Я не могу. Усталъ. Выбился изъ силъ, убѣждая казаковъ. Они, узнавъ, что ушла артиллерія, устроили митингъ и тоже рѣшили уйти... Вотъ что, Александръ Петровичъ, идите къ своей ротѣ и займите баррикады у воротъ. Пѣхотные юнкера еще этого не сдѣлали, а между тѣмъ возставшіе приближаются. Получено извѣстіе отъ главнаго штаба. Потомъ убѣдите казаковъ оставить вамъ пулеметы, которые поставьте на баррикады. Среди юнкеровъ найдите пулеметчиковъ, хотя бы чужой школы. А я... я отдышусь и пойду къ Александру Георгіевичу. Бѣдный, тяжело ему сегодня и еще хуже будетъ». — Но я уже не слушалъ капитана, и сорвавшись съ мѣста, бросился спасать положеніе. Своихъ юнкеровъ я нашелъ во дворѣ, на старомъ мѣстѣ, куда они были выведены для предоставленія мѣста въ первомъ этажѣ казакамъ, теперь уходящимъ, инвалидамъ георгіевцамъ и ударницамъ. Юнкера были разстроены, что я сразу уловилъ по отдѣльнымъ замѣчаніямъ, которыми они перекидывались.

«Ну, теперь съ ними не разговаривай — это хуже ихъ разстроитъ, а сразу дѣйствуй» — промелькнуло рѣшеніе, и подойдя къ срединѣ фронта, я скомандовалъ: «Рота смирно!» — Разговоры отъ внезапности моего появленія смолкли. — «Рота ровняйсь! Смирно! Друзья, Вамъ предстоитъ честь первыми оказаться на баррикадахъ. Поздравляю. На плечо! Рота правое плечо впередъ, шагомъ маршъ!» — и рота, словно наэлектризованная, взяла твердый отчетливый шагъ.

Вотъ броневикъ, испорченный, какъ оказалось, а потому и торчащій здѣсь на манеръ пугала отъ воронъ въ огородѣ... Ворота. Открываю. Темно. Кто-то копошится впереди. Различаю въ стукѣ, сопровождающемъ копошеніе, звукъ ударовъ бросаемаго дерева. Ага — это и есть линія баррикадъ — быстро соображаю и развожу роту въ темнотѣ по линіи, растущей вверхъ преграды-защиты.

И еще не много, и юнкера начинаютъ сами продолжать завершеніе созданія баррикады и приспособляться къ болѣе удобному положенію для стрѣльбы. Отысканы и пулеметчики, и взводные юнкера, посовѣтовавшись со мной, опредѣлили мѣста для пулеметовъ: таковыми оказались исходящіе углы баррикады. Теперь остановка за пулеметами, и я, оставивъ вмѣсто себя фельдфебеля Немировскаго, побѣжалъ къ казакамъ, захвативъ нѣсколько юнкеровъ. У броневика сталкиваюсь съ какой то фигурой. Оказывается офицеръ женщина, а за ней еще фигуры. Спрашиваю, въ чемъ дѣло. — «На баррикадахъ никого нѣтъ, рѣшилъ занять ихъ» — по мужски отвѣчаетъ командиръ ударницъ. «Виноватъ. Ошибаетесь, юнкера Школы Прапорщиковъ Инженерныхъ войскъ уже заняли баррикады. И я бы просилъ васъ наоборотъ занять весь 1-ый этажъ, такъ какъ казаки уходятъ». — «Знаю, но тамъ хватитъ георгіевцевъ. Да что же, наконецъ, вы намъ не довѣряете?» — заволновался офицеръ-ударница. «Ничего подобнаго, таково приказаніе Начальника Обороны. Ради Бога, не вносите путаницы» — уже молилъ я. «Ну что-жъ, разъ баррикады заняты, я вернусь на мѣсто. Рота кругомъ!» — скомандовалъ командиръ ударницъ. Видя, что

инцидентъ оконченъ, я понесся дальше въ корридоръ. Въ корридорѣ творилось что-то невѣроятное. Галдежъ. Движеніе казаковъ, собирающихъ свои мѣшки. Злыя, насупленныя лица. Все это ударило по нервамъ, и я, вскочивъ на ящикъ, сталъ просить, убѣждать станичниковъ не оставлять насъ... Не выдавать! — разсчитывая громкими словами сыграть на традиціяхъ степныхъ волковъ. Въ первый моментъ ихъ какъ будто охватило раздумье, но какая-то сволочь, напоминаніемъ объ уходѣ взвода артиллеріи, испортила все дѣло. Казаки загудѣли и опять задвигались. «Ничего съ ними не сдѣлаете» — пробившись ко мнѣ, заговорилъ давешній подхорунжій. — «Когда мы сюда шли, намъ сказокъ наговорили, что здѣсь чуть не весь городъ съ образами, да всѣ военныя училища и артиллерія, а на дѣлѣ то оказалось — жиды да бабы, да и Правительство, тоже наполовину изъ жидовъ. А русскій то народъ тамъ съ Ленинымъ остался. А васъ тутъ даже Керенскій, не къ ночи будетъ помянутъ, оставилъ однихъ. Вольному воля, а пьяному рай» — перешелъ на балагурный тонъ подхорунжій, вызывая смѣшки у близъ стоявшихъ казаковъ. И эта отповѣдь, и эти смѣшки взбѣсили меня, и я накинулся съ обличеніями на подхорунжаго. «Черти вы, а не люди? Кто мнѣ говорилъ вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, что у Ленина вся шайка изъ жидовъ, а теперь вы уже и здѣсь жидовъ видите. Да жиды, но жидъ жиду рознь», — вспомнилъ я своихъ милыхъ, свѣтлыхъ юнкеровъ. «А вотъ вы-то сами, что сироты казанскія, шкурники, трусы подлые, женщинъ и дѣтей оставляете, а сами бѣжите. Смотрите, васъ за это Господь такъ накажетъ, что свѣту не рады будете. Измѣнники!» — кричалъ я уже, положительно не помня себя. И удивительное дѣло! Подхорунжій молчалъ, опустивъ голову и посапывая. «Чертъ! Заколдованный кругъ какой-то! Родиться и жить для того, чтобы ругаться въ Зимнемъ Дворцѣ», — холодомъ обдала меня набѣжавшая откуда-то мысль, и я, сразу ослабѣвъ, тоже смолкъ. Казаки уходили, и въ этомъ было дикое, жуткое. «Такъ Пилатъ умывалъ руки», — скользнуло нелѣпое сравненіе; а злоба послала имъ вслѣдъ эпитетъ Каина. «Стой!» снова спохватился я. Чертъ съ ними, пускай убираются, только пулеметы оставили-бы. И я уже смягченнымъ тономъ обратился къ подхорунжему. «Богъ вамъ судія. Идите. Но оставьте пулеметы, а то мы съ голыми руками», — попросилъ я. — «Берите», мрачно отвѣтилъ, не глядя на меня, подхорунжій. «Они тамъ, въ углу, въ мѣшкахъ, они намъ ни къ чему», — махнулъ онъ рукою, а затѣмъ сунувъ ее мнѣ, добавилъ: «Помогай вамъ Богъ, а насъ простите», — и грузно шлепнувъ ногой о полъ, направился за уходящими, вглубь перваго этажа, казаками. «Постойте, — куда же они идутъ?» — подъ вліяніемъ недоумѣнія остановилъ я подхорунжаго. — «Куда вы идете? вѣдь ворота тамъ». — «Ну да, дураковъ нашли» — снова рѣзко отвѣтилъ подхорунжій. «Тамъ юнкера у воротъ, а мы черезъ Зимнюю Канавку выйдемъ, тамъ намъ свободный пропускъ обѣщанъ». — «Кѣмъ?» — озадаченный спросилъ я. — «Прощайте!» — не отвѣчая на вопросъ и прибавляя шагу, пошелъ подхорунжій.

«Вотъ оно что! тамъ есть выходъ! Они черезъ него уйдутъ, а потомъ черезъ него большевики влѣзутъ. Свободный пропускъ обѣщанъ», — повторилъ я фразу подхорунжаго. — «Такъ, такъ, голубчикъ, спѣлись уже. Ну что-жъ, отъ судьбы не уйдешь». — «Послушайте, юнкеръ», — съ приливомъ новой энергіи обратился я къ одному изъ взятыхъ съ собой юнкеровъ. — «Отправляйтесь вслѣдъ за казаками и замѣтьте выходъ, въ который они уйдутъ, а затѣмъ вернитесь сюда и ждите меня, предварительно указавъ этотъ выходъ командиру Георгіевцевъ. Поняли?» — «Такъ точно, понялъ!» —

«И помните, что это боевой приказъ. Понимаете?» — «Такъ точно, понимаю», — снова лаконично отвѣтилъ юнкеръ.

«Ну идите; а вы, господа», — обратился я къ остальнымъ, — «берите пулеметы и тащите ихъ на баррикады. Фельдфебель знаетъ, гдѣ поставить, а я побѣгу къ Коменданту Обороны Зимняго Дворца съ докладомъ».

Выскочивъ въ проходъ подъ аркой, я остановился. Гдѣ-то совсѣмъ близко щелкали выстрѣлы. «Скорѣе къ Коменданту или Галіевскому и назадъ къ юнкерамъ» — кольнула мысль, и я снова бросился въ противоположный входъ, направляясь въ комендантскую. По дорогѣ попались какіе то юнкера, а затѣмъ группа безобразно пьяныхъ офицеровъ, среди которыхъ одинъ высокій офицеръ. размахивая шашкой на голо, что-то дико вопилъ. Влетѣвъ въ комендантскую. я наскочилъ на поручика Лохвицкаго, что-то заикаясь докладывавшаго капитану Галіевскому, обезкураженно сидящему на стулѣ.

«Господинъ капитанъ» — перебивая Лохвицкаго, началъ я докладывать объ уходѣ казаковъ черезъ выходъ на Зимнюю Канавку. «Такъ, такъ», только твердилъ онъ, выслушивая мой докладъ, а когда я кончилъ его, вдругъ сразилъ меня новостью: — «Паршиво. Но еще хуже растерянность Правительства. Сейчасъ полученъ ультиматумъ съ крейсера «Авроры», ставшаго на Невѣ противъ Дворца. Матросы требуютъ сдачи Дворца, иначе откроютъ огонь по немъ изъ орудій. Петропавловская крѣпость объявила нейтралитетъ. А вотъ послушайте, что докладываютъ юнкера артиллеристы ушедшаго взвода Константиновцевъ», — показалъ онъ рукой на незамѣченную мной группу изъ трехъ юнкеровъ. «Положеніе дрянь и пѣхотныя школы снова волнуются. А Правительство хочетъ объявить для желающихъ свободный выходъ изъ Дворца. Само же остается здѣсь и отъ сдачи отказывается», — сообщалъ рвущія мозги, душу и сердце новости капитанъ. Я молчалъ. Я не чувствовалъ себя и въ себѣ языка, мысли, ничего. Капитанъ барабанилъ по столу своими длинными, костлявыми, худыми пальцами. Я смотрѣлъ на нихъ. И вдругъ жалость защемила сердце. «Господи, придется ли еще этимъ пальцамъ ласкать личико болѣзненной славной дочурки?» — и эта мысль отрезвила меня.

«Да чертъ съ ними, капитанъ», — заволновался я. «Чѣмъ меньше дряни во дворцѣ останется, тѣмъ легче будетъ обороняться. Вѣдь до утра доидѣтъ. а тамъ въ городѣ опомнятся и придутъ на выручку. Не такъ страшенъ чертъ, какъ его малюютъ. А вы, что, Лохвицкій, тутъ? Баррикады построили?» — «Какого дьявола», — отвѣтилъ за него капитанъ. — «Разбѣжались при подходѣ Семеновцевъ, а Мейснеръ попалъ въ ихъ руки . . . добровольно», — выдержавъ паузу, продолжалъ капитанъ, — «заявилъ, что хочетъ идти парламентеромъ отъ той части защитниковъ Дворца, которую здѣсь держатъ силою. Я вамъ говорилъ, что онъ что то выкинетъ».

«Да, да, да. Теперь я все понимаю», — твердилъ я. «Теперь ясны появленія у насъ въ школѣ Рубакина. Теперь я все, все соображаю. Только бы теперь еще найти военнаго комиссара и кое что спросить», — забѣгавъ по комнатѣ, вцѣпившись руками въ волосы, забормоталъ я. Капитанъ, пораженный моей выходкой, подскочилъ ко мнѣ и началъ успокаивать.

— «Бросьте, не время, идемте къ юнкерамъ. Поручикъ!» — позвалъ онъ Лохвицкаго, — «оставайтесь тутъ и, когда явится Александръ Георгіевичъ, доложите, что мы на баррикадахъ». Мы вышли. За нами вышли юнкера Константиновцы — «А эти назадъ прибѣжали», — разсказывалъ капитанъ. «Когда они стали выѣзжать на Невскій, имъ преградили путь броневики и отняли у нихъ

орудія, которыя теперь противъ дворца направлены. А эти молодцы, какъ то вырвались и просятъ идти на выручку. Сдѣлать вылазку. Эхъ дѣла, дѣла».

Но вотъ мы подошли къ выходу подъ арку. Нѣсколько близкихъ выстрѣловъ густымъ эхомъ отозвались подъ нею.

— «Впередъ, Александръ Петровичъ», воскликнулъ капитанъ и бросился къ воротамъ. За ними я и юнкера. Баррикады были освѣщены. Юнкера стояли на своихъ мѣстахъ, готовые скорѣе быть растерзанными, чѣмъ сойти съ мѣстъ. Пулеметы налаженные торчали на мѣстахъ. Баррикады оказались высокими и довольно удобными съ родами траверсовъ изъ перешеекъ, сложенныхъ также изъ дровъ. Обойдя баррикады, капитанъ нашелъ, что защитниковъ ихъ недостаточно и что кромѣ того они слишкомъ утомлены, а поэтому приказалъ замѣнить ихъ первой ротой, что немедленно и было мною исполнено. И только юнкера расположились по мѣстамъ за баррикадами, какъ открылся огонь по Дворцу, фонари погасли и мы очутились снова въ темнотѣ. «Откуда стрѣляютъ? Ни черта не видно», неслось по баррикадѣ. «Спокойствіе соблюдать!» — отдавалъ распоряженіе капитанъ. — «Огонь открывать только по моему приказу. Чертъ его знаетъ, кто можетъ идти къ намъ», — обращаясь ко мнѣ, говорилъ онъ. — «А я вотъ, что сдѣлаю: впередъ дозоры выставлю» — и принявъ рѣшеніе, капитанъ началъ назначать юнкеровъ въ дозоры.

Но вдругъ снова загорѣлся свѣтъ въ высокихъ электрическихъ фонаряхъ, стоящихъ по бокамъ воротъ. И снова стало свѣтло какъ днемъ. И снова раздались выстрѣлы и щелканье пуль о стѣны Дворца. — «Свѣтъ потушить», — кричалъ капитанъ. «Свѣтъ потушить», — бѣгая вокругъ фонарей и ища выключателя, кипятился капитанъ, наблюдая, какъ звуки пуль, ударявшихся о стѣны, постепено снижались съ верха къ землѣ.

— «Александръ Петровичъ, бѣгите во дворецъ и найдите собаку монтера и приведите сюда», — приказалъ онъ мнѣ.

— «Я раненъ въ руку», — спокойно отходя отъ пулемета, также спокойно доложилъ юнкеръ. Смотря на юнкера, на его спокойствіе, написанное на его лицѣ, и на Георгіевскій солдатскій крестикъ, мнѣ неудержимо хотѣлось схватить и поцѣловать эту раненую руку. Но я сдержался и сталъ отвязывать бинтъ, прикрѣпленный къ поясу. — «Оставьте, Александръ Петровичъ», — замѣтилъ капитанъ. — «Онъ пойдетъ въ лазаретъ въ третій этажъ. Да скорѣе бѣгите за монтеромъ» — крикнулъ мнѣ капитанъ, топнувъ ногой, и я исчезъ въ воротахъ. «Куда бѣжать, гдѣ искать? Дворецъ огроменъ, чертъ, до утра проплутаешь въ немъ! Ага!.. въ столовую! — случайно сообразилъ я. — Тамъ старые придворные лакеи, они все, конечно, знаютъ. Живо, скорѣе, каждая секунда дорога», мчась изо всѣхъ силъ легкихъ, подгонялъ я себя. Подбѣжавъ къ столовой, я наткнулся на двухъ бритыхъ служителей, надъ чѣмъ-то хохотавшихъ. — «Гдѣ монтеръ? Гдѣ — откуда даютъ свѣтъ на наружныя ворота», — набросился я на нихъ съ вопросами. Озадаченные моимъ появленіемъ и вопросами, они замолчали. — «Живо отвѣчайте. Я васъ спрашиваю, гдѣ здѣсь во Дворцѣ монтерная?» — «Я не знаю» — заговорилъ одинъ. — «Сейчасъ никого нѣтъ, всѣ разбѣжались, вотъ только господа офицеры изволятъ погуливать тутъ»—сладенько, ципично улыбаясь, отвѣтилъ пониже ростомъ.—«Издѣваешься скотина!» — и вдругъ неожиданно для себя, я ударилъ его въ лицо. «Говори, гдѣ монтерная», выхватывая револьверъ изъ кобуры и суя его въ лицо другому, давился я словами.

— «Ой, убиваютъ, караулъ» — закричалъ первый, куда-то убѣгая.

— «Сейчасъ, сейчасъ, ваше сіятельство. Я покажу», — сгибаясь, засуетился спрошенный. — «Ладно. Иди скорѣе», — торопилъ я его уже, не выпуская револьвера изъ рукъ. — «Ну скорѣе, бѣгомъ. Времени нѣтъ. Жирная сволочь», — ругался по извощичьи я. Мелькали какія-то двери, переходы. Попадались юнкера, куда то спѣшащіе, а мы бѣжали изъ одного корридора въ другой. Наконецъ остановились передъ желѣзною дверью; — «здѣсь» — запыхавшись, объявилъ, останавливаясь лакей. «Отворяй!» приказалъ я ему. Лакей началъ стучать. Прошло нѣсколько секундъ, показавшихся вѣчностью, и дверь открылась. Еще моложавый маленькій человѣкъ въ кожаномъ передникѣ, на жилетку, увидя меня съ револьверомъ, поднялъ руки вверхъ. Но я не заговорилъ съ нимъ, а быстро обернувшись, чисто инстинктивно, приказалъ жестомъ выпрямившемуся лакею войти въ комнату и, когда онъ это исполнилъ, я опустилъ револьверъ и объяснилъ монтеру свое желаніе.

«Не бойтесь», — успокаивалъ я, — «я не большевикъ, а офицеръ, какъ вы можете видѣть по моей формѣ. И скорѣе, пожалуйста, погасите свѣтъ у воротъ на площади». «Слушаюсь, ваше высокоблагородіе», — засуетился около распредѣлительной доски монтеръ. «Слушаюсь. Сію минуту. Готово, ваше высокоблагородіе», — объявилъ онъ, отходя отъ доски и смотря на мои руки. «Спасибо. Отлично. А теперь выходи оба отсюда. А вы дайте мнѣ ключъ отъ этой комнаты», — обращаясь къ монтеру, потребовалъ я. «Слушаюсь. Сейчасъ. Ахъ Боже мой, гдѣ же ключъ». — «Ищи ключъ на кожаномъ шнурѣ», — мечась по комнатѣ, попросилъ онъ лакея, но тотъ уже выскочилъ и несся по корридору во всяси. — «Живо, живо», — торопилъ я. «Есть», — радостно завопилъ монтеръ, подавая ключъ. Я взялъ его и пробовалъ закрыть и открыть дверь. Замокъ дѣйствовалъ хорошо. — «Ну, идемте. Свѣтъ оставьте здѣсь горѣть. Вы будете находиться при мнѣ», — говорилъ я ему, когда мы зашагали обратно, направляясь къ выходу, къ главнымъ воротамъ. «А что, ваше высокоблагородіе», — разспрашивалъ онъ меня. «Вы изъ отряда его Превосходительства генерала Корнилова будете?» — «Почему вы это думаете», — задалъ я ему вопросъ. — «Да ужъ навѣрное не иначе. Ужъ вы больно рѣшительно дѣйствуете, не то что здѣшніе господа офицеры. Собрались съ юнкерами насъ защищать, а сами все гуляютъ». — «Да, да, васъ защищать — думалъ я, — да я тебя бы уже отправилъ на тотъ свѣтъ, если-бы не нужда въ тебѣ». Но вотъ мы вышли къ комендантской. «Ага, — сообразилъ я. Я оставлю его и ключъ у юнкеровъ связи. Это будетъ надежнѣе и цѣлесообразнѣе», и я вмѣстѣ съ нимъ вошли въ комендантскую. Комендантская была полна. Всѣ одновременно говорили, кричали. Я провелъ къ стѣнѣ у шкапа монтера и, сдавъ его юнкерамъ связи, заявивъ имъ, что они мнѣ отвѣчаютъ за него и за ключъ своими головами, сталъ прислушиваться къ происходящему. Оказалось, въ центрѣ ударницъ, инвалидовъ георгіевцевъ и откуда то взявшихся юнкеровъ Павловскаго военнаго училища, которыхъ во дворцѣ не было, стоялъ комендантъ обороны дворца. Вся эта публика, волнуясь, съ возбужденными глазами, а ударница со слезами на нихъ, умоляли, требовали отъ коменданта обороны сдѣлать вылазку на главный штабъ, гдѣ, по ихъ свѣдѣніямъ, писаря перешли на сторону Ленина и, обезоруживъ и частью убивъ офицеровъ, арестовали генерала Алексѣева.

— «Мы должны выручить ген. Алексѣева. Это единственный человѣкъ, ради котораго стоитъ жить. Только онъ спасетъ Россію, а они его замучаютъ», кричали, перебивая другъ друга, просящіе. «Уже, говорятъ, съ него сорвали погоны», — визжала одна ударница. «Если вы не разрѣшите, вы врагъ родины», вопилъ

штабъ-ротмистръ, подпрыгивая на своей протезѣ. «Хорошо», наконецъ согласился комендантъ обороны, видя, что всѣ его увѣренія, что генерала Алексѣева тамъ нѣтъ, ни къ чему не приведутъ. «Но только», продолжалъ онъ, «могутъ произвести вылазку одинъ лишь ударницы. Инвалиды же должны остаться охранять 1-ый этажъ. Васъ, ротмистръ, я назначаю командиромъ внутренней обороны воротъ. Но какъ только вы убѣдитесь, что генерала Алексѣева нѣтъ, такъ немедленно же вернитесь на мѣсто», снова обращаясь къ ударницамъ, приказалъ комендантъ. Ликуя и торопя другъ друга, покинула вся эта честная, чуткая публика комендантскую.

— «Я не могъ иначе поступить, все равно сами бы ушли, а это было бы хуже», увидѣвъ меня, подѣлился со мною комендантъ. «Ну, какъ ты, живъ еще», подойдя ко мнѣ и улыбаясь, продолжалъ онъ. — «Ну, и усталъ я. Рвутъ. Говорятъ безъ конца и никакого толку. Положительно сладу нѣтъ ни съ кѣмъ. Ну идемъ внизъ, посмотримъ, что тамъ дѣлается». И мы, разговаривая, вышли изъ комендантской. Внизу, на встрѣчу намъ, попался капитанъ Галіевскій. «Разрѣшите узнать, вами ли разрѣшена вылазка ударницамъ», обратился онъ съ вопросомъ къ коменданту. «Да», отвѣтилъ комендантъ обороны. — «Слушаюсь», и онъ снова бросился къ баррикадамъ. «Ну я туда», выйдя подъ арку и указывая на противолежащую дверь 1-го этажа, откуда выбѣжали ударницы, сказалъ онъ. «А ты, — продолжая обращаться ко мнѣ, закончилъ онъ, дѣлай, что найдешь нужнымъ, я доволенъ тобой и довѣряю тебѣ».

Чувство удовлетворенности наполнило меня, и я выскочилъ къ баррикадамъ. И въ тотъ же моментъ снова загорѣлись потухшіе было фонари, и я увидѣлъ выстроившуюся роту ударницъ, стоявшую лицомъ ко дворцу и правымъ флангомъ къ выходу изъ-за баррикадъ по направленію Милліонной улицы.

— «Равняйсь. Смирно», — покрывая щелканіе пуль о стѣны, о баррикады и верхушку воротъ, командовала, стоя передъ фронтомъ ударницъ, женщина-офицеръ. «На руку. На право. Шагомъ маршъ», и, вынувъ револьверъ изъ кобуры, женщина-офицеръ побѣжала къ головѣ роты.

Я и стоящіе тутъ же офицеры: капитанъ Галіевскій и штабъ-ротмистръ взяли подъ козырекъ.

— «Броневникъ идетъ», — раздалось съ баррикадъ.

— «Пулеметчики, приготовсь», — командовалъ Галіевскій. «Александръ Петровичъ, Христа ради, потушите огонь» — крикнулъ онъ мнѣ и, выхвативъ револьверъ, выстрѣлилъ въ фонарь.

«Зря», — крикнулъ я, но ошибся. Фонарь потухъ. Пуля разбила его.

Стрѣльба по второму не давала результата, и я снова помчался во дворецъ.

«Тебѣ не свѣтъ тушить надо, а пойти съ ударницами». — «Ну тутъ каждому свое», — глупо урезонилъ я себя, мчась въ комендантскую.

Черезъ нѣсколько минутъ я съ монтеромъ снова былъ въ монтерской. Доска оказалась выключенной, и онъ позвонилъ на станцію.

— «Станція занята матросами», — объявилъ онъ, опуская слуховую трубку. «Теперь весь свѣтъ въ ихъ рукахъ. Ваше высокородіе», — молилъ онъ, пока я провѣрялъ его заявленіе, «отпустите меня: у меня жена, дѣти. Я не при чемъ здѣсь».

«Хорошо, убирайся къ черту и куда хочешь, но попадешься среди нихъ, застрѣлю», — въ безсильной злобѣ угрожалъ я, въ то же время чувствуя безполезность словъ.

Назадъ я шелъ одинъ. Ноги подкашивались. Я выбился изъ силъ и часто останавливался, чтобы, прислонившись къ стѣнѣ, не упасть. Въ головѣ было пусто... Вотъ и комендантская. Вошелъ. Пусто. Я бросился къ окну. «Назадъ, назадъ, господинъ порученикъ, васъ убьютъ», откуда-то раздался удивительно знакомый голосъ. — «Кто здѣсь, гдѣ», — обернулся я. «Это я», высовываясь изъ за шкапа, показалась, бѣлая какъ снѣгъ, физіономія фельдфебеля Немировскаго. «Что вы тутъ дѣлаете, почему не съ юнкерами?» Немировскій вздрогнулъ, затрясся, закрылъ лицо руками и зарыдалъ. Я подошелъ къ нему. «Ну, успокойтесь, въ чемъ дѣло», допрашивалъ я его.

— «Я былъ все время на баррикадахъ... Я не могу больше... Я не могу видѣть крови... Одинъ юнкеръ въ животъ, въ грудь... Очень тяжело раненъ, а у него невѣста, старуха мать...» — рыдалъ Немировскій. — «Послушайте, — видя, что лаской ничего не сдѣлаешь, сказалъ я, — послушайте, вы самовольно ушли. Вы знаете, что я имѣю право пустить вамъ пулю въ лобъ, но я этого не сдѣлаю, если вы дадите слово взять себя въ руки и отправитесь составить мнѣ изъ первыхъ попавшихся юнкеровъ команду связи». — «Спасибо, спасибо. Слушаюсь. Но вы никому не скажете, что видѣли меня. Лучше застрѣлите, но не говорите никому». — «Это будетъ зависѣть отъ васъ, вѣдь вы казакъ, фельдфебель», урезонивалъ я его.

— «Я завтра подамъ рапортъ объ исключеніи изъ школы: я не имѣю права надѣть офицерскаго мундира», — горячо клялся, приходя въ себя и вытирая лицо, юноша-композиторъ, піанистъ, дивной игрою котораго заслушивалась вся школа.

Безконечная жалость къ нему, къ себѣ и ко всѣмъ заворошилась, защемила въ груди.

«На баррикады», крикнулъ я себѣ и съ вновь вспыхнувшей энергіей бросился къ воротамъ. Въ коридорѣ 1-го этажа снова загудѣло отъ выползшихъ откуда-то юнкеровъ пѣхотныхъ школъ. Кто стоялъ, кто шелъ. Но вотъ дверь. Выскакиваю. Противоположная дверь открыта, и въ освѣщенномъ коридорѣ толпятся какіе-то юнкера.

«Что-то неладное», — пронизываетъ мысль мозги, и я тамъ. На ящикѣ стоитъ какая-то фигура въ солдатской шинели и оретъ отрывистыя слова. Окружающіе волнуются и гудятъ. «Что такое, что за митингъ», проталкиваюсь впередъ, въ стремленіи среди всеобщаго гама уловить смыслъ бросаемыхъ словъ, говоримыхъ съ ящика, на которомъ часа два тому назадъ стоялъ хорунжій. Наконецъ удается вслушаться. «Черезъ пять минутъ Аврора вновь откроетъ огонь. Черезъ пять минутъ». «И еще разъ повторяю: кто сложитъ оружіе и выйдетъ изъ дворца, тому будетъ пощада. Васъ обманываютъ», — вырвалось изъ груди говорившаго.

«Агитаторъ», понялъ я, и холодокъ пробѣжалъ у меня по спинѣ.

«Ну, чего медлишь?» — со свирѣпостью накинулся я на себя. «Въ твоемъ наганѣ еще есть патроны. Говори, говори, собака. Собакѣ — собачья смерть, — шепталъ я губами, вытаскивая съ трудомъ руку и осторожно поднимая дуло нагана надъ плечами впереди стоящихъ и цѣлясь въ голову говорящаго.

«Ну, вотъ сейчасъ хорошо!» — и я взвелъ курокъ.

— «Съ ума ты сошелъ!» — раздалось надъ правымъ ухомъ, и одновременно рука легла на мою правую руку, просунувъ палецъ подъ курокъ.

«Что за...», и слова замерли на губахъ, я увидѣлъ лицо брата, склонившееся ко мнѣ.

— «Сейчасъ же, поручикъ, отправляйтесь въ комендантскую и ждите меня тамъ. Слышите? Я вамъ категорически приказываю, какъ Комендантъ Обороны Дворца».

Ничего не отвѣчая, я повернулся и, засовывая наганъ въ кобуру, поплелся, съ чувствомъ побитой собаченки, въ комендантскую.

«Ишь ты», — успокаиваясь, сидя въ комендантской, размышлялъ я. «Второй разъ будетъ „Аврора“ стрѣлять по Дворцу, а я и перваго не слышалъ. Да, гдѣ тутъ услышишь, когда такія стѣны. Тутъ, при твердости характера, можно отсиживаться цѣлыя недѣли, а не только до утра. Крѣпость! Эхъ, всѣхъ бы такихъ, какъ наша Школа!» — вяло скользила въ головѣ мысль. «И чего я сижу? — вдругъ рѣшилъ я. Скорѣй бѣги и арестуй Коменданта Обороны. А на что обопрешься?.. А Галіевскаго забылъ?» — подсказала мысль, и я вскочилъ со стула. Но въ тотъ же моментъ отворилась дверь и въ комендантскую вошелъ Комендантъ Обороны въ сопровожденіи какихъ-то офицеровъ и нѣсколькихъ штатскихъ.

— «Поручикъ, — обратился ко мнѣ Комендантъ, — отправьтесь къ Временному Правительству и доложите, что вылазка, произведенная ударницами, привела ихъ къ гибели, что Главный Штабъ занятъ возставшими, обезоружившими офицерскій отрядъ, а также доложите, что положеніе усложняется и что Дворецъ кишитъ агитаторами. Временное Правительство вы найдете, — подойдя вплотную ко мнѣ, и понизивъ голосъ, продолжалъ Комендантъ, — за бѣлымъ заломъ, да вотъ возьмите связь — онъ вамъ укажетъ», — показалъ Комендантъ на миленькаго, въ штатскомъ костюмѣ, очень изящнаго юношу.

«Слушаюсь, господинъ полковникъ», — покорно отвѣтилъ я вслухъ и, повернувшись къ юношѣ въ штатскомъ, передалъ ему приказаніе коменданта проводить меня къ Временному Правительству. Юноша взглянулъ на коменданта и, увидѣвъ утвердительный кивокъ головой, любезно раскланялся передо мною и заявилъ, что всего себя предоставляетъ въ мое распоряженіе.

Свернувъ налѣво, затѣмъ направо въ длинный и прямой, какъ стрѣла, корридоръ, я со связью бросились бѣжать. «Здѣсь налѣво, на лѣстницу у стеклянныхъ дверей», — проговорилъ юноша. «А теперь вверхъ и налѣво», и мы снова очутились въ корридорѣ, въ концѣ котораго завернули направо и вышли въ Портретную Галлерею.

— «Здѣсь часъ назадъ была брошена бомба сверху проникшими во Дворецъ большевиками, и Временное Правительство должно было изъ этого зала перейти въ другой, куда я васъ сейчасъ приведу», — разсказывалъ онъ, когда мы уже шли по Портретной Галлереѣ, гдѣ бѣжать не было возможности изъ-за валявшихся на полу матрацевъ юнкеровъ-ораніенбаумцевъ.

«Вотъ вы гдѣ, синьоры? Спите? Прекрасное занятіе въ то время, когда гибнутъ женщины! Нѣтъ, я ничего не понимаю», — въ отчаяніи, мысленно кричалъ я себѣ.

Но вотъ галлерея кончилась, и огромный залъ распластался передъ нами. По залу ходили отдѣльныя фигуры офицеровъ. Мы подошли ближе. Въ офицерахъ узнаю офицеровъ нашей Школы: поручиковъ Бакланова, Скородинскаго и Лохвицкаго. Отдѣльно отъ нихъ разгуливалъ маленькій худенькій докторъ Школы — Ипатовъ.

Увидѣвъ меня, они бросились ко мнѣ: «Какъ? Что? Уже заняли первый этажъ?»... дрожащими губами справился торопливо кругленькій, упитанный Баклановъ.

«Да, занятъ», — и выдержавъ паузу, — докончилъ: «нами».

Изъ блѣднаго, Баклановъ сталъ густо-краснымъ и отошелъ. Скородинскій что-то промямлилъ, что онъ находится здѣсь въ караулѣ, и тоже отошелъ. Только Лохвицкій, съ перекошеннымъ лицомъ, сбиваясь и брызжа слюною, началъ доказывать безплодность дальнѣйшей борьбы. «Вы карьеристы, — говорилъ онъ, захлебываясь, — вы губите юнкеровъ и насъ!»

«Убирайтесь вы къ чорту!» — не вытерпѣвъ, огрызнулся я на поручика Гвардіи, выставленнаго изъ нея съ фронта за необычайное мужество. «Неврастеникъ несчастный!»

— «Вы можете ругаться, сколько угодно, а только губить насъ и Временное Правительство вы не можете», — продолжалъ онъ стонать надъ душой.

«Здѣсь. Стучитесь», — остановился мой провожатый у двери, на караулѣ которой стоялъ юнкеръ нашей Школы, Я. Шварцманъ. Я поздоровался съ нимъ и объявилъ, что иду къ Временному Правительству по приказанію Коменданта Обороны Дворца. Онъ отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ я могу пройти, и постучалъ въ дверь. Кто-то дверь толкнулъ изнутри и я вошелъ въ нее, закрывая сейчасъ же ее за собой.

— «Что вамъ угодно?» — спросилъ меня въ адмиральскомъ сюртукѣ старичокъ, сидѣвшій налѣво отъ двери, въ креслѣ.

«Поручикъ Синегубъ, Школы Подготовки Прапорщиковъ Инженерныхъ Войскъ, по приказанію Коменданта Обороны Зимняго Дворца, полковника Ананьева, явился для доклада объ обстановкѣ момента господину предсѣдателю Совѣта Министровъ, Ваше Превосходительство», — громко, отчетливо, вытянувшись въ позѣ «смирно», отрапортовалъ я отвѣтъ.

Во время моего отвѣта разгуливавшіе по комнатѣ двое министровъ, членовъ Временнаго Правительства, остановились и затѣмъ они, и одинъ поднявшійся изъ-за стола, подошли ко мнѣ.

Въ одномъ я узналъ Терещенко, а во вставшемъ изъ-за стола — Коновалова.

— «Я къ вашимъ услугамъ. Что сообщите?» — пріятнымъ тембромъ голоса задалъ онъ мнѣ вопросъ. «Говорите, говорите скорѣе!» — живо заторопилъ меня Терещенко.

Въ краткихъ словахъ я изложилъ порученное мнѣ Комендантомъ Обороны, упомянувъ о стойкости юнкеровъ нашей Школы, продолжающихъ лежать на баррикадахъ.

— «Поблагодарите ихъ отъ нашего имени!» — пожимая мнѣ руку, говорилъ предсѣдатель Совѣта Министровъ, когда я кончилъ докладъ и спросилъ разрѣшенія идти. — «И передайте нашу твердую вѣру въ то, что они додержатся до утра», — закончилъ министръ.

— «А утромъ подойдутъ войска», — вставилъ Терещенко.

— «Понимаете, надо додержаться только до утра», — добавилъ значительнымъ тономъ голосъ изъ-за его спины.

«Такъ точно, понимаю. За нашу школу я отвѣчаю, господинъ предсѣдатель Совѣта Министровъ.

— Вотъ и прекрасно!» — обрадованно проговорилъ тотъ же голосъ. Я быстро взглянулъ въ его сторону и увидѣлъ небольшого старичка съ пронизывающими, колкими глазами.

— «Спасибо», — говорилъ А. И. Коноваловъ, — «и пожалуйста передайте Коменданту, что Правительство ожидаетъ частыхъ и подробныхъ сообщеній».

— «А лучше, если онъ самъ сможетъ вырваться и явиться къ намъ», — бросилъ Терещенко.

Во время этихъ приказаній я приблизился къ двери и открылъ ее, и въ тотъ же моментъ въ нее проскользнулъ поручикъ Лохвицкій и, поймавъ за пуговицу жакета А. И. Коновалова, началъ доказывать ему безполезность дальнѣйшей борьбы.

Изумленные министры пододвинулись и начали вслушиваться въ развиваемую Лохвицкимъ тему.

Мнѣ было досадно и смѣшно. Взять его за плечи и вывести мнѣ представилось актомъ довольно грубымъ по отношенію министровъ, поэтому я его ущипнулъ, но онъ только отмахнулся рукою. Меня это задѣло, и я объявилъ, что поручикъ контуженъ въ голову на фронтѣ, — что соотвѣтствовало истинѣ, — и поэтому прошу разрѣшенія его увести. Но мнѣ отвѣтили, что въ томъ, что онъ говоритъ, есть интересныя данныя и поэтому я могу безъ стѣсненія его оставить.

«Слушаюсь», — стереотипно отвѣтилъ я, повернулся и вышелъ. Выйдя въ залъ, я снова почувствовалъ приливъ безконечной слабости отъ неожиданно для меня родившагося какого-то чувства симпатіи къ этимъ людямъ, въ сущности покинутымъ всѣми, на волю волнъ взыгравшагося рока. «Бѣдные, какъ тяжело вамъ».

— «Господинъ офицеръ, господинъ офицеръ», — внезапно раздался зовъ сзади. «Это васъ зовутъ», — сказалъ мнѣ мой спутникъ. Я обернулся. Ко мнѣ изъ кабинета засѣданія Правительства большими шагами, быстро приближалась высокая, стройная фигура Пальчинскаго.

— «Сейчасъ звонили по телефону изъ Городской Думы, что общественные дѣятели, купечество и народъ съ духовенствомъ во главѣ идутъ сюда и скоро должны подойти и освободить Дворецъ отъ осады. Передайте это Коменданту Обороны для передачи на баррикады и оповѣщенія всѣхъ защитниковъ Дворца», — говорилъ взволнованно министръ. «Подождите, я...» — но его перебили передачей изъ кабинета приглашенія подойти къ телефону. «Хорошо, бѣгу!» — крикнулъ онъ, и снова обращаясь ко мнѣ, добавилъ: — «Вы сами, пожалуйста, тоже распространяйте это. Это должно поднять духъ», — отходя отъ меня, закончилъ онъ отдачу распоряженій.

Это извѣстіе о шествіи отцовъ города и духовенства подняло меня. И мнѣ стало удивительно легко. «Это поразительно красиво будетъ», — говорилъ я сопровождавшему меня юношѣ.

Юноша сіялъ еще больше меня. Но вотъ Портретная Галлерея, и я, нѣсколько сдержавъ выраженія своей экзальтированности, выбѣжавъ на середину Галлереи, прокричалъ новость юнкерамъ.

«Ура! Да здравствуетъ Россія!» — закончилъ я сообщеніе новости и, подъ общіе, торжественные крики «ура» юнкеровъ, побѣжалъ дальше, останавливаясь передъ группами юнкеровъ и дѣлясь съ ними приближающейся радостью.

А въ это время снова начала разговаривать съ Невы «Аврора».

— «Будьте добры, помогите мнѣ, — говорилъ мнѣ юноша, оказавшійся офицеромъ-прапорщикомъ, только на-дняхъ пріѣхавшимъ въ отпускъ къ родителямъ съ фронта и вотъ сегодня проникнувшимъ во Дворецъ, — раздѣлить участь юнкеровъ и тѣхъ сыновей чести, которые служили въ арміи не изъ-за двадцатаго

числа, а въ силу уваженія къ себѣ, какъ дѣтямъ большого, прекраснаго народа». «Вы это можете сдѣлать, — убѣждалъ онъ меня, — предоставьте мнѣ нѣсколькихъ юнкеровъ, и я организую вылазки. Позвольте, позвольте — предупредилъ онъ, готовый было сорваться у меня протестъ. — Я уже ходилъ, но одинъ. Я пробрался за баррикады и, вмѣшавшись у Александровскаго Сада въ толпу осаждающихъ, бросилъ три гранаты. Это же была картинка! Правда, — помогите», — просилъ юноша.

Но я отказалъ. Одно дѣло, грудь на грудь идти, и другое — изъ-за спины. И среди кого? Рабочихъ, отуманенныхъ блестящей, какъ мыльный шаръ, фантазіей... «Нѣтъ, — говорилъ я, — право, невинной крови не надо. Вотъ, подойдутъ горожане съ духовенствомъ, и это, повѣрьте, окажется сильнѣе, чѣмъ «Авроры» съ ихъ стороны и вылазки такого сорта, какъ вы предлагаете, съ нашей. Оставьте честь метаній бомбъ изъ-за угла господамъ Савинковымъ», — урезонивалъ я горящаго жаждою боя прапорщика.

— «Вы правы; я не подумалъ съ этой точки зрѣнія», — согласился со мною юноша.

За бесѣдой мы незамѣтно достигли поворота корридора въ первомъ этажѣ къ выходу подъ аркой, гдѣ намъ снова попалось двое юнкеровъ и какой-то дворцовый служитель, стоявшій прислонившись къ стѣнкѣ и беззаботно курящій махорку, напомнившую мнѣ, что я давно не курилъ. Я остановился и попросилъ у него папиросу. Онъ охотно исполнилъ мою просьбу, но отъ денегъ отказался. Я закурилъ и пошелъ дальше, за поворотъ.

— «Господинъ поручикъ», — вдругъ остановилъ меня одинъ изъ двухъ юнкеровъ, попавшихся на встрѣчу до поворота. «Господинъ поручикъ, этотъ человѣкъ, у котораго вы брали папиросу, кажется большевикъ. У него подъ тулупомъ болтаются гранаты. Мы давно за нимъ слѣдимъ. Онъ кого-то здѣсь ждетъ», — доложилъ юнкеръ свои соображенія о здоровеннѣйшаго роста субъектѣ, принятомъ мною за дворцоваго служителя.

«Такъ, отлично! Будьте внимательны! Я сейчасъ провѣрю», — поворачиваясь обратно, приказалъ я юнкерамъ.

«Послушайте, скажите, что вы здѣсь дѣлаете?» — подходя почти вплотную, задалъ я прямо вопросъ человѣку въ тулупѣ и валенкахъ. И не давая возможности произнести что-либо въ отвѣтъ, я быстро оборвалъ крючокъ воротника и задернулъ его на плечи, связавъ, такимъ образомъ, свободу дѣйствій рукъ.

Эффектъ былъ ошеломляющій, какъ для него, такъ и для меня: На раскрытыхъ плечахъ лежали солдатскіе погоны Семеновскаго полка, а за поясомъ торчало два револьвера и висѣло нѣсколько гранатъ.

Мгновеніе — и мой револьверъ у его носа, а штыки винтовокъ юнкеровъ прижались къ животу и груди. И онъ стоялъ, не шелохнувшись, выпуча глаза и сдерживая дыханіе. Прапорщикъ вмигъ снялъ съ него его украшенія и вытащилъ изъ кармановъ кучу обоймъ и кошелекъ, въ которомъ оказалась расписка въ полученіи отъ товарища Сидора Евдокимова пакета за № 17 отъ 25 октября изъ Зимняго Дворца, отъ товарища N. Печати не было. Подпись была, но не разборчива. Эту записку я спряталъ въ полевую книжку, а револьверы, патроны и гранаты предоставилъ въ распоряженіе юнкеровъ и принялся за допросъ. Но ни угрозы, ни обѣщанія свободы не дѣйствовали. И онъ,

притворяясь дурачкомъ, разсказывалъ сказку, что кошелекъ онъ нашелъ во дворѣ, что онъ неграмотный, и что онъ и не солдатъ вовсе, а такъ святымъ духомъ оказался въ формѣ. Слушая галиматью, какую онъ несъ, прапорщикъ бѣсился и все хотѣлъ его пристрѣлить. Но я рѣшилъ иначе и приказалъ юнкерамъ отвести его наверхъ и сдать внутреннему караулу 2-го этажа. Прапорщикъ тоже пошелъ съ ними.

«Надо быть осторожнѣе», — начала строить выводы мысль, когда оставшись одинъ, продолжалъ идти къ комендантской, какъ въ корридорѣ изъ другого, параллельнаго первому, изъ котораго я только-что вышелъ, съ шумомъ показались юнкера-ораніенбаумцы. Я остановился и, подождавъ, чтобы ихъ больше накопилось, передалъ имъ вѣсть о шествіи горожанъ ко Дворцу. И то, какъ они приняли это, подсказало мнѣ, что они выходили въ корридоръ для полнаго выхода изъ Дворца.

Теперь же настроеніе вновь переломилось, и они снова загалдѣли о возвращеніи обратно къ своимъ постамъ. Въ это же время откуда-то выскочилъ офицеръ ихъ школы, и дѣло водворенія порядка опять пошло на ладъ. Тутъ же попался мнѣ на глаза одинъ изъ юнкеровъ связи нашей Школы, котораго я и послалъ на баррикады передать новость капитану Галіевскому. «Медлить нельзя», между тѣмъ, говорилъ я себѣ. «Скорѣе находи Коменданта Обороны и проси направить свободныхъ офицеровъ къ юнкерамъ. Иначе приходъ отдозъ города будетъ впустую. Затѣмъ изъ юнкеровъ необходимо устроить заставы на подступахъ къ Бѣлому Залу, а то безконечные корридоры никѣмъ не охраняются, и они свободно, черезъ какіе-нибудь ходы, вродѣ Зимней Канавки, просочатся и затопятъ Дворецъ своею численностью, а не побѣдой оружія. Боже, какъ мнѣ это раньше не пришло въ голову», — едва плетясь къ комендантской, казнился я. «О, гдѣ бы выпить воды и оправиться», — и у меня въ глазахъ запрыгалъ стаканъ чаю, замѣченный мною на столѣ въ кабинетѣ засѣданія Временнаго Правительства. «Дуракъ, почему не попросилъ, объяснивъ причины жажды».

«Ты этимъ бы даже подбодрилъ ихъ. Они увидали бы, что есть люди, которые твердо стоятъ на своемъ посту служенія долгу. Да, держи карманъ шире, — просто рѣшили бы, что выскочка», — зло разсмѣявшись, вошелъ я въ достигнутую мною комендантскую. «Что они тамъ дѣлаютъ», нечаянно оборачиваясь на порогѣ вправо и замѣчая группу юнкеровъ и офицеровъ, заинтересовался я надъ необычайностью ихъ позъ. «А, пускай дѣлаютъ, что хотятъ», — и я окончательно вошелъ въ комнату. Въ ней я засталъ лишь нѣсколькихъ юнкеровъ и верзилу вольноопредѣляющагося, удивительно напомнившаго мнѣ одного знакомаго, и картины изъ родной Малороссіи поплыли передъ глазами, я зашатался и, если бы онъ не подхватилъ меня, то я бы грохнулся на полъ.

«Вы ранены?» — участливо закидали меня вопросами, но я молчалъ.

Все куда-то исчезло, но я какъ-то сразу увидѣлъ пагнувшагося надо мной верзилу вольноопредѣляющагося. «Что такое? Зачѣмъ вы здѣсь?» — вскочилъ я съ вопросомъ со стула, на который меня усадили.

— «Вамъ плохо! Сидите лучше, господинъ поручикъ», — ласково улыбаясь изъ-подъ мохнатыхъ бровей голубыми глазами, просилъ онъ меня. Гдѣ Комендантъ Обороны?» — упрямо задалъ я вопросъ.

«Комендантъ только-что отправился къ Временному Правительству», — отвѣтилъ одинъ изъ юнкеровъ.

«Догнать!» — заоралъ я.

И отъ этого, внезапно вырвавшагося крика, мнѣ стала отчетливо ясна вся окружающая обстановка. Двое юнкеровъ, какъ-то подпрыгнувъ отъ неожиданности окрика, бросились въ корридоръ исполнять приказаніе, но сейчасъ же вскочили обратно.

— «Тамъ дерутся», — срывая изъ-за спинъ винтовки, говорили они.

«Ворвались», — мелькнула мысль, обдавая жаромъ все тѣло, и я въ моментъ бросился къ корридору, вытаскивая револьверъ изъ кобуры. Но взглянувъ въ корридоръ, сейчасъ же вложилъ его обратно. Дравшіеся на шашкахъ, мелькавшихъ въ воздухѣ, оказались двое пьяныхъ офицеровъ, быстро отдѣлявшихся отъ группы, замѣченной мною при входѣ въ комендантскую. «Что скажу юнкерамъ? Какой стыдъ!» — смущенно рѣшалъ я. «Офицеры подрались, своихъ не узнали, что ли? Видно большевики для васъ, что пугало для воронъ!» — крикнулъ я уже изъ корридора, бросаясь между приблизившимися драчунами. Мое появленіе смутило и внесло нѣкоторое спокойствіе, что дало возможность подбѣжавшимъ сотоварищамъ развести ихъ въ разныя стороны.

— «Господинъ поручикъ, — подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ одинъ изъ юнкеровъ, — что прикажете доложить коменданту? Вы приказывали его догнать».

«Спасибо. Я забылъ. Не надо, я самъ пойду... Кто знаетъ дорогу? А то я запутаюсь», — схитрилъ я, боясь, что снова ослабѣю и не дойду самостоятельно.

— «Я знаю, господинъ поручикъ», — вызвался вольноопредѣляющійся. — «Разрѣшите, проведу?»

«Да, да. Идемте. А вы оставайтесь здѣсь и всѣмъ передавайте, что сюда идетъ народъ», и я повторилъ извѣстіе, съ которымъ прибѣжалъ.

— «Позвольте васъ взять подъ руку», — предложилъ мой провожатый, когда мы скрылись за поворотомъ.

«Спасибо. Только съ лѣвой стороны», — быстро попросилъ я его, отъ мелькнувшаго соображенія: «почему онъ такъ быстро предложилъ свои услуги... и вообще, какъ странно онъ держится, почему онъ дернулся корпусомъ впередъ, когда я говорилъ, что сюда идутъ отцы города. Ясно, ему это не понравилось... ужъ не онъ ли посылалъ отсюда пакетъ за № 17», — работало напряженно какое-то растущее чувство недовѣрія къ спутнику, что-то болтавшему, что ускользало отъ моего слуха.

По мѣрѣ приближенія къ цѣли, спутникъ все круче и круче мѣнялъ темы разговора, а я все лѣнивѣе ворочалъ языкомъ и чаще сталъ останавливаться, чтобы, опершись спиною къ стѣнкѣ, внимательнѣе разсмотрѣть лицо, руки и одутловатости кармановъ. «Странно — упорно сидѣла все одна и та же мысль въ головѣ. — Я его раньше все какъ-то не замѣчалъ, и почему онъ безъ винтовки или револьвера, или шапки. И что онъ можетъ безъ нихъ тутъ дѣлать? Нѣтъ, опредѣленно здѣсь дѣло нечистое», — заключалъ я и принимался идти дальше, чтобы черезъ сотню шаговъ остановиться и снова обдумать тѣ же вопросы. Но вотъ онъ, слегка запнувшись, съ налета задалъ вопросъ, не могу ли я использовать его желаніе быть полезнымъ дѣлу защиты Временнаго Правительства и, если понадобится, занять его такъ, чтобы сами члены Временнаго Правительства видѣли его усердіе, за что его, послѣ подавленія мятежа, произведутъ въ корнеты флота...

— «Господинъ поручикъ», — повышенно закончилъ онъ, снотыкнувшись на словѣ «флота», свою просьбу. Я отъ неожиданности сопоставленія корнета съ флотомъ слегка вздрогнулъ и искоса взглянулъ на него снизу вверхъ. Онъ тоже смотрѣлъ на меня. «Матросъ», — выросла догадка...

«Что же, я съ удовольствіемъ сдѣлаю это», — съ трудомъ проговорилъ я, въ то же время сжимая рукоятку нагана.

— «Покорнѣйше благодарю!» — освобождая свою правую руку, отвѣтилъ онъ. «Вы бы отдохнули, господинъ поручикъ, на васъ лица нѣтъ», — остановился онъ съ предложеніемъ, засунувъ освобожденную руку въ правый задній карманъ. Въ корридорѣ, въ который мы вышли съ большой мраморной лѣстницы, была полутемнота и полное отсутствіе какой либо человѣческой фигуры. Въ вискахъ стучало, во рту было не хорошо. «Кто раньше?» — мелькалъ вопросъ въ головѣ, съ жадностью улавливавшей доносящіеся звуки гула голосовъ изъ свѣтлой полоски конца корридора. И вдругъ изъ распахнувшейся двери, слѣва отъ выхода съ лѣстницы, вышли съ тяжелыми шагами, эхомъ покатившимися по корридору одинъ за другимъ пять юнкеровъ.

— «А какой у меня револьверъ, я всегда съ нимъ», — смущенно говорилъ мнѣ вольноопредѣляющійся верзила, вытаскивая правую руку и нерѣшительно подымая ея кисть, съ зажатымъ въ пальцахъ браунингомъ.

«Хорошій, но вы не играйте имъ! Оружіемъ не играютъ», — наставительно громко произнесъ я отвѣтъ, хватая лѣвой рукой за его кисть съ револьверомъ и подымая свой наганъ правой рукой. «Играя — можно убить», — кончилъ я.

Находившіеся въ нѣсколькихъ шагахъ юнкера-ораніенбаумцы — уже стояли рядомъ.

«Бросьте револьверъ, вы не умѣете съ нимъ обращаться! — Взять его!» — приказалъ я юнкерамъ, когда браунингъ упалъ изъ разжавшихся пальцевъ. «Я арестую васъ! Ведите въ Портретную Галлерею!» — отдалъ я приказаніе юнкерамъ, внутренне поражаясь ровной четкой интонаціи собственнаго голоса въ то время, когда сердце готово было выскочить изъ груди.

Въ Портретной Галлереѣ, куда я вошелъ съ юнкерами и нечаяннымъ плѣнникомъ, — стоялъ въ воздухѣ Содомъ и Гоморра. Строились какіе-то юнкера, то вбѣгая въ строй, то выскакивая изъ него. Отъ шума и свѣта и предшествующаго волненія, я остановился, чтобы разобраться въ впечатлѣніяхъ. Прямо передо мной стоялъ Комендантъ Обороны, правѣе Пальчинскій, кричащій негодующе на поручика Лохвицкаго, съ совершенно искаженной физіономіей, что-то въ свою очередь кричащаго Пальчинскому. А еще ближе направо у незамѣченной мною деревянной загородки-будки стоялъ поручикъ Скородинскій и двое юнкеровъ на часахъ. Изъ загородки доносились какіе-то грубыя восклицанія и смѣхъ.

— «Господинъ полковникъ, я приказываю арестовать этого большевика», — указывая на Лохвицкаго Коменданту Обороны, горячился министръ.

— «Чортъ знаетъ что! Второй офицеръ оказывается большевикомъ!» — кончилъ, приходя въ себя, Пальчинскій и, отвернувшись отъ поручика къ строющимся юнкерамъ, сталъ торопить построеніе.

«А, вы пришли! Это превосходно. Вотъ, господинъ министръ, офицеръ, за котораго я вамъ ручаюсь», — указывая на меня Пальчинскому, продолжалъ Комендантъ Обороны.

«Не зѣвайте», — бросилъ я юнкерамъ и подошелъ къ начальнику Обороны съ докладомъ о положеніи вещей внизу и объ арестѣ мною, за странное поведеніе, вольноопредѣляющагося, въ которомъ я подозрѣваю матроса, но въ чемъ убѣдиться документально не успѣлъ.

— «Гдѣ онъ? А этотъ! Отлично сдѣлали, что арестовали. Я уже хотѣлъ это сдѣлать, но онъ какъ-то ускользнулъ изъ глазъ. Поручикъ Скородинскій, примите и допросите... А вы, принимайте командованіе взводомъ и отправьтесь очистить отъ большевиковъ ту часть Дворца, что примыкаетъ къ Эрмитажу, откуда они все больше и больше наполняютъ Дворецъ», — отдалъ мнѣ приказаніе Комендантъ Обороны, указывая на строющихся юнкеровъ.

— «Приведите ихъ скорѣе въ порядокъ», — обратился ко мнѣ министръ.

«Слушаюсь! Взводъ равняйсь!» — и слова команды покрыли шумъ. «Разрѣшите идти, господинъ министръ?» — спросилъ я у Пальчинскаго, когда назначенные мною взводный и отдѣленные командиры заняли свои мѣста и произвели расчетъ.

— «Да вы планъ Зимняго знаете?» — справился у меня министръ.

«Никакъ нѣтъ!»

— «Господинъ полковникъ, дайте поручику провожатаго. А гдѣ комендантъ зданія? Онъ гдѣ-то здѣсь былъ», — спрашивалъ министръ.

— «Такъ точно, я тутъ, господинъ министръ!» — подлетѣлъ молоденькій прапорщикъ въ широчайшихъ галифэ.

— «Вотъ, вы пойдете вмѣстѣ со взводомъ и укажете путь самый короткій и такъ, чтобы..., ну, поднявшись еще на этажъ, спуститься къ нимъ въ тылъ сверху... Однимъ словомъ, чтобы зайти въ тылъ. А со стороны воротъ тоже будутъ приняты мѣры», — высказалъ соображенія министръ.

— «Виноватъ, господинъ министръ, я буду совершенно безполезенъ... я... я не знаю ходовъ соединеній помѣщеній Дворца. Я только недавно вступилъ въ должность и за сложностью обязанностей не успѣлъ еще ознакомиться», — оправдывался въ своемъ незнаніи своихъ обязанностей шикарный комендантъ зданія.

— «Это чортъ знаетъ что!»... — вскипѣлъ министръ. «Я самъ пойду съ вами!» — отнесся онъ ко мнѣ. «Подождите одну секунду», — и онъ подошелъ къ Коменданту Обороны, отдававшему какія-то распоряженія юнкерамъ связи.

Я воспользовался этимъ перерывомъ и спросилъ поручика Скородинскаго о результатѣ допроса.

— «Да и допрашивать не пришлось. Сразу сознался, что все время болтался здѣсь и велъ наблюденіе, но на васъ онъ даже не сердитъ. Слышите — хохочутъ подлецы».

«Ну, всѣхъ благъ. Министръ идетъ».

Я бросился къ взводу. Министръ кивнулъ головой. «Смирно! На плечо! Ряды вздвой! Направо! Шагомъ маршъ!» — подалъ я команду, и взводъ двинулся.

— «Сколько юнкеровъ?» — справился министръ, идя рядомъ со мной.

«27 человѣкъ», — отвѣтилъ я.

— «Достаточно. Эти негодяи очень трусливы. Важна внезапность», — проговорилъ министръ и смолкъ.

Министръ тоже не зналъ расположенія ходовъ во Дворцѣ, а поэтому велъ на лобовой ударъ, а не въ тылъ.

Гулко неслись шаги взвода по длиннымъ корридорамъ и лѣстницамъ, взбудораживая отдѣльныя группы и фигуры юнкеровъ, большей частью безцѣльно слонявшихся по Дворцу.

Но вотъ и корридоръ 1-го этажа. Опомнившіеся Ораніенбаумцы держали нѣкоторый порядокъ. Стояли кое-гдѣ парные часовые, а передъ выходомъ подъ арку къ воротамъ стояла застава. При нашемъ появленіи они замѣтно оживились.

Взводъ же, ведомый министромъ Пальчинскимъ, также подтянулся и взялъ тверже ногу.

«На мѣстѣ!» — скомандовалъ я передъ выходомъ, выжидая пока министръ наведетъ справку о положеніи на баррикадахъ.

— «Баррикады въ нашихъ рукахъ, тамъ же почти все въ рукахъ большевиковъ. — Прямо!» закончилъ министръ.

Эхо ружейной и пулеметной трескотни смѣшивалось съ пискливымъ жужжаніемъ пулекъ, пронизывающихъ арку вдоль отъ воротъ ко двору.

«По одному, — прямо, бѣгомъ!» — скомандовалъ я, бросаясь черезъ арку къ противоположнымъ дверямъ перваго этажа второй части Дворца.

Перебѣжка протекла благополучно, безъ раненій. Въ знакомомъ уже мнѣ вестибюлѣ оказалась группа юнкеровъ, ведшихъ какое-то совѣщаніе. Я и министръ накинулись на нихъ съ вопросомъ, гдѣ большевики, и что они сами дѣлаютъ.

— «Большевики тутъ, за слѣдующей залой скопляются, у лѣстницы», — отвѣтили спрошенные.

— «Прекрасно, присоединяйся къ намъ!» — крикнулъ министръ, бросаясь дальше. Я бѣжалъ рядомъ. Но вотъ залъ съ лѣстницей наверхъ. По залу въ отдѣльныхъ кучкахъ раскинуты солдатскія и матросскія фигуры, вооруженныя съ пятъ до зубовъ.

Съ крикомъ: «Сдавайся!» — направляюсь къ лѣстницѣ, чтобы отрѣзать выходъ на лѣстницу. Первая пара юнкеровъ мчится туда же за мной. Съ нами, рядомъ, министръ. Вбѣгающіе юнкера, съ винтовками на перевѣсъ, ошеломляютъ группу и первое мгновеніе воцаряется растерянность, мѣстами превратившая матросовъ и солдатъ въ столпниковъ.

«Насъ мало, а ихъ много. Они разбросаны, а мы вбѣгаемъ лишь съ одной стороны», — мелькаетъ въ головѣ, и я, оборачиваясь, ору слова команды, какъ будто бы за мной идетъ бригада; ору, словно меня рѣжутъ на куски. У лѣстницы, куда стоявшіе у нея матросы и солдаты вдругъ бросились удирать, замахиваясь гранатами, но только замахиваясь, а не кидая ихъ, очевидно, изъ боязни перерапить своихъ, министръ Пальчинскій, находившійся все время рядомъ со мной, склоняется ко мнѣ своею длинной фигурой и кричитъ мнѣ въ правое ухо: «перестаньте орать, словно васъ рѣжутъ, — я не могу слышать!» — Но я бросаю фразу, что такъ надо, и продолжая крикъ, устремляюсь на лѣстницу. Передъ поворотомъ ея въ обратную сторону вверхъ, моя пара юнкеровъ и я задерживаемся, чтобы обезоружить и стащить внизъ пару пойманныхъ матросовъ. И въ этотъ моментъ я замѣчаю, что эффектъ нашего появленія далъ прекрасные результаты: нѣсколько десятковъ человѣкъ уже обезоружено, а нѣсколько въ сторонѣ, вправо отъ лѣстницы, группа юнкеровъ съ тремя офицерами, бывшая до нашего появленія въ плѣну у нашего противника, уже устремляется къ винтовкамъ и гранатамъ.

— «Освободившіеся юнкера и офицеры сюда!» — кричитъ Пальчинскій. «Дальше спѣшите!»... — бросаетъ онъ мнѣ. Но дальше бѣжать мнѣ не съ кѣмъ. Но нѣсколько секундъ, и ко мнѣ подбѣжало человѣкъ 7—9 юнкеровъ и прапорщиковъ, и мы снова несемся впередъ, но уже по лѣстницѣ. Ближайшій матросъ, все поворачивающійся въ своемъ бѣгствѣ, словно затравленный звѣрь, пытается стрѣлять, но неудачно, и онъ спотыкается. Честь схватить его первымъ принадлежитъ мнѣ, несмотря на горячее желаніе этого достигнуть у прапорщика. Вырываю револьверъ и сталкиваю внизъ къ юнкерамъ, для ареста, для отнятія гранатъ, и снова несусь дальше за обогнавшимъ меня прапорщикомъ и двумя юнкерами слѣва. Но вотъ, лѣстница кончилась, и преслѣдуемые нами матросы и солдаты несутся уже по огромному залу.

Теперь ихъ больше. Вмѣстѣ съ ними, въ безотчетномъ страхѣ, удираютъ тѣ товарищи, что въ спокойномъ настроеніи спѣшили внизъ въ 1-ый этажъ.

Въ залѣ мы снова освобождаемъ небольшую группу юнкеровъ, изъ которыхъ нѣкоторыхъ посылаю отвести внизъ новыхъ, захваченныхъ плѣнныхъ, и снова дальше. Министра уже съ нами нѣтъ. Онъ остался внизу закрѣплять успѣхъ.

Но вотъ и этотъ залъ кончился и налѣво передъ нами, — мной, прапорщикомъ и четырьмя, пятью юнкерами, — новый залъ съ корридоромъ впереди. Въ этомъ залѣ повторяется то же, но съ тою разницей, что захваченные было въ плѣнъ юнкера и находившіеся въ немъ уже сами при нашемъ появленіи срываются со всѣхъ сторонъ и, набросившись на столы, съ лежащими на нихъ кучами гранатъ, помогаютъ задерживать и обезоруживать своихъ бывшихъ сторожей, пустившихся было на утёкъ.

«Развѣ ты солдатъ?» — набросился я на замахнувшагося гранатой «большевика».

Тотъ заморгалъ глазами отъ моего вопроса.

«Я тебя, скотина, спрашиваю. Опусти руки, когда съ тобой разговариваетъ офицеръ!»

Онъ покорно опустилъ занесенныя руки съ гранатами.

«Положи на полъ! Вѣдь не умѣешь ихъ держать! Еще себя взорвешь!»

Солдатъ затрясся, положилъ гранаты и вдругъ заревѣлъ.

«Сволочь, на офицера руку поднялъ!.. Ну ладно... ты не виноватъ. Тебѣ голову замусорили другіе. Знаю... Не бойся... Живъ останешься!» — говорилъ я ему и въ то же время уже осматривалъ это поле битвы, къ огромному счастью, совершенно безкровное.

«Надо дальше въ корридоръ. Хорошо, что эта шантрапа безъ боевыхъ руководителей», — оставляя земляка ревѣть, подошелъ я къ прапорщику, снимавшему съ матроса гранаты.

— «Этихъ надо убрать», — замѣтилъ онъ мнѣ.

«Да, это вы правы».

Черезъ нѣсколько минутъ пять юнкеровъ повели 11 человѣкъ матросовъ и солдатъ внизъ.

«Пришлите сюда первопопавшихся юнкеровъ!» — отдалъ я приказаніе уходящимъ. И оставшись одинъ, я увидѣлъ, что насъ осталось всего четверо: я, прапорщикъ, юнкеръ нашей школы Шапиро и юнкеръ ораніенбаумецъ.

— «Тамъ гдѣ-то есть входъ», — указалъ на корридоръ прапорщикъ.

«Чортъ его знаетъ, тамъ много этихъ дверей. Ну ладно, идемте! Вы останетесь тутъ охранять гранаты и въ качествѣ резерва, — приказалъ я ораніенбаумцу, — а мы въ корридоръ. Отыщемъ выходъ. Забаррикадируемъ столами и все будетъ великолѣпно. Пока задача выполнена».

Уже нѣсколько дверей нами освидѣтельствовано. Всѣ заперты. Но вотъ, прапорщикъ открылъ дверь и вскрикнулъ. Просунувшійся матросъ схватилъ его за ногу. Онъ упалъ и сразу оба исчезли за порогомъ. Крикъ испуга и ругань сразу родили во мнѣ представленіе, что тамъ, въ темнотѣ, лѣстница, и на ней засада. Моя стрѣльба подняла еще большій шумъ и топотъ. «Удираютъ». — «Впередъ!» — И я съ юнкеромъ Шапиро бросились въ темноту.

«Проклятіе!» Лѣстница оказалась винтовой, металлической и вертикальной. Стрѣлять и бросать гранаты безполезно. Но вотъ просвѣтъ пролёта и граната летитъ туда. Взрывъ. — Еще крики. Хлопаніе двери и тишина.

Прислушался. Тихо, ни одного звука. Начали спускаться — площадка и дверь. Толкнули. Заперта. Еще разъ толкнули — заперта. Поискали еще выходъ. Нѣтъ. Голыя, холодныя стѣны. Порылся въ карманѣ, отыскивая спички. Коробка есть, но спичекъ не оказалось. Я посовѣщался съ юнкеромъ Шапиро и стали подниматься обратно. И вдругъ проскользнуло соображеніе: «А что, если наверху, изъ другихъ комнатъ, выскочили на нашу стрѣльбу и заперли двери?» — И отъ этой мысли стало холодно. «Скорѣе, скорѣе наверхъ, къ двери, къ свѣту!» — звенѣло въ головѣ.

Но вотъ площадка. Руки ощупываютъ холодныя, гранитныя стѣны. «Дверь!» — вскрикиваю я и толкаю. «Заперта»... — мелькаетъ сознаніе отъ ощущенія безплодности надавливанія на нее. Ищу ручку. Таковой не оказывается.

«Выше!» — вдругъ просвѣтляется мозгъ соображеніемъ, что это промежуточный этажъ, и мы снова съ юнкеромъ бросились подниматься по лѣстницѣ вверхъ. Но вотъ, стало что-то сѣрѣть на стѣнѣ и черезъ нѣсколько ступенекъ мы очутились передъ открытой дверью въ показавшійся мнѣ необычно ярко освѣщенный корридоръ. Съ чувствомъ облегченія вышли въ корридоръ.

«Но вѣдь это не конецъ», — сказали мнѣ груды гранатъ, спокойно лежащія на полу около стола передъ дверью въ этотъ корридоръ. И вопросъ о томъ, что дѣлается тамъ, на баррикадахъ, у комендантской, у Портретной Галлереи, у мучениковъ, членовъ Временнаго Правительства, снова выросъ въ душѣ.

И необходимость дѣйствія повелительно завладѣла всѣмъ существомъ.

«Дорогой мой, вамъ не будетъ непріятно остаться одному здѣсь, пока я сбѣгаю за юнкерами? Я послалъ бы васъ, но боюсь, что юнкера чужихъ школъ васъ не послушаются».

— «Ради Бога, господинъ поручикъ, приказывайте Я все исполню, что вы прикажете, только не считайтесь съ желаніемъ уберечь меня. Я не боюсь. А вамъ необходимо оправиться и организовать оборону, а то снова налѣзутъ!»

«А гдѣ же ораніенбаумецъ?» — спохватился я и бросился въ залу. Тамъ было пусто.

«Можетъ быть, въ слѣдующей залѣ еще есть кто»... — и я бросился дальше. Но никого не было и тамъ... И я вернулся обратно въ корридоръ, гдѣ продолжалъ стоять юнкеръ Шапиро.

— «Господинъ поручикъ, я стану на лѣстницѣ, у стѣнки. Это будетъ незамѣтнѣе и выгоднѣе», встрѣтилъ онъ меня своимъ соображеніемъ. «Хорошо», — согласился я.

«Никого нѣтъ, надо идти къ Пальчинскому. Чортъ, не понимаю, почему не присылаютъ подкрѣпленія», — говорилъ я, передавая юнкеру револьверы и гранаты, захваченные изъ залы.

— «А можетъ быть, тамъ идетъ бой», — высказалъ онъ предположеніе.

«Возможно. Ну — я бѣгу. Да хранитъ васъ Господь! — Если все благополучно, я сейчасъ же назадъ. Простите, родной, что оставляю, но по совѣсти иначе не могу. И смотрите, въ случаѣ чего, живымъ въ руки не попадайтесь. Пощады теперь не будетъ!»... — крикнулъ я уже изъ зала и понесся бѣгомъ къ 1-му этажу.

Лишь въ концѣ второго зала, у лѣстницы, попался только обрюзглый, маленькій, сѣдой придворный служитель, при моемъ приближеніи весь сжавшійся и задрожавшій.

«А, револьвера испугался», — подумалъ я, замѣтивъ, что его глаза смотрятъ на мою руку, сжимавшую наганъ, который я забылъ спрятать въ кобуру. И отъ этой мысли рука было дернулась къ кобурѣ, но сразу не попавъ въ нее, я оставилъ руку съ револьверомъ въ покоѣ.

Но вотъ и вестибюль, съ котораго началось наше побѣдное торжество, приведшее къ нѣсколькимъ десяткамъ плѣнныхъ и потерѣ прапорщика.

Въ вестибюлѣ была группа юнкеровъ и еще какихъ-то людей. Я бросился къ юнкерамъ:

«Сейчасъ наверхъ. Налѣво, черезъ одинъ залъ, а затѣмъ черезъ другой, въ корридоръ. Тамъ увидите открытую дверь налѣво, на лѣстницу. И тамъ стоитъ часовой — юнкеръ Шапиро. Такъ немедленно отправляйтесь туда... Но почему вы безъ винтовокъ? Что это за люди?» — озадаченно-недоумѣнно, ничего не понимая, спрашивалъ я.

— «Мы... Дворецъ сдался...» — наконецъ мрачно отвѣтилъ одинъ юнкеръ.

«Сдался?!.. Вранье, не можетъ быть», — и я бросился въ дверь подъ арку. Подъ аркой шумѣло, гудѣло, двигалось. И я, рванувшись въ потокъ, напирающій въ тѣ же двери, что и мнѣ нужны, проталкивался, дрался, и снова проталкивался, пока не очутился, совсѣмъ сдавленный водоворотомъ человѣческихъ тѣлъ, передъ лѣстницей въ комендантскую, тоже всю занятую людьми.

Отъ этой невольной остановки я началъ уяснять, что дѣйствительно что-то случилось, но что, я не отдавалъ себѣ отчета.

— «А вотъ гдѣ ты? — Стой!» — оглушилъ меня окрикъ, и передъ лицомъ, надъ плечами, отдѣлившими меня отъ кричавшаго матроса, показалась съ трудомъ тянущаяся ко мнѣ мозолистая, съ короткими, корявыми пальцами, рука.

«Онъ схватитъ меня за лицо!» — мелькнула мысль и ужасъ овладѣлъ мной. И отъ этого ощущенія я рванулся въ сторону и вступилъ на ступеньку лѣстницы; и только тутъ я замѣтилъ, что еще немного выше стоитъ Комендантъ Обороны, а рядомъ высокій, съ краснымъ лицомъ, вольноопредѣляющійся лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. Увидѣвъ Коменданта, я сдѣлалъ еще усиліе и снова протиснувшись, поднялся еще на нѣсколько ступенекъ.

Онъ замѣтилъ меня. И нагнулся ко мнѣ: «Саня, я вынужденъ былъ сдать Дворецъ. Да ты слушай», — увидя, что я отпрыгнулъ отъ него, продолжалъ онъ.

«Сдать Дворецъ?» — горѣло въ мозгу.

— «Не кипятись. Поздно — это парламентеры. Бѣги скорѣе къ Временному Правительству и предупреди... скажи: юнкерамъ обѣщана жизнь. Это все, что пока я выговорилъ. Оно еще не знаетъ. Надо его спасать. Для него я ничего не могу сдѣлать. О немъ отказываются говорить»...

«Да, да, спасать!»... — овладѣло моей душой новое горѣніе. И я повернулся бѣжать. А навстрѣчу тянется матросъ. «Въ животъ!» И я нагнувшись сверху внизъ ткнулъ головою ему въ животъ и, какъ-то проскользнувъ дальше въ толпу, сталъ пробираться. Тяжело, не понимаю какъ, но я продвигался впередъ, среди этой каши изъ рабочихъ, солдатъ, юнкеровъ, — оборачиваясь посмотрѣть, гдѣ матросъ. Но его изъ-за сгрудившихся тѣлъ не было видно. Но вотъ, стало свободнѣе. Только одни юнкера, медленно продвигающіеся, безъ оружія, къ дверямъ.

А вотъ и выскочилъ изъ толпы и побѣжалъ дальше. «Скорѣе за поворотъ. Нѣтъ, не сюда. За второй»,... — и я продолжалъ бѣжать. Вотъ и поворотъ.

«Въ этотъ», — рѣшилъ я и завернулъ.

— «Господинъ поручикъ, тамъ большевики, пулеметы», — выросли передо мною двѣ фигуры юнкеровъ.

«Гдѣ?»

— «За стеклянной дверью, въ концѣ корридора. Слава Богу, что васъ встрѣтили. Мы нарочно стоимъ здѣсь, чтобы думали, что все хорошо, что мы часовые. А то въ тылъ баррикадамъ зайдутъ!» — говорили братья Эпштейны, юнкера нашей школы.

«Правильно. Стойте», — и я сдѣлалъ движеніе, чтобы бѣжать дальше.

— «Господинъ поручикъ, Ораніенбаумцы идутъ».

«Ораніенбаумцы? Гдѣ?» — Изъ одной изъ дверей въ покинутый мной корридоръ дѣйствительно выходила новая толпа юнкеровъ.

«Надо бѣжать къ Временному Правительству, чего медлишь?» — работала мысль. — «Нѣтъ, постой!» — и что-то толкнуло меня къ выходящимъ юнкерамъ.

«Юнкера стой!» — заоралъ я и началъ говорить. Что я говорилъ, я не отдавалъ себѣ отчета. Я призывалъ и проклятія матерей за оставленіе Дворца, за позоръ, которымъ покроются ихъ погоны, эта ступень къ высокому званію офицера, я и взывалъ къ товариществу, къ традиціямъ. Юнкера мрачно слушали меня. А когда я выкричался, то снова пришли въ движеніе, но уже тихо и безмолвно. Но все же, нѣсколько человѣкъ бросились ко мнѣ и со слезами стали просить прощенія за уходъ: «Но что мы можемъ сдѣлать! Съ нами нѣтъ офицеровъ! Мы попробовали, послѣ перваго раза, когда вы говорили съ нами о шествіи изъ города народа съ духовенствомъ, выбрать начальниковъ изъ юнкеровъ. Но ничего не вышло, когда тѣ начали распоряжаться. Сами же выбравшіе стали отказываться. Вотъ, если бы у насъ были такіе офицеры, какъ капитанъ Галіевскій вашей Школы, то этого не было бы... Простите, мы побѣжимъ, а то отстанемъ отъ товарищей, будетъ хуже!..» — и они побѣжали къ удалявшейся ротѣ.

Опять пустынные корридоры, лѣстница и наконецъ Портретная Галлерея. Никого. На полу винтовки, гранаты, матрацы. А со стѣнъ въ скованныхъ золотыхъ рамахъ стоятъ, во весь ростъ, бывшіе Повелители могучей, безпредѣльной Россіи. «Счастливые! Вы безмятежно спите!» — въ благоговѣйномъ

страхѣ взглянулъ я на портреты Владыкъ монхъ предковъ, которые такъ имъ служили со своими современниками, что передъ Россіей трепетала Европа. «А теперь!»... — И я сталъ молиться Богу, съ просьбой прощенія за кощунство, которое я собой представляю, шагая по этому залу.

«Скорѣе, скорѣе отсюда», — неслось въ головѣ, но ноги не слушались, и я уже едва плёлся. «Какая длинная галлерея! Я не дойду. Это что? А, да, слѣдъ отъ разорвавшейся бомбы. Бомбы? — Да, да, бомбы!»

— «Господинъ поручикъ, вы куда?» — и изъ-за портьеры, обвивавшей входъ въ залу изъ Портретной Галлереи, показалось двое юнкеровъ нашей Школы, но кто — я не узналъ.

— «Идите въ полуцыркульный залъ; тамъ есть наши и Никитинъ, членъ Временнаго Правительства».

«Ахъ да, спасибо», — и я опомнился. «А гдѣ само Временное Правительство?» — спросилъ я, снова овладѣвая собою.

— «Оно? Не знаемъ!»

— «Здѣсь, господинъ поручикъ!» — раздался голосъ справа изъ маленькой темной ниши.

Я бросился туда. Въ ней лежало и стояло нѣсколько человѣкъ юнкеровъ съ винтовками въ рукахъ. «Что вы дѣлаете?» — спросилъ я.

— «Мы въ караулѣ при Временномъ Правительствѣ — оно здѣсь, направо». — и мнѣ указали дверь.

Я вошелъ. А. И. Коноваловъ выслушалъ докладъ, затѣмъ я вышелъ изъ маленькаго кабинета и пошелъ въ галлерею. И здѣсь я сѣлъ на маленькій диванчикъ. Скоро выскочила женщина и, говоря, что она представительница прессы и поэтому, представляя собою общественное мнѣніе, можетъ быть совершенно спокойна, что ее никто не тронетъ, — металась отъ одной двери къ другой. Меня это смѣшило. Посмотритъ направо, напротивъ, на дверь, на винтовую лѣстницу, сейчасъ же отскочитъ и бросится въ залъ. Но вотъ, выскочилъ штатскій, схватилъ ее подъ руку и они побѣжали въ залъ.

Сидѣть было пріятно. Мягко. И я съ удовольствіемъ сидѣлъ. Въ головѣ было такъ тихо, спокойно.

Вышелъ Пальчинскій, за нимъ Терещенко.

— «Нѣтъ, это не пріемлемо, я категорически утверждаю!...» — доносился до меня голосъ Пальчинскаго. «Надо вернуть юнкеровъ! Послушайте, бѣгите, верните юнкеровъ», — продолжалъ онъ.

«Ахъ, это ко мнѣ относится». И я попытался подняться. Но ничего не вышло.

«Я здѣсь умереть могу, но бѣгать, бѣгать больше не въ силахъ!»... — проговорилъ я и отвернулся. Мнѣ было больно, стыдно за свой отказъ.

— «Я самъ пойду», — отнесся Пальчинскій къ Терещенко, — «а вы вернитесь». — «Ну, хорошо»... — согласился тотъ.

Пальчинскій пошелъ, а Терещенко вернулся назадъ. Черезъ минуту выскочилъ какой-то молоденькій офицеръ въ черкескѣ и побѣжалъ за Пальчинскимъ.

Минуты бѣжали.

Но вотъ, откуда-то началъ рости гулъ.

Еще кануло въ вѣчность нѣсколько времени.

Гулъ становился явственнѣе, ближе.

Вотъ, въ дверяхъ Пальчинскій. Затѣмъ маленькая фигурка съ острымъ лицомъ въ темной пиджачной парѣ и съ широкой какъ у художниковъ старой шляпченкѣ на головѣ.

А еще нѣсколько дальше звѣриныя рожи скуластыхъ, худыхъ, длинныхъ и плоскихъ, круглыхъ, удивительно глупыхъ лицъ. Рожи замерли въ созерцаніи открывшагося ихъ блуждающимъ, дикимъ взглядамъ ряда величественныхъ Царей Русскаго народа, скованныхъ золотомъ рамъ.

Я поднялся, но идти не было силъ. Тогда я всталъ въ дверяхъ и прислонился къ косяку. Мимо прошелъ Пальчинскій, направляясь въ кабинетъ.

«Что, патроновъ у васъ достаточно?» — спросилъ я у юнкеровъ.

— «Такъ точно, господинъ поручикъ».

Но вотъ, жестикуляція широкополой шляпенки и гулъ, все растущій сзади, сдѣлали свое дѣло, и тѣ, передніе, качнулись, дернулись и полились широкой струей въ галлерею.

Теперь шляпенка не звала ихъ, а сдерживала:

— «Держите, товарищи, дисциплину!» — урезонивалъ тягучій, рѣзкій голосъ. — «Тамъ юнкера!»

Толпа увидѣла въ дверяхъ зала двухъ юношей, отважно, спокойно стоящихъ на колѣняхъ, чтобы можно было брать съ пола патроны и гранаты, сложенные съ боковъ дверей.

«Если Пальчинскій выйдетъ сейчасъ отъ Временнаго Правительства, гдѣ, очевидно, совѣщаются объ условіяхъ капитуляціи, — хотя неизвѣстно, кто ее будетъ принимать, — выйдетъ и прикажетъ открыть огонь, то первые ряды будутъ сметены, но послѣдующіе все равно растерзаютъ насъ. И если Правительство рѣшитъ сдаться, то эти звѣри юнкеровъ не пощадятъ. Такъ или иначе, а вамъ юноши — смерть!» — смотря на юнкеровъ, думалъ я.

Снова вышелъ Пальчинскій и махнулъ рукой. Шляпенка засѣменила къ дверямъ. Толпа ринулась за нимъ.

— «Стой!» — кричалъ Пальчинскій, — «если будете такъ напирать, то юнкера откроютъ огонь!»

Упоминаніе объ юнкерахъ опять сдержало звѣрье.

«Ну и поиздѣваются они надъ вами, мои дорогіе», — неслось въ головѣ, смотря, какъ юнкера твердо держали винтовки, готовые по малѣйшему знаку открыть огонь.

Шляпенка, прокричавъ еще разъ призывъ къ революціонной дисциплинѣ, направилась къ нашей нишѣ и совмѣстно съ министромъ черезъ нее прошла въ кабинетъ.

Прошло нѣсколько утомительно-тяжелыхъ минутъ ожиданія послѣдующаго хода событій.

Обстановка была уже не въ нашу пользу. По винтовой лѣстницѣ напротивъ ниши, куда такъ растерянно засматривало «общественное мнѣніе», начали показываться свѣжія революціонныя силы, одинъ бандитъ краше другого. Тактически, для нашего сопротивленія, это представлялось ихъ торжествомъ. Мы уже годились лишь для того, чтобы умереть и, въ лучшемъ случаѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, что единственно избавляло отъ лишнихъ мученій, что ускоряло развязку. И отъ осознанія этой, уже теперь, неизбѣжности я не могъ продолжать смотрѣть на юнкеровъ. Они волновали меня и ощущеніе какой-то вины передъ ними за свою невольную безпомощность отвратить отъ нихъ грядущее неизбѣжное все сильнѣе и острѣе пронизывало все мое существо. «По-

чему такъ долго ведутся разговоры? Неужели тамъ никто не понимаетъ, что каждая минута дорога, что обстановка можетъ такъ сложиться, что даже умереть съ честью нельзя будетъ. Ну, а если достигнутъ какого либо соглашенія, то вѣдь надо же учитывать настроеніе этой черной массы, готовой уже во имя грабежа, во имя насыщенія разбуженныхъ животныхъ инстинктовъ, во имя запаха крови, которой ихъ дразнили весь вечеръ и ночь, потерять всякую силу воли надъ собой и тогда ринуться рвать и терзать все, что ни попадется подъ руки. Вѣдь вотъ, маленькій человѣкъ типа мастерового уже подобралъ съ матраца гранату и вертитъ ее въ своихъ трудовыхъ рукахъ. И стоитъ ему сдѣлать неосторожное движеніе, и она взорвется. А тогда васъ всѣхъ разорвутъ вмѣстѣ, не только съ этой, находящейся у васъ шляпенкой, но еще и съ десятками имъ подобнымъ. Да, да... чашу переполняетъ всегда лишняя, послѣдняя капля... А ты не философствуй. Забылъ, что тамъ штатскіе люди дѣятели кабинетовъ, уставшіе, задерганные и растерянные. Спѣши къ нимъ и спроси, чего хотятъ, если смерти, — то дать немедленный бой, ... а если ... да если они захотятъ жить, то юнкера все равно пропадутъ. Эти новые, собирающіеся, эти уже понюхали крови тамъ внизу: у нихъ иной видъ, иной взглядъ. Боже мой, да если пойти докладывать, да объяснять, — потеряешь время. А если начать дѣйствовать, — то тамъ у Правительства — шляпёнка-парламентеръ, ихъ сотоварищъ. Боже, научи, что дѣлать?..» И вдругъ я догадался:

«Кто сзади, зайдите въ кабинетъ и просите разрѣшенія открыть огонь. Еще нѣсколько минутъ, и этого нельзя будетъ сдѣлать. — Живо!» — полушопотомъ, стараясь всѣми силами сохранить равнодушіе на лицѣ, бросилъ я въ темноту пиши приказаніе юнкерамъ, въ отношеніи которыхъ, въ данномъ случаѣ, я этимъ бралъ на себя самовольно руководство, а слѣдовательно и отвѣтственность.

— «Слушаюсь!» — донесся до меня отвѣтъ, а затѣмъ легкое шевеленіе, нарушившее соблюдаемую нами тишину, сказало мнѣ, что юнкера приняли мое вмѣшательство.

«Цѣпься въ матросовъ. Первый рядъ въ ближайшихъ, второй — въ слѣдующихъ. Стоящіе, возьмите на себя тѣхъ, кто у двери на винтовую лѣстницу. По командѣ «огонь» дать залпъ. Безъ команды ни одного выстрѣла. Гранаты бросать: первые къ лѣстницѣ, а затѣмъ влѣво. Бросать — только стоя. Пулеметъ есть?» — задалъ я вопросъ, отдавъ указанія словно рѣчь шла объ изяществѣ рамъ или о качествѣ паркета.

— «Никакъ нѣтъ! Пулемета нѣтъ!» — донесся шопотъ.

«Смотрите, не волноваться — только по командѣ».

Но въ этотъ моментъ дверь широко раскрылась, и изъ нея на фонѣ шумливаго разговора показались шляпёнка и Пальчинскій. Масса, топтавшаяся на мѣстѣ и подпираемая новыми волнами все прибывающихъ снизу товарищей, уже давно перешла границу дозволеннаго и постепенно докатилась до насъ на разстояніе двадцати — двадцати пяти шаговъ. Въ галлереѣ уже было душно, и вонь винпаго перегара съ запахомъ пота насыщали воздухъ.

Вотъ шляпенка прошла мимо меня.

Масса, увидѣвъ ее, загудѣла, завопила и размахивая, кто винтовками, кто гранатами, ринулась къ нему.

— «Спокойствіе, товарищи, спокойствіе», — распластавъ руки въ стороны, кричала, поднимаясь на носки, шляпенка. «Товарищи! — дикимъ голосомъ

вдругъ завопила шляпенка. — Товарищи! Да здравствуетъ пролетаріатъ и его Революціонный Совѣтъ! Власть капиталистическая, власть буржуазная у вашихъ ногъ! Товарищи, у ногъ пролетаріата! И теперь, товарищи пролетаріи, вы обязаны проявить всю стойкость революціонной дисциплины пролетаріата Краснаго Петрограда, чтобы этимъ показать примѣръ пролетарію всѣхъ странъ! Я требую, товарищи, полнаго спокойствія и повиновенія товарищамъ изъ операціоннаго Комитета Совѣта!»...

Между тѣмъ, министръ Пальчинскій сообщалъ юнкерамъ рѣшеніе Правительства принять сдачу, безъ всякихъ условій, выражая этимъ подчиненіе лишь силѣ, что предлагается сдѣлать и юнкерамъ.

— «Нѣтъ, — раздались отвѣты, — подчиняться силѣ еще рано! Мы умремъ за Правительство! Прикажите только открыть огонь».

— «Безцѣльно и безсмысленно погибнете», — убѣждалъ новый голосъ.

— «И Правительство погубите этимъ», — доказывалъ третій.

— «Нѣтъ, о насъ они не должны думать. Слагать оружіе для сохраненія нашихъ жизней, мы не имѣемъ права требовать, но убѣждать сохранить свои мы должны и мы васъ просимъ отказаться отъ дальнѣйшаго сопротивленія. Вы будете съ нами. Мы позаботимся о васъ или погибнемъ вмѣстѣ, но сейчасъ нѣтъ смысла!» — страстно, быстро убѣждалъ голосъ предсѣдателя Совѣта Министровъ А. И. Коновалова.

Юнкера молчали...

Въ это время ораторствовавшая шляпенка выдохлась и уже давно отъ надрыва сипѣла.

«Одинъ выстрѣлъ. Все равно куда — и эта орава бросится и все сокрушитъ на своемъ пути», — ясно и отчетливо предупреждало сознаніе при видѣ, какъ отъ фанатическихъ выкриковъ шляпенки масса пришла въ неистовство и... рванулась впередъ, напирая на шляпенку. Министръ Пальчинскій вскочилъ на порогъ ниши. Я прижался къ косяку... «Поздно», — мелькнуло въ головѣ, и круги поплыли передъ глазами. Но послѣднее усиліе, и я отступилъ въ нишу. Министръ же смѣшался съ толпой. Юнкера вскочили. Я закрылъ на мгновеніе глаза.

«Огонь!» — мелькнуло въ головѣ. Но... выстрѣловъ не раздалось. «Если вы, юные, жертвуете собой и идете навстрѣчу страданіямъ, то не мнѣ ускорять разрѣшенія счетовъ съ жизнью», и я вышвырнулъ наганъ и сорвалъ Анненскую ленту съ рукоятки шашки.

«Ну, теперь терзайте меня», подумалъ я, ставъ у стѣнки ниши, противъ двери въ кабинетъ послѣдняго засѣданія Временнаго Правительства Россіи, и эта жалкая, трусливая мысль заслоняла собою отчетливость выраженія лицъ членовъ Правительства, стоявшихъ вокругъ стола и частью выжидающе вглядывающихся во входъ изъ ниши, а частью продолжающихъ что-то быстро, вполголоса говорить другъ другу. При этомъ одинъ изъ министровъ торопливо кончалъ рыться въ какихъ-то бумажкахъ и затѣмъ, подойдя къ стѣнѣ, куда-то торопливо засунулъ руку, послѣ чего, вернувшись къ столу, съ облегченіемъ сѣлъ.

Это мужество министра отвлекло меня отъ думы о себѣ и сразу создало какое-то оригинальное рѣшеніе войти, во что бы это ни стало, въ кабинетъ и понаблюдать, что будетъ дальше. И я, принявъ рѣшеніе, чуть было не пошелъ. «Стой! — остановилъ я себя, — подожди, когда войдетъ эта шляпенка, направляющаяся сюда, а то члены Правительства, увидѣвъ тебя первымъ, еще подумаютъ, что ты струсилъ и прибѣгаешь подъ ихъ защиту». —

И я пропустилъ войти въ дверь шляпенку, а за нимъ еще нѣсколько человѣкъ, за которыми уже и протиснулся въ кабинетъ и остановился у письменнаго стола передъ окномъ и сталъ наблюдать.

«Историческая минута!» — мелькнуло въ головѣ.

«Не думай — смотри!» — перебило сознаніе работу мысли.

И я смотрѣлъ.

Съ величественнымъ спокойствіемъ, какое можетъ быть лишь у отмѣченныхъ судьбою сыновей жизни, смотрѣли частью сидящіе, частью стоящіе члены Временнаго Правительства на злорадно торжествующую шляпенку, нервно оборачивающуюся, то къ вошедшимъ товарищамъ, то къ хранящимъ мертвенное, пренебрежительное спокойствіе членамъ Временнаго Правительства.

«А это что?»... — поднялся Терещенко и говоритъ, протянувъ руку, сжатую въ кулакъ. «Что онъ говоритъ?» — и я сдѣлалъ шагъ впередъ.

— «Сними шляпу»... но его перебиваетъ другой голосъ: — «Антоновъ, я васъ знаю давно; не издѣвайтесь, вы этимъ только выдаете себя, свою невоспитанность! Смотрите, чтобы не пришлось пожалѣть; мы не сдались, а лишь подчинились силѣ, и не забывайте, что ваше преступное дѣло еще не увѣнчано окончательнымъ успѣхомъ», — обращаясь къ нервно-смѣющемуся, говорилъ новый голосъ, который я не успѣлъ опредѣлить, кому принадлежитъ, такъ какъ, въ этотъ моментъ, меня что-то шатнуло и передъ глазами выросла взлохмоченная голова какого-то матроса.

— «А вотъ гдѣ ты сволочь! Наконецъ попался!» — врѣзалось въ уши грубое, радостное удовлетвореніе матроса.

«Пусти руки, не давай воли рукамъ; что тебѣ надо? Я не знаю тебя!» — глупо растерянно защищался я словами, свалившись съ неба на землю.

— «Не знаешь? А кто меня арестовалъ на лѣстницѣ и отобралъ револьверъ?.. Отдай револьверъ!» — приставалъ мастросъ, дѣйствительно отпустивъ руки отъ воротника моего, мирнаго времени, офицерскаго пальто.

«Ого, съ нимъ можно разговаривать!» — пронеслась мысль.

«Какой револьверъ? Я тебя не знаю. Мало ли кого я забиралъ, такъ что-жъ я всѣхъ помнить долженъ? Голова!»...

— «Ну, нечего тамъ, отдай револьверъ, а то»...

«Что — то? Видишь, у меня моего нѣтъ. Пойди въ Портретную Галлерею и тамъ возьми; отстань отъ меня. Не мѣшай слушать!»...

— «Да ты мнѣ мой отдай. Я за него въ отвѣтѣ буду».

«Врешь! Кому отвѣчать будешь? Начальства нѣтъ теперь для васъ, такъ нечего зря языкомъ чесать. Смотри лучше, тамъ на столѣ нѣтъ ли какого револьвера», — убѣждалъ я его.

Но онъ вытащилъ изъ кармана кошелекъ и изъ него бумажку — удостовѣреніе, что ея предъявитель, товарищъ-матросъ такой-то, дѣйствительно, получилъ револьверъ системы нагант за такимъ-то номеромъ отъ Кронштадтскаго Военно-Революціоннаго Комитета, куда по выполненіи возложенной на него задачи обязанъ вернуть означенный револьверъ. Слѣдовали подпись и печать комитета.

«Да ты правъ, ты долженъ былъ бы его вернуть, если бы имѣлъ. Но ты его потерялъ въ бою. Ты это и доложи», — урезонивалъ я его, въ то же время соображая, что онъ, или глупъ какъ пробка, или издѣвается надо мной. Мнѣ начинало надоѣдать и я сталъ нервничать.

— «Мнѣ не повѣрятъ, скажутъ, что я пропилъ. Да чего тамъ болтать! Разъ взялъ чужую вещь, то долженъ знать, гдѣ она. Отдай револьверъ!» — приходя въ повышенное состояніе настроенія, снова началъ свои требованія матросъ, но на этотъ разъ замахиваясь кулакомъ.

«Стой, подожди!»... — остановилъ я его съ внутреннимъ ужасомъ, что онъ меня сейчасъ ударитъ, а затѣмъ...

И тутъ, подъ вліяніемъ ужаса, что меня ударитъ по лицу, я совершилъ гадость, мерзость. Я бросился къ стоявшему къ намъ спиною члену Временнаго Правительства: «Послушайте, избавьте меня отъ этого хама. Я не могу его убить, иначе всѣхъ растерзаютъ!» — говорилъ я, дергая его за плечо.

Онъ обернулся. Блѣдное лицо и колкіе, пронизывающіе глаза.

«Ахъ, это вы давеча что-то объясняли мнѣ!» — вспомнилъ я. «Вотъ этотъ матросъ требуетъ, чтобы я вернулъ ему револьверъ, который я у него отобралъ вечеромъ, во время очищенія перваго этажа у Эрмитажа. У меня его нѣтъ. Объясните ему», — быстро говорилъ я.

Старичокъ выслушалъ и принялся мягко что-то говорить матросу, который растерянно сталъ его слушать. Я же воспользовался этимъ и быстро отошелъ на свое старое мѣсто у письменнаго стола, рядомъ съ окномъ, и снова сталъ смотрѣть, что творится въ кабинетѣ.

Въ кабинетѣ уже было полно. Члены Временнаго Правительства отошли большею своею частью къ дальнему углу. Около адмирала вертѣлись матросы и рабочіе и допрашивали его.

Но вотъ, шляпенка-Антоновъ повернулся и прошелъ мимо меня въ нишу, и не входя въ нее, крикнулъ въ Портретную Галлерею: «Товарищи, выдѣлите изъ себя двадцать пять лучшихъ, вооруженныхъ товарищей для отвода сдавшихся намъ слугъ капитала въ надлежащее мѣсто для дальнѣйшаго производства допроса».

Изъ массы стали выдѣляться и идти въ кабинетъ новые представители Красы и Гордости Революціи.

Между тѣмъ вниманіе вернувшейся назадъ шляпёнки однимъ изъ членовъ Правительства было обращено на то, что его сподвижники все отбираютъ, а также хозяйничаютъ на столахъ. Ѣдкое замѣчаніе задѣло шляпенку, и онъ началъ взывать къ революціонной и пролетарской порядочности и честности.

«А гдѣ же юнкера?» — спросилъ я прижавшагося къ стѣнѣ за дверью одного юнкера, только сейчасъ замѣчая его.

— «Часть увели въ залу, а я и еще нѣсколько здѣсь! Товарищи по ту сторону шкапа у стѣны», — отвѣтилъ онъ.

«А что вы думаете дѣлать?» — спросилъ я.

— «Что? Остаться съ Правительствомъ; оно, если само будетъ цѣло, сумѣетъ и насъ сохранить!» — отвѣтилъ онъ.

«Ну, я подъ защиту Правительства не пойду. Да съ нимъ и считаться не станутъ. Все равно разорвутъ», — отвѣтилъ я.

— «Но что же дѣлать?» — спросилъ онъ.

«А вы смотрите на меня и дѣйствуйте такъ, какъ я буду дѣйствовать», — отвѣтилъ я. И сталъ выжидать.

Комната уже наполнилась двадцатью пятью человѣками, отобранными шляпенкой.

— «Ну, выходите сюда!» — крикнулъ шляпёнка членамъ Временнаго Правительства.

— «Ну да хранитъ васъ Богъ!» — взглянувъ на нихъ, мысленно попрощался я съ ними и вышелъ въ нишу.

Въ нишѣ, прислонившись къ косяку, стоялъ маленькій человѣчекъ, типа мастерового-мѣщанина, — недавній объектъ моего наблюденія.

«Послушайте, — тихо и быстро заговорилъ я съ нимъ, — вотъ вамъ деньги... выведите меня и его, — я указалъ на юнкера, — отсюда черезъ Дворецъ къ Зимней Канавкѣ. Вы знаете Дворецъ», — продолжалъ я спрашивать его, словно онъ уже далъ мнѣ согласіе на мое абсурдно-дикое предложеніе провести черезъ огромнѣйшій Дворецъ, насыщенный ненавидящимъ насъ, офицерство, революціоннымъ отбросомъ толпы — чернью и матроснёю.

— «Я что? Я такъ себѣ. Товарищъ прибѣжалъ ко мнѣ сегодня и зоветъ идти смотрѣть, какъ Дворецъ берутъ. Онъ въ винномъ погребѣ остался, а я, неньющій, вотъ и пришелъ посмотрѣть сюда на Божье попущенье», — тянулъ мастеровой, отмахиваясь отъ денегъ.

«Ладно, ладно, — потомъ разскажете!» — убѣждалъ я его, — «прячьте деньги и идемте, а то сейчасъ и насъ заберутъ, а я не хочу вмѣстѣ быть», — убѣждалъ я.

Мастеровой крякнулъ, взялъ кошелекъ и, посмотрѣвъ въ разрѣдившуюся отъ массъ Портретную Галлерею, наконецъ произнесъ: «Идите туда и тамъ подождите. Ежели они не замѣтятъ, я выйду и попробую провести», — закончилъ онъ.

«Ну, была не была! Помяни Царя Давида и всю кротость его.....» — всплыла на память завѣщанная бабушкой молитва, и я, дернувъ за рукавъ юнкера, пошелъ въ Портретную Галлерею навстрѣчу всякимъ дикимъ возможностямъ.

Юнкеръ шелъ за мной. Вышли. И тутъ снова возбужденіе оставило меня, и я, покачиваясь, едва дошагалъ до диванчика у противоположной стороны и сѣлъ.

«Дѣлайте, что хотите!» — неслось въ головѣ. «Не могу идти», — рвало отчаяніе душу.

Мимо шли, бѣжали, а мы сидѣли. Юнкеръ тоже сѣлъ рядомъ со мной.

Наконецъ къ намъ подошелъ мастеровой. «Ихъ повели», — проговорилъ онъ. «Идемте! Ой, не знаю, какъ выйдемъ, тамъ здорово вашего брата поколотили», — махнулъ онъ рукой.

«Я усталъ. Я не могу идти. Дайте курить», — попросилъ я.

— «У меня нѣтъ. Я этимъ не занимаюсь. Эй, товарищъ!» — крикнулъ онъ одному солдату, ковырявшемуся подъ матрацами, вытаскивая изъ-подъ нихъ револьверы и винтовки. И тутъ я замѣтилъ, что такихъ «ковырялъ» было много, и что всѣ заняты, очевидно, одной мыслью что-нибудь забрать, утащить. Были и такіе, что съ диванчиковъ отпарывали плюшъ. «Гіены», — мелькнуло сравненіе и вспомнилось, какъ подъ Люблиномъ я однажды такихъ обиралъ отгонялъ отъ тѣлъ убитыхъ товарищей, при лунномъ свѣтѣ прелестной лѣтней ночи. И на сердцѣ засосала безысходная тоска.

— «Вотъ есть папироска. Кури сердечный, полегчаетъ!.. Ишь лица нѣтъ на человѣкѣ», — говорилъ, давая мнѣ папиросу, взятую у «товарища», мастеровой.

«Ахъ ты русская натура»... — съ наслажденіемъ затягиваясь, думалъ я, и почему-то на память набѣжали первыя строчки описанія Днѣпра: «Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ...»

«Ну, идемте», — поднялся я.

— «Пора!» — подтвердилъ мастеровой; и я, молчаливый юнкеръ и мастеровой пошли. Въ головѣ снова образовалась какая-то пустота, и я, идя, почти не отдавалъ себѣ отчета въ совершающемся вокругъ и не замѣчалъ пути, по которому мы шли. Я ясно запечатлѣвалъ лишь необходимость сохраненія, какъ можно болѣе ярко выраженнаго, равнодушія ко всему окружающему — чему учила меня то, чѣмъ я привыкъ руководствоваться за войну, — интуиція.

Мы шли медленно. Иногда насъ останавливали вопросами, на которые или мастеровой, или я давали отвѣты.

Наконецъ, мы добрались до арки. Прошли черезъ нее, среди бушующаго моря головъ. Съ площади неслась стрѣльба. Подъ аркой была темнота, и мы также благополучно протолкались въ первый этажъ слѣдующаго зданія. «Идти въ ворота нельзя», — говорилъ мастеровой, — «тамъ насъ всѣхъ арестуютъ, а васъ разстрѣляютъ. Тамъ кровью пахнетъ!» — на ухо шепталъ онъ мнѣ.

«Да, да», — согласился я, «потому и просилъ васъ вывести на канавку», — отвѣчалъ я, довольный, что пока все идетъ отлично и мой интуитивный расчетъ меня не обманулъ и на этотъ разъ.

Въ вестибюлѣ, гдѣ у меня было такъ много связано со всѣмъ этимъ злосчастнымъ днемъ, толпа рабочихъ и солдатъ взламывали ящики, о которыхъ казаки говорили, что они съ золотомъ и брилліантами. Я на одну минуту просунулъ голову между плечъ, чтобы замѣтить содержимое, но неудачно. Мѣшкать же было нельзя и мы продолжали идти. Прошли мимо лѣстницы, на которой я взялъ въ плѣнъ матроса, отъ котораго дважды пришлось ускользать.

Но вотъ корридоръ. Затѣмъ лѣстничка, на которой спѣшащая во Дворецъ группа солдатъ Павловскаго полка учинила допросъ и, удостовѣрившись, что ни у меня, ни у юнкера нѣтъ оружія, оставила насъ въ покоѣ и пошла дальше.

Мы тоже двинулись. Но вдругъ мастеровому пришло въ голову какое-то рѣшеніе, и онъ, оставивъ насъ ожидать его, побѣжалъ вслѣдъ за уходящими. Черезъ минуту онъ вернулся съ солдатомъ Павловцемъ и обращаясь ко мнѣ сказалъ, что дальше насъ будетъ вести этотъ солдатъ, а онъ долженъ вернуться назадъ. Я и юнкеръ поблагодарили его за услугу и мы разстались.

Но вотъ мы и на Милліонной. Въ концѣ ея, у Марсового Поля, трещали пулеметы, а сзади гудѣла толпа и среди нея горѣли огни броневиковъ.

На Милліонной же было пусто, темно. Мы шли по серединѣ улицы.

Но вотъ навстрѣчу попалась группа изъ 3-хъ человѣкъ. Въ темнотѣ нельзя было видѣть, кто идетъ. Нашъ сопровождающій окликнулъ. Оказались Преображенцы. Онъ справился о комитетѣ полка, подъ сѣнь котораго онъ предполагалъ насъ сдать для ночлега, такъ какъ черезъ Марсово Поле пройти ужъ никакъ нельзя было бы изъ-за патрулей.

Спрошенные отвѣчали, что онъ еще засѣдаетъ и чтобы мы спѣшили.

— «Полкъ держитъ нейтралитетъ, и комитетъ взялъ на себя охрану порядка; онъ и васъ приметъ», — говорилъ онъ, идя съ нами дальше.

«Итакъ, я въ плѣну. Оригинально. Ну, посмотримъ, что произойдетъ дальше», — рѣшалъ я, — какъ солдатъ объявилъ, что мы пришли, и вошелъ въ открытую дверь одного изъ домовъ по лѣвой сторонѣ Милліонной, откуда на улицу падала полоска свѣта.

Вошли. Передняя — пусто. Прошли въ корридоръ, голоса изъ ближайшей комнатки насъ остановили у ея двери. Солдатъ вошелъ и черезъ нѣсколько секундъ выскочилъ, прося «пожаловать».

Маленькая комната. Накурено. Усталыя лица двухъ поднятыхъ головъ отъ какой-то бумаги повернулись въ нашу сторону.

— «Кто вы?» — раздался вопросъ. Спрашивалъ офицеръ.

Меня что-то обожгло. «Я изъ Зимняго. Защищалъ Временное Правительство. Дворецъ взяли. Правительство арестовано. Ради Бога, капитанъ, во имя чести вашего мундира, дайте мнѣ одну изъ вашихъ ротъ. Надо идти туда. Поднимайте солдатъ», — горячо понесъ я вздоръ, забывъ, гдѣ нахожусь, видя предъ собой лишь офицерскіе погоны.

— «Вы съ ума сошли!» — вскочилъ офицеръ. «Вы не туда попали! Какой Зимній? Какъ вы могли оттуда выйти? Глупости!.. Идите въ другой полкъ, у насъ нѣтъ свободнаго мѣста», — рѣзко отчеканивалъ онъ.

«Да нѣтъ», — вмѣшался юнкеръ, — «мы оба оттуда. Временное Правительство арестовано на нашихъ глазахъ! Господинъ поручикъ говоритъ правду».

— «Арестовано? Кто?» — раздался вопросъ съ порога другой комнаты. Я взглянулъ въ сторону вопроса: спрашивающій оказался солдатомъ.

— «Чепуха», — проговорилъ капитанъ, — «они повторяютъ какія-то сказки о томъ, что Зимній кѣмъ-то взятъ. У насъ мѣста нѣтъ; не мѣшайте намъ. Идите въ Павловскій полкъ», — снова твердо отчеканивалъ капитанъ. «Послушайте», — обратился онъ къ вошедшему, — «вотъ здѣсь, мы съ прапорщикомъ...»

«Извините, что безпокоили», — наконецъ соображая, что упоминаніемъ о Зимнемъ мы вредимъ себѣ, отвѣтилъ я и вышелъ.

Нашъ сопровождающій еще былъ въ корридорчикѣ.

«Вотъ что, любезный, отведите насъ въ Павловскій полкъ. Здѣсь нѣтъ мѣста», — попросилъ я.

Солдатъ согласился и мы двинулись.

Теперь пулеметы стучали громче. Мѣстами щелкали винтовки.

— «Разстрѣливаютъ», — прервалъ молчаніе солдатъ.

«Кого?» — справился я.

— «Ударницъ!»... — и помолчавъ, добавилъ: «Ну и бабы, бѣдовыя. Одна полъ роты выдержала. Ребята и натѣшились! Онѣ у насъ. А вотъ, что отказывается, или больна которая, ту сволочь сейчасъ къ стѣнкѣ!»...

«Ого, куда я попаду сейчасъ!» — пробѣжала жуткая мысль въ головѣ... «Эхъ, все равно!»

Въ этотъ моментъ раздался окликъ: «кто идетъ?» — и на фонѣ справа, впереди свѣтящагося сиротливо фонаря показался матросъ.

Но не успѣли мы что либо отвѣтить, какъ матросъ, завопивъ: «А, офицерская сволочь!» и схвативъ винтовку на перевѣсъ, сдѣлалъ выпадъ въ меня.

«Въ животъ!» — мелькнуло въ головѣ, и я невольно закрылъ глаза.

«Отчего не больно?» — песлось въ головѣ, и я открылъ глаза.

Передъ мною стояла спина сопровождающаго меня солдата. Я продвинулся вправо. Матросъ лежалъ на землѣ, мокрый отъ изрѣдка моросящаго дождика и что-то бормоталъ.

«Бѣгите вправо на уголъ! Я сейчасъ», — бросилъ мнѣ солдатъ, продолжая держать винтовку за штыкъ.

Я обѣжалъ фонарь и, подойдя къ углу, остановился. Юнкера не было. Онъ еще раньше убѣжалъ.

«Какъ быстро все произошло», — соображалъ я, поджидая солдата, который и не замедлилъ подойти.

— «Сволочь!» — говорилъ онъ. «Этихъ матросовъ мы за людей не считаемъ. Имъ только рѣзать да пить!.. Будетъ собака помнить!»... — закончилъ онъ, шагая рядомъ.

«А что ты ему сдѣлалъ?» — по старой привычкѣ обратился я къ нему на «ты» съ вопросомъ.

— «Да ничего особеннаго, Ваше Благородіе». И помолчавъ, добавилъ: «У нихъ, сволочей, всегда кольца на рукахъ, а у меня тутъ бабенка одна, такъ я для нее и снялъ у него. Пьянъ собака! Теперь, поди, уже спитъ. Я его къ тротуару оттащилъ, чтобы броневикъ не переѣхалъ. А вотъ и наши патрули. Я васъ сдамъ имъ, чтобы они васъ проводили. Да вы, ваше Благородіе, не говорите, что изъ Дворца. Я имъ скажу, что вы изъ города сами пришли въ Преображенскій полкъ, да тамъ мѣста нѣтъ, вотъ васъ сюда и послали», — говорилъ заботливо мнѣ мой спутникъ.

«Ну, спасибо за совѣтъ. Только, родной, у меня денегъ нѣтъ. Я всѣ отдалъ!»

— «Что вы, ваше Благородіе! Я изъ кадровыхъ, съ понятіемъ. Мнѣ, да и многимъ нашимъ ребятамъ такъ тяжело видѣть, что дѣлается въ Матушкѣ Россеѣ, что мы и въ толкъ не возьмемъ. А господъ офицеровъ мы по прежнему уважаемъ и очень сочувствуемъ. Да что дѣлать, кругомъ словно съ ума сошли! Ну, будьте счастливы!..» И солдатъ подбѣжалъ къ остановившемуся патрулю.

Черезъ минуту я былъ въ корридорахъ Павловскихъ казармъ, куда меня ввели двое патрульныхъ.

— «Откуда?» — спросилъ болтавшійся въ корридорѣ солдатъ.

Я молчалъ — соврать солдату мнѣ было стыдно.

— «Со стороны», — въ голосъ отвѣтили патрульные.

— «Ладно; въ ту дверь, ежели со стороны; а вы поменьше таскайте всякій хламъ», — говорилъ онъ, уже обращаясь къ патрульнымъ.

«Какой это хламъ?» — устало соображалъ я, идя къ указанной двери. — «Черезъ комнату, въ слѣдующую!» — крикнулъ мнѣ вслѣдъ солдатишко, когда я отворялъ дверь.

Въ комнатѣ было тепло, грязно, полусвѣтло и пусто. Изъ двери налѣво доносились какіе-то звуки. Прислушался: стонъ то повышаясь, то понижаясь, продолжалъ залазить въ эту грязь четырехъ бѣлыхъ стѣнъ. Пошелъ къ двери напротивъ. Открылъ ее остановился въ изумленіи.

Первое, что бросилось въ глаза и поразило меня, былъ большой столъ, накрытый бѣлой скатертью. На немъ стояли цвѣты. Бутылки отъ вина. Груды какихъ-то сверткокъ, а на ближайшемъ краѣ къ двери, раскрытая, длинная коробка съ шоколадными конфетами, перемѣшанными съ бѣлыми и розовыми помадками.

«Что это? Куда я попалъ?» — задавая себѣ вопросы, не сводя глазъ съ конфетъ, тихо направился я къ столу и вдругъ спотыкнулся. И только тутъ я окончательно осмотрѣлъ и запечатлѣлъ обстановку большой, длинной комнаты, наполненной такъ людьми, что я теперь не понималъ, какъ я не замѣтилъ этого сразу, а обратилъ лишь вниманіе на какіе-то конфеты, пакеты и

бутылки, дѣйствительно лежавшіе на столѣ, а не примерещившіеся. То же, что заставило меня спотыкнуться, было спящее тѣло офицера. И такими, издающими храпъ съ подсвистами, была наполнена вся комната. Они лежали на полу, на диванчикахъ, на походныхъ кроватяхъ и стульяхъ. «Странная компанія», — думалъ я, наблюдая это царство сна. Но вотъ какіе-то голоса изъ слѣдующей комнаты. Пробрался туда. Та же картина, только обстановка комнаты изящнѣе.

«Офицерское Собраніе полка», — наконецъ догадался я.

Опять раздался разговоръ, — прислушался, присмотрѣлся. Говоритъ сѣдоватый полковникъ, склонивъ голову на руки, сидя за столомъ. Отвѣчаетъ лежащій на диванѣ.

Я пробрался къ говорившему и позвалъ его.

«Господинъ полковникъ!» — тихо звалъ я его. Услышалъ. Поднялъ голову и окинулъ меня осоловѣвшими, припухнувшими глазами.

«Господинъ полковникъ, — продолжалъ я, — я изъ Зимняго Дворца. Ужасно усталъ. Могу я остаться здѣсь и лечь отдыхать, или надо еще кому либо явиться?»

— «Глупо. Разъ вы здѣсь, то дѣлайте, что хотите, но не мѣшайте другимъ!» — отвѣтилъ полковникъ, и голова опять легла на руки.

«Боже мой, что же это?.. Сколько здѣсь офицеровъ! На кроватяхъ. Цвѣты. Конфеты. А тамъ»... — и образы пережитаго, смѣшиваясь и переплетаясь въ кинематографическую ленту, запрыгали передъ глазами, и я, забравшись подъ столъ, уснулъ, положивъ голову на снятое съ себя пальто.

Проснулся я въ десятомъ часу. Въ комнатѣ стоялъ шумъ отъ споровъ, смѣха и просто разговоровъ. Солнце лупило во всю. Было ярко и странно.

«Почему надо мной какой-то столъ? Что за гостинная? Что за люди? Гдѣ я?» — быстро промелькнули недоумѣнные вопросы, но сейчасъ же исчезли отъ воспоминанія о ночномъ, о вчерашнемъ.

«Гдѣ братъ? Что съ нимъ?» — впервые выросъ вопросъ тревоги о любимомъ братѣ, гордости нашей семьи.

«Господи, милый, славный, Господи! Что же это теперь будетъ съ Россіей, со всѣми нами?» — и я принялся читать «Отче Нашъ». — Молитва успокоила, и я вылѣзъ изъ-подъ стола. Офицеры, которые преобладали въ наполнявшей комнаты публикѣ, кончали пить чай. Около нѣкоторыхъ столиковъ сидѣли дамы.

«Что за кунсткамера?» — зло заработала мысль.

«Что здѣсь дѣлаютъ дамы? Ну, ладно, умоюсь, поѣмъ и выясню, въ чемъ дѣло!» — «Послушайте, гдѣ здѣсь уборная?» — справился я у пробѣгавшаго мимо солдата съ пустымъ подносомъ.

«Тамъ», — махнулъ онъ рукой на дверь, черезъ которую я вчера вошелъ сюда.

Я пошелъ. Изъ пустой слѣдующей комнаты, гдѣ я слышалъ стоны, я ткнулся во вторую дверь и попалъ въ большую, когда-то залу, а теперь ободранную комнату, съ валяющимися и еще спящими тѣлами, въ которыхъ я узналъ юнкеровъ.

Около уборной — солдатской, я увидѣлъ, черезъ окно въ другомъ помѣщеніи, дикую картину насилованія голой женщины солдатомъ, подъ дикій гоготъ товарищей.

«Скорѣе вонъ отсюда!».. — и я, не умываясь, бросился назадъ.

Черезъ часъ я позналъ тайну убѣжища для гг. офицеровъ, мило болтавшихъ съ дамами.

Еще за нѣсколько дней до выступленія большевиковъ гг. офицеры Главнаго Штаба и Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба потихоньку и полегоньку обдумали мѣропріятія на случай такого выступленія. И вотъ, это убѣжище оказалось однимъ изъ такихъ мѣропріятій. Находящіеся здѣсь всѣ считались добровольно явившимися подъ охрану комитета полка, объявившаго нейтралитетъ. Такимъ образомъ создавалась безболѣзненная возможность созерцанія грядущихъ событій: «а что, молъ, будетъ дальше?»

Но вотъ меня окликнулъ молодой офицеръ съ эксельбантами.

— «Вы меня не узнаете? Я адъютантъ Петергофской Школы прапорщиковъ. Васъ я видѣлъ въ Зимнемъ. Какъ вы попали сюда? Ваши юнкера разсказывали, что васъ выбросили въ окно, а вы себѣ здѣсь.. ха, ха, ха»..... — заливался отъ плоской шутки красивый поручикъ.

«Послушайте, я ужасно хочу ѣсть», — перебилъ я его, — «но денегъ съ собою у меня нѣтъ. Не найдется ли у васъ свободныхъ суммъ? Я вамъ, если будетъ все благополучно, пришлю по адресу, какой вы мнѣ укажете», — попросилъ я у поручика.

— «Пожалуйста, ради Бога, для васъ все, что угодно. Вотъ, разрѣшите четвертную. Этого будетъ достаточно?» — любезно предложилъ онъ мнѣ.

«За глаза! Огромное спасибо. Вотъ мой адресъ, на случай, если событія вытѣснятъ у меня изъ головы мое обязательство».

— «Я адресъ возьму, не для этого, а какъ память о васъ», — слюбезничалъ адъютантъ, стрѣляя глазами въ даму въ огромнѣйшей шляпѣ, украшенной перьями.

За болтовней, а затѣмъ за завтракомъ, за который взяли 10 рублей, — время незамѣтно бѣжало.

Въ это время въ комнатахъ началось оживленіе.

«Комиссаръ изъ Смольнаго пріѣхалъ», — раздавалась изъ устъ въ уста новость, вызывая коментаріи.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ комнату высокій красавецъ вольноопредѣляющійся — студентъ Петроградскаго Университета. Въ вошедшемъ я узналъ того вольноопредѣляющагося, который въ качествѣ парламентера велъ переговоры съ Комендантомъ Обороны Зимняго Дворца.

Новая ниточка, — рѣшилъ я, выслушавъ его заявленіе о томъ, что онъ уполномоченъ Военно-Революціоннымъ Комитетомъ выдать удостовѣренія на право свободнаго прохода по городу тѣмъ изъ офицерамъ, кто явился сюда самъ, или кого привели патрули, забравъ на улицахъ города, но безъ оружія въ рукахъ и не въ раіонѣ Зимняго Дворца. Тѣхъ же, кто защищалъ Временное Правительство, отправятъ въ Петропавловку.

— «И пожалуйста, — закончилъ онъ, — разбейтесь на группы и составьте списки. При этомъ для офицеровъ Генеральнаго Штаба долженъ быть отдѣльный списокъ».

— «Вотъ это хорошо!» — заволновался подполковникъ, — «я всѣхъ нашихъ знаю и я вамъ, господинъ комиссаръ, его сдѣлаю», — съ улыбкой, почтительно говорилъ молодой подполковникъ.

«Какой ты подполковникъ? Ты подхалимъ, а не офицеръ! Но что же со мной будетъ? Ей-Богу, въ Петропавловку не хочется», — подходя къ окну и смотря на улицу, соображалъ я.

На ней было пустынно, но ярко, свободно.

Но вотъ загремѣло и показался грузовикъ съ рабочими, сжимавшими въ рукахъ винтовки.

— «Каины поѣхали», — произнесъ надъ ухомъ знакомый голосъ свое заключеніе.

«Нѣтъ, слѣпые и обманутые!» — отвѣтилъ я, не оборачиваясь.

— «Ты живъ?»

«Глупый вопросъ!»

— «Ну чего злишься? — Ты знаешь, какіе у меня нервы», — беря за руку, вкрадчиво говорилъ Баклановъ.

«Ну, ладно. Горбатаго могила исправитъ, господинъ присяжный повѣренный. Ну, ну, хорошо, я не буду. Скажи, какъ ты сюда попалъ? Я тебя и не замѣтилъ», — прочитавъ слѣды отчаянія на какъ-то сильно осунувшемся лицѣ поручика, заговорилъ я, уже значительно смягчаясь.

— «Потомъ. Тяжело вспоминать! Били... Погоны сорвали... А теперь разстрѣляютъ», — плаксиво закончилъ поручикъ.

Я молчалъ.

— «Начальникъ Школы убитъ», — вдругъ произнесъ онъ.

«Царствіе Небесное!» — и я перекрестился.

«Вотъ и прекрасно, если разстрѣляютъ, скорѣе увидимся съ нимъ, черезъ нѣсколько мгновеній», — не выдавая ни однимъ мускуломъ ощущенія этого горя, такъ грубо мнѣ преподнесеннаго злымъ поручикомъ, подумалъ я.

Баклановъ понялъ и отошелъ.

Черезъ минуту другой голосъ привѣтствовалъ меня.

Оборачиваюсь — прапорщикъ Одинцовъ младшій. Я, искренне обрадованный, бросился къ нему.

Между тѣмъ офицеры составили листы съ фамиліями по группамъ.

Разгуливая съ Одинцовымъ, мы подошли и, случайно остановившись около группы изъ Генеральнаго Штаба, услышали восторги по адресу Смольнаго:

— «Они безъ насъ, конечно, не могутъ обойтись!»

— «Нѣтъ, тамъ видно головы, что знаютъ вещамъ цѣну», — говорилъ одинъ, вызывая осклабиванія у другихъ.

— «Да, это не Керенскаго отношеніе къ дѣлу!»... — глубокомысленно подхватилъ другой.

— «Ха-ха-ха... Этотъ сейчасъ мечется, какъ бѣлка въ колесѣ. Отъ одного антраша переходитъ къ другому — передъ казаками, которыхъ также лишатъ невинности, какъ и ударницъ», — грубо сострилъ третій.

— «Господинъ поручикъ, вы живы? Какъ хорошо, что я загляпулъ сюда!» — выростая предо мною, говорилъ юнкеръ N., членъ Совѣта нашей Школы.

«Здравствуйте. А что вы здѣсь дѣлаете?» — справился я.

— «Я изъ Смольнаго, куда ѣздилъ отъ Комитета Спасенія и Городской Думы съ ходатайствомъ скорѣйшаго освобожденія юнкеровъ. И вотъ получилъ бумажку — приказаніе — выпустить и направить въ Школу. Идемте со мной. Я васъ выведу. Еще есть кто-нибудь изъ гг. офицеровъ?» — говорилъ, поражая меня, юнкеръ N.

Черезъ пять минутъ я подошелъ къ уже выстроившимся юнкерамъ для возвращенія домой въ Школу. Встрѣча была теплая, но крайне грустная — мы не досчитывались многихъ товарищей.

Подъ свистъ изъ оконъ казармъ мы произвели перестроеніе и пошли, соблюдая ногу и должный порядокъ. На повозкѣ ѣхали побитые и Баклановъ. Впереди и сзади шелъ караулъ отъ Павловскаго полка, очень пригодившійся на мосту чрезъ Фонтанку у цирка Чинизелли, гдѣ уличные хулиганы начали швырять камепьями въ юнкеровъ, виновныхъ лишь тѣмъ, что обладали чистыми душами и сердцами.

Прійдя, наконецъ, въ школу и поблагодаривъ юнкеровъ за проявленную дисциплину духа, я распустилъ ихъ изъ строя и пошелъ здороваться съ полковникомъ Киткинымъ, вышедшимъ встрѣчать насъ на подъѣздъ.

Съ милой улыбкой на своихъ сочныхъ губахъ, помощникъ Начальника Школы теперь, потирая руки, восхищался своею дальновидностью:

— «Я говорилъ, что ничего не выйдетъ, кромѣ позора. Ну, теперь убѣдились! Такъ ужъ не жалуйтесь, что пришлось много тяжелаго перенести. Сами виноваты — нечего соваться туда, гдѣ ничего не потеряли. Ну, а теперь пойдемте, выпьемъ водченки!» — предложилъ онъ, заканчивая свои милыя изліянія. Но я отказался отъ этой чести, сославшись на головную боль.

Зато черезъ нѣсколько минутъ я бесѣдовалъ съ Борисомъ, а затѣмъ съ явившимся капитаномъ Галіевскимъ, грустнымъ отъ общей боли, отъ человѣческой подлости и глупости.

— «. . . Я безконечно счастливъ, что моя рота юнкеровъ такъ стойко и мужественно вела себя, что по сдачѣ Дворца даже эти господа оставили у насъ оружіе и безпрепятственно пропустили съ баррикадъ прямо идти въ Школу», — тихо, съ гордостью, говорилъ капитанъ.

«Да, да», — соглашались мы. Большинство юнкеровъ прекрасно зарекомендовало себя. Тяжело будетъ, если не удастся ихъ довести до производства въ офицеры. Въ такихъ на фронтѣ только и нуждаются, — и тихая бесѣда насъ переносила то къ далекому готовящемуся къ зимовкѣ фронту, то къ переживаемымъ явленіемъ политической жизни Родины, въ которую вкропился и такой день, какъ вчерашній.

«Да — дѣлали мы выводы, много было страннаго за эти часы, вчерашняго дня и сегодняшней ночи . . . Да! Защищать положеніе, сопровождая его требованіями не открывать огня. Оригинально . . . и подлежитъ выясненію, въ чемъ зарыта «собака» . . . Ну да, Богъ видитъ правду, и хоть не скоро ее скажетъ, но все же скажетъ . . . Доживемъ ли? . .»

«Ну, пора и по домамъ», — наконецъ рѣшили мы, и разстались.

А еще черезъ три часа я пилъ шампанское за здоровье брата, оказавшагося тоже на свободѣ, и началъ строить планъ мести офицерамъ Генеральнаго и Главнаго Штабовъ, за издѣвательство надъ нами, — вызывая своими планами смѣхъ у прелестной хозяйки дома.

И вотъ, этими своими, воспоминаніями, я отдаю на судъ исторіи, для нахожденія истины и для воздаянія каждому по дѣламъ его, л и ц е д ѣ е в ъ д н я 25 о к т я б р я 1917 года.

И дѣлаю я это въ память погибшихъ и пострадавшихъ юнкеровъ, гг. офицеровъ и героинь-ударницъ! Да простятъ мнѣ то, что я еще живъ, мои славные, честные, боевые друзья! . .

Моя жизнь въ коммунистическомъ раю

баронессы М. Д. Врангель

Моимъ внукамъ

Я не внесу въ мой разсказъ ни политики, ни исторіи, я лишь хочу искренно и правдиво, шагъ за шагомъ, передать, черезъ что я прошла и что мною очевидицею пережито въ дни большевиковъ.

Проживъ въ Петроградѣ съ 1918 г. до конца 1920 г., я несмотря на всѣ ужасы жизни и особо щекотливое личное мое положеніе уцѣлѣла какимъ-то чудомъ. Жила я подъ своей фамиліей, перемѣнить нельзя было, такъ какъ очень многіе меня знали. Но по трудовой книжкѣ, замѣнявшей паспортъ, я значилась: дѣвица Врангель, конторщица. А служила я въ Музеѣ Города, въ Аничковскомъ Дворцѣ, 2 года, состояла однимъ изъ хранителей его — мѣсто «отвѣтственнаго работника», какъ говорятъ въ Совдепіи. Ежедневно, какъ требовалось (такъ какъ за пропускные дни не выдавалось хлѣба по трудовымъ карточкамъ), я расписывалась моимъ крупнымъ почеркомъ въ служебной книгѣ. Въ дни подхода Юденича къ Петрограду, Троцкій и Зиновьевъ устроили въ Аничковскомъ Дворцѣ военный лагерь, разставивъ пулеметы со стороны Фонтанки; военныя власти шныряли во Дворцѣ повсюду, а служебная книга съ фамиліями, раскрытая, какъ всегда, лежала на виду въ швейцарской. Былъ у меня и обыскъ-налетъ, а въ дни появленія на горизонтѣ Главнокомандующаго Русской Арміей генерала Врангеля (моего старшаго сына) всѣ стѣны домовъ Петрограда пестрѣли воззваніями:

Смерть псу фонъ-Врангелю, нѣмецкому барону!
Смерть лакею и наймиту Антанты Врангелю!
Смерть врагу Рабоче-Крестьянской Республики Врангелю!

Позже, въ другомъ мѣстѣ моего жительства, я была прописана, какъ вдова Веронелли, художница. Письма я писала подъ третьимъ именемъ. И вотъ, какъ ни непонятно, я выскочила благополучно, тогда какъ другія несчастныя матери, жены, сестры, дочери военныхъ бѣлогвардейцевъ, были заточены въ вшивые казематы и томились тамъ по мѣсяцамъ: старуха М. П. Родзянко, семья Звягинцевыхъ, баронесса Варвара Ивановна Икскуль, Хрулевы, наши племянницы, княгиня Т. Г. Куракина, бар. Е. А. Корфъ, баронесса Тизенгаузенъ, графиня Бенигсенъ, М. В. Винбергъ, мать совсѣмъ юнаго конногвардейца Тантыкова, да всѣхъ не перечтешь.

Начну разсказъ о моихъ переживаніяхъ по порядку. Должна прежде всего оговориться, всѣ ужасы моей жизни — ничего исключительнаго изъ себя не представляли, такъ же жили $^3/_4$ изъ породы буржуевъ, развѣ что были помоложе и не столь одиноки.

* *
*

Въ началѣ 1918 года мужъ, убѣдившись, что въ Петроградѣ жизнь становится все тяжелѣе, началъ продавать все наше имущество: картины, фарфоръ, мебель, ковры, серебро. Деньги постепенно помѣщали, какъ и прежде, въ Банкъ. Грознаго еще ничто не предвѣщало, было только запрещено переводить капиталы за границу. Затѣмъ запретили выдачу по текущимъ счетамъ, банки націонализировали, изъ сейфовъ обобрали золото и брилліанты, и мы, какъ и всѣ, остались ни съ чѣмъ. Мужъ рѣшилъ переѣхать въ Ревель, куда перевелъ и Спиртоочистительное О-во, Предсѣдателемъ коего онъ состоялъ. Я въ Ревель ѣхать не захотѣла, дѣти (сынъ и невѣстка), усиленно просили меня пріѣхать къ нимъ въ Крымъ, гдѣ въ то время, уволенный въ отставку, жилъ сынъ со своей семьей. Я давно ихъ не видала и ухватилась за это, тѣмъ болѣе, что въ Ревелѣ въ то время были нѣмцы, и во мнѣ кипѣло патріотическое возмущеніе противъ нихъ. Выбирать тогда, куда ѣхать, я могла. Я рѣшила устроить въ Петроградѣ для насъ съ мужемъ маленькій pied à terre на случай нашего пріѣзда, въ Крымъ же разсчитывала поѣхать на время, — тогда еще дѣлались такіе фантастическіе, какъ кажется теперь, невѣроятные планы. Проводивъ мужа, увѣренная, что разстаюсь съ нимъ на короткое время, я переѣхала въ уютную солнечную квартирку къ моей старой пріятельницѣ. Было просто, но красиво убрано, повсюду развѣсила портреты сына въ военныхъ доспѣхахъ и моихъ милыхъ внучатъ. Мнѣ даже нравилась эта упрощенность жизни; я поняла, какъ, вѣроятно, и многіе, сколько въ сущности лишняго, подчасъ совсѣмъ ненужнаго отягощало насъ. Мы были — рабы своего имущества.

Вскорѣ я получила отъ мужа 4 письма изъ Ревеля; путешествіе его было съ большими приключеніями, мои письма до него не дошли. Рѣшила не терять времени, хлопотать о требовавшихся безчисленныхъ документахъ на выѣздъ. Писала и телеграфировала сыну, такъ какъ онъ ранѣе просилъ, когда рѣшу выѣхать, дать ему знать, дабы онъ могъ у Скоропадскаго устроить мнѣ проѣздъ на Украину, но сколько ни писала — всѣ письма, повидимому, до него не доходили. Бумаги нужныя я, однако, всѣ получила, дѣло было только за паспортомъ, его мнѣ выдать отказали. Вскорѣ закрыли границы, и я осталась въ плѣну. Сразу мнѣ удалось найти очень хорошую женщину — прислугой. Я рѣшила поступить на какую-нибудь «чистую» службу. Сперва я работала нештатной служащей въ Музеѣ Александра III., но вскорѣ устроилась на лучшее мѣсто въ Музей Города, въ Аничковскомъ Дворцѣ. Учрежденіе это по духу было особое. Ни начальство, ни служащіе политикой не занимались, страстно любили свое дѣло, и работали не за страхъ, а за совѣсть. Сперва я состояла эмиссаромъ съ жалованьемъ 950 руб. въ мѣсяцъ, затѣмъ меня превратили въ научнаго сотрудника. Я получала сперва 4 тыс., позже 6 тыс., и, наконецъ, какъ хранителю Музея, мнѣ было назначено 18 тыс. въ мѣсяцъ, да бѣда-то въ томъ, что «пайка» пресловутаго въ нашемъ учрежденіи не полагалось. Жизнь безумно дорожала не по днямъ, а по часамъ. Вскорѣ я получила изъ Финляндіи

отъ мужа письмо. Онъ бѣжалъ изъ Ревеля, какъ и другіе, въ ожиданіи прихода туда большевиковъ. Писалъ, что былъ серьезно боленъ, поправляется понемногу, и заканчивалъ: «будь наготовѣ, за тобой пріѣдетъ человѣкъ, довѣрься ему». Письмо дошло до меня какимъ то таинственнымъ способомъ, я немедленно распродала все почти оптомъ, такъ какъ второпяхъ, то по сравнительно грошевой цѣнѣ; даже продала шубу и одежду, такъ какъ мужъ писалъ, что надо ѣхать безъ всякаго багажа, но ни о мужѣ, ни о какомъ человѣкѣ я болѣе никогда ни слова не слыхала. Умеръ ли онъ? Живъ ли? Не знала, что и думать. Проѣдая, помаленечку, вдвоемъ съ прислугой, деньги, вырученныя за продажу вещей, жутко дѣлалось, а что же дальше? Цѣны все лѣзли и лѣзли — 1 фунтъ отвратительнаго казеннаго хлѣба на рынкѣ продавался въ то время за 400—500 руб. (теперь говорятъ уже 4.000 руб)., говядина 1.700 руб., яйцо одно 400 руб., масло 12 тыс., сахаръ 10 тыс., соль 350 руб., крупа-пшено 180 руб. фунтъ, коробка спичекъ 80 руб., керосинъ 1 ф.—800 руб., свѣчка 500 руб., сапоги 150 тыс. руб., галоши 20 тыс. руб., чулки пара 6 тыс. руб., иголка — и та стоила 100 руб., катушка нитокъ 500 руб., мыло для стирки 5 тыс., и т. д. и т. д. Старушка хозяйка моя сбѣжала въ окрестности, разсчитывая, что тамъ подешевле, но вскорѣ умерла отъ истощенія. Прислуга моя то и дѣло падала безъ чувствъ отъ утомленія, стоя въ хвостахъ, полуголодная, за совѣтскимъ хлѣбомъ и селедками. Я видѣла, что она чахнетъ, и какъ ни грустно было съ ней разстаться, нашла ей хлѣбное мѣсто. И вотъ начались мои мытарства. Въ 7 часовъ утра бѣжала въ чайную за кипяткомъ. Напившись ржаного кофе безъ сахара, конечно, и безъ молока, съ кусочкомъ ужаснаго чернаго хлѣба, мчалась на службу, въ стужу и непогоду, въ рваныхъ башмакахъ, безъ чулокъ, ноги обматывала тряпкой: вскорѣ мнѣ посчастливилось купить у моей сослуживицы «историческія галоши» покойнаго ея отца, извѣстнаго архитектора графа Сюзора, благо, сапоги у меня тоже были мужскіе, — я промѣняла ихъ какъ то за клочокъ сѣраго солдатскаго сукна въ $2^1/_2$ аршина. Такими гешефтами всѣ тогда занимались, сперва какъ то стыдно было, а потомъ всѣ такъ привыкли, будто только всю жизнь это и дѣлали. Питалась я въ общественной столовой съ рабочими, курьерами, метельщицами, ѣла темную бурду съ печищенной гнилой картофелью, сухую, какъ камень, воблу или селедку, иногда табачнаго вида чечевицу, или прежуткую пшеничную бурду, хлѣба 1 ф. въ день, ужаснаго изъ опилокъ, высѣвокъ, дураны и только 15% ржаной муки. Что за сцены потрясающія видѣла я въ этой столовой — до сихъ поръ онѣ стоятъ у меня передъ глазами! Сидя за крашеными черными столами, липкими отъ грязи, всѣ ѣли эту тошнотворную отраву изъ оловянной чашки, оловянными ложками. Съ улицы прибѣгали въ лохмотьяхъ синія отъ холода, еще болѣе голодныя женщины и дѣти. Они облизали нашъ столъ, и, глядя помертвѣлыми, бѣлыми глазами жадно вамъ въ ротъ, шептали: «тетенька, тетенька, оставьте ложечку», и только вы отодвигали тарелку, они, какъ шакалы, набрасывались на нее, вырывая другъ у друга, и вылизывали ее до чиста. Въ 5 часовъ я возвращалась домой, убирала комнаты, топила печь, зимой черезъ два дня, варила на дымящей печуркѣ, выѣдавшей глаза, ежедневно на ужинъ одинъ и тотъ же картофель, — стоилъ въ то время одинъ фунтъ — 6 штукъ 250 руб., ѣла съ солью, а въ дни кутежа съ рѣдькой и лукомъ. Послѣ «ужина» чинила свое тряпье, по субботамъ мыла полъ, въ воскресенье стирала. Это было для меня самое мучительное — полоскать бѣлье съ приморожеными больными руками, адовая мука, а не стирать самой было невозможно. Бѣлье брали только

съ нашимъ мыломъ, стоило оно 5 тысячъ фунтъ, да за стирку рубашки 150 руб., простыни 200 р., полотенца 50 руб., и т. д. Такъ какъ дворниковъ въ домахъ болѣе не существовало (большинство изъ нихъ переименовалось предсѣдателями домовыхъ комитетовъ), то приходилось и дрова таскать, и помои выносить самой. А когда была объявлена повинность дежурить у воротъ, то сколько я ни протестовала, доказывая, что по возрасту я отъ повинности избавлена, предсѣдатель увѣрялъ: разъ я служу, стало быть работоспособна, и отъ повинности уклоняться не смѣю. И вотъ съ 10 до 1 часу ночи, я, какъ и другіе жильцы, кто раньше, кто позже, сидѣла на тумбѣ у воротъ, опрашивая всѣхъ входившихъ и выходившихъ изъ дома. Одна изъ дѣвицъ, очень жизнерадостная, на всякое дежурство облачалась для потѣхи въ оставшееся отъ былого великолѣпія вечернее платье, шикарную еще сохранившуюся шляпу и въ бѣлыя перчатки, увѣряя, что это единственный случай себя показать, такъ какъ, сидя на службѣ въ грязи или дома стирая, такое на себя не надѣнешь, въ театры же и кинематографы ей ходить не по карману. Должна отмѣтить, что несмотря на всѣ глумленія надъ буржуями и истязанія, какъ ни странно, за все время моего пребыванія въ Петроградѣ желанія буржуевъ отомстить угнетателямъ я не видѣла, подчасъ ихъ «повинности» принимались, конечно, тѣми, кого жизнь еще не повалила, даже съ юморомъ; они же оставались непріязненны и жестоки къ намъ, хотя «кровушки» то и у насъ ими было попито не мало.

Такъ какъ я боялась ночевать одна въ квартирѣ, — кругомъ меня нѣсколько квартиръ было очищено, и хотя обирать у меня уже было нечего, но могли перепугать, — я сговорилась съ однимъ заводскимъ рабочимъ, бывшій шоферъ Гурко, онъ взялся ночевать въ моей квартирѣ, колоть дрова и выносить помои за 1500 руб. въ мѣсяцъ безъ кормежки.

Предсѣдатель домоваго комитета, надо думать, блюдя порядокъ, то и дѣло захаживалъ къ жильцамъ. Явившись какъ то ко мнѣ, увидѣлъ портреты сына въ военныхъ доспѣхахъ, приказалъ немедленно всѣ ихъ убрать, предупреждая, что если зайдетъ и увидитъ и въ слѣдующій разъ «генераловъ», безъ разговоровъ отправитъ меня съ портретами въ Чека. Я немедленно переслала ихъ на храненіе къ знакомому присяжному повѣренному.

Дни шли, положеніе мое становилось все болѣе и болѣе критическимъ, придирки и наблюденія Домоваго Комитета, изнурительная физическая работа, недоѣданіе, отсутствіе всякихъ извѣстій о мужѣ и сынѣ — измучили меня, я таяла съ каждымъ днемъ. Скоро, не имѣя больше вещей, чтобы продавать и пополнять мой бюджетъ, я должна была отказаться отъ услугъ и моего рабочаго, — платить было печѣмъ. Я опять осталась одна и только ужасно боялась, какъ бы не слечь и не очутиться въ больницѣ, гдѣ больные замерзали, гдѣ не было ни медикаментовъ, ни мѣста, валялись въ повалку на полу. Хирурги отказывались дѣлать операціи, такъ какъ отъ стужи — они не могли держать инструмента въ рукахъ. А народъ меръ и меръ, какъ мухи. 30 тыс. гробовъ въ мѣсяцъ не хватало, брали на прокатъ. Мой сослуживецъ и старинный знакомый, баронъ А. И. Притвицъ отъ истощенія ослѣпъ, вскорѣ умеръ; онъ былъ владѣлецъ богатѣйшаго маіората въ Ямбургскомъ уѣздѣ. Похоронили его въ общей казенной могилѣ. Такъ какъ гроба жена не могла купить, то на кладбище она повезла его въ большей корзинѣ, благо онъ былъ очень небольшого роста, обернутаго въ простыню, поставила на розвальни, сама приткнулась около. Но про себя должна сказать, Богъ меня хранилъ. Я потеряла, правда, два пуда вѣсу, была желта какъ воскъ, отъ вѣчно мокрыхъ, никогда не просыхающихъ

ногъ (галоши мои знаменитыя послужили только мѣсяцъ). Мнѣ свело пальцы на ногахъ, руки отъ стирки и стужи приморожены, отъ дыма печурки, недоѣданія и усиленной непрерывной письменной работы сильно ослабли глаза, но я за два года ни разу больна не была. Постичь не могу, какъ въ 60 лѣтъ можетъ такъ ко всему приспособиться человѣческій организмъ.

Но буду продолжать по порядку. Однажды, когда я исполняла одну изъ тяжелыхъ очередныхъ моихъ работъ, зашла ко мнѣ моя пріятельница, извѣстная общественная дѣятельница, очень душевный человѣкъ, пришла въ ужасъ отъ условій моей жизни. Предложила переѣхать къ ней; у нея была большая — ея эмигрировавшихъ друзей — квартира и прислуга. Я была безумно счастлива. Наконецъ не быть одинокой! На новосельѣ я блаженствовала 10 дней. Пошли аресты, особыя гоненія на партію кадетовъ. Моя пріятельница состояла предсѣдательницей Комитета Кадетовъ въ одномъ изъ районовъ, ее убѣдили скрыться, прислуга меня немедленно бросила, поступила въ богатый еврейскій домъ, и опять я осталась одна, въ большой квартирѣ — я да еще черный котъ, неумолчно мяукавшій съ голоду, да и я сама была не лучше его. Зачастую я вставала ночью проглотить хоть стаканъ воды, или погрызть сырой морковки, чтобы заглушить щемящій голодъ. Тысячъ назначеннаго мнѣ жалованья я не видѣла три мѣсяца за отсутствіемъ въ Государствѣ денежныхъ знаковъ. Я уже разгуливала въ сапогахъ съ отставшею подошвою, привязанною веревкою, но это ничуть меня не смущало, такъ какъ такихъ франтихъ, какъ я, было много. Тоскливо было отсутствіе освѣщенія въ темные зимніе вечера, зачастую электричества частнымъ лицамъ совсѣмъ не давали, обыкновенно оно горѣло съ 10 до 12, когда всѣ мы полумертвые отъ усталости валились спать. Впрочемъ, были ночи, когда электричество блистало во всю, — это въ тѣ зловѣщія ночи, когда производились обыски и аресты. Всѣ это знали, всѣ трепетали измученные и издерганные въ ожиданіи пріятнаго визита. Но въ дни мрака было тоже жутко. Не имѣя ни керосина, ни свѣчей, въ моей конурѣ, выходившей на черный дворъ, совсѣмъ одинокая, съ обуревавшими меня печальными думами о близкихъ, оторванныхъ судьбою отъ меня, я коротала мои вечера, изрѣдка зажигая драгоцѣнныя спички, чтобы посмотрѣть который часъ. И вотъ въ одну изъ освѣщенныхъ электричествомъ ночей въ 3 часа раздались на черной лѣстницѣ оглушительные звонки, нетерпѣливые удары въ дверь и крики. Вскочивъ съ кровати — я догадалась — обыскъ! Такъ какъ у меня въ комнатѣ температура была на нулѣ, я спала одѣтая, да еще прикрытая разнымъ тряпьемъ. Около меня всегда лежали мои драгоцѣнности, письма и фотографіи сына, перевязанныя. Въ одну минуту я схватила ихъ, бросилась въ уборную и съ сокрушеннымъ сердцемъ утопила. Направилась къ дверямъ, а удары становились все свирѣпѣе и свирѣпѣе, того и гляди двери снесутъ. Открыла дверь, за ней 5 дѣтинъ «краса и гордость революціи», двое съ ружьями, тутъ же и предсѣдатель Домоваго Комитета — «салонный танцоръ», какъ онъ называлъ себя, а также и управляющій домомъ, — бывшій старшій дворникъ, — все по закону, все честь честью. Потребовали у меня документъ, онъ былъ у меня тоже на готовѣ, народъ мы стали всѣ выкормленый; убѣдившись, что я нахожусь на совѣтской службѣ, да еще «отвѣтственная работница», направились въ комнаты, шарили вездѣ, все перевернули, читали письма, рвали, отбирали бумаги. Найдя хорошій сафьяновый портфель, хотя и пустой, — забрали. Послѣ многое изъ хорошихъ хозяйскихъ вещей, оказалось, «экспропріировали» (это новомодное у насъ слово). Взяли телефонный списокъ съ фамиліями, курили, острили и только въ 5 утра

закончили всѣ операціи. Съ меня сняли опросъ — «гдѣ хозяйка, когда вернется?» — Сказала, что переѣхала я всего 10 дней, наняла комнату, хозяйки почти не знаю, а поѣхала она, какъ сказала, въ Новгородскую губернію за провизіей. Управляющій прибавилъ: «ей 60 лѣтъ, глуха какъ стѣна и не работоспособна». «Знаемъ мы этихъ глухихъ да нѣмыхъ, работать паразиты эдакіе не хотятъ, а народъ мутить ихъ дѣло. Счастье ея, что намъ подъ руки не попалась, а мы пріѣхали ее прокатить въ Петропавловку. Да мы не прощаемся, а до свиданія», — утѣшили они меня. Черезъ два часа послѣ этого пріятнаго ночного отдыха я уже бѣжала за кипяткомъ въ чайную, а оттуда на работу, на службу до пяти вечера.

Для душевнаго моего успокоенія до меня то и дѣло доходили вѣсти о смерти кого либо изъ оставшихся въ Петроградѣ друзей и знакомыхъ. Умерли отъ истощенія и голода моя невѣстка бар. Ш. Врангель, племянница М. Вогакъ, родственница еще одна, М. Н. Аничкова, умерла отъ сыпного тифа, А. П. Арапова, дочь Натальи Николаевны Пушкиной, по второму браку Ланской, обратилась въ вѣшалку, обтянутую кожей. Умерла въ нищетѣ княгиня Е. А. Голицына, бывшая начальница Ксеніинскаго Института. Ради существованія, пока не слегла, несмотря на свои 68 лѣтъ, во всякую погоду торговала на улицѣ бубликами; сестра ея, Е. А. Депревицкая, — также скоро послѣ нея умерла. Эм. Ал. Эллисъ, бывшая фрейлина, дочь коменданта Петропавловской крѣпости былыхъ временъ, умерла отъ изнуренія. Разстрѣляны въ то время были наши племянники бар. М. и Г. Врангель, при потрясающей обстановкѣ, А. И. Араповъ, — это только мои друзья, — общее же число жертвъ было безчисленно. А сколько сидѣло по тюрьмамъ. Порою, казалось, вернулись времена Іоанна Грознаго, людей изводили и въ одиночку, и скопомъ, со всевозможными муками и терзаніями.

Однако, я все время отвлекаюсь, но воспоминанія такъ еще болѣзненно живы и напряжены, такъ напираютъ, кажется, что еще не достаточно наглядно обрисовала «коммунистическій рай», и все новымъ и новымъ примѣромъ, новымъ штрихомъ хочется дорисовать эту картину.

Но возвращаюсь къ моему повѣствованію. Вскорѣ хозяйка дома дала мнѣ знать, къ большому моему огорченію, что ей вернуться на квартиру не прійдется. Немедленно меня уплотнили. Со мной теперь жили еврейка, два еврея, счетчица Народнаго Банка — бывшая горничная у одной моей хорошей знакомой; жила еще, хотя ворчливая, но хорошая старушка, бывшая няня, но она вскорѣ перебралась въ деревню, а на ея мѣсто поселился рядомъ со мною ужаснѣйшій красноармеецъ. Горничная въ былое время получала отъ меня на чаи, именовала меня «Ваше Сіятельство», теперь была такъ важна, что и приступа къ ней не было. Однажды, попросивъ оказать мнѣ незначительную услугу, я положила передъ нею 100 рублей, для меня въ то время это былъ цѣлый кушъ, она швырнула ихъ: «Ну да, буду я съ вами валандаться. А дрянь то эту уберите, что я на нее купить могу, вѣдь это даже не гривенникъ». Положимъ, она была права, да большаго то дать ей у меня самой не имѣлось. Дѣвица эта съ трудомъ подписывала свою фамилію, но жалованье получала такое же, какъ и я, да въ придачу громадный паекъ, и еще подкармливалась изъ деревни, и находила, что «теперь не жизнь, а малина».

Всѣ они размѣстились въ лучшихъ комнатахъ, я же жила въ самой маленькой, которую взяла ради экономіи моего крошечнаго запаса дровъ. Евреи топили у себя дважды въ день, такъ какъ служили въ Лѣскомѣ.

Парадныя комнаты были очень хорошо омеблированы. Мебель была корельской березы и краснаго дерева, зеркала, картины. И во что обратили все это скоро новые обитатели? Ставили въ комнатахъ самовары, дымъ столбомъ стоялъ, сушили бѣлье мокрое на креслахъ и т. д. Красноармеецъ былъ мой ближайшій сосѣдъ. По дому онъ расхаживалъ въ бѣлыхъ подштанникахъ, въ туфляхъ на босу ногу, съ трубкою въ зубахъ, горланилъ на всю квартиру неприличныя пѣсни, безцеремонно на моихъ глазахъ любезничалъ съ горничною, зачастую почью собиралъ у себя «общество»; что они тамъ дѣлали, не знаю, а только гоготъ, гамъ и пѣсни не давали мнѣ не разъ заснуть до утра. Впрочемъ, все это было только безпокойно, но не страшно, возрастъ мой и видимая нищета спасали меня отъ худшаго. Вся эта компанія жила припѣваючи, ни въ чемъ сравнительно себѣ не отказывала, меня же третировала и за нищету презирала. Зачастую, вдыхая въ себя ароматъ жарившагося у нихъ гуся или баранины, мнѣ отъ раздражавшаго мой апетитъ запаха дѣлалось дурно.

Съ марта 1920 года въ жизни моей началось новое осложненіе. Въ газетахъ промелькнула фамилія Главнокомандующаго Вооруженными Силами Юга Россіи генерала Врангеля (какъ я уже сказала выше, моего сына), дальше все чаще и чаще. Всѣ стѣны домовъ оклеивались воззваніями и каррикатурами на него. То призывали всѣхъ къ единенію противъ нѣмецкаго пса, лакея и наймита Антанты, — врага Рабоче-Крестьянской Республики Врангеля, то изображали его въ видѣ типа союза русскаго народа. — Облака, скалы, надъ ними носится старикъ съ нависшими бровями, одутловатыми щеками, сизымъ носомъ, одѣтый въ мундиръ съ густыми эполетами, внизу подпись: «Бѣлогвардейскій демонъ» и поэма:

«Печальный Врангель, духъ изгнанья
Виталъ надъ Крымскою землей» и т. д.

Были и поострѣе, но для чистоплотной печати не годятся. Въ ушахъ имя Врангеля жужало тогда повсюду, на улицѣ, въ трамваяхъ (и развѣ не чудо, что я уцѣлѣла?). Каждую ночь я мѣняла мой ночлегъ, находила пріютъ, то у однихъ, то у другихъ. Мои доброжелатели заволновались, кто предлагалъ мнѣ перемѣнить паспортъ, кто переѣхать въ окрестности, одна организація предложила мнѣ изъ какихъ то суммъ Колчака меня ежемѣсячно субсидировать, чтобы я оставила службу; два другихъ большихъ учрежденія въ память второго покойнаго моего сына (историка и критика искусства) также предложили свою помощь. Но въ инвалиды записываться не хотѣлось, да и служба была моя единственная отрада, въ ней я находила забвеніе отъ всѣхъ ужасовъ жизни. Отъ денегъ я съ признательностью отказалась, а воспользовалась предложеніемъ устроить меня въ Общежитіе въ окрестностяхъ Петрограда, подальше отъ властей. «Съ глазъ долой, изъ сердца вонъ», какъ смѣясь говорили мнѣ мои друзья.

Прописали меня тамъ вдова Веронелли, художница. На службу надобно было ѣздить ежедневно чуть свѣтъ. Но, что бы мнѣ ни предстояло, я бы все приняла, лишь бы мнѣ избавиться отъ моихъ городскихъ мучителей, да вѣдь и горничная отлично знала, кто я, и каждую минуту могла меня предать. А развѣ не счастье было избавиться отъ ихъ глумленій и униженій. Помню одинъ изъ такихъ случаевъ. Отъ отсутствія топлива зимой лопнули водопроводныя трубы, мы должны были сами себѣ добывать воду, изъ сосѣдняго дома тащить въ третій этажъ по грязной, примерзшей, скользкой лѣстницѣ. Красноармеецъ принесъ для горничной, еврей для еврейки, мнѣ принести было некому.

Попробовала было вѣжливо попросить одинъ кувшинъ у еврейки. Завизжала, руками замахала: «вода моя, моя». Нечего дѣлать, взяла свое ведро, отправилась по воду. Изнемогая, обливаясь потомъ, несмотря на морозъ, съ трудомъ удерживая невольно струившіяся по щекамъ слезы, я приплелась съ моимъ ведромъ въ кухню, гдѣ сидѣла вся компанія. Увидя мой жалкій видъ, они покатились со смѣха, а дѣвица задорно мнѣ крикнула: «что, бывшая барынька, тяжеленько?» «Ничего, потрудитесь, много на нашей шеѣ то понаѣздились!» Чтобы не доставить имъ еще большую радость увидѣть меня разрыдавшейся, я безмолвно съ моимъ ведромъ пошла къ себѣ, стараясь не слушать несшіяся мнѣ вслѣдъ остроты.

И вотъ теперь мнѣ предстояла радость уйти отъ этихъ звѣрей. Поселившись въ Общежитіи, я сразу почувствовала себя въ раю; положимъ, рай своеобразный: я помѣщалась въ «четвертушкѣ» — это четвертая часть комнаты, какъ въ пьесахъ Горькаго «На днѣ», отдѣленная ситцевыми занавѣсками. Въ каждой четвертушкѣ стояла желѣзная кровать съ соломеннымъ блиномъ вмѣсто тюфяка, шкапъ, столъ, два стула, умывальникъ на ножкахъ и ведро. Двѣ обитательницы на своей сторонѣ имѣли окна, двѣ — двери, мнѣ досталась безъ окна. Двѣ жилицы были милыя образованныя дѣвушки, а моя сосѣдка — голова въ голову — истеричная старая дѣва, учительница. Въ былое время она частенько забѣгала ко мнѣ, ходила передо мной на заднихъ лапкахъ, а теперь если я впотьмахъ уроню ложку, или близко къ ея занавѣскѣ подвину стулъ, кричала на меня, какъ на собаку. «Ишь обнаглѣла, какъ Крымская Ханша, Крымъ то пока не вашъ», и т. д... Но, по счастію, тутъ, въ Общежитіи были цѣлые десятки пріятныхъ, образованныхъ, душевныхъ людей, какъ бы тѣни прошлаго, чудомъ уцѣлѣвшія. Все очень извѣстныя фамиліи, но зная, что коммунисты распоясались, то, чтобы не подвести тѣхъ лицъ, отъ наименованій воздержусь. Кромѣ нихъ были сестры милосердія, разные служащіе «по неволѣ», однимъ словомъ, какой то оазисъ въ Дьявольской Совдепской пустынѣ. Но мы жили насторожѣ съ опаской. Ежедневно, чуть свѣтъ, во всякую непогоду я тащилась къ трамваю на службу. Все чаще и чаще трамваи опаздывали, или среди дороги, за отсутствіемъ электрической тяги, останавливались и приходилось шлепать пѣшкомъ. Все чаще и чаще стали поговаривать, что намъ грозитъ быть выброшенными, комиссары уже посѣтили насъ и собираются зданіе реквизировать для дома отдыха рабочимъ. Боже! Неужели еще скитаться. Мы жили, не зная, что ждетъ насъ завтра. По счастью, на меня напало равнодушіе, а не отчаяніе. Буду ли заточена въ тюрьму, или умру съ голода, не все ли равно? Я уже ничего не ждала, плыла по теченію и тупо доживала.

И вдругъ... въ концѣ октября 1920 года, однажды, когда я уходила со службы, швейцаръ мнѣ сказалъ: васъ спрашиваютъ. Смотрю, незнакомая дѣвица — финка. Она просила меня выйти съ ней на улицу, такъ какъ должна со мной говорить по очень важному дѣлу. Мы вышли. Она сунула мнѣ клочокъ бумаги, со знакомымъ характернымъ почеркомъ моей самой близкой пріятельницы, жившей со дня революціи въ Финляндіи. Она писала: «Вашъ мужъ живъ. Буду счастлива видѣть васъ у себя, умоляю воспользуйтесь случаемъ, довѣрьтесь подателю записки вполнѣ. О подробностяхъ не безпокойтесь, все устроено». Побѣгъ организовать стоило тогда 1 милліонъ совѣтскихъ денегъ, на финскія марки 10 тысячъ. На мой вопросъ: когда ѣхать? куда? Дѣвица мнѣ сказала — завтра, безъ всякаго багажа, одѣньтесь потеплѣе, поѣдете по

морю часа $3^1/_2$—4 на рыбачьей парусной лодкѣ. Все устроено, ни о чемъ не заботьтесь, — дала адресъ, гдѣ встрѣтиться. Я выхода, какъ дальше жить, не видѣла; какъ ни труденъ мнѣ казался путь, — я согласилась. По ночамъ были уже морозы, заливъ покрылся уже саломъ, это оставался послѣдній случай до первопутка.

* *
*

Какъ всегда, въ 5 часовъ я направилась въ мое дачное убѣжище, никому не сказала ни слова. Промаявшись ночь подъ обуревавшими меня мыслями, въ 7 часовъ утра была уже у трамвая, отправилась на службу. Такъ какъ у меня былъ отдѣльный служебный кабинетъ, я незамѣтно собрала всѣ мои работы, положила на видное мѣсто. Чтобы не подвести мое служебное учрежденіе, ни въ чемъ неповинное, въ случаѣ обнаружатъ мой побѣгъ, я на самый видъ положила мое прошеніе: «По случаю сильнаго переутомленія прошу о 2-хъ мѣсячномъ отпускѣ», и съ щемящимъ сердцемъ, ни съ кѣмъ не простившись, покинула мой милый Аничковскій дворецъ. Такъ какъ трамваи по Невскому не ходятъ, передвиженій другихъ, кромѣ пѣшаго, нѣтъ, мнѣ пришлось плестись пѣшкомъ на Тучкову Набережную, гдѣ мнѣ было назначено свиданіе. Меня угостили жидкой теплой кашицей и ржанымъ кофе съ чернымъ хлѣбомъ. Подкрѣпившись, двинулись съ финкой въ путь; намъ, оказывается, надо направляться на Балтійскій вокзалъ, куда дальше, не говоритъ. Видать, вышколена хорошо и очень осторожна и предусмотрительна.

День былъ субботній, когда обыкновенно назначается дровяная повинность. Всѣ трамвайные пути заняти платформами съ дровами. Пришлось ждать 2 часа. Народу у трамваевъ скопилось множество, вагоны брали съ боя. Не попавъ въ нѣсколько вагоновъ, мы, наконецъ, вцѣпились въ одинъ, вися почти въ воздухѣ, пока не удалось протиснуться въ вагонъ, гдѣ люди были, какъ сельди въ бочкѣ, но, наконецъ, доѣхали. Финка, меня провожавшая до мѣста отбытія, отвела меня въ сторону, просила съ ней не говорить, ни о чемъ не спрашивать, сообщила, что братъ моей пріятельницы тоже бѣжитъ, но такъ какъ уже разъ за неудачный побѣгъ просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, очень труситъ, а узнавъ, что и я ѣду, хотѣлъ сейчасъ же вернуться, съ трудомъ его уговорили, просилъ меня не подавать вида, что съ нимъ знакома, и предупреждаетъ, если нагрянетъ опасность, побѣжитъ, мнѣ же совѣтуетъ бѣжать въ противоположную сторону. Много, дѣйствительно, было неудавшихся побѣговъ, многіе были за нихъ засажены въ тюрьмы, а недавно на границѣ застрѣлена княгиня Голицына, рожденная Бекманъ, дочь бывшаго Финляндскаго Генералъ-Губернатора. У меня было жуткое чувство. Смерть отъ разстрѣла и насилія надо мной во имя сына, думалось мнѣ, я приняла бы спокойно, — это былъ бы мученическій вѣнецъ для меня, какъ и для многихъ жертвъ, но дать большевикамъ законный поводъ меня уничтожить какъ то казалось мнѣ зазорнымъ.

Положилась на волю Божью! —

Подали теплушки; за износомъ вагоновъ, на пригородныхъ дорогахъ передвигаются только въ теплушкахъ. По случаю субботняго дня ѣхало по дачамъ много разнаго народу, много красноармейцевъ направлялось въ Ораніенбаумъ. Если бы они знали, какой заложническій призъ подлѣ нихъ, думала я. На станціи Мартышкино моя спутница потянула меня за локоть. Пора выходить! Уже смеркалось. Долго мы брели въ разбродъ, мои спутники, видимо, во всякую

критическую минуту, готовы были меня покинуть. Дойдя до спуска къ морю, показалась какая то фигура, направлявшаяся прямо на насъ, сердце защемило, но вотъ финка — моя спутница — спѣшно бросилась къ нему, что то пошептала и велѣла намъ слѣдовать за нимъ. Мы спускались молча къ шоссе, по которому были разбросаны хатки, вдали слышался плескъ моря, которое или погубитъ насъ, или спасетъ! Къ одной изъ хатъ мы и направились. Насъ встрѣтили хозяева — опъ русскій, она финка. Съ большими предосторожностями они впустили насъ, бросились закрывать ставни, зажгли ночникъ.

На мой вопросъ: «когда же въ путь?» — сказали: «часа черезъ два, когда совсѣмъ стемнѣетъ». Просили насъ громко не говорить, не выходить, такъ какъ патрули красноармейцевъ время отъ времени проходятъ мимо — мы попросили ѣсть. Дали все тотъ же вареный картофель, и ржаной кофе съ чернымъ хлѣбомъ. Мы стали съ нетерпѣніемъ ждать рыбака. Моя спутница что-то была въ ажитаціи, шептались о чемъ то, по фински спорили. Вотъ уже и 11 часовъ вечера. Дѣвица, очень огорченная, сообщаетъ: сегодня ѣхать нельзя, рыбакъ «мертвецки пьянъ». Что дѣлать? Возвращаться обратно? Невозможно, только что отошелъ послѣдній поѣздъ.

Такое напряженіе силъ и нервовъ, неужели даромъ? Вернувшись завтра утромъ въ Петроградъ, дѣлать новую попытку побѣга, опять переживать пережитое, казалось непосильнымъ!.. Но выхода другого не было. Остались ночевать. Я съ дѣвицей улеглись на широкую подозрительнаго вида кровать, братъ пріятельницы тутъ же на полу, хозяева въ кухнѣ; измученные и физически, и нравственно, мы заснули, какъ мертвые... И вдругъ, у дверей послышались тяжелые шаги, голоса возбужденныхъ хозяевъ — мнѣ вспомнился матросскій налетъ, мы вскочили, какъ ошпаренныя; слышно было, тащили что-то, ступени лѣстницъ скрипѣли, видимо направлялись на чердакъ. Оставаться въ невѣдѣніи я больше не могла и бросилась къ дверямъ, дѣвица за мной, а спутникъ нашъ спалъ, какъ убитый. Въ полуоткрытую дверь, мы увидѣли людей, которые тащили ящики и мѣшки на чердакъ. Ночью? Въ чемъ дѣло? Финка на мои вопросы только махала рукой, чтобы я молчала. Наконецъ, проводивъ людей, явились хозяева радостные, возбужденные, и сообщили, что «дѣло сегодня вышло важное: 25 бутылокъ спирту, табаку, много мѣшковъ муки привезли и заработокъ будетъ хорошій, на зарѣ придутъ и покупатели, товаръ уже запроданъ». Насъ просили не шевелиться и не выходить. Ясно — мы находились въ гнѣздѣ контрабандистовъ. Не хватало еще этого! Попасться матери Главнокомандующаго Арміей въ такой компаніи, вотъ бы злорадствовали!

Промаялись остатокъ ночи. Чуть свѣтъ явились покупатели, то же шептаніе, препирательства, тасканіе кулей и ящиковъ. Я потребовала, чтобы мнѣ отвѣтили опредѣленно, ѣду ли я сегодня, иначе я съ первымъ же поѣздомъ вернусь въ Петербургъ. Финка поклялась, что въ сумеркахъ выѣдемъ, что пьяница запертъ и до вечера его не выпустятъ, дабы не напился.

Прошелъ томительный день въ уныніи и молчаніи. Въ щелочку окна видѣли въ теченіе дня нѣсколько прошедшихъ мимо красноармейскихъ патрулей. Сердце екало, что скрывать. Накормили насъ черными макаронами и простоквашей, это ужъ было нѣсколько получше Совдепскаго пойла. На нашъ вопросъ хозяевамъ, сколько должны? Намъ отвѣтили — 8 тысячъ; такъ какъ эти тысячи были совѣтскій мусоръ, то не споря уплатили.

Но вотъ стемнѣло. Появился нашъ долгожданный рыбакъ, съ двумя товарищами, и хотя пьяны вполнѣ не были, но видимо хозяева наши, изъ своей добычи,

спиртомъ ихъ угостили, они были на веселѣ. Раздумывать было некогда. Перекрестились и пошли. Ночь была морозная, мрачная, беззвѣздная. Подойдя къ морю, все время озираясь, перешептываясь и насъ первируя, фины вытащили изъ амбара лодку и пустили ее съ берега. Она откатилась далеко. Подойти къ ней по водѣ было немыслимо, рыбаку вода была до пояса; и вотъ не успѣла я опомниться, какъ финъ подхватилъ меня, какъ узелъ, и возложилъ на спину стоявшему въ водѣ, тотъ въ свою очередь, дойдя до лодки, свалилъ меня, какъ мѣшокъ, въ лодку. Наконецъ, готовимся въ путь. Съ финской дѣвицей мы очень сердечно распрощались еще въ хатѣ, я просила ее безъ надобности не рисковать идти съ нами на берегъ. Долго не могли сдвинуть лодку съ мели. Она была маленькая, рыбачья, парусная. Насъ ѣхало пятеро, три рыбака, братъ моей пріятельницы, все время молчавшій, какъ нѣмой, и я. Время казалось вѣчностью, холодокъ пробиралъ. Но вотъ лодка заколыхалась, машинально мы съ спутникомъ моимъ перекрестились, лодка то поднималась, то опускалась. Изрѣдка налетала волна, обдавая насъ ледяной струей. Рыбаки то и дѣло черпали ковшами воду со дна лодки, а вода все наѣапливалась и накапливалась. Ноги мои были мокрехоньки. Посмотрѣла на ручные часы: ровно 8 вечера. Но вотъ перемѣнился вѣтеръ, фины зашептались, заволновались, стали перемѣнять парусъ. Намъ сказали, что мы должны сидѣть тихо, вѣтеръ не попутный, придется направляться на Толбуховскій маякъ, огибать Кронштадтъ, гдѣ все время море освѣщается рефлекторами. Меня ткнули, иначе я не могу сказать, на дно лодки, прося, пока проѣдемъ, лежать и не двигаться. Теперь ужъ я вся была мокрехонька, меня точно обволакивала ледяная кора. Зубъ на зубъ не попадалъ. Холодъ убилъ во мнѣ всякій страхъ, ни большевики, ни чека ни что меня не страшило — лишь бы чѣмъ нибудь прикрыться. Но ни у кого ничего лишняго изъ одежды не было.

Рефлекторы снопами свѣта освѣщали море: затаивъ дыханіе, фины управляли лодкой... Наконецъ, миновали страшное пугало Кронштадтъ, вокругъ только безбрежное море, небо все также мрачно, ни луна не свѣтитъ, ни звѣздъ не видно. Ноги, кажется, окостенѣли, трясетъ, какъ въ лихорадкѣ, часы бѣгутъ, обѣщанные $3^1/_2$ часа путешествія давно прошли. Время показываетъ 3-ій часъ ночи, а мы все носимся и носимся по волнамъ. Сильный порывъ вѣтра сорвалъ парусъ, мачта обломалась. Конца нашимъ приключеніямъ нѣтъ. Фины, всѣ трое во весь ростъ, поднялись въ нашей маленькой лодкѣ, нервничаютъ, суетятся, изъ веселъ налаживаютъ мачту, натягиваютъ парусъ, вокругъ волнующееся море, того гляди захлеснетъ лодку, которая накреняется то направо, то налѣво. Духъ замираетъ... но ледяная кора, меня обволакивающая, и мучительныя боли моихъ еще ранѣе отмороженныхъ рукъ и ногъ отвлекаютъ мое вниманіе. Вѣдь какъ никакъ 25 Октября, ночь, заморозки, промокли мы до костей — сижу полуживая! Наконецъ, парусъ налаженъ, двинулись, фины увѣряютъ, что скоро берегъ, сколько ни вглядываюсь, береговъ не вижу... Еще новое испытаніе! Повалилъ густѣйшій снѣгъ, бѣлой пеленой закрылъ горизонтъ, ледяныя капли струятся по шеѣ, за спину, вся шляпа мокра, голова стынетъ. Фины съ трудомъ направляютъ лодку. Мотались мы, мотались, взглянула на часы — четвертый часъ ночи!

Уже 8 часовъ нашего странствованія! Снѣгъ меньше и рѣже. Вдали стали вырисовываться, какъ будто, очертанія береговъ. Фины зашевелились, мой, казалось, до сихъ поръ нѣмой спутникъ улыбнулся, окликнулъ меня, радостно закивалъ головой. Дѣйствительно, вотъ и спасительный берегъ. Фины сняли парусъ,

пошли на веслахъ. Я пока радости спасенія не ощущала, душа точно тоже оледенѣла. Фины, опасаясь патрулей, видимо трусили, торопили меня выходить, но я не только идти, встать на ноги силъ не имѣла. Одинъ изъ нихъ подхватилъ меня подъ руки, другой за ноги, потащили и бросили меня на берегъ, какъ утопленницу. На наши вопросы, гдѣ мы? — замахали руками и подхватили свои пустые изъ подъ товара мѣшки, ползкомъ крадучись скрылись за деревьями. Я осталась вдвоемъ съ моимъ спутникомъ. Я продолжала лежать, онъ же совсѣмъ преобразился, оживился, помогъ мнѣ встать, торопилъ меня идти. Но куда?.. Часы показывали 25 минутъ пятаго. Свѣтъ чуть брезжилъ... Мы поплелись. Шли по лѣсу, терялись въ догадкахъ, гдѣ мы?..

Отъ ходьбы помаленьку я стала оттаивать и физически, и душевно.

Уже свѣтало, вдругъ ноги запутались въ какую-то проволоку, вглядѣвшись, мы увидѣли проволочныя загражденія, вблизи разставленныя пушки. Мой спутникъ, знавшій хорошо Финляндію, сказалъ мнѣ: «а знаете, вѣдь мы попали на фортъ Ино, надо идти по направленію Теріокъ въ противоположную сторону». Повернули, шли по лѣсу, изрѣдка попадались заколоченныя на глухо дачи; когда то здѣсь жило много русскихъ дачниковъ, теперь тишина мертвая, ни людей, ни собакъ. Наконецъ, показалась мѣстность болѣе населенная. Постучались въ два дома, раздалась воркотня, но насъ не впустили. Вотъ засвѣтился огонекъ въ одной хатѣ, видимо, хозяева уже начинаютъ свой день. Постучались. Вышелъ очень симпатичный финъ съ женой. Говоритъ по-русски, мы объяснили, что русскіе бѣженцы, и просили дать обогрѣться. Онъ очень радушно насъ впустилъ, и о Боже! какое счастіе! передо мной жарко горящая печь!.. Понемногу моя ледяная кора начала оттаивать, вокругъ меня текли потоки. Такъ какъ мнѣ нечѣмъ было замѣнить мое промокшее тряпье: вѣдь я бѣжала, въ чемъ была, хозяйка сняла мои рваные башмаки съ подвязанною веревкою подошвами, пальто, шляпу, посадила у печки, накинувъ на меня какое-то свое ватное одѣяніе. Боже! Боже! какое блаженство! Мнѣ кажется, я никогда не испытала болѣе пріятнаго ощущенія, точно отъ смерти я возвращалась къ жизни!

Я почувствовала сильный голодъ, но, къ сожалѣнію, въ карманѣ на двоихъ у насъ было только 16 фин. мар. Я стала совѣтоваться съ моимъ спутникомъ, какъ быть, и вотъ онъ, набравшись уже теперь храбрости, сказалъ мнѣ: «знаете что, я сообщу ему, кто вы» (это было еще до крымской катастрофы), навѣрно онъ знаетъ о Вашемъ сынѣ, повѣритъ намъ и насъ накормитъ, а затѣмъ мы дадимъ ему записку къ сестрѣ, и она за насъ все, что слѣдуетъ, ему заплатитъ.

И дѣйствительно — не ошибся. Какъ только онъ объяснилъ фину, тотъ очень заинтересовался, позвалъ старуху мать, дѣтишки обступили насъ. Финъ этотъ, оказалось, рыбакъ, прежде часто бывалъ въ Петроградѣ и сочувственно относится къ русскимъ бѣлымъ, имѣя свѣдѣнія объ ужасахъ Петроградской жизни.

Скоро столъ, покрытый скатертью, намъ уставили разными чудесами, которыхъ я не имѣла во рту 2 года: вареныя яйца, сыръ, масло, простокваша, и б ѣ л ы й хлѣбъ!..

Навѣрно, видъ у насъ былъ очень дикій, съ такимъ вниманіемъ мы все разсматривали.

Подали горячій, дымящійся кофе и съ сахаромъ!.. и съ молокомъ! Ну и наѣлись же мы. Кровь по жиламъ клокотала, стало даже жарко... Одежды просохли, я натянула свое тряпье, — пальто торчало, какъ накрахмаленное, —

и мои ссохшіяся громадныя сапожища, съ подвязанными веревкою подошвами, голову украсила сморщенной, съежившейся отъ печки шляпою.

Пора двигаться дальше; карантина нельзя миновать. Финъ сказалъ, что дастъ экипажъ и довезетъ насъ до Теріокъ. «А далеко», спросила я. «Да, 20 верстъ», сказалъ онъ. Но что это значило, послѣ всего пережитаго. Подали экипажъ, — телѣгу съ соломой, другого у него не было, но и это пустяки, жизнь закалила. Горячо поблагодаривъ радушныхъ финовъ, влѣзли на телѣгу и помчались, такъ и подскакивая на каждомъ ухабѣ. Три безсонныхъ ночи, мучительная стужа, страхъ быть пойманнымъ и арестованнымъ или очутиться на днѣ морскомъ — все, все было забыто, все осталось позади!

Около 9 утра мы прибыли въ карантинъ. Опросы, формальности. На меня смотрѣли, какъ на бѣлую ворону. Мой спутникъ покатывался со смѣху, глядя на великолѣпіе моего облаченія. По окончаніи всѣхъ формальностей, мы были водворены въ карантинъ на 2 недѣли. И что значитъ нервный подъемъ, въ 60 лѣтъ, послѣ всего мной продѣланнаго — не схватила даже насморка. Только человѣческая пища, послѣ Совдепскихъ отбросовъ, оказалась во вредъ моему желудку, пока я свыклась. Во время моего пребыванія въ карантинѣ, ввиду появившейся въ мѣстной газетѣ замѣтки объ отважной путешественницѣ, матери генерала Врангеля, спасшейся въ Финляндіи, я получила массу сочувственныхъ писемъ отъ знакомыхъ и незнакомыхъ русскихъ и особенно тронувшій меня адресъ отъ многихъ финскихъ семействъ, выражавшихъ удовольствіе, что я нашла пріютъ именно у нихъ въ Финляндіи и массу лестныхъ словъ о сынѣ.

Американская миссія такъ заботливо и внимательно снабжала меня все время, пока я находилась въ карантинѣ всякими явствами, а на первое время и кой какими теплыми вещами.

Такое общее человѣческое отношеніе ко мнѣ и уваженіе, отъ котораго я за 2 года отвыкла, умиляли меня.

Я чувствовала себя, какъ бы въ сказкѣ въ родѣ Царевны-Лягушки, сбросившей свою оболочку и обратившейся въ Царь-Дѣвицу.

Вскорѣ я получила полную свободу.

За мной пріѣхала моя спасительница и увезла къ себѣ, въ прелестную виллу. $3^1/_2$ мѣсяца, въ ожиданіи визы и ради отдыха, я прожила у нея, окруженная самой нѣжной заботливостью, и несмотря на всѣ тяжелыя переживанія за сына въ связи съ послѣдовавшей Крымской катастрофой, совсѣмъ пришла въ норму. Въ февралѣ я отправилась въ Дрезденъ къ мужу, гдѣ мы и живемъ бѣженцами, не унывая, а вѣря и надѣясь на возрожденіе и расцвѣтъ нашей несчастной дорогой родины.

* . *

*

На этомъ я еще не кончаю. Не желая прерывать цѣлость впечатлѣнія моихъ личныхъ переживаній, я не отвлекалась въ сторону общихъ вопросовъ, теперь же хочу, для полноты картины, вернуться назадъ къ моему повѣствованію и сказать кратко еще объ общемъ состояніи несчастнаго Петрограда въ дни большевиковъ.

Внѣшній видъ его принялъ налетъ слегка буколическій. По Невскому, за исключеніемъ мелькающихъ съ комиссарами автомобилей и изрѣдка грохочущихъ грузовиковъ, другого передвиженія, кромѣ пѣшаго, нѣтъ. Многія улицы и Невскій у Александровскаго театра покрыты лужайками. Воздухъ чище и

прозрачнѣе, чѣмъ прежде, такъ какъ фабрики и заводы бездѣйствуютъ. Большая часть обывателей двигается по дорогѣ, а не по тротуарамъ. У многихъ за плечами котомки съ пайками. Многіе жуютъ тутъ же на улицѣ, только что полученный въ городской лавкѣ по карточкѣ, хлѣбъ. Передъ моимъ отъѣздомъ, осенью голодные обыватели были обрадованы. Въ Петроградъ прибыли громадныя партіи яблокъ. Выдавали по многу и на пайки, и по карточкамъ. Яблоки жевали повсюду и на улицѣ, и въ трамваяхъ, и на службѣ. По этому поводу разсказываютъ, остроумное замѣчаніе одного прибывшаго въ Петроградъ иностранца: «Что же это такое?» — недоумѣваетъ онъ: «русскіе все плачутся, что имъ нехорошо живется, а сами живутъ, какъ въ раю: ходятъ голые и цѣлый день яблоки жуютъ».

То и дѣло лѣтомъ, на улицахъ попадаются дамы, донашивающія бывшія элегантныя платья и шляпы, а ноги за отсутствіемъ сапогъ въ вязанныхъ веревочныхъ туфляхъ съ голыми икрами à l'enfant, за недостаткомъ чулокъ. Зимой, единственный экипажъ, очень распространенный — салазки: на нихъ перевозятъ домашній скарбъ, дорожныя вещи съ вокзаловъ, — извозчиковъ давно нѣтъ; добытый паекъ и купленный у мѣшечниковъ картофель; утомленныя матери везутъ на нихъ своихъ полуголодныхъ ребятъ. Магазины всѣ закрыты и наглухо заколочены, т. к. товары всѣ реквизированы, а предпріятія національзированы.

Видъ обывателей помимо фантастическаго облаченія обращаетъ на себя вниманіе болѣзненнымъ отпечаткомъ на лицахъ. Физіономіи у всѣхъ одутловатыя, съ мѣшками подъ глазами, съ восковымъ налетомъ. Въ духовномъ смыслѣ положительно опустились, вопросы желудка на первомъ мѣстѣ.

Я была на службѣ среди самаго цвѣта интеллигенціи, и мы замѣчали за собой, о чемъ бы не говорили, обязательно перейдемъ на вопросы продуктовъ, о трудности ихъ добыванія и т. д. Большинство стало раздражительные, издерганные и затравленные. Всѣ поголовно страдаютъ безпамятствомъ.

Масса выдающихся общественныхъ и научныхъ дѣятелей погибли отъ разстрѣловъ и голода. О разстрѣлѣ скопомъ всѣмъ извѣстныхъ видныхъ дѣятелей кадетской партіи, объявленныхъ внѣ закона, повторять не буду, это отошло уже въ исторію. Знаю, что умерли отъ истощенія академики Лаппо-Данилевскій и А. А. Шахматовъ и другіе, цѣлый списокъ именъ. Можно составить обширный мартирологъ погибшихъ во цвѣтѣ лѣтъ силъ и дарованій отъ руки большевиковъ. Профессора и студенчество живутъ, какъ и другія лица интеллигентныхъ профессій, въ такомъ же подозрѣніи, какъ и былая аристократія, вѣчно въ ожиданіи ареста и обыска; они, какъ и остальные, стоятъ въ «хвостахъ» у лавокъ за селедками и ужаснымъ хлѣбомъ, несутъ трудовыя повинности. Ради заработка служатъ одновременно въ нѣсколькихъ учрежденіяхъ и, конечно, наука отходитъ на второй планъ. Ни учебниковъ, ни учебныхъ пособій нѣтъ, научные журналы не издаются, заграничные не получаются, школы значатся болѣе на бумагѣ; въ дѣйствительности же сокращены до минимума, такъ какъ нѣтъ помѣщеній, топлива, учителей, пособій и т. д. Благодаря совмѣстному обученію дѣвочекъ съ мальчиками, при современной недисциплинированности и распущенности — одинъ развратъ. Въ классахъ приказано убрать иконы, запрещено носить кресты. Чтобы «революціонизировать» дѣтей, ихъ водятъ въ кинематографы до одурѣнія, гдѣ знакомятъ съ похожденіями Распутина, демонстрируютъ пасквили на интимныя картины жизни членовъ царской семьи.

Иногда по улицамъ расклеиваютъ громадныя, въ натуральную величину, аляповатыя изображенія Николая Кроваваго, пьянаго, еле держащагося на но-

гахъ, въ мантіи. Съ головы валится корона, подъ пятой груды окровавленныхъ рабочихъ и пролетаріевъ.

Организованы группы и клубы «коммунистической молодежи», слышала ихъ рѣчи, что за новое поколѣніе дастъ оно Россіи, думать жутко!

Церкви домовыя, при учебныхъ заведеніяхъ, правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, а также военныя — закрыты.

Духовенство не освобождается отъ обще-гражданскихъ повинностей. Газеты полны издѣвательствъ и поруганій, самыхъ неприличныхъ, по адресу священнослужителей. Въ Красной Газетѣ былъ даже спеціальный отдѣлъ: «О попахъ». Тѣмъ не менѣе замѣчается, несомнѣнно, большой религіозный подъемъ. Крестные ходы, изрѣдка допускаемые, по настоянію части рабочихъ, привлекаютъ сотню тысячъ народа, такихъ грандіозныхъ прежде никогда не бывало. Церкви переполнены молящимися. При церквахъ образовались братства. Такъ какъ церкви теперь на иждивеніи прихожанъ, надо видѣть, съ какою любовью и рвеніемъ, (большинство, конечно, женщины), приводятъ ко дню торжественныхъ праздничныхъ богослуженій церкви въ порядокъ. Моютъ окна, двери, чистятъ образа, украшаютъ бумажными цвѣтами, гирляндами своего производства. Такъ какъ причты теперь ограничены, не только дьяконовъ, но и псаломщиковъ зачастую нѣтъ, служитъ одинъ священникъ, то прихожане наперерывъ предлагаютъ читать псалтырь. Образовали прекрасные хорошо спѣвшіеся хоры. Появился совсѣмъ новый типъ священника, молодые, образованные, подчасъ съ университетскимъ образованіемъ. Особенно выдѣляется теперь отецъ Александръ Введенскій. Онъ пользуется громадной популярностью, за нимъ ходятъ толпы народа. Пріѣздъ его для служенія въ какую нибудь церковь производитъ сенсацію. Изъ него уже сдѣлали фетишъ: разсказываютъ даже о цѣломъ рядѣ его чудесъ. Это молодой человѣкъ 32 лѣтъ, съ университетскимъ образованіемъ, окончилъ два факультета, съ большой эрудиціей, увлекательный ораторъ. Такъ какъ собесѣдованія, устраиваемыя имъ по разнымъ частнымъ учрежденіямъ, собирали такое скопленіе народа, что залы не могли вмѣстить, и вокругъ зданія были большія сборища толпы, рвавшейся его послушать, то власти запретили ему собесѣдованія. Онъ перенесъ ихъ въ церковь. Всѣ его рѣчи чужды всякой политики; мнѣ случилось присутствовать на двухъ изъ бесѣдъ. Темы были: «Объ унынін», а вторая «Что такое счастіе?». Я вынесла глубокое впечатлѣніе, громадная эрудиція, глубокая вѣра и искренность. Проповѣди его совсѣмъ своеобразныя. Много тепла, сердечности, дружественности, я бы сказала: подъ впечатлѣніемъ его словъ, — озлобленіе смягчается. Чувствуется его духовная связь съ паствой. Богослуженіе его — экстазъ. Онъ весь горитъ и все время приковываетъ вниманіе, наэлектризовываетъ васъ. Очень теперь распространены общія исповѣди. Такого молитвеннаго настроенія мнѣ прежде въ церквахъ никогда не довелось видѣть: люди рыдаютъ и дѣйствительно каются во грѣхахъ, а не исполняютъ это, какъ бывало у многихъ прежде, для проформы.

Популярность и дѣятельность этого священника уже у властей на примѣтѣ. Я знаю нѣсколько прежде равнодушныхъ къ религіи лицъ, которыя, подъ впечатлѣніемъ его служенія и проповѣдей, обратились въ глубоковѣрующихъ. Подобный же ему священникъ, я слышала, есть и на Васильевскомъ Островѣ и въ окрестностяхъ Петрограда. Внѣшній видъ современныхъ, молодыхъ священниковъ теперь тоже особый: волоса стрижены и на рясахъ носятъ университетскіе значки.

Говорить о финансовомъ и экономическомъ положеніи Совдепіи — не берусь, нужны цифровыя данныя и научное отношеніе, а я отъ этихъ вопросовъ всегда была далека. Слышала со всѣхъ сторонъ, что неописуемый хаосъ. Знаю только, что хотя ежедневно, какъ сообщаютъ газеты, печатаются въ Петроградѣ, Москвѣ, Пензѣ и Харьковѣ 7 мил. въ день, мы служащіе мѣсяцами оставались безъ жалованія — за недостаткомъ денежныхъ знаковъ въ Государствѣ. Оклады получали тысячные, я менѣе 3-хъ тысячъ въ мѣсяцъ не знаю, а всѣ бродили голодные и раздѣтые. Такъ какъ право на существованіе, или вѣрнѣе, на прозябаніе въ Петроградѣ имѣетъ только тотъ, кто служитъ, такъ и на трудовой карточкѣ, по которой выдаютъ хлѣбъ и селедки, напечатано: «Кто трудится, тотъ и ѣстъ», а потому на службу бросились всѣ, кого только ноги держатъ и кто еще не совсѣмъ впалъ въ идіотизмъ. Насколько это способствуетъ процвѣтанію дѣла, это вопросъ иной, да имъ и мало кто интересуется. У нашихъ владыкъ все на показъ и на фу-фу. Оригинальная внѣшняя сторона въ большинствѣ учрежденій, причины которой, я такъ и не постигла. Всѣ объяты regretium mobile. Всѣ учрежденія то и дѣло переѣзжаютъ изъ улицы въ улицу, изъ зданія въ зданіе, изъ одного этажа въ другой, изъ одной комнаты въ другую, третью.

Улицы переименованы. Невскій — теперь Проспектъ 25-го Октября, Литейный — Улица Володарскаго, Морская — Улица Халтурина, Каменноостровскій — Улица Красныхъ Зорь, есть проспекты Карла Либкнехта и Карла Маркса. Просвѣтительное Учрежденіе Розы Люксембургъ. Царское Село переименовано въ Дѣтское Село — Урицкаго. Павловскъ названъ Слуцкъ, въ память коммунистки Вѣры Слуцкой. Таврическій Дворецъ, такъ много видѣвшій въ своихъ стѣнахъ, именуется — Дворецъ Урицкаго. Дворецъ В. К. Сергѣя Александровича — называется Дворцомъ Нахамкеса, и много превращеній въ томъ же родѣ. Понаставлено множество памятниковъ великихъ дѣятелей, отцовъ революціи, изъ глины — Лассаля, Карла Либкнехта, Розы Люксембургъ, Володарскаго. Поставили Перовской — пришлось убрать. Изображеніе было въ видѣ, не то громадной летучей мыши, не то сталактита, стояло у Николаевскаго вокзала; всѣ, проходя, невольно останавливались и вмѣсто почтенія покатывались со смѣха. Меня увѣряли, что въ Москвѣ, не подалеку отъ Кремля, установленъ былъ памятникъ Стенькѣ Разину, уцѣлѣлъ ли, не знаю.

Теперь придворные художники и скульпторы — футуристы. Можно себѣ представить все великолѣпіе ихъ памятниковъ. Придворный поэтъ Рабоче Крестьянской Республики, на подобіе Державина, воспѣвавшаго когда-то Фелицу — Вл. Маяковскій, о талантѣ котораго говорятъ захлебываясь. Одинъ изъ любимыхъ поэтовъ еще Демьянъ—Бѣдный, нѣчто вродѣ раешника. Цѣлая плеяда появилась пролетарскихъ поэтовъ, главари — слесарь Герасимовъ и матросъ Кирилловъ, есть и крестьянскіе поэты: Клюевъ и Есенинъ.

Пантеонъ современный — Марсово Поле, гдѣ хоронятъ великихъ усопшихъ коммунистовъ — нѣчто вродѣ свалочнаго мѣста, ну да это повсюду.

Санитарное состояніе города потрясающее. Дома за отсутствіемъ ремонта, по неимѣнію нужнаго матеріала и рукъ, наканунѣ полнаго разрушенія. Ни фановыхъ, ни водопроводныхъ трубъ нѣтъ, гвоздей и то достать трудно. Вслѣдствіе недостатка топлива всѣ деревянные дома, барки и окрестные лѣса снесены. Водопроводныя и канализаціонныя трубы полопались. Нечистоты, мусоръ, грязная вода выбрасываются, куда попало, на лѣстницу, во дворъ, черезъ форточку на улицу. Дворники упразднены, какъ буржуазный пережитокъ. Вся эта пре-

лесть накапливается и превращаетъ городъ въ клоаку, несмотря на устройство всевозможныхъ санитарныхъ «дней» и «недѣль» — повинностей для истерзанія буржуевъ. Температура какъ въ частныхъ квартирахъ, такъ и въ большинствѣ учрежденій на нулѣ. Всѣ и на службѣ, и дома сидятъ въ шубахъ и шапкахъ. Спятъ не раздѣваясь. Многіе до воскресенія не моются, бѣлья не мѣняютъ по мѣсяцу за отсутствіемъ мыла и, конечно, вшивѣютъ. Вши повсюду: въ вагонахъ, больницахъ, трамваяхъ, школахъ. А вошь, какъ говорятъ, главный проводникъ заразы. Не могу умолчать объ оригинальной спекуляціи этимъ продуктомъ. Красноармейцевъ сильно тянетъ въ деревню, а отпускъ даютъ только какъ отдыхъ послѣ перенесеннаго сыпного тифа, и вотъ солдатики задумали дѣлать себѣ прививки тифа посредствомъ вшей. Сейчасъ же нашлись и поставщики. За коробку съ 5-ью вшами съ сыпного больного брали 250 рублей, и дѣло пошло къ общему удовольствію. Смертность въ Петроградѣ ужасающая, эпидеміи возвратнаго, сыпного тифа, испанки, дизентеріи и холеры. Населеніе въ 1917 году было 2.440.000 въ Петроградѣ, въ 1920 году насчитываютъ всего 705.000; конечно, разстрѣлы, эмиграцію тоже надо имѣть въ виду. Состояніе больницъ не поддается описанію, всѣ больницы и эвакуаціонные пункты забиты. Мнѣ говорилъ извѣстный врачъ Николаевскаго Госпиталя: цѣлыя партіи въ десятокъ тысячъ красноармейцевъ, прибывшихъ больными съ фронта, держали въ вагонахъ подъ Петроградомъ за невозможностью принять ихъ въ госпиталя. Врачебный персоналъ самъ повально боленъ. Больные отмораживали себѣ руки и ноги и умирали отъ замерзанія. Въ больницахъ въ палатахъ на 200 больныхъ 1—2 термометра. Медикаментовъ самыхъ необходимыхъ: касторовое масло, сода, не говоря уже о наркотикахъ, — нѣтъ. Въ операціонныхъ комнатахъ морозъ, у операторовъ коченѣютъ руки. Они не могутъ держать инструментовъ въ рукахъ. Ванны не дѣйствуютъ, уборныя — клоака. Въ мертвецкихъ груды скопившихся труповъ, такъ какъ ни гробовъ нѣтъ, ни перевозить не на чемъ. Сидѣлки понятія объ уходѣ за больными не имѣютъ, грубы, обираютъ больныхъ. Сестры милосердія новой формаціи флиртуютъ, а не занимаются дѣломъ.

Путешествіе теперь — мученіе ада. Вагоны забиты людьми, никакихъ подраздѣленій на классы нѣтъ, хотя комиссары и прочіе важные чины Государства имѣютъ не только особыя отдѣленія, но и цѣлые вагоны въ своемъ распоряженіи. Двигаются поѣзда черепашьимъ шагомъ. Достать питаніе въ дорогѣ немыслимо. Износъ вагоновъ страшный. Товарищи забираются даже въ сѣтки для ручного багажа, ѣздятъ на крышахъ вагоновъ, на паровозахъ, на подвѣсныхъ прутьяхъ Пульмановскихъ вагоновъ. Внутри все кишитъ вшами. Такая же картина въ трамваяхъ.

Катастрофы то и дѣло, за недостаткомъ смазочныхъ средствъ вагоны горятъ, люди въ паникѣ выскакиваютъ, выбиваютъ стекла, калѣчатъ другъ друга.

Пріѣзжавшіе изъ провинціи увѣряли меня, что въ такомъ же положеніи вся Совдепская страна.

Вотъ тотъ запасъ моихъ впечатлѣній и переживаній въ коммунистическомъ раю, которымъ я хотѣла подѣлиться.

Отъ Москвы до Берлина въ 1920 году*

Р. Донского

Польскій часовой подвелъ насъ къ воротамъ избы и черезъ нѣсколько минутъ меня пригласили войти. Мать взяла тебя на руки, и мы направились черезъ дворъ къ крылечку. Бабка же осталась сидѣть въ саняхъ. Чистая, просторная изба была перегорожена пополамъ занавѣской. Передъ занавѣской жили солдаты, за нею — офицеры. Насъ сейчасъ же провели въ офицерское отдѣленіе. Тамъ стоялъ столъ, покрытый чистой скатертью, диванъ и двѣ кровати. Въ углу былъ грамофонъ. На столѣ горѣла хорошая керосиновая лампа. Было чисто и почти уютно. На диванѣ за столомъ сидѣлъ молодой, очень красивый поручикъ, бритый съ бачками, слегка женственный, напоминающій Онѣгина. Два подпоручика сидѣли у того же стола на стульяхъ. Поручикъ попросилъ насъ сѣсть и спросилъ, какіе у насъ есть документы. Я подалъ ему толстую пачку, и онъ началъ просматривать ихъ. А ты тѣмъ временемъ, стоя на колѣняхъ у матери, легъ животикомъ на столъ, и не успѣли мы оглянуться, какъ ты схватилъ лежавшій передъ поручикомъ заряженный револьверъ. Раздался всеобщій хохотъ. Поручикъ, обезоруживъ тебя, поманилъ къ себѣ. Ты радостно и довѣрчиво протянулъ къ нему рученки и потянулся къ погонамъ. Дальнѣйшій просмотръ бумагъ онъ велъ уже, держа тебя на колѣняхъ, и ты все время ощупывалъ его шитье на воротникѣ, пуговицы и погоны. Бумаги были просмотрѣны быстро.

— Значитъ Вы — профессоръ, а это ваша супруга? — спросилъ поручикъ, указывая на мать.

— Нѣтъ, это племянница.

— А гдѣ же ваша супруга?

— Она въ саняхъ.

— Такъ пригласите же, распорядился поручикъ, и подавайте чай.

Когда бабка вошла и увидѣла чистую обстановку, вѣжливыхъ, воспитанныхъ офицеровъ и тебя на рукахъ у поручика, она чуть не расплакалась.

— Господи, наконецъ-то мы попали къ культурнымъ людямъ! воскликнула она.

Офицеры радостно расклапялись. Подали чай съ сахаромъ и съ чудеснымъ хлѣбомъ, и начались разспросы про Москву. Поражались цѣнамъ

---

* См. Архивъ. Т. I

и звѣриному образу жизни, который мы вели. Мы въ свою очередь разспрашивали о томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ и удивляли ихъ своей неосвѣдомленностью. Для насъ явилась неожиданностью регулярная польская армія. Мы разспрашивали о ея организаціи, о порядкѣ назначенія офицеровъ, о дисциплинѣ.

— Такъ значитъ у васъ уже организованное государство? — удивлялся я.

Они смѣялись. Для насъ явилось новостью присоединеніе къ Польшѣ Галиціи и Восточной Пруссіи. Мы не знали, кто президентъ республики и т. д. Появились на столѣ газеты и иллюстрированные журналы, на которые я набросился съ жадностью. Бесѣда шла милая и непринужденная. Написали письма въ Москву, которыя офицеры обѣщали отправить.

Послѣ чая завели для тебя грамофонъ, и ты окончательно ошалѣлъ отъ восторга: визжалъ, прыгалъ, бѣгалъ по комнатѣ и, какъ только грамофонъ замолкалъ, требовалъ повторенія.

— Исчо! просилъ ты.

Офицеры забавлялись съ тобою, угощали тебя шоколадомъ, носили на рукахъ, словомъ, ты былъ героемъ дня. Затѣмъ приступили къ обыску. Вещи осматривали подробно, но дѣлали все это въ такой формѣ, что никакого чувства обиды у насъ не было. Къ тому же въ теченіе всего обыска не умолкалъ грамофонъ. Освѣдомились, есть ли со мной деньги и брильянты. Я вынулъ все, что было. Они сочли деньги и вернули все. Полюбовались бабкиными вещами, похвалили ихъ, и тоже вернули. Къ десяти часамъ все было кончено, намъ подали подводы, снабдили насъ на дорогу саломъ и хлѣбомъ, и мы простились съ этими милыми людьми. Это было первое свѣтлое впечатлѣніе отъ Польши. Первое и послѣднее, ибо дальше отношеніе стало уже совсѣмъ инымъ, и мнѣ частенько въ дальнѣйшемъ приходилось вспоминать милаго и радушнаго поручика съ передовыхъ позицій.

* *
*

Съ позиціи мы въ сопровожденіи солдата поѣхали въ штабъ батальона. Погода стояла теплая, и шелъ мокрый снѣгъ. Ты спалъ подъ шубой, а мы съ бабкой достали сало и хлѣбъ и жадно набросились на ѣду. Хлѣбъ былъ ситный, чудесно выпеченный, а сало копченое, настоящее польское. Мы уплетали все это за обѣ щеки и подъ вліяніемъ ласковаго пріема на позиціяхъ готовы были выскочить изъ саней и начать танцевать. Насъ доставили въ штабъ батальона въ сосѣдней деревнѣ.

Приняли насъ офицеры, которымъ деньщикъ при насъ подалъ чай съ хорошимъ ситнымъ хлѣбомъ, густо намазаннымъ масломъ. Вся эта картина, — чистые воспитанные офицеры, которымъ такіе же чистые солдаты приносили вкусныя сытныя вещи, прекрасное обмундированіе, сапоги, ремни на ружьяхъ, сытый видъ солдатъ, сытыя крестьянскія лошади, — все это прямо ошеломляло насъ, и намъ казалось, что мы спимъ и видимъ прекрасный сонъ. Офицеръ быстро сдѣлалъ отмѣтки на бумагѣ, выданной намъ поручикомъ, и сейчасъ же послалъ насъ дальше въ штабъ полка. Когда мы вышли изъ канцеляріи, насъ встрѣтилъ мальчуганъ лѣтъ двѣнадцати въ солдатской формѣ, котораго мы видѣли въ избѣ у поручика. Оказалось,

что бабка забыла свою шапку и ее намъ прислали. Хотѣли дать мальчугану на чай, но онъ отказался, гордо заявивъ:

— Польскіе солдаты на чай не берутъ.

А потомъ мы узнали, что онъ потребовалъ за доставку вещей съ нашихъ попутчиковъ Д.

Когда мы проѣзжали околицу, въ лицо намъ дунулъ какой-то странный короткій порывъ вѣтерка, и въ то же время что-то свиснуло и чмокнуло. Лошадь шарахнулась въ сторону, а везшій насъ крестьянинъ обругался. Оказалось — шальная пуля. Впослѣдствіи изъ разспроса офицеровъ я понялъ, что она пролетѣла у самыхъ нашихъ головъ не больше чѣмъ въ аршинѣ.

Къ вечеру мы были въ штабѣ полка и заночевали въ хорошей избѣ. Сначала поужинали на славу чудеснымъ картофелемъ со свѣжайшимъ масломъ и густой сметаной, а потомъ легли всѣ въ рядъ на полу на душистомъ сѣнѣ и заснули послѣ всѣхъ передрягъ, какъ убитые. Хозяева легли позже насъ и, не смущаясь кучами сѣна, все время жгли лучину, которую вставляли въ забитыя просмоленной паклей щели между бревнами. Приходилось только удивляться тому, какъ сравнительно рѣдко горятъ русскія деревни.

Часовъ въ 6 утра я проснулся отъ бьющаго мнѣ въ глаза свѣта. Открываю глаза и вижу картину. Въ очагѣ ярко пылаетъ куча дровъ, и при свѣтѣ этого костра прядетъ женщина. Я и не подозрѣвалъ до того, что въ избахъ костры замѣняютъ лампу, и только слышалъ о лучинѣ.

Часовъ около десяти намъ выписали въ канцеляріи пропуски до Борисова, мы снова сѣли на подводы и тронулись. Въ Борисовъ прибыли часамъ къ четыремъ дня.

Здѣсь насъ постигло первое разочарованіе. Принялъ насъ какой-то хулиганъ, подхорунжій, который началъ мнѣ читать нотаціи на ту тему, что мнѣ нужно было сидѣть въ Москвѣ и заниматься организаціонной работой.

— Я васъ пошлю въ Смолевичи, закончилъ онъ, а оттуда васъ несомнѣнно отправятъ обратно въ Россію.

На попутчиковъ онъ накричалъ самымъ неприличнымъ образомъ.

Насъ подъ конвоемъ отправили въ гостинницу, откуда мы не имѣли права отлучаться. Выѣхать въ Смолевичи мы должны были утреннимъ поѣздомъ. Гостинница оказалась гнусной нетопленной дырой. Хозяева евреи отвели лучшую комнату Д., къ которому сейчасъ же привели парикмахера. Намъ дали холодный закусить. Но потомъ, когда тебя увидѣла дочка хозяйки, милая евреечка, она не выдержала и уступила тебѣ съ матерью и бабкой свою комнату, а меня устроили въ столовой. Хозяйка пошла куда-то за обѣдомъ, а сынъ ея, гимназистъ, сбѣгалъ въ лавочку и принесъ французскихъ булокъ, которыхъ мы не ѣли уже нѣсколько лѣтъ, печенья и варенья. Мы пообѣдали на славу, и выпили чаю такъ, какъ не пили его уже очень давно. На душѣ было очень скверно, но французская булка скрашивала многое. Къ сыну хозяйки пришелъ товарищъ и началъ давать всякіе совѣты, какъ выбраться въ Германію. Того, что насъ отошлютъ въ Россію, онъ совершенно не допускалъ. Но о польскихъ порядкахъ разсказалъ столько ужасовъ, что окончательно убилъ насъ. Съ его словъ выходило, что польскіе жандармы — та же Московская чрезвычайка.

Въ восемь часовъ уложили тебя и ты быстро уснулъ, а за тобой начали устраиваться на ночлегъ и мы. Но въ девять пришелъ подхорунжій и велѣлъ собираться.

— Поѣздъ идетъ въ одиннадцать часовъ, сказалъ онъ.

Пришлось тебя будить и одѣвать соннаго. Ты немного похныкалъ, но быстро успокоился. Вообще, я до сихъ поръ поражаюсь той стойкости, съ какою ты вынесъ путешествіе. Вѣдь ты былъ совершенно выбитъ изъ колеи, будили тебя въ самое неожиданное время, спать тебѣ приходилось въ шубѣ на саняхъ, и хоть бы одинъ разъ ты поревѣлъ, какъ слѣдуетъ. Похнычешь, бывало, немного, а потомъ жалобнымъ голосомъ попросишь:

— Сосю!

Мать вытащитъ соску изъ-подъ повязки на раненной рукѣ, куда она ее прятала, какъ въ самое чистое мѣсто, вставитъ тебѣ въ ротъ, ты раза два прочмокнешь — и успокоишься.

Вмѣсто двухъ подводъ намъ подали одну для вещей и предложили идти на станцію пѣшкомъ. «Рогатаго» пришлось бросить. Бабка съ тобою кое-какъ примостилась въ сани, а мы съ матерью пошли за санями. Стояла оттепель, на улицахъ было темно, и мы поминутно попадали въ лужи. До вокзала добрались съ промокшими ногами. Усѣлись въ пустомъ залѣ на вещахъ, конвойные легли на столахъ и захрапѣли. Спрашиваю, когда отойдетъ поѣздъ — никто не знаетъ. Ты разгулялся, и мы рѣшили тебя не класть спать. И потянулась ночь. Ты бѣгалъ по вокзалу и забавлялся тѣмъ, что открывалъ и запиралъ входную дверь.

Мнѣ было ужасно жалко «Рогатаго» и я послалъ въ гостиницу двухъ носильщиковъ съ санками, которые черезъ полтора часа доставили его на вокзалъ.

Часы бѣжали томительно долго, а поѣзда все не было. Стало свѣтать — поѣзда нѣтъ. Наконецъ и день насталъ — поѣзда нѣтъ. Только въ двѣнадцатомъ часу дня подали его. Негодяй подхорунжій просто захотѣлъ поиздѣваться надъ нами и заставилъ просидѣть ночь на вокзалѣ. Поѣздъ былъ изъ товарныхъ вагоновъ безъ печей. Но ѣхать до Смолевичей было, къ счастью, немногимъ больше двухъ часовъ.

* *
*

Въ Смолевичахъ носильщиковъ не было и вещи пришлось тащить на себѣ. Пока я ихъ перенесъ въ вокзалъ, а оттуда на подводу, и пока мы доѣхали до «контрольной станціи», расположенной въ полувыгорѣвшей деревнѣ, уже начало смеркаться. Въ «контрольной станціи» (въ контръразвѣдкѣ) насъ принялъ галиційскій жандармъ съ нѣмецкой повадкой и чисто польской психологіей. Отъ соединенія этихъ двухъ несоединимыхъ началъ получилось нѣчто въ высокой степени сумбурное, къ тому же еще сдобренное врожденной личной тупостью. Допрашивалъ онъ меня часа два, и на допросѣ выяснилось, что я сдѣлалъ непростительную ошибку. Переходя границу, я не уничтожилъ своихъ совѣтскихъ документовъ. Они были настолько курьезны, что я рѣшилъ сохранить ихъ на память. Жандармъ же рѣшилъ, что разъ я ихъ сохраняю, значитъ, я намѣреваюсь вернуться въ Россію, то-есть другими словами, что я большевистскій шпіонъ. Тщетно совалъ я ему свой дипломъ, царскій послужной списокъ, аттестатъ

о службѣ отца. Онъ на нихъ не обращалъ никакого вниманія и весь ушелъ въ созерцаніе моихъ двухъ «мандатовъ» и прочихъ нестоющихъ бумаженокъ, изъ которыхъ явствовало, что я важная персона, коей власти должны оказывать всяческое содѣйствіе. Моимъ утвержденіямъ, что все это сочинялъ я самъ, онъ не вѣрилъ. Промучивши меня около двухъ часовъ, онъ приступилъ къ личному обыску, который онъ провелъ въ такой оскорбительной формѣ, что я не выдержалъ и заплакалъ. Сказалось напряженіе нервовъ цѣлой недѣли и безсонная ночь въ Борисовѣ. Обыскъ вещей былъ отложенъ до слѣдующаго дня за позднимъ временемъ. Деньги и документы жандармъ отобралъ. На мой вопросъ, что съ нами будетъ, онъ отвѣтилъ:

— Пока арестъ. Изъ уваженія къ вашимъ годамъ я оставляю васъ въ канцеляріи, хотя долженъ былъ бы отправить въ арестантскую. Завтра я доложу генералу и мы, вѣроятно, отправимъ васъ въ Россію.

— Неужели же насъ не пропустятъ въ Германію? — спросилъ я.

— Ни въ коемъ случаѣ. Нѣмцы наши враги. И мы не пропустимъ человѣка, котораго считаемъ большевикомъ, проѣхать черезъ всю Польшу и разсказать нѣмцамъ, что онъ здѣсь видѣлъ.

— Ну тогда въ Чехію или Литву?

— Чехи и Литовцы тоже наши враги.

— Что за чортъ, подумалъ я, люди едва успѣли основать собственное государство и уже со всѣми сосѣдями поссорились. Вотъ такъ мышеловка.

Съ тяжелымъ сердцемъ начали мы устраиваться на ночь. Въ нашемъ распоряженіи было двѣ нетопленныхъ комнаты деревенскаго домика. Мебель составляли три стола, диванъ и нѣсколько стульевъ. На одинъ изъ столовъ уложили тебя, а на другомъ бабка начала готовить ужинъ. Изъ сосѣдней еврейской лавочки принесли самоваръ, французскихъ булокъ, плюшекъ, колбасы, молока и какао. На московскій масштабъ получилось настоящее пиршество.

Какъ ни тяжело было на душѣ, но когда я отхлебнулъ изъ стакана душистаго какао и откусилъ кусокъ горячей плюшки, я забылъ всѣ невзгоды.

— Пускай, думалъ я, насъ отправляютъ, куда угодно. А какао съ плюшкой я все-таки пью!

Когда я кончалъ второй стаканъ, вошелъ нашъ жандармъ въ сопровожденіи молоденькаго офицера и познакомилъ насъ.

— У поручика въ Смоленскѣ сестра, и онъ хотѣлъ разспросить васъ, нельзя ли ее какъ-нибудь вывезти.

Вновь пришедшій просидѣлъ у насъ около часа. О сестрѣ онъ предложилъ нѣсколько вопросовъ больше для проформы, а затѣмъ сталъ съ большимъ интересомъ разспрашивать о томъ, какъ намъ жилось въ Москвѣ. Тонъ у него былъ не только сочувственный, а даже и ласковый. Онъ старался оправдать жандарма.

— Вы не можете представить себѣ, сколько къ намъ подъ видомъ бѣженцевъ ѣдетъ шпіоновъ. Но, что вы не шпіонъ, выяснится очень скоро. Увѣряю васъ, что завтра къ вамъ будетъ уже совершенно иное отношеніе.

— Значитъ, обратно не отошлютъ?

— Объ этомъ и рѣчи быть не можетъ. Мы даже простыхъ уголовныхъ преступниковъ не выдаемъ.

Я былъ очень удивленъ такимъ добрымъ отношеніемъ ко мнѣ и понялъ его нѣсколько позже, когда научился разбираться въ формахъ польской

арміи. Со мною говорилъ врачъ и, вѣроятно, одинъ изъ моихъ учениковъ. Почему онъ не назвалъ себя, не понимаю. Вѣроятно, это была причуда жандарма.

Немного успокоенные этимъ разговоромъ, мы устроились на ночь. Я легъ, не снимая шубы, на диванъ, а мать съ бабкой устроились на полу. На другой день утромъ пришелъ жандармъ и сказалъ, что дивизіонный генералъ желаетъ говорить со мною. Мы сѣли въ сани и поѣхали черезъ мѣстечко. Оно было почти все разрушено. Вдоль улицы торчали лишь печныя трубы и только кое-гдѣ попадались домики. Штабъ помѣщался на окраинѣ мѣстечка въ противоположномъ концѣ. Дорогой жандармъ бесѣдовалъ со мной уже совершенно инымъ тономъ. Величалъ меня Herr Professor (мы говорили по-нѣмецки) и удивлялся моей смѣлости.

— Перейти фронтъ съ двумя женщинами и съ ребенкомъ вѣдь это не шутка!

Секрета этой перемѣны въ отношеніи я тогда еще не понималъ и былъ ей несказанно удивленъ.

Генералъ жилъ въ хорошемъ помѣщичьемъ домѣ съ садомъ. Принялъ онъ меня очень корректно и заговорилъ по-польски. Я обратился къ нему по-нѣмецки, онъ по-польски же отвѣтилъ, что онъ не понимаетъ. Тогда я сказалъ ему по-французски, что я, къ сожалѣнію, не говорю по-польски. Генералъ улыбнулся.

— Тогда проще всего говорить по-русски, сказалъ онъ. Вѣдь я русскій кадровый офицеръ.

Я выразилъ свое удивленіе, что меня приняли за большевика.

— Развѣ шпіоны ѣздятъ съ семьями и дѣтьми?

— Параличными больными представляются.

— Но мнѣ кажется, что ваши сомнѣнія разсѣиваются?

— Въ значительной мѣрѣ. Я отошлю васъ въ Минскъ въ распоряженіе корпуснаго командира. Но вамъ придется подождать поѣзда съ польскими заложниками. Онъ уже на границѣ и придетъ не сегодня, завтра. Вамъ будетъ удобнѣе. Для заложниковъ приготовлены бараки. Къ тому же съ вами значительная сумма денегъ, и я боюсь довѣрить ее солдату, а офицера дать вамъ не могу.

Домой я вернулся пѣшкомъ одинъ. Въ канцеляріи я засталъ нашихъ попутчиковъ Д., на которыхъ неистово кричалъ жандармъ.

— Польскіе жиды и не говорятъ по-польски! Я вамъ покажу!

М-мъ Д. сидѣла забившись въ уголъ дивана, а самъ Д. стоялъ посреди комнаты блѣдный, дрожащій и срывающимся голосомъ твердилъ:

— Я же не изъ Польши, я изъ Москвы.

Изъ сосѣдней комнаты выскочилъ пожилой офицеръ съ явно семитскимъ лицомъ (онъ былъ тоже въ формѣ врача) и, поднеся кулакъ къ самому лицу Д., обратился къ жандарму.

— А ты дай ему попробовать вотъ этого, — живо заговоритъ по-польски!

Увидѣвши меня, они бросили мучить несчастныхъ Д. и пригласили меня въ сосѣднюю комнату, кабинетъ жандарма, гдѣ меня наканунѣ допрашивали и обыскивали. Жандармъ выложилъ мои документы, а еврейскій ренегатъ принялся ихъ осматривать.

— Дипломъ — подлинный, послужной списокъ тоже, далъ онъ заключеніе.

Потомъ немного подумалъ и обратился ко мнѣ.

— Кто въ 1909 году былъ профессоромъ анатоміи въ Москвѣ?

— Штатнымъ Карузинъ, а заслуженнымъ Зерновъ.

— А прозекторомъ?

— Либо Алтуховъ, либо Стопницкій, я не помню точно, когда умеръ Алтуховъ.

— Вѣрно.

— Вы врачъ?

— Нѣтъ, я инженеръ. Но вращался въ Москвѣ во врачебныхъ кругахъ.

И онъ поспѣшно откланялся. Начался обыскъ вещей. Со стороны солдатъ отношеніе тоже рѣзко измѣнилось. Наканунѣ я самъ втаскивалъ свои чемоданы. Теперь же они мнѣ не давали этого дѣлать. Въ большое смущеніе привелъ жандарма «рогатый».

— Что это такое? — удивлялся онъ, разсматривая кусочки гипса.

Я, какъ могъ, объяснялъ ему мотивы, заставившіе меня взять съ собой форму. Но онъ плохо мнѣ вѣрилъ.

— И эту штуку вы протащили съ собой черезъ половину Европы? Но вѣдь здѣсь можетъ быть задѣлано все, что угодно: золото, брильянты, большевистскія прокламаціи.

— Если вы сомнѣваетесь, разбейте нѣсколько кусковъ. Но я только прошу васъ сдѣлать это осторожно, чтобы ихъ можно было склеить.

Видъ у меня былъ, вѣроятно, ужъ очень огорченный, ибо жандармъ, подумавъ, спросилъ меня:

— Вы даете честное слово, что въ формѣ ничего не спрятано?

— Даю.

— Тогда Богъ съ вами. Я обязанность свою выполнилъ достаточно добросовѣстно.

Онъ сѣлъ писать протоколъ, а я вышелъ въ сосѣднюю комнату.

— Вы гдѣ ночевали? — спросили меня Д.

— Въ канцеляріи. А вы?

Онъ хотѣлъ, было, отвѣтить, но къ ней уже вернулась ея бонтонность.

— Въ комендатурѣ, поспѣшила она сказать.

Потомъ студентъ изъ Вильны разсказалъ мнѣ, что это была за «комендатура». Вши въ ней ползали міріадами по стѣнамъ и по полу, и они простояли всю ночь, стараясь не прислониться къ стѣнѣ.

Я поспѣшилъ порадовать мать и бабку разговоромъ съ генераломъ. Полагая, что сейчасъ опять начнутъ допрашивать Д., я рѣшилъ лучше избавить себя отъ присутствія при этой омерзительной картинѣ и обратился къ вахмистру, который наканунѣ меня обыскивалъ.

— Мнѣ хочется вывести ребенка на воздухъ. Вы бы не могли меня сопровождать?

— Но панъ профессоръ не арестованъ. Онъ можетъ идти, куда угодно.

Я не заставилъ себѣ повторять этого, одѣлъ тебя и мы вышли. Морозъ былъ крѣпкій, но день солнечный. Напротивъ была жалкая еврейская лавченка. Я смотрѣлъ на нее и думалъ.

— Неужели я могу зайти туда и совершенно открыто купить все, что захочу, безъ всякихъ разрѣшеній главковъ и губкомовъ?

Черезъ минуту я впервые въ твоей жизни положилъ тебѣ въ ротъ кусочекъ шоколада, ты пожевалъ его перѣшительно, потомъ поморщился и выплюнулъ. Мы постояли среди выгорѣвшей пустой улицы.

— Цинка! Радостно скривилъ ты свою рожицу.

Я огляпулся. Недалеко отъ насъ присѣли двѣ вороны. Двери контрольной станціи открылись и на улицу вышли Д. Роскошная доха ея обмокла и выглядѣла совсѣмъ жалко. Онъ согнулся подъ тяжестью двухъ чемодановъ.

— Ну что, отпускаютъ васъ? — спросилъ я.

— Нѣтъ, допросъ будетъ вечеромъ. Пока мы идемъ опять въ комендатуру.

И онъ, спотыкаясь, зашагалъ вдоль улицы со своими чемоданами. За ними индѣйскимъ пѣтухомъ выступалъ конвойный. Мучили ихъ еще три дня, каждое утро и вечеръ гоняя съ чемоданами черезъ все мѣстечко изъ арестантской въ контрольную станцію и обратно. Въ результатѣ несчастный Д. черезъ двѣ недѣли заболѣлъ въ Минскѣ сыпнымъ тифомъ.

Вернувшись въ канцелярію, я спросилъ вахмистра, кто такой офицеръ, осматривавшій мои бумаги. Онъ назвалъ чисто еврейскую фамилію.

— Онъ врачъ?

— Нѣтъ, кажется, инженеръ.

Недѣли черезъ три, зайдя въ Минскѣ въ аптеку, я увидѣлъ его бесѣдующимъ съ аптекаремъ. Мы поздоровались.

— Вы въ отпуску? — спросилъ я.

— Нѣтъ, въ командировкѣ по дѣлу о топографическихъ съемкахъ.

* *
*

День прошелъ тоскливо. Обѣдать мы ходили въ «ресторанъ» Р., гдѣ насъ накормили незатѣйливо, но вкусно и сытно. Надѣялись, что къ ночи придетъ поѣздъ заложниковъ. Но жандармъ нашъ, уходя вечеромъ изъ канцеляріи, сказалъ, что сегодня поѣзда не будетъ. Опять пришлось укладываться на грязномъ полу нетопленной канцеляріи. Такъ же, какъ и вчера, еврейка, снабжающая насъ самоварами, принесла матрацы, и мы легли на этотъ разъ всѣ вмѣстѣ въ одной комнатѣ. Утромъ жандармъ сообщилъ, что поѣздъ почему-то задерживается большевиками, и что намъ придется прожить въ Смолевичахъ нѣсколько дней. Я рѣшилъ попытаться устроиться въ ресторанѣ у Р., ибо условія жизни въ грязной нетопленной канцеляріи были совершенно невыносимы, и пошелъ упрашивать Р. впустить насъ. Р. оказался очень милымъ и добрымъ, но крайне безтолковымъ человѣкомъ. Добиться отъ него какого-нибудь опредѣленнаго отвѣта было немыслимо. Ресторанъ его состоялъ изъ буфета, столовой и «отдѣльнаго кабинета», затѣмъ шла комната, въ которой жилъ онъ самъ съ женой, и кухня. Я нацѣлился на «отдѣльный кабинетъ» — комнату $4\frac{1}{2} \times 5$ арш., въ которой стояла рваная клеенчатая кушетка, небольшой столъ и два стула, и сталъ убѣждать сдать намъ ее. Онъ соглашался, что жить съ ребенкомъ въ нетопленной канцеляріи тяжело, и охотно пустилъ бы насъ.

Но у него тѣсно. Къ тому же и офицеры, посѣщающіе ресторанъ, могутъ остаться недовольны. Разговоръ этотъ длился около часу, и я не могъ добиться отъ него никакого отвѣта. Дѣло закончилось довольно неожиданно.

— Ну, что ты голову морочишь, раздался изъ спальни голосъ жены Р. Видишь, людямъ дѣваться некуда — значитъ, нужно пустить.

Потомъ я узналъ, что у Р. недавно умеръ ребенокъ твоихъ лѣтъ, что она очень любитъ дѣтей, и что наканунѣ за обѣдомъ ты ее очаровалъ. Черезъ часъ мы были уже на новой квартирѣ. Она была далеко не комфортабельна, но сравнить съ канцеляріей ее было невозможно. Было тепло и чисто. Отъ матрацовъ мы отказались, ибо они были очень грязны, и спали прямо на полу, подостлавъ подъ себя шубы и одѣяла. (Въ комнатѣ было настолько тепло, что укрываться не было нужды). У Р. мы прожили шесть дней. Днемъ сидѣли больше въ буфетѣ и цѣлый день ѣли. Ты игралъ съ Троцкимъ, большимъ рыжимъ псомъ Р., и тебя было положительно невозможно вытащить изъ-за стойки, гдѣ было много вкусныхъ вещей — яблоки, печенья и пр. А г-жа Р. тщательно слѣдила, чтобы у тебя ротъ никогда не оставался пустымъ. Не успѣешь ты прожевать печенье, она уже суетъ тебѣ яблоко.

— Пускай ѣстъ мальчикъ. Наголодался въ Москвѣ, отвѣчала она на всѣ наши протесты.

— Вѣдь онъ же заболѣетъ.

— Ничего, не заболѣетъ. Онъ ишь какой здоровенькій.

Такъ проходилъ день. Къ вечеру собирались офицеры. Мы запирались въ свою комнатку и начинали укладываться спать. Офицеры сидѣли обычно до часу ночи, ужинали, иногда играли въ карты. Вели они себя очень корректно.

Вечеромъ въ день переѣзда къ Р. я поймалъ у себя въ рукавѣ огромную вошь. Раздѣлся до гола и, о ужасъ! — бѣлье мое кишмя кишѣло огромными жирными звѣрями. Осмотрѣли тебя — тоже. У бабки и матери — тоже. Тутъ только вспомнили, что мы не раздѣвались шесть сутокъ. Какъ было возможно, вымылись, перемѣнили бѣлье. Но у меня не было чистой рубахи. Пришлось замѣнить ее вязанной кофточкой бабки. Въ этомъ необычномъ даже для совѣтской Россіи костюмѣ я провелъ полтора дня, пока стиралась моя рубашка. Завшивѣли мы настолько основательно, что два мѣсяца съ лишнимъ не могли избавиться отъ этихъ подлыхъ насѣкомыхъ.

На второй день нашего пребыванія у Р. пріѣхала изъ Москвы одна дама и поселилась у насъ въ комнатѣ. А на пятый я уже не выдержалъ и отправился къ генералу просить отправить насъ въ Минскъ, не дожидаясь поѣзда съ заложниками. Онъ, видимо, потерялъ вѣру въ то, что поѣздъ этотъ когда-нибудь придетъ, и быстро согласился. На слѣдующій вечеръ насъ погрузили на подводу и повезли на вокзалъ. Жандармъ нашъ провожалъ насъ, и всю дорогу подшучивалъ надъ долготерпѣніемъ бабки, разрѣшившей мнѣ взять съ собой «рогатаго». Простились мы съ нимъ очень дружелюбно. И онъ еще разъ повторилъ, что очень удивляется моей храбрости. Сопровождалъ насъ вахмистръ, которому было приказано доставить насъ къ корпусному командиру, а всѣхъ остальныхъ нашихъ спутниковъ въ контръразвѣдку. Деньги остались къ кассѣ дивизіи. Поѣздъ состоялъ изъ нетопленныхъ товарныхъ вагоновъ. Но къ такимъ маленькимъ неудобствамъ мы

успѣли уже привыкнуть. На разсвѣтѣ мы были въ Минскѣ. До восьми часовъ просидѣли на вокзалѣ, а потомъ насъ отвезли въ канцелярію корпуснаго командира.

* *
*

У корпуснаго командира мы просидѣли часа два, послѣ чего насъ отправили въ контръ-развѣдку. Пока мы сидѣли, солдаты привели какого-то пожилого еврея, и адъютантъ генерала неистово оралъ на него. Въ чемъ провинился еврей, я не понялъ. Но его арестовали и отправили вмѣстѣ съ нами. Насъ посадили на извозчиковъ. Хотѣлъ взять извозчика и еврей. Но солдатъ не позволилъ и заставилъ его идти пѣшкомъ. Въ контръ-развѣдкѣ мы нашли всѣхъ нашихъ попутчиковъ. Продержали насъ тамъ до сумерекъ, послѣ чего отпустили на частныя квартиры съ обязательствомъ ежедневно являться «замельдовываться». Въ контръ-развѣдкѣ меня поразила крайняя лѣнь чиновниковъ. Никто абсолютно ничего не дѣлалъ. Офицеры слонялись съ дѣловымъ видомъ изъ комнаты въ комнату. Писаря флиртовали съ двумя гнуснѣйше-бульварнаго вида дѣвицами, одѣтыми въ военную форму. И на то, чтобы выписать намъ десять пропусковъ для проживанія въ гостинницѣ, у нихъ ушелъ цѣлый рабочій день. На стѣнахъ канцеляріи висѣла масса объявленій и приказовъ съ огромнымъ задорно-напыщеннымъ орломъ польскаго герба. Орелъ тебѣ очень понравился и тебя нельзя было оторвать отъ него.

— Пѣтушокъ, пѣтушокъ, радостно твердилъ ты, тыча въ него пальчикомъ.

Когда смерклось, пошли искать номеръ въ гостинницѣ. Это была нелегкая задача, ибо большинство гостинницъ было реквизировано. Наконецъ, удалось найти отвратительную комнату въ грязной гостинницѣ. Но въ ней было двѣ кровати и диванъ. И это показалось намъ уже роскошью. На стѣнѣ висѣло объявленіе съ гербомъ. Увидѣвъ его, ты радостно взвизгнулъ — и тутъ пѣтушокъ!

Оставивъ васъ въ номерѣ, я побѣжалъ къ Д. занять у нихъ денегъ, ибо у меня въ карманѣ осталось только четыре пятитысячныхъ краткосрочныхъ обязательства. Имъ посчастливилось найти номеръ въ одной изъ лучшихъ гостинницъ. И я засталъ ихъ за обѣдомъ. Столовая напоминала третьеразрядный московскій трактиръ. На эстрадѣ фальшиво играло жалкое еврейское тріо. Но эта убогая обстановка послѣ совѣтской Москвы показалась мнѣ настоящей Европой. Перехвативъ у Д. пару «костюшекъ», я вернулся въ гостинницу и пошелъ съ бабкою купить чего-нибудь на ужинъ. Мы вышли на главную улицу. Горѣли фонари и окна лавокъ. По улицѣ ѣздили извозчики. Правда, снѣгъ былъ не убранъ, и улица была на аршинъ выше тротуара. Но мы этого не замѣчали. Послѣ мертвой Москвы намъ казалось, что мы попали въ столицу. А магазины! Вѣдь въ нихъ свободно продавалась ветчина, колбасы, бѣлый хлѣбъ, фрукты, сахаръ, финики, миндаль и многое другое, о существованіи чего мы въ Москвѣ даже забыли. Накупивъ всякой всячины, мы пошли домой. У самой гостинницы насъ нагналъ патруль солдатъ. Одинъ изъ нихъ размахнулся и съ крикомъ «жидъ» ударилъ меня по шеѣ. Бабка попробовала его устыдить, но онъ подошелъ къ ней вплотную и, осыпая ее площадной бранью, началъ

на нее замахиваться кулакомъ. Я поспѣшилъ увести ее. Такъ привѣтствовала свободная Польша русскаго ученаго, всю жизнь не устававшаго возмущаться порабощеніемъ польскаго народа. Когда мы вернулись домой, отъ радостнаго настроенія, овладѣвшаго нами въ магазинахъ, не осталось и слѣда.

* *
*

На другой день я зашелъ въ аптеку разспросить о русскихъ врачахъ. Еврей-аптекарь указалъ мнѣ адресъ д-ра В., сказавъ, что онъ очень много дѣлетъ для бѣженцевъ. Тотъ встрѣтилъ меня очень радостно и сейчасъ же ухватился за меня.

— У насъ основались медицинскіе курсы. Вы, конечно, отдохнете въ Минскѣ нѣсколько недѣль и прочитаете у насъ серію лекцій. Устроимъ Вамъ и публичную лекцію. Третьяго дня Мережковскій имѣлъ огромный успѣхъ.

Оказалось, что Мережковскій живетъ въ Минскѣ уже вторую недѣлю и выѣхалъ точно также, какъ и мы. Меня очень безпокоилъ вопросъ объ отобранныхъ у меня деньгахъ. В. успокоилъ меня и сказалъ, что деньги несомнѣнно вернуть. Насчетъ пропуска въ Германію онъ совѣтовалъ не заговаривать съ мѣстными властями, ибо на ѣдущихъ въ Германію смотрятъ косо. По его мнѣнію, проще всего было проѣхать въ Варшаву и начать хлопотать о выѣздѣ уже тамъ. На всякій случай онъ обѣщалъ мнѣ достать отъ мѣстнаго общества врачей удостовѣреніе, что я имѣлъ въ Москвѣ лабораторію и библіотеку, ликвидація коихъ могла легко дать отобранную у меня сумму, и свидѣтельство о непричастности къ большевикамъ отъ польскаго врачебнаго инспектора. Обѣ бумаги я получилъ отъ него черезъ пару дней.

По возвращеніи домой я узналъ отъ матери, что она разговорилась въ магазинѣ съ русской дамой, оказавшейся женой д-ра Л., въ госпиталѣ котораго во время войны лежалъ раненымъ твой отецъ. Она обѣщала подыскать намъ квартиру. Обѣщаніе свое она исполнила и черезъ пару дней мы вырвались изъ отвратительной гостинницы, въ которую попали, и переѣхали на окраину города въ небольшой деревянный домикъ, хозяйка котораго уступила намъ двѣ комнаты. Жизнь наладилась быстро, и мы отдохнули душой и тѣломъ. Хозяйка кормила насъ на славу, комнаты были теплыя, свѣтлыя, цѣлый день залитыя солнцемъ. Напившись утромъ чаю, мы отправлялись въ городъ «замельдовываться». Одна изъ бульварныхъ дѣвицъ въ военной формѣ отмѣчала насъ въ спискѣ и этимъ дѣло кончалось. Затѣмъ мы, пошатавшись по городу и сдѣлавъ кое-какія покупки, возвращались домой. Послѣ завтрака я обычно одѣвалъ тебя и мы выходили погулять по улицѣ. Морозъ стоялъ крѣпкій, но дни были солнечные, ясные. Затѣмъ тебя укладывали спать, а я садился подготовиться къ лекціи. Въ три обѣдали, а отъ четырехъ до шести у меня была ежедневная лекція. Въ семь пили чай и вечера проводили въ тѣсномъ семейномъ кругу. Иногда заходили къ намъ Л. и одна изъ ихъ родственницъ. Спать ложились рано. Настроеніе было бы совсѣмъ недурное, если бы не проклятый вопросъ о деньгахъ. Ихъ очень долго не высылали изъ Смолевичей, и я все не могъ добиться опредѣленно, вернутъ ли ихъ, или нѣтъ. Въ контръ-развѣдкѣ да-

вали уклончивый отвѣтъ. Говорили, что деньги за корпуснымъ командиромъ. Черезъ Мережковскаго, который оказался въ большомъ фаворѣ у польскихъ властей, я обратился къ послѣднему. Тотъ завѣрилъ его, что деньги вернутъ, но не сразу, а опредѣлятъ, сколько мнѣ требуется на прожитіе и будутъ выдавать по частямъ. Это меня совсѣмъ не устраивало, ибо въ Польшѣ мнѣ оставаться отнюдь не улыбалось. Такъ меня мучили около двухъ недѣль. Въ одинъ прекрасный день, когда я явился замельдовываться, меня позвалъ къ себѣ офицеръ.

— Ваши деньги пришли. Потрудитесь расписаться.

Все свершилось такъ просто, что я даже не вѣрилъ случившемуся. И никакъ не могъ понять, зачѣмъ они меня мучили. Очевидно потребность покуражиться надъ слабѣйшимъ — національная польская черта. Грубый, невоспитанный солдатъ удовлетворилъ этой потребности, ударивъ меня по шеѣ и обругавъ площадными словами бабку. Воспитанный генералъ пускалъ въ ходъ болѣе культурные пріемы. Но психологія у обоихъ была несомнѣнно одна и та же.

Большинство населенія Минска состояло изъ русскихъ и евреевъ. Поляковъ было незначительное меньшинство и большая часть ихъ принадлежала къ администраціи и арміи. Держали они себя по отношенію къ коренному населенію совсѣмъ по-большевистски и управляли тѣми же самыми пріемами. Пожалуй, даже еще худшими. Ибо къ непроходимому невѣжеству, грубости и жестокости большевиковъ присоединялась еще безмѣрная чванливость и самодовольство, лишавшая новоявленныхъ администраторовъ малѣйшаго чувства самокритики.

Какъ шло дѣло въ канцеляріяхъ, я уже тебѣ сказалъ. То, что я видѣлъ въ контръ-развѣдкѣ, я встрѣчалъ и во всѣхъ другихъ канцеляріяхъ, въ которыхъ пришлось побывать. За то внѣ часовъ службы новоиспеченные администраторы проявляли кипучую дѣятельность, которая сводилась главнымъ образомъ къ отравленію существованія коренного населенія. Все время, пока мы были въ Минскѣ, производились повальные обыски. Былъ такой обыскъ и у нагнавшей насъ въ Смолевичахъ москвички. Къ этому времени она успѣла получить пропускъ въ Варшаву. Его отобрали и сказали, что въ Варшаву ее ни въ коемъ случаѣ не пустятъ. Потомъ, промучивъ ее недѣлю, пропускъ вернули.

Въ большомъ ходу были принудительныя работы, которыя проводились такъ. Въ городъ отправлялся военный отрядъ, который шелъ по улицѣ, хваталъ всѣхъ встрѣчныхъ и, не разбирая ни пола, ни возраста, отправлялъ на работу. Въ одну изъ такихъ облавъ чуть-чуть не попалъ и я. А одинъ изъ нашихъ спутниковъ, выйдя какъ-то изъ магазина на главной улицѣ, былъ схваченъ и цѣлый день грузилъ вагоны. Ходить по улицамъ приходилось съ опаской.

Недалеко отъ нашей квартиры были казармы. Когда тамъ замерзъ водопроводъ, солдаты стали ѣздить за водой въ нашъ дворъ. Работали они крайне небрежно, и вода лилась не столько въ ихъ бочку, сколько во дворъ, такъ что онъ сразу превратился въ ледяной катокъ. И не столько они работали, сколько грѣлись въ кухнѣ, хватая все, что заблагоразсудится. На протесты хозяйки они отвѣчали непечатными ругательствами, среди которыхъ «большевистская курва» звучало почти ласкательно. Недѣля, пока у нихъ чинился водопроводъ, была для насъ прямо кошмарной.

Госпиталь Л., когда-то образцово поставленный, превратился въ клоаку. Самъ Л., дѣльный, опытный хирургъ, былъ смѣщенъ съ должности главнаго врача и низведенъ въ рангъ младшаго ординатора. А главнымъ врачемъ былъ назначенъ какой-то хирургическій недоносокъ, не подпускавшій Л. къ операціонному столу.

Небольшая горсточка неслужилаго польскаго населенія въ Минскѣ держалась дерзко и вызывающе, кстати и некстати подчеркивая, что они хозяева. Какъ-то во время одного благотворительнаго уличнаго сбора къ бабкѣ подошли на улицѣ сборщики съ такой рѣчью:

— Въ виду того, что вы пользуетесь гостепріимствомъ Польши, вы, надѣемся, не откажетесь что-нибудь пожертвовать.

— На хорошее дѣло я привыкла жертвовать, не считаясь съ эгоистическими мотивами, отвѣтила бабка.

* *

*

На второй недѣлѣ пребыванія въ Минскѣ я увидѣлъ на главной улицѣ афишу о спектаклѣ артистовъ Художественнаго театра К—ина и Б—авскаго. Я такъ обрадовался, что сейчасъ же побѣжалъ знакомиться съ ними. Оказалось, что они выѣхали изъ Москвы на недѣлю позже насъ и проѣхали тѣмъ же путемъ, какъ и мы. Подъ Новый Годъ мы сидѣли за сосѣдними столиками и совершенно не подозрѣвали о томъ, что скоро встрѣтимся въ Минскѣ. Съ К—нымъ мы довольно быстро дружески сошлись и продѣлали вмѣстѣ путь до Варшавы. Полтора мѣсяца прожили вмѣстѣ въ Варшавѣ и встрѣтились позже въ Берлинѣ.

Въ Минскѣ мы прожили шесть недѣль. Во-первыхъ, не хотѣлось бросать незаконченнымъ начатый курсъ лекцій, который студенты слушали съ большимъ интересомъ. Во-вторыхъ, прямое пассажирское сообщеніе съ Варшавой было прервано сначала на десять, а потомъ на двадцать дней, и приходилось ѣхать въ объѣздъ на Вильно. Мы все ждали, когда оно возобновится. Но и черезъ двадцать дней оно не возобновилось и намъ пришлось ѣхать на Вильно.

Чтобы покончить съ Минскомъ, разскажу тебѣ пару характерныхъ для Польши эпизодовъ. Когда я бралъ пропускъ и обратился по-русски къ канцелярскому служителю, выдававшему бланки, тотъ многозначительно и удивленно спросилъ:

— Панъ не мувитъ по-польски и хочетъ ѣхать до Варшавы?

— Что жъ дѣлать, отвѣтилъ я. Я былъ въ Лондонѣ, не говоря по-англійски, въ Гельсингфорсѣ, не говоря по-фински, въ Константинополѣ, не говоря по-турецки, въ Аѳинахъ, не говоря по-гречески, и въ Венеціи, не говоря по-итальянски. И не погибъ. Авось, не погибну и въ Варшавѣ. Тѣмъ болѣе, что въ Варшаву я ѣду не въ первый разъ.

Дня за три до отъѣзда, мы пошли съ К—нымъ къ начальнику станціи просить спальныхъ мѣстъ до Вильны. Отрекомендовались. Тотъ принялъ насъ изысканно любезно и обѣщалъ оставить пять мѣстъ — три дамскихъ и два мужскихъ. Взять ихъ мы должны были за часъ до отхода поѣзда. Когда мы пришли за билетами, онъ протянулъ намъ пять карточекъ и очень любезнымъ тономъ пояснилъ:

— Пять спальныхъ мѣстъ въ корридорѣ. Для дамъ сидячія, а для мужчинъ стоячія.

Я объѣздилъ всю Европу. Но стоячія спальныя мѣста видѣлъ только въ Польшѣ.

Мы устроились на чемоданахъ въ корридорѣ. А тебя уложили на свободный диванъ въ купэ и съ тобою прикурнула мать. Свободныхъ диванов было много, но занимать ихъ, во избѣжаніе скандала, мы не стали. Часа черезъ два въ купэ вошелъ офицеръ, которому было оставлено мѣсто. Мать начала, было, тебя будить, но офицеръ милостиво разрѣшилъ вамъ остаться. Мать пристроилась въ уголку и взяла тебя на колѣни. А офицеръ вытянулся на диванѣ и захрапѣлъ.

* *
*

Въ Вильнѣ насъ постигла большая неудача. Хотя въ Минскѣ пропуски и выдавались до Варшавы, но въ Вильнѣ ихъ нужно было визировать въ жандармеріи, для чего приходилось ѣхать черезъ весь городъ. Г-жа К—на, слегка говорящая по-польски, рѣшила попытаться визировать ихъ у вокзальныхъ жандармовъ. Я былъ противъ этого, она пошла одна со своими пропусками, и черезъ десять минутъ вернулась съ визой.

— Пойдемте, я устрою и вамъ, пригласила она.

Я сдуру согласился и мы пошли. Но офицеръ, давшій ей пропускъ, уже ушелъ, а его замѣститель заупрямился и велѣлъ обыскать наши вещи. Когда дѣло дошло до моихъ рукописей, онъ заявилъ, что не беретъ на себя отвѣтственности и долженъ отправить рукописи въ контръ-развѣдку. Я тщетно возражалъ ему, что рукописи были просмотрѣны трижды: на позиціяхъ, въ Смолевичахъ и въ Минскѣ.

— Если бы у васъ на пропускѣ былъ штемпель Минской контръ-развѣдки, я пропустилъ бы васъ, а безъ него не могу.

Впослѣдствіи я досмотрѣлся, что хотя штемпеля и не было, но въ текстѣ пропуска значилось, что онъ выданъ съ разрѣшенія контръ-развѣдки за такимъ-то номеромъ. Офицеру же было лѣнь прочитать пропускъ. Въ концѣ концовъ, меня посадили на извозчика и отправили съ конвойнымъ въ контръ-развѣдку. Тамъ меня продержали съ 11 ч. до 5 ч. въ ожиданіи начальника. Послѣдній явился сильно на веселѣ, распространяя вокругъ себя запахъ водки, и съ маху объявилъ мнѣ, что я арестованъ, что въ Варшаву меня не пустятъ и навѣрное отправятъ обратно въ Россію. Съ большимъ трудомъ удалось убѣдить его разрѣшить намъ остановиться въ гостинницѣ. Угрозы отправить обратно я не испугался, ибо достаточно хорошо ознакомился съ психологіей польскихъ властей, чтобы понять, что это только очередное издѣвательство. Меня безпокоило одно — какъ бы онъ не вздумалъ оставить у себя рукописей. Дѣло въ томъ, что уѣзжая изъ Минска, я рѣшилъ, денегъ больше не показывать и задѣлалъ ихъ въ переплетъ бювара, который оказался съ рукописями. Но дѣло обошлось благополучно. Получивъ разрѣшеніе на прописку въ гостинницѣ, и давъ подписку о невыѣздѣ, я забралъ рукописи и безпрепятственно выбрался изъ канцеляріи. Извозчиковъ не было. Тяжелыя папки оттягивали руки, и я почти рысью бѣжалъ къ вокзалу по пустой, почти не освѣщенной

улицѣ окраины города, боязливо оглядываясь, какъ бы меня не ограбили. Случись это, мы остались бы нищими въ двухъ смѣнахъ бѣлья.

Поѣздъ на Варшаву съ К—ными ушелъ. А бабка и мать сидѣли на вокзалѣ сами не свои, не зная, что думать о моемъ исчезновеніи. Поѣхали въ городъ, и на этотъ разъ намъ повезло: мы нашли два хорошихъ, почти европейскихъ, номера.

Зная, что въ Вильно открытъ университетъ, я съ утра отправился къ ректору, каковымъ оказался петроградскій хирургъ З—ій. Выслушавъ мои злоключенія, онъ улыбнулся угрозѣ отправить меня въ Россію и написалъ, кому слѣдуетъ, обо мнѣ письма. Тѣмъ не менѣе мнѣ пришлось просидѣть въ «почекальнѣ» контръ-развѣдки еще два дня и еще два дня любоваться правами освобожденной Польши. Съ утра до вечера тамъ толпились евреи, приходившіе хлопотать объ освобожденіи арестованныхъ родственниковъ. О томъ, какъ съ ними обращались, я предпочту умолчать: ужъ очень омерзительно переживать все сначала. Со многими изъ нихъ я разговаривалъ, и они горько жаловались на безобразія, творимыя польскими жандармами. Никто не зналъ, за что арестованы родственники. Большинство было схвачено на улицѣ ни съ того, ни съ сего. И сидѣли они въ тюрьмѣ недѣлями.

Къ вечеру второго дня начальникъ контръ-развѣдки потребовалъ меня передъ свои, помутившіяся отъ водки, очи и объявилъ мнѣ, что я могу ѣхать дальше.

Вильно въ то время переживала кризисъ мелкихъ денегъ. Получить въ лавкѣ сдачу со 100 марокъ было почти невозможно. На дорогу же достать мелочи было необходимо. И я, зная, что склонность къ издѣвательству надъ слабѣйшимъ всегда сопутствуетъ въ характерѣ привычкѣ пресмыкаться передъ сильнѣйшимъ, рѣшилъ снахальничать. Зашелъ въ Государственный Банкъ и, пользуясь тѣмъ, что у меня недурной французскій выговоръ, разыгралъ француза, прося размѣнять двѣсти марокъ. Кассиръ побѣжалъ къ начальству, оба подошли къ окошечку и, пыжась изо всѣхъ силъ, на невообразимомъ французскомъ языкѣ стали извиняться, что могутъ размѣнять только сто марокъ.

* *
*

Поѣздъ отходилъ въ пять часовъ вечера. Спальныя мѣста расписывались за 3—4 недѣли впередъ и думать о нихъ было нечего. Мы много наслышались объ ужасахъ предстоящаго путешествія, но то, что намъ пришлось пережить до Варшавы превосходитъ всякое воображеніе, даже совѣтское. Мы взяли билеты второго класса и я обѣщалъ носильщику изрядное вознагражденіе, если онъ сумѣетъ достать намъ приличныя мѣста. Онъ забралъ вещи и сказалъ, что на платформу онъ выйдетъ другими дверями и что мы найдетъ его около вагона II класса. Подошелъ поѣздъ, охраняемый вооруженными солдатами. Я спросилъ ихъ, гдѣ II классъ.

— Вотъ, указалъ онъ на III-ій.

— Это же III-ій.

— Другихъ нѣтъ, всѣ сгорѣли.

На дебаркадерѣ была огромная толпа и у каждой дверцы вагона образовалась очередь. Стали въ очередь и мы. Носильщика не было. Скоро

дверцы открыли, толпа насъ смяла и мы остались и безъ мѣста, и безъ носильщика. Не получивъ мѣстъ, я рѣшилъ разыскать хоть вещи и побѣжалъ вдоль дебаркадера.

— Баринъ, баринъ, куда вы пропали? Я занялъ три мѣста, раздался изъ вагона голосъ носильщика.

Онъ выглядывалъ въ дверь вагона II класса, сидя на нашихъ чемоданахъ. Я побѣжалъ за вами, но пока мы пришли, два мѣста у носильщика отбили и осталось только одно. На немъ устроилась мать съ тобой, а мы съ бабкой остались стоять между скамьями. Купэ было съ боковой дверью и между скамьями кромѣ насъ стояло еще три человѣка. Минутъ черезъ пять къ намъ заглянулъ кондукторъ и сказалъ, что рядомъ пустое купэ I класса. Кто желаетъ доплатить, можетъ перейти. Мы бросились туда, но удалось захватить только два мѣста. Перешли бабка, мать и ты, а я остался сидѣть во второмъ классѣ. Когда поѣздъ отошелъ, въ нашемъ семимѣстномъ купэ было двѣнадцать человѣкъ. Съ первыхъ же станцій поѣздъ началъ осаждаться солдатами. Они лѣзли во всѣ вагоны съ огромными мѣшками за спинами, съ ружьями, патронташами и прочей амуниціей. Одинъ такой навьюченный солдатъ занималъ мѣста столько, сколько три обыкновенныхъ человѣка. А ихъ въ наше купэ набилось очень скоро душъ пять. Каждая посадка такого солдата сопровождалась неимовѣрнымъ скандаломъ, публика запирала дверь и кричала ему:

— Въ войсковый вагонъ!

А онъ начиналъ колотить прикладомъ въ стекло. Рискуя остаться съ выбитымъ окномъ (морозъ стоялъ около 20 гр.), пассажиры открывали дверь и онъ, сбивая всѣхъ съ ногъ, вваливался въ вагонъ.

Въ Гродно на вокзалѣ творилось нѣчто невообразимое. Поѣздъ брался приступомъ, и на вокзалѣ стоялъ положительный ревъ. За нѣсколько минутъ до отхода поѣзда въ наше купэ вошелъ комендантъ и, заявивъ, что офицерамъ нужно два мѣста, потребовалъ, чтобы я и мой сосѣдъ перешли въ другое купэ. Спорить не приходилось. Но войти въ другое купэ было почти немыслимо и я сказалъ ему, что я останусь стоять.

— Алле прошу пана, закричалъ комендантъ и ухватилъ меня за воротникъ. Я едва успѣлъ захватить свертокъ съ рукописями и деньгами и очутился на платформѣ. Тамъ творился настоящій адъ. Всѣ двери вагоновъ были заперты изнутри, и въ нихъ, отчаянно ругаясь, ломилась толпа штатскихъ людей и сверхъ мѣры навьюченныхъ солдатъ. Я вскочилъ на подножку вашего купэ, прижавъ животомъ къ стѣнкѣ вагона рукописи и ухватившись одной рукой за поручень, а другой неистово барабаня въ окно. Поѣздъ тронулся и я остался висѣть. На мое счастье выглянула бабка, разсмотрѣла, кто стучитъ, и меня впустили. Войти я не могъ, ибо въ пятимѣстномъ купэ было уже двадцать два человѣка съ очень большимъ багажемъ и на полу не было мѣста, куда можно было бы поставить ногу. Меня втащили на чьи-то колѣни. У бабки на колѣняхъ сидѣлъ навьюченный солдатъ. Ты лежалъ въ узенькой щели между двумя чемоданами, головой внизъ и неистово колотилъ ногами чью-то спину, крича:

— Не мѣшай Лодкѣ!

Въ вагонѣ было не меньше 30° Р., но мы всѣ были въ шубахъ, ибо снять ихъ за тѣснотой не было возможности. Прошло съ полчаса, и за отсутствіемъ кислорода началъ тухнуть газъ. Распахнули дверь и въ купэ ворвался

свѣжій морозный воздухъ. Газъ разгорѣлся и стало возможно дышать. Такъ мы ѣхали всю ночь, открывая каждые полчаса дверь и заставляя температуру купэ все время скакать на 50° вверхъ и внизъ.

* *

*

Въ Варшаву пріѣхали часовъ въ 9 утра. Я сейчасъ же побѣжалъ по адресу знакомыхъ К—на. Оказалось, что онъ съ женою живетъ въ гостинницѣ въ одномъ номерѣ съ двумя почти незнакомыми дамами, пріютившими ихъ. О томъ, чтобы достать номеръ или комнату, и думать было нечего. И я рѣшилъ ѣхать въ Жирардовъ, куда имѣлъ отъ одного Минскаго врача рекомендательное письмо къ его родственникамъ, П—амъ. Ихъ было три брата — старшіе фабриканты и младшій военный врачъ, оказавшійся моимъ ученикомъ. Это была хорошая трудовая еврейская семья. Начали они изъ ничего и развили собственнымъ горбомъ большое текстильное дѣло. Но война ихъ совершенно разорила. Фабрика стояла и старшіе братья открыли небольшое заведеніе минеральныхъ водъ, чѣмъ они и жили. Въ Жирардовъ мы пріѣхали около четырехъ часовъ и сейчасъ же начались поиски квартиры. Прежде всего мы отправились въ гостинницу фабрики Гилле и Дитрихъ. Тамъ насъ встрѣтилъ толстый, важный полякъ въ венгеркѣ. Выслушалъ и коротко отрѣзалъ:

— Свободныхъ комнатъ нѣтъ.

— Подлецъ! сказалъ мнѣ, выйдя на улицу, П. Вѣдь я же навѣрное знаю, что у него нѣтъ ни одного жильца.

Оттуда прошли въ ужасающую, еврейскую гостинницу, гдѣ удалось достать комнату съ тремя кроватями, тремя стульями и однимъ столикомъ. На стѣнѣ не было даже гвоздя, чтобы повѣсить платье. Одно стекло въ окнѣ было выбито. Но мы такъ измучились за дорогу, что ни о чемъ не думали, и у всѣхъ было одно желаніе — лечь и заснуть. Подъ утро у бабки начался астматическій припадокъ — она простудилась въ вагонѣ. Шестичасовымъ поѣздомъ я поѣхалъ въ Варшаву за адреналиномъ, который одинъ только и облегчалъ ея припадки. И потянулись кошмарные дни. Она сидѣла скрючившись на отвратительной постели, не въ силахъ двинуть ни рукой, ни ногой. Въ комнатѣ была неистовая грязь, въ разбитое окно дуло. Ты томился и шкодилъ съ утра до ночи...

На четвертый день ей стало немного лучше и стало возможно думать о переѣздѣ. Я пошелъ къ директору фабрики Гилле и Дитрихъ, отрекомендовался другомъ одного изъ прежнихъ директоровъ А., живущаго въ Берлинѣ, и просилъ помочь мнѣ въ пріисканіи комнаты. Онъ позвалъ чиновника и велѣлъ проводить меня въ фабричную гостинницу. П. оказался правъ: она стояла пустая, и мы вечеромъ переѣхали, занявъ двѣ комнаты. Но тамъ оказалось немногимъ лучше, чѣмъ въ нашей гостинницѣ. Д-ръ П. скоро подыскалъ намъ двѣ приличныя комнаты въ семьѣ и черезъ недѣлю, когда бабка совсѣмъ поправилась, мы туда переѣхали и зажили своимъ хозяйствомъ.

Въ Жирардовѣ мы прожили шесть недѣль. Съ первыхъ же дней жизнь сложилась такъ, что я съ утра уѣзжалъ въ Варшаву по дѣламъ и пріѣзжалъ въ 5—6 часовъ вечера. А дѣла у меня были слѣдующія. Я вывезъ изъ Москвы краткосрочныя обязательства и мнѣ нужно было обратить хоть

часть ихъ въ польскія марки. Это оказалось нелегкимъ дѣломъ. Во вторыхъ нужно было получить разрѣшеніе на выѣздъ въ Германію. А это, пожалуй, было еще труднѣе.

На второй или третій день по пріѣздѣ я переходилъ Іерусалимскія аллеи, направляясь къ вокзалу.

— Профессоръ Д.! услышалъ я вдругъ позади окликъ.

Оглянулся и вижу, ко мнѣ бѣжитъ, подобравъ тяжелую кавалерійскую саблю, блестящій польскій офицеръ.

— Батюшки, подумалъ я, сейчасъ скажетъ, что я арестованъ и что меня завтра отправятъ къ большевикамъ.

Но оказалось совсѣмъ другое. Въ блестящемъ гвардейцѣ я насилу узналъ бывшаго своего фельдшерскаго ученика С. Онъ прослужилъ у меня въ военномъ госпиталѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Я очень цѣнилъ его, какъ интеллигентнаго человѣка, звалъ по имени и отчеству и не мѣшалъ ему жить на частной квартирѣ, что уставомъ воспрещалось. Добра никакого я ему не дѣлалъ, но жизни не отравлялъ и относился къ нему по-человѣчески. Оказалось, что за такое вполнѣ естественное отношеніе онъ очень привязался ко мнѣ и обрадовался мнѣ, увидѣвъ меня въ Варшавѣ, какъ родному. Онъ служилъ въ конвоѣ президента республики, а отецъ его занималъ видное положеніе въ министерствѣ путей сообщенія. Онъ затащилъ меня къ себѣ и я провелъ не одинъ пріятный вечеръ въ этой хорошей семьѣ, щедро отплатившей мнѣ за то немногое, что я сдѣлалъ для ея любимца. До сихъ поръ я вспоминаю съ удовольствіемъ одну характерную картинку. Жирардовскій жандармскій вахмистръ началъ меня притѣснять. Когда молодой С. узналъ объ этомъ, онъ сказалъ:

— Завтра я къ вамъ заѣду, и мы все уладимъ.

На другой день онъ, гремя своей саблей, вошелъ со мной въ канцелярію и отрекомендовалъ меня, какъ своего давнишняго друга. Вахмистръ недовѣрчиво взглянулъ на него и попросилъ его предъявить свои документы. Тотъ небрежно выкинулъ на столъ билетъ съ печатью Бельведерскаго дворца. Вахмистръ, увидя печать, такъ и распластался и послѣ этого, встрѣчаясь со мной, онъ сталъ очень почтительно отдавать мнѣ честь.

* *
*

Какъ я тебѣ сказалъ, мнѣ ежедневно приходилось ѣздить въ Варшаву. Уѣзжалъ я раннимъ поѣздомъ, ибо до Варшавы было два часа ѣзды. Съ этимъ же поѣздомъ ѣхали спекулянты, главнымъ образомъ евреи. Спекулировали они преимущественно хлѣбомъ, который въ Варшавѣ былъ почему-то вдвое дороже, чѣмъ въ Жирардовѣ. На вокзалѣ былъ строжайшій контроль. У будки, гдѣ провѣрялись билеты при выходѣ на перронъ, всегда стояла пара солдатъ съ ружьями, которые тщательно осматривали багажъ, не оставляя неоткрытымъ ни одного чемодана, ни одного мѣшка. Ежедневно я былъ свидѣтелемъ, какъ они задерживали двухъ-трехъ евреекъ съ запретнымъ товаромъ, — десяткомъ яицъ или парой фунтовъ хлѣба, — поднимавшихъ неистовый крикъ на всю станцію. А входя въ вагонъ, я видѣлъ неизмѣнно одну и ту же картину: всѣ сѣтки для багажа были завалены хлѣбомъ, лежащимъ въ вагонѣ совершенно открыто. Въ Варшавѣ хлѣбъ

этотъ продавался на подъѣздѣ вокзала и спекулянты первымъ же поѣздомъ возвращались въ Жирардовъ.

Пріѣхавъ въ Варшаву, я забѣгалъ на минутку къ К—нымъ, которые жили у самаго вокзала, а потомъ шелъ продавать свои «коротышки». На оффиціальной биржѣ онѣ совсѣмъ не котировались, и это явилось для меня большимъ ударомъ, ибо въ биржевыхъ дѣлахъ я былъ совершеннымъ профаномъ и очень боялся оказаться обобраннымъ. Къ счастью я встрѣтился случайно съ двумя московскими биржевиками, которые вошли въ мое положеніе и взялись мнѣ помочь. Они посовѣтовали мнѣ, запросить телеграфно А. въ Берлинѣ о цѣнѣ этихъ бумагъ. Я еще былъ настолько проникнутъ совѣтской психологіей, что открылъ ротъ.

— Телеграфировать о такомъ дѣлѣ? Да развѣ это мыслимо?..

Они отъ души расхохотались и тутъ же составили мнѣ телеграмму. Отвѣтъ пришелъ черезъ день. Онъ былъ кратокъ, но категориченъ: бумага не котируется. Я былъ совсѣмъ убитъ. Когда я уѣзжалъ, я думалъ, что вывожу съ собою сумму, которая обезпечитъ насъ лѣтъ на десять. А по цѣнамъ подпольной биржи выходило, что моихъ коротышекъ едва ли хватитъ на годъ. Мои биржевики предложили меня свести съ подпольной биржей, посовѣтовали выждать недѣли двѣ, наблюдая ежедневно за курсомъ, и, во всякомъ случаѣ, избавиться отъ бумагъ въ Варшавѣ. И вотъ я попалъ въ совершенно невѣдомый мнѣ доселѣ кругъ спекулянтовъ. Собирались они въ кафе Люрсъ на Новомъ Свѣтѣ. Войдя въ кафе, я отыскивалъ какого-нибудь знакомаго и подсаживался за его столикъ. Начиналась бесѣда о царскихъ, думскихъ, краткосрочныхъ, каратахъ и проч., и проч. Подходили другіе биржевики. Забѣгали зайцы, исполнявшіе порученія биржевиковъ, которымъ вмѣсто привѣтствія подавались два пальца лѣвой руки. Публика была разношерстная. Среди нихъ имѣлись настоящіе биржевые рвачи съ огромными брилліантами на пальцахъ и въ галстухахъ, съ увѣсистыми золотыми портсигарами. Толкался среди нихъ одинъ жандармъ изъ контръ-развѣдки, сообщавшій имъ свѣдѣнія о положеніи на «внутреннемъ фронтѣ», который, какъ извѣстно, имѣетъ огромное вліяніе на жизнь биржи. Было много русскихъ эмигрантовъ, попавшихъ сюда случайно и такъ же, какъ и я, застрявшихъ здѣсь. Они торговали чѣмъ придется. Особенно хорошо осталось у меня въ памяти одно утро, когда я сидѣлъ за столикомъ съ капитаномъ второго ранга балтійскаго флота, извѣстнымъ московскимъ антикваріемъ изъ Леонтьевскаго переулка и ассистентомъ при кафедрѣ химіи въ одномъ изъ провинціальныхъ университетовъ. Капитанъ второго ранга продавалъ чей-то домъ въ Москвѣ, націонализированный большевиками, антикваріи носился съ партіей брилліантовъ, а химикъ все свое будущее строилъ на старинной табакеркѣ, увѣряя, что онъ имѣетъ документальное доказательство, будто изъ нея однажды изволилъ понюхать Людовикъ XIV.

Около двухъ недѣль провелъ я въ этой компаніи. Коротышки мои то поднимались, то опускались на два пфеннига. И я рѣшилъ произвести наконецъ чревосѣченіе. Посовѣтовавшись со своими биржевиками, я продалъ ихъ всѣ въ одинъ день. Въ Жирардовъ я пріѣхалъ съ опустошенными карманами и тяжелымъ сердцемъ. Единственное, что меня утѣшало — это сознаніе, что мнѣ уже не нужно ходить къ Люрсу.

Закончивъ денежныя дѣла, я принялся хлопотать о визѣ въ Берлинъ. Отправилъ А. телеграмму съ просьбой исхлопотать въѣздъ, а самъ принялся

за хлопоты о выѣздѣ. Это было не легко, ибо поляки очень косо и недружелюбно смотрѣли на тѣхъ, кто ѣдетъ въ Германію, и визы въ Германію были обставлены всякими затрудненіями: нужно было пройти черезъ цѣлый рядъ учрежденій — контръ-развѣдку, генеральный штабъ, столичную полицію, министерство иностранныхъ дѣлъ и т. д. Короче, скажу тебѣ, что когда я прошелъ все это, двѣ страницы моего паспорта in quarto оказались заполнены польскими «пѣтушками» — это были все визы на выѣздъ. Въ этомъ трудномъ дѣлѣ мнѣ очень помогли отецъ и сынъ С., которые самоотверженно сопровождали меня во всѣхъ хожденіяхъ по визамъ. Тамъ, гдѣ люди стояли въ очереди по 6—7 часовъ, они проводили меня съ задняго крыльца и устраивали дѣло въ одинъ моментъ. Я очень рекомендовалъ К—ну, воспользоваться любезностью С. и выхлопотать себѣ выѣздъ въ Германію. Но онъ почему-то очень боялся Берлина, ожидая тамъ большевистскаго переворота, и рѣшилъ ждать разрѣшенія ѣхать въ Парижъ. И онъ жестоко поплатился за это. Мы уѣхали въ Берлинъ, а онъ остался въ Варшавѣ и досидѣлся до большевистскаго наступленія. Большевики подкатились къ Варшавѣ, а визы у него все не было. Онъ метался, какъ угорѣлый изъ консульства въ консульство и вездѣ получалъ отказы. Наконецъ онъ прослышалъ, что даетъ визы греческій консулъ. Бросился къ нему, получилъ визу; на основаніи ея ему дали проѣздную чешскую визу и онъ, наконецъ, выкатился въ Прагу и дальше въ Римъ. А въ Римѣ греческій консулъ, увидя его визу, посовѣтовалъ ему, ея никому не показывать, во избѣжаніе недоразумѣній, ибо въ Варшавѣ въ то время греческаго консула не было. Визу же ему проставилъ какой-то проходимецъ, который, пользуясь всеобщей сумятицей въ Варшавѣ, заказалъ себѣ соотвѣтственныя печати и взималъ въ свою пользу плату за визы. Собралъ онъ такимъ образомъ не малую сумму, ибо за греческой визой валомъ валила убѣгающая отъ большевистскаго наступленія публика.

Въ своихъ хожденіяхъ по визамъ я ознакомился со столичными порядками въ Польшѣ. То, что я видѣлъ до сихъ поръ, я склоненъ былъ объяснять сутолокою на фронтѣ, ибо и Минскъ, и Вильно были все-таки прифронтовой полосой. Я все думалъ, что въ столицѣ будетъ лучше. Увы! здѣсь было то же самое и своими организаціонными талантами поляки мнѣ очень напоминали большевиковъ. Я какъ-то попалъ съ С—имъ къ ратушѣ и увидѣлъ всю площадь запруженную народомъ.

— Это результатъ послѣдняго приказа, объяснилъ мнѣ С. Намъ не хватаетъ подвижного состава и рѣшено сократить пассажирское движеніе. Теперь билеты на вокзалѣ выдаются только имѣющимъ разрѣшеніе на поѣздку. Это все желающіе выѣхать изъ Варшавы. Но это, конечно, скоро будетъ отмѣнено.

Приказъ былъ дѣйствительно отмѣненъ. Но ратуша бралась приступомъ еще дней семь.

Войдя въ жирардовскую жизнь, я тоже столкнулся съ дезорганизаціей, которая била въ глаза вездѣ и во всемъ. Огромная фабрика Гилле и Дитрихъ, снабжавшая когда-то всю Россію чудесными тканями, стояла почти безъ дѣла. Почти — я говорю больше изъ деликатности. Ибо фабрика дѣлала только дерюгу. Можетъ быть это было изъ-за недостатка сырья, а можетъ быть по другой причинѣ. Судить не берусь. Но могу сообщить тебѣ такой фактъ. На фабрикѣ былъ инженеръ нѣмецъ, котораго польскіе рабочіе

потребовали удалить и замѣнить полякомъ. Удалить нѣмца — удалили. А замѣнить его полякомъ не смогли, ибо нужнаго спеціалиста не нашлось. Въ концѣ концовъ дирекція придумала компромиссный выходъ. Нѣмецъ поселился въ Варшавѣ и на фабрику не показывался, завѣдывая дѣломъ черезъ ѣздившаго къ нему ежедневно для распоряженія замѣстителя.

Въ одномъ домѣ съ нами помѣщалась комиссія по борьбѣ со спекуляціей. Это было тоже любопытное учрежденіе. Водили туда исключительно евреевъ. Одного приволокутъ съ десяткомъ яицъ, другого съ фунтомъ колбасы. Крику, бывало, не оберешься. Нерѣдко на улицѣ приходилось видѣть и такую картину. Рядомъ съ покрытой байковымъ одѣяломъ еврейкой важно выступаютъ два жандарма, лѣниво зѣвая по сторонамъ. Подъ байковымъ одѣяломъ ясно обозначены узлы съ товаромъ. Когда арестованная входитъ въ домъ, площадка лѣстницы оказывается запруженной толпой евреевъ. Всѣ обступаютъ конвойныхъ, которые начинаютъ пинками прочищать себѣ дорогу. А тѣмъ временемъ изъ толпы подъ одѣяло протягиваются руки и узлы перекочевываютъ подъ широчайшіе лапсердаки. Толпа постепенно рѣдѣетъ и арестованная входитъ въ комиссію почти безъ всякихъ вещественныхъ доказательствъ своего преступленія. Комиссія работала во всю, а цѣны въ Жирардовѣ все росли и росли. За шесть недѣль нашего пребыванія тамъ нѣкоторые пищевые продукты вздорожали почти вдвое.

Мы часто говорили съ братьями П. о грядущихъ судьбахъ Польши и сходились на томъ, что полякамъ не подъ силу выполнить задачу организаціи могущественнаго государства и что Великая Польша — мертворожденное дѣтище мудрыхъ политиковъ Антанты. И одинъ изъ братьевъ очень мѣтко опредѣлилъ основную черту національнаго характера поляковъ.

— Что они могутъ сдѣлать, если въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ пыха? (пыхъ — по-польски значитъ темпераментъ).

* *
*

На пятой недѣлѣ пребыванія въ Жирардовѣ отъ А. пришло извѣстіе, что мнѣ разрѣшенъ въѣздъ въ Германію. Съ визой же бабки и матери встрѣтилось затрудненіе. Выѣздныя визы были получены, сидѣть въ Жирардовѣ намъ надоѣло, и мы рѣшили переѣхать въ Познань. Тамъ имѣлось германское консульство, котораго не было въ Варшавѣ, а потому было удобнѣе хлопотать о въѣздѣ матери и бабки. С. устроилъ намъ спальныя мѣста (не стоячія, какъ въ Минскѣ, а настоящія) и мы доѣхали съ шикомъ. Въ Познани мы совершенно ожили. Это была настоящая, подлинная Германія, съ ея образцовой организаціей, съ европейскими гостинницами, съ хорошими магазинами, съ настоящимъ нѣмецкимъ пивомъ и съ цѣнами втрое ниже, чѣмъ въ Варшавѣ. Польшей въ Познани даже не пахло (я разумѣю частную жизнь, а не присутственныя мѣста). На улицахъ отъ Польши были только пьедесталы памятниковъ безъ фигуръ, да переименованныя улицы. Что за мука была съ этими улицами! Новыя названія существовали только на дощечкахъ. А адреса давались по старымъ. Ищешь, ищешь бывало Фридрихштрассе, а оказывается она совсѣмъ не Фридрихштрассе, а Почтовая улица. Или спрашиваешь, какъ пройти на улицу Марцинкевича, а спрошенный наморщитъ лобъ и думаетъ:

— Постойте, кажется Вильгельмштрассе теперь улица Марцинкевича. Нѣтъ, улица Марцинкевича — это Луизенштрассе, а Вильгельмштрассе — улица Адама Мицкевича. Кажется такъ. Направо третья улица.

Придешь, куда показано, и видишь дощечку: улица Стефана Баторія.

Побывалъ въ больницѣ. Порядки остались нѣмецкіе, но врачи оказались другіе. Прозекторомъ вмѣсто мірового патолога-анатома, сидѣвшаго раньше въ Познани, я нашелъ молодого, совсѣмъ неопытнаго польскаго врача.

Познань до такой степени очаровала всѣхъ насъ, что у меня явилась совершенно дикая мысль — попытаться устроиться во вновь открытомъ познанскомъ университетѣ. По существу мысль была не совсѣмъ дикая. Ибо я отлично зналъ, что среди поляковъ есть только одинъ представитель моей спеціальности въ Варшавѣ, и что нѣмца поляки на кафедру не пустятъ. Пошелъ къ ректору. Таковымъ оказался дѣльный гинекологъ нѣмецкой школы. Онъ очень одобрилъ мою мысль и посовѣтовалъ сходить къ министру. (Познань управлялась своимъ собственнымъ кабинетомъ министровъ.) Тотъ выслушалъ меня и спросилъ:

— На какомъ же языкѣ вы будете читать?

— Конечно на польскомъ. Я полагаю, что русскому можно овладѣть языкомъ очень быстро.

— Видите ли, мы полонизируемъ этотъ край. И мы вправѣ требовать, чтобы профессора наши не только владѣли польскимъ языкомъ, а и говорили на немъ безъ всякаго акцента. Иностранцу же этого добиться трудно.

Я вспомнилъ оспротѣвшій анатомическій театръ и отъ души пожалѣлъ этотъ цвѣтущій край, отданный мудрыми руководителями Антанты во власть польскаго «нѣтушка». Послѣ этого я побывалъ въ лабораторіяхъ вновь открытаго университета. Большинство ихъ ютилось въ подвалахъ чудеснаго королевскаго дворца. Замѣщенными оказались только нѣсколько кафедръ. Да и тѣ замѣщены были довольно своеобразно. Такъ, на кафедрѣ ботаники сидѣлъ фармацевтъ изъ Варшавы. Правда, по-польски онъ говорилъ безъ акцента.

Я много слышалъ въ Варшавѣ о враждѣ познанцевъ къ Германіи. Но въ городѣ, по крайней мѣрѣ, я этой вражды не видѣлъ. На улицѣ преобладала нѣмецкая рѣчь. Въ магазинахъ тоже достаточно было заговорить по-нѣмецки, чтобы встрѣтить самое предупредительное отношеніе. Такъ, напримѣръ, благодаря нѣмецкому языку я легко доставалъ тебѣ молоко безъ карточекъ. А проявленіе враждебнаго отношенія къ полякамъ я видѣлъ весьма ясное. Такъ, напримѣръ, Познань, изобилующая пищевыми продуктами, установила таможенную блокаду Польши. Мнѣ пришлось изъ-за визъ съѣздить обратно въ Варшаву и я былъ несказанно удивленъ таможенному досмотру между Познанью и Польшей. Досмотръ былъ настолько строгъ, что у моего сосѣда по купэ познанцы отобрали фунтъ колбасы и полъ фунта конфетъ. Изъ этого путешествія я приведу тебѣ два красочныхъ эпизода. Когда я вошелъ въ вагонъ въ Познани, всѣ купэ оказались запертыми и на нихъ висѣли билетики «резервировано». Публика столпилась въ коридорѣ. Была невѣроятная давка. Затѣмъ явился кондукторъ и началъ по очереди открывать купэ, впуская публику по своему выбору и принимая мзду. Кто не догадался уплатить, остался въ коридорѣ. Таможенный же досмотръ, о которомъ я только-что сказалъ, велся такъ.

Публику высадили изъ вагона и загнали съ вещами въ залъ, откуда по одному человѣку впускали въ смотровую. У дверей была неимовѣрная давка, визжали женщины, плакали дѣти. А по прилавку зала (это была прежняя русская таможня на границѣ Германіи), возвышаясь надъ толпою, важно расхаживалъ со стекомъ въ рукахъ польскій жандармскій офицеръ и издѣвался надъ публикой. Публика отвѣчала негодующими криками. Къ чему сводился діалогъ, я не могъ разобрать, но съ устъ офицера то и дѣло неслось по адресу публики презрительное:

— Быдло!

Діалогъ закончился для офицера довольно неожиданно. На прилавкѣ появилась штатская фигура и вѣжливо, но настойчиво попросила офицера пройти съ нимъ къ коменданту. Офицеръ смѣрилъ говорившаго презрительнымъ взглядомъ, откинулся весьма картинно назадъ и, небрежно помахивая стекомъ, освѣдомился, съ кѣмъ онъ имѣетъ честь говорить.

— Депутатъ Сейма имя рекъ, былъ отвѣтъ.

Офицеръ какъ-то сразу, словно заводная кукла, перевелъ свой небрежный уклонъ назадъ и въ бокъ въ почтительнѣйшій поклонъ прямо впередъ, отдалъ честь и покорно сошелъ съ прилавка.

* *
*

Въ Познани мы провели двѣ недѣли и отпраздновали Пасху. Вскорѣ послѣ пріѣзда установилась теплая весенняя погода. Мы пріодѣлись и цѣлые дни проводили на воздухѣ въ скверахъ и садахъ. Наша гостиница стояла на углу главной улицы и у насъ въ номерѣ былъ чудесный балконъ. Я очень любилъ сидѣть на немъ съ тобою и наблюдать, какъ все твое маленькое существо инстинктивно переполнялось радостью, ощутивъ впервые біеніе пульса культурной жизни. Подъ нами пробѣгали въ трехъ направленіяхъ трамваи, ѣздили извозчики, катались велосипедисты, сновали пѣшеходы. Ты привѣтствовалъ радостнымъ визгомъ каждый трамвай, каждый велосипедъ, и оглядывался во всѣ стороны, крича:

— И тамъ вагончикъ! И тамъ вагончикъ!

Я никакъ не думалъ, чтобы двухлѣтній ребенокъ могъ такъ ярко воспринять уличную жизнь большого города.

Когда уладилось дѣло съ германскими визами, оказалось, что я зря таскалъ бѣдныхъ С—хъ по Варшавскимъ канцеляріямъ: варшавскія разрѣшенія для Познани не имѣли значенія и волынку пришлось начать сначала по Познанскимъ канцеляріямъ. Въ результатѣ паспортъ мой украсился новой серіей «пѣтушковъ». Наконецъ, всѣ формальности были выполнены, и мы могли проститься съ Польшей. Поѣздъ былъ почти сплошь заполненъ нѣмцами, бѣгущими отъ поляковъ. Какая разница была въ отношеніи ихъ къ намъ съ тѣмъ, къ чему мы привыкли въ польскихъ поѣздахъ! Черезъ полчаса тебя уже зналъ весь вагонъ.

— А, маленькій русскій! привѣтствовали со всѣхъ сторонъ твою подвижную фигурку.

И когда узнавали, что эта фигурка выпивала въ Москвѣ на тысячу рублей въ день молока, со всѣхъ сторонъ неслись удивленные:

— Donnerwetter!..

Въ ихъ представленіи русскій рубль все еще оставался двумя марками и шестнадцатью пфеннигами.

Вотъ наконецъ и граница. Поляки въ послѣдній разъ вытрясли наши чемоданы и карманы, въ послѣдній разъ жандармъ уставился на мои рукописи, словно баранъ на новыя ворота. Черезъ пять минутъ мы были уже на Германской территоріи. Чиновникъ быстро обошелъ вагоны, не раскрывъ ни одного чемодана, такой же быстрый осмотръ паспортовъ и — Fertig! Abfahren!..

Черезъ пару часовъ мы слѣзали на Шарлоттенбургскомъ вокзалѣ, убранномъ зеленью и большими надписями «Willkommen in der Heimat!»

Надписи эти относились не къ намъ, но встрѣтившій насъ на вокзалѣ другъ мой А. такъ горячо и искренно обнималъ насъ, новые знакомые по вагону такъ дружески кивали намъ на прощаніе, что намъ казалось, будто и мы немного причастны къ радушному пріему, будто и насъ привѣтствуетъ новая Родина.

Документы и дневники

Организація власти на югѣ Россіи въ періодъ гражданской войны

(1918—1920 гг.)

1. ОСОБОЕ СОВѢЩАНІЕ ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМЪ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІЕЙ

Эпоха гражданской войны на Югѣ Россіи, начавшаяся въ первыхъ числахъ ноября 1917 года, когда генералъ Алексѣевъ приступилъ въ Новочеркасскѣ къ формированію Добровольческой Арміи, и закончившаяся въ ноябрѣ 1920 г. эвакуаціей Крыма войсками генерала Врангеля, распадается на нѣсколько періодовъ. Можно различать періоды Корниловско-Алексѣевскій (ноябрь 1917 г.—апрѣль 1918 г.), Деникинско-Алексѣевскій (апрѣль—сентябрь 1918 г.), Деникинскій (сентябрь 1918 г.—мартъ 1920 г.) и Врангелевскій (мартъ—ноябрь 1920 г.). Въ первомъ періодѣ Добровольческой Арміей командовалъ генералъ Корниловъ; создатель Арміи генералъ Алексѣевъ, формально не занимая никакой должности, неизмѣнно находился при Арміи, завѣдывалъ ея финансами и поддерживалъ сношенія съ тяготѣвшими къ ней общественно-политическими группировками. Послѣ смерти генерала Корнилова, убитаго подъ Екатеринодаромъ 30 марта 1918 г., командованіе Арміей перешло къ генералу Деникину. Положеніе генерала Алексѣева оставалось безъ перемѣнъ и только 18 августа того же года въ Екатеринодарѣ онъ принялъ званіе Верховнаго Руководителя Добровольческой Арміи. 25-го сентября генералъ Алексѣевъ скончался, должность Верховнаго Руководителя отпала, а генералъ Деникинъ принялъ званіе Главнокомандующаго Добровольческой Арміей.

Къ тому же времени относится введеніе въ дѣйствіе печатаемаго ниже «Положенія объ Особомъ Совѣщаніи при Верховномъ Руководителѣ Добровольческой Арміей», которое за смертью генерала Алексѣева было переименовано въ Особое Совѣщаніе при Главнокомандующемъ Добровольческой Арміей. Иниціатива разработки этого Положенія принадлежала В. В. Шульгину, который лѣтомъ 1918 г. при свиданіи съ генераломъ Алексѣевымъ на Дону указывалъ ему на необходимость созданія при немъ такого высшаго органа гражданскаго управленія и даже составилъ краткій проектъ соотвѣтствующаго приказа. Названіе новаго учрежденія было подсказано воспоминаніями объ Особомъ Совѣщаніи по оборонѣ, членами котораго вмѣстѣ съ В. В. Шульгинымъ былъ и Н. Н. Львовъ, также находившійся при Добровольческой Арміи. В. В. Шульгинъ еще разъ вернулся къ этой мысли въ августѣ, когда командованіе Арміи обосновалось въ Екатеринодарѣ и приняло на себя управленіе очищенными отъ большевиковъ

частями губерній Ставропольской и Черноморской. Новый, болѣе подробный проектъ В. В. Шульгина былъ переработанъ при участіи помощника Верховнаго Руководителя, генерала Драгомирова и окончательно утвержденъ генераломъ Алексѣевымъ 18 августа.

Приложенное къ приказу Верховнаго Руководителя 20 августа 1918 г. № 1 Положеніе объ Особомъ Совѣщаніи почиталось секретнымъ въ виду общей, крайне сложной политической обстановки и было отпечатано лишь въ ограниченномъ числѣ номерованныхъ экземпляровъ. Переговоры о замѣщеніи должностей начальниковъ отдѣловъ затянулись, и первое засѣданіе Особаго Совѣщанія могло состояться только 28 сентября, когда Положеніе о немъ оказалось уже въ значительной степени антиквированнымъ. Предсѣдательствованіе въ Особомъ Совѣщаніи было возложено на помощника Главнокомандующаго по политической части, генерала Драгомирова.

* *
*

«Утверждаю»

Генералъ отъ инфантеріи Алексѣевъ

г. Екатеринодаръ

18 августа 1918 г.

Приложеніе къ приказу Верховнаго Руководителя ДобровольческойАрміи 20 августа 1918 г. № 1.

Секретно № ....

Положеніе

объ особомъ совѣщаніи при верховномъ руководителѣ добровольческой Арміи

1) Особое Совѣщаніе имѣетъ цѣлью: а) разработку всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ возстановленіемъ органовъ Государственнаго управленія и самоуправленія въ мѣстностяхъ, на которыя распространяется власть и вліяніе Добровольческой арміи. б) Обсужденіе и подготовку временныхъ законопроектовъ по всѣмъ отраслямъ Государственнаго устройства, какъ мѣстнаго значенія, по управленію областями, вошедшими въ сферу вліянія Добровольческой арміи, такъ и въ широкомъ государственномъ масштабѣ по возсозданію Великодержавной Россіи въ прежнихъ ея предѣлахъ. в) Организацію сношеній со всѣми областями бывшей Россійской Имперіи для выясненія истиннаго положенія дѣлъ въ нихъ и для связи съ ихъ правительствами и политическими партіями для совмѣстной работы по возстановленію Великодержавной Россіи. г) Организацію сношеній съ представителями державъ согласія, бывшихъ въ союзѣ съ нами, и выработку плановъ совмѣстныхъ дѣйствій въ борьбѣ противъ коалиціи центральныхъ державъ. д) Выясненіе мѣстонахожденія и установленіе тѣсной связи со всѣми выдающимися государственными дѣятелями по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, а также съ наиболѣе видными представителями общественнаго и земскаго самоуправленія, торговли, промышленности и финансовъ, для привлеченія ихъ въ нужную минуту къ самому широкому государственному строительству. е) Привлеченіе лицъ, упомянутыхъ въ п. д. къ разрѣшенію текущихъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью.

2) Особое Совѣщаніе состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

Государственнаго устройства
Внутреннихъ дѣлъ
Дипломатическо-агитаціоннаго
Финансоваго
Торговли и промышленности
Продовольствія и снабженія

Земледѣлія
Путей сообщенія
Юстиціи
Народнаго просвѣщенія
Контроля

3) Во главѣ каждаго отдѣла стоятъ управляющій отдѣломъ и два помощника.

4) При особомъ совѣщаніи состоитъ Управляющій дѣлами особаго совѣщанія и при немъ канцелярія съ освѣдомительнымъ бюро.

5) Предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія состоитъ Верховный Руководитель Добровольческой Арміи Генералъ-отъ-Инфантеріи АЛЕКСѢЕВЪ. Его замѣстители въ порядкѣ постепенности: первый — Командующій Арміей Генералъ-Лейтенантъ ДЕНИКИНЪ, второй — Помощникъ Верховнаго Руководителя Генералъ-отъ-Кавалеріи ДРАГОМИРОВЪ, третій — Помощникъ Командующаго Арміей Генералъ-Лейтенантъ ЛУКОМСКІЙ.

6) Постоянными членами Особаго Совѣщанія состоятъ: Командующій Арміей Генералъ-Лейтенантъ ДЕНИКИНЪ, Помощникъ Верховнаго Руководителя Генералъ-отъ-Кавалеріи ДРАГОМИРОВЪ, Помощникъ Командующаго Арміей Генералъ-Лейтенантъ ЛУКОМСКІЙ, Начальникъ Штаба арміи Генералъ-Майоръ РОМАНОВСКІЙ и всѣ Управляющіе Отдѣлами и Управляющій дѣлами Особаго Совѣщанія.

7) Кромѣ постоянныхъ членовъ для разрѣшенія спеціальныхъ вопросовъ могутъ быть приглашаемы постороннія лица, съ особаго, каждый разъ, разрѣшенія Предсѣдателя.

8) Управляющій дѣлами Особаго Совѣщанія, Управляющіе Отдѣлами и ихъ помощники избираются Верховнымъ Руководителемъ Добровольческой Арміи и назначаются его приказомъ.

9) Составъ канцеляріи Особаго Совѣщанія и каждаго отдѣла опредѣляется штатами и утверждается Верховнымъ Руководителемъ.

10) Личный составъ канцеляріи и отдѣловъ избирается Управляющимъ дѣлами Особаго Совѣщанія и Управляющими отдѣлами по принадлежности, и утверждается приказомъ Верховнаго Руководителя.

11) Внутренній порядокъ и распредѣленіе работъ въ канцеляріи и отдѣлахъ опредѣляется ихъ начальниками.

12) Управляющіе отдѣлами пользуются правомъ личнаго доклада у Верховнаго Руководителя и у Командующаго Арміей, и имъ же принадлежитъ право законодательной иниціативы по вопросамъ своего вѣдомства. Составленные ими законопроекты съ разрѣшенія Предсѣдателя вносятся на разсмотрѣніе «Особаго Совѣщанія».

13) Засѣданія «Особаго Совѣщанія» назначаются Предсѣдателемъ, а въ случаѣ его отсутствія или болѣзни — его замѣстителемъ.

14) Засѣданія «Особаго Совѣщанія» раздѣляются на «большія» и «малыя» засѣданія.

15) «Большія» засѣданія «Особаго Совѣщанія» назначаются для разрѣшенія наиболѣе серьезныхъ вопросовъ Общегосударственнаго значенія и для разсмотрѣнія сложныхъ законопроектовъ, затрагивающихъ интересы нѣсколькихъ вѣдомствъ. Предсѣдательствуетъ лично Верховный Руководитель.

16) «Малыя» засѣданія назначаются для разрѣшенія въ спѣшномъ порядкѣ не терпящихъ отлагательства вопросовъ текущей жизни, связанныхъ съ установленіемъ гражданскаго правопорядка въ мѣстностяхъ, занятыхъ Добровольческой Арміей. «Малыя» засѣданія созываются по иниціативѣ Командующаго Арміей Генералъ-Лейтенанта ДЕНИКИНА и происходятъ подъ его предсѣдательствомъ. Членами «малаго» засѣданія состоятъ: Помощникъ Командующаго Арміей — Генералъ-Лейтенантъ ЛУКОМСКІЙ, Начальникъ Штаба Арміи Генералъ-Майоръ РОМАНОВСКІЙ и Управляющіе тѣми отдѣлами, коихъ признаетъ необходимымъ пригласить Предсѣдатель.

17) О рѣшеніяхъ, принятыхъ на «малыхъ» засѣданіяхъ, Управляющіе дѣлами докладываютъ на ближайшемъ «большомъ» засѣданіи.

18) Засѣданія, какъ «малыя», такъ и «большія» имѣютъ исключительно совѣщательный характеръ, и принятыя на нихъ рѣшенія не обязательны для Верховнаго Руководителя или для Командующаго Арміей, кои могутъ принять и самостоятельное рѣшеніе и дать ему силу закона.

Съ подлиннымъ вѣрно:

И. Д. Начальника Военно-Политическаго Отдѣла Генеральнаго Штаба

Капитанъ ФЕДОРОВЪ.

2. ОСОБОЕ СОВѢЩАНІЕ ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМЪ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НА ЮГѢ РОССІИ

На практикѣ недостаточность Положенія 18-го августа, составленнаго на спѣхъ и лишеннаго юридической опредѣлительности, сказалось очень скоро. Поэтому уже въ ноябрѣ 1918 года былъ поднятъ вопросъ о разработкѣ новаго Положенія. Работа эта была поручена спеціальной комиссіи подъ предсѣдательствомъ управляющаго Отдѣломъ Юстиціи. Комиссія выполнила данное ей порученіе въ январѣ 1919 года. Между тѣмъ 26 декабря 1918 года генералъ Деникинъ, по соглашенію съ атаманами казачьихъ войскъ Донского и Кубанскаго, вступилъ въ командованіе всѣми вооруженными силами, дѣйствовавшими на югѣ Россіи, что вызвало новое переименованіе учрежденій, состоявшихъ при Главнокомандующемъ. Соотвѣтственно перередактированный проектъ Положенія объ Особомъ Совѣщаніи при Главнокомандующемъ Вооруженными Силами на Югѣ Россіи былъ законченъ разсмотрѣніемъ въ Особомъ Совѣщаніи 25-го января и утвержденъ генераломъ Деникинымъ 2-го февраля. Оно было распубликовано въ Собраніи Узаконеній и Распоряженій Правительства, издаваемомъ Особымъ Совѣщаніемъ при Главнокомандующемъ В. С. Ю. Р., за 1919 годъ, гдѣ составило ст. 1-ую.

Положеніе 2-го февраля сохраняло силу въ теченіе почти всего 1919 года. Параллельно съ Особымъ Совѣщаніемъ полнаго состава функціонировало для разсмотрѣнія лишенныхъ политическаго значенія проектовъ малое присутствіе Особаго Совѣщанія. Малое присутствіе дѣйствовало на основаніи правилъ, составленныхъ управляющимъ Отдѣломъ Законовъ К. Н. Соколовымъ по порученію Особаго Совѣщанія и одобренныхъ Главнокомандующимъ. Правила эти, какъ неимѣвшія силы законовъ, не были распубликованы.

* *

*

Утвержденныя главнокомандующимъ вооруженными силами на югѣ Россіи постановленія особаго совѣщанія

I. Объ утвержденіи Положенія объ Особомъ Совѣщаніи при Главнокомандующемъ Вооруженными Силами на Югѣ Россіи и Правилъ о движеніи дѣлъ въ Особомъ Совѣщаніи и его Канцеляріи.

Журналомъ отъ 25-го января 1919 года, за № 30, Особое Совѣщаніе постановило:

1. Проектъ Положенія объ Особомъ Совѣщаніи одобрить въ редакціи при семъ прилагаемой.

2. Проектъ Правилъ о движеніи дѣлъ въ Особомъ Совѣщаніи и его Канцеляріи одобрить и представить на утвержденіе Предсѣдателя Особаго Совѣщанія.

3. Постановить, что законодательныя предположенія по предметамъ, предусмотрѣннымъ въ статьѣ 96 Основныхъ Законовъ (Св. Зак. т. I ч. I изд. 1906), представляются Начальниками Военнаго и Морского Управленія на утвержденіе Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югѣ Россіи непосредственно.

Настоящее постановленіе Особаго Совѣщанія утверждено въ г. Екатеринодарѣ Главнокомандующимъ Вооруженными Силами на Югѣ Россіи 2-го февраля 1919 года.

Положеніе
объ особомъ совѣщаніи при главнокомандующемъ вооруженными снлами на югѣ Россіи

На подлинномъ написано:

«Утверждаю»
Генералъ-Лейтенантъ Деникинъ.

2 февраля 1919 года.

I. Положенія общія

При Главнокомандующемъ, для содѣйствія въ дѣлахъ законодательныхъ и административныхъ состоятъ Особое Совѣщаніе и нижеслѣдующія вѣдомства: 1) Военное Управленіе; 2) Морское Управленіе; 3) Управленіе Внутреннихъ Дѣлъ; 4) Управленіе Земледѣлія; 5) Управленіе Иностранныхъ Дѣлъ; 6) Управленіе Исповѣданій; 7) Управленіе Народнаго Просвѣщенія; 8) Управленіе Почты и Телеграфовъ; 9) Управленіе Продовольствія; 10) Управленіе Путей Сообщенія; 11) Управленіе Торговли и Промышленности; 12) Управленіе Финансовъ; 13) Управленіе Юстиціи; 14) Управленіе Государственнаго Контроля.

При Особомъ Совѣщаніи состоятъ: Отдѣлъ Законовъ, Отдѣлъ Пропаганды и Канцелярія.

2. Управленіе каждаго вѣдомства ввѣряется лицу, назначаемому Главнокомандующимъ съ званіемъ Начальника Управленія. Отдѣлами Законовъ и Пропаганды завѣдываютъ Управляющіе Отдѣлами, назначаемые Главнокомандующимъ.

Канцелярія Особаго Совѣщанія состоитъ въ завѣдываніи Управляющаго Дѣлами Особаго Совѣщанія, назначаемаго Главнокомандующимъ, по представленію Предсѣдателя Особаго Совѣщанія.

Примѣчаніе. Въ случаѣ отсутствія Начальниковъ Управленій, Управляющихъ Отдѣлами или Управляющаго Дѣлами Особаго Совѣщанія, за болѣзнью или по инымъ причинамъ, Помощники ихъ исполняютъ всѣ ихъ обязанности и занимаютъ во всѣхъ установленіяхъ ихъ мѣста.

3. Въ области управленія подчиненнаго Начальники Управленій и Управляющіе Отдѣлами Законовъ и Пропаганды пользуются правами Министровъ, примѣнительно къ учрежденіямъ министерствъ (св. зак. т. I. ч. 2. изд. 1892 г.).

4. Начальникамъ Управленій и Управляющимъ Отдѣлами Законовъ и Пропаганды предоставляется право личнаго доклада Главнокомандующему по дѣламъ ввѣренныхъ имъ частей: 1) не подлежащимъ обсужденію въ Особомъ Совѣщаніи (ст. 10) и 2) подлежащимъ таковому обсужденію, предварительно, до внесенія ихъ въ Особое Совѣщаніе.

Начальники Управленій и Управляющіе Отдѣлами обязаны заблаговременно ставить въ извѣстность Предсѣдателя Особаго Совѣщанія о содержаніи предстоящаго личнаго доклада, причемъ Предсѣдателю Особаго Совѣщанія принадлежитъ право присутствовать при такихъ докладахъ.

Примѣчаніе. Начальники Военнаго и Морского Управленій по дѣламъ, не подлежащимъ обсужденію въ Особомъ Совѣщаніи, имѣютъ докладъ у Главнокомандующаго безъ предварительнаго извѣщенія о томъ Предсѣдателя Особаго Совѣщанія.

5. За общій ходъ дѣлъ по ввѣреннымъ имъ вѣдомствамъ Начальники Управленій отвѣтствуютъ передъ Главнокомандующимъ.

II. Объ особомъ совѣщаніи

6. Особое Совѣщаніе составляется изъ Начальниковъ Управленій и Управляющихъ Отдѣлами Законовъ и Пропаганды, кои состоятъ его членами по должности, и изъ членовъ, назначаемыхъ особо Главнокомандующимъ въ числѣ по его усмотрѣнію.

7. Предсѣдатель Особаго Совѣщанія и два его замѣстителя на случай его болѣзни или отсутствія назначаются Главнокомандующимъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Главнокомандующій найдетъ нужнымъ лично предсѣдательствовать въ Особомъ Совѣщаніи Предсѣдатель послѣдняго участвуетъ въ немъ на правахъ члена.

8. При обсужденіи отдѣльныхъ дѣлъ въ Особомъ Совѣщаніи могутъ быть приглашаемы по распоряженію Предсѣдателя Особаго Совѣщанія, съ правомъ совѣщательнаго голоса и для представленія объясненій, лица, содѣйствіе которыхъ разрѣшенію дѣла можетъ быть полезнымъ.

9. Въ области законодательства и Верховнаго Управленія, Особое Совѣщаніе является совѣщательнымъ органомъ при Главнокомандующемъ.

10. На обсужденіе Особаго Совѣщанія поступаютъ: 1) всѣ законодательныя предположенія за исключеніемъ касающихся тѣхъ предметовъ, кои предусматриваются статьями 96 и 97 Основныхъ законовъ (Св. Зак. томъ I, часть I, изд. 1906 г.); 2) всѣ правительственныя мѣропріятія общегосударственнаго значенія; 3) всѣ предположенія о замѣщеніи высшихъ гражданскихъ должностей центральнаго и мѣстнаго управленія, за исключеніемъ должностей Начальниковъ Управленій, управляющихъ Отдѣлами Законовъ и Пропаганды и Управляющаго дѣлами Особаго Совѣщанія.

Дѣла, подлежащія разсмотрѣнію Особаго Совѣщанія, вносятся въ оное Главнокомандующимъ, Предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія, Начальниками Управленій, Управляющими Отдѣлами Законовъ и Пропаганды и Управляющимъ Дѣлами Особаго Совѣщанія по принадлежности.

На внесеніе въ Особое Совѣщаніе законодательныхъ предположеній, Начальники Управленій, Управляющіе Отдѣлами и Управляющій Дѣлами Особаго Совѣщанія испрашиваютъ предварительно разрѣшеніе Главнокомандующаго.

11. Постановленія Особаго Совѣщанія представляются Предсѣдателемъ его на утвержденіе Главнокомандующему.

12. Постановленія Особаго Совѣщанія, утвержденныя Главнокомандующимъ, немедленно пріемлютъ силу. Постановленія, имѣющія значеніе закона, подлежатъ распубликованію въ общемъ порядкѣ чрезъ Отдѣлъ Законовъ. Постановленія, относящіяся къ порядку Управленія, распубликовываются лишь въ случаѣ указанія на то въ постановленіи Особаго Совѣщанія.

13. Представленія, состоявшіяся по коимъ постановленія Особаго Совѣщанія Главнокомандующимъ утверждены не были, либо оставляются безъ послѣдствій, либо, по указанію Главнокомандующаго, возвращаются подлежащему Управленію или Отдѣлу для переработки.

14. Предсѣдателю Особаго Совѣщанія предоставляется обращаться къ Начальникамъ отдѣльныхъ вѣдомствъ о доставленіи необходимыхъ ему свѣдѣній и объясненій по исполненію постановленій Особаго Совѣщанія.

III. Объ отдѣлѣ законовъ

15. Управленіе Отдѣломъ Законовъ состоитъ изъ Управляющаго Отдѣломъ (ст. 2) и другихъ лицъ по штату.

16. Въ засѣданіяхъ Особаго Совѣщанія Управляющій Отдѣломъ Законовъ, участвующій въ обсужденіи дѣлъ наравнѣ съ другими членами Особаго Совѣщанія, сверхъ того, даетъ заключенія о соотвѣтствіи внесенныхъ законопроектовъ дѣйствующимъ узаконеніямъ.

17. Управляющій Отдѣломъ Законовъ входитъ въ Особое Совѣщаніе, по соглашенію съ Начальниками подлежащихъ Управленій, съ представленіями о согласованіи отдѣльныхъ законовъ.

18. Предметы вѣдомства Отдѣла Законовъ составляютъ: 1) разработка, по порученію Особаго Совѣщанія, вопросовъ и составленіе законодательныхъ предположеній, связанныхъ съ дѣломъ государственнаго устройства; 2) наблюденіе за точностью издаваемыхъ законовъ и распоряженій; 3) обнародованіе законовъ и распоряженій посредствомъ

опубликованія ихъ въ Собраніи Узаконеній и Распоряженій Правительства; 4) собираніе и систематизація всѣхъ законодательныхъ постановленій, прошедшихъ чрезъ Особое Совѣщаніе, а равно распоряженій Главнокомандующаго по дѣламъ Гражданскаго Управленія; 5) изданіе Собранія Узаконеній и Распоряженій Правительства.

IV. О Канцеляріи особаго совѣщанія

19. При особомъ Совѣщаніи состоитъ Канцелярія, подчиненная Предсѣдателю Особаго Совѣщанія.

20. Канцелярія подъ начальствомъ Управляющаго Дѣлами Особаго Совѣщанія состоитъ изъ Помощника Управляющаго, Начальниковъ Общей и Особой Частей и другихъ чиновъ по штату.

21. Помощникъ Управляющаго Дѣлами назначается Главнокомандующимъ по представленію Предсѣдателя Особаго Совѣщанія. Начальники Общей и Особой Частей назначаются Главнокомандующимъ по представленію Управляющаго Дѣлами Особаго Совѣщанія. Остальные чины Канцеляріи назначаются Управляющимъ Дѣлами.

22. Къ предметамъ вѣдѣнія Канцеляріи относятся: 1) подготовка къ слушанію представленій и матеріаловъ, поступающихъ на разсмотрѣніе Особаго Совѣщанія; 2) составленіе представленій по дѣламъ, касающимся Канцеляріи, а также не составляющимъ предмета вѣдѣнія Управленій или Отдѣловъ; 3) составленіе журналовъ Особаго Совѣщанія, представляемыхъ Предсѣдателемъ на утвержденіе Главнокомандующаго; 4) составленіе проектовъ распоряженій по Общему Управленію, представляемыхъ на утвержденіе Главнокомандующаго; 5) надзоръ за своевременнымъ печатаніемъ и разсылкой всѣхъ распоряженій Главнокомандующаго по Общему Управленію; 6) составленіе, для представленія Главнокомандующему на утвержденіе проектовъ приказовъ о назначеніи, перемѣщеніи и увольненіи членовъ Особаго Совѣщанія и высшихъ (до IV класса включительно) чиновъ Управленій; 7) удовлетвореніе денежнымъ довольствіемъ чиновъ отдѣльныхъ Управленій временно, впредь до окончательнаго образованія этихъ Управленій.

23. Канцелярія Особаго Совѣщанія имѣетъ собственную печать съ изображеніемъ государственнаго герба и надписью: «Канцелярія Особаго Совѣщанія при Главнокомандующемъ Вооруженными Силами на Югѣ Россіи».

3. ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМЪ

Въ серединѣ декабря 1919 года военныя неудачи, постигшія войска генерала Деникина и вызвавшія необходимость эвакуаціи Ростова, поставили на очередь вопросъ о новомъ преобразованіи высшаго органа гражданскаго управленія при Главнокомандующемъ. Однако, первоначально идея коренной реорганизаціи правительства была отвергнута. 14 декабря генералъ Деникинъ подписалъ два акта: 1) приказъ № 175, который предоставлялъ предсѣдателю Особаго Совѣщанія утверждать за Главнокомандующаго постановленія Особаго Совѣщанія по текущимъ дѣламъ, и 2) наказъ Особому Совѣщанію. Воспроизводимый здѣсь «наказъ» преслѣдовалъ, повидимому, цѣль, не измѣняя конструкціи правительства, сообщить его дѣятельности большую интенсивность и политическую опредѣленность.

* *
*

Наказъ особому совѣщанію

Въ связи съ приказомъ моимъ сего года № 175 приказываю Особому Совѣщанію принять въ основаніе своей дѣятельности слѣдующія положенія:

1) Единая, Великая, Недѣлимая Россія. Защита вѣры. Установленіе порядка. Возстановленіе производительныхъ силъ страны и народнаго хозяйства. Поднятіе производительности труда.

2) Борьба съ большевизмомъ до конца.

3) Военная диктатура. Всякое давленіе политическихъ партій отметать. Всякое противодѣйствіе власти — справа и слѣва — карать.

Вопросъ о формѣ правленія — дѣло будущаго. Русскій народъ создастъ верховную власть безъ давленія и безъ навязыванія.

Единеніе съ народомъ.

Скорѣйшее соединеніе съ казачествомъ путемъ созданія южно-русской власти, отнюдь не растрачивая при этомъ правъ обще-государственной власти.

Привлеченіе къ русской государственности Закавказья.

4) Внѣшняя политика — только національная, русская.

Не взирая на возникающія иногда колебанія въ русскомъ вопросѣ у союзниковъ, — идти съ ними. Ибо другая комбинація морально недопустима и реально неосуществима.

Славянское единеніе.

За помощь — ни пяди русской земли.

5) Всѣ силы, средства — для арміи, борьбы и побѣды.

Всемѣрное обезпеченіе семействъ бойцовъ.

Органамъ снабженія выйти, наконецъ, на путь самостоятельной дѣятельности, использовавъ все еще богатыя средства страны и не разсчитывая исключительно на помощь извнѣ.

Усилить собственное производство.

Извлечь изъ состоятельнаго населенія обмундированіе и снабженіе войскъ.

Давать Арміи достаточное количество денежныхъ знаковъ, преимущественно передъ всѣми. Одновременно карать безпощадно за «безплатныя реквизиціи» и хищеніе «военной добычи».

6) Внутренняя политика.

Проявленіе заботливости о всемъ населеніи безъ различія.

Продолжать разработку аграрнаго и рабочаго закона въ духѣ моей декларації; также и закона о земствѣ.

Общественнымъ организаціямъ, направленнымъ къ развитію народнаго хозяйства и улучшенію экономическихъ условій (кооперативы, профессіональные союзы и проч.) содѣйствовать.

Противогосударственную дѣятельность нѣкоторыхъ изъ нихъ пресѣкать, не останавливаясь передъ крайними мѣрами.

Прессѣ — содѣйствующей помогать, несогласную терпѣть, разрушающую — уничтожать.

Никакихъ классовыхъ привилегій, никакой преимущественной поддержки административной, финансовой или моральной.

Суровыми карами за бунтъ, руководительство анархическими теченіями, спекуляцію, грабежъ, взяточничество, дезертирство и проч. смертные грѣхи не пугать только, а осуществлять ихъ, при посредствѣ активнаго вмѣшательства Управленія Юстиціи, Главнаго Военнаго Прокурора, Управленія Внутреннихъ Дѣлъ и Контроля. Смертная казнь — наиболѣе соотвѣтственное наказаніе.

Ускорить и упростить — порядокъ реабилитаціи не вполнѣ благополучныхъ по большевизму, петлюровщинѣ и т. д. Если была только ошибка, а къ дѣлу годны — снисхожденіе.

Назначеніе на службу — исключительно по признакамъ дѣловымъ; отметая изувѣровъ и справа, и слѣва.

Мѣстный служилый элементъ, за уклоненіе отъ политики центральной власти, за насилія, самоуправство, сведеніе счетовъ съ населеніемъ, равно какъ и за бездѣятельность — не только отрѣшать, но и карать.

Привлекать мѣстное населеніе къ самооборонѣ.

7) Оздоровить фронтъ и войсковый тылъ — работой особо назначенныхъ генераловъ съ большими полномочіями, составомъ полевого суда и примѣненіемъ крайнихъ репрессій.

Сильно почистить контръ-развѣдку, уголовный сыскъ, вливъ въ нихъ судебный (бѣженскій) элементъ.

8) Поднятіе рубля; транспортъ и производство преимущественно для государственной обороны.

Налоговой прессъ главнымъ образомъ для состоятельныхъ, а также для не несущихъ воинской повинности.

Товарообмѣнъ — исключительно за боевое снаряженіе и предметы необходимые для страны.

9) Временная милитаризація воднаго транспорта, съ цѣлью полнаго использованія его для войны, не разрушая, однако, торгово-промышленнаго аппарата.

10) Облегчить положеніе служилаго элемента и семействъ чиновъ, находящихся на фронтѣ, частичнымъ переводомъ на натуральное довольствіе (усиліями Управленія Продовольствія и Вѣдомства Военныхъ Снабженій). Содержаніе не должно быть меньше прожиточнаго минимума.

11) Пропагандѣ служить исключительно прямому назначенію — популяризаціи идей, проводимыхъ властью, разоблаченію сущности большевизма, поднятію народнаго самосознанія и воли для борьбы съ анархіей.

Главнокомандующій Вооруженными Силами
на Югѣ Россіи, Генералъ-Лейтенантъ (подп.) ДЕНИКИНЪ.

14 декабря 1919 г. г. Таганрогъ.

* *
*

Однако, 16 декабря ген. Деникину была представлена записка группы членовъ Особаго Совѣщанія, во главѣ съ Н. И. Астровымъ и М. М. Федоровымъ, о настоятельной необходимости реорганизаціи правительства, и 17 декабря ген. Деникинъ подписалъ приказъ № 176 объ образованіи Правительства при Главнокомандующемъ. 20-го декабря послѣдовалъ приказъ — № 177, урегулировавшій нѣкоторыя детали перехода къ новому порядку. Предсѣдателемъ Правительства былъ назначенъ предсѣдательствовавшій до тѣхъ поръ въ Особомъ Совѣщаніи и Помощникъ Главнокомандующаго, ген. Лукомскій.

* *
*

Приказъ

Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югѣ Россіи 17 декабря 1919 года № 176

г. Таганрогъ.
(По Общему Управленію)

Современная обстановка требуетъ реорганизаціи гражданскаго управленія.
Предписываю:

I. Особое Совѣщаніе упразднить.

II. Отдѣлъ Законовъ и Управленіе Продовольствія упразднить.

III. Должность Главнаго Начальника Военныхъ Сообщеній соединить съ должностью Начальника Путей Сообщеній, поставивъ во главѣ Главнаго Начальника Сообщеній.

IV. Военное и Морское Управленія соединить, поставивъ во главѣ Начальника Военнаго и Морского Управленія.

V. Учредить должность Главнаго Начальника Снабженій, подчинивъ ему бывшихъ Главныхъ Начальниковъ Снабженій и Санитарной части на правахъ помощниковъ, съ оставленіемъ за послѣдними правъ, прежнимъ должностямъ присвоенныхъ. Передать въ вѣдѣніе Главнаго Начальника Снабженій функціи Управленія Продовольствія.

Приказы о чинахъ военныхъ проводить по Военному Управленію.

VI. Отдѣлъ Пропаганды подчинить Начальнику Управленія Внутреннихъ Дѣлъ.

VII. Образовать при мнѣ Правительство въ слѣдующемъ составѣ:

а) Предсѣдатель Правительства (можетъ быть въ то же время начальникомъ одного изъ Управленій);
б) Начальникъ Военнаго и Морского Управленія;
в) Начальникъ Управленія Внутреннихъ дѣлъ;
г) Начальникъ Управленія Финансовъ;
д) Главный Начальникъ Сообщеній;
е) Главный Начальникъ Снабженій;
ж) Начальникъ Управленія Торговли и Промышленности;
з) Начальникъ Управленія Юстиціи.

VIII. Начальникъ Управленія Иностранныхъ Дѣлъ и Государственный Контролеръ, не входя въ составъ Правительства, подчиняются непосредственно мнѣ.

IX. Начальники Управленій: Земледѣлія и Землеустройства, Народнаго Просвѣщенія и Исповѣданій, не входя въ составъ Правительства, по вопросамъ превышающимъ ихъ права входятъ съ представленіемъ къ Правительству, при мнѣ состоящему.

X. Управляющаго Дѣлами Особаго Совѣщанія наименовать Управляющимъ Дѣлами Правительства, при мнѣ состоящаго, и передать въ его вѣдѣніе функціи Отдѣла Законовъ.

XI. Образовать при Правительствѣ, при мнѣ состоящемъ, Совѣщаніе по законодательнымъ предположеніямъ, которое должно обсуждать всѣ законопроекты, поступающіе изъ Вѣдомствъ или передаваемые мною, и представлять на разсмотрѣніе въ Правительство, при мнѣ состоящее.

Подлинный подписалъ Генералъ-Лейтенантъ ДЕНИКИНЪ.

* *
*

Правительство при Главнокомандующемъ по приказу 17 декабря просуществовало до второй половины февраля 1920 года. Тѣмъ временемъ по соглашенію между генераломъ Деникинымъ и Верховнымъ Казачьимъ Кругомъ была образована такъ называемая «южно-русская власть». Власть эта должна была возглавляться Главнокомандующимъ и осуществляться совѣтомъ министровъ, отвѣтственнымъ передъ законодательной палатой изъ представителей населенія. Кромѣ краткаго текста соглашенія между Главнокомандующимъ и Верховнымъ Кругомъ, никакихъ актовъ, относящихся къ новой организаціи правительства, опубликовано не было. Предсѣдателемъ совѣта министровъ былъ назначенъ Н. М. Мельниковъ.

Совѣтъ министровъ южно-русскаго правительства принялъ дѣла отъ своихъ предшественниковъ въ двадцатыхъ числахъ февраля. Но вскорѣ затѣмъ онъ былъ въ свою очередь упраздненъ.

* *
*

17 марта, по переѣздѣ ставки въ Крымъ, генералъ Деникинъ издалъ слѣдующій приказъ:

I

Въ виду того, что территорія, занятая вооруженными силами юга Россіи сократилась, признаю необходимымъ временно измѣнить и упростить организацію гражданскаго управленія.

1) Совѣтъ министровъ упразднить;
2) Поручить М. В. Бернацкому организовать упрощенное и сокращенное численно дѣловое учрежденіе, вѣдающее дѣлами общегосударственными и руководствомъ мѣстныхъ органовъ;
3) Мѣстную власть Крыма преобразовать, привлекши къ участію въ ней избранныхъ представителей мѣстной области.

II

Общее направленіе внѣшней и внутренней политики остается незыблемымъ на началахъ, провозглашенныхъ мною 16 января въ г. Екатеринодарѣ.

Основной цѣлью гражданскаго управленія ставлю водвореніе внутренняго мира и порядка и удовлетвореніе насущныхъ нуждъ широкихъ народныхъ слоевъ, дабы опираясь на нихъ, армія могла спокойно продолжать борьбу за спасеніе Родины.

Генералъ Деникинъ.

Феодосія, 30 марта № 1.

Дневникъ обывателя

А. В.

(26 іюля 1918 г.—4 апрѣля 1919 г.)

Отъѣздъ въ Крымъ и моя жизнь въ Ялтѣ

26 іюля

Вчера вечеромъ прибыли въ Курскъ. Вмѣстѣ со мной прибыли также дядя Аполя съ женой и Татой. Они ѣхали въ томъ же поѣздѣ, но въ другомъ вагонѣ. Хотѣли было ѣхать сразу дальше на Бѣленихино, но не удалось. Туда не выдавали билетовъ безъ разрѣшенія Совѣта, для полученія котораго требуются не однѣ сутки. Пришлось ѣхать на Желебовку. Погрузились и въ 9 часовъ вечера поѣхали дальше. И тутъ опять ужасная давка. Всѣ вагоны набиты до верху желающими покинуть Совнаркомію. Ползли ужасно медленно; проѣхали Льговъ и въ 1 часъ ночи были на границѣ Совѣтской Россіи, на станціи Желебовкѣ. Выйдя изъ вагоновъ, — сейчасъ же подвергнулись крайне строгому обыску. Товарищи-красногвардейцы не гнушались ничѣмъ, перерывали все, забирали и чай, и кофе, и шоколадъ, а у меня конфисковали мой старый костюмъ. Хотѣли уже было забрать и золотые часы, но при помощи дяди мнѣ всетаки удалось ихъ кое-какъ отстоять. Вообще творился полнѣйшій грабежъ, и я могу еще быть благодаренъ, что отдѣлался только костюмомъ. Другихъ не такъ пообчистили. Послѣ обыска, наняли подводу и, какъ разсвѣло, двинулись дальше. Предстояло ѣхать лошадьми 12 верстъ до слѣдующей станціи Коренево, находившейся уже въ Германскихъ рукахъ. Кромѣ насъ ѣхало еще около 100 подводъ, такъ что кортежъ растянулся на цѣлую версту. Проѣхали двѣсти шаговъ, какъ стой, еще одинъ обыскъ хотя болѣе поверхностный, и насъ отпустили на всѣ четыре стороны. Теперь путь за границу, на Украйну былъ свободенъ. Всѣ повозки потянулись по проселочной, я же съ дядей рѣшили идти пѣшкомъ, и отдѣлившись отъ всей кавалькады, пошли прямо по полотну желѣзной дороги. Было прелестное утро, солнце какъ разъ подымалось на горизонтѣ и весело освѣщало проснувшіеся холмы и равнины. Послѣ жуткой ночи, все казалось такимъ красивымъ, веселымъ, что я скоро позабылъ всѣ непріятности и бодро шагалъ по насыпи навстрѣчу будущей жизни.

Въ Коренево, куда мы прибыли часовъ въ 7 утра, мы нашли весь вокзалъ забитымъ такими же путешественниками, какъ и мы. На Украйнѣ желѣзно-дорожная забастовка и ввиду этого заторъ. Тутъ уже царствуютъ Германцы. Повсюду видны ихъ сѣрыя фигуры, спокойно гуляющія по платформѣ. Вскорѣ подали поѣздъ, но мы съ трудомъ въ немъ помѣстились, причемъ въ первый разъ когда мы до сроку влѣзли въ вагонъ, то были съ крикомъ и ревомъ выгнаны нѣмецкими солдатами изъ вагоновъ. Но не бѣда! Наконецъ въ 10 часовъ поѣздъ тронулся, и мы поѣхали. Теперь наша слѣдующая цѣль — Ворожба. Въ послѣдней пришлось пересаживаться, и тогда только прямо ѣхать на Харьковъ.

27 іюля

Послѣ цѣлой ночи ѣзды въ товарномъ поѣздѣ (воинскомъ), сегодня утромъ прибыли въ Харьковъ. Когда поѣздъ ѣдетъ дальше, на Крымъ, и пойдетъ ли вообще, никто не знаетъ. Причина забастовка. До вечера гулялъ по городу. Ну и благодать здѣсь по сравненію съ бѣдной Москвой. Дешевизна! Хлѣба сколько угодно, фруктовъ также, причемъ въ кондитерскихъ снова имѣю счастье лицезрѣть печеніе, пирожки, пирожныя и т. д. Фунтъ бѣлаго хлѣба здѣсь стоитъ 1 руб. 20 коп., абрикосъ — 80 коп. Въ первый разъ послѣ долгаго времени снова, какъ слѣдуетъ, поѣлъ и попилъ кофе со сливками и съ сахаромъ.

28 іюля

Вчера вечеромъ случайно попалъ на поѣздъ, причемъ за билетъ II класса пришлось заплатить цѣлыхъ 71 руб. Сначала поѣздъ шелъ ничего; но начиная съ Синельниково, — не дай Богъ. Поминутно пошли остановки. Какъ я уже упоминалъ, на желѣзной дорогѣ забастовка, и машинисты хотя и въ сопровожденіи германской стражи, но крайне неохотно исполняли свои обязанности. Въ Александровѣ даже дошло до того, что поѣздъ совсѣмъ остановился, и часть пассажировъ слѣзла, чтобы дальше ѣхать по Днѣпру на Херсонъ и Одессу. Имъ не вѣрилось, что есть какая нибудь надежда поѣздомъ продвинуться дальше. Но вскорѣ послѣ ихъ ухода былъ найденъ новый машинистъ, и мы, оставшіеся въ вагонахъ, покатили дальше. Вечеромъ наконецъ-то добрались до Мелитополя.

29 іюля

Всю ночь и все сегодняшнее утро стояли въ Мелитополѣ. Мелитополь въ продовольственномъ отношеніи теперь самое лучшее мѣсто на Украйнѣ. Хлѣбъ бѣлый — 60 коп. фунтъ, огурецъ 20 коп., стаканъ молока — 30 коп. и т. д. Отсюда принялись всѣ набирать себѣ хлѣба для дальнѣйшаго путешествія, такъ какъ въ Крыму хлѣбъ дороже. Въ 12 часовъ поѣхали дальше. До Джанкоя еще шло ничего, но затѣмъ пришлось давать машинисту чаевые, не то отказывался везти. Что ни станція, то пытка. Ежеминутное ожиданіе окончательной остановки. Но одно только утѣшало, мы уже въ Крыму и до цѣли въ крайнемъ случаѣ доберешься и лошадьми.

30 іюля

Утромъ проснулся рано. Вижу — поѣздъ стоитъ на какомъ-то глухомъ полустанкѣ. Кругомъ — голая равнина. Вылѣзъ я изъ вагона, — оказывается, нашего паровоза уже давно нѣтъ. Къ счастью, въ это время мимо проходилъ воинскій поѣздъ нѣмецкихъ матросовъ. Попросился, и съ ними вмѣстѣ поѣхалъ дальше. Еще 2 часа ѣзды и мы въ Симферополѣ.

1 августа

Проѣхали Медвѣжью гору, Гурзуфъ и увидѣли Ялту. Вскорѣ катеръ сталъ сворачивать и мы вошли въ гавань. Какъ только пристали, я покинулъ катеръ, взялъ извозчика и ай-да на Севастопольскую 14, къ дому, гдѣ живетъ дядя Эдя со своей семьей.

30 августа

Весь день ничего не дѣлаю. Съ утра торчалъ въ Городскомъ Саду и читалъ тамъ, сидя подъ развѣсистой мимозой, номеръ «Berliner TageBlatt». Послѣ же обѣда, и вплоть до вечера сидѣлъ дома. Курсъ германской марки все падаетъ. Теперь 1 марка равна уже 75 коп. Что это значитъ? Ужъ не признакъ ли шаткости германскихъ побѣдъ на французскомъ фронтѣ.

3 сентября

Все тихо. Жара такая же. Ходятъ по Ялтѣ слухи, что Крымъ присоединяется къ Украйнѣ, но правда ли это, не знаю. Да! Прочелъ сегодня въ газетѣ, что въ Москвѣ соц.-революціонерка Капланъ покушалась во время митинга на жизнь Ленина и ранила его, а въ Петроградѣ нѣкто Каннегисеръ убилъ комиссара Урицкаго. Вотъ это ловко! Съ такими разбойниками и можно только такъ поступать. Жаль только, что Ленинъ остался живъ, его нужно было бы въ первую голову. Изъ дому, изъ Москвы, пока все еще не имѣю свѣдѣній.

4 сентября

Все тоже. Слухъ о присоединеніи Крыма къ Украйнѣ оказался миѳомъ. Наоборотъ, въ сегодняшнихъ газетахъ помѣщено сообщеніе, что Центральныя Державы признали Крымъ независимымъ государствомъ. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи миссія гр. Татищева увѣнчалась въ Берлинѣ полнѣйшимъ успѣхомъ.

7 сентября

Сегодня вечеромъ, въ Ялтинскую гавань прибылъ огромный пароходъ Русскаго Общества «Посадникъ». Это бывшій «Царь», на которомъ въ молодости плавалъ дядя Германъ. Ходилъ на него. Гулялъ по палубѣ и заглядывалъ въ каюты. Шикарное судно — океанское. Изъ разспросовъ удалось узнать, что идетъ оно пустое изъ Одессы въ Маріуполь, гдѣ должно забрать оставшійся свой уголь 120 000 пудовъ. Товара же никакого не везетъ изъ-за таможенной войны между Украйной и Крымомъ. Было прямо жалко смотрѣть на такую громадину. Раньше она гуляла по океанамъ, была въ Англіи, Египтѣ, даже въ Китаѣ, а теперь всего на всего Одесса—Маріуполь. Обидно. Но мнѣ кажется, что съ Россіей дѣло еще далеко не совсѣмъ погибло, — будетъ время и опять будетъ развѣваться на моряхъ русскій бѣло-сине-красный флагъ.

8 сентября

Все еще много гуляю, особенно въ послѣднее время. Читаю газеты, но въ нихъ мало что-то новаго. Хорошо только, что молодцы англичане прутъ германцевъ на Западномъ фронтѣ. Этому я очень радъ. Съ удовольствіемъ самъ бы поступилъ въ Британскую Армію, но не судьба.

14 сентября

Сегодня опять былъ въ Продовольственной Управѣ и окончательно получилъ мѣсто «переводчика и для порученій Комитета». Про жалованіе еще точно не извѣстно, но во всякомъ случаѣ не менѣе 300 руб. въ мѣсяцъ. Сегодня уже и работалъ. Ходилъ съ предсѣдателемъ Продовольственной Управы г. Дорофѣевымъ въ Германскую Портовую Комендатуру и переводилъ весь разговоръ коменданта съ моимъ принципаломъ.

17 сентября

Сегодня выпалъ очень трудный день. Опять приходилось бывать въ Германской Комендатурѣ и бесѣдовать съ Leutnant'омъ Starke, Chef der Wirtschaftsabteilung, по поводу разныхъ неотложныхъ дѣлъ. Leutnant Starke типичный нѣмецъ, изъ вѣжливыхъ, еще молодой господинъ, притомъ крайне любезенъ. Прямо все готовъ для васъ сдѣлать. Вообще германцы здѣсь всѣ таковы, и я о нихъ кромѣ хорошаго ничего не могу сказать.

24 сентября

Сегодня въ Ялту прибылъ огромнѣйшій германскій пароходъ. Всталъ у мола и весь день, и всю ночь разгружался и нагружался. Какъ удалось изъ разспросовъ выяснить, привезъ онъ смѣну стоящей въ Ялтѣ части, а здѣшнихъ солдатъ забиралъ на

Кавказскій фронтъ. Насколько эта версія правильна, — трудно опредѣлить, но проходя мимо мола, еще поздно вечеромъ можно было слышать лязгъ цѣпей и скрежетъ подъемныхъ крановъ.

1 октября

Сегодня пришли свѣжія Одесскія газеты, съ извѣстіемъ, что болгары потерпѣли отъ союзныхъ войскъ полнѣйшій разгромъ и что правительство Малинова уже запросило мира. Вотъ это ловко! Молодцы союзники! Среди Ялтинскаго русскаго населенія, въ особенности среди интеллигенціи, нескрываемая радость, среди германцевъ же, — какъ будто ничего не случилось, ни словомъ о происшедшемъ не обмолвятся. Видно, что настаетъ конецъ Германской войны и наступаетъ день освобожденія. Одно только еще останется, — это уничтоженіе большевистскаго засилія въ Москвѣ, и тогда можно съ удовлетвореніемъ себѣ сказать, что не даромъ былъ на войнѣ.

3 октября

Сегодня имѣлъ честь присутствовать въ качествѣ переводчика въ Германской Комендатурѣ на совѣщаніи членовъ Продовольственной Управы и новымъ, на дняхъ прибывшимъ, комендантомъ маіоромъ фонъ-Рюдигеръ. Послѣдній на видъ и въ манерахъ очень славный старикъ, и при совѣщаніи онъ очень просилъ членовъ Управы при раздачѣ новозакупленнаго сахара все уладить такъ, чтобы не было никакихъ эксцессовъ, хвостовъ и т. п.

8 октября

Сегодня вдругъ всѣ въ Ялтѣ стали получать письма. Причемъ изъ Совдепіи, начиная съ декабря 1917 года и кончая теперешнимъ августомъ. Вся эта почта лежала изъ-за Украйно-Крымской таможенной войны на границѣ Крыма, и теперь, по окончаніи ея, была только пропущена.

Въ газетахъ сегодня важныя новости. Австрія и Германія согласны на миръ и принимаютъ программу Вильсона. Вотъ это дѣло. Теперь навѣрно скоро все покончится. Останутся только одни большевики. Но при помощи союзниковъ ихъ разбить будетъ ужъ не такъ трудно. Когда же наконецъ и эта война окончится, мнѣ путь въ Англію свободенъ, и сейчасъ же тронусь въ Лондонъ. Это единственное мѣсто, гдѣ, мнѣ кажется, я смогу, какъ слѣдуетъ, работать.

11 октября

Наконецъ дождался, и имѣлъ удовольствіе прочесть отвѣтъ Вильсона на Германскую ноту. Отвѣтъ крайне рѣзкій; еще бы! очистить Францію и Бельгію; думаю, что онъ не особенно понравится Германскимъ заправиламъ. Но теперь сила у союзниковъ, и они диктуютъ. Интересно предугадать отвѣтъ Германіи, неужели откажется, и война будетъ продолжаться.

12 октября

Съ нетерпѣніемъ я жду осеннихъ бурь, но ихъ пока все нѣтъ. Невольно вспоминаю, гдѣ я былъ въ это время въ прошломъ году. На фронтѣ, въ Бессарабіи въ деревнѣ Коленкоуцахъ, въ родной мнѣ батареѣ, и не думалъ я тогда, что такъ скоро закончится наша такъ славно начатая кампанія. Гдѣ же я буду въ слѣдующемъ году? Дай Богъ, чтобъ въ Англіи или въ очищенной отъ большевистскихъ бандъ Москвѣ.

13 октября

Утромъ вмѣстѣ съ Серг. Фед. посѣтилъ Германскую Комендатуру. Здѣсь между прочимъ узналъ очень интересную новость, что Германія согласилась на требованія союзниковъ и очищаетъ Францію и Бельгію. Это хорошо, такъ какъ теперь мы на порогѣ мира. Но каковъ ударъ германскому самолюбію. Видно, что дѣла «Deutschland über alles» очень плохи, а то они наврядъ ли бы пошли на такія уступки.

18 октября

Слава Богу, сегодня снова появились газеты. Въ нихъ помѣщенъ новый отвѣтъ Вильсона на согласіе Германіи очистить занятую территорію, съ требованіемъ дальнѣйшей демократизаціи и др. пунктовъ. Этимъ дѣло мира входитъ опять въ роковую полосу. Ужъ не черезчуръ ли американскій президентъ натягиваетъ струну? Но увидимъ. Ялта, межъ тѣмъ, всѣмъ этимъ крайне интересуется, но съ другой стороны не перестаетъ жить своей прежней жизнью. Посѣщаетъ театры, концерты, а вечеромъ фланируетъ при прекрасномъ лунномъ освѣщеніи по Набережной.

19 октября

Получилъ жалованье, второе по счету, ровно 373 руб. 13 коп., при удержаніи $^1/_2\%$ въ пользу Союза Служащихъ. Конечно, былъ радъ, и закатилъ ввиду этого вечеромъ въ кино.

21 октября

Все утро торчалъ по дѣламъ службы на молу. Болталъ съ германскимъ часовымъ, причемъ могъ констатировать, что ихъ настроеніе довольно революціонное, въ пользу мира, но . . . . враждебное большевизму. Видно, германцы куда культурнѣе нашихъ русскихъ мужичковъ.

22 октября

Передаютъ, что капитанъ какого-то парохода, шедшаго съ Востока на Западъ, встрѣтилъ въ морѣ по дорогѣ подводную лодку, поднявшую англійскій флагъ. Но можно ли всему этому вѣрить, тѣмъ болѣе, что въ послѣдніе дни городъ полонъ такими слухами, что только держись. Да! Вчера въ Ялтѣ поймали одного большевистскаго комиссара, свѣжаго, только что пріѣхавшаго изъ Москвы. Его арестовали въ Жокей-Клубѣ, гдѣ онъ игралъ въ карты, и при обыскѣ нашли при немъ 600 000 руб. «Николаевскими», новенькими, прямо со станка.

26 октября

Весь день въ ходьбѣ. Утромъ терся въ Германской Комендатурѣ въ Polizei-Abteilung, гдѣ нужно было получить разрѣшеніе на собраніе завтра 4-хъ районныхъ продовольственныхъ комитетовъ. Затѣмъ по этому же дѣлу былъ въ полиціи у полк. Амадзи-Магометъ, а послѣ обѣда до 5 часовъ вечера на молу, гдѣ нужно было слѣдить за выгрузкой и отправкой муки съ парохода въ складъ Управы, а также принимать мѣры въ случаѣ недоразумѣній съ германскими часовыми.

30 октября

Посѣтилъ опять Германскую этапную и портовую Комендатуры, болталъ съ германскими солдатами и писарями. Всѣ они очень рады близости мира и надѣются къ Weihnachten быть уже у себя дома, въ Германіи.

2 ноября

Ходилъ въ гостиницу «Джалита», гдѣ дядя Ваня снялъ два номера по 20 руб. Сидѣлъ немного у нихъ, а возвращаясь въ 12 часовъ домой, могъ наблюдать, какъ въ подъѣздѣ гостиницы арестовали большевика. Пріѣхали татары съ винтовками подъ начальствомъ одного молодого офицерика, схватили подозрительнаго въ солдатской формѣ типа, и отвезли его на извозчикѣ въ комендантскую. Такъ борются въ теперешніе дни съ врагами, не лучше чѣмъ при царскомъ режимѣ, но господа коммунисты Ленинскаго толка этого вполнѣ заслужили.

4 ноября

Въ 2 часа стали на улицахъ продавать телефонограммы. Купилъ одну и прочелъ, что Турція заключила перемиріе и пропускаетъ черезъ Дарданеллы союзный флотъ. Вотъ это я понимаю! Теперь можно въ скоромъ времени ожидать появленія въ Черномъ морѣ союзниковъ. Ялта съ радостью ихъ ждетъ, хотя мнѣ лично немного жаль германцевъ. Они вели себя въ Ялтѣ очень хорошо и во всякомъ случаѣ имъ больно видѣть эту радость населенія по поводу ихъ разгрома. Вечеромъ пришелъ пароходъ и привезъ газеты изъ Одессы. «Въ Австріи революція!» Этого можно было ожидать. Лишь бы она не выродилась въ большевизмъ, а то ничего. Межъ тѣмъ жизнь въ Ялтѣ идетъ по старому. Очень интересуетъ всѣхъ молніеносное «превращеніе» Крымскаго Президента Сулькевича. Всѣ общественныя учрежденія выносятъ ему резолюціи «вонъ!» по поводу его реакціонности, а онъ нуль вниманія, и все сидитъ и только все болѣе демократизируется. Въ какія нибудь двѣ недѣли отмѣнилъ незадолго до этого имъ же изданный квартирный законъ, затѣмъ ввелъ свободу печати, отмѣнилъ предварительную цензуру и разогналъ правыя цензовыя Думы, на ихъ же мѣсто посадилъ опять «демократическія». Творятся же чудеса на свѣтѣ.

5 ноября

Союзниковъ пока нѣтъ. Но ихъ ожидаютъ. Говорятъ что въ Севастополѣ германцы мобилизовали всѣ свои силы, производятъ учебную стрѣльбу, однимъ словомъ, готовятся къ чему то. Интересно, что будетъ.

Утромъ, будучи на службѣ, посѣтилъ Германскую Портовую Комендатуру, въ зданіи Русскаго Общества Пароходства и Торговли. Здѣсь германскіе солдаты тоже настроены довольно мирно. Турція заключила перемиріе, а сегодня читаемъ уже, что и Австрія. Теперь остается очередь за Германіей.

6 ноября

Сегодня на морѣ творится что-то странное. Приходятъ и уходятъ какіе-то транспорты. Затѣмъ пришелъ пароходъ «Черноморъ» изъ Новороссійска, и вмѣсто того, чтобы идти дальше въ Одессу, былъ направленъ обратно. Публика ялтинская тоже въ волненіи. Повсюду на Набережной, и даже на балконахъ домовъ, обращенныхъ къ морю образуются группы, оживленно разсуждающія о возможности прихода англичанъ и смотрящія въ бинокли на горизонтъ моря. Ходятъ слухи, что занятъ союзниками Новороссійскъ, нѣкоторые даже увѣряютъ, что и Севастополь, и намѣреваются ѣхать встрѣчать друзей на наемномъ катерѣ. Но и сами германцы къ чему-то готовятся. На улицахъ появилось больше вооруженныхъ патрулей, даже солдатъ санитаровъ съ повязками Краснаго Креста на рукавахъ. Германскіе солдаты увѣряютъ, что рѣшено безъ сопротивленія Крымъ не сдавать, и что прошлою ночью въ Ялту прибыли линейныя войска. Я тоже очень навостренъ и жду дальнѣйшихъ событій. Буду очень радъ, если явятся англичане. А вдругъ французы? Послѣднее хуже, такъ какъ изъ за незнанія французскаго языка мнѣ придется тогда покинуть въ Продовольственной Управѣ мѣсто переводчика.

7 ноября

Въ городѣ все еще оживленіе. Съ германцами правда что-то неладно. Хотя англичанъ еще нѣтъ, но они уже начинаютъ складывать свои вещи. Такъ напримѣръ, сегодня имъ былъ проданъ весь товаръ Feldbuchhandlung какому-то ялтинскому книготорговцу, а саму лавочку они закрываютъ.

Ввиду возможности ухода германцевъ, вечеромъ въ спѣшномъ порядкѣ была созвана дума. Было обсужденіе о самооборонѣ, такъ какъ всѣ опасаются вторичнаго возникновенія большевизма.

8 ноября

Посѣтилъ опять всѣ Комендатуры. Германцы пока на мѣстѣ и дѣлаютъ видъ, что не думаютъ покидать Ялту. Очень интересный казусъ случился съ комендантомъ Германской Портовой Комендатуры, съ Hauptmann Hahn. Его за взятки перемѣщаютъ въ Маріуполь. Вотъ те на, видно и германцы заболѣли этою болѣзнью. На морѣ немного тише, но къ вечеру оно снова разревѣлось. Пришли два парохода, одинъ Россійскаго Общества изъ Одессы съ газетами.

9 ноября

Сегодня городъ очень взволнованъ появившимся во вчерашнемъ номерѣ воззваніемъ союзниковъ къ жителямъ Одессы, гдѣ они будто-бы заявляютъ, что пришли въ Россію покончить съ большевиками. Но въ одесскихъ газетахъ нѣтъ ни слова объ этомъ, такъ что все это вранье навѣрно. Особенно въ послѣднее время слухи расплодились, какъ грибы, и нужно ко всѣмъ этимъ «достовѣрнымъ» свѣдѣніямъ относиться съ большимъ разборомъ.

10 ноября

Сегодня узнали важную новость. Вильгельмъ отрекся! Никакъ не ожидалъ, что даже въ Германіи дѣло зайдетъ такъ далеко. Но Вильгельму по дѣломъ, другой разъ ужъ не будетъ играть въ войну. Про прибытіе союзниковъ слышно все меньше, говорятъ, что ихъ эскадра пойдетъ сначала въ Новороссійскъ.

12 ноября

Наконецъ-то получено оффиціальное извѣстіе, что заключено перемиріе между союзниками и Германіей. Слава Богу! Наконецъ-то пришелъ конецъ этому безумному, безконечному кровопролитію. Но ужъ и условія выставили союзники! Вѣдь для Германцевъ это полнѣйшая капитуляція. Но что подѣлаешь, — побѣжденному всегда влетаетъ. Опять стали распространяться слухи, что союзники будутъ въ Новороссійскѣ 14-го числа. Увидимъ!

13 ноября

Начинаетъ опять твориться что-то странное. Въ городѣ носится какой-то большевистскій духъ. Вечеромъ въ Народномъ домѣ долженъ состояться рабочій митингъ, на который приглашены также и германскіе солдаты. Интересно, придутъ ли они на собраніе. Утромъ былъ два раза въ Комендатурѣ. И тутъ что-то неладное. Всѣ германскіе офицеры въ ужаснѣйшемъ расположеніи духа. Еще бы! Пораженіе Deutschland не такъ-то легко перенести. На улицахъ появились сегодня какіе-то матросы, повидимому германскіе, въ автомобиляхъ. Откуда они пріѣхали и съ какой цѣлью, никто не знаетъ. Нѣкоторые изъ публики утверждаютъ, что они прикатили изъ Севастополя, который сегодня долженъ былъ быть занятъ союзниками. Въ общемъ интереснаго много, и хотя на улицахъ жизнь идетъ по старому, но чувствуется что-то въ воздухѣ.

14 ноября

Въ Городской Продовольственной Управѣ смѣна членовъ Управы. Сегодня уже явились новые. Узналъ теперь подробности о вчерашнемъ митингѣ въ Народномъ Домѣ. Оказывается, что на него не явилось ни одного германскаго солдата. Здорово! А наши то думали, что нѣмцы такъ и повалятъ. Сегодня (узналъ я это въ Комендатурѣ) снялась Германская Комендатура въ Алуштѣ. Навѣрное скоро тронется и наша.

15 ноября

Опять Dog's weather. Весь день небо обтянуто тучами и льетъ дождикъ. Очень непріятно, когда нужно бѣгать по разнымъ Комендатурамъ. Утромъ забѣжалъ въ этап-

ную и узналъ важную новость. Завтра или послѣ-завтра германцы покидаютъ Ялту и уѣзжаютъ въ Севастополь. Всѣ они конечно, очень рады, такъ какъ это значитъ nach Hause. Но за то многіе ялтинцы строятъ кислыя рожи, такъ какъ очень боятся большевиковъ. Но я лично не думаю, что тѣ вынырнутъ. Здѣсь организуется теперь что-то вродѣ Добровольческой арміи, кажется — изъ офицеровъ, которая будетъ смотрѣть за порядкомъ. Но гдѣ же англичане? Если они скоро не придутъ, то я потеряю мое мѣсто переводчика, что будетъ очень непріятно.

16 ноября

Опять дождь. Чтобъ онъ! . . . Съ утра началась частичная погрузка германскихъ войскъ на пароходы. Въ 12 часовъ дня прикрылась Этапная Комендатура, Портовая же пока еще функціонируетъ. Окончательно выяснилось, что Германцы оставляютъ Ялту въ понедѣльникъ или вторникъ. Сегодня пришли сразу три парохода «Посадникъ» изъ Керчи, и «Алексѣй» съ «Маріей» изъ Одессы. Привезли газеты, но довольно старыя, — съ четверга. По поводу ухода Германцевъ, въ городѣ бѣда съ германскими марками. Всѣ отказываются ихъ принимать. Въ ходу только русскія деньги. На базарахъ и повсюду скандалы безъ конца. Этимъ положеніемъ моментально воспользовался какой-то предпріимчивый еврейчикъ и открылъ на Набережной мѣняльную контору, гдѣ мѣняетъ 1 германскую марку за 60 коп., а австрійскую крону за 25 коп. Хотя всѣ его и ругаютъ, но русскія деньги нужны, и лавченка дѣлаетъ шикарный Geschäft. Сегодня получено свѣдѣніе, что въ Симферополь прибылъ съ Кубани отрядъ Добровольческой Арміи. Ихъ ожидаютъ и въ Ялтѣ, на пароходѣ «Черноморъ». Интересно отмѣтить, какъ вошелъ сегодня въ портъ пароходъ «Алексѣй» изъ Севастополя. Еще въ морѣ у него развѣвался на кормѣ огромный русскій національный флагъ, когда же онъ сталъ входить въ гавань, то національный флагъ былъ спущенъ и поднятъ голубо-желтый Украинскій.

17 ноября

У мола все еще стоитъ «Марія». Рано утромъ подъ невзрачнымъ украинскимъ флагомъ, а съ 12 часовъ дня совершенно неожиданно, подъ большимъ русскимъ національнымъ. При видѣ этого флага, у всѣхъ на лицахъ появляется радость, люди останавливаются и съ надеждой смотрятъ на родные бѣло-сине-красные цвѣта.

Въ городѣ, по приказу Главнокомандующаго Добровольческой Арміи ген. Деникина, открылся отростокъ Добровольческой Арміи. Командиромъ назначенъ нѣкто полк. Дорофѣевъ. И уже съ первыхъ дней началась сказываться ея дѣятельность и вербовка. На улицахъ довольно часто встрѣчаешь записавшихся съ національной нашивкой на рукавѣ. Гритинъ женихъ, офицеръ-пулеметчикъ, кажется, тоже собирается записываться. Я же пока думаю подождать. Нужно посмотрѣть, серьезное это дѣло или нѣтъ.

18 ноября

Былъ опять въ Продовольственной Управѣ. Этой ночью и рано утромъ германцы окончательно, на шести автобусахъ, покинули Ялту и оттого мнѣ до прихода союзниковъ нечего дѣлать. Все утро болтался по Набережной. На мѣстѣ укатившихъ германцевъ по городу ходятъ теперь новоиспеченные патрули Добровольческой Арміи, офицеры и вольноперы съ винтовками и ручными гранатами. Вечеромъ разнесся по городу слухъ, что завтра будетъ призывъ всѣхъ офицеровъ, юнкеровъ и вольноперовъ. Если это правда, то придется пойти и мнѣ. Ну что-жъ, я не прочь. Но подъ условіемъ, чтобъ забрали и всѣхъ другихъ праздношатающихся, въ особенности изъ интеллигенціи. Авось тогда скорѣе освободится Россія отъ тиранніи большевистскихъ узурпаторовъ. Вечеромъ послѣ ужина пошелъ погулять и зашелъ въ Курзалъ на засѣданіе Городской Думы. Было довольно интересно слушать споры между соціалистами о нужности или ненужности торжественной встрѣчи союзникамъ. Эс-эры, народные соціалисты и правые были, конечно, за встрѣчу, эс-деки же противъ.

Возвращаясь домой, встрѣтилъ еще одну партію германскихъ солдатъ. Повидимому, зачѣмъ-то вернулись, а мы то ужъ думали ихъ больше не увидѣть.

19 ноября

Такъ и есть. Сегодня въ газетахъ появился приказъ о мобилизаціи. Ну что-жъ. Я готовъ. Въ 10 часовъ пошелъ въ Комендатуру, теперь уже русскую, и записался, а отъ комиссіи медицинской отказался. Послужить я за Россію согласенъ, но только не за старо-реакціонную; если увижу, что дѣло будетъ клониться къ тому, то до-свиданія.

Моя служба въ Добровольческой Арміи

Въ Ялтѣ

20 ноября

Сегодня утромъ новый приказъ. Всѣхъ записавшихся вчера просятъ явиться въ $9^1/_2$ часовъ утра на Виноградную д. Меллера въ Штабъ Охраны, въ распоряженіе капитана Гаттенбергера. Всѣ, конечно, явились и были сейчасъ-же зачислены въ строй. Мнѣ съ Михапломъ Васильевичемъ, который тоже записался, пришлось даже сейчасъ идти въ караулъ у воротъ Штаба. Въ общемъ пока крайняя неразбериха. Хотя фактически всѣ на военной службѣ, но никто не знаетъ что дѣлать. Въ военную форму одѣты очень немногіе, большинство же носятъ штатское. Я тоже не имѣю военной формы и приходится стоять въ своемъ статскомъ пальто, кепи и полусапожкахъ, еще изъ Лондона. Какое жалованье намъ будутъ платить, тоже неизвѣстно, но предполагаютъ, что вмѣстѣ съ кормовыми не меньше 500 руб. въ мѣсяцъ. Это было бы не плохо.

23 ноября

Вотъ и зима пришла. Снѣгу хотя нѣтъ, но морозъ пощипываетъ, а утромъ на водоемахъ и лужахъ лежитъ ледъ въ палецъ толщины. Съ интересомъ прочелъ я вывѣшенную сегодня декларацію генерала Деникина о цѣляхъ Добровольческой Арміи. Теперь я могу быть вполнѣ спокоенъ, такъ какъ дѣло къ возстановленію стараго режима не вернется. Послѣ разгона большевиковъ будетъ созвано Народное Собраніе, которое выберетъ наилучшую форму правленія.

Я лично стою за Федеративную Демократическую Республику, на подобіе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. По моему этотъ образъ правленія всѣхъ больше подходитъ Россіи. Вѣдь монархія въ Россіи уже черезчуръ скомпрометирована, и приведетъ лишь къ дальнѣйшимъ волненіямъ.

24 ноября

Сегодня въ газетахъ вдругъ сюрпризъ, гласящій, что прошедшая дня четыре тому назадъ мобилизація не обязательна, и что, кто не хочетъ, можетъ возвращаться по домамъ. Многіе ушли, но я рѣшился остаться и служить дальше идеѣ объединенія Россіи и избавленію отъ большевиковъ, какъ Доброволецъ.

Сегодня опять попалъ въ караулъ, и опять въ Штабъ. Въ Штабѣ идутъ теперь приготовленія. Ожидается прибытіе союзниковъ и отряда Добровольцевъ съ Кубани, ввиду чего ихъ хотятъ встрѣтить, какъ подобаетъ. Сегодня утромъ было получено сообщеніе, что въ Севастополь уже прибыла Англо-французская эскадра. Теперь скоро они будутъ и въ Ялтѣ. Подъ вечеръ въ Штабъ привели большевика, гдѣ его допрашивали. И тутъ мнѣ бросилось въ глаза, что у этого типа подъ глазами были синяки, которые по его словамъ посадили ему допрашивавшіе его ранѣе офицеры. Ну съ этимъ образомъ дѣйствія я не согласенъ. По моему, — если виновенъ, то хоть предай разстрѣлу, но не издѣвайся битьемъ по мордѣ. Все это пахнетъ что-то жандармскимъ застѣнкомъ. Вдобавокъ это проникаетъ въ городъ и, какъ нѣмцы говорятъ, «macht böses Blut» среди рабочаго населенія. Эту ночь пришлось проторчать въ Штабѣ. Все ничего, только бѣда, что нѣтъ военной формы, и приходится стоять въ статскомъ.

25 ноября

До 12 часовъ дня стоялъ, а затѣмъ смѣнился и пошелъ домой. Погода все холодная и оттого кутаешься въ пальто. Въ 1 часъ дня въ Ялту прилетѣла сегодня первая союзническая ласточка, — прибылъ румынскій пароходъ, или вспомогательный крейсеръ «Principessa Maria». Онъ шелъ съ Англо-французской комиссіей въ Новороссійскъ за провіантомъ, но по дорогѣ на немъ испортилась помпа и пришлось завернуть въ Ялту для починки. Важничаютъ румыны, гордо смотрятъ сверху палубы на насъ, совсѣмъ позабывъ, что они не нація, а профессія. Видѣлъ также двухъ французскихъ офицеровъ, но ни одного англійскаго. По словамъ команды идутъ они изъ Сулина, и также подтверждаютъ прибытіе въ Севастополь союзной эскадры.

26 ноября, 3 часа дня.

Съ утра бѣгаю по городу, который весь украшенъ русскими національными флагами. Это въ честь ожидаемаго прибытія Добровольцевъ и союзниковъ. На Набережной толпы публики въ праздничныхъ туалетахъ. Среди нея снуютъ туда-сюда офицеры и вольноперы, мѣстные Добровольцы съ національными нашивками на рукавѣ. Румынскій пароходъ все еще у мола и видимо тоже намѣревается принять участіе въ торжествѣ. Сегодня мнѣ наконецъ-то удалось увидѣть перваго англійскаго офицера, проѣхавшаго незамѣтно по Набережной на извозчикѣ. Въ Штабѣ у насъ сегодня тоже оживленіе. Весь домъ Меллера разукрашенъ флагами въ знакъ привѣта старшихъ товарищей съ Дона и Кубани. Во дворѣ идетъ репетиція. Офицеры и вольноперы ходятъ подъ музыку гимназическаго оркестра и берутъ «на — кра-улъ». Когда въ точности гости пріѣдутъ, никто не знаетъ, но по моему ожидать ихъ можно не раньше обѣда, скорѣе къ вечеру.

9 часовъ вечера

Пока еще ни Добровольцевъ, ни союзниковъ нѣтъ. Былъ моментъ, когда думали, что они ѣдутъ, такъ какъ на горизонтѣ показался дымокъ. Всѣ переполошились, бросились на молъ и съ нетерпѣніемъ облѣпили перила. Но когда дымокъ приблизился, то это оказался катеръ «Данаецъ». Въ 5 часовъ стемнѣло, и повсюду стали снимать флаги. Оказалось, что сегодня развѣсили ихъ понапрасну. Сегодня первый день, какъ опять начали принимать германскія марки. Это по приказу, прибывшаго вчера до прихода союзниковъ, коменданта германскихъ войскъ лейтенанта Кекке. Но не думаю, чтобы всѣ исполняли это предписаніе, такъ какъ германцы здѣсь уже не играютъ никакой роли.

27 ноября

И сегодня нѣтъ ни союзниковъ, ни Добровольцевъ. Утромъ снова посѣтилъ Штабъ и получилъ первую часть жалованья, за 10 дней службы — 83 рубля. Какъ говорятъ все жалованье, помимо кормовыхъ, будетъ 250 руб. Затѣмъ ходятъ толки, что скоро всю нашу роту отправятъ на фронтъ противъ большевиковъ. Ну что-жъ, авось къ лучшему. Къ вечеру погода измѣнилась, и пошелъ дождь. На улицахъ опять слякоть, а вечеромъ изъ за отсутствія освѣщенія улицъ кромѣшная тьма. Гулять совсѣмъ невозможно, такъ какъ рискуешь совсѣмъ промочить свои ботинки въ многочисленныхъ лужахъ.

28 ноября

Наконецъ-то прибыли сегодня долгожданные Добровольцы. Я какъ разъ обѣдалъ, и оттого прозѣвалъ начало встрѣчи. По дорогѣ на молъ, на Набережной, мнѣ попался навстрѣчу возвращающійся нашъ почетный караулъ, оркестръ гимназистовъ Кусевицкаго, а сзади нихъ человѣкъ 20 казаковъ. Межъ тѣмъ на молу, гдѣ стоялъ великанъ «Саратовъ», шла выгрузка. Тутъ были и Добровольцы, и казаки, и польскіе легіонеры, все загорѣлые, крѣпкіе люди, довольно потертые и грязные, однимъ словомъ, какъ всегда имѣютъ видъ возвращающіеся солдаты съ фронта. Но народъ все веселый, чисто

военный. Тутъ же на борту виднѣлись ихъ 3-хъ дюймовыя пушки. Я не дождался конца разгрузки и къ 4 часамъ пошелъ домой. Въ это время уже по всему городу шлялись новоприбывшіе солдаты, съ интересомъ разсматривая ялтинскіе магазины и щегольскую публику. Съ одной стороны, конечно, нужно Добровольцамъ пожелать «Добро пожаловать», съ другой же скорѣй прослѣдовать дальше, такъ какъ ясно, гдѣ стоитъ много войскъ, и цѣны на все моментально подымаются. Какъ къ вечеру выяснилось, останутся у насъ только Добровольцы и казаки, польскіе же легіоны прослѣдуютъ дальше на Одессу.

30 ноября

Наконецъ-то прибыли въ Ялту сегодня первые представители союзниковъ, англійскій миноносецъ «Senator» и французскій «Dehorter». Какъ только смѣнился съ поста, сейчасъ же побѣжалъ на молъ. Тутъ опять цѣлое море головъ. Оба судна обсыпаны публикой, съ интересомъ разсматривающей долгожданныхъ союзниковъ. Сами союзники, англійскіе и французскіе моряки, тоже въ свою очередь облѣпили перила и съ любопытствомъ изучали насъ русскихъ. Хотѣлъ поговорить съ какимъ нибудь англійскимъ матросомъ, но изъ за массы народа совсѣмъ невозможно было протолкаться. Глядя на англичанъ, я невольно вспомнилъ Лондонъ, и казалось, до чего давно это все было.

На молу пробылъ съ часъ, а затѣмъ пошелъ домой. Послѣ обѣда и вечеромъ опять ходилъ гулять. Весь городъ, вѣрнѣй, всѣ главныя кафе забиты ялтинской публикой и иностранными матросами и офицерами. Ихъ угощаютъ, какъ друзей и освободителей, такъ какъ увѣрены теперь, что скоро будетъ finish большевикамъ. Повсюду радость и веселье. Радость необыкновенная. У Ravet и Floraln не пробьешься, внутри многіе даже стоятъ въ ожиданіи очереди на столикъ. Но настроеніе такое только у такъ называемой буржуазіи и интеллигенціи, у рабочихъ-же совсѣмъ не то, и идя вечеромъ домой мнѣ пришлось слышать ропотъ негодованія противъ притянутыхъ «иностранныхъ наемниковъ».

Вечеромъ состоялось въ Городскомъ Театрѣ торжественное собраніе Думы съ публикой, въ честь пріѣзда гостей. Говорились, какъ полагается, рѣчи членами Думы, которымъ отвѣчали капитаны англійскаго и французскаго миноносцевъ. Затѣмъ пѣли марсельезу и «God save the King» и кричали «Ур-ра», а когда уже стали всѣ разъѣзжаться, то облѣпили оба «союзническіе» автомобиля, и не хотѣли ихъ пускать домой.

4 декабря

Въ нашемъ ялтинскомъ отрядѣ Добровольческой Арміи пока все идетъ по старому. Про отправку на фронтъ что-то перестали болтать. Масса свободнаго времени, такъ какъ въ караулъ идти теперь приходится уже всего разъ въ недѣлю. Стало больше народу. На дняхъ въ нашу роту въ д. Меллера привезли для насъ одинъ пулеметъ, и такимъ образомъ, имѣя его и слишкомъ 300 винтовокъ, мы уже можемъ кое-что натворить. Я все еще надѣюсь на скорое освобожденіе отъ большевизма Москвы. Думаю, что рѣшительная схватка произойдетъ къ веснѣ.

8 декабря

Смѣнился утромъ изъ дежурной части. Ночь прошла спокойно. Патрульные только привели и засадили подъ арестъ двухъ quasi-большевиковъ, гдѣ-то говорившихъ что-то противъ офицерства. Одинъ швейцаръ гостиницы «Джалиты», а другой почталіонъ. Я считаю, что это опять неправильно. Нельзя засаживать каждаго, кто что-либо скажетъ противъ насъ. Нужно строго разбираться, такъ какъ мало ли теперь о чемъ не болтаютъ. Съ населеніемъ же нужно считаться. Потомъ порка! По моему это возмутительная вещь, кладущая только пятно позора на Добровольческую Армію.

9 декабря

Сегодня праздникъ Георгіевскихъ Кавалеровъ. Состоится парадъ «войскъ мѣстнаго гарнизона», и такъ какъ на это требуются только лица съ военной формой, то насъ всѣхъ «статскихъ» засадили въ нарядъ. Я попалъ съ еще тремя въ караулъ на почту. Утромъ еще до парада на дворѣ Штаба, намъ былъ прочитанъ капитаномъ Гаттенбергеромъ, реестръ наказаній. Напримѣръ, за отсутствіе на перекличкѣ — 30 сутокъ ареста, за появленіе въ нетрезвомъ видѣ въ общественномъ мѣстѣ — полевой судъ и за неисполненіе приказаній начальства — разстрѣлъ. Это крѣпко! Но что-жъ такъ и надо, а то никогда не наведешь въ отрядѣ порядокъ и дисциплину.

10 декабря

Въ 12 часовъ смѣнились. Узналъ къ великому моему неудовольствію, что на завтра назначены строевыя занятія. Это очень непріятно. Получилъ сегодня кормовыя за 10 дней — 60 руб. Итого мое мѣсячное жалованіе вмѣстѣ съ кормовыми будетъ 430 руб.

11 декабря

Когда мы утромъ сегодня явились въ Штабъ, намъ сообщили, что дня черезъ три насъ всѣхъ отправятъ черезъ Севастополь въ Симферополь, гдѣ будетъ формироваться I-ый офицерскій полкъ. Эта новость меня въ общемъ обрадовала, такъ какъ я уже опять соскучился по походной жизни. Или можетъ быть мнѣ Ялта надоѣла, и я только позабылъ всѣ невзгоды моей прошлой солдатской жизни. Ну не бѣда! Я готовъ ѣхать хоть къ чорту, причемъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ, нѣкто прапорщикъ Я., полякъ, который отсталъ въ Ялтѣ отъ легіона и поступилъ въ нашу часть, обѣщаетъ мнѣ въ Севастополѣ дать возможность перейти въ англійскія войска. Но послѣднему я мало вѣрю, такъ какъ это не такъ легко. Въ 1 часъ былъ смотръ нашей роты генераломъ Корвинъ-Круковскимъ. Бодрый генералъ, похвалилъ насъ, назвалъ всѣхъ «любящими сынами родины Россіи» и затѣмъ уѣхалъ.

12 декабря

Снова попалъ въ Дежурную часть. Пришлось съ 4 часовъ дня торчать въ Штабѣ. Въ общемъ эта ночь была очень бурная. Было приведено арестованными: одинъ солдатъ, пытавшійся дезертировать, одинъ солдатъ за какой-то мелкій проступокъ, и офицеръ, шикарный поручикъ, только что совершившій убійство своего друга московскаго милліонера Титова. Потомъ перепился начальникъ команды мола, и пришлось посылать нѣсколько разъ дозоры, чтобы унять его. Вообще чертовская ночь. Скорѣй бы ѣхать въ Симферополь, а то вся эта ловля пьяныхъ не особенно пріятная работа. Интересно, сколько человѣкъ изъ нашей роты дѣйствительно поѣдутъ. Уже отъ многихъ я слышалъ, что они и не думаютъ покидать Ялту. Ясно одно только, что въ нашей ротѣ пока, несмотря на всѣ застращиванія, слишкомъ мало дисциплины.

13 декабря

Сегодня въ нѣкоторыхъ частяхъ города отчего-то нѣтъ хлѣба. И, конечно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть, большіе хвосты. Англичанъ съ тѣхъ поръ, какъ первый разъ приходили, больше не видно. Всѣ начинаютъ уже на нихъ дуться. Почему дескать такъ медленно помогаютъ намъ.

16 декабря

Сегодняшнія газеты принесли извѣстіе, что въ Одессу вошли Петлюровцы, и тамъ началось опять нѣчто вродѣ большевизма. Вотъ тебѣ и на! На что же союзники? Что-то непонятно мнѣ ихъ отношеніе къ русскимъ дѣламъ.

Видно, есть на Руси пока только одна, единственная сила, отъ которой можно ожидать очищенія Россіи, и это — Добровольческая Армія. Всѣ другія военныя организаціи имѣютъ болѣе или менѣе бандитный видъ.

17 декабря

Опять караулъ. Чтобъ ихъ! До того они мнѣ надоѣли, что прямо жду, не дождусь нашего отъѣзда. Надѣюсь, что въ Симферополѣ будетъ лучше. Бѣда здѣсь съ жалованьемъ. Вотъ ужъ долгое время мы ничего не получаемъ, и многіе, кто безъ средствъ, уже начинаютъ голодать.

Опять сидѣлъ у арестованныхъ въ роли часового. Днемъ ихъ было человѣкъ съ 8, а къ полночи компанія увеличилась вдвое. Все больше за пьянство и драку. Сегодня распространился слухъ, что Петлюровцы вошли въ контактъ съ Добровольческой Арміей и рѣшили вмѣстѣ воевать противъ большевиковъ. Дай то Богъ!

19 декабря

Съ 12 часовъ дня до 4 часовъ былъ занятъ разгрузкой съ одного парохода 100 винтовокъ и 20 000 патроновъ. Работа довольно грязная, такъ какъ приходилось лазить въ трюмъ и тамъ возиться съ грязными ящиками. Но это въ общемъ все пустяки. Около я могъ наблюдать, какъ работали офицеры какого-то проѣзжающаго отряда, нагружая уголь. Въ пыли и грязи, черные какъ негры, они всетаки были веселы, — какъ истые сыны Добровольческой Арміи. Ночь провелъ опять въ Штабѣ. Но до чего у насъ малосознательна, недисциплинирована публика; (вѣдь нельзя забывать, что вся наша рота состоитъ сплошь изъ интеллигенціи, т. е. изъ образованнаго класса!) Въ Дежурную часть было назначено 25 человѣкъ, а явилось къ вечеру только 10. Таковъ ужъ характеръ русскаго человѣка. Хоть молотомъ бей по башкѣ, а отъ своихъ старыхъ привычекъ, никакъ отстать не можетъ.

20 декабря

Все то же. Находимся въ какомъ-то ожиданіи. У всей роты только одно на умѣ, — поѣдемъ или нѣтъ? Кто твердитъ, что нѣтъ, а кто увѣряетъ, что да, дѣло только за транспортомъ. Скорѣй бы хоть пришелъ, а то жить въ ежеминутномъ ожиданіи хуже всего.

Межъ тѣмъ жизнь въ ротѣ налаживается. Конечно, хромаетъ дисциплина, но что подѣлаешь? За то прекратилась омерзительная порка арестованныхъ, и Слава Богу. Немного косо только смотрятъ на насъ «Ливадійцы» (такъ названы части Сводно-гвардейскаго полка, прибывшаго изъ Новороссійска и размѣщеннаго въ Ливадіи). Но это понятно. У нихъ желѣзная, прямо старо-режимная дисциплина, а у насъ наоборотъ. Сидя въ Дежурной части, наблюдаешь, какъ каждый вечеръ приводятъ пьяныхъ офицеровъ для «протреавленія». Картина мало пріятная. Сегодня наконецъ-то выдали за декабрь мѣсяцъ кормовые 188 рублей. Всего такимъ образомъ съ начала моей службы въ Добровольческой Арміи, т. е. съ 20 ноября я получилъ кормовыми 391 рубль. Завтра обѣщаютъ выдать жалованіе.

21 декабря

Все еще находимся въ Ялтѣ. Какъ нашего транспорта и не ждутъ, а его все нѣтъ. Сегодня пришлось мнѣ препровождать въ тюрьму пойманнаго прошлой ночью комиссара Совѣтской Россіи. На лицо были всѣ документы, и ему грозитъ явный разстрѣлъ. Самъ онъ — старичекъ, отпирался, говорилъ, что не большевикъ, а только лѣвый эс-эръ. Но документы, при томъ самые настоящіе? Глядя на него, мнѣ стало его право жалко, Онъ казался мнѣ такимъ забитымъ, беззащитнымъ, но голосъ мести къ врагу говорилъ, вѣдь онъ большевикъ . . . Ранѣе, еще въ Штабѣ, намъ (насъ было трое часовыхъ) совѣтовали разстрѣлять его по дорогѣ, подъ видомъ — «при попыткѣ бѣжать». Но нѣтъ, я еще не достаточно загрубѣлъ, чтобъ пойти на такое дѣло. И старикъ можетъ быть доволенъ, что намъ досталось его вести, такъ какъ многіе поступили бы не такъ.

23 декабря

Сегодня въ ротѣ производился еще одинъ смотръ. На этотъ разъ генераломъ Пархомовымъ, тоже какимъ-то великимъ изъ міра сего. Послѣ окончанія всѣмъ было объявлено, что пришла телеграмма о немедленной нашей отправкѣ съ первымъ пароходомъ въ Севастополь и Симферополь. Наконецъ-то! Слава Богу!

Въ Симферополѣ

26 декабря

Съ утра всѣ въ бѣготнѣ. Пришелъ наконецъ-то нашъ пароходъ. Въ 10 часовъ утра всѣ съ музыкой отправились изъ Штаба на молъ, а въ 12 часовъ при кликахъ «Ура» покинули Ялту. Въ общемъ, какъ я могъ замѣтить, къ отправкѣ явились всѣ, всего человѣкъ 200.

Къ вечеру показался и самъ Севастополь. Войдя въ гавань мы увидѣли союзный флотъ, съ англійскимъ дредноутомъ «SuperЬ» во главѣ. Когда окончательно стемнѣло, интересно было наблюдать быстрое искровое сигнализированіе боевыхъ единицъ. Съ «SuperЬ» неслись звуки вальса. Тамъ справляли второй день Рождества, и при свѣтѣ электричества видны были танцующія пары англійскихъ матросовъ.

Вечеркомъ вырвался на часокъ и прошелся въ городъ. Нахимовскій проспектъ полонъ публики, причемъ встрѣчаешь немало моряковъ союзныхъ державъ, и, что насъ особенно поразило, уйму типовъ съ явно большевистскими физіономіями.

27 декабря

Съ утра къ пристани пришли нанятыя нами лодочки, мы погрузили въ нихъ наши вещи и поѣхали дальше, въ районъ пристани Россійскаго Общества. Заливъ уже давно проснулся, и я превосходно могъ теперъ любоваться союзной эскадрой, и ныряющими по всѣмъ направленіямъ англо-французскими катерами. Недалеко отъ пристани Россійскаго Общества мы выгрузились, заняли уже поданный товарный вагонъ, и покатили на вокзалъ, гдѣ были прицѣплены къ поѣзду. Проѣзжая вдоль гавани, видѣли высадку 2 тысячной французской арміи зуавовъ, которые въ своей красно-голубой формѣ имѣли очень живописный видъ. Самъ вокзалъ охранялся патрулями англійскихъ войскъ, которые гордо расхаживали по платформамъ, разсматривая нашу пеструю компанію. Не за долго до отъѣзда нашей ротой былъ на вокзалѣ пойманъ одинъ большевикъ, еврейчикъ, раздававшій публикѣ и солдатамъ прокламаціи съ призывомъ свергнуть бѣлогвардейцевъ. Онъ былъ моментально схваченъ, и послѣ краткаго разбирательства, при благословеніи англійскаго полковника мѣстнаго караула, на мѣстѣ разстрѣлянъ. Потомъ мы уѣхали, а трупъ такъ и остался лежать, въ видѣ примѣра темнымъ элементамъ. Дорога въ Симферополь довольно скучна, но къ счастью не болѣе 4-хъ часовъ ѣзды. Миновали Альму, Бахчисарай, еще что-то и мы на мѣстѣ въ Симферополѣ. Кромѣ командира полка, полковника Мурилова, насъ никто не встрѣтилъ, и оттого, погрузивъ на подводы нашъ багажъ, отправились одни въ городъ. Насъ размѣстили въ Городскомъ Клубѣ, въ очень объемистомъ и хорошемъ зданіи, въ самомъ центрѣ города, что было очень пріятно. Умывшись и побрившись, пошелъ бродить по городу. Отъ нечего дѣлать посѣтилъ рядъ кафе, и обѣдалъ въ столовой, 2 блюда за 4 руб. 50 коп.

28 декабря

Весь день шатался по городу. Пока еще ничего не дѣлаемъ. Въ ротѣ же уже начинаютъ постепенно устраиваться, хотя почти ни у кого еще нѣтъ кроватей.

Въ обѣдъ посѣтилъ въ компаніи съ однимъ изъ моихъ сослуживцевъ, прапорщикомъ Коноваловымъ, ресторанъ гостиницы «Метрополь», но нарвался тутъ на ужасныя цѣны, обѣдъ изъ 3-хъ блюдъ и кофе съ булочками — 20 руб. Для меня это дорого, такъ какъ весь мой капиталъ 400 руб. Отъ нечего дѣлать, вечеромъ наша Ялтинская рота приняла «за работу». Были снаряжены три отряда и отправлены дѣлать облавы, въ преступныхъ районахъ. Къ полночи они вернулись, но съ сравнительно небольшой добычей, два револьвера и штыкъ.

29 декабря

Попалъ сегодня первый разъ въ Симферополѣ въ нарядъ часовымъ на станцію. Жутко было стоять ночью, вѣдь знаешь, что въ городѣ до чорта темнаго элемента, сочувствующаго большевикамъ. Прислонившись къ стѣнѣ пакгауза, стоишь и слушаешь, какъ въ ночной тишинѣ по всему городу звонко раздаются отдѣльные выстрѣлы. Можно было себя прямо представить въ большевистской Москвѣ. Ялта по сравненію съ Симферополемъ мнѣ казалась теперь прямо «глубокимъ тыломъ». Нужно было зорко присматриваться; и когда вдругъ начали стрѣлять совсѣмъ около, пачками, я началъ думать, что обстрѣливаютъ станцію. Но, какъ потомъ оказалось, это полиція дѣлала облаву на гостиницу «Асторію»; облава дала хорошіе результаты. Къ утру на вокзалъ привезли и арестованныхъ, 8 человѣкъ — оказавшихся ярыми большевиками. Чтобы они не сбѣжали, всѣхъ ихъ заперли въ товарный вагонъ и поставили спеціальный караулъ.

30 декабря

Въ 12 часовъ смѣнились и пошли домой. У себя въ ротѣ я узналъ, что въ городѣ стоитъ ропотъ по поводу «безпричинныхъ и самовольныхъ» налетовъ Ялтинской роты. Говорятъ, что въ видѣ протеста ожидается забастовка и демонстрація печатниковъ, такъ какъ за прошлую ночь патруль нашей роты произвелъ аресты на какомъ-то засѣданіи ихъ Профессіональнаго Союза. Тамъ же былъ арестованъ, а затѣмъ выпоротъ за найденную у него большевистскую литературу съ прокламаціями и призывами секретарь этого Союза. Вообще въ городѣ тревожно. На улицѣ рабочіе очень косо посматриваютъ на насъ.

31 декабря

Какъ предполагалось, такъ и вышло. Сегодня забастовка печатниковъ. Газеты не вышли. Съ утра вся рота на готовѣ, такъ какъ ожидалось выступленіе рабочихъ. Къ вечеру опять стали раздаваться отдѣльные выстрѣли, но дальше этого дѣло не пошло. На улицахъ обычное оживленіе. Масса гуляющей и шатающейся публики, благо погода все еще прекраснѣйшая. Вечеромъ пошелъ съ моими компаньонами въ «Чашку Чая» Армянскаго Благотворительнаго Общества, и прекрасно, и весело провелъ время. Играла музыка, повсюду веселыя лица, и ничто не указывало на тревожное время. Но за то рота на готовѣ, 6-ая же спитъ въ полномъ боевомъ вооруженіи. Дѣло въ томъ, что всю нашу Ялтинскую роту теперь разбили на двѣ, на 5-ую, это въ которой я, и 6-ую. 1-ая же, 2-ая, 3-ая, и 4-ая составляютъ роты Симферопольцевъ.

1 января

Сегодня по новому стилю Новый Годъ 1919! Интересно, что будетъ черезъ годъ. Неужели все еще будемъ заниматься Гражданской войной. Въ городѣ опять все спокойно. Вышли снова газеты. Въ свою очередь и мы освободили нѣкоторыхъ арестованныхъ и передали ихъ гражданскимъ властямъ. Съ утра угодилъ на работу въ кухню, пришлось чистить картошку и т. п. Не особенно пріятно, но что подѣлаешь. Людей у насъ крайне мало и приходится работой не гнушаться. На кухнѣ работаютъ также и офицеры. Вчера вечеромъ мы арестовали нѣсколько солдатъ нашей же роты за пьянство и довольно большевистскіе взгляды. Это были жители Перекопа. Дѣло въ томъ, что въ нашу роту вкраплены теперь офицеры и солдаты и изъ другихъ частей Крыма, не одной только Ялты. Вечеромъ смѣнился, такъ какъ окончилъ мою кухонную работу. и закатилъ въ «Чашку Чая».

3 января

Живемъ все по старому. Несемъ наряды, а больше гуляемъ. Откровенно говоря уже изучилъ всѣ Симферопольскіе кафе и «Чашки Чая». Въ городѣ все еще не совсѣмъ спокойно. Рабочіе предложили новый ультиматумъ: въ 3-хъ дневный срокъ освободить

троихъ вполнѣ доказанныхъ большевиковъ, грозя въ противномъ случаѣ общей забастовкой. Но, какъ кажется, Штабъ на это не пойдетъ, и правильно, такъ какъ разъ сдашь позиціи, то дѣло пропало.

Сегодня получены свѣдѣнія, что началась анархія въ Евпаторійскомъ уѣздѣ, что тамъ бандами разстрѣливаются офицеры и т. д. Вся наша 5-ая рота такъ и рвется туда, но насъ отчего-то туда не послали, а послали другихъ. Навѣрное мы здѣсь нужнѣе. Къ вечеру пришло другое извѣстіе, что анархія подавлена прибывшими въ Евпаторію Добровольцами на французскомъ миноносцѣ. Ну и Слава Богу!

4 января

Все all right. Попалъ опять въ караулъ. На этотъ разъ на Гауптвахту въ Крымскія казармы. Пришлось охранять 8 человѣкъ, да еще 2-хъ, приведенныхъ ночью, всего 10 человѣкъ. Большинство, какъ было и въ Ялтѣ, офицеры, сидящіе за пьянство и буйство.

6 января

Сегодня съ 3-хъ часовъ ночи на ногахъ. Встали еще затемно и тутъ только узнали, что идемъ на облаву, отбирать у населенія оружіе. Тихо вскочили всѣ на ноги, вышли на темную улицу, построились, и маршъ въ Крымскія казармы, гдѣ каждой партіи былъ указанъ свой районъ. Моей партіи достался районъ отъ Свѣчного Завода до казармъ. Пошли. Вскорѣ началась работа. Уже въ первыхъ домахъ мы надѣлали не мало переполоха, такъ какъ большинство было увѣрено, что явились грабители. Заходили въ каждый домъ, шарили, осматривали и при находкѣ оружія сейчасъ-же отбирали. Въ общемъ все обошлось благополучно. Нашли немного, но зато повсюду натыкались на готовые и готовящіеся пироги къ празднику Рождества. Обыскъ продолжался до 2 часовъ, послѣ чего было приказано закончить и идти домой.

10 часовъ вечера

Рождество Христово! Какъ много для каждаго изъ насъ въ этомъ праздникѣ. Для меня обыкновенно, — Москва, морозъ, веселыя лица родителей и братьевъ съ сестрой, старая Michaelis-Kirche, занесенная снѣгомъ, елка съ горящими свѣчами и улицы Бѣлокаменной съ ярко пылающими кострами сторожей. Совсѣмъ другое сегодня! Теперь тоже вечеръ. Но вмѣсто родительскаго дома въ Москвѣ, я несу караулъ въ Государственномъ Банкѣ Симферополя. Уже прозвонили всѣ церкви. Въ каждую семейку ужъ пронесли по елочкѣ, и теперь идетъ веселье. Я же въ этотъ моментъ сижу въ одинокой залѣ, съ еще двумя банковскими сторожами, и за столикомъ пишу эти замѣтки. Выплываютъ разныя думы и начинаешь гадать. Послѣдній ли это годъ гражданской войны? Неужели и слѣдующій годъ, и слѣдующее Рождество Москва все еще будетъ во власти красныхъ тирановъ? Буду вѣрить, что нѣтъ, и надѣяться, что при помощи союзниковъ и Добровольческой Арміи дикія орды красноармейцевъ будутъ разбиты и Россія освобождена.

7 января

Первый день Рождества Христова! Съ утра всѣмъ намъ выдали по $^1/_2$ фунта галетъ и 7 яблокъ. День совершенно весенній. Тепло и яркое солнце. Съ ранняго утра уже бѣгаю по городу. Въ храмахъ масса народу. На улицахъ тоже. На главной, на Пушкинской — веселье. На лихачахъ разъѣзжаютъ горожане и любители, въ особенности татары, которые несутся прямо вскачь.

Вечеромъ зашелъ въ Европейскую Гостинницу, въ Штабъ, а также столовую Крымской Добровольческой Арміи, гдѣ съ еще однимъ другомъ ужиналъ. Было крайне мило и уютно. Залъ былъ прелестно убранъ, на столикахъ же засахаренные фрукты и яблоки. Въ углу горѣла елка, что давало помѣщенію еще больше уюта. Подавали дамы общества въ праздничныхъ туалетахъ. Однимъ словомъ проведенный вечеръ намъ понравился,

и мы пошли домой вполнѣ довольными. Интересно тутъ отмѣтить дешевизну цѣнъ для членовъ Добровольческой Арміи, въ этой столовой. Обѣдъ изъ 2-хъ блюдъ — 2 руб. 50 коп., кофе 75 коп., и полное блюдце варенья или повидлы — 25 коп.

10 января

Опять съ утра ходили на облаву. Теперь уже въ другомъ районѣ, тоже крайне демократическомъ. Заходили въ каждую избушку, въ каждый домъ, шарили и искали, часто натыкаясь на еще спящихъ, въ однѣхъ рубашкахъ, хозяевъ. Одной изъ нашихъ партій было оказано вооруженное сопротивленіе. По ней стрѣляли изъ оконъ трехъ домовъ. Нашими былъ тогда тоже открытъ огонь, и ворвавшись въ дома имъ удалось арестовать двухъ стрѣляющихъ типовъ. Остальнымъ удалось удрать. Одинъ изъ арестованныхъ оказался сумасшедшимъ, а другой объяснилъ свою стрѣльбу тѣмъ, что думалъ мы налетчики. Но въ противовѣсъ этимъ заявленіямъ въ одномъ изъ домовъ было найдено масса казеннаго имущества, большевистской литературы и печатей.

12 января

Съ утра уже работаю на третьей облавѣ. Теперь въ районѣ тóлкучки. Меня закатили на постъ въ Ночлежный переулокъ, гдѣ пришлось торчать и ощупывать прохожихъ, вплоть до самаго обѣда. Въ общемъ не особенно пріятное занятіе, но ничего не подѣлаешь.

Сегодня прибылъ въ Симферополь, вырвавшійся отъ большевиковъ изъ Екатеринослава, Украинскій 8-ой корпусъ. Всего ихъ 1600 человѣкъ, и пришлось имъ идти весь далекій путь съ боемъ, пробивая себѣ дорогу пулей и шашкой. Въ 2 часа дня были отправлены 10 человѣкъ изъ 6-ой роты въ Таганашъ на смѣну какой-то другой части, для несенія караульной службы.

14 января

Почти ежедневно любители изъ нашей роты, въ томъ числѣ и я, подъ командой фельдфебеля нашего, капитана Коналевскаго, отправляемся, чуть стемнѣетъ, въ экспедицію по розыску въ преступныхъ районахъ оружія. И вотъ наконецъ-то и мнѣ сегодня удалось себѣ раздобыть револьверъ. Револьверъ «Смитъ и Вессонъ» небольшого калибра и довольно изящный. Находкѣ этой я, конечно, очень радъ, такъ какъ въ такое время быть безъ карманнаго оружія крайне опасно, да особенно если служишь въ бѣлогвардейской Добровольческой Арміи. Но интересно замѣтить, что наши обыски и облавы уже даютъ результаты. Той частой ночной перестрѣлки, которая слышна была при нашемъ пріѣздѣ, теперь совсѣмъ нѣту.

15 января

Въ Евпаторіи, какъ оказывается, далеко не все окончено. Разбойники теперь засѣли близъ города въ каменоломняхъ, и все еще наводятъ по всему уѣзду страхъ и терроръ. Ввиду этого, для истребленія этой банды, туда отправился изъ Симферополя сегодня отрядъ нашего Офицерскаго полка, 1-ая рота, 6 пулеметовъ и взводъ артиллеріи изъ двухъ орудій, всего человѣкъ 150. Охотниковъ на это дѣло явилось много и оттого отправили прямо роту по назначенію.

Въ самомъ Симферополѣ теперь все спокойно. Рабочіе успокоились, а газетная критика стала менѣе ярой.

16 января

Весь день болтался по городу. По шатаніе это теперь менѣе интересно, такъ какъ въ карманѣ какихъ нибудь 40 рублей и ихъ нужно беречь. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ сидишь у себя въ ротѣ и ожидаешь вечера, когда закатываешь за 2 руб. 50 коп. въ кино. Сегодня вечеромъ ходили опять на обыски, но почти безъ всякаго результата. Сначала было залетѣли въ одну квартиру на Александро-Невской, думая, что тамъ за-

сѣданіе большевиковъ. Но вмѣсто этого наткнулись на мирно проживающихъ офицеровъ. Затѣмъ побрели дальше, по пути обыскивая прохожихъ. У одного гимназиста отобрали револьверъ, причемъ самъ гимназистъ до того перепугался, что отдалъ намъ свой браунингъ безъ единаго слова протеста.

19 января

Сегодня получено подтвержденіе. Въ Евпаторіи правда убито три человѣка. Прапорщикъ, мичманъ и одинъ вольноопредѣляющійся. Всѣ они изъ I-го батальона, но какъ они погибли, еще не извѣстно.

21 января

Наша пища, бывшая сперва столь хорошей, давали даже котлеты, теперь что-то начинаетъ сдавать. Даютъ меньше и уже въ худшемъ качествѣ. Ввиду этого въ ротѣ ропотъ и злоба на «пьянствующихъ въ Европейской Гостинницѣ» штабныхъ. Также не клеится дѣло и съ обмундировкой. Ее все еще не выдали, также и сапогъ. У меня, напримѣръ, сегодня окончательно развалились мои знаменитые «Piccadilly schoe». Пришлось ихъ дать чинить на свои деньги, что будетъ стоитъ 40 руб., жалованіе же, какъ теперь окончательно установили, будетъ всего, какъ и во всей Русской Добровольческой Арміи, для солдатъ 30 рублей.

22 января

Къ вечеру наконецъ-то были получены точныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ 1-го батальона въ Евпаторіи. Бандиты, какъ оказывается, послѣ ряда стычекъ, были выгнаны изъ каменоломенъ и взяты въ плѣнъ. Причемъ съ послѣдними было поступлено безъ пощады. Всѣхъ 200 человѣкъ-плѣнныхъ выстроили въ рядъ, а затѣмъ разстрѣляли пулеметами. Главарь банды нѣкто Петриченко былъ пойманъ тяжело раненымъ и также разстрѣлянъ. По моему этотъ родъ дѣйствія правиленъ, такъ какъ съ такой публикой иначе нельзя разговаривать.

23 января

Стало чертовски холодно. Въ обѣдъ заступилъ въ караулъ, и стоя внизу у входа въ наше помѣщеніе, здорово промерзъ. Къ вечеру вдругъ приказъ, — послѣ 6 часовъ никого никуда не выпускать. Причина та, что въ Штабъ Корпуса пришла какая-то курсистка и заявила, что въ городъ стекаются изъ окрестностей большевистскія банды, а также указала нѣсколько мѣстъ, гдѣ ими спрятано оружіе. Послѣ этого была послана для провѣрки наша контръ-развѣдка, которая подтвердила все сказанное курсисткой.

Такимъ образомъ, съ 6 часовъ вечера всѣ торчимъ дома и скучаемъ. Мнѣ лично кажется, что сообщеніе курсистки одна только провокація, имѣющая цѣлью держать мѣстный отрядъ Добровольческой Арміи въ страхѣ, дѣйствуя такимъ образомъ на психику нашихъ людей.

25 января

Смѣнились и пошли домой. Въ ротѣ встрѣтили нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и прапорщика Я., которые ѣздили вмѣстѣ съ 1-ымъ батальономъ въ Евпаторію въ качествѣ подрывниковъ. Они разсказывали очень много интереснаго, между прочимъ, какъ они выстраивали всѣхъ 120 человѣкъ-плѣнныхъ (не 200, какъ я раньше замѣтилъ) и ихъ разстрѣливали. По ихъ словамъ, въ каменноломняхъ еще осталось человѣкъ 30, которыхъ при уходѣ, ввиду трудности ихъ выкурить, Добровольцы завалили камнями.

26 января

Выясняются и нѣкоторыя «преступныя» подробности Евпаторійскихъ событій. По приказу командира 1-го батальона, предаются военно-полевому суду трое изъ нашихъ пулеметчиковъ. Ихъ обвиняютъ въ томъ, что они во время боя, когда имъ нужно было

быть у пулемета, сидѣли въ городѣ, пьянствовали, и накутивъ на 15 000 рублей, не заплатили, угрожая хозяину ресторана. Кромѣ того, занимались среди населенія открытымъ грабежомъ, чѣмъ подрывали авторитетъ всей Добровольческой Арміи.

Узнавъ объ этой исторіи, я откровенно говоря, ничуть этому не удивился, такъ какъ отъ двухъ подсудимыхъ всего этого можно было ожидать. Типы они крайне жуликоватые, безъ всякой совѣсти, отличавшіеся еще въ Ялтѣ, и не разъ сидѣвшіе уже тамъ на Гауптвахтѣ. Жаль только третьяго, вольноопредѣляющагося К., который навѣрно случайно попалъ въ эту компанію. Капитанъ Орловъ, командиръ 1-го батальона, подаетъ высшему начальству рапортъ о разжалованіи ихъ въ рядовые, и съ этимъ шагомъ вся наша рота вполнѣ согласна.

28 января

Ночью была тревога. Въ 1 часъ ночи вдругъ раздается команда «вставай!» Затѣмъ — «одѣвайся и бери всѣ три подсумки, 180 патроновъ», такъ какъ куда-то ѣдемъ по желѣзной дорогѣ. Вотъ тебѣ и на. Моментально, конечно, всѣ были на ногахъ, одѣлись и стали ждать. Такъ прождали часъ, когда новое распоряженіе: «Ложись спать, до распоряженія». Всѣ въ недоумѣніи, но разлеглись. Межъ тѣмъ во дворъ въѣхали откуда-то взявшіяся двѣ подводы, для погрузки пулеметовъ, а къ намъ явился изъ Штаба полка развѣдчикъ, посланный для связи.

9 часовъ утра

Встали, напились чаю. Всѣмъ роздали сало, что доказываетъ, что поѣздка не отмѣнена, хотя точно ровно никто ничего не знаетъ. Все еще находимся въ ожиданіи. Морозъ на улицѣ такой-же, зато свѣтитъ солнце.

10 часовъ вечера

Все еще въ Симферополѣ. Поѣздка наша видно затягивается. Какъ оказывается, насъ требуютъ для поддержанія мобилизаціи въ уѣздѣ. Увидимъ!

30 января

За третій и вчерашній день въ городѣ произошли два загадочныхъ убійства. Убиты нашего полка одинъ офицеръ и вольноопредѣляющійся. Первый въ 1 часъ ночи по дорогѣ домой, изъ-за угла разрывной пулей, а второй во время облавы, когда онъ стоялъ на часахъ обыскиваемаго дома. По поводу этихъ происшествій среди чиновъ мѣстнаго отряда большое волненіе, съ требованіемъ къ своему начальству болѣе энергичныхъ дѣйствій, даже разгона кадетскаго либеральничающаго Крымскаго Правительства г. Крыма.

31 января

Получены свѣдѣнія, что Кіевъ занятъ большевиками. Но это не бѣда. Пускай тамошніе рабочіе и крестьяне узнаютъ, что такое совѣтская власть. Авось тогда перестанутъ ругать Добровольческую Армію. Сегодня утромъ ходили на панихиду по убитому третьяго дня вольноопредѣляющемуся. Церковь небольшая, посреди въ цвѣтахъ гробъ съ убитымъ, тутъ-же родственники и сослуживцы — Добровольцы. Печальная картина, но что подѣлаешь. И глядя на все это, невольно приходитъ мысль, что для борьбы съ красными нужно поступать по большевистски, за одного нашего — десять ихъ. А не такъ, какъ поступаетъ наше Крымское Правительство, разводя Керенщину.

1 февраля

Сегодня раздавали жалованіе. Получили, конечно, всѣ, но прокъ былъ отъ этого только офицерамъ, такъ какъ имъ платили по 375 руб. Намъ же вольноперамъ отъ 30 руб. жалованія радости мало. Вдобавокъ у меня уже долгъ въ 40 руб. (это на починку моихъ ботинокъ), такъ что получать мнѣ ничего не пришлось.

Утромъ сегодня состоялись похороны убитаго на дняхъ вольноопредѣляющагося.

4 февраля

На днях была объявлена офицерская мобилизація. Это для той публики, которая при первой мобилизаціи не явилась. И сразу она дала себя почувствовать. Въ роту за день прибыло 10 человѣкъ и въ томъ числѣ 4 полковника. Послѣдніе все лысые старички, и я не понимаю, куда ихъ сунутъ. Неужели въ строй, какъ рядовыхъ?

6 февраля

12-го состоится призывъ родившихся въ 1897 году, и ввиду этого, какъ говорятъ, хотятъ переселить весь нашъ батальонъ въ другое, болѣе помѣстительное помѣщеніе. Сегодня панихида по поручикѣ А. Послѣдній, тоже старый Ялтинецъ, недѣли $1^1/_2$ тому назадъ только уѣхалъ въ Мелитополь въ какой-то партизанскій отрядъ и палъ нѣсколько дней спустя при взятіи партизанами села Спаское, чтобы принудить тамошнюю молодежь къ мобилизаціи. Жаль парня! Хотя онъ и былъ порядочный аферистъ, но хорошій товарищъ.

9 февраля

Мы ужъ развѣдчики, хотя живемъ пока еще въ старомъ помѣщеніи 5-ой роты. Но это не на долго. Скоро переберемся на собственное мѣсто.

10 февраля

Морозъ все продолжается. Идете по улицѣ, а подъ ногами хруститъ снѣгъ. Сегодня прибылъ изъ Ялты въ Симферополь кавалерійскій полкъ полковника Гершельмана. Весь онъ идетъ подъ Мелитополь. Также отправленъ вчера туда одинъ только что сдѣланный бронированный поѣздъ. Получены свѣдѣнія, что подъ Пришибомъ идутъ сильные бои съ красными.

11 февраля

Снѣгъ продолжаетъ валить. Для Симферополя это рѣдкая зима. Завтра начинается мобилизація солдатъ родившихся въ 1897 году. Увидимъ, какъ она пройдетъ. Многіе сомнѣваются въ ея успѣхѣ.

13 февраля

Съ вчерашняго дня живемъ уже на новомъ мѣстѣ, въ гостиницѣ «Версаль». Довольны всѣмъ, за исключеніемъ развѣ того, что въ номерахъ крайне холодно.

Сегодня я видѣлъ Пуришкевича. Онъ живетъ тоже въ «Версалѣ» и является въ общій залъ къ обѣду. Ходитъ онъ въ полу-генеральской формѣ, а обѣдаетъ даже въ турецкой фескѣ. Ну прямо похожъ на шута-гороховаго. Всѣ имъ восхищаются, но не я, такъ какъ считаю его взгляды довольно вздорными.

14 февраля

Разсказываютъ нѣкоторыя печальныя подробности о прошедшей мобилизаціи. Говорятъ, что за два дня вмѣсто 1700 человѣкъ явилось всего 24 человѣка, да и то все явно негодные. Здорово, нечего сказать! Много въ провалѣ виноваты мѣстные Профессіональные Союзы. Они постановили не подчиняться мобилизаціи. Ясно, что среди ихъ членовъ не мало чистыхъ большевиковъ. Скорѣй бы ихъ прикрыли и разогнали бы всю эту банду.

17 февраля

Почти весь день сидѣлъ дома. Въ городѣ все спокойно, за исключеніемъ одной исторіи, касающейся нашего полка. Въ нашемъ полку произошло нѣчто вродѣ возмущенія. Дѣло въ томъ, что видя, какъ ничего не дѣлаютъ старики-офицеры въ штабахъ, даже преступно попускаютъ явную пропаганду большевизма, 1-ый батальонъ во главѣ съ

капитаномъ Орловымъ предъявилъ командиру Черноморско-Азовской Арміи слѣдующее требованіе: 1. смѣщеніе всѣхъ этихъ стариковъ, изъ-за своей ветхости не способныхъ ни къ чему и только даромъ уничтожающихъ казенный хлѣбъ. 2. Уменьшеніе количества штабныхъ. 3. Смѣщеніе генерала Пархомова, какъ явнаго измѣнника, взяточника. 4. Увеличеніе жалованія вольноперамъ и т. д. Вообще, какъ видно, задумана была реформа необыкновенная. Нашъ батальонъ хотѣлъ сначала тоже къ этому присоединиться, но потомъ отчего-то предпочелъ выжидательную тактику. Ввиду этой исторіи вечеромъ генераломъ Боровскимъ было созвано собраніе всѣхъ офицеровъ, гдѣ онъ успокаивалъ всѣмъ нервы, но не обѣщалъ исполненія требованія. Генералъ Пархомовъ присутствовалъ тутъ-же, но держался позади.

20 февраля

Погода весенняя. Съ фронта приходятъ свѣдѣнія, что тамъ дѣла не особенно важны. Въ Донской Арміи казаки въ составѣ 10 полковъ перешли на сторону большевиковъ, а послѣдніе благодаря этому прорвали фронтъ. Въ виду этого нашимъ приходится отступать полнымъ ходомъ, и они идутъ уже далеко къ югу отъ Воронежа и Царицына. Ну и казаки! Такихъ измѣнниковъ мало разстрѣлять. Теперь и Крымскіе большевики начинаютъ подымать головы. На улицѣ то и дѣло встрѣчаешь злобные взгляды и шипѣніе черни. Получено приказаніе 1-му батальону готовиться завтра къ отправкѣ на фронтъ. Это еще въ наказаніе за прошедшее возмущеніе. Но видно и намъ не придется долго ждать. Да и пора! Какъ разъ время сцѣпиться съ красными бандитами.

21 февраля

Сегодня утромъ началась погрузка 1-го батальона. Говорятъ, что 2-ой батальонъ двинется дней черезъ шесть. Хорошо бы! Снова увидимъ позицію и знакомые виды войны. Въ городѣ все по старому, на улицахъ масса народу.

24 февраля

Тянетъ къ морю, къ свободной жизни, къ приключеніямъ. Хорошо бы имѣть теперь шхуну и разъѣзжать себѣ съ ней по морямъ, подрабатывая себѣ при перевозкахъ товара капиталецъ на черный день. Я знаю людей, которые сколотили себѣ такимъ образомъ цѣлое состояніе. Вѣдь шхуны цѣнятся теперь на вѣсъ золота.

27 февраля

Жизнь такая постепенно надоѣдаетъ, и тогда ужасно тянетъ въ даль. У меня съ Д. уже имѣются кое-какіе планы на будущее, и если они удадутся, то мы бросимъ всю эту гражданскую войну и начнемъ собственными силами дѣлать себѣ будущее, внѣ предѣловъ Россіи. Отъ безденежья и я принялся за «спекуляцію». Купилъ сукно за 134 руб. (20 арш.) и намѣреваюсь теперь продать его разъ въ 5 дороже. Увидимъ, что изъ этого выйдетъ. Сегодня весь день сидѣлъ дома, такъ какъ въ карманѣ ни гроша.

2 марта

Окончилъ мою спекуляцію и за все получилъ что-то около 300 рублей. Не дурно! Вѣдь купилъ за 134 рубли. На дняхъ ѣду съ Я.въ Севастополь, въ командировку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прогулку. Меня эта поѣздка очень и очень интересуетъ, такъ какъ Севастополя я почти совсѣмъ не знаю. Довольно оригинально проходитъ наша жизнь теперь въ командѣ. Что ни вечеръ, то пьянство. Всѣ главари во главѣ съ К. напиваются до чертиковъ и устраиваютъ затѣмъ подлинный «Bedlam». Я, конечно, съ Д. участія въ этомъ не принимаю и только съ удивленіемъ гадаемъ, откуда у тѣхъ такія деньги. Вѣдь они тратятъ ежедневно не менѣе 300 рублей на лицо, получаютъ между тѣмъ всего 375 руб. въ мѣсяцъ. Но Богъ съ ними, это ихъ дѣло!

Что касается фронта, то дѣла тамъ все ухудшаются. Въ особенности на Дону. Большевики идутъ. Иногда невольно думаешь, удрать бы заграницу, да и вонъ изъ этой гражданской войны. Но вѣдь, что-то въ тебѣ есть, что не пускаетъ, не разрѣшаетъ тебѣ сдѣлаться измѣнникомъ. Часто думаешь о Москвѣ. Что теперь съ родными? Иногда даже находитъ сомнѣніе, — увидишь ли вообще ихъ еще? Но прочь эти мысли. Будемъ бодро смотрѣть впередъ и надѣяться на лучшее.

3 марта

Сегодня въ газетахъ оригинальное сообщеніе. Крымское Краевое Правительство отмѣнило незадолго до этого выпущенный призывъ родившихся въ 1896 и 1898 гг. Это еще что такое? Могу ясно себѣ представить, что будутъ теперь говорить о насъ эс-деки. Смѣяться будутъ, испугались дескать. Вѣдь нельзя же показывать свою слабость. Нужны болѣе энергическія мѣры, безъ которыхъ никогда не будешь имѣть авторитета у народныхъ массъ. Большевики раскусили эту истину, и имъ везетъ.

6 марта

Въ сегодняшней газетѣ помѣщены все крайне непріятныя новости. Большевики въ Берлинѣ! а также и въ Херсонѣ. Везетъ бестіямъ. Да понятно почему. Ужъ очень наши и союзники долго обсуждаютъ. Наши болтаютъ, а тѣ дѣйствуютъ. Неужели и Крыму придется испытать второе нашествіе красныхъ? Прямо не вѣрится. Въ городѣ же и въ полку жизнь течетъ пока по старому. Уйма публики ежедневно высыпаетъ на улицу и спокойно прогуливается, грѣясь на солнышкѣ. Весна наступаетъ и она уже чувствуется въ воздухѣ.

8 марта

Весь сегодняшній день провели въ ожиданіи отправки на фронтъ. Но нѣтъ, дѣло будетъ не такъ скоро, всего только черезъ нѣсколько дней. Намъ, повидимому, придется ѣхать на Асканію-Нову Фальцъ-Фейна, ввиду слѣдующихъ обстоятельствъ. Въ Асканіи-Нова стоялъ эскадронъ кавалеріи полк. Гершельмана (который формировался вмѣстѣ съ нами въ Ялтѣ и недавно еще проходилъ черезъ Симферополь). Въ одинъ прекрасный день они, всего 60 человѣкъ, легли спать, оставивъ сторожить часовыхъ и дежурный взводъ. Наступила ночь. Все было тихо. Какъ вдругъ часовые сквозь темень замѣтили надвигающуюся на нихъ цѣпь непріятеля. Цѣпь уже была въ 50 шагахъ. Моментально была поднята тревога, которая разбудила спящихъ. Первыми выскочили навстрѣчу врагу дежурная часть во главѣ съ самимъ полковникомъ и еще 20 офицеровъ, но было уже поздно. Красные, пользуясь неожиданностью и перевѣсомъ силъ, перебили часть Гершельманскихъ кавалеристовъ, другая же успѣла удрать, не имѣя возможности забрать не только свои пожитки, но и убитыхъ, и раненыхъ. При этомъ былъ убитъ и самъ полковникъ Гершельманъ. Черезъ нѣсколько времени врагъ опять отошелъ, и наши имѣли возможность возвратиться на старое мѣсто и забрать убитыхъ и добитыхъ раненыхъ.

Да! Очень печально. Но сами виноваты. Быть на фронтѣ и лечь спать раздѣвшись. Слѣдующій разъ будутъ осторожнѣе. Проходя вчера вечеромъ мимо часовни на Екатерининской, я видѣлъ внутри три гроба. Это часть привезенныхъ убитыхъ. Но такія новости насъ нисколько не смущаютъ. Всѣ въ полнѣйшемъ смыслѣ слова рвутся впередъ. Я тоже радъ отправкѣ, такъ какъ это сидѣніе въ Симферополѣ ужъ очень надоѣло.

10 марта

Нашъ отъѣздъ, межъ тѣмъ, повидимому, отложенъ. Всѣ приготовленія и толки что-то заглохли. Передаютъ уже, что вмѣсто 2-го батальона на фронтъ пойдетъ 3-ій, который формируется въ Севастополѣ. Этотъ слухъ всѣхъ только злитъ, такъ какъ у всѣхъ насъ теперь только одна мечта скорѣй бы подраться съ большевиками. На фронтѣ дѣла пока все не улучшаются. Но это ничего. Во всякой войнѣ бываютъ свои удачи

и неудачи. Послѣдніе дни я опять очутился въ безденежномъ состояніи. Всѣ рессурсы подошли къ концу и я сижу безъ копья. А межъ тѣмъ нужно еще сходить въ баню. Но ничего, у кого нибудь займу эту пятерку.

11 марта

Атмосфера сгущается. На фронтѣ видно дѣла крайне плохи, да и въ тылу не лучше. Сегодня нашъ капитанъ собралъ насъ всѣхъ и объявилъ, что въ Севастополѣ рабочіе потребовали удаленія Добровольческой Арміи изъ Крыма и возстановленія Совѣтовъ; затѣмъ, что желѣзно-дорожники отказываются наотрѣзъ перевозить грузы и снаряженіе для Добровольческой Арміи. Ввиду этого, а также ввиду наступающей завтра второй годовщины Русской Революціи и возможности выступленія массъ, даны слѣдующія распоряженія: какъ только начнутся волненія, командѣ развѣдчиковъ, т. е. намъ, идти и охранять вокзалъ, гдѣ ждать прихода 5-ой роты, 6-ой же ротѣ двинуться въ тюрьму и разстрѣлять всѣхъ сидящихъ въ ней 400 арестованныхъ, послѣ чего идти на охрану Штаба. Услышавъ это, всѣ мы разбрелись по своимъ компатамъ, а въ видѣ приготовленія зарядили свои винтовки. Вечеромъ я еще ходилъ въ городъ. Пока все тихо, хотя кое-гдѣ пострѣливаютъ. Жуткое время, чувствуется, что стоишь передъ грозой. Но ничего, больше только единенія и довѣрія другъ къ другу. Тогда намъ всѣ эти выступленія е страшны.

12 марта.

Прекрасный солнечный день. Сегодня вторая годовщина Русской Революціи. Магазины ввиду этого всѣ закрыты, хотя баня — нѣтъ. Былъ въ городѣ. Все тихо. Хотя чувствуется что-то роковое. Видѣлъ двухъ матросовъ въ формѣ, но безъ погонъ, первый предвѣстникъ наступающей грозы. Передаютъ, что въ желѣзно-дорожномъ депо сегодня митингъ рабочихъ и, конечно, будутъ говорить большевики. Я удивляюсь только, почему наше командованіе смотритъ на все это такъ сквозь пальцы. На улицѣ встрѣтилъ сегодня одного знакомаго господина, только что пріѣхавшаго изъ Верхняго Токмака. Говоритъ, что дѣла тамъ совсѣмъ schwach. Наши отступаютъ, большевики ихъ преслѣдуютъ и взяли уже Пришибъ и Феодоровку. Мелитополь эвакуируется. Бѣда да и только. Неужели дѣло дойдетъ до того, что наши не смогутъ сдержать напоръ красныхъ на Крымъ. Что жъ спятъ союзники? Неужели они будутъ ждать, пока насъ всѣхъ здѣсь перерѣжутъ? Но нѣтъ, — этому не вѣрится. Они вѣдь все-таки наши союзники. Сволочи! Но въ городѣ пока ничего, хотя кое-гдѣ и появляются на заборахъ большевистскія прокламаціи. Настроеніе у всѣхъ взвинченное. Держу у себя въ компатѣ винтовку заряженной. Если что случится, намъ придется навѣрное драться первымъ, такъ какъ стоимъ мы въ демократическомъ районѣ подлѣ желѣзной дороги и всего на все насчитываемъ 15 человѣкъ.

13 марта

Сегодня я дневальный. На дворѣ прелестнѣйшая погода. Тепло, солнце, а я долженъ торчать въ компатѣ. Чертовски! Ночь прошла, слава Богу, спокойно. Сейчасъ пришелъ изъ Штаба, изъ караула Васька-Хорекъ и принесъ извѣстіе, что нашими оставленъ Мелитополь, а также что Добровольческія войска отходятъ къ Бердянску.

14 марта

Сегодня получили предписаніе готовиться. Завтра выступаемъ на фронтъ, навстрѣчу краснымъ. Ввиду этого повсюду, какъ и у насъ, такъ и въ ротахъ, закипѣли приготовленія. Ѣдемъ, какъ передаютъ, на Перекопъ.

Съ фронта извѣстія какъ будто немного лучшія. Пришибъ будто бы взятъ опять нашими обратно, и генералъ Шкуро, зайдя въ тылъ большевикамъ, занялъ Синельниково.

На фронтѣ подъ Перекопомъ

Первые бои

15 марта

Наконецъ-то сегодня мы выѣхали. Погрузились и при прелестнѣйшей погодѣ, въ 4 часа дня, отбыли воинскимъ эшелономъ на Джанкой. Ужъ заранѣе многіе на послѣдокъ напились, и теперь мчась въ поѣздѣ, на площадкахъ отплясывали разные казачки. Другіе горланили пѣсни, такъ что со стороны картина казалась довольно странною. Въ Джанкой прибыли уже, когда стемнѣло.

16 марта

Должны были прибыть назначенныя повозки и везти батальонъ дальше къ Перекопу. Мы же развѣдчики вмѣстѣ съ командиромъ полка, полковникомъ Муриловымъ, тронулись въ путь часомъ раньше. Первую часть дороги везли насъ колонисты — нѣмцы, причемъ на такихъ прекрасныхъ и холеныхъ лошадяхъ, которыхъ я уже давно не видѣлъ. Ѣхали скоро, и виды мѣнялись безпрерывно. Пошли разныя деревни, затѣмъ колоніи Богемка, Абаклы. Въ послѣдней былъ сдѣланъ привалъ. Хозяева — нѣмцы приняли насъ, какъ родныхъ, и угостили, чѣмъ могли.

Получивъ отъ командира батальона капитана Гаттенбергера пакетъ съ донесеніемъ командиру полка, мы должны были сейчасъ же ѣхать дальше.

17 марта

Вчера думали встать сегодня въ 5 часовъ, но вмѣсто этого встали только въ 8. Попили чайку и сейчасъ-же покатили дальше. Вѣтеръ все тотъ-же, прямо ураганный Нордъ-Остъ, пронизываетъ насквозь. Ну и мѣстность тутъ! Голая степь да и только. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, показались соляныя озера, признакъ, что мы уже въѣзжаемъ на перешеекъ. Но намъ было не до красотъ природы. Холодъ и вѣтеръ насъ окончательно измучилъ.

Еще 4 версты голой, степной ѣзды, и мы въ уѣздномъ городѣ Перекопѣ. Ну и городъ же! Видѣлъ я разные города, но такого какъ Перекопъ ни разу. Въ сравненіи съ нимъ Джанкой прелесть. Вѣдь этотъ прямо большая деревня, вдобавокъ покинутая населеніемъ и полуразрушенная.

19 марта

Погода все теплѣетъ. Сегодня уже гуляю безъ шинели. Съ ранняго утра обѣ роты, 5-ая и 6-ая, ушли на работу по рытью окоповъ. Вообще оказывается этотъ районъ, какъ это ни странно, до сихъ поръ все еще не укрѣпленъ, и работы хватитъ надолго. Межъ тѣмъ по послѣднимъ свѣдѣніямъ большевики все ближе и ближе продвигаются, заняли Ново-Алексѣевку и прутъ теперь прямо на перешеекъ. Скоро навѣрное и мы ихъ почувствуемъ. Впереди въ сторону непріятеля, лежитъ одно изъ имѣній Фальцъ-Фейна — Преображенское, куда мы развѣдчики на дняхъ и переѣзжаемъ, а еще дальше, уже на большевистской сторонѣ, село Чаплынка. Послѣднее съ населеніемъ минимумъ въ 10 000 человѣкъ, и представляетъ изъ себя главный центръ и опорный пунктъ мѣстныхъ бунтарскихъ элементовъ. Часто Чаплыновцы дѣлаютъ на Добровольцевъ набѣги, но до сихъ поръ ихъ отбивали успѣшно. Наиželаннѣйшая мечта всѣхъ насъ собраться поскорѣе съ силами, окружить все это чортово гнѣздо, послѣ чего сжечь до тла, истребивъ все хулиганье. Но пока объ этомъ мы только можемъ мечтать. Наши силы еще черезъ-чуръ слабы, дай Богъ, если наберется человѣкъ 200. Вчера, напримѣръ, Чаплыновцы выѣхали впередъ и забрали у нашихъ, ѣхавшихъ въ Преображенку, 19 воловъ съ телѣгами. Это только доказываетъ, что противникъ не дремлетъ и приходится слѣдить за нимъ зорко.

Послѣ всѣхъ разсказовъ въ Симферополѣ, попавъ сюда, удивляешься только одному. Вѣдь этотъ районъ перешейка крайне важенъ для обороны Крыма, почему же здѣсь такъ мало силъ? Почему тылъ не даетъ больше людей? Тамъ вѣдь штабовъ разныхъ несуществующихъ полковъ до чорта. Собрали бы всю эту компанію и отправили бы сюда на пополненіе въ нашъ 1-ый Симферопольскій Офицерскій полкъ. Увѣренъ, что набралось бы сразу нѣсколько тысячъ вполнѣ годныхъ бойцовъ, что уже дастъ изъ себя

хорошую силу. Но нѣтъ, на такую реформу мало надеждъ! Сначала Европейская, а затѣмъ гражданская война еще мало научила русское высшее начальство, и не вѣрится мнѣ, что бы всѣ эти тыловые офицеры покинули бы свои насиженныя мѣста. Патріотизма у такихъ людей никакого, только единственно это свой шкурный вопросъ.

Что касается нашего положенія въ Перекопѣ, то мы постепенно оживляемся и приспособляемся. Нашли себѣ своего рода Перекопскую «Чашку Чая», чайную десятого разряда съ кривымъ биллiардомъ, гдѣ и проводимъ весь день. Кромѣ этого «увеселительнаго» заведенія, Перекопъ еще богатъ одной чебуречней, которую держитъ какой-то Крымскій армянинъ, гдѣ за 8 руб. можно получить прекрасныхъ, горячихъ чебурекъ. Сегодня въ нашъ полкъ прибыло одно небольшое пополненіе изъ Феодосіи, 17 человѣкъ и нѣсколько человѣкъ были откомандированы въ нашу команду. Затѣмъ, у нашего командира полка начались нелады съ начальникомъ мѣстнаго отряда, тоже полковникомъ. Нашъ не хочетъ признать его верховенство, ввиду своего старшинства въ годахъ и количества людей части, а тотъ его, ввиду продолжительности своей службы на фронтѣ. Ввиду всего этого, полковникъ Муриловъ, шлетъ теперь прошеніе за прошеніемъ къ Начальству, съ просьбой прислать сюда хоть какого нибудь генерала, дабы онъ былъ какъ бы общимъ начальствомъ. Интересно, чѣмъ это все кончится. Адъютантъ шт.-кап. А. выѣхалъ сегодня въ Джанкой, гдѣ будетъ возбуждать этотъ вопрсъ.

20 марта

Погода опять ухудшается, пошла слякоть. Сегодня наша развѣдка съ утра уѣхала въ имѣніе Преображенку и пріѣхала обратно въ восхищеніи. Ввиду этого уже завтра съ утра вся наша команда, а также 5-ая рота перебирается туда. Сегодня передавали, что безслѣдно пропали 1 артиллеристъ офицеръ и вольноопредѣляющійся. Они оба выѣхали верхомъ впередъ и навѣрное попали въ руки большевистскимъ разъѣздамъ. Пропалъ также и управляющій Преображенки. Но къ вечеру послѣдній вернулся обратно невредимымъ, такъ что возникаетъ подозрѣніе, ужъ не играетъ ли онъ «нашимъ и вашимъ». За нимъ установили негласный надзоръ. Сегодняшнія вѣсти съ фронта не лучше вчерашнихъ. Въ Мелитопольскомъ районѣ, всѣ наши силы куда-то растаяли, и задерживаетъ наступленіе генералъ Шиллингъ только съ помощью 1-го батальона нашего полка и небольшой горсти другихъ войскъ. Особенно плохо показали себя гвардейцы, которые «драпанули» скорѣй всѣхъ. Гвардейцы, это 1-ый Сводно-Гвардейскій полкъ съ батальонами, носящими названіе старыхъ гвардейскихъ — Преображенскаго, Семеновскаго и т. д. полковъ. Люди въ немъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ офицеровъ, самаго разнообразнаго пошиба никогда не бывшіе гвардейцами, и конечно ввиду этого далеко не первоклассны.

Къ вечеру уже передавали, что наши конные разъѣзды, въ 7-ми верстахъ отъ Преображенки, наткнулись на большевиковъ, послѣ чего произошла короткая перестрѣлка. Такъ что держись. Видно, скоро будетъ горячо и у насъ. Вѣдь противникъ почти совсѣмъ у Сиваша.

21 марта

Съ самаго утра мы сегодня двинулись изъ Перекопа въ имѣніе Преображенку и сразу же попали въ дѣло. Въ общемъ началось оно такъ. Послѣ 7-верстнаго перехода изъ Перекопа по солончаковымъ полямъ, мы къ часу дня прибыли въ Преображенку. Какъ разъ при нашемъ прибытіи собиралась одна экспедиція на большевиковъ. Весь дворъ барскаго дома былъ заполненъ всадниками, что необыкновенно напоминало мнѣ про прочитанные романы о ковбояхъ, готовящихся къ налету на краснокожихъ. Мы рѣшили присоединиться, наскоро пообѣдали, зарядили наши Винчестора и ай-да въ путь. Всего насъ было-человѣкъ 18, такъ называемаго, Священнаго отряда, 12 человѣкъ насъ разнѣдчиковъ и 25 кавалеристовъ. Размѣстившись въ 6 подводахъ, мы тронулись въ путь и скоро потеряли Преображенку изъ виду. Нужно было проѣхать верстъ 8 по голой солончаковой мѣстности, послѣ чего вдали показался небольшой хуторокъ. Этотъ хуторъ Симона

какъ разъ и была наша цѣль, въ немъ находились красные. Его нужно было окружить, и, если можно, всѣхъ засѣвшихъ перестрѣлять. Какъ было извѣстно, командовалъ большевиками нѣкто Таранъ, бывшій царскій офицеръ, а теперь «Начальникъ карательной экспедиціи противъ бѣлогвардейцевъ», человѣкъ, по словамъ очевидцевъ, отчаянный. Итакъ подъѣхали къ этому хутору на разстояніи 2-хъ верстъ, всѣ слѣзли съ повозокъ и пошли дальше уже пѣшкомъ. Справа наша конница, которая спѣшилась, въ центрѣ мы, а слѣва такъ называемые священники или крестики, какъ ихъ звали за бѣлые кресты на рукавахъ. Началась перестрѣлка. У хутора появились темныя фигуры непріятеля, крывшія по насъ бѣглымъ огнемъ. Пройдя съ версту, мы залегли и стали отвѣчать. Открыли огонь также и наши пулеметы. Съ характернымъ свистомъ неслись намъ навстрѣчу пули противника и врывались вправо и влѣво въ землю. Но ничего. Опять мы поднялись и пошли дальше впередъ. Я лично рѣдко открывалъ огонь, такъ какъ изъ-за далекаго разстоянія трудно было попасть. Наступило время нашей конницѣ садиться на коней и заѣзжать справа и слѣва, дабы зайти непріятелю въ тылъ. Но большевики этого рѣшили не выжидать и начали удирать. Стрѣльба съ ихъ стороны стихла, видно было, какъ они бѣжали къ дому, послѣ чего за хуторомъ заамелькали кони, повозки, — и только мы ихъ и видѣли. Не довѣряясь сначала всѣмъ этимъ фокусамъ и опасаясь засады, мы продолжали идти дальше все тѣмъ же ровнымъ шагомъ. Межъ тѣмъ конница наша успѣла обскакать хуторъ; изъ одного окна ей начали махать бѣлымъ флажкомъ. Они подъѣхали ближе и увидѣли, что это махаютъ жители хутора. Противникъ окончательно удралъ. Въ полъ-верстѣ, не доходя до хутора, мы наткнулись на трупъ одного большевика (онъ лежалъ какъ разъ противъ меня, такъ что можетъ быть пуля, сдѣлавшая ему «garaus», была моя). Пуля угодила ему въ затылокъ, во время бѣгства, и вышла на лбу навылетъ. Потомъ въ сараѣ хутора былъ найденъ еще одинъ убитый. Оказывается, по словамъ хуторянъ, большевиковъ было человѣкъ 75. Но они струсили, такъ какъ если бы они упорно держались, могли бы при своемъ количествѣ держаться часами и постепенно перестрѣлять насъ всѣхъ. Съ нашей стороны мы понесли тоже одну потерю. У Священниковъ былъ убитъ одинъ вольноопредѣляющійся, еще гимназистъ, 3 недѣли тому назадъ записавшійся въ Добровольческую Армію. Отдохнувъ немного, мы выгнали изъ хутора всѣхъ находящихся тамъ лошадей, штукъ 100, не менѣе, и сѣвъ на подводы, покатили обратно въ Преображенку, куда вернулись уже въ темнотѣ здорово уставшими послѣ перваго знакомства съ врагомъ.

22 марта

Послѣ вчерашней стычки спалъ всю ночь плохо. Сонъ съ меня какъ-то шелъ, и я долго еще лежалъ съ открытыми глазами. На утро всталъ въ 8 часовъ и пошелъ бродить по экономіи. Ну и имѣніе! Посреди всей этой голой солончаковой степи, оно выдѣляется прямо, какъ оазисъ. Вдобавокъ образцовое устройство, масса каменныхъ службъ, домовъ, повсюду проведено электричество. Въ центрѣ экономіи, подлѣ большого парка съ разнаго рода фонтанами и гротами, возвышаются два шикарныхъ въ германскомъ средневѣковомъ стилѣ зданія съ башнями, открывающими далекій видъ въ степь. Одинъ изъ нихъ барскій, а другой для гостей съ массой комнатъ. Въ послѣднемъ зданіи размѣстили 5-ую роту, въ первое же никого, такъ какъ послѣ того, какъ нѣкоторое время тому назадъ «священники» украли изъ него двѣ драгоцѣнныя картины, входъ постороннимъ воспрещенъ. Мы сами развѣдчики размѣстились въ конторѣ, въ небольшомъ домикѣ, и занимаемъ здѣсь 2 комнаты. Вдобавокъ и кормятъ же здѣсь, — одно объѣденіе! Утромъ въ 8 ч. кофе, холодная закуска изъ баранины, въ 12 обѣдъ — жирный борщъ и баранина съ голубцами, а въ 7 часовъ вечера ужинъ и опять изъ 2-хъ блюдъ. И все это ровно за 5 рублей. Недурно! Мы очень довольны и даже изъ-за этого думаемъ держаться въ экономіи до послѣдняго.

Сегодня все спокойно. Утромъ ходили всей командой за 6 верстъ впередъ, за сѣномъ, почти до деревни Капрки, но никакого противника не встрѣтили. Вчера мы получили въ команду пулеметъ Lewis, прелестную штучку, большую подмогу въ дѣлѣ. Пока отдыхаемъ, такъ какъ на ночь навѣрно мнѣ придется идти въ заставу.

Бой подъ Преображенкой

23 марта. 10 часовъ утра

Вчера вечеромъ было получено свѣдѣніе, что въ селеніяхъ Коланчакѣ, Чаплинкѣ и Чакракѣ замѣчено большое скопленіе большевистскихъ силъ. Стало всѣмъ ясно, что приближается рѣшительная для Крыма минута, и вставалъ единственный вопросъ, — только бы сдержать и не впустить врага. Ввиду этихъ свѣдѣній сюда въ Преображенку рѣшили двинуть изъ Перекопа полъ 6-ой роты подъ командой самого батальоннаго командира капитана Гаттенбергера. Другая же полу-рота должна была быть направлена въ какое-то другое мѣсто. Кромѣ того передавали, что въ Джанкой ужъ прибылъ нашъ 1-ый батальонъ, а въ Воейку Крымскій конный полкъ. Если дѣйствительно все это явится во время, то для насъ это будетъ большой подмогой. Ввиду критическаго положенія, намъ развѣдчикамъ врученъ теперь тоже одинъ сторожевой постъ, передъ имѣніемъ, у прудка по дорогѣ на Чаплинку и Каланчакъ. Постъ очень отвѣтственный, такъ какъ скорѣй всего отсюда можно было ожидать появленія красныхъ. Въ эту ночь пришлось и мнѣ дежурить, вдобавокъ въ паршивое время, съ 1 часу ночи до разсвѣта. Со мной находились еще два офицера и пулеметъ Lewis. Была ужаснѣйшая темь, и завывалъ сильный вѣтеръ, что вмѣстѣ дѣлало совсѣмъ невозможнымъ что-либо видѣть или слышать. Пулеметъ мы разставили сбоку на дорогѣ, а сами прохаживались около, держа Винчестеры на-готовѣ. Было жутко, такъ какъ ежеминутно можно было ожидать появленіе врага. Но не бѣда! Зорко мы напрягали наше зрѣніе въ темноту, слѣдя за каждымъ шумомъ и подозрительнымъ шелестомъ. Время тянулось крайне медленно, и если бы не бой часовъ на башнѣ барскаго дома, было бы прямо чертовски. Этотъ мелодичный бой хоть давалъ намъ знать сколько часовъ еще до разсвѣта. Но вотъ ночь стала проходить, начало свѣтать и насъ пришли смѣнить.

Слава Богу! Караулъ окончился. Уставшіе мы побрели домой, дабы лечь спать и, какъ слѣдуетъ, отдохнуть.

12 часовъ ночи

Проспали мы дома недолго, всего до завтрака, до 9 ч. утра. Потомъ напились кофе и съѣли обычную холодную баранину, послѣ чего я рѣшилъ воспользоваться случаемъ и взять ванну. Здѣсь такая была, вдобавокъ съ горячей водой. Налилъ себѣ воды, взялъ все необходимое бѣлье и только было хотѣлъ начать раздѣваться, какъ вдругъ вбѣгаютъ въ наше помѣщеніе бабы и взволнованно вопятъ, что на горизонтѣ какія-то цѣпи, масса людей, не большевики ли это? Бросивъ все, я выскочилъ на крыльцо и правда со стороны Чаплинки, разсыпавшись цѣпью далеко вправо и влѣво, наступалъ на Преображенку непріятель. Началась спѣшка. Моментально были надѣты шинели, патронташи, схвачены винтовки и мы вышли, наружу. Кто-то вытащилъ и Lewis. Между тѣмъ была предупреждена и 5-ая рота, видно было, что и у нихъ засуетились. Не ожидая ихъ, мы 10 развѣдчиковъ (другіе уѣхали раньше въ Перекопъ), двинулись впередъ за прудокъ къ ровку, гдѣ и засѣли. Небо заволокло и полилъ дождь. Отсюда было ясно видно все, что творится впереди насъ. Большевиковъ было до чорта, минимумъ человѣкъ 300, вдобавокъ съ нѣкоторымъ числомъ конницы. Позади этой группы виднѣлись подъѣзжающія на тачанкахъ еще новыя силы. Теперь подошла къ намъ и 5-ая рота и заняла нашъ правый флангъ. Ихъ было всего человѣкъ 50, что вмѣстѣ съ нами составляло 60. Ожидаемаго подкрѣпленія въ видѣ половины 6-ой роты, какъ и можно было ожидать, такъ и не прислали. Но дѣло становится интереснымъ. Смотрю опять впередъ. Теперь непріятельскія цѣпи видны еще яснѣе, но все еще на разстояніи 2-хъ верстъ. Прекрасно видно, какъ муравьино-подобно они двигаются и даже перекликаются. Среди нихъ шныряютъ всадники, навѣрное красное начальство. У всѣхъ у насъ винтовки уже давно на готовѣ, но цѣль наша подпустить большевиковъ поближе и затѣмъ открыть огонь. Вдругъ «бумъ» и «бахъ»! Что это? Непріятель пустилъ въ ходъ свою артиллерію. Пустилъ было снаряда два по правому нашему флангу, а затѣмъ перешелъ гвоздить по барскому дому. Рѣшили мы тутъ пустить въ ходъ нашъ Lewis, но онъ оказался испорченнымъ (мы до сихъ поръ ни разу не пробовали, такъ какъ получили его всего дня 2 тому назадъ).

Къ чорту его! и кто-то потащилъ его въ тылъ. Дождь межъ тѣмъ не перестаетъ лить, и мы уже сидимъ въ липкой грязи. Но объ отходѣ никто не помышляетъ, дисциплина насъ спаяла, и мы готовы умереть, но не отойти. Но тутъ случилось нѣчто, что сбило насъ совершенно съ толку. Вдругъ 5-ая рота совершенно неожиданно стала подыматься и уходить въ тылъ. Это что такое? Почему они уходятъ? Можетъ быть, показались и въ тылу красные? Ничего не понимаешь! Но Богъ съ ними! Не смотря на это, всѣ 10 человѣкъ остаемся на мѣстѣ въ ожиданіи противника. А большевики уже на разстояніи 1 версты. «Приготовься, огонь!» командуетъ шт. кап. А., нашъ глава, и мы даемъ залпъ, затѣмъ второй, третій . . . Затѣмъ прекращаемъ стрѣльбу. Патроновъ у насъ не особенно много, такъ что приходится ихъ беречь. Большевистская цѣпь, залегшая было, опять поднялась. Тутъ мы даемъ опять залпъ. Цѣпь ихъ опять ложится; видно, какъ одинъ всадникъ ихъ валится съ лошади. Онъ получилъ свое по заслугамъ. Въ этотъ моментъ вся картина боя у насъ какъ на ладони. Грубо считая, видимъ, что на каждаго изъ насъ развѣдчиковъ приходится по 30 человѣкъ непріятеля. Центръ ихъ цѣпи мы задерживаемъ, но фланги? Они заходятъ и имѣютъ явное намѣреніе насъ окружить. Положеніе аховое. Но что подѣлаешь? До выясненія исторіи съ 5-ой ротой нужно держаться. Настроеніе мое крайне жуткое. Ясно сознаешь, что если будешь тутъ долго еще сидѣть, твоя гибель неминуема. Но дисциплина и солидарность къ коллегамъ не даютъ права покинуть своего поста. Вдобавокъ стыдишься, — какой позоръ уйти, бросивъ своихъ на произволъ судьбы. Вѣдь въ эту минуту каждый человѣкъ дорогъ. Невольно сую руку въ карманъ брюкъ. Тутъ мой Смитъ-Вессонъ. Рѣшаюсь въ случаѣ гибели выстрѣлить въ непріятеля всѣ патроны, а послѣдній пустить себѣ въ високъ. Хорошо знаю, что значитъ попасть этимъ мародерамъ въ руки. Съ живого шкуру сдерутъ. Смотрю на товарищей справа и слѣва. У всѣхъ лица серьезныя, но ни у кого нѣтъ мысли удрать. Всѣ съ довѣріемъ смотрятъ на шт.-кап. А., въ увѣренности, что этотъ понапрасну не погубитъ ихъ жизнь.

Вдругъ позади насъ голосъ. Оборачиваемся. На опушкѣ рощи виденъ всадникъ, нашъ, махающій намъ рукой и кричащій, чтобы мы отходили за имѣніе. Нечего дѣлать. Положеніе этого требуетъ. Забираемъ послѣдніе патроны, выжидаемъ удобнаго момента и скорѣе назадъ къ дому. Но большевики это сразу замѣтили и начали обстрѣливать насъ съ трехъ сторонъ. Но выхода другого не было. Нужно было продолжать отходъ. Я лично еле шелъ, и хотя кап. А. и командовалъ «скорѣй!» «скорѣй!», — не могъ прибавить шагу. На каждой ногѣ у меня висѣло по пуду липкой грязи, вдобавокъ я взвалилъ на себя еще ящикъ съ патронами . . . Куда тутъ до скорѣй! хорошо еще, что вообще двигался. Прошли мимо нашего жилья, хотѣли было зайти и забрать вещи, но чортъ съ ними, не до нихъ было и, минуя барскій домъ, углубились въ паркъ. По парку бьетъ артиллерія, но это не страшно. Тутъ мы въ относительной безопасности, деревья насъ скрываютъ отъ взоровъ врага. Но впередъ! Садъ наконецъ за нами, и мы опять въ полѣ, но ужъ съ другой стороны Преображенки. Тутъ мы опять увидѣли 5-ую роту, она продолжала отступать, держа направленіе на Перекопъ. Разсыпались мы цѣпью и пошли за ней. На разстояніи версты отъ Преображенки рота остановилась, залегла и принялась окапываться. Мы подошли къ ней и опять залегли на лѣвомъ флангѣ. Настроеніе уже чертовское. Со злобой смотримъ на «удравшую» роту. Въ чемъ же дѣло? Оказалось, что «сдрефилъ» самъ командиръ роты кап. Ал., по его словамъ, «боясь погубить понапрасну столько людей». Но почему же онъ раньше объ этомъ насъ не предупредилъ? Видъ у него совершенно растерянный, сразу было видно, что человѣкъ совершенно обалдѣлъ и не знаетъ, что предпринять. Онъ даже дошелъ до того, что сталъ спрашивать совѣтовъ у своей роты. И такому даютъ командовать ротой! Но ужъ ничего не подѣлаешь. Всѣ мы залегли и ждемъ, что будетъ дальше. Большевики, повидимому, еще не совсѣмъ заняли имѣніе, такъ какъ на окраинѣ ихъ еще не видно. Передаютъ, что изъ Перекопа выслано покрѣпленіе. Видно, хотятъ взять обратно Преображенку, что куда труднѣе, чѣмъ держать ее. Но вотъ они, — наши враги. Они выходятъ изъ селенія и двигаются въ нашу сторону. Даемъ общій залпъ, и они ложатся. Но такъ лежать тоже не дѣло, нужно что нибудь предпринять. Тогда мы развѣдчики рѣшаемся

на слѣдующее. Подымаемся и съ пѣніемъ Добровольческой пѣсни «Маршъ впередъ, друзья, въ походъ . . .» идемъ на противника. Красные моментально открываютъ по насъ огонь, но счастье съ нами, и пули жужжатъ мимо, никого не задѣвая. Замѣтивъ влѣво непріятельскую кавалерію, становимся плотнѣе, одѣваемъ на ружья штыки и сами открываемъ огонь. Отъ такой встрѣчи ихъ кавалерія поспѣшно ретируется. Но что это опять такое? Оглянувшись назадъ, видимъ, что 5-ая рота подымается и вмѣсто поддержки насъ, продолжаетъ отходъ въ тылъ. Теперь наше предпріятіе взять Преображенку общей атакой безцѣльно. Поворачиваемъ и идемъ не спѣша ротѣ вслѣдъ. Интересно отмѣтить, что отходимъ мы во весь ростъ, какой смѣхъ подымается на того, кто начинаетъ сгибаться или «кланяться» пулямъ.

Теперь мы уже въ 2-хъ верстахъ отъ Преображенки, вдобавокъ въ котловинѣ, откуда крайне плохо виденъ непріятель. Но кап. Ал. отчего-то останавливаетъ тутъ 5-ую роту. Нашъ кап. Ан. идетъ къ нему, но скоро возвращается, не добившись ничего. Отъ нечего дѣлать ложимся тоже и, повернувшись лицомъ къ солнцу (дождь пересталъ), отдыхаемъ. Уже 2 часа дня, и становится прохладно. Наконецъ-то показывается по дорогѣ отъ Перекопа наше долгожданное подкрѣпленіе. Оно движется на подводахъ вправо, видимо намѣреваясь заѣхать краснымъ справа въ тылъ. Но большевики все это хорошо видятъ и открываютъ по нимъ артиллерійскій огонь. Въ это время выѣхала изъ Перекопа и наша артиллерія (но Боже мой, какъ поздно) и принимается громить большевиковъ. Но лично намъ въ такомъ положеніи оставаться нельзя. Намъ вѣдь совершенно не видно, что творится влѣво. Лѣвѣе видны двѣ сопки-кургана. Идемъ къ нимъ. Тутъ мѣстность становится выше, и мы для противника появляемся все болѣе и болѣе на виду. Сразу же съ ихъ стороны заработалъ пулеметъ. Но плевать на это! То ложась, то опять подымаясь, мы продолжаемъ нашъ путь. Еще немножко и мы сидимъ за курганами. Ложимся и чувствуемъ себя на седьмомъ небѣ, въ полной безопасности. Отсюда хорошо видно, что творится и вправо. Видно, какъ наше подкрѣпленіе подходитъ все ближе и ближе и, наконецъ, вливается на правый флангъ 5-ой роты. Какъ красиво отсюда! Впереди насъ, какъ оазисъ, Преображенка, сзади бѣлая башня Перекопской церкви, вправо далеко Сивашъ, а влѣво совсѣмъ около, такъ называемый, Приморскій Садъ и Черное море.

Вдругъ наше вниманіе привлекаетъ такая картина. Отъ Сада въ нашу сторону движется группа людей и 2 верблюда. Оказывается, что это наша лѣвая застава, сидѣвшая было въ Приморскомъ Саду, теперь притащила намъ на помощь пулеметъ. Беремъ его на курганъ и открываемъ бѣглый огонь. Трескъ стоитъ ужасный, мы еле разбираемъ свои слова, но верблюды на все это пуль вниманія. Они спокойно стоятъ, что-то жуютъ и, не смотря на свистъ пуль, блаженно смотрятъ черезъ Преображенку въ направленіи своей родной Асканіи-Новы. Начинаетъ темнѣть. Передъ ночью рѣшаемся еще на послѣднее. Подымаемся всѣ 15 (къ намъ присоединились нѣкоторые изъ 5-ой роты) и идемъ влѣво въ обходъ Преображенки. Мы увѣрены, что въ центрѣ жметъ 5-ая рота и справа забираетъ наше подкрѣпленіе. Но для успокоенія совѣсти все-таки шлемъ двухъ къ ротамъ узнать, въ чемъ дѣло. Вообще нужно сказать, что связь у насъ была поставлена отвратительно. Но ужъ вечеръ, трудно что различать, мы останавливаемся и до возвращенія гонцовъ возвращаемся на курганы, откуда не перестаетъ для поддержки шпарить нашъ пулеметъ. Но вотъ возвращаются посланные для связи и передаютъ, что вся 5-ая рота въ полнѣйшемъ безпорядкѣ отходитъ, даже не забирая раненыхъ. Какой стыдъ и срамъ! Подымаемся и мы и слѣдуемъ имъ вслѣдъ. Настала ночь. Въ темнотѣ одни мы держимъ путь на Перекопъ. Изъ за темноты еле видимъ дорогу, поминутно вязнемъ въ грязи и натыкаемся на ямы. Но вотъ мы доползли до цѣли. Спокойно мы входимъ въ Перекопъ, никто насъ не окликаетъ (а вѣдь также на мѣстѣ насъ могли зайти и красные) и расходимся по халупамъ. Мы злы, но не унываемъ. Бой проигранъ, вещи пропали, но мы надѣемся на лучшее и скорый реваншъ.

Фронтовая жизнь въ Перекопѣ

24 марта

Всю ночь спали, какъ убитые. На утро стали перебираться на новое мѣсто жительства — на почту, гдѣ и размѣстились. Перекопъ теперь, что касается мирнаго населенія,

окончательно вымеръ. Все удрало, включая чебурешню и «Чашку Чая». Бѣгство жителей носило такой характеръ, что они даже оставляли куръ и поросятъ, которыхъ мы за то теперь ловили и жарили. Такова ужъ война! Узнали сегодня нѣкоторыя подробности о 5-ой ротѣ. Въ ней оказались убитыми подполковникъ Севрюковъ (ялтинецъ) и прап. Шапаръ-Головинецъ. Послѣдній былъ, вѣрнѣе сказать, раненъ въ руку и ногу и оставленъ на полѣ, но что онъ пропалъ, это неоспоримо. Жаль очень этихъ людей. Я ихъ хорошо зналъ, а съ подполковникомъ Севрюковымъ не разъ спдѣлъ за стаканомъ кофе въ Симферопольской «Чашкѣ Чая». Онъ былъ человѣкъ прекрасной души и рѣдкой доброты.

25 марта

Съ утра уже на ногахъ. Приходится много бѣгать, исполняя разныя порученія. Послѣ обѣда вмѣстѣ съ командиромъ полка въ видѣ эскорта ходили впередъ къ курганчику 7,1. Здѣсь выстроилась батарея, въ которой служилъ Миша Доброволецъ и вообще все ялтинцы, и рѣдкимъ огнемъ стрѣляла по району противника. Большевики сегодня не двигались, видно отдыхали послѣ вчерашнихъ напряженій. Идя обратно, командиръ полка началъ дѣлиться съ нами своими взглядами на будущее Его цѣль предпринять на дняхъ контръ-наступленіе и, окруживъ Преображенку со всѣхъ сторонъ, забрать ее со всѣмъ краснымъ гарнизономъ. Но увидимъ!

Сегодня наконецъ-то прибылъ къ намъ весь 1-ый батальонъ нашего полка подъ командой кап. Орлова. Такимъ образомъ въ Перекопѣ собрались теперь 1, 2 3, 4, 5 и 6 роты.

26 марта

Живемъ все по старому. Погода все еще холодная и дуетъ вѣчно холодный вѣтеръ. Со стороны большевиковъ пока все тихо.

27 марта

Сегодня къ вечеру должна была начаться операція по взятію обратно Преображенки. Ввиду этого я и еще одинъ, поручикъ Курсинъ, уже съ утра направились по валу на кордонъ, къ самому берегу Чернаго моря, а оттуда $1^1/_2$ версты впередъ на такъ называемую кашару (овчарню), на нашу лѣвую передовую заставу. Отсюда до Приморскаго Сада, до большевистской правой заставы не болѣе $1^1/_2$ версты и все видно, какъ на ладони. Съ крыши одного изъ сараевъ мы наблюдали противника. Насмотрѣвшись, мы слѣзли и пошли въ избу, гдѣ грѣлась застава. Публика эта (1-ый батальонъ, въ которомъ много мобилизованныхъ солдатъ) все больше спала и какъ будто совершенно индифферентно смотрѣла на происходящее кругомъ. Неуютно среди нихъ чувствовали себя навѣрное офицеры; вѣдь положиться на такую роту было трудно.

Въ 1 часъ дня противникъ вдругъ началъ производить развѣдку, приблизился къ нашей кашарѣ и принялся ее обстрѣливать. Моментально наша застава вытащила пулеметы и принялась краснымъ отвѣчать. Тѣмъ, видно, это надоѣло, и они поспѣшно ретировались. Къ 3 часамъ дня я съ Курсинымъ пошли обратно на кордонъ, гдѣ стали ожидать нашу команду. Въ кордонѣ какъ разъ помѣщалась команда телефонистовъ, богато угостившая насъ саломъ, хлѣбомъ и чаемъ. Сюда же на автомобилѣ явился какой-то французскій офицеръ, заявившій намъ, что черезъ недѣлю намъ пришлютъ подкрѣпленіе въ видѣ зуавовъ. Но мнѣ все это что-то не вѣрится; до сихъ поръ реальной помощи союзниковъ мы еще не видѣли. Къ 5 часамъ прибыла и наша команда и объявила намъ, что наступленіе на сегодня отмѣнено; мы всѣ двинулись обратно домой на Перекопъ. Въ это время артиллерія принялась производить пристрѣлку и мы всю дорогу обратно любовались разрывами надъ Преображенкой.

28 марта

Весь день съ самого утра льетъ дождь. На улицѣ непролазная грязь и сырость. Сегодня возвратилась изъ Армянска удравшая было туда чебурешня и открыла свое заведеніе съ биллiардомъ. Отъ скуки, не смотря на дождь, пошелъ гулять и забрелъ

въ биллiардную. Тутъ ужъ сидѣли всѣ наши и съ остервенѣнiемъ катали шары. Я лично заказалъ себѣ чебурекъ и принялся ихъ уплетать. Съѣлъ бы больше, такъ какъ они чудесные, настоящiе крымскiе, но мало денегъ, не хватаетъ. Со стороны противника и сегодня тихо, тоже и съ нашей. Но къ намъ сюда все болѣе и болѣе прибываетъ артиллерiи. Такъ на Перекопѣ теперь ужъ стоитъ 16 орудiй. Ничего, придетъ время, и мы покажемъ большевикамъ. Скорѣй бы только пришло это время. Въ общемъ настроенiе наше все болѣе подымается. Не мало тому помогаютъ и слухи объ успѣхахъ адмирала Колчака. Вѣдь взялъ уже Уфу и претъ прямо на Самару. Между прочимъ, интересенъ здѣшнiй валъ. Построенъ онъ, какъ говорятъ, очень давно, еще татарами и представляетъ изъ себя еще теперь поистинѣ шикарное сооруженiе. Слѣва отъ Чернаго моря онъ тянется черезъ городъ Перекопъ на разстоянiи 8 верстъ до самого Сиваша. И если бы его удалось только укрѣпить, онъ былъ бы неприступной крѣпостью. Кое-гдѣ на немъ и вырыты окопы, но они стары и часто заваливаются.

30 марта

Сегодня получены крайне интересныя свѣдѣнiя. Сообщаютъ, что сюда идутъ греки намъ на помощь и что 200 человѣкъ ихъ уже прослѣдовали изъ Севастополя на Чангаръ. Слава Богу! Только бы помощь не закончилась этими двумя стами грековъ!

31 марта

Только въ 6 часовъ утра легли спать изъ за ночной прогулки, какъ вдругъ черезъ часъ, т. е. въ 7 часовъ — вставай. Противникъ обстрѣливаетъ изъ артиллерiи городъ и мѣтитъ въ колокольню. Такъ какъ послѣдняя подлѣ насъ (зданiя почты), то снаряды ложатся очень и очень близко. Одѣлись и пошли въ окопы (еще старые, вырытые при наступленiи германцевъ большевиками). Тамъ пересидѣли эту стрѣльбу, а затѣмъ вернулись обратно. Въ общемъ противникъ выпустилъ съ полсотни снарядовъ по городу и снарядовъ 25 по кордону, повидимому, съ цѣлью пристрѣлки.

Не обошлось и безъ непрiятностей. Одинъ снарядъ угодилъ въ окопъ, гдѣ сидѣла 5-ая рота, причемъ былъ одинъ вольноопредѣляющiйся тяжело раненъ въ голову, а трое контужены. Наша артиллерiя вскорѣ принялась отвѣчать и заставила красныхъ замолчать. Въ боевомъ отношенiи становится все жарче, и чувствуешь, что подходитъ страдная пора. Скоро навѣрное весь нашъ полкъ пойдетъ брать обратно Преображенку, ожидаютъ только прибытiя изъ Севастополя 3-яго батальона. А нашей артиллерiи навозится сюда все больше и больше. Теперь за и впереди вала стоитъ уже орудiй 25. Былъ бы только духъ, чего къ крайнему сожалѣнiю не у всѣхъ есть. Большинство смотритъ на себя, какъ на обреченныхъ, не думая о будущей Россiи въ случаѣ побѣды. Есть даже не мало дезертировъ-офицеровъ. Они вдругъ уходятъ и только ихъ видѣли. Такъ, напримѣръ, въ нашей командѣ уже 24 часа не видно пран. Ж., нашего артиста. Гдѣ онъ? Скорѣй всего полнымъ ходомъ по дорогѣ въ Джанкой и домой.

1 апрѣля

Все еще въ старомъ положенiи. Съ утра всталъ и шатался по Перекопу. Становится все болѣе и болѣе скучно. Все жду и не дождусь того момента, когда наконецъ-то начнется рѣшительное наступленiе на всѣхъ противобольшевистскихъ фронтахъ. А когда нибудь это будетъ!

Межъ тѣмъ врагъ продолжаетъ ежедневно бомбардировать городъ, мѣтитъ то въ тюрьму, то въ церковь, то по батареямъ. Но къ свисту такихъ снарядовъ (3-хъ и $4^1/_2$ дюйма) до того привыкаешь, что преспокойно сидишь на солнышкѣ передъ домомъ и съ интересомъ разсматриваешь разрывы. Про наше предполагаемое наступленiе опять отчего-то ничего не слышно. Почему такъ тянутъ? Наши телефонисты включили свой проводъ въ старый правительственный, на столбахъ тянущiйся вдоль шоссе отъ Перекопа на Преображенку и далѣе. И такъ какъ красные пользуются послѣднимъ, то наши подслушиваютъ ихъ разговоры. Такъ, напримѣръ, вчера большевики говорили, что

постараются обойти и забрать въ плѣнъ всю нашу правую заставу на гати у Сиваша и что имѣютъ твердое намѣреніе разбить Перекопскую колокольню и тюрьму, гдѣ, какъ они увѣрены, у насъ сидятъ артиллерійскіе наблюдатели (послѣднее совершенно правильно). Погода теперь опять улучшилась, и весь день свѣтитъ яркое солнце. Но на душѣ далеко не такъ весело. Все чаще подумываешь о Москвѣ, о родномъ домѣ и гадаешь о томъ времени, когда опять будешь имѣть счастье увидѣть всѣхъ родныхъ. Только бы дожить до этого момента!

2 апрѣля

Снова бомбардировка Перекопа. Это подъ конецъ прямо дѣйствуетъ на нервы. Обстрѣливался опять весь городъ, причемъ попаданія самыя разнообразныя. Изъ за того, что почта стояла уже черезъ-чуръ въ сферѣ огня, насъ команду развѣдчиковъ перевели въ новый домикъ на рыночной площади. Здѣсь все-таки тише, хотя не безопасно. Такъ, напримѣръ, одинъ снарядъ упалъ сегодня въ 3-хъ саженяхъ отъ нашего дома, выбилъ всѣ стекла, но никого не задѣлъ. Взводъ 1-ой роты опять отведенъ обратно изъ Приморскаго Сада, и застава продолжаетъ занимать кашару. Вечеромъ пошли опять на развѣдку въ Садъ и узнали, что тамъ большевиковъ и теперь нѣтъ. Затѣмъ остались ночевать на кашарѣ, такъ какъ завтра съ утра предполагается наше наступленіе.

Сраженіе за Перекопъ

3 апрѣля

Всю ночь сидѣли на кашарѣ. До 12 часовъ ожидали приказа о выступленіи, но его все нѣтъ и нѣтъ. Въ чемъ же дѣло? Вдругъ въ 1 часъ ночи по телефону новое распоряженіе: въ виду плохой погоды наступленіе отмѣняется. Что за чортъ! Вѣдь погода ужъ совсѣмъ не такая плохая, правда, накрапываетъ маленькій дождикъ, но это вѣдь пустяки, неаамѣтнѣе будетъ идти. Посидѣли на кашарѣ еще часа 2 и пошли домой. Снаружи темь отчаянная, ни зги не видно. Идемъ медленно, но чувствуемъ, что здорово крутимъ. По временамъ начинаетъ гремѣть большевистская артиллерія. Что-то ей сегодня не спится. Но вотъ начинаетъ свѣтать. Осматриваемся. Перекопъ уже недалеко. Идемъ быстрѣе. Но что это? Большевистская артиллерія усиливаетъ свой огонь. Бьетъ прямо по городу. Неужели они предупреждены о нашемъ готовившемся наступленіи и, можетъ быть, рѣшили дѣйствовать сами. Но увидимъ. Идемъ дальше. Вотъ мы и на линіи тюрьмы. Непріятельскіе снаряды со свистомъ несутся черезъ наши головы и съ ревомъ рвутся то около тюрьмы, то въ городѣ. Стало ужъ совсѣмъ свѣтло. Начинаютъ отвѣчать и наши орудія. Медленно, не спѣша, мы перепрыгиваемъ окопы и плетемся къ себѣ на квартиру. По дорогѣ встрѣчаемъ прап. М., который испугано, вытаращивъ на насъ глаза, кричитъ: «Куда вы? Да у васъ какъ разъ ложатся снаряды!» Но мы его не слушаемъ и скоро дома. Слава Богу! Нашъ домикъ цѣлъ. Располагаемся и только садимся закусывать, какъ приносятъ приказаніе отъ командира полка немедленно идти къ нему на Пулеметную горку. Приходится бросать все и идти. Передъ домомъ выстраиваемся и идемъ. Межъ тѣмъ снаряды рвутся по прежнему. Мы шагаемъ поминутно черезъ свѣжія воронки, но на счастье насъ ничто не трогаетъ. Выходимъ за городъ и сейчасъ же натыкаемся на Пулеметную горку. Тутъ уже собралось все начальство, полковникъ Мурило, капитанъ Гаттенбергеръ и капитанъ Орловъ. Командиръ полка поздоровался съ нами и началъ разспрашивать насъ о ночной экспедиціи. Узнавъ, что мы здорово устали, онъ приказалъ намъ идти опять обратно и отдыхать. Мы пошли. Но вышла прежняя исторія. Не успѣли мы еще позавтракать, а я даже отрѣзать себѣ кусокъ хлѣба и сала, какъ прибѣжалъ солдатъ отъ командира полка съ новымъ распоряженіемъ: «скорѣй, скорѣй, на Пулеметную горку.» Засунувъ на этотъ разъ себѣ завтракъ въ карманы, бросились опять туда. Тутъ мы узнали, что большевики наступаютъ, и получили приказаніе идти и занять высоту 7,1. Пошли. Прошли хуторъ, гдѣ ловили куръ и поросятъ. Наткнулись здѣсь на уйму воронокъ. Видно, здорово

сюда садилъ. Прошли мимо и дальше. Спустились въ ложбину, затѣмъ начали подыматься къ холмамъ. Разсыпались цѣпью и пошли быстрѣе. Теперь большевики насъ замѣтили и пошли стрѣлять. Мы бросились впередъ бѣгомъ и черезъ минуту были на высотахъ 7,1. Послѣдніе два небольшихъ кургапчика, но очень удобныхъ для отраженія атакъ. На холмикахъ окопчики, въ которые мы и засѣли. Въ нихъ справа мы наткнулись на взводъ 3-ей роты съ пулеметомъ. Началась ярая перестрѣлка. Большевистская цѣпь была въ разстояніи 1000 шаговъ и медленно двигалась въ нашу сторону. Мы усилили огонь, тѣ съ своей стороны тоже. Но намъ было лучше, мы сидѣли въ окопахъ, а они шли по чистому полю. Справа кто-то вскрикнулъ. Оказалось, что ранило поручика В. (стараго ялтинца), но легко — на вылетъ, пробивъ только кожу шеи. Но вотъ врагъ не выдержалъ нашего огня и принялся отходить. Заработалъ нашъ пулеметъ, до сихъ поръ молчавшій въ ожиданіи подхода противника, красные бросились бѣжать и скоро скрылись въ ложбинѣ. Атака была отбита. Мы съ радостью вздохнули. Съ нашихъ холмиковъ хорошо было видно, какъ большевики отходятъ и справа отъ нашей 1-ой заставы, отъ гати. Они кучками бѣжали черезъ гать, затѣмъ по полю на деревню Чакракъ. За все это время наша артиллерія отчего-то молчала, только теперь принялась за работу. Да и то крайне неувѣренно, такъ что часть снарядовъ падала и на насъ. Откровенно говоря, большевистская артиллерія стрѣляла куда болѣе во время и мѣтче.

По телефону пришло распоряженіе развѣдчикамъ оставить высоту 7,1 и идти обратно. Очень пріятно. Встали и пошли. Были въ полной увѣренности, что на сегодня бой окончился и оттого шли въ побѣдно-радостномъ настроеніи. Прошли опять хуторъ и мимо церкви, все еще стоявшей, прямо домой. Проходя мимо почты, могли лицезрѣть страшную картину. Тотъ домикъ, въ которомъ мы еще дней 5 тому назадъ жили, оказался совершенно разрушеннымъ. Въ него, какъ разъ въ ту комнату, гдѣ мы помѣщались, попалъ снарядъ и произвелъ необыкновенныя опустошенія. Были выбиты окна, стѣны и разворочена крыша. Можно было себѣ представить, что стало бы съ нами, если бы тамъ тогда помѣщались. Пошли дальше. Дома оказалось все по старому. Около въ околодкѣ наткнулись на трупъ убитаго на кашарѣ юнкера и на взятаго въ плѣнъ раненаго большевика. Обоихъ привезли съ 4-ой заставы, гдѣ наши подъ конецъ на разстояніи 10 шаговъ переходили въ контръ-атаку и забрали большевистскій пулеметъ. Посмотрѣли на убитаго, на плѣнника, котораго перевязывала теперь сестра милосердія, и пошли къ себѣ отдыхать. Но отдыхать пришлось и на этотъ разъ не долго, какъ прибѣжалъ отъ командира полка поручикъ Г. (нашъ теперешній начальникъ команды),и приказалъ собираться, запрягать лошадей и ѣхать за валъ. Моментально собрались, уложили вещи и пошли. Послѣднее приказаніе насъ всѣхъ немного озадачило, но я лично былъ увѣренъ, что мы ѣдемъ за валъ изъ-за сильнаго обстрѣла, такъ какъ въ нашъ домикъ ежеминутно могъ попасть снарядъ. Впереди ѣхала наша повозка, имѣя въ видѣ сѣдока вольноопредѣляющагося Ф., еврейчика — нашего командпаго обознаго и писаря, а мы всѣ шли строемъ сзади. Минули стрѣлявшую бѣглымъ огнемъ нашу артиллерію, затѣмъ валъ и отстановились у послѣдняго городского домика. Здѣсь расположились и стали пить чай. Но пор. Г. что-то знаетъ, что отъ насъ скрываетъ. Ни съ того, ни съ сего, онъ вдругъ назначаетъ троихъ въ караулъ для наблюденія, притомъ не впередъ, а вправо въ тылъ къ Сивашу. Невольно я предполагаю, ужъ не зашли ли къ намъ красные въ тылъ, по этому «гнилому морю». Отправляются туда трое изъ новоприбывшихъ. Но вдругъ изъ города потянулись разные обозы, промчалась галопомъ пулеметная команда, а затѣмъ части артиллеріи. Въ чемъ же дѣло? Съ нетерпѣніемъ мы обступаемъ повозки и ищемъ разъясненія. Наконецъ, узнаемъ, что дѣла плохи, врагъ забрался въ тылъ по Сивашу, и Перекопъ оставляется. Никому это не вѣрится, вѣдь еще часъ тому назадъ красные были такъ шикарно отбиты. Но къ сожалѣнію, все оказалось правдой. Врагъ снова собрался съ силой (2000 человѣкъ) и, получивъ большое подкрѣпленіе, прорвалъ наше расположеніе между 3 и 4 заставами. Наши бы и теперь еще держались, но масса убитыхъ и раненыхъ требовали этого отхода. Вотъ тебѣ и на! Никакъ не ожидалъ такого конца. Но здраво разсудивъ, нечему тутъ удивляться, такъ какъ трудно защищаться одному противъ тридцати, да еще сѣжихъ войскъ.

Смотрю вдоль вала. Влѣво, къ кордону, уже видно, какъ наши рѣдкія цѣпи переходятъ черезъ валъ и медленно отходятъ къ Армянску. Теперь уже смолкла и вся наша артиллерія и потянулась въ тылъ. Это все влѣво. Справа же пока все по старому. Наши еще по ту сторону вала. Наша команда рѣшила не отходить и ожидать 2-й батальонъ. Но у меня горько на душѣ. Сколько погибло людей и въ общемъ понапрасну. Такъ сидимъ минутъ 10, когда пор. Г. командуетъ «въ цѣпь». Мы растягиваемся и примыкаемъ къ лѣвому флангу. Въ это время показывается и 2-ой батальонъ и, переваливъ черезъ валъ, примыкаетъ къ нашему правому крылу. Медленно мы продолжаемъ нашъ отходъ. Еще минутъ пять и кое-гдѣ на валу уже появляются большевики. Ихъ позиція теперь великолѣпна и они сразу принимаются за обстрѣлъ насъ. Но мы на все это нуль вниманія, и идемъ какъ на прогулкѣ во весь ростъ. Теперь только высказалась вся нераспорядительность высшаго начальства. Связи не было никакой, и каждая рота, команда дѣйствовали по своему. Одна рота еще отстрѣливалась, а другая уже была, чортъ знаетъ гдѣ.

Межъ тѣмъ мы продолжали нашъ отходъ. Раза три останавливались, ложились, отстрѣливались и затѣмъ продолжали путь. Противникъ тоже сошелъ съ вала и пошелъ за нами вслѣдъ. Но вотъ мы подошли къ Армянску. Пошли прямо, по главной улицѣ. Все тихо, на улицахъ никого. Кое-гдѣ только жмутся за углами и видны въ окнахъ испуганныя фигуры и лица женщинъ, дѣтей. Кое-кто изъ нихъ, забравъ все необходимое и бросивъ все другое на произволъ судьбы, слѣдуетъ за нами. Вдругъ «бумъ» и «трахъ». Это красные принялись за обстрѣлъ Армянска. Жители испугались, засуетились, забѣгали и захлопали дверьми. Вправо видѣлись попаданія. Вмѣстѣ съ пылью въ воздухъ летѣли бревна, куски земли и какіе-то осколки. Показался и дымъ. Видно, гдѣ то и загорѣлось. Но мы шли дальше, все тѣмъ же шагомъ, какъ будто все это насъ не касалось. Прошли все городишко и вышли въ поле. Отчего то тутъ наши цѣпи, какъ справа, такъ и слѣва стали смыкаться и пошли дальше по шоссе уже походнымъ порядкомъ. Непріятеля еще не было видно, онъ былъ за Армянскомъ. На дорогѣ наткнулись на два автомобиля. Въ одномъ изъ нихъ съ биноклемъ у глазъ стоялъ въ бѣлой папахѣ самъ генералъ Корвинъ-Круковскій, глава Крымской арміи, и разсматривалъ расположеніе противника. Миновали автомобиль и опять углубились въ степь. Теперь стали опять свистѣть пули. Это врагъ занялъ Армянскъ и принялся за обстрѣлъ насъ. Видно было, какъ кое-кого изъ нашихъ ранили, но кажется никого не убили. Постепенно начинало темнѣть. Былъ 7-ой часъ. Вскорѣ стрѣльба стихла. Врагъ оставилъ насъ спокойно отходить. Со стороны Сиваша показался нашъ броневикъ «Орленокъ». Съ кряхтѣніемъ и пыхтѣніемъ онъ ползъ по полю и чуть выползъ на шоссе, какъ испортился. Съ нимъ осталась, для охраны и починки, какая-то рота, всѣ остальные же продолжали свой путь. Цѣль наша была деревня Юшунь, до которой отъ Армянска было 15 верстъ. Ноги уже отказывались идти, но идти было нужно и мы шли. Раза два останавливались для отдыха, затѣмъ вставали и дальше. Была уже ночь, когда мы наконецъ увидѣли Соленое озеро. 3-й баталіонъ, который только подъ Армянскомъ прибылъ на поле битвы, былъ оставленъ здѣсь для несенія караульной службы, другая же часть полка направлена въ Юшунь на отдыхъ. Прошли еще 6 верстъ (ну и безконечными казались онѣ мнѣ!) и вотъ тогда только увидѣли спасительные огоньки домовъ. Всѣ съ облегченіемъ вздохнули. Тяжелый путь былъ оконченъ. Въ деревнѣ насъ встрѣтилъ одинъ развѣдчикъ, Васька О., посланный ранѣе съ повозкой и писаремъ впередъ, и онъ указалъ намъ нашу халупу. Напившись только воды, мы сейчасъ-же завалились спать.

Бой подъ д. Юшунью и мое раненіе

4 апрѣля

Встали довольно поздно. Постепенно стали приходить въ себя, попили чайку и закусили варениками, которые изготовила намъ здѣшняя баба. Затѣмъ было раасѣлись, чтобы отдыхать дальше, какъ въ халупу врывается кто-то и кричитъ: «Идите смотрѣть! Греки идутъ!» Не можетъ быть! Всѣ бѣжимъ наружу. Я впереди всѣхъ. Выбѣгаемъ

на улицу, смотримъ вдоль шоссе, и правда, со стороны Джанкоя столбомъ подымается пыль и виднѣется безконечный рядъ повозокъ. Ужъ издали слышно, какъ они поютъ. Они приближаются все ближе и ближе и наконецъ галопомъ въѣзжаютъ въ деревню. Мы сразу узнаемъ въ нихъ союзниковъ. Неужели наконецъ-то союзники рѣшили намъ помочь, стоитъ у всѣхъ на умѣ. Отъ радости что наконецъ-то пришла существенная помощь, я прямо не знаю что дѣлать. Первый разъ въ жизни у меня такое восторженное чувство. Я чувствую, что на глазахъ у меня навертываются слезы и не могу ничего подѣлать. До того кажется мнѣ этотъ моментъ торжественнымъ. «Ура», кричимъ мы, греки, отвѣчая намъ, проѣзжаютъ дальше. За ними ѣдутъ еще 50 человѣкъ русскихъ войскъ, это Виленскій полкъ въ полномъ составѣ. Настроеніе наше сразу мѣняется. Унынія какъ и не бывало. Всѣ увѣрены въ побѣдѣ и скоромъ взятіи обратно Армянска, Перекопа и т. д. Налюбовавшись на все вдоволь, плетемся обратно въ свою хату. Тутъ насъ встрѣчаетъ поручикъ Г. и велитъ одѣваться. Нужно идти на позиціи и посмотрѣть, что тамъ творится. Къ нашему обратному приходу трое оставшихся (они натерли себѣ ноги) обѣщаютъ намъ приготовить сытный обѣдъ. Прекрасно! И мы трогаемся бодро въ путь, въ увѣренности, что часа черезъ два будемъ обратно. Идетъ насъ человѣкъ 10, не болѣе. По дорогѣ видимъ еще, какъ греки принялись готовить себѣ обѣдъ, затѣмъ оставляемъ деревню и выходимъ въ поле. Скоро выходимъ на бугоръ и равняемся съ покинутымъ постоялымъ дворомъ. Отсюда до насъ ясно доносится пулеметная трескотня, а временами долетаютъ и снаряды, съ ревомъ рвущіеся лѣвѣе шоссе. Видно, что впереди бой разгорѣлся опять. Теперь часовъ 12 и солнце свѣтитъ какъ разъ надъ нами. Идемъ по шоссе. Насъ обгоняетъ кавалерія и скачетъ впередъ. Минуемъ влѣво какую-то деревушку или хуторъ, теперь мы уже подъ самой позиціей. Здѣсь до насъ долетаютъ и пули. Вдругъ впереди кто-то кричитъ: «Большевистская кавалерія скачетъ сюда!» Она прорвала наше расположеніе. Въ этотъ моментъ среди Виленскаго полка, шедшаго впереди насъ, произошло небольшое замѣшательство. Не видя еще врага, они бросились въ сторону и, вмѣсто того, чтобы идти дальше впередъ, разсыпались въ цѣпь, легли и открыли огонь. По кому? Вѣдь этимъ они могли только побить своихъ, сражающихся еще впереди. Имъ стали кричать, послѣ чего только постепенно ихъ огонь прекратился. Вставать же они не вставали, а продолжали лежать. Нечего дѣлать, впередъ пошла наша команда одна. Стало ясно, что здѣсь разыгрывается серьезное дѣло и что къ обѣду мы во всякомъ случаѣ не вернемся. Межъ тѣмъ, на крикъ о прорывѣ непріятельской кавалеріи, наша кавалерія разсыпалась, въ свою очередь, лавой и въ карьеръ поскакала навстрѣчу большевистской. Красивая была это картина. Видно было, какъ сверкая обнаженными шашками, ураганомъ неслись они впередъ, но не доскакавъ до непріятельскихъ позицій, вдругъ повернули и также понеслись обратно, оставляя позади себя убитыхъ и раненыхъ. Они нарвались на сильную большевистскую цѣпь, которая открыла по нимъ убійственный пулеметный и ружейный огонь. Оказалось, что ни о какомъ прорывѣ непріятельской кавалеріи не было и рѣчи. Теперь стала видна и наша отходящая цѣпь пѣхоты. Идя пѣхотѣ на помощь, мы миновали какую то легкую батарею, бившую ураганнымъ огнемъ картечью по напиравшимъ краснымъ. Вскорѣ мы поравнялись съ цѣпью нашей пѣхоты (вдобавокъ очень рѣдкой) и присоединились къ ней. Стрѣлявшая было наша батарея снялась и отъѣхала немного назадъ. Мы же залегли и открыли въ свою очередь по краснымъ огонь. Перестрѣлка была отчаянная, такъ какъ большевики ясно хотѣли нагнать на насъ панику. Мы же на это не сдавались. Въ это время Виленцы, позади насъ, встали, зашли влѣво и примкнули къ нашему лѣвому флангу. Одновременно сзади раздался голосъ: «Ребята держись, греки идутъ на помощь». И правда!

Сначала мы увидѣли греческаго офицера на конѣ, а затѣмъ и всю греческую роту человѣкъ въ 150. Бодро они шли впередъ и, увидѣвъ насъ, огласили воздухъ громкимъ: «Vivat Russia», въ отвѣтъ на что мы всѣ разомъ грянули громовое «ура». Не доходя до насъ, греки постепенно, сначала по взводно, затѣмъ по отдѣленію и т. д., прямо какъ на парадѣ разсыпались въ цѣпь и стали быстро приближаться къ намъ. Теперь мы рѣшили тронуться впередъ и, оставивъ грековъ во второй линіи, съ громкимъ «ура»

бросились на врага. Съ радостью я замѣтилъ, что у насъ все идетъ гладко, какъ слѣва, такъ и справа, вся наша цѣпь не теряетъ связи, нѣкоторые даже черезъ-чуръ отъ рвенія забѣгаютъ впередъ.

«Ура, ура» неслось по всей линіи и подгоняло насъ не медлить. Большевиковъ, видно, это озадачило и, поднявшись, они вдругъ стали отходить. Мы за ними. Страха не было никакого, какая-то легкость, радость подгоняла меня. Куда дѣвалась вся усталость и боль въ ногахъ, я словно летѣлъ на крыльяхъ. Такъ мы прошли 2 версты. Теперь мы стали подходить къ холмикамъ у Соленаго озера, нашей ночной позиціи. Но въ это время, большевики вдругъ получили большое подкрѣпленіе и стали обходить нашъ лѣвый флангъ. На удлиненіе фронта у насъ не хватало людей, и оттого лѣвый флангъ, еще не обстрѣленные Виленцы, начали отходъ. Тамъ отходили, а мы въ центрѣ, надѣясь на что-то, продолжали шагать впередъ. Греки также слѣдовали за нами. Не дойдя до холмика шаговъ за 100—150 и видя, что влѣво отходъ все продолжается, мы залегли въ цѣпь и открыли ружейный огонь. Большевики же, увидя успѣхъ своего праваго фланга, опять сорганизовались, залегли тоже въ цѣпь за холмики и принялись отвѣчать. За холмами появилось нѣсколько типовъ и было видно, какъ одинъ изъ нихъ махалъ рукой въ сторону своихъ товарищей, зовя ихъ къ себѣ на помощь. Сейчасъ-же къ нему начали стекаться другіе большевики, такъ какъ эти 2 холма представляли изъ себя прекрасную оборонительную позицію. Тутъ мы открыли огонь по прибывающимъ. Я самъ выбралъ себѣ одного здоровяка, не спѣша шедшаго отъ шоссе, и когда онъ уже былъ около самаго холма, выстрѣлилъ. Было видно, какъ мой большевикъ взмахнулъ руками, уронилъ изъ рукъ винтовку и какъ снопъ свалился на землю. Моя пуля угодила въ цѣль. Лежа въ цѣпи, я иногда посматривалъ въ сторону грековъ. Они какъ разъ встали, сбросили свои ранцы и бѣгомъ бросились впередъ. Забѣжавъ справа на линію нашей цѣпи, они залегли и тоже открыли огонь. Но что-же это влѣво? Тамъ нашъ отходъ продолжается все больше и больше, большевики ужъ обстрѣливаютъ насъ съ фланга. Какая досада! Но теперь появилось новое несчастье. У многихъ вышли патроны, и такъ какъ подвоза не было никакого, они должны были прекратить стрѣльбу. Одинъ патронташъ я уже раздалъ моимъ сосѣдямъ, другой же мнѣ былъ нуженъ самому. Я было уже выпустилъ полъ-патронташа (кромѣ всѣхъ патроновъ, которыми я набилъ себѣ карманы шинели) и принялся за вторую половину, какъ вдругъ мой сосѣдъ влѣво, одинъ подпоручикъ изъ новоприбывшихъ, вскрикнулъ. «Въ чемъ дѣло?» окрикнулъ я его. «Я раненъ . . . въ спину» бросилъ онъ мнѣ въ отвѣтъ, вскочилъ и побѣжалъ назадъ. Я посмотрѣлъ ему вслѣдъ и только было хотѣлъ приняться опять за стрѣльбу, какъ вдругъ почувствовалъ ужасный ударъ по лѣвому плечу и . . . рука моя повисла какъ будто ее не было. Тутъ я замѣтилъ, что я весь въ крови, заливающей всю мою грудь и сбѣгающей по патронташамъ внизъ. «Я раненъ», пронеслось у меня въ головѣ, «нужно уходить». Но передъ тѣмъ я еще сталъ пробовать пальцы пробитой руки, думая о возможности въ будущемъ игры на піанино (какая мысль въ этотъ моментъ!), и къ радости замѣтилъ, что пальцы двигаются. «Хорошо, дѣло поправимо», подумалъ я и сталъ подыматься. Поднявшись и не выпуская изъ правой руки мою винтовку (я думалъ что позорно оставлять на полѣ оружіе), я скоро побѣжалъ назадъ. «Дзъ, дзъ», свистѣли вокругъ меня пули враговъ, желавшихъ видно добить меня окончательно, но я, припомнивъ тутъ военное искусство, принялся бѣжать зигзагами и навѣрно благодаря этому избѣжалъ смерти. По дорогѣ я миновалъ мѣсто, гдѣ греки сбросили свои ранцы, и увидѣлъ двухъ убитыхъ союзниковъ. Они лежали оба рядомъ, видно убитые лежа въ цѣпи. Пробѣжавъ шаговъ 300, я дальше уже продолжалъ идти, не было больше силъ. Выйдя на шоссе я продолжалъ по немъ путь. Отъ скорой ходьбы отбитая рука болталась какъ палка и причиняла мнѣ сильную боль. Но тутъ я только задался вопросомъ, откуда такая масса крови на груди? И почувствовалъ, что у меня что-то неладно съ физіономіей. По подбородку сбѣгала кровь, и по уже мокрому и красному патронташу сбѣгала внизъ по шинели. Рукой я боялся притронуться, она была грязна и могла загрязнить рану. Пришло на помощь солнце, и я посмотрѣвъ на свою тѣнь, увидѣлъ что правая часть моего подбородка развороченa. Это и была рана. Я зашевелилъ ртомъ, — движется,

ну и слава Богу. Вотъ наконецъ я и раненъ, думалъ я, шагая по пыльному шоссе. «Я вѣдь давно мечталъ объ этомъ. Навѣрно попаду въ госпиталь, Ялту, буду лечиться и нѣкоторое время наслаждаться спокойствіемъ». Продолжая идти, я вскорѣ наткнулся на двоихъ офицеровъ, которые, видя мой ужасный видъ, наяли отъ меня Винчестръ и помогли мнѣ идти. Идя дальше, я раза два оглядывался, интересно было видѣть финалъ боя. Теперь наши уже повсюду отходили, также и греки, а за ними широкими цѣпями большевики. При видѣ этого мнѣ стало грустно на душѣ, прямо до боли. Но что подѣлаешь? Прошелъ нашу легкую батарею, она еще стрѣляла, но уже готовилась къ отходу. Дальше повстрѣчалъ всадника. Мои офицеры его остановили и посадили къ нему сзади на сѣдло. Въ такомъ, крайне неудобномъ положеніи, держась за шею всадника только правой рукой, я продолжалъ свой путь, причемъ помню, что кровью ужасно измазалъ на спинѣ шинель моего возницы. Я искалъ глазами повозки, но нигдѣ таковой не было. Куда то всѣ исчезли. И только проѣхавъ верхомъ версты $1^1/_2$, уже не доѣзжая постоялаго двора, насъ обогнали двѣ. Обѣ были наполнены ранеными, и въ одну изъ нихъ всунули и меня. Въ ней я совершенно неожиданно наткнулся на поручика Г. Онъ былъ тоже раненъ, но въ обѣ ноги и ужасно страдалъ. Всѣ раненые всю дорогу стонали, а въ особенности, когда повозка налетала на камни. Отъ быстрой ѣзды все мое тѣло тряслось, а лѣвое плечо и рука адски болѣли. Проѣхали постоялый дворъ и скоро въѣхали и въ самую Юшунь. По дорогѣ стали разспрашивать, гдѣ перевязочный пунктъ. Долго намъ никто ничего не могъ пояснить, пока мы наконецъ сами, проѣхавъ всю деревню, не наткнулись на это заведеніе. Онъ помѣщался въ небольшой избенкѣ. Тутъ насъ встрѣтило цѣлое столпотвореніе. Повсюду, по всему двору лежали или умирающіе, или раненые. Со всѣхъ угловъ несутся стоны. Всѣ лежатъ прямо на сырой землѣ и адорово мерзнутъ. Тутъ же вертится какой-то не то докторъ, не то фельдшеръ и сестра. Но на такую массу людей ихъ далеко не хватаетъ. Въ избѣ въ это время происходятъ перевязки. Сгрузивъ съ повозки, туда же унесли и Г. Я ткнулся было тоже, но, увидѣвъ цѣлую толпу народа, сейчасъ-же вышелъ. Снаружи сѣлъ на скамейку и сталъ ждать. Въ это время мимо меня прошелъ какой-то офицеръ, и я его попросилъ меня перевязать. Онъ началъ было отговариваться, заявляя что на пунктѣ вышли всѣ перевязочныя средства (что впрочемъ впослѣдствіи оказалось правдой), но я далъ ему мой индивидуальный пакетъ, и онъ принялся за дѣло. Въ этотъ моментъ я замѣтилъ вошедшихъ во дворъ О. и К. Я имъ крикнулъ. Они подошли и стали съ жаромъ помогать. Скоро моя голова была забинтована, но на рану въ рукѣ бинтовъ не хватило. Новыхъ не было и чтобы хоть чѣмъ нибудь помочь, друзья мои наложили мнѣ на обѣ стороны раненія ваты, а забинтовали простой тряпкой. Теперь я былъ готовъ и они бросились въ поискахъ для меня и Г. повозки. Отъ сильной потери крови, я чувствовалъ необыкновенную сонливость, жажду и холодъ. Вскорѣ повозка была найдена, меня и Г. посадили внутрь на сѣно и мы выѣхали со двора. Сами же они откуда-то достали себѣ верховыхъ коней и поскакали впередъ. Этимъ двумъ друзьямъ я много обязанъ, такъ какъ не будь ихъ, кто бы позаботился о насъ? Выѣхали на шоссе и взяли направленіе на Симферополь. Сзади слышна была перестрѣлка, — это врагъ уже входилъ въ деревню. Ненольно я содрогнулся объ участи оставшихся на перевязочномъ пунктѣ раненыхъ. Изъ Юшуни все уѣзжало и заполняло повозками всю дорогу. Тутъ же шли отбившіеся отъ своихъ частей солдаты и офицеры, кто подальше въ тылъ, а кто и домой. Стало быстро темнѣть. Показалось имѣніе. У одного домика мы остановились, насъ жители угостили молокомъ, дали вдоволь хлѣба и мы покатили дальше. Взяли лѣвѣе шоссе и, отдѣлившись отъ всѣхъ этихъ повозокъ поѣхали отдѣльно по проселочной дорогѣ. Черезъ часа два, когда стояла уже ночь, въѣхали въ какую-то нѣмецкую колонію. Съ трудомъ нашли мѣстную перевязочную 13 артиллерійской бригады, гдѣ насъ приняли, и въ первый разъ послѣ 20 верстъ ѣзды, какъ слѣдуетъ перевязали. Затѣмъ всѣ заналились спать. На слѣдующій день намъ обѣщали везти дальше вмѣстѣ съ находящимися здѣсь другими ранеными, но уже въ сопровожденіи врача.

Содержаніе

Послѣдніе дни стараго режима — Александра Блока 5
Моя служба при Временномъ Правительствѣ — А. Демьянова 55
Защита Зимняго Дворца — А. Синегуба 121
Моя жизнь въ совѣтскомъ раю — баронессы М. Д. Врангель 198
Изъ Москвы въ Берлинъ въ 1920 г. — Р. Донского 215

Документы и дневники

Организація власти на югѣ Россіи въ періодъ гражданской войны . . . 241
Дневникъ обывателя — А. В. 252

ВЪ ТОМЪ ЖЕ ИЗДАТЕЛЬСТВѢ ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ТОМЪ I

Задачи Архива. — В. Д. Набоковъ, Временное Правительство. — П. Красновъ, На внутреннемъ фронтѣ. — Р. Донской, Отъ Москвы до Берлина въ 1920 г. — С. Вороновъ, Петроградъ-Вятка въ 1919—20 г. г. — Н. Неклюдовъ, Предсказаніе русской революціи.

Документы и письма

К. Крамаржъ, Основы Конституціи Россійскаго Государства. — Докладъ начальнику операціоннаго отдѣленія германскаго восточнаго фронта о положеніи дѣлъ на Украйнѣ въ мартѣ 1918 г. — Образованіе сѣверо-западнаго правительства (Докладъ Карташева, Кузьмина-Караваева и Суворова) — Письмо ген. Гофа генералу Юденичу.

Изъ частной переписки

Послѣдніе дни Леонида Андреева. — Описаніе польскаго отступленія въ августѣ 1920 г.

ТОМЪ II

Къ исторіи Манифеста 17 октября (Записки И. И. Вунча и кн. Н. Д. Оболенскаго) — Ген. А. С. Лукомскій, Изъ воспоминаній. — А. Дроздовъ, Интеллигенція на Дону. — Р. Гуль, Кіевская эпопея. — Ф. Штейнманъ, Отступленіе отъ Одессы. — І. Рапопортъ, Полтора года въ совѣтскомъ Главкѣ. — О. Черинъ, Брестъ-Литовскъ.

Документы и письма

Журналъ Засѣданія Совѣта Министровъ Крымскаго Краевого Правительства 16 апр. 1919 г. — Изъ секретнаго доклада. — С. В. Милицынъ, Изъ моей тетради. — Бар. Фрейтагъ фонъ-Лорингофенъ, Изъ дневника.

ТОМЪ III

С. Добровольскій, Борьба за возрожденіе Россіи въ сѣверной области. — М. Смильгъ-Бенаріо, На совѣтской службѣ. — А. Левинсонъ, Поѣздка изъ Петербурга въ Сибирь въ январѣ 1920 г. — Л. Л—ой, Очерки жизни въ Кіевѣ въ 1919—20 г. г. — Г. Игреневъ, Екатеринославскія воспоминанія.

Документы

Документы къ «Воспоминаніямъ» ген. Лукомскаго. — Меморандумъ Эстонскаго Правительства.

ВЪ ТОМЪ ЖЕ ИЗДАТЕЛЬСТВѢ ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

А. С. ПУШКИНЪ. Полное собраніе сочиненій въ 6 томахъ.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ. Полное собраніе сочиненій въ 4 томахъ.

Н. В. ГОГОЛЬ. Полное собраніе сочиненій въ 10 томахъ.

Л. Н. ТОЛСТОЙ. Собраніе сочиненій.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ. Полное собраніе сочиненій въ 10 томахъ.

Ф. И. ТЮТЧЕВЪ. Полное собраніе стихотвореній.

А. И. ГЕРЦЕНЪ. Былое и Думы въ 5 томахъ.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ. Стихотворенія. 3 тома.

К. БАЛЬМОНТЪ. Изъ міровой поэзіи. Стихотворенія.

И. А. БУНИНЪ. Крикъ. Разсказы.

БАЙРОНЪ. Мистеріи. Переводъ И. А. Бунина.

Ѳ. СОЛОГУБЪ. Заклинательница змѣй. Романъ.

Н. К. РЕРИХЪ. Цвѣты Моріи. Стихотворенія.

АНАТОЛЬ ФРАНСЪ. Петруша. Романъ.

БЕРНГАРДЪ КЕЛЛЕРМАНЪ. 9 ноября. Романъ.

ДЖІОВАННИ ПАПИНИ. Конченный человѣкъ. Романъ.

А. Н. АФАНАСЬЕВЪ. Русскія дѣтскія сказки. Иллюстр. изданіе.

Л. И. ТОЛСТОЙ. Книга для дѣтей. Съ рисунками.

В. А. ЖУКОВСКІЙ. Избранныя произведенія для дѣтей.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ. Избранныя произведенія для дѣтей.

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ. Избранныя произведенія для дѣтей.

САША ЧЕРНЫЙ. Радуга. Русскіе поэты для дѣтей.

САША ЧЕРНЫЙ. Дѣтскій островъ. Стихи для дѣтей съ рисунками Бориса Григорьева. Художественное изданіе.

Напечатано и издано
Изд'ательствомъ
«СЛОВО» Берлинъ

625083
P Arkhiv Russkoi Revolyutsii.
HSlav v. 4 (1922)
A

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

Bibliothèque "LE PAON"
N° 252
MEUDON-VAL-FLEURY

Digitized by the Internet Archive
in 2009 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/arkhivrusskoirev05gess

Просим беречь
№ 212 обращаться с

P
HSlav
Archiv Russkoi Revolyutsii

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ИЗДАВАЕМЫЙ
И. В. ГЕССЕНОМЪ

V

Изданіе третье

БЕРЛИНЪ 1922

625084
9.12.55

Всѣ права, въ томъ числѣ и право перевода,
принадлежатъ Издательству «СЛОВО», Берлинъ

Крымская эпопея *

(По дневникамъ участниковъ и по документамъ)

А. А. Валентинова

ПЕРЕДЪ НАЧАЛОМЪ НАСТУПЛЕНІЯ

(Апрѣль—Май)

21-го марта 1920 г. ген. Деникинъ, при обстоятельствахъ, доходившихъ до глубокаго трагизма ** и всѣмъ достаточно извѣстныхъ, передалъ по прямому проводу изъ Феодосіи о передачѣ имъ всей власти ген. Врангелю. Пожелавъ

---

* Въ основу этой работы положенъ дневникъ очевидца.

Запись событій начинается съ 23-го мая ст. ст., то-есть со дня выхода арміи ген. Врангеля изъ Крыма — съ Перекопскаго перешейка — на просторъ сѣверной Тавріи и кончается первыми числами рокового ноября, когда штабъ ген. Врангеля очутился въ водахъ у Золотого Рога.

Мѣсто записи — полевая ставка, иначе говоря — поѣздъ ген. Врангеля, гдѣ въ дни операцій помѣщался обычно весь штабъ главнокомандующаго.

Трагическій періодъ съ 26-го октября ст. ст. по 9 ноября записанъ находившимися при ставкѣ до послѣдней минуты авторами, имена которыхъ въ соотвѣтственномъ мѣстѣ обозначены.

Считаю своимъ долгомъ принести мою глубокую благодарность, какъ имъ, такъ и тѣмъ лицамъ командного состава, кои любезно предоставили въ мое распоряженіе необходимые для работы документы и матеріалы.

Бѣлградъ, 29 апрѣля 1921 г. А. В.

** Ротм. С., дежурный офицеръ при главнокомандующемъ, стоявшій весьма близко къ ген. Деникину, любезно сообщилъ мнѣ слѣдующія подробности происшедшаго, подробности, имѣющія нѣкоторый историческій интересъ.

Около 12 ч. ночи 18-го марта къ ген. Деникину пріѣхалъ ген. Кутеповъ, заявившій, что послѣ всего происшедшаго въ Новороссійскѣ и до него, Добровольческій корпусъ не вѣритъ больше ген. Деникину такъ, какъ вѣрилъ до сихъ поръ.

Ген. Деникинъ отвѣтилъ, что при такихъ обстоятельствахъ онъ слагаетъ съ себя власть, и въ эту же ночь сдѣлалъ первыя распоряженія о созывѣ чрезвычайнаго военнаго совѣта.

На слѣдующій день 19-го марта вестибюль гостинницы «Асторія» въ Феодосіи, гдѣ размѣстился штабъ главнокомандующаго, былъ переполненъ представителями генералитета, пытавшимися безуспѣшно убѣдить ген. Деникина въ необходимости измѣнить свое рѣшеніе. Ген. Деникинъ оставался непреклоннымъ. Въ этотъ день онъ почти ни съ кѣмъ не разговаривалъ и былъ крайне блѣденъ.

20-го марта въ Севастополѣ состоялся военный совѣтъ. По приказанію ген. Деникина командированный въ Севастополь ген. штаба полк. А. безпрерывно информировалъ его о ходѣ совѣщанія по прямому проводу. 21-го марта, какъ только полк. А. сообщилъ о выдвинутой совѣтомъ кандидатурѣ ген. Врангеля, ген. Деникинъ подписалъ краткій приказъ о назначеніи послѣдняго главнокомандующимъ В. С. Ю. Россіи.

новому главнокомандующему успѣха въ дѣлѣ возсозданія родины, ген. Деникинъ въ тотъ же день на англійскомъ миноносцѣ покинулъ предѣлы Россіи.

Ген. Врангель вступилъ въ исполненіе обязанностей правителя и главнокомандующаго вооруженными силами юга Россіи.

Отклонивъ ноту Великобританскаго правительства, предлагавшаго посредничество въ вопросѣ о заключеніи мира съ большевиками, новый главнокомандующій въ отданныхъ по арміи и флоту приказахъ выразилъ увѣренность, что онъ сумѣетъ вывести армію изъ тяжелаго положенія «не только съ честью, но и съ побѣдой».

Одновременно съ этимъ въ цѣломъ рядѣ рѣчей, произнесенныхъ въ Севастополѣ и въ другихъ городахъ Крыма предъ представителями печати и всевозможными депутаціями, ген. Врангель обѣщалъ въ вопросахъ, касавшихся внутренняго устроенія Крыма и Россіи, руководствоваться демократическими принципами и широко раскрыть двери общественности.

Была провозглашена безпощадная борьба съ канцелярщиной и рутиной. Началась стремительная замѣна однихъ лицъ и учрежденій другими. Фактически, впрочемъ, дѣло свелось лишь къ калейдоскопической перемѣнѣ фамилій и вывѣсокъ, а зачастую даже только послѣднихъ.

Въ тотъ же день вечеромъ состоялось прощальное чествованіе ген. Романовскаго, во время котораго ген. Шепронъ-дю-Лоре, быв. адъютантъ ген. Алексѣева и бывшій генералъ для порученій при ген. Деникинѣ — въ взволнованной, прерывавшейся слезами рѣчи сообщилъ, что, несмотря на всѣ убѣжденія, рѣшеніе главнокомандующаго осталось прежнимъ и что такимъ образомъ присутствующіе прощаются сейчасъ не только съ ген. Романовскимъ, но и съ ген. Деникинымъ — «послѣднимъ главнокомандующимъ», — сказалъ Шепронъ-дю-Лоре, — «изъ безсмертной династіи Корниловыхъ, Марковыхъ, Алексѣевыхъ».

Ген. Деникинъ, какъ и наканунѣ, былъ крайне молчаливъ и говорилъ тихо нѣсколько разъ только со своими сосѣдями по столу. Ген. Романовскій наоборотъ много шутилъ и смѣялся.

Въ 2 часа ночи всѣ разошлись.

22-го марта въ 7 часовъ вечера бывшій Верховный Правитель и главнокомандующій, одѣтый въ матерчатый англійскій плащъ, вышелъ изъ своего номера. Въ концѣ корридора толпилась группа штабныхъ офицеровъ. Тутъ же стояли молча дежурный офицеръ есаулъ М. и проф. Бернацкій. Не замѣчая ихъ, не замѣчая какъ будто никого, ген. Деникинъ, сдѣлавъ наискось по корридору нѣсколько шаговъ, подошелъ къ «быховцу» полк. А. и крѣпко обнялъ его.

Вслѣдъ за тѣмъ ген. Деникинъ направился сразу къ выходу, сѣлъ въ автомобиль и уѣхалъ.

Офицеры бросились въ опустѣвшій номеръ; каждый торопился захватить себѣ на память что либо изъ оставшихся на столѣ письменныхъ принадлежностей.

«Асторія» поразительно напоминала въ эту минуту домъ, изъ котораго только что вынесли покойника.

Въ своемъ номерѣ, уткнувшись въ подушку, навзрыдъ рыдалъ полк. К., бывшій все время штабъ-офицеромъ для порученій при ген. Деникинѣ и пожелавшій остаться въ Россіи.

У входа въ корридоръ стояли по прежнему часовые-конвойцы съ блѣдными испуганными лицами, по своему истолковывавшіе происходившее.

Черезъ четверть часа кто то распорядился ихъ снять.

По телефону передали, что ген. Деникинъ, простившись съ офицерской ротой охраны ставки (официальное прощаніе со штабомъ было еще днемъ), перешелъ съ берега на англійскій миноносецъ и сейчасъ уѣзжаетъ заграницу.

Спустя немного времени англійскій миноносецъ, принявшій на свой бортъ генераловъ Деникина и Романовскаго, вышелъ въ море. Одновременно вышелъ и французскій миноносецъ, на которомъ находилось нѣсколько лицъ свиты, пожелавшихъ раздѣлить участь бывшаго главнокомандующаго.

Былъ упраздненъ знаменитый «осваг», составившій цѣлую эпоху въ періодъ политики особаго совѣщанія, но вмѣсто одного «освага» расплодилась чуть ли не дюжина маленькихъ «осважнятъ», представлявшихъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ скверную креатуру своего родоначальника.

Началась какая-то лихорадка съ подачей на имя главнокомандующаго докладныхъ записокъ, проектовъ и (ковечно!) смѣтъ, доказывавшихъ необходимость учрежденія новыхъ органовъ освѣдомленія, пропаганды и т. п.

Политическіе авантюристы всѣхъ ранговъ и калибровъ, ех-министры особаго совѣщанія, голодные, оказавшіеся на мели, осважники, случайные репортеры вчерашнихъ столичныхъ газетъ — все это дни и ночи напролетъ сочиняли обѣими руками рецепты спасенія Россіи.

Къ срединѣ апрѣля мѣсяца, когда казначейство В. С. Ю. Р. выдавало одной рукой послѣдніе милліоны потрясающихъ «ликвидаціонныхъ» осважному персоналу, оно же другой рукой должно было вскармливать новыхъ младенцевъ того же, увы, происхожденія.

Умеръ «осваг», но вмѣсто него въ Севастополѣ и на мѣстахъ работали:

а) Прессъ-бюро,

в) Редаготы,

с) Инфоты,

д) Осоготы,

е) Политотдѣлы и т. д., и т. д., а на свѣтъ Божій изъ кучъ проектовъ выглядывали тройками и пятернями «телеграфныя агентства», какіе-то секретные отдѣлы подъ литерами (были и такіе), журналы толстые, журналы тощіе, газеты ежедневныя, еженедѣльныя, понедѣльничныя, воскресныя, народныя, казачьи, рабочьи, какія хотите.

Нечего, разумѣется, поляснять, что почти весь осважный персоналъ перекочевалъ въ «новыя» учрежденія и органы освѣдомленія.

Вся эта публика на-перегонки торопилась использовать *искреннее* расположеніе новаго главнокомандующаго къ печати, атакуя всѣ пороги дворца и чуть ли не вагоны штабного поѣзда на ходу.

Кредиты на пропаганду и «освѣдомленіе» грозили достичь гомерическихъ размѣровъ. Вѣдомство г. Бернацкаго возопило о милосердіи и осмотрительности. Цѣлый рядъ «новорожденныхъ» оказался лишеннымъ необходимаго питанія. Началась безобразная борьба за право на собственное существованіе. Каждый изъ новорожденныхъ пытался изо всѣхъ силъ признанія его за собою и не стѣснялся въ выборѣ средствъ и способовъ, какъ бы половчѣе подставить ножку своему сосѣду.

Несомнѣнно ген. Врангель очень быстро понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и попытался исправить ошибку. Но людей, которые могли бы помочь ему найти надежный путь къ такому исправленію, не было. Персональная чехарда и «ликвидаціи» не давали, въ сущности, никакихъ результатовъ. Въ частности послѣднія сводились лишь къ безконечнымъ «перебѣжкамъ» ликвидируемыхъ подъ новую вывѣску, и были спеціалисты, которые ухитрялись мѣнять свою кожу по нѣсколько разъ въ теченіе одной весны, укладывая ликвидаціонныя во всѣ четыре кармана. Независимая пресса въ количествѣ двухъ съ половиной газетъ и общественные круги по прежнему держались особнякомъ и никакіе соблазны, вродѣ льготнаго или дарового полученія бумаги, не помогали.

Отчаявшись въ возможности поставить дѣло раціональнымъ образомъ, генералъ Врангель разрѣшилъ его въ концѣ концовъ чисто по-кавалерійски, отдавъ

свой извѣстный приказъ о томъ, что пропаганда вовсе, повидимому, не нужна, и пусть-де населеніе судитъ о власти по дѣламъ ея.

Редаготы, инфоты, осоготы и иже съ ними исчезли съ лица земли. Все было замѣнено опять однимъ институтомъ — «отдѣломъ печати при начальникѣ гражданскаго управленія» — тѣмъ же самымъ безсмертнымъ «осваго мъ» — роковымъ творцомъ внутренней политики на территоріяхъ «всюра». Не хватало только подходящаго руководителя, но и тотъ вскорѣ объявился въ лицѣ молодого петербургскаго чиновника г. Немировича-Данченко, назначеннаго, какъ увѣряли злые языки, на этотъ постъ исключительно благодаря «очень подходящей фамиліи».

Я не случайно отмѣчаю, прежде чѣмъ перейти непосредственно къ дневникамъ, тѣ факторы, которые доминировали съ первыхъ дней въ области Крымской внутренней политики. Всѣмъ отлично извѣстна и памятна та фатальная роль, какую сыграла осважная политическая идеологія въ до-Новороссійскій періодъ гражданской войны. И уже въ силу хотя бы одного этого обстоятельства нельзя умолчать, что осважный микробъ, самый страшный и, какъ показала практика, смертельный, не оставилъ южно-русскихъ вооруженныхъ силъ. Даже потрясевія послѣднихъ мѣсяцевъ 1919 года, даже Новороссійская катастрофа не вытравили его до конца. Спрятавшись въ самыхъ потайныхъ клѣточкахъ организма, онъ уже съ апрѣля мѣсяца открыто обнаружилъ себя, принявшись за прежнюю работу — отравляя только что, какъ будто, начавшійся процессъ оздоровленія ядомъ все той же неизмѣнной лести, прислужничества, не допуская даже мысли о возможности свободной критики дѣйствій власти, одурманивая здравый разсудокъ явно-безсовѣстными измышленіями о соотношеніи и положеніи силъ своихъ и противника. На этой-то именно благодатной почвѣ и расцвѣла позже махровымъ цвѣтомъ пагубная Чебышевщина, считавшая своимъ вѣрноподданнѣйшимъ долгомъ пѣть т о л ь к о дифирамбы, смотрѣть т о л ь к о сквозь розовые очки, говорить т о л ь к о объ обреченности противника, видѣть т о л ь к о первоклассныя позиціи тамъ, гдѣ люди знаній и опыта не видали ничего, кромѣ скверныхъ канавъ и т. д., и т. д.

Крымъ могли бы, быть можетъ, спасти честные храбрецы, когда-то имѣвшіе мужество говорить всю правду о неизбѣжности опредѣленнаго исхода операціи, порученной адм. Рождественскому, но на «послѣднемъ клочкѣ русской земли» въ 12-й часъ оказались, увы, въ непосредственной близости къ главнокомандующему не они. И когда н а д о б ы л о бить во всю тревогу по поводу «укрѣпленности» Перекопа, когда, можетъ быть, надо было по примѣру противника выкинуть рѣшительные лозунги до призыва «всѣ на постройку укрѣпленій Перекопа!» включительно, когда, можетъ быть, надо было крикомъ кричать о сотняхъ замороженныхъ труповъ, которые доставлялись съ фронта въ санитарныхъ «теплушкахъ», словомъ, когда въ правдѣ и честной, разумной патріотической тревогѣ было все спасеніе — казенные оптимисты продолжали свое извѣчное чуть ли не «шапками закидаемъ».

Дальше читатель найдетъ документальныя подтвержденія выше сказаннаго, пока же я считаю своимъ долгомъ просто отмѣтить лишь живучесть того микроба, который успѣлъ сѣсть на корабли на Новороссійскомъ рейдѣ въ кошмарные мартовскіе дни прошлогодней весны.

Конечно, несправедливо было бы олицетворять его въ одномъ г. Чебышевѣ, имя котораго выше упомянуто, какъ имя наиболѣе яркаго выразителя опредѣленной гибельной идеологіи. Лично мнѣ довелось видѣть бывшаго вдохновителя

роковыхъ идей особаго совѣщанія лишь три раза: два — въ частномъ домѣ и послѣдній разъ въ Константинополѣ, благополучно высадившимся съ перваго же прибывшаго изъ Севастополя иностраннаго миноносца и устроившимся тамъ начальникомъ какого-то очередного освѣдомительнаго бюро. Никогда въ жизни я не имѣлъ никакихъ абсолютно ни личныхъ отношеній, ни столкновеній съ этимъ человѣкомъ и, опредѣляя сортъ и родъ процвѣтавшаго въ Крыму особаго казеннаго патріотизма его именемъ, я руководствуюсь только фактами и документальными данными.

Значительно благополучнѣе обстояло къ началу наступленія дѣло съ реорганизаціей и перевоспитаніемъ (до извѣстной степени) самой арміи. Здѣсь, въ теченіе крайне незначительнаго промежутка времени, была закончена съ огромной энергіей и настойчивостью безконечно-трудная работа по приведенію арміи въ боеспособное состояніе.

Разрозненныя, потерявшія послѣ Новороссійска и «сердце», и вѣру толпы солдатъ, казаковъ, а нерѣдко и офицеровъ были вновь сведены въ опредѣленныя войсковыя соединенія, спаянныя между собой и общей дисциплиной и довѣріемъ къ командному составу.

Разгулъ, хулиганство и безчинства, наблюдавшіеся въ первые дни по прибытіи арміи въ Крымъ, были пресѣчены. И были пресѣчены несомнѣнно тѣмъ подъемомъ, который сумѣлъ создать своими выступленіями и приказами генералъ Врангель, а также тѣми элементарными мѣропріятіями по оздоровленію арміи, которыя стали проводиться рѣшительно въ жизнь. Нечего, разумѣется, говорить, что подъ этими мѣропріятіями меньше всего слѣдуетъ подразумѣвать фонарную дѣятельность нѣкоторыхъ генераловъ, отправлявшихъ на фонари и трамвайные столбы офицеровъ и солдатъ старѣйшихъ добровольческихъ полковъ чуть не за каждое разбитое въ ресторанѣ стекло, гдѣ эти часто вовсе не присяжные дебоширы, а просто несчастные, отчаявшіеся въ эти дни люди искали въ винѣ забвенія и дурмана. Дѣятельность ген. Кутепова въ этомъ направленіи достигла въ апрѣлѣ мѣсяцѣ такихъ размѣровъ, что вызвала рѣшительный протестъ представителей Симферопольскаго земства и города Симферополя, заявившихъ, что населеніе лишено возможности посылать своихъ дѣтей въ школы по разукрашеннымъ г. Кутеповымъ улицамъ.

Но какъ бы тамъ ни было, справедливость требуетъ отмѣтить, что стихійная разнузданность, царившая въ тылу въ началѣ весны, къ концу ея была сведена почти на нѣтъ.

Даже Донской корпусъ, считавшійся у стараго добровольческаго командованія наименѣе надежнымъ, оказался къ началу мая въ полной боевой готовности. Процессъ генераловъ Сидорина и Кельчевскаго, вопреки всѣмъ опасеніямъ, не повліялъ на настроеніе донцовъ, что должно быть по справедливости приписано и поведенію самихъ генераловъ Сидорина и Кельчевскаго, мужественно принявшихъ на себя чужую вину и безропотно покинувшихъ предѣлы Россіи, не использовавъ въ цѣляхъ какой либо агитаціи жестокій и суровый приговоръ военнаго суда.

Будущій историкъ, который сумѣетъ спокойно разобраться во всѣхъ сложныхъ деталяхъ этого процесса долженъ знать, что зародился онъ далеко не по желаніямъ одного журналиста, котораго принято считать виновникомъ всего случившагося.

Что г. Ратимовъ, о которомъ говоритъ въ своей книгѣ («Въ станѣ бѣлыхъ») г. Раковскій былъ по поводу этого дѣла у ген. Врангеля — это вѣрно, это

извѣстно совершенно точно. Но вотъ, что извѣстно мало, а огромному большинству и вовсе не извѣстно — такъ это то, что еще до г. Ратимова у главнокомандующаго въ теченіе весьма продолжительнаго промежутка времени пробылъ съ докладомъ по этому дѣлу ген. Кутеповъ, рѣшительно настаивавшій на преданіи суду командного состава Донского корпуса и сумѣвшій на этомъ настоять до конца. Что г. Ратимовъ пріѣхалъ въ тотъ день изъ Симферополя въ Севастополь въ поѣздѣ ген. Врангеля (докладъ ген. Кутепова происходилъ во время стоянки поѣзда въ Симферополѣ) объ этомъ говорили въ свое время не мало, но что во время всего пути ген. Врангель, вызвавшій на три минуты г. Ратимова въ салонъ-вагонъ, задалъ ему только два вопроса, требовавшихъ подтвержденія слышаннаго отъ ген. Кутепова, и ни о чемъ больше съ нимъ не говорилъ, это тоже извѣстно, какъ будто, мало. И, наконецъ, вовсе, кажется, не извѣстно, что въ тотъ же день, когда поѣздъ прибылъ, г. Ратимовъ былъ около полуночи разбуженъ въ домѣ, гдѣ онъ ночевалъ, и вызванъ во дворецъ главнокомандующаго, гдѣ встрѣтился неожиданно съ Донскимъ атаманомъ генераломъ Богаевскимъ.

Оставивъ атамана и редактора Евпаторійской газеты вдвоемъ, ген. Врангель предложилъ послѣднему разсказать обо всемъ, что происходитъ въ Евпаторіи, атаману. Черезъ четверть часа, вернувшись въ комнату, главнокомандующій спросилъ ген. Богаевскаго:

— Вѣрно?..

— Да, — тихо отвѣтилъ атаманъ.

— Вы согласны съ составленнымъ мною приказомъ?.. — спросилъ генералъ Врангель.

Атаманъ наклонилъ голову.

— Разрѣшите добавить, что онъ отдается и съ вашего согласія?..

— Да... — съ громаднымъ усиліемъ, поборовъ съ трудомъ замѣтное волненіе, отвѣтилъ атаманъ.

Ген. Врангель подписалъ приказъ и, вызвавъ адъютанта, передалъ ему для исполненія.

Судьба командного состава Донского корпуса была рѣшена.

Записываю эти строки исключительно для будущаго историка, такъ какъ время для подробнаго анализа случившагося еще не пришло.

Ихъ должно дополнить еще однимъ поясненіемъ: Ратимовъ былъ приглашенъ въ поѣздъ вслѣдъ за Кутеповымъ лишь потому, что, находясь въ штабѣ у послѣдняго и прося о пропускѣ въ Севастополь, долженъ былъ объяснить причины поѣздки. Причины же эти заключались въ необходимости добиться отъ «Пресс-Бюро» путемъ подачи особой докладной записки спасенія своей газеты, которая по сравненію съ трагическимъ офиціозомъ Донского корпуса была поставлена въ крайне тяжелыя матеріальныя условія, такъ какъ издавалась тогда еще исключительно на личныя средства своего редактора-издателя.

Такъ объяснялъ, если мнѣ не измѣняетъ память, случившееся Ратимовъ.

Въ результатѣ онъ былъ вызванъ въ поѣздъ главнокомандующаго.

За нѣсколько дней до начала наступленія генералы Сидоринъ и Кельчевскій покинули предѣлы Россіи. Донцы бодро выступили на фронтъ.

20-го мая, за три дня до выхода изъ Крыма, ген. Врангель приказалъ широко опубликовать слѣдующихъ два приказа (точнѣе — приказъ и обращеніе):

I-й

Приказъ Правителя и Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югѣ Россіи.
20-го Мая 1920 года. № 3226. г. Севастополь.

Русская Армія идетъ освобождать отъ красной нечисти Родную землю.

Я призываю на помощь мнѣ Русскій Народъ.

Мною подписанъ законъ о волостномъ земствѣ, и возстановляются земскія учрежденія въ занимаемыхъ Арміей областяхъ.

Земля казенная и частно-владѣльческая сельско-хозяйственнаго пользованія распоряженіемъ самихъ волостныхъ земствъ будетъ передаваться обрабатывающимъ ее хозяевамъ.

Призываю къ защитѣ Родины и мирному труду русскихъ людей и обѣщаю прощеніе заблудшимъ, которые вернутся къ намъ.

Народу — земля и воля въ устроеніи государства!

Землѣ — Волею народа поставленный Хозяинъ!

Да благословитъ насъ Богъ!

Генералъ Врангель.

и II-й, оглавленный:

Слушайте, русскіе люди, за что мы боремся:

За поруганную вѣру и оскорбленныя ея святыни.

За освобожденіе русскаго народа отъ ига коммунистовъ, бродягъ и каторжниковъ, въ конецъ разорившихъ Святую Русь.

За прекращеніе междуусобной брани.

За то, чтобы крестьянинъ, пріобрѣтая въ собственность обрабатываемую имъ землю, занялся бы мирнымъ трудомъ.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.

За то, чтобы Русскій народъ самъ выбралъ бы себѣ

ХОЗЯИНА.

Помогите мнѣ, русскіе люди, спасти родину.

Генералъ Врангель.

Приказъ и обращеніе произвели безспорно-сильное впечатлѣніе.

Много толковъ и споровъ вызвало, правда, толкованіе слова «хозяинъ», но послѣдовавшіе вскорѣ дополнительные тексты аналогичныхъ обращеній къ населенію, гдѣ это слово опредѣленно уже трактовалось, какъ выборная, общепризванная народная власть, охладило значительно однихъ и успокоило другихъ.

Въ ночь на 24-е мая обновленная, реорганизованная армія перешла въ рѣшительное наступленіе, вѣря, что идетъ не на безумное, заранѣе проигранное дѣло, а ради спасенія родины, во имя самой, быть можетъ, міровой цивилизаціи, поддержка которой ей во всякомъ случаѣ обезпечена не въ однихъ только платоническихъ комплиментахъ визитеровъ изъ Парижа.

Съ этой увѣренностью тысячи молодыхъ, цвѣтущихъ жизней ринулись неудержимо впередъ чрезъ валы древняго Перекопа и Сивашскія озера.

Дальше предоставляю мѣсто своимъ дневникамъ

ПЕРВАЯ ПОѢЗДКА

(23 Мая — 20 Іюня)

Выходъ изъ Крыма

23-го мая 1920 г.

Сумбурный, хлопотливый день.

Сегодня главнокомандующій отдалъ приказъ штабу отправляться изъ Севастополя на фронтъ.

Въ его поѣздъ переселяются 1-й генералъ-квартирмейстеръ ген. шт. полковникъ Коноваловъ, оперативное отдѣленіе, часть службы связи и тѣ изъ офицеровъ другихъ отдѣленій штаба, которые должны ex officio состоять при полевой ставкѣ. Ѣдетъ и наштаглавъ ген. Шатиловъ.

Сопровождаютъ поѣздъ 24 выбранныхъ ординарца и два взвода конвойцевъ.

Настроеніе у всѣхъ приподнятое, у нѣкоторыхъ нервно-напряженное.

Всѣ знаютъ, что завтра — послѣзавтра неизбѣжны операціи, которыя должны рѣшить судьбу не только Крыма, но быть можетъ — какъ знать — и всей Россіи.

Въ 5 часовъ вечера прибыли на вокзалъ и долго пробирались на запасные пути, гдѣ стоялъ нашъ поѣздъ. Вагоны — чистые съ электрическимъ освѣщеніемъ, нѣкоторые передѣланы спеціально подъ отдѣленія штаба, въ окна вагона связи видны аппараты Юза, Морзе и т. д., на стѣнкахъ изоляторы. Мягкихъ классныхъ вагоновъ только три или четыре, въ томъ числѣ вагонъ главкома (главнокомандующаго), остальные изъ пульманскихъ вагоновъ 3-го класса. Тѣсновато, но славный Р. П. — ревизоръ поѣзда еще со временъ генерала Деникина — едва увидалъ насъ, поспѣшилъ увѣрить, что это «только до Мелитополя». Тамъ раздобудемся опять хорошими. Увѣренность, съ какой онъ говорилъ о Мелитополѣ, показалась всѣмъ хорошимъ признакомъ.

Въ 8 вечера подали на 1-й путь.

Въ 11 вечера прибылъ главкомъ. Поздоровавшись съ нѣкоторыми изъ провожавшихъ, ген. Врангель сразу быстро прошелъ въ свой вагонъ, у котораго стоятъ конвойцы-кубанцы съ шашками на-голо.

Черезъ часъ тронулись.

Идемъ медленно, хотя тянутъ два паровоза. Путь усиленно охраняется.

24-го мая, 7 час. утра.

Прибыли въ Джанкой. Приказано остановиться и начать развертываться. Къ 10 часамъ утра полевая ставка развернулась по обѣ стороны боковой платформы, образовавъ родъ коридора изъ двухъ рядовъ вагоновъ, входившихъ въ составъ поѣзда главкома.

Справа встали вагоны главнокомандующаго ген. Шатилова, конвоя, коменданта, 1-й ресторанъ, электро-станція и др. Слѣва — оперативный телеграфъ, оперативное отдѣленіе, служба связи, чины штаба, ординарцы, 2-й ресторанъ, радіо, Донской атаманъ и др. Посрединѣ, въ центрѣ платформы заняли мѣсто двѣ автены радіо. Все связано между собою паутиной проводовъ.

Къ 11-ти началась всюду работа. Заняли посты и дежурства ординарцы. Забѣгали съ приказами и донесеніями посыльные, «бѣлая повязка» и пр.

До 7 часовъ вечера — ничего особеннаго. Настроеніе у всѣхъ какое-то напряженное. Всѣ ждутъ чего-то чрезвычайно важнаго. Часто спрашиваемъ

другъ у друга, не началось ли уже наступленіе и что вообще происходитъ на фронтѣ. Никто ничего точно не знаетъ.

8 час. 30 мин. вечера. Съ быстротой молніи переносится изъ вагона въ вагонъ вѣсть объ удачной высадкѣ нашего десанта подъ командованіемъ ген. Слащева къ сѣверо-востоку отъ Крымскихъ перешейковъ. На лицахъ у всѣхъ сразу просвѣтлѣніе. Кругомъ оживленные разговоры, пожатія рукъ, радостныя восклицанія.

Говорятъ, что выполнена самая трудная часть задачи, отъ успѣха которой зависитъ все остальное. Слава Богу!..

Въ оперативномъ отдѣленіи надъ картой — генералъ-квартирмейстеръ, генералъ Георгіевичъ, полковникъ Шкеленко, весь почти генштабъ. Оживленная бесѣда, улыбки, смѣхъ. Вечеръ проходитъ въ самомъ лучшемъ настроеніи.

Ночью спокойно.

25-го мая, 6 час. утра.

Просыпаемся отъ пулеметной стрѣльбы. Оказывается, наши летчики пробуютъ пулеметы.

7 час. утра. Генералъ-квартирмейстеръ отдалъ приказъ всѣмъ аэропланамъ подняться, взять направленіе на Перекопъ и слѣдить за отступающимъ противникомъ.

Красные отступаютъ! Отступаютъ, едва началось наше наступленіе...

Крымскія ворота распахнулись!

Этой ошеломляюще-радостной вѣстью начинается сегодняшній день.

Спустя пять минутъ, машины, одна за другой, начинаютъ плавно отдѣляться отъ земли и несутся на сѣверъ...

На плѣненный, измученный сѣверъ...

10 час. утра. Операціи развиваются, видимо, очень успѣшно. Сейчасъ слышалъ бесѣду главкома съ генквармомъ (генералъ-квартирмейстеръ). Главкомъ говорилъ, что захватили 14 орудій, и давалъ указанія относительно хода дѣйствій въ слѣдующую ночь. Коноваловъ выдвигалъ свои соображенія, твердо ихъ отстаивая.

Передъ этимъ главкомъ приказалъ на платформѣ ген. Шатилову передать по радіо Слащеву о ходѣ боя на сѣверъ отъ перешейковъ и добавилъ:

— Скажите ему, чтобы рѣзалъ по тыламъ во всю...

12 часовъ. Все идетъ пока благополучно. Только что главнокомандующій, высунувшись въ окно вагона, крикнулъ въ оперативное отдѣленіе:

— Ну какъ — все благополучно?..

— Такъ точно, ваше высокоп-во, — отвѣчалъ поручикъ Н. Главкомъ минуту помолчалъ, а потомъ вдругъ произнесъ:

— А не дернуть ли мнѣ сейчасъ туда на аэропланѣ?..

Подошедшій ген. Г. отсовѣтовалъ.

Къ 12 часамъ дня по картѣ оперативнаго отдѣленія положеніе было таково: наша Перекопская группа подходитъ къ Чаплинкѣ (конница), а на берегу моря идетъ ликвидація противника въ раіонѣ Адамани. Десантъ ген. Слащева подходитъ къ Акимовкѣ, стремясь прижать съ тыла къ перешейкамъ красныя части, охранявшія Крымскія ворота. Латыши отстрѣливаются въ упоръ не только изъ винтовокъ, но даже изъ орудій.

2 часа дня. Сейчасъ доставили перваго перебѣжчика прямо съ поля сраженія. Разсказываетъ много любопытнаго о жизни совѣтскаго юга. Допросъ

идетъ прямо на платформѣ у входа въ оперативное отдѣленіе. Вокругъ тщедушнаго, жалко-одѣтаго въ отрепья парня — большая группа офицеровъ генеральнаго штаба, ординарцевъ, чиновниковъ телеграфа. Допросъ ведетъ поручикъ Н.

5 час. вечера. Главнокомандующій отправляется на фронтъ. Поѣзду приказано слѣдовать въ Ново-Алексѣевку, двѣнадцать часовъ тому назадъ бывшую еще въ рукахъ у красныхъ.

Въ Ново-Алексѣевкѣ — первый случай награжденія новымъ орденомъ св. Николая-Чудотворца. Первый кавалеръ поручикъ Любичъ-Ярмоловичъ, танкистъ, прорвавшій 4 ряда проволочныхъ заграждeній и захвативший вдобавокъ одно орудіе. Героя поздравляли. Въ вагонѣ у главкома пили въ его честь шампанское. Самъ онъ сильно конфузился, стѣсняясь, видимо, все время своего рабочаго перепачканнаго костюма.

10 час. вечера — вернулись въ Джанкой.

11 час. ночи — вступилъ въ дежурство по службѣ связи.

1 час. ночи. Къ аппарату вызвали генкварма. Что-то скверное. Коноваловъ быстро пришелъ.

Дежурный телеграфистъ читаетъ ему по лентѣ вслухъ. Депеша отъ Кутепова о тяжелыхъ потеряхъ Дроздовской дивизіи: выбыло изъ строя больше половины команднаго состава. Начальникъ дивизіи ген. Туркулъ тяжело контуженъ. Потери вообще очень серьезныя. Въ виду этого комкоръ (командиръ корпуса — ген. Кутеповъ) рѣшилъ отступить обратно къ Перекопу, разсчитывая, впрочемъ, утромъ ликвидировать красныхъ.

Генкварм выслушалъ всю передачу молча и только минутами, по словамъ А., мѣнялся въ лицѣ и кусалъ губы.

Неужели же все погибнетъ?..

Какая страшная минута, а вся почти ставка уже мирно спитъ.

Проходя обратно къ себѣ въ вагонъ, генкварм сказалъ начальнику связи ген. шт. полк. П. не то въ раздумьи, не то, какъ бы, сѣтуя на кого-то, не послушавшаго его:

— А въ общемъ, ночи безумныя, ночи безсонныя...

Странная фраза. Мы долго думали, что она можетъ обозначать.

26-го мая.

Ѣздилъ въ срочную командировку съ приказами въ штабъ своднаго корпуса, стоящій въ Джимбулукѣ. По дорогѣ безъ конца встрѣчались эшелоны донцовъ, настроенныхъ весьма, какъ будто, воинственно. Вопреки всѣмъ страхамъ и опасеніямъ дѣло Сидорина не повліяло на выступленіе донцовъ на фронтъ.

На фронтѣ упорные бои.

Несмотря на это въ освобожденныя мѣста уже хлынули цѣлые эшелоны спекулянтовъ. Разница въ цѣнахъ огромная: цѣны ниже Крымскихъ въ 20 — 30 — 50 разъ. Никакихъ мѣръ противъ спекулянтовъ пока не принимается.

27-го мая.

Вернулся въ 9 часовъ утра въ Джанкой.

Въ 10 часовъ главкомъ лично допрашивалъ перебѣжчика — офицера Дроздовскаго полка, когда-то оставленнаго нами при одномъ изъ отступленій въ лазаретѣ. Бѣдняга страшно волновался, прикладывалъ поминутно руку къ фуражкѣ безъ кокарды, блѣднѣлъ, путался.

Днемъ генералъ-квартирмейстеръ полетѣлъ лично на аэропланѣ къ генералу Слащеву, находящемуся въ 30 верстахъ отъ Мелитополя. Вечеромъ вернулся.

Слащевъ понесъ въ бояхъ сегодня большія потери, но, говорятъ, бодръ.

Передаютъ, будто генквармъ сказалъ, что Слащевъ будетъ въ Мелитополѣ ночью.

28-го мая.

Въ 10 часовъ утра опубликовано оффиціальное сообщеніе о взятіи Мелитополя.

Въ полдень узналъ о серьезной нашей неудачѣ въ раіонѣ Ново-Алексѣевки.

Отрядъ красныхъ атаковалъ внезапно это селеніе, занятое Чеченской бригадой ген. Ревишина. Штабъ бригады частью изрубленъ, частью увезенъ на автомобиляхъ во главѣ съ самимъ Ревишинымъ. Двое его сыновей-мальчугановъ хотѣли сѣсть съ отцомъ въ автомобиль, но красные ихъ выбросили, спаслось лишь 7 человѣкъ. Положеніе возстановлено только сейчасъ.

Дроздовцы и марковцы продолжаютъ нести очень серьезныя потери. По свѣдѣніямъ изъ штаба корпуса Кутепова корпусъ за три дня наступленія потерялъ до 23% своего состава. Кромѣ того мы потеряли 4 броне-автомобиля, компенсировавъ, впрочемъ, эту потерю хорошимъ исправнымъ бронепоѣздомъ, захваченнымъ Слащевымъ.

До вечера — упорные бои.

29-го мая.

Въ раіонѣ корпуса ген. Писарева противникъ, видимо, еще не ликвидированъ. По крайней мѣрѣ Алексѣевка (гдѣ былъ позавчера главкомъ) опять обстрѣливалась какимъ-то кавалерійскимъ отрядомъ. Отсутствіе кавалеріи у насъ даетъ громадныя преимущества краснымъ. Пожалуй, это главный ихъ плюсъ.

Въ общемъ фронтѣ имѣетъ сегодня видъ полумѣсяца, вогнутаго въ нашу сторону. Съ фланговъ мы охватываемъ красныхъ, въ центрѣ они все еще господа положенія чуть ли не у самыхъ перешейковъ. Соединенія съ десантнымъ корпусомъ Слащева все еще нѣтъ.

Мелитополь взятъ, захваченъ, говорятъ, трофеи, но желѣзная дорога туда все еще подъ угрозой.

Въ 9 часовъ утра генералъ-квартирмейстеръ опять полетѣлъ къ Слащеву. Всѣ отдаютъ должное его смѣлости и энергіи.

30-го мая.

На фронтѣ упорные бои продолжаются. Въ центрѣ положеніе наше улучшилось. Авангарды выдвинулись за Рождественскую.

Днемъ слышалъ разговоръ главнокомандующаго съ ген. Георгіевичемъ. Послѣдній обронилъ, между прочимъ, фразу о томъ, что помѣщики не совсѣмъ довольны новымъ земельнымъ закономъ.

Главнокомандующій громко произнесъ:

— Я самъ помѣщикъ и у меня первого придется дѣлить землю...

Кстати о земельномъ законѣ.

Распространяется онъ съ черепашьей медлительностью. На раіонъ каждаго корпуса посылается, кажется, по 500 экземпляровъ, — всѣ платные по 100 руб. за экземпляръ. Масса ихъ осѣдаетъ въ канцеляріяхъ и штабахъ, гдѣ каждый писарь считаетъ своимъ долгомъ взять «на память». На моихъ глазахъ, пока

ординарцы разсортировали приказъ, нѣсколько полковниковъ изъ генштаба потребовали его для себя. Безплатныхъ экземпляровъ отдѣлъ печати до сихъ поръ не удосужился напечатать. Безграничной важности реформа проводится съ безграничной канцелярской глупостью.

Въ 4 часа дня главкомъ уѣхалъ въ своемъ составѣ въ Севастополь. Ставка осталась. За главкома — Шатиловъ.

Вечеромъ ротм. С., Ал. К. и я вспоминали, въ связи со слухами о шпіонажѣ въ ставкѣ, исторію «Строевъ — генштабъ — ротм. кн. К.»

Еще изъ эпохи Деникина и Тихорѣцкой.

Узналъ любопытныя подробности: Оказывается свыше 80% офицеровъ генеральнаго штаба дѣйствительно на службѣ у совѣтской власти. Строевъ былъ у нихъ авіоглавомъ. Опустился онъ подъ Тихорѣцкой въ наше расположеніе несомнѣнно по ошибкѣ, такъ какъ наши акціи въ тѣ дни съ неудержимой быстротой катились уже къ Новороссійску и никакихъ надеждъ на исправленіе дѣлъ у Строева быть не могло. Да и онъ самъ не скрывалъ происшедшей ошибки. Несмотря на это, когда его привели въ поѣздъ ставки и ввели въ вагонъ оперативнаго отдѣленія, нѣкоторые офицеры генштаба (коллеги, кажется, по выпуску) встрѣтили его оживленными восклицаніями, а капитанъ Г. даже бросился ему на шею. Дѣлу былъ приданъ такой видъ, будто Строевъ опустился къ намъ нарочно.

Ротм. кн. К. (офицеръ для порученій при ген. Деникинѣ), ошеломленный происшедшимъ, допустилъ нѣсколько очень рѣзкихъ выраженій по адресу генштаба. Объ инцидентѣ доложили ген. Деникину, указавъ, что Строевъ опустился нарочно. Ген. Деникинъ тотчасъ же уволилъ 70-лѣтняго князя К. безъ прошенія. Позже вина Строева была доказана.

Договорились до того, что и теперь въ ставкѣ «что-то неладно». Исторія съ Ревишинской бригадой очень подозрительная, хотя могло выдать и само населеніе. Чеченцы съ мѣста въ карьеръ принялись за старое — за грабежи.

Около 12 ночи пріѣхалъ офицеръ — сынъ ген. Ревишина. Онъ просилъ, черезъ ротм. С., ординарцевъ узнать, не давалъ ли главнокомандующій радіо въ Москву... Ленину, предлагая въ обмѣнъ за Ревишина кого-то изъ комиссаровъ. Нелѣпое предложеніе.

Связь съ радіо держалъ какъ разъ въ тотъ день орд. К. Спросили его. К. ничего не слыхалъ: всѣ радіо, шедшія черезъ его руки, были шифрованныя.

31-го мая.

За день много перебѣжчиковъ. Разсказываютъ много интереснаго, хотя все въ общемъ старо: голодъ, терроръ, коробка спичекъ — 500 руб.

Сынъ Ревишина былъ принятъ сегодня генквармомъ. Все надѣялся на радіо. Конечно, вздоръ.

2 час. дня. Радіо о занятіи красными Кіева. Скверно дѣло. Если у поляковъ такъ пойдетъ дальше, то... стоило ли намъ выходить изъ Крыма?.. Полное «анулированіе» нашихъ успѣховъ; повтореніе прошлогоднѣй исторіи, когда думали соединяться съ Колчакомъ.

Вечеромъ бесѣдовалъ съ нашимъ офицеромъ-перебѣжчикомъ, лично извѣстнымъ генералу-квартирмейстеру.

Откровенно говоритъ, что въ конечномъ итогѣ мы едва ли можемъ разсчитывать на побѣду. Слишкомъ разогрѣтъ классовой антагонизмъ (у насъ,

конечно, пропаганды ни на полушку!), слишкомъ велико численное превосходство.

Настроеніе вечеромъ скверное. Все время въ головѣ Кіевъ. Красные обстрѣливаютъ Мелитополь. Безрезультатно.

Узналъ еще, что мы д о л ж н ы были начать наступленіе и выползти изъ Крыма. И должны были сдѣлать это именно не позже воскресенья, такъ какъ на вторникъ было назначено наступленіе красныхъ. Захвачены приказы, заготовленные балоны съ удушливыми газами и т. д.

Вечеромъ доставили пиіона: нацѣпилъ дуракъ Георгія при аннинской лентѣ.

1-го іюня.

За весь день ничего особеннаго. Къ вечеру получены сообщенія, что корпусъ ген. Слащева былъ вчера и сегодня въ очень критическомъ положеніи. Большевики окружали его подковообразно съ трехъ сторонъ. Съ трудомъ удалось разбить ихъ. Нашей развѣдкой обнаружено подтягиваніе резервовъ 8-й сов. арміи. Послѣ обѣда главкомъ уѣхалъ въ Севастополь. Ставка осталась въ Джанкоѣ.

2-го іюня.

Утромъ слушалъ показанія нашихъ офицеровъ-перебѣжчиковъ и агентовъ развѣдки, бывшихъ у красныхъ.

Впечатлѣніе самое безотрадное.

Говорятъ, никакихъ возстаній на югѣ сейчасъ нѣтъ (а наши газеты-то, а «Вел. Россія» пекутъ ихъ, что твои блины!). Объ особенныхъ насиліяхъ надъ простымъ населеніемъ тоже ничего не слышно.

О нашей арміи населеніе сохранило вездѣ опредѣленно-скверныя воспоминанія и называетъ ее не Добрарміей, а «грабьарміей». На Кубани и въ Новороссійскѣ сдалось въ общей сложности 10.000 офицеровъ. Почти всѣ яко бы живы. Совѣтская власть будто бы прилагаетъ всѣ усилія, чтобы привлечь ихъ на свою сторону. Многіе уже служатъ въ красныхъ арміяхъ. Ведущихъ, впрочемъ, агитацію противъ большевиковъ безпощадно разстрѣливаютъ.

Днемъ слышалъ опять жалобы на грабежи и безчинства казаковъ. Тащатъ вездѣ лошадей. Командиры частей ничего не могутъ подѣлать, хотя были даже случаи, что стрѣляли изъ револьверовъ.

Главкомъ, между прочимъ, приказалъ немедленно устранять отъ должности командировъ частей, гдѣ обнаружены безчинства.

11 ч а с. в е ч е р а. Ошеломляющая новость.

Генералъ-квартирмейстеръ приказалъ черезъ начальника связи кап. Г—ву начать секретное разслѣдованіе по поводу передачи какой-то нашей радіостанціей важнѣйшаго оперативнаго приказа (боевой директивы штаглава) отъ 28-го мая въ незашифрованномъ видѣ. Въ приказѣ обозначена вся дислокація Донского корпуса, взятой въ плѣнъ красными бригады ген. Ревишина и другихъ частей. Указанъ часъ начала операцій и т. д.

Радіо перехваченно нашей канонеркой въ Азовскомъ морѣ. Командиръ канонерки въ сильнѣйшемъ изумленіи доложилъ объ этомъ телеграфно командующему флотомъ. Въ результатѣ вчера дошло до ставки.

Если это не фальсификація нашего приказа, переданная совѣтскимъ радіо нарочно для того, чтобы спутать карты, то... не подлежитъ ни малѣйшему

сомнѣнію, что на одномъ изъ нашихъ радіо (скорѣе всего — корпусномъ или дивизіонномъ) сидитъ агентъ совнаркома.

Происшедшее держится въ строжайшемъ секретѣ.

3-го іюня.

Ничего особеннаго. Бои продолжаются. Въ 10 часовъ вечера вернулся главкомъ.

4-го іюня.

Главнокомандующій впервые ѣздилъ въ освобожденный Мелитополь. Прибылъ подъ вечеръ и со станціи проѣхалъ на автомобилѣ въ церковь. На улицахъ было не мало народа. Многіе кричали — «ура», хотя большинство населенія все еще не вѣритъ своему избавленію и, опасаясь возвращенія красныхъ, боится даже открыто высказываться.

Слышавшіе рѣчь главкома, которую онъ произнесъ съ паперти къ народу, утверждаютъ, что онъ очень рѣзко говорилъ объ еврейскомъ засиліи и обѣщалъ вырвать народъ изъ рукъ евреевъ. Не знаю, вѣритъ ли этому или нѣтъ, такъ какъ оффиціальнаго текста рѣчи въ поѣздѣ нѣтъ, а слова Врангеля весьма часто каждый трактуетъ по-своему.

Во время поѣздки произошелъ любопытный казусъ.

На ст., кажется, Таганашъ, къ хор. П. (адъютанту главнокомандующаго) явился секретарь епископа Веніамина съ просьбой отъ имени владыки разрѣшить прицѣпить вагонъ архіерея, находящійся на станціи, къ составу главкома. П. пошелъ въ вагонъ спрашивать разрѣшенія, однако, черезъ минуту появился снова на платформѣ и, не давая никакого отвѣта секретарю, крикнулъ торопливо коменданту поѣзда:

— Прикажите скорѣе отправлять... У насъ нѣтъ времени простаивать.

Тотчасъ же поѣздъ тронулся. Растерявшійся секретарь остался посреди платформы. Случай обратилъ на себя общее вниманіе. Акціи крайнихъ правыхъ, видимо, падаютъ...

5-го іюня.

Утромъ вернулся изъ Мелитополя главкомъ.

Въ 11 произошелъ оригинальный инцидентъ, имѣющій нѣкоторую связь съ описаннымъ выше.

Главнокомандующій, прогуливаясь, увидѣлъ на платформѣ ставки браваго полковника одного изъ кавалерійскихъ полковъ. Поздоровался. Спросилъ, гдѣ онъ служитъ.

— Состою въ распоряженіи ген. Слащева, ваше высокоп-во, — отвѣчалъ тотъ. Главкомъ нахмурился, обернулся къ вагону генерала-квартирмейстера и, замѣтивъ въ окнѣ фигуру ген. Шатилова, крикнулъ громко:

— Павлуша! Есть такая должность? — состоять въ распоряженіи Слащева?..

— Конечно, нѣтъ... — отозвался Шатиловъ, не посмотрѣвъ даже, кажется, хорошенько, о комъ идетъ рѣчь. И добавилъ: — На фронтъ надо!..

— Кромѣ того, ваше высокоп-во... — началъ оторопѣвшій, перепуганный полковникъ... — кромѣ того, я... я еще состою также въ распоряженіи епископа Веніамина...

— Что-о?!.. — весь вспыхнулъ сразу ген. Врангель... — епископа Веніамина? Да я вамъ кадило тогда прикажу въ руки дать!.. Будете ходить и кадить... Отъ фронта уклоняетесь?.. Да, какъ вы смѣете!..

Дальнѣйшія выраженія записать не берусь, такъ какъ платформа мгновенно опустѣла. Попрятались въ вагоны всѣ — до ординарцевъ включительно.

Только со стороны вокзала собралась на почтительномъ разстояніи толпа публики, до которой прекрасно долетали громовые раскаты голоса главкома. Говорятъ, были слова весьма и весьма сильныя.

Результатъ. Въ 12 часовъ дня полковникъ отправленъ подъ карауломъ въ Севастополь подъ арестъ.

6-го іюня.

Выходъ изъ Крыма закончился. Опубликовано пространное оффиціальное сообщеніе о результатахъ 12-ти дневной операціи и приказъ главкома. Въ приказѣ упоминается, что — «армія выведена изъ почти безнадежнаго положенія. Взято 47 орудій, 250 пулеметовъ, 10.000 плѣнныхъ. Наштаглавъ (генералъ Шатиловъ) произведенъ въ генералъ-лейтенанты, генквармъ — въ генералъ-маіоры.

Производство полк. Коновалова встрѣчено всѣми очень горячо и сочувственно. Всѣ рады. Его участію въ успѣхѣ всѣ придаютъ исключительное значеніе. Вечеромъ генштабъ чествовалъ его... яичницей и рюмкой водки.

7-го іюня.

Первыя опредѣленныя извѣстія о переходѣ полевой ставки въ Мелитополь. Получены нѣкоторыя свѣдѣнія о понесенныхъ нами потеряхъ. Потери весьма серьезныя: въ Дроздовской дивизіи въ батальонахъ осталось по 30—40 человѣкъ. Ощущается недостатокъ въ питаніи патронами и снарядами. Англійская обувь страшно трескается отъ утренней росы. Ноги у пѣхоты переранены.

Въ газетахъ (осважныхъ, конечно) изображаютъ дѣло такимъ образомъ, будто бы при выходѣ изъ Крыма потери понесли одни красные. Разумѣется, ложь. Вопросъ о снѣшныхъ пополненіяхъ — сейчасъ вопросъ для насъ жизни и смерти. У Чонгарскаго моста однимъ изъ разрывовъ тяжелаго снаряда была уничтожена почти цѣликомъ цѣлая рота марковцевъ, находившаяся въ резервѣ. Снарядъ угодилъ въ сарай, гдѣ они расположились. На мѣстѣ сарая образовалась громадная воронка, вокругъ которой копошились раненые и умирающіе. Крови было столько, что собака, опустившаяся въ воронку, выползла обратно вся алаго цвѣта и долго встряхивалась, какъ послѣ купанія. Я описалъ этотъ случай въ одномъ изъ «Писемъ изъ ставки», что посылалъ въ «Военный Голосъ». Цензура не пропустила.

Въ 12 часовъ ночи вернулся съ позицій 1-го корпуса главнокомандующій.

8-го іюня.

Утромъ главкомъ принималъ главнаго военно-морского прокурора Ронжина и громко возмущался грабежами казаковъ. Главкомъ требовалъ безпощадной расправы надъ всѣми начальниками частей, не сумѣвшими справиться съ грабителями. О полк. Н. и, кажется, о Г. было сказано:

— Повѣсьте ихъ тамъ...

Черезъ часъ былъ пріемъ Донского атамана. Къ этому времени на перронѣ появились какъ разъ группа крестьянъ съ жалобами на донцовъ. Все на почвѣ

самовольныхъ «реквизицій» коней. Разыгрывается цѣлая трагедія. Обезлошаденные послѣ Новороссійска донцы считаютъ своей первѣйшей задачей въ новомъ походѣ добыть себѣ коня. Главкомъ черезъ хор. П. предложилъ крестьянамъ обратиться непосредственно къ атаману. Адъютантъ атамана ес. Ж. долго и угрюмо читалъ ихъ прошенія.

Вечеромъ была М-ме К. — жена штабсъ-капитана, осужденнаго за грабежъ. Смертная казнь была замѣнена ему пожизненной каторгой. На прошеніи о большемъ смягченіи его участи главнокомандующій положилъ резолюцію: «Грабителямъ пощады нѣтъ». Дежурный ординарецъ стѣснялся передать ей резолюцію и долго говорить съ ней пришлось ес. Л. Любопытна резолюція, положенная на другомъ прошеніи офицера, разжалованнаго за взяточничество въ рядовые, служившаго затѣмъ въ Польской арміи и теперь просящаго о возстановленіи въ чинахъ. Резолюція гласитъ: «Взяточниковъ русской арміи не надо».

9-го іюня.

Съ 12 часовъ дня приступлено къ свертыванію ставки. Въ 3,20 отходитъ штабный поѣздъ. Личный составъ главкома идетъ вслѣдъ. Въ Мелитополь прибыли: 1-й составъ въ 9,30 вечера, главкомъ въ 12,30 ночи. Быстро развернулись, несмотря на дождь, и тотчасъ приступили къ работѣ.

Мелитопольскій періодъ

10-го іюня.

Въ 9 часовъ утра главнокомандующій уѣхалъ на фронтъ къ Слащеву.

Пріѣхавшіе со штабомъ разбрелись по городу, отстоящему отъ станціи на три версты. Пробуемъ опредѣлить отношеніе населенія, крестьянъ: конечно, оно далеко отъ осважно-восторженнаго. Очень далеко. Если не обманываетъ первое впечатлѣніе — отношеніе просто безразличное какъ къ очередной новой власти. А сколько этихъ властей уже перевидало здѣсь населеніе?!.. Да и любитъ насъ пока, какъ будто, не за что: о земельномъ законѣ три четверти населенія не имѣетъ еще и представленія, а вотъ цѣны на продукты съ нашимъ приходомъ вскочили во много разъ. Къ тому же съ мѣста въ карьеръ объявили мобилизацію. Интересно знать, какіе она дастъ результаты. Несомнѣнно, это крайній шагъ, на который з а с т а в и л а насъ рѣшиться острая необходимость: армія, въ особенности 1-й (Добровольческій) корпусъ таетъ съ жуткой быстротой и, разумѣется, только по «Вел. Россіи» etc. мы совершаемъ не отчаянно, быть можетъ, рискованный походъ, а какой-то тріумфальный Spaziergang. Эти господа или ничего не смыслятъ, или негодяи. Средняго ничего быть не можетъ.

Сегодня вышелъ здѣсь 1-й номеръ нашей полувоенной газеты «Голосъ фронта». Цѣна пятьдесятъ рублей. Недѣлю тому назадъ совѣтскія «Извѣстія» въ 4 большихъ страницы продавались здѣсь по полтора — два рубля за номеръ. Отпечатанъ на лоскуткѣ бумаги и безсодержателенъ, какъ и вся наша казенная пропаганда. Населеніе отъ такой цѣны шарахается въ сторону.

Ночью вернулся отъ Слащева и изъ расположенія 12-й дивизіи главкомъ. Черезъ два часа его составъ отошелъ въ Севастополь. Ставка осталась въ Мелитополѣ.

11-го іюня.

На фронтѣ тяжелые бои. Мы продолжаемъ нести серьезныя потери. Откуда мы будемъ ихъ пополнять — аллахъ вѣдаетъ.

12-го іюня.

Тоже.

13-го іюня.

Оффиціально опубликовано о взятіи нами 11-го Бердянска, который занятъ десантнымъ отрядомъ подъ командой кап. 1-го ранга Машукова. 12-го отрядъ соединился съ корпусомъ Слащева.

Въ раіонѣ 13-й дивизіи у Б.-Токмака съ 9-го идутъ сильные бои съ перемѣннымъ успѣхомъ. Токмакъ переходитъ изъ рукъ въ руки. 10-го красными восточнѣе Токмака взяты въ плѣнъ наши двѣ роты Бѣлостокскаго полка. По свѣдѣніямъ развѣдки противникъ по всему фронту подтягиваетъ резервы (по газетамъ они у красныхъ давно уже «истощены до конца»).

Пріѣзжалъ Кутеповъ, былъ у наштаглава и уѣхалъ обратно.

Сегодня въ поѣздѣ читали совѣтскую газету съ воззваніемъ къ нашимъ офицерамъ. Воззваніе призываетъ офицеровъ объединиться вокругъ «старыхъ боевыхъ товарищей» и спасать «матушку Русь». Среди подписей старыхъ «боевыхъ» имена Брусилова, Поливанова, Зайончковскаго, Парскаго, Келембовскаго, Валуева, Гутора, Акимова.

Вечеромъ — сообщеніе объ оставленіи нами подъ давленіемъ противника Бердянска. Пробыли въ немъ всего два дня. Какая-то непонятная кадриль.

14-го іюня.

Вернулся главкомъ.

15-го іюня.

Въ 6 часовъ утра полевая ставка была разбужена грохотомъ взрывовъ. Аэропланъ противника, пролетая надъ поѣздами главнаго командованія, сбросилъ три бомбы. Одна разорвалась въ саду возлѣ домика, гдѣ стояли автомобили штабного гаража — десяткахъ въ двухъ саженей отъ вагона ген. Врангеля.

Боевой тревоги сдѣлать не успѣли. Бронепоѣздъ («Солдатъ»), охранявшій ставку, проспалъ.

На всемъ фронтѣ начался нашъ отходъ. Въ раіонѣ восточнѣе и сѣверо-восточнѣе Мелитополя обнаружено стягиваніе сюда крупныхъ силъ конницы Жлобы, переброшенной изъ раіона Минеральныхъ Водъ. Б.-Токмакъ уже въ рукахъ Жлобы.

На Днѣпрѣ противникъ переправился на нашъ берегъ въ раіонѣ Горностаева, а послѣ того, какъ былъ выбитъ оттуда, занялъ силами до одной дивизіи Каховку, угрожая закрѣпленіемъ здѣсь тетъ-де-пона.

Такимъ образомъ положеніе на всемъ фронтѣ создается чрезвычайно серьезное.

. . . . . .

Чтобы не утомлять читателя излишними подробностями развившихся въ этотъ періодъ времени многочисленныхъ и ожесточенныхъ боевъ въ анализѣ которыхъ ни въ какой степени не могу считать себя компетентнымъ — опускаю временно свою каждодневную запись и буду возвращаться къ ней лишь постолько, посколько она связывается тѣсно, въ томъ или иномъ случаѣ, непосредственно съ жизнью полевой ставки главнаго командованія.

Итакъ, въ срединѣ іюня мѣсяца армія ген. Врангеля впервые встрѣтилась съ значительной опасностью, грозившей свести на нѣтъ все начатое дѣло.

Наибольшую опасность представляла, конечно, конная группа Жлобы, причисленная по справедливости къ лучшимъ войскамъ красной кавалеріи. Я не имѣю сейчасъ подъ рукой точныхъ данныхъ относительно ея численности, но надо полагать, что численно она дѣйствительно превосходила нашу конницу во много разъ.

Въ промежутокъ времени между 15-мъ и 20-мъ іюня обѣ стороны производили энергичныя перегруппировки и подтягиваніе резервовъ, готовясь къ рѣшительному сраженію.

На разсвѣтѣ 20-го іюня начался бой.

Будущій военный историкъ, вѣроятно, съ любопытствомъ остановится на этой страницѣ гражданской войны. Я не считаю себя въ правѣ — повторяю еще разъ — производить разборъ этой операціи съ чисто-военной стратегической точки зрѣнія, точно также не берусь судить, дѣйствительно ли одержанная надъ Жлобой побѣда была «случаемъ небывалымъ въ исторіи тактики» (какъ гласили наши оффиціальныя сообщенія) или... или правы большевики, утверждавшіе позже, что на Жлобу была возложена лишь яко бы задача произвести на нашемъ правомъ флангѣ демонстрацію крупными силами для того, чтобы закрѣпить тѣмъ временемъ за собою обладаніе, оказавшимся дѣйствительно для насъ смертельнымъ, Каховскимъ тетъ-де-пономъ.

Не какъ военному, но какъ сотруднику печати, имѣвшему возможность хорошо ознакомиться со всѣми матеріалами, относившимися къ обѣимъ операціямъ, представляется мнѣ, что истина, какъ это часто въ такихъ случаяхъ бываетъ, лежитъ посрединѣ.

Съ одной стороны, безспорно, что армія ген. Врангеля, сумѣвшая силами чуть не одной только пѣхоты окружить мощную кавалерійскую группу, грозившую отрѣзать стремительнымъ броскомъ и ставку, и армію отъ Крымскихъ перешейковъ, одержала блестящую побѣду. Число плѣнныхъ (11,500), количество орудій (60) и другихъ трофеевъ — реальное тому доказательство. Съ другой — совершенно ясно, что именно вынужденная для насъ переброска чуть ли не всѣхъ лучшихъ силъ для спасенія отъ Жлобы на правый флангъ позволила красному командованію совершенно почти свободно переправиться на нашъ берегъ черезъ Днѣпръ и закрѣпить за собою роковой Каховскій тетъ-де-понъ, то-есть произвести операцію, имѣвшую въ конечномъ октябрьскомъ итогѣ смертельный исходъ для Крыма и арміи.

Допустили переправу и дали закрѣпиться части, подчиненныя ген. Слащеву. Нѣсколько позже именно это обстоятельство послужило поводомъ къ почетному увольненію ген. Слащева отъ службы.

Совѣтская печать чуть ли не до сихъ поръ продолжаетъ утверждать, что планъ, заключавшійся въ комбинированной операціи Жлоба — Каховка, не былъ во время разгаданъ и понятъ командованіемъ ген. Врангеля, которое было

опьянено побѣдой надъ Жлобой и увлечено перспективами задуманной уже высадки десанта на Кубани.

Такъ это или нѣтъ, утверждать опять-таки не берусь. Гораздо, можетъ быть, проще и логичнѣе будетъ искать причины прошедшаго, прежде и раньше всего, въ томъ, что ко времени перехода противника къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ лучшія, самыя надежныя части арміи ген. Врангеля были уже настолько обезкровлены тяжелыми потерями, что напоминали минутами какой-то трагическій Тришкинъ кафтанъ, которымъ, какъ его ни перевертывали, нельзя было прикрыть весьма и весьма существенныхъ мѣстъ постоянно то здѣсь, то тамъ съ рискомъ обнажавшагося фронта. Конкретно такое предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ указанномъ выше донесеніи ген. Кутепова о потеряхъ, понесенныхъ въ самые первые дни наступленія и еще больше въ оперативныхъ журналахъ Корниловской, Марковской и Дроздовской дивизій. Изъ нихъ послѣдняя, напримѣръ, съ 23-го мая до дней, о которыхъ идетъ рѣчь, была отведена въ резервъ только на полтора дня. Все остальное время находилась въ непрестанныхъ бояхъ или маршахъ, мѣняя постоянно на ходу свой таявшій командный составъ и, пополняясь, какъ и всѣ почти, впрочемъ, части арміи, чуть не на 80% плѣнными, такъ какъ своихъ резервовъ или не хватало, или не было. Рано или поздно такое латаніе этого живого кафтана должно было привести къ катастрофѣ, если не вывезетъ какое-нибудь счастливое, отчаянно-смѣлое «авось», какимъ были по очереди операціи Кубанская, Заднѣпровская и послѣдняя на территоріи сѣверной Тавріи. О нихъ подробно дальше.

Возвращаясь къ жизни въ этотъ моментъ полевой ставки, долженъ сказать слѣдующее: ниже читатель встрѣтитъ подчасъ суровую и, можетъ быть, даже иногда слишкомъ смѣлую оцѣнку поступкамъ и дѣятельности тѣхъ или иныхъ лицъ командного состава. Тѣмъ больше обязываетъ чувство справедливости отмѣтить то громадное напряженіе энергіи, съ какой работали ген. Врангель и его штабъ въ дни Жлобовской операціи.

Въ записи отъ 20-го іюня (день рѣшительнаго сраженія) у меня отмѣчено: ...«Всю ночь кипитъ работа. Коноваловъ даже не раздѣвался и, кажется, вовсе не спалъ. Утренняя канонада, начавшаяся съ разсвѣтомъ, застала его на ногахъ. Было замѣтно, что генквармъ сильно волнуется за исходъ операціи, хотя при посторонникъ онъ и старался ничѣмъ не выдавать этого волненія. Да и мудрено было не волноваться.

Къ 7 часамъ утра Жлоба подошелъ на 15 верстъ къ Мелитополю. Къ 9-ти часамъ орудійная стрѣльба отлично слышна не только въ городѣ, но и на ставціи. Кое-кто уже начинаетъ справляться, готовы ли «на всякій случай» паровозы для поѣздовъ ставки. Разговоровъ мало: всѣ въ штабѣ отлично понимаютъ, что игра идетъ ва-банкъ и чутко прислушиваются къ раскатамъ орудій, стараясь опредѣлить, приближается или удаляется стрѣльба.

Къ поѣзду главнокомандующаго то-и-дѣло приходятъ изъ города въ одиночку и группами жители. Справляются, не собираемся ли уходить. Спокойствіе ставки дѣйствуетъ и на нихъ успокаивающимъ образомъ. Главнокомандующій постоянно запрашиваетъ о результатахъ боя. Нѣсколько разъ лично проходитъ въ вагонъ оперативнаго телеграфа. Точныхъ свѣдѣній пока нѣтъ.

Въ исходѣ пятаго часа вечера надъ поѣздомъ появляется аэропланъ.

Черезъ минуту летитъ, какъ обычно, сигнальная ракета. Донесеніе! Вслѣдъ за ней отъ аппарата отдѣляется едва видимая точка съ развѣвающейся для

обозначенія линіи полета и точки паденія цвѣтной лентой. Донесеніе несомнѣнно оттуда — съ поля сраженія. Всѣ бѣгутъ по шпаламъ къ самымъ дальнимъ запаснымъ путямъ, гдѣ упалъ пакетъ. Впереди какіе-то желѣзно-дорожные рабочіе, за ними ординарцы, конвойцы, офицеры штаба. Впереди быстрыми шагами, позабывъ всѣ правила этикета, несется характерная фигура самого ген. Врангеля. На лицѣ волненіе и озабоченность.

Добѣжавшій первымъ ординарецъ передаетъ пакетъ главнокомандующему. Ген. Врангель тутъ же вскрываетъ и читаетъ вслухъ. Въ донесеніи авіоглавъ ген. Ткачевъ сообщаетъ о полномъ разгромѣ противника.»

Побѣда надъ конницей Жлобы была, такъ сказать, золотымъ періодомъ въ краткой исторіи арміи ген. Врангеля.

Въ запискахъ моихъ отъ 21-го іюня и позже отмѣчено:

...«Главнокомандующій считаетъ побѣду надъ Жлобой чѣмъ-то «небывалымъ», неслыханнымъ въ исторіи тактики и стратегіи. Объ этомъ пишется и въ нашихъ оффиціальныхъ сообщеніяхъ, и въ телеграммѣ на имя Кривошеина, и въ газетахъ. Главкомъ постоянно безпокоится, освѣдомленъ ли детально о происшедшемъ Севастополь, и сердится, что до сихъ поръ нѣтъ цифровыхъ данныхъ о трофеяхъ, на которыя онъ, видимо, разсчитываетъ. Г. — корреспонденгъ «Вел. Россіи» все время информируется лично главкомомъ; ему предоставлено право безплатной передачи телеграммъ съ оперативнаго телеграфа. По меньшей мѣрѣ непонятное вниманіе къ газетѣ, не способной ни на что, кромѣ лести.

Въ Севастополѣ въ редакціяхъ другихъ газетъ только пожимаютъ плечами: напрашиваться на приглашеніе въ поѣздъ главнокомандующаго, конечно, ни одна уважающая себя газета не станетъ. Неужели некому указать главкому на неловкость такого положенія.

Всѣ главные виновники побѣды получили награды и повышенія. Ген. Ткачевъ, собственноручно забрасывавшій противника бомбами и вызвавшими страшную панику ракетами, награжденъ орденомъ Николая-Чудотворца. Главкомъ замѣтилъ его въ вагонѣ Коновалова, послалъ адъютанта за орденомъ, затѣмъ вошелъ въ вагонъ и, вдругъ, подойдя вплотную къ авіоглаву, прикололъ лично орденъ. О работѣ летчиковъ говорятъ очень много, объ исторіи, касающейся уничтоженія по ошибкѣ отряда своихъ (донцовъ) много меньше. Не разглядѣли сверху. Говорятъ, что, къ счастью, убито мало.»

22-го іюня.

«Начиная съ полудня, стали прибывать значительныя партіи плѣнныхъ. Почти всѣ раздѣты, вѣрнѣе, оставлены какія-то лохмотья. Съ наступленіемъ холодовъ, если не прибудетъ изъ-за границы обмундированіе, это будетъ сплошной тифъ. Настроеніе огромнаго большинства изъ нихъ весьма далеко отъ того, что пишется въ газетахъ. Народъ просто усталъ отъ войны и ему глубоко безразлично, кто его заставляетъ драться. Многіе не боятся говорить совершенно откровенно: «мобилизуете вы — будемъ драться у васъ противъ большевиковъ, попадемъ въ плѣнъ обратно къ нимъ, мобилизуютъ они — будемъ у нихъ». Что-то животное тупое, страшное, но большинство разсуждаетъ именно такъ. Искательства правды не видно абсолютно почти ни у кого. И въ самомъ дѣлѣ въ нашихъ рядахъ эти господа дерутся не хуже, чѣмъ у большевиковъ, и обратно.

Пропаганды съ нашей стороны среди нихъ, разумѣется, никакой: газеты уже, кажется, по 500 рублей за номеръ. Агитація — доступная только для

спекулянтовъ. Раздѣваніе, повидимому, создаетъ у нихъ сразу опредѣленное на нашъ счетъ представленіе. И когда этому, наконецъ, положатъ предѣлъ?..

22-го іюня.

Продолжается доставка плѣнныхъ. Развѣдывательное отдѣленіе ставки перегружено работой сверхъ всякой мѣры. Вечеромъ генералъ-квартирмейстеръ лично у себя въ вагонѣ допрашивалъ взятаго въ плѣнъ помощника начальника штаба дивизіи группы Жлобы — своего бывшаго однополчанина, кадроваго офицера.

Давалъ показанія, сидя у письменнаго стола генкварма, и, пожимая плечами, совершенно откровенно заявлялъ ген. Коновалову, что считаетъ себя профессіоналомъ своего дѣла и что ему абсолютно безразлично, гдѣ служить. Дошелъ до того, что пояснилъ свои разсужденія слѣдующимъ комплиментомъ:

— Будь вы на моемъ мѣстѣ — и вы бы поступили точно такъ же, и служили бы у нихъ...»

Послѣдняя недѣля іюня мѣсяца не была отмѣчена никакими крупными событіями въ жизни полевой ставки за исключеніемъ развѣ визитовъ «повстанческихъ батько». (Подробно объ этомъ ниже.) Въ виду этого, опустивъ на этотъ промежутокъ времени запись дневниковъ, обратимся лучше къ самому краткому обзору положенія, создавшагося въ этотъ «золотой періодъ» въ тылу и къ творимой руками гг. Тверского, Чебышева, Данченко и т. д. внутренней политики. Такой обзоръ крайне необходимъ для выясненія вопроса: Насколько соотвѣтствовала эта политика надеждамъ арміи, видамъ ставки и успѣху всего дѣла?

О внутренней политикѣ и о тылѣ

Еще 11-го апрѣля, вскорѣ послѣ принятія на себя обязанностей главнокомандующаго, ген. Врангель въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ одной изъ газетъ («Вечер. Времени») обрисовалъ программу своей предстоящей дѣятельности въ области внутренней политики. Бесѣда эта была циркулярно передана всей печати, чѣмъ, такъ сказать, закрѣплялось ея деклараціонное значеніе.

Въ бесѣдѣ этой ген. Врангель рѣшительно подчеркнулъ:

«При разрѣшеніи вопросовъ внутренней жизни я намѣренъ обращаться къ помощи общественности». И далѣе: «Политика будетъ внѣпартійной. Я долженъ объединить всѣ народныя силы. Значительно будетъ упрощено мною управленіе страны, а сотрудники будутъ выбираться не изъ людей партій, а изъ людей дѣла. Не будетъ раздѣленія на монархистовъ и республиканцевъ, а приниматься будутъ во вниманіе лишь знаніе и трудъ».

Спустя нѣкоторое время послѣ этого заявленія, во главѣ южно-русскаго кабинета былъ поставленъ статсъ-секретарь д. т. с. А. В. Кривошеинъ, вѣдомство внутреннихъ дѣлъ (съ отдѣлами просвѣщенія и печати) было поручено д. с. с.

Тверскому и вѣдомство земледѣлія тайн. сов. сенатору Глинкѣ. При этихъ трехъ лицахъ состоялъ значительный штатъ видныхъ Петербургскихъ чиновниковъ до-февральской эпохи.

Въ какой же мѣрѣ и степени согласовалась дѣятельность всѣхъ этихъ лицъ съ программой, торжественно объявленной ген. Врангелемъ?

Краеугольнымъ камнемъ этой программы, какъ извѣстно, ген. Врангель считалъ земельный законъ. Никто не станетъ оспаривать значенія этой реформы, о достоинствахъ или недостаткахъ которой говорить здѣсь не мѣсто.

Но какъ же, какимъ образомъ проводилась въ жизнь эта важнѣйшая реформа?

Еще за три недѣли до распубликованія земельнаго закона въ газетахъ появилось «интервью» съ сен. Глинкой, высказывавшимъ свои взгляды на значеніе реформы. Интервью въ кавычкахъ, такъ какъ de facto это была довольно обширная статья, собственноручно отъ начала до конца написанная г. Глинкой. Статья была передана въ Симферополѣ одному довѣренному лицу съ просьбой распространить копіи ея въ печати подъ видомъ интервью. Это было исполнено, хотя и не до конца. Дѣло въ томъ, что цензура наложила рѣшительное вето на самыя эффектныя мѣста «интервью». Эффектъ же заключался въ апріорномъ утвержденіи министромъ земледѣлія мысли, что цѣна всей реформы собственно говоря мѣдный грошъ до тѣхъ поръ, пока она не будетъ санкціонирована «всеобъемлющей царской властью» и доколѣ не будетъ на Руси «ея державнаго хозяина». Эти два яркихъ мѣста вышли въ газетахъ плѣшивыми, то-есть попросту были вычеркнуты цензурой.

Не касаясь совершенно вопроса о томъ, насколько тактично было, послѣ декларацiи ген. Врангеля, предопредѣлять форму Правленія, не разбирая также, насколько остроумно это было даже съ точки зрѣнія интересовъ самихъ монархистовъ, нельзя здѣсь не обратить вниманія вотъ на что.

Главнокомандующій во всеуслышаніе заявляетъ, что въ его правительствѣ не будетъ людей партій, но будутъ лишь люди дѣла.

Ровно черезъ двѣ недѣли послѣ этого министръ, — членъ правительства, высказываетъ сужденія, имѣющія, какъ будто, болѣе чѣмъ условное отношеніе къ дѣлу.

Но и это еще полъ бѣды. Сужденія высказаны министромъ — представителемъ высшей государственной власти и, слѣдовательно, казалось бы, обязательны для всѣхъ органовъ этой власти. Такъ нѣтъ же, — рядовой провинціальный цензоръ преспокойно черкаетъ ихъ карандашемъ, а читающая публика, шутя, возстанавливаетъ выброшенное.

Я нарочно привелъ именно этотъ эпизодъ, чтобы наглядно иллюстрировать тѣхъ лебедя, рака да щуку, которые запряглись съ самаго начала везти злополучный возъ Крымской внутренней политики.

Къ этому должно добавить, что игра со словомъ «хозяинъ» была въ тѣ дни особенно рискованна. Въ политической части штаба уже было составлено за подписью главнокомандующаго особое обращеніе къ населенію, гдѣ это слово было набрано шрифтомъ, превышавшимъ шрифтъ остального текста во много разъ. Неясность этого обращенія и всевозможные толки, зародившіеся вокругъ него, какъ я уже упоминалъ, заставили впослѣдствіи ген. Врангеля — въ болѣе позднихъ своихъ выступленіяхъ — разъяснить это слово, какъ понятіе о всенародной выборной власти.

Положительно безподобно обстояло дѣло съ распространеніемъ закона по его изданіи.

Казалось, вся логика вещей съ абсолютной очевидностью показывала, что законъ необходимо обратить въ свой главный козырь. Казалось, что деревня будетъ ознакомлена во всѣхъ деталяхъ съ земельной реформой.

Фактически же дѣло, какъ было отмѣчено въ моемъ дневникѣ, свелось къ напечатанію (въ далеко недостаточномъ количествѣ экземпляровъ) самого текста закона со штампомъ: «цѣна 100 рублей». Это послѣ безплатной совѣтской пропаганды, послѣ стоимости совѣтскихъ газетъ въ $1^1/_2$—3 рубля за номеръ.

Не поручусь за достовѣрность, но въ ставкѣ утверждали, что инициатива этой платной пропаганды принадлежитъ не болѣе и не менѣе, какъ г. Кривошеину, и что, будто бы, ген. Врангель былъ противъ этого. Какъ бы тамъ ни было, но это не могло быть продѣлано безъ вѣдома высшей власти.

Въ результатѣ населеніе не только не было проникнуто сознаніемъ о благахъ и выгодахъ реформы, но въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ даже не имѣло о ней сколько-нибудь достаточнаго представленія. Правда, казенно-коштная печать, во главѣ съ «Россіей», увѣряла, что работа идетъ полнымъ темпомъ, что населеніе видитъ въ ген. Врангелѣ чуть ли не второго царя-освободителя и т. д., но все это было безконечно далеко отъ истины, крупицы которой, если онѣ и были, тонули въ облакахъ ѳиміама. 1-го—4-го сентября, уже на порогѣ осени, во время поѣздки ген. Врангеля по всей линіи фронта, лица, его сопровождавшія, могли убѣдиться, какъ мало сдѣлано фактически на мѣстахъ, какъ слаба вѣра крестьянъ въ долговѣчность закона, какой незначительный процентъ населенія освѣдомленъ о немъ и какъ сплошь да рядомъ неудачны и рутинны дѣйствія чиновниковъ, разъяснившихъ и проводившихъ реформу по-своему — со всей неизбывной волокитой и формализмомъ.

И, несмотря на всю лесть и ложь, окружавшія его, ген. Врангель все же догадывался иногда объ истинѣ и, въ такія минуты, выходилъ изъ себя.

Для того, чтобы не быть въ своихъ заключеніяхъ голословнымъ и для того, чтобы показать, каково было истинное положеніе вещей и отношеніе къ нему г. Врангеля, я позволю себѣ привести лишь краткую выдержку изъ своего дневника, содержащую запись характерно-эпизодическаго событія, о которомъ, въ свое время, говорили въ ставкѣ не мало. Вотъ она:

2-го іюня.

«Въ 5 часовъ вечера главнокомандующій бесѣдовалъ съ генералъ-квартирмейстеромъ въ его вагонѣ по поводу проведенія въ жизнь земельнаго закона. Дѣятельность Тверского и его вѣдомства приводитъ главкома въ отчаяніе. Какія-то разъясненія или толкованія этого закона, допущенныя Тверскимъ, вызвали цѣлые громы и молніи.

Обращаясь къ ген. Коновалову, главнокомандующій положительно кричалъ своимъ громовымъ голосомъ на весь поѣздъ генквартира:

— Гдѣ же мнѣ взять честныхъ, толковыхъ людей? Гдѣ они, Германъ Ивановичъ?!.. Гдѣ ихъ, наконецъ, найти?!.. Гдѣ?!..

Въ голосѣ его звенѣли боль и негодованіе».

Только изрѣдка, сквозь дифирамбы кадильнаго осваговскаго хора, прорывались разумные предостерегающіе голоса. Къ числу такихъ принадлежалъ голосъ неугомоннаго, «краснаго» ген. Залѣсскаго — редактора «Воен. Голоса»

(оффиціоза ставки), газеты, критиковавшей постоянно распоряженія власти много смѣлѣе и свободнѣе всей остальной печати.

Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ, то-есть въ дни самыхъ, казалось, радужныхъ надеждъ, ген. Залѣсскій не переставалъ повторять безъ конца:

«Надо неустанно и настойчиво продолжать работу анализа прошлаго — для выявленія его ошибокъ и для сопоставленія ихъ съ текущей жизнью. Въ этомъ нашъ насущный интересъ, нашъ долгъ.

Ни на минуту нельзя забывать прошлаго: надо постоянно помнить, какія причины привели насъ къ катастрофѣ 1919 года съ Новороссійскимъ позоромъ въ финалѣ.

Не прятать ошибки, не затушевывать и замалчивать ихъ надо, а раскрывать и широко распространять». («Воен. Голосъ» — 28 іюня.)

Возможно ли, однако, что все это было въ дѣйствительности?

Приведу два примѣра: въ іюнѣ и въ іюлѣ мѣсяцѣ я въ своихъ «письмахъ изъ ставки» коснулся двухъ больныхъ вопросовъ — реквизицій лошадей и раздѣванія плѣнныхъ. Въ этой области особенно сильно чувствовались прошлогодніе порядки и навыки. Замалчивать безобразія, чинившіяся здѣсь, было просто не разумно, не говоря ужъ о всякихъ моральныхъ соображеніяхъ.

Выше читатель могъ убѣдиться изъ записей дневниковъ, какое значеніе придавалъ борьбѣ съ безчинствами самъ ген. Врангель. Казалось бы, что разобличеніе этихъ безчинствъ совпадало со взглядами главнаго командованія.

Но дѣйствительность не всегда оправдывала эти предположенія.

Первой обратила свое полицейское вниманіе на появившіяся въ «Воен. Гол.» строки, конечно, «Вел. Россія».

Не рѣшаясь открыто оспаривать безспорные факты, эта газета помѣстила замѣтку о нихъ, снабдивъ ее добавленіемъ отъ себя, въ которомъ выражалось возмущеніе по поводу клеветническихъ навѣтовъ большевиковъ на русскую армію. Замѣткѣ былъ приданъ характеръ обзора какого-то (неуказаннаго) органа совѣтской печати.

Но это — мелочь.

Серіознѣе уже другое. Тотчасъ послѣ появленія моихъ писемъ оберъ-квартирмейстеръ полк. Архангельскій выразилъ ген. Залѣсскому свое крайнее неудовольствіе по поводу «тона» газеты и нѣкоторыхъ статей, оскорбляющихъ достоинство арміи и явно-непатріотичныхъ. Точно также разсуждала и соотвѣтствующимъ образомъ дѣйствовала цензура.

Патентъ на патріотизмъ былъ выданъ съ весны — не лично, конечно, ген. Врангелемъ, но просто фактически группѣ лицъ, возглавлявшейся извѣстнымъ проф. Малаховымъ, г. Ножнымъ и г. Бурнакинымъ — редакторомъ «Веч. Слова».

Выходъ сотаго номера этой газеты былъ отпразднованъ въ обстановкѣ, достойной столѣтняго юбилея. На эстрадѣ киноматографа рядомъ съ г. Бурнакинымъ возсѣдали ен. Веніаминъ, оберъ-квартирмейстеръ ставки (тогда еще полк. Д—нъ), начальники отдѣловъ политической части и печати, отдѣловъ, входившихъ еще въ то время въ составъ штаба главнокомандующаго. Вѣроятно, спустя мѣсяцъ, многіе изъ этихъ «почетныхъ гостей» дорого бы дали за то, чтобы вычеркнуть себя изъ списка присутствовавшихъ, но есть, видно, вещи непоправимыя и всѣмъ имъ до конца пришлось выслушать разсужденія г. Бурнакина о томъ, что государственность, для надежной защиты и охраны ея, должно огородить частоколомъ, «сплошь утыканнымъ головами» непокорныхъ,

а власть, созидающая оную государственность, «можетъ быть съ метлой, съ песьей головой, но пусть это будетъ власть!» Комплименты относительно метлы и песьей головы сопровождались въ порывѣ увлеченія невольными жестами въ сторону почетныхъ гостей, часть которыхъ мгновенно испарилась послѣ этой замѣчательной рѣчи. Публика же (простые смертные), сидѣвшая въ креслахъ, вспоминала съ грустью о постановкахъ «Торжественнаго засѣданія, посвященнаго памяти Кузьмы Пруткова», въ незабвенномъ «Кривомъ Зеркалѣ» и соображала, не во снѣ ли она видитъ на сценѣ клобукъ пастыря церкви. И дѣйствительно ни въ какомъ «Кривомъ Зеркалѣ» нельзя было вообразить постановки «патріотизма» болѣе ловкой, чѣмъ это было продѣлано въ кинотеатрѣ «Ампиръ» на Б.-Морской.

Дѣятельность творцовъ этого патріотизма продолжалась вплоть до изданія ген. Врангелемъ приказа, угрожавшаго суровыми репрессіями за возстановленіе одной части населенія противъ другой и... до опубликованія въ печати одного изъ отчетовъ о такъ называемыхъ «патріотическихъ гуляніяхъ».

Изъ этого знаменитаго отчета съ неумолимой очевидностью явствовало, что три четверти валового сбора пришлось израсходовать на:

1) печатаніе объявленія о гуляніи въ газетѣ г. Бурнакина — 52,800 руб., 2) выступленіе г. Бурнакина въ качествѣ оратора — 40,000 руб., 3) на выступленія «другихъ сотрудниковъ» его редакціи — (разныя суммы), 4) помощнику распорядителя — 50,000 руб., 5) на угощеніе «ораторовъ» — 245,000 руб. и т. д.

Но кромѣ всего этого, какъ писалъ «Воен. Голосъ», нѣкоторыя цифры были удивительно странныя. Такъ напримѣръ:

Доходъ по буфету	852,585 руб.
Расходъ по буфету	863,510 руб.

Выручили менѣе, чѣмъ затратили.

«Видно, — добавляла газета отъ себя, что у буфета близко были «патріоты», оказавшіе и ему должное вниманіе».

Опубликованіе этого славнаго отчета съ доходомъ, обозначеннымъ въ 5.729.410 руб. при расходѣ въ 4.622.071 руб. произвело необычайный эффектъ. Эффектъ усиливался еще тѣмъ обстоятельствомъ, что «ораторы» выпили 27 ведеръ вина. (Подробности см. въ №№ 62, 65 «Воен. Гол.», въ «Вел. Россіи» и въ другихъ газетахъ.)

По поводу случившагося «Воен. Голосъ», между прочимъ, писалъ:

«Неужели же все это нормально и допустимо — всѣ эти и подобныя благотворительно-патріотическія безобразія?

Надо положить предѣлъ почтенной дѣятельности нѣкоторыхъ «патріотовъ» и «благотворителей», и пора, давно пора, расшифровать этихъ людей».

Только послѣ этого казуса престижъ этихъ лицъ былъ, наконецъ, подорванъ.

Переходя теперь къ вопросу объ общемъ положеніи печати, какъ къ фактору наиболѣе ярко характеризующему всякую внутреннюю политику, должно замѣтить, что оно было въ Крыму далеко не равноправнымъ.

Существовавшіе органы печати могутъ быть раздѣлены на три категоріи:

1) военный оффиціозъ, каковымъ считался «Военный Голосъ» и отчасти прекрасная казачья газета «Сполохъ» въ Мелитополѣ,

2) независимая печать («Крымск. Вѣстникъ» и «Югъ Россіи» и въ теченіе короткаго промежутка времени нѣсколько другихъ газетъ),

3) казеннокоштная печать (вся остальная).

Военный оффиціозъ — въ лицѣ «Воен. Голоса» считался таковымъ лишь номинально, если считать, что задачи оффиціоза не ограничиваются печатаніемъ казенныхъ объявленій и приказовъ. Фактически редакція его въ лицѣ ген. Залѣсскаго вела безконечную упорную борьбу противъ загроможденія трехъ четвертей каждаго номера сотнями приказовъ о производствахъ въ слѣдующій чинъ и объявленіями о торгахъ на гнилую интендантскую картошку. Не было никакой возможности убѣдить власть имущихъ, что безсмысленно и преступно тратить ежемѣсячно милліоны на печатаніе перечней фамилій, когда проще и много дешевле печатать періодически эти перечни въ отдѣльныхъ выпускахъ. Безпокойная дѣятельность ген. Залѣсскаго привела въ конечномъ итогѣ къ освобожденію его отъ редактированія «Воен. Голоса» съ почетнымъ, впрочемъ, формально повышеніемъ. Лишь преемнику его ген. шт. полк. Пронину удалось придать военной газетѣ видъ дѣйствительно газеты, а не исходящаго журнала наградной части.

Печать, не получавшая казенныхъ субсидій, была предоставлена въ смыслѣ преодолѣванія всѣхъ техническихъ затрудненій (бумага, краска, шрифты) сама себѣ. Ей былъ предоставленъ одинъ лишь удѣлъ — безконечная борьба съ глупой, злобной цензурой. Дѣятельность Крымскихъ цензоровъ — сплошной сборникъ веселыхъ анекдотовъ. Послѣднее время убѣждать въ чемъ либо цензоровъ никто не пытался. Газеты просто «ловчили», стараясь какъ-нибудь провести приставленныхъ къ нимъ церберовъ.

Одинъ изъ редакторовъ дошелъ до того, что, получивъ отъ цензора разрѣшеніе на помѣщеніе выдержекъ изъ иностранныхъ органовъ печати, снабжалъ всѣ сомнительныя замѣтки ссылкой «Л. П.», что должно было обозначать названіе какой-то грузинской газеты, въ дѣйствительности же означало начальныя буквы словъ — «ловко провелъ».

Иногда конфликты между цензурой и печатью принимали острый характеръ.

Въ этомъ отношеніи любопытна исторія столкновенія Арк. Аверченко съ Тверскимъ и Данчепкой.

Г. Тверской закрылъ газету «Югъ Россіи» (изданіе сотрудниковъ «Русск. Слова»), во главѣ которой стоялъ А. Т. Аверченко.

Закрытіе было объявлено временнымъ — на три, кажется, недѣли, въ видѣ кары за неисполненіе правилъ цензуры.

Такъ какъ единственнымъ матеріаломъ, прошедшимъ въ газетѣ безъ цензуры, была коротенькая хроникерская замѣтка о пріѣздѣ кого-то изъ чиновъ французской миссіи, помѣщенная по просьбѣ этой миссіи, то редакція сообщила о происшедшемъ французамъ.

Тѣ выразили свое крайнее недоумѣніе, какимъ образомъ при демократическомъ кабинетѣ г. Крипіошеина возможно что либо подобное.

Одновременно А. Т. Аверченко посѣтилъ ген. Врангеля, которому поднесъ свою послѣднюю какъ разъ вышедшую книгу со слѣдующей надписью (воспроизвожу на память):

«Въ знакъ моего глубокаго уваженія лично къ вамъ, прошу васъ принять на добрую память мою лебединую пѣснь. Послѣ закрытія моей газеты не могу оставаться въ Крыму и уѣзжаю заграницу».

Ген. Врангель приказалъ генералу для порученій ген. А. посѣтить Аверченко, благодарить его за книгу и сообщить, что имъ уже отданъ приказъ о разрѣшеніи «Югу Россіи» выходить вновь.

Приказъ былъ дѣйствительно отданъ, но... власти, возглавлявшіяся г. Тверскимъ, ухитрились оттянуть исполненіе его еще на два дня.

Спустя день или два ген. Врангель лично бесѣдовалъ съ Аверченкой у себя во дворцѣ. Вскорѣ послѣ бесѣды стало извѣстно объ отставкѣ Данченки.

Таково было положеніе «своекоштной» печати.

Не въ примѣръ ей казеннокоштная находилась на положеніи кота на масленицѣ.

Къ ея услугамъ были всѣ виды легальныхъ и нелегальныхъ субсидій.

Въ двухъ словахъ субсидіи эти сводились главнымъ образомъ къ слѣдующему:

1) къ выдачѣ безплатно бумаги,
2) къ гарантированію обязательными подписчиками,
3) къ реквизиціи типографій или машинъ,
4) къ снабженію деньгами.

Первый способъ былъ самымъ распространеннымъ. Послѣдующіе три были удѣломъ наиболѣе ловкихъ и способныхъ «издателей».

За исключеніемъ двухъ-трехъ отмѣченныхъ выше газетъ вся остальная печать жила на счетъ вѣдомства г. Тверского, а иногда и на разныя спеціальныя суммы.

Нельзя сказать, чтобы среди этой печати вовсе не было сколько-нибудь чистоплотныхъ изданій. Исключенія, конечно, были, но en masse вся голодная стая на рѣдкость мало-почтенныхъ гг. редакторовъ-издателей этихъ газетъ изощрялись только въ томъ, какъ бы заслужить благоволеніе начальства, а иногда даже того или иного генерала. Были газеты «Кутеповскія», «Слащевскія» и т. д. Изъ всей этой газетной братіи я считалъ своимъ долгомъ выдѣлить одну газету, пользовавшуюся широкой поддержкой казны, но никогда, кажется, не занимавшуюся прислужничествомъ и кажденіемъ ѳиміама. Это Симферопольскій «Крестьянскій путь». Не зная совершенно, кто работалъ въ этой газетѣ, я все же не могу не выдѣлить ея руководителей изъ числа остальныхъ. Независимо держалось и «Веч. Время» Б. А. Суворина, подвергавшееся нѣсколько разъ конфискаціямъ и штрафамъ.

Сплошнымъ олицетвореніемъ лести и прислужничества была безспорно Чебышевско-Шульгинская «Великая Россія», пользовавшаяся особымъ благоволеніемъ ген. Врангеля и сыгравшая, какъ и при ген. Деникинѣ, фатальную роль своимъ специфическимъ оптимизмомъ до послѣдней минуты.

Едва ли можно представить себѣ безъ особаго полета фантазіи тѣ гомерическія цифры, опредѣлявшія суммы расходовъ, въ которыхъ выражались траты на содержаніе всей этой рр..равняйсь-прессы.

Сомнительно, чтобы дѣло ограничивалось одними милліонами, когда изданія лишь одного г-на Чебышева и черезъ него устраивавшіяся поглощали единовременно милліонныя ссуды*.

---

* Я не хочу этимъ сказать, что г. Чебышевъ или его друзья воспользовались лично для себя хоть одной копѣйкой этихъ денегъ, исключая, впрочемъ, очень крупные гонорары. Рѣчь идетъ лишь о безумныхъ никчемныхъ тратахъ скуднаго достоянія казны.

Всѣ эти колоссальныя траты на содержаніе органовъ пропаганды могли бы, разумѣется, имѣть свое оправданіе, если бы онѣ производились:

а) на изданіе газетъ, доступныхъ по крайней мѣрѣ для массы населенія, и б) при условіи принятія на себя издателями обязательствъ выпускать и распространять ихъ въ достаточномъ количествѣ.

Что же было въ дѣйствительности?

Всѣмъ, жившимъ въ Крыму, отлично извѣстно, что 1) цѣны на газеты возросли къ осени до одной тысячи рублей за номеръ въ половину нормальнаго листа (при цѣнѣ совѣтскихъ $1^1/_2$—3 рубля) и во 2) семь восьмыхъ ихъ читались за чашкой утренняго кофе, такъ какъ были написаны языкомъ едва ли доступнымъ для простого народа. Все это поразительно напоминало прошлогоднюю пропаганду исключительно въ залахъ и буфетахъ 1-го класса.

Еще великолѣпнѣй обстояло дѣло съ распространеніемъ этихъ органовъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, затребованнымъ ставкой въ іюнѣ мѣсяцѣ, всѣ получавшіяся ежедневно на фронтѣ газеты, распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

1-й корпусъ	485	экз.
2-й корпусъ	565	экз. (черезъ день)
Конный	330	экз.
Донской	270	экз.

Всего, слѣдовательно, 1650 экземпляровъ*. На весь фронтъ. На всю армію со штабами! Если вычесть изъ этого количества добрую половину, осѣдавшую въ канцеляріяхъ, у писарей и т. д., то станетъ понятнымъ, почему люди, сидѣвшіе въ окопахъ, получали Харьковскія и Московскія газеты раньше Севастопольскихъ, а въ деревняхъ въ августѣ расклеивались майскіе номера.

О какой-нибудь налаженности экспедиторскаго аппарата говорить не приходится вовсе.

Служба связи штаба главнокомандующаго распредѣляла, какъ умѣла, получавшіеся въ аптекарскихъ дозахъ оттиски земельнаго закона, кое-какія (раза два, кажется) прокламаціи, газеты, но, въ сущности, правъ былъ ген. штаба полк. П. — начальникъ связи штаглава, говорившій: — При чемъ мы тутъ?.. Почему это я долженъ возиться еще съ газетами?..

Особаго распредѣлительнаго органа не существовало.

И на это-то все тратились тѣ десятки и сотни милліоновъ, которыхъ было и безъ того въ обрѣзъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ усердіе казеннокоштной печати не знало предѣла.

— Махно — разбойникъ, — говорила власть, и газеты были полны описаніями звѣрствъ махновцевъ.

— Махно — народная стихія, — рѣшали, вдругъ, силу имущіе, и... г. Бурнакинъ выступалъ съ передовой «Да здравствуетъ Махно!»

Кстати о махновцахъ. Былъ моментъ, когда ставка на этихъ господъ была въ большой модѣ. Въ реальномъ отношеніи всѣ расчеты на повстанцевъ дальше дававшихся имъ заданій по порчѣ путей и мостовъ не могли идти. Нѣсколько разъ, во время стоянки поѣзда ген. Врангеля въ Мелитополѣ, въ поѣздъ пріѣзжали группами по 3—4 человѣка болѣе чѣмъ сомнительные камышевые

* Изъ оффиціальной телеграммы-справки на имя начсвязьглава.

«батьки» въ кожаныхъ тужуркахъ, подпоясанные то алыми, то зелеными шарфами и обязательно до зубовъ вооруженные цѣлыми коллекціями автоматическихъ пистолетовъ. «Батьки» шагали изъ доставлявшихъ ихъ штабныхъ автомобилей, прямо черезъ дверцы, вызывая своимъ видомъ крайнее смущеніе у чиновъ генштаба, совѣтовавшихся конфиденціально — «подавать имъ руку или нѣтъ». Всѣ чувствовали себя опредѣленно неловко; и ни та, ни другая сторона другъ другу слишкомъ не довѣряли. Повторяю, что реальное значеніе ихъ (если исключить фантастическія перспективы), было совершенно ничтожнымъ.

Однако, газеты г-на Данченки въ своемъ повстанческомъ упоеніи доходили до того, что носились, какъ съ писаной торбой, даже съ тѣми «батьками», о которыхъ въ штабѣ уже имѣлись лаконическія телеграммы — «приговоръ надъ (такимъ-то) приведенъ въ исполненіе тогда-то». Такъ было съ весьма, если не ошибаюсь, модными осенью «атаманомъ» Володинымъ, казненнымъ по приговору военно-полевого суда за, будто бы, доказанное пособничество большевикамъ.

Наконецъ, верхомъ чьего-то усердія и верхомъ наглости были явно-вымышленныя сводки штаба Махно, усердно печатавшіяся всей усердной прессой. Въ «сводкахъ» сообщалось о занятіи Махно Екатеринослава, Синельникова, Лозовой, Кременчуга, Полтавы и чуть ли не Харькова. Сводки демонстрировались въ Севастополѣ на Нахимскомъ съ экрана, собирая цѣлыя толпы безсовѣстно околпачиваемаго люда. Излишне, само собой, говорить, что никакой связи съ мнимымъ штабомъ Махно у насъ не существовало. Безобразіе было прекращено лишь по рѣшительному требованію ген. Коновалова.

Такъ завязывался съ каждымъ днемъ все туже и туже узелъ лжи, лести, самообмана. Эта ложь, лесть и самооколпачиваніе въ особенности были наиболѣе гибельными въ исторіи изображенія взаимоотношеній ген. Врангеля съ поляками и съ такъ называемыми союзниками. Иллюзіи въ этой области оказались такимъ же смертельнымъ ядомъ, какъ и доброхотное Чебышевское строительство Перекопскихъ твердынь.

Но объ этомъ дальше.

Пока же вернемся опять къ дневникамъ.

Опять въ Джанкоѣ

(Съ 8-го по 20-е іюля)

Въ ночь на 5-е іюля главнокомандующій внезапно выѣхалъ изъ Мелитополя въ Севастополь, откуда только въ полдень онъ вернулся. Отъѣздъ былъ совершенно неожиданнымъ. Въ 9 часовъ вечера началось 1-е торжественное засѣданіе кавалерской думы ордена св. Николая-Чудотворца при участіи генераловъ Драгомирова, Павлова, перваго кавалера ордена пор. Любичъ-Ярмоловича и другихъ.

По окончаніи засѣданія въ вагонъ главнокомандующаго быстро прошелъ генералъ-квартирмейстеръ.

Спустя минутъ десять въ вагонѣ послѣдняго состоялось секретное совѣщаніе со всѣми начальниками отдѣленій, а нѣсколько позже, послѣ ихъ ухода,

бесѣда съ главкомомъ и съ ген. Шатиловымъ, которые прошли въ вагонъ ген. Коновалова. Вслѣдъ за тѣмъ личный составъ главнокомандующаго, къ которому былъ прицѣпленъ вагонъ генералъ-квартирмейстера, отошелъ въ Севастополь.

Причину экстреннаго выѣзда объяснили въ свое время, если не ошибаюсь, нѣкоторыми осложненіями въ связи съ подготовкой предстоявшаго Кубанскаго десанта.

7-го іюля вся остальная полевая ставка, во главѣ съ ген. Шатиловымъ, отошла обратно на югъ — въ Джанкой.

8-го іюля.

Въ 10 часовъ вечера возвратились изъ Севастополя главнокомандующій и генералъ-квартирмейстеръ.

Говорятъ, первымъ вопросомъ генкварма полк. Шкеленко было:

— Почему вы уѣхали изъ Мелитополя?..

Полк. Шкеленко отвѣтилъ:

— По приказанію наштаглава...

Вернувшіеся изъ Севастополя привезли три новости: первая — разбиты поляки, вторая — ген. Махровъ съ полк. Г. и. Щ. уѣхали въ Варшаву (до Константинополя на американскомъ миноносцѣ), третья — прибыла какая-то таинственная миссія яко бы изъ Берлина.

О пріѣздѣ послѣдней передаютъ такія подробности: за нѣсколько часовъ до отъѣзда главнокомандующаго — часа въ два дня — комендантъ «Киста» приказалъ одному изъ дежурныхъ ординарцевъ слѣдующее:

— «Будьте добры спуститься внизъ и попросите сюда нашего офицера, сопровождавшаго нѣмецкую миссію». —

Въ вестибюлѣ, кромѣ молодого человѣка въ спортсменской полускаутской рубашкѣ, оказавшагося нашимъ офицеромъ, находились двое или трое штатскихъ, сидѣвшихъ въ плетеныхъ креслахъ у круглаго стола, посреди вестибюля. Кругомъ шопотомъ говорили, что это — нѣмецкіе офицеры. У подъѣзда стоялъ скромный «драгаль» съ потертыми чемоданами — имуществомъ «миссіи». По общему мнѣнію вся эта обстановка очень мало импонировала обычному представленію о пріѣздѣ знатныхъ иностранцевъ — въ особенности миссіи, а сами «знатные» гораздо больше походили на коммивояжеровъ. Но причемъ же тутъ тогда «Кисть»?..*

9-го іюля.

Пріѣзжала таинственная миссія и около получаса пробыла у генерала-квартирмейстера. Потомъ уѣхала обратно въ Севастополь.

Всѣ въ полномъ недоумѣніи.

10-го іюля.

На фронтѣ упорные бои, въ общемъ, говорятъ, для насъ удачные, но безъ опредѣленнаго стратегическаго результата. Тяжелыя потери понесли корниловцы. Командиръ Корниловскаго полка убитъ. Наше наступленіе на Александровскъ задерживается контръ-маневромъ большевиковъ, упорно атакующихъ насъ со

* Гостиница, гдѣ помѣщались штабъ главнокомандующаго и большинство иностранныхъ миссій.

стороны Орѣхова и Пологъ. На польскомъ фронтѣ, судя по радіо-перехватамъ изъ Москвы, дѣла отвратительны. Это сильно понижаетъ настроеніе у тѣхъ, кому эти перехваты доступны.

Чуть не у всѣхъ бодрость и хорошее настроеніе по нѣсколько разъ въ день смѣняются унынiемъ и наоборотъ. Какая-то эпидемическая неврастенія. Но нѣра въ Врангеля и Коновалова у всѣхъ огромная.

11-го іюля.

Бои.

12-го іюля.

Все то же. Бои продолжаются. Къ главкому явился и добивался пріема неизвѣстный въ черкескѣ, утверждавшій, что имѣетъ сообщить главнокомандующему нѣчто столь важное, что довѣрить это третьимъ лицамъ абсолютно невозможно. Всѣ попытки адъютантовъ и ротмистра графа Т. добиться отъ него чего-нибудь ни къ чему не привели.

По его словамъ тайна не можетъ быть довѣрена никому, кромѣ самого главнокомандующаго. Цѣлый день охотился за главкомомъ, выслѣживая выходъ его изъ вагона. Послѣ обѣда продержалъ главкома на осадномъ положенiи, пока графъ Т. не спровадилъ его отъ вагона. Однако, едва главкомъ вышелъ и прошелъ въ вагонъ Коновалова, неизвѣстный очутился у вагона послѣдняго. Ген. Врангелю пришлось прибѣгнуть къ хитрости и спасаться черезъ вагонъ развѣдывательнаго отдѣленія и экспедиціи, такъ какъ выйти прямо изъ вагона генкварма было невозможно. Главкому доложили, что казакъ въ черкескѣ видимо сумасшедшій. Большинство, впрочемъ, не согласно съ этимъ. Многіе съ нимъ разговаривали.

Вечеромъ узналъ, что главкомъ послалъ Кутепову телеграмму приблизительно такого содержанія: «слыхалъ, что черноморцы князя М. опять принялись за грабежи. Такъ до добра не дойдемъ. Буду взыскивать безпощадно».

13-го іюля.

Бои продолжаются. Исторія съ неизвѣстнымъ тоже. Около полудня онъ вновь появился у вагона главкома въ сопровожденіи какихъ-то полковника и сотника, которые сопровождали его и раньше. Полковникъ заявилъ вышедшему адъютанту, что неизвѣстный отнюдь не производитъ на него впечатлѣнія сумасшедшаго, что знаетъ онъ нѣчто въ самомъ дѣлѣ исключительно важное. Въ доказательство полковникъ передалъ маленькій замшевый мѣшечекъ, съ просьбой вручить его немедленно главнокомандующему.

Въ купэ адъютантовъ мѣшечекъ былъ раскрытъ, и изъ него извлекли золотой яблоковидный шарикъ съ четырехлистникомъ сверху. При нажимѣ на ленестки весь шарикъ раскрывался, причемъ внутренность его не то платиновая, не то вороненой стали была разбита на шесть маленькихъ сегментовъ. На четырехъ граняхъ каждаго такого сегмента имѣлись изображенія того или другого массонскаго знака. Въ общемъ вся эта штука изображала несомнѣнно какой-то массонскій амулетъ или знакъ. Работа замѣчательно тонкая.

Эффектъ получился поразительный. Такого повидимому не ожидалъ никто. Доложили главнокомандующему. Главкомъ внимательно осмотрѣлъ амулетъ, приказалъ вернуть и положить, наконецъ, предѣлъ этой исторіи. Въ пріемѣ, по настоянію ген. Шатилова, отказалъ.

До вечера въ поѣздѣ много болтовни по поводу происшедшаго.

14-го іюля.

Загадка съ массонами разъясняется. Неизвѣстный подалъ прошеніе на имя главкома. Все прошеніе полно перловъ вродѣ (привожу буквально): «Я тотъ, котораго ждалъ міръ...», «Я мессія» и т. д. Сумасшедшій несомнѣнно. Непонятно одно, какимъ образомъ могли за одно съ нимъ стараться и здоровые. *

15-го іюля.

Упорные бои продолжаются безъ всякаго опредѣленнаго въ стратегическомъ отношеніи результата. Александровскъ обойденъ кавалерійскимъ рейдомъ, но красные продолжаютъ нажимать на насъ въ раіонѣ Орѣховъ-Пологи. Генквармъ лично полетѣлъ на фронтъ. Въ полночь главкомъ говорилъ по прямому проводу со штагрупъ, причемъ выразилъ большое неудовольствіе дѣйствіями только что назначенныхъ для руководства операціями конной группы, генерала Калинина и генерала Г. Удачнѣе всѣхъ дѣйствовали сегодня донцы, разбившіе на голову 40-ую совѣтскую дивизію. Главкомъ благодарилъ Богаевскаго, который, говорятъ, лично руководилъ операціями. Ночью главнокомандующій долго не спалъ и даже, когда раздѣлся, вдругъ, въ одной сорочкѣ прошелъ въ вагонъ наштаглава, чѣмъ-то, видимо, обезпокоенный.

Отмѣчаю этотъ фактъ, какъ достаточно характерный. Онъ, все-таки, довольно показательно иллюстрируетъ отношеніе самого ген. Врангеля къ своимъ обязанностямъ.

16-го іюля.

Утромъ главкомъ, подойдя къ вагону генкварма, бесѣдовалъ съ нимъ по поводу дѣйствій конницы, которой онъ не доволенъ съ вечера.

Про генерала Г. было сказано:

— «Это з....ца, а не офицеръ генштаба... Не подпускайте его, Германъ Ивановичъ, къ кавалеріи ближе, чѣмъ на кавалерійскій переходъ... Если хочетъ, пусть сидитъ на Перекопѣ и укрѣпляетъ артиллерійскія позиціи. Я это говорю вамъ, Германъ Ивановичъ, какъ генералъ-квартирмейстеру...

Г. смѣщенъ.

Послѣ обѣда главкомъ, увлеченный споромъ, во время прогулки по платформѣ, вытащилъ кинжалъ, присѣлъ на корточки и принялся чертить на асфальтѣ какую-то схему. Собравшаяся въ сторонѣ публика смѣялась, созерцая громадную фигуру ген. Врангеля въ такомъ оригинальномъ положеніи.

Послѣдніе три дня пребыванія полевой ставки на ст. Джанкой не были отмѣчены ничѣмъ исключительнымъ. Обычная, трафаретная работа полевого штаба.

20-го іюля въ 2 часа дня составы ставки отошли обратно въ Севастополь, куда и прибыли въ тотъ же день вечеромъ.

---

* Нѣкоторые склонны были подозрѣвать во всей этой исторіи сорвавшуюся игру извѣстныхъ Севастопольскихъ круговъ, спеціализировавшихся на сенсаціонныхъ разоблаченіяхъ «жидо-массонства».

ВТОРАЯ ПОѢЗДКА

(Съ 28-го іюля по 2-е августа)

Наканунѣ кубанскаго дессанта

Въ Севастополѣ полевой штабъ главнокомандующаго пробылъ только недѣлю.

Вся эта недѣля протекла въ лихорадочной работѣ по подготовкѣ Кубанской дессантной операціи.

Ниже мы отводимъ Кубанскому дессанту цѣлый отдѣлъ нашей работы, гдѣ въ предѣлахъ извѣстныхъ намъ фактовъ пытаемся произвести нѣкоторый анализъ причинъ этой роковой неудачи. Пока же на протяженіи тѣхъ немногихъ строкъ, которыя повѣствуютъ о краткомъ, всего четырехъ-дневномъ второмъ выѣздѣ полевой ставки, мы просили бы читателя обратить вниманіе на одно лишь фатальное обстоятельство, отмѣченное въ записи перваго же дня: въ тотъ день и даже буквально въ тотъ часъ, когда ген. Врангель выѣзжалъ въ Феодосію, чтобы напутствовать посаженныя уже на суда, предназначенныя къ дессанту части войскъ — въ этотъ часъ въ развѣдывательномъ отдѣленіи штаба были получены свѣдѣнія о томъ, что большевики уже вполнѣ приготовлены ко встрѣчѣ этого дессанта. Въ этотъ день впервые было произнесено жуткое слово:

— Опоздали.

28-го іюля.

Съ утра всѣ готовятся къ отъѣзду. Въ 11 часовъ пріѣзжалъ къ генкварму комендантъ поѣзда главкома. Послѣ его отъѣзда стало извѣстно, что идемъ двумя составами: одинъ въ Феодосію, другой въ Джанкой.

Въ 4 часа дня выѣхалъ въ Феодосію главнокомавдующій напутствовать дессантъ на Кубань и поздравить съ прибытіемъ въ Россію изъ Польши первую группу бредовцевъ. На дессантъ возлагаются колоссальныя надежды. Очевидно въ задачу его входятъ соединеніе съ Назаровымъ (Дессантный отрядъ въ 800 человѣкъ высаженный на побережьи Азовскаго моря для поднятія на Дону возстанія и глубокаго рейда*), обхватъ Ростова съ сѣвера и юга, захватъ Тихорѣцкой и перерывъ сообщенія Кубани съ Совдепіей. Въ случаѣ успѣха въ нашихъ рукахъ должна очутиться вся Кубань и Терекъ, а возможно, и часть Дона.

Не всѣ, однако, увѣрены въ этомъ успѣхѣ. Сегодня N., состоящій при развѣдывательномъ отдѣленіи, остановилъ меня на лѣстницѣ и взволнованнымъ шопотомъ бросилъ на ходу:

— Тянули, тянули съ дессантомъ и дождались: у насъ въ отдѣленіи получены свѣдѣнія, что большевики успѣли уже стянуть на Кубань, чортъ знаетъ, сколько силъ — на Тамань и къ Ейску...

Свѣдѣнія эти вошли въ сегодняшнюю секретную развѣдывательную сводку.

Не знаю, успѣли ли передать ее главкому до его отъѣзда.

Правы были тѣ, кто говорилъ, что эти чуть ли не парадные сборы кубанцевъ для отправки по домамъ до добра не доведутъ.

---

* Весь отрядъ, кромѣ самого полк. Назарова, частью погибъ, частью распылился.

О дессантѣ открыто болтаютъ на базарахъ.

Большинство, впрочемъ, смотритъ на вещи бодро.

Въ 6 часовъ начали отъѣзжать на вокзалъ отдѣленія генкварма, кромѣ связи, уѣхавшей впередъ въ 4 часа. Въ исходѣ 11-го часа вечера на вокзалъ прибыли наштаглавъ и генквармъ. Не въ примѣръ прошлымъ отъѣздамъ видъ у поѣзда очень парадный: у каждаго вагона ординарецъ при оружіи, почти всѣ вагоны выкрашены въ одинъ защитный цвѣтъ, залиты электричествомъ. Отходимъ вмѣсто 12 часовъ съ опозданіемъ въ 3,30 утра.

29-го іюля.

Около 2 часовъ дня прибыли въ Джанкой. Радіостанція и связь уже на мѣстѣ. Радіо не снимали послѣ отъѣзда въ Севастополь 20-го. Къ 3-мъ часамъ начинаемъ развертываться и въ 4 часа ставка принимаетъ обычный видъ.

По пріѣздѣ — единственное въ своемъ родѣ происшествіе. Къ генкварму явился офицеръ контръ-развѣдывательнаго отдѣленія корпуса Слащева, доложившій, что вмѣстѣ съ нами въ поѣздѣ главнокомандующаго прибылъ въ Джанкой какой-то московскій комиссаръ. Офицеръ описалъ его наружность, высказавъ предположеніе относительно фамиліи, подъ которой онъ долженъ фигурировать. Генкварм вызвалъ полковника Б., запросивъ его, не знаетъ ли онъ въ поѣздѣ лица съ описанной наружностью. Полковникъ Б. поручилъ въ свою очередь дѣло ротмистру Е. Ротм. Е. заявилъ офицеру контръ-развѣдки, что какъ командиръ ординарцевъ, онъ ручается за послѣднихъ: въ поѣздъ набраны почти исключительно старые, вполнѣ зарекомендовавшіе себя ординарцы. Что же касается другихъ живущихъ въ поѣздѣ, то они ему, ротмистру, мало извѣстны, такъ какъ въ первой поѣздкѣ онъ не находился. Тѣмъ не менѣе, Е. согласился провѣрить составъ живущихъ въ поѣздѣ. При провѣркѣ подозрѣніе пало на офиціанта вагона ресторана офицеровъ генеральнаго штаба. Офицеръ контръ-развѣдки подтвердилъ, что мнимый офиціантъ и есть разыскиваемый комиссаръ. Тотчасъ онъ былъ арестованъ. Въ чемоданчикѣ, нарочно имъ забытомъ, послѣ ареста и увода его со всѣми остальными вещами, найдено романовскихъ, керенскихъ и др. денежныхъ знаковъ на сумму до 4-хъ милліоновъ рублей и документы. Установлено, что онъ былъ принятъ въ поѣздъ въ Мелитополѣ корнетомъ Б. (хозяиномъ собранія), которому понравился, какъ развитой и толковый человѣкъ. Установлено также, что онъ пытался завязать дружескія отношенія съ однимъ изъ писарей оперативнаго отдѣленія и, яко бы называлъ однажды какого-то офицера, принадлежавшаго къ составу штаба, на «ты». Какого именно не выяснено. Корнета Б. допрашивали по прямому проводу. (По сообщеніямъ газетъ этотъ арестъ далъ возможность, найти еще нѣсколько большевистскихъ агентовъ среди низшихъ служащихъ штаба. Всѣ были преданы суду.)

30-го іюля.

На фронтѣ упорные бои съ переправившимися черезъ Днѣпръ частями противника (говорятъ, до 6000). Здѣсь красные дошли до Бѣлоцерковки. На сѣверо-востокѣ бои въ раіонѣ расположенія Донского корпуса, гдѣ большевиками занята Черниговка, Эристовка и нѣкоторыя нѣмецкія колоніи.

Относительно этого наступленія въ ставкѣ два мнѣнія: по одной версіи красныхъ нарочно затягиваютъ и даже больше — они яко бы уже поняли это, повернули назадъ, и главкомъ не доволенъ, заявивъ, что «мы ихъ опять

бьемъ только по хвостамъ», по другой, положеніе много серьезнѣе — красные сосредоточили по линіи Днѣпра значительныя силы, въ томъ числѣ подтянутыя изъ Польши, и среди нихъ — нѣкоторыя части конницы Буденнаго, отлично яко бы снаряженной и отличающейся своими касками.

Днемъ былъ у генкварма и позже у главкома ген. Бредовъ.

Съ 11-ти часовъ вечера до 4-го часа утра генквармъ, пройдя въ оперативное отдѣленіе, горячо о чемъ-то спорилъ съ полковникомъ Т.-Б. (штабъ-офицеромъ при ген. Шатиловѣ). При спорѣ присутствовалъ весь генеральный штабъ и позже ген. Бредовъ. Генквармъ казался сильно взволнованнымъ и отстаивалъ свою мысль съ исключительной настойчивостью. Содержаніе спора никому, кромѣ присутствовавшихъ, не извѣстно.

31-го іюля.

Ничего особеннаго. На всемъ фронтѣ упорные бои, особенно сильные въ низовьяхъ Днѣпра и на сѣверо-востокѣ.

Вечеромъ генквармъ, проходя съ полковникомъ Шкеленко, обронилъ:

— 2-й корпусъ тамъ уже ноетъ. Только началось наступленіе.

Въ 12 часовъ ночи составъ главкома начинаетъ приготавливаться къ поѣздкѣ. Въ 1 часъ 30 мин. ночи выѣзжаемъ на сѣверъ.

1-го августа.

Въ 9 час. 15 мин. утра прибыли въ Мелитополь, перемѣнили паровозъ и въ 2 час. 30 мин. выѣзжаемъ обратно въ Джанкой. Предполагавшаяся поѣздка дальше на фронтъ отмѣнена. Главкомъ ограничился совѣщаніемъ съ Кутеповымъ, продолжавшимся около 3-хъ часовъ. На совѣщаніи присутствовали наштаглавъ и наштагрупъ.

На обратномъ пути комендантъ поѣзда капитанъ И. сообщилъ, что поѣздка на фронтъ отмѣнена въ виду ликвидаціи остраго положенія, что главкомъ въ отличномъ настроеніи, такъ какъ вдобавокъ ген. Муравьевъ привезъ свѣдѣнія о грандіозномъ возстаніи въ раіонѣ Сочи, и что, въ связи съ предстоящими операціями на Кубани и въ Черномории, полевой ставкѣ приказано возвращаться опять въ Севастополь. Въ Джанкой пріѣхали въ 6,30 вечера.

По пріѣздѣ въ поѣздъ были вызваны находившіеся на станціи представители повстанцевъ съ Украины.

Повстанцы имѣли видъ оборванцевъ, хотя одинъ изъ нихъ яко бы поручикъ, другой — докторъ. Главкомъ поздоровался съ обоими крѣпко за руку и разспрашивалъ ихъ о положеніи повстанцевъ, въ заключеніе предложилъ по всѣмъ вопросамъ, касающимся снабженія, обратиться къ ген. Кирѣю.

Около 9 часовъ вечера въ оперативномъ отдѣленіи большое ликованіе. Получены первыя извѣстія объ удачной высадкѣ нашего десанта на Кубани.

Моментъ воистину историческій.

Въ вагонѣ оперативнаго отдѣленія наштаглавъ и генквармъ. Громадное оживленіе.

Поздно вечеромъ получены свѣдѣнія, что красные упорно пытаются удержать Каховскій плацдармъ, сосредоточивъ въ раіонѣ Каховки 10 легкихъ и 3 тяжелыхъ батареи, то-есть свыше 50-ти орудій.

Установлено, что ихъ артиллерія бьетъ по квадратамъ съ математической точностью.

При такихъ условіяхъ атаки этихъ укрѣпленій безъ достаточнаго содѣйствія техническихъ средствъ — игра чужими жизнями.

Съ полуночи начинаемъ свертываться. По общему мнѣнію теперь, конечно, удобнѣе руководить операціями изъ Севастополя.

Въ 1 часъ ночи выѣзжаетъ главкомъ. Въ 3,30 весь составъ штаглава, кромѣ радіо.

2-го августа.

Въ 12 часовъ дня прибыли въ Севастополь. (Главкомъ въ 7 час. утра.) Въ городѣ слухи о разгромѣ красныхъ подъ Каховкой и о взятіи не то 6, не то 18 тысячъ плѣнныхъ и орудій.

По провѣркѣ все оказалось, конечно, чепухой, выпущенной одной изъ всѣмъ извѣстныхъ фабрикъ фальшивыхъ издѣлій «по подъему духа».

Утромъ въ газетахъ опубликовано оффиціальное сообщеніе о признаніи Франціей правительства генерала Врангеля.

Въ pendant къ этому днемъ начальникъ французской военной миссіи обратился къ главкому съ письмомъ, гдѣ сообщаетъ, что «въ этотъ прекрасный моментъ» его... избили гдѣ-то на Сѣверной сторонѣ. Въ чемъ дѣло, пока не ясно. Какой-то уличный скандалъ, завершившійся рукоприкладствомъ. Говорятъ, главкомъ очень удивился письму и сказалъ — «... прійдется все-таки извиняться». Эта миссія, равно какъ и разслѣдованіе, возложены, кажется, на Ш.

Подобнаго же рода исторія произошла вчера на Нахимовскомъ. Публика избила двухъ американцевъ, принявъ ихъ за англичанъ. Поводъ — приставаніе къ дамамъ. Симпатіи къ союзникамъ видимо растутъ не по днямъ, а по часамъ.

Несмотря на всѣ расшаркиванія и реверансы казенныхъ газетъ, армія и общество отлично понимаютъ, что дальше платоническихъ комплиментовъ всѣ эти господа не идутъ, а за каждый доставленный, послѣ упрашиваній и униженій, фунтъ угля, поношенный френчъ все равно, рано или поздно, придется платить втридорога.

Безтактное поведеніе иностранныхъ морскихъ офицеровъ и матросовъ, скупающихъ за безцѣнокъ наши произведенія искусства и драгоцѣнности, вызываетъ кругомъ плохо скрываемое раздраженіе.

О перемиріи съ Польшей пока ничего не извѣстно.

ТРЕТЬЯ ПОѢЗДКА

(Съ 17-го по 26-е августа)

Кубанскій десантъ

Разсматривая выше краткую исторію появленія Каховскаго теть-де-пона, мы упомянули о томъ трагическомъ «Тришкиномъ кафтанѣ», какой представляла собой уже въ срединѣ лѣта обезкровленная, понесшая серьезныя потери армія.

Постоянные нажимы противника заставляли безъ конца переворачивать этотъ кафтанъ, чтобы прикрыть, хотя бы кое-какъ, тѣ или другія мѣста съ рискомъ обнажавшагося фронта.

Еще самые первые дни наступленія, какъ отмѣчалось въ записи моей отъ 25-го мая, вырвали изъ боевого комплекта Добровольческаго корпуса (позже — 1-й арміи) свыше 23% всѣхъ людей, причемъ погибло и выбыло изъ строя болѣе половины кадроваго командного состава.

Начиная съ этого времени, старые добровольческіе полки находились въ безпрестанныхъ почти бояхъ. Были части, отдыхавшія въ резервѣ меньше недѣли, были не знавшія даже этого. Полки таяли съ быстротой, не находившейся ни въ какой пропорціи съ притокомъ мобилизованныхъ внутри Крыма и въ сѣв. Тавріи.

Къ началу іюля мѣсяца свыше 80% боевого солдатскаго состава было пополнено изъ среды бывшихъ плѣнныхъ красноармейцевъ. Дрались они, правда, по отзывамъ очевидцевъ, отлично, но легко себѣ представить, насколько соотвѣтствовалъ такой способъ пополненій идейной и правовой сторонѣ дѣла.

Все это, какъ и полагалось, тщательно скрывалось. По «Вел. Россіямъ» etc. выходило, что потери несъ одинъ противникъ, а у насъ, какъ это описывается въ старой французской эпиграммѣ (составленной на донесенія вел. князя Николая Николаевича-старшаго), у насъ, послѣ каждаго боя, рождался еще «маленькій казакъ» (petit kosak).

Этотъ «маленькій казакъ», эта обязательная, всенепремѣнная прибыль, вмѣсто неполагающагося убытка, преподносились неизмѣнно казеннокоштной прессой населенію Крыма. Такъ же точно информировалась и заграница. «Паническихъ воплей» о страшныхъ жертвахъ, которыя несетъ героически армія, о долгѣ тѣхъ, кто сочувствуетъ арміи пополнить эти жертвы, воплей, которыми наполнялись въ нужныя минуты совѣтскія газеты, въ Крыму слышно не было. Да ихъ и не могло быть: всякая попытка правдиво описать бытъ фронта пресѣкалась желѣзной лапой цензуры, ряды которой сплошь почти состояли изъ анекдотическихъ персонажей. Все должно было обстоять гладко и по принципу — «никакихъ происшествій не случалось».

А происшествія, полныя неизбывнаго трагизма и самопожертвованія, шли своимъ чередомъ. Ряды бойцевъ таяли и таяли.

Увы, эта жуткая истина скрывалась въ рѣдкихъ шифрованныхъ депешахъ, отправлявшихся съ фронта на имя лицъ высшаго командного состава, депешахъ, бывшихъ достояніемъ немногихъ.

Въ одной изъ такихъ депешъ ген. Кутеповъ еще въ серединѣ лѣта телеграфировалъ непосредственно генералу Врангелю о полномъ почти уничтоженіи кадроваго состава добровольческихъ полковъ, о пополненіи ихъ исключительно плѣнными красноармейцами, о низкомъ культурномъ уровнѣ присылаемыхъ на укомплектованіе изъ тыла офицеровъ. Ген. Кутеповъ обращалъ вниманіе главнокомандующаго, что такое положеніе вещей грозитъ самыми серьезными послѣдствіями и рѣшительно настаивалъ на немедленномъ отправленіи изъ Крыма всѣхъ подлежащихъ мобилизаціи, требуя суровыхъ и безпощадныхъ мѣръ воздѣйствія противъ уклоняющихся.

Телеграмма ген. Кутепова не была единственной.

Но командованіе, связанное по рукамъ и ногамъ непрекращающимися боями, лишено было фактически возможности измѣнить создавшееся положеніе.

Части несли потери все большія и большія и перебрасывались въ разныя мѣста фронта все чаще и чаще.

Становилось яснымъ, что такая стратегія Тришкина кафтана рано или поздно до добра не доведетъ, если... не вывезетъ какое-нибудь отчаянно смѣлое «авось».

Такимъ «авось», какъ уже упоминалось выше, и были по очереди операціи — Кубанская, Заднѣпровская и послѣдняя на территоріи сѣв. Тавріи.

Первая же изъ нихъ обѣщала теоретически необходимыя, какъ воздухъ и вода, пополненія, не говоря уже о другихъ широкихъ заманчивыхъ перспективахъ.

Почти до самаго дня отправки Кубанскаго дессанта эта теорія подкрѣплялась, къ сожалѣнію, еще и радужными, но... абсолютно не точными развѣдывательными данными. Эти-то данныя позволили въ свое время командному составу арміи считать Кубанскую операцію — операціей нормальнаго, въ условіяхъ гражданской войны, порядка, а не авантюрой. Опредѣленіе ея, какъ авантюры, вызываетъ и сейчасъ рѣшительные протесты со стороны многихъ спеціалистовъ военнаго искусства.

Предоставляемъ читателю, сдѣлавъ свои выводы, принять ту или другую точку зрѣнія. Съ словомъ «авось», упомянутымъ выше, въ отношеніи его къ Кубанской операціи, не должно, во всякомъ случаѣ, связывать понятія о безспорной авантюрѣ.

Перехожу къ фактической сторонѣ дѣла.

9-го августа полевая ставка главнаго командованія прибыла изъ Севастополя въ Керчь для непосредственнаго руководства Кубанской операціей.

Промежутокъ времени отъ начала высадки дессанта до 17-го августа не отмѣченъ, къ сожалѣнію, въ моихъ дневникахъ, такъ какъ при выѣздѣ ставки я находился внѣ Севастополя и пріѣхалъ въ Керчь лишь 17-го утромъ.

Что же произошло въ этотъ промежутокъ времени?

Записываю со словъ лица, отлично освѣдомленнаго во всемъ происшедшемъ и занимавшаго видное положеніе въ ставкѣ.

Главныя силы дессанта, какъ извѣстно, вышли изъ Керчи. Выходу предшествовала самая откровенная шумиха, открытые разговоры и чуть ли не газетныя статьи. Кубанскіе казаки отправлялись въ дессантъ со всѣмъ скарбомъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже съ семьями, увѣренные, что отправляются «по домамъ». Съ ними на судахъ находились члены рады, краевого правительства, атаманъ и видные Кубанскіе общественные дѣятели. Самыя элементарныя требованія, касающіяся охраненія военной тайны, были забыты.

Доходило до того, что офицерамъ и солдатамъ уроженцамъ Кубани — была предоставлена возможность, открыто переводиться въ части, предназначавшіяся для дессанта. Все это, конечно, очень мало походило на ту обстановку, въ которой отправлялся въ свое время 1-й дессантъ ген. Слащева, когда военная тайна была обезпечена до послѣдней минуты.

При такихъ условіяхъ главныя силы дессанта, преодолѣвъ незначительное сопротивленіе противника, высадились въ бухтѣ Приморско-Ахтырской на сѣверо-западномъ берегу Кубани. Почти одновременно менѣе значительные отряды подъ командованіемъ генераловъ Харламова и Черепова высадились — первый на Таманскомъ полуостровѣ, второй — въ раіонѣ Анапы.

Общее командованіе главными силами было поручено ген. Улагаю. Въ его распоряженіи находилась конница подъ командой ген. Бабіева и Шиффнеръ-Маркевича и пѣхотныя части подъ командой ген. Казановича. Приморско-

Ахтырская была объявлена главной базой десанта. Въ ней размѣстилась оперативная часть штаба ген. Улагая.

Самъ ген. Улагай, во главѣ коннаго авангарда, стремительно двинулся въ общемъ направленіи на Тимашевскую, стремясь возможно скорѣе завладѣть этимъ важнымъ желѣзнодорожнымъ узломъ. Съ нимъ же находился и начальникъ штаба всей группы ген. Драценко.

Конница ген. Бабіева, разбивъ слабые отряды красныхъ подъ Брюховской и отбросивъ ихъ на сѣверо-западъ, двинулась также стремительно на Брюховецкую. Ген. Казановичъ со всей пѣхотой двинулся по линіи желѣзной дороги на Ольгинскую—Тимашевскую, то-есть занялъ своими силами центръ или точнѣе вытянулся по медіанѣ равнобедреннаго почти треугольника, вершиной котораго была Приморско-Ахтырская. Справа отъ него двигался быстро на Гривенскую ген. Шиффнеръ-Маркевичъ.

Для защиты главной базы — Приморско-Ахтырской было оставлено лишь слабое прикрытіе и отрядъ военныхъ судовъ.

Красные, учтя быстро всю обстановку и давъ конными отрядамъ Бабіева, Улагая, Шиффнеръ-Маркевича и пѣхотѣ Казановича отойти на значительное разстояніе отъ базы, ударили смѣло со стороны лѣваго крыла группы, то-есть съ той стороны, гдѣ находился Бабіевъ.

Противникъ безъ всякаго труда занялъ снова Брюховскую и сталъ легко распространяться на югъ въ направленіи желѣзной дороги Пр.-Ахтырская—Тимашевская, угрожая отрѣзать всю десантную группу отъ базы и оперативнаго отдѣленія. Сдѣлать это было тѣмъ легче, что ген. Бабіевъ, оттѣснивъ въ первый разъ красныхъ въ раіонѣ Брюховской, не оставилъ здѣсь никакихъ силъ, которыя охраняли бы пути на базу и могли бы принять ударъ противника со стороны озерныхъ дефиле. Въ это время части его были уже въ раіонѣ Брюховецкой, ген. Улагай, пройдя Тимашевскую, рвался уже на Екатеринодарское направленіе, Шиффнеръ-Маркевичъ былъ уже у Гривенской и, наконецъ, Казановичъ подходилъ къ Тимашевской.

Получивъ донесеніе о наступленіи красныхъ, ген. Драценко приказалъ генералу Бабіеву немедленно повернуть назадъ и возстановить положеніе. До этого момента напоръ красныхъ сдерживался спѣшно выдѣленной группой юнкеровъ. Ген. Бабіевъ вернулся, отбросилъ опять красныхъ и снова, не оставляя никакого серьезнаго заслона, пошелъ на Брюховецкую. Повторилась прежняя исторія. Противникъ снова нажалъ, юнкера, неся громадныя потери, отошли къ Ольгинской. Желѣзнодорожная магистраль, связывавшая десантъ съ базой, оказалась подъ непосредственной угрозой. Въ базѣ поднялась паника. Вдобавокъ всего красная флотилія Азовскаго моря, хорошо-вооруженная поставленной на суда артиллеріей, воспользовалась необъяснимымъ до сихъ поръ уходомъ нашихъ военныхъ судовъ и, подойдя къ Пр.-Ахтырской, открыла энергичный огонь. Оперативное отдѣленіе (управленіе оберъ-квартирмейстера десантной группы ген. С.) было вынуждено спасаться бѣгствомъ. Обратный путь моремъ на Крымъ былъ отрѣзанъ, да о немъ и не приходилось думать, такъ какъ штабъ безъ остального десанта бѣжать не могъ, а послѣдній зарвался уже за Брюховецкую—Тимашевскую. Всякая нормальная связь была потеряна еще раньше, да вопросъ еще, впрочемъ, существовала ли она в о о б щ е въ этой операціи съ самаго начала. Пришлось спѣшно составлять громадный желѣзнодорожный составъ съ цѣлью попытаться прорваться въ раіонъ Тимашевской на соединеніе съ командующимъ группой ген. Улагаемъ, начальникомъ штаба

ген. Драценко и главными силами. Вмѣсто 6-ти вагоновъ, въ которыхъ умѣщался штабъ, пришлось тащить свыше сорока, такъ какъ надо было вывозить изъ базы женъ, дѣтей, семьи и пр. тѣхъ, кто собрался въ дессантъ «со всѣми удобствами».

Въ теченіи всего пути ѣхавшіе дрожали каждую минуту за свою жизнь. Въ любомъ мѣстѣ дорогу могъ перерѣзать противникъ. Впереди ѣхавшихъ ожидала также полная неизвѣстность.

Не доѣзжая Ольгинской, оперативному отдѣленію во главѣ съ ген. С. пришлось выйти изъ вагоновъ и лечь въ цѣпь. Истекавшіе кровью юнкера теряли послѣднія силы. Едва-едва, буквально чудомъ, поѣзду удалось проскочить. Вслѣдъ затѣмъ желѣзная дорога была перерѣзана красными.

Съ этого момента начинается уже собственно ликвидація операціи. Правда, была сдѣлана еще одна попытка обойти обошедшаго насъ противника, но и она ни къ чему не привела.

Каждый изъ руководителей этой операціи взваливаетъ и по сію пору вину на другихъ. Опустивъ нарочно всѣ эти личные выпады и субъективныя сужденія, я ограничился зарисовкой общаго хода операціи со словъ вполнѣ компетентнаго и совершенно безпристрастнаго лица.

Детальное описаніе и анализъ причинъ Кубанской неудачи можетъ составить спеціальный военно-историческій трудъ. Такой трудъ могъ бы установить истину. Еще скорѣе могъ бы установить ее въ свое время строгій военный судъ надъ виновниками, но ген. Врангель не счелъ нужнымъ предавать дѣло судебной огласкѣ.

Съ момента потери базы начинается лихорадочная ликвидація дессанта. Можно категорически утверждать, что только благодаря таланту, энергіи и личному мужеству ген. Коновалова — генерала-квартирмейстера ставки, вылетѣвшаго на Кубань на аэропланѣ, части, участвовавшія въ дессантѣ, были спасены и посажены обратно на суда. Одновременно съ этимъ были вынуждены трагическими обстоятельствами къ обратной посадкѣ и отряды ген. Харламова и Черепова.

Въ какой постепенности развивалась эта тяжкая ликвидація операціи, а также въ какой обстановкѣ воспринималось случившееся полевой ставкой, читатель можетъ видѣть изъ приводимой ниже записи дневниковъ моихъ, относящихся къ этому періоду.

17-го августа.

Въ 11 часовъ утра пріѣхалъ въ Керчь — въ поѣздъ. Настроеніе скверное, подавленное. Неудача на Кубани очевидная. Ген. Улагай, какъ разсказываютъ, далъ обойти себя и потерялъ связь съ базой. Череповъ (высадившійся въ районѣ Анапы) вовсе не выполнилъ задачи. Его части уже приняты обратно на суда. Харламовъ на Таманн тоже дѣйствовалъ не такъ, какъ этого требовали изъ ставки. Главкомъ предъ отъѣздомъ страшно разносилъ ген. Д. (начальника штаба ген. Улагая). Онъ и Череповъ уволены. Улагай, яко бы, на пути къ тому же.

Обстановка, сложившаяся на Кубани, настолько острая, что генквармглавъ (ген Коноваловъ) еще 7 дней тому назадъ вылетѣлъ на аэропланѣ къ Улагаю и до сихъ поръ не вернулся. Наштаглавъ (ген. Шатиловъ) позавчера тоже

уѣхалъ на миноносцѣ на Тамань. Въ ставкѣ за генкварма остался полк. Шкеленко, за паштаглава — ген. Масловскій.

Вернувшіеся съ Тамани передаютъ, что большевики эвакуировали съ полуострова все, что успѣли: не оставлено совершенно подводъ, лошадей, въ иныхъ мѣстахъ угнали мужское населеніе. Настроеніе населенія различно. Къ намъ присоединились до 5-ти тысячъ возставшихъ, но благодаря отсутствію оружія и снаряженія (приписываютъ дѣятельности ген. Вильчевскаго) мы ихъ использовать не смогли.

Бои идутъ уже въ раіонѣ Гривенской и чуть ли не на самомъ берегу моря. Посланы суда. Объ оставленіи запятаго Тимашевскаго раіона было нами объявлено оффиціально въ сводкѣ.

На Днѣпрѣ благополучно.

Къ 11 часамъ вечера ожидается съ Тамани паштаглавъ.

18-го августа.

Паштаглавъ прибылъ поздно ночью.

Генкварм, какъ сообщилъ мнѣ начсвязьглавъ, вернется дня черезъ два-три. Сейчасъ онъ руководитъ лично отступленіемъ дессанта ген. Улагая на Кубани, посадкой обратно на суда и арьергардными боями. Фактически занялъ мѣсто Драценко тотчасъ же по его увольненіи, вылетѣвъ въ штагруппы на аэро. Въ связи съ этимъ въ поѣздѣ на третій день упорно говорятъ, что кое-кто усиленно добивается оставленія Коновалова вмѣсто Драценко, выдвигая на постъ генкварма ген. Масловскаго, ген. для порученій при паштаглавѣ. Указывается на то, что формально для Коновалова это повышеніе, такъ какъ группа Улагая будетъ на положеніи арміи, и Коноваловъ такимъ образомъ становится паштармомъ. Всѣ, съ кѣмъ ни говорилъ, смотрятъ на это, разумѣется, иначе. Уходъ Коновалова, по общему мнѣнію, былъ бы громадной потерей.

Отступленіе дессанта происходитъ въ очень тяжелыхъ условіяхъ; отступаютъ двумя группами. Группа Бабіева уже садится на суда. Нѣкоторые корабли уже идутъ въ Керчь. Казановичъ прикрываетъ отступленіе со всей пѣхотой, и возможно, ему придется садиться подъ обстрѣломъ.

Присоединившихся 10 тысячъ. Все по преимуществу камышевая публика. Ихъ уже усаживаютъ на суда. Говорятъ, эта цифра компенсируетъ потери. Присоединялись въ разгаръ наступленія. Позже не шли даже по призыву. Станицы съ населеніемъ въ 30 тысячъ давали по 120—150 человѣкъ. Агитаціи никакой. Литературы тоже. Словомъ, все какъ полагается.

Версій о причинахъ неудачи много. Въ общихъ чертахъ онѣ сводятся къ слѣдующимъ гипотезамъ: 1) Продолжительность выгрузки (4 дня), 2) Разногласія между Улагаемъ и Драценко, 3) игра на два фронта нашей «зарубежной» агентуры, 4) Распыленіе силъ съ начала наступленія вмѣсто ихъ концентраціи, 5) крайній недостатокъ артиллеріи (1 батарея), 6) Сдержанное отношеніе мѣстнаго населенія (правда, не вездѣ), и 7) Самое популярное объясненіе — обходъ, благодаря невнимательности нашего флота, и страхъ не то Улагая, не то Драценко быть отрѣзаннымъ отъ морской базы.

Несомнѣнно, что лучше всего истилу смогъ бы установить судъ.

Самое скверное, по общему мнѣнію, заключается въ «подвохѣ» населенія. Уже есть свѣдѣнія, что въ очищенномъ нами раіонѣ идетъ безпощадная расправа. Безспорно, престижъ нашъ надолго сведенъ почти къ нулю.

Второй день противорѣчивые слухи и о судьбѣ Назарова. Къ моменту высадки Улагая онъ былъ въ раіонѣ Торговая—Манычскія озера. Дальнѣйшее не ясно: не то ушелъ въ степи, не то распылился. Каждый сообщаетъ свои свѣдѣнія, но всѣ они абсолютно не точны. Связи нѣтъ.

Связь съ Улагаемъ и даже съ Таманскимъ полуостровомъ оставляетъ желать много лучшаго.

Къ вечеру прибыло три летчика. Въ 5 часовъ утра сегодня, послѣ упорнаго боя, нами занята Старо-Титоровская. Бои продолжаются. Выѣзжаемъ, кажется, на юнкерахъ. Санитарія ни къ черту.

Бабіевъ посаженъ обратно на суда и идетъ въ Керчь. Коноваловъ, говорятъ, въ Ачуевѣ и лично руководитъ всѣмъ.

Въ оперативномъ отдѣленіи сегодня составлена секретная вѣдомость боевого состава всей арміи. Весь боевой составъ исчисляется въ тридцать три тысячи восемьсотъ человѣкъ. Это все, что находится на фронтѣ и считается дѣйствительно боеспособнымъ. Въ это число включены даже ординарческій эскадронъ и конвой главнокомандующаго. Боевой комплектъ перваго отмѣченъ въ 180 сабель; явное преувеличеніе. Все остальное — тылы.

Вчера наштаглавъ получилъ телеграмму отъ командира англійскаго дредноута «Мальборо» съ запросомъ, будутъ ли главкомъ и наштаглавъ присутствовать на парадномъ обѣдѣ на дредноутѣ. Въ отвѣтъ послано — «Къ сожалѣнію, нѣтъ».

Отправлена телеграмма въ Парижъ П. Б. Струве. Главкомъ проситъ ходатайствовать предъ союзниками о направленіи въ Крымъ нѣкотораго числа людей изъ интернированныхъ въ Германіи красныхъ, перешедшихъ только что германскую границу.

Повидимому, еще одна попытка разрѣшить кризисъ съ отсутствіемъ необходимыхъ пополненій.

Съ различныхъ мѣстъ фронта доносятся жалобы на отвратительную постановку полевой санитаріи, подъ Каховкой раненые должны были ползти цѣлыя версты. Въ ставкѣ острятъ, что надо съ д-ра Лукашевича* снять шпоры.

19-го августа.

Въ 10 часовъ утра прибылъ изъ Мелитополя главкомъ. Тотчасъ, едва поѣздъ остановился, американецъ корреспондентъ «Чикаго-Триб.» началъ съемки.

Досадно, что до сихъ поръ ни одна газета, кромѣ «Вел. Россіи», не получила приглашенія въ поѣздъ главнокомандующаго.

Американецъ получаетъ ежемѣсячно по курсу — $8^1/_2$ милл. руб. плюсъ покрытіе всѣхъ издержекъ.

N., сопровождавшій главкома, разсказываетъ объ операціяхъ подъ Мелитополемъ и по Днѣпру. Слава Богу, выцарапались. То, что сдѣлали наши войска, даже не героизмъ, но нѣчто сверхъ-естественное. Дроздовцы достигли апогея. Подъ ураганнымъ огнемъ ходили въ атаки въ строю. Каждый снарядъ вырывалъ изъ цѣпи по 10—15 человѣкъ. И каждый разъ послѣ разрыва слѣдовала команда — «Асъ, два — въ ногу». 1-й корпусъ выпустилъ за недѣлю 40 тысячъ снарядовъ. Большевики разъ въ 5 больше.

Наштаглавъ телеграфировалъ главкому о необходимости изданія приказа объ относительной экономіи снарядовъ.

---

* Гл. полевой санитарный инспекторъ.

Главкомъ изорвалъ депешу.

Потери у насъ очень тяжелыя, но красные разбиты всюду. Въ ихъ рукахъ только Каховка.

Я передалъ N. слухи объ уходѣ Коновалова и назначеніи Масловскаго. Говоритъ, едва ли правда, такъ какъ накапунѣ отъѣзда въ Мелитополь главкомъ бурей ворвался въ оперативное отдѣленіе (Коноваловъ былъ уже на Кубани) и разнесъ всѣхъ, не исключая подвернувшагося тутъ же Масловскаго вдребезги. Разнослъ на весь поѣздъ: — «Не хотите работать, какъ слѣдуетъ — на фронтъ пожалуйте!.. Я оттуда возьму людей! Найду!» Словомъ, влетѣло всему генштабу. За что, точно не извѣстно. Повидимому за Кубань.

Главкомъ слишкомъ переживаетъ каждую операцію. Всѣ въ поѣздѣ, если прислушаться къ разговорамъ, начиная съ высшихъ чиновъ генштаба, признаютъ, что у него громадный полетъ «стратегической фантазіи», и когда дѣйствительность не сходится съ оперативными директивами, главкомъ выходитъ изъ себя.

Тогда влетаетъ всѣмъ, и часто по дѣломъ.

Въ 3 часа дня кап. Н. сообщилъ, что на суда, идущія обратно, посажено уже 20 тысячъ человѣкъ. Такимъ образомъ, несмотря на неудачу, несмотря на всѣ потери, дессантъ Улагая возвращается болѣе, чѣмъ въ удвоенномъ составѣ. Случай въ своемъ родѣ единственный.

Командный составъ кубанцевъ проситъ главкома и генерала-квартирмейстера не распылять присоединившихся кубанцевъ по разнымъ частямъ, а создавать спеціально казачьи войсковыя соединенія.

Повидимому, такъ и будетъ сдѣлано.

Въ 11,30 вечера главкомъ выѣхалъ на 2 дня въ Севастополь. Ставка пока остается въ Керчи.

20-го августа.

Разбудилъ М. и сообщилъ, что ночью произошло новое несчастье на Тамани. Харламовъ телеграфируетъ, что вслѣдствіи полной небоеспособности частей («бредовцы») и отсутствія техническихъ средствъ онъ удерживать долѣе Таманскіе перешейки не можетъ и, понеся сильныя потери, отдалъ приказъ, отступать на высоты «280» и «Комендантскую» къ востоку отъ Тамани. Страшно пострадали юнкера, дравшіеся геройски. Къ 20 часамъ разсчитываетъ быть у моря и начать обратную погрузку. Телеграмму спѣшно печатаютъ для доклада наштаглаву.

Воздушная развѣдка доноситъ, что вслѣдъ нашимъ двигается въ направленіи на Тамань полторы тысячи сабель и 4 тысячи пѣхоты.

Теперь ясно, почему всю ночь была такая суета.

11 час. утра. Вся Тамань очищена. Только что прибылъ на миноносцѣ «Жаркій» Д., ординарецъ-курьеръ, ѣздившій съ секретными бумагами къ Иванису*. Говоритъ, что уѣзжалъ почти послѣднимъ. На миноносцѣ много раненыхъ. На берегу бросали лошадей (не много). Населеніе все попряталось. Только бабы выбѣгали изъ дворовъ за лошадьми. Послѣдними покинули Тамань командиръ порта и еще нѣсколько офицеровъ, бросившихся на испорченный баркасъ. Ранены. «Жаркій» вернулся и подъ обстрѣломъ спасъ ихъ. Красная кавалерія вступаетъ въ Тамань (станицу). Иванисъ уѣхалъ еще вчера въ 7 часовъ вечера.

* Кубанскій атаманъ.

3 час. дня. Прибыли съ Тамани наши мотоциклисты (гаражъ главкома). Броневикъ взорвали и брошенъ. «Фордъ» № 28 — тоже бросили на пристани, заложивъ подъ сидѣнія двѣ шашки (?). Возлѣ поѣзда расположился бивакомъ Корниловскій конный полкъ.

4 часа. Вернулся съ Тамани Ш., второй ординарецъ-курьеръ. Подробно описываетъ всю картину. Первымъ не выдержалъ и допустилъ прорывъ 42-й Донской полкъ. Командиръ полка полк. Никифоровъ смертельно раненъ. Былъ брошенъ своими и подобранъ юнкерами. Многіе говорятъ, что у нихъ (у донцовъ) не хватило патроновъ. Нѣкоторые отрицаютъ это. Всѣ сходятся на томъ, что огромную роль сыгралъ недостатокъ или, вѣрнѣе, почти полное отсутствіе артиллеріи. (На фронтѣ 3 орудія, изъ нихъ 2 тотчасъ испортились, въ Таманской — 4 горныхъ.) Потери громадныя. Отъ юнкеровъ осталась буквально горсточка. Красные звѣрствовали изступленно. Плѣнныхъ почти не брали. Самое скверное произошло въ раіонѣ Пересыпной-Ахтаныровской. Послѣ прорыва бывшія тамъ части юнкеровъ, бредовцевъ и лабинцевъ оказались отрѣзанными. До сегодняшняго утра нѣкоторые пробивались группами по 30—50 человѣкъ. Ни патроновъ, ни снарядовъ у отрѣзанныхъ нѣтъ. Можетъ быть, удастся спасти еще часть съ моря, пославъ миноносцы или катера въ сторону Темрюка. Населеніе отнеслось къ нашему уходу въ общемъ безучастно, хотя раненыхъ жалѣли и давали имъ хлѣбъ, пищу. Литературы съ нашей стороны — нигдѣ и никакой. Даже въ управленіи у атамана въ самой Таманской — ничего, кромѣ старой оффиціальной сводки.

Послѣ обѣда нѣсколько человѣкъ, находившихся въ вагонѣ экспедиціи, слыхало, какъ наштаглавъ яко бы говорилъ о необходимости возобновленія вторично Кубанской десантной операціи. Говорилъ, будто бы стоя подъ окномъ вагона.

Если не бабьи выдумки, то, Боже, до чего не осторожно!

21-го августа.

Почти цѣлый день посадка въ поѣзда кавалеріи Бабіева для переброски на Таврическій фронтъ. Настроеніе у частей различное: у большинства отличное, но есть и настроенные очень мрачно. Такіе утверждаютъ, что отношеніе населенія къ намъ въ большинствѣ случаевъ было скорѣе враждебнымъ, чѣмъ благожелательнымъ. При отступленіи, оказывается, не обошлось безъ грабежей. Забирали главнымъ образомъ лошадей — тамъ, гдѣ онѣ были оставлены большевиками. Вчера такая же исторія произошла въ двухъ шагахъ отъ поѣзда главкома, — стащили и погрузили въ свой составъ лошадей начальника дистанціи и одного крестьянина. Послѣ скандала отобрали.

Потери юнкеровъ ужасны, особенно у Алексѣевцевъ. Отъ первой роты осталось 8 человѣкъ, отъ 4-й — 30. Было по сто слишкомъ.

Передаютъ, будто главкомъ прислалъ наштаглаву нецензурную телеграмму за оставленіе Тамани. Комплименты относятся ко всему командному составу.

22-го августа.

Ничего существеннаго. «Каркій» подобралъ въ тростникахъ 120 юнкеровъ и доставилъ ихъ въ Керчь. Въ 12 часовъ ночи наштаглавъ сообщилъ главкому, что выѣзжаемъ въ Севастополь въ поѣздѣ начкаръ. Днемъ Драценко (окончательно реабилитировавшій себя передъ Шатиловымъ) разносилъ очень рѣзко адмирала Евдокимова за захватъ красными нашей базы (Приморская-Ахтырская), что послужило первопричиной для всѣхъ послѣдующихъ неудачъ.

23-го августа.

Утромъ прибылъ въ Керчь Шиффнеръ-Маркевичъ. Раненъ. Атака Каховскихъ укрѣпленій успѣхомъ для насъ не увѣнчалась. Особенно пострадала Корниловская дивизія. Опять упорно говорятъ, что весь Каховскій плацдармъ большевиками вымѣренъ, и ихъ артиллерія бьетъ по квадратамъ. Наши потери благодаря этому ужасны.

Танками рисковать, видимо, боятся (больше двухъ-трехъ не пускаютъ); да ихъ, впрочемъ, и такъ мало, а съ ремонтомъ и газолиномъ дѣла безнадежно слабы. Броневики ремонтируютъ гораздо быстрѣе, для танковъ же заграница не даетъ техническихъ средствъ.

Приказано образовать штабъ 2-й арміи. Назначены — командиромъ генералъ Драценко, начтармомъ Масловскій. Такимъ образомъ, Коноваловъ несомнѣнно остался въ ставкѣ.

24-го августа.

Прибыли ординарцы, бывшіе въ дессантѣ Черепова у Раевской (Анапы) и тоже на Тамани. Численность нашего дессанта у Раевской было около 1500 человѣкъ при двухъ горныхъ орудіяхъ. По задачѣ было приказано отрѣзать Новороссійскъ и послѣ этого наступать на Екатеринодаръ на соединеніе съ частями Харламова (дѣйствовавшими на Тамани) и съ группой Улагая. Однако, продвинуться дальше 8—10 верстъ отъ берега не удалось. Составъ нашихъ частей: юнкера, бредовцы и черкесы; послѣдніе обнаружили рѣдкую трусливость.

Главная причина неудачи кроется въ численномъ перевѣсѣ противника, готовности его къ операціямъ съ нами въ данномъ раіонѣ (была подвезена тяжелая артиллерія — 1 орудіе) и въ сильномъ артиллерійскомъ огнѣ, на 10—15 выстрѣловъ мы отвѣчали однимъ-тремя. До Анапы также не дошли. Въ самой Анапѣ былъ виденъ отчего-то пожаръ. Соединиться съ «зелеными», находящимися въ раіонѣ Баканской, не удалось, хотя гонецъ отгуда прибылъ въ 1-й день высадки, и ему даны были директивы идти на соединеніе съ нами. (Однако, наканунѣ назначеннаго для того срока мы были вынуждены сѣсть обратно на суда.) Число «зеленыхъ» достигаетъ будто бы 8 тысячъ человѣкъ. На три четверти состоятъ изъ частей Добрарміи, распылившихся тутъ въ горахъ послѣ мартовской Новороссійской и Туапсинской трагедіи. На дняхъ къ нимъ присоединилась артиллерійская батарея красныхъ въ полной запряжкѣ.

Въ общемъ, подъ Раевской присоединилась лишь группа зеленыхъ въ 15 человѣкъ. Вожакъ группы предлагалъ провести наши войска по тропинкамъ въ обходъ красныхъ и ихъ артиллеріи. Отказались. Позже, впрочемъ, будто бы жалѣли.

Въ Таманской жители были очень недовольны, что наши войска помѣшали... выдачѣ мануфактуры (ситцу) по 4 аршина на душу за 120 рублей. Бабы не стѣснялись, говорили:

— Тѣ хоть мануфактуру доставили, а вы что привезли?..

Мобилизація проходила болѣе или менѣе успѣшно, до начала нашего отступленія.

Когда началось отступленіе, подлежащихъ явкѣ естественно не было вовсе. Напримѣръ въ Стебліевской изъ 48 человѣкъ, мобилизованныхъ при отступленіи, явился лишь одинъ. Ковской мобилизаціи почти нигдѣ не объявляли, такъ какъ большевики угнали всѣхъ годныхъ лошадей.

Несмотря на сдержанное отношеніе къ намъ, жители открыто жалуются и на большевиковъ. У большинства бывшихъ въ дессантахъ создалось впечатлѣніе, что мирное населеніе относится одинаково враждебно и къ большевикамъ, и къ намъ и ждетъ одного — конца войны. При такомъ положеніи вещей полное отсутствіе пропаганды особенно гибельно отзывается на дѣлѣ арміи.

На глазахъ Г. красные, при одномъ изъ окруженій, прикапчивали нашихъ раненыхъ и прикололи сестру милосердія.

Послѣ обѣда узналъ любопытныя подробности изъ біографіи кн. М. — адъютанта ген. Д. Знаменитъ тѣмъ, что въ прошломъ году ухитрился повѣсить въ теченіи двухъ часовъ 168 евреевъ. Мститъ за своихъ родныхъ, которые всѣ были вырѣзаны или разстрѣляны по приказанію какого-то еврея-комиссара. Яркій образецъ для разсужденія на тему о необходимости гражданской войны.

Кромѣ того, онъ вовсе не князь (фамилія взята по материнской линіи). Его знаютъ въ ставкѣ многіе по Николаевскому кавалерійскому училищу.

Ночью М. сообщилъ, что Назарову приказано идти на Волноваху. Отрядъ подъ Торговой сильно пострадалъ.

25-го августа.

Въ 9 час. утра прибылъ генквармъ, сильно исхудавшій, осунувшійся и осипшій. Оставался на Кубани до погрузки послѣднихъ частей. Послѣдніе часы погрузки проходили въ очень тяжелыхъ условіяхъ, благодаря грозѣ и шторму, сорвавшему сооруженную пристань. По словамъ генкварма вывезено все. Въ послѣднюю минуту на берегу были брошены лишь десятка два негодныхъ лошадей и тачанки. Два броневика съ неимовѣрными затрудненіями вывезены. Заслуга Коновалова, по общему мнѣнію, огромна.

Съ 10 часовъ утра до поздняго вечера безпрерывный пріемъ командировъ частей въ связи съ переформированіемъ и образованіемъ 2-й арміи. Всѣ добиваются оставленія у себя своихъ людей. Интересенъ докладъ войскового старшины П. — командира полтавцевъ, доложившаго генкварму, что подавляющій процентъ присоединившихся составляютъ сталичники его Полтавскаго округа, оттуда же и почти вся набранная на Кубани кавалерія — свыше 6000 лошадей. Считаетъ полезнымъ объединить ихъ въ одно войсковое соединеніе, а не распылять ихъ по дивизіямъ Шиффнеръ-Марковича, Малышенко, Бабіева и т. д. Командиръ астраханцевъ полковникъ М. жаловался мнѣ на полное отсутствіе пропаганды.

Вечеромъ телеграмма о взятіи въ плѣнъ 42-й совѣтской дивизіи, взятіи Никополя «атаманомъ» Володинымъ и о потерѣ нами двухъ танковъ, застрявшихъ на второй линіи Каховскихъ загражденій. У противника обнаружены дѣйствующіе противъ насъ 2-й и 3-й танковые дивизіоны изъ танковъ, захваченныхъ у поляковъ.

Въ 9,10 вечера начинаемъ свертываться.

Къ 10-ти часамъ сняты антевы радіо.

Въ 12 часовъ ночи прекратилъ работу весь оперативный телеграфъ.

Въ 1 часъ 45 мин. ночи выѣзжаемъ въ Севастополь соединеннымъ составомъ въ 29 вагоновъ.

26-го августа.

Въ 12 часовъ дня прибыли въ Джанкой. До часу дня докладъ ген. Макѣева — начальника Сивашско-Перекопскаго укрѣпленнаго раіона. Въ часъ завтракъ. Въ 1 часъ 45 мин. отходимъ дальше на югъ.

Въ пути приказано ординарцу вручить коменданту Симферополя для передачи генералу Кусонскому незапечатанное письмо за подписью «Патріотъ». Письмо полно упрековъ по адресу главнокомандующаго за то, что онъ не обращаетъ вниманія на дѣйствія Симферопольской администраціи, представляющія собой сплошной произволъ. Особенно подчеркивается беззаконная дѣятельность полковника Т., организовывающаго постоянно безконечныя облавы, въ которыхъ задерживаются и насильно отправляются на фронтъ люди, освобожденные воинскими присутствіями. Вырываются отъ Т. лишь за милліонныя взятки. Дѣятельность полковника Т. приравнивается авторомъ къ дѣятельности агентовъ большевиковъ.

Несмотря на то, что письмо было анонимнымъ, на немъ положена слѣдующая резолюція главкома: «Г. Кусонскому. По моимъ свѣдѣніямъ полк. Т. прохвостъ — надо провѣрить. В.» Письмо съ резолюціей отправлено безъ конверта черезъ комендатуру, гдѣ служилъ самъ полк. Т.

Въ 7 часовъ вечера, послѣ часовой остановки, выѣзжаемъ изъ Симферополя въ Севастополь. Прибыли въ Севастополь въ 9,50 вечера. До утра приказано оставаться въ вагонахъ.

ЧЕТВЕРТАЯ ПОѢЗДКА

(Съ 30-го августа по 5-е сентября)

Объѣздъ фронта

30-го августа, черезъ три дня послѣ возвращенія изъ Керчи полевой ставки, поѣзду главнокомандующаго было приказано отправляться вновь на фронтъ.

Въ поѣздѣ, вмѣстѣ съ ген. Врангелемъ, должны были слѣдовать военные агенты иностранныхъ государствъ, состоявшіе при Крымской арміи.

Поѣздкѣ придавали громадное значеніе.

Несомнѣнно, что она была блестящей побѣдой политики П. Б. Струве. На фронтѣ ждали и вѣрили, что Европа и Америка узнаютъ, наконецъ, правду о той тяжелой обстановкѣ, въ которой, напрягая послѣднія силы, защищаетъ дѣло міровой цивилизаціи горсточка въ два съ чѣмъ-то десятка тысячъ почти обреченныхъ безумцевъ.

И офицеры, и солдаты жадно ждали, что предъ глазами Европы — предъ глазами всего міра истина откроется во всей своей неприкрашенной очевидности.

Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, было все спасеніе.

Первоначальный маршрутъ поѣздки, предусматривавшій также осмотръ Перекопскаго перешейка, былъ измѣненъ. Дѣло ограничилось демонстраціей лишь Сивашско-Таганашскихъ позицій, дѣйствительно прекрасно укрѣпленныхъ, чему больше всего способствовалъ исключительно выгодный рельефъ мѣстности (ажурная сѣтка озеръ и узенькихъ дефиле). «Укрѣпленія» Перекопскаго перешейка показаны не были. Къ нѣкоторымъ предположеніямъ относительно причинъ этого обстоятельства мы еще вернемся.

Пока же, быть можетъ, читателю не безынтересно будетъ ознакомиться съ кое-какими подробностями самой поѣздки.

Воспроизвожу ихъ буквально по очеркамъ своимъ, напечатаннымъ въ понедѣльничной газетѣ «Севастопольскій Вѣстникъ» отъ 7-го сентября (№ 4-й).

Долженъ здѣсь оговориться, что отчетъ мой объ этой исключительно-важной поѣздкѣ долженъ былъ появиться въ «Югѣ Россіи» — наиболѣе распространенной газетѣ въ Крыму, читавшейся также и заграницей. Но газета была на это время какъ разъ удачно закрыта г. Тверскимъ.

Въ первомъ очеркѣ, описывавшемъ первые два дня поѣздки, я писалъ:

«Было что-то необычайное, странно волнующее, переносящее какъ-то невольно мысль къ прежнему укладу внѣшнихъ взаимоотношеній Россіи и Европы, въ той картинѣ, какую представляетъ собою Севастопольскій вокзалъ въ вечеръ 30-го августа.

Сказывалось это, конечно, не въ наружномъ блескѣ всей обстановки отхода поѣзда главнокомандующаго, не въ этомъ сверканіи электричества въ вагонахъ, отъ котораго мы варвары за два года успѣли отвыкнуть, не въ цвѣтахъ, которыхъ такъ много въ этихъ вагонахъ...

Другое волновало, другое привлекало глазъ, другое невольно будило забытыя надежды, рождало опять старый, мучительный вопросъ:

— Неужели?..

Неужели же вотъ эти знатные иностранцы изъ Версаля и съ той стороны океана, гуляющіе по перрону въ этихъ новенькихъ, щегольски-яркихъ военныхъ формахъ и наутюженныхъ смокингахъ, изволили, наконецъ, заинтересоваться какими-то нашими — Божѳ, какой смѣхъ — Aleschka'ми, Каховками, Токмаками и еще тамъ какой-то захолустной глушью, замѣчательной всего на всего тѣмъ, что она лишь полита до пресыщенія такой дешевой и такой выгодной для удобренія кровью русскаго солдата и офицера.

Вотъ что было странно...

А между тѣмъ, это было такъ.

Въ поѣздѣ, отошедшемъ ровно въ 11 часовъ вечера, вмѣстѣ съ главнокомандующимъ и А. В. Кривошеинымъ, выѣхали на фронтъ представители Франціи, побѣдоносной Польши, Америки, Японіи, Сербіи и Англіи.

Получили мѣста и сотрудники иностранной прессы.

Первая продолжительная, почти на два часа, остановка поѣзда на ст. Таганашъ.

Быстро сгружаются съ пяти особыхъ платформъ автомобили.

Главнокомандующій, предсѣдатель правительства, руководители и чины иностранныхъ миссій занимаютъ въ нихъ мѣста.

Черезъ нѣсколько минутъ машины, одна за другой, исчезаютъ въ легкой, чуть замѣтной дымкѣ ранняго прохладнаго утра и мчатся къ грознымъ Т—скимъ позиціямъ, преграждающимъ противнику доступъ въ Крымъ.

Предъ глазами развертывается постепенно панорама Сивашскихъ озеръ, перешейковъ, могучихъ батарей и безконечныхъ рядовъ-сѣтей проволоки.

Проволокой опутаны холмы, берега озеръ, каждая, кажется, между ними перемычка, каждый сухой клочекъ земли.

Наши офицеры коротко, просто, больше на ходу — знакомятъ равнодушную еще вчера Европу съ легендарной исторіей обороны Крыма, даютъ поясненія, устраиваютъ пробы батарей.

Тяжело ухаютъ много-дюймовыя орудія... Далеко на горизонтѣ взметывается буро-черная смѣсь изъ огня, грязи дыма и земли...

Около полудня поѣздъ главнокомандующаго, принявъ вернувшихся съ осмотра позицій, трогается далѣе, миновавъ перешейки.

На станціи М. вновь остановка — смотръ стальнымъ орламъ воздуха и одной изъ славныхъ казачьихъ дивизій.

На перронѣ командиръ корпуса ген. Кутеповъ, авіоглавъ, энергичный и храбрѣйшій ген. Т. и высшіе чины штаба арміи.

Опять вытягивается чуть не на двѣ версты лента автомобилей, несущихся къ аэродрому.

Изъ-за холма видны силуэты выстроенныхъ въ рядъ аэроплановъ. Ихъ много, но, сколько, не видно.

Впереди — на разстояніи нѣсколькихъ саженей отъ своихъ стальныхъ птицъ — стройныя колонны летчиковъ-офицеровъ и командъ.

Главнокомандующій, сопровождающія лица и представители иностранныхъ миссій направляются вдоль фронта.

Иностранные корреспонденты (счастливцы, всѣ съ кодаками!) обгоняютъ нѣсколько разъ идущихъ; то и дѣло слышится усердное щелканье затворовъ.

Совсѣмъ, какъ въ приличное человѣческое время.

Но вотъ обходъ оконченъ. Всѣ уже на другомъ концѣ аэродрома. Откуда-то появляются новенькія, чистыя жестянки отъ бензина, и многіе, запыхавшись отъ быстраго шага, которымъ приходится сопровождать главнокомандующаго, съ благодарностью усаживаются на нихъ и приготавливаются къ самому интересному.

Теперь фотографическіе аппараты видны уже на рукахъ и у адм. Маккэли, и у commandant Такахаси, и у другихъ.

Взвивается первая сигнальная ракета.

Механики приводятъ въ движеніе пропеллеры.

Ко второй сигнальной ракетѣ всѣ моторы на холостомъ ходѣ и, еще чуть спустя, аэропланы, одинъ за другимъ, начинаютъ выкатываться на середину аэродрома, откуда воздушная эскадрилья подымается ввысь и производитъ рядъ блестящихъ маневровъ.

По окончаніи полетовъ главнокомандующій въ присутствіи представителей иностранныхъ державъ благодарилъ летчиковъ за самоотверженную службу, подчеркнувъ, что дѣла авіаціи ставятся имъ «въ первую очередь».

Ген. Т. отъ имени летчиковъ проситъ главнокомандующаго и предсѣдателя правительства ускорить высылку аэропланов изъ-за границы, чтобы использовать два остающихся теплыхъ мѣсяца.

Главнокомандующій сообщаетъ летчикамъ, что имъ принимаются въ этомъ направленіи всѣ необходимыя мѣры и добавляетъ:

— Задержка произошла съ той стороны, откуда мы могли ожидать ее меньше всего... (Намекъ на англичанъ *А. В.*)

Вслѣдъ затѣмъ въ деревнѣ А. состоялся смотръ доблестной конницѣ ген. Б.

Показанная въ заключеніе смотра ловкая джигитовка пропзвела огромное оживленіе среди чиновъ миссій и сотрудниковъ иностранной прессы.

Особенный восторгъ вызвало продѣланное кубанцами «умыканіе» невѣсты.

Картина мчавшихся карьеромъ «похитителей» со схваченной на полномъ ходу коня крестьянской дѣвушкой и погоня за ними съ удалымъ гиканіемъ и стрѣльбой истощила, кажется, добрую половину пленокъ у всѣхъ семи корреспондентовъ европейской и американской печати.

И, грѣшный человѣкъ, сознаюсь, что не могъ удержаться отъ смѣха, когда одинъ изъ присутствовавшихъ при этой фотографической лихорадкѣ старыхъ боевыхъ офицеровъ сказалъ мнѣ:

— Даю голову на отсѣченіе, что во всѣхъ чикагскихъ и неапольскихъ журналахъ это будетъ зафиксировано, какъ спасеніе храбрымъ le kosak своей жены отъ кровожадныхъ bolschewiks...

Мнѣ не удалось разубѣдить моего собесѣдника въ томъ, что Европа пожелала, наконецъ, порвать со своей легендарной освѣдомленностью о нашихъ дѣлахъ.

— Шутка сказать, семь, вѣдь, газетъ представлено... Посмотрите!..

Старый вояка заливался отъ смѣха и упрямо твердилъ свое.

Фактъ посѣщенія арміи представителями ряда державъ произвелъ, судя по первымъ признакамъ, большое впечатлѣніе.

Надо полагать, что оно будетъ много сильнѣе на самомъ фронтѣ, куда сейчасъ и выѣзжаемъ.»

Второй очеркъ былъ посвященъ у меня посѣщенію иностранными представителями корниловской дивизіи и воистину блестящему параду корниловцевъ на площади колоніи Кронсфельдъ.

Сейчасъ, когда все кончено, когда непобѣдимая вчера еще дивизія, томится на положеніи жалкихъ невольниковъ въ лагеряхъ Галлиполи, нельзя безъ волненія читать правдивое описаніе той обстановки, въ которой предстали эти люди предъ глазами мимоходомъ заглянувшей къ нимъ Европы 1-го сентября 1920 года. Люди, должно добавить, дравшіеся почти безъ передышки съ 23-го мая, вывезенные потихоньку на «тачанкахъ» спеціально для парада прямо изъ окоповъ и черезъ полъ часа послѣ парада отправленные въ тѣ же окопы.

Воспроизвожу отдѣльныя мѣста этого очерка.

«Вотъ пріѣздъ... Растянувшіеся длинной-длинной лентой автомобили одинъ за другимъ выѣзжаютъ полнымъ ходомъ въ колонію...

Ген. Врангель въ сопровожденіи г. Кривошеина, громадной свиты и представителей иностранныхъ государствъ направляются вдоль фронта... Отъ края до края громадной площади несутся привѣтственные крики и неизмѣнное — «рады стараться».

Проходитъ пять — десять — пятнадцать минутъ, обходъ все продолжается. Все гремитъ музыка. Все несется такое бодрое, звучное Корниловское привѣтствіе.

Наконецъ, послѣднія колонны — артиллерія-полевая, тяжелая — все!

Главнокомандующій, окруженный цѣлымъ цвѣтникомъ русскихъ и иностранныхъ мундировъ, направляется къ аналою. Возлѣ — на особомъ столикѣ — знаменитое знамя сказочнаго Георгіевскаго баталіона, которое вручается сегодня корниловцамъ.

Послѣ рѣчи архимандрита Антонія, выражающаго увѣренность, что знамя увидитъ золотыя маковки Московскихъ храмовъ, начинается торжественное молебствіе.

Поетъ хоръ корниловцевъ.

Слова молитвъ то и дѣло прерываются щелканіемъ фотографическихъ затворовъ. Иностранные корреспонденты торопятся запечатлѣть на пленкахъ то колѣнопреклонную фигуру главнокомандующаго, то наше духовенство, то народъ. Представитель итальянской прессы ломаннымъ русскимъ языкомъ жалуется съ отчаяніемъ, что у него вышли всѣ пленки.

Молебенъ подходитъ къ концу... Многолѣтіе... Вѣчная память...

Во время послѣдней всѣ присутствующіе опускаются на колѣни. Представители иностранныхъ миссій тоже.

Картина сильная.

Впервые на колѣняхъ стоятъ на землѣ, орошенной кровью русскаго солдата, и тѣ, за безмятежное спокойствіе которыхъ онъ проливаетъ эту кровь.

Это бросается въ глаза, это трогаетъ и волнуетъ.

Кончена «Вѣчная память» и («мертвый въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій») опять «Многія лѣта» русскому воинству, потомъ — окропленіе св. водой.

Команда — «накройсь», и вслѣдъ затѣмъ начинается церемонія врученія знамени.

Взглядъ невольно обращается въ сторону праваго фланга. Тамъ — знаменитая корниловская офицерская полурота. Боже! Какая маленькая горсточка людей-счастливцевъ, дожившихъ до этой исторической для легендарнаго полка минуты...

Иностранцы съ любопытствомъ наблюдаютъ прибивку знамени. Первый гвоздь вбиваетъ главнокомандующій, второй — ген. Кутеповъ, третій — командиръ корпуса, четвертый — начальникъ дивизіи, и за нимъ командиры полковъ.

Раздается команда:

— «Слушай, на караулъ!..»

Сверкаетъ отъ края до края сплошная лента стали.

Воцаряется нѣмая тишина, и главнокомандующій, выступивъ впередъ, громовымъ на весь плацъ голосомъ произноситъ съ огромнымъ подъемомъ слѣдующую рѣчь:

«Орлы ратные, Корниловцы!

Сегодня впервые, послѣ зачисленія въ ваши славные ряды, довелось мнѣ увидѣть васъ.

Сегодня привезъ я вамъ — достойнѣйшимъ изъ достойныхъ этой чести, знамя бывшаго Георгіевскаго баталіона — баталіона храбрыхъ, которымъ оно было вручено самимъ Корниловымъ, чье безсмертное имя носите вы — безсмертные Корниловцы.

На этомъ знамени начертаны слова, которыя носилъ въ своемъ сердцѣ Корниловъ, которыя носите у себя въ сердце вы — «Благо родины превыше всего».

Благо родины, орлы — Корниловцы, это то, за что лучшіе сыны ея три года уже орошаютъ своею кровью ея поля. Это то, что заставляетъ васъ пренебрегать холодомъ, голодомъ. Это то, ради чего вы несетесь чрезъ тучи пуль къ побѣдѣ, не считая врага.

Я вручаю вамъ это знамя храбрѣйшихъ, на которомъ изображенъ орелъ, расправившій свои могучія крылья — вашъ прообразъ, Корниловцы. На этомъ знамени георгіевскія ленты и георгіевскій крестъ, украшающіе груди русскихъ

храбрецовъ. Достойнѣйшая награда попадаетъ вамъ, орлы — Корниловцы, и я знаю, что вы вполнѣ достойны ея.

Орлы! Однимъ крикомъ, крикомъ русскаго солдата могучее Корниловское ура нашей страдалицѣ матери — Россіи!»

Раздается громовое ура.

Главнокомандующій вручаетъ знамя колѣнопреклоненному командиру полка, цѣлующему край знамени и произносящему съ поднятой рукой слова клятвы. Командиръ передаетъ знамя — колѣнопреклоненному знаменщику, приближаются офицеры-ассистенты, подходитъ легендарная офицерская полурота.

Послѣдняя беретъ развернутое знамя на плечо и обноситъ подъ музыку по фронту всей дивизіи, пока не возвращается на свое мѣсто — на крайнемъ правомъ флангѣ.

Еще минута, и начинается церемоніальный маршъ.

Безъ конца стройными рядами проходитъ пѣхота, проходятъ люди, идущіе въ атаку подъ бѣшенымъ пулеметнымъ огнемъ, «по традиціи» съ винтовкой на ремнѣ, съ папиросой въ зубахъ, мчится на рысяхъ кавалерія, грохочутъ батареи въ конской запряжкѣ и на мулахъ...

Диву даешься. Не знаешь, сонъ это или на-яву. Марсово поле или плацъ нѣмецкой колоніи... Вѣдь вчера еще эти люди сидѣли въ окопахъ, носились лавой на врага, вѣдь имъ не до репетицій парадовъ, не до подготовокъ эффектовъ...

А между тѣмъ это — старые русскіе полки!.. Да, это была старая русская гвардія, если бы... — если бы не эта пестрота мундировъ...

Вотъ одинъ прошелъ въ розовой ситцевой рубахѣ съ полотняными погонами, другой въ голубой, вотъ правофланговый безъ обмотокъ — сѣрые англійскіе чулки снаружи облегаютъ концы брюкъ...

На мгновеніе дѣлается больно, обидно. Но стыда, о, стыда нѣтъ. Пусть! Пусть весь міръ знаетъ, въ какихъ условіяхъ дерется русскій солдатъ. Пусть щелкаютъ затворы камеръ! Пусть!

Взглядываю на иностранцевъ. На лицахъ напряженное вниманіе и... кажется, изумленіе. Адм. Маккэли и маіоръ Такахаси возятся съ аппаратами.

— Смотри, смотри, Европа! Смотри, Англія... — раздается ясно за моей спиной. Говоритъ старый раненый корниловецъ, кажется, капитанъ, не участвующій въ парадѣ. Глаза устремлены на элегантныхъ людей въ иностранныхъ мундирахъ. Богъ ихъ знаетъ, что хотѣли сказать эти глаза.

Но сейчасъ, когда я пишу эти строки, мнѣ вспоминается почему-то разговоръ, который пришлось имѣть часа два спустя, въ Н. — въ штабѣ дивизіи съ однимъ изъ старѣйшихъ корниловцевъ кап. К.

Вспоминая этотъ разговоръ, который цѣликомъ по многимъ причинамъ не помѣстишь въ печати, трудно удержаться, чтобы не сказать и въ свою очередь:

— Смотри Европа — эти люди еще вчера, спасая міръ отъ страшной заразы, рвали г о л ы м и руками по пяти рядовъ Каховскихъ проволочныхъ загражденій, да — голыми, потому что ты до сихъ поръ не удосужилась прислать имъ пары старыхъ, завалявшихся со временъ Марны, ножницъ.

— Смотри, Англія — эти люди цвѣтъ интеллигенціи, оплотъ націи гибли подъ убійственной шрапнелью на проклятой проволокѣ, разметывая ее прикладами и штыками, ради экономіи, когда-то присланныхъ тобой снарядовъ...

— Смотри, Европа — эти люди не могутъ допустить мысли, что ты бросишь ихъ спокойно умирать въ ледяныхъ окопахъ, не шевельнувъ пальцемъ ради помощи имъ...

— Смотрите всѣ, кому надо смотрѣть. Вышедшіе сейчасъ изъ окоповъ, чтобы пройти мимо васъ, проходили съ глазами, полными вѣры и надежды въ ваше благородство, въ вашъ разумъ, въ вашу честь». («Сев. Вѣстн.» № 4-й.)

Увы! Сегодня, когда не приходится уже думать о цензурныхъ вымаркахъ, должно сказать прямо, что представители иностранныхъ государствъ въ Крыму не сумѣли во время ни посмотрѣть, ни оцѣнить, ни понять всей остроты создававшейся обстановки. И, что хуже, что, быть можетъ, ужаснѣе всего, это то, что едва ли справедливо будетъ винить въ этомъ иностранцевъ. Тѣхъ Севастопольскихъ «аккредитованныхъ» иностранцевъ, предъ которыми только и дѣлали, что расшаркивались и говорили пріятныя вещи. Въ отвѣтъ удостанвались комплиментовъ, на которые въ свою очередь отвѣчали новыми сахарными любезностями. Крымская кукушка хвалила Гальскаго пѣтуха, пѣтухъ не скупился на похвалы кукушкѣ. Временами эти приторные комплименты вызывали у людей дѣла чувства самаго остраго раздраженія. Такъ бывало въ минуты, когда отъ самой пустяковой въ сущности поддержки запада зависѣлъ весь исходъ борьбы, а эта поддержка тормозилась по совершенно непонятнымъ причинамъ.

Особыя соображенія заставляютъ пока воздержаться отъ опубликованія весьма любопытныхъ историческихъ документовъ, проливающихъ свѣтъ на эту сторону дѣла. Можно сейчасъ выразить крайнее сожалѣніе, что всѣ они безъ исключенія были скрыты отъ общества и продолжавшей восторженно умиляться казенной печати.

Для примѣра укажу хотя бы на одинъ только болѣе чѣмъ характерный документъ (разумѣется, «совершенно» секретный), представляющій собою отношеніе флагманскаго радіо-телеграфнаго офицера штаба командующаго флотомъ за № 849 отъ 12-го іюля 1920 года.

Въ документѣ этомъ рѣчь идетъ о препятствіяхъ, встрѣченныхъ однимъ изъ нашихъ виднѣйшихъ военныхъ представителей заграницей при попыткахъ установить крайне для насъ важную радіо-связь съ западомъ, связь, предусматривавшую прежде всего безконечно въ то время существенную координацію дѣйствій съ поляками*.

Такіе документы и такіе факты скрывались, преступно скрывались отъ общества и печати въ то время, какъ даже большевистская пресса была вполнѣ свободна въ области своихъ сужденій о поступкахъ иностранныхъ правительствъ въ отношеніи Россіи.

---

* Вотъ этотъ документъ:

«Ген. Лукомскій получилъ отъ командующаго французскими силами въ Константинополѣ Франше-д'Эспрэ категорическое запрещеніе устанавливать русскую станцію въ Константинополѣ и, если таковая уже установлена, то тотчасъ же убрать ее.

Чѣмъ вызвано это въ рапортѣ не указано. Въ дальнѣйшемъ дѣло по исходатайствованію разрѣшенія на установку радіостанціи въ Константинополѣ взялъ на себя нашъ военно-морской агентъ капитанъ 2 ранга Щербачевъ, коему удалось убѣдить французовъ созвать международную комиссію для разрѣшенія этого вопроса. Каковы результаты этого до сего времени неизвѣстно, такъ какъ донесеній въ штакомфлотѣ не имѣется.

Подлинный подписалъ лейтенантъ (подпись).»

Конечно, все это ни въ какой степени не слѣдуетъ связывать съ политикой П. Б. Струве, сумѣвшаго къ концу лѣта добиться въ Парижѣ признанія правительства ген. Врангеля. (Какую бы услугу оказалъ П. Б. Струве, если бы добился тогда признанія лишь арміи, лишь самаго ген. Врангеля, но... не его правительства!..)

Вся трагедія была въ томъ, что въ Парижѣ была политика, а въ Крыму, — — не могу подобрать другихъ словъ, — было, извините, цацканіе, няньченіе, а иногда (въ печати) и неприличное лакейство. А надъ всѣмъ этимъ доминировалъ постоянно страхъ, какъ бы знатные иностранцы не увидали нашихъ дыръ и прорѣхъ, когда о нихъ д о л ж н о было кричать съ высокоподнятой головой, какъ кричали когда-то буры, имѣвшіе по пять патроновъ на десять сутокъ, стяжавшіе уваженіе всего міра и, послѣ пораженія, не оказавшіеся ужъ, конечно, въ томъ положеніи, въ какомъ оказались русскіе бѣженцы.

Но то были буры. У нихъ были свои изъ ряда вонъ выходящія обстоятельства, а въ Крыму, какъ я уже упоминалъ, самымъ хорошимъ тономъ считалось пребывать въ увѣренности, что «никакихъ происшествій не случалось». Такъ и пребывали во здравіи съ этой увѣренностью до эвакуаціоннаго приказа 30-го октября. Опять же и сотрудники «Великой Россіи» и т. п. увѣряли всѣхъ до этого дня (и, кажется, даже на сутки позже), что все, слава Богу, благополучно и что въ Московскомъ совнаркомѣ укладываютъ уже чемоданы.

И наибольшая нелѣпость здѣсь заключалась въ томъ, что сознательной лжи, сознательнаго намѣренія кого-то обмануть тутъ не было. (А, если и было, то какъ исключеніе.) Въ девяносто девяти изъ ста случаевъ на лицо была все та же страусова премудрость.

Эта страусова премудрость ревностно опекала всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Крымъ чужестранцевъ и даже родныхъ заморскихъ гостей.

Достаточно опредѣленно обнаружилась она и въ историческомъ сентябрьскомъ объѣздѣ фронта. Для примѣра едва ли будетъ сейчасъ уже предосудительнымъ предложить себѣ хотя бы вопросъ о причинахъ непосѣщенія иностранными военными агентами Перекопа.

П о ч е м у, въ самомъ дѣлѣ, для демонстрированія иностранцамъ были избраны позиціи у Таганаша, а не знаменитый Перекопскій перешеекъ, который по теоріи вѣроятности долженъ былъ сдѣлаться ареной боевъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ читатель найдетъ ниже, въ секретномъ рапортѣ начальника Сивашско-Перекопскаго укрѣпленнаго раіона ген. Макѣева.

Изъ него многое становится яснымъ.

Развѣ могли мы, признанные въ Парижѣ, демонстрировать à nos petits amis, то, что только именовалось укрѣпленіями, а въ дѣйствительности было сплошнымъ «скандаломъ»?

Конечно, никогда! Какое же создастся впечатлѣніе. Вѣдь мы наканунѣ признанія Америкой. Нельзя! Стыдъ!

Вотъ была точка зрѣнія, въ которой я имѣлъ ужасъ убѣдиться во время этой поѣздки.

Стыда же то какъ разъ не должно было быть, ибо добрая половина Перекопскихъ укрѣпленій не могла быть сооружена вслѣдствіе недостатка техническихъ матеріаловъ. Доставка же этихъ матеріаловъ тормозилась зачастую и м е н н о т ѣ м и, предъ кѣмъ краснѣли и смущались больше всего.

Такова была уродливая дѣйствительность.

Европа была той фатальной княгиней Марьей Алексѣевной, въ глазахъ которой, пуще собственной смерти, боялись потерять атомъ престижа.

И этотъ престижный idée-fixe — да будетъ позволено такъ выразиться — былъ вторымъ, послѣ «осважнаго», микробомъ, успѣвшимъ сѣсть на корабли въ Новороссійскѣ и попавшимъ въ Крымъ.

Быть можетъ, будущій историкъ признаетъ его за продуктъ болѣзненнаго самолюбія у тѣхъ, кто не могъ мыслить Россіи иначе, какъ великодержавной и благоустроенной даже на маломъ клочкѣ ея территоріи, но, увы, это не ослабляетъ его вредоносности.

Представители шести государствъ Европы и Америки, побывавшіе въ первыхъ числахъ сентября на фронтѣ арміи, съ любопытствомъ смотрѣли на солдатъ и офицеровъ этой арміи, съ еще большимъ, кажется, любопытствомъ созерцали «умыканіе кубанцами крестьянской дѣвушки», но громадной трагедіи, переживавшейся этой арміей, они — можно сказать съ увѣренностью — не чувствовали, ибо о ней старались имъ говорить меньше всего.

Но рядовые боевые офицеры говорили о ней много.

Выше, описывая парадъ, я упоминалъ о бесѣдѣ, которую довелось мнѣ имѣть послѣ этого парада съ кап. К., однимъ изъ старѣйшихъ корниловцевъ, и которую по цензурнымъ условіямъ нельзя было воспроизвести въ Крымской печати.

Сейчасъ можно къ этому добавить, что кап. К. занималъ должность завѣдывающаго политической частью штаба дивизіи и, касаясь всего пережитаго дивизіей, говорилъ мнѣ:

— Самое ужасное это то, что нигдѣ даже не имѣютъ понятія о тѣхъ горахъ труповъ, которыя намъ приходится укладывать при любой атакѣ какихъ-нибудь двухъ рядовъ проволоки. Мы не можемъ себѣ позволить роскоши, уничтожить проволоку огнемъ артиллеріи. Надо экономить снаряды. Атаки подъ Каховкой стоили намъ страшныхъ жертвъ и произвели самое тягостное впечатлѣніе на людей. Больно уже чувствовалось, какъ мало стала цѣниться человѣческая жизнь, какъ легко стали расходовать ее за счетъ экономіи недостающихъ техническихъ средствъ . . . И никто объ этомъ не знаетъ . . . Никто не догадывается . . .

Таковъ былъ, въ двухъ словахъ, общій смыслъ словъ стараго боевого офицера.

Какъ умѣлъ, я изложилъ ихъ Эзоповымъ языкомъ въ цитированной выше статьѣ.

Ихъ остается дополнить еще однимъ тяжелымъ предположеніемъ, которое я беру на себя смѣлость высказать.

Мнѣ кажется почему-то, что трагическія обстоятельства, отмѣченныя выше, не были въ большей своей части извѣстны даже тѣмъ немногимъ безукоризненно честнымъ заморскимъ гостямъ, которые заглядывали изрѣдка въ Крымъ. Да простятъ они дерзкое сравненіе, но мнѣ всегда отчего-то казалось, что въ Севастополѣ, едва вступали они на берегъ, одѣвали имъ, какъ ненадежнымъ горячимъ конямъ, этакіе плотные, хорошіе паглазники.

Чтобы не волновались, не пугались и «но бокамъ» понапрасно не смотрѣли.

И они не пугались, какъ не испугался нисколько, побывавъ на фронтѣ, m-r Шарль Ривэ — редакторъ «Temps», такъ мило въ свое время воспѣвшій, правда, не фронтъ, но тѣсные Севастопольскіе домики, гдѣ расположились . . .

канцеляріи вѣдомствъ г. Бернацкаго и г. Кривошеина. («Temps» — 14-го октября 1920 года).

Тѣсные!.. Бѣдняжки, мучаются, страдаютъ... «Рабочій столъ чиновника находится рядомъ съ походной кроватью, на которой чемоданъ замѣняетъ подушку...»

Это ли дѣйствительно не самое важное и самое трогательное изъ всей Крымской эпопеи?..

И напечатано почти наканунѣ катастрофы.

Я позволю себѣ закончить эту главу цитатой изъ моей статьи.

Сцена возлѣ автомобилей предъ самымъ отъѣздомъ иностранныхъ представителей послѣ описаннаго выше парада Корниловской дивизіи...

«Кто-то выразилъ опасеніе, не произведетъ ли дурного впечатлѣнія на иностранныхъ военныхъ атташэ внѣшній видъ нѣкоторыхъ частей, гдѣ люди изрядно поизносились. Надо было слышать ту горячую отповѣдь, которая послѣдовала въ отвѣтъ...

Старый боевой корниловецъ, сверкая глазами, почти кричалъ своему сомнѣвающемуся соратнику:

— А хотя бы и такъ... Хотя бы и такъ, поручикъ!.. Имѣя всего вдосталь не фокусъ драться... А ты вотъ подерись три года, когда тебѣ по каплѣ, изъ милости, отпускаютъ все до поганой подметки включительно... Когда лѣзешь на рожонъ съ голыми руками. Когда... Эхъ! — Говорившій махнулъ рукою... — Пусть обмозгуютъ, что могли бы мы сдѣлать, будь у насъ все, что требуется. Пусть смотрятъ на всѣ наши дыры, на всѣ отрепья, на всѣ заплаты. Не намъ краснѣть, не намъ стыдиться...»

Эпиграфомъ къ этой «рискованной» статьѣ взято не менѣе дерзкое Пушкинское:

«И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ...»

Вышеприведенными двумя очерками исчерпывается, собственно говоря, описаніе всей поѣздки. Послѣдовавшіе въ тотъ же день (1-го сентября) смотры частямъ Марковской и Дроздовской дивизій, выведеннымъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова прямо изъ окоповъ, заняли не болѣе полутора часа. Оба смотра прошли не менѣе гладко. Только внѣшній видъ людей былъ много печальнѣе.

Вечеромъ всѣ находившіяся въ поѣздѣ лица вернулись обратно въ Мелитополь и оттуда въ полночь выѣхали въ Джанкой.

Въ Джанкоѣ вагоны А. В. Кривошеина и военныхъ агентовъ были отцѣплены отъ состава главнокомандующаго и отправлены въ Севастополь.

Самъ ген. Врангель проѣхалъ изъ Джанкоя на Перекопъ и оттуда на линію Днѣпра, гдѣ произвелъ смотръ нѣкоторымъ частямъ 2-й арміи.

Понесшія тяжкія потери, едва одѣтыя и полуобутыя части эти производили крайне тяжелое впечатлѣніе.

5-го сентября ген. Врангель и сопровождавшія его лица вернулись въ Севастополь.

Изъ представителей иностранныхъ государствъ ген. Врангеля сопровождали: адм. Маккэлл и полк. Коксъ (Америка), маіоръ Этьеванъ (Франція), поручикъ Стефановичъ (Сербія), поруч. Михальскій (Польша), маіоръ Такахаси (Японія), полк. Уольдъ и кап. Вудвардъ (Англія).

ПЯТАЯ ПОѢЗДКА

(Съ 24-го сентября по 3-е октября)

Задпѣпровская операція

Трагическій исходъ Кубанской операціи глубоко взволновалъ всѣхъ, для кого этотъ исходъ не былъ секретомъ.

Политика самообмана насчетъ взаимоотношенія силъ и средствъ своихъ и противника получила жестокій урокъ.

Прямой, честный, трезвый взглядъ на свое положеніе, взглядъ въ глаза дѣйствительности становился окончательно вопросомъ спасенія арміи, спасенія Крыма, спасенія всего дѣла.

Необходимость сказать всю правду въ лицо и самимъ себѣ и (прежде всего) издали, платонически «восхищавшейся» Европѣ — созрѣла, казалось, вполнѣ.

Этого требовали властно и героизмъ арміи, и ея безсчисленныя жертвы, и тѣ грозныя послѣдствія, къ которымъ неизбѣжно должны были привести армію дальнѣйшія прогулки въ казенныхъ розовыхъ очкахъ присосавшихся къ ея дѣлу присяжныхъ оптимистовъ.

Насколько сильно выразилось въ различныхъ слояхъ общества желаніе услышать правду о положеніи арміи можно заключить изъ слѣдующаго эпизода, который воспроизвожу исключительно въ виду его показательнаго значенія.

По окончаніи Кубанской операціи мною была напечатана въ газетѣ А. Т. Аверченки «Югъ Россіи» статья подъ заглавіемъ «Юнкера». Въ статьѣ, какимъ-то чудомъ прошедшей чрезъ цензуру, было дано всего нѣсколько штриховъ изъ того кошмара, который пришлось пережить на Кубани несчастной, попавшей въ военныя училища, учащейся молодежи, рвавшей голыми руками, за отсутствіемъ ножницъ, проволочныя загражденія и сотнями своихъ труповъ устилавшихъ подступы къ нимъ.

Статья была небрежная, короткая — всего въ столбецъ съ чѣмъ-то — штрихи были мимолетные, но никогда на мою долю не выпадало такого обилія благодарностей «за правду», какого удостоился я въ дни появленія статьи. Изъ Симферополя и Феодосіи сообщали, что статья переписывается юнкерами расположенныхъ тамъ училищъ и молодымъ офицерствомъ. Въ редакціи мнѣ былъ переданъ пакетъ, содержавшій оттискъ стихотворенія, заглавіе котораго представляло собою одну изъ красныхъ строкъ упомянутой выше статьи. Стихотвореніе было написано начальникомъ военнаго управленія ген. Вязьмитиновымъ, писавшимъ одновременно, что взволновавшая его статья послужила темой для приложенныхъ стиховъ.

И причины волненія, охватившаго одинаково и 17-тилѣтняго мальчика-юнкера, и военнаго министра, повторяю еще разъ, крылись вовсе не въ достоинствахъ газетной статьи, о которыхъ говорить не приходится, а въ томъ лишь, что среди хора лжи, лести. лакейства и самообмана, которыми были окуганы отчеты объ операціи въ казеннокоштной печати, было сказано нѣсколько словъ необходимой живительной правды, которая — да простится мнѣ моя непоколебимая вѣра — одна лишь могла сдѣлать въ Крыму чудеса и зажечь сердца спасительнымъ воодушевленіемъ.

Только желаніе оттѣнить это обстоятельство, заставляетъ меня, не безъ чувства нѣкоторой неловкости, упомянуть объ этомъ случаѣ. Онъ достаточно характеренъ.

Въ своемъ усердіи затушевать и сгладить впечатлѣніе отъ Кубанскаго фіаско казеннокоштные оптимисты не знали границъ.

Въ тѣ самые дни и часы, когда въ Ачуевѣ разыгрывался послѣдній эпилогъ съ обратной посадкой на суда, «Велик. Россія» etc. живописали о восторженныхъ» встрѣчахъ ген. Врангеля въ Тамани и объ именинныхъ настроеніяхъ казачества.

Безсовѣстное освѣщеніе «Вел. Россіей» фактовъ вызывало иногда негодованіе и среди высшихъ чиновъ главнаго командованія.

Ген. Шатиловъ обратилъ однажды вниманіе генерала-квартирмейстера генерала Коновалова, что онъ считаетъ совершенно недопустимымъ, чтобы такого рода «информація» передавалась по оперативному телеграфу и помѣчалась въ заголовкахъ депешъ — «поѣздъ главнокомандующаго».

Ген. Коноваловъ отвѣчалъ (разговоръ велся по телефону, который соединялъ непосредственно вагоны наштаглава и генквармглава), что онъ самъ крайне возмущенъ этимъ и не понимаетъ, съ чьего разрѣшенія оперативный телеграфъ поѣзда принимаетъ эти депеши.

Вызвавъ меня, находившагося по должности у него на дежурствѣ, генералъ-квартирмейстеръ, ударивъ съ негодованіемъ по лежавшему на столѣ номеру «Вел. Россіи», спросилъ:

— Вы не знаете, кто это старается?..

Жалѣю сейчасъ, что не отвѣтилъ тогда прямому и честному ген. Коновалову:

— Состоящій при главкомѣ г-нъ Чебышевъ, ваше п-во...

Но такъ какъ, кромѣ г. Чебышева, въ поѣздѣ находился еще одинъ сотрудникъ «Вел. Россіи» (корреспондентъ Г—въ), то я оттоворился незнаніемъ.

— Чортъ знаетъ, что такое!.. — продолжаетъ генералъ-квартирмейстеръ, и тутъ же прошелъ въ вагонъ оперативнаго отдѣленія отдать приказъ о прекращеніи оперативнымъ телеграфомъ пріема безплатныхъ сочиненій сотрудниковъ «Вел. Россіи».

Все это продѣлывалось для поддержанія «бодрости духа» въ населеніи и (вѣроятно) для того, чтобы не ударить въ грязь предъ снисходительно улыбавшейся à l'aventure de Crimée Европой.

Апофеозомъ этой мудрой страусовой политики явилось издѣліе г. Чебышева въ «Вел. Россіи», повидавшагося гдѣ-то съ ген. Врангелемъ и сообщавшаго отъ его имени, что все на Кубани окончилось, слава Богу, благополучно, что десантъ увеличился вдвое (на три четверти камышевымъ элементомъ! А. В.) и, что теперь то, собственно говоря, наступило какъ разъ время, приступить къ самой, что ни на есть, настоящей операціи — «протянуть руку на западъ». Кому — (полякамъ? петлюровцамъ?), сказано не было.

Ни у г. Чебышева, какъ бы тамъ ни было бывшаго министра — (правда, по особому совѣщанію), ни у нѣкоторыхъ другихъ, кто могъ и долженъ былъ это сдѣлать, не хватило мужества и политической дальновидности, объяснить ген. Врангелю, въ какое положеніе ставитъ его предъ обществомъ это объясненіе ухода съ Кубани, становившееся къ тому же рискованнымъ векселемъ въ случаѣ неудачи «на западѣ».

Въ ставкѣ обработка г. Чебышевымъ Кубанской операціи заставила однихъ густо краснѣть, другихъ негодовать.

Поводовъ же для негодованія было болѣе чѣмъ достаточно.

Вмѣсто честнаго спокойнаго разъясненія обществу всей серьезности предстоящаго въ близкомъ будущемъ положенія, разъясненія, которое тогда еще не могло вызвать никакой абсолютно паники, вмѣсто призыва ко всѣмъ, для кого спасеніе арміи ген. Врангеля было вопросомъ личнаго существованія, призыва напречь всѣ силы для подготовки къ неизбѣжной осадѣ Крыма, вмѣсто всякой попытки пробудить въ обществѣ энтузіазмъ, на лицо было новое partie de plaisir въ розовыхъ очкахъ, новый ненужный самообманъ, новыя неизбѣжныя жертвы *.

Упомянутое выше интервью г. Чебышева было поднесено и Европѣ.

При такихъ-то обстоятельствахъ внезапно началась и столь же внезапно печально закончилась такъ называемая Заднѣпровская операція.

Протянутая невѣдомо кому черезъ Днѣпръ «рука на западъ» не встрѣтила ничьего дружескаго пожатія и не была никѣмъ поддержана.

Не достигла операція и болѣе ясныхъ, конкретныхъ цѣлей, какими считались: очищеніе грознаго Каховскаго тетъ-де-пона, прочное обезпеченіе за собой линіи Днѣпра и уничтоженіе живой силы противника, начинавшаго уже переброску съ Польскаго фронта.

Началу операціи предшествовала сложная, весьма, однако, успѣшно проведенная работа по реорганизаціи арміи послѣ возвращенія къ ней обратно Кубанскаго десанта. Всѣ добровольческія части (дивизіи Корниловская, Марковская и Дроздовская), а также донцы въ составѣ двухъ кавалерійскихъ и одной пѣхотной дивизіи составили 1-ю армію, во главѣ которой былъ поставленъ ген. Кутеповъ. Всѣ вернувшіяся съ Кубани части, кромѣ конницы генерала Бабіева, а также 2-й корпусъ ген. Витковскаго составили 2-ю армію подъ общимъ командованіемъ ген. Драценко. Конница ген. Бабіева была выдѣлена въ самостоятельную группу. Самостоятельно дѣйствовалъ также и конный корпусъ ген. Барбовича, объединявшій всю регулярную кавалерію.

Выполненіе главной задачи было возложено на 2-ю армію ген. Драценко.

По директивѣ, отданной ген. Врангелемъ 22-го сентября, главныя силы 2-ой арміи должны были перейти на правый берегъ Днѣпра въ раіонѣ одной изъ деревень (Ушкалка), расположенныхъ южнѣе Александровска, недалеко отъ Никополя. Вслѣдъ затѣмъ переправившіяся части должны были начать стремительное наступленіе въ общемъ направленіи на ст. Апостолово (желѣзнодорожный узелъ), а также начать обходъ противника съ тыла въ направленіи на Каховку. Въ помощь частямъ 2-й арміи должны были одновременно переправиться у Кичкасской переправы (возлѣ Александровска) Марковцы и казаки

* По секретнымъ официальнымъ объясненіямъ причина неудачи за Днѣпромъ крылась, впрочемъ, не въ излишнихъ розовыхъ иллюзіяхъ, а снова, какъ при Кубанской операціи, въ неточныхъ донесеніяхъ развѣдки.

ген. Бабіева, 2-й корпусъ ген. Витковскаго долженъ былъ, по полученіи приказа изъ ставки, атаковать Каховку въ лобъ, какъ только послѣдняя будетъ обойдена съ тыла.

Наконецъ, въ двухъ мѣстахъ (у Херсона и Никополя) приказано было произвести демонстрацію переправы.

Въ ночь съ 24-го на 25-е сентября было приступлено къ выполненію этой директивы.

О дальнѣйшемъ развитіи операціи читатель можетъ судить по нижепечатаемымъ записямъ дневника.

24-го сентября.

Послѣ пятикратныхъ откладываній, сегодня, наконецъ, выѣзжаемъ двумя составами. Главнокомандующій въ 5 часовъ вечера, штабъ въ 9 часовъ.

Впрочемъ, штабной составъ отходитъ съ нѣкоторымъ опозданіемъ. Выѣзжаемъ около 10-ти часовъ. За четверть часа до отхода прибыли неожиданно пулеметчики-ординарцы при двухъ пулеметахъ. Говорятъ, что получены свѣдѣнія о готовящемся на поѣздъ покушеніи. До Симферополя приказано не раздѣваться, не спать и быть при «полной боевой». Одинъ изъ пулеметовъ установленъ на паровозѣ.

Въ 2 часа ночи благополучно миновали Симферополь.

25-го сентября.

Въ 11 часовъ утра прибыли въ Мелитополь.

Составъ главкома ждалъ у станціи. Мы прошли, не останавливаясь, прямо на запасный путь, гдѣ стояли въ іюнѣ. Сюда же вслѣдъ перевели и составъ главкома.

Къ вечеру — первыя извѣстія о переходѣ нашихъ частей черезъ Днѣпръ сѣвернѣе Александровска. Корниловцами взятъ въ плѣнъ одинъ полкъ красныхъ. Марковцами также захвачены плѣнные.

Въ 6 часовъ вечера генквармъ ѣздилъ съ визитомъ къ ген. Достовалову. Штабъ 1-й арміи тоже еще въ Мелитополѣ.

Въ 10 часовъ вечера къ генкварму пріѣзжалъ ген. Достоваловъ.

Красные вступаютъ въ Бердянскъ.

Сѣлъ на мель «Безпокойный». Штафлотъ проситъ послать отрядъ судовъ для выручки. Ген. Коноваловъ говорилъ по этому поводу по телефону съ наштаглавомъ, признано безполезнымъ, такъ какъ операція потребовала бы дня три, а за это время его успѣютъ разстрѣлять*.

Въ полночь генералъ-квартирмейстеръ бесѣдовалъ по телефону съ оберъ-квартирмейстеромъ штаба 1-й арміи полк. С. о положеніи на фронтѣ. Весьма неопредѣленное. Генквармъ лично будилъ Шатилова, потомъ напоминалъ полк. С. о директивѣ главкома, касающейся уничтоженія живой силы противника.

26-го сентября.

Наступленіе наше на западѣ — за Днѣпромъ успѣшно развивается. Взяты въ плѣнъ еще два полка. Наши части обходятъ Никополь.

---

* Въ концѣ концовъ «Безпокойный» былъ, все таки снятъ вопреки ожиданіямъ ставки. Люди находившіеся на немъ пережили тяжелыя минуты. О случаѣ нигдѣ не было упомянуто, какъ не было ни разу упомянуто о постоянныхъ подрывахъ на минахъ нашихъ несчастныхъ тральщиковъ. Число обреченныхъ и погибшихъ людей, на нихъ находившихся, доходитъ до многихъ десятковъ человѣкъ.

Вечеромъ слухи объ установленіи связи съ Махно. Чепуха.

Генералъ-квартирмейстеръ разносилъ сегодня одного донца-начальника артиллерійскихъ складовъ за отсутствіе на позиціяхъ донского корпуса снарядовъ, что послужило будто бы причиной отступленія нашего на востокѣ. Тотъ сваливаетъ всю вину на начальника военныхъ сообщеній.

Кстати, забылъ вчера записать, что, по словамъ, начвосо, мы вывезли изъ Маріуполя 10 вагоновъ сукна, желѣза, и всего на всего 30 тысячъ пудовъ угля. Смѣхотворная цифра. А какъ разсчитывали на Маріупольскій уголь!

Ночью начсвязьглавъ докладывалъ генкварму о выступленіи ординарцевъ штаглава противъ зеленыхъ, скрывающихся въ горахъ у Бахчисарая.

27-го сентября.

Наступленіе наше на западъ и... красныхъ съ востока продолжается. Наши части выдвинулись верстъ отъ 10-ти до 25-ти отъ берега Днѣпра на протяженіи отъ Кичкаса до Никополя. Красные на меридіанѣ Ногайскъ—Поповка.

Въ 10 часовъ утра полк. Ш. просилъ у генкварма разрѣшенія «распечь» летчиковъ за то, что до сихъ поръ не вылетѣли на развѣдку. Генквармъ разрѣшилъ и сказалъ, между прочимъ:

— Сегодня, все-таки, генеральнаго сраженія не будетъ...

На фронтѣ 2-го корпуса ночь, по донесенію, прошла спокойно.

Въ 11 часовъ утра генералъ-квартирмейстеръ сообщилъ по телефону наштаглаву, что переправа нашихъ главныхъ силъ черезъ Днѣпръ въ полномъ разгарѣ.

Въ 4 часа — радіо о заключеніи поляками перемирія. Скверно. Очень скверно.

Вечеромъ пришли изъ Севастополя газеты. Полнымъ полно обычныхъ заголовковъ въ стилѣ — «12-й часъ Совдепіи» и т. п.

Въ 9 часовъ вечера — телеграмма о занятіи корниловцами и кубанцами Красно-Григорьевки. Взято 560 плѣнныхъ. Тамъ и заночевали. Все, какъ будто, идетъ успѣшно, хотя чувствуется какое-то нервное напряженіе и неувѣренность.

Въ 10 часовъ вечера генералъ-квартирмейстеръ, разговаривая съ главнокомандующимъ, доложилъ, что утромъ 6-ой запасный батальонъ 6-ой дивизіи оставилъ Димитріевку, бросивъ краснымъ 2 орудія. Генквармъ полагаетъ, что это лишь налетъ.

Въ 11 часовъ вечера генералъ-квартирмейстеръ сообщилъ наштаглаву, что по всѣмъ получающимся свѣдѣніямъ у него создается ясное представленіе, что всѣ свои конныя части противникъ стягиваетъ къ Каховкѣ, гдѣ надо ожидать переправы. Событія могутъ разыграться даже послѣзавтра.

Ген. Витковскому предписано строго усилить въ этомъ раіонѣ бдительность воздушной развѣдки.

Въ 12 часовъ ночи пріѣхалъ начальникъ штаба 1-й арміи ген. Достоваловъ, доложившій генкварму, что послѣ упорнаго боя съ превосходными силами красныхъ, довцы, обойденные съ фланговъ, сдали Гуляй-Поле.

Наступленіе красныхъ съ востока продолжается.

Силы ихъ, по заключенію Достовалова, раздѣляются, въ общемъ, на три части: 1-я крайняя на сѣверъ — сборный отрядъ изъ разныхъ частей — въ томъ числѣ 5-я сов. Кубанская бригада, занявшая Гуляй-Поле, въ центрѣ — ударная группа, еще южнѣе, къ Азовскому морю, — Таганрогская дивизія.

Главная задача по прорыву нашего фронта возложена на ударную группу, въ составъ которой входятъ 9-я стрѣлковая, 7-я и 9-я кавалерійскія сов. дивизіи.

Поповку донцы было уступили, но, послѣ очень ожесточеннаго боя, выбили все-таки противника.

Далѣе Достоваловъ доложилъ о начатой перегруппировкѣ донскихъ частей для сосредоточенія кулака и высказалъ пожеланіе о скорѣйшемъ возвращеніи въ распоряженіе 1-й арміи марковцевъ, а также корниловцевъ.

Дроздовцы только сегодня вошли въ связь съ противникомъ, до этого времени въ направленіи на сѣверъ было пусто. Достоваловъ считаетъ, что послѣднее обстоятельство надо было бы использовать.

Генералъ-квартирмейстеръ освѣдомилъ его о сосредоточеніи большевиками всѣхъ конныхъ силъ въ Каховскомъ раіонѣ.

Въ общемъ рѣшено, повидимому, ничего крупнаго на востокѣ не предпринимать, пока не опредѣлится ясно успѣхъ удара на Днѣпрѣ.

28-го сентября.

Ничего особеннаго. Операціи на правомъ берегу Днѣпра продолжаютъ развиваться.

29-го сентября.

Днемъ получены свѣдѣнія объ успѣхѣ на правомъ флангѣ; взято въ плѣнъ 4 тысячи.

Разнорѣчивые слухи о положеніи польско-совѣтскихъ переговоровъ.

Сов. радіо (секретное) полно призывовъ расправиться съ арміей ген. Врангеля до наступленія зимнихъ холодовъ.

Оно же сообщаетъ объ отъѣздѣ на Крымскій фронтъ самого Каменева.

30-го сентября.

Съ утра на фронтѣ ничего особеннаго.

Главнокомандующій отправилъ рѣзкую телеграмму ген. Драценко, гдѣ говоритъ, что отказывается понимать, чѣмъ вызвана его крайняя медлительность и нерѣшительность. То же относится и къ Бабіеву.

Французское радіо сообщаетъ, что подписаніе польско-совѣтскаго перемирія затягивается, вслѣдствіе трудности установленія демаркаціонной линіи.

Сегодняшнее сов. радіо опять полно призывовъ расправиться съ Крымомъ до зимы. «Красный Крымъ долженъ быть принесенъ въ подарокъ рабоче-крестьянской власти» ко днямъ октябрьскаго юбилея.

Между прочимъ, въ радіо есть и такія строки:

«Крымское гнѣздо должно быть разорено до тла...»

Кромѣ того сообщается о выѣздѣ, яко бы, вслѣдствіе неудачи, изъ Варшавы ген. «барона» Махрова и о требованіи Струве въ Парижѣ повліять на Польшу въ смыслѣ необходимости продолженія военныхъ дѣйствій, иначе «Врангель будетъ раздавленъ...»

Вечеромъ сообщеніе о занятіи нами на правомъ берегу Днѣпра Апостолова.

Въ полночь въ оперативномъ отдѣленіи получены донесенія объ обнаруженіи нашей воздушной развѣдкой начала очищенія красными Каховскаго раіона. Отступленіе замаскировывается сильной стрѣльбой изъ пулеметовъ и ружей*.

---

* На основаніи этого донесенія былъ отданъ приказъ объ атакѣ Каховскихъ укрѣпленій. Атака успѣхомъ не увѣнчалась. Атаковавшія войска понесли очень тяжелыя

Поздно вечеромъ наштаглавъ вновь телеграфировалъ Драценко, что при скудости свѣдѣній, поступающихъ отъ него, главнокомандующій не можетъ руководить операціей.

1-го октября.

На разсвѣтѣ получена шифрованная телеграмма отъ командующаго 2-ой арміей ген. Драценко.

Шифровальное отдѣленіе долго не могло расшифровать. Часть депеши затребовали по прямому проводу въ дешифрированномъ видѣ. Очень скверныя извѣстія.

Въ 6 часовъ утра разбудили наштаглава и генерала-квартирмейстера.

Ген. Драценко доноситъ, что натолкнувшись на правомъ берегу на крупныя силы противника, понеся тяжелыя потери и не желая дальше подвергать гибели всю свою армію, онъ лично, не запрашивая даже разрѣшенія главнокомандующаго, вынужденъ былъ отдать приказъ объ отступленіи обратно на лѣвый берегъ. Разрывомъ снаряда убитъ ген. Бабіевъ.

Вся операція на смарку.

Говорятъ, главнокомандующій вышелъ изъ себя, прочитавъ телеграмму Драценко.

А подъ Каховкой съ ранняго утра приступлено къ выполненію директивы главкома объ атакѣ Каховскихъ укрѣпленій. Къ чему теперь?!..*

Въ 9½ час. утра генералъ-квартирмейстеръ сообщилъ наштаглаву, что атака Каховскихъ укрѣпленій началась и что началомъ ея онъ не доволенъ. — «Опять идутъ тройными цѣпями — и все по-старому...»

Днемъ — донесенія о неудачѣ и тяжелыхъ потеряхъ подъ Каховкой. Подробностей пока нѣтъ. Такъ и слѣдовало ожидать! Третья серьезная неудача.

Въ 2 часа дня — сов. радіо о подписаніи перемирія съ Польшей на 21 день.

Въ 4 часа дня наштаглавъ запросилъ по телеграфу ген. Масловскаго о подробностяхъ смерти ген. Бабіева.

Въ 6 часовъ вечера главкомъ лично запрашивалъ по прямому проводу о причинахъ отступленія Драценко. Все то же: превосходство силъ, главнымъ образомъ кавалеріи, безнадежность операціи.

Получается впечатлѣніе, что 2-я армія, переправившись черезъ Днѣпръ, пустилась на какую-то авантюру.

Въ 8 часовъ вечера сообщили по телефону изъ штаба 1-й арміи о взятіи нами Ногайска. Эпизодъ — не больше. Генквармъ сообщилъ, что — «...Драценко въ кисломъ настроеніи» и, что «у Витковскаго тоже ничего не выходитъ».

Какія тамъ «настроенія», когда на лицо всѣ признаки форменной катастрофы.

Въ 9 часовъ вечера главнокомандующій, наштаглавъ и генералъ-квартирмейстеръ опять бесѣдовали по прямому проводу съ Масловскимъ, добиваясь объясненій о причинахъ отступленія. Бабіевъ убитъ шальнымъ снарядомъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, когда садился въ повозку.

потери. Во время атаки погибли почти всѣ наши танки. Все это съ наглядной очевидностью доказываетъ, что никакого очищенія Каховского раіона красные въ дѣйствительности *не* предпринимали и, что ловкая демонстрація была принята въ ставкѣ за чистую монету. Неудача произвела тяжелое впечатлѣніе въ арміи.

* Директива имѣла въ виду комбинированную операцію. Одновременно съ атакой въ лобъ Каховскихъ укрѣпленій 2-я армія ген. Драценко, распространившаяся по правому берегу Днѣпра, должна была обойти Каховку съ тыла. Отступленіе ген. Драценко обратно на лѣвый берегъ дѣлало почти безнадежной атаку Каховки въ лобъ.

Поздно вечеромъ генералъ-квартирмейстеръ спрашивалъ наштаглава, не слѣдуетъ ли дать Кутепову указанія, что при сложившейся обстановкѣ, задача его отнынѣ сводится къ защитѣ подступовъ сѣв. Тавріи.

Говорятъ, что ген. Масловскій пытался объяснить причины случившагося отсутствіемъ хорошей связи.

Главкомъ приказалъ провѣрить это, а также узнать, насколько серьезно раненъ ген. Науменко.

Выбытіе изъ строя Науменко — громадная потеря.

Около полуночи стало извѣстно, что въ результатѣ очень рѣзкаго вечерняго разговора съ Масловскимъ, главнокомандующій отдалъ приказъ объ устраненіи отъ должности ген. Драценко.

Передаютъ, что въ теченіе дня главкомъ обращался ко многимъ съ просьбой объяснить, чѣмъ вызванъ приказъ Драценко объ отступленіи и насколько онъ правъ. Никто пока ничего толкомъ не знаетъ.

2-го октября.

Въ 7 часовъ утра для разслѣдованія обстоятельствъ Заднѣпровскаго пораженія выѣхалъ на автомобилѣ въ Б.-Рогачикъ самъ наштаглавъ.

Въ 11 часовъ утра генералъ-квартирмейстера, впервые, кажется, послѣ столкновенія его съ Кривошеинымъ*, посѣтилъ главнокомандующій, имѣвшій съ нимъ продолжительную бесѣду по поводу случившагося.

Главнокомандующій говорилъ съ большимъ возбужденіемъ. Многіе невольно слышали почти все.

Главнокомандующій говорилъ, что онъ не считаетъ происшедшее катастрофой, и спрашиваетъ у генкварма совѣта, не созвать ли военный совѣтъ.

Ген. Коноваловъ высказался, замѣтивъ:

— Къ чему, ваше п-во, эти совѣты, когда на послѣднемъ совѣщаніи, происходившемъ у васъ, весь генштабъ оказался на поводу у ген. Кутепова и все было продѣлано по его плану...

Записываю эту фразу буквально, со словъ корн. М. Неясно только, къ сожалѣнію, одно: какая операція была продѣлана по настоянію Кутепова — Заднѣпровская или Кубанская?..

Вечеромъ получены подробности о смерти ген. Бабіева. Рана была смертельная. Умеръ черезъ полчаса, въ страшныхъ мученіяхъ. До смерти былъ раненъ 14 разъ.

Получено любопытное донесеніе о функціонированіи у большевиковъ особыхъ командъ по разрушенію средствъ связи у противника. Команды снабжены «котами», ножницами и т. д.

Главкомъ говорилъ по прямому проводу съ наштаглавомъ, запрашивая его о результатахъ разслѣдованія. Бесѣда началась фразой:

— Здравствуй Павлуша. Разскажи мнѣ подробности вчерашняго позорища.

Въ 10 часовъ вечера наштаглавъ вернулся.

Около 11-ти часовъ составъ главкома приказано готовить къ отправленію на югъ.

---

* На одномъ изъ засѣданій въ Б. Дворцѣ въ Севастополѣ, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ ген. Врангеля, ген. Коноваловъ подвергъ критикѣ политику Кривошеина. Главнокомандующій замѣтилъ ген. Коновалову, что онъ приглашенъ лишь, какъ генералъ-квартирмейстеръ.

Ген. Коноваловъ подалъ мотивированное прошеніе объ отставкѣ. Черезъ нѣсколько дней ген. Врангель вернулъ прошеніе объ отставкѣ обратно.

Ночь съ 2-го на 3-е октября.

Въ половинѣ 12-го ночи по боевой тревогѣ разбужены состоящіе при поѣздѣ ординарцы. Приказано одѣться и приготовить оружіе. Слухи о причинахъ паническіе. Передаютъ, что большевики высадили дессантъ у Степановки (чуть сѣвернѣе мѣста высадки ген. Слащева), отрѣзали путь въ Акимовку, въ 15 верстахъ отъ Мелитополя, и что составъ главкома не отправляется, такъ какъ весь поѣздъ отрѣзанъ. Всѣ ходятъ молча, очень внимательно осматриваютъ винтовки и патронташи. Двоимъ ординарцамъ приказано ѣхать вмѣстѣ съ кап. Л. въ городъ, зачѣмъ — неизвѣстно.

Въ 12 часовъ ночи пришелъ ротм. Е. и разсѣялъ нѣсколько тучи: говоритъ, что просто прорвались большевистскіе разъѣзды, обнаруженные сейчасъ въ 15 верстахъ отъ Мелитополя. Приказалъ выслать дозоры, указалъ угрожающее направленіе. Отъ конвоя также высланы патрули-дозоры. Сборъ по тревогѣ у вагона ген. Шатилова.

Въ 1-мъ часу ночи составъ главкома отправили, потушивъ въ немъ всѣ огни.

Въ 1,30 изъ Акимовки передали, что составъ миновалъ станцію благополучно.

Наштаглавъ остался и приказалъ 2-й составъ также приготовить къ отправленію. Со станціи сообщили, что паровозовъ подъ парами нѣтъ и паровозъ можетъ быть готовъ только къ 5 часамъ утра.

Около 2-хъ часовъ ночи генквармъ справлялся о готовности ординарцевъ, полк. П. доложилъ, что въ поѣздѣ находится 40 человѣкъ, при двухъ пулеметахъ.

Генквармъ пригласилъ ротм. Е. и объяснилъ ему по картѣ создавшееся положеніе, справившись, можно ли въ случаѣ чего разсчитывать на ординарцевъ. Е. отвѣтилъ:

— «Такъ точно. Въ грязь, Ваше п-во, лицомъ не ударимъ . . .»

Въ 2 часа ночи вернулись кап. Л. и ординарцы, привезшіе 25 русскихъ старыхъ, скверныхъ винтовокъ, отпущенныхъ по ордеру — штаба 1-й арміи изъ артиллерійскихъ складовъ.

По приказанію штаба арміи, изъ города отправлены на развѣдку броневики.

Офицеры генштаба спятъ всѣ одѣтыми, генквармъ тоже; ложась зарядилъ свой карабинъ.

3-го октября.

Встали въ 7 часовъ утра. У нашего состава уже паровозъ, но уйдемъ не раньше 10-ти. Страхъ повидимому разсѣялся.

Въ 8,30 дежурный по генштабу полк. М. сдѣлалъ докладъ генералу-квартирмейстеру о событіяхъ сегодняшней ночи. Онъ передалъ генкварму схему-карту съ обозначеніемъ красной волнистой линіей всего ночного рейда большевиковъ. Рейдъ обхватываетъ громадную площадь отъ параллели ст. Пришибъ до Азовскаго почти моря, имѣя въ центрѣ Б. Токмакъ и подходитъ къ Мелитополю на 15—20 в. С. Астраханка въ 20 в. отъ Мелитополя было занято красными.

Въ Б. Токмакѣ взорвано 8 вагоновъ со снарядами и разграбленъ поѣздъ Донского атамана.

Самъ атаманъ, адъютантъ есаулъ Ж. и нѣсколько ординарцевъ едва успѣли вскочить въ одномъ бѣльѣ въ автомобиль.

По дорогѣ автомобиль наскочилъ на столбъ и сломался. Красные настигли и напали на атамана и ординарцевъ.

Атаманъ и ес. Ж., воспользовавшись темнотой, бросились бѣжать пѣшкомъ по пашнѣ и едва спаслись.

Добѣжавъ до одной изъ деревень, занятыхъ донцами, они подняли тревогу.

Конвой атамана тоже разбѣжался.

Кромѣ кавалеріи въ рейдѣ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, участвовала будто бы и пѣхота. Подробности выясняются далѣе «начвосо» полк. О—вымъ по жел.-дор. телеграфу.

Въ 10 часовъ утра на оперативномъ телеграфѣ получена телеграмма о потеряхъ, понесенныхъ танковыми частями при атакѣ Каховскихъ укрѣпленій. Погибли, застрявъ въ проволочныхъ загражденіяхъ, 2 танка; разбиты огнемъ орудій, не доходя до заграждепій, 4 танка; остался цѣлъ 1 и повреждены, но могутъ быть исправлены 3 танка. За послѣдніе, впрочемъ, ручаться нельзя. Окончательно, слѣдовательно, выведено изъ строя и уничтожено подъ Каховкой 6 танковъ. Это почти все, что у насъ было.

Въ 10,30 утра наштаглавъ ѣздилъ въ штаармъ 1 и, вернувшись черезъ полъ часа, довольно долго бесѣдовалъ съ генквармомъ, прогуливаясь вдоль поѣзда.

Въ 11 час. 33 мин. утра выѣзжаемъ составомъ въ 17 вагоновъ въ Севастополь.

Наканунѣ катастрофы

Паденіе Перекопа

Заднѣпровская операція была послѣдней операціей, предпринятой по иниціативѣ главваго командованія.

Съ момента ея печальнаго завершенія иниціатива окончательно переходитъ въ руки противника, почти открыто стягивающаго свои войска къ границамъ сѣверной Таврін для рѣшительнаго боя за обладаніе Крымомъ.

Развѣдывательныя сводки каждый день приносятъ свѣдѣнія о появленіи у противника новыхъ и новыхъ резервовъ, переброшенныхъ съ Польскаго фронта.

Сумерки сгущаются съ каждымъ часомъ. Обстановка съ каждымъ лишнимъ днемъ становится все болѣе и болѣе серьезной.

Самимъ ген. Врангелемъ эта обстановка была обрисована въ бесѣдѣ съ представителями Крымской печати вечеромъ 22 октября, то-есть ровно за четыре дня до катастрофы. Воспроизводимъ ее отъ начала до конца дословно по газетѣ «Воен. Голосъ» (отъ 23 октября, № 163), гдѣ въ этотъ день напечатано:

«Главнокомандующій въ бесѣдѣ съ представителями Севастопольской печати по поводу послѣднихъ событій на фронтѣ сообщилъ слѣдующее: Послѣ заключенія мира съ Польшей большевики получили возможность всѣ свои силы бросить на насъ, и вотъ, какъ вы знаете, уже три мѣсяца идетъ лозунгъ: «Всѣ на Врангеля!»

Мнѣ сообщенъ весьма интересный документъ — интервью Ленина съ какимъ-то бельгійцемъ по поводу насъ, гдѣ онъ доказываетъ, что единственная опасность для совѣтской Россіи — это наша сила, ибо русскій народъ можетъ заразиться тѣми идеями, которыя мы несемъ. Большевики стали сосредоточивать противъ насъ свои отборныя части: главнымъ образомъ коммунистическіе полки, школы курсантовъ, латышскія дивизіи и конныя части. Это сосредоточеніе было мною своевременно учтено и сегодняшній переходъ нашъ въ Крымъ для насъ неожиданнымъ не былъ. Объ этомъ я предупредилъ и членовъ экономическаго совѣщанія бывшихъ здѣсь, и Донской Войсковой Кругъ во время моего посѣщенія его въ Евпаторіи.

Я рѣшилъ прежде всего оказывать противнику сопротивленіе и удержать въ своихъ рукахъ Сѣверную Таврію возможно дольше, нанося врагу короткіе удары, однако не ввязываться въ упорные бои, которые грозили бы пораженіемъ моей арміи при томъ неравенствѣ силъ, которое имѣлось.

Стратегическій планъ большевиковъ, благодаря хорошо поставленной нами агентурѣ, былъ намъ заранѣе извѣстенъ. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы, наступая между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ двумя арміями: 13-й и отчасти 9-й, охватывая лѣвый флангъ нашей сѣверной группы второй конной арміей, главной массой силъ, а именно, всей 6 арміей и конной — Буденнаго, дѣйствуя со стороны Каховки, прорваться въ тылъ Русской Арміи, захвативъ перешейки и отрѣзать ее отъ Крыма.

Я рѣшилъ съ своей стороны дать противнику стянуться возможно глубже отъ Днѣпра къ перешейкамъ, не считаясь съ тѣмъ, что временно наши арміи могли оказаться отрѣзанными отъ своей базы, затѣмъ сосредоточить сильную ударную группу и обрушиться на прорвавшагося противника и прижать его къ Сивашу. Такой маневръ могъ быть предпринятъ лишь войсками исключительной доблести и при увѣренности, что временно отрѣзанные отъ своей базы, и такимъ образомъ не имѣя тыла, они не потеряютъ своей боеспособности.

17-го октября, развивая чрезвычайно энергичное наступленіе 10-тысячная конница Буденнаго, подкрѣпленная двумя пѣхотными дивизіями, почти не встрѣчая сопротивленія, проникла глубоко въ нашъ тылъ и къ вечеру вышла, передовыми частями, на линію желѣзной дороги въ районѣ станціи Салъково. Здѣсь былъ противникомъ захваченъ, случайно, одинъ подвижной нашъ составъ и нѣкоторыя тыловыя учрежденія, случайно здѣсь находившіяся, а разъѣзды противника даже проникли на Чонгарскій полуостровъ. Красные видимо считали свое дѣло выигранымъ и во вчерашнемъ радіо за подписью Троцкаго объявляется о полномъ окруженіи Русской арміи желѣзнымъ кольцомъ пяти красныхъ армій, и отдается приказаніе красной конницѣ преслѣдовать остатки бѣлогвардейскихъ бандъ Врангеля, чтобы не дать имъ возможности сѣсть на французскіе корабли.

Между тѣмъ, ночнымъ переходомъ въ ночь съ 17-го на 18-е, заслонившись съ сѣвера конным Донскимъ корпусомъ, удачно отбившимъ атаки второй конной арміи, наша группа неожиданно подошла къ расположившимся на ночлегъ въ раіонѣ Салькова, краснымъ. При этомъ нѣкоторые, наиболѣе отдаленныя наши пѣхотныя части сдѣлали въ ночь до 40 верстъ. На разсвѣтѣ 18-го мы, неожиданно развернувшись на высотѣ станціи Рыково, атаковали красныхъ, прижавъ ихъ къ Сивашу. Одновременно, ударомъ съ сѣвера и сѣверо-запада, конница Буденнаго была разбита, и мы захватили 17 орудій, болѣе 100 пулеметовъ и цѣликомъ уничтожили латышскую бригаду.

Въ то же самое время Донской конный корпусъ на сѣверѣ разбилъ части 2-й конной арміи и 13-й, захвативъ полностью три полка въ плѣнъ и еще 2 орудія. Разбитая конница Буденнаго, отброшенная на западъ, отошла на подходящую свою пѣхоту и до полудня 19-го не рисковала насъ атаковать. Послѣ полудня 19-го противникъ атаковалъ насъ по всему фронту съ запада 1-й и 6-й арміями, съ сѣвера 2-й конной и частями подходившей 13-й. Въ это время хватилъ морозъ, доходившій до 16 градусовъ.

Такъ какъ большинство станцій въ бояхъ разбиты и цистерны замерзли, паровозы потухли, эвакуація наша стала. Между тѣмъ еще не всѣ санитарные поѣзда и часть грузовъ нашихъ были вывезены. Ввиду этого я приказалъ частямъ держаться во что бы то ни стало, до окончанія эвакуаціи, несмотря на подавляющую численность противника и на то, что противникъ, соединившись съ сѣверной и западной группами, атаковалъ насъ по всему фронту. Всѣ попытки противника, сбросить насъ, успѣхомъ не увѣнчались, и въ теченіи всего дня 20-го эвакуація продолжалась, прикрываемая нашими частями. Лишь послѣ того, когда послѣдній поѣздъ прошелъ черезъ Сивашскій мостъ, наши части отошли, послѣ чего мосты были взорваны и войска стали занимать укрѣпленныя позиціи.

Изъ захваченныхъ у плѣнныхъ документовъ выяснется, что общая численность всѣхъ 3-хъ армій, дѣйствовавшихъ противъ насъ, превышаетъ сто тысячъ штыковъ и шашекъ, изъ конхъ конныхъ въ 3-хъ группахъ болѣе 25 тысячъ. Изъ этихъ же документовъ устанавливается, что противникъ, особенно конница Буденнаго, понесъ въ послѣднихъ бояхъ громадныя потери, въ частности въ командномъ составѣ; ранено два начальника дивизій и два командира бригадъ; у насъ, благодаря планомѣрному отходу и содѣйствію тяжелой артиллеріи нашихъ броневыхъ поѣздовъ, потери незначительны.

Такимъ образомъ стратегическій планъ красныхъ, разсчитанный на овладѣніе съ налета укрѣпленной Крымской позиціей, окруженіе и уничтоженіе нашихъ армій потерпѣлъ полную неудачу.

Нанося врагу рядъ тактическихъ пораженій, наша армія, сохранивъ свою живую силу и моральный духъ, отошла на укрѣпленныя позиціи. Здѣсь одѣвшись и поставивъ въ свои ряды пополненія изъ запасныхъ частей, приведя въ порядокъ матеріальную часть и отдохнувши послѣ безпрерывныхъ пятимѣсячныхъ боевъ, мы будемъ ждать желаннаго часа, чтобы нанести врагу послѣдній ударъ.

По единогласному свидѣтельству всѣхъ участниковъ послѣднихъ боевъ, начиная со старшихъ начальниковъ и до рядовыхъ бойцовъ, красныя части дерутся плохо за исключеніемъ нѣкоторыхъ отборныхъ частей, такъ напримѣръ инструкторскихъ школъ.

Всѣ плѣнные единогласно показываютъ, что внутреннее положеніе Совдепіи отчаянное, всюду безпрерывно вспыхиваютъ возстанія, экономическое положеніе ужасно, въ то же время украинская армія и русскія части, объединившіяся послѣ борьбы на польскомъ фронтѣ въ третью русскую армію, продолжаютъ продвигаться на востокъ.

Противникъ несомнѣнно въ ближайшіе дни попытается атаковать наши позиціи; онъ встрѣтитъ должный отпоръ. Все состоитъ въ томъ, чтобы выиграть время.

Внутреннее разложеніе, необходимость оттянуть часть своихъ силъ для борьбы съ анти-большевистскими русскими силами, наступающими съ запада,

и для подавленія очаговъ возстаній ослабить противника, находящагося противъ насъ, и наша задача лишь въ томъ, чтобы выдержать лишенія, неизбѣжно связанныя съ пребываніемъ въ осажденной крѣпости и не упустить надлежащаго момента для перехода отъ обороны въ наступленіе.

Сейчасъ мы, послѣ пятимѣсячной борьбы въ сѣверной Тавріи, вновь отошли въ Крымъ. За это время сдѣлано очень много; 5 красныхъ армій оттянуто нами и въ пораженіи большевиковъ на польскомъ фронтѣ мы участвовали въ той же мѣрѣ, какъ и польскія войска.

Западъ, которому большевизмъ грозитъ въ той же мѣрѣ, какъ и намъ, долженъ учесть ту роль, которую наша армія сыграла въ побѣдѣ Польши. Наша армія за эти пять мѣсяцевъ увеличилась почти въ три раза, пополнилась лошадьми, орудіями и пулеметами.

Значительное число запасовъ Сѣверной Тавріи использовано нами для обезпеченія нашей базы — Крыма. Однако иллюзій себѣ дѣлать нельзя. Намъ временно предстоятъ тяжкія лишенія, населеніе должно дѣлить эти лишенія наравнѣ съ арміей. Малодушію и ропоту нѣтъ мѣста. Тѣмъ, кто не чувствуетъ себя въ силахъ дѣлить съ арміей испытанія, предоставляется свободный выѣздъ изъ Крыма. Тѣ, кто, укрываясь за спиной арміи, не пожелаютъ этимъ правомъ воспользоваться и будутъ мѣшать арміи въ выполненіи ея долга, разсчитывать на снисхожденіе не должны — они будутъ безпощадно препровождаться черезъ фронтъ нашихъ войскъ.

Всѣхъ же честныхъ сыновъ родины я призываю къ дружной работѣ и ни одной минуты не сомнѣваюсь въ конечномъ торжествѣ нашего дѣла».

Для выслушанія этого сообщенія представители всѣхъ Крымскихъ газетъ были приглашены въ Большой Дворецъ, какъ уже упоминалось, въ 5 часовъ вечера 22-го октября ст. стиля.

Одновременно за подписями наштаглава ген. Шатилова, генквармглава ген. Коновалова и начальника оперативнаго отдѣленія ген. шт. полк. Шкеленко было опубликовано слѣдующее оффиціальное сообщеніе штаба главнокомандующаго:

«Ставка, 21-го октября (3-го ноября) 1920 г. № 662.

Заключивъ миръ съ Польшей и освободивъ тѣмъ свои войска, большевики сосредоточили противъ насъ пять армій, расположивъ ихъ въ трехъ группахъ: у Каховки, Никополя и Пологи. Къ началу наступленія общая численность ихъ достигала свыше 100.000 бойцовъ, изъ коихъ четверть составляла кавалерія.

Сковывая нашу армію съ сѣвера и сѣверо-востока, красное командованіе рѣшило главными силами обрушиться на нашъ лѣвый флангъ и бросить со стороны Каховки массу конницы въ направленіи на Громокву и Сальково, чтобы отрѣзать русскую армію отъ перешейковъ, прижать ее къ Азовскому морю и открыть себѣ свободный доступъ въ Крымъ.

Учтя создавшуюся обстановку, русская армія произвела соотвѣтствующую перегруппировку. Главная конная масса противника: 1-я конная армія съ латышскими и другими пѣхотными частями численностью болѣе 10.000 сабель и 10.000 штыковъ обрушилась изъ Каховскаго плацдарма на востокъ и юго-востокъ, направивъ до 6.000 конницы на Сальково. Заслонившись съ сѣвера частью силъ, мы сосредоточили ударную группу и, обрушившись на прорвавшуюся конницу красныхъ, прижали ее къ Сивашу. При этомъ славными частями ген. Кутепова уничтожены полностью два полка латышской дивизіи,

захвачено 15 орудій и масса пулеметовъ, а донцами взято въ плѣнъ четыре полка и захвачено 15 орудій, много оружія и пулеметовъ.

Однако, подавляющее превосходство силъ, въ особенности конницы, подтянутыхъ противникомъ къ полю сраженія въ количествѣ 25.000 коней, въ теченіе пяти дней атаковавшихъ армію съ трехъ сторонъ, заставило главнокомандующаго принять рѣшеніе, отвести армію на заблаговременно укрѣпленную Сивашъ-Перекопскую позицію, дающую всѣ выгоды обороны. Непрерывные удары, наносимые нашей арміей въ истекшихъ бояхъ, сопровождавшіеся уничтоженіемъ значительной части прорвавшейся въ нашъ тылъ конницы Буденнаго, дали арміи возможность, почти безъ потерь отойти на укрѣпленную позицію.

Подлинное подписали: Начальникъ штаба — генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Шатиловъ, генералъ-квартирмейстеръ генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Коноваловъ, начальникъ оперативнаго отдѣленія генеральнаго штаба полковникъ Шкеленко».

Эта историческая сводка была опубликована тоже 22-го октября, то-есть также всего за четыре дня до катастрофы.

Въ ночь же съ 26-го на 27-е октября разыгрались уже событія, це находящіяся ни въ какомъ соотвѣтствіи съ высказаннымъ въ вышеприведенныхъ документахъ, подъ которыми подписались, принявъ на себя всю тяжесть отвѣтственности предъ исторіей, высшіе руководители арміи.

По немногимъ документамъ, относящимся къ этому послѣднему молніеносному промежутку времени, картина рисуется слѣдующимъ образомъ.

9-го октября, то-есть ровно черезъ недѣлю по окончаніи Заднѣпровской операціи, красные форсировали Днѣпръ у д. Нижній-Рогачикъ и одновременно повели наступленіе съ Каховскаго плацдарма.

Измученныя части 2-го корпуса ген. Витковскаго, не успѣвшія еще оправиться послѣ Заднѣпровской операціи, съ большими потерями отступили на югъ къ Перекопскимъ позиціямъ. Не выдержали у Рогачика и обезкровленные безпрерывными въ теченіе всего лѣта боями корниловцы. Несчастный живой Тришкинъ кафтанъ, честно, изъ послѣднихъ силъ служившій до конца, окончательно лопнулъ. Фронтъ былъ прорванъ. Конныя массы Буденнаго, не встрѣчая почти никакого сопротивленія, стремительно двинулись отъ Каховки на востокъ, имѣя цѣлью перерѣзать желѣзную дорогу на Крымъ и тѣмъ самымъ отрѣзать отъ перешейковъ 1-ю армію ген. Кутепова, все еще занимавшаго раіонъ Акимовка—Мелитополь.

Къ утру 1-го октября 1-я армія была отрѣзана отъ Крыма. Связь со ставкой прервалась.

Насколько это обстоятельство было дѣйствительно предусмотрѣно главнымъ командованіемъ могли бы выяснить оперативные документы, большая часть которыхъ была, къ сожалѣнію, брошена у одной изъ пристаней въ Севастополѣ. Но, во всякомъ случаѣ, заявленіе ген. Врангеля о томъ, что онъ рѣшилъ «дать противнику стянуться возможно глубже отъ Днѣпра къ Перешейкамъ, не считаясь съ тѣмъ, что временно наши арміи могли оказаться отрѣзанными отъ базы», должно дополнить однимъ, имѣющимъ свою историческую нынѣ цѣнность, обстоятельствомъ.

Въ тотъ моментъ, когда маневръ Буденнаго опредѣлился со всей своей неумолимой очевидностью, ставкой были вытребованы на фронтъ всѣ остатки резервовъ изъ Крыма до неоправившихся еще послѣ Кубани юнкеровъ вклю-

чительно. А когда авангарды Буденнаго появились на Чонгарскомъ полуостровѣ и предъ ставкой — былъ такой моментъ — встала леденящая возможность спасаться одной безъ всей остальной арміи — тогда, въ эти незабываемыя минуты, съ оперативнаго телеграфа поѣзда главнокомандующаго въ Джанкоѣ понеслись телеграммы въ Ѳеодосію на имя генерала Фостикова.

Ген. Фостикову было поручено привести въ боеспособный видъ вывезенныхъ съ Кавказа возставшихъ, «камышевыхъ» и прочихъ кубанцевъ. Въ силу цѣлаго ряда обстоятельствъ (недостатка оружія, обмундированія и т. д.) дѣло подвигалось крайне туго. Немедленно по полученіи приказаній ген. Фостиковъ извѣстилъ ставку, что онъ лишенъ возможности ихъ выполнить, такъ какъ въ его распоряженіи нѣтъ сколько-нибудь значительныхъ партій готовыхъ людей. Изъ ставки было приказано посылать, не медля ни минуты, въ какомъ угодно количествѣ, хотя бы группами по сто человѣкъ и чуть ли даже не десятками. Изъ Ѳеодосіи телеграфировали, что люди не одѣты, не обуты, не вооружены. Въ отвѣтъ было сказано, что все будетъ дано въ пути. Кубанцы выѣхали.

Только нерѣшительность краснаго командованія и блестящій маневръ 3-й донской дивизіи, вышедшей въ тылъ краснымъ, спасли на нѣсколько дней армію.

Донцы вынудили противника оставить Геническъ и Сальково, захвативъ трофеи и плѣнныхъ (4 полка).

Дорога на югъ войскамъ ген. Кутепова была вновь открыта. Потрясенныя, обезсиленныя части, измученныя морозами, загнавшія лошадей стихійно хлынули за перешейки.

Въ ставкѣ сдѣлали въ послѣдній разъ видъ, что «никакихъ происшествій не случалось», и отдали директиву о переходѣ въ наступленіе во флангъ и въ тылъ краснымъ частямъ, начинавшимъ атаки Перекопа. Директива, конечно, выполнена не была.

Главныя силы арміи 21-го октября всѣ уже были на югъ отъ перешейковъ.

Вышеприведенное оффиціальное сообщеніе штаба полагаетъ, что силы эти отошли «почти безъ потерь».

Если признавать за потери только количество людей, выбывшихъ изъ строя за смертью и по раненіямъ, то это заключеніе едва ли вызоветъ чьи либо возраженія, такъ какъ большая часть арміи отступила изъ сѣв. Тавріи, какъ только опредѣлился прорывъ фронта.

Но, если принять при этомъ во вниманіе количество людей, потерявшихъ вѣру въ благополучный исходъ дѣла и дезертировавшихъ изъ арміи, если исключить весь небоеспособный по моральному своему состоянію элементъ, то, пожалуй, трудно будетъ опредѣлить, существовала ли уже вообще тогда армія, какъ таковая.

Да и что можно было требовать отъ людей, вынужденныхъ держать винтовки голыми руками при 15—16 градусахъ мороза, кутавшихся вмѣсто полушубковъ въ мѣшки, набитые соломой, растерявшихъ сплошь и рядомъ во время отступленія свои хозяйственныя части и послѣднія жалкія крохи того, что имѣли.

А «патріотическая» печать даже въ эти страдные дни гоголемъ продолжала гулять по Крыму и на всѣхъ перекресткахъ трубила о бодромъ духѣ въ арміи и о всяческомъ благополучіи. Ни разу за все лѣто, ни разу даже въ эти дни не раздалось тѣхъ призывовъ къ спасенію арміи и всего дѣла, какими

были полны при аналогичныхъ недавнихъ обстоятельствахъ польскія и совѣтскія газеты.

Въ лучшемъ случаѣ дѣло ограничивалось трафаретными просьбами редакцій къ сердобольнымъ людямъ о пожертвованіи теплыхъ вещей. Исключеніе составляло, пожалуй, Симферопольское «Время» Бор. Суворина, отважившееся сообщать о довольно часто получавшихся въ редакціи цѣлыхъ коллекціяхъ писемъ отъ раздѣтыхъ, замерзающихъ офицеровъ и солдатъ.

Какъ образецъ того розоваго настроенія, въ которомъ пребывала въ эти дни печать, позволю себѣ воспроизвести цѣликомъ слѣдующій очеркъ, озаглавленный... «Наканунѣ побѣды» и напечатанный... 21-го октября.

«Маленькій Джанкой неузнаваемъ.

Какъ въ памятные майскіе дни, на станціи муравейникъ сѣрыхъ шинелей, комендантъ осаждается офицерами и солдатами, справляющимися о своихъ частяхъ. Въ оперативномъ отдѣленіи штаба нервная, напряженная работа днемъ и ночью.

Назрѣваютъ большія событія. Слухи, ползущіе съ фронта, мало волнуютъ Джанкой. Настроеніе у всѣхъ бодрое и веселое, и даже штатскіе, эти постоянные паникеры, спокойно говорятъ:

— Генералъ Врангель веселый ходитъ по перрону, — значитъ, все хорошо.

Пока, по обстоятельствамъ военнаго времени, не приходится говорить о положеніи фронта, но причинъ радоваться за фронтъ много.

Я знаю, что слова эти вызовутъ сомнѣніе у симферопольцевъ, питающихся, какъ и всѣ тыловики, отбросами слуховъ и упаковывающихъ свои чемоданы при первомъ «неблагопріятномъ слухѣ», но здѣсь, гдѣ бьется сердце арміи, радость эта ощущается и въ бодрыхъ, веселыхъ лицахъ «штабныхъ», и среди штатской публики этого вѣрнаго барометра успѣховъ Русской Арміи.

Безъ сомнѣнія, мы наканунѣ побѣды, и побѣды еще невиданной, способной сразу перетянуть чашку вѣсовъ на нашу сторону.

Сегодня ночью сюда прибылъ генералъ Слащевъ-Крымскій.

Бодрый энергичный, какъ всегда.

Быстро ходитъ изъ угла въ уголъ своего вагона — и, глядя на его высокую фигуру, мелькающую въ окнахъ, офицеры говорятъ:

— Какъ левъ мечется. Радъ, что на фронтъ пріѣхалъ.

Не ему же сидѣть въ такое время въ тылу.

Сегодня же генералъ принялъ меня.

— По стратегическимъ соображеніямъ сказать о фронтѣ ничего не могу. Только передайте одно въ Симферополь, что волноваться за фронтъ нѣтъ ни малѣйшей причины. Все идетъ такъ, какъ должно. Завтра, вѣроятно, я буду имѣть возможность бесѣдовать подробнѣе.

Въ теченіе этихъ дней ожидается многое.

Возможно, что завтра симферопольцы будутъ обрадованы новой побѣдой нашей геропческой арміи.»

(«Время», № 86 отъ 21-го октября.)*

Жизнерадостный предсказатель «невиданныхъ побѣдъ» не видалъ въ Джанкоѣ ничего, кромѣ «веселаго генерала Врангеля», «бодрыхъ веселыхъ лицъ штабныхъ» и мечущагося «какъ левъ» тоже бодраго и развеселаго ген. Слащева.

---

* Статья напечатана въ отсутствіи редактора Б. А. Суворина, находившагося уже заграницей. Чувство справедливости заставляетъ отмѣтить это.

Насколько соотвѣтствовала вся эта ура-глупость дѣйствительности, читатель можетъ убѣдиться, свѣривъ это описаніе съ вышеотмѣченнымъ фактомъ экстреннаго вызова ставкой послѣднихъ резервовъ, въ томъ числѣ и кубанцевъ ген. Фостикова.

Никогда, разумѣется, ставка не переживала болѣе тяжелыхъ дней, и съ веселыми лицами могли ходить только нѣкоторые корреспонденты, близкіе по духу тому герою народной сказки, который танцовалъ въ присядку во время похоронъ.

А, между тѣмъ, при желаніи можно было замѣтить въ эти дни въ Джанкоѣ и описать много поучительнаго, что могло бы еще, пожалуй (какъ знать), потрясти общество и даже вызвать взрывъ того подъема, который въ иныхъ случаяхъ рождается инстинктомъ самосохраненія.

И, если брать, напримѣръ, день, которымъ датирована эта замѣчательная корреспонденція, то не стоило ли развѣ омрачить веселую «картинку Джанкоя» кошмарной сценой прихода въ тотъ день санитарнаго поѣзда съ... замерзшими трупами, остановившагося почти рядомъ съ поѣздами ставки.

Окоченѣвшія въ лишенныхъ печей санитарныхъ «теплушкахъ» тѣла раненыхъ были наглядньмъ олицетвореніемъ всѣхъ преимуществъ и плодовъ, какіе могла и должна была дать въ конечномъ своемъ итогѣ страусовая премудрость.

Среди свидѣтелей этого преступленія былъ одинъ изъ личныхъ адъютантовъ ген. Врангеля, приглашенный къ санитарному поѣзду.

Таковы были потери въ людяхъ.

Но менѣе серьезны были онѣ и въ матеріальной части. Говорить серьезно объ успѣшномъ исходѣ эвакуаціи совершенно не приходится. Въ Мелитополѣ до самаго послѣдняго дня запрещено было произносить слово «эвакуація», и въ штабѣ ген. Кутепова, за нѣсколько часовъ до ухода штаба, съ презрѣніемъ говорили о «тыловыхъ паникерахъ».

Въ результатѣ по оффиціальному секретному донесенію при оставленіи сѣв. Тавріи нами было оставлено: 5 бронепоѣздовъ, нѣсколько бронеплощадокъ, 18 исправныхъ орудій (въ Мелитополѣ), много орудій тяжелыхъ и легкихъ въ другихъ мѣстахъ, около 100 вагоновъ со снарядами, 10 милліоновъ патроновъ, 25 паровозовъ, составы съ продовольствіемъ и интендантскимъ имуществомъ, болѣе 2.000.000 пудовъ хлѣба и проч.

Все это было несомнѣнно результатомъ всего того же фатальнаго патріотическаго оптимизма и упорнаго нежеланія смотрѣть прямо въ глаза дѣйствительности.

Паровозы для эвакуаціи Мелитополя мчались на сѣверъ тогда, когда уже кавалерія Буденнаго подходила чуть ли не къ самому полотну желѣзной дороги.

Бросались имущество и грузы, заблаговременная эвакуація которыхъ диктовалась, казалось, всей логикой вещей.

Брошенными милліонами пудовъ хлѣба можно было бы прокормить населеніе Крыма въ теченіи всей зимней осады.

Что внушило вѣдомству г. Налбандова (торговли и промышленности) мысль держать его до послѣдней минуты на территоріи явно угрожаемаго раіона такъ и осталось тайной.

Интересно отмѣтить, что секретная сводка объ упомянутыхъ потеряхъ, полученная 22-го октября утромъ, не была сразу доложена ген. Врангелю. За обѣдомъ въ этотъ день въ Большомъ Дворцѣ главнокомандующій сообщилъ

присутствовавшимъ о «благополучномъ» завершеніи эвакуаціи Мелитополя *. Всѣ смущенно промолчали. Было совершенно непонятно, скрыта ли телеграмма отъ главнокомандующаго, или наштаглавъ не успѣлъ доложить ее. Спустя три часа, ген. Врангель сообщилъ то же и представителямъ печати.

При такихъ обстоятельствахъ совершился, стоившій намъ громадныхъ жертвъ, отходъ въ Крымъ.

«Стратегическій планъ красныхъ, — какъ выразился въ своемъ заявленіи ген. Врангель, — разсчитанный на овладѣніе съ налета укрѣпленной Крымской позиціей, окруженіе и уничтоженіе нашихъ армій», потерпѣлъ дѣйствительно «полную неудачу».

Но едва ли кто-нибудь станетъ оспаривать теперь, что болѣе чѣмъ рискованное рѣшеніе главнаго командованія относительно выполненія задуманнаго маневра на просторѣ сѣв. Тавріи не дало совершенно ожидавшихся результатовъ и даже, быть можетъ, было одной изъ главныхъ причинъ свершившейся трагедіи.

21-го октября замерзающая, полураздѣтая, деморализованная армія, закончивъ отходъ, заняла первую линію Сивашъ—Перекопскихъ позицій.

Большевики сейчасъ же начали предпринимать подготовительныя работы для атаки перешейковъ. Къ Перекопу подвозились тяжелыя орудія, произведена была необходимая перегруппировка. 1-я конная армія Буденнаго, занявшая было Чонгарскій полуостровъ, отошла на сѣверъ, расположившись на линіи Петровское—Отрада—Ново-Троицкое—Стокопани, а на ея мѣсто стали подводиться пѣшія части. Красное командованіе предприняло изслѣдованіе дна Сивашей съ цѣлью форсированія ихъ. Для этого, между прочимъ, къ Сивашскимъ озерамъ были подтянуты не то отколовшіяся, не то вошедшія въ контактъ съ красными (осталось невыясненнымъ) части «арміи Махно».

Въ какой же, спрашивается теперь, степени надежны были укрѣпленія, которыя предстояло преодолѣть противнику?

О состояніи Сивашскихъ позицій уже упоминалось при описаніи осмотра ихъ иностранными военными агентами. Онѣ были вполнѣ удовлетворительны и трудно преодолимы вслѣдствіе исключительно выгоднаго рельефа мѣстности (ажурная сѣтка изъ озеръ и дефиле).

Что же представлялъ собою въ боевомъ отношеніи Перекопъ? Тотъ самый Перекопъ, который былъ и неизбѣжно долженъ былъ стать ареной боевъ, имѣвшихъ рѣшить участь Крыма. Тотъ Перекопъ, въ укрѣпленности котораго никто не сомнѣвался и паденіе котораго въ промежутокъ трехъ дней поразило весь міръ своей ошеломляющей неожиданностью.

Я думаю, что теперь насталъ часъ, когда объ этой «укрѣпленности» можно и должно сказать всю правду. Должно хотя бы для того, чтобы положить предѣлъ тѣмъ нелѣпымъ и обиднымъ толкамъ и представленіямъ, которые существуютъ на этотъ счетъ заграницей.

То, что явилось полной неожиданностью для русскаго и иностраннаго общества, едва ли было неожиданнымъ для того ограниченнаго круга лицъ, которому давно были извѣстны боевыя качества Перекопскихъ позицій.

---

* Записываю со словъ лица, присутствовавшаго обычно на обѣдѣ.

Еще 13-го іюля 1920-го года начальникъ Перекопъ-Сивашскаго укрѣпленнаго раіона ген.-лейт. Макѣевъ въ совершенно секретномъ обширномъ рапортѣ за № 4937 на имя начальника штаба главнокомандующаго срочно докладывалъ:

Копія. (Выдержка.)

«Начинжтехо обѣщалъ единовременно 21 тысячу бревенъ, 25.200 досокъ и ежемѣсячно по 6.550 бревенъ, по 8.400 досокъ, по 25.740 жердей и по 169 тысячъ кольевъ.

Съ мая до сего дня доставлено фактически 20 тысячъ кольевъ, заготовленныхъ еще строительствомъ до начинжтехо, два вагона дровъ и 450 штукъ кроквъ для телеграфныхъ столбовъ. Въ настоящее время работы по постройкѣ Чонгарскаго моста, блиндажей, блокгаузовъ землянокъ стоятъ за недостаткомъ лѣсныхъ матеріаловъ».

Этотъ рапортъ, подводящій убійственный итогъ работамъ за цѣлую, самую притомъ важную въ отношеніи климатическихъ возможностей, половину кампаніи, достаточно содержателенъ.

Не менѣе содержательны были и послѣдующія донесенія ген. Макѣева.

Въ результатѣ: Къ моменту катастрофы укрѣпленій, способныхъ противостоять огню тяжелыхъ, а въ девяти изъ десяти случаевъ и легкихъ батарей, не было.

Вмѣсто обшитыхъ, подготовленныхъ для осенней слякоти и зимней стужи, окоповъ, были почти повсемѣстно традиціонныя россійскія канавы. Блиндажами (болѣе чѣмъ сомнительнаго качества) блисталъ къ началу осени (мнѣ довелось быть на Перекопѣ въ послѣдній разъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ) чуть ли не одинъ лишь Перекопскій валъ.

Желѣзная дорога отъ Юшуня, безконечно необходимая для подвоза къ Перекопу снарядовъ и снабженія не была къ осени закончена даже въ четвертой своей части, хотя была начата еще ранней весной и хотя надо было проложить всего 20 слишкомъ верстъ. Проложенныя за это время нѣсколько верстъ были непровозоспособны. Проселочныя дороги на Перекопскомъ перешейкѣ при первыхъ же осеннихъ дождяхъ покрывались непролазной грязью.

Долговременныхъ артиллерійскихъ укрѣпленій на перешейкѣ не было вовсе. Существовавшія полевыя были весьма примитивны. Установка большей части артиллеріи была разсчитана на послѣднюю минуту, такъ какъ свободныхъ тяжелыхъ орудій въ запасѣ въ Крыму не было, заграница ихъ не присылала.

Можно съ достаточной достовѣрностью утверждать, что первое мѣсто среди средствъ обороны Перекопскаго перешейка принадлежало проволокѣ.

При пересѣченіи Перекопа съ юга на сѣверъ, отъ Юшуня до Перекопскаго вала, насчитывалось къ началу осени всего 17 рядовъ проволочныхъ заграждеиій.

Электрическій токъ, фугасы, яко бы заложенные между ними, и т. п. — все это было лишь плодомъ досужей фантазіи.

При мощности артиллеріи противника и крайне слабомъ развитіи всѣхъ прочихъ средствъ обороны этого было далеко не достаточно. Большинство окоповъ не было обезпечено проволокой съ тыла, то-есть на случай обхода.

Еще въ маѣ мѣсяцѣ до начала наступленія, въ моментъ весьма остраго положенія на Перекопѣ англійское командованіе въ Константинополѣ обратилось къ нашимъ представителямъ съ недоумѣннымъ вопросомъ, почему проволока, предназначенная для укрѣпленія позицій, привезена изъ Севастополя обратно въ Константинополь и тамъ распродается. Назначенное по приказанію

помощника главнокомандующаго ген. Шатилова разслѣдованіе выяснило, что закупленная у союзниковъ проволока находилась на пароходѣ Добровольнаго флота «Саратовъ», вышедшимъ изъ Одессы, простоявшимъ всю весну въ Севастополѣ и получившимъ приказъ, идти, не выгружаясь, въ Константинополь за срочнымъ грузомъ. По приходѣ выяснилось, что всѣ трюмы «Саратова» заполнены проволокой. Новый спѣшный грузъ грузить было некуда. И вотъ группа лицъ при содѣйствіи нашего быв. торговаго агента въ Константинополѣ проф. Пиленко была поставлена въ необходимость, какъ докладывалъ впослѣдствіи ген. Лукомскій, продать означенную проволоку обратно иностранцамъ. Всѣмъ лицамъ, участвовавшимъ въ этой непріятной операціи, былъ объявленъ въ свое время выговоръ.

Итакъ, въ отношеніи проволоки дѣло оставляло желать тоже многаго.

Какимъ же образомъ — спроситъ читатель — держался Перекопъ всю предыдущую зиму, когда не было и этихъ укрѣпленій?

На этотъ вопросъ можно было бы отвѣтить вопросомъ:

— А какимъ образомъ держались отряды Чернецова въ самомъ началѣ гражданской войны, какимъ образомъ держались тѣ, кто вышелъ 9-го февраля изъ Ростова, какимъ образомъ совершались ледяные походы и штурмы Ставрополя-Кавказскаго?..

Когда говорятъ, что Ставрополь былъ взятъ ген. Шкуро, у меня предъ глазами знакомые поля и холмы, сплошь усѣянные тѣлами тѣхъ близкихъ мнѣ, кто стоялъ лишь на порогѣ жизни, кто хотѣлъ, горячо хотѣлъ вѣрить въ своихъ вождей, учиться у нихъ любви къ родинѣ, какъ учился еще вчера въ стѣнахъ гимназіи, въ аудиторіяхъ университета. Правда, сейчасъ на окоченѣвшихъ плечахъ этихъ погибшихъ не студенческіе наплечники, а погоны съ большимъ или меньшимъ количествомъ звѣздочекъ или со скромными трехъцвѣтными жгутовыми кантами, но не погоны, а по своему понятую любовь къ родинѣ носили они въ душѣ своей. Любовь, можетъ быть и ошибочную, можетъ быть больную (какъ предвидѣть судъ исторіи), но любовь пламенную, искреннюю, чистую, которую они унесли съ собой въ могилу.

И кто спасъ Перекопъ весной 1920-го года, рѣшить не такъ ужъ трудно, если вспомнить о безчисленныхъ могилахъ юношей-юнкеровъ, разсѣянныхъ по этому проклятому гиблому мѣсту.

Для большей полноты и, ради исторической справедливости, можно еще добавить: этими юнкерами командовалъ генералъ-маіоръ Слащевъ, подвергавшій нѣсколько разъ въ то время свою жизнь опасности.

Такая постановка вопроса и отвѣта будетъ наиболѣе правильной, ибо въ исторіи гражданской войны она вполнѣ умѣстна.

Къ этому остается добавить еще одно: Весной 1920-го года большевики не могли сосредоточить противъ Перекопа и одной пятой, а то и десятой того количества артиллеріи, которое они сосредоточили для прорыва одной Ишуньской линіи (до 150-ти орудій).

Для того, чтобы противостоять такому напору, надо было имѣть свои крѣпостныя артиллерійскія укрѣпленія, прочные обшитые окопы, а не «идеальный профиль»... канавъ, нужны были землянки, блиндажи, а не 450 штукъ какихъ-то, извините, кроквъ для телеграфныхъ столбовъ, о которыхъ сообщаетъ ген. Макѣевъ и которыя удосужились доставить за полъ лѣта.

Все это не мѣшало «патріотической» ура-печати кричать — до хрипоты о неприступности Перекопа.

За четыре дня до катастрофы г. Чебышевъ писалъ въ «Вел. Россіи»:

«Не впадая въ оптимизмъ, взвѣшивая совершенно спокойно создавшееся положеніе, мы легко можемъ представить, какую мощь сопротивленія разовьетъ армія, тѣсно связанная въ своихъ частяхъ и прочно опирающаяся на укрѣпленныя позиціи. Можно быть увѣренными, что мы не только отсидимся, но и создадимъ противнику достаточно безпокойное существованіе».

Къ тому, что сказано остается добавить еще одно.

Во время одного изъ пріѣздовъ полевой ставки въ Севастополь мнѣ пришлось на квартирѣ М. В. Кашкарова, московскаго литератора-историка и славянофила, встрѣтиться съ проф. Дерюжинскимъ, однимъ изъ видныхъ сотрудниковъ «Вел. Россіи», принимавшимъ участіе также и въ журналахъ, редактировавшихся В. М. Кашкаровымъ. Рѣчь зашла объ одной изъ послѣднихъ статей г. Дерюжинскаго, гдѣ онъ указывалъ на формальное нарушеніе Ялтинскимъ сенатомъ своихъ правъ, заключавшееся въ томъ, что сенатъ распубликовалъ восторженный указъ по поводу проведенія земельной реформы, и въ этомъ указѣ допустилъ все-таки сужденія и о самой реформѣ. По мнѣнію г. Дерюжинскаго, это было недопустимо, и онъ съ особеннымъ удовольствіемъ подчеркивалъ, что ген. Врангель препроводилъ номеръ газеты съ его статьей г. Кривошеину, снабдивъ послѣднюю какой-то лестной помѣткой.

Не выдержавъ, я осмѣлился замѣтить г. Дерюжинскому, что «Вел. Россія» пользующаяся такимъ авторитетомъ во дворцѣ, оказала бы большую услугу арміи, ген. Врангелю и всему дѣлу, если бы оставила въ покоѣ никчемный Ялтинскій сенатъ, а писала бы правду о нуждахъ фронта и о тѣхъ дефектахъ, которые рано или поздно приведутъ насъ къ гибели. Я указалъ тогда же г. Дерюжинскому, что политика казеннаго оптимизма, самообмана и самоколпачиванія, проводимая съ такой послѣдовательностью Вел. Россіей, — самое страшное преступленіе противъ родины и, что своей страусовой премудростью эта политика влечетъ ко дну и ген. Врангеля и армію и все дѣло. Во время разговора, принявшаго очень нервный характеръ, я замѣтилъ г. Дерюжинскому, что на основаніи документовъ, о которыхъ говорить я не имѣю права, катастрофа представляется мнѣ неизбѣжной, если самообманъ будетъ продолжаться. Настаивая на раскрытіи предъ обществомъ всей правды о трагедіи «Тришкина кафтана», объ укрѣпленіяхъ и проч., я сказалъ:

— Вѣрьте, профессоръ, что черезъ мѣсяцъ-полтора все будетъ кончено...

— Все будетъ прекрасно... — отвѣчалъ г. Дерюжинскій и нѣсколько разъ весьма недвусмысленно намекалъ на крайнюю мою... «революціонность».

Весь разговоръ отъ начала до конца происходилъ въ присутствіи В. М. Кашкарова, предъ которымъ мнѣ пришлось, уходя, извиниться въ виду того, что столкновеніе имѣло мѣсто въ его домѣ.

Отмѣчаю этотъ фактъ съ единственной цѣлью: писавшіе въ «Вел. Россіи» и т. д. **знали** объ истинномъ положеніи вещей. Могли, конечно, при желаніи узнать много больше, если бы пожелали разстаться со своими удобными розовыми очками.

До какихъ предѣловъ доходила эта страусова политика, читатель можетъ убѣдиться изъ нѣсколькихъ печатаемыхъ ниже, въ качествѣ горькихъ анекдотовъ, газетныхъ вырѣзокъ:

№ 1-й:

Ген. Слащевъ въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ газеты «Время» (№ отъ 24-го октября) заявилъ:

«Населеніе полуострова можетъ быть вполнѣ спокойно. Армія наша настолько велика, что одной пятой ея состава хватило бы на защиту Крыма. Укрѣпленія Сиваша и Перекопа настолько прочны, что у краснаго командованія ни живой силы, ни техническихъ средствъ преодолѣнія не хватитъ... Войска всей красной Совдепіи не страшны Крыму.

Замерзаніе Сиваша, котораго, какъ я слышалъ, боится населеніе, ни съ какой стороны не можетъ вредить оборонѣ Крыма и лишь въ крайнемъ случаѣ вызоветъ увеличеніе численности войскъ на позиціяхъ за счетъ резерповъ. Но послѣдніе столь велики у насъ, что армія вполнѣ спокойно можетъ отдохнуть за зиму и набраться новыхъ силъ».

Это заявленіе напечатано ровно за д в о е с у т о к ъ до прорыва Перекопа.

№ 2-й:

«Мы, во всякомъ случаѣ, спокойно можемъ смотрѣть на свое будущее. Испытанная, закаленная въ бояхъ армія генерала Врангеля не знаетъ пораженія.

Стратегическіе таланты ея вождей вызываютъ изумленіе всей Европы. (!) Въ эти дни перестанемъ шептать пересохшими губами злые, пугающіе слухи. Попробуемъ стать гражданами.

Клеймите позоромъ этихъ людей съ фантазіей, помутившейся отъ страха, съ осовѣлой, мертвой душой.

Россія будетъ жить.

А Крымъ—Араратъ ея стоитъ твердо и непоколебимо». («Тавр. Голосъ», 21-го октября.)

№ 3-ій:

«Красные въ ближайшіе дни попытаются штурмовать Перекопскія позиціи, чтобы поскорѣе добиться своей конечной цѣли.

Съ своей стороны, мы могли бы только порадоваться подобнымъ попыткамъ красныхъ. Пусть себѣ лѣзутъ и разбиваютъ головы о Перекопскія твердыни. Перекопа имъ не видать, но чѣмъ больше при этомъ погибнетъ лучшихъ красноармейскихъ полковъ, тѣмъ скорѣе деморализація охватитъ остальную часть красной арміи.

Для защиты Перекопскихъ позицій наша армія даже слишкомъ велика. Поэтому Армія наша получитъ возможность отдохнуть послѣ непрерывныхъ тяжелыхъ осеннихъ боевъ, а также выполнить попутно и нѣкоторыя другія важныя задачи по упорядоченію тыла (ликвидаціи зеленыхъ и т. д.).

Нѣтъ, большевизмъ надетъ, и ждать теперь этого счастливаго дня долго не придется».

(«Веч. Слово», 22-го октября.)

№ 4-й. (Изъ той же газеты):

«Послѣ заявленія генерала Врангеля всякій червякъ сомнѣнія, у кого онъ былъ, долженъ окончательно разсѣяться. (?)

Да, это вѣрно, мы отошли къ Перекопу. Но отошли въ полномъ порядкѣ, не оставивъ никакихъ трофеевъ непріятелю».

И дальше:

«Прочтите, однако, мою вчерашнюю статью — «А что же дальше?», прочтите всѣ вчерашнія передовицы моихъ коллегъ въ другихъ севастопольскихъ газетахъ, безотносительно ихъ направленія, и вы увидите полное тождество

не только въ конечныхъ выводахъ, но и въ самомъ логическомъ подходѣ къ этимъ выводамъ.

И мнѣ думается, что Троцкій со всей своей нѣмецкой компаніей отлично уже это понимаетъ.

Не даромъ большевики такъ отчаянно и врутъ и ругаются въ своихъ послѣднихъ радіо.

Что же, пусть себѣ утѣшаются на ругани. Эта извозчичья брань вышедшихъ изъ себя отъ злобы шпіоновъ, чувствующихъ, что ихъ карта бита, производитъ прямо забавное впечатлѣніе».

(№ отъ 23-го октября.)

Этихъ «забавныхъ» выдержекъ хватило бы еще на нѣсколько страницъ. Однако, довольно.

Какъ грустно, какъ тяжело и обидно читать ихъ, когда вспоминаешь тѣ пламенные, полные смертельной тревоги, призывы, которыми были полны польскія газеты въ страдные дни для Польши. Мнѣ пришлось недавно просматривать ихъ въ Варшавѣ. Ни тѣни лишнихъ иллюзій, никакого самоутѣшенія, ни одного слова лжи.

«Отечество на краю гибели! Родина погибаетъ, всѣ до одного на ея защиту!» — таковы были аршинные заголовки польскихъ газетъ.

Спасительная правда была, впрочемъ, однажды сказана и въ нашей печати устами только не журналистовъ, но самого ген. Врангеля:

Вотъ она:

«Два мѣсяца (цензурой опущена строка) сосредоточивались всѣ силы красныхъ противъ Крыма, борющагося за идеалы культурнаго человѣчества.

Двѣ недѣли, какъ Русская армія выдерживаетъ удары въ десять разъ сильнѣйшаго врага.

Раздѣтая, обмороженная, полубольная она истекаетъ кровью, отстаивая послѣднюю пядь родной земли.

Если не свершится чудо, то близокъ часъ, когда обезоруженная, совершенно обезкровленная она будетъ раздавлена лавиной красной нечисти».

Раздѣтая... обмороженная... полубольная... обезоруженная... совершенно обезкровленная... въ десять разъ превосходящій врагъ... Да, вѣдь, это правда! Значитъ, говорилась правда? — Воскликнетъ, пожалуй, читатель... — И даже въ печати?..

Да — говорилась, то-есть да — была сказана. Да — въ печати, но... увы, въ Турціи.

Эти дышащія святой правдой слова взяты изъ послѣдней телеграммы — интервью В. Л. Бурцева, отправленной имъ изъ Крыма въ Константинопольскую «Presse du Soir», гдѣ появилась 18 ноября нов. стиля.

Своя доблестная печать была въ это время уже... на корабляхъ.

Увы, у насъ до того боялись «нытія» и «пониженія настроенія», что даже 31-го октября въ 3 часа дня ухитрялись (газета «Курьеръ» въ Севастополѣ) выходить съ аншлагомъ:

«Тревоги не должно быть мѣста!»

Это ли не героизмъ? Это ли не патріотизмъ, и не высшая гражданская добродѣтель?!..

Подъ аккомпаниментъ этого бодраго тылового хора побѣдныхъ фанфаръ и литавровъ пробилъ полный безысходнаго трагизма 12-й часъ.

Въ ночь съ 26-го на 27-го октября Перекопскія «твердыни» зашатались и спустя всего три дня рухнули окончательно.

Событія разыгрались съ трагической быстротой, явивъ собою логическое и окончательное завершеніе страусовой политики.

«Совершенно деморализованныя» красныя части перешли дважды вбродъ при двухъ-градусномъ морозѣ Сиваши и появились на Чувашскомъ полуостровѣ, угрожая флангу и тылу расположенныхъ на Перекопѣ частей.

По произведенной наканунѣ ген. Кутеповымъ перегруппировкѣ, защита Чувашскаго полуострова была возложена на кубанцевъ ген. Фостикова (вмѣсто 34-й дивизіи, стоявшей тамъ раньше). На тѣхъ самыхъ кубанцевъ, которыхъ ставка спѣшно потребовала изъ Феодосіи, не считаясь ни съ какими донесеніями о полной ихъ небоеспособности.

Это была раздѣтая, голодная, измученная скитаніемъ по горамъ Черноморья масса въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, едва-едва дисциплинированныхъ.

Отсутствіе теплой одежды отозвалось самымъ печальнымъ образомъ на ихъ моральномъ состояніи.

Въ то время, когда на Севастопольскомъ рейдѣ появился, наконецъ, транспортъ «Ріонъ», доставившій изъ-за границы обмундированіе, армія уже, увы, замерзала. Офицеры и солдаты спасались только у костровъ и набивали соломой кули, чтобы хоть какъ-нибудь укрыться отъ холода. Опозданіе обмундированія, за которое, если не ошибаюсь, было уплачено золотомъ еще покойнымъ адм. Колчакомъ, имѣло фатальное значеніе, что было подчеркнуто и въ одномъ изъ послѣднихъ оффиціальныхъ сообщеній ставки.

Кубанцы не выдержали и бросили оружіе.

Лавина противника ринулась по двумъ направленіямъ: на Армянскъ, то-есть въ глубокій тылъ, и перейдя еще разъ вбродъ Сивашъ, по направленію главной оборонительной линіи — въ тылъ защищавшей ее Дроздовской дивизіи.

Здѣсь произошелъ предпослѣдній небывало-ожесточенный и кровопролитный бой. Дроздовцы и корниловцы, окруженные съ сѣвера и юга, вынуждены были пробивать себѣ дорогу въ тылъ по направленію къ Юшунь.

Настали послѣдніе дни страшной и тяжелой агоніи.

Послѣдніе дни большого дворца

Н. И. К.

27-го октября.

Съ девяти часовъ утра идетъ обычная для Большого Дворца работа. Приходятъ, уходятъ посѣтители. Трещатъ телефоны. Являются съ докладами къ главнокомандующему и начальнику штаба. Послѣ обѣда генералъ Врангель въ сопровожденіи начальника штаба долженъ выѣхать на фронтъ. Дѣлаются необходимыя приготовленія къ отъѣзду, переносятся въ автомобиль и отправляются на вокзалъ повенькія, еще не освященныя знамена для врученія частямъ Корниловской, Марковской и Дроздовской дивизій. Въ 3 часа дня главнокомандующій уѣзжаетъ, начальникъ же штаба остается въ Севастополѣ.

28-го октября.

Ночью главнокомандующій возвратился. Онъ доѣхалъ только до Джанкоя и тамъ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ генераломъ Кутеповымъ, совѣщаніе, на которомъ была рѣшена судьба Крыма. Знаменъ роздать не успѣлъ.

Непривычно рано — въ началѣ десятаго часа, приходитъ адмиралъ Макъ-Келли*. Послѣ его ухода докладываютъ о пріѣздѣ графа де-Мартель**. Во дворецъ вызывается командующій флотомъ и больше часа въ кабинетѣ главкома идетъ совѣщаніе. Затѣмъ почти до самаго обѣда продолжается пріемъ иностранныхъ представителей.

Настроеніе у всѣхъ подавленное, чувствуется растерянность. Никто не сомнѣвается въ полномъ крахѣ, всѣхъ интересуетъ одно — какъ пройдетъ эвакуація. Въ порту судовъ на 30.000 тоннъ. Усиленно говорятъ о томъ, что де-Мартель обѣщалъ вызвать изъ Константинополя транспорты и военныя суда для защиты, въ случаѣ надобности, подступовъ къ Севастополю. Пока что всѣ находящіяся въ порту коммерческія суда, независимо отъ національности, реквизированы; уже начинаютъ грузить лазареты на транспортъ «Ялту» и нѣкоторыя центральныя учрежденія на «Ріонъ».

Въ городѣ чувствуется большая нервность, встрѣчаются телѣги съ вещами, автомобили съ больными и ранеными. Цѣны лихорадочно растутъ, фунтъ стерлинговъ дошелъ до 600 тысячъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ съ фронта, войска занимаютъ укрѣпленія на линіи с. Казакъ-Соленыя Озера. Напоръ большевиковъ продолжается съ невѣроятной силой. За ночь они подвезли тяжелую артиллерію и при ея поддержкѣ предпринимаютъ одну атаку за другой.

Въ Севастополѣ боятся главнымъ образомъ выступленія мѣстныхъ коммунистовъ и безпорядковъ въ порту.

По приказанію начальника штаба изъ чиновъ управленія генералъ-квартирмейстера и дежурнаго генерала составлены отдѣльныя команды. Всѣ вооружены, кромѣ винтовокъ, еще и ручными гранатами, чтобы имѣть возможность, въ случаѣ нападенія, отстоять штабъ собственными силами. Часть конвоя главнокомандующаго еще днемъ переведена во дворецъ, въ 8 часовъ вечера по приказанію коменданта главной квартиры туда же прибываетъ взводъ офицерской роты и размѣщается въ обоихъ этажахъ зданія.

Во дворцѣ работа кипитъ. Никто не думаетъ объ отдыхѣ. По телефонамъ ежеминутно отдаются распоряженія. Въ 9 часовъ въ помѣщеніи главнокомандующаго начинается засѣданіе членовъ правительства, посвященное вопросамъ текущаго момента. На засѣданіи присутствуютъ по особому приглашенію митрополитъ Антоній и епископъ Веніаминъ. Генералъ Врангель почти не выходитъ изъ своего кабинета.

Въ два съ половиной часа ночи во дворецъ вызывается генералъ Слащевъ, и главнокомандующій предлагаетъ ему выѣхать на фронтъ. Объ этомъ, видимо желая успокоить общество, сейчасъ же даютъ знать во всѣ газеты.

29-го октября.

Вчера сданы позиціи у Соленыхъ Озеръ. Войска отошли къ ст. Юшунь на третью и послѣднюю линію укрѣпленій. Такой быстрой сдачи «укрѣпленій»

---

* Глава американской миссіи.

** Представитель Франціи на югѣ Россіи.

у Соленыхъ озеръ, кажется, мало кто ожидалъ. Всюду дѣятельно готовятся къ эвакуаціи. Въ штабѣ — въ полутемныхъ и узкихъ корридорахъ гостиницы «Бристоль» — суета. Спѣшно строятся и вооружаются чиновники и писаря штаба. Во всѣхъ отдѣленіяхъ идетъ упаковка бумагъ, картъ, увязываются сундуки. Берется только самое необходимое, все остальное безпощадно сжигается. Жгутъ, конечно, не разбирая, и на ряду съ ненужными бумагами бросаются въ огонь и весьма цѣнные, съ исторической точки зрѣнія, документы. Менѣе нервно идутъ приготовленія къ отъѣзду въ Большомъ Дворцѣ.

По соглашенію съ командующимъ флотомъ — назначены суда для эвакуаціи; всѣ наличные пароходы распредѣлены примѣрно такъ: 1-му армейскому корпусу будутъ предоставлены крупные транспорты Добровольнаго флота «Херсонъ» и «Саратовъ», транспортъ «Сіамъ», «Седжетъ», «Ріонъ», «Кронштадтъ», «Якутъ» и «Алмазъ» предназначены для центральныхъ военныхъ и морскихъ учрежденій и семей офицеровъ гарнизоновъ Севастополя и Симферополя. Гражданскому населенію будутъ предоставлены оставшіеся отъ погрузки войска корабли.

Согласно разработанному ранѣе плану, корпусъ генерала Кутепова будетъ отходить на Севастополь, регулярная конница генерала Барбовича на Ялту, кубавцы въ Феодосію и донцы въ Керчь.

Съ ранняго утра и штабъ, и Большой Дворецъ осаждаются желающими узнать о положеніи вещей. Обыватель, наученный не сладкимъ опытомъ пережитыхъ эвакуацій, старается выяснить размѣры надвигающейся опасности и заранѣе запастись пропускомъ на пароходъ. Наплывъ посѣтителей заставляетъ вывѣсить на дверяхъ Большого Дворца объявленіе, гласившее, что по всѣмъ вопросамъ относительно отъѣзда надлежитъ обращаться къ командующему войсками армейскаго тылового района генералу Скалону. Оффиціальнаго приказа объ эвакуаціи еще не было опубликовано, но эта краткая записка сообщала всѣмъ, что мы оставляемъ Крымъ.

Въ два часа дня прибываетъ изъ Константинополя крейсеръ «Waldeck-Rousseau» и французскій миноносецъ. На пристани выстроенъ почетный караулъ. Транспортовъ нѣтъ, повидимому, и не придутъ.

Во дворцѣ всѣ готовятся къ отъѣзду. Часть семьи генерала Шатилова уѣхала еще утромъ 28-го. Сегодня ночью должны погрузиться нѣкоторые чины личнаго штаба генерала Врангеля, присутствіе которыхъ въ данный моментъ не является необходимымъ. Укладка вещей идетъ полнымъ ходомъ.

Въ два и въ шесть часовъ дня во дворцѣ состоялись засѣданія, на которыхъ присутствовали всѣ члены правительства.

30-го октября.

Красные, сосредоточивъ небывалое количество артиллеріи (свыше 20 легкихъ и 15 тяжелыхъ орудій), овладѣли Юшуньскими позиціями. Войска стремительно отступаютъ на Джанкой.

Городъ нельзя узнать. Главныя улицы буквально запружены народомъ, по Нахимовскому и Екатерининской тянутся подводы, груженныя скарбомъ, вещами, въ сопровожденіи вооруженныхъ военныхъ. Приказъ объ эвакуаціи явился для всѣхъ громомъ средь яснаго неба. Всѣ идутъ съ озабоченными лицами, всѣ торопятся къ пристанямъ на погрузку. На Нахимовскомъ поперекъ тротуара лежитъ окровавленный трупъ, около него толпа.

«Кто убитъ? За что?» Никто не знаетъ...

Магазины торгуютъ бойко, распродавая послѣдній товаръ по баснословнымъ цѣнамъ. Нѣкоторые магазины уже закрыты. У булочныхъ стоятъ громадныя очереди, ожидая выпечки. Возлѣ мѣняльныхъ лавочекъ и банкирскихъ конторъ оживленно переговаривающіяся группы «дѣльцовъ». Валюты нигдѣ нѣтъ. За нее готовы отдать все. Правда, знаки главнаго командованія еще принимаются, но рубль потерялъ всякую покупную способность. За фунтъ стерлинговъ предлагаютъ свыше милліона.

Около пристаней толпы народу, груды вещей. Грузится гражданское населеніе, грузятся военныя учрежденія. Автомобили подъѣзжаютъ и отъѣзжаютъ, уступая мѣсто слѣдующимъ. Толкотня, суета невообразимая.

Штабъ главнокомандующаго погрузился почти цѣликомъ. Въ гостинницѣ «Бристоль» остались только нѣкоторые высшіе чины штаба, поддерживающіе еще связь съ погибающимъ фронтомъ. Въ пустыхъ номерахъ навалены груды бумагъ, картъ, патроны, лежатъ винтовки. Гдѣ-то звонитъ телефонъ. Бѣгаютъ сбившіеся съ ногъ ординарцы, исполняя порученія. Въ нижнемъ этажѣ въ аппаратной осталось нѣсколько телеграфистовъ и дежурный офицеръ. Трещатъ Юзъ и Морзе, принося извѣстія съ фронта. Линія проходитъ уже южнѣе ст. Юшунь. Въ предупрежденіи внезапнаго налета зеленыхъ отдано приказаніе генералу Скалону и коменданту Севастопольской крѣпости генералу Стогову озаботиться защитой Севастополя съ сѣверной стороны. Боятся, что зеленые могутъ перерѣзать линію желѣзной дороги, гдѣ либо между Бахчисараемъ и Севастополемъ.

У Большого дворца стоятъ автомобили и подводы. Г. Кривошеинъ, чины его канцеляріи и г. Чебышевъ погрузились сегодня ночью, погрузились и нѣкоторыя лица изъ личнаго штаба главнокомандующаго. Во дворцѣ не видно, обычной для послѣднихъ дней суеты. Въ вестибюлѣ пусто. Одиноко стоятъ конвойцы съ обнаженными шашками. Въ углу стоятъ два-три посѣтителя.

Въ верхнемъ этажѣ у камина сидитъ ординарецъ и жжетъ бумаги, дѣла, карты, телеграммы. Проходитъ главнокомандующій. Усталый, измученный видъ.

— «Сидите, сидите, — обращается онъ къ ординарцу, — что, холодно стало, такъ каминъ затопили?..»

Онъ постоянно проходитъ къ командующему флотомъ справляться относительно вопросовъ эвакуаціи. Эвакуація проходитъ въ общемъ спокойно. Благодаря распорядительности и присутствію воинскихъ командъ, несущихъ караулы, въ корнѣ пресѣкается возможность проявленія разныхъ безчинствъ. Правда, разсказываютъ, на одной изъ пристаней какой-то офицеръ пытался стрѣлять и ссаживать уже погрузившихся, но онъ былъ разстрѣлянъ, и главнокомандующій заявилъ представителямъ города на ихъ просьбу о поддержаніи порядка:

— «Я прикажу разстрѣлять еще сотню, но наведу порядокъ...»

Предназначенный для раненыхъ транспортъ «Ялта» нагруженъ, но ранеными и больными остается еще порядочное количество. Санитарный инспекторъ совѣщался по этому поводу съ главнокомандующимъ и генераломъ Шатиловымъ.

— «Англичане обѣщали взять пятьдесятъ раненыхъ, — докладываетъ главкому генералъ Шатиловъ, — но вѣдь это капля въ морѣ; всѣхъ все равно нельзя взять и вывезти»...

— «Раненые должны быть вывезены, и они будутъ вывезены», — нетерпѣливо перебиваетъ главнокомандующій.

— «Что они должны быть вывезены, я согласенъ, но невозможнаго нельзя сдѣлать»...

— «А я тебѣ говорю, что пока не будутъ вывезены раненые, я не уѣду»...

Около 4 часовъ приходитъ изъ города адъютантъ генерала Врангеля и сообщаетъ, что только-что умеръ генералъ Май-Маевскій. Всѣ поражены. Часа за полтора до этого Май-Маевскій былъ во дворцѣ и просилъ у начальника штаба автомобиль для перевозки вещей на пароходъ. Машина ему сейчасъ же была дана, и онъ, заѣхавъ домой за вещами, отправился на пристань, но проѣзжая по Екатерининской улицѣ, умеръ въ автомобилѣ отъ разрыва сердца.

Вечеромъ, часовъ въ 5, генералъ Врангель приказалъ позвать пять человѣкъ казаковъ изъ конвоя. Робко вошли они въ кабинетъ и столпились у двери, тихо отвѣтивши на привѣтствіе главнокомандующаго. Онъ указалъ имъ на большую рельефную карту, занимавшую всю стѣну и изображавшую Перекопъ-Сивашскія позиціи:

— «Вотъ, молодцы, мнѣ когда-то подарили эту карту, взять ее съ собой я не могу, и не хочу, чтобы она досталась этой сволочи, разрубите и сожгите ее».

Карту съ надписью: «Нашему вождю отъ защитниковъ Крыма 1920 года» вынесли изъ кабинета и до самыхъ сумерекъ по опустѣвшимъ комнатамъ дворца гулко отдавались удары шашекъ.

Вечеромъ прибылъ во дворецъ де-Мартель и французскіе морскіе офицеры. Въ пріемной находилось нѣсколько чиновъ личнаго штаба главнокомандующаго, ожидавшихъ конца совѣщанія. Спустя нѣкоторое время генералъ Врангель вышелъ и съ облегченіемъ обратился къ присутствующимъ:

— «Вопросъ улаженъ. Армію, семьи и бѣженцевъ принимаютъ. Чтобы показать, что мы находимся подъ покровительствомъ французовъ, я поѣду на французскомъ миноносцѣ. Подходя къ Константинополю, миноносецъ поднимаетъ мой флагъ, наши суда, кромѣ андреевскаго, поднимутъ еще и французскій. Нужно будетъ перенести вещи съ «Корнилова» на миноносецъ». *

Несмотря на благопріятное рѣшеніе вопроса о бѣженцахъ и арміи, до сихъ поръ никому не извѣстно о нашей дальнѣйшей судьбѣ. Среди обывателей, офицеровъ и даже среди чиновъ штаба полная неувѣренность въ своемъ будущемъ, ходятъ всевозможные слухи, строятся самыя невѣроятныя, фантастическія предположенія. Одни говорятъ объ отходѣ къ Акманайскимъ позиціямъ и удержаніи за собой Керченскаго полуострова, съ цѣлью перенесенія потомъ операцій на Тамань и Кубань, другіе говорятъ о пріѣздѣ въ Константинополь, сидѣніи на островахъ и о переброскѣ арміи на западный фронтъ къ Балаховичу и Перемыкину, третьи говорятъ о десантѣ на Одессу, и наконецъ четвертые фантазируютъ о... переѣздѣ арміи къ атаману Семенову. Но ни эта полная неизвѣстность, ни лишенія впереди, немногихъ, кажется, удержатъ отъ отъѣзда изъ Крыма. Лучше полная неизвѣстность и какія угодно непріятности «тамъ», чѣмъ господство большевиковъ «здѣсь».

Вечеромъ начинаютъ собирать послѣднія вещи и готовиться къ переходу изъ Большого Дворца. Въ кабинетѣ главкома забираютъ бумаги, складываютъ карту съ помѣченной линіей фронта къ 2 часамъ дня. Входитъ главкомъ. Лицо

* Когда было отмѣнено это распоряженіе и почему генералъ Врангель поѣхалъ все же на «Корниловѣ», не извѣстно.

похудѣло, выражаетъ невѣроятную усталость. Медленно направляется къ окну и долго смотритъ на огоньки судовъ. Черезъ комнату пролетаетъ его заглушенный шопотъ: — «Охъ, какъ тяжело». Затѣмъ такъ же медленно идетъ обратно къ двери и долго ходитъ по опустѣвшей залѣ и пріемной.

Какъ-то холодно и неуютно сдѣлалось сразу во дворцѣ. Тихо шелеститъ бумага, толстые ковры скрадываютъ звукъ шаговъ. Всѣ говорятъ шопотомъ, точно вблизи покойникъ.

Въ 9 часовъ главнокомандующій и начальникъ штаба переходятъ въ гостиницу «Кистъ», гдѣ уже находится генералъ Скалонъ со своимъ штабомъ.

До сегодняшняго утра гостиница занималась иностранными миссіями и представителями, сейчасъ она стоитъ почти пустая. Въ нижнемъ корридорѣ, около комнатъ, занимаемыхъ штабомъ генерала Скалона, группа (только-что прибывшихъ изъ Симферополя) военныхъ читаетъ и оживленно комментируетъ вышедшій сегодня утромъ приказъ главнокомандующаго объ эвакуаціи. Вотъ онъ:

«Русскіе люди, оставшаяся одна въ борьбѣ съ насильниками Русская Армія ведетъ неравный бой, защищая послѣдній клочекъ русской земли, гдѣ существуетъ право и правда.

«Въ сознаніи лежащей на мнѣ отвѣтственности, я обязанъ заблаговременно предвидѣть всѣ случайности.

«По моему приказанію уже приступлено къ эвакуаціи и посадкѣ на суда въ портахъ Крыма всѣхъ, кто раздѣлялъ съ Арміей ея крестный путь, семей военно-служащихъ, чиновъ гражданскаго вѣдомства, съ ихъ семьями, и тѣхъ отдѣльныхъ лицъ, которымъ могла бы грозить опасность въ случаѣ прихода врага.

«Армія прикроетъ посадку, памятуя, что необходимыя для ея эвакуаціи суда также стоятъ въ полной готовности въ портахъ, согласно установленному расписанію. Для выполненія долга передъ Арміей и населеніемъ сдѣлано все, что въ предѣлахъ силъ человѣческихъ.

«Дальнѣйшіе наши пути полны неизвѣстности.

«Другой земли, кромѣ Крыма, у насъ нѣтъ. Нѣтъ и государственной казны. Откровенно, какъ всегда, предупреждаю всѣхъ о томъ, что ихъ ожидаетъ.

«Да ниспошлетъ Господь всѣмъ силы и разума одолѣть и пережить русское лихолѣтіе.

Генералъ Врангель».

Внезапно половина неба покрывается яркимъ заревомъ. Издалека, со стороны вокзала, доносятся звуки отдѣльныхъ выстрѣловъ. То загорѣлся складъ Американскаго Краснаго Креста, и городская чернь пытается громить его. Затакалъ пулеметъ, разростается зарево, гдѣ-то вдали стелется ѣдкій черный дымъ.

Прибываетъ изъ Симферополя Офицерская Кавалерійская Школа и размѣщается на площади передъ «Кистомъ». Они были вызваны по тревогѣ, всѣ предполагали, что въ Севастополѣ не эвакуація, а лишь мѣстное возстаніе, и выѣхали на-легкѣ, не взявъ съ собой даже ничего изъ вещей.

Около 11 часовъ распространяется слухъ, что въ раіонѣ вокзала вспыхнули безпорядки. Еще днемъ было отдано распоряженіе, сосредоточить всѣ свободныя машины около штаба, дабы въ нужный моментъ въ случаѣ возстанія,

имѣть возможность, сразу ликвидировать его. Почему-то машинъ на площади нѣтъ и приходится звонить по телефону въ гаражъ. Звонятъ, — отвѣчаютъ, что черезъ 20 минутъ автомобили будутъ. Проходитъ полчаса, часъ, никакихъ результатовъ. Выясняется, что нѣтъ бензина, нѣтъ шоферовъ. Наконецъ, автомобили прибываютъ. Грузятся юнкера и ѣдутъ въ раіонъ вокзала. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ извѣстій. Часа черезъ полтора юнкера благополучно возвращаются, выяснивъ, что на вокзалѣ все спокойно.

Въ 2 часа ночи главнокомандующій просыпается и приказываетъ узнать о положеніи на фронтѣ. Съ телеграфа, пока все еще находящагося въ «Бристолѣ», сообщаютъ, что линія фронта проходитъ южнѣе Джанкоя. Штабъ 1-го корпуса по прежнему стоитъ въ Симферополѣ.

Остатокъ ночи протекаетъ спокойно.

31-го октября.

Утромъ прибыло изъ Симферополя Атаманское училище и расположилось на площади передъ гостинницей «Кистъ». Вышелъ главнокомандующій и, обратившись къ юнкерамъ съ краткой рѣчью, поблагодарилъ ихъ за службу и обѣщалъ продолженіе борьбы на другомъ фронтѣ. Возвращаясь послѣ смотра въ гостинницу, онъ проходитъ мимо группъ офицеровъ, только-что прибывшихъ съ фронта. Изъ среды ихъ выдѣляется одинъ и сильно взволнованнымъ голосомъ проситъ разрѣшенія переговорить съ главнокомандующимъ.

— «Въ чемъ дѣло?..»

— «Ваше высокопревосходительство, я старый офицеръ, нѣсколько разъ раненъ, не бросайте меня...»

— «Чего вы волнуетесь, вѣдь вы видите, я еще здѣсь. Вы офицеръ? Стыдитесь!..»

Въ 10 часовъ утра главнокомандующій идетъ въ «Бристоль» къ генералу-квартирмейстеру. Черезъ нѣкоторое время возвращается. Фронтъ проходитъ около Сарабуза. Отступленіе идетъ почти безъ соприкосновенія съ противникомъ.

На улицахъ гораздо спокойнѣе. Почти всѣ учрежденія уже погружены. Эвакуація протекаетъ значительно нормальнѣе, чѣмъ это предполагали. Нѣкоторые пароходы уже вышли на рейдъ. Въ 1 часъ дня на буксирѣ выводятъ дредноутъ «Генералъ Алексѣевъ».

Магазины всѣ закрыты, дѣйствуютъ только кафэ. Деньги главнаго командованія совершенно обезцѣнены. Фунтъ стерлинговъ котируется около двухъ милліоновъ, хлѣбъ стоитъ 10—15 тысячъ фунтъ. Ординарецъ Донского атамана за кусокъ колбасы въ пять фунтовъ заплатилъ полмилліона. Все, что гдѣ либо появляется на лоткахъ или въ кіоскахъ, расхватывается моментально.

Къ обѣду на англійскомъ миноносцѣ прибываетъ изъ Константинополя баронесса Врангель. Главнокомандующій отдаетъ категорическое приказаніе не пускать ее на берегъ.

Постепенно у всѣхъ начинаетъ появляться увѣренность, что эвакуація пройдетъ благополучно. Части мѣстнаго гарнизона уже всѣ погружены, лазареты также, охрана штаба и города фактически осуществляется юнкерами Донского и Симферопольскаго училищъ. Кто-то сообщаетъ, что у понтоннаго моста черезъ Южную бухту находится девять раненыхъ, ихъ забыли погрузить. Генералъ Шатиловъ тотчасъ же отдаетъ приказаніе, и раненые принимаются на бортъ одного изъ кораблей.

Вечеромъ изъ Симферополя прибываетъ со своимъ штабомъ генералъ Кутеповъ и долго совѣщается съ главнокомандующимъ и начальникомъ штаба, а затѣмъ направляется на крейсеръ «Корниловъ» для совѣщанія съ командующимъ флотомъ.

Вечеромъ въ «Кистъ» переходятъ и остальные чины штаба — генералъ-квартирмейстеръ, генералъ Коноваловъ, начальникъ оперативнаго отдѣленія, начальникъ связи, нѣсколько ординарцевъ.

Отдается директива на слѣдующій день, 1-е ноября. Войска должны занять примѣрно линію укрѣпленій 1855 года. Генералу Скалону приказано защищать Сѣверную сторону отъ моря до линіи желѣзной дороги. Генералу Кутепову — отъ желѣзной дороги до вокзала и дальше къ морю. Командующему флотомъ приказано закончить всю погрузку къ 12 часамъ дня, посадить всѣ заставы и къ 1 часу вывести суда на рейдъ. Заставы ген. Кутепова будутъ грузиться у пристаней въ южной бухтѣ, остальные вмѣстѣ съ войсками въ Киленъ-бухтѣ. Это мѣсто внушаетъ наиболѣе серьезныя опасенія, такъ какъ тамъ долженъ быть погруженъ весь 1-й корпусъ.

Къ вечеру снова начинаютъ опасаться волненій и безпорядковъ, но ночь проходитъ вполнѣ спокойно.

Рейдъ сильно опустѣлъ. Въ южной бухтѣ видиѣется сѣрый массивъ «Генерала Корнилова» и парохода «Херсонесъ», который долженъ забрать послѣднія заставы тѣхъ, кто обслуживаетъ до послѣдней минуты штабъ.

За понтоннымъ мостомъ, въ глубинѣ бухты, сквозь дымку утренняго тумана вырисовываются силуэты «Іоанна Златоуста», «Трехъ Святителей» и другихъ старыхъ служакъ, которые не могутъ выйти въ море даже на буксирѣ. На рейдѣ вырисовывается шеститрубный «Waldeck-Rousseau» — герой Новороссійска, нѣсколько иностранныхъ миноносцевъ и большіе транспорты, предназначенные для погрузки главной массы войскъ.

Въ 10 часовъ утра въ «Кистъ» прибываютъ 10 офицеровъ Корниловскихъ, Марковскихъ и Дроздовскихъ полковъ и проходятъ къ померу, занимаемому главнокомандующимъ для принятія знаменъ, которые не смогли имъ быть вручены при послѣдней поѣздкѣ на фронтъ. Просто проходитъ церемонія. Офицеры скромно, какъ бы чувствуя неловкость, становятся въ коридорѣ. Звонко отбивая ногу, приносятъ конвойные казаки знамена и главнокомандующій вручаетъ ихъ.

Почти три года существовали полки — дѣти революціи или вѣрнѣе «контръ-революціи», три года сражались, и сражались геройски, и какая насмѣшка судьбы! Получили знамена лишь въ тотъ день, когда покидали послѣдній клочекъ русской земли, прекращали борьбу, а можетъ быть и свое существованіе. Впрочемъ, кто знаетъ, это могло быть насмѣшкой и не судьбы...

Собираются послѣднія вещи, постепенно переносятся на Графскую пристань и на катеръ для отправки на «Ген. Корнилова».

По лѣстницѣ Графской пристани спускается въ сопровожденіи командующаго флотомъ генералъ Врангель, садится на катеръ и ѣдетъ въ Киленъ-бухту. Часа черезъ полтора возвращается и съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія сообщаетъ:

— «Войска погружены. Сейчасъ грузятся заставы...»

Пустѣетъ площадь, пусто и на пристани. Нѣсколько бѣженцевъ садятся на французскій катеръ и ѣдутъ на «Waldeck-Rousseau».

Главнокомандующій обходитъ грузящіяся заставы. Здоровается. Слышно «ура». Гдѣ-то раздается стрѣльба. Это, вѣроятно, громятъ послѣдніе склады, несмотря на приказъ о томъ, что все имущество является народнымъ достояніемъ и передано подъ охрану рабочихъ. А можетъ быть ссаживаютъ съ пароходовъ населеніе, чтобы дать возможность погрузиться послѣднимъ заставамъ.

Вотъ отъ зданія «Киста» отдѣляется небольшая группа. Проходитъ къ пристани и грузится на «Херсонесъ». Это послѣдніе телеграфисты, державшіе связь, и дежурные офицеры. Послѣдняя связь съ фронтомъ была прервана Симферопольскимъ телеграфнымъ узломъ, сообщившимъ въ ставку, что чины узла занимаютъ нейтральную позицію и не будутъ болѣе обслуживать ни одну изъ воюющихъ сторонъ. Послѣ этого дежурные телеграфисты ставки и Симферополя обмѣнялись взаимно только нѣсколькими частными вопросами и распрощались.

Подходятъ послѣдніе ординарцы во главѣ съ ротмистромъ Е. Послѣдніе чины арміи, оставшіеся на берегу до послѣдней минуты. На пароходѣ не хватаетъ мѣста. Въ воду сбрасываютъ ящики со снарядами, мѣшки съ солью.

Вотъ на бѣлыхъ ступеняхъ Графской пристани появляется высокая фигура главнокомандующаго въ сѣрой офицерской шинели и фуражкѣ Корниловскаго полка. За нимъ идутъ начальникъ штаба, генералъ Коноваловъ, генералъ Скалонъ, начальникъ связи, ген. штаба полк. П., адъютантъ, нѣсколько лейбъ-казаковъ. Всѣ садятся на катеръ, казаки становятся по бортамъ. Въ 2 часа 40 минутъ дня катеръ отваливаетъ отъ пристани.

Медленно обогнувъ съ носа крейсеръ «Корниловъ», онъ приближается къ правому борту.

У Андреевскаго флага видна высокая фигура въ сѣрой шинели.

Команда выстроена у борта.

Главнокомандующій поднимается по трапу. Оркестръ играетъ встрѣчу.

Рапортъ.

Генералъ Врангель произноситъ рѣчь, указываетъ на то, что русская армія принуждена оставить родную землю и выражаетъ надежду на продолженіе борьбы.

Вспоминается солнечное утро 25-го марта. Первый парадъ въ Крыму. Вспоминается другая рѣчь, другое настроеніе.

При взглядѣ на эту высокую фигуру, на осунувшееся, похудѣвшее лицо, въ памяти воскресаетъ вдругъ образъ стараго, желѣзнаго рыцаря средневѣковой легенды.

Главнокомандующій проходитъ въ отведенное ему помѣщеніе. Всѣ устраиваются съ радостнымъ чувствомъ, что отдѣлались, что эвакуація Севастополя прошла благополучно.

На крейсерѣ «Генералъ Корниловъ»

К. Тимофеевскаго

Въ самомъ началѣ эвакуаціи при распредѣленіи кораблей между различными лицами и учрежденіями, «Ген. Корниловъ» былъ предназначенъ спеціально для главнокомандующаго, его личнаго штаба, командующаго флотомъ со своимъ

штабомъ и для нѣкоторыхъ лицъ изъ центральныхъ управленій, какъ-то: генералъ-квартирмейстера, высшихъ чиновъ оперативнаго отдѣленія, ген. Скалона и для нѣкоторыхъ другихъ. Во время самой эвакуаціи, когда выяснилось громадное число желающихъ выѣхать изъ Крыма, какъ служащихъ центральныхъ учрежденій, такъ и частной публики, а также семей военныхъ, пришлось сдѣлать исключеніе, и на «Ген. Корниловѣ» размѣстить лицъ, не попавшихъ на другіе корабли. Главнымъ образомъ это исключеніе было сдѣлано для семей морскихъ офицеровъ, но потомъ уже въ послѣдніе дни разбирать не приходилось, принимали много посторонней публики, въ результатѣ чего «Корниловъ» оказался перегруженнымъ, какъ и всѣ другіе корабли.

Всѣ палубы, трюмы, кубрики, все было переполнено бѣженцами, вещами. Команда ютилась въ перемежку съ частной публикой. Около кухни въ какомъ-то закоулкѣ были скучены даже свиньи — собственность команды.

Публика самая разнообразная.

Стоятъ матросы и оживленно бесѣдуютъ съ кѣмъ-то; оказывается, происходитъ товарообмѣнъ, мѣняютъ на предметы питанія, боясь голодовки. Вотъ рядомъ группа казаковъ изъ конвоя. Яркія красныя безкозырки рѣзко выдѣляются среди общаго, сѣраго тона. Проходитъ судовой священникъ, какіе-то офицеры, у всѣхъ озабоченный видъ: какъ бы лучше устроиться, размѣститься, но все же видна радость на всѣхъ лицахъ, радость избавленія отъ опасности, можетъ быть, отъ смерти.

Мимо «Корнилова» проходятъ послѣднія суда — «Херсонесъ», яхта «Лукуллъ».

Трубы крейсера дымятся чернымъ, густымъ дымомъ. Всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ отхода.

Единственное мѣсто, не столь загруженное, это адмиральское помѣщеніе на кормѣ, отведенное для главнокомандующаго.

Каютъ-кампанію, съ прилегающей къ ней небольшой каютой занимаетъ главнокомандующій. Собственно въ каютъ-кампаніи ютятся всѣ, и адъютанты, и ген. Скалонъ, и всѣ чины личнаго штаба. У дверей стоятъ парные часовые. Рядомъ въ маленькой каютѣ устроились генералъ-квартирмейстеръ ген. Коноваловъ, начальникъ связи, начальникъ оперативнаго отдѣленія, еще нѣсколько офицеровъ, и временно устраивается тутъ же Донской атаманъ ген. Богаевскій. Въ каютѣ съ трудомъ можно повернуться. Нѣсколько дальше по корридору помѣщается начальникъ штаба командующаго флотомъ. Въ концѣ корридора каюта самого командующаго. Сквозь полуоткрытую дверь видѣется въ углу портретъ генерала Корнилова. Командующій флотомъ постоянно проходитъ къ главкому.

Въ 3 часа 10 минутъ дня «Корниловъ» поднимаетъ якорь и медленно и плавно выходитъ изъ Южной бухты подъ флагомъ главнокомандующаго. Въ глубинѣ большой бухты видны «Waldeck-Rousseau», какіе-то транспорты съ войсками, миноносцы. «Корниловъ» поворачиваетъ, идетъ вдоль Приморскаго бульвара, выходитъ на внѣшній рейдъ и становится на якорь. Рядомъ видны американскіе, французскіе и англійскіе миноносцы; проходятъ съ войсками какія-то баржи, проплываетъ громадный американскій транспортъ «Faraby».

Проходитъ транспортъ съ ранеными.

— Санитарный инспекторъ у васъ?.. — кричитъ генералъ Шатиловъ.

— Нѣтъ...

— Гдѣ же онъ?..

— Не знаемъ. Онъ насъ погрузилъ и остался на берегу...

Ген. Шатиловъ сильно волнуется. Докладываютъ о происшедшемъ главнокомандующему. Изъ его каюты слышны громовые раскаты:

— Это подлость! Безобразіе! Позорище! Оставили человѣка. Чортъ знаетъ что такое! А. и П., — обращается онъ къ генералу для порученій и адъютанту, — отправляйтесь немедленно въ городъ и разыщите его!

Забираютъ 5 казаковъ и ѣдутъ въ оставленный уже городъ.

Черезъ полтора часа возвращаются.

— Не нашли... Были у Понтоннаго моста, ждали тамъ, ходили, но никакихъ результатовъ... Въ городѣ спокойно, много гуляющихъ. На пристаняхъ много гражданской публики. Просятъ взять съ собой. Военныхъ нѣтъ. Главнокомандующій не перестаетъ возмущаться и приказываетъ, еще разъ ѣхать на берегъ и одновременно запросить по радіо иностранные корабли. Черезъ полчаса въ сопровожденіи двухъ англичанъ появляется смущенный санитарный инспекторъ. Главкомъ успокаивается. Инцидентъ исчерпанъ.

Мимо крейсера проходитъ какая-то баржа. Главнокомандующій здоровается. Бодро отвѣчаютъ, слышно: «ура».

Приходитъ флагъ-офицеръ и докладываетъ командующему флотомъ, что гдѣ-то находится еще около 200 донцовъ. Это послѣднія оставшіяся войска. Главнокомандующій обращается къ адмиралу Кедрову:

— Ну, адмиралъ, забирайте этихъ 200 «отцовъ», и тогда маршъ въ Ялту... Просите американца идти съ нами...

Ночью должны сняться и идти.

Въ каютѣ у генералъ-квартирмейстера уже кипитъ работа. Зашифровываютъ радіограмму, стучитъ пишущая машина, приносятъ какія-то бумаги. Постоянно входятъ адъютанты главнокомандующаго и начальника штаба, и то и дѣло слышится:

— Главкомъ приказалъ. — Начальникъ Штаба проситъ это переписать. — Васъ вызываетъ главнокомандующій и т. п.

Сейчасъ же спѣшно переписывается и переводится письмо главнокомандующаго къ графу де-Мартель, верховному комиссару Французской Республики на югѣ Россіи. Вотъ оно (копія):

«Оставшаяся одинокой въ активной борьбѣ съ коммунизмомъ, Русская Армія, не взирая на сочувствіе главной массы населенія и рабочихъ, вынуждена была уступить подавляющему превосходству красныхъ и оставить предѣлы Россіи.

На суда погружены лучшіе русскіе люди, совѣсть и разумъ которыхъ не позволили имъ оставаться подъ большевистской пятой.

Я уже просилъ Васъ ходатайствовать передъ своимъ правительствомъ о переброскѣ Русской Арміи на западный противобольшевистскій фронтъ для продолженія борьбы противъ поработителей Россіи, враговъ міровой цивилизаціи и культуры.

Въ случаѣ, если бы изложенное мое предложеніе не могло бы быть по тѣмъ или инымъ соображеніямъ принято, я прошу Васъ, черезъ правительство Франціи, возбудить вопросъ о предоставленіи Русской Арміи и флота въ распоряженіе международной комиссіи по охранѣ проливовъ.

Въ случаѣ положительнаго разрѣшенія этого вопроса, Армія и флотъ, въ послѣдненъ главнымъ образомъ личный составъ, могли бы, послѣ самаго незначительнаго отдыха и восполненія утерянной матеріальной части и техническихъ

средствъ, а также приведенія въ полную боеспособность наличныхъ судовъ, немедленно приступить къ осуществленію поставленной имъ задачи.

Численность Арміи и личный составъ флота, а также списокъ боеспособныхъ судовъ, будутъ мною доставлены Вамъ дополнительно по сборѣ всѣхъ этихъ свѣдѣній, по прибытіи въ Константинополь.

Подписано: Генералъ Врангель, Начальникъ Штаба Генеральнаго Штаба Генералъ-лейтенантъ Шатиловъ и Ген.-квартирмейстеръ Генеральнаго Штаба Генералъ-маіоръ Коноваловъ.»

Бумага эта была отвѣтомъ на письмо де-Мартеля отъ 1/14 ноября, въ которомъ онъ предлагаетъ пока, какъ единственно возможное, русскимъ офицерамъ, преимущественно спеціалистамъ, перейти на французскую службу, для чего придется принять и... французское подданство, и просить также составить списки бѣженцевъ съ распредѣленіемъ ихъ по роду занятій, возрасту и пр.

Письмо подписано. Ждутъ катера съ «Waldeck-Rousseau», чтобы передать его по назначенію. Но тутъ происходитъ заминка съ номеромъ. Дѣло въ томъ, что всѣ исходящіе и входящіе журналы, все дѣлопроизводство брошено или сожжено въ Севастополѣ. Какой ставить № на эту историческую бумагу? № 1-й неудобно, а какой слѣдуетъ, неизвѣстно.

Недоразумѣніе разрѣшаетъ генералъ К.:

— Чего тамъ долго думать. А. М., — обращается онъ къ офицеру генеральнаго штаба, — вы какой одеколонъ употребляете?..

Полковникъ не сразу догадывается и нѣсколько удивленно отвѣчаетъ:

— № 4711.

— Ну и великолѣпно. Отлично! Ставьте этотъ номеръ и отправляйте бумагу, чертъ ее дери...

Недоразумѣніе улаживается къ всеобщему удовольствію. Оживленный смѣхъ покрываетъ слова генерала.

Вечеретъ. На небѣ прорѣзъ молодого мѣсяца. Весь рейдъ горитъ огнями. Ярко освѣтились иностранные военные корабли, сигнальными огнями горятъ транспорты. Въ гладкой поверхности воды отражаются огненныя змѣйки. «Государство на водѣ». Единственный, пожалуй, случай въ исторіи. Нѣкоторыя суда отходятъ въ Константинополь, многія уже ушли. Постепенно опускается ночь. Тишина продолжается по прежнему. Ни выстрѣла.

Ночью «Корниловъ» снимается съ якоря и идетъ въ Ялту.

Утромъ при легкомъ вѣтрѣ крейсеръ проходитъ вдоль южнаго побережья. На морѣ легкая, чуть замѣтная зыбь. Масса чаекъ кружится съ криками надъ крейсеромъ. Точно фарфоровыя, граціозно и плавно летятъ онѣ и опускаются за рыбешкой. Видны отчетливо зданія, дачи. Ярко бѣлѣетъ на солнцѣ Ливадійскій дворецъ.

Въ 9½ часовъ «Корниловъ» входитъ на внѣшній рейдъ и становится на якорь. Тутъ же стоитъ французскій крейсеръ, миноносцы. Къ молу пришвартованы корабли. Это «Крымъ» и «Русь» грузятъ послѣднія части конницы генерала Барбовича.

Въ городѣ видно большое оживленіе. На молу, на набережной масса публики. Проѣзжаютъ экипажи, всадники. На «Корниловѣ» прибываетъ командиръ «Waldeck'a Rousseau» и сообщаетъ генералу Врангелю о ходѣ эвакуаціи въ Ялтѣ.

Въ 10 часовъ 45 минутъ главнокомандующій съ адъютантомъ на шлюпкѣ съѣзжаетъ на берегъ. Дружно взмахиваютъ весла. Рѣзко выдѣляется на кормѣ

фигура главнокомандующаго. Черезъ нѣсколько минутъ Андреевскій флагъ скрывается за моломъ. Оттуда доносится «Ура».

Черезъ полчаса шлюпка возвращается. Погрузка прошла отлично. Всѣ части погружены. Мимо «Корнилова» проходятъ транспорты, облѣпленные людьми, какъ мухами.

Въ 2 часа снимаются и идутъ, держа курсъ на югъ, въ открытое море. На горизонтѣ какая-то точка и струйка дыма. Это уходитъ изъ Феодосіи «Донъ» съ конными кубанцами. «Корниловъ» къ 4 часамъ нагоняетъ его и опять главнокомандующій на шлюпкѣ отплываетъ. Черезъ нѣсколько минутъ съ «Дона» доносится «ура», и въ $5^1/_2$ часовъ, повернувъ къ берегу, крейсеръ идетъ по направленію къ Феодосіи. Со словъ пассажировъ «Дона» разсказываютъ, что и въ Феодосіи эвакуація прошла хорошо. Погружены всѣ конныя кубанскія части... Пѣшія пошли въ Керчь, такъ какъ не хватило тоннажа. Въ Феодосіи было возстаніе мѣстныхъ коммунистовъ, правда, тотчасъ же подавленное. Между Феодосіей и Керчью большевики проявляютъ нѣкоторую активность.

Около 8 часовъ вдали виднѣется Судакскій маякъ. Слегка покачиваясь, «Корниловъ» держитъ курсъ на Феодосію.

Погода по прежнему благопріятствуетъ, хотя нѣсколько туманно. Около 9 часовъ утра крейсеръ становится на якорь въ Феодосійскомъ заливѣ, довольно далеко отъ берега, такъ что съ трудомъ на западной сторонѣ залива виднѣются очертанія Феодосіи.

Въ $10^1/_2$ часовъ рожокъ играетъ боевую тревогу. Оказывается, на берегу различаютъ какія-то группы людей. Ихъ принимаютъ за красныхъ. Всю публику сгоняютъ внизъ. Вращаются орудія, къ нимъ подкатываются бесѣдки со снарядами. Всѣ на мѣстахъ. На мостикѣ, на палубѣ — всюду цѣлый рядъ биноклей устремленъ на берегъ.

Высказываются различныя предположенія, можетъ быть это не красные, а свои. Пока не стрѣляютъ. Около 11 часовъ прибываютъ командиръ французской канонерки, о чемъ-то совѣщается съ главнокомандующимъ. Наконецъ, рѣшено, не стрѣлять. Играютъ отбой. Снимаемся съ якоря и медленно двигаемся на востокъ по направленію къ Керчи.

Около 2 часовъ «Waldeck-Rousseau», который ранѣе прибылъ сюда, отходитъ въ Константинополь. На его мачтѣ взвивается флагъ главнокомандующаго, и доносится салютъ въ 21 выстрѣловъ. «Корниловъ» отвѣчаетъ тѣмъ же и поднимаетъ французскій флагъ.

«Корниловъ» до вечера остается на мѣстѣ. Ждутъ «Гайдамака», ушедшаго въ Керчь. У всѣхъ настроеніе улучшилось. Всѣхъ подбадриваетъ отличный ходъ эвакуаціи. Перехватывается радіо красныхъ изъ Феодосіи... Какой-то комиссаръ взываетъ о томъ, что нѣтъ мѣстныхъ работниковъ, нѣтъ силъ для насажденія и проведенія коммунизма.

Въ Константинополь Кривошеину отправляется радіо «для широкаго распространенія». Сообщается о томъ, что армія ушла изъ Крыма, эвакуація проходитъ блестяще. Вывезено около 130.000 человѣкъ, и свыше 100 судовъ русскаго флота.

Въ 5 часовъ 20 минутъ подходитъ французскій миноносецъ «А. С.». Съ его мостика передаютъ въ рупоръ:

— «Командиръ французскаго миноносца «А. С.» передаетъ слѣдующее: Начальнику штаба главнокомандующаго. Имѣю честь, стать въ распоряженіе

главнокомандующаго Русской арміей генерала Врангеля. Прошу вашихъ распоряженій».

На палубу выходитъ контръ-адмиралъ Кедровъ.

— «Говоритъ командующій Русскимъ флотомъ: Сегодня въ 22 часа снимаемся съ якоря и идемъ въ Константинополь. Пойдемъ со скоростью 7 узловъ въ часъ. Просимъ Васъ, сопровождать насъ».

Темнѣетъ. Опускается густой туманъ и какъ молочной пеленой окутываетъ все кругомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не видно. Раздаются гудки и мѣрный звонъ колокола. Точно набатъ... Какъ тоскливо, точно похоронный звонъ. Какія-то мрачныя мысли лѣзутъ въ голову. Что впереди? Куда, зачѣмъ? Дѣйствительно чѣмъ-то погребальнымъ вѣетъ отъ этого звона и непроницаемой завѣсы. Какъ-то сыро. Можетъ быть, это дѣйствительно хоронятъ Россію? Можетъ быть, никогда и не суждено намъ ее увидѣть снова? Въ далекіе, невѣдомые, чужіе края, неизвѣстно на какія лишенія...

Наконецъ, въ половинѣ двѣнадцатаго ночи подходитъ «Гайдамакъ». На немъ прибылъ изъ Керчи начальникъ штаба 2-й арміи генералъ Кусонскій. Тотчасъ же проходитъ въ каюту главнокомандующаго и докладываетъ ему о положеніи дѣлъ въ Керчи:

— Погрузка проходитъ блестяще. Благодаря удивительной энергіи командующаго арміей и неутомимой работѣ моряковъ, мы погрузили не только донцовъ, но также и пришедшихъ изъ Феодосіи кубанцевъ. Настроеніе казаковъ на рѣдкость бодрое. Ваше превосходительство, я уполномоченъ командующимъ арміей просить васъ не р а з о р у ж а т ь с я въ Константинополѣ. Я вѣрю въ настроеніе казаковъ...

— Но вѣдь это невозможно, генералъ...

— Все же ваше пр-во. Я васъ покорнѣйше прошу, я васъ умоляю! Вы не можете себѣ представить, какое бодрое, боевое настроеніе царитъ среди донцовъ. Съ такими солдатами, съ такимъ настроеніемъ мы можемъ и будемъ чудеса дѣлать... Я въ этомъ убѣжденъ. Вѣдь до сегодняшняго утра мы и не думали грузиться. Только сегодня утромъ мы начали погрузку. И то погружено все. Всѣ до одного казака. И всѣ вооружены. Ни одинъ казакъ не оставилъ оружія. Повторяю, ваше пр-во, настроеніе донцовъ поразительно бодрое.

Главнокомандующій убѣждаетъ генерала Кусонскаго въ абсурдности и невозможности выполненія этого рѣшенія.

— Что же дѣлать! Все равно о насъ должны будутъ позаботиться. Западъ предалъ насъ, и теперь онъ обязанъ намъ помочь...

Генералъ вновь разсказываетъ объ отмѣнномъ ходѣ эвакуаціи Керчи.

— Да, — восклицаетъ генералъ Врангель, — эвакуація проведена блестяще! Отлично! Это полное удовлетвореніе...

Въ 1 часъ 30 минутъ «Корниловъ» снимается и идетъ вдоль берега по направленію къ Севастополю. Около южной оконечности, говорятъ моряки, повернемъ къ Константинополю.

Утромъ 4-го ноября яркое солнце въ послѣдній для насъ разъ озарило берега Крыма. Черезъ нѣсколько часовъ скроется и этотъ послѣдній клочекъ родной земли. Медленно идетъ «Корниловъ», море усѣяно барашками, стаи дельфиновъ плескаются, кувыркаются и рѣзвятся у самаго борта, играя на солнцѣ блестящей кожей. Ѣдущіе облѣпили борта и въ послѣдній разъ смотрятъ на берега Крыма, наслаждаясь чудеснымъ видомъ южнаго побережья. Въ

одиннадцатомъ часу нагоняетъ французскій миноносецъ, отставшій почему-то отъ крейсера. На небѣ ни облачка. Легкій вѣтерокъ. Слегка прохладно. Вотъ виднѣется Ялта. Спустя нѣкоторое время различаются вершины Ай-Петри, Байдарскія ворота, далеко сзади вершина Могаби. Вечеръетъ. У южной оконечности Крыма «Корниловъ» поворачиваетъ и идетъ прямо въ открытое море. Гдѣ-то далеко виднѣется смутно Балаклавская бухта. Тамъ Севастополь, еще такъ недавно столица Южной Россіи, оплотъ арміи. Какъ-то странно, непривычно и даже жутко подумать, что теперь тамъ льется невинная кровь, что торжествующіе побѣдители «мстятъ» своимъ уже безсильнымъ врагамъ.

Изъ радіо-рубки приносятъ исписанный карандашемъ наспѣхъ бланкъ: это перехваченное радіо красныхъ. Буденный хвастается взятіемъ Крыма. Наконецъ-то «цикъ» получилъ въ подарокъ долгожданный Крымъ, послѣдній оплотъ «бѣлогвардейщины», оплотъ «контръ-революціи». «Гидра раздавлена». Достойный подарокъ ко дню коммунистической революціи.

Садится солнце. Туда въ расплавленное море держитъ курсъ «Корниловъ». Туда, гдѣ полная неизвѣстность. Спускаютъ флагъ. Быстро темнѣетъ. Всѣ жаждутъ посмотрѣть на послѣднія уже туманныя очертанія родной земли...

Спустилась ночь... Темно... Уже ничего не видно за кормой, но все же никто не сходитъ внизъ, всѣ продолжаютъ смотрѣть въ темную даль. На душѣ тоскливо...

Прощай Россія...

Луна золотитъ яркую, змѣевидную дорожку.

Къ вечеру слѣдующаго дня, послѣ захода солнца, впереди начинаютъ мигать какіе-то огоньки. Это маяки Босфора.

У всѣхъ, навѣрное, вертится мучительный вопросъ: что это, заря ли новой жизни, или закатъ передъ долгой ночью. Можетъ быть, закатъ навсегда?

Половина одиннадцатаго. На передней мачтѣ поднимается французскій флагъ, эмблема покровительства «нашей испытанной союзницы». «Корниловъ» входитъ въ Босфоръ. Съ обѣихъ сторонъ берега. Мерцаютъ огоньки Буюкъ-Дере.

Кто-то разсказываетъ:

— Вы знаете, я слышалъ, милые союзники разоружаютъ наши суда и отбираютъ у военныхъ оружіе. На «Ген. Алексѣевѣ» сняли замки съ орудій, разоружены подводныя лодки. Навѣрное завтра и насъ ожидаетъ та же участь. Отберутъ оружіе и сдѣлаемся мы штатскими людьми. Прощай военная помощь Россіи...

Встали на якорь. Ночью Босфоръ проходить нельзя.

Утромъ въ 9 часовъ 20 минутъ поднимаемъ якорь, и «Корниловъ» медленно проходитъ по Босфору. На полпути «Ген. Корнилова» встрѣчаетъ катеръ подъ Андреевскимъ флагомъ, на которомъ находятся Кривошеинъ, ген. Лукомскій, Нератовъ и др. Катеру приказано слѣдовать за крейсеромъ. Съ обѣихъ сторонъ поразительной красоты виды. Развалины, мечети, виллы... Снуютъ по берегу автомобили, пробѣгаетъ трамвай. По Босфору шныряютъ катера подъ всѣми европейскими флагами, каики съ «кардашами», пытающимися за хлѣбъ или вязку инжира получить «наганъ» или смѣну бѣлья.

Вотъ знаменитый султанскій дворецъ Дольмэ-бахчэ съ вычурными воротами и какъ бы ажурной рѣшеткой. Въ 10 часовъ «Корниловъ» подходитъ къ мѣсту стоянки международной эскадры близъ Золотого Рога и салютуетъ иностраннымъ военнымъ судамъ.

Тѣ отвѣчаютъ. На борту греческаго «Аверова» и «Waldeck-Rousseau» выстроены команды. Судовые караулы иностранцевъ отдаютъ честь.

Орудійнаго салюта съ «Корнилова» не послѣдовало, хотя орудія были заряжены.

Ограничились приспусканіемъ флага.

На «Провансѣ» происходитъ артиллерійское ученіе. Орудія случайно поворачиваются въ сторону «Корнилова».

По палубѣ вполголоса проносится:

— Направляютъ орудія... Будутъ разоружать... «Алексѣева» разоружили...

Черезъ минуту недоразумѣніе разъясняется.

Въ 10 часовъ 15 минутъ «Корниловъ» становится на якорь. Къ борту пристаетъ шедшій вслѣдъ катеръ. По трапу подымаются Кривошеинъ, генералъ Лукомскій и Нератовъ и проходятъ въ помѣщеніе главнокомандующаго. Къ борту «Корнилова», то и дѣло, подходятъ катера. Виднѣются элегантныя, франтоватыя фигуры англійскихъ и французскихъ моряковъ.

Вдали, нѣсколько въ туманѣ, Золотой Рогъ, Ая-Софія, Стамбулъ. Дальше въ морѣ у Моды виднѣется цѣлый лѣсъ мачтъ. Это новое «государство на водѣ» всѣ 126 судовъ Русскаго флота.

Въ узкомъ коридорѣ около каюты главнокомандующаго невѣроятная толкотня. Тутъ и представители командованія, и корреспонденты иностранныхъ газетъ, спѣшащихъ интервьюировать о послѣднихъ дняхъ Крыма, и общественные дѣятели.

Въ маленькой каютѣ генерала Коновалова кипитъ работа. Пишутся приказы, переводятся какія-то телеграммы, приходятъ посѣтители.

Спѣшно переписывается приказъ о реорганизаціи арміи. Остается три корпуса: первый (регулярныя войска), донской и кубанскій. Сокращаются всѣ штаты, масса учрежденій расформировывается. Издается приказъ о военно-полевыхъ судахъ. Составляются информаціонные бюллетени. Со всѣхъ кораблей являются посѣтители и наперерывъ желаютъ добиться справокъ.

Какой-то генералъ дрожащимъ голосомъ разсказываетъ, какъ пришлось эвакуироваться. Ужасомъ вѣетъ отъ его словъ:

— Я былъ комендантомъ на миноносцѣ «Грозный». Вы только подумайте. Въ эту маленькую скорлупку набилось 1015 человѣкъ. Не хватаетъ угля, не было воды. Нѣкоторые сошли съ ума отъ этихъ ужасныхъ условій. — Продуктовъ не хватало. Приходилось реквизировать у тѣхъ, кто имѣлъ запасы. Была всего лишь одна уборная. Очередь у нея стояла по нѣсколько часовъ. Шли мы четверо сутокъ со скоростью 1½ узла. Вѣдь это ужасъ! Вы только себѣ представьте это. Что дѣлать дальше положительно, не знаю... Кошмаръ...

Какой-то поручикъ разсказываетъ леденящія душу подробности о путешествіи на одномъ изъ французскихъ пароходовъ. Тоже не хватило хлѣба, не было воды.

— Можете себѣ представить! Коменданта буквально рвутъ на части. То не хватило продовольствія въ одномъ трюмѣ, то умеръ кто-нибудь, то заявляютъ о томъ, что гдѣ-то на палубѣ несчастная мать родила ребенка, и никто не можетъ подать помощь. И такъ все время. Тѣснота, грязь, масса насѣкомыхъ...

Ну, а что впереди?.. Что съ нами будетъ?.. Куда насъ направляютъ? — допытывается кто-то...

А рядомъ передаютъ о кошмарѣ, какой пришлось пережить на одномъ изъ пароходовъ, вышедшихъ изъ Феодосіи... Въ пути нѣсколько женщинъ разрѣшилось отъ бремени, двѣ или три умерли. Потомъ на этомъ пароходѣ устроили особую «родильную каюту» и въ нее доставляютъ теперь женщинъ и съ другихъ пароходовъ... Въ каютѣ во время пути творилось что-то невообразимое... Почти всѣ младенцы — мертворожденные. Докторовъ и медикаментовъ не было.

На одномъ изъ пароходовъ произошло возмущеніе на почвѣ голода и тѣсноты.

Слышатся возгласы изъ какой-то каюты. Это кому-то дѣлаютъ выговоръ.

— Имѣйте въ виду, что русская армія еще существуетъ, военно-полевые суды не упразднены, разстрѣливать можно и на борту парохода. Могила готова. Мраморное море. И разстрѣливать будемъ десятки, сотни, сколько потребуется.

Постепенно положеніе выясняется. По соглашенію съ французами и другими державами армія и бѣженцы понемногу начинаютъ разселяться. Регулярныя части идутъ въ Галлиполи, Донцы въ Чаталджу, Кубанцы на островъ Лемносъ. Бѣженцы направляются въ лагеря и въ Сербію. Штабъ буквально забрасываютъ просьбами о розыскѣ родныхъ и близкихъ. Отвѣчать, конечно, нѣтъ почти никакой возможности.

Одинъ за другимъ уходятъ изъ Моды русскіе корабли. Нагруженные до краевъ, переполненные войсками и бѣженцами, въ самыхъ невѣроятныхъ условіяхъ, лишевные подчасъ самаго необходимаго.

Тѣ, кто побывалъ въ Галлиполи и Чаталджѣ, разсказываютъ о всѣхъ ужасахъ концентраціонныхъ лагерей.

Спятъ въ свинныхъ хлѣвахъ, просто на голой землѣ. Иностранцы даютъ мало и хлѣба и остального продовольствія. Нѣтъ даже бани, чтобы помыться и избавиться отъ насѣкомыхъ.

. . . . . .

И потянулись нудные, сѣрые дни въ бѣженскихъ лагеряхъ, на островахъ и въ самомъ Константинополѣ. У большинства, въ результатѣ всего пережитаго, явилась какая-то покорность судьбѣ, непротивленіе, и лишь немногіе угарно проживали послѣдніе гроши въ блестящихъ ресторанахъ Перы, а тамъ хоть головой внизъ съ Моста Народовъ.

И казалось какой-то насмѣшкой звучали звонкія и красивыя слова послѣднихъ приказовъ Русской арміи, для всѣхъ этихъ несчастныхъ, исковерканныхъ, издерганныхъ людей. Европа, которую они защищали столько времени, не сумѣла и не захотѣла ихъ понять. Такъ, пожалуй, имъ и въ самомъ дѣлѣ остается лишь одно: «смѣло ждать суда будущей Россіи».

Изъ воспоминаній

ген. А. Лукомскаго

Корниловское выступленіе и начало Добровольческой Арміи

Назначеніе генерала Корнилова* Верховнымъ Главнокомандующимъ привѣтствовалось всѣми благомыслящими кругами.

Со всѣхъ концовъ Россіи, отъ отдѣльныхъ лицъ и отъ различныхъ организацій и городскихъ самоуправленій, посылались въ Ставку телеграммы,

---

* Лавръ Георгіевичъ Корниловъ родился въ Сибири, въ городѣ Четь-Каменогорскѣ, 18/31 августа 1870 года.

Отецъ Лавра Корнилова былъ изъ простыхъ казаковъ Сибирскаго казачьяго войска и дослужился до перваго офицерскаго чина (хорунжій).

Хорунжій Георгій Корниловъ былъ обремененъ семьей и жить на нищенское офицерское содержаніе ему стало не по силамъ.

Онъ вышелъ въ отставку и поступилъ на службу, въ качествѣ волостного писаря, въ своей родной станицѣ Каркаралинской.

Мать Корнилова, казачка станицы Кокпектинской, несла на себѣ всю черную работу по хозяйству и выхаживала дѣтей.

Маленькому Лавру Корнилову пришлось нянчить младшихъ братьевъ и сестеръ и помогать по хозяйству.

Около 9 лѣтъ мальчикъ поступилъ въ приходскую школу, въ которой пробылъ всего лишь два года, а затѣмъ въ 1881 году вся семья Корниловыхъ переѣхала въ г. Зайсанъ.

Урывая время отъ сна, заслуженнаго отдыха послѣ тяжелыхъ дневныхъ работъ, мальчикъ занимался.

Въ 1883 году онъ былъ принятъ въ Сибирскій кадетскій корпусъ, который окончилъ въ 1889 году первымъ ученикомъ.

По окончаніи кадетскаго корпуса, Корниловъ поступилъ въ Михайловское артиллерійское училище.

Послѣ производства въ офицеры онъ взялъ вакансію въ Туркестанъ.

Въ Туркестанѣ Корниловъ все свободное отъ службы время употреблялъ на самообразованіе, на изученіе туземныхъ языковъ и на уроки ради заработка, такъ какъ семья отца, будучи въ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ, требовала отъ него помощи.

Осенью 1895 года поручикъ Корниловъ поступаетъ въ академію Генеральнаго штаба, которую оканчиваетъ первымъ въ 1898 году и вновь отправляется на службу въ Туркестанскій военный округъ.

По прибытіи въ Туркестанъ онъ получаетъ командировку на Афганскую границу.

Однажды вечеромъ, генералъ Іоновъ, въ распоряженіе котораго былъ командированъ капитанъ Корниловъ, жаловался, что никакъ не можетъ получить никакихъ свѣдѣній о выстроенной афганцами на берегу рѣки Аму крѣпости Дейдади.

выражающія радость по случаю назначенія генерала Корнилова и увѣренность, что онъ сумѣетъ возродить мощь Русской арміи.

Еще будучи назначенъ Главнокомандующимъ Юго-Западнаго фронта, въ моментъ его наибольшаго развала, генералъ Корниловъ обратилъ вниманіе Временнаго Правительства на то, что наиболѣе самоотверженные и нужные родинѣ люди — офицеры и хорошіе солдаты — гибли, а предатели и трусы, отъ которыхъ стонала русская земля, не только продолжали жить, но даже оставались безнаказанными.

Капитанъ Корниловъ, при этомъ присутствовавшій, на другой день попросилъ дать ему трехдневный отпускъ и куда-то исчезъ.

Черезъ три дня вернулся и представилъ генералу Іонову 5 фотографическихъ снимковъ съ крѣпости, кроки мѣстности и описаніе характера укрѣпленій, мѣстности и ведущей къ крѣпости дороги.

Рискуя жизнью, если-бъ онъ попался афганцамъ, Корниловъ, во время этой рекогносцировки, совершилъ верхомъ пробѣгъ въ 400 верстъ.

Лѣтомъ 1899 года Корниловъ изучилъ раіонъ Кушки, а затѣмъ полтора года проработалъ, изучая китайскій Туркестанъ. Результатомъ этого изслѣдованія явилась книга «Кашгарія или Восточный Туркестанъ».

Въ 1901 году капитанъ Корниловъ былъ командированъ для изученія восточныхъ провинцій Персіи. Эта командировка, въ теченіе которой Корниловъ первый прошелъ черезъ безводную, песчаную, знойную пустыню, которую персы называли «Степью отчаянія», создала ему имя — какъ путешественника.

Въ 1903 году Корниловъ получилъ командировку въ Индію. Японская война застаетъ его въ Белуджистанѣ.

Корниловъ, послѣ долгихъ хлопотъ, получаетъ назначеніе въ дѣйствующую армію.

Во время Мукденскихъ боевъ 1-я стрѣлковая бригада, въ которой Корниловъ былъ начальникомъ штаба, прикрывала отходъ другихъ частей арміи.

Будучи окружена японцами, бригада пробилась, вынеся всѣхъ своихъ раненыхъ.

Корниловъ за это дѣло получилъ орденъ Св. Великомученика Побѣдоносца Георгія 4-ой степени.

Послѣ Русско-японской войны полковникъ Корниловъ одно время служилъ въ главномъ Управленіи генеральнаго штаба, а съ 1907 по 1911 годъ былъ военнымъ агентомъ въ Китаѣ.

За время своего пребыванія на востокѣ Корниловъ верхомъ объѣздилъ Китай, Монголію, Тарбогатай, Илійскій край, Синь-Цзянь и Кашгарію.

На Европейскую войну генералъ Корниловъ пошелъ командиромъ бригады 49-ой пѣхотной дивизіи, но уже 25 августа 1914 года онъ былъ назначенъ начальникомъ 48-ой пѣхотной дивизіи, стяжавшей себѣ въ бояхъ, подъ его начальствомъ, названіе «стальной».

При отходѣ изъ Карпатъ, 29 апрѣля/12 Мая 1915 года, прикрывая съ горстью храбрецовъ отходъ своей дивизіи, былъ тяжело раненъ и взятъ австрійцами въ плѣнъ.

Поправившись отъ раненія, генералъ Корниловъ бѣжалъ изъ австрійскаго плѣна.

Побѣгъ генерала Корнилова изъ плѣна — одна изъ самыхъ яркихъ страницъ его феерической жизни.

Послѣ возвращенія Корнилова изъ плѣна онъ былъ награжденъ Георгіемъ 3-ей степени и назначенъ командиромъ 25-го армейскаго корпуса.

Во время революціи, 2 15 марта 1917 года, Корниловъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ Петроградскаго военнаго округа.

20 апрѣля / 3 Мая 1917 года озвѣрѣлыя толпы рабочихъ-красногвардейцевъ и развращенныхъ тыловыхъ солдатъ пришли на площадь Маріинскаго дворца гдѣ заѣдало Временное Правительство, и потребовали ухода неугодныхъ имъ министровъ. Корниловъ хотѣлъ подавить мятежъ, но Временное Правительство не имѣло мужества пойти противъ толпы и предпочло исполнить всѣ ея требованія.

Генералъ Корниловъ послѣ этого отказался отъ должности главнаго начальника Петроградскаго военнаго округа и, получивъ назначеніе командующимъ VIII-й арміи, отправился на фронтъ.

Генералъ Корниловъ тогда же добился отъ Временнаго Правительства возстановленія на фронтѣ смертной казни для предателей и дезертировъ.

Получивъ телеграмму о своемъ назначеніи Верховнымъ Главнокомандующимъ, генералъ Корниловъ послалъ Временному Правительству телеграмму съ требованіемъ, чтобы немедленно были приняты мѣры къ возстановленію дисциплины въ войскахъ, къ прекращенію преслѣдованія офицеровъ, къ недопущенію вмѣшательства комиссаровъ и комитетовъ въ боевыя и строевыя распоряженія и, главное, къ введенію смертной казни для дезертировъ и предателей и въ тылу.

Телеграмму свою генералъ Корниловъ закончилъ указаніемъ, что если эти требованія не будутъ выполнены, то онъ должность Верховнаго Главнокомандующаго не приметъ.

Временное Правительство (Керенскій) отвѣтило, что всѣ требованія генерала Корнилова принимаются.

Генералъ Корниловъ прибылъ въ Могилевъ и принялъ должность Верховнаго Главнокомандующаго.

Но Временное Правительство слова своего не сдержало.

Продолжая говорить, что требованія генерала Корнилова Временнымъ Правительствомъ «принципіально» приняты, г. Керенскій, опасаясь открыто пойти противъ Петроградскаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, рѣшительно возражавшихъ противъ принятія этихъ требованій, оттягивалъ разрѣшеніе этихъ вопросовъ, говоря, что военному министерству (Савинкову) поручено составить проектъ необходимыхъ измѣненій въ дисциплинарномъ уставѣ, въ положеніяхъ о комиссарахъ и комитетахъ и о введеніи смертной казни въ тылу; что составленный проектъ по этимъ вопросамъ будетъ разсмотрѣнъ въ Правительствѣ и срочно проведенъ въ жизнь.

Генералъ Корниловъ страшно волновался, говорилъ, что Керенскій его обманываетъ, оттягивая проведеніе въ жизнь его требованій, и явно хочетъ уклониться отъ исполненія даннаго слова.

Отношенія между Ставкой Верховнаго Главнокомандующаго и Петроградомъ портились.

Чувствовалось, что намъ не довѣряютъ.

Какъ мною уже было отмѣчено, еще при генералѣ Брусиловѣ Могилевскій Совѣтъ рабочихъ депутатовъ добивался расчистки, яко-бы, образовавшагося въ Ставкѣ контръ-революціоннаго гнѣзда.

Конечно, съ этими требованіями Могилевскій «Совѣтъ» обращался не только къ генералу Брусилову, но и къ комиссару Временнаго Правительства, бывшему въ Ставкѣ, г. Елачичу. Но послѣдній, будучи порядочнымъ человѣкомъ и не видя никакихъ конкретныхъ доказательствъ предъявляемымъ обвиненіямъ, дальнѣйшаго хода этому дѣлу не давалъ.

Дѣятельностью г. Елачича въ Ставкѣ Временное Правительство было не довольно и, послѣ назначенія генерала Корнилова Верховнымъ Главнокомандующимъ, г. Елачичъ былъ замѣненъ г. Филоненко, пользовавшимся полнымъ довѣріемъ г. Савинкова, вступившаго въ управленіе военнымъ министерствомъ.

Г. Филоненко, дня черезъ два послѣ своего прибытія въ Ставку, пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что у него есть данныя, что въ Ставкѣ имѣется группа контръ-революціонеровъ, затѣвающихъ переворотъ.

Я ему отвѣтилъ, что все это ерунда. Если какіе-нибудь офицеры и скажутъ, что либо непріятное по отношенію Временнаго Правительства, то за это преслѣдовать нельзя; ничего же серьезнаго, я. увѣренъ, нѣтъ; но, что если у него дѣйствительно есть какія либо данныя, то пусть онъ мнѣ ихъ сообщитъ и я разберу дѣло.

На этомъ и порѣшили.

Нѣсколько позже онъ далъ мнѣ списокъ нѣсколькихъ офицеровъ, яко-бы, явныхъ контръ-революціонеровъ. Генералъ Корниловъ приказалъ произвести разслѣдованіе, не давшее никакихъ данныхъ для обвиненія. Просто была болтовня, о которой писаря и вѣстовые донесли въ Могилевскій Совѣтъ.

Ко мнѣ больше Филоненко съ этимъ вопросомъ не обращался, но разслѣдованіе свое продолжалъ.

Однажды мнѣ принесли копію телеграммы, посланной имъ Савинкову.

Я прочиталъ и ничего не понялъ. Было упомянуто о «конѣ блѣдномъ», скачущимъ черезъ какія-то горы и что-то затѣвающимъ. Было упомянуто среди телеграммы о начальникѣ военныхъ сообщеній.

Я сказалъ, что воровского языка не понимаю и не могу разобрать въ чемъ дѣло.

Мнѣ тогда было разъяснено, что въ телеграммѣ употреблены выраженія изъ книги Савинкова «Конь блѣдный» и что эти условныя слова даютъ возможность расшифровать телеграмму; что Филоненко предупреждаетъ Савинкова о контръ-революціонныхъ замыслахъ начальника военныхъ сообщеній, генерала Тихменева.

Это впослѣдствіи подтвердилось и генерала Тихменева по телеграфу изъ Петрограда туда вызвали; такъ какъ я, изъ того же Петрограда, получилъ по телеграфу предупрежденіе, что ген. Тихменева тамъ арестуютъ, то обратился къ генералу Корнилову.

Генералу Корнилову стоило большихъ трудовъ отстоять ген. Тихменева.

Вообще изъ Петрограда мы получали постоянныя предупрежденія, что неудовольствіе противъ генерала Корнилова и Ставки среди Временнаго Правительства все нарастаетъ и что Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ начинаетъ настаивать на удаленіи генерала Корнилова и на разгонѣ контръ-революціонеровъ Ставки.

Атмосфера постепенно сгущалась.

Между тѣмъ германцы на сѣверномъ фронтѣ перешли въ наступленіе, переправились черезъ Двину, прорвали нашъ фронтъ, и появилась угроза не только Ригѣ и Ревелю, но и Петрограду.

Съ большимъ трудомъ удалось создать новый фронтъ противъ прорваннаго германцами участка, но чувствовалось, что, если германцы сосредоточатъ противъ сѣвернаго фронта новыя силы, положеніе можетъ стать катастрофическимъ.

Генералъ Корниловъ вновь обратился къ Временному Правительству съ настояніемъ немедленно провести въ жизнь его требованія.

Было отвѣчено, что его просятъ прибыть въ Петроградъ къ 10/23 Августа для окончательнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ въ Правительствѣ.

Если не ошибаюсь, 6/ 19 или 7/20 Августа генералъ-квартирмейстеръ, генералъ Романовскій, доложилъ мнѣ, что генералъ Корниловъ проситъ меня отдать распоряженіе о сосредоточеніи, въ раіонѣ Невель—Н. Сокольники—Великія Луки, 3-го коннаго корпуса съ туземной дивизіей (кавалерійской).

Эти части находились въ резервѣ Румынскаго фронта и, за нѣсколько дней до этого доклада генерала Романовскаго, у меня былъ разговоръ съ генераломъ Корниловымъ о необходимости для усиленія сѣвернаго фронта перевести значительную кавалерійскую группу съ Румынскаго фронта.

— «Но почему же въ раіонъ Невель—Н. Сокольники—Великія Луки?» спросилъ я генерала Романовскаго.

— «Я не знаю. Передаю Вамъ точно приказаніе Верховнаго Главнокомандующаго».

— «Когда Вы его получили и какимъ путемъ?»

— «Вчера, послѣ двадцати трехъ часовъ, генералъ Корниловъ меня вызвалъ и приказалъ доложить Вамъ объ этомъ сегодня утромъ».

Мнѣ все это показалось нѣсколько страннымъ; странно, почему это приказаніе было отдано не непосредственно мнѣ, а черезъ генералъ-квартирмейстера; не понятно было, почему выбранъ указанный раіонъ сосредоточенія.

Передъ этимъ былъ разговоръ о томъ, что, если я захочу, то могу быть назначеннымъ командующимъ арміей; но это рѣшено не было, и я пока оставался начальникомъ штаба; поэтому обращеніе главнокомандующаго непосредственно къ генералъ-квартирмейстеру меня удивило.

Я пошелъ къ генералу Корнилову.

Сказавъ ему, что генералъ Романовскій передалъ мнѣ его приказаніе, я попросилъ объяснить, почему выбранъ для конницы указанный раіонъ сосредоточенія.

Генералъ Корниловъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ хочетъ сосредоточить конницу не спеціально за сѣвернымъ фронтомъ, а въ такомъ раіонѣ, откуда легко было бы, въ случаѣ надобности, перевезти ее на сѣверный фронтъ или на западный; что выбранный имъ раіонъ наиболѣе удовлетворяетъ этому требованію.

Я сказалъ, что намъ врядъ ли есть основаніе опасаться за западный фронтъ, гдѣ имѣются достаточные резервы и было бы лучше сосредоточить конницу въ окрестностяхъ Пскова.

Но Корниловъ остался при своемъ рѣшеніи.

— «Я, конечно, сейчасъ же отдамъ необходимыя распоряженія, но у меня получается, Лавръ Георгіевичъ, впечатлѣніе что Вы что-то не договариваете. Выбранный Вами раіонъ для сосредоточенія конницы очень хорошъ на случай, если-бъ ее надо было бросить на Петроградъ, или на Москву; но, на мой взглядъ, онъ менѣе удаченъ, если идетъ рѣчь лишь объ усиленіи сѣвернаго фронта.

Если я не ошибаюсь и Вы дѣйствительно что-то не договариваете, то прошу — или отпустите меня на фронтъ, или полностью скажите мнѣ Ваши предположенія.

Начальникъ штаба можетъ оставаться на своемъ мѣстѣ лишь при полномъ довѣріи со стороны начальника».

Генералъ Корниловъ нѣсколько секундъ подумалъ и затѣмъ отвѣтилъ:

— «Вы правы. У меня есть нѣкоторыя соображенія, относительно которыхъ я съ Вами еще не говорилъ.

Прошу Васъ, сейчасъ же отдать распоряженіе о перемѣщеніи конницы и срочно вызовите сюда командира 3-го коннаго корпуса, генерала Крымова; а мы съ Вами подробно переговоримъ послѣ моего возвращенія изъ Петрограда».

9/22 Августа вечеромъ генералъ Корниловъ выѣхалъ въ Петроградъ.

Насколько уже къ этому времени сложились ненормальныя отношенія между генераломъ Корниловымъ и г. Керенскимъ, показываетъ слѣдующее.

8/21 и 9/22 Августа изъ Петрограда, изъ военнаго министерства, въ Ставку было сообщено частнымъ образомъ, что, по слухамъ, г. Керенскій рѣшилъ смѣстить генерала Корнилова съ поста Верховнаго Главнокомандующаго; что генералу Корнилову будетъ объ этомъ объявлено по пріѣздѣ его въ Петроградъ и будетъ предложено тамъ остаться; если же онъ не согласится и захочетъ вернуться въ армію, то будетъ арестованъ.

Генералъ Корниловъ одно время рѣшилъ отказаться отъ поѣздки въ Петроградъ, но, затѣмъ, измѣнилъ свое рѣшеніе и поѣхалъ, но поѣхалъ какъ въ непріятельскій станъ.

Для охраны былъ взятъ эскадронъ Текинскаго полка съ пулеметами.

По пріѣздѣ въ Петроградъ онъ поѣхалъ въ Зимній Дворецъ въ сопровожденіи текинцевъ съ двумя пулеметами. Эти пулеметы, послѣ входа генерала Корнилова въ Зимній Дворецъ, были сняты съ автомобиля и текинцы дежурили у подъѣзда Дворца, чтобы, въ случаѣ надобности, придти на помощь главнокомандующему.

Насколько эти слухи о предполагавшемся смѣщеніи Корнилова были вѣрны — я не знаю, но основаній для ихъ распространенія было много.

Послѣ іюньской катастрофы на Юго-Западномъ фронтѣ всѣ говорили о необходимости созданія твердой власти, независимой въ то же время отъ какихъ бы то ни было организацій.

Говорили и писали о диктатурѣ, мысль о которой не была чужда и Керенскому.

При своихъ поѣздкахъ на фронтъ, забывая о страхѣ, который онъ испытывалъ въ Петроградѣ передъ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, Керенскій набирался храбрости и, со своими спутниками, неоднократно обсуждалъ вопросы о созданіи твердой власти, объ образованіи директоріи, или о передачѣ власти диктатору. А такъ какъ большинство этихъ спутниковъ и приближенныхъ Керенскаго, въ дѣйствительности, сердцемъ были ближе къ Ставкѣ, чѣмъ къ нему, то всѣ эти разговоры Керенскаго передавались намъ.

Волна революціи вынесла Керенскаго на верхъ и онъ, одно время, сталъ кумиромъ толпы.

Будучи крайне честолюбивымъ человѣкомъ, онъ, естественно, мечталъ объ укрѣпленіи власти, но въ своемъ лицѣ.

Между тѣмъ, съ назначеніемъ Верховнымъ Главнокомандующимъ генерала Корнилова, на котораго съ надеждой устремились глаза всѣхъ благомыслящихъ круговъ и, въ лицѣ котораго, они видѣли единственнаго человѣка, могущаго еще спасти Россію, Керенскій почувствовалъ соперника, который можетъ затмить его самого.

Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ открылъ первымъ кампанію противъ генерала Корнилова и, въ этомъ отношеніи, Керенскій, естественно, пошелъ по одному съ нимъ пути.

Слухи о предполагаемомъ увольненіи генерала Корнилова были въ Петроградѣ такъ упорны, что 9/22 Августа къ Керенскому была отправлена делегація отъ совѣта союза казачьихъ войскъ, которая заявила, что совѣтъ проситъ его сказать насколько справедливы эти слухи и сообщить ем[illegible],

отъ имени совѣта, что все казачество не допускаетъ мысли о возможности смѣны генерала Корнилова.

Керенскій отвѣтилъ, что эти слухи ни на чемъ не основаны и никто не предполагаетъ смѣщать Корнилова.

9/22 Августа, послѣ отъѣзда генерала Корнилова въ Петроградъ, отъ имени Керенскаго была получена телеграмма, что генерала Корнилова Временное Правительство проситъ не пріѣзжать; если же онъ все-таки поѣдетъ, то Временное Правительство снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за то, что можетъ произойти.

Мои ближайшіе помощники пришли ко мнѣ взволнованные, говоря, что телеграмма послана умышленно съ такимъ расчетомъ, чтобы она не застала Главнокомандующаго въ Ставкѣ; что указаніе на то, что Временное Правительство «снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность» — показываетъ, что можно, дѣйствительно, ожидать ареста генерала Корнилова.

Я ихъ успокоилъ, сказавъ, что на арестъ генерала Корнилова Керенскій пойти не рѣшится, а эту телеграмму надо понимать проще: такъ какъ Главнокомандующій, въ одной изъ предыдущихъ телеграммъ, самъ указывалъ, что оставлять Ставку ему нельзя изъ опасенія, чтобы на фронтѣ не случилось чего-нибудь въ его отсутствіи, то Керенскій, который просто не хочетъ видѣть Корнилова, въ своей телеграммѣ, подчеркиваетъ, что вся отвѣтственность за отъѣздъ изъ Ставки Главнокомандующаго остается на немъ самомъ, такъ какъ Временное Правительство его въ Петроградъ теперь не вызываетъ. Поздняя же присылка телеграммы — просто плохая работа военнаго министерства, или канцеляріи Керенскаго.

11/24 Августа, утромъ, генералъ Корниловъ вернулся изъ Петрограда.

Онъ возмущенно сталъ мнѣ разсказывать, что поѣздка его была напрасна; что Керенскій его водитъ за носъ, явно не желая выполнить свое обѣщаніе и провести въ жизнь его требованія; что на засѣданіи Временнаго Правительства только въ общихъ чертахъ были разсмотрѣны его требованія и поручено Савинкову разработать окончательный проектъ того, что надо ввести для поднятія дисциплины въ войскахъ и, затѣмъ, по соглашенію съ нимъ, Корниловымъ, все вновь внести на утвержденіе Временнаго Правительства.

«Какъ видите — только затягиваютъ время. Повидимому г-ну Керенскому не хочется. чтобы я ѣхалъ на Московское Государственное Совѣщаніе, но я поѣду и добьюсь, чтобы мои требованія были наконецъ приняты» — закончилъ Корниловъ.

Затѣмъ генералъ Корниловъ напомнилъ мнѣ, что, на засѣданіи Временнаго Правительства, 3/16 Августа (во время его предыдущей поѣздки въ Петроградъ), Савинковъ ему передалъ записку (которую читалъ и Керенскій), въ которой предупредилъ, что надо быть осторожнымъ и всего не говорить, такъ какъ это сейчасъ же станетъ извѣстнымъ Совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, а оттуда и нѣмцамъ.

«Я тогда просилъ, мнѣ сказать, при комъ именно нельзя всего говорить — и мнѣ назвали министра земледѣлія Чернова.

Вотъ Вамъ и Временное Правительство, въ составѣ котораго сидятъ завѣдомые предатели! Не мудрено, что не хотятъ проводить въ жизнь моихъ требованій».

Послѣ этого генералъ Корниловъ вернулся къ разговору, бывшему у меня съ нимъ до его поѣздки въ Петроградъ.

— «Какъ Вамъ извѣстно, всѣ донесенія нашей контръ-развѣдки сходятся на томъ, что новое выступленіе большевиковъ произойдетъ въ Петроградѣ въ концѣ этого мѣсяца; указываютъ на 28—29 Августа (10—11 Сентября). Германіи необходимо заключить съ Россіей сепаратный миръ и свои арміи, находящіяся на нашемъ фронтѣ, бросить противъ французовъ и англичанъ.

Германскіе агенты — большевики, какъ присланные нѣмцами въ запломбированныхъ вагонахъ, такъ и мѣстные, на этотъ разъ примутъ всѣ мѣры, чтобы произвести переворотъ и захватить власть въ свои руки.

По опыту 20 Апрѣля (3 Мая) и 3—4 (16—17 Іюля) я убѣжденъ, что слизняки, сидящіе въ составѣ Временнаго Правительства, будутъ сметены, а если, чудомъ, Временное Правительство останется у власти, то, при благосклонномъ участіи такихъ господъ, какъ Черновы, главари большевиковъ и Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ останутся безнаказанными.

Пора съ этимъ покончить.

Пора нѣмецкихъ ставленниковъ и шпіоновъ, во главѣ съ Ленинымъ, повѣсить, а Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ разогнать, да разогнать такъ, чтобы онъ нигдѣ и не собрался!

Вы правы. Конный корпусъ я передвигаю главнымъ образомъ для того, чтобы къ концу Августа его подтянуть къ Петрограду и, если выступленіе большевиковъ состоится, то расправиться съ предателями Родины, какъ слѣдуетъ.

Руководство этой операціей я хочу поручить генералу Крымову.

Я убѣжденъ, что онъ не задумается, въ случаѣ если это понадобится, перевѣшать весь составъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Противъ Временнаго Правительства я не собираюсь выступать. Я надѣюсь, что мнѣ, въ послѣднюю минуту, удастся съ нимъ договориться.

Но впередъ ничего никому говорить нельзя, такъ какъ гг. Керенскіе, а тѣмъ болѣе Черновы, на все это не согласятся и всю операцію сорвутъ.

Если же мнѣ не удалось бы договориться съ Керенскимъ и Савинковымъ, то возможно, что придется ударить по большевикамъ и безъ ихъ согласія. Но затѣмъ они же будутъ мнѣ благодарны и можно будетъ создать необходимую для Россіи твердую власть, независимую отъ всевозможныхъ предателей.

Я лично ничего не ищу и не хочу. Я хочу только спасти Россію и буду безпрекословно подчиняться Временному Правительству, очищенному и укрѣпившемуся.

Пойдете ли Вы со мной до конца и вѣрите ли, что лично для себя я ничего не ищу?»

Я, зная генерала Корнилова, какъ безусловно честнаго и преданнаго родинѣ человѣка, отвѣтилъ, что вѣрю ему, вполнѣ раздѣляю его взглядъ и пойду съ нимъ до конца.

Вотъ начало и основа всего заговора, въ которомъ потомъ Временное Правительство обвиняло генерала Корнилова и меня.

Послѣ этого я сказалъ генералу Корнилову, что все надо хорошенько обдумать, постараться предусмотрѣть всѣ случайности и сдѣлать такъ, чтобы бить навѣрняка. Я просилъ поручить мнѣ все это обдумать.

Генералъ Корниловъ мнѣ отвѣтилъ:

«Теперь я Васъ прошу никакой арміи не принимать, а остаться у меня начальникомъ штаба.

До сихъ поръ я съ Вами не говорилъ, предполагая, что Вы захотите принять армію.

Я уже кой-что подготовилъ и, по моимъ указаніямъ, полковникъ Лебедевъ и капитанъ Роженко разрабатываютъ всѣ детали.

У Васъ, какъ у начальника штаба, слишкомъ много работы, а потому уже довѣрьтесь, что я лично за всѣмъ присмотрю и все будетъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ.

Во все это посвящены еще мой ординарецъ Завойко и адъютантъ полковникъ Голицынъ».

Я, къ сожалѣнію, на это согласился, и никакого участія въ разработкѣ операціи не принималъ.

Какъ послѣдующее показало, самъ генералъ Корниловъ, за неимѣніемъ времени, подготовкой операціи не руководилъ, а исполнители, не исключая и командира корпуса, генерала Крымова, отнеслись къ дѣлу болѣе, чѣмъ легкомысленно, что и было одной изъ главныхъ причинъ, почему операція впослѣдствіи сорвалась.

12/25 Августа въ Ставку пріѣхалъ генералъ Крымовъ, но такъ какъ генералъ Корниловъ, до отъѣзда въ Москву на Государственное Совѣщаніе, не имѣлъ времени съ нимъ переговорить, то предложилъ ему, ѣхать съ нимъ въ Москву, чтобы переговорить дорогой.

Государственное Совѣщаніе было созвано въ Москвѣ въ цѣляхъ выясненія средствъ для спасенія родины.

13/26 Августа генералъ Корниловъ пріѣхалъ въ Москву, которая встрѣтила его очень торжественно.

Въ тотъ же день генерала Корнилова предупредили, что Керенскій не доволенъ встрѣчею, которую Москва устроила Верховному Главнокомандующему и этимъ подчеркнула, что видитъ въ немъ человѣка, способнаго спасти родину. При этомъ генералу Корнилову сказали, что Керенскій приметъ всѣ мѣры, чтобы помѣшать ему выступить на Государственномъ Совѣщаніи.

Дѣйствительно, вечеромъ 13/26, въ поѣздъ Главнокомандующаго прибылъ одинъ изъ членовъ Временнаго Правительства и, ссылаясь на то, что всѣ ораторы уже расписаны, что Керенскій скажетъ относительно арміи все, что надо, совѣтовалъ генералу Корнилову съ рѣчью не выступать.

Но генералъ Корниловъ потребовалъ, чтобы ему было дано слово и на утреннемъ засѣданіи Государственнаго Совѣщанія 14/27 Августа выступилъ съ рѣчью.

Онъ опредѣленно сказалъ, что у него нѣтъ увѣренности въ томъ, что русская армія выполнитъ свой долгъ передъ родиной.

Указалъ, что въ арміи развалъ и продолжаются убійства офицеровъ озвѣрѣвшими солдатами.

Прочиталъ рядъ послѣднихъ телеграммъ о кошмарныхъ, хулиганскихъ убійствахъ чиновъ командного состава.

Указалъ, что дезертирство продолжается и анархія въ арміи развивается.

Указалъ, что на югѣ опасность угрожаетъ плодороднымъ губерніямъ, а на сѣверѣ, если не будетъ удержанъ Рижскій заливъ, то непосредственная опасность будетъ угрожать Петрограду.

Затѣмъ генералъ Корниловъ указалъ, что для спасенія арміи и Россіи необходимо ввести въ арміи желѣзную дисциплину, возстановить власть начальниковъ и престижъ корпуса офицеровъ.

Указавъ на разруху въ тылу, вслѣдствіе которой армія начинаетъ голодать, а производительность фабрикъ и заводовъ падаетъ, требовалъ принятія немедленныхъ и самыхъ рѣшительныхъ мѣръ противъ развала арміи и тыла.

Заявилъ, что правительство занимается попустительствомъ и не утверждаетъ для спасенія арміи тѣхъ необходимыхъ мѣръ, на которыхъ онъ неоднократно настаивалъ.

Всѣ участники Совѣщанія, кромѣ представителей Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, горячо привѣтствовали Корнилова и въ своихъ рѣчахъ настаивали на проведеніи въ жизнь намѣченныхъ имъ реформъ.

Послѣ своей рѣчи на Совѣщаніи Корниловъ сейчасъ же выѣхалъ въ Могилевъ.

Въ бытность въ Москвѣ онъ видѣлся съ донскимъ атаманомъ Калединымъ, съ предсѣдателемъ Государственной Думы Родзянко и съ представителями разныхъ общественныхъ организацій и политическихъ партій.

Разговоры съ ними его убѣдили, что требованія, имъ предъявляемыя, будутъ поддержаны и укрѣпили въ немъ увѣренность въ правильности его рѣшеній.

Послѣ возвращенія въ Могилевъ Корниловъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ разрѣшенія возбужденныхъ имъ вопросовъ.

Керенскій и Савинковъ прислали телеграммы, что разработка мѣропріятій, требующихся для возстановленія дисциплины въ арміи, заканчивается и что Савинковъ, въ ближайшіе дни, пріѣдетъ въ Могилевъ для окончательнаго согласованія вопросовъ съ Корниловымъ, послѣ чего все намѣченное будетъ немедленно утверждено Временнымъ Правительствомъ.

Между тѣмъ, свѣдѣнія, поступавшія изъ Петрограда, подтверждали, что выступленіе большевиковъ состоится въ концѣ мѣсяца.

Въ Петроградѣ, еще раньше, нѣсколькими лицами было образовано тайное общество съ цѣлью формировать отряды самообороны на случай большевистскаго выступленія.

Полковникъ генеральнаго штаба Лебедевъ, поддерживавшій связь съ лицами, стоявшими во главѣ этой организаціи, предложилъ Корнилову войти съ ними въ непосредственное сношеніе и вызвать ихъ въ Могилевъ.

Генералъ Корниловъ согласился, и вызванные (два инженера путей сообщеній) пріѣхали.

Они доложили Корнилову, что въ ихъ распоряженіи имѣется около двухъ тысячъ человѣкъ отлично вооруженныхъ, но офицеровъ мало. Набирать широко среди офицеровъ Петроградскаго гарнизона они не рискуютъ, опасаясь, что кто-нибудь проболтается и что ихъ организація можетъ быть раскрыта что они просятъ генерала Корнилова прислать въ Петроградъ къ концу Августа человѣкъ сто офицеровъ и они ручаются, что, въ случаѣ выступленія большевиковъ, они сыграютъ крупную роль.

Генералъ Корниловъ согласился, сказавъ, что офицеры могутъ быть посланы съ фронта подъ видомъ отпускныхъ. Распоряженіе объ этомъ должно было быть сдѣлано черезъ союзъ офицеровъ *.

Было условлено, что все должно быть подготовлено къ 26 Августа (8 Сентября) и, въ случаѣ выступленія большевиковъ, при приближеніи къ Петрограду корпуса генерала Крымова, эта организація должна въ Петроградѣ выступить, занять Смольный Институтъ (гдѣ помѣщался Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ) и постараться арестовать большевистскихъ главарей.

Въ Ставку пріѣхали, кромѣ указанныхъ инженеровъ, членъ 1-й Государственной Думы Аладьинъ и нѣкій Добрынскій.

Я ихъ прежде не зналъ.

Генералъ Корниловъ съ г. Аладьинымъ познакомился, насколько мнѣ извѣстно, въ бытность свою главнымъ начальникомъ Петроградскаго округа, а Добрынскаго, кажется, рекомендовалъ ему Завойко.

Оба они никакого участія и никакой роли въ такъ называемомъ выступленіи Корнилова не играли.

Аладьинъ просилъ разрѣшенія пріѣхать въ Ставку, и генералъ Корниловъ его пригласилъ, считая, что онъ, какъ одинъ изъ видныхъ членовъ 1-й Государственной Думы, можетъ быть вообще полезенъ; Добрынскаго Корниловъ считалъ полезнымъ, какъ человѣка, имѣющаго, яко бы, большія связи среди горскаго и казачьяго населенія.

При описаніи, впослѣдствіи, Корниловскаго выступленія были указанія, что, какъ эти лица, такъ и ординарецъ ген. Корнилова, Завойко, имѣли громадное вліяніе на Корнилова и принимали какое-то выдающееся участіе въ подготовкѣ выступленія, получая отъ Корнилова особыя порученія.

Повторяю, что ни Аладьинъ, ни Добрынскій никакой роли не играли.

Что же касается ординарца Корнилова, Завойко (крупный подольскій помѣщикъ; бывшій уѣздный предводитель дворянства), то, вообще, его роль при Корниловѣ была довольно значительная, такъ какъ Завойко отлично владѣлъ перомъ и Корниловъ поручалъ ему составлять нѣкоторыя бумаги, лично отъ него исходящія. Кромѣ того, Завойко сумѣлъ заслужить полное довѣріе Корнилова, и послѣдній нерѣдко поручалъ ему отъ своего имени сноситься съ тѣми или иными лицами.

Къ сожалѣнію, послѣ Московскаго Государственнаго Совѣщанія, Корниловъ говорилъ очень многимъ изъ пріѣзжавшихъ въ Ставку о своемъ рѣшеніи раздѣлаться съ большевиками и Петроградскимъ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Это рѣшеніе Корнилова, въ сущности говоря, перестало быть секретомъ и, если не все, то кой-что дошло и до Петрограда.

Я глубоко убѣжденъ, что тревожные слухи, дошедшіе до Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, заставили ихъ отложить намѣчавшееся

---

* Въ іюнѣ, съ цѣлью объединить офицеровъ, поддерживать между ними связь и объединить ихъ усилія для прекращенія развала арміи, былъ образованъ союзъ офицеровъ.

При ставкѣ находился центральный органъ управленія союза офицеровъ, а на мѣстахъ въ штабахъ армій, корпусовъ, дивизій и въ каждой отдѣльной части войскъ были свои отдѣленія союза офицеровъ.

выступленіе большевиковъ въ Петроградѣ и настоять, чтобы Керенскій покончилъ съ Корниловымъ.

При настроеніи же Керенскаго, видѣвшаго въ лицѣ Корнилова опаснаго соперника, онъ схватился за этотъ случай, дабы спровоцировать выступленіе Корнилова и отъ него отдѣлаться.

Наконецъ, 24 Августа (6 Сентября) пріѣхалъ въ Ставку давно ожидавшійся управляющій военнымъ министерствомъ Савинковъ.

Я пришелъ вмѣстѣ съ нимъ въ кабинетъ Корнилова.

Поздоровавшись, г. Савинковъ сказалъ Главнокомандующему, что у него есть къ нему порученіе отъ Временнаго Правительства, которое онъ хотѣлъ бы передать ему съ глазу на глазъ.

Я ушелъ къ себѣ.

Примѣрно черезъ часъ, Корниловъ меня позвалъ и сказалъ, что Савинковъ привезъ проекты намѣченныхъ мѣропріятій для возстановленія дисциплины въ арміи.

Главнокомандующій добавилъ, что, повидимому, всѣ его требованія принимаются; что онъ проситъ меня, разсмотрѣть матеріалъ, привезенный ему Савинковымъ, и доложить ему до обѣда; что послѣ обѣда, въ моемъ присутствіи, онъ окончательно договорится съ Савинковымъ, а въ 8 часовъ вечера Савинковъ проситъ принять пріѣхавшаго съ нимъ начальника канцеляріи, полковника Барановскаго, и тогда нужно будетъ переговорить о тѣхъ мѣрахъ, которыя необходимо принять въ Петроградѣ, дабы предупредить предполагаемое выступленіе большевиковъ.

Затѣмъ генералъ Корниловъ сказалъ, что съ Савинковымъ пріѣхалъ въ Могилевъ начальникъ контръ-развѣдки въ военномъ министерствѣ и что Савинковъ проситъ разрѣшеніе произвести, если понадобится, аресты нѣкоторыхъ чиновъ Ставки.

— «Такимъ образомъ, пріѣздъ Савинкова сюда связанъ не только съ рѣшеніемъ договориться со мной, добавилъ Корниловъ, но и съ какимъ-то разслѣдованіемъ дѣйствія чиновъ Ставки.

Я сказалъ, что пусть выясняютъ, что хотятъ, но что, безъ своего разрѣшенія, я не допускаю никакихъ арестовъ».

Я пошелъ разсматривать матеріалъ, привезенный Савинковымъ.

Изъ разсмотрѣнія привезенныхъ документовъ, я увидѣлъ, что кругъ вѣдѣнія оставляемыхъ по проекту въ войскахъ комиссаровъ и комитетовъ недостаточно суженъ и, особенно комиссарамъ, дается широкое право вмѣшиваться въ распоряженія командного состава, если только они не касаются боевыхъ распоряженій.

Послѣднее же время генералъ Корниловъ рѣшилъ настаивать на полномъ упраздненіи комитетовъ и комиссаровъ.

Я все это доложилъ Верховному Главнокомандующему.

Послѣ обѣда Савинковъ и я пошли въ кабинетъ къ Корнилову.

Савинковъ настаивалъ на необходимости сохранить комиссаровъ и комитеты, соглашаясь, сократить кругъ ихъ вѣдѣнія и болѣе точно его опредѣлить; генералъ Корниловъ настаивалъ на ихъ упраздненіи.

Въ концѣ концовъ закончили тѣмъ, что желаніе Верховнаго Главнокомандующаго будетъ доложено Временному Правительству; но, если согласія на полное упраздненіе комиссаровъ и комитетовъ не послѣдуетъ, то придется ограничиться сужеціемъ ихъ правъ.

Въ остальномъ разногласій не было.

Когда было закончено разсмотрѣніе привезенныхъ матеріаловъ, Савинковъ сказалъ Корнилову, что надо договориться относительно того, какъ обезвредить Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, который, конечно, будетъ категорически протестовать противъ принятія требованій генерала Корнилова; что Временное Правительство. не взирая на протесты этого Совѣта, утвердитъ тотъ проектъ, который теперь согласованъ съ проектомъ Верховнаго Главнокомандующаго; но что, конечно, немедленно послѣдуетъ выступленіе большевиковъ, которое нужно будетъ подавить самымъ безпощаднымъ образомъ, покончивъ одновременно и съ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, если послѣдній поддержитъ большевиковъ; что гарнизонъ Петрограда не достаточно надеженъ и что необходимо немедленно подвести къ Петрограду надежныя конныя части; что, ко времени подхода этихъ частей къ Петрограду, столицу съ ея окрестностями необходимо объявить на военномъ положеніи; что все это онъ говоритъ въ полномъ согласіи со взглядами предсѣдателя Временнаго Правительства, Керенскаго, и что съ нимъ, Савинковымъ, пріѣхалъ начальникъ канцеляріи Керенскаго, полковникъ Барановскій, для точнаго установленія границъ раіона, который надо будетъ объявить на военномъ положеніи; что о времени подхода корпуса къ Петрограду онъ проситъ генерала Корнилова телеграфировать, и Петроградъ съ окрестностями будетъ немедленно объявленъ на военномъ положеніи.

— «Объявленіе столицы съ окрестностями на военномъ положеніи необходимо, такъ какъ это облегчитъ намъ возможность примѣнить самыя рѣшительныя мѣры для подавленія ожидаемаго большевистскаго выступленія» — добавилъ Савинковъ.

«Я надѣюсь, Лавръ Георгіевичъ, что назначенный Вами начальникъ отряда сумѣетъ рѣшительно и безпощадно расправиться и съ большевиками, и съ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, если послѣдній поддержитъ большевиковъ». *

Генералъ Корниловъ отвѣтилъ, что Савинковъ можетъ не безпокоиться; что онъ приметъ мѣры къ тому, чтобы, въ случаѣ выступленія большевиковъ, расправа съ ними и съ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ была должная.

Было уже 8 часовъ вечера и въ кабинетъ Корнилова были приглашены генералъ-квартирмейстеръ Романовскій и начальникъ канцеляріи Керенскаго, Барановскій.

При нихъ Савинковъ еще разъ повторилъ о томъ, что, послѣ утвержденія Временнымъ Правительствомъ согласованныхъ съ требованіями Главнокомандующаго мѣропріятій, неминуемо въ Петроградѣ выступленіе большевиковъ; что, для подавленія этого выступленія, генералъ Корниловъ, въ полномъ согласіи съ Временнымъ Правительствомъ, направляетъ къ Петрограду конный корпусъ и что теперь надо опредѣлить тотъ раіонъ, который необходимо объявить на военномъ положеніи при приближеніи корпуса къ Петрограду.

---

* Беря въ ковычкахъ заявленіе Савинкова, я долженъ оговориться, что, можетъ быть, память мнѣ измѣняетъ и я передаю его слова не совсѣмъ точно, но суть и смыслъ передаю безусловно вѣрно.

Требуемый раіонъ, при участіи полковника Барановскаго, былъ опредѣленъ и онъ взялъ себѣ экземпляръ карты, на которомъ раіонъ былъ очерченъ.

Прощаясь съ Корниловымъ, Савинковъ выразилъ увѣренность, что все пройдетъ хорошо и, неожиданно для насъ, добавилъ:

«Только начальникомъ отряда не назначайте генерала Крымова».

На это Корниловъ ничего не отвѣтилъ.

Послѣ отъѣзда Савинкова и Барановскаго въ кабинетъ Корнилова были приглашены Крымовъ, Завойко и Аладьинъ.

Корниловъ имъ передалъ все, что было сказано Савинковымъ и добавилъ, что теперь все, дѣйствительно, согласовано съ Временнымъ Правительствомъ, что никакихъ треній не будетъ и все пройдетъ великолѣпно.

Я на это сказалъ, что все это такъ хорошо, что даже страшно, нѣтъ ли здѣсь подкопа? Все, сказанное Савинковымъ, настолько согласуется съ нашими предложеніями, что получается впечатлѣніе — какъ будто Савинковъ или присутствовалъ при нашихъ разговорахъ, или... очень хорошо о нихъ освѣдомленъ. Я прибавилъ, что упоминаніе его о неназначеніи Крымова мнѣ не нравится и меня безпокоитъ.

Генералъ Корниловъ сталъ мнѣ возражать, говоря, что я слишкомъ мнительный, что Савинковъ просто умный человѣкъ, понимаетъ обстановку, и, естественно, пришелъ къ тѣмъ же выводамъ, къ которымъ пришли и мы; что упоминаніе про Крымова вполнѣ естественно, такъ какъ Савинковъ знаетъ, что будетъ къ Петрограду двинутъ 3-й конный корпусъ, которымъ командуетъ генералъ Крымовъ; что Крымовъ извѣстенъ своей рѣшительностью и Савинковъ просто боится, что онъ повѣситъ лишнихъ 20—30 человѣкъ; но что это замѣчаніе Савинкова не важно — онъ самъ, впослѣдствіи, будетъ доволенъ, что назначенъ командовать отрядомъ именно генералъ Крымовъ.

Но меня эти увѣренія мало успокоили и я попросилъ, на всякій случай, запротоколировать все, что было сказано Савинковымъ въ присутствіи Ромавовскаго и Барановскаго.

Генералъ Романовскій это исполнилъ и протоколъ былъ подписанъ Корниловымъ, мною и Романовскимъ (впослѣдствіи онъ былъ опубликованъ).

Генералу Крымову было предложено немедленно отправиться къ корпусу и начать перевозки для сосредоточенія къ Петрограду.

25 Августа (7 Сентября), утромъ, когда я пришелъ съ докладомъ къ генералу Корнилову, онъ мнѣ разсказалъ слѣдующее:

24 Августа (6 Сентября), вечеромъ, въ Могилевъ пріѣхалъ В. Н. Львовъ (бывшій оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода) и хотѣлъ тогда же видѣть Корнилова, но, такъ какъ Главнокомандующій былъ занятъ и не могъ его принять, онъ явился утромъ 25 Августа (7 Сентября).

В. Н. Львовъ сказалъ, что онъ является къ Верховному Главнокомандующему, въ качествѣ лица, уполномоченнаго министромъ-предсѣдателемъ, Керенскимъ, выяснить точку зрѣнія Корнилова на вопросъ о наиболѣе цѣлесообразномъ способѣ созданія сильной власти. Керенскій считаетъ возможнымъ три варіанта:

Согласно первому — диктаторская власть сохраняется за нимъ, Керенскимъ, и при немъ будетъ сформировано правительство въ новомъ составѣ;

по второму — диктаторской властью можетъ быть облечено небольшое правительство въ составѣ трехъ-четырехъ лицъ (въ число ихъ долженъ войти и Верховный Главнокомандующій); по третьему — диктаторская властъ можетъ быть сосредоточена въ лицѣ Верховнаго Главнокомандующаго, при которомъ должно быть образовано правительство.

При этомъ В. Н. Львовъ спросилъ, считаетъ ли желательнымъ генералъ Корниловъ, чтобы, въ случаѣ принятія третьяго варіанта, въ составъ кабинета вошли Керенскій и Савинковъ.

Генералъ Корниловъ высказался за третій варіантъ, сказавъ, что сохраненіе въ составѣ кабинета Керенскаго и Савинкова онъ считаетъ нужнымъ и уполномочилъ В. Н. Львова передать Керенскому и Савинкову, что признаетъ ихъ пріѣздъ въ Ставку необходимымъ и при этомъ срочный, такъ какъ, въ виду возможныхъ событій въ Петроградѣ, онъ, во-первыхъ, опасается за личную ихъ безопасность въ столицѣ, а, во-вторыхъ, ихъ присутствіе въ Ставкѣ желательно для разрѣшенія цѣлаго ряда вопросовъ, которые, конечно, возникнутъ.

Я спросилъ генерала Корнилова, было ли у В. Н. Львова какое-нибудь письменное удостовѣреніе.

— «Нѣтъ, у него ничего не было. Свои вопросы онъ мнѣ прочиталъ по отмѣткамъ въ своей записной книжкѣ и въ нее же занесъ мой отвѣтъ. Репутація у В. Н. Львова — человѣка безукоризненно порядочнаго и я ему не могъ не повѣрить».

— «Что онъ высоко-порядочный человѣкъ — въ этомъ и у меня нѣтъ сомнѣній, но что у него репутація путаника — это тоже вѣрно. Но, кромѣ того, мнѣ вообще это порученіе Керенскаго, передаваемое Вамъ черезъ Львова, не нравится. Я боюсь, не затѣваетъ ли Керенскій какой-нибудь гадости. Все это очень странно. Почему Савинковъ ничего не сказалъ, или ничего не сказалъ? Почему дается порученіе Львову, въ то время, когда въ Ставку ѣдетъ Савинковъ? Дай Богъ, чтобы я ошибался, но мнѣ все это очень не нравится и я опасаюсь Керенскаго».

Корниловъ опять назвалъ меня слишкомъ мнительнымъ; сказалъ, что Львовъ выѣхалъ изъ Петрограда позже Савинкова и этимъ можно объяснить неосвѣдомленность послѣдняго; что онъ вѣритъ, въ данномъ случаѣ, искренности Керенскаго, такъ какъ, въ сущности говоря, мысль о созданіи диктатуры или директоріи уже обсуждалась Керенскимъ и прежде.

26 Августа (8 Сентября) Савинкову, согласно условію, была послана слѣдующая телеграмма:

«Корпусъ сосредоточится въ окрестностяхъ Петрограда къ вечеру 28 Августа. Прошу объявить Петроградъ на военномъ положеніи 29 Августа. Номеръ 6394. Генералъ Корниловъ».

26 Августа (8 Сентября) Керенскій вызвалъ генерала Корнилова къ прямому проводу и попросилъ его, «подтвердить, уполномочилъ ли онъ В. Н. Львова передать ему свои предположенія».

Генералъ Корниловъ отвѣтилъ:

«Подтверждаю, что я уполномочилъ В. Н. Львова передать Вамъ свои предположенія».

Затѣмъ Керенскій спросилъ, продолжаетъ ли Корниловъ считать желательнымъ безотлагательное прибытіе въ Ставку его и Савинкова.

Корниловъ отвѣтилъ утвердительно, на что послѣдовалъ отвѣтъ Керенскаго, что «сегодня, въ субботу, уже поздно выѣзжать и отъѣздъ придется отложить до воскресенія».

Корниловъ сказалъ, что будетъ ожидать ихъ обоихъ въ понедѣльникъ 28 Августа (10 Сентября).

Необходимо отмѣтить, — это впослѣдствіи призналъ и генералъ Корниловъ, что онъ, говоря по прямому проводу съ Керенскимъ, поступилъ невѣроятно необдуманно, не спросивъ Керенскаго, что именно передалъ ему Львовъ.

А на этомъ именно и сыгралъ Керенскій; онъ отрекся отъ того, что онъ самъ послалъ Львова къ Корнилову; приказалъ Львова арестовать; объявилъ въ засѣданіи Временнаго Правительства о нагломъ требованіи Корнилова предоставить ему (Корнилову) диктаторскую власть и потребовалъ отъ Временнаго Правительства постановленія о смѣщеніи генерала Корнилова съ поста Верховнаго Главнокомандующаго.

Между тѣмъ генералъ Корниловъ такъ былъ увѣренъ, что все идетъ отлично и что онъ дѣйствуетъ въ полной согласованности съ Временнымъ Правительствомъ, что, когда поздно вечеромъ 26 Августа (8 Сентября) я зашелъ къ нему въ кабинетъ что-то доложить, я засталъ его за составленіемъ проекта списка будущихъ министровъ.

— «Вотъ я составляю проектъ состава будущаго кабинета. Къ пріѣзду Керенскаго и Савинкова я рѣшилъ все это подготовить и съ ними столковаться. Но я буду радъ, если меня избавятъ отъ необходимости принять диктаторскія полномочія. Будетъ, пожалуй, много лучше, если будетъ образовано мощное правительство въ составѣ 3—4 лицъ, со включеніемъ, конечно, въ него и меня — какъ Верховнаго Главнокомандующаго».

Въ тотъ же вечеръ генералъ Корниловъ послалъ въ Москву телеграмму предсѣдателю Государственной Думы Родзянко, прося его, вмѣстѣ съ другими общественными дѣятелями, пріѣхать въ Ставку къ утру 28 Августа (10 Сентября).

Но, конечно, когда развернулись послѣдующія событія, никто изъ общественныхъ дѣятелей, такъ горячо поддержавшихъ Корнилова въ Москвѣ на Государственномъ Совѣщаніи, въ Ставку не пріѣхалъ.

27 Августа (9 Сентября), въ 7 часовъ утра, ко мнѣ пришелъ генералъ-квартирмейстеръ, генералъ Романовскій, и принесъ телеграмму, адресованную генералу Корнилову и мнѣ.

Въ телеграммѣ указывалось, что генералъ Корниловъ освобождается отъ должности Верховнаго Главнокомандующаго, что ему надлежитъ немедленно прибыть въ Петроградъ, а мнѣ предлагается временно вступить въ исполненіе должности Верховнаго Главнокомандующаго.

Телеграмма была подписана просто «Керенскій» и была даже безъ номера.

Я пошелъ къ генералу Корнилову.

Эта телеграмма для Главнокомандующаго была страшнымъ ударомъ.

Рушилась надежда на спасеніе арміи, на спасеніе родины.

Ясно стало, что Керенскій, отстраняя Корнилова, пойдетъ дальше по пути соглашательства съ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ;

ясно стало, что большевики возьмутъ верхъ и все, еще не развалившееся въ арміи и государственномъ механизмѣ, окончательно рухнетъ.

Генералъ Корниловъ, прочитавъ телеграмму, спросилъ меня: «что же Вы предполагаете дѣлать?»

Я на это отвѣтилъ, что считаю для себя совершенно невозможнымъ принимать должность Верховнаго Главнокомандующаго и сейчасъ составлю отвѣтную телеграмму.

Корниловъ мнѣ сказалъ:

«Да, обстановка такова, что я долженъ оставаться на своемъ посту до конца.

Я долженъ добиться, чтобы Временное Правительство провело въ жизнь мои требованія.

Пошлите сейчасъ же телеграмму Крымову, чтобы онъ ускорилъ сосредоточеніе своихъ войскъ къ Петрограду».

Я послалъ предсѣдателю Временнаго Правительства телеграмму, въ которой указалъ:

Что всѣ, близко стоящіе къ военному дѣлу, отлично сознавали, что, при создавшейся обстановкѣ и при фактическомъ руководствѣ и направленіи внутренней политики безотвѣтственными организаціями, а также громаднаго, разлагающаго вліянія этихъ организацій на армію, послѣднюю возсоздать не удастся, а, наоборотъ, армія, какъ таковая, должна окончательно развалиться черезъ 2-3 мѣсяца и тогда Россія принуждена будетъ заключить позорный сепаратный миръ, послѣдствія котораго будутъ для нея ужасны; — что правительство принимало полумѣры, которыя, ничего не исправляя, лишь затягивали агонію и, спасая революцію, не спасали Россію; — что для спасенія Россіи, прежде всего, необходимо создать дѣйствительно сильную власть и оздоровить тылъ; — что генералъ Корниловъ предъявилъ рядъ требованій, проведеніе коихъ въ жизнь затягивалось; — что генералъ Корниловъ, не преслѣдуя никакихъ честолюбивыхъ замысловъ, считалъ необходимымъ, принять болѣе рѣшительныя мѣры, которыя обезпечили бы водвореніе порядка въ арміи и странѣ; — что пріѣздъ Савинкова и Львова, сдѣлавшихъ предложеніе генералу Корнилову въ томъ же смыслѣ отъ его имени (Керенскаго), лишь заставили принять окончательное рѣшеніе, отмѣнять которое уже поздно.

Закончилъ я такъ:

«Почитаю долгомъ совѣсти, имѣя въ виду лишь пользу родины, опредѣленно Вамъ заявить, что теперь остановить начатое, съ Вашего одобренія, дѣло не возможно; это поведетъ лишь къ гражданской войнѣ, окончательному разложенію арміи и позорному сепаратному миру . . .

Ради спасенія Россіи Вамъ необходимо идти съ генераломъ Корниловымъ, а не смѣщать его . . .

Я лично не могу принять на себя отвѣтственность за армію, хотя бы на короткое время, и не считаю возможнымъ принимать должность отъ генерала Корнилова . . .»

Черезъ нѣсколько времени послѣ отправки этой телеграммы управляющій военнымъ министерствомъ, Савинковъ, вызвалъ генерала Корнилова къ прямому проводу и имѣлъ съ нимъ длинное объясненіе, заявивъ, что соображенія, изложенныя въ телеграммѣ генерала Лукомскаго, не соотвѣтствуютъ

истинѣ и являются клеветой на него, Савинкова, не предлагавшаго никакихъ политическихъ комбинацій. *

Далѣе Савинковъ упрекнулъ Корнилова въ томъ, что послѣдній стремится къ диктатурѣ изъ личныхъ цѣлей; въ преступленіи противъ родины, заключающемся въ томъ, что онъ содѣйствуетъ торжеству императора Вильгельма, открывая фронтъ; въ томъ, что не онъ, Савинковъ, виноватъ, что ему не удалось сблизить Корнилова съ демократіей.

Въ заключеніе онъ обратился къ патріотизму и чувству долга генерала Корнилова, приглашая его, подчиниться приказанію Временнаго Правительства и сдать должность Верховнаго Главнокомандующаго.

Генералъ Корниловъ отвѣтилъ, что ему не приходится учиться чувству долга и преданности къ родинѣ у кого либо изъ членовъ Временнаго Правительства, что эту преданность онъ доказалъ неоднократно; что именно созваніе своего долга передъ родиной налагаетъ на него тяжелую и отвѣтственную обязанность, остаться на своемъ посту.

Вмѣстѣ съ этимъ, отвергая мысль о какихъ либо личныхъ честолюбивыхъ замыслахъ, Корниловъ устанавливалъ, что къ Керенскому не онъ посылалъ Львова, а послѣдній самъ явился въ качествѣ посланца министра-предсѣдателя, предлагавшаго, въ числѣ прочихъ комбинацій, ту, при которой главнымъ объединяющимъ лицомъ былъ бы онъ, Корниловъ.

Савинковъ призналъ, что посредничество Львова было несчастнымъ.

Однако приказаніе Временнаго Правительства объ оставленіи генераломъ Корниловымъ своего поста не было отмѣнено, несмотря на признаніе Савинковымъ возможнаго недоразумѣнія, на коемъ оно было основано.

28 Августа (10 Сентября) постъ Верховнаго Главнокомандующаго былъ предложенъ главнокомандующему сѣвернаго фронта, генералу Клембовскому, съ указаніемъ, что ему надлежитъ оставаться въ Псковѣ.

Генералъ Клембовскій, придравшись къ этому указанію, отъ предложенія отказался, указавъ, что изъ Пскова управлять невозможно.

Всѣ главнокомандующіе и многіе изъ командующихъ арміями выразили свою солидарность съ генераломъ Корниловымъ, пославъ объ этомъ телеграммы Керенскому и въ Ставку.

28 Августа (10 Сентября) генералъ Корниловъ всюду, по телеграфу, приказалъ разослать слѣдующее воззваніе:

«Я, верховный главнокомандующій Корниловъ, передъ лицомъ всего народа объявляю, что долгъ солдата, самоотверженность гражданина свободной Россіи и беззавѣтная любовь къ родинѣ заставили меня въ эти тяжелыя минуты бытія отечества не подчиниться приказанію Временнаго Правительства и оставить за собой верховное командованіе арміей и флотомъ. Поддержанный въ этомъ рѣшеніи всѣми главнокомандующими фронта, —

---

* Ясно, что Савинковъ, не достаточно вдумавшись, мои выраженія въ телеграммѣ: «пріѣздъ Савинкова и Львова, сдѣлавшихъ предложеніе генералу Корнилову въ томъ же смыслѣ отъ Вашего имени, лишь заставилъ генерала Корнилова . . .», и «Ваша сегодняшняя телеграмма указываетъ, что рѣшеніе, принятое прежде Вами и сообщенное отъ Вашего имени Савинковымъ и Львовымъ, теперь измѣнилось . . .» — понялъ въ томъ смыслѣ, что я указываю, что онъ, какъ и Львовъ, дѣлалъ предложеніе Корнилову о переустройствѣ власти.

Между тѣмъ, я имѣлъ въ виду два совершенно различныхъ предложенія: Львова — о переустройствѣ власти и Савинкова — о посылкѣ къ Петрограду коннаго корпуса для подавленія ожидаемаго выступленія большевиковъ.

я заявляю всему народу русскому, что предпочитаю смерть устраненію меня отъ должности верховнаго главнокомандующаго. Истинный сынъ народа русскаго всегда погибаетъ на своемъ посту и несетъ въ жертву родинѣ самое большое, что онъ имѣетъ — свою жизнь.

Въ эти, поистинѣ, ужасныя минуты существованія отечества, когда подступы къ обѣимъ столицамъ почти открыты для побѣдоноснаго движенія торжествующаго врага, — Временное Правительство, забывъ великій вопросъ самого независимаго существованія страны, кидаетъ въ народъ призрачный страхъ контръ-революціи, которую оно само, своимъ неумѣніемъ къ управленію, своей слабостью во власти, своей нерѣшительностью въ дѣйствіяхъ, — вызываетъ къ скорѣйшему воплощенію.

Не мнѣ, кровному сыну своего народа, всю жизнь свою на глазахъ всѣхъ отдавшему на беззавѣтное служеніе ему, — не стоять на стражѣ великихъ свободъ великаго будущаго своего народа. Но нынѣ — будущее это — въ слабыхъ, безвольныхъ рукахъ. Надменный врагъ, посредствомъ подкупа и предательства, распоряжается у насъ, какъ у себя дома, несетъ гибель не только свободѣ, но и существованію народа русскаго. Очнитесь, люди русскіе, отъ безумія, ослѣпленія и вглядитесь въ бездонную пропасть, куда стремительно идетъ наша родина.

Избѣгая всякихъ потрясеній, предупреждая какое либо пролитіе русской крови, междуусобной брани и забывая всѣ обиды и оскорбленія, я, передъ лицомъ всего народа, обращаюсь къ Временному Правительству и говорю:

Пріѣзжайте ко мнѣ въ Ставку, гдѣ свобода ваша и безопасность обезпечены моимъ честнымъ словомъ и, совмѣстно со мной, выработайте и образуйте такой составъ народной обороны, который, обезпечивая свободу, велъ бы народъ русскій къ великому будущему, достойному могучаго свободнаго народа. Генералъ Корниловъ».

Но Керенскому, который уже шелъ рука объ руку съ Петроградскимъ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, примиреніе съ Корниловымъ было не нужно.

Онъ всюду разослалъ телеграммы съ указаніемъ, что Корниловъ прислалъ къ нему члена Государственной Думы Владиміра Львова съ требованіемъ предоставить ему (Корнилову) диктаторскія права.

Корниловъ, я, Романовскій, а затѣмъ Деникинъ и Марковъ * были объявлены измѣнниками и предателями родины, и состоялся приказъ о преданіи насъ суду.

Керенскій, сообщая объ этомъ по телеграфу «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ», указалъ, что никакое изъ нашихъ распоряженій не должно исполняться.

Я тогда послалъ телеграмму г. Керенскому съ запросомъ, чьи же оперативныя распоряженія должны исполняться на фронтѣ. Я указалъ, что перерыва въ преемственности власти быть не можетъ, что теперь дѣлаются

---

* Генералъ Деникинъ былъ въ это время главнокомандующимъ юго-западнаго фронта; генералъ Марковъ былъ у него начальникомъ штаба.

Смѣщеніе генераловъ Деникина и Маркова съ должностей, а затѣмъ арестъ и преданіе суду были вызваны рѣзкой телеграммой за ихъ подписью на имя Керенскаго, въ которой они указывали на недопустимость и преступность смѣщенія генерала Корнилова съ должности верховнаго главнокомандующаго.

распоряженія относительно усиленія сѣвернаго фронта и что обстоятельства могутъ потребовать отдачу и иныхъ распоряженій.

Въ отвѣтъ на это послѣдовало новое распоряженіе («всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ»), что оперативныя распоряженія генерала Корнилова и отдаваемыя его именемъ — обязательны къ исполненію.

Получилось довольно пикантное положеніе, при которомъ Временное Правительство, объявивъ людей измѣнниками и предателями, указываетъ на необходимость исполнять ихъ распоряженія.

Генералъ Корниловъ, возмущенный содержаніемъ предыдущей телеграммы Керенскаго, разослалъ свою:

«Телеграмма министра-предсѣдателя во всей своей первой части является сплошной ложью: не я посылалъ члена Государственной Думы, Владиміра Львова, къ Временному Правительству, а онъ пріѣзжалъ ко мнѣ, какъ посланецъ министра-предсѣдателя; тому свидѣтель членъ 1-й Государственной Думы Аладьинъ. Такимъ образомъ, совершилась великая провокація, каковая ставитъ на карту судьбу отечества.

Русскіе люди, великая родина наша погибаетъ, близокъ часъ кончины.

Вынужденный выступить открыто, я, генералъ Корниловъ, заявляю, что Временное Правительство, подъ давленіемъ большевистскаго большинства Совѣтовъ дѣйствуетъ въ полномъ согласіи съ планами германскаго генеральнаго штаба и, одновременно съ предстоящей высадкой вражескихъ силъ на Рижскомъ побережьѣ, убиваетъ армію и потрясаетъ страну. Тяжелое сознаніе неминуемой гибели страны повелѣваетъ мнѣ, въ эти грозныя минуты, призвать всѣхъ русскихъ людей къ спасенію умирающей родины.

Всѣ, у кого бьется русское сердце, кто вѣритъ въ Бога, въ храмъ, молите Господа о явленіи величайшаго чуда, чуда спасенія родимой земли.

Я, генералъ Корниловъ, сынъ крестьянина и казака, заявляю всѣмъ и каждому, что лично мнѣ ничего не надо, кромѣ сохраненія Великой Россіи, и клянусь довести народъ путемъ побѣды надъ врагомъ до Учредительнаго Собранія, на которомъ онъ самъ рѣшитъ свою судьбу и выберетъ укладъ своей новой государственной жизни.

Предать же Россію въ руки ея исконнаго врага, германскаго племени, и сдѣлать русскій народъ рабомъ нѣмцевъ я не могу, не въ силахъ, и предпочитаю умереть на полѣ чести и брани, чтобы не видѣть позора и срама русской земли.

Русскій народъ — въ твоихъ рукахъ жизнь твоей страны. Генералъ Корниловъ».

Почти одновременно съ этимъ обращеніемъ былъ отданъ генераломъ Корниловымъ слѣдующій приказъ по арміи и флоту:

«Я, Верховный Главнокомандующій генералъ Корниловъ, объясняю всѣмъ ввѣреннымъ мнѣ арміямъ въ лицѣ ихъ командного состава, комиссаровъ и выборныхъ организацій — смыслъ происшедшихъ событій.

Мнѣ извѣстно изъ документальныхъ данныхъ донесеній контръ-развѣдки, перехваченныхъ телеграммъ и личныхъ наблюденій нижеслѣдующее:

1) Взрывъ въ Казани, гдѣ погибло болѣе милліона снарядовъ и 12.000 пулеметовъ, произошелъ при несомнѣнномъ участіи германскихъ агентовъ.

2) На организацію разрухи рудниковъ и заводовъ Донецкаго бассейна и Юга Россіи — Германіей истрачены милліоны рублей.

3) Контръ-развѣдка изъ Голландіи доноситъ:

а) На дняхъ намѣченъ одновременный ударъ на всемъ фронтѣ съ цѣлью заставить дрогнуть и бѣжать нашу разваливающуюся армію.

б) Подготовлено возстаніе Финляндіи.

в) Предполагаются взрывы мостовъ на Днѣпрѣ и Волгѣ. Организуется возстаніе большевиковъ въ Петроградѣ.

4) 3/16 Августа въ Зимнемъ Дворцѣ, на засѣданіи совѣта министровъ, Керенскій и Савинковъ лично просили меня быть осторожнѣе и не говорить всего, такъ какъ въ составѣ министровъ есть люди ненадежные и не вѣрные.

5) Я имѣю основаніе тяжко подозрѣвать измѣну и предательство въ составѣ различныхъ безотвѣтственныхъ организацій, работающихъ на нѣмецкія деньги и вліяющихъ на работу правительства.

6) Въ связи съ вышеизложеннымъ и въ полномъ согласіи съ управляющимъ военнымъ министерствомъ, Савинковымъ, пріѣзжавшимъ въ Ставку 24 Августа (6 Сентября), былъ разработанъ и принятъ рядъ мѣръ для подавленія большевистскаго движенія въ Петроградѣ.

7) 25 Августа ко мнѣ былъ присланъ членъ Думы Львовъ и имѣла мѣсто историческая провокація.

У меня не могло быть сомнѣнія въ томъ, что безотвѣтственное вліяніе взяло верхъ въ Петроградѣ и родина подведена къ краю могилы.

Въ такія минуты не разсуждаютъ — я принялъ извѣстное вамъ рѣшеніе, спасти отечество, или умереть на своемъ посту.

Вамъ хорошо извѣстна моя прошлая жизнь и я заявляю, что ни прежде, ни нынѣ у меня нѣтъ ни личныхъ желаній, ни личныхъ цѣлей и стремленій, а только одна задача, одинъ подвигъ жизни — спасти родину — и къ этому я зову васъ всѣхъ и въ обращеніи къ народу звалъ и Временное Правительство, — пока я отвѣта не имѣю.

Должности верховнаго главнокомандующаго я не сдалъ, такъ какъ никто изъ генераловъ ее не принимаетъ, а потому приказываю всему составу арміи и флота, отъ главнокомандующихъ до послѣдняго солдата, всѣмъ комиссарамъ, всѣмъ выборнымъ организаціямъ — сплотиться въ эти роковыя минуты жизни отечества воедино и всѣ силы свои безъ мысли о себѣ отдать дѣлу спасенія родины.

А для этого, въ полномъ спокойствіи, оставаться на фронтѣ и грудью противостоять предстоящему натиску врага.

Честнымъ словомъ офицера и солдата еще разъ завѣряю, что я, генералъ Корниловъ, сынъ простого казака-крестьянина, всею жизнью своею, а не словами, показалъ беззавѣтную преданность родинѣ и свободѣ, что я чуждъ какихъ либо контръ-революціонныхъ замысловъ и стою на стражѣ завоеванныхъ свободъ — при единомъ условіи дальнѣйшаго существованія независимости народа русскаго. Генералъ Корниловъ».

Этотъ приказъ и предыдущая телеграмма показываютъ, что генералъ Корниловъ вѣрилъ въ конечный успѣхъ предпринятаго имъ дѣла.

Онъ не сомнѣвался въ томъ, что выступленіе большевиковъ въ Петроградѣ произойдетъ и не сомнѣвался въ рѣшительности Крымова довести дѣло до конца.

Но никакого выступленія большевиковъ въ Петроградѣ не произошло. Руководители большевиковъ, конечно, поняли, что выступленіе въ это время

для нихъ гибель. Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ объединилъ свою работу съ работой Временнаго Правительства и были приняты мѣры, дабы не допустить корпусъ генерала Крымова подойти къ Петрограду.

На встрѣчу туземной дивизіи была выслана мусульманская депутація.

Въ другія части были посланы различныя делегаціи.

Керенскій обратился къ бывшему въ это время въ Петроградѣ генералу Алексѣеву, чтобы онъ помогъ ликвидировать «наступленіе» генерала Крымова.

Генералъ Алексѣевъ написалъ Крымову записку о томъ, что въ Петроградѣ все спокойно, что никакого выступленія большевиковъ нѣтъ и просилъ его остановить войска и самому немедленно прибыть въ Петроградъ.

Генералъ Крымовъ отдалъ приказъ корпусу впередъ не продвигаться и поѣхалъ въ Петроградъ. *

Генералъ Алексѣевъ направилъ его къ Керенскому.

Въ чемъ заключался ихъ разговоръ, я не знаю; затѣмъ генералъ Крымовъ прошелъ въ канцелярію военнаго министра и застрѣлился.

Передъ смертью онъ написалъ письмо генералу Корнилову и послалъ его съ адъютантомъ.

Письмо было получено Корниловымъ, но съ его содержаніемъ онъ никого не познакомилъ.

Если не ошибаюсь, 30 Августа (12 Сентября) мы узнали, что вся операція генерала Крымова, вслѣдствіе не выступленія большевиковъ, закончилась.

Совѣтъ союза казачьихъ войскъ ** хотѣлъ выступить въ качествѣ посредника между Керенскимъ и Корниловымъ, но изъ этого ничего не вышло.

Вотъ какъ объ этомъ было изложено въ воззваніи войскового атамана Терскаго войска, Караулова, къ Терскому войску:

«Совѣтъ казачьихъ войскъ предложилъ свои услуги Временному Правительству для предотвращенія братоубійственнаго столкновенія, настаивая на необходимости переговорить непосредственно съ Корниловымъ, дабы путемъ откровеннаго разговора съ обѣими сторонами предотвратить дальнѣйшее развитіе запутавшейся «авантюры или рокового недоразумѣнія», какъ охарактеризовалъ А. Ф. Керенскій всю обстановку дѣла въ разговорѣ со мной, Дутовымъ и Аникѣевымъ въ 1—2 часа ночи 29 Августа (11 Сентября).

Сначала Керенскій, съ видимой охотой, согласился на наше предложеніе, но, ко времени нашего предполагавшагося отъѣзда изъ Петрограда въ Ставку, отказалъ намъ въ выдачѣ пропуска на выѣздъ и возвращеніе, чѣмъ поставилъ насъ въ невозможность раскрыть Корнилову глаза на дѣйствительность.

Наша поѣздка не состоялась.

Совѣтъ союза казачьихъ войскъ выразилъ по этому поводу свой протестъ и остановился на твердой увѣренности, что братоубійственное столкновеніе, видимо, не для всѣхъ представляется одинаково опаснымъ, а потому, на запросъ представителей Петроградскаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, за кого идетъ Совѣтъ — за Керенскаго или за

---

* Надо отмѣтить, что, фактически, къ этому времени связь генерала Крымова съ частями его корпуса была потеряна и въ войскахъ уже начались колебанія.

** Казаки отказались послать своихъ депутатовъ въ Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и образовали въ Петроградѣ Совѣтъ союза казачьихъ войскъ.

Корнилова, — Совѣтъ союза казачьихъ войскъ отвѣтилъ: Казаки стоятъ только за отечество и, не желая его гибели въ гражданской войнѣ, участія не будутъ принимать ни съ той, ни съ другой стороны».

Временное Правительство рѣшило ликвидировать Ставку. Съ этой цѣлью въ Минскѣ, при штабѣ Западнаго фронта, былъ организованъ чисто большевистскій карательный отрядъ, который долженъ былъ разгромить Ставку.

Керенскій, какъ намъ сообщили изъ Петрограда, былъ очень воинственно настроенъ и склонялся къ вооруженной карательной экспедиціи.

Но затѣмъ, послѣ настойчивыхъ заявленій со стороны представителей различныхъ общественныхъ организацій и политическихъ группъ, согласился попросить генерала Алексѣева взять на себя задачу уговорить генерала Корнилова сдать ему, генералу Алексѣеву, назначаемому въ Ставку начальникомъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, временно должность Верховнаго Главнокомандующаго и покориться дальнѣйшему рѣшенію Временнаго Правительства.

Генералъ Алексѣевъ принялъ на себя эту миссію.

Поздно вечеромъ 31 Августа (13 Сентября) мнѣ доложили, что меня, изъ Витебска, вызываетъ къ прямому проводу генералъ Алексѣевъ.

Генералъ Алексѣевъ сообщилъ о характерѣ своей миссіи и прибавилъ, что онъ можетъ продолжать путь въ Могилевъ лишь при условіи, если ему я, отъ имени генерала Корнилова, поручусь, что онъ никакихъ непріятностей въ Ставкѣ не будетъ имѣть и что ему будетъ обѣщано, что генералъ Корниловъ и я, какъ начальникъ штаба, сдадимъ ему свои должности и подчинимся его рѣшенію.

Затѣмъ онъ сказалъ, что онъ соглашается принять на себя это, болѣе чѣмъ непріятное, порученіе единственно съ цѣлью, ликвидировать все происшедшее безъ кровопролитія; если-бъ онъ не согласился, то былъ бы посланъ карательный отрядъ, на чемъ и теперь еще продолжаетъ настаивать Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ; что онъ долженъ срочно сообщить въ Петроградъ, согласенъ ли Корниловъ подчиниться рѣшенію Временнаго Правительства и что Керенскій, по глубокому убѣжденію его, Алексѣева, надѣется, что Корниловъ откажется и что тогда будетъ отправленъ отрядъ, прибытіе котораго въ Могилевъ, конечно, вызоветъ кровавое столкновеніе.

Чтобы провѣрить, дѣйствительно ли я по телеграфу говорю съ Алексѣевымъ, я задалъ ему нѣсколько вопросовъ, на которые только онъ одинъ могъ дать мнѣ отвѣты, и, убѣдившись, что со мной дѣйствительно говорилъ Алексѣевъ, пошелъ къ Корнилову.

Генералъ Корниловъ, выслушавъ меня, попросилъ собрать старшихъ чиновъ штаба и нѣсколькихъ другихъ поименно названныхъ имъ лицъ.

Когда всѣ собрались, я вновь передалъ все, что мнѣ сообщилъ Алексѣевъ.

Корниловъ попросилъ всѣхъ высказаться.

У большинства настроеніе было боевое; многіе считали недопустимымъ, подчиниться Временному Правительству послѣ всего того, что произошло; что касается ожидаемаго карательнаго отряда, то высказывались въ томъ смыслѣ, что, при наличіи въ Могилевѣ вѣрныхъ частей, этотъ отрядъ просто будетъ уничтоженъ.

Я категорически высказался противъ возможности дальнѣйшаго сопротивленія; указалъ, что послѣ перваго карательнаго отряда будетъ присланъ новый; что мы отрѣжемъ Ставку отъ фронта и будетъ прекращено управленіе арміи; что, если поступить такъ, какъ предлагается, то мы только сыграемъ въ руку Керенскому; что мы тогда дѣйствительно совершимъ преступленіе передъ родиной и только подтвердимъ, что Керенскій, объявляя насъ предателями, былъ правъ; что теперь надо покориться и требовать суда; при этомъ выяснится, что мы дѣйствительно хотѣли спасти армію и родину и все, что произошло — произошло исключительно вслѣдствіе преступнаго и провокаціоннаго поведенія Керенскаго.

Послѣ моего опредѣленнаго заявленія больше никто не настаивалъ на продолженіи сопротивленія.

Генералъ Корниловъ молчалъ.

Затѣмъ онъ всталъ и, сказавъ мнѣ, чтобы я пришелъ къ нему черезъ часъ, распустилъ совѣщаніе.

Когда я къ нему вновь пришелъ, онъ мнѣ сказалъ:

«Вы правы, дальнѣйшее сопротивленіе было бы и глупо и преступно. Пойдите на телеграфъ и передайте генералу Алексѣеву, что я и Вы ему подчинимся и ему въ Ставкѣ не угрожаютъ никакія непріятности».

Я сейчасъ же все передалъ генералу Алексѣеву.

1/14 Сентября генералъ Алексѣевъ прибылъ въ Ставку; сначала онъ прошелъ къ генералу Корнилову, а затѣмъ пришелъ ко мнѣ.

Онъ мнѣ сказалъ, что согласился принять должность начальника штаба верховнаго главнокомандующаго при непремѣнномъ условіи немедленнаго проведенія въ жизнь всѣхъ требованій Корнилова.

Что Керенскій обѣщалъ и что онъ будетъ идти по пути, начертанному Корниловымъ, и надѣется спасти армію и добиться возможности продолжать войну.

Я на это сказалъ:

«Неужели, Михаилъ Васильевичъ, Вы вѣрите Керенскому? Неужели Вы допускаете, что онъ Вамъ это говорилъ искренно? Развѣ Вы не видите, что теперь у Керенскаго, пока его самого не свергнули, одинъ только путь — это путь соглашенія съ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Васъ послали сюда и Вамъ предложили пость начальника штаба верховнаго главнокомандующаго только потому, что надо было исполнить требованіе общественнаго мнѣнія и что Вы, пожалуй, единственный человѣкъ, который могъ ликвидировать Ставку безъ кровопролитія.

Я убѣжденъ, что и Вы непріемлемы для Керенскаго; Вы здѣсь пробудете не долго».

Генералъ Корниловъ, которому генералъ Алексѣевъ также довольно оптимистично высказывался относительно будущаго, сказалъ ему:

«Вамъ трудно будетъ выйти съ честью изъ положенія. Вамъ придется идти по грани, которая отдѣляетъ честнаго человѣка отъ безчестнаго. Малѣйшая Ваша уступка Керенскому — толкнетъ Васъ на безчестный поступокъ.

Думать же, что Керенскій, который теперь, конечно, въ рукахъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, пойдетъ на выполненіе всѣхъ моихъ требованій — не приходится.

Въ лучшемъ случаѣ — или Вы сами уйдете, или Васъ попросятъ уйти.»

Вечеромъ 1/14 Сентября я былъ на квартирѣ у 2-го генералъ-квартирмейстера, полковника Плющевскаго-Плющика. Во время ужина мнѣ передали по телефону, что генералъ Алексѣевъ меня вызываетъ на мою квартиру, такъ какъ у него ко мнѣ есть срочное дѣло.

Я поѣхалъ въ штабъ — гдѣ жилъ.

Генералъ Алексѣевъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ получилъ приказаніе отъ Временнаго Правительства арестовать Корнилова, меня и Романовскаго и что онъ проситъ меня оставаться на квартирѣ, считаясь арестованнымъ.

Черезъ два дня Корнилову и мнѣ было объявлено, что всѣхъ арестованныхъ приказано перевести въ гостинницу «Метрополь», а наши помѣщенія очистить къ ожидаемому пріѣзду въ Ставку новаго верховнаго главнокомандующаго — Керенскаго.

* *
*

Въ гостинницѣ «Метрополь» размѣстили насъ довольно сносно.

Арестованныхъ было много.

Кромѣ главныхъ — Корнилова, меня и Романовскаго, арестовали еще товарища министра путей сообщеній Кислякова, 2-го генералъ-квартирмейстера Плющевскаго-Плющика, члена 1-й Государственной Думы Аладьина, нѣсколькихъ офицеровъ генеральнаго штаба и весь составъ исполнительнаго комитета союза офицеровъ, находящійся въ Могилевѣ.

Въ Бердичевѣ были арестованы главнокомандующій юго-западнаго фронта Деникинъ, его начальникъ штаба Марковъ, командующіе арміями Эрдели и Вавновскій и съ ними еще нѣсколько человѣкъ.

Для разслѣдованія нашего дѣла была назначена слѣдственная комиссія, подъ предсѣдательствомъ главнаго военнаго прокурора Шабловскаго. Членами этой комиссіи были назначены военные слѣдователи, полковники Украинцевъ и Раупахъ.

Внутреннюю охрану нашего арестнаго помѣщенія несъ Текинскій конный полкъ.

Надо сказать, что генералъ Корниловъ, говорившій по-текински, пользовался громадной популярностью въ полку; его текинцы называли: «нашъ бояръ».

Первоначально для охраны насъ хотѣли назначить Георгіевскій полкъ, но текинцы предъявили категорическое требованіе, чтобы внутреннюю охрану предоставили имъ.

Въ этомъ отношеніи намъ помогъ предсѣдатель слѣдственной комиссіи, Шабловскій, настоявшій, чтобы противъ непосредственной охраны насъ текинцами не возражали.

Охрана отъ Георгіевскаго полка выставлялась снаружи помѣщенія.

Послѣ первыхъ же допросовъ, произведенныхъ членами слѣдственной комиссіи, выяснилось, что всѣ они относятся къ намъ въ высшей степени благожелательно.

Отъ нихъ же мы узнали, что Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ настаиваетъ на самомъ срочномъ производствѣ слѣдствія и преданія насъ военно-полевому суду; что Керенскій также считаетъ, что мы подлежимъ

военно-полевому суду; что слѣдственная комиссія постарается затянуть слѣдствіе, насколько только это будетъ возможно и будетъ настаивать на гласномъ нормальномъ судѣ.

Для насъ, конечно, было понятно, что и для Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, и для г-на Керенскаго совсѣмъ не улыбается доводить дѣло до нормальнаго суда, на которомъ выяснится вся истина.

Для нихъ нуженъ былъ скорѣйшій надъ нами военно-полевой судъ и разстрѣлъ.

Насъ, въ первые дни послѣ нашего ареста, спасло то, что мы были арестованы въ двухъ группахъ: въ Могилевѣ и въ Бердичевѣ.

Нужно было, все же, предварительно допросить на мѣстахъ, не соединяя арестованныхъ вмѣстѣ. А на это требовалось время, и слѣдственная комиссія не спѣшила.

Въ это же время во всей печати была поднята кампанія противъ предполагавшагося преданія насъ военно-полевому суду и появился рядъ статей, объяснявшій дѣйствительный смыслъ всего того, что произошло.

Керенскому не считаться съ этимъ было трудно.

Но все же, до самаго конца пребыванія своего у власти, онъ проводилъ мысль о необходимости судить насъ военно-полевымъ судомъ.

Это мы знали отъ членовъ слѣдственной комиссіи.

Между тѣмъ, пребываніе наше въ Могилевѣ стало волновать Могилевскій и Петроградскій Совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Дѣло въ томъ, что въ Могилевѣ находился Корниловскій ударный полкъ.

Этотъ полкъ былъ сформированъ изъ добровольцевъ на фронтѣ, въ VIII-й арміи, когда ею командовалъ генералъ Корниловъ.

Полкъ былъ въ блестящемъ порядкѣ, подъ начальствомъ, душою и сердцемъ преданнаго генералу Корнилову, капитана генеральнаго штаба Нѣженцова. По одному знаку генерала Корнилова полкъ пошелъ бы куда угодно.

Ежедневно, около 12 часовъ дня, полкъ, возвращаясь съ ученія, проходилъ передъ гостинницей «Метрополь» и привѣтствовалъ криками «Ура» генерала Корнилова, подходившаго къ окну.

Всѣмъ было ясно, что если-бъ генералъ Корниловъ захотѣлъ, то, съ помощью Корниловскаго и Текинскаго полковъ, онъ могъ бы не только, когда угодно, уйти изъ-подъ ареста, но и арестовать прибывшаго въ Ставку г. Керенскаго.

Было рѣшено, насъ перевести въ Быховъ, а Корниловскій полкъ отправить на юго-западный фронтъ.

Командиру полка, явившемуся за приказаніями къ своему шефу, генералъ Корниловъ далъ указаніе подчиниться распоряженію Ставки, сказавъ, что за безопасность его и всѣхъ насъ, при наличіи текинцевъ, безпокоиться не приходится.

Во время нашего пребыванія въ гостинницѣ «Метрополь» ко мнѣ попросилъ разрѣшеніе зайти братъ жены Керенскаго, генеральнаго штаба генералъ Барановскій, бывшій у меня, въ дивизіи на фронтѣ, начальникомъ штаба, а въ этотъ періодъ бывшій начальникомъ канцеляріи у Керенскаго.

Когда онъ пришелъ, я его спросилъ: «Что можете сказать, Владиміръ Львовичъ?»

— «Могу только повторить то, что уже сказано генераломъ Корниловымъ, то-есть что все произошло вслѣдствіе провокаціи Керенскаго».

Передъ нашимъ переводомъ изъ Могилева въ Быховъ, по постановленію предсѣдателя слѣдственной комиссіи Шабловскаго, было освобождено значительное число арестованныхъ, никакого активнаго участія въ Корниловскомъ выступленіи не принимавшихъ.

Изъ старшихъ чиновъ были освобождены — начальникъ военныхъ сообщеній генералъ Тихменевъ и 2-й генералъ-квартирмейстеръ полковникъ Плющевскій-Плющикъ.

Въ Быховъ были переведены:

Генералъ Корниловъ, я, генералъ Романовскій, генералъ Кисляковъ, членъ 1-й Государственной Думы Аладьинъ, капитанъ Брагинъ, полковникъ Пропинъ, прапорщикъ Никитинъ, г. Никифоровъ (за статьи, помѣщенныя въ печати противъ Временнаго Правительства), г. Александровъ, полковникъ Новосильцевъ, есаулъ Родіоновъ (авторъ извѣстнаго романа «Наше преступленіе»), капитанъ Соетсъ, полковникъ Расянскій и подполковникъ Роженко.

Кромѣ переведенныхъ изъ Могилева, въ Быховъ было доставлено еще нѣсколько арестованныхъ за сочувствіе Корнилову (въ томъ числѣ бывшій членъ Государственнаго Совѣта, Римскій-Корсаковъ); но ихъ скоро выпустили на свободу.

Въ Быховѣ насъ помѣстили въ зданіи стараго католическаго монастыря. Зданіе было очень мрачное, комнаты низкія со сводчатымъ потолкомъ. Только генералъ Корниловъ и я имѣли по отдѣльной комнатѣ; остальные помѣщались по 2-3 человѣка въ комнатѣ.

Одна большая комната была отведена подъ столовую, куда мы собирались къ чаю, обѣду и ужину.

Прогулка намъ разрѣшалась два раза въ день во дворѣ, вокругъ костела. Впослѣдствіи, для нашихъ прогулокъ, отвели большой садъ, примыкавшій къ дому, въ которомъ мы помѣщались.

Охрана внутри зданія несласъ текинцами, полъ эскадрона которыхъ помѣщался въ самомъ зданіи. Наружная охрана неслась ротой Георгіевскаго полка.

Оффиціально мы все время, кромѣ необходимаго на пищу и отводимаго для прогулокъ, должны были сидѣть по своимъ комнатамъ; но, въ дѣйствительности, внутри зданія мы пользовались полной свободой и ходили, когда хотѣли, одинъ къ другому.

Денежнаго содержанія мы были лишены; но пищу намъ разрѣшено было готовить на казенный счетъ такую же, какъ давали въ офицерскихъ собраніяхъ. Изъ Ставки въ Быховъ былъ присланъ поваръ и насъ кормили вполнѣ удовлетворительно.

Сношеніе съ внѣшнимъ міромъ оффиціально было воспрещено; но такъ какъ комендантомъ былъ назначенъ помощникъ командира Текинскаго полка, человѣкъ вполнѣ преданный Корнилову, онъ докладывалъ о всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Быховъ и желавшихъ насъ видѣть, и къ намъ допускались всѣ тѣ, которыхъ мы хотѣли видѣть.

Вслѣдствіе этого очень скоро наладилась прочная связь съ Петроградомъ, Москвой и Могилевымъ и мы были въ курсѣ всего того, что происходитъ и вели переписку съ нужными для насъ лицами.

Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго также освѣдомлялъ насъ по всѣмъ насъ интересующимъ вопросамъ.

Было разрѣшено нашимъ женамъ поселиться въ Быховѣ и посѣщать насъ ежедневно отъ 10 часовъ утра до 6 часовъ вечера.

Такимъ образомъ, жизнь наша устроилась совершенно сносно и мы спокойно ожидали окончанія слѣдствія и преданія насъ гласному суду.

Но, недѣли черезъ полторы—двѣ, отъ предсѣдателя и членовъ слѣдственной комиссіи, мы узнали, что комитетъ юго-западнаго фронта, Бердичевскій Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и комиссаръ юго-западнаго фронта — категорически протестуютъ противъ перевода изъ Бердичева въ Быховъ генерала Деникина и другихъ арестованныхъ съ нимъ, и требуютъ немедленнаго преданія ихъ военно-полевому суду въ Бердичевѣ; что Керенскій колеблется и видимо склоненъ согласиться; что въ Могилевъ вызванъ комиссаръ юго-западнаго фронта и прокуроръ, и вопросъ долженъ окончательно разрѣшиться въ ближайшіе дни.

Предсѣдатель слѣдственной комиссіи сказалъ, что онъ сдѣлаетъ все, чтобы соединить Бердичевскихъ заключенныхъ съ нами и надѣется, что это ему удастся; но не скрылъ отъ насъ, что положеніе серьезное.

Дѣйствительно, первоначальное раздѣленіе насъ на двѣ группы было для насъ, какъ я уже отмѣтилъ, выгодно, давая возможность затянуть слѣдствіе и оттянуть рѣшеніе о назначеніи суда; но дальнѣйшее оставленіе въ Бердичевѣ Деникина и другихъ съ нимъ арестованныхъ — было болѣе, чѣмъ опасно. Охраны надежной тамъ не было и мѣстныя революціонныя власти требовали немедленнаго военно-полевого суда; оставленіе арестованныхъ въ Бердичевѣ, при объявленіи, что они не подлежатъ военно-полевому суду, грозило имъ самосудомъ озвѣрѣвшей толпы.

Наконецъ, благодаря исключительной энергіи предсѣдателя слѣдственной комиссіи, Шабловскаго, Бердичевскіе узники были доставлены въ Быховъ. *

Изъ Бердичева въ Быховъ были привезены: генералы — Деникинъ, Марковъ, Ванновскій, Эрдели, Эльснеръ и Орловъ, капитанъ Клецанда (чехъ) и чиновникъ Будиловичъ.

Когда арестованныхъ привезли съ вокзала къ нашему мѣсту заключенія — мы вышли въ переднюю ихъ встрѣтить.

Вмѣсто радостно настроенныхъ, какими мы ожидали ихъ увидѣть, мы, въ первую минуту, встрѣтили группу мрачныхъ лицъ, которыя даже какъ-то насъ сторонились и спѣшили пройти внутрь помѣщенія.

Затѣмъ это ихъ настроеніе разъяснилось.

Оказывается, что въ Бердичевѣ, все послѣднее время, они жили подъ угрозой постояннаго самосуда, подвергаясь непрерывнымъ оскорбленіямъ и издѣвательствамъ черни, настроенной агитаторами.

Ихъ путь изъ тюрьмы въ Бердичевѣ до вокзала — былъ по истинѣ крестнымъ путемъ.

Охрана изъ юнкеровъ едва ихъ отбивала отъ озвѣрѣвшей толпы, сопровождавшей ихъ до вокзала и требовавшей самосуда.

---

* Какъ мнѣ впослѣдствіи говорилъ одинъ изъ членовъ слѣдственной Комиссіи, полковникъ Украинцовъ, на засѣданіи въ Могилевѣ, Шабловскому стоило громадныхъ усилій добиться отъ Керенскаго, чтобы послѣдній согласился признать, что Бердичевскіе арестованные не могутъ быть въ Бердичевѣ преданы военно-полевому суду и должны быть доставлены въ Быховъ.

Въ нихъ бросали каменьями и комьями грязи. У бѣднаго генерала Орлова было разбито все лицо, а у другихъ чувствовались послѣдствія ударовъ на различныхъ частяхъ тѣла.

Отъ Бердичева до Быхова ихъ сопровождала делегація Бердичевскаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, которой было поручено провѣрить, какъ будутъ содержаться арестованные въ Быховѣ и сдѣлать докладъ Совѣту.

Бердичевскіе узники едва вѣрили, что остались цѣлы и, предполагая, что и наше положеніе аналогично ими испытанному въ Бердичевѣ, были удивлены, что мы такъ свободно себя держимъ и опасались, что если это увидятъ соглядатаи изъ Бердичева, то будутъ непріятности.

Но Бердичевскую делегацію наша охрана, конечно, не допустила даже во дворъ зданія, а когда кто-то изъ делегатовъ сталъ настойчиво требовать, чтобы ихъ допустили — текинцы пригрозили нагайками и они принуждены были уйти.

На другой день, во время нашей утренней прогулки, Бердичевская делегація подошла къ рѣшеткѣ садика и начала дѣлать какія-то замѣчанія. Начальникъ караула вышелъ съ двумя текинцами и ихъ отогналъ, а затѣмъ выставилъ на улицѣ постъ, который никого не подпускалъ къ рѣшеткѣ.

Бердичевская делегація, возмущенная подобнымъ снисходительнымъ содержаніемъ арестованныхъ, разослала во всѣ концы телеграммы, и Петроградскій Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ сталъ настойчиво требовать отъ Керенскаго назначенія другой слѣдственной комиссіи и перевода нашего въ Петропавловскую крѣпость.

Но, благодаря настояніямъ предсѣдателя слѣдственной комиссіи и тому, что общественное мнѣніе было на нашей сторонѣ, эти домогательства были отвергнуты, но въ составъ слѣдственной комиссіи включили двухъ представителей отъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Эти представители оказались порядочными людьми и, познакомившись со слѣдственнымъ производствомъ, согласились съ характеромъ работы слѣдственной комиссіи.

Между тѣмъ, какъ и надо было ожидать, Керенскій, не имѣвшій возможности выполнить всѣхъ обѣщаній, данныхъ Алексѣеву о проведеніи въ жизнь требованій Корнилова, повелъ дѣло такъ, что самъ генералъ Алексѣевъ, видя, что онъ ничего сдѣлать не можетъ, попросилъ, чтобы его освободили отъ должности начальника штаба. Вмѣсто него былъ назначенъ генералъ Духонинъ.

Всѣ свѣдѣнія, къ намъ поступавшія, указывали, что армія окончательно разваливается и надо было ожидать катастрофы со дня на день.

Я писалъ генералу Духонину и генералъ-квартирмейстеру Ставки, генералу Дитрихсу, что надо ожидать паденія Временнаго Правительства, надо быть готовыми, что у власти окажутся большевики.

Я рекомендовалъ подтянуть къ Могилеву нѣсколько надежныхъ частей, дабы Ставка не оказалась въ безпомощномъ положеніи и, въ случаѣ надобности, могла подъ ихъ прикрытіемъ перейти въ Кіевъ.

Казалось, что можно, путемъ сохраненія менѣе развалившихся фронтовъ, именно юго-западнаго и Румынскаго, еще удержать общій фронтъ.

Но для этого, опять-таки, нужны были суровыя и безпощадныя мѣры, а на нихъ «Верховный Главнокомандующій», Керенскій, не шелъ.

Чтобы скрасить однообразно тянувшіеся дни, Быховскіе заключенные попросили Аладьина давать имъ уроки англійскаго языка, а по вечерамъ собирались вмѣстѣ, читали вслухъ, устраивали сообщенія, лекціи.

Газеты были переполнены статьями о нашемъ дѣлѣ. Печатались статьи и за насъ и противъ насъ.

Одну изъ статей, въ которой излагалось мнѣніе бывшаго комиссара при Ставкѣ, Филоненко, о дѣлѣ Корнилова, впослѣдствіи, въ годовщину смерти генерала Корнилова, вспомнилъ генералъ Деникинъ при чествованіи памяти Корнилова:

«Годъ назадъ русская граната, направленная рукою русскаго человѣка, сразила великаго русскаго патріота.

За что? За то ли, что въ дни великихъ потрясеній, когда недавніе рабы склонились передъ новыми владыками, онъ сказалъ имъ гордо и смѣло: уйдите, вы губите русскую землю.

За то ли, что, не щадя жизни, съ горстью войскъ ему преданныхъ, онъ началъ борьбу противъ стихійнаго безумія, охватившаго страну, и палъ поверженный, но не измѣнившій долгу передъ родиной.

За то ли, что крѣпко и мучительно любилъ онъ народъ, его предавшій, его распявшій.

Пройдутъ года, и къ высокому берегу Кубани потекутъ тысячи людей, поклониться праху мученика и творца идеи возрожденія Россіи.

Придутъ и его палачи.

И палачамъ онъ проститъ.

Но одвимъ онъ никогда не проститъ:

Когда Верховный Главнокомандующій томился въ Быховской тюрьмѣ въ ожиданіи Шемякина суда Временнаго Правительства, одинъ изъ разрушителей русской храмины сказалъ: Корниловъ долженъ быть казненъ, но когда это случится, я прійду на могилу, принесу цвѣты и преклоню колѣно передъ русскимъ патріотомъ.

Проклятіе имъ — прелюбодѣямъ слова и мысли. Прочь ихъ цвѣты. Они осквернятъ святую могилу...»

* *
*

25 Октября (7 Ноября) большевики свергли Временное Правительство и захватили власть.

Керенскій бѣжалъ.

Ясно было, что большевики прежде всего ликвидируютъ Ставку, а затѣмъ, дѣйствуя по германской указкѣ, вступятъ въ переговоры съ нѣмцами.

Конечно, одновременно со Ставкой, большевики должны были ликвидировать и насъ.

Положеніе наше стало опаснымъ.

Въ бытность у власти Керенскаго мы могли, если-бъ захотѣли, бѣжать изъ Быхова совершенно свободно. Но мы этого дѣлать не хотѣли, мы хотѣли суда.

Съ появленіемъ же у власти большевиковъ — оставаться въ Быховѣ становилось просто глупо.

Предсѣдателю слѣдственной комиссіи, Шабловскому, было сообщено, что мы просимъ пріѣхать его въ Быховъ. Онъ пріѣхалъ черезъ два дня и сказалъ намъ, что, дѣйствуя вполнѣ законно, основываясь на данныхъ слѣдственнаго производства, онъ, въ ближайшіе дни, освободитъ всѣхъ заключенныхъ, за исключеніемъ Корнилова, Деникина, меня, Романовскаго и Маркова.

И дѣйствительно онъ началъ группами освобождать арестованныхъ, и къ 18 Ноября (1 Декабря) въ Быховѣ насъ осталось всего пять человѣкъ.

Съ 10/23 Ноября большевиками уже подготовлялась экспедиція для ликвидаціи Ставки и насъ.

Во главѣ этой экспедиціи былъ поставленъ Крыленко, назначенный совѣтскимъ правительствомъ верховнымъ главнокомандующимъ.

Я послалъ цѣлый рядъ писемъ Духонину и Дитрихсу, въ которыхъ доказывалъ, что имъ надо перейти въ Кіевъ; что оставаться въ Могилевѣ безполезно и опасно; что Ставка, все равно, будетъ въ ближайшіе дни занята большевиками.

Но меня не послушались.

Генералъ Духонинъ рѣшилъ оставаться въ Могилевѣ. И только 18 Ноября (1 Декабря), получивъ свѣдѣніе о движеніи въ Могилевъ большевистскаго отряда, онъ рѣшилъ выѣхать въ Кіевъ.

Были поданы автомобили и начали на нихъ нагружать болѣе важные и цѣнные документы и дѣла; но мѣстный Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ воспрепятствовалъ отъѣзду; дѣла были частью уничтожены, частью внесены обратно въ штабъ.

Духонинъ рѣшилъ оставаться на своемъ посту до конца...

Около 12 часовъ дня 18 Ноября (1 Декабря), за подписью Духонина, генералу Корнилову была прислана телеграмма, въ которой сообщалось, что большевики приближаются къ Могилеву и что намъ оставаться въ Быховѣ нельзя; что къ 6 часамъ вечера въ Быховѣ будетъ поданъ поѣздъ, на которомъ намъ рекомендуется, взявъ съ собой текинцевъ, отправиться на Донъ.

Когда генералъ Корниловъ намъ сообщилъ содержаніе этой телеграммы, я сказалъ: «ну, далеко на этомъ поѣздѣ мы не уѣдемъ!»

Послѣ обсужденія вопроса о томъ, какъ лучше поступить, все же было рѣшено, этимъ поѣздомъ воспользоваться, взявъ съ собою и текинцевъ; затѣмъ, переодѣвшись въ поѣздѣ въ штатское платье, на ближайшихъ же станціяхъ слѣзть и продолжать путь по одиночкѣ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, большевики насъ выловили бы изъ этого поѣзда.

Къ 6 часамъ вечера мы были готовы къ отъѣзду и текинцы пошли къ станціи на посадку (лошадей, при коноводахъ, рѣшено было оставить въ Могилевѣ).

Но поѣздъ поданъ не былъ, и около 8 часовъ вечера прибылъ къ намъ въ Быховъ генеральнаго штаба полковникъ Кусонскій, доложившій, что, такъ какъ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, отрядъ Крыленко остановится въ Оршѣ, а въ Могилевъ прибудетъ только делегація съ генераломъ Одинцовымъ во главѣ и, слѣдовательно, намъ не угрожаетъ никакой непосред-

ственной опасности, то генералъ Духонинъ отложилъ отправку поѣзда въ Быховъ и намъ немедленно надлежитъ оставаться на мѣстѣ.

Генералы Корниловъ и Деникинъ, въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ, сказали полковнику Кусонскому, что генералъ Духонинъ совершенно не понимаетъ обстановку; что онъ губитъ и себя, и насъ; что мы въ Быховѣ оставаться больше не можемъ и не совѣтуемъ задерживаться въ Могилевѣ генералу Духонину.

Полковникъ Кусонскій уѣхалъ на паровозѣ въ Могилевъ, а генералъ Корниловъ вызвалъ нашего коменданта, разсказалъ ему обстановку и сказалъ, что намъ надо на другой же день, 19 Ноября (2 Декабря), покинуть Быховъ.

Затѣмъ отдалъ распоряженіе немедленно вызвать изъ Могилева оставшійся тамъ одинъ эскадронъ Текинскаго полка, провѣрить, какъ подкованы лошади и быть готовымъ къ выступленію къ вечеру 19 Ноября (2 Декабря).

Послѣ этого мы совмѣстно стали обсуждать планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Генералъ Корниловъ сказалъ, что сдѣлать переходъ верхомъ почти въ 1500 верстъ, въ это время года, полку будетъ трудно; что если мы всѣ пойдемъ съ полкомъ, то это обяжетъ насъ, быть съ нимъ до конца.

Генералъ Корниловъ предложилъ намъ четыремъ (Деникину, мнѣ, Романовскому и Маркову), отправиться въ путь самостоятельно; а онъ съ полкомъ пойдетъ одинъ.

«Теперь я оставить полкъ не могу; я долженъ идти съ текинцами; если же въ пути выяснится необходимость мнѣ отдѣлиться отъ полка, то одинъ я это сдѣлать могу» — закончилъ Корниловъ.

На этомъ мы и порѣшили.

Около 7 часовъ утра 19 Ноября (2 Декабря) къ намъ опять пріѣхалъ полковникъ Кусонскій; онъ сказалъ, что присланъ генералъ-квартирмейстеромъ Дитрихсомъ; что, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, Ставка будетъ занята большевиками, вѣроятно, къ вечеру этого же дня; что Дитрихсъ уѣзжаетъ изъ Ставки и рекомендуетъ намъ немедленно бѣжать.

Кусонскій предложилъ, на своемъ паровозѣ, довезти до Гомеля двухъ изъ насъ.

Мы рѣшили такъ: Романовскому и Маркову ѣхать съ Кусонскимъ, а Деникину и мнѣ пробираться самостоятельно.

Переговоривъ съ генераломъ Деникинымъ, дабы не ѣхать вмѣстѣ, мы рѣшили, что онъ поѣдетъ поѣздомъ на югъ, а я на сѣверъ, черезъ Могилевъ.

Чтобы не подводить охрану Георгіевскаго полка, которая должна была оставаться въ Быховѣ, у насъ были, заготовленные въ Ставкѣ, оффиціальные документы, удостовѣряющіе, что мы освобождаемся изъ-подъ ареста.

Попрощавшись съ генераломъ Корниловымъ и вручивъ коменданту документы объ освобожденіи насъ изъ-подъ ареста, мы отправились на его квартиру.

Тамъ мы переодѣлись.

Романовскій превратился въ прапорщика инженерныхъ войскъ; Марковъ надѣлъ солдатскую форму. Деникинъ и я переодѣлись въ штатское. Я сбрилъ усы и бороду. Соотвѣтствующіе документы и паспорта были приготовлены заранѣе.

Пожелавъ другъ другу счастливаго пути, мы разстались: Романовскій и Марковъ отправились на вокзалъ; Деникинъ остался на квартирѣ комен-

данта въ ожиданіи вечерняго поѣзда, а я, надѣвъ полушубокъ и темные очки, пошелъ въ городъ.

На базарной площади я нанялъ извозчика до женскаго монастыря, находившагося въ 8 верстахъ отъ города.

Доѣхавъ до монастыря, я расплатился съ извозчикомъ и пошелъ въ церковь, гдѣ шла служба.

Помолившись Богу, я вышелъ изъ церкви и, убѣдившись, что извозчикъ уѣхалъ, пошелъ въ деревню, отстоявшую отъ монастыря въ двухъ верстахъ; въ этой деревнѣ стоялъ польскій пѣхотный полкъ.

Пріѣдя въ деревню, и узнавъ гдѣ помѣщается командиръ полка, я прошелъ къ нему и прямо ему сказалъ, что я генералъ, что мнѣ надо спасаться отъ большевиковъ и просилъ его, дать мнѣ перевозочныя средства доѣхать до станціи, находящейся между Быховымъ и Могилевымъ.

Командиръ полка отнесся ко мнѣ крайне внимательно, угостилъ хорошимъ обѣдомъ и далъ подводу доѣхать до ставціи.

Поѣздъ на сѣверъ проходилъ черезъ станцію около 9 часовъ вечера и я около часу прождалъ его прихода. Взялъ билетъ до Витебска.

Проѣзжая Могилевъ, я видѣлъ на станціи ударный батальонъ, который, по требованію Крыленко, генералъ Духонинъ отправилъ въ Гомель.

Въ Оршѣ я рѣшилъ пройти на станцію и выпить воды.

Станція была переполнена матросами. На вокзалѣ, стоя около буфета, я, изъ разговоровъ окружающихъ солдатъ и матросовъ, узналъ, что въ Оршѣ стоитъ поѣздъ Крыленко и передовой эшелонъ отряда, направляемаго для ликвидаціи Ставки; что поѣзда пойдутъ въ Могилевъ сейчасъ же, какъ будетъ получено извѣстіе, что ударный батальонъ, столкновенія съ которымъ опасался Крыленко, будетъ отправленъ въ Гомель. *

Здѣсь на вокзалѣ, съ болью въ сердцѣ, я увидѣлъ безобразную картину: пьяный офицеръ-прапорщикъ сидѣлъ между двумя пьяными же матросами, изъ которыхъ одинъ, обнявъ офицера, запрокидывалъ его голову, а другой вливалъ ему въ ротъ изъ бутылки водку.

Въ Витебскъ поѣздъ пришелъ часа въ 2 ночи.

Вокзалъ былъ переполненъ.

Пройдя въ залъ I класса, я увидѣлъ тамъ нѣсколько знакомыхъ лицъ и, изъ-за опасенія, что меня могутъ узнать, рѣшилъ поѣхать въ городъ и переночевать въ какой-нибудь гостинницѣ.

Поѣздъ на Смоленскъ и Москву отходилъ только около двухъ часовъ дня.

---

* Какъ потомъ стало извѣстно, Крыленко съ передовымъ эшелономъ отряда, назначеннаго для занятія Могилева, прибылъ въ ставку 20 Ноября (3 Декабря).

Генералъ Духонинъ былъ арестованъ и на автомобилѣ отвезенъ на вокзалъ, гдѣ его ввели въ вагонъ Крыленко.

Генералу Духонину было сказано, что его отправятъ въ Петроградъ.

Но затѣмъ матросы, собравшіеся у вагона, потребовали, чтобы онъ вышелъ.

Когда генералъ Духонинъ показался на площадкѣ вагона у выходной двери, то какой то матросъ, почти въ упоръ, выстрѣлилъ ему въ лицо, послѣ чего его подняли на штыки.

Озвѣрѣвшіе матросы били штыками и прикладами тѣло послѣдняго верховнаго главнокомандующаго русской арміи (послѣ бѣгства Керенскаго генералъ Духонинъ вступилъ въ исполненіе должности верховнаго главнокомандующаго) и долго еще трупъ генерала Духонина валялся на желѣзнодорожныхъ путяхъ около вагона новаго большевистскаго главнокомандующаго — Крыленко.

Извозчикъ объѣхалъ всѣ гостиницы, но нигдѣ не было свободныхъ номеровъ; какъ онъ мнѣ объяснилъ, всѣ номера были заняты чинами штаба новаго главнокомандующаго, ожидающими, когда будетъ возможно проѣхать въ Могилевъ.

Извозчикъ предложилъ отвезти меня въ извѣстную ему квартиру, гдѣ можно переночевать.

Я согласился.

Онъ подвезъ меня къ трехэтажному дому и позвонилъ у подъѣзда.

Вышла какая-то женщина и узнавъ, что я хочу переночевать, спросила: «вамъ надо только переночевать?» На мой, нѣсколько недоумѣвающій отвѣтъ, что «да, только переночевать», она мнѣ сказала, что это будетъ стоить двадцать пять рублей.

Меня устроили въ гостиной и я отлично заснулъ.

Проснулся послѣ 11 часовъ утра.

Помывшись и напившись чаю, я попросилъ горничную, провести меня въ уборную.

Когда горничная повела меня во 2-й этажъ, гдѣ въ коридоръ выходили двери отдѣльныхъ комнатъ и гдѣ царствовала, почти въ 12 часовъ дня, мертвая тишина, я только тогда понялъ, что я провелъ ночь въ веселомъ, но теперь сонномъ, учрежденіи . . .

Къ 2 часамъ дня я былъ на вокзалѣ и, взявъ билетъ 3-го класса до Москвы, вышелъ на перронъ, гдѣ и ходилъ въ ожиданіи поѣзда.

Я совершенно не замѣтилъ, какъ ко мнѣ, откуда-то сбоку, подошелъ протопресвитеръ военнаго и морского духовенства, отецъ Шавельскій.

Я отъ него отвернулся; онъ зашелъ съ другой стороны и сталъ меня разглядывать, обращая этимъ на меня вниманіе публики.

Я тогда направился къ нему и сказалъ, что прошу его идти рядомъ со мной.

— «Александръ Сергѣевичъ, неужели это Вы? Какъ Вы измѣнились!»

— «Отецъ Георгій, мы должны сейчасъ же разойтись и прошу Васъ, на меня не обращать вниманія и ко мнѣ не подходить. Если меня здѣсь кто-нибудь узнаетъ, то я погибну».

Отецъ Шавельскій отошелъ.

Немного спустя я наткнулся на моего вѣстового, котораго я просилъ изъ Быхова убрать за явно большевистскія наклонности, которыя онъ сталъ проявлять.

Солдатъ остановился, посмотрѣлъ на хорошо знакомый ему полушубокъ, потомъ на мое лицо . . .

Я былъ въ темныхъ очкахъ, бритый, и еще сдѣлалъ гримасу, чтобы меня труднѣй было узнать.

Узналъ ли меня мой прежній вѣстовой или нѣтъ — не знаю; но онъ, какъ-то страшно, свистнулъ и затѣмъ вскочилъ на площадку вагона подходившаго поѣзда.

Поѣздъ былъ переполненъ и мнѣ удалось пристроиться на ступенькахъ одной изъ площадокъ вагона 3-го класса.

Морозъ былъ болѣе 10 градусовъ и я, послѣ перваго же перегона, промерзъ. На первой же станціи я соскочилъ на перронъ и побѣжалъ вдоль поѣзда, чтобы устроиться гдѣ-нибудь лучше.

Только площадка вагона I класса оказалась свободной. Я взошелъ на нее. Но когда поѣздъ отошелъ — я понялъ, почему эта площадка пуста: впереди вагона была открытая платформа и сильный вѣтеръ сталъ пронизывать меня насквозь. Я рѣшилъ войти въ вагонъ I класса, чтобы въ коридорѣ немного согрѣться; но вагонъ оказался переполненнымъ пассажирами. Я пріоткрылъ дверь въ уборную и увидѣлъ тамъ двухъ дамъ: одна сидѣла на главномъ мѣстѣ, а другая на ящикѣ съ углемъ.

Увидя меня и думая, что я хочу воспользоваться уборной, согласно ея назначенію, онѣ хотѣли выйти. Я имъ сказалъ, что хочу только согрѣться и мы, втроемъ, остались въ уборной, въ которой я и доѣхалъ до Смоленска.

Пересѣвъ въ Смоленскѣ въ другой поѣздъ, я утромъ 21 Ноября (4 Декабря) пріѣхалъ въ Москву.

По дорогѣ до Москвы какіе-то солдаты два раза повѣряли у пассажировъ паспорта, причемъ мои документы не вызвали никакихъ сомнѣній.

Въ Москвѣ я взялъ у вокзала извозчика и проѣхалъ шагомъ мимо квартиры, которую занимала моя семья.

Квартира показалась мнѣ пустой и я рѣшилъ, что женѣ удалось уже выѣхать изъ Москвы.

Вечеромъ въ этотъ же день я поѣхалъ, черезъ Рязань и Воронежъ, въ Новочеркасскъ.

Этотъ переѣздъ былъ для меня очень тяжелымъ. Вагонъ былъ страшно переполненъ и я, отъ Москвы до ст. Лисокъ, то-есть болѣе 36 часовъ, принужденъ былъ стоять, не имѣя возможности ни разу присѣсть.

Въ вагонѣ, въ которомъ я помѣщался, ѣхало человѣкъ 10 молодежи въ солдатской формѣ. Всю дорогу они держали себя довольно развязно, но манера себя держать не соотвѣтствовала ихъ физіономіямъ и мнѣ казалось, что они умышленно себя держатъ какъ распущенные солдаты и явно шаржируютъ.

Такъ какъ въ Лискахъ (на границѣ Донской области) они остались въ вагонѣ, то для меня стало ясно, что это юнкера какого-нибудь военнаго училища, или молодые офицеры, пробирающіеся на Донъ.

Послѣ отхода поѣзда со станціи «Лиски» эта молодежь стала устраиваться на освободившихся мѣстахъ. Я подошелъ къ одной изъ группъ и попросилъ уступить мнѣ верхнее мѣсто.

— «А ты кто такой?» услышалъ я отъ одного изъ нихъ въ отвѣтъ на мою просьбу.

Я тогда сказалъ: «Ну вотъ что, господа, теперь вы можете уже смѣло перейти на настоящій тонъ и перестать разыгрывать изъ себя дезертировъ съ фронта. Послѣдняя категорія и та сбавляетъ тонъ на Донской территоріи. Я — генералъ; очень усталъ и прошу, мнѣ уступить мѣсто».

Картина сразу измѣнилась. Они помогли мнѣ устроиться на верхнемъ мѣстѣ и я, съ удовольствіемъ, улегся. Ноги мои, отъ продолжительнаго стоянія, опухли и были какъ колоды.

Въ Новочеркасскъ поѣздъ пришелъ поздно вечеромъ 23 Ноября (6 Декабря).

На вокзалѣ былъ дежурный офицеръ, который указывалъ пріѣзжавшимъ офицерамъ и юнкерамъ, гдѣ имъ можно остановиться.

Я поѣхалъ переночевать въ общежитье, а утромъ 24 Ноября (7 Декабря) перебрался въ гостиницу.

Первое лицо, которое я увидѣлъ въ гостиницѣ, былъ предсѣдатель Государственной Думы, М. В. Родзянко, котораго, подъ видомъ тяжело больного и въ загримированномъ видѣ, доставили изъ Москвы въ Новочеркасскъ.

Затѣмъ я встрѣтился съ генералами Деникинымъ, Романовскимъ и Марковымъ, добравшимися, наканунѣ, благополучно до Новочеркасска.

Отъ нихъ я узналъ, что въ Новочеркасскѣ генералъ Алексѣевъ, который, въ полномъ согласіи съ атаманомъ Донского казачьяго войска, приступилъ къ формированію Добровольческой арміи для борьбы съ большевиками. *

Генералъ Алексѣевъ пріѣхалъ въ Новочеркасскъ въ первыхъ числахъ Ноября.

Я пошелъ къ нему.

М. В. Алексѣевъ сказалъ мнѣ, что онъ рѣшилъ сформировать на Дону Добровольческую армію; что въ Петроградѣ и въ Москвѣ имъ образованы общества для помощи офицерамъ; что эти общества поддерживаютъ тѣсное общеніе съ общественными организаціями, помогающими имъ матеріально, и они будутъ направлять на Донъ всѣхъ желающихъ офицеровъ, юнкеровъ и кадетъ старшихъ классовъ; что союзъ общества офицеровъ, со своей стороны, приметъ всѣ мѣры для облегченія желающимъ офицерамъ пробраться на Донъ и изъ другихъ раіоновъ.

Я на это отвѣтилъ, что мнѣ представляется необходимымъ, чтобы онъ кликнулъ кличъ, призывающій офицеровъ немедленно направляться на Донъ; что его имя среди офицеровъ очень популярно и на его кличъ потекутъ на Донъ не сотни, а десятки тысячъ офицеровъ.

Генералъ Алексѣевъ на это мнѣ отвѣтилъ, что самъ онъ объ этомъ думалъ, но сдѣлать это онъ пока не смѣетъ.

— «Какъ же я могу обратиться съ такимъ воззваніемъ къ офицерамъ — разъ въ моемъ распоряженіи нѣтъ средствъ. Вѣдь и теперь, когда имѣется всего около пятисотъ офицеровъ и юнкеровъ, я не сплю по ночамъ, думая, какъ мнѣ ихъ прокормить, какъ ихъ одѣть».

На это я отвѣтилъ, что — будетъ сила, будутъ и деньги.

— «Рискнуть надо; безъ этого Вы, Михаилъ Васильевичъ, арміи не сформируете.

Вѣдь надо знать нашу общественность: они не даютъ и не дадутъ большихъ средствъ, пока не будутъ увѣрены въ успѣхѣ, пока въ Вашемъ распоряженіи не будетъ достаточной силы. А Вы не можете собрать эту силу, не имѣя средствъ. Получается заколдованный кругъ. Повторяю, что не только можно, а должно рискнуть».

Генералъ Алексѣевъ сказалъ, что онъ еще подумаетъ.

---

* На формированіи Добровольческой арміи именно на Дону генералъ Алексѣевъ остановился, считая, что только тамъ, подъ прикрытіемъ Донскихъ казачьихъ частей, можно будетъ сравнительно спокойно сформировать вооруженную силу для борьбы съ большевиками.

Вообще всѣмъ намъ казалось, что Донское, Кубанское и Терское казачество не будутъ воспріимчивы къ большевистскимъ идеямъ.

Прощаясь со мной, генералъ Алексѣевъ сказалъ, что намъ надо, въ ближайшіе дни, условиться относительно дальнѣйшей совмѣстной работы.

25 Ноября (8 Декабря) генералъ Деникинъ и я пошли къ Донскому атаману генералу Каледину.

Генералъ Калединъ принялъ насъ очень серьезно, сказалъ, что, работая въ полномъ согласіи съ генераломъ Алексѣевымъ, онъ убѣжденъ, что генералу Алексѣеву удастся сформировать хорошую Добровольческую армію, а ему Донскую. Затѣмъ онъ сказалъ, что очень радъ пріѣзду на Донъ цѣлой группы генераловъ, которые помогутъ наладить организаціонную работу, но, прибавилъ генералъ Калединъ, «имена генераловъ Корнилова, Деникина, Лукомскаго и Маркова настолько для массы связаны со страхомъ контръ-революціи, что я рекомендовалъ бы Вамъ обоимъ, и пріѣзжавшему генералу Маркову, пока активно не выступать; было бы даже лучше, если-бъ Вы, временно, уѣхали изъ предѣловъ Дона».

Послѣ этого генералъ Калединъ добавилъ:

«Я отнюдь не настаиваю, чтобы вы уѣзжали съ Дона. Если васъ это не устраиваетъ, то оставайтесь, и вы будете гостями Донского казачества; но я, зная обстановку, счелъ своимъ долгомъ высказать, что вамъ лучше временно уѣхать. Я убѣжденъ, что въ самомъ ближайшемъ будущемъ ваше присутствіе здѣсь будетъ совершенно необходимо; тогда вы вернетесь, и мы вмѣстѣ будемъ работать».

Деникинъ, Марковъ и я рѣшили уѣхать изъ Новочеркасска.

Генералы Деникинъ и Марковъ рѣшили ѣхать въ Екатеринодаръ, а я во Владикавказъ.

Выѣхавъ изъ Новочеркасска 26 Ноября (9 Декабря), мы благополучно проскочили черезъ Ростовъ.

27 Ноября (10 Декабря) въ Ростовѣ произошло выступленіе мѣстныхъ большевиковъ, къ которому присоединились бывшіе въ городѣ солдаты и матросы.

Городъ былъ въ ихъ рукахъ нѣсколько дней.

Въ подавленіи возстанія приняла участіе первая сформированчая въ Новочеркасскѣ рота будущей Добровольческой арміи.

* *
*

За два дня до бѣгства изъ Быхова я послалъ вѣстового съ вещами къ моей женѣ, бывшей въ имѣніи у знакомыхъ подъ Харьковымъ; я ей написалъ, что буду пробираться въ Новочеркасскъ и прошу ее, какъ только будетъ возможно, доставить мнѣ туда вещи.

Получивъ мое письмо и зная изъ газетъ, что мы изъ Быхова бѣжали и что большевики отдали распоряженіе насъ задержать въ пути, она рѣшила немедленно проѣхать въ Новочеркасскъ самой.

Пріѣхавъ въ Ростовъ 27 Ноября (10 Декабря) утромъ, она, въ ожиданіи поѣзда на Новочеркасскъ, сдала всѣ вещи на храненіе, а сама прошла въ залъ I класса.

Какъ разъ въ это время произошло въ Ростовѣ выступленіе большевиковъ, и они, занявъ городъ, двинулись къ вокзалу.

На вокзалѣ началась паника, и бывшимъ тамъ пассажирамъ объявили, что, кто хочетъ спасаться отъ большевиковъ, можетъ воспользоваться поѣздомъ, отходящимъ въ Таганрогъ.

Моя жена едва успѣла вскочить въ отходящій поѣздъ и проѣхала въ Таганрогъ.

5/18 Декабря, когда движеніе опять возстановилось, она поѣхала черезъ Ростовъ въ Новочеркасскъ.

Но въ Ростовѣ изъ вещей, сданныхъ на храненіе, на складѣ оказались только два взрѣзанныхъ и пустыхъ чемодана. Всѣ вещи, какъ мои, такъ и ея, пропали.

Пріѣхавъ въ Новочеркасскъ, про меня она ничего узнать не могла, такъ какъ тѣ лица, которыя знали, что я поѣхалъ во Владикавказъ, почему-то считали, что объ этомъ никому говорить нельзя, и моя жена, въ полной неизвѣстности, принуждена была жить въ Новочеркасскѣ.

* *
*

Пріѣхавъ во Владикавказъ, я поселился въ небольшой гостинницѣ и страшно скучалъ, ожидая вѣстей изъ Новочеркасска.

Одинъ мой знакомый просилъ меня занести во Владикавказѣ письмо къ Танѣ Чермоеву, предсѣдателю союза горцевъ.

Чермоевъ меня очень любезно принялъ и въ разговорѣ спросилъ, не согласился бы я помочь горцамъ сорганизоваться и устроить приличную армію.

Я отказался, сказавъ, что теперь обстановка такова, что можно ожидать рѣзню между горцами и терскими казаками и что, въ этомъ случаѣ, мое положеніе могло бы оказаться болѣе чѣмъ странвымъ.

Настроеніе во Владикавказѣ было напряженное. Почти каждую ночь разбойники-осетины дѣлали набѣги на городъ и грабили магазины.

По вечерамъ я часто бывалъ у атамана Терскаго казачьяго войска, Караулова; отъ него узнавалъ обстановку.

Въ этотъ періодъ началось движеніе въ тылъ отдѣльныхъ частей съ Кавказскаго фронта. Терская область и Ставропольская губернія стали наполняться большевистски настроенными солдатами. То тамъ, то здѣсь начинали вспыхивать безпорядки. Началось броженіе и въ нѣкоторыхъ станицахъ Терскаго казачьяго войска.

Атаманъ Карауловъ постоянно разъѣзжалъ и, насколько возможно, поддерживалъ порядокъ.

Во время одной изъ такихъ поѣздокъ, около половины конца декабря, на станціи Прохладной взбунтовавшаяся толпа отцѣпила его вагонъ отъ поѣзда и онъ былъ убитъ.

12/25 Декабря я получилъ телеграмму отъ Завойко (бывшій ординарецъ Корнилова), что онъ, вмѣстѣ съ генераломъ Корниловымъ, будутъ во Владикавказѣ 13/26 Декабря.

Въ этотъ день Завойко пріѣхалъ, но одинъ.

Онъ мнѣ сказалъ, что генералъ Корниловъ, послѣ невѣроятно труднаго путешествія, 6/19 Декабря пріѣхалъ въ Новочеркасскъ;* что, познакомившись съ обстановкой, сложившейся въ Новочеркасскѣ, генералъ Корниловъ рѣшилъ, что ему тамъ нечего дѣлать и рѣшилъ проѣхать во Владикавказъ, гдѣ сговориться со мной, вызвать изъ Екатеринодара генерала Деникина и рѣшить, что дѣлать дальше; что все къ отъѣзду было готово, но, въ послѣднюю минуту, генералъ Корниловъ, подъ давленіемъ Московскихъ общественныхъ дѣятелей, измѣнилъ свое рѣшеніе и остался въ Новочеркасскѣ.

14/27 Декабря я получилъ телеграмму отъ генерала Эрдели, что генералъ Корниловъ меня вызываетъ.

Въ Новочеркасскъ я пріѣхалъ 16/29 Декабря; изъ Екатеринодара пріѣхали туда же генералы Деникинъ и Марковъ.

Я засталъ генерала Корнилова въ большомъ колебаніи.

Формированіе добровольческой арміи было уже начато генераломъ Алексѣевымъ.

По характеру генералы Алексѣевъ и Корниловъ мало подходили другъ къ другу.

Генералъ Корниловъ считалъ, что дѣло можетъ пойти успѣшно, лишь при условіи, если во главѣ будетъ стоять одинъ человѣкъ; генералъ Алексѣевъ говорилъ, что роли можно распредѣлить: онъ указывалъ, что въ его рукахъ останутся финансовые вопросы и политика (внѣшняя и внутренняя), а генералъ Корниловъ всецѣло займется формированіемъ арміи и ея управленіемъ.

---

* 19 Ноября (2 Декабря) 1917 года, въ 11 часовъ вечера, генералъ Корниловъ вышелъ изъ Быховской тюрьмы къ ожидавшему его Текинскому полку, поздоровался съ нимъ и, сѣвъ на коня, отправился съ полкомъ въ дальній и тяжелый путь.

20 Ноября (3 Декабря) большевики узнали о бѣгствѣ Быховскихъ узниковъ, причемъ, по полученнымъ ими даннымъ, выяснили, что нѣкоторые изъ бѣжавшихъ уѣхали изъ Быхова по желѣзной дорогѣ, а генералъ Корниловъ, съ другими и съ Текинцами, отправился куда то походнымъ порядкомъ.

Большевиками было отдано распоряженіе внимательно осматривать поѣзда, повѣрять у пассажировъ документы и постараться поймать отправившихся по желѣзной дорогѣ.

Для того, чтобы перерѣзать путь Текинскому полку, было ими отдано распоряженіе по телеграфу, чтобы всѣ телеграфныя станціи раіона, примыкающаго къ Быхову, сообщать въ Ставку о всѣхъ данныхъ, могущихъ точно выяснить направленіе движенія Текинскаго полка.

Большевикамъ удалось выслѣдить путь движенія полка и около станціи Унеча черниговской губерніи, предполагая перейти черезъ полотно желѣзной дороги, полкъ попалъ подъ сильный пулеметный огонь большевистскаго броневого поѣзда и понесъ большія потери.

Затѣмъ, на другой день, полкъ наткнулся на засаду, устроенную въ лѣсу и, отъ пулеметнаго огня, понесъ опять значительныя потери.

Послѣ переправы черезъ р. Сеймъ полкъ попалъ въ плохо замерзшій болотистый раіонъ и потерялъ много лошадей.

Морозъ держался крѣпкій; люди были плохо одѣты, у лошадей посбивались подковы. Населеніе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, относилось враждебно и не всегда удавалось получить продовольствіе и фуражъ.

Путь былъ крайне тяжелый.

Наконецъ Корниловъ рѣшилъ снять тяжелый крестъ съ вѣрныхъ текинцевъ и, полагая, что самимъ имъ будетъ идти безопасно, оставилъ ихъ и, переодѣвшись крестьяниномъ, съ подложнымъ паспортомъ, отправился на Донъ одинъ, куда и пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ 6/19 Декабря.

Генералъ Корниловъ доказывалъ, что ихъ параллельная дѣятельность будетъ вызывать постоянныя трепія и, прежде всего, въ финансовыхъ вопросахъ, такъ какъ каждую копѣйку на организацію и нужды арміи придется ему испрашивать у генерала Алексѣева. Затѣмъ генералъ Корниловъ указывалъ, что, съ развитіемъ дѣла, ему, какъ командующему арміей, придется вплотную подойти къ внутренней политикѣ, которая будетъ находиться въ вѣдѣніи генерала Алексѣева; что это, опять-таки, породитъ недоразумѣнія и трепія.

Въ сущности говоря, это сознавалъ и генералъ Алексѣевъ, предложившій генералу Корнилову такое рѣшеніе: «Вы, Лавръ Георгіевичъ, поѣзжайте въ Екатеринодаръ и тамъ, совершенно самостоятельно, приступайте къ формированію частей Добровольческой арміи, а я буду формировать на Дону».

Генералъ Корниловъ категорически отъ этого отказался, сказавъ, что это не выходъ, что это было бы еще хуже.

— «Если-бъ я на это согласился, то, находясь на такомъ близкомъ разстояніи одинъ отъ другого, мы, Михаилъ Васильевичъ, уподобились бы съ Вами двумъ содержателямъ балагановъ, зазывающихъ къ себѣ публику на одной и той же ярмаркѣ».

Генералъ Корниловъ хотѣлъ ѣхать на Волгу, а оттуда въ Сибирь. Онъ считалъ болѣе правильнымъ, чтобы генералъ Алексѣевъ оставался на югѣ Россіи, а ему дали бы возможность весгі работу въ Сибири.

Онъ доказывалъ, что для дѣла это будетъ лучше; что одинъ другому они мѣшать не будутъ и вѣрилъ, что ему удастся создать въ Сибири большое дѣло.

Онъ рвался на просторъ, гдѣ возможна была самостоятельная работа.

Но пріѣхавшіе въ Новочеркасскъ изъ Москвы представители національнаго центра* настаивали на томъ, чтобы Корниловъ оставался на югѣ Россіи и работалъ совмѣстно съ Алексѣевымъ и Калединымъ.

Такъ какъ Корниловъ не соглашался, то было заявлено, что Московскія общественныя организаціи совершенно опредѣленно поручили заявить, что руководители анти-большевистскаго движенія могутъ разсчитывать на моральную и матеріальную помощь лишь при условіи, что всѣ они (Алексѣевъ, Корниловъ и Калединъ) будутъ работать на югѣ Россіи совмѣстно, распредѣливъ между собой роли и подписавъ составленное между собой соглашеніе; при этомъ было указано, что только послѣ того, какъ это соглашеніе состоится и, подписанное всѣми тремя генералами, будетъ передано представителямъ Англіи и Франціи, можно разсчитывать на полученіе денежной помощи отъ союзниковъ.

Генералъ Корниловъ принужденъ былъ согласиться и, нѣсколько позже, было составлено, подписано и передано представителямъ Московскихъ общественныхъ организацій соглашеніе, по которому генералъ Алексѣевъ принималъ на себя завѣдываніе всѣмъ финансовымъ дѣломъ и вопросами, касающимися внѣшней и внутренней политики; генералъ Корниловъ принималъ на себя организацію и командованіе Добровольческой арміей; а генералъ

---

* Въ Новочеркасскъ пріѣхали: князь Григорій Николаевичъ Трубецкой, Петръ Бернгардовичъ Струве, Михаилъ Михайловичъ Федоровъ, Николай Николаевичъ Львовъ, Г. Бѣлоусовъ и Павелъ Николаевичъ Милюковъ.

Наѣзжали на нѣсколько дней и другіе, но фамилій ихъ не помню.

Калединъ формированіе Донской арміи и управленіе всѣми дѣлами и вопросами, касающимися войска Донского.

Принципіальные вопросы они должны были разрѣшать совмѣстно.

Разсказавъ мнѣ все это, генералъ Корниловъ предложилъ мнѣ быть у него начальникомъ штаба.

При слѣдующемъ нашемъ свиданіи, когда мы разбирались въ томъ, что было уже сдѣлано и что надо дѣлать дальше, генералъ Корниловъ вновь заговорилъ о томъ, что онъ останется на югѣ Россіи по принужденію; что онъ согласился на это только по настоянію представителей Московскихъ общественныхъ дѣятелей; что онъ боится за успѣхъ работы, когда во главѣ дѣла будетъ стоять не одинъ полноправный распорядитель, а два* равноправныхъ, не подчиненныхъ одинъ другому; что онъ опасается возникновенія постоянныхъ недоразумѣній, особенно по финансовымъ вопросамъ; что онъ, наконецъ, мало вѣритъ въ успѣхъ работы на югѣ Россіи, гдѣ придется создавать дѣло на территоріи казачьихъ войскъ и, въ значительной степени, зависѣть отъ войсковыхъ атамановъ.

Закончилъ генералъ Корниловъ такъ: «Сибирь я знаю, въ Сибирь я вѣрю; я убѣжденъ, что тамъ можно будетъ поставить дѣло широко. Здѣсь же съ дѣломъ легко справится и одинъ генералъ Алексѣевъ. Я убѣжденъ, что долго здѣсь оставаться я буду не въ силахъ Жалѣю только, что меня задерживаютъ теперь и не пускаютъ въ Сибирь, гдѣ необходимо начинать работу возможно скорѣй, чтобы не упустить время».

Этотъ взглядъ генерала Корнилова отразился на всей его работѣ въ новочеркасскій періодъ. Онъ всей душой и сердцемъ стремился въ Сибирь, хотѣлъ, чтобы его отпустили, и къ работѣ по формированію Добровольческой арміи на Дону относился безъ особаго интереса.

Придавая большое значеніе Сибири и Поволжью, генералъ Корниловъ послалъ въ Сибирь рядъ писемъ къ мѣстнымъ политическимъ дѣятелямъ (въ томъ числѣ Попеляеву) и, по его просьбѣ, генераломъ Алексѣевымъ былъ командированъ туда генералъ Флугъ, на котораго была возложена задача, ознакомить Сибирскихъ политическихъ дѣятелей съ тѣмъ, что дѣлается на югѣ Россіи, постараться объединить офицеровъ и настоять на созданіи тамъ противобольшевистскаго фронта. На Волгу — въ Нижній-Новгородъ, Казань, Самару, Царицынъ и Астрахань были командированы офицеры съ цѣлью сорганизовать тамъ противобольшевистскія силы и постараться, поднявъ возстаніе противъ большевиковъ, захватить въ свои руки эти пункты.

У генерала Корнилова зрѣлъ очень широкій планъ: онъ не ограничивался идеей борьбы съ большевиками; онъ, вѣря въ Сибирь и Поволжье, былъ убѣжденъ, что можно будетъ не только смести большевиковъ, но и возсоздать фронтъ для борьбы съ Германіей.

Работа на Дону ему представлялась работой сравнительно мелкой, мѣстнаго характера; работа же на востокѣ — работой крупнаго, европейскаго масштаба.

Къ сожалѣнію опасенія Корнилова, что у него будутъ тренія и недоразумѣнія съ Алексѣевымъ, оправдались съ первыхъ же дней ихъ совмѣстной работы.

* Не считая генерала Каледина, который въ вопросы формированія Добровольческой арміи не вмѣшивался.

Тренія происходили и изъ-за невозможности точно разграничить кругъ вѣдѣнія одного отъ другого, и по разрѣшенію различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ денежными отпусками.

Я лично считалъ, что лучше предоставить генералу Корнилову свободу дѣйствій и не возражать противъ его желанія ѣхать въ Сибирь, но бывшіе въ Новочеркасскѣ Московскіе общественные дѣятели продолжали считать необходимымъ, чтобы генералъ Корниловъ оставался на югѣ Россіи. Они считали, что если уѣдетъ Корниловъ, то за нимъ въ Сибирь поѣдутъ очень многіе изъ вступившихъ въ ряды Добровольческой арміи и дѣло, начатое въ Новочеркасскѣ, можетъ развалиться.

П. Б. Струве, П. Н. Милюковъ, кн. Г. Н. Трубецкой, М. М. Федоровъ и А. И. Деникинъ нѣсколько разъ выступали въ роли миротворцевъ и налаживали отношенія между генералами Корниловымъ и Алексѣевымъ.

Во второй половинѣ (ковцѣ) Декабря въ Новочеркасскъ, изъ Екатеринодара, пріѣхалъ Савинковъ.

Сначала Савинковъ посѣтилъ генерала Каледина, а затѣмъ генерала Алексѣева.

Онъ заявилъ, что считаетъ свое участіе въ работѣ по созданію Добровольческой арміи не только желательнымъ, но, для дѣла, безусловно необходимымъ.

Онъ указалъ на то, что, по его глубокому убѣжденію, возглавленіе борьбы съ большевиками одними генералами болѣе чѣмъ ошибочно; что изъ этого ничего серьезнаго не выйдетъ; что масса отнесется, въ этомъ случаѣ, къ начатому дѣлу — какъ къ контръ-революціонному; что необходимо при генералѣ Алексѣевѣ создать политическое совѣщаніе, въ составъ котораго долженъ войти онъ, Савинковъ; что присутствіе его въ составѣ этого политическаго совѣщанія, работающаго рука объ руку съ Л. Г. Корниловымъ, ясно покажетъ всѣмъ, что начатое дѣло есть дѣло чисто патріотическое, чуждое какихъ либо контръ-революціонныхъ замысловъ.

Л. Г. Корниловъ, къ которому обратились генералы Алексѣевъ и Калединъ, сначала отвѣтилъ категорическимъ отказомъ работать вмѣстѣ съ Савинковымъ.

Но затѣмъ Алексѣевъ и Калединъ убѣдили Корнилова согласиться.

Главный мотивъ, которымъ удалось въ концѣ концовъ убѣдить Корнилова, заключался въ томъ, что если Савинковъ будетъ работать съ нами, то онъ будетъ полезенъ; если же отвергнуть его предложеніе, то онъ можетъ, работая отдѣльно, сильно повредить начатому нами дѣлу.

Л. Г. Корниловъ согласился.

При генералѣ Алексѣевѣ было рѣшено образовать политическое совѣщаніе въ составѣ: предсѣдатель — Алексѣевъ; члены: Корниловъ, Калединъ, Деникинъ. Лукомскій, Романовскій, Струве, Милюковъ, кн. Григорій Трубецкой, Федоровъ и Савинковъ.

Генералъ Деникинъ категорически отказался участвовать въ составѣ совѣщанія и ни на одно изъ засѣданій не приходилъ.

Я также не склоненъ былъ работать совмѣстно съ Савинковымъ, но генералъ Корниловъ, въ концѣ концовъ, меня уговорилъ.

Онъ мнѣ сказалъ:

«Мнѣ очень жаль, что Антонъ Ивановичъ Деникинъ рѣшительно отказался отъ участья въ совѣщаніи; но если и Вы, будучи моимъ началь-

никомъ штаба, не захотите бывать на совѣщаніи, то это отразится вредно на дѣлѣ.

Теперь внутренняя политика будетъ такъ переплетена съ военнымъ дѣломъ, что Вы, какъ начальникъ штаба, должны быть въ курсѣ всего, что дѣлается.

Повѣрьте, что я не менѣе остро, чѣмъ Вы, чувствую ненормальность нашей будущей работы съ Савинковымъ; еще слишкомъ для насъ болѣзненно воспоминаніе о работѣ Савинкова совмѣстно съ Керенскимъ — послѣ всей мерзости и подлости, которыя Керенскій проявилъ по отношенію къ намъ.

Но я переборолъ себя и рѣшилъ это забыть, такъ какъ для меня, прежде всего, важно спасти родину, а не сводить личные счеты.

Переломите себя и давайте вмѣстѣ работать».

Какъ мнѣ передавали, Савинковъ, въ Екатеринодарѣ, говоря о Корниловскомъ выступленіи и обвиняя меня въ созданіи заговора въ Ставкѣ, въ который я, яко-бы, вовлекъ генерала Корнилова, сказалъ:

«Этого я простить Лукомскому не могу и считаю его смертельнымъ моимъ врагомъ. Если мы когда-нибудь встрѣтимся, то одинъ изъ насъ въ живыхъ не останется».

Насколько передаваемое мнѣ было справедливо, я не знаю, но я рѣшилъ, при первомъ же свиданіи съ Савинковымъ, поставить ему вопросъ — какъ онъ относится къ нашей совмѣстной работѣ.

Я, нѣсколько запоздавъ на первое засѣданіе политическаго совѣщанія, войдя въ комнату, гдѣ всѣ собравшіеся уже сидѣли за столомъ, подошелъ къ Савинкову, который, при моемъ къ нему приближеніи, всталъ.

— «Послѣ всего того, что произошло въ Могилевѣ, судьба насъ вновь свела и мы сегодня встрѣтились. Прежде чѣмъ сѣсть за этотъ столъ, я хотѣлъ бы знать Ваше откровенное мнѣніе о возможности намъ съ Вами совмѣстно работать. Я хочу знать, не отразится ли на работѣ Ваше отношеніе ко мнѣ и не повредитъ ли оно дѣлу нами здѣсь начатому».

Савинковъ на это отвѣтилъ:

«Генералъ, я знаю отлично все несходство нашихъ политическихъ убѣжденій. Но теперь у насъ одна дорога, одна цѣль — это свергнуть большевиковъ и спасти Россію. Въ будущемъ мы, конечно, станемъ опять политическими врагами, но пока, я опредѣленно это заявляю и обѣщаю, что съ моей стороны не будетъ никакихъ противодѣйствій Вашей работѣ, которыя могли бы основываться на какихъ либо личныхъ отношеніяхъ».

На первомъ же засѣданіи Савинковъ возбудилъ вопросъ о необходимости выработать воззваніе къ народу, въ которомъ ясно и опредѣленно указать цѣли борьбы и политическую физіономію Добровольческой арміи.

Послѣ обсужденія основныхъ положеній проектируемаго воззванія, было поручено Савинкову, его составить и представить на обсужденіе совѣщанія.

На слѣдующемъ засѣданіи проектъ воззванія былъ оглашенъ Савинковымъ, но встрѣтились нѣкоторыя возраженія и въ концѣ воззванія было не ясно указано, о какомъ Учредительномъ Собраніи, которое должно будетъ рѣшить форму правленія въ Россіи, идетъ рѣчь: о новомъ, или объ Учредительномъ Собраніи 1917 года.

По послѣднему вопросу всѣ высказались единодушно, что объ Учредительномъ Собраніи 1917 года не можетъ быть и рѣчи; что выборы въ это

собраніе были произведены подъ давленіемъ большевиковъ и что составъ этого собранія не можетъ быть выразителемъ мнѣнія Россіи.

П. Н. Милюковъ вызвался пересоставить воззваніе.

Пересоставленное воззваніе было одобрено, напечатано и были приняты мѣры къ широкому его распространенію.

Савинковъ пробылъ въ Новочеркасскѣ не долго.

Передъ его отъѣздомъ въ Москву, около 10/23 Января 1918 года, произошелъ слѣдующій случай.

Какъ-то вечеромъ А. И. Деникинъ, котораго передъ тѣмъ вызывалъ генералъ Алексѣевъ, заѣхалъ за мной и просилъ немедленно ѣхать съ нимъ къ Алексѣеву.

По дорогѣ онъ разсказалъ, что его вызвалъ генералъ Алексѣевъ и что идетъ рѣчь о раскрытіи, будто бы, готовящихся покушеній на Савинкова и Алексѣева.

Когда мы пріѣхали, генералъ Алексѣевъ намъ разсказалъ, что кто-то изъ чиновъ контръ-развѣдки предупредилъ о готовящемся покушеніи на Савинкова, а послѣднему сообщили, что готовится покушеніе и на него — Алексѣева; что во всемъ этомъ надо разобраться совмѣстно съ Савинковымъ, который долженъ сейчасъ пріѣхать.

Генералъ Деникинъ, не желавшій встрѣчаться съ Савинковымъ, прошелъ въ другое помѣщеніе, а я остался въ кабинетѣ генерала Алексѣева.

Пріѣхавшій Савинковъ подтвердилъ то, что было сказано генераломъ Алексѣевымъ. Вызванный офицеръ контръ-развѣдки, отъ котораго были получены эти свѣдѣнія, ничего опредѣленнаго сказать не могъ.

Кончилось это тѣмъ, что было приказано принять мѣры для охраны г. Савинкова, выяснить болѣе точно источникъ этихъ слуховъ и постараться его провѣрить.

Савинковъ вскорѣ послѣ этого уѣхалъ въ Москву, а разслѣдованіе этого случая не привело ни къ какимъ результатамъ.

Противъ Савинкова многіе были возстановлены и, возможно, что въ этой исторіи и была доля правды; что же касается слуха о возможномъ покушеніи на ген. Алексѣева, то этотъ слухъ, если онъ въ дѣйствительности и былъ, явно вздоренъ.

Формированіе и организація Добровольческой арміи подвигались медленно.

Въ среднемъ, въ день пріѣзжало и записывалось въ ряды арміи 75—80 добровольцевъ.

Солдатъ было мало; больше всего записывались въ армію офицеры, юнкера, студенты, кадеты и гимназисты старшихъ классовъ.

Орудій, винтовокъ и огнестрѣльныхъ припасовъ въ Донскихъ складахъ почти не было.

Приходилось ихъ отбирать у проходившихъ черезъ Ростовъ и Новочеркасскъ войсковыхъ эшелоновъ, ѣдущихъ «по домамъ»; покупать, черезъ скупщиковъ, въ эшелонахъ, проходящихъ черезъ раіонъ войска Донского, и, наконецъ, добывать небольшими экспедиціями, посылаемыми въ Ставропольскую губернію, гдѣ начали сосредоточиваться большевистски настроенныя части съ Кавказскаго фронта.

Въ Екатеринодарѣ производилось самостоятельное формированіе добровольческаго отряда для защиты, главнымъ образомъ, Екатеринодара отъ большевиковъ, начавшихъ угрожать со стороны Тихорѣцкой и Новороссійска.

Формированіе Донскихъ частей подвигалось плохо.

Возвращающіяся съ фронта части не хотѣли воевать, стремились разойтись по станицамъ и молодые казаки вступили въ открытую борьбу со стариками.

Во многихъ станицахъ эта борьба пріобрѣла ожесточенный характеръ; расправы съ обѣихъ сторонъ были жестокія.

Но пришедшихъ съ фронта казаковъ было больше чѣмъ стариковъ, они всѣ были хорошо вооружены и, въ большинствѣ станицъ, побѣда осталась на сторонѣ молодежи, проповѣдовавшей большевистскія идеи.

Выяснилось, что и въ Донскомъ войскѣ можно создать прочныя части, только основываясь на принципѣ добровольчества.

Формировать добровольческія (партизанскія) Донскія части вызвалось довольно много желающихъ изъ числа Донскихъ офицеровъ. Это дѣло въ Донскомъ штабѣ не было какъ слѣдуетъ налажено; разрѣшеніе на формированіе партизанскихъ отрядовъ давалось чуть ли не каждому просившему; появилось много авантюристовъ, иногда просто разбойниковъ, которые, съ цѣлью личной наживы, грабили населеніе.

Хорошими партизанскими начальниками оказались есаулъ Чернецовъ и генералъ Семилѣтовъ.

Особенно хорошъ былъ Чернецовъ, который своими молодецкими набѣгами на районы, занятые большевистскими отрядами и рядомъ геройскихъ дѣлъ скоро пріобрѣлъ громадную популярность.

Недостатокъ финансовыхъ средствъ крайне затруднялъ работу по формированію Добровольческой арміи.

Какъ я уже отмѣтилъ, изъ-за недостатка денегъ, генералъ Алексѣевъ затруднялся обратиться ко всему офицерству съ призывомъ идти на Донъ. Это было имъ сдѣлано только въ Декабрѣ; но, къ этому времени, сообщенія съ различными районами Россіи стало гораздо труднѣй, офицерамъ стало опаснымъ пробираться по желѣзнымъ дорогамъ.

Первоначальныя средства на формированіе Добровольческой арміи складывались изъ пожертвованій, получавшихся генераломъ Алексѣевымъ, а затѣмъ и генераломъ Корниловымъ въ Новочеркасскѣ и въ Ростовѣ, и изъ присылокъ изъ Москвы; но этого было слишкомъ недостаточно.

По соглашенію съ Донскимъ атаманомъ Калединымъ и представителями Государственнаго банка, было выяснено, какая сумма можетъ быть взята изъ отдѣленій Государственнаго банка и казначейства на нужды арміи.

Если мнѣ память не измѣняетъ, всего было получено этимъ путемъ тридцать милліоновъ рублей, изъ коихъ пятнадцать пошли на нужды Дона, а пятнадцать были переданы въ распоряженіе генерала Алексѣева.

Затѣмъ были составлены рисунки новыхъ денежныхъ знаковъ и для ихъ печатанія рѣшено было устроить при Ростовскомъ отдѣленіи Государственнаго банка экспедицію заготовленія денежныхъ знаковъ. Но машины были установлены и клише для печатанія были готовы только въ началѣ (серединѣ) Февраля 1918 года, когда обстановка заставила Добровольческую армію оставить Ростовъ.

Въ концѣ Декабря 1917 года (первой половинѣ Января 1918 года) въ Новочеркасскъ пріѣхали изъ Москвы два представителя отъ великобританской и французской военныхъ миссій.

Эти представители интересовались тѣмъ, что сдѣлано и что предполагается дѣлать и заявили, что пока союзники могутъ намъ помочь только деньгами. Они сказали, что есть полная надежда получить сто милліоновъ рублей, которые будутъ передаваться въ распоряженіе генерала Алексѣева по десяти милліоновъ въ мѣсяцъ.

Первая получка ожидалась въ Январѣ 1918 года, но запоздала и отъ союзниковъ въ этотъ періодъ мы ничего не получили.

Къ концу Декабря (началу Января) былъ пополненъ Корниловскій полкъ, который былъ проведенъ на Донъ съ юго-западнаго фронта командиромъ полка, капитаномъ Нѣженцовымъ; были сформированы офицерскій, юнкерскій и георгіевскій батальоны, четыре батареи артиллеріи, инженерная рота, офицерскій эскадронъ и рота изъ гвардейскихъ офицеровъ.

Къ серединѣ Января получилась небольшая (всего около пяти тысячъ человѣкъ), но очень сильная въ моральномъ отношеніи Добровольческая армія.

Большевики, которые до Декабря никакихъ силъ на югѣ Россіи, въ раіонѣ Дона, не имѣли, въ Декабрѣ начали стягивать для ликвидаціи «контръреволюціонеровъ» части съ западнаго фронта и формировать, въ раіонахъ Царицына, Ставропольской губерніи и Терскаго казачьяго войска, части войскъ изъ состава войсковыхъ частей бывшаго Кавказскаго фронта.

Большевики стали угрожать со стороны Донецкаго бассейна вдоль желѣзныхъ дорогъ, ведущихъ на Таганрогъ, на станціи Звѣрево и Лиски; со стороны Воронежа, и со стороны Торговой и Тихорѣцкой.

Если казачье населеніе еще колебалось и въ части станицъ благоразумный голосъ стариковъ взялъ перевѣсъ, то иногородніе (не казачье населеніе) цѣликомъ стало на сторону большевиковъ.

Иногороднее населеніе въ казачьихъ областяхъ всегда завидывало казачеству, владѣвшему большимъ количествомъ земли, и, становясь на сторону большевиковъ, они, прежде всего, надѣялись, наравнѣ съ казачествомъ, принять участіе въ дѣлежѣ офицерскихъ и помѣщичьихъ земель.

Ростовъ и Новочеркасскъ были переполнены большевиками.

Тѣми небольшими силами, которыя находились въ распоряженіи генераловъ Корнилова и Каледина, приходилось не только отбивать наступательныя попытки большевиковъ, но и поддерживать порядокъ въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ.

Генералы Алексѣевъ и Корниловъ считали, что необходимо довести численность арміи до десяти тысячъ человѣкъ, а затѣмъ только начать расширяться и приступить къ выполненію болѣе крупныхъ задачъ.

По соглашенію съ генераломъ Калединымъ было рѣшено, что генералы Алексѣевъ и Корниловъ перейдутъ въ Ростовъ, который станетъ центромъ формированія Добровольческой арміи.

Генералъ Калединъ принималъ на себя охрану Дона съ сѣвера, но просилъ, чтобы, какъ ядро для его формируемыхъ частей, въ его распоряженіи была оставлена часть Добровольческой арміи.

Генералъ Корниловъ согласился и офицерскій батальонъ, съ одной батареей, былъ оставленъ для прикрытія Новочеркасска съ сѣвера.

Около середины (конца Января) 1918 года генералы Алексѣевъ, Корниловъ и штабъ Добровольческой арміи перешли въ Ростовъ.

Положеніе, между тѣмъ, стало труднымъ.

Всѣ желѣзныя дороги, ведущія изъ Европейской Россіи къ Новочеркасску и Ростову, были въ рукахъ большевиковъ; притокъ пополненія къ арміи почти прекратился, — просачивались только отдѣльные смѣльчаки.

Большевики стали насѣдать съ запада и съ востока, и наши части начали нести крупныя потери.

Думать о какой-нибудь наступательной операціи было трудно. Оставаясь же на мѣстѣ и только отбивая насѣдавшихъ большевиковъ, мы рисковали, что скоро будемъ совершенно окружены и истечемъ кровью.

У генерала Корнилова еще была надежда получить помощь отъ горцевъ Кавказа; туда были посланы офицеры съ порученіемъ войти въ связь съ лицами, стоявшими во главѣ горскихъ народовъ, и набирать добровольцевъ.

Эта же задача была дана генералу Эрдели, находившемуся въ Екатеринодарѣ для связи съ Кубанскимъ правительствомъ и атаманомъ.

Около 20 Января (2 Февраля) генералъ Эрдели прислалъ телеграмму, что онъ пріѣзжаетъ въ Ростовъ вмѣстѣ съ княземъ Девлетъ Гиреемъ, который обѣщаетъ выставить до десяти тысячъ черкесовъ.

Князь Девлетъ Гирей, пріѣхавъ въ Ростовъ, подтвердилъ генералу Корнилову предложеніе имъ сдѣланное генералу Эрдели, указавъ, что въ теченіе двухъ недѣль онъ обязуется выставить двѣ тысячи черкесовъ, а остальные имъ будутъ выставлены въ теченіе $1^1/_2$—2 мѣсяцевъ.

Но за это, кромѣ вооруженія и довольно значительнаго денежнаго содержанія для выставляемыхъ черкесовъ, онъ просилъ выдать ему единовременно около милліона рублей.

Было очень сомнительно, чтобы князь Гирей былъ въ состояніи выполнить свое обѣщаніе, но генералъ Корниловъ считалъ, что рискнуть надо.

Генералъ Алексѣевъ категорически отказалъ въ выдачѣ столь значительной суммы денегъ; онъ сказалъ, что совершенно не вѣритъ въ выполнимость этого проекта, но, что если генералъ Корниловъ все же хочетъ рискнуть, то онъ на это можетъ дать всего двѣсти тысячъ рублей.

Кн. Гирей не согласился и обиженный уѣхалъ въ Екатеринодаръ.

Какъ показали послѣдующія событія, этотъ проектъ не былъ бы осуществленъ и привелъ бы не къ усиленію черкесами Добровольческой арміи, а, въ лучшемъ случаѣ, только къ тому, что вооруженные черкесы, оставаясь въ раіонѣ своихъ ауловъ, оказали бы на мѣстахъ у себя болѣе упорное сопротивленіе большевикамъ.

Къ концу Января (началу Февраля) большевики заняли Батайскъ *, угрожая этимъ непосредственно Ростову, а на западѣ ими былъ занятъ Таганрогъ и они стали и съ этой стороны продвигаться къ Ростову.

Съ сѣвера нажимъ большевиковъ вдоль желѣзной дороги отъ Воронежа въ направленіи на Новочеркасскъ сталъ также увеличиваться.

Появились конныя части большевиковъ со стороны Донецкаго бассейна и опредѣлилась угроза въ направленіи на Новочеркасскъ и Ростовъ.

Положеніе становилось все болѣе и болѣе серьезнымъ; кругъ замыкался.

Генералъ Корниловъ считалъ, что дальнѣйшее нахожденіе Добровольческой арміи въ Ростовскомъ раіонѣ безполезно; что развалившееся Донское казачество не можетъ оказать серьезной поддержки, а мы не въ силахъ

* Противъ Ростова на лѣвомъ берегу Дона.

спасти его отъ большевиковъ; что необходимо двинуться къ Екатеринодару на соединеніе съ добровольческими частями, тамъ формировавшимися, и съ Кубанскими частями, не перешедшими на сторону большевиковъ. Казалось, что Кубань можетъ избѣгнуть поголовной большевистской заразы.

Донской атаманъ, генералъ Калединъ, чувствуя всю серьезность положенія и сознавая, что безъ Добровольческой арміи онъ не въ силахъ отстоять Донъ отъ большевиковъ, проектировалъ сосредоточить главныя силы Добровольческой арміи къ Новочеркасску.

Генералы Алексѣевъ и Корниловъ противъ этого возражали, указывая, что тогда мы потеряемъ Ростовъ и Добровольческая армія попадетъ подъ Новочеркасскомъ въ ловушку; что этимъ мы не поможемъ Дону, а начатое дѣло погибнетъ.

26 Января (8 Февраля) генералъ Калединъ прислалъ телеграмму, прося генераловъ Алексѣева и Корнилова немедленно пріѣхать въ Новочеркасскъ, чтобы присутствовать на засѣданіи, которое онъ устраиваетъ, вечеромъ того же дня, съ членами Донского правительства и Донского круга, вернувшимися послѣ объѣзда станицъ.

Генералъ Калединъ указалъ въ телеграммѣ, что этому совѣщанію онъ придаетъ чрезвычайное значеніе и что на немъ долженъ быть принятъ планъ дальнѣйшей борьбы съ большевиками.

Но положеніе подъ Ростовымъ было настолько серьезно, что ни генералъ Корниловъ, ни генералъ Алексѣевъ не сочли возможнымъ выѣхать въ Новочеркасскъ.

Поѣхалъ я — какъ ихъ представитель.

На засѣданіе были приглашены и Московскіе общественные дѣятели.

Доклады, сдѣланные на засѣданіи предсѣдателемъ Донского правительства и членами Донского круга, обрисовали очень тяжелую картину.

Донъ окончательно разваливался и спасти положеніе было трудно.

Послѣ моего заявленія о невозможности что либо дать изъ состава Добровольческой арміи для непосредственной обороны Новочеркасска, а что, наоборотъ, генералъ Корниловъ проситъ возможно скорѣй вернуть ему офицерскій батальонъ, большинство присутствующихъ на засѣданіи высказалось въ томъ смыслѣ, что удержать Новочеркасскъ будетъ невозможно и что атаману, съ правительствомъ и войсковымъ кругомъ, надо переѣхать немедленно въ раіонъ еще крѣпкихъ и стойкихъ станицъ, расположенныхъ по р. Дону, и тамъ постараться заставить казачество откликнуться на призывъ атамана.

Указывалось на то, что Новочеркасскъ слишкомъ на отлетѣ, что непосредственное общеніе атамана со станицами можетъ исправить дѣло.

Генералъ Калединъ выслушалъ всѣхъ говорившихъ, а затѣмъ опредѣленно заявилъ, что оставлять Новочеркасскъ онъ не можетъ; что онъ считаетъ недопустимымъ атаману бѣжать изъ столицы Донского края и скитаться по станицамъ; если ничего не выйдетъ, то онъ погибнетъ здѣсь, въ Новочеркасскѣ.

Послѣ этого онъ закрылъ засѣданіе и мы разошлись по домамъ.

Вернувшись на другой день въ Ростовъ, я доложилъ генералу Корнилову, что, по моему впечатлѣнію, генералъ Калединъ потерялъ вѣру въ возможность что либо сдѣлать для спасенія положенія.

29 Января (11 Февраля) была получена телеграмма, что генералъ Калединъ застрѣлился.

Не выдержалъ старый и честный Донской атаманъ, такъ горячо любившій Россію и свой Донъ, и такъ вѣрившій прежде донцамъ!

Смерть атамана встрепенула на нѣкоторое время Донъ.

Старики казаки громко заявили, что они повинны въ смерти любимаго атамана и что долгъ всѣхъ казаковъ, хоть послѣ смерти атамана, выполнить его призывъ и стать на защиту Дона отъ большевиковъ.

Примолкла временно и молодежь.

Въ Новочеркасскъ тысячами стали стекаться донцы для формированія новыхъ частей.

Казалось, что Донъ ожилъ.

Но, въ значительной степени, вслѣдствіе того, что штабъ Донского войска оказался въ это время не на должной высотѣ (не давали помѣщенія для размѣщенія прибывающихъ казаковъ; не наладили довольствіе горячей пищей, не сумѣли наладить организаціонные вопросы), скоро подъемъ прошелъ и казаки стали опять расходиться и разъѣзжаться по станицамъ.

2/15 Февраля я сдалъ должность начальника штаба Добровольческой арміи генералу Романовскому и былъ командированъ генераломъ Корниловымъ въ Новочеркасскъ быть, въ качествѣ его представителя, при новомъ Донскомъ атаманѣ Назаровѣ. Главная задача, которая была на меня возложена, состояла въ томъ, чтобы настаивать на болѣе энергичномъ формированіи новыхъ частей и продолженіи самой упорной борьбы съ большевиками.

4/17 Февраля въ Новочеркасскъ пришелъ походнымъ порядкомъ отъ Екатеринослава, въ блестящемъ видѣ, 6-й Донской полкъ.

Просто не вѣрилось глазамъ.

Всѣ офицеры на мѣстахъ, полная дисциплина, никакихъ комитетовъ.

Полкъ заявилъ, что онъ хочетъ сейчасъ же идти на фронтъ.

Полку была устроена торжественная встрѣча.

Послѣ молебствія на соборной площади, атаманъ и предсѣдатель Донского правительства благодарили полкъ, прибывшій въ такомъ блестящемъ видѣ.

Трогательно было видѣть, какъ глубокіе старики донцы подходили къ полку и, кланяясь до земли, благодарили славныхъ станичниковъ за то, что они поддержали честь и славу Дона и не поддались искушенію большевистской пропаганды.

6/19 Февраля полкъ былъ отправленъ на фронтъ, а 8/21 Февраля, подъ вліяніемъ агитаторовъ, отказался сражаться . . .

Къ сѣверу отъ Новочеркасска, кромѣ небольшихъ казачьихъ и партизанскихъ частей, ничего не было.

Большевики насѣдали и было ясно, что дни Новочеркасска сочтены.

Въ ночь съ 8/21 на 9/22 Февраля 1918 года генералъ Корниловъ, увидя, что для Дона уже все кончено и что дальнѣйшая оборона Ростовскаго раіона, не приведя ни къ чему, погубитъ армію, вышелъ съ добровольцами изъ Ростова на Аксай, а затѣмъ, переправившись черезъ Донъ, сосредоточился 10/23 Февраля Добровольческую армію въ раіонѣ станицы Ольгинской.

10/23 Февраля на лошадяхъ, съ цѣлью пробраться къ желѣзной дорогѣ, а затѣмъ проѣхать въ Москву, выѣхали изъ Новочеркасска П. Б. Струве и князь Гр. Н. Трубецкой.

11/24 Февраля большевики были уже совсѣмъ близко отъ Новочеркасска и было ясно, что 12/25 Февраля они займутъ городъ.

Я, съ вечера, заказалъ себѣ сани, чтобы ѣхать рано утромъ 12/25 Февраля на соединеніе съ арміей.

Въ ночь съ 11/24 на 12/25 Февраля я, въ послѣдній разъ, говорилъ по телефону съ Донскимъ войсковымъ атаманомъ генераломъ Назаровымъ.

Онъ мнѣ сказалъ, что онъ рѣшилъ, вмѣстѣ съ войсковымъ кругомъ, не уѣзжать изъ Новочеркасска; что, оставаясь, онъ этимъ спасетъ городъ отъ разграбленія.

Я ему совѣтовалъ ѣхать въ армію генерала Корнилова; сказалъ, что, оставаясь въ Новочеркасскѣ, онъ обрекаетъ себя на напрасную гибель.

Генералъ Назаровъ мнѣ отвѣтилъ, что большевики не посмѣютъ тронуть выборнаго атамана и войсковой кругъ; что, по его свѣдѣніямъ, нервыми войдутъ въ Новочеркасскъ присоединившіеся къ большевикамъ донскіе казаки подъ начальствомъ Голубова; что этотъ Голубовъ, хотя и мерзавецъ, убившій Чернецова, но его, Назарова, не тронетъ, такъ какъ онъ за него какъ-то заступился и освободилъ изъ тюрьмы.

Я убѣждалъ генерала Назарова не быть такимъ оптимистомъ и уѣхать. Закончилъ я такъ: «Если Вы останетесь, то Васъ растерзаютъ. Я понимаю, что можно было бы на это идти, если-бъ Вы этимъ что-нибудь спасали. А такъ гибнуть — совершенно безцѣльно».

Но мои уговоры были напрасны; генералъ Назаровъ еще разъ сказалъ, что онъ убѣжденъ, что его не посмѣютъ тронуть, а затѣмъ добавилъ, что если онъ ошибается и погибнетъ, то погибнетъ такъ — какъ завѣщалъ покойный атаманъ Калединъ, сказавшій, что выборный атаманъ не смѣетъ покидать свой постъ.

* *
*

Во время моего пребыванія въ Новочеркасскѣ меня безпокоилъ вопросъ о томъ, какъ поступить съ ранеными добровольцами, находившимися въ лазаретахъ.

Увозить ихъ было некуда, а оставлять въ лазаретахъ на растерзаніе большевиковъ было невозможно.

Снесясь съ генераломъ Алексѣевымъ, я получилъ отъ него деньги, которыя мною были переданы образовавшейся въ Новочеркасскѣ организаціи.

Было рѣшено, передъ приходомъ большевиковъ, тѣмъ добровольцамъ, которые могутъ передвигаться, выдать на руки нѣкоторую сумму денегъ и предоставить имъ самимъ какъ-нибудь устроиться въ городѣ или въ сосѣднихъ станицахъ.

Тяжело же раненыхъ и больныхъ, частью размѣстить на окраинахъ города у надежныхъ жителей, а часть, подъ видомъ простыхъ солдатъ, оставить въ лазаретахъ.

Такъ и было сдѣлано.

Впослѣдствіи выяснилось, что часть раненыхъ офицеровъ, изъ числа оставшихся въ Новочеркасскѣ, была большевиками убита.

* *
*

Послѣ оставленія Ростова, Добровольческая армія, насчитывая въ своихъ рядахъ всего 2500 бойцовъ, совершенно оторвалась отъ внѣшняго міра.

Во время похода къ Екатеринодару, армія, перенеся всѣ трудности зимней кампаніи, прозванной впослѣдствіи «ледянымъ походомъ», непрерывно, не только вела бои съ преграждавшими ей путь большевиками, но отбивала атаки насѣдавшихъ на нее бандъ и съ флаговъ и съ тыла.

Послѣ смерти генерала Корнилова, убитаго подъ Екатеринодаромъ 31 Марта (13 Апрѣля) 1918 года, армія, опять послѣ ряда боевъ, пробилась обратно на территорію Дона, гдѣ, къ тому времени, возставшее противъ большевиковъ казачество очистило отъ нихъ свою территорію.

Армія только къ Маю 1918 года попала въ условія, позволившія ей отдохнуть и пополниться для продолженія борьбы съ большевиками.

Маленькая армія генерала Корнилова могла совершить этотъ трехмѣсячный, легендарный по своей трудности, походъ, причемъ въ ея рядахъ, при полной вѣрѣ въ своего вождя, не было ни разу ни ропота, ни колебаній, — только благодаря высокому духовному подъему, который былъ въ сердцахъ всѣхъ чиновъ арміи отъ командующаго до послѣдняго солдата.

Этотъ первый періодъ существованія Добровольческой арміи — былъ чисто добровольческимъ періодомъ.

Въ арміи не было ни одного человѣка, который попалъ бы въ ея ряды по набору или по принужденію.

Надо было видѣть все это юношество, составлявшее армію; юношество, горѣвшее любовью къ родинѣ, мечтавшее положить свою жизнь за ея возрожденіе и отомстить предателямъ и насильникамъ за разрушеніе Россіи и за поруганные идеалы, чтобы понять всю моральную силу, которую они представляли.

Весь Новочеркасскій и Ростовскій періодъ былъ одновременно періодомъ формированія арміи и періодомъ безпощадной борьбы.

Непрерывная борьба на фронтѣ съ насѣдавшими большевиками, почти безъ смѣны, протекала въ крайне тяжелыхъ условіяхъ: приходилось быть почти все время безъ крова, не имѣя по цѣлымъ недѣлямъ горячей пищи, почти безъ теплой одежды.

Денежное содержаніе выдавалось ничтожное, едва хватавшее на прокормленіе.

Но и при этихъ условіяхъ настроеніе въ рядахъ арміи было всегда бодрое.

Офицеровъ, изрѣдка, два на два, на три, командиры частей отпускали передохнуть въ Новочеркасскъ или въ Ростовъ.

Помывшись въ банѣ, переодѣвъ чистое бѣлье и разъ-два хорошо пообѣдавъ, офицерство, обыкновенно, возвращалось въ части раньше срока, на который ихъ отпускали.

За этотъ періодъ не поступало жалобъ отъ населенія на какія либо насилія или грабежи войсковыхъ частей.

Тѣ части, которыя, послѣ смѣны, отводились на короткіе сроки въ резервъ, въ Ростовъ, несли и тамъ непрерывную службу по охранѣ и поддержанію порядка.

За періодъ отъ начала формированія арміи до выхода изъ Ростова поступило въ ея ряды свыше 6000 человѣкъ; при оставленіи Ростова, какъ я уже отмѣтилъ, число бойцевъ не превышало 2500 человѣкъ.

Размѣръ общей потери говоритъ о той работѣ, которую дѣлала армія. Былъ конечно, небольшой % добровольцевъ, которые стремились устроиться въ тылу на болѣе спокойныхъ мѣстахъ, но такихъ было мало.

Я помню, что, отыскивая себѣ надежнаго адъютанта, я остановился на штабсъ-капитанѣ Л. Гв. Преображенскаго полка, Владимірѣ Ратьковѣ-Рожновѣ.

Въ отвѣтъ на мою телеграмму на имя командира части, я получилъ увѣдомленіе, что Ратьковъ-Рожновъ командируется въ Ростовъ.

Пріѣхавшій офицеръ явился ко мнѣ и, поблагодаривъ за предложеніе, просилъ его оставить въ строю на томъ основаніи, что ему будетъ совѣстно передъ товарищами, что онъ не будетъ раздѣлять съ ними лишеній и опасностей боевой жизни, занимая должность адъютанта.

Вскорѣ послѣ этого онъ былъ убитъ, спасая въ бою своего раненаго товарища.

Узнавъ о его смерти, пошелъ въ ряды Добровольческой арміи его братъ, тяжело контуженный во время Европейской войны и безусловно подлежавшій освобожденію отъ службы. Онъ также былъ убитъ.

Третій ихъ братъ, и послѣдній, былъ убитъ во время Европейской войны.

Изъ такихъ честныхъ и доблестныхъ бойцовъ была сформирована маленькая армія генерала Корнилова.

У большевиковъ и начало Гетманства на Украинѣ

Въ 6 часовъ утра 12/25 февраля я выѣхалъ на лошадяхъ изъ Новочеркасска въ станицу Ольгинскую, куда отходила Добровольческая армія изъ-подъ Ростова; Новочеркасскъ былъ занятъ большевиками 12/25 февраля около двухъ часовъ дня.

Въ Ольгинскую я пріѣхалъ около десяти часовъ утра. По дорогѣ едва переправился у Старочеркасска черезъ Донъ, такъ какъ начиналась оттепель и около береговъ ледъ оттаялъ.

Генералъ Корниловъ, привявъ меня, сказалъ, что, такъ какъ я теперь уже не начальникъ штаба и моя миссія, съ которой я ѣздилъ въ Новочеркасскъ, закончена, онъ проситъ меня, какъ и генерала Деникина, оставаться при арміи въ непосредственномъ его распоряженіи.

Общая численность всей Добровольческой арміи не превышала трехъ съ половиной тысячъ человѣкъ, изъ коихъ не менѣе тысячи человѣкъ являлось не боеспособными.

Обозъ при арміи былъ большой; раненыхъ было болѣе двухсотъ человѣкъ и необходимо было везти съ собой всѣ боевые запасы и винтовки, которые удалось вывезти изъ Ростова.

Обозъ увеличивался еще группою гражданскихъ лицъ, которыя хотѣли оставаться при арміи (въ томъ числѣ бывшій предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко и бывшій членъ Государственной Думы Н. Н. Львовъ), и довольно многочисленной политической канцеляріей, состоявшей при генералѣ Алексѣевѣ; при немъ, кромѣ того, состоялъ небольшой личный конвой.

Въ общемъ являлось опасеніе, что если въ ближайшій періодъ армія не увеличится, то она явится лишь прикрытіемъ къ своему обозу.

Генералъ Корниловъ надѣялся, что Донцы и Кубанцы станицъ, черезъ которыя будетъ проходить армія, откликнутся на его призывъ и это дастъ возможность сформировать конныя части, а селенія съ неказачьимъ населеніемъ дадутъ укомплектованія для пѣхоты.

Между генералами Корниловымъ и Алексѣевымъ было окончательно установлено, что, въ смыслѣ управленія арміей и постановки ей боевыхъ задачъ, будетъ управлять и распоряжаться генералъ Корниловъ, а генералъ Алексѣевъ будетъ руководить политической частью, сношеніями съ внѣшнимъ міромъ и въ его рукахъ будетъ казначейская часть.

Конечно, это не было разрѣшеніемъ больного вопроса о взаимоотношеніяхъ между ними, но другого выхода не было — разъ одинъ другому подчиниться не могъ.

Послѣ разговора съ генераломъ Алексѣевымъ я вынесъ впечатлѣніе, что онъ считаетъ положеніе очень серьезнымъ и начинаетъ думать о томъ, какъ бы спасти офицеровъ и дать имъ возможность «распылиться».

«Наша задача, прежде всего, должна заключаться въ томъ, чтобы выбраться изъ кольца, который образуютъ большевики. А тамъ дальше будетъ видно: или будемъ продолжать борьбу, или распустимъ офицеровъ *, давъ имъ денегъ и предложивъ самостоятельно, черезъ Кавказскія горы, пробираться кто куда пожелаетъ или будетъ въ состояніи — такъ закончилъ разговоръ генералъ Алексѣевъ.

13/26 февраля, утромъ, генералъ Романовскій зашелъ въ хату, которую я занималъ, и сказалъ, что въ 12 часовъ дня назначено совѣщаніе и генералъ Корниловъ проситъ меня на немъ присутствовать; ожидается генералъ Поповъ, бывшій походнымъ атаманомъ войска Донского.

Къ назначенному времени на совѣщаніе собрались: генералы Корниловъ, Алексѣевъ, Деникинъ, Романовскій, я, Марковъ, Поповъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ полковникомъ Сидоринымъ, и нѣсколько строевыхъ офицеровъ, позванныхъ генераломъ Корниловымъ.

Генералъ Поповъ доложилъ, что онъ, съ небольшимъ отрядомъ, въ общемъ около двухъ тысячъ коней при двухъ конныхъ батареяхъ и группою Донскихъ офицеровъ, оставилъ Новочеркасскъ около часу дня 12/25 февраля; что большевики при выходѣ его изъ города уже въ него входили; что войсковой атаманъ, генералъ Назаровъ, остался въ Новочеркасскѣ вмѣстѣ съ большей частью войскового круга и, какъ доложилъ прискакавшій въ его отрядъ изъ занятаго большевиками Новочеркасска офицеръ, былъ арестованъ и, въ ночь на 13/26 февраля, разстрѣлянъ.

Затѣмъ на предложеніе ген. Корнилова присоединить его отрядъ къ Добровольческой арміи, ген. Поповъ просилъ первоначально выяснить дальнѣйшія намѣренія ген. Корнилова и направленіе движенія Добровольческой арміи, но что онъ, со своей стороны, долженъ опредѣленно заявить, что Донской отрядъ не можетъ покинуть территорію Дона и что онъ, ген. Поповъ, считаетъ, что отряду лучше всего, прикрываясь съ сѣвера р. Дономъ, который скоро станетъ трудно проходимымъ, переждать событія въ раіонѣ зимовниковъ (поселки и хутора, къ которымъ на зиму сгонялись табуны лошадей и скота), гдѣ много

* Подразумѣвалось, конечно, вообще «добровольцевъ».

хлѣба, фуража, лошадей. скота и повозокъ для обозъ. Изъ этого раіона онъ могъ бы развить партизанскія дѣйствія въ любомъ направленіи.

Генералъ Корниловъ сказалъ, что онъ, по соглашенію съ генераломъ Алексѣевымъ, предполагаетъ двинуться по направленію къ Екатеринодару, гдѣ имѣются добровольческія формированія, и движеніемъ на Екатеринодаръ есть надежда заставить Кубанское казачье войско подняться противъ большевиковъ и, усиливъ Добровольческую армію и находясь въ богатомъ раіонѣ, продолжать борьбу; но, что, вслѣдствіе заявленія ген. Попова, онъ предлагаетъ еще разъ обсудить этотъ вопросъ и проситъ желающихъ высказаться.

Генералъ Алексѣевъ на это сказалъ, что врядъ ли встрѣчается надобность вновь дебатировать этотъ вопросъ, но что, впрочемъ, если ген. Корниловъ находитъ нужнымъ еще разъ его поставить на обсужденіе, то онъ считаетъ необходимымъ повторить то, что онъ уже говорилъ въ Ростовѣ, то-есть что единственно правильнымъ является направленіе на Екатеринодаръ, такъ какъ въ этомъ направленіи легче всего прорвать большевистское кольцо, окружающее Добровольческую армію; есть надежда на соединеніе съ добровольческими отрядами, дѣйствующими въ раіонѣ Екатеринодара; есть полное основаніе разсчитывать поднять Кубанское войско противъ большевиковъ и, наконецъ, мы займемъ богатый во всѣхъ отношеніяхъ раіонъ, который дастъ намъ возможность пополниться, привести себя въ порядокъ, отдохнуть и, съ новыми силами, продолжать борьбу. Въ случаѣ же если полнаго успѣха мы не добьемся, то Добровольческая армія, во всякомъ случаѣ, будетъ въ силахъ дойти до Кавказскихъ горъ и тамъ, если обстановка потребуетъ, можно будетъ ее распустить.

Я попросилъ дать мнѣ слово.

Я сказалъ, что не возражая по существу противъ того, что сказано генераломъ Алексѣевымъ, я долженъ обратить вниманіе только на то, что уже теперь при нашей арміи или, правильнѣй сказать, при нашемъ небольшомъ отрядѣ болѣе двухсотъ раненыхъ и чрезмѣрно большой обозъ съ боевыми припасами и ружьями, который бросить нельзя. Обозныя лошади, набранныя главнымъ образомъ въ Ростовѣ, уже теперь имѣютъ жалкій видъ и еле тянутъ свои повозки и сани; что при наступленіи на Екатеринодаръ намъ нужно будетъ два раза переходить желѣзную дорогу; въ первый разъ въ раіонѣ близъ ст. Когальницкой, второй разъ гдѣ-нибудь около ст. Сосыка; что большевики, будучи отлично освѣдомлевы о нашемъ движеніи, и тамъ, и тамъ преградятъ намъ путь и подведутъ къ мѣсту боя бронированные поѣзда; что трудно будетъ спасти раненыхъ, которыхъ будетъ, конечно, много. Начинающаяся распутица, при условіи, что половина обоза на полозьяхъ, затруднитъ движеніе; замѣнять выбивающихся изъ силъ лошадей другими будетъ трудно.

Наконецъ, что мы совершенно не освѣдомлены о томъ, что происходитъ на Кубани; возможно, что нашъ расчетъ на возстаніе Кубанскихъ казаковъ ошибоченъ и насъ тамъ встрѣтятъ какъ враговъ.

Я выразилъ сомнѣніе, вслѣдствіе причинъ, мною изложенныхъ, въ правильности рѣшенія идти теперь прямо на Екатеринодаръ. Я высказалъ, что лучше всего поступить такъ, какъ предполагаетъ сдѣлать походный атаманъ войска Донского, то-есть пока перейти въ раіонъ зимовниковъ и въ этомъ раіонѣ, прикрываясь съ сѣвера р. Дономъ и находясь въ удаленіи отъ желѣзной дороги, переформировать нашу армію, исправить и пополнить обозъ, перемѣнить конскій составъ и нѣсколько отдохнуть. Я сказалъ, что большевики

мѣсяца два намъ не будутъ страшны: они не посмѣютъ оторваться отъ желѣзной дороги. Если же рискнутъ на какую-нибудь противъ насъ операцію, то будутъ разбиты. Мѣсяца же черезъ два, съ новыми силами, мы, въ зависимости отъ обстановки, которая къ тому времени выяснится, примемъ то или иное рѣшеніе.

Генералъ Алексѣевъ заявилъ, что рѣшеніе идти прямо на Екатеринодаръ является единственно правильнымъ.

Генералъ Романовскій, соглашаясь съ моими замѣчаніями, сказалъ, что признавая правильнымъ идти на Екатеринодаръ, онъ полагаетъ, что надо учесть и мои указанія и, по пути къ Екатеринодару, постараться продѣлать въ какомъ либо раіонѣ все то — на что указываю я.

Генералъ Корниловъ сказалъ, что онъ не можетъ не согласиться съ правильностью моихъ замѣчаній, но не считаетъ правильнымъ идти въ раіонъ тѣхъ зимовниковъ у р. Дова, на которые указываю я, и объявилъ, что онъ рѣшаетъ идти пока съ арміей въ раіонъ къ западу отъ ст. Великокняжеской, который также богатъ лошадьми, скотомъ и хлѣбомъ, какъ и раіонъ сѣверныхъ зимовниковъ, и что тамъ онъ приведетъ армію въ порядокъ и затѣмъ, вѣроятно, пойдетъ на Екатеринодаръ.

На этомъ совѣщаніе закончилось и генералъ Алексѣевъ сейчасъ же ушелъ, а вслѣдъ за нимъ разошлись и другіе.

Я прошелъ въ комнату къ генералу Романовскому, который мнѣ сказалъ, что генералъ Корниловъ хочетъ кого-нибудь командировать въ Екатеринодаръ, дабы подготовить приходъ Добровольческой арміи и договориться съ Кубанскимъ правительствомъ, чтобы, въ будущемъ, не было никакихъ недоразумѣній, но что генералъ Корниловъ не знаетъ, на комъ остановиться; командируемое лицо должно быть въ курсѣ всего дѣла и достаточно авторитетное.

Въ тотъ же вечеръ, около восьми часовъ, я вновь пошелъ къ генералу Романовскому, чтобы узнать, нѣтъ ли какихъ либо интересныхъ или важныхъ донесеній.

Генерала Романовскаго въ его кабинетѣ я не засталъ и вѣстовой мнѣ сказалъ, что онъ у генерала Корнилова; я пошелъ въ помѣщеніе командующаго арміей.

Войдя въ столовую, я невольно остановился: за столомъ сидѣли тѣ же лица, кои были и на дневномъ совѣщаніи; не было только генерала Попова и полковника Сидорина, уѣхавшихъ въ свой отрядъ, и генерала Деникина, который, какъ я потомъ узналъ, былъ приглашенъ на засѣданіе, но заболѣлъ и прислалъ сказать, что придти не можетъ.

Увидѣвъ меня, ген. Корниловъ поднялся, придвинулъ къ столу стулъ и просилъ меня сѣсть. При этомъ онъ сказалъ: «Очень радъ, Александръ Сергѣевичъ, что вы пришли. Ген. Алексѣевъ попросилъ насъ вновь собраться и обсудить вопросъ относительно нашихъ дальнѣйшихъ плановъ», и затѣмъ, обращаясь къ ген. Алексѣеву, прибавилъ: «прошу Васъ, Михаилъ Васильевичъ, начать сначала; я хочу, чтобы ген. Лукомскій выслушалъ то, что было Вами сказано до его прихода».

Генералъ Алексѣевъ началъ такъ: «сегодня днемъ генералъ Лукомскій сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній относительно рѣшенія идти на Екатеринодаръ. Его замѣчанія были приняты къ свѣдѣнію и Командующій арміей измѣнилъ свое первоначальное рѣшеніе идти прямо на Екатеринодаръ. Правильность новаго

рѣшенія, мнѣ кажется, слѣдуетъ еще провѣрить и я просилъ генерала Корнилова собрать насъ снова».

Затѣмъ генералъ Алексѣевъ вновь указалъ причины, по которымъ онъ считаетъ необходимымъ идти на Екатеринодаръ.

Новаго онъ ничего не сказалъ и не сказалъ, въ чемъ именно онъ не согласенъ со мной.

Послѣ этого генералъ Корниловъ предложилъ мнѣ отвѣтить генералу Алексѣеву.

Я сказалъ, что я не могу прибавить ни одного слова къ тому, что было мною сказано днемъ, и просилъ бы генерала Алексѣева объяснить, въ чемъ же онъ со мной не согласенъ.

На этотъ вопросъ я отвѣта не получилъ.

Послѣ непродолжительныхъ преній генералъ Корниловъ сказалъ, что рѣшенія, принятаго днемъ онъ не мѣняетъ; но что, ко времени подхода арміи къ станицѣ Егорлыцкой (рѣшено было идти первоначально туда, такъ какъ были свѣдѣнія, что тамъ въ складахъ имѣются артиллерійскіе припасы), выяснится, идти ли къ ст. Великокняжеской или повернуть на Екатеринодаръ.

Послѣ этого члены совѣщанія разошлись.

Я прошелъ въ комнату Романовскаго и спросилъ его, почему я не былъ приглашенъ на совѣщаніе, на которомъ должно было разбираться мое заявленіе сдѣланное днемъ.

Романовскій сказалъ, что произошло простое недоразумѣніе; что онъ получилъ записку отъ генерала Корнилова съ перечисленіемъ тѣхъ, кого надо пригласить и, что онъ, не провѣривъ списка приглашенныхъ на засѣданіе лицъ, приказалъ адъютанту сообщить всѣмъ о засѣданіи; что, конечно, генералъ Корниловъ просто ошибся и что онъ проситъ считать его, Романовскаго, виновникомъ случившагося.

Это мелкое недоразумѣніе все же мнѣ показало, что, послѣ того, какъ я былъ въ арміи начальникомъ штаба, оставаться при ней безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій будетъ трудно, и я рѣшилъ просить о командированіи меня въ Екатеринодаръ.

Я попросилъ генерала Романовскаго сейчасъ же пойти къ генералу Корнилову и доложить, что я предлагаю свои услуги для переговоровъ съ Кубанскимъ правительствомъ.

Романовскій пошелъ и вернувшись минутъ черезъ пять сказалъ, что генералъ Корниловъ согласенъ и проситъ меня къ себѣ.

Генералъ Корниловъ долго со мной говорилъ, давая указанія по интересовавшимъ его вопросамъ. Затѣмъ я прошелъ къ генералу Алексѣеву и получилъ указанія отъ него для разговоровъ съ Кубанскимъ правительствомъ.

Съ разрѣшенія генерала Корнилова я предложилъ генералу Ронжину, бывшему при арміи начальникомъ судной части, ѣхать со мной. Затѣмъ поручилъ коменданту штаба купить для меня подводу и пару лошадей. Въ качествѣ подводчика предложилъ ѣхать со мной вѣстовому генерала Эрдели (ген. Эрдели былъ еще раньше командированъ въ Екатеринодаръ) Андрею (фамилію, къ сожалѣнію, забылъ), котораго зналъ давно и былъ въ немъ вполнѣ увѣренъ.

Путешествіе было очень рискованное и я объ этомъ предупредилъ моихъ спутниковъ.

14/27 февраля утромъ, вмѣстѣ съ Добровольческой арміей, мы переѣхали въ станицу Хомутовскую. Здѣсь мы окончательно пересмотрѣли наши вещи,

чтобы не оказалось въ нихъ чего-либо указывающаго на наше воинское званіе; провѣрили документы, выданные на чужія имена; сговорились, какія давать показанія на случай, если въ пути насъ будутъ задерживать и опрашивать и выработали маршрутъ. Послѣднее было трудно, ибо, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, пожаръ большевизма охватилъ весь раіонъ южной окраины Донской области и сѣверную полосу Кубанской. Мы рѣшили ѣхать проселочными дорогами, возможно дальше отъ желѣзной дороги, которая уже полностью была захвачена большевиками.

Около двухъ часовъ дня, 14/27 февраля, я пошелъ попрощаться съ генераломъ Корниловымъ и, около 6 часовъ вечера, мы выѣхали по направленію станицы Кагальницкой.

* *
*

Въ Кагальницкой переночевали и 15/28-го рано утромъ тронулись дальше на селеніе Гуляй-Борисовъ.

Выѣзжая изъ Кагальницкой, слышали артиллерійскую стрѣльбу въ сторонѣ ст. Хомутовской (какъ впослѣдствіи узнали, конный отрядъ большевиковъ съ 2-мя орудіями произвелъ нападеніе на наши части, бывшія въ станицѣ Хомутовской).

Дорога была тяжелая, начиналась оттепель, а лошади оказались слабыми и, пройдя 12—15 верстъ, стали приставать. Не доѣзжая примѣрно 10 верстъ до селенія Гуляй-Борисовъ, мы рѣшили заѣхать на придорожный хуторъ и покормить лошадей. Войдя въ хату, мы увидѣли тамъ много народа; оказалось, что наканунѣ была свадьба и, по мѣстному обычаю, гости собрались на пиршество на другой день послѣ свадьбы.

Обыкновенно, въ подобныхъ случаяхъ, каждый случайный гость принимается съ радостью. Насъ же хозяева встрѣтили очень холодно и это сразу намъ показало, что здѣсь что-то не ладно. Сѣли мы въ уголъ хаты, достали свою провизію и стали закусывать.

Въ это время одинъ изъ бывшихъ въ хатѣ, по виду богатый крестьянинъ, подсѣлъ къ намъ и сказалъ мнѣ тихимъ голосомъ: «я не знаю, кто вы, куда и зачѣмъ ѣдете, но хочу васъ предупредить, что большевиками отдано распоряженіе задерживать всѣхъ ѣдущихъ со стороны арміи Корнилова и отвозить на станцію Степную, гдѣ, какъ говорятъ, всѣхъ разстрѣливаютъ». Сказалъ и отошелъ.

Я переглянулся съ Рожинымъ и мы рѣшили, что дѣло плохо; рѣшили закусить, обдумать положеніе, дать лошадямъ отдохнуть, а затѣмъ принять то или иное рѣшеніе.

Но, черезъ какихъ-нибудь десять минутъ, хата оказалась окруженной вооруженными солдатами; трое изъ нихъ взошли въ хату и потребовали отъ насъ документы и объясненіе, куда и зачѣмъ ѣдемъ. Разговоръ былъ короткій. Солдаты объявили намъ, что мы арестованы, что они должны доставить насъ въ селеніе Гуляй-Борисовъ, а тамъ разберутъ, какъ съ нами поступить дальше. Сопротивляться было безполезно. Намъ дали окончить нашу закуску и мы, подъ конвоемъ, отправились въ Гуляй-Борисовъ; ѣхали на своей подводѣ.

По пріѣздѣ въ Гуляй-Борисовъ насъ доставили въ волостное правленіе, гдѣ уже собрался мѣстный революціонный комитетъ и масса народа.

Сначала насъ допросили, затѣмъ обыскали. И члены революціоннаго комитета и собравшаяся публика ругали насъ самыми послѣдними словами. На наше заявленіе, что я ѣду по торговымъ дѣламъ, а мой спутникъ ѣдетъ лѣчиться — отвѣчали: «ладно, вотъ доставятъ васъ на Степную, такъ тамъ разберутъ, а вѣрнѣй всего васъ, подлыхъ буржуевъ, просто разстрѣляютъ».

Насъ допрашивали и по одиночкѣ, и всѣхъ вмѣстѣ. Въ промежуткахъ между допросами мы сидѣли въ карцерѣ. Въ этомъ же карцерѣ сидѣлъ казакъ, который наканунѣ везъ пять пассажировъ; этихъ пассажировъ, по словамъ казака, повезли на ст. Степную, а его оставили въ карцерѣ, сказавъ, что подвода и лошади отъ него отбираются, а что сдѣлаютъ съ нимъ — еще подумаютъ: «или хорошенько отдеремъ и выпустимъ, или разстрѣляемъ». Бѣдный казакъ страшно волновался и все время молился.

Отобравъ всѣ наши вещи и деньги (оставили только по десять рублей «на папиросы»), насъ повезли въ 11 часовъ вечера, на другой подводѣ, въ сел. Глѣбовка (или, какъ они называли, Хлѣбовка). Нашу подводу, также какъ и вещи, оставили у себя, сказавъ намъ, что деньги, вещи и подвода будутъ доставлены на ст. Степную. У меня въ Гуляй-Борисовѣ было отобрано немного болѣе 2000 рублей; не отыскали тысячерублевую бумажку, зашитую въ куртку.

Въ Глѣбовскомъ волостномъ правленіи было много народа; насъ вновь обыскали и начался безконечный допросъ. Обращались конечно грубо. Послѣ допроса повели въ карцеръ. Сидя въ карцерѣ, мы наслушивались всякой брани и угрозъ.

Передъ разсвѣтомъ мѣстный революціонный трибуналъ рѣшилъ вновь насъ допросить.

Послѣ того, какъ допросили меня, я былъ опять посаженъ въ карцеръ, а Ронжина и Андрея повели на допросъ.

Во время ихъ допроса, въ другой комнатѣ, въ которую выходила дверь изъ моего карцера, стала собираться толпа, и я услышалъ, что собравшіеся обсуждали вопросъ, какъ съ нами поступить.

Слышались такія фразы: «Этихъ кадетъ все равно разстрѣляютъ на станціи Степной. Теперь грязь и холодно; зачѣмъ мучить нашихъ людей и гонять ихъ на Степную сопровождать эту с....., когда съ ними тамъ сейчасъ же покончатъ». «Что же это за порядки: на станціи Степной расправляются съ буржуями, а намъ здѣсь нельзя позабавиться». «Стоитъ ли изъ-за нѣсколькихъ негодяевъ гонять своихъ людей» и т. п.

Послѣ долгихъ споровъ было устроено голосованіе и рѣшено (слышалъ только одинъ протестующій голосъ): на станцію Степную буржуевъ не вести, а разстрѣлять тутъ же въ огородѣ.

Сейчасъ же нашлось нѣсколько нетерпѣливыхъ, которые требовали немедленнаго приведенія приговора въ исполненіе. Но большинство запротестовало и было рѣшено подождать до разсвѣта и тогда съ нами покончить; пока же было приказано вырыть въ огородѣ яму.

Не могъ успокоиться какой-то пьяный въ солдатской формѣ. Онъ подошелъ къ карцеру и хотѣлъ открыть дверь, говоря, что онъ покончитъ съ однимъ изъ буржуевъ теперь же.

На мое счастіе запоръ оказался прочнымъ, а сторожъ, у котораго былъ ключъ отъ замка, отсутствовалъ. Не будучи въ состояніи открыть дверь, пьяный солдатъ просунулъ винтовку въ окошечко карцера, зарядилъ ее и требовалъ чтобы я вышелъ на середину комнаты. Такъ какъ его уговоры меня не

соблазнили, и онъ никакъ не могъ меня увидѣть, то, повидимому, ему это надоѣло и, хорошенько меня выругавъ и обѣщавъ, что первый выпуститъ въ меня пулю при моемъ разстрѣлѣ, ушелъ.

Обдумавъ всю обстановку, я пришелъ къ заключенію, что разсчитывать на благопріятный исходъ невозможно и рѣшилъ кончить дѣло самому.

Еще въ Могилевѣ, когда я былъ арестованъ съ генераломъ Корниловымъ по приказанію Керенскаго, докторъ Козловскій (старшій врачъ Ставки) далъ мнѣ три пилюли съ ціанистымъ каліемъ, сказавъ, что онѣ могутъ мнѣ пригодиться, въ случаѣ если будетъ мнѣ угрожать самосудъ. Давая мнѣ три пилюли, онъ порекомендовалъ, чтобы я ихъ хранилъ въ разныхъ мѣстахъ, дабы, когда потребуется, хоть одна была при мнѣ. Къ этому времени у меня сохранились двѣ пилюли (третья была въ катушкѣ иголъ, отобранной при обыскѣ въ Гуляй-Борисовѣ). Я досталъ обѣ пилюли; сначала думалъ одну дать Ронжину (за Андрея, какъ солдата, я не безпокоился, считая, что онъ вывернется), но потомъ передумалъ, рѣшивъ, что не имѣю права толкать другого на самоубійство.

Перекрестившись, я проглотилъ обѣ пилюли, предварительно ихъ разломавъ, дабы скорѣй подѣйствовали.

Вынувъ часы, я сталъ слѣдить по нимъ, прислушиваясь къ тому, не начинаетъ ли дѣйствовать ядъ. Черезъ минуту, какъ мнѣ показалось, у меня налились сосуды на рукахъ и сердце какъ бы сжалось, но затѣмъ все прошло; прождавъ пять минутъ и убѣдившись, что нѣтъ никакого дѣйствія яда, я мысленно выругалъ д-ра Козловскаго, давшаго мнѣ якобы ядъ, и спряталъ часы *.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого я услышалъ въ сосѣдней комнатѣ крикъ, споры. Прислушавшись, я разобралъ, что кто-то вновь прибывшій ругательски ругаетъ монахъ тюремщиковъ за рѣшеніе насъ разстрѣлять: «что это вы, мерзавцы, выдумали; развѣ не знаете, что сегодня въ Ильинкѣ разстрѣляли трехъ членовъ революціоннаго комитета за неисполненіе распоряженія главнокомандующаго? Что же вы хотите, чтобы изъ-за этой с..... разстрѣляли всѣхъ насъ? Разъ намъ приказано всѣхъ арестованныхъ доставлять на станцію Степную, такъ мы должны это исполнить!»

Послѣ долгихъ криковъ и споровъ было рѣшено насъ отправить на станцію Степную.

Послѣ этого вернулись въ карцеръ бывшіе на допросѣ Ронжинъ и Андрей. Я имъ повѣдалъ, что проглотилъ ядъ. Они взволновались, но видя, что я чувствую себя благополучно, понемногу успокоились.

Вскорѣ вниманіе нашихъ тюремщиковъ было отъ насъ отвлечено: привели двухъ новыхъ арестованныхъ; оба они были въ солдатской формѣ и не скрывали свою принадлежность къ Добровольческой арміи, говоря лишь, что они еще не воевали. Повидимому они были пойманы во время развѣдки.

Одного изъ нихъ узнали, какъ мѣстнаго жителя — сына богатаго хуторянина. Фамилія его была, если не ошибаюсь, Белисъ или Бейлисъ. Оба были юноши 17—18 лѣтъ.

* Впослѣдствіи отъ одного изъ офицеровъ, пріѣхавшаго изъ Могилева, я слышалъ, что д-ръ Козловскій подтверждаетъ, что онъ далъ мнѣ настоящій ціанистый калій. Я рѣшилъ, что, вѣроятно, ядъ былъ старый и не дѣйствительный. Но затѣмъ, разговаривая какъ то съ однимъ химикомъ, я отъ него услышалъ, что, будто бы, пріемъ соды передъ пріемомъ ціанистаго калія нейтрализуетъ послѣдній. Я же, дѣйствительно, за полчаса до пріема яда, вслѣдствіе сильной изжоги, принялъ значительное количество соды. Въ чемъ истина — не знаю до настоящаго времени.

Весь гнѣвъ толпы былъ направленъ противъ нихъ.

Часовъ въ 8 утра насъ пѣшкомъ, подъ конвоемъ конныхъ, отправили на ст. Степную, до которой было около 40 верстъ.

Выйдя на крыльцо и увидя, что намъ предстоитъ по очень скверной дорогѣ (была страшная грязь) идти пѣшкомъ, я рѣшилъ снять свой полушубокъ и попросить коннаго взять его къ себѣ на сѣдло, а, вмѣсто полушубка, надѣть пальто, бывшее на Ронжинѣ (онъ сверхъ своего надѣлъ второе пальто мое, драповое). Но слѣдствіемъ моего рѣшенія было то, что у насъ тутъ же отобрали и полушубокъ и пальто. Пошелъ я мѣсить грязь, имѣя на себѣ только кожаную крутку. На ногахъ у меня были бурочные сапоги, которые моментально промокли.

Толпа кругомъ галдѣла: «гони ихъ по серединѣ улицы — гдѣ утки плаваютъ; не позволять выбирать сухія мѣста!»

Подъ гикъ и свистъ толпы прошли мы село. Дальше стало легче: и дорога лучше и отношеніе нашихъ конвойныхъ было хорошее.

Пройдя 15—16 верстъ, мы пришли въ село Ильинку. Опять допросъ, опять осмотръ и обыскъ, опять ругань.

Въ моей кожаной круткѣ отыскали зашитую тысячерублевую бумажку, отобрали часы, портмонэ; остановили на брата по одному рублю «на папиросы».

«Все равно вамъ деньги могуть понадобиться только до Степной, а тамъ... вамъ уже будетъ безразлично, будуть ли у васъ деньги или нѣтъ». Чувствовалось, что они были правы!

Продержавъ насъ въ Ильинкѣ часа два, погнали дальше.

Измучились мы изрядно.

Подходя уже вечеромъ, въ полной темнотѣ, къ хутору, бывшему въ верстахъ семи отъ Степной, мы взмолились передъ конвойными, прося дать намъ отдохнуть и дальше — до Степной отправить на подводѣ. Я категорически заявилъ, что дальше идти не могу.

Конвойные оказались порядочными людьми и рѣшили исполнить нашу просьбу.

Забылъ сказать, что, отправляя насъ изъ Глѣбовки, предсѣдатель мѣстнаго комитета далъ слѣдующій наказъ: «если кто-либо изъ этой с ..... пристанетъ по дорогѣ, то пристрѣлить». Это напутствіе намъ въ пути неоднократно приходило на память и подбадривало нашъ шагъ!

Хуторъ оказался латышскій.

Хозяинъ хаты даже не позволилъ намъ сѣсть къ столу, а намъ былъ указанъ уголъ хаты, гдѣ мы и растянулись на грязномъ полу.

Часа въ 4 утра насъ подняли и уже на подводѣ повезли дальше.

Подъѣзжая къ Степной, еще при лунѣ, мы встрѣтили группу всадниковъ, человѣкъ въ 30, какъ оказалось, пріѣхавшихъ изъ Гуляй-Борисова за оружіемъ.

Узнавъ, что везутъ арестованныхъ, они потребовали, чтобы насъ ссадили и дали имъ попробовать полученныя ими винтовки.

На крики — «слѣзай съ повозки» — мы не реагировали!

Всадники стали снимать и заряжать винтовки, крича, что разстрѣляютъ насъ и такъ.

Только благодаря рѣшительному отпору со стороны нашихъ конвойныхъ насъ пропустили.

При въѣздѣ въ селеніе, у станціи намъ показали кирпичный заводъ и пояснили: «вотъ здѣсь около ямы васъ разстрѣляютъ часа черезъ два».

На станцію мы пріѣхали еще до разсвѣта, но о нашемъ прибытіи стало сейчасъ же извѣстно и залъ I класса, куда насъ провели, быстро наполнился «товарищами».

Чувствовалось, что только чудо можетъ спасти насъ. Кругомъ были звѣри, которые требовали крови и не хотѣли дожидаться суда надъ нами. Требовали, чтобы насъ сейчасъ же передали имъ.

Пришедшій «начальникъ своднаго отряда на ст. Степной», онъ же предсѣдатель военно-революціоннаго суда, едва уговорилъ толпу допустить сначала судъ. «Не безпокойтесь, врядъ ли оправдаемъ и вы свое получите!»

Собрался судъ: Предсѣдатель — Начальникъ своднаго отряда на ст. Степной. Члены: какой-то еврей, затѣмъ комиссаръ станціи (какъ потомъ оказалось, сынъ содержателя мѣстнаго трактира, бывшій фельдфебель) и какой-то солдатъ.

Начали съ насъ. Допрашивали и вмѣстѣ, и отдѣльно.

Послѣ довольно продолжительнаго судбища признали, что документы наши въ полномъ порядкѣ, что мы къ арміи Корнилова не принадлежимъ и что мы ѣдемъ по своимъ личнымъ дѣламъ.

Когда насъ вывели изъ дамской комнаты, гдѣ происходилъ судъ, и водворили обратно въ залъ I класса, объявивъ толпѣ, что мы не виновны и оправданы, послѣдовалъ взрывъ возмущенія и требованіе насъ все же разстрѣлять.

Спасли насъ начальникъ своднаго отряда и какой-то латышъ, назвавшій себя командиромъ латышскаго эскадрона. Имъ стоило большихъ трудовъ насъ отстоять; особенно помогъ латышъ. Мое впечатлѣніе, что оба они были офицеры.

Но главное, что насъ спасло — это присутствіе двухъ развѣдчиковъ Добровольческой арміи. Ясно было, что ихъ участь рѣшена. Особенное негодованіе вызывалъ противъ себя юноша — сынъ мѣстнаго хуторянина. Судъ надъ ними былъ только для проформы. Черезъ нѣсколько минутъ ихъ передали во власть толпы. Бѣдныхъ юношей поволокли, избивая по дорогѣ. Мы услышали нѣсколько выстрѣловъ и немного погодя вернулись палачи, дѣля между собой одежду и обувь убитыхъ!

Было уже свѣтло.

Утомленный отъ всего пережитаго я мрачно стоялъ у стѣны комнаты, въ которой почти никого, кромѣ насъ, не оставалось.

Желая сѣсть и двинувшись отъ стѣны, я почувствовалъ, что что-то прилипло къ моимъ ногамъ. Посмотрѣвъ, я увидѣлъ тряпку всю пропитанную кровью. Одинъ изъ бывшихъ въ комнатѣ солдатъ, замѣтивъ мое брезгливое движеніе, поспѣшилъ дать намъ объясненіе. Оказалось, что наканунѣ сюда было приведено пять человѣкъ и всѣ были приговорены къ разстрѣлу. Когда ихъ повели, то одинъ изъ нихъ отказался идти и былъ тутъ же въ комнатѣ убитъ ударами штыковъ и прикладовъ. «Вотъ это и вытирали его кровь», докончилъ разсказчикъ. Затѣмъ онъ еще добавилъ, что когда стали разсматривать вещи убитаго, то въ теплой шапкѣ нашли его фотографическую карточку въ формѣ полковника, святаго, вѣроятно, съ женой и дѣтьми.

«Значитъ, убили не напрасно» — добавилъ солдатъ.

Вѣроятно, это былъ одинъ изъ братьевъ Бородиныхъ, которые, какъ потомъ я слышалъ, были убиты на ст. Степной.

День 17-го февраля мы провели на станціи.

Предсѣдатель суда рекомендовалъ намъ, на перронъ, по возможности, не показываться, говоря, что онъ не ручается за своихъ солдатъ.

Насъ постоянно навѣщалъ латышъ, уже разъ спасшій насъ; онъ разгонялъ солдатъ, которыхъ тянуло съ нами расправиться.

Къ намъ добровольно прикомандировался солдатъ-армянинъ, Паносовъ, чуя, что можно будетъ получить на чай. Намъ онъ сказалъ такъ: «пока вы отсюда не уѣдете, я буду около васъ и буду васъ защищать, а передъ отъѣздомъ вы мнѣ дадите столько — сколько можете». Мы поблагодарили и приняли его предложеніе.

Этотъ Паносовъ былъ довольно оригинальный типъ. Крупнаго роста, очень широкоплечій, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка большой физической силы. Охранялъ насъ онъ очень добросовѣстно и у меня сложилось впечатлѣніе, что онъ къ намъ привязался и готовъ былъ исполнить всякое порученіе. Былъ крайне добродушнымъ; говоря про «буржуевъ», не высказывалъ никакой злобы, выражалъ удивленіе, что люди такъ озвѣрѣли; говорилъ, что пора «начальству» навести порядокъ и дать возможность всѣмъ людямъ жить мирно.

Но, въ то же время, когда приводимыхъ на ст. Степную приговаривали къ разстрѣлу, онъ всегда былъ однимъ изъ первыхъ, вызывавшихся привести приговоръ въ исполненіе. Послѣ разстрѣла онъ непремѣнно приносилъ въ дамскую комнату на станціи какую-нибудь изъ принадлежностей костюма разстрѣляннаго; то сапоги или ботинки, то брюки, то шинель или пальто, то рубаху или шапку.

Я его спросилъ, какъ ему не жалко разстрѣливать людей, которыхъ онъ самъ считаетъ невиновными.

«Да я и не разстрѣливаю», отвѣтилъ онъ.

Я заинтересовался, въ чемъ дѣло, онъ мнѣ неохотно, но все же объяснилъ.

Оказалось, что въ селеніи около станціи жила его мать, которая требовала отъ него, чтобы онъ принималъ участіе въ разстрѣлахъ и получалъ на свою долю часть одежды съ убитаго. Паносовъ объяснилъ, что онъ никогда не разстрѣливаетъ самъ, а на его обязанности лежитъ только дострѣливать тѣхъ, кто не будетъ убитъ наповалъ, и зарывать трупы.

По утрамъ, дѣйствительно, на станцію приходила отвратительная старая армянка, получала отъ Паносова вещи, пришедшіяся на его долю, и ругала, что онъ не умѣетъ выбирать лучшихъ.

Къ вечеру 17-го февраля привели новыхъ арестованныхъ: юношу 16-ти лѣтъ и зажиточнаго казака-хуторянина. Послѣдняго, по постановленію суда (круга) сосѣдней съ нимъ станицы, за то, что онъ богатъ и живетъ какъ буржуй. Кругъ рѣшилъ — отправить на ст. Степную и требовать, чтобы его разстрѣляли, а его землю и инвентарь дали разрѣшеніе раздѣлить между ними.

Бѣдный казакъ волновался, плакалъ, обѣщалъ отдать сосѣдямъ все, что у него имѣется; революціонный судъ на ст. Степной, послѣ долгихъ споровъ, вынесъ наконецъ ему оправдательный вердиктъ.

Не такъ счастливъ былъ юноша.

Во время суда (я присутствовалъ въ той же комнатѣ) на вопросъ — кто онъ и какъ попался, юноша чистосердечно отвѣтилъ, что онъ гимназистъ 6-го класса Новочеркасской гимназіи и, вмѣстѣ со своими сверстниками, былъ зачисленъ въ партизанскій отрядъ Чернецова; но что на фронтѣ не былъ, а состоялъ въ командѣ, сформированной для охраны дворца Донского атамана;

что 10/23 февраля ихъ команду рѣшили отправить на фронтъ, предоставивъ каждому право — или уйти домой, или идти съ командой на пополненіе отряда Чернецова, понесшаго большія потери. Юноша рѣшилъ отправиться домой въ деревню, гдѣ его отецъ былъ священникомъ. Вернувшись домой, онъ, прежде всего, пошелъ въ мѣстный революціонный комитетъ, гдѣ все про себя и разсказалъ. Комитетъ рѣшилъ его «какъ поповское отродіе» хорошенько проучить и отправить на ст. Степную.

Искренній и безхитростный разсказъ юноши вызвалъ на судѣ бурю негодованія: поповскій сынъ, Корниловецъ, партизанъ Чернецова и пр.!

Приговоръ произнесенъ былъ предсѣдателемъ суда быстро: «разстрѣлять эту собаку — какъ только взойдетъ луна!»

Несчастный юноша тяжело вздохнулъ и понуривъ голову сталъ около стѣны.

Когда судъ разошелся и въ комнатѣ остались только мы и двое изъ стражи, юноша попросилъ разрѣшенія немного отдохнуть. Онъ легъ на полу около стѣны, подложилъ мѣшокъ подъ голову и немедленно заснулъ.

Часа черезъ два пришли два солдата; одинъ изъ нихъ ткнулъ спящаго ногой и сказалъ: «вставай, пора идти, луна взошла».

Тихо поднялся юноша, посмотрѣлъ на насъ и сказалъ: «смерти не боюсь, но грустно умирать такимъ молодымъ — вѣдь я совсѣмъ еще не жилъ и жизни не знаю. Благословите меня».

Мы съ нимъ простились, перекрестили его и онъ вышелъ.

Минутъ черезъ 5 раздалось нѣсколько выстрѣловъ...

Нѣсколько позже, въ дамскую комнату, въ которой мы находились, пришли посидѣть и развлечься нѣсколько человѣкъ изъ мѣстной интеллигенціи; пришелъ комиссаръ станціи, какой-то пожилой человѣкъ въ курткѣ морского покроя и два писаря.

Сначала разговоръ не клеился, но послѣ того какъ одинъ изъ писарей что-то сказалъ про охоту въ окресностяхъ ст. Степной, заговорилъ пожилой человѣкъ въ морской курткѣ.

Сказавъ, что хотя здѣшняя охота и хорошая, но для тѣхъ, кто побывалъ, какъ онъ, на охотахъ въ Индіи, охота на Дону представляется мизерной, онъ оживился и очень интересно разсказалъ, какъ, будучи матросомъ, онъ шелъ во Владивостокъ на крейсерѣ, на которомъ держалъ флагъ адмиралъ Макаровъ, что въ Индіи они задержались долго и адмиралъ Макаровъ взялъ его съ собой, какъ охотника, вглубь страны. Разсказавъ про охоту въ Индіи, онъ долго и восторженно разсказывалъ про адмирала Макарова. Сказалъ, что Макаровъ его полюбилъ и подарилъ великолѣпное охотничье ружье, которое онъ хранитъ какъ зеницу ока и которое, въ его домикѣ въ Батайскѣ (около Ростова), всегда виситъ надъ его постелью.

Затѣмъ морякъ сталъ разсказывать про революціонный періодъ 1905 года въ Севастополѣ, когда онъ былъ боцманомъ на крейсерѣ «Очаковъ».

Онъ долго говорилъ про судъ, про рѣчь прокурора.

Я невольно взглянулъ на Ронжина, который, какъ я зналъ, былъ именно этимъ прокуроромъ. Бѣдный Ронжинъ чувствовалъ себя скверно, усиленно курилъ и лицо было землистаго цвѣта. Ронжинъ сталъ наводить разговоръ на современныя событія и это ему, наконецъ, удалось.

Морякъ разсказалъ, что на телеграфѣ на станціи Егорлыцкой служитъ его дочь и оттуда постоянно присылаетъ ему свѣдѣнія о передвиженіяхъ

казачьихъ частей; что свѣдѣнія дававшіяся его дочерью были часто очень цѣнныя и способствовали успѣху большевиковъ.

Разсказалъ, какъ онъ самъ дѣйствовалъ съ небольшой группой головорѣзовъ, когда Корниловъ занималъ Ростовъ и какъ, благодаря его указаніямъ, большевикамъ въ январѣ удалось занять Батайскъ и нанести серьезныя потери юнкерскому батальону.

Когда эта компанія ушла, Ронжинъ мнѣ сказалъ, что дѣйствительно онъ пережилъ тяжелыя минуты; что онъ узналъ этого боцмана, котораго онъ обвинялъ на судѣ, и боялся, что тотъ можетъ узнать его.

Прошла новая кошмарная ночь.

Мы были свободны, но были совершенно обобраны, а не имѣя ни копѣйки денегъ, было безсмысленно куда-либо направляться: попали бы въ новую передѣлку въ какомъ-либо другомъ пунктѣ, близкомъ отъ станціи; безъ денегъ далеко не ушли бы.

Я еще 17 февраля (2 марта) просилъ предсѣдателя суда потребовать отобранныя у насъ деньги и вещи. Онъ согласился и сказалъ, что пошлетъ за ними коннаго, снабдивъ его соотвѣтствующимъ предписаніемъ. Мы же рѣшили ждать на ст. Степной возвращенія посланнаго за нашими деньгами и вещами.

Утромъ 18 февраля (3 марта) я вышелъ на перронъ и прошелъ въ уборную.

Возвращаясь назадъ, я замѣтилъ, что на станціи какъ будто нѣсколько больше порядка и дежурные солдаты разгоняютъ праздношатающихся.

Войдя въ залъ I класса, я увидѣлъ начальника отряда на ст. Степной, разговаривающаго съ незнакомымъ мнѣ человѣкомъ, въ военной формѣ безъ погонъ, но при шапкѣ.

Незнакомецъ имѣлъ вполнѣ интеллигентный видъ; былъ хорошо одѣтъ. Лицо гладко выбрито; рыжіе усы подняты à la «Вильгельмъ».

Увидѣвъ меня, онъ обратился къ начальнику отряда и спросилъ: «кто это?»

— «Это одинъ изъ тѣхъ трехъ, о которыхъ я вамъ разсказывалъ, что они судомъ оправданы».

— «Почему вы ихъ не разстрѣляли?»

— «Я не получалъ приказанія разстрѣливать всѣхъ арестованныхъ и приводимыхъ сюдъ на станцію. Вами было отдано приказаніе всѣхъ арестуемыхъ передавать военно-революціонному суду, что мною въ точности и исполняется. За эти три дня сюда было приведено 22 человѣка и изъ нихъ 18 разстрѣляно и только четверо оправданы: эта компанія изъ трехъ человѣкъ и еще одинъ казакъ-хуторянинъ».

Послѣ этого незнакомецъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «почему послѣ оправданія судомъ вы продолжаете оставаться на станціи?»

Я отвѣтилъ, что у меня и у моихъ спутниковъ отобраны всѣ деньги; что за деньгами и за вещами начальникъ отряда послалъ коннаго и что, до полученія денегъ, мы лишены возможности куда-либо направиться.

— «А сколько у васъ всѣхъ было денегъ?»

— «У меня было три тысячи съ небольшимъ, а у моихъ двухъ спутниковъ около двухъ тысячъ».

— «Кто вы такой?»

— «Я торговецъ; пробираюсь въ Екатеринодаръ по своимъ дѣламъ».

— «Вы лжете! Вы не купецъ и не торговецъ, а навѣрно состоите въ арміи Корнилова и, скажу больше, занимаете въ ней не маленькій постъ».

Я увидѣлъ, что этотъ господинъ много опаснѣй всѣхъ прежнихъ судей и, стараясь сохранить полное самообладаніе, я ему отвѣтилъ, что онъ заблуждается, что я дѣйствительно торговецъ.

— «Повторяю, что ты лжешь! Меня не обманешь!» и, обращаясь къ начальнику отряда, сказалъ: «Корниловъ всюду разсылаетъ своихъ людей; ему особенно важно связаться съ контръ-революціонной организаціей въ Екатеринодарѣ. Вы же здѣсь ни въ чемъ разобраться не можете. Этотъ господинъ мнѣ кажется очень подозрительнымъ. Поэтому приказываю считать, что надъ нимъ и его компаніонами никакого суда не было. Потрудитесь ихъ вновь арестовать и сегодня же отправьте ихъ въ мой штабъ въ Ростовъ, гдѣ ихъ хорошенько допросятъ и рѣшатъ, какъ надо съ ними поступить».

Обращаясь ко мнѣ, онъ добавилъ: «не думаю, чтобы въ Ростовѣ вамъ удалось также легко отдѣлаться отъ должнаго возмездія, какъ это удалось здѣсь».

Послѣ этого незнакомецъ быстро вышелъ изъ комнаты.

Я обратился къ начальнику отряда съ вопросомъ: «кто это?»

— «Главнокомандующій юго-восточнаго фронта Сиверсъ».

У меня похолодѣло сердце. Это былъ тотъ прапорщикъ Сиверсъ, который своей газетой «Окопная Правда» окончательно разложилъ арміи сѣвернаго фронта.

Для меня стало ясно, что спасенія для насъ нѣтъ. Штабъ Сиверса въ Ростовѣ, какъ я слышалъ, находился въ томъ же особнякѣ Парамонова, гдѣ былъ передъ тѣмъ штабъ генерала Корнилова и находившіеся тамъ въ качествѣ прислуги австрійцы-военноплѣнные, конечно, немедленно меня узнаютъ — какъ бывшаго начальника штаба генерала Корнилова.

Я пошелъ въ дамскую комнату, гдѣ сидѣлъ генералъ Ронжинъ и сладко спалъ на полу армянинъ Паносовъ.

Ронжинъ встрѣтилъ меня заявленіемъ, что онъ очень голоденъ и надо подумать, какъ бы намъ достать деньги у начальника отряда и хорошенько закусить.

Я ему разсказалъ все, что произошло.

— «Понесла же тебя нелегкая на твою прогулку и на встрѣчу съ Сиверсомъ. Что же намъ дѣлать?»

Я отвѣтилъ, что положеніе безвыходное, что въ Ростовѣ насъ, конечно, узнаютъ и... въ лучшемъ случаѣ, разстрѣляютъ; что лучше намъ самимъ съ собою покончить.

— «Но какъ?»

Надо сказать, что, до этого, мы нѣсколько разъ посылали Паносова за папиросами и онъ, невзначай, оставлялъ свою заряженную винтовку въ комнатѣ.

Я предложилъ Ронжину разбудить Паносова, послать его опять за папиросами (которыя намъ, какъ оправданнымъ, изъ буфета отпускали въ долгъ) и воспользовавшись его отсутствіемъ, покончить съ собой при помощи его винтовки.

Ронжинъ согласился.

Паносовъ былъ разбуженъ и я далъ ему заказъ на папиросы.

Паносовъ всталъ и пошелъ за папиросами, взявъ съ собой винтовку.

Мы съ Ронжинымъ переглянулись и я сказалъ: «не судьба. Обѣщаю больше судьбу не насиловать и не буду пытаться наложить на себя руку».

Вскорѣ, по распоряженію начальника отряда, мы были объявлены вновь арестованными, и въ 3 часа дня насъ повели сажать въ поѣздъ, который пришелъ со станціи Тихорѣцкой и направлялся въ Ростовъ.

Поѣздъ стоялъ на ст. Степной болѣе часа.

Передъ самымъ отходомъ поѣзда къ нашему вагону прибѣжалъ начальникъ отряда и сказалъ старшему конвойному: «сейчасъ получена телеграмма, что штабъ главнокомандующаго изъ Ростова перешелъ въ Батайскъ (первая станція отъ Ростова, на лѣвомъ берегу Дона), а потому арестованныхъ везти въ Ростовъ не надо, а надо высадить въ Батайскѣ, гдѣ и сдать предсѣдателю военно-революціоннаго суда при штабѣ».

Я вздохнулъ облегченно и сказалъ Ронжину, что надежда на спасеніе есть; что въ Батайскѣ насъ могутъ не узнать.

Начальникъ отряда затѣмъ передалъ какую-то записку старшему конвойному съ приказаніемъ передать ее въ руки предсѣдателя суда.

Обращаясь же ко мнѣ, онъ тихо добавилъ: «пишу, что васъ я уже судилъ и судъ васъ всѣхъ оправдалъ». Затѣмъ онъ далъ намъ десять рублей на расходы и поѣздъ тронулся.

Около 6 часовъ вечера мы были въ Батайскѣ и конвойные насъ повели прямо въ помѣщеніе суда, которое имъ было указано на станціи.

На лицо оказались нѣкоторые изъ судей и сейчасъ же послали за предсѣдателемъ.

Намъ приказано было подождать.

Глядя на нашихъ судей я рѣшилъ, что дѣло не безнадежное. Публика не производила впечатлѣніе кровожадной и разговоръ, который они вели, былъ болѣе чѣмъ фривольный.

Вспоминали вчерашній ужинъ съ артистками какого-то театра и восторгались одной изъ нихъ.

Черезъ нѣсколько времени явился предсѣдатель суда и насъ вывели въ другое помѣщеніе. Я попросилъ Ронжина, Андрея и казака-хуторянина, котораго доставили въ Батайскъ вмѣстѣ съ нами, самимъ воздержаться отъ лишнихъ разговоровъ на судѣ, а предоставить мнѣ изложить всю нашу исторію.

Насъ позвали въ комнату, гдѣ засѣдалъ судъ.

Никого изъ постороннихъ, кромѣ нашего конвоя, не было.

Предсѣдатель суда, обращаясь ко всѣмъ намъ, спросилъ, кто мы такіе и въ чемъ заключается наше дѣло.

Я подробно все разсказалъ; сказалъ, что мы уже судились на ст. Степной и оправданы, что я недоумѣваю, почему насъ вновь арестовали и доставили въ Батайскъ.

Затѣмъ, я обратился къ старшему конвойному и просилъ его передать предсѣдателю суда ту записку, которую онъ получилъ отъ начальника отряда на ст. Степной.

Записка была передана и предсѣдатель суда прочиталъ ее вслухъ.

Содержаніе записки было слѣдующее:

«Препровождая по приказанію главнокомандующаго юго-восточнаго фронта четырехъ арестованныхъ, сообщаю, что всѣ они судились военно-революціоннымъ судомъ на ст. Степной и оправданы. Считаю, что вторичному преданію суду они не подлежатъ.

Подпись начальника отряда ст. Степной».

Судьи переглянулись между собой и предсѣдатель приказалъ насъ вывести въ другую комнату.

Минутъ черезъ пятнадцать насъ вновь позвали въ помѣщеніе суда и предсѣдатель, обращаясь къ намъ, объявилъ, что мы судомъ оправданы и что онъ очень извиняется за то, что насъ, по недоразумѣнію, вторично хотѣли судить.

Я обратился съ просьбой выдать намъ письменное удостовѣреніе о нашемъ оправданіи судомъ. Это было исполнено, и мы, весело настроенные, вышли изъ помѣщенія суда.

Ронжинъ сказалъ мнѣ, что теперь надо спасаться, куда глаза глядятъ, дабы опять не попасть въ руки Сиверса.

— «Куда же мы дѣнемся безъ денегъ?» спросилъ я его.

— «Да, это правда; но что же намъ дѣлать?»

— «Выходъ одинъ: это снова попросить конвойныхъ насъ арестовать и доставить на ст. Степную, гдѣ есть надежда получить наши деньги».

— «Какъ, опять къ Сиверсу?»

— «Другого выхода нѣтъ».

Мы переговорили съ конвойными и, обѣщавъ ихъ накормить, получили ихъ согласіе считать насъ снова арестованными.

Въ трактирѣ кутнули на всѣ десять рублей, полученныхъ отъ начальника отряда на ст. Степной, и ночью были опять доставлены на эту станцію.

Утромъ 19 февраля (4 марта) мы отправились къ начальнику отряда, разсказали о томъ, что произошло, передали записку предсѣдателя Батайскаго суда о нашемъ оправданіи; сказали, что рѣшили на ст. Степной дождаться нашихъ денегъ; достали отъ него удостовѣреніе о томъ, что оправданы дважды и, по его указанію, отправились въ мѣстный революціонный комитетъ доставать документы на право дальнѣйшаго свободнаго слѣдованія.

Весь день ушелъ на это. Документы достали и вечеромъ, напившись чаю съ хлѣбомъ, которымъ насъ угостилъ запасливый казакъ-хуторянинъ, устроились кое-какъ на ночлегъ въ дамской комнатѣ на станціи.

За наше отсутствіе было приведено еще шесть человѣкъ; трехъ изъ нихъ разстрѣляли, а трехъ, военноплѣнныхъ-австрійцевъ, освободили.

Въ этотъ же день со мной произошелъ крайне непріятный инцидентъ, который могъ окончиться трагически.

Ронжинъ пошелъ утромъ къ начальнику отряда одинъ, а я задержался въ комнатѣ и долженъ былъ его нагнать.

Выйдя на перронъ станціи, я Ронжина уже не увидѣлъ — онъ куда-то прошелъ.

Я отправился на розыски вагона начальника отряда. Вижу на путяхъ отличный вагонъ I класса и рядомъ ходитъ часовой.

Спрашиваю: «это вагонъ начальника?»

— «Да».

Я поднимаюсь на площадку вагона; навстрѣчу мнѣ выходитъ элегантный военный безъ погонъ и спрашиваетъ, кого мнѣ надо.

Я отвѣчаю, что мнѣ нужно къ «начальнику» по дѣлу.

— «Подождите, я доложу».

Адъютантъ скрывается въ одномъ изъ купэ и оттуда выходитъ... главнокомандующій юго-восточнаго фронта «товарищъ» Сиверсъ.

Я остолбенѣлъ, но дѣлать было нечего и, стараясь скрыть свое волненіе, направился къ нему навстрѣчу.

— «Какимъ образомъ вы здѣсь? Вѣдь я приказалъ всю вашу компанію отправить на судъ ко мнѣ въ штабъ».

— «Мы уже тамъ были и оправданы».

— «Не можетъ быть! У васъ есть удостовѣреніе въ томъ, что васъ судили и оправдали?»

— «Есть и находится теперь въ рукахъ у начальника отряда».

— «Ну, ваше счастіе! Я не разсчитывалъ васъ больше видѣть. Судъ при моемъ штабѣ рѣдко выноситъ оправдательные приговоры. Но что же вамъ отъ меня нужно?»

Я извинился, объяснивъ, что попалъ къ нему случайно, разыскивая начальника отряда.

Онъ мнѣ назидательно объяснилъ, что онъ именуется «главнокомандующимъ фронтомъ» и рекомендовалъ мнѣ не засиживаться на ст. Степной...

20 февраля (5 марта) я, хотя и спалъ за столомъ, сидя на стулѣ, проснулся поздно. Мои компаньоны уже бодрствовали и были въ прекрасномъ настроеніи. Тутъ же вертѣлся Паносовъ.

Ронжинъ объявилъ мнѣ, что въ селеніи около станціи, по словамъ Паносова, имѣется отличный трактиръ и было бы хорошо тамъ поѣсть.

— «На какія же средства мы можемъ разсчитывать? Даромъ никто насъ кормить не будетъ».

— «Я пойду къ начальнику отряда и попрошу у него денегъ», сказалъ Ронжинъ.

— «Попытайся».

Къ большому моему удивленію вернувшійся Ронжинъ дѣйствительно принесъ билетъ военнаго займа.

Мы ликовали, но затѣмъ явилось сомнѣніе въ томъ — размѣняютъ ли этотъ билетъ въ трактирѣ.

Паносовъ увѣрилъ насъ, что размѣняютъ и мы всей компаніей двинулись въ трактиръ.

Поѣли съ удовольствіемъ. Одно насъ нѣсколько стѣсняло — это присутствіе въ сосѣдней комнатѣ какихъ-то солдатъ, которые внимательно насъ разглядывали.

Расплатившись, мы вышли. Но прошли мы немного и были остановлены криками какихъ-то солдатъ, бѣжавшихъ за нами.

Мы остановились.

Оказалось, что это тѣ же солдаты, которые насъ разглядывали въ трактирѣ.

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ выяснилось, что это были офицеры латышскаго полка, стоящаго около ст. Степной.

Начался новый допросъ.

Въ результатѣ намъ объявили, что мы шпіоны; что мы обманули судей революціонныхъ судовъ, но что ихъ не обманемъ и что будемъ разстрѣляны безъ всякаго суда.

Всѣ наши возраженія оказались безполезными.

Послѣдовало приказаніе позвать восемь солдатъ съ винтовками.

Солдаты скоро прибѣжали и намъ предложено было стать къ стѣнкѣ.

Я рѣшилъ, что сопротивляться безполезно и пошелъ къ забору.

Ронжинъ насъ спасъ. Онъ началъ горячо доказывать, что при всякомъ режимѣ рѣшеніе суда должно быть священно, что правосудіемъ такъ играть нельзя, что справедливость нашихъ заявленій провѣрить легко и проч.

Одинъ изъ латышей, пожилой съ виду и безусловно кадровый офицеръ, за насъ заступился и уговорилъ всю компанію отвести насъ къ начальнику отряда и провѣрить правильность нашихъ заявленій.

— «Если же они лгутъ, то мы ихъ разстрѣляемъ тамъ же на желѣзнодорожныхъ путяхъ» — добавилъ онъ.

Насъ повели.

Начальникъ отряда за насъ горячо заступился и приказалъ насъ освободить.

Латыши не хотѣли насъ отпустить, и начались препирательства между ними и начальникомъ отряда.

Въ это время въ комнату вошелъ командиръ латышскаго полка, одѣтый въ элегантный кожаный костюмъ. Какъ мнѣ потомъ сказали, онъ былъ кадровымъ штабсъ-капитаномъ.

Поинтересовавшись, въ чемъ дѣло, и выслушавъ начальника отряда, онъ приказалъ своимъ подчиненнымъ разойтись, оставивъ насъ въ покоѣ.

Къ намъ же онъ обратился со слѣдующими словами: «а вамъ не рекомендую показываться въ селеніи; мои латыши васъ разстрѣляютъ и заступничество начальника отряда вамъ не поможетъ».

Послѣ его ухода, начальникъ отряда намъ сказалъ: «Положеніе ваше становится очень опаснымъ. Латыши насъ прикончатъ и я не въ силахъ буду васъ спасти. Мой совѣтъ — немедленно уѣзжайте».

Я на это отвѣтилъ, что и наше желаніе скорѣй уѣхать, но что только онъ одинъ намъ можетъ помочь.

— «Что же я могу сдѣлать?»

— «Безъ денегъ мы уѣхать не можемъ. За нашими деньгами мы послали и, вѣроятно, завтра же посланный ихъ привезетъ. Самое лучшее будетъ, если вы намъ теперь дадите деньги, а тѣ деньги, которыя будутъ привезены — вы возьмете себѣ».

Начальникъ отряда подумалъ и затѣмъ сказалъ: «ну хорошо, я вамъ деньги дамъ теперь же, удержавъ съ того, что вамъ причитается $^1/_3$ въ пользу революціонной арміи. Если вы на это согласны, то черезъ часъ приходите въ мой вагонъ».

Мы, конечно, съ радостью согласились и къ назначенному времени были въ вагонѣ начальника отряда.

Получивъ деньги, мы попросили разрѣшеніе остаться въ его вагонѣ до прихода поѣзда изъ Ростова (мы рѣшили ѣхать на ст. Тихорѣцкую, а оттуда, въ зависимости отъ обстановки, проѣхать въ ту или иную сторону).

Поѣздъ въ этотъ день изъ Ростова не пришелъ и, съ наступленіемъ темноты, насъ выпроводили изъ вагона, сказавъ, что оставлять насъ на ночь въ вагонѣ начальника отряда признается недопустимымъ.

Мы попали въ трудное положеніе, ибо идти на станцію не рисковали, опасаясь, что латыши съ нами расправятся.

На наше счастіе подвернулся станціонный сторожъ, на котораго мы уже раньше обратили вниманіе изъ-за чувства соболѣзнованія, которое онъ проявлялъ къ намъ.

На нашу просьбу устроить насъ на ночлегъ, сторожъ предложилъ переночевать въ его помѣщеніи.

Мы пошли и черезъ десять минутъ сидѣли за столомъ, на которомъ стояли кипящій самоваръ, крынка съ молокомъ и лежалъ свѣжій хлѣбъ.

Напившись чаю и помолившись Богу, мы улеглись спать на полу. Въ сосѣдней же крошечной комнатѣ устроился сторожъ со своей женой и пятью дѣтьми.

Проснувшись, мы съ радостью узнали, что около двухъ часовъ дня будетъ поѣздъ изъ Ростова и что наше освобожденіе отъ сосѣдства съ латышами близко и возможно.

Такъ какъ мой полушубокъ былъ у меня отобранъ по пути на ст. Степную, а холодъ давалъ себя чувствовать, то я рѣшилъ достать себѣ что-либо теплое.

При помощи того же сторожа я купилъ за сто рублей старый полушубокъ и совсѣмъ пересталъ быть похожимъ на «буржуя».

Мы рѣшили до поѣзда на станціи не показываться.

За часъ до прихода поѣзда мы, къ нашему ужасу, узнали, что поѣздъ воинскій и пассажировъ въ него пускать не будутъ.

Бросились къ начальнику отряда.

И на этотъ разъ онъ намъ помогъ. Взялъ для насъ билеты и, по приходѣ поѣзда, переговоривъ съ начальникомъ эшелона, устроилъ насъ въ маленькомъ купэ I-го класса.

Черезъ четвертъ часа поѣздъ отошелъ отъ ст. Степной; мы облегченно вздохнули и перекрестились.

Вечеромъ 21 февраля (6 марта) мы были на ст. Тихорѣцкой.

Здѣсь мы узнали, что отрядъ генерала Корнилова взорвалъ мосты около Великокняжеской и сообщеніе съ Царицынымъ прервано, и что на Екатеринодаръ поѣзда не ходятъ; а около Екатеринодара идутъ бои большевиковъ съ отрядами «бѣлыхъ» и казаковъ, сформированныхъ въ Екатеринодарѣ.

Остался свободный проѣздъ только на Владикавказъ и на Ростовъ.

Забираться во Владикавказъ намъ не хотѣлось, а ѣхать куда-либо черезъ Ростовъ было для меня опасно (въ Ростовѣ многіе меня знали).

Кромѣ того, я рѣшилъ постараться опять попасть въ армію Корнилова, а потому мы рѣшили въ Тихорѣцкой переждать и устроились въ грязномъ маленькомъ номерѣ мѣстной гостиницы.

Что касается Андрея, то мы оставили его на ст. Степной, рѣшивъ, что онъ, какъ солдатъ, можетъ пробраться обратно въ Новочеркасскъ и тамъ переждать событія.

Въ мѣстечкѣ при ст. Тихорѣцкой мы прожили четыре дня. Выходить много изъ нашей грязной берлоги мы опасались и только два раза въ день, утромъ и вечеромъ, по очереди, ходили на вокзалъ справляться о поѣздахъ и узнавать слухи и новости о движеніи отряда Корнилова.

Получаемыя вѣсти ничего утѣшительнаго не приносили; создавалось впечатлѣніе, что небольшая группа героевъ прорывается куда-то къ югу; но тамъ, на югѣ, нѣтъ никакой надежды найти опору и пристанище.

По всѣмъ же даннымъ, которыя мы видѣли и слышали, ясно было, что большевистскія части начинаютъ организовываться, вновь проявляется дисциплина и начинаетъ чувствоваться управленіе сверху.

Корниловская Добровольческая армія была почти окружена и кольцо вокругъ нея начинало сжиматься.

За время пребыванія въ Тихорѣцкой гостинницѣ я понялъ, почему при прежнихъ продолжительныхъ плаваніяхъ подъ парусами, въ концѣ концовъ, члены каютъ-кампаніи становились врагами другъ другу.

Я сталъ замѣчать, что мои отношенія съ Ронжинымъ начинаютъ портиться. Неотлучное совмѣстное пребываніе начинало раздражать, начинались мелкія придирки другъ къ другу.

Мы спали на одной кровати. Онъ меня неоднократно будилъ и увѣрялъ, что я занимаю всю кровать, заставляя его спать на желѣзномъ борту, что все его тѣло болитъ, что я эгоистъ и проч.

Постоянные ночные обыски и повѣрки документовъ насъ раздражали все больше и больше.

На пятый день нашего пребыванія въ гостинницѣ, Ронжинъ, утромъ, пошелъ на вокзалъ получить очередную информацію. Черезъ полчаса онъ вернулся, взволнованный и блѣдный.

— «На вокзалѣ я сейчасъ нарвался на командира латышскаго полка, съ которымъ мы имѣли дѣло на ст. Степной. Этотъ господинъ меня узналъ, остановилъ и спросилъ, что я тутъ дѣлаю и гдѣ ты. На мой отвѣтъ, что мы ожидаемъ здѣсь поѣздъ, чтобы проѣхать въ Царицынъ, онъ мнѣ сказалъ, что для него болѣе чѣмъ подозрительно видѣть насъ каждый разъ тамъ — гдѣ начинается сосредоточеніе войскъ; что онъ меня арестуетъ и прикажетъ выяснить болѣе основательно, кто мы такіе.

Къ счастію, въ это время подошли къ нему какіе-то солдаты и началась ругань. Я воспользовался моментомъ и удралъ. Надо спасаться».

Раздумывать было некогда.

Расплатившись за номеръ мы вышли изъ гостинницы и рѣшили пройти, минуя станцію, на желѣзнодорожные пути и первымъ же поѣздомъ отправиться въ Ростовъ, а оттуда, черезъ Лиски, въ Царицынъ.

На наше счастье у вокзала стоялъ поѣздъ, который долженъ былъ черезъ часъ отойти на Ростовъ.

Не беря билетовъ мы забрались въ товарный вагонъ и устроились въ уголкѣ за грудой какихъ-то торговокъ.

До Ростова доѣхали благополучно. Но здѣсь на вокзалѣ нужно было ожидать поѣзда болѣе 8 часовъ.

Ронжинъ, котораго въ Ростовѣ меньше знали, рискнулъ пройти поѣсть въ залъ I класса, а я забился въ толпу въ залѣ III класса.

Находясь въ залѣ, я видѣлъ среди проходившихъ нѣсколько знакомыхъ лицъ, въ томъ числѣ моряка, котораго мы видѣли на ст. Степной.

Ронжинъ поручилъ носильщику взять билеты до ст. Лиски. Поѣздъ наконецъ былъ поданъ и мы пошли садиться въ вагонъ.

По пути къ вагону меня остановили двое штатскихъ и, называя «Ваше Превосходительство», стали разспрашивать, откуда и куда я ѣду. Я имъ отвѣтилъ, что они заблуждаются принимая меня за кого-то другого и что я совсѣмъ не «Превосходительство».

Они перешептываясь отошли, но издали за нами слѣдили.

Въ одномъ изъ нихъ я узналъ офицера, служившаго въ штабѣ на маленькой должности и пользовавшагося неважной репутаціей.

Я опасался, какъ бы насъ они не выдали, но все прошло благополучно, и наконецъ поѣздъ тронулся. Мы перекрестились.

Ронжинъ еще съ утра чувствовалъ себя плохо. Къ отходу же поѣзда у него, повидимому, былъ сильный жаръ и онъ жаловался на боль сердца.

Когда поѣздъ сталъ подходить къ ст. Лиски, Ронжинъ мнѣ категорически объявилъ, что съ него довольно, въ дальнѣйшія предпріятія онъ не склоненъ

пускаться, въ Царицынъ не поѣдетъ, а поѣдетъ прямо въ Петроградъ къ своей женѣ, которая, какъ-нибудь, поможетъ ему тамъ спрятаться.

— «А если суждено погибнуть, то лучше погибнуть дома, а не шатаясь такъ, какъ мы теперь съ тобой шатаемся» — прибавилъ онъ.

Я видѣлъ, что уговаривать его безполезно, и въ Лискахъ мы съ нимъ разстались: онъ тѣмъ же поѣздомъ поѣхалъ на сѣверъ, а я остался на станціи въ ожиданіи поѣзда въ Царицынъ.

Утромъ 2/15 марта я пріѣхалъ въ Царицынъ и отправился искать себѣ помѣщеніе.

Нашелъ за десять рублей въ сутки крошечную комнату въ очень грязной гостинницѣ. Всѣ приличныя гостинницы оказались реквизированы для надобностей большевистскихъ штабовъ и учрежденій.

Я чувствовалъ, что на мнѣ масса насѣкомыхъ, а потому сейчасъ же отправился въ магазинъ, купилъ смѣну бѣлья и пошелъ въ баню.

Проживъ въ Царицынѣ недѣлю, я увидѣлъ, что положеніе мое скоро станетъ драматичнымъ: деньги таяли, а надежды скоро соединиться съ арміей не было.

Я рѣшилъ отыскать какую-нибудь работу.

Пошелъ въ контору мѣстнаго купца Серебрякова и спросилъ хозяина.

Мнѣ указали на плотнаго старика, стоявшаго въ конторѣ въ пальто и въ шапкѣ на головѣ.

Я подошелъ и сказалъ, что я хорошо грамотенъ, знаю бухгалтерію и прошу дать мнѣ работу.

Онъ молча на меня посмотрѣлъ, а затѣмъ раздраженнымъ тономъ сказалъ: «Грамотныхъ теперь не требуется. Да я, впрочемъ, теперь уже и не хозяинъ; хозяева — вотъ эта с.....!» и указалъ на нѣсколькихъ юношей, сидѣвшихъ за столомъ. «Попробуйте обратиться къ нимъ».

Я повернулся и вышелъ изъ конторы.

На другой день, обѣдая въ ресторанѣ, я увидѣлъ за сосѣднимъ столикомъ адъютанта генерала Корнилова — Толстова и мужа дочери генерала Корнилова — моряка Маркова *.

По выходѣ изъ ресторана меня нагналъ Толстовъ и спросилъ, когда и гдѣ онъ можетъ меня увидѣть.

Я ему назначилъ свиданіе у себя въ номерѣ черезъ часъ.

Толстовъ, пріѣдя ко мнѣ и увидѣвъ обстановку моего номера, сказалъ, что онъ постарается меня устроить лучше и обѣщалъ зайти на другой день.

На другой день, подъ вечеръ, онъ пришелъ и сказалъ, что меня проситъ сейчасъ же придти его хорошій знакомый Х.

Я пошелъ.

Х. принялъ меня какъ родного.

Послѣ всѣхъ мытарствъ я съ наслажденіемъ провелъ время въ хорошей обстановкѣ и былъ накормленъ отличнымъ обѣдомъ.

На слѣдующій же день Х. меня устроилъ на квартирѣ у своего тестя.

Какое наслажденіе было получить хорошую комнату и кровать съ чистымъ бѣльемъ, и имѣть возможность пользоваться ванной!

У милыхъ и гостепріимныхъ стариковъ я и обѣдалъ.

---

* Какъ потомъ я узналъ, они пріѣхали изъ Владикавказа, куда сопровождали изъ Ростова семью генерала Корнилова.

Прожилъ я у нихъ до половины марта. Сообщеніе со ст. Тихорѣцкой не возстанавливалось и я началъ терять надежду на возможность соединиться съ Добровольческой арміей.

Однажды пришелъ ко мнѣ Толстовъ и заявилъ, что у мѣстнаго комиссара Минина (онъ же городской голова) начальникомъ штаба состоитъ полковникъ генеральнаго штаба К., котораго я, за скандалъ произведенный имъ въ пьяномъ видѣ подъ Новый годъ въ Новочеркасскомъ офицерскомъ собраніи, отчислилъ отъ штаба Добровольческой арміи.

На слѣдующій день я получилъ свѣдѣніе, что за мной начинаютъ слѣдить и что мнѣ необходимо немедленно уѣзжать.

Запасшись отъ Х. рекомендательнымъ письмомъ къ одному изъ его знакомыхъ въ Харьковѣ и взявъ у него въ долгъ триста рублей я, въ тотъ же день, отправился въ Харьковъ.

Выбралъ Харьковъ потому, что собственно больше и некуда было ѣхать и, кромѣ того, надѣялся разыскать тамъ моихъ дѣтей.

За время моего пребыванія въ Царицынѣ я выяснилъ, что большевиками прекращена была всякая коммерческая жизнь въ городѣ. Мѣстные купцы, домовладѣльцы и просто «буржуи» были сильно ограблены и очень немногимъ изъ нихъ, путемъ взятокъ, удалось сохранить возможность вести сносную жизнь.

Постояннаго террора еще не было.

Періодически расправлялись съ отдѣльными лицами, которыхъ считали опасными.

Серьезному же преслѣдованію и разстрѣлу подвергались лишь всѣ, коихъ заподозрѣвали въ причастности къ Добровольческой арміи.

* *
*

До Харькова я добрался благополучно.

Здѣсь я сначала помѣстился въ гостинницѣ, но, затѣмъ, благодаря рекомендаціи Х., я отлично устроился въ богатомъ домѣ одной старушки, германской подданной.

Нельзя обойти молчаніемъ, что, при бывшихъ въ Харьковѣ грабежахъ и уплотненіяхъ квартиръ, въ этотъ домъ, хотя онъ и былъ полной чашей, ни разу не заглянулъ ни одинъ большевикъ.

Какъ мнѣ передавали, въ періодъ перваго владычества большевиковъ въ Харьковѣ, замѣчалось ихъ крайне внимательное отношеніе вообще ко всѣмъ германскимъ подданнымъ. Хотя не трогали и швейцарскихъ гражданъ, но отношеніе къ нимъ все же не было такимъ предупредительнымъ, какъ къ германскимъ подданнымъ.

Своихъ дѣтей (дочь 15 лѣтъ и сына 14 лѣтъ) я отыскалъ въ Харьковѣ. Устроились они въ одномъ очень миломъ швейцарскомъ семействѣ.

Про свою жену, выѣхавшую на лошадяхъ изъ Новочеркасска 10/23 февраля, вмѣстѣ съ генераломъ Вановскимъ, никакихъ свѣдѣній я не имѣлъ.

Она предполагала на лошадяхъ доѣхать до одной изъ станцій желѣзной дороги Царицынъ—Тихорѣцкая и оттуда, черезъ Царицынъ, пробраться въ Москву, гдѣ постараться ликвидировать имущество нашей квартиры и спасти деньги и свои драгоцѣнности, бывшія въ банкѣ. Испытавъ на себѣ всѣ прелести путешествія на лошадяхъ изъ раіона занятаго Добровольческой арміей, я рѣшилъ, что моя жена погибла.

Но, черезъ 2—3 дня послѣ моего пріѣзда въ Харьковъ, одной нашей знакомой, княгиней Голицыной, было получено изъ Москвы письмо отъ моей жены. Я успокоился и рѣшилъ, что, въ ближайшемъ будущемъ, жена сумѣетъ, какъ-нибудь, пробраться изъ Москвы въ Харьковъ на соединеніе съ дѣтьми.

Съ января 1918 года я чувствовалъ себя отрѣзаннымъ отъ міра и, въ сущности говоря, ничего не зналъ о томъ, что происходитъ внѣ раіона, въ которомъ я находился.

Будучи въ раіонѣ Добровольческой арміи, окруженной большевиками со всѣхъ сторонъ, а затѣмъ оторвавшись отъ арміи и попавъ въ Царицынъ, я питался лишь слухами и ничего вѣрнаго до меня не доходило.

Пріѣхавъ въ Харьковъ я, черезъ бывшаго члена Государственнаго Совѣта Н. Ф. Дитмара, связался съ группой углепромышленниковъ, которая тамъ субсидировала тайную офицерскую организацію.

На квартирѣ одного изъ членовъ этой группы я познакомился съ полковникомъ, стоявшимъ во главѣ Харьковской военной организаціи, и съ командиромъ офицерскаго батальона.

Въ распоряженіи Харьковской военной организаціи имѣлось три тысячи винтовокъ съ достаточнымъ количествомъ патроновъ и около двадцати пулеметовъ.

Была надежда, въ случаѣ возстанія, получить четырехорудійную батарею; личный составъ для батареи былъ подготовленъ.

Въ батальонѣ, который, по словамъ полковника, стоявшаго во главѣ организаціи, можно было бы собрать въ любой моментъ, числилось около тысячи человѣкъ. Кромѣ того, въ спискѣ офицеровъ, жившихъ въ Харьковѣ, числилось около двухъ тысячъ человѣкъ. Эти послѣдніе офицеры не были посвящены въ существующую организацію. Каждый изъ офицеровъ батальона долженъ былъ въ случаѣ необходимости привести 2—3 офицеровъ, значившихся въ спискѣ и лично ему извѣстныхъ.

Такія же организаціи, но въ меньшихъ размѣрахъ, существовали въ другихъ городахъ Харьковской и Полтавской губерній.

Познакомившись съ организаціей дѣла въ Харьковѣ, я преподалъ нѣкоторые организаціонные совѣты руководителямъ ея и затѣмъ указалъ, что никакія выступленія не допустимы. Необходимо выждать, пока окажется возможнымъ имѣть связь съ генералами Корниловымъ и Алексѣевымъ и свои дѣйствія строго согласовать съ указаніями, которыя будутъ получены.

При этомъ сказалъ, какъ свое личное мнѣніе, что считаю наиболѣе правильнымъ, чтобы всѣ офицеры, которые это могутъ сдѣлать, направлялись на усиленіе Добровольческой арміи. На мѣстахъ же могутъ оставаться лишь тѣ, кои, вслѣдствіе семейныхъ и другихъ причинъ, въ армію ѣхать не въ состояніи.

Эта группа офицеровъ можетъ взяться за оружіе лишь при подходѣ Добровольческой арміи, дабы преждевременными выступленіями не губить дѣла и не подвергать напрасно террору тѣхъ, которые сидятъ на мѣстахъ.

Въ двадцатыхъ числахъ марта меня въ Харьковѣ разыскалъ морякъ, лейтенантъ Масленниковъ, который служилъ для связи между генералами Корниловымъ и Алексѣевымъ и Московскимъ національнымъ центромъ, въ составъ котораго вошли представители всѣхъ анти-большевистскихъ круговъ отъ правыхъ до соціалистовъ включительно.

Этотъ центръ, конечно, велъ работу конспиративно; хотя, повидимому, про его существованіе большевикамъ было извѣстно, но они, по указкѣ ли

нѣмцевъ, или по своимъ соображеніямъ, пока его не трогали и на его дѣятельность смотрѣли сквозь пальцы.

Масленниковъ разсказалъ мнѣ, что за послѣднее время въ Москвѣ назрѣваетъ возстаніе, что различныя организаціи объединились и что руководители убѣждены въ полномъ успѣхѣ, но что въ Москвѣ нѣтъ никого изъ авторитетныхъ военныхъ, который могъ бы руководить военной стороной дѣла; что членовъ Московскаго національнаго центра особенно безпокоитъ вопросъ о томъ, кому можно поручить направленіе дѣятельности военныхъ организацій; особенно важно, чтобы, послѣ намѣченнаго переворота, было лицо, которое твердо и правильно поставило бы дѣло и прибрало къ рукамъ всѣ разнообразныя военныя организаціи; что онъ командированъ въ Харьковъ спеціально ко мнѣ*, чтобы, отъ имени національнаго центра, предложить мнѣ немедленно прибыть въ Москву и принять руководство военной стороной дѣла.

Я его спросилъ, насколько справедливы слухи о томъ, что Московскій національный центръ раскололся; что часть членовъ приняла нѣмецкую оріентацію, считая, что спасеніе отъ большевиковъ возможно лишь при соглашеніи съ нѣмцами; что другая часть членовъ остается вѣрной союзу съ Франціей и Англіей и не допускаетъ мысли идти по пути соглашенія съ Германіей.

Масленниковъ, какъ мнѣ показалось, нѣсколько смазывалъ свои отвѣты.

Онъ подтвердилъ, что дѣйствительно вопросъ оріентаціи возникъ, но разрыва не произошло; что группа, считающая возможнымъ договориться съ нѣмцами, предварительно считаетъ необходимымъ опредѣленно и ясно поставить вопросъ о помощи англичанамъ и французамъ; что только при отказѣ ихъ оказать дѣйствительную поддержку — они считаютъ возможнымъ начать переговоры съ нѣмцами, которые дѣйствительно предлагаютъ съ ними договориться.

На мой вопросъ — кѣмъ же онъ ко мнѣ присланъ, онъ отвѣтилъ, что А. В. Кривошеинымъ и Влад. І. Гурко.

— «Есть ли у васъ какое-либо письмо ко мнѣ или что-либо иное въ письменной формѣ, что подтвердило бы мнѣ, что вы дѣйствительно присланы ко мнѣ указанными лицами?»

— «Нѣтъ, у меня ничего нѣтъ; мнѣ поручено это передать вамъ на словахъ. Вы меня знаете, и мы считали, что у васъ не будетъ никакихъ сомнѣній».

— «Можете ли вы мнѣ подробно разсказать про существующія въ Москвѣ военныя организаціи? Что они изъ себя представляютъ по составу, численности, снайкѣ и по обезпеченности военными припасами на періодъ выступленія?»

— «Нѣтъ, я этого не знаю».

Послѣ этого я сказалъ Масленникову, что согласіемъ на подобное предложеніе отвѣтить трудно, что все это представляется мнѣ довольно легкомысленнымъ, что ѣхать въ Москву съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же быть повѣшеннымъ на фонарномъ столбѣ, мнѣ не хочется, что если мнѣ суждено быть повѣшеннымъ, то это, въ свое время, случится, но ускорять ходъ событій я не намѣренъ.

— «Передайте А. В. Кривошеину и Вл. І. Гурко, что если они дѣйствительно хотятъ моего пріѣзда, то пусть мнѣ объ этомъ напишутъ и пришлютъ васъ и какого-нибудь генерала, стоящаго во главѣ одной изъ наиболѣе крупныхъ организацій, чтобы онъ мнѣ могъ дать исчерпывающіе отвѣты на всѣ

* О моемъ нахожденіи въ Харьковѣ онъ узналъ отъ моей жены, получившей мою открытку, посланную изъ Царицына.

мои вопросы. А на предложеніе, дѣлаемое въ той формѣ, какъ дѣлаете вы, я отвѣчаю опредѣленнымъ отказомъ».

Злободневными въ Харьковѣ разговорами были слухи и поступавшія свѣдѣнія о приближеніи нѣмцевъ. Кіевъ былъ ими занятъ 15 февраля ст. ст.

Въ началѣ апрѣля я съ большимъ интересомъ прочиталъ въ одной изъ Харьковскихъ газетъ статью В. В. Шульгина, напечатанную въ послѣднемъ номерѣ закрывшагося «Кіевлянина» отъ 10/23 марта (№ 16):

«Выпуская послѣдній номеръ «Кіевлянина», мы позволяемъ себѣ напомнить всѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, что міровая война не кончилась; что жесточайшая борьба будетъ продолжаться на западномъ фронтѣ; что уничтоженіе Россіи есть только одинъ изъ эпизодовъ этой войны; что на мѣсто Россіи вступила Америка; что русскій вопросъ не можетъ быть рѣшенъ окончательно ни въ Брестѣ, ни въ Кіевѣ, ни въ Петроградѣ, ни даже въ Москвѣ, ибо карта Европы будетъ вычерчена на кровавыхъ поляхъ Франціи, гдѣ произойдетъ послѣдняя рѣшительная борьба.

Мы позволяемъ себѣ сказать еще, что нынѣшнее состояніе Россіи не есть гибель русскаго народа, но есть несомнѣнная гибель «русской революціи».

Соціалисты воображали, что такъ называемая контръ-революція прійдетъ отъ рахитичныхъ русскихъ капиталистовъ или отъ мечтательныхъ русскихъ помѣщиковъ, подарившихъ міру Льва Толстого — геніальнаго Манилова. Во имя этой несуществующей ковтръ-революціи они разстрѣливали и уничтожали тотъ небольшой культурный классъ, который въ Россіи единственно былъ носителемъ національной гордости и готовъ былъ подвергнуться всѣмъ экспериментамъ «соціализма», лишь бы сохранить независимою свою родину.

Задача блестяще удалась. Людей, любившихъ свое отечество, смяли и растоптали изъ страха передъ «ней». Но когда это было сдѣлано, «буржуи» уничтожены, тогда-то и пришла «она»...

Пришла сильная, спокойная, увѣренная...

И всѣ эти жалкіе людишки покорно стали на колѣни и привѣтствовали ея появленіе.

Контръ-революція пришла въ образѣ нѣмецкихъ офицеровъ и солдатъ, занявшихъ Россію. Тѣхъ нѣмецкихъ солдатъ, у которыхъ «нервы оказались крѣпче».

Ибо, что такое контръ-революція въ глазахъ безмозглыхъ митрофанушекъ соціализма? Контръ-революція — это порядокъ, это крѣпкая власть, это конецъ бездѣлью, болтовнѣ, конецъ надругательствамъ и насиліямъ надъ беззащитными и слабыми.

Такъ вотъ, поздравляемъ васъ, господа революціонеры! Нѣмцы принесли этотъ порядокъ на своихъ штыкахъ... и прежде всего, приводя въ дѣйствіе желѣзныя дороги, приказывая вымыть и вымести до чиста нашъ несчастный Кіевскій вокзалъ, эту эмблему современной культуры, которую вы столько времени пакостили во славу демократическихъ принциповъ.

Чистота и опрятность! Есть ли начало болѣе враждебное грязью вѣнчанной русской революціи?

Ахъ, господа, вы не хотѣли отдавать чести русскимъ офицерамъ... А теперь съ какой готовностью вы отдаете эту «честь» нѣмецкимъ! Почему? Да потому, что они избавили васъ отъ самихъ себя, потому что они спасаютъ вашу собственную безумную жизнь, потому что въ звѣриной ненависти, вами

овладѣвшей, вы перегрызли бы горло другъ другу! И вы глубоко благодарны пинку нѣмецкаго приклада, который привелъ васъ въ чувство.

Но мы, мы нѣмцевъ не звали. Когда вы разстрѣливали насъ и жгли, мы говорили: «убивайте и жгите, но спасите Россію».

И такъ какъ мы нѣмцевъ не звали, то мы не хотимъ пользоваться благами относительнаго спокойствія и нѣкоторой политической свободы, которыя нѣмцы намъ принесли. Мы на это не имѣемъ права. А то, что намъ не принадлежитъ по праву, мы не возьмемъ даже въ томъ случаѣ, если бы намъ его отдавали «безъ выкупа». Мы нѣдь не соціалисты — благодареніе Господу Богу!

Мы были всегда честными противниками. И своимъ принципамъ мы не измѣнимъ. Пришедшимъ въ нашъ городъ нѣмцамъ мы это говоримъ открыто и прямо.

Мы ваши враги. Мы можемъ быть вашими военноплѣнными, но вашими друзьями мы не будемъ до тѣхъ поръ, пока идетъ война.

У насъ только одно слово. Мы дали его французамъ и англичанамъ, и пока они проливаютъ свою кровь въ борьбѣ съ вами за себя и за насъ, мы можемъ быть только вашими врагами, а не издавать газету подъ вашимъ крылышкомъ.

Да, если бы «Кіевлянинъ» сталъ вновь выходить, то это значило бы, что нѣмцы обезпечили ему безопасность. Даже эти строчки, которыя сейчасъ пишутся, могутъ быть выпущены, благодаря попустительству нѣмецкой власти.

Если бы «Кіевлянину» была дана возможность выходить, то это значило бы, что здѣсь или расчетъ, или великодушіе.

Расчетамъ помогать мы не хотимъ, великодушія принять не можемъ.

Мы хорошо понимаемъ значеніе только-что сказанныхъ словъ, но и враги наши поймутъ, что иного выхода для честныхъ людей нѣтъ.

Какія послѣдствія будутъ для насъ лично — мы не знаемъ, но ту часть русскаго общества, отъ имени которой мы позволяемъ себѣ говорить, нѣмцы принуждены будутъ уважать, какъ они вынуждены презирать тѣхъ, кои сейчасъ пресмыкаются передъ ними.

И мы хорошо знаемъ, что, когда наступитъ время дѣйствительнаго примиренія, когда кончится эта ужасная міровая борьба, кончится миромъ, не постыднымъ для всѣхъ, кто честно боролся за свою родину, тогда честные противники скорѣй столкуются другъ съ другомъ, чѣмъ безчестные друзья».

Статья эта была болѣе чѣмъ своевременна.

Нѣмцы планомѣрно занимали хлѣбный раіонъ юго-западнаго края и протягивали щупальцы ко всѣмъ крупнымъ центрамъ Малороссіи, съ цѣлью постепенно занять весь югъ Россіи и создать себѣ прочную продовольственную базу для продолженія борьбы на западѣ.

Большевики отступали передъ нѣмцами почти безъ всякаго сопротивленія.

Но при этомъ отступленіи происходило что-то странное.

Большая часть большевистскихъ силъ отступала не на сѣверъ или сѣверо-востокъ для прикрытія Великороссіи, а на востокъ — для созданія фронта для борьбы съ казаками и добровольцами.

Чувствовалось, что для совѣтскаго правительства нѣмцы, какъ будто, не страшны и что между ними существуетъ какое-то соглашеніе.

Всѣ данныя, поступавшія изъ разныхъ источниковъ, указывали на то, что нѣмцы готовы были прекратить въ Россіи большевизмъ, ими же насажденный.

Но, повидимому, германскіе правящіе круги сами не знали, какъ будетъ болѣе правильно разрѣшить эту задачу.

Несомнѣнно, что были предположенія принять мѣры къ прекращенію большевизма и возсозданію сильной Россіи.

Но для Германіи было важно, чтобъ эта Россія была для нея союзной, или, въ худшемъ случаѣ, нейтральной.

Между тѣмъ существованіе на югѣ Россіи Добровольческой арміи, вѣрной Англіи и Франціи, которая, при возрожденіи Россіи, явилась бы естественно ядромъ русской арміи, и существованіе въ Россіи политическихъ группъ, которыя опредѣленно высказывались за необходимость для Россіи выполнить свой долгъ въ совмѣстной борьбѣ съ союзниками противъ Германіи до конца, заставляло германское правительство поддерживать связь съ совѣтскимъ правительствомъ и склоняться въ сторону расчлененія Россіи и созданія самостоятельной и ей послушной Украины.

Событія между тѣмъ на Украинѣ развивались. Въ вербную субботу нѣмцы вошли въ Харьковъ и выдвинули авангарды къ Бѣлгороду и Чугуеву.

Большинство Харьковскаго населенія ликовало и благословляло нѣмцевъ за освобожденіе отъ большевиковъ.

Но черезъ нѣсколько дней многіе, съ которыми мнѣ пришлось говорить, уже не чувствовали себя такъ радостно настроенными.

Одинъ изъ обывателей правильно охарактеризовалъ чувство, которое испытывало большинство: «шкура радуется, что мы освобождены отъ большевиковъ, а душа болитъ, что это сдѣлано нѣмецкими руками».

Интеллигенція и помѣщики въ своей массѣ, напуганные звѣрствами и разстрѣлами большевиковъ, выбитые изъ привычной колеи жизни и измученные постояннымъ ожиданіемъ новыхъ ужасовъ, новыхъ преслѣдованій — готовы были броситься хоть чорту на рога, лишь бы избавиться отъ большевиковъ.

Для нѣмцевъ моментъ былъ подходящій, чтобы привлечь на свою сторону массу, жаждавшую порядка и прекращенія наступившей смуты.

* * *

Передъ Пасхой я встрѣтилъ въ Харьковѣ двухъ видныхъ общественныхъ дѣятелей, бывшихъ членовъ Государственной Думы, Н. И. Антонова и князя А. Д. Голицына.

Оба они лихорадочно занимались подготовкой созыва съѣзда «хлѣборобовъ» — для выбора Гетмана.

Нѣмцы, занявъ юго-западный край Россіи, естественно стремились создать въ этомъ раіонѣ твердую власть и имѣть прочный административный аппаратъ, который обезпечилъ бы порядокъ въ странѣ и далъ имъ возможность пользоваться этимъ аппаратомъ, чтобы богатый край дѣйствительно сталъ бы ихъ продовольственной базой и они могли бы получать всѣ предметы продовольствія быстро и безъ всякихъ затрудненій.

Для нѣмцевъ необходимо было, чтобы эта власть была имъ дружественна и чувствовала, что она имъ обязана своимъ благополучіемъ.

Правительство, которое нѣмцы застали на Украинѣ — ихъ не могло удовлетворить: соціалистическое правительство, съ нѣкоторымъ уклономъ въ сторону большевизма, а главное, стремившееся провести немедленно земельную реформу съ уничтоженіемъ крупнаго частновладѣнія, совершенно не гарантировало скораго водворенія порядка, не гарантировало возможность спокойно и планомѣрно начать вывозъ всего необходимаго въ Германію.

Нѣмцы были хозяевами только по линіямъ желѣзныхъ дорогъ и въ городахъ, занятыхъ ихъ гарнизонами.

Отсюда они вывозили все, что возможно, и кромѣ того, организовали правильную ежемѣсячную отправку каждымъ нѣмецкимъ солдатомъ къ себѣ на родину посылокъ по $^1/_2$ пуда каждую. Солдаты должны были отправлять на родину съѣстные припасы, главнымъ образомъ, муку, крупу, сахаръ, сало и колбасы.

Но этого для нѣмцевъ было недостаточно; имъ, повторяю, надо было установить такой русскій правительственный административный аппаратъ, который далъ бы имъ возможность хозяйничать во всей странѣ, а не только по желѣзнодорожнымъ артеріямъ.

На Украинѣ, кромѣ крупнаго помѣщичьяго класса, былъ недоволенъ создавшимся положеніемъ многочисленный классъ довольно крупныхъ крестьянскихъ собственниковъ-хлѣборобовъ, которымъ, проектируемыя реформы Украинскаго правительства, грозили полнымъ разореніемъ.

Представители германскихъ властей въ оккупированномъ раіонѣ вошли въ соглашеніе съ видными представителями помѣщичьяго класса и общественныхъ организацій, не сочувственно относившимися къ намѣчавшимся реформамъ, и было рѣшено созвать въ Кіевѣ съѣздъ хлѣборобовъ, который долженъ былъ выбрать Гетмана, и затѣмъ старое правительство должно было быть ликвидировано.

Все было обставлено такъ, что нѣмцы, яко-бы, оставались въ сторонѣ, не вмѣшиваясь въ то, что происходитъ.

Время (апрѣль мѣсяцъ) для съѣзда хлѣборобовъ, изъ-за полевыхъ работъ, было не подходящее. Чтобы съѣздъ состоялся, надо было матеріально хорошо обставить крестьянъ участниковъ съѣзда и не только возмѣстить имъ расходы, но и дать имъ нѣкоторую денежную прибыль.

По упорно циркулировавшимъ слухамъ нѣмцы, на устройство съѣзда хлѣборобовъ, отпустили пятнадцать милліоновъ рублей.

Съѣздъ состоялся; съѣхалось свыше девяти тысячъ хлѣборобовъ и, съ феерической быстротой, 15/28 апрѣля, было проведено, заранѣе подготовленное, избраніе въ Гетманы Украины генерала Скоропадскаго.

Во время съѣзда хлѣборобовъ въ Кіевѣ, часть этого съѣзда отказалась отъ выбора Гетмана и образовалось другое собраніе — «спилка».

Но выборъ Украинскимъ Гетманомъ Скоропадскаго — былъ признанъ нѣмцами и они, объявивъ объ этомъ, заявили, что гетмана будутъ поддерживать, а всякія выступленія противъ него, они, съ цѣлью поддержанія порядка въ оккупированномъ имъ краѣ, будутъ подавлять силою оружія.

Спилка была разогнана, а часть, болѣе непокорная, изъ ея состава и арестована нѣмцами.

Гетманъ Скоропадскій сформировалъ свое правительство и, опираясь на силу германскихъ штыковъ, вступилъ въ управленіе краемъ.

Какъ показали дальнѣйшія событія, власть полученная изъ нѣмецкихъ рукъ и опиравшаяся на нѣмецкія войска, стала непопулярной для массы населенія.

Еслибъ правительство гетмана Скоропадскаго было болѣе дальновидно, то правильно сорганизовавъ и вооруживъ крѣпкихъ земельныхъ собственниковъ-крестьянъ (хлѣборобовъ) — оно, можетъ быть, сумѣло бы создать такую обстановку, при которой, послѣ ухода нѣмцевъ, власть сохранилась бы въ его рукахъ и большевизмъ не охватилъ бы Украину.

Но Гетманское правительство ничего реальнаго не сдѣлало для поддержанія этого един твеннаго надежнаго класса населенія, а стремилось сначала создать крупную регулярную армію, а порядокъ поддерживать полицейскими мѣрами.

Полицейскихъ же мѣръ оказалось недостаточно, а создать болѣе или менѣе прочную регулярную армію не позволили нѣмцы.

Были созданы только штабы, назначены начальствующія лица, а солдатъ оказалось мало . . .

Въ двадцатыхъ числахъ апрѣля я, со своими дѣтьми, пріѣхалъ въ Кіевъ.

Рѣшивъ оставить дѣтей въ Кіевѣ у сестры моей жены, я самъ хотѣлъ пробраться опять въ Добровольческую армію.

Къ этому времени нѣмцы продвинулись на востокъ до рѣки Дона и заняли Крымъ.

При занятіи Крыма нѣмцами произошелъ интересный эпизодъ: первоначально германскія части наступали на Крымъ совмѣстно съ Украинской бригадой, бывшей подъ командой генерала Натіева; но у ст. Джанкой головной эшелонъ Украинской бригады былъ остановленъ нѣмцами, а затѣмъ они потребовали удаленія украинцевъ изъ предѣловъ Крыма и заняли его самостоятельно.

Впослѣдствіи Украинское правительство неоднократно возбуждало вопросъ о присоединеніи Крыма къ Украинѣ, но нѣмцы опредѣленно отвѣчали, что Крымъ долженъ оставаться самостоятельнымъ.

Пріѣхавъ въ Кіевъ, я, черезъ одного моего знакомаго, попросилъ узнать когда Гетманъ Скоропадскій можетъ меня принять. Въ тотъ же день мнѣ было сообщено, что Гетманъ меня проситъ на другой день.

Въ назначенный часъ я пошелъ въ такъ называвшійся гетманскій дворецъ (старый генѣралъ-губернаторскій домъ).

Гетманъ сейчасъ же меня принялъ и, сказавъ, что ему хотѣлось бы со мной подробно поговорить, попросилъ подождать въ кабинетѣ его начальника канцеляріи полтора часа, послѣ чего «мы съ вами позавтракаемъ и на свободѣ, послѣ завтрака, поговоримъ; ждать же вамъ не будетъ скучно, такъ какъ здѣсь есть еще нѣсколько генераловъ, вашихъ старыхъ знакомыхъ, которые хотѣли съ вами повидаться».

Я согласился.

Въ часъ дня меня позвали въ столовую.

За столъ сѣло человѣкъ двѣнадцать, въ томъ числѣ былъ новый предсѣдатель Совѣта Министровъ Лизогубъ и генеральный секретарь Игорь Кистяковскій.

Когда всѣ уже сидѣли за столомъ, въ комнату вошелъ германскій офицеръ и, извинившись за запозданіе, сѣлъ на свободное, оставленное для него, мѣсто.

По манерѣ себя держать и по нѣсколькимъ сказаннымъ фразамъ мнѣ стало ясно, что этотъ германскій офицеръ постоянный гость на гетманскихъ завтракахъ.

Я спросилъ у моего сосѣда за столомъ — «кто этотъ нѣмецъ?»

«А это извѣстный здѣсь и очень вліятельный гр. Альвенслебенъ».

Германскій офицеръ за завтракомъ очень мало говорилъ, но очень внимательно слушалъ. Разговоръ шелъ на русскомъ и, частью, на французскомъ языкѣ.

Послѣ завтрака гетманъ пригласилъ меня къ себѣ въ кабинетъ и очень горячо сталъ мнѣ объяснять, что онъ согласился быть избраннымъ гетманомъ

только потому, что, по его мнѣнію, это былъ лучшій выходъ изъ создавшагося положенія.

Что онъ не «щирый Украинецъ», что вся его работа будетъ идти на созданіе порядка на Украинѣ, на созданіе хорошей арміи и что, когда Великороссія изживетъ свой большевизмъ, онъ первый подыметъ голосъ за объединеніе съ Россіей; что онъ отлично понимаетъ, что Украина не можетъ быть «самостійной», но обстановка такова, что ему пока необходимо разыгрывать изъ себя «щираго украинца»; что для него самое больное и самое трудное — это работать съ нѣмцами, но, опять таки, и здѣсь — это единственно правильное рѣшеніе, такъ какъ, только опираясь на силу, онъ можетъ создать порядокъ на Украинѣ; а единственная существующая реальная сила — это нѣмцы; что Добровольческая армія силы изъ себя серьезной не представляетъ и нѣмцы никогда не допустятъ ея усиленія: тогда она станетъ для нихъ опасной. А потому, какъ бы онъ ни сочувствовалъ генералу Деникину — опираться на него не можетъ, а принужденъ опираться на нѣмцевъ. Вотъ когда удастся создать прочную регулярную армію на Украинѣ, то тогда онъ иначе будетъ разговаривать и съ нѣмцами.

На это я отвѣтилъ, что нѣмцы все это понимаютъ не хуже чѣмъ онъ и создать ему сильную армію на Украинѣ они не позволятъ.

— «Нѣтъ, я этого добьюсь; я получилъ уже принципіальное обѣщаніе, что мнѣ будетъ разрѣшено сформировать девять корпусовъ».

— «Обѣщаній нѣмцы надаютъ много, но настоящей арміи сформировать вамъ не позволятъ».

Послѣ этого гетманъ добавилъ, что, хотя онъ получилъ принципіальное согласіе нѣмцевъ на сформированіе девяти корпусовъ, но, въ дѣйствительности, ему пока разрѣшено сформировать три корпуса. Но что онъ надѣется вскорѣ получить окончательное разрѣшеніе на сформированіе всѣхъ девяти корпусовъ. Затѣмъ онъ сказалъ, что все же учитываетъ возможность задержки въ полученіи этого разрѣшенія и что у него разработанъ проектъ формированія въ провинціи особыхъ частей для поддержанія порядка въ уѣздахъ; что эти части будутъ имѣть въ своемъ составѣ значительное число офицеровъ и, когда потребуется, могутъ послужить кадромъ для развертыванія въ болѣе крупныя войсковыя части. Что для нѣмцевъ необходимъ на Украинѣ полный порядокъ и что они поэтому дадутъ разрѣшеніе, какъ на формированіе новыхъ корпусовъ, такъ и на организацію проектируемыхъ имъ отрядовъ для поддержанія порядка въ уѣздахъ.

Я пожелалъ ему успѣха, но, еще разъ, высказалъ сомнѣніе относительно того, чтобы нѣмцы, разложившіе русскую армію и выведшіе ее изъ міровой борьбы, позволили бы ему создать новую армію, которая можетъ обратиться противъ нихъ же.

Затѣмъ гетманъ Скоропадскій, совершенно для меня неожиданно, предложилъ мнѣ быть въ его правительствѣ военнымъ министромъ.

— «Я убѣжденъ, что мы съ вами скоро сформируемъ хорошую армію» — добавилъ онъ.

Я категорически отказался, сказавъ, что я возвращаюсь въ Добровольческую армію и, кромѣ того, никогда и ни при какихъ условіяхъ я не соглашусь работать съ нѣмцами, которые не въ честномъ бою, а подлыми предательскими пріемами погубили нашу армію и предали Россію въ руки большевиковъ, главные изъ которыхъ — евреи, преслѣдующіе не русскія, а интернаціональныя цѣли.

Гетманъ Скоропадскій высказалъ свое сожалѣніе, что я не хочу съ нимъ работать и сказалъ, что онъ все же надѣется, что я не откажу ему въ совѣтѣ, когда онъ ко мнѣ обратится.

Но больше мы съ нимъ не видались и ни за какими совѣтами онъ ко мнѣ не обращался.

* *
*

Въ этотъ періодъ мнѣ представился случай отправить письмо генералу Деникину, который вступилъ въ командованіе Добровольческой арміей, послѣ того какъ генералъ Корниловъ былъ убитъ при попыткѣ занять Екатеринодаръ.

Мое письмо, съ подробнымъ описаніемъ того — что я видѣлъ и слышалъ, дошло по назначенію и, какъ генералъ Деникинъ мнѣ впослѣдствіи говорилъ, было для него очень цѣнно, такъ какъ отъ внѣшняго міра Добровольческая армія была совершенно отрѣзана и никто не зналъ — что и гдѣ происходитъ.

* *
*

То, что я видѣлъ и слышалъ въ этотъ періодъ въ Кіевѣ, убѣдило меня, что политика Германіи, какъ къ Россіи въ цѣломъ, такъ и по отношенію къ Украинѣ — была явно колеблющаяся, неопредѣленная.

Конечно, въ рукахъ у насъ нѣтъ документальныхъ данныхъ относительно указаній Германскаго правительства своимъ представителямъ въ Россіи, но о многомъ можно судить по фактамъ, по распоряженіямъ мѣстныхъ германскихъ властей (представителей), по разговорамъ фельдмаршала Эйхгорна, по словамъ игравшаго замѣтную роль въ Кіевѣ гр. Альвенслебена, а также по разговорамъ германскихъ офицеровъ съ тѣми русскими, съ которыми они сошлись и подружились. Наконецъ, политика правительства гетмана Скоропадскаго и Донского представительства въ Кіевѣ отражала въ себѣ колеблющуюся и неопредѣленную политику Германіи.

Прежде всего получалось впечатлѣніе, что между военными и гражданскими представителями Германіи въ Россіи существуетъ рѣзкое различіе во взглядахъ на будущее Россіи.

Маршалъ Эйхгорнъ неоднократно высказывалъ, что для Германіи необходимо возсоздать сильную, единую и дружественную Германіи Россію; но и здѣсь отражались колебанія центральнаго правительства: то говорилось о необходимости возсоздать «единую» Россію, то о возсозданіи сильной Украины, независимой отъ Великороссіи.

Что касается политическаго представителя Германіи на Украинѣ, бар. Мума, то въ его словахъ явно чувствовалось нежеланіе принять рѣшительныя мѣры для возсозданія не только сильной единой Россіи, но и сильной Украины.

Получалось отчетливое впечатлѣніе, что нѣмцы хотятъ водворить порядокъ въ Россіи, пользуясь послѣдней какъ своей базой для полученія продовольствія и сырья, но, съ другой стороны, не вѣрятъ въ то, что Россія можетъ превратиться въ ихъ союзницу и, напротивъ, опасаются, что водвореніе порядка въ Россіи и, въ частности, на Украинѣ и возсозданіе ими только что разрушенной арміи можетъ грозить имъ опасностью и вновь можетъ создать для нихъ восточный фронтъ.

Но, вмѣстѣ съ этимъ, не имѣя восточнаго фронта, нѣмцы все же принуждены были ввести въ предѣлы Россіи около 600.000 человѣкъ войска и,

по мѣрѣ продвиженія на востокъ, отлично сознавали, что ихъ положеніе становится все менѣе и менѣе прочнымъ, что требуется новое увеличеніе войска и что этому нѣтъ предѣла. Растущее противъ нихъ возбужденіе среди населенія указывало, что хотя, занимая желѣзныя дороги и главные населенные центры, и можно поддерживать въ странѣ сравнительный порядокъ, но близко то время, когда изъ глубины страны они ничего не будутъ въ силахъ получать, близки возстанія въ отдѣльныхъ раіонахъ и скоро предстоитъ новое увеличеніе ихъ войскъ въ оккупированной ими странѣ.

Получался заколдованный кругъ: съ одной стороны, было опасно дать возможность организоваться новой русской арміи изъ-за опасенія вновь создать для себя восточный фронтъ, а, съ другой стороны, чтобы пользоваться Россіей, какъ продовольственной базой, необходимо было въ ея предѣлахъ держать сильную армію, ослабляя западный фронтъ въ то время, когда ихъ противники тамъ усиливались и назрѣвали рѣшительные бои, которые должны были рѣшить участь всей борьбы и будущую судьбу Германіи.

Что касается отношенія нѣмцевъ къ Добровольческой арміи, то и оно было крайне неопредѣленно.

Когда я пріѣхалъ въ Кіевъ, то засталъ тамъ совершенно открыто функціонировавшее бюро записи въ Добровольческую армію.

Никто не разрѣшалъ открывать это бюро, но никто противъ этого и не возражалъ. Запись шла открыто, и офицеры, безъ всякихъ препятствій и затрудненій, отправлялись на Донъ въ составъ Добровольческой арміи.

Въ іюнѣ отношеніе къ Добровольческой арміи рѣзко измѣнилось: бюро для записей въ составъ арміи, распоряженіемъ правительства гетмана (а штабъ гетмана указывалъ, что это сдѣлано по распоряженію нѣмцевъ), было закрыто и было объявлено, что, впредь, всякая пропаганда въ пользу отправки офицеровъ и солдатъ въ составъ Добровольческой арміи будетъ строго преслѣдоваться, что виновные будутъ арестовываться и предаваться суду и что прекращается выдача разрѣшеній на выѣздъ на Донъ безъ ручательства бывшаго въ Кіевѣ представителя Донского атамана, что отправляющіеся на Донъ не ѣдутъ на пополненіе Добровольческой арміи.

Вмѣстѣ съ этимъ, изъ нѣмецкихъ круговъ, черезъ представителей украинскаго военнаго министерства, широко началось пропагандированіе идеи созданія особой южной Добровольческой арміи для борьбы противъ большевиковъ и съ открытыми монархическими лозунгами.

На созданіе этой арміи нѣмцы обѣщали отпустить крупныя суммы и широко снабдить армію всѣмъ необходимымъ изъ запасовъ бывшихъ Кіевскаго и Одесскаго военныхъ округовъ.

Въ Кіевѣ и въ Харьковѣ были открыты бюро для записи въ «Южную армію», содержаніе офицерамъ и солдатамъ было назначено крупное, въ нѣсколько разъ превышавшее получавшееся въ Добровольческой арміи генерала Деникина.

Все, конечно, дѣлалось не непосредственно нѣмцами, а черезъ украинское военное министерство.

Первоначально предполагалось создать двѣ группы этой арміи: одну на Дону на Воровежскомъ направленіи, а другую въ раіонѣ Харькова. Но впослѣдствіи остановились на формированіи одной Южной арміи — въ раіонѣ Дона*.

* Я ничего здѣсь не говорю про формированія на Дону, такъ называемыхъ, Астраханской арміи и Саратовскаго корпуса. По слухамъ эти формированія производились также съ благословенія нѣмцевъ и на ихъ средства.

Монархическіе лозунги и хорошее содержаніе первоначально привлекло многихъ и запись началась очень успѣшно. Записывавшихся, эшелонами, отправляли на Донъ.

Но вскорѣ пылъ создателей этой арміи остылъ: дѣло въ томъ, что многіе офицеры не вѣря нѣмцамъ и сознавая, что формированіе арміи, идущее съ благословенія нѣмцевъ и на ихъ деньги, можетъ оказаться не выгоднымъ русскому дѣлу и, въ то же время, встрѣчая серьезныя затрудненія къ отправкѣ въ Добровольческую армію къ генералу Деникину, скоро нашли способъ обходить затрудненія: они записывались въ Южную армію, но, по прибытіи на Донъ, уходили изъ состава своихъ эшелоновъ и пробирались въ армію генерала Деникина.

Въ Харьковѣ и, особенно, въ Кіевѣ начались серьезныя репрессіи по отношенію къ офицерамъ, которые проповѣдывали необходимость идти на пополненіе арміи Деникина; ихъ начали арестовывать и содержали въ тюрьмѣ — какъ важныхъ государственныхъ преступниковъ.

Формированіе Южной арміи задерживалось и вслѣдствіе того, что не могли отыскать подходящаго, популярнаго генерала, котораго можно было бы поставить во главѣ ея. Предложеніе (черезъ военное министерство гетмана, или черезъ Донского атамана Краснова) дѣлалось многимъ; но желающихъ не находилось. Отказался графъ Келлеръ, отказался кн. Долгоруковъ. Наконецъ, на предложеніе Донского атамана Краснова, условно согласился бывшій главнокомандующій юго-западнымъ фронтомъ Н. І. Ивановъ. Онъ отвѣтилъ, что первоначально переговоритъ съ генераломъ Деникинымъ. Впослѣдствіи онъ принялъ эту армію, но къ этому времени нѣмцы уже перестали ею интересоваться, она была въ полномъ развалѣ и ген. Ивановъ, убѣдившись въ полной невозможности сформировать изъ нея что-либо крѣпкое и значительное, по указанію генерала Деникина, ее переформировалъ въ особый отрядъ, который и вошелъ въ составъ Добровольческой арміи.

Такимъ образомъ, изъ этой затѣи ничего серьезнаго не вышло, но Добровольческой арміи былъ нанесенъ существенный вредъ: открытое провозглашеніе монархическаго лозунга было слишкомъ заманчиво для большинства кадроваго офицерства, которое революціей было выброшено за бортъ и превращено въ паріевъ. Очень и очень многіе изъ хорошихъ офицеровъ, стремившихся попасть въ Добровольческую армію Деникина, теперь или шли въ Южную армію, или, не идя ни туда, ни сюда, заняли выжидательную позицію, выясняя какіе же лозунги въ Добровольческой арміи. Это послужило причиной задержать свой отъѣздъ въ Добровольческую армію и для менѣе устойчивой части офицеровъ, нашедшихъ предлогъ и объясненіе — для неисполненія своего гражданскаго долга.

Наконецъ, надо откровенно сознаться, что и въ рядахъ Добровольческой арміи формированіе «монархической» арміи внесло разладъ и нѣкоторый небольшой % офицеровъ перешелъ въ ряды Южной арміи.

Въ результатѣ — формированіе Южной арміи безусловно задержало ростъ Добровольческой арміи и внесло разладъ въ офицерскую среду.

Очень многіе думали, что нѣмцы искренно хотѣли создать прочную Добровольческую армію, но все ихъ неопредѣленное и болѣе чѣмъ двусмысленное поведеніе во весь періодъ формированія Южной арміи ясно указываетъ, что ими преслѣдовались другія цѣли: внести разладъ въ среду русскихъ офицеровъ; затруднить и задержать дальнѣйшее усиленіе Добровольческой арміи генерала

Деникина, и прельстивъ старое кадровое офицерство заманчивыми для нихъ лозунгами, и въ результатѣ ничего имъ не давъ, привлечь ихъ симпатіи на свою сторону и помѣшать идти туда — гдѣ они могли оказаться для нѣмцевъ вредными.

Многіе возражали противъ этихъ выводовъ, говоря, что нѣмцамъ, если-бы они захотѣли, ничего не стоило уничтожить Добровольческую армію генерала Деникина и не было смысла прибѣгать къ сомнительнымъ для нихъ выгоды мѣропріятіямъ.

Да, уничтожить Добровольческую армію генерала Деникина можетъ быть и было сравнительно легко, но обстановка для нѣмцевъ была такъ сложна, что предугадать что вышло бы изъ этого въ результатѣ очень трудно.

Нельзя забывать, что нѣмцы разсчитывали получить хлѣбъ и прочее сырье не только изъ раіона Украины, но и съ Дона и Кубани; кромѣ того, для нихъ важно было получить связь и съ нефтянымъ раіономъ Грознаго и Баку. А для всего этого надо было, прежде всего, дружественно настроить къ себѣ казачьи области.

Имѣть ихъ врагами — было опасно.

Между тѣмъ Донскіе и Кубанскіе казаки были кровью связаны съ Добровольческой арміей и открытое преслѣдованіе послѣдней могло вызвать опасныя для нѣмцевъ осложненія въ казачьихъ областяхъ; да и на Украинѣ дѣйствія противъ арміи генерала Деникина могли вызвать осложненія для нѣмцевъ, возбудивъ противъ нихъ всѣхъ тѣхъ, кто сочувствовалъ этой арміи.

* * *

Въ концѣ мая я получилъ извѣстіе, что мой отецъ, жившій въ Севастополѣ, очень плохъ.

Безъ разрѣшенія нѣмцевъ ѣхать въ Крымъ было нельзя. Я боялся, что мнѣ этого разрѣшенія не дадутъ. Но разрѣшеніе я получилъ и выѣхалъ въ Севастополь черезъ Одессу.

Въ Одессѣ (въ Херсонской и части Подольской губерніи) хозяевами были австрійцы.

Картина была иная, чѣмъ въ Харьковѣ и Кіевѣ; видно было, что австрійскія войсковыя части совершенно разваливаются и сами становятся опасными для своего командного состава.

Нѣмцы видѣли, что на австрійскія войсковыя части разсчитывать нельзя и стали вкрапливать въ гарнизоны городовъ свои небольшія части. Австрійскому командованію такая опека была непріятна, но они принуждены были согласиться. Въ день моего пріѣзда въ Одессу туда прибылъ батальонъ германской пѣхоты.

На пароходѣ, по дорогѣ въ Севастополь, я обратилъ вниманіе, что почти всѣ нѣмецкіе солдаты, бывшіе на пароходѣ, принадлежатъ къ различнымъ войсковымъ частямъ. Я этимъ заинтересовался и, обратившись къ какому-то нѣмецкому лейтенанту, попросилъ его мнѣ это объяснить. Онъ, прежде всего, замѣтилъ: «видно, что вы военный; штатскій на это не обратилъ бы вниманія». Затѣмъ объяснилъ, что въ Крыму отличная рыбная ловля, но совершенно не организованная; что на это обращено вниманіе германскимъ командованіемъ и, съ разрѣшенія Императора Вильгельма, изъ частей, находящихся на западномъ фронтѣ, вызваны рыбаки, промышлявшіе на берегахъ Сѣвернаго и

Балтійскаго морей; что на этомъ пароходѣ направляется въ Севастополь первая партія рыбаковъ съ сѣтями и различными рыболовными снастями; что, вѣроятно, будетъ прислано еще три такихъ партіи и тогда будетъ сорганизована рыбная ловля и заготовленіе рыбныхъ консервовъ, которые будутъ посылаться въ Германію.

Невольно я подумалъ — трудно васъ побѣдить, но все же, вы слишкомъ зарвались и будете побиты!

Похоронивъ отца, я долженъ былъ зайти въ Севастополѣ въ комендантское управленіе, такъ какъ, для полученія разрѣшенія на выѣздъ изъ Крыма, требовалась личная явка въ комендатуру.

Войдя въ комендантское управленіе, я увидѣлъ нѣмецкаго офицера, сидѣвшаго за столомъ съ задранными на сосѣдній стулъ ногами и съ сигарой во рту.

Мнѣ сказали, что надо обратиться къ нему.

Я подошелъ и сказалъ, что пришелъ за разрѣшеніемъ на выѣздъ изъ Крыма.

— «Какъ ваша фамилія?»

— «Лукомскій».

Нѣмецкій офицеръ сейчасъ же спустилъ ноги со стула, вынулъ сигару изо рта и спросилъ: «Вы не генералъ?»

— «Да, генералъ».

Онъ всталъ и, предлагая мнѣ стулъ, сказалъ, что разрѣшеніе будетъ немедленно выдано. Взялъ мои документы, и я дѣйствительно черезъ пять минутъ получилъ разрѣшеніе на выѣздъ изъ Крыма.

Въ Одессѣ мнѣ пришлось задержаться изъ-за формальностей по отцовскому наслѣдству.

Зайдя какъ-то къ моему знакомому, Андреевскому, я встрѣтилъ тамъ командующаго австрійскими оккупаціонными войсками. Насъ познакомили.

Началъ онъ съ того, что выразилъ удовольствіе со мной познакомиться, хотя, какъ онъ выразился, «встрѣча съ вашей дивизіей, когда вы въ маѣ 1916 года прорвали нашъ фронтъ и затѣмъ, занявъ Черновицы, продвинулись въ Карпаты — была не изъ пріятныхъ».

Затѣмъ онъ началъ ругать съ нѣною у рта Германію.

— «Мы уже почти погибли и гибнутъ нѣмцы. Ихъ продвиженіе вглубь Россіи пагубно; это приведетъ къ неминуемой катастрофѣ. Изъ-за непониманія Германіей обстановки — она погибнетъ сама и погубитъ окончательно насъ».

Бѣдный старикъ впослѣдствіи не перенесъ позора своей родины и въ Одессѣ же застрѣлился.

Въ первыхъ числахъ іюля я закончилъ свои дѣла и собирался выѣхать въ Кіевъ, но получилъ телеграмму отъ сестры жены, гр. Гейденъ, что она проситъ меня задержаться на нѣсколько дней въ Одессѣ.

На другой день въ Одессу пріѣхалъ изъ Кіева генеральнаго штаба полковникъ Кусонскій и сказалъ мнѣ, что долженъ предупредить меня о томъ, что мнѣ ѣхать въ Кіевъ нельзя; что тамъ идетъ серьезное преслѣдованіе и аресты всѣхъ причастныхъ къ Добровольческой арміи, и что отданъ уже приказъ арестовать меня.

Я на это отвѣтилъ, что въ Одессѣ я не скрываюсь; что если нѣмцы мною интересуются, то, конечно, отлично знаютъ гдѣ я нахожусь и могутъ меня

арестовать такъ же легко въ Одессѣ, какъ и въ Кіевѣ, или по дорогѣ въ Добровольческую армію, куда я долженъ скоро ѣхать. Что я, наоборотъ, считаю, что, въ смыслѣ ареста, мой пріѣздъ въ Кіевъ скорѣй безопасенъ, такъ какъ врядъ ли германское командованіе захочетъ пашумѣть съ моимъ арестомъ въ Кіевѣ, гдѣ меня почти всѣ знаютъ.

Въ Кіевѣ я нашелъ мою жену, только что пріѣхавшую изъ Москвы въ такъ называемомъ украинскомъ поѣздѣ (въ этихъ поѣздахъ перевозили, по соглашенію между совѣтскимъ и украинскимъ правительствами, украинскихъ гражданъ).

Благополучный пріѣздъ въ Кіевъ моей жены также показалъ вліяніе нѣмцевъ:

Комиссаріатъ по иностраннымъ дѣламъ категорически отказалъ дать ей разрѣшеніе на выѣздъ на Украину. Моя жена, черезъ своихъ знакомыхъ, обратилась за содѣйствіемъ къ германскому консулу и ей не только разрѣшили выѣхать, но потомъ позволили вынуть изъ сейфа ея драгоцѣнности (какъ и другимъ, уѣзжавшимъ съ Украинскимъ поѣздомъ).

Пріѣхавъ въ Кіевъ, я узналъ о пріѣздѣ туда же П. Н. Милюкова.

Бывшіе члены Государственной Думы Нелидовъ и Шульгинъ сказали мнѣ адресъ П. Н. Милюкова и сообщили день и часъ, когда онъ будетъ дома и будетъ меня ждать.

Я пошелъ къ нему.

Нашъ разговоръ носилъ очень горячій характеръ.

П. Н. Милюковъ доказывалъ, что нѣмцы выйдутъ побѣдителями изъ міровой борьбы; что они единственная сила, на которую можетъ опереться Россія; что только нѣмцы, приславшіе намъ въ запломбированныхъ вагонахъ руководителей большевизма, могутъ насъ отъ нихъ избавить; что Франція и Англія въ такомъ положеніи, что отъ нихъ помощи ожидать нельзя.

По мнѣнію П. Н. Милюкова, такъ какъ мы справиться съ большевиками сами не можемъ, то должны обратиться за помощью къ Германіи — побѣдительницѣ въ міровой борьбѣ; къ Германіи — нашей сосѣдкѣ, которой должно быть выгодно возстановить въ Россіи порядокъ. Нѣмцы, добавилъ Милюковъ, люди практичные и они поймутъ, что, для ихъ же пользы, надо помочь Россіи.

Я, со своей стороны, доказывалъ, что Германія будетъ разбита; что побѣдителями, несмотря на выходъ изъ борьбы Россіи, останутся наши бывшіе союзники; что, особенно, для Франціи выгодно, чтобы Россія была сильной; что соглашеніе Россіи съ Германіей повергнетъ первую въ экономическое рабство Германіи. Напомнилъ П. Н Милюкову, что до войны Германія всегда стремилась къ тому, чтобы мѣшать у насъ развитію промышленнаго производства (какъ, напримѣръ, красочнаго). Доказывалъ Милюкову, что экономическая зависимость отъ Англіи и Франціи не такъ страшна; что они будутъ вкладывать капиталы въ наши производства и этимъ подымать нашу промышленность; что Германія, въ противоположность этимъ державамъ, будетъ почти исключительно пользоваться нашимъ сырьемъ для развитія своей промышленности, всячески затрудняя развитіе промышленности въ Россіи.

П. Н. Милюковъ стоялъ на своемъ. Такъ какъ его лейтъ-мотивомъ было увѣреніе, что Германія выйдетъ побѣдительницей изъ міровой борьбы, то я предложилъ ему поговорить еще съ генераломъ Абр. М. Драгомировымъ, авторитетъ котораго въ военномъ дѣлѣ, повидимому, Милюковъ, признавалъ.

На другой день я устроилъ ихъ свиданіе, присутствуя на немъ самъ; но изъ этого ничего не вышло: П. Н. Милюковъ упорствовалъ на своемъ и не соглашался ни съ какими доводами.

Въ заключеніе онъ сказалъ, что онъ не пріѣхалъ немедленно договариваться съ нѣмцами, а пока хочетъ повидаться въ Кіевѣ съ представителями Германскаго правительства и позондировать почву, на какихъ условіяхъ можно начать переговоры; выяснить, что именно предложатъ нѣмцы, а затѣмъ, въ зависимости отъ этого, принять окончательное рѣшеніе.

Насколько мнѣ извѣстно, свиданіе П. Н. Милюкова съ представителями Германскаго правительства въ Кіевѣ не состоялось.

Одновременно съ П. Н. Милюковымъ вновь пріѣхалъ изъ Москвы въ Кіевъ лейтенантъ Масленниковъ.

Масленниковъ не привезъ мнѣ никакихъ подтвержденій о вызовѣ меня въ Москву и, впослѣдствіи, я узналъ, что предложеніе, которое онъ мнѣ сдѣлалъ въ Харьковѣ, отъ имени А. В. Кривошеина и Вл. І. Гурко, не носило столь опредѣленнаго характера, какъ мнѣ это было передано Масленниковымъ.

Я узналъ, что Масленникову было лишь поручено выяснить, соглашусь ли я на пріѣздъ въ Москву и на принятіе руководства военными организаціями — если обстановка будетъ складываться для этого благопріятно.

Начиная со дня моего пріѣзда въ Кіевъ я почти ежедневно сталъ получать предупрежденія о томъ, что буду арестованъ. Передавали мнѣ объ этомъ изъ гетманскаго штаба, изъ Донского представительства и даже, яко бы, изъ германскаго штаба.

Насколько дѣйствительно были вѣрны слухи о рѣшеніи меня арестовать, я не знаю, но слѣдить за мной были приставлены два филера, которыхъ я скоро уже зналъ въ лицо. Одна моя родственница иногда, когда я бывалъ у нея, смѣясь говорила: «ну вамъ пора уходить, а то, посмотрите въ окно, вашъ филеръ совсѣмъ уже измучился, скучаетъ и сердится, сидя на тумбѣ».

Предупрежденія о рѣшеніи меня арестовать стали, наконецъ, столь упорны и исходили изъ такихъ высокихъ сферъ, что я рѣшилъ ускорить свой отъѣздъ на Донъ. Да и вообще пора было ѣхать.

Чтобы не случилось бы какой-нибудь непріятности въ дорогѣ, я рѣшилъ проѣхать въ вагонѣ, который былъ предоставленъ въ распоряженіе Донского представителя. О томъ, что я поѣду въ этомъ вагонѣ знали только представитель войска Донского и моя семья.

Въ день моего отъѣзда мои вещи были отправлены на вокзалъ вмѣстѣ съ вещами уѣзжавшей въ деревню сестры моей жены, а тамъ перенесены въ вагонъ Донского представительства.

Я же, часа за полтора до отхода поѣзда, прошелъ къ своимъ родственникамъ, у которыхъ часто бывалъ, а затѣмъ вышелъ оттуда въ сопровожденіи моихъ дѣтей и мы пошли по направленію къ дому.

Филеръ, убѣдившись что я иду домой, гдѣ-то отсталъ, а я, взявъ извозчика, проѣхалъ нѣсколько улицъ и, затѣмъ, пересѣвъ на другого, отправился на вокзалъ.

На вокзалъ я пріѣхалъ послѣ перваго звонка и, пробывъ на немъ до второго звонка, быстро прошелъ въ вагонъ.

Никто на меня не обратилъ никакого вниманія и я, безъ всякихъ приключеній, доѣхалъ до Ростова, а оттуда проѣхалъ въ Новочеркасскъ *.

Я хотѣлъ, прежде чѣмъ ѣхать къ генералу Деникину, повидаться съ Донскимъ атаманомъ генераломъ Красновымъ и вполнѣ ориентироваться въ той обстановкѣ, которая сложилась въ Новочеркасскѣ.

По дорогѣ на Донъ, въ Екатеринославѣ, ко мнѣ подошло нѣсколько офицеровъ и, жалуясь на то, что они уже нѣсколько дней не могутъ попасть въ поѣзда, идущіе на Донъ, просили взять ихъ въ вагонъ, въ которомъ я ѣхалъ. Кое-какъ мы ихъ устроили у себя. Въ пути я отъ многихъ слышалъ, что нѣмцы всѣми способами стараются не пропускать офицеровъ въ Добровольческую армію.

Тяжело было увидѣть и на Ростовскомъ вокзалѣ германскія каски!

Пріѣхавъ въ Ростовъ, я узналъ, что германцы, достигнувъ Дона на участкѣ Аксай—Ростовъ, дальше не продвигаются. На лѣвомъ берегу Дона ими занимался лишь Батайскъ (предмѣстье Ростова) и у Аксая (на полпути между Ростовымъ и Новочеркасскомъ) мосты черезъ Донъ охранялись ихъ караулами.

Въ Новочеркасскѣ жили лишь два германскихъ офицера, являясь представителями германскаго командованія при Донскомъ атаманѣ.

---

* Новочеркасскъ былъ освобожденъ отъ большевиковъ вслѣдъ за занятіемъ Ростова нѣмцами. Новочеркасскъ былъ занятъ Донскими казаками и отрядомъ полковника Дроздовскаго, пришедшимъ съ Румынскаго фронта.

Всевеликое Войско Донское

П. Н. Краснова

Глава I

Работа «Круга спасенія Дона». — Составъ Круга и его настроеніе. — Выборы Донского Атамана. — Основные законы, предложенные Донскимъ Атаманомъ. — Отношеніе къ нимъ общества и генерала Деникина.

Общее собраніе членовъ Временнаго Донского Правительства и делегатовъ отъ станицъ и войсковыхъ частей въ засѣданіи 28-го апрѣля въ зданіи Судебныхъ Установленій въ Новочеркасскѣ, «признавая число присутствующихъ въ настоящемъ собраніи делегатовъ отъ войсковыхъ частей и станицъ, принявшихъ участіе въ изгнаніи изъ Донской области совѣтскихъ войскъ, достаточнымъ, постановило объявить настоящее собраніе: Кругомъ спасенія Дона». *

Въ немъ было 130 членовъ. Это было едва ли не самое народное, или демократическое собраніе, какое когда либо бывало. Кругъ называли сѣрымъ. Въ немъ не было интеллигенціи. Трусливая интеллигенція сидѣла въ эту пору по подваламъ и погребамъ, трясясь за свою жизнь, или подличала передъ комиссарами, записываясь на службу въ совѣты и стараясь устроиться въ болѣе или менѣе невинныхъ учрежденіяхъ — по народному образованію, по продовольствію, или по финансовой части. Ей было не до выборовъ въ такое смутное время, когда и выборщики и выбранные играли своими головами. Кругъ собирался безъ партійной борьбы. Было не до партій. Въ Кругъ выбирали и на Кругъ были выбраны исключительно казаки, которые страстно желали спасти родной Донъ, и для этого готовы были и жизнь свою сложить за него. И полагали жизнь потому, что большинство выборщиковъ, пославъ своихъ делегатовъ, сами разобрали оружіе и пошли спасать Донъ.

И потому названіе — Кругъ спасенія Дона — было имъ, какъ нельзя болѣе къ лицу.

Кругъ не имѣлъ политической физіономіи, и потому въ немъ не было и не могло быть политической борьбы. Этотъ сѣрый Кругъ имѣлъ одну цѣль — спасти Донъ отъ большевиковъ, спасти во что бы то ни стало и какою бы то ни была цѣной.

---

* Постановленія «Круга спасенія Дона» 28 апрѣля по 5 мая 1918 г. Новочеркасскъ. Областная типографія. Стр. 1.

Онъ былъ истинно народнымъ и потому короткимъ, мудрымъ и дѣловымъ въ своихъ засѣданіяхъ и рѣшеніяхъ. Онъ коротко и просто сказалъ, что хочетъ Донъ теперь: — порядка.

Что будетъ въ Россіи и какова она будетъ, онъ не думалъ. Это не его дѣло и не потому не его дѣло, что онъ отшатнулся отъ Россіи, а потому, что онъ чувствовалъ себя слишкомъ маленькимъ и ничтожнымъ, чтобы затрагивать такіе большіе вопросы. Кругъ искалъ людей для того, чтобы вручить имъ власть, и ища таковыхъ, онъ не спрашивалъ, какой они партіи, но интересовался ихъ прошлымъ, что дѣлали и что умѣютъ дѣлать. На немъ не было партій и лидеровъ этихъ партій, но весь кругъ прислушивался къ мнѣнію тѣхъ людей, которыхъ зналъ и которымъ вѣрилъ. Такими людьми были предсѣдатель Круга есаулъ Г. П. Яповъ и командующій южной группой полковникъ Денисовъ. Имъ Кругъ вѣрилъ безусловно, потому что видѣлъ, что они любятъ Донъ и готовы за Донъ отдать и самую душу свою.

Кругъ спасенія Дона отлично понималъ, что онъ не можетъ говорить отъ имени всего войска, потому что далеко не отъ всѣхъ станицъ были на немъ представители. Онъ взялъ на себя лишь подготовительную работу до освобожденія всего войска отъ большевиковъ и возможности созвать правомочный Кругъ, которому тогда и вручить всю власть. А пока — единственная цѣль: — спасти Донъ.

И этотъ с ѣ р ы й, то-есть истинно демократическій Кругъ разумомъ народнымъ и спасъ Донъ. Къ 15 августа 1918 года ко времени созыва полнаго войскового Круга, большевиковъ не было на Донской землѣ, и не вмѣшайся въ дѣла войска генералъ Деникинъ и союзники, можетъ быть, и сейчасъ войско Донское существовало бы на тѣхъ же основаніяхъ, какъ существуетъ Эстонія, Финляндія, Грузія — существовало отдѣльно отъ совѣтской Россіи.

Конечно, вопросъ объ отношеніи къ нѣмцамъ и къ Украинѣ былъ въ данное время самымъ острымъ вопросомъ, и въ засѣданіи 29 апрѣля Кругъ постановилъ утвердить, избранное временнымъ донскимъ правительствомъ, полномочное посольство на Украину въ составѣ М. А. Горчукова, И. Т. Семенова, полковника Гущина и генералъ-маіора Сидорина. Посольству этому поручить командироваться въ городъ Кіевъ, для выясненія отношеній къ Дону самой Украины и освѣдомленія о цѣляхъ вступленія германскихъ войскъ на территорію Донской области, а также твердо отстаивать существующія нынѣ границы области, ея независимость и самобытность казачества». *

Кругъ повелъ этотъ деликатный вопросъ хитро, по народному. Онъ не призналъ Украины, онъ не призналъ и нѣмцевъ, хотя и сознавалъ, что безъ нихъ онъ не сидѣлъ бы въ Новочеркасскѣ, и членами посольства онъ избралъ именно тѣхъ людей, которые больше всего кричали о ненависти къ нѣмцамъ и о вѣчной преданности союзникамъ. Эти-то люди уже не выдадутъ и не продадутъ. Здѣсь Кругъ именно и ошибся, но и ошибся правильно. Онъ могъ загубить все дѣло, испортить совершенно отношенія съ Украиной и нѣмцами, но онъ для этого потомъ и избралъ Атамана, который все это долженъ былъ исправить, а самъ сохранилъ свое лицо, національную гордость, и на судъ исторіи и грядущихъ союзниковъ войско Донское явилось непоколебимо вѣрнымъ союзникамъ и ненавидящимъ нѣмцевъ.

* Тамъ-же стр. 3.

Въ томъ же засѣданіи Кругъ постановилъ вопросъ «объ организаціи на Дону постоянной Арміи, упорядоченіи казачьихъ силъ, поднявшихся для борьбы съ большевиками, и объ установленіи законовъ объ организаціи арміи и установленіи въ ней дисциплины». *

То, вокругъ да около чего топтался почти цѣлый годъ атаманъ Калединъ съ войсковымъ правительствомъ и Малымъ Кругомъ, составленнымъ изъ интеллигентныхъ болтуновъ, народный Кругъ спасенія Дона вырѣшилъ на второмъ же засѣданіи. Онъ точно и опредѣленно сказалъ, что Дону нужна настоящая армія, а не партизаны, добровольцы, или дружинники, армія старого режима, повинующаяся законамъ и строго дисциплинированная.

И еще армія эта не существовала, какъ уже генералъ Деникинъ сдѣлалъ попытку подчинить себѣ Донскія части и осуществить единое командованіе, какъ это сдѣлалъ Корниловъ въ аулѣ Шенджи, 14-го марта, съ кубанскими казаками. На вопросы представителя Добровольческой Арміи, «кто долженъ фактически командовать военными силами Добровольческой Арміи и Донскими войсками силами и каково отношеніе Дона къ Украинѣ и Германіи, Кругъ отвѣтилъ: — «Верховное командованіе всѣми безъ исключенія военными силами, оперирующими на территоріи Донского войска, должно принадлежать Войсковому Атаману, или, какъ въ данномъ случаѣ — Походному Атаману, и такъ какъ вопросъ объ отношеніяхъ къ Украинѣ и Германіи еще не выясненъ, то для выясненія этого вопроса Временнымъ Правительствомъ командируется въ гор. Кіевъ посольство отъ войска Донского»... **

Отвѣтъ этотъ не удовлетворилъ генерала Деникина. Планы генерала Деникина были иные. Онъ думалъ въ лицѣ донскихъ казаковъ получить большія пополненія людьми и матеріальною частью, усилить Добровольческую Армію, а не имѣть рядомъ «союзную» армію. Когда этотъ отвѣтъ дошелъ до генерала Деникина, онъ рѣшилъ лично переговорить объ этомъ съ Донскимъ Атаманомъ.

Кругъ работалъ интенсивно. Засѣданія шли утромъ и вечеромъ. Онъ торопился возстановить порядокъ и не боялся упрековъ въ стремленіи возвратиться къ старому режиму.

Такъ въ засѣданіи 1-го мая Кругъ постановилъ: — «Въ отличіе отъ большевистскихъ бандъ, которыя никакихъ внѣшнихъ знаковъ отличія не носятъ, всѣмъ частямъ, участвующимъ въ защитѣ Дона, немедленно принять свой воинскій видъ и одѣть кому положено, погоны и прочіе знаки отличія». ***

На вечернемъ засѣданіи 1-го мая Кругъ пригласилъ генералъ-маіора Краснова, какъ старшаго по службѣ изъ донскихъ генераловъ. — Красновъ былъ еще Верховнымъ главнокомандующимъ Корниловымъ назначенъ командующимъ III кавалерійскимъ корпусомъ. Кругъ просилъ его высказаться о современной политической обстановкѣ. Генерала Краснова знали почти всѣ члены Круга. Именно старые члены Круга его знали хорошо, потому что это были его сослуживцы. Тридцать лѣтъ служилъ генералъ Красновъ исключительно въ строю съ донскими казаками, и за эти тридцать лѣтъ много казаковъ было подъ его начальствомъ и служило съ нимъ то въ Петербургѣ въ гвардейскомъ полку, то на границѣ Австріи, то на войнѣ. Члены Круга знали генерала Краснова, какъ молодого офицера, знали, какъ полкового командира, какъ начальника

* Тамъ же стр. 3.
** Тамъ же стр. 7.
*** Тамъ же стр. 8.

дивизіи и командира корпуса, они видали его въ бояхъ, привыкли вѣрить ему и повиноваться ему, а главное суевѣрно вѣрили въ его с ч а с т ь е, потому что не разъ на войнѣ онъ выходилъ побѣдителемъ изъ очень сложныхъ и тяжелыхъ положеній. Про него знали, что онъ любитъ и ж а л ѣ е т ъ донскихъ казаковъ, и каждый знаетъ, что простой народъ этому слову ж а л ѣ т ь придаетъ особенное значеніе.

Почти два часа говорилъ генералъ Красновъ о положеніи Россіи. Напряженно, въ гробовой тишинѣ, слушали его казаки. Онъ говорилъ о томъ, что Донъ со временъ Царя Михаила Ѳедоровича былъ неотъемлемою частью государства Россійскаго, его губерніею, и управлялся изъ Россіи ея министрами и потому своихъ органовъ управленія, своихъ финансовъ, казны, своего войска никогда не имѣлъ. Онъ говорилъ о томъ, что Россія теперь поругана и опозорена большевиками, она разгромлена ими и лежитъ въ обломкахъ. Можно сказать — нѣтъ Россіи. Донъ сталъ совершенно одинокъ. Ему нужно — впредь до возстановленія Россіи, стать самостоятельнымъ Государствомъ, завести свою казну, своихъ управляющихъ министерствами для того, чтобы каждый отдѣлъ народной жизни имѣлъ своего отвѣтственнаго руководителя и ни въ чемъ не было бы ущерба. Простымъ и яснымъ языкомъ, доступнымъ пониманію рядового казака, онъ разсказалъ, что должно дѣлать какое министерство.

Онъ коснулся отношенія къ нѣмцамъ. Воевать съ ними казаки не могутъ, имъ остается постараться мирнымъ путемъ удалить ихъ съ Донской земли. Онъ говорилъ о необходимости тѣснаго сотрудничества съ Украиной и доблестной Добровольческой Арміей и объ исторической задачѣ Донцовъ спасти Москву отъ воровъ и насильниковъ. Онъ совѣтовалъ казакамъ потомъ не вмѣшиваться въ дѣла Русскаго государства и предоставить ему самому устроить свой образъ правленія, какъ ему будетъ угодно, а самимъ зажить тою вольною жизнью, когда тѣсно связанные съ Московскимъ Царствомъ Донскіе казаки жили, управляемые своимъ Кругомъ и своимъ Атаманомъ и когда обычной поговоркой ихъ было: — «Здравствуй Царь въ Кременной Москвѣ, а мы, казаки, на Тихомъ Дону!»...

Кругъ постановилъ докладъ генерала Краснова принять къ свѣдѣнію и выразить ему благодарность.*

На утреннемъ засѣданіи Круга 3-го мая по вопросу объ организаціи областной власти, Кругъ Спасенія Дона, выразивъ общее желаніе избрать временно, до созыва Большого Войскового Круга, Войскового Атамана, вынесъ принятую единогласно слѣдующую резолюцію: — «впредь до созыва Большого Войскового Круга, каковой долженъ быть созванъ въ ближайшее время и, во всякомъ случаѣ не позже двухъ мѣсяцевъ по окончаніи настоящей сессіи Круга спасенія Дона, вся полнота верховной власти въ области принадлежитъ Кругу спасенія Дона. На время прекращенія работъ Круга спасенія Дона, вся полнота власти по управленію области и веденію борьбы съ большевизмомъ принадлежитъ избранному Войсковому Атаману».*

На вечернемъ засѣданіи того же числа были произведены закрытой баллотировкой выборы Атамана. 107 голосами противъ 13 при 10 воздержавшихся на постъ Донского Атамана былъ избранъ генералъ-маіоръ Красновъ.

Генералъ Красновъ не принялъ этого избранія впредь до того, какъ Кругъ утвердитъ тѣ основные законы, которые онъ считаетъ нужнымъ ввести въ

* Тамъ же стр. 13.

войскѣ Донскомъ для того, чтобы имѣть возможность исполнить задачи, поставленныя ему Кругомъ спасенія Дона.

Законы эти были разсмотрѣны Кругомъ на утреннемъ засѣданіи 4-го мая. Они представляли изъ себя почти полную копію основныхъ законовъ Россійской имперіи.

«Впредь до созыва Большого Войскового Круга изъ представителей всѣхъ округовъ войска Донского и полнаго успокоенія войска на всемъ его пространствѣ, государственный строй Всевеликаго Войска Донского и порядокъ правленія основываются на слѣдующихъ законахъ: —

Объ Атаманской власти. 1. «Власть управленія войскомъ во всемъ ея объемѣ принадлежитъ Войсковому Атаману въ предѣлахъ всего Всевеликаго Войска Донского.

2. «Атаманъ утверждаетъ законы, и безъ его утвержденія никакой законъ не можетъ имѣть силы.

3. «Атаманъ назначаетъ, какъ предсѣдателя совѣта управляющихъ отдѣлами, такъ и самихъ управляющихъ отдѣлами, которые являются отвѣтственными передъ Большимъ Кругомъ.

4. «Атаманъ есть высшій руководитель всѣхъ сношеній Всевеликаго Войска Донского съ иностранными государствами.

5. «Атаманъ есть верховный вождь Донской Арміи и флота.

6. «Атаманъ объявляетъ мѣстности на военномъ, осадномъ, или исключительномъ положеніи.

7. «Атаману принадлежитъ помилованіе осужденныхъ, смягченіе наказаній и общее прощеніе совершившихъ преступныя дѣянія съ прекращеніемъ судебнаго противъ нихъ преслѣдованія и освобожденіе ихъ отъ суда и наказанія, а также сложеніе казенныхъ взысканій и дарованіе милости въ случаяхъ особыхъ, когда симъ не нарушаются ничьи огражденные закономъ интересы и гражданскія права.

8. «Атаманъ производитъ военныхъ за отличіе въ дѣлахъ противъ непріятеля въ чины, назначаетъ имъ награды и утверждаетъ всѣ назначенія офицерскихъ чиновъ, которыя дѣлаются по командѣ.

9. «Приказы и распоряженія Атамана скрѣпляются предсѣдателемъ совѣта управляющихъ отдѣлами или подлежащимъ управляющимъ отдѣла».

О вѣрѣ. 10. «Первенствующая въ Всевеликомъ Войскѣ Донскомъ есть вѣра христіанская православная.

11. «Всѣ не принадлежащіе къ православной вѣрѣ граждане Всевеликаго Войска пользуются каждый повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной.

О правахъ и обязанностяхъ казаковъ и гражданъ Всевеликаго Войска Донского. 12. «Условія пріобрѣтенія правъ гражданства Всевеликаго Войска Донского равно какъ и правъ казачества, а также утрата ихъ опредѣляются закономъ.

13. «Защита отечества есть священная обязанность каждаго казака и гражданина Всевеликаго Войска Донского.

14. «Казаки и граждане войска обязаны платить установленные закономъ налоги и пошлины, а также отбывать повинности согласно постановленіямъ закона.

15. «Никто не можетъ подлежать преслѣдованію за преступное дѣяніе иначе, какъ въ порядкѣ закономъ опредѣленномъ.

16. «Никто не можетъ быть задержанъ подъ стражею иначе, какъ въ случаяхъ и въ порядкѣ закономъ опредѣленныхъ.

17. «Никто не можетъ быть судимъ и наказанъ иначе, какъ за преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя дѣйствующими во время совершенія ихъ дѣяній уголовными законами.

18. «Жилище каждаго неприкосновенно. Производство въ жилищѣ безъ согласія его хозяина обыска или выемки допускается не иначе, какъ въ случаяхъ и въ порядкѣ закономъ опредѣленномъ.

19. «Каждый донской казакъ и гражданинъ имѣетъ право свободно избирать мѣстожительство и занятія, пріобрѣтать и отчуждать имущество и безпрепятственно выѣзжать за предѣлы Войска.

20. «Собственность неприкосновенна. Принудительное отчужденіе недвижимыхъ имуществъ, когда это необходимо для какой либо государственной или общественной пользы, допускается не иначе, какъ за соотвѣтствующее вознагражденіе.

21. «Донскіе казаки и граждане имѣютъ право устраивать собранія, въ цѣляхъ, не противныхъ законамъ, мирно и безъ оружія.

22. «Каждый можетъ въ предѣлахъ установленныхъ закономъ высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять ихъ путемъ печати, или иными способами.

23. «Донскіе казаки и граждане имѣютъ право образовывать общества и союзы въ цѣляхъ, не противныхъ законамъ.

О законахъ. 24. «Впредь до изданія и обнародованія новыхъ законовъ Всевеликое войско Донское управляется на твердыхъ основаніяхъ Свода законовъ Россійской Имперіи, съ исключеніемъ тѣхъ статей, которыя настоящими основными законами отмѣняются.

25. «Всѣ воинскія части, какъ постоянной Арміи, такъ и временно вызываемыя по мобилизаціи, руководствуются законами, уложеніями и уставами, изданными въ Россійской Имперіи до 25 февраля 1917 года.

26. «Всѣ декреты и иные законы, разновременно издававшіеся, какъ Временнымъ Правительствомъ, такъ и совѣтомъ народныхъ комиссаровъ отмѣняются.

27. «Сила закона равно обязательна для всѣхъ безъ изъятія донскихъ поддавныхъ и для иностранцевъ въ Всевеликомъ Войскѣ Донскомъ пребывающихъ.

28. «Законы, изданные спеціально для какой либо мѣстности, или части населенія, новымъ общимъ закономъ не отмѣняются, если въ немъ именно такой отмѣны нѣтъ.

29. «Законы обнародываются во всеобщее свѣдѣніе въ установленномъ порядкѣ и прежде обнародованія въ дѣйствіе не проводятся.

30. «По обнародованіи законъ получаетъ обязательную силу съ времени назначеннаго для него въ самомъ законѣ срока. Въ самомъ издаваемомъ законѣ можетъ быть указано на обращеніе его до обнародованія къ исполненію по телеграфу, телефону или посредствомъ нарочныхъ.

31. «Законъ не можетъ быть отмѣненъ иначе, какъ только силою закона. Поэтому до тѣхъ поръ, пока новымъ закономъ положительно не отмѣненъ законъ существующій. онъ сохраняетъ полную свою силу.

32. «Никто не можетъ оттовариваться невѣдѣніемъ закона, когда онъ обнародованъ установленнымъ порядкомъ.

33. «Законы разрабатываются въ соотвѣтствующихъ управленіяхъ.

34. «По одобренiи совѣтомъ управляющихъ законопроектовъ они представляются на утвержденiе Атаману.

35. «Законы, касающiеся нѣсколькихъ вѣдомствъ, представляются въ совѣтъ управляющихъ по предварительномъ согласованiи ихъ заинтересованными управляющими.

36. «Управляющимъ отдѣлами предоставляется издавать распоряженiе въ развитiе и разъясненiе законовъ, причемъ всѣ такiя распоряженiя подлежатъ предварительному одобренiю совѣта управляющихъ.

О совѣтѣ управляющихъ и самихъ управляющихъ отдѣлами. 37. «Направленiе и объединенiе дѣйствiй отдѣльныхъ вѣдомствъ по предметамъ, какъ законодательства, такъ и высшаго государственнаго управленiя возлагается на совѣтъ управляющихъ.

38. «Управленiе дѣлами совѣта управляющихъ возлагается на войскового секретаря и на подчиненную ему канцелярiю.

39. «Предсѣдатель совѣта управляющихъ и управляющiе отвѣтствуютъ передъ атаманомъ, а потомъ по созывѣ Большого Войскового Круга передъ нимъ за общiй ходъ Войскового Управленiя. Каждый изъ нихъ въ отдѣльности отвѣтствуетъ за свои дѣйствiя и распоряженiя.

40. «За преступныя по должности дѣянiя, предсѣдатель совѣта управляющихъ и управляющiе подлежатъ гражданской и уголовной отвѣтственности на основанiяхъ, въ законахъ опредѣленныхъ.

Объ отдѣлѣ финансовъ. 41. «Отдѣлъ финансовъ есть высшее совѣщательное учрежденiе по дѣламъ Войскового кредита и финансовой политики.

42. «Отдѣлъ финансовъ состоитъ изъ представителя и членовъ, назначаемыхъ Атаманомъ. Кромѣ того въ составъ отдѣла входятъ на правахъ членовъ: предсѣдатель совѣта управляющихъ, управляющiй финансами и Войсковой контролеръ.

43. «На отдѣлъ возлагается: 1) соображенiе времени и условiй совершенiя Войсковыхъ займовъ; 2) обсужденiе дѣлъ, касающихся Войскового кредита, а также вопросовъ денежнаго обращенiя, и 3) предварительное, съ особаго каждый разъ распоряженiя Атамана, разсмотрѣнiе дѣлъ по финансовой части, подлежащихъ разрѣшенiю въ законодательномъ порядкѣ.

44. «Сужденiя отдѣла представляются на усмотрѣнiе Атамана.

О Войсковомъ Судѣ. 45. «Войсковой Судъ Всевеликаго Войска Донского является высшимъ защитникомъ и хранителемъ закона и высшимъ судомъ на Дону по дѣламъ судебнымъ и административнымъ.

46. «Судъ публикуетъ всѣ законы и правительственныя распоряженiя и наблюдаетъ за закономѣрностью ихъ изданiя.

47. «Предсѣдатель Войскового суда и Войсковые судьи назначаются Атаманомъ.

О Донскомъ флагѣ, гербѣ и гимнѣ. 48. «Три народности издревле живутъ на Донской землѣ и составляютъ коренныхъ гражданъ Донской области — донскiе казаки, калмыки и русскiе крестьяне. Національными цвѣтами ихъ были: у Донскихъ казаковъ — синiй, васильковый, у калмыковъ — желтый, и у русскихъ — алый. Донской флагъ состоитъ изъ трехъ продольныхъ полосъ равной ширины: — синей, желтой и алой.

49. «Возстанавливается старинная печать и гербъ Донского Войска, изображающiй нагого казака въ папахѣ, при шашкѣ, ружьѣ и амуницiи, сидящаго

верхомъ на бочкѣ. Печать и гербъ этотъ употреблять во всѣхъ нужныхъ случаяхъ.

50. «Народнымъ гимномъ Всевеликаго Войска Донского объявляется — «Всколыхнулся, взволновался православный Тихій Донъ», который и исполнять во всѣхъ предусмотрѣнныхъ закономъ случаяхъ». *

Этими законами вся власть изъ рукъ коллектива, каковымъ являлся большой, или малый Кругъ, переходила въ руки одного лица — Атамана. Передъ глазами Круга спасенія Дона стояли окровавленные призраки застрѣлившагося Атамана Каледина и разстрѣляннаго Атамана Назарова, Донъ лежалъ въ обломкахъ, онъ не только былъ разрушенъ, но онъ былъ загаженъ большевиками, и нѣмецкіе кони уже пили тихія струи Дона, священной для казаковъ рѣки. Къ этому привела работа Круговъ, потому что и Калединъ, и Назаровъ боролись съ ихъ постановленіями, но побѣдить не могли, потому что не имѣли власти. Коллективъ разрушалъ, но не творилъ. Задачами же донской власти было широкое творчество.

«Творчество», — сказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей передъ большимъ Войсковымъ Кругомъ Атаманъ Красновъ — «никогда не было удѣломъ коллектива. Мадонну Рафаэля создалъ Рафаэль, а не комитетъ художниковъ»...

Донскому Атаману предстояло творить, и онъ предпочиталъ остаться одинъ внѣ критики Круга или Кругомъ назначеннаго правительства.

— «Вы хозяева Земли Донской, я вашъ управляющій», — сказалъ Кругу Атаманъ. — «Все дѣло въ довѣріи. Если вы мнѣ довѣряете — вы принимаете предложенные мною законы, если вы ихъ не примете, значитъ, вы мнѣ не довѣряете, боитесь, что я использую власть, вами данную, во вредъ войску. Тогда намъ не о чемъ разговаривать. Безъ вашего полнаго довѣрія я править войскомъ не могу».

Этими законами отметалось все то, что громко именовалось «завоеваніями революціи» и «ея углубленіемъ». И это высказали Атаману. Но Атаманъ этого и хотѣлъ. Законы Императорской власти были привычные народу законы, народъ ихъ зналъ, понималъ и исполнялъ. Послѣ революціи Временное Правительство спѣшно издало цѣлый рядъ законовъ, которые не были извѣстны въ народѣ, къ которымъ народъ не привыкъ. Законы эти возбуждали кривотолки. А затѣмъ послѣдовалъ рядъ безумныхъ декретовъ народныхъ комиссаровъ. Все перемѣшалось въ мозгахъ несчастныхъ русскихъ гражданъ и многіе не знали, что представляетъ изъ себя законъ правительства Львова или Керенскаго, и что декретъ Ленина. Атаманъ счелъ необходимымъ вернуться къ исходному положенію — до революціи. Въ особенности это было важно для войска, да еще въ виду военнаго времени, чтобы совершенно аннулировать приказъ № 1, разрушившій всю великую Русскую армію.

На вопросъ одного изъ членовъ Круга Атаману, не можетъ ли онъ что либо измѣнить, или передѣлать въ предложенныхъ имъ законахъ — Атаманъ отвѣтилъ: — «Могу. Статьи 48, 49 и 50. О флагѣ, гербѣ и гимнѣ. Вы можете предложить мнѣ другой флагъ — кромѣ краснаго, любой гербъ, кромѣ еврейской пятиконечной звѣзды, или иного масонскаго знака, и любой гимнъ, кромѣ интернаціонала»...

Кругъ разсмѣялся и принялъ законы, предложенные Атаманомъ, въ полномъ объемѣ.

---

* Тамъ же стр. 14, 15, 16, 17, 18 и 19.

Законы эти создали Атаману многихъ враговъ. Та часть интеллигенціи, которая пряталась до сихъ поръ по подваламъ и погребамъ и вылѣзла наружу, какъ только исчезли большевики, стала упрекать Атамана въ стремленіи къ проведенію принципа l'état c'est moi. Стремящаяся къ власти, воспитанная на критикѣ ради критики, на разрушеніи, а не на творчествѣ, она повела широкую кампанію противъ Атамана. Въ своихъ нелѣпыхъ обвиненіяхъ она доходила до того, что, напримѣръ, С. П. Черевковъ, редакторъ издававшейся въ Екатеринодарѣ газеты, писалъ, что Атаманъ стремится устроить на Дону феодальные порядки и хочетъ возстановить крѣпостное право и jus primae noctis.

Не удовлетворили эти законы и генерала Деникина. Они показали ему, что Донъ становится на путь самостоятельнаго строительства, внѣ зависимости отъ добровольческой арміи, что онъ не признаетъ добровольческой арміи за Россію и Деникина за своего диктатора. Отсюда послѣдовали обвиненія Атамана въ стремленіи къ самостійности, къ отдѣленію отъ Россіи. Донского Атамана въ добровольческой арміи прихвостни Деникина ославили едва не измѣнникомъ Россіи, самостійникомъ и человѣкомъ «нѣмецкой оріентаціи». Его слова — «здравствуй Царь въ Кременной Москвѣ, а мы казаки на Тихомъ Дону», повтореніе словъ, которыя говорились въ эпоху смутнаго времени на Руси, до избранія Романовыхъ, создали Атаману въ добровольческой арміи репутацію монархиста.

Донской Атаманъ не разъ шутя говорилъ: — «У меня четыре врага: — наша донская и русская интеллигенція, ставящая интересы партіи выше интересовъ Россіи, мой самый страшный врагъ; генералъ Деникинъ; иностранцы — нѣмцы или союзники и большевики. И послѣднихъ я боюсь меньше всего, потому что веду съ ними открытую борьбу, и они не притворяются, что они мои друзья»...

4-го мая было послѣднее засѣданіе «Круга спасенія Дона» и 5-го мая Кругъ разъѣхался. Атаманъ остался одинъ править войскомъ.

Глава II

Письма Атамана къ Императору Вильгельму и гетману Скоропадскому. — Сношенія съ нѣмцами. — Свиданіе Атамана съ генераломъ Деникинымъ 15-го мая. — Результаты этого свиданія.

Все лежало въ войскѣ Донскомъ въ обломкахъ и запустѣніи. Самый Дворецъ атаманскій былъ загаженъ большевиками такъ, что поселиться въ немъ сразу безъ ремонта было нельзя. Церкви были поруганы, многія станицы разгромлены и изъ 252 станицъ войска Донского только 10 были свободны отъ большевиковъ. Не только пушечная, но ружейная и пулеметная стрѣльба были слышны кругомъ Новочеркасска. Бои шли подъ Батайскомъ и у Александро-Грушевскаго. Полиціи ни городской, ни станичной, ни желѣзнодорожной стражи не было. Грабежи и убійства были ежедневнымъ обычнымъ явленіемъ. Нѣмцы прочно заняли Таганрогъ и Ростовъ, нѣмецкая кавалерія занимала всю западную часть Донецкаго Округа, станицы Каменская и Усть-Бѣло-Калитвенская были заняты германскими гарнизонами. Нѣмцы подвигались къ Новочеркасску и аванпосты баварской конницы стояли въ 12-ти верстахъ къ югу отъ Новочеркасска. Планы и намѣренія нѣмцевъ были совершенно неизвѣстны Атаману.

Но все это были пустяки въ сравненіи съ тѣмъ ужаснымъ зломъ, которое сдѣлали большевики въ душахъ населенія. Всѣ понятія нравственности, чести, долга, честности были совершенно стерты и уничтожены. Совѣсть людская была опустошена и испита до дна. Люди отвыкли работать и не желали работать, люди не считали себя обязанными повиноваться законамъ, платить подати, исполнять приказы. Необычайно развилась спекуляція, занятіе куплей и продажей, которое стало своего рода ремесломъ цѣлаго ряда лицъ и даже лицъ интеллигентныхъ. Большевистскіе комиссары насадили взяточничество, которое стало обыкновеннымъ и какъ бы узаконеннымъ явленіемъ.

Въ странѣ, заваленной хлѣбомъ, мясомъ, жирами и молокомъ, начинался голодъ. Не было товаровъ, и сельчане не хотѣли везти свои продукты въ города. Въ городахъ не было денежныхъ знаковъ и ихъ замѣняли сурогаты, купоны займа свободы и другіе, что до крайности затрудняло торговлю.

Передъ Атаманомъ лежалъ цѣлый рядъ задачъ, разрѣшить которыя онъ долженъ былъ во время страшной и упорной борьбы съ большевиками. Въ голову всего Атаманъ поставилъ главную задачу, данную ему Кругомъ спасенія Дона — освобожденіе земли Донской отъ большевиковъ.

Для выполненія ея ему нужно было создать Армію, выяснить отношенія нѣмцевъ къ Дону и войти въ тѣсную связь съ Украиной и Добровольческой Арміей, чтобы привлечь ихъ къ совмѣстной работѣ противъ большевиковъ.

5-го мая Атаманъ вступилъ въ управленіе войскомъ, и въ тотъ же день вечеромъ довѣренный его, адъютантъ есаулъ Кульгововъ, поѣхалъ съ собственноручными письмами Атамана къ гетману Скоропадскому и къ Императору Вильгельму. Императору Вильгельму Атаманъ писалъ на нѣмецкомъ языкѣ о своемъ избраніи, сообщилъ о томъ, что войско Донское не находится въ войнѣ съ Германіей, просилъ, чтобы дальнѣйшее продвиженіе нѣмецкихъ войскъ въ Донскую землю было пріостановлено, чтобы войско Донское было признано впредь до освобожденія Россіи отъ большевиковъ самостоятельною республикою, управляемою основными законами, приложенными къ письму. Атаманъ просилъ о помощи оружіемъ, взамѣнъ чего предложилъ установить черезъ Украину правильныя торговыя отношенія.

Есаулъ Кульгововъ долженъ былъ передать это письмо въ Кіевѣ командующему нѣмецкими войсками на Украинѣ генералу Эйхгорну, которому была послана копія этого письма. Гетману Атаманъ писалъ о своемъ избраніи, о вѣчной дружбѣ, которая была между Украиной и Донскими казаками, указывалъ на то, что Украинцы неправильно считаютъ свои границы, и просилъ о скорѣйшемъ возстановленіи старой границы Земли войска Донского. Вмѣстѣ съ тѣмъ Атаманъ писалъ о сложеніи полномочій посольствомъ Семенова, Горчукова, Сидорина и Гущина, объ отозваніи ихъ и о посылкѣ вмѣсто нихъ новаго посольства въ лицѣ генералъ-лейтенанта Свѣчина и генералъ-маіора Черячукина.

Результатомъ посылки письма Императору Вильгельму было то, что уже 8-го мая, вечеромъ, къ Атаману явилась делегація отъ генерала отъ кавалеріи фонъ Кіёрцера изъ Таганрога, заявившая, что германцы никакихъ завоевательныхъ цѣлей не преслѣдуютъ, что они заинтересованы въ томъ, чтобы на Дону возстановился возможно скорѣе полный порядокъ, что Таганрогскій округъ и Ростовъ они заняли лишь потому, что Украинцы имъ сказали, что они принадлежатъ Украинѣ и что этотъ пограничный споръ надо разрѣшить съ гетманомъ Скоропадскимъ. Что касается станицъ Донецкаго Округа, то нѣмцы ихъ заняли по приглашенію самихъ казаковъ. Депутація заявила, что она считаетъ

въ интересахъ казаковъ, чтобы германскія войска оставались временно на Донской территоріи, что они уйдутъ, какъ только увидятъ, что на Дону возстановился полный порядокъ.

Свиданіе Атамана съ представителями германскаго командованія носило самый дѣловой характеръ. Атаманъ убѣдился въ томъ, что нѣмцы боятся казаковъ и что они дѣйствительно заинтересованы въ помощи Дону. На первомъ же свиданіи было рѣшено, что нѣмцы дальше продвигаться не будутъ и что въ Новочеркасскъ ни германскіе офицеры, ни солдаты безъ особаго разрѣшенія Атамана ѣздить не будутъ, чтобы не раздражать казаковъ.

9-го мая въ Новочеркасскъ прибылъ для жительства Кубанскій Атаманъ полковникъ Филимоновъ и Кубанское Правительство, а также депутація отъ Грузинской республики. Донской Атаманъ вошелъ въ тѣсныя дружескія сношенія съ тѣми и съ другими. Онъ искалъ союзниковъ и помощниковъ въ жестокой борьбѣ съ большевиками и главнымъ союзникомъ сьомъ онъ считалъ генерала Деникина и добровольческую армію и искалъ скорѣйшаго свиданія съ генераломъ Деникинымъ.

14-го мая Атаманъ получилъ извѣстіе о томъ, что 15-го мая генералы Алексѣевъ и Деникинъ прибудутъ изъ Мечетинской станицы въ станицу Манычскую и хотѣли бы имѣть переговоры съ Атаманомъ.

15-го мая Донской Атаманъ вмѣстѣ съ предсѣдателемъ совѣта управляющихъ и управляющимъ отдѣломъ иностранныхъ дѣлъ генералъ-маіоромъ А. П. Богаевскимъ, генералъ-квартирмейстеромъ штаба Донской Арміи полковникомъ Кисловымъ и Кубанскимъ Атаманомъ Филимоновымъ отбылъ на пароходѣ «Вольный казакъ» изъ станицы Аксайской въ станицу Манычскую, куда прибылъ около 1 часа дня. Около 2-хъ часовъ дня туда же на автомобиляхъ прибыли представители добровольческой арміи генералы Алексѣевъ и Деникинъ, начальникъ штаба арміи генералъ Романовскій, полковники Рясянскій и Эвальдъ. Тутъ же находился командующій донскими частями Задонскаго района полковникъ Быкадоровъ.

Въ небольшой хатѣ станичнаго атамана у разложенной карты съ показаніемъ расположенія войскъ произошла бесѣда, длившаяся до самыхъ сумерекъ.

Прежде чѣмъ начать разговоры съ Атаманомъ генералъ Деникинъ предложилъ выслушать докладъ только что прибывшихъ изъ Кіева его агента полковника Лисового и изъ Москвы г-на Панченко. По словамъ этихъ лицъ въ Москвѣ и въ Россіи начиналось сильное монархическое движеніе, народъ жаждалъ царя и большевистская власть была наканунѣ крушенія.

Атаманъ и, повидимому, генералъ Деникинъ отнеслись къ этому сообщенію безъ особаго довѣрія. Генералъ Алексѣевъ былъ совершенно больной. Ѣзда на автомобилѣ его укачала. Безучастно, закрывъ глаза, онъ сидѣлъ за столомъ, облокотившись на ладони, и временами выходилъ изъ хаты. Послѣ доклада Лисового и Панченко, когда они ушли, генералъ Деникинъ началъ въ довольно рѣзкой формѣ выговаривать Атаману за то, что въ диспозиціи, отданной для овладѣнія селеніемъ Батайскъ было указано, что въ правой колоннѣ дѣйствуетъ германскій батальонъ и батарея, въ центрѣ донцы, а въ лѣвой колоннѣ отрядъ полковника Глазенапа добровольческой арміи.

— Согласитесь съ тѣмъ, что это недопустимо, чтобы добровольцы участвовали съ нѣмцами. Добровольческая армія не можетъ имѣть ничего общаго съ нѣмцами. Я требую уничтоженія этой диспозиціи, — говорилъ генералъ Деникинъ.

Атаманъ отвѣтилъ, что уничтожить исторію нельзя. Если бы эта диспозиція относилась къ будущему — другое дѣло, но она относится къ сраженію, которое было три дня тому назадъ и закончилось полной побѣдой отряда полковника Быкадорова, и уничтожить то, что было, невозможно. Атаманъ далъ понять генералу Деникину, что онъ уже болѣе не бригадный генералъ, какимъ зналъ Атамана на войнѣ генералъ Деникинъ, но представитель пятимилліоннаго свободнаго народа и потому разговоръ долженъ вестись въ нѣсколько иномъ тонѣ. Атаманъ разсчитываетъ и надѣется на то, что цѣли, преслѣдуемыя войскомъ Донскимъ и добровольческой арміей однѣ и тѣ же — уничтоженіе большевиковъ. Къ этому же стремится и Атаманъ Дутовъ съ оренбургскими казаками и чехословаки.

Генералъ Деникинъ заговорилъ о единомъ командованіи и о томъ, что желательно поступленіе Донскихъ частей въ добровольческую армію. Атаманъ отвѣтилъ на это, что единое командованіе возможно осуществить только при условіи существованія единаго фронта. Если генералъ Деникинъ считаетъ возможнымъ со своими добровольческими отрядами оставить Кубань и направиться къ Царицыну, то всѣ Донскія войска Нижне-Чирскаго и Великокняжескаго районовъ будутъ подчинены автоматически генералу Деникину. Движеніе на Царицынъ при томъ настроеніи, которое замѣчено въ Саратовской губерніи, сулитъ добровольцамъ полный успѣхъ. Въ Саратовской губерніи уже начались возстанія крестьянъ. Царицынъ далъ генералу Деникину хорошую чисто русскую базу, пушечный и снарядный заводы и громадные запасы всякаго войскового имущества, не говоря уже о деньгахъ. Добровольческая армія перестанетъ зависѣть отъ казаковъ. Кромѣ того занятіе Царицына сблизило бы, а, можетъ быть, и соединило бы насъ съ чехословаками и Дутовымъ и создало бы единый грозный фронтъ. Опираясь на войско Донское, арміи могли бы начать свой маршъ на Самару, Пензу, Тулу и тогда Донцы заняли бы Воронежъ . . .

— Я ни за что не пойду на Царицынъ, — сказалъ категорически Деникинъ, — потому что тамъ мои добровольцы могутъ встрѣтить нѣмцевъ. Это невозможно.

— Но ручаюсь вамъ, — возразилъ Атаманъ, — что нѣмцы дальше Усть-Бѣло-Калитвенской станицы на востокъ не пошли и безъ моего разрѣшенія не пойдутъ.

— Все равно на Царицынъ я теперь не пойду, — упрямо сказалъ Деникинъ. — Я обязанъ раньше освободить Кубанцевъ — это мой долгъ и я его исполню.

Генералъ Алексѣевъ поддержалъ Деникина. Онъ считалъ, что направленіе на Царицынъ дѣйствительно создастъ единый фронтъ, но вся бѣда въ томъ, что Кубанцы изъ своего войска никуда не пойдутъ, а добровольческая армія безсильна что-либо сдѣлать, такъ какъ въ ней всего около 2.500 штыковъ. Ей надо отдохнуть, окрѣпнуть и получить снабженіе, и войско Донское должно ей въ этомъ помочь. Кубань, хотя и поднялась противъ большевиковъ, но сильно нуждается въ помощи добровольцевъ. Если оставить Кубанцевъ однихъ, можно опасаться, что большевики одолѣютъ ихъ, и тылъ Донской Арміи будетъ угрожаемъ со стороны Кубани.

На совѣщаніи было рѣшено, что Добровольческая Армія пойдетъ вмѣстѣ съ Кубанцами на Екатеринодаръ и, только послѣ освобожденія его, она можетъ помочь Донцамъ въ операціяхъ на Царицынъ. Такимъ образомъ, объ арміи — Донская и Добровольческая расходились по двумъ взаимно противоположнымъ

направленіямъ, одна шла на сѣверъ къ сердцу Россіи — Москвѣ, другая шла на югъ къ Минеральнымъ Водамъ. Вопросъ о единомъ командованіи отпадалъ.

Атаманъ настаивалъ на немедленномъ наступленіи. Надо использовать настроеніе казаковъ, ихъ порывъ, надо воспользоваться растерянностью комиссаровъ.

Деникинъ отказалъ и въ этомъ. Послѣ тяжелаго похода Добровольческая армія нуждалась въ отдыхѣ и пополненіи. Ей необходимы были широкія квартиры и правильная организація тыла. Донъ долженъ былъ снабдить Добровольческую Армію всѣмъ необходимымъ и быть ея тыломъ.

Совѣщаніе свелось къ тому, что Добровольческая Армія потребовала устройства лазаретовъ и госпиталей, этапныхъ пунктовъ и вербовочныхъ бюро въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ, потребовала оружія и снаряженія и взяла заимообразно шесть милліоновъ рублей у Донского войска, обязуясь обезпечивать тылъ Донского войска со стороны Кубани. Кубанскій Атаманъ никакой роли на совѣщаніи не игралъ.

Начать активныя дѣйствія добровольцы и кубанцы могли только черезъ мѣсяцъ.

О союзникахъ не было сказано ни слова. Къ Украинѣ и нѣмцамъ генералъ Деникинъ высказалъ самое непримиримое отношеніе и старательно закрывалъ глаза на то, что оружіе и снаряженіе для Добровольческой Арміи Донской Атаманъ можетъ получить только изъ Украины, то-есть отъ нѣмцевъ. Этотъ вопросъ былъ повернутъ такъ, что на Украинѣ остались громадные склады Россійской Юго-Западной Арміи. Добровольческая Армія является прямою наслѣдницею Юго-Западной Арміи и потому Украина должна передать ей имущество складовъ. Про то, что эти склады были опечатаны нѣмецкими печатями и къ нимъ приставлены нѣмецкіе часовые, командованіе Добровольческой Арміи умалчивало.

Генералъ Деникинъ потребовалъ немедленнаго присоединенія отряда полковника Дроздовскаго къ Добровольческой Арміи.

Со смутнымъ чувствомъ неудовлетворенности ѣхалъ Донской Атаманъ изъ Манычской со свиданія съ генераломъ Деникинымъ. Войско Донское стояло одно одинёшенько передъ громадной задачей освободиться отъ большевиковъ и положить начало освобожденію и самой Россіи.

Глава III

Тылъ Добровольческой Арміи на Дону. — Поведеніе офицеровъ. — Двѣ разныя точки зрѣнія на Донъ. — Мелочность характера генерала Деникина. — Враждебное отношеніе его къ Атаману и генералу Денисову.

Обѣ столицы Донского Войска, Ростовъ и Новочеркасскъ стали тыломъ Добровольческой Арміи. Это уже такой непреложный законъ всякой арміи, какъ бы строго дисциплинирована она ни была, что совершенно механически совершается отборъ ея представителей. Все прекрасное, храброе, героическое, все военное и благородное отходитъ на фронтъ. Тамъ совершаются подвиги, красотою которыхъ умиленно любуется міръ, тамъ дѣйствуютъ чудо богатыри Марковы, Дроздовскіе, Нѣжинцевы, тамъ красота, благородство и геропзмъ. Но чѣмъ дальше отходишь отъ боевыхъ линій къ тылу, тѣмъ рѣзче мѣняется картина. Все трусливое, уклоняющееся отъ боя, все жаждущее не подвига

смертнаго и славы, но наживы и наружнаго блеска, всѣ спекулянты собираются въ тылу. Здѣсь люди, не видѣвшіе раньше и сторублеваго билета, ворочаютъ милліонами рублей, и у нихъ кружится голова отъ этихъ денегъ, здѣсь продаютъ «добычу», здѣсь постоянно вращаются герои съ громадной популярностью въ тылу и совершенно неизвѣстные на фронтѣ. Фронтъ оборванъ, босъ и нагъ, фронтъ голоденъ, здѣсь сидятъ люди въ ловко сшитыхъ черкескахъ, въ цвѣтныхъ башлыкахъ, во френчахъ и галиффэ, здѣсь пьютъ вино, хвастаютъ своими подвигами, звенятъ золотомъ и говорятъ, говорятъ. Тамъ въ передовыхъ окопахъ, про политику не говорятъ, о будущемъ не думаютъ, смерть сторожитъ эти думы, здѣсь политиканствуютъ и создаютъ такую окраску и физіономію, которой армія на дѣлѣ не имѣетъ.

Въ тылу лазареты съ врачами, санитарнымъ персоналомъ и сестрами. Въ тылу любовь и ревность. Раненые и больные часто бываютъ капризны и требовательны и на правахъ раненыхъ и больныхъ позволяютъ себѣ весьма многое, оскорбляющее тѣхъ здоровыхъ, которые отдали себя на служеніе имъ. Но настоящіе раненые и больные не въ счетъ, имъ это охотно прощаютъ, но въ лазаретахъ всегда бываетъ извѣстный процентъ такихъ раненыхъ, которые никогда ранены не были, такихъ больныхъ, болѣзнь которыхъ не найдетъ и не опредѣлитъ самый искусный врачъ. Эти «раненые» и «больные» приносятъ вино въ лазареты, эти «раненые» и «больные» до глубокой ночи шатаются по городу, горлавя пѣсни, и управы на нихъ нѣтъ нигдѣ. Что можетъ имъ сдѣлать дежурная сестра, которая сама ихъ безумно боится? Такъ было во всѣхъ арміяхъ, такъ было и въ Добровольческой Арміи. Въ Добровольческую Армію вмѣстѣ съ идейными юношами шли «шкурники», и эти шкурники прочно осѣдали въ тылу и теперь наводнили Ростовъ и Новочеркасскъ. И вотъ начались тѣ тяжелыя отношенія между Дономъ и Добровольческой Арміей, которыя бросались въ глаза человѣку вдумчивому. Сами Арміи были дружны вѣчной дружбой, спаяной вмѣстѣ пролитой кровью, но тылы ссорились и генералъ Деникинъ и его окружающіе, которые жили въ тылу тыловой жизнью, поддались этому тыловому, враждебному Дону, настроенію.

Войско Донское все, но особенно Новочеркасскъ, въ эти весенніе дни 1918 года жило особенною повышенною жизнью. Создавали ли это настроеніе постоянныя побѣды Донской Арміи, или та энергичная, нервно пульсирующая жизнь проснувшагося народа, но это была не обычная сонная жизнь глухого провинціальнаго города.

Атаманъ возстановилъ старинный до-Петровскій титулъ «Всевеликое войско Донское», и все войско отъ казака до генерала подхватило этотъ титулъ. Въ Новочеркасскѣ спѣшно печатались свои уставы, широко распространялась исторія войска, писали его географію, составляли особую христоматію. Въ школахъ и гимназіяхъ послѣ молитвъ дружно пѣли «Всколыхнулся взволновался православный Тихій Донъ», и гимнъ этотъ подхлестывалъ и взвинчивалъ, какъ марсельеза. На школьныхъ праздникахъ въ ученическихъ выступленіяхъ неизмѣнно фигурировало полное горячей любви къ Родинѣ стихотвореніе въ прозѣ Донского писателя Ѳ. Крюкова, «Родимый Край», и надъ нимъ плакали. Была мысль, одѣть Донскую армію въ особую отъ Русской форму, но этому воспротивились Командующій Арміей генералъ Денисовъ и Атаманъ. Надъ дворцомъ гордо рѣялъ сине-желто-красный флагъ, и Новочеркасскіе жители ходили имъ любоваться. Все это было «свое», особенное, новое, принадлежащее «Всевеликому войску Донскому».

Большевизму Атаманъ противопоставилъ шовинизмъ, интернаціоналу — яркій націонализмъ. Ѣздя по станицамъ и полкамъ, Атаманъ вездѣ говорилъ одно: — «Любите свою великую, полную славы Родину — Тихій Донъ и мать нашу Россію! — За вѣру и Родину — что можетъ быть выше этого девиза!»

Что такое было Всевеликое Войско Донское для офицера Добровольческой Арміи? Донская область, Донская губернія и больше ничего. Казаки — четвертые полки кавалерійскихъ дивизій, штабная конница, прикрытіе обозовъ и конвои — словомъ — презрительно ласковое — к а з а ч к и.

Тѣмъ, кто въ сердцѣ своемъ носилъ священное бѣло-сине-красное знамя великой и недѣлимой Россіи, претилъ новый Донской флагъ. Немногіе понимали значеніе его, какъ переходнаго флага. Не понималъ его и Деникинъ. Гимнъ донской для нихъ былъ не гимнъ, но только пѣсня. Въ войскѣ Донскомъ была старая дисциплина со всѣмъ старымъ воинскимъ ритуаломъ, со знаменами, встрѣчаемыми звуками похода, и съ караульной службой, гдѣ часовой былъ лицомъ неприкосновеннымъ. Въ Добровольческой Арміи была дисциплина новая, упрощенная, и бьющая на внѣшность, часто офицерски распущенная.

А. А. Суворинъ пишетъ: — «нужно, чтобы въ арміи было прямо и строго поставлено требованіе доблести и чтобы она осталась истинно доблестной, какою она была при Корниловѣ. Но, чтобы быть прочною, доблесть эта должна имѣть подъ собою твердую опору дисциплины, которая вовсе не всегда непремѣнно сопутствуетъ доблести. И именно о Добровольческой арміи всегда можно было сказать: «Доблести много, дисциплины мало!» Мнѣ говорилъ одинъ изъ генераловъ арміи: — «Когда въ сторожевомъ охраненіи находятся солдаты, я увѣренъ, что часовые не спятъ, но я не увѣренъ въ этомъ, когда въ охранѣ офицеры!»

«И для утвержденія дисциплины, дѣйствительно благонадежной, необходимо ввести въ арміи точное исполненіе «Устава внутренней службы». Безъ него всѣ разговоры о дисциплинѣ останутся только разговорами»... *

На Дону первымъ былъ отпечатанъ «Дисциплинарный уставъ» и сейчасъ же слѣдомъ за нимъ «Уставъ внутренней службы»...

Атаманъ строго преслѣдовалъ пьянство, и офицеровъ, замѣченныхъ въ нетрезвомъ поведеніи, увольнялъ вовсе отъ службы безъ мундира и пенсіи. И онъ, и особенно, Командующій Донской Арміей генералъ-маіоръ Денисовъ требовали не только полнаго соблюденія воинской дисциплины и порядка, но и форменной, щегольской, на сколько позволяли обстоятельства, одежды и благопристойнаго поведенія въ общественныхъ мѣстахъ. Разладъ между Дономъ и Добровольческой Арміей начался съ мелочей и пустяковъ, но вылился въ тяжелыя формы вслѣдствіе крайняго самолюбія Деникина.

Его постоянно раздражала мысль, что войско Донское находится въ хорошихъ отношеніяхъ съ нѣмцами и что нѣмецкіе офицеры бываютъ у Атамана. Генералъ Деникинъ не думалъ о томъ, что благодаря этому Добровольческая Армія неотказно получаетъ оружіе и патроны и офицеры ѣдутъ въ нее черезъ Украину и Донъ совершенно свободно, но онъ видѣлъ въ этомъ и з м ѣ н у с о ю з н и к а м ъ и сторонился отъ Атамана...

Въ лицѣ Командующаго Донской Арміей Атаманъ имѣлъ блестящаго помощника. Но горячій патріотъ генералъ Денисовъ отличался рѣзкимъ, поры-

* А. А. Суворинъ. «Походъ Корнилова» стр. 108.

вистымъ характеромъ. Онъ былъ молодъ. Ему было всего 34 года, и когда генералъ Деникинъ командовалъ дивизіей — Денисовъ былъ всего капитаномъ генеральнаго штаба. Ставши командующимъ арміей, Денисовъ установилъ отношенія съ генераломъ Деникинымъ, какъ съ равнымъ, и это коробило Деникина. Штабъ Донской Арміи, богато снабженный и блестяще оборудованный, щеголялъ точностью донесеній, красотою исполненія схемъ, аккуратностью работъ, чего нельзя было сказать про штабъ Добровольческой Арміи, и Денисовъ зло смѣялся, критиковалъ и иронизировалъ надъ Добровольческой Арміей.

Въ Новочеркасскѣ, въ Александровскомъ саду по приказанію генерала Денисова дѣйствовало лѣтнее гарнизонное собраніе, куда могли приходить обѣдать офицеры съ ихъ семьями и гдѣ они могли имѣть дешевую (за 2 р. 50 к.) и здоровую пищу. По вечерамъ тамъ игралъ войсковой хоръ и пѣли войсковые пѣвчіе. Офицеры Добровольческой Арміи допускались туда на совершенно одинаковыхъ условіяхъ съ офицерами донцами. Добровольцы не разъ устраивали тамъ пьяные кутежи со скандалами и, наконецъ, пустили по адресу войска Донского «крылатое» слово — всевеселое войско Донское.

Денисовъ промолчалъ. Вскорѣ на одномъ вечерѣ въ присутствіи Денисова и одного полковника изъ Добровольческой Арміи на войско Донское стали жестоко нападать за его сношенія съ нѣмцами.

— Но что же войску дѣлать, — сказалъ Денисовъ, — нѣмцы пришли на территорію его и заняли. Войску Донскому приходится считаться съ совершившимся фактомъ. Не можетъ же оно, имѣя территорію и народъ ее населяющій, уходить отъ нихъ, какъ то дѣлаетъ Добровольческая Армія. Войско Донское не странствующіе музыканты, какъ Добровольческая Армія.

Эти странствующіе музыканты были переданы генералу Деникину, и онъ въ свое время припомнилъ это словцо Денисова. Когда войско Донское начало свои сношенія съ союзниками, въ штабѣ Деникина сказали: — «Войско Донское, это проститутка, продающая себя тому, кто ей заплатитъ».

Денисовъ не остался въ долгу и отвѣтилъ: — «Скажите Добровольческой Арміи, что если войско Донское проститутка, то Добровольческая Армія есть котъ, пользующійся ея заработкомъ и живущій у нея на содержаніи».

Это были мелочи. Но они разожгли самолюбіе Деникина, и онъ сталъ добиваться удаленія Денисова.

Генералъ Деникинъ хотѣлъ, чтобы войско Донское было Донскою областью съ нѣкоторой автономіей, онъ не соглашался признать Донской Арміи, но желалъ имѣть Донскіе полки тамъ, гдѣ они понадобятся; онъ рѣшительно шелъ къ тому старому режиму, о которомъ при обстоятельствахъ теперешняго момента Атаманъ не могъ и заикнуться. И Деникинъ сталъ во враждебныя отношенія къ Атаману, считая его главнымъ виновникомъ шовинистической политики Дона.

Но пока у Донского Атамана на фронтѣ была 60.000 армія, а у него вмѣстѣ съ Кубанцами насчитывалось 12.000, пока все снабженіе шло черезъ Донского Атамана, взявшагося быть посредникомъ между Украиной и нѣмцами съ одной стороны и Добровольческой Арміей съ другой — Деникинъ молчалъ, и только окружающіе его готовили грозную кампанію противъ генерала Денисова, Атамана и всѣхъ Донскихъ патріотовъ. Они стремились свалить войско Донское и впослѣдствіи, при помощи союзниковъ они свалили его..., но въ

результатѣ погубили послѣдній рессурсъ въ своей борьбѣ. Какъ только война перестала быть національной, народной — она стала классовой, и какъ таковая не могла имѣть успѣха въ бѣднѣйшемъ классѣ.

Казаки и крестьяне отпали отъ Добровольческой Арміи и Добровольческая Армія погибла. Говорятъ объ измѣнѣ казаковъ Деникину, но нужно посмотрѣть, кто измѣнилъ раньше. Казаки Деникину, или Деникинъ казакамъ. Если бы Деникинъ не измѣнилъ казакамъ, не оскорбилъ бы жестоко ихъ молодого національнаго чувства, они не покинули бы его. И правъ былъ Атаманъ, когда въ числѣ своихъ враговъ ставилъ и генерала Деникина. Генералъ Деникинъ, быть можетъ, самъ того не понимая, работая на разрушеніе Донского войска, рубилъ сукъ, на которомъ сидѣлъ...

Глава IV

Отношеніе къ нѣмцамъ. — Второе письмо Донского Атамана Императору Вильгельму.

Очень остро и болѣзненно проходили для Атамана отношенія къ нѣмцамъ. Безъ нѣмцевъ Дону не освободиться отъ большевиковъ — это было общее мнѣніе фронтового казачества, которое умирало, защищая съ оружіемъ въ рукахъ свои станицы и освобождая станицы своихъ сосѣдей.

Совершенно иначе смотрѣла Донская интеллигенція и особенно пришлые изъ Россіи люди, которые хотѣли и на Дону сыграть ту крупную роль, которую они играли когда-то въ Царской Россіи. Къ числу таковыхъ нужно отнести и бывшаго предсѣдателя Государственной Думы двухъ послѣднихъ призывовъ М. В. Родзянко, жившаго въ Новочеркасскѣ, и всю кадетскую партію, которая объединилась въ борьбѣ противъ Атамана. Отозванные изъ Украины члены перваго посольства генералъ Сидоринъ и полковникъ Гущинъ вели сильную пропаганду противъ Атамана, постоянно проповѣдуя о томъ, что побѣда союзниковъ несомнѣнно будетъ, и союзники никогда не простятъ Донскимъ казакамъ того, что они сносились съ нѣмцами.

Донъ раскололся на о р і е н т а ц і и. Весь простонародный, хлѣборобный Донъ и большая часть интеллигенціи держались германской оріентаціи, напротивъ члены могущественной кадетской партіи и многіе политическіе бѣженцы считали, что все спасеніе Дона въ демократіи Англіи и Франціи, которыя придутъ и спасутъ и Донъ, и Россію. Какъ спасутъ? — непремѣнно и не иначе, какъ ж и в о й с и л о й.

Въ началѣ іюня у Атамана было совѣщаніе съ представителями Кубанскаго Правительства, Горскихъ народовъ, именующимъ себя Астраханскимъ Атаманомъ кн. Тундутовымъ и нѣкоторыми членами Круга Спасенія Дона, оставшимся въ Новочеркасскѣ. Членъ президіума Круга А. П. Епифановъ горько упрекалъ Атамана въ томъ, что онъ ведетъ сношенія и опирается на нѣмцевъ.

— Придутъ союзники и они никогда этого не простятъ Донскимъ казакамъ! — говорилъ Епифановъ.

Остальные присутствовавшіе на засѣданіи молчали. Атаманъ еще разъ разсказалъ ту обстановку, въ которой онъ засталъ войско. Цѣлая треть его была уже занята германскими войсками, мѣстами казаки сами приглашали нѣмцевъ помогать въ борьбѣ съ красной гвардіей, у казаковъ не было оружія

для борьбы съ нею и получить его можно было только отъ нѣмцевъ, или черезъ нѣмцевъ. Дону предстояло одно, или подчиняться совѣтскимъ властямъ, или войти въ соглашеніе съ нѣмцами. У Дона не было иного выхода.

— Ждать союзниковъ, — сказалъ Епифановъ. — Союзники придутъ и помогутъ.

— Да, — первно сказалъ Атаманъ, — такъ же, какъ они пришли въ Новороссійскъ въ январѣ, когда застрѣлился Калединъ... А до тѣхъ поръ?

— До тѣхъ поръ? Побольше крови, побольше терпѣнія! — въ мрачной тишинѣ сказалъ Епифановъ.

— Увы и такъ слишкомъ много льется крови, — отвѣчалъ Атаманъ.

— Надо поступать такъ, какъ поступаетъ Добровольческая Армія, — то-есть уходить отъ нѣмцевъ, — продолжалъ развивать свою мысль Епифановъ.

— Хорошо Добровольческой Арміи, у нея нѣтъ ни земли, ни народа, она можетъ идти хотя до Индіи, но куда я пойду со станицами, хуторами, со стариками и дѣтьми. Нѣтъ, кто бы ни пришелъ сюда, — сказалъ атаманъ, — я останусь въ Новочеркасскѣ и не выдамъ Донского войска.

— А у меня уже на этотъ случай и чемоданъ уложенъ, — съ ироніей сказалъ Епифановъ.

Атамана поддержалъ только предсѣдатель Круга Спасенія Дона Г. П. Яновъ.

Другой разъ, уже во время сессій августовскаго Круга, Атаманъ, отвѣчая на нападки въ сношеніяхъ съ нѣмцами и слыша, что ему ставятъ въ примѣръ голубиную чистоту Добровольческой Арміи, которая на знамени своемъ неизмѣнно носитъ непоколебимую вѣрность союзникамъ — воскликнулъ: —

— «Да, да, господа! Добровольческая Армія чиста и непогрѣшима. Но вѣдь это я, донской Атаманъ, своими грязными руками беру нѣмецкіе снаряды и патроны, омывзю ихъ въ волнахъ Тихаго Дона и чистенькими передаю Добровольческой Арміи! — Весь позоръ этого дѣла лежитъ на мнѣ!»

Буря аплодисментовъ покрыла слова Атамана. Нападки за «германскую оріентацію» прекратилась.

Нелегки были и отношенія съ самими нѣмцами. Атаманъ не хотѣлъ, чтобы германское командованіе имѣло хотя бы какой-нибудь намекъ, что оно имѣетъ вліяніе на управленіе Домомъ. Поэтому никакихъ миссій, никакихъ представителей отъ нѣмцевъ въ Новочеркасскѣ допущено не было. Донъ считается съ фактомъ занятія части территоріи германскими войсками, смотритъ на нихъ не какъ на враговъ, но какъ на союзниковъ въ борьбѣ съ большевиками и старается использовать ихъ для вооруженія и снабженія всѣми средствами борьбы своей арміи. Такъ было сказано въ первомъ приказѣ Атамана, отданномъ 4-го мая ночью:

... «Въ тяжелые дни общей государственной разрухи приходится мнѣ вступать въ управленіе войскомъ», писалъ Атаманъ... «Вчерашній внѣшній врагъ, австро-германцы, вошли въ предѣлы войска для борьбы въ союзѣ съ нами съ бандами красноармейцевъ и водворенія на Дону полнаго порядка. Далеко не все войско очищено отъ разбойниковъ и темныхъ силъ, которыя смущаютъ простую душу казака»... и далѣе: — ...«Казаки и граждане! Я призываю васъ къ полному спокойствію въ странѣ. Какъ ни тяжело для нашего казачьяго сердца, я требую, чтобы всѣ воздержались отъ какихъ бы то ни было выходокъ по отношенію къ германскимъ войскамъ и смотрѣли бы на нихъ такъ же, какъ на свои части. Зная строгую дисциплину германской арміи, я увѣренъ, что намъ удастся сохранить хорошія отношенія до тѣхъ поръ, пока германцамъ

придется оставаться у насъ для охраны порядка и пока мы не создадимъ своей арміи, которая сможетъ сама охранить личную безопасность и неприкосновенность каждаго гражданина безъ помощи иностранныхъ частей. Нужно помнить, что побѣдилъ насъ не германскій солдатъ, а побѣдили наше невѣжество, темпота и та тяжелая болѣзнь, которая охватила все войско и не только войско, но и всю Россію». *

При посѣщеніи тѣхъ станицъ и желѣзнодорожныхъ станцій, гдѣ были германскіе гарнизоны, Атаманъ требовалъ, чтобы ему выставляли почетный караулъ отъ Донской части, но чтобы на лѣвомъ флангѣ представляющихся чиновъ арміи находились германскіе начальники расквартированныхъ частей.

Нѣмцы отлично понимали, для чего это дѣлается, и сами шли навстрѣчу желаніямъ Атамана. Они, — побѣдители въ данное время, — всѣми силами старались упрочить положеніе Атамана и возвысить его въ глазахъ населенія. И этому иногда мѣшали тѣ темныя силы, которыя были въ интеллигенціи. Одни боролись противъ Атамана потому, что считали его врагомъ революціи и неискренно сочувствующимъ идеѣ народоправства, другіе выступали противъ него «страха ради іудейска», стараясь заслужить въ будущемъ благодарность союзниковъ, большинство же было лично обижено тѣмъ, что они или не получили того высокаго поста, который хотѣли получить, или были сняты съ занимаемаго поста. Всѣ эти люди собрались въ Екатеринодарѣ, при штабѣ генерала Деникина, и, пользуясь тѣми тяжелыми отношеніями, которыя установились между Атаманомъ и Деникинымъ, вели свою работу противъ Атамана и нѣмцевъ, и работа эта скоро возымѣла свои послѣдствія.

Сношенія съ нѣмцами вылились въ опредѣленную форму. Генералъ фонъ Арнимъ 14-го іюня вмѣстѣ со своимъ начальникомъ штаба маіоромъ фонъ Шлейницемъ прибыли въ Новочеркасскъ и представились Атаману, 16-го іюня Атаманъ былъ у нихъ въ Ростовѣ съ отвѣтнымъ визитомъ.

Еще раньше, 5-го іюня, отъ генерала Эйхгорна пріѣзжалъ изъ Кіева маіоръ Стефани, который передалъ о признаніи Атамана германскими властями.

27-го іюня въ Ростовъ прибылъ маіоръ фонъ-Кокенхаузенъ, назначенный оффиціально для сношеній съ Донскимъ Атаманомъ. Сношенія вылились въ чисто дѣловую форму. Установленъ былъ курсъ германской марки въ 75 коп. донской валюты, сдѣлана была расцѣнка Русской винтовки съ 30-ю патронами въ одинъ пудъ пшеницы, или ржи, заключенъ былъ контрактъ на поставку аэроплановъ, орудій, винтовокъ, снарядовъ, патроновъ и т. п., установлено было соглашеніе, что въ случаѣ совмѣстнаго участія германскихъ и донскихъ войскъ половина военной добычи передавалась донскому войску безвозмездно, выработаны были планы дѣйствій подъ Батайскомъ. Наконецъ, нѣмцы со значительными потерями для себя отразили безумную попытку большевиковъ высадиться на Таганрогской косѣ и занять Таганрогъ. Нѣмцы не особенно охотно вступали въ бои съ большевиками, но тогда, когда боевая обстановка этого требовала, они дѣйствовали вполнѣ рѣшительно, и донцы могли быть совершенно спокойны за ту полосу, которая была занята нѣмецкими войсками. Вся западная граница съ Украиной отъ Кантемировки до Азовскаго моря, длиною болѣе 500 верстъ, была совершенно безопасна и донское правительство не держало здѣсь ни одного солдата.

* Приказъ Всевеликому войску Донскому № 1, 4,17 мая 1918 года.

Сначала германское командованіе не обращало вниманія на то, что офицеры ѣдутъ изъ Украины въ Добровольческую Армію, и даже оказывало имъ содѣйствіе въ этомъ, оно пропускало снаряженіе одинаково, какъ на Донъ, такъ и на Кубань и въ Добровольческую Армію. Но, когда послѣ взятія добровольцами Екатеринодара туда прибылъ бывшій редакторъ «Кіевлянина» Шульгинъ, а во главѣ отдѣла внѣшнихъ сношеній сталъ генералъ А. М. Драгомировъ, въ Екатеринодарѣ стали появляться въ газетахъ статьи съ призывомъ объявленія войны Украинѣ и изгнанія нѣмцевъ. Маіоръ фонъ-Кокенхаузенъ обратился къ Донскому Атаману съ просьбой повліять на генерала Деникина въ томъ смыслѣ, чтобы онъ прекратилъ газетную травлю гетмана Скоропадскаго и возбуждающія противъ нѣмцевъ статьи. Генералъ Деникинъ не обратилъ вниманія на просьбу Атамана, и тогда нѣмцы стали дѣлать затрудненія офицерамъ въ проѣздѣ къ Деникину, поставили Атаману условіе, чтобы выдаваемое ему оружіе и снаряды не были отправляемы въ Добровольческую Армію. Для наблюденія за этимъ въ селеніи Батайскъ нѣмцами была поставлена застава. Войско Донское продолжало, однако, снабжать Добровольческую Армію и оружіемъ, и патронами, посылая часть того, что получало, Деникину, минуя нѣмцевъ, черезъ Новочеркасскъ и далѣе степью на грузовыхъ автомобиляхъ на станцію Кагальницкую. Нѣмцы знали про это, но закрывали на это глаза.

Но къ Добровольческой Арміи отношенія нѣмцевъ рѣзко измѣнились. Нѣмцы стали считать генерала Деникина своимъ врагомъ и въ противовѣсъ Добровольческой Арміи стали формировать Южную Армію и Астраханскій корпусъ. Формированія эти, по причинамъ, которыя будутъ указаны ниже, успѣха не имѣли.

За первые полтора мѣсяца нѣмцы передали Дону, Кубанцамъ и Добровольческой Арміи 11.651 трехъ-линейную винтовку, 46 орудій, 88 пулеметовъ, 109.104 артиллерійскихъ снаряда и 11.594.721 ружейныхъ патроновъ. Треть артиллерійскихъ снарядовъ и одна четверть патроновъ были уступлены Домомъ Добровольческой Арміи.

Въ серединѣ іюня на Дону распространились слухи о томъ, что чехословаки занимаютъ Саратовъ, Царицынъ и Астрахань съ цѣлью образовать по Волгѣ «восточный фронтъ» для наступленія на Германію. Какъ ни были невѣроятны эти слухи, тѣмъ не менѣе они взволновали германское командованіе, и 27-го іюня въ Новочеркасскъ къ Атаману прибыли маіоры фонъ Стефани, фонъ Шлейницъ и Кокенхаузенъ. Разговоръ происходилъ въ присутствіи предсѣдателя совѣта управляющихъ генерала Богаевскаго. Нѣмецкое командованіе заявило Атаману, что оно всѣми силами, до вооруженнаго вмѣшательства, поддерживало и помогало Донскому войску въ его борьбѣ съ большевиками, что оно готово и впредь оказывать эту помощь, что германское командованіе отстаиваетъ передъ Украиной неприкосновенность границъ войска Донского и Германія считаетъ себя союзницей Донскихъ казаковъ въ борьбѣ съ большевиками. Со стороны же Донского войска нѣмцы видятъ только холодное отношеніе къ себѣ. Теперь, когда создается опасность войны на востокѣ, когда на Волжскомъ фронтѣ можетъ образоваться чехо-словацкій фронтъ, который союзники могутъ использовать для своего наступленія, Германія хотѣла бы знать, какую политику поведетъ въ этомъ случаѣ Донское войско, Кубань и вообще юго-восточный союзъ.

Это были дни, когда войско Донское только что начало освобождаться отъ большевиковъ. Оно по прежнему было одиноко въ борьбѣ. Нѣмца

помогали оружіемъ, но живою силою помогать избѣгали. Добровольческая Армія и Кубанцы были заняты своимъ дѣломъ и настолько мало интересовались Дономъ, что какъ разъ въ эти дни части Добровольческой Арміи, обезпечивающія Кагальницкую и Мечетинскую станицы, по стратегическимъ соображеніямъ безъ увѣдомленія о томъ Донского Атамана были сняты, и угроза висѣла надъ Новочеркасскомъ.

Сказать германцамъ, что войско Донское примкнетъ къ чехословакамъ и пойдетъ войною на нѣмцевъ — значило, въ лучшемъ случаѣ, лишиться и послѣдней помощи, въ худшемъ, быть раздавленными нѣмцами, потому что казаки опредѣленно заявляли, что воевать съ нѣмцами они не будутъ. Атаманъ не вѣрилъ въ это чехословацкое наступленіе. Фронтъ его войскъ былъ всего въ 60 верстахъ отъ Царицына. Неужели же на фронтѣ не знали бы, что Царицынъ уже не въ рукахъ большевиковъ!? Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, Атаманъ заявилъ маіору фонъ Стефани, что Донъ останется нейтральнымъ и не допуститъ войны на своей территоріи. Онъ не пропуститъ ни чехословаковъ черезъ свои земли и не позволитъ нѣмцамъ дѣлать Донъ ареной борьбы съ чехословаками. Атаманъ въ этомъ случаѣ говорилъ то, чего хотѣли казаки. Они хотѣли мира, но не войны. Атаманъ не строилъ себѣ иллюзій, не бряцалъ оружіемъ, не становился въ Донъ-Кихотскую позу, но печально и твердо смотрѣлъ на то, что происходитъ. Онъ не имѣлъ арміи солдатъ въ точномъ значеніи этого смысла, то-есть людей, которыхъ можно двинуть, куда угодно, и которые пойдутъ умирать за своимъ вождемъ, не спрашивая, во имя чего. Онъ имѣлъ народную армію и долженъ былъ считаться съ мнѣніемъ народа. Народъ не хотѣлъ войны, но хотѣлъ мира. Нейтралитетъ Дона усилилъ бы и укрѣпилъ его физически, а этого только и желали казаки. И Атаманъ отвѣтилъ то, что думалъ донской народъ.

Представители германскаго командованія удовлетворились его отвѣтомъ, но пожелали, чтобы это были не только слова, но, чтобы они были закрѣплены въ письменной формѣ. Было рѣшено, что Атаманъ напишетъ Германскому Императору письмо, въ которомъ выскажетъ свои взгляды на отношенія къ Германіи.

28-го іюня Атаманомъ было составлено слѣдующее письмо главѣ Германскаго народа:

— «Ваше Императорское и Королевское Величество. Податель сего письма, Атаманъ Зимовой станицы (посланникъ) Всевеликаго войска Донского при Дворѣ Вашего Императорскаго Величества и его товарищи уполномочены мною, Донскимъ Атаманомъ, привѣтствовать Ваше Императорское Величество, могущественнаго монарха великой Германіи и передать нижеслѣдующее:

«Два мѣсяца борьбы доблестныхъ Донскихъ казаковъ, которую они ведутъ за свободу своей Родины съ такимъ мужествомъ, съ какимъ въ недавнее время вели противъ англичанъ родственные германскому народу буры, увѣнчались на всѣхъ фронтахъ нашего государства полной побѣдой и нынѣ земля Всевеликаго войска Донского на девять десятыхъ освобождена отъ дикихъ красногвардейскихъ бандъ.

Государственный порядокъ внутри страны окрѣпъ и установилась полная законность. Благодаря дружеской помощи войскъ Вашего Императорскаго Величества создалась тишина на югѣ войска и мною приготовленъ корпусъ казаковъ для поддержанія порядка внутри страны и воспрепятствованія натиску враговъ извнѣ. Молодому государственному организму, каковымъ въ настоящее время является Донское войско, трудно существовать одному и поэтому оно

заключило тѣсный союзъ съ главами Астраханскаго и Кубанскаго войскъ, полковникомъ княземъ Тундутовымъ и полковникомъ Филимоновымъ, съ тѣмъ, чтобы по очищеніи земли Астраханскаго войска и Кубанской области отъ большевиковъ составить прочное государственное образованіе на началахъ федераціи изъ Всевеликаго войска Донского, Астраханскаго войска съ калмыками Ставропольской губерніи, Кубанскаго войска, а впослѣдствіи по мѣрѣ освобожденія и Терскаго войска, а также народовъ Сѣвернаго Кавказа. Согласіе всѣхъ этихъ державъ имѣется и вновь образуемое государство въ полномъ согласіи со Всевеликимъ войскомъ Донскимъ рѣшило не допускать до того, чтобы земли его стали ареной кровавыхъ столкновеній и обязались держать полный нейтралитетъ.

«Атаманъ зимовой станицы нашей при дворѣ Вашего Императорскаго Величества уполномоченъ мною просить Ваше Императорское Величество признать права Всевеликаго войска Донского на самостоятельное существованіе, а по мѣрѣ освобожденія послѣднихъ Кубанскаго, Астраханскаго и Терскаго войскъ и Сѣвернаго Кавказа, право на самостоятельное существованіе и всей федераціи подъ именемъ Доно-Кавказскаго союза.

«Просить признать Ваше Императорское Величество границы Всевеликаго войска Донского въ прежнихъ географическихъ и этнографическихъ его размѣрахъ, помочь разрѣшенію спора между Украиной и войскомъ Донскимъ изъ-за Таганрога и его Округа въ пользу войска Донского, которое владѣетъ Таганрогскимъ Округомъ болѣе пятисотъ лѣтъ и для котораго Таганрогскій Округъ является частью Тмутаракани, отъ которой и стало войско Донское.

«Просить Ваше Величество содѣйствовать къ присоединенію къ войску по стратегическимъ соображеніямъ городовъ Камышина и Царицына Саратовской губерніи и города Воронежа и станціи Лиски и Поворино и провести границу войска Донского, какъ это указано на картѣ, имѣющейся въ Зимовой станицѣ.

«Просить Ваше Величество оказать давленіе на совѣтскія власти Москвы и заставить ихъ своимъ приказомъ очистить предѣлы Всевеликаго войска Донского и другихъ державъ, имѣющихъ войти въ Доно-Кавказскій союзъ, отъ разбойничьихъ отрядовъ красной гвардіи и дать возможность возстановить нормальныя, мирныя отношенія между Москвой и войскомъ Донскимъ. Всѣ убытки населенія войска Донского, торговли и промышленности, происшедшіе отъ нашествія большевиковъ, должны быть возмѣщены Совѣтской Россіей.

«Просить Ваше Императорское Величество помочь молодому нашему государству орудіями, ружьями, боевыми припасами и инженернымъ имуществомъ, и если признаете это выгоднымъ, устроить въ предѣлахъ войска Донского орудійный, ружейный, снарядный и патронный заводы.

«Всевеликое войско Донское и прочія государства Доно-Кавказскаго Союза не забудутъ дружеской услуги Германскаго народа, съ которымъ казаки бились плечомъ къ плечу еще во время Тридцатилѣтней войны, когда Донскіе полки находились въ рядахъ арміи Валленштейна, а въ 1807 и въ 1813 годахъ Донскіе казаки со своимъ Атаманомъ графомъ Платовымъ боролись за свободу Германіи. И теперь почти за $3^1/_2$ года кровавой войны на поляхъ Пруссіи, Галиціи, Буковины и Польши казаки и германцы взаимно научились уважать храбрость и стойкость своихъ войскъ и нынѣ, протянувъ другъ другу руки, какъ два благородныхъ бойца, борются вмѣстѣ за свободу родного Дона.

«Всевеликое войско Донское обязуется за услугу Вашего Императорскаго Величества соблюдать полный нейтралитетъ во время міровой борьбы народовъ

и не допускать на свою территорію враждебныя германскому народу вооруженныя силы, на что дали свое согласіе и Атаманъ Астраханскаго войска ки. Тундутовъ и Кубанское Правительство, а по присоединеніи остальныя части Доно-Кавказскаго Союза.

«Всевеликое войско Донское предоставляетъ Германской Имперіи права преимущественнаго вывоза избытковъ за удовлетвореніемъ мѣстныхъ потребностей хлѣба, зерномъ и мукой, кожевенныхъ товаровъ и сырья, шерсти, рыбныхъ товаровъ, растительныхъ и животныхъ жировъ и масла и издѣлій изъ нихъ, табачныхъ товаровъ и издѣлій, скота и лошадей, вина виноградная и другихъ продуктовъ садоводства и земледѣлія, взамѣнъ чего Германская Имперія доставитъ сельскохозяйственныя машины, химическіе продукты и дубильные экстракты, оборудованіе экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ съ соотвѣтствующимъ запасомъ матеріаловъ, оборудованіе суконныхъ, хлопчатобумажныхъ, кожевенныхъ, химическихъ, сахарныхъ и другихъ заводовъ и электротехническія принадлежности.

«Кромѣ того правительство Всевеликаго войска Донского предоставитъ Германской промышленности особыя льготы по помѣщенію капиталовъ въ Донскія предпріятія промышленныя и торговыя, въ частности по устройству и эксплоатаціи новыхъ водныхъ и шныхъ путей.

«Тѣсный договоръ сулитъ взаимныя выгоды, и дружба, спаянная кровью, пролитой на общихъ поляхъ сраженій воинственными народами германцевъ и казаковъ, станетъ могучей силой для борьбы со всѣми нашими врагами.

«Къ Вашему Императорскому Величеству обращается съ этимъ письмомъ не дипломатъ и тонкій знатокъ международнаго права, но солдатъ, привыкшій въ честномъ бою уважать силу Германскаго оружія, а поэтому прошу простить прямоту моего тона, чуждую всякихъ ухищреній и прошу вѣрить въ искренность моихъ чувствъ. Уважающій васъ Петръ Красновъ, Донской Атаманъ, генералъ-маіоръ.» *

Письмо это было разсмотрѣно 2-го іюня въ Совѣтѣ Управляющихъ Отдѣлами. Отношеніе къ нему было сдержанное, скорѣе даже отрицательное. Пренія и редакціонныя поправки затянулись до 10 часовъ вечера. Послѣ доклада Командующаго войсками о томъ тяжеломъ положеніи, въ которомъ находятся войска не только Донской, но и Добровольческой Арміи, о полной зависимости отъ того, будутъ ли эти арміи въ достаточномъ количествѣ и своевременно снабжены патронами и снарядами, Совѣтъ Управляющихъ одобрилъ это письмо.

— Во всякомъ случаѣ, — сказалъ Атаманъ, — всю отвѣтственность за это письмо я беру на себя. Независимо отъ Вашего мнѣнія я отправлю это письмо, потому что въ немъ вижу спасеніе Дона, и слѣдовательно, и Россіи, такъ какъ судьбы одного тѣсно связаны съ судьбами другой и для меня они не раздѣлимы. Приближается время уборки урожая. Если при помощи нѣмцевъ намъ удастся добиться того, что большевики дадутъ передышку на фронтахъ — мы справимся, если этой передышки не будетъ, мы рискуемъ, что казаки будутъ покидать фронтъ и передаваться Совѣтскимъ войскамъ. Что касается союзниковъ, то въ случаѣ ихъ побѣды, неужели они не поймутъ, что нашъ нейтралитетъ былъ вынужденнымъ? И, если не поймутъ, то пусть судятъ меня, меня одного . . .

---

* Текстъ взятъ изъ разосланнаго г. М. В. Родзянко письма, почему за точность выраженій не ручаемся. Содержаніе же вѣрно.

5-го іюля герцогъ Н. Н. Лейхтенбергскій, назначенный атаманомъ Зимовой станицы въ Берлинѣ, поѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ онъ долженъ былъ соединиться съ генераломъ Черячукинымъ и вмѣстѣ съ нимъ ѣхать дальше.

Глава V

Результаты письма Императору Вильгельму. — Активная помощь Дону. — Возстановленіе старыхъ границъ земли войска Донского. — Ослабленіе натиска большевиковъ. — Большой войсковой Кругъ. — Интриги противъ Атамана. — Вмѣшательство нѣмцевъ. — Атаманъ Красновъ вторично избранъ Атаманомъ.

Письмо это имѣло громадныя послѣдствія.

29-го іюля Украина сообщила о признаніи старыхъ границъ Донского войска и Донскія власти вошли въ Таганрогъ и Таганрогскій округъ. Натискъ большевиковъ дѣйствительно ослабѣлъ и Донскія войска вышли за предѣлы Земли войска Донского и побѣдоносно вступили въ Воронежскую и Саратовскую губерніи. Германскіе гарнизоны были поставлены въ зависимость отъ Атамана и оставались лишь тамъ, гдѣ Атаманъ считалъ ихъ присутствіе необходимымъ. Такимъ образомъ они вскорѣ покинули Донецкій Округъ и оставались только въ Ростовѣ и Таганрогѣ, гдѣ Атаманъ находилъ ихъ присутствіе необходимымъ до тѣхъ поръ, пока полки молодой Донской арміи не будутъ въ состояніи ихъ смѣнить. Въ Ростовѣ была образована смѣшанная Дано-Германская экспортная комиссія, нѣчто вродѣ торговой палаты, и Донъ началъ получать сначала сахаръ изъ Украины, а затѣмъ долженъ былъ получить всѣ просимые имъ товары изъ Германіи. Въ войско Донское были отправлены тяжелыя орудія, въ посылкѣ которыхъ до этого времени германцы отказывали. Наконецъ, германское командованіе предложило участіе своихъ войскъ для операцій по овладѣнію Царицынымъ, но Атаманъ это предложеніе отклонилъ, надѣясь, что Добровольческая армія, какъ это было условлено въ Манычской 15-го мая, по овладѣніи Екатеринодаромъ, перейдетъ въ наступленіе на сѣверъ и вмѣстѣ съ донцами овладѣетъ Царицынымъ. Донъ былъ весь свободенъ отъ большевиковъ и достигъ большого процвѣтанія внутри. Атаманъ созвалъ большой войсковой Кругъ на 15 августа. Германцы были настолько внимательны къ Атаману, что въ районѣ ими занимаемомъ сами слѣдили за охраненіемъ внутренняго порядка во время выборовъ на Кругъ . . .

Все это были положительные результаты письма и тѣхъ переговоровъ, которые велись герцогомъ Лейхтенбергскимъ и генераломъ Черячукинымъ въ эти трудные дни. Это было время послѣдняго германскаго наступленія на Парижъ, и гордые своими побѣдами нѣмцы возили генерала Черячукина на позиціи, гдѣ онъ лично могъ убѣдиться въ силѣ и мощи германской арміи и страшномъ могуществѣ ея артиллеріи.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, письмо это было употреблено во вредъ Атаману. Вслѣдствіе предательства отдѣла иностранныхъ дѣлъ, гдѣ письмо это переводилось и печаталось, копія этого письма попала въ руки враждебной Атаману партіи. Она была размножена съ соотвѣтствующими комментаріями и послана во всѣ станицы для того, чтобы повліять на окружные круги, гдѣ обсуждались кандидаты въ Атаманы. Наконецъ, оно было напечатано въ Екатеринодарскихъ газетахъ.

Донского Атамана обвиняли въ измѣнѣ Россіи, въ предательствѣ Дона нѣмцамъ, въ страшной «германской ориентаціи». Агитаторы изъ Екатеринодара поѣхали по станицамъ и прямо говорили, что Атаманъ продалъ Донъ нѣмцамъ.

Но агитація эта не имѣла успѣха. Простымъ умомъ своимъ донской казакъ понялъ одно, что Атаманъ стремится всѣми силами дать миръ и благосостояніе Донскому войску и считается съ силами его, тѣ же, кто говоритъ противъ Атамана, стараются вовлечь его въ безконечныя войны и заставить служить для союзниковъ. — «Что говоритъ пустое о вѣрности союзникамъ», — говорили казаки. — «Кто измѣнилъ — Россія союзникамъ, или союзники Россіи? Кабы союзники то были вѣрны Россіи, развѣ-жъ они допустили бы такую бѣду! Или они и сами измѣнники, или они такъ слабы, что намъ съ ними нечего дѣлать. То-то добровольческая армія вѣрна союзникамъ, а какъ что — патроны, или снаряды — отъ насъ беретъ. Небось союзники то ей ничего не дали!» — и слова агитаціи разбивались о то, что казаки видѣли своими глазами.

А видѣли они свободныя отъ красной арміи станицы, гдѣ собирали рѣдкій по размѣрамъ урожай, видѣли они сахаръ съ нѣмецкими бандеролями, видѣли тяжелыя нѣмецкія пушки, запряженныя восьмерками донскихъ лошадей, видѣли они свою молодую, прекрасно одѣтую, выправленную и обученную армію, видѣли постепенный привозъ товаровъ. Они видѣли свое донское мыло, донское стекло, донское сукно. Слышали они о широкихъ планахъ Атамана, знали они, что крупные Московскіе капиталисты хотятъ на Дону устроить фабрики для Донскихъ казаковъ, и знали одно про Атамана, что Атаманъ крѣпко любитъ Донъ и душу свою готовъ отдать за него. Это они твердо знали про Атамана.

Кругъ собрался 15-го августа. Это уже не былъ сплошной, однородный сѣрый Кругъ, какимъ былъ Кругъ спасенія Дона. Интеллигенція и то, что еще хуже. полуинтеллигенція, народные учителя, мелкіе адвокаты, вошли въ него, сумѣли овладѣть умами казаковъ, и Кругъ разбился уже не только географически по округамъ и по станицамъ, но и по политическимъ партіямъ. Предсѣдателемъ Круга былъ не пылкій патріотъ Яновъ, вся вѣра котораго заключалась въ горячей любви къ Донскому войску и казаку, но лидеръ кадетской партіи В. А. Харламовъ, бывшій членомъ Россійской Государственной Думы, опытный парламентарій, искушенный въ политической борьбѣ. Партіи, настроенныя противъ Атамана, повели свою подпольную работу. Несмотря на то, что въ первомъ же засѣданіи, 16-го августа, Атаманъ прослулъ о сложеніи своихъ полномочій и перевыборахъ Атамана, какъ то рѣшено было еще Кругомъ Спасенія Дона, Кругъ тянулъ съ выборами. Партія, враждебная Атаману, видѣла восторженное отношеніе къ Атаману, слышала громовые крики ура! при встрѣчѣ его и апплодисменты послѣ его рѣчей, и она приложила всѣ усилія, чтобы измѣнить настроеніе Круга.

Управляющій Отдѣломъ Иностранныхъ Дѣлъ генералъ-маіоръ Богаевскій, выставляемый Добровольческой Арміей, какъ кандидатъ въ Атаманы, сдавая передъ Кругомъ отчетъ о работѣ отдѣла, упомянулъ и о письмѣ Императору Вильгельму, написанномъ единолично Атаманомъ. Письму была придана особая таинственность. Это было сдѣлано съ цѣлью повліять на умы сѣрой части Круга и пошатнуть ея довѣріе къ Атаману.

Послѣ рѣчи А. П. Богаевскаго всталъ Атаманъ и громко, и четко прочелъ Кругу свое письмо Императору Вильгельму и заявилъ, что всю отвѣтственность за него онъ беретъ на себя.

Въ засѣданіи 24-го августа Кругъ постановилъ:

— «Одобрить общее въ отношеніи центральныхъ державъ направленіе политики Правительства, основанной на принципѣ взаимнаго и равноправнаго удовлетворенія обѣихъ сторонъ въ практическихъ вопросахъ, выдвигаемыхъ жизнью, безъ вовлеченія Дона въ борьбу ни за, ни противъ Германіи.

«Привѣтствовать наладившіяся добрососѣдскія отношенія съ родственной Украиной и указать Правительству на необходимость дальнѣйшаго сближенія въ общихъ интересахъ Дона и Украины». *

Народная мудрость и національный эгоизмъ одержали верхъ надъ хитрыми выпадками политическихъ партій. Побѣда осталась за Атаманомъ. Одновременно политическіе враги шли по другому пути, болѣе опасному для Атамана. Благодаря большевистской и соціалистической пропагандѣ слово Царь было все еще жупеломъ для многихъ людей и изъ сѣрой части Круга. Съ именемъ Царя неразрывно связывали представленіе о суровомъ взиманіи податей, о продажѣ за долги государству послѣдней коровенки, о засиліи «помѣщиковъ и капиталистовъ», о бѣлопогонникахъ офицерахъ и объ «офицерской палкѣ». Царь и монархія противопоставлялись понятію свобода. Между тѣмъ Атаманъ служилъ торжественную панихиду по звѣрски убитомъ большевиками Царѣ и отдалъ объ этомъ приказъ, оффиціозная газета «Донской Край» редактировалась опытнымъ и талантливымъ писателемъ И. А. Родіоновымъ, считавшимся ярымъ монархистомъ, и въ ней помѣщались статьи, говорившія благожелательно о возстановленіи монархіи въ Россіи. Для членовъ Круга, желавшихъ свалить Атамана, была благодарная почва, и 18-го августа было весьма бурное засѣданіе, гдѣ лѣвыя партіи требовали немедленной смѣны редактора Родіонова. Имъ удалось такъ разжечь настроеніе на Кругу, что Атаманъ не счелъ возможнымъ оставаться на своемъ посту. 20-го августа Атаманъ попросилъ слова и сказалъ слѣдующую рѣчь:

«Господа, съ чувствомъ грусти и сердечной боли вхожу я на эту трибуну. Съ нея третьяго дня были брошены громкія, заѣзженныя слова — къ прошлому возврата нѣтъ! и весь кругъ дружно апплодировалъ этимъ словамъ.

«Господа, о какомъ прошломъ здѣсь говорилось? потому что у насъ, у казаковъ было три прошлыхъ.

«Одно давнее, славное прошлое, когда были казаки вольными людьми, имѣли свое выборное правительство и своего выборнаго Атамана. Они жили тогда у себя на Дону сами по себѣ и въ чужія дѣла не мѣшались. «Здравствуй Царь въ Кременной Москвѣ, а мы казаки на Тихомъ Дону», — гордо говорили они посланникамъ Царя Московскаго и сами слали свои Зимовыя станицы, то-есть посольства, въ Царскую Москву. Царь не воленъ былъ тогда распоряжаться казачьими головами, но только Кругъ Войсковой и Донской Атаманъ. И было войско Донское тогда Всевеликимъ войскомъ Донскимъ.

«Знаемъ мы и другое прошлое. Тоже славное, но и тяжелое, подневольное. Сидѣли у насъ на Дону наказные Атаманы изъ Россіи, служили мы на задворкахъ Россійской конницы, спасали Россію и отъ француза, и отъ турка, держали порядокъ въ Россіи, и Русскій народъ звалъ насъ въ благодарность за это палачами, опричниками и нагаечниками.

---

* Г. Щепкинъ. «Донской Атаманъ ген.-отъ кав. П. Н. Красновъ», Новочеркасскъ 1919 г., стр. 74.

«Знаемъ мы и недавнее страшное прошлое, алою братскою кровью залитое и краснымъ знаменемъ прикрытое, когда правили вами и помыкали, и измывались надъ вами комиссары и совѣты.

«Я васъ велъ къ тому отдаленному прошлому, когда войско Донское было Всевеликимъ войскомъ Донскимъ. Я до мелочей воскрешалъ въ вашей памяти старый укладъ вольнаго Тихаго Дона и будилъ гордость казачью.

«Тѣ же, кто восклицалъ третьяго дня: «къ прошлому возврата нѣтъ», ведутъ васъ къ страшному кровавому прошлому совѣтовъ».

Далѣе Атаманъ говорилъ о разложеніи въ Арміи, вызванномъ отчасти пропагандой, идущей изнутри войска, о томъ, что Царицынскій фронтъ уже пошатнулся. Онъ говорилъ объ усталости въ войскахъ, о томъ, что только твердая власть можетъ удержать на мѣстахъ слабовольныхъ и легковѣрныхъ, о невозможности шатать эту власть. Атаманъ горячо заступился за Родіонова, какъ за писателя, имѣющаго громкую славу. Атаманъ горько упрекалъ Кругъ за то, что на Кругу говорили о томъ, что Атаманъ отдалъ помимо Круга приказъ о мобилизаціи еще трехъ возрастовъ. Народъ прислушивается къ тому, что дѣлается на Кругу, и такими рѣчами шатается войско, ибо не вѣритъ власти.

— «Когда», — закончилъ свою рѣчь Атаманъ, принимая изъ рукъ войскового есаула принесенный ему тяжелый золотой атаманскій перначъ и, стоя передъ Кругомъ, уже съ перначемъ въ рукахъ, — «управляющій видитъ, что хозяинъ недоволенъ его работой, да мало того, что недоволенъ, но когда хозяинъ разрушаетъ сдѣланное управляющимъ и съ корнемъ вырываетъ молодыя посадки, которыя онъ съ такимъ трудомъ сдѣлалъ — онъ уходитъ! Это его долгъ! Ухожу и я, но считаю своимъ долгомъ, предупредить васъ, что Атаманскій перначъ очень тяжелъ, и не совѣтую вамъ вручать его въ слабыя руки!»

Съ этими словами Атаманъ съ такой силой бросилъ перначъ на столъ, что онъ раскололъ верхнюю доску, и ушелъ изъ зала засѣданій.

На Кругу царило гробовое молчаніе. И сейчасъ же заволновалось большинство. Сѣрая часть Круга, станичники и фронтовые казаки почувствовали себя, какъ стадо безъ пастыря, и на Кругу раздались крики: — «Вернуть, вернуть Атамана!»

Депутація отъ Круга во главѣ съ предсѣдателемъ его поѣхала во Дворецъ и уговорила Атамана вернуться и оставаться на посту впредь до выборовъ. Атаманъ согласился, но просилъ ускорить выборы. Этотъ случай еще разъ показалъ противникамъ Атамана его силу и его популярность, и они рѣшили вопреки его просьбамъ оттянуть выборы.

Германское командованіе съ глубокимъ интересомъ слѣдило за всѣмъ происходящимъ на Кругу. Нѣмцы волновались оттяжкой выборовъ, они видѣли разлагающее дѣйствіе Круга на Армію и, несмотря на всю свою сдержанность, рѣшили предупредить Атамана, что если Донъ станетъ опять ареной политической игры, то они откажутся ему помогать.

4-го сентября маіоръ Кокенхаузенъ писалъ изъ Ростова:

«An den Ataman des Allgroßen Donschen Heeres, Herrn General der Kavallerie Krasnow».

... «Имѣю честь доложить Вашему Высокопревосходительству, что за послѣднее время высшему командованію въ Кіевѣ сталъ извѣстенъ цѣлый рядъ событій на Дону, произведшихъ тамъ очень нехорошее впечатлѣніе.

Прежде всего удивляются, что выборы Атамана, назначенные на 23-е августа, не состоялись и отложены на неопредѣленный срокъ. Въ то время, какъ на фронтѣ въ тяжелой борьбѣ съ большевиками дерутся доблестныя и храбрыя войска Вашего Высокопревосходительства, вы и ваши министры отвлекаются отъ работы скучными и длинными засѣданіями на Кругу. Высшее командованіе боится, что ваше твердое и самостоятельное управленіе страной тормозится Кругомъ, его продолжительными спорами изъ-за внутреннихъ конституціонныхъ вопросовъ, тѣмъ болѣе, что враждебно настроенная Вашему Высокопревосходительству партія стремится урѣзать полноту власти, вамъ данной.

«Нѣмецкое высшее командованіе не хочетъ вмѣшиваться во внутреннюю политику Дона, но не можетъ умалчивать, что ослабленіе власти Атамана вызоветъ менѣе дружеское отношеніе къ Дону германцевъ.

«Высшее германское командованіе проситъ васъ, потребовать немедленнаго выбора Атамана, которымъ несомнѣнно будете избраны вы, Ваше Высокопревосходительство (судя по всему тому, что намъ извѣстно), чтобы скорѣе приняться за работу и твердо вести Всевеликое войско Донское къ устроенію его.

«Далѣе получено извѣстіе, что генералъ-лейтенантъ Богаевскій въ одномъ изъ засѣданій Круга, которомъ Ваше Высокопревосходительство не присутствовали, осуждалъ Вашу дѣятельность и все большое строительство на Дону въ этотъ короткій срокъ приписывалъ исключительно себѣ. Въ другомъ засѣданіи онъ пытался ослабить рѣчь генерала Черячукина, который безпристрастно ошсалъ положеніе дѣлъ на западномъ фронтѣ. Генералъ Богаевскій выражалъ сомнѣніе въ окончательной побѣдѣ германцевъ и указывалъ на близкое осуществленіе союзническаго восточнаго фронта. На выводъ нашихъ войскъ изъ Таганрога онъ указалъ, какъ на послѣдствіе нашихъ неудачъ на западномъ фронтѣ, между тѣмъ, какъ съ нашей стороны это было только доказательствомъ нашихъ дружескихъ и добрососѣдскихъ отношеній.

«Откровенно говоря, мнѣ очень непріятно обращать вниманіе Вашего Высокопревосходительства на отзывы Вашего предсѣдателя министровъ, тѣмъ болѣе, что генералъ-лейтенантъ Богаевскій не разъ увѣрялъ меня въ своемъ дружескомъ расположеніи къ нѣмцамъ.

«Я считаю себя все-таки обязаннымъ поставить Васъ въ извѣстность и предупредить, что если мнѣніе г. предсѣдателя министровъ дѣйствительно таково, то высшее командованіе германцевъ приметъ согласно съ этимъ свои мѣры. Я еще пока не доносилъ объ этомъ высшему командованію въ Кіевѣ, но буду принужденъ сдѣлать это, если въ будущемъ дойдутъ до меня слухи о враждебномъ отношеніи къ нѣмцамъ г. предсѣдателя . . .

. . . «Я не могу скрыть отъ Васъ, что всѣ эти извѣстія не могутъ произвести хорошаго впечатлѣнія въ Кіевѣ, тѣмъ болѣе, что высшее командованіе, очистивъ Таганрогъ, допустивъ туда донскую стражу, снабжая Донъ оружіемъ и политически воздѣйствуя на совѣтскую власть на сѣверномъ фронтѣ, явно выказало высшую предупредительность.

«Отсрочка выборовъ Атамана даетъ возможность агитировать враждебнымъ нѣмцамъ элементамъ, и я боюсь, что высшее командованіе сдѣлаетъ свои выводы и прекратитъ снабженіе оружіемъ. Примите увѣренія въ моемъ совершенномъ уваженіи. Вашего Высокопревосходительства покорный слуга фонъ Кокенхаузенъ, маіоръ генеральнаго штаба» . . .

Изъ этого письма видно, что къ этому времени на Дону намѣтились два кандидата въ Атаманы — генералъ Красновъ — «германской оріентаціи»,

сторонникъ свободнаго Дона, и генералъ Богаевскій — «союзнической оріентаціи», сторонникъ подчиненія генералу Деникину.

12-го сентября, наконецъ, Кругъ приступилъ къ выборамъ Атамана.

Въ 1-мъ часу ночи 13-го сентября закончился подсчетъ записокъ, поданныхъ для выборовъ Атамана. Изъ 338 записокъ 234 было подано за генерала Краснова, 70 за генерала Богаевскаго, 33 записки пустыхъ и одна за войскового старшину Янова...

Атаманъ Красновъ остался на своемъ посту.

Глава VI

«Оріентація» Атамана. — Его взглядъ на союзниковъ по рѣчамъ и дѣйствіямъ. — Отношеніе къ нѣмцамъ. — «Самостійность» Атамана. — Подготовка къ движенію для освобожденія Москвы.

Былъ ли дѣйствительно Атаманъ «германской оріентаціи» и самостійникомъ? Этотъ вопросъ тогда занималъ многихъ, на этомъ строилось тогда обвиненіе Атамана Добровольческою арміею, изъ-за этого войску Донскому не была оказана своевременная помощь ни союзниками, ни Добровольческой арміей, изъ-за этого Атаману пришлось уйти со своего поста, не докончивъ начатаго дѣла. Если обвиненіе въ союзнической оріентаціи для Русскаго человѣка и истиннаго патріота далеко не лестно, то тѣмъ болѣе обвиненіе въ приверженности ко вчерашнимъ нашимъ врагамъ, ненависть къ которымъ искусственно воспитывалась въ теченіе всей войны, является тяжкимъ обвиненіемъ. Это обвиненіе было пущено врагами Атамана, собравшимися въ Екатеринодарѣ, — Сидоринымъ и Гущинымъ, которыхъ Атаманъ отозвалъ изъ Кіева и къ которымъ высказалъ полное недовѣріе въ виду ихъ прошлой некрасивой дѣятельности, (Сидорина въ дни похода Корнилова на Петроградъ и Гущина въ первые дни революціи), Семилѣтовымъ, уволеннымъ отъ командованія партизанами, Родзянко, высланнымъ изъ Новочеркасска за вредную политическую дѣятельность, С. П. Черевковымъ и другими. Оставшись безъ дѣла при шумномъ и многолюдномъ штабѣ Деникина, они вымещали свою злобу на Атамана въ клеветѣ на него. — Calomniez, calomniez — il en reste toujours quelque chose, и эти обвиненія остались за Атаманомъ.

Если обратиться къ рѣчамъ и поступкамъ Атамана, то трудно найти въ нихъ какую либо особую симпатію къ нѣмцамъ и тѣмъ болѣе самостійность.

Въ большой программной рѣчи, сказанной при открытіи Круга, 16-го августа 1918 года, Атаманъ нѣсколько разъ останавливался на томъ, каковы должны быть отношенія къ нѣмцамъ и союзникамъ.

...«Россія побѣждена?» — говорилъ Атаманъ, — «Россія завоевана непріятелемъ? Нѣтъ... Непріятельскія войска вошли на Украину, въ Польшу, въ Прибалтійскій край, дошли до береговъ Дона и были встрѣчены, какъ избавители. Несчастный Русскій народъ потерялъ голову и уже не знаетъ, кто у него другъ, и кто врагъ»...

«То, чего ожидали со страхомъ и трепетомъ народы Европы съ конца прошлаго вѣка — великая міровая война разразилась лѣтомъ 1914 года. Это война между Англіей и Германіей. Война не на жизнь, а на смерть, война капиталистовъ за рынки, война рабочихъ за право жить и работать. Франція

и Россія, Австро-Венгрія и Турція, Румынія и Италія, Болгарія и Японія — это только пособники.

«Они работали каждый на своей сторонѣ — одни за Англію, другіе за Германію. Но своей задачи, своей роли они не имѣли.

«Англія не была готова для войны, и раньше 1916 года она не могла выступить. Америка колебалась — и вотъ два года занять и истощить Германію, парализовать Австро-Венгрію было поручено Франціи и Россіи.

«Россія честно выполнила свою задачу. И когда нѣмцы вторглись во Францію и самому Парижу угрожала опасность захвата, началось наступленіе Русскихъ войскъ въ Пруссію во имя спасенія Франціи. Съ беззавѣтнымъ мужествомъ дрались Русскіе солдаты и казаки, и нашъ бывшій войсковой наказный атаманъ Самсоновъ погибъ, окруженный врагами въ Пруссіи. Но мы спасли Францію.

«Въ 1915 году нѣмцы начали свои жестокія атаки на Верденъ, и снова Парижу грозила опасность. И опять, устилая долины Карпатскихъ горъ трупами солдатъ и казаковъ, истекая кровью, безъ снарядовъ и патроновъ, бросились Русскія арміи выручать положеніе. Верденъ не былъ взятъ; Франція спасена отъ разгрома, но намъ пришлось откатиться назадъ и уступить Варшаву. Но мы благородно спасли союзниковъ.

«Въ 1917 году Англія была готова къ рѣшительному бою, Россія была снабжена орудіями и военными припасами, готовилось грозное рѣшительное наступленіе, которое должно было привести насъ къ побѣдѣ. Уже смѣло говорили и въ обществѣ, и въ печати не только о возвратѣ всего потерянаго, но и о занятіи Галиціи и Константинополя.

«И Германія поняла, что она погибла.

«При преступномъ содѣйствіи нѣкоторой части нашей интеллигенціи, при предательствѣ и измѣнѣ многихъ сановниковъ и генераловъ, рушится великое зданіе Россійской Имперіи и подъ радостный визгъ черни совершается «великая безкровная революція». А затѣмъ пріѣзжаетъ изъ Германіи въ запломбированномъ вагонѣ Ленинъ и начинаетъ вмѣстѣ съ великимъ провокаторомъ и предателемъ Керенскимъ сознательно разрушать Россію».

Атаманъ зналъ про слухи, что Англія, испугавшись могущества Русской Арміи, готовой грознымъ прыжкомъ овладѣть Берлиномъ и Вѣной, испугавшись, что тогда придется ей исполнить свое обѣщаніе и отдать Россіи Константинополь и проливы и утвердить ея вліяніе въ Персіи, что не входило въ планы Англіи — побудила измѣнниковъ генераловъ и сановниковъ потребовать отреченія Императора Николая II и вдохнула въ умы несчастной Русской интеллигенціи подлую мысль — «безъ аннексій и контрибуцій». Атаманъ зналъ, какую роль приписывали во всемъ этомъ кровавомъ дѣлѣ англійскому послу Бьюкенэну и англійскому золоту, но онъ промолчалъ объ этомъ, всю вину взваливши на Германію съ ея Ленинымъ, который ничего не могъ бы сдѣлать, если бы не имѣлъ своихъ предтечей. Онъ зналъ про это и молчалъ, потому что еще вѣрилъ въ благородство союзниковъ.

...«Но шли и шли въ Донскую землю», — говорилъ дальше Атаманъ, — «нѣмецкіе полки и вмѣстѣ съ конницею Туровѣрова въ Ростовъ вошелъ германскій отрядъ фонъ Арнима, и у храма святой Аксайской Божіей Матери стали баварскіе кавалеристы. Въ 11-ти верстахъ отъ Новочеркасска растянулась линія германскихъ аванпостовъ и пулеметы германскіе были направлены на Новочеркасскъ»...

...«Нѣмцы наши враги, мы дрались съ ними три съ половиною года — это не забывается. Они пришли за нашимъ хлѣбомъ и мясомъ, и мы имъ совсѣмъ не нужны. Они намъ не союзники. У насъ должны бы быть союзники настоящіе. — Но гдѣ эти союзники? — съ горечью воскликнулъ Атаманъ. Вотъ въ январѣ мѣсяцѣ, когда живъ былъ еще Алексѣй Максимовичъ Калединъ, по всему Новочеркасску распубликованы были оффиціальныя извѣстія о томъ, что въ Новороссійскѣ высадился англо-французскій корпусъ и идетъ на помощь Дону... Но умеръ Калединъ, разстрѣляли Назарова, прошло полъгода, а никакихъ англо-французовъ не пришло спасти сжигаемый большевиками Донъ.

«Съ конца мая мѣсяца мы слышимъ о чехо-словакахъ. То они занимаютъ Саратовъ, то подходятъ къ самому Царицыну, то дерутся подъ Екатеринбургомъ и Иркутскомъ. Послѣднее время все настойчивѣе и настойчивѣе говорятъ о движеніи японцевъ и китайцевъ и о созданіи восточнаго фронта на Волгѣ.

«Какой ужасъ и позоръ! Сдѣлать Россію ареной міровой борьбы, подвергнуть ее участи Бельгіи и Сербіи, обезкровить ее, сжечь ея города и села, истоптать ея нивы и ее, голодную, поруганную и оплеванную, ее — поверженную въ прахъ собственнымъ безсиліемъ, добить до конца!

«Россія больна. Она лежитъ въ горячечномъ бреду, а что же дѣлаютъ иностранцы? Германцы заняли Украину и вывозятъ хлѣбъ и масло, отнимая у насъ послѣдній кусокъ. Ну эти-то враги, мы не можемъ разсчитывать на снисхожденіе отъ тѣхъ, кого мы ненавидѣли... Англичане хозяйничаютъ на сѣверѣ и тянутъ подъ шумокъ оттуда лѣсъ, а Россія, бѣдная Россія, она какъ тотъ деревянный турка съ кожаной головой должна сносить удары и враговъ, и союзниковъ...

«Такъ неужели цѣпляться за иностранную помощь, неужели Дону и великой Россіи скулить такъ, чтобы намъ помогли извнѣ?

«Послушайте, какъ въ пѣснѣ казачьей поется:

Ты воспой, сирота, пѣсню новую!
— Хорошо пѣсню играть пообѣдавши,
А я, сирота, еще не ужиналъ...
Поутру сироту въ допросъ повели.
— Ты скажи, сирота, гдѣ ночевалъ?
Ты скажи, съ нѣмъ разбой держалъ?
— У меня молодца было три товарища:
Первый товарищъ мой конь вороной,
А другой товарищъ — я самъ молодой,
А третій товарищъ — сабля вострая въ рукахъ! ..»

Въ этихъ словахъ Атамана все его c r e d o. Россію должна спасать сама Россія, — это онъ понималъ твердо. Онъ гналъ всякую мысль о помощи извнѣ, и родной Донъ онъ стремился спасти силами Донскихъ казаковъ. Но онъ отлично понималъ, что спасти Донъ — это одна задача, спасти Россію — задача другая. Ко всѣмъ иностранцамъ, — будутъ это союзники или нѣмцы, — Атаманъ относился отрицательно. Онъ твердо вѣрилъ, что прошли тѣ времена, когда проливали кровь и воевали «pour les beaux yeux de la reine de Prusse», онъ зналъ, что и нѣмцы, и французы, и англичане ѣдутъ въ Россію не для Россіи, а для себя, чтобы урвать съ нея, что можно, и отлично понималъ, что Германіи и Франціи по взаимно противоположнымъ причинамъ нужна Россія

сильная и могущественная. «единая и недѣлимая», а Англіи, напротивъ, слабая, раздробленная на части, быть можетъ, федеративная, пожалуй даже — большевистская. И потому Германіи и Франціи Атаманъ вѣрилъ, Англіи же не вѣрилъ нисколько. Всѣ стремленія Атамана были направлены къ тому, чтобы независимо отъ иностранцевъ поставить Донъ на ноги, дать ему все, что нужно для борьбы.

Едва только онъ получилъ Таганрогъ, какъ сейчасъ же забралъ Русско-Балтійскій заводъ, приспособилъ его для выдѣлки ружейныхъ и артиллерійскихъ трехъ-дюймовыхъ патроновъ и достигъ къ ноябрю 1918 года выдѣлки 300.000 ружейныхъ патроновъ въ сутки, онъ велъ переговоры объ устройствѣ своего порохового завода и снаряжательной мастерской. Атаманъ поставилъ на работу всѣ ремесленныя школы и гордился тѣмъ, что вся Донская армія одѣта съ ногъ до головы въ «свое», что она сидитъ на своихъ лошадяхъ и на своихъ сѣдлахъ. У императора Вильгельма онъ просилъ машинъ, фабрикъ, чтобы опять-таки какъ можно скорѣе освободиться отъ опеки иностранцевъ. Его о р і е н т а ц і я сквозила во всѣхъ его рѣчахъ и на Кругу, и особенно въ станицахъ и войсковыхъ частяхъ. Это была оріентація Р у с с к а я — такъ понятная простому народу и такъ непонятная Русской интеллигенціи, которая привыкла всегда кланяться какому-нибудь иностранному кумиру и никакъ не могла понять, что единый кумиръ, которому стоитъ кланяться — это Родина.

Добровольческая армія, какъ армія не народная, а интеллигентская, офицерская, не избѣжала этого и рядомъ со знаменемъ «единой и недѣлимой» воздвигла алтарь непоколебимой вѣрности союзникамъ во что бы то ни стало. Эта вѣрность союзникамъ погубила Императора Николая II, она же погубила и Деникина съ его Добровольческой арміей.

Атаманъ смотрѣлъ на нѣмцевъ, какъ на враговъ, пришедшихъ мириться съ протянутою для мира рукою, и считалъ, что у нихъ онъ можетъ п р о с и т ь, но когда пришли союзники, то на нихъ онъ смотрѣлъ, какъ на должниковъ передъ Россіей и Дономъ и считалъ, что они обязаны вернуть свой долгъ и съ нихъ нужно т р е б о в а т ь.

Дальше исторія сношеній войска Донского покажетъ ярко, какова была оріентація Атамана.

Въ дѣлѣ обвиненія въ самостійности вопросъ гораздо сложнѣе. Атаманъ вступилъ въ управленіе войскомъ вскорѣ послѣ Каледина, котораго погубило довѣріе къ крестьянамъ, знаменитый «паритетъ». Донъ раскололся въ это время на два лагеря — казаки и крестьяне. Крестьяне за малымъ исключеніемъ были большевиками. Тамъ, гдѣ были крестьянскія слободы, возстанія противъ казаковъ не утихали. Весь сѣверъ войска Донского, гдѣ крестьяне преобладали надъ казаками, Таганрогскій округъ, слободы Орловка и Мартыновка 1-го Донского Округа, города Ростовъ и Таганрогъ, слобода Батайскъ были залиты казачьей кровью въ борьбѣ съ крестьянами и рабочими. Попытки ставить крестьянъ въ ряды Донскихъ полковъ кончались катастрофой. Крестьяне измѣняли казакамъ, уходили къ большевикамъ и наспьно, на муки и смерть, уводили съ собою Донскихъ офицеровъ. Война съ большевиками на Дону имѣла уже характеръ не политической, или классовой борьбы, не гражданской войны, а войны народной, національной. Казаки отстаивали свои казачьи права отъ Р у с с к и х ъ. Атаманъ, являясь ставленникомъ казаковъ, не могъ съ этимъ не считаться. Онъ не могъ допустить и мысли о какомъ либо п а р и т е т ѣ, потому что это погубило бы Донъ, погубило бы все дѣло.

— «Казачій Кругъ!» — говоритъ онъ Кругу 16-го августа. — «И пусть казачьимъ онъ и останется.

«Руки прочь отъ нашего казачьяго дѣла — тѣ, кто проливалъ нашу казачью кровь, тѣ, кто злобно шипѣлъ и бранилъ казаковъ. Донъ для донцовъ!

«Мы завоевали эту землю и утучнили ее кровью своею, и мы, только мы одни, хозяева этой земли.

«Васъ будутъ смущать обиженные города и крестьяне. Не вѣрьте имъ. Помните, куда завелъ атамана Каледина знаменитый паритетъ. Не вѣрьте волкамъ въ овечьей шкурѣ. Они зарятся на ваши земли и жадными руками тянутся къ нимъ. Пусть свободно и вольно живутъ на Дону гостями, но хозяева только мы, только мы одни... Казаки!»

Вотъ, гдѣ самостійность Атамана. Въ страшномъ домашнемъ спорѣ о землѣ и правахъ на нее! Атаманъ понималъ, что этого вопроса трогать нельзя, но какъ только вопросъ коснулся общей политики, Атаманъ счелъ, что Донъ не только нераздѣлимая часть Россіи, но что онъ обязанъ бороться и возстановлять «единую и недѣлимую»...

— «Помните», — заканчиваетъ Атаманъ свою первую большую рѣчь передъ Кругомъ, рѣчь, программу всей работы, — «не спасутъ Россію ни нѣмцы, ни англичане, ни японцы, ни американцы — они только разорятъ ее и зальютъ кровью. Помните нашу старую пѣсню:

У меня молодца было три товарища:
Первый товарищъ — мой конь вороной.
А другой товарищъ — я самъ молодой,
А третій товарищъ — сабля вострая въ рукахъ.

«Спасетъ Россію сама Россія. Спасутъ Россію ея казаки! Добровольческая армія и вольные отряды Донскихъ, Кубанскихъ, Терскихъ, Оренбургскихъ, Сибирскихъ, Уральскихъ и Астраханскихъ казаковъ спасутъ Россію.

«И тогда снова, какъ встарь, широко развернется надъ дворцомъ нашего Атамана бѣло-сине-красный русскій флагъ — единой и недѣлимой Россіи.

«И тогда конченъ будетъ страшный крестный путь казачества и добровольческой арміи, путь къ свободѣ Россіи и православнаго Тихаго Дона!»

Гдѣ же тутъ самостійность?!

Въ концѣ сессіи Круга при пересмотрѣ Донской конституціи при разсмотрѣніи статей о гимнѣ, гербѣ и флагѣ, Атаманъ возбудилъ самъ вопросъ о томъ, что не пора ли вернуться къ общерусскому флагу. Его рѣчь была сильна, но всталъ какой-то казакъ съ фронта, окуренный порохомъ, съ ухватками оратора солдатскаго митинга и воскликнулъ:

— Господа, когда мы тамъ, на фронтѣ, идемъ съ нашимъ флагомъ — непріятель бѣжитъ. Мы полюбили этотъ побѣдный флагъ. Надо-ть оставить его. Въ немъ побѣда!..

Громъ аплодисментовъ былъ отвѣтомъ на эту короткую рѣчь и «самостійный» флагъ остался развѣваться надъ атаманскимъ дворцомъ къ великому негодованію Деникина.

Атаманъ рѣшилъ идти съ казаками спасать Россію не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Онъ готовилъ и берегъ для этого особый корпусъ молодыхъ казаковъ. 1-ая Донская казачья дивизія, — 5000 шашекъ и 12 конныхъ орудій, 1-ая пластунская бригада, — 8 тысячъ штыковъ, 8 полевыхъ орудій, 4 тяжелыхъ орудія, 1-ая стрѣлковая бригада, — 8 тысячъ штыковъ, 8 полевыхъ

орудій и 4 мортиры, 1-й саперный батальонъ, — 1000 штыковъ, всѣ техническія войска — броневые поѣзда, аэропланы, броневыя машины и пр. должны были идти съ Деникинымъ на Москву. Ихъ особо снаряжали, особо воспитывали, и прививали имъ идею похода для спасенія Россіи. Но Деникинъ требовалъ, чтобы пошло все войско, чтобы оно дошло до полнаго напряженія и выставило 200—300 тысячъ борцовъ — Атаманъ же давалъ всего около 30.000 — въ этомъ была его самостійность. Но Атаманъ зналъ, что всѣ казаки на Москву ни за что не пойдутъ, а эти тридцать тысячъ, а за ними столько же охотниковъ навѣрное пойдутъ. Атаманъ чувствовалъ, что у него нѣтъ силы заставить пойти, и потому дѣлалъ все возможное, чтобы пошли сами. Деникинъ рѣшилъ заставить пойти. . .

21-го сентября Кругъ, наконецъ, разъѣхался. Врагамъ Атамана не удалось ни славить его, ни уменьшить, или обрѣзать его права. Напротивъ, въ засѣданіи 15 сентября Кругъ составилъ указъ, въ которомъ было сказано:

— «Пусть казакъ и гражданинъ Всевеликаго войска Донского памятуетъ о своемъ долгѣ передъ роднымъ краемъ. Пусть въ каждомъ изъ насъ Атаманъ найдетъ вѣрныхъ исполнителей. Одна мысль, одна воля да объединитъ насъ: помочь Атаману въ его тяжеломъ и отвѣтственномъ служеніи Дону»...

Эта мысль была у всего круга, кромѣ маленькой части политическихъ враговъ Атамана. Эти политическіе враги не разъѣхались. Они остались вмѣстѣ съ предсѣдателемъ Круга В. А. Харламовымъ въ Новочеркасскѣ въ законодательной комиссіи, завели тѣсныя сношенія съ Екатеринодаромъ и повели серьезную подпольную работу для замѣны Атамана Краснова «германской ориентаціи» — Атаманомъ Богаевскимъ — «союзнической ориентаціи». На случай прибытія союзниковъ готовилась полная перемѣна декораціи.

Глава VII

Первоначальная организація народной Донской Арміи. — Вооруженіе. — Снаряженіе. — Офицерскій составъ. — Дисциплина. — Тактика. — Отношеніе къ плѣннымъ. — Реорганизація арміи. — Сведеніе дружинъ и станичныхъ полковъ въ тактическія единицы. — Молодая Армія. — Донской флотъ. — Численность Арміи къ осени 1918 года. — Снабженіе ея.

Ко времени занятія казаками Новочеркасска и вступленія въ управленіе войскомъ Донскимъ Атамана, всѣ вооруженныя силы Донского войска состояли изъ шести пѣшихъ и двухъ конныхъ полковъ при 7-ми орудіяхъ и 11-ти пулеметахъ, составлявшихъ сѣверный отрядъ полковника Фицхелаурова, одного коннаго полка въ Ростовѣ и нѣсколькихъ небольшихъ отрядовъ, разбросанныхъ по всему войску, сила, численность и вооруженіе которыхъ ни Атаману, ни командующему войсками не были извѣстны. Донъ кипѣлъ возстаніями и поднялся весь отъ крайняго сѣвера до юга. Но свѣдѣнія о возставшихъ, о ихъ силѣ, о успѣхахъ ихъ борьбы первое время приходили лишь со случайными людьми, прорывавшимися сквозь большевиковъ и привозившими извѣстія въ Новочеркасскъ.

Полки имѣли дружинную, станичную организацію. Каждая станица выставляла свой полкъ изъ казаковъ охотниковъ, добровольцевъ. Сила полковъ была разная и колебалась отъ величины станицы и отъ того, каковъ былъ патріотическій подъемъ въ станицѣ. Обыкновенно послѣ прочтенія воззванія

и рѣчей служили молебенъ и послѣ молебна выходило на фронтъ очень много. Но по пути многіе отдумывали, другихъ отговаривали жены.

— Чего ты, старый, пошелъ, куды тебѣ, а пахать, да хлѣбъ убирать кто будетъ? вѣдь убьютъ! На кого меня, горемычную, покидаешь, да еще съ малыми дѣтями, — голосила казачка, провожая мужа, а тотъ только отмахивался.

Но многіе останавливались подъ предлогомъ «прикурить маленько», отставали и возвращались тихонько домой. Шли больше старики и юная зеленая молодежь, фронтовики серьезничали, ждали приказа и, если собирались, то «своимъ» полкомъ, и тогда были по большей части отлично одѣты и организованы. Отъ этого и сила полковъ была разная. Однѣ станицы выступали почти поголовно и дали полки въ 2000—3000 человѣкъ, въ другихъ, напротивъ, едва насчитывалось 300—500. Полки были пѣшіе, но при каждомъ полку была непремѣнно своя конная часть отъ 30 до 200—300 человѣкъ. Вооружены были пѣшіе винтовками, наполовину со штыками, наполовину безъ штыковъ, конные шашками, иногда пиками и винтовками. Каждый полкъ имѣлъ свои пулеметы, отъ 4 до 16-ти на тысячу человѣкъ. Если полку посчастливилось забрать у красной гвардіи пушки, то онъ оставлять ихъ у себя и считалъ своими. Въ каждой станицѣ были артиллеристы, они и приставлялись къ этимъ пушкамъ. Патроновъ было мало. Обыкновенно 15—25 патроновъ на винтовку. Имѣть пятьдесятъ патроновъ на ружье считалось роскошью. Снарядовъ еще меньше. Отъ 5 до 20 на орудіе. Орудія были запряжены своими рабочими, но достаточно хорошими лошадьми, по 4, иногда по 6 лошадей на орудіе. Конница сидѣла тоже на своихъ и часто очень хорошихъ лошадяхъ. Казаки Черкасскаго, 1-го Донского и отчасти 2-го Донского Округовъ разграбили зимовники частнаго донского коноводства и отремонтировали свои полки отличными задонскими лошадьми. Казаки стремились служить въ конницѣ, но недостатокъ въ сѣдлахъ удерживалъ ихъ отъ этого. Штатный обозъ былъ замѣненъ частными подводами. Пулеметы возили на легкихъ бричкахъ и дрендулетахъ, запряженныхъ парами и четверками по большей части отличныхъ лошадей. Часть обоза восточныхъ округовъ была запряжена степными одногорбыми верблюдами. Обозы были небольшіе. Районъ военныхъ дѣйствій былъ такъ близокъ къ станицамъ, что съ наступленіемъ темноты, когда бой затихалъ, на «позицію» являлись пѣшкомъ и на телѣгахъ жены, отцы, матери и дѣти бойцовъ и приносили хлѣбъ, молоко, мясо. Здѣсь иногда происходили душу раздирающія сцены, когда пришедшіе находили своего близкаго убитымъ или тяжело раненымъ. Легко раненые оставались въ строю, и были казаки, имѣвшіе по пяти, шести раненій.

Офицеры въ полкахъ были свои же станичники. Если ихъ не хватало, брали казаковъ офицеровъ изъ другихъ станицъ, брали офицеровъ и не казаковъ, но имъ первое время не довѣряли и къ нимъ присматривались. Если офицеръ оказывался молодецъ, его зачисляли къ себѣ въ станицу казакомъ и не отказывали въ земельномъ надѣлѣ.

Съ казаками бороться противъ большевиковъ пошли и многіе крестьяне, жившіе по близости отъ станицъ и въ самыхъ станицахъ. Этихъ казаки приговоромъ станичнаго общества зачисляли въ казачье сословіе. Такіе добровольцы дрались отлично и подавали примѣръ удали казакамъ.

Казаки въ бою дѣйствовали великолѣпно, съ громаднымъ мужествомъ и искусствомъ. Младшіе офицеры были хороши, но въ сотенныхъ и полковыхъ

командирахъ ощущался большой недостатокъ. Пережившіе за время революціи слишкомъ много оскорбленій и униженій старшіе начальники недовѣрчиво относились къ казачьему движенію и первое время прятались по станицамъ и въ Новочеркасскѣ, избѣгая идти на фронтъ.

Одѣты казаки были въ свое полувоенное платье, многіе по формѣ и по лѣтнему времени достаточно хорошо. Недоставало только сапогъ. До 30% вмѣсто сапогъ имѣло опорки, лапти, а многіе и вовсе были босикомъ. Почти всѣ носили погоны. Если у кого не было погонъ, то не потому, что онъ ихъ не признавалъ, а потому что у него ихъ не имѣлось и негдѣ было достать, но при первомъ же случаѣ онъ ихъ добывалъ и съ гордостью надѣвалъ на себя. Офицеры за рѣдкимъ исключеніемъ были въ погонахъ. Всѣ имѣли на фуражкахъ или папахахъ бѣлую полоску для отличія въ рукопашномъ бою отъ красной гвардіи.

Дисциплина была братская. Офицеры ѣли съ казаками изъ одного котла, жили въ одной хатѣ, — вѣдь они и были роднею этимъ казакамъ, часто у сына въ строю во взводѣ стоялъ отецъ, или дядя, — но приказанія ихъ исполнялись безпрекословно, за ними слѣдили и, если убѣждались въ ихъ храбрости, то поклонялись имъ и превозносили. Такіе люди, какъ Мамонтовъ, Гусельщиковъ, Романъ Лазаревъ — были въ полномъ смыслѣ вождями, атаманами стараго времени, при этомъ Мамонтовъ и Гусельщиковъ вліяли на казаковъ своимъ умомъ, волею и храбростью, Романъ Лазаревъ храбростью и удалымъ, безшабашнымъ характеромъ, разгульнымъ пьянствомъ и веселою гульбою съ казаками. Офицерамъ «своего» полка, то-есть знакомымъ, казаки отдавали воинскую честь.

Штабы были маленькіе. Штабъ «отряда», ведшаго совершенно самостоятельныя операціи, состоялъ изъ начальника штаба и одного, двухъ адъютантовъ. Для хозяйственныхъ цѣлей сами станицы отряжали къ отряду нѣсколькихъ «общественныхъ дѣятелей», представителей кооперації, или торговыхъ казаковъ, которые распредѣляли добычу, взятую у непріятеля, и заботились о правильномъ снабженіи всѣмъ необходимымъ отряда. Добыча, изъ чего бы она ни состояла, считалась собственностью отряда и сейчасъ же шла: — одежда и оружіе на пополненіе отряда, а остальное отправлялось въ станицу, къ себѣ, въ дома, или въ общую станичную казну. На случай полученія оружія отъ непріятеля, въ тылу всегда бывало достаточно мобилизованныхъ, но еще не вооруженныхъ казаковъ.

Бой былъ краткотеченъ. Если онъ начинался съ разсвѣтомъ, то обыкновенно къ полудню онъ уже завершался полною побѣдою. Окоповъ и укрѣпленій не строили. Самое большее, что окапывались лункою для защиты плечъ и головы, большею же частью лежали открыто. Шанцеваго инструмента было мало, да и окапываться мѣшала природная казачья лѣность. Тактика была проста. Обыкновенно на разсвѣтѣ начинали наступленіе очень жидкими цѣпями съ фронта, въ то же время какою либо замысловатою балкою двигалась обходная колонна главныхъ силъ съ конницею во флангъ и тылъ противнику. Если противникъ былъ въ десять разъ сильнѣе казаковъ — это считалось нормальнымъ для казачьяго наступленія. Какъ только появлялась обходная колонна, большевики начинали отступать, тогда на нихъ бросалась конница съ леденящимъ душу гикомъ, опрокидывала ихъ, уничтожала и брала въ плѣнъ. Иногда бой начинался притворнымъ отступленіемъ верстъ на двадцать казачьяго отряда, противникъ бросался преслѣдовать, и въ это время

обходныя колонны смыкались за нимъ, и онъ оказывался въ мѣшкѣ. Такою тактикою полковникъ Гусельщиковъ съ Гундоровскимъ и Мигулинскимъ полками, въ 2 — 3 тысячи человѣкъ, уничтожалъ и бралъ въ плѣнъ цѣлыя дивизіи красной гвардіи въ 10—15 тысячъ, съ громадными обозами и десятками орудій. Отличное знаніе мѣстности, природная военная смѣтливость казаковъ, ихъ неутомимость въ преслѣдованіи сильно помогали имъ въ этой тактикѣ, всегда основанной на маневрѣ.

Казаки требовали, чтобы офицеры шли впереди. Поэтому потери въ командномъ составѣ были очень велики. Начальникъ цѣлой группы генералъ Мамонтовъ былъ три раза раненъ и все въ цѣпяхъ.

Въ атакѣ казаки были безпощадны. Такъ же они были безпощадны и съ плѣнными. Когда казаки у хутора Пономарева захватили знаменитаго Подтелкова, сопровождаемаго 73 казаками, оставшимися при немъ, они устроили полевой судъ. Полевой судъ приговорилъ Подтелкова и двухъ его помощниковъ комиссаровъ къ повѣшенію, а 73 казаковъ конвоя къ разстрѣлу. Казнь сейчасъ же была приведена въ исполненіе въ присутствіи всѣхъ хуторянъ. Старуха казачка сосѣдняго хутора жалѣла очень, что она не поспѣла посмотрѣть, «какъ этихъ злодѣевъ вѣшать будутъ»... Плѣнныхъ отправляли на работы въ поля и каменноугольныя копи, плѣнные же чистили Новочеркасскъ и исправляли все то, что испортили и запакостили большевики. Лишь очень небольшое число плѣнныхъ ставили въ строй. Особенно суровы были казаки съ плѣнными казаками, которыхъ считали измѣнниками Дону. Тутъ отецъ спокойно приговаривалъ къ смерти сына и не хотѣлъ и проститься съ нимъ.

Еще болѣе жестоко обращались большевики съ плѣнными казаками. Они вымещали свою злобу на казаковъ за ихъ побѣды не только на плѣнныхъ, но и вообще на станичномъ населеніи. Во многихъ станицахъ, занятыхъ красной гвардіей, всѣ дѣвушки были изнасилованы красногвардейцами. Двѣ гимназистки покончили съ собою самоубійствомъ послѣ этого. Священниковъ и стариковъ, почетныхъ, уважаемыхъ станичниковъ пытали до смерти. На Царицынскомъ фронтѣ большевики привязали плѣнныхъ казаковъ къ крыльямъ вѣтреныхъ мельницъ и въ сильный вѣтеръ пустили мельницы въ ходъ: — казаковъ завертѣло на смерть. Тамъ же стариковъ закопали по шею въ землю, и они умерли голодною смертью. Тамъ же привязывали казаковъ къ доскамъ и бросали эти доски о землю, пока не отшибало внутренности и казакъ не умиралъ. Казаки находили своихъ родныхъ распятыми на крестахъ и заживо сожженными...

Ни одинъ плѣнный большевикъ не былъ казненъ безъ суда. Но казаки сами слѣдили за тѣмъ, чтобы судъ не давалъ пощады комиссарамъ, и судъ былъ неподкупенъ и строгъ.

Это была въ полномъ смыслѣ этого слова *народная война*.

Атаманъ и командующій арміей приложили всѣ усилія къ тому, чтобы внести полный порядокъ въ организацію арміи и боевыя дѣйствія, построить организацію на началахъ военной науки, добиться правильнаго управленія отрядами, *не нарушая въ то же время ея народнаго характера*.

12-го мая Войсковому Штабу было подчинено 14 самостоятельныхъ отрядовъ: — Полковника *Туровѣрова* въ Таганрогскомъ Округѣ, полковника *Алферова* въ Верхне-Донскомъ Округѣ, генерала *Мамонтова* во 2-мъ Донскомъ Округѣ, есаула *Веденѣева* въ Усть-Медвѣдицкомъ, Войскового

Старшины Старикова у Суворовской станицы, полковника Абрамовича въ 1-мъ Донскомъ Округѣ, войскового старшины Мартынова и полковника Топилина въ районѣ слободъ Орловки и Мартыновки 1-го Донского Округа, полковника Епихова и полковника Кирѣева въ Задонскомъ районѣ Черкасскаго и Сальскаго округовъ, генерала Быкадорова и полковника Голоконникова въ Ростовскомъ Округѣ, полковника Зубова въ Ростовѣ и генерала Фицхелаурова у Новочеркасска. Только съ нѣкоторыми ближайшими къ Новочеркасску отрядами была телеграфная или телефонная связь, объ остальныхъ извѣстія получались донесеніями съ конными людьми, прорывавшимися сквозь занятые большевиками районы. Телеграфа было всего 340 верстъ и 100 аппаратовъ, телефона 400 верстъ и 80 аппаратовъ, кромѣ того работало 9 автомобилей и 8 мотоциклетокъ. *

Къ 1-му іюня командующему арміей удалось связать мелкіе отряды въ болѣе крупныя соединенія и въ управленіи его находилось уже всего шесть группъ: — полковника Алферова — на сѣверѣ Дона, генерала Мамонтова подъ Царицынымъ, полковника Быкадорова подъ Батайскомъ, полковника Кирѣева подъ Великокняжеской, генерала Фицхелаурова въ Донецкомъ районѣ и генерала Семенова въ Ростовѣ. Всѣ эти группы были связны съ Новочеркасскомъ телеграфомъ (по большей части съ аппаратами Юза) и телефономъ. Кромѣ того работало три радіостанціи: въ Новочеркасскѣ, Каменской и Мечетинской. Все это имущество было отбито у большевиковъ.

Къ іюлю командующій арміей влилъ отрядъ полковника Кирѣева въ отрядъ полковника Быкадорова и сократилъ число отдѣльно дѣйствующихъ частей до пяти. Въ августѣ мѣсяцѣ необходимость отражать прорывъ въ сѣверо-восточной части Дона заставила создать шестой отрядъ полковника Топилина. Въ это время все войско было опутано сѣтью телеграфовъ и телефоновъ и не только съ каждымъ отрядомъ, но съ каждою дивизіею, полкомъ и отдѣльною сотнею можно было разговаривать изъ соотвѣтствующаго штаба и изъ Новочеркасска. Всего было 1750 верстъ телеграфнаго провода при 240 аппаратахъ, 1200 верстъ телефона при 300 аппаратахъ, 25 автомобилей, 15 мотоциклетокъ и 6 радіостанцій.

Командующій арміей приступилъ къ постепенной реорганизаціи отрядной системы въ общеармейскую. Къ этому времени 25 возрастовъ казаковъ было мобилизовано, а всего подъ ружьемъ находилось 27.000 пѣхоты, 30.000 конницы, 175 орудій, 610 пулеметовъ, 20 самолетовъ и 4 бронированныхъ поѣзда, не считая молодой, постоянной арміи. Въ августѣ мѣсяцѣ по приказу Атамана Командующій Арміей постепенно заканчивалъ реорганизацію мобилизованныхъ частей. Станичные полки сводились по нѣсколько въ одинъ, образуя номерные пѣшіе полки двухъ- и трехъ-батальоннаго состава по 1000 штыковъ въ батальонѣ при 8 пулеметахъ на батальонъ, конные полки были сведены въ шестисотенные полки, по 16-ти рядовъ во взводѣ при 8 пулеметахъ на полкъ, орудія были выдѣлены изъ состава полковъ, сведены въ 4-хъ-орудійныя пѣшія и конныя батареи. Пѣшіе полки были сведены въ бригады и дивизіи, конные полки тоже составили бригады и дивизіи, къ нимъ приданы артиллерійскія четырехъ-батарейныя бригады и двухъ-батарейные дивизіоны. Дивизіи сведены въ корпуса, которые поставлены на 4-хъ фронтахъ — Сѣвернымъ для наступленія

* Отчетъ Управляющаго Военнымъ и Морскимъ Отдѣлами и Командующаго Донской Арміей и Флотомъ Большому Войсковому Кругу въ 1918 году.

на Воронежскую губернію, Сѣверо-Восточномъ для обороны Балашовскаго направленія — между Урюпинской и Усть-Медвѣдицкой станицами, Восточномъ у Царицына и Юго-Восточномъ у станицы Великокняжеской.

Къ этому же времени почти было закончено формированіе постоянной Арміи изъ молодыхъ казаковъ 19- и 20-лѣтняго возраста. Эта молодежь, не бывшая на Русско-Германской войнѣ, не усталая, не развращенная большевистской пропагандой, не знавшая ни комитетовъ, ни комиссаровъ, была собрана въ 3-хъ лагеряхъ — Персіановскомъ, Власовскомъ и Каменскомъ, и составила 2 пѣхотныхъ бригады — пластунскую и стрѣлковую, 3 конныхъ дивизіи, саперный батальонъ и техническія части, а также легкую, конную и тяжелую артиллерію. Части эти были нормальнаго Россійскаго штата, имѣли казенныхъ лошадей и все казенное обмундированіе и снаряженіе отъ войска, штатный обозъ, были воспитаны, муштрованы и обучены по старымъ Русскимъ уставамъ и составляли гордость войска Донского. Когда, при открытіи Войскового Круга, члены Круга и населеніе Новочеркасска первый разъ увидали эти части на церковномъ парадѣ, слезы умиленія текли по лицамъ старыхъ казаковъ. Былая, славная армія, армія 1914 года, возродилась въ лицѣ этихъ бравыхъ ювошей, отлично кормленныхъ, развитыхъ гимнастикой, прекрасно выправленныхъ, бодро маршировавшихъ по площади въ новой щегольски пригнанной одеждѣ. Умиленный Кругъ потребовалъ отдачи объ этомъ приказа, который былъ составленъ предсѣдателемъ Круга въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— «Донскіе орлята! 16 августа на Соборной площади своей столицы у памятника народнаго героя — Ермака Тимофеевича — члены Большого Войскового Круга видѣли васъ на парадѣ.

«Слезы гордости и безконечной радости блестѣли у вашихъ дѣдовъ и отцовъ, когда вы стройными и мощными колоннами проходили мимо войсковыхъ регалій и старыхъ боевыхъ знаменъ — нѣмыхъ свидѣтелей былыхъ подвиговъ и славы казачьей.

«Только два съ половиной мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ вы слетѣлись съ вольныхъ хуторовъ и станицъ на службу Тихому Дону. Но успѣла уже вырасти за это короткое время изъ васъ молодая и сильная армія.

«Крѣпкое казачье спасибо, родные, шлетъ вамъ Большой Войсковой Кругъ за вашу службу.

«Богъ въ помощь вамъ и на будущее время.

«Разъѣдутся члены Круга по всему войску Донскому и разнесутъ по всѣмъ уголкамъ горделивую вѣсть о томъ, что не погибъ еще нашъ сѣдой Донъ, такъ какъ есть у него молодые орлы, которые смогутъ сберечь его честь и сѣдую славу»...

26-го августа Донской Атаманъ представилъ большому Войсковому Кругу всю молодую Армію, собранную подъ Новочеркасскомъ въ Персіановскомъ лагерѣ. Всего было 7 батальоновъ, 33 сотни спѣшенныхъ казаковъ, 6 батарей безъ запряжекъ (одна прислуга), 16 конныхъ сотенъ, одна мортирная батарея и 5 аэроплановъ. Этотъ парадъ произвелъ неизгладимое впечатлѣніе на членовъ Круга. По окончаніи парада головные взводы всѣхъ частей были вызваны передъ середину фронта. Составилась внушительная колонна. Къ ней подошелъ предсѣдатель Круга В. А. Харламовъ, окруженный членами, и сказалъ слѣдующую, вылившуюся изъ сердца рѣчь:

— «Большой Войсковой Кругъ Всевеликаго войска Донского радъ видѣть свою родную армію.

«Привѣтъ вамъ, молодые донскіе орлы, отъ Тихаго Дона съ верху до низу и съ низу до верху.

«Вы призваны на защиту Дона, его правъ и вольностей. Мы, казаки, ни на кого не нападали; на насъ напали предатели, погубившіе могучую Русскую армію и нашу родину.

«Донъ всколыхнулся, взволновался, грудью всталъ на защиту своего существованія, своихъ правъ, своего достоянія. Но отстоять свое существованіе, свои права и достояніе можетъ только тотъ народъ, то государство, или область, который имѣетъ сильную армію.

«Армія сильна желѣзной дисциплиной. Революціонной дисциплины нѣтъ — есть одна дисциплина. Она требуетъ точнаго, неуклоннаго, немедленнаго и безоттоворочнаго исполненія приказовъ начальства. Воля начальства — законъ для каждаго отъ генерала до казака.

«Одна мысль, одна воля должны направлять и двигать армію. Никакихъ комитетовъ, никакихъ комиссаровъ въ ней не должно быть. Армія сильна, когда она не занимается политикой. Политика — дѣло избранниковъ населенія и правительства. Помните, что на стражѣ интересовъ арміи и населенія должны стоять его избранники.

«Армія сильна, когда между начальствомъ и подчиненными существуетъ полное единодушіе, когда она составляетъ одну семью, проникнутую духомъ чести и рыцарства.

«Я убѣжденъ, что такую сильную армію Большой Войсковой Кругъ видитъ въ васъ. Донскіе орлы! Передайте вашимъ братьямъ по оружію, что Большой Войсковой Кругъ гордится своей арміей. Кругъ убѣжденъ, что въ ней онъ имѣетъ могучую, неодолимую силу, грозную для всѣхъ враговъ Дона и что долгъ свой передъ роднымъ краемъ и родиной армія выполнитъ до конца.

«Въ честь Донской Арміи и ея вождей — дружное могучее ура! Объявляю Донской Арміи постановленіе Большого Войскового Круга о производствѣ Донского Атамана генералъ-маіора Краснова въ чинъ генерала отъ кавалеріи»...

Громовое ура раздалось по полю. Однако, враги Атамана не дремали и тутъ. Они здѣсь же на Персіановскомъ военномъ полѣ, среди членовъ Круга, стали говорить, что парадъ — это пусканіе пыли въ глаза Кругу. Молодые казаки умѣютъ только маршировать съ носка подъ музыку и совершенно не готовы для боя. Члены военной комиссіи попросили показать тактическое ученіе пѣхоты и конницы. Для этого былъ вызванъ 3-й стрѣлковый полкъ изъ крестьянъ Донского войска, который на глазахъ Круга произвелъ примѣрное наступленіе, потомъ произвела конное ученіе сотня 1-го Донского Казачьяго полка. Члены Круга въ полной мѣрѣ были удовлетворены видѣннымъ. Но злые языки не унимались.

— Вотъ, посмотрите, — говорили они, — что армія эта никуда не годится. Въ бою она побѣжитъ передъ большевиками. Армію надо учить на войнѣ, а не въ учебныхъ лагеряхъ.

Но не прошло и недѣли послѣ парада, какъ телеграфъ принесъ извѣстіе о громкой побѣдѣ 1-й Пластунской бригады и 2-й Донской казачьей дивизіи надъ большевиками въ Чирскомъ районѣ. Части молодой арміи наступали какъ на парадѣ, не ложась, неся винтовки на ремнѣ, противникъ бѣжалъ передъ ними, а когда они залегли и открыли мѣткій огонь по врагу, то сильныя позиціи красныхъ были ими покинуты. Молодая армія получила боевое крещеніе и показала, чего она стоитъ.

«Впечатлѣніе отъ всего видѣннаго на парадѣ», — пишетъ Г. Щепкинъ, — «незабываемое ... Члены Круга были поражены, ослѣплены такимъ результатомъ 3-хъ-мѣсячной работы и ихъ «ура» долго слышалось изъ поѣзда при возвращеніи въ Новочеркасскъ». *

Въ виду того, что почти всѣ станицы войска Донского расположены по рѣкѣ Дону и въ лѣтнее время рѣка Донъ является такою же важною артеріею, какъ и желѣзнодорожные пути, Атаманъ одновременно съ постройкою броневыхъ поѣздовъ былъ озабоченъ и созданіемъ рѣчной флотиліи. Часть пассажирскихъ пароходовъ была приведена въ боевое положеніе, на нихъ поставлены полевыя орудія на вращающихся платформахъ и установлены пулеметы. Было положено начало боевому флоту. Къ зимѣ 1918 года въ Донскомъ флотѣ было 8 судовъ: — яхта «Перначъ», бывшая океанская яхта великаго князя «Тамара», рѣчные пароходы: «Донецъ», «Кубанецъ», «Цымла», «Вольный Казакъ» и «Новочеркасскъ» и морскіе пароходы — «Христоферъ» и «Сосіетэ». Рѣчные пароходы нѣсколько разъ совершали боевыя плаванія по Дону, очищая отъ большевиковъ захватываемыя ими станицы — особенно Цымлянскую и Нижне-Курмоярскую, а пароходы «Христоферъ» и «Сосіетэ» плавали въ порты Румыніи и Крыма и доставили оттуда для Донской Арміи 12 шести-дюймовыхъ морскихъ длинныхъ пушекъ Канэ, которыя были установлены на изготовленные въ Ростовѣ броневые поѣзда, 4 мелкихъ орудія Канэ, 100 пулеметовъ, 9 аэропдановъ, 500.000 ружейныхъ патроновъ и 10.000 снарядовъ. Для подготовки личнаго состава Донского флота былъ устроенъ въ городѣ Таганрогѣ флотскій береговой батальонъ.

Къ зимѣ 1918 года Донская армія и флотъ приняли стройную организацію, были снабжены всѣмъ необходимымъ, закалены въ постоянныхъ бояхъ съ непріятелемъ и были готовы къ наступленію совмѣстно съ союзниками и Добровольческой арміей на Москву для спасенія Россіи.

Армія имѣла къ этому времени 1282 офицера, 31.300 бойцовъ на фронтѣ, 79 пушекъ и 267 пулеметовъ, и кромѣ того молодую армію въ составѣ 20.000 бойцовъ. Техническія средства арміи состояли изъ 68 самолетовъ, 14 броневыхъ поѣздовъ, 3 броневыхъ автомобилей, химическаго взвода, имѣвшаго 257 баллоновъ съ удушливыми газами и 15 тысячъ дымовыхъ шашекъ, 450 самокатовъ, болѣе 3000 верстъ телеграфнаго и телефоннаго кабеля и слишкомъ 2000 аппаратовъ. Донская армія руководствовалась своими строевыми уставами и наставленіями, въ достаточномъ количествѣ напечатанными въ Новочеркасскѣ и представляющими изъ себя исправленные и дополненные, по опыту Русско-Германской войны, уставы и наставленія Россійской Императорской Арміи.

Войско Донское имѣло свой Донской кадетскій Императора Александра III, корпусъ на 622 кадетъ, съ приготовительнымъ пансіономъ для малолѣтнихъ на 40 человѣкъ сиротъ, Новочеркасское казачье военное училище съ отдѣленіями: пластунскимъ (пѣхотнымъ), казачьимъ (кавалерійскимъ), артиллерійскимъ и инженернымъ, Донскую офицерскую школу съ такими же отдѣленіями, самолетную школу и военно-фельдшерскіе курсы.

Артиллерійскимъ, инженернымъ и интендантскимъ довольствіемъ Донское войско снабжалось сначала исключительно ввозомъ изъ Украины, но постепенно все снабженіе ставилось самостоятельно. Достаточно сказать, что потребность войска выражалась въ слѣдующихъ цифрахъ:

* Г. Щепкинъ. Донской Атаманъ ген. отъ кав. П. Н. Красновъ. Стр. 48.

Шинелей и полушубковъ	76.505	войско дало	89	%
Рубахъ походныхъ	76.505	» »	85	%
Шароваръ походныхъ	76.505	» »	87	%
Бѣлья тѣльнаго	229.515	» »	86	%
Папахъ и фуражекъ	153.010	» »	43 1/2	%
Обуви	153.010	» »	26	%
Сѣделъ	25.305	» »	1/5	%
Людской амуниціи и патронташей	153.010	» »	32 1/2	%

Для этой цѣли Войсковое Интендантство организовало суконную фабрику съ производствомъ 500 аршинъ сукна шинельнаго и рубашечнаго въ мѣсяцъ и поставило на работы всѣ военно-ремесленныя школы.

Съ весны 1919 года Донская Армія должна была совершенно выйти изъ-подъ иностранной опеки, но обстоятельства сложились иначе. Нужно внимательно прослѣдить за ходомъ боевыхъ операцій на Дону для того, чтобы вполнѣ уяснить, почему войско Донское, такъ успѣшно развивавшееся до прихода союзниковъ на Югъ Россіи, погибло, какъ только слилось съ Добровольческой арміей.

Исторію борьбы Донцовъ съ большевиками можно раздѣлить на слѣдующіе три періода:

Періодъ первый — народная война казачьей народной арміи противъ разбойничьихъ шаекъ большевиковъ — красной гвардіи.

Періодъ второй — народная война казачьей народной арміи противъ красной рабоче-крестьянской народной арміи за цѣлость своихъ станицъ.

Періодъ третій — классовая война Добровольческой арміи, въ которую влились, какъ части, казачьи арміи противъ рабоче-крестьянской красной арміи.

Первые два періода были при косвенной помощи германцевъ, послѣдній подъ руководствомъ и при матеріальномъ участіи союзниковъ — французовъ и англичанъ.

Глава VIII

Постепенное очищеніе войска Донского отъ большевиковъ. — Соединеніе возставшихъ казаковъ на Сѣверѣ съ южными округами. — Образованіе единаго фронта. — Движеніе за предѣлы войска. — Необходимость посторонней поддержки.

Немедленно по овладѣніи Новочеркасскомъ полковникъ Денисовъ, произведенный Кругомъ спасенія Дона въ генералъ-маіоры, рѣшилъ для окончательнаго закрѣпленія за собою Новочеркасска овладѣть городомъ Александро-Грушевскимъ, куда отступили красныя войска. Эта операція была поручена сѣверной группѣ войскъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Фицхелаурова.

28-го апрѣля * генералъ Фицхелауровъ съ боемъ занялъ городъ, а вслѣдъ за тѣмъ своими конными частями очистилъ весь угольный районъ и призвалъ рабочихъ къ мирной работѣ.

Одновременно въ Донскомъ округѣ, на рѣкѣ Бѣлой Калитвѣ, 25 апрѣля, самостоятельный станичный Ермаковско-Екатеринискій отрядъ разбилъ красногвардейскій эшелонъ и отнялъ цѣлый поѣздъ съ боевыми припасами (около

* Всѣ числа проставлены по старому, православному стилю.

5.000 артиллерійскихъ снарядовъ и 600 тысячъ ружейныхъ патроновъ) и тогда же пришло извѣстіе о крупной побѣдѣ казаковъ Мигулинской станицы надъ большевиками, гдѣ тоже была взята значительная добыча.

Все это заставило только что назначеннаго командующимъ арміей молодого и рѣшительнаго генерала Денисова спѣшить для соединенія съ возставшими казаками и развить дѣйствія на сѣверъ и на сѣверо-востокъ.

Генералу Фицхелаурову было приказано начать наступленіе къ станицѣ Каменской, по овладѣніи которой повернуть на востокъ и стремиться къ соединенію съ возставшими казаками 2-го Донского Округа, ведшими упорные бои у Нижне-Чирской станицы.

Въ отрядѣ генерала Фицхелаурова насчитывалось 9 тысячъ пѣхоты и конницы при 11 орудіяхъ и 36 пулеметахъ.

Между 15 и 19 мая генералъ Фицхелауровъ выбилъ сильный отрядъ товарища Щаденко изъ Морозовской станицы, заставилъ его отойти къ станціи Суровикино и началъ наступленіе на Суровикино. Отходящія вдоль желѣзной дороги къ Царицыну части Щаденко напали съ тыла на части генерала Мамонтова и поставили его въ очень тяжелое положеніе, принудивъ бороться на два фронта. Были дни, когда положеніе генерала Мамонтова, имѣвшаго очень мало патроновъ, было критическимъ. Казаки Мамонтовской группы уже готовы были призвать на помощь нѣмцевъ, но Донской Атаманъ не разрѣшилъ имъ этого, убѣдивши, что они сами справятся съ большевиками.

1-го іюня войска генерала Фицхелаурова и генерала Мамонтова совмѣстными усиліями овладѣли станицей Суровикино и принудили Щаденко, бросить желѣзную дорогу и грунтовыми путями отойти къ станціи Чиръ.

Это была первая побѣда Донцовъ, имѣвшая стратегическое значеніе. Благодаря уничтоженію отряда Щаденко казаки Верхне-Донского, Донецкаго и 2-го Донского Округовъ объединились съ казаками южныхъ округовъ и, такимъ образомъ, изъ 10 округовъ — восемь получили единое командованіе, да и съ боровшимися на сѣверѣ войска Донского — въ Хоперскомъ и Усть-Медвѣдицкомъ Округахъ отрядами была установлена связь. Главное было достигнуто, командующій арміей приступилъ къ систематической очисткѣ станицъ и слободъ отъ красной гвардіи.

Здѣсь ему и Донскому Атаману пришлось столкнуться съ мѣстнымъ казачьимъ патріотизмомъ. Въ нѣкоторыхъ казачьихъ частяхъ были митинги и выносились резолюціи о томъ, что сражаться надо только за станицы своего округа и не переходить его границъ. Многіе окружные атаманы, атаманы станицъ и даже просто коменданты станцій и пристаней самовольно выносили постановленія о невывозѣ изъ предѣловъ станицы хлѣба, реквизировали проходящіе черезъ нихъ грузы. Большевистскій ядъ крѣпко впитался въ ихъ натуру, и Дону грозила опасность расколоться на части и погибнуть во взаимной враждѣ. Атаманъ суровыми мѣрами расправился съ митинговавшими полками, предалъ полевому суду самовольцевъ — эти мѣры съ одной стороны, съ другой благородный порывъ нѣкоторыхъ полковъ, какъ напримѣръ Гундоровскаго и Егорлыцкаго, которые по первому приказу выступили за предѣлы своихъ округовъ и пошли отстаивать войско, а не свои станицы, вернуло армію къ порядку. Эти случаи заставили спѣшить Атамана съ постепеннымъ уничтоженіемъ ставичныхъ дружинъ и замѣной ихъ номерными полками, гдѣ мѣстный патріотизмъ былъ бы сглаженъ и замѣненъ патріотизмомъ обще-войсковымъ.

Эти случаи показали Атаману, какъ нужно быть осторожнымъ при подготовкѣ Арміи къ походу за предѣлы войска.

Наступленіе донскихъ частей на сѣверъ и востокъ продолжалось. Генералу Фицхелаурову скоро удалось связаться съ полковникомъ Алферовымъ, который еще 14-го мая, собравши казаковъ подлѣ Зотовской станицы, началъ успѣшную борьбу противъ красной гвардіи. Въ Хоперскомъ округѣ ничего не знали ни объ освобожденіи Новочеркасска, ни объ избраніи Атамана. Почти одновременно и генералъ Мамонтовъ вошелъ въ связь съ отрядами полковниковъ Старикова и Сехретева, очищавшихъ отъ большевиковъ Усть-Медвѣдицкій Округъ.

Къ концу мая все войско Донское представляло единый фронтъ, подчиненный командующему арміей и Атаману и имѣющій своею базой Новочеркасскъ и Украину. Отдѣлу снабженія надо было лихорадочно работать, чтобы укрѣпить этотъ фронтъ оружіемъ и средствами борьбы и не дать храбрецамъ дойти до отчаянія.

Прочная база на Украинѣ, возможность, благодаря германскимъ гарнизонамъ, быстро наладить транспортъ и заставить работать желѣзныя дороги, помогло Атаману довести возстаніе казаковъ до страшнаго напряженія и обратить его въ правильную планомѣрную войну съ красной гвардіей.

5 іюня командующій Арміей снарядилъ рѣчной десантный отрядъ изъ пароходовъ «Новочеркасскъ» и «Донецъ» въ составѣ Каменскаго полка, силою около 2000 штыковъ, и конной сотни подъ общимъ начальствомъ полковника Дубовскаго и послалъ этотъ отрядъ вверхъ по Дону для окончательной очистки лѣвобережныхъ станицъ. Отрядъ освободилъ отъ большевиковъ станицы Каргальскую и Романовскую и помогъ Цымлянскому, Нижне-Курмоярскому и Потемкинскому отрядамъ овладѣть всѣмъ лѣвымъ берегомъ. Красногвардейцы должны были покинуть богатыя придонскія станицы и хутора и уходить въ степь. Здѣсь имъ пришлось столкнуться съ отрядами, посланными въ Задонье. Красная гвардія базировалась на желѣзную дорогу Царицынъ—Торговая—Тихорѣцкая. Центральныя станціи этой дороги Котельниково и Великокняжеская явились сильными узлами обороны. Кавказскіе большевики, не тревожимые пока никѣмъ, сообщались съ Царицынымъ, и силы казаковъ, слишкомъ незначительныя, не могли сломить сопротивленія большевиковъ.

Въ первыхъ числахъ іюня Добровольческая армія, снабженная и окрѣпшая въ Мечетинской, вышла изъ своего инертнаго состоянія и начала наступленіе на Сосыку и Торговую. Одновременно и войска Задонской группы Донской Арміи были двинуты на Торговую и Великокняжескую.

17-го іюня Донцы совмѣстно съ Добровольцами заняли Великокняжескую станицу. Въ Великокняжеской Добровольцы оставили свой гарнизонъ, а Донцы самостоятельно продолжали наступленіе и заняли станціи Двойную, Куберле и Зимовники, и такимъ образомъ стали выходить во флангъ и тылъ большевистскимъ бандамъ, боровшимся противъ Мамонтова у станціи Чиръ. Гнѣздо большевиковъ, слобода Мартыновка, упорно защищавшаяся отъ казаковъ и непризнававшая Атаманской власти, была окружена и черезъ мѣсяцъ осады сдалась . . .

Исторія этого періода борьбы въ глубинѣ Донскихъ степей изобилуетъ полными драматизма эпизодами. Нѣтъ возможности описать всѣхъ ужасовъ, всей нравственной нелѣпости гражданской войны братьевъ со своими братьями. Казаки долго не могли овладѣть Мартыновкой лишь потому, что противъ нея

дѣйствовали полки 1-го Донского Округа. Большинство казаковъ имѣло своихъ женъ изъ Мартыновки и, обратно, многіе крестьяне слободы были женаты на мѣстныхъ казачкахъ. Борьба между родичами обращалась въ нелѣпость. Ни казаки, ни слободскіе большевики не подходили другъ къ другу ближе чѣмъ на двѣ версты, боясь поранить своихъ. Только тогда, когда Атаману удалось вывести части 1-го Донского Округа на фронтъ 2-го Донского Округа, а къ Мартыновкѣ направить полки Донецкаго Округа, «родственная» война окончилась, и Мартыновка была захвачена.

Движеніе Добровольческой Арміи на перерѣзъ Владикавказской желѣзной дороги заставило большевиковъ, торчавшихъ подъ самымъ Новочеркасскомъ — въ Азовѣ покинуть побережье Азовскаго моря и отходить на Кубань. 13 іюля на югѣ войска не оставалось больше большевиковъ, и Новочеркасскъ могъ быть совершенно спокойнымъ.

Командующій Арміей сталъ перебрасывать войска съ юга для развитія операцій на сѣверѣ по направленію къ Воровежу и Камышину.

17-го іюля казаки Хоперцы овладѣли станціями Филипово, Панфилово и Кумылга и отрѣзали Царицынъ отъ станціи Поворино. Одновременно генералъ Фицхелауровъ вышелъ къ границамъ Саратовской губерніи.

Генералъ Мамонтовъ, оправившись послѣ тяжелыхъ іюньскихъ боевъ у Суровикино, пополнивши свои части и, главнымъ образомъ, получивши сильную артиллерію, 21-го іюля перешелъ въ наступленіе и, сбивши противника съ позиціи у станціи Чиръ, къ 31-му іюля выгналъ его за предѣлы области и сдавилъ у Царицына.

Наконецъ, 27-го іюля, части полковника Алферова вышли на сѣверѣ за предѣлы войска и захватили городъ Богучаръ Воронежской губерніи, который сталъ опорнымъ пунктомъ казаковъ для освобожденія Россіи отъ большевиковъ.

Но мысль соединиться съ Добровольцами, дождаться помощи союзниковъ и идти спасать Москву отъ большевиковъ, Атаманъ могъ хранить въ сердцѣ своемъ и никому не высказывать.

Войско Донское было свободно отъ Красной гвардіи, въ Новочеркасскѣ собрался Войсковой Кругъ и приступилъ къ созданію «конституціи» и внутреннему строительству. Интеллигентная часть Круга, понимая, что не можетъ быть войска Донского внѣ и независимо отъ Россіи стояла на дальнѣйшемъ развитіи военныхъ дѣйствій, сѣрая часть Круга, громадное большинство, стояло на принципѣ «безъ аннексій», «при свободномъ самоопредѣленіи народовъ», и самоопредѣлилось въ предѣлахъ земли войска Донского, не желая переходить его границы.

Что такое были границы войска? Границы губерніи, межи, часто идущія прямо по степи безъ всякаго признака границы. И только потому, что эта нива принадлежитъ казаку, а другая рядомъ крестьянину Саратовской, или Тамбовской губерніи, можно было узнать, что это граница. Но для казаковъ это было все. И дальше идти они не желали.

Атамана выбрала сѣрая часть Круга. Она ему вѣрила, и она ввѣрила ему свои судьбы. И эта сѣрая часть Круга опредѣленно говорила: «Что намъ Россія? Отъ нея намъ были всегда однѣ лишь непріятности да обиды». Россія и «Царскій режимъ» отождествлялись. А Царскій режимъ — это тяжелая повинность, казаки на задворкахъ Русской коницы, презрительно-ласковое «казачки» и оскорбительное «нагаечники», «палачи», «опричники»!

— «Вы посмотрите, какое войско Донское маленькое», — говорили Атаману сѣрые донцы, — «можетъ ли оно одно идти спасать Россію? Да и съ какой стати! Коли она сама спасаться не хочетъ. Пусть поднимается какъ мы и идетъ спасать себя. А на что добровольцы? Засѣли на Кубани, по Кисловодскамъ шатаются, а настоящей войны не хотятъ! Мы хотимъ мира и айда по домамъ. Ведите переговоры съ совѣтскими, чтобы, значитъ, насъ не трогали и мы ихъ не тронемъ!»

И несмотря на всю свою силу почти самодержца, Атаманъ чувствовалъ себя безсильнымъ. Перейти границы войска Донского, это значило изъ народной войны сдѣлать войну гражданскую, завоевательную въ лучшемъ случаѣ, идти ради добычи, ради грабежа.

Создавался заколдованный кругъ — идти надо, но идти нельзя. Пойдешь впередъ — не будешь имѣть успѣха, все повернется противъ тебя.

Атаману удалось добиться постановленія Круга о переходѣ границъ войска Донского, которое было выражено въ приказѣ Всевеликому войску Донскому слѣдующими словами: — «Для наилучшаго обезпеченія нашихъ границъ, Донская армія должна выдвинуться за предѣлы области, занявъ города Царицынъ, Камышинъ, Балашовъ, Новохоперскъ и Калачъ въ районахъ Саратовской и Воронежской губерній». *

Но это была мертвая буква. За границу шли не охотно.

— Пойдемъ, если и «Русскіе» пойдутъ, — говорили казаки.

Атаманъ снесся съ генераломъ Деникинымъ. Онъ снова и весьма настойчиво просилъ его оставить Кубанцевъ самихъ доканчивать освобожденіе Кубани, какъ это сдѣлало войско Донское, а самому идти на Царицынъ и Воронежъ. Атаманъ писалъ, что Добровольческая Армія и Кубанцы имѣютъ противъ себя одну деморализованную банду товарища Сорокина, тогда какъ на сѣверѣ силы большевиковъ крѣпнутъ и сопротивленіе ихъ почти неодолимо. Екатеринодаръ занятъ, 11-го сентября на Кубани созывается Рада казачья, самое время генералу Деникину идти и становиться самостоятельнымъ, внѣ казаковъ.

Но генералъ Деникинъ отказалъ въ этомъ Атаману. Онъ долженъ оставаться на Кубани, пока не освободитъ отъ большевиковъ всего сѣвернаго Кавказа. Онъ откладывалъ свое движеніе на сѣверъ и совмѣстныя дѣйствія съ Донцами. Онъ не хотѣлъ работать рядомъ съ Атаманомъ, сила и популярность котораго въ войскѣ была сильнѣе его популярности. Ему пріятнѣе было, имѣть дѣло съ мягкимъ и податливымъ Филимоновымъ, нежели съ крутымъ и твердымъ Донскимъ Атаманомъ. Съ Радой онъ не считался, съ Кругомъ и Донскимъ Атаманомъ пришлось бы считаться. Генералъ Деникинъ въ это время уже не былъ ни солдатомъ, ни горячимъ патріотомъ — онъ былъ политикомъ. Политика приковывала его къ Екатеринодару и Новороссійску.

Онъ ждалъ союзниковъ.

---

* Приказъ Всевеликому войску Донскому № 844. Отчетъ Управляющаго Военнымъ и Морскимъ Отдѣлами и Командующаго Донской Арміей и Флотомъ. Новочеркасскъ 1919 г. Стр. 4.

Глава IX

Въ поискихъ союзниковъ. Украина. Состояніе воинскихъ силъ Украины. Безпомощность Гетмана Скоропадскаго. Переговоры Украины съ Совѣтской республикой. Свиданіе Гетмана Скоропадскаго съ Донскимъ Атаманомъ на станціи Скороходово. Переписка по этому поводу со штабомъ генерала Деникина. Необходимость созданія не казачьей арміи на сѣверѣ Донского войска.

Въ этомъ тяжеломъ положеніи Атаманъ все чаще и чаще присматривался къ тому, что дѣлалось рядомъ на Украинѣ. Лѣвый флангъ его арміи и отчасти тылъ, губерніи Харьковская, Екатеринославская и Херсонская — были Украиной. Пока на Украинѣ былъ порядокъ, пока была дружба и союзъ съ Гетманомъ, Атаманъ могъ быть спокоенъ за свой лѣвый флангъ. На Гетмана Скоропадскаго Атаманъ могъ положиться. Гетманъ былъ старымъ товарищемъ, почти другомъ Атамана по службѣ въ 1-й гвардейской кавалерійской дивизіи, и пока П. П. Скоропадскій находился на Украинѣ, Атаманъ могъ быть спокоенъ за свой тылъ и флангъ. Мало того, съ Украиной начинался правильный товарообмѣнъ, Донъ получалъ отъ нея не только оружіе и снаряженіе, но получалъ сахаръ, кожу, сукно и могъ развивать свою торговлю.

Но могъ ли Атаманъ быть спокоенъ и увѣренъ въ томъ, что въ бурѣ, бушевавшей надъ Россіей, Гетманъ Скоропадскій устоитъ? Будетъ ли онъ тѣмъ дубомъ, которому не страшны стихіи? Умиротворяется ли дѣйствительно Украина, или ея благополучіе чисто внѣшнее?

Донесенія Атамана Зимовой станицы въ Кіевѣ, генералъ-маіора Черячукина, безпокоили Атамана. Атаманъ съ дѣтства усвоилъ, что можетъ быть свободно только то государство, которое опирается на сильную національную армію.

У Гетмана арміи не было. Нѣмцы мѣшали ему создать таковую. Они боялись осложненій, они оккупировали Украину для своихъ цѣлей и имъ украинская армія была ненужна. Украинскіе верхи, посаженные волею нѣмцевъ, боялись объявлять мобилизацію и собирать армію: большевизмъ былъ слишкомъ силенъ въ низахъ, и такая армія могла легко подпасть подъ пропаганду большевиковъ, или быть увлеченной авантюристами, коихъ много бродило тогда по Украинѣ.

Гетманъ и его приближенные считали, что въ то время можно было разсчитывать только на нѣмцевъ, а если уже придется создавать армію, то создавать ее на особыхъ началахъ изъ вольнонаемныхъ добровольцевъ, набираемыхъ изъ крестьянъ собственниковъ.

На Украинѣ созданіе арміи шло прямо противоположно тому, какъ создавалась армія на Дону. На Дону народъ поднялся противъ большевиковъ, собрался въ дружины, дружины призывали офицеровъ, а затѣмъ уже работою командующаго арміей генерала Денисова и его штаба эти дружины выкристаллизовались въ полки, дивизіи, корпуса и арміи и туда пришлось назначать соотвѣтствующихъ начальниковъ. На Украинѣ цѣлый рядъ генераловъ и офицеровъ получилъ назначенія командировъ корпусовъ, начальниковъ дивизій и командировъ полковъ, одѣлъ оригинальные украинскіе жупаны, расшитые шнурами, со сборками сзади, отпустилъ оселедцы, навѣсилъ кривыя сабли, занялъ казармы, наклеилъ вывѣски на украинскомъ языкѣ, напечаталъ уставы по-украински, ввелъ нѣмецкія слова въ команды*, издалъ множество очень инте-

* Напримѣръ: «смирно! равненіе направо!» — по украински — «ахтунгъ! струнко направо!»

рѣпыхъ военныхъ книгъ съ обложками на украинскомъ языкѣ и съ содержимымъ на русскомъ, но солдатъ въ арміи не было.

Создавалась въ Кіевѣ изъ молодыхъ земельныхъ собственниковъ прекрасная дивизія «сѣчевыхъ стрѣльцовъ», были офицерскіе баталіоны и парядный Сумской гусарскій полкъ — но это были тысячи человѣкъ тогда, когда для защиты Украины и для войны съ большевиками требовались сотни тысячъ.

Переговоры о мирѣ съ Совѣтской республикой затягивались и выливались въ форму праздной болтовни и пустого митинга. Совѣтская республика недвусмысленно грозила возстаніемъ въ тылу, общественные дѣятели лѣваго толка, подобные Петлюрѣ, поднимали голову и говорили противъ Гетмана и, если все это еще не выступало открыто, то только потому, что молчаливо стояли попсюду часовые въ германскихъ каскахъ и грозное «Halt» заставляло поджимать хвосты самыхъ смѣлыхъ политическихъ шавокъ.

Однако Гетманъ чувствовалъ, что опираться вѣчно на германскія войска невозможно, что Украина одна не можетъ существовать, и онъ рѣшилъ создать тѣсный оборонительный союзъ, слившись съ Дономъ, Кубанью, Крымомъ и народами Кавказа, а также самостоятельною Грузіею. Это входило и въ нѣмецкіе планы, и при содѣйствіи германскаго командованія 20 октября* на станціи Скороходово между Полтавой и Харьковомъ въ поѣздѣ Гетмана Скоропадскаго между Атаманомъ и Гетманомъ состоялось политическое свиданіе.

Атаманъ прибылъ на Скороходово въ своемъ поѣздѣ изъ трехъ вагоновъ въ сопровожденіи генерала Свѣчина, двухъ адъютантовъ и маіора Кокенхаузена. Его сопровождалъ почетный караулъ изъ казаковъ Атаманскаго Конвоя, одѣтыхъ въ прежнюю 1914 года казачью форму.

Гетмана сопровождали его военный министръ полковникъ Сливинскій, начальникъ снабженія Моловъ, флигель-адъютантъ полковникъ Зеленевскій, Атаманъ Зимовой станицы въ Кіевѣ генералъ Черячукинъ и другія лица свиты. Съ Гетманомъ былъ офицерскій караулъ и кромѣ того при немъ былъ германскій конвой.

Послѣ завтрака въ вагонѣ гетманскаго поѣзда и общей бесѣды, касавшейся, главнымъ образомъ, снабженія Донской Арміи, Гетманъ остался наединѣ съ Атаманомъ и здѣсь въ откровенной бесѣдѣ высказалъ свои политическіе взгляды на будущее Россіи.

— «Вы, конечно, понимаете», — говорилъ Гетманъ, — «что я, флигель-адъютантъ и генералъ свиты Его Величества, не могу быть ширымъ Украинцемъ и говорить о свободной Украинѣ, но въ то же время именно я, благодаря своей близости къ Государю, долженъ сказать, что онъ самъ погубилъ дѣло Имперіи и самъ виноватъ въ своемъ паденіи. Не можетъ быть теперь и рѣчи о возвращеніи къ Имперіи и возстановленіи Императорской власти. Здѣсь на Украинѣ мнѣ пришлось выбирать — или самостійность, или большевизмъ, и я выбралъ самостійность. И право, въ этой самостійности ничего худого нѣтъ. Предоставьте народу жить такъ, какъ онъ хочетъ. Я не понимаю Деникина. Давить, давить все — это невозможно... Какую надо имѣть силу для этого? Этой силы никто не имѣетъ теперь. Да и хорошо ли это? Не надо этого! Дайте самимъ развиваться и, ей-Богу, самъ народъ устроитъ это все не хуже насъ съ вами...

* По старому стилю.

«Меня упрекаютъ за то, что я велъ переговоры съ Императоромъ Вильгельмомъ и ѣздилъ къ нему... Шульгинъ въ Екатеринодарѣ пишетъ, Богъ знаетъ, какія статьи про меня. Называетъ меня измѣнникомъ. И къ нему пристала вся интеллигенція, всѣ тѣ общественные дѣятели, которыхъ я спасъ отъ большевистской петли!

«Я прошу васъ быть посредникомъ между мною, Деникинымъ, Кубанцами, Грузіей и Крымомъ, чтобы составить общій союзъ противъ большевиковъ. Развѣ не можемъ мы, или наши представители съѣхаться гдѣ-либо и сговориться. Мы всѣ Русскіе люди и намъ надо спасти Россію и спасти ее мы можемъ только сами. Повѣрьте, никакіе нѣмцы, никакіе англичане, или французы насъ не спасутъ»...

На совѣщаніи было рѣшено, что Атаманъ снесется съ генераломъ Деникинымъ для устройства совмѣстныхъ съ Украинцами переговоровъ. Тамъ же Атаманъ заручился согласіемъ Гетмана на созданіе на средства Гетмана особой Русской Арміи въ Юго-Восточномъ углу Харьковской губерніи, которая заслоняла бы войско Донское отъ большевиковъ со стороны Воронежской и Курской губерній.

Въ 6 часовъ вечера Атаманъ уѣхалъ со станціи Скороходово и 21-го октября прибылъ въ Новочеркасскъ. Въ тотъ же день онъ писалъ генералу Лукомскому, завѣдующему политическою частью Деникина, въ Екатеринодаръ:

«Я вчера видѣлся съ Гетманомъ Скоропадскимъ. Цѣль нашего свиданія установленіе болѣе дружескихъ отношеній, сліяніе отдѣльныхъ частей раздробившейся Россіи, объединеніе для общей борьбы съ большевизмомъ, борьбы для освобожденія Россіи. Вы отлично понимаете, что Гетманъ не можетъ громко говорить о борьбѣ съ большевиками, потому что онъ не имѣетъ для этого арміи и вынужденъ «играть въ миръ» съ Совѣтской республикой. Но тайно и онъ, и тѣ русскіе люди, которые его окружаютъ, хотятъ и готовы помогать и войску Донскому, и Добровольческой Арміи, и Кубани въ этомъ общемъ нашемъ дѣлѣ: — освободить Россію отъ нестерпимаго гнета большевизма. Гетманъ готовъ дѣлиться со всѣми нами имуществомъ складовъ, патронами, снарядами и т. п., готовъ помогать и денежно, потому что Украина все-таки богаче Дона и Добровольческой Арміи.

«Тутъ не можетъ быть разговора о такъ навязшихъ въ зубахъ оріентаціяхъ. Снаряженіе и вооруженіе Русское, наслѣдство разложившейся подъ язвами большевизма и разбѣжавшейся Россійской республиканской арміи, деньги даны Русскими людьми, Русскими банками.

«Я совершенно искренно говорю вамъ, Александръ Сергѣевичъ, та политика обособленности отъ Россіи и ея частей, которую ведетъ Добровольческая Армія, къ добру не приведетъ. Вы все ждете б а р и н а. В о т ъ п р і ѣ д е т ъ б а р и н ъ — б а р и н ъ н а с ъ р а з с у д и т ъ. Но время идетъ и несетъ свои неудачи и падаетъ вѣра въ силы. Нельзя разсчитывать на чужеземную помощь, надо работать самимъ, самимъ въ своемъ творчествѣ искать жизненныя силы. Иначе мы будемъ, какъ цвѣтокъ, подвязанный къ палкѣ, хилый и больной. Выдерните, палку, и онъ упадетъ и завянетъ.

«Вы живете надеждами, что черезъ двѣ недѣли придутъ иностранцы и помогутъ вамъ и войсками, и снарядами, и одеждой, и деньгами. Этою надеждою вы заразили даже и мою армію, и на Царицынскомъ фронтѣ ждутъ французовъ. И духъ отъ этого не повышается, а падаетъ.

«А если не придутъ?

«Я вамъ прямо говорю — такъ скоро навѣрно не придутъ. То-есть, могутъ пріѣхать отдѣльные люди, новые и новые возбудители надежд, но реальная сила — тысячъ сорокъ войска, комплектовъ 200—300 тысячъ одежды и вооруженія при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ ранѣе декабря не придутъ. Да и придутъ ли?

«А вѣдь вы всѣ надежды возлагаете на нихъ. Я не знаю, какъ одѣта и обута ваша армія, но про свою могу сказать — у меня двѣ трети не имѣетъ сносныхъ сапогъ, одна треть совсѣмъ не имѣетъ сапогъ, обута въ лапти, даже офицеры! Не только полушубковъ, не только тѣлогрѣекъ, но даже шинелей далеко не хватаетъ. Патроновъ осталось только 13 милліоновъ. А война идетъ страшно жестокая. Я имѣю дѣло съ 4-мя красноармейскими арміями, руководимыми генералами Русскаго генеральнаго штаба, арміями богато снабженными и отлично вооруженными.

«Скажите по совѣсти, имѣю ли я право при такихъ обстоятельствахъ отказываться отъ помощи оружіемъ и снаряженіемъ, не брать синицу въ руки и ожидать журавля въ небѣ?

«Задайте себѣ тотъ же вопросъ, и я думаю, что когда вы трезво посмотрите на свою армію, на своихъ солдатъ и офицеровъ, когда вы вспомните всю ту великую кровь, которою вамъ приходится добывать побѣды, вы поймете, что ждать нельзя. Да, повѣрьте, и баринъ, котораго вы ждете и которому хотите поднести свою непоколебимую вѣрность обѣщаніямъ, пойметъ, что иного выхода не было.

«Да, для Добровольческой Арміи есть еще выходъ, славно погибнуть, но будетъ ли это на пользу Россіи, которая вся ждетъ отъ васъ чуда? Могутъ ли погибнуть Донъ, Кубань, Украина — ихъ гибель не будетъ ли гибелью всего дѣла!

«Намъ нужно просто только столковаться. Вѣдь не дѣти же мы? Капризныя своевравныя дѣти, которыя другъ друга въ чемъ-то обвинили и не хотятъ разговаривать одинъ съ другимъ.

«Вѣрьте мнѣ, не политиканы же и газетчики, которые, какъ вороны, слетѣлись въ Екатеринодаръ, спасутъ Россію. Вѣдь то, что теперь происходитъ въ Екатеринодарѣ, такъ напоминаетъ январь и февраль мѣсяцы этого года въ Новочеркасскѣ. Говорить о будущемъ Россіи, всей Россіи, еще рано — надо освободить ее. Нельзя дѣлить шкуру медвѣдя, не убивши самого медвѣдя. Убить этого медвѣдя каждому изъ насъ порознь трудно, почти невозможно. Надо соединиться.

«Вѣдь намъ надо только столковаться и понять другъ друга. Tout comprendre c'est tout pardonner.

«Гетманъ предполагаетъ на этихъ дняхъ обратиться къ Добровольческой Арміи, Дону и Кубани, если возможно — Тереку, Грузіи и Крыму, чтобы всѣмъ этимъ образованіямъ выслать опредѣленное число депутатовъ на общій съѣздъ. Цѣль этого съѣзда пока только одна: выработка общаго плана борьбы съ большевиками и большевизмомъ въ Россіи, чтобы наши дѣйствія не были отрывочными и эпизодическими, но въ полной мѣрѣ планомѣрными. И я надѣюсь, что протянутая рука единенія и дружбы не будетъ вами оттолкнута. Вѣдь это еще шагъ по пути къ единой недѣлимой Россіи, не предрѣшая ея будущаго. Не будемъ же сами толкать Украину на взятый ею ложный путь самостійности. Соберемся и столкуемся, памятуя, что l'union fait la force

и никто не посмѣетъ бросить камень въ Русскихъ людей, которые стремятся соединиться, а не разойтись». *

Но протянутыя Гетманомъ и Атамановъ руки остались не принятыми. Все не понравилось Деникину въ этомъ письмѣ. Во первыхъ, предложеніе о съѣздѣ исходило не отъ него, а отъ Гетмана, во вторыхъ, согласиться на разговоры съ Гетманомъ, Грузіей и Крымомъ значило признать ихъ самостоятельность. Отъ кого? Этимъ вопросомъ Деникинъ и его правительство не задавались. Отъ Добровольческой Арміи, конечно, которая олицетворяла всю Россію и являлась ея эмблемой. Въ третьихъ, письмо говорило о союзнической помощи и сомнѣвалось въ ней, а это было недопустимо съ точки зрѣнія Добровольческой Арміи и, наконецъ, до свѣдѣнія Добровольческой Арміи дошли слухи о томъ, что въ Кіевѣ собирается какая-то Южная Армія. Генералъ Деникинъ усмотрѣлъ въ этой арміи злой умыселъ, каверзу, придуманную нѣмцами для того, чтобы ослабить Добровольческую Армію и не пускать въ нее офицеровъ изъ Россіи, задерживая ихъ на Украинѣ. Почти одновременно съ письмомъ въ Екатеринодаръ пріѣхалъ изъ Кіева генералъ А. М. Драгомировъ, который весьма сурово и жестко высказывался про Гетмана Скоропадскаго и про его германофильскую политику.

28 октября помощникъ главнокомандующаго и начальникъ военно-морского отдѣла Добровольческой Арміи генералъ Лукомскій письмомъ за № 007 отвѣтилъ Атаману, что онъ считаетъ необходимымъ, начать переговоры по выработкѣ соглашенія и объ условіяхъ такового, но въ основу этихъ переговоровъ должно быть поставлено единое командованіе, единая власть генерала Деникина. Письмомъ отъ 2-го ноября за № 002/72 ш. генералъ Лукомскій развилъ свои мысли по этому поводу.

«Командованіе Добровольческой Арміи, ставя своими задачами объединеніе осколковъ бывшей Россіи въ Единую Недѣлимую Россію и исходя изъ извѣстныхъ вамъ, связанныхъ съ конечной цѣлью, основныхъ положеній, отнюдь не можетъ быть нетерпимо и недоброжелательно къ тѣмъ Русскимъ людямъ и силамъ, которые опредѣленно выразили и выражаютъ однородныя съ Добровольческой Арміей стремленія». . .

Итакъ въ задачахъ Добровольческой Арміи и въ тѣхъ задачахъ, которыя ставили себѣ Украина и Донъ и къ которымъ они хотѣли привлечь Добровольческую Армію, Грузію, Крымъ, Кубань и народы Сѣвернаго Кавказа, было существенное расхожденіе. Гетманъ и Атаманъ первою задачею ставили борьбу съ большевиками и уничтоженіе большевизма въ Россіи и только по завершеніи этой задачи они склонялись рѣшать вопросъ о будущемъ Россіи. Добровольческая Армія ставила, если не первой своей задачей, то по крайней мѣрѣ задачей одновременной съ борьбой съ большевиками — «**объединеніе осколковъ бывшей Россіи въ Единую Недѣлимую Россію**» — иными словами, уничтоженіе самостоятельной Украины, самостоятельной Грузіи, посягательства на полную автономію Крыма, Дона и Кубани. Если Скоропадскій и Красновъ, какъ Русскіе люди, не менѣе Русскіе, нежели Деникинъ, могли пойти на это, то Гетманъ и Атаманъ идти на это, не предавая избравшій ихъ народъ, не могли.

---

* Письмо Донского Атамана А. С. Лукомскому отъ 22 октября 1918. Изъ Новочеркасска. Весьма секретно № 15.

Генералъ Лукомскій указывалъ Атаману, что Добровольческая Армія не согласна съ политикой Атамана и энергично протестуетъ противъ нѣкоторыхъ дѣйствій Атамана. Такъ Атаманъ 21-го октября для успокоенія умовъ казаковъ, взволнованныхъ сильною затяжкой и изнурительностью войны съ большевиками въ приказѣ войску Донскому за № 1263 писалъ: — «Недалеки тѣ дни, когда вновь сформированная Народная Армія смѣнитъ въ боевой линіи донскихъ казаковъ». Генералъ Лукомскій усматривалъ въ этомъ, что «дальнѣйшая борьба за возсозданіе Единой Россіи уже не составляетъ задачи и обязанности Войска Донского, какъ части общаго организма, стремящагося къ этой конечной цѣли. Проводимыя такимъ образомъ въ народную казачью массу воззрѣнія верховъ безусловно могутъ въ будущемъ послужить благодарной и не лишенной юридической обоснованности почвой для отказа Донскихъ казачьихъ частей къ выполненію общихъ боевыхъ задачъ по освобожденію центра Россіи отъ деспотизма большевиковъ и тѣмъ, слѣдовательно, могутъ причинить трудно даже нынѣ предвидимый вредъ общему дѣлу спасенія отечества. Опасность такой постановки вопроса ясна до очевидности. Всецѣло раздѣляя вашу оцѣнку значенія заслугъ войска Донского въ дѣлѣ борьбы съ большевизмомъ, командованіе Добровольческой Арміи тѣмъ не менѣе считаетъ, что до окончанія борьбы и до полнаго низложенія власти большевиковъ не можетъ быть рѣчи объ уклоненіи казачьихъ войскъ отъ этой общей цѣли и потому считаетъ указанное мѣсто приказа однимъ изъ очень серьезныхъ поводовъ къ порожденію недопустимыхъ разногласій»...*

Командованіе Добровольческой Арміи настаивало на уничтоженіи этого приказа.

Академически генералъ Лукомскій и генералъ Деникинъ, конечно, были правы. Донскіе казаки должны были умирать за свободу Родины. Но могъ ли требовать этого Атаманъ, когда рядомъ Воронежскіе, Харьковскіе, Саратовскіе и т. д. крестьяне не только не воевали съ большевиками, не освобождали этой Родины отъ нихъ, но шли противъ казаковъ. Атаманъ стоялъ передъ фактами суровой дѣйствительности. Казаки отказывались выходить за предѣлы войска Донского. Въ полкахъ были митинги протеста.

«Разстрѣливать виновныхъ», — говорили Деникинъ и Лукомскій. Но кто же будетъ разстрѣливать, когда все войско солидарно съ протестующими? Почему же Деникинъ и Лукомскій не мобилизовали населеніе Ставропольской губерніи и Кубанскаго войска и не создали свою Русскую Армію, которая пошла бы вмѣстѣ съ казаками? Почему же они держались принципа добровольчества? Да потому, что, когда мобилизовали, то мобилизованные передавались краснымъ и уводили съ собою офицеровъ. То, что было невозможно для Деникина, Лукомскій считалъ возможнымъ для Донского Атамана.

У Атамана было единственное средство заставить казаковъ идти къ Москвѣ — это дать имъ хотя немного передохнуть отъ боевыхъ лишеній за чью-то спиною, и потомъ заставить ихъ примкнуть къ Русской Народной Арміи и идти съ нею на Москву. Атаманъ просилъ это сдѣлать добровольцевъ. Онъ просилъ это дважды и дважды получилъ отказъ. Атаманъ дошелъ до границъ войска и понялъ, что одинъ не можетъ идти дальше. Фронтъ расширялся, база удалялась, удлинялись коммуникаціонныя линіи, фланги повисали въ воздухѣ. Долженъ же былъ кто-либо помочь ему. Онъ искалъ союзниковъ.

* Письмо Атаману генерала Лукомскаго 2 ноября 1918 г. № 2/72 ш.

Союзниковъ не было. Ему оставалось одно: самому приступить къ созданію новой Русской Арміи, и онъ приступилъ къ устройству Южной Арміи.

Но идея эта успѣха не имѣла. Генералъ Деникинъ препятствовалъ этой организаціи.

Глава X

Созданіе Южной Арміи. — Поиски командующаго. — Генералъ Деникинъ противъ этой арміи. — Воронежскій, Саратовскій и Астраханскій корпусы. — Работа монархистовъ въ Воронежской губерніи. — Организація красной арміи.

Какая то — все равно какая, но Армія, составленная изъ Русскихъ людей на сѣверной границѣ войска Донского была необходимо нужна Атаману въ виду крайняго утомленія донскихъ казаковъ, рѣшительнаго отказа ихъ бороться и спасать Россію въ полномъ одиночествѣ и, наконецъ, въ виду усиленія напора большевиковъ съ сѣвера.

Атаману предложили организацію, подготовленную въ Кіевѣ союзомъ «Наша Родина», предложили средства на эту Армію. Атаманъ просилъ генерала Деникина взять на себя организацію и руководство этой Арміей, снова и снова указывая ему, что обстановка повелительно требуетъ переноса центра тяжести операцій отъ окраинъ къ серединѣ и выдвиженія на главный операціонный путь Харьковъ—Москва. Переговоры велись съ М. М. Драгомировымъ, которому Атаманъ при проѣздѣ его черезъ Новочеркасскъ предложилъ занять мѣсто начальника штаба этой Арміи, которая получила названіе Южной Арміи съ подчиненіемъ ея генералу Деникину. На мѣсто командующаго этой Арміей предполагалось пригласить генерала Щербачева, или генерала Н. І. Иванова. Раньше Атаманъ велъ объ этомъ переписку и съ Ник. Ник. Головинымъ, ища его помощи и совѣта. Н. Н. Головинъ отказался быть создателемъ этой Арміи, ссылаясь на нездоровье, на дѣлѣ же онъ не хотѣлъ работать съ генераломъ Щербачевымъ, съ которымъ у него были старые нелады и считалъ невозможной работу съ Ивановымъ.

Генералъ М. М. Драгомировъ сказалъ, что раньше нежели отвѣтить, онъ долженъ съѣздить въ Екатеринодаръ. Изъ Екатеринодара онъ привезъ категорическій отказъ. Безъ чувства гадливаго пренебреженія онъ не могъ говорить о Южной Арміи.

— «Это нѣмецкая затѣя!.. Это дѣлается на нѣмецкія деньги лишь для того, чтобы помѣшать работѣ Добровольческой Арміи. Эта армія создается не на пользу, а во вредъ Россіи ея заклятыми врагами нѣмцами»...

Напрасно Атаманъ доказывалъ ему, что армія будетъ обезпечена деньгами, которыя даетъ на нее Гетманъ, что Гетманъ даетъ деньги потому, что онъ лично заинтересованъ въ томъ, чтобы границы Украины были защищены отъ большевиковъ, что кромѣ того деньги дадутъ Русскіе банки и войско Донское. Генералъ Драгомировъ получилъ категорическое приказаніе въ Екатеринодарѣ отказаться отъ этой арміи, и отказался.

Вести переговоры съ генераломъ Щербачевымъ не удалось и Атаманъ остановился на бывшемъ главнокомандующемъ Юго-Западнымъ фронтомъ и героѣ Львова и Перемышля генералѣ отъ артиллеріи Н. І. Ивановѣ. Генералъ Ивановъ проживалъ въ бѣдности въ Новочеркасскѣ безъ всякаго дѣла. Скромный

и благородный, онъ постоянно отказывался отъ всякой помощи отъ Атамана, и Атаману приходилось ему помогать тайно. Пережитыя имъ въ Петербургѣ и Кіевѣ страшныя потрясенія и оскорбленія отъ солдатъ, которыхъ онъ такъ любилъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и немолодые уже его годы отозвались на немъ и нѣсколько разстроили его умственныя способности. Онъ сильно ослабѣлъ. Но онъ былъ знамя, къ которому охотно шли офицеры. Онъ пользовался репутаціей и былъ въ дѣйствительности безупречно честнымъ человѣкомъ и стоялъ внѣ политики. Однако, и онъ не рѣшался взять на себя этотъ постъ безъ переговоровъ въ Екатеринодарѣ съ генераломъ Деникинымъ. Изъ Екатеринодара онъ пріѣхалъ сумрачный и недовольный. Видимо сильно его разстроили тамошніе политики, но командовать арміей согласился.

— «Я объ одномъ прошу, чтобы пока что», — сказалъ онъ Атаману, — «армія была подчинена командующему Донской Арміей и вамъ. Святославу Варламовичу (Денисову) и вамъ я вѣрю. Это Русское дѣло и отказываться отъ него грѣхъ. По мѣрѣ силъ моихъ буду работать. А тамъ — не судите строго. Времена то нынче не тѣ».

Начальникомъ штаба онъ взялъ себѣ энергичнаго, талантливаго, но немного суетливаго генерала П. И. Залѣсскаго. Армію предполагалось составить изъ трехъ корпусовъ: — Воронежскаго, формируемаго союзомъ «Наша Родина» изъ Кіева, Саратовскаго, формируемаго изъ Саратовскихъ крестьянъ-бѣженцевъ полковникомъ генеральнаго штаба Манакинымъ, и Астраханскаго, возглавляемаго Астраханскимъ Атаманомъ княземъ Тундутовымъ. Впослѣдствіи предполагалось каждый корпусъ развернуть въ армію и создать южный фронтъ, въ который должна была влиться Донская Армія. Но эти широкіе замыслы не удались, потому что съ самаго начала въ Южную Армію вмѣшалась политика, и армія эта была не народной, а политической, и какъ ни боролся съ этимъ Атаманъ и Н. І. Ивановъ, имъ не удалось исправить ошибки, положенныя въ самомъ началѣ организаціи.

Атаманъ принялъ готовый матеріалъ для созданія Южной Арміи, но матеріалъ этотъ оказался гнилымъ, и армія распалась, ничего для Россіи не давши.

Союзъ «Наша Родина» былъ чисто монархической организаціей. Во главѣ его стоялъ опытный и ловкій общественный дѣятель, г. Акацатовъ. И онъ и члены союза хотѣли, чтобы армія вела Россію къ старому порядку и возстановленію монархіи хотя бы насильственнымъ путемъ. Еще армія не существовала и только между крупными земельными собственниками и монархическими организаціями собирались на нее деньги, какъ уже около нея сплеталась политическая интрига, и каждый старался использовать ее для политическихъ цѣлей. Проживавшій въ это время въ Харьковѣ бывшій командиръ III кавалерійскаго корпуса гр. Келлеръ, рыцарь, оставшійся безупречно вѣрнымъ Государю и непоколебимо преданный идеѣ монархіи, писалъ еще 9-го октября, то-есть до свиданія Атамана съ Гетманомъ, слѣдующее относительно этой арміи Атаману:

...«Скоропадскій повидимому предполагаетъ ввести всѣхъ въ заблужденіе, намѣревается сформировать подъ видомъ Русской Арміи — украинскую, отнюдь не монархическую армію, съ единой цѣлью охраны сѣверныхъ границъ Украины отъ большевиковъ, предвкушая прелести своего коронованія на престолъ украинскаго королевства, которое онъ рисуетъ себѣ въ томъ же положеніи отно ительно Россіи или Австріи (это не доказано), въ какомъ была Саксонія относительно Германіи.

«Къ новой арміи, которую надумалъ формировать Скоропадскій, онъ, Лейхтенбергскій и Бискупскій, рядомъ интригъ силятся притянуть и Южную Армію.

«Положеніе нашего отечества въ настоящую минуту, когда союзники каждый день могутъ высадиться у насъ на югѣ, настолько серьезно, что мнѣ казалось бы времени терять нельзя, такъ какъ высадившіеся англо-французы могутъ ложно учесть положеніе въ Россіи; видя, что есть фронтъ Учредительнаго Собранія, существуетъ Добровольческая Армія съ программою далеко не монархическою и т. п., но не видя реальной силы, открыто стремящейся къ объединенію Россіи и Монархіи они могутъ вообразить, что въ нашемъ отечествѣ всѣ только мечтаютъ о республикѣ.

«Казалось бы, настала минута, когда необходимо спѣшить изъ всѣхъ силъ, дабы организовать изъ Астраханской и Южной Армій одну сильную монархическую армію, которая поддержанная Дономъ и всѣмъ казачествомъ, а также торгово-промышленниками и народомъ въ Малороссіи представилась бы союзникамъ реальной силой, не признающей другой идеи, кромѣ единой недѣлимой Россіи съ законнымъ Государемъ на Престолѣ»...

Такіе планы совершенно не соотвѣтствовали политической обстановкѣ на Дону. Атаманъ всегда считалъ, что армія должна быть внѣ политики. Лучшая та армія, которая слѣпо и не разсуждая повинуется своему вождю, но если невозможно создать такую армію, то армія должна быть національной и стремиться только къ освобожденію Россіи отъ большевиковъ, предоставивъ вопросы будущаго вырѣшить исторіи, вождямъ, народу черезъ Учредительное Собраніе, Земскій Соборъ, словомъ, *кому угодно, но не солдатамъ и офицерамъ*.

Въ Кіевѣ союзъ «Наша Родина» готовилъ армію опредѣленно монархическую. Ею руководили герцогъ Лейхтенбергскій, генералъ Шильдбахъ (Литовцевъ) и генералъ Семеновъ. Послѣдній фактически являлся начальникомъ уже собранной группы офицеровъ, солдатъ и юнкеровъ. Генералъ Семеновъ, гвардейскій офицеръ, любитель покутить, человѣкъ недалекій — сдѣлался центромъ, къ которому стремились тѣ офицеры и та молодежь, которая не хотѣла ѣхать къ Деникину, опасаясь попасть въ бой. Южная Армія только формировалась, когда она попадетъ на фронтъ, было неизвѣстно, и къ ней выгодно было приписаться героямъ тыла, любителямъ воевать на Крещатикѣ и на Подолѣ. Офицеры понадѣвали на себя погоны, нашили на рукава полоски бѣло-желто-чернаго цвѣта — «Романовскихъ» цвѣтовъ, и двуглавые орлы, распѣвали по кафэ «Боже Царя храни» и очень мало думали о спасеніи родины и о Царѣ.

Атаманъ настойчиво потребовалъ переселенія ихъ изъ Кіева въ Кантемировку, гдѣ въ деревенской глуши они больше могли заниматься дѣломъ. Съ большимъ трудомъ, отрѣшивши отъ командованія корпусомъ Шильдбаха-Литовцева, Атаману удалось добиться переселенія Семенова со штабомъ и «организаціей» въ раіонъ Чертково и Кантемировки. Здѣсь Атаманъ и Н. І. Ивановъ произвели смотръ пріѣзжимъ и убѣдились въ томъ, что союзъ «Наша Родина» работалъ въ цѣляхъ не военнаго, боевого дѣла, но политики. Въ «корпусѣ» едва насчитывалось 2000 человѣкъ. Изъ нихъ не болѣе половины было боеспособныхъ, остальное были священники, сестры милосердія, просто дамы и дѣвицы, офицеры контръ-развѣдки, полиція (исправники и становые), старые полковники, расписанные на должности командировъ несуществующихъ полковъ, артиллерійскихъ дивизіоновъ и эскадроновъ и, наконецъ, разныя

личности, жаждущія должностей губернаторовъ, вице-губернаторовъ и градоначальниковъ съ болѣе или менѣе яркимъ прошлымъ.

Вся эта публика наполнила Кантемировку шумомъ и скандалами. Семеновъ началъ водворять по уѣздамъ Воронежской губерніи, только что очищеннымъ казаками, земскую полицію стараго режима со всѣми ея недостатками — взятками и лихоимствомъ.

Это такъ не согласовалось съ обѣщаніями Атамана и его программой, такъ не соотвѣтствовало вожделѣніямъ населенія, что возбудило общее неудовольствіе, вылившееся мѣстами въ бунты, усмирять которые пришлось казакамъ.

Въ боевомъ отношеніи армія эта не многаго стоила. Въ политическомъ — она повредила Атаману и создала для враговъ его благодарную почву для обвиненія Атамана въ стремленіи вернуть все «къ старому режиму» и способствовала разложенію сѣверныхъ округовъ.

Атаманъ повыгналъ больше половины офицеровъ, порвалъ сношенія съ союзомъ «Наша Родина», обратился къ генералу Деникину съ просьбой снабдить Воронежскій корпусъ опытными офицерами изъ Добровольческой Арміи, но Деникинъ отвѣтилъ ему отказомъ, подъ предлогомъ не имѣнія офицеровъ, хотя Екатеринодаръ былъ переполненъ офицерами резерва.

Самозванный Астраханскій Атаманъ, князь Тундутовъ, гордо именовавшій себя другомъ Императора Вильгельма, оказался пустымъ и недалекимъ человѣкомъ, готовымъ на всяческую интригу и очень плохимъ организаторомъ. Онъ игралъ роль не то царя, не то полубога у калмыковъ, то предлагалъ себя и всѣхъ калмыковъ въ полное распоряженіе Атамана, носился съ фантастическимъ проектомъ созданія особаго юго-восточнаго союза, возглавляемаго «великимъ Атаманомъ», то, напротивъ, грозилъ идти со своими калмыками противъ донского войска. Его калмыки были босы и оборваны, сидѣли на двухлѣткахъ и трехлѣткахъ, большинство не имѣло сѣдель и оружія. Онъ былъ не страшенъ и не опасенъ, но безпокойства и тревоги доставилъ много. Астраханскій «корпусъ» численностью около трехъ тысячъ пѣхоты и тысячи конныхъ, несмотря на всю безалаберность управленія, все-таки хорошо дрался и довольно крѣпко оборонялъ восточныя стени за Манычемъ отъ бродячихъ шаекъ красной гвардіи. Въ предвидѣніи пріѣзда союзниковъ князь Тундутовъ со своимъ начальникомъ штаба полковникомъ Рябовымъ переѣхалъ въ Екатеринодаръ, гдѣ, желая услужить штабу генерала Деникина, занялся клеветою на Атамана.

Саратовскій корпусъ никакъ не могъ вырасти больше бригады. Бригада эта, составленная преимущественно изъ крестьянъ, ушедшихъ отъ большевиковъ изъ Саратовской губерніи и крѣпко ихъ ненавидѣвшихъ, отлично дралась вмѣстѣ съ казаками на Царицынскомъ, Камышинскомъ и Балашовскомъ направленіяхъ.

Продолжая активную борьбу съ большевиками на всѣхъ своихъ фронтахъ, Атаманъ и командующій арміей всѣми силами старались закрѣпить положеніе войска. Вдоль границы съ востока отъ Кантемировки на Богучаръ, Калачъ и далѣе, командующій арміей строилъ укрѣпленную полосу. Населеніе было вызвано рыть окопы, забивались колья, устраивались проволочныя загражденія. Ночью подходили къ нимъ большевистскіе развѣдчики, пытались выдернуть колья и скверно ругались: — «буржуйская затѣя!»

Атаманъ искалъ помощи и союзниковъ. Онъ понималъ, что одному ему не устоять противъ большевиковъ. Онъ видѣлъ реформы красной арміи и сознавалъ, что на реформы надо отвѣтить усиленіемъ своей боевой мощи.

Осенью 1918 года заканчивается первый періодъ борьбы съ большевиками. Періодъ, когда народная Донская армія боролась противъ разбойничьихъ красногвардейскихъ бандъ.

Наступалъ второй періодъ — противъ Народной Донской Арміи появилась только что созданная Народная Красная Рабоче-Крестьянская Армія, построенная на принципахъ военной науки.

Усиліями военныхъ «спецовъ» различныхъ чиновъ и различнаго положенія къ зимѣ 1918 года на фронтѣ Донского войска были уже не разбойничьи банды, а худо ли хорошо ли, но сорганизованная армія, правильно управляемая своими штабами. Совѣтское командованіе, объявивши къ осени 1918 года своимъ главнымъ врагомъ Донского Атамана, сосредоточило на южный фронтъ 99 полковъ, изъ которыхъ на Донскомъ фронтѣ было 44 полка, на Добровольческо-Кубанскомъ 22, на Астраханскомъ 5 полковъ, на Курско-Брянскомъ 28 полковъ.

Въ это время Западный — Польско-Латвійскій фронтъ занимало 65 полковъ, Сѣверный — германо-финскій фронтъ 38 полковъ и Восточный — противъ Колчака 97 полковъ. А всего Совѣтская Армія насчитывала 299 полковъ.

Для уничтоженія всѣхъ дефектовъ Красной Арміи въ засѣданіи 15 ноября (нов. ст.) 1918 года В. Ц. И. К. постановилъ учредить совѣтъ рабочей и крестьянской обороны подъ предсѣдательствомъ Ленина. Совѣту обороны была предоставлена вся полнота правъ въ дѣлѣ мобилизаціи силъ и средствъ обороны въ интересахъ обороны. Непосредственное руководство арміей и флотомъ осталось по прежнему въ рукахъ революціоннаго военнаго совѣта республики. Въ цѣляхъ большаго сосредоточенія дѣятельности этого учрежденія было выдѣлено его бюро въ составѣ Троцкаго, главнокомандующаго—Вацетиса и одного члена Аралова.

Это уже былъ переходъ къ диктатурѣ одного лица, — такъ какъ при наличіи въ бюро Вацетиса и Аралова — Троцкій явился единоличнымъ вершителемъ судебъ Совѣтской Арміи.

Троцкій къ началу декабря 1918 года сосредоточилъ на Донской фронтъ 127 тысячъ солдатъ при 414 орудіяхъ и на фронтъ Добровольческой Арміи (къ 3-му декабря) — 60 тысячъ при 60 орудіяхъ.

Къ веснѣ 1919 года Совѣтское командованіе предполагало закончить организацію Красной Арміи и поставить подъ красныя знамена 3 милліона человѣкъ.

Однако осуществить эту программу Совѣтской власти мѣшало внутреннее неустройство страны. Власть держалась исключительно силою штыковъ. Необыкновенно показательнымъ является распредѣленіе броневыхъ машинъ Совѣтской Арміи. Всего въ распоряженіи Совѣтскаго командованія имѣлось къ концу 1918 года 122 машины, изъ которыхъ 6 находилось на западномъ фронтѣ, 25 на восточномъ, 45 на южномъ и 46 въ городахъ въ тылу. Одна Москва обслуживалась 24 машинами, и кромѣ того 12 машинъ было при латышской дивизіи, употреблявшейся со спеціально карательными цѣлями (противъ врага внутренняго — крестьянской бѣдноты).

Штабъ Южной Арміи, получившій въ октябрѣ мѣсяцѣ опредѣленное заданіе, смести съ лица земли все Донское казачество и занять во что бы то

ни стало Ростовъ и Новочеркасскъ, считавшійся главнымъ гнѣздомъ контръреволюціи, находился въ Козловѣ. Фронтомъ командовалъ генералъ генеральнаго штаба — «товарищъ» Сытинъ. Фронтъ состоялъ изъ 11-й арміи Сорокина (штабъ въ Невинномысской), дѣйствовавшей противъ добровольцевъ и кубанцевъ, 12-й арміи Антонова (штабъ въ Астрахани), 10-й арміи Ворошилова (штабъ въ Царицынѣ), 9-й арміи — генеральнаго штаба генералъ-маіора Егорова (штабъ въ Балашовѣ) и 8-й арміи — генерала Черкавина (штабъ въ Воронежѣ).

Сорокинъ, Антоновъ и Ворошиловъ являлись остатками прежнихъ выборныхъ главнокомандующихъ, всѣ остальныя высшія начальствующія лица были генералами Императорской Россійской Арміи, отлично разбиравшимися въ обстановкѣ.

Такимъ образомъ къ зимѣ 1918 года положеніе дѣлъ на Донскомъ фронтѣ слагалось весьма грознымъ образомъ. Донской Атаманъ и командующіе арміями генералы Денисовъ и Ивановъ вполнѣ отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ. Они отлично понимали, что періодъ «кустарическихъ операцій» миновалъ, что тѣ времена, когда одного казака было достаточно на десять красноармейцевъ, прошли, и серьезно готовились къ отпору.

Въ виду крайняго утомленія казаковъ, Донской Атаманъ совмѣстно съ командующимъ арміей рѣшилъ къ началу зимы закончить укрѣпленную полосу по границѣ земли войска Донского, прекратить наступательныя операціи, отойти изъ занятыхъ мѣстъ Воронежской губерніи и временно перейти къ оборонѣ. Этого повелительно требовала обстановка и настроеніе казачьихъ войскъ. Опираясь лѣвымъ флангомъ на Украину, занятую германскими войсками, а правымъ на Волгу съ трудно доступнымъ Заволжьемъ, Атаманъ надѣялся удержать войско Донское до весны, а за это время усилить и укрѣпить свою армію.

Глава XI

Наступленіе Донцовъ въ Воронежскую губернію. — Подвиги Гундоровскаго Георгіевскаго полка. — Мобилизація всего войска поголовно.

Еще въ началѣ августа Донская Армія занимала часть Богучарскаго уѣзда. Донское правительство не вмѣшивалось въ дѣла внутренняго управленія уѣздомъ; ово возстановило разрушенную большевиками городскую думу и всѣ земскія учрежденія и субсидировало Богучарское казначейство деньгами для того, чтобы жизнь въ уѣздѣ могла идти нормально. Атаманъ приказалъ приступить къ занятіямъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, собрать суды и другія правительственныя учрежденія и впредь до устройства Русскаго Центральнаго Правительства предписалъ сноситься съ Отдѣлами въ Новочеркасскѣ.

Бой ка генерала Алферова, работавшія здѣсь, были усилены освободившимися послѣ удаленія съ береговъ Азовскаго моря большевиковъ войсками Южнаго фронта и имъ было приказано развить успѣхъ, воспользоваться благопріятнымъ настроеніемъ среди жителей и овладѣть городомъ Новохоперскомъ, ст. Таловой и городомъ Калачомъ.

26 августа Донцами былъ занятъ Калачъ, 22 сентября гор. Павловскъ и сл. Бутурлиновка. Противникъ громадными силами, около шести дивизій

(однако не болѣе 12 тысячъ), въ концѣ сентября перешелъ въ наступленіе со стороны ст. Таловой. Казачій отрядъ Гундоровскаго и Мигулинскаго полковъ, силою около 2 тысячъ пѣхоты и 400 конницы, подъ начальствомъ генерала Гусельщикова прибѣгнулъ къ своей обычной тактикѣ. Быстрымъ отступленіемъ до самой Бутурлиновки вовлекъ противника въ мѣшокъ между своею пѣхотой и затѣмъ рѣшительнымъ ударомъ съ обоихъ фланговъ сдавилъ его въ долинѣ Бутурлиновки и принудилъ къ сдачѣ.

Почти цѣлый мѣсяцъ противникъ не предпринималъ ничего въ этомъ районѣ. Имя Гундоровцевъ было такъ извѣстно большевикамъ, что при встрѣчѣ съ казаками красноармейцы спрашивали: — «Гундоровцы» и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сдавались безропотно. Это дѣйствительно былъ особенный полкъ. Великолѣпно одѣтый въ новыя шинели, сѣрыя папахи, и обутый въ прекрасные сапоги, съ петлицами изъ георгіевскихъ лентъ на шинеляхъ и на воротникахъ защитныхъ мундировъ, съ донскими синими погонами съ номеромъ того полка, въ которомъ въ Германскую войну служилъ казакъ (преимущественно 10-го), за рѣдкимъ исключеніемъ всѣ Георгіевскіе кавалеры за Германскую войну, иные, имѣвшіе по 2, по 3 и по 4 креста, эти люди не только отличались мужествомъ и храбростью, но и необычайнымъ товариществомъ. Сила полка колебалась, въ зависимости отъ потерь, отъ одной до другой тысячъ человѣкъ пѣхоты, отъ 200—400 конницы, полкъ имѣлъ два своихъ орудія. Атаманъ не нарушалъ его организаціи, настолько прекрасно она была сдѣлана. Любовь къ родинѣ, неутолимая жажда славы и подвиговъ руководила этимъ полкомъ. Раненые не залеживались здѣсь по госпиталямъ, но едва оправившись, спѣшили снова въ ряды полка. Гундоровца рѣдко можно было встрѣтить въ Новочеркасскѣ, или Ростовѣ — они всѣ стремились къ своему полку. Послѣ большихъ потерь, когда полкъ таялъ, уменьшался численно, не дожидаясь никакихъ мобилизацій или пополненій, Гундоровцы писали въ свою станицу: — «Насъ мало. Высылайте пополненія». И шли старые и малые. Шли всѣ свободные, не взятые по мобилизаціи, но шли крѣпкіе и бодрые. Конница сидѣла на прекрасныхъ лошадяхъ и щеголяла ихъ уборкой, артиллерія имѣла отличныя запряжки. Впрочемъ, и станица была особенная. Въ ней уже нѣсколько лѣтъ существовало по почину станичниковъ основанное и на ихъ средства содержимое высшее политехническое училище.

Исторія борьбы съ большевиками знаетъ три такихъ полка — Марковскій и Корниловскій офицерскіе въ Добровольческой Арміи и Гундоровскій казачій въ Донской Арміи — рыцарскіе полки, безъ страха и упрека, никогда не считавшіе врага, не интересовавшіеся своими потерями, но жаждущіе только славы и побѣды.

Въ первыхъ числахъ ноября Гундоровцы обрушились неожиданно на врага и нанесли ему страшный ударъ. Озлобленный противникъ, въ рядахъ котораго уже появились коммунисты, перешелъ въ контръ-атаку, но Гундоровцы бросились на него у слободы Васильевки съ такимъ мужествомъ, въ такомъ грозномъ боевомъ порядкѣ не стрѣляющихъ и не ложащихся цѣпей, что красноармейцы побросали оружіе и сдались. Было взято 5000 плѣнныхъ и богатая военная добыча. Командующій арміей генералъ Денисовъ учелъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ было взято пять тысячъ плѣнныхъ, образовалось пустое мѣсто и приказалъ ударить туда всѣми силами. Донскія части послѣ упорнаго боя овладѣли городомъ Бобровымъ, а 10-го ноября штурмомъ заняли важный желѣзнодорожный узелъ — станцію Лиски.

Эта осень 1918 года была для Донской Арміи временемъ жестокихъ и упорныхъ боевъ на сѣверѣ и востокѣ войска. Командованіе Красной Арміи для того, чтобы парировать успѣхи казаковъ въ Воронежской губерніи, гдѣ казаки доходили до станціи Анны и были въ 35 верстахъ отъ Воронежа, собрало значительныя силы въ Тамбовской и Саратовской губерніяхъ, присоединило къ нимъ всѣхъ красныхъ казаковъ Миронова и, пользуясь тѣмъ, что въ этомъ мѣстѣ Грязе-Царицынская желѣзная дорога охватываетъ сѣверную границу войска, бросило все это на Хоперскій округъ. 40 тысячъ пѣхоты и конницы при 110 орудіяхъ, шесть по новому, отлично организованныхъ дивизій были двинуты по направленію къ Урюпинской и Усть-Медвѣдицкой станицамъ. Къ войскамъ пріѣзжалъ Троцкій; онъ говорилъ о томъ, что Красная Армія должна очистить Донъ отъ казаковъ и взять отъ нихъ хлѣбъ и каменный уголь. Операція этого наступленія была задумана въ широкомъ масштабѣ и, съ самаго начала ея исполненія, казаки увидали, что они имѣютъ дѣло съ регулярной арміей, руководимой опытными и знающими свое дѣло штабами.

Хоперцы были малочисленны. Ихъ не было и восьми тысячъ.

Генералъ Денисовъ пожертвовалъ успѣхами на Воронежскомъ фронтѣ, оставилъ Лиски и Бобровъ и спѣшно перебросилъ лучшія части Сѣвернаго фронта къ Усть-Медвѣдицкой станицѣ. Онъ ослабилъ нажимъ на Царицынъ, собиралъ конницу генерала Мамонтова и смѣлыми маневрами сбилъ непріятеля.

Къ 10-му ноября Красная Армія была выброшена изъ Хоперскаго округа, а въ Усть-Медвѣдицкомъ Округѣ Мироновъ «непобѣдимый» былъ дважды разбитъ на голову и бѣжалъ въ Саратовскую губернію. Троцкій заподозрилъ его въ измѣнѣ и казаку-коммунисту Миронову пришлось снова паломничать въ Москву и оправдываться передъ Троцкимъ и рев.-воен.-совѣтомъ.

Казачья конница съ орудіями подходила на 12 верстъ къ городу Камышину на Волгѣ.

Весь сѣверъ войска кипѣлъ войною. Орудія непрерывно гремѣли отъ Воронежа къ Камышину и отъ Камышина къ Царицыну. Два раза здѣсь казачьи части генерала Мамонтова подходили къ Царицыну, занимали уже Сарепту, и оба раза принуждены были отходить. Не было тяжелой артиллеріи, чтобы парировать огонь Царицынскихъ батарей, мало было силъ, чтобы преодолѣть и взять опутанную проволокой и весьма пересѣченвую оврагами Царицынскую позицію. Атаманъ не терялъ надежды до зимы овладѣть Царицынымъ, чтобы этимъ закончить наступательныя операціи. Для усиленія Царицынскаго фронта спѣшно укомплектовывались и вооружались 3-я Донская дивизія и 2-я стрѣлковая бригада молодой постоянной арміи, и выписаны были пушки изъ Севастополя, для которыхъ въ Ростовѣ, въ мастерскихъ Владикавказской желѣзной дороги, дѣлали особыя бронированныя платформы.

Чтобы закрѣпить до зимы все войско Донское, на Дону были мобилизованы всѣ казаки. Не было ни одной казачьей семьи, гдѣ кто-либо изъ мужчинъ не былъ убитъ или раненъ. Были семьи, которыя потеряли главу семьи и двухъ сыновей. Все отдавалось за свободу Родины — жизнь и достояніе. Всѣ лошади были отданы или въ строй, или въ обозы, коровъ и воловъ рѣзали безъ сожалѣнія, чтобы кормить фронтъ, хлѣбъ возили туда же, туда же отдавали послѣднее платье и бѣлье...

Трогательную картину представляли въ зимнее время казачьи транспорты, доставлявшіе на позиціи снаряды, колючую проволоку, хлѣбъ и мясо.

Съ оврага въ оврагъ, съ балки въ балку по безграничной степи по широкому военному шляху въ сумракѣ короткаго зимняго дня тянется длинный обозъ. Утомились лохматыя лошаденки и везутъ тихо, упорно, усердно, точно понимая всю важность того, что онѣ дѣлаютъ. Не слышно криковъ понуканія и не хлещутъ бичи надъ ними. Некому понукать. За подводами идутъ дѣвочки и мальчики-подростки двѣнадцати, пятнадцати лѣтъ. Матери и старшія сестры остались дома заправлять хозяйствомъ. Тамъ безъ конца работы. Урожай былъ большой, а убирать его некому. Безъ всякой мобилизаціи труда все поднялось на работу. Женщины принялись жать, возить снопы, молотить, молоть, печь хлѣба для своихъ кормильцевъ, которые всѣ были на фронтѣ. Тутъ захватила подводная повинность. Фронтъ ушелъ далеко отъ войска, потребовались транспорты...

И вотъ въ зимнюю стужу дѣти возили тяжелыя клѣтки съ снарядами, ящики съ патронами, — безъ конвоя, безъ защиты, по глухой степи тянулись эти грозные транспорты и дѣтскіе голоса звонко перекликались надъ ними.

Оттуда не шли порожнякомъ. Везли страшную добычу... Добычу смерти!.. Везли раненыхъ и тѣла убитыхъ, чтобы похоронить на родномъ погостѣ. Хмуро маленькое личико, насупились юныя брови, низко надвинута барашковая шапченка на самые глаза. Мѣрно шагаетъ казачекъ съ ноготокъ за санями, на которыхъ длинно вытянулись чьи-то тѣла, накрытыя рогожами и кулями. Иногда любопытный вѣтеръ приподниметъ холстъ и почудится подъ нимъ чья-то вьющаяся мелкими завитками сѣдая борода и рядомъ черные кудри казачьи.

— Кого везешь-то, хлопчикъ?

— Да вотъ дѣда, да бачку... Обоихъ вчера снарядомъ убило... — и помолчавъ, гордо добавитъ: — на штурму рядомъ шли! Ихнихъ много побили. Наши-то, слышь, броневикъ ихній отбили, да пушекъ не то шесть не то восемь забрали... Двѣ тяжелыхъ... Съ лошадями, со всѣмъ... А вотъ, бачку да дѣда убило.

На фронтѣ въ полкахъ стояли люди отъ 19 до 52 лѣтъ, но были охотники и старше. Шелъ казакъ съ сыномъ, а съ ними увязывался и дѣдъ. «Все помогать буду — вы въ бой пойдете, а я вамъ кашу уварю! Такъ-то!»...

И стоялъ дѣдъ у каши, но когда услышалъ, что наша взяла, что на «уру пошли», и его раззадорило. Позабылъ и про кашу и пошелъ бить красныхъ!..

Таково было войско Донское, одинокое въ своей великой борьбѣ, но сильное своимъ глубокимъ патріотизмомъ и національнымъ чувствомъ, когда произошло величайшее событіе: — побѣда союзниковъ надъ центральными державами, отреченіе Императора Вильгельма отъ престола, разложеніе германской арміи и прибытіе союзниковъ на помощь добровольцамъ.

На Дону эти событія выразились въ томъ, что въ грозную минуту страшнаго напряженія борьбы, когда ни одного лишняго человѣка не было на фронтѣ, прибавился новый, западный Украинскій фронтъ протяженіемъ въ шестьсотъ верстъ, и явилась глубокая вѣра, что союзники придутъ и выручатъ, и всѣ данныя для этой вѣры были на лицо...

Глава XII

Посольство донцовъ къ союзникамъ. — Письмо Атамана генералу Франше-д'Эсперэ. — Декларація войска Донского. — Англійскій адмиралъ посылаетъ миноносцы въ Таганрогъ для освѣдомленія о донскомъ войскѣ.

При первомъ же извѣстіи о событіяхъ въ Болгаріи, Атаманъ поручилъ находившемуся въ городѣ Яссахъ по дѣламъ снабженія предметами артиллерійскаго довольствія генералу барону Майделю войти въ связь съ союзниками и нащупать почву для сношенія съ ними. Извѣстія отъ барона Майделя были получены самыя благопріятныя. Союзники вполнѣ благожелательно относятся къ Донскому войску, считаютъ, что сношенія и связь его съ германцами были вызваны обстоятельствами, но не измѣной и предательствомъ, наконецъ, союзники при первой же къ тому возможности помогутъ Дону и Добровольческой Арміи оружіемъ и живой силой. Союзникамъ нужна точная оріентировка о томъ, что происходитъ на Дону и чѣмъ они могли бы помочь Донскому войску и его Атаману въ борьбѣ противъ большевиковъ. Наконецъ, союзники стоятъ на томъ взглядѣ, что Россія должна быть возстановлена въ прежнихъ границахъ 1914 года, за исключеніемъ Польши, то-есть должна быть «великая, единая и недѣлимая».

Лучшаго отвѣта Атаманъ не могъ ожидать.

6-го ноября* Атаманъ снарядилъ Зимовую станицу — то-есть посольство, въ лицѣ двухъ горячихъ Донскихъ патріотовъ генералъ-маіора Сазонова и товарища предсѣдателя Большого Войскового Круга, бывшаго предсѣдателя Круга Спасенія Дона полковника Янова. Лица эти были назначены оффиціальными представителями войска Донского передъ державами Согласія. Они должны были передать письмо на французскомъ языкѣ генералу Франше-д'Эсперэ, командовавшему союзными войсками на востокѣ, и копію этого письма посланнику Русскому въ Румыніи С. А. Поклевскому-Козеллу. Къ письму этому былъ приложенъ изданный Донскимъ Атаманомъ 22 мая 1918 года политическій меморандумъ подъ названіемъ: «Декларація Всевеликаго войска Донского».

Въ этой деклараціи говорилось: —

«Всевеликое войско Донское, существующее, какъ самостоятельное государство съ 1570 года и входящее въ составъ Россійскаго Государства, какъ нераздѣльная его часть съ 1645 года, во всѣ времена и годы было вѣрнымъ сыномъ державы Россійской и таковымъ оставалось и послѣ революціи, стремясь вмѣстѣ съ Временнымъ Правительствомъ довести страну до Учредительнаго Собранія, на которомъ предполагалось установить образъ государственнаго устройства и дальнѣйшія свои отношенія къ Россійскому Государству.

«Большой Донской Кругъ и выбранный имъ Атаманъ Калединъ не могли признать власть народныхъ комиссаровъ за истинную и правомочную власть и отшатнулись отъ Совѣтской Россіи, ставшей игрушкой въ рукахъ безумцевъ большевиковъ и авантюристовъ и, провозгласивши себя самостоятельной Донской демократической республикой, вступили на путь борьбы съ Совѣтской властью.

«Жертвою этой борьбы палъ Атаманъ Калединъ, и Кругомъ Атаманская власть была передана Атаману Назарову. Въ неравной борьбѣ съ мятежными

* По старому стилю.

казаками и большевиками погибъ мученическою смертью на своемъ посту доблестный Атаманъ Назаровъ, и власть Атамана временно перешла въ руки походнаго Атамана Попова.

«Мужествомъ и энергіей Донского казачества и его вождей и руководителей войско Донское освобождено отъ большевиковъ, и Кругомъ Спасенія Дона я выбранъ 17-го сего мая (нов. ст.) Донскимъ Атаманомъ съ предоставленіемъ мнѣ впредь до созыва Большого Круга чрезвычайной власти, въ основныхъ законахъ указанной.

«Объявляя объ этомъ, я прошу Васъ, милостивый государь, передать Вашему Правительству, что:

1) «Впредь до образованія въ той или иной формѣ Единой Россіи, Войско Донское составляетъ самостоятельную демократическую республику, мною возглавляемую.

2) «На основаніи ранѣе, 21-го октября 1917 года, при Атаманѣ Калединѣ заключенныхъ договоровъ, Донская республика, какъ часть цѣлаго, входитъ въ составъ Юго-Восточнаго союза — изъ населенія территорій Донского, Кубанскаго, Терскаго и Астраханскаго казачьихъ войскъ, горскихъ народовъ Сѣвернаго Кавказа и Черноморскаго побережья, вольныхъ народовъ степей юго-востока Россіи, Ставропольской губерніи, Черноморской губерніи и части Царицынскаго уѣзда Саратовской губерніи и обязуется поддерживать интересы этихъ государствъ и ихъ законныхъ правительствъ.

3) «Относительно установленія точныхъ границъ и торговыхъ и иныхъ отношеній между Донскимъ войскомъ и Украиной ведутся переговоры, для чего послано посольство въ лицѣ Черячукина и Свѣчина.

4) «Донское войско не находится ни съ одною изъ державъ въ состояніи войны, но держа нейтралитетъ, ведетъ борьбу съ разбойничьими бандами красногвардейцевъ, посланныхъ въ войско Совѣтомъ народныхъ Комиссаровъ.

5) «И впредь Донское войско желаетъ жить со всѣми народами въ мирѣ на основаніи взаимнаго уваженія правъ и законности и соблюденія общихъ интересовъ.

6) «Донское войско предлагаетъ всѣмъ государствамъ признать его права, впредь до образованія въ той или иной формѣ единой Россіи, на самостоятельное существованіе, и государствамъ, заинтересованнымъ въ торговыхъ, или иныхъ отношеніяхъ прислать въ Войско, въ его столицу Новочеркасскъ, своихъ полномочныхъ представителей, или консуловъ.

7) «Въ свою очередь Донское Войско пошлетъ въ эти государства свои «зимовыя станицы», то-есть посольства, для установленія дружескихъ отношеній.

«Обо всемъ этомъ прошу Васъ, милостивый государь, широко объявить, съ согласія вашего правительства, всѣмъ гражданамъ Вашего государства. Донской Атаманъ генералъ-маіоръ Красновъ». *

Въ письмѣ генералу Франше-д'Эспере Атаманъ коротко писалъ о постепенномъ освобожденіи войска Донского отъ большевиковъ, о тѣхъ кровавыхъ жертвахъ, которыя при этомъ пришлось принести войску, о причинахъ, побудившихъ его войти въ сношенія съ Германіей и написать письмо Императору Вильгельму. Донской Атаманъ указывалъ на то, что силы, борющіяся противъ большевиковъ — Донская и Добровольческая Арміи — въ общемъ невелики,

* Декларація Всевеликаго войска Донского 22 мая 1918 года.

онъ писалъ, что безъ иностранной помощи Россію не спасти. Донской Атаманъ указывалъ, что единое командованіе будетъ возможно осуществить лишь тогда, когда Добровольческая Армія повернетъ на настоящее направленіе и пойдетъ на Москву. Наиболѣе желательными вождями для такового объединеннаго командованія Атаманъ называлъ генераловъ Щербачева и Николая Іудовича Иванова.

...«Безъ помощи союзниковъ освободить Россію невозможно», заканчивалъ свое письмо Атаманъ. — «Помощь эта можетъ выразиться въ присылкѣ снаряженія, оружія, техническихъ средствъ борьбы, обмундированія и денегъ, — тогда борьба затянется на одинъ, на два года, или въ присылкѣ кромѣ этого, еще 3—4 корпусовъ войскъ 90—120 тысячъ, тогда въ 3—4 мѣсяца можно всю Россію освободить.

«Совѣтскія власти ненавидимы Русскимъ народомъ, и Русскій народъ ждетъ только толчка, чтобы свергнуть ихъ. Красная Армія труслива, подвержена паникѣ и бѣжитъ даже отъ нашихъ войскъ, численно разъ въ 10 меньшихъ нежели она.

«Если назначить одинъ корпусъ для освобожденія Кавказа, одинъ вверхъ по Волгѣ на Царицынъ, Саратовъ, Самару, Пензу, Тулу и Москву, одинъ на Воронежъ, Рязань и Москву, и одинъ на Харьковъ, Курскъ и Москву, можно съ увѣренностью сказать, что только до Саратова, Воронежа и Курска придется идти походомъ и съ боями — по взятіи ихъ Москва падетъ и дальнѣйшее движеніе приметъ характеръ тріумфальнаго шествія и торжественныхъ встрѣчъ.

«Украину временно придется занять иностранными войсками...

«Было бы крайне желательно, чтобы теперь же опытные генералы французскихъ, англійскихъ или американскихъ войскъ прибыли бы въ Новочеркасскъ, посѣтили бы со мною фронты, посмотрѣли бы войска, чтобы они могли бы составить правильное представленіе какъ о Донской Арміи, такъ и о самомъ характерѣ борьбы съ большевиками.

«Изъ прилагаемаго при семъ правительственнаго сообщенія Войска Донского отъ 22-го мая сего года вы усмотрите, что войско Донское все время было вѣрно идеѣ единой, недѣлимой Россіи и за свободу, и счастье ея только и борется, разсчитывая на сохраненіе за собою своихъ вѣчныхъ привилегій и казачьихъ правъ.

«Податели этого письма, я это позволяю себѣ еще разъ повторить, являются вполнѣ освѣдомленными и полномочными послами моими для переговоровъ съ Державами Согласія, на которыхъ мы и теперь, какъ и всегда смотримъ, какъ на своихъ вѣрныхъ союзниковъ, притомъ обязанныхъ намъ за помощь въ 1914, 1915 и 1916 годахъ, когда мы, Русскіе, помогли имъ своими побѣдами въ Пруссіи и Галиціи»...*

Атаманъ преподалъ своимъ посланникамъ тотъ взглядъ, что онъ считаетъ, что союзники и особенно Франція **обязаны** помочь Россіи въ борьбѣ съ большевиками, что это ея нравственный долгъ и что Донскіе казаки вѣрятъ въ глубокую порядочность французской націи, которая не откажется въ уплатѣ по векселю. Атаманъ настаивалъ на полной самостоятельности Донского войска до тѣхъ поръ, пока не явится настоящее Россійское Правительство, будь то

* Письма Донского Атамана С. А. Поклевскому-Козеллъ и генералу Франше-д'Эсперэ отъ 6 ноября 1918 года № 034.

Императоръ, или Президентъ, или соберется полномочное Учредительное Собраніе, и Атаманъ не признавалъ генерала Деникина ни за диктатора, ни за полноправнаго главнокомандующаго, но смотрѣлъ на него только какъ на командующаго союзной арміей. Посланные имъ люди были строевые офицеры, полковникъ Яновъ притомъ же былъ пылкій, нѣсколько экзальтированный, влюбленный въ Донъ человѣкъ, гордый побѣдами и успѣхами Донскихъ казаковъ.

Когда Донскіе посланцы прибыли въ Яссы, Ясское засѣданіе тамъ уже закончилось. Генерала Франшэ д'Эспере въ Яссахъ не было и вмѣсто него былъ генералъ Бертелло. У Бертелло были уже готовыя инструкціи. Въ Версалѣ было рѣшено признать одного вождя и этимъ вождемъ былъ заочно признанъ генералъ Деникинъ. Съ нимъ шла слава кристальной чистоты и вѣрности союзникамъ, онъ глубоко ненавидѣлъ нѣмцевъ. Его агенты уже были при французскомъ командованіи. Они доложили объ измѣнѣ Гетмана Скоропадскаго Россіи, они нарисовали Донское войско полубольшевистскимъ государствомъ, руководимымъ нѣмцами, неимѣющимъ никакой арміи, словомъ «quantité négligeable», а Донского Атамана, какъ ставленника и клеврета Императора Вильгельма.

Все это было высказано генераломъ Бертелло на первомъ пріемѣ Сазонову и Янову, и встрѣтило съ ихъ стороны горячій, страстный отпоръ. Можетъ быть слишкомъ горячій и болѣе страстный, нежели позволяли требованія дипломатіи. Были сказаны упреки по адресу Добровольческой Арміи, было сказано, что самымъ бытіемъ своимъ Добровольческая Армія обязана Донскому войску и нѣмцамъ...

Разстались холодно, и дальнѣйшіе переговоры прервались. Только благодаря глубокому такту генерала Щербачева и его примирительной политикѣ черезъ три дня генералу Сазонову удалось добиться вторичнаго свиданія съ генераломъ Бертелло, на которомъ всѣ шероховатости были сглажены и Дону была обѣщана помощь въ одинаковой мѣрѣ съ Добровольческой Арміей.

Тамъ же было выяснено, что Украина непремѣнно вся будетъ занята иноземными войсками. Или союзники принудятъ оставить тамъ Германскія войска, или Украина будетъ занята англо-французской арміей. Помощь была обѣщана широкая, готовилась къ перевозкѣ на югъ Россіи вся Салоникская армія. Отъ союзниковъ вѣяло побѣдой, и Донскіе посланники вынесли то убѣжденіе, что побѣдители Германіи сокрушатъ и большевиковъ. Относительно присылки на Донъ своихъ представителей генералъ Бертелло высказался осторожно. Представители будутъ посланы въ Новороссійскъ къ генералу Деникину, на Донъ же никого посылать не предполагается, такъ какъ Донское войско разсматривалось въ Версалѣ, какъ часть Добровольческой Арміи.

Донесенія объ этомъ успокоили Атамана за его лѣвый флангъ — Украину, и Атаманъ приказалъ взять 36-ю Донскую дивизію изъ района Каменской станицы для усиленія Царицынскаго направленія, гдѣ ожидали только прибытія купленныхъ у нѣмцевъ 12 шестидюймовыхъ морскихъ орудій Канэ, платформы и установки для которыхъ были уже готовы и собраны въ Таганрогѣ. За пушками этими былъ посланъ въ Севастополь донской пароходъ «Сосіетэ».

Непосреднственнымъ сношеніямъ съ союзниками Атаманъ придавалъ только моральное значеніе, какъ поддержкѣ его вліянія и авторитета въ войскѣ. Большевики знали, конечно, о событіяхъ на западѣ и повели сейчасъ же широкую пропаганду о томъ, что союзники никогда не будутъ помогать ни Деникину, ни Донскому Атаману, потому что демократія

Западной Европы съ большевиками заодно и не допуститъ, чтобы ея солдаты пошли противъ большевиковъ.

Эта пропаганда имѣла большой успѣхъ, какъ въ Красной Арміи, такъ и у Донскихъ казаковъ. Прибытіе союзническихъ полковъ на фронтъ показало бы красноармейцамъ, что ихъ комиссары лгутъ. Красная Армія только что зарождалась. Факты сдачи цѣлыми тысячами, убійства комиссаровъ на фронтѣ, митинги и обсужденія боевыхъ приказовъ ясно показывали ея неустойчивость. Появленіе на фронтѣ даже незначительныхъ частей иноземныхъ войскъ должно было поразить воображеніе противника, а въ той войнѣ, которая была тогда — это было девять десятыхъ успѣха.

Обратно, непріѣздъ союзниковъ на Донъ, отсутствіе ихъ военныхъ частей на фронтѣ, или хотя бы въ тылу у казаковъ должно было окончательно подорвать силы казаковъ. А эти силы были напряжены теперь до крайности. Казаки держались только надеждами на скорую выручку и на помощь союзниковъ. Донскому Атаману нужно было добиться того, чтобы союзники были на Дону, на Донскомъ фронтѣ, потому что именно на Донскомъ фронтѣ разыгрывались теперь событія первостепенной важности, событія, которыя грозили самому существованію Дона. И съ этой стороны прибытіе союзниковъ только въ Новороссійскъ подрывало у казаковъ вѣру въ своего Атамана въ минуту рѣшительнаго сраженія на фронтѣ.

Но то, чего не удалось добиться оффиціальной донской миссіи генерала Сазонова и полковника Янова у генерала Бертелло, то совершенно частнымъ образомъ устроилъ адмиралъ Кононовъ, донской казакъ по происхожденію, бывшій случайно въ Севастополѣ, на встрѣчѣ англо-французской эскадры. Ему удалось снести съ англійскимъ адмираломъ Атамана Зимовой станицы Донского войска при Крымскомъ правительствѣ полковника Власова, они разсѣяли тѣ неправдоподобные слухи, которые распускались агентами генерала Деникина про Донское войско и его Атамана, заинтересовали адмирала въ военной и строительной работѣ Донского войска, и онъ отправилъ 21-го ноября (ст. ст.) изъ Севастополя два миноносца въ Таганрогъ. Оффиціальная цѣль похода миноносцевъ была заняться промѣрами Азовскаго моря, неоффиціально англійскому капитану Бонду и французскому капитану Ошэну (Hochain) было приказано съ нѣсколькими офицерами и матросами посѣтить Донское войско и доложить, кто правъ — Донскіе казаки, которые говорятъ о томъ, что войско Донское вполнѣ самостоятельное, организованное государство съ арміей, опирающееся на законы, или Добровольческая Армія, которая говоритъ, что Донское войско есть полубольшевистская страна, раздираемая анархіей и находящаяся въ полувассальномъ отношеніи къ Германской Имперіи.

На Дону начали готовиться къ встрѣчѣ такъ давно и такъ жадно ожидаемыхъ союзниковъ. И казалось, что яркое солнце появилось въ хмурые и холодные осенніе ноябрьскіе дни.

Глава XIII

Положеніе Добровольческой Арміи на Кубани. — Смерть лучшихъ вождей этой Арміи генерала Маркова и полковника Дроздовскаго. — Генералы Покровскій и Шкуро. — Отношенія къ Кубани и Дону. — Требованіе признанія Дономъ надъ собою власти генерала Деникина.

Послѣ освобожденія Екатеринодара и созыва Кубанской Рады положеніе Добровольческой Арміи на Кубани стало двойственнымъ. Кубанское войско,

видя быстрые успѣхи Донского войска въ государственномъ строительствѣ, мечтало освободиться отъ опеки Добровольческой Арміи и начать устраиваться такъ же, какъ и Донцы. Оно и планъ государственнаго устройства взяло Донской. Устроило у себя военное училище, приступило къ устройству офицерской школы, создавало Политехническій Институтъ и мечтало о своемъ Университетѣ. Рада разбилась на два главныхъ теченія: Украинское и самостійное. Украинцы уговаривали кубанцевъ, совершенно слиться съ ними и стать частью Украины. Объ этомъ вели переговоры предсѣдатель Рады Бычъ и Рябоволъ, самостійники стояли за устройство федераціи, въ которой Кубань была бы совершенно самостоятельной, и для проведенія этого они искали тѣснаго союза съ Донскими казаками. И тѣ, и другіе соединялись въ одномъ — въ стремленіи освободиться отъ опеки генерала Деникина. Умѣренная часть Рады — фронтовые казаки и войсковой Атаманъ Филимоновъ — держались за добровольцевъ. Они боялись остаться одинокими въ борьбѣ съ большевиками, хотѣли за счетъ добровольцевъ освободиться отъ большевиковъ. Атаманъ Филимоновъ всѣмъ былъ обязанъ генералу Деникину, но для казаковъ онъ былъ ничто. Война выдвинула своихъ героевъ, кумировъ народной толпы. Жадный до наживы кубанскій казакъ боготворилъ тѣхъ вождей, которые добычей считали не только оружіе и снаряды, но и имущество магазиновъ и кооперативныхъ лавокъ занятыхъ городовъ и селъ, которые налагали на жителей контрибуціи, взыскивали ихъ и дѣлились полученными деньгами съ казаками. Такими вождями были генералы Покровскій и Шкуро. Тотъ самый Покровскій, который въ апрѣлѣ пробовалъ самостійничать передъ генераломъ Корниловымъ, сталъ послушнымъ слугою у генерала Деникина. Характера онъ былъ рѣшительнаго и въ основу войны положилъ грабежъ. Когда соединенный Доно-Кубанскій отрядъ переходилъ весною 1918 года снова въ Кубанскую область, генералъ Покровскій до основанія взорвалъ фундаментальный желѣзнодорожный мостъ черезъ рѣку Кубань лишь для того, чтобы Донцы не перешли въ Кубань и не стали тамъ требовать своей части добычи. Пока въ его отрядъ входили Донскія части, между Кубанцами и Донцами были постоянные споры изъ-за добычи.

Другой кумиръ кубанцевъ былъ генералъ Шкуро. Молодой еще человѣкъ, онъ въ Русско-германскую войну командовалъ партизанскимъ отрядомъ при III кавалерійскомъ корпусѣ. Какъ и всѣ партизаны въ эту войну, онъ ничѣмъ особенно не отличался. Во время войны съ большевиками онъ выдвинулся быстрымъ освобожденіемъ и такою же быстрою сдачею Кисловодска. Однажды въ пзнемогавшій подъ большевистскимъ гнетомъ Кисловодскъ съ горъ спустился небольшой конный отрядъ, предводительствуемый элегантно одѣтымъ въ свѣжую черкеску молодымъ офицеромъ. Большевики послѣ недолгой перестрѣлки бѣжали. Отрядъ вошелъ въ городъ и сейчасъ же расклеилъ афиши объ освобожденіи города отъ большевиковъ частями Добровольческой Арміи Шкуро. Начальникъ отряда — это и былъ Шкуро — самъ тогда затруднявшійся, въ какомъ чинѣ онъ находится, потому что его подлинный чинъ есаула казался ему слишкомъ малымъ, ходилъ по парку, ѣздилъ по окрестнымъ станицамъ, поднималъ противъ большевиковъ Терское войско. Онъ потребовалъ, чтобы скрывшіеся по подваламъ и закуткамъ генералы и офицеры открыли свое званіе и явились къ нему регистрироваться. Это была очень неосторожная и преждевременная мѣра. Населеніе съ удивленіемъ узнало, что многіе сапожники и ремесленники — люди въ большихъ чинахъ. Шкуро собиралъ деньги на продолженіе борьбы, былъ кумиромъ Кисловодскихъ дамъ, какъ освободитель... Но,

когда изъ горъ загремѣла по Кисловодску большевистская артиллерія, а терскіе казаки Волгскаго полка изъ Пятигорска не то держали нейтралитетъ, не то примкнули къ большевикамъ, Шкуро такъ же быстро, какъ пришелъ, такъ и скрылся, уведя съ собою незначительную толпу Кисловодскихъ «буржуевъ».

Большевики снова вошли въ Кисловодскъ и жестоко расправились съ офицерами. Тогда отъ ихъ руки погибъ и Рузскій, одинъ изъ главныхъ виновниковъ отреченія Царя и начала Русской революціи.

«Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ!»...

Покровскій и Шкуро нравились кубанцамъ. Они отвѣчали и духу Добровольческой Арміи — духу партизанскому.

По мѣрѣ освобожденія Кубанскаго войска отъ большевиковъ число Кубанцевъ увеличивалось, и они преобладали надъ добровольцами. Ко времени прибытія союзниковъ, то-есть къ ноябрю 1918 года — въ Добровольческой Арміи считалось $35^1/_2$ тысячъ кубанцевъ и $7^1/_2$ тысячъ добровольцевъ. Не было прежнихъ вождей Добровольческой Арміи.

Убитъ былъ и красиво, истиннымъ героемъ, умеръ генералъ С. Л. Марковъ. 12-го іюня — въ одномъ изъ первыхъ боевъ Добровольческой Арміи послѣ отдыха на Дону въ станицѣ Мечетинской, — «предводительствуемыя генераломъ Марковымъ части 1-й пѣхотной дивизіи послѣ упорнаго боя овладѣли мостомъ и станціей «Шабліевка». Задача, поставленная дивизіи, составлявшей лѣвый флангъ Добровольческой Арміи, была блестяще выполнена. Врагъ бѣжалъ, но часть его артиллеріи еще продолжала стрѣлять, и однимъ изъ послѣднихъ снарядовъ былъ раненъ генералъ Марковъ».

Былъ раненъ въ ногу и умеръ отъ зараженія крови въ Ростовскомъ госпиталѣ другой герой-рыцарь Добровольческой Арміи — Дроздовскій.

Генералъ Деникинъ становился одинокимъ. Покровскій, Шкуро, новая знаменитость генералъ изъ рядовыхъ казаковъ, окончившій всего учебную команду военнаго времени, Павличенко не могли быть ему ни совѣтниками, ни помощниками, они сами нуждались въ совѣтахъ и руководствѣ, а генералъ Деникинъ все болѣе удалялся отъ арміи и углублялся въ политику.

Въ Новочеркасскѣ политикѣ не было мѣста. Донской Атаманъ опредѣленно отмежевался отъ политики и искалъ только работниковъ. Его кабинетъ управляющихъ отдѣлами былъ совершенно пестрый. Въ немъ были кадеты, были монархисты, управляющимъ отдѣломъ народнаго просвѣщенія былъ лѣвый соціалистъ-революціонеръ, почти большевикъ. Атаманъ одинаково разрѣшалъ собранія эсъ-эровъ, кадетовъ и монархистовъ и одинаково ихъ прикрывалъ, какъ только они выходили за рамки болтовни и пытались вмѣшаться во внутреннія дѣла войска. На Дону одновременно съ эсъ-эровской газетой «Пріазовскій Край» выходилъ монархическій «Часовой». На Дону разрѣшалось работать, но воспрещалось мѣшать работѣ другихъ. «Общественные дѣятели», если они не были у дѣла, на Дону не цѣнились. Съ Дона былъ высланъ М. В. Родзянко и на Дону дали понять А. И. Гучкову, что ему дѣлать тамъ нечего.

Все это собралось теперь въ Екатеринодарѣ. Генералъ Деникинъ оказался въ центрѣ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ политическихъ интригъ. Онъ поставилъ на своемъ знамени «единую и недѣлимую Россію» и все то, что не совпадало съ этимъ — было ему ненавистно, и онъ враждебно къ этому относился.

Скоропадскій былъ измѣнникомъ, измѣнниками были всѣ украинцы, а съ ними вмѣстѣ измѣнниками были и руководители Рады — Бычъ, Рябоволъ, П. Л. Макаренко и всѣ тѣ, которые мечтали о федераціи.

Какъ то, нѣсколько позднѣе, генералъ Деникинъ былъ на большомъ оффиціальномъ обѣдѣ у Кубанскаго Атамана въ его дворцѣ. Надъ дворцомъ, подобно тому, какъ это было на Дону, рѣялъ свой Кубанскій національный флагъ. Атаманъ сидѣлъ на первомъ мѣстѣ, Деникинъ на второмъ. Это его оскорбило и взорвало. Когда дошло дѣло до рѣчей, онъ сказалъ почти буквально слѣдующее:

— Недавно надъ этимъ дворцомъ развѣвалось красное знамя и подъ нимъ во дворцѣ сидѣла разная сволочь. Теперь надъ дворцомъ развѣвается знамя иныхъ цвѣтовъ и сидятъ иные, прочіе люди. Я жду, когда надъ этимъ дворцомъ взовьется флагъ единой великой Россіи! За единую, недѣлимую Россію, ура!..

Заслуги кубанцевъ въ бояхъ и на походѣ затирались. Въ донесеніяхъ о нихъ умалчивали, или ставили на второмъ мѣстѣ. Природные кубанскіе казаки за исключеніемъ Шкуро, Улагая и Павличенкова не занимали видныхъ мѣстъ. Въ штабѣ Деникина кубанцевъ не было, а генералы Русской службы Май-Маевскій, баронъ Врангель, Эрдели, Покровскій выдвигались на видныя мѣста. Это злило кубанцевъ.

Къ Дону отношеніе было сдержанное. На него тоже смотрѣли, какъ на неблагодарнаго сына и стремились прибрать къ рукамъ. Въ это время извѣстнымъ поэтомъ сатирикомъ Мятлевымъ въ Кіевѣ было написано слѣдующее остроумное стихотвореніе, рисующее положеніе юга Россіи къ прибытію союзниковъ:

Не поется мнѣ и не пишется,
День денской въ ушахъ моихъ слышится:
«Ахъ ты, Русь моя, Русь родимая,
Ты единая, недѣлимая!..»

Изъ хохловъ создавъ чудомъ націю,
Панъ Павло кроитъ федерацію,
«Ахъ ты, Русь моя и т. д.

Атаманъ Красновъ подпѣваетъ въ тонъ!
Будетъ тихій Донъ, нашъ казачій Донъ.
«Ахъ ты Русь моя и т. д.

И журчитъ Кубань водамъ Терека —
Я республика, какъ Америка.
«Ахъ ты Русь моя и т. д.

И другъ друга злѣй и нелѣпѣе,
Палачи галдятъ на Совдепіи.
«Ахъ ты Русь моя и т. д.

И лихой морякъ, и большой смѣльчакъ
На Сибири сѣлъ адмиралъ Колчакъ.
«Ахъ ты Русь моя и т. д.

И въ Уфѣ эсъ-эръ рѣчью пылкою
Возрождаетъ край учредилкою.
«Ахъ ты Русь моя и т. д.

Выѣзжаетъ ляхъ на позицію,
Подавай ему всю Галицію.
«Ахъ ты Русь моя и т. д.

Всю Лифляндію и Курляндію
Латыши хотятъ, финъ — Финляндію.
«Ахъ ты Русь моя и т. д.

И нельзя понять, чего хочетъ Крымъ.
Ханъ Набоковъ тамъ, Соломонъ-ли Крымъ?
«Ахъ ты Русь моя и т. д.

Всѣ спѣшатъ на югъ и подъ небомъ Яссъ
Шепчутъ всякій вадоръ и галдятъ зараз
«Ахъ ты Русь моя . . . и т. д.

Не хотимъ Павло, пана шираго,
Подавайте намъ Драгомирова.
«Ахъ ты Русь моя и т. д.

Власть растрепана, власть разсѣяна,
Вся надежда на Кривошеина.
«Ахъ ты Русь моя и т. д.

Мы сидимъ, сидимъ вродѣ узниковъ,
И все ждемъ чудесъ отъ союзниковъ.
«Ахъ ты Русь моя и т. д.

Господинъ Энно, господинъ Энно!
А ему плевать! И смотрѣть смѣшно.
«Ахъ ты Русь моя и т. д.

Но великъ Господь, и придетъ, какъ встарь
И на тронѣ сѣвъ, грозно крикнетъ Царь!
«Ахъ ты Русь моя, Русь родимая
Ты единая, недѣлимая . . .»

Пока дѣла Германіи были хороши, и все снабженіе шло въ Добровольческую Армію изъ Украины черезъ Донъ, отношенія Деникина къ Атаману были холодныя, но сдержанныя. Не желая оставить никакихъ слѣдовъ о томъ, что Добровольческая Армія получала патроны и снаряды отъ нѣмцевъ, генералъ Деникинъ не требовалъ письменно или черезъ свой штабъ нужнаго ему снаряженія, но къ Атаману или къ командующему Донской Арміей прибывали изъ Добровольческой Арміи частные люди (инженеръ Крюгеръ-Войновскій и др.), или кто либо изъ «общественныхъ дѣятелей» и разсказывалъ о тяжеломъ положеніи добровольцевъ, о томъ, что у нихъ не хватаетъ ни патроновъ, ни снарядовъ и что имъ необходимо послать столько-то того-то или того-то. Или объ этомъ передавалъ представитель Донского войска при Добровольческой Арміи генералъ отъ кавалеріи Смагинъ, и Донское войско, если только имѣло просимое сейчасъ же, иногда въ ущербъ своимъ частямъ, отправляло транспорты добровольцамъ. Отношенія между обѣими арміями были вначалѣ дружныя, но равныя. Донъ не считалъ себя подчиненнымъ генералу Деникину, и генералъ Деникинъ, избѣгая прямыхъ сношеній съ Дономъ, считалъ Донъ независимымъ отъ себя.

Какъ только стало извѣстно о побѣдѣ союзниковъ и о близкой перемѣнѣ «ориентаціи», Добровольческая Армія стала требовать отъ Дона все ей необходимое.

19 октября генералъ Лукомскій писалъ Атаману: — «Представитель артиллерійской части Всевеликаго Войска Донского на Украинѣ, генералъ-маіоръ баронъ Майдель довелъ до свѣдѣнія главнаго начальника снабженій Добровольческой Арміи, что Украина можетъ уступить Дону 640 пулеметовъ «Льюиса» и 30 милліоновъ патроновъ къ нимъ, 20.000 ручныхъ гранатъ, около 10 милліоновъ 3-хъ-линейныхъ патроновъ розсыпью и 100—200 тысячъ 3-хъ-дюймовыхъ пушечныхъ патроновъ.

«Въ виду острой нужды въ предметахъ артиллерійскаго снабженія обращаюсь къ Вашему Высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою, не признаете ли возможнымъ удѣлить Добровольческой Арміи часть изъ указанныхъ запасовъ, или оказать Ваше содѣйствіе къ полученію арміей отъ Украины, подъ видомъ снабженія Дона, слѣдующихъ предметовъ артиллерійскаго довольствія: 1) 100 пулеметовъ «Льюиса» и 5 милліоновъ патроновъ къ нимъ, 2) 10 тысячъ ручныхъ гранатъ, 3) 5 милліоновъ ружейныхъ патроновъ розсыпью, 4) 75 тысячъ 3-хъ-дюймовыхъ пушечныхъ патроновъ, изъ нихъ 25 тысячъ шрапнелей и 50 тысячъ гранатъ, по возможности французскихъ, 5) горныхъ 5 тысячъ, изъ нихъ двѣ тысячи шрапнелей и 3 тысячи гранатъ, 6) 48-линейныхъ — пять тысячъ, изъ нихъ 500 шрапнелей и 4500 бомбъ съ зарядами, 7) 6-тидюймовыхъ — три тысячи бомбъ. О послѣдующемъ прошу Васъ не отказать увѣдомить меня»...*

Атаманъ не могъ исполнить въ полной мѣрѣ этой просьбы Добровольческой Арміи, потому что онъ самъ ничего изъ обѣщаннаго не получилъ. Способъ требованія черезъ него запасовъ отъ Украины, нежеланіе Добровольческой Арміи сноситься непосредственно съ Гетманомъ, ея брезгливость къ Гетману и нѣмцамъ и вслѣдствіе этого выставленіе Атамана какимъ-то посредникомъ, наконецъ, та властная, обособленная политика, которую велъ Деникинъ, все это огорчало и возмущало Атамана. 13 октября онъ въ длинномъ письмѣ на имя генерала Смагина высказывалъ свои соображенія по этому поводу.

...«Спѣшу отвѣтить, хотя коротко, на Ваше письмо», писалъ Атаманъ. «Во первыхъ о патронахъ и снарядахъ. Почему войско Донское должно быть маклеромъ по продажѣ ихъ Добровольческой Арміи? Намъ и патроны, и снаряды нужны гораздо болѣе, нежели Добровольческой Арміи, и достаются они намъ съ большими трудами, непріятностями и волокитой. Мы ведемъ борьбу съ восемью совѣтскими арміями въ то время, какъ противъ Добровольческой Арміи только одна армія — Сорокина, да и та болѣе чѣмъ на половину выпущена противъ насъ. Намъ снаряды и патроны нужны не менѣе чѣмъ добровольцамъ и торговать ими мы не можемъ. Такого случая, чтобы мы задержали патроны отъ того, что намъ не выслали хлѣбъ за нихъ, не было. Не мы задерживаемъ патроны, а генералъ Эльснеръ не послалъ ихъ во время, да и способъ, который употребляетъ Добровольческая Армія для полученія отъ насъ патроновъ довольно странный. Она ихъ проситъ черезъ случайныхъ проѣзжихъ гражданскихъ инженеровъ, проситъ намеками, а не прямо. И тѣмъ не менѣе на прошлой недѣлѣ я послалъ Добровольческой Арміи

* Письмо Атаману Начальника Военнаго и Морского отдѣловъ Добровольческой Арміи, 19 октября 1918 г., № 48 с.

4 милліона патроновъ и 5 тысячъ снарядовъ. Но ни Кубань, ни Добровольческая Армія не могутъ разсчитывать получать отъ насъ патроны и снаряды по той простой причинѣ, что у насъ ихъ нѣтъ. Вы же знаете, что у насъ нѣтъ ни фабрикъ, ни заводовъ для изготовленія ихъ, и у насъ не было складовъ — все на Украинѣ, и значитъ, и Кубани, и Добровольческой Арміи чадо получать снаряды и патроны оттуда, для чего не самостійничать, а стремиться къ единой недѣлимой Россіи. На мнѣ теперь лежитъ еще и питаніе Южной Арміи — откуда же я возьму еще и для добровольцевъ, которые притомъ совершенно не считаются со мною и не желаютъ меня знать. Я, конечно, понимаю, что они мнѣ косвенно помогаютъ, но въ трудныя минуты нашей боевой жизни — это уже не первый разъ, что мы терпимъ неудачи изъ-за несогласованности нашихъ дѣйствій съ дѣйствіями добровольцевъ. Прибытіе отряда Сорокина и дивизіи Жлобы, не преслѣдуемыхъ по пятамъ добровольцами, и ударъ ихъ въ тылъ нашимъ войскамъ у Царицына произвели на казаковъ угнетающее впечатлѣніе.

«Вотъ Вамъ и еще примѣръ отношенія къ намъ Добровольческой Арміи. Добровольческая Армія просила у насъ сухіе и мокрые элементы, мы ей ихъ немедленно послали, не говоря о цѣнѣ и не торгуясь объ этомъ. Теперь намъ понадобилась мощная радіостанція, такъ какъ при помощи ея мы могли бы разговаривать и узнавать все, что дѣлается въ Петербургѣ, Москвѣ, Пензѣ, Уфѣ и т. д. Добровольческая Армія имѣетъ двѣ такія свободныя и совершенно ей ненужныя морскія станціи. Добровольческая Армія на нашу просьбу о станціи, которая и ей будетъ давать нужныя свѣдѣнія со всего свѣта, отвѣтила, что она можетъ уступить такую станцію за 300 тысячъ рублей. Согласитесь, что даже нѣмцы съ нами не торговались и предметы добычи отдавали или даромъ, или по пониженной оцѣнкѣ. Все это такъ некрасиво рисуетъ вождей Добровольческой Арміи.

«А присутствіе въ ней Семилѣтова и Сидорина?* Что это вызовъ Дону? Подготовка новой междоусобной войны?

«Стыдно и больно все это писать и какъ безконечно грустно. Ослѣпленные вожди и политиканы Добровольческой Арміи такими поступками марають честное бѣлое знамя Корнилова.

«Ваши свѣдѣнія о проходѣ флота союзниковъ черезъ Дарданеллы совершенно невѣрны. Дарданеллы и Босфоръ заняты исключительно германскими гойскими и германской артиллеріей, Чаталджинская позиція въ рукахъ германцевъ. Кому нуженъ этотъ обманъ? Зачѣмъ сулить скорую помощь — чтобы еще болѣе горькое было разочарованіе. Вѣдь изъ-за этого погибъ въ январѣ Калединъ, которому тоже обѣщанъ былъ десантъ союзниковъ. Но его не было и не такъ скоро онъ будетъ. А эти обманы такъ разстраиваютъ слабыхъ...

...«Вотъ и судите сами, Алексѣй Алексѣевичъ, кто виноватъ? Мы люди простые, безхитростно и просто, безъ шумливой рекламы ведемъ мы свое тяжелое солдатское дѣло. Тамъ — громкая шумная реклама. «Вечернее Время» и «Россія» съ кадилами лести въ рукахъ, тамъ манія величія и присвоеніе себѣ

---

* Генералы Сидоринъ и Семилѣтовъ не пожелали служить съ Донскимъ Атаманомъ и вышли въ отставку. Во время предвыборной кампаніи они ѣздили по Войску и агитировали противъ Атамана, говоря казакамъ, что Атаманъ продалъ Донъ нѣмцамъ. Семилѣтовъ кромѣ того не отчитался въ казенныхъ суммахъ и не расплатился съ партизанами. Они уѣхали въ Добровольческую Армію, гдѣ Семилѣтовъ въ Новороссійскѣ сталъ формировать особый отрядъ для борьбы съ большевиками слѣва и большевиками справа, какъ они называли Атамана.

титула спасителя отечества — хотя спасена одна двухсотая этого отечества. И намъ и жутко, и непріятно, и противно смотрѣть на эту шумиху, на эту мишуру въ святомъ для насъ дѣлѣ. Конечно это письмо только тема для Васъ. Оно не для огласки». *

Съ прибытіемъ союзниковъ генералъ Деникинъ нашелъ возможнымъ дать понять Донскому Атаману, что онъ во всемъ зависитъ отъ него и что хочетъ, или не хочетъ онъ, но ему придется подчиниться ему и подчинить Донскую Армію единому командованію. Донская Армія къ ноябрю мѣсяцу подошла къ Царицыну. Царицынъ былъ обложенъ съ трехъ сторонъ и сообщеніе его съ его тыломъ прервано. Атаманъ ожидалъ прибытія тяжелыхъ орудій, которыя были куплены въ Севастополѣ у нѣмцевъ и за которыми въ Севастополь прибылъ донской пароходъ «Сосіетэ».

Командированный на этомъ пароходѣ за орудіями офицеръ телеграфировалъ 18 ноября въ Новочеркасскъ: — «Адмиралъ Канинъ получилъ приказаніе генерала Деникина, никому покамѣсть ничего не давать». Одновременно съ этимъ капитанъ 1-го ранга Лебедевъ телеграфировалъ по поводу тѣхъ же орудій: «Генералъ Лукомскій приказалъ доставить платформы въ Новороссійскъ, гдѣ и будутъ установлены орудія по доставкѣ ихъ моремъ изъ Севастополя. Посылать орудія по желѣзной дорогѣ и въ Ростовъ не признано возможнымъ».**

Донское командованіе отвѣтило, что оно и не предполагало отправлять орудія по желѣзной дорогѣ, но что за ними посланъ пароходъ. Начальнику генеральнаго штаба Добровольческой Арміи генералу Вязьмитинову было передано по прямому проводу изъ Новочеркасска въ Екатеринодаръ, «что это вопросъ серьезный и срочный. На организацію поѣздовъ (броневыхъ) и личнаго состава затрачено много энергіи и денегъ, а главное они страшно нужны на фронтахъ»...

Генералъ Вязьмитиновъ отвѣтилъ: — «По вопросамъ платформъ и орудій по докладу генералу Лукомскому сообщаю: Необходимо точно выяснить, для кого именно подготовляются поѣзда, такъ какъ приказаніе Главнокомандующаго предусматриваетъ воспрещеніе выдачи чего либо другимъ арміямъ кромѣ добровольческой. Средства для этой послѣдней приказано направлять Новороссійскъ, гдѣ и будетъ произведена установка орудій»...***

Генералъ Деникинъ начиналъ мстить Донскому Атаману и показывать ему, что все находится теперь въ его рукахъ. Послѣ длительныхъ переговоровъ и при содѣйствіи союзниковъ эти орудія удалось получить только къ февралю 1919 года, когда Азовское море замерзло, Донская Армія находилась въ разложеніи и не только нельзя было думать о штурмѣ Царицына, но приходилось спѣшно убирать войска съ Царицынскаго фронта!

Вопросъ о единомъ командованіи былъ особенно важенъ генералу Деникину въ виду того, что по мѣрѣ освобожденія Кубанскаго войска отъ большевиковъ Кубанская Рада все болѣе хотѣла освободиться отъ опеки генерала Деникина. Одинъ изъ ея членовъ П. Л. Макаренко предполагалъ, что настало

---

* Письмо Донского Атамана генералу отъ кавалеріи А. А. Смагину отъ 13 октября 1918 года, № 010.

** Телеграммы № 21 и № 1852/96 — 18-го ноября 1918 года.

*** Разговоръ по прямому проводу между Морского Генеральнаго Штаба Капитаномъ 1-го ранга Кононовымъ и генераломъ Вязьмитиновымъ 18-го ноября 1918 г.

время собрать конференцію изъ представителей Добровольческой Арміи, Дона и Кубани для рѣшенія вопросовъ, между которыми стояли и такіе:

Будущая Россія — федеративное или унитарное государство?

Какое положеніе займетъ въ ней Юго-Восточный Союзъ и изъ кого онъ будетъ состоять? Возможна ли теперь единая власть и кому она можетъ принадлежать?

Макаренко обратился со всѣми этими вопросами къ Донскому Атаману, который въ декабрѣ 1918 года отвѣчалъ ему:

... «Разсмотрѣвши вопросы, подлежащіе предварительному обсужденію въ согласительной комиссіи, то-есть на конференціи представителей Добровольческой Арміи, Дона и Кубани, я полагаю, что засѣданія таковой комиссіи являются преждевременными, такъ какъ большинство вопросовъ въ данное время рѣшено быть не можетъ, а гаданіе о будущемъ, не имѣя никакихъ данныхъ, явится лишь пустыми разговорами, для чего у меня нѣтъ свободныхъ людей, ни средствъ, чтобы оплачивать ихъ напрасную поѣздку и жизнь въ Екатеринодарѣ, — потому что:

«Будущая Россія — федеративное или унитарное государство — праздный вопросъ. Надо раньше освободить Россію отъ большевиковъ. Тогда прислушаться къ голосу подлинной Россіи, Россіи, пережившей муки большевизма, и всѣмъ вмѣстѣ обсудить этотъ вопросъ. Говорить объ этомъ Дону и Кубани — одной тридцатой Россіи, преждевременно. Логически, конечно, Россія — единая и недѣлимая, потому что самимъ создавать принципъ divide et impera — на свою голову не годится»...

...«Освобождены Донъ, три пятыхъ Воронежской губерніи, Кубань и части Ставропольской и Черноморской губерній. Донъ избралъ Атамана, Воронежская губернія признала этого Атамана, на Кубани, въ Ставропольской и Черноморской губерніяхъ повидимому признана власть Добровольческой Арміи. Остается столковаться Дону съ Добровольческой Арміей и идти вмѣстѣ по одному пути, потому что цѣли ихъ одинаковы: — единая недѣлимая Россія»...

...«Врядъ ли общая власть возможна»...

...«Нужно, чтобы Добровольческая Армія смотрѣла болѣе жизненно на эти вопросы и не требовала отъ Донскихъ и Кубанскихъ казаковъ невозможныхъ жертвъ. Мы пробовали сговориться, но это не удалось. Торговаться мы не умѣемъ и торговать кровью Донскихъ да, думаю, и Кубанскихъ казаковъ не будемъ»...

— «Надо, чтобы Добровольческая Армія стала на практическій путь работы съ казаками, а не за счетъ казаковъ». *

На 13-е ноября въ Екатеринодарѣ генераломъ Деникинымъ было собрано совѣщаніе между представителями Добровольческой Арміи, Дона и Кубани подъ предсѣдательствомъ генерала Драгомирова. Предстояло рѣшить три главныхъ вопроса — о единой власти (диктатурѣ генерала Деникина), единомъ командованіи и единомъ представителѣ передъ иностранными союзными державами. Отъ Донского войска были командированы генералъ-лейтенанты Грековъ и Свѣчинъ и начальникъ войскового штаба генералъ-маіоръ Поляковъ. Имъ отъ Донского Атамана были даны готовые отвѣты: — Диктатура генерала Деникина не можетъ быть признана, единое командованіе можетъ быть лишь при единомъ фронтѣ и единый представитель возможенъ и желателенъ.

* Письмо Донского Атамана И. Л. Макаренко, № 074.

Совѣщанія продолжались два дня. Генералъ Драгомировъ настаивалъ на полномъ подчиненіи Дона Добровольческой Арміи и на осуществленіи единаго командованія настолько, чтобы Добровольческая Армія могла бы распоряжаться каждымъ полкомъ Донской Арміи независимо отъ Донского Атамана.

Къ соглашенію комиссія не пришла, а отношенія обострились еще больше. Непосредственно за комиссіей начались репрессіи по отношенію войска Донского. Не были отпущены изъ Севастополя столь нужныя войску тяжелыя орудія, генералъ Семилѣтовъ получилъ разрѣшеніе на формированіе «донского отряда» въ Добровольческой Арміи, что давало возможность укрываться отъ мобилизаціи и нарушало организацію Донской Арміи. Въ отрядъ этотъ собирались всѣ недовольные и враждебные Атаману лица.

Наконецъ, было рѣшено не допускать представителей союзныхъ державъ на Донъ и всячески мѣшать непосредственнымъ сношеніямъ Дона съ союзниками.

Когда въ Екатеринодарѣ узнали о томъ, что капитаны Бондъ и Ошэнъ ѣдутъ на Донъ, министръ торговли и промышленности Добровольческой Арміи В. А. Лебедевъ телеграфировалъ предсѣдателю Войскового Круга В. А. Харламову, что Бондъ и Ошэнъ никѣмъ не уполномочены ѣхать на Донъ и являются подставными лицами, нанятыми Атаманомъ, чтобы инсценировать его дружбу съ союзниками...

Такъ съ пріѣздомъ союзниковъ началася жестокая интрига противъ Атамана и войска Донского, но имъ было уже не до того, чтобы парировать ее. Военныя событія измѣнились, войску Донскому угрожала гибель.

Глава XIV

События на Украинѣ и въ Германіи осенью 1918 года. — Разложеніе Германской Арміи. — Возстаніе Петлюры и Винниченко. — Обѣщанія французовъ. — Уходъ Гетмана. — Большевики на Украинѣ.

10-го ноября* Атаманъ Зимовой станицы на Украинѣ генералъ-маіоръ Черячукинъ писалъ управляющему отдѣломъ иностранныхъ дѣлъ войска Донского генералъ-лейтенанту Богаевскому: — «События идутъ быстрыми шагами. Императоръ Вильгельмъ отказался отъ престола. Въ Германіи соціалистическая республика. Въ Килѣ дѣлается то же самое, что у насъ было въ Кронштадтѣ. Говорятъ, образовалось нѣсколько республикъ. Отказъ Вильгельма страшно гнетуще подѣйствовалъ на армію, особенно убито духомъ офицерство. Здѣсь, украинцы начинаютъ побаиваться, поддержатъ ли ихъ нѣмецкіе солдаты противъ большевиковъ и не станутъ ли они злодно съ совдепами. Вообще настало время скорѣе вызывать союзниковъ, если дѣйствительно послѣдніе хотятъ намъ помочь въ борьбѣ съ большевиками. Вчера слышалъ, что переговоры Украины съ союзниками въ Яссахъ начались и благопріятно; говорятъ здѣсь, что союзники требуютъ отъ нѣмцевъ посылки двухъ корпусовъ противъ совденовъ и что будто сами готовы дать на Украину сколько угодно войскъ. Австрійцы совсѣмъ разложились и грабятъ все. Предназначенныя намъ къ отпуску изъ Ярмолинецъ тяжелыя орудія трудно вывезти изъ-за той разрухи, которую устроили тамъ австріяки; вагоны и поѣзда ими запружены, вообще картинка

* Новаго стиля.

изъ недавняго нашего прошлаго. Третьяго дня Гетманъ вызывалъ меня, Кубанцевъ, Терца и представителя Грузіи для предварительнаго обсужденія вопросовъ о тѣсномъ единеніи и о будущемъ положеніи. Будутъ заготовлены письма отъ Гетмана къ правительствамъ съ приглашеніемъ обсудить предварительно всеобщей мирной конференціи назрѣвшіе вопросы о будущемъ Россіи и о тѣхъ государствахъ, которыя теперь отдѣлились отъ Россіи. Я боюсь, что это уже поздно. Сегодня мы должны были быть вновь вызваны для прочтенія и полученія этихъ писемъ, но очевидно опять задержка». *

Это письмо было написано 28-го октября, а еще 24-го октября на Дону надѣялись на совершенно иное. Въ этотъ день у управляющаго отдѣломъ иностранныхъ дѣлъ былъ германскій маіоръ Кокенхаузенъ, который сообщилъ ему, что подъ вліяніемъ неудачъ на западномъ фронтѣ въ Германіи произошелъ цѣлый рядъ перемѣнъ. Рейхсканцлеромъ назначенъ принцъ Максъ Баденскій, Германское правительство нашло необходимымъ измѣнить свое отношеніе къ Совѣтской Россіи, между Совѣтской республикой и Германіей прекращены дипломатическія сношенія, условія Брестъ-Литовскаго мирнаго договора аннулированы, Германія отозвала своего дипломатическаго представителя изъ Москвы и выслала Іоффе, совѣтскаго посла, изъ Берлина. Маіоръ Кокенхаузенъ весьма секретно сообщилъ, это въ ближайшіе дни германскія войска, стоящія на Украинѣ, начнутъ военныя дѣйствія и перейдутъ въ наступленіе противъ совѣтскихъ войскъ...

Тогда — и это по тогдашнему настроенію и состоянію Красной Арміи, совершенно не желавшей драться съ нѣмцами — несомнѣнно такъ и было бы — тогда нѣмецкіе полки освободителями вошли бы въ Москву. Тогда нѣмецкій императоръ явился бы въ роли Александра Благословеннаго въ Москву и вся измученная интеллигенція обратила бы свои сердца къ своему недавнему противнику. Весь Русскій народъ, съ котораго были бы сняты цѣпи коммунистическаго рабства, обратился бы къ Германіи и въ будущемъ явился бы тѣсный союзъ между Россіей и Германіей. Это была бы такая громадная политическая побѣда Германіи надъ Англіей, передъ которой ничтожной оказался бы прорывъ линіи Гинденбурга на Западномъ фронтѣ и занятіе Эльзаса. И державы Согласія приняли всѣ мѣры, чтобы не допустить этого. Они усилили свой напоръ на фронтѣ, а требованія Вильсона и нежеланіе союзниковъ говорить о мирѣ съ Императоромъ Вильгельмомъ, но лишь съ германскимъ народомъ, пошатнуло положеніе династіи. Императоръ Вильгельмъ былъ принужденъ отказаться отъ престола, власть въ странѣ перешла въ руки соціалистовъ во главѣ съ Эбертомъ, а Императоръ Вильгельмъ съ наслѣднымъ принцемъ покинулъ страну. Въ войскахъ немедленно образовались совѣты солдатскихъ депутатовъ, а въ городахъ совѣты рабочихъ депутатовъ. Ни о какомъ выступленіи германскихъ войскъ противъ Совѣтской республики уже нельзя было думать. Въ самой странѣ начались безпорядки, поднятые большевистски настроенными группами Спартака. Грозные германскіе солдаты всего недѣлю тому назадъ суровымъ «Halt» останавливавшіе толпы рабочихъ и солдатъ на Украинѣ, покорно давали себя обезоруживать украинскимъ крестьянамъ. Украинскіе большевики останавливали эшелоны со спѣшившей домой баварской кавалерійской дивизіей, отбирали оружіе и уводили изъ вагоновъ лошадей!

---

* Письмо Атамана Зимовой Станицы Всевеликаго Войска Донского отъ 10 ноября нов. ст. № 886 получено въ Новочеркасскѣ 5-го ноября стар. ст.

Первыми покинули Украину австрійцы. Ихъ мѣста пришлось занять германцамъ, для чего германцы вывели свои гарнизоны изъ Ростова и Таганрога. Это входило въ планы Донского Атамана, и Ростовъ былъ занятъ образцово обученными частями Молодой Донской Арміи — Л. Гв. Казачьимъ полкомъ, двумя батальонами 1-го Пластунскаго полка и 1-й конной казачьей батареей, въ Таганрогъ были поставлены Л. Гв. Атаманскій полкъ, батальонъ 1-го Пластунскаго полка и Саперный батальонъ.

Но, когда германскія части стали покидать восточную границу Украины, и угольный районъ, гдѣ среди рабочихъ оставалось много большевиковъ, остался незащищеннымъ, Атаманъ, съ согласія Гетмана, выдвинулъ части 3-й и 2-й Донской дивизій и занялъ Луганскъ, Дебальцево и Маріуполь. Для этого пришлось прекратить наступательныя операціи на Царицынскомъ фронтѣ. Съ печалью смотрѣлъ командующій Донской Арміей, какъ постепенно, но очень быстро обнажался весь лѣвый флангъ съ тремя дорогами, идущими въ войско и тылъ его фронта, и открывались прямые пути на Ростовъ и Новочеркасскъ къ сердцу войска Донского. Въ дни страшнаго напряженія на сѣверѣ войска, когда всѣ резервы были уже введены въ боевую линію, командующему арміей пришлось создавать новый фронтъ — Западный, протяженіемъ въ 600 верстъ. Донской Атаманъ обратился съ просьбой о помощи къ генералу Деникину. Генералъ Деникинъ перебросилъ освободившуюся пѣхотную дивизію генерала Май-Маевскаго, которая заняла линію отъ Маріуполя до Юзовки. Эта линія была занята очень слабо, но вѣдь шли же, наконецъ, — союзники!

Въ серединѣ ноября послѣднею ушла изъ Кантемировки наиболѣе дисциплинированная 2-ая германская кавалерійская дивизія, а 4-го декабря изъ города Ростова ушелъ германскій штабъ съ маіоромъ Кокенхаузеномъ.

Лѣвый флангъ и тылъ Донской Арміи на протяженіи слишкомъ въ шестьсотъ верстъ уже не защищался, даже не охранялся, а только наблюдался кавалерійскими и пѣшими заставами.

Украина кипѣла и бурлила возстаніями. Петлюра, окруженный сѣчевыми стрѣльцами, соединившись съ Винниченко, поднялъ мятежъ, обвиняя Гетмана въ стремленіи соединиться съ Россіей. Къ нимъ примкнули щирые украинцы и масса голытьбы, желавшей пограбить помѣщичьи усадьбы и богатые города и села.

Въ ночь съ 3 на 4 ноября по улицамъ Кіева было расклеено воззваніе Винниченко и Петлюры съ призывомъ къ низверженію Гетмана и объявленію директоріи Украинской республики во главѣ съ Винниченко (голова), Петлюрой, Швецъ и Андреевскимъ.

Директорія, опираясь на сѣчевыхъ стрѣльцовъ въ Бѣлой Церкви, подняла возстаніе и, пополнивъ ихъ бандами изъ окрестныхъ деревень, двинулась на Фастовъ и далѣе на Кіевъ.

Почти одновременно съ этимъ вспыхнуло возстаніе въ другихъ центрахъ Украины: въ Харьковѣ появился Атаманъ Балбочанъ, потребовавшій отъ Донского правительства, чтобы оно убрало свои гарнизоны изъ угольнаго района и грозившій войною, въ Ровно, въ Житомірѣ, Ромоданѣ, Крутахъ, Елизаветградѣ и Екатеринославѣ — по всей Украинѣ рѣзали, жгли и подъ шумокъ расхищали имущество.

Идейно возстаніе это не пользовалось никакимъ успѣхомъ. На Петлюру и на его сообщниковъ смотрѣли просто какъ на разбойниковъ, но подавить это возстаніе, уничтожить этихъ разбойниковъ было некому. Нѣмецкіе солдаты

не повиновались своимъ офицерамъ. Надѣяться на нихъ было нельзя. Своей силы не было.

Русскіе «общественные дѣятели» успокаивали Гетмана, говоря, что возстаніе заглохнетъ само собою, что украинцы покончатъ съ Винниченко и Петлюрой, союзники изъ Яссъ дали знать, что они поддерживаютъ правительство Гетмана, и французскій консулъ Энно 9-го ноября долженъ былъ пріѣхать въ Кіевъ, а за нимъ было обѣщано прислать и французскія войска.

Между тѣмъ къ 7-му ноября сѣчевые стрѣльцы продвинулись къ ст. Боярка и потомъ подошли къ Жульянамъ.

Энно настаивалъ передъ нѣмецкимъ командованіемъ, что нѣмцы должны поддерживать порядокъ на Украинѣ, но что могло сдѣлать германское командованіе, когда войсками уже правили совѣты! 15 ноября германскій совденъ заключилъ съ повстанцами перемиріе, однимъ изъ пунктовъ котораго было то, что войска Гетмана должны отойти съ позиціи въ Кіевъ, оставивъ только сторожевое охраненіе, а петлюровцы должны были отойти на 30 верстъ отъ Кіева. Перемиріе это было заключено безъ вѣдома главнокомандующаго Украинскими войсками въ Кіевѣ генерала кн. Долгорукова и фактически не соблюдалось. Нѣмцы не только не охраняли Кіева, но мѣстами сдавали Петлюровцамъ оружіе и уѣзжали въ эшелонахъ, поданныхъ Петлюрою для желающихъ ѣхать на родину.

Союзники обѣщали, что 20-го ноября въ районѣ Жмеринки, Могилева на Днѣстрѣ, Одессѣ и Бирзулѣ будетъ сосредоточено до дивизіи союзниковъ, 27-го ноября изъ Константинополя прибудетъ двѣ дивизіи, а ко 2-му декабря съ устья Дуная еще 2—3 дивизіи...

Это были обѣщанія французскаго командованія на Черномъ морѣ. Обѣщанія генерала Бертелло. Но въ Версалѣ смотрѣли иначе. Въ Версалѣ одни не понимали, или не хотѣли понять всей важности назрѣвающаго момента, всей его психологической отвѣтственности, другіе желали видѣть Россію уничтоженной, сгорѣвшей на медленномъ огнѣ. Кромѣ той маленькой политики, которую вели военные начальники, видѣвшіе въ Русскихъ союзниковъ, друзей, несчастныхъ погибающихъ братьевъ и отъ всей души желающихъ имъ помочь, была еще другая большая политика, видѣвшая въ Россіи угрозу Персіи, Индіи и ближнему Востоку и вотъ эта-то другая политика и отставляла всѣ распоряженія первой политики.

Зло получилось ужасное.

Въ Совѣтской республикѣ со страхомъ и трепетомъ слѣдили за всѣмъ тѣмъ, что происходитъ въ Россіи. Побѣда союзниковъ была пораженіемъ большевизма. Это понимали и комиссары, понимали и красноармейцы. Какъ Донцы говорили, что не могутъ они одни бороться противъ всей Россіи, такъ и красноармейцы заявляли, что они не могутъ сражаться противъ всего міра. Появись въ эту минуту, именно зимою 1918 года, на фронтѣ въ Украинѣ и на Дону синіе капоты французскихъ солдатъ, или англійскія шинели — и большевизмъ бы рухнулъ. Но тогда рухнулъ бы и интернаціоналъ. Тогда началось бы братство народовъ, національностей, тогда были бы Россія, Франція, Англія, но не было бы одного лица — вѣрнѣе одной безличной народности. И вотъ въ Версалѣ отложили помощь Украинѣ.

Была и другая, грозная причина. Хотя французы и англичане увѣряли, что большевизмъ есть болѣзнь побѣжденныхъ армій, что они, побѣдители и ихъ арміи не тронуты этою страшною болѣзнью, на дѣлѣ было не такъ.

Французскіе и англійскіе солдаты не желали воевать съ большевиками, ихъ арміи уже были разъѣдаемы тою страшною гангреною усталости, которая явилась слѣдствіемъ войны.

И, когда союзныя войска не пришли на Украину, когда уже высадившіяся было въ Одессѣ союзныя войска покинули городъ и снова сѣли на суда, у большевиковъ явилась надежда на то, что въ міровой войнѣ побѣдятъ они, потому что демократіи Англіи и Франціи идутъ не противъ нихъ. И они стали ожидать того, что будетъ на Дону.

Защищать Украину и Гетмана остались наскоро сформированныя, состоящія изъ однихъ офицеровъ и учащейся молодежи дружины.

Петлюра требовалъ разоруженія всѣхъ Русскихъ офицеровъ, обѣщая имъ за это право свободнаго выхода изъ Украины. Слабые колебались. Помощи не было ни откуда. Гетманскія войска у Раздѣльной были разбиты и отходили къ Одессѣ.

Совѣтъ Украинскихъ министровъ послалъ Петлюрѣ делегацію, и въ ея составѣ секретаря французскаго консульства Мулена, съ просьбою разрѣшить офицерамъ проѣздъ съ оружіемъ на Донъ или Кубань; въ случаѣ согласія на это Кіевъ долженъ былъ быть сданъ безъ боя.

Гетману нечего было дѣлать. Тѣ самые «общественные дѣятели», которые убѣждали его въ необходимости вести болѣе Русскую политику и говорили, что съ Петлюрою никто не пойдетъ, предали его и повели переговоры съ Петлюрою. Гетманъ скрылся изъ Кіева. Совѣтъ министровъ передалъ всю власть городской думѣ и въ тотъ же день въ Кіевъ вошли войска Директоріи. Начались казни и самочинныя убійства Русскихъ людей, началось жестокое преслѣдованіе всего того, что носило имя Русскаго. Мать городовъ Русскихъ, стольный градъ Владиміра Святого и Ольги, Кіевъ сталъ ареной мученій Русскихъ людей за исповѣданіе ими любви къ Родинѣ...

Командованіе Совѣтскими войсками, какъ только узнало объ удаленіи Гетмана и о занятіи Петлюрой Украины, двинуло туда армію Ангопова, и она безъ труда одолѣла Петлюровскія банды и вскорѣ Харьковъ, а затѣмъ и Кіевъ были заняты большевиками. Петлюра со своими сѣчевиками бѣжалъ въ Каменецъ-Подольскъ.

Все вниманіе Атамана было обращено теперь на то, чтобы отстоять западныя границы войска Донского. Но въ виду ожиданія скорой помощи отъ союзниковъ Атаманъ надѣялся не только отстоять войско Донское, но вмѣстѣ съ Добровольческой Арміей и союзниками идти освобождать Москву отъ большевиковъ.

Глава XV

Прибытіе союзнической миссіи генерала Пуля въ Екатеринодаръ. — Пріѣздъ капитановъ Бонда и Ошэна на Донъ. — Торжественная встрѣча ихъ въ Новочеркасскѣ. — Поѣздка по войску.

На Дону союзниковъ ожидали уже около года. Большая часть интеллигенціи была настроена къ союзникамъ любовно и восторженно. Благодаря широкому распространенію въ Россіи англійской и французской литературы французы и англичане, несмотря на свою удаленность, были ближе Русскому сердцу,

нежели нѣмцы. Нѣмцы пользовались симпатіями и нравились простымъ казакамъ, какъ серьезный, трудолюбивый народъ, на француза простые люди смотрѣли съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, на англичанина съ недовѣріемъ. Крѣпко сидѣло въ простомъ Русскомъ народѣ убѣжденіе, что въ рѣшительныя минуты успѣховъ Русскихъ всегда — «англичанка гадитъ». Но интеллигенція вся была на сторонѣ союзниковъ и ожидала ихъ съ восторженнымъ нетерпѣніемъ.

Прибытіе союзниковъ это была эра въ понятіяхъ всего Русскаго общества. Поворотная точка въ борьбѣ съ большевиками. Придутъ союзники и сейчасъ же — быстрое наступленіе, побѣды, и Москва и Петроградъ, и свиданіе съ родными, и конецъ казнямъ и большевистскому застѣнку. И время до занятія Москвы при помощи союзниковъ измѣрялось недѣлями. Ну, черезъ два мѣсяца, весною, самое позднее, все будетъ кончено. И одни видѣли Земскій соборъ и выборы Царя, другіе Учредительное Собраніе и президента — это было неоспоримо.

Вѣдь должна же была вся эта разруха, наконецъ, кончиться!!..

Союзники пріѣхали въ Новороссійскъ; ихъ торжественно встрѣчали. Въ Новочеркасскѣ знали до мелочей, до самыхъ мельчайшихъ подробностей все, что было. Отъ Англіи пріѣхалъ генералъ Пуль, немного знающій по-русски, и полковникъ Киссъ, хорошо говорящій по-русски, отъ Франціи капитаны Фукэ и Бертелло и лейтенантъ Эрлихъ (Erlich). Послѣдній говоритъ по-русски, какъ русскій. Знали, что у добровольцевъ вышло недоразумѣніе съ Русскимъ гимномъ. Пили на торжественномъ обѣдѣ за великую, единую, недѣлимую Россію. Музыкантамъ надо было играть что либо послѣ. Заиграли Преображенскій маршъ.* Тогда генералъ Пуль попросилъ сыграть Русскій гимнъ. Переглянулись, пошептались и опять заиграли Преображенскій маршъ. Это отголкнуло отъ Деникина монархически настроенные элементы, а ихъ было не мало, особенно въ гвардейскомъ отрядѣ Кутепова.

Когда въ Новочеркасскѣ узнали объ этомъ, Командующій арміей, въ распоряженіи котораго находился войсковой хоръ, спросилъ Атамана, что играть, если будутъ пить за Россію.

— Русскій гимнъ, — отвѣчалъ Атаманъ.

— Какой? — спросилъ генералъ Денисовъ.

— Я знаю только одинъ Русскій гимнъ «Боже Царя храни» и, пока не написанъ и не утвержденъ другой, мы и должны его играть. Великая Россія относится къ прошлому, въ настоящемъ — Россіи нѣтъ, а будущаго мы не знаемъ... — отвѣчалъ Атаманъ.

Вопросъ былъ сдѣланъ не напрасно. Повидимому, въ программу союзниковъ входило нащупываніе политическихъ настроеній въ массахъ и этимъ путемъ.

25 ноября въ Новочеркасскъ прибыли союзники. Они шли до Маріуполя на миноносцахъ, а потомъ по желѣзной дорогѣ на Таганрогъ, Ростовъ и Новочеркасскъ. Какъ потомъ признавался капитанъ Бондъ, ѣхали не безъ страха. А что, если на Дону большевики? Какъ то проѣдутъ? Небольшія рабочія команды, которыя они видѣли въ Севастополѣ, принадлежавшія къ составу Добровольческой Арміи, внѣшнимъ видомъ своимъ довѣрія не внушали. Союзныхъ офицеровъ отговаривали ѣхать на Донъ. Тамъ, дескать, весь порядокъ

* Характерно то, что старыя и общеизвѣстныя слова Преображенскаго марша — «Русскаго Царя солдаты рады жертвовать собой» въ смыслѣ монархическомъ не менѣе компрометируютъ, нежели «Боже Царя храни», но англичане этого не знали.

держится на нѣмцахъ, а нѣмцы ушли и тамъ, какъ на Украинѣ, безпорядки и большевики.

Однако въ Маріуполѣ ихъ ожидалъ поѣздъ Атамана. Прекрасные вагоны, вагонъ-ресторанъ съ обильной ѣдой и винами, которыхъ они давно не видѣли, электрическое освѣщеніе, безупречная чистота, бравые провожающіе поѣздъ конвойные казаки и точное, по росписанію, движеніе поѣзда ихъ успокоили.

Въ Таганрогѣ на перронѣ стоялъ прекрасно одѣтый въ новыя шинели, съ бѣлой ременной амуниціей и весь въ кожаныхъ высокихъ сапогахъ караулъ Л. Гв. Атаманскаго полка, сотня съ хоромъ трубачей. Смѣло и увѣренно заиграли трубачи англійскій гимнъ и, когда офицеры дошли до середины фронта, начали играть гимнъ Франціи. Все это отзывало старымъ твердымъ строемъ, но не большевизмомъ. Въ 10 часовъ утра поѣздъ прибылъ въ Ростовъ. Такой же прекрасный караулъ Л. Гв. Казачьяго полка ихъ ожидалъ. На перронѣ стояли депутаціи отъ города, отъ французской и англійской колоній. Начались рѣчи, адреса.

Въ Новочеркасскѣ ихъ ожидалъ почетный караулъ 4-го Донского Казачьяго полка и опять депутаціи и хлѣбъ-соль отъ Новочеркасской станицы, первой станицы, куда прибыли союзники. По всему почти двухверстному пути отъ станціи до собора стояли шпалерами войска молодой Арміи, пѣхота, кавалерія и артиллерія.

Новочеркасскъ былъ полонъ гостей. Прибытіе союзниковъ на Донъ было торжествомъ политики Атамана, ожидались рѣчи глубокаго политическаго значенія, и присутствовать на этомъ торжествѣ были приглашены представители Добровольческой Арміи, Кубани и народовъ Сѣвернаго Кавказа и Астраханскій Атаманъ. Отъ Кубанскаго войска въ Новочеркасскъ прибыли генералъ Геймань, членъ Рады П. Л. Макаренко, отъ горцевъ — г. Гатагогу, отъ Астраханцевъ кн. Тундутовъ и его начальникъ штаба полковникъ Рябовъ-Рѣшетинъ, отъ Добровольческой Арміи генералъ-маіоръ Боровскій и полковникъ Шкуро. Большая часть членовъ Большого Войскового Круга съѣхалась въ Новочеркасскъ, чтобы привѣтствовать союзниковъ отъ народа. Англичанъ пріѣхало трое офицеровъ, капитанъ Бондъ и лейтенанты Блумфельдъ и Монро, и съ ними 10 матросовъ, французовъ тоже трое — капитанъ Ошэнъ и лейтенанты Дюпре и Форъ и 10 матросовъ.

Стоялъ пасмурный, но тихій день. Чуть таяло. Печальная торжественность разлита была въ воздухѣ. Такъ неутѣшная вдова въ глубокомъ траурѣ, но съ очаровательной улыбкой встрѣчаетъ жениха своей дочери, полная радости, но радости сдержанной, помнящей о невозвратимой потерѣ. Всѣ улицы были покрыты сплошными массами празднично одѣтаго народа. Несмотря на глубокую осень, у всѣхъ были цвѣты — хризантемы въ рукахъ. Каждый глубоко вѣрилъ, что пріѣздъ союзниковъ знаменуетъ свободу, конецъ этой страшной войнѣ, гдѣ братъ идетъ противъ брата, и этой вѣры нельзя было отнять у измученныхъ, столько разъ смотрѣвшихъ въ лицо смерти людей.

Автомобили длинной вереницей двигались по серединѣ бульвара Крещенскаго Спуска и имъ сопутствовали тихо-торжественные пѣвучіе звуки Донского гимна и несмолкаемое ура жителей и войскъ. По одну сторону бульвара стояли войска, по другую дѣти учебныхъ заведеній. И за тѣми, и за другими толпа народа, изъ которой непрерывно летѣли и сыпались дождемъ цвѣты осени, нѣжныя пушистыя хризантемы.

Съ собора шелъ перезвонъ: все духовенство въ золотыхъ ризахъ ожидало своихъ избавителей. Какъ только союзники вошли въ Соборъ, пріѣхалъ Атаманъ и начался молебенъ, который служилъ архіепископъ Донской и Новочеркасскій Митрофанъ, въ сослуженіи съ архіепископомъ Аксайскимъ Гермогеномъ.

Преосвященный Митрофанъ сказалъ короткое привѣтственное слово. При французахъ и англичанахъ были переводчики, которые переводили имъ каждую фразу.

Послѣ молебна мимо союзниковъ, окруженныхъ восторженной толпой народа, проходили войска. Это была молодая армія — прекрасно одѣтая въ зимнюю форму. За войсками въ оригинальныхъ англійскихъ костюмахъ шли дружины Новочеркасскихъ бой и герль-скаутовъ.

Въ тотъ же день, въ 7 часовъ, въ большомъ залѣ Атаманскаго дворца, увѣшанномъ портретами Донскихъ Атамановъ, былъ обѣдъ на 100 кувертовъ. Играли музыканты и пѣли донскія казачьи пѣсни пѣвчіе Войскового хора. Здѣсь присутствовали управляющіе отдѣлами, высшіе войсковые начальники и многіе члены Круга. Были представители всего войска. Ожидали, что скажетъ Атаманъ и что отвѣтятъ ему союзники.

Атаманъ произнесъ свою рѣчь по-французски — онъ привѣтствовалъ союзниковъ, какъ друзей великой Россіи. Онъ напомнилъ о вѣковомъ долгѣ Франціи, обязанной и за свою свободу въ 1814 году и за свое спасеніе въ 1914—15 и 16 годахъ...

...«Vous êtes assis, Messieurs, dans une salle historique», — сказалъ между прочимъ Атаманъ, — «des murs de laquelle vous êtes suivis des yeux muets des héros d'une autre guerre patriotique, de la guerre de mille huit cent douze. Platoff, Iowaïsky, Denisoff nous rappellent les jours sacrés, où la population de Paris saluait les cosaques du Don leurs libérateurs, où l'Empereur Alexandre I restituait la belle France des débris et décombres.

Ici retentit la musique, la lumière resplendit et les radieux visages rayonnent de plaisir.

Nous nous sommes rencontrés enfin avec nos braves Alliés, mais il nous est impossible d'être pleinement heureux. Nos Alliés ont atteint la victoire brillante et complète — l'ennemi est abattu, mais un des combattants de cette grande guerre — la Russie est ruinée, torturée, et presque annulée. La Russie — notre Patrie.

Le huitième mois les cosaques du Don et de Koubagne mènent une lutte sanglante pour la liberté et le bonheur de la Russie. Ils ont aidé l'Armée volontaire à s'organiser et se remettre après leur marche historique sur Koubagne.

Et maintenant, quand cette salle est pleine de lumière et de musique et quand partout en France, en Angleterre, en Amérique et en Italie se propage la jubilation victorieuse d'une si belle paix — ici coule toujours le sang des cosaques et des volontaires et on ne voit pas de fin à cet horrible massacre, on ne voit pas de secours contre ces bandes de brigands qui détruisent notre foi, nos maisons, qui martyrisent nos vieillards, nos femmes et nos enfants.

Nous sommes à bout de forces dans cette lutte héroique où un cosaque combat contre dix adversaires, où à un canon répondent vingt pièces ennemies. Nous attendons le secours.

Et voiçi le huitième mois, que les sombres ténèbres enveloppent notre terre. Maintenant comme si l'aube nous apparait, l'aurore s'illumine — l'aide

nous vient... et la crainte nous prend — la survivrons nous? les forces ne manqueront-elles pas à nos guerriers? Du mois de mai à novembre, sans aucune aide, tout seul, nous avons marchés sept cents verstes vers le cœur de la Russie — vers Moscou et ce n'est que cinq cents verstes qui nous en séparent.

Chacun de nous a de ses proches là-bas — moi j'ai une sœur à Moscou, un autre y a laissé son frère, son père ou sa mère, ils sont condamnés à la famine, à être torturés ou fusillés peut-être. Verront-ils venir l'heureuse journée de la libération?

C'est dur à prononcer, mais c'est votre secours uniquement qu'ils attendent, ce sont eux que vous devez aider — pas le Don. Non, avec orgueil nous pouvons dire — nous — nous sommes libres. Mais nos pensées, nos buts — c'est la grande Russie, la Russie fidèle à ses Alliés, qui servait bravement leurs intérêts, qui se sacrifiait pour eux et qui, maintenant aspire si ardemment à leur secours.

Il y a cent quatre ans de ça: au mois de mars le peuple français saluait l'Empereur Alexandre I et la garde russe. Et puis commençait une nouvelle ère de la vie française, qui la haussait au premier rang.

Il y a cent quatre ans de ça. Notre Ataman le comte Platoff fut l'hôte de Londres.

Et nous, nous vous attendons à Moscou. Nous vous attendons pour entrer au Kremlin ensemble aux sons triomphants des marches guerrières et de notre hymne national, afin d'éprouver ensemble toute la douceur de paix et de liberté.

La grande Russie! ces mots réunissent tous nos rêves et nos espoirs.

En attendant... en attendant nous sommes tristes, car le sang de nos cosaques coule toujours et les forces sont tendues jusqu'aux dernières limites pour sauver notre Patrie"...*

---

* «Вы находитесь, господа, въ историческомъ залѣ, со стѣнъ котораго на васъ глядятъ нѣмые глаза героевъ другой народной войны, войны 1812 года. Платовъ, Иловайскій, Денисовъ напоминаютъ намъ священные дни, когда населеніе Парижа привѣтствовало своихъ освободителей — донскихъ казаковъ, когда императоръ Александръ I воастановлнлъ изъ обломковъ и развалинъ прекрасную Францію.

«Здѣсь гремятъ музыка, горятъ огни и лица сіютъ счастіемъ. Мы встрѣтились, наконецъ, съ нашими доблестными союзниками, но мы не можемъ быть вполнѣ счастливы. Наши союзники одержали полную блистательную побѣду, врагъ побѣжденъ, но одинъ изъ сражавшихся въ этой великой войнѣ — Россія лежитъ въ развалинахъ, поругана, почти уничтожена. Россія — наша Родина!

«Восьмой мѣсяцъ Донскіе и Кубанскіе казаки ведутъ кровавую войну за свободу и счастье Россіи. Они помогли Добровольческой арміи сорганизоваться и устроиться послѣ ея историческаго Кубанскаго похода.

«И теперь, когда эта зала полна свѣтомъ и музыкой и когда повсюду во Франціи, Англіи, Америкѣ и Италіи идетъ веселое ликованіе по случаю столь прекраснаго мира — адѣсь льется кровь казаковъ и добровольцевъ и не видно конца этому ужасному избіенію, не видно помощи въ борьбѣ съ бандами разбойниковъ, разрушающихъ нашу вѣру, наши дома, мучающихъ нашихъ стариковъ, нашихъ женщинъ и дѣтей.

«Мы изнемогаемъ въ этой героической борьбѣ, гдѣ одинъ казакъ борется противъ десяти противниковъ, гдѣ на одну пушку отвѣчаетъ двадцать орудій непріятеля. Мы ожидаемъ помощи.

Восемь мѣсяцевъ какъ бы темная ночь окутала мракомъ нашу аемлю. И теперь лучъ свѣта передъ нами, заря загорается, помощь идетъ къ намъ... и мы боимся лишь одного — доживемъ ли до нея, хватитъ ли силъ у нашихъ воиновъ. Съ мая по ноябрь,

Послѣ рѣчи Атамана всталъ капитанъ Бондъ и заявилъ, что онъ и капитанъ Ошэнъ уполномочены заявить Донскому Атаману, что они являются оффиціально посланными отъ союзниковъ, чтобы узнать о томъ, что происходитъ въ Россіи. Союзники помогутъ всѣми силами и всѣми средствами, не исключая и войскъ, Донскимъ казакамъ и Добровольческой Арміи.

Эти слова были покрыты громовымъ ура! И особенно ликовали члены Круга, фронтовые казаки, тѣ люди, которыхъ война касалась непосредственно.

Затѣмъ шли тосты за войско Донское, за союзниковъ и, наконецъ, капитанъ Бондъ сказалъ:

— Я провозглашаю тостъ за великую Россію и я хотѣлъ бы услышать здѣсь вашъ прекрасный старый гимнъ. Мы не будемъ придавать значенія его словамъ, но я бы хотѣлъ услышать только его музыку!..

Едва только переводчикъ кончилъ переводить слова англійскаго офицера, какъ Атаманъ при гробовомъ молчаніи всего зала отчетливо сказалъ:

— За великую, единую и недѣлимую Россію! Ура!

Величаво мощные, волнующіе сердце, могучіе звуки стараго Русскаго гимна были исторгнуты изъ скрипокъ и трубъ. Всѣ мгновенно встали и застыли въ молитвенныхъ позахъ. Архіепископъ Гермогенъ плакалъ горькими слезами, и слезы лились по его серебристой сѣдой бородѣ. Всѣ были глубоко растроганы охватившими вдругъ воспоминаніями прошлаго и тяжелыми думами о настоящемъ.

Едва гимнъ кончился, громовое ура потрясло весь залъ и не смолкало до тѣхъ поръ, пока музыканты не начали играть снова гимнъ. Они принуждены были повторить его четыре раза.

Англичане и французы вынесли впечатлѣніе, что на Дону настроеніе монархическое. Но это было вѣрно только отчасти. Русскій гимнъ напомнилъ всѣмъ собравшимся времена великой славы Русской, времена побѣдъ, а не пораженій, времена благороднаго самопожертвованія, а не подлой измѣны. Но, если бы спросили казаковъ, хотятъ ли они вновь вернуться къ старому — болѣе половины рѣшительно отвѣтили бы — нѣтъ!

Простые казаки и крестьяне не желали реставраціи, потому что съ понятіемъ о монархіи первые связывали ноголовную принудительную воинскую

безъ всякой помощи, совершенно одни мы прошли семьсотъ верстъ къ сердцу Россіи — Москвѣ и только пятьсотъ верстъ насъ отъ нея отдѣляютъ.

«У каждаго изъ насъ есть тамъ родные. У меня сестра въ Москвѣ, другой оставилъ тамъ своего брата, отца или мать — они обречены на голодъ, имъ грозятъ страшныя муки, быть можетъ, разстрѣлъ. Дождутся ли они счастливаго дня освобожденія?

«Страшно сказать — но они ждутъ вашей помощи, и имъ, и только имъ вы должны помочь, не Дону. Мы можемъ съ гордостью сказать — мы свободны! Но всѣ наши помыслы, цѣль нашей борьбы — великая Россія, Россія, вѣрная своимъ союзникамъ, отстаивавшая ихъ интересы, жертвовавшая собою для нихъ и жаждущая такъ страшно теперь ихъ помощи.

«Сто четыре года тому назадъ въ мартѣ мѣсяцѣ французскій народъ привѣтствовалъ императора Александра I и Россійскую гвардію. И съ того дня началась новая эра въ жизни Франціи, выдвинувшая ее на первое мѣсто.

«Сто четыре года тому назадъ — нашъ атаманъ графъ Платовъ гостилъ въ Лондонѣ.

«Мы ожидаемъ васъ въ Москвѣ! Мы ожидаемъ васъ, чтобы подъ звуки торжественныхъ маршей и нашего гимна вмѣстѣ войдти въ Кремль, чтобы вмѣстѣ испытать всю сладость мира и свободы!

«Великая Россія. Въ этихъ словахъ всѣ наши мечты и надежды!

«А пока . . . Пока мы печальны — ибо все такъ же льется кровь казаковъ и наши силы напряжены до послѣдней степени, чтобы спасти Отечество . . .»

повинность, обязанность снаряжаться на свой счетъ и содержать верховыхъ лошадей, не нужныхъ въ хозяйствѣ, казачьи офицеры связывали съ этимъ представленіе о разорительной «льготѣ», плохія стоянки и безправное положеніе. Крестьяне думали о возвращеніи помѣщиковъ и о наказаніи за тѣ разоренія, которыя они сдѣлали въ помѣщичьихъ усадьбахъ, въ остальномъ имъ было все равно, республика или монархія, потому что по существу не многіе понимали разницу. Казакамъ кромѣ того нравился ихъ новый самостоятельный строй, ихъ тѣшило, что они сами теперь обсуждаютъ такіе серьезные вопросы, какъ вопросы о землѣ и земельныхъ нѣдрахъ. Что предполагала и чего желала Донская интеллигенція, сказать трудно. Она давно уже раскололась на два противоположныхъ лагеря — монархистовъ и соціалистовъ-революціонеровъ. Всѣ, кто считалъ себя передовыми, просвѣщенными людьми — учителя, юристы — все это было настроено крайне лѣво и тѣмъ не менѣе и они восторженно привѣтствовали Русскій гимнъ. Русскій гимнъ былъ для нихъ Русскимъ, но не Царскимъ гимномъ. Играли же и признавали они Донскимъ гимномъ «Всколыхнулся, взволновался Православный Тихій Донъ», но когда пѣли его, то пѣли съ новыми словами, гдѣ исключалась и преданность Монарху и готовность отдать свои жизни за Царя, за славу и побѣду. *

Позднѣе, когда французскій лейтенантъ Эрлихъ, встрѣтившій новый годъ въ офицерскомъ собраніи Л. Гв. Казачьяго полка и слышавшій, какъ тамъ играли Русскій гимнъ, настойчиво говорилъ Донскому Атаману, что «такая проповѣдь монархизма неумѣстна и не входитъ въ планы союзниковъ», Атаманъ сказалъ ему:

— Что прикажете мнѣ играть, когда величаютъ великую единую и недѣлимую Россію?

Эрлихъ молчалъ.

— Большевики играютъ вашу марсельезу, но это гимнъ Франціи, но не Россіи, — продолжалъ Атаманъ.

— Да, Марсельезу играть неудобно, — согласился Эрлихъ.

— У меня двѣ возможности — играть въ такихъ случаяхъ «Боже Царя храни», не придавая значенія словамъ, или играть похоронный маршъ. Я глубоко вѣрю въ великую единую и недѣлимую Россію и потому играть похоронный маршъ не могу... Я играю Русскій гимнъ и онъ всегда останется Русскимъ, что бы ни случилось.

Атамана за это за границей считали монархистомъ.

Русскій гимнъ какъ бы еще тѣснѣе спаялъ все общество, собравшееся въ Атаманскомъ дворцѣ. Капитанъ Бондъ, взволнованный всѣмъ видѣннымъ, нѣсколько разъ повторилъ: — «Какъ это хорошо! Какъ хорошо все то, что я вижу!»

На другой день офицеры союзныхъ державъ были на обѣдѣ, устроенномъ въ честь ихъ съѣхавшимися въ Новочеркасскъ депутатами войскового Круга. Это былъ вполнѣ «демократическій» обѣдъ. На главномъ мѣстѣ сидѣлъ предсѣдатель Войскового Круга В. А. Харламовъ, по правую его руку Атаманъ. Далѣе въ перемежку иностранные гости, управляющіе отдѣлами и члены Круга.

---

* Старыя слова Донского гимна: — «Всколыхнулся, взволновался Православный Тихій Донъ и послушно отозвался на призывъ Монарха онъ». Далѣе говорится о сборахъ въ походъ на Царьградъ. Пѣсня относится къ 1855 году. Донцы замѣнили всѣ слова, создавши трогательное стихотвореніе, рисующее мирную картину и готовность отстоять свою свободу.

Мундиры съ серебряными донскими погонами офицеровъ и генераловъ перемѣшались съ рубахами съ темносиними и защитными погонами простыхъ казаковъ и урядниковъ, избранниковъ народа, рядомъ съ изящно сшитыми въ Новочеркасскѣ сюртуками были домашняго изготовленія «тройки». Оживленіе было общее. Было много рѣчей. Но главное было то, что и англичане, и французы торжественно подтвердили, что они помнятъ заслуги Россіи, что они желаютъ ея освобожденія отъ большевиковъ и что они помогутъ Добровольческой Арміи и Донскому войску. Каждое слово союзниковъ, раздававшееся здѣсь въ залѣ бывшаго Областного Правленія, гдѣ былъ обѣдъ, звучало далеко и разносилось по самымъ глухимъ станицамъ и хуторамъ, доходило до казачьяго фронта. Депутаты съ обѣда шли на прямой проводъ и посылали во всѣ мѣста телеграммы о томъ, что они видали и что слышали.

И смыслъ ихъ телеграммъ былъ одинъ: — «Союзники съ нами и за насъ!...»

Это было 26-го ноября, день св. Георгія Побѣдоносца. Въ Новочеркасскѣ былъ традиціонный парадъ и обѣдъ Георгіевскихъ кавалеровъ. На этотъ парадъ съѣхались изо всѣхъ полковъ, со всѣхъ фронтовъ и позицій казаки, Георгіевскіе кавалеры. И они знали отъ своихъ депутатовъ, отъ людей, которымъ они вѣрили безусловно, они знали это отъ своего Атамана, который ихъ никогда не обманывалъ, что союзники прибыли и помощь близка — это говорилъ имъ Атаманъ на ихъ обѣдѣ въ станичномъ правленіи и въ гарнизонномъ собраніи и они сами видѣли иностранныя формы и слышали иностранную рѣчь на спектаклѣ въ театрѣ Бабенко, гдѣ въ ложѣ у Атамана сидѣли его гости — англійскіе и французскіе офицеры. На другой день они поѣхали по своимъ полкамъ на студеную обледенѣлую позицію въ свои примитивные окопы и они понесли ликующую вѣсть — помощь близка!..

27-го ноября союзники посѣтили Донскую Офицерскую Школу, гдѣ особенно заинтересовались практическими работами офицеровъ въ столярной и слесарной мастерской, гдѣ офицеры сами изготовляли всѣ принадлежности телеграфа и телефона, потомъ были въ Военномъ Училищѣ, смотрѣли ѣзду юнкеровъ, выѣздку ими лошадей, стрѣльбу и гимнастику и фехтованіе. Послѣ юнкерскаго завтрака они были на кладбищѣ. Они видѣли безконечно длинныя шеренги крестовъ — жертвъ междоусобной войны и насилій большевиковъ. Они читали простыя, но такъ много говорящія надписи: — «Партизанъ Черноцовскаго отряда, гимназистъ Платовской гимназіи 5-го класса», — «партизанъ, реалистъ», «сестра милосердія, замученная большевиками», «неизвѣстный доброволецъ» и такихъ крестовъ были многія, многія сотни. При нихъ служилась торжественная панихида, и они ходили на могилы Каледина, Назарова, Богаевскаго...

Сѣрое небо низко нависло надъ землею. Глухо шумѣли голыми сучьями деревья кладбища. Обрывки печальныхъ пѣснопѣній неслись по кладбищу и странными были яркія ризы духовенства и голубые кафтаны пѣвчихъ посреди унылой степи, уставленной безконечными рядами бѣлыхъ крестовъ. Съ кладбища союзники поѣхали въ кадетскій корпусъ, потомъ въ Донской Маріинскій и Смольный институты. Неотразимо прелестное впечатлѣніе производила эта масса дѣвочекъ и дѣвушекъ въ голубыхъ юбкахъ и бѣлыхъ передникахъ глубокимъ низкимъ институтскимъ реверансомъ привѣтствовавшихъ гостей-освободителей. Барышни говорили стихи по-французски и по-англійски, играли на роялѣ, пѣли и танцовали.

— А не забыли ваши барышни своего Русскаго гимна? — спросилъ капитанъ Ошэнъ у начальницы института. Не могли бы онѣ намъ снѣть его на прощанье?

Начальница бросила вопросительный взглядъ на Атамана. Атаманъ кивнулъ головой.

— Mesdemoiselles, — сказала начальница дѣтямъ, — иностранные гости спрашиваютъ, не забыли ли мы нашъ Русскій гимнъ. Споемъ имъ его!

Никто ничего не говорилъ и не подсказывалъ дѣвушкамъ — это все случилось въ полной мѣрѣ неожиданно. Всѣ институтки, какъ одна, повернулись къ иконѣ своей покровительницѣ Маріи Магдалины и дѣвичій хоръ дружно и согласно запѣлъ «Боже, царя храни». И это была молитва, а не гимнъ, молитва, пропѣтая съ глубокимъ чувствомъ, съ чистыми слезами умиленія на глазахъ...

Тогда дѣти-ученики средней школы и большинство студентовъ были монархистами. Монархія преслѣдовалась, Государь былъ звѣрски убитъ, быть монархистомъ было опасно, а дѣтскія и юношескія сердца жаждутъ геройства, подвига, имъ нравится таинственное обожаніе, стремленіе къ поруганному, ставшему для нихъ святыней...

Вечеромъ былъ раутъ, на которомъ присутствовало все Новочеркасское общество и съ котораго Атаманъ въ 12 часовъ ночи увезъ гостей прямо на позицію.

28-го ноября иностранцы были представлены на станціи Кантемировка командующему Южной Арміей генералу отъ артиллеріи Иванову и смотрѣли его войска, а затѣмъ по морозу при небольшой метели поѣхали въ Богучаръ, Калачъ и Бутурлиновку. Повсюду въ слободахъ и селахъ ихъ встрѣчали крестьяне Воронежской губерніи съ хлѣбомъ-солью. Въ Бутурлиновкѣ союзники видѣли доблестный Георгіевскій Гундоровскій полкъ. Ихъ удивило, что Атаманъ вызвалъ передъ строй полка своихъ бывшихъ однополчанъ 10-го полка, которые были съ нимъ въ Германскую войну. Вышло около половины полка. Атаманъ перецѣловался съ каждымъ изъ казаковъ и представилъ ихъ союзникамъ:

— Это тѣ герои, — сказалъ онъ, — съ которыми я билъ нѣмцевъ подъ Незвиской, австрійцевъ у Бѣлжеца и Комарова и помогалъ нашей общей побѣдѣ надъ врагомъ. Они знаютъ меня скромнымъ полковымъ командиромъ и они видѣли меня въ боевыхъ цѣпяхъ своихъ...

По возвращеніи съ позицій сѣвернаго фронта Атаманъ показалъ союзникамъ Русско-балтійскій заводъ въ Таганрогѣ, на которомъ только что начиналась работа, чистили и устанавливали станки для изготовленія снарядовъ и ружейныхъ патроновъ. Изъ Таганрога послѣ интимнаго сердечнаго обѣда въ собраніи Л. Гв. Атаманскаго полка союзники поѣхали на свои миноносцы въ Маріуполь, а капитаны Бодъ и Ошэнъ отправились въ Екатеринодаръ съ подробнымъ докладомъ главамъ миссій генералу Пулю и капитану Фукэ о всемъ, что они видѣли и слышали на Дону. Они везли съ собою напечатанный спеціально для нихъ на англійскомъ и французскомъ языкахъ «Un court aperçu historique de la délivrance du pays du Don des maximalistes (bolscheviks) et du commencement de la lutte pour la restauration de Toutes les Russies unies», подробную табель артиллерійскому, инженерному, интендантскому и медицинскому имуществу, которое войско Донское желало бы получить для себя отъ Англіи и Франціи, вѣдомость тѣмъ матеріаламъ и сырью, которое войско Донское могло отпустить взамѣнъ военнаго имущества, подробныя карты съ

показаніемъ на нихъ какъ своихъ, такъ и красныхъ войскъ и планъ кампаніи противъ большевиковъ съ показаніемъ движенія пяти иноземныхъ корпусовъ.

Они вывозили съ собою самыя отрадныя и самыя свѣтлыя воспоминанія о Донскихъ казакахъ, они видѣли прочное, живущее полною жизнью государственное образованіе, гдѣ правилъ народъ черезъ свой Кругъ и гдѣ былъ Атаманъ, и по нѣкоторымъ чисто внѣшнимъ признакамъ они полагали, что весь Донъ политически — монархисты...

Глава XVI

Переписка Донского Атамана съ генераломъ Пулемъ. — Почему Атаманъ не хотѣлъ признать генерала Деникина главнокомандующимъ и диктаторомъ. — Свиданіе Атамана съ генераломъ Пулемъ на ст. Кущевка. — Рѣчь Атамана генералу Пулю.

Впечатлѣніе отъ пріѣзда союзниковъ на Дону было сильное. Оно отозвалось и на всѣхъ фронтахъ. Но случилось именно то, чего такъ боялся Атаманъ. Послѣ короткаго подъема настроенія, выразившагося въ частичныхъ переходахъ въ наступленіе, причемъ отрядъ генерала Гусельщикова овладѣлъ Борисоглѣбскомъ и ст. Поворино и выгналъ Красныя войска изъ Хоперскаго округа, гдѣ было взято болѣе пяти тысячъ плѣнныхъ, наступилъ упадокъ духа. Пріѣздъ союзниковъ былъ допингъ, былъ наркозъ, опьянившій казаковъ и заставившій ихъ совершить небывалые подвиги, но работать подъ наркозомъ постоянно нельзя, послѣ одной дозы нужна болѣе сильная, нужно исполненіе обѣщанія — помощь и помощь реальная — войсками.

Большевики усилили свою агитацію, не дремала и Екатеринодарская партія враговъ Атамана. Она стала распространять слухи, что тѣ офицеры, которые были на Дону, просто туристы, совершенно невольно сыгравшіе роль Хлестаковыхъ, что настоящіе иностранцы находятся въ Екатеринодарѣ — это Пуль и Фукэ, и они никакого дѣла не желаютъ имѣть съ германофиломъ Атаманомъ. Этому сильно помогалъ Эрлихъ, парижскій адвокатъ, поведшій кампанію противъ Атамана въ Екатеринодарѣ и всѣми силами старавшійся дискредитировать скромнаго и молчаливаго капитана Ошэна.

На фронтѣ шла небывалая борьба, усугубленная наступившими сильными морозами, вьюгами и метелями, усталость казаковъ сказывалась все сильнѣе, а въ тылу шла своя работа. Уже и предсѣдатель Круга въ законодательной комиссіи высказывалъ сомнѣніе, что союзники будутъ помогать Дону. Атаману было необходимо войти въ сношенія съ генераломъ Пулемъ и добиться присылки на Донъ войскъ. Въ этихъ цѣляхъ Атаманъ написалъ письмо Пулю, въ которомъ просилъ его не вѣрить всему тому, что про него говорится въ Екатеринодарѣ и лично посмотрѣть ту работу, которая сдѣлана Донскими казаками.

Докладъ капитановъ Бонда и Ошэна поколебалъ генерала Пуля, и хотя онъ не пожелалъ и смотрѣть всего того, что привезли съ Дона эти офицеры, считая все это провокаціей, но къ письму Атамана отнесся уже болѣе внимательно. Этому не мало помогли громкія побѣды, совершенныя казаками въ эти дни на Сѣверномъ фронтѣ и въ Хоперскомъ округѣ.

7-го декабря генералъ Пуль писалъ Атаману изъ Екатеринодара:

...«Ваше письмо отъ 6/19 декабря лично передано мнѣ есауломъ Кульгавовымъ.

«Я долженъ поблагодарить Васъ за то, что Вы такъ полно и откровенно высказали Ваши взгляды, хотя я очень сожалѣю, что они не гармонируютъ съ моими собственными по вопросу о назначеніи Генералиссимуса, долженствующаго командовать всѣми Русскими арміями, дѣйствующими противъ большевиковъ.

«Я постараюсь отвѣтить одинаково откровенно.

«Я осмѣлюсь указать Вашему Превосходительству, что я считаю вопросъ назначенія Главнокомандующаго пунктомъ, о которомъ слѣдовало бы сперва посовѣтоваться съ союзниками, такъ какъ я вынесъ впечатлѣніе изъ Вашего письма, что вы считаете, что только съ союзной помощью и союзнымъ снабженіемъ Вы сможете наступать, или даже удержать занятое вами.

«Инструкціи отъ моего правительства указали мнѣ войти въ связь съ генераломъ Деникинымъ, представителемъ въ Британскомъ мнѣніи Русскихъ Армій, дѣйствующихъ противъ большевиковъ. Поэтому я сожалѣю, что для меня невозможно обдумывать признаніе какого либо другого офицера таковымъ представителемъ.

«Я вполнѣ отдаю себѣ отчетъ въ той великолѣпной работѣ, которую Ваше Превосходительство такъ искусно выполнили съ Донскими казаками и я осмѣлюсь поздравить Ваше Превосходительство по случаю Вашихъ блистательныхъ побѣдъ.

«Я надѣюсь, что Ваше Превосходительство теперь покажете себя не только великимъ солдатомъ, но и великимъ патріотомъ.

«Если я буду вынужденъ вернуться и доложить моему правительству, что между Русскими генералами существуютъ взаимная зависть и недовѣріе, это произведетъ самое болѣзненное впечатлѣніе и безусловно уменьшитъ шансы того, что союзники окажутъ какую либо помощь. Я предпочелъ бы донести, что Ваше Превосходительство показали себя настолько великимъ патріотомъ, что согласились даже подчинить Ваши собственныя желанія общему благу Россіи и согласились служить подъ командой генерала Деникина.

«Какъ я уже устно увѣдомилъ князя Тундутова, я буду радъ встрѣтиться съ Вашимъ Превосходительствомъ неоффиціально и обсудить весь вопросъ, въ случаѣ, если Вы этого пожелаете, и я не думаю, что мы не придемъ къ удовлетворительному разрѣшенію этого вопроса. На это свиданіе я привезъ бы съ собой генерала Драгомирова изъ штаба генерала Деникина. Имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнымъ слугой Ф. С. Пуль, генералъ-маіоръ, к—ій Британской миссіей на Кавказѣ»... *

Атаманъ не хотѣлъ признавать генерала Деникина главнокомандующимъ не потому, что войско Донское и Деникинъ жили не въ ладу, не потому даже, что генералъ Деникинъ не хотѣлъ отрѣшиться отъ стараго взгляда на казаковъ, какъ на часть Русской арміи, а не какъ на самостоятельную армію, чего добивались казаки и за что боролись, но потому, что Атаманъ считалъ генерала Деникина неспособнымъ на творчество и притомъ совершенно не понимающимъ характера войны съ большевиками и считалъ, что генералъ Деникинъ погубитъ все дѣло. Кто угодно, но только не Деникинъ съ его прямолинейною рѣзкостью и увѣренностью, что можно силой заставить повиноваться.

Атаманъ считался съ обаятельною внѣшностью Деникина, съ его умѣніемъ чаровать людей своими прямыми солдатскими честными рѣчами, которыми онъ

* Для точности переводъ сдѣланъ буквальный.

подкупалъ толпу, но за этими рѣчами Атаманъ видѣлъ и другое. Въ то время, какъ на Дону были вызваны всѣ производительныя силы страны и создана покорная армія — генералъ Деникинъ опирался на Кубанскихъ казаковъ и офицерскіе добровольческіе полки. Солдатамъ онъ не вѣрилъ, и солдаты не вѣрили ему. Армія не имѣла правильнаго снабженія, не имѣла точныхъ штатовъ, не имѣла уставовъ. Отъ нея все еще вѣяло духомъ партизанщины, а партизанщина при возникновеніи красной, почти регулярной арміи была неумѣстна.

Генералъ Деникинъ борьбѣ съ большевиками придавалъ классовый, а не народный характеръ, и при такихъ условіяхъ, если его не подопрутъ извнѣ иностранцы, долженъ былъ потерпѣть крушеніе. Боролись добровольцы и офицеры, то-есть — господа, буржуи, противъ крестьянъ и рабочихъ, пролетаріата, и конечно за крестьянами стоялъ народъ, стояла сила, за офицерами только доблесть. И сила должна была сломить доблесть.

Генералъ Деникинъ угнеталъ проявленіе Кубанской самостоятельности, онъ не считался съ Радой — такого же отношенія надо было ожидать и къ Дону — это охладило бы казаковъ и могло бы окончиться катастрофой.

Генералъ Деникинъ не имѣлъ ничего на своемъ знамени, кромѣ единой и недѣлимой Россіи. Такое знамя мало говорило сердцу Украинцевъ и Грузинъ, разжигало понапрасну страсти, а силы усмирить эти страсти не было. Деникинъ боялся сказать, что онъ монархистъ и боялся пойти открыто съ республиканцами, и монархисты считали его республиканцемъ, а республиканцы монархистомъ. Въ Учредительное Собраніе уже никто не вѣрилъ, потому что каждый понималъ, что его фактически не собратъ, презрительнымъ названіемъ «Учредилки» оно было дискредитировано, унижено и опошлено въ глазахъ народа.

Иди Деникинъ за Царя — онъ нашелъ бы нѣкоторую часть крестьянства, которая пошла бы съ нимъ, иди онъ за народъ, за землю и волю, и за нимъ пошли бы массы, но онъ не шелъ ни за то, ни за другое. «Демократія» отшатнулась отъ него и не вѣрила ему, и Деникинъ боялся призвать ее подъ знамена.

Добровольцы были плохо одѣты, плохо дисциплинированы, они не были войскомъ — армія Деникина все была только корпусомъ, и хотя Деникинъ уже владѣлъ тремя громадными губерніями, онъ ничего не создалъ, и Атаманъ боялся, что онъ не только ничего не создастъ въ будущемъ, но развалитъ и созданное такими трудами, неокрѣпшее и хрупкое.

Атаманъ не считалъ Деникина хорошимъ стратегомъ, потому что Деникинъ дѣйствовалъ по плану, который казался Атаману не крупнымъ и безцѣльнымъ. Планъ Деникина состоялъ въ покореніи окраинъ, въ этомъ Деникинъ видѣлъ обезпеченіе своего тыла. Сначала Кавказъ, потомъ Крымъ, далѣе Украина. Атаманъ считалъ, что съ окраинами, въ томъ числѣ и Украиною, воевать нельзя и не стоитъ: — съ ними должно столковаться, признавши ихъ права на свободное существованіе. Главная цѣль казалась Атаману борьба съ большевиками и большевизмомъ — съ первыми оружіемъ, со вторымъ воспитаніемъ, и только послѣ побѣды надъ ними и освобожденія отъ коммунистовъ всей Россіи можно говорить о «единой и недѣлимой Россіи». Генералъ Деникинъ прямо шелъ къ этой единой и недѣлимой и, по мнѣнію Атамана, создавалъ себѣ еще новыхъ враговъ, не справившись и со старымъ. Деникинъ не признавалъ Гетмана Скоропадскаго, потребовалъ подчиненія ему Крыма, ссорился съ Грузіей, былъ въ холодныхъ отношеніяхъ съ Кубанскою Радою, и Атаманъ боялся, что онъ раздражитъ и Донскихъ казаковъ. Атаманъ считалъ, что во время войны не время заниматься мелочами. Надо идти прямо къ цѣли — и цѣль эта:

— гнѣздо большевизма — Москва и Петроградъ. Еще недавно Атаманъ сговаривался съ Гетманомъ Скоропадскимъ и завязывалъ сношенія съ Польшей и Грузіей — онъ искалъ друзей. Онъ считалъ, что путь къ Москвѣ одинъ — созданіе единаго фронта съ чехо-словаками и Колчакомъ. Движеніе на сѣверо-востокъ къ Царицыну, Саратову и Самарѣ, посылка большого коннаго отряда для связи съ Атаманомъ Дутовымъ, собраніе сначала единой Русской Арміи, а затѣмъ походъ на Москву. Генералъ Деникинъ работалъ по обратнымъ операціоннымъ линіямъ — на югъ и западъ. На Владикавказъ—Дербентъ, Петровскъ, Баку, на Сочи и Гагры, потомъ на Кіевъ...

Къ этому примѣшивалось взаимно враждебное отношеніе штабовъ Донского войска и Добровольческой Арміи. Генералъ Денисовъ имѣлъ большое вліяніе на Атамана, какъ ежедневный непосредственный докладчикъ передъ Атаманомъ и его постоянный спутникъ въ поѣздкахъ по фронту и по станицамъ. Атаманъ высоко ставилъ Денисова и къ мнѣнію его всегда прислушивался. Генералъ Денисовъ считалъ подчиненіе генералу Деникину крушеніемъ всего дѣла. Генералъ Денисовъ слишкомъ гордился своей работой и работой своего штаба. У него была отлично налаженная техническая связь, войско Донское выпустило къ этому времени 90.000 листовъ плановъ и картъ для войскъ и издало заново почти всѣ уставы и войсковые учебники, и генералъ Денисовъ не желалъ передавать всего этого Добровольческой Арміи. Онъ считалъ операціи, задуманныя въ его штабѣ, глубоко обоснованными, дѣйствія же Добровольческой Арміи кустарными операціями и по прежнему презрительно называлъ армію «странствующими музыкантами».

Послѣ пріѣзда союзниковъ и письма генерала Пуля, передъ Атаманомъ стояла непремѣнная задача согласиться на признаніе генерала Деникина верховнымъ главнокомандующимъ и подчинить ему не только Донскую Армію, но и все войско. Событія на фронтѣ, появленіе большевиковъ на Украинѣ, созданіе новаго западнаго фронта и вслѣдствіе этого необходимость, во что бы то ни стало, получить помощь извнѣ, требовали отъ Атамана уступокъ и измѣненія своего мнѣнія. Генералъ Деникинъ, такъ сказать, авансомъ послалъ дивизію Май-Маевскаго на Украину, но дивизія эта очень вяло работала и долго оставалась въ районѣ Маріуполя и Юзовки, не продвигаясь на сѣверъ и не занимая Луганска, Купянска и Харькова, особенно послѣдняго, на чемъ настаивалъ Атаманъ. Дивизія эта оказывала мало помощи, и было похоже, что генералъ Деникинъ и не окажетъ большей помощи, пока не будетъ признанъ войскомъ Донскимъ.

Атаманъ просилъ о присылкѣ подкрѣпленія Май-Маевскому и о побужденіи его энергично продвигаться на сѣверъ и занимать сѣверную границу Украины. Деникинъ отвѣчалъ телеграммами, полными участія, и писалъ, что у него нѣтъ ни одного свободнаго полка. А между тѣмъ, Атаманъ зналъ, что большевики такъ поспѣшно отступали къ Каспійскому морю, что преслѣдовала ихъ только одна конница, пѣхота же, двѣ кубанскія пластунскія дивизіи, которыя были поставлены на отдыхъ, легко могли покончить съ большевиками, еще не окрѣпшими на Украинѣ. Но политика заслоняла отъ Деникина соображенія стратегіи. Раньше признаніе его власти надъ войскомъ, потомъ уже помощь. А время не терпѣло. При такихъ условіяхъ состоялось 13/26 декабря на станціи Кущевкѣ свиданіе между Атаманомъ и генераломъ Пулемъ. Свиданіе началось очень холодно. Генералъ Пуль настаивалъ на томъ, чтобы Атаманъ первымъ явился къ нему въ вагонъ и чтобы разговоры происходили у него. Атаманъ отказался отъ

этого, и одно время казалось, что свиданіе не состоится. Къ Атаману былъ посланъ для переговоровъ англійскій полковникъ Кисъ.

— Передайте генералу Пулю, — сказалъ ему Атаманъ, — что я являюсь выборнымъ главою свободнаго пятимилліоннаго народа, который для себя ни въ чемъ не нуждается. Слышите: — ни въ чемъ! Ему не нужны ни ваши пушки, ни ружья, ни амуниція, — онъ имѣетъ все свое и онъ убралъ отъ себя большевиковъ. Завтра онъ заключитъ миръ съ большевиками и будетъ жить отлично... Но намъ нужно спасти Россію, и вотъ для этого-то намъ необходима помощь союзниковъ и они обязаны ее оказать. Съ генераломъ Пулемъ будетъ разговаривать суверенный глава сильнаго и могучаго народа и онъ требуетъ къ себѣ извѣстнаго уваженія. Генералъ Пуль обязанъ явиться ко мнѣ — я не замедлю отвѣтнымъ визитомъ къ нему.

Полковникъ Кисъ ушелъ, и опять шли переговоры и два поѣзда стояли на путяхъ другъ возлѣ друга къ великому соблазну любопытныхъ. Наконецъ, Атаманъ приказалъ прицѣпить паровозъ къ своему поѣзду, онъ рѣшилъ ѣхать обратно въ Ростовъ. Къ нему явился переводчикъ генерала Пуля полковникъ Звегинцевъ и сказалъ, что генералъ Пуль согласенъ придти для переговоровъ къ Атаману, если Атаманъ согласится, что завтракъ будетъ у генерала Пуля. Это Атаману было все равно, гдѣ ли завтракать, лишь бы договориться такъ, чтобы достоинство Всевеликаго войска Донского не было унижено.

Какъ два индѣйскихъ пѣтуха важныхъ и надутыхъ встрѣтились Атаманъ и генералъ Пуль. На вопросъ о полномъ подчиненіи всего войска Донского съ его населевіемъ и арміей генералу Деникину — Атаманъ отвѣтилъ категорическимъ отказомъ. Армія — да, армія можетъ подчиниться, но какъ совершенно самостоятельная армія. Войско — теперь не можетъ признать Деникина, иначе, какъ черезъ Атамана.

— Вы имѣете, — сказалъ Атаманъ, — Австралійскую армію, она отлично дралась у васъ, но она самостоятельна. Повѣрьте, что генералъ Деникинъ только выиграетъ отъ того, если Донская Армія не распылится и не уничтожится, а будетъ въ рукахъ у своего Атамана.

Присутствовавшій при разговорѣ генералъ Драгомировъ сталъ настаивать на томъ, что Донская Армія должна войти въ Добровольческую Армію, не какъ нѣчто цѣлое, а подчиниться вполнѣ. Всѣ назначенія, всѣ распоряженія по ней должны идти только черезъ штабъ Добровольческой Арміи, иначе какое же это единое командованіе! Все войско Донское, со всѣмъ его населеніемъ, хлѣбомъ и иными средствами снабженія должно стоять въ распоряженіе генерала Деникина, который долженъ распредѣлять все это согласно съ требованіями всего фронта, всей арміи.

Атаманъ не согласился съ этимъ, и Пуль сталъ на его сторону. Генералъ Пуль считалъ, что предложеніе Атамана передать полностью всю армію и самого себя въ подчиненіе генералу Деникину, который будетъ имѣть сношенія съ войскомъ Донскимъ черезъ него, Атамана, вполнѣ пріемлемо. Послѣ этого разговоръ сталъ идти спокойнѣе. Генералъ Пуль становился все болѣе сторонникомъ Атамана, и противъ предложеній и требованій генерала Драгомирова уже было два голоса — Атамана и генерала Пуля.

Генералъ Пуль спросилъ Атамана о его дальнѣйшихъ планахъ. Атаманъ принесъ карты и показалъ, какъ онъ полагалъ бы при помощи иностранныхъ войскъ освободить Россію. Первое — оккупація и успокоеніе Украины — какъ

Украины, а не Россіи, второе — движеніе на соединеніе съ чехо-словаками и Колчакомъ, третье — движеніе всѣми силами на Москву.

Оказалось, что и у Пуля былъ тотъ же планъ — создать единый фронтъ отъ Сибири до береговъ Чернаго моря.

Около трехъ часовъ дня послѣ слишкомъ трехчасового разговора генералъ Пуль покинулъ вагонъ Атамана, обѣщая ему въ ближайшіе дни посѣтить войско Донское и на мѣстѣ ознакомиться, какъ и куда направить войсковыя части для помощи Дону въ его наступленіи на Воронежъ и Царицынъ.

За обѣдомъ Атаманъ сказалъ страстную рѣчь о помощи и непремѣнно скорой, немедленной помощи Россіи. Эта рѣчь была тутъ же переведена на англійскій языкъ и передана генералу Пулю для отсылки въ Англію.

...«Мнѣ вспоминается сейчасъ одинъ историческій эпизодъ», — сказалъ Атаманъ. — «9 мая 1902 года столицу Россійской Имперіи посѣтилъ президентъ Лубэ, возложившій на гробницу Императора Александра III изящный мечъ работы Фализера изъ золота, стали и слоновой кости съ надписью:

«Foederis memor» — помню о союзѣ.

«Это латинское изрѣченіе было у меня въ памяти въ тѣ тяжелые мучительные августовскіе дни, когда волновался и шумѣлъ Большой Войсковой Кругъ.

«Въ эти дни треть войска Донского и богатѣйшій Таганрогскій и часть Ростовскаго округовъ были заняты германцами. Украина предъявляла свои права на Таганрогъ и Ростовъ. У насъ приходили къ концу запасы патроновъ и снарядовъ, и восточный фронтъ колебался. Мы были отброшены отъ Царицына на восемьдесятъ верстъ и болѣзнь побѣжденныхъ — большевизмъ начинала охватывать армію.

«Foederis memor!

«Помню о союзѣ. Я это зналъ... Но зналъ и другое изрѣченіе, изрѣченіе китайское. То изрѣченіе, съ которымъ подносятъ они ножъ къ животу, чтобы кончить жизнь самоубійствомъ.

«Мéю фáза! — Нѣтъ выхода!..

«Сдѣлать себѣ харакири было бы легко и просто. Уйти въ лучшій міръ и бросить на произволъ судьбы народъ, довѣрившій всего себя — было ли бы это честно? Предать большевикамъ Донское войско, дать раздавить себя, очистить тылъ Добровольческой Арміи во имя призрачной вѣрности идеѣ. Предоставить союзникамъ къ ихъ приходу всю Россію въ состояніи анархіи безъ тѣхъ прочныхъ острововъ, какіе представляютъ изъ себя теперь Донская и Добровольческая Арміи — развѣ это было бы вѣрностью союзу? Это было бы памятью о союзѣ!?

«Foederis memor!

«Я помнилъ о союзѣ. Я зналъ, что будетъ день и часъ, когда придутъ къ намъ на помощь союзники. Я зналъ, что имъ нужно имѣть прочный плацъ-д'армъ, откуда они могли бы начать свое освободительное тріумфальное шествіе. И въ эту грозную минуту я оперся на единственную руку помощи, которая была мнѣ протянута, руку бывшаго врага-германца и съ его помощью я получилъ патроны и снаряды, я выправилъ фронтъ и далъ войску Донскому свободу.

«Пускай близорукіе политики осуждаютъ и клеймятъ меня, я чувствую себя правымъ, потому что, если бы я этого не сдѣлалъ, тогда я не имѣлъ бы удовольствія видѣть васъ, а Добровольческой Арміи пришлось бы вести войну на всѣ фронты...

...«Не Донской народъ и не Донскіе казаки сдѣлали это, а сдѣлалъ я одинъ, потому что вся полнота власти была у меня — и если я сдѣлалъ спасеніемъ Дона преступленіе, я одинъ и виноватъ, потому что я ни у кого не искалъ совѣта.

«Не ищу его и теперь...

...«Передъ нами громадная задача — спасти Россію. А силъ уже нѣтъ. И кто намъ поможетъ!? Пойдутъ съ нами Кубанскіе казаки, пойдетъ съ нами Добровольческая Армія, — но и съ ними вмѣстѣ насъ мало. Такъ мало для громадной Россіи. Время не терпитъ. Ждать до весны, раскачиваться, устраиваться, формироваться невозможно.

«Промедленіе времени смерти безвозвратной подобно.

«Сейчасъ Россія ждетъ васъ. Сейчасъ она падетъ къ вамъ, какъ падаетъ зрѣлый плодъ. Сейчасъ походъ къ сердцу Россіи — Москвѣ — обратится въ тріумфальное шествіе... Все будетъ сдаваться вамъ, отдавать оружіе и идти съ вами, воодушевленное, опьяненное тѣмъ запахомъ великой побѣды, который вы несете съ собою.

«На фронтѣ ждутъ васъ страстно и нетерпѣливо. Ждутъ тѣ, братья которыхъ умерли въ Восточной Пруссіи, чтобы дать французамъ побѣду на Марнѣ, ждутъ тѣ, кости сыновей которыхъ покоятся въ болотахъ Польши. Они умерли, спасая Верденъ.

«Foederis memor.

«Помню о союзѣ. Тамъ въ холодной степи вѣрятъ въ то, что долгъ платежомъ красенъ. Тамъ ждутъ васъ для того, чтобы вмѣстѣ съ вами нести свободу и право въ холодную Москву.

«Страшно сказать — право жить!!!

«Господа! Тамъ на сѣверѣ, этого права, права на жизнь, нѣтъ. Тамъ каждый день разстрѣливаютъ сотни невинныхъ людей, тамъ умираютъ съ голода и совѣстно теперь пировать, зная, что тамъ гибнутъ братья.

«Вижу ее!.. Вижу прекрасную родину, мать мою Россію... Какъ обнищала, какъ исхудала она. Ввалились и стали огромными ея прекрасные глаза, худыя, покрытыя ранами бичеваній руки протягиваетъ она на югъ и молитъ о пощадѣ.

«Ужели не спасемъ?! Весною поздно будетъ! Ее добьютъ къ веснѣ мучители и насильники!...»

Уже въ темнотѣ разошлись по своимъ вагонамъ генералъ Пуль и Атаманъ, и поѣзда пошли одинъ на востокъ, другой на западъ.

Атаманъ пріобрѣлъ себѣ союзника въ лицѣ генерала Пуля и ѣхалъ съ глубокою вѣрою въ то, что англичане и французы на этихъ же дняхъ прочно займутъ Украину и, можетъ быть, двинутся и къ Царицыну...

Глава XVII

Свиданіе Донского Атамана съ С. Д. Сазоновымъ. — Пріѣздъ генерала Щербачева въ Новочеркасскъ. — Общее засѣданіе Щербачева, Деникина, Донского Атамана и чиновъ Добровольческой и Донской Армій въ Торговой. — Приказъ генерала Деникина о вступленіи въ командованіе всѣми вооруженными силами юга Россіи.

Какъ результатъ свиданія съ генераломъ Пулемъ должно было послѣдовать соглашеніе съ генераломъ Деникинымъ, и отношенія между Дономъ и Добровольческой Арміей должны были вылиться въ строго опредѣленныя формы.

16-го декабря въ той же Кущевкѣ Атаманъ съѣхался съ С. Д. Сазоновымъ и Нератовымъ и представилъ имъ генералъ-лейтенанта Свѣчина, генералъ-маіора Герасимова, члена Большого Войскового Круга Георгія Ивановича Карева и г. Павлова, назначенныхъ Атаманомъ какъ Донская совѣщательная комиссія при С. Д. Сазоновѣ, отправлявшемся въ Парижъ, какъ представитель Дона и Добровольческой Арміи. Атаманъ настаивалъ на признаніи за Доном правъ на управленіе своимъ Кругомъ и Атаманомъ и на правѣ содержать свою Армію. Со стороны С. Д. Сазонова это возраженій не встрѣтило.

21-го декабря въ Новочеркасскъ прибылъ генералъ отъ инфантеріи Щербачевъ. Цѣль его поѣздки была примирить и согласовать дѣятельность генерала Деникина и Атамана и устроить единое командованіе, безъ чего союзники отказывались чѣмъ бы то ни было помогать. Атаманъ въ длинной бесѣдѣ съ генераломъ Щербачевымъ высказалъ о всемъ томъ, что онъ думалъ о Деникинѣ, въ доказательство работы своего командующаго арміей, Атаманъ показалъ генералу Щербачеву всѣ учрежденія Войскового Штаба и провелъ мимо него находившійся въ Новочеркасскѣ 4-й Донской казачій полкъ, вызванный по тревогѣ. Атаманъ доказывалъ, что теперь не время объявлять войну, что подчиненіе генералу Деникину не понравится офицерамъ и старшимъ начальникамъ, которые будутъ бояться, что отъ нихъ отнимутъ всѣ высшія командныя должности и замѣнятъ ихъ лицами, угодными Деникину, и не казаками, и это можетъ вызвать упадокъ ихъ энергіи въ самыя рѣшительныя минуты борьбы. Пропаганда о подчиненіи казаковъ «регулярнымъ», объ отдачѣ ихъ подъ офицерскую палку уже ведется на фронтѣ, приказъ о единомъ командованіи усилитъ эту пропаганду.

Но иного выхода не было и было рѣшено, между генераломъ Щербачевымъ и Атаманомъ, что въ ближайшіе дни Атаманъ съѣдется и сговорится съ генераломъ Деникинымъ о формахъ осуществленія единаго командованія.

Въ тотъ же день вечеромъ генералъ Щербачевъ уѣхалъ изъ Новочеркасска въ Екатеринодаръ.

26-го декабря Атаманъ свидѣлся съ генераломъ Деникинымъ на станціи Торговой. Въ поѣздѣ у генерала Деникина состоялось подъ его предсѣдательствомъ совѣщаніе, въ которомъ приняли участіе — генералъ отъ инфантеріи Щербачевъ, генералъ-лейтенантъ Драгомировъ, начальникъ штаба Добровольческой Арміи генералъ-лейтенантъ Романовскій, Атаманъ Донского войска, командующій Донской Арміей генералъ-лейтенантъ Денисовъ, начальникъ штаба арміи генералъ-маіоръ Поляковъ, представитель Донского войска при Добровольческой Арміи генералъ отъ кавалеріи Смагинъ, начальникъ снабженія Добровольческой Арміи и интендантъ Донской Арміи. Отъ Кубанскаго войска не было допущено никакихъ представителей.

Засѣданіе открылъ генералъ Деникинъ, который сказалъ, что съ приходомъ союзниковъ борьба съ большевиками принимаетъ болѣе планомѣрный характеръ и что необходимо столковаться и придти къ сознанію необходимости единой воли и единаго управленія въ дѣлахъ внѣшнихъ сношеній, устроить единую общую сѣть желѣзныхъ дорогъ, одну банковую систему, общій почтовый союзъ, общій судъ и, наконецъ, гласно признать единое командованіе.

Донская Армія и Донской Флотъ должны быть наравнѣ съ прочими вооруженными силами подчинены Главнокомандующему. Донская конница должна быть передана на тѣ участки, которые ей укажетъ Главнокомандующій съ тѣмъ, что Добровольческая Армія компенсируетъ ее пѣхотой, свободный резервъ Дона долженъ быть переданъ въ полное распоряженіе Главнокомандующаго, въ Донской

Арміи не могутъ быть на командныхъ должностяхъ только Донскіе казаки, но должны находиться также и начальники отъ Добровольческой Арміи. Воронежскій, Саратовскій и Астраханскій корпуса должны быть переданы въ распоряженіе Добровольческой Арміи, должны быть напечатаны общіе уставы и установлены общія правила чинопроизводства во всѣхъ арміяхъ, дѣйствующихъ на югѣ Россіи. Назначенія на должности командировъ корпусовъ и выше дѣлаются главнокомандующимъ въ Донской Арміи по соглашенію съ Донскимъ Атаманомъ. Всѣ офицеры генеральнаго штаба подчиняются главнокомандующему, минуя Донского Атамана, въ Донской и Добровольческой Арміяхъ устанавливаются одинаковыя нормы содержанія и пенсій. Право мобилизаціи принадлежитъ Главнокомандующему, все снабженіе, откуда бы оно ни шло, принадлежитъ Главнокомандующему, который распоряжается также и хлѣбомъ и углемъ, беря и то и другое на учетъ.

Первые вопросы возраженій со стороны Атамана не встрѣтили. Онъ доложилъ генералу Деникину, что всѣ внѣшнія сношенія имъ поручены С. Д. Сазонову и что люди, назначенные къ нему, даны ему лишь для консультаціи и для отстаиванія передъ нимъ, но не непосредственно передъ союзниками интересовъ Донского войска. Относительно желѣзныхъ дорогъ Атаманъ уже договорился съ инженеромъ Кригеръ-Войновскимъ и въ этомъ отношеніи ни у него, ни у управляющаго отдѣломъ путей сообщенія войска Донского инженера Карелина разногласій нѣтъ. Точно также и относительно финансовъ Атаманъ идетъ впереди желаній генерала Деникина. Такъ по его распоряженію особыя Донскія отличія на ассигнаціяхъ замѣнены обще-русскими и новыя сторублевки, несмотря на популярность старыхъ на Дону, прозванныхъ «Ермаками», печатаются уже не съ портретомъ Ермака Тимофеевича, а съ обще-русскими эмблемами, пятисотрублевыя ассигнаціи будутъ отпечатаны на бумагѣ сине-бѣло-красныхъ тоновъ, цвѣтовъ Русскаго флага, ни на одномъ знакѣ не говорится о томъ, что онъ выпущенъ Донскимъ войскомъ, но всюду говорится о томъ, что они выпущены Ростовскою конторою Государственнаго (Россійскаго) банка.

Атаманъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы и дальше идти по этому пути, и финансовое совѣщаніе представителей Добровольческой Арміи съ управляющимъ отдѣломъ финансовъ Донского войска, г. Корженевскимъ и директоромъ Ростовскаго отдѣленія Государственнаго банка окончилось совершеннымъ согласіемъ. Точно также и на почтовыхъ маркахъ, выпущенныхъ Донскимъ войскомъ, изображенъ двуглавый орелъ, вокругъ котораго сдѣлана надпись: «Единая Россія». Относительно суда достигнуто полное согласованіе, и Атаманъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы созываемый имъ Донской Сенатъ — сталъ бы Россійскимъ Сенатомъ.

Вопросы гласнаго признанія единаго командованія вызвали крайне рѣзкія возраженія со стороны командующаго арміей генерала Денисова. Возражая ему, генералъ Драгомировъ употребилъ неосторожное, а можетъ быть, и умышленно сказанное выраженіе — «Временная автономія Донского войска». Это вызвало яростный отвѣтъ Денисова.

— Мы не стремимся ни къ какой автономіи, ни временной, ни постоянной, но мы вынуждены быть совершенно самостоятельными, потому что были одни въ продолженіе девяти мѣсяцевъ тяжелой борьбы. Теперь, когда мы освободились своими силами, врядъ-ли будетъ разумно въ глазахъ казака подчинить его, да еще во всѣхъ отношеніяхъ — финансовъ, порядка службы и т. п. кому-то другому. Вы хотѣли строить на тѣ гроши, которые мы собираемъ

въ видѣ налоговъ съ казаковъ, Россію и создавать для нея и въ ея масштабѣ всѣ органы управленія. Не рано ли это? Казаки народъ разумный — они знаютъ, что, пока есть только Донская и Кубанская Арміи, не стоитъ и говорить о Россіи и ея правительствѣ. Вотъ, когда явится Россійская Армія и правительство будетъ сидѣть на Россійской территоріи и прикрываться Русскими штыками — тогда можно будетъ говорить о полномъ слияніи казачьихъ армій съ Русской, а теперь это только лишь вода на мельницу противника. Далѣе, — продолжалъ свои возраженія Денисовъ, отвѣчая Драгомирову, — вы сказали, что свободный резервъ долженъ быть переданъ главнокомандующему, который имъ распоряжается по своему усмотрѣнію — разъ врагъ будетъ угрожать Дону — вы его отдадите? Но, позвольте, большей угрозы Дону, какъ теперь быть не можетъ. Донъ совершенно обложенъ противникомъ и протяженіе нашего фронта равняется болѣе чѣмъ 1600 верстамъ, а кто намъ помогаетъ!!

— Я не говорю сейчасъ, — недовольнымъ голосомъ сказалъ генералъ Деникинъ. — Мы отлично понимаемъ тяжелое положеніе Донского войска и не настолько же мы наивны, чтобы потребовать резервъ сейчасъ. Но Армія должна быть реорганизована. У васъ масса конницы, а у насъ конницы не хватаетъ.

Но противъ выдѣленія конницы возражалъ и Атаманъ.

— И свойства мѣстности, и характеръ противника, и природная любовь казака къ работѣ на конѣ создали особый характеръ войны, — сказалъ онъ. — Мы бьемъ противника преимущественно конными частями, которыя въ большинствѣ случаевъ дерутся великолѣпно, чего нельзя сказать про нашу пѣхоту. Конныя части мы выдѣлить не можемъ!

— Какое же это будетъ единое командованіе, — воскликнулъ генералъ Драгомировъ, когда Главнокомандующій не распоряжается своими войсками.

— Но нельзя же вмѣшиваться въ организацію нашихъ силъ, потому что это поведетъ къ развалу построеннаго съ такимъ трудомъ и далеко неокрѣпшаго, — замѣтилъ Денисовъ.

Послѣ очень долгихъ переговоровъ при участіи генерала Щербачева удалось установить, что все-таки Донская Армія въ полномъ составѣ должна перейти въ подчиненіе генералу Деникину.

— Это непремѣнное требованіе союзниковъ, — сказалъ генералъ Щербачевъ, безъ исполненія этого условія они отказываются чѣмъ бы то ни было помогать намъ.

— Для Дона, — снова упрямо сказалъ Денисовъ, — единаго командованія не надо, и Донъ безъ такового свободно можетъ жить. Единое командованіе нужно для Россіи и вы требуете этой жертвы во имя ея. Но казакъ этой жертвы не пойметъ и самый фактъ признанія открыто и публично такого подчиненія разложитъ Донъ.

— Но поймите, — сказалъ Щербачевъ Денисову, — что безъ этого союзники намъ ничего не дадутъ.

— Дону ничего и не надо, — возразилъ Денисовъ. — Развѣ только моральная поддержка. А вотъ, если Донъ вслѣдствіе этого подчиненія со всѣми его послѣдствіями развалится и разложится, то, полагаю, союзникамъ это не будетъ все равно.

— Но почему же Донъ развалится — отъ того, что я вступлю въ командованіе? — спросилъ Деникинъ.

— Это сдѣлаетъ пропаганда, — отвѣтилъ Денисовъ.

— Противъ этой пропаганды мы устраиваемъ контръ-пропаганду, — возразилъ генералъ Драгомировъ, — на этихъ дняхъ будетъ устроенъ особый отдѣлъ, цѣлое министерство агитаціи и пропаганды.

— И во главѣ его поставленъ Н. Е. Парамоновъ, личный врагъ Атамана, мстительный соціалистъ-революціонеръ, извѣстный тѣмъ, что еще въ 1905 году своими брошюрами издательства «Донская Рѣчь» разлагалъ Русскую Армію, — сказалъ Денисовъ.

— Но ничего подобнаго, — вспыхнувъ воскликнулъ генералъ Деникинъ: — Кто вамъ это сказалъ?

— Это пишутъ въ газетахъ, — отвѣчалъ Денисовъ, — противъ Атамана въ Екатеринодарѣ идетъ опредѣленная кампанія и мы знаемъ, что спеціально для его ареста, или уничтоженія, генералъ Семилѣтовъ формируетъ въ Новороссійскѣ отрядъ.

— Я первый разъ объ этомъ слышу, — сказалъ Деникинъ. — Абрамъ Михайловичъ развѣ поручены нами какія либо формированія генералу Семилѣтову?

Генералъ Драгомировъ промолчалъ.

— Мало ли что пишутъ въ газетахъ, — сказалъ Деникинъ. — Меня въ нихъ не меньше, нежели васъ, ругаютъ.

— Я не знаю, Антонъ Ивановичъ, — отвѣчалъ Атаманъ, — какія мѣры принимаете вы въ Екатеринодарѣ, но могу засвидѣтельствовать одно, ни въ одной изъ выходящихъ на Дону газетъ нѣтъ ни одного слова противъ васъ, что касается Екатеринодарскихъ газетъ, то онѣ полны такой гнусной клеветы по моему адресу, что я долженъ былъ запретить ихъ ввозъ на Донъ. И ихъ все-таки везутъ и подпольнымъ путемъ распространяютъ на позиціяхъ, и когда площадную брань по моему адресу усталый отъ войны казакъ читаетъ въ «Царицынскихъ извѣстіяхъ», прокламаціяхъ Миронова, или какой-нибудь «Красной газетѣ» — онъ этому не вѣритъ, но когда ему то же самое пишутъ изъ союзнаго Екатеринодара, въ немъ зарождается сомнѣніе и тревога. И какъ не тревожиться?! Атаманъ — нѣмецкій ставленникъ, союзники ни за что не помогутъ Атаману, съ Атаманомъ ѣздили ряженые Донскіе офицеры, а не англичане и французы и т. д., и т. д. — согласитесь, что это можетъ сломать и самаго правовѣрнаго. А послѣднее время стали ѣздить Семилѣтовскіе офицеры и просто уговаривать казаковъ прекратить войну, пока я у нихъ Атаманомъ.

— Вотъ будетъ единое командованіе, и всѣ эти шероховатости сгладятся, — сказалъ генералъ Щербачевъ.

— Единое командованіе Добровольческой Арміи! — сказалъ Денисовъ. — Покажите казаку хорошо сорганизованныя сильныя добровольческія части на его Донскомъ фронтѣ, покажите ихъ перевѣсъ надъ нимъ, и онъ пойметъ единое командованіе Русскаго генерала. А пока онъ знаетъ 100-тысячную Донскую Армію, тридцати-тысячную Кубанскую Армію и только 10 тысячъ добровольцевъ-офицеровъ — онъ никогда не пойметъ, почему онъ долженъ подчиняться добровольцамъ — онъ, принесшій все въ жертву защиты и спасенія Родины. Вы настолько не стѣсняетесь съ казаками, что ни одного кубанца не пригласили на наше совѣщаніе.

— Кубанцы заявили, что они во всемъ поступятъ такъ, какъ постановятъ Донцы, — сказалъ Романовскій.

— Тѣмъ большую осмотрительность въ нашихъ рѣшеніяхъ мы должны проявить, — сказалъ Денисовъ. И я, простите, никакъ не могу согласиться съ признаніемъ верховнаго главенства Добровольческой Арміи, нисколько не касаясь личностей. Вы въ этомъ весьма деликатномъ вопросѣ не считаетесь ни съ народомъ, ни съ территоріей. Не забывайте о томъ, что мы сильны народомъ, а вы офицерами, и въ случаѣ, если будетъ брошенъ этотъ опасный лозунгъ, эти страшныя слова о бѣлыхъ погонахъ, объ офицерской палкѣ, вамъ не сдобровать, потому что народъ сильнѣе офицеровъ, а помогутъ ли и какъ помогутъ тогда союзники — это неизвѣстно.

Переговоры постоянно заходили въ неизбѣжный тупикъ. Два раза, видя безплодность добиться искренняго признанія единаго командованія въ его лицѣ отъ Донцовъ, генералъ Деникинъ хотѣлъ прекратить переговоры, но всякій разъ генералъ Щербачевъ его останавливалъ. Атаманъ понималъ, что это необходимо сдѣлать, необходимо для союзниковъ, и искалъ такой формы, которая наименѣе дала бы почвы для пропаганды въ войскахъ. Даже мелочи, и тѣ вызывали страстный отпоръ. Заговорили объ изданіи уставовъ столь нужныхъ для войскъ.

— Но для чего намъ издавать уставы? — сказалъ Атаманъ, — и снова тратить на нихъ громадныя деньги — и главное, время, когда войско Донское уже издало почти всѣ уставы. Они представляютъ изъ себя перепечатку Россійскихъ уставовъ, и Добровольческая Армія, если пожелаетъ, можетъ ихъ получить готовыми.

На какія бы то ни было назначенія командного состава и на подчиненіе офицеровъ Генеральнаго Штаба помимо Атамана Главнокомандующему Атаманъ не согласился. Донская Армія должна быть вполнѣ автономной.

— Какое же это будетъ единое командованіе! — воскликнулъ генералъ Драгомировъ, — когда Главнокомандующій не можетъ распорядиться ни однимъ казакомъ помимо Атамана.

— Единое командованіе для союзниковъ, — сказалъ Денисовъ. — Они хотятъ, чтобы Его Превосходительство генералъ Деникинъ былъ подобенъ Фошу. Но у Фоша были самостоятельныя французская, англійская и американская арміи — такъ и тугъ будутъ арміи подчиненныя въ стратегическомъ отношеніи, но самостоятельныя по существу...

Переговоры шли уже шестой часъ, сгущались сумерки короткаго зимняго дня, а рѣшенія никакого вынесено не было.

Наконецъ Атаманъ сказалъ генералу Деникину:

— Антонъ Ивановичъ, въ виду сложившейся обстановки я считаю необходимымъ признать надъ собою ваше верховное командованіе, но при сохраненіи автономіи Донской Арміи и подчиненіи ея вамъ черезъ меня. Давайте составимъ объ этомъ приказъ.

Генералъ Деникинъ собственноручно написалъ приказъ о своемъ вступленіи въ командованіе и о подчиненіи ему всѣхъ вооруженныхъ силъ юга Россіи, дѣйствующихъ противъ большевиковъ.

— Хорошо, — сказалъ Атаманъ, — я отдамъ этотъ приказъ по войску Донскому, но для того, чтобы избѣжать кривотолковъ о нарушеніи Донской конституціи я сдѣлаю къ нему слѣдующую добавку: — «Объявляя этотъ приказъ Главнокомандующаго вооруженными силами на югѣ Россіи Донскимъ арміямъ, подтверждаю, что по соглашенію моему съ генераломъ Деникинымъ конституція Всевеликаго Войска Донского, Большимъ Войсковымъ Кругомъ

утвержденная, нарушена не будетъ. Достояніе Дона, вопросы о землѣ и нѣдрахъ, условія быта и службы Донской Арміи этимъ командованіемъ затронуты не будутъ, но дѣлается это съ весьма разумною цѣлью достиженія единства дѣйствій противъ большевиковъ.

— Но этимъ добавленіемъ совершенно уничтожается весь смыслъ приказа о единомъ командованіи, — сказалъ Драгомировъ.

Деникинъ махнулъ рукою, — дѣлайте, молъ, какъ хотите.

— Вы подписываете себѣ и войску смертный приговоръ, — сказалъ генералъ Денисовъ Атаману.

Итакъ первое, что потребовали союзники, было выполнено. Единое командованіе осуществлено. Теперь оставалось только ожидать помощи отъ союзниковъ и активной ихъ работы.

Глава XVIII

Утомленіе казачьей арміи. — Измѣна трехъ полковъ. — Комиссары въ Вешенской станицѣ. — Совѣтская власть на сѣверѣ Дона. — Красная армія занимаетъ сѣверныя станицы. — Неистовство большевиковъ въ Вешенской станицѣ.

На позиціяхъ казачьей арміи отъ Маріуполя, — гдѣ стоялъ дивизіонъ Л. Гв. Атаманскаго полка, черезъ Чертково и Кантемировку, черезъ Богучаръ и Новохоперскъ, къ Балашову и Царицыну и далѣе въ за-Манычскихъ степяхъ до самаго стыка съ добровольцами подъ Ставрополемъ шла кипучая, сравнительно тяжелая боевая жизнь. Тяжести войны усугубились зимнимъ временемъ. Зима наступила сразу въ концѣ ноября и стояла суровая и холодная, съ крутыми метелями и большимъ снѣгопадомъ. Примитивные казачьи окопы совершенно занесло снѣгомъ, черныя фигуры казаковъ стали далеко видными, войска, жившія раньше въ полѣ подъ открытымъ небомъ или въ неглубокихъ землянкахъ, стали жаться къ деревнямъ и селамъ. Борьба съ Красной Арміей часто шла уже не по тактическимъ соображеніямъ закрѣпленія за собою того или иного узла позиціи, того или другого опорнаго пункта, а изъ-за тепла и крыши. Уходящій, кто бы онъ ни былъ, старался возможно болѣе ухудшить положеніе врага и жегъ, что только могъ успѣть сжечь и уничтожить. Вмѣсто домовъ доставались обгорѣлыя стѣны съ зіяющими окнами и дверьми, безъ стеколъ и безъ мебели. Здѣсь новыя части устраивались, какъ могли. Завѣшивали, чѣмъ попало — мѣшками и рогожами, окна и биткомъ набивались въ комнаты, чтобы согрѣваться животнымъ тепломъ. Въ брошенныхъ большевиками деревняхъ находили лазареты, полные больныхъ, среди которыхъ нерѣдко лежали мертвые. Сыпной тифъ косилъ Красную Армію и сыпной тифъ передался и на Донскую Армію. Нужна была частая смѣна бѣлья — а его не было, нужно было мыло, его не хватало, нужны были лазареты, ихъ не успѣвали открывать.

Болѣзнь, полубредовое состояніе передъ нею понижали духъ арміи. Казаки приходили въ отчаяніе. Война шла уже десятый мѣсяцъ, а не только не видно было конца, но съ каждымъ шагомъ впередъ положеніе становилось все болѣе грознымъ и тяжелымъ. Карсноармейцы осенью говорили, что они воевать будутъ только до зимы, а зимою разойдутся по домамъ, а на дѣлѣ зимою ихъ атаки стали болѣе рѣшительными и смѣлыми нежели раньше.

Казаки спрашивали плѣнныхъ, почему это такъ.

— Нельзя, — отвѣчали красноармейцы. — Не пойдешь, разстрѣляютъ. Комиссаръ требуетъ, чтобы шли. А откажешься, и самого убьютъ, и семьѣ не сдобровать.

Вся Россія шла на Донъ. Вся Россія шла уничтожить казаковъ и мстить имъ за 1905 годъ. И страшно становилось казакамъ. Какъ же будутъ они одни противъ всей Россіи? Весною, когда дрались подъ Новочеркасскомъ и фронтъ былъ маленькій, кругомъ была помощь. Слѣва стояли прочною стѣною нѣмцы, справа недалеко были кубанцы и добровольцы.

Теперь фронтъ сталъ непомѣрно большой, нѣмцы ушли и, сколько слышно, у нихъ тоже совѣтская республика, добровольцы застряли на Кавказѣ и донцы остались совсѣмъ одинокими.

Пріѣхали союзники. Въ ледяныхъ окопахъ и въ хатахъ, набитыхъ людьми, разсказывали, что были англичане и французы, что они обѣщали помощь, а гдѣ же она? Атаманъ говорилъ и писалъ, что они высадились на берегу Чернаго моря, что они займутъ Украину и станутъ на мѣсто нѣмцевъ, а вмѣсто того атаманцевъ послали въ Маріуполь, а изъ Каменской и изъ-подъ Царицына спѣшно послали резервы на западную границу войска къ Луганску и Гундоровской станицѣ. Говорятъ, тамъ не хорошо.

Фронтъ остался безъ резерва. Сзади никого нѣтъ, а когда сзади никого нѣтъ, жутко становится на фронтѣ.

Если бы союзники пришли помогать, развѣ было бы такъ? Невольно напрашивалось сравненіе съ нѣмцами. Какъ быстро подавались части корпуса генерала фонъ Кнёрцера въ апрѣлѣ и маѣ. Не успѣли оглянуться, какъ уже низкія сѣрыя каски торчать передъ носомъ оторопѣлаго «товарища» и слышны грозные окрики: — «halt» и «ausgeschlossen». А вѣдь это были враги! Если враги такъ торопились помогать Атаману, какъ же должны были спѣшить друзья?! Сегодня были развѣдчики — офицеры — это понятно каждому казаку, что безъ развѣдки нельзя, ну а завтра, или дня черезъ три должны показаться и авангарды и главныя силы, а вмѣсто того Атаманъ объявилъ новую мобилизацію и прямо говоритъ, что столица войска Донского въ опасности.

Тутъ и пропаганды не нужно было — дѣло было ясное — обманъ.

На Рождествѣ, къ 28-му Верхне-Донскому, Мигулинскому и Казанскому полкамъ, стоявшимъ въ Воронежской губерніи, къ сѣверу отъ Богучара, пришли парламентеры отъ Красной Арміи. Это были не обычные парламентеры, приходившіе и раньше сдаваться, это были люди, посланные отъ «рабоче-крестьянской» арміи. Командиры полковъ и офицеры не успѣли ничего сдѣлать, какъ казаки сбѣжались къ нимъ толпою и на позиціи устроился митингъ, на которомъ казаки слушали, развѣсивъ уши, то, что имъ говорили пришедшіе отъ Красной Арміи люди.

Они говорили хорошія и правильныя, какъ казалось простому измученному войною казаку, вещи.

— Мы вашего не трогаемъ, — говорили они, — зачѣмъ же вы идете на насъ? Вы Донскіе?

— Донскіе, — отвѣчали дружно казаки.

— Такъ зачѣмъ же вы сидите въ Воронежской губерніи? Чай всю Россію не освободите. Васъ мало, а Россія какъ велика! Всѣхъ крестьянъ не перебьете, а если міръ станетъ противъ васъ, и отъ васъ ничего не останется.

— Правильно! — вздыхали казаки.

— Идите, товарищи, по домамъ. Мы васъ не тронемъ. Вы живите у себя спокойно по станицамъ и мы будемъ жить спокойно. Повоевали и довольно.

— Что-жъ, это правильныя рѣчи, — говорили казаки.

— А приказъ Атамана? — вспоминали нѣкоторые.

— Атамана? Да вѣдь онъ, товарищи, давно продался нѣмцамъ, за четыре милліона.

Цифра поражала. Четыре милліона! Можетъ быть и правда продался.

— Такъ что же, станичники, здѣсь что ли стоять будемъ, да вшей кормить?! А, такъ что-ль? — раздавались голоса. — Ай-да по домамъ, ребятушки, праздникъ Христовъ. Они насъ не тронутъ. Такіе же хрестьяне, должны пониматъ!

Офицеры попытались помѣшать уходу съ позиціи, но кого арестовали — со временъ Временнаго Правительства это было привычное занятіе, арестовыватъ офицеровъ, а кто и самъ, чуя недоброе, бѣжалъ отъ своихъ казаковъ. Во главѣ 28-го пѣшаго полка сталъ бойкій и развратный казакъ Ѳоминъ. Онъ повелъ полкъ въ станицу Вешенскую, гдѣ находился штабъ Сѣвернаго фронта съ генераломъ Ивановымъ (Матвѣй Матвѣевичемъ). Генералъ Ивановъ не имѣлъ силы арестовать Ѳомина, окруженнаго большою толпою своихъ приверженцевъ. Ѳоминъ и казаки Верхне-Донского полка не рѣшались напасть на штабъ, охранявшійся нѣсколькими десятками обозныхъ казаковъ. Это опять была бы война, а воевать они не хотѣли. Въ одной и той же станицѣ, въ полномъ напряженіи, стояло два враждебныхъ лагеря. Работа штаба стала невозможной и генералъ Ивановъ перебхалъ на тридцать верстъ, въ станицу Каргинскую, гдѣ казаки еще держались и даже собирались жестоко наказать Вешенцевъ за измѣну казачьему дѣлу. Ѳоминъ захватилъ телеграфъ съ Новочеркасскомъ. Атаманъ передалъ ему приказъ образумиться и стать на позицію, угрожая полевымъ судомъ. Ѳоминъ отвѣтилъ площадною бранью. Атаманъ отправилъ въ Вешенскую карательный отрядъ, но событія развивались уже быстрымъ темпомъ.

Три полка, оставившіе фронтъ, занимали линію около сорока верстъ. За ними была укрѣпленная Богучарская позиція съ проволочными заграждѣніями, та самая «буржуйская» затѣя, которая такъ не нравилась Красной Арміи. Измѣнники-казаки оставили ее безъ защиты. У Богучара было только двѣ сотни пѣшаго пограничнаго полка, составленныя изъ молодыхъ крестьянъ Донского войска, и тѣ передались большевикамъ.

Ѳоминъ, отвѣчая бранью Атаману, зналъ, на что онъ идетъ, но онъ уже разсчитывалъ, что сила будетъ на его сторонѣ.

Первые три дня по приходѣ Казанцевъ и Мигулинцевъ домой все было спокойно. Потомъ въ Казанскую станицу на хорошей тройкѣ пріѣхало три молодыхъ человѣка въ отличныхъ шубахъ. Они потребовали общаго сбора казаковъ. Когда казаки собрались въ станичномъ управленіи, молодые люди поднялись на трибуну, и оказались прекрасно одѣтыми въ лонко сидящихъ на нихъ френчахъ, съ кольцами съ самоцвѣтными камнями на холеныхъ пальцахъ и очень бойко говорящими. Они доказывали превосходство народной совѣтской власти передъ какою либо другою и предлагали немедленно приступить къ выбору совѣта и исполнительнаго комитета. Станичнаго Атамана не было. Онъ поѣхалъ съ докладомъ въ Новочеркасскъ; появилось на собраніи вино, «царскія деньги» цѣлыми пачками, и «совѣтская власть» была признана. Ворчали только старики, но какъ-то такъ оказалось, что ихъ живо связали и отправили въ станичную тюрьму...

Вешенская станица не отстала отъ Казанской. Ѳоминъ объявилъ себя комиссаромъ, и при немъ тоже появились пріѣзжіе молодые люди для того, чтобы руководить его дѣйствіями и учить, какъ устроить станицу по совѣтскому образцу.

Донской Атаманъ пріѣхалъ съ англійскими и французскими офицерами въ станицу Каргинскую въ 30 верстахъ отъ Вешенской, гдѣ собиралъ казаковъ и указывалъ имъ на скорую помощь союзниковъ и необходимость, немного потерпѣть и уничтожить крамолу внутри войска. Изъ станицы Усть-Бѣло-Калитвенской походнымъ порядкомъ шелъ отрядъ въ шестьдесятъ отборныхъ казаковъ съ войсковымъ старшиною Романомъ Лазаревымъ для того, чтобы привести къ повиновенію бунтующихъ Вешенцевъ.

Не дремалъ и Ѳоминъ. Въ ту же ночь, когда Атаманъ былъ въ Каргинской, онъ собралъ казаковъ въ Вешенской и тамъ повелъ такую рѣчь:

— Въ Каргинской не настоящій Атаманъ, а самозванецъ, и съ нимъ ряженые офицеры подъ француза и англичанина, и намъ надо его выманить сюда и здѣсь посмотрѣть — какой онъ есть. Здѣсь и разсудимъ — или къ стѣнкѣ его поставимъ съ союзниками, или препроводимъ для суда въ Москву, или своимъ судомъ здѣсь накажемъ. Оборвемъ погоны и изобличимъ переодѣтыхъ союзниковъ.

Нашлись на собраніи и благоразумные казаки.

— Атамана мы знаемъ, — заявили они, — мы съ нимъ въ Атаманскомъ полку служили.

— Я шесть лѣтъ трубачемъ ѣздилъ, когда Атаманъ полковымъ адъютантомъ былъ — слава Богу — узнаю, онъ или нѣтъ.

Рѣшено было, снарядить сани въ Каргинскую, чтобы посмотрѣть на Атамана. Такъ и сдѣлали. Посланные не только повидали Атамана, но, несмотря на то, что за ними слѣдили агенты Ѳомина, успѣли передать Атаману о настроеніи въ Вешенской станицѣ и просили его не пріѣзжать въ Вешенскую безъ значительной воинской силы. Атаманъ все-таки рѣшилъ ѣхать. Онъ думалъ, что подлинные союзные офицеры спасутъ положеніе и вернутъ казаковъ къ исполненію долга, но союзники такъ замерзли, проѣхавъ девяносто верстъ по снѣгамъ въ автомобилѣ, что ни за что не соглашались ночью ѣхать еще тридцать верстъ, да еще рискуя застрять въ снѣжныхъ сугробахъ. Поѣздка была отложена. Между тѣмъ Ѳоминъ, чувствуя, что ему не миновать петли и что онъ зашелъ слишкомъ далеко, принялъ болѣе серьезныя мѣры. Вешенцы волновались. Старики, помнившіе и отца и дѣда Атамана, который самъ былъ родомъ изъ Вешенской станицы, требовали подчиненія Атаману. Вернувшіеся сослуживцы однополчане Атамана передали, что Атаманъ подлинный, настоящій, и они его и онъ ихъ узналъ, даже фамиліи помнилъ. Только постарѣлъ очень. А все-таки тотъ же. Безъ обмана. И союзники съ нимъ настоящіе. Все, какъ слѣдуетъ быть! Заколебались Вешенцы. У нихъ уже явилась мысль связать Ѳомина и съ покаянной ѣхать къ Атаману. Но тутъ пришло извѣстіе, что девять дивизій Красной Арміи перешли границу войска Донского и быстро идутъ къ Вешенской станицѣ. Ѳоминъ самъ принялся арестовывать приверженцевъ Атамана и готовиться къ встрѣчѣ Красной Арміи.

Красная Армія шла походнымъ порядкомъ, не разворачиваясь и даже не высылая мѣръ охраненія. Растерянные казаки встрѣтили ее хлѣбомъ-солью и только говорили тѣмъ молодымъ людямъ, которые имъ разсказывали о томъ, что граница войска Донского будетъ неприкосновенна: — «Товарищи, какъ же

это?» — но тѣ смѣялись и говорили: — «А вотъ теперь вы узнаете, что такое совѣтская власть! Духа вашего казачьяго здѣсь не должно больше быть».

Всѣ тѣ казаки, которые такъ мечтали объ отдыхѣ и, прельстившись перспективой этого отдыха, измѣнили войску, были мобилизованы, забраны и безоружными толпами отправлены на Уральскій фронтъ — сражаться противъ Колчака. Лошадей и скотъ стали отбирать, женщинъ насиловать. Совѣтскимъ заправиламъ надо было такъ перевернуть мозги казаковъ, чтобы ничего святого у нихъ не оставалось, все поругать, все уничтожить, довести до отчаянія, заплевать и загадить сердца и души, и тогда, поработивши ихъ, въ полной мѣрѣ начать предъявлять свои требованія...

По станицѣ Вешенской зазвонили колокола великолѣпнаго Вешенскаго собора, величаво нависшаго надъ рѣкою Дономъ съ его тихими разливами и покрытыми инеемъ сребровѣтвенными густыми левадами. Съ пьяными криками и шутками собирались туда красноармейцы и тащили казачью молодежь, дѣтей и подростковъ, тащили стариковъ. Тамъ, готовилось зрѣлище для казаковъ и казачекъ. Ихъ восьмидесятилѣтняго сѣдобородаго священника, который шестьдесять лѣтъ прожилъ безвыѣздно въ Вешенской станицѣ ихъ духовникомъ и котораго почитали всѣ, и старые и малые, тащили, чтобы вѣнчать съ рабочей кобылой. И стоялъ старый священникъ передъ алтаремъ рядомъ съ кроткою лошадью, пугливо косившейся на свѣчи и тяжело вздыхавшей, а надъ ними держали вѣнцы и пѣли похабныя пѣсни.

А потомъ пошли казни. Вѣшали и разстрѣливали казаковъ.

Ѳоминъ омывалъ кровью отцовъ своихъ свою новую власть.

Такъ отомстили красноармейцы измѣнникамъ казакамъ.

Прорывъ фронта, углубленіе въ Верхне-Донской округъ, большихъ силъ Красной Арміи, тяжело отозвался на сосѣднемъ Хоперскомъ округѣ и онъ безъ всякаго давленія со стороны противника покатился назадъ, сдавая Мироновскимъ казакамъ станицу за станицей.

У Атамана въ это время не было ни одного свободнаго казака. Все было послано на оборону Западнаго фронта. Тамъ спѣшно формировалась ударная группа для защиты Звѣрева и Лихой. Угроза нависла надъ Новочеркасскомъ. Спасти положеніе могли только добровольцы или союзники.

Глава XIX

Пріѣздъ англійской и французской миссій въ Новочеркасскъ. — Рѣчь Атамана на оффиціальномъ обѣдѣ. — Союзники на фронтѣ подъ Царицынымъ. — Посѣщеніе союзниками заводовъ и мастерскихъ. — Посѣщеніе Сѣвернаго фронта.

Въ эти тяжелые дни Атаманъ принималъ Екатеринодарскихъ гостей, союзныя миссіи, прибывшія въ полномъ составѣ, ознакомиться съ положеніемъ на фронтѣ, чтобы немедленно помочь. Это уже не была повышенно радостная ликующая встрѣча, какою встрѣчали капитановъ Бонда и Ошэна, но это было серьезное дѣловое свиданіе съ людьми, желающими помочь и спасти Россію.

Такъ казалось... Этому вѣрили...

28-го декабря въ 11 часовъ утра въ Новочеркасскъ прибыли англійскій начальникъ военной миссіи на Кавказѣ генералъ-маіоръ Пуль, его начальникъ штаба полковникъ Кисъ и съ ними три англійскихъ офицера, и представитель генерала Франшэ-д'Эсперрэ — капитанъ Фукэ, представитель генерала

Бертелло — капитанъ Бертелло и лейтенанты Эглонъ и Эрлишъ. Въ 6 часовъ вечера въ Атаманскомъ дворцѣ былъ парадный обѣдъ, на которомъ обмѣнялись рѣчами. Атаманъ по-французски говорилъ о томъ, что послѣдніе часы бытія Россіи наступаютъ и вооруженная помощь нужна немедленно.

— «Ровно мѣсяцъ тому назадъ въ этомъ самомъ залѣ, — сказалъ Атаманъ, — я имѣлъ счастье, привѣтствовать первыхъ изъ союзныхъ офицеровъ, прибывшихъ къ намъ — капитана Бонда и капитана Ошэнъ.

«Я говорилъ тогда о томъ громадномъ значеніи, которое имѣетъ теперь время. Я говорилъ, что не недѣлями и мѣсяцами измѣряется оно, но только часами. Я говорилъ о тѣхъ потокахъ крови невинныхъ жертвъ, старцевъ священниковъ, женщинъ и дѣтей, которые льются каждый день тамъ, гдѣ была когда-то наша общая родина — Россія. Я умолялъ отъ имени этой Россіи придти и помочь.

«Страшный кровавый туманъ замутилъ мозги темнаго народа и только вы, отъ которыхъ брыжжетъ счастьемъ величайшей побѣды, можете разсѣять этотъ туманъ.

«Вы не послушались тогда меня, старика, искушеннаго въ борьбѣ съ большевиками и знающаго, что такое ядъ ихъ ужасной пропаганды. Медленно и осторожно съ большими разговорами и совѣщаніями приближаетесь вы къ этому гаду, на котораго надо смѣло броситься и раздавить его.

«И наши враги въ вашей осторожности видятъ ваше безсиліе. А изнемогшіе въ борьбѣ братья наши теряютъ послѣднія силы.

«За этотъ мѣсяцъ пала подъ ударами вся Украина, богатая и пышная съ обильной жатвою недавняго урожая. Усталые полки южной арміи и истомленные непосильной борьбой на многоверстномъ фронтѣ казаки, сдали большую часть Воронежской губерніи.

«Богатый хлѣбомъ плодородный край обращается въ пустыню. Идутъ кровавые разстрѣлы и тысячи невинныхъ гибнутъ въ вихрѣ безумія.

«Васъ ждутъ, господа, осужденные на смерть. Въ вашихъ рукахъ жизнь и смерть. Ужели же вы отголкнете протянутыя руки и холодно будете смотрѣть, какъ избиваютъ женщинъ, какъ бьютъ дѣтей на глазахъ у матерей, и ждать чего-то. Ждать тогда, когда надо дѣйствовать.

«Вашъ пріѣздъ тогда вдохнулъ силы. Явился порывъ. Полки пошли впередъ. Уже недалеко было до Воронежа... Но порывъ не терпитъ перерыва, и не видя помощи сейчасъ — изнемогли бойцы, истратили силы и молча отступаютъ.

«Вы, господа, военные люди. И вы знаете, что такое бой, и вы знаете, что значитъ подача резерва во время, и какъ мало значитъ приходъ резерва тогда, когда разъяренный врагъ уже побѣдилъ и уничтожилъ первую линію...

«Россія взываетъ о помощи... Франція, — говоритъ она, — вспомни о нашихъ могилахъ въ Восточной Пруссіи въ дни вашей славной битвы на Марнѣ, Франція, не забудь нашихъ Галиційскихъ покойниковъ въ тяжелые дни Вердена.

«Пока Россія была здорова — она была вѣрной союзницей. Но чѣмъ вишовата Россія, что она заболѣла этой ужасной болѣзнью побѣжденныхъ? Помогите ей! Исцѣлите ее!

«О! Какой ужасъ творится въ Москвѣ, въ Рязани, въ Воронежѣ, въ Харьковѣ, повсюду въ Россіи. Темнота, холодъ, голодъ! Плачъ женщинъ и дѣтей и пьяныя оргіи дикарей, сопровождаемыя разстрѣлами ...

...«Во всемъ мірѣ праздникъ Христовъ. Во всемъ мірѣ тишина и радость покоя и только въ Россіи не прекращаясь вотъ уже пятый годъ гремятъ выстрѣлы, льется кровь и сироты, безъ дома и крова, умираютъ отъ голода...

...«Несите намъ свободу, пока не поздно. Несите теперь, пока еще есть живые люди въ Русской землѣ... Идите туда, гдѣ ждетъ васъ тріумфальное шествіе среди ликующаго народа.

«Пройдутъ недѣли, и если не придете вы, тамъ будутъ пепелища сожженныхъ деревень, и плачъ и трупы, и вмѣсто богатаго края — пустыня.

«Время не ждетъ. Силы бойцовъ таютъ. Ихъ становится все меньше и меньше»...

Если первая рѣчь Атамана союзникамъ, если его первая мольба о помощи Россіи была пропитана слезами, то здѣсь изъ каждаго слова сквозила кровь, раны и мученія.

Союзники поняли это. Въ медленной, полной величаваго достоинства отвѣтной рѣчи, генералъ Пуль засвидѣтельствовалъ, что помощь будетъ. Послѣ него говорилъ о томъ же Фукэ, затѣмъ всталъ лейтенантъ Эрлишъ. Онъ восторженно и радостно на чисто Русскомъ языкѣ, лишь съ незначительнымъ южнымъ акцентомъ, сказалъ о томъ, что французы пойдутъ вмѣстѣ съ добровольцами и казаками на Москву. Онъ говорилъ, что Атаманъ проявилъ большую мудрость, признавши надъ собою власть генерала Деникина. Теперь союзники безотлагательно явятся помочь казакамъ. Его рѣчь, полная истерическихъ выкриковъ, немного митинговая, не понравилась образованной части Донского общества, бывшей на обѣдѣ, но наэлектризировала простыхъ казаковъ, членовъ Круга. Событія на сѣверѣ войска казались уже пустяками. Черезъ недѣлю явится сюда бригада англичанъ и все будетъ ликвидировано.

Генералъ Пуль искренно вѣрилъ въ то, что по его слову будутъ переброшены войска изъ Салоникъ и Батума, о чемъ и сказалъ Атаману.

Въ 10 часовъ обѣдъ былъ оконченъ, и всѣ пріѣхавшіе отправились въ Атаманскій поѣздъ, чтобы ѣхать на фронтъ. Время было серьезное, боевое, медлить было нельзя. Всѣ «фронты» настойчиво требовали союзниковъ.

Въ 10 часовъ утра холоднаго зимняго дня поѣздъ медленно подходилъ къ станціи Чиръ на Царицынскомъ фронтѣ, къ штабу генерала К. К. Мамонтова. На перронѣ замеръ, взявши «на караулъ», почетный караулъ, подобный которому можно было видѣть только во времена Наполеоновскихъ войнъ.

На правомъ флангѣ стоялъ взводъ «дѣдовъ».

Сѣдыя бороды по грудь, старыя темныя лица въ глубокихъ морщинахъ, точно лики святыхъ угодниковъ на старообрядческихъ иконахъ, смотрѣли остро и сурово изъ-подъ надвинутыхъ на брови папахъ. Особенная стариковская выправка, отзывающая временами прежней муштры, была въ ихъ старыхъ фигурахъ, одѣтыхъ въ чистыя шинели и увѣшанныхъ золотыми и серебряными крестами на георгіевскихъ лентахъ: — за Ловчу, за Плевну, за Геокъ-Тепе, за Ляоянь и Лидіантунь... Три войны и тѣни трехъ императоровъ стояли за ними...

Рядомъ съ ними былъ бравый, коренастый и кряжистый взводъ «отцовъ». Это были тѣ самые «фронтовики», которые еще такъ недавно бунтовали, не зная, куда пристать, сбитые съ толка революціей и цѣлымъ рядомъ свободъ, объять которыя не могъ ихъ умъ. Въ своей строго форменной одеждѣ они производили впечатлѣніе старыхъ русскихъ до-революціонныхъ войскъ. И, наконецъ, еще лѣвѣе былъ взводъ «внуковъ» — отъ постоянной арміи, отъ

химическаго ея взвода. Это уже была юная молодежь — парни 19 и 20 лѣтъ. Долго любовался карауломъ Пуль. Онъ медленно шелъ съ Атаманомъ по фронту, внимательно вглядываясь въ лицо каждаго казака, и новыя мысли зарождались въ его умѣ. Онъ понималъ теперь то, чего упорно не хотѣли понять на западѣ, онъ понималъ то, чего онъ не могъ понять въ Екатеринодарѣ, что это народная, а не классовая война. Онъ видѣлъ грубыя, мозолистыя руки хлѣбопашцевъ, сжимавшихъ эфесы шашекъ, и онъ понималъ, что эти люди дѣйствительно отстаиваютъ свои дома, борются за право жизни...

Отъ штаба генералъ Пуль проѣхалъ къ резервамъ. Тамъ при немъ поднялись, несмотря на морозъ, пять донскихъ аэроплановъ и полетѣли бросать бомбы въ Царицынъ. Генералу Пулю показали броневые поѣзда, отбитые у Красной Арміи, и самодѣльный броневой поѣздъ, построенный въ мастерскихъ Владикавказской дороги въ Ростовѣ, потомъ поѣхали на позицію. Сначала смотрѣли полевую и тяжелую батареи. Внимательно осматривалъ каждое орудіе старый англійскій артиллеристъ и запускалъ въ каналъ палецъ, осматривая который и видя на немъ слѣды пушечнаго сала, генералъ Пуль довольно улыбался.

По запорошенной снѣгомъ степи перешли къ хутору, возлѣ котораго стояли правильные четыреугольники батальонныхъ колоннъ пѣхотнаго полка. Батальоны взяли «на карауль», командиръ полка пошелъ съ рапортомъ къ Атаману. И опять генералъ Пуль осматривалъ каждаго казака отъ его мѣховой папахи до сапогъ, онъ отворачивалъ полы шинелей и видѣлъ подъ ними или полушубки, или ватныя теплушки, и все это свое — казачье.

— Какіе большіе у васъ батальоны, — сказалъ онъ Атаману.

— Нормальные, — отвѣчалъ Атаманъ, — по 1000 человѣкъ. — Сколько у васъ штыковъ? — спросилъ онъ командира полка.

— Три тысячи пятьсотъ, господинъ Атаманъ, — отвѣчалъ тотъ.

Осмотрѣли еще одинъ резервный полкъ. Прошли къ конному полку и пропустили его мимо себя повзводно. Долго тянулись взводы по степи и темные силуеты лошадей рисовались на снѣгу. Конный полкъ былъ тоже нормальнаго штата — шесть сотень по 140 человѣкъ въ сотнѣ.

— У васъ всѣ полки такіе? — спросилъ Пуль генерала Денисова.

— Теперь почти всѣ. Мы заканчиваемъ реорганизацію арміи и сводимъ послѣднія станичныя дружины и сотни въ полки нормальнаго штата, — отвѣчалъ Денисовъ.

У каждаго полка выступалъ съ рѣчью Эрлихъ.

— Союзники съ вами, друзья! — кричалъ онъ со своимъ южнымъ акцентомъ, — они пришли помочь вамъ, они пойдутъ съ вами — и побѣдятъ!!

Прояснялись суровыя лица казаковъ и неслась по самому фронту ликующая вѣсть — «Помощь пришла. Не одни мы, слава Богу!»

Дошли и до позиціи. Здѣсь союзниковъ ожидало полное разочарованіе. Они думали увидѣть глубокіе ходы, траверсы, желѣзо-бетонную постройку, цѣлые лѣса проволокъ — все то, что создала ихъ мощная техника подъ Ипромъ и Верденомъ.

Въ степи, голой, унылой и черной, — гдѣ смело снѣгъ, бѣлой, — гдѣ онъ лежалъ, были выкопаны небольшія канавы, мѣстами устроена чуть прикрытая сучьями, камышемъ и землею яма, въ которой можно было сидѣть согнувшись; окопъ извивался по краю балки и въ немъ накидана была солома и на соломѣ

лежали рѣдко разбросанные люди сторожевой сотни. У телефониста ямка была поглубже.

Казалось, что это только временный окопъ на нѣсколько часовъ, пока идетъ наступленіе. Но сильно смятая солома, слѣды костровъ, тамъ и тамъ котелки, укрѣпленные въ ямкахъ, мѣшки, уложенные для постели, наконецъ, жиденькая, гдѣ въ три кола, гдѣ въ два и даже въ одинъ проволочная ограда, уходившая далеко въ степь и показывавшая направленіе позиціи, говорили о томъ, что это мѣсто занято давно.

— И по долго остаются наши люди такъ, безъ крова? — спросилъ генералъ Пуль.

— По три дня, — отвѣчалъ генералъ Мамонтовъ. — Три дня въ окопахъ и три дня въ резервѣ на хуторѣ.

— Наши бы не могли такъ, — сказалъ Пуль.

Смеркалось. Короткій зимній день тихо угасалъ. Предметы теряли очертанія, степь казалась одинаковой, мутной, ровной. Другою дорогой ѣхали обратно, и опять каждыя двѣ версты въ сумракѣ догорающаго дня рисовались новыя части, сверкали штыки и мимо остановленнаго автомобиля проходили тяжело отбивая шагъ безконечные ряды пѣхоты.

У послѣдней батареи вышли изъ автомобиля. Уже было темно и были видны, лишь когда подойдешь вплотную, врытыя въ землю пушки и коренастыя фигуры тепло одѣтыхъ въ шубы артиллеристовъ. Много было среди нихъ бородатыхъ старообрядцевъ.

Генералъ Пуль отвелъ Атамана въ сторону и сказалъ ему медленно, раздѣльно подыскивая слова, по-французски:

— Теперь я все понимаю. Благодарю васъ. Тамъ въ Добровольческой Арміи мнѣ показывали батальоны. Шестьдесятъ человѣкъ — батальонъ. Молодежь. Дѣти. Интеллигенція... Я поздравляю васъ, генералъ, вы имѣете настоящую армію...

На другой день Атаманъ съ союзниками посѣтили Провальскій Войсковой конный заводъ. Опять генералъ Пуль былъ пораженъ богатствомъ войска Донского. Еще лѣтомъ Атаманъ скупилъ Харьковскій пунктъ Гальтимора и теперь онъ показывалъ отличныхъ жеребцовъ, кобылъ и молодежь, любовался ими въ прекрасномъ манежѣ, гдѣ шла выводка по строго заведенному конно-заводческому порядку, а самъ въ это время въ полголоса совѣщался съ генераломъ Бобриковымъ, начальникомъ завода, о томъ, куда вывести заводъ, если придется его эвакуировать, потому что уже и заводу угрожала опасность.

30 декабря союзныя миссіи осматривали Владикавказскія мастерскія въ Ростовѣ, гдѣ шелъ ремонтъ паровозовъ, и гдѣ заново строили паровозы. Имъ показывали постройку блиндированныхъ платформъ для броневого поѣзда, санитарный поѣздъ, сдѣланный для Добровольческой Арміи, и поѣздъ-баню, построенный на средства, собранныя въ Ростовѣ супругой градоначальника О. М. Грековой. Союзники были потомъ въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, гдѣ печатали въ это время денежные знаки, и на заводѣ сельско-хозяйственныхъ машинъ «Аксай».

2-го января капитанъ Бертелло осматривалъ Новочеркасскую военно-ремесленную школу, гдѣ видѣлъ изготовленіе сѣделъ, ранцевъ, патронташей, шитье сапогъ, мундировъ и бѣлья для Донской Арміи. 3-го января союзники видѣли уже оживший и пущенный въ ходъ Русско-Балтійскій заводъ въ Таганрогѣ, гдѣ при нихъ выдѣлывали гильзы, отливали пули, вставляли ихъ въ мелкіо-

ровую оболочку, насыпали порохомъ патроны — словомъ, заводъ уже былъ въ полномъ ходу. Потомъ смотрѣли кожевенный заводъ.

Чѣмъ больше видѣлъ Пуль, тѣмъ становился онъ любезнѣе къ Атаману и вмѣстѣ съ тѣмъ озабоченнѣе. Въ промежуткахъ между поѣздками и осмотрами онъ часами совѣщался съ Атаманомъ о томъ, какъ помочь войску. Онъ понялъ, что помощь нужна немедленная.

— Вы могли бы дать для нашихъ солдатъ двѣ тысячи тѣхъ прекрасныхъ шубъ, которыми вы снабжали насъ во время поѣздки на позицію? — спросилъ онъ Атамана.

— Конечно, могъ бы.

— Хорошо. Подготовьте ихъ къ посылкѣ въ Новороссійскъ. Я надѣюсь устроить такъ, что дней черезъ пять у васъ будетъ батальонъ, а черезъ двѣ недѣли бригада. И я увѣренъ, что если ваши люди увидятъ нашихъ людей, они быстро ликвидируютъ этотъ прорывъ. Я теперь же поѣду въ Екатеринодаръ, а оттуда въ Лондонъ. Въ Лондонѣ я скорѣе все это устрою. Это будетъ лучше для васъ, если я буду хлопотать за васъ въ Лондонѣ.

Генералъ Пуль отказался отъ поѣздки на сѣверный фронтъ. Онъ торопился въ Екатеринодаръ и Лондонъ, чтобы активно помогать Донскому войску.

Наканунѣ его отъѣзда къ нему въ его помѣщеніе въ Ростовѣ, въ Паласъ-Отель, явились лидеры партіи, враждебной Атаману. Они долго и подробно перечисляли всѣ вины Атамана, которыя въ общемъ сводились къ тому, что Атаманъ нѣмецкой оріентаціи, что онъ монархистъ и не признаетъ никакихъ партій, а все дѣлаетъ самъ, ни съ кѣмъ не совѣтуясь и не совѣщаясь.

Генералъ Пуль вдругъ покраснѣлъ и гнѣвно застучалъ кулакомъ по столу: — «Оставьте мнѣ, господа, Атамана въ покоѣ», — воскликнулъ онъ. — «Онъ правильно дѣлаетъ свое дѣло... И, если вы... если вы сковырнете мнѣ Атамана... Вамъ придется имѣть дѣло съ Англіей... Вся Англія станетъ на его защиту».

Пуль не зналъ въ это время, что политика Англіи уже перемѣнилась.

Пуль уѣхалъ въ Лондонъ, ничего не сдѣлавши. Его приказъ о посылкѣ бригады изъ Батума не былъ исполненъ. Въ Лондонѣ онъ былъ отстраненъ отъ отвѣтственныхъ должностей. Ему дали понять, что Англіи нужны друзья Англіи, но не Россіи. На его мѣсто былъ присланъ сухой и точный бригадный генералъ Бриггсъ — этотъ могъ лучше вести политику и на каждый вопросъ генерала Деникина или кого-либо неизмѣнно отвѣчалъ: «Объ этомъ я снесусь съ Константинополемъ», — «изъ Константинополя еще нѣтъ по этому поводу указаній». Даже такой пустякъ, какъ разрѣшеніе Русскому человѣку въѣхать въ Русскій Батумъ — требовалъ запроса Константинополя, а оттуда Лондона. Дѣла рѣшались недѣлями и мѣсяцами, а Троцкій и Ленинъ въ это время не дремали и спѣшили убѣдить Красную Армію, что союзники Россіи не помогутъ

6 января Атаманъ съ двумя молодыми англійскими офицерами Эдвардсомъ и Олькотъ и французами Бертелло и Эрлишемъ поѣхалъ въ Вешенскую станицу. Былъ сильный морозъ — 14° R при вѣтрѣ, а въ степи и того больше. Несмотря на то, что всѣмъ иностраннымъ офицерамъ были выданы большія бараньи папахи и шубы, они, непривыкшіе къ холоду, сильно мерзли. Пришлось ѣхать съ остановками, отогрѣваясь по хуторамъ. Только въ 4 часа дня, уже въ сумерки, прибыли въ Каргинскую. Здѣсь въ станичномъ правленіи Атаманъ призывалъ собранныхъ тамъ казаковъ къ вѣрности войску и къ

терпѣнію, говорилъ о томъ, что союзники прибыли и союзныя войска скоро помогутъ со всею своею могучею техникой казакамъ. Молча слушали казаки. Когда Атаманъ говорилъ о насиліяхъ большевиковъ, сзади изъ толпы кто-то крикнулъ: — «неправда!» —

Это было первый разъ на Дону, что прервали рѣчь Атамана.

Потомъ говорилъ Эрлихъ. Слишкомъ хорошо по-русски сказанная имъ рѣчь возбудила подозрѣніе, что онъ не французъ, а ряженый русскій офицеръ, или еврей, нанятый Атаманомъ.

Ночь провели въ Каргинской. Каргинскіе казаки не спали. Они караулили у дома, гдѣ былъ Атаманъ и союзники, и несли патрули по станицѣ. Опасались нападенія Вешенскихъ казаковъ, да и въ самой станицѣ уже начинался расколъ. Съ кѣмъ идти — съ Атаманомъ ли, или съ большевиками?

Трусливое большинство рѣшало идти съ тѣмъ, кто будетъ сильнѣе.

8-го января союзники уѣхали. Капитанъ Фукэ и капитанъ Бертелло обѣщали настоять на томъ, чтобы французскія войска немедленно были двинуты вдоль западной границы Донского войска и заняли бы Харьковъ.

— Если бы это было такъ, — сказалъ Атаманъ, — я могъ бы всю молодую армію бросить въ Верхне-Донской и Хоперскій округа и снова быть въ Воронежской губерніи.

Смутно было на душѣ у Атамана. Онъ понималъ, какой разладъ внесли союзники въ настроеніе войскъ и фронта, и зналъ, что если теперь они не придутъ, какъ не пришли послѣ ноябрьскаго посѣщенія — казаки не устоятъ.

Глава XX

Переписка Атамана съ генераломъ Деникинымъ о помощи войску Донскому. — Интриги нѣкоторыхъ членовъ Круга противъ Атамана. — Атаманъ готовъ сложить свои полномочія. — Бесѣда Атамана съ Городыскимъ, Харламовымъ и членами Круга. — Отказъ генерала Деникина поддержать Атамана.

Послѣ отданія приказа о вступленіи генерала Деникина въ командованіе всѣми вооруженными силами юга Россіи, Донской фронтъ подчинялся ему, и потому та катастрофа, которая произошла въ Верхне-Донскомъ округѣ, не могла не интересовать Главнокомандующаго. Помимо обычныхъ, по прямому проводу ежедневно передаваемыхъ точныхъ свѣдѣній о всемъ, что происходитъ на фронтѣ, Донской Атаманъ писалъ объ этомъ неоднократно Главнокомандующему. Донской Атаманъ не боялся побѣдъ Красной Арміи, но онъ боялся разложенія Донской Арміи. Его не то смущало, что части Хоперскаго и Усть-Медвѣдицкаго округовъ отступаютъ вглубь войска и уже находятся недалеко отъ желѣзнодорожной линіи Лихая—Царицынъ, и группа генерала Мамонтова можетъ быть отрѣзана отъ своей базы Новочеркасска, а его смущало то, что эти части отступали безъ боя, что многія части сдавались краснымъ, что бросали обозы, орудія и патроны, все то, что было создано такими трудами.

10-го января Атаманъ издалъ приказъ по войску, гдѣ, разсѣивая всѣ толки о томъ, что онъ нѣмецкій ставленникъ, что союзники идутъ не съ нимъ и Добровольческой Арміей, но съ большевиками, что съ Атаманомъ на фронтѣ ѣздили не англійскіе и французскіе офицеры, но ряженые казачьи офицеры, что теперь Атаманъ якобы продастъ донскихъ казаковъ русскимъ генераламъ

и пр., призывалъ казаковъ къ дальнѣйшему исполненію ими долга, указывая на то, что съ прибытіемъ союзниковъ недалекъ день общей побѣды надъ большевиками и торжества правды надъ насиліемъ. Приказъ этотъ былъ посланъ во всѣ казачьи части. Екатеринодарскія газеты, продолжая травлю Атамана, перепечатали этотъ приказъ съ недостойными комментаріями, искажая смыслъ приказа и въ эту грозную минуту развала направливая казаковъ противъ Атамана...

8-го января Атаманъ писалъ генералу Деникину:

«Событія идутъ скорѣе, нежели я ожидалъ. На Украинѣ, въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ разложеніе полное. Большевики послали туда пока четыре свои полка, около которыхъ спѣшно формируютъ цѣлую армію. По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ они предполагаютъ двинуть 90 тысячъ войска при сильной артиллеріи на Луганскъ, Дебальцево, Юзовку, чтобы выйти въ Таганрогскій округъ, гдѣ они разсчитываютъ найти благодарную почву для поднятія всего населенія округа противъ казаковъ, а также перехватить у станціи Звѣрево и Лихой Юго-восточную желѣзную дорогу и отрѣзать центръ войска отъ Сѣвернаго и Царицынскаго фронтовъ.

«Я принялъ слѣдующія мѣры:

«2-ю Донскую казачью дивизію при 8 конныхъ орудіяхъ и одномъ броневомъ поѣздѣ я сосредоточиваю въ районѣ Луганска для упорной обороны этого направленія. Я мобилизую старыхъ казаковъ Гундоровской, Митякинской и Луганской станицъ и въ каждый изъ этихъ станицъ ставлю по 200 такихъ казаковъ при двухъ пулеметахъ — это составитъ на всемъ Луганскомъ фронтѣ около 4000 человѣкъ при 8 орудіяхъ. Руководство этимъ райономъ я вѣрю генералъ-маіору Коновалову, опытному и рѣшительному офицеру генеральнаго штаба.

1-й Пластунскій полкъ изъ Александро-Грушевска, Новочеркасска и Каменской, 4-й Донской полкъ изъ Новочеркасска и 1-ю и 2-ю казачьи батареи изъ Ростова и Александро-Грушевскаго, а всего около 3000 человѣкъ при 8 орудіяхъ сосредоточиваю въ районѣ Каменской.

«Я очень просилъ бы Васъ разрѣшить Воронежскій корпусъ кн. Вад. больскаго въ составѣ около 3000 штыковъ теперь же передать въ Добровольческую Армію съ тѣмъ, чтобы усилить имъ дивизію Май-Маевскаго. Отправленіе этого корпуса въ Екатеринодаръ или въ Воронежскую губернію нежелательно по политическимъ соображеніямъ. Направленіе въ Екатеринодаръ возбудитъ Донскихъ казаковъ, которые скажутъ, что корпусъ, который содержался на Донскія деньги, не помогаетъ именно Дону, направленіе на Воронежъ нежелательно потому, что половина самой Воронежской губерніи мобилизована большевиками и потому Воронежскій корпусъ очень плохо дерется противъ своихъ и сильно дезертируетъ. Какъ только Саратовскій корпусъ выйдетъ изъ боя, я бы и его передалъ въ составъ Азовской группы Добровольческой Арміи.

«Ваше Превосходительство, сами знаете, что тѣхъ силъ, которыя я собираю въ Луганскомъ направленіи слишкомъ мало, чтобы сбросить большевиковъ, идущихъ отъ Харькова, вотъ почему я очень просилъ бы помочь именно въ этомъ направленіи. Занятіе добровольцами Бахмута, Славяносербска и Старобѣльска освободило бы насъ въ этомъ районѣ и дало бы возможность спасти положеніе на Сѣверѣ.

На Сѣверѣ насъ побѣждаетъ не сила оружія противника, но сила его злостной пропаганды, причемъ въ этой послѣдней принимали участіе и агенты

генерала Семилѣтова (разложеніе Вешенской, Казанской и Мигулинской станицъ). Вотъ почему меня очень удивило, что одинъ изъ дѣятельныхъ работниковъ по организаціи пропаганды противъ меня Н. Е. Парамоновъ назначается Вами управляющимъ отдѣломъ Россійской пропаганды. Свои соображенія по этому поводу я высказалъ въ письмѣ А. М. Драгомирову, въ копіи при семъ прилагаемомъ.

«На Царицынскомъ фронтѣ я надѣюсь обойтись своими силами, но присылка свѣжихъ иностранныхъ, а еще лучше доблестныхъ Добровольческихъ частей на западный и сѣверный фронты должна быть сдѣлана съ чрезвычайною поспѣшностью.

«Свои соображенія по этому поводу я сегодня изложилъ въ телеграммѣ, посланной начальникомъ Войскового Штаба генералу Романовскому и Вамъ вѣроятно уже доложенной, но долгомъ службы почитаю доложить Вамъ, что наше положеніе можетъ стать критическимъ именно на фронтѣ Старобѣльскъ—Луганскъ—Юзовка—Маріуполь и сюда необходима спѣшная посылка свѣжихъ частей.

«Позволю еще выяснить Вашему Превосходительству печальное недоразумѣніе, происходящее на станціи Караванной. Генералъ Май-Маевскій запретилъ вывозить съ порохового завода, находящагося на ст. Караванной, что бы то ни было и куда бы то ни было. Между тѣмъ въ снаряжательной мастерской этого завода добывается тринитроуолъ и аммоналъ для снаряженія трехдюймовыхъ снарядовъ на Таганрогскомъ заводѣ, работающемъ на Донскую, Добровольческую и Кубанскую Арміи. Этимъ запрещеніемъ создается задержка въ снаряженіи уже готовыхъ снарядовъ, что отражается на фронтѣ. Очень просилъ бы Ваше Превосходительство поставить въ извѣстность генерала Май-Маевскаго, что Донская Армія входитъ въ составъ Арміи, борющихся противъ большевиковъ и Вамъ подчиненныхъ, а потому препятствовать вывозу аммонала и тринитроуола на Донъ для снаряженія снарядовъ для нея было бы идти противъ самихъ себя. Примите и пр.». *

Генералу Драгомирову относительно устройства отдѣла пропаганды и назначенія начальникомъ его Н. Е. Парамонова Атаманъ между прочимъ писалъ: — «Всѣмъ извѣстно, что дѣятельности и капиталамъ Н. Е. Парамонова обязано Русское общество и Русская Армія своимъ разложеніемъ въ 1905 и 1917 годахъ. Это его книгоиздательство «Донская рѣчь» выпустило тѣ милліоны соціальныхъ брошюрокъ, которыя влились въ Русскій народъ и привили ему ядъ бунта и большевизма. Соціалъ-демократъ по убѣжденіямъ, капиталистъ, а послѣднее время и крупный спекулянтъ Н. Е. Парамоновъ всѣ восемь мѣсяцевъ моего управленія войскомъ Донскимъ шелъ противъ меня. Это на его деньги велась сильная агитація на Большомъ Войсковомъ Кругу противъ меня. Это на его деньги содержится и формируется генераломъ Семилѣтовымъ отрядъ для политическаго, а не боевого назначенія, это на его деньги ведется и сейчасъ пропаганда противъ меня въ войскахъ Донского фронта. Не характерно ли то, что на этихъ дняхъ взбунтовались четыре полка, всѣ имѣющіе своими депутатами на Кругу или самого Н. Е. Парамонова, или его ставленниковъ? Если командованіе Добровольческой Арміи желаетъ непремѣнно устранить меня съ моего тяжелаго поста, не проще ли и не честнѣе ли прямо мнѣ сказать, чтобы я ушелъ, нежели валить меня путемъ пропаганды, потому

* Письмо Донского Атамана 8 января 1919 года, № 092.

что этимъ путемъ Вы и меня свалите, но и Донъ не устоитъ. Выгодно ли это для Россіи, да и для Добровольческой Арміи? Я не тянусь къ власти. Болѣе того она меня тяготитъ, я ее ненавижу. Когда соберется Кругъ, я поставлю вопросъ ребромъ о моемъ увольненіи и сошлюсь и на желаніе такого удаленія меня и Добровольческой Арміи, для которой я слишкомъ непослушный сынъ»...

...«Меня удивляетъ назначеніе Н. Е. Парамонова послѣ того, какъ 26-го декабря на совѣщаніи нашемъ на ст. Торговой Вы и генералъ Деникинъ возмутились, когда я сказалъ, что Н. Е. Парамоновъ предполагается на постъ управляющаго отдѣломъ пропаганды. Но, конечно, это Ваше дѣло, и я не имѣю права вмѣшиваться въ него, хотя оставляю за собою право свободы дѣйствій и право отказаться на Кругу отъ поста Атамана, такъ какъ вести одновременно жестокую войну и вмѣстѣ съ тѣмъ бороться противъ могущественной пропаганды, направленной противъ меня Русскимъ правительствомъ, я не могу»...*

Отвѣтомъ на эти письма было нѣкоторое усиленіе дѣятельности дивизіи генерала Май-Маевскаго, которая подошла къ Бахмуту, отправленіе Воронежскаго корпуса на ст. Синельниково и послѣдовавшее черезъ пять дней послѣ этого назначеніе Н. Е. Прарамонова управляющимъ отдѣломъ пропаганды. Всѣ эти пять дней генералъ Деникинъ почти ежедневно совѣщался съ предсѣдателемъ Войскового Круга В. А. Харламовымъ и нѣкоторыми членами войскового Круга изъ оппозиціи Атаману. Атаманъ понялъ, что послѣ этого поступка ему нельзя оставаться на своемъ посту — помогать войску, пока онъ Атаманъ — генералъ Деникинъ не будетъ. Но Атаманъ надѣялся, что Деникинъ пойметъ, что обстановка складывается слишкомъ грозно, что неприбытіе своевременно помощи можетъ отдать все войско въ руки врага и завоевывать его снова придется большою кровью. Но Деникинъ этого не боялся. Это входило въ его планы. Въ его стремленіи создать «единую недѣлимую Россію» ему стояли поперекъ дороги автономіи Украины, Дона и Кубани. Кубань была освобождена отъ большевиковъ при помощи Добровольческой Арміи и подъ личнымъ начальствомъ генерала Деникина и потому должна была быть покорна ему, но Донъ освободился самъ, и Украину освободили нѣмцы и потому въ планы генерала Деникина входило, показать Донцамъ, что безъ него и Добровольческой Арміи они погибнутъ, сбитъ спѣсь съ молодой Донской Арміи и гордаго своими побѣдами маленькаго Донского Наполеона генерала Денисова. Атаману говорили объ этомъ, но онъ отказывался вѣрить этому, слишкомъ чудовищнымъ ему казалось играть кровью людской въ столь ужасные дни. Онъ думалъ, что, можетъ быть, онъ пишетъ недостаточно ясно и Деникинъ не понимаетъ всей страшной угрозы для всего Русскаго дѣла отъ разложенія Донского фронта.

11-го января Атаманъ писалъ генералу Деникину: — «...Съ одной стороны вслѣдствіе крайняго утомленія отъ непрерывныхъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ боевъ, безъ всякой смѣны и отдыха, потому что смѣнить было некѣмъ, а отдыха не давали непрерывно напиравшія совѣтскія войска, съ другой стороны вслѣдствіе пропаганды, идущей, какъ съ сѣвера отъ враговъ внѣшнихъ, такъ и съ юга отъ враговъ внутреннихъ, сѣверный фронтъ мой разлагается и колеблется. Изъ тѣхъ телеграммъ, которыя доложитъ Вамъ начальникъ войскового

* Письмо Атамана генералу Драгомирову отъ 8 января 1919 года, № 093. Совершенно секретно. Отвѣтъ на № 22/12.

штаба генералъ-маіоръ Поляковъ, выѣзжающій завтра въ Екатеринодаръ, Ваше Превосходительство увидите, въ какомъ крайне тяжеломъ положеніи находится сейчасъ Донской фронтъ. Казанская, Мигулинская и Вешенская станицы измѣнили и передались совѣтскимъ властямъ. Въ Вешенской уже сидитъ комиссаръ и учрежденъ совѣтъ. Это на широкомъ фронтѣ въ сто верстъ образовало прорывъ и угрожаетъ лѣвому флангу полковника Савватѣева, работающаго у Урюпинской станицы и правому флангу генерала Фицхелаурова у Таловъ и Богучара. Это совершенно разрушило управленіе Сѣвернымъ фронтомъ, штабъ котораго находился въ самой Вешенской станицѣ! . . .»

. . .«Какъ моральная поддержка необходима н е м е д л е н н а я, теперь же, въ теченіе трехъ, пяти дней присылка въ Верхне-Донской и Хоперскій округа хотя бы двухъ батальоновъ иностранцевъ» . . .

. . .«Къ Вашему Превосходительству безъ моего вѣдома ѣздятъ члены Законодательной Комиссіи Войскового Круга и предсѣдатель Круга В. А. Харламовъ. Они не освѣдомлены въ дѣлахъ, они игнорируютъ Войсковое Правительство и вносятъ своими безотвѣтственными докладами, часто паническими и не отвѣчающими дѣйствительному положенію вещей только нежелательную путаницу. Ѣздятъ они въ Екатеринодаръ, безъ доклада мнѣ, и я очень прошу Ваше Превосходительство, если вы ихъ принимаете, выслушивать ихъ и вѣрить столько же, сколько любому человѣку, пріѣхавшему съ Дона, такъ какъ ихъ точка зрѣнія — точка зрѣнія простого обывателя, а не полномочныхъ свѣдущихъ и отвѣтственныхъ лицъ, за какихъ они себя выдаютъ» . . . *

Это письмо и обстоятельный докладъ начальника Донского Штаба заставили генерала Деникина направить еще два полка на подкрѣпленіе генералу Май-Маевскому и нѣсколько безпокоить союзныя миссіи просьбою начать продвиженіе французскаго десанта вглубь Украины. Что касается членовъ Круга и В. А. Харламова, то ихъ положеніе было весьма тяжелымъ. Какъ Донскіе казаки, они боялись за безопасность Дона, и имъ нужна была скорѣйшая помощь ему, тѣмъ болѣе, что у многихъ ихъ родныя станицы были уже подъ угрозою Красной Арміи, но какъ враги Атамана, поставившіе своею цѣлью непремѣнно свалить его на пернемъ же засѣданіи Круга, они понимали, что если будетъ оказана дѣйствительная помощь и ко времени созыва Круга, то-есть къ 1-му февраля, при помощи добровольцевъ, или особенно иностранцевъ — положеніе будетъ возстановлено и Донцы перейдутъ въ наступленіе — положеніе Атамана настолько окрѣпнетъ, что ему отставки не дадутъ, даже если онъ ее и попроситъ. Атаманъ всѣ эти дни ѣздилъ по войску. 6-го января онъ былъ въ Каргинской станицѣ, 15-го въ Старочеркасской, 18-го въ Константиновской, 22-го въ Каменской. Всюду онъ, ссылаясь на генерала Пуля, говорилъ о томъ, что скоро будетъ подмога. Онъ говорилъ и о тѣхъ письмахъ и просьбахъ, которыя онъ посылалъ генералу Деникину, говорилъ о томъ, что онъ не сомнѣвается, что Добровольческая Армія ему поможетъ. Казаки относились съ прежнимъ довѣріемъ къ Атаману, а въ Старочеркасской, Константиновской и Каменской станицахъ встрѣчали и провожали его съ искреннимъ восторгомъ. И тогда враги Атамана рѣшили ускорить созывъ Круга и на немъ поставить ребромъ вопросъ о томъ, что Атаману надо уйти, потому что пока онъ остается у власти, помощи Дону никто не окажетъ — ни союзники, потому что они считаютъ его нѣмецкимъ ставленникомъ, ни Добровольц-

* Весьма секретное, спѣшное письмо генералу Деникину отъ 11-го января, № 094.

ческая Армія, потому что генералъ Деникинъ «не любитъ Атамана». Имъ удалось частнымъ образомъ собрать большую часть членовъ Круга, главнымъ образомъ интеллигенціи, то-есть оппозиціи, въ Новочеркасскѣ, и 17-го января вечеромъ предсѣдатель Войскового Круга В. А. Харламовъ съ членами Солдатовымъ, Бондыревымъ и Дувакинымъ явились къ Атаману съ настойчивою просьбою въ виду грозныхъ событій на фронтѣ немедленно собрать Кругъ и объявить открытыми его засѣданія. Атаманъ отказалъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что такой экстренный созывъ Круга излишне взволнуетъ фронтъ и безъ того уже достаточно потрясенный, что всякій разъ, когда бываетъ сессія Круга, фронтъ болѣзненно относится ко всему, что тамъ происходитъ и что вообще Атаманъ предпочелъ бы впредь до улучшенія обстановки на фронтѣ Круга не созывать, но разъ уже сессія его объявлена на 1-е февраля, пусть и будетъ 1-го февраля.

Изъ разговоровъ съ прибывающими членами Круга предсѣдатель Круга могъ выяснить, что о смѣнѣ Атамана и новыхъ выборахъ не можетъ быть и рѣчи. Неудачи на фронтѣ приписывали не Атаману, а общему утомленію казаковъ и неумѣлому командованію генерала Денисова, котораго многіе офицеры не любили за его рѣзкій правдивый характеръ и крутой нравъ. Смѣны его многіе желали, но не смѣны Атамана.

Тогда было рѣшено, усилить пропаганду противъ Атамана и привлечь для этого не только Парамоновскія деньги, но и деньги Ростовскихъ евреевъ. Были пущены слухи, что въ Ростовѣ и Екатеринодарѣ ожидаются жестокіе еврейскіе погромы и что Атаманъ этому сочувствуетъ.

Въ двадцатыхъ числахъ января къ Атаману явился предсѣдатель еврейской общины въ Ростовѣ, присяжный повѣренный Городысскій, и попросилъ разрѣшенія задать два совершенно прямыхъ и откровенныхъ вопроса.

— Задавайте. И я вамъ такъ же прямо и откровенно отвѣчу, потому что у меня тайнъ нѣтъ, — отвѣчалъ Атаманъ.

— Носятся слухи — словъ нѣтъ, темные слухи, о томъ, что въ Ростовѣ и Екатеринодарѣ ожидаются еврейскіе погромы, — сказалъ Городысскій.

— Эти слухи пущены моими врагами, — сказалъ Атаманъ, — и никакой почвы подъ собой не имѣютъ. Вы знаете, что я никакого ни надъ кѣмъ насилія ни справа, ни слѣва не допущу. Въ Ростовѣ у меня для этого есть хорошая полиція и достаточный и вполнѣ надежный гарнизонъ, что касается Екатеринодара, то этотъ городъ находится внѣ моего вѣдѣнія и о немъ я ничего не могу сказать.

— Очень вамъ благодаренъ за ваше утѣшительное слова, — сказалъ Городысскій, — я и не сомнѣвался, что вы мнѣ такъ отвѣтите. Теперь, скажите мнѣ — могутъ ли разсчитывать Ростовскіе евреи, ну хотя бы и не сейчасъ, но впослѣдствіи быть допущены на Кругъ, хотя бы въ видѣ депутаціи и имѣть возможность передъ Кругомъ отстаивать свои права.

— Пока я Донскимъ Атаманомъ, — отвѣчалъ Атаманъ, — никто, кромѣ Донскихъ казаковъ не будетъ допущенъ къ рѣшенію судебъ Дона.

Городысскій поклонился и вышелъ.

26-го января къ Атаману опять заходилъ предсѣдатель Круга В. А. Харламовъ и члены Круга Бондаревъ и одинъ сотникъ и почти требовали, чтобы Атаманъ явился на собранное ими совѣщаніе изъ членовъ Законодательной Комиссіи и съѣхавшихся уже членовъ Круга и далъ свои объясненія о томъ, что происходитъ на фронтахъ.

Атаманъ отказался ѣхать, заявивши, что объясненія свои онъ дастъ на первомъ же засѣданіи Круга, до котораго осталось всего пять дней.

— Члены Круга, — сказалъ В. А. Харламовъ, — требуютъ немедленной оставки командующаго арміей генерала Денисова и его начальника штаба генерала Полякова, которымъ они не вѣрятъ.

— Право назначенія и смѣщенія лицъ командного состава арміи на основаніи Донской конституціи принадлежитъ мнѣ, какъ Верховному Вождю Донской Арміи и Флота, — отвѣчалъ Атаманъ. — Генерала Денисова и генерала Полякова я считаю вполнѣ на мѣстахъ. Это честные и талантливые люди, безупречной нравственности и отлично знающіе свое дѣло. Смѣщать ихъ въ дни развала и неудачъ на фронтѣ я считаю опаснымъ. Они и такъ дѣлаютъ невозможное.

— Ну, а е ли Кругъ потребуетъ ихъ увольненія? — спросилъ Харламовъ.

— Кругъ нарушитъ законы, и я тогда не могу оставаться Атаманомъ, я потребую увольненія съ поста Атамана.

Отвѣтъ вполнѣ удовлетворилъ Харламова, и онъ пошелъ объявить объ этомъ членамъ Круга.

20-го января Атаманъ въ еще болѣе рѣшительной формѣ написалъ генералу Деникину о военномъ и политическомъ положеніи Донского войска и просилъ у него уже не только помощи, но и совѣта: —

... «Подъ вліяніемъ злостной пропаганды», — писалъ Атаманъ, — «пущенной большевиками съ сѣвера и подкрѣпленной громадными суммами Романовскихъ денегъ (достаточно сказать, что въ одной Вешенской станицѣ въ одинъ день на угощеніе казаковъ, признавшихъ Совѣтскую власть, было отпущено пятнадцать тысячъ рублей), при помощи пропаганды съ юга, такъ какъ статьи газетъ «Кубанецъ», «Великая Россія» и другихъ используются большевиками, какъ средство агитаціи противъ меня, при помощи наѣзжихъ гастролеровъ съ юга, сѣверный фронтъ Донской Арміи быстро разваливается. Части генералъ-маіора Савватѣева отходятъ къ рѣкамъ Дону, Арчадѣ и Медвѣдицѣ безъ всякаго сопротивленія. Командный составъ снова терроризованъ арестами, срываніемъ погонъ и насиліями. Утомленіе десятимѣсячной борьбой при полномъ одиночествѣ на сѣверномъ фронтѣ, жестокіе морозы, стоявшіе этотъ мѣсяцъ (21° — 27° R), вьюги, глубокіе снѣга, отсутствіе обуви и теплой одежды довершили дѣло разложенія казачьей массы. Ядъ недовѣрія сталъ слишкомъ силенъ, и люди въ лучшемъ случаѣ расходятся съ оружіемъ въ рукахъ по домамъ, въ худшемъ передаются «товарищу Миронову», который сулитъ имъ золотыя горы и рай совѣтской власти. Если этотъ пожаръ перекинется за Донъ, гдѣ въ Донецкомъ, 2-мъ Донскомъ, 1-мъ Донскомъ и особенно Таганрогскомъ Округахъ слишкомъ много горючаго матеріала среди крестьянской массы, то къ марту мѣсяцу мы вернемся къ тому, что имѣли годъ тому назадъ, и кровавая годичная борьба сведется на нѣтъ.

«На быструю помощь союзниковъ разсчитывать нельзя. Они своими неисполненными обѣщаніями сыграли не малую роль въ разложеніи фронта. Генералъ Пуль 5-го января обѣщалъ мнѣ, что не позже, какъ черезъ 10—12 дней онъ пришлетъ мнѣ два батальона на сѣверный фронтъ и просилъ приготовить 2000 валенокъ и шубъ, но прошло уже шестнадцать дней, а о нихъ не слышно, и сколько можно догадываться, въ союзномъ командованіи идутъ большія тренія по поводу присылки войскъ. Капитанъ Фукэ опредѣленно работаетъ на разложеніе Донской Арміи, громогласно всюду провозглашая, что

войску Донскому никакой помощи оказано не будетъ, потому что Атаманъ Красновъ нѣмецкій ставленникъ, не признаетъ единаго командованія и пр. и пр., на чемъ играютъ большевики.

«А между тѣмъ, благодаря блестящимъ побѣдамъ доблестной Добровольческой Арміи, является полная возможность спасти Россію и безъ всякой иностранной помощи. Мы еще не потеряли нашего оружія и самаго малаго толчка достаточно теперь, чтобы оздоровить казаковъ и вернуть ихъ къ исполненію ими долга.

«Теперь это возможно, черезъ недѣлю это, можетъ быть, будетъ поздно.

«Изъ посланной Вашему Превосходительству вчера директивы Донской Арміи, Вы усмотрите нашъ планъ. Если бы можно было при помощи Добровольческой Арміи быстро занять линію Луганскъ—Старобѣльскъ—Валуйки, а присылкою одной или двухъ Кубанскихъ дивизій подъ Царицынъ помочь изнемогающимъ Донскимъ частямъ овладѣть Царицынымъ и по овладѣніи имъ, если бы Кубанцы могли отчасти занять гарнизонъ Царицына, отчасти (одной или полутора дивизіями) продвинуться на Камышинъ и занять Камышинъ, я бы могъ за счетъ освободившихся частей генерала Фицхелаурова (у Чертково) и генерала Мамонтова (у Царицына) взять банды Миронова и Сытина съ обоихъ фланговъ, очистить Хоперскій округъ и снова занять ст. Лиски и Поворино. Эту операцію можно было бы закончить въ теченіе февраля. Распутицу марта мѣсяца провести, работая по желѣзнымъ дорогамъ по линіи Ростовъ—Лиски—Поворино—Камышинъ и Поворино—Царицынъ, а къ апрѣлю перегруппироваться и при поддержкѣ вновь созданныхъ частей изъ мобилизованныхъ солдатъ и, можетъ быть, при помощи иностранцевъ, въ послѣднюю я не особенно вѣрю, двинуться — Добровольческой Азовско-Днѣпровской Арміи на Харьковъ—Курскъ—Москву, Донской на Воронежъ—Москву и Сѣверо-Кавказской и Кубанской вверхъ по Волгѣ.

«Ваше Превосходительство, мы на переломѣ, и если теперь не помочь Дону — я боюсь, что его такъ расшатаютъ мои враги, что весною вмѣсто этого придется завоевывать Донъ отъ Миронова иностранной силой . . .

. . . «Я очень просилъ бы Ваше Превосходительство, съ полной откровенностью отвѣтить мнѣ на слѣдующій вопросъ:

«Не считаете ли Вы своевременнымъ, чтобы въ Февральскую сессію Круга я настойчиво просилъ бы Кругъ освободить меня отъ должности Атамана. Я вижу, что имя мое слишкомъ непріятно для Екатеринодара и представителя Франціи, капитана Фукэ. Можетъ быть, оставаясь на своемъ посту, я приношу болѣе вреда, нежели пользы для войска, и настало время уйти. Я не хотѣлъ этого мѣста, не жаждалъ власти, я ее ненавижу, и травля, поднятая противъ меня въ Екатеринодарѣ, слишкомъ утомляетъ меня и не даетъ возможности спокойно работать. Къ сожалѣнію, кромѣ генерала Денисова я не имѣю замѣстителя, такъ какъ всѣ остальные по своей слабохарактерности врядъ ли справятся съ тою бурною обстановкою, которая сложилась теперь. 1-го февраля съѣзжается Кругъ и, если я не получу отъ Васъ моральной поддержки и требованія остаться на своемъ посту, я буду настаивать объ освобожденіи меня отъ несенія обязанностей Донского Атамана». *

На это письмо генералъ Деникинъ не замедлилъ отвѣтить, что онъ самъ замѣчаетъ, что газетная травля Атамана переходитъ границы приличія и что

* Весьма секретное, въ собственныя руки, письмо Атамана генералу Деникину отъ 20-го января 1919 г., № 0103.

имъ закрыта издававшаяся С. П. Черевковымъ газета, что же касается до того, оставаться Атаману на своемъ посту, или нѣтъ, то генералъ Деникинъ считаетъ, что это личное дѣло Атамана съ Кругомъ, и вмѣшиваться въ него онъ не будетъ.

Одновременно съ этимъ генералъ Деникинъ началъ сношенія съ предсѣдателемъ совѣта управляющихъ отдѣлами на Дону, генералъ-лейтенантомъ Богаевскимъ, считая его вполнѣ пріемлемымъ замѣстителемъ Атамана.

Для помощи Дону были собраны двѣ дивизіи Кубанскихъ казаковъ, но съ посылкою ихъ на сѣверъ генералъ Деникинъ медлилъ. Они были посажены въ вагоны и эшелонированы по линіи Тихорѣцкая—Ростовъ.

Деникинъ выжидалъ Круга и того, что на немъ будетъ.

Атаманъ понялъ, что онъ дольше оставаться на своемъ посту не можетъ, хотя бы этого и хотѣлъ Кругъ и требовали долгъ и присяга его передъ Войскомъ...

Глава XXI

«Условія» французскаго представителя капитана Фукэ. — Письмо Атамана генералу Франшэ д'Эсперрэ. — Отношеніе генерала Деникина къ вымогательству французовъ.

Въ эти тяжелые дни, когда катастрофа надвигалась на войско Донское, и Атаманъ тщетно молилъ о помощи, именно 27-го января, къ нему прибылъ съ чрезвычайными полномочіями начальникъ французской миссіи капитанъ Фукэ и съ нимъ англійскій капитанъ Келзетъ. Капитанъ Фукэ наканунѣ потребовалъ, чтобы за нимъ былъ высланъ спеціальный поѣздъ. Онъ ѣхалъ облагодѣтельствовать Донское войско и считалъ, что онъ имѣетъ право на особый почетъ. Капитанъ Келзетъ ѣхалъ съ цѣлью осмотрѣть платформы для перевозки танковъ и дать указанія, какія надо построить подпорки для ихъ погрузки. По его словамъ танки уже выѣхали изъ Англіи и должны были дней черезъ пять быть на Дону.

Капитанъ Фукэ просидѣлъ цѣлый вечеръ у Атамана, интересуясь положеніемъ на фронтахъ. Онъ подробно разспрашивалъ Атамана о томъ, какая ему нужна помощь отъ иностранцевъ.

— Вы понимаете, — говорилъ онъ, — что наши солдаты не могутъ ни жить, ни воевать въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находятся ваши. Они требуютъ хорошихъ теплыхъ казармъ, жизни въ городѣ и вполнѣ обезпеченной коммуникаціонной линіи, чтобы они имѣли желѣзнодорожную связь съ своимъ тыломъ, со своими госпиталями и базой снабженія. Укажите такіе пункты, куда мы могли бы поставить свои войска и гдѣ они оказали бы помощь казакамъ.

— Если бы вы заняли Луганскъ и обезпечили угольный районъ своими гарнизонами, вы имѣли бы для своихъ войскъ и культурныя условія и помогли бы Добровольцамъ идти дальше къ сѣверу, а я могъ бы бросить весь отрядъ генерала Коновалова на сѣверъ въ Хоперскій округъ, — отвѣчалъ Атаманъ.

— Отлично. Завтра же туда будетъ послана бригада пѣхоты черезъ Маріуполь, — сказалъ Фукэ.

Онъ просилъ провести его на прямой проводъ съ Екатеринодаромъ и въ присутствіи Атамана, командующаго арміей и начальника штаба передалъ донскимъ шифромъ зашифрованную телеграмму о томъ, что онъ требуетъ немедленной отправки бригады пѣхоты въ Луганскъ.

— Ну вотъ видите, — говорилъ онъ Атаману, нагло покровительственнымъ тономъ, — mon ami, теперь все будетъ отлично. Вѣрьте мнѣ, что только Франція является Вашимъ искреннимъ союзникомъ. Я попрошу Васъ составить письмо съ изложеніемъ положенія на Дону генералу Франше д'Эсперрэ, гдѣ, главное, удостовѣрьте его въ томъ, что Вами признаю единое командованіе генерала Деникина. Это вопросъ, который очень безпокоитъ генерала. Все будетъ хорошо, о! я чувствую, что все будетъ отлично... Не зайдете ли Вы завтра ко мнѣ въ 10 часовъ утра, чтобы окончательно закрѣпить наше дѣло, и я сообщу Вамъ уже свѣдѣнія о движеніи нашей бригады въ Луганскъ.

Капитанъ Фукэ обѣдалъ и провелъ вечеръ у Атамана, былъ очень милъ и развязенъ и уходя подтвердилъ, что то свиданіе, котораго онъ ожидаетъ на завтра, будетъ свиданіемъ чрезвычайной важности.

28-го января въ 10 часовъ утра Атаманъ зашелъ къ капитану Фукэ, помѣщавшемуся въ номерѣ Центральной гостиницы. Онъ засталъ у него французскаго консула въ Ростовѣ г-на Гильомэ. Фукэ просилъ остаться втроемъ безъ постороннихъ свидѣтелей. Онъ былъ взволнованъ. Онъ досталъ нѣсколько листовъ, напечатаныхъ на машинкѣ и видимо спѣшно этою же ночью, или рано утромъ изготовленныхъ, и подавая ихъ Атаману, сказалъ:

— Здѣсь условіе въ четырехъ экземплярахъ. Два для меня, потому что, вы понимаете, что я долженъ обо всемъ, обо всемъ доносить моему генералу, одно оставить у себя консулъ и одно для васъ. Видите ли вы, я настаивало на томъ, чтобы я періодически получалъ изъ Вашего штаба всѣ карты и сводки, которыя вы отправляете генералу Деникину, и тоже въ двухъ экземплярахъ — для меня и для генерала Франше д'Эсперрэ. Вы мнѣ передадите обѣщанное письмо для генерала Франше д'Эсперрэ съ изложеніемъ положенія дѣлъ на Дону и съ указаніемъ того, что для Васъ необходимо нужно, а затѣмъ я попрошу Васъ подписать эти условія.

И капитанъ Фукэ передалъ Атаману свои листки. Въ нихъ значилось:

— «Мы, представитель французскаго главнаго командованія на Черномъ морѣ, капитанъ Фукэ съ одной стороны и Донской Атаманъ, предсѣдатель совѣта министровъ Донского войска, представители Донского правительства и Круга съ другой, симъ удостовѣряемъ, что съ сего числа и впредь:

1. «Мы вполнѣ признаемъ полное и единое командованіе надъ собою генерала Деникина и его совѣта министровъ.

2. «Какъ высшую надъ собою власть въ военномъ, политическомъ, административномъ и внутреннемъ отношеніи признаемъ власть французскаго главнокомандующаго генерала Франше д'Эсперрэ.

3. «Согласно съ переговорами 9 февраля (28 января) съ капитаномъ Фукэ всѣ эти вопросы выяснены съ нимъ вмѣстѣ и что съ сего времени всѣ распоряженія, отдаваемыя войску, будутъ дѣлаться съ вѣдома капитана Фукэ.

4. «Мы обязываемся всѣмъ достояніемъ войска Донского заплатить всѣ убытки французскихъ гражданъ, проживающихъ въ угольномъ районѣ «Донецъ» и гдѣ бы они ни находились и происшедшихъ вслѣдствіе отсутствія порядка въ странѣ, въ чемъ бы они не выражались, въ порчѣ машинъ и приспособленій, въ отсутствіи рабочей силы, мы обязаны возмѣстить потерявшимъ трудо-

способность, а также семьямъ убитыхъ вслѣдствіе безпорядковъ и заплатить полностью средиюю доходность предпріятій съ причисленіемъ къ ней 5-ти-процентной надбавки за все то время, когда предпріятія эти почему либо не работали, начиная съ 1914 года, для чего составить особую комиссію изъ представителей угольныхъ промышленниковъ и французскаго консула...

Атаманъ прочелъ это оригинальное условіе и смотрѣлъ широко раскрытыми глазами на Фукэ.

Это все? — спросилъ онъ возмущеннымъ тономъ.

— Все, — отвѣчалъ Фукэ. — Безъ этого Вы не получите ни одного солдата. Mais, mon ami, Вы понимаете, что въ Вашемъ положеніи. Il n'y a pas d'issu!..

— Замолчите! — воскликнулъ Атаманъ. — Эти Ваши условія я доложу совѣту управляющихъ, я сообщу всему Кругу... Пусть знаютъ, какъ помогаетъ намъ благородная Франція!..

И Атаманъ вышелъ съ этими листками.

Легко сказать: «Я сообщу объ этомъ Кругу и казакамъ». Легко сказать, что Франція, *ничего не обѣщая и ничѣмъ не обязываясь*, требуетъ полнаго подчиненія всего войска Донского въ политическомъ, военномъ, административномъ и внутреннемъ отношеніяхъ, да и не только войска, но и самого Деникина и Добровольческой Арміи генералу Франшэ-д'Эспереэ, представителями котораго являются Эрлингъ и Фукэ! Сказать это, значило бы лишить войско Донское послѣдней надежды на помощь, лишить надежды тогда, когда фронтъ держался исключительно этой надеждой! Не только сказать этого, но и показать было нельзя!

Такъ вотъ она, такъ долго и такъ страстно ожидаемая помощь союзниковъ, вотъ она пришла наконецъ, и что же она принесла!

Жизнь предъявляла свои требованія. Пока никто не могъ видѣть, что между Атаманомъ и представителемъ Франціи произошелъ разрывъ, и Атаманъ съ капитаномъ Фукэ поѣхалъ показывать ему Новочеркасское военное училище и Донской корпусъ. И тутъ, и тамъ капитанъ Фукэ говорилъ патріотическія рѣчи и завѣрялъ молодежь, что Франція не забыла тѣхъ услугъ, которыя оказали ей Русскіе въ великой войнѣ и что она скоро широко поможетъ войску Донскому.

И слушали его дѣти тѣхъ, кто въ это время умиралъ въ снѣгахъ на жестокомъ морозѣ, отстаивая каждый шагъ Донской земли, дѣти тѣхъ, кто, извѣрившись въ этой помощи, въ отчаяніи бросалъ оружіе и уходилъ, куда глаза глядятъ, въ сознаніи своего безсилія...

Вернувшись домой, Атаманъ написалъ письмо Франшэ д'Эспереэ. Изложивши коротко все то, что произошло за послѣдніе дни на Дону, Атаманъ писалъ:

...„Nous avons besoin de votre aide immédiate. On nous l'a promise au mois de Novembre, ensuite en Décembre. Les deux fois les représentants de la France et de l'Angleterre ont déclarés solennellement qu'ils se souviennent du service rendu par la Russie 1914 à 1915 et le payeront en sauvant la Russie de la débacle définitive et en la restituant. Les combattants épuisés dans la lutte de neuf mois sans relâche entendaient ceci et tenaient ferme. Mais quand l'aide n'était pas venue les forces commençaient à leur manquer et ils ont chancelés. Durant ce mois notre front est reculé à 300 verstes en arrière. Encore des milliers d'hommes sont fusillés et torturés, et de riches

provisions de pain — pillés par les bolcheviquis, — en perspective famine misère et déshonneur nous attendent. Les cosaques ne croient plus à l'aide des alliés. De tous les fronts je reçois des lamentations. — montrez nous des alliés.

L'aide est déjà retardée, mais mieux vaut tard que jamais. Il est expressement nécessaire d'envoyer immédiatement ne fut ce que du côté de Lougansk — trois, quatre bataillons pour que le bruit que vous êtes ici avec nous puisse parcourir tout le long du front et remonter notre moral et notre vigueur. Il serait mieux si vous pouviez envoyer des troupes vers la st. Tchernischevskaja, où le soutient moral est le plus nécessaire, mais l'aide est nécessaire et l'aide immédiate.

J'ai prédit ce qui advient au capitaine Hochain, le premier français, qui nous a visité, j'en ai parlé au capitaine Fouquet et Bertello encore le 30 décembre. Je dis maintenant — deux, trois semaines vont passer et Don succombra sous les coups d'incrédulité et devra fléchir sous le joug du bolchevisme et la France devra ou le reconquerir en employant des forces considérables, ou bien admettre à plusieurs années le règne d'anarchie en Russie.

Ce mois dernier Don a présenté une hécatombe de 30 milles de victimes pour sauver sa patrie, leur sang n'est-il pas digne d'une simple marque d'attention — d'envoi de 3—4 bataillons avec 2 batteries en guise de soutient moral? Le sang des russes versé pour la victoire de France crie vers le ciel et réclame un réglement de compte."

Это письмо повезъ капитанъ Фукэ въ тотъ же вечеръ для отправки съ особымъ курьеромъ, и съ тѣмъ же поѣздомъ Атаманъ отправилъ генералу Деникину офицера съ письмомъ, гдѣ въ выраженіяхъ, полныхъ негодованія, описывалъ требованія капитана Фукэ и прилагалъ подлинныя условія, данныя ему Фукэ.

29-го января Атаманъ получилъ телеграмму отъ капитана Фукэ, въ которой тотъ писалъ, что онъ не пошлетъ войска въ Луганскъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ съ особымъ курьеромъ присланнаго ему подписаннаго Атаманомъ и прочими лицами соглашенія о подчиненіи генералу Франше-'Эсперэ и объ уплатѣ всѣхъ убытковъ французскихъ горнопромышленниковъ.

Въ 8 часовъ вечера Атаманъ собралъ чрезвычайное совѣщаніе управляющихъ отдѣлами и членовъ Круга и прочелъ имъ требованія представителя Франціи. Все правительство и интеллигентная часть Круга высказали свое полное негодованіе по поводу наглаго поступка капитана Фукэ, — простые казаки молчали. Вопросъ слишкомъ близко касался ихъ, и они готовы были подчиниться не только французскому генералу, но самому чорту, лишь бы избавиться отъ большевиковъ Члены Правительства и Круга въ лицѣ его предсѣдателя В. А. Харламова выразили одобреніе дѣйствіямъ Атамана и сказали, что Атаманъ иначе и не могъ поступить.

Генералъ Деникинъ на письмо Атамана отозвался сейчасъ же слѣдующей телеграммой:

...«0109. Главнокомандующій получилъ Ваше письмо и приложенные документы, возмущенъ сдѣланными Вамъ предложеніями, которыя произведены безъ вѣдома Главнокомандующаго и вполнѣ одобряетъ Ваше отношеніе къ предложевіямъ. Подробная телеграмма слѣдуетъ вслѣдъ за этимъ. Екатеринодаръ, 30 явваря 1919 года. 01524. Романовскій»...

Но легче отъ этого не было. Фактъ оставался фактомъ. Прошло почти три мѣсяца со дня первой связи съ союзниками, а помощи отъ нихъ не было никакой. Фронтъ быстро разлагался. 30-го января еще четыре хорошихъ полка на сѣверномъ фронтѣ перешли на сторону красныхъ.

Въ Новочеркасскѣ служили панихиды по Атаманѣ Калединѣ, была годовщина его смерти и хоронили командующаго Южной Арміей генерала отъ артиллеріи Иванова — онъ умеръ 29-го января въ Новочеркасскѣ отъ сыпного тифа, и невольно печальныя воспоминанія и сопоставленія шли въ голову.

Тяжелые это были дни. Дни смятенія и сомнѣнія, и въ эти дни на свою вторую сессію собирался Большой Войсковой Кругъ.

Глава XXII

Положеніе на фронтѣ Донской Арміи къ 27 января 1919 года. — Планы командующаго Арміей.

Къ 27-му января положеніе на фронтѣ Донской Арміи было очень тяжелымъ, но не безнадежнымъ. Красная Армія занимала весь Верхне-Донской округъ и мѣстами вошла клиномъ въ Донецкій округъ, весь Хоперскій округъ и сѣверную часть Усть-Медвѣдицкаго округа. Фронтъ Красной Арміи шелъ отъ станціи Картушино и Колпаково Екатерининской желѣзной дороги къ ст. Первозвановка, станицѣ Луганской, причемъ Луганскъ съ его патроннымъ заводомъ былъ занятъ большевиками, потомъ, огибая границу Войска Донского къ Стрѣльцовкѣ, Великопкому и пограничной желѣзно-дорожной станціи Чертково, за которой круто спускался къ югу въ войско Донское и доходилъ до слободы Макѣевки — этотъ фронтъ занимала группа товарища Кожевникова (начальникъ штаба генеральнаго штаба Дуткевичъ), состоявшая изъ 4-й дивизіи матроса Дыбенко, 1-й дивизіи Козина и 3-й дивизіи Сиротина — всего 20.000 штыковъ при 20 орудіяхъ. Противъ нея успѣшно дѣйствовала группа генерала Коновалова изъ частей Молодой Арміи и старыхъ мобилизованныхъ казаковъ, всего около 8.000 штыковъ и сабель при 16 конныхъ орудіяхъ и двухъ броневыхъ поѣздахъ.

Далѣе фронтъ красныхъ занимала VIII армія Гиттиса изъ 12-й дивизіи Ратайскаго и 13-й дивизіи Кольчигина, всего 22.000 штыковъ и сабель при 62 орудіяхъ. Это была ударная группа, направленная для овладѣнія станицей Миллерово. Ее успѣшно сдерживалъ генералъ Фицхелауровъ съ 10.000 казаковъ и небольшимъ отрядомъ добровольцевъ Харьковской губерніи. Настроеніе отряда было хорошее, но генералъ Фицхелауровъ сильно тревожился за свой правый флангъ, который обходила Уральская дивизія IX Красной Арміи Княгницкаго, имѣвшей начальникомъ штаба офицера генеральнаго штаба. Эта Уральская дивизія, пользуясь событіями въ Вешенской станицѣ и растерянностью казаковъ, то и дѣло измѣнявшихъ войску, прошла по рѣкѣ Чиру до станицы Краснокутской и угрожала станицѣ Чернышевской. Отъ Краснокутской фронтъ, сдерживаемый казаками Хоперскаго округа генерала Савватѣева, шелъ къ сѣверу къ станицѣ Усть-Хоперской (15 дивизія Гусарскаго), Усть-Медвѣдицкой, гдѣ была собрана для удара 14-ая дивизія Ролько (генеральнаго штаба) и корпусъ казачьяго офицера Миронова изъ 23-й и 16-й дивизіи (Сдобнова), фронтъ IX арміи доходилъ

до ст. Каменской Усть-Медвѣдицкаго округа. Въ IX Арміи было 44.000 штыковъ и сабель при 130 орудіяхъ. Противъ генерала Мамонтова дѣйствовала X армія Худякова — 26.000 штыковъ и сабель и 239 орудій, состоявшая изъ 1-й камышинской дивизіи Антонюка, 1-й Донской кавалерійской дивизіи Думенко, Украинской коммунистической конной бригады, Доно-Ставропольской дивизіи Семенова, коммунистической дивизіи Савицкаго, 1-й Морозовско-Донецкой дивизіи Мухоперцова, Стальной дивизіи Грѣленко, 1-й Донской совѣтской стрѣлковой дивизіи (Котельниковской) Шевкоплясова и конной бригады. Фронтъ X арміи шелъ по рѣкѣ Дону отъ Каменской Усть-Медвѣдицкаго округа до Качалинской, потомъ шелъ къ рѣкѣ Волгѣ у Орловки и огибалъ Царицынъ черезъ Гумракъ, Воропоново и Сарепту. Наконецъ, съ востока на село Торговое Астраханской губерніи и Ремонтное нажимали части Степного фронта Терехова (5500 штыковъ и сабель и 6 орудій и группа Ригельмана (6000 штыковъ и сабель и 11 орудій). Всего на войско Донское наступало 123.500 красноармейцевъ при 468 орудіяхъ. Войско же Донское, считая и желѣзнодорожную стражу и гарнизоны городовъ и станицъ, имѣло 76.500 человѣкъ подъ ружьемъ при 79 орудіяхъ. Однако далеко не всѣ эти люди могли стать на оборону границъ. Сильно свирѣпствовалъ сыпной тифъ и ослаблялъ ряды войскъ, начало обнаруживаться, особенно въ частяхъ, составленныхъ изъ казаковъ Верхне-Донского, Хоперскаго и Усть-Медвѣдицкаго округовъ, уже занятыхъ Красной Арміей, большое дезертирство. Казаковъ тянуло въ родныя станицы узнать, что тамъ дѣлается, живы ли ихъ родные, и они уходили изъ арміи.

Командующимъ арміей былъ составленъ слѣдующій планъ дѣйствій, одобренный Атаманомъ. Въ районѣ станицъ Каменской и Усть-Бѣло-Калитвенской генералъ Денисовъ сосредоточивалъ ударную группу въ 16.000 при 24 орудіяхъ, въ которую должны были войти лучшія части Молодой Арміи и старыя, испытанныя въ бояхъ войска (въ томъ числѣ и Гундоровскій георгіевскій полкъ). По сосредоточеніи, примѣрно къ 5—6 февраля — группа эта должна была ударить на слободу Макѣевку, совмѣстно съ частями генерала Фицхелаурова сбить 12-ю дивизію и дѣйствуя во флангъ и тылъ 13-й и Уральской дивизіи идти въ Хоперскій округъ оздоровлять и поднимать казаковъ. Такое движеніе сулило быстрый успѣхъ и возможное очищеніе Хоперскаго округа, даже безъ помощи добровольцевъ, на которую Атаманъ уже особенно не разсчитывалъ.

Атаманъ и командующій арміей вѣрили въ успѣхъ и побѣду. Они понимали, что неудачи ихъ кроются не въ силѣ Красной Арміи, а во внутреннемъ разложеніи казачьихъ частей, происходящемъ отъ сознанія своего одиночества. Появленіе небольшихъ иностранныхъ или добровольческихъ частей, хотя бы только въ ближнемъ тылу измѣнило бы настроеніе и дало бы побѣдный импульсъ Донской арміи. Приближалась весна, проходили послѣдніе морозы. Разливъ рѣки Дона задержалъ бы наступленіе Красной Арміи, а съ весною всегда пробуждалась и казачья доблесть, и Атаманъ за фронтъ не боялся. Онъ боялся за внутреннее положеніе страны. Накануне созыва Большого Войскового Круга онъ получилъ извѣстіе, что отрядъ партизана Семилѣтова двинутъ изъ Новороссійска къ Ростову для оказанія давленія въ случаѣ нужды на него, Атамана. Гвардейскіе полки волновались и предлагали Атаману уничтожить Семилѣтовцевъ и, если нужно, разогнать Кругъ. А сзади стоялъ Деникинъ съ его невмѣшательствомъ на словахъ во внутреннія дѣла Дона, считавшій, что вопросъ объ отставкѣ Атамана, избраннаго на три года, вопросъ только Атамана

и Круга, его, такъ сказать, частное дѣло, и союзники съ представителями, подобными Фукэ.

Командующему арміей генералу Денисову Атаманъ безусловно вѣрилъ. Онъ съ нимъ сжился за время войны — съ 1915 по 1917 годъ, два года, Денисовъ былъ начальникомъ штаба у Атамана, тогда начальника дивизіи. Они думали одними думами и понимали другъ друга съ полуслова. Генералъ Денисовъ былъ создателемъ Донской Арміи, и его трудамъ и талантамъ войско Донское было обязано своими побѣдами и освобожденіемъ. Эти послѣдніе дни и генералъ Денисовъ, и его начальникъ штаба генералъ Поляковъ работали непрерывно дни и ночи. Днемъ имъ приходилось отбиваться отъ членовъ Круга, депутатовъ различныхъ округовъ, требовавшихъ отъ нихъ объясненій; почти каждый день Харламовъ собиралъ съѣхавшихся депутатовъ на частныя совѣщанія и приглашалъ на нихъ Денисова и Полякова для докладовъ. Работать въ штабѣ днемъ не приходилось, и всю сложную и отвѣтственную работу по перегруппировкѣ и сосредоточенію силъ, по отдачѣ приказаній и переговорамъ по прямому проводу пришлось перенести на ночь. Атаманъ зналъ и видѣлъ эту работу и еще болѣе цѣнилъ этихъ самоотверженныхъ, преданныхъ войску генераловъ.

Глава XXIII

Засѣданіе Большого Войскового Круга 1-го февраля 1919 г. — Требованіе отставки генераловъ Денисова и Полякова. — Рѣчь Атамана. — Докладъ генерала Денисова. — Травля его членами Круга. — Заступничество Атамана.

Первое засѣданіе Круга было назначено на 1-е февраля, послѣ молебна въ Соборѣ въ 11 часовъ утра. Въ 9 часовъ утра къ Атаману пріѣхалъ предсѣдатель Круга В. А. Харламовъ и сообщилъ ему, что Кругъ рѣшилъ требовать отставки Денисова и Полякова въ категорической формѣ.

— Въ такой же категорической формѣ и я потребую своей отставки, — сказалъ Атаманъ. — Согласитесь, Василій Акимовичъ, что лишить армію въ теперешнее тяжелое время и командующаго арміей, и начальника штаба — это подвергнуть ее катастрофѣ. Планы обороны знаемъ только мы трое. Если уже Денисовъ и Поляковъ такъ ненавистны Кругу, я могу ихъ убрать постепенно, по окончаніи ликвидаціи наступленія Красной Арміи, тогда, когда подготовлю имъ замѣстителей, но убрать ихъ обоихъ сейчасъ — это все равно, что обрубить мнѣ обѣ руки... Да и кѣмъ замѣстить ихъ — я не знаю. Единственный, кто разбирается въ обстановкѣ и болѣе или менѣе въ курсѣ дѣлъ, это генералъ Кельчевскій, но онъ знаетъ только Царицынскій фронтъ, и онъ не донской казакъ.

— А генералъ Сидоринъ? — сказалъ Харламовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда. Только не Сидоринъ. Это нечестный человѣкъ, погубившій наступленіе генерала Корнилова на Петроградъ. Это интриганъ. И притомъ онъ пьетъ, — сказалъ Атаманъ.

— Но рѣшеніе Круга неизмѣнно. Денисовъ и Поляковъ должны уйти, — настойчиво повторилъ Харламовъ.

— Уйду и я, — сказалъ Атаманъ. Я попытаюсь уговорить казаковъ. Дайте мнѣ, господа, только окончить войну съ большевиками, побѣдить ихъ

и вѣрьте мнѣ, при мирной обстановкѣ я ни минуты не останусь Атаманомъ. Но уйти теперь и бросить Донъ въ жестокую минуту борьбы и неудачъ — этого нельзя, Василій Акимовичъ, и вы должны сдѣлать все, чтобы этого не было...

— Но рѣшеніе Круга твердо и неизмѣнно, — сказалъ В. А. Харламовъ. — Подумайте еще разъ. Мы съ Вами противники, Петръ Николаевичъ, но я глубоко уважаю Васъ и говорю Вамъ прямо: — Вамъ уходить не слѣдуетъ. Кругъ не Вашей отставки желаетъ, но отставки Денисова и Полякова.

— Это все равно, — сказалъ Атаманъ.

Харламовъ поднялся и ушелъ, время было ѣхать въ Соборъ на молебенъ.

Уже при бѣгломъ взглядѣ на Кругъ, собравшійся въ новомъ помѣщеніи — въ залѣ Дворянскаго областного собранія, спеціально отдѣланномъ для Круга и убранномъ картинами и плакатами, напоминавшими казакамъ страшное недавнее прошлое, Атаманъ увидалъ, что Кругъ не тотъ, что былъ 15 августа въ дни побѣдъ. Да, лица были тѣ же, но выраженіе ихъ было не то. Тогда всѣ фронтовики были въ своихъ полковыхъ погонахъ, съ медалями и крестами на груди. Теперь всѣ казаки и урядники и нѣкоторые изъ младшихъ офицеровъ были безъ погонъ. И это не была случайность. Даже спутникъ Атамана по Абиссиніи и большой его поклонникъ, правовѣрный старовѣръ, урядникъ Л. Гв. Атаманскаго полка Архиповъ, не желая видимо выходить въ атаманскомъ мундирѣ безъ погонъ, явился въ какой-то вычурной синей гусарской венгеркѣ, расшитой черными шнурами. Кругъ въ лицѣ своей сѣрой части на всякій случай «демократизировался» и игралъ подъ большевиковъ. Въ президіумѣ засѣдалъ толстый и жирный Н. Е. Парамоновъ и узкими острыми глазками гипнотизировалъ Кругъ. Въ августѣ его не было. Тогда его, за двѣ недѣли до Круга, арестовали нѣмцы, обвинивши его въ сношеніяхъ съ союзниками. Теперь онъ былъ здѣсь, и чувствовалось, что многіе изъ членовъ Круга уже подавлены его милліонами. Да онъ и самъ не скрывалъ, что нѣсколько десятковъ тысячъ брошено имъ на обработку сѣрой части Круга.

При входѣ Атамана Кругъ не всталъ. Но, когда Атаманъ вышелъ на трибуну, чтобы говорить рѣчь, его привѣтствовали апплодисментами, которые стали общими и захватили Кругъ.

Донской Атаманъ въ большой рѣчи обрисовалъ современное положеніе Дона. Онъ не скрывалъ трудности момента. Подробно изложилъ исторію и роль нѣмецкой оккупаціи Украины, ходъ переговоровъ и сношеній съ союзниками, исторію вопроса объ единомъ командованіи вооруженными силами юга Россіи. Высказываясь о причинахъ пораженія, онъ относилъ ихъ, главнымъ образомъ, къ чрезмѣрной растянутости фронта, увеличившейся послѣ ухода нѣмецкихъ гарнизоновъ съ пограничной территоріи Украины, къ непосильности для Донской Арміи борьбы съ противникомъ, численно превосходнымъ и технически лучше оборудованнымъ, и къ болѣзни, охватившей фронтъ и именуемой большевизмомъ. Вполнѣ понимая всю отвѣтственность момента, Атаманъ предложилъ, въ секретномъ засѣданіи прослушать въ рядѣ документовъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя имъ принимались и принимаются для исправленія положенія. Онъ закончилъ свою рѣчь выраженіемъ полной увѣренности, что съ помощью Добровольческой Арміи бѣда будетъ уничтожена и врагъ снова выгнанъ за предѣлы Донского войска.

Рѣчь Атамана захватила Кругъ и по окончаніи ея его уже привѣтствовали по старому.

Былъ объявленъ перерывъ, и посторонняя публика удалена изъ залы засѣданій. Снова вышелъ Атаманъ и въ простой бесѣдѣ, безъ ораторскихъ пріемовъ, разсказалъ о подлости представителя Франціи капитана Фукэ, прочелъ его «условія», свое письмо по этому поводу генералу Деникину и его отвѣтъ, и огласилъ свою переписку съ генераломъ Деникинымъ и кубанскимъ Атаманомъ о помощи Донскому войску и сказалъ, что двѣ дивизіи кубанцевъ обѣщаны ему. Онъ намекнулъ и о томъ планѣ, который былъ выработанъ командующимъ арміей и при помощи котораго онъ надѣется возстановить въ ближайшіе дни положеніе. Въ 4 часа дня засѣданіе кончилось и возобновилось въ 7 часовъ вечера.

Вечеромъ около часа читалъ свой докладъ предсѣдатель совѣта управляющихъ генералъ-лейтенантъ Богаевскій о внѣшнемъ положеніи войска Донского. Онъ напиралъ на то, что теперь при осуществленіи единаго командованія войско Донское можетъ ни за что не тревожиться, такъ какъ сила Добровольческой Арміи несокрушима и дѣло находится въ надежныхъ рукахъ.

Послѣ генерала Богаевскаго говорилъ генералъ Денисовъ. Блѣдный, страшно исхудавшій за эти послѣдніе дни, нервный и измученный чрезмѣрной лихорадочной работой и безсонными ночами, онъ на рядѣ громадныхъ наглядныхъ картъ и схемъ пояснилъ Кругу, что войско Донское поставлено въ слишкомъ тяжелыя условія борьбы. 10 мѣсяцевъ войны, зима необычайно суровая въ этомъ году, болѣзни не могли не отозваться на немъ.

— «Утомленіе казаковъ, — говорилъ Денисовъ, — чувствовалось ясно еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Начальникъ штаба генералъ Поляковъ докладывалъ, что его не радуютъ всѣ тѣ огромные успѣхи, какіе были нами достигнуты, и если намъ не будетъ оказана посторонняя помощь, то врядъ ли мы удержимъ все то, чѣмъ завладѣли.

«Второй причиной была гибель надежды на иноземную помощь, — продолжалъ командующій, — объ этой помощи много говорилось и писалось, и фронтъ слишкомъ долго ждалъ прибытія этой помощи. Намъ присылалось много телеграммъ съ вопросомъ: Когда же, наконецъ, придутъ союзники? И ихъ неприходъ сыгралъ роковую роль.

«Но главную роль въ нашихъ неудачахъ сыграла агитація. Агитація не только большевистская, пустившая въ ходъ всѣ средства — подкупы, посулы, обманъ, клевету и прочее, но и другія, которыя выражались въ томъ, что общественные дѣятели домогались нѣсколько разъ моего сверженія, настаивая нѣсколько разъ на моей отставкѣ». *

По окончаніи доклада генерала Денисова на трибуну начали выходить одинъ за другимъ всѣ тѣ генералы и штабъ-офицеры, которые были въ свое время удалены генераломъ Денисовымъ отъ службы и добились званія членовъ войскового Круга. Вышелъ генеральнаго штаба полковникъ Бабкинъ, удаленный за трусость и глупость, вышелъ генералъ Семилѣтовъ, лихой предводитель дѣтскихъ партизанскихъ отрядовъ, эксплоатировавшій дѣтей и командовавшій партизанами изъ такого далека, гдѣ не слышны были пушечные выстрѣлы, удаленный за неправильно составленные отчеты, вышелъ генеральнаго штаба полковникъ Гнилорыбовъ, удаленный за трусость и агитацію противъ Атамана, генералъ-лейтенантъ Семеновъ, обвиненный въ лихоимствѣ въ Ростовѣ и, наконецъ, генералъ-маіоръ Сидоринъ.

* «Съ войскового круга». Краткое сообщеніе о засѣданіяхъ 1—8-го февраля 1919 г. Изд. Войскового Круга Всевеликаго в. Донского.

Они задавали совершенно праздные, но волнующіе большинство Круга, сѣрую его часть, вопросы:

— Достаточно ли было удѣлено вниманія нуждамъ фронта и нуждамъ станицъ?

— Посѣтилъ ли командующій арміей всѣ важнѣйшіе пункты фронта и бесѣдовалъ ли съ казаками?

— Были ли своевременно приняты мѣры противъ злоупотребленій реквизиціями, особенно противъ дѣйствій монархической организаціи, такъ-называемой Южной Арміи и ея карательныхъ отрядовъ?

— Приведены ли въ исполненіе принятыя Войсковымъ Кругомъ постановленія о пособіи семьямъ мобилизованныхъ, о вознагражденіи за утраченныхъ лошадей, имущество и прочее? (Болѣе чѣмъ на два милліарда рублей!)

— Была ли армія обута и одѣта?

— Почему своевременно не были мобилизованы иногородніе?

— Обращалось ли достаточное вниманіе на состояніе желѣзныхъ дорогъ? На санитарную часть? На состояніе вооруженія?

И наконецъ, послѣ только что обнародованнаго ряда писемъ Атамана къ генералу Деникину уже не съ просьбами, а съ мольбами о помощи, одинъ изъ членовъ Круга задалъ вопросъ:

— Не было ли, въ силу излишней самоувѣренности въ своихъ силахъ, отклонено предложеніе помощи со стороны Добровольческой Арміи?

Генералъ Денисовъ съ полнымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ отвѣчалъ на всѣ яростныя на него нападки. Атаманъ видѣлъ явную преднамѣренность многихъ вопросовъ — вѣдь должны же были понимать тѣ, кто ихъ задавалъ, что la plus jolie fille ne peux donner plus qu'elle a — знали же они экономическое, финансовое и промышленное состояніе войска, знали, въ какомъ состояніи были приняты войскомъ желѣзныя дороги? Они знали одно: — qui s'excuse s'accuse, и они поставили генерала Денисова въ положеніе ученика, отвѣчающаго на вопросы придирающагося къ нему учителя. Эта моральная пытка командующаго Донскою Арміею продолжалась уже около трехъ часовъ, и все новые и новые ораторы шли къ предсѣдателю, чтобы задавать новые бездѣльные вопросы и заставлять генерала Денисова, оправдываться въ преступленіяхъ, которыя онъ не совершалъ.

Это возмутило Атамана.

Онъ потребовалъ себѣ слова и сказалъ:

— Вотъ уже три часа я присутствую при недопустимой травлѣ командующаго арміей. Того, кто освободилъ отъ большевиковъ Новочеркасскъ, лично руководя атакующими цѣпями, того, кому войско Донское обязано и своими побѣдами, и своею свободою! Вотъ вся награда съ вашей стороны за тѣ тяжелые и отвѣтственные труды, какіе пали на его долю. На моихъ глазахъ онъ исхудалъ, изнервничался... Вы мнѣ уже не разъ говорили о его смѣнѣ. Но если Вы хотите бороться съ врагомъ и дальше и побѣждать его, то никакой смѣны быть не можетъ. Въ бурю не вырываютъ руля у опытнаго и знающаго море рулевого. Такіе опыты до добра не доводятъ. Я спрошу всѣхъ тѣхъ генераловъ, которые сейчасъ съ такою злобною критикою выступили противъ командующаго арміей, почему они не у дѣлъ и прячутся за его спину?

— Выгнали! — раздались голоса Сидорина, Бабкина и Семилѣтова съ мѣстъ.

— И за дѣло! — отвѣтилъ Атаманъ. — Отчего нападаютъ на человѣка, который такъ много сдѣлалъ для общаго дѣла? Невозможно работать съ арміей, лишенной всего необходимаго, а этотъ человѣкъ одѣлъ и обулъ нашу армію. Теперешнее пораженіе произошло не по его винѣ. Я знаю, какъ велика усталость на фронтѣ. Вмѣстѣ съ командующимъ арміей я объѣхалъ всѣ фронты и знаю, что казаки дали больше, нежели могли. Я суровый человѣкъ — но я не могу осудить тѣхъ, кто теперь отходитъ. Нельзя доводить людей до послѣдняго, а мы довели. Смотрите, струна очень крѣпка, но и она лопается, если ее чрезмѣрно натягивать!

Тишина воцарилась въ залѣ послѣ словъ Атамана. Наступилъ психологическій моментъ. Произведи сейчасъ опросъ Круга, требовать отставку генерала Денисова, или нѣтъ, я громадное большинство стою бы за Денисова. Атаманъ затронулъ сердца казаковъ, онъ заставилъ ихъ п о ж а л ѣ т ь Денисова и сравнить его жизнь непрерывно работающаго, исхудалаго и измученнаго человѣка съ издерганными нервами, съ жизнью его обвинителей, 8 мѣсяцевъ борьбы живущихъ безъ дѣла на отдыхѣ, сытыхъ, толстыхъ и праздныхъ.

Предсѣдатель Круга понялъ, что въ засѣданіи 1-го февраля побѣда осталась за Атаманомъ. Онъ предложилъ, за позднимъ временемъ (было 12 часовъ ночи) и утомленіемъ членовъ Круга, закрыть засѣданіе и обсудить отчеты Донского Атамана и генерала Денисова на другой день въ окружныхъ засѣданіяхъ, на свѣжую голову.

Глава XXIV

Покушеніе на убійство члена Круга П. М. Агѣева. — Засѣданіе Круга 9 февраля. — Отставка Атамана. — Пріѣздъ генерала Деникина въ Новочеркасскъ. — Рѣчь генерала Деникина на Кругу 3-го февраля. — Отъѣздъ изъ Новочеркасска бывшаго Атамана.

Когда на другой день члены Круга стали собираться на совѣщанія по округамъ въ женское эпархіальное училище, гдѣ имъ было устроено общежитіе, ихъ поразили страшнымъ извѣстіемъ: Вчера ночью при возвращеніи съ Круга въ глухой и пустынной улицѣ двумя неизвѣстными молодыми людьми въ солдатскихъ шинеляхъ раненъ въ животъ членъ Круга отъ Усть-Медвѣдицкаго округа и лидеръ Донской соціалъ-демократической партіи, извѣстный сотрудникъ Атамана Каледина, Павелъ Михайловичъ Агѣевъ.

На Дону за все это время не было никакихъ террористическихъ актовъ и политическихъ убійствъ. Донъ жилъ патріархальною, тихою жизнью, и потому это событіе взволновало членовъ Круга. Каждый почувствовалъ, что, исполняя свой долгъ передъ Родиной, онъ подвергаетъ свою жизнь опасности.

Кто могъ интересоваться смертью Агѣева? — Конечно Атаманъ! — говорили казакамъ. — Агѣевъ стоялъ во главѣ оппозиціи правительству, Агѣевъ разрабатывалъ земельный законъ. Атаманъ, или его приспѣшникъ Денисовъ, или по его приказу земельные собственники совершили это покушеніе на убійство!

Что имъ за дѣло было до того, что покушеніе было сдѣлано необыкновенно грубо, сыграно подъ Атамана и притомъ съ желаніемъ наименьшей опасности для здоровья П. М. Агѣева. Слѣдили за нимъ отъ самаго зала засѣданій люди откровенно одѣтые въ военную форму, стрѣляли изъ малокалибернаго дѣтскаго револьвера, и только случайность — попали въ животъ — причинила довольно

большія страданія и продолжительное лежаніе въ лазаретѣ Агѣеву, — спутникъ Агѣева и не побезпокоился преслѣдовать преступниковъ, наконецъ, стрѣляли именно въ тотъ день и часъ, когда Атаманъ болѣе нежели кто либо былъ заинтересованъ въ спокойствіи и полномъ благоволеніи къ нему членовъ Круга. Но покушались на жизнь «лѣваго», оппозиціи правительству — значитъ, покушались «правые», покушалось правительство.

То настроеніе, которое удалось создать Атаману на засѣданіяхъ 1-го февраля, смѣнилось у однихъ озлобленіемъ, у другихъ растерянностью. Участь Денисова, а съ нимъ и Атамана, была рѣшена.

Въ 6 часовъ вечера Кругъ собрался на засѣданіе. Послѣ прочтенія Атаманомъ приказа по поводу покушенія на Агѣева, гдѣ Атаманъ, высказывая общее осужденіе всякимъ террористическимъ актамъ, требовалъ, чтобы виновные были во что бы то ни стало разысканы, выслушанаго Кругомъ въ зловѣщей тишинѣ предсѣдатель Круга предложилъ предсѣдателямъ окружныхъ собраній, высказаться по поводу вчерашнихъ докладовъ Атамана и генерала Денисова. 7 округовъ выразили недовѣріе командующему Донской Арміей генералу Денисову и начальнику штаба арміи генералу Полякову, и требовали ихъ немедленной отставки. Только общее засѣданіе представителей Черкасскаго, Ростовскаго и Таганрогскаго округовъ вынесло имъ довѣріе...

Тогда всталъ Атаманъ. Въ рѣчи, короткой и сказанной въ очень сильныхъ выраженіяхъ, онъ указалъ Кругу, что Кругъ беретъ на себя передъ войскомъ всю отвѣтственность за такое рѣшеніе. — «Вы становитесь на путь Россіи»..., — говорилъ Атаманъ. — Сначала великій князь Николай Николаевичъ, потомъ Брусиловъ, потомъ Гучковъ, затѣмъ Керенскій и главковерхъ Крыленко. Вы знаете, ибо сами это пережили, къ чему это привело. Одумайтесь, что вы дѣлаете, и не шатайте власти тогда, когда врагъ идетъ, чтобы васъ уничтожить. Выраженное вами недовѣріе къ командующему арміей генералу Денисову и его начальнику штаба Полякову я отношу всецѣло къ себѣ, потому что я являюсь верховымъ вождемъ и руководителемъ Донской Арміи, а они только мои подчиненные и исполнители моей воли. Я уже вчера говорилъ вамъ, что устранить отъ сотрудничества со мною этихъ лицъ — это значитъ, обрубить у меня правую и лѣвую руки. Согласиться на ихъ замѣну теперь я не могу, а потому я отказываюсь отъ должности Донского Атамана и прошу избрать мнѣ преемника».

И Атаманъ оставилъ залъ засѣданій Круга при возгласахъ съ мѣстъ:

— Нѣтъ, это не такъ... Атаману остаться. Атаману вѣримъ. Просимъ остаться.

Предсѣдатель Круга объявилъ перерывъ засѣданія и просилъ собраться по округамъ.

И здѣсь были сказаны тѣ страшныя слова, которыя заставили поколебаться друзей Атамана: — «Это требованіе союзниковъ», «это желаніе генерала Деникина», «безъ этого намъ не будетъ оказано союзниками никакой помощи».

Отставку Атамана вопреки закона баллотировали открытой баллотировкой, и она большинствомъ голосовъ была принята.

Въ половинѣ двѣнадцатаго ночи предсѣдатель совѣта управляющихъ генералъ-лейтенантъ Богаевскій привезъ во дворецъ Атаману слѣдующее «Постановленіе войскового Круга Всевеликаго Войска Донского созыва 1919 года 2-й сессіи, принятое въ закрытомъ засѣданіи 2-го февраля 1919 года. Въ силу того, что Донской Атаманъ генералъ отъ кавалеріи П. Н. Красновъ послѣ

выраженнаго Войсковымъ Кругомъ недовѣрія Командующему Донской Арміей генералъ-лейтенанту С. В. Денисову, заявилъ, что выраженіе этого недовѣрія простирается и на него, Донского Атамана, какъ Верховнаго Руководителя Арміи, и потому онъ отказывается отъ должности Донского Атамана и проситъ Кругъ озаботиться выборомъ ему преемника, Войсковой Кругъ постановилъ: отставку Донского Атамана П. Н. Краснова принять.

«Согласно ст. 21 основныхъ законовъ Всевеликаго Войска Донского, атаманская власть въ войскѣ Донскомъ переходитъ предсѣдателю совѣта управляющихъ отдѣлами генералъ-лейтенанту А. П. Богаевскому, — впредь до избранія Кругомъ Атамана Всевеликаго Войска Донского. Предсѣдатель Круга В. Харламовъ. Товарищи предсѣдателя Круга Н. Парамоновъ, Ис. Быкадоровъ, П Дудаковъ, П. Зенковъ, Б. Уланов, К. Поповъ. Секретарь: Ф. Крюковъ».

Атаманъ въ это время собирался ѣхать на встрѣчу генералу Деникину, котораго ожидали въ Новочеркасскѣ 3-го февраля. Богаевскій оттоваривалъ Атамана ѣхать, но Атаманъ рѣшилъ встрѣтить Главнокомандующаго, чтобы лично доложить ему о своей отставкѣ и, главное, о положеніи на фронтахъ.

Въ 8 часовъ утра Атаманъ встрѣтилъ генерала Деникина на пограничной станціи Кущевка и доложилъ обо всемъ происшедшемъ. Генералъ Деникинъ зналъ объ этомъ по телеграфу.

— Какъ жаль, что меня не было, — сказалъ Деникинъ. — Я бы не допустилъ Вашей отставки.

— Настроеніе Круга и войска таково, что всякое Ваше желаніе будетъ исполнено. Казаки отъ Васъ ожидаютъ спасенія и все для Васъ сдѣлаютъ, — сказалъ Атаманъ.

Послѣ подробнаго доклада о томъ, что предпринято Атаманомъ для парализованія удара Красной Арміи, Атаманъ спросилъ генерала Деникина, какъ онъ желаетъ, чтобы Атаманъ поступилъ съ собою, и можетъ ли онъ ѣхать на фронтъ. Деникинъ сказалъ, что присутствіе Атамана вблизи отъ войска Донского нежелательно, потому что будетъ волновать казаковъ, и совѣтовалъ Атаману уѣхать пока отдохнуть въ Крымъ, гдѣ ему покровительство окажутъ французы. Атаманъ предпочелъ ѣхать въ Батумъ, и было рѣшено, что онъ въ ближайшіе дни покинетъ Новочеркасскъ.

На Кругу ожидали выступленія генерала Деникина съ большимъ нетерпѣніемъ. Всѣ тѣ, кто вѣрилъ въ бывшаго Атамана, ожидали одного слова Деникина въ защиту Атамана, чтобы сейчасъ же хлопотать о его перевыборахъ. Отставку Атамана на первые дни скрыли отъ фронта. Группа, собранная у станицы Каменской, перешла въ наступленіе, наступленіе развивалось успѣшно, были взяты плѣнные, орудія и другая военная добыча. Каждый использовалъ этотъ успѣхъ по своему. Друзья Атамана говорили, что это выполняется его планъ, враги утверждали обратное, что войска ринулись впередъ, потому что узнали, что они освободились отъ Денисова и Полякова. Ждали слова генерала Деникина, которому въ эту тяжелую минуту покорились вполнѣ.

3-го февраля генералъ Деникинъ посѣтилъ Войсковой Кругъ. Кругъ встрѣтилъ его бурными аплодисментами. Предсѣдатель Круга сказалъ ему привѣтственное слово.

Отвѣчая на его привѣтствіе, генералъ Деникинъ сказалъ: — «Пропося вмѣстѣ съ Добровольческой Арміей по ея крестному пути неугасимую и непоколебимую вѣру въ великое будущее единой, недѣлимой Россіи, я не отдѣляю

отъ блага и пользы Россіи интересовъ Дона, я знаю, что сила, благодѣнствіе и процвѣтаніе Донского края служатъ залогомъ спасенія Россіи.

«То, что сдѣлано Доном въ безпримѣрной борьбѣ его съ разрушителями Родины, никогда ею не будетъ забыто.

«Донское свободолюбивое войско не можетъ пойти въ кабалу къ грязному, безумному, проклятому большевизму.

«А тѣ, кто продалъ Донъ, забывъ и честь, и совѣсть, пусть знаютъ, что отдыхать имъ не придется.

«Если новоявленные друзья — красноармейцы не пошлютъ ихъ на востокъ проливать братскую кровь Сибирскихъ, Оренбургскихъ и Уральскихъ казаковъ, то здѣсь они встрѣтятся въ смертномъ безпощадномъ бою съ нами.

«Въ конечной побѣдѣ я не сомнѣваюсь, ибо дѣло наше правое. Я знаю, что Донъ можетъ колебаться, что отъ перенесенныхъ лишеній, невзгодъ и тяжкихъ потерь у малодушныхъ упало сердце.

«Положеніе грозное, — нѣтъ сомнѣнія! — и не потому, что врагъ силенъ, а отъ усталости, уныніи и малодушія и, можетъ быть, предательства нѣкоторыхъ станицъ и частей.

«Я вѣрю въ здоровый разумъ, Русское сердце и въ любовь къ Родинѣ Донского казака, я вѣрю, что ваша внутренняя разруха, которой я не могу и не хочу быть судьею, не отразится на нашей общей дружной работѣ въ борьбѣ противъ врага Дона и Россіи, и Донъ будетъ спасенъ! (Бурные аплодисменты.)

«Но на этомъ путь нашъ не кончится, путь тяжелый, но славный. Настанетъ день, когда, устроивъ родной край, обезпечивъ его въ полной мѣрѣ вооруженной силой и всѣмъ необходимымъ, казаки и горцы вмѣстѣ съ донцами пойдутъ на сѣверъ спасать Россію, спасать отъ распада и гибели, ибо не можетъ быть ни счастья, ни мира, ни сколько-нибудь сноснаго человѣческаго существованія на Дону и Кавказѣ, если рядомъ съ ними будутъ гибнуть прочія Русскія земли.

«Пойдемъ мы туда не для того, чтобы вернуться къ старымъ порядкамъ, не для защиты сословныхъ и классовыхъ интересовъ, а чтобы создать новую свѣтлую жизнь всѣмъ: и правымъ, и лѣвымъ, и казаку, и крестьянину, и рабочему». (Аплодисменты.) *

Изъ этой рѣчи Кругъ понялъ, что генералъ Деникинъ одобряетъ отставку Атамана и обѣщаетъ помочь Донскимъ казакамъ. Такъ растолковали, по крайней мѣрѣ, его рѣчь тѣ, кто въ этомъ былъ заинтересованъ.

Генералъ Деникинъ завтракалъ у предсѣдателя совѣта управляющихъ генерала Богаевскаго и обѣдалъ у бывшаго Атамана. И тутъ, и тамъ онъ совѣщался съ бывшимъ Атаманомъ о дальнѣйшемъ устройствѣ войска. Онъ спросилъ бывшаго Атамана, кого онъ намѣтилъ бы на постъ командующаго арміей и начальника штаба. Бывшій Атаманъ указалъ на генералъ-лейтенанта Ѳ. Ѳ. Абрамова, какъ на высоко образованнаго человѣка, понимающаго военное дѣло, глубоко порядочнаго и честнаго. Начальникомъ штаба онъ назвалъ генерала Кельчевскаго. Къ назначенію предложенныхъ ему Сидорина и Семилѣтова бывшій Атаманъ отнесся съ полнымъ отрицаніемъ, какъ къ личностямъ нечестнымъ, безпринципнымъ и способнымъ на всяческую интригу.

---

* «Съ Войскового Круга». Краткое сообщеніе о засѣданіяхъ 1—8-го февраля 1919 г. Стр. 10.

4-го февраля утромъ генералъ Деникинъ уѣхалъ на западный фронтъ къ генералу Май-Маевскому, а 6-го февраля вечеромъ поѣхалъ и бывшій Атаманъ въ свое изгнаніе.

Еще 2-го февраля Донской Атаманъ приказалъ напечатать въ «Донскихъ Вѣдомостяхъ» свой прощальный приказъ. Благодаря своихъ сотрудниковъ и всѣхъ казаковъ за девятимѣсячную героическую борьбу за свободу казачества, Донской Атаманъ заклиналъ казаковъ беречь будущее войска, дѣтей и молодежь, дать имъ спокойно окончить учебныя заведенія и не накостить молодыя души участьемъ въ гражданской войнѣ.

Завѣтъ Атамана не былъ услышенъ. Еще не покинулъ Атаманъ предѣловъ, занятыхъ Добровольческой Арміей, какъ узналъ, что новый командующій Донской Арміей, генералъ Сидоринъ, назначилъ генерала Семилѣтова командующимъ партизанскими отрядами всего войска и поручилъ ему наборъ студентовъ, кадетъ и гимназистовъ въ боевыя дружины. Чья то злобная рука подъ корень уничтожала надежды донскихъ казаковъ — казачьихъ дѣтей.

Въ день отъѣзда со всѣхъ четырехъ фронтовъ были получены телеграммы на имя бывшаго Атамана и предсѣдателя Круга, за подписью командующихъ корпусами, отъ имени офицеровъ и казаковъ.

Казаки требовали отъ Круга, чтобы онъ отставки Атамана не принималъ, и просили Атамана не покидать его поста въ грозную для войска минуту. По распоряженію предсѣдателя Войскового Круга В. А. Харламова, взявшаго на себя въ эти дни управленіе всѣмъ войскомъ, телеграммы эти бывшему Атаману переданы не были и Кругу доложены не были.

Бывшій Атаманъ уѣзжалъ поздно вечеромъ. Погода была отвратительная. Лилъ проливной дождь, мокрый снѣгъ смѣшался съ грязью. Извозчики отсутствовали. И тѣмъ не менѣе, весь Новочеркасскъ собрался проводить бывшаго Атамана. Были всѣ управляющіе отдѣлами, большинство членовъ Войскового Круга, юнкера Новочеркасскаго военнаго училища, офицеры Донской Школы, служащіе разныхъ учрежденій и многочисленные горожане и горожанки.

Депутаты Круга Черкасскаго Округа поднесли Атаману трогательный адресъ, покрытый ихъ подписями, а супругѣ Атамана прекрасный букетъ живыхъ цвѣтовъ. Но, когда содержаніе адреса узнали и другіе члены Круга, они стали тоже подписываться подъ нимъ и собрали 62 подписи.

Въ Ростовѣ, куда поѣздъ прибылъ около 10-ти часовъ вечера, Атамана ожидалъ новый адресъ жителей Ростова и почетный караулъ Л. Гв. Казачьяго полка. На дворѣ станціи былъ собранъ весь Л. Гв. Казачій полкъ. Тутъ же на путяхъ въ товарныхъ вагонахъ, въ эшелонѣ, находились партизаны генерала Семилѣтова.

Бывшій Атаманъ вышелъ къ почетному караулу, поблагодарилъ лейбъ-казаковъ за вниманіе, ему уже не полагающееся, и говорилъ имъ о ихъ святомъ долгѣ защищать Донское войско и во всемъ повиноваться вновь избранному Атаману генералу Богаевскому.

Вагонъ Армавиръ-Туапсинской дороги, высланный за бывшимъ Атаманомъ его братомъ, прицѣпили къ Екатеринодарскому поѣзду, и бывшій Атаманъ навсегда покинулъ войско.

Разгромъ Кубанской рады

б. Кубанскаго Атамана ген. Филимонова

Разгромъ Кубанской Рады, закончившійся повѣшеніемъ члена Рады Кулабухова и высылкой въ Константинополь наиболѣе вліятельныхъ представителей оппозиціи, сыгралъ значительную роль въ общемъ ходѣ борьбы съ большевиками на Югѣ Россіи и былъ однимъ изъ существенныхъ поводовъ къ катастрофическому отходу вооруженныхъ силъ Юга Россіи отъ Орла до Новороссійска.

Между тѣмъ, до сихъ поръ остается совершенно не выясненной та обстановка, въ которой былъ произведенъ этотъ разгромъ. Непонятой остается и та роль, которую играли многіе изъ видныхъ дѣйствующихъ лицъ въ этомъ печальномъ событіи.

Я былъ это время кубанскимъ атаманомъ, и мнѣ пришлось быть однимъ изъ непосредственныхъ участниковъ и свидѣтелей тяжелаго эпизода, послѣ котораго я сложилъ съ себя почетное званіе войскового атамана, такъ какъ этотъ инцидентъ былъ вопіющимъ нарушеніемъ правъ Кубани.

Поводомъ къ разгрому послужилъ фактъ заключенія членами парижской делегаціи кубанской краевой рады съ правительствомъ Горской республики особаго договора, который былъ квалифицированъ въ ставкѣ и въ Особомъ Совѣщаніи, какъ измѣна Россіи. Причины-же антагонизма между главнымъ командованіемъ и кубанскимъ представительнымъ учрежденіемъ заключались въ рѣзкихъ политическихъ разногласіяхъ въ оцѣнкѣ методовъ и способовъ борьбы съ большевиками и того положенія, которое въ этой борьбѣ занимало казачество вообще и Кубань въ частности. Трудно было примирить прямолинейный консервативный централизмъ ставки съ федералистическими и даже самостійными теченіями, игравшими такую видную роль среди демократически настроенныхъ членовъ кубанской рады. Трудно было примирить дѣятельность мѣстныхъ парламентаріевъ, опьяненныхъ той ролью, которую имъ приходилось играть, съ авантюристическими стремленіями нѣкоторыхъ изъ военныхъ руководителей, сумѣвшихъ выдвинуться на Югѣ Россіи съ начала гражданской войны.

Расправа съ радой намѣчалась еще въ концѣ 1918 года. Незадолго то того, когда я вторично былъ избранъ кубанскимъ атаманомъ и оппозиція, возглавляемая предсѣдателемъ кубанскаго правительства Бычомъ потерпѣла пораженіе, ко мнѣ приходили генералы Покровскій и Шкуро и предлагали при ихъ содѣйствіи взять всю власть въ свои руки.

Я тогда категорически запротестовалъ противъ такого проекта и, какъ атаманъ, потребовалъ, чтобы этого не дѣлалось. Покровскій и Шкуро тогда отказались отъ своей затѣи.

Такая мысль мнѣ неоднократно подсказывалась и во время разговоровъ съ Деникинымъ.

Особенно настаивалъ на этомъ его помощникъ.

— Совершенно не понимаю вашего характера, — говорилъ онъ. Какъ вы терпите все это? Почему вы не разгоните раду?

— Это слишкомъ упрощенный, грубо-примитивный способъ борьбы — возражалъ я своимъ собесѣдникамъ, доказывая, что разгонъ рады мѣра весьма опасная и чреватая серьезными послѣдствіями.

Нарастали оппозиціонныя настроенія въ Радѣ, учащались рѣзкія выступленія противъ политики ставки и Особаго Совѣщанія, — нарастала непріязнь ко мнѣ со стороны ген. Деникина, все болѣе и болѣе ненормальными становились взаимоотношенія между ставкой и нами, представителями и руководителями казачества.

Все это привело въ концѣ концовъ такой серьезный характеръ, что генералъ Деникинъ вынужденъ былъ принять экстренныя мѣры, для того, чтобы парализовать назрѣвавшій конфликтъ съ казачествомъ.

Шестого и седьмого іюня 1919 года въ Екатеринодарѣ происходилъ съѣздъ представителей главнаго командованія и казачества. Въ совѣщаніи участвовали: Деникинъ, Романовскій, Драгомировъ, Лукомскій, атаманы казачьихъ войскъ: отъ Дона — Богаевскій, отъ Кубани — я, отъ Терека — Вдовенко, отъ Астраханскаго войска — Ляховъ. Присутствовали также предсѣдатели Донского, Терскаго и Кубанскаго правительствъ.

На этомъ совѣщаніи Деникинъ ребромъ поставилъ намъ вопросъ:

— Съ Русью ли идемъ мы, представители казачества, или противъ Руси?

Такая постановка вопроса вызвала съ нашей стороны самую рѣзкую отповѣдь. Мы, казаки, съ полной откровенностью заявили о своихъ пожеланіяхъ, о своемъ весьма отрицательномъ отношеніи къ той политической линіи, которую проводили въ отношеніи къ казакамъ ставка и Особое Совѣщаніе. Мы указали пути для исправленія ошибокъ, для парализованія того скверного настроенія, которое создается благодаря нашимъ ненормальнымъ взаимоотношеніямъ.

Я произнесъ на этомъ совѣщаніи пространную рѣчь. Въ началѣ я сдѣлалъ краткій обзоръ историческаго прошлаго казачества. Казаки чисто русскіе люди, наиболѣе сильные въ физическомъ и моральномъ отношеніи, съ наибольшей энергіей и предпріимчивостью.

Геній русскаго народа всегда тянулся на югъ, а не на сѣверъ, а потому Петровская реформа—историческая ошибка. Казаки олицетворяли собою тягу на югъ, туда, гдѣ больше свѣта, больше тепла, больше солнца.

Когда началась невзгода, когда снова на Руси настало смутное время, — говорилъ я, обращаясь къ Деникину — вы, витязи Русской земли, пришли сюда на югъ спасать Россію вмѣстѣ съ нами, казаками. Казаки оправдываютъ вашу надежду, вашу вѣру . . .

— Мы, — говорилъ я, — недоумѣваемъ теперь, почему казаки, не одинъ разъ спасавшіе Россію, нынѣ оказались гдѣ то въ сторонѣ? Около васъ всѣ, кромѣ тѣхъ, кто долженъ быть. Около васъ должны быть казачьи атаманы и предсѣдатели казачьихъ правительствъ. Вы неоднократно указывали, что высоко цѣните, любите казаковъ и считаете ихъ молодцами. Мы сами давно знаемъ

себѣ цѣну. Намъ надоѣло быть молодцами. Мы хотимъ быть гражданами. Мы, представители казачества, считаемъ, что имѣемъ полное право быть привлеченными къ государственному строительству...

Другіе представители казаковъ высказались въ этомъ же смыслѣ и рѣзко указали на оскорбительную для насъ формулировку вопроса генераломъ Деникинымъ. Послѣдній не отвѣтилъ на наши требованія по существу, а лишь заявилъ:

— «Вы, господа атаманы, меня очень сильно «облаяли», но я все-же весьма удовлетворенъ тѣмъ, что вижу передъ собою дѣйствительно русскихъ людей...»

Но, едва ли, Деникинъ былъ искренень.

Того-же дня вечеромъ у меня во дворцѣ состоялся парадный офиціальный обѣдъ, въ честь прибывшихъ на совѣщаніе атамановъ, на которомъ присутствовало до двухсотъ человѣкъ, въ томъ числѣ и представители союзныхъ державъ. Во время обѣда играла музыка, исполнялись войсковымъ хоромъ казачьи гимны — донской, кубанскій.

Деникинъ во время обѣда былъ мраченъ и произнесъ совершенно неожиданный для насъ тостъ. Онъ сказалъ приблизительно слѣдующую рѣчь:

— «Вчера здѣсь въ Екатеринодарѣ царили большевики. Надъ этимъ домомъ развѣвалась красная грязная тряпка, въ городѣ творились безобразія. Проклятое вчера... Сегодня здѣсь происходитъ что-то странное — слышенъ звонъ бокаловъ, льется вино, поются казачьи гимны, слышатся странныя казачьи рѣчи, надъ этимъ домомъ развѣвается кубанскій флагъ... Странное сегодня...

Но, я вѣрю, что завтра надъ этимъ домомъ будетъ развѣваться трехцвѣтное, національное русское знамя, здѣсь будутъ пѣть русскій національный гимнъ, будутъ происходить только русскіе разговоры. Прекрасное «завтра»... Будемъ-же пить за это счастливое, радостное «завтра».

Для всѣхъ присутствовавшихъ этотъ тостъ былъ ушатомъ холодной воды и напрасно пытался поднять настроеніе взявшій на себя по моей просьбѣ роль «тулумбаша» — Баратовъ...

Въ теченіи всего лѣта 1920 года наши взаимоотношенія съ главнымъ командованіемъ не улучшались, а ухудшались. Поводомъ къ этому служили не только политическія разногласія, но также и цѣлый рядъ второстепенныхъ причинъ. Существованіе, напримѣръ, нашего кубанскаго флага было для Деникина бѣльмомъ на глазу. Я часто говорилъ главнокомандующему:

— Если отдѣльныя войсковыя части и даже сотни, ну, напримѣръ, ваша комендантская, имѣютъ собственные значки, то какъ же вы хотите лишить цѣлое кубанское казачье войско права имѣть свой собственный флагъ?

Само собою разумѣется, что наши настойчивыя пожеланія о привлеченіи казачьихъ представителей къ управленію освобождающимися областями и вообще къ государственному строительству встрѣчали у Деникина отрицательное къ себѣ отношеніе и способствовали образованію почвы для подготовки разгрома кубанской рады.

Послѣ отъѣзда изъ Екатеринодара Деникинъ продолжалъ очень внимательно слѣдить за работами рады. Нѣсколько разъ онъ присылалъ мнѣ письма, въ которыхъ указывалъ на то, что въ радѣ произносятся несоотвѣтствующія рѣчи, подрывается престижъ Добровольческой арміи. Въ своихъ письмахъ Деникинъ подчеркивалъ, что считаетъ меня виновникомъ всего этого, такъ какъ я будтобы не принимаю мѣръ противъ подобнаго рода агитаціи.

Когда 16 сентября я, проѣздомъ на Донъ, былъ у него въ Таганрогѣ, главнокомандующій прямо заявилъ: —

— Считаю васъ виновникомъ происходящаго на Кубани броженія и агитаціи.

Тогда я не придалъ этому особаго значенія, тѣмъ болѣе, что на Дону мнѣ оказали самый теплый и радушный пріемъ. Изъ обмѣна мнѣніями выяснилось, что между нами, кубанцами, и представителями донского казачества наблюдалась полная солидарность во взглядахъ на наши политическія и военныя задачи.

Тѣмъ не менѣе, мое положеніе, какъ человѣка, очутившагося между молотомъ и наковальней, дѣлалось необычайно тягостнымъ. Наростали тренія съ главнымъ командованіемъ, и параллельно съ этимъ оппозиція въ Кубанской радѣ становилась все болѣе и болѣе энергичной и переходила въ наступленіе, объявивъ открытый походъ противъ меня, своего атамана, и въ то же время умалчивая о своихъ скрытыхъ цѣляхъ.

Вмѣстѣ съ той частью членовъ Рады, которая меня поддерживала, мы выработали планъ борьбы. Мы рѣшили предоставить представителямъ оппозиціи высказаться до логическаго конца и тѣмъ самымъ открыть свои карты.

Намъ казалось, что это вопросъ нѣсколькихъ дней. Закусившіе удила лидеры оппозиціи совершали одну безтактность за другой. Когда донская депутація явилась въ раду просить хлѣба для сѣверныхъ округовъ Донской области, то Ив. Макаренко крикнулъ: «а христарадничать пріѣхали!» На одномъ изъ собраній въ гор. Новочеркасскѣ Иванъ Макаренко заявилъ: «На Кубани нѣтъ ни одного порядочнаго генерала». Другой представитель лѣваго крыла рады на офиціальномъ обѣдѣ, обращаясь къ донскимъ генераламъ, сказалъ: «Вотъ если-бы такихъ генераловъ, да къ нашимъ пластунамъ». Доморощенный кубанскій дипломатъ не замѣчалъ, что своимъ тяжеловѣснымъ комплиментомъ онъ наноситъ оскорбленіе одновременно и донской пѣхотѣ и кубанскимъ генераламъ.

Въ довершеніе всѣхъ несчастій, оппозиціи удалось провести въ Предсѣдатели кубанской краевой рады Ивана Макаренко — «кубанскаго бога безтактности». Повторяю, оппозиція лѣзла, что называется, на рожонъ и неминуемо должна была сломить себѣ шею.

Но къ сожалѣнію, въ ставкѣ въ это время уже опредѣленно говорили о необходимости принять самыя рѣшительныя репрессивныя мѣры противъ будирующей рады и вожаковъ оппозиціи. Изъ войсковыхъ начальниковъ сильно поддерживалъ эту мысль ген. Покровскій, который доказывалъ Деникину и Романовскому, что онъ знаетъ хорошо кубанскихъ казаковъ и убѣжденъ, что путемъ репрессивныхъ мѣропріятій можно легко установить на Кубани полный порядокъ и спокойствіе.

Несмотря на всю остроту положенія приказъ Деникина о преданіи военно-полевому суду членовъ парижской делегаціи краевой рады, заключившихъ договоръ о союзѣ съ Горской республикой, явился для насъ полной неожиданностью, тѣмъ болѣе, что лично я не зналъ ничего о такомъ договорѣ. Прежде чѣмъ отдать этотъ приказъ Деникинъ запросилъ у меня, дѣйствительно ли такой договоръ былъ подписанъ представителями Кубани и были-ли они на это уполномочены.

Я отвѣтилъ, что на это они уполномочены не были, правительству о такомъ договорѣ ничего не извѣстно, по что мною наводятся по поводу договора справки и обо всемъ этомъ я сообщу дополнительно.

Черезъ нѣсколько дней Деникинъ вторично запросилъ меня о томъ же. Въ своемъ отвѣтѣ на запросъ я указалъ, что такой договоръ былъ дѣйстви-

тельно заключенъ и что по объясненіямъ запрошеннаго мною предсѣдателя зак. рады Султанъ-Шахимъ-Гирея договоръ заключался на тотъ случай, если Россія не будетъ освобождена отъ большевиковъ и антибольшевистская Кубань предоставлена будетъ собственнымъ силамъ.

Вслѣдъ за второй телеграммой мною былъ полученъ приказъ о преданіи военно-полевому суду за измѣну Россіи лицъ, подписавшихъ договоръ, то-есть Быча, Савицкаго, Наметокова и Кулабухова. Этотъ рѣзкій, противорѣчившій нашей конституціи и всѣмъ соглашеніямъ съ главнымъ командованіемъ приказъ былъ адресованъ не только мнѣ, но и атаманамъ Дона и Терека.

Въ отвѣтъ на этотъ приказъ мною и правительствомъ была послана Деникину телеграмма съ протестомъ противъ такого распоряженія. Въ копіи телеграмма сообщена донскому и терскому атаманамъ.

Въ телеграммѣ говорилось о томъ, что мы относимся къ этому акту Деникина съ осужденіемъ. По поводу договора мы принимаемъ свои мѣры. Что-же касается вмѣшательства въ это дѣло со стороны главнокомандующаго, то такого рода выступленіе вызоветъ среди казаковъ естественное недовольство главнымъ командованіемъ.

Когда я сообщилъ о посылкѣ телеграммы радѣ, то послѣдняя всецѣло присоединилась къ этому протесту. Вмѣстѣ съ тѣмъ я рекомендовалъ членамъ рады немедленно же приступить къ обсужденію вопроса о подписавшихъ договоръ членахъ рады, а также послать къ Деникину делегацію съ цѣлью добиться отмѣны отданнаго приказа.

Къ сожалѣнію рада не послѣдовала моему совѣту и продолжала заниматься очередными дѣлами.

Между тѣмъ, вслѣдъ за моимъ протестомъ и какъ бы въ отвѣтъ на него, послѣдовало новое распоряженіе о назначеніи генерала Покровскаго командующимъ тыловымъ райономъ Кавказкой арміи, куда, такимъ образомъ, вошла и Кубань. Значеніе мѣстной власти сводилось къ нолю.

Въ Екатеринодаръ прибылъ Покровскій.

— Ген. Деникинъ, — заявилъ мнѣ Покровскій, — настаиваетъ на немедленномъ арестѣ Кулабухова и всѣхъ видныхъ представителей оппозиціи, всего около тридцати-сорока человѣкъ. Кулабуховъ-же долженъ быть арестованъ въ первую очередь.

Я началъ доказывать Покровскому, что эти аресты совершенно недопустимы, что пользы отъ этого, разумѣется, никакой не будетъ.

— Можетъ быть, эти господа, — заявилъ тогда Покровскій, — найдутъ нужнымъ и возможнымъ устроить вмѣстѣ со мною совѣщаніе?

Я согласился на просьбу Покровскаго помочь ему устроить такое совѣщаніе, причемъ Покровскій просилъ, чтобы все это происходило у меня.

— Въ другое мѣсто, — говорилъ онъ, — эти господа врядъ ли пойдутъ.

Согласившись и на это, я потребовалъ, однако, у Покровскаго, чтобы онъ гарантировалъ личную неприкосновенность всѣхъ членовъ рады, которые придутъ на совѣщаніе.

Покровскій завѣрилъ меня своимъ честнымъ словомъ, что онъ гарантируетъ полную безопасность участникамъ совѣщанія.

Разговоръ этотъ происходилъ 5 ноября въ 4 часа дня. Совѣщаніе было назначено въ тотъ же день въ семь часовъ вечера. Въ присутствіи Покровскаго я написалъ предсѣдателю краевой рады Ивану Макаренко записку о томъ, что прошу представителей оппозиціи прибыть ко мнѣ на совѣщаніе. Для того, чтобы

это не бросалось въ глаза, я пригласилъ и лидеровъ, поддерживавшей меня группы. Всѣ они обѣщали придти, предупредивъ, что немного опоздаютъ.

Но не было еще семи часовъ, когда я, сидя у себя въ кабинетѣ, услышалъ, что по лѣстницѣ поднимается большая группа лицъ. Меня это заинтересовало, и я послалъ узнать, въ чемъ дѣло. Оказывается, это пришелъ ген. Покровскій и съ нимъ человѣкъ семь-восемь офицеровъ. Я тогда пригласилъ Покровскаго въ кабинетъ къ себѣ и спросилъ его:

— Что же все это означаетъ?

Въ отвѣтъ на мой вопросъ Покровскій довольно развязно заявилъ, что онъ рѣшилъ при выходѣ съ совѣщанія арестовать «всѣхъ этихъ господъ».

— Но, вѣдь вы дали мнѣ обѣщаніе не дѣлать этого. Осуществленіе вашего проекта я считаю совершенно недопустимымъ...

— Вы здѣсь не при чемъ, — возразилъ Покровскій. Арестовывать буду я, а не вы. Я отвѣчаю за свои поступки. Я — далъ слово, а теперь — беру его обратно. Мною уже отданъ соотвѣтствующій приказъ гвардейскому дивизіону окружить этотъ домъ.

Тогда я заявилъ Покровскому, что не допущу ареста и что совѣщаніе у меня не состоится, такъ какъ предателемъ я не былъ и не буду...

Послѣ разговора со мною Покровскій согласился отпустить офицеровъ и далъ слово, что отмѣнитъ всѣ свои распоряженія.

Однако, я все же принялъ мѣры предосторожности, немедленно вышелъ въ сосѣднюю комнату и протелефонировалъ Ивану Макаренко, что самъ приду въ раду и что назначенное совѣщаніе отмѣняется.

Предупрежденіе, какъ оказалось, было сдѣлано своевременно.

Послѣ этого Покровскій снова пришелъ ко мнѣ въ кабинетъ и сообщилъ списокъ лицъ, которыхъ онъ считаетъ необходимымъ арестовать. Въ спискѣ было человѣкъ тридцать.

На мое возраженіе, что это совершенно недопустимо, Покровскій отвѣтилъ, что онъ готовъ ограничиться и меньшимъ числомъ, при этомъ онъ высказался въ томъ смыслѣ, что хорошо было-бы если-бы подлежащіе аресту разбѣжались. Послѣднее указаніе я пропустилъ мимо ушей, такъ какъ ужъ, конечно, я не могъ дѣлать такого предложенія своимъ политическимъ противникамъ.

Послѣ долгихъ переговоровъ Покровскій остановился на шести лицахъ, подлежащихъ аресту. Такими лицами были: Петръ и Иванъ Макаренко, Манжула, Воропиновъ, Роговецъ и Безкровный. Объ этомъ онъ сообщилъ мнѣ офиціально, какъ о своемъ ультимативномъ требованіи, въ случаѣ неисполненія котораго онъ прибѣгнетъ къ силѣ оружія. Его ультимативное письмо начиналось по общей формѣ словами «милостивый государь».

Объ этомъ ультиматумѣ я доложилъ въ засѣданіи рады на словахъ, потомъ прочелъ письмо. Выходъ изъ создавшагося положенія я видѣлъ въ немедленной посылкѣ делегаціи отъ рады къ Деникину.

Въ раскаленной атмосферѣ выступилъ послѣ моего доклада съ рѣчью Иванъ Макаренко.

Здѣсь нужно сказать, что Макаренко и его единомышленники пришли, повидимому, къ выводу, что настало время дѣйствовать въ открытую и дѣйствовать рѣшительно. Макаренко приказалъ своимъ «гайдамакамъ» (отряду для охраны рады, составленному изъ уклонившихся отъ фронта казаковъ Темнпскаго и Екатеринодарскаго отдѣловъ) окружить зданіе рады (Екатеринодарскій

зимній городской театръ), поставилъ сотню гайдамаковъ за кулисами и часовыхъ у всѣхъ входовъ и выходовъ. Рѣшено было, не болѣе не менѣе, какъ захватить власть и арестовать атамана.

Выступивъ на эстраду Макаренко заявилъ:

— Атаманъ, повидимому, рекомендуетъ намъ — подчиниться такому рѣшенію; изъ этого совѣта видно, что атамана у насъ нѣтъ. Поэтому я предлагаю передать власть президіуму краевой рады...

На мои протесты о томъ, что я такого заявленія не дѣлалъ, и на мои требованія дать мнѣ слово, Макаренко заявилъ.

— Я не могу предоставить вамъ слово, какъ атаману, потому что у насъ атамана нѣтъ. Это видно и изъ того, что ген. Покровскій обращается къ атаману, не какъ къ атаману, а какъ къ «милостивому государю».

Члены рады реагировали на все это совершенно неожиданнымъ для Ивана Макаренки образомъ. Въ залѣ послышались возгласы.

— У насъ есть атаманъ... Нужно смѣнить предсѣдателя...

Въ хаотической, бурной обстановкѣ было предложено поставить вопросъ о довѣріи атаману и предсѣдателю краевой рады. Былъ объявленъ перерывъ, послѣ котораго Иванъ Макаренко вышелъ и покаяннымъ голосомъ заявилъ, что онъ сознаетъ свою ошибку и что, считая дальнѣйшее пребываніе на посту предсѣдателя для себя невозможнымъ, проситъ отпустить его на свободу.

Рада отвѣтила на эти покаянныя рѣчи гробовымъ молчаніемъ. И когда былъ поставленъ вопросъ о довѣріи атаману, рада большинствомъ всѣхъ противъ одного вотировала мнѣ свое довѣріе.

На этомъ засѣданіе закончилось. Уходя, я обѣщалъ членамъ Рады переговорить о мирной ликвидаціи инцидента съ Деникинымъ и Романовскимъ.

6-го утромъ ко мнѣ на квартиру явились внесенные въ списокъ шесть человѣкъ, въ томъ числѣ и Кулабуховъ. Списокъ, какъ выяснилось, былъ уже увеличенъ Покровскимъ еще на десять человѣкъ. Всѣ эти лица были арестованы.

Я тогда написалъ и послалъ Деникину телеграмму, въ которой сообщалъ, что мною посылается ему делегація, которую настойчиво прошу выслушать.

Эта телеграмма не была послана. Ее возвратилъ мнѣ съ телеграфа генералъ Покровскій и при этомъ сообщилъ, что, согласно его распоряженію, на провода принимаются только телеграммы, посылаемыя съ его вѣдома.

— Послана эта телеграмма или нѣтъ? — спросилъ я у Покровскаго.

— Кажется, послана, — отвѣтилъ онъ.

Въ дѣйствительности же телеграмма была задержана.

Кулабуховъ тѣмъ временемъ былъ приговоренъ къ смертной казни.

Вечеромъ я отправился на прямой проводъ, соединился съ Помощникомъ Главнокомандующаго генераломъ Романовскимъ и обратился къ нему «отъ себя и всѣхъ кубанскихъ казаковъ» съ просьбой «во имя заслугъ казачества, жертвъ понесенныхъ ими, во имя моря пролитой казачьей крови» принять мѣры къ тому, чтобы этотъ приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе. Кромѣ того я просилъ принять делегацію, которая сейчасъ выѣзжаетъ по этому же вопросу.

Романовскій отвѣтилъ мнѣ, что доложитъ Деникину о моемъ ходатайствѣ по поводу смягченія участи Кулабухова. Однако, онъ сомнѣвается въ успѣхѣ этого ходатайства.

— Что же касается делегаціи, закончилъ Романовскій, — то я желалъ бы узнать объ этомъ мнѣніе Покровскаго.

Покровскій былъ на станціи. Я попросилъ его подтвердить, что онъ ничего противъ посылки делегаціи не имѣетъ, что онъ и сдѣлалъ.

— Отвѣтъ будетъ данъ по телеграфу, — заявилъ въ заключеніе Романовскій.

Но отвѣта я не получилъ. Въ ночь на седьмое ноября мнѣ прислали телеграмму, адресованную на имя Покровскаго, въ которой говорилось о томъ, что «Главнокомандующій просьбу Войскового Атамана отклонилъ».

Какую просьбу — неизвѣстно.

Это было въ пять часовъ утра. Утромъ мнѣ было доложено, что Кулабуховъ уже повѣшенъ. Оказывается, что Покровскій приказалъ привести въ исполненіе приговоръ военно-полевого суда, какъ только получилъ эту телеграмму.

Долженъ добавить ко всему этому, что Покровскій далъ мнѣ слово, что безъ вѣдома Деникина и утвержденія приговора онъ Кулабухова не повѣситъ. Въ виду этого я заявилъ въ радѣ о томъ, что не сомнѣваюсь, что наша делегація, посланная къ Деникину, сумѣетъ добиться отмѣны этого приговора. Оказалось, однако, что, когда делегаты обратились со своимъ ходатайствомъ къ Деникину, послѣдній заявилъ:

— Къ сожалѣнію, уже поздно: приговоръ приведенъ въ исполненіе.

Понятно, что члены делегаціи, которымъ Покровскій также далъ слово, что онъ подождетъ съ приведеніемъ приговора въ исполненіе до выясненія результатовъ ихъ ходатайства — были страшно возмущены всѣмъ происшедшимъ.

Когда былъ повѣшенъ Кулабуховъ, въ Екатеринодаръ прибылъ Врангель.

Я обратился къ нему съ просьбой умѣрить воинственный пылъ Покровскаго. Врангель отвѣтилъ, что онъ сдѣлаетъ все, чтобы парализовать дальнѣйшую дѣятельность Покровскаго, которую онъ считаетъ нецѣлесообразной.

Это было необходимо, потому что Покровскій говорилъ, что и всѣ остальные арестованные будутъ повѣшены и что уже готовы висѣлицы.

Арестованные лидеры оппозиціи были высланы заграницу.

Такъ закончился разгромъ Кубанской Рады.

Считая, что такое поведеніе Деникина, вопреки моимъ представленіямъ о вредѣ предпринятаго шага, нарушаетъ всѣ мои права, какъ атамана, разрушаетъ связь, существующую между казаками и главнымъ командованіемъ; считая, что все это отразится очень гибельно на общемъ дѣлѣ борьбы съ большевиками и не желая отвѣчать за дальнѣйшія послѣдствія такого отношенія къ казакамъ со стороны главнаго командованія, я счелъ своевременнымъ и необходимымъ уйти со своего поста.

Въ то время когда происходила эта дикая расправа съ членами рады, большевики заняли подходы къ Царицыну и грозили, прорвавъ естественныя ворота на Сѣверный Кавказъ, снова наводнить Кубанскую область. Генералы Врангель и Покровскій должны были оставить Екатеринодаръ и спѣшно отправиться къ мѣсту грозящей опасности. Послѣ упорныхъ и кровопролитныхъ боевъ Кавказкой Арміи, то-есть преимущественно Кубанскимъ казакамъ, удалось еще разъ отбросить большевиковъ на Сѣверъ. Но это была только отсрочка. Катастрофа надвигалась не только извнѣ, но зрѣла и внутри.

Слѣдуя безразсуднымъ совѣтамъ молодыхъ генераловъ и потворствуя ихъ тщеславнымъ илапамъ, Деникинъ подрубилъ сукъ, на которомъ сидѣлъ самъ

10. VII. 1921
Новый Садъ, Югославія

Документы и письма

ПИСЬМО ВЕЛ. КН. АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА КЪ НИКОЛАЮ II

отъ 25 декабря 1916—4 февраля 1917 г.г.*

Дорогой Ники, Тебѣ угодно было 22-го декабря, дать мнѣ высказать мое мнѣніе по извѣстному вопросу и попутно пришлось затронуть почти всѣ вопросы, которые волнуютъ насъ, я просилъ разрѣшенія говорить какъ на духу, и Ты далъ мнѣ его.

Я считаю, что послѣ всего мною сказаннаго, я обязанъ говорить дальше, — Ты невольно могъ подумать, слушая меня: ему легко говорить, а каково мнѣ, который долженъ разбираться въ существующемъ хаосѣ и принимать тѣ или другія мѣры и рѣшенія, подсказываемыя съ разныхъ сторонъ. — Ты долженъ понимать, что я, какъ и всѣ болѣющіе душой за все происходящее, часто задавалъ себѣ вопросъ, что бы я сдѣлалъ на Твоемъ мѣстѣ, и вотъ я хочу Тебѣ передать то, что мнѣ подсказываетъ душа, которая, я убѣжденъ, говоритъ вѣрно.

Мы переживаемъ самый опасный моментъ въ исторіи Россіи, вопросъ стоитъ — быть ли Россіи великимъ государствомъ, свободнымъ и способнымъ самостоятельно развиваться и расти, или подчиниться германскому безбожному кулаку; всѣ это чувствуютъ, кто разумомъ, кто сердцемъ, кто душою и вотъ причина почему всѣ, за исключеніемъ трусовъ и враговъ своей родины, отдаютъ свои жизни и все достояніе для достиженія этой цѣли. — И вотъ въ это святое время, когда мы всѣ, такъ сказать, держимъ испытаніе на званіе человѣка, въ его высшемъ пониманіи, какъ христіанина, какія-то силы внутри Россіи ведутъ Тебя и слѣдовательно Россію къ неминуемой гибели. — Я говорю — Тебя и Россію — вполнѣ сознательно, такъ какъ Россіи безъ Царя существовать не можетъ, но нужно помнить, что Царь одинъ править такимъ государствомъ, какъ Россія, не можетъ, это надо разъ навсегда себѣ усвоить и слѣдовательно существованіе министерства съ одной головой и палатъ совершенно необходимо; я говорю палатъ, потому что существующіе механиамы далеко несовершенны и не отвѣтственны, а они должны быть таковыми и нести передъ народомъ всю тяжесть отвѣтственности; немыслимо существующее положеніе, когда вся отвѣтственность лежитъ на Тебѣ и на Тебѣ одномъ. Чего хочетъ народъ и общество, очень немногаго — власть (я не говорю избитыя, ничего не значущія слова, твердую или крѣпкую власть, потому что слабая власть — это не власть) разумную, идущую навстрѣчу нуждамъ народнымъ и возможность жить свободно и давать жить свободно другимъ. Разумная власть должна состоять изъ лицъ первымъ дѣломъ чистыхъ, либеральныхъ и преданныхъ монархическому принципу, отнюдь не правыхъ или что еще хуже крайне правыхъ, такъ какъ для этой категоріи лицъ понятіе о власти заключается: «править при помощи полиціи, не давать свободнаго развитія общественнымъ силамъ и давать волю нашему, никуда негодному въ большинствѣ случаевъ, духовенству».

---

* Настоящее письмо, какъ и два слѣдующихъ документа (записка, составленная въ кружкѣ Римскаго Корсакова, и показаніе Н. Маклакова), являются частью матеріала, собраннаго учрежденной Вр. Правительствомъ «Чрезвычайной комиссіей для разслѣдованія противозаконныхъ по должности дѣйствій бывшихъ министровъ». Эти документы были отпечатаны въ вышедшей въ 1921 въ Петербургѣ книгѣ Александра Блока «Послѣдніе дни императорской власти». — Прим. ред.

Предсѣдателемъ совѣта министровъ должно быть лицо, которому Ты вполнѣ довѣряешь, онъ выбираетъ себѣ и отвѣтственнъ за всѣхъ другихъ министровъ; всѣ они вмѣстѣ должны составлять одну голову, одинъ разумъ и одну волю, и каждый по своей спеціальности проводитъ общую политику, а не свою, какъ это мы видимъ теперь; ни одинъ министръ не имѣетъ права высказывать Тебѣ свои взгляды на общую политику; онъ является докладчикомъ по своей узкой спеціальности; если же Ты хочешь услышать ихъ мнѣніе по общимъ вопросамъ, то таковое они могутъ высказывать только въ совѣтѣ министровъ, подъ Твоимъ личнымъ предсѣдательствомъ; при министерствѣ объединенномъ трудно ожидать, чтобы Ты услышалъ противорѣчія въ ихъ мнѣніяхъ, но оттѣнки въ связи съдѣломъ, порученнымъ каждому изъ нихъ, конечно, могутъ быть и необходимо, чтобы Ты ихъ слышалъ. Я принципіально противъ, такъ называемаго, отвѣтственнаго министерства, т. е. отвѣтственнаго передъ Думой, этого допускать не слѣдуетъ, надо помнить, что парламентская жизнь у насъ въ самомъ зародышѣ: при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, тщеславіе, желаніе власти и почета будутъ играть не послѣднюю роль, и главное, при непониманіи парламентскаго строя, личной зависти и проч. человѣческихъ недостаткахъ, министры будутъ мѣняться даже чаще, чѣмъ теперь, хотя это трудно. Какъ предсѣдатель, такъ и всѣ министры должны быть выбраны изъ числа лицъ, пользующихся довѣріемъ страны и дѣятельность которыхъ общеизвѣстна, конечно, не исключаются и члены думы. — Такое министерство встрѣтитъ общее сочувствіе всѣхъ благомыслящихъ круговъ, оно должно представить тебѣ подробную программу тѣхъ мѣръ, которыя должны проводиться въ связи съ главной задачей момента, т. е. побѣды надъ германцами, и включить тѣ реформы, которыя могутъ проводиться попутно, безъ вреда для главной цѣли, и которыхъ ждетъ страна. Программа эта послѣ одобренія Тобой, должна быть представлена думѣ и государственному совѣту, которые внѣ сомнѣнія ее одобрятъ и дадутъ полвую свою поддержку, безъ которой работа правительства невозможна, затѣмъ, опираясь на одобреніе палатъ и ставъ твердой ногой и чувствуя за собой поддержку страны, всякія попытки со стороны лѣвыхъ элементовъ должны быть подавляемы, съ чѣмъ, я не сомнѣваюсь, справится сама дума, если же нѣтъ, то дума должна быть распущена и такой роспускъ думы будетъ страной привѣтствоваться.

Главное условіе, чтобы разъ установленная программа ни въ коемъ случаѣ не мѣнялась, и правительство должно быть увѣрено, что никакія побочныя вліянія на Тебя повліять не могутъ и что Ты всей своей неограниченной властью будешь свое же правительство поддерживать. Теперь замѣчается какъ разъ обратное, ни одинъ, ни одинъ министръ не можетъ отвѣчать за слѣдующій день — всѣ разрознены, министрами назначаются люди со стороны, которые никакимъ довѣріемъ не пользуются и, вѣроятно, сами удивляются, что попадаютъ въ министры, но такъ какъ людей честныхъ вообще мало, то у нихъ не хватаетъ смѣлости сознаться передъ Тобой, что они неспособны занимать посты, на которые назначаются, и что ихъ назначеніе для общаго дѣла приноситъ только вредъ, ихъ поступки граничатъ съ преступленіемъ.

1 Января 1917 г. — Первую часть письма писалъ въ вагонѣ по пути въ Кіевъ, до сегодняшняго дня былъ такъ занятъ, что не было свободной минуты. Состоявшіяся съ тѣхъ поръ назначенія показываютъ, что Ты окончательно рѣшилъ вести внутреннюю политику, идущую въ полный разрѣзъ съ желаніями всѣхъ Твоихъ вѣрноподданныхъ; эта политика только на руку лѣвымъ элементамъ, для которыхъ положеніе, чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, составляетъ главную задачу; такъ какъ недовольство растетъ, начинаетъ пошатываться даже монархическій принципъ и отстаивающіе идею, что Россія безъ Царя существовать не можетъ, не имѣютъ почвы подъ ногами, такъ какъ факты развала и произвола налицо; продолжаться такъ долго такое положеніе не можетъ, опять повторяю, нельзя править страной, не прислушиваясь къ голосу народному, не идя навстрѣчу его нуждамъ, не считая его способнымъ имѣть собственное мнѣніе, не желая признавать, что народъ свои нужды самъ понимаетъ. Сколько ни думалъ, не могу понять, съ чѣмъ Ты и Твои совѣтники борятся, чего добиваются. Я имѣлъ два продолжительныхъ разговора съ Протопоповымъ, онъ все время говорилъ о крѣпкой власти, о недопустимости уступокъ общественному мнѣнію, о томъ, что земскій и го-

родской союзы, а также военнопромышленные комитеты суть организаціи революціонныя; еслибы его слова отвѣчали истинѣ, то спасенія нѣтъ, но къ счастью это не такъ, конечно нельзя отрицать, что въ этихъ организаціяхъ существуютъ лѣвые, но вѣдь масса не революціонна и вотъ мѣрами запрещеній, разныхъ стѣсненій и подозрѣній искусственно толкаютъ нетвердыхъ въ своихъ убѣжденіяхъ людей въ лагерь лѣвыхъ.

Можно подумать, что какая-то невидимая рука направляетъ всю политику такъ, чтобы побѣда стала немыслима; тотъ же Протопоповъ мнѣ говорилъ, что можно опереться на промышленные круги, на капиталъ; какая ошибка. Во-первыхъ онъ забываетъ, что капиталъ находится въ рукахъ иностранцевъ и евреевъ, для которыхъ крушеніе монархіи желательно, тогда не будетъ препятствій для ихъ хищническихъ аппетитовъ, а затѣмъ наше купечество вѣдь не то, что было прежде, достаточно вспомнить 1905 годъ.

Когда подумаешь, что Ты нѣсколькими словами и росчеркомъ пера могъ бы все успокоить, дать странѣ то, чего она жаждетъ, т. е. правительство довѣрія и широкую свободу общественнымъ силамъ, при строгомъ контролѣ, конечно, что Дума, какъ одинъ человѣкъ пошла бы за такимъ правительствомъ, что произошелъ бы громадный подъемъ всѣхъ силъ народныхъ, а слѣдовательно и несомнѣнная побѣда, то становится невыносимо больно, что нѣтъ людей, которымъ бы Ты довѣрялъ, но людямъ, понимающимъ положеніе, а не такимъ, которые только подлаживаются подъ что-то непонятное. —

25 января. — Какъ видишь, прошелъ мѣсяцъ, а письмо мое я еще не послалъ, все надѣялся, что Ты пойдешь по пути, который Тебѣ указываютъ люди вѣрные Тебѣ и любящіе Россію не аа страхъ, а за совѣсть. Но событія показываютъ, что Твои совѣтники продолжаютъ вести Россію и Тебя къ вѣрной гибели, при такихъ условіяхъ молчать является преступнымъ передъ Богомъ, Тобой и Россіей.

Недовольство растетъ съ большой быстротой и чѣмъ дальше, тѣмъ шире становится пропасть между Тобой и Твоимъ народомъ. — Когда я говорю — народомъ, я понимаю въ смыслѣ тѣхъ, которые понимаютъ нужды народныя, а не тѣхъ, которые представляютъ изъ себя стадо, которое пойдетъ за человѣкомъ, сумѣющимъ увлечь толпу. Между тѣмъ, народъ Тебя любитъ и глубоко вѣритъ въ достижимость полной побѣды и внутренняго устроенія безъ всякихъ потрясеній, но при условіи существованія правительства, состоящаго изъ лицъ чистыхъ и пользующихся довѣріемъ страны, безъ этого нѣтъ надежды на спасеніе Престола и слѣдовательно Родины.

Посмотри, что дѣлается въ союзныхъ намъ странахъ, править государствами призваны самые способные люди, безъ различія ихъ убѣжденій; вѣдь всѣ сознаютъ, что въ минуту, когда рѣшается судьба міра, когда отъ побѣдоноснаго окончанія войны той или другой стороны зависитъ самое свободное существованіе цѣлыхъ государствъ, что въ такую минуту нѣтъ мѣста ни личнымъ симпатіямъ, ни интересамъ тѣхъ или другихъ партій, есть одно, призывъ всѣхъ наиболѣе способныхъ людей къ дѣлу спасенія родины, именно къ спасенію родины; вопросъ вѣдь въ самомъ бытіи Россіи, какъ великой могущественной державы. Вѣдь никогда въ исторіи Россійскаго государства не было болѣе благопріятныхъ политическихъ условій: съ нами нашъ бывшій исконный врагъ — Англія, недавній — Японія и всѣ другія государства, которыя видятъ и чувствуютъ всю силу нашу и въ то же время присутствуютъ при совершенно необъяснимомъ явленіи, нашемъ полномъ внутреннемъ нестроеніи, которое съ каждымъ днемъ ухудшается, и видятъ, что не лучшія, а худшія силы правятъ Россіей въ такой моментъ, когда ошибки, сдѣланныя сегодня, отразятся на всей исторіи нашей, и они невольно начинаютъ въ насъ сомнѣваться, они видятъ, что Россія собственныхъ своихъ интересовъ и задачъ не сознаетъ, т. е. скорѣе не Россія, а тѣ, которые ею правятъ.

Такое положеніе продолжаться не можетъ. Ты вѣроятно читалъ обращеніе къ Тебѣ новгородскаго дворянства, вѣдь такъ можно говорить только тогда, когда глубоко сознаешь ту пропасть, на краю которой мы стоимъ, и увѣряю Тебя, что всѣ Тебѣ истинно вѣрные люди именно такъ и думаютъ. Приходишь въ полное отчаяніе, что Ты не хочешь внять голосамъ тѣхъ, которые знаютъ въ какомъ положеніи находится Россія и совѣтуютъ принять мѣры, которыя должны вывести насъ изъ хаоса, въ которомъ мы всѣ сегодня находимся.

Ты вѣроятно думаешь, что тѣ мѣры, которыя принимаетъ правительство, выведутъ Россію на свѣтлый путь, на путь побѣды и полнаго возрожденія, и считаешь, что мы всѣ, которые держимся обратнаго мнѣнія — заблуждаемся, но вѣдь для провѣрки оглянись назадъ и сравни положеніе Россіи въ началѣ войны и сегодня, неужели это сравненіе не можетъ убѣдить Тебя, на чьей сторонѣ правда. Въ заключеніе скажу, что какъ это ни странно, но правительство есть сегодня тотъ органъ, который подготовляетъ революцію, народъ ея не хочетъ, но правительство употребляетъ всѣ возможныя мѣры, чтобы сдѣлать какъ можно больше недовольныхъ и вполнѣ въ этомъ успѣваетъ. Мы присутствуемъ при небываломъ зрѣлищѣ революціи сверху, а не снизу.

Твой вѣрный (подпись)

ЗАПИСКА, СОСТАВЛЕННАЯ ВЪ КРУЖКѢ РИМСКАГО-КОРСАКОВА И ПЕРЕДАННАЯ НИКОЛАЮ II КН. ГОЛИЦЫНЫМЪ ВЪ НОЯБРѢ 1916 Г.

Такъ какъ въ настоящее время уже не представляется сомнѣній въ томъ, что Государственная Дума, при поддержкѣ такъ называемыхъ общественныхъ организацій, вступаетъ на явно революціонный путь, ближайшимъ послѣдствіемъ чего по возобновленіи ея сессіи явится исканіе ею содѣйствія мятежно настроенныхъ массъ, а затѣмъ рядъ активныхъ выступленій въ сторону государственнаго, а весьма вѣроятно, и династическаго переворота, надлежитъ теперь же подготовить, а въ нужный моментъ незамедлительно осуществить рядъ совершенно опредѣленныхъ и рѣшительныхъ мѣропріятій, клонящихся къ подавленію мятежа, а именно:

I. Назначить на высшіе государственные посты министровъ, главноуправляющихъ, и на высшія командныя тыловыя должности по военному вѣдомству (начальниковъ округовъ, военныхъ генералъ-губернаторовъ) лицъ, не только извѣстныхъ своей издавна засвидѣтельствованной и ничѣмъ не поколебленной и незаподозрѣнной преданностью Единой Царской Самодержавной власти, но и способныхъ рѣшительно и безъ колебаній на борьбу съ наступающимъ мятежемъ. Въ семъ отношеніи они должны быть единомышленны и твердо убѣждены въ томъ, что никакая иная примирительная политика невозможна. Они должны, кромѣ того, клятвенно засвидѣтельствовать передъ лицомъ Монарха свою готовность пасть въ предстоящей борьбѣ, заранѣе на сей случай указать своихъ замѣстителей, а отъ Монарха получить всю полноту власти.

II. Государственная Дума должна быть немедленно Манифестомъ Государя Императора распущена безъ указанія срока новаго ея созыва, но съ опредѣленнымъ упоминаніемъ о предстоящемъ коренномъ замѣненіи нѣкоторыхъ статей (86, 87, 111 и 112) Основныхъ Законовъ и Положеній о выборахъ въ Государственный Совѣтъ и Думу.

III. Въ обѣихъ столицахъ, а равно въ большихъ городахъ, гдѣ возможно ожидать особенно острыхъ выступленій революціонной толпы, должно быть тотчасъ же фактически введено военное положеніе (а если нужно, то и осадное) со всѣми его послѣдствіями до полевыхъ судовъ включительно.

IV. Имѣющаяся въ Петроградѣ военная сила въ видѣ запасныхъ батальоновъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ представляется вполнѣ достаточной для подавленія мятежа, однако батальоны эти должны быть заблаговременно снабжены пулеметами и соотвѣтствующей артиллеріей. Въ Москву должны быть отправлены нѣкоторые изъ этихъ же батальоновъ, а въ столицы и въ крупные центры, кромѣ того, поставлены тѣ изъ имѣющихся запасныхъ кавалерійскихъ частей, кои являются наиболѣе способными. Всѣ находящіеся въ отпускахъ или командировкахъ, либо числящіеся эвакуированными офицеры гвардіи должны вступить въ ряды своихъ батальоновъ.

V. Тотчасъ же должны быть закрыты всѣ органы лѣвой и революціонной печати и приняты всѣ мѣры къ усиленію правыхъ газетъ къ немедленному привлеченію на сторону правительства хотя бы одного изъ крупныхъ умѣренныхъ газетныхъ предпріятій.

VI. Всѣ заводы, мастерскія и предпріятія, работающіе на оборону, должны быть милитаризированы съ перечисленіемъ всѣхъ рабочихъ, пользующихся, такъ называемой,

отсрочкой, въ разрядъ призванныхъ подъ знамена и съ подчиненіемъ ихъ всѣхъ законамъ военнаго времени.

VII. Во всѣ главные и мѣстные комитеты союзовъ земствъ и городовъ, во всѣ ихъ отдѣлы, а равно во всѣ военнопромышленные комитеты и во всѣ содержимые сими учрежденіями заведенія, мастерскія, лазареты, поѣзда и проч. должны быть назначены въ тылу правительственные комиссары, а на фронтъ коменданты изъ эвакуированныхъ офицеровъ для наблюденія за расходованіемъ отпускаемыхъ казною суммъ и для совершеннаго пресѣченія революціонной пропаганды среди нижнихъ чиновъ со стороны личнаго состава, который долженъ быть подчиненъ указаннымъ агентамъ правительства.

VIII. Всѣмъ генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и представителямъ высшей администраціи въ провинціи должно быть предоставлено право немедленнаго собственной властью удаленія отъ должности тѣхъ чиновъ всѣхъ ранговъ и вѣдомствъ, кои оказаались бы участниками антиправительственныхъ выступленій, либо проявили въ семъ отношеніи слабость или растерянность.

IX. Государственный Совѣтъ остается впредь до общаго пересмотра основныхъ и выборныхъ законовъ и окончанія войны, но всѣ исходящіе изъ него законопроекты впредь представляются на ВЫСОЧАЙШЕЕ благоусмотрѣніе съ мнѣніемъ большинства и меньшинства. Самый составъ его долженъ быть обновленъ такимъ образомъ, чтобы въ числѣ назначенныхъ по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію лицъ не было ни одного изъ участниковъ, такъ называемаго, прогрессивнаго блока*.

Объяснительная записка къ пункту II предыдущей записки

Будетъ ли собрана Государственная Дума въ январѣ, будетъ ли она вновь распущена, будутъ ли продлены ея полномочія или назначены новые выборы, положеніе останется столь же нетерпимымъ и столь же опаснымъ, какъ и въ настоящее время, какъ и въ теченіе всѣхъ послѣднихъ десяти лѣтъ. Оно, несомнѣнно, будетъ даже ухудшаться съ каждымъ днемъ, и передъ Монархомъ и правительствомъ будетъ стоять все та же трудно разрѣшимая задача: остановить ли рѣшительными мѣрами поступательное движеніе Россіи въ сторону демократической республики, либо положиться на Волю Божію и спокойно ожидать государственной катастрофы. Въ обществѣ и даже въ средѣ самаго правительства послѣднихъ лѣтъ въ этомъ отношеніи существуетъ довольно прочно установившееся убѣжденіе, что стоитъ Монарху даровать дѣйствительныя, настоящія конституціонныя права и гарантіи, пойти навстрѣчу заявленнымъ требованіямъ объ отвѣтственномъ министерствѣ, принести за Себя и за Своего Наслѣдника присягу на вѣрность конституціи, и тотчасъ же настанутъ для Россіи свѣтлые дни, все сразу успокоится, а умѣренныя партіи законодательныхъ учрежденій, только къ этому одному и стремящіяся, выведутъ государство изъ этого тупика, въ который оно поставлено нерѣшительной и непослѣдовательной политикой правительства. Такого рода мнѣніе совершенно ошибочно, и вовсе не потому одному, какъ думаютъ нѣкоторые изъ представителей противоположнаго теченія мыслей, что цѣли этихъ умѣренно-либеральныхъ партій, кадетовъ и октябристовъ, идутъ гораздо дальше фактическаго захвата ими власти. Эти партіи, быть можетъ, и дѣйствительно вполнѣ искренно примирились бы съ правительствомъ, ими поставленнымъ, и удовлетворились бы достигнутымъ результатомъ своей многолѣтней борьбы.

---

* Записка безъ подписи. С. Бѣлецкій въ своемъ показаніи въ учрежденной Временнымъ Правительствомъ «Чрезычайной Комиссіи для разслѣдованія противозаконнѣхъ по должности дѣйствій бывшихъ министровъ» объяснилъ, что она составлена въ кружкѣ Римскаго-Корсакова во времена Штюрмера, который не подалъ ее царю, боясь, что она не отвѣчаетъ либеральному настроенію его декларацій. Записка была вторично отпечатана и передана Голицыну, который въ послѣдніе дни Штюрмеровскаго премьерства, передалъ ее царю отъ себя.

Но дѣло въ томъ, что сами эти элементы столь слабы, столь разрознены и, надо говорить прямо, столь бездарны, что торжество ихъ было бы столь кратковременно, сколь и непрочно. Наиболѣе сильной и дѣятельной изъ нихъ является партія кадетовъ, ведущая въ поводу всѣ остальныя; но если приглядѣться къ ней не въ смыслѣ писанныхъ программъ, а въ смыслѣ бытовыхъ чертъ самого ея существованія и послѣдовательнаго хода ея возникновенія, то придется признать, что эта партія сильна лишь своей слабостью. Нося названіе демократической, а сама по себѣ въ составѣ своемъ чисто буржуазная, она должна была, не имѣя собственной почвы, принять навязанные ей слѣва лозунги народоправства и отрицанія собственности. Имѣя въ составѣ своемъ значительное число, такъ называемыхъ, земскихъ дѣятелей, владѣльцевъ земли, кадетская партія первымъ пунктомъ своей программы поставила отчужденіе земли, окончательное разореніе собственныхъ своихъ сочленовъ; конечно, руководители ея не были искренни въ этомъ случаѣ и къ этому вовсе не стремились, весьма охотно выпустивъ этотъ пунктъ изъ программы созданнаго и руководимаго ими прогрессивнаго блока, но не является ли это лучшимъ доказательствомъ того, что они не вѣрятъ въ собственное свое самостоятельное существованіе и ищутъ сочувствія извнѣ путемъ уступокъ и жертвъ; безъ этого сочувствія слѣва, безъ этихъ козырей изъ чужой, не ихней колоды картъ, кадеты есть не болѣе какъ многочисленное сообщество либеральныхъ адвокатовъ *, профессоровъ и чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ — и ничего болѣе.

Еще меньше можно назвать политической партіей партію октябристовъ, въ самой Думѣ уже расколовшуюся на разные оттѣнки — партію, искусственно созданную на лозунгахъ Маніфеста 17 Октября, для многихъ спорнаго и ни для кого не яснаго. Слабость ея заключается уже не въ томъ, что она приняла чуждые ей лозунги, а въ томъ, что ихъ у нея нѣтъ вовсе; и не видѣли ли мы самыхъ разительныхъ примѣровъ того, какъ люди, называющіе себя октябристами, перебѣгали изъ одного лагеря въ другой, легко и свободно мѣняя свои убѣжденія въ зависимости отъ временныхъ обстоятельствъ, колебаній правительственной политики, а еще чаще совершенно личныхъ побужденій. Правъ былъ одинъ изъ правыхъ ораторовъ въ Думѣ, сказавшій, что стоитъ сжечь одну помѣщичью усадьбу, чтобы превратить сотню октябристовъ въ правыхъ, и достаточно обойти наградами къ 6 декабря нѣсколько видныхъ либеральныхъ чиновниковъ, чтобы сдѣлать ихъ изъ октябристовъ кадетами.

Что же можно сказать, наконецъ, о такъ называемомъ центрѣ, или о прогрессивныхъ націоналистахъ. Возможно ли назвать политической партіей этихъ людей, сегодня довольныхъ начальствомъ и прошедшихъ въ Думу по правымъ спискамъ за счетъ правыхъ партій, а завтра огорченныхъ увольненіемъ князя Щербатова и тотчасъ забывшихъ, кто они именно такіе. И этотъ центръ и эти либеральные націоналисты не являютъ ли они столь же убѣдительный примѣръ того, сколь смѣшны и ничтожны дѣленія русскихъ людей на политическія партіи, сколь еще младенческая страна Россія въ политическомъ отношеніи. Явные и наиболѣе яркіе антисемиты юго-западнаго края, прошедшіе голосами и грошами низовъ, ненавидящихъ евреевъ вплоть до погромовъ, съ непоколебимой увѣренностью въ легальности своей позиціи, какъ народныхъ избранниковъ, подписываютъ программу прогрессивнаго блока, гдѣ однимъ изъ пунктовъ стоитъ еврейское равноправіе.

Или, что можно сказать про украшающихъ высшее Государственное Законодательное Учрежденіе сановниковъ, бывшихъ министровъ, даже премьеровъ, превознесенныхъ милостями Монарха и Имъ одаренныхъ свыше мѣры, поставленныхъ Имъ здѣсь на защиту Его правъ и правъ Его Наслѣдниковъ, — сановниковъ, участвующихъ въ прогрессивномъ блокѣ и подписывающихъ резолюціи, клонящіяся къ узурпированію этихъ правъ, къ скомпрометированію Самого Царскаго Имени? Что можно сказать про придворныхъ чиновъ, кичащихся своимъ мундиромъ и аваніемъ передъ простыми смертными и въ то же время братающихся съ явными и откровенными врагами Своего Государя. А семидесятилѣтній сановникъ, всю долгую жизнь на разныхъ постахъ утверждавшій принципы Царскаго Самодержавія, переходящій къ лѣвымъ въ верхней палатѣ изъ за неизбранія его правыми въ какую то комиссію?

* Слово адвокатовъ» вставлено въ подлинникѣ рукой Н. Маклакова.

Гдѣ предѣлъ этой политической невоспитанности?

Надо признать, что и правыя партіи находятся въ состояніи летаргіи. Обыкновенно посылаемый имъ упрекъ въ бездѣятельности и отсутствіи программы, едва ли, однако, справедливъ, и вся вина ихъ заключается въ томъ, что они сразу и безповоротно не устранили себя отъ участія въ осуществленіи Манифеста 17 Октября, основаннаго на началахъ, совершенно противорѣчащихъ ихъ государственному самосознанію. Что могли они сдѣлать и что сказать, когда съ высоты Престола провозглашена была ломка тѣхъ устоевъ, которыми держалась Россія до сихъ поръ и безъ которыхъ она, по ихъ мнѣнію, должна погибнуть? Много ли имъ давала та неопредѣленность выраженій, туманность нѣкоторыхъ пунктовъ основныхъ законовъ, допускавшихъ нѣкоторую возможность разнорѣчивыхъ толкованій? Правые сдѣлали все, что могли: они содѣйствовали проведенію въ третью и четвертую Думы болѣе умѣренныхъ элементовъ, они сами не боялись ни травли, ни униженій, но могли ли они дать странѣ политическое воспитаніе, могли ли сами образовать политическую партію съ опредѣленной программой, — они, люди, отрицающіе эту политику, защитники Единой Царской Самодержавной Власти? Съ ними сбылось то, чего надо было ожидать: въ условіяхъ политической борьбы они оказались разбитыми, разсѣянными и не признанными той самой властью, которая только на нихъ однихъ могла опираться.

Совершенно иное положеніе партіи лѣвыхъ: трудовиковъ, соціалъ-демократовъ, вплоть до соціалъ-революціонеровъ. Несмотря на совершенную нелѣпость ихъ настоящихъ представителей въ Думѣ, несмотря даже на то, что нѣтъ такого соціалъ-демократа или соціалъ-революціонера, наъ котораго за нѣсколько сотъ рублей нельзя было бы сдѣлать агента охраннаго отдѣленія, опасность и силу этихъ партій составляетъ то, что у нихъ есть идея, есть деньги, есть толпа, готовая и хорошо организованная. Эта толпа часто мѣняетъ свои политическія устремленія, съ тѣмъ же увлеченіемъ поетъ «Боже, Царя храни», какъ и оретъ «Долой Самодержавіе», но въ ненависти къ имущимъ классамъ, въ завистливомъ порывѣ раздѣлить чужое богатство, въ такъ называемой классовой борьбѣ, — толпа эта крѣпка и постоянна; она въ правѣ притомъ разсчитывать на сочувствіе подавляющаго большинства крестьянства, которое пойдетъ за пролетаріемъ тотчасъ же, какъ революціонные вожди укажутъ имъ на чужую землю. 1905 и 1906 годы съ достаточной убѣдительностью уже показали, что, яростный защитникъ своей собственности и такой же консерваторъ въ своемъ быту, русскій мужикъ дѣлается самымъ убѣжденнымъ соціалъ-демократомъ съ той минуты, когда дѣло коснется чужого добра.

Итакъ, при полной, почти хаотической, незрѣлости русскаго общества въ политическомъ отношеніи объявленіе дѣйствительной конституціи привело бы къ тому, что болѣе устойчивые и сильныя политическія партіи и теченія, имѣя благопріятную подъ собой почву въ самихъ конституціонныхъ гарантіяхъ, тотчасъ стали бы поглощать партіи менѣе живненныя и сильныя, и пріобрѣли бы преимущественное вліяніе на дальнѣйшія судьбы государства. Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что обнародованіе такого акта сопровождалось бы прежде всего, конечно, полнымъ и окончательнымъ разгромомъ партій правыхъ и постепеннымъ поглощеніемъ партій промежуточныхъ: центра, либеральныхъ консерваторовъ, октябристовъ и прогрессистовъ, партіей кадетовъ, которая по началу и получила бы рѣшающее значеніе. Но и кадетамъ грозила бы та же участь. При выборахъ въ пятую Думу эти послѣдніе, безсильные въ борьбѣ съ лѣвыми и тотчасъ утратившіе все свое вліяніе, если бы вздумали идти противъ нихъ, оказались бы вытѣсненными и разбитыми своими же друзьями слѣва (какъ и было, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ при выборахъ во вторую Думу). А затѣмъ . . . Затѣмъ выступила бы революціонная толпа, коммуна, гибель династіи, погромы имущественныхъ классовъ и, наконецъ, мужикъ-разбойникъ. Можно бы идти въ этихъ предсказаніяхъ и дальше, и послѣ совершенной анархіи и поголовной рѣзни увидѣть на горизонтѣ будущей Россіи возстановленіе Самодержавной Царской, но уже мужичьей власти въ лицѣ новаго Царя, будь то Пугачевъ или Стенька Разинъ, но, понятно, что такія перспективы уже заслоняются предвидѣніемъ вражескаго нашествія и раздѣла между сосѣдями самаго Государства Россійскаго, коему уготована была бы судьба Галиціи или Хорватской Руси.

Поэтому всѣ надежды на то, что съ объявленіемъ дѣйствительной русской конституціи все успокоится, кажутся столь же наивными, какъ наивно и утвержденіе, что, Богъ дастъ, и такъ все само собой образуется какъ нибудь.

Ничего не можетъ образоваться на неудачно задуманной и еще болѣе неудачно осуществленной 10 лѣтъ тому назадъ реформѣ, и если дальнѣйшія по этому пути уступки, завершенныя обнародованіемъ конституціи, приведутъ къ катастрофѣ, то и оставленіе въ этомъ же положеніи, какъ и въ настоящее время, Государственной Думы съ періодическимъ свидѣтельствованіемъ ей довѣрія и недовѣрія, съ признаніемъ неосуществимой возможности правительству работать съ Думой и съ перемежающими эту, будто бы плодотворную, работу ея роспусками доведетъ къ тому же, продливъ только срокъ этой агоніи и подорвавъ въ народѣ вѣру въ силу и правду Монарха.

Въ чемъ же заключаются недостатки реформы 1906 года? Ихъ столь много, что скорѣй можно было бы спросить, въ чемъ заключаются ея достоинства. Но въ числѣ этихъ дефектовъ по степени неотложности ихъ исправленія и важности въ смыслѣ приносимаго Государству вреда необходимо выдѣлить два основныхъ капитальныхъ положенія: соблазнительную неясность и противорѣчіе въ основныхъ законахъ, касающихся прерогативъ Верховной Самодержавной Власти и правъ законодательныхъ учрежденій, и совершенную несостоятельность положеній о выборахъ въ Думу.

Какъ бы ни хитры были истолкованія выраженія: Самодержецъ, самое понятіе это въ глазахъ народа, кромѣ значенія Всемогущаго и никѣмъ и никакимъ закономъ человѣческимъ, кромѣ Божьяго, не ограниченнаго Монарха, никакого иного не имѣетъ, а вычеркнуть это слово изъ основныхъ законовъ и изъ ежедневныхъ молитвословій не рѣшились и составители новеллъ 1906 г. Между тѣмъ, ст. 87, 112 и 113 Основныхъ Законовъ явно умаляютъ это значеніе, ставятъ Царя не только въ равноправныя отношенія съ законодательными учрежденіями, но какъ бы подчиняютъ Его Волю усмотрѣнію этихъ послѣднихъ: проведенный по 87 ст. и Царскимъ Именемъ опубликованный законъ можетъ быть безъ яснаго его разсмотрѣнія отвергнутъ Думой и Совѣтомъ и даже просто механически теряетъ свою силу самъ собой въ томъ случаѣ, если правительствомъ въ опредѣленный срокъ въ Думу внесенъ не будетъ; каждый законопроектъ, одобренный Думой и Совѣтомъ, долженъ быть, по смыслу этихъ статей, непремѣнно разсмотрѣнъ и утвержденъ или не утвержденъ Монархомъ, законопроектъ же, внесенный въ эти учрежденія отъ Имени Монарха правительствомъ, можетъ быть вовсе не разсмотрѣнъ законодательными учрежденіями, ибо никакого срока имъ на это не положено, и судьба такого законопроекта въ дальнѣйшемъ закономъ не предусмотрѣна вовсе; даже согласительныя комиссіи этихъ двухъ учрежденій какъ будто бы имѣютъ болѣе правъ, чѣмъ самъ Монархъ, ибо имъ представлена возможность въ случаѣ разногласій по отдѣльнымъ статьямъ вырабатывать общія согласительныя формулы, Монархъ же не имѣетъ ни права, ни возможности утвердить закона, хотя бы вызваннаго совершенной государственной необходимостью, при разсмотрѣніи коего хотя бы въ одной статьѣ его разногласія между двумя палатами остались бы не устраненными. Такимъ образомъ, Монархъ не является во всѣхъ такихъ случаяхъ Верховнымъ Судіей, рѣшителемъ судьбы важнѣйшихъ государственныхъ мѣропріятій, и занимаетъ какую то связанную формальностью, какъ бы лишь дѣлопроизводственную позицію.

Этотъ величайшій государственный соблазнъ долженъ быть уничтоженъ и указанныя статьи кореннымъ образомъ измѣнены въ томъ смыслѣ, что Монархъ, въ порядкѣ утвержденія разсмотрѣнныхъ палатами законопроектовъ, остается неограниченнымъ и никакихъ въ семъ отношеніи обязательствъ на Него закономъ не возложено.

Несмотря на все пережитое, а, быть можетъ, благодаря именно этому, формула: «народу мнѣніе, а Царю рѣшеніе», является единственно пріемлемой для Россіи.

Столь же кореннымъ образомъ долженъ быть рѣшенъ вопросъ о выборахъ въ Государственную Думу. Печальные результаты выборнаго закона и неудача поправокъ его по закону 3 іюля 1907 года объясняется тѣмъ, что въ положеніи эти была заложена странная и неисполнимая идея смѣшать всѣ классы населенія Имперіи въ одну общую безформенную толпу и уже изъ этой толпы выбрать, такъ сказать, выудить наиболѣе спо-

собныхъ, толковыхъ и государственно мыслящихъ людей, производя самый этотъ отборъ сложнымъ и неестественнымъ порядкомъ двухъ и трехъ-степенныхъ выборовъ: какъ будто бы предполагалось, что надо сначала уничтожить существующія бытовыя дѣленія общества и народа и замѣнить ихъ дѣленіями на политическія партіи, и забывалось, что реальная Россія вовсе не смѣшана, что эти бытовыя, классовыя и сословныя грани фактически существуютъ и достаточно еще крѣпки, а политическихъ партій нѣтъ вовсе или таковыя находятся еще въ зародышѣ, хотѣли, будто бы, получить не дѣйствительныхъ представителей земли русской, а уловить настроеніе разношерстной толпы въ лицѣ ея вожаковъ, эти настроенія наиболѣе ярко выражающихъ. Дворянъ-помѣщиковъ смѣшали, вообще, съ земледѣльцами и духовенствомъ, купцовъ съ чиновниками и интеллигентами, крестьянъ домохозяевъ съ крестьянами пролетаріями и даже казаковъ, съ цѣлью совершенно обезличить эту бытовую группу, свалили въ одну кучу съ иногородными и инородцами; а чтобы эта смѣсь и вовсе потеряла свое лицо всѣ эти группы еще разъ смѣшали въ губернскихъ собраніяхъ и только здѣсь разрѣшили имъ на предвыборныхъ собраніяхъ, наконецъ, вновь раздѣлиться, но уже не такъ, какъ раздѣлилъ ихъ тысячелѣтній бытъ и исторія, а такъ, какъ хотѣлось этого незрѣлой мысли политическихъ авантюристовъ. Сначала надѣялись, что поддерживать правительство будутъ крестьяне, затѣмъ стали искать опоры у землевладѣльцевъ и во всѣхъ горько разочаровались, ибо вмѣсто крестьянъ получили трудовиковъ, а вмѣсто помѣщиковъ — лѣвыхъ октябристовъ, лидеровъ партій, только вчера образовавшихся на предвыборномъ сборищѣ, людей въ этотъ день въ первый разъ встрѣтившихся другъ съ другомъ.

На сельскихъ сходахъ въ небольшихъ городахъ и въ уѣздныхъ собраніяхъ землевладѣльцевъ, эти лидеры проходили болѣе или менѣе случайно и здѣсь не имѣли еще рѣшающаго успѣха, а въ число выборщиковъ попадали въ большинствѣ люди не партійные и, быть можетъ, дѣйствительно заслуживающіе всей своей прежней дѣятельностью довѣріе своихъ избирателей, но въ губерніи они рѣшительно теряли всѣ свои шансы, и у ораторовъ, лидеровъ партій являлись передъ ними неоцѣнимым преимущества, — ни тѣхъ, ни другихъ чужіе города и уѣзды не знали, и видѣли, быть можетъ, въ глаза въ первый разъ въ жизни, но первые скромно молчали, а вторые говорили зажигательныя рѣчи и угадывали настроеніе; созданные не бытомъ и даже не существующими еще политическими партіями, а этими настроеніями, эти новые рѣшители судебъ Россіи и въ дальнѣйшей своей дѣятельности въ Государственной Думѣ подчинялись не мѣстнымъ интересамъ и не политическимъ лозунгамъ, а именно настроеніямъ: въ первой Думѣ они олицетворяли настроеніе революціонной толпы, ошеломленной неудачами Японской войны, во второй — настроеніе крестьянскихъ массъ, требовавшихъ чужой земли и воли грабить чужое имущество, въ третьей — настроеніе испуганныхъ погромами помѣщиковъ, а въ четвертой — настроеніе этихъ же помѣщиковъ уже успокоившихся и уже снова недовольныхъ правительствомъ. Если бы пятая Дума была созвана въ 1917 году по дѣйствующему положенію, можно съ увѣренностью утверждать, что въ нее попали бы тѣ, которые особенно горячо и нервно стали бы кликушествовать и раздувать всякія легенды и небылицы о Распутинѣ.

Ясно, что выборы должны быть одностепенные, непосредственные отъ городскихъ и уѣздныхъ бытовыхъ и сословныхъ группъ. Иначе говоря, каждое волостное крестьянское общество, уѣздное дворянское собраніе, собранія купеческія, мѣщанскія, уѣздное духовенство, казачьи станицы, городское чиновничество и т. д. должны выбрать каждое по одному своему представителю и этимъ избраніемъ вся процедура выборовъ должна быть закончена. Такъ какъ, очевидно, число такимъ образомъ избранныхъ въ кандидаты будетъ значительно превышать число положенныхъ отъ каждой изъ нихъ членовъ Думы и изъ избранныхъ отъ каждой изъ перечисленныхъ группъ придется призвать лишь незначительную часть, то необходимо установить дальнѣйшій порядокъ ихъ отбора и утвержденія, быть можетъ, по жребію, а всего лучше, по Высочайшему соизволенію, подобно тому, какъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ утверждаетъ, напримѣръ, одно изъ избранныхъ въ губернскіе предводители дворянства двухъ лицъ; остальные оставались бы кандидатами и, въ случаѣ выбытія членовъ Думы, замѣщали бы сихъ послѣднихъ

въ томъ же порядкѣ утвержденія или призванія ихъ Высочайшей Волей. Такой порядокъ, кромѣ непосредственности, дешевизны, простоты, устраненія всѣхъ вредныхъ послѣдствій смѣшенія обывателей, далъ бы, кромѣ того, возможность устранить отъ участія въ законодательной дѣятельности элементы нежелательные и вредные безъ всякаго права для этихъ послѣднихъ какой либо претензіи, ибо вполнѣ ясно, что говорить отъ имени, напримѣръ, крестьянства можетъ съ одинаковымъ правомъ и тотъ, кто былъ избранъ отъ Ивановскаго схода и не утвержденъ и тотъ, кто выбранъ Петровскимъ сходомъ и утвержденіе получилъ.

Не входя въ дальнѣйшія подробности указаннаго порядка, необходимо, однако, остановиться на одномъ обстоятельствѣ, до сего времени совершенно упускаемомъ изъ виду правительствомъ. Послѣднее, за исключеніемъ лишь слабыхъ попытокъ временъ Столыпина, не вело въ Думѣ, или, вѣрнѣе сказать, съ Думой никакой политики. Политику эту, конечно, надо понимать не въ смыслѣ подслуживанія къ Думѣ или, такъ называемаго, довѣрія, до сихъ поръ дававшаго столь печальные результаты, ни, тѣмъ болѣе, какихъ либо уступокъ и поблажекъ, клонящихся къ укрѣпленію сознанія, что ей, Думѣ, принадлежитъ первенствующая роль въ государственномъ управленіи. Однако, и такое положеніе, при которомъ собранные съ разныхъ концовъ земли нѣсколько сотъ человѣкъ оставляются на произволъ собственныхъ страстей и интригъ, безъ всякой заботы о томъ, что изъ этого выйдетъ, положеніе, которое существуетъ нынѣ, является совершенно ненормальнымъ.

Правительство во что бы то ни стало должно имѣть большинство въ Думѣ и къ созданію этого большинства должно относиться съ величайшей ревностью и притомъ безъ всякихъ иллюзій и предубѣжденій. Въ ближайшемъ прошломъ возможность созданія прогрессивнаго блока надо поставить въ тяжкую вину правительству, ровно ничего не сдѣлавшему въ предупрежденіе его образованія. Что сдѣлало оно вообще въ смыслѣ укрѣпленія и численнаго увеличенія правыхъ партій въ Думѣ, чѣмъ поощрило людей дѣйствительно преданныхъ Монарху и готовыхъ защитить Его правительство? Въ лучшемъ случаѣ выдавало грошевую субсидію внѣдумскимъ правымъ органамъ печати, иногда послѣ десятилѣтней дѣятельности, многолѣтней голгофы, предлагало мѣсто Акмолинскаго губернатора и, если не выражало явнаго пренебреженія къ правому крылу Думы, то, во всякомъ случаѣ, проявляло къ нему значительную долю равнодушія, тѣмъ самымъ, какъ бы напередъ предупреждая колеблющихся, что ждать какихъ либо поощреній имъ нечего. Чѣмъ старались удержать на правыхъ скамьяхъ такихъ господъ, какъ, напримѣръ, Савенко? Ровно ничѣмъ, и скорѣй поощряло ихъ переходъ налѣво, въ то время когда ихъ можно было брать голыми руками. Надо говорить откровенно: помыслы и дѣйствія правительства были слишкомъ чисты, нелицепріятны, и нисколько не соотвѣтствовали ни нравственному уровню, ни стремленіямъ той среды, съ которой оно имѣло дѣло: всѣ его руководители, даже сами вышедшіе изъ рядовъ правыхъ партій, стремились только убѣдить, уговорить Думу, переспорить ее и вовсе не заботились о томъ, чтобъ собрать, если нужно, создать и укрѣпить за собой послушное большинство. Кромѣ безцѣльныхъ и скучнѣйшихъ раутовъ съ приглашеніемъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ безъ всякаго разбора, никакихъ попытокъ въ семъ отношеніи сдѣлано не было, а въ грозную силу общественности правительство вѣрило больше, чѣмъ вѣрила она сама себѣ, и вовсе не хотѣло понять, что никакой общественности въ Россіи нѣтъ, а есть лишь въ разныхъ видахъ чиновники способные и удачные, получающіе соотвѣтствующія награды и содержаніе отъ казны, и есть чиновники менѣе способные и неудачливые, отъ казны содержанія не получающіе, но къ чему, равно какъ и къ денежнымъ и инымъ наградамъ ревнивые не менѣе первыхъ.

Въ распоряженіи Предсѣдателя Совѣта Министровъ должно состоять особое лицо, особая и притомъ серьезно поставленная организація и крупный спеціальный фондъ для веденія внутренней политики въ самой Думѣ съ единственной цѣлью созданія и поддержанія прочнаго и постояннаго большинства, благопріятнаго правительству.

ПОКАЗАНІЕ Н. А. МАКЛАКОВА О ПИСЬМѢ НИКОЛАЮ II

отправленномъ во второй половинѣ декабря 1916 года.

Заключеннаго въ крѣпости Николая Маклакова.

Согласно предложенію Вашего Превосходительства, вчера 22-го Августа мнѣ сдѣланному, я воспроизвожу здѣсь, поскольку мнѣ позволяетъ это моя память, письмо мое къ Государю Императору, посланное мною въ Царское Село 19-го или 20-го Декабря 1916 года.

Я просилъ Его Величество извинить меня за причиняемое письмомъ моимъ безпокойство, но высказывалъ ту мысль, что сложность и небывалая острота минуты обязываетъ всякаго вѣрноподданнаго высказать своему Государю всю правду положенія. Я счелъ своимъ долгомъ потому сказать то, что я вижу, и то, что предчувствую. Я указалъ, что направленіе занятій Государственной Думы и характеръ произносимыхъ тамъ съ самаго начала ноября мѣсяца рѣчей въ концѣ расшатываютъ остатки уваженія къ правительственной власти и не могутъ не отозваться пагубно на настроеніи арміи, читающей подробные отчеты газетъ о засѣданіяхъ Думы. Различныя общественныя организаціи, учрежденія и группы повсемѣстно и открыто присоединяются къ рѣшительнымъ постановленіямъ Думы. Засѣданія Государственнаго Совѣта, объединеннаго дворянства знаменательно-тревожны. Наконецъ, обращаетъ на себя особое вниманіе открытая въ Москвѣ особая подписка на образованіе фонда для стипендіи имени Кн. Ф. Ф. Юсупова. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что волна недовольства рѣзко поднимается и широко разливается по Россіи, а продовольственныя неурядицы, очень волнующія жизнь городовъ и деревни, подготовляютъ для общаго недовольства исключительно благопріятную почву, которою не преминутъ воспользоваться враги существующаго строя. Здѣсь, въ столицѣ, уже начался штурмъ власти, и, несомнѣнно, признаки анархіи уже показались. Они угрожаютъ всему строю нашему, угрожаютъ и самой династіи. А безъ монархіи, которой наша родина на протяженіи вѣковъ неизмѣнно росла, крѣпла, ширилась и вѣшалась, Россія останется какъ куполъ безъ креста. Наступили, я убѣжденъ въ этомъ глубоко, рѣшающіе дни. Трудно остановить близкую бѣду, но, думается мнѣ, еще возможно. Для этого надо вѣрить въ себя, въ непреклонную законность своихъ правъ. Надо перестать правительству разслаблять себя вяутренними раздорами и борьбой въ своемъ собственяомъ центрѣ тогда, когда все кругомъ шатается. Оно должно быть однородно и единодушно, оно должно знать, куда оно идетъ, и идти неуклонно, спокойно и рѣшительно возстанавливая разваливающійся порядокъ. Для успѣха этого дѣла, мнѣ кажется, необходимо было бы отложить возобновленіе занятій Думы при настоящихъ условіяхъ, на болѣе отдаленный срокъ: необходимо было бы тѣмъ временемъ, направить всѣ силы власти вездѣ по Россіи на всяческое и быстрое упорядоченіе продовольственнаго дѣла, какъ на основную задачу данной минуты; было бы необходимо остановить и ввести въ рамки закона дѣятельность общественныхъ учрежденій все смѣлѣе и прче выступающихъ въ открытое море чистой, широкой политики; необходимо было бы такъ или иначе оказать дѣйствительное вліяніе на дѣятельность всѣхъ общественныхъ организацій, которыя, составляя живую связь между тыломъ и фронтомъ и, работая въ области, вызывающей, по самому существу своихъ задачъ, общее сочувствіе, планомѣрно преслѣдуютъ въ то же время ярко проявленныя цѣли борьбы съ властью и безспорно обозначающіяся и уже едва скрываемыя памѣренія измѣненія государственнаго строя. Вотъ и все письмо. Думаю, что передаю его содержаніе очень близко къ подлиннику, хотя не поручусь за ихъ полную тождественность, такъ какъ послѣ этого я писалъ еще письмо и проектъ Манифеста, и въ памяти не осталось отчетливыхъ слѣдовъ всѣхъ этихъ документовъ въ ихъ подробностяхъ. Кончилъ я письмо извиненіемъ за смѣлость моего обращенія и надеждой на то, что оправдаетъ меня серьезность положенія, которое замалчивать передъ Государемъ не позволяетъ мнѣ моя преданность Ему. 23 Августа 1917 года.

Ник. Маклаковъ

Денежные документы Генерала Алексѣева*

ОБЩАЯ ОПИСЬ

№. по порядку	№. документовъ	Мѣсяцъ и число	Наименованіе документовъ	На сумму Рубли	Коп.
1	1	—	Замѣтка Генерала Алексѣева о выдачѣ Ротмистру Шапрону 1700 руб., Корнету Крупину 3140 рублей и на сокрытіе раненыхъ Потоцкаго и Новикова 1000 рублей .	5 840	—
		Февраль	Расписки въ полученіи денегъ:		
2	2	10	Подъесаула Самохина	10 000	—
3	3	—	Г. М. Складовскаго	150 000	—
4	4	12	Н. Н. Богданова	58 300	—
5	14	12	Его-же	60 000	—
6	6	13	Его-же	155 000	—
7	5	—	Его-же	67 000	—
8	9	14	Его-же	30 000	—
9	10	15	Его-же	35 000	—
10	15	16	Записка Алексѣевой.	103 000	—
			Расписки:		
11	7	—	Н. Н. Богданова	90 000	—
12	11	19/20	Его-же	237 000	—
13	8	17	Его-же	85 000	—
14	12	22	Его-же	248 000	—
15	13	—	Его-же	200 000	—
16	17	22	Его-же	14 841	91
17	18	27	Его-же	150 000	—
18	19	17	Актъ Богданова о взятіи изъ опекунской кассы станичнаго (?) Управленія 174 руб. 13 коп.		
		Мартъ	Расписки:		
19	20	12	Н. Н. Богданова	145 000	—
20	21	14	Его-же	5 400	—
21	22	—	Его-же	25	—
22	23	17	Актъ Богданова о взятіи изъ кассы Ново-Дмитріевскаго		

* Приводимые документы ген. Алексѣева были переданы Начальнику Особой Финансовой Канделяріи Д. С. С. Собріевскому Генераломъ Драгомировымъ 28-го Сентября 1918 года.

№ по порядку	№ документовъ	Мѣсяцъ и число	Наименованіе документовъ	На сумму Рубли	Коп.
		Мартъ	Почтоваго Отдѣленія наличными деньгами 301 руб. 88коп. Расписки:		
23	27	21	Н. Н. Богданова	620 000	—
24	16	23	Его-же	400 000	—
25	29	—	Его-же	476	—
		Апрѣль			
26	24	2	Н. Н. Богданова	500 000	—
27	25	4	Его-же	300 000	—
28	26	—	Его-же	75 000	—
29	28	15	Его-же	60 000	—
30	30	19	Его-же	100 000	—
31	3	20	Его-же	100 000	—
32	31	23	Его-же	300 000	—
33	34	26	Его-же	25 000	—
34	35	29	Его-же	25 000	—
35	36	30	Его-же	50 000	—
		Май			
36	32	2	Н. Н. Богданова	319 000	—
37	38 а	10	Капитана Петрова	25 000	—
38	41	9	Его-же	100 000	—
39	39	8	Его-же	25 000	—
40	38 б	—	Капитана Петрова	120 000	—
41	40	11	Его-же	200 000	—
42	37	12	Его-же	170 000	—
43	42	14	Н. Н. Богданова	886 736	85
44	43 а	19	Капитана Петрова	400 000	—
45	43 б	20	Его-же	350 000	—
46	44	28	Его-же	110 000	—
47	45	—	Капитана Петрова	29 900	—
48	46	—	% бумагами	71 900	—
		Іюнь			
49	47	9	Капитана Петрова	771 825	96
50	48	—	Его-же	2 000 460	—
51	49	18	Его-же (отъ Богданова) . . .	2 000 000	—
52	50	23	Его-же	1 344 000	—
53	51	27	Его-же (чекъ)	100 000	—
54	52	29	Его-же	971 000	—
		Августъ			
55	53	11	Его-же	2 096	99
56	54	14	Его-же	200 000	—
57	55	17	Его-же	610 000	—
58	56	20	Его-же	100 500	—
59	57	23	Его-же	500 000	—
60	—	—	Записная книжка Генерала Алексѣева.		
			Итого	15 812 302	71

Записная книжка Генерала Алексѣева получена обратно 6-го октября 1918 года. Подлинное подписалъ Генералъ отъ кавалеріи Драгомировъ.

РАСПИСКИ

№ 1.

Изъ полученныхъ мною по ордеру 29-го января 1918 года № 113 на экстренные расходы во время похода Пятнадцати тысячъ рублей (15 000 рублей) мною передано: 1) 2-го апрѣля — 1700 рублей (одна тысяча семьсотъ рублей) Начальнику политическаго отдѣла Ротмистру Шапрону авансомъ на расходы по политическому отдѣлу (расписка 2-го апрѣля). 2) Разновременно Корнету Крупину на довольствіе состоящихъ при мнѣ чиновъ и фуражное довольствіе лошадей въ счетъ причитающихся на этотъ предметъ отпусковъ отъ Доброарміи Три тысячи сто сорокъ рублей (3140 руб.). (Расписка Корнета Крупина 27-го мая 1918 года.) 3) На сокрытіе отъ преслѣдованія большевиковъ Шт. Ротмистра Потоцкаго и Пор. Новикова, тяжело раненыхъ и оставленныхъ 9-го февраля въ Ростовѣ, по пятисотъ рублей, всего одна тысяча рублей.

Всего же мною выдано по счетамъ, подлежащимъ учету и не секретнымъ — Пять тысячъ восемьсотъ сорокъ рублей (5840 руб.).

Генералъ Алексѣевъ. 27-го мая 1918 года Мечетинская.

№ 2.

Авансъ на довольствіе и уплату жалованія партизанскому отряду Чернецова въ составѣ около 100 чел. и 4 пул., всего Десять тысячъ руб. получилъ 10-го февраля 1918 года. 6-го Донского Казачьяго полка Подъесаулъ Самохинъ.

№ 3.

Сто пятьдесятъ тысячъ рублей для выдачи Полковнику Грузинову, для раздачи больнымъ и раненымъ, согласно указаній Г. Л. Лукомскаго отъ Корнета Крупина получилъ 10-го февраля 1918 года. Г. М. Складовскій.

№ 4.

12-го февраля 1918 года.

Получено мною отъ Генерала отъ Инфантеріи М. В. Алексѣева Пятьдесятъ восемь тысячъ триста рублей. Н. Богдановъ.

№ 5.

13-го февраля 1918 года.

Получено мною отъ Михаила Васильевича Алексѣева Шестьдесятъ семь тысячъ рублей. Завѣдующій Финансовымъ отдѣломъ Н. Богдановъ.

№ 7.

Девяносто тысячъ получилъ отъ Генерала М. В. Алексѣева 16-го февраля 1918 года. Н. Богдановъ.

№ 8.

Восемьдесятъ пять тысячъ рублей получилъ отъ Генерала М. В. Алексѣева 17-го февраля 1918 года. Н. Богдановъ.

№ 9.

14-го февраля 1918 года. Тридцать тысячъ рублей получилъ отъ Генерала Алексѣева. Н. Богдановъ

№ 10.

15-го февраля. Тридцать пять тысячъ рублей получилъ отъ Генерала Алексѣева Н. Богдановъ.

№ 11.

Двѣсти тридцать семь тысячъ рублей 20-го февраля получилъ отъ Генерала Алексѣева. Н. Богдановъ.

№ 12.

22-го февраля получено мною Двѣсти сорокъ восемь тысячъ рублей (248 000 рублей). Н. Богдановъ.

№ 13.

22-го февраля получено Двѣсти тысячъ (200 000 руб.) рублей. Н. Богдановъ.

№ 14.

Получено мною отъ Генерала отъ Инфантеріи М. В. Алексѣева Шестьдесятъ тысячъ рублей. Н. Богдановъ. 12-го февраля 1918 года.

№ 15.

Генералу Алексѣеву 1918 года 16-го февраля Ст. Келемвницкая.

7-го февраля мною получено отъ Генерала Алексѣева 103 000 рублей. 10-го февраля Комиссіей Генерала Складовскаго выдано пособій раненымъ 97 825 руб. остатокъ въ суммѣ 5175 руб. переданъ былъ мнѣ изъ коихъ мною было израсходовано на содержаніе, пособія и сокрытія раненыхъ 4335 руб. Остатокъ въ суммѣ 840 руб. прошу оставить мнѣ въ видѣ аванса на не предусмотрѣнные расходы на раненыхъ и больныхъ во время настоящаго движенія. Сестра Алексѣева.

№ 16.

Четыреста тысячъ рублей отъ Ген. Алексѣева получилъ 23-го марта 1918 г. для выдачи жалованія чинамъ арміи. Н. Богдановъ.

№ 17.

Получилъ въ сел. Средне-Егорлыцкой 22-го февраля Четырнадцать тысячъ восемьсотъ сорокъ одинъ рубль 91 коп. Н. Богдановъ.

№ 18.

Получилъ отъ Генерала Алексѣева 27-го февраля 1918 г. въ ст. Старо-Леушковской Сто пятьдесятъ тысячъ рублей. Н. Богдановъ.

№ 19.

АКТЪ.

1918 г. марта 17-го по распоряженію Генерала отъ Инфантеріи М. В. Алексѣева вскрыто 2 денежныхъ ящика помѣщавшихся въ станичномъ Управленіи, при чемъ въ кассѣ станичнаго Управленія денегъ не оказалось, а въ кассѣ (неразборчиво) взято наличными деньгами Сто семьдесятъ четыре руб. 13 коп. Завѣдующій Финансовой и Контрольной частью Н. Богдановъ. Станичный Атаманъ Шевченко. Опекунъ (Подпись неразборчива). Прапорщикъ (Подпись неразборчива).

№ 20.

Сто сорокъ пять тысячъ руб. получилъ отъ Ген. Алексѣева 12-го марта 1918 г. Н. Богдановъ.

№ 21.

Пять тысячъ четыреста рублей получилъ отъ Генерала Алексѣева 14-го марта 1918 г. Н. Богдановъ.

№ 22.

Двадцать пять руб. получилъ отъ Ген. Алексѣева. Н. Богдановъ.

№ 23.

АКТЪ.

1918 года 17-го марта по распоряженію Генерала отъ Инфантеріи М. В. Алексѣева взято въ кассѣ Новодмитріевскаго Почтоваго Управленія наличныхъ денегъ Триста одинъ руб. 88 коп., одна винтовка системы Бердана, два револьвера системы Наганъ и шашка. Завѣдующій Финансовымъ и Контрольнымъ отдѣломъ Н. Богдановъ. Начальникъ Почтоваго Отдѣленія (Подпись неразборчива). Ротмистръ (Подпись неразборчива). Корнетъ (Подпись неразборчива).

№ 24.

2-го апрѣля 1918 г. получено мною для расходовъ по арміи отъ Генерала М. В. Алексѣева Пятьсотъ тысячъ рублей. Завѣдующ. Контр. и Финан. частью Н. Богдановъ.

№ 25.

1918 г. апрѣля 4-го получено мною отъ Генерала отъ Инфантеріи М. В. Алексѣева Триста тысячъ рублей. Завѣдующій Финан. частью Н. Богдановъ.

№ 26.

4-го апрѣля 1918 г. получено мною отъ Генерала отъ Инфантеріи Алексѣева Семьдесятъ пять тысячъ рублей. Завѣдующій Финан. частью Богдановъ.

№ 27.

1918 г. марта 21-го получено отъ Генерала отъ Инфантеріи Алексѣева Шестьсотъ двадцать тысячъ рублей. Завѣдующій Финан. и Контрол. частью Н. Богдановъ.

№ 28.

15-го апрѣля 1918 г. получено отъ Генерала отъ Инфант. Алексѣева Шестьдесятъ тысячъ рублей. Николай Николаевичъ Богдановъ.

№ 29.

1918 г. марта 21-го получено отъ Генерала Алексѣева реквизированные въ ст. Новодмитріевской Четыреста семьдесятъ шесть руб. Завѣд. Фиван. и Контр. частью Н. Богдановъ.

№ 30.

20-го апрѣля 1918 г. получено отъ Генерала Алексѣева Сто тысячъ руб. Завѣд. Финан. частью Н. Богдановъ.

№ 31.

23-го апрѣля получено отъ Генерала отъ Инфантеріи М. В. Алексѣева Триста тысячъ руб. Завѣд. Финан. частью Н. Богдановъ.

№ 32.

1918 г. мая 2-го получено мною отъ Генерала отъ Инфан. М. В. Алексѣева Триста девятнадцать тысячъ руб. Завѣд. Финан. и Контр. отдѣломъ Н. Богдановъ.

№ 33.

19-го апрѣля 1918 г. получено отъ Генерала отъ Инфан. М. В. Алексѣева Сто тысячъ руб. Завѣд. Финан. и Контр. отдѣломъ Н Богдановъ.

№ 34.

26-го апрѣля 1918 г. получено отъ Генерала отъ Инфантеріи Алексѣева на расходы Добровольческой Арміи Двадцать пять тысячъ руб. Завѣд. Финан. частью Н. Богдановъ.

№ 35.

29-го апрѣля 1918 г. получено мною отъ Генерала отъ Инфант. М. В. Алексѣева Двадцать пять тысячъ руб. Завѣд. Финан. частью Н. Богдановъ.

№ 36.

30-го апрѣля 1918 г. получено мною отъ Генерала Алексѣева Пятьдесятъ тысячъ руб. Н. Богдановъ.

№ 37.

12/V—18 г. получилъ сто семьдесятъ тысячъ руб. для выдачи содержанія первому Конному полку. Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 38 а.

10/V—18 г. получилъ въ кассу Двадцать пять тысячъ руб. Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 38 б.

10/V—1918 г. получилъ въ кассу Сто двадцать тысячъ руб. Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 39.

8/V—18 г. получилъ въ кассу Двадцать пять тысячъ руб. (25 000 руб.). Казначей капитанъ Петровъ.

№ 40.

11/V—18 г. получилъ въ кассу Двѣсти тысячъ руб. Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 41.

9/V—18 г. получилъ въ кассу сто тысячъ (100 000 руб.) Казнач. Капитанъ Петровъ.

№ 42.

Получено на текущія потребности отъ Генерала Алексѣева Восемьсотъ восемьдесятъ шесть тысячъ семьсотъ тридцать шесть руб. 85 коп. 14-го мая. Н. Богдановъ.

№ 43 а.

Четыреста тысячъ руб. 19/V—18 г. въ кассу получилъ. Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 43 б.

Триста пятьдесятъ тысячъ руб. въ кассу 26/V—18 г. получилъ. Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 44.

28/V—18 г. получилъ въ кассу Сто десять тысячъ руб. Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 45.

28/V—18 г. получилъ для возврата Станичному Атаману Переяславской Станицы Двадцать девять тысячъ девятьсотъ руб. Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 46.

28/V—18 г. получилъ для возврата Станичному Атаману Переяславской Станицы акцій Черномор. желѣз. дороги Семьдесятъ тысячъ руб. и 4% Государ. ренты на одну тысячу девятьсотъ руб., а всего % бумагами Семьдесятъ одна тысяча девятьсотъ руб. Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 47.

9/VI—18 г. получилъ въ кассу Семьсотъ семьдесятъ одну тысячу восемьсотъ двадцать пять руб. 96 коп. (771 825 руб. 96 к.). Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 48.

9/VI—18 г. получилъ въ кассу Два милліона четыреста шестьдесятъ руб. (2 000 460 р.). Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 49.

18/VI—18 г. получилъ отъ Николая Николаевича Богданова Два милліона руб. для выдачи жалованія въ Армію за іюнь мѣсяцъ с/г. Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 50.

23/VII—18 г. для раздачи жалованія чинамъ Добр. Арміи отъ Генерала Алексѣева Одинъ милліонъ триста сорокъ четыре тысячи руб. получилъ. Полевой Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 51.

Чекъ на сто тысячъ руб. 27/VII—18 г. для отправленія Предсѣдателю Совѣта Министровъ Всевеликаго Войска Донского получилъ при проводительной бумагѣ № 116 Полевой Казначей. Капитанъ Петровъ.

№ 52.

Получилъ въ кассу Девятьсотъ семьдесятъ одну тысячу руб. (971 000 р.) 29/VII —18 г. Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 53.

11/VIII—18 г. получилъ въ кассу Казначейства Двѣ тысячи девяносто шесть руб. 99 коп. (2096 р. 99 к.). Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 54.

Двѣсти тысячъ руб. отъ Генерала отъ Инфантеріи Алексѣева въ кассу полевого казначейства получилъ 14/VIII—18 г. Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 55.

17/VIII—18 г. отъ Генерала отъ Инфан. Алексѣева получилъ въ кассу Шестьсотъ десять тысячъ руб. (610 000 р.). Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 56.

Получилъ 20/VIII—18 г. отъ Генерала отъ Инфантеріи Алексѣева Сто тысячъ пятьсотъ руб. Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 57.

23/VIII—18 г. получилъ отъ Генерала отъ инфантеріи Алексѣева Пятьсотъ тысячъ руб. Казначей Капитанъ Петровъ.

ОВЩІЙ ПРИХОДЪ ПО ОРГАНИЗАЦІИ СЪ НАЧАЛА ВОЗНИКНОВЕНІЯ

11 февраля 1918 г.	Н. Н. Богдановъ получилъ отъ В. Донского	1 500 000	—
25 ноября 1917 г.	Изъ Москвы черезъ Лебедеяко	100 000	—
17 ,, 1917 г.	Отъ Г. Балашова	6 000	—
22 ,, 1917 г.	Изъ Москвы черезъ Парамонова	100 000	—
24 ,, 1917 г.	Изъ Москвы черезъ Хуторева	10 000	—
27 ,, 1917 г.	Изъ Москвы черезъ Федорова	150 448	—
3 декабря 1917 г.	Отъ Н. Ф. Бѣляева	10 000	—
12 ,, 1917 г.	Изъ Ростова отъ дѣятелей	200 000	—
11 ,, 1917 г.	Отъ Донского Правительства	500 000	—
31 ,, 1917 г.	Отъ него же	1 000 000	—
2 января 1918 г.	Отъ Француз. Миссіи	25 000	—
3 ,, 1918 г.	Отъ нея же на органиа	100 000	—
10 ,, 1918 г.	Отъ нея же	180 000	—
10 ,, 1918 г.	Изъ Ростова отъ дѣятелей	320 000	—
13 ,, 1918 г.	Изъ особаго источника заемъ съ уплатою процентовъ аа полугодіе	975 000	—
19 ,, 1918 г.	Отъ Н. Ф. Бѣляева	100 000	—
22 ,, 1918 г.	Отъ Донского Правительства	3 000 000	—
	Пожертвованія:		
2 февраля 1918 г.	Отъ неизвѣстнаго	1 000	—
2 ,, 1918 г.	Отъ Ген. М. Никитина Дрюкова	520	—
4 ,, 1918 г.	Отъ В. В. Гладкова	10 000	—
4 ,, 1918 г.	Отъ служащихъ Петр. Уч. ссуд. Б.	688	12
4 ,, 1918 г.	Прихожанъ Усп. Ц. Ростова	800	—
9 ,, 1918 г.	Неизвѣстнаго	28 109	69
9 ,, 1918 г.	Ростова отъ дѣятелей	50 000	—
2 января 1918 г.	Отъ неизвѣстнаго	1 000	—
2 ,, 1918 г.	Отъ Бѣлова	1 000	—
2 ,, 1918 г.	Отъ Гопоненко	500	—
Неизв.	На двѣ очереди отъ Новосильцева	140 000	—
,,		5 000	—
,,	Кажется отъ Куркина	100 000	—
Фераля 1918 г.	Получено отъ Донского Правит.	6 000 000	—
	Изъ Ростова отъ дѣятелей	750 000	—

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА ГЕНЕРАЛА ОТЪ ИНФАНТЕРІИ М. В. АЛЕКСѢЕВА

Отчетъ по днямъ съ 9-го Февраля 1918 г.

Мѣсяцъ и число		Приходъ Рубли	Коп.	Расходъ Рубли	Коп.
Февр. 10	Выданъ Казначею авансъ на подводы и довольствіе			5 000	—
	Подъесаулу Самохину авансъ на содержаніе партизанскаго отряда Полковн. Чернецова (см. док. № 2)			10 000	—
	Подпол. Кобылянскому авансъ на довольствіе лошадей штаба			1 000	—
	Генералу Эльснеру авансъ на довольствіе офицеровъ штаба			10 000	—

Мѣсяцъ и число		Приходъ Рубли	Коп.	Расходъ Рубли	Коп
Февр. 10	Чехо-Слов. полку авансъ на довольст. (изъ нихъ выдалъ Казнач. 75 р.) . . .			3 000	-
11	Привезено Богдановымъ отъ Войска Донского	1 500 000	—		
	Генералу Маркову на довольств. офицерскаго полка			10 000	—
	Выдано Казначею для текущихъ выдачъ			5 000	—
	Выданъ Казначею авансъ для уплаты за сапоги, нѣкоторымъ частямъ и пр. (изъ нихъ выдалъ Казначею изъ его запаса 702 р. 50 к.)			20 000	—
	Казначею и Богданову Запасъ для текущ. уплатъ по Арміи			11 000	—
12	Выдано имъ же для той же цѣли . . .			90 000	—
13	Казначею и Богданову на текущ. расходы по Арміи (док. № 6)			155 000	—
	Имъ же на текущ. расходы			100 000	—
14	Имъ же на текущ. расходы			80 000	—
15	Богданову на текущіе расходы			100 000	—
16/17	Авансъ Лебедеву на два мѣсяца на командировку въ Москву и Петроградъ (№ 7)			90 000	
	Выд. Богданову на текущ. расходы (№ 8)			85 000	—
19	На текущіе расходы выдано			105 000	—
20	Выдано на жалованіе			300 765	—
23	Приняты конфискованные въ селѣ Средн. Егорлыки — деньгами 10 599 р. 51 коп., гербов. марками 176 р. 40 коп., почтов. марками 4066 р., итого	14 841	91		
	Выдано Богданову на текущіе расходы (№ 17)			14 841	91
27	Выдано Богданову на текущ. расходы (№ 18)			150 000	—
28	Конфисковано въ Березанскомъ станичномъ Управленіи наличными деньгами	34 289	75		
Мартъ 1	Конфисковано въ Березанскомъ Ссудо-сберег. Товариществѣ: наличными — 2442 р. 74 к., три листа займа свободы — 300 р. 5 съ пол. % Воен. займ. — 2500, Займа свободы на три тысячи руб. а по курсу 2635 р., мелкой размѣнной монетой — 48 р. 57 к..	7 926	31		
	Тамъ же конфисковано — номиналными — 5% выигр. займа — 100 р. 2 акціи Моск. Народ. Банка — 500 р., 3 расписки Екатер. Отд. Гос. Банка — 15 000 р.				
	Въ Береа. стан. Прав.: книжка сберегательной кассы — 8606 р. 80 к., 8 расписокъ Екатер. Отд. Гос. Банка — 43 200 р., итого.	67 406	80		

Мѣсяцъ и число		Приходъ Рубли	Коп.	Расходъ Рубли	Коп
Мартъ 3	Конфисковано: въ кассѣ Выселковскаго стан. Прав. — 12 059 р. 60 к., Ново-Суворовскаго стан. Прав. 10 102 р. и въ Выселк. Кред. Товариществѣ 5 съ пол. % Воен. займа 100 руб.	22 311	60		
	Конфисковано: въ кассѣ станціи Выселки 625 р 33 к., въ Выселк. Ссудо-Сберег. Т-вѣ — 3806 р. 75 к. и въ Выселк. Потребит. лавкѣ 113 р. 73 к..	4 545	81		
5	Принято на храненіе отъ Атамана ст. Переяславской наличными 29 900 р., чекъ Гос. Банка 100 р..	30 000	—		
	%% бумагами акц. Черноморской жел. дороги 70 000 руб. 4%рента Г. Б.— 1900 р.	71 900	—		
	Выдано Богданову			99 073	47
12	Выдано Богданову (№ 20).			145 000	—
14	Выдано Богданову (№ 27).			5 400	—
21	Выдано Богданову на тек. расходы (№ 27)			620 000	—
	Реквизировано въ ст. Ново-Дмитріевск. Почт. Отд. — 301 р. 88 к. въ стан. Прав. — 174 р. 13 к.	476	01		
	Передано Богданову на расходы			476	01
23	Выдано Богданову въ стан. Ново-Дмитріевской (№ 16)			400 000	—
Апрѣль 2	Выдано Богданову на текущіе расходы (№ 24)			500 000	—
4	Тоже ему же на текущіе рас.			50 000	—
	Ему же на содержаніе оставлен. въ ст. Деньковской лазарета изъ 500 раненыхъ			250 000	—
	Ему же на содержаніе чиновъ Арміи (№ 26)			75 000	—
6	Казначею Петрову для выд. содерж. . .			40 000	—
11	Подпоруч. Краевскому на содерж. . . .			250 000	—
12	Петрову на лазаретъ			50 000	—
14	Ему же на текущіе рас.			60 000	—
15	Богданову на расходы.			60 000	—
19	Богданову (№ 33).			100 000	—
20	Богданову (№ 30).			100 000	—
23	Богданову (№ 31).			300 000	—
26	Богданову (№ 34).			25 000	—
29	Богданову (№ 35).			25 000	—
30	Богданову (№ 36).			50 000	—
Май 2	Богданову для размѣна въ Новочеркасскѣ			400 000	—
	Выдано Казначею Штаба Арміи			25 000	—
	Принято отъ Богданова размѣнными знаками	81 000	—		
4	Казначею Штаба Арміи авансъ			50 000	—
	Пихтовыскому для отряда Полковника Селезнева.			3 000	—

Мѣсяцъ и число		Приходъ Рубли	Коп.	Расходъ Рубли	Коп.
Май 5	Генералу Казановичу на командировку въ Москву			9 000	—
	Казначею Штаба авансъ на содержаніе лазарета въ Новочеркасскѣ			50 000	—
8	Казначею Петрову на тек. рас. (№ 39).			25 000	—
9	Ему же для 5 Комиссіи по размѣну денегъ № 41			100 000	—
10	Ему же для выдачи Ген. Маркову аванса на расчеты по довольствію въ ст. Егорлыкской (№ 38 а)			25 000	—
10	Казначею Петрову для 6 Комиссіи по размѣну денегъ (№ 38 б)			120 000	—
11	Ген. Эльснеру черезъ Казначея Петрова на содержаніе лазарета въ Новочеркасскѣ и выдачу пособій раненымъ (№ 40)			200 000	—
12	Казначею Петрову для выдачи содер. 1-му Кон. полку (№ 37).			170 000	—
14	Получено Богдановымъ отъ Правит. В. Донского 6 000 000 р. часть положена на его текущ. счетъ въ Новочерк. Отд. Госуд. Банка изъ нихъ на-ными 2 500 000 р. переданы.	2 500 000	—		
14	Изъ привезенныхъ Богдановымъ мелкія купюры переданы на текущ. расходы Казн. Петрову (№ 42).			886 736	85
	Изъ привезенныхъ крупн. купюръ и свидѣтельствъ уже вышедшихъ сроковъ:				
	430 000 р. считаются за 430 000.00 до 1 іюля 18-г. 645 000 р. ,, за 640 675.10 до 1 авг. 18-г. 90 000 р. ,, за 88 975.80 до 1 іюня 18-г. 455 000 р. ,, за 453 612.25				
	1 620 000 р. считаются 1 613 263.15				
19	Казн. Петрову на разд. жалов. (№ 43 а)			400 000	—
20	Ему же на удовлетв. жалов.			300 000	—
	Авансъ 1-му Офиц. Полку (№ 43 б) . .			50 000	—
23	Получено Богдановымъ и доставлено съ Щетининой отъ Правит. В. Донского мелкими купюрами	500 000	—		
25	Выданъ авансъ Полк. Бар. Штемпелю на организацію отправки офицеровъ изъ Таганрога въ Добр. Армію			3 000	—
	Выданъ авансъ Пор. Аксинскому для поѣздки по гарнизонамъ и освѣдомленія о Добр. Арміи			400	—
	Получено Богдановымъ и доставлено черезъ Казначея Штаба Иванова изъ Ростов. Кон. Гос. Банка	1 000 000	—		
	Въ Новочеркасскѣ израсходовано Богдановымъ: Интенданту Арміи Подпол. Галушко авансъ на заготовку обмун-				

Мѣсяцъ и число		Приходъ Рубли	Коп.	Расходъ Рубли	Коп.
	дир. и снаряжен. 50 000 р. и авансъ генер. Эльснеру 40 000 р., всего 90 000			90 000	—
	Выдано казн. Петрову: на текущ. расходы по Арміи — 100 000 р. задатокъ Ростовск. Военно-Промыш. Комитету 10 000 р., для возврата Перенславскому Стан. Прав. Деньгами — 29 900 и %% бумагами 71 900 р. (№№ 44, 45, 46)			211 800	—
30	Казначею Штаба Арміи Иванову на тек. расх..			26 000	—
Іюнь 1	Шт. Ротм. Протопопову на командировку въ Крымъ и Одессу.			5 000	—
3	Б. А. Суворину на изданіе газеты «Вечернее Время»			10 000	—
4	Ротм. Шапрону на командир. въ Кіевъ и Вологду			2 000	—
2	Отъ дамскаго кружка въ Ростовѣ принято пожертвованіе	31 825	96		
	Передано Ген. Эльснеру для образованія при лазаретѣ особаго капитала на выд. пособій раненымъ и больнымъ . . .			31 825	96
1	Богдановымъ получено и доставлено съ Полк. Запольскимъ	650 000	—		
6/7	Казначею Петрову для раздачи жалован.			650 000	—
	Получено Богдановымъ	90 000	—		
Іюня 9	Выдано казн. Петрову для раздачи жалованія и аванса на походъ (№ 48) .			2 000 460	—
12	Полк. Ненастьеву на образованіе «Одесскаго центра».			10 000	—
	Авансъ офицерск. полку на хозяйств. надобности			10 000	—
13	Ген. Эльснеру на изданіе газеты «Вѣстникъ Добр. Арміи» въ іюнѣ			15 000	—
	Пожертвовано Хорошенковымъ изъ Ростова черезъ Богданова	25 000			
14	Получены отъ Богданова хранившіеся на тек. счету Рост. Конторы Гос. Банка .	110 500	—		
	Изъ числа 6 мил. р. дополучены послѣдніе и переданы Ген. Алексѣеву . . .	557 500	—		
	Получены изъ нихъ же Богдановымъ. .	702 500	—		
	Израсходовано Богдановымъ въ Ростовѣ: на покупку лошад. для Арміи — 2500 р. и выдано Ген. Эльснеру для упл. жалованія раненымъ 700 000 р., всего 702 500 р.			702 500	—
18	Отправлено въ Алупку на организацію центра Ген. Лейт. Бар. Боде			3 000	—
	На путевые расходы командировъ. въ Крымъ Пор. Бар. Боде			400	—
	По письму Управляющаго Фин. Отд. Войска Донского 15/VI— № 105 полу-				

Мѣсяцъ и число		Приходъ		Расходъ	
		Рубли	Коп.	Рубли	Коп.
	чено изъ Новочеркасскаго Казначейства	2 000 000	—		
	Казначею Петрову для выдачи жалов. за іюнь № 49			2 000 000	—
20	Отъ Ген. Богаевскаго собран. въ Ростовѣ на нужды раненыхъ Добровольцевъ .	5 000	—		
	Ген. Эльснеру для причисленія этихъ (отъ Г. Богаевскаго) 5000 р. къ благотворител. капит. (док. № 59)			5 000	—
24	Выдано пособіе вдовѣ убитаго Ген. Маркова			3 000	—
29	Ген. Эльснеру на удовл. больныхъ и раненыхъ и на текущ. расх. (№ 60) . .			400 000	—
30	Ген. Андуладзе на образов. центра въ Тирасполѣ			5 000	—

ДОКУМЕНТЫ КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ ГЕН. ФИЛИМОНОВА

Телеграмма Главнокомандующаго Кубанскому Атаману

Изъ главтеота № 00622—31—20/15—23—55.

Въ газете Свободная Рѣчь № 226 приведенъ договоръ между Кубанскимъ Правительствомъ и горскимъ меджелисомъ точка Благоволите телеграфировать подписывалъ ли подобный договоръ Кулабуховъ Таганрогъ 20/10 нр. 016439 — Деникинъ.

Телеграмма Начальника Штаба Главнокомандующаго Войсковому Атаману

Екатеринодаръ Войсковому Атаману.

Екатеринодаръ Главтеот № 00685 32 24 1 30 Главнокомандующій проситъ немедленно телеграфировать былъ ли заключенъ Кубанской делегаціей тотъ договоръ съ горскимъ меджелисомъ который указанъ въ телеграмме № 016439 точка № 016620-Таганрогъ 23 октября 1919 года Романовскій

Телеграмма Кубанскаго Войскового Атамана Начальнику Штаба Арміи Генералу Романовскому

Срочно Тагаврогъ Начальнику Штаба Арміи Генералу Романовскому

016620 и 016439 О заключевіи Бычемъ Кулабуховымъ и другими договора съ горскимъ Меджелисомъ мнѣ и Правительству ничего неизвѣство произвожу рааслѣдованіе о реаультатахъ сообщу срочно 3698 Подлинную подписалъ Генералъ-Лейтенантъ Филимоновъ 24 октября 19 года

Телеграмма Кубанскаго Войскового Атамана Главнокомандующему вооруженными силами на Югѣ Россіи Генералъ Лейтенанту Деникину

Военная Таганрогъ

Главнокомандующему вооруженными силами на Югѣ Россіи Генералъ Лейтенанту Деникину

По объясненію Султанъ Шахимъ Гирея договоръ съ Горской Республикой былъ заключенъ и подписанъ Кулабуховымъ и другими какъ проектъ подлежащій утвержденію Законодательной Радой на случай если бы Антанта признала власть большевиковъ точка 3729 Подлинную подписалъ Кубанскій Войскатаманъ Генералъ-Лейтенантъ Филимоновъ

Телеграмма Войскового Атамана Кубанскаго казачьяго войска Генералъ-Лейтенанта Филимонова

Таганрогъ

Главнокомандующему вооруженными силами Юга Россіи копіи Атаманамъ Донскому Терскому Командармкавказской Командармдобр Командармдонъ Командующему Войсками Сѣвернаго Кавказа Главноначальствующему Кіевской области Главнона-

чальствующему Новороссійской области Военному Губернатору Черноморской губерніи срочно на 016729

Кубанскій Войсковой Атаманъ и Кубанское Краевое Правительство категорически заявляетъ что Краевое Правительство никакихъ договоровъ съ меджелисомъ горскихъ народовъ не заключало и никого на заключеніе такихъ договоровъ не уполномочивало Лица перечисленныя въ телеграммѣ Главнокомандующаго — Бычъ Намитоковъ Савицкій и Кулабуховъ были делегированы Кубанской Краевой Радой а первые два и Кубанскимъ Краевымъ Правительствомъ точка Правительство послало своихъ делегатовъ какъ представителей въ составъ Россійской делегаціи въ Парижѣ въ помощь Сазонову а также для защиты интересовъ Кубани предъ мирной конференціей и для информаціи точка Если названныя лица дѣйствительно подписали отъ имени Краевого Правительства договоръ съ меджелисомъ горскихъ народовъ о чемъ Краевому Правительству по сіе время официально не извѣстно то вопросъ о превышеніи названными лицами данныхъ имъ полномочій подлежитъ сужденію Краевого Правительства а существо договора сужденію Кубанской Краевой Рады на разсмотрѣніе которой въ данный моментъ и вносится точка Во всякомъ случаѣ упомянутыя лица являются дипломатическими представителями Кубани и какъ таковые пользуются неприкосновенностью почему въ случаѣ совершенія ими незакономѣрныхъ дѣйствій могутъ подлежать суду только Кубанской Краевой власти ихъ делегировавшей точка

Приказъ о преданіи названныхъ лицъ военнополевому суду является нарушеніемъ правъ Кубанской Краевой власти и глубоко оскорбляетъ правосознаніе Кубанскаго народа и не можетъ не отразиться на настроеніе народа и фронта точка Сыны Кубани не запятнали себя измѣной а принесли и несутъ наибольшія жертвы своею кровью и достояніемъ для возсозданія Россіи точка Кубань вправѣ требовать срочной отмѣны телеграммы Вашего Превосходительства номеръ 016729 ввиду несправедливости обвиненія Краевой власти въ измѣнѣ и ввиду несомнѣннаго исключительнаго права только Краевой власти судить своихъ дипломатическихъ представителей точка 3789 Подлинную подписали: Кубанскій Войсковой Атаманъ Генералъ-Лейтенантъ Филимоновъ и Предсѣдатель Правительства Курганскій

Надпись на копіяхъ сей телеграммы:

№ 3797	Въ Редакцію газеты «Вольная Кубань»
29 окт. 1919 г. гор. Екатеринодаръ	Препровождая настоящую копію телеграммы, Канцелярія, по приказанію Войскового Атамана, проситъ напечатать въ № газеты «Вольная Кубань» за 30 сего Октября
№ I 3798	Въ Редакцію газеты «Голосъ Кубанца»
№ II 3799	Въ Редакцію газеты «Утро Юга»
№ III 3800	Въ Редакцію газеты «Кубанская Земля»
№ IV 3801	Въ Редакцію газеты «Кубанскій Путь»
№ V 3802	Въ Редакцію газеты «Кубанская Воля»

Телеграмма Командующаго Кавказской арміей

Генералу Лукомскому Наштарму Кавказской Командарму Добровольческой Командовойскъ Одесса Командовойскъ Кіевъ Новороссійскъ Военгубу Донскому Атаману Командарму Дона Терскому Атаману Кубанскому Атаману

Только Екатеринодаръ Кубанскому Атаману

Приказъ Кавказской Арміи 6 ноября 1919 года пр. 357 Кисловодскъ точка Прикрываясь именемъ Кубанцевъ горсть предателей засѣвъ въ тылу отреклась отъ матери Россіи точка Преступными дѣйствіями своими они грозили свести на нѣтъ все то что сдѣлано сынами Кубани для возсозданія Великой Россіи запятая все то за что десять тысячъ кубанцевъ пролили свою кровь точка Нѣкоторые изъ нихъ дошли до того запятая что заключили преступный договоръ съ враждебными намъ горскими народами запятая

договоръ предающій въ руки врага младшаго брата Кубани тире Терекъ пытаясь развалить фронтъ сѣя рознь тылу и затрудняя работу Атамана и Правительства въ дѣлѣ снабженія и пополненія арміи запятая преступники оказывали содѣйствіе врагамъ Россіи той красной нечисти которая годъ тому назадъ залила Кубань кровью точка Какъ Командующій Кавказской арміей я обязанъ спасти армію и не допустить смуты ея тылу точка Во исполненіи отданнаго мною приказанія Командующимъ войсками тыла арміи Генераломъ Покровскимъ взяты подъ стражу и преданы военнополевому суду первую голову десять намѣстниковъ двѣ точки Кулабуховъ запятая Макаренко запятая Манжула запятая Омельченко запятая Балабасъ запятая Воронковъ запятая Феськовъ запятая Роговецъ запятая Жукъ и Подтапельный точка Пусть запомнятъ эти имена тѣ кто попытались бы идти по ихъ стопамъ точка Генералъ Врангель

Содержаніе

Крымская эпопея — А. А. Валентинова 5
Изъ Воспоминаній — ген. А. Лукомскаго 101
Всевеликое Войско Донское — П. Н. Краснова 191
Разгромъ Кубанской рады — ген. Филимонова 322

Документы

Письмо Вел. Кн. Александра Михайловича къ Николаю II 333
Записка, составленная въ кружкѣ Римскаго-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицынымъ 6 ноября 1916 г. 337
Показаніе Н. А. Маклакова о письмѣ Николаю II 344
Денежные документы генерала Алексѣева 345
Документы къ воспоминаніямъ ген. Филимонова 357

ВЪ ТОМЪ ЖЕ ИЗДАТЕЛЬСТВѢ ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ТОМЪ I

Задачи Архива. — В. Д. Набоковъ, Временное Правительство. — П. Красновъ, На внутреннемъ фронтѣ. — Р. Донской, Отъ Москвы до Берлина въ 1920 г. — С. Вороновъ, Петроградъ-Вятка въ 1919—20 гг. — Н. Неклюдовъ, Предсказаніе русской революціи.

Документы и письма

К. Крамаржъ, Основы Конституціи Россійскаго Государства. — Докладъ начальнику операціоннаго отдѣленія германскаго восточнаго фронта о положеніи дѣлъ на Украинѣ въ мартѣ 1918 г. — Образованіе сѣверо-западнаго правительства (Докладъ Карташева, Кузьмина-Караваева и Суворова) — Письмо ген. Гофа генералу Юденичу.

Изъ частной переписки

Послѣдніе дни Леонида Андреева. — Описаніе польскаго отступленія въ августѣ 1920 г.

ТОМЪ II

Къ исторіи Манифеста 17 октября (Записки И. И. Вунча и кн. Н. Д. Оболенскаго) — Ген. А. С. Лукомскій, Изъ воспоминаній. — А. Дроздовъ, Интеллигенція на Дону. — Р. Гуль, Кіевская эпопея. — Ф. Штейнманъ, Отступленіе отъ Одессы. — І. Рапопортъ, Полтора года въ совѣтскомъ Главкѣ. — О. Черинъ, Брестъ-Литовскъ.

Документы и письма

Журналъ Засѣданія Совѣта Министровъ Крымскаго Краевого Правительства 16 апр. 1919 г. — Изъ секретнаго доклада. — С. В. Милицынъ, Изъ моей тетради. — Бар. Фрейтагъ фонъ-Лорингофенъ. Изъ дневника.

ТОМЪ III

С. Добровольскій, Борьба за возрожденіе Россіи въ сѣверной области. — М. Смильгъ-Бенаріо, На совѣтской службѣ. — А. Левинсовъ, Поѣздка изъ Петербурга въ Сибирь въ январѣ 1920 г. — Л. Л—ой, Очерки жизни въ Кіевѣ въ 1919—20 гг. — Г. Игреневъ, Екатеринославскія воспоминанія.

Документы

Документы къ «Воспоминаніямъ» ген. Лукомскаго. — Меморандумъ Эстонскаго Правительства.

ТОМЪ IV.

А. Блокъ, Послѣдніе дни стараго режима. — А. Демьяновъ, Моя служба при Временномъ Правительствѣ. — А. Синегубъ, Защита Зимняго Дворца. — Баронесса М. Д. Врангель, Моя жизнь въ совѣтскомъ раю. — Р. Донского, Изъ Москвы въ Берлинъ въ 1920 г.

Документы и дневники

Организація власти на югѣ Россіи въ періодъ гражданской войны. — Дневникъ обывателя — А. В.

ВЪ ТОМЪ ЖЕ ИЗДАТЕЛЬСТВѢ ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

А. С. ПУШКИНЪ. Полное собраніе сочиненій въ 6 томахъ.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ. Полное собраніе сочиненій въ 4 томахъ.

Н. В. ГОГОЛЬ. Полное собраніе сочиненій въ 10 томахъ.

Л. Н. ТОЛСТОЙ. Собраніе сочиненій.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ. Полное собраніе сочиненій въ 10 томахъ.

Ф. И. ТЮТЧЕВЪ. Полное собраніе стихотвореній.

А. И. ГЕРЦЕНЪ. Былое и Думы въ 5 томахъ.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ. Стихотворенія. 3 тома.

К. БАЛЬМОНТЪ. Изъ міровой поэзіи. Стихотворенія.

И. А. БУНИНЪ. Крикъ. Разсказы.

БАЙРОНЪ. Мистеріи. Переводъ И. А. Бунина.

Ѳ. СОЛОГУБЪ. Заклинательница змѣй. Романъ.

Н. К. РЕРИХЪ. Цвѣты Моріи. Стихотворенія.

АНАТОЛЬ ФРАНСЪ. Петруша. Романъ.

БЕРНГАРДЪ КЕЛЛЕРМАНЪ. 9 ноября. Романъ.

ДЖІОВАННИ ПАПИНИ. Конченный человѣкъ. Романъ.

А. Н. АФАНАСЬЕВЪ. Русскія дѣтскія сказки. Иллюстр. изданіе.

Л. Н. ТОЛСТОЙ. Книга для дѣтей. Съ рисунками.

В. А. ЖУКОВСКІЙ. Избранныя произведенія для дѣтей.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ. Избранныя произведенія для дѣтей.

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ. Избранныя произведенія для дѣтей.

САША ЧЕРНЫЙ. Радуга. Русскіе позты для дѣтей.

САША ЧЕРНЫЙ. Дѣтскій островъ. Стихи для дѣтей съ рисунками Бориса Григорьева. Художественное изданіе.

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ

625084
P Arkhiv Russkoi Revolyutsii.
HSlav v. 5 (1922)
A

University of Toron
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

HANDBOUND
AT THE

UNIVERSITY OF
TORONTO PRESS

Digitized by the Internet Archive
in 2009 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/arkhivrusskoirev06gess

4025

БИБЛІОТЕКА
„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

I

(1)

P
HSlav
A

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

И. В. ГЕССЕНОМЪ

VI

БЕРЛИНЪ 1922

JAN 5 1977

Всѣ права, въ томъ числѣ и право перевода на другіе языки, принадлежатъ
Издательству «СЛОВО»

Государственная Дума и февральская 1917 года революція

М. В. Родзянко

> Отечество должно быть для тебя дороже матери и отца, и какія-бы жестокости, какія-бы несправедливости оно ни совершало по отношенію къ намъ, мы должны выдержать ихъ и не отыскивать способовъ уклониться отъ него . . . *Сократъ*

Темой настоящаго моего труда я избралъ возобновленіе въ памяти общества хода тѣхъ событій, которыя привели къ февральскому 1917 года государственному перевороту, а цѣлью своею поставилъ себѣ правильное освѣщеніе той роли, которую играли Государственная Дума IV-го созыва въ переворотѣ 26 — 27 февраля 1917 года.

Необходимо эту роль освѣтить на основаніи точныхъ данныхъ.

Въ широкихъ слояхъ населенія, или, какъ принято выражаться, въ широкихъ народныхъ массахъ, благодаря крайней ограниченности газетныхъ сообщеній той эпохи и отсутствію широкой информаціи во время самого переворота, укоренилась неправильная точка зрѣнія на роль Государственной Думы во всѣхъ тѣхъ кровавыхъ событіяхъ, которыхъ мы, къ сожалѣнію, являемся не только свидѣтелями, но отъ которыхъ страдаютъ все и вся.

Принято на вѣру далеко, однако, не безспорное положеніе, что Государственная Дума IV-го созыва подготовила, создала, воодушевила и воплотила въ реальныя формы переворотъ 27 февраля, а также и самую революцію. Всю вину за прошлыя и настоящія ужасающія событія принято валить на Государственную Думу и, въ частности, на ея Предсѣдателя. Я не ставлю себѣ, однако, задачей быть защитникомъ или адвокатомъ Государственной Думы, а намѣренъ лишь возобновить въ памяти русскаго общества и подкрѣпить документальными данными, по возможности, безпристрастную картину тѣхъ историческихъ событій, которыя послужили исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшаго развитія революціи и, давъ матеріалъ, основанный на документахъ, имѣющихся у меня, къ сожалѣнію, въ ограниченномъ количествѣ, предоставить возможность читателямъ имѣть критерій для самостоятельной оцѣнки минувшихъ событій и для своихъ собственныхъ выводовъ.

Я постараюсь въ своемъ трудѣ быть чуждымъ рѣзкой критики, ибо мое глубокое внутреннее убѣжденіе заключается въ томъ, что время такой критики еще не наступило. Я считаю, что оцѣнка нами самими переживаемаго момента не можетъ быть безпристрастной, а потому и критика не можетъ быть правильной. Уголъ зрѣнія, подъ которымъ разсматриваются текущія историческія событія, какъ послѣдствія недавняго прошлаго, диктуется самими условіями жизни. Этотъ уголъ зрѣнія есть безграничное негодованіе всему совершающемуся, а потому позволительно усомниться въ томъ, будетъ ли справедливымъ такой судъ, основанный на односторонникъ и всегда субъективныхъ впечатлѣніяхъ. Исторія оцѣнитъ эти событія безпристрастно и отведетъ каждому мѣсто по его дѣламъ и заслугамъ.

Второй причиной, побудившей меня, является существующій нынѣ развалъ политической мысли и отсутствіе организованнаго общественнаго мнѣнія. Люди, бывшіе избранниками народа и выразителями его нуждъ и стремленій, обязаны всѣми возможными способами подготовить и выковать такое мнѣніе и приготовить этимъ Россію къ предстоящему, надѣюсь, въ близкомъ будущемъ, разумному Учредительному Собранію.

Наконецъ, третья причина — это сознаніе необходимости, наканунѣ полнаго возрожденія нашей изстрадавшейся Родины, оглянуться назадъ на все содѣянное нами и въ ошибкахъ прошлаго, вольныхъ и невольныхъ, почерпнуть правильные взгляды на предстоящее намъ дѣло строительства на новыхъ началахъ Русской земли. Поэтому настоящій мой трудъ надлежитъ разсматривать какъ историческую справку, которую я признаю себя обязаннымъ дать Русскому обществу, и не ожидать отъ него политическаго или агитаціоннаго значенія.

Общественныя настроенія до войны

Государственная Дума

Считаю совершенно необходимымъ остановиться сначала, хотя бы и въ краткихъ чертахъ, на дѣятельности Государственныхъ Думъ до войны. Безъ такого разъясненія не можетъ быть правильнаго сужденія о роли Государственной Думы IV-го созыва въ дальнѣйшей жизни страны и, главнымъ образомъ, въ переворотѣ 27 февраля, ибо рядъ послѣдовательныхъ событій слишкомъ тѣсно связанъ между собой въ затронутомъ вопросѣ, составляя рядъ звеньевъ одной и той же цѣпи событій.

Оппозиціонное настроеніе мыслящаго Русскаго Общества къ формѣ Государственнаго устройства въ Россіи и къ порядку осуществленія законодательства и къ дѣйствіямъ Государственной власти началось задолго до дарованія Русскому народу манифеста 17 октября.

Еще при Императрицѣ Екатеринѣ II замѣтно было стремленіе къ сокращенію объема Самодержавной власти (новиковцы, мартинисты), далѣе заговоръ и бунтъ Декабристовъ при воцареніи Императора Николая I. Цѣлый рядъ, несмотря на либеральныя реформы Императора Александра II, политическихъ

процессовъ въ его царствованіе указывалъ на возрастающее броженіе въ русскомъ обществѣ, имѣвшее корнемъ своимъ желаніе установленія въ Россіи конституціоннаго строя. Къ концу царствованія Александра II оппозиціонное настроеніе это значительно расширилось и стало захватывать все болѣе и болѣе широкіе круги русскаго общества.

Настроеніе это выражалось въ рядѣ резолюцій разнообразныхъ общественныхъ организацій и глухомъ броженіи рабочаго и земледѣльческаго крестьянскаго классовъ, въ поискахъ за лучшимъ устройствомъ своей жизни и ея условій.

Припомните, читатели, 80-е года прошлаго столѣтія и стремленіе учащейся молодежи идти въ народъ. Припомните лозунги партій «Земля и воля» и цѣлый рядъ аграрныхъ и фабрично-рабочихъ движеній. Государственная власть полагала тогда, что усиленіемъ репрессивныхъ мѣръ возможно погасить начавшееся пробужденіе общественной политической мысли, основой которой было, конечно, желаніе добиться народнаго участія въ рѣшеніи судебъ отечества въ лицѣ народнаго представительства. И тогда уже политика Правительства, вмѣсто того, чтобы разумными предупреждающими развитіе общественнаго ропота реформами смягчить взаимное раздраженіе, направлялась въ сторону извѣстнаго принципа предупрежденія и пресѣченія.

Въ началѣ 90-хъ годовъ это освободительное движеніе передалось въ земства, и цѣлый рядъ земскихъ слетовъ и съѣздовъ развивалъ мысли о необходимости расширенія участія представителей народа въ законодательствѣ страны и дарованія населенію права контроля надъ аппаратомъ Государственной власти, въ тѣсномъ взаимодѣйствіи правительства и общества. Характерно при этомъ то обстоятельство, что это развитіе либеральныхъ настроеній въ земской средѣ совпало съ реформами земскихъ учрежденій, предпринятыми при Императорѣ Александрѣ III гр. Д. А. Толстымъ, которыя имѣли цѣлью повернуть земство на наиболѣе консервативный путь, но достигли обратнаго результата. Но Правительство оставалось и тогда глухо къ возникающему броженію общественно-политической мысли и даже проявляло къ ней явную враждебность. Такъ, напримѣръ, такой крупный государственный дѣятель, какъ С. Ю. Витте, въ извѣстной запискѣ своей «Самодержавіе и Земство» прямо доказывалъ, что эти два принципа не совмѣстимы. Въ своемъ трудѣ гр. Витте проводилъ ту мысль, что совмѣстное существованіе въ данномъ Государствѣ Самодержавія и принципа самоуправленія не можетъ воспитать свободныхъ гражданъ, а постоянная борьба этихъ двухъ началъ превращаетъ народъ въ народную пыль, неспособную къ сопротивленію, и которая при первомъ же натискѣ на нее можетъ разлетѣться прахомъ. Къ великому прискорбію слова его оказались пророческими. На этомъ лозунгѣ всегдашняго противодѣйствія развитію общественной самодѣятельности Правительство, принципіально и преемственно, стояло твердо, не уступая ничего, и привело этимъ себя впослѣдствіи къ полному крушенію.

Раздѣленіе Государственной власти и общества было такъ велико, что уже послѣ учрежденія Государственной Думы тогдашній министръ земледѣлія Кривошеинъ въ одной изъ своихъ рѣчей, произнесенныхъ въ Кіевѣ на агрономическомъ Съѣздѣ, указывалъ на прискорбное для дѣла дѣленія русскаго общества на мы — правящія сферы и они — все остальное населеніе внѣ этихъ сферъ. Естественно, что спокойнымъ при такомъ положеніи дѣла русское общество оставаться не могло. Но какъ ни какъ, а правительство и тогда хорошо понимало, что безъ содѣйствія общественныхъ элементовъ не только трудно, но

просто невозможно управлять такимъ огромнымъ по территоріи, при разноплеменномъ составѣ населенія, Государствомъ, какимъ являлась Россія.

Разныя условія мѣстностей ставили властно требованія созданія примѣнительныхъ къ этимъ условіямъ законовъ и мѣстныхъ постановленій и само собою разумѣется, что въ XX вѣкѣ, даже въ невысокомъ по развитію культуры и политическаго сознанія русскомъ народѣ все же политическая и общественная мысль постепенно прогрессировала и не укладывалась уже въ рамки бюрократическаго абсолютизма и полицейскаго режима. Этотъ отживающій Государственный строй съ каждымъ днемъ отставалъ отъ развивающагося государственнаго самосознанія русскаго общества, почему и пропасть между правительствомъ и обществомъ все углублялась и расширялась. Наиболѣе прозорливые государственные люди той эпохи это хорошо понимали и старались разными палліативными мѣрами смягчить назрѣвающій грозный разладъ въ системѣ управленія Государствомъ, но отрѣшиться отъ власти и мужественно идти на коренныя реформы Государственнаго строя они не могли, ибо не хватало главнаго — любви къ народу, какъ къ таковому, и смѣлости размаха въ твердомъ проведеніи либеральныхъ реформъ. Надо признаться при этомъ, что правящій классъ, изъ котораго пополнялись кадры правительственной власти и не думалъ уступать своихъ прерогативъ, полагая, что русскій народъ и общество настолько дики и неразвиты, что система, принятая правительствомъ, единственная возможная въ данное время. Одновременно съ этимъ, мѣръ къ поднятію умственнаго уровня народа принималось мало, школьное дѣло было поставлено совершенно не цѣлесообразно, даже въ направленіи вредномъ для Государства, ибо школы никогда не были національны, а узко схоластичны, не развивая никогда въ народѣ сознанія обязанностей гражданъ къ отечеству, не заботясь о развитіи здороваго патріотизма и беззавѣтной любви къ достоинству и славѣ отечества.

Повторяю, наиболѣе прозорливые государственные люди конца девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія несомнѣнно понимали это, но отказаться отъ своихъ ложныхъ доктринъ не имѣли въ себѣ достаточно мужества и самоотверженности. Таковъ былъ, напримѣръ, всемогущій министръ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве. Я не могу воздержаться, чтобъ не привести здѣсь характерный эпизодъ, происшедшій съ закономъ о мѣстной ветеринаріи. Ветеринарное дѣло, благодаря заботамъ о немъ земскихъ учрежденій, въ большинствѣ земскихъ губерній было поставлено весьма удовлетворительно, о чемъ ясно свидѣтельствуютъ отчеты Земскихъ Управъ того времени, и дѣло это, близкое населенію и необходимое для развитія его благосостоянія, все улучшалось и развивалось. Но вотъ оказалось, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ явилась злополучная мысль, что ветеринарное дѣло должно быть взято въ руки правительства и централизовано. Началась работа въ этомъ направленіи и изъ нѣдръ Петербургскихъ канцелярій появился небывалый по нецѣлесообразности законъ, ограничивающій право распоряженія ветеринарнымъ дѣломъ Земствъ, превращающій земскихъ ветеринаровъ въ Правительственныхъ чиновниковъ и тормозящій всякую инициативу Земствъ въ постепенномъ и планомѣрномъ развитіи дѣла. Земства подняли невѣроятный шумъ по этому вопросу. Полетѣли ходатайства о томъ, чтобъ законъ былъ пересмотрѣнъ и измѣненъ. Я тогда былъ Предсѣдателемъ Екатеринославской Губ. Земской Управы и хорошо помню то тяжелое чувство обиды и оскорбленія, которое нами испытывалось, видя, какъ безо всякой надобности, безцѣльно разрушалось стройное зданіе одной изъ важнѣйшихъ отраслей Земскаго Хозяйства. Между тѣмъ законъ ветеринарный

прошелъ черезъ Государственный Совѣтъ и былъ Высочайшей властью утвержденъ. Но такъ какъ вопль земскихъ протестовъ оказался весьма интенсивнымъ, то умный Плеве понялъ, что изданіемъ этого закона онъ попалъ въ просакъ, что кромѣ раздраженія и справедливаго осужденія изъ этого ничего не выйдетъ и совершилось небывалое — Высочайше утвержденный законъ не увидалъ свѣта и было созвано новое Совѣщаніе съ участіемъ представителей отъ Земскихъ Учрежденій, въ числѣ которыхъ находился и я. Долженъ засвидѣтельствовать, что Плеве отнесся съ полнымъ вниманіемъ къ заявленію и критикѣ земскихъ членовъ Совѣщанія. Критика эта была поистинѣ безпощадна и отъ закона не осталось камня на камнѣ.

Очевидность нелѣпости изданнаго закона наглядно выступила, когда были составлены журналы Совѣщанія, и пришлось, не взирая на то, что онъ былъ по всѣмъ правиламъ законодательства изданъ и утвержденъ Верховной Властью, вновь представить Государю на предметъ его отмѣны. В. К. Плеве воспользовался присутствіемъ земскихъ делегатовъ и часто собиралъ насъ у себя въ кабинетѣ, стараясь выудить у нихъ ихъ мнѣнія по многимъ насущнымъ вопросамъ. Мнѣнія свои мы высказывали съ полной откровенностью. Къ чести В. К. Плеве надо сказать, что никто за свою прямолинейность изъ насъ не пострадалъ. То-же самое произошло и съ продовольственнымъ вопросомъ, которымъ издавна вѣдало Земство и дѣло обстояло весьма недурно. Запасные магазины были полны зерна, и у каждой волости имѣлись нѣкоторые капиталы. Внезапно у Правительства явилась мысль, передать дѣло въ руки администраціи, что и было выполнено. Былъ составленъ за симъ законопроектъ, который подвергся однако жестокой критикѣ Земскихъ Учрежденій, которымъ онъ былъ препровожденъ для заключенія. Вновь была созвана комиссія съ участіемъ представителей Земствъ, и продовольственный законъ не увидѣлъ свѣта, а дѣло продолжало идти по старымъ и нѣкоторымъ новымъ временнымъ правиламъ, но подъ руководствомъ администраціи, отъ чего дѣло не выиграло ничуть. Вотъ какъ недовѣрчиво, а подчасъ даже враждебно относилась Государственная власть, а такихъ примѣровъ можно насчитать множество. Комментаріи при этомъ излишни — общественность, которая натыкалась на каждомъ шагу на препятствія и тормазы, несомнѣнно раздражали всѣ безполезныя стѣсненія и она глухо выражала свое неудовольствіе.

Вспыхнувшая Японская война застала Русское общество именно въ этомъ состояніи броженія политической мысли, а время учрежденія Государственной Думы, послѣ неудачной Японской войны и революціи 1905 года — знаменательно само по себѣ.

Задачи Государственной Думы послѣ Японской войны

Несомнѣнно, что неудача Японской войны вызвала всеобщее негодованіе и раздраженіе, внѣдрила въ широкіе общественные круги убѣжденіе, что такъ существовать больше нельзя, что рисковать жизнью гражданъ и народнымъ достояніемъ безъ достаточныхъ для того основаній и безъ контроля общества надъ дѣйствіями Правительственной власти дальше невозможно. Японская война стала уже болѣе или менѣе достояніемъ исторіи и, какъ ни больно для національнаго самолюбія Россіи, — необходимо признать горькую истину, что въ этой войнѣ

побѣдила насъ маленькая Японія. На этой почвѣ возникъ цѣлый рядъ революціонныхъ эксцессовъ, имѣющихъ въ своей основѣ чувство оскорбленнаго патріотизма. Мало-по-малу, однако, вспыхнувшее революціонное теченіе пошло на убыль, оно было локализировано въ стѣнахъ созданнаго народнаго представительства, и революція умиротворилась. Судьбами Государства призваны были отнынѣ, по духу дарованной конституціи, распоряжаться народные избранники въ законодательныхъ учрежденіяхъ.

Какія же задачи стали передъ ними?

Я не коснусь кратковременной дѣятельности I-й и II-й Государственныхъ Думъ, скажу только, что задачи, поставленныя себѣ Государственной Думой III-го созыва, были слѣдующія: укрѣпленіе расшатанной неудачной войной военной мощи Россіи, возможное исправленіе поколебавшагося финансоваго положенія Государства и экономическихъ производительныхъ силъ страны и засимъ возстановленіе внутренняго порядка и закономѣрности во всемъ.

Стремленіе къ достиженію поставленныхъ себѣ цѣлей проходитъ красной нитью черезъ всѣ постановленія Государственной Думы. Государственныя Думы I-го и II-го созывовъ, въ силу кратковременности своего существованія, не могли оставить значительный слѣдъ въ этой области: ихъ работы не успѣли даже дойти до разсмотрѣнія бюджета. Но Государственныя Думы III-го и IV-го созывовъ сдѣлали все, что могли сдѣлать въ этомъ направленіи.

Военный бюджетъ ко времени войны съ Германіей съ 350 милліоновъ, каковымъ его застала Японская война, возросъ до 750 милліоновъ. И лучшей характеристикой въ данномъ случаѣ можетъ служить личный отзывъ Великаго князя Верховнаго Главнокомандующаго Николая Николаевича въ словахъ, сказанныхъ имъ мнѣ: «Я не политикъ, говорилъ онъ, и не знаю, что дѣлаетъ Государственная Дума въ политическихъ вопросахъ, но что касается военнаго законодательства, то Государственная Дума всегда была выше всякихъ похвалъ». Сказано это было за годъ до войны на одномъ изъ военныхъ торжествъ.

За все время существованія Государственной Думы не было ни одного случая отказа въ открытіи кредита на военныя надобности: давалось всегда все безъ отказа, часто давалось даже больше, чѣмъ требовали. Противъ военнаго кредита вотировали лишь завзятые оппозиціонеры, да и то въ самомъ незначительномъ количествѣ. Военные вопросы разсматривались въ Государственной Думѣ не на почвѣ политичеескихъ программъ и не съ точки зрѣнія политическихъ партій, а исключительно съ точки зрѣнія интересовъ и нуждъ Государства.

Финансовая сторона дѣятельности Государственной Думы III-го и IV-го созывовъ также достигла въ значительной степени поставленныхъ ею себѣ цѣлей: въ первый же годъ послѣ Японской войны Государственную роспись удалось сбалансировать съ незначительнымъ дефицитомъ. Въ бюджетахъ остальныхъ годовъ доходы превышали расходы, при условіи, что податное бремя, несмотря на значительное увеличеніе размѣра государственныхъ расходовъ, не было увеличено или увеличено лишь въ незначительной степени. Достигнуто это было цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ дѣйствительнаго поступленія доходовъ, возможнымъ сокращеніемъ расходовъ и прекращеніемъ произвола и безконтрольнаго расходованія государственныхъ средствъ.

Этими мѣрами было достигнуто то, что свободная наличность Государственнаго Казначейства къ началу войны равнялась 475 милліонамъ рублей, золотой

БИБЛІОТЕКА
„РУССКАЯ МЫСЛЬ"

запасъ Государственнаго Банка въ это время равнялся одному милліарду восьмистамъ милліонамъ рублей. Государственный бюджетъ къ моменту объявленія намъ Германіей войны возросъ до 3-хъ милліардовъ рублей. Все это, конечно, указываетъ насколько Государственная Дума была чужда какихъ бы то ни было революціонныхъ стремленій, а всѣ свои заботы направляла ко внутреннему благоустроенію Государства. Внѣ всякаго сомнѣнія, что благоустройство военныхъ силъ страны и устойчивость ея финансовъ, охраняя, съ одной стороны, ея безопасность, обезпечиваетъ въ то же время благосостояніе каждаго отдѣльнаго гражданина, гарантируя ему свободу труда, охраняя его производительность. и въ этомъ отношеніи въ дѣятельности Государственной Думы III-го и IV-го созывовъ до войны не было отказа разумнымъ начинаніямъ Правительства, не было мѣста оппозиціи во что бы то ни стало, а слѣдовательно, не было и мѣста подготовкѣ революціи.

Но въ дѣлѣ возстановленія внутренняго порядка и законом'рности дѣло обстояло значительно хуже, и въ отношеніяхъ Государственной Думы и Вѣдомства Внутреннихъ Дѣлъ далеко не все обстояло благополучно. Продолжая стоять на принципѣ предупрежденія и пресѣченія, усматривая вездѣ революціонныя начала, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ не могло помириться съ наличіемъ народнаго представительства, его правомъ контроля исполнительной власти и правомъ запросовъ.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и революціонные эксцессы

Всѣмъ хорошо памятны всякаго рода репрессіи, усиленныя охраны, незаконом'рныя дѣйствія власти, давленія на печать и тормазъ полиціи разнымъ общественнымъ начинаніямъ на мѣстахъ. Всѣ эти неправильныя взаимоотношенія Правительства и общества стали особенно болѣзненно чувствительны при наличности народнаго представительства. Посланные запросы о творившемся на мѣстахъ все больше и больше натягивали и безъ того достаточно натянутыя струны.

Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ тяжело въ этомъ отношеніи жилось при старомъ режимѣ, какъ была скована творческая народная мысль совершенно ненужными подозрѣніями, постоянно ослаблявшими вѣру въ возможность совмѣстной работы съ Правительствомъ, и поэтому распространяться въ этомъ направленіи я не буду. Государственная Дума, избранная народомъ и облеченная его довѣріемъ, оставаться равнодушной къ такому положенію вещей, конечно, не могла. Велась упорная борьба съ Вѣдомствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, но борьба не на почвѣ сверженія или разрушенія общественнаго строя, не на почвѣ колебанія государственныхъ основъ, а на необходимости реформъ, нужныхъ для упорядоченія народной жизни, успокоенія умовъ и внѣдренія во всемъ законности. Велась эта борьба не на почвѣ усиленія революціоннаго настроенія въ странѣ, а напротивъ, въ сознаніи необходимости ослабить дѣйствіе революціонной агитаціи путемъ дарованія всѣмъ гражданамъ равенства передъ закономъ, равнымъ для всѣхъ.

Здѣсь умѣстно будетъ замѣтить, что часто отдѣльныя выступленія болѣе пылкихъ ораторовъ, впадавшихъ въ агрессивный тонъ, инкриминировались всей Думѣ въ совокупности. Это, конечно, надо объяснить малой привычкой рус-

скаго общества разбираться въ томъ, что происходило въ стѣнахъ законодательнаго Учрежденія. Общество не привыкло еще отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что важны не отдѣльныя выступленія, а постановленія Государственной Думы, отражающія мнѣніе ея большинства и могущія вылиться въ форму закона.

Революціонныхъ постановленій III-й и IV-й Государственныхъ Думъ нельзя найти ни въ одномъ журналѣ, ни въ одномъ стенографическомъ очетѣ.

Таково было настроеніе Государственныхъ Думъ III-го и IV-го созывовъ.

Является, однако, вопросъ: вполнѣ ли соотвѣтствовало настроеніе Государственной Думы въ этотъ періодъ времени настроенію страны?

Народное представительство было, несомнѣнно, настроено патріотично и національно, любило свою родную армію, тогда какъ интеллигентное общество было настроено, къ сожалѣнію, антимилитарно, нѣсколько интернаціонально, а поэтому и мало патріотично. Слишкомъ глубоко внѣдрилась въ него привычка критики дѣйствій власти и глубокая неудовлетворенность отечественными порядками, или вѣрнѣе, непорядками Государственной жизни.

Народное представительство — Государственная Дума, — основой своей работы положила убѣжденіе въ необходимости вести страну путемъ эволюціи, но не революціи, къ развитію либеральныхъ реформъ.

Но правительство оставалось глухо къ этому правильному пониманію своихъ задачъ Государственной Думы и продолжало упорно стоять на принципѣ: «сначало успокоеніе, а потомъ реформы». О неправильности этого принципа много будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, но здѣсь умѣстно будетъ сказать, что Государственный Совѣтъ сталъ на ту же точку зрѣнія и усердно помогалъ Правительству тормозить всякія начинанія Государственной Думы, направленныя къ проведенію въ жизнь необходимыхъ либеральныхъ реформъ. Покойный П. А. Столыпинъ не разъ горько жаловался мнѣ на то, что при создавшемся положеніи вещей управлять Государствомъ и законодательствовать невозможно. «Что толку въ томъ, говорилъ онъ, что успѣшно проведешь хорошій законъ черезъ Государственную Думу, зная впередъ, что въ Государственномъ Совѣтѣ его ожидаетъ неминуемая пробка». И дѣйствительно, можно привести цѣлый рядъ хорошо продуманныхъ и успѣшно проведенныхъ черезъ Государственную Думу законовъ, насущно необходимыхъ для страны, но которые никогда не увидѣли жизни изъ за упорной оппозиціи въ Государственномъ Совѣтѣ. Нельзя не удивляться этой непонятной позиціи нашей верхней палаты, прекрасно знавшей, что революціонныя волны 1905 года вовсе не утихли, а только просочились вглубь народной толщи.

Государственная Дума хорошо понимала, что путь революціонный приведетъ къ такимъ потрясеніямъ государственнаго организма, которыя грозили бы цѣлости Государства, но внѣ Государственной Думы, несомнѣнно, уже тогда шла революціонная работа, весьма интенсивная, какъ это мы и увидимъ ниже.

Громадное большинство членовъ Государственной Думы было вполнѣ солидарно съ мыслью, высказанной во II-ой Думѣ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ П. А. Столыпинымъ въ его обращеніи, въ одной изъ рѣчей къ лѣвому крылу Думы: «Вамъ нужны великія потрясенія, а намъ нужна Великая и Сильная Россія». Однако, съ кончиной Столыпина, въ правительственныхъ кругахъ стало одолѣвать крайне правое теченіе, стремившееся сократить и принизить значеніе народнаго представительства. По крайней мѣрѣ, въ докладѣ своемъ Императору Николаю II, даже еще въ 1915 году, во время войны, тогдашній

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Маклаковъ совершенно открыто указывалъ на необходимость такой мѣры, и при этомъ докладѣ я лично видѣлъ собственноручное письмо къ Министру Императора Николая II, въ которомъ онъ писалъ, что эти соображенія Маклакова имъ — Императоромъ — одобряются и раздѣляются. Даже вполнѣ законопослушная и трезво относящаяся къ дѣлу Государственнаго строительства III-я Государственная Дума была взята подъ подозрѣніе, и правящіе круги всячески старались въ чемъ только возможно умалять ея значеніе и достоинство. Такъ, напримѣръ, въ дни празднованія Отечественной войны, 1812 года, въ Москвѣ Государственная Дума, какъ таковая, не была приглашена къ участію въ торжествахъ памяти народной войны, а былъ приглашенъ только Предсѣдатель ея именнымъ приглашеніемъ, тогда какъ Государственный Совѣтъ былъ приглашенъ, какъ учрежденіе, въ полномъ своемъ составѣ.

При прощальной аудіенціи передъ роспускомъ III-й Государственной Думы, Императоръ Николай II-й не былъ благосклоненъ къ Государственной Думѣ въ прощальномъ своемъ словѣ, обращенномъ къ ней, и Дума разъѣхалась, огорченная и оскорбленная, не чувствуя за собой никакой вины и ожидавшая иного къ себѣ отношенія Верховной власти.

Наступившая вслѣдъ за этимъ избирательная кампанія ясно обнаружила рѣшимость Правительства добиться состава Государственной Думы исключительно изъ правыхъ партій, для чего были пущены въ ходъ всѣ возможныя средства, примѣняемыя съ большою изобрѣтательностью правительствомъ В. Н. Коковцева, и на все прогрессивно мыслящее было воздвигнуто форменное гоненіе. Въ этихъ цѣляхъ сдѣлано было черезъ оберъ-прокурора Св. Синода В. К. Саблера основательное давленіе на духовенство. Правительств. Сенатъ сыпалъ, какъ изъ рога изобилія, одно разъясненіе за другимъ, въ цѣляхъ сокращенія круга избирателей. Но, несмотря на это, большинства въ Думѣ Правительство все-жъ не добилось, что стало сразу яснымъ при избраніи Предсѣдателя Государственной Думы изъ партіи октябристовъ значительнымъ большинствомъ голосовъ. Настроеніе всѣхъ партій отъ октябристовъ и лѣвѣе ихъ было чрезвычайно повышенное, можно даже сказать, озлобленное къ Правительству, но и внутренній разладъ въ самой Думѣ получился такой, что болѣе мѣсяца Государственная Дума не въ состояніи была избрать Товарищей своего Предсѣдателя, не имѣя возможности сговориться на кандидатахъ. Если къ этому прибавить, что слухи о предстоящемъ переворотѣ, въ смыслѣ превращенія Думы изъ законодательной въ законосовѣщательную, слухи о возможности роспуска ея, въ виду невозможности достигнуть соглашенія между партіями даже въ выборѣ президіума, стали распространяться все шире и шире, то прямая опасность авторитету народнаго представительства вставала для насъ во весь ростъ, какъ реальная дѣйствительность.

Партія Народной Свободы, подвергшаяся наибольшимъ предвыборнымъ гоненіямъ, явно клонилась къ союзу съ крайними лѣвыми элементами, и опасность появленія чисто-революціонныхъ настроеній въ нѣдрахъ самой Государственной Думы зрѣла не по днямъ, а по часамъ. Это обстоятельство въ свою очередь грозило самому существованію Государственной Думы, что повело бы къ неизбѣжнымъ революціоннымъ волненіямъ въ странѣ. При такихъ условіяхъ партія октябристовъ, какъ центральная, увидѣла необходимость, путемъ переговоровъ и взаимныхъ уступокъ, достигнуть при помощи соглашенія прочнаго достаточно многочисленнаго большинства, способнаго отстоять народное представи-

тельство отъ всякихъ на него покушеній какъ со стороны правительства, такъ и со стороны своихъ собственныхъ крыльевъ, праваго и лѣваго. Были начаты переговоры въ соединенныхъ засѣданіяхъ руководителей разныхъ фракцій Думы съ цѣлью привлечь вліятельную въ странѣ кадетскую партію къ соглашенію и предотвратить ея союзъ съ соціалистическими группами. Имѣлось въ виду также оторвать возможно большее число членовъ Думы отъ крайняго праваго, воинствующаго крыла. Переговоры, однако, затянулись. Главнымъ тормазомъ было упорное требованіе к.-д. партіи о включеніи въ программу соглашенія еврейскаго вопроса цѣликомъ. При этомъ нужно по справедливости замѣтить, что гг. кадеты были болѣе правовѣрными, чѣмъ сами евреи, представители которыхъ лично заявляли, что при создавшемся положеніи вещей, по ихъ мнѣнію слѣдуетъ отсрочить жгучій еврейскій вопросъ и отнюдь не ставить его рѣзко программно. Не знаю, повліяли-ли они на руководителей кадетской фракціи Государственной Думы? Но все же центральныя партіи находили, что при создавшемся соотношеніи силъ, вопросъ этотъ надлежало бы оставить открытымъ, а к.-д. партія упорно стояла на своемъ. Все же, въ концѣ концовъ, соглашеніе на основѣ уступокъ состоялось, было подписано представителями партій и собрало значительное и устойчивое большинство Государственной Думы, получившее названіе прогрессивнаго блока Думскихъ партій. Возникновеніе этого блока было встрѣчено крайне враждебно какъ Правительствомъ, такъ равно и крайнимъ лѣвымъ, и крайнимъ правымъ крыломъ Государственной Думы. И надо признаться, что прогрессивный блокъ долженъ былъ быть одинаково нетерпимымъ для всѣхъ этихъ элементовъ. Разрушивъ уже возникавшее соглашеніе партіи Народной Свободы съ соціалистическими революціонными кругами и, отмежевавшись отъ не менѣе опасныхъ для молодого еще Русскаго народнаго представительства крайнихъ правыхъ круговъ, прогрессивный блокъ вводилъ работу законодательнаго учрежденія въ нормальный эволюціонный темпъ, имѣя достаточную силу парализовать всякія революціонныя попытки какъ справа, такъ и слѣва. Не могло это соглашеніе радовать и Правительство, такъ какъ оно вынуждало его считаться съ прочно спаяннымъ прогрессивнымъ большинствомъ Государственной Думы, чѣмъ разрушалась вся упорная предвыборная работа Правительства, стремившагося къ созданію послушнаго ему большинства въ Государственной Думѣ.

На прогрессивный блокъ немедленно же посыпались всякія нареканія изъ нѣдръ перечисленныхъ элементовъ, оставшихся внѣ соглашенія. Его обвиняли во всякихъ небывалыхъ замыслахъ взаимно противорѣчащихъ другъ другу, въ зависимости отъ того лагеря, изъ котораго такія инсинуаціи исходили.

Ненависть къ создавшемуся прочному ядру была такъ велика, что объединила два противоположныхъ полюса въ Государственной Думѣ и можно привести не одинъ примѣръ, когда крайнія правыя монархическія и крайнія лѣвыя соціалистическія. партіи оказывались въ трогательномъ единеніи и голосовали вмѣстѣ, стремясь затормозить работу прогрессивнаго блока, что, къ сожалѣнію, иногда и удавалось.

А между тѣмъ, значеніе прогрессивнаго блока было чрезвычайно. Соглашеніе это, создавъ прочное прогрессивное большинство, возвращало Государственной Думѣ ея поколебленный было авторитетъ, дѣлало возможнымъ планомѣрную работу законодательнаго учрежденія и исключало возможность случайныхъ голосованій въ существенныхъ вопросахъ законодательства.

Программа блока была впервые открыто заявлена съ Думской кафедры въ отвѣтъ на декларацію Предсѣдателя Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкина, смѣнившаго на этомъ посту В. Н. Коковцева.

Особенно выпуклое значеніе наличія прогрессивнаго блока Думскихъ фракцій сказалось при объявленіи войны.

Блокъ отказался отъ лица входящихъ въ его составъ партій на время войны отъ проведенія какихъ бы то ни было своихъ программъ, и всю свою работу рѣшилъ направить въ помощь Правительству въ исключительно трудныя времена войны. Впослѣдствіи прогрессивный блокъ всѣми возможными мѣрами боролся противъ пораженческаго движенія, несомнѣнно насажденнаго въ Россіи германскимъ шпіонажемъ и агентурой.

Изъ изложенныхъ мною обстоятельствъ его возникновенія ясно видно, что прогрессивный блокъ въ Государственной Думѣ явился послѣдствіемъ необходимости самообороны и борьбы съ нарождающимся революціоннымъ движеніемъ въ странѣ. Только полною неосвѣдомленностью общества объ этихъ причинахъ и можно объяснить себѣ всѣ кривотолки и несправедливыя нападки, которыя сыпались на него со всѣхъ сторонъ.

Въ весеннюю сессію 1914 года въ Государственной Думѣ прошелъ законопроектъ о большой военной программѣ, которая, выполненная въ два года, то-есть къ 1917 году, дѣлала нашу армію и численно, и по снаряженію значительно сильнѣе германской.

Съ момента утвержденія этого закона Верховной властью, для насъ, членовъ Государственной Думы, стало ясной неизбѣжность въ самомъ ближайшемъ будущемъ вооруженнаго столкновенія съ Германіей, которая не могла ждать нашего военнаго усиленія.

Съ этого же момента революціонная агитація, несомнѣнно германскаго происхожденія, среди рабочихъ разныхъ заводовъ усилилась до чрезвычайныхъ размѣровъ. Хотя она явно существовала и раньше, но особенно усилилась съ начала 1914 года.

Здѣсь несомнѣнно была примѣнена излюбленная система Германіи, путемъ широкой подпольной агитаціи внести смуту въ тылу воюющей съ ней страны. Въ современныхъ войнахъ, гдѣ техника играетъ едва ли не первенствующую роль, разрушить правильный транспортъ тыла, лишая армію нормальнаго подвоза провіанта, интендантскаго и боеваго снабженія, представлялось для Германіи вопросомъ несомнѣнно первостепенной важности. Посѣять смуту въ умы оставшагося дома населенія, посѣять недовѣріе къ вождямъ своимъ среди русскаго воинства, путемъ возбужденія рабочихъ и подстрекательства ихъ къ забастовкамъ въ цѣляхъ затрудненія промышленныхъ работъ, направленныхъ къ снабженію арміи — это были безспорно прямыя задачи нашего врага и проводились имъ чрезвычайно умѣло и упорно въ Россіи.

Благодаря попустительству Правительства, препятствій эта пропаганда не встрѣчала, и кромѣ указанныхъ мотивовъ упорно сѣялась преступная идея пораженчества, успѣху которой способствовала неувѣренность русскаго общества въ томъ, что Правительство способно довести войну до побѣднаго конца.

Петроградъ въ 1914 году, передъ самой войной, былъ объятъ революціонными эксцессами. Эти революціонные эксцессы, возникшіе среди рабочаго населенія Петрограда, часто влекли вмѣшательство вооруженной силы; происходили демонстраціи, митинги, опрокидывались трамвайные вагоны, валились телеграфные и телефонные столбы, устраивались баррикады.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и волненія среди фабрично-рабочаго класса были результатомъ дѣятельности Германскаго Генеральнаго Штаба. Такъ, напримѣръ, произошли загадочныя отравленія работницъ на табачныхъ фабрикахъ въ Петроградѣ, которыя не были раскрыты и такъ и остались загадками. Забастовки возникали и организовались безъ всякихъ видимыхъ причинъ и только теперь стало ясно, гдѣ лежалъ корень всѣхъ этихъ событій. Надо было окончательно разложить и развратить русскую промышленность передъ войной, и внести непоправимую смуту въ русское общество. Сѣмена большевизма на почвѣ разжиганія классовой ненависти сѣялись, очевидно, щедрою рукою, и эта пропаганда, которую не поняли и съ которой никто не боролся, конечно, сыграла видную роль въ подготовкѣ къ Русской революціи.

Все это происходило во время посѣщенія Россіи представителемъ дружественной намъ державы — Президентомъ Французской Республики Пуанкарэ.

Волненія въ столицѣ были настолько сильны, что Президентъ вынужденъ былъ ѣздить по городу въ сопровожденіи значительнаго военнаго конвоя. То же самое, хотя, разумѣется, въ меньшемъ масштабѣ, происходило и на мѣстахъ. Велась энергичная агитація среди крестьянъ на почвѣ земельныхъ отношеній и нельзя не отмѣтить силу и вліяніе этой агитаціи. Землевладѣльцы должны хорошо помнить тѣ условія, въ которыя были поставлены они, въ виду частыхъ волненій сельскихъ рабочихъ и ихъ постоянныхъ забастовокъ въ горячую пору. Справедливое стремленіе къ увеличенію площади своей пахатной земли получило совершенно неправильное направленіе, подъ вліяніемъ той же агитаціи, и назвать состояніе умовъ русской деревни въ то время спокойнымъ — было бы большой ошибкой и, конечно, германская агитація велась на этой почвѣ весьма широко. Однако, за нѣсколько дней до объявленія войны, когда международное политическое положеніе стало угрожающимъ, когда маленькой братской намъ Сербіи — могущественной сосѣдкой Австріей былъ предъявленъ извѣстный всѣмъ и непріемлемый для нея ультиматумъ, какъ волшебствомъ сметено было революціонное волненіе въ столицѣ. Я былъ въ это время за границей, въ Германіи, но, къ счастью, мнѣ удалось избѣжать нѣмецкаго плѣненія.

Вся германская пресса, очевидно, въ цѣляхъ подготовленія общественнаго мнѣнія Германіи къ войнѣ, на всѣ лады трубила о полномъ разложеніи Россіи. Всѣ газеты утверждали, что революція у насъ вспыхнетъ не сегодня — такъ завтра, на всѣ лады обрисовывалось возрастающее вліяніе Wundermönch'a (Чудомонаха) Распутина, ненавистнаго странѣ, но пріобрѣтшаго исключительное вліяніе на Русскую Императорскую Чету и т. д., и т. д.

Объявленіе войны и общественныя настроенія

Вернувшись въ Петроградъ передъ самымъ объявленіемъ войны, я былъ пораженъ перемѣной настроенія жителей столицы. «Кто эти люди?» — спрашивалъ я себя съ недоумѣніемъ, — «которые толпами ходятъ по улицѣ съ національными флагами, распѣвая народный гимнъ и дѣлая патріотическія демонстраціи передъ домомъ Сербскаго посольства».

Я ходилъ по улицамъ, вмѣшивался въ толпу, разговаривалъ съ нею и, къ удивленію, узнавалъ, что это рабочіе, тѣ самые рабочіе, которые нѣсколько дней тому назадъ ломали телеграфные столбы, переворачивали трамваи и строили баррикады.

На вопросъ мой: чѣмъ объясняется перемѣна настроенія? я получилъ отвѣтъ: «Вчера было семейное дѣло: мы горячо ратовали о своихъ правахъ, для насъ реформы, проектируемыя въ законодательныхъ учрежденіяхъ, проходили слишкомъ медленно, и мы рѣшили сами добиться своего, но теперь — сегодня — дѣло касается всей Россіи. Мы придемъ къ Царю, какъ къ нашему знамени, и мы пойдемъ за нимъ во имя побѣды надъ нѣмцами».

Аграрныя и всякія волненія въ деревнѣ сразу стихли въ эти тревожные дни, и какъ великъ былъ подъемъ національнаго чувства — краснорѣчиво свидѣтельствуютъ цифры: къ мобилизаціи явилось 96% всѣхъ призываемыхъ, явились безъ отказа и воевали впослѣдствіи на славу.

Настроеніе было далеко не революціонное, а чисто патріотическое и воодушевленное. А между тѣмъ, въ теченіе трехъ лѣтъ войны это настроеніе такъ измѣнилось, что обезпечило громадный успѣхъ вспыхнувшей революціи.

Какимъ же образомъ произошла эта перемѣна, и что было причиной коренного измѣненія настроенія массъ, и гдѣ надо искать корень зла?

Готовность жертвовать всѣми средствами и силами на благо Родины, ввиду начавшейся войны, превышала даже потребность въ этихъ жертвахъ, но общій лозунгъ безусловно объединялъ всѣхъ: «Мы должны побѣдить».

Всѣми, хотя и смутно, понималось, что возникшая война является войной рѣшающей въ давнемъ спорѣ между германцами и славянами, но настоящая цѣль войны и перспективы будущаго въ случаѣ побѣды, а также сущность происходящихъ событій, къ сожалѣнію, народнымъ массамъ были неясны, какъ неясно было и то, что произойдетъ въ случаѣ пораженія Россіи и какія гибельныя послѣдствія ожидаютъ нашу Родину въ этомъ случаѣ.

Война и Правительство

Вмѣстѣ съ этимъ, въ самомъ началѣ войны, Правительство стало на совершенно ложную точку зрѣнія. Въ цѣляхъ укрѣпленія монархическаго начала и престижа Царской власти, Правительство полагало, что войну должно и можетъ выиграть одно оно — Царское Правительство, безъ немедленной организаціи народныхъ силъ въ цѣляхъ объединенія всѣхъ въ великомъ дѣлѣ войны.

Правительство считало, что можно выиграть эту кампанію путемъ приказа и повелѣнія, и тѣмъ самымъ доказать, что Царское Правительство стоитъ на надлежащей высотѣ пониманія народной воли. Таково было, по крайней мѣрѣ, мое впечатлѣніе изъ бесѣдъ съ лицами, занимавшими крупныя правительственныя мѣста, стоявшими тогда во главѣ управленія страной. Я смѣло утверждаю, что въ теченіе трехлѣтней войны это убѣжденіе Правительства не измѣнилось ни на іоту.

Путемъ здоровой пропаганды не внѣдрялись въ массы народа здоровыя понятія о томъ, что несетъ за собою настоящая война, какія послѣдствія могутъ быть отъ пораженія Россіи, и насколько необходимо дружное содѣйствіе всѣхъ гражданъ, не жалѣя ни силъ, ни средствъ, ни жизней, ни крови для достиженія побѣды. Ошибочная точка зрѣнія неправильно понятыхъ своихъ Государственныхъ задачъ, постоянное опасеніе, какъ бы путемъ организаціи народа не создать почву для революціонныхъ очаговъ, и было роковой и коренной ошибкой всей внутренней политики нашего Правительства — не было въ Правительствѣ

необходимаго довѣрія къ народу. Въ этой позиціи, занятой Правительствомъ, кроются всѣ причины, съ моей точки зрѣнія, дальнѣйшихъ ошибокъ, допущенныхъ въ веденіи войны и приведшихъ насъ къ катастрофѣ. Правительство на первыхъ же порахъ не отдало себѣ яснаго отчета въ томъ объемѣ, который можетъ принять міровая война.

Правительство не хотѣло понять, что во всѣхъ главныхъ отрасляхъ и вопросахъ народнаго хозяйства, безъ коренной перемѣны направленія внутренней политики въ смыслѣ довѣрія къ здравому смыслу русскихъ гражданъ, оно не въ состояніи будетъ одолѣть тѣхъ не бывалыхъ еще запросовъ и той грандіозной работы, которая требуетъ отъ него созданія колоссальнѣйшей арміи, необходимой, однако, для спасенія Государства.

Вліяніе Распутина

Къ этому надо прибавить, что вліяніе Распутина, этого оракула Императорской четы, стало все болѣе и болѣе возрастать за это время, и съ нимъ, или, вѣрнѣе, съ его кружкомъ, считались всѣ министры, и, какъ мы увидимъ ниже, Распутинъ и его кружокъ впослѣдствіи пріобрѣли такое значеніе, что только по его совѣту и указанію назначались министры и должностныя лица. Вліяніе его можно объяснить чрезмѣрно мистическимъ настроеніемъ Императрицы, имѣвшей неограниченное вліяніе на своего супруга. Неизвѣстность исхода войны, опасность для династіи въ случаѣ пораженія заставляли царицу прибѣгать къ воображаемому дару пророчества Распутина, чтобы попытаться поднять завѣсу надъ загадочнымъ будущимъ.* Лично Распутинъ, въ вопросахъ войны, держался чрезвычайно двусмысленно. Его рѣчи по поводу войны, которыя передавались изъ устъ въ уста, носили неопредѣленный, неясный характеръ, но скорѣе съ оттѣнкомъ пораженчества и, несомнѣнно, ясно выраженной симпатіей къ Германіи.

Война и Государственная Дума

Но для насъ, членовъ Государственной Думы, вопросъ былъ ясенъ. Намъ, близко и подробно ознакомленнымъ со всѣмъ ходомъ дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ войнѣ, со всѣми обстоятельствами, приведшими къ ней, было совершенно ясно, что дѣло идетъ о продолжительной и упорной борьбѣ, что вопросъ идетъ о принципіальной борьбѣ германцевъ со славянами, что скоро и быстро война эта кончиться не можетъ, такъ какъ Германія, несомнѣнно, еще издавна лелѣяла безумную надежду стать владычицей міра въ полномъ объемѣ и смыслѣ этого слова.

Неправильная позиція, занятая Правительствомъ, внушала уже тогда опасеніе, что оно не справится съ поставленной ему гигантской задачей, а руководствуясь лишь слѣпой цѣлью поддержанія престижа своей власти во что бы то ни стало и видя вездѣ несуществующую еще и въ зародышѣ революцію, оно, несомнѣнно, надѣлаетъ массу ошибокъ.

---

* Справедливость этого мнѣнія находитъ себѣ подтвержденіе въ изданныхъ въ «Общемъ Дѣлѣ» письмахъ Императрицы Александры Феодоровны.

БИБЛІОТЕКА
„РУССКАЯ МЫСЛЬ"

Къ борьбѣ съ возникшей немедленно послѣ объявленія войны нѣмецкой пропагандой Правительствомъ не было ничего ни организовано, ни подготовлено. Старая привычка только повелѣвать и думать, что въ томъ напряженномъ состояніи, въ которомъ находилась страна, можно ограничиться приказомъ и требованіемъ безсознательнаго исполненія, сыграла свою гибельную роль. Этой неправильной постановкой внутренней политики Правительство посѣяло само первыя сѣмена возникшей потомъ революціи. Несмотря на неоднократныя указанія Государственной Думы, Правительство оставалось къ нимъ глухимъ и продолжало проводить въ жизнь указанную точку зрѣнія. А между тѣмъ, факты указывали совершенно иной путь для внутренней политики. Государственная Дума была созвана 26 іюля 1914 года по настоянію ея Предсѣдателя и только послѣ личнаго доклада о семъ Императору Николаю II. Въ этомъ историческомъ засѣданіи не было партій. Это тѣмъ болѣе знаменательно, что на партійной почвѣ раньше этого бывали споры, доходящіе до эксцессовъ, до скандаловъ, и Предсѣдателю Государственной Думы нужно было пускать въ ходъ всю полноту своей власти, чтобы добиться хоть внѣшняго спокойствія и внѣшняго порядка.

Въ засѣданіи 26 іюля всѣ партійныя перегородки пали, всѣ безъ исключенія. Члены Думы признали необходимость войны до побѣднаго конца, во имя чести и достоинства дорогого Отечества, и дружно объединились между собой въ этомъ сознаніи и рѣшили всемѣрно поддерживать Правительство.

Безъ различія національностей всѣ поняли, что война эта народная, что она должна быть таковой до конца и что пораженіе невыносимаго германскаго милитаризма является безусловно необходимымъ. Только одинъ депутатъ (Чхеидзе) позволилъ себѣ выступить апологетомъ пораженчества, хотя и въ туманныхъ и неясныхъ намекахъ. Онъ встрѣтилъ, однако, суровый отпоръ своей непатріотической рѣчи въ Государственной Думѣ, и послѣдствія доказали въ дальнѣйшемъ близость Чхеидзе къ германскимъ кругамъ. Достаточно прочесть стенографическій отчетъ этого засѣданія, чтобы убѣдиться, насколько великъ былъ національный подъемъ и насколько всѣ народности, входящія въ составъ Россійскаго Государства, представляли въ этотъ моментъ одну семью, одушевленную одной цѣлью и однимъ стремленіемъ.

Правительство и Государственная Дума

Правительство осталось, однако, глухо къ этому внушительному уроку. Свою точку зрѣнія — подозрѣніе въ революціонности страны, ни на чемъ не основанную, оно проводило даже въ мелочахъ.

Я не буду утруждать вниманія читателей перечисленіемъ многочисленныхъ фактовъ, доказывающихъ такое мое утвержденіе, но одинъ изъ нихъ настолько характеренъ, что я не могу не подѣлиться съ вами.

Въ началѣ войны, приблизительно въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1914 года, я былъ вызванъ въ Ставку Великимъ Княземъ Верховнымъ Главнокомандующимъ Николаемъ Николаевичемъ, который заявилъ мнѣ буквально слѣдующее: «Я въ безвыходномъ положеніи, — Армія безъ сапогъ, помогите!» Я отвѣтилъ Великому Князю, что это дѣло, несомнѣнно, можно быстро наладить, что этому можно

быстро помочь, но что для этого нужно обратиться къ общественнымъ организаціямъ, которыя близко знаютъ производительныя силы своего района и, несомнѣнно, успѣшно наладятъ это дѣло. Великій Князь назвалъ цифру требуемаго количества сапогъ, цифру сравнительно небольшую: четыре милліона паръ. Легко себѣ представить, что значитъ для двухсотмилліоннаго населенія Россіи доставить Арміи четыре милліона паръ сапогъ — эта цифра казалась мнѣ совершенно ничтожной. Но желая оставаться вполнѣ корректнымъ, я испросилъ у Великаго Князя письменное удостовѣреніе, что указанное количество сапогъ необходимо, и съ этимъ документомъ въ рукахъ явился въ Петроградъ съ заранѣе обдуманнымъ планомъ дѣйствій. Несомнѣнно, что Предсѣдатель Государственной Думы никогда не могъ явиться нарушителемъ тѣхъ установленныхъ закономъ нормъ и формъ, которыя дѣйствовали за силой закона. Поэтому для того, чтобы собрать съѣздъ представителей общественныхъ организацій, надо было обратиться за разрѣшеніемъ его къ тогдашнему Министру Внутреннихъ Дѣлъ — Маклакову. И вотъ — какой разговоръ произошелъ между мною и Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Когда я ему изложилъ обстоятельства дѣла и предъявилъ письменное заявленіе Великаго Князя Верховнаго Главнокомандующаго, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, буквально, отвѣтилъ мнѣ нижеслѣдующее: «Я не могу дать вамъ разрѣшенія на созывъ такого съѣзда; это будетъ нежелательной и всенародной демонстраціей въ томъ направленіи, что въ снабженіи Арміи существуютъ непорядки. Кромѣ того, я не хочу дать этого разрѣшенія, такъ какъ, подъ видомъ поставки сапогъ, вы начнете дѣлать революцію». И сколько я ни убѣждалъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, что Русская Государственная Дума, дѣйствующая съ согласія, вѣдома и пожеланія Великаго Князя Верховнаго Главнокомандующаго, не можетъ быть заподозрѣна, въ особенности во время народной войны, въ желаніи сдѣлать революцію, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Маклаковъ упорно стоялъ на своемъ, — и мы разстались въ озлобленіи другъ на друга.

Итакъ, изъ одиночнаго, но далеко не мелкаго факта, а ихъ можно привести многое множество, видно, какъ относилось Правительство къ общественнымъ начинаніямъ въ самомъ началѣ войны, какъ оно относилось тамъ, гдѣ дѣло шло о неисчислимыхъ жертвахъ со стороны населенія, къ этому населенію, желающему придти на помощь нашимъ доблестнымъ воинамъ. Тяжелъ былъ трагизмъ создавшагося положенія. Горишь желаніемъ помочь, и безкорыстная помощь ваша отвергается безъ существенныхъ основаній. Въ этомъ духѣ Правительство продолжало свою политику и, мало-по-малу, одушевленіе, охватившее всѣ слои Русскаго народа, стало смѣняться сначала равнодушіемъ къ дѣлу войны, а затѣмъ подозрительностью къ власти. Возникъ жгучій вопросъ: можетъ ли быть война выиграна усиліемъ одного Правительства, способно ли оно на это?

Членамъ Государственной Думы, на первыхъ же порахъ, стало яснымъ, что не хватитъ ни снарядовъ, ни патроновъ, въ виду громадной ихъ потребности. Мы съ тревогой спрашивали себя, какъ же дѣло пойдетъ дальше? И чтобы снять съ себя всякіе упреки въ отсутствіи своевременной информаціи начальствующихъ лицъ съ истиннымъ положеніемъ дѣла, Предсѣдатель Государственной Думы вновь выѣхалъ въ ставку и доложилъ Великому Князю Верховному Главнокомандующему, на основаніи точныхъ, имѣющихся у него данныхъ и цифръ, что размѣры, которые принимаетъ война, и колоссальныя потребности въ боевыхъ припасахъ должны опрокинуть всѣ нормы, установленныя въ этомъ отношеніи въ расчетахъ снабженія орудій и винтовокъ достаточнымъ

количествомъ снарядовъ, патроновъ. Нашъ врагъ превышалъ насъ не менѣе, чѣмъ въ десять разъ техническимъ оборудованіемъ, и для того, чтобы упрочить наше положеніе, и чтобы не оставить Армію совершенно безоружной, безъ пороха, патроновъ, шрапнелей и орудій — необходимо было немедленно, съ нашей точки зрѣнія по крайней мѣрѣ, призвать къ энергичной дѣятельности всю промышленность страны и все общество. Только въ этихъ мѣрахъ можно было видѣть спасеніе Россіи отъ грозящаго ей разгрома.

Правительство и мобилизація страны на нужды военнаго времени

Великій Князь Верховный Главнокомандующій оказался вполнѣ правильно освѣдомленнымъ по этому вопросу и, вполнѣ соглашаясь со мной, просилъ всѣ усилія направить къ тому, чтобы освѣтить вопросъ, съ такой же полнотой, не только ему, но и Государю Императору. Послѣдствія этого были таковы: Военному Министру, Генералу Сухомлинову, всѣ документальныя данныя были доложены. Сухомлиновъ все это долженъ былъ доложить Государю Императору, но доложилъ это, очевидно, въ иномъ свѣтѣ, ибо дѣло продолжало стоять на той же точкѣ замерзанія. Вслѣдствіе этого явилась необходимость въ личномъ докладѣ Предсѣдателя Государственной Думы съ матеріалами въ рукахъ, но и на этотъ докладъ опредѣленнаго отвѣта не послѣдовало. Правда, были приглашены нѣкоторые промышленники и заводовладѣльцы въ Главное Артиллерійское Управленіе, но они были встрѣчены въ немъ далеко невнимательно, и имъ предъявили такія невыполнимыя условія, что стало ясно, что совмѣстной работы съ ними Правительство не ищетъ. Вслѣдствіе этого, большинство изъ этихъ лицъ, видя невозможность, что-либо сдѣлать, не пошло на сдѣланный призывъ, и дѣло оставалось на томъ же мѣстѣ.

Послѣдствія такого отношенія Правительства къ усиліямъ общества помочь общей бѣдѣ, помочь общими усиліями и потушить разгорающійся пожаръ — скоро обнаружили себя. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ заявилъ, что все сдѣлаетъ самъ черезъ губернаторовъ и Армію сапогами снабдитъ. Одинъ мой знакомый мнѣ передавалъ слѣдующій фактъ, имѣвшій мѣсто въ одной изъ губерній. «По моей дорогѣ тянется странная процессія, — разсказывалъ онъ, — толпа крестьянъ, повидимому, очень мирная, окруженная, однако, стражниками и урядниками. На вопросъ одному изъ нихъ, котораго я зналъ лично: «куда васъ ведутъ?» послѣдовалъ оригинальный отвѣтъ: «Мы, дескать, сапожники, гонятъ насъ по нарядамъ въ губернскій городъ для шитья сапогъ на Армію». И вотъ такимъ кустарнымъ образомъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ проводилъ великое и отвѣтственное дѣло снабженія Арміи, истекавшей кровью на фронтѣ.

Военно-артиллерійское вѣдомство, не желая, повидимому, довѣрять русской промышленности и не давая, поэтому, промышленности объединиться въ прочныя организаціи, очевидно, изъ страха какого-то революціоннаго движенія, заказы свои дѣлало за границей. Но результаты отъ этого были для насъ очевидны. Доблестные союзники сами не были подготовлены къ войнѣ. У нихъ все, что только было возможно, было мобилизовано для своихъ собственныхъ военныхъ нуждъ, и на русскіе заказы оставалось слишкомъ мало производительныхъ силъ для срочнаго исполненія заказовъ, а дѣло велось въ такихъ пре-

дѣлахъ, чтобы только грубо не нарушить принятыхъ на себя условій и обязательствъ. Необходимость быстро создать огромную Армію, не существовавшую, напримѣръ, въ Англіи, вызвала необыкновенное напряженіе народнаго труда, а на нашу долю оставались только отбросы, которые опять-таки, за отсутствіемъ надлежащаго тоннажа, такъ какъ перевозка и доставка въ Россію возможна была только черезъ замерзающіе сѣверные порты, — опаздывали и прибывали чрезвычайно неаккуратно и, что всего хуже, создали вокругъ заказовъ въ Россіи цѣлую армію авантюристовъ, разобраться въ доброкачественности которой Артиллерійскому вѣдомству не представлялось никакой возможности. Зачастую заказы отдавались въ нежелательныя и даже недобросовѣстныя руки. Но такъ какъ Правительство было убѣждено, что заказы придутъ своевременно, то въ ожиданіи ихъ поступленія оно разрѣшало тратить снаряды, находящіеся въ наличности въ Арміи въ ограниченномъ количествѣ. Заказы изъ за-границы, однако, не приходили въ срокъ, и положеніе получилось такое, что къ веснѣ 1915 года снарядовъ оказалось минимальное количество, и Армія буквально голодала въ этомъ отношеніи.

Предсѣдателемъ Государственной Думы это обстоятельство было доложено Государю Императору Николаю II.

«Вы ошибаетесь, Михаилъ Владиміровичъ», отвѣтилъ онъ мнѣ: «вотъ вѣдомость на сдѣланные заказы снарядовъ, ихъ должно хватить». — «Но, Ваше Величество, вѣдомости поступленія заказовъ, повидимому, у Васъ не имѣется», отвѣтилъ я. И этой вѣдомости дѣйствительно не оказалось въ рукахъ Императора.

Армія тогда сражалась почти голыми руками. При поѣздкѣ моей въ Галицію на фронтъ, весной 1915 года, я былъ свидѣтелемъ, какъ иногда отбивались непріятельскія атаки камнями, и даже было предположеніе, вооружить войска топорами на длинныхъ древкахъ. И тѣмъ не менѣе, однако, эта нищая по снаряженію, но доблестная по духу Армія безропотно умирала, проливая свою кровь за честь и достоинство Россіи, и все-таки одерживала побѣды.

Вотъ какъ въ это время Правительство относилось къ настойчивому желанію всѣхъ общественныхъ элементовъ страны придти ему на помощь, безъ различія партій и безъ всякой задней мысли, съ исключительной цѣлью поддержать Правительство въ эту до нельзя тяжелую и трудную минуту.

Внутренняя политика Правительства

Не лучше обстояло дѣло и въ политикѣ Правительства по отношенію къ народностямъ, входящимъ въ составъ Россійскаго государства. Наиболѣе яркимъ примѣромъ такого отношенія является историческое знаменитое воззваніе къ полякамъ, выпущенное Верховнымъ Главнокомандующимъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ въ самомъ началѣ войны. Воззваніе это, обѣщавшемъ самостоятельности Польшѣ въ цѣляхъ примиренія Польши съ Россіей въ ихъ вѣковомъ спорѣ, имѣло цѣлью привлечь окончательно симпатіи какъ русскихъ, такъ и зарубежныхъ поляковъ къ Россіи, и объединить всѣ славянскія національности противъ ихъ общаго врага. Воззваніе это было, несомнѣнно, санкціонировано Верховной властью и составлено при участіи Министра Иностранныхъ Дѣлъ Сазонова. Иначе оно и быть не могло. Верховный Главнокомандующій, несмотря на значительный объемъ своихъ правъ и власти,

очевидно, не могъ дѣйствовать безъ вѣдома и санкціи главы Государства въ такомъ кардинальномъ вопросѣ.

Однако, послѣ обнародованія упомянутаго документа, рядомъ Министровъ крайнихъ правыхъ теченій была подана Императору Николаю II докладная записка объ опасности сдѣланнаго воззванія къ полякамъ, въ виду возможности расчлененія Государства и откола отъ него Царства Польскаго. Повидимому, Императоръ Николай II внялъ этому представленію, ибо Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ была дана соотвѣтствующая инструкція Варшавскому Губернатору въ смыслѣ желательности нѣкотораго охлажденія возбужденнаго національнаго чувства поляковъ. Ему давалось порученіе вылить на поляковъ какъ бы ушатъ холодной воды. Поляки всполошились. Послѣдовалъ цѣлый рядъ депутацій отъ національныхъ общественныхъ учрежденій Польши въ Петроградъ. Онѣ приходили ко мнѣ и умоляли меня объяснить Императору Николаю II, насколько гибельны могутъ быть послѣдствія отъ такой двойственной политики. Я долженъ былъ испросить всеподданнѣйшій докладъ для этого дѣла, но со стороны Императора Николая II встрѣтилъ отрицательное и даже враждебное отношеніе. «Мы, кажется, поторопились!» сказалъ онъ. Поторопились, но, вѣдь, въ такомъ вопросѣ, разъ сдѣланъ рѣшительный шагъ, вернуться назадъ нельзя. — Не значило ли это колебать престижъ Царской власти, не значило ли такимъ путемъ расшатывать устои самого Государства, и не есть ли это яркій примѣръ отсутствія пониманія Правительствомъ народныхъ и государственныхъ интересовъ.

Характеръ думской оппозиціи

Государственная Дума видѣла также ясно, что и въ другой отрасли народнаго хозяйства распоряженія Правительства заставляли желать много лучшаго. Кореннымъ условіемъ для успѣшнаго веденія кампаніи, несомнѣнно, является правильная постановка транспорта и правильное движеніе по желѣзнодорожнымъ путямъ, тѣмъ болѣе, что сѣть желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, какъ это хорошо всѣмъ извѣстно, была далеко недостаточна и совершенно не приспособлена къ тѣмъ громаднымъ перевозкамъ, которыя по ней должны были слѣдовать. Что же сдѣлало Правительство въ этомъ направленіи? Вмѣсто того, чтобы объединить все управленіе желѣзныхъ дорогъ, дѣйствующихъ какъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, такъ и въ тылу, и координировать ихъ однимъ общимъ планомъ, управленіе это было разбито на двѣ самостоятельныхъ группы. Желѣзнодорожные пути, находящіеся въ районѣ дѣйствующей арміи, были подчинены, на диктаторскихъ правахъ, отдѣльному лицу, вѣдающему передвиженіемъ войскъ, а внутри Имперіи — движеніе было подчинено Министру Путей Сообщенія. Оба эти лица другъ отъ друга не зависѣли и взаимно другъ другу не подчинялись. Создать, такимъ образомъ, согласованный графикъ движенія, при условіи недостаточности подвижного состава, явилось дѣломъ совершенно невозможнымъ, и послѣдствія скоро оказались печальными. Получалось постоянное скопленіе грузовъ внутри страны, пробки на узловыхъ пунктахъ, недостаточность вагоновъ и паровозовъ, получился, по мѣткому выраженію одного желѣзнодорожнаго дѣятеля, слоеный пирогъ вагоновъ самаго разнообразнаго состава грузовъ, разобрать который не представлялось никакой возможности, и многіе скоропортящіеся грузы гибли по этой причинѣ и становились негод-

нымп къ употребленію. Были случаи, когда приходилось сжигать поѣзда, чтобъ освободить пути.

И вмѣсто того, чтобы понять свою ошибку, Правительство въ этомъ направленіи никакого улучшенія и никакого согласованія между движеніемъ желѣзнодорожнымъ на фронтѣ и въ тылу не сдѣлало. Государственная Дума въ своихъ засѣданіяхъ доводила до свѣдѣнія верховныхъ властей объ этомъ обстоятельствѣ, указывая, что разстройство транспорта можетъ гибельно отозваться на исходѣ кампаніи, что оно можетъ повести къ столь опаснымъ осложненіямъ, что внѣ зависимости отъ доблести нашихъ славныхъ войскъ, внѣ зависимости отъ всенародныхъ жертвъ, — можетъ стоить намъ пораженіемъ. Руководствуясь такими же соображеніями, Министръ Путей Сообщенія — Рухловъ — подалъ въ отставку и былъ уволенъ. Нужно помнить при этомъ, что сѣверныя губерніи Россіи питаются почти исключительно привознымъ хлѣбомъ, что такая бѣда, какъ несвоевременная доставка продовольствія въ сѣверныя губерніи и промышленныя области Россіи, могла вызвать голодовку въ этихъ мѣстностяхъ, выбить изъ колеи все хозяйство, не говоря уже о томъ, что остановка привоза топлива могла остановить работу заводовъ на оборону. Кромѣ этого, такое положеніе въ тылу могло обезпокоить бойцовъ на фронтѣ, которые, зная, что дома ихъ семьи голодаютъ, могли бы лишиться необходимаго спокойствія и душевнаго равновѣсія.

Но всѣ представленія Государственной Думы оставались втунѣ.

Можно привести цѣлый рядъ фактовъ изъ этой области; у меня имѣются соотвѣтствующіе матеріалы, но я ограничусь указаніемъ только на нѣкоторые изъ нихъ. Такъ, напримѣръ, за все время войны не были ни разу использованы, въ достаточной степени, водные пути сообщенія внутри страны для подвоза дешевыми способами необходимаго продовольствія къ тѣмъ желѣзнодорожнымъ узламъ, которые смогли бы, въ свою очередь, довезти этотъ хлѣбъ до указанныхъ пунктовъ, сокращая этимъ требованіе на желѣзнодорожный подвижной составъ и ихъ пробѣгъ. То же самое наблюдалось и въ отношеніи организаціи продовольствія страны, и въ отношеніи распредѣленія продуктовъ первой необходимости.

Въ однѣхъ мѣстностяхъ таковыхъ предметовъ оказывалось очень много, даже съ избыткомъ, а другія терпѣли въ нихъ острую нужду. И все это было послѣдствіемъ исключительной нераспорядительности Правительства, не желавшаго внимать практическимъ указаніямъ общественныхъ дѣятелей.

Другимъ примѣромъ полной безхозяйственности Правительства можетъ служить совершенно напрасная гибель скота, реквизируемаго для продовольствія арміи.

Реквизиція шла безъ всякаго плана и соотвѣтствія съ потребностями арміи въ мясѣ. Забранный у населенія скотъ соединялся въ громадные гурты, которые передвигались за арміей безъ плана и руководства и часто попадали поэтому не въ назначенную для продовольствія мѣстность, не находили тамъ ни пастбищъ, ни корма, ни достаточнаго водопоя. Если при этомъ принять во вниманіе разстройство транспорта, то само собою разумѣется, что ни о какомъ правильномъ снабженіи гуртовъ скота для арміи не могло быть и рѣчи. Гибель скота отъ голода, болѣзни и недостаточнаго ветеринарно-гигіеническаго надзора, исчисляли тысячами головъ и нанесли населенію неисчислимые убытки. Само собою разумѣется, что это не могло ускользнуть отъ народнаго вниманія и что

малая заботливость Правительства о сохраненіи народнаго богатства и не довольно бережливое отношеніе къ интересамъ жителей, не нужная и преступная растрата государственнаго хозяйства не могли усилить, а напротивъ, ослабляли съ каждымъ днемъ довѣріе къ государственной власти и даже раздражали противъ нее. То же самое наблюдалось и въ отношеніи конскаго состава.

Безотвѣтственныя воздѣйствія

А между тѣмъ, на глазахъ у всѣхъ былъ яркій примѣръ, какъ при обратной постановкѣ вопроса возможно достиженіе блестящихъ результатовъ. Такъ было, напримѣръ, съ постановкой санитарнаго дѣла въ Дѣйствующей Арміи.

Санитарное дѣло въ Арміи, куда были допущены къ работѣ общественные элементы, стояло всегда на должной высотѣ. Но даже столь яркій примѣръ пользы и благихъ послѣдствій сочетанія всѣхъ силъ страны въ дружной работѣ съ Правительствомъ не убѣдилъ послѣднее примѣнить его и въ другихъ отрасляхъ управленія, и двойственность внутренней политики продолжала проявляться во всемъ.

Такъ, напримѣръ, министры вносили либеральные законы въ Думу и защищали ихъ, а въ Государственномъ Совѣтѣ безмолвствовали и даже голосовали, какъ члены Государственнаго Совѣта, противъ своихъ же законопроектовъ.

Вести дальше страну по этому пути было просто опасно, — это означало бы привести ее къ опасной катастрофѣ. Общество живо это чувствовало, и его, конечно, охватывало безпокойство и тревога. Изъ этого состоянія умовъ постепенно назрѣвало убѣжденіе, что Правительство неспособно выиграть войну, и стало вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно для всѣхъ, что послѣдствіемъ пораженія будетъ порабощеніе Россіи Германіей и всѣ сопряженныя съ нимъ тяжелыя экономическія послѣдствія. Всѣ чувствовали, что мы идемъ къ политической гибели и, естественно, что напряженное чувство сопротивленія такой опасной политикѣ подсказывало чувство оппозиціонное, чувство возмущенія и сопротивленія тѣмъ правительственнымъ дѣйствіямъ, которыя не объединяли всѣ производительныя силы страны, а разъединяли ихъ, и приводили въ состояніе неспособности къ плодотворной работѣ, ослабляя энергію и народный творческій духъ. Возростало неудовольствіе и на почвѣ все большаго и большаго увеличенія дороговизны предметовъ первой необходимости. Населеніе негодовало ввиду усиленныхъ наборовъ солдатъ, призываемыхъ безъ видимой необходимости, что, въ свою очередь, вызывало сокращеніе рабочихъ рукъ на мѣстахъ. Но власть продолжала оставаться глухой къ растущему неудовольствію населенія и ко всѣмъ представленіямъ, которыя постоянно дѣлала Государственная Дума въ этомъ направленіи.

Тактика Предсѣдателя Государственной Думы

Такимъ образомъ война продолжалась среди указаннаго мною хаоса, который достигъ своего апогея въ апрѣлѣ 1915 года, когда былъ сдѣланъ прорывъ на фронтѣ нашей Арміи на Санѣ, когда Армія Радко-Дмитріева, сражаясь противъ сильнѣйшаго въ десять разъ кулака Макензена, превосходящаго наши

силы не только численностью, но въ значительной степени и снабженіемъ, имѣла лишь всего по три снаряда на орудіе и по двадцати пяти патроновъ на винтовку. Незадолго до этой катастрофы на фронтѣ я былъ въ Галиціи и, въ частности, во Львовѣ, и былъ тамъ какъ разъ въ то время, когда во Львовъ прибылъ Императоръ Николай II. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ всѣхъ мѣстныхъ торжествъ по случаю пріѣзда нашего Государя, во время которыхъ я былъ удостоенъ приглашенія къ Высочайшему столу.

Послѣ обѣда Государь сказалъ мнѣ: «Думали ли Вы, Михаилъ Владиміровичъ, что мы встрѣтимся здѣсь?» — «Нѣтъ, Ваше Величество, я не думалъ и, при настоящихъ создавшихся условіяхъ, очень сожалѣю, что Вы, Государь, рѣшились предпринять эту поѣздку». — «Почему?» — «Потому что черезъ три недѣли Львовъ, вѣроятно, будетъ обратно занятъ нѣмцами, и наша Армія будетъ оттѣснена отъ занятыхъ позицій». — «Вы, Михаилъ Владиміровичъ, всегда меня пугаете и говорите мнѣ только непріятныя вещи». — «Я, Ваше Величество, не осмѣлился бы доложить Вамъ неправды. Я былъ на фронтѣ и удивляюсь Верховному Главнокомандующему, какъ онъ допустилъ Васъ пріѣхать сюда при теперешнемъ положеніи вещей. Земля, на которую вступилъ Русскій Монархъ, не можетъ быть дешево отдана обратно, но на ней будутъ пролиты потоки крови, а удержаться на ней мы не сможемъ».

Къ сожалѣнію, я оказался пророкомъ, и событія пошли послѣ торжествъ во Львовѣ и отъѣзда Государя Императора съ головокружительной быстротой. Положеніе наше съ каждымъ днемъ ухудшалось: былъ отданъ Львовъ, было общее отступленіе въ Польшѣ и постепенно наши доблестныя войска все больше и больше оттѣснялись на востокъ. Вотъ какъ отъ Императора скрывали истинное положеніе вещей. Въ это время я изъ Галиціи поѣхалъ въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго и здѣсь, къ великой радости, увидѣлъ, что, наконецъ, Верховная власть склонна идти на уступки и готова призвать къ сотрудничеству въ дѣлахъ войны всѣ общественные элементы. Была, наконецъ, получена возможность привлечь новыя свѣжія силы страны къ дѣлу обороны и спасти Россію отъ окончательнаго разгрома.

Въ Ставкѣ я указалъ Его Величеству, что все, что въ цѣляхъ обороны Государства должно быть сдѣлано, нуждается въ немедленномъ Его утвержденіи. И, наконецъ, получилъ предварительное согласіе на привлеченіе общественныхъ элементовъ въ дѣло обороны Государства.

Императоръ Николай II внялъ на этотъ разъ голосу народныхъ представителей. Были уволены пять Министровъ, наиболѣе враждебно настроенныхъ къ народному представительству, съ Военнымъ Министромъ Сухомлиновымъ во главѣ, и призваны были къ власти наиболѣе популярные государственные дѣятели, и послѣ сформированія кабинета была созвана Государственная Дума въ августѣ мѣсяцѣ 1915 года.

Но одновременно съ этими разумными и полезными начинаніями, Императоръ Николай II предпринялъ шагъ, который, по моему мнѣнію, положилъ начало деморализаціи арміи и былъ первымъ толчкомъ къ сознательному революціонному настроенію въ странѣ. Этотъ шагъ было рѣшеніе Императора Николая II отстранить Великаго Князя Николая Николаевича отъ Верховнаго Командованія и принять на свою отвѣтственность это командованіе.

Прежде всего надо замѣтить, что Великій Князь не былъ виновенъ въ той катастрофѣ, которая разыгралась на фронтѣ въ Галиціи въ маѣ 1915 года.

Снабженіе арміи не было въ рукахъ и распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго, который настойчиво и постоянно напоминалъ о всѣхъ дефектахъ этого снабженія и требовалъ рѣшительныхъ мѣръ къ упорядоченію дѣла. Армія знала это хорошо, Великій Князь былъ очень популяренъ не только въ Арміи, но и во всей Россіи, и незаслуженный ударъ по немъ не могъ не вселить нѣкотораго безпокойства въ умахъ сражавшихся, а также и оставшихся дома жителей. Съ другой стороны, Императоръ Николай II бралъ на себя очевидно непосильную задачу и бремя — одновременно въ небывало тяжелое время управлять уже начавшей волноваться страной и вести совершенно исключительной трудности войну, приявъ командованіе надъ болѣе чѣмъ десятимилліонной арміей, не будучи совершенно къ этому подготовленъ въ стратегическомъ отношеніи. Дѣло осложнялось еще и тѣмъ, что исчезалъ высшій органъ, передъ которымъ Главнокомандующій былъ бы отвѣтственъ.

Русскій царь добровольно и безъ всякой надобности бралъ на себя отвѣтъ въ случаѣ дальнѣйшихъ военныхъ неудачъ и кто же былъ бы въ этомъ случаѣ его судья? Революція дала грозный и кровавый отвѣтъ на этотъ вопросъ. Дѣло осложнялось еще и тѣмъ, что съ перенесеніемъ мѣстопребыванія Императора въ Главную Квартиру — Ставку, неизбѣжно въ нее переносилась атмосфера придворнаго быта, духъ интригъ и взаимныхъ козней. Этотъ вредный духъ неизбѣжно долженъ былъ влиться въ Армію, что и случилось на самомъ дѣлѣ, и гибельно отозваться на дисциплинѣ высшаго командного состава, а затѣмъ опуститься и въ болѣе низкіе слои. Все это и совершилось, начались назначенія по протекціи, которыя ставили во главу крупныхъ частей войскъ бездарныхъ людей и влекли прискорбныя неудачи.

Предсѣдатель Государственной Думы испросилъ немедленно Всеподданнѣйшій докладъ и всѣми силами старался отговорить Императора отъ этого намѣренія, но онъ оставался неумолимъ. Послѣ доклада предсѣдатель Государственной Думы отправилъ письменный мотивированный докладъ по этому дѣлу Его Величеству, но и это не помогло, и царь своего рѣшенія не измѣнилъ.

Особое Совѣщаніе по оборонѣ государства

Возвращаясь къ послѣдовательному изложенію событій, слѣдуетъ указать, что въ виду катастрофы на фронтѣ основной и главной задачей должна была быть забота объ обезпеченіи Арміи боевымъ снаряженіемъ и предметами снабженія. Въ этихъ цѣляхъ было основано Особое Совѣщаніе по оборонѣ, въ которое вошли: Члены Законодательныхъ Палатъ, представители промышленности, представители финансоваго міра и соотвѣтствующіе представители отъ вѣдомствъ разнаго типа. Работа этого Совѣщанія не могла быть гласной, такъ какъ касалась интимнѣйшихъ сторонъ и секретнѣйшихъ обстоятельствъ дѣла снабженія и вооруженія Арміи. Вотъ почему русское общество мало знакомо съ плодотворной дѣятельностью этого учрежденія, которое своимъ неусыпнымъ трудомъ, о чемъ будетъ сказано ниже, способствовало дѣлу снабженія Арміи, особенно снарядами и другими предметами снаряженія, и поставило дѣло вооруженія на такую высоту, которая превзошла самыя смѣлыя ожиданія. Результаты работъ Особаго Совѣщанія сказались довольно скоро. Уже къ серединѣ 1915 года Совѣщаніе вполнѣ сорганизовалось: были привлечены къ дѣлу обороны всѣ живыя реальныя силы страны, создался Военно-Промышленный Комитетъ (централь-

ный) съ отдѣлами на мѣстахъ, объединившій всѣ заводы и всю русскую промышленность. Такимъ образомъ все, что могло работать въ дѣлѣ обороны, укрѣпленія, снабженія и снаряженія Арміи, было поставлено на ноги, фронтъ въ скоромъ времени былъ засыпанъ ящиками со снарядами и патронами, на которыхъ руками рабочихъ было выгравировано: «Снарядовъ не жалѣть!» Насколько плодотворна была работа Особаго Совѣщанія, свидѣтельствуютъ слѣдующіе факты: когда во время февральскаго переворота возникли неизбѣжныя забастовки на заводахъ, работающихъ на оборону, и Особое Совѣщаніе потребовало отъ Начальника Главнаго Артиллерійскаго Управленія свѣдѣнія, въ какомъ положеніи находится дѣло снаряженія и нѣтъ-ли опасности, ввиду забастовокъ, въ томъ, что дѣло снаряженія и поставка снарядовъ замнется и остановится и Дѣйствующая Армія будетъ поставлена въ затруднительное положеніе, — то Начальникъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія доложилъ Совѣщанію, что если бы даже всѣ заводы прекратили свою работу совершенно, то запасы снарядовъ такъ велики, что артиллерійскій огонь отъ этого не уменьшится и запасовъ хватитъ на три мѣсяца интенсивныхъ боевъ. Изъ этого ясно вытекаетъ, что снарядовъ и предметовъ снаряженія было изготовлено колоссальное количество, и при томъ, слѣдуетъ отмѣтить, преимущественно русскаго производства, хотя, конечно, извѣстная доля иностранныхъ заказовъ стала, наконецъ, поступать.

Вторымъ доказательствомъ огромности запасовъ снаряженія служитъ то, что въ возникшей гражданской войнѣ большевистскія войска не терпѣли никакой нужды въ снарядахъ и оружіи, пользуясь тѣми складами и запасами, которые были припасены трудами Особаго Совѣщанія по оборонѣ.

Итакъ, вотъ что значитъ правильный шагъ Правительства въ дѣлѣ сплоченія живыхъ реальныхъ силъ страны во имя общей цѣли, вотъ что значитъ отрѣшиться отъ неправильной мысли, что войну можетъ выиграть Правительство одно, безъ участія реальныхъ творческихъ народныхъ силъ.

Результаты превзошли самыя смѣлыя ожиданія. Интенсивная работа русской промышленности и ея развитіе возбуждали нескрываемое удивленіе иностранцевъ и дали возможность Особому Совѣщанію, въ свою очередь, крайне критически отнестись къ существующимъ контрактамъ и заказамъ снарядовъ за-границей, а это, конечно, въ значительной мѣрѣ явило возможность сокращенія нашей задолженности союзникамъ.

Особое Совѣщаніе по оборонѣ и Правительство

Верховная власть, рѣшившаяся самостоятельно на подобный шагъ, встрѣтила, однако, отрицательное къ нему отношеніе со стороны Правительства, которое не могло никакъ помириться съ совершившимся фактомъ, что создался высшій контролирующій аппаратъ — Особое Совѣщаніе по оборонѣ на положеніи высшаго государственнаго учрежденія, — никому кромѣ Верховной власти отчетомъ не обязанный. Вначалѣ Особое Совѣщаніе существовало и дѣйствовало въ порядкѣ 87 статьи, но впослѣдствіи состоялось постановленіе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта въ законодательномъ порядкѣ, утвердившее законодательнымъ актомъ, санкціонированнымъ Верховной властью, учрежденіе и положеніе объ Особомъ Совѣщаніи по оборонѣ.

И тѣмъ не менѣе, Государственная Дума, собранная въ августѣ мѣсяцѣ для того, какъ указывалъ Императоръ Николай II въ своемъ рескриптѣ Предсѣдателю Совѣта Министровъ, чтобы въ трудную годину жизни Государства услышать мнѣніе земли, была внезапно и безъ видимыхъ причинъ распущена. Трудясь добросовѣстно надъ выясненіемъ причинъ возникшихъ въ войнѣ неудачъ и катастрофъ, Государственная Дума не проявила никакой агрессивности, и ея дѣятельность была направлена исключительно къ устраненію тѣхъ обстоятельствъ, которыя привели къ роковой бѣдѣ. Само собой разумѣется, что роспускъ Государственной Думы, по непонятнымъ причинамъ, ничѣмъ не вызванный съ ея стороны, создалъ сугубое раздраженіе и озлобленіе противъ Правительства. Возвращаясь къ Особому Совѣщанію по оборонѣ, нельзя не отмѣтить, что дѣятельность его была не по нутру правящимъ кругамъ. Вторженіе живого общественнаго элемента въ замкнутыя формы бюрократическаго строя раздражало правящіе круги. Тысячи препонъ, мелочей и треній тормозили работу, ихъ приходилось преодолѣвать съ большими затрудненіями и на это уходила чуть ли не треть всей энергіи работающихъ въ Особомъ Совѣщаніи. И несмотря на то, что засѣданія Особаго Совѣщанія были закрытыя, — скрыть этого обстоятельства отъ вниманія общества было невозможно.

Правительство ухитрилось даже въ настроеніи чисто патріотическомъ членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, работающихъ въ Совѣщаніи по оборонѣ, видѣть стремленіе къ революціи, и отношеніе его къ Совѣщанію получилось совершенно неожиданное.

Правительство какъ бы задалось цѣлью создать во что бы то ни стало оппозицію даже въ средѣ Особаго Совѣщанія по оборонѣ. Получилось убѣжденіе, что идея необходимости революціи ни кѣмъ инымъ такъ обязательно не была внушаема всѣмъ и каждому, какъ самимъ Правительствомъ.

Постановленіе Особаго Совѣщанія утверждались Военнымъ Министромъ, и пока во главѣ Военнаго Министерства стоялъ генералъ Поливановъ, дѣло шло болѣе или менѣе гладко, но замѣна генерала Поливанова генераломъ Шуваевымъ сразу измѣнила взаимныя отношенія. Новый Военный Министръ не видѣлъ надобности подчиняться постановленіямъ Особаго Совѣщанія, и все болѣе и болѣе приходилось вступать съ нимъ въ пререканія и доказывать необходимость дать ходъ рѣшеніямъ Совѣщанія, которыя имъ тормозились, и на эту борьбу уходило не мало драгоцѣннаго времени.

Диктатура въ тылу

Въ половинѣ 1916 года въ Ставкѣ возникло предположеніе, что все возрастающее неустройство тыла требуетъ экстраординарныхъ мѣръ, и виднымъ лицомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго былъ составленъ проектъ объ учрежденіи единоличной диктатуры для тыла Арміи въ видѣ облеченнаго чрезвычайными полномочіями лица, которому должны были подчиняться всѣ учрежденія какъ правительственныя, такъ и общественныя, по типу Главноуполномоченнаго по Санитарной Части (Принцъ Ольденбургскій). Когда извѣстіе о такомъ проектѣ дошло до Предсѣдателя Государственной Думы и до ея членовъ, — у насъ, естественно, возникла тревога, что учрежденіе такой диктатуры еще болѣе затормозитъ и запутаетъ дѣло, создавая параллельно двѣ диктатуры — Верховнаго Главнокомандующаго на фронтѣ и диктатуру въ тылу. Предсѣда-

тель Государственной Думы, испросивъ съ этой цѣлью докладъ, поѣхалъ въ Ставку и, по возможности, старался убѣдить Государя Императора Николая II не только въ безполезности, но и опасности такой мѣры, которая такимъ образомъ могла окончательно разъединить театръ военныхъ дѣйствій и территорію тыла. Правительство, какъ таковое, должно было бы потерять всякое значеніе Государственной власти, принимая во вниманіе огромныя полномочія проектируемаго диктатора. Было совершенно ясно, что учрежденіе такой диктатуры можетъ повлечь за собой опасные толки въ народѣ, что Царь не справился съ принятыми на себя задачами, что онъ не можетъ одновременно командовать Арміей и управлять Государствомъ. Сверхъ того, утрачивалась всякая возможность общественнаго контроля. Между тѣмъ, только съ осуществленіемъ этого контроля являлась надежда на побѣду. Являлась еще и такая опасная альтернатива. Если такимъ лицомъ будетъ назначенъ членъ Царской фамиліи, то легко можетъ возникнуть династическій вопросъ. Если же будетъ назначено частное лицо изъ правящихъ классовъ, то примѣръ Юаншикая въ Китаѣ, провозгласившаго себя президентомъ Китайской Республики, могъ бы оказаться довольно соблазнительнымъ для вновь испеченнаго диктатора, и опасность новыхъ смутъ и броженія угрожающе выдвигалась бы тогда на первый планъ, что, конечно, во время войны было опасно. Были поэтому исчерпаны всѣ средства для того, чтобы убѣдить Императора отъ такого шага отказаться. Къ сожалѣнію, попытка въ этомъ направленіи увѣнчалась успѣхомъ только на-половину: проектъ былъ на первыхъ порахъ отвергнутъ Императоромъ Николаемъ II, но бывшій Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ — Штюрмеръ — использовалъ его при содѣйствіи и вліяніи темныхъ безотвѣтственныхъ силъ, окружавшихъ Императрицу, а именно Распутина и его присныхъ. Негласно, секретнымъ указомъ, Верховная власть диктаторскія права указаннаго мною выше типа возложила на него, Штюрмера, какъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Предсѣдатель Совѣта Министровъ Штюрмеръ, облеченный столь обширными полномочіями, оказался сразу же въ коллизіи съ Особымъ Совѣщаніемъ по оборонѣ, остановилъ нѣсколько его постановленій, уже утвержденныхъ Военнымъ Министромъ. Это вызвало въ свою очередь въ членахъ Особаго Совѣщанія, незнакомыхъ еще съ секретнымъ указомъ Верховной власти, тревогу и недоумѣніе, которое, въ концѣ концовъ, вылилось въ бурное объясненіе съ Военнымъ Министромъ, и опять-таки, вмѣсто планомѣрной и плодотворной работы создался прецедентъ для безконечныхъ подозрѣній, недоумѣній и треній.

Одновременно съ этимъ появился и другой секретный указъ, которымъ изъ состава Совѣта Министровъ выдѣлился, такъ называемый, Малый Совѣтъ Министровъ подъ предсѣдательствомъ Министра Путей Сообщенія Трепова, въ которомъ Штюрмеръ не участвовалъ. Малый Совѣтъ Министровъ находился въ коллизіи съ Большимъ Совѣтомъ и, конечно, ничего путнаго изъ этого не выходило. Когда я узналъ объ этомъ секретномъ указѣ и сообщилъ это товарищамъ, то послѣ обсужденія дѣла мнѣ было поручено переговорить объ этомъ съ Штюрмеромъ.

Результатъ разговора оказался благопріятнымъ, и черезъ нѣкоторое время Малый Совѣтъ Министровъ былъ упраздненъ. Изъ сказаннаго видно, насколько Правительство той эпохи было нерѣшительно въ своихъ дѣйствіяхъ. Принимая шаги въ одномъ направленіи, оно сейчасъ же отъ нихъ отказывалось, и путемъ противорѣчивыхъ постановленій, путемъ отказа отъ одного принципа въ угоду другому — вносило такую сумятицу, такой сумбуръ въ отвѣтственную работу

созданныхъ уже учрежденій, что, кромѣ вреда, опаснаго и гибельнаго, ничего другого ожидать было невозможно.

Политика Царскаго Правительства того времени отличалась необыкновенной двойственностью.

Политика въ Польшѣ, согласіе привлечь въ Особое Совѣщаніе представителей Законодательныхъ Палатъ и одновременно докладъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ о превращеніи Законодательной Думы въ законосовѣщательную, позиція, занимаемая въ Государственной Думѣ въ одномъ направленіи, въ Государственномъ Совѣтѣ въ обратномъ, двойственное отношеніе къ Распутину и постоянно скрытое недовѣріе къ народному представительству, все это способно было только раздражать, но не успокаивать взволнованнаго войной обывателя.

Особое Совѣщаніе по оборонѣ было, какъ я уже отмѣтилъ, встрѣчено не особенно сочувственно не только Правительствомъ, но и Ставкой Верховнаго Главнокомандующаго.

При самомъ возникновеніи Совѣщанія оказалось, что существуетъ при Главномъ Артиллерійскомъ Управленіи однородная комиссія по снабженію подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Сергія Михайловича. Ясно, что совмѣстно однородныя учрежденія существовать не могли. Ясно, что явился бы цѣлый рядъ вопросовъ о взаимоотношеніяхъ, предѣлахъ власти той или иной комиссіи, порядкѣ сношеній по заказамъ и т. п. Гибельное двоевластіе погубило бы дѣло въ корнѣ. Много труда стоило убѣдить Великаго Князя отказаться отъ Предсѣдательствованія и согласиться на упраздненіе двойственной его комиссіи, состоявшей изъ должностныхъ лицъ, чиновниковъ и неимѣвшей или не желавшей поэтому имѣть постояннаго общенія съ общественными и промышленными кругами, тогда какъ во вновь учрежденномъ Особомъ Совѣщаніи именно этотъ элементъ и былъ особенно цѣненъ. Въ смыслѣ закрытія комиссіи Великаго Князя Сергія Михайловича Военнымъ Министромъ генераломъ Поливановымъ и былъ представленъ Всеподданнѣйшій докладъ, и Великій Князь Сергій Михайловичъ былъ по болѣзни уволенъ отъ званія Начальника Главнаго Артиллерійскаго Управленія и его комиссія по артиллерійскому снабженію была упразднена. Такимъ образомъ Особому Совѣщанію по оборонѣ были развязаны руки, и оно являлось единственнымъ распорядителемъ въ дѣлѣ снабженія арміи боевыми припасами. Но въ скоромъ времени Великій Князь Сергій Михайловичъ былъ вновь назначенъ Главнымъ Начальникомъ по Артиллерійскому снабженію на фронтѣ Дѣйствующей Арміи и, конечно, чинилъ не одно препятствіе начинаніямъ Особаго Совѣщанія. Пререканія со Ставкой по части снабженія были явленіемъ обыденнымъ, и какъ я уже говорилъ, очень много времени уходило на эти пререканія и много энергіи приходилось тратить на улаженіе самыхъ неожиданныхъ и малозначущихъ недоразумѣній. Лично со мной произошелъ такой инцидентъ.

Въ бытность въ Петроградѣ французскаго министра снабженія соціалиста Альберта Тома этотъ послѣдній, часто меня посѣщавшій, передъ отъѣздомъ далъ мнѣ полномочіе, въ случаѣ какихъ либо задержекъ въ заказахъ и вообще иныхъ какихъ либо недоразумѣній обращаться къ нему и Генералиссимусу Жофру съ указаніемъ на происходящіе непорядки. «Мы повѣримъ народнымъ представителямъ и немедленно исполнимъ все по Вашему требованію», прибавилъ онъ. И вотъ въ одномъ изъ засѣданій вернувшійся изъ Ставки Военный Министръ Д. С. Шуваевъ сдѣлалъ Особому Совѣщанію докладъ о томъ, что переданный Французскому Правительству заказъ на крайне необходимыя для

арміи аэропланы не только не исполняется, но какъ будто бы даже къ заказу этому французы относятся недовѣрчиво. и дѣло тормозится, аэропланы между тѣмъ до нельзя нужны. Тогда, вспомнивъ слова г. Альберта Тома, я заявилъ въ засѣданіи Особаго Совѣщанія, что если таковое найдетъ это нужнымъ и полезнымъ, то я немедленно составлю телеграммы на имя Генералиссимуса Жофра и г. Альберта Тома, и если г. Военный Министръ найдетъ это полезнымъ, то я, вручая ему эти телеграммы, прошу его препроводить ихъ адресатамъ по безпроволочному телеграфу.

Военный Министръ и Совѣщаніе весьма сочувственно приняли такое рѣшеніе вопроса и одобрили его какъ бы своимъ постановленіемъ. Я тутъ же составилъ телеграммы и передалъ ихъ генералу Бѣляеву, бывшему тогда Начальникомъ Главнаго Штаба, которому тутъ же Военный Министръ сдѣлалъ распоряженіе о немедленной ихъ отправкѣ.

Черезъ два дня получился отвѣтъ отъ Генералиссимуса Жофра и г. Альберта Тома, что ими сдѣлано распоряженіе о немедленной погрузкѣ имѣющихся готовыхъ аэропланов желаемаго типа и скорѣйшей заготовкѣ остального заказа съ такимъ расчетомъ, чтобъ весь заказъ былъ доставленъ въ Архангельскъ до закрытія навигаціи. Отвѣтъ этотъ своей благопріятной развязкой удовлетворилъ Особое Совѣщаніе, и вся переписка эта была записана въ журналъ. Казалось, не было совершенно никакого преступленія — все было совершенно гласно и на основаніи постановленія Особаго Совѣщанія, одобреннаго Военнымъ Министромъ. Это было лѣтомъ 1916 года. Каково же было мое удивленіе, когда нѣкоторое время спустя (недѣли черезъ три) я получилъ оффиціальное письмо отъ Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, въ которомъ этотъ послѣдній извѣщалъ меня, что Государь Императоръ очень недоволенъ, что Предсѣдатель Государственной Думы выходитъ изъ круга своихъ правъ, вмѣшиваясь въ дѣла, не подлежащія его компетенціи, и что онъ желалъ бы чтобъ этого больше не повторялось. Меня это письмо, даже не конфиденціальное, напечатанное на машинкѣ, поразило какъ громомъ. Въ чемъ же заключался мой проступокъ, возбудившій неудовольствіе Государя Императора? Я этого понять не могъ. Очевидно Государю былъ сдѣланъ неправильный докладъ. Я догадывался, гдѣ корень этого дѣла. Когда я обратился къ Военному Министру Шуваеву съ упрекомъ, что это его рукъ дѣло, онъ съ негодованіемъ отвергъ такое подозрѣніе и даже вызвался немедленно ѣхать въ Ставку и все разъяснить. Но я предпочелъ испросить личный Всеподданнѣйшій докладъ и съ документами въ рукахъ доложилъ подробно, какъ было дѣло. Выслушавъ меня внимательно, Государь Императоръ сказалъ мнѣ: «Да, Вы были правы, мнѣ дѣло не такъ доложили». Я испросилъ однако у Его Величества, чтобъ онъ повторилъ свои слова въ присутствіи генерала Алексѣева, подписавшаго письмо ко мнѣ, и Государь Императоръ, снисходя къ моей просьбѣ, Всемилостивѣйше ее исполнилъ. Инцидентъ былъ исчерпанъ, но недружелюбное отношеніе къ членамъ Особаго Совѣщанія и въ частности къ Предсѣдателю Государственной Думы проявилось въ этомъ случаѣ особенно ярко. Другой инцидентъ, въ которомъ Особому Совѣщанію пришлось выдержать борьбу со Ставкой произошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Изъ Ставки было прислано сообщеніе, на заключеніе Особаго Совѣщанія, что Англійское Главное Командованіе вступило въ Ставку со слѣдующимъ предложеніемъ: ввиду того, что отъ дѣйствій германскихъ подводныхъ лодокъ утрата тоннажа торговаго флота союзниковъ весьма значительна, Англійское Правительство предлагаетъ

весь русскій торговый флотъ, находящійся въ свободныхъ моряхъ, передать ему въ его распоряженіе и вѣдѣніе, причемъ Англійское Морское Министерство заявляло, что извѣстный процентъ русскихъ судовъ будетъ всегда обслуживать русскіе заказы, а остальное будетъ посвящено общимъ интересамъ. Ставка въ своемъ извѣщеніи давала понять, что она готова согласиться съ этимъ предложеніемъ, усматривая въ немъ гарантію бо́льшаго порядка и планомѣрности въ дѣлѣ морскихъ перевозокъ, ввиду того, что распоряженіе каботажнымъ флотомъ будетъ сосредоточено въ однѣхъ рукахъ. Двуличіе этого предложенія бросалось однако въ глаза. Ясно было всѣмъ членамъ Особаго Совѣщанія, что для русскихъ нуждъ оставлены будутъ поддонки каботажнаго флота и что подъ видомъ общей пользы Англія просто на просто стремится наложить свою тяжелую руку на русское Государственное достояніе. Являлся вопросъ, вернется ли оно намъ, принимая въ соображеніе нашу задолженность союзникамъ. Являлся и другой вопросъ, — въ какомъ видѣ этотъ зарождающійся нашъ торговый флотъ былъ бы намъ сданъ, ибо понятно, что чужіе корабли были бы поставлены Англійскимъ морскимъ министерствомъ на самыя опасныя мѣста. Это коварное предложеніе возмутило Особое Совѣщаніе и встрѣтило въ немъ такой рѣзкій отпоръ и критику, что представители англійскаго посольства являлись къ Предсѣдателю Государственной Думы съ объясненіями и заявленіями о своей лойяльности.

Особое Совѣщаніе такъ шумѣло по этому поводу, что въ концѣ концовъ англійское командованіе взяло свое предложеніе обратно.

Россія и союзники

Небезынтересно будетъ упомянуть объ отношеніяхъ союзниковъ къ Россіи вообще и, въ частности, къ Правительству и Государственной Думѣ. Для того, чтобы ярче освѣтить, какъ оцѣнивали страны, союзныя намъ, отношеніе Государственной Думы къ дѣлу войны, — имѣется достаточное количество фактовъ въ моемъ распоряженіи. Такъ, напримѣръ, иностранная печать того времени писала слѣдующее: «По словамъ союзныхъ делегатовъ, неопредѣленность внутренней политики Россіи учитывается общественнымъ мнѣніемъ союзныхъ державъ, какъ неблагопріятный признакъ для общаго дѣла союзниковъ. Особенно неблагопріятное впечатлѣніе производитъ не вполнѣ благожелательное отношеніе къ законодательнымъ учрежденіямъ. Продолженіе такого рода неопредѣленной внутренней политики можетъ вызвать въ союзныхъ странахъ охлажденіе, что особенно нежелательно теперь, когда возникаетъ вопросъ о финансированіи Россіи. Дѣловые круги Европы, не имѣя твердой увѣренности въ политическомъ курсѣ Россіи, воздержатся вступать въ опредѣленныя съ нею соглашенія».

Въ началѣ 1916 года состоялся съѣздъ делегатовъ иностранныхъ державъ въ Петроградѣ, и отзывы этихъ представителей о настроеніи и общихъ событіяхъ Россіи представляютъ глубокій историческій интересъ. По словамъ отдѣльныхъ делегатовъ, неопредѣленность положенія страны и общее недовольство Правительствомъ считалось неблагополучнымъ признакомъ для общаго дѣла борьбы съ Германіей. Конечно, неправильныя соотношенія Правительства и общества въ Россіи могли вызвать охлажденіе иностранцевъ и сомнѣніе въ благополучномъ исходѣ войны. Да и у самихъ русскихъ уже появилось нѣ-

которое чувство безнадежности, и все же, несмотря на всѣ указанія, несмотря на всѣ вопли о необходимости дружной работы Правительства съ общественными элементами — идея эта, хотя бы во имя упроченія довѣрія союзниковъ къ Россіи, не получила осуществленія, и, конечно, продолженіе такого настроенія правящихъ круговъ являлось крайне опаснымъ для успѣшнаго окончанія войны. Пораженческое движеніе въ это время подняло голову, и выступленія въ этомъ направленіи разнаго вида агитаторовъ стали учащаться. Отзывы отдѣльныхъ лицъ иностранныхъ делегацій о положеніи дѣлъ въ Россіи и отношеніе къ ней союзныхъ державъ чрезвычайно характерны. При посѣщеніи Государственной Думы делегаты говорили: «Французы горячо и искренно относятся къ Государственной Думѣ и представительству русскаго народа, но не къ Правительству. Вы заслуживаете лучшаго Правительства, чѣмъ оно у васъ существуетъ». На совѣщаніи конференціи съ союзниками, делегаты иностранцы выражали свои мысли по поводу того, насколько они поражены единеніемъ всего русскаго народа и общества. «Это трогательное единеніе всей Россіи, — сказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей французскій депутатъ, — имѣетъ своею единственной цѣлью достиженіе побѣды, и передъ нимъ можно только преклониться». Но не такого мнѣнія были иностранцы о нашихъ министрахъ.

Когда я задалъ одному изъ нихъ вопросъ, какое впечатлѣніе на него произвелъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, то онъ отвѣтилъ буквально: «Это народное бѣдствіе». На такой же мой вопросъ о другомъ министрѣ — военномъ — послѣдовалъ отвѣтъ: «Это катастрофа». Другой представитель французскаго Правительства, которому я задалъ при его отъѣздѣ вопросъ: «Какъ Вы оцѣниваете состояніе умовъ въ Россіи (это было въ январѣ 1916 года), скажите откровенно мнѣ Ваше впечатлѣніе о всемъ видѣнномъ Вами въ Россіи», — отвѣтилъ, сдѣлавшись сразу серьезнымъ и вдумчивымъ: «Г-нъ Предсѣдатель, нужно быть очень богатымъ экономически, а морально быть очень увѣреннымъ въ себѣ и вѣрить въ эту экономическую и моральную мощь свою, чтобы пребывать, въ такой исключительный моментъ, въ состояніи сладкой и безмятежной анархіи, въ которой находится Россійское Правительство и Русское общество; сознательно или нѣтъ — я этого рѣшить не берусь». Считаю здѣсь необходимымъ, говоря о союзникахъ, рѣшительно опровергнуть взводимое на почтеннаго Англійскаго посла сэра Бьюкенена обвиненіе, что онъ былъ душою переворота и революціи и своей дѣятельностью воодушевлялъ и помогалъ революціоннымъ элементамъ Россіи. Это совершенная неправда и клевета на глубоко всѣми уважаемаго политическаго дѣятеля; также точно неправда и клевета увѣреніе, что съ Англійскими агентами члены Государственной Думы имѣли сношенія и подготовляли революцію. Государственная Дума IV-го Созыва состояла преимущественно изъ умѣренныхъ элементовъ и все предыдущее изложеніе настоящаго труда свидѣтельствуетъ, что большинство ея объединившееся въ прогрессивный блокъ боролось именно съ революціонными теченіями. Умѣренные элементы въ Государственной Думѣ болѣе всего боялись, что накопленное въ странѣ неудовольствіе можетъ легко вылиться въ крайне не желательныя формы. Одинъ изъ бытописателей той эпохи справедливо замѣтилъ, что «умѣренная среда Государственной Думы въ особенности боялась внутреннихъ осложненій и вспышекъ во время войны. Ради этого страха люди золотой середины шли на уступки, старались примирять противорѣчія, а если нельзя примирить противорѣчія, то о нихъ умалчивать. Ради этого они все время призывали страну къ спокойствію. Безпокойство имъ представлялось

опаснымъ вдвойнѣ: волненіями можетъ воспользоваться не только врагъ внѣшній — нѣмецъ, но и врагъ внутренній — реакція, желающая скорѣйшаго заключенія сепаратнаго мира съ нѣмцами». Это совершенно справедливая характеристика настроеній думскаго большинства и ни о какихъ переговорахъ тайныхъ или явныхъ съ Англійскимъ посломъ я никогда не слышалъ ни малѣйшаго намека. Въ этомъ отношеніи всѣ представители нашихъ союзниковъ были до-нельзя корректны и рѣшительно отвергали всегда всякія попытки вмѣшивать ихъ въ наши внутреннія дѣла.

Вотъ, какой хаосъ царилъ въ правящихъ кругахъ и среди Государственной власти въ этотъ страшный часъ, переживаемый Россіей (да, пожалуй, и въ общественныхъ кругахъ). И надобно признать, что постепенное измѣненіе настроенія изъ патріотическаго въ революціонное и глухое недовольство коренились именно въ недовѣріи всѣхъ мыслящихъ Русскихъ круговъ къ своему Государственному аппарату, который, очевидно, стоялъ не на высотѣ своего заданія и не могъ справиться съ тѣми тяжелыми обстоятельствами, которыя разрѣшить выпало на его долю.

Я еще разъ долженъ напомнить, что съ самаго возникновенія войны партіи въ Государственной Думѣ сгладились: былъ единственный лозунгъ огромнаго большинства Государственной Думы — это всемѣрно помогать Правительству въ его тяжеломъ дѣлѣ веденія міровой войны и достиженія побѣды во славу Отечества.

Дезорганизація власти

Обязанностью народныхъ представителей являлось, такимъ образомъ, въ это время стремленіе къ измѣненію отношенія Правительства къ народу и общественнымъ силамъ въ цѣляхъ побудить его пойти на путь объединенія съ отечественными производительными силами и сдѣлать все возможное въ этой области. Но шло ли Правительство навстрѣчу ему? Я смѣло утверждаю, что нѣтъ. Чѣмъ дальше развивалась война, тѣмъ суровѣе и безпощаднѣе, если можно такъ выразиться, становилось отношеніе Правительства къ обществу. Правительству вездѣ снилась и грезилась возникающая революція и, вмѣсто того, чтобы усмирить и успокоить взволнованные небывалыми жертвами и тяжкими сомнѣніями умы населенія, Правительство дѣлало, вѣроятно безсознательно, все возможное къ тому, чтобы еще больше возбудить къ себѣ всеобщее неудовольствіе и заслуженное къ себѣ недовѣріе.

Была ли Государственная власть предупреждена о надвигающейся бѣдѣ? Привожу здѣсь мое письмо конца 1915 г. къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ Ивану Логгиновичу Горемыкину.

Предсѣдатель
Государственной Думы
19 Декабря 1915 г.

Милостивый Государь
Иванъ Логгиновичъ!

Пишу Вамъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тѣхъ свѣдѣній и данныхъ, которыя обнаружились въ только что бывшемъ засѣданіи Особаго Совѣщанія

по оборонѣ и касаются катастрофическаго положенія вопроса о перевозкахъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Этотъ вопросъ поднятъ былъ въ особомъ Совѣщаніи перваго созыва, ему посвящены работы особой комиссіи, но дальше разговоровъ, справокъ и вычисленій дѣло не пошло, и та катастрофа, которая тогда предвидѣлась, нынѣ наступила.

Подробности выяснившагося положенія заводовъ, работающихъ на оборону, которые должны при такихъ условіяхъ остановиться, а также соображенія о надвигающейся голодовкѣ населенія въ Петроградѣ и Москвѣ и сопряженныхъ съ нею возможныхъ безпорядковъ, несомнѣнно сообщены уже Вамъ г. Предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія по оборонѣ. Мнѣ, какъ и всѣмъ членамъ Совѣщанія, стало ясно, въ какую пропасть идетъ отечество наше вѣрными шагами, благодаря полной апатіи правительственной власти, которая не принимаетъ никакихъ активныхъ и рѣшительныхъ мѣръ къ устраненію возникающихъ грозныхъ событій. Я считаю, что Совѣтъ Министровъ, предсѣдательствуемый Вами, обязанъ въ силу этихъ обстоятельствъ безотлагательно проявить ту заботливость о судьбѣ Россіи, которая составляетъ его государственный долгъ. Члены Особаго Совѣщанія по оборонѣ предвидѣли все случившееся нынѣ, еще полгода тому назадъ, и Вы, Иванъ Логгиновичъ, не можете отрицать, что обо всемъ этомъ я лично неоднократно ставилъ Васъ въ извѣстность, въ отвѣтъ на что, однако, слышалъ лишь одно увѣреніе, что это не Ваше дѣло и что Вы въ дѣла войны вмѣшиваться не можете. Нынѣ такіе отвѣты уже несвоевременны. Приближается роковая развязка войны, а въ тылу нашей доблестной и многострадальной арміи растетъ общее разстройство всѣхъ проявленій народной жизни и удовлетворенія первѣйшихъ потребностей страны. Бездѣятельностью власти угнетается побѣдный духъ народа и вѣра въ свои силы. И Вашъ первѣйшій долгъ, немедленно, не теряя ни минуты, проявить, наконецъ, полноту заботы объ устраненіи всего, что мѣшаетъ достиженію побѣды. Мы, члены Государственной Думы, не можемъ, имѣя лишь совѣщательный голосъ, принять на себя отвѣтственность за неизбѣжную катастрофу, что я и заявляю Вамъ категорически. Если Совѣтъ Министровъ не приметъ, наконецъ, тѣхъ мѣръ, которыя возможны и которыя спасутъ родину отъ позора и униженія — отвѣтственность падетъ на Васъ, и если Вы, Иванъ Логгиновичъ, не чувствуете въ себѣ силъ нести это тяжелое бремя и не используете всѣ имѣющіяся средства для того, чтобы помочь странѣ выйти на стезю побѣды, то имѣйте мужество въ этомъ сознаться и уступить свое мѣсто болѣе молодымъ силамъ. Насталъ рѣшающій моментъ, наступаютъ грозныя событія, чреватыя гибельными послѣдствіями для чести и достоинства Россіи. Не медлите, горячо прошу Васъ объ этомъ, Отечество въ опасности.

Примите и проч. М. Родзянко.

Невѣроятно быстрая и ничѣмъ не вызванная перемѣна и перетасовка Министровъ получила характеръ системы, и Членомъ Государственной Думы Пуришкевичемъ съ каѳедры громко было мѣтко охарактеризовано «Министерской чехардой». Ясно, что быстрая перемѣна главъ вѣдомствъ наносила непоправимый ущербъ планомѣрному теченію дѣлъ, внося въ работу вѣдомствъ сумбуръ, что, конечно, выгодно могло быть только нашимъ врагамъ. Въ прочность и долговѣчность назначаемыхъ министровъ никто не вѣрилъ, да не вѣрили и они сами въ себя. Послѣдствіемъ такого настроенія было то, что энергіи въ работѣ не было.

Никто изъ назначаемыхъ не вѣрилъ въ то, что проектируемыя мѣры или реформы удастся провести въ жизнь за кратковременностью своего пребыванія у власти. Въ вѣдомствахъ устраивались, при назначеніи новаго Министра, пари или нѣчто въ родѣ тотализатора на срокъ пребыванія даннаго лица у власти.

Какъ назначались, напримѣръ, Министры, столь быстро смѣнявшіе другъ друга? На этотъ вопросъ я отвѣчу ихъ собственными словами. Когда на постъ Премьера былъ назначенъ Иванъ Логгиновичъ Горемыкинъ, я спросилъ его: «Какъ Вы, Иванъ Логгиновичъ, при Вашихъ преклонныхъ годахъ, рѣшились принять такое отвѣтственное назначеніе»? Горемыкинъ, этотъ безупречно честный государственный дѣятель и человѣкъ, отвѣтилъ мнѣ однако буквально слѣдующее: «Ахъ, мой другъ, я не знаю почему, но меня вотъ уже третій разъ вынимаютъ изъ нафталина». Когда князь Голицынъ получилъ назначеніе Предсѣдателя Совѣта Министровъ, я его спросилъ: «Какъ Вы, почтенный князь, идете на такой постъ въ столь тяжелое время, не будучи совершенно подготовлены къ такого рода дѣятельности». Князь Голицынъ буквально отвѣтилъ слѣдующее: «Я совершенно согласенъ съ Вами. Если бы Вы слышали, что я наговорилъ самъ о себѣ Императору, я утверждаю, что если бы обо мнѣ сказалъ все это кто либо другой, то я вынужденъ былъ бы вызвать его на дуэль». Возможенъ ли былъ при этихъ условіяхъ порядокъ!?

На почвѣ жгучаго страха за будущее Родины, на почвѣ все возрастающаго хаоса въ транспортѣ, на почвѣ все возрастающей дороговизны предметовъ первой необходимости, на почвѣ ненужныхъ наборовъ воиновъ, отрывающихъ рабочія руки отъ необходимой работы внутри страны, причемъ всѣ эти неурядицы падали, главнымъ образомъ, всей тяжестью на низшіе слои народа, на неимущее населеніе, — назрѣвало такое недовольство, которое вѣрными шагами вело народъ къ революціоннымъ эксцессамъ. Могло ли при видимомъ неустройствѣ народнаго хозяйства, при видимой, очевидной неспособности Правительства создать болѣе или менѣе нормальныя условія для того, чтобы, хотя бы сносно, но возможно было бы переносить тяготы войны и сопряженныя съ ней жертвы, могло ли отношеніе населенія быть благожелательнымъ къ Правительству и, даже, къ Верховной власти, и могла ли Государственная Дума, несмотря на свои сверхчеловѣческія усилія, удержать назрѣвающій взрывъ? Я смѣло утверждаю и беру на себя отвѣтственность за эти слова, что Государственная Дума 4-го созыва сдѣлала все отъ нея зависящее для того, чтобы удалить всѣ эти возникшія недоразумѣнія. Но голосъ ея никогда ни Верховной властью, ни Правительствомъ въ достаточной мѣрѣ не былъ услышанъ. Судите поэтому сами, насколько обвиненіе, падающее на Государственную Думу, въ томъ, что она возглавила, подготовила, воодушевила и осуществила революцію — справедливо.

Никто изъ Министровъ не рѣшался воздѣйствовать сообща съ Государственной Думой на политику внутреннюю, уклоняющуюся отъ правильнаго пути. Такъ было всегда и задолго до войны. Еще въ 1912 г. по поводу конфискаціи брошюры профессора Московской Духовной Академіи Новоселова, направленной противъ Распутина и начинавшейся словами «Quo usque tandem Catilina abutere patienta nostra», былъ предъявленъ въ Государственной Думѣ запросъ по поводу этого незакономѣрнаго дѣйствія. Обстоятельство это грозило развернуться въ общественный скандалъ. Въ цѣляхъ предохраненія Верховной власти отъ такой бѣды и желая сдѣлать попытку прекратить вредное для Императора Николая II пребываніе при дворѣ его пресловутаго старца

Распутина, я пытался склонить къ совмѣстному докладу Императору Предсѣдателя Совѣта Министровъ В. Н. Коковцова, Предсѣдателя Государственнаго Совѣта М. А. Акимова и Петроградскаго Митрополита Владиміра; всѣ эти три сановника отказались меня поддержать, и я вынужденъ былъ сдѣлать докладъ одинъ. Между тѣмъ, несомнѣнно, что совмѣстный докладъ объ опасныхъ послѣдствіяхъ все возрастающаго вліянія Распутина произвелъ бы значительное впечатлѣніе и, быть можетъ, достигъ бы цѣли. Въ концѣ 1916 г. я пытался убѣдить Предсѣд. Совѣта Министровъ Кн. Н. Д. Голицына и Предсѣд. Госуд. Совѣта Ив. Гр. Щегловитова въ необходимости уступокъ обществу. Я просилъ ихъ совмѣстно со мной сдѣлать объ этомъ докладъ, заявляя имъ, что невозможно далѣе сдерживать народное возмущеніе; я получилъ рѣзкій отказъ. Мнѣ было при этомъ заявлено, что Предсѣдатель Государственной Думы долженъ предпринять сверхчеловѣческія усилія, но сдержать возникающія волненія. На мое возраженіе, что легче въ предѣлахъ человѣческаго разума совершить благоразумный поступокъ, чѣмъ требовать сверхчеловѣческихъ дѣйствій, послѣдовалъ насмѣшливый отвѣтъ, что такое дѣйствіе, какое я требую, не входитъ въ предѣлы ихъ власти.

Нельзя все-же не отмѣтить, что Императоръ Николай II хорошо понималъ, что ему необходимо помириться съ народнымъ представительствомъ и загладить тѣ ошибки, которыя упорно продолжало дѣлать его Правительство, — ошибки, роковыя и во всякомъ случаѣ неумѣстныя во время народной войны. Но окружающіе его люди, сама атмосфера придворной обстановки при недостаточно твердой волѣ, не давала ему возможности осуществить свои добрыя намѣренія.

Нерѣдко даже, сдѣлавъ шагъ впередъ, онъ черезъ нѣкоторое время совершалъ обратный шагъ и тѣмъ портилъ въ корнѣ прекрасное первоначальное впечатлѣніе. Такъ, напримѣръ, когда, подъ впечатлѣніемъ тяжкихъ неудачъ нашихъ въ Маѣ и Іюнѣ 1915 г., было учреждено въ порядкѣ 87 ст. Особое Совѣщаніе по оборонѣ, то Государь относился къ нему съ полнымъ довѣріемъ, о чемъ мы знали черезъ бывшаго еще военнымъ министромъ В. А. Сухомлинова.

Когда въ Августѣ 1915 г. Совѣщаніе это вылилось уже въ форму закона, пройдя Законодательныя Палаты, и было Высочайше утверждено, Государь Императоръ пожелалъ его лично открыть, въ первомъ же засѣданіи и въ своей рѣчи заявилъ, что въ минуту тяжелыхъ переживаній онъ лично будетъ руководить нашими занятіями. Въ первое время онъ относился дѣйствительно съ полнымъ довѣріемъ къ работамъ Особаго Совѣщанія. Но уже съ отставкой Генерала Поливанова, и затѣмъ Ив. Л. Горемыкина это отношеніе подъ вліяніемъ новыхъ министровъ, въ особенности предсѣдателя Сов. Министровъ Б. А. Штюрмера, значительно ухудшилось, какъ это видно изъ монхъ сообщеніи и, въ концѣ 1916 года, когда тревога захватила всѣ умы и члены Особаго Совѣщанія ходатайствовали передъ его Величествомъ, въ особой запискѣ, о томъ, чтобы Онъ лично предсѣдательствовалъ въ Совѣщаніи и выслушалъ бы полный докладъ о дѣйствительномъ положеніи дѣла, Ему угодно было отклонить это ходатайство, что вселило значительное неудовольствіе.

Такимъ же добрымъ и правильнымъ побужденіемъ было и посѣщеніе Государемъ Госуд. Думы 9-го февр. 1916 г. Посѣщеніе это состоялось внезапно, безъ предупрежденія, такъ что даже Предсѣдатель Думы узналъ о немъ за часъ до открытія Засѣданія. Слѣдовательно, ничего не могло быть подготовленнаго или искусственнаго.

Небывалый энтузіазмъ съ которымъ былъ встрѣченъ Императоръ Николай II въ этотъ значительный день не только членами Думы, но и многочисленной публикой на хорахъ, — энтузіазмъ искренній, неподдѣльный не былъ ли явнымъ указаніемъ, какъ жаждалъ тогда весь русскій народъ полнаго, довѣрчиваго единенія съ своимъ Царемъ, въ дни небывалыхъ лишеній, жертвъ и страданій.

Государь это понялъ, но не додѣлалъ своего добраго начинанія. Будь въ этотъ день дано отвѣтственное министерство, революціи не было бы и война была бы выиграна.

Но окончательнаго согласія не состоялось, дѣло ограничилось однимъ лишь Высочайшимъ посѣщеніемъ, а Правительство продолжало подозрительно и недовѣрчиво относиться къ народному представительству и вообще къ общественнымъ кругамъ, чѣмъ только углубляло и расширяло раздѣляющую ихъ пропасть.

Деморализація Арміи

Когда совершился переворотъ и, такъ называемое, углубленіе революціи привело къ тому, что страсти разнуздались и всѣ дурные инстинкты выплыли наружу, получилось трагическое по своимъ тяжкимъ послѣдствіямъ для Государства разложеніе Арміи, которая отказалась воевать и, подъ вліяніемъ преступной агитаціи, ушла съ фронта, обнаживъ его для противника, который не имѣлъ уже никакихъ препонъ для вторженія въ страну. Впослѣдствіи всю вину за эти прискорбныя событія взвалили на плечи Государственной Думы 4-го созыва; обвиненія эти отчасти получили популярность и были приняты на вѣру, безъ критическаго и внимательнаго отношенія къ правдивости подобныхъ слуховъ. Признаюсь откровенно, я всегда съ болью въ сердцѣ выслушивалъ эти обвиненія, потому что направленіе, въ которомъ работала Государственная Дума въ теченіе десяти лѣтъ, какъ это видно изъ изложенныхъ выше моихъ сообщеній, и существо этой работы по отношенію къ родной отечественной Арміи — вполнѣ противорѣчатъ такому обвиненію.

Для Государственной Думы, какъ читатель могъ убѣдиться изъ вышеизложеннаго мною, не было болѣе священной обязанности, какъ помогать возрожденію Арміи и флота въ той или другой формѣ. И законодательное учрежденіе положило много силъ и энергіи для увеличенія боеспособности нашихъ войскъ и улучшенія быта ея чиновъ.

Да, это тяжелое и незаслуженное обвиненіе. Поэтому надлежитъ обратиться къ фактамъ, которые въ достаточной мѣрѣ могутъ освѣтить создавшееся положеніе.

Съ самаго начала войны порядокъ укомплектованія войскъ на фронтѣ былъ установленъ слѣдующій: внутри Имперіи были созданы, такъ-называемые, запасные баталіоны, время-отъ-времени, по мѣрѣ надобности, посылавшіе различнаго вида пополненія на фронтъ, въ составѣ маршевыхъ ротъ. Эти запасные баталіоны, достигавшіе иногда небывалой цифры отъ 12 до 19 тысячъ человѣкъ въ каждомъ, были очень недостаточно оборудованы надежными инструкторами: кадровое офицерство почему-то задерживалось на фронтѣ и лучшіе опытные бойцы оставались въ Дѣйствующей Арміи въ пылу огня.

Между тѣмъ, частыми усиленными наборами призывался подъ знамена въ запасные батальоны далеко необученный и совершенно сырой матеріалъ, ко-

торый еще требовалъ тщательной и внимательной обработки, а сверхъ того требовалась разумная пропаганда въ цѣляхъ внушенія призваннымъ смысла и значенія войны, а также и объема долга и обязанностей, сопряженныхъ съ этимъ для призываемыхъ на службу.

Ничего этого не было. Запасные батальоны или поручались совершенно неопытнымъ офицерамъ, или лицамъ, далеко незнакомымъ съ порядкомъ обученія войскъ, или даже такимъ, которые стремились избѣжать службы на фронтѣ, и, такимъ образомъ, не представляли изъ себя надлежащій примѣръ боевыхъ опыта, доблести и знанія современныхъ условій войны.

Правда, что при недостаткѣ, который чувствовался въ офицерскомъ составѣ, задача эта была не изъ легкихъ, но при разумной организаціи дѣла, путемъ отправки быстро производимыхъ офицеровъ на фронтъ для замѣны ими кардовыхъ офицеровъ и обратнаго откомандированія кадровыхъ офицеровъ для обученія запасныхъ войсковыхъ частей — задача могла быть болѣе или менѣе удовлетворительно разрѣшена.

Такимъ образомъ, вышеупомянутые запасные батальоны, о роли которыхъ въ переворотѣ я буду говорить впослѣдствіи, были, если можно такъ выразиться, предоставлены самимъ себѣ безъ надлежащаго надзора, безъ надлежащей инспекціи, были плохо обставлены въ матеріальномъ отношеніи, нуждались въ обмундировкѣ, продовольствіи и даже оружіи. Тамъ, въ самыхъ нѣдрахъ этихъ запасныхъ батальоновъ, будущихъ бойцовъ на фронтѣ, возникло глухое броженіе и недовольство на почвѣ разныхъ недочетовъ, и тамъ же къ тому же работала во всю германская и революціонная пропаганда.

Наборы и пополненія этихъ запасныхъ батальоновъ производились безъ достаточно продуманной системы, безъ должнаго вниманія къ сохраненію рабочихъ силъ на мѣстахъ, которыя были необходимы для успѣшной работы въ тылу. И если принять въ соображеніе хроническій недостатокъ винтовокъ, то нужно признать, что запасные батальоны представляли изъ себя зачастую просто орды людей недисциплинированныхъ и мало-по-малу развращаемыхъ искусными агитаторами германскаго производства.

Самая система призыва населенія, оставшагося дома, къ исполненію воинской повинности, какъ я уже говорилъ, не имѣла никакого плана и, не считаясь съ хозяйственными условіями тыла, зачастую возбуждала этимъ вредное для дѣла недовольство населенія. Такъ, напримѣръ, призывъ подъ знамена въ 1916 г. былъ объявленъ въ концѣ іюня мѣсяца въ самый разгаръ уборки хлѣбовъ, и только по настойчивому ходатайству Предсѣдателя Государственной Думы передъ Верховной властью былъ перенесенъ на осенніе мѣсяцы. Но тѣмъ не менѣе наборъ былъ объявленъ, смущеніе среди населенія, работавшаго на поляхъ, было внесено. Конечно, такая мѣра отозвалась, съ одной стороны, гибельно на успѣхахъ полевыхъ работъ, а съ другой — подорвало довѣріе къ власти, не считающейся съ насущнѣйшими надобностями экономическаго быта страны.

Между тѣмъ, точнаго подсчета общаго числа призванныхъ на службу не было и различныя учрежденія, вѣдающія эту отрасль, утверждали разныя цифры, которыя разнились между собою на милліонъ и больше людей.

Ставка считала меньше призванныхъ, мобилизаціонный отдѣлъ военнаго министерства значительно больше и, наконецъ, подсчетъ, сдѣланный по порученію Особаго Совѣщанія по оборонѣ, послѣ неудачнаго набора въ рабочую пору, установилъ третью цифру, расходящуюся съ двумя первыми.

Ставка имѣла основанія требовать все новые наборы, что ясно видно изъ слѣдующихъ обстоятельствъ.

Я не хочу порочить нашу доблестную Армію, а тѣмъ болѣе доблестнѣйшее офицерство, которое кровью своею стяжало себѣ неувядаемую, безсмертную, всемірную славу, но справедливость требуетъ указать, что симптомы разложенія Арміи были замѣтны и чувствовались уже на второй годъ войны. Такъ, напримѣръ, въ періодъ 1915 и 1916 г.г. въ плѣну у непріятеля было уже около 2 милліоновъ солдатъ, а дезертировъ съ фронта насчитывалось къ тому же времени около полутора милліона человѣкъ. Значитъ, отсутствовало около 4-хъ милліоновъ боеспособныхъ людей, и цифры эти краснорѣчиво указываютъ на извѣстную степень деморализаціи Арміи.

Но это явленіе указываетъ на то, что съ нимъ не было достаточной борьбы и противъ него не принимались достаточно рѣшительныя и суровыя мѣры. Дисциплина очевидно расшатывалась и чувство долга по отношенію къ родинѣ не развивалось и не укрѣплялось въ достаточной мѣрѣ въ призываемыхъ.

По подсчету, сдѣланному однимъ изъ членовъ Государственной Думы, получилось такого рода соотношеніе: число убитыхъ изъ состава солдатъ выразится 15%, но по отношенію къ офицерству этотъ процентъ выразится цифрой 30%, а раненыхъ еще больше.

Такимъ образомъ, по соотношенію состава офицеровъ и солдатъ — убитыхъ офицеровъ во время войны было въ два раза больше.

Процентное отношеніе плѣнныхъ ко всему солдатскому составу выражается цифрой около 20%, между тѣмъ какъ по отношенію къ офицерамъ это % обозначеніе выражается 3%. Дезертировъ офицеровъ не было вовсе.

Въ полевыхъ бояхъ убыль здоровыхъ солдатъ и раненыхъ въ пальцъ была очень значительна. Какъ примѣръ, приведу фактъ, который далеко не единственный: въ одномъ изъ полковъ въ битвѣ подъ Гельчевымъ, 26 августа 1914 г., послѣ боя оказалось на лицо только 1500 человѣкъ изъ трехъ съ половиной тысячъ, но черезъ три дня къ кухнямъ собралось еще вполнѣ здоровыхъ 1500 человѣкъ.

Та же картина произошла послѣ боя въ одномъ изъ полковъ подъ Краковомъ.

Утверждаю, что эти случаи не единственные, но взяты мною, какъ точно провѣренные, которые можно доказать документально.

Пополненія, посылаемыя изъ запасныхъ батальоновъ, приходили на фронтъ съ утечкой въ 25% въ среднемъ, и, къ сожалѣнію, было много случаевъ, когда эшелоны, слѣдующіе въ поѣздахъ, останавливались въ виду полнаго отсутствія состава эшелона, за исключеніемъ начальника его, прапорщиковъ и другихъ офицеровъ.

Здѣсь не мѣсто глубоко анализировать причины этихъ прискорбныхъ и мрачныхъ обстоятельствъ, но мнѣ необходимо было освѣтить истинное положеніе и настроеніе Арміи для того, чтобы, когда я буду говорить о полномъ разложеніи, послѣдовавшемъ послѣ переворота, которое инкриминируется всецѣло Государственной Думѣ, имѣть возможность сослаться на то, что предшествовавшія событія вовсе не служили доказательствомъ полной сковашности и строгой дисциплины въ Арміи. Кромѣ этого, я съ большимъ огорченіемъ долженъ констатировать, что далеко не всегда распоряженія высшаго командная состава были на высотѣ своего положенія. Такъ, напримѣръ, было съ блестяще подготовленной, блестяще начатой и имѣвшей въ началѣ успѣхъ операціей

прорыва на Стоходѣ. Когда, подъ командованіемъ генерала Брусилова, совершенъ былъ глубокій прорывъ, и наши войска въ началѣ имѣли крупный успѣхъ, этой операціей не было достигнуто поставленныхъ цѣлей и, главнымъ образомъ, потому, что распоряженія команднаго состава не всегда обезпечивали успѣшныя военныя дѣйствія доблестныхъ нашихъ частей.

Я былъ на мѣстѣ во время этихъ боевъ и знаю, что въ силу недостаточной артиллерійской подготовки и невыполненныхъ своевременно другихъ условій — я говорю это со словъ спеціалистовъ и участниковъ боевъ, — напримѣръ, Гвардейскій корпусъ, пополненный блестяще за время своего отдыха въ тылу, потерялъ до 60% своего состава вслѣдствіе неумѣлаго командованія, полнаго отсутствія воздушной развѣдки (на весь Гвардейскій корпусъ было, кажется, только четыре аэроплана) и другихъ причинъ.

Я не позволю себѣ винить отдѣльныхъ лицъ. Фронтовая Армія отъ генерала до солдата безтрепетно сражалась, исполняла честно свой долгъ и безстрашно умирала во славу Родины. Но несовершенство организаціи и неправильная система назначеній команднаго состава сыграла свою пагубную роль.

И тѣмъ не менѣе, нельзя не удивиться доблести и беззавѣтной отвагѣ, съ которой эти молодыя войска шли въ бой и ложились цѣлыми ротами подъ губительнымъ огнемъ противника.

Мнѣ помнится такой разговоръ въ одномъ изъ лазаретовъ Краснаго Креста, который мнѣ приходилось ревизовать. Въ немъ, въ палатѣ, находилось около 60 тяжело раненыхъ. Въ этой палатѣ была молодежь, цвѣтущая, крѣпкая и сильная. Раненія были чрезвычайно тяжелы и, тѣмъ не менѣе, настроеніе было превосходное, бодрое и жизнерадостное. Одинъ изъ раненыхъ, старшій унтеръ-офицеръ того же полка, кажется, если память мнѣ не измѣняетъ, Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго, участникъ Японской кампаніи, полный Георгіевскій кавалеръ, обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: «Господинъ Предсѣдатель, внушите этой молодежи, что такъ сражаться, какъ они сражаются, нельзя. Я опытный вояка, продѣлалъ Японскую кампанію, не выходилъ изъ строя за все время этой войны, — эта молодежь просто сумасшедшая, они безъ разбору лѣзутъ въ самый огонь безъ надобности, при малѣйшемъ приказѣ идти въ атаку идутъ на непріятельскія проволочныя загражденія безъ оглядки и безъ разума и гибнутъ совершенно напрасно и зря». На это молодые солдаты съ насмѣшкой отвѣчали: «Ты старый, а мы молодые и смѣлые».

Вотъ, какой матеріалъ находился въ рукахъ команднаго состава. И какъ это ни странно сказать, но броженіе въ Арміи въ этотъ періодъ 1916 г. начался, именно, съ побѣдныхъ боевъ, такъ какъ, въ концѣ концовъ, составилось убѣжденіе, что всѣ нечеловѣческія усилія вочновъ и принесенныя ими жертвы оказались, въ сущности, безрезультатны и безплодны, ввиду неумѣлыхъ и неудачныхъ распоряженій, которыя критиковались на всѣ лады.

Кампанія могла и должна была быть окончена тогда же полной побѣдой, именно тогда, въ этотъ періодъ начинавшагося наилучшаго снабженія Арміи людскими пополненіями и предметами боевого снабженія: почетный и славный миръ могъ быть купленъ цѣною этихъ жертвъ и этого послѣдняго напряженія народной энергіи, а между тѣмъ этого-то достигнуто и не было.

Воздушная развѣдка была плохо поставлена.

Какъ я уже упоминалъ раньше, на весь Гвардейскій корпусъ приходилось только 4 аэроплана. По докладу моему въ Особомъ Совѣщаніи по оборонѣ былъ рѣзко поставленъ вопросъ о несовершенствѣ военной авіаціи, и была учреждена

особая авіаціонная комиссія. Коренная реформа организаціи авіаціоннаго дѣла была рѣшена, но достигнуто это рѣшеніе было только въ 1916 г. А между тѣмъ, въ бояхъ на Стоходѣ цѣлыя экскадрильи непріятельскихъ аэроплановъ появлялись надъ нашими резервами и снижались чуть не на 500 метровъ, безнаказанно разстрѣливая ихъ изъ пулеметовъ.

Броженіе въ Арміи началось на почвѣ недовольства высшимъ командным составомъ. Это вызвано было перечисленными выше причинами, а также, несомнѣнно, было результатомъ многолѣтней упорной агитаціи въ войскахъ. Впослѣдствіи недовольство это перенеслось на доблестное, ни въ чемъ не повинное младшее офицерство и своимъ послѣдствіемъ имѣло ужасное пролитіе дорогой намъ офицерской крови, свидѣтелями чего мы всѣ были съ содроганіемъ и отвращеніемъ при полномъ разложеніи Арміи, послѣ февральскаго переворота.

Не надо при этомъ забывать, что офицерскій составъ значительно измѣнился по своему составу за время войны. Вотъ довольно мѣткая характеристика этого измѣненія одного изъ военныхъ корреспондентовъ: «Старое кадровое офицерство, воспитанное въ извѣстныхъ традиціяхъ, вслѣдствіе значительной его убыли въ бояхъ стало лишь небольшимъ процентомъ по сравненію съ новымъ офицерствомъ, призваннымъ подъ знамена во время войны и прошедшимъ иную школу въ смыслѣ критическаго отношенія къ традиціоннымъ представленіямъ о Государственномъ устройствѣ и порядкѣ. Въ общемъ командный составъ теперь проникнутъ болѣе штатскимъ духомъ и болѣе близокъ къ интеллигенціи и ея понятіямъ, чѣмъ это было до войны, да, пожалуй, и въ первое время войны».

Незадолго до переворота прибыла въ Петроградъ группа офицеровъ съ генераломъ Крымовымъ во главѣ. Между прочимъ, генералъ Крымовъ заявилъ мнѣ: «Такъ дальше идти нельзя. Благодаря полному отсутствію связи въ распоряженіяхъ и строго продуманнаго плана, назначенію на высшіе посты въ Арміи безъ разбора, наши блестящіе успѣхи сводятся на нѣтъ, и въ Арміи, въ ея солдатскомъ составѣ растетъ недовольство и недовѣріе къ офицерству вообще и начальству въ частности и, такимъ образомъ, Армія постепенно разлагается и дисциплинѣ грозитъ полный упадокъ. Легко можетъ быть, что при такихъ условіяхъ солдаты откажутся идти впередъ и, что всего ужаснѣе, подъ вліяніемъ преступной агитаціи, съ которой никто не борется и которой не умѣютъ положить предѣлъ, Армія въ теченіе зимы можетъ просто покинуть окопы и поле сраженія. Таково грозное, все растущее настроеніе въ полкахъ».

Генералъ Крымовъ, нынѣ покойный, покончивъ самъ съ собой во время прискорбныхъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ августѣ 1917 г. Я не посмѣлъ бы приписать ему то, что онъ не говорилъ, да и тѣ офицеры, которые сообщали все это, живы еще, и я смѣло могу сослаться на нихъ, и они удостовѣрятъ, что именно такое настроеніе и броженіе въ Арміи было.

Изъ сказаннаго ясно, что почва для окончательнаго разложенія Арміи имѣлась на-лицо еще задолго до переворота, когда о немъ еще не говорили громко и когда никто и не думалъ въ правящихъ сферахъ, что революція такъ близка и такъ быстро наступитъ въ столь ближайшемъ будущемъ.

Таковы были событія, предшествовавшія перевороту. Позволю себѣ причины переворота, обусловливавшія его и его вызвавшія, разбить на четыре категоріи: къ первой и самой главной категоріи я отношу чрезмѣрное усиленіе вліянія темныхъ безотвѣтственныхъ силъ, окружавшихъ и завладѣвшихъ волею и мыслью Верховной власти.

Безотвѣтственныя силы и германскій штабъ

Вліяніе Распутина и всего кружка, окружавшаго Императрицу Александру Ѳедоровну, а черезъ нее — на всю политику Верховной власти и Правительства возросло до небывалыхъ предѣловъ.

Я не обинуясь утверждаю, что кружокъ этотъ, несомнѣнно, находился подъ воздѣйствіемъ нашего врага и служилъ интересамъ Германіи. Иначе нельзя себѣ объяснить безпричиннаго удаленія дѣйствительно полезныхъ государственныхъ дѣятелей, которые въ 1915 году, послѣ погрома въ Галиціи, были призваны къ власти въ силу требованія общественнаго мнѣнія, и которые, при извѣстномъ разумномъ направленіи своей дѣятельности, въ полномъ согласіи съ общественными силами страны могли бы, несомнѣнно, довести страну до побѣды. Стоило появиться на высшемъ государственномъ посту талантливому и честному дѣятелю, какъ сейчасъ же изъ Распутинскихъ сферъ начиналось на него гоненіе, и онъ бывалъ удаляемъ со стремительной быстротой и безъ объясненія причинъ. А если такое лицо имѣло несчастье сдѣлаться популярнымъ въ общественныхъ кругахъ, то участь его была заранѣе предрѣшена. Въ тяжелые дни народной войны залогъ ея успѣха, конечно, заключался въ стройной организаціи всѣхъ факторовъ, обслуживающихъ потребности борьбы съ врагомъ. Для врага не менѣе боеспособной арміи была опасна правильная организація тыла, общее воодушевленіе и вѣра народа въ своихъ вождей. А между тѣмъ, мы всѣ видѣли, что все это послѣдовательно разрушалось. Чьей-то невидимой рукой упорно, всѣми возможными способами, вносилось въ народъ взаимное раздраженіе и недовѣріе, и всѣ попытки соединить правящіе круги съ обществомъ терпѣли неизбѣжную неудачу. Кому же это было на руку? Только Германіи. Кто руководилъ такой преступной политикой? Распутинскій кружокъ. Связь и аналогія стремленій настолько логически очевидна, что сомнѣній во взаимодѣйствіи германскаго штаба и Распутинскаго кружка для меня, по крайней мѣрѣ, нѣтъ: это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Германскій Императоръ предпринималъ и другіе шаги, чтобы привлечь на свою сторону видныхъ общественныхъ дѣятелей. Онъ подсылалъ къ нимъ разныхъ предателей Россіи изъ плѣнныхъ и оставшихся добровольно въ Германіи русскихъ, въ цѣляхъ убѣдить заключить сепаратный миръ. И я подвергся такому нападенію, но послѣ принятыхъ мною сразу крутыхъ мѣръ эти попытки больше не повторялись.

Это трагическое явленіе, выросшее на почвѣ печальной русской дѣйствительности, сложное, темное и недостаточно изученное — въ результатѣ оказалось гибельнымъ для Православной церкви и для Царствующей династіи, а главнымъ образомъ для государства, потому что оно растлило народную душу и народныя вѣрованія.

Подробныя обстоятельства этой категоріи причинъ настолько мрачны и такъ гибельно отозвались на всѣхъ сторонахъ государственной жизни, что имъ, для полнаго освѣщенія, необходимо было бы посвятить отдѣльную монографію, основанную на дѣйствительныхъ фактахъ, такъ какъ въ общихъ чертахъ охарактеризировать это явленіе является крайне труднымъ, не ссылаясь на рядъ подробностей и мелкихъ, но важныхъ фактовъ.

Тѣмъ не менѣе, однако, несмотря на всѣ тормазы этой категоріи причинъ, жизненность производительныхъ силъ страны и ея творческихъ силъ подтверждаются тѣми фактами, которые я изложилъ въ первой части своей работы.

Сумѣли же общественныя организаціи, въ видѣ земскаго и городского союзовъ, поставить на должную высоту санитарную часть арміи, сумѣли же общественные элементы, призванные для этого, хотя и поздно, но снабдить Армію нашу снарядами и предметами боевого и иного снаряженія. Несмотря на кажущуюся разруху и общее недовольствіе, они все-же исполнили данную имъ задачу. Не есть ли это блестящее доказательство того, что огромный запасъ государственной энергіи, которая таится въ русскомъ народѣ, проявляется блестяще тамъ, гдѣ ему оказываютъ должное довѣріе и гдѣ въ достаточной степени его организуютъ и пользуются плодами его богатаго творчества.

Вторая категорія причинъ, обусловившихъ наше государственное крушеніе, заключается въ томъ, что неумѣлыя и несогласованныя распоряженія власти привели къ окончательной разрухѣ экономическихъ условій жизни населенія, оставшагося въ тылу, главнымъ образомъ, разстроился транспортъ, за симъ финансы, обнаружилась общая безхозяйственность, отсутствіе достаточной заботливости о плѣнныхъ и раненыхъ, выходящихъ изъ лазаретовъ, не создана была организація борьбы съ возрастающей спекуляціей, которая сама по себѣ есть явленіе отрицательное и которая вызвала небывалое вздорожаніе предметовъ первой необходимости.

Къ этой категоріи причинъ нужно прибавить необыкновенно интенсивную нѣмецкую агитацію, ведущуюся на нѣмецкое золото, которой не было противопоставлено разумно организованной пропаганды на русскія деньги, въ цѣляхъ парализованія того губительнаго вліянія, которое этой агитаціей оказывалось въ ущербъ развитію и поднятію въ высшей мѣрѣ патріотическаго чувства.

Къ третьей категоріи причинъ, вызвавшихъ легкость, съ которой совершился переворотъ, я отношу начавшееся разложеніе Арміи, о которомъ я только что говорилъ.

Наконецъ четвертая причина революціи была чрезвычайная и во всемъ двойственность правительственной внутренней политики.

Эта система имѣть два лика до нельзя раздражала русское общество, такъ какъ никто заранѣе не зналъ, какъ поступитъ завтра Правительство, такъ ли какъ сегодня, или совсѣмъ наоборотъ. Въ искренность заявленія правительства русское общество поэтому перестало вѣрить, зная, что оно мѣняло свой курсъ съ поразительной легкостью. Такъ было съ обращеніемъ къ полякамъ, съ отношеніемъ къ Государственной Думѣ съ одной стороны будто бы благожелательнымъ, съ другой явно враждебнымъ. Такъ было съ рядомъ существенныхъ вопросовъ, уже мною перечисленныхъ.

Всѣ эти явленія, вызывавшія негодованіе, одновременно подтачивали довѣріе страны къ государственной власти, не умѣющей наладить государственную жизнь, и лишали увѣренности въ завтрашнемъ днѣ и въ побѣдномъ исходѣ кампаніи.

Я утверждаю, что при совокупности этихъ причинъ, если бы и не было революціи, война все равно была бы проиграна и былъ бы по всей вѣроятности заключенъ сепаратный миръ, быть можетъ, не въ Брестъ-Литовскѣ, а гдѣнибудь въ другомъ мѣстѣ, но, вѣроятно, еще болѣе позорный, ибо результатомъ его являлось бы экономическое владычество Германіи надъ Россіей.

Послѣднія попытки

Я уже раньше указывалъ, что умѣренныя партіи не только не желали революціи, но просто боялись ея. Различнымъ думскимъ фракціямъ было ясно, что революція во время разгара войны неизбѣжно приведетъ къ развалу и разложенію Россіи. Въ частности, партія народной свободы, какъ стоящая на лѣвомъ флангѣ умѣренныхъ группъ и поэтому имѣвшая больше всѣхъ точекъ прикосновенія съ революціонными партіями страны, была озабочена надвигающейся катастрофой болѣе всѣхъ. Очевидно было, что если революціонная волна разыграется въ революціонный штормъ, то наиболѣе консервативнымъ элементомъ и поэтому правымъ крыломъ оказалась бы партія к.-д., такъ какъ все стоящее правѣе кадетъ должно было быть неизбѣжно сметено. Положеніе партіи кадетской въ этомъ случаѣ становилось бы крайне тяжелымъ, ибо на нее очевидно были бы направлены всѣ удары и громы развивающагося революціоннаго вихря. Кадеты прекрасно сознавали это и предчувствовали, что они въ свою очередь будутъ съ большой жестокостью сброшены съ арены политической борьбы. И тѣмъ не менѣе, однако, мы всѣ понимали, что курсъ, принятый правительствомъ, еще съ большей вѣроятностью приведетъ къ краху Государство. Поэтому рѣшеніе сказать громко правду въ законныхъ рамкахъ Учрежденія Государственной Думы представлялось послѣднимъ средствомъ, могущимъ образумить какъ Верховную власть, такъ и призванное къ власти Правительство.

При такомъ положеніи настроенія Государства во всѣхъ его слояхъ Государственная Дума увидѣла для себя необходимость выйти изъ пассивнаго положенія, ею занятаго, исчерпавъ всѣ средства воздѣйствія въ дѣлѣ поворота государственной политики правительства на разумный путь.

Въ томъ, что въ этотъ моментъ Государственная Дума стояла на правильномъ пути, можно привести, какъ доказательство, постановленіе Московскаго Губернскаго Собранія, которое имѣется у меня въ подлинникѣ: «Московское Губернское Земское Собраніе чрезвычайной сессіи горячо привѣтствуетъ Государственную Думу въ день ея открытія и взираетъ на предстоящее ей государственное дѣло съ большими ожиданіями. Изъ докладовъ, разсмотрѣнныхъ Губернскимъ Земскимъ Собраніемъ, явствуетъ, что хозяйственное состояніе Московской губерніи стало угрожающимъ, что наступаетъ тотъ часъ, когда міровая борьба должна развиться въ послѣднемъ окончательномъ столкновеніи, когда Россія должна дѣйствовать какъ одинъ человѣкъ и найти въ себѣ силы нанести окончательный рѣшающій ударъ. Въ этотъ историческій отвѣтственный часъ общество обречено на молчаніе. Московское Губернское Земство, въ полномъ сознаніи невѣроятныхъ трудностей предстоящей работы, встрѣчаетъ создавшееся положеніе твердо со спокойной и непзмѣнной готовностью продолжать свое отвѣтственное дѣло. Московское Губернское Земство вѣритъ въ силы русскаго народа, вѣритъ нашимъ могучимъ доблестнымъ Арміи и Флоту, вѣритъ, что народные представители найдутъ всѣми ожидаемый путь къ взаимному пониманію въ средѣ общественныхъ силъ и власти, въ единеніи которыхъ единственный залогъ къ тому, чтобы Россія съ достоинствомъ вышла изъ посланныхъ ей судьбой тяжкихъ испытаній».

Это же подтверждается и резолюціей Предсѣдателей Губернскихъ Земскихъ Управъ.

Милостивый Государь

Михаилъ Владиміровичъ!

Предсѣдатели Губернскихъ Земскихъ Управъ, собравшіеся въ Москвѣ 25 октября для обсужденія продовольственнаго дѣла, сочли своимъ долгомъ подвергнуть обсужденію общее тревожное политическое положеніе страны. Вотъ итоги ихъ единодушнаго мнѣнія. Годъ тому назадъ на сентябрьскомъ собраніи уполномоченныхъ Губернскихъ Земствъ, представители земской Россіи, въ сознаніи своей отвѣтственности и долга передъ родиной, указывали на гибельность созданнаго правительствомъ разъединенія власти съ народомъ. Высказывавшіяся тогда опасенія получили теперь осуществленіе и правительственная политика дала свои роковые плоды. Могучій патріотическій подъемъ всей страны остался неиспользованнымъ властью.

Правительство не пошло даже на совмѣстную работу съ Государственной Думой, которая являла собою яркое отраженіе охватившаго слои населенія единодушія. За все время войны правительство пребывало сперва въ скрытой, а затѣмъ въ нескрываемой явной борьбѣ съ народнымъ представительствомъ и всѣми организованными общественными силами. Пожаръ міровой борьбы все болѣе разгорается, ставя передъ Россіей новыя сложныя задачи. Въ то же самое время осложняется и наша внутренняя жизнь. Страна переживаетъ послѣдовательно острое разстройство въ области транспорта, производства необходимыхъ для населенія предметовъ и наконецъ, даже продовольствія. Разъединенныя, противорѣчивыя, лишенныя опредѣленнаго плана и мысли дѣйствія и распоряженія правительственной власти, неуклонно увеличиваютъ общую дезорганизацію всѣхъ сторонъ государственной жизни. На мѣстахъ всѣ эти распоряженія вызываютъ чувство недоумѣнія, раздраженія, а иногда и прямого возмущенія и озлобленія. Всѣ распоряженія высшей власти какъ бы направлены къ особой цѣли еще больше запутать тяжелое положеніе страны. Такой характеръ высшаго управленія явно проявляется въ продовольственномъ вопросѣ, принимающемъ все болѣе острое и опасное положеніе. Такой же характеръ носятъ условія, въ которыя поставлено за послѣдніе полгода производство мобилизаціи. Осуществленіе цѣлаго ряда мѣропріятій, связанныхъ съ нуждами войны, невольно приводятъ къ выводу о допускаемой правительствомъ не только безцѣльной, но и прямо преступной растратѣ людскихъ и матерьяльныхъ силъ страны.

Безпрерывная смѣна министровъ и высшихъ должностныхъ лицъ государства въ такихъ условіяхъ, въ которыхъ она происходитъ въ связи съ постояннымъ измѣненіемъ проводимой этими лицами политики ведетъ къ прямому параличу власти. Не пощажена даже и область международныхъ отношеній, съ которой отнынѣ окончательно связана участь Россіи, та область, гдѣ нужна наибольшая твердость и устойчивость, гдѣ особенно нуженъ государственный опытъ и прежде всего искренняя, не вызывающая въ странѣ никакихъ подозрѣній, преданность интересамъ родины. Подъ вліяніемъ всего этого въ странѣ вполнѣ созрѣло сознаніе, что стоящее у власти правительство не въ силахъ успѣшно заключить войну и подготовить предстоящую ея ликвидацію съ соблюденіемъ истинныхъ интересовъ Россіи. Происходящая въ правительствѣ частичная смѣна лицъ не вноситъ измѣненій въ общій правительственный курсъ. Она лишь въ корнѣ дезорганизуетъ власть и подрываетъ послѣдніе остатки ея авторитета. Но этого мало. Мучительныя, страшныя подозрѣнія, зловѣщіе слухи

о предательствѣ и измѣнѣ, о тайныхъ силахъ, работающихъ въ пользу Германіи и стремящихся путемъ разрушенія народнаго единства и сѣянія розни подготовить почву для позорнаго мира, перешли нынѣ въ ясное сознаніе, что вражеская рука тайно вліяетъ на направленіе хода нашихъ государственныхъ дѣлъ. Естественно, что на этой почвѣ возникаютъ слухи о признаніи въ правительственныхъ кругахъ безцѣльности дальнѣйшей борьбы, своевременности окончанія войны и необходимости заключенія сепаратнаго мира. Таково глубокое тревожное сознаніе, которое объединило всѣхъ собравшихся въ Москвѣ предсѣдателей Губернскихъ Земскихъ Управъ при обсужденіи современнаго положенія Россіи. Съ негодованіемъ отвергая всякую мысль о безславномъ и гибельномъ для будущихъ судебъ Россіи мирѣ, они видятъ и долгъ чести, и залогъ спасенія родины въ неуклонномъ продолженіи войны до конечной побѣды рука объ руку съ тѣми народами, которые вмѣстѣ съ нами ополчились за право и свободу. Земскіе люди исполнены вѣры въ конечный успѣхъ браннаго подвига русской арміи. Но они явно сознаютъ, что главная опасность нынѣшняго положенія не во внѣ, а внутри страны. Сознаніе грозности настоящаго положенія и отвѣтственности за судьбу родины должно стать источникомъ дальнѣйшаго напряженія всѣхъ народныхъ силъ и ея спасенія. Начало войны и періодъ послѣ Галиційскаго отступленія показали, чего можетъ достигнуть русскій народъ, сознавшій надвигающуюся на Россію опасность. Предсѣдатели Губернскихъ Земскихъ Управъ пришли къ единодушному убѣжденію, что стоящее у власти правительство, открыто подозрѣваемое въ зависимости отъ темныхъ и враждебныхъ Россіи вліяній, не можетъ управлять страной и ведетъ ее по пути гибели и позора и единогласно уполномочили меня въ лицѣ Вашемъ довести до свѣдѣнія членовъ Государственной Думы, что въ рѣшительной борьбѣ Государственной Думы за созданіе правительства, способнаго объединить всѣ живыя народныя силы и вести нашу родину къ побѣдѣ, земская Россія будетъ стоять за одно съ народнымъ представительствомъ.

Примите увѣренія въ искреннемъ уваженіи и преданности

Князь Львовъ.

Тогда же я получилъ и письмо отъ Главноуполномоченнаго Всероссійскаго Союза Городовъ:

Главноуполномоченный

Всероссійскаго Городского Союза

Помощи

Больнымъ и раненымъ воинамъ

Октября 31 дня 1916 г.

Москва.

Милостивый Государь

Михаилъ Владиміровичъ!

Тревога и негодованіе все больше охватываютъ Россію.

Зловѣщія настроенія, смѣнившія недавній высокій подъемъ духа, создаются не потому, что страна обезсилена въ борьбѣ, что въ ней измѣнилось представленіе объ ея историческомъ долгѣ, а потому, что мѣропріятія правительства

привели ее къ невозможности въ должной мѣрѣ поддержать борющуюся армію, и достиженіе ея историческихъ задачъ становится все болѣе затруднительнымъ.

Россія полна неисчерпаемыхъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ, несокрушима воля ея въ единеніи съ доблестными союзниками побѣдить врага; свой долгъ передъ будущимъ она сознаетъ также глубоко и свято, какъ знаетъ его и исполняетъ ея самоотверженная геройская армія.

Сознаніе этого долга чуждо, однако, тѣмъ, кто пользуясь безотвѣтственностью, изъ побужденій враждебныхъ Россіи, скрываясь въ безотвѣтственности и дѣйствуя самозванно, парализуетъ своимъ злонамѣреннымъ вліяніемъ власть.

Это сознаніе долга подавлено у тѣхъ, кто случайно появляясь у власти въ этой безпримѣрной борьбѣ не сумѣлъ проявить ни одного высокаго порыва, который могъ бы внушить бодрость народу, призвать его къ подвигу, дать ему возможность хотя бы повѣрить, что лица стоящія у власти служатъ интересамъ Россіи.

Между тѣмъ съ каждымъ новымъ днемъ исчезаетъ вѣра, разсѣиваются надежды. Съ каждымъ новымъ днемъ становится очевиднѣе, что враждебныя интересамъ Россіи вліянія претворяются въ систему сложныхъ мѣропріятій. Эти вліянія направляютъ всѣ усилія на борьбу съ Россіей и ея общественностью, на разъединеніе силъ страны, ослабленіе ея мощи и созданіе неодолимыхъ препятствій къ тому, чтобы арміи въ полной мѣрѣ была оказана должная помощь въ великой ея борьбѣ.

Въ обществѣ невольно зрѣетъ сознаніе, что безчисленныя мѣры, которыми разрушается снабженіе продовольствіемъ населенія и арміи являются послѣдствіемъ не только неумѣнія и непониманія, но и результатомъ дѣйствій направленныхъ къ тому, чтобы вызвать острую борьбу классовъ, разрушить единство земской и городской Россіи и разстройствомъ тыла затруднить продолженіе борьбы.

Международная политика находится въ сферѣ тѣхъ же губительныхъ вліяній. Преступная медленность проявленная въ польскомъ вопросѣ бросила Россію въ новую опасность и поставила передъ ней новыя затрудненія.

Среди этихъ явленій страну терзаютъ зловѣщіе слухи, что готовится постыдный миръ, что принесенныя страной безчисленныя жертвы и затраченныя усилія напрасно погибаютъ.

Миръ безъ полной побѣды невозможенъ для Россіи. Миръ безъ согласія доблестныхъ союзниковъ — безчестенъ. Замышляющіе такой миръ готовятъ предательство и измѣну.

Власть не можетъ оставаться въ рукахъ тѣхъ, кто не умѣетъ одолѣть темныхъ враждебныхъ Россіи вліяній и организовать всѣ живыя силы страны на борьбу съ врагомъ. Главный Комитетъ Всероссійскаго Союза Городовъ поручилъ мнѣ просить Васъ довести до свѣдѣнія Государственной Думы, что наступилъ рѣшительный часъ — промедленіе не допустимо, должны быть напряжены всѣ усилія къ созданію, наконецъ, такого правительства, которое въ единеніи съ народомъ доведетъ страну къ побѣдѣ.

Главноуполномоченный Всероссійскаго

Союза Городовъ

М. Челноковъ.

Здѣсь умѣстно сказать нѣсколько словъ о томъ, какимъ образомъ былъ въ это тревожное время назначенъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ бывшій товарищъ Предсѣдателя Государственной Думы А. Д. Протопоповъ, назначеніе котораго вызвало массу осложненій и раздраженій. А. Д. Протопоповъ, бывшій уѣздный, а заѣмъ Губернскій Предводитель Дворянства въ Симбирской губерніи, былъ членомъ III-ей Государственной Думы и числился съ партіи октябристовъ, примыкая скорѣе къ ея лѣвому, болѣе прогрессивному крылу. Таковыхъ же политическихъ убѣжденій онъ держался и въ IV Думѣ. Когда депутація членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта въ 1916 году должна была посѣтить союзныя страны, во главѣ оной былъ поставленъ А. Д. Протопоповъ, какъ товарищъ Предсѣдателя Государственной Думы, и успѣшно справился со своей задачей. Ничто не предвѣщало въ немъ такой быстрой перемѣны фронта, какая воспослѣдовала въ весьма скоромъ будущемъ. Уже при возвращеніи депутаціи въ Россію, Протопоповъ имѣлъ въ Стокгольмѣ тайную и загадочную бесѣду и невыясненныя тогда сношенія съ нѣкіимъ г. Варбургомъ, нѣмецкимъ агентомъ. Тайна его бесѣды съ Варбургомъ, однако, обнаружилась очень быстро и стала достояніемъ печати. Полнаго освѣщенія обстоятельствъ этой бесѣды, ея сущности и политическаго значенія, ея причинъ и послѣдствій не удалось достигнуть, и дѣло такъ и осталось въ туманѣ. Тѣмъ не менѣе, не имѣя еще никакихъ доказательствъ о какихъ бы то ни было замыслахъ г. Протопопова, я позволилъ себѣ указать на него, какъ на желательнаго Министра Торговли въ предполагавшемся тогда Министерствѣ адмирала Григоровича, долженствовавшаго смѣнить на посту премьера Штюрмера. Но дѣло это не состоялось. Основаніями къ такой рекомендаціи было большое знакомство Протопопова съ дѣйствительными нуждами торговли и промышленности, и тѣ богатые матеріалы, которые онъ почерпнулъ во время поѣздки во главѣ Парламентской делегаціи въ союзныя страны. Каково же было мое удивленіе, когда я узналъ, что Протопоповъ вызванъ помимо меня въ Ставку, якобы для доклада о своей поѣздкѣ за границу, но вмѣстѣ съ тѣмъ ведетъ и таинственные переговоры со Штюрмеромъ и всѣмъ Распутинскимъ кружкомъ. Протопоповъ въ это время явно избѣгалъ меня, и мнѣ съ трудомъ удалось добиться съ нимъ свиданія и рѣшительнаго разговора. Протопоповъ сознался, что ему предложенъ постъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ и что онъ рѣшилъ его принять. Возмущенію моему не было границъ на основаніи слѣдующихъ обстоятельствъ. Принятіе товарищемъ Предсѣдателя Государственной Думы поста Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ Министерствѣ Штюрмера, послѣ того, какъ Дума только-что высказала свое рѣзко отрицательное отношеніе къ премьеру и признала громко направленіе его политики вреднымъ для Государства, и послѣ того, что Протопоповъ подписалъ резолюцію прогрессивнаго блока Думскихъ партій, являлось предательствомъ Государственной Думы съ его стороны, а явный и рѣзкій поворотъ его, отъ исповѣдываемыхъ имъ прогрессивныхъ убѣжденій въ лагерь крайней реакціи, не сулилъ ничего хорошаго въ переживаемое тревожное время. Все это было мною опредѣленно высказано г. Протопопову и предъявлено было оффиціальное требованіе отъ предложенной ему кандидатуры рѣшительно отказаться. Но Протопоповъ былъ непоколебимъ, и мы разстались врагами. Правительство Штюрмера хорошо знало, что дѣлало, выдвигая и настаивая на кандидатурѣ Протопопова. Этимъ назначеніемъ предполагалось скомпрометировать Государственную Думу. Протопоповъ не могъ справиться съ задачами, выпадающими на его долю, и это было

совершенно ясно Штюрмеру и К°. Правительство въ этомъ случаѣ имѣло бы полное основаніе, указать странѣ, что оно пошло на уступки Государственной Думѣ, выдвинуло на отвѣтственный постъ излюбленнаго ею человѣка, признаваемаго ею достойнымъ быть товарищемъ Предсѣдателя Думы, и этотъ-то достойный человѣкъ, одинъ изъ лучшихъ народныхъ представителей, оказался неспособнымъ вести свой трудный, отвѣтственный постъ.

Такими послѣдствіями явно подрывался бы авторитетъ Государственной Думы, не говоря уже о томъ, что пути, по которымъ пошелъ Протопоповъ, дѣйствуя черезъ заклятыхъ враговъ Государственной Думы, являли собой явное предательство своихъ товарищей, ибо Правительство всѣ свои мѣропріятія противъ Народнаго Представительства могло основать на авторитетномъ мнѣніи новаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ, какъ члена Государственной Думы. Послѣдней оставался только одинъ выходъ — это, сразу стать въ полную оппозицію къ новому министру. Дальнѣйшія событія ясно показали, въ какую бездну вреда Государство было приведено этимъ назначеніемъ.

Передъ открытіемъ сессіи осенью 1916 г. Предсѣдатель Государственной Думы собралъ совѣщаніе изъ представителей партій, входящихъ въ составъ прогрессивнаго блока, и, изложивъ имъ въ подробностяхъ создавшееся грозное положеніе вещей и близость неминуемаго общаго взрыва, предложилъ попытаться еще разъ предотвратить его, что, конечно, составляло, во время кровопролитнѣйшей войны, священную обязанность Государственной Думы. Доложивъ собравшимся въ подробностяхъ всѣ доклады, сдѣланные мною Императору Николаю II, я просилъ членовъ Думы придти мнѣ на помощь. Мнѣ было ясно, что моихъ предупрежденій недостаточно, и я указывалъ на необходимость испросить коллективный докладъ у Верховной власти, въ составѣ собравшихся представителей партій, въ присутствіи которыхъ я бы вновь повторилъ всѣ свои доводы и указанія на необходимость уступокъ, а присутствующіе члены Думы поддержали бы при этомъ мои слова своими рѣчами. Несомнѣнно, что это было бы внушительнымъ и авторитетнымъ актомъ и усилило бы авторитетъ Предсѣдателя Государственной Думы. Но этому воспротивились представители кадетской партіи въ лицѣ ея лидера, члена Думы Милюкова, который находилъ, что такое дѣйствіе было бы актомъ неконституціоннымъ, и увлеченіе формой, въ ущербъ существу дѣла, одержало верхъ. А между тѣмъ, всѣмъ было ясно, что революція во время войны приведетъ неизбѣжно сперва къ разложенію Арміи, а потомъ и Государства. Представители кадетской партіи считали, что надлежитъ все высказать публично съ думской трибуны и, выждавъ результаты такого шага, предпринять иныя мѣры.

Въ виду полнаго разногласія въ данномъ вопросѣ, предложеніе мое осталось открытымъ вопросомъ, и коллективный докладъ Императору не состоялся. Мнѣ уже впослѣдствіи стало извѣстно, что группа членовъ Думы націоналистовъ добилась частной аудіенціи у Государя Императора, докладывала ему, въ свою очередь, о тревожномъ положеніи страны, но успѣха не имѣла.

Памятуя о своемъ долгѣ избранниковъ народа, несущихъ отвѣтственность передъ нимъ за свои дѣйствія, Государственная Дума рѣшила громко высказать правду передъ страной. Мы были правы въ своемъ рѣшеніи, мы должны были предпринять этотъ шагъ, ибо проклятіе населенія, а, главнымъ образомъ, проклятіе гражданъ, еще не родившихся, впослѣдствіи легло бы тяжкимъ камнемъ на нашу совѣсть и на нашу память. Отвѣтственность за окончательную гибель Россіи мы должны были бы раздѣлить съ Правительствомъ въ такомъ

случаѣ, и Государственная Дума поэтому рѣшилась высказать свое слово искренне и правдиво.

Предварительно состоялся докладъ объ истинномъ положеніи дѣлъ Государю Императору Николаю II, но предостереженія этого оказалось недостаточнымъ, чтобы перемѣнить курсъ политики Правительства.

И въ историческомъ засѣданіи 1-го ноября 1916 года все было гласно и громко сказано. Какъ бы ни относиться къ рѣчамъ, произнесеннымъ тогда съ каѳедры Государственной Думы, можно увидѣть въ нихъ только боль за судьбу Россіи, дорогого нашего отечества; нельзя увидѣть тамъ желаніе сверженія власти, но указаніе на необходимость перемѣны лицъ и системы управленія, не желаніе переворота и стремленіе къ тѣмъ ужасамъ, которые являются конечнымъ результатомъ всякой революціи, но лишь сердечную боль и печалованіе о судьбахъ Россіи, могучей, и еще сильной, но неумѣло управляемой. Наши стенографическіе отчеты доказываютъ, что я правъ.

Мало-по-малу въ концѣ 1916 г. волненія среди низшихъ слоевъ населенія, наиболѣе обездоленнаго войной и всевозможными ненужными лишеніями, дороговизна, отсутствіе предметовъ первой необходимости и предметовъ питанія — дошли до своего апогея. А къ этому прибавилась еще жестокая политика Министра Внутреннихъ Дѣлъ Протопопова, который стремился разогнать Государственную Думу, который направлялъ свои стрѣлы и громы на все мыслящее въ Россіи, который производилъ давленіе на Земскій и Городской союзы.

Все, даже Дворянскія Общества, тоже громко заявившія, что такъ дальше идти нельзя, было взято подъ подозрѣніе.

Протопоповъ громко проповѣдывалъ, что роспускъ Думы есть единственное средство для умиротворенія страны.

Не ужасъ ли долженъ былъ обуять при видѣ происходившей вакханаліи, которая начала разыгрываться.

Можно ли было оставаться безучастнымъ зрителемъ при видѣ разрушенія Государства.

Я позволю себѣ процитировать рѣчь одного изъ крайнихъ правыхъ депутатовъ, небезызвѣстнаго Пуришкевича, который въ одномъ изъ засѣданіи Думы, говоря о Протопоповѣ, сказалъ нижеслѣдующее: «Онъ хочетъ разгона Думы, о чемъ мы читали неоднократно. Онъ, несомнѣнно, этого добивается, ибо онъ не смѣетъ появиться среди своихъ бывшихъ товарищей, и вопросы государственнаго спокойствія приноситъ въ жертву личнымъ счетамъ уязвленнаго самолюбія. Наряду съ этими карами и бичами, которые раздаются направо и налѣво всѣмъ неугоднымъ, мы видимъ пріемы такой демагогіи, которой могъ бы позавидовать самый большой революціонеръ. Дѣлаются посулы крестьянамъ о надѣленіи ихъ землей, — я не знаю — за счетъ-ли нѣмцевъ или дворянъ; дѣлаются посулы евреямъ не только расширенія черты осѣдлости, но и полнаго равноправія; дѣлаются посулы будущему составу Законодательныхъ Палатъ путемъ увеличенія въ три раза окладовъ. Словомъ, куда ни обернешься, гдѣ можно искать, онъ беретъ искательствомъ, гдѣ чувствуетъ, что искательство не поможетъ, туда идетъ съ бичемъ»...

Вотъ каково положеніе. При такихъ условіяхъ Дума едва-ли въ состояніи не потерять должнаго равновѣсія, едва-ли въ состояніи работать такъ, какъ хотѣла, какъ можетъ и должна была бы, если бы въ каждомъ шагѣ главныхъ руководителей внутренней жизни страны не видѣла скрытаго или явнаго врага.

«Я сознаю, — заканчиваетъ Пуришкевичъ, — безцѣльность всякихъ рѣчей въ Думѣ, ибо между высшимъ священнымъ источникомъ власти и народомъ въ эти тяжелые, историческіе дни, — страшно даже подумать, — стоитъ стѣна... живущихъ только благополучіемъ сегодняшняго дня лицъ, которымъ нѣтъ дѣла до Россіи и до ея, можетъ быть, кроваваго болѣе, чѣмъ сейчасъ, будущаго, которое ей уготовлено. Я сознаю безцѣльность всякихъ рѣчей и признаю безсодержательность въ данный моментъ работы Думы. Никакая работа и никакія рѣчи ничему не помогутъ. Я увѣренъ, что удержу не будетъ и что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ дойдетъ до такихъ предѣловъ, которые никому не снились. Для борьбы со всей Россіей Протопоповымъ будутъ пущены всѣ средства, какія только можно себѣ вообразить. Какое ему, въ сущности, дѣло до Россіи!

Россія стоитъ сейчасъ, какъ древній Гераклъ въ хитонѣ, пропитанномъ ядомъ крови кентавра. Онъ жжетъ ее. Она мечется въ мукахъ своего безсилія, Она взываетъ о томъ, чтобы правда русская дошла туда, гдѣ она должна быть понята, оцѣнена и услышана. Разсвѣта еще нѣтъ, но онъ не за горами, и настанетъ день, я чую, какъ солнце правды взойдетъ надъ обновленной Родиной въ часъ побѣды, но этого разсвѣта еще нѣтъ. Онъ потребуетъ, можетъ быть, новыхъ жертвъ лучшихъ сыновъ русскаго народа. Подождемъ, дадимъ имъ эти жертвы въ твердой увѣренности, что въ концѣ концовъ, возсіяетъ русская правда, и тотъ, кто долженъ услышать и почуять, почуетъ ее, кто въ эти тяжелые годы испытаній, неисполненныхъ Россіи, стоитъ у престола, какъ вѣрный Кочубей».

Тотъ же правый депутатъ Пуришкевичъ, обрисовывая весь ужасъ и мракъ Распутинскаго вліянія, закончилъ свою рѣчь, обращаясь къ присутствующимъ министрамъ, такими приблизительно словами: «Вы должны немедленно всѣ ѣхать въ ставку, броситься къ ногамъ Государя Императора и умолять его повѣрить всему ужасу Распутинскаго вліянія и тяжелымъ и опаснымъ послѣдствіямъ такого положенія вещей и измѣнить курсъ своей политики».

Мнѣ кажется, что эта рѣчь, яркая и образная, служитъ лучшимъ подтвержденіемъ того настроенія, которое обуяло всѣхъ гражданъ Россійскаго Государства въ этотъ ужасающій по своему трагизму часъ.

Итакъ. рѣшеніе свое сказать правду, Государственная, Дума привела въ исполненіе въ историческихъ ноябрьскихъ засѣданіяхъ 1916 г., а засимъ въ засѣданіяхъ 14 февраля 1917 г.

Очевидно, что все было исчерпано, но всѣ мѣры, принимаемыя Государственной Думой для дружнаго взаимодѣйствія съ Правительствомъ въ интересахъ Государства, оказались напрасными.

А между тѣмъ, продовольственный вопросъ въ столицѣ принималъ все болѣе и болѣе острыя формы: подвозъ продуктовъ сокращался до минимума и злонамѣренные люди, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, всячески настраивали всѣ слои населенія Петрограда во враждебномъ отношеніи къ Правительству и вели сознательно къ возникновенію самаго ужаснаго бунта—бунта голоднаго. Между тѣмъ Государственная Дума хорошо помнила и понимала извѣстную всѣмъ поговорку. что нельзя перепрягать лошадей, когда переѣзжаешь рѣку вбродъ.

Всѣ старанія Государственной Думы не возбуждать, а успокаивать населеніе, были безплодны, и вывести застрявшій возъ на сухое прочное мѣсто—оказалось задачей не по силамъ.

Между тѣмъ, упорные слухи о роспускѣ Государственной Думы только подливали масло въ огонь.

Рабочіе многочисленныхъ заводовъ Петрограда рѣшили было произвести демонстрацію въ защиту Государственной Думы, а Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго того времени прямо заявилъ, что я долженъ испытать всѣ средства для того, чтобы предотвратить Императора Николая II отъ роспуска Государственной Думы, такъ какъ если Государственная Дума будетъ распущена, то легко возможенъ отказъ Арміи сражаться.

Но тогда же Предсѣдатель Совѣта Министровъ, въ одной изъ бесѣдъ съ Предсѣдателемъ Государственной Думы, показалъ ему находящіеся въ его распоряженіи три указа, подписанные Императоромъ Николаемъ II, безъ обозначенія, однако, даты ихъ обнародованія. Первый указъ былъ о полномъ роспускѣ Думы и назначеніи новыхъ выборовъ, второй указъ — о роспускѣ Государственной Думы до окончанія войны, и третій указъ — о роспускѣ Государственной Думы на неопредѣленное время. Каждымъ изъ этихъ указовъ Государственная Дума лишалась возможности доводить всю истинную правду до Верховной власти.

Такимъ образомъ уничтожался послѣдній оплотъ источника правды и точнаго освѣщенія состоянія умовъ Государства.

Видя такое положеніе вещей и отлично понимая, что въ случаѣ роспуска Государственной Думы вся страна будетъ отдана въ руки Протопопова, Распутина и компаніи, что протеста ни отъ кого уже послѣдовать не можетъ, что дѣло идетъ, несомнѣнно, къ сепаратному миру и позору Россіи, я оказался вынужденнымъ искать ту организацію общественнаго характера, которую упразднить и заставить молчать невозможно по самому существу дѣла. Я остановился на дворянскихъ собраніяхъ и вызвалъ телеграммами въ Петроградъ изъ Москвы Губернскаго Предсѣдателя Дворянства, Базилевскаго, и Предсѣдателя Съѣзда Объединеннаго Дворянства, Самарина, его товарищей — князя Куракина и В. П. Карпова и Петроградскаго Губернскаго Предводителя Сомова. Разъяснивъ имъ положеніе вещей и возможность моего ареста и высылки, я просилъ въ этомъ случаѣ ихъ стать на стражѣ интересовъ Родины и взять на себя долгъ бороться съ тѣми оскорбленіями, которыя, несомнѣнно, выпадутъ на ея долю.

Представители дворянства вполнѣ раздѣлили мою точку зрѣнія и поняли мой опасенія.* Они признали, что необходимо создать такое ядро людей не-

---

* Р е з о л ю ц і я Новгородскаго Дворянскаго Собранія въ январѣ 1917 года: Новгородское Дворянство въ очередномъ Губернскомъ Собраніи, выслушавъ докладъ о рѣшеніяхъ XII Съѣзда Объединенныхъ Дворянскихъ Обществъ по вопросамъ нестроеній государственныхъ, единодушно присоединяется къ постановленіямъ Съѣзда и признаетъ всю силу и значеніе ихъ правдивости. Вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство полагаетъ своимъ священнымъ долгомъ въ переживаемую тревожную годину сказать слово правды передъ Престоломъ и Родиной. Здѣсь, въ самомъ Новгородѣ, гдѣ зародилась Великая Россійская Держава, въ тяжелую годину еще не бывалыхъ въ исторіи Русской земли испытаній, долженъ раздаться твердый, нелицемѣрный голосъ перваго сословія колыбели русской земли, предостерегающій Государя отъ того опаснаго пути, на который влекутъ его лукавые совѣтники.

Тяжесть страшной войны съ врагомъ человѣчества, требующей тѣснаго непрерывнаго единенія Царя съ народомъ въ единой мысли, въ единомъ чувствѣ и единой волѣ внутренняго мира для достиженія побѣды, усугубляется смутою, созданной правителями, вступившими въ борьбу съ единеніемъ всего русскаго народа, образовавшимся

зависимыхъ, которое, въ случаѣ разгона Думы, должно стать на стражѣ интересовъ и достоинства Россіи.

Они признали, что дворянство, которое нельзя ни упразднить, ни разогнать, обязано, въ случаѣ роспуска Думы, встать во главѣ движенія для блага Родины и борьбы съ предателями ея. Въ силу такого рѣшенія А. Д. Самаринъ испросилъ аудіенцію у Императора и еще разъ долженъ былъ попытаться изложить всю правду о наростающихъ событіяхъ, и было рѣшено на 19 января созвать съѣздъ Объединеннаго Дворянства для вторичнаго обсужденія создавшагося положенія вещей. Кромѣ этого, изъ Москвы ко мнѣ прибыли отъ Земскаго Союза князь Львовъ, М. В. Челноковъ отъ союза городовъ, А. Ив. Коноваловъ отъ съѣзда промышленниковъ и фабрикантовъ, какъ представители союзовъ. Положеніе, по ихъ мнѣнію, было таково, что надо признать, что катастрофа уже наступила, и для спасенія Отечества отъ гибели нужны экстраординарныя мѣры. Они требовали, чтобы я пріѣхалъ въ Москву на ихъ общій съѣздъ и сталъ во главѣ движенія въ томъ смыслѣ, чтобы еще разъ гласно выразить желаніе о спасеніи страны. По ихъ мнѣнію, надо было ясно и твердо сказать свое правдивое слово, не страшась отвѣтственности и репрессій. Но въ виду открытія Государственной Думы 14 февраля я не счелъ возможнымъ исполнить ихъ желанія.

Историческіе дни

Волненія начались на почвѣ отсутствія продовольствія. Но это было предлогомъ, а объ истинныхъ причинахъ все возрастающаго народнаго негодованія я уже достаточно говорилъ.

По имѣвшимся въ моемъ распоряженіи свѣдѣніямъ, волненія, возникшія въ столицѣ, стали быстро передаваться въ другіе города.

во имя побѣды и спасенія Родины. Новгородское Дворянство полагаетъ, что во время крайняго напряженія народной воли и мысли, только величавое спокойствіе, свойственное мощному русскому духу, можетъ помочь странѣ, отойдя отъ края бездны, надъ которой она поставлена. Только въ тѣсномъ единеніи со своимъ законнымъ, природнымъ Государемъ придетъ Святая Русь къ лучезарному окончанію правой распри, минуя гибельныя внутреннія потрясенія, наступленія которыхъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ нашъ лютый врагъ. Но къ несчастью родины, правители, явившіеся порожденіемъ безотвѣтственнаго вліянія, отвращаютъ Лицо Царское отъ печальниковъ земли ея избранниковъ. Клевету и злобу на свой же народъ несутъ они къ престолу. Свое нерадѣніе, свое неумѣніе тщетно пытаются они прикрыть преступною ложью. Не въ правдѣ, а въ лести полагаютъ свой долгъ передъ Царемъ. Русскій народъ знаетъ свою грозную мощь, а видитъ угрожающее безсиліе, русскій народъ знаетъ безпредѣльныя богатства своей земли, а испытываетъ тяжкія лишенія. По всей землѣ Русской отъ подножья Престола до хижины бѣдняка не смолкаетъ трепетъ тревоги народной. Роковая неправда толкаетъ народъ противъ его воли на беззаконіе и кровавую месть. Изъ устъ въ уста передается зловѣщее слово: — измѣна. И остается у народа одна надежда: правдивый голосъ его избранниковъ, обращенный къ мудрости и силѣ духа своего Государя. Но если къ величайшей скорби народной Государственная Дума и Государственный Совѣтъ не будутъ созваны и, являющіеся врагами общественнаго блага, правители, которымъ страна не вѣритъ, будутъ подкапываться подъ устои народнаго представительства, если свѣточь, озаряющій тернистые, кровавые пути къ величію и счастью родины, будетъ затуманенъ, настанетъ мракъ разнузданныхъ страстей и неудержимой злобы. И тогда — Престолъ, Россія и ея упованія будутъ ввергнуты въ пропасть, въ глубинѣ коей погибнуть лучшія силы и надежды Россіи, ея честь, ея цѣлость, ея достоинство, ея мощь и слава.

Уже 25 февраля 1917 года волненія въ столицѣ дошли до своего апогея. Утромъ мнѣ дали знать, что часть заводовъ, расположенныхъ на Выборгской сторонѣ, на Васильевскомъ островѣ, забастовала, и толпы рабочихъ двинулись по направленію къ центру столицы.

Я объѣхалъ эти части города и убѣдился въ томъ, что работы дѣйствительно прекращены, что возмущеніе народа, преимущественно въ лицѣ рабочихъ женскаго пола, дошло до крайней степени и что, дѣйствительно, толпы рабочихъ приближаются къ центру столицы, въ какихъ цѣляхъ — мнѣ еще неизвѣстно.

Волненіе уже охватило зарѣчную часть города. Возвращаясь назадъ черезъ Литейный мостъ, я увидѣлъ, что набережныя, какъ Французская, такъ и остальныя, уже заняты отрядами войскъ, и тогда въ моей головѣ созрѣлъ планъ немедленно добиться созыва Совѣта Министровъ и настоять передъ нимъ, чтобы въ этомъ засѣданіи были представители Законодательной Палаты, Земскаго и Городского Самоуправленія, дабы совмѣстными усиліями выработать тѣ мѣры, которыя могли бы, хотя и временно, успокоить взволнованное населеніе столицы.

Въ этихъ цѣляхъ я посѣтилъ Министра Земледѣлія Риттиха, взялъ его съ собой и поѣхалъ къ генералу Бѣляеву, бывшему тогда Военнымъ Министромъ. Изобразивъ ему положеніе дѣлъ, я указалъ, что это не простое волненіе, что это начинается настоящая революція, и что надлежащія энергичныя мѣры должны быть приняты безотлагательно. Я убѣдилъ Военнаго Министра своими доводами, и онъ сейчасъ же поѣхалъ къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ — князю Голицыну, откуда по телефону далъ мнѣ знать, что желаемое мною совѣщаніе будетъ въ этотъ же день, 25 числа, собрано въ Маріинскомъ дворцѣ и что мнѣ предоставляется право пригласить всѣхъ лицъ общественныхъ организацій, которыхъ я сочту нужнымъ.

Такимъ образомъ была еще разъ сдѣлана попытка спасти положеніе и принять необходимыя для успокоенія рабочихъ мѣры, въ смыслѣ снабженія продовольствіемъ.

Совѣщаніе о продовольствіи состоялось 25 февраля вечеромъ и постановило, по настоянію представителей отъ общественныхъ организацій, передать дѣло продовольствія въ руки Городского Самоуправленія и Земства по принадлежности.

Вотъ какъ оффиціозная пресса отмѣтила это событіе:

«Совѣщаніе пришло къ единственному заключенію о немедленной передачѣ завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ въ Петроградѣ Петроградскому Городскому общественному Управленію. Дабы юридически оформить такую передачу, экстренное Совѣщаніе пришло къ соглашенію между представителями законодательныхъ учрежденій и правительствомъ, что въ порядкѣ думской инициативы будетъ возбуждено въ Государственной Думѣ соотвѣтствующее законодательное предположеніе о расширеніи на время войны полномочій городскихъ общественныхъ управленій въ смыслѣ предоставленія имъ права урегулированія продовольственнаго дѣла. Означенное законодательное предположеніе предоставляется провести въ спѣшномъ порядкѣ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ одобреннымъ правительствомъ предположеніями привлечь населеніе къ заботамъ о продовольствіи вечеромъ 25 февраля въ центральномъ военно-промышленномъ комитетѣ собралась продовольственная комиссія въ составѣ представителей больничныхъ кассъ, кооперативовъ и выборныхъ отъ рабочихъ. Неожиданно въ засѣданіе явился приставъ Литейной части съ сильнымъ нарядомъ полиціи

и солдатъ и предъявилъ бумагу о задержаніи всѣхъ присутствующихъ на засѣданіи. Устраивайте сколько угодно продовольственныхъ обывательскихъ комитетовъ, полиція будетъ ихъ арестовывать. Вотъ и все рѣшеніе вопроса, по поводу котораго правительство, Дума и Совѣтъ готовы были придти къ единодушію».

Вотъ газетное сообщеніе. Но для членовъ Думы было ясно, что этими арестами искусственно раздувается пламя вспыхнувшей искры.

Разсмотрѣніе закона въ спѣшномъ порядкѣ однако же продолжалось 26 февраля, но участь Думы тогда уже была предрѣшена и указъ о перерывѣ занятій былъ подписанъ.

25 февраля я по телефону въ Гатчину далъ знать Великому Князю Михаилу Александровичу о происходившемъ и о томъ, что ему сейчасъ же нужно пріѣхать въ столицу, ввиду нарастающихъ событій.

27 февраля Великій Князь Михаилъ Александровичъ прибылъ въ Петроградъ, и мы имѣли съ нимъ совѣщаніе въ составѣ Предсѣдателя Государственной Думы, его товарища Некрасова, секретаря Государственной Думы Дмитрюкова и члена Думы Савича. Великому Князю было во всей подробности доложено положеніе дѣлъ въ столицѣ и было указано, что еще возможно спасти положеніе: онъ долженъ былъ явочнымъ порядкомъ принять на себя диктатуру надъ городомъ Петроградомъ, понудить личный составъ Правительства подать въ отставку и потребовать по телеграфу, по прямому проводу, манифеста Государя Императора о дарованіи отвѣтственнаго министерства.

Нерѣшительность Великаго Князя Михаила Александровича способствовала тому, что благопріятный моментъ былъ упущенъ.

Вмѣсто того, чтобы принять активныя мѣры и собрать вокругъ себя еще непоколебленныя въ смыслѣ дисциплины части Петроградскаго гарнизона, Великій Князь Михаилъ Александровичъ повелъ по прямому проводу переговоры съ Императоромъ Николаемъ II, получилъ въ своихъ указаніяхъ полный отказъ, и, такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи попытка Государственной Думы потерпѣла неудачу.

При этой бесѣдѣ съ Великимъ Княземъ и выше названными членами Государственной Думы присутствовалъ и Предсѣдатель Совѣта Министровъ Князь Голицынъ. Несмотря на всѣ убѣжденія въ томъ, что ему надлежитъ выйти въ отставку, что это облегчитъ Государю Императору разрѣшеніе назрѣвающаго и все возрастающаго конфликта, Князь Голицынъ оставался неумолимымъ въ своемъ рѣшеніи, объяснивъ, что въ минуту опасности онъ своей должности не оставитъ, считая это позорнымъ бѣгствомъ, и этимъ только еще больше усложнилъ и запуталъ создавшееся положеніе.

Въ ночь съ 26 на 27-е февраля мною былъ полученъ указъ о перерывѣ занятій Государственной Думы, и такимъ образомъ возможности мирнаго улаженія возникающаго конфликта былъ положенъ рѣшительный предѣлъ, и тѣмъ не менѣе Дума подчинилась закону, все же надѣясь найти выходъ изъ запутаннаго положенія, и никакихъ постановленій о томъ, чтобы не расходиться и насильно собираться въ засѣданіи, не дѣлала.

Безпорядки начались съ военнаго бунта запасныхъ батальоновъ Литовскаго и Волынскаго полковъ. Рано утромъ началась въ раіонѣ расположенія этихъ полковъ перестрѣлка, и мнѣ по телефону дали знать, что командиръ Литовскаго батальона (фамилію забылъ) убитъ взбунтовавшимися солдатами и убито еще

два офицера, а остальные гг. офицеры арестованы. Съ трудомъ удалось успокоить взволнованныя части эти и убѣдить ихъ выпустить арестованныхъ офицеровъ. Такимъ образомъ, революція началась съ военнаго бунта тѣхъ самыхъ запасныхъ батальоновъ, о печальномъ состояніи которыхъ я писалъ выше.

Злоба озвѣрѣвшихъ людей сразу направилась на офицеровъ и такъ далѣе шло, какъ по трафарету, во всѣхъ бунтахъ и волненіяхъ въ полкахъ впослѣдствіи.

Среди дня 27 февраля произошли первыя безчинства: былъ разгромленъ Окружный Судъ и Главное Артиллерійское Управленіе, а также Арсеналъ, изъ котораго было похищено около 40 тысячъ винтовокъ рабочими заводовъ, которыя сейчасъ же были розданы быстро сформированнымъ батальонамъ красной гвардіи.

Толпы народа, вооруженныя чѣмъ попало, стали появляться тутъ и тамъ на улицахъ города; вечеромъ того же дня значительныя толпы инсургентовъ запрудили уже собою улицы столицы, кое-гдѣ происходили безпорядки, столкновенія между ними и вызванными частями войскъ.

Правительство засѣдало въ Маріинскомъ дворцѣ, но никакого распоряженія, никакого распорядка, никакой попытки къ подавленію въ самомъ корнѣ начинающихся безпорядковъ имъ сдѣлано не было, потому что Правительствомъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, овладѣла паника. Насколько велика была паника и растерянность, видно изъ слѣдующаго обстоятельства: при извѣстіи о движеніи толпы на Маріинскій дворецъ, въ немъ были потушены всѣ огни и собрано нѣкоторое количество оставшихся еще вѣрными правительству войскъ для того, чтобы сопротивляться.

Однако, нападеній не было, и, по словамъ одного изъ членовъ Правительства, когда снова зажгли огонь, то онъ, къ своему удивленію, оказался подъ столомъ. Мнѣ кажется, что такой, нѣсколько анекдотичный разсказъ, лучше всего можетъ характеризовать настроеніе Правительства въ смыслѣ полнаго отсутствія руководящей идеи для борьбы съ возникающими безчинствами.

На улицахъ, между прочимъ, начиналась форменная рѣзня, и почь была проведена чрезвычайно тревожно.

27-го февраля Предсѣдатель Совѣта Министровъ, Князь Голицынъ, увѣдомилъ меня, что онъ подалъ въ отставку, какъ и всѣ члены Правительства.

Такимъ образомъ, создалось такое безвыходное положеніе, передъ которымъ меркли всѣ самыя широкія революціонныя идеи.

При наличіи военныхъ дѣйствій и войны, при необходимости самаго строгаго порядка и самаго отвѣтственнаго исполненія Правительствомъ своихъ обязанностей, при наличіи нарождавшейся революціи — въ столицѣ не оказалось центральной власти. Изъ Ставки никакихъ распоряженій отъ Императора Николая II не поступало, и городъ Петроградъ былъ предоставленъ нарождающейся безбрежной анархіи.

Какъ я уже говорилъ, былъ разгромленъ Арсеналъ, горѣлъ Окружный Судъ, горѣли и разгромлялись всѣ полицейскіе участки, и отъ власти никакихъ указаній и распоряженій, что дѣлать, не было. Государственной Думѣ ничего не оставалось другого, какъ взять власть въ свои руки и попытаться хотя бы этимъ путемъ обуздать нарождавшуюся анархію и создать такую власть, которую бы послушались всѣ, и которая способна была прекратить нарождающуюся бѣду.

Конечно, можно было бы Государственной Думѣ отказаться отъ возглавленія революціи, но нельзя забывать создавшагося полнаго отсутствія власти и того, что при самоустраненіи Думы сразу наступила бы полная анархія и Отечество погибло бы немедленно.

Дума была бы арестована и перебита въ полномъ составѣ бунтующими войсками, и власть сразу очутилась бы у большевиковъ, а между тѣмъ Думу надо было беречь хотя бы какъ фетишъ власти, который все же сыгралъ бы свою роль въ трудную минуту.

Предсѣдатель Государственной Думы еще 26 числа послалъ Государю Императору телеграмму: «Положеніе серьезное. Въ столицѣ анархія. Правительство парализовано. Транспортъ продовольствія и топлива пришелъ въ полное разстройство. Растетъ общее недовольство. На улицахъ происходитъ безпорядочная стрѣльба. Частью войска стрѣляютъ другъ въ друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедленіе смерти подобно. Молю Бога, чтобы въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на Вѣнценосца». Но Царь не внялъ предупрежденію главы народнаго представительства. 27 февраля Предсѣдателемъ Государственной Думы была отправлена еще болѣе категорическая телеграмма Государю Императору:

«Положеніе ухудшается. Надо принять немедленныя мѣры, ибо завтра уже будетъ поздно. Насталъ послѣдній часъ, когда рѣшается судьба Родины и династіи». Но и на эту телеграмму Предсѣдатель Государственной Думы отвѣта не получилъ. Уже здѣсь въ Сербіи я еще разъ получилъ отъ бывшаго тогда начальника почтоваго управленія г. Похвиснева увѣреніе, что мои обѣ телеграммы были въ точности доставлены по адресу. Только 28 февраля генералъ Рузскій увѣдомилъ, что Государь Императоръ, наконецъ, рѣшился даровать странѣ отвѣтственное министерство и поручаетъ Предсѣдателю Государственной Думы сформированіе кабинета.

Этимъ манифестомъ, однако, положеніе запуталось еще болѣе, ибо, пока происходили сомнѣнія и колебанія Императора Николая II, событія шли своимъ чередомъ и разрѣшенія отъ него не ожидали.

Временный Комитетъ Государственной Думы

Уже 27 февраля былъ образованъ Временный Комитетъ Государственной Думы для сношенія съ населеніемъ и для приведенія расшатанныхъ устоевъ въ нормальное состояніе, который обратился къ населенію со слѣдующимъ воззваніемъ: «Временный Комитетъ членовъ Государственной Думы при тяжелыхъ условіяхъ внутренней разрухи, вызванной мѣрами стараго Правительства, нашелъ себя вынужденнымъ взять въ свои руки возстановленіе государственнаго и общественнаго порядка. Сознавая всю отвѣтственность принятаго имъ рѣшенія, Комитетъ выражаетъ увѣренность, что населеніе и Армія помогутъ ему въ трудной задачѣ созданія новаго Правительства, соотвѣтствующаго желаніямъ населенія и могущаго пользоваться его довѣріемъ».

Между тѣмъ вышеупомянутый манифестъ возвращалъ все происшедшее въ старое русло, вернуть же вспять бурное революціонное теченіе манифестомъ уже не представлялось возможнымъ.

Съ другой стороны, Предсѣдателю Государственной Думы оставить Государственную Думу безъ главы, принявъ въ свои руки власть исполнительную, представлялось тоже совершенно невозможнымъ, такъ какъ Дума была временно распущена, и выбирать ему замѣстителя было невозможно.

Отреченіе Николая II

Вслѣдствіе этого, Предсѣдатель Государственной Думы вынужденъ былъ отклонить предложеніе, переданное ему черезъ генерала Рузскаго, и заявить, что при настоящемъ положеніи дѣлъ единственный исходъ для Императора Николая II — это отречься отъ престола въ пользу сына. *

Я утверждаю совершенно категорически, что эта комбинація, внѣ всякаго сомнѣнія, была бы принята, и волненія, по всей вѣроятности, въ значительной мѣрѣ были бы успокоены. Тѣмъ не менѣе, Императоръ Николай II не повѣрилъ указаніямъ Предсѣдателя Государственной Думы и запросилъ своего Начальника Штаба и всѣхъ Главнокомандующихъ фронтами о томъ, каково ихъ мнѣніе по поводу указаній, сдѣланныхъ ему Предсѣдателемъ Государственной Думы.

Телеграммы эти имѣлись въ моемъ распоряженіи, и, если не уничтожены въ Петроградѣ, гдѣ онѣ находятся, то, вѣроятно, документально можно будетъ возстановить то послѣдующее, о чемъ я буду говорить.

Отвѣты Командующихъ фронтами и Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго были получены Императоромъ Николаемъ II въ тотъ же день. Всѣ лица, запрошенныя имъ, единогласно отвѣтили, что для блага Родины Его Величеству нужно отказаться отъ престола.

Чтобы не быть голословнымъ, помимо моего утвержденія, что эти телеграммы въ подлинникѣ были въ моихъ рукахъ, я процитирую выдержку изъ дневника Императора Николая II, въ свое время опубликованнаго въ печати: «2 марта. Четвергъ. Утромъ пришелъ Рузскій и прочелъ мнѣ длиннѣйшій разговоръ по аппарату съ Родзянко. По его словамъ, положеніе въ Петроградѣ таково, что министерство изъ Членовъ Государственной Думы будетъ безсильно что-либо сдѣлать, ибо съ нимъ борется эсъ-дековская партія въ лицѣ рабочаго комитета. Нужно мое отреченіе. Рузскій передалъ этотъ разговоръ въ Ставку Алексѣеву и всѣмъ Главнокомандующимъ. Въ 12 съ половиной часовъ пришли отвѣты. Для спасенія Россіи и удержанія Арміи на фронтѣ я рѣшился на этотъ шагъ. Я согласился, и изъ Ставки прислали проектъ манифеста. Вечеромъ изъ Петрограда прибыли Гучковъ и Шульгинъ, съ которыми я переговорилъ и передалъ подписанный передѣланный манифестъ. Въ часъ ночи уѣхалъ изъ Пскова съ тяжелымъ чувствомъ; кругомъ измѣна, трусость, обманъ».

Привожу изъ доклада о поѣздкѣ своей въ Армію одного изъ членовъ Думы записанный со словъ генерала Рузскаго разсказъ о послѣднихъ словахъ отрекшагося Императора: онъ снялъ съ себя фуражку, сталъ передъ образомъ, который былъ въ углу вагона, перекрестился и сказалъ: «Такъ Господу

* Въ разговорѣ моемъ 2 марта 1917 г. съ генераломъ Рузскимъ мною были приведены и мотивы такого мнѣнія. См. Архивъ Русской Революціи. Т. III, Документы къ воспоминаніямъ генерала Лукомскаго, стр. 255 сл.

Богу угодно, и мнѣ надо было давно это сдѣлать». Подписывая поданное генераломъ Рузскимъ отреченіе и отдавая ему текстъ подписанный, онъ сказалъ: «Единственный, кто честно и безпристрастно предупреждалъ меня и смѣло говорилъ мнѣ правду, былъ Родзянко», и съ этими словами повернулся и вышелъ изъ вагона. Привожу эти слова, для меня дорогія и знаменательныя, не для самовосхваленія, а какъ доказательство, что отъ Царя ничего не было скрыто.

Для полученія подлиннаго отреченія Императора Николая II, Предсѣдатель Государственной Думы, который не имѣлъ возможности ни на одинъ шагъ оставить столицу по суммѣ разныхъ причинъ, были командированы: Членъ Государственнаго Совѣта А. И. Гучковъ и Членъ Государственной Думы Шульгинъ. Лица эти, прибывъ въ Ставку въ Псковъ, явились къ Государю и получили уже готовое отреченіе въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича.

Отреченіе было подписано 2 марта 1917 года.

Здѣсь умѣстно самымъ категорическимъ образомъ отвергнуть и опровергнуть всѣ слухи о томъ, что командированными лицами производились какія-то насильственныя дѣйствія, произносились угрозы, съ цѣлью побужденія Императора Николая II къ отреченію.

Вышеприведенный мною дневникъ Царя не оставляетъ въ этомъ никакихъ сомнѣній, и я съ негодованіемъ отвергаю всѣ эти слухи, распускаемые крайними элементами, о наличіи подобныхъ дѣйствій со стороны лицъ, безупречныхъ по своему прошлому за время своей государственной дѣятельности.

Такимъ образомъ, Верховная власть перешла, якобы, къ Великому Князю Михаилу Александровичу, но тогда же возникъ для насъ вопросъ, какія послѣдствія можетъ вызвать такая совершенно неожиданная постановка вопроса и возможно ли воцареніе Михаила Александровича, тѣмъ болѣе, что объ отказѣ за сына отъ престола въ актѣ отреченія не сказано ни слова.

Прежде всего, по дѣйствующему закону о престолонаслѣдіи царствующій Императоръ не можетъ отказаться въ чью-либо пользу, а можетъ этотъ отказъ произвести лишь для себя, предоставляя уже воцареніе тому лицу, которое имѣетъ на то законное право, согласно акта о престолонаслѣдіи.

Такимъ образомъ, при несомнѣнно возрастающемъ революціонномъ настроеніи массъ и ихъ руководителей, мы, на первыхъ же порахъ, получили бы обоснованный юридическій споръ о томъ, возможно ли признать воцареніе Михаила Александровича законнымъ. Въ результатѣ получилась бы сугубая вспышка со стороны тѣхъ лицъ, которыя стремились опрокинуть окончательно монархію и сразу установить въ Россіи республиканскій строй.

По крайней мѣрѣ, членъ Государственной Думы Керенскій, входившій въ составъ Временнаго Комитета Государственной Думы, безъ всякихъ обиняковъ заявилъ, что если воцареніе Михаила Александровича состоится, то рабочіе города Петрограда и вся революціонная демократія этого не допустятъ.

Идти на такое положеніе вновь воцаряемому Царю, очевидно, въ смутное, тревожное время было совершенно невозможно. Но что всего существеннѣй — это то, что принимая въ соображеніе настроенія революціонныхъ элементовъ, указанныя членомъ Государственной Думы Керенскимъ, для насъ было совершенно ясно, что Великій Князь процарствовалъ бы всего нѣсколько часовъ, и немедленно произошло бы огромное кровопролитіе въ стѣнахъ столицы, которое бы положило начало общегражданской войнѣ.

Для насъ было ясно, что Великій Князь былъ бы немедленно убитъ и съ нимъ всѣ сторонники его, ибо вѣрныхъ войскъ уже тогда въ своемъ распоряженіи онъ не имѣлъ и поэтому на вооруженную силу опереться бы не могъ. Великій Князь Михаилъ Александровичъ поставилъ мнѣ ребромъ вопросъ, могу ли ему гарантировать жизнь, если онъ приметъ престолъ, и я долженъ былъ ему отвѣтить отрицательно, ибо, повторяю, твердой вооруженной силы не имѣлъ за собой. Даже увезти его тайно изъ Петрограда не представлялось возможнымъ: ни одинъ автомобиль не былъ бы выпущенъ изъ города, какъ не выпустили бы ни одного поѣзда изъ него. Лучшей иллюстраціей можетъ служить слѣдующій фактъ: когда А. И. Гучковъ вмѣстѣ съ Шульгинымъ вернулись изъ Пскова съ актомъ отреченія Императора Николая II въ пользу своего брата, то Гучковъ отправился немедленно въ казармы или мастерскія желѣзнодорожныхъ рабочихъ, собралъ послѣднихъ и, прочтя имъ актъ отреченія, возгласилъ: «Да здравствуетъ Императоръ Михаилъ». но немедленно же онъ былъ рабочими арестованъ съ угрозами разстрѣла, и Гучкова съ большимъ трудомъ удалось освободить при помощи дежурной роты ближайшаго полка. Несомнѣнно, что были и сторонники Великаго Князя Михаила, и его воцареніе означало бы начало гражданской войны въ столицѣ. Возбуждать же гражданскую войну, при наличіи войны на фронтѣ и яснаго пониманія нами, что гражданская война вызоветъ такую смуту въ тылу, которая лишитъ Дѣйствующую Армію необходимаго подвоза пищевыхъ и боевыхъ припасовъ, — на это могъ рѣшиться только Ленинъ, но не Государственная Дума, задача которой рисовалась въ этотъ ужасный моментъ не въ возбужденіи страстей, а въ умиротвореніи и приведеніи взволнованнаго моря народной жизни въ должное успокоеніе. Такой мѣрой было, несомнѣнно, отреченіе Императора Николая II и воцареніе Цесаревича Алексѣя Николаевича при регентствѣ Великаго Князя Михаила Александровича.

Но упущеніе времени смерти невозвратной подобно, и было уже поздно. Въ революціонную эпоху событія мчатся съ такой головокружительной быстротой, что то, что еще сегодня представлялось возможнымъ, завтра дѣлается уже невозможнымъ къ осуществленію. Такъ было и въ этомъ случаѣ.

Возставшее населеніе столицы уже признало, что Государственная Дума приняла на себя власть, и поэтому пришлось ограничиться избраніемъ Временнаго Комитета изъ состава Государственной Думы, которому и поручены были дальнѣйшія мѣропріятія по умиротворенію столицы и страны.

Временный Комитетъ Государственной Думы и Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ

Долженъ здѣсь отмѣтить, что, въ силу своего партійнаго состава, Государственная Дума принуждена была во Временный Комитетъ избрать представителей разныхъ теченій, и эта неоднородность состава Временнаго Комитета, какъ мы это увидимъ дальше, послужила значительнымъ тормазомъ къ его авторитету и къ возможности, опираясь на реальную силу, принимать надлежащія мѣры къ водворенію порядка.

Гибельный недостатокъ, который красной нитью проходитъ черезъ всю дѣятельность созданнаго Временнымъ Комитетомъ Государственной Думы Временнаго Правительства, обнаружился на первыхъ же порахъ. Когда обсуждался

вопросъ о томъ, надлежитъ ли Государственной Думѣ сразу вступить во всю полноту Государственной власти въ виду революціоннаго настроенія, членъ Государственной Думы Керенскій, на требованіе Предсѣдателя Государственной Думы, въ случаѣ положительнаго разрѣшенія вопроса предоставить въ его руки полную власть во всемъ объемѣ и безусловно слѣпое повиновеніе всѣмъ его распоряженіямъ, заявилъ, что онъ признаетъ это условіе необходимымъ, но можетъ ему подчиниться постольку, поскольку онъ не связанъ съ состояніемъ его въ должности товарища Предсѣдателя Совѣта Рабочихъ Депутатовъ.

Итакъ, въ зародышѣ уже новая власть получила первородный грѣхъ — это двоевластіе.

28 февраля Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ выпустилъ воззваніе: «Старая власть довела страну до полнаго развала, а народъ до голоданія. Терпѣть больше стало невозможно. Населеніе Петрограда вышло на улицу, чтобы заявить о своемъ недовольствѣ. Его встрѣтили залпами. Вмѣсто хлѣба Царское Правительство дало народу свинецъ.

Но солдаты не захотѣли идти противъ народа и возстали противъ Правительства. Вмѣстѣ съ народомъ они захватили оружіе, военные склады и рядъ важныхъ Правительственныхъ учрежденій.

Борьба еще продолжается, она должна быть доведена до конца. Старая власть должна быть окончательно низвергнута и уступить мѣсто народному правленію. Въ этомъ спасеніе Россіи.

Для успѣшнаго завершенія борьбы въ интересахъ демократіи народъ долженъ создать свою собственную властную организацію.

Вчера, 27 февраля, въ столицѣ образовался Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ изъ выборныхъ представителей заводовъ и фабрикъ, возставшихъ воинскихъ частей, а также демократическихъ и соціалистическихъ партій и группъ.

Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, засѣдающій въ Государственной Думѣ, ставитъ своей основной задачей организацію народныхъ силъ и борьбу за окончательное упроченіе политической свободы народнаго правленія въ Россіи.

Совѣтъ назначилъ районныхъ комиссаровъ для установленія народной власти въ районахъ Петрограда.

Приглашаемъ все населеніе столицы, немедленно сплотиться вокругъ Совѣта, образовать мѣстные комитеты въ районахъ и взять въ свои руки управленіе всѣми мѣстными дѣлами.

Всѣ вмѣстѣ, общими силами будемъ бороться для полнаго устраненія стараго Правительства и созыва Учредительнаго Собранія, избраннаго на основѣ равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права».

Вы видите, что въ этомъ воззваніи демократическіе слои и наиболѣе революціонные элементы призывались къ исключительному единенію и повиновенію своему выборному органу — Совѣту Рабочихъ Депутатовъ. Исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, конечно, существовалъ, хотя и тайно, безъ перерыва, начиная съ 1905 года, и своей агитаціонной дѣятельности не прекращалъ.

Изложенное мною должно убѣдить всякаго, даже предубѣжденнаго противъ Государственной Думы, что послѣдняя совершенно не была внутри себя подготовлена къ вспыхнувшей революціи и для воплощенія таковой не имѣла никакого плана и никакой организаціи.

Существованіе подземныхъ революціонныхъ водъ, еле скрытыхъ зыбкою почвою самодержавнаго режима, многими оспаривалось; оспаривалось, быть можетъ, изъ боязни, впасть въ оптимизмъ, увлечься надеждами, но то, что эти воды существуютъ, не было секретомъ. И, когда почву сорвали взрывомъ 26—27 февраля, онѣ мощной рѣкой хлынули въ проломъ и вынесли на поверхность земли революціонную идею пятаго года, революціонную тактику пятаго года и революціонную программу, вмѣстившую важнѣйшіе боевые лозунги того же пятаго года, начиная съ амнистіи и свободы и кончая созывомъ учредительнаго собранія, подлежащаго избранію на основѣ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ. Революція подготовлялась и организовалась внѣ стѣнъ Таврическаго Дворца въ средѣ Исполнительнаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, который имѣлъ несомнѣнно опредѣленныя директивы и дѣйствовалъ по заранѣе тонко и всесторонне обдуманному плану, выдвигая впереди себя Государственную Думу какъ бы въ видѣ народнаго революціоннаго знамени. Вихрь революціонной вспышки сыгралъ ему въ руку, а слабость и нерѣшительность созданнаго Государственной Думой Временнаго Правительства, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, только способствовали дальнѣйшему, какъ принято выражаться, углубленію революціи. Даже зданіемъ и помѣщеніемъ Государственной Думы сразу же въ первый день овладѣли вооруженные рабочіе, чему воспротивиться было уже невозможно. Но, повторяю, однообразіе плана, руководимаго Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ, сказывалось и въ деревнѣ, и въ провинціи, и въ городахъ, что подтверждается цѣлымъ рядомъ документальныхъ данныхъ.

Фактически же 27 февраля партія соціалистовъ овладѣла Петроградскимъ гарнизономъ и сдѣлалась хозяйкой положенія по этой причинѣ, но до поры до времени скрывала свою игру. Наиболѣе крайніе революціонные элементы, расточая цѣлый букетъ посуловъ о грядущихъ благахъ путемъ завоеванія ихъ революціей, хотя не задумывались надъ вопросомъ, выполнимы ли эти посулы или нѣтъ, тѣмъ не менѣе имѣли громадный успѣхъ, и этимъ путемъ привлекали къ себѣ массы, и войска гарнизона, и рабочихъ.

Но колебаться было уже поздно, да и невозможно въ виду поступавшихъ тревожныхъ извѣстій о волненіяхъ, начинавшихся въ провинціи. Предсѣдатель Государственной Думы долженъ былъ силою вещей рѣшиться на возглавленіе Государственной Думой Государственной власти.

Еще считаю нужнымъ подчеркнуть, что именно въ это самое время члены Временнаго Комитета, избраннаго Государственной Думой, Чхендзе и Керенскій, сразу стали на знаменательную платформу «постольку-поскольку», и двоевластіе это проявилось на первыхъ же порахъ.

Повторяю еще разъ, двоевластіе красной нитью проходило черезъ всѣ дѣйствія созданнаго дальнѣйшимъ Временнаго Правительства, которое проявило слабость и безхарактерность, не сумѣло справиться съ этимъ двоевластіемъ и подчинить себѣ, своей Верховной власти, всѣ оттѣнки политической мысли.

Такимъ образомъ, въ силу обстоятельствъ, носящихъ, несомнѣнно, характеръ force majeur, конструкція власти въ первые же дни революціонной эпохи создалась такая: Временный Комитетъ Государственной Думы, избранный съ самыхъ первыхъ часовъ начала революціоннаго движенія, явился источникомъ Верховной власти.

Составляя и назначая Правительство, безспорно, на законномъ правѣ, какъ единственный преемственный источникъ власти и какъ органъ, замѣщающій министровъ въ случаѣ ихъ ухода, онъ основалъ свое право на данномъ ему полномочіи народнаго представительства.

Полнота власти исполнительной была передана Комитетомъ Временному Правительству, и Временное Правительство, говоря словами манифеста Великаго Князя Михаила Александровича, по почину Государственной Думы возникшее, было признано не только всей Россіей, но и иностранными державами, почему былъ избранъ именно тотъ составъ лицъ во Временное Правительство, который призванъ Временнымъ Комитетомъ Государственной Думы къ власти. Хотя, по первой мысли Императора Николая II, сформированіе перваго отвѣтственнаго министерства онъ предполагалъ поручить Предсѣдателю Государственной Думы, но, какъ я объяснилъ это выше, принять эти порученія я не могъ по разнымъ властнымъ причинамъ, и, кромѣ того, партія кадетъ рѣшительно воспротивилась моему Министерству, о чемъ лидеръ ихъ заявилъ Предсѣдателю Думской фракціи земцевъ-октябристовъ. Безъ участія же кадетской партіи образовать устойчивый кабинетъ было невозможно. Причины были слѣдующія: Князь Львовъ однимъ изъ послѣднихъ указовъ Императора Николая II былъ назначенъ Предсѣдателемъ перваго отвѣтственнаго передъ Палатами Совѣта Министровъ и, такимъ образомъ, носилъ на себѣ преемственность власти, делегированной ему отъ лица еще не сверженной Верховной власти, а къ тому же, учитывая популярность Князя Львова, какъ руководителя дѣятельности Всероссійскаго Земскаго Союза и пріемлемость его кандидатуры для всѣхъ политическихъ группъ, выборъ Предсѣдателя Правительства оставался на немъ. Всѣ остальные министры были избраны изъ популярнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей, каковыми являлись: Милюковъ, Шингаревъ, Гучковъ, Годневъ, какъ безсмѣнный работникъ по контрольнымъ вопросамъ, Владиміръ Львовъ — знатокъ церковныхъ вопросовъ, постоянный предсѣдатель комиссіи Государственной Думы по церковнымъ дѣламъ, Терещенко — крупный финансовый и популярный дѣятель въ Кіевѣ, и, наконецъ, Керенскій, который долженъ былъ быть введенъ въ составъ кабинета по требованію демократическихъ элементовъ, безъ соглашенія съ которыми не было никакой возможности водворить даже подобіе порядка и создать популярную власть.

Указанный мною только-что зародышъ двоевластія проявился на первыхъ же порахъ и позволительно задать себѣ вопросъ, была ли Государственная Дума вообще, а, въ частности, ея Предсѣдатель, облечена тѣмъ полнымъ довѣріемъ и той полнотой власти, которая рисовалась на мѣстахъ, въ провинціи, не преувеличено ли было въ странѣ представленіе о могуществѣ надъ толпой Государственной Думы, и не было ли уже въ столицѣ на первыхъ же порахъ такого тайнаго лозунга среди революціонной демократіи, въ силу котораго на первый планъ выдвигалась Государственная Дума только какъ щитъ, долженствующій прикрыть дальнѣйшія революціонныя дѣйствія.

Позволяю отвѣтить на этотъ вопросъ нѣсколькими, чрезвычайно характерными фактами: 27 февраля, то-есть въ первый день переворота, неизвѣстно по чьему распоряженію, солдаты Петроградскаго гарнизона начали производить аресты, и однимъ изъ первыхъ приведенныхъ въ Думу арестованныхъ сановниковъ стараго режима былъ Предсѣдатель Государственнаго Совѣта И. Г. Щегловитовъ. Онъ былъ приведенъ ко мнѣ группою солдатъ, мнѣ совершенно неизвѣстныхъ, кажется Преображенскаго полка, если память не измѣняетъ мнѣ, и когда я, пораженный этимъ произволомъ, для котораго не сдѣлано было никакого распоряженія, пригласилъ И. Г. Щегловитова пожаловать ко мнѣ въ кабинетъ, солдаты наотрѣзъ отказались выдать его мнѣ, объяснивъ, что они отведутъ его къ Керенскому или въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ. Когда я попробовалъ проявить свой авторитетъ и строго приказалъ немедленно подчиниться моему распоряженію, то солдаты сомкнулись вокругъ своего плѣнника и съ самымъ вызывающимъ, дерзкимъ видомъ показали мнѣ на свои винтовки, послѣ чего, безъ всякихъ обиняковъ, Щегловитовъ былъ уведенъ неизвѣстно куда.

Лозунги соціальной революціи

Инцидентъ этотъ послужилъ первымъ поводомъ къ столкновенію между мною и Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ, но онъ былъ улаженъ въ виду того, что выпустить И. Г. Щегловитова на свободу — значило бы подвергнуть его просто-на-просту самосуду толпы, а потому онъ былъ временно задержанъ въ министерскомъ павильонѣ Государственной Думы, а впослѣдствіи, распоряженіемъ Временнаго Правительства, былъ препровожденъ въ Петропавловскую крѣпость.

2 марта въ Государственную Думу, къ ея Предсѣдателю, явился Семеновскій полкъ въ полномъ своемъ составѣ, но съ малымъ числомъ офицеровъ, послѣ моей привѣтственной рѣчи, устроилъ мнѣ шумную овацію, проводилъ съ криками «ура» въ мой кабинетъ, гдѣ въ это время собрался Временный Комитетъ Государственной Думы.

Но немедленно выступившій послѣ моей рѣчи ораторъ, членъ Государственной Думы Чхеидзе, стремился опорочить рѣчь Предсѣдателя Государственной Думы, и посовѣтовалъ семеновцамъ, вновь потребовать меня, дабы я точно и опредѣленно высказалъ свои взгляды по поводу учрежденія въ Россіи демократической республики и разрѣшенія вопроса о землѣ. Когда я пришелъ въ залъ къ Семеновскому полку, настроеніе солдатъ было уже совсѣмъ не то, какимъ было прежде, а, напротивъ, было чрезвычайно агрессивнымъ. Тѣмъ не менѣе, удалось полкъ, взволнованный рѣчью члена Думы Чхеидзе, успокоить ссылкой на то, что всѣ эти вопросы подлежатъ разрѣшенію не представителя Государственной Думы и не Временнаго Правительства, а Учредительнаго Собранія.

3 марта явившійся тоже демонстративно въ Государственную Думу 2-ой флотскій экипажъ держалъ себя еще болѣе агрессивно, и офицеры, его приведшіе, въ большинствѣ случаевъ юные, только-что произведенные мичманы, произносили тутъ же въ залѣ зажигательныя рѣчи, причемъ одинъ изъ нихъ, въ моемъ присутствіи, безъ всякихъ обиняковъ заявилъ, что меня нужно, какъ завѣдомаго «буржуя», разстрѣлять, что, повидимому, матросы были не прочь исполнить.

И только благодаря вмѣшательству другихъ офицеровъ, изобразившихъ матросамъ всю нелѣпость ихъ поведенія по отношенію къ Государственной Думѣ и ея Предсѣдателю, мнѣ удалось избѣжать въ этотъ моментъ разстрѣла.

Такимъ образомъ, изъ этихъ трехъ фактовъ можно вывести заключеніе, что авторитетъ и полнота власти Государственной Думы и ея Предсѣдателя, въ столицѣ, по крайней мѣрѣ, стояли не такъ высоко, какъ казалось съ мѣста. Требовался огромный тактъ, огромное самообладаніе и выдержка, чтобы среди разбушевавшагося моря народныхъ страстей столицы удержать такъ или иначе равновѣсіе и не допустить возникновенія гражданской войны, губительной во всѣхъ отношеніяхъ и опасной для удачнаго завершенія кровопролитнѣйшей борьбы, находящейся въ самомъ апогеѣ своего развитія.

Изъ приведенныхъ мною примѣровъ ясно видно, что уже 27 февраля сформировавшійся Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, присоединившій къ себѣ еще названіе Солдатскихъ Депутатовъ, имѣлъ опредѣленную программу дѣйствій въ смыслѣ превращенія политически національнаго переворота въ соціальную революцію, основанную на безпощадной классовой борьбѣ подъ лозунгомъ «углубленія революціи». Его цѣлью уже тогда, очевидно, была жестокая борьба съ буржуазіей во имя побѣды пролетаріата и водворенія его владычества, и, конечно, проводимыя впослѣдствіи кровью и желѣзомъ въ жизнь соціалистическія ученія большевиковъ были въ нѣкоторой степени исповѣдуемы и этой частью революціонной демократіи, зараженной теоріями интернаціонализма.

Точно также очевидно и то, что успѣхи соціалистическихъ партій были обязаны абсолютной солидарности съ ними и готовности поддерживать ихъ вездѣ и всегда тѣхъ запасныхъ батальоновъ, о которыхъ я говорилъ уже, а въ частности батальоновъ Петроградскаго гарнизона. Создавая эти батальоны безъ надлежащаго за ними надзора, правительство создало въ сущности «вооруженный народъ», который въ полной своей разнузданности и выполнилъ кровавыя дѣла.

Руководители движенія не считались вовсе съ національными запросами Россіи, но вели свое дѣло осторожно, идя какъ бы въ союзѣ съ буржуазными элементами въ дѣлѣ подавленія нарождающейся анархіи и приведенія страны къ порядку. Эту скрытую цѣль Временный Комитетъ и Временное Правительство не уяснили себѣ въ достаточной степени и своевременно не поставили вопросъ ребромъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

Достаточно упомянуть здѣсь, что производимые въ столицѣ, якобы, самочинные аресты совершались безъ вѣдома Временнаго Комитета Государственной Думы и его распоряженія.

Временный Комитетъ неоднократно объявилъ о незаконномѣрности такихъ арестовъ, но они продолжались съ поразительной планомѣрностью, причемъ производившими ихъ воинскими чинами постоянно указывалось имя члена Государственной Думы Керенскаго, какъ руководителя ихъ дѣйствій.

Волненіе въ обществѣ было чрезвычайно и порождало невѣроятное количество затрудненій.

Собравшійся, если память мнѣ не измѣняетъ, 3-го марта офицерскій составъ Петроградскаго гарнизона, собравшись въ числѣ около ста тысячъ человѣкъ, въ зданіи Собранія Арміи и Флота, вынесъ самыя рѣзкія резолюціи до требованія ареста Императора Николая II; ихъ многочисленная депутація явилась ко мнѣ ночью во Временный Комитетъ съ цѣлью поддержать свои резолюціи, и съ трудомъ удалось успокоить взволнованную до невозможности пу-

блику. Въ то же время начались агрессивныя дѣйствія и настроенія солдать противъ своихъ офицеровъ, образовалась группа офицеровъ-республиканцевъ, и революціонное движеніе стало принимать все болѣе и болѣе острый и сложный характеръ.

Въ скоромъ времени вспыхнулъ Кронштадтскій бунтъ, извѣстный всѣмъ по своему кровопролитному характеру, и, не взирая на численное превосходство Петроградскаго гарнизона надъ Кронштадтскимъ, Временное Правительство ничего сдѣлать съ этимъ бунтомъ не могло, такъ какъ части Петроградскаго гарнизона не соглашались идти усмирять своихъ взбунтовавшихся товарищей.

Номинальный характеръ власти Временнаго Правительства

Мало-по-малу Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, присоединившій къ себѣ имя и Солдатскихъ Депутатовъ, развивался все болѣе и болѣе, получая поддержку изъ провинціи, главнымъ образомъ отъ запасныхъ батальоновъ, находящихся на мѣстахъ, о которыхъ я говорилъ выше.

Пріобрѣтая моральную силу и авторитетъ въ глазахъ революціонной демократіи, а, вѣрнѣе сказать, рабочаго пролетаріата въ столицѣ и на мѣстахъ, онъ немедленно приступилъ къ изобличенію Государственной Думы вообще и ея Предсѣдателя въ частности въ контръ-революціонности и повелъ атаку на Временное Правительство.

На чемъ же основывалось такое обвиненіе Государственной Думы въ контръ-революціонности со стороны революціонной демократіи. Какъ я уже говорилъ, Государственная Дума не хотѣла революціи во время войны, отлично понимая, что перемѣнить Государственный и связанный съ нимъ общественный строй, произвести это потрясеніе и благополучно довести войну до конца — такое дѣйствіе выше силъ и энергіи какого бы то ни было народа. Но, какъ видите, сила хода историческихъ событій оказалась сильнѣе нашей воли, и Государственная Дума была вовлечена и невольно связана съ революціей. Революція пришла снизу, помимо Думы. Но пока дѣло шло о спасеніи Россіи, пока революція базировалась на сознаніи необходимости, во что бы то ни стало, достигнуть побѣды, страна могла оправдать позицію, занятую народнымъ представительствомъ. Но когда классовые интересы и классовая борьба подъ лозунгами «углубленія революціи» стали затушевывать національный интересъ, затемнять величіе родины, ввергая ее въ бездну несчастій и позора, и когда ее вели по пути отказа защищать честь, достоинство и цѣлость родины, когда приходилось отвѣтить на вопросъ: за революцію и противъ Россіи, или обратно, за Россію и противъ революціи, то, конечно, Государственная Дума не могла поступить иначе, какъ отвергнуть такой вопросъ, и потому прослыла очагомъ контръ-революціи.

Такимъ образомъ, вмѣсто согласованныхъ дѣйствій Временнаго Правительства со всѣми слоями населенія, получалось рѣзко и характерно выраженное двоевластіе.

Членъ Правительства Керенскій, занимавшій тогда постъ Министра Юстиціи, состоялъ одновременно съ этимъ и товарищемъ Предсѣдателя Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и не только получалъ директивы отсюда, но

вынужденъ былъ на первыхъ порахъ постоянно являться на собранія Совѣта, давать объясненія и, естественно, въ качествѣ причастнаго къ этой организаціи лица, вносить порученныя директивы и требовать ихъ проведенія въ нѣдрахъ Временнаго Правительства.

Здѣсь умѣстно будетъ дать хотя бы краткую характеристику А. Ф. Керенскаго, этого яркаго и гибельнаго для Россіи государственнаго дѣятеля. А. Ф. Керенскій для меня, хорошо его знающаго, былъ совершенно ясенъ. Въ высшей степени безпринципный человѣкъ, легко мѣняющій свои убѣжденія, мысли, не глубокій, а, напротивъ, чрезвычайно поверхностный, онъ не представлялъ для меня типа серьезнаго государственно-мыслящаго человѣка. Его рѣчи въ Государственной Думѣ, всегда нервно-истеричныя, были въ большинствѣ случаевъ безсодержательны, въ видѣ фейерверка громкихъ, звонкихъ фразъ, и не всегда даже соотвѣтствовали его внутреннему настроенію. Такъ, напримѣръ, въ началѣ лѣта 1916 года, когда стало очевиднымъ, что Государственной Думѣ нѣтъ больше дѣла и члены Думы стали поговаривать, что пора бы распустить ихъ на каникулы по домамъ, Керенскій разразился громовой рѣчью по адресу своихъ товарищей членовъ Думы. Онъ упрекалъ ихъ въ нежеланіи положить свои труды на пользу Родины, укорялъ ихъ въ томъ, что они будто бы готовы судьбу Отчизны отдать въ безконтрольное распоряженіе бездарнаго, развращеннаго Правительства, сыпалъ на ихъ головы упреки въ измѣнѣ и угрожалъ народнымъ гнѣвомъ. Рѣчь была страстная, горячая и стремительная. Я предсѣдательствовалъ въ это время, и, когда А. Ф. Керенскій кончилъ, я, передавъ предсѣдательствованіе своему Товарищу, направился къ выходу изъ зала засѣданія. Здѣсь меня встрѣтилъ Керенскій и сказалъ: «Когда же, наконецъ, Михаилъ Владиміровичъ, Вы насъ распустите — пора и по домамъ, намъ больше дѣлать нечего?» Когда же я высказалъ ему свое несказанное удивленіе по поводу несоотвѣтствованія такихъ словъ съ содержаніемъ только-что произнесенной имъ рѣчи, я получилъ въ отвѣтъ такія слова: — «одно дѣло кафедра, гдѣ требуется подчиненіе партійнымъ лозунгамъ, чтобъ нанести ударъ врагамъ, а другое — это существо дѣла, обсужденное безпристрастно». Въ этомъ отвѣтѣ Керенскій сказался весь по всему своему существу. Я смѣло утверждаю, что никто не принесъ столько вреда Россіи, какъ А. Ф. Керенскій. Любитель дешевыхъ эффектовъ, рисующійся демагогическими принципами, Керенскій былъ всегда двуличенъ, заигрывалъ со всѣми политическими теченіями и не удовлетворялъ рѣшительно никого, — безвольный, безъ всякихъ твердыхъ государственныхъ принциповъ, безспорно тайно покровительствовавшій большевикамъ.

Вѣдь несомнѣнно кромѣ того, что Керенскій способствовалъ ввозу въ Россію въ запечатанныхъ, для видимости только, вагонахъ того букета главарей большевизма, которые, добившись, при помощи, главнымъ образомъ, тѣхъ же революціонированныхъ запасныхъ батальоновъ, власти, залили кровью и покрыли позоромъ всю матушку Россію. Это онъ, несомнѣнно изъ тайнаго сочувствія къ большевикамъ, но быть можетъ и въ силу иныхъ соображеній, побудилъ Временное Правительство согласиться на этотъ преступный актъ. Керенскій не могъ не понимать, къ чему поведетъ эта свобода проповѣди коммунизма и анархіи, и тѣмъ не менѣе не принялъ мѣръ къ огражденію Родины отъ ея растлѣвающаго вліянія. Комментарій тутъ излишенъ.

Хотя Керенскій и балансировалъ во всѣ стороны, однако же справедливость требуетъ напомнить, что нѣкоторое время онъ былъ всеобщимъ ораку-

ломъ, вождемъ и любимцемъ. Имъ увлекались всѣ, вѣря его заманчивымъ обѣщаніямъ, изъ которыхъ онъ, однако же, ни одного не выполнилъ.

Такъ же точно и Временное Правительство неожиданно для меня оказалось тоже не чуждо вліянія Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, обнаруживъ сильный кренъ въ его сторону. Сразу по своемъ вступленіи во власть оно стало какъ бы игнорировать Временный Комитетъ Государственной Думы, но чутко прислушивалось къ мнѣніямъ и преніямъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Была даже учреждена спеціальная комиссія, называющаяся «контактной», для согласованности дѣйствій. Однако, никакихъ мѣръ для связи своихъ дѣйствій съ Временнымъ Комитетомъ Государственной Думы Правительство не приняло.

Ошибки Временнаго Правительства

21 апрѣля состоялось выступленіе нѣкоторыхъ частей Петроградскаго гарнизона, выразившееся въ уличныхъ манифестаціяхъ съ плакатами, на которыхъ было написано: «Долой Милюкова! Долой Временное Правительство!»

Коренная и роковая ошибка князя Львова, какъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, и всѣхъ его товарищей заключалась въ томъ, что они сразу же въ корнѣ не пресѣкли попытку поколебать вновь созданную власть, и въ томъ, что они упорно не хотѣли созыва Государственной Думы, какъ антитезы Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, на которую, какъ носительницу идеи Верховной власти, Правительство могло бы всегда опираться и вести борьбу съ провозглашеннымъ принципомъ «углубленія революціи», знаменующимъ на самомъ дѣлѣ лишь развитіе національно-политической революціи въ соціально-интернаціональную.

А между тѣмъ, въ концѣ концовъ, необходимость въ такой конструкціи власти была признана, и, распустивъ Государственную Думу, Правительство Керенскаго создало Совѣтъ Россійской Республики при Временномъ Правительствѣ, который вскорѣ палъ подъ давленіемъ и пулеметами большевиковъ. Поэтому совершенно непонятно, почему Правительство князя Львова на первыхъ же порахъ отшатнулось и старалось отмежеваться отъ Государственной Думы, тогда еще весьма популярной въ странѣ и обладающей всѣми возможностями быть буферомъ для Правительства при напорѣ на него чрезмѣрно революціоннаго теченія.

Временное Правительство оказалось, такимъ образомъ, однобокимъ и, подъ настойчивымъ напоромъ гласной кафедры Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, имѣвшихъ свой печатный органъ, не имѣло, съ другой стороны, опоры въ болѣе умѣренныхъ элементахъ страны, не создало такого учрежденія, вокругъ котораго эти умѣренные элементы могли бы объединиться и дать Временному Правительству надежную точку опоры.

Временному Правительству пришлось танцовать на одной лѣвой ногѣ, не имѣя фундамента подъ правой, а поэтому оно, очевидно, и потеряло равновѣсіе, было вовлечено въ водоворотъ все возрастающаго революціоннаго настроенія столицы и удержаться на своихъ принятыхъ позиціяхъ — умиротворенія страны и доведенія ея до Учредительнаго Собранія — конечно, не было уже въ силахъ.

Вотъ та грубая ошибка, которую совершилъ князь Львовъ въ силу своего безволія, а также и умѣренные элементы, входившіе тогда въ составъ руководителей внутренней жизни страны.

Могъ ли бороться съ такимъ явленіемъ Временный Комитетъ Государственной Думы?

Нѣсколько выше мною было указано, что фактически 27 февраля 1917 года реальной силой войска завладѣли соціалистическія партіи, скрывая, однако, до поры до времени это обстоятельство и прикрываясь Государственной Думой, какъ временнымъ щитомъ. Но въ такомъ же точно положеніи оказалось буржуазное Временное Правительство, потому что войска Петроградскаго гарнизона поддерживали его «постольку-поскольку» его дѣятельность была согласована съ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Такимъ образомъ, при нежеланіи созданнаго Временнымъ Комитетомъ Правительства считаться съ первымъ, Комитету, не обладавшему уже силой штыка, оставался только одинъ путь борьбы — платоническіе протесты, на которые Временное Правительство перестало даже обращать вниманіе, хотя само оно оказывалось безсильнымъ при напорѣ на него съ лѣвой стороны. Между тѣмъ, вліяніе Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ возрастало очень быстро, распространяясь преимущественно среди Арміи и рабочихъ классовъ. Такъ, всѣ прибывающіе изъ Арміи депутаты, являясь сначала къ Предсѣдателю Государственной Думы, шли засимъ въ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и съ невѣроятной легкостью усваивали его теоріи и міросозерцаніе, возвращаясь въ Армію уже сторонниками Совѣта. Явленіе это было повальное и принесло свои пагубные плоды, расшатавъ въ корнѣ дисциплину въ войскахъ.

Для широкой публики остается невыясненнымъ вопросъ, почему Государственная Дума какъ бы стушевалась на первыхъ же порахъ и не проявила достаточной жизненности, не собираясь въ засѣданія и не продолжая своей законодательной работы.

Причины этого явленія довольно сложны и лежатъ, съ одной стороны, въ самомъ существованіи революціоннаго переворота, а съ другой — находятъ себѣ объясненіе отчасти въ неподготовленности членовъ Государственной Думы къ упорному сопротивленію въ революціонной борьбѣ и въ сущности отношеній къ вопросу о созывѣ Государственной Думы въ данный моментъ различныхъ думскихъ фракцій.

Не надо забывать, что Государственная Дума 26 февраля указомъ Императора Николая II была распущена и занятія ея прерваны на неопредѣленный срокъ одновременно съ Государственнымъ Совѣтомъ.

Такимъ образомъ, юридически при дѣйствующей конституціи Государственная Дума собраться не могла, но когда Временному Комитету Государственной Думы, какъ то разъяснено выше, пришлось возглавить начавшееся революціонное движеніе и взять всю власть въ свои руки, явился естественный вопросъ, что и актъ отреченія Императора Николая II съ передачей Верховной власти Великому Князю Михаилу Александровичу и отреченіемъ отъ нея послѣдняго, должны состояться въ публичномъ засѣданіи Государственной Думы.

Государственная Дума, такимъ образомъ, явилась бы носительницей Верховной власти и органомъ, передъ которымъ Временное Правительство было бы отвѣтственнымъ. Таковъ былъ проектъ Предсѣдателя Государственной Думы. Но этому проекту рѣшительно воспротивились, главнымъ образомъ, дѣятели кадетской партіи, а съ нею, само собой разумѣется, и все лѣвое крыло Государственной Думы. Какъ ни настаивалъ Предсѣдатель Государственной Думы на необходимости созыва Государственной Думы, юристы кадетской партіи рѣзко возражали ему на основаніи слѣдующихъ аргументовъ: во-первыхъ, говорили

онп, при созывѣ Государственной Думы является юридическая необходимость и созыва Государственнаго Совѣта, если считать, что дѣйствующая конституція остается въ силѣ. Съ ихъ точки зрѣнія, однако, невозможно было бы подвести обоснованнаго юридическаго фундамента подъ такое толкованіе. Во-вторыхъ, дѣятели кадетской партіи считали, что созывъ Государственной Думы явился бы самъ по себѣ безцѣльнымъ, такъ какъ Государственная Дума въ составѣ своемъ, несомнѣнно, была буржуазная и сдѣлалась бы объектомъ атаки въ цѣляхъ ея сверженія со стороны крайнихъ элементовъ для учрежденія Національнаго или иного собранія, болѣе демократическаго и болѣе подходящаго къ революціонному настроенію страны. Въ третьихъ, указывалось, что при настоящемъ положеніи страны должно быть Правительство, обладающее абсолютной полнотой власти, до права законодательствовать включительно, такъ какъ событія, сопровождающіяся революціонными эксцессами, могли бы потребовать принятія экстраординарныхъ мѣръ, и необходимость въ этомъ случаѣ санкціи Государственной Думы, какъ это проектировалъ Предсѣдатель Государственной Думы, съ ихъ точки зрѣнія, тормозила бы только планомѣрную дѣятельность Правительства, направленную къ упорядоченію дѣла войны и внутренней жизни Государства. Форма опять побѣдила существо. Дѣятели кадетской партіи просто не хотѣли имѣть дѣйствующую Думу, чтобы пользоваться во всей полнотѣ своею властью. Опять-таки существо дѣла принесено въ жертву формѣ.

Такимъ образомъ, положеніе становилось чрезвычайно запутаннымъ. Если припомнить при этомъ, что еще 27 февраля былъ созванъ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, водворившійся, подъ защитой нѣкоторыхъ частей Петроградскаго гарнизона, въ зданіи Государственной Думы, — то станетъ совершенно яснымъ, что конфликтъ между Государственной Думой и нарождающимся революціонно-демократическимъ органомъ началъ уже назрѣвать съ самаго начала, остановить же развитіе этого явленія представлялось почти невозможнымъ.

Если принять при этомъ еще въ соображеніе отказъ признанія необходимости созыва Государственной Думы всѣмъ лѣвымъ ея крыломъ, до партіи октябристовъ, то созывъ Государственной Думы — при такихъ условіяхъ упорнаго нежеланія лѣваго крыла созвать Государственную Думу — привелъ бы къ тому, что было бы ясно всей Россіи и всему міру, что въ Государственной Думѣ существуетъ расколъ во взглядахъ на ея тактику и дальнѣйшую организацію Государства.

Возражающіе просто не посѣщали бы Государственной Думы, что для меня было совершенно ясно. Пришлось бы подъ давленіемъ возбужденныхъ умовъ приступить къ новой конструкціи Государственной Думы, путемъ кооптированія въ нее революціонной демократіи, — пришлось бы, можетъ быть, созвать всѣхъ Членовъ всѣхъ четырехъ Государственныхъ Думъ и объявить ихъ Національнымъ Собраніемъ, а это въ свою очередь, послужило бы значительнымъ тормазомъ къ успѣшному и быстрому созыву Учредительнаго Собранія. На послѣднемъ условіи сошлись, однако, всѣ партіи, обѣщая въ этомъ случаѣ объединиться вокругъ созданнаго Временнаго Правительства, поддерживать его и передать ему всю полноту власти. Пришлось поэтому избрать этотъ средній путь.

Не надо забывать при этомъ, что если бы Государственная Дума, возглавившая собою переворотъ, и была, несомнѣнно, авторитетна и популярна въ странѣ, и признавалась бы ею, какъ дѣйствительный источникъ Верховной власти, то это явленіе продолжалось бы недолго, а въ отношеніи настроенія столицы, какъ мною уже представленъ цѣлый рядъ примѣровъ, обнаружилась бы сразу же по-

дозрительность къ Государственной Думѣ революціонныхъ элементовъ, въ смыслѣ ея контръ-революціонности.

При такихъ условіяхъ Предсѣдатель Государственной Думы не могъ принять на себя отвѣтственность созыва Государственной Думы и призналъ болѣе правильнымъ выждать время, когда — для него было ясно, по крайней мѣрѣ яснымъ казалось, — Временное Правительство будетъ вынуждено обратиться къ Государственной Думѣ для того, чтобы въ ней найти опору противъ чрезмѣрнаго развитія революціонныхъ эксцессовъ. Но Временное Правительство на первыхъ же порахъ слишкомъ преувеличивало значеніе своей популярности, силы и вліянія своей власти, а потому ошибочно не использовало популярности Государственной Думы и вовсе не учло того обстоятельства, что крайніе революціонные демократическіе и соціалистическіе круги на самомъ дѣлѣ отнюдь не намѣрены были предоставить всю полноту власти Временному Правительству, состоящему въ большинствѣ своемъ изъ буржуазныхъ элементовъ, и что атака на него воспослѣдуетъ въ ближайшіе дни.

Считаю теперь умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, насколько обвиненіе Государственной Думы въ томъ, что она на первыхъ порахъ революціи развратила Армію, по существу своему справедливо.

Приказъ № 1-й

Прежде всего я буду говорить объ исторіи пресловутаго приказа № 1.*

Установилось довольно твердое убѣжденіе, что этотъ приказъ № 1 написанъ и изданъ Государственной Думой или, вѣрнѣе, Временнымъ Комитетомъ ея, и былъ изданъ за подписью Военнаго Министра Гучкова. Но простое сопоставленіе историческихъ датъ разрушаетъ въ корнѣ обвиненіе и подозрѣніе.

Приказъ № 1 появился утромъ 2 марта 1917 года, когда Временное Правительство, въ составъ котораго вошелъ, какъ Военный Министръ, Гучковъ, еще не существовало, оно было сформировано днемъ 2-го марта, и декретъ объ его сформированіи Правительствующему Сенату былъ опубликованъ Временнымъ Комитетомъ за моею подписью лишь 3 марта.

Такимъ образомъ, Гучковъ, какъ Военный Министръ, такого приказа подписать не могъ. Онъ не входилъ въ составъ Временнаго Комитета Государ-

---

Приказъ № 1.

* 1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградскаго Округа всѣмъ солдатамъ гвардіи, арміи, артиллеріи и флота для немедленнаго и точнаго исполненія, а рабочимъ Петрограда для свѣдѣнія.

1. Во всѣхъ ротахъ, батальонахъ, полкахъ, паркахъ, батареяхъ, эскадронахъ и отдѣльныхъ службахъ разнаго рода военныхъ управленій и на судахъ военнаго флота немедленно выбрать комитеты изъ выборныхъ представителей отъ нижнихъ чиновъ вышеуказанныхъ воинскихъ частей.

2. Во всѣхъ воинскихъ частяхъ, которыя еще не выбрали своихъ представителей въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, избрать по одному представителю отъ ротъ, которымъ и явиться съ письменными удостовѣреніями въ зданіе Государственной Думы къ 10 часамъ утра 3-го сего марта.

3. Во всѣхъ своихъ политическихъ выступленіяхъ воинская часть подчиняется Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и своимъ комитетамъ.

4. Приказы военной комиссіи Государственной Думы слѣдуетъ исполнять только въ тѣхъ случаяхъ, когда они не противорѣчатъ приказамъ и постановленіямъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

ственной Думы 1 марта, а былъ привлеченъ къ активной дѣятельности только 3-го марта.

Кромѣ того, я категорически заявляю, что Гучковъ такого приказа не подписывалъ и никакого участія въ его составленіи не принималъ.

Что же касается до Государственной Думы, то изъ предыдущаго моего сообщенія ясно видно, что отношеніе Думы къ Арміи было вовсе не таково, чтобъ задаваться цѣлью ее разрушить. Съ другой стороны фактически не было времени такъ быстро составить и издать столь опасный и вредный въ Государственномъ смыслѣ приказъ. Логическое теченіе дѣла уже поэтому исключаетъ всякую возможность инкриминировать Государственной Думѣ изданіе приказа № 1.

Наконецъ, вѣдь совершенно очевидно, что если Дума возглавляла революцію, то ей прежде всего необходима была бы строго дисциплинированная и послушная армія, а не орда дикихъ, разнузданныхъ людей, не признающихъ ни властей, ни авторитетовъ. Разложеніе и уничтоженіе боеспособности арміи могло быть на руку тѣмъ, для кого сильная скованная армія представляла внушительную угрозу, то-есть Германіи, и вотъ почему я ни одной минуты не сомнѣваюсь въ нѣмецкомъ происхожденіи приказа № 1-ый.

По крайней мѣрѣ начальникъ одной изъ дивизій дѣйствующей арміи, номеръ ея ускользнулъ изъ моей памяти, генералъ Барковскій, прямо заявилъ мнѣ, что этотъ приказъ въ огромномъ количествѣ былъ доставленъ въ расположеніе его войскъ изъ германскихъ окоповъ.

Вечеромъ 1 марта въ созданную при Временномъ Комитетѣ Военную Комиссію, подъ предсѣдательствомъ Члена Думы Энгельгардта, явился неизвѣстный солдатъ отъ лица избранныхъ представителей Петроградскаго гарнизона, потребовавшій выработки приказа, регулирующаго на новыхъ основаніяхъ взаимоотношенія офицера и солдата, на что Энгельгардтъ отвѣтилъ рѣзкимъ отказомъ, указавъ на то, что Временный Комитетъ находитъ недопустимымъ изданіе такого приказа.

Тогда солдатъ этотъ заявилъ полковнику Энгельгардту: «не хотите, такъ мы и безъ васъ обойдемся».

Въ ночь съ 1-го на 2-е марта приказъ этотъ былъ напечатанъ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ распоряженіемъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, которому абсолютно подчинялись рабочіе всѣхъ типографій

---

5. Всякаго рода оружіе, какъ то винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться въ распоряженіи и подъ контролемъ районныхъ и батальонныхъ комитетовъ и ни въ коемъ случаѣ не выдаваться офицерамъ, даже по ихъ требованіямъ.

6. Въ строю и при отправленіи служебныхъ обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но внѣ службы и строя, въ своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни въ чемъ не могутъ быть умалены въ тѣхъ правахъ, коими пользуются всѣ граждане.

7. Равнымъ образомъ отмѣняется титулованіе офицеровъ: ваше превосходительство, благородіе и т. п. и замѣняется обращеніемъ: господинъ генералъ, господинъ полковникъ и т. д.

Грубое обращеніе съ солдатами всякихъ воинскихъ чиновъ и, въ частности обращеніе съ ними на «ты», воспрещается и о всякомъ нарушеніи сего, равно какъ и о всѣхъ недоразумѣніяхъ между офицерами и солдатами, послѣдніе обязаны доводить до свѣдѣнія ротныхъ комитетовъ.

Настоящій приказъ прочесть во всѣхъ ротахъ, батальонахъ, полкахъ, экипажахъ, батареяхъ и прочихъ строевыхъ и нестроевыхъ командахъ.

Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Петрограда, и неизвѣстнымъ Временному Комитету распоряженіемъ былъ разосланъ на фронтъ.

Когда это дошло до свѣдѣнія Временнаго Комитета, а Временнаго Правительства еще тогда не существовало, Комитетомъ было сдѣлано постановленіе о томъ, что этотъ приказъ считается недѣйствительнымъ и незаконнымъ.

Произошло крупное объясненіе съ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, и въ результатѣ этотъ послѣдній выпустилъ въ одномъ изъ номеровъ своихъ «Извѣстій» другой приказъ, въ которомъ объявлялось для всеобщаго свѣдѣнія, что приказъ № 1 обязателенъ только для Петроградскаго гарнизона и войскъ Петроградскаго Военнаго Округа.

Но, конечно, вредное дѣло было сдѣлано.

Благодаря чрезвычайно активной работѣ, направленной уже тогда противъ Временнаго Комитета Государственной Думы, я не могу съ увѣренностью утверждать, что распоряженіе Временнаго Комитета, аннулирующее силу и значеніе приказъ № 1, было своевременно напечатано и своевременно получено на фронтѣ.

Въ книгѣ г. Клодъ Анэ «Русская революція», изданной въ Парижѣ въ 1918 году, мы находимъ слѣдующее заявленіе одного изъ главныхъ дѣятелей совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ г. Іосифа Гольденберга: Приказъ № 1 не былъ ошибкой, это была необходимость. Это не есть редакція Соколова, это есть выраженіе единогласной воли совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Въ тотъ день когда мы создали революцію, мы поняли, что если мы не разрушимъ прежнюю армію — то она въ свою очередь раздавитъ революцію. Намъ надо было выбирать между арміей и революціей. Мы не колебались: мы выбрали послѣднюю и примѣнили, смѣю сказать, геніальнымъ образомъ необходимыя средства.

Поэтому самымъ рѣшительнымъ, самымъ категорическимъ образомъ заявляю, что ни Временный Комитетъ, ни Государственная Дума рѣшительно не при чемъ въ его изданіи, а наоборотъ, принимались всѣ возможныя въ то время и зависящія отъ нихъ мѣры къ аннулированію его значенія и даже къ уничтоженію его, и что Гучковъ никогда такого приказа не подписывалъ.

Возможно, однако, что приказъ этотъ и появился въ нѣкоторыхъ экземплярахъ съ подписью Гучкова, но это было не что иное, какъ политическій шантажъ и завѣдомый подлогъ.

По всей вѣроятности участіе Гучкова въ изданіи приказа № 1 смѣшиваютъ съ участіемъ его въ до нельзя ошибочномъ и вовсе ненужномъ учрежденіи Военной Комиссіи Генерала Поливанова, результатъ работы которой вылился въ пресловутой декларации правъ солдата. Но опять таки Гучковъ повиненъ только въ учрежденіи вредной комиссіи Генерала Поливанова, но когда революціонное теченіе взяло въ этой комиссіи верхъ и получился прискорбный результатъ, Гучковъ отказался подписать декларацію, создался министерскій кризисъ, Гучковъ вышелъ въ отставку и декларація была подписана Керенскимъ.

Дѣйствующая Армія и Государственная Дума

Тѣмъ не менѣе, Временный Комитетъ Государственной Думы учелъ возможныя послѣдствія изданія этого приказа, и вслѣдствіе этого немедленно были сформированы партіи изъ Членовъ Государственной Думы и откомандированы въ Дѣйствующую Армію на фронтъ для того, чтобы путемъ личныхъ бесѣдъ

съ солдатами и офицерами разъяснить смыслъ и существо происшедшихъ въ столицѣ событій, значеніе совершившагося переворота и тѣ обязанности, которыя новая форма правленія возлагаетъ на Дѣйствующую Армію. Я позволю себѣ предложить одно изъ моихъ воззваній къ арміи, которое сохранилось у меня въ подлинникѣ и которое ярко подчеркиваетъ мое отношеніе къ офицерамъ и арміи.

Братья Офицеры и Солдаты!

Свершилось великое дѣло. Могучимъ порывомъ народа низверженъ старый строй. Народившаяся свобода сулитъ свѣтлое будущее нашей родины и великой Россіи. Въ эти радостные дни русскій народъ шлетъ свой горячій привѣтъ дорогой, доблестной, самоотверженной арміи.

Братья офицеры и Солдаты!

Врагъ не дремлетъ и зорко слѣдитъ за Вами и за нами. Паденіе старой власти встревожило его, ибо онъ понимаетъ, что освобожденный народъ съ большей силой поведетъ войну къ побѣдоносному концу. Но у него осталась одна надежда — коварная надежда. Онъ надѣется на разстройство фронта, на волненіе среди Васъ, онъ крѣпко надѣется на несогласіе между офицерами и солдатами. Братья офицеры и солдаты! Напрягите всѣ Ваши силы и помогайте другъ другу, старайтесь во что-бы то ни стало сохранить миръ между собой, сохранить порядокъ и дисциплину. Ибо если взволнованные вѣстью о свободѣ, вы хоть на мгновеніе разстроите свои ряды, врагъ можетъ воспользоваться этимъ и нанесетъ Вамъ страшный ударъ. А вѣдь побѣда намъ такъ необходима. Необходима теперь больше, чѣмъ прежде, необходима для того, чтобы сберечь эту долгожданную свободу, которая наконецъ, послѣ тяжкой борьбы пришла къ намъ.

Братья, неужели мы отдадимъ нѣмцамъ свободную Россію?

Да не будетъ этого. Съ Богомъ на врага.

Предсѣдатель Государственной Думы
М. Родзянко.

Точнаго и яснаго пониманія настроенія Дѣйствующей Арміи и отношенія ея къ перевороту мы еще составить себѣ не могли за отсутствіемъ свѣдѣній и быстротой развивавшихся событій, но самый фактъ, что всѣ командующіе фронтами, начиная съ Великаго Князя Николая Николаевича, посовѣтовали Императору Николаю II отречься отъ предстола, служилъ достаточнымъ показателемъ, что къ перевороту, совершившемуся въ Петроградѣ, относятся въ Арміи положительно, а то, что проектъ текста отреченія былъ составленъ въ Ставкѣ и посланъ Императору во Псковъ, ярко потверждаетъ эту мысль.

О томъ, какъ относилась Государственная Дума, ея Временный Комитетъ и Предсѣдатель, лучше всего можно судить по нижеслѣдующимъ документамъ. 27 февраля мною были сказаны слѣдующія слова 9-му запасному кавалерійскому полку въ концѣ рѣчи: «Приглашаю васъ, братцы, помнить, что воинскія части только тогда сильны, когда онѣ въ полномъ порядкѣ и когда офицеры

находятся при своихъ частяхъ. Православные воины, послушайте моего совѣта. Я старый человѣкъ, я васъ обманывать не стану, — слушайте офицеровъ, они васъ дурному не научатъ и будутъ распоряжаться въ полномъ согласіи съ Государственной Думой. Да здравствуетъ Святая Русь!»

На Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи въ августѣ 1917 года въ обращеніи моемъ къ Правительству были сказаны г. Керенскому такія слова: «Ваша вина — это дезорганизація Арміи, которая не сумѣла противостоять непріятельскому натиску. Причина этой дезорганизаціи не въ войскахъ. Я видѣлъ, какъ наша Армія безъ ружей отбивалась отъ вооруженнаго непріятеля лопатами и топорами, а теперь эти герои оказываются преисполненными страха. Неужели Правительство не имѣло силы, а если имѣло, то почему не употребило ее для того, чтобы остановить преступную агитацію, которая развратила нашего солдата и сдѣлала его небоеспособнымъ?»

Въ резолюціи IV Государственной Думы на томъ же Московскомъ Совѣщаніи въ пунктѣ 2-мъ говорится: «Для достиженія указанныхъ цѣлей боеспособность Арміи должна быть установлена въ кратчайшій срокъ путемъ полнаго устраненія политики изъ Арміи вплоть до избранія Учредительнаго Собранія. Необходимо возстановленіе дисциплинарной власти начальниковъ, ограниченіе дѣятельности комитетовъ исключительно хозяйственными функціями, проведеніе правъ солдата и гражданина, строгое соотвѣтствіе его гражданскихъ и военныхъ обязанностей предоставленіе Верховному Главнокомандующему возможности осуществить во всемъ объемѣ права, предоставленныя ему закономъ, необходимыя для единаго руководства дѣломъ Арміи».

Если къ этому прибавить, что Армія еще задолго до переворота носила въ себѣ признаки разложенія, о чемъ я говорилъ раньше, то быстрота, съ которою это разложеніе фактически совершилось, станетъ понятной.

Революція сразу смела всѣ традиціонные устои въ Арміи, не успѣвъ создать новые, и спустила вѣковое политическое знамя. Солдаты, видя это и не ощущая цѣли дальнѣйшей борьбы, просто потянулись домой въ виду начавшихся смутъ въ тылу и, конечно, подъ вліяніемъ преступной пропаганды. Это самовольное обратное шествіе по домамъ шло преступной и кровавой дорогой.

Все, что было возможно, для пресѣченія этихъ явленій Государственной Думой было сдѣлано, но еще разъ повторяю, что развитіе революціоннаго настроенія среди пролетаріата приняло такія формы, бороться съ которыми уже не представлялось возможнымъ, не имѣя поддержки въ вооруженной силѣ, которая, выбитая изъ колеи, отказалась повиноваться Государственной Думѣ и Временному Правительству. Историческій ходъ событій остановить было невозможно.

Активная и упорная работа элементовъ враждебныхъ Государственной Думѣ принесла свои обильные плоды, и значеніе Государственной Думы, не имѣющей уже опоры ни въ войскахъ, ни во Временномъ Правительствѣ, было сначала мало-по-малу поколеблено и въ народныхъ массахъ, а затѣмъ начало блѣднѣть и терять свое значеніе.

Народная мысль пошла за тѣми проповѣдниками, которые завѣдомо и неосновательно сулили ей рай земной, прекрасно понимая, однако, что выполнить этого они не могутъ.

Возбужденные умы и легковѣрныя сердца приняли это обѣщаніе на вѣру и пошли за тѣми лживыми учителями, которые сулили имъ недобросовѣстно то, чего дать не могли. Государственная Дума дѣлать такихъ обѣщаній не

могла, не поступившись своимъ достоинствомъ и авторитетомъ, и на путь дешевыхъ посулъ не пошла.

Вотъ логическія причины того обстоятельства, что въ періодъ наибольшаго развитія революціоннаго движенія, когда оно достигло зенита — высшей точки своего проявленія, — Государственная Дума, какъ элементъ законности и порядка, а не разрушенія, должна была уступить мѣсто болѣе активнымъ и агрессивнымъ элементамъ революціи.

Я не буду болѣе утомлять вниманія читателей развитіемъ и объясненіемъ тѣхъ обстоятельствъ и событій, которыя привели наше Отечество къ настоящему положенію. Изъ изложеннаго ясно видно, что иного хода событій ожидать было нельзя. Однако, слава Богу, народный умъ начинаетъ просвѣтляться.

Всѣ лже-учителя потеряли, конечно, свой авторитетъ; идеи коммунизма, идеи, якобы, правильнаго распредѣленія всѣхъ земныхъ благъ поровну между всѣми — потерпѣли полное крушеніе.

Для всѣхъ стало очевидно, что вмѣсто пресловутаго лозунга, — равенство, братство и свобода, — странѣ преподносится жесточайшій деспотизмъ, основанный на насиліи, крови, убійствахъ и такомъ произволѣ, о которомъ не мечтало никогда и самодержавное Правительство, уступившее ему мѣсто.

Выводы

Какіе же выводы надлежитъ сдѣлать изъ всего сказаннаго?

Послѣдовательное изложеніе мною наростанія сначала оппозиціонныхъ, а потомъ революціонныхъ настроеній приводитъ къ первому безспорному выводу: невозможно и неправильно приписывать краткосрочной работѣ одного лица или даже одной группѣ лицъ всю вину за вспыхнувшую революцію и отечественную разруху. Послѣдовательныя ошибки въ управленіи Государствомъ, въ цѣломъ рядѣ десятилѣтій, вотъ причина возникновенія революціи въ Россіи. Правящіе классы не отдавали, или не хотѣли отдавать себѣ отчета въ томъ, что русскій народъ выросъ изъ дѣтской распашонки и требовалъ иного одѣянія и иного къ себѣ отношенія.

Постепенное развитіе образованія, развитіе русской науки и литературы, общеніе съ болѣе передовыми, культурными странами, увеличившееся сознаніе въ необходимости уваженія правъ каждаго гражданина, сознаніе въ несомнѣнномъ правѣ населенія знать, что его ожидаетъ завтра, и въ правѣ участія въ рѣшеніи своей судьбы — всѣ эти запросы народной совѣсти встрѣчали постоянный суровый отпоръ Государственной власти, явно не желавшей уступить своихъ позицій и привилегій. Упорная борьба на этой неблагодарной для Государственной власти почвѣ вызвала тотъ историческій ходъ событій, предотвратить и задержать отвѣтственныя послѣдствія котораго и оказалось задачей непосильной слишкомъ поздно призванному къ дѣятельности народному представительству. Послѣднее, какъ элементъ эволюціи, но не революціи, не могло, конечно, устоять противъ долго сдерживаемаго народнаго негодованія. Недаромъ великій сердцевѣдъ и патріотъ Бисмаркъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ, что всякая революція сильна не столько своими эксцессами и отказомъ признавать существующую власть, сколько той долей правды, которая вложена въ ея идею. И эта глубокая мысль встрѣчаетъ подтвержденіе и въ нашей Русской революціи, уже впослѣдствіи развившейся въ дикій разгулъ неудержимой пугачевщины. Вѣдь происшедшій въ февралѣ 1917 года переворотъ былъ встрѣченъ всей

страной спокойно и съ одобреніемъ. Наша армія — цвѣтъ населенія — сильная и вооруженная, тоже не возражала противъ него и, очевидно, была за переворотъ. Неужели же не ясно, что отъ Арміи зависѣло положить рѣшительный предѣлъ всякимъ революціоннымъ начинаніямъ, какъ отъ силы реальной и непобѣдимой внутри страны.

Однако, этого не послѣдовало, а, слѣдовательно, Армія революцію признала и противъ нея не возстала.

Изъ этого обстоятельства вытекаетъ и второй выводъ. Политика Государственной власти послѣ освободительнаго движенія 1905 года была въ корнѣ неправильной.

Лозунгъ: сначала успокоеніе, а потомъ реформы, оказался нежизненнымъ, такъ какъ народное волненіе и безпокойство имѣло корнемъ своимъ потребность неотложныхъ реформъ, которыя доказали бы, что курсъ Государственнаго корабля рѣшительно измѣненъ, и это обстоятельство, безспорно, внесло бы и успокоеніе.

Изъ моей работы видно, какъ гибельно и пагубно отозвалось на цѣлости Государства возникшее съ первыхъ же поръ революціоннаго движенія двоевластіе, основанное на недовѣріи, на классовой борьбѣ, двоевластіе, возбуждающее и пробуждающее низменные, дурные инстинкты. Да будетъ это обстоятельство намъ яркимъ примѣромъ того, какъ опасны для нашего собственнаго бытія раздоры тамъ, гдѣ должно быть единство и всеобщее пониманіе.

Не будемъ забывать, какъ низко мы пали въ сонмѣ народовъ въ силу разложенія національной Государственности, подъ вліяніемъ содѣянныхъ нами ошибокъ за цѣлый рядъ лѣтъ и, преимущественно, за время смутнаго времени послѣднихъ дней.

Россія въ моментъ развязки міровой войны оказалась совершенно одна, оставленная своими союзниками и предоставленная, поэтому, самой себѣ. Мы сами, своими руками, разрушили нашу красавицу Мать-Родину. Обуреваемые революціонными страстями и вспыхнувшей взаимной ненавистью на почвѣ классовыхъ интересовъ и низменныхъ побужденій, мы не сумѣли понять, что только въ самой себѣ, черпая силы въ родномъ народномъ творчествѣ, — возможно сохраненіе цѣлости и нерушимости Отечества. Мы сами, увлекаемые ложными теоріями, правда, приведенные въ это состояніе всей неурядицей прошлыхъ десятилѣтій, — положили начало разложенію Государства и растлили народную душу.

Преступная пропаганда интернаціонализма, — очевидно, безпочвенная — сдѣлала, однако, свое дѣло. Потухли и принижены были національныя идеи, принижено было и уваженіе къ самимъ себѣ.

Да, Россія одна, и она только сама въ себѣ должна черпать силу для своего возрожденія, и, я скажу, слава Богу. Пусть тѣ страданія, которыя выпали на нашу долю, сметутъ безъ остатка всѣ лживыя понятія объ интернаціонализмѣ, о ненадобности, даже вредѣ національной идеи, о вредѣ народной гордости и достоинства.

Да, Россія осталась одна въ розыгрышѣ міровой эпопеи, который теперь совершается.

Единая, Великая, Недѣлимая, Мощная и самостоятельная Россія никому не нужна кромѣ насъ, русскихъ, и нашихъ единственныхъ братьевъ славянъ, съ которыми насъ связываетъ общность національныхъ интересовъ, хотя, быть можетъ, не всѣми славянскими народами вполнѣ уяснепная себѣ и понятая.

Сильная и могучая Россія даже опасна всѣмъ, кромѣ славянскаго міра. И мы видимъ теперь, какъ прежніе союзники въ одинаковой степени какъ и былые и настоящіе враги упорно не желаютъ помочь Россіи избавиться отъ ига большевизма и стать на твердыя ноги. Но пусть убѣдятся всѣ, что всемірнаго мира безъ самостоятельной сильной Россіи быть не можетъ.

И если революція, причинившая намъ столько горя и страданія, пролившая потоки крови братской, измучившая всѣхъ и каждаго, цѣною этихъ страданій приведетъ насъ къ убѣжденію въ необходимости спаять себя въ одно цѣлое, прочное ядро; если послѣдствіемъ всѣхъ кровавыхъ событій террора окажется прочное возрожденіе всѣми понятой и навсегда усвоенной національной идеи, уваженія самихъ себя Русскихъ людей, и убѣжденіе въ наличіи огромныхъ и неизсякаемыхъ духовныхъ и матеріальныхъ богатствъ нашего родного Отечества войдетъ въ плоть и кровь Русскаго народа, — если произойдетъ такая эволюція народной мысли и возродится неудержимое стремленіе націи создать исключительно своими руками изъ себя дѣйствительно мощный, культурный народъ, руководимый исключительно велѣніями Русскаго сердца, Русскаго ума и Русскихъ интересовъ, то я скажу, что революція сдѣлала въ народномъ самосознаніи огромное завоеваніе.

Намъ не на кого разсчитывать. А между тѣмъ есть-ли согласіе между нами? Всюду партійность и взаимное непониманіе. Партійность можетъ окончательно погубить Россію.

Сейчасъ намъ нужно быть ни правыми, ни лѣвыми, ни соціалистами, ни буржуями, ни монархистами, ни республиканцами — намъ нужно быть прежде всего Русскими людьми, безмѣрно любящими Отечество свое и вѣрующими въ его силы, и, несмотря на все наше временное униженіе, мы должны воспрянуть въ духѣ уваженія къ себѣ, къ своей національной идеѣ.

На насъ, Русскихъ людей, выпало тяжелое испытаніе обнаружить силу духа не только во внѣшней борьбѣ, но и во внутренней — съ собственнымъ безсиліемъ и малодушіемъ. Да сумѣютъ русскіе граждане-патріоты выстоять до конца такъ же, какъ выстояли назадъ тому 300 лѣтъ Русскіе люди въ ужасную и въ то же время славную эпоху смутнаго времени иноземнаго нашествія, да найдутъ русскіе люди въ себѣ эту доблесть!

Все пережитое нами, несомнѣнно, есть болѣзнь, болѣзнь тяжкая, но болѣзнь къ росту, — болѣзнь, послѣ выздоровленія отъ которой Русская Государственность должна расцвѣсть еще болѣе мощной и страшной по силѣ своей для всѣхъ.

Къ прошлому возврата нѣтъ и быть не должно, но Россія должна воскреснуть на основаніяхъ горячаго и безграничнаго чувства патріотизма, чувства любви къ своей родной землѣ, чувства сознанія необходимости вновь возсоздать, и въ лучшемъ устройствѣ, нашу великую Родину, памятуя, что въ теченіе тысячи лѣтъ наши предки создавали ее путемъ горя, страданія и потоковъ крови, въ цѣпяхъ рабства и угнетенія, въ тяжкихъ лишеніяхъ и безправіи.

И если послѣдствія тяжкихъ, грубыхъ ошибокъ управленія неправомѣрными взаимоотношеніями гражданъ и иными имъ подобными причинами насъ довели до національнаго униженія, до оскорбленія національной гордости, — то пусть переживаемыя нами страданія, горе и позоръ послужатъ источникомъ очищенія насъ отъ этихъ пороковъ.

И пусть изъ этихъ страданій мы поймемъ, что только вокругъ иныхъ началъ народной жизни можетъ создаться мощное и сильное Государство.

Изъ воспоминаній

Ген. А. С. Лукомскаго

Деникинскій періодъ*

Пріѣхавъ въ Новочеркасскъ, я, прежде всего, отправился къ представителю Добровольческой Арміи при Донскомъ Атаманѣ, генералу Эльснеру.

Отъ него узналъ:

Генералъ Алексѣевъ назвалъ себя «Верховнымъ руководителемъ Добровольческой Арміи», но, по прежнему, вѣдаетъ только вопросами финансовыми и внѣшнихъ сношеній.

Добровольческая Армія, пополнившись и отдохнувъ, совмѣстно съ Кубанскими частями, наступаетъ на Екатеринодаръ.

Значительно усилилась армія послѣ присоединенія къ ней отряда полковника Дроздовскаго, прибывшаго походнымъ порядкомъ съ Румынскаго фронта. Тяжелую потерю понесла армія въ лицѣ убитаго въ бою генерала Маркова, командовавшаго дивизіей.

Атаманомъ Войска Донского, въ маѣ мѣсяцѣ, Кругомъ Спасенія Дона, былъ выбранъ генералъ Красновъ; но, въ концѣ августа, въ началѣ сентября, будетъ собранъ Большой Кругъ, который долженъ перезбрать Атамана; въ данное время идетъ предвыборная борьба; главными противниками генерала Краснова являются Харламовъ, Агѣевъ, Сидоринъ, Поповъ и Парамоновъ**; генералъ Красновъ, считая Парамонова наиболѣе опаснымъ, не допуститъ его пребыванія на Дону.

---

* При составленіи описанія этого періода въ моемъ распоряженіи были дѣла политической канцеляріи, бывшей при предсѣдателѣ Особаго Совѣщанія.

Это, конечно, давало мнѣ возможность составить подробное описаніе, пользуясь документальными данными; но, какъ я узналъ, этотъ же періодъ описываетъ генералъ Деникинъ.

Поэтому я рѣшилъ ограничиться краткимъ изложеніемъ событій, остановившись болѣе подробно лишь на сложной внутренней обстановкѣ, въ которой пришлось вести работу на территоріи Донского и Кубанскаго войскъ.

** Харламовъ-бывшій членъ государственной Думы; видный Донской общественный дѣятель; членъ партіи ка-дэ.

Агѣевъ — соціалистъ, донской общественный дѣятель.

Сидоринъ — полковникъ генеральнаго штаба. Принималъ участіе въ борьбѣ при освобожденіи Дона отъ большевиковъ.

Поповъ — генералъ, бывшій походный атаманъ войска донского.

Парамоновъ — членъ партіи ка-дэ; крупный донской общественный и промышленно-финансовый дѣятель.

Затѣмъ генералъ Эльснеръ подтвердилъ мнѣ чисто германофильскую оріентацію генерала Краснова и высказалъ предположеніе, что Красновъ, съ одной стороны, опираясь на нѣмцевъ, а, съ другой стороны, имѣя много вліятельныхъ сторонниковъ среди донского казачества, будетъ вновь выбранъ Донскимъ Атаманомъ.

На другой день я пошелъ къ генералу Краснову.

Донской Атаманъ сталъ жаловаться мнѣ на несправедливое къ нему отношеніе со стороны генераловъ Алексѣева и Деникина, происходящее, какъ онъ выразился, вслѣдствіе того, что его не хотятъ понять. Все его стремленіе, говорилъ онъ, заключается въ томъ, чтобы имѣть возможность сплотить и обучить молодую Донскую Армію и получить достаточное количество обмундированія, снаряженія, вооруженія и боевыхъ припасовъ; все это можно получить отъ Гетмана Украины, но только съ разрѣшенія нѣмцевъ; это его вынуждаетъ поддерживать хорошія отношенія съ нѣмцами; безъ этого, Донъ ничего съ Украины не получитъ и вновь будетъ раздавленъ большевиками; соглашеніе, которое онъ заключилъ съ Гетманомъ Скоропадскимъ, и хорошія отношенія, которыя онъ поддерживаетъ съ германскимъ командованіемъ, даютъ ему возможность оборонять Донъ; а этимъ онъ прикрываетъ отъ большевиковъ тылъ Добровольческой Арміи и Кубанскаго казачества, и, слѣдовательно, этимъ помогаетъ операціямъ генерала Деникина по очищенію Кубани отъ большевиковъ; наконецъ, его помощь Добровольческой Арміи и Кубанскому казачеству заключается въ томъ, что уже много изъ вооруженія и боевыхъ припасовъ, полученныхъ имъ отъ Гетмана Скоропадскаго, передано въ распоряженіе генерала Деникина и что, и впредь, онъ будетъ дѣлиться съ Добровольческой Арміей всѣмъ, что будетъ получать отъ Украины.

«А вѣдь все это, добавилъ генералъ Красновъ, возможно только при моей германофильской политикѣ, за которую такъ меня ругаетъ генералъ Деникинъ».

Затѣмъ генералъ Красновъ просилъ меня, все то, что онъ мнѣ сказалъ — передать генералу Деникину и сказать, что онъ вообще всѣмъ, чѣмъ только въ силахъ, будетъ помогать Добровольческой Арміи, но проситъ оказывать ему довѣріе, не преслѣдовать его за вынужденную германофильскую политику и, при первой возможности, оказать Дону помощь, приславъ часть Добровольческой Арміи — съ цѣлью занять Царицынъ.

«Пока Царицынъ въ рукахъ большевиковъ — до тѣхъ поръ постоянная опасность будетъ угрожать и Дону, и Добровольческой Арміи», — закончилъ Красновъ.

Онъ не договорилъ одного:

Кромѣ вынужденной политики по отношенію къ нѣмцамъ, онъ шелъ гораздо дальше. Онъ съ ними заигрывалъ и, считая, что Германія выйдетъ побѣдительницей изъ міровой борьбы, въ предвидѣніи возможнаго, временнаго, расчлененія Россіи на рядъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ государствъ, выговаривалъ для Дона часть Ставропольской губерніи, часть Саратовской губерніи и города Царицынъ, Камышинъ и Воронежъ. Считая, что Германія, въ этомъ отношеніи, въ будущемъ, можетъ помочь Дону — онъ все это изложилъ въ письмѣ на имя Императора Вильгельма*.

---

* Письмо Донского Атамана Краснова къ Императору Вильгельму II отпечатано въ Архивѣ Рус. Рев. т. V стр. 210. Прим. Ред.

Копія же съ этого письма, передъ его отправленіемъ, была снята и содержаніе его было извѣстно генералу Деникину и политическимъ противникамъ генерала Краснова на Дону *.

1/14 августа я выѣхалъ изъ Новочеркасска и утромъ 2/15 августа пріѣхалъ на станцію Тихорѣцкую, гдѣ, со своей политической канцеляріей, находился генералъ Алексѣевъ.

Я нашелъ генерала Алексѣева сильно постарѣвшимъ за пять съ лишкомъ мѣсяцевъ, что я его не видѣлъ. Отъ него я узналъ, что взятіе Екатеринодара ожидается со дня на день.

Въ разговорѣ со мной генералъ Алексѣевъ затронулъ два вопроса, которые его сильно безпокоили. Одинъ касался отношеній сложившихся у Командованія Добровольческой Арміи съ Донскимъ Атаманомъ генераломъ Красновымъ, другой относительно правильности направленія наступленія Добровольческой арміи на Кубань.

Касаясь генерала Краснова, генералъ Алексѣевъ сказалъ, что онъ меньше, чѣмъ кто другой, склоненъ оправдывать политику Донского Атамана, но что Добровольческая Армія во многомъ зависитъ отъ Дона и просто неразумно напрягать и безъ того натянутыя отношенія.

Что касается наступленія Добровольческой Арміи на югъ, на Екатеринодаръ, генералъ Алексѣевъ высказалъ сомнѣніе въ правильности выбраннаго направленія, добавивъ, что одно время онъ настойчиво отговаривалъ отъ этого генерала Деникина, настаивая на необходимости выйти на Волгу; что теперь, конечно, объ этомъ говорить уже трудно, такъ какъ, въ силу создавшейся обстановки, Добровольческая Армія на долго будетъ привязана къ югу Россіи, но, что лично онъ, вѣроятно, скоро переѣдетъ въ Сибирь.

Эти мысли вполнѣ опредѣленно были высказаны въ письмѣ генерала Алексѣева на имя генерала Деникина, отъ 30 іюня 1918 г., выдержки изъ котораго я и привожу:

---

* Насколько помню, нами было получено впослѣдствіи изъ Донского правительства сообщеніе, что посланная генераломъ Красновымъ делегація не была принята германскимъ Императоромъ, и это письмо въ дѣйствительности не было вручено по принадлежности. По своему содержанію это письмо не явилось указаніемъ на что либо новое, не извѣстное Командованію Добровольческой арміей.

26 іюня (9 іюля) 1918 года генералъ Алексѣевъ писалъ генералу Деникину:

. . . «Что въ лицѣ генерала Краснова нѣмецкія притязанія нашли отзывчиваго исполнителя, доказывается прилагаемой копіей его инструкціи, данной уполномоченному Войска Донского въ Кіевѣ генералу Черячукину.

Побужденія этой инструкціи слишкомъ ясны:

а) При помощи нѣмцевъ и изъ рукъ ихъ получить право называть себя «самостоятельнымъ государствомъ, управляемымъ Атаманомъ» (опытъ Украины не смущаетъ).

б) Воспользоваться случаемъ и округлить границы будущаго «государства» за счетъ Великороссіи, присоединеніемъ пунктовъ, на которые «Всевеликое» отнюдь претендовать не можетъ.

в) За эту . . . . Родинѣ (позволю себѣ назвать такъ всю инструкцію) нѣмцы должны снабдить войско боевыми припасами, принадлежащими всей Россіи.

г) За будущія заслуги нѣмцевъ Войско, въ лицѣ атамана, предоставитъ имъ выгоды торговыя и «будетъ держать вооруженный нейтралитетъ по отношенію ко всѣмъ Державамъ, не посягающимъ на неприкосновенность Войска и Юго-Восточнаго Союза, и не допуститъ никакой вражеской силы на его территоріи . . .

Это послѣднее столь опредѣленное выраженіе должно остановить на себѣ особое вниманіе Добровольческой Арміи . . .»

«Долженъ откровенно сказать, что обостренность отношеній (между генераломъ Красновымъ и Командованіемъ Добровольческой арміи), достигшая крайнихъ предѣловъ и основанная менѣе на сути дѣла, чѣмъ на характерѣ сношеній, на тонѣ бумагъ и телеграммъ, парализуетъ совершенно всякую работу. Мы отъ Дона зависимъ еще во многомъ..... Если денегъ не получу..... (отъ союзниковъ), то единственный источникъ — снова идти къ Дону, ибо Вы знаете, что на Кубани получить ничего нельзя. При нашихъ отношеніяхъ я не знаю, какимъ придется мнѣ идти путемъ, чтобы обезпечить существованіе еще на мѣсяцъ (5 милліоновъ), необходимый для обязательнаго выхода нашего на Волгу. Только тамъ я могу разсчитывать на полученіе средствъ. Оставаясь въ гниломъ углу Кубани, мы должны черезъ 2—3 недѣли поставить безповоротно вопросъ о ликвидаціи арміи .....»

.....«Мой выводъ личный, что углубленіе наше на Кубань можетъ повести къ гибели, что обстановка зоветъ насъ на Волгу, гдѣ, повидимому, сосредоточиться, по указанію и при содѣйствіи нѣмцевъ, всѣ усилія большевиковъ, чтобы сломить чехо-словаковъ и тѣмъ разрушить планъ созданія Восточнаго фронта. Есть свѣдѣнія, что нѣмцы добиваются выдачи имъ чехо-словаковъ по мѣрѣ ликвидаціи ихъ силъ. Центръ тяжести событій, рѣшающихъ судьбы Россіи, перемѣщается на востокъ; мы не должны опоздать въ выборѣ минуты для оставленія Кубани и появленія на главномъ театрѣ».

Переговоривъ съ генераломъ Алексѣевымъ, я въ тотъ же день выѣхалъ по желѣзной дорогѣ къ генералу Деникину, поѣздъ котораго подвигался непосредственно за войсками, наступавшими на Екатеринодаръ.

Вечеромъ 2/15 августа я былъ уже у генерала Деникина.

Онъ, съ минуты на минуту, ожидалъ донесенія о занятіи Екатеринодара.

Въ тотъ же вечеръ имъ былъ подписанъ приказъ о назначеніи меня помощникомъ Командующаго Добровольческой арміи.

Рано утромъ 3/16 августа было получено донесеніе о занятіи Екатеринодара, и нашъ поѣздъ туда двинулся.

Генерала Деникина очень безпокоилъ вопросъ о томъ, какъ сложаться отношенія между Командованіемъ Добровольческой арміи и Кубанскими атаманомъ и правительствомъ.

Чтобы понять причины, вызывавшія это безпокойство, надо вернуться нѣсколько назадъ.

Кубанскій Атаманъ, полковникъ Филимоновъ, Кубанское Правительство, во главѣ съ Л. Л. Бычемъ, и Кубанская Законодательная Рада, во главѣ со своимъ предсѣдателемъ Н. С. Рябоволомъ, съ небольшимъ Добровольческимъ и Кубанскимъ отрядами, присоединились къ Добровольческой Арміи еще въ мартѣ 1918 года во время перваго Кубанскаго (названнаго «ледянымъ») похода.

Послѣ неудавшейся попытки занять Екатеринодаръ и смерти генерала Корнилова, вся перечисленная группа кубанскихъ дѣятелей отошла вмѣстѣ съ Добровольческой арміей на территорію Дона и съ тѣхъ поръ неотлучно находилась при Добровольческой арміи.

Передъ вторымъ Кубанскимъ походомъ Добровольческой арміи кубанскіе политическіе дѣятели (члены правительства и законодательной Рады) сами подняли вопросъ о томъ, не лучше ли имъ сложить съ себя полномочія, если Командованіе арміи считаетъ, что они, чѣмъ либо, могутъ затруднить его дѣятельность. Но генералы Алексѣевъ и Деникинъ признали, что присутствіе при

арміи не только Кубанскаго Атамана, но и правительства съ законодательной Радой Кубанскаго войска, принесетъ общему дѣлу пользу и будетъ способствовать организаціи возстанія среди Кубанскихъ казаковъ противъ большевиковъ и формированію кубанскихъ частей. Слухи о возможности направленія Добровольческой Арміи на Волгу волновали представителей Кубанскаго Войска и Кубанская Законодательная Рада, обсудивъ въ своемъ засѣданіи 2/15 мая 1918 года политическое и военное положеніе Кубанскаго края, вынесла слѣдующее постановленіе:

«Кубанская законодательная Рада находитъ:

1. Что первѣйшей и основной задачей Кубанскаго правительства должно, по прежнему, являться очищеніе кубанскаго края отъ большевистскихъ бандъ и прочихъ анархическихъ элементовъ и возстановленіе на его территоріи твердаго государственнаго порядка.

Для достиженія этой цѣли необходимо продолженіе героической дѣятельности Добровольческой арміи, дѣйствующей въ полномъ согласіи съ Кубанскимъ Правительствомъ.

Принимая во вниманіе то обстоятельство, что оздоровленіе и возстановленіе государства Россійскаго невозможно безъ предварительнаго установленія порядка на югѣ, Рада выражаетъ пожеланіе, чтобы Добровольческая Армія, совмѣстно съ Кубанскими войсками, въ первую же очередь приступила къ освобожденію отъ совѣтской власти Кубанскаго края.

2. По вопросу объ отношеніи къ Австро-Германіи, въ связи съ занятіемъ г. Ростова на Дону германскими войсками, Рада считаетъ, что, въ настоящее время, вооруженная борьба съ центральными державами представляется нецѣлесообразной, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, находитъ, что, во имя свободы и независимости Кубанскаго края, необходимо принять всѣ мѣры для предотвращенія возможнаго продвиженія германской арміи въ предѣлы краевой территоріи безъ согласія на то Кубанскаго Правительства.

3. Для успѣшности борьбы съ анархіей и установленія общихъ отношеній съ Украиной и Германіей необходимо полное единеніе Кубанскаго края съ Дономъ и другими южными областями.

4. Для заключенія союзныхъ отношеній съ Дономъ, выясненія цѣлей германскаго движенія и опредѣленія отношеній съ Украиной — Рада находитъ необходимымъ отправить въ Новочеркасскъ, Ростовъ на Дону и Кіевъ делегацію, снабдивъ ее соотвѣтствующими полномочіями».

Въ чемъ именно заключались эти «полномочія» — командованію Добровольческой Арміи не было точно извѣстно, но данныя о дѣятельности делегаціи, полученныя впослѣдствіи, указывали на то, что она стремится договориться съ Дономъ, Украиной и нѣмцами съ цѣлью обезпечить себя отъ большевиковъ и получить возможность приступить къ мирному строительству края.

На совѣщаніи въ Новочеркасскѣ, 10/23 іюня, генерала Алексѣева съ Кубанскимъ Правительствомъ, во главѣ съ Л. Л. Бычемъ, Кубанцы допытывались, какъ отнесется Командованіе Добровольческой Арміи къ соглашенію Кубани съ Украиной, а черезъ это и съ нѣмцами.

Основной мотивъ былъ:

«Добровольческая Армія вѣроятно уйдетъ; мы ни съ кѣмъ воевать не хотимъ, а хотимъ приступить къ мирному строительству; большевики же, если Добровольческая Армія уйдетъ и мы не сговоримся съ Украиной и нѣмцами, насъ раздавятъ».

Генералъ Алексѣевъ обрисовалъ всю обстановку и, не отрицая возможности ухода Добровольческой Арміи, если нѣмцы займутъ Царицынъ, указалъ на то, что борьба съ нѣмцами будетъ, вѣроятно, продолжаться на территоріи Россіи, такъ какъ союзники надѣются создать по Волгѣ новый восточный фронтъ, привлекая для этого и чехо-словаковъ; что тогда и Кубань, естественно, войдетъ въ сферу борьбы, ибо Кубанцы, которыхъ будутъ грабить и обирать нѣмцы, возьмутся за оружіе.

Генералъ Алексѣевъ рекомендовалъ пока ни въ какіе разговоры съ нѣмцами не вступать, а если обстоятельства этого потребуютъ, то вступить лишь въ торговое соглашеніе, но отнюдь не политическое или территоріальное; указалъ, что Добровольческая Армія съ нѣмцами ни въ коемъ случаѣ разговаривать не будетъ.

По мѣрѣ очищенія Кубани отъ большевиковъ во время второго Кубанскаго похода чувствовалось, что Кубанское правительство и Кубанская Законодательная Рада будутъ покорными исполнителями требованій Командованія Добровольческой Арміи лишь до освобожденія края, а дальше возможны серьезныя разногласія изъ-за полнаго расхожденія во взглядахъ по нѣкоторымъ вопросамъ.

Командованіе Добровольческой Арміи, имѣя цѣлью бороться съ большевиками для возсозданія Единой — Великой Россіи и считая своимъ долгомъ быть вѣрнымъ союзническимъ обязательствамъ Россіи, рѣшило освободить отъ большевиковъ Кубань и сѣверный Кавказъ, какъ одну изъ составныхъ частей Россіи, и для полученія возможности на освобожденной территоріи, изъ мѣстныхъ жителей, какъ казаковъ, такъ и не казаковъ, создать прочную армію, съ которой можно было бы приступить къ выполненію главной задачи — освобожденію отъ большевиковъ остальной Россіи.

При этомъ освобождаемый раіонъ долженъ былъ бы явиться продовольственной базой — какъ для арміи, такъ и для снабженія голодающаго населенія Великороссіи: въ связи съ общей задачей по подготовкѣ къ рѣшительной борьбѣ съ совѣтской властью, а возможно, что и съ Германіей, представлялось необходимымъ обезпечить за собой портъ на Черномъ морѣ, черезъ который, послѣ занятія союзниками Дарданелъ и Босфора, можно было бы получать отъ послѣднихъ все необходимое.

Кубанскіе же дѣятели, типа гг. Быча, Рябовола и Макаренко, послѣ очищенія края отъ большевиковъ, прежде всего стремились обезпечить безопасность Кубанскаго края и приступить къ мирному его благоустройству.

Въ этомъ отношеніи крайне характерно заявленіе членовъ Кубанскаго правительства на совѣщаніи съ генераломъ Алексѣевымъ 10/23 іюня — «мы ни съ кѣмъ воевать не хотимъ, а хотимъ приступить къ мирному строительству».

Для многихъ политическихъ дѣятелей Кубани соглашеніе съ Украиной, Допомъ, Терекомъ и Кавказскими народностями — было необходимо лишь въ цѣляхъ самообороны, созданія «суверенаго» государства и установленія у себя въ краѣ покоя и благоденствія.

Они не понимали, что сосѣдство большевистской Великороссіи этого покоя имъ не дастъ.

Хотя они равнялись «по Дону», но, по существу, ихъ политика не вполнѣ совпадала съ Донской.

Я глубоко убѣжденъ, что Донской Атаманъ, генералъ Красновъ, входя въ соглашеніе съ нѣмцами, велъ двойную игру и, страхуя Донъ отъ всякихъ

случайностей, лишь временно «по стратегическимъ (какъ онъ выразился) соображеніямъ» хотѣлъ присоединить къ Дону части сосѣднихъ губерній.

Конечно въ его письмѣ къ германскому Императору и въ сношеніяхъ съ германскимъ командованіемъ есть много такого, чего, даже при создавшейся обстановкѣ, нельзя было писать; его отношенія къ Командованію Добровольческой Арміи зиждилось не на государственныхъ соображеніяхъ, а на личныхъ антипатіяхъ, или, можетъ быть, на желаніи играть первую роль; но все же чувствовалось, что онъ, въ концѣ концовъ, не отдѣляетъ Донъ отъ Россіи, и на борьбу съ совѣтскимъ правительствомъ до конца пойдетъ и поведетъ за собой Донъ.

Кубанскіе же «самостійники» явно отмежевывались отъ Россіи.

Чувствовалось, что, послѣ освобожденія отъ большевиковъ Кубанскаго края, присутствіе въ немъ Добровольческой Арміи будетъ для этихъ дѣятелей стѣснительнымъ и не желательнымъ.

Было совершенно очевидно, что, при существованіи самостоятельнаго войска Донского, Кубанскіе дѣятели захотятъ обособиться отъ Командованія Добровольческой Арміи; кромѣ того, было опасеніе, что члены Кубанскаго правительства захотятъ совершенно обезсилить Войскового Атамана.

Но генералъ Деникинъ вѣрилъ въ разумъ Кубанскаго казачества, ведущаго такую рѣшительную борьбу съ большевиками, и надѣялся, что Кубань не пойдетъ по пути самостійности.

Утромъ 3/16 августа было генераломъ Деникинымъ лично составлено и подписано письмо на имя Кубанскаго Атамана, въ которомъ указывалось, что обстановка требуетъ, чтобы Атаманъ являлся полноправнымъ главой казачества, независимымъ ни отъ правительства, ни отъ Законодательной Рады; что Командованіе Добровольческой Арміи не будетъ вмѣшиваться во внутреннее управленіе краемъ, но что кубанскія части всецѣло должны быть подчинены Командованію Добровольческой Арміи и что вопросы обще-государственнаго значенія будутъ рѣшаемы общей правительственной властью*.

Около 12 часовъ нашъ поѣздъ подошелъ къ вокзалу г. Екатеринодара.

Черезъ нѣсколько времени генералъ Деникинъ вышелъ на вокзалъ, гдѣ его привѣтствовали представители города, и послѣ краткой рѣчи онъ передалъ составленное имъ письмо Атаману Кубанскаго Казачьяго Войска, полковнику Филимонову.

4/17 августа состоялся торжественный въѣздъ въ городъ генерала Деникина въ сопровожденіи Кубанскаго Атамана и Кубанскаго Правительства. Генералъ Алексѣевъ пріѣхалъ въ Екатеринодаръ 5/18 августа.

* * *

Изъ территоріи, не входящей въ составъ казачьихъ областей, Командованію Добровольческой Арміи была подвѣдомственна только часть освобожденной Ставропольской губерніи и при штабѣ арміи была образована небольшая гражданская часть.

Генералъ Деникинъ поручилъ мнѣ вѣдать гражданскими вопросами.

Вскорѣ послѣ занятія Екатеринодара былъ освобожденъ отъ большевиковъ

---

* Точнаго содержанія этого письма я не помню и передаю, по памяти, суть его содержанія.

Новороссійскъ и вслѣдъ за этимъ Черноморская губернія, которая и вошла въ вѣдѣніе Командованія арміей.

Хотя въ вѣдѣніи Командованія Добровольческой Арміи, въ смыслѣ гражданскаго управленія, оказалась очень незначительная территорія и не предвидѣлось, что она скоро значительно увеличится (такъ какъ подлежавшіе освобожденію отъ большевиковъ раіоны сѣвернаго Кавказа почти полностью входили въ составъ Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ, а слѣдовательно и подлежали управленію казачьяго правительства), но съ мѣста возникъ рядъ самыхъ серьезныхъ вопросовъ, отъ правильнаго разрѣшенія которыхъ зависѣло многое. Ошибки, въ установленіи гражданскаго управленія и въ принципіальномъ разрѣшеніи вопросовъ, связанныхъ съ частной собственностью (особенно земельный вопросъ), и въ установленіи самоуправленія (городского и земскаго), связаннаго съ выборнымъ закономъ, грозили очень серьезными послѣдствіями.

Я доложилъ генералу Деникину, что разрѣшать эти вопросы кустарнымъ способомъ людьми, которые въ этомъ мало что понимаютъ, не возможно; что я лично считаю себя совершенно не подготовленнымъ для правильнаго ихъ разрѣшенія и считаю необходимымъ, чтобы при генералѣ Алексѣевѣ было образовано особое совѣщаніе по гражданскимъ дѣламъ и соотвѣтствующіе отдѣлы по гражданскому управленію.

Генералъ Деникинъ съ этимъ вполнѣ согласился и по этому вопросу была подана генералу Алексѣеву особая записка.

Пріѣхавшій, по вызову генерала Алексѣева, въ Екатеринодаръ генералъ А. М. Драгомировъ, назначенный помощникомъ Верховнаго Руководителя Добровольческой Арміи, при участіи бывшихъ въ Екатеринодарѣ нѣсколькихъ общественныхъ дѣятелей, составилъ положеніе объ Особомъ Совѣщаніи при Верховномъ Руководителѣ, которое и было утверждено генераломъ Алексѣевымъ 18/31 августа 1918 года.*

Впослѣдствіи это положеніе было переработано и измѣнено. Отдѣла Государственнаго устройства не создавалось, а для агитаціонныхъ цѣлей былъ образованъ особый отдѣлъ пропаганды.

На первыхъ же порахъ генералъ Алексѣевъ встрѣтился съ очень серьезнымъ затрудненіемъ въ выборѣ лицъ для назначенія на должности начальниковъ отдѣловъ: въ раіонѣ Добровольческой Арміи подходящихъ было мало, а ѣхали къ намъ съ большой опаской, такъ какъ въ успѣхъ дѣла мало еще кто вѣрилъ и не хотѣли рисковать.

Съ образованіемъ Особаго Совѣщанія надѣялись добиться соглашенія съ казачьими правительствами относительно объединенія въ немъ всѣхъ общегосударственныхъ вопросовъ.

Представители Кубанскаго Правительства и Законодательной Рады, съ первыхъ же дней послѣ освобожденія отъ большевиковъ Екатеринодара, сначала осторожно, а затѣмъ все болѣе и болѣе настойчиво стали добиваться, чтобы Командованіе Добровольческой Арміи предоставило имъ полную свободу во всѣхъ вопросахъ управленія Кубанью.

Прежде всего они заговорили о выдѣленіи Кубанской Арміи.

Опираясь на то, что Донъ имѣетъ свою самостоятельную армію, представители Кубанскаго Правительства считали необходимымъ всѣ Кубанскія

---

* Положеніе объ особомъ совѣщаніи отпечатано въ Архивѣ Рус. Революціи т. IV, стр. 242. Прим. Ред.

части, входившія въ составъ Добровольческой Арміи, объединить въ Кубанскую Армію, которую, во всѣхъ отношеніяхъ, подчинить Кубанскому Атаману, а уже черезъ него Командующему Добровольческой Арміи.

Затѣмъ они настаивали, чтобы всѣ кубанскіе казаки, находящіеся въ какихъ-либо частяхъ Добровольческой Арміи, были немедленно изъ нихъ выдѣлены и изъ нихъ сформированы чисто Кубанскія части, которыя должны были бы быть включены въ составъ Кубанской Арміи.

Для пополненія же рядовъ Добровольческой Арміи они предлагали изъ населенія Кубанской Области брать въ войска лишь не казачье, такъ-называемое, иногороднее населеніе.

Настаивая на немедленномъ созданіи отдѣльной казачьей арміи, Кубанскій Атаманъ Филимоновъ и предсѣдатель Кубанскаго Правительства Бычъ — указывали на то, что, по ихъ мнѣнію, это должно быть вполнѣ пріемлемо для Командованія Добровольческой Арміи, такъ какъ они, нисколько не возражая противъ подчиненія Кубанской Арміи въ оперативномъ отношеніи Командованію Добровольческой Арміи, этой мѣрой не уменьшаютъ боеспособности арміи.

На засѣданіяхъ, бывшихъ 12/25 и 13/26 августа, подъ предсѣдательствомъ генерала Алексѣева, совмѣстно съ представителями Кубанскаго Правительства, Командованіе Добровольческой Арміи отнеслось рѣзко отрицательно къ проекту, выдвинутому представителями Кубани.

Генералъ Деникинъ на первомъ засѣданіи очень рѣзко возразилъ противъ домогательствъ Кубанцевъ и во второмъ засѣданіи участія не принималъ.

Кубанскимъ представителямъ было разъяснено, что если во время непрерывныхъ боевъ съ большевиками, выдѣлить изъ частей Добровольческой Арміи всѣхъ казаковъ, въ нихъ состоящихъ, то это поведетъ за собой дезорганизацію частей и ослабить боевую мощь арміи; что въ будущемъ, по мѣрѣ призыва на службу новыхъ военнообязанныхъ, не казаковъ, казаки будутъ постепенно выдѣляться изъ состава Добровольческихъ частей и изъ нихъ будутъ формироваться чисто казачьи части.

Что касается образованія отдѣльной Кубанской Арміи, Командованіе Добровольческой Арміи категорически отвергло это предположеніе, указавъ, что Добровольческая Армія можетъ успѣшно вести борьбу лишь при условіи, если Кубанскія части, въ зависимости отъ обстановки, будутъ включаться въ составъ опредѣленныхъ отрядовъ, а не составлять отдѣльной арміи, съ отдѣльнымъ команднымъ составомъ и отдѣльными оперативными заданіями.

Кромѣ этихъ причинъ, о которыхъ говорилось въ засѣданіяхъ, были другія, о которыхъ, въ этотъ періодъ, еще стѣснялись опредѣленно говорить представителямъ Кубанскаго Правительства, которые сами еще не высказывали своего недоброжелательнаго отношенія къ Добровольческой Арміи.

Дѣло въ томъ, что среди членовъ Кубанскаго Правительства было нѣсколько человѣкъ, которые, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ Правительства, Бычемъ, явно стремились къ образованію, по примѣру Дона, вполнѣ самостоятельнаго Кубанскаго Государства и добивались отстраненія Командованія Добровольческой Арміи отъ какого-либо вліянія на Кубанскія дѣла.

Первымъ этапомъ въ достиженіи своей цѣли и должно было быть образованіе отдѣльной Кубанской Арміи.

Но такъ какъ Кубань еще не вся была освобождена отъ большевиковъ и ссориться съ Командованіемъ Добровольческой Арміи они не смѣли, то и

проводили они свои мысли осторожно, не рискуя открыть всѣ карты и высказаться откровенно.

Для Командованія же Добровольческой Арміи, находящейся на территоріи Кубани, было совершенно не допустимо пойти на встрѣчу домогательствамъ Кубанскихъ самостійниковъ.

Такъ какъ всѣ Кубанскія части безпрекословно подчинялись генералу Деникину и такъ какъ всѣ начальствующія лица изъ состава Кубанскаго казачества совершенно не сочувствовали самостійнымъ стремленіямъ своихъ представителей въ составѣ Кубанскаго Правительства и Законодательной Рады, то это дало возможность генераламъ Алексѣеву и Деникину опредѣленно отклонить домогательства объ образованіи отдѣльной Кубанской Арміи.

Съ этого времени начинается упорная, сначала скрытая, а затѣмъ открытая, борьба Кубанскихъ самостійниковъ съ генераломъ Деникинымъ.

Другой вопросъ, который съ мѣста надо было такъ или иначе разрѣшить, былъ вопросъ финансовый.

Донское Правительство устроило въ Ростовѣ, при отдѣленіи Государственнаго Банка, экспедицію заготовленія денежныхъ знаковъ.

Къ этимъ денежнымъ знакамъ уже привыкло населеніе Дона, и они охотно принимались населеніемъ во всѣхъ раіонахъ, освобождаемыхъ отъ большевиковъ.

Кубанское Правительство заявило, что оно хочетъ выпустить свои денежные знаки.

Добровольческая Армія также должна была откуда-то ихъ получить. Поставить себя, въ этомъ отношеніи, въ полную зависимость отъ Донского или Кубанскаго Правительствъ было невозможно, а выпускать, въ сущности говоря, на той же территоріи новый видъ денежныхъ знаковъ было не желательно.

Было опасно допустить, чтобы каждое изъ новыхъ государственныхъ образованій, для обращенія въ одномъ и томъ же раіонѣ, выпускало столько денежныхъ знаковъ, сколько пожелаетъ.

Для разрѣшенія финансовыхъ вопросовъ и, въ частности, для выясненія возможности устроить единый государственный банкъ, по иниціативѣ генерала Алексѣева, подъ моимъ предсѣдательствомъ, была образована комиссія, въ составъ которой вошли представители Донского и Кубанскаго Правительствъ и всѣ болѣе видные финансовые и банковые дѣятели, бывшіе въ это время на территоріи Дона и Кубани.

На засѣданіяхъ этой комиссіи всѣ, принципіально, высказались, что необходимо образовать единый государственный банкъ, имѣть общіе денежные знаки и эмиссіонное право должно быть предоставлено центральному, объединенному правительству.

Но до какихъ либо практическихъ результатовъ не договорились. Представители Донского и Кубанскаго правительствъ, основываясь на томъ, что объединеннаго правительства еще нѣтъ и что эти основные вопросы правомочны будутъ разрѣшить лишь Донской Большой Войсковой Кругъ и Кубанская Краевая Рада, отказались принять какое-либо рѣшеніе.

Въ сущности же дѣло заключалось въ томъ, что Донскіе представители не считали возможнымъ отказаться отъ своего права выпускать сколько имъ вздумается своихъ денежныхъ знаковъ, а Кубанскіе представители, по примѣру Дона, хотѣли завести свою экспедицію заготовленія денежныхъ знаковъ.

Ясно было, что для правильнаго разрѣшенія цѣлаго ряда вопросовъ государственной важности, надо, прежде всего, договориться съ Донскимъ Атаманомъ.

До тѣхъ же поръ, пока Донъ будетъ совершенно игнорировать Командованіе Добровольческой Арміи и не пойдетъ по пути объединенія въ одномъ общемъ правительствѣ всѣхъ общегосударственныхъ вопросовъ, до тѣхъ поръ мы не договоримся ни съ Кубанью, ни съ Терекомъ, когда послѣдній будетъ освобожденъ отъ большевиковъ.

Противъ Донского Атамана Краснова на Дону была довольно сильная опозиція за его германофильское направленіе и считалось возможнымъ, что Большой Войсковой Кругъ, который долженъ былъ быть собранъ въ Новочеркасскѣ въ концѣ августа (началѣ сентября), можетъ высказаться противъ оставленія Краснова Атаманомъ и тогда можетъ измѣниться отношеніе Донского Правительства къ Добровольческой Арміи, въ смыслѣ возможности образовать общее правительство, подчиненное генералу Алексѣеву.

Я былъ командированъ въ Новочеркасскъ въ качествѣ представителя генераловъ Алексѣева и Деникина — ко времени открытія Большого Войскового Круга.

Пріѣхавъ въ Новочеркасскъ, я переговорилъ со многими представителями Донского казачества, съѣхавшимися къ открытію Круга, и вынесъ впечатлѣніе, что, хотя опозиція среди Донской интеллигенціи противъ генерала Краснова довольно сильна, но въ массѣ казачества онъ пользуется популярностью и, вѣроятно, будетъ вновь выбранъ въ Атаманы.

Собравшійся Войсковой Кругъ (18/31 августа) выбралъ своимъ предсѣдателемъ бывшаго члена Государственной Думы Харламова.

Кругъ былъ открытъ рѣчью Атамана.

Генералъ Красновъ прекрасный ораторъ и, надо отдать ему справедливость, рѣчь его была составлена мастерски.

Онъ кратко изложилъ все, что сдѣлано для усиленія Дона по день открытія Круга, и перечислилъ то, что предстоитъ еще сдѣлать.

Не отрицая принятой имъ германской оріентаціи, онъ оправдывалъ ее невозможностью безъ этого получить для Дона отъ Украины вооруженіе, снаряженіе и боевые припасы.

«Да, я принужденъ брать отъ нѣмцевъ снаряды и патроны, но я обмываю ихъ въ чистыхъ водахъ Тихаго Дона и чистыми передаю нашей и Добровольческой арміямъ», — сказалъ генералъ Красновъ.

Послѣ отвѣтной рѣчи предсѣдателя Круга и рѣчи предсѣдателя Правительства, слово было предоставлено мнѣ.

Я сказалъ: «Добровольческая Армія братски привѣтствуетъ Большой Кругъ Всевеликаго Войска Донского.

По иниціативѣ генерала Алексѣева и съ согласія покойнаго Атамана Войска Донского, великаго русскаго патріота, генерала Каледина, въ ноябрѣ 1917 года на территоріи Дона начала формироваться Добровольческая Армія.

Цѣль, которую преслѣдовали генералъ Алексѣевъ, генералъ Калединъ и, вступившій въ декабрѣ 1917 года въ командованіе арміей, генералъ Корниловъ, была борьба съ совѣтской властью, разрушившей государство, освобожденіе Дона отъ большевиковъ и образованіе на Руси твердаго правительства, могущаго объединить всѣхъ русскихъ людей и положить предѣлъ разрухѣ въ Государствѣ и въ арміи.

Господство большевиковъ не оказалось кратковременнымъ, какъ то думало большинство политическихъ дѣятелей, а, наоборотъ, власть ихъ крѣпла, и

начавшееся сумасшествіе стало охватывать все большіе и большіе раіоны. Печальной участи не избѣгли и казачьи области.

Въ теченіе $2^1/_2$ мѣсяцевъ ничтожная по численности, но крѣпкая духомъ Добровольческая Армія, шагъ за шагомъ отстаивая территорію Дона, кровью своей съ нимъ сроднилась.

Въ концѣ января этого года не стало генерала Каледина, а 10 февраля маленькая Добровольческая Армія, не имѣя возможности оставаться въ Ростовѣ, перешла у Аксая на лѣвый берегъ Дона.

14 февраля начался легендарный по своей трудности походъ Добровольческой Арміи къ Екатеринодару съ цѣлью освободить Кубань отъ власти большевиковъ и оттуда продолжать свою государственную работу.

Цѣль эта тогда достигнута не была.

Въ серединѣ апрѣля Добровольческая Армія, отойдя отъ Екатеринодара, гдѣ погибъ генералъ Корниловъ, вновь вступила на территорію Войска Донского.

Къ этому времени началось оздоровленіе Дона отъ тяжкой большевистской болѣзни.

Добровольческая Армія, найдя вновь пріютъ на землѣ Тихаго Дона, оправилась отъ труднаго похода, окрѣпла и пополнилась.

Но и въ этотъ періодъ армія охраняла и очищала южныя и юго-восточныя окраины Дона отъ большевиковъ. Рядъ боевъ съ большевиками у Сосыки, Гуляй-Борисова, Егорлыкской, Цѣлины — за это время стоили арміи болѣе 1500 убитыми и ранеными.

Затѣмъ, при поддержкѣ кубанскихъ казаковъ, Добровольческая Армія пошла освобождать Кубань отъ большевиковъ.

Нынѣ сердце Кубани — Екатеринодаръ —освобожденъ, и очищенъ отъ большевиковъ весь правый берегъ Кубани; освобождается остальная часть Кубани и Ставропольская губернія; части Добровольческой Арміи заняли Новороссійскъ.

Такимъ образомъ, выполняя свою общую государственную задачу, своимъ походомъ, Добровольческая Армія, непосредственно или косвенно, помогала Донскому Войску, освобождая его земли и вмѣсто большевистскихъ позицій создавая ему прочныя границы съ замиреннымъ и дружественнымъ населеніемъ.

Со времени возникновенія Добровольческой Арміи многое измѣнилось:

Большевиками заключенъ позорный Брестскій миръ; создалась самостоятельная Украина; Россія развалилась на рядъ отдѣльныхъ частей, нѣкоторыя изъ которыхъ, позорно забывъ единую Великую Россію, ради мѣстныхъ и личныхъ интересовъ, готовы идти въ кабалу — къ кому угодно, лишь бы получить временное и обманчивое покойное существованіе.

Большевики продолжаютъ разрушать Россію.

Измученное населеніе сѣверной и центральной Россіи гибнетъ отъ голода, проклинаетъ совѣтскую власть, но, терроризованное, само ничего сдѣлать не можетъ и ждетъ помощи извнѣ.

Донъ и Кубань бьются съ большевиками; возстанія охватываютъ раіонъ Волги; Терекъ ждетъ поддержки, чтобы сбросить ненавистную власть. Но, къ сожалѣнію, и въ этихъ раіонахъ не всѣми сознается, что спасеніе и счастье заключается не въ созданіи отдѣльныхъ, самостоятельныхъ государствъ и областей, а въ возсозданіи единой Великой Россіи.

Добровольческая Армія ставитъ своею задачею борьбу за объединеніе нашей оплеванной и попранной Матери-Родины, за возсозданіе могучей, единой Россіи.

Враги Россіи, тѣ, которымъ выгодно поддерживать разруху въ нашемъ многострадальномъ отечествѣ, не стѣсняются никакими средствами, имѣющими цѣлью задержать ростъ Добровольческой Арміи и посѣять рознь между нею и возрождающимися частями когда-то великаго нашего государства.

Да не будетъ этого!

Мы вѣримъ, что разумъ русскихъ людей возьметъ верхъ, что всѣ честные сыны нашего отечества объединятся въ общей работѣ по возсозданію единой Великой Россіи, единой мощной русской арміи.

Генералы Алексѣевъ и Деникинъ, отъ имени Добровольческой Арміи, поручили мнѣ привѣтствовать васъ, представителей Всевеликаго Войска Донского, и выразить глубокую увѣренность арміи въ томъ, что всѣ слухи о какихъ-то анти-русскихъ и сепаратныхъ стремленіяхъ отдѣльныхъ лицъ и группъ на Дону — являются злостной клеветой.

Добровольческая Армія увѣрена, что славные Донцы, потомки могучихъ и славныхъ витязей и защитниковъ Руси, и въ настоящій историческій моментъ сумѣютъ разобраться, гдѣ правда и гдѣ неправда, поймутъ свою государственную задачу и, наряду съ внутренней работой по устройству Всевеликаго Войска Донского, всѣ, какъ одинъ, пойдутъ по пути возсозданія Великой Россіи и, объединясь съ Добровольческой Арміей и славнымъ Кубанскимъ Войскомъ, положатъ начало Русской могучей арміи».

Генералъ Деникинъ, по поводу телеграммы отъ предсѣдателя Круга, Харламова, и полученнаго текста рѣчи генерала Краснова, прислалъ мнѣ слѣдующихъ два письма:

Отъ 20 августа (2 сентября): «Генералъ Алексѣевъ получилъ сегодня телеграмму отъ предсѣдателя Круга Харламова съ выраженіемъ чувствъ, одушевляющихъ Кругъ въ отношеніи Добровольческой Арміи.

Между тѣмъ, отношенія къ арміи Атамана были всегда совершенно отрицательными. Между прочимъ, въ своей программной рѣчи, онъ счелъ возможнымъ принятіе нѣмецкой ориентаціи оправдывать нежеланіемъ моимъ идти на Царицынъ, хотя соглашеніе съ нѣмцами послѣдовало ранѣе 15-го мая (совѣщаніе въ Манычской*. Точно также звучитъ оскорбительно фраза его «частное предпріятіе». Такъ названо освобожденіе Добровольческой Арміей трехъ русскихъ областей и Задонья.

Нахожу чрезвычайно желательнымъ, чтобы Вы нашли способъ черезъ членовъ Круга поднять вопросъ о точномъ опредѣленіи Кругомъ отношеній Атамана къ Добровольческой Арміи, которыхъ онъ обязанъ былъ бы держаться въ будущемъ».

Отъ 22 августа (4 сентября): «Въ вопросѣ о конституціи власти на Дону при тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, въ какихъ находится нынѣ область, Вамъ надлежитъ держаться слѣдующихъ положеній:

1. Единая твердая власть, не связанная никакими коллегіями, необходима.

2. Кругъ долженъ обязать будущаго Атамана къ прямому, честному и вполнѣ доброжелательному отношенію къ Добровольческой Арміи.

3. Расколъ среди политическихъ партій на Дону, новыя потрясенія, подрывъ и умаленіе атаманской власти совершенно не желательны.

* Совѣщаніе генерала Деникина съ генераломъ Красновымъ, на которомъ послѣднимъ возбуждался вопросъ о направленіи части Добровольческой Арміи на Царицынъ.

Поэтому, если опозиція не имѣетъ прочной почвы подъ ногами и сильныхъ кандидатовъ, и считаетъ нужнымъ поддерживать кандидатуру генерала Краснова, возраженій со стороны Командованія Добровольческой Арміи не будетъ, при соблюденіи п. 2-го.

4. Такъ какъ личная политика генерала Краснова совершенно не соотвѣтствуетъ позиціи, занятой Добровольческой Арміей*, то активной поддержки (напримѣръ публичное выступленіе съ соотвѣтствующей рѣчью, оффиціальный разговоръ и т. п.) оказывать отнюдь не слѣдуетъ.

Изложенное въ пунктѣ 3-мъ надлежитъ сообщить довѣрительно отдѣльнымъ виднымъ представителямъ опозиціи.

5. Выдѣленіе отдѣльныхъ частей Добровольческой Арміи на Царицынскій фронтъ пользы не принесетъ, а среди разнородныхъ элементовъ донскихъ ополченій, астраханскихъ организацій — могло бы вызвать чреватыя послѣдствіями тренія. На Дону остались неиспользованными части новой Донской Арміи; длительность ихъ подготовки значительно больше, чѣмъ мобилизованныхъ Добровольческой Арміи . . .

Во всякомъ случаѣ Добровольческая Армія, какъ только справится со своей задачей на Кубани, будетъ двинута безотлагательно на Царицынъ и поможетъ въ полной мѣрѣ Дону.

При этомъ обязательно подчиненіе дѣйствующихъ на этомъ фронтѣ Донскихъ частей Командованію Добровольческой Арміи.

Незаконченность работы здѣсь подорвала бы въ корнѣ моральное значеніе Добровольческой Арміи и привело бы опять къ «исходному положенію», то-есть окруженію всѣхъ границъ Дона большевиками».

Послѣ перваго засѣданія Круга выяснилось, что выборы новаго Атамана будутъ произведены въ самомъ концѣ сессіи, а первоначально будутъ происходить чисто дѣловыя засѣданія, на которыхъ члены Донского Правительства сдѣлаютъ доклады по своимъ вѣдомствамъ.

Оттяжка выбора Атамана была сдѣлана генераломъ Красновымъ, конечно, съ цѣлью выиграть время, дать перебродить страстямъ и убѣдить Кругъ, что Атаманомъ, для пользы Дона, можетъ остаться только онъ, генералъ Красновъ.

Надо признать, что генералъ Красновъ очень ловко и очень умно направлялъ работу Войскового Круга и достигъ того, что опозиція противъ него постепенно ослабѣла.

Въ рукахъ лидеровъ опозиціи, кромѣ копіи съ письма генерала Краснова на имя Германскаго Императора, были еще два документа, доставленныхъ на Войсковой Кругъ и Командованію Добровольческой Арміи изъ управленія Иностранныхъ Дѣлъ Донского Правительства: выдержки изъ письма генерала Краснова фельдмаршалу Эйхгорну и выдержки изъ протокола совѣщанія** Донского Атамана съ маіоромъ фонъ Кохенгаузенъ, представителемъ Германскаго Командованія въ Ростовѣ.

Письмо на имя фельдмаршала Эйхгорна заканчивалось такъ:

«Я искренно желаю, въ союзѣ съ германскимъ народомъ, не допустить чехо-словаковъ на Донскую территорію, но исполнить это я смогу лишь тогда,

---

* Т. е. невозможность какого-бы то ни было соглашенія съ нѣмцами.

** 26 іюня/9 іюля 1918 г.

когда все населеніе будетъ видѣть, что въ лицѣ германскаго народа мы имѣемъ друзей и союзниковъ, а не враговъ, оккупировавшихъ Донскую землю.

Было бы самымъ выгоднымъ и для Васъ, если бы Вы помогли Донскому Войску окрѣпнуть въ полной мѣрѣ, давъ при этомъ опредѣленное завѣреніе, что, по достиженію сего, германскія войска будутъ выведены изъ предѣловъ Донской области. Тогда Вы могли бы быть увѣрены, что Донское Войско, а за нимъ и весь Доно-Кавказскій союзъ Вамъ преданы, Вамъ благодарны и Вамъ никогда не измѣнятъ.

Вы могли бы быть спокойны за Вашъ тылъ на Украинѣ и за Вашъ правый флангъ въ томъ случаѣ, если бы Державы согласія возстановили восточный фронтъ...»

Совѣщаніе Донского Атамана съ маіоромъ фонъ-Кохенгаузенъ касалось, между прочимъ, и Добровольческой Арміи, о которой маіоръ фонъ Кохенгаузенъ хотѣлъ получить самыя точныя свѣдѣнія.

Отвѣты генерала Краснова были очень сдержаны, и получается вполнѣ отчетливое впечатлѣніе, что, не считая для себя возможнымъ совершенно уклониться отъ отвѣтовъ, Донской Атаманъ старался не сказать чего-нибудь такого, что могло повредить Добровольческой Арміи.

Представитель Германскаго Командованія, повидимому, понялъ и учелъ затруднительное положеніе генерала Краснова и не настаивалъ на болѣе ясныхъ и точныхъ отвѣтахъ.

Въ заключеніе маіоръ Кохенгаузенъ выразилъ генералу Краснову свои завѣренія въ томъ, что, послѣ того, что онъ слышалъ, германское правительство, въ его лицѣ, будетъ всячески поддерживать Атамана, содѣйствовать укрѣпленію его власти въ области, какъ въ смыслѣ престижа власти путемъ моральнаго воздѣйствія на населеніе (возвращеніе плѣнныхъ, вопросъ о Таганрогѣ и т. д.), такъ и въ смыслѣ подержки таковой реальной силой, оружіемъ и идя на встрѣчу личнымъ пожеланіямъ Атамана.

Конечно, на Кругу генералъ Красновъ могъ бы объяснить, что все это онъ принужденъ пока дѣлать ради спасенія и укрѣпленія Дона, что цѣль оправдываетъ средства, но оппозиція вначалѣ была сильна и, повторяю, оттяжка выборовъ была для генерала Краснова необходима.

Къ моменту выбора Атамана единственнымъ серьезнымъ для него противникомъ былъ предсѣдатель Донского Правительства генералъ Богаевскій.

Но, передъ выборами, на закрытомъ засѣданіи Круга, генералъ Богаевскій огласилъ телеграмму, полученную изъ штаба Германскаго Командованія въ Ростовѣ, въ которой совершенно опредѣленно указывалось, что только при выборѣ Войсковымъ Кругомъ Атаманомъ генерала Краснова, Германское Командованіе будетъ по прежнему относиться доброжелательно къ Войску Донскому; въ противномъ же случаѣ это отношеніе измѣнится *.

---

* Телеграмма генералъ-лейтенанту Денисову (Военный министръ войска Донского и Командующій Донской Арміей).

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

«Его Превосходительству.

По порученію высшаго германскаго командованія имѣю честь сообщить Вамъ слѣдующее: происшедшее за послѣдніе дни показываетъ, что на Кругѣ имѣется стремленіе ограничить власть Атамана. Въ виду чего предвидится опасность, что будетъ образовано правительство со слабой властью, которое не сможетъ въ достаточной мѣрѣ противостоять многочисленнымъ внутреннимъ и внѣшнимъ врагамъ Донского государства.

Генералъ Богаевскій сказалъ на Кругѣ, что по имѣющимся у него свѣдѣніямъ его выставляютъ какъ кандидата въ Атаманы; что онъ благодаритъ за честь, но вслѣдствіе необходимости, прежде всего, не осложнять труднаго положенія Дона вмѣшательствомъ нѣмцевъ, онъ заявляетъ о категорическомъ своемъ отказѣ дать согласіе на выставленіе своей кандидатуры въ Атаманы.

Генералъ Красновъ былъ вновь выбранъ Атаманомъ Войска Донского.

Обстановка для Дона была дѣйствительно трудная и сложная: это рѣшеніе Круга было, для даннаго момента, единственно возможное.

* *
*

Командованіе Добровольческой Арміи надѣялось, что генералъ Красновъ постепенно измѣнитъ свою политику по отношенію къ Добровольческой Арміи и будутъ найдены пути соглашенія для образованія одного общаго правительства.

Но, для установленія соглашенія съ Кубанью выборъ Донскимъ Войсковымъ Кругомъ въ Атаманы опять генерала Краснова былъ крайне непріятенъ, такъ какъ знаменовалъ, на первое, во всякомъ случаѣ, время, что политика Дона по отношенію къ Командованію Добровольческой Арміи останется прежней.

Кубань же, какъ я уже сказалъ, равнялась на совершенно независимое Донское государственное образованіе.

Командованіе Добровольческой Арміи стремилось договориться съ Дономъ и Кубанью, но на нѣкоторые вопросы существовали столь непримиримо противоположные взгляды между нами и представителями казачества, что трудно было надѣяться добиться полнаго соглашенія.

Еще 28 іюля (10 августа) Кубанскій Атаманъ, полковникъ Филимоновъ, передалъ генералу Деникину для ознакомленія проектъ декларації Правительства Доно-Кавказскаго Союза, присланный ему Донскимъ Атаманомъ для разсмотрѣнія и подписанія; при этомъ полковникъ Филимоновъ сказалъ, что если генералъ Деникинъ будетъ возражать противъ содержанія декларації, то онъ ее не подпишетъ.

Въ декларації Доно-Кавказскаго Союза, въ первой части, было сказано: «. . . . въ видахъ государственной необходимости атаманы: Всевеликаго Войска Донского, Войска Кубанскаго, Войска Астраханскаго, Войска Терскаго и предсѣдатель союза горцевъ сѣвернаго Кавказа, беря на себя всю полноту Верховной Государственной власти, настоящимъ провозглашаютъ суверенным государствомъ Доно-Кавказскій Союзъ.

Такъ какъ съ другой стороны высшее командованіе можетъ находиться въ хорошихъ отношеніяхъ только съ такимъ государствомъ, которое по конструкціи своего правительства дастъ увѣренность быть сильнымъ и защищать свою свободу, оно (высшее германское командованіе) видитъ себя вынужденнымъ, до тѣхъ поръ пока это обстоятельство является сомнительнымъ, временно воздержаться отъ всякой поддержки оружіемъ и снарядами. Примѣненіе этого рѣшенія продолжится до тѣхъ поръ, пока не будетъ выбранъ Атаманъ, въ которомъ высшее германское командованіе будетъ увѣрено, что онъ поведетъ политику Донского государства въ направленіи дружественномъ Германіи и который будетъ облеченъ кругомъ полнотой власти, необходимой для настоящаго серьезнаго момента. Я прошу Ваше Превосходительство сообщить объ этомъ еще сегодня же Его Высокопревосходительству Донскому Атаману, къ которому высшее германское командованіе питаетъ самое полное довѣріе, а также сообщить господину предсѣдателю Совѣта Министровъ генералъ-лейтенанту Богаевскому. Подписалъ: Фонъ-Кохенгаузенъ.»

Объявляя объ этомъ, просимъ Васъ, Милостивый Государь, передать Вашему Правительству нижеслѣдующее: *

I) Доно-Кавказскій союзъ состоитъ изъ самостоятельно управляемыхъ государствъ: Всевеликаго Войска Донского, Войска Кубанскаго, Войска Терскаго, Войска Астраханскаго, Союза Горцевъ Сѣвернаго Кавказа и Дагестана, соединенныхъ въ одно государство на началахъ федераціи.

II) Каждое изъ государствъ..... управляется во внутреннихъ дѣлахъ своихъ..... на началахъ автономіи.

III) Законы ..... раздѣяются на общіе и мѣстные.

IV) Свой флагъ, печать и гимнъ.

V) Во главѣ — Верховный Совѣтъ (Атаманы или ихъ замѣстители и главы Союза Горцевъ и Дагестана), избирающій изъ своей среды предсѣдателя, исполняющаго постановленія Верховнаго Совѣта.

VI) При Верховномъ Совѣтѣ — Сеймъ.

VII) О собраніяхъ Сейма.

VIII) Доно-Кавказскій Союзъ имѣетъ общіе армію и флотъ. Командующій назначается Верховнымъ Совѣтомъ.

IX) Общіе Министры — Иностранныхъ Дѣлъ, Военный и Морской, Торговли и Промышленности, Путей Сообщенія, Почты и Телеграфа, Государственный Контролеръ и Государственный Секретарь.

X) Временная резиденція — Новочеркасскъ.

XI) Общіе — монетная система, кредитные билеты, почтовыя и гербовыя марки, тарифы: желѣзнодорожный, таможенный и торговый, а также почтовые и телеграфные.

XII) Доно-Кавказскій Союзъ объявляетъ, что онъ находится въ состояніи нейтралитета, и, не будучи въ положеніи войны съ какой либо Державой міра, борется лишь съ большевистскими войсками, находящимися на его территоріи.

XIII) ..... не допускаетъ вторженія на свою территорію никакихъ войскъ.

XIV) Доно-Кавказскій Союзъ настоящимъ изъявляетъ свое намѣреніе, вступить въ торговыя и иныя сношенія съ Державами, которыя признаютъ его Державныя права.

XV) Границы ..... по стратегическимъ соображеніямъ, южная часть Воронежской губерніи со станціей Лиски и городомъ Воронежомъ, а также часть Саратовской губерніи съ городами Камышинымъ и Царицынымъ и колонія Сарепта.

XVI) Доно-Кавказскій Союзъ выражаетъ увѣренность, что нарожденіе его будетъ благопріятно принято всѣми Державами, заинтересованными въ его существованіи, и что онѣ не замедлятъ прислать своихъ представителей, равно какъ и союзъ не замедлитъ послать свои дипломатическія миссіи къ признавшимъ его Державамъ».

Генералъ Деникинъ обратился съ нижеслѣдующимъ письмомъ, отъ 10/23 августа 1918 года за № 51, къ предсѣдателю Донского Правительства **.

---

* Далѣе указываются мною лишь краткія выдержки содержанія пунктовъ декларацiи.

** На поляхъ приводятся резолюціи генерала Краснова, сообщенныя намъ изъ Правительства Войска Донского.

Командующій
Добровольческой Арміей
No. 51

10 августа 1918 года
гор. Екатеринодаръ.

Милостивый Государь
Африканъ Петровичъ,

Его Превосходительству А. П. Богаевскому

Образованіе въ октябрѣ 1917 года Юго-Восточнаго Союза, въ дѣйствительности, осталось только на бумагѣ.

Успѣхи большевиковъ, развалъ казачества на Дону и Кубани, а также возникшая борьба на Терекѣ — не дали возможности провести въ жизнь образованіе Юго-Восточнаго Союза.

Резолюція Генерала Богаевскаго: «Въ докладъ Д. Атаману. Ген. Богаевскій. 13/VIII 18»

Нынѣ обстоятельства вновь позволяютъ вернуться къ мысли создать прочный и сильный союзъ, могущій предотвратить новыя испытанія.

Измѣненію обстановки Донъ и Кубань, въ значительной степени, обязаны Добровольческой Арміи, при помощи которой изгоняются большевики и уничтожается власть черни.

«Армія внѣ политики».

Добровольческая Армія, имѣющая задачей возрожденіе единой великой Россіи, кровью своею сроднилась съ Дономъ и Кубанью и далѣе, передъ выполненіемъ своей основной, исторической задачи, она поможетъ и Тереку освободиться отъ большевиковъ.

При образованіи Юго-Восточнаго Союза въ октябрѣ 1917 года никто не имѣлъ никакихъ сепаративныхъ стремленій и авторы идеи Союза считали, что образованіе союза необходимо лишь в р е м е н н о, до возстановленія единой Россіи.

Составленная же нынѣ правительственная декларація Доно-Кавказскаго Союза вызываетъ самыя серьезныя возраженія:

«Это не вѣрно».

1) Прежде всего создается впечатлѣніе, что идетъ рѣчь о созданіи постоянной федеративной Державы вполнѣ самостоятельной на подобіе «самостійной» Украины.

Авторы этой декларации, какъ бы, думали объ узаконеніи расчлененія Россіи, а не объ ея объединеніи.

«При чемъ тутъ Добровольческая Армія».

2) Совершенно игнорируется Добровольческая армія, которая помогала Дону и Кубани въ борьбѣ съ большевиками.

Даже больше: пунктъ XIII даетъ право думать, что и Добровольческая армія, находящаяся на территоріи союза, можетъ быть признана враждебной.

3) Включеніе съ составъ Доно-Кавказскаго союза Ставропольской губерніи, въ которой уже введено управленіе распоряженіемъ Командующаго Добровольческой арміи, безъ особаго представителя отъ губерніи является недопустимымъ.

Эта губернія можетъ быть включена въ союзъ, лишь какъ полноправный членъ союза, такъ какъ и по размѣрамъ, и по значенію она является значительной, и интересы ея и Добровольческой арміи должны быть вполнѣ обезпечены особымъ ея представителемъ въ Верховномъ совѣтѣ.

«Согласенъ».

4) Пунктъ IV устанавливаетъ особый флагъ Державы, въ то время, когда врядъ ли допустимо имѣть какой либо другой, помимо родного Русскаго.

5) Декларація не можетъ включать въ себѣ такіе пункты, какъ XII, XIII и XIV, которые связываютъ дальнѣйшую политику Державы, веденіе коей возлагается на Верховной совѣтъ.

«Ничего подобнаго».

6) Пунктъ XV особенно подчеркиваетъ стремленіе къ «самостійности» и къ дальнѣйшему расчлененію Россіи.

Вслѣдствіе всего изложеннаго, не возражая противъ пользы образованія Доно-Кавказскаго союза, считаю необходимымъ:

«Само собой разумѣется».	1) Опредѣленно указать, что Союзъ образуется временно впередъ до возсозданія Россіи.
«Можно».	2) Включить въ составъ проектируемаго Верховнаго Совѣта представителя Добровольческой арміи и Военнаго Генералъ-Губернатора Ставропольской губерніи.
«Никогда».	3) Командующимъ всѣми вооруженными силами Союза назначить Командующаго Добровольческой арміей.
«Совершенно вѣрно, но причемъ тутъ Добровольческая армія».	4) Окончательная редакція декларація должна быть выработана послѣ созыва большого круга на Дону и рады на Кубани, при участіи представителя Добровольческой арміи, игнорировать которую недопустимо.

Подпись: Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности А. Деникинъ.

Резолюціи генерала Краснова ясно указываютъ на непримиримость его по отношенію къ Командованію Добровольческой Арміи.

Договориться съ нимъ, при этихъ условіяхъ и при позиціи, занятой имъ, вольно или невольно, по отношенію къ нѣмцамъ было невозможно.

Оставалась надежда добиться соглашенія съ Кубанскимъ Казачествомъ, а затѣмъ и съ Терскимъ, въ предположеніи, что впослѣдствіи, силою обстоятельствъ, и генералъ Красновъ пойдетъ на уступки.

Въ то же время нельзя не отмѣтить, что, при остро сложившихся отношеніяхъ съ Командованіемъ Добровольческой Арміи, генералъ Красновъ не упускалъ случая, дѣлать оффиціальныя заявленія о лучшихъ чувствахъ, которыя онъ питаетъ къ самой Арміи. Такъ напримѣръ, телеграммой на имя генерала Алексѣева, отъ 14/27 августа, онъ опровергаетъ слухи о скверныхъ его отношеніяхъ къ «дружеской намъ Добровольческой Арміи, которой Донъ такъ многимъ обязанъ и въ которой видитъ будущее Россіи». *

Для точнаго опредѣленія нашихъ отношеній съ казачьими областями и созданія «гражданской конституціи» представлялось необходимымъ выработать особое положеніе, которое, по мѣрѣ освобожденія отъ большевиковъ частей государства Россійскаго, позволяло бы автоматически примѣнять его къ освобождаемымъ раіонамъ.

Генералъ Алексѣевъ считалъ необходимымъ, чтобы положеніе о конструкціи власти и управленіи въ освобождаемыхъ раіонахъ основывалось на слѣдующихъ принципахъ:

1) Армія — единая.

Командованіе арміей должно быть сосредоточено въ рукахъ Командующаго Добровольческой Арміей.

2) При Верховномъ Руководителѣ Добровольческой Арміи образуется «Особое Совѣщаніе» (Правительство), которое и вѣдаетъ всѣми правительственными функціями.

Начальники отдѣловъ назначаются Верховнымъ Руководителемъ Арміи.

---

* Насколько ненормальны были и впослѣдствіи отношенія Донского Атамана къ командованію Добровольческой арміи, показываетъ отвѣтъ генерала Краснова, 9/22 января 1919 г. за No. 92, на запросъ, нѣтъ ли препятствій устроить въ Ростовѣ отдѣлъ пропаганды, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «я категорически возражаю противъ устройства его въ Ростовѣ. На землѣ Войска Донского не можетъ и не должно помѣщаться ни одно изъ учрежденій обще-русскихъ. Это требованіе автономіи Войска».

По примѣру же Донскихъ дѣятелей и Кубанскіе политическіе дѣятели, послѣ освобожденія ихъ территоріи отъ большевиковъ подъ руководствомъ Командованія Добровольческой арміи и беззавѣтной боевой работы Добровольческой арміи, стремились удалить отъ себя все «обще-русское»!

3) Отрасли управленія — внѣшняя политика, военное дѣло, судъ, пути сообщенія и финансы — должны быть общими для всего государства* и вѣдаться соотвѣтствующими отдѣлами «Особаго Совѣщанія», и въ отношеніи ихъ полнота государственной власти принадлежитъ Верховному Руководителю Добровольческой Арміи.

4) Неказачьи территоріи и области подчиняются непосредственно Верховному Руководителю Добровольческой Арміи, который и утверждаетъ положенія объ ихъ управленіи.

5) Казачьи области и другія области, пользующіяся автономнымъ устройствомъ, въ отношеніи частей управленія, не находящихся въ вѣдѣніи общегосударственной власти, управляются на основаніи законовъ, вырабатываемыхъ мѣстными законодательными органами.

6) При Верховномъ Руководителѣ, въ качествѣ законодательнаго органа, можетъ быть образованъ Совѣтъ, въ составъ котораго входятъ члены по выбору отъ освобождаемыхъ областей и по назначенію Верховнаго Руководителя.

Послѣ смерти генерала Алексѣева эта схема подверглась измѣненію лишь въ томъ отношеніи, что функціи Верховнаго Руководителя и Командующаго арміей должны были объединиться въ рукахъ Главнокомандующаго генерала Деникина.

Командованіе Добровольческой Арміи надѣялось, что Кубанскіе политическіе дѣятели пойдутъ въ концѣ концовъ на соглашеніе добровольно, понявъ, что этого требуетъ государственная необходимость.

Считалось, что при подобной «конституціи» и конструкціи высшей правительственной власти — широкая автономія казачьихъ областей будетъ вполнѣ обезпечена и государственный разумъ казачества возьметъ верхъ надъ «самостійными» тенденціями отдѣльныхъ политическихъ дѣятелей.

Созданіе проекта «конституціи» было поручено К. Н. Соколову съ участіемъ нѣкоторыхъ членовъ кадетской партіи.

Прежде чѣмъ подвергнуть составленное «положеніе» оффиціальному разсмотрѣнію съ представителями Кубанскаго Правительства, признано было желательнымъ, чтобы представители политическихъ круговъ, поддерживавшихъ Добровольческую Армію, позондировали почву частнымъ образомъ.

Но частныя бесѣды показали, что на соглашеніе надежды мало. Кубанскіе дѣятели говорили, что предлагаемая «конституція» есть фактически диктатура, а на диктатуру Главнокомандующаго Добровольческой Арміей они добровольно не согласятся.

«Диктатура устанавливается силой, а не по соглашенію. Если у васъ есть сила, проводить диктатуру — проводите; мы же на это согласіе не дадимъ».

Генералъ же Деникинъ считалъ необходимымъ дѣйствовать убѣжденіемъ и добиться желательнаго результата путемъ соглашенія.

Считалось, что если будетъ достигнуто соглашеніе съ Кубанью, то оно же будетъ принято Терекомъ послѣ освобожденія сѣвернаго Кавказа отъ большевиковъ и затѣмъ будетъ принято и Дономъ.

---

* Были перечислены лишь тѣ отрасли управленія, кои безспорно должны были быть обще-государственными. Относительно другихъ надо было договориться и рѣшить, что должно быть отнесено къ обще-государственному управленію и что могло остаться въ вѣдѣніи мѣстныхъ законодательныхъ органовъ и правительствъ.

На послѣднее надѣялись особенно вслѣдствіе того, что, въ лицѣ наиболѣе выдающихся политическихъ дѣятелей Дона, мы имѣли, какъ казалось, союзниковъ.

На 26 октября (8 ноября) 1918 года, подъ моимъ предсѣдательствомъ, было назначено согласительное засѣданіе.

Отъ Командованія Добровольческой Арміи на засѣданіи присутствовали А. А. Нератовъ, генералъ Романовскій и В. А. Степановъ.

Отъ Кубани — Л. Л. Бычъ, А. А. Намитоковъ, полковникъ Савицкій, Д. Е. Скобцовъ, полковникъ Успенскій и М. С. Воронковъ.

Особо приглашенные Донскіе политическіе дѣятели — В. Ф. Зеелеръ и В. А. Харламовъ (предсѣдатель Большого Войскового Круга).

Открывая засѣданіе, я сказалъ, что еще въ августѣ была попытка договориться о конструкціи власти, не давшая никакихъ результатовъ; указалъ на невозможность вести работу при существующихъ треніяхъ, и предложилъ вновь договориться, взявъ въ основаніе проектъ конструкціи власти, выработанный нѣсколькими членами партіи народной свободы.

Мною было указано, что въ вопросахъ военныхъ и дипломатическихъ вся полнота власти должна принадлежать Главнокомандующему, а въ области остальныхъ вопросовъ надо договориться и выяснить, какіе изъ нихъ должны считаться общегосударственными и разрѣшаться правительствомъ, подчиненнымъ Главнокомандующему, и какіе вопросы должны считаться мѣстными и разрѣшаться мѣстной властью.

Л. Л. Бычъ указалъ, что возможенъ только одинъ путь соглашенія, по которому договаривающіяся стороны образуютъ союзный совѣтъ, который, какъ Верховная власть, выдѣляетъ правительство, облеченное большими полномочіями, и назначаетъ Командованіе, а также опредѣляетъ организацію самой арміи на началахъ воинской повинности.

Съ этими взглядами не согласились представители Добровольческой Арміи.

Представители Дона (особо приглашенные) стали на сторону представителей Добровольческой Арміи, но представители Кубани категорически отказались разсматривать предложенный проектъ конструкціи власти и обѣщали разработать и представить въ ближайшемъ будущемъ, до начала работъ Рады, свой контръ-проектъ.

Привожу здѣсь выдержки изъ рѣчей В. А. Харламова и В. Ф. Зеелера (взято изъ протокола засѣданія, подписаннаго генералъ-лейтенантомъ Лукомскимъ, генералъ-маіоромъ Романовскимъ, Л. Л. Бычемъ и А. А. Намитоковымъ):

«В. А. Харламовъ: Что касается строительства власти, то здѣсь слишкомъ много выдвигается положеній, не соотвѣтствующихъ исключительности момента.

Добровольческая Армія взяла на себя задачу государственнаго строительства, а мѣстныя власти къ этому стремились очень мало.

Установленіе власти путемъ сложенія мѣстныхъ властей — путь очень сложный и длительный, а жизнь требуетъ быстраго рѣшенія. Мнѣ кажется, что Донъ пойдетъ на предоставленіе полноты власти въ области военныхъ и дипломатическихъ вопросовъ Добровольческой Арміи, а въ раздѣлъ 6-ой, трактующій о мѣстной автономіи, придется внести поправки».

«В. Ф. Зеелеръ: Если хотите объединенія Россіи, то нужно создать сейчасъ зародышъ такого объединенія.

И вотъ, создавая общегосударственную власть, я не могу, подобно Л. Л. Бычу, расцѣнивать Добровольческую Армію, какъ территоріальную

представительницу Ставропольской и Черноморской губерній. Я бы хотѣлъ смотрѣть на Добровольческую Армію, какъ на реальную силу, преслѣдующую не мѣстныя, а общегосударственныя задачи; и ни Крымъ, ни Терекъ, ни Донъ не могутъ становиться на одинаковую почву съ Добровольческой Арміей, такъ какъ она, повторяю, имѣетъ не мѣстное, а общегосударственное значеніе.

Первая задача — борьба съ большевиками, для чего необходимо объединить дѣйствіе двухъ имѣющихся реальныхъ силъ — Добровольческой и Донской Армій; нужно образовать общій фронтъ, и для всѣхъ насъ понятно, что выполненіе этихъ задачъ по объединенію нужно передать въ руки Добровольческой Арміи.

Второй вопросъ — разговоръ съ союзниками. Союзники явятся и съ кѣмъ-нибудь связаться пожелаютъ. Естественно, что они обратятъ свои взоры опять на тѣ же двѣ реальныя силы:

Донскую и Добровольческую Армію.

Съ тѣмъ Красновымъ, который послалъ извѣстное письмо въ Берлинъ, они, конечно, разговаривать не пожелаютъ.

Вполнѣ естественно, что руку помощи они протянутъ Добровольческой Арміи, которая никогда и ни при какихъ условіяхъ за помощью къ нѣмцамъ не обращалась.

Тогда и Дону, и Грузіи, и Украинѣ придется поклониться Добровольческой Арміи.

Нужно придти къ заключенію, что Верховная власть и выполненіе задачи внѣшней политики должны быть отнесены къ центру — Добровольческой Арміи.

Что же касается федераціи и автономіи, то я долженъ сказать, что сколько я ни изучалъ этотъ вопросъ — разницы не вижу; это одно и то же».

Обѣщаннаго контръ-проекта Кубанское Правительство такъ намъ и не прислало.

* *

*

Послѣ занятія, 2/15 августа, Екатеринодара Добровольческая Армія стала развивать операціи противъ Таманской группы большевиковъ, а также дѣйствовавшихъ въ раіонѣ г. Новороссійска и на Черноморскомъ побережьѣ. Во время развитія этой операціи, въ штабѣ Добровольческой Арміи были получены свѣдѣнія, что въ раіонѣ Туапсе и Майкопа дѣйствуютъ противъ большевиковъ возставшіе и ушедшіе изъ своихъ станицъ отряды Кубанскихъ казаковъ, которымъ помогаютъ грузины.

Вслѣдъ за этимъ, съ Туапсе была установлена связь и въ его раіонѣ былъ обнаруженъ небольшой грузинскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Мазніева. При этомъ отрядѣ находилось до шести сотенъ казаковъ, бѣжавшихъ изъ Майкопскаго отдѣла.

Грузины помогали казакамъ оружіемъ и боевыми припасами; мы же начали снабжать грузинъ хлѣбомъ. Такъ какъ генералъ Мазніевъ дѣйствовалъ противъ большевиковъ, то Добровольческая Армія установила съ нимъ самую тѣсную связь и смотрѣла на этотъ отрядъ какъ на союзный. Генералъ Мазніевъ обнаружилъ полную готовность помогать Добровольческой Арміи и возставшимъ Кубанскимъ казакамъ.

Къ этому времени относятся первые переговоры по вопросамъ товарообмѣна съ Грузіей.

Генералъ Мазніевъ передалъ въ распоряженіе начальника отряда Добровольческой Арміи одинъ броневой поѣздъ и обѣщалъ передать санитарный поѣздъ; съ нашей стороны было обѣщано отпустить для Грузіи хлѣба на сумму 250 тысячъ рублей.

Въ это время крупныя силы большевиковъ, отступая подъ давленіемъ Добровольческой Арміи отъ Новороссійска вдоль Черноморскаго побережья, вытѣснили грузинскій отрядъ генерала Мазніева изъ Туапсе и заняли городъ.

26 августа (8 сентября) большевики очистили г. Туапсе и отступили на сѣверъ, надѣясь соединиться со своими частями, дѣйствовавшими въ раіонѣ сѣвернаго Кавказа. Наши части въ тотъ же день заняли г. Туапсе.

Дружескія отношенія, налаживавшіяся между нами и грузинами, рѣзко измѣнились послѣ занятія нами Туапсе и водворенія тамъ нашей власти.

Генералъ Мазніевъ, какъ показавшій себя расположеннымъ къ Добровольческой Арміи, былъ отозванъ и замѣненъ генераломъ Коніевымъ. Въ раіонѣ селенія Лазаревскаго (въ 60 верстахъ къ юго-востоку отъ Туапсе) грузины стали сосредоточивать значительныя силы (пять тысячъ пѣхоты съ 40 пулеметами и 18 орудій) и приступили къ укрѣпленію позицій у Сочи, Дагомыса и Адлера. Одновременно въ два послѣдніе пункта вступили германскіе отряды и всякія сношенія грузинъ съ нашими войсками были прерваны.

По заявленію нашимъ представителямъ генерала Коніева, измѣненіе отношенія грузинъ къ Добровольческой Арміи было основано на указаніи германскаго Командованія.

Къ этому же періоду относятся свѣдѣнія, полученныя изъ Тифлиса, что русскіе, особенно офицеры и чиновники, подвергаются самому безпощадному гоненію.

12/25 сентября въ Екатеринодаръ прибыла грузинская делегація во главѣ съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ Грузинскаго Правительства, Гегечкори; въ составъ делегаціи входилъ генералъ Мазніевъ.

Г. Гегечкори заявилъ, что делегація прибыла съ цѣлью вести переговоры по вопросамъ товарообмѣна и для установленія дружескихъ отношеній между Грузіей и Добровольческой Арміей, а также Кубанью.

Пріѣздъ этой делегаціи вполнѣ совпадалъ съ желаніемъ Командованія Добровольческой Арміи, договориться съ Грузинскимъ Правительствомъ и установить дружескія отношенія.

Прежде всего представлялось крайне желательнымъ получить увѣренность, что ничто не можетъ угрожать нашему тылу и явится возможность не держать на границѣ съ Грузіей войска, столь необходимыя для борьбы съ большевиками на сѣверномъ Кавказѣ.

Затѣмъ нужно было сговориться по слѣдующимъ вопросамъ:

1) Въ Грузіи, послѣ ликвидаціи Кавказскаго фронта, осталось большое интендантское, артиллерійское, инженерное и санитарное имущество, принадлежавшее Русскому государству.

Представлялось желательнымъ, хотя бы, часть этого имущества получить въ распоряженіе Добровольческой Арміи.

Если не удалось бы договориться о полученіи этого имущества безвозмездно, то выработать условія, на которыхъ Грузія согласилась бы это имущество передать намъ.

2) Въ Грузіи оставалось большое имущество, принадлежавшее Красному Кресту, Военно-Промышленному Комитету и Всероссійскимъ Союзамъ Земствъ и Городовъ.

Надо было добиться, чтобы Грузія признала право на это имущество образовавшихся при Добровольческой Арміи временныхъ главныхъ управленій этихъ организацій.

3) О прекращеніи преслѣдованія въ Грузіи русскихъ гражданъ; о полученіи права русскимъ офицерамъ, находящимся въ Грузіи, отправиться на службу въ Добровольческую Армію безъ опасенія за участь ихъ семействъ, оставляемыхъ въ Грузіи.

Тѣ свѣдѣнія, которыя были получены изъ Тифлиса о преслѣдованіи всего русскаго, не давали надежды добиться полнаго соглашенія и установить дружескія отношенія. Грузинское Правительство и грузинская пресса подвергали рѣзкой критикѣ Добровольческую Армію и ея Командованіе, называя ихъ черносотенцами, контръ-революціонерами.

Наконецъ, на Грузинское Правительство оказывалось давленіе со стороны Германскаго Командованія, которое, естественно, стремилось изолировать Добровольческую Армію и поставить ее въ трудное положеніе.

Но для насъ такъ важно было достигнуть соглашенія съ Грузіей, что генералъ Алексѣевъ рѣшилъ пойти на всѣ возможныя уступки лишь бы установить сносныя отношенія.

12/25 сентября генералъ Алексѣевъ, открывая засѣданіе, началъ свою рѣчь слѣдующими словами:

«Разрѣшите, отъ имени Добровольческой Арміи и Кубанскаго Правительства, привѣтствовать представителей дружественной и самостоятельной Грузіи.

Я желаю, чтобы тѣ весьма важные переговоры, которые намъ предстоятъ, привели бы къ удовлетворительнымъ результатамъ. Разнорѣчій быть не должно. Съ нашей стороны никакихъ поползновеній на самостоятельность Грузіи не будетъ — въ этомъ отношеніи Грузія можетъ считать себя обезпеченной; но давъ такое обезпеченіе отъ имени Добровольческой Арміи и Кубанскаго Правительства, которое, конечно, это подтвердитъ, мы должны ожидать равноцѣннаго отношенія со стороны Грузинскаго Правительства къ намъ . . .»

Изъ дальнѣйшаго хода переговоровъ выяснилось, что грузинскіе представители заняли совершенно непримиримую, и при томъ необоснованную ни историческими, ни этнографическими, ни экономическими данными, позицію въ вопросѣ объ установленіи границы Черноморской губерніи, настаивая на томъ, что Сочинскій округъ долженъ входить въ составъ Грузіи.

Вторичное засѣданіе, совмѣстно съ представителями Грузинскаго Правительства, состоялось 13/26 сентября.

Во время обмѣна мнѣній, членамъ грузинской делегаціи былъ предложенъ вопросъ о тѣхъ гарантіяхъ, которыя могли бы быть даны Грузинскимъ Правительствомъ въ томъ, что хлѣбъ, направляемый въ Грузію, не попадетъ къ германцамъ. При этомъ были приведены факты отправки германцами хлѣбныхъ грузовъ изъ Грузіи въ Констанцу на пароходахъ «Генералъ», «Гамбургъ» и «Коркова».

Представители Грузіи отъ отвѣта уклонились.

Въ основномъ вопросѣ объ установленіи границы грузины отказались пойти на какія либо уступки. Въ числѣ мотивовъ, вслѣдствіе которыхъ Грузія настаиваетъ на сохраненіи за собой Сочинскаго округа, г. Гегечкори выдвинулъ

опасеніе Грузіи, что силъ Добровольческой Арміи недостаточно, чтобы защищать Сочинскій округъ отъ большевиковъ.

Генералъ Алексѣевъ указалъ, что, признавая въ настоящее время существованіе самостоятельной Грузіи, Командованіе Добровольческой Арміи не можетъ санкціонировать и согласиться съ расчлененіемъ чисто русской Черноморской губерніи; что русское населеніе Сочинскаго округа проситъ о возвращеніи округа въ составъ Черноморской губерніи.

Дальнѣйшее обсужденіе, какъ этого, такъ и другихъ вопросовъ, приняло острый характеръ.

Г. Гегечкори, въ заключеніи, заявилъ:

Отъ Сочинскаго округа Грузія отказаться не можетъ.

Всѣ свѣдѣнія и слухи о преслѣдованіи Русскихъ въ Грузіи не вѣрны.

Все имущество, принадлежавшее прежде Русскому Правительству и различнымъ организаціямъ, работавшимъ на армію, Грузинское Правительство разсматриваетъ, какъ принадлежащее нынѣ Грузинской Республикѣ, и можетъ часть дать Добровольческой Арміи въ обмѣнъ на хлѣбъ и другіе продукты, нужные Грузіи.

Генералъ Алексѣевъ пытался повліять на представителей Грузіи, указавъ, что для самой Грузіи необходимо установить дружескія и союзническія отношенія съ Добровольческой Арміей, такъ какъ, если послѣдняя не выйдетъ побѣдительницей изъ борьбы съ совѣтской властью, то, рано или поздно, Грузія будетъ большевиками раздавлена.

Но все было напрасно, и переговоры были прерваны.

Какъ потомъ выяснилось, г. Гегечкори, ведя оффиціальные переговоры въ комиссіи подъ предсѣдательствомъ генерала Алексѣева, велъ частные, сепаратные переговоры съ предсѣдателемъ Кубанскаго Правительства Бычемъ.

Вполнѣ возможно, что эти послѣдніе переговоры, давая основаніе Гегечкори считать, что положеніе Добровольческой Арміи на Кубани недостаточно прочно, и повліяли, въ значительной степени, на его несговорчивость.

Впрочемъ, нельзя забывать, что въ этотъ періодъ Грузинское Правительство должно было дѣйствовать по указкѣ нѣмцевъ и, наконецъ, для Грузіи Сочинскій округъ имѣлъ громадное значеніе въ смыслѣ зоны, отдѣляющей отъ Добровольческой Арміи Сухумскій округъ, населенный свободолюбивымъ и воинственнымъ Абхазскимъ народомъ, не желавшимъ подчиниться Грузіи.

Грузинское Правительство опасалось, что если Сочинскій округъ войдетъ въ составъ Черноморской губерніи, то непосредственное сосѣдство раіона, подчиненнаго Добровольческой Арміи, съ Сухумскимъ округомъ можетъ повліять на отпаденіе Абхазіи отъ Грузіи и лишеніе послѣдней портовъ на Черномъ морѣ.

Грузинская делегація уѣхала изъ Екатеринодара.

Послѣ отъѣзда делегаціи, Командованіе арміи заняло по отношенію къ Грузіи выжидательное положеніе, не предпринимая никакихъ враждебныхъ военныхъ дѣйствій.

Но граница для пропуска товаровъ была закрыта.

* *
*

Въ теченіе лѣта 1918 года въ Сибири стало сорганизовываться антибольшевистское движеніе.

Московскій Національный Центръ, по соглашенію съ представителями сибирскихъ политическихъ партій, рѣшилъ образовать въ Сибири Директорію*, въ которую изъ состава Московскаго Національнаго Центра должны были войти Николай Ивановичъ Астровъ (бывшій Московскій городской голова) и Василій Александровичъ Степановъ (В. А. Степановъ въ составъ «Директоріи» не вошелъ. Возможно, что я ошибаюсь, указывая на первоначальное предположеніе включить его въ составъ «Директоріи», но объ этомъ генералу Алексѣеву было сообщено изъ Москвы).

При образованіи этой «Директоріи» Командующимъ Сибирской Арміей былъ назначенъ генералъ Болдыревъ, а его замѣстителемъ генералъ Алексѣевъ.

Генералъ Алексѣевъ былъ назначенъ «замѣстителемъ», конечно, только потому, что былъ на Кубани. Всѣ же считали, что если онъ пріѣдетъ въ Сибирь, то естественно приметъ командованіе арміей.

Генералъ Алексѣевъ, какъ мною уже было отмѣчено, въ періодъ «Кубанскаго похода» занимался почти исключительно вопросами финансоваго характера. Послѣ занятія Екатеринодара, несмотря на безукоризненно хорошія отношенія, бывшія между нимъ и генераломъ Деникинымъ, все же чувствовалось, что въ работѣ по гражданской части происходятъ тренія, такъ какъ нѣкоторые вопросы разрѣшались по управленію генерала Алексѣева, а другіе — по штабу генерала Деникина.

Чувствовалось, что во главѣ нуженъ о д и н ъ человѣкъ.

Генералъ Алексѣевъ это сознавалъ и рѣшилъ, передавъ все дѣло на югѣ Россіи генералу Деникину, самому ѣхать въ Сибирь. Въ качествѣ своего будущаго начальника штаба онъ пригласилъ генерала Абрама Михайловича Драгомирова, который, до ихъ отъѣзда въ Сибирь, былъ назначенъ помощникомъ къ генералу Алексѣеву.

Отъѣздъ въ Сибирь генераловъ Алексѣева и Драгомирова задержался вслѣдствіе болѣзни генерала Алексѣева. Онъ не поправился и 25 сентября (8 октября) 1918 года скончался.

Послѣ смерти генерала Алексѣева генералъ Деникинъ принялъ званіе Главнокомандующаго Добровольческой Арміей, объединяя въ своемъ лицѣ

---

* Лѣтомъ 1918 года (въ іюнѣ) М. В. Алексѣевъ получилъ отъ національнаго центра изъ Москвы письмо (за подписями: М. М. Федорова, Н. И. Астрова, П. Б. Струве, Д. Н. Шипова, А. Е. Бѣлорусова, Н. К. Волкова, П. В. Герасимова, В. А. Степанова, Четверикова, Галяшкина, А. В. Карташева, Н. Н. Щепкина, В. И. Арандаренко, А. А. Червинъ-Водали, проф. Колокольцова, Н. А. Бородина), въ которомъ указывалось на то, что, повидимому, скоро наступитъ моментъ, когда Добровольческой арміи нужно будетъ отойти на Волгу, чтобы стать тамъ руководящей частью новаго фронта, и выражалась надежда увидѣть Алексѣева во главѣ общаго командованія военными силами, подъ прикрытіемъ которыхъ должна образоваться русская національная власть.

Въ письмѣ, между прочимъ, было сказано:

«Когда мы говоримъ объ образованіи власти въ Россіи — мы не ставимъ себѣ форму раньше содержанія. Мы думаемъ, что историческая Россія должна для своего возсозданія и возсоединенія имѣть Монарха. Но изъ этого мы не строимъ себѣ кумира. Мы полагаемъ, что для переходнаго времени — нужна сильная власть диктатора, но чтобы эта диктатура была пріемлема для безпокойно-подозрительно настроенныхъ массъ, мы готовы принять предлагаемую «Союзомъ Возрожденія» форму «Директоріи» съ военнымъ авторитетнымъ лицомъ во главѣ.

Для насъ Вы, Михаилъ Васильевичъ, представляетесь — и въ этомъ качествѣ. Эта директорія должна очистить территорію, установить порядокъ, подготовить населеніе и дать ему новое основаніе для выборовъ въ народное собраніе, которое и должно установить окончательно форму правленія».

высшую гражданскую и военную власть; генералъ Драгомировъ былъ назначенъ помощникомъ Главнокомандующаго и предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія при Главнокомандующемъ (исполнявшимъ функціи правительства), а я былъ назначенъ помощникомъ Главнокомандующаго и начальникомъ военнаго и морского управленій.

Пріѣхавшій въ Екатеринодаръ Н. И. Астровъ рѣшилъ въ Сибирь не ѣхать и вошелъ, безъ портфеля, въ составъ Особаго Совѣщанія.

* *
*

1/14 ноября 1918 года состоялось открытіе Кубанской Краевой Рады. Я и еще два представителя отъ Добровольческой Арміи, по соглашенію съ Кубанскимъ Правительствомъ, вошли въ составъ Рады, какъ ея члены.

На открытіи Рады генералъ Деникинъ произнесъ рѣчь, изъ которой я привожу выдержки, указывающія программу дальнѣйшей работы Командованія Добровольческой Арміи.

«. . . . . Въ февралѣ мѣсяцѣ, видя полную невозможность оставаться и бороться на Дону, Добровольческая Армія, предводимая генераломъ Корниловымъ, двинулась на Кубань. Съ тѣхъ поръ судьбы ея тѣсно переплелись съ судьбами Кубани и въ боевомъ содружествѣ, и въ перенесенныхъ страданіяхъ, и въ тысячахъ братскихъ могилахъ, и въ радости ратныхъ побѣдъ.

Добровольцы шли въ жару и стужу, переносили невѣроятныя лишенія, гибли тысячами . . . Шли безокрыстно; деревянный крестъ или жизнь калѣки — были удѣломъ большинства.

И только одна завѣтная мысль, одна яркая надежда, одно желаніе одухотворяло всѣхъ — спасти Россію . . .»

«. . . . Можетъ ли Кубань успокоиться и заняться только своими внутренними дѣлами?

Нѣтъ! Пора бросить споры, интриги, мѣстничество. Все для борьбы. Большевизмъ долженъ быть раздавленъ. Россія должна быть освобождена. Иначе не пойдетъ въ прокъ ваше собственное благополучіе, которое станетъ игрушкою въ рукахъ своихъ и чужихъ враговъ Россіи и народа русскаго.

Добровольческая Армія, въ рядахъ которой доблестно сражается множество кубанскихъ казаковъ, явилась сюда не для завоеваній, а для освобожденія . . .»

«. . . . По мѣрѣ роста силъ Добровольческой Арміи и боевыхъ успѣховъ, растетъ число ея друзей и крѣпнетъ злоба ея враговъ.

Я съ полнымъ удовлетвореніемъ долженъ признать, что повсюду, по Кубанскому краю, среди родного намъ по крови и по духу славнаго, привѣтливаго, храбраго Кубанскаго казачества, Добровольческая Армія встрѣчала и встрѣчаетъ радушный, сердечный пріемъ и гостепріимный кровъ.

Но въ послѣднее время идетъ широкая агитація, отчасти оплачиваемая иноземными деньгами, отчасти подогрѣваемая людьми, которые жадными руками тянутся къ власти, не разбирая способовъ и средствъ. Хотятъ поселить рознь въ рядахъ арміи и особенно между кубанскими казаками и добровольцами. Хотятъ привести армію въ то жалкое состояніе, въ которомъ она была зимой 1917 года. Это тѣ самые люди, которые смиренно кланялись большевикамъ, скрывались въ подпольѣ, или прятались за Добровольческіе штыки . . .»

«. . . Въ кровавой жестокой борьбѣ, близкаго конца которой еще не видно, нельзя идти врозь. . .»

«. . . . Не должно быть арміи Добровольческой, Донской, Кубанской, Сибирской. Должна быть единая Русская армія, съ единымъ фронтомъ, единымъ командованіемъ, облеченнымъ полной мощью, и отвѣтственнымъ лишь передъ русскимъ народомъ въ лицѣ его будущей законной верховной власти».

«. . . . я вѣрую и исповѣдую, что великій русскій народъ, оправившись отъ болѣзни, стряхнувъ навожденіе, станетъ вновь страшной силою, которая никогда не забудетъ ни тѣхъ державъ, что въ дни ея несчастья любовно, безкорыстно поддержатъ его, ни тѣхъ, что, съ небывалой жестокостью и эгоизмомъ, высасывали изъ него послѣдніе соки и толкали въ бездну анархіи. . .»

«. . . . Нужна единая временная власть и единая вооруженная сила, на которую могла бы опереться эта власть. . .»

«. . . . единеніе всѣхъ государственныхъ образованій и всѣхъ государственно мыслящихъ русскихъ людей тѣмъ болѣе возможно, что Добровольческая Армія, ведя борьбу за самое бытіе Россіи, не преслѣдуетъ никакихъ реакціонныхъ цѣлей и не предрѣшаетъ ни формы будущаго образа правленія, ни даже тѣхъ путей, какими русскій народъ объявитъ свою волю.

Отъ насъ требуютъ партійнаго флага. Но развѣ трехцвѣтное знамя Великодержавной Россіи не выше всѣхъ партійныхъ флаговъ?»

«. . . . . Единеніе возможно и потому, что Добровольческая Армія признаетъ необходимость и теперь, и въ будущемъ самой широкой автономіи составныхъ частей русскаго государства и крайне бережнаго отношенія къ вѣковому укладу казачьяго быта.

И съ чувствомъ внутренняго удовлетворенія я могу сказать, что теперь уже, не взирая на нѣкоторыя расхожденія, выяснилась возможность единенія нашего съ Дономъ, Крымомъ, Терекомъ, Арменіей, Закаспійской областью.

Возможно единеніе и съ Украиной, когда, быть можетъ, цѣною тяжкихъ внутреннихъ потрясеній, она сброситъ съ себя иноземное иго и вспомнитъ о сыновнихъ обязанностяхъ передъ общей Родиной. Возможно и съ мирнымъ грузинскимъ народомъ, когда измѣнится политика его правительства, которое воздвигло гоненіе на русскихъ людей, присвоило себѣ русское государственное имущество, захватило въ свое незаконное и несправедливое управленіе Сочинскій округъ и толпами красноармейцевъ угрожаетъ русской Добровольческой Арміи».

«. . . . Проходя свой крестный путь, считая себя преемницей Русской Арміи, Добровольческая Армія въ самыхъ тяжелыхъ,. казалось, безвыходныхъ обстоятельствахъ своей жизни, оставалась вѣрной договорамъ съ союзными державами и ни на одну минуту не запятнала себя предательствомъ. Событія послѣднихъ дней доказали, что прямая и честная политика вѣрнѣе. И мы съ открытой душой шлемъ свои сердечныя пожеланія доблестнымъ войскамъ нашихъ союзниковъ. . .»

«. . . . Я увѣренъ, что Краевая Рада найдетъ въ себѣ разумъ, мужество и силу залѣчить глубокія раны во всѣхъ проявленіяхъ народной жизни, нанесенныя ей изувѣрствомъ разнузданной черни. Создастъ единоличную твердую власть, состоящую въ тѣсной связи съ Добровольческой Арміей. Не порветъ сыновней зависимости отъ Единой Великой Россіи. Не станетъ ломать основное законодательство, подлежащее коренному пересмотру въ будущихъ Всероссій-

скихъ законодательныхъ учрежденіяхъ. И не повторитъ соціальные опыты, приведшіе народъ къ взаимной дикой враждѣ и обнищанію . . .»

Въ этой рѣчи, какъ я уже отмѣтилъ, изложены основанія политики, которую проводилъ впослѣдствіи генералъ Деникинъ и состоявшее при немъ Особое Совѣщаніе.

Надежда на то, что Кубанская Краевая Рада пойметъ необходимость тѣснаго общенія съ Командованіемъ Добровольческой Арміи для правильной конструкціи власти и откажется отъ мысли создавать самостоятельное Кубанское государство, не оправдалась.

Предсѣдатель Кубанскаго Правительства и его единомышленники проводили мысль, что Кубань должна быть самостоятельнымъ государствомъ, которое должно объединиться на федеративныхъ основаніяхъ съ такими же самостоятельными государствами — Украиной, Крымомъ, Дономъ, Терекомъ, Союзомъ Кавказскихъ Горскихъ Народовъ, Грузіей и сюда же должны постепенно примыкать и освобождаемыя отъ большевиковъ части Россіи; что во главѣ этого союза долженъ стать Верховный Совѣтъ.

Рада большинствомъ голосовъ высказалась за самостоятельность Кубанскаго государства.

Представители Добровольческой Арміи изъ состава Рады были генераломъ Деникинымъ отозваны.

Руководители кубанской политики на открытый разрывъ не пошли; была назначена особая согласительная комиссія, но и она ни до чего договориться не могла.

Съ этого времени началась открытая борьба самостійныхъ представителей Кубанскаго казачества съ правительствомъ (Особымъ Совѣщаніемъ) генерала Деникина.

* *
*

Послѣ упорныхъ боевъ, длившихся съ іюня до декабря 1918 года, Добровольческая Армія, совмѣстно съ Кубанскими казачьими частями, очистила отъ большевиковъ всю Кубанскую область, Черноморскую губернію съ Новороссійскимъ портомъ и большую часть Ставропольской губерніи. Во время этихъ боевъ потери съ обѣихъ сторонъ были велики.

Къ осени 1918 года стало замѣчаться среди большевистскихъ войскъ проявленіе большей дисциплины, поддерживаемой самыми жестокими мѣрами. Большевистскія части научились драться съ большимъ упорствомъ и стали проявлять большую наступательную энергію.

Въ значительной степени этому способствовалъ страхъ попасть въ плѣнъ, такъ какъ, несмотря на всѣ мѣры, принимаемыя высшимъ начальствомъ, съ плѣнными наши войска расправлялись съ большой жестокостью. Кромѣ того, перспектива отхода, въ случаѣ неудачи, въ глубь Астраханскихъ степей, гдѣ ихъ ожидала голодная смерть, придавала имъ стойкость и упорство въ бояхъ.

Затяжной характеръ операцій являлся, отчасти, слѣдствіемъ крайняго утомленія войскъ Добровольческой Арміи *, ведшихъ изо дня въ день, въ теченіе

* При дальнѣйшемъ изложеніи, говоря «войска Добровольческой Арміи» я буду подразумѣвать также Кубанскія, Терскія и Астраханскія казачьи части и Горскія части, составлявшія одно цѣлое съ Добровольческой Арміей.

8 мѣсяцевъ, упорные бои и при томъ безъ всякой смѣны свѣжими частями. Даже очень успѣшные бои не заканчивались полнымъ разгромомъ противника за отсутствіемъ свѣжихъ силъ для преслѣдованія. Наконецъ хронически не хватало патроновъ и снарядовъ. Въ первый періодъ Добровольческая Армія добывала ихъ путемъ захвата у тѣхъ же большевиковъ. Позднѣе сталъ приходить на помощь Донъ, но въ размѣрахъ, совершенно не соотвѣтствующихъ потребности. Въ теченіе сентября мѣсяца были дни почти полнаго отсутствія патроновъ и снарядовъ.

Въ результатѣ этой длительной и тяжелой операціи, силы большевиковъ, насчитывавшія не менѣе 100 тысячъ хорошо вооруженныхъ и обильно снабженныхъ припасами бойцевъ, были надломлены. Появились симптомы начавшагося разложенія въ ихъ войскахъ. Начались массовыя сдачи въ плѣнъ, ссоры между старшими начальниками, обвинявшими другъ друга въ неудачахъ, въ предательствѣ и т. п.

Въ ноябрѣ долго жданная эскадра союзниковъ вошла въ Черное море и явилась надежда на скорое полученіе обмундированія, вооруженія и боевыхъ припасовъ.

Присланные къ генералу Деникину военные представители Англіи и Франціи заявили отъ имени своихъ правительствъ, что Англія и Франція рѣшили поддержать генерала Деникина въ его борьбѣ противъ большевиковъ и что, въ ближайшемъ будущемъ, въ Новороссійскъ прибудутъ транспорты со всѣмъ необходимымъ для арміи юга Россіи.

Побѣда Державъ Согласія въ міровой войнѣ, крушеніе Германіи и, въ связи съ этимъ, уходъ нѣмцевъ изъ раіоновъ, какъ Европейской Россіи, такъ и Кавказа, занятіе англичанами Баку, появленіе флота союзниковъ въ Черномъ морѣ и высадка англичанъ въ Батумѣ, все это, казалось, должно было, въ недалекомъ будущемъ, измѣнить, какъ общую политическую обстановку на всемъ югѣ Россіи, такъ, въ частности, и въ Закавказьѣ.

Политика Германіи, послѣ Брестъ-Литовскаго договора, была построена на раздѣленіи Россіи на отдѣльныя части, на уничтоженіи ея какъ Великой Державы, на разжиганіи внутренней междоусобицы и поддержаніи искусственно вызванной классовой борьбы.

Съ побѣдой Державъ Согласія и съ распаденіемъ Державъ Центральнаго Союза надо было ожидать совершенно иного отношенія со стороны союзниковъ къ Россіи.

На основаніи заявленій прибывшихъ къ генералу Деникину военныхъ представителей Великобританіи и Франціи, а также сообщеній, получавшихся изъ Парижа и Лондона, создавалось вполнѣ опредѣленное впечатлѣніе, что союзники ясно опредѣлили свое отношеніе къ Россіи въ смыслѣ возсозданія ея, какъ Единой и Недѣлимой. Представлялось, что только чисто польскія губерніи отойдутъ отъ бывшей Россіи для образованія самостоятельной Польши.

Казалось, что только для того, чтобы облегчить переходъ къ единому правительству и спасти части Россіи отъ анархіи, союзниками выдвинутъ принципъ временнаго поддержанія, въ отдѣльныхъ областяхъ Россіи, образовавшихся правительствъ, не стоящихъ на платформѣ возсозданія Россіи.

* *
*

Общее политическое состояніе областей юга, юго-востока Россіи и Сибири, къ началу (серединѣ) декабря 1918 года, было слѣдующее:

Украина. Послѣ разгрома Центральныхъ Державъ на Западѣ, Гетманъ Скоропадскій измѣнилъ свою политику и призвалъ къ власти новый руссофильскій кабинетъ съ С. Н. Гербелемъ во главѣ.

Послѣ изданія Гетманомъ грамоты о федераціи съ Россіей, 5/18 ноября, поднялось возстаніе украинскихъ «самостійниковъ», возглавлявшихся бывшими членами Украинской Центральной Рады — Петлюрой, Винниченко и другими.

Цѣлью возстанія было сверженіе Гетмана и провозглашеніе «соціалистической Украинской Народной Республики» до прибытія союзниковъ, дабы поставить ихъ передъ совершившимся фактомъ.

Во главѣ республики была объявлена «Директорія» въ составѣ Винниченко Петлюры. Швеца и Андріевскаго.

Въ цѣляхъ успѣшности возстанія и привлеченія въ свои ряды широкихъ народныхъ массъ, «самостійники» вошли въ контактъ съ мѣстными большевиками и со всѣми другими политическими организаціями, недовольными дѣятельностью гетманскаго правительства.

Въ народныхъ массахъ Украины «украинское самостійное» движеніе сочувствія не встрѣчало, но, на почвѣ общаго недовольства гетманскимъ правительствомъ, допускавшимъ, при возстановленіи правъ помѣщиковъ на землю, самыя жестокія репрессіи по отношенію крестьянъ, захватившихъ помѣщичьи земли и разграбившихъ экономіи и усадьбы, провозглашеніе лозунга «за землю и волю» привлекло крестьянскую массу и городскую чернь на сторону руководителей самостійнаго движенія.

Возможность, вновь захватить землю помѣщиковъ, пограбить и отомстить за репрессіи, производившіяся подъ прикрытіемъ нѣмецкихъ штыковъ, толкнула массу въ сторону Петлюры и Винниченко.

Въ германскихъ войскахъ, еще бывшихъ на Украинѣ, началось разложеніе и образовались свои «совѣты солдатскихъ депутатовъ».

Эти «совѣты», провозгласившіе соціалистическіе лозунги, конечно, всячески поддерживали движеніе, возглавляемое Петлюрой и Винниченко. Но и отношеніе къ этому движенію со стороны представителей германскаго Командованія, принявшаго участіе въ переговорахъ съ Петлюрой, давало основаніе предполагать, что созданіе анархіи на Украинѣ — въ интересахъ германцевъ.

Получалось впечатлѣніе, что германское Командованіе способствуетъ анархіи, распространеніе которой можетъ поставить въ тяжелое положеніе войска Державъ Согласія, если они сюда прибудутъ.

Германія, лишенная возможности открыто продолжать борьбу съ Державами Согласія, естественно стремилась создать въ Россіи обстановку, при которой возможно было бы ей, въ скрытомъ видѣ, продолжать эту борьбу.

Отряды Украинской директоріи, подъ предводительствомъ Петлюры, быстро заняли Харьковъ, Екатеринославъ, Полтаву, Одессу и рядъ важныхъ желѣзнодорожныхъ станцій, окруживъ кольцомъ и Кіевъ.

Гетманъ, находясь въ Кіевѣ, передалъ всю полноту власти на Украинѣ генералу графу Келлеру, принявшему, съ согласія генерала Деникина, незадолго до того командованіе сѣверной арміей (въ раіонѣ Пскова) и не успѣвшему выѣхать изъ Кіева.

Порядокъ въ Кіевѣ и другихъ крупныхъ центрахъ, до ихъ паденія, поддерживался почти исключительно малочисленными добровольческими дружинами.

Сформированныя при Гетманѣ на Украинѣ воинскія части совершенно разложились.

Черезъ нѣсколько дней графъ Келлеръ отказался отъ этого поста, мотивируя это тѣмъ, что Совѣтъ украинскихъ министровъ не захотѣлъ ему подчиниться. Его мѣсто занялъ генералъ-лейтенантъ князь Долгоруковъ, а 1/14 декабря 1918 года Гетманъ Скоропадскій, не будучи въ состояніи справиться съ движеніемъ, отрекся отъ Гетманства и, при содѣйствіи нѣмцевъ, выѣхалъ изъ Кіева.

4/17 декабря Кіевъ былъ занятъ войсками Директоріи.

Директорія принялась за гоненіе всего русскаго. Отношеніе Директоріи къ идеѣ федераціи съ Россіей опредѣлилось въ слѣдующей деклараціи:

«Предоставляя украинскому рабочему народу полное обезпеченіе независимости національнаго развитія, Директорія рѣшительно будетъ бороться съ провозглашенными бывшимъ Гетманомъ лозунгами федераціи съ Россіей.

Директорія всѣми силами будетъ отстаивать независимость республики украинскаго народа.

Всякая агитація и пропаганда лозунговъ бывшаго Гетмана о федераціи будетъ Директоріей караться по законамъ военнаго времени».

Издавъ декларацію о «землѣ и волѣ», возстановивъ дѣйствіе универсаловъ бывшей Центральной Рады о соціализаціи земли, новое правительство, какъ я уже сказалъ, привлекло первое время на свою сторону крестьянскія массы и городскую чернь. Начались вновь разгромы экономій помѣщиковъ и владѣній зажиточныхъ крестьянъ и казаковъ по всей Малороссіи.

Для сверженія Гетмана Директорія стала на путь близкій къ большевизму и вскорѣ стала подпадать подъ вліяніе большевизма, сначала внутренняго, а затѣмъ и внѣшняго. Всюду появились Совѣты рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ и возобновился красный терроръ по отношенію къ офицерамъ и интеллигенціи.

Со всѣхъ мѣстъ, угрожаемыхъ анархіей, къ Командованію Добровольческой Арміи стали поступать просьбы о помощи.

Для обезпеченія отъ захвата большевиками Донецкаго угольнаго раіона, а также обезпеченія отъ анархіи сѣвернаго побережья Азовскаго моря, въ началѣ (серединѣ) декабря въ Донецкій бассейнъ была двинута, изъ состава Добровольческой Арміи, одна пѣхотная дивизія.

6/19 декабря въ г. Одессѣ высадился дессантъ союзниковъ (части 56-ой пѣхотной французской дивизіи), подъ начальствомъ генерала Боріусъ.

При поддержкѣ огня съ французскихъ судовъ, отрядъ русскихъ добровольцевъ-офицеровъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Гришина Алмазова, очистилъ г. Одессу отъ бандъ петлюровцевъ. Генералъ-маіоръ Гришинъ Алмазовъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ г. Одессы.

Высадка союзныхъ дессантовъ въ Одессѣ, а затѣмъ въ Крыму, и освобожденіе, по ихъ настоянію, г. Николаева отъ петлюровскихъ бандъ германскими войсками, поставили передъ украинской Директоріей вопросъ объ отношеніяхъ ихъ къ союзникамъ. Это въ Директоріи вызвало расколъ; во главѣ партіи непримиримаго отношенія къ союзникамъ сталъ Винниченко, а за соглашеніе съ союзниками — Петлюра.

Крымъ, какъ самостоятельное государственное новообразованіе, началъ существовать съ приходомъ нѣмцевъ и изгнанія ими большевиковъ.

Образовавшееся правительство генерала Сулькевича опредѣленной политики не вело; подъ давленіемъ нѣмцевъ оно поддерживало мѣстные татарскіе элементы во вредъ русскому большинству. Образовавшійся татарскій парламентъ «Курултай» придерживался туркофильской оріентаціи.

Въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ была сдѣлана попытка объединиться съ Украиной; однако требованіе послѣдней о полномъ подчиненіи Крыма встрѣтило рѣзкій отказъ послѣдняго. Разрывъ съ Украиной привелъ къ таможенной войнѣ. Правительство Сулькевича, не пользовавшееся въ странѣ популярностью, пало съ оставленіемъ Крыма нѣмцами. Новое правительство, во главѣ съ С. С. Крымомъ, обратилось къ Командованію Добровольческой Арміи съ просьбой прислать войска для обезпеченія края, какъ отъ вторженія большевиковъ извнѣ, такъ и для огражденія отъ возможныхъ возстаній мѣстныхъ большевиковъ.

Просьба была исполнена и небольшіе отряды высажены въ Керчи и въ Севастополѣ.

Въ Крымъ былъ назначенъ особый Командующій войсками; ему было поручено объявить мобилизацію въ Крыму офицеровъ и приступить къ формированію мѣстныхъ добровольческихъ отрядовъ.

Съ Крымскимъ Правительствомъ установились вполнѣ согласованныя дѣйствія.

Донъ. Послѣ геройской, упорной, восьмимѣсячной борьбы, Донское казачество очистило отъ большевиковъ всю свою область и къ серединѣ декабря 1918 года были даже заняты южные уѣзды Саратовской и Воронежской губерній.

Съ выдвиженіемъ частей Добровольческой Арміи въ Донецкій бассейнъ возникъ вопросъ о необходимости образовать единый фронтъ въ направленіи на сѣверъ и, въ связи съ этимъ, осуществить идею единаго командованія.

Благодаря воздѣйствію на Атамана Донского Войска Начальника британской военной миссіи при Добровольческой Арміи генерала Пуль, генералъ Красновъ, наконецъ, согласился на подчиненіе Донской Арміи Главнокомандующему Добровольческой Арміи, и 26 декабря (8 января) 1919 года генералъ Деникинъ отдалъ приказъ, что, по соглашенію съ Атаманами Войскъ Донского и Кубанскаго, онъ вступилъ въ командованіе всѣми сухопутными и морскими силами, дѣйствующими на югѣ Россіи.

Терская область. Въ концѣ октября около пяти тысячъ казаковъ, не желавшихъ признать большевистскую власть, пройдя черезъ Кабарду, присоединились къ Добровольческой Арміи.

Къ концу декабря Терская область находилась еще подъ властью большевистскаго правительства, образовавшагося во Владикавказѣ; многіе раіоны области къ этому же времени находились въ полной анархіи, вытекавшей изъ сложныхъ взаимоотношеній между казаками и горцами.

Закавказье. Образовавшійся въ 1917 году въ Закавказьѣ высшій органъ власти — Закавказскій Сеймъ, не признавъ совѣтской власти и заключенный ею Брестскій договоръ, по которому къ Турціи должны были отойти Карская область и Батумскій округъ.

Для заключенія мира съ Турціей, 17 февраля (2 марта) 1918 года, въ Трапезондъ Сеймомъ была командирована делегація съ Чхенкели во главѣ.

Переговоры затянулись, и 28 марта (10 апрѣля) турки предъявили делегаціи Чхенкели ультиматумъ: признать Брестскій договоръ, или провозгласить отдѣленіе отъ Россіи, какъ основу для начала переговоровъ о перемиріи.

Первоначальное согласіе Чхенкели признать Брестскій договоръ вызвало расколъ въ Закавказскомъ Сеймѣ.

Послѣ этого, по иниціативѣ того же Чхенкели, сеймъ 1/14 апрѣля провозгласилъ Закавказье независимой федеративной республикой.

Провозглашеніе независимости Закавказья развязало руки Турціи, она отказалась признать Брестскій договоръ и предъявила новыя требованія. Она потребовала присоединенія къ ней половины Эриванской губерніи и частей Тифлисской и Кутаисской губерній. Въ подкрѣпленіе ультиматума турки двинули войска въ Закавказье.

Грузинское Правительство, заручившись согласіемъ Германіи обезпечить охрану своихъ границъ нѣмецкими войсками, объявило независимость Грузіи.

13/26 мая, по предложенію Грузинскаго Правительства, Закавказскій Сеймъ объявилъ себя распущеннымъ, и Закавказье распалось на три самостоятельныхъ республики: Грузію, Азербайджанъ и Арменію.

Грузія. 13/26 мая Грузія объявила себя самостоятельной соціалистической республикой подъ протекторатомъ Германіи.

Дѣятельность Грузинскаго Правительства, съ первыхъ же дней своего существованія, ознаменовалась преслѣдованіемъ всего русскаго. Все оставшееся имущество Кавказскаго фронта было объявлено собственностью Грузіи.

Гоненію подверглось, въ первую очередь, русское офицерство и русскіе чиновники. Былъ проведенъ законъ о принудительномъ гражданствѣ въ Грузіи.

Пользуясь поддержкою Германіи, Грузія заняла, противъ воли населенія, Абхазію и Сочинскій округъ Черноморской губерніи, откуда начался вывозъ продуктовъ въ Грузію и въ Германію.

Азербайджанъ. Азербайджанская республика занимала Елисаветпольскую губернію, Бакинское градоначальство и Закатальскій округъ.

Съ распаденіемъ общаго Закавказскаго Правительства власть перешла въ Азербайджанской республикѣ къ національному мусульманскому Совѣту, выдѣлившему изъ своего состава правительство изъ партіи «Муссаватъ» (буржуазно-умѣренная, туркофильскаго направленія) во главѣ съ ханомъ Хойскимъ.

Съ углубленіемъ турокъ въ Закавказье оно потеряло свое значеніе и власть въ странѣ, фактически перешла къ турецкому Командованію въ Елисаветполѣ.

Армения. Несмотря на окупацію Арменіи турками, она неизмѣнно стремилась сохранить вѣрность Россіи и имѣла своего представителя при Добровольческой Арміи.

Сибирь. На государственномъ совѣщаніи въ Уфѣ, съ 26 августа по 23 сентября (8 сентября по 6 октября), въ которомъ участвовали представители всѣхъ восточныхъ частей Россіи, освобожденныхъ отъ власти большевиковъ, членами Учредительнаго Собранія 1917 года и представителями различныхъ политическихъ партій и организацій, — было избрано и назначено Всероссійское Правительство. Въ составъ провозглашенной Директоріи вошли: Н. И. Астровъ, Н. Д. Авксентьевъ, генералъ Болдыревъ, П. В. Вологодскій и Н. В. Чайковскій *.

---

* Н. И. Астровъ въ Сибирь не ѣздилъ, а прибывъ въ Екатеринодаръ, вошелъ въ составъ Особаго Совѣщанія при генералѣ Деникинѣ. Н. В. Чайковскій былъ потомъ въ составѣ сѣвернаго правительства при генералѣ Миллерѣ.

Замѣстителями имъ были выбраны: В. А. Аргуновъ, М. В. Алексѣевъ, В. В. Сапожниковъ, В. М. Зензиновъ и В. А. Виноградовъ.

18 ноября (1 декабря) нами было получено извѣстіе отъ русскаго посла въ Аѳинахъ о происшедшемъ государственномъ переворотѣ въ Омскѣ. Директорія была распущена, и вся полнота Верховной власти перешла къ адмиралу Колчаку.

* *
*

Въ серединѣ декабря 1918 года Командованіе Добровольческой Арміи ставило себѣ первой задачей очистить отъ большевиковъ сѣверный Кавказъ и Ставропольскую губернію. Представлялось необходимымъ, прежде всего установить въ этомъ краѣ полный порядокъ и нормальныя условія жизни.

Обезпечивъ себѣ, такимъ образомъ, тылъ и получивъ въ этомъ раіонѣ, вмѣстѣ съ Кубанской и Донской областями, богатѣйшую продовольственную базу, какъ для арміи, такъ и для голодающихъ раіоновъ центральной Россіи, было рѣшено приступить къ операціямъ для освобожденія отъ большевиковъ Европейской Россіи.

Командованіе Добровольческой Арміи всегда считало, что освобожденіе Россіи отъ большевиковъ должно быть сдѣлано русскими руками, при помощи исключительно русской вооруженной силы.

Участіе военной силы союзниковъ признавалось крайне желательнымъ лишь для поддержанія порядка на той территоріи юга и юго-запада Россіи, которая будетъ очищена отъ большевиковъ русскими военными силами и будетъ предназначена для формированія русской арміи.

Считалось, что занятіе на территоріи юга и юго-запада Россіи главнѣйшихъ центровъ вооруженными силами Союзныхъ Державъ дало бы возможность, имѣвшимся въ распоряженіи Командованія Добровольческой Арміи силами, обезпечить эту территорію отъ покушеній большевиковъ извнѣ, а на ней спокойно произвести мобилизацію и формированіе новой арміи. Присутствіе союзныхъ вооруженныхъ силъ должно было ускорить возстановленіе нормальной и спокойной жизни, а также работу торгово-промышленнаго аппарата.

Командованіе Добровольческой Арміи разсчитывало, что, при полученіи отъ союзниковъ необходимой матеріальной части въ теченіе января и февраля 1919 года, и при обезпеченіи ими, при помощи своихъ вооруженныхъ силъ, порядка и спокойствія въ тылу Добровольческой Арміи, формированіе и организацію новой арміи можно закончить къ маю мѣсяцу 1919 года и затѣмъ приступить, въ полномъ согласіи съ адмираломъ Колчакомъ, къ послѣдовательному очищенію Россіи отъ большевиковъ.

* *
*

Въ серединѣ декабря начались крупные успѣхи на Терскомъ фронтѣ Добровольческой Арміи.

Послѣ ряда блестящихъ побѣдъ была захвачена желѣзнодорожная линія Святой Крестъ—Георгіевскъ. 7/20 января 1919 года была занята группа Минеральныхъ водъ.

Ударъ, нанесенный по важнѣйшимъ коммуникаціоннымъ сообщеніямъ противника, привелъ къ полному разгрому его арміи. Она разбилась на отдѣльныя группы, лишенныя единства командованія и связи между собой.

Большая часть разстроенныхъ большевистскихъ частей бросилась на юго-востокъ вдоль желѣзной дороги на Владикавказъ, гдѣ была встрѣчена терскими войсками генералъ-маіора Колесникова *.

Одновременно колонна англичанъ, высадившаяся въ Петровскѣ, была направлена вдоль желѣзной дороги на Грозный, который большевики начали эвакуировать.

26 января (8 февраля) былъ занятъ войсками Добровольческой Арміи Владикавказъ и Грозный и, фактически, закончилось очищеніе отъ большевиковъ сѣвернаго Кавказа.

Въ связи съ очищеніемъ отъ большевиковъ сѣвернаго Кавказа, памѣчавшейся переброской частей Добровольческой Арміи въ Малороссію и распространеніемъ вліянія на Западъ, было предположено Ставку и Центральныя управленія перевести въ февралѣ мѣсяцѣ въ Севастополь.

Этотъ переводъ признавался желательнымъ и по внутреннимъ политическимъ соображеніямъ. Нахожденіе Ставки и центральныхъ управленій Добровольческой Арміи въ Екатеринодарѣ создавало все болѣе и болѣе тяжелую атмосферу въ отношеніяхъ съ Кубанскими политическими дѣятелями.

Была увѣренность, что, при переходѣ на не казачью территорію, повседневныя мелкія дрязги и недоразумѣнія отпадутъ и отношенія наладятся.

Но, съ одной стороны, встрѣтился совершенно неожиданный протестъ противъ перехода Ставки въ Севастополь со стороны французскаго Командованія, а съ другой стороны, что главнымъ образомъ и измѣнило первоначальное намѣреніе, этому помѣшали событія на фронтѣ.

На Донецкомъ фронтѣ неудачи начались еще въ серединѣ (концѣ) декабря 1918 года, когда, послѣ ряда серьезныхъ боевъ, Донцамъ пришлось очистить почти полностью занятые ими раньше уѣзды Воронежской и Саратовской губерній.

Въ теченіе января неуспѣхи на Донскомъ фронтѣ продолжались, и Донцы, подъ давленіемъ большевиковъ, отошли на своемъ сѣверномъ и восточномъ участкѣ фронта, а также очистили ст. Миллерово и г. Бахмутъ.

Собравшійся въ Новочеркасскѣ Большой Войсковой Кругъ выразилъ недовѣріе Командующему Донской Арміи, и Войсковой Атаманъ, генералъ Красновъ, считая, что этимъ выражается недовѣріе и ему, подалъ 1/14 февраля въ отставку.

6/19 февраля Донскимъ Атаманомъ былъ выбранъ генералъ Богаевскій.

Въ теченіе февраля и марта усиленные бои продолжались по всему фронту Донской Арміи, которая постепенно отходила къ югу, и на фронтѣ частей Добровольческой Арміи въ Донецкомъ угольномъ бассейнѣ, которымъ большевики стремились овладѣть.

Угольный Донецкій бассейнъ частямъ Добровольческой Арміи удалось отстоять; Донцы же, къ концу марта, принуждены были отойти къ переправамъ на р. Маныčѣ.

Большевистское Командованіе, сумѣвшее къ этому времени создать значительную по численности армію, одновременно съ направленіемъ главныхъ силъ

---

* Войска генералъ-маіора Колесникова, оперировавшія въ раіонѣ Петровска и къ югу отъ Кизляра и Грознаго, состояли изъ бывшаго отряда полковника Бичерахова и различныхъ мѣстныхъ, терскихъ и туземныхъ, формированій. Генералъ Колесниковъ, еще до соединенія съ Добровольческой арміей, прислалъ донесеніе, что онъ съ отрядомъ считаетъ себя подчиненнымъ генералу Деникину.

противъ казачества и Добровольческой Арміи, повело наступленіе отъ Екатеринослава и Харькова на Крымъ и приступило къ очищенію правобережной Малороссіи отъ Петлюровскихъ бандъ.

Ошибочная политика французскаго Командованія въ Одессѣ, не допустившаго Командованіе Добровольческой Арміи создать въ раіонѣ Одессы прочную армію, привело къ тому, что, ко времени наступленія большевиковъ на Херсонъ и Одессу, въ этой зонѣ, кромѣ французскихъ и греческихъ войскъ, была только слабая по численности русская бригада генерала Тимановскаго.

При наступленіи большевиковъ на Украину, Украинская Директорія объявила войну Совѣтской Россіи и, черезъ командированнаго въ Одессу генерала Грекова, вступила въ переговоры съ французскимъ Командованіемъ.

Послѣднее, запутавшееся въ сложной политической обстановкѣ въ Одессѣ, повѣрило заявленію Директоріи (находившейся въ то время въ Виницѣ), что она, опираясь на довѣріе къ ней крестьянства, выставитъ пятисотъ-тысячную армію. Но Директорія ничего серьезнаго создать не могла и выставленное ею ополченіе, почти безъ сопротивленія, отходило передъ войсками Совѣтскаго Правительства.

26 февраля (11 марта) большевики атаковали французскія войска у города Херсона.

Французы и небольшой греческій отрядъ очистили Херсонъ и Николаевъ и на транспортахъ отошли къ Одессѣ.

Директорія переѣхала въ Тарнополь.

Неудача подъ Херсономъ, при который союзники потеряли 400 человѣкъ (въ томъ числѣ 14 офицеровъ), произвела тяжелое впечатлѣніе на французское Командованіе.

Къ этому времени въ Одесскомъ раіонѣ находилось:

а) Части вооруженныхъ силъ юга Россіи: бригада генерала Тимановскаго 3350 штыковъ, 1600 сабель, 18 легкихъ орудій, 8 гаубицъ и 6 броневыхъ машинъ.

б) Союзныя войска: двѣ французскихъ, двѣ греческихъ и часть румынской дивизіи, всего 30—35 тысячъ штыковъ и шашекъ.

Противъ этихъ силъ, со стороны большевиковъ, дѣйствовало два совѣтскихъ полка мѣстнаго формированія и рядъ наскоро организованныхъ отрядовъ, всего не болѣе 15 тысячъ штыковъ и шашекъ.

Послѣ занятія большевиками Херсона, вслѣдствіе неудачныхъ дѣйствій мѣстнаго французскаго Командованія, большевики одержали рядъ частныхъ успѣховъ, несмотря на численное превосходство войскъ союзниковъ.

Опасаясь потерь и, повидимому, не вполнѣ увѣренное въ устойчивости своихъ войскъ, французское Командованіе рѣшило, по опыту Салоникскаго укрѣпленнаго раіона, создать въ Одесскомъ раіонѣ «укрѣпленный лагерь». 15/28 марта было приступлено къ инженернымъ работамъ.

До 20 марта (2 апрѣля) не было абсолютно никакихъ признаковъ, которые могли бы указать на возможность экстренной эвакуаціи союзныхъ войскъ изъ Одесскаго раіона.

Вечеромъ 20 марта (2 апрѣля) французское Командованіе въ Одессѣ получило директивы изъ Парижа и 21 марта (3 апрѣля) заявило Начальнику штаба русскихъ войскъ въ Одесской зонѣ, что отъ г. Пишона получена телеграмма о вывозѣ всѣхъ войскъ изъ предѣловъ Россіи въ трехдневный срокъ.

Генералъ Д'Ансельмъ, командовавшій союзными войсками въ южной Россіи, приказалъ закончить эвакуацію Одессы въ 48 часовъ.

Эвакуація, какъ русскихъ учрежденій, бывшихъ въ Одессѣ и гражданскаго населенія, а также французскихъ войскъ, началась 21 марта (3 апрѣля) и носила сумбурный, паническій характеръ.

23 марта (5 апрѣля) въ Одессѣ уже хозяйничалъ мѣстный Совѣтъ рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ.

Послѣдніе французскіе суда покинули рейдъ Одессы 26 марта (8 апрѣля); такимъ образомъ закончить эвакуацію въ 48-мичасовой срокъ, естественно, оказалось невозможнымъ.

Назначенный чрезмѣрно короткій срокъ эвакуаціи Одессы отнюдь не вызывался обстановкой — ни военной, ни политической, и могъ быть смѣло увеличенъ до недѣли, въ теченіе которой, при спокойныхъ и надлежащихъ распоряженіяхъ, можно было бы упорядочить эвакуацію, вывезти всѣхъ бѣженцевъ и наиболѣе цѣнное имущество.

При этой же эвакуаціи, носившей характеръ паническаго, постыднаго бѣгства, тяжко пострадало лояльное населеніе города и въ особенности семьи чиновъ Добровольческой Арміи.

Брошенныя на произволъ судьбы, потерявъ послѣднее свое достояніе, они, въ небольшомъ лишь числѣ, голодные и нищіе, спаслись на транспортахъ. Большая же часть ихъ была брошена и обречена на всѣ ужасы большевистскаго насилія.

Бригада генерала Тимановскаго принуждена была отойти въ Румынію, гдѣ по распоряженію французскихъ властей, была обезоружена и затѣмъ, испытавъ массу униженій и оскорбленій, была на транспортахъ доставлена въ Новороссійскъ.

Изъ англійскихъ источниковъ мы впослѣдствіи получили свѣдѣнія, что эвакуація Одессы, вопреки мнѣнію англичанъ, послѣдовала по постановленію Совѣта «Десяти» въ Парижѣ, на основаніи донесеній генерала д'Ансельма и полковника Фрейденберга (начальникъ штаба при генералѣ д'Ансельмѣ) о катастрофическомъ продовольственномъ положеніи и «прекрасномъ» состояніи большевистскихъ войскъ.

* *
*

Еще въ концѣ декабря 1918 года небольшія части Добровольческой Арміи были выдвинуты на сѣверъ Таврической губерніи для прикрытія сѣверныхъ уѣздовъ Тавріи, сохраненіе которыхъ за ними представлялось крайне важнымъ, такъ какъ въ нихъ имѣлись богатые продовольственные запасы.

Съ оставленіемъ союзными войсками Херсона и Николаева, положеніе частей вооруженныхъ силъ юга Россіи, дѣйствовавшихъ въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ Тавріи и защищавшихъ Крымскій полуостровъ, стало крайне тяжелымъ. На лѣвомъ берегу нижней части Днѣпра появились регулярныя совѣтскія войска, и бывшія въ этомъ раіонѣ разрозненныя грабительскія банды начали принимать правильную организацію; украинскія войска Атамана Григорьева перешли на сторону большевиковъ.

Подъ давленіемъ превосходныхъ силъ противника, слабыя части Крымско-Азовской Добровольческой Арміи принуждены были отойти на Крымскій полуостровъ.

Прорывъ нашего фронта у Перекопа и десантъ противника, произведенный со стороны Геническа, заставилъ части арміи продолжать отходъ, и къ 1/14 апрѣля они заняли у Ѳеодосіи Акманайскую позицію, фланги которой обезпечивались огнемъ судовой артиллеріи русскихъ, французскихъ и британскихъ кораблей.

Непрочность положенія въ Крыму сознавалась и прибывшимъ въ Севастополь 13/26 марта генераломъ Франше д'Эспере, который тогда указалъ, что надо постараться продержаться въ теченіе двухъ недѣль, послѣ чего французами будетъ оказана помощь.

Гарнизонъ Севастополя состоялъ изъ двухъ батальоновъ 175-го пѣхотнаго французскаго полка, одного батальона грековъ, двухъ батарей и небольшого числа вспомогательныхъ французскихъ войскъ; на берегу находился экипажъ сѣвшаго на мель французскаго корабля «Мирабо». На рейдѣ были французскія, британскія и греческія суда.

Со дня на день ожидалось прибытіе колоніальныхъ французскихъ войскъ.

Французское Командованіе заявило, что Севастополь имъ оставленъ не будетъ.

30 марта (12 апрѣля) прибыло 2000 алжирцевъ, а 1/14 апрѣля столько же сенегальцевъ.

Командовалъ всѣми союзными частями французской службы полковникъ Труссонъ.

30 марта (12 апрѣля) полковникъ Труссонъ и адмиралъ Аметъ предложили коменданту крѣпости генералу Субботину и командующему русскимъ флотомъ адмиралу Саблину отдать распоряженіе, чтобы всѣ добровольцы, находящіеся въ Севастополѣ и всѣ учрежденія Добровольческой Арміи немедленно покинули Севастополь.

Эвакуація гражданскаго населенія началась еще 20 марта (2 апрѣля).

Около 2-хъ часовъ ночи со 2/15 на 3/16 апрѣля адмиралъ Аметъ потребовалъ, чтобы всѣ суда, которыя предположено было увести въ Новороссійскъ, вышли въ море въ теченіе ночи и утра 3/16 апрѣля.

Днемъ 3/16 апрѣля ушелъ изъ Севастополя послѣдній русскій пароходъ «Георгій», на которомъ былъ штабъ крѣпости, и крейсеръ «Кагулъ» подъ флагомъ Командующаго флотомъ.

Послѣ этого французы заключили съ большевиками недѣльное перемиріе, въ теченіе котораго закончили снятіе съ мели корабля «Мирабо», и затѣмъ оставили Севастополь.

* *
*

Въ связи съ неудачами на фронтѣ начались волненія въ Сочинскомъ округѣ Черноморской губерніи, а 4/17 апрѣля и грузинскія войска перешли р. Бзыбь.

Главнокомандующій англійскими силами генералъ Мильнъ пригрозилъ грузинскому правительству, что если наступленіе не будетъ прекращено, то онъ пошлетъ британскія войска. Инцидентъ былъ ликвидированъ.

* *
*

Въ этотъ тяжелый для вооруженныхъ силъ юга Россіи періодъ положеніе на главномъ фронтѣ было спасено благодаря тому, что весь сѣверный Кавказъ

былъ очищенъ отъ большевиковъ, и явилась возможность освободившіяся части Добровольческой Арміи, Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ сосредоточить къ угрожаемымъ раіонамъ.

Большевики, къ апрѣлю мѣсяцу, сломивъ сопротивленіе Донскихъ частей, подошли къ Манычу.

Это направленіе наступленія большевиковъ, грозившее разрѣзать на двѣ части вооруженныя силы юга Россіи, было наиболѣе опасно.

Генералъ Деникинъ все, что только было возможно, сосредоточилъ на этомъ направленіи.

Положеніе было настолько серьезно, что въ Екатеринодарѣ, какъ общій резервъ, было приказано сформировать изъ тыловыхъ учрежденій офицерскій отрядъ, къ которому должны были быть приданы недавно передъ тѣмъ привезенные англичанами танки.

Группа войскъ, сосредоточенная на Манычѣ, подъ начальствомъ генерала барона Врангеля, и подъ непосредственнымъ руководствомъ генерала Деникина, должна была рѣшить участь всей операціи.

Послѣ ряда ожесточенныхъ боевъ, преимущественно кавалерійскихъ, генералу Врангелю удалось 7/20 мая сломить противника, который сталъ отходить.

Явилась возможность усилить части, дѣйствовавшія въ Донецкомъ угольномъ раіонѣ.

* *
*

Въ серединѣ (концѣ) декабря 1918 года въ Батумѣ высадилась англійская дивизія подъ начальствомъ генерала Форестье Іокера, продвинувшаяся до Тифлиса.

Бакинскій раіонъ былъ занятъ англійскимъ отрядомъ подъ начальствомъ генерала Томсона, подчиненнымъ генералу Форестье Іокеру.

Въ Батумскую область, въ качествѣ генералъ-губернатора былъ назначенъ британскій генералъ Кукъ-Коллисъ.

Отношеніе этихъ начальствующихъ лицъ къ вооруженнымъ силамъ юга Россіи было различное:

Въ Баку нашъ представитель встрѣтилъ сначала къ себѣ самое корректное отношеніе, и получалось впечатлѣніе, что съ русскими интересами въ Бакинскомъ раіонѣ англичане считаться будутъ.

Въ Тифлисѣ, генералъ Форестье Іокеръ, съ самаго начала своего тамъ пребыванія, сталъ опредѣленно на сторону грузинскаго правительства, поддерживая его въ разногласіи съ Командованіемъ вооруженныхъ силъ юга Россіи изъ-за Сочинскаго округа.

Въ Батумской области, при генералъ-губернаторѣ, для управленія областью былъ образованъ «Совѣтъ» въ составѣ девяти лицъ.

Права вооруженныхъ силъ юга Россіи на Батумскую область англичанами совершенно не признавались, и ясно было, что они, оккупировавъ область, впредь до выясненія въ будущемъ вопроса о ея судьбѣ Державами Согласія, считаютъ только себя хозяевами въ ней.

Получалось отчетливое впечатлѣніе, что англичане собираются въ Закавказьѣ вести особую политику, поддерживая отдѣленіе отъ Россіи образовавшихся

тамъ республикъ, а Батумъ, какъ вывозной портъ для нефти, насколько возможно сохранить въ своихъ рукахъ.

* *
*

Весенній періодъ 1919 года ознаменовался не только крупными военными неудачами на фронтѣ вооруженныхъ силъ юга Россіи, но и полнымъ разочарованіемъ въ размѣрахъ той помощи, которую мы ожидали отъ союзниковъ, основываясь на заявленіяхъ ихъ представителей при арміи.

Несмотря на рядъ телеграммъ, посылавшихся въ Англію военнымъ представителемъ Британіи, генераломъ Пуль, транспорты съ обѣщаннымъ матеріаломъ и вооруженіемъ не приходили.

3/16 февраля 1919 года прибылъ генералъ Бригсъ, замѣнившій генерала Пуль.

6/19 февраля прибылъ въ Новороссійскъ первый транспортъ съ вооруженіемъ, снаряженіемъ, одеждой и другимъ снабженіемъ; вслѣдъ за этимъ транспортомъ должны были придти другіе и доставить все необходимое по расчету на 250-тысячную армію.

Еще въ ноябрѣ 1918 года, согласно заявленію, сдѣланнаго генераломъ Бертело (былъ главнокомандующимъ арміями союзниковъ въ Румыніи, Трансильваніи и на югѣ Россіи) генералу Щербачеву (былъ военнымъ представителемъ генерала Деникина сначала въ Румыніи, а затѣмъ адмирала Колчака и генерала Деникина въ Парижѣ) для занятія важныхъ центровъ па югѣ Россіи было предположено двинуть двѣнадцать дивизій союзныхъ войскъ (французскихъ и греческихъ).

Присылка союзныхъ войскъ въ Одессу и Крымъ разматривавалась, какъ начало приведенія въ исполненіе намѣченнаго плана.

Послѣ же эвакуаціи Одессы и Крыма стало ясно, что на новую присылку союзныхъ войскъ мы разсчитывать не можемъ.

Намѣченный первоначально планъ спокойнаго формированія арміи въ раіонахъ, обезпеченныхъ союзными войсками и прикрытыхъ со стороны большевиковъ вооруженными силами юга Россіи, рухнулъ.

Послѣ пріѣзда въ Екатеринодаръ Главнокомандующаго британскими войсками на ближнемъ Востокѣ, генерала Мильна*, стало ясно, что помощь союзниковъ ограничится присылкой снабженія для арміи и моральной поддержкой.

Размѣръ снабженія по расчету на 250-тысячную армію, на первый взглядъ, казался достаточнымъ, но если принять во вниманіе, что это снабженіе должно было прибывать постепенно, на протяженіи долгаго времени, то, при громадной убыли въ арміи (ранеными, убитыми, плѣнными и дезертирами), ясно было, какъ это впослѣдствіи и подтвердилось, что нѣкоторыхъ категорій снабженія, особенно обмундированія, должно было не хватить.

Передъ Командованіемъ вооруженныхъ силъ Юга Россіи стала задача, выполнить тотъ же планъ по освобожденію отъ большевиковъ Россіи, но въ несравненно болѣе трудныхъ условіяхъ, чѣмъ это намѣчалось первоначально.

Положеніе затруднялось еще тѣмъ, что съ потерей Одессы, сѣвернаго побережья Чернаго моря и Крыма, и невозможности разсчитывать на скорое возвращеніе обратно оставленныхъ раіоновъ, утрачивалась надежда на скорое

* Весной 1919 г.

возстановленіе нормальной торгово-промышленной жизни края, а вмѣстѣ съ этимъ терялась возможность получить отъ союзниковъ кредитъ, безъ котораго являлось почти непреоборимымъ препятствіемъ возсоздать и наладить нормальную жизнь на Югѣ Россіи.

* *
*

Одесская Добровольческая Бригада генерала Тимановскаго, отошедшая въ Румынію при оставленіи Одессы французами, стала прибывать на судахъ въ Новороссійскъ 21 апрѣля (4 мая).

Въ результатѣ своихъ мытарствъ, прибывшія части бригады не имѣли ни одной лошади, ни одной походной кухни, ни одной повозки, ни одной палатки.

Артиллерія представляла только одинъ личный составъ.

Люди 2 мѣсяца не были въ банѣ и многіе 2 мѣсяца не мѣняли бѣлья.

Вообще видъ людей былъ самый жалкій, ободранный.

Надо сказать правду — прибытіе въ такомъ видѣ бригады, работавшей подъ Одессой совмѣстно съ французами, отошедшей по ихъ же требованію въ Румынію и тамъ разоруженной, произвело удручающее впечатлѣніе и вызвало взрывъ негодованія противъ французовъ.

* *
*

Къ маю вся Малороссія снова превратилась въ театръ гражданской войны. Въ ней боролись самыя разнообразныя теченія, объединенныя лишь общей ненавистью къ совѣтской власти и къ установленному ею режиму. Наиболѣе крупными возстаніями противъ совѣтской власти руководили на югѣ Малороссіи Григорьевъ (первоначально ставшій на сторону совѣтской власти) и Махно.

Возстанія въ Екатеринославской губерніи облегчили боевую работу Добровольческой Арміи въ Донецкомъ каменноугольномъ бассейнѣ.

Появленіе, въ первыхъ числахъ мая, въ этомъ раіонѣ танковъ произвело ошеломляющее впечатлѣніе на дрогнувшія совѣтскія войска.

Въ общемъ, періодъ съ 21 апрѣля (4 мая) по 15/28 мая ознаменовался полнымъ разгромомъ красныхъ на р. Манычъ и въ каменноугольномъ Донецкомъ раіонѣ.

Кавказская Армія, подъ начальствомъ генерала Врангеля, одержала рядъ серьезныхъ успѣховъ на Царицынскомъ направленіи.

Послѣ 15/28 мая боевые успѣхи продолжали развиваться на всѣхъ фронтахъ армій юга Россіи.

Преслѣдуя разбитаго на линіи Манычскихъ озеръ противника, части Кавказкой Арміи къ 31 мая (12 іюня) подошли къ самому городу Царицыну.

Послѣ упорныхъ боевъ, 17/30 іюня, заранѣе укрѣпленная красными позиція была взята, и г. Царицынъ былъ занятъ арміей генерала Врангеля.

На фронтѣ Донской Арміи, Донцы вошли въ связь съ возставшими казаками Верхне-Донского округа, а къ 15/28 іюня очистили отъ большевиковъ всю свою область.

Къ этому же времени были очищены отъ большевиковъ большая часть губерній Харьковской (Харьковъ былъ нами занятъ 11/24 іюня) и Екатеринославской, и почти вся территорія Крыма.

Развивая достигнутые успѣхи, наши части вступили въ предѣлы Саратовской, Тамбовской, Воронежской и Полтавской губерній.

Столь успѣшному продвиженію нашихъ войскъ, въ значительной степени, способствовала начавшаяся деморализація совѣтскихъ войскъ.

Получалось впечатлѣніе, что сопротивленіе большевиковъ окончательно сломлено и что они не въ силахъ сдерживать наступленіе нашихъ войскъ на сѣверъ.

Но главнокомандующій и его штабъ отлично понимали, что наше положеніе недостаточно прочно, такъ какъ фронтъ Добровольческой Арміи страшно растянулся, вездѣ былъ слабъ и не было свободныхъ резервовъ.

Съ одной стороны, нужно было остановиться, пополнить убыль въ рядахъ, образовать резервы, привести въ порядокъ тылъ; но, съ другой стороны, рискованно было давать противнику передышку, являлся соблазнъ развивать успѣхъ, не давать оправиться разстроеннымъ частямъ войскъ совѣтскаго правительства.

Послѣ занятія Харькова и Царицына, для развитія дальнѣйшихъ операцій, можно было поступить двояко:

Перейдя къ оборонѣ у Царицына, взять изъ состава Кавказской Арміи генерала Врангеля все, что только возможно (считали, что можно взять 3½—4 конныхъ дивизіи), перевезти ихъ на Харьковскій фронтъ и развивать наступленіе по кратчайшему направленію на Москву. Или же, перейдя къ оборонѣ на Харьково—Московскомъ направленіи, развивать операціи отъ Царицына на Саратовъ, съ цѣлью занятія этого важнаго пункта а затѣмъ уже, съ юга и юго-востока, перейти въ наступленіе на Москву.

Первое рѣшеніе, по мнѣнію нѣкоторыхъ, сулило болѣе быстрое занятіе Москвы и скорѣйшее завершеніе борьбы.

Другіе же считали, что лучше принять второе рѣшеніе, которое дастъ возможность оказать болѣе дѣйствительную помощь арміямъ адмирала Колчака и, кромѣ того, дастъ возможность пополнить и привести въ порядокъ Добровольческую Армію, которая, когда обстановка потребуетъ, перейдетъ въ наступленіе на Москву съ юга.

Генералъ Деникинъ приказалъ командующему Кавказкой Арміей, генералу Врангелю, начать операціи въ направленіи на Саратовъ.

Командующему Добровольческой Арміей, генералу Май-Маевскому, приказано было, не зарываясь впередъ, продвинуть къ сѣверу и западу авангарды для надежнаго прикрытія Харьковскаго раіона и принять самыя энергичныя мѣры для пополненія арміи и для устройства ея тыла.

* *
*

Несмотря на благопріятное развитіе военныхъ операцій на всѣхъ фронтахъ армій юга Россіи, внутреннее политическое состояніе, къ 1/14 іюня, приняло крайне тревожное положеніе.

По мѣрѣ отдаленія большевистской опасности, политическіе дѣятели казачьихъ областей стали проявлять все большее и большее стремленіе отдѣлаться отъ какого бы то ни было вмѣшательства генерала Деникина и состоящихъ при немъ органовъ власти въ государственную жизнь казачьихъ областей.

Затѣмъ политическіе дѣятели казачьихъ областей указывали, что такъ какъ казачество въ рядахъ вооруженныхъ силъ юга Россіи является по численности главной силой, на которую опирается главное командованіе, то казачество не

только имѣетъ право, но должно принимать непосредственное участіе въ государственномъ строительствѣ въ освобождаемыхъ отъ большевиковъ раіонахъ Россіи.

Будучи совершенно не согласными съ конструкціей власти, установленной генераломъ Деникинымъ, и отрицая правильность назначенія министровъ (начальниковъ управленій) единоличной властью главнокомандующаго, они продолжали настаивать на созданіи Юго-Восточнаго союза, со включеніемъ въ него и Кавказскихъ государственныхъ новообразованій.

Добровольческая же армія, по ихъ мнѣнію, могла войти въ составъ союза лишь какъ равноправный членъ.

При этихъ условіяхъ значеніе главнаго командованія Добровольческой Арміи совершенно обезличивалось бы и являлось серьезное опасеніе, что цѣли и идеи борьбы съ большевиками, по возсозданію Единой Великой Россіи, провозглашенные адмираломъ Колчакомъ и генераломъ Деникинымъ, будутъ совершенно извращены.

Генералъ Деникинъ, не отрицая необходимости договориться съ казачествомъ и устранить всѣ тренія, не соглашался на разрѣшеніе вопроса въ томъ видѣ, какъ предлагали представители казачества, и отношенія между ними и Главнымъ Командованіемъ все болѣе и болѣе портились. Не возражали представители казачества лишь противъ полнаго подчиненія казачьихъ войскъ генералу Деникину въ оперативномъ отношеніи. Но и здѣсь чувствовалась возможность, въ будущемъ серьезныхъ недоразумѣній: среди политическихъ дѣятелей казачества было много такихъ, которые свои личные и мѣстные интересы ставили выше интересовъ государственныхъ, и которые не возражали противъ полнаго подчиненія казачьихъ воинскихъ силъ генералу Деникину только вслѣдствіе того, что знали, что весь казачій командный составъ будетъ подчиняться генералу Деникину и что этотъ вопросъ открыто они ставить не могутъ.

Эти господа начали агитацію и пропаганду въ казачьихъ войскахъ и пытались проводить мысль, что казачество должно вести борьбу съ большевиками лишь до полнаго освобожденія казачьихъ областей и обезпеченія ихъ отъ посягательствъ со стороны совѣтской власти.

Особое неудовольствіе и даже ненависть политическихъ дѣятелей казачьихъ войскъ были направлены противъ «Особаго Совѣщанія» (Правительства), состоявшаго при генералѣ Деникинѣ и проводившаго въ жизнь программу имъ провозглашенную.

Интересно отмѣтить, что этими лицами «Особое Совѣщаніе» никогда, гласно, не отождествлялось съ генераломъ Деникинымъ, какъ будто это былъ какой-то совершенно обособленный зловредный органъ, проводившій свою, а не генерала Деникина, политику.

Но это понятно. Большинство изъ этихъ «политиковъ» были мелкіе мѣстные дѣятели, не отличавшіеся достаточнымъ гражданскимъ мужествомъ, и не смѣвшіе вступить въ открытую борьбу съ генераломъ Деникинымъ, за которымъ стояла не только Добровольческая Армія, но и казачьи войска.

Зато «Особое Совѣщаніе» и его отдѣльные члены мѣшались съ грязью, и противъ нихъ велась открытая и непримиримая борьба, какъ путемъ выступленія въ казачьихъ законодательныхъ учрежденіяхъ такъ и пропагандой въ раіонахъ казачьихъ областей.

Особенно старались представители, такъ называемыхъ, «самостійныхъ» круговъ Кубанскаго Казачьяго Войска.

Серьезность создавшагося положенія въ тылу борющихся за освобожденіе Россіи арміи не могло не безпокоить Главное Командованіе.

Прибывшая къ этому времени (25 мая/7 іюня) изъ Парижа делегація отъ политическаго Совѣщанія, въ составѣ генерала Щербачева, Аджемова и Вырубова, освѣтила положеніе русскаго вопроса на мирной конференціи въ смыслѣ признанія единаго Всероссійскаго Правительства въ лицѣ Верховнаго правителя адмирала Колчака, въ случаѣ признанія его всѣми борющимися противъ большевиковъ въ Россіи силами.

Подобное признаніе несомнѣнно повліяло бы на отношеніе Правительствъ Державъ Согласія къ домогательствамъ отдѣльныхъ государственныхъ новообразованій — въ отрицательную для нихъ сторону и, тѣмъ самымъ, вырвало бы почву изъ-подъ ихъ ногъ.

Генералъ Деникинъ рѣшилъ признать власть адмирала Колчака, и 30 мая (12 іюня) отдалъ слѣдующій приказъ:

«Безмѣрными подвигами Добровольческой Арміи, Кубанскихъ, Донскихъ и Терскихъ казаковъ и Горскихъ народовъ освобожденъ югъ Россіи, и русскія арміи неудержимо движутся впередъ къ сердцу Россіи.

Съ замираніемъ сердца весь русскій народъ слѣдитъ за успѣхомъ русскихъ армій, съ вѣрой, надеждой и любовью.

Но наряду съ боевыми успѣхами, въ глубокомъ тылу, зрѣетъ предательство на почвѣ личныхъ честолюбій, не останавливающихся передъ расчлененіемъ Великой, Единой Россіи.

Спасеніе нашей Родины заключается въ единой Верховной власти и нераздѣльномъ съ нею единомъ Верховномъ Командованіи.

Исходя изъ этого глубокаго убѣжденія, отдавая свою жизнь служенію горячо любимой Родинѣ и ставя превыше всего ея счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку, какъ Верховному Правителю Русскаго Государства и Верховному Главнокомандующему Русскихъ Армій.

Да благословитъ Господь его крестный путь и да даруетъ спасеніе Россіи».

Къ сожалѣнію, начавшіяся неудачи на Сибирскомъ фронтѣ анулировали значеніе этого приказа.

* *
*

Военный представитель Великобританскаго Правительства при генералѣ Деникинѣ генералъ Бригсъ былъ замѣненъ генераломъ Хольманомъ.

Мы всѣ были крайне огорчены отъѣздомъ генерала Бригса, показавшаго себя искреннимъ другомъ Россіи и помогавшаго вооруженнымъ силамъ юга Россіи всѣмъ, чѣмъ онъ могъ.

На прощальномъ обѣдѣ, данномъ въ честь генерала Бригса 30 мая (12 іюня), онъ, между прочимъ, сказалъ: «Здѣсь въ Екатеринодарѣ творится великое дѣло. Дѣла на всѣхъ фронтахъ блестящи. Не то въ тылу. Здѣсь мелкіе политиканы занимаются мелкими интригами, въ то время, какъ необходимо единство...

..... Я надѣюсь, что смогу принести Добровольческой Арміи въ Лондонѣ большую пользу, чѣмъ я могъ бы сдѣлать, оставаясь въ Екатеринодарѣ».

Генералъ Хольманъ привезъ генералу Деникину письмо отъ военнаго министра Великобританіи, лорда Черчиля, въ которомъ, между прочимъ, было

сказано: «Цѣль пріѣзда генерала Хольмана — всяческимъ образомъ помочь Вамъ въ Вашей задачѣ сломить большевистскую тиранію».

Генералъ Хольманъ, какъ и французскіе военные представители, до самаго конца, самымъ горячимъ образомъ поддерживалъ генерала Деникина.

* * *

Съ продвиженіемъ нашихъ армій вглубь Россіи, сталъ на очереди вопросъ о возстановленіи въ освобождаемыхъ раіонахъ органовъ администраціи и разрушенныхъ въ корнѣ аппаратовъ мѣстнаго городского и земскаго самоуправленій.

Было отдано распоряженіе, чтобы немедленно послѣ освобожденія отъ большевиковъ новыхъ территорій назначалась на мѣста губернская и уѣздная администрація, устранвался судебный аппаратъ, формировались въ каждой губерніи бригады государственной стражи и возстановилась дѣятельность органовъ городского и земскаго самоуправленій.

Отчасти недостатокъ выбора для назначенія подходящихъ лицъ, а отчасти ничтожное денежное содержаніе, установленное для оплаты служащихъ, крайне затрудняло назначенія на должности, и на отвѣтственныя мѣста часто попадали совершенно не подходящіе люди, или не справлявшіеся со своимъ дѣломъ, или бравшіе съ населенія взятки и допускавшіе всевозможныя злоупотребленія.

По этимъ же причинамъ, а также вслѣдствіе недостатка вооруженія и обмундированія, формированіе государственной стражи встрѣтило большія затрудненія, и порядокъ въ тылу не налаживался.

Нѣкоторыя затрудненія и недоразумѣнія вызвала попытка Донского Войскового Круга установить свой порядокъ управленія въ тѣхъ раіонахъ Россіи, которые занимались Донской Арміей. Это было тѣмъ опасно, что законы, проводившіеся черезъ Донской Кругъ, были отличны отъ законовъ, проводимыхъ Главнокомандующимъ черезъ Особое Совѣщаніе.

Не допуская установленія разнообразнаго порядка управленія въ освобождаемыхъ смежныхъ губерніяхъ, генералъ Деникинъ принужденъ былъ 6/19 іюня отдать слѣдующій приказъ:

«Всѣ занимаемыя на югѣ Россіи территоріи, лежащія внѣ предѣловъ областей казачьихъ войскъ, въ границахъ ихъ существованія до 28 октября (10 ноября) 1917 года, поступаютъ въ управленіе Верховнаго Правителя Россіи, а временно — въ управленіе Главнокомандующаго вооруженными силами на югѣ Россіи.

Крупные успѣхи армій на фронтѣ омрачились донесеніями, что крестьяне освобожденныхъ отъ большевиковъ раіоновъ начинаютъ измѣнять свое первоначальное отношеніе къ арміи вслѣдствіе того, что во многихъ мѣстахъ началось, при помощи войскъ, возстановленіе въ правахъ помѣщиковъ.

Генералъ Деникинъ, 9/22 іюня, обратился къ Командующимъ арміями со слѣдующей телеграммой:

«По дошедшимъ свѣдѣніямъ, вслѣдъ за войсками при наступленіи въ очищенныя отъ большевиковъ мѣста являются владѣльцы, насильственно возстанавливающіе, нерѣдко при прямой поддержкѣ воинскихъ командъ, свои нарушенныя въ разное время права, прибѣгая при этомъ къ дѣйствіямъ, имѣющимъ характеръ сведенія личныхъ счетовъ и мести.

При томъ смятеніи и путаницѣ, которыя внесены въ жизнь гражданской войной и большевистскимъ владычествомъ, при полномъ разрушеніи судебнаго

и административнаго аппаратовъ, воинскія части не могутъ принимать на себя обязанности разбираться съ должными гарантіями справедливости въ спорныхъ правовыхъ взаимоотношеніяхъ. Власти обязаны въ переходное время, впредь до установленія законнаго порядка, предупреждать всякіе новые очевидные захваты правъ, не разрѣшая прежнихъ споровъ и не допуская насилія съ чьей бы то ни было стороны и во имя чего бы оно ни дѣлалось.

Урегулированіе этого вопроса принадлежитъ законодательной власти.

Насильниковъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны буду привлекать къ суду. Всякія направленныя къ тому самочинныя, путемъ насилія, дѣйствія, отдѣльныхъ лицъ или группъ, должны пресѣкаться самымъ настойчивымъ образомъ. Иначе порядку не скоро суждено возстановиться; взаимное ожесточеніе будетъ расти, авторитетъ и популярность арміи падать; вмѣсто одного насилія появится другое, населеніе не будетъ видѣть въ войскахъ Добровольческой Арміи избавителей отъ произвола, а пристрастныхъ заступниковъ за интересы одного класса въ ущербъ другимъ».

* *
*

Въ связи съ признаніемъ генераломъ Деникинымъ власти адмирала Колчака, у Главнокомандующаго состоялось засѣданіе при участіи атамановъ и предсѣдателей правительствъ казачьихъ войскъ.

Представители казачьихъ войскъ не возражали противъ признанія адмирала Колчака Верховнымъ Главнокомандующимъ, но, относительно признанія его Верховнымъ Правителемъ Россіи, высказались, что рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ компетенціи законодательныхъ учрежденій областей.

Вмѣстѣ съ этимъ представители казачества указали на то, что при созданіи Всероссійской власти и опредѣленія ея задачъ казачество считаетъ необходимымъ руководствоваться декларацією Донского Войскового Круга, объявленной 1/14 іюня*.

---

* Донскимъ войсковымъ Кругомъ, передъ закрытіемъ послѣдней весенней сессіи, была объявлена слѣдующая декларація:

«Войсковой Кругъ В. В. Д., прерывая свои работы до слѣдующей сессіи, считаетъ необходимымъ огласить во всеобщее свѣдѣніе основныя начала, коими онъ руководствуется въ дѣлѣ государственнаго строительства и указать ближайшія задачи законодательства.

1) Главнѣйшей цѣлью въ настоящее время войсковой Кругъ считаетъ рѣшительную борьбу съ большевизмомъ, поправшимъ законъ, разорившимъ трудовое достояніе народа и повергшимъ Россію въ бездну анархіи. Продолженіе этой борьбы, необходимой для спасенія Россіи, Кругъ мыслитъ въ условіяхъ вѣрности доблестнымъ союзникамъ нашимъ и въ непремѣнномъ боевомъ сотрудничествѣ не только съ арміями Колчака, Деникина, казачествомъ и горцами, но и съ самимъ русскимъ народомъ, по мѣрѣ продвиженія боевыхъ силъ за предѣлы войска.

2) Войсковой Кругъ считаетъ виновными въ постигшемъ Россію развалѣ главнымъ образомъ вдохновителей большевизма — комиссаровъ и такъ называемыхъ коммунистовъ, насилующихъ русскій народъ терроромъ въ своекорыстныхъ цѣляхъ, и не допускаетъ мысли о мести въ отношеніи къ широкимъ народнымъ массамъ, хотя бы и брошеннымъ въ братоубійственную бойню безумной рукой политическихъ проходимцевъ.

3) Будущую Россію войсковой Кругъ мыслитъ, какъ единую свободную демократическую страну съ государственнымъ устройствомъ, какое будетъ дано ей волей и разумомъ самого народа на пономъ Учредительномъ собраніи, которое должно быть созвано на началахъ всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права, при тайномъ голосованіи. Войсковой Кругъ считаетъ, что это право — самому рѣшить свою судьбу — есть

Ясно было, что никакое признаніе адмирала Колчака не измѣнитъ запутаннаго положенія на югѣ Россіи до тѣхъ поръ, пока намъ не удастся договориться съ казачествомъ. Совѣщаніе, собранное генераломъ Деникинымъ, признало необходимымъ, въ возможно ближайшее время, достигнуть соглашенія между казачествомъ и представителями Главнаго Командованія по вопросамъ о созданіи на югѣ Россіи единой правительственной власти. Для участія въ работахъ конференціи казачьихъ войскъ по созданію южно-русской власти представителями отъ Главнаго Командованія были назначены: М. М. Федоровъ, Н. В. Савичъ, В. Н. Челищевъ, А. С. Щетининъ и В. П. Носовичъ.

Представители политическихъ группъ (Союза Возрожденія, Совѣта Государственнаго Объединенія и Всероссійскаго Національнаго Центра), съ цѣлью, поддержать генерала Деникина и укрѣпить его положеніе, на объединенномъ засѣданіи 5/18 іюня, приняли слѣдующую резолюцію:

неотъемлемое достояніе русскаго народа, оправданное его страданіями, и не допускаетъ мысли, чтобы кто бы то ни было и какимъ бы то ни было способомъ посягнулъ на это право.

4) Непремѣнными условіями будущаго устройства Россіи Кругъ считаетъ: а) государственную автономію съ правомъ законодательства по вопросамъ мѣстнаго значенія и правомъ заключенія областныхъ политическихъ, экономическихъ и національныхъ союзовъ, и б) правовой порядокъ, дѣйствительно обезпечивающій гражданскія свободы, огражденныя закономъ и системой управленія.

5) Неотложной задачей строительства жизни на мѣстахъ, по мѣрѣ продвиженія боевыхъ силъ за предѣлы войска, войсковой Кругъ считаетъ принятіе всѣхъ мѣръ къ незамедлительному возстановленію тамъ нормальнаго правопорядка, основаннаго на законѣ, съ отмѣной исключительныхъ положеній, и возстановленіе органовъ земскаго и городского самоуправленія.

Непремѣннымъ условіемъ такого строительства жизни на мѣстахъ Кругъ считаетъ организацію временной до Учредительнаго Собранія Всероссійской власти, въ которой принимали бы участіе государственныя образованія, ведущія активную борьбу за возстановленіе Россіи.

6) Очередной задачей рабочаго законодательства, строительство котораго должно проходить въ сотрудничествѣ съ рабочимъ представительствомъ, войсковой Кругъ ставитъ повышеніе производительности и обезпеченіе труда отъ эксплоатаціи государствомъ или капиталомъ. Въ частности основаніями рабочаго законодательства войсковой Кругъ полагаетъ: а) право профессіональныхъ союзовъ для обезпеченія экономическихъ интересовъ рабочихъ, б) 8-ми часовый рабочій день въ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ, в) учрежденіе примирительныхъ камеръ и промысловыхъ судовъ, г) развитіе государственнаго страхованія рабочихъ, д) охрану здоровья трудящихся, въ частности женщинъ и дѣтей, и е) борьбу съ безработицей.

7) Кругъ уже принялъ законъ о землѣ, утвержденный на принципѣ, что земля принадлежитъ трудящимся на ней, и отчужденныя земли крупнаго и средняго частнаго землевладѣнія выдѣлилъ въ особый фондъ для надѣленія землею малоземельнаго и безземельнаго казачьяго и коренного крестьянскаго населенія Войска.

Убѣжденный въ исключительной политической важности земельной реформы, Кругъ считаетъ недопустимымъ рѣшеніе земельнаго вопроса за предѣлами Войска въ формѣ возвращенія до революціонныхъ земельныхъ отношеній, или ликвидацію земельныхъ отношеній революціоннаго времени въ порядкѣ административныхъ штрафовъ и взысканій.

8) Коренное крестьянское населеніе области войсковой Кругъ мыслитъ какъ полноправный въ гражданскомъ и политическомъ отношеніи элементъ, и озабоченъ вопросомъ объ обезпеченіи его права на участіе въ самоуправленіи и законодательствѣ.

9) Неотложной ближайшей заботою войсковой Кругъ считаетъ заключеніе въ кратчайшій срокъ Юго-Восточнаго Союза, въ первую очередь съ Терекомъ и Кубанью, для укрѣпленія экономической мощи края и утвержденія кровью добытыхъ автономныхъ правъ, при дружномъ боевомъ сотрудничествѣ съ главнымъ командованіемъ юга Россіи въ дѣлѣ осуществленія общихъ задачъ по возсозданію единой Великой Родины-Россіи.

10) Разработку законопроектовъ по содержанію настоящей декларации Кругъ поручаетъ правительству и комиссіи законодательныхъ предположеній войскового Круга».

«Пятаго іюня, собравшись въ торжественномъ объединенномъ засѣданіи, значительнѣйшія русскія политическія организаціи: Союзъ Возрожденія Россіи, Совѣтъ Государственнаго Объединенія Россіи и Всероссійскій Національный Центръ засвидѣтельствовали общее согласіе взглядовъ и полное единодушіе въ высокой оцѣнкѣ историческаго акта, изданнаго генераломъ Деникинымъ 30 сего мая.

Названныя организаціи, объединяющія въ своемъ составѣ представителей самыхъ различныхъ партій и группъ и имѣющія свои развѣтвленія по всей странѣ, сомкнутымъ національнымъ фронтомъ встрѣчаютъ радостную и волнующую вѣсть о воскрешеніи Русскаго Государства, какъ Единаго Цѣлаго. Видя въ этомъ событіи залогъ дальнѣйшаго исцѣленія, возрожденія и преуспѣянія Россіи, русскія политическія организаціи привѣтствуютъ генерала Деникина, въ самозабвенномъ подвигѣ служенія Россіи неуклонно сохранившаго идею единства Россіи и провозгласившаго Ея государственное объединеніе подъ властью Верховнаго Правителя.

Политическія организаціи, собравшіяся въ настоящемъ засѣданіи, выражаютъ твердую увѣренность, что Верховный Правитель Россіи, торжественно возвѣстившій о своемъ обязательствѣ, довести страну до Учредительнаго Собранія, имѣющаго заложить основы новой жизни согласно волѣ народа, будетъ привѣтствованъ широкими народными массами, какъ избавитель отъ тиранніи большевиковъ и глава объединенной Россіи; Всероссійское же Правительство, возглавляемое адмираломъ Колчакомъ, получитъ санкцію международнаго признанія.

Да здравствуетъ воскресшая Россія. Да здравствуетъ Единое Русское Государство и его доблестные вожди адмиралъ Колчакъ и генералъ Деникинъ, взявшіе на себя подвигъ возрожденія Россіи къ новой свободной жизни.

Подписали: Предсѣдатель Національнаго Центра Федоровъ, Предсѣдатель Совѣта Государственнаго Объединенія Россіи Кривошеинъ, Предсѣдатель Союза Возрожденія Мякотинъ».

* *
*

Признаніе власти адмирала Колчака вызвало необходимость разрѣшенія ряда вопросовъ первостепенной государственной важности. Главнокомандующимъ, 8/21 іюня, была командирована въ Парижъ спеціальная делегація въ составѣ предсѣдателя Особаго Совѣщанія генерала А. М. Драгомирова и членовъ Особаго Совѣщанія: Н. И. Астрова, К. Н. Соколова и А. А. Нератова. Впослѣдствіи къ ней долженъ былъ присоединиться М. В. Бернацкій.

Делегаціи поручено было передать изъ Парижа адмиралу Колчаку подробный докладъ объ организаціи управленія на югѣ Россіи и получить отъ Верховнаго Правителя соотвѣтствующія указанія. Затѣмъ на делегацію была возложена задача постараться познакомить политическихъ дѣятелей въ Парижѣ и Лондонѣ съ истиннымъ положеніемъ дѣла на югѣ Россіи и разрѣшить рядъ экономическихъ, финансовыхъ и торговыхъ вопросовъ, не терпящихъ отлагательства.

На время отсутствія генерала Драгомирова я былъ назначенъ временно-исполняющимъ обязанности предсѣдателя «Особаго Совѣщанія», съ оставленіемъ въ должности Начальника военнаго управленія.

* *
*

Въ ночь на 14/27 іюня въ Ростовѣ былъ убитъ предсѣдатель Краевой Кубанской Рады Н. С. Рябоволъ, бывшій членомъ конференціи по созданію южно-русскаго союза.

Убійца не былъ открытъ, но упорно распространялись слухи, что онъ офицеръ Добровольческой Арміи, гвардеецъ-монархистъ.

Въ Кубанскомъ оффиціальномъ органѣ «Вольная Кубань» появилась статья, за подписью Ю. Разумовскаго, которая кончалась такъ: «Говорятъ о возможности ухода Кубанцевъ съ фронта. Говорятъ и сами пугаются, такъ какъ всѣ отлично знаютъ, что на фронтѣ тамъ, далеко, кубанцы, терцы, донцы, а добровольцы ютятся въ штабахъ, театрахъ и интендантствахъ».

На торжественномъ засѣданіи въ Екатеринодарѣ двухъ Кубанскихъ Радъ (краевой и законодательной), посвященномъ памяти Н. С. Рябовола, нѣкоторые ораторы, опредѣленно намекая, что убійство совершено офицеромъ Добровольческой Арміи — монархистомъ, открыто возбуждали противъ «Особаго Совѣщанія», проводящаго, яко-бы, преступную помѣщичью политику и стремящагося, вопреки воли народа, вернуть Россію къ старому режиму.

Начиная съ этого времени, агитація на Кубани и среди Кубанскихъ частей, направленная противъ идей, проводимыхъ Командованіемъ, а въ частности противъ «Особаго Совѣщанія» — усилилась.

* *
*

Успѣхи Добровольческой Арміи, занятіе Харькова и Екатеринослава, вступленіе передовыхъ отрядовъ въ Полтавскую губернію — серьезно отразились на положеніи совѣтской власти въ Малороссіи.

Въ Полтавской губерніи, послѣ 15/28 іюня, возстаніе противъ «совѣтовъ» охватило весь раіонъ губерніи.

Повстанческое Командованіе предъявило Украинскому совѣтскому правительству ультиматумъ, требуя немедленно отказаться отъ власти.

Совѣтская власть объявила Кіевъ, Одессу, Херсонъ и Николаевъ на осадномъ положеніи.

Въ то же время Петлюра, учитывая возможность занятія въ ближайшее время всей Малороссіи войсками Добровольческой Арміи, собралъ остатки своихъ войскъ и повелъ рѣшительное наступленіе отъ Галиційской границы на Кіевъ. Разложившіяся большевистскія войска не могли дать отпора даже Петлюровскимъ почти не организованнымъ войскамъ, и 26 іюня (9 іюля) войска Петлюры прервали сообщеніе Кіева съ Одессой, заняли Жмеринку и повели наступленіе на Кіевъ.

Въ этотъ же періодъ, 16/29 іюня, нашими войсками было закончено очищеніе отъ большевиковъ Крыма.

Несмотря на первоначальное рѣшеніе не зарываться впередъ и не растягивать свои и безъ того слабыя силы, слагавшаяся обстановка на правомъ берегу Днѣпра соблазнила отступить отъ первоначальнаго плана.

Занятіе такихъ центровъ, какъ Одесса и Кіевъ, представлялось слишкомъ заманчивымъ.

29 іюля (11 августа) былъ занятъ Кременчугъ, 1/14 августа части Добровольческой Арміи подошли къ Курску, а затѣмъ были заняты Одесса и Кіевъ. (18/31 августа).

Кавказская Армія, послѣ занятія 15/28 іюля Камышина, приблизилась на 60 верстъ къ Саратову. Дальнѣйшія операціи въ направленіи на Саратовъ успѣхомъ не увѣнчались.

Противникъ понялъ всю серьезность угрозы коммуникаціоннымъ путямъ своего восточнаго фронта и, временно пренебрегая продвиженіемъ Добровольческой Арміи отъ Харькова къ сѣверу, сосредоточилъ все, что могъ, къ Саратову и перешелъ въ наступленіе противъ Кавказской Арміи. Значительныя силы противникъ перевелъ къ Саратову съ Сибирскаго фронта.

Обрушившись на Кавказскую Армію, ослабленную тысячеверстнымъ походомъ и выдѣленіемъ части своихъ силъ на Харьковскій фронтъ, противникъ отбросилъ ее къ югу.

Отошедшіе къ Царицыну части Кавказской Арміи были настолько ослаблены, что не представляли изъ себя уже серьезной силы и на армію была возложена задача удерживать Царицынъ и способствовать, съ сѣвера, операціямъ генерала Эрдели противъ Астрахани (развивавшимся вдоль Каспійскаго моря).

* *
*

Съ освобожденіемъ отъ большевиковъ Крыма, Екатеринославской и Харьковской губерній, признано было возможнымъ осуществить прежде намѣчавшійся переводъ штаба Главнокомандующаго и Особаго Совѣщанія съ территоріи Кубанскаго Казачьяго Войска.

Было стремленіе расположить эти учрежденія вообще внѣ территоріи казачьихъ войскъ. Но, вслѣдствіе невозможности имѣть достаточно помѣщеній въ небольшихъ городахъ юга Россіи, пришлось остановиться на выборѣ города Таганрога для штаба и города Ростова для учрежденій Особаго Совѣщанія.

Ставка 15/28 іюля перешла въ Таганрогъ, а центральныя управленія Особаго Совѣщанія, нѣсколько позже, въ Ростовъ.

Размѣщеніе штаба съ Главнокомандующимъ въ одномъ мѣстѣ, а управленій Особаго Совѣщанія въ другомъ, при скверномъ желѣзнодорожномъ сообщеніи, вызывавшемъ на поѣздки Главнокомандующаго въ Ростовъ или начальниковъ управленій въ Таганрогъ потерю цѣлаго дня, было болѣе чѣмъ неудачно.

Правда, Главнокомандующій, при этихъ условіяхъ, имѣлъ возможность располагать большимъ временемъ для работъ съ начальникомъ штаба, но дѣло гражданскаго управленія отъ этого страдало.

Если прибавить къ этому, что у насъ вообще не была строго разграничена компетенція штаба и нѣкоторыхъ центральныхъ управленій, то станетъ понятно, что, съ размѣщеніемъ ихъ въ разныхъ пунктахъ, стали возникать различныя тренія и недоразумѣнія.

24 августа (6 сентября) вернулась изъ Парижа делегація во главѣ съ предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія.

Генералъ Драгомировъ былъ назначенъ Главноначальствующимъ и Командующимъ войсками Кіевской области, а мнѣ было указано продолжать исполнять обязанности предсѣдателя Особаго Совѣщанія.

* *
*

Съ переходомъ штаба въ Таганрогъ я видѣлъ главнокомандующаго только разъ въ недѣлю и не былъ поэтому въ курсѣ всѣхъ текущихъ, ежедневныхъ оперативныхъ распоряженій.

Издали получалось впечатлѣніе, что основная директива не зарываться впередъ, а заняться приведеніемъ въ порядокъ войскъ и устройствомъ тыла, нарушалась войсками Добровольческой Арміи самовольно; при чемъ съ продвиженіемъ войскъ впередъ и занятіемъ все новыхъ и новыхъ пунктовъ штабъ мирился какъ съ совершившимся, и при томъ пріятнымъ, фактомъ.

Курскъ былъ занятъ для болѣе надежнаго прикрытія Харькова и обезпеченія желѣзно-дорожнаго сообщенія въ предѣлахъ Харьковской области.

Части же войскъ, выдвинутыя для обезпеченія Курска, какъ магнитомъ тянулись къ сѣверу.

Противникъ серьезнаго сопротивленія не оказывалъ и части постепенно продвигались впередъ, стараясь скорѣй приблизиться къ Москвѣ.

Въ октябрѣ былъ занятъ Орелъ.

Но, на ряду съ успѣхами на фронтѣ, изъ тыловыхъ раіоновъ арміи все чаще и чаще стали поступать свѣдѣнія о возростающемъ неудовольствіи среди крестьянъ и рабочихъ.

Неудовольствія и возмущенія крестьянъ происходили вслѣдствіе участившихся случаевъ безплатныхъ реквизицій, грабежей и поддержки войсками помѣщиковъ, вымѣщавшихъ на крестьянахъ свои потери и убытки. Недовольство рабочихъ объяснялось главнымъ образомъ тѣмъ, что приходъ Добровольческой Арміи не улучшалъ условія ихъ жизни, которыя становились все болѣе и болѣе трудными.

Въ концѣ сентября генералу Деникину была представлена слѣдующая справка:

«Всюду, куда приходитъ Добровольческая Армія, крестьянство — и великорусское и малорусское — встрѣчаетъ ее съ радостью, какъ избавительницу отъ безчинствъ, творимыхъ до нея большевиками, петлюровцами и различными атаманами и батько. Крестьяне ждутъ отъ Добровольческой Арміи внесенія въ ихъ жизнь началъ правопорядка, считая ее большой силой, которая все устроитъ и все наладитъ.

Къ укорененію указанныхъ началъ направлены всѣ стремленія центральной власти. Однако на мѣстахъ далеко не всѣ администраторы исполнены тѣхъ же стремленій. Нѣкоторые изъ нихъ придаютъ всей своей дѣятельности характеръ защиты интересовъ одного, немногочисленнаго и не популярнаго въ широкихъ кругахъ населенія, класса, а именно — крупныхъ землевладѣльцевъ. Другіе, получивъ видное мѣсто, стараются какъ можно скорѣе вознаградить себя сторицею за мѣсяцы вынужденной нищеты и униженія, проявляя «полноту власти», причемъ, идя по линіи наименьшаго сопротивленія, начинаютъ съ того, что обращаютъ свое особенное вниманіе на крестьянство, начинаютъ извлекать изъ его среды виновныхъ въ преступленіяхъ, совершенныхъ еще въ 1917 году, заставляютъ крестьянъ платить убытки, причиненные когда то, по цѣнамъ существующимъ въ настоящее время и пр. Наконецъ, администраторы третьяго типа, уклоняются отъ вмѣшательства во взаимоотношенія между возвращающимися въ свои имѣнія помѣщиками и крестьянами, предоставляя событіямъ идти своимъ порядкомъ. Въ результатѣ страдательной стороной являются опять-таки крестьяне.

Среди крестьянъ найдутся быть можетъ лишь ничтожныя единицы, не принимавшія активнаго участія въ разореніи и обезземеливаніи помѣщичьихъ хозяйствъ. Это — истина непреложная. Но вычитываніемъ всѣхъ винъ крестьянству въ настоящее время, немедленнымъ наложеніемъ на него, быть можетъ, вполнѣ имъ заслуженныхъ, каръ, мѣстная администрація содѣйствуетъ въ значительно большей мѣрѣ, чѣмъ чья угодно агитація, необезпеченности тыла Добровольческой Арміи.

Общій голосъ съ мѣстъ: крестьяне встрѣтили Добровольческую Армію очень хорошо, сейчасъ отношеніе къ ней въ корнѣ измѣнилось. Конечно, въ этомъ виноваты не одни администраторы, виноваты также и тѣ войсковыя единицы и отдѣльные воинскіе чины, особенно изъ числа обозныхъ и туземцевъ, которые позволяютъ себѣ совершенно откровенный грабежъ населенія, но при благожелательной администраціи это зло было бы и легче устранимо и не играло бы роли послѣдней капли, переполняющей чашу крестьянскаго долготерпѣнія, каковую оно играетъ сейчасъ.

Полковникъ, недавно пріѣхавшій въ Ростовъ изъ Острогожскаго уѣзда, самъ крупный помѣщикъ, разсказываетъ, что крестьяне въ этомъ уѣздѣ, вооружившіеся противъ большевиковъ и имѣющіе хорошо спрятанные гдѣ-то не только винтовки и пулеметы, но даже орудія, теперь готовы пустить все это въ ходъ противъ Добровольческой Арміи, доведенные до этого грабежами, чинимыми войсками, а также безудержно разыгравшимися аппетитами помѣщиковъ, поощряемыхъ мѣстной администраціей. Оставленнымъ большевиками въ тылу нашихъ войскъ ячейкамъ для организаціи возстаній, такимъ образомъ, задача до нельзя облегчается, а насколько банды въ тылу нашихъ войскъ обѣщаютъ быть хорошо организованными, можетъ служить доказательствомъ то, что въ Острогожскомъ уѣздѣ у крестьянъ въ укромныхъ уголкахъ скрыты отличныя верховыя лошади съ полной конной амуниціей. Помощникъ уѣзднаго начальника одного изъ уѣздовъ Тамбовской губерніи, нынѣ возвратившійся въ Ростовъ, такъ какъ его уѣздъ снова занятъ большевиками, говоритъ, что уйдетъ въ оставку, такъ какъ вся администрація и войска наперерывъ стараются возбудить противъ себя населеніе, и онъ чувствуетъ свою полную безпомощность. Бывшій предводитель дворянства, крупный помѣщикъ, пишетъ изъ Курска: «у насъ въ губерніи благодаря ..... администраціи царитъ полный кавардакъ, который выльется не сегодня-завтра въ махновщину и зеленыхъ. Предѣла аппетитамъ помѣщиковъ не существуетъ, при этомъ все это дѣлается чертъ знаетъ какъ».

Все вышеизложенное побуждаетъ придти къ заключенію, что безъ оздоровленія администраціи и принятія рѣшительныхъ мѣръ противъ грабительства отдѣльныхъ представителей арміи всѣ успѣхи Добровольческой Арміи на фронтѣ будутъ анулированы созданіемъ въ тылу новыхъ кадровъ махновцевъ, зеленоармейцевъ и прочихъ бандъ, пополняемыхъ, главнымъ образомъ, отчаявшимся во внесеніи въ его жизнь началъ права и порядка, такъ какъ вѣра въ организующую силу Добровольческой Арміи утеряна, — крестьянствомъ».

Главнокомандующимъ приказано было вновь подтвердить войскамъ и гражданской администраціи о необходимости не допускать въ тылу какихъ либо злоупотребленій.

Были командированы въ тыловые раіоны фронта особыя комиссіи, на обязанности которыхъ было разбирать всѣ случаи злоупотребленій и привлекать виновныхъ къ отвѣтственности.

Но это мало чему помогло.

Неустройство тыла арміи становилось все болѣе и болѣе грознымъ.

* *
*

Командованіе совѣтской арміи еще зимой 1918 г. поняло, что безъ конницы оно потерпитъ пораженіе и, въ теченіе зимы 1918—1919 годовъ, весны и лѣта 1919 г., настойчиво и крайне энергично приступило къ ея формированію.

Въ октябрѣ 1919 г. сформированныя части, усиленныя пѣхотой, посаженной на подводы, и сильными пулеметными командами, были выдвинуты противъ Добровольческой Арміи, очень растянутой по фронту и не пополненной въ должной степени.

Успѣхи большевиковъ противъ арміи адмирала Колчака и отступленіе Кавказской Арміи генерала Врангеля къ Царицыну дали возможность совѣтскому командованію сосредоточить главныя свои силы противъ Добровольческой и лѣваго фланга Донской Арміи.

Когда противникъ сталъ тѣснить части Добровольческой Арміи отъ Орла, 20 октября (2 ноября), было приказано изъ Кавказской Арміи перебросить въ раіонъ Харькова сначала двѣ Кубанскихъ конныхъ дивизіи, а затѣмъ еще полторы конныхъ дивизіи.

Но время было уже упущено, да и перевозимыя дивизіи, сильно потрепанныя въ бояхъ къ сѣверу отъ Царицына, были слабаго состава.

Подъ натискомъ противника Добровольческая Армія стала отходить къ югу.

Командующій Добровольческой Арміи, генералъ Май-Маевскій, былъ смѣщенъ и на его мѣсто былъ назначенъ Командующій Кавказской Арміи генералъ Врангель *.

Генералъ Врангель прибылъ въ Добровольческую Армію 26 ноября (9 декабря), послѣ оставленія Харькова, и нашелъ армію въ полномъ отступленіи.

---

* При описаніи этого періода я совсѣмъ не касаюсь событій, происшедшихъ на Кубани въ началѣ ноября. Не касаюсь не потому, что это я признавалъ бы преждевременнымъ, а просто потому, что въ моемъ распоряженіи нѣтъ никакихъ документовъ. Подробностей же я не знаю, такъ какъ указанія были даны генералу Врангелю непосредственно генераломъ Деникинымъ.

Въ двухъ словахъ, эти событія заключались въ слѣдующемъ: Кубанская делегація въ Парижѣ, въ составѣ Быча, Калабухова, Намитокова и Савицкаго, вела крайне вредную агитацію за границей, направленную противъ командованія Добровольческой арміи и за отдѣленіе Кубани отъ Россіи. Подписаніе этой делегаціей союзнаго договора съ меджилисомъ горскихъ народностей переполнило чашу терпѣнія, и генералъ Деникинъ приказалъ, въ случаѣ возвращенія на Кубань членовъ этой делегаціи, ихъ арестовать и предать военно-полевому суду.

Нѣкоторые члены краевой рады, во главѣ съ замѣстителемъ председателя рады И. Л. Макаренко, находясь въ постоянной связи съ «парижской делегаціей» и получая указанія отъ Быча, къ концу октября, опредѣленно выступили противъ командованія Добровольческой арміи и начали открытую пропаганду среди Кубанскихъ войсковыхъ частей.

Чтобы положить конецъ измѣническимъ дѣйствіямъ этой группы противъ русскаго дѣла, генералъ Деникинъ приказалъ включить Кубань въ тыловой раіонъ Кавказской арміи, съ назначеніемъ генерала Покровскаго командующимъ войсками этого раіона. Генералу Врангелю было поручено наблюсти за приведеніемъ въ порядокъ тыла.

Калабуховъ, пріѣхавшій изъ Парижа, и группа членовъ рады, такъ называемыхъ «самостійниковъ», были арестованы. И. Л. Макаренко успѣлъ скрыться.

Калабуховъ, по приговору военно-полевого суда, былъ 7/20 ноября повѣшенъ въ Екатеринодарѣ, а остальные арестованные члены рады были высланы за границу.

Въ своемъ донесеніи на имя главнокомандующаго генералъ Врангель указываетъ, что, ко дню его пріѣзда въ армію, въ боевомъ составѣ числилось всего около 3 600 штыковъ и 4 700 сабель и въ тылу находилась, отведенная для пополненія Алексѣевская дивизія, насчитывавшая не болѣе 300 штыковъ. Силы противника, по даннымъ развѣдки, состояли изъ 51.000 штыковъ, 7 000 сабель и 205 орудій.

Генералъ Врангель доносилъ: «Войска вслѣдствіе безпрерывныхъ переходовъ и распутицы переутомлены до крайности; лошади изнурены совершенно и артиллерія и обозы сплошь и рядомъ бросаются, такъ какъ лошади падаютъ по дорогѣ.

Состояніе конницы самое плачевное. Лошади, давно не кованныя, всѣ подбиты. Масса истощенныхъ съ набитыми холками.

По свидѣтельству командировъ корпусовъ и начальниковъ дивизій боеспособность большинства частей совершенно утеряна.

Вотъ горькая правда. Арміи, какъ боевой силы, — нѣтъ . . .»

Касаясь причинъ развала арміи, генералъ Врангель, въ своемъ рапортѣ, пишетъ такъ:

«Безпрерывно двигаясь впередъ, армія растягивалась, части разстраивались, тылы непомѣрно разрастались. Разстройство армій увеличилось еще и допущенной Командующимъ Арміей* мѣрой «самоснабженія» частей.

Сложивъ съ себя всѣ заботы о довольствіи войскъ, штабъ арміи предоставилъ войскамъ довольствоваться исключительно мѣстными средствами, используя ихъ попеченіемъ самихъ частей и обращая въ свою пользу захватываемую военную добычу.

Война обратилась въ средство наживы, а довольствіе мѣстными средствами — въ грабежъ и спекуляцію . . .

Каждая часть спѣшила захватить побольше. Бралось все; что не могло быть использовано на мѣстѣ — отправлялось въ тылъ для товарообмѣна и обращенія въ денежные знаки . . . Подвижные запасы войскъ достигли гомерическихъ размѣровъ, — нѣкоторая части имѣли до двухсотъ вагоновъ подъ своими полковыми запасами . . . Огромное число чиновъ обслуживало тылы. Цѣлый рядъ офицеровъ находился въ длительныхъ командировкахъ по реализаціи военной добычи частей, для товарообмѣна и т. п.

Армія развращалась . . .

Въ рукахъ всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе соприкасался съ дѣломъ «самоснабженія», . . . оказались бѣшенныя деньги, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чего явились развратъ, игра и пьянство . . . Къ несчастью, примѣръ подавали нѣкоторые изъ старшихъ начальниковъ, гомерическіе кутежи и бросаніе бѣшенныхъ денегъ которыми производилось на глазахъ всей арміи . . .»

Большевики, сломивъ сопротивленіе Добровольческой Арміи, рѣшительно и настойчиво развивали преслѣдованіе.

Остатки Добровольческой Арміи, теряя артиллерію и обозы, обходимыя съ фланговъ конницей противника, безостановочно отходили.

Пораженіе Добровольческой Арміи немедленно отражалось на другихъ фронтахъ.

---

* Генераломъ Май-Маевскимъ.

Царицынъ былъ оставленъ. Стала отступать по всему фронту Донская Армія, пришлось эвакуировать Кіевъ...

Добровольческая Армія была переименована въ Добровольческій Корпусъ*.

Для этого корпуса было два направленія отступленія: или на Крымъ, или на Ростовъ. Преимущество перваго заключалось въ томъ, что остатки Добровольческой Арміи можно было оттянуть туда съ гораздо меньшими потерями и спасти большее количество имущества. Но, при этомъ направленіи отступленія, Добровольческій Корпусъ терялъ непосредственную связь съ казачьими областями и бросались на произволъ судьбы всѣ семейства служащихъ.

Второе направленіе, на Ростовъ, было болѣе трудное, такъ какъ приходилось исполнить фланговый маршъ подъ непрерывными ударами конницы противника; но связь съ казачествомъ не терялась.

Генералъ Деникинъ выбралъ второе направленіе. Онъ сказалъ: «Я бросить казачество не могу. Мы совмѣстно съ нимъ начали борьбу и должны ее вмѣстѣ и продолжать»**.

25 декабря (7 января 1920 г.). части Добровольческаго Корпуса уже заняли позицію непосредственно у Ростова.

Генералъ Деникинъ надѣялся удержать Ростовъ и переправы черезъ Донъ, затѣмъ, удерживая примѣрно линію долины р. Маныча, переформировать и пополнить части.

26 декабря (8 января 1920) палъ Новочеркасскъ. Штабъ главнокомандующаго перешелъ въ Батайскъ, а 27 декабря (9 января) — на ст. Тихорѣцкую.

Я выѣхалъ изъ Ростова 27 декабря (9 января) вечеромъ. Къ этому времени уже шла перестрѣлка на сѣверной окраинѣ города.

28 декабря (10 января) я былъ на ст. Тихорѣцкой у главнокомандующаго. Генералъ Деникинъ мнѣ сказалъ, что представители казачества настаиваютъ

---

* Генералъ Врангель получилъ особое назначеніе на Кубань — принять мѣры по подъему всего боеспособнаго казачества и руководить укрѣпленіемъ Новороссійскаго раіона.

** Я совершенно упускаю описаніе хода переговоровъ съ представителями казачества о конструкціи Южно-Русской власти и не останавливаюсь на переформированіи «Особаго Совѣщанія» въ правительство. Предсѣдателемъ правительства былъ назначенъ я. Приказъ о преобразованіи «Особаго Совѣщанія» въ правительство состоялся 17/30 декабря 1919 г. (См. Архивъ Рус. Революціи т. IV, стр. 249.)

Въ связи съ послѣдовавшимъ кореннымъ измѣненіемъ направленія внутренней политики генерала Деникина, многое изъ событій этого періода не вполнѣ ясно мнѣ до настоящаго времени.

Содержаніе наказа указываетъ, что генералъ Деникинъ твердо рѣшилъ продолжать проводить въ жизнь принципы, неоднократно имъ провозглашавшіеся.

Приказомъ о преобразованіи Особаго Совѣщанія въ правительство клался предѣлъ неопредѣленному положенію, которое получалось вслѣдствіе того, что вопросъ объ образованіи правительства откладывался до соглашенія съ казачествомъ о созданіи южнорусской власти.

Преобразованное правительство, въ своей дѣятельности, должно было руководствоваться «наказомъ» отъ 14/27 декабря 1919 года. (См. Архивъ Рус. Рев. т. IV, стр. 248.)

Но, подъ вліяніемъ неуспѣховъ на фронтѣ и настояній представителей казачества, съ 28 декабря 1919 г./10 января 1920 г. генералъ Деникинъ постепенно идетъ на уступки и соглашается на образованіе коалиціоннаго правительства съ участіемъ соціалистовъ и на образованіе при немъ законодательнаго, а не законосовѣщательнаго органа, передъ которымъ правительство, конечно, уже является отвѣтственнымъ.

Никто изъ насъ, членовъ бывшаго Особаго Совѣщанія и Правительства, къ разрѣшенію этихъ послѣднихъ вопросовъ не привлекался.

на измѣненіи состава правительства и на назначеніи предсѣдателемъ правительства одного изъ общественныхъ дѣятелей казачьихъ войскъ; но что онъ пока никакихъ перемѣнъ въ составѣ правительства дѣлать не предполагаетъ.

29 декабря (11 января), будучи въ Екатеринодарѣ, я получилъ телеграмму, что мнѣ надо подождать пріѣзда Донского атамана генерала Богаевскаго (я хотѣлъ ѣхать въ Новороссійскъ, куда эвакуировались гражданскія управленія), который везетъ мнѣ письмо отъ Главнокомандующаго. Генералъ Деникинъ, въ письмѣ на мое имя, сообщалъ о томъ, что обстановка его заставила согласиться на назначеніе предсѣдателемъ правительства Донского войскового атамана генерала Богаевскаго; меня же онъ просилъ остаться въ составѣ правительства въ качествѣ начальника военнаго управленія.

Для меня было ясно, что въ составъ коалиціоннаго правительства отъ Кубанскаго казачьяго войска войдутъ представители «самостійнаго» теченія, работа съ которыми у меня не пойдетъ.

Поэтому я категорически отказался отъ сдѣланнаго мнѣ предложенія. Послѣ этого состоялось мое назначеніе главноначальствующимъ и командующимъ войсками Черноморской губерніи, и генералъ Деникинъ предложилъ, впредь до образованія новаго правительства, старому правительству продолжать работу.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Новороссійскъ, генералъ Врангель, не получая никакого назначенія въ армію, подалъ прошеніе объ увольненіи его въ отставку и, временно, до приказа объ увольненіи взялъ отпускъ.

Положеніе въ Черноморской губерніи, въ частности въ Новороссійскѣ, было тяжелое.

Большая часть губерніи была охвачена возстаніемъ; возстаніемъ руководили большевики, свободно пропускавшіеся въ губернію изъ Грузіи. Изъ Грузіи же въ Черноморскую губернію проникъ небольшой большевистскій отрядъ, ставшій ядромъ для формировавшихся повстанческихъ отрядовъ.

Войскъ въ моемъ распоряженіи для подавленія возстанія, въ сущности говоря, совершенно не было; бывшія въ губерніи войсковыя части были совершенно деморализованы.

На мои просьбы прислать хоть какую-нибудь надежную часть — была прислана 2-я пѣхотная дивизія. Но она была въ такомъ видѣ, что ее нужно было сначала пополнить, а только потомъ можно было пустить въ дѣло. Составъ всей дивизіи не превышалъ одного батальона мирнаго времени!

Надежныхъ пополненій на мѣстѣ не было.

Между тѣмъ положеніе у Туапсе было критическое и я, вливъ въ одинъ изъ полковъ дивизіи 400 человѣкъ пополненія, перевезъ этотъ полкъ на пароходѣ въ Туапсе. Но, черезъ нѣсколько дней, во время боя подъ Туапсе, этотъ полкъ потерялъ почти всѣхъ офицеровъ, а пополненіе, влитое въ полкъ, перешло къ повстанцамъ.

Въ самомъ Новороссійскѣ творилось что-то неописуемое. Всѣ лѣчебныя заведенія были переполнены большей частью сыпнотифозными, а раненыхъ, привозимыхъ съ сѣвера, некуда было размѣщать.

Въ Новороссійскъ направилась лавина семействъ служащихъ и бѣженцевъ, подлежавшихъ эвакуаціи, а союзники для эвакуаціи прислали крайне ничтожное число судовъ.

Своими судами, изъ за недостатка угля, мы воспользоваться не могли.

Вслѣдствіе полной невозможности выполнить нѣкоторыя получавшіяся мною распоряженія, на выполненіи которыхъ продолжалъ настаивать штабъ главно-

командующаго несмотря на мои протесты, я просилъ объ освобожденіи меня отъ должности Черноморскаго Главноначальствующаго и объ увольненіи въ отставку.

Получивъ въ концѣ января (началѣ февраля) телеграмму изъ Севастополя о томъ, что моя мать при смерти, я, съ разрѣшенія генерала Деникина, выѣхалъ туда.

Въ Севастополѣ я засталъ полный развалъ среди офицерской среды.

Въ крайне неудачной эвакуаціи Одессы, произведенной въ концѣ января, всѣ винили главноначальствующаго Новороссійской области генерала Шиллинга.

Пріѣздъ его въ Севастополь и вступленіе въ командованіе войсками, находившимися въ Крыму, вызвали сильное возбужденіе, какъ среди старшихъ, такъ и среди младшихъ чиновъ.

Общее положеніе осложнилось еще тѣмъ, что на южномъ берегу Крыма появился отрядъ капитана Орлова, поднявшаго возстаніе противъ существующаго строя. Возстаніе носило явно большевистскій характеръ, но лозунгами была выставлена необходимость бороться съ разрухой тыла и добиться улучшенія положенія строевого офицерства.

При начавшемся развалѣ арміи и дѣйствительной разрухѣ тыла, лозунги капитана Орлова находили много сочувствующихъ и являлось серьезное опасеніе, что движеніе можетъ разрости.

Познакомившись съ обстановкой я пришелъ къ убѣжденію, что, совершенно независимо отъ правильности, или неправильности обвиненій, которыя предъявлялись къ генералу Шиллингу, онъ, при создавшейся обстановкѣ, не будетъ въ силахъ возстановить порядокъ въ Крыму и что ему нельзя оставаться главновачальствующимъ.

Въ Севастополѣ былъ въ это время генералъ Врангель, который, по общему въ Севастополѣ, а также по моему мнѣнію, могъ остановить развалъ Крымскихъ войсковыхъ частей и водворить порядокъ въ тылу.

Генералъ Врангель соглашался принять должность главноначальствующаго.

Переговоривъ съ генераломъ Шиллингомъ и убѣдившись въ томъ, что и онъ видитъ и понимаетъ всю трудность для него наладить порядокъ въ Крыму, я условился съ нимъ, что онъ переговоритъ по прямому проводу съ генераломъ Деникинымъ, очертитъ ему всю обстановку и испроситъ разрѣшеніе передать свою должность генералу Врангелю.

Онъ такъ и сдѣлалъ; но въ отвѣтъ получилъ указаніе, что онъ долженъ оставаться на своемъ посту и что на назначеніе генерала Врангеля согласіе не можетъ быть дано *.

Утромъ 8/21 февраля я получилъ телеграмму отъ генерала Деникина, съ предложеніемъ «всей силой вашего авторитета», какъ было сказано въ теле-

---

* Захватившій въ это время г. Ялту капитанъ Орловъ объявилъ, что онъ безпрекословно подчинится только одному генералу Врангелю.

Въ отвѣтъ на это воззваніе генералъ Врангель послалъ капитану Орлову (копіи генералу Шиллингу и мнѣ) слѣдующую телеграмму: «Мнѣ доставлено воззваніе за Вашей подписью, въ коемъ Вы заявляете о желаніи, минуя всѣхъ Вашихъ начальниковъ, подчиниться мнѣ, хотя я ныпѣ не у дѣлъ.

Еще недавно присяга, обязывая воина подчиненію начальникамъ, дѣлала русскую армію непобѣдимой.

Клятвопреступленіе привело Россію къ братоубійственной войнѣ. Въ настоящей борьбѣ мы связали себя вмѣсто присяги добровольнымъ подчиненіемъ, нарушить которое безъ гибели нашего общаго дѣла не можете ни Вы, ни я. Какъ старый офицеръ, отдавшій Родинѣ двадцать лѣтъ жизни, я горячо призываю Васъ, во имя блага ея, подчиниться требованіямъ Вашихъ начальниковъ. 8/21 февраля 7 часовъ № 627. Врангель».

граммѣ, поддержать престижъ генерала Шиллинга, который остается главнокомандующимъ въ Крыму.

Я отвѣтилъ, что чувствую себя въ этомъ отношеніи совершенно безсильнымъ и въ тотъ же день отправился на пароходѣ обратно въ Новороссійскъ.

Прибывъ въ Новороссійскъ, я узналъ о послѣдовавшемъ приказѣ объ увольненіи въ отставку меня, генераловъ Врангеля и Шатилова, а также Командующаго Черноморскимъ флотомъ и его начальника штаба.

Телеграмма о нашемъ увольненіи въ отставку была «срочная» и разослана штабомъ Главнокомандующаго по всѣмъ инстанціямъ.

Всѣми было понято, что перечисленныя въ телеграммѣ лица увольняются въ отставку, яко бы, за интригу противъ генерала Шиллинга и вмѣшательство не въ свое дѣло, возбуждая вопросъ о назначеніи генерала Врангеля.

* *
*

Оставшись не у дѣлъ и получивъ право на эвакуацію, я рѣшилъ съ семьей не ѣхать на иждивеніе союзниковъ, а устроиться гдѣ-либо поближе къ Россіи. Выбрали г. Самсунъ на Черноморскомъ побережьѣ Малой Азіи, гдѣ, по слухамъ, жизнь была очень дешева. Съ небольшой компаніей, подходящей для устройства маленькой сельско-хозяйственной колоніи, я и моя семья, 21 февраля (6 марта), отправились сначала въ Батумъ.

Оттуда, воспользовавшись случаемъ безплатнаго проѣзда на моторной шхунѣ, груженной керосиномъ, отправились въ Самсунъ.

Устроились на шхунѣ на палубѣ, соорудивъ изъ парусовъ подобіе палатокъ.

До Самсуна дошли благополучно, но тамошній британскій комендантъ, подъ предлогомъ, что турецкія власти категорически не разрѣшаютъ русскимъ селиться въ Малой Азіи, не только не позволилъ намъ высадиться, но даже не разрѣшилъ съѣхать на берегъ на короткій срокъ.

Мои спутники, смѣясь, говорили, что англичане боялись, чтобы я не поступилъ на службу къ Кемаль-пашѣ въ качествѣ начальника штаба.

Пришлось направиться въ Константинополь.

Послѣ цѣлаго ряда злоключеній, и чуть не погибнувъ въ морѣ во время штурма, въ ночь на 26 марта (8 апрѣля) мы пришли въ Константинополь.

На другой день послѣ прихода нашей шхуны въ Константинополь, на нее прибылъ флагъ-офицеръ Главнокомандующаго британской эскадрой въ Средиземномъ морѣ, адмирала де-Робекъ (бывшаго въ то же время Верховнымъ Великобританскимъ комиссаромъ въ Константинополѣ) и, отъ имени адмирала, пригласилъ меня отправиться съ нимъ къ адмиралу на флагманскій корабль.

Адмиралъ де-Робекъ встрѣтилъ меня крайне любезно и сказалъ, что меня уже нѣсколько дней розыскиваютъ по всему Черному морю.

Отъ него я узналъ, что, послѣ эвакуаціи Новороссійска (14/27 марта), войска Добровольческаго Корпуса и часть казачьихъ войскъ сосредоточены въ Крыму; что генералъ Деникинъ отказался отъ званія Главнокомандующаго и уѣзжаетъ въ Англію; что Главнокомандующимъ вооруженныхъ силъ юга Россіи, приказомъ генерала Деникина, назначенъ генералъ баронъ Врангель; что генералъ Врангель предлагаетъ мнѣ быть его представителемъ въ Константинополѣ.

Отъ него же я узналъ объ убійствѣ въ Константинополѣ, въ зданіи Русскаго посольства, бывшаго начальника штаба генерала Романовскаго.

Съ броненосца меня доставили въ Русское Посольство.

Здѣсь я встрѣтился съ новымъ помощникомъ Главнокомандующаго генерала Врангеля — генераломъ Шатиловымъ, который, отъ имени генерала Врангеля, предложилъ мнѣ быть представителемъ Главнокомандующаго при союзномъ Командованіи въ Константинополѣ.

Я согласился.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

La critique est aisée
L'art est difficile

Если всякая крупная государственная или общественная работа и при нормальныхъ условіяхъ вызываетъ критику, то естественно, что, въ условіяхъ гражданской войны, дѣятельность Командованія Добровольческой Арміи и Особаго Совѣщанія (Правительства) вызывали постоянную, какъ доброжелательную, такъ и недоброжелательную, критику.

Въ работѣ, какъ Командованія Добровольческой Арміи, такъ и Особаго Совѣщанія, конечно, было много крупныхъ ошибокъ. Но, какъ мнѣ представляется, если въ настоящее время, для безпристрастнаго критика, и возможно правильно разобрать и указать ошибки, такъ сказать, техническаго характера, то ошибки политическія правильно оцѣнить еще невозможно.

Ни одинъ добросовѣстный политическій дѣятель, къ какой бы онъ партіи ни принадлежалъ, не можетъ еще сказать, какой политическій лозунгъ, какая линія поведенія были нужны и нашли бы откликъ въ массѣ русскаго народа, чтобы онъ за ними пошелъ.

Необходимо имѣть въ виду, что на югѣ Россіи до конца 1918 года рабочіе и крестьяне еще не испытали на себѣ полностью всѣхъ прелестей большевистскаго режима.

Въ казачьихъ областяхъ иногороднее, не казачье населеніе во время владычества большевиковъ въ концѣ 1917 и въ 1918 годахъ было, въ массѣ, на ихъ сторонѣ и, при богатствѣ края, также не испытало серьезныхъ лишеній.

При этихъ условіяхъ лозунги «земля и воля», «диктатура пролетаріата» и самоуправленіе черезъ «Совѣты рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ» — для массы знаменовало еще истинное народоправство, избавленіе отъ помѣщиковъ и правительственной администраціи, право на казенныя, монастырскія и помѣщичьи земли, право устраивать жизнь по собственному желанію, а главное — безнаказанно грабить и распоряжаться награбленнымъ, какъ своей собственностью.

Всякое возвращеніе къ государственному порядку, для значительной массы населенія, знаменовало собой стѣсненіе правъ и страхъ отвѣтственности за тѣ грабежи и насилія, въ которыхъ былъ повиненъ громадный % населенія.

Только испытавъ на себѣ ужасы совѣтской власти, крестьяне и рабочіе стали сознавать необходимость возвращенія государственнаго порядка.

Въ 1918 и 1919 годахъ провозглашеніе монархическаго лозунга не могло встрѣтить сочувствія не только среди интеллигенціи, но и среди крестьянской и рабочей массы.

Угаръ послѣ «революціи — бунта» 1917 года былъ еще слишкомъ силенъ и этотъ лозунгъ знаменовалъ бы явную «контръ-революцію», «возвращеніе къ старому режиму», «городовому», «помѣщику» и другимъ жупеламъ.

Провозглашеніе же республиканскихъ лозунговъ не дало бы возможности сформировать маломальски приличную армію, такъ какъ кадровое офицерство, испытавшее на себѣ всѣ прелести революціоннаго режима, за ними не пошло бы.

Надо было идти по пути, который былъ пріемлемъ для главной массы населенія и для офицерства.

Будущій историкъ подробно разберетъ причины неуспѣха «бѣлыхъ армій». Теперь это преждевременно, а намъ, участникамъ борьбы съ совѣтской властью, совершенно и не подъ силу.

Я остановлюсь лишь на главнѣйшихъ нападкахъ на дѣятельность Командованія Добровольческой Арміи и Особаго Совѣщанія, которыя приходилось слышать и встрѣчать въ печати.

ПРОГРАММА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ

(политическое лицо арміи; партійный флагъ).

Впервые о необходимости объявить программу Добровольческой Арміи, открыть свое политическое лицо — заговорилъ въ Новочеркасскѣ, въ декабрѣ 1917 года, Б. Савинковъ.

Онъ убѣдилъ тогда генераловъ Алексѣева, Корнилова и Каледина заявить, съ цѣлью опровергнуть слухи о реакціонныхъ замыслахъ, что Добровольческая Армія имѣетъ цѣлью, свергнувъ большевиковъ, довести Россію до Учредительнаго Собранія.

Генералъ Деникинъ, въ своей программной рѣчи, на открытіи, 1/14 ноября 1918 года, Кубанской Краевой Рады, заявилъ, что «армія не преслѣдуетъ никакихъ реакціонныхъ цѣлей и не предрѣшаетъ ни формы будущаго образа правленія, ни даже тѣхъ путей, какими русскій народъ объявитъ свою волю».

Но это не удовлетворило — ни правыхъ, ни лѣвыхъ.

Правые говорили: «Безъ монархическаго лозунга вамъ не создать мощной арміи. Офицеры должны знать, за что они проливаютъ кровь, и вы должны это опредѣленно сказать».

Лѣвые, наоборотъ, указывали, что неопредѣленность политическаго лица арміи — отталкиваетъ отъ нея симпатіи массы; что надо провозгласить чисто демократическіе лозунги, подвердить, что возврата къ старому нѣтъ.

Генералъ Деникинъ твердо стоялъ на своемъ мнѣніи, указывая, что никто изъ насъ не можетъ предрѣшать ни будущей формы правленія, ни того, будетъ ли собрано учредительное или національное собранія, или Земскій Соборъ, или, наконецъ, можетъ быть воля народа выльется въ такой формѣ, которую мы теперь и не предвидимъ.

Впослѣдствіи, въ значительной степени по настоянію представителей союзнаго Командованія, была составлена и подписана генераломъ Деникинымъ и членами Особаго Совѣщанія (Правительства) политическая программа Добровольческой Арміи; въ ней было указано, что армія должна довести Россію до Національнаго Собранія.

Представители «демократіи» увѣряли, что только опредѣленное указаніе на республиканскую форму правленія привлечетъ сердца народа къ Доброволь-

ческой Арміи; другіе, не менѣе подлинные демократы (какъ писатель Наживинъ), указывали, что народъ жаждетъ только порядка, ждетъ «Хозяина земли Русской», то-есть Царя.

Въ казачьихъ хатахъ, при первомъ господствѣ большевиковъ, съ рискомъ для жизни, казачки сохраняли подъ половицами портреты Царской Семьи.

Махно (разбойникъ и народный атаманъ, дѣйствовавшій въ раіонѣ Екатеринославской, Полтавской и Харьковской губерній), по доходившимъ до насъ слухамъ, то провозглашалъ лозунгъ «земля и воля народу», то «земля крестьянамъ, а Царь народу».

Изъ центральныхъ губерній шли разнообразныя свѣдѣнія; въ однихъ раіонахъ мечтали о «Хозяинѣ Земли Русской», а въ другихъ провозглашали тотъ же лозунгъ, который былъ объявленъ и возставшимъ Кронштадтомъ противъ совѣтской власти (въ мартѣ 1921 года) «Противъ коммунистовъ, но за Совѣты».

Наконецъ, лицамъ, обвинявшимъ Главное Командованіе Добровольческой Арміи въ неправильномъ направленіи политики надо вспомнить, что были «бѣлыя арміи» и съ опредѣленными политическими лозунгами:

Армія Учредительнаго Собранія, созданная на Волгѣ Самарскимъ Правительствомъ, имѣла чисто демократическіе-соціалистическіе лозунги, но успѣха никакого не имѣла. Самарское Правительство было замѣнено сначала Уфимской Директоріей, а затѣмъ адмираломъ Колчакомъ.

Савинковъ, формируя части для борьбы съ большевиками, провозглашалъ чисто демократическіе лозунги.

Правительства генераловъ Миллера и Юденича были также достаточно демократичны.

Южная Армія и Астраханскій Корпусъ, формировавшіеся на германскія деньги на территоріи Дона, имѣли чисто монархическіе лозунги.

Но ни одна изъ этихъ армій и ни одно изъ ихъ возглавлявшихъ правительствъ успѣха не имѣли.

Добровольческая Армія оказалась, все же, наиболѣе жизнеспособной.

Все это показываетъ, что горе не въ томъ, что генералъ Деникинъ не провозгласилъ того или иного лозунга, а скорѣй въ томъ, что наши политическія партіи, преслѣдуя свои партійныя программы, не объединились для достиженія первой и главнѣйшей цѣли — ниспровергнуть совѣтскую власть.

КОНСТРУКЦІЯ ВЛАСТИ

Генералъ Деникинъ, въ своей программной рѣчи 1/14 ноября 1918 года, заявилъ: «Должна быть единая Русская Армія, съ единымъ фронтомъ, единымъ командованіемъ, облеченнымъ полной мощью, и отвѣтственнымъ лишь передъ русскимъ народомъ въ лицѣ его будущей законной верховной власти»... «Нужна единая временная власть и единая вооруженная сила, на которую могла бы опереться эта власть...»

Въ послѣднемъ своемъ наказѣ «Особому Совѣщанію» (14/27 декабря 1919 года), наканунѣ краха и коренного измѣненія своей программы, Главнокомандующій опредѣленно указалъ на необходимость проведенія военной диктатуры.

Въ первый періодъ послѣ занятія Екатеринодара, то-есть въ теченіе второй половины 1918 года, генералъ Деникинъ не допускалъ и мысли, чтобы

рядомъ съ его Правительствомъ (Особымъ Совѣщаніемъ) былъ какой-нибудь органъ съ законодательными или законосовѣщательными функціями (законосовѣщательный органъ намѣчался лишь въ случаѣ достиженія соглашенія съ казачествомъ и образованія единаго Правительства).

Первымъ поднявшимъ вопросъ объ образованіи при генералѣ Деникинѣ законосовѣщательнаго органа былъ бывшій предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко.

Онъ нѣсколько разъ просилъ генерала Деникина согласиться образовать такой законосовѣщательный органъ, въ составѣ котораго вошли бы члены четырехъ Государственныхъ Думъ и Государственнаго Совѣта.

Генералъ Деникинъ эти предложенія отклонилъ, указывая, что бывшіе члены прежнихъ русскихъ законодательныхъ учрежденій не могутъ считаться правомочными представителями народа, а относительно другихъ предложеній представителей различныхъ политическихъ партій образовать при немъ законосовѣщательный органъ, отвѣчалъ, что образовавшіеся на югѣ Россіи союзы — являются, опять-таки, выразителями взглядовъ отдѣльныхъ партій, относящихся нетерпимо къ программамъ другихъ политическихъ партій, не вошедшихъ въ составъ ихъ союза, и не могутъ претендовать быть выразителями мнѣнія страны.

Всѣ эти проекты отвергались въ надеждѣ достигнуть соглашеніе съ казачествомъ и создать «южное объединеніе».

На поднятый мною вопросъ о желательности, не дожидаясь соглашенія съ казачествомъ, образовать при Особомъ Совѣщаніи законосовѣщательный органъ первоначально изъ состава членовъ Государственнаго Объединенія, Государственной Думы, генералъ Деникинъ, запиской, отъ 24 октября (6 ноября) 1918 г., мнѣ отвѣтилъ:

«Добровольческая Армія отнюдь не можетъ стать орудіемъ политической партіи, особливо съ шаткой оріентаціей. Строить «южное объединеніе» и бросить его на полпути, чтобы начать новую комбинацію — нельзя.

То, что предлагаютъ теперь, было предложено Родзянкой еще въ Мечеткѣ, строилось имп въ Кіевѣ, но неудачно. Противополагать эту комбинацію всѣмъ другимъ — нецѣлесообразно.

Вооруженная сила никогда не «останется въ одиночествѣ»*.

Ее всегда пожелаютъ! Во всякомъ случаѣ, до рѣшенія вопроса объ «южномъ объединеніи» нельзя разрѣшать вопросъ о новой комбинаціи, которая можетъ только затруднить соглашеніе.

Если же эта комбинація возникнетъ сама собой, безъ нашего участія, если она дѣйствительно будетъ имѣть нравственный авторитетъ въ странѣ и поддержитъ идеи и цѣли, преслѣдуемыя Добровольческой Арміей, то тѣмъ лучше для всѣхъ насъ и паче всего для Россіи».

Въ началѣ 1919 года явилась надежда добиться скораго соглашенія съ казачьими войсками и образовать общее правительство.

Предполагалось въ составъ его привлечь по одному представителю отъ казачьихъ войскъ и при Главнокомандующемъ образовать законосовѣщательный органъ, члены котораго выбирались бы, какъ населеніемъ казачьихъ областей, такъ и другихъ раіоновъ государства, освобождаемыхъ отъ большевиковъ; предполагалось, что часть членовъ законосовѣщательнаго органа будетъ назначаться Главнокомандующимъ.

---

* Это послѣднее выраженіе взято изъ моего доклада.

Въ теченіе всего 1919 года велись переговоры съ представителями казачьихъ войскъ, но ни до чего договориться не могли. И только въ декабрѣ 1919 года, въ періодъ серьезныхъ неудачъ на фронтѣ, соглашеніе было близко къ осуществленію; но разразившаяся катастрофа, какъ мною уже было отмѣчено выше, повліяла на полное измѣненіе взгляда генерала Деникина на конструкцію власти.

Нападокъ на генерала Деникина и на состоявшее при немъ Особое Совѣщаніе было много; указывали, что законодательная работа ведется въ замкнутомъ небольшомъ кружкѣ членовъ Особаго Совѣщанія людьми недостаточно понимавшими окружающую обстановку и что издаваемые законы не жизнены и не отвѣчаютъ интересамъ населенія.

Трудно, конечно, сказать, насколько болѣе жизнена была бы работа Особаго Совѣщанія при существованіи законосовѣщательнаго органа, но несомнѣнно, что если-бъ онъ существовалъ, то работа Особаго Совѣщанія была бы болѣе на виду и оно, вѣроятно, не стало бы столь «одіозно».

Работой Особаго Совѣщанія были не довольны всѣ — и правые, и лѣвые; это надо признать откровенно.

Если-бъ существовалъ законосовѣщательный органъ и была бы кафедра съ которой раздавалась бы критика законопроектовъ и дѣятельности начальниковъ управленій, а послѣдніе могли бы давать свои объясненія и разъясненія, то работа Особаго Совѣщанія отъ этого только бы выиграла.

ОСОБОЕ СОВѢЩАНІЕ (ПРАВИТЕЛЬСТВО)

Представители лѣвыхъ партій обвиняли генерала Деникина въ томъ, что онъ сформировалъ чуть ли не черносотенное правительство, которое не можетъ вызвать довѣрія народной массы.

Представители правыхъ теченій, наоборотъ, указывали на то, что дѣятельность Особаго Совѣщанія, при разрѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ, носила слишкомъ лѣвое направленіе.

Генералъ Деникинъ неоднократно говорилъ: «Во главѣ правительственныхъ учрежденій должны ставиться люди по признаку дѣловитости, а не по признаку партійности.

Недопустимы лишь изувѣры справа и слѣва».

Включать въ составъ Особаго Совѣщанія соціалистовъ признавалось недопустимымъ, такъ какъ они и въ періодъ борьбы съ большевиками пытались неоднократно продолжать свою разрушительную работу, начатую съ первыхъ дней революціи.

Изъ членовъ Особаго Совѣщанія къ партіи «к.-д.» принадлежало пять-шесть человѣкъ, то-есть половина изъ числа гражданскихъ членовъ совѣщанія. Но правда, что къ ихъ голосу прислушивалось главное командованіе, а потому и было распространено мнѣніе о, яко-бы, «кадетскомъ» засиліи.

Лѣтомъ 1919 года нѣкоторые члены «кадетской» партіи возбуждали нѣсколько разъ вопросъ о слишкомъ правомъ составѣ Особаго Совѣщанія.

При разсмотрѣніи, однажды, въ засѣданіи особаго совѣщанія вопроса о привлеченіи въ составъ правительства кандидата болѣе праваго крыла, одинъ изъ видныхъ представителей партіи к. д. сказалъ: «Насъ и такъ упрекаютъ, что составъ Особаго Совѣщанія слишкомъ правый; ничего не возражая противъ

предложеннаго кандидата, котораго я знаю, какъ безукоризненно честнаго и высоко-порядочнаго человѣка и отличнаго работника, я только позволю себѣ поставить вопросъ: не слишкомъ ли мы сильно перегружаемъ нашъ правый бортъ?»

Но, въ началѣ декабря 1919 года, тотъ же представитель партіи к. д. сказалъ: «Я пришелъ къ убѣжденію, что намъ надо вести болѣе лѣвую политику, но болѣе правыми руками».

И послѣ этого представители партіи к. д. просили генерала Деникина о включеніи въ составъ Особаго Совѣщанія А. В. Кривошеина.

Въ январѣ 1920 года, когда разразилась катастрофа, генералъ Деникинъ, надѣясь спасти положеніе и устранить всѣ бывшія тренія съ представителями казачества, согласился на образованіе коалиціоннаго министерства и на образованіе при себѣ законодательнаго органа.

Но это, конечно, положенія не спасло и, вѣроятно, если-бы это было сдѣлано раньше, то и тогда пользы не принесло; а расколъ въ армію внесло бы навѣрное, такъ какъ и безъ того Особое Совѣщаніе, за свою, яко-бы, лѣвизну, не пользовалось популярностью среди офицерства.

Очень многіе (въ томъ числѣ и нѣкоторые видные военные дѣятели) объясняли неудачу борьбы на югѣ Россіи прежде всего тѣмъ, что мы вели слишкомъ правую политику.

Безусловно вѣрно, что Особое Совѣщаніе, въ общемъ, и начальники отдѣльныхъ управленій не справились съ задачей. Но, думаю, что «политика» въ этомъ отношеніи менѣе всего виновата.

Обстановка была слишкомъ сложна, работу приходилось вести въ неимовѣрно тяжелыхъ условіяхъ и конечный неуспѣхъ явился слѣдствіемъ цѣлаго ряда другихъ причинъ.

ОТДѢЛЪ ПРОПАГАНДЫ

Для широкаго распространенія среди населенія идей, проводимыхъ Командованіемъ Арміи, для привлеченія симпатій населенія на свою сторону, для освѣщенія вопросовъ въ желаемомъ для Командованія смыслѣ — было образовано лѣтомъ 1918 года освѣдомительное отдѣленіе, преобразованное потомъ въ освѣдомительное агентство (Осваг).

Оно должно было вести работу при посредствѣ прессы, выпуска отдѣльныхъ брошюръ, печатанія плакатовъ, проведеніемъ идей при посредствѣ театра и кинематографа и, наконецъ, устной пропагандой.

Для ориентированія заграницы постепенно открывались заграничные освѣдомительные пункты.

Кромѣ центральнаго управленія, по мѣрѣ освобожденія раіоновъ государства отъ большевиковъ, открывались освѣдомительно-агитаціонные пункты въ городахъ и крупныхъ селеніяхъ.

16/29 января 1919 года освѣдомительное агентство было преобразовано въ отдѣлъ пропаганды и во главѣ его сталъ донской общественный дѣятель Н. Е. Парамоновъ.

Центральное правленіе отдѣла открыло свою дѣятельность въ г. Ростовѣ.

Средства на дѣятельность отдѣла пропаганды были отпущены большія, и надѣялись, что дѣло будетъ поставлено хорошо.

Къ этому времени дѣятельность освѣдомительнаго агентства «Освага» вызывала уже много нареканій: одни указывали на привлеченіе къ работѣ совершенно не подходящихъ лицъ, которые стали вести чуть ли не большевистскую пропаганду; другіе указывали на погромное направленіе, проводимое нѣкоторыми мѣстными агентами «Освага»; представители Кубанскаго Правительства указывали на то, что на Кубанской территоріи агенты «Освага» проводили идеи, которыя находились въ рѣзкомъ противорѣчіи со взглядами Кубанскаго Правительства.

Надежда на то, что новый начальникъ отдѣла пропаганды наладитъ работу, не оправдалась; да и взгляды на работу отдѣла пропаганды у Главнаго Командованія и у Н. Е. Парамонова были различны. Парамоновъ считалъ необходимымъ сильный уклонъ «влѣво» и не желалъ особенно считаться съ Особымъ Совѣщаніемъ, полагая, повидимому, что онъ долженъ имѣть дѣло лишь съ генераломъ Деникинымъ.

24 февраля (9 марта) въ письмѣ на имя генерала Деникина, Н. Е. Парамоновъ писалъ: «Я очень огорченъ, что у меня туго подвигается наборъ видныхъ сотрудниковъ, стоящихъ теоретически въ рядахъ соціалистическихъ партій. Окруженіе себя сотрудниками изъ кадетъ и направо будетъ коренной ошибкой. Привлеченіе видныхъ болѣе лѣвыхъ элементовъ — необходимое условіе успѣха. . .»

Генералъ Деникинъ, въ отвѣтномъ письмѣ отъ 25 февраля (10 марта), между прочимъ, написалъ: «Вашу программу — вести дѣло пропаганды съ излишнимъ уклономъ влѣво считаю опасной. До меня начинаютъ уже доходить свѣдѣнія, крайне волнующія армію, что подборъ Вашихъ сотрудниковъ далекъ отъ идеала. . .»

Вслѣдствіе принципіальныхъ разногласій между Особымъ Совѣщаніемъ и Парамоновымъ относительно направленія дѣятельности отдѣла пропаганды и нѣкоторыхъ треній, возникшихъ на почвѣ взаимоотношеній, онъ, 4/17 марта, отказался отъ должности, и профессору Соколову было предложено стать во главѣ отдѣла пропаганды.

К. Н. Соколовъ согласился принять эту должность временно, съ тѣмъ, что, послѣ своего ознакомленія съ дѣятельностью отдѣла и съ постановкой дѣла, онъ сдѣлаетъ подробный докладъ Особому Совѣщанію и только послѣ этого рѣшитъ, можетъ ли онъ принять на себя руководство отдѣломъ пропаганды.

Примѣрно черезъ мѣсяцъ Соколовъ сдѣлалъ Особому Совѣщанію болѣе чѣмъ безотрадный докладъ.

Приведя цѣлый рядъ фактовъ, иллюстрирующихъ совершенно неправильную постановку дѣла, онъ доложилъ, что исправить работу отдѣла пропаганды почти невозможно; что выходъ одинъ: это немедленно совершенно расформировать весь отдѣлъ пропаганды со всѣми его мѣстными отдѣленіями и поставить дѣло наново.

«Но на это потребуется, вѣроятно, 1½—2 мѣсяца», — добавилъ К. Н. Соколовъ.

Генералъ Деникинъ и Особое Совѣщаніе признали невозможнымъ на такой срокъ оказаться безъ органа пропаганды.

Соколовъ сказалъ, что брать на себя безнадежное исправленіе совершенно испорченнаго дѣла онъ не можетъ и проситъ его не назначать начальникомъ пропаганды.

Послѣ настояній генерала Деникина, К. Н. Соколовъ принялъ эту должность, но предупредилъ: «Я опредѣленно заявляю, что вполнѣ исправить дѣло нельзя. Постараюсь сдѣлать — что могу, но заранѣе прошу быть готовымъ къ тому, что изъ этого ничего не выйдетъ».

Онъ оказался правъ.

Нападки на отдѣлъ пропаганды не только не прекращались, но все болѣе и болѣе усиливались. Начиная съ самаго начальника отдѣла пропаганды, всѣ видѣли и сознавали, что дѣло идетъ болѣе чѣмъ неудовлетворительно, и исправить его не могли.

Въ декабрѣ 1919 года генералъ Деникинъ даже хотѣлъ совсѣмъ закрыть отдѣлъ и перестроить его наново; то-есть сдѣлать то, что предлагалъ сдѣлать К. Н. Соколовъ въ началѣ 1919 года.

Надо откровенно признаться, что съ дѣломъ постановки «пропаганды» и правильнаго освѣдомленія населенія мы совсѣмъ не справились и наша «пропаганда» никакой пользы не принесла. Составъ же сотрудниковъ на мѣстахъ былъ такъ слабъ и такъ не подготовленъ къ работѣ, что ихъ дѣятельность часто была явно вредна.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ

Вокругъ земельнаго вопроса страсти разгорались.

Одни считали, что генералъ Деникинъ и Особое Совѣщаніе ведутъ слишкомъ лѣвую политику и разоряютъ прочныя помѣщичьи хозяйства, что, съ государственной точки зрѣнія, преступно; другіе, наоборотъ, указывали, что политика Командованія Добровольческой Арміи слишкомъ правая, «помѣщичья», которая отталкиваетъ отъ арміи крестьянское населеніе.

Многіе указывали, что получается совершенно ненормальное положеніе: генералъ Деникинъ черезъ Особое Совѣщаніе проводитъ земельный законъ для не казачьихъ раіоновъ иной, чѣмъ законы, проводимые на Дону, Кубани и Терекѣ; что это подрываетъ значеніе вырабатываемаго закона и вызываетъ на него нападки массъ, какъ на «контръ-революціонный». Послѣднее указаніе было совершенно справедливо, но Командованіе Добровольческой Арміи и Особое Совѣщаніе не считали возможнымъ базироваться на законы, проводимые казачьими правительствами, а послѣднія, считая себя независимыми отъ Командованія Добровольческой Арміи, въ проведеніи своего законодательства не находили нужнымъ считаться съ законопроектами, вырабатываемыми Особымъ Совѣщаніемъ.

Въ основаніе земельнаго закона, разрабатывавшагося особой комиссіей при Особомъ Совѣщаніи, были положены слѣдующія указанія генерала Деникина (23 марта/5 апрѣля 1919 года), данныя предсѣдателю Особаго Совѣщанія:

«Государственная польза Россіи властно требуетъ возрожденія и подъема сельскаго хозяйства.

Полное разрѣшеніе земельнаго вопроса для всей страны и составленіе для всей необъятной Россіи земельнаго закона будетъ принадлежать законодательнымъ учрежденіямъ, черезъ которыя русскій народъ выразитъ свою волю.

Но жизнь не ждетъ. Необходимо избавить страну отъ голода и принять неотложныя мѣры, которыя должны быть осуществлены незамедлительно. Поэтому Особому Совѣщанію надлежитъ теперь же приступить къ разработкѣ

и составленію положеній и правилъ для мѣстностей, находящихся подъ управленіемъ Главнокомандующаго вооруженными силами на югѣ Россіи.

Считаю необходимымъ указать тѣ начала, которыя должны быть положены въ основу этихъ правилъ и положеній:

1) Обезпеченіе интересовъ трудящагося населенія.

2) Созданіе и укрѣпленіе прочныхъ мелкихъ и среднихъ хозяйствъ за счетъ казенныхъ и частновладѣльческихъ земель.

3) Сохраненіе за собственниками ихъ правъ на землю. При этомъ въ каждой отдѣльной мѣстности долженъ быть опредѣленъ размѣръ земли, которая можетъ быть сохранена въ рукахъ прежнихъ владѣльцевъ, и установленъ порядокъ перехода остальной частновладѣльческой земли къ малоземельнымъ.

Переходы эти могутъ совершаться путемъ добровольныхъ соглашеній или путемъ принудительнаго отчужденія, но обязательно за плату.

За новыми владѣльцами земля, не превышающая установленныхъ размѣровъ, укрѣпляется на правахъ незыблемой собственности.

4) Отчужденію не подлежатъ земли казачьи, надѣльныя, лѣса, земли высоко-производительнаго сельско-хозяйственнаго назначенія и составляющія необходимую принадлежность горнозаводскихъ и иныхъ промышленныхъ предпріятій; въ послѣднихъ двухъ случаяхъ — въ установленныхъ для каждой мѣстности повышенныхъ размѣрахъ.

5) Всемѣрное содѣйствіе землевладѣльцамъ путемъ техническихъ улучшеній земли (мелiорація), агрономической помощи, кредита, средствъ производства, снабженія сѣменами, живымъ и мертвымъ инвентаремъ и проч.

Не ожидая окончательной разработки земельнаго положенія, надлежитъ принять теперь же мѣры къ облегченію перехода земель къ малоземельнымъ и поднятію производительности сельско-хозяйственнаго труда.

При этомъ власть не должна допускать мести и классовой вражды, подчиняя частные интересы благу государства».

Пріѣзжавшій на югъ Россіи чешскій профессоръ Крамаржъ указывалъ, что правильное и срочное разрѣшеніе земельнаго вопроса явится однимъ изъ способовъ привлечь къ себѣ симпатіи крестьянскаго населенія и должно помочь свергнуть совѣтскую власть.

Профессоръ Крамаржъ говорилъ такъ: Крестьяне должны получить землю и быть увѣренными, что ее у нихъ никто не отниметъ. Но, при этомъ, нельзя вышвырнуть за бортъ и разорить интеллигентный помѣщичій классъ, который, въ будущемъ, будетъ необходимъ для улучшенія и развитія въ Россіи культурнаго хозяйства.

По мнѣнію проф. Крамаржа надо было при усадьбахъ оставить помѣщикамъ минимальное, необходимое для культурнаго хозяйства, количество земли, а остальную землю, давъ обязательство помѣщикамъ, что она будетъ у нихъ выкуплена государствомъ на золото, немедленно передать крестьянамъ.

При подобномъ разрѣшеніи вопроса помѣщики не оказались бы разоренными и, впослѣдствіи, сѣли бы опять на землю. При этомъ проф. Крамаржъ указывалъ на то, что передачу помѣщичьей земли въ руки крестьянства должна взять на себя правительственная власть, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, отношенія между помѣщиками и крестьянами еще болѣе обострятся.

Не будучи совершенно компетентнымъ въ этомъ вопросѣ, не берусь судить о правильности того или иного его рѣшенія, но долженъ отмѣтить, что, фактически, никакого земельнаго закона (или положенія) Командованіемъ Добро-

вольческой Арміи издано не было. Законъ былъ выработанъ незадолго до катастрофы, случившейся на фронтѣ въ декабрѣ 1919 года*, но если бы катастрофы и не случилось, то на проведеніе его въ жизнь потребовалось, вѣроятно, не менѣе года.

А въ этомъ вопросѣ, какъ правильно было указано проф. Крамаржомъ, срочность его разрѣшенія должна была играть существенную роль.

Въ освобождаемыхъ отъ большевиковъ раіонахъ крестьяне относились крайне недовѣрчиво ко всѣмъ указаніямъ, что сборъ урожая за ними обезпечивается... Русскій крестьянинъ непреклонный собственникъ, и крестьяне успокоились бы только тогда, когда получили бы въ руки законный документъ, удостовѣряющій, что земля дѣйствительно принадлежитъ имъ.

Пока же это не было сдѣлано — каждый крестьянинъ, работавшій на землѣ, отобранной отъ помѣщика, со дня на день ожидалъ, что или у него эту землю отберутъ, или его посадятъ въ тюрьму, какъ захватчика чужой собственности.

Къ сожалѣнію, при продвиженіи Добровольческой Арміи на сѣверъ, какъ мною было уже указано, были случаи, когда помѣщики, подъ прикрытіемъ войскъ и при помощи сочувствовавшихъ имъ офицеровъ и мѣстной администраціи, не только сами отбирали у крестьянъ скотъ и инвентарь, ограбленный въ ихъ экономіяхъ, но и расправлялись съ крестьянами, мстя за свое разореніе.

Эти случаи обобщались, быстро распространялись между крестьянами, и возбуждали полное недовѣріе къ заявленіямъ и обѣщаніямъ, объявлявшихся отъ имени генерала Деникина.

ВЫБОРНЫЙ ЗАКОНЪ

При возстановленіи городского и земскаго самоуправленій необходимо было установить порядокъ производства выборовъ, то-есть выборный законъ.

Вопросъ былъ очень серьезный, такъ какъ опредѣленіе порядка выборовъ въ городскія и уѣздныя самоуправленія предрѣшалъ общій выборный законъ.

Споровъ было много. Одни указывали на недопустимость примѣнять систему выборовъ — всеобщихъ, равныхъ, прямыхъ и тайныхъ, справедливо указывая, что, при этой системѣ, будутъ проводиться крайніе лѣвые элементы, не исключая и большевиковъ.

Другіе признавали совершенно недопустимымъ идти по опредѣленно контръреволюціонному (многіе говорили — по черносотенному пути) и вводить въ выборы какія либо ограниченія.

Эта группа указывала, что должно быть только одно ограниченіе — совершеннолѣтіе. Всѣ же граждане, достигшіе совершеннолѣтія и не лишенные по суду своихъ правъ, должны быть правомочными избирателями.

Особое Совѣщаніе признало необходимымъ, признавая всеобщее избирательное право, внести въ него ограниченіе въ смыслѣ возрастного ценза (25 лѣтъ) и времени проживанія въ данномъ городѣ, уѣздѣ (не менѣе двухъ лѣтъ).

---

* Онъ даже не разсматривался Особымъ Совѣщаніемъ.

ОТНОШЕНІЕ КЪ НОВЫМЪ ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ОБРАЗОВАНІЯМЪ НА ТЕРРИТОРІИ РОССІИ

Польша, конечно, признавалась какъ самостоятельное государство, но генералъ Деникинъ категорически отвергалъ возможность санкціонировать захватъ Польшей исконныхъ русскихъ земель и указывалъ, что границы съ Польшей будутъ установлены впослѣдствіи, когда въ Россіи будетъ законная Всероссійская власть.

Польша же добивалась получить отъ генерала Деникина вексель впередъ и опредѣленно уклонялась оказать помощь въ борьбѣ съ большевиками до соглашенія съ нимъ относительно ея границъ съ Россіей.

Относительно фактическаго признанія самостоятельности правительствъ Грузіи, Арменіи и Азербайджана возраженій не было — до рѣшенія этого вопроса будущей Всероссійской властью.

Подъ давленіемъ союзниковъ такое же признаніе пришлось сдѣлать относительно Прибалтійскихъ государственныхъ новообразованій.

Что же касается Украины, Дона, Кубани, Терека, то противъ признанія ихъ полной самостоятельности опредѣленно высказывались и генералъ Деникинъ, и Особое Совѣщаніе.

Считая, что указанныя части государства Россійскаго должны будутъ получить широкую автономію, мы всѣ боролись противъ домогательствъ расчленять Россію и создавать новыя «суверенныя» государства.

За эту политику насъ многіе упрекали. Даже многіе изъ тѣхъ, которые были противъ расчлененія Россіи, говорили, что эта прямолинейная политика не разумна; что надо идти на соглашенія, лишь бы объединить всѣ силы для борьбы противъ большевиковъ; что для возрожденія Россіи не будутъ опасны никакія обѣщанія генерала Деникина и что Россія, когда придетъ время, во всемъ разберется и каждый будетъ поставленъ на свое мѣсто.

Но генералъ Деникинъ на это не шелъ, говоря, что это путь опасный, не честный и не допустимый.

ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Что касается промышленности, то, конечно, не было ни времени, ни возможности ее наладить, какъ слѣдуетъ. Ограничились лишь тѣмъ, что все, что можно было, приспособливали для обслуживанія арміи, флота и желѣзныхъ дорогъ.

Серьезныя упреки были относительно того, что не сумѣли добиться большей добычи угля въ Донецкомъ бассейнѣ и подачи излишка угля къ портамъ.

Эти обвиненія дѣйствительно справедливы, но финансовыя затрудненія не позволили идти на установленіе цѣнъ на уголь въ томъ размѣрѣ, какъ на этомъ настаивали углепромышленники.

Съ правильнымъ разрѣшеніемъ вопросовъ торговли мы совсѣмъ не справились.

Обстановка была крайне сложная. Донъ, Кубань и Терекъ окружили себя таможенными рогатками и пропускали черезъ нихъ безпрепятственно только

грузы, предназначенные на довольствіе арміи и ея надобности, и всѣ проходящіе черезъ ихъ раіоны транзитомъ.

Все же, не предназначавшееся непосредственно для арміи, Правительства Дона, Кубани и Терека соглашались пропускать черезъ свои границы только на товарообмѣнъ.

На этой почвѣ возникало много треній и недоразумѣній. Получались иногда самыя невѣроятныя положенія. Кубань была полна хлѣбомъ и другими продовольственными продуктами, а населеніе прилегавшей къ ней Черноморской губерніи въ нѣкоторые періоды буквально голодало; бывали случаи, когда намъ приходилось посылать поѣзда съ продовольствіемъ съ Кубани въ Черноморскую губернію въ сопровожденіи военной охраны, чтобы продовольствіе не было задержано таможенной заставой.

Создавшееся положеніе особенно тягостно отражалось на правильномъ разрѣшеніи вопросовъ внѣшней торговли.

Генералъ Деникинъ и Особое Совѣщаніе не считали возможнымъ, допустить, чтобы каждое изъ казачьихъ правительствъ вело самостоятельную внѣшнюю торговлю. Въ результатѣ же получалось, что на ихъ территоріяхъ имѣлось неиспользованнымъ большое количество хлѣба и различнаго сырья, а управленіе торговли и промышленности не могло подать въ порты, находившіеся въ вѣдѣніи Командованія арміей, продукты, которые можно было бы направить за границу для полученія столь необходимой валюты, или для товарообмѣна.

Но, кромѣ того, и Особое Совѣщаніе, отвергая первоначально принципъ свободной внѣшней торговли и желая ее монополизировать въ рукахъ правительства, съ этимъ вопросомъ не справилось.

Только осенью 1919 года, убѣдившись, что казенный аппаратъ не можетъ какъ слѣдуетъ наладить внѣшнюю торговлю и товарообмѣнъ, рѣшили объявить свободу торговли, отчисляя, за вывозимые товары, извѣстный % въ валютѣ въ пользу государственной казны.

Въ связи съ вопросомъ внѣшней торговли, неоднократно подымался вопросъ о предоставленіи нашимъ союзникамъ различныхъ концессій.

Сторонники концессій указывали, что это единственный способъ получить значительныя средства въ иностранной валютѣ; что это экономически затянетъ въ русскія дѣла союзниковъ и они будутъ болѣе рѣшительно помогать для сверженія совѣтской власти и для установленія въ Россіи порядка.

Генералъ Деникинъ опредѣленно былъ противъ концессій, считая, что онъ не имѣетъ права связывать будущее всероссійское правительство какими либо долгосрочными обязательствами и заниматься распродажей Россіи по частямъ.

Только въ декабрѣ 1919 года генералъ Деникинъ, съ большой неохотой, далъ согласіе на предоставленіе союзникамъ концессій на эксплоатацію лѣсовъ въ Черноморской губерніи. Но это предположеніе, вслѣдствіе развернувшихся событій, не было осуществлено.

ГРАЖДАНСКАЯ АДМИНИСТРАЦІЯ ВЪ ТЫЛУ

Генералъ Деникинъ постоянно требовалъ, чтобы на подборъ администраціи обращалось самое серьезное вниманіе.

Требовалось, чтобы въ распоряженіи начальника управленія Внутреннихъ Дѣлъ были заранѣе намѣченные начальники губерній и уѣздовъ, которыхъ

можно было бы посылать на мѣста немедленно по освобожденію раіоновъ отъ власти большевиковъ.

Но для занятія этихъ должностей не было много охотниковъ, а потому выборъ былъ очень малъ. Надо признать, что среди назначенныхъ начальниками губерній, а особенно начальниками уѣздовъ, оказалось много совершенно не подходящихъ и не соотвѣтствующихъ лицъ.

Плохой подборъ служащихъ и ничтожное жалованіе, дававшееся имъ и обрекавшее ихъ на полунищенское существованіе, привело скоро къ тому, что среди младшихъ служащихъ стали процвѣтать взятки и поборы съ населенія, А это, естественно, способствовало развалу тыла и возбуждало противъ администраціи населеніе.

КОНТРЪ-РАЗВѢДКА

Задача органовъ контръ-развѣдки, подчиненной штабу Главнокомандующаго, заключалась: въ арестѣ большевисткихъ агитаторовъ и видныхъ большевистскихъ дѣятелей, оставляемыхъ большевиками въ раіонахъ, которые они принуждены были очищать при наступленіи нашей арміи; въ производствѣ предварительныхъ дознаній относительно тѣхъ мѣстныхъ жителей, которые, во время господства большевиковъ въ данной мѣстности, своей дѣятельностью, особо способствовали укрѣпленію совѣтской власти; въ арестѣ въ войсковыхъ раіонахъ вновь проникающись туда большевистскихъ агентовъ. Въ приморскихъ пунктахъ органы контръ-развѣдки обязаны были наблюдать за всѣми въѣзжающими и выѣзжающими, вылавливая и передавая слѣдственнымъ властямъ большевистскихъ агентовъ.

Дѣятельность органовъ контръ-развѣдки вызывала не только серьезныя жалобы, но и всеобщее возмущеніе.

На службу въ контръ-развѣдку, нормально, шелъ худшій элементъ, а соблазновъ было много: при арестахъ большевистскихъ дѣятелей обыкновенно находили много награбленныхъ драгоцѣнностей и крупныя суммы денегъ; такъ какъ отвѣтственнымъ большевистскимъ дѣятелямъ грозила смертная казнь, то, за свое освобожденіе, многіе изъ нихъ предлагали крупныя взятки; за полученіе разрѣшенія на выѣздъ за границу многіе также предлагали крупныя суммы. Наконецъ, вообще характеръ дѣятельности органовъ контръ-развѣдки открывалъ широкое поприще для всевозможныхъ злоупотребленій и преступныхъ дѣйствій.

Многіе изъ чиновъ контръ-развѣдки были отданы подъ судъ, но общее мнѣніе было, что это дѣла не измѣнило и грабежъ, и взяточничество среди чиновъ контръ-развѣдки процвѣтали.

Особое Совѣщаніе нѣсколько разъ обсуждало этотъ вопросъ и возбуждало передъ главнокомандующимъ ходатайство о передачѣ функцій контръ-развѣдки въ уголовно-розыскную часть, составъ чиновъ которой (преимущественно чины судебнаго вѣдомства), въ значительной степени, гарантировалъ честное отношеніе къ дѣлу.

Но штабъ Главнокомандующаго доказывалъ, что безъ органовъ контръ-развѣдки онъ обойтись не можетъ, и дѣло оставалось безъ измѣненія до конца.

Суровыя же мѣры, которыя генералъ Деникинъ требовалъ примѣнять по отношенію къ преступнымъ элементамъ контръ-развѣдки, ни къ какимъ положительнымъ результатамъ не привели.

СНАБЖЕНІЕ АРМІИ

Снабженіе арміи производилось, главнымъ образомъ, двумя путями: черезъ союзниковъ и заготовленіемъ черезъ органы снабженія. Былъ еще третій способъ — это захватомъ военной «добычи» отъ большевиковъ.

Союзники (привозили англичане, а французы принимали на себя половину стоимости предметовъ, доставляемыхъ англичанами) доставляли предметы вооруженія, снаряженія, боевые припасы, авіаціонное имущество, предметы инженернаго снабженія и обмундированіе.

По численности арміи, на первое время, доставляемыхъ боевыхъ предметовъ снабженія — было достаточно, но обмундированія было совершенно не достаточно; при постоянной перемѣнѣ личнаго состава (убитые, раненые, больные, плѣнные, дезертиры*) армія не могла быть одѣта даже сносно.

Заготовленіе предметовъ снабженія на своей территоріи, средствами органовъ снабженія, мы наладить, какъ слѣдуетъ, не могли. Отчасти, конечно, это происходило вслѣдствіе неналаженности работы управленія снабженія, но главная причина заключалась въ недостаткѣ денежныхъ средствъ и невозможности пріобрѣтать заграницей то, чего нельзя было достать на мѣстѣ.

Съ денежнымъ довольствіемъ также происходили постоянныя задержки, и части войскъ по 2, по 3 мѣсяца не получали денегъ для выдачи жалованія чинамъ и на текущее довольствіе.

Что касается такъ-называвшейся «военной добычы», то съ ней дѣло обстояло совсѣмъ плохо.

Хотя въ тылу арміи имѣлись особыя комиссіи, которыя должны были принимать все захваченное имущество и его сортировать (для выдачи на довольствіе войскъ; для возвращенія владѣльцамъ, у которыхъ оно было отобрано большевиками; для продажи), но, фактически, въ эти комиссіи попадали жалкіе остатки.

Части войскъ, захватившія то или иное имущество, прежде всего, старались устроить свои собственные запасы, а часть посылали въ тылъ для продажи, или обмѣна на что-нибудь другое, нужное для частей войскъ. При этомъ, конечно, были злоупотребленія, и многіе чины, занимавшіеся «товарообмѣномъ» и продажей имущества старались обогатиться сами.

Все это являлось слѣдствіемъ плохо организованнаго снабженія и попустительства со стороны команднаго состава.

А если къ этому добавить, что командованіе арміей совершенно не считалось съ общимъ органомъ снабженія, а считало, что все захваченное на фронтѣ принадлежитъ по праву «военной добычи» данной арміи (Донское Командованіе перевозило къ себѣ на Донъ даже станки съ заводовъ не Донской территоріи), то ясна будетъ та картина безобразія, которая происходила при продвиженіи арміи впередъ, вызывая, со стороны населенія и владѣльцевъ различнаго имущества, жалобы и нареканія.

Вслѣдствіе неналаженности снабженія и несвоевременнаго полученія всего необходимаго, командный составъ армій и войсковыя части прибѣгали къ реквизиціямъ у населенія.

---

* Во время гражданской войны, въ періодъ неудачъ, особенно великъ % убыли сдающимися въ плѣнъ и дезертирами.

Платныя реквизиціи, въ этихъ случаяхъ, были вполнѣ законными; но такъ какъ были часто случаи, что войсковыя части не получали своевременно причитающихся имъ денежныхъ средствъ, то реквизиціи производились и безплатныя. Въ началѣ случаи безплатныхъ реквизицій были рѣдкіе и при ихъ производствѣ выдавались населенію квитанціи на забранные продукты, но впослѣдствіи, къ концу лѣта 1919 года, они не только участились, но стали обыденнымъ явленіемъ.

Войска называли это «самоснабженіемъ», а, фактически, эти реквизиціи превратились просто въ грабежъ, возбуждавшій населеніе противъ арміи.

ФИНАНСОВЫЕ ВОПРОСЫ

Между главнымъ Командованіемъ и казачествомъ состоялось соглашеніе о необходимости образовать единый государственный банкъ и перейти къ единому денежному знаку, но фактически это не было проведено въ жизнь.

Ростовская экспедиція заготовленія денежныхъ знаковъ осталась въ вѣдѣніи Донского Правительства, которое согласилось часть выпускаемыхъ денежныхъ знаковъ передавать въ распоряженіе управленія финансовъ Добровольческой Арміи, а также Кубанскому и Терскому Правительствамъ. Но количество получаемыхъ денежныхъ знаковъ совершенно не удовлетворяло потребности въ нихъ.

Управленіе финансовъ Добровольческой Арміи, хотя и оказало помощь Донскому Правительству по лучшему оборудованію Ростовской экспедиціи, но, параллельно съ этимъ, принуждено было оборудовать въ Кіевѣ, Одессѣ и Новороссійскѣ (впослѣдствіи и въ Ѳеодосіи) свои экспедиціи.

Кромѣ того, въ Англіи были заказаны, по особому образцу, денежные знаки различныхъ достоинствъ. Заграничный заказъ сталъ выполняться незадолго до катастрофы 1919 года и эти денежные знаки не были пущены въ обращеніе. Кіевская и Одесская экспедиціи, вскорѣ послѣ ихъ оборудованія, должны были быть эвакуированы; Новороссійская и Ѳеодосійская эспедиціи были окончательно оборудованы къ концу 1919 года.

Въ результатѣ мы почти все время ощущали острую нужду въ денежныхъ знакахъ и, изъ-за этого, генералъ Деникинъ не могъ своевременно увеличить содержаніе служащихъ въ соотвѣтствіи съ вздорожаніемъ жизни*. Недостаточное же содержаніе и жизнь впроголодь толкали очень многихъ на преступные поступки; поборы и взяточничество развивались.

---

* Плохо были обезпечены не только младшіе, но и старшіе чины.

При первоначальномъ формированіи Добровольческой арміи въ 1917 г., когда жизнь уже сильно вздорожала, оклады были приняты минимальные. Генералъ Корниловъ получалъ 1000 р. въ мѣсяцъ, а ближайшіе его сотрудники, генералъ Деникинъ и я, по 700 р. въ мѣсяцъ.

Разбирая документы, я нашелъ слѣдующаго содержанія записку генерала Алексѣева на имя завѣдывающаго контрольно-финансовымъ отдѣломъ Добровольческой арміи, которая мнѣ объяснила, почему семья генерала Алексѣева, бывшая на Донской территоріи во время перваго кубанскаго похода, очень бѣдствовала:

«Лично мнѣ за время дѣятельности въ организаціи опредѣлено вознагражденіе отъ Московскаго центра по 1500 р. въ мѣсяцъ.

Вслѣдствіе потери связи я не получилъ этого вознагражденія за январь, февраль, мартъ и апрѣль 1918 г.

Конечно, нельзя говорить, что это единственная причина, развившая взяточничество и поборы, но, при вообще значительно понизившемся моральномъ уровнѣ за періодъ войны и революціи, это была одной изъ главныхъ причинъ.

Недостатокъ денежныхъ знаковъ вліялъ на скупку зерна, на широкія угольныя заготовки и на развитіе работъ по заготовкамъ всего необходимаго для арміи.

Несвоевременные переводы денегъ на довольствіе войскъ, какъ я уже отмѣтилъ, вызывали производство безплатныхъ реквизицій.

Управленіе финансовъ доказывало, что дѣлалось все, что только возможно для полученія большаго числа денежныхъ знаковъ, но обстановка не позволяла, какъ слѣдовало, наладить дѣло.

Судить не берусь, можно ли было сдѣлать больше, но всѣ обвиняли управленіе финансовъ въ неумѣніи наладить печатаніе достаточнаго количества денежныхъ знаковъ, въ то время, когда большевики налаживали печатаніе чуть ли ни въ вагонахъ.

Положеніе управленія финансовъ было чрезвычайно трудное. Но думаю, что если бъ ему вначалѣ и удалось наладить работу печатнаго станка, то на долго этого не хватало бы и это, конечно, не было разрѣшеніемъ вопроса.

Курсъ бумажныхъ денегъ такъ катастрофически падалъ, что какъ бы много ни печаталось денегъ — ихъ, все равно, скоро перестало бы хватать.

Заемъ заграницей или значительный кредитъ получить не удалось, а наладить вывозъ хлѣба и сырья мы не сумѣли.

Изъ русскихъ средствъ, находившихся заграницей, Добровольческая Армія получила право располагать нѣкоторой, сравнительно, незначительной суммой, но этого было недостаточно.

Былъ еще способъ получить въ распоряженіе казны значительное количество цѣнностей — путемъ скупки золота и драгоцѣнностей у частныхъ лицъ и въ магазинахъ.

На это нѣсколько разъ обращали вниманіе управленія финансовъ; было предположено поручить это дѣло нѣсколькимъ агентамъ, но, насколько мнѣ извѣстно, это осуществлено не было. Думаю, что если бъ это было организовано и за драгоцѣнности казна платила выше рыночной цѣны, то можно было бы скупить ихъ очень много и образовать довольно значительный валютный фондъ. Надо имѣть въ виду, что, какъ ни грабили большевики, но бѣженцы, все же, умудрялись провозить съ собой много драгоцѣнностей, и ихъ на югѣ Россіи накопилось очень много.

Очень сложнымъ былъ вопросъ съ признаніемъ или непризнаніемъ совѣтскихъ денегъ.

Населеніе, у котораго скопилось много этихъ денегъ, было недовольно отказомъ Командованія ихъ признавать; войска, при продвиженіи впередъ, при

Прошу, позаимствовавъ временно эту сумму изъ общихъ запасовъ организаціи и проведя ее по отчетамъ, выдать мнѣ впередъ до расчета съ Московскимъ центромъ. Генералъ Алексѣевъ. 22 апрѣля 1918 г. Егорлыкская».

Значительное повышеніе окладовъ содержанія послѣдовало только осенью 1919 года. Лѣтомъ же 1919 года моя, напримѣръ, семья, при томъ, что я тогда получалъ уже 1800 р. въ мѣсяцъ, едва сводила концы съ концами, и то только благодаря тому, что жена и дочь сами готовили обѣдъ и стирали бѣлье.

Одинъ изъ губернаторовъ жаловался мнѣ на то, что онъ не только не можетъ пригласить къ своему столу кого либо изъ вызванныхъ къ нему изъ уѣздовъ по дѣламъ службы, но самъ съ семьей буквально голодаетъ.

захватѣ военноплѣнныхъ, совѣтскихъ штабовъ и различныхъ учрежденій, насыщивались этими деньгами и также были недовольны ихъ непризнаніемъ.

Особое Совѣщаніе считало недопустимымъ признавать эти деньги хотя бы и временно*. При временномъ ихъ признаніи, то-есть назначеніи срока на обмѣнъ ихъ на денежные знаки, имѣющіе хожденіе на территоріи, освобожденной отъ большевиковъ, у насъ не хватило бы денегъ для производства этой операціи. Свободное же допущеніе въ обращеніе совѣтскихъ денегъ давало бы въ руки Совѣтскаго Правительства слишкомъ могучее оружіе для борьбы съ нами.

Генералъ Деникинъ, при объѣздѣ фронта, прислалъ мнѣ изъ Харькова (23 іюня/6 іюля 1919 года) телеграмму, въ которой, между прочимъ, указывая, что распоряженіе о непризнаніи совѣтскихъ, въ частности пятаковскихъ, денегъ, возбуждаетъ населеніе, въ которое выпущено ихъ около милліарда, сообщаетъ, что генералъ Май-Маевскій это распоряженіе пріостановилъ, и просилъ дать объясненіе.

Въ отвѣтъ на телеграмму я послалъ (24 іюня/7 іюля) Главнокомандующему слѣдующій отвѣтъ:

«Вопросъ о совѣтскихъ деньгахъ, въ частности пятаковскихъ, подробно обсуждался Особымъ Совѣщаніемъ и съ практической и научной точекъ зрѣнія. Единогласно признано, что если допустить и признать эти деньги, то мы оставляемъ страшное орудіе въ рукахъ совѣтской власти и ведемъ Россію къ вѣрному банкротству.

Вѣдь при дальнѣйшемъ продвиженіи мы встрѣтимъ еще большее количество милліардовъ этихъ денегъ. То, что населеніе, имѣющее конечно и романовскія, и керенки, и украинскія, выбрасываетъ на рынокъ именно совѣтскія, прежде всего указываетъ на то, что оно само сознаетъ непрочность этихъ денегъ. Конечно и у войскъ совѣтскихъ денегъ оказалось много. Характеренъ одинъ изъ мотивовъ Май-Маевскаго, что на армію жертвуется много этихъ денегъ. Конечно эта операція (то-есть непризнаніе совѣтскихъ денегъ) болѣзненная, но Особое Совѣщаніе и Управляющій финансами другого выхода не видѣли. Постановлено предложить всѣ совѣтскія деньги сдавать на текущій счетъ, объявивъ населенію, что пока ихъ судьба не рѣшается; но выдавать можно каждому, независимо отъ принесенной суммы, не болѣе пятисотъ рублей признаваемыми знаками** съ отмѣткой на видѣ на жительство.

Единственное, что возможно — это нѣсколько увеличить выдачу, но врядъ ли допустимо эти деньги признавать».

Генералъ Деникинъ согласился съ этимъ объясненіемъ, и имъ были преподаны соотвѣтствующія указанія.

Но эта мѣра, особенно среди рабочихъ, вызвала большое неудовольствіе противъ «бѣлой арміи».

---

* Исключеніе изъ этого правила, въ смыслѣ временнаго признанія совѣтскихъ денегъ, насколько помню, было допущено только для раіона сѣвернаго Кавказа.

** Эту уступку, т. е. незначительный размѣнъ, признано было необходимымъ сдѣлать, такъ какъ дѣйствительно городское населеніе, а особенно рабочіе, при полномъ непризнаніи совѣтскихъ денегъ ставилось въ очень тяжелое положеніе.

БИБЛІОТЕКА
„РУССКАЯ МЫСЛЬ

ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦІОННЫЕ И ОПЕРАТИВНЫЕ

Вести правильную работу по формированію и организаціи арміи въ условіяхъ гражданской войны, не имѣя устроеннаго тыла и не будучи хозяевами на территоріи казачьихъ войскъ, было крайне трудно.

Въ этой области ошибокъ было, конечно, много, но я остановлюсь только на вопросѣ формированія новыхъ войсковыхъ частей и, въ частности, на созданіи регулярной кавалеріи.

Отъ «добровольческаго» принципа генералъ Деникинъ отказался съ началомъ 2-го Кубанскаго похода, то-есть, примѣрно, съ мая 1918 года.

Хотя армія и продолжала называться «Добровольческой», но, какъ на территоріи Кубанскаго казачьяго войска, такъ и въ освобождаемыхъ не казачьихъ раіонахъ, были образованы управленія уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ и военнообязанные, какъ запасные, такъ и новобранцы, призывались на службу въ войска.

Всѣ находившіеся въ освобождаемыхъ раіонахъ также обязаны были поступить на службу.

Перешли, такимъ образомъ, къ принципу обязательной службы.

Съ расширеніемъ территоріи, въ распоряженіи Командованія Арміи оказался значительный контингентъ военнообязанныхъ и явилась возможность приступить къ значительному увеличенію арміи.

Увеличеніе арміи могло производиться двумя путями: или развертываніемъ существующихъ полковъ въ бригады, бригадъ въ дивизіи, дивизій въ корпуса; или формированіемъ новыхъ полковъ и сведеніемъ ихъ въ новыя болѣе крупныя соединенія.

У насъ были примѣнены оба способа, но первому, какъ обезпечивающему болѣе прочныя части, было отдано предпочтеніе.

Увеличеніе арміи путемъ новыхъ формированій производилось въ раіонахъ, гдѣ не было старыхъ частей Добровольческой Арміи (въ Крыму, въ Новороссіи, въ Кіевской Области, на сѣверномъ Кавказѣ) и при возсозданіи старыхъ полковъ Императорской Арміи.

Эти рѣшенія не вызывали сомнѣній, да и другихъ рѣшеній не было; но с п о с о б ъ формированія частей вызывалъ критику.

Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе растянутости фронта и его слабости, штабъ Главнокомандующаго примѣнилъ способъ формированія новыхъ частей н а ф р о н т ѣ. Получая укомплектованіе, скажемъ, Корниловскій полкъ, выдѣлялъ кадръ и тутъ же на фронтѣ формировалъ новый 3-й или 4-й Корниловскій полкъ.

Вновь сформированный полкъ, въ который на укомплектованіе поступали и присланныя пополненія изъ запасныхъ батальоновъ и только что взятые въ плѣнъ красноармейцы, въ ближайшіе же дни попадалъ въ бой и, какъ недостаточно сплоченный, при малѣйшей боевой неудачѣ, несъ большія потери дезертирами и плѣнными.

Противники развертыванія частей на фронтѣ указывали и на другой существенный недостатокъ этой системы, а именно, начальники дивизій, желая скорѣй развернуть свои части, скрывали отъ органовъ снабженія число захваченныхъ у большевиковъ орудій, пулеметовъ, винтовокъ и боевыхъ припасовъ; образовывали свои запасы и это, при общемъ недостаткѣ всякихъ запасовъ, естественно отражалось на планомѣрности формированій; а захваченное

имущество, безъ должнаго ремонта, который произвести на фронтѣ было не возможно, скоро приходило въ полную негодность.

Штабъ Главнокомандующаго не соглашался на выдѣленіе кадровъ изъ дѣйствующихъ частей и на отправку ихъ для формированія новыхъ частей въ глубокій тылъ, указывая на невозможность ослаблять фронтъ.

Конечно, при формированіи новыхъ частей въ глубокомъ тылу, фронтъ усиливался бы новыми частями значительно позже и это, естественно, должно было бы уменьшить темпъ развитія операцій и не позволило бы сильно растягивать фронтъ.

Но, по мнѣнію многихъ, при формированіи новыхъ частей въ глубокомъ тылу, усиленіе арміи было бы поставлено болѣе основательно и болѣе прочно, а новыя части были бы крѣпче.

Что касается развитія формированій частей регулярной кавалеріи, то на это не было обращено должнаго вниманія.

Командованіе Добровольческой Арміи отлично понимало, что въ гражданской войнѣ, при сравнительной слабости пѣхоты противника, конница должна играть громадную роль. Но у насъ на развитіе формированій регулярной конницы было обращено большее вниманіе лишь лѣтомъ 1919 г., но и то не въ достаточной степени.

Между тѣмъ, если-бъ этотъ вопросъ былъ правильно поставленъ съ осени 1918 года, то, при наличіи большого числа кавалерійскихъ офицеровъ, можно было бы преодолѣть всѣ трудности и къ осени 1919 года имѣть значительную регулярную конницу.

Оперативные планы Главнаго Командованія подвергались, конечно, также критикѣ.

Я остановлюсь только на тѣхъ нападкахъ, которыя, по моему мнѣнію, заслуживаютъ вниманія.

Указывалось на то, что весной 1919 года, послѣ очищенія отъ большевиковъ сѣвернаго Кавказа, было бы болѣе правильно, не занимая Донецкаго Бассейна, а лишь удерживая на правомъ берегу Дона плацдармъ у Ростова, всѣ силы сосредоточить на Царицынскомъ направленіи и, занявъ Царицынъ, развивать операціи вдоль Волги, что нарушило бы операціи большевиковъ противъ арміи адмирала Колчака и дало бы возможность войти въ связь съ послѣдними.

Трудно сказать, конечно, насколько такая операція была бы удачна.

Если-бы удалось удержать Ростовъ и Новочеркасскъ, то она могла дать блестящіе результаты; но если-бъ линію Дона удержать не удалось и если-бъ большевики, опрокинувъ заслонъ и потѣснивъ Донскую Армію, отрѣзали группу войскъ оперирующую на Царицынскомъ направленіи отъ ея базы на Кубани, то это могло бы кончиться плохо.

Затѣмъ многіе обвиняли Главное Командованіе, что оно, гонясь за захватомъ большей территоріи, не сообразуясь съ наличными силами, слишкомъ продвигало армію впередъ, растягивало войска и, въ результатѣ, не имѣя нигдѣ резервовъ, потерпѣло пораженіе.

Этотъ упрекъ, въ связи съ общимъ неустройствомъ тыла, надо признать правильнымъ.

* *
*

Значительный % преступнаго элемента среди воинскихъ чиновъ, какъ офицеровъ, такъ и солдатъ, объясняется, прежде всего, тѣмъ, что съ лѣта 1918 года, вооруженныя силы юга Россіи* фактически перестали быть Добровольческой Арміей.

Ряды арміи пополнялись не только идейными людьми, какъ это было въ первый періодъ существованія арміи, а по набору, по принужденію, по повинности; много въ армію попадало и изъ числа военноплѣнныхъ и перебѣжчиковъ красной, большевистской арміи.

При общемъ пониженіи моральнаго уровня за періодъ Европейской войны и русской смуты, естественно, что въ ряды вооруженныхъ силъ юга Россіи, а въ частности Добровольческой** Арміи, попадалъ довольно значительный % преступнаго элемента.

Но тѣ преступныя дѣянія, которыя омрачили дѣятельность вооруженныхъ силъ юга Россіи, тонули въ геройскомъ поведеніи и самоотверженной работѣ русскаго*** офицерства, русской молодежи (студентовъ, гимназистовъ, юнкеровъ и кадетъ) и многихъ простыхъ казаковъ и солдатъ, которые, неся страшныя тяготы и лишенія, безстрашно и безропотно шли на смерть ради спасенія несчастной, опозоренной Родины.

* *
*

Конечную неудачу такъ называемаго «Деникинскаго періода» большинство приписываетъ тому, что руководители арміи и Особое Совѣщаніе совершенно не справились съ устройствомъ тыла и не уберегли армію отъ развала.

Какъ конечный выводъ — это вѣрно. Но обстановка была такъ сложна, условія работы по государственному строительству были такъ трудны, что неудачи этого періода врядъ ли можно объяснять только неправильной политикой генерала Деникина и его правительства, ошибками послѣдняго и неудачнымъ подборомъ сотрудниковъ.

Не знаю, насколько удачно, но въ своемъ изложеніи я хотѣлъ очертить ту совокупность условій, которыя и привели къ конечной неудачѣ.

Что касается собственно Добровольческой Арміи, то, несмотря на многія тѣневыя стороны, ея самоотверженная и патріотическая работа будетъ отмѣчена исторіей.

Въ заключеніе я позволю себѣ привести выдержки изъ статьи «Побѣда духа» (газета Свободная Рѣчь, отъ 30 марта [12 апрѣля] 1919 г., № 71) чистаго сердцемъ, большого русскаго патріота профессора князя Евгенія Трубецкого:

«Главное отличіе Добровольческой Арміи отъ большевистской — діаметрально противоположный жизненный укладъ... у нихъ (добровольцевъ) есть то, чего нѣтъ у большевиковъ. Есть воинская честь и несокрушимая сила духа.

Въ дни всеобщаго униженія и разложенія, Добровольческая Армія явила эту силу. Въ этомъ ея заслуга, которая больше всѣхъ одержанныхъ ею

---

* Вооруженными силами юга Россіи называлась совокупность всѣхъ воинскихъ силъ, сформированныхъ на югѣ Россіи для борьбы съ большевиками.

** Оставшейся «Добровольческой» только по названію.

*** Я, конечно, казачество не отдѣляю отъ русскаго офицерства и русской молодежи. Да для нихъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ самостійниковъ, это было бы и кровнымъ оскорбленіемъ.

побѣдъ. Въ эпохи національнаго упадка самое ужасное — это тотъ духовный параличъ, который наступаетъ, когда народъ утрачиваетъ вѣру въ себя. Сколько разъ Россія переживала это мучительное состояніе! Съ него началась русская исторія, когда, отчаявшись въ себѣ, наши предки послали за варягами.

Потомъ то-же отчаяніе — въ дни татарщины и въ тяжкое лихолѣтіе смутнаго времени.

Чѣмъ спасаются въ такія времена? Конечно, не какими либо великими дѣлами массъ, которыя всегда сѣры, безцвѣтны и малодушны, а героическими подвигами избранныхъ, лучшихъ людей...

А народъ былъ тогда, какъ и теперь, все та же колеблющаяся, измѣнчивая масса, которая то звѣрѣетъ и неистовствуетъ, то кается въ своихъ грѣхахъ и подчиняется національному инстинкту, то коснѣетъ въ тупомъ равнодушіи. Не масса дѣлаетъ исторію, а личность.

Она зажигаетъ массы, отъ нея рождается стихійныя, неудержимыя народныя движенія.

Вотъ почему намъ такъ безконечно дороги тѣ героическіе подвиги, которые были явлены на Кубани и на Терекѣ.

Они пробуждаютъ въ насъ вѣру въ Россію...

Въ заключеніе помянемъ еще заслугу, за которую мы должны отвѣсить земной поклонъ Добровольческой Арміи. Мы живемъ въ эпоху неслыханнаго упадка патріотизма. Одни мѣняютъ родину на выгоду личную, другіе на выгоду классовую. Третьи дѣлаютъ видъ, что ее любятъ, но, на самомъ дѣлѣ, дѣлаютъ карьеру на патріотизмѣ.

И вотъ теперь, среди этой деморализаціи и разложенія, — ясный проблескъ національнаго возрожденія. Мы видимъ людей, которые любятъ Россію беззавѣтно и безгранично, ради нея самой, какъ любятъ безконечно дорогого человѣка. Ибо какой корысти ждутъ отъ Россіи тѣ, кто добровольно, безъ принужденія, жертвуютъ для нея жизнью или становятся ради нея калѣками.

Въ минуту, когда мы не знали, жива Россія или мертва, добровольцы явили горячую, пламенную любовь къ родинѣ и тѣмъ засвидѣтельствовали о таящейся въ ней жизненной силѣ.

Нѣтъ того народа, который въ теченіе многихъ вѣковъ своей исторіи не переживалъ бы критическіе, страшные дни упадка и смуты.

Но отличіе великаго народа — въ его способности подниматься изъ глубины паденія на высоту, недоступную слабымъ и малодушнымъ. Теперь мы видимъ начало такого подъема, онъ засвидѣтельствованъ не словами, а дѣлами, которыя перейдутъ въ исторію и останутся навсегда предметомъ восхищенія и гордости...»

Изъ Кіевскихъ воспоминаній

(1917—1921 гг.)

А. А. Гольденвейзера

I. Эпоха Временнаго Правительства

(февраль—октябрь 1917 года)

Наканунѣ. — Первые дни. — Организація мѣстной власти. — Еврейская общественность. — Праздникъ равноправія. — Первый украинскій съѣздъ. — «Совѣтъ объединенныхъ еврейскихъ организацій». — Кіевскій Исполнительный Комитетъ и его члены. — Пресса. — Пріѣздъ А. Ф. Керенскаго. — Нашъ конфликтъ съ украинцами. — Пріѣздъ Церетели. — Соглашеніе съ украинцами и вступленіе «меньшинствъ» въ Центральную Раду. — Областное еврейское совѣщаніе и агитація Рафеса. — Нѣсколько словъ о пропорціональныхъ выборахъ. — Выборы въ Кіевскую Городскую Думу. — Національно-политическія размышленія. — Корниловщина. — Новая Дума. — Наканунѣ новыхъ событій.

Въ концѣ февраля 1917 года въ Кіевѣ ничто не предвѣщало великихъ событій, на самомъ порогѣ которыхъ мы находились.

Убійство Распутина, повидимому, не произвело у насъ того впечатлѣнія, которое мнѣ пришлось наблюдать въ Петроградѣ, гдѣ я какъ разъ въ эти дни былъ. Послѣдовавшія затѣмъ предсмертныя судороги реакціи — премьерство кн. Голицына, увольненіе министра народнаго просвѣщенія гр. Игнатьева, двухкратное отсрочиваніе Думской сессіи, — все это было воспринято, какъ очередной поворотъ вправо, какъ политическій эпизодъ, которыхъ было и которыхъ будетъ еще такъ много . . .

На фронтѣ было зимнее затишье, продовольственное положеніе не обострялось и жизнь текла своимъ чередомъ. Наша провинціальная общественность концентрировалась главнымъ образомъ вокругъ трехъ военно-общественныхъ организацій: Земскаго Союза, Союза Городовъ и Военно-Промышленнаго Комитета. Руководящіе органы всѣхъ этихъ учрежденій состояли сплошь изъ прогрессивныхъ элементовъ — земцевъ, городскихъ дѣятелей и промышленниковъ. Во главѣ областного комитета Земсоюза стоялъ С. П. Шликевичъ, во главѣ Согора — баронъ Ф. Р. Штейнгейль, предсѣдателемъ Военно-промышленнаго комитета былъ съ самаго его основанія Михаилъ Ивановичъ Терещенко — баловень судьбы, обладавшій колоссальнымъ богатствомъ и пользовавшійся исключительными симпатіями въ торгово-промышленныхъ и общественныхъ кругахъ. Всѣ проникавшія къ намъ частныя свѣдѣнія о непорядкахъ

въ дѣлѣ снабженія арміи, о тлетворномъ вліяніи Ставки, объ антагонизмѣ между отдѣльными военачальниками — все это обычно шло черезъ эти комитеты. Въ ихъ же канцеляріяхъ перепечатывались на машинкахъ и оттуда распространялись безчисленные списки со знаменитыхъ рѣчей Милюкова, Шульгина и Маклакова въ засѣданіяхъ Государственной Думы 1-го и 3-го ноября 1916 года.

Партійныя и національныя организаціи, хотя и существовали у насъ съ самаго 1905 года, но работали довольно вяло. Лѣвыя партіи работали въ подпольѣ. Изъ полу-легальныхъ политическихъ организацій былъ замѣтенъ пожалуй только областной комитетъ партіи Народной Свободы, во главѣ котораго, послѣ смерти Е. Г. Шольпа, стоялъ одинъ изъ самыхъ видныхъ и уважаемыхъ кіевскихъ дѣятелей — Д. Н. Григоровичъ-Барскій. Въ качествѣ суррогата еврейской національной организаціи существовала нѣкая «Комиссія общихъ дѣлъ», числившаяся при суррогатѣ еврейской общинной организаціи — «Представительствѣ по дѣламъ еврейской благотворительности при кіевской городской управѣ». Дѣло же помощи многочисленнымъ еврейскимъ бѣженцамъ и выселенцамъ изъ прифронтовой полосы сосредоточивалось въ такъ-называемомъ КОПЕ — «Кіевскомъ обществѣ помощи евреямъ, пострадавшимъ отъ военныхъ бѣдствій». Въ обоихъ учрежденіяхъ преобладали политически-умѣренные элементы еврейства — сіонисты, кадеты, крупные торгово-промышленники — и оба подвергались систематическимъ нападкамъ со стороны евреевъ-соціалистовъ, взгляды которыхъ выражалъ въ печати талантливый сотрудникъ «Кіевской Мысли» М. Лировъ.

Повторяю: къ концу февраля 1917 года наша кіевская атмосфера не была сгущена болѣе, чѣмъ обыкновенно, и ничто не предвѣщало близкой грозы. Напротивъ, барометръ общественныхъ настроеній — биржа — реагировала на послѣднія политическія событія бѣшеной hausse'ой. Курсы всѣхъ бумагъ (валютой тогда еще не интересовались) неслись неудержимо вверхъ, а публика все покупала и покупала; мѣстные банки не успѣвали выполнить всѣхъ порученій на Петроградъ, которыми ихъ ежедневно заваливала биржа. И любопытно, что именно биржевой бюллетень петроградскаго телеграфнаго агентства былъ для Кіева первымъ вѣстникомъ петроградскихъ событій. 25 или 26 февраля кіевляне нашли въ своей газетѣ, вмѣсто ожидаемыхъ свѣдѣній о послѣдней котировкѣ въ Петроградѣ, — пустое мѣсто. Биржи не было — что бы это могло означать?

Естественно было привести это въ связь съ тѣми безпорядками на почвѣ недостатка продовольствія, свѣдѣнія о которыхъ проникли въ Кіевъ. За серьезность этихъ безпорядковъ говорило то, что правительство, видимо, нервничало: намъ сообщали о созывѣ какого-то совѣщанія изъ представителей министерствъ и законодательныхъ учрежденій и это совѣщаніе, чуть ли ни подъ предсѣдательствомъ самого Щегловитова, высказалось за передачу продовольственнаго дѣла въ руки городскихъ управленій. Это былъ явный поворотъ курса, явное пораженіе Протопопова и его политики, состоявшей въ захватѣ всего и вся въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ . . .

Однако, никакихъ прямыхъ свѣдѣній о размѣрѣ движенія и о позиціи правительства въ Кіевѣ не было. Газеты печатали оффиціальныя и оффиціозныя сообщенія, сквозь которыя и не проглядывалъ истинный характеръ происходившихъ событій. И только биржа подозрительно и упорно бездѣйствовала.

Но вотъ однажды вечеромъ — должно быть, это было 28 февраля или 1 марта — получилась въ Кіевѣ знаменитая телеграмма за подписью Бубли-

кова, назначеннаго комиссаромъ Комитета Государственной Думы въ Министерство Путей Сообщенія. Телеграмма эта съ быстротой электрической искры распространилась по городу. Всѣ были въ этотъ вечеръ у телефона, читая, слушая, перечитывая и переспрашивая... Никто не зналъ, кто такой Бубликовъ; стали справляться по стенографическимъ отчетамъ Государственной Думы и пришлось удовлетвориться тѣмъ, что онъ депутатъ, инженеръ и, если не ошибаюсь, членъ партіи прогрессистовъ. Ни въ подлинности телеграммы, ни въ рѣшающемъ значеніи происшедшаго переворота не могло быть сомнѣній; порукой служилъ включенный въ телеграмму текстъ воззванія Родзянко къ населенію. Опасались только одного: какъ бы ходъ событій не повернулъ обратно. Уже послѣ отреченія Царя одна дама призналась мнѣ, что въ эти дни она каждое утро просыпалась съ мыслью, что вотъ ей подадутъ газету и она на первой страницѣ увидитъ опять слова: «а посему признали Мы за благо»...

Всѣ въ эти дни ждали извѣстій, жаждали узнать подробности. Получаемыя въ редакціяхъ газетъ телеграммы переписывались и распространялись по городу — чаще всего въ перепутанномъ и невразумительномъ видѣ. А по утрамъ мы выбѣгали на улицу и часами простаивали въ очередяхъ у газетныхъ кіосковъ.

Настроеніе было праздничное. Да и какъ было не радоваться? Грандіозный переворотъ, осуществленіе вѣковой нашей мечты мы получили какъ бы въ подарокъ, безъ борьбы и усилій, безъ крови и стоновъ...

Это чувство восторга по поводу происшедшаго съ Россіей феерическаго превращенія сохранилось еще долго. Въ письмѣ моемъ, писаномъ черезъ пять мѣсяцевъ, въ августѣ 1917 года, я нахожу слѣдующія строки:

> «Трудно себѣ представить глубину пропасти, отдѣляющей насъ отъ Россіи 26 февраля 1917 года. Большаго контраста, большей разительности въ перемѣнѣ и придумать невозможно. Вѣдь именно того, чего прежде такъ недоставало, теперь больше всего — столько, что его не замѣчаешь, не цѣнишь и не знаешь, куда дѣть. Старый строй болѣе всего ощущался скованностью личности, приводившей и къ бѣдности политической жизни, и къ неравенству, и къ деспотической власти монарха съ его кастой бюрократовъ; теперь — столько свободы и такъ мало власти, что это уже перестало радовать, равенство же пришло такъ само собой, самотекомъ, что послѣ минутнаго торжества его и не замѣчаешь»...

Въ первые дни революціи эти чувства были всеобщими.

Были, вѣроятно, сожалѣющіе о старомъ режимѣ, были, можетъ быть, и встревоженные за свою собственность, — но они терялись въ общей массѣ. Разумѣется, эта масса радующихся и торжествующихъ не была однородна. Съ первыхъ же дней можно было провести демаркаціонную черту между сторонниками «углубленія революціи» и болѣе умѣренными элементами. Это отразилось прежде всего на различномъ отношеніи отдѣльныхъ группъ къ актамъ отреченія Николая II и Михаила Александровича. Отреченіе Николая было, впрочемъ, встрѣчено всѣми, какъ что-то естественное и неизбѣжное. Но еще до 3 марта населеніе Кіева ознакомилось съ рѣчью Милюкова, въ которой онъ говорилъ о регентствѣ, и многіе ждали именно такого выхода изъ положенія. Личность Михаила Александровича внушала довѣріе; онъ слылъ англоманомъ и многихъ вполнѣ удовлетворяла перспектива имѣть его въ качествѣ «царствующаго, но не управляющаго» монарха. Опасались, какъ бы переходъ къ

совершенно новой власти не былъ воспринятъ широкими массами, какъ переходъ къ безвластью; и думали, что сохраненіе въ этотъ моментъ монархіи способствуетъ развитію у народа чувства преемственности власти и поможетъ предотвратить анархію. Поэтому, повторяю, къ отреченію Великаго Князя отнеслись различно; не всѣ въ эти первые дни радовались этому отреченію.

Нельзя, однако, не признать, что въ этомъ вопросѣ умѣренные были въ ничтожномъ меньшинствѣ и что правы оказались тѣ, которые говорили: «вотъ вы увидите — въ Россіи черезъ двѣ недѣли не будетъ больше монархистовъ» . . .

Второй вопросъ, въ оцѣнкѣ котораго разошлись мнѣнія «углубителей»* и умѣренныхъ, это былъ составъ Временнаго Правительства. Противъ большинства назначеній, впрочемъ, ничего нельзя было возразить. Нѣсколько удивлялъ Некрасовъ въ качествѣ министра путей сообщенія — мы тогда еще не привыкли къ парламентаризму и къ замѣщенію техническихъ постовъ профанами; никто не ожидалъ увидѣть Терещенко министромъ финансовъ. Но наибольшей неожиданностью было, несомнѣнно, назначеніе Керенскаго. Никто не сомнѣвался въ томъ, что министромъ юстиціи будетъ В. А. Маклаковъ. И замѣнѣ его Керенскимъ радовались тогда только самые ярые «углубители». Впрочемъ, быстро возраставшая популярность Керенскаго, его пламенныя рѣчи, и роль, которую онъ, какъ затѣмъ выяснилось, сыгралъ въ событіяхъ, скоро примирили всѣхъ съ передачей такому молодому и экспансивному депутату поста Генералъ-Прокурора Россійской Державы.

Такъ, въ приподнятомъ, радостномъ настроеніи и при почти полномъ единствѣ мыслей и чувствъ провелъ Кіевъ медовый мѣсяцъ революціи. Свое внѣшнее выраженіе этотъ подъемъ и это торжество получили въ организованномъ 16 марта «Праздникѣ революціи». Въ этотъ день грандіозныя шествія войскъ и гражданъ проходили по главнымъ улицамъ, съ красными знаменами, подъ звуки Марсельезы. Съ думскаго балкона, памятнаго кіевлянамъ съ 18 октября 1905 года, произносились привѣтственныя рѣчи. Весь городъ былъ на улицѣ, у оконъ, на балконахъ. Это было настоящее всенародное торжество . . .

Какъ организовалась въ Кіевѣ первая революціонная власть? Организаціоннымъ центромъ оказалась Городская Дума — впрочемъ, въ большей мѣрѣ думское зданіе, чѣмъ личный составъ Городской управы или гласныхъ. Октябристское большинство Думы, политически безцвѣтную управу и городского голову Ф. С. Бурчака тотчасъ же перегнали и обошли событія. Но въ залахъ Думы стали собираться представители организацій и партій, къ которымъ перешла власть, и изъ числа гласныхъ были взяты лица, ставшія во главѣ ея. Это отчасти придало организаціи новой власти такой характеръ, какъ будто она исходитъ отъ Городской Думы.

Въ образовавшемся органѣ были представлены всѣ существовавшія въ Кіевѣ общественныя, культурныя, просвѣтительныя и національныя организаціи; а также представители возникшихъ сейчасъ же Совѣтовъ Рабочихъ и Военныхъ Депутатовъ. Это импровизированное представительство организованной

* Я хочу здѣсь же оговориться, что употребляю это слово отнюдь не въ ироническомъ, или насмѣшливомъ смыслѣ. Надъ этими людьми уже достаточно зло посмѣялась дѣйствительность. «Углубителями революціи» я называю тѣхъ, кто не довольствовался одной перемѣной политическихъ формъ и желалъ увидѣть результатомъ переворота немедленное повышеніе благосостоянія и счастья массъ. Цѣль ихъ была болѣе, чѣмъ симпатичная, и заслуживала полнаго сочувствія. Но только эти люди не хотѣли или не умѣли понять, что эта цѣль неосуществима революціонными средствами и въ революціонномъ темпѣ.

кіевской общественности вылилось въ «Совѣтъ объединенныхъ общественныхъ организацій города Кіева». Однако, этотъ органъ сейчасъ же оказался слишкомъ громоздкимъ, и изъ его состава былъ выдѣленъ «Исполнительный Комитетъ», къ которому фактически и перешла вся власть. Въ первый составъ Исполнительнаго Комитета вошли представители Городской Думы (Н. Ф. Страдомскій, Д. Н. Григоровичъ-Барскій), Земскаго Союза (С. П. Шликевичъ), Городского Союза (бар. Ѳ. Р. Штейнгейль), Военно-Промышленнаго Комитета (проф. Ю. Н. Вагнеръ), украинскихъ организацій (А. В. Никовскій), еврейскихъ организацій (И. Фруминъ), рабочихъ (П. И. Незлобинъ, А. В. Доротовъ), военныхъ (офицеръ Карумъ, солдатъ Зайцевъ) и др. Этотъ «Исполнительный Комитетъ» (никто тогда не чувствовалъ потребности сокращать это наименованіе въ «Исполкомъ») и сталъ въ первые полгода революціи представителемъ власти Временнаго Правительства въ городѣ Кіевѣ *.

Я ближе познакомился съ этимъ учрежденіемъ, когда (въ концѣ апрѣля) вступилъ въ число его членовъ. Въ первые же два мѣсяца революціи моя общественная работа ограничивалась участіемъ въ еврейскихъ національныхъ организаціяхъ. Къ нимъ-то и относятся поэтому мои первыя наблюденія и воспоминанія.

Кіевская еврейская общественность была впервые поставлена въ необходимость реагировать на происходящія событія, когда, въ первые же дни послѣ революціи, предъ нею сталъ вопросъ о представительствѣ еврейства въ органахъ новой власти. Уже въ самыхъ первыхъ числахъ марта было созвано соединенное засѣданіе упомянутыхъ выше двухъ еврейскихъ организацій — Комиссіи общихъ дѣлъ и КОПЕ. Я присутствовалъ на этомъ засѣданіи въ качествѣ секретаря Комиссіи общихъ дѣлъ. Настроеніе было довольно растерянное.

Послѣ долгихъ споровъ было рѣшено созвать на 5 марта большое собраніе изъ представителей всѣхъ существующихъ въ городѣ Кіевѣ еврейскихъ общественныхъ организацій. На этомъ собраніи предполагалось избрать делегатовъ въ «Совѣтъ объединенныхъ общественныхъ организацій города Кіева» и его «Исполнительный Комитетъ», а также создать временный органъ, который являлся бы національно-политическимъ представительствомъ кіевскаго еврейства.

5 марта это собраніе состоялось въ самомъ большомъ концертномъ залѣ города (въ Купеческомъ клубѣ). Зрѣлище было довольно импозантное, чувствовалось вѣяніе духа новыхъ временъ. Въ городѣ, откуда евреевъ постоянно выселяли, куда имъ разрѣшалось пріѣзжать только «для лѣченія минеральными водами» и «для воспитанія дѣтей», гдѣ еще свѣжо было воспоминаніе о дѣлѣ Бейлиса, — въ этомъ городѣ, впервые за его тысячелѣтнюю исторію, состоялось

---

* По примѣру Исполнительнаго Комитета Госуд. Думы, нашъ Исп. Ком. назначилъ своихъ комиссаровъ въ отдѣльныя городскія учрежденія; впослѣдствіи большинство изъ назначенныхъ комиссаровъ стали начальниками этихъ учрежденій. Такъ комиссаръ судебныхъ учрежденій Д. Н. Григоровичъ-Барскій сталъ старшимъ предсѣдателемъ судебной палаты, комиссаръ военнаго округа К. Оберучевъ — начальникомъ округа, комиссаръ почты и телеграфа А. Н. Зарубинъ — начальникомъ почт.-тел. округа. Кромѣ названныхъ, были еще назначены: комиссаръ учебнаго округа Архимовичъ, комиссаръ духовной консисторіи о. Постоловскій. Губернскимъ комиссаромъ, согласно общему распоряженію Вр. Правительства, сдѣлался предсѣдатель губ. земск. управы М. А. Суковкинъ. При немъ былъ свой губернскій Исп. Комитетъ и свой Губернскій Совѣтъ общ. орг. Эти губернскіе органы, представлявшіе всѣ уѣзды безъ гор. Кіева, съ самаго начала были окрашены въ украинскій цвѣтъ.

открытое и гласное собраніе представителей еврейства. И открывая его, предсѣдательствовавшій С. Л. Франкфуртъ въ приличествующей случаю торжественной формѣ привѣтствовалъ «первое свободное собраніе евреевъ — свободныхъ гражданъ».

Послѣ продолжительныхъ преній, которыя уже не всецѣло оказались на соотвѣтственной моменту высотѣ, были произведены выборы пяти еврейскихъ представителей въ «Совѣтъ объединенныхъ общественныхъ организацій» и десяти членовъ организаціонной комиссіи, которой было поручено провести выборы въ еврейскій представительный органъ. *

Часовъ въ пять утра, взволнованные и уставшіе, возвращались мы изъ Купеческаго собранія. Шелъ густой снѣгъ. «Природа не благопріятствуетъ русской революціи, — сказалъ д-ръ Фруминъ, мандатъ котораго, несмотря на всѣ старанія конкуррентовъ-сіонистовъ, былъ все-таки подтвержденъ. — Того и гляди, заносы пріостановятъ транспортъ»...

Организаціонная Комиссія, въ составъ которой вошелъ и я, послѣ десяти дней лихорадочной работы сорганизовала и провела выборы въ центральный органъ, долженствовавшій представлять все организованное еврейство гор. Кіева — общественныя, культурныя, филантропическія организаціи, политическія партіи, кооперативы, больницы, профессіональные союзы и, наконецъ, синагоги и молитвенные дома. И 16 марта состоялось открытіе «Совѣта объединенныхъ еврейскихъ организацій города Кіева». А черезъ пять дней, 21 марта, депутація отъ Совѣта могла привѣтствовать органы мѣстной революціонной власти по поводу провозглашенной Временнымъ Правительствомъ отмѣны всѣхъ вѣроисповѣдныхъ и національныхъ ограниченій. **

Въ качествѣ участника депутаціи я впервые могъ присмотрѣться ближе къ этимъ самопроизвольно зародившимся органамъ — «Исполнительному Комитету», Совѣту рабочихъ депутатовъ и Совѣту военныхъ депутатовъ. Они помѣщались тогда въ Дворянскомъ домѣ, на Думской площади.

Чего-чего только не видѣлъ за эти годы въ своихъ стѣнахъ этотъ сѣрый домъ, въ которомъ до 1917 года засѣдали одни только сонные генералы изъ Дворянской опеки и Дворянскаго депутатскаго собранія! Въ 1917 году — Исполнительный Комитетъ, а затѣмъ (послѣ его переѣзда во Дворецъ) — Совѣтъ профессіональныхъ союзовъ; въ 1918 году — нѣмецкая комендатура, военно-полевой судъ и пр. армейскія учрежденія; въ 1919 году — Совнархозъ; въ 1920—1921 годахъ — клубъ какой-то красноармейской части...

Въ мартѣ 1917 года зданіе и мебель еще не были потрепаны и помѣщеніе производило довольно эффектное впечатлѣніе. Исполнительный Комитетъ стоя

---

* Делегатами отъ еврейскаго населенія въ «Совѣтъ» оказались д-ръ Г. Б. Быховскій, пр. пов. М. С. Мазоръ, магистръ агрономіи С. Л. Франкфуртъ, д-ръ И. О. Фруминъ и д-ръ С. И. Флейшманъ. Изъ нихъ двое (Быховскій и Франкфуртъ) были кадетами, одинъ (Мазоръ) сіонистомъ, одинъ (Фруминъ) — эсэромъ и одинъ (Флейшманъ) — эсдэкомъ (меньшевикомъ). Всѣ пять были черезъ нѣсколько дней кооптированы Городской Думою въ составъ гласныхъ.

** Было также принято рѣшеніе ознаменовать этотъ день какимъ-либо вѣчнымъ памятникомъ. Вопросъ долго обсуждался и, въ концѣ концовъ, остановились на мысли воздвигнуть на собранныя среди евреевъ средства зданіе для Народнаго Университета. Для сбора денегъ была организована особая комиссія. Всего успѣли собрать около милліона рублей, которые съ тѣхъ поръ и числятся на текущемъ счету въ одномъ изъ кіевскихъ банковъ.

выслушалъ наше привѣтствіе, на которое въ теплыхъ выраженіяхъ отвѣчалъ его предсѣдатель Н. Ф. Страдомскій.

То была — въ Кіевѣ, какъ и во всей Россіи, — эпоха привѣтствій, и я тогда уже отъ души жалѣлъ предсѣдателей всѣхъ этихъ привѣтствуемыхъ учрежденій и искренно удивлялся ихъ долготерпѣнію. Вѣдь каждый изъ насъ — членовъ депутаціи — приходилъ по одному разу; но каково было имъ всѣхъ насъ выслушивать и каждому отвѣчать!.. Кіевскій «Исполнительный Комитетъ» буквально осаждался желавшими его привѣтствовать. И особенно любопытно было наблюдать, какъ самыя благонамѣренныя правительственныя учрежденія — губернское правленіе, консисторія, судъ, учебный округъ и т. д. — одно за другимъ извлекали изъ своей среды своего самаго либеральнаго, а потому наиболѣе затертаго сочлена и его устами выражали предъ Исполнительнымъ Комитетомъ свой восторгъ по поводу совершившагося переворота. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ такія депутаціи являлись почти каждый день; говорились рѣчи и затѣмъ члены Исполнительнаго Комитета поднимались съ мѣстъ, пожимали руки депутатамъ и благодарили ихъ...

Изъ президіума Совѣта рабочихъ депутатовъ насъ встрѣтилъ одинъ только товарищъ предсѣдателя А. В. Доротовъ. Наиболѣе торжественнымъ оказалось посѣщеніе Военнаго Совѣта. Въ тотъ день въ театрѣ Бергонье было общее собраніе офицеровъ кіевскаго гарнизона. Мы рѣшили передать ему наше привѣтствіе и посѣтили это собраніе. Я помню, какъ, стоя за кулисами и ожидая своей очереди, мы слушали, одно за другимъ, выступленія офицеровъ. Всѣ выступавшіе какъ будто искренно желали служить новому строю. Но всѣ были въ ужасѣ отъ начинавшейся дезорганизаціи среди солдатъ, въ ужасѣ отъ своего трагическаго безсилія. Помню, рѣчь шла объ организаціи охраны тюрьмы *. Никто не хотѣлъ браться за командованіе предназначенной для этого частью. Положеніе становилось все болѣе и болѣе напряженнымъ. По просьбѣ предсѣдателя выступилъ полковникъ К. Оберучевъ. — сотрудникъ «Кіевской Мысли», назначенный тогда Комиссаромъ, а вскорѣ затѣмъ Начальникомъ Кіевскаго Военнаго Округа. Онъ прочелъ собравшимся цѣлую лекцію объ организаціи службы и дисциплинѣ въ деморализированной арміи. Его рѣчь нѣсколько подняла настроеніе и, наконецъ, среди собравшихся нашелся смѣльчакъ, взявшій на себя миссію охранять губернскую тюрьму.

Пришелъ и нашъ чередъ, мы вышли на сцену, и нашъ ораторъ — С. И. Флейшманъ — сказалъ нѣсколько подходящихъ къ случаю словъ. Ихъ встрѣтили рукоплесканіями, но все же чувствовалась какая-то неловкость. Едва ли многіе изъ присутствовавшихъ въ душѣ одобряли актъ о равноправіи. И едва ли многіе выслушали съ удовлетвореніемъ красивую рѣчь, которую произнесъ въ отвѣтъ на наше привѣтствіе секретарь собранія, живописный Е. П. Рябцевъ — тогда присяжный повѣренный, призванный по мобилизаціи, впослѣдствіи избранный Кіевскимъ Городскимъ Головой, а въ 1919 году уже оказавшійся, по опредѣленію В. В. Шульгина, «революціонной реликвіей города Кіева»...

* Въ Кіевѣ (какъ, вѣроятно, и въ другихъ городахъ) извѣстіе о совершившемся переворотѣ вызвало большое возбужденіе среди тюремныхъ сидѣльцевъ. Ихъ умъ никакъ не могъ обнять того, что воцарившаяся «свобода» не можетъ растворить ихъ узилище. По порученію Исп. Ком. въ тюрьму ѣздили судебный комиссаръ Д. Н. Григоровичъ-Барскій, Я. С. Гольденвейзеръ и др., — пытаясь разъяснить заключеннымъ смыслъ происшедшихъ событій и примирить ихъ съ своей судьбой. Требовались, однако, и болѣе реальныя мѣры охраны.

Припоминаю еще одно наше привѣтственное выступленіе, относящееся къ той же эпохѣ. Это было, кажется, 8 апрѣля. Собрался первый украинскій національный съѣздъ, составленный изъ представителей всевозможныхъ «спилокъ» изъ всѣхъ городовъ и весей Украины. На этомъ съѣздѣ, закончившемся избраніемъ Центральной Украинской Рады, впервые проявилась вся значительность украинскаго движенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, организаціонные таланты его вождей.

Всѣмъ извѣстно — и украинцы справедливо на это жалуются, — что многіе круги русской интеллигенціи до 1917 года съ какимъ-то легкомысленнымъ пренебреженіемъ относилась къ національнымъ движеніямъ отдѣльныхъ россійскихъ народностей и, въ частности, къ движенію украинскому. Достаточно припомнить хотя бы появившіяся во время войны статьи по украинскому вопросу П. Б. Струве, которыя тѣмъ болѣзненнѣе были восприняты въ украинскихъ кругахъ, что отвѣчать на нихъ, по цензурнымъ условіямъ, было невозможно. Нельзя было отговариваться ненароднымъ характеромъ украинскаго движенія; вѣдь все наше освободительное движеніе предъ революціей носило болѣе или менѣе интеллигентскій характеръ... Это,повторяю, легкомысленное пренебреженіе къ украинскому національному движенію со стороны русской и еврейской интеллигенціи проявилось и въ первыя недѣли революціи. Мы, въ эти недѣли, не знали и не хотѣли знать ничего объ украинствѣ и объ его національныхъ домогательствахъ. И каждое напоминаніе о нихъ, исходившее отъ заинтересованныхъ круговъ, воспринималось нами, какъ грубая безтактность. Вскорѣ на этой почвѣ предстояло разыграться довольно грознымъ конфликтамъ, изъ которыхъ, какъ извѣстно, побѣдителями вышли украинцы.

Итакъ, 8 апрѣля, въ традиціонномъ залѣ Купеческаго собранія, открылся Всеукраинскій національный съѣздъ. Помню этотъ залъ, переполненный молодой, чужой мнѣ по настроеніямъ и говору толпой. Помню сѣдую голову проф. М. С. Грушевскаго, занимавшаго центральное мѣсто за столомъ президіума. Помню его волшебную власть надъ всей этой неотесанной аудиторіей. Достаточно было ему поднять руку съ цвѣткомъ бѣлой гвоздики, которой былъ украшенъ столъ, и залъ затихалъ... Послѣ дипломатическихъ привѣтствій предсѣдателя Исполнительнаго Комитета Страдомскаго и губернскаго комиссара Суковкина, слово получилъ предсѣдатель еврейскаго Совѣта д-ръ Быховскій. Онъ произнесъ краткую, сдержанную рѣчь (надъ редакціей которой мы проработали весь предыдущій вечеръ) и импровизированное заключительное личное привѣтствіе Грушевскому, скрѣпленное публичнымъ лобызаніемъ...

8 апрѣля 1917 года былъ первый смотръ украинскихъ національныхъ силъ и первая встрѣча украинской и русской общественности послѣ революціи. И привѣтствія, и поцѣлуи — все это было прекрасно и даже трогательно. Но отъ внимательнаго наблюдателя не могли уже въ этотъ день ускользнуть предвѣстники совсѣмъ иныхъ встрѣчъ въ близкомъ будущемъ.

Кромѣ посылки телеграммъ, отправки депутацій и редактированія воззваній, дѣятельность вновь образованнаго «Совѣта объединенныхъ еврейскихъ организацій» сводилась, главнымъ образомъ, — къ самозащитѣ. Составъ Совѣта оказался не вполнѣ удачнымъ. Въ него вошли, въ качествѣ представителей своихъ организацій, всѣ прежніе ихъ предсѣдатели, члены правленій и президіумовъ. Объединенный синклитъ этихъ безсмѣнныхъ руководителей нашей до-революціонной еврейской общественности производилъ ужъ слишкомъ старо-режимное впечатлѣніе. Это лишало Совѣтъ надлежащей поддержки даже въ средѣ тѣхъ

группъ, которыя были въ немъ представлены. Значительно важнѣе было однако то, что, какъ вскорѣ выяснилось, Совѣтъ объединялъ далеко не всѣ группы и партіи. Соціалистическое крыло еврейства, приглашенное къ участію въ Совѣтѣ, частью въ него не вступило, а частью, вступивъ, тотчасъ же вышло.

Выходъ соціалистовъ былъ сигналомъ къ яростной агитаціи и борьбѣ противъ Совѣта на всевозможныхъ митингахъ и въ прессѣ. Совѣту ставилось въ вину самозванство, узурпація, подтасовка выборовъ и пр., и пр. Соціалисты призывали рабочихъ къ бойкоту Совѣта во имя неприкосновенности ихъ «классоваго самосознанія». Все это было, однако, отчасти клевета, а отчасти демагогія. При помощи такихъ пріемовъ не удалось бы свалить Совѣтъ, если бы не было другихъ, чисто принципіальныхъ возраженій противъ его raison d'être, дѣйствительно подкапывавшихся подъ самый его фундаментъ . . . Эти внутренніе, неисцѣлимые пороки «Совѣта» раскрылись мнѣ значительно позже — примѣрно, въ іюлѣ и августѣ. Пока же еще вѣрилось въ возможность продуктивной работы. И мы работали много и съ увлеченіемъ.

Въ концѣ апрѣля изъ Совѣта, вмѣстѣ съ остальными соціалистами, вышелъ нашъ делегатъ въ Исполнительномъ Комитетѣ И. О. Фрумкинъ, и я былъ избранъ на его мѣсто.

Участіе въ Исполнительномъ Комитетѣ, продолжавшееся съ этого времени вплоть до выборовъ въ Городскую Думу и ликвидаціи Комитета, было однимъ изъ самыхъ напряженныхъ и интересныхъ для меня моментовъ въ моей общественной работѣ. Также какъ впослѣдствіи участіе въ Центральной Радѣ, оно дало мнѣ возможность нѣкоторое время стоять въ самой гущѣ политической жизни города и края. И вмѣстѣ съ тѣмъ, тогда мы не чувствовали себя еще, какъ затѣмъ въ Радѣ и еще болѣе при большевикахъ, безсильными зрителями роковыхъ событій. Напротивъ, именно тогда казалось, что открывается поле широкой и плодотворной работы . . .

Исполнительный Комитетъ засѣдалъ тогда въ бывшемъ Императорскомъ дворцѣ — очаровательной постройкѣ Растрелли, небольшой, изящной и уютной, расположенной среди зелени Царскаго Сада. Очередныя засѣданія происходили въ одной изъ гостинныхъ, а въ особо торжественныхъ случаяхъ — въ парадной залѣ дворца.

Я уже говорилъ о происхожденіи и составѣ Исполнительнаго Комитета. Это былъ центральный органъ, въ который входили делегаты главнѣйшихъ организацій, представленныхъ въ «Совѣтѣ объединенныхъ общественныхъ организацій города Кіева», а также представители Совѣтовъ рабочихъ и военныхъ депутатовъ; впослѣдствіи къ этому основному зерну присоединились делегаты главнѣйшихъ политическихъ партій. Предсѣдателемъ Комитета былъ гласный Городской Думы, заслуженный общественный дѣятель и прогрессивный кандидатъ въ Государственную Думу по I куріи, — докторъ Николай Федоровичъ Страдомскій. Это былъ хорошій работникъ и довольно тактичный руководитель преній, хотя и не достаточно властный и авторитетный. Онъ жилъ въ мирѣ и согласіи со всѣми партіями, старался не ссориться даже съ большевиками и не обострять отношеній съ украинцами. Никакой своей политической линіи онъ не велъ и вся его работа сводилась, съ одной стороны, къ техническимъ функціямъ, а съ другой, именно къ проведенію такой примирительной тактики.

Къ сожалѣнію, внутреннія разногласія неудержимо обострялись и à la longue сглаживать углы оказывалось невозможнымъ. Однако, показателемъ несомнѣннаго успѣха тактики нашего предсѣдателя явилось то, что онъ, не

принадлежа ни къ одной изъ партій и не имѣя особенно близкихъ личныхъ связей въ Комитетѣ, въ концѣ концовъ оказался наиболѣе пріемлемымъ кандидатомъ въ Городскіе Комиссары. На этотъ постъ Н. Ф. Страдомскій и былъ нами избранъ въ іюнѣ 1917 года; онъ оставилъ его въ началѣ сентября, послѣ возстанія Корнилова.

Въ соотвѣтствіи съ коалиціоннымъ характеромъ Исполнительнаго Комитета, онъ имѣлъ трехъ товарищей предсѣдателя, по одному отъ каждой изъ составлявшихъ Комитетъ организацій: представителя Совѣта общественныхъ организацій Д. Н. Григоровича-Барскаго, рабочаго А. В. Доротова и офицера Л. С. Карума.

Въ противоположность Н. Ф. Страдомскому, Григоровичъ-Барскій былъ вполнѣ опредѣленной политической фигурой. Это былъ признанный лидеръ кіевскихъ кадетовъ. И это его кадетство, по условіямъ момента, къ сожалѣнію, мѣшало ему пользоваться тѣмъ вліяніемъ въ Комитетѣ, котораго онъ заслуживалъ. При величайшемъ личномъ уваженіи, лѣвое большинство Комитета не могло, все же, оказывать ему достаточнаго политическаго довѣрія. А между тѣмъ, это былъ, несомнѣнно, наиболѣе дѣльный человѣкъ въ нашей средѣ...

Второй товарищъ предсѣдателя — Алексѣй Васильевичъ Доротовъ — былъ вмѣстѣ съ тѣмъ товарищемъ предсѣдателя Совѣта рабочихъ депутатовъ. Онъ былъ с.-д. меньшевикъ, ярый врагъ большевиковъ и украинцевъ. Доротовъ былъ всеобщимъ любимцемъ въ Комитетѣ. Подлинный самородокъ, незатуманенный соціалистическимъ доктринерствомъ, съ огненнымъ темпераментомъ и живымъ, практическимъ, здравымъ умомъ, съ успѣхомъ восполнявшимъ пробѣлы его образованія, — онъ былъ изъ тѣхъ рабочихъ, которые въ Европѣ становятся величайшими парламентаріями и государственными дѣятелями — Бернсами, Бебелями, Эбертами. Какъ просто и достойно этотъ вчерашній наборщикъ, среди блеска и позолоты царскаго дворца, предсѣдательствовалъ въ засѣданіяхъ, въ которыхъ участвовали министры...

А. В. Доротовъ умеръ отъ болѣзни сердца, — кажется, въ 1919 году, — всего 34-хъ лѣтъ отъ роду.

Я хочу здѣсь же сказать о другихъ самородкахъ, выдвинувшихся въ первые же дни революціи. Предсѣдателемъ С. Р. Д. былъ П. И. Незлобинъ, — также бывшій печатникъ, по партійной принадлежности с.-р. Это была значительно менѣе яркая фигура, чѣмъ Доротовъ. Онъ, подобно петербургскому рабочему Гвоздеву, выдвинулся въ качествѣ руководителя рабочей группы Военно-Промышленнаго Комитета. Незлобинъ былъ хорошимъ ораторомъ, человѣкомъ рѣшительнымъ и стойкимъ. Но надъ нимъ тяготѣло проклятіе россійской «широкой натуры» — необузданность, безалаберность и даже, увы! падкость къ алкоголю. — Крупнѣйшей фигурой въ Совѣтѣ Военныхъ депутатовъ и предсѣдателемъ этого Совѣта былъ солдатъ Е. Я. Таскъ. Онъ изрѣдка принималъ участіе въ засѣданіяхъ нашего комитета, но не здѣсь могъ онъ развернуться во всю свою ширь. Настоящимъ его поприщемъ были митинги и многоголовыя собранія рабочихъ и солдатъ. Онъ и сохранялъ надъ ними свою власть, пока это было возможно для такого убѣжденнаго оборонца...

Наконецъ, третій товарищъ предсѣдателя Исполнительнаго Комитета — офицеръ Л. С. Карумъ не игралъ большой роли. Зато значительнымъ вліяніемъ пользовался энергичный секретарь Комитета И. О. Фруминъ.

Изъ остальныхъ членовъ Исп. Комитета я хочу прежде всего отмѣтить въ высшей степени характерную фигуру начальника милиціи А. Н. Ленарскаго.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ обычныхъ въ революціонныя эпохи людей, которые поразительно быстро выдвигаются, а затѣмъ еще быстрѣе меркнутъ. Первый, кому было поручено организовать въ Кіевѣ милицію, былъ, свѣтлой памяти, незабвенный Владиміръ Константиновичъ Калачевскій *. Его и смѣнилъ черезъ нѣкоторое время поручикъ-кавалеристъ Лепарскій. Онъ казался вполнѣ на мѣстѣ на своемъ посту. Лихой наѣздникъ и въ области политики, онъ умѣлъ прекрасно обходиться съ той разношерстной массой, изъ которой состояла вновь народившаяся городская милиція. Его личная смѣлость, молодцеватость, словоохотливость и самоувѣренность импонировали его подчиненнымъ. Но, какъ мы скоро всѣ замѣтили, милѣйшій Александръ Николаевичъ ужъ слишкомъ много времени отдавалъ политическимъ засѣданіямъ, чтобы не страдали отъ этого его техническія обязанности. А затѣмъ, его прямолинейность никакъ не мирилась съ той, по необходимости, внѣпартійной позиціей, которую долженъ занимать блюститель благочинія и порядка. Въ результатѣ онъ натворилъ много безтактностей и такъ озлобилъ противъ себя украинцевъ, что, какъ только перешла къ нимъ власть, онъ былъ мгновенно отставленъ. Послѣ этого Лепарскій больше не фигурировалъ на политическомъ горизонтѣ.

Наряду съ указанными выше крупнѣйшими политическими организаціями города Кіева, въ Исполнительномъ Комитетѣ былъ также представленъ «Коалиціонный совѣтъ кіевскаго студенчества». Повидимому, допущеніе представителей отъ студентовъ въ высшій органъ мѣстной власти было сдѣлано во вниманіе къ старымъ заслугамъ учащихся высшей школы въ освободительномъ движеніи. Но когда настроенія перваго момента нѣсколько осѣли и пришло время приступить къ серьезной организаціонной работѣ, дефилированіе студентовъ и курсистокъ, особенно на нашихъ соединенныхъ засѣданіяхъ (о нихъ рѣчь впереди), производило впечатлѣніе чего-то не вполнѣ умѣстнаго. Полномочнымъ делегатомъ студенчества въ Исполнительномъ Комитетѣ былъ молодой студентъ Г. И. Гуревичъ. Это былъ довольно красивый и способный молодой человѣкъ, который, по мѣрѣ силъ, старался подогрѣвать нашъ «революціонный энтузіазмъ». Тогда онъ былъ с.-р'омъ, но затѣмъ пошелъ дальше... Четыре года спустя я сидѣлъ въ кабинетѣ помощника завѣдывающаго кіевскимъ «Губюстомъ» товарища Волкова и объяснялся съ нимъ по поводу полученнаго мною отъ Наркома Юстиціи вызова «въ порядкѣ мобилизаціи юристовъ» отправиться на службу въ Харьковъ. Товарищъ Волковъ уговаривалъ меня подчиниться приказу и обѣщалъ предоставить мнѣ съ женой для комфортабельнаго проѣзда — арестантскій вагонъ. Онъ не былъ въ восторгѣ отъ моей хорошей памяти, когда я напомнилъ ему о нашей совмѣстной работѣ въ Исполнительномъ Комитетѣ и о «коалиціонномъ студенчествѣ»...

Фигура Г. И. Гуревича напоминаетъ мнѣ горячіе споры, которые мы вели съ нимъ по одному изъ самыхъ тягостныхъ вопросовъ, съ какими пришлось столкнуться Комитету, — по вопросу о судьбѣ бывшихъ служащихъ жандармскаго управленія и охранки. Февральскій переворотъ произошелъ у насъ, какъ я уже говорилъ, не только абсолютно безкровно, но и вообще совершенно безболѣзненно. Не было никакихъ насилій и эксцессовъ. И изъ огромной массы служителей стараго режима, единственные подвергшіеся аресту — были

* Этотъ талантливѣйшій кіевскій адвокатъ-криминалистъ безвременно скончался 28 мая 1921 г. въ Мелитополѣ, послѣ тяжелыхъ мытарствъ по большевистскимъ тюрьмамъ и этапамъ.

жандармы и охранники. Впослѣдствіи, для установленія индивидуальной отвѣтственности и вины каждаго изъ арестованныхъ, при Исполнительномъ Комитетѣ была организована слѣдственная комиссія, въ составъ которой вошли лучшіе криминалисты изъ кіевскаго судебнаго и адвокатскаго міра. Эта комиссія допрашивала заключенныхъ и свидѣтелей и затѣмъ сообщала свое заключеніе Исполнительному Комитету. Въ большинствѣ случаевъ заключенія комиссіи были въ смыслѣ немедленнаго освобожденія арестованнаго. Но въ Комитетѣ каждое такое заключеніе неминуемо вызывало бурю протестовъ. И особенно неистовствовалъ въ такихъ случаяхъ представитель коалиціоннаго студенчества.

Я всегда всѣми силами отстаивалъ заключенія слѣдственной комиссіи. Какъ человѣку, прикосновенному къ судебному дѣлу, мнѣ претила вся эта процедура заочнаго суда надъ людьми, дѣйствовавшими въ согласіи съ существовавшими въ данное время законами, а иногда и въ согласіи со своими политическими убѣжденіями. И во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ судить, необходимо было установить какія-либо общія правила, устанавливающія сущность вины и мѣру отвѣтственности. Тутъ же намъ предлагалось рѣшать судьбу живыхъ людей, руководствуясь исключительно тѣмъ, что впослѣдствіи было названо «революціоннымъ правосознаніемъ», — притомъ производить это какъ-то между дѣломъ, посреди десятка неотложныхъ вопросовъ порядка дня...

Своимъ противникомъ я имѣлъ, кромѣ Гуревича, обычно также А. В. Доротова, который откровенно признавался, что не можетъ спокойно говорить ни объ одномъ провокаторѣ и шпикѣ. Одинъ разъ онъ въ пылу полемики довольно рѣзко задѣлъ адвокатуру, составлявшую главный контингентъ членовъ слѣдственной комиссіи. Въ своемъ отвѣтѣ я напомнилъ оказавшіяся пророческими слова В. Д. Спасовича о томъ, что адвокатура должна быть и оставаться независимой — и въ царскомъ застѣнкѣ, и въ революціонномъ трибуналѣ...

Я съ тѣмъ болѣе легкимъ сердцемъ настаивалъ на освобожденіи бывшихъ жандармовъ, что и въ чисто-политическомъ отношеніи не видѣлъ отъ этого ни малѣйшаго вреда. Для меня было совершенно ясно, что постоянное запугиваніе контръ-революціей, которымъ занимались слѣва, было либо сознательной демагогіей, либо простымъ неразумѣемъ и наивностью. Никакой опасности справа нашей революціи не грозило. Эту опасность нужно было создавать, чтобы имѣть предлогъ для проведенія якобинской политики. Что же касается рядовыхъ полицейскихъ и другихъ чиновниковъ стараго режима, то я не сомнѣвался въ томъ, что имъ нужно было только дать возможность прислуживаться новымъ господамъ. Это бы ихъ абсолютно обезвредило, и вмѣстѣ съ тѣмъ принесло бы пользу дѣлу, такъ какъ наши новыя учрежденія весьма нуждались въ техническомъ опытѣ старыхъ служакъ. — Понятно, что жандармы вызывали чувства, которыя трудно было подавить. Но незачѣмъ было поддаваться этимъ чувствамъ и совершенно недопустимо было давать имъ заглушать голосъ разума...

Очередныя засѣданія Исполнительнаго Комитета происходили три раза въ недѣлю, примѣрно отъ 1 часа до 5 часовъ дня. Въ остальные дни засѣдалъ президіумъ Комитета. Предсѣдательствовалъ всегда Страдомскій, членовъ Комитета собиралось въ обыкновенные дни человѣкъ десять. Пренія по каждому вопросу, какъ водится на русскихъ засѣданіяхъ, затягивались безконечно и повѣстка никогда не бывала исчерпана къ концу засѣданія. Она переходила, разбухая и удлиняясь, съ одного засѣданія на другое, какъ своего рода edictum translaticium.

На засѣданіяхъ присутствовали представители прессы; каждый день въ мѣстныхъ газетахъ печатался болѣе или менѣе подробный отчетъ о дебатахъ и рѣшеніяхъ Комитета. Кромѣ того, оффиціальный протоколъ опубликовывался въ «Извѣстіяхъ Исполнительнаго Комитета». замѣнившихъ прежнія «Губернскія Вѣдомости». Эта гласность и публичность мало способствовали дѣловитости и успѣшности нашихъ засѣданій. Комитетъ вѣдь долженъ былъ быть административнымъ органомъ, а не какимъ-то городскимъ парламентомъ... Но болѣе всего страдало дѣло отъ созываемыхъ по каждому болѣе или менѣе значительному вопросу объединенныхъ засѣданій Исполнительнаго Комитета съ президіумами С. Р. Д., С. В. Д. и Совѣта коалиціоннаго студенчества. Тутъ уже въ нашу дворцовую гостиную набивалось регулярно человѣкъ 50—60; произносились болѣе или менѣе удачныя рѣчи, но почти никогда не успѣвали принять конкретныхъ рѣшеній. Причемъ — опять-таки злополучный россійскій обычай — на этихъ засѣданіяхъ обсуждались и рѣшались исключительно вопросы общей политики, или точнѣе: пренія по подлежавшимъ нашему рѣшенію вопросамъ превращались въ утомительныя и безплодныя дискуссіи на обще-политическія темы. Представители отдѣльныхъ группъ считали необходимымъ дѣлать программныя «декларацiи», а группъ было много и становилось съ каждымъ днемъ все больше и больше, такъ что обыкновенно декларацiи отнимали почти все время, а рѣшенія либо вовсе не принимались, либо принимались на-спѣхъ, предъ шапочнымъ разборомъ. Зато каждый ораторъ могъ имѣть удовольствіе прочесть свою рѣчь на слѣдующее утро въ газетахъ.

Кстати, нѣсколько словъ о кіевской прессѣ того времени. Революція застала въ Кіевѣ нѣсколько газетъ, но свой характерный обликъ и нѣкоторое значеніе имѣли изъ нихъ три: «Кіевская Мысль», «Кіевлянинъ» и «Послѣднія Новости».

Это уже не были лучшія времена «Кіевской Мысли», когда руководителемъ ея былъ маститый І. Р. Кугель, постоянными сотрудниками — А. А. Яблоновскій и Д. І. Заславскій, а постоянными корреспондентами изъ-за границы — Л. Д. Троцкій (Антидъ Ото) и А. В. Луначарскій. Первые три, одинъ за другимъ, перешли въ столичныя изданія, а послѣдніе два, къ сожалѣнію, вернулись въ Россію. Но «Кіевская Мысль» уже успѣла составить себѣ весьма солидное положеніе и продолжала жить процентами съ этого капитала. Информаціонная часть была поставлена въ ней хорошо, на телеграммы средствъ не жалѣли. Но политическое руководство газетой лежало всецѣло въ рукахъ ортодоксальныхъ соціалъ-демократовъ (меньшевиковъ). — М. И. Эйшискина, Г. Наумова, М. Балабанова, К. Василенко, В. Дрелинга, — и это предопредѣлило ея характеръ въ эпоху Временнаго Правительства. Петроградскій Совѣтъ рабочихъ депутатовъ и его главари — Чхеидзе, Церетели, Скобелевъ и др. — имѣли въ лицѣ «Кіевской Мысли» лейбъ-органъ, всецѣло поддерживавшій ихъ тактику и одобрявшій ихъ программу. Въ украинскомъ вопросѣ «Кіевская Мысль» держалась на упорно враждебной украинцамъ позиціи. Поэтому газета погибла еще до прихода большевиковъ: ее задушила, въ декабрѣ 1918 года, петлюровская Директорія.

«Кіевлянинъ», старѣйшая газета въ краѣ, основанная въ 60-хъ годахъ проф. В. Я. Шульгинымъ и руководимая въ теченіе долгихъ лѣтъ Д. И. Пихно, — существовала въ то время только благодаря исключительному публицистическому таланту своего новаго редактора Василія Витальевича Шульгина. Его статьи во время дѣла Бейлиса, а также во время войны, читались всѣми,

правыми и лѣвыми. Его роль въ переворотѣ и отреченіи царя еще болѣе подняли его престижъ даже въ глазахъ умѣренно-либеральныхъ круговъ. И если бы не его неудержимый антисемитизмъ, Шульгинъ могъ бы сдѣлать «Кіевлянинъ» органомъ умѣренныхъ круговъ интеллигенціи и буржуазіи. Но непримиримая позиція во всѣхъ національныхъ вопросахъ толкала его въ сторону самой черной реакціи. И, въ концѣ концовъ, «Кіевлянинъ» сталъ представителемъ только крайне-праваго крыла кіевскаго населенія, которое, впрочемъ, именно въ Кіевѣ всегда составляло довольно крупную величину.

Наконецъ, «Послѣднія Новости» какъ были, такъ и остались типичной бульварной газетой, совершенно безпринципной въ политическомъ отношеніи и не слишкомъ щепетильной въ смыслѣ провинціальнаго сплетничества и фаворитизма.

Уже послѣ революціи въ Кіевѣ появились органы нерусскихъ національностей — «Neue Zeit» (органъ еврейскихъ соціалистовъ) и «Нова Рада» (редактируемый Никовскимъ органъ умѣренныхъ украинскихъ націоналистовъ). Польское населеніе обслуживалъ «Dziennik Kijowski», довольно правый органъ, повидимому близкій къ народовой демократіи. Были попытки основать кадетскій органъ (кадетами была куплена «Южная Копѣйка»), но онѣ не успѣли осуществиться.

Изъ этихъ газетъ, «Кіевская Мысль» и «Послѣднія Новости» появлялись также вечернимъ изданіемъ.

Выше я описалъ личный составъ и внѣшнюю картину дѣятельности Кіевскаго Исполнительнаго Комитета. Что касается внутренняго содержанія этой дѣятельности, то къ ней можно примѣнить изреченіе: довлѣетъ дневи злоба его. Засѣданія наши были посвящены вопросамъ, захватывавшимъ тогда все наше вниманіе, — вопросамъ, которымъ мы придавали большое значеніе и изъ-за которыхъ готовы были спорить цѣлыя ночи на пролетъ. Теперь почти все это покрылось забвеніемъ, а то, что припоминается, кажется эфемернымъ, а иногда и мелкимъ и суетнымъ... Съ Совѣтами — рабочимъ и военнымъ — жили болѣе или менѣе мирно. Большинство въ нихъ принадлежало тогда оборонцамъ, а въ своей тактикѣ по отношенію къ Исполнительному Комитету они, къ счастью, не подражали своему петроградскому собрату съ его довѣріемъ «постольку-поскольку». Изъ столкновеній съ Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ я припоминаю только довольно рѣзкій конфликтъ по поводу самочиннаго закрытія магазиновъ, въ которыхъ работали штрейкбрехеры. —

Наша жизнь была наполнена интересами и вопросами момента. Но самое главное и рѣшительное въ ней было то, что позади всѣхъ этихъ очередныхъ вопросовъ и заботъ поднималась и заполняла все большую и большую часть горизонта грозовая туча украинскаго сепаратизма (большевистская опасность была въ ту эпоху въ Кіевѣ еще не на очереди). Мы всѣ видѣли эту тучу и чувствовали ея приближеніе; и это налагало отпечатокъ какой-то мрачности на наши мысли и настроенія. Впрочемъ, иногда мы развлекались революціонными праздествами; среди этихъ послѣднихъ наиболѣе интересны были періодическіе гастроли наѣзжавшихъ министровъ.

Первыми пріѣзжали (еще до моего вступленія въ Исполнительный Комитетъ) военный министръ — А. И. Гучковъ, а при мнѣ французъ Альберъ Тома. Этого заморскаго гостя мы встрѣтили съ величайшимъ любопытствомъ, принимали его и во дворцѣ, и въ Купеческомъ собраніи, говорили ему (черезъ переводчика и на болѣе или менѣе ломанномъ французскомъ языкѣ) привѣт-

ственныя рѣчи и слушали его темпераментное, галльское краснорѣчіе. Визитъ его сошелъ въ общемъ гладко и даже импозантно, хотя его агитація за продолженіе войны до побѣднаго конца встрѣтила невосприимчивую аудиторію, а отъ нѣкоторыхъ ораторовъ ему пришлось выслушать довольно нелюбезныя привѣтствія. Особенно отличилась, помнится, прославившаяся впослѣдствіи большевичка Евгенія Бошъ, которая прочитала нашему гостю цѣлую нотацію по вопросу объ имперіализмѣ и соглашательствѣ.

Вслѣдъ за Тома пріѣхалъ А. Ф. Керенскій. Это было въ концѣ мая или въ началѣ іюня. Онъ незадолго передъ тѣмъ былъ назначенъ военнымъ министромъ и приступалъ къ своимъ агитаціоннымъ объѣздамъ фронта. Уже были имъ сказаны слова о взбунтовавшихся рабахъ и уже опредѣлилось направленіе его работы. Тогда-то, на зенитѣ славы, мы увидѣли этого всероссійскаго кумира. И нужно сказать безъ всякихъ оговорокъ и безъ ретроспективныхъ исправленій: впечатлѣніе было громадное, потрясающее, захватывающее... Мы увидѣли молодого человѣка съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ и съ рукой на перевязи. Его наружность казалась оригинальной и значительной. Мы услышали его своеобразную, неподражаемую рѣчь, состоящую изъ отдѣльныхъ, отрывистыхъ и краткихъ, фразъ — услышали, какъ онъ — по мѣткому выраженію одного журналиста — «металъ слова». И, что самое главное и значительное, мы почувствовали обаяніе самоотверженной, почти подвижнической души, горящей пламенемъ самаго чистаго идеализма, ищущей одного только добра... Я не берусь и не хочу судить, насколько это впечатлѣніе было правильно, какова была въ немъ доля гипноза и самовнушенія. Я только констатирую фактъ: таково было всеобщее, всеохватывающее и всепобѣждающее впечатлѣніе отъ фигуры Керенскаго.

По установившемуся обычаю, для встрѣчи Керенскаго было устроено сначала привѣтственное засѣданіе въ парадномъ залѣ дворца, а затѣмъ большой митингъ въ Городскомъ театрѣ. Программа была здѣсь и тамъ одна и та же: сначала привѣтствія представителей различныхъ организацій, затѣмъ отвѣтная рѣчь Керенскаго. Привѣтствія были всѣ болѣе или менѣе краснорѣчивыя, болѣе или менѣе восторженныя, болѣе или менѣе банальныя. Украинцы и большевики, ораторы которыхъ могли бы внести диссонансъ въ общій хоръ, не явились вовсе. Особенно тепло прозвучали рѣчи солдатъ (Таска и Зайцева), задушевную ноту сумѣлъ взять предсѣдатель Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Послѣ каждой рѣчи раздавались аплодисменты, Керенскій вставалъ и пожималъ руку оратора. Этотъ потокъ восторговъ и восхваленій окружалъ героя въ глазахъ взиравшей на него толпы все болѣе и болѣе яркимъ ореоломъ. Эти періодическіе взрывы рукоплесканій все болѣе и болѣе поднимали настроеніе зала. И этотъ восторгъ и подъемъ достигли апогея, когда (особенно помню эту сцену на митингѣ въ театрѣ), выслушавъ послѣдняго оратора, Керенскій не опустился обратно на стулъ, а медленно подошелъ къ рампѣ. Залъ дрожалъ отъ рукоплесканій, а Керенскій стоялъ у рампы, со своей рукой на перевязи, со своимъ блѣднымъ, измученнымъ лицомъ... Какая рѣчь не потрясетъ аудиторію въ такой обстановкѣ? Какой большой ораторъ не зажжется огнемъ вдохновенія послѣ такого пріема? И мы услышали почти ту же рѣчь, которую нѣсколькими часами ранѣе прослушали во дворцѣ; услышали тѣ же мысли, облеченныя въ еще болѣе яркія слова, въ еще болѣе значительныя и отрывистыя фразы, произнесенныя еще болѣе глубокимъ, металлическимъ голосомъ. И послѣ каждой фразы, которую, какъ будто диктуя, отчеканивалъ Керенскій, раздавался новый

громъ аплодисментовъ... И когда онъ кончилъ, вся толпа ревѣла, всѣ были растроганы и потрясены до полной потери самообладанія...

Я не буду ни излагать, ни критиковать содержанія кіевскихъ рѣчей Керенскаго. Онъ не сказалъ у насъ ничего такого, что бы не было имъ сказано въ другихъ мѣстахъ. И повторяю: сила или слабость его рѣчи была не въ ея содержаніи. Воодушевлялъ, зажигалъ проникавшій эту рѣчь духъ, тотъ видимый сквозь его рѣчь — я сказалъ бы — нравственный идеализмъ, который и былъ источникомъ необычайнаго обаянія Керенскаго. Я не знаю, былъ ли этотъ идеализмъ вполнѣ искреннимъ, — вполнѣ неискреннимъ онъ, при такой силѣ впечатлѣнія, быть не могъ. И въ немъ-то — національное своеобразіе всей фигуры Керенскаго и всего его, хотя и кратковременнаго, но поистинѣ всенароднаго успѣха. Ни одинъ государственный дѣятель и ни одинъ демагогъ въ исторіи, насколько мнѣ извѣстно, не игралъ на этихъ струнахъ души съ такимъ искусствомъ и успѣхомъ. Словъ нѣтъ: возбуждаемыхъ Керенскимъ въ своихъ слушателяхъ настроеній было далеко недостаточно для государственнаго строительства. Словъ нѣтъ: они не соотвѣтствовали дѣйствительному уровню народныхъ массъ и реальнымъ нуждамъ историческаго момента. Но ни его донъ-Кихотство, ни плачевный финалъ его карьеры не лишитъ историческую личность Керенскаго чисто художественной законченности и силы...

Пріѣзжалъ къ намъ въ Кіевъ послѣ Керенскаго еще бельгійскій соціалистъ Эмиль Вандервельде. Вслѣдъ за Тома, онъ привезъ намъ (какъ онъ говорилъ) «не миръ, но мечъ»; его выступленіе произвело уже значительно менѣе сильное впечатлѣніе. Пріѣзжалъ, наконецъ, Церетели, и съ нимъ вторично Керенскій и Терещенко. Этотъ послѣдній министерскій визитъ имѣлъ весьма серьезныя послѣдствія въ нашихъ взаимоотношеніяхъ съ Украинской Радой. Къ исторіи этихъ взаимоотношеній я теперь и перейду.

Центральная Украинская Рада была избрана, какъ я уже упоминалъ, на съѣздѣ «спилокъ» въ апрѣлѣ 1917 года. Тогда же предсѣдателемъ Рады былъ единогласно избранъ проф. М. С. Грушевскій. Первоначально мы смотрѣли на Раду, какъ на чисто національное объединеніе, на подобіе нашего «Совѣта объединенныхъ еврейскихъ организацій» и «Польскаго исполнительнаго комитета»*. Еврейскій Совѣтъ даже пытался конкурировать съ Радой, хлопоча предъ Исполнит. Комитетомъ о предоставленіи ему помѣщенія въ Педагогическомъ музеѣ. Однако, этотъ послѣдній остался въ исключительномъ обладаніи украинцевъ и сталъ ихъ штабъ-квартирой. Оттуда и начали исходить нити, постепенно охватившія провинціальные города и даже деревни Украины, а также и армію. Украинскіе дѣятели проявили въ эту эпоху большую энергію и сумѣли въ короткое время создать широко развѣтвленную, крѣпкую организацію. До поры до времени, однако, все оставалось въ рамкахъ чисто національнаго движенія, отнюдь не претендующаго на захватъ власти. Временное Правительство признавалось и противъ него идти еще не рѣшались. Но уже очень скоро Рада перестала считаться съ властью нашего Исполнительнаго Комитета или, во всякомъ случаѣ, стала смотрѣть на себя, какъ на органъ автономный и независимый отъ мѣстныхъ «россійскихъ» учрежденій.

---

* Этотъ послѣдній возникъ приблизительно одновременно съ еврейскимъ Совѣтомъ и былъ построенъ приблизительно на тѣхъ же началахъ. Предсѣдателемъ Комитета былъ І. І. Бартошевичъ (н.-д.), его товарищемъ І. Н. Пересвѣтъ-Солтанъ, впослѣдствіи трагически погубленный Чрезвычайкой. Судьба «Польск. Исп. Комитета» также напоминала участь еврейскаго Совѣта: расколъ, выходъ лѣвыхъ, маразмъ и смерть.

Эта тенденція впервые проявилась въ обращеніи Центральной Рады къ Временному Правительству съ особой декларацією, заключавшей въ себѣ цѣлый рядъ національныхъ требованій. Декларацію эту повезли въ Петроградъ особые посланцы Рады, во главѣ съ Винниченко.

Эта-то депутація къ Временному Правительству, посланная за спиной его мѣстнаго органа — Исполнительнаго Комитета, и послужила сигналомъ къ началу внутренней борьбы между Комитетомъ и Радой. На ближайшемъ засѣданіи Комитета Страдомскаго спросили, извѣстенъ ли ему этотъ фактъ и считаетъ ли онъ нормальнымъ, чтобы такого рода сношенія велись съ Временнымъ Правительствомъ помимо насъ и безъ нашего вѣдома. Помню, какъ нашъ миролюбивый предсѣдатель сейчасъ же сказалъ, чтобы лучше не касаться этого больного мѣста. Но было уже поздно. Вопросъ вызвалъ пренія, въ которыхъ было отмѣчено, что представитель украинскихъ организацій пересталъ посѣщать засѣданія Комитета и что Рада, вообще, начинаетъ держать себя, какъ государство въ государствѣ. Какъ водится, наши разговоры окончились тѣмъ, что было рѣшено созвать соединенное засѣданіе съ рабочими, военными и студенческими депутатами. На слѣдующій день все это было воспроизведено въ газетахъ подъ многозначительнымъ заголовкомъ «Украинскій вопросъ въ Исполнительномъ Комитетѣ». Черезъ пару дней состоялось соединенное засѣданіе и на немъ всѣ партійные и групповые представители получили возможность выступить съ широковѣщательными деклараціями. Я упорно молчалъ, получивъ отъ президіума еврейскаго Совѣта репримандъ за недипломатическое выступленіе въ Комитетѣ . . .

Въ концѣ концовъ, Исполнительный Комитетъ послалъ въ Петроградъ контръ-депутацію (въ составѣ д-ра Фрумина и еще кого-то), которой, однако, сказалось нечего дѣлать, такъ какъ Временное Правительство и безъ того отклонило всѣ требованія Рады *. Исполнительный Комитетъ былъ удовлетворенъ, «Кіевская Мысль» торжествовала, — но украинцы сумѣли tirer les conséquences . . .

Агитація Центральной Рады, начиная съ этого момента, приняла болѣе рѣзкій и боевой характеръ. Вмѣсто простого будированія противъ Временнаго Правительства стали раздаваться призывы къ освобожденію изъ-подъ его «узурпаторской» власти; вмѣсто игнорированія Исполнительнаго Комитета, Рада вступила на путь прямой оппозиціи и борьбы противъ него.

Былъ изданъ и торжественно оглашенъ на Софійской площади «Универсалъ», въ которомъ припоминались всѣ преступленія Московской власти противъ Украины и который заканчивался призывомъ къ украинскому народу сплотиться вокругъ своего органа. Стали созываться украинскіе войсковые съѣзды, — сначала воспрещенные, а затѣмъ, въ сознаніи своего безсилія, дозволенные Керенскимъ, — на которыхъ проповѣдь сепаратизма раздавалась все громче и громче. «Передайте Кіевскому Исполнительному Комитету, — говорилъ на одномъ изъ такихъ съѣздовъ украинскій с.-р. Ковалевскій городскому головѣ Бурчаку, не въ попадъ появившемуся съ привѣтствіемъ, — что украинскій народъ признаетъ надъ собой только одну власть — Центральную Раду» . . . А Испол-

* Въ чемъ состояли эти требованія, я теперь точно не помню. Кажется, рѣчь шла въ нихъ объ оффиціальномъ допущеніи украинскаго языка, о выдѣленіи украинскихъ войсковыхъ частей и объ отдѣльномъ участіи украинской делегаціи на предстоявшемъ международномъ мирномъ конгрессѣ.

нительному Комитету не оставалось ничего иного, какъ молча все это выслушивать . . .

Для всѣхъ было ясно, что сила украинскаго движенія лежитъ, главнымъ образомъ, въ слабости его противниковъ. Его же собственная сила и быстрота распространенія обуславливались доступностью и завлекательностью лозунговъ, съ которыми оно тогда подходило къ массамъ. Національный подъемъ, несомнѣнно, игралъ извѣстную роль. Но онъ не могъ быть такимъ могучимъ и всенароднымъ. Секретъ успѣха національной украинской агитаціи былъ въ томъ, что она — также, какъ впослѣдствіи агитація большевистская — вполнѣ угождала желаніямъ и склонностямъ широкихъ, по преимуществу сельскихъ, массъ. Крестьянамъ внушалось, что Центральная Рада защититъ ихъ отъ невыгоднаго общаго передѣла земли съ безземельными крестьянами сѣвера. Ихъ настраивали противъ Временнаго Правительства, требовавшаго отъ нихъ все новыхъ и новыхъ жертвъ и настаивавшаго на выполненіи всѣхъ старыхъ повинностей. Имъ внушали мысль, что не Украина затѣяла войну и что поэтому они не обязаны воевать.

Широкія массы воспринимали возвѣщенные Центральной Радой лозунги именно въ такомъ, полу-анархическомъ и полу-дезертирскомъ, смыслѣ. И они пошли за Радой — впрочемъ, ненадолго. Полгода, а затѣмъ вторично полтора года спустя, тѣ же самые Винниченко и Петлюра не могли ничего противопоставить тѣмъ уже вполнѣ откровенно анархическимъ и дезертирскимъ лозунгамъ, съ которыми двигались на Украину большевики. И, какъ Гётевскій «Zauberlehrling», украинскіе лидеры не смогли совладать съ духами, которыхъ они же вызвали наружу . . .

Въ эпоху Временнаго Правительства къ украинцамъ постоянно обращались съ увѣщаніемъ: «подождите, молъ, до Учредительнаго Собранія». Этотъ аргументъ, при трезвомъ взглядѣ на вещи, нельзя не признать нѣсколько прекраснодушнымъ и наивнымъ. Вѣдь для всѣхъ было ясно (а яснѣе всего для самихъ украинцевъ), что при Учредительномъ Собраніи ихъ позиція будетъ во всѣхъ отношеніяхъ слабѣе, чѣмъ теперь. Зачѣмъ же имъ было ждать его?

Но, какъ бы то ни было, факты оставались фактами. Временное Правительство (особенно послѣ неудачи іюньскаго наступленія) все слабѣло, а вслѣдъ за нимъ ослабѣвалъ и представлявшій его въ Кіевѣ Исполнительный Комитетъ. А украинцы, учитывая измѣнившееся соотношеніе силъ, довольно искусно эксплоатировали въ свою пользу всѣ прошлые и настоящіе грѣхи россійской власти и россійской интеллигенціи.

Къ этому времени (дѣло было въ серединѣ іюня) относится послѣдняя попытка Исполнительнаго Комитета найти спасительный компромиссъ и помириться съ Радой. Послѣ нѣсколькихъ довольно безплодныхъ засѣданій съ украинскими представителями*, Лепарскій внесъ довольно неожиданное предложеніе — устроить слѣдующую встрѣчу на пароходѣ. И вотъ, въ одинъ изъ прекрасныхъ іюньскихъ вечеровъ состоялось катанье по Днѣпру, въ которомъ приняли участіе всѣ революціонные властители города Кіева. Были приглашены и украинцы, причемъ самъ Грушевскій насъ не удостоилъ, но явился Винниченко и цѣлый рядъ deum minorum. Больше всѣхъ былъ доволенъ катаньемъ его иниціаторъ Лепарскій, распѣвавшій пѣсни во всю свою богатырскую грудь. Но остальные участники, менѣе поддавшіеся дѣйствію вина и свѣжаго воздуха,

* Проф. Грушевскимъ и Винниченко.

чувствовали нѣкоторую натянутость. Украинцы и за столомъ сидѣли отдѣльно, и на шутливо-примирительные тосты отвѣчали довольно угрюмо. Помню, какъ тотъ же Лепарскій, съ комическимъ азартомъ, взывалъ къ украинскимъ соціалъ-демократамъ: «Покажите мнѣ, какіе тексты у Маркса оправдываютъ національный сепаратизмъ!» Несоотвѣтствіе украинскихъ національныхъ домагательствъ постулатамъ ортодоксальнаго марксизма было однимъ изъ любимыхъ аргументовъ, которыми наши с.-д. пытались поразить украинскихъ...

Въ концѣ концовъ, изъ всего сказаннаго и спѣтаго въ эту ночь имѣли политическое значеніе только нѣкоторыя слова изъ рѣчи Винниченко, котораго чарующая обстановка заставила немного разоткровенничаться. Говорилъ онъ къ концу вечера, на палубѣ, при свѣтѣ луны. И вотъ, послѣ неизбѣжныхъ разсужденій на тему о классовомъ составѣ украинскаго народа, вынуждающемъ къ нѣкоторымъ отступленіямъ отъ лозунговъ чистаго марксизма, онъ перешелъ къ характеристикѣ отдѣльныхъ теченій среди украинскихъ націоналистовъ. Тутъ-то съ его словъ мы узнали, что среди украинцевъ имѣется теченіе, — и притомъ довольно значительное, — которое рекомендуетъ вмѣсто длинныхъ переговоровъ съ Временнымъ Правительствомъ, — оголить фронтъ, отозвавъ украинцевъ изъ воинскихъ частей. Жуткое впечатлѣніе произвели на насъ эти слова... Если Временное Правительство будетъ продолжать упорствовать, — сказалъ Винниченко, — умѣренные элементы украинства окажутся безсильными въ борьбѣ противъ этого теченія.

Около того же времени Центральная Рада избрала свой исполнительный органъ — «Генеральный Секретаріатъ». Хотя, по утвержденію украинцевъ, это не было министерство, но по своей конструкціи Генеральный Секретаріатъ былъ построенъ по образцу министерствъ и несомнѣнно былъ предназначенъ для того, чтобы, при первой возможности, присвоить себѣ функціи таковыхъ. Предсѣдателемъ Генеральнаго Секретаріата и генеральнымъ секретаремъ по внутреннимъ дѣламъ былъ Винниченко, ген. секретаремъ военныхъ дѣлъ — Петлюра, земледѣлія — Ковалевскій, межнаціональныхъ дѣлъ — Ефремовъ *.

На образованіе Генеральнаго Секретаріата «Кіевская Мысль» реагировала громовой статьей К. Василенко подъ заглавіемъ «Узурпаторы власти»...

Такъ все шире и шире разверзалась пропасть между Исполнительнымъ Комитетомъ и Центральной Радой. И наконецъ пріѣхалъ изъ Петрограда насъ разсудить и примирить самый вліятельный членъ перваго коалиціоннаго кабинета Ираклій Церетели.

Пріѣздъ Церетели былъ большимъ событіемъ для нашихъ соціалистическихъ круговъ, которые въ немъ, а не въ Керенскомъ, видѣли своего призваннаго вождя и руководителя. «Церетели — мозгъ революціи, Керенскій — ея нервы», такъ формулировала различіе между обоими лидерами «Кіевская Мысль». Праздникъ былъ на этотъ разъ тѣмъ болѣе блестящій, что насъ одновременно посѣтили и мозгъ, и нервы революціи: вмѣстѣ съ Церетели заѣхалъ къ намъ съ фронта Керенскій. Кромѣ того, «буржуазная» группа правительственной коалиціи нарядила въ Кіевъ своего представителя въ лицѣ министра иностранныхъ дѣлъ Терещенко.

Высокихъ гостей принимали, конечно, въ парадномъ залѣ дворца. Дѣло было вечеромъ, залъ блисталъ огнями и былъ поэтому особенно эффектенъ.

* Его замѣстителемъ и преемникомъ былъ мой гимназическій товарищъ А. Я. Шульгинъ. Объ этихъ главнѣйшихъ фигурахъ Центр. Рады рѣчь впереди.

Керенскій сначала сказалъ нѣсколько словъ съ балкона окружавшей дворецъ толпѣ, а затѣмъ торжественный кортежъ вошелъ въ залъ и занялъ мѣста за столомъ президіума. Предсѣдательствовалъ, въ виду отъѣзда Страдомскаго, его товарищъ А. В. Доротовъ. Программа дня была выработана слѣдующая: краткія привѣтствія отъ важнѣйшихъ организацій, рѣчи министровъ и отвѣты представителей партій. Все это и было выполнено, согласно росписанію, но во всемъ звучала какая-то тревога и не было прежняго всеохватывающаго подъема и энтузіазма. Керенскій, впрочемъ, оставался вѣренъ себѣ; его рѣчь была поразительно красива и касалась исключительно общихъ вопросовъ революціоннаго и патріотическаго долга, въ частности, въ связи съ начавшимся тогда на фронтѣ наступленіемъ. Но Церетели говорилъ уже въ совершенно иномъ духѣ и тонѣ. Я не помню въ точности содержанія его рѣчи; помню только его глубокіе, прекрасные глаза и проникновенный голосъ, помню оттѣняемую грузинскимъ акцентомъ простую и выразительную форму, въ которую онъ облекалъ свои мысли. И помню, что въ его словахъ не было именно того, чѣмъ, — по крайней мѣрѣ меня, — очаровывалъ Керенскій: не было нравственнаго подъема, не было доброты,не было братства и любви. Человѣчество, а въ томъ числѣ и граждане Россіи, дѣлились для него на два по необходимости враждебные класса — на «революціонную демократію» (онъ особенно часто повторялъ эти два слова) и на остальныя сословія. И смыслъ революціи состоялъ для него не въ томъ, чтобы, какъ призывалъ Керенскій, всѣ граждане въ могучемъ порывѣ къ добру стали строить лучшее будущее, и не въ томъ даже, чтобы, какъ проповѣдывали большевики, «революціонная демократія» выхватила власть изъ рукъ буржуазіи; для Церетели задача и цѣль революціи была въ томъ, чтобы демократія, не принимая власти въ свои руки, путемъ хитрыхъ компромиссовъ и осторожныхъ шахматныхъ ходовъ заставила враждебную ей стихію буржуазіи, противъ своей воли, работать ей на пользу. Эта хитрая и холодная «восточная дипломатія» (какъ называлъ тактику Церетели и Чхендзе покойный Плехановъ) скрашивалась въ выступленіяхъ Церетели красотой его личности, окруженной ореоломъ мученичества. Онъ вѣдь появился въ революціонный Петроградъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, изъ «глубины сибирскихъ рудъ», и на его лицѣ еще былъ виденъ отпечатокъ тюремной блѣдности... Но по своему истинному содержанію и смыслу его кіевская рѣчь, какъ и другія его рѣчи, была все-таки порожденіемъ не душевнаго порыва, а марксистской дипломатіи.

Въ первый вечеръ, въ парадномъ залѣ дворца, Церетели выступалъ еще до переговоровъ съ украинцами. Поэтому онъ не сказалъ ничего опредѣленнаго по самому больному для насъ вопросу. Слѣдующій день (кажется, это было 1 или 2 іюля) пріѣхавшіе министры совѣщались съ представителями Рады и, къ вечеру, Церетели сообщилъ намъ о соглашеніи, которое было достигнуто. По этому соглашенію, которое еще нуждалось въ ратификаціи со стороны Временнаго Правительства, Генеральный Секретаріатъ получалъ функціи краевого исполнительнаго органа, а Центральная Рада становилась законодательнымъ центромъ автономной провинціи; оба учрежденія должны были быть пополнены представителями «національныхъ меньшинствъ» — въ первый разъ мы услышали тогда это слово. И въ тотъ же вечеръ, въ присутствіи Церетели и Терещенко и при участіи Винниченко, мы занялись конструированіемъ новорожденной автономной Украины и ея мѣстнаго правительства. Помню тяжелое впечатлѣніе, которое произвело на меня то, съ какой легкостью и быстротой «отвалили» Украинѣ десятокъ губерній. И помню, что уже тогда всѣ присут-

ствовавшіе представители отдѣльныхъ партій и группъ явно интересовались больше всего тѣмъ, сколько мѣстъ каждая изъ нихъ получитъ въ Радѣ...

Всѣ кіевскія партіи, въ томъ числѣ и кадеты, одобряли достигнутое соглашеніе, хотя почти всѣ смотрѣли на него, какъ на неизбѣжное зло. Какъ извѣстно, въ самомъ Временномъ Правительствѣ на почвѣ украинскаго вопроса произошелъ тогда же кризисъ и министры-кадеты (Шингаревъ, Мануиловъ и кн. Шаховской) вышли изъ его состава. Но дѣло было сдѣлано, а послѣдовавшее затѣмъ въ Петроградѣ возстаніе большевиковъ, хотя оно и было подавлено, все же не могло не упрочить впечатлѣнія, что Временное Правительство слишкомъ слабо, чтобы сопротивляться украинскому сепаратизму.

Въ результатѣ создавшагося у насъ, послѣ отъѣзда Церетели, новаго положенія, предъ кіевской общественностью встали новые вопросы и тревоги. Въ томъ же ночномъ засѣданіи, въ которомъ мы «съ кондачка» устанавливали границы будущей автономной Украины, была избрана небольшая комиссія, которой было поручено вести переговоры съ Радой о количествѣ представляемыхъ «меньшинствамъ» депутатскихъ мѣстъ. Не знаю, очень ли неискусно велись эти переговоры, но въ результатѣ различныхъ этнографическихъ исчисленій мы получили 30% мѣстъ, а одинъ украинецъ (впрочемъ, не очень надежный) говорилъ мнѣ впослѣдствіи, что его друзья согласились бы дать 35%. Вообще, въ настроеніяхъ нашихъ революціонныхъ главарей произошелъ внезапный надломъ. Легкомысленное пренебреженіе ко всему украинскому съ непріятной быстротой смѣнилось полной резиньяціей и сознаніемъ своего безсилія. «Теперь уже не только украинцы, но и остальные политиканы наши, — писалъ я вскорѣ затѣмъ въ одномъ письмѣ отъ 15 августа 1917 года, — оказались ярыми сторонниками автономіи и требуютъ проведенія ея немедленно, безъ Учредительнаго Собранія». Едва ли было достаточно основаній для столь рѣшительной перемѣны фронта, главнымъ виновникомъ которой я считаю бундовца М. Г. Рафеса (о немъ рѣчь впереди); его-то я прежде всего и имѣлъ въ виду въ цитированномъ письмѣ. И я подозрѣвалъ, что въ то время сами украинцы еще не считали себя такими могучими и непреодолимыми, какими они вдругъ представились ихъ вчерашнимъ господамъ и менторамъ...

Но, такъ или иначе, восемнадцать мѣстъ въ Радѣ было получено. Предстояло ихъ распредѣлить между всѣми не-украинскими организаціями и партіями. И тутъ, какъ водится въ такихъ случаяхъ, началась торговля, подкапываніе другъ подъ друга и интриги. Рафесъ, который пріобрѣталъ все больше и больше значенія, пустилъ здѣсь въ ходъ всю свою энергію; и можно сказать, что утвержденное въ конечномъ результатѣ распредѣленіе мѣстъ было въ общихъ чертахъ произведено по его проэкту, причемъ даже случайная ошибка въ наименованіи одной еврейской партіи перешла изъ его записной книжки въ текстъ оффиціальнаго протокола.

Окончательная схема представительства «меньшинствъ» въ Радѣ, принятая на соединенномъ засѣданіи Исполнительнаго Комитета со всѣми заинтересованными организаціями, была слѣдующая (воспроизвожу ее по памяти) *:

---

* Мною приводится распредѣленіе мѣстъ въ такъ-наз. «Малой Радѣ», о которомъ тогда и шла рѣчь. О Малой Радѣ и ея отношеніи къ пленуму Центр. Рады говорится въ слѣдующей главѣ.

Обще-россійскія организаціи:		
Исполнительный Комитетъ	1	
Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ	2	
Совѣтъ Военныхъ Депутатовъ	2	
Всего		5
Обще-россійскія партіи:		
К.-д.	1	
С.-д. (меньшевики)	2	
С.-д. (большевики)	1	
С.-р.	2	
Всего		6
Еврейскія партіи:		
Бундъ	1	
Объединенные соціалисты	1	
Поалей-ціонъ	1	
Демократическое объединеніе	1	
Сіонисты	1	
Всего		5
Польскія партіи:		
Демократическій централъ:	1	
P. P. S.	1	
Всего		2
Всего представителей меньшинствъ		18

Внѣпартійныя національныя организаціи — Совѣтъ объединенныхъ еврейскихъ организацій города Кіева, Польскій исполнительный комитетъ — были отъ представительства въ Радѣ отстранены.

Черезъ нѣсколько дней состоялось торжественное засѣданіе Рады съ участіемъ представителей меньшинствъ, которые, каждый на своемъ языкѣ, славословили воцарившееся національное примиреніе. Это послѣднее было, со стороны украинцевъ, ознаменовано изданіемъ Второго Универсала, въ которомъ констатируется побѣда украинскаго движенія надъ своими московскими супостатами.

Съ этого дня центръ политической жизни города Кіева перемѣстился изъ дворца (гдѣ продолжали засѣдать Исполнительный Комитетъ и Совѣты) въ Педагогическій музей — мѣсто собраній новорожденнаго украинскаго парламента. Однако, около того же времени возникъ въ Кіевѣ новый общественный центръ, которому предстояло олицетворять демократическую оппозицію — сначала противъ Рады, затѣмъ противъ большевиковъ, и наконецъ противъ гетмана: я говорю о вновь избранной на демократическихъ началахъ Городской Думѣ.

На выборы въ Городскую Думу мнѣ пришлось итти отъ тѣхъ же еврейскихъ организацій, которыя я представлялъ въ Исполнительномъ Комитетѣ. Избраніе въ Исп. Комитетъ и напряженная работа въ немъ не освободили

меня отъ заботъ и хлопотъ по секретарству въ Совѣтѣ объединенныхъ еврейскихъ организацій. Какъ и прежде, мнѣ приходилось руководить всѣмъ дѣлопроизводствомъ и канцеляріей Совѣта, участвовать во всѣхъ засѣданіяхъ пленума и бюро, нести на себѣ значительную долю заботъ и отвѣтственности по исполненію всѣхъ принимаемыхъ рѣшеній. Особенно много работы и волненій было въ связи съ созывомъ и руководствомъ «Областного еврейскаго совѣщанія», состоявшагося въ Кіевѣ 9, 10 и 11 мая 1917 года.

Идея созвать областной еврейскій съѣздъ возникла въ первые же дни существованія Совѣта. Уже въ началѣ апрѣля была установлена программа съѣзда, назначенъ срокъ и разосланы приглашенія.

Нашъ призывъ встрѣтилъ въ провинціи очень живой откликъ. Всего съѣхалось около 300 делегатовъ*, и интересъ къ съѣзду, какъ на мѣстахъ, такъ и въ самомъ Кіевѣ, былъ большой**.

Всѣ намѣченные доклады были прочтены и обсуждены, по всѣмъ имъ были приняты соотвѣтствующія резолюціи. Работы Совѣщанія были зафиксированы въ подробномъ протоколѣ, который, вмѣстѣ съ текстомъ докладовъ и резолюцій, былъ затѣмъ напечатанъ отдѣльной брошюрой. Вся эта оффиціальная сторона протекла «честь-честью», какъ полагается. Но не въ ней оказался наиболѣе жгучій интересъ съѣзда, не она привлекла къ себѣ наиболѣе острое вниманіе участниковъ, слушателей и прессы. Наиболѣе драматическіе моменты съѣзда относятся къ выступленіямъ руководимой Рафесомъ оппозиціи и, въ той или иной формѣ, вращались вокругъ заполнившей вниманіе всего съѣзда фигуры Рафеса.

Я уже упомянулъ о томъ, что Рафесъ сталъ постепенно играть все болѣе и болѣе центральную роль въ кіевской революціонной общественности. Областное еврейское совѣщаніе, состоявшее сплошь изъ его самыхъ ожесточенныхъ противниковъ и зложелателей, оказалось весьма благодарнымъ фономъ, на которомъ развернулась эта мефистофельская фигура. Рафесъ былъ, несомнѣнно, наиболѣе яркой личностью изъ всѣхъ подвизавшихся въ это время въ Кіевѣ политиковъ. Онъ былъ хорошимъ ораторомъ — и по-русски, и по-еврейски, — искуснымъ полемистомъ, опаснымъ критикомъ. И, что самое главное, въ немъ была неисчерпаемая энергія и дѣйственная сила. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ поистинѣ «духомъ отрицанія и сомнѣнія»; оппозиція и политическая интрига были его подлинной сферой. Къ созиданію, даже просто къ руководительству массами онъ былъ неспособенъ. Натура дѣйственная и практическая, онъ много разъ мѣнялъ фронтъ; онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые жертвуютъ успѣхомъ ради идей и принциповъ. Наиболѣе славные моменты его дѣятельности относятся ко времени перваго прихода большевиковъ въ февралѣ 1918 г. Тогда онъ съ большимъ мужествомъ боролся противъ большевизма и изобличалъ его. Въ 1919 году онъ сталъ коммунистомъ и съ большимъ рвеніемъ

---

* Изъ Кіевской, Волынской, Подольской, Черниговской, Полтавской и Харьковской губ.

** Въ программѣ Совѣщанія звачились доклады 1) объ объединеніи и организаціи еврейства (докладчикъ М. И. Юдинъ), 2) объ общинѣ (М. С. Мазоръ), 3) о правахъ національныхъ меньшинствъ въ Россіи (І. М. Маховеръ), 4) о выборахъ въ органы мѣстнаго самоуправленія (И Л. Бабатъ), 5) объ автономіи и федераціи (Я. С. Гольденвейзеръ), 6) о гражданскихъ обязанностяхъ евреевъ въ связи съ переживаемымъ моментомъ (Г. Б. Быховскій). Во время самого съѣзда въ программу были включены еще два доклада — 7) о всероссійскомъ еврейскомъ съѣздѣ (Виленскій) и 8) объ областномъ еврейскомъ союзѣ (А. А. Гольденвейзеръ).

руководилъ ночными обысками для изъятія «излишковъ». А въ 1920 году, во время третьяго пребыванія большевиковъ въ Кіевъ, Рафесъ пользовался такимъ вліяніемъ въ кіевскомъ Губревкомѣ, что его въ шутку называли «Губ-Рафесомъ»...

Рафесъ не былъ кіевлянииомъ и никому не былъ у насъ извѣстенъ, когда, въ мартѣ или апрѣлѣ 1917 года, центральный комитетъ «Бунда» командировалъ его на югъ для руководства мѣстной партійной работой. Я увидѣлъ его въ первый разъ въ день открытія областного еврейскаго совѣщанія, когда онъ, во главѣ цѣлой группы своихъ сторонниковъ, проникъ въ залъ на основаніи мандатовъ, самочинно выданныхъ имъ комитетомъ «Бунда». Рафесъ первый взялъ слово на вечернемъ засѣданіи, по поводу выслушанныхъ докладовъ Юдина, Мазора и Маховера. И эта его главная рѣчь, продолжавшаяся около часа, была настоящимъ chef-d'oeuvre'омъ ораторскаго и агитаціоннаго искусства. Я никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвела на меня эта рѣчь, сказанная на мало знакомомъ мнѣ языкѣ (жаргонѣ) и защищавшая совершенно чуждую мнѣ точку зрѣнія. Въ ней было столько юмора, язвительности и силы, что даже внимавшая ей клерикально-сіонистская аудиторія не могла противостоять чарамъ ненавистнаго противника...

Къ концу второго дня произошла на съѣздѣ драматическая сцена, врѣзавшаяся въ мою память. На трибунѣ стоялъ бердичевскій общественный раввинъ — яркій и темпераментный народный ораторъ. Рѣчь его, естественно, была призывомъ къ національному сплоченію на основѣ общихъ скрижалей вѣры. «Въ началѣ съѣзда, — сказалъ онъ между прочимъ, — всѣ вы поднялись съ мѣстъ въ память погибшихъ борцовъ за свободу. Поднимитесь же теперь въ честь Торы!» Аудиторія поднимается съ мѣстъ — за исключеніемъ группы бундовцевъ. Воцаряется невообразимый шумъ, большинство требуетъ удаленія «Бунда», оскорбившаго религіозныя чувства собранія. Президіумъ безсиленъ внести успокоеніе... И вотъ у ораторской кафедры появляется прекрасная сѣдая голова писателя С. А. Ан—скаго. Онъ поднимаетъ руку, залъ стихаетъ. Онъ говоритъ, что Тора — не только религіозный символъ, но и символъ вѣковой еврейской культуры. И въ честь этой культуры, составляющей нашу національную гордость и символизируемую свитками Торы, онъ предлагаетъ всѣмъ присутствующимъ встать съ мѣстъ. Всѣ встаютъ... Инцидентъ улаженъ.

Я помню Ан—скаго съ 1915 года, когда я встрѣчался съ нимъ предъ своей поѣздкой въ оккупированную тогда русскими войсками Галицію. Помню разсказы многихъ галичанъ о неотразимомъ впечатлѣніи, которое онъ произвелъ на нихъ. И въ этотъ вечеръ мнѣ пришлось самому увидѣть магическое дѣйствіе этого поистинѣ благороднаго человѣка на толпу. Черезъ два мѣсяца, въ Петроградѣ, мнѣ пришлось вести съ С. А. переговоры о поѣздкѣ его въ Румынію, куда нашъ Совѣтъ командировалъ его для обслѣдованія на мѣстѣ положенія евреевъ. Поѣздка эта не состоялась. Больше я Ан—скаго не видѣлъ, а въ 1921 году, будучи проѣздомъ въ Варшавѣ, я услышалъ объ его смерти, — наканунѣ перваго представленія его поэтической пьесы «Dybuk», которая съ тѣхъ поръ не сходитъ со сцены... Еврейское населеніе Варшавы устроило этому пѣвцу и печальнику еврейства торжественные, народные похороны.

Въ послѣдній день Областного совѣщанія, въ концѣ дневного засѣданія, Рафесъ организовалъ свой финальный coup de théâtre: коллективный выходъ

всей группы «Бунда» изъ залы. Въ своей «прощальной» рѣчи онъ далъ съѣзду крылатое названіе «черно-голубого* еврейскаго блока».

Областное Совѣщаніе, превратившееся, благодаря стараніямъ Рафеса, въ непрерывное оказательство внутреннихъ раздоровъ среди русскаго еврейства, разумѣется, могло только способствовать дальнѣйшему обострению этихъ раздоровъ. Никакія попытки примиренія не имѣли успѣха. Два лагеря противостояли другъ другу, расходясь и въ основномъ направленіи, и въ мельчайшихъ деталяхъ программы и тактики. И эти же два непримиримые еврейскіе лагеря застали большевистскій переворотъ, временно положившій конецъ всякому національному движенію среди евреевъ.

Обоимъ направленіямъ еврейской общественности дважды пришлось въ Кіевѣ помѣряться силами, представъ со своими лозунгами на судъ массы избирателей.

Въ концѣ іюля 1917 года происходили въ Кіевѣ выборы въ Городскую Думу, на которыхъ фигурировали различные еврейскіе списки, а въ слѣдующемъ декабрѣ и январѣ имѣли мѣсто выборы въ еврейскую общину. Результатъ получился въ обоихъ случаяхъ весьма различный... О выборахъ въ еврейскую общину, на которыхъ мнѣ пришлось занять срединную и примирительную позицію, я скажу позже: они относятся къ слѣдующей эпохѣ нашей революціонной исторіи. Къ выборамъ же въ Городскую Думу перехожу сейчасъ.

Старый составъ Городской Думы и Управы былъ, въ самомъ началѣ революціи, пополненъ новыми, «кооптированными» членами; списокъ ихъ былъ предложенъ Думѣ вновь возникшими революціонными организаціями. Въ качествѣ члена Исполн. Комитета, я ex officio считался также и гласнымъ Городской Думы; однако, засѣданій Думы я не посѣщалъ**, и фактически никакого отношенія къ ней не имѣлъ. Предсѣдатель еврейскаго Совѣта д-ръ Быховскій вступилъ въ число членовъ вновь пополненной Городской Управы, главной задачей которой была подготовка и организація всеобщихъ выборовъ въ Думу. Руководящую роль въ этой организаціонной работѣ сыгралъ, также вступившій въ управу, Абрамъ Моисеевичъ Гинзбургъ — меньшевикъ, давно извѣстный въ Кіевѣ подъ своимъ литературнымъ псевдонимомъ «Г. Наумовъ», а впослѣдствіи, уже въ новой Думѣ, избранный замѣстителемъ Городского Головы.

Выборы должны были происходить по новому, изданному Врем. Правительствомъ, закону, на основахъ всеобщаго, прямого, равнаго, тайнаго и пропорціональнаго голосованія. Эта послѣдняя квалификація — пропорціональность — была главнымъ новшествомъ; она опредѣлила собой характеръ и результаты выборовъ. Согласно пропорціональной системѣ, предстояло голосовать не за людей, а за списки, составленные партійными комитетами, безъ права вносить какія-либо измѣненія въ списокъ въ отношеніи именъ кандидатовъ или хотя бы ихъ порядка. Партіи давали избирателю готовый листъ и ему оставалось только сдѣлать свой выборъ между листами различныхъ партій.

Здѣсь не мѣсто вступать въ теоретическія разсужденія о преимуществахъ и дефектахъ пропорціональной системы выборовъ. Но надо отмѣтить, что намъ пришлось наблюдать пропорціональную систему въ дѣйствіи въ странѣ, гдѣ вопросъ шелъ не только о правильномъ отображеніи воли народа въ представитель-

---

* Черный — цвѣтъ клерикализма, голубой — національное знамя сіонистовъ.

** Для этого не хватало времени, да меня нѣсколько и коробило положеніе вторгнувшагося «явочнымъ порядкомъ» пришельца, въ которомъ я оказался бы въ Городской Думѣ.

ныхъ органахъ, но и объ организаціи этой воли, еще совершенно сырой и неоформленной. Нужно было научить русскихъ гражданъ властно проявлять свою волю, устраивать свою общественную жизнь по своему усмотрѣнію. А вмѣсто этого имъ навязываютъ систему выборовъ, при которой гражданинъ лишается самаго естественнаго и неотъемлемаго права — права подавать голосъ за тѣхъ людей, за которыхъ хочетъ, и въ томъ порядкѣ, въ которомъ хочетъ. Ему дается готовый списокъ, десять, двадцать списковъ. Одни имена ему симпатичны въ одномъ спискѣ, другія — въ другомъ; есть симпатичныя ему имена, не попавшія ни въ одинъ списокъ; даже среди данныхъ именъ онъ хотѣлъ бы сдѣлать перестановки, выдвинувъ того или иного кандидата впередъ и отодвинувъ другого на послѣднее мѣсто... Но всѣ свои сознательныя желанія онъ безсиленъ осуществить. Онъ обязанъ голосовать за готовый списокъ, за тотъ составъ и порядокъ кандидатовъ, который предложенъ какимъ то комитетомъ. Ни добавить, ни вычеркнуть, ни переставить ни одного имени нельзя. Избиратель чувствуетъ себя скованнымъ. Выборы даютъ ему ощущеніе не свободы, независимости и самоопредѣленія, а насилія и давленія на его совѣсть со стороны новыхъ господъ.

Разумѣется, на бумагѣ все это не такъ. Каждые 50 или 100 избирателей могутъ подать свой списокъ, номинально равноправный со списками могущественнѣйшихъ партій и группъ. Но вѣдь на дѣлѣ это право не осуществляется и не можетъ осуществляться. Подавать списки, разсчитывающіе на успѣхъ, могутъ только партіи. А русскому избирателю — въ подавляющемъ большинствѣ не только безпартійному, но и не разбирающемуся въ партійныхъ программахъ, — остается только выбирать между готовыми списками, олицетворяющими различныя партійныя группировки.

И какое безконечно широкое поле раскрываетъ эта система для партійной демагогіи! Вѣдь, какъ хорошо сказалъ одинъ наблюдатель, на массы можно дѣйствовать не идеями, а обѣщаніями. Какой же соблазнъ оказывается тутъ для всѣхъ партій соперничать между собой въ красочности и завлекательности предвыборныхъ лозунговъ! Не личныя свойства кандидатовъ, не ихъ честность, подготовленность и надежность представляются на судъ избирателей: всѣ эти вопросы безапелляціонно рѣшаетъ комитетъ. Избирателя же нужно соблазнить и завербовать программой, лозунгомъ, обѣщаніемъ. И въ результатѣ, выборы изъ борьбы лицъ и идей превращаются въ соревнованіе плакатовъ... Для меня нѣтъ сомнѣній въ томъ, что всероссійскій колоссальный успѣхъ эсэровъ на выборахъ былъ въ нѣкоторой степени вызванъ доступнымъ и волнующимъ крестьянскую душу лозунгомъ «земля и воля». По существу, другія партіи предлагали болѣе пріемлемыя для крестьянъ программы земельной реформы, чѣмъ эсэровская соціализація земли. Но ни одна партія не имѣла такого выигрышнаго лозунга, какъ слова «земля и воля», красовавшіяся на всѣхъ эсеровскихъ плакатахъ....

Никакая антекарская точность въ оцѣнкѣ результата такихъ выборовъ не можетъ искупить той фальсификаціи и денатурализаціи народнаго мнѣнія, которыя неизбѣжно должна была въ россійскихъ условіяхъ повести за собой система связанныхъ списковъ. Мы видѣли эту фальсификацію на дѣлѣ — во время выборовъ въ городскія Думы еще болѣе явственно, чѣмъ при выборахъ въ Учредительное собраніе, такъ какъ первые выборы прошли при большемъ интересѣ избирателей и въ болѣе нормальной обстановкѣ. Весь подъемъ и оживленіе общественныхъ инстинктовъ, которыми несомнѣнно сопровождались во всей

Россіи эти первые всенародные выборы, благодаря книжной новинкѣ пропорціональнаго голосованія, пропали втунѣ, не были ни въ малѣйшей мѣрѣ использованы для политическаго воспитанія массъ. А въ результатѣ всей тонкой математики избирательныхъ подсчетовъ мы получили думы, состоящія изъ ставленниковъ чуждыхъ народу партійныхъ комитетовъ. —

Въ Кіевѣ на выборахъ въ Гор. Думу конкуррировало, кажется, около пятнадцати кандидатскихъ списковъ. Списокъ № 1 былъ выставленъ блокомъ четырехъ соціалистическихъ партій — с.-д. меньшевиковъ, с.-р., Бунда и Р. Р. S. Это былъ очевидно, по условіямъ момента, самый сильный списокъ и его побѣда была обезпечена заранѣе. Затѣмъ, списокъ № 2 былъ предложенъ «еврейскимъ соціалистическимъ блокомъ», то-есть объединенными еврейскими соціалистами и партіей Поалей-ціонъ. Это былъ, напротивъ, слабый списокъ, такъ какъ наиболѣе заслуженная еврейская соціалистическая партія — Бундъ со своимъ лидеромъ Рафесомъ — стояла внѣ его. Списокъ № 3, если не ошибаюсь, былъ спискомъ «внѣпартійной группы русскихъ избирателей», съ В. В. Шульгинымъ и А. И. Савенко на первыхъ мѣстахъ; это было первое со времени революціи публичное выступленіе кіевскихъ правыхъ круговъ, оказавшееся весьма успѣшнымъ и многообѣщающимъ. Списокъ № 9 былъ выставленъ «еврейскимъ демократическимъ блокомъ». Были еще списки кадетовъ, большевиковъ, украинцевъ (списокъ украинскихъ с.-р. и с.-д. и списокъ соціалистовъ-федералистовъ), поляковъ, служащихъ городской управы и др.

Во всѣхъ спискахъ первыя мѣста были заняты признанными лидерами соотвѣтственныхъ группъ, въ спискахъ коалиціонныхъ — лидерами блокирующихъ партій. Списокъ № 1 возглавлялся будущимъ предсѣдателемъ Городской Думы В. А. Дрелингомъ, списокъ № 2 — Лещинскимъ, № 3 — Шульгинымъ, № 9 — сіонистомъ Сыркинымъ, кадетскій списокъ — Григоровичъ-Барскимъ, большевистскій — Пятаковымъ, украинскіе — Винниченко и Ефремовымъ и т. д. Почти ни одинъ изъ прежнихъ гласныхъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ кадетовъ) не былъ включенъ въ важнѣйшіе списки; имъ въ утѣшеніе, служащіе Городской Управы подали свой особый списокъ съ Бурчакомъ, Дубинскимъ, Шефтелемъ и другими управцами, но онъ никакого успѣха на выборахъ имѣть не могъ. Вѣдь на этихъ выборахъ рѣчь шла не объ избраніи хозяйственнаго органа, а объ очередныхъ политическихъ маневрахъ, на которыхъ скрестили оружіе обще-политическіе программы и лозунги. Въ этомъ гипертрофированіи политическаго момента за счетъ хозяйственнаго и дѣлового также сказалось разлагающее вліяніе пропорціональной системы.

Предвыборная агитація и подготовка кандидатскихъ списковъ началась мѣсяца за полтора до дня выборовъ. Съ самаго начала предъ еврейскимъ Совѣтомъ, какъ національнымъ органомъ, сталъ вопросъ, принимать ли участіе въ этихъ обще-политическихъ выборахъ и выставлять ли на нихъ свой собственный списокъ. Противъ перваго, и особенно противъ второго, имѣлись серьезныя принципіальныя возраженія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, оба вопроса по необходимости должны были быть разрѣшены въ положительномъ смыслѣ. Отстраниться отъ участія въ выборахъ значило бы совершенно сойти съ политической сцены, на что, разумѣется, никакая политическая организація добровольно пойти не могла. Не выставлять особаго еврейскаго списка означало блокировать съ какой-либо изъ политическихъ партій (напримѣръ, съ кадетами: объ этомъ шла рѣчь); но такой шагъ совершенно бы скомпрометировалъ Совѣтъ, какъ національную организацію. Повторяю: фактически оставался только

одинъ путь — въ выборахъ участвовать и притомъ выставить особый списокъ. На этотъ путь Совѣтъ и сталъ. Я не могъ особенно энергично этому сопротивляться, такъ какъ, признавая принципіальную непослѣдовательность этого шага, я вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не сознавать его практическую неизбѣжность. Но съ самаго начала выборовъ я уже не могъ заглушить въ себѣ сознаніе внутренняго противорѣчія, въ которое меня втягивали.

Совѣтъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы выставить свой отдѣльный списокъ. Естественно было искать союзниковъ среди не-соціалистическихъ еврейскихъ партій. Такіе союзники и нашлись справа въ лицѣ партіи сіонистовъ и ортодоксальнаго союза «Ахдусъ», слѣва — въ лицѣ «Еврейскаго демократическаго союза Единеніе».

Союзъ «Единеніе» образовался еще въ апрѣлѣ 1917 года; я принималъ въ немъ ближайшее участіе. Это была демократическая интеллигентская группа, въ основаніи которой лежалъ блокъ трехъ профессіональныхъ группъ: группы евреевъ-адвокатовъ, группы евреевъ-врачей и группы евреевъ-инженеровъ. Въ національномъ вопросѣ «Единеніе» стояло на почвѣ свѣтскости и идишизма, но отличалось отъ еврейскихъ соціалистовъ тѣмъ, что допускало обще-національные объединенія и блоки. Никакой обще-политической программы намѣренно выставлено не было. — Союзъ «Единеніе» имѣлъ въ то время нѣкоторый успѣхъ среди мѣстнаго еврейства, хотя онъ, естественно, долженъ былъ страдать болѣзнью всѣхъ срединныхъ партій: для націоналистовъ «Единеніе» было недостаточно націоналистичнымъ, а для ассимиляторовъ и національно-индифферентныхъ группъ — слишкомъ національнымъ... Оглядываясь теперь назадъ, я могу сказать, что единственнымъ несомнѣннымъ достоинствомъ «Единенія» былъ его интеллигентскій характеръ и культурный составъ членовъ. — Впослѣдствіи, союзъ «Единеніе» превратился въ мѣстную организацію «Еврейской народнической партіи» («Фолькспартай»).

Блоковое соглашеніе между четырьмя еврейскими группами состоялось, о количествѣ и порядкѣ мѣстъ участники столковались. Предстояло избрать кандидатовъ отдѣльныхъ группъ* и составить изъ нихъ списокъ...

Когда всѣ номинаціи и отводы были закончены и списокъ № 9 былъ, наконецъ, готовъ, я почувствовалъ себя совершенно измученнымъ и больнымъ. Мои нервы, уже истощенные напряженной работой предыдущихъ мѣсяцевъ, были окончательно изнурены. Меня охватилъ какой-то tædium politicæ и я сталъ жаждать временнаго отдыха и покоя.

Въ такомъ настроеніи я получилъ телеграмму изъ Петрограда отъ М. М. Винавера съ просьбой содѣйствовать тому, чтобы отъ кіевскихъ еврейскихъ организацій были посланы на созываемую на 18 іюля Всероссійскую еврейскую конференцію делегаты, сочувствующіе программѣ Еврейской народной группы (мѣстной организаціи группы тогда въ Кіевѣ не было). Меня не особенно прельщала перспектива участвовать въ конференціи и слушать тамъ неизбѣжныя программныя рѣчи сіонистовъ и бундовцевъ; я наслушался достаточно этихъ рѣчей на нашемъ областномъ совѣщаніи. Но представившаяся возможность

* Предъ самыми выборами въ списокъ были включены также представители двухъ, сорганизовавшихся ad hoc, группъ — ремесленной и торгово-промышленной.

уѣхать изъ Кіева и не принимать больше участія въ предвыборной агитаціи и борьбѣ весьма мнѣ улыбалась *. Я выставилъ поэтому свою кандидатуру и былъ избранъ делегатомъ отъ союза «Единеніе» на всероссійскую конференцію.

16 іюля я распрощался съ членами Исполнительнаго Комитета, которому предстояло въ ближайшемъ будущемъ, тотчасъ по избраніи Городской Думы, ликвидировать свои дѣла, и облегченно вздохнулъ въ купэ петроградскаго поѣзда.

Послѣ нѣсколькихъ дней въ Петроградѣ, я уѣхалъ дальше — въ Финляндію . . .

* *
*

Отдыхая на берегахъ Сайменскаго озера, я невольно возвращался мыслями въ Кіевъ, къ моей такъ внезапно и рѣзко оборванной политической работѣ. Я искалъ причины неудачи «Совѣта объединенныхъ еврейскихъ организацій» — неудачи, въ которой для меня уже не было никакого сомнѣнія. «Совѣту» не только не удалось объединить вокругъ себя кіевскаго еврейства, но, напротивъ, онъ сталъ факторомъ раздоровъ, сталъ тѣмъ химическимъ реактивомъ, который обнаружилъ несоединимость отдѣльныхъ составляющихъ еврейство элементовъ.

Чѣмъ больше я думалъ объ этомъ вопросѣ, тѣмъ яснѣе и яснѣе становилось мнѣ, что «Совѣтъ» былъ съ самаго начала мертворожденнымъ учрежденіемъ . . .

Совѣтъ былъ предназначенъ для того, чтобы играть роль центральнаго органа кіевскаго еврейства; онъ долженъ былъ проводить, отъ имени евреевъ города Кіева, единую еврейскую національную политику. Между тѣмъ, — и въ этомъ пунктѣ, повидимому, были правы еврейскіе соціалисты, — въ ту эпоху въ Россіи не могло быть никакого единаго еврейскаго національнаго органа и нельзя было вести никакой единой еврейской національной политики.

Защищая идею Совѣта, мы говорили, что русское еврейство, для осуществленія своихъ національныхъ интересовъ, должно дѣйствовать организованно и сплоченно. Должны быть созданы межпартійныя, національныя организаціи, которыя и осуществятъ миссію еврейскаго національнаго возрожденія въ Россіи . . . Такой національно-политической организаціей долженъ былъ стать, въ рамкахъ города Кіева, Совѣтъ, въ масштабѣ всей Россіи — Всероссійскій еврейскій съѣздъ.

Логически противъ этой схемы трудно было возражать: разъ существуютъ національные интересы (а таковые у русскаго еврейства несомнѣнно были и есть), то, естественно, наиболѣе призванными защитниками этихъ интересовъ будутъ національные органы. Однако, отстаивая съ большимъ жаромъ эту логически-безупречную конструкцію, мы забывали одно: что національные вопросы играли сравнительно небольшую роль въ общемъ комплексѣ политическихъ интересовъ русскаго еврейства въ ту эпоху. Въ этомъ было существенное различіе между еврейской націей и другими, — территоріальными, — національностями Россіи. Для каждаго еврея несравненно важнѣе были вопросы

* Я не чувствовалъ себя морально обязаннымъ участвовать въ этой агитаціи, такъ какъ къ тому времени окончательно убѣдился въ томъ, что выставленіе еврейскаго національнаго списка было ошибкой. Въ послѣдній моментъ я принялъ поэтому мѣры, обезпечивавшія мое неизбраніе въ Думу по этому списку.

о монархіи или республикѣ, демократіи или соціализмѣ, — чѣмъ всѣ вопросы, къ которымъ сводилась національная еврейская политика, то-есть вопроса о свѣтской или религіозной общинѣ, о жаргонѣ или древне-еврейскомъ языкѣ, и даже вопросы о національной автономіи. Между тѣмъ, по основнымъ общеполитическимъ вопросамъ русское еврейство никоимъ образомъ не могло представлять собой единаго фронта; тутъ оно естественно разслаивалось по соціальнымъ классамъ и политическимъ теченіямъ.

Мы пытались устранить это несоотвѣтствіе тѣмъ, что ограничивали національныя организаціи исключительно сферой національной политики; въ области же общей политики каждый членъ ихъ могъ принадлежать къ любой партіи. Въ этомъ мы расходились съ крайнимъ націоналистическимъ крыломъ еврейства — сіонистами, которые проповѣдывали приматъ національныхъ интересовъ и единый еврейскій фронтъ по всѣмъ вопросамъ общей политики.

Однако, нашъ компромиссъ былъ возможенъ въ сферѣ политической абстракціи, но разлетался въ дребезги при первомъ соприкосновеніи съ жизнью. Онъ предполагалъ какое-то двоеніе человѣка, одновременно состоящаго членомъ, скажемъ, меньшевистскаго комитета и еврейскаго національнаго органа. Онъ предполагалъ и двоеніе самихъ организацій, съ полнымъ изъятіемъ общеполитическихъ вопросовъ изъ сферы организацій національныхъ, а вопросовъ національной политики — изъ сферы обще-политическихъ партій.

Дѣйствительность вскорѣ обнаружила всю неосуществимость такого раздвоенія. «Совѣту» пришлось тотчасъ же послѣ своего возникновенія встрѣтиться съ неотложными задачами обще-политическаго свойства — съ представительствомъ отъ еврейства въ различныхъ органахъ, съ выборами въ городскія думы, въ земства, въ Учредительное Собраніе. Я испыталъ самъ всю ложность положенія, въ которомъ оказывался командированный Совѣтомъ делегатъ, долженствовавшій ex professo «представлять еврейство». Когда я былъ делегированъ Совѣтомъ въ Исполнительный Комитетъ, это положеніе все-еврейскаго представителя фактически лишало меня возможности высказываться по всѣмъ жгучимъ вопросамъ. И мнѣ чаще всего не оставалось ничего иного, какъ торжественно, отъ имени еврейской націи — воздерживаться отъ голосованія... Съ другой стороны, партіи (особенно у насъ на Украинѣ) стали посвящать все больше и больше вниманія вопросамъ національной политики. Такимъ образомъ всѣ партійные члены Совѣта принуждены были двоить уже и національную свою программу и тактику. Но это было очевидно немыслимо. Въ результатѣ всѣ болѣе или менѣе активные члены Совѣта стали отходить отъ него въ свои партійныя ячейки. И въ концѣ концовъ въ немъ остались только люди, которымъ, по условіямъ времени, было нечего терять внѣ его.

Этотъ маразмъ, отъ котораго въ концѣ концовъ безславно погибъ Совѣтъ, сталъ обнаруживаться еще въ мою бытность въ Кіевѣ. А по возвращеніи изъ Финляндіи я засталъ его уже въ агоніи.

* *
*

27 августа 1917 года я возвращался изъ Петрограда въ Кіевъ. Путь шелъ черезъ Могилевъ, гдѣ, какъ извѣстно, находилась ставка Верховнаго Главнокомандующаго. Во время стоянки поѣзда въ Могилевѣ, гдѣ все имѣло вполнѣ обычный видъ, до меня донеслись изъ корридора вагона слова: «Вы знаете,

Корниловъ поставилъ ультиматумъ Керенскому, требуетъ передачи ему власти. Теперь любопытно, чья возьметъ»... Слова эти были произнесены съ такимъ равнодушіемъ, какъ будто рѣчь шла о томъ, какая лошадь выиграетъ очередной призъ. Тонъ настолько не соотвѣтствовалъ важности и трагизму сообщаемаго извѣстія, что я рѣшительно не повѣрилъ въ серьезность всего разговора. Да и вся обстановка по пути изъ Петрограда и здѣсь, въ самой штабъ-квартирѣ мятежниковъ, была ужъ слишкомъ нормальной и спокойной...

Однако, пріѣхавъ на слѣдующій день въ Кіевъ, я узналъ, что таинственный голосъ изъ корридора былъ правъ и что мы дѣйствительно переживаемъ кризисъ. Въ самомъ Кіевѣ, впрочемъ, особаго волненія въ эти дни не было. Едва ли кто сомнѣвался въ неудачѣ возстанія. И единственнымъ его результатомъ (у насъ, какъ и во всей Россіи) было дальнѣйшее усиленіе лѣвыхъ элементовъ. Наконецъ осуществился тотъ контръ-революціонный заговоръ, которымъ они стращали все время. И теперь уже никакой скептикъ не могъ убѣдить ихъ, что съ этой стороны опасность не угрожаетъ. Для консолидаціи создавшагося настроенія былъ пущенъ пресловутый лозунгъ «спасенія революціи». Причемъ спасеніе это, разумѣется, сводилось къ усиленію якобинскаго деспотизма стоявшихъ у власти партій. — Избранный Исполнительнымъ Комитетомъ комиссаръ города Кіева Страдомскій принужденъ былъ уйти; въ его должность вступилъ его замѣститель — меньшевикъ Доротовъ. Печать была взята подъ цензуру, причемъ эта мѣра была, разумѣется, направлена исключительно противъ правой печати. Помню, какъ будовецъ Темкинъ впослѣдствіи съ большимъ юморомъ разсказывалъ о томъ, какъ онъ, по порученію «Комитета спасенія революціи», цензурировалъ «Кіевлянинъ»...

Политическая ситуація, которую я засталъ по пріѣздѣ въ Кіевъ, была весьма неутѣшительной. Въ письмѣ, датированномъ 22 августа, еще изъ Финляндіи, я писалъ:

> «Ѣдемъ подъ впечатлѣніемъ тяжелыхъ вѣстей изъ-подъ Риги. Неспокойно на душѣ. Все идетъ съ какой-то фатальной правильностью внизъ по наклонной плоскости»...

Уже по возвращеніи въ Кіевъ, въ письмѣ отъ 10 сентября, я могъ добавить:

> «О нашихъ политическихъ дѣлахъ вы информируетесь газетами. Вѣроятно, чехарда министровъ и генераловъ издалека кажется еще болѣе чудовищной...
>
> Дѣла идутъ скверно — et voila tout!»

Черезъ недѣлю я писалъ:

> «Въ политикѣ у насъ все еще туманъ. Правительство занимается конструированіемъ самаго себя и пока довольно безуспѣшно. А всякіе грозные процессы разложенія и обнищанія идутъ совершенно параллельно, независимо, съ фатальной неизмѣнностью... До чего мы докатимся, трудно сказать».

И, наконецъ, въ письмѣ отъ 1 октября:

> «Политическія и военныя дѣла идутъ все хуже и хуже. Воцаряется полная апатія и усталость».

То была эпоха предсмертныхъ судорогъ Временнаго Правительства. Паденіе Риги, Корниловщина, нападеніе нѣмцевъ на острова Эзель и Дагэ, Демократическое совѣщаніе, Совѣтъ Россійской Республики — всѣ эти впечатлѣнія смѣнялись съ утомительной быстротой. А основной фонъ всему давалъ неудержимый ростъ большевизма. Онъ давалъ себя чувствовать и у насъ въ Кіевѣ. Первые предсѣдатели Совѣтовъ рабочихъ и военныхъ депутатовъ — оборонцы Незлобинъ и Таскъ — были отстранены. Перваго замѣнилъ интернаціоналистъ Смирновъ, второго — украинскій с.-р. Григорьевъ. А затѣмъ, — въ то же время, когда большевики стали господствовать въ Петроградскомъ Совѣтѣ, предсѣдателемъ котораго былъ избранъ Троцкій, — наши два Совѣта слились и избрали своимъ предсѣдателемъ большевика Георгія Пятакова.

Единственнымъ свѣтлымъ пунктомъ на фонѣ кіевской общественности казалась тогда молодая Городская Дума. Произведенные въ концѣ іюля выборы окончились, какъ и слѣдовало ожидать, побѣдой списка № 1 — списка «соціалистическаго блока». Этотъ списокъ получилъ, кажется, около 80-ти мѣстъ въ Думѣ. Остальныя сорокъ распредѣлялись между кадетами (10 гласныхъ), польскимъ блокомъ (7), еврейскимъ демократическимъ блокомъ (5), еврейскими соціалистами (3), внѣпартійной группой русскихъ избирателей (во главѣ съ Шульгинымъ), украинцами и большевиками. Первые засѣданія Думы произошли еще въ мое отсутствіе. Изъ газетъ я узналъ, что предсѣдателемъ Думы избранъ пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ журналистъ В. А. Дрелингъ (с.-д. меньшевикъ). Онъ съ большимъ достоинствомъ исполнялъ свои функціи во всѣхъ разнообразныхъ обстановкахъ, въ какихъ пришлось работать кіевской Городской Думѣ. Въ послѣдніе годы, при большевикахъ, онъ очень нуждался, работалъ въ кооперативахъ и переутомлялъ себя лекціями въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Лѣтомъ 1920 года онъ погибъ отъ холеры, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ: истощенный организмъ потерялъ всякую способность сопротивленія . . . О должности городского головы между партіями соціалистическаго блока шли продолжительные переговоры. Въ концѣ концовъ, этотъ постъ достался эс-эрамъ, основывавшимъ свое право главнымъ образомъ на повсемѣстномъ успѣхѣ, который имѣла тогда на выборахъ ихъ партія. Кіевскимъ Городскимъ Головой сталъ эс-эръ Евгеній Петровичъ Рябцевъ, о которомъ я уже упоминалъ. Для насъ — его товарищей по адвокатскому сословію — его выборъ казался нѣсколько неожиданнымъ. Въ большихъ личныхъ качествахъ — природномъ умѣ, тактѣ, трудоспособности, прекрасномъ ораторскомъ даровапіи — никто ему не отказывалъ. Но, какъ мы всѣ знали, его подготовка къ руководству муниципальными дѣлами крупнаго города не могла быть очень солидной. При этомъ мы, однако, забывали хорошую нѣмецкую поговорку, особенно пригодную во времена революцій: Amt gibt Verstand. Если Гучковъ и Керенскій были военными министрами, Некрасовъ — министромъ путей сообщенія, Терещенко — министромъ финансовъ, то отчего бы Рябцеву не быть кіевскимъ городскимъ головой? Будущее показало, что нѣмецкая поговорка оправдалась въ отношеніи Рябцева больше, чѣмъ во многихъ другихъ случаяхъ. Да и обстоятельства сложились такъ, что кіевской Городской Думѣ меньше всего пришлось хозяйствовать, а чаще и больше всего — защищать себя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, населеніе города Кіева отъ всей галлереи нашихъ завоевателей — сначала отъ украинскихъ шовинистовъ, затѣмъ отъ большевистскихъ конквистадоровъ, отъ германскихъ комендантовъ, отъ гетманскихъ «хорунжихъ», отъ Петлюровцевъ, снова отъ большевиковъ и т. д.

И эту-то миссію защиты правъ городского самоуправленія Рябцевъ выполнялъ, по общему мнѣнію, блестяще — съ большой смѣлостью и твердостью, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ соотвѣтствіи со своими наклонностями и талантами; то-есть торжественно и картинно. Повторяю, всѣ партіи были довольны Рябцевымъ; даже В. В. Шульгинъ отозвался о немъ съ уваженіемъ и благодарностью послѣ его представительства въ интересахъ арестованнаго большевиками редактора «Кіевлянина».

Хозяйственныя функціи городской управы въ большей степени, чѣмъ на городскомъ головѣ, лежали на его товарищѣ — А. М. Гинзбургѣ-Наумовѣ (с.-д., меньшевикъ), проявившемъ на своемъ посту выдающіяся организаціонныя способности.

Городская управа была составлена на коалиціонныхъ началахъ: кромѣ соціалистовъ, въ нее вошли кадеты, украинцы и представители польскаго и еврейскаго національныхъ блоковъ. Представителемъ послѣдняго былъ избранъ инженеръ А. И. Богомольный.

Въ работѣ Городской Думы въ эти первые мѣсяцы ея существованія было много бодрости и увлеченія. Новизна дѣла, желаніе расчистить авгіевы конюшни стараго думскаго хозяйства, живой и реальный характеръ работы — все это объединяло новоиспеченныхъ управцевъ и гласныхъ и призывало къ напряженной дѣятельности. Наряду съ этимъ, публичность и парламентскій характеръ пленарныхъ засѣданій импонировали и участникамъ, и публикѣ.

Населеніе города, которое въ огромномъ большинствѣ никогда не сочувствовало соціализму, а теперь уходило все дальше вправо, — въ основныхъ вопросахъ момента было, тѣмъ не менѣе, солидарно съ соціалистической Городской Думой. Эти основные вопросы были вопросы украинскій и большевистскій. Вмѣстѣ со своей Думой, населеніе города Кіева больше двухъ лѣтъ боролось противъ засилья, которому оно съ разныхъ сторонъ подвергалось. Побѣда очередныхъ завоевателей приводила обычно сначала къ умаленію правъ, а затѣмъ къ роспуску Думы. А при каждомъ ихъ изгнаніи Городская Дума возрождалась изъ пепла. «Рябцевъ уже въ Думѣ»: подъ этимъ паролемъ прошли всѣ наши освободительные перевороты, — эти слова въ эти дни повторяли другъ другу кіевляне сначала шопотомъ, а затѣмъ все громче и громче, и всѣ воспринимали ихъ, какъ символъ совершившагося освобожденія...

Естественно, что съ именемъ Е. П. Рябцева и съ Городской Думой у кіевлянъ связаны, въ общемъ, хорошія воспоминанія. Нашъ городской голова дѣйствительно, какъ его иронически назвалъ Шульгинъ, сталъ «революціонной реликвіей», — но реликвіей въ лучшемъ смыслѣ этого слова...

Первые шаги пополненной представителями національныхъ меньшинствъ Центральной Рады также относятся къ моему пребыванію въ Финляндіи.

> «Скучно возвращаться въ Кіевъ, — писалъ я оттуда 15 августа, — гдѣ всѣ съ ума сошли на украинской автономіи и играютъ въ какую-то глупую оппозицію Временному Правительству».

Эта «глупая оппозиція» происходила главнымъ образомъ на почвѣ составленія «Инструкціи Генеральному Секретаріату», которую Временное Правительство должно было утвердить. Украинцамъ все было недостаточно правъ, которыя имъ удѣляли; а Временное Правительство, не учитывая своихъ

силъ, упорствовало*. Курьеры летали изъ Кіева въ Петроградъ и обратно, но вопросъ никакъ не улаживался. А въ это время положеніе Временнаго Правительства становилось все менѣе и менѣе прочнымъ.

Украинскимъ націоналистамъ это было только на руку. Естественно поэтому, что делегатъ Центральной Рады Поршъ требовалъ на Демократическомъ совѣщаніи** отказа отъ коалиціи съ буржуазіей и чисто соціалистическаго правительства. Чисто-соціалистическое правительство означало переходъ власти къ большевикамъ и совѣтамъ. Оставляя у себя Центральную Раду, украинцы съ легкой душой рекомендовали передать обще-россійскую власть въ руки съѣзда совѣтовъ, который долженъ былъ завершить разруху и распадъ страны. И близорукимъ украинскимъ политикамъ казалось, что тогда-то, на развалинахъ Россіи, расцвѣтетъ самостійная Украина . . .

Во главѣ Центральной Рады продолжалъ стоять М. С. Грушевскій, во главѣ Генеральнаго Секретаріата — Винниченко. Въ составъ Секретаріата вступили отдѣльные представители національныхъ меньшинствъ (А. Н. Зарубинъ, М. Г. Рафесъ).

Все положеніе носило видимо временный, переходный характеръ.

II. Центральная Рада, большевики, нѣмцы

(ноябрь 1917 — апрѣль 1918)

Первый снарядъ. — Украинская Народная Республика. — Политическія событія и адвокатура. — Организація національныхъ меньшинствъ. — Вокругъ Учредит. Собранія. — Украинская делегація въ Брестъ-Литовскѣ. — Самостійность. — Одиннадцать дней бомбардировки. — Большевики въ Кіевѣ. — «Миръ безъ аннексій и контрибуцій». — Приходъ нѣмцевъ. — Обостреніе украинскаго націонализма. — Малая Рада въ апрѣлѣ 1918 г.: личности и партіи. — Подготовка конфликта съ нѣмцами. — Арестъ А. Ю. Добраго и приказъ Эйхгорна. — Послѣдній день Центральной Рады.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней октября 1917 года, предъ вечеромъ, что-то вдругъ прожужжало надъ нашими головами. Мы тогда еще не привыкли различать артиллерійскіе нюансы и въ первый моментъ не знали, что случилось. Но черезъ минуту уже показывали другъ другу небольшое, довольно аккуратное отверстіе, пробитое въ стѣнѣ пассажа страхового общества «Россія». Сомнѣній быть не могло: надъ городомъ пролетѣлъ снарядъ.

Стрѣляли, какъ потомъ выяснилось, большевистскія части, засѣвшія въ арсеналѣ. Арсеналъ — одинъ изъ крупнѣйшихъ промышленныхъ центровъ въ нашемъ не-фабричномъ городѣ — издавна считался цитаделью большевизма. Въ октябрьскіе дни въ арсеналѣ находился военно-оперативный центръ большевиковъ, а политическій центръ ихъ — Совѣтъ рабочихъ депутатовъ помѣщался во дворцѣ.

На этотъ разъ судьба пощадила кіевлянъ и большого артиллерійскаго обстрѣла не было. Дѣло обошлось нѣсколькими орудійными выстрѣлами, не

---

* Послѣдній министръ юстиціи — П. Н. Малянтовичъ — вздумалъ даже привлечь Генер. Секретаріатъ къ отвѣтственности по какой-то статьѣ Уголовнаго Уложенія.

** На московское Государственное Совѣщаніе, созванное для поддержки Врем. Правительства, украинцы своего делегата не послали вовсе.

причинившими особаго вреда. Вообще, въ октябрѣ 1917 года въ Кіевѣ не было настоящей вооруженной борьбы; стороны ограничились выясненіемъ своихъ силъ.

Конкурирующихъ претендентовъ на власть было у насъ въ эти дни не два, какъ въ Петроградѣ и Москвѣ, а три: кромѣ Временнаго Правительства и большевиковъ, была еще Центральная Украинская Рада. Политическимъ центромъ силъ, вѣрныхъ Временному Правительству, была Городская Дума; но среди войскъ кіевскаго гарнизона оно могло расчитывать, какъ выяснилось, только на юнкеровъ, на командный составъ и на отдѣльныя небольшія части. Большевики также не имѣли за собой значительной вооруженной силы. Такимъ образомъ, силы обоихъ основныхъ противниковъ уравновѣшивались; и рѣшеніе зависѣло отъ Центральной Рады и тѣхъ воинскихъ частей, въ которыхъ господствовали украинцы.

Какъ и слѣдовало ожидать, Центральная Рада рѣшила соблюдать нейтралитетъ въ возгорѣвшейся борьбѣ «россійскихъ» группъ. Въ средѣ ея членовъ былъ образованъ «Комитетъ спасенія революціи на Украинѣ», засѣдавшій въ теченіе нѣсколькихъ ночей, составляя воззванія и резолюціи. Но никакихъ активныхъ шаговъ въ Педагогическомъ музеѣ предпринято не было. Такъ прошли первые два-три дня, пока соотношеніе силъ еще не выяснилось. Но затѣмъ, когда побѣда большевиковъ опредѣлилась повсемѣстно, Центральная Рада вспомнила данное Бисмаркомъ опредѣленіе задачи нейтральныхъ державъ: во-время поспѣшить на помощь побѣдителю. Всѣ имѣвшіяся въ Кіевѣ украинскія части были брошены на сторону противниковъ Временнаго Правительства. Послѣ этого юнкерамъ и остальнымъ правительственнымъ войскамъ не оставалось ничего иного, какъ капитулировать. Въ состоявшемся между тремя группами соглашеніи украинцы дали почувствовать свою превосходную силу. Временное Правительство было побѣждено, большевики не чувствовали въ Кіевѣ достаточной опоры. Выходъ намѣчался самъ собой: власть должна была перейти къ Центральной Радѣ.

О первыхъ дняхъ украинской власти у меня остались не очень розовыя воспоминанія. Какой-то вульгарный тонъ воцарился тогда въ нашей общественной жизни. Въ городѣ выходили только украинскія газетки, составленныя грубо и аррогантно, полныя издѣвательствъ надъ Временнымъ Правительствомъ и надъ его мѣстными представителями. Вѣрнымъ правительству войскамъ, по соглашенію, должны были предоставить возможность эвакуироваться на Донъ; въ дѣйствительности, однако, ихъ выѣздъ шелъ не гладко. Не обошлось и безъ эксцессовъ, въ особенности въ отношеніи команднаго состава. Конечно, не было ничего подобнаго той большевистской расправѣ съ офицерствомъ, которую мы пережили три мѣсяца спустя; но, съ непривычки, намъ тогда казалось чѣмъ-то вопіющимъ, если, напримѣръ, главнаго начальника военнаго округа держали нѣсколько дней арестованнымъ, безъ пищи и на соломѣ...

9 ноября былъ принятъ Центральной Радой и опубликованъ 3-й Универсалъ, подводившій итогъ происшедшимъ событіямъ. Украина провозглашалась «Украинской Народной Республикой», съ сохраненіемъ федеративной связи съ Россіей; Генеральные Секретари получили титулъ Народныхъ Министровъ*.

* Предсѣдателемъ Рады народныхъ министровъ былъ Винниченко (у. с.-д.), военнымъ министромъ Петлюра (у. с.-д.), министромъ труда Поршъ (у. с.-д.), министромъ финансовъ Туганъ-Барановскій (соц.-федер.), мин. иностр. дѣлъ Шульгинъ (с.-ф.), министромъ

Кромѣ того, въ Универсалъ были включены декларативныя заявленія о предстоящихъ соціальныхъ реформахъ — отмѣнѣ права собственности на землю и введеніи восьмичасового рабочаго дня.

Универсалъ былъ принятъ въ Радѣ всѣми украинскими партіями единогласно, какъ и полагалось торжественному манифесту, составленному по предварительному соглашенію между фракціями. Помнится, остальныя національныя партіи (польскія и еврейскія) также голосовали за Универсалъ; россійскіе же с.-д. и с.-р. воздержались отъ голосованія.

Приблизительно мѣсяцъ спустя послѣ этихъ событій мнѣ предстояла поѣздка по Московско-Кіево-Воронежской линіи, по направленію къ Брянску. Условія сообщенія на желѣзныхъ дорогахъ были тогда уже неважныя; однако, билеты и плацкарты еще продавались заранѣе. Запасшись билетомъ, я поѣхалъ на вокзалъ къ часу отхода поѣзда — 7 часовъ вечера. Выяснилось, однако, что поѣздъ изъ Москвы, приходившій утромъ и отправлявшійся въ тотъ же день обратно, еще не прибылъ. Я прождалъ его на вокзалѣ до 2-хъ часовъ ночи и отправился ночевать домой. Рано утромъ, по пути къ вокзалу, я сталъ просматривать газету и увидѣлъ въ ней сенсаціонное сообщеніе: Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ, съ самаго начала не признававшій власти Центральной Рады и отдѣленія Украины отъ Россіи, прервалъ начатые съ Радой переговоры и объявилъ ей войну. Большевистскія войска движутся на югъ, всякое сообщеніе съ Великороссіей прекращено. Очевидно, ни о какой поѣздкѣ думать уже не приходилось. Я забралъ свои вещи и возвратился въ городъ, — чтобы затѣмъ болѣе трехъ лѣтъ не выѣзжать за предѣлы Кіева.

Началась гражданская война.

Украинская Народная Республика была объявлена, власть Петрограда отпала и мѣстныя правительственныя учрежденія стали постепенно перестраиваться и приспособляться къ новымъ условіямъ. Со стороны чиновничества, какъ и слѣдовало ожидать, украинская власть не встрѣтила особой оппозиціи. Иначе обстояло дѣло въ средѣ интеллигенціи. Предстоящая украинизація приводила въ смущеніе всѣхъ неукраинцевъ, причастныхъ къ школѣ, наукѣ, адвокатурѣ. Украинскій языкъ, съ которымъ впослѣдствіи немного свыклись, вызывалъ аффектированныя насмѣшки; никто не собирался учиться этому языку*.

Особенно упорна была борьба противъ сепаратизма въ средѣ адвокатуры, — этой наиболѣе независимой профессіи, давно привыкшей быть въ оппозиціи къ «видамъ правительства».

Мнѣ не приходилось еще упоминать о томъ, какъ реагировала кіевская адвокатура на событія революціоннаго времени. Нужно сказать, что ея роль въ этихъ событіяхъ была довольно незамѣтна и общественный вѣсъ ея выступленій былъ значительно ниже, чѣмъ, по старымъ традиціямъ, можно было ожидать. Адвокатура, какъ сословіе, могла проявить себя въ эпоху земскаго и интеллигентскаго освободительнаго движенія; она и играла выдающуюся роль

почтъ и телегр. Зарубинъ (росс. с.-р.), госуд. контролеромъ Золотаревъ (Бундъ). Министрами по дѣламъ національностей были Зильберфарбъ (евр. соц.), Мицкевичъ (Польск. Дем. Центр.) и Одинецъ (н.-с.).

* Злополучный вопросъ объ украинскомъ языкѣ продолжаетъ съ тѣхъ поръ быть излюбленнымъ предметомъ словопреній. Одни отрицаютъ его бытіе, презрительно называя его «мѣстнымъ нарѣчіемъ»; другіе, напротивъ, защищаютъ его право на существованіе. Любопытно при этомъ, что самые ярые отрицатели украинскаго языка судятъ о немъ, какъ знатоки, и даже уличаютъ его сторонниковъ въ томъ, что они исказили подлинный украинскій языкъ галиційскими словами и т. д.

въ движеніи 1904—1905 гг. Но переворотъ 1917 года, а тѣмъ болѣе послѣдовавшія вслѣдъ затѣмъ событія имѣли подъ собой ужъ слишкомъ широкую, массовую базу; съ другой стороны, живо затрагивая самые насущные интересы всѣхъ и каждаго, они слишкомъ разслабляли и раскалывали прежнія сословныя и профессіональныя образованія. Предъ лицомъ такихъ событій, сословіе адвокатуры потеряло всякое единство; а недоставшая ему опора въ массахъ лишала его позицію всякаго политическаго значенія.

Отдѣльные адвокаты стали членами Временнаго Правительства, товарищами министровъ, сенаторами, старшими предсѣдателями и прокурорами судебныхъ палатъ. Но русская адвокатура, какъ сословіе, съ 1917 года утратила всякое значеніе, какъ факторъ политической борьбы.

То же, въ мѣстномъ масштабѣ, произошло и въ Кіевѣ. Наша адвокатура проявила въ первые дни революціи значительный интересъ къ событіямъ. Однако, къ созидательному, коллективному участію въ политической жизни она оказалась неспособной. Въ мартѣ или апрѣлѣ была у насъ избрана такъ-называемая «Большая адвокатская комиссія», въ которую вошли in corpore Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ и избранные общимъ собраніемъ представители сословія. Имѣлось въ виду концентрировать въ «Большой комиссіи» всю политическую работу адвокатуры. Были выдѣлены подкомиссіи — лекціонная, законодательная, судебная и др. Было много споровъ о томъ, должны ли читаемыя лекціи носить безпартійный характеръ или же лектору-адвокату разрѣшается открыто становиться на почву той или иной партійной программы. Вопросъ разрѣшился тѣмъ, что фактически ни одной лекціи прочитано не было . . .

Съ момента отдѣленія Украины и, связаннаго съ нимъ, обостренія національныхъ вопросовъ, положеніе кіевской адвокатуры нѣсколько измѣнилось. Образовался общій фронтъ, на которомъ можно было объединиться; были задѣты общіе и близкіе всѣмъ членамъ сословія интересы. Украинизація суда была жупеломъ, для отраженія котораго готовы были слиться всѣ адвокаты, правые и лѣвые, монархисты и соціалисты*. И естественно, что центръ тяжести борьбы противъ украинизаціи оказался не въ средѣ судей и прокуроровъ, а въ нашей адвокатской средѣ.

Были среди насъ крайніе и непримиримые украинофобы, не желавшіе вовсе признавать «незаконной» власти Рады; были элементы, болѣе считавшіеся съ реальной обстановкой. Но протестъ противъ насильственной украинизаціи роднилъ всѣхъ. И никто не хоронилъ идеи возрожденія Россіи.

* *
*

Октябрьскій переворотъ привелъ къ образованію у насъ на югѣ Россіи фактически независимой республики, построенной на чисто національной основѣ. Естественнымъ результатомъ нарожденія самостоятельной Украины явилось то, что на первый планъ нашей политической жизни были выдвинуты вопросы національные. То же, какъ извѣстно, произошло въ Латвіи, Литвѣ, Грузіи и т. д. Большевики въ данномъ отношеніи достигли антипода своихъ же собственныхъ

* Членовъ нашего сословія, ставшихъ на сторону украинскаго движенія, почти не было. Изъ дѣятелей Рады только Ткаченко и Поршъ, а впослѣдствіи членъ Директоріи Андріевскій, были адвокатами.

цѣлей: подъ знаменемъ пролетарскаго Интернаціонала они способствовали расцвѣту на всѣхъ окраинахъ Россіи самаго «буржуазнаго» націонализма...

Кіевъ всегда жилъ подъ знакомъ національной розни. Эта рознь препятствовала развитію у насъ широкихъ объединеній даже среди дѣятелей искусства, науки, литературы. Въ области же политики обостренность національныхъ вопросовъ питала мракобѣсіе и человѣко-ненавистничество. Это наслѣдіе старорежимнаго Кіева проявилось теперь во всемъ блескѣ. Національный моментъ былъ оффиціально выдвинутъ на первое мѣсто: результатомъ не могли не стать національное обособленіе, вражда и упадокъ обще-человѣческихъ благъ культуры.

Конечно, теперь роли перемѣнились. Въ 60-тыхъ годахъ, выпуская первый номеръ «Кіевлянина», В. Я. Шульгинъ счелъ нужнымъ поставить своимъ лозунгомъ фразу: «Юго-Западный край — русскій, русскій, русскій». Очевидно, такой лозунгъ былъ бы смѣшонъ и безсодержателенъ въ чисто-русскомъ краѣ, напримѣръ, въ Москвѣ; онъ получалъ опредѣленный смыслъ и политическое значеніе именно въ Кіевѣ, притомъ именно потому, что Юго-Западный край въ дѣйствительности не былъ чисто-русскимъ. Цѣль В. Я. Шульгина и его преемниковъ состояла въ томъ, чтобы сдѣлать его таковымъ. Черезъ 50 лѣтъ политика руссификаторовъ принесла свои неизбѣжные плоды: захватившая власть Центральная Рада не переставала повторять, что Юго-Западный край — украинскій, украинскій, украинскій.

Изъ неукраинскихъ національностей политики Рады согласны были признавать еврейскую и польскую; «россійская» же была подъ большимъ подозрѣніемъ, такъ какъ ужъ слишкомъ трудно было провести демаркаціонную черту между русскими и украинскими жителями Украины. Это было и небезопасно для украинцевъ. Не различая на Украинѣ украинцевъ и «россіянъ», можно было всѣхъ жителей объявить украинцами. Въ деревнѣ, какъ я уже упоминалъ, этотъ флагъ имѣлъ большой успѣхъ, благодаря чему, напримѣръ, на выборахъ во Всероссійское Учредительное Собраніе украинцамъ удалось провести отъ нашего края почти исключительно депутатовъ своего національнаго блока. Но предоставлять коренному населенію право національнаго самоопредѣленія было все же не безопасно; особенно въ городахъ, это привело бы къ большому конфузу для украинцевъ. Поэтому украинскіе политики были съ своей точки зрѣнія совершенно правы, когда они, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, отказались отъ мысли создавать особое національное меньшинство изъ гражданъ, причисляющихъ себя къ русской національности.

Какъ я уже говорилъ, и въ Малой Радѣ были представлены, въ качествѣ «національныхъ меньшинствъ», только евреи и поляки. Русскаго національнаго представительства не было. Впрочемъ, наряду съ польскимъ и еврейскимъ министрами, былъ первоначально учрежденъ постъ министра по великорусскимъ національнымъ дѣламъ. Постъ этотъ былъ занятъ весьма симпатичнымъ дѣятелемъ — народнымъ соціалистомъ Д. М. Одинцомъ. Но, насколько мнѣ извѣстно, работа этого министерства была весьма бѣдна содержаніемъ; начиная же съ марта, послѣ изгнанія большевиковъ, министерство по великорусскимъ дѣламъ было уничтожено.

Польское и еврейское министерства существовали все время владычества Центральной Рады. Польскимъ министромъ былъ демократъ Мицкевичъ, еврейскимъ — сначала еврейскій соціалистъ Зильберфарбъ, затѣмъ членъ Фолькспартай В. Н. Лацкій. При обоихъ министрахъ образовались національные

совѣты, составленные на паритетныхъ началахъ изъ представителей отдѣльныхъ національныхъ партій.

Лозунгомъ національной политики «меньшинствъ», оффиціально одобряемыхъ со стороны украинской власти, была въ то время «національно-персональная автономія». Эта идея, заимствованная изъ книги австрійскаго соціалиста Шпрингера (Реннера) о національной проблемѣ, сводилась къ тому, что члены отдѣльныхъ національностей, живущіе въ данномъ государствѣ, объединяются въ національные союзы. Эти союзы пользуются самоуправленіемъ и конституція гарантируетъ невмѣшательство въ ихъ внутреннія дѣла со стороны общегосударственной власти. Представителями національныхъ союзовъ въ правительствѣ являются министры по національнымъ дѣламъ. Въ кругъ вѣдѣнія органовъ автономныхъ союзовъ входятъ вопросы народнаго образованія и національной культуры, соціальной помощи, эмиграціи и т. д. Національно-персональная автономія мыслится обыкновенно дѣйствующей въ федеративномъ государствѣ, разбитомъ на территоріально-автономныя части. При этомъ членами національныхъ союзовъ граждане становятся не по территоріальному, а по персональному признаку: въ него вступаютъ всѣ члены данной націи, гдѣ бы они не проживали на всемъ пространствѣ федеративнаго государства. Отсюда и самый терминъ: «національно-персональная автономія».

Насколько созданіе такихъ національныхъ «государствъ въ государствѣ» осуществимо и насколько оно, въ частности, соотвѣтствуетъ интересамъ русскаго еврейства, которое съ внѣшней стороны наиболѣе подходитъ къ указанной выше конструкціи, — сказать трудно. Несомнѣнно, однако, то, что въ описываемую эпоху лозунгъ «національно-персональной автономіи» былъ очень выгодной оборонительной позиціей противъ агрессивной національной политики господствующаго большинства. Украинская власть сама родилась изъ національнаго движенія, она еще не успѣла заразиться привычками «державности». Ей не шло поэтому подавлять чисто національныя устремленія другихъ народовъ. И дѣйствительно, проекты меньшинствъ о національной автономіи не встрѣтили особыхъ возраженій. И въ началѣ января законъ о «національно-персональной автономіи» былъ принятъ Центральной Радой.

Самоуправленіе національныхъ союзовъ должно было строиться по демократическому принципу, на началахъ всеобщаго избирательнаго права и парламентаризма. Между тѣмъ, ни Рада въ цѣломъ, ни отдѣльныя представительства національныхъ меньшинствъ въ Радѣ и національныхъ Совѣтахъ не соотвѣтствовали этимъ началамъ. Здѣсь и тамъ были представлены революціонныя организаціи и партіи; умѣренные же и правые элементы либо устранились сами, либо не были допущены. Между тѣмъ, въ населеніи эти элементы были сильны и становились все сильнѣе и сильнѣе. Отсюда не могли не возникнуть конфликты, которые особенно рѣзко проявились въ еврейской средѣ.

Совершенно отказаться отъ демократическихъ началъ, какъ это впослѣдствіи сдѣлали большевики и Директорія, господствующія группы тогда еще не рѣшались. Поэтому всеобщіе выборы, гдѣ было возможно, происходили и результаты ихъ не подтасовывались. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, лѣвыя группы стремились использовать свое большинство въ тѣхъ временныхъ органахъ, куда они были вброшены революціонной волной. Между тѣмъ, элементы умѣренные и правые не могли примириться съ тѣмъ, что ихъ майоризируютъ въ Радѣ и національныхъ совѣтахъ, въ то время, какъ каждые новые выборы приносятъ имъ все большіе и большіе успѣхи.

Въ декабрѣ и январѣ по всей Украинѣ имѣли мѣсто выборы въ еврейскія общинныя управленія. Повсюду побѣдили сіонисты и ортодоксы, повсюду соціалисты остались въ меньшинствѣ. А въ то же время въ Еврейскомъ Національномъ Совѣтѣ, гдѣ партіи были представлены паритетно, три соціалистическія партіи имѣли 30 голосовъ, Фолькспартай — 10 и сіонисты — 10; ортодоксы же не были представлены вовсе. Вполнѣ естественно при такихъ условіяхъ, что сіонисты демонстративно вышли изъ Совѣта и всѣми силами саботировали его работу. Естественно также, что отношенія между «высшимъ» національнымъ органомъ — Совѣтомъ, и мѣстными органами — общинами складывались совершенно ненормально.

Выборы въ кіевскую, «столичную», еврейскую общину происходили 31 декабря 1917 года и 1 января 1918 года. Пропорціональная система снова проявилась на нихъ во всѣхъ своихъ специфическихъ чертахъ. Никакихъ предвыборныхъ блоковъ на этотъ разъ заключено не было. Каждая партія выставила свой кандидатскій списокъ и, на предвыборныхъ плакатахъ, обѣщала избирателямъ рай земной — если только они подадутъ голосъ за ея кандидатовъ. Интересъ къ выборамъ былъ небольшой. Безпартійныя массы напередъ недовѣрчиво относились къ ихъ результату; а интеллигенцію въ значительной мѣрѣ оттолкнулъ бойкотъ русскаго языка и, опять-таки, тотъ же принудительно-партійный характеръ выборовъ. Среди еврейскихъ партій первое мѣсто безспорно принадлежало сіонистамъ. Еврейскія соціалистическія группы не имѣли именно въ Кіевѣ значительной опоры въ массахъ; въ нашемъ городѣ фабрично-заводской пролетаріатъ вообще былъ малочисленъ, а еврейскій, въ виду выдѣленія города Кіева изъ черты осѣдлости, былъ совсѣмъ слабъ. Соціалистамъ пришлось опираться исключительно на интеллигентскую молодежь и на вспомогательный и ремесленный персоналъ торговыхъ и ремесленныхъ предпріятій. «Фолькспартай», несмотря на свое наименованіе, не была народной партіей; она объединяла группу интеллигентовъ, стремившихся — притомъ довольно безуспѣшно — приблизиться къ народу.

Въ результатѣ, какъ и слѣдовало ожидать, наиболѣе сильное представительство въ новой общинѣ получили сіонисты; вмѣстѣ съ ортодоксальными фракціями они имѣли обезпеченное большинство. Соціалистическія группы собрали, насколько я помню, около 30% всѣхъ голосовъ; списокъ Еврейской народнической партіи, къ которой я тогда принадлежалъ, провелъ въ общину только двухъ кандидатовъ. Предсѣдателемъ общиннаго совѣта былъ избранъ лидеръ сіонистовъ — Н. С. Сыркинъ*, общинное управленіе было составлено изъ представителей сіонизма и ортодоксіи. Соціалистическое крыло — впервые за все время революціи — оказалось въ положеніи оппозиціоннаго меньшинства.

* *
*

Такъ-то въ роковой моментъ укрѣпленія совѣтской власти мы въ Кіевѣ были заняты своими мѣстными и національными дѣлами. Связующимъ звеномъ съ обще-россійской дѣйствительностью служили для насъ только старыя политическія партіи, особенно эсеры и эсдеки-меньшевики. Ихъ ряды уже тогда

* Этотъ несомнѣнно даровитый еврейскій дѣятель безвременно скончался въ декабрѣ 1918 года отъ воспаленія легкихъ, полученнаго во время торжественной встрѣчи Украинской Директоріи.

стали пополняться начавшими пріѣзжать къ намъ съ сѣвера бѣглецами. Эти партіи, какъ тогда выражались, «оріентировались на Всероссійское Учредительное Собраніе». Они же муссировали агитацію за его поддержку. Для этого былъ созданъ особый «Комитетъ защиты Всероссійскаго Учредительнаго Собранія». Но агитація россійскихъ партій особаго успѣха у насъ не имѣла. Безъ всякаго подъема прошли передъ тѣмъ и самые выборы въ Учредительное Собраніе. Я имѣлъ касательство къ этимъ выборамъ въ качествѣ предсѣдателя одной изъ участковыхъ избирательныхъ комиссій. Вмѣстѣ съ моими сотрудниками я провелъ дни 27 и 28 ноября 1917 года, отъ 9 часовъ утра до 9 часовъ вечера, въ помѣщеніи комиссіи, принимая избирательные бюллетени. По городу Кіеву очень много голосовъ получилъ тогда «Союзъ русскихъ избирателей», ведшій на первомъ мѣстѣ В. В. Шульгина. Но деревня голосовала «оптомъ» за списокъ у. с.-р. и у. с.-д. съ Грушевскимъ, Винниченко и др. И въ результатѣ изъ 22 депутатовъ отъ кіевской губерній 21 мѣсто получили украинцы и одно — «еврейскій національный комитетъ», по списку котораго прошелъ Н. С. Сыркинъ.

Между прочимъ, на выборахъ въ Учредительное Собраніе, благодаря пресловутой системѣ списковъ, практиковался еще одинъ способъ одураченія избирателей, который не былъ извѣстенъ на выборахъ въ Городскія Думы. По изданному Временнымъ Правительствомъ — послѣ шестимѣсячнаго обсужденія — избирательному закону, одинъ и тотъ же кандидатъ могъ баллотироваться въ пяти губерніяхъ. Всѣ партійные лидеры, для обезпеченія своихъ мандатовъ и для рекламы своихъ партій, использовали это право. Избранные сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ отказывались отъ излишнихъ мандатовъ въ пользу слѣдующаго кандидата по списку. Такъ, въ Кіевѣ кадетскій списокъ возглавлялся М. М. Винавером (фактически избраннымъ въ Петроградѣ), а списокъ еврейскаго національнаго блока — О. О. Грузенбергомъ (прошедшимъ въ Одессѣ). То и другое дѣлалось для уловленія голосовъ. И такимъ образомъ кіевскіе избиратели, голосуя за Грузенберга, въ дѣйствительности избирали Сыркина, а голосуя за Винавера, избирали Григоровича-Барскаго . . .

Выборы въ Учред. Собраніе протекали довольно вяло. А имѣвшіе мѣсто спустя пару мѣсяцевъ выборы въ Украинское Учред. Собраніе не вызвали уже рѣшительно никакого интереса у населенія; абсентеизмъ достигъ на этихъ выборахъ колоссальнаго процента. Избиратели какъ будто предчувствовали, что ни та, ни другая конституанта не дойдетъ до выработки конституціи.

Трагическая борьба противъ большевизма, которая въ эти первые мѣсяцы еще не затихла въ Петроградѣ и Москвѣ, встрѣчала наше безсильное сочувствіе. Мы, со всей Россіей, возмущались разгономъ Учредительнаго Собранія, оплакивали судьбу Духонина, Шингарева и Кокошкина и героическую гибель московскихъ и петроградскихъ юнкеровъ. Но мы чувствовали себя и были скованными . . .

Украина отдѣлилась въ самый роковой моментъ русской революціи, когда внутри страны захватили власть и все болѣе и болѣе укрѣплялись большевики, а во внѣ нѣмцы рѣшили дать Россіи coup de grâce и — освободить свои арміи для рѣшительнаго наступленія на Западѣ. «Какъ часто, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ генералъ Людендорфъ, — я надѣялся на русскую революцію для облегченія нашего военнаго положенія . . . Вотъ она и наступила, — наступила все же какъ неожиданность. Пудовикъ свалился у меня

съ сердца»*. Теперь Людендорфъ дѣйствительно могъ торжествовать: на всемъ Восточномъ фронтѣ было заключено перемиріе и въ Брестъ-Литовскѣ начались переговоры о сепаратномъ мирѣ между центральными державами и Россіей.

Новорожденная «Украинская Народная Республика» въ первыя недѣли своего существованія еще окончательно не остановилась на германской оріентаціи. Черезъ Кіевъ проѣзжали въ то время, покинувъ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго, военные атташе союзниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, повидимому, надѣялись найти въ Украинѣ центръ для продолженія борьбы, послѣ того, какъ всероссійское правительство положило оружіе. Украинскій министръ иностранныхъ дѣлъ — А. Я. Шульгинъ — не былъ германофиломъ; его честной натурѣ претила идея сепаратнаго мира, противъ воли и за счетъ вчерашнихъ союзниковъ. Онъ видимо надѣялся способствовать миру всеобщему; его патріотизму льстила мысль о томъ, чтобы Украина выступила какъ его иниціаторъ. Поэтому онъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1917 года всячески старался войти въ контактъ съ союзниками, хотя бы въ лицѣ пріѣхавшихъ въ Кіевъ военныхъ атташе.

Однако, событія оказались сильнѣе самыхъ благородныхъ побужденій. Слишкомъ ужъ явственна была выгода для самостійной Украины отъ немедленнаго мира, чтобы менѣе разборчивые въ средствахъ коллеги нашего министра иностранныхъ дѣлъ не ухватились за эту возможность. И дѣйствительно, Генеральный Секретаріатъ послалъ въ Брестъ для переговоровъ украинскую делегацію. Германцы поступили очень умно, тотчасъ же признавъ ее и начавъ вести съ ней переговоры, параллельно переговорамъ съ Троцкимъ.

Делегація Центральной Украинской Рады въ Брестѣ состояла изъ Голубовича, Севрюка и Левицкаго. Мнѣ пришлось присутствовать въ засѣданіи Рады, на которомъ эта делегація дѣлала свой первый докладъ; засѣданіе было чрезвычайно характернымъ и интереснымъ. Впрочемъ, рѣчь шефа делегаціи и будущаго украинскаго премьера Голубовича была, по обыкновенію, безцвѣтна. Но большое оживленіе внесъ докладъ Севрюка — совершенно еще молодого человѣка, чуть ли не студента, но при этомъ весьма неглупаго и занимательнаго юноши. Онъ не безъ юмора разсказалъ о препирательствахъ украинцевъ съ большевистской делегаціей. Наконецъ, третій делегатъ, Левицкій, въ простотѣ душевной, никакъ не могъ скрыть своего восторга по поводу выпавшей на его долю почетной миссіи — представлять самостоятельную Украину на международной конференціи. Украинскіе делегаты могли услышать критику только со скамей «меньшинствъ»: разногласія между самими украинскими партіями по вопросамъ войны и мира естественно не выносились наружу. И дѣйствительно, на этотъ разъ мирной делегаціи досталось отъ Рафеса, произнесшаго по этому поводу одну изъ удачнѣйшихъ своихъ рѣчей.

Рафесъ находился тогда какъ разъ въ полосѣ оппозиціи противъ украинцевъ (въ октябрѣ онъ выступилъ въ Городской Думѣ съ рѣчью противъ Временнаго Правительства и въ пользу украинцевъ и большевиковъ). Смыслъ его рѣчи въ Радѣ былъ тотъ, что украинская мирная делегація стремится использовать Брестъ въ цѣляхъ утвержденія самостійности и что для этой цѣли ею сознательно предаются интересы Россіи; и безъ того слабая позиція Россіи на конференціи еще ослабляется внутреннимъ расколомъ, который не преминутъ использовать нѣмцы.

---

* См. Ludendorff „Meine Kriegserinnerungen“ стр. 327.

Все это было сказано открыто и съ большой смѣлостью; смѣлостью онъ, вообще, обладалъ. Залъ Педагогическаго музея, въ которомъ засѣдала Рада, былъ переполненъ, на хорахъ размѣстились солдаты и настроеніе аудиторіи было чрезвычайно враждебно по отношенію къ оратору. Ему отвѣчалъ съ трибуны Шульгинъ, которому пришлось заступиться за своихъ коллегъ. Онъ въ довольно сдержанной формѣ заявилъ, что миръ приходится заключать, такъ какъ воевать мы больше не можемъ. Легко критиковать дѣйствія делегаціи, работающей при такихъ условіяхъ. Но пусть товарищъ Рафесъ лучше скажетъ, какъ же намъ продолжать войну?

Дайте ему ружницу! — раздалось откуда-то съ хоровъ.

Этотъ добродушный Zwischenruf нѣсколько разрядилъ атмосферу...

Вторично мнѣ пришлось быть въ Радѣ уже въ началѣ января 1918 года, когда ясно обозначилась угроза большевистскаго завоеванія Украины. Настроеніе было чрезвычайно напряженное, солдаты на хорахъ неистовствовали, требуя объявленія «самостійности». Военный министръ Поршъ, котораго потребовали на трибуну, далъ объясненія о положеніи на фронтѣ и объ организаціи украинской арміи («Вильнаго казачества», какъ она тогда называлась). Ему приходилось усовѣщевать аудиторію, взывать къ терпѣнію и выдержкѣ. Еще, по его словамъ, не время провозглашать Украину независимой державой, пока у нея нѣтъ настоящей арміи...

Неизвѣстно, насколько искренны были увѣщеванія Порша. Но несомнѣнно то, что пустивъ въ солдатскія массы лозунгъ «самостійности», украинскіе политики ничѣмъ ужъ не могли заставить эти массы терпѣливо дожидаться подходящаго момента для ея провозглашенія. Демагогія всегда была и будетъ палкой о двухъ концахъ — она доставляетъ главарю призрачную власть надъ толпой, и въ то же время даетъ толпѣ реальную власть надъ главаремъ.

Подъ несомнѣннымъ давленіемъ солдатскихъ массъ, лидеры украинскихъ партій въ концѣ концовъ рѣшились на объявленіе самостійности. Оно произошло 14 января 1918 года, въ формѣ провозглашенія Четвертаго (и послѣдняго) Универсала. Всѣ украинскія партіи, разумѣется, голосовали въ Радѣ *за* Универсалъ. Но изъ представителей меньшинствъ на этотъ разъ никто не голосовалъ *за*, большинство воздержалось и, кажется, россійскіе с.-д., с.-р. и «Бундъ» голосовали *противъ*.

То была начальная эпоха большевизма, когда совѣтъ народныхъ комиссаровъ каждый день издавалъ декреты, знаменовавшіе собой осуществленіе тѣхъ или иныхъ «завоеваній революціи» — отмѣну права собственности, націонализацію, провозглашеніе различныхъ правъ и преимуществъ пролетаріата. Украинцы не могли слишкомъ отставать въ этомъ революціонномъ пылу; поэтому въ Четвертый Универсалъ было включено провозглашеніе соціализаціи земли, рабочаго контроля надъ производствомъ и т. п. Вообще, позиція господствовавшихъ украинскихъ партій состояла тогда въ томъ, что они, въ сущности, отнюдь не правѣе большевиковъ — тѣ за немедленный миръ и эти за немедленный миръ, тѣ за непосредственный переходъ къ соціализму и эти за непосредственный переходъ къ соціализму, у тѣхъ власть въ рукахъ совѣтовъ, а у этихъ — въ рукахъ Центральной Рады, которая также является представительствомъ пролетаріата и бѣднѣйшаго крестьянства. Однако, несмотря на всѣ старанія украинцевъ доказать, что они — тѣ же большевики, это соревнованіе въ лѣвизнѣ окончилось не въ ихъ пользу...

Въ митинговой рѣчи, произнесенной въ 1919 году въ Кіевѣ, Троцкій (какъ мнѣ передавали) очень картинно изобразилъ поведеніе украинской мирной делегаціи въ Брестѣ. Онъ разсказалъ о томъ, какъ украинцы, согласно телеграфнымъ инструкціямъ изъ Кіева, стремились во что бы то ни стало заключить миръ, притомъ возможно скорѣе. Послѣ каждаго разговора по прямому проводу съ Кіевомъ, делегація становилась все уступчивѣе и уступчивѣе. Но когда все уже было налажено и предстояло только получить санкцію Рады для подписанія договора, — телеграфная связь съ Кіевомъ оказалась прерванной: въ тотъ самый день Кіевъ заняли большевики, а Рада бѣжала въ Житомиръ.

Для населенія города Кіева это первое большевистское завоеваніе прошло, однако, далеко не такъ легко и гладко, какъ могло казаться въ Брестѣ. Мы пережили тогда заправскую артиллерійскую аттаку, воспоминанія о которой до сихъ поръ живы у кіевлянъ.

Бомбардировка города длилась цѣлыхъ 11 дней — отъ 15 до 26 января. Большевистскія батареи были расположены на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ районѣ Дарницы. Оттуда перелетнымъ огнемъ производился обстрѣлъ города. Посылали они къ намъ попеременно трехдюймовки и шестидюймовки . . .

Жертвъ среди жителей было сравнительно немного; но разрушенія были ужасны. Думаю, что не менѣе половины домовъ въ городѣ такъ или иначе пострадало отъ снарядовъ. Возникали пожары и это производило особенно жуткое впечатлѣніе. Большой 6-тиэтажный домъ Баксанта на Бибиковскомъ бульварѣ, въ чердакъ котораго попалъ снарядъ, загорѣлся и пылалъ въ теченіе цѣлаго дня. Водопроводъ не дѣйствовалъ, такъ что пожарная команда и не пыталась тушить. Пламя медленно опускалось съ этажа на этажъ, на глазахъ у всего города. Отъ дома остался только голый каменный остовъ.

Легко представить себѣ состояніе кіевлянъ въ эти дни. Переживъ затѣмъ еще десятокъ переворотовъ, эвакуацій, погромовъ и т. п., кіевскіе жители до сихъ поръ съ особымъ ужасомъ вспоминаютъ объ этихъ одиннадцати дняхъ бомбардировки. Почти все время населеніе провело въ подвалахъ, въ холодѣ и темнотѣ. Магазины и базары, само собой разумѣется, были закрыты; поэтому приходилось питаться случайными остатками и запасами, которыхъ тогда никто еще не считалъ нужнымъ имѣть.

Къ ужасамъ и страхамъ, вызываемымъ непосредственной опасностью отъ артиллерійскаго огня, прибавлялись страхи внутренняго порядка. Тогда мы въ первый разъ увидѣли, что въ гражданской войнѣ, въ моментъ перехода власти, обѣ борющіяся стороны одинаково враждебны и одинаково опасны для населенія. Завтрашняя власть, естественно, отождествляетъ его съ враждебной ей партіей, подъ ферулой которой оно еще находится; вчерашняя же власть, потерявъ надежду удержаться, теряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ всякій интересъ къ населенію — къ его безопасности, къ его пропитанію, къ его политическимъ симпатіямъ. У насъ часто случалось, что отступавшія войска творили больше бѣдъ, чѣмъ смѣнявшіе ихъ завоеватели. Впослѣдствіи мы неоднократно имѣли случай убѣдиться въ непреложности этого своеобразнаго соціологическаго закона.

На этотъ разъ уходили украинцы; и они покидали Кіевъ не такъ, какъ оставляютъ родной городъ и столицу, а какъ эвакуируютъ завоеванную территорію. Въ центрѣ города, на улицахъ и площадяхъ, были разставлены батареи; это, въ нѣкоторой степени, и оправдывало, съ стратегической точки зрѣнія, артиллерійскій обстрѣлъ извнѣ. Городъ не эвакуировался до послѣднеи

возможности, хотя никакой надежды удержать его у украинскаго командованія не было. Это, разумѣется, только напрасно затягивало обстрѣлъ.

Внутри города, какъ и естественно, царилъ хаосъ и сумятица. «Вильное казачество», защищавшее городъ, чинило всякіе эксцессы; во дворѣ нашего дома разстрѣливали людей, казавшихся почему-либо подозрительными. Въ послѣдніе дни, уже подъ обстрѣломъ, происходилъ министерскій кризисъ: Винниченко ушелъ, его смѣнилъ умѣренный с.-р. Голубовичъ. Рада засѣдала (въ подвалѣ Педагогическаго музея) и разсматривала какіе-то законопроекты.

Населеніе города чувствовало себя оставленнымъ на произволъ судьбы, — жалкой игрушкой въ рукахъ безотвѣтственныхъ политическихъ экспериментаторовъ.

Мы сидѣли по подваламъ и нижнимъ этажамъ, прислушивались къ звукамъ пролетавшихъ снарядовъ и при каждомъ ударѣ обсуждали вопросъ: выстрѣлъ это или разрывъ? За два дня до конца бомбардировки, посреди такихъ разсужденій, насъ оглушилъ невообразимый грохотъ. Это ужъ, несомнѣнно, былъ разрывъ, притомъ въ самой непосредственной близи. Оказалось, что артиллерійскій залпъ угодилъ въ нашъ домъ. Насчитывали впослѣдствіи около двадцати попавшихъ въ насъ снарядовъ. Всѣ стекла фасада вылетѣли. Снаружи и внутри дома оказалось много поврежденій.

Улучивъ минуту затишья, я съ трепетомъ поднялся на 7-й этажъ въ свою квартиру, представлявшую весьма благодарную мишень для прицѣла. Предо мной развернулось довольно непонятное зрѣлище. Всѣ стекла были выбиты, большое трюмо въ передней разлетѣлось въ дребезги. Въ библіотекѣ картина была такова, будто въ ней похозяйничали домовые или какіе-нибудь озорники: толстые фоліанты Свода законовъ валялись на полу, среди вещей былъ замѣтенъ безпорядокъ. Однако, непосредственныхъ слѣдовъ отъ снаряда замѣтно не было. Это и придавало обстановкѣ характеръ какого-то намѣренно устроеннаго безпорядка . . . Но когда я зашелъ въ свой кабинетъ, картина совершенно разъяснилась; тамъ была выломана часть стѣны, обстановка, вещи и книги представляли кучу развалинъ; воздухъ былъ полонъ густой пылью, какъ это бываетъ возлѣ построекъ, которыя сносятся на ломъ. Очевидно, снаряды попали именно сюда, здѣсь же произошелъ и разрывъ. Но сотрясеніе было такъ сильно, что движеніе воздуха надѣлало безпорядокъ и въ сосѣднихъ комнатахъ . . .

26 января, утромъ, въ городъ вступили большевики.

Они пробыли тогда въ Кіевѣ всего три недѣли, и тотъ первый ликъ большевизма, который мы увидѣли за это короткое время, не былъ лишенъ красочности и своеобразной демонической силы. Если теперь ретроспективно сравнить это первое впечатлѣніе со всѣми послѣдующими, то въ немъ ярче всего выступаютъ черты удальства, подъема, смѣлости и какой-то жестокой непреклонности. Это былъ именно тотъ большевизмъ, художественное воплощеніе котораго далъ въ своей поэмѣ «Двѣнадцать» Александръ Блокъ.

Послѣдующіе навыки и опыты подмѣшали къ большевистской пугачевщинѣ черты фарисейства, рутины и всяческой фальши. Но тогда, въ февралѣ 1918 г., она предстала предъ нами еще во всей своей молодой непосредственности.

Разумѣется, и 26 января, когда стихла канонада и въ городъ вступили большевики, и въ послѣдующіе дни намъ было не до спокойныхъ наблюденій и параллелей. Эти первые дни были полны ужаса и крови. Большевики производили систематическое избіеніе всѣхъ, кто имѣлъ какую-либо связь съ украинской арміей и особенно съ офицерствомъ. Произведенная незадолго предъ тѣмъ

регистрація офицеровъ имѣла въ этомъ отношеніи роковыя послѣдствія: многіе предъявляли большевикамъ свои регистраціонныя карточки, и это вело къ неминуемой гибели. Солдаты и матросы, увѣшанные пулеметными лентами и ручными гранатами, ходили изъ дома въ домъ, производили обыски и уводили военныхъ. Во дворцѣ, гдѣ расположился штабъ, происходилъ краткій судъ и тутъ же, въ царскомъ саду, — расправа. Тысячи молодыхъ офицеровъ погибли въ эти дни. Погибло также много военныхъ врачей — между ними извѣстный въ городѣ хирургъ Бочаровъ, который ѣхалъ на своей пролеткѣ въ госпиталь и показалъ остановившему его солдату свою регистраціонную карточку. Та же участь постигла доктора Рахлиса, недавно только возвратившагося изъ австрійскаго плѣна и схваченнаго такимъ же образомъ, когда онъ стоялъ на улицѣ въ какой-то очереди.

Тогда же былъ самочинно, гнусно и безсмысленно разстрѣлянъ кіевскій митрополитъ Владиміръ. Говорили также о разстрѣлѣ генерала Н. І. Иванова, но это оказалось мифомъ.

Открытыхъ грабежей и реквизицій тогда, насколько я помню, еще не было. Но были случаи вымогательствъ и шантажа подъ угрозою разстрѣла.

Во главѣ большевистскихъ войскъ стоялъ тогда знаменитый полковникъ Муравьевъ, участвовавшій впослѣдствіи въ возстаніи эс-эровъ и пустившій себѣ пулю въ лобъ послѣ его неудачи. При немъ былъ извѣстный кронштадтскій матросъ Рошаль. Это были вполнѣ подходящіе главари для банды, которую представляла собой завоевавшая насъ армія — жестокіе и сокрушительные въ отношеніи враговъ, строгіе и деспотическіе въ отношеніи своихъ подчиненныхъ. Тотчасъ послѣ своего вступленія въ городъ, Муравьевъ призвалъ къ себѣ представителей банковъ и торгово-промышленнаго капитала и въ самомъ разбойничьемъ тонѣ завелъ съ ними рѣчь объ уплатѣ наложенной на городъ контрибуціи. Вскорѣ послѣ этого онъ уѣхалъ — завоевывать Одессу.

Въ одномъ изъ своихъ приказовъ Муравьевъ писалъ, что большевистская армія «на остріяхъ своихъ штыковъ принесла съ собой идеи соціализма». Рафесъ отвѣтилъ на этотъ приказъ очень смѣлой статьей подъ названіемъ «Штыкократія». Это было тогда возможно, такъ какъ нѣкоторые остатки прессы существовали при этихъ «первыхъ большевикахъ» — сохранились «Послѣднія Новости», украинскія и еврейскія газеты. «Кіевская Мысль» была не только закрыта, но въ ея редакціи и на ея бумагѣ печатались какія-то большевистскія газеты. Само собой разумѣется, что та же участь постигла и «Кіевлянинъ». В. В. Шульгинъ былъ даже арестованъ большевиками; послѣ предстательства городского головы Рябцева, онъ былъ освобожденъ.

Это былъ, вообще, одинъ изъ героическихъ моментовъ въ исторіи нашей Городской Думы. Большевики съ нею, до извѣстной степени, считались. И Дума — въ частности, городской голова Рябцевъ — дѣлала все, что было въ ея силахъ для защиты населенія и города.

Понятно, за три недѣли большевики не могли успѣть создать свои новыя учрежденія и органы. Въ различныя учрежденія были ими назначены комиссары. Судъ былъ закрытъ и адвокатура упразднена. Говорили о предстоящемъ переѣздѣ въ Кіевъ харьковскаго Совнаркома, но онъ до насъ такъ и не доѣхалъ. Въ опубликованномъ спискѣ назначенныхъ Украинскихъ Народныхъ Комиссаровъ не было ни одного извѣстнаго имени. Комическое впечатлѣніе производило назначеніе г-жи Бошъ комиссаромъ внутреннихъ дѣлъ. Комиссаромъ юстиціи былъ назначенъ какой-то Люксембургъ; никто ни раньше, ни

послѣ ничего о немъ не слышалъ, и мы спрашивали другъ друга, сдѣлано ли это назначеніе въ честь Розы Люксембургъ или въ честь опереточнаго графа Люксембурга . . .

Во время пребыванія большевиковъ въ Кіевѣ заканчивались мирные переговоры въ Брестѣ и въ одинъ прекрасный день мы получили текстъ подписанныхъ большевиками условій мира. Впечатлѣніе было потрясающее. Слухи о томъ, какъ разговаривалъ съ русской делегаціей генералъ Гофманъ и какъ онъ, на подобіе Николая I, проводилъ на картахъ по линейкѣ черты будущихъ границъ, усиливали чувство униженія и стыда, которое всѣ мы въ этотъ моментъ испытывали. Театральные пріемы, которыми хотѣла спасти свое достоинство русская делегація — подписываніе, не читая, и т. д., — производили впечатлѣніе жалкой и неумѣстной комедіи.

Помню, какъ я поднимался по Караваевской улицѣ, читая выпущенную только-что телеграмму о мирѣ. «Вотъ вамъ и миръ безъ аннексій и контрибуцій!» крикнулъ мнѣ кто-то съ проѣзжавшаго мимо извозчика. Я оглянулся и встрѣтился взглядомъ съ экспансивнымъ д-ромъ Б.

Итакъ, сепаратный миръ между Германіей и Россіей былъ подписанъ. «Посылкой Ленина въ Россію, — пишетъ въ своихъ мемуарахъ генералъ Людендорфъ, — наше правительство взяло на себя особую отвѣтственность. Съ военной точки зрѣнія поѣздка оправдывалась: Россія должна была пасть».

И она, дѣйствительно, пала.

Текстъ подписаннаго мира сообщили намъ не полностью и мы не могли тотчасъ увидѣть, какъ онъ отразится на судьбѣ нашего города. Рада, бѣжавъ изъ Кіева, засѣдала въ Житомирѣ; о ея переговорахъ съ нѣмцами ничего еще не знали. Но уже въ ближайшіе дни послѣ полученія первой телеграммы о мирѣ по городу стали ходить слухи о германскомъ наступленіи на Украину. Вскорѣ стало замѣтно смущеніе и у самихъ большевиковъ. А еще черезъ пару дней одна изъ мѣстныхъ газетъ осмѣлилась перепечатать приказъ одного нѣмецкаго генерала, въ которомъ говорилось, что германская армія, по просьбѣ представителей дружественнаго украинскаго народа, идетъ освобождать Украину изъ-подъ власти большевиковъ.

Наступленіе нѣмцевъ шло съ фантастической быстротой. Никакого сопротивленія имъ не оказывали. Черезъ какихъ-нибудь 7 дней послѣ подписанія мира они были уже въ Кіевѣ. При этомъ вступленіе нѣмецкихъ войскъ въ городъ еще было задержано на день или два, пока прошли на востокъ эшелоны чехо-словацкихъ полковъ.

Большевистскія власти вели себя въ послѣдніе дни совсѣмъ по-мальчишески. Оффиціозные органы ихъ ссылались на неизбѣжную помощь со стороны ожидаемой со дня на день всемірной революціи. Совнаркомъ воспользовался случаемъ, чтобы наложить на все населеніе города какую-то новую контрибуцію. Кажется, по этому приказу каждый квартиронаниматель долженъ былъ внести въ казначейство за счетъ домовладѣльца трехмѣсячную квартирную плату. Домовые комитеты составляли списки и собирали деньги, стараясь придержать ихъ какъ можно дольше у себя. И дѣйствительно, отъ большинства комитетовъ большевики не успѣли получить своей мзды.

Еще въ послѣдній вечеръ пресловутая комиссарша Евгенія Бошъ на митингѣ въ Купеческомъ собраніи съ пафосомъ восклицала, что Кіевъ не будетъ сданъ. А черезъ два часа она, вмѣстѣ съ другими сановниками, промчалась по

Александровской улицѣ вверхъ на особо быстроходныхъ автомобиляхъ, которые доставляли своихъ сѣдоковъ на лѣвый берегъ Днѣпра...

Послѣднія ночи, какъ обычно предъ смѣной власти, были довольно тревожныя. Во всѣхъ домахъ дежурила охрана, организованная домовыми комитетами изъ жильцовъ. Имѣлъ мѣсто цѣлый рядъ налетовъ.

Пожаловали незванные гости въ эту ночь и къ намъ. Къ дому подъѣхалъ чуть ли ни цѣлый эскадронъ въ расшитыхъ мундирахъ одного изъ гвардейскихъ полковъ. И вмѣсто того, чтобы протанцовать балетъ изъ «Пиковой Дамы», эти кавалеристы занялись повальнымъ обыскомъ во всѣхъ квартирахъ. Для острастки было выпущено на лѣстницѣ нѣсколько зарядовъ, жертвой которыхъ палъ одинъ изъ нашихъ жильцовъ. А затѣмъ приступили къ обходу квартиръ.

Остальные жильцы, какъ говорится въ газетной хроникѣ, отдѣлались испугомъ. Была своевременно вызвана охрана, состоявшая изъ солдатъ какого-то другого полка. Обѣ части вели нѣкоторое время переговоры и, кажется, чуть-чуть не помѣнялись ролями. Но въ концѣ концовъ, — вѣроятно, въ предвидѣніи наѣзда еще какой-нибудь третьей части, — объяснили дѣло поисками оружія и оставили насъ.

На слѣдующее утро послѣ бѣгства Евгеніи Бошъ и остальныхъ комиссаровъ, въ городъ вступили довольно мизерныя украинскія части подъ командой Петлюры. Нѣмцы изъ галантности предоставили имъ честь войти первыми. А въ серединѣ дня въ городѣ стало извѣстно, что на вокзалѣ нѣмцы.

Съ тѣхъ поръ совѣтская власть въ значительной мѣрѣ интернаціонализировала населеніе Россіи — по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что большинство готово привѣтствовать иностранцевъ всѣхъ націй, лишь бы они избавили его отъ большевизма. Но въ 1918 году настроеніе было, разумѣется, еще иное. За три недѣли пребыванія у насъ, большевики не успѣли настолько досадить кіевлянамъ, чтобы заглушить въ нихъ всѣ другія чувства.

Имена Гинденбурга и Макензена вызывали трепетъ, но не внушали симпатіи. И приходъ нѣмцевъ, въ качествѣ побѣдителей и покровителей, ощущался, какъ что-то обидное и оскорбительное. Наиболѣе ярко выразилъ эти чувства В. В. Шульгинъ, который въ день прихода нѣмцевъ выпустилъ прощальный номеръ «Кіевлянина», съ полной достоинства передовой статьей, и временно прекратилъ изданіе своей газеты. «Кіевлянинъ» возобновился только въ сентябрѣ 1919 года послѣ вступленія въ Кіевъ Добровольческой арміи. Тѣ же чувства, въ менѣе острой формѣ, раздѣлялись тогда всѣми. Но любопытство брало верхъ и кіевляне массами устремлялись на вокзалъ, чтобы поглядѣть на заморскихъ гостей. Долженъ сознаться, что побывалъ въ тотъ день на вокзалѣ и я. 3½ года мы не видѣли ни одного нѣмца, не слышали нѣмецкаго слова, не прочли нѣмецкой газеты. Было уже очень любопытно поглядѣть на нихъ, да еще въ такой неожиданной обстановкѣ.

Нѣмецкія войска, которыя мы увидѣли на кіевскомъ вокзалѣ, были очень мало похожи на тѣхъ молодцеватыхъ манекеновъ, которые въ мирное время занимались шагистикой на улицахъ Берлина. Видъ они имѣли обвѣтренный, уставшій и истощенный. Одѣтые въ однотонно-сѣрый цвѣтъ, съ сѣрыми мѣшками на плечахъ, возлѣ сѣрыхъ повозокъ и кухонь, — нѣмецкіе полки производили впечатлѣніе какого-то каравана странниковъ.

Впрочемъ, на слѣдующій день на Софійской площади нѣмецкое командованіе устроило довольно импозантный парадъ, который, по словамъ присутствовавшихъ, уже болѣе напоминалъ наши прежнія впечатлѣнія о германской арміи.

При этомъ, какъ мнѣ передавали, одинъ офицеръ съ презрѣніемъ воскликнулъ по адресу провинившагося въ чемъ-то прохожаго: «Er glaubt, er wäre noch in Rußland!»

Съ величайшимъ любопытствомъ кіевляне наблюдали поведеніе нѣмцевъ въ первые дни оккупаціи. Свою административную дѣятельность нѣмцы начали съ того, что нарядили сорокъ бабъ, которымъ было велѣно горячей водой и мыломъ вымыть кіевскій вокзалъ. Объ этомъ анекдотѣ много говорили; но, тѣмъ не менѣе, это сущая правда. Правда и то, что на моей памяти — ни до, ни послѣ этого случая — никто не подумалъ вымыть нашъ вокзалъ.

Затѣмъ началось то, что одинъ нѣмецкій солдатъ, на разспросы о цѣли ихъ прихода, формулировалъ словами: «Wir werden Ordnung schaffen». Былъ отпечатанъ прекрасный планъ города на нѣмецкомъ языкѣ. На всѣхъ перекресткахъ были прибиты дощечки съ нѣмецкими надписями. Особыя стрѣлки указывали, какъ куда пройти, и тутъ же было приписано, сколько минутъ это займетъ. Весь городъ былъ, какъ паутиной, опутанъ телеграфными и телефонными проводами, служившими для надобностей германскаго штаба. Эти проволоки какъ бы символизировали то, какъ по рукамъ и ногамъ связывала насъ оккупація.

Самой положительной стороной этого времени было возстановленіе связи хоть съ частью Европы. Нѣмцы открыли въ Кіевѣ два большихъ книжныхъ магазина. Въ нихъ можно было получать, кромѣ книжныхъ новинокъ по всѣмъ отраслямъ знанія, также свѣжія берлинскія и вѣнскія газеты.

Сѣрое зданіе кіевскаго дворянства на Думской площади было, послѣ надлежащей мойки, обращено въ германскую комендатуру. Каждое утро у входа въ это зданіе можно было прочесть сообщенную по радіо послѣднюю сводку германскаго штаба, за подписью генерала Людендорфа.

Нѣмцы съ перваго дня не скрывали, зачѣмъ они пришли. По мирному договору съ Украиной, они должны были получить отъ насъ столько-то милліоновъ пудовъ хлѣба. Для обезпеченія этой поставки имъ и нужно было «Ordnung schaffen» на Украинѣ. — Продовольствіе вывозилось въ Германію по различнымъ каналамъ. Для обывателей наиболѣе замѣтными были частныя посылки солдатъ, которыя, разумѣется, въ дѣйствительности не играли существенной роли. Нѣмцы, со своей педантично-дѣловитой сентиментальностью, устроили въ Кіевѣ спеціальный магазинъ, въ которомъ продавались «Kistchen für Heimatspakete» — небольшіе деревянные ящички подходящаго размѣра и формы, куда упаковывалась отправляемая посылка. Пытались наладить частный экспортъ и въ широкомъ масштабѣ; въ Кіевѣ открылись конторы обширныхъ торговыхъ организацій (въ частности, такъ-называемой «Deutsche Wirtschaftszentrale»), основанныхъ съ этой цѣлью. Пріѣзжалъ тогда въ Кіевъ и глава имперскаго военно-продовольственнаго вѣдомства фонъ-Вальдовъ.

Въ конечномъ результатѣ, какъ извѣстно, германцамъ и австрійцамъ не удалось вывезти изъ Украины того количества продовольствія, на которое они разсчитывали. Помѣшала незамиренность деревни, разстройство транспорта и обще-политическая обстановка, при которой закончилась оккупація. Въ первые мѣсяцы, однако, нѣмцы были на вершинѣ своего могущества; съ большой энергіей и настойчивостью принялись они за выкачиваніе необходимаго имъ хлѣба. Естественно, что они не могли терпѣть ничего, что шло въ разрѣзъ съ ихъ цѣлями и планами. И потому-то оккупаціоннымъ властямъ очень скоро пришлось вмѣшаться въ наши внутреннія политическія дѣла.

Формально, въ Кіевѣ и во всей Украинѣ съ 1 марта 1918 года (когда были изгнаны большевики* была возстановлена верховная власть Украинской Центральной Рады. Въ Кіевъ возвратился и украинскій парламентъ, со своимъ президентомъ М. С. Грушевскимъ, и кабинетъ министровъ, который возглавлялся Голубовичемъ. Но по существу, эта возрожденная самостійно-украинская государственность производила въ эти мѣсяцы довольно жалкое впечатлѣніе. Чувствовалось ея полное безсиліе рядомъ съ опекавшей ее германской военщиной.

Единственная область, въ которой украинской власти предоставлялась полная свобода дѣйствій, это была политика національная (вѣрнѣе, націоналистическая). И сами украинцы, по возвращеніи въ Кіевъ, давали себѣ волю въ этой области. Именно въ эту эпоху начались анти-еврейскіе эксцессы, — сначала въ видѣ самосудовъ надъ отдѣльными заподозрѣнными въ большевизмѣ лицами. Подъ предлогомъ обвиненія въ большевизмѣ, украинскіе сѣчевики захватывали и расправлялись съ евреями, которыхъ имъ почему-либо хотѣлось убрать. Въ самомъ Кіевѣ имѣлъ мѣсто цѣлый рядъ такихъ самосудовъ; въ провинціи, естественно, дѣло обстояло еще хуже. Были случаи пытокъ и издѣвательствъ. Все это оставалось безнаказаннымъ . . .

Такъ расправлялись съ евреями. Въ области же украинской haute politique шла ожесточенная борьба противъ всего «россійскаго». Началась украинизація различныхъ учрежденій — обязательное введеніе украинскаго языка и т. д.

Особенно больно затронула насъ націонализація суда. Настроенія кіевской адвокатуры, проявившіяся въ общихъ собраніяхъ въ декабрѣ, получали все больше и больше пищи. Политика и націонализмъ захлестывали дѣло правосудія. Такъ какъ и составъ суда и составъ адвокатуры былъ абсолютно несвѣдущъ въ украинскомъ языкѣ, а между тѣмъ сразу замѣнить ихъ было некѣмъ, то, естественно, украинизаторамъ приходилось дѣйствовать медленнѣе, чѣмъ они бы хотѣли. Они начали свою реформу сверху, упразднивъ кіевскую судебную палату и замѣнивъ ее «Аппелляціоннымъ судомъ», составъ котораго былъ избранъ Центральной Радой. Всѣ правила о судейскомъ цензѣ были при этомъ отмѣнены — иначе бы реформа оказалась неосуществимой — и новоиспеченные «аппелляційные судьи» были во многихъ случаяхъ на уровнѣ членовъ мирового съѣзда. Всѣ прежніе члены палаты, среди которыхъ были хорошіе юристы, были уволены. Только немногіе изъ нихъ выставили свою кандидатуру въ Аппелляційный судъ.

Одновременно съ этимъ былъ учрежденъ Генеральный судъ, въ качествѣ замѣняющей сенатъ кассаціонной инстанціи.

Перспективы для судебныхъ дѣятелей были мрачныя. Но, кромѣ вынесенія резолюцій протеста, мы были безсильны что-либо дѣлать. И на годовомъ общемъ собраніи молодой адвокатуры 27 марта 1918 года я не могъ иначе подвести итогъ царившему у насъ настроенію духа, чѣмъ воспроизведя заключительныя слова В. В. Шульгина изъ его статьи въ прощальномъ номерѣ «Кіевлянина»: «Есть положенія, въ которыхъ нельзя не погибнуть. Нѣтъ положенія, изъ котораго нельзя было бы выйти съ честью» . . .

Слова эти оказались въ данномъ случаѣ, быть можетъ, ужъ слишкомъ пессимистическими. Черезъ мѣсяцъ погибли не мы, а та власть, при которой намъ

---

* Большевики вступили въ Кіевъ 26 января и ушли 1 марта. Тѣмъ не менѣе, они пробыли у насъ только три недѣли. Дѣло въ томъ, что съ 1 февраля 1918 г. былъ введенъ новый стиль; такъ что мы перешли сразу отъ 31 января къ 14 февраля.

«нельзя было не погибнуть». Мнѣ самому пришлось присутствовать при ея умираніи и вблизи вглядѣться въ гиппократовъ ликъ Центральной Рады.

Въ первыхъ числахъ апрѣля 1918 года я былъ делегированъ комитетомъ Еврейской народнической партіи («Фолькспартай») въ Малую Раду*. Лидеръ нашей партіи въ Кіевѣ — В. И. Лацкій-Бертольди — около того же времени вступилъ въ кабинетъ Голубовича въ качествѣ еврейскаго національнаго министра. Это послѣднее обстоятельство не мѣшало, однако, нашей партіи входить въ хронически-оппозиціонный блокъ національныхъ меньшинствъ. Ближе къ правительственной политикѣ примыкали сіонисты, которымъ только ихъ буржуазная репутація преграждала доступъ въ министерство.

Въ радѣ я пробылъ всего около трехъ недѣль — въ концѣ апрѣля она была распущена — и успѣлъ только присмотрѣться къ окружающей обстановкѣ, рѣдко принимая активное участіе въ преніяхъ. Впрочемъ, по занимаемой мною позиціи, я и не могъ быть особенно активенъ въ Радѣ. Кадетовъ въ Радѣ уже не было, сіонисты и польскіе демократы заигрывали съ украинцами, украинскіе соціалисты-федералисты очень дорожили своей національной и соціалистической репутаціей. Такимъ образомъ, я оказался на самомъ правомъ крылѣ, чуть ли ни единолично представляя по многимъ вопросамъ оппозицію господствовавшимъ теченіямъ. Поэтому я не могъ бы выступать иначе, какъ рѣзко оппозиціонно; а навлекать на свою партію и національность одіумъ модерантизма и контр-революціонности мнѣ бы не позволилъ мой Ц. К.

Недѣли черезъ двѣ мое положеніе стало для меня уже совершенно яснымъ и я началъ подумывать о томъ, не слѣдуетъ ли мнѣ уйти изъ Рады. Но черезъ нѣсколько дней объ этомъ уже не приходилось больше думать, такъ какъ сама Рада перестала существовать.

Малая Рада, — только она имѣла значеніе, такъ какъ пленумъ Центральной Рады собирался разъ въ нѣсколько мѣсяцевъ и, воспроизводя въ расширенномъ масштабѣ то же соотношеніе силъ, не вносилъ ничего новаго, — Малая Рада засѣдала въ Педагогическомъ музеѣ. Это выстроенное милліонеромъ Могилевцевымъ зданіе, на освященіи котораго въ 1911 году присутствовалъ, за нѣсколько дней до своей гибели, П. А. Столыпинъ, было болѣе или менѣе подходящимъ пристанищемъ для миніатюрнаго парламента, какимъ и была Малая Рада. Большой лекціонный залъ подъ стекляннымъ куполомъ былъ даже очень эффектенъ, какъ залъ парламентскихъ засѣданій.

Предсѣдателемъ (или, какъ его называли по-украински: головой) Центральной Рады былъ Михаилъ Сергѣевичъ Грушевскій. Онъ былъ, дѣйствительно, главой и ментором всего сборища депутатовъ. Онъ стоялъ неизмѣримо выше ихъ по своему образованію, европейскому такту и умѣнію руководить засѣданіями. Отношеніе членовъ Рады къ Грушевскому было чрезвычайно почтительное; его называли «профессоромъ», «батькой» и даже «дѣдомъ». Онъ и по возрасту годился въ дѣды большинству депутатовъ. Низко-рослый, подвижный, съ большой сѣдой бородой, въ очкахъ, съ блестящимъ взглядомъ изъ-подъ нависшихъ густыхъ рѣсницъ — онъ напоминалъ на своемъ предсѣдательскомъ креслѣ сказочнаго Дѣда-Черномора...

Въ министерствѣ въ это время не было ни одной яркой фигуры. Премьеръ Голубовичъ былъ совершенно безцвѣтенъ и не выдерживалъ никакого сравненія

* Моимъ замѣстителемъ былъ П. Красный, впослѣдствіи министръ по еврейскимъ дѣламъ въ Петлюровскихъ правительствахъ.

со своимъ предшественникомъ Винниченко; изъ министровъ выдавался своимъ умомъ и хитрецой министръ юстиціи Шелухинъ; нѣкоторымъ темпераментомъ обладалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Ткаченко. Остальные — какъ военный министръ Жуковскій, министръ торговли и промышленности Фещенко-Чоповскій, министръ труда Михайловъ — ничѣмъ не возвышались надъ общей массой дѣятелей Рады.

Депутаты-украинцы дѣлились на три значительныя фракціи: у. с.-р., у. с.-д. и с.-ф. Украинскіе эсэры были самой сильной партіей въ Радѣ; къ нимъ подъ конецъ присоединился и Грушевскій, долго остававшійся безпартійнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, эта фракція была наиболѣе бѣдна людьми; даже въ премьеры она не могла выдвинуть никого ярче, чѣмъ Голубовичъ. Украинскіе соціалъ-демократы, къ которымъ принадлежали Винниченко, Петлюра, Ткаченко, Поршъ и другіе, были малочисленны, такъ какъ городскіе рабочіе на Украинѣ шли за обще-россійскими партіями, а крестьянство, по традиціи, поддерживало эсэровъ; но несравненно болѣе значительный персональный составъ этой фракціи нѣсколько сглаживалъ численное превосходство эсэровъ. Наконецъ, соціалисты-федералисты представляли наиболѣе умѣренный и культурный элементъ украинской общественности. Лидеромъ этой партіи былъ уважаемый всѣми литераторъ С. А. Ефремовъ, ея газету («Нова Рада») редактировалъ А. В. Никовскій. Какъ наиболѣе умѣренно націоналистическая группа, с.-ф. жили сравнительно въ ладу съ представителями «меньшинствъ».

Эти послѣднія продолжали фигурировать въ Радѣ приблизительно въ томъ же составѣ, который я привелъ въ первой главѣ. Присоединился только еще представитель народныхъ соціалистовъ, а кадеты (въ лицѣ С. Г. Крупнова) еще до 3-го Универсала демонстративно вышли изъ Рады. Самой враждебной къ украинцамъ, хронически оппозиціонной партіей были россійскіе эсэры, которыхъ представлялъ въ Радѣ энергичный и способный А. Н. Зарубинъ. Меньшевики, съ М. С. Балабановымъ во главѣ, также держались независимо, а иногда и мужественно. Рафесъ, представлявшій «Бундъ», говорилъ и орудовалъ больше всѣхъ; какъ я уже упомянулъ, онъ былъ въ это время въ полосѣ оппозиціи къ украинцамъ, которые весьма побаивались его остраго язычка. Остальныя еврейскія партіи были представлены довольно слабо.

Да и вообще, общій уровень членовъ Малой Рады былъ не изъ высокихъ. Грушевскій умѣлъ придавать засѣданіямъ нѣкоторые парламентскіе аппарансы. Но по содержанію, большая часть того, что говорилось въ Радѣ, было въ значительной степени посредственнымъ диллетантствомъ.

Рада была номинально верховнымъ органомъ украинской государственности. Но съ момента прихода германскихъ войскъ она фактически не обладала никакой силой и властью. Близорукость украинскихъ главарей въ томъ и проявилась, что они не учли этого осязательнаго факта и не сумѣли найти какой либо пріемлемый политическій компромиссъ, при которомъ нѣмцы могли бы продолжать поддерживать Раду. Вмѣсто этого, они упорствовали въ своей политикѣ соціалистическихъ фразъ, не хотѣли отступить ни на шагъ отъ своей аграрной программы и т. д.

Между тѣмъ, какъ должно было быть ясно для всякаго, нѣмцы прислали свои войска на Украину не ради прекрасныхъ глазъ украинскихъ министровъ и дипломатовъ. Имъ нужно было столько-то милліоновъ пудовъ продовольствія, которые они выговорили себѣ по мирному договору. Чтобы обезпечить доставку этого продовольствія — а въ этомъ была единственная задача нѣмецкихъ

войскъ — нужно было немедленно «Ordnung schaffen» въ деревнѣ. Земельная же политика Рады, — во всякомъ случаѣ, въ ближайшее лѣто, — могла привести только къ сумятицѣ и недосѣву. Этого-то нѣмцы никакъ не могли потерпѣть. На земельномъ вопросѣ политика Рады въ концѣ концовъ и сорвалась.

Около середины апрѣля, когда я уже былъ въ Радѣ, нѣмецкій главнокомандующій, фельдмаршалъ фонъ-Эйхгорнъ, издалъ приказъ, по которому временно, впредь до разрѣшенія аграрнаго вопроса, устанавливалось, что какъ крестьяне, такъ и помѣщики будутъ считаться собственниками урожая съ тѣхъ полей, которые каждый изъ нихъ засѣетъ. Мѣра эта была по-существу разумная; она правильно учитывала хозяйственный духъ крестьянства. Но, разумѣется, это было явное вмѣшательство нѣмцевъ въ наши внутреннія дѣла. Рада разразилась протестами и жалобами въ Берлинъ. Протесты эти, конечно, ни къ чему не привели; приказъ не былъ взятъ обратно. Между тѣмъ, украинцы потеряли послѣднюю возможность столковаться со своими покровителями.

Послѣ этого инцидента, германское командованіе (получивъ, очевидно, соотвѣтственные директивы свыше) окончательно извѣрилось въ возможность работать съ Центральной Радой. Оно стало ждать удобнаго случая, чтобы разъ навсегда отъ нея отдѣлаться. Такой случай скоро и представился.

Въ одно прекрасное утро — дѣло было въ двадцатыхъ числахъ апрѣля — городъ былъ встревоженъ извѣстіемъ о происшедшемъ ночью таинственномъ похищеніи директора Русскаго для вн. торг. банка А. Ю. Добраго. Къ его дому подъѣхали какіе-то люди и, предъявивъ мандатъ, увезли его въ автомобилѣ. Домъ находился недалеко отъ полицейскаго участка, куда успѣли дать знать. Но пріѣхавшіе представители сыскной полиціи вели себя какъ-то странно и никакихъ мѣръ не приняли. Несмотря на это послѣднее, никто въ городѣ не сомнѣвался, что Добрый не арестованъ законными властями, а палъ жертвой какихъ-то вымогателей и налетчиковъ. Эту версію не опровергало и правительство.

Я имѣлъ въ этотъ день судебное засѣданіе и, возвращаясь около 2 часовъ дня домой, увидѣлъ, что по всему городу расклеены афишки съ какимъ-то приказомъ на нѣмецкомъ и русскомъ языкѣ. Возлѣ афишекъ толпилась публика, оживленно комментируя текстъ приказа. Я протиснулся къ одной изъ афишъ и прочелъ приказъ главнокомандующаго нѣмецкими войсками ф.-Эйхгорна, въ которомъ говорилось о зловредной агитаціи противъ германскихъ властей и объявлялось, что отнынѣ всякіе проступки противъ нѣмцевъ будутъ караться германскими военно-полевыми судами.

Трудно было установить связь между этимъ распоряженіемъ и исчезновеніемъ Добраго, но смыслъ приказа былъ совершенно ясенъ. Онъ объявлялъ по существу о военной оккупаціи Украины германскими войсками. «Союзная и дружественная армія», въ качествѣ которой пришли нѣмцы, разумѣется, не устанавливаетъ своей юрисдикціи надъ гражданскимъ населеніемъ занятой территоріи, и, во всякомъ случаѣ, не дѣлаетъ этого безъ вѣдома и согласія «союзнаго» правительства. Приказомъ Эйхгорна маска была сорвана.

Впослѣдствіи выяснилось, что Добрый былъ не похищенъ, а подвергнутъ аресту и высылкѣ по распоряженію двухъ министровъ — Ткаченко и Жуковскаго, — съ вѣдома министра-президента Голубовича. Причиной его ареста было его предполагаемое германофильство *. Фактически этотъ «арестъ», однако,

* Нѣкоторые украинскіе круги въ то время конспирировали противъ нѣмцевъ.

мало отличался отъ самочиннаго налета: достойные исполнители министерскаго приказа за взятку согласились отвезти арестованнаго не въ тотъ глухой городокъ, куда онъ значился высланнымъ, а въ Харьковъ. Въ Харьковѣ ему удалось дать знать о себѣ нѣмецкимъ офицерамъ, которые и освободили его черезъ нѣсколько дней послѣ паденія Рады. Но не только низшіе агенты — само украинское правительство вело себя странно и недостойно въ этомъ дѣлѣ. На запросы съ разныхъ сторонъ, въ томъ числѣ отъ нѣмцевъ, Ткаченко и другіе министры отвѣчали, что приняты мѣры къ розыску Добраго. Это, разумѣется, укрѣпляло всѣхъ въ предположеніи о самочинномъ налетѣ. Въ оффиціальныхъ засѣданіяхъ кабинета, какъ мнѣ передавалъ Лацкій, о случаѣ съ Добрымъ говорилось въ такомъ же смыслѣ. Между тѣмъ, одни изъ министровъ знали, а другіе подозрѣвали правду. Какъ выяснилось впослѣдствіи на судѣ, зналъ ее и премьеръ Голубовичъ. И тѣмъ не менѣе, кабинетъ продолжалъ свою недостойную игру. На мой вопросъ въ закрытомъ засѣданіи Рады, какъ онъ объясняетъ непонятный образъ дѣйствій уголовно-розыскного отдѣленія, министръ юстиціи Шелухинъ кратко отвѣтилъ мнѣ, что не можетъ дать никакихъ свѣдѣній по этому дѣлу. Я объяснилъ себѣ его отвѣтъ, сказанный въ довольно рѣзкомъ тонѣ, нежеланіемъ нашего генералъ-прокурора обнаруживать тайны незаконченнаго слѣдственнаго производства. Въ дѣйствительности, однако, Шелухинъ, повидимому, также чуялъ правду, но не установилъ еще своей линіи поведенія.

Германскія власти черезъ нѣсколько дней, видимо, получили свѣдѣнія о причастности къ дѣлу Добраго украинскихъ министровъ. Это и рѣшило судьбу министерства Голубовича, а вмѣстѣ съ тѣмъ судьбу избравшей его Центральной Рады.

Наши политическіе круги, и прежде всего Рада, были чрезвычайно взволнованы приказомъ Эйхгорна. Малая Рада собиралась 27 апрѣля три раза: утромъ въ закрытомъ засѣданіи, вечеромъ въ открытомъ и ночью снова въ закрытомъ. Премьеръ Голубовичъ въ открытомъ засѣданіи заявилъ съ трибуны протестъ противъ нарушенія германцами суверенныхъ правъ Украинской Народной Республики; онъ сказалъ, что правительство обратится въ Берлинъ съ требованіемъ объ отозваніи изъ Кіева представителей высшаго германскаго командованія. Послѣ рѣчи Голубовича начались пренія. Говорилъ въ тотъ вечеръ, впрочемъ, одинъ только представитель «руководящей фракціи» — у. с.-р. Янко; а затѣмъ засѣданіе было прервано до слѣдующаго дня.

На слѣдующее утро, при громадномъ стеченіи публики, засѣданіе возобновилось. Настроеніе было очень встревоженное, но не безнадежное. Въ кулуарахъ Рады передавали, что отъ берлинскаго посланника Севрюка получена телеграмма съ благопріятными свѣдѣніями. По открытіи засѣданія, первымъ выступилъ представитель у. с.-д. Поршъ, послѣ него Винниченко, впервые появившійся въ Радѣ со времени ея бѣгства изъ Кіева въ январѣ 1918 года. Винниченко говорилъ часа полтора, онъ прочелъ намъ цѣлую лекцію объ украинскомъ національномъ движеніи. Затѣмъ появлялись на трибунѣ представители «меньшинствъ» — эсэръ Зарубинъ, поалей-ціонъ Гольдельманъ, еврейскій соціалистъ Шацъ. Всѣ рѣчи въ той или другой формѣ протестовали противъ поведенія нѣмцевъ. Зарубинъ, какъ убѣжденный украинофобъ, перекладывалъ вину на правительство, призвавшее нѣмцевъ. А Шацъ — молодой человѣкъ съ франтоватымъ видомъ — такъ увлекся своимъ краснорѣчіемъ, что назвалъ

70-тилѣтняго фельдмаршала Эйхгорна «прусскимъ лейтенантикомъ съ нафабренными усами».

Министерская ложа была въ началѣ засѣданія полна, но постепенно большинство министровъ, въ томъ числѣ Ткаченко и Жуковскій, исчезли. Помню, какъ поразило меня въ этотъ день осунувшееся лицо Ткаченко и лихорадочный блескъ его глазъ. Засѣданіе все продолжалось, приближалось время перерыва, мы начинали уже уставать и, около 4 часовъ дня, на трибунѣ появился Рафесъ. Его рѣчь — послѣдняя рѣчь, сказанная въ Радѣ, — была очень удачной. Онъ пытался очертить реальное положеніе вещей, потонувшее «въ морѣ словъ, сказанныхъ сегодня къ дѣлу и не къ дѣлу». И эта неприкрашенная дѣйствительность состояла, по его словамъ, въ томъ, что нѣмцы совершенно пренебрегаютъ Радой и правительствомъ и начинаютъ хозяйничать по своему. Такого оборота событій слѣдовало ожидать съ того момента, какъ нѣмцевъ призвали; и за него отвѣтственны тѣ, кто призвалъ ихъ. «Говорю это, — сказалъ Рафесъ, — не съ злорадствомъ, а съ печалью въ душѣ»... Во время рѣчи Рафеса кто-то подошелъ сзади къ предсѣдательствовавшему Грушевскому и шепнулъ ему что-то на ухо. Грушевскій ничѣмъ не реагировалъ на сообщенное ему извѣстіе и только черезъ нѣсколько минутъ, посмотрѣвъ на часы, замѣтилъ Рафесу, что его время закончилось. Рафесъ, однако, продолжалъ. Черезъ нѣсколько минутъ Грушевскій снова обратился къ нему со словами: «Ваш час скончівся».

Рафесъ еще говорилъ заключительныя фразы своей рѣчи, когда съ лѣстницы донесся шумъ, дверь въ залъ растворилась и на порогѣ появились нѣмецкіе солдаты. Нѣсколько десятковъ солдатъ тотчасъ вошли въ залъ. Какой-то фельдфебель (потомъ выяснилось, что это былъ чинъ полевой тайной полиціи) подскочилъ къ предсѣдательскому креслу и на ломанномъ русскомъ языкѣ крикнулъ:

«По распоряженію германскаго командованія, объявляю всѣхъ присутствующихъ арестованными. Руки вверхъ!»

Солдаты взяли ружья на прицѣлъ.

Всѣ присутствующіе встали съ мѣстъ и подняли руки. Съ поднятыми руками, саркастически улыбаясь, стоялъ на трибунѣ Рафесъ. Поршъ (какъ будто въ знакъ своей нѣмецкой лойяльности) высоко поднялъ руку съ номеромъ «Neue Freie Presse»; въ другой, также поднятой рукѣ онъ держалъ свой паспортъ.

Грушевскій, смертельно блѣдный, оставался сидѣть на своемъ предсѣдательскомъ мѣстѣ, и, единственный во всей залѣ, рукъ не поднялъ. Онъ по-украински говорилъ что-то нѣмецкому фельдфебелю о неприкосновенности правъ «парламѣнта», но тотъ еле его слушалъ.

Нѣмецъ назвалъ нѣсколько фамилій — въ томъ числѣ Ткаченко и Жуковскаго, — которые приглашались выступить впередъ. Никого изъ названныхъ въ залѣ не оказалось.

Тогда всѣмъ депутатамъ было предложено перейти въ сосѣднюю комнату; при этомъ въ дверяхъ залы засѣданія солдаты ощупывали насъ, ища оружія.

Мы столпились въ указанномъ намъ помѣщеніи. Комизмъ положенія невольно настроилъ всѣхъ юмористически. Обсуждали вопросъ, что же съ нами будетъ — поведутъ ли въ тюрьму, или, можетъ быть, вышлютъ въ концентраціонный лагерь?

Я оказался рядомъ съ украинскимъ эсэромъ Янко, выступавшимъ наканунѣ отъ имени своей фракціи. «Теперь вы видите, — сказалъ я ему, — что было довольно легкомысленно, не имѣя никакой силы, вести политику, которая шла въ разрѣзъ съ видами тѣхъ, у кого сила была. Отчего вы не столковались во-время съ нѣмцами?» Мой эсэръ былъ видимо подавленъ. «Да, нужно было пойти на уступки въ земельномъ вопросѣ», сказалъ онъ наконецъ.

Наше сидѣніе взаперти продолжалось не больше часу. Вдругъ двери на лѣстницу раскрылись и кто-то грубымъ и насмѣшливымъ тономъ крикнулъ намъ:

Raus! Nach Hause gehen!

Мы спустились по лѣстницѣ внизъ. На улицѣ, у входовъ въ зданіе Рады, стояли броневики и пулеметы. Толпа любопытныхъ глазѣла на пикантное зрѣлище.

Мы разошлись по домамъ...

III. Гетманъ и Директорія

(май 1918 — январь 1919)

Пантомима въ циркѣ. — Новое правительство. — Высокая коньюктура. — Защиты въ нѣмецкихъ военно-полевыхъ судахъ. — Политическія преслѣдованія. — Въ еврейскомъ національномъ совѣтѣ. — Московскій адъ и кіевское эльдорадо. — Финалъ германской оккупаціи. — Внутренняя политика гетмана. — Напускной украинскій націонализмъ. — Возстаніе Петлюры и крушеніе гетманства. — Директорія. — Борьба противъ русскихъ вывѣсокъ. — Трудовой Конгрессъ. — Налеты. — Большевики съ сѣвера или союзники изъ Одессы? — Исходъ изъ Кіева.

Черезъ нѣсколько дней послѣ гетманскаго переворота въ Кіевѣ состоялась всеукраинская конференція Еврейской народнической Партіи (Фолькспартай). Комитетомъ партіи мнѣ было поручено прочесть на этой конференціи рефератъ о политическомъ моментѣ. Я началъ его слѣдующими словами:

> «Въ результатѣ политической пантомимы, разыгранной 29 апрѣля въ циркѣ Крутикова, гетманъ Скоропадскій возсѣлъ на свой прародительскій престолъ. Его избраніе произошло, какъ и полагается въ пантомимѣ, почти безъ словъ, одними жестами и восклицаніями. И любопытнѣйшей чертой всего спектакля было то, что наиболѣе активное (въ сущности: единственное активное) дѣйствующее лицо фигурировало не на эстрадѣ и не на трибунѣ, а на крышѣ цирка: это былъ тотъ нѣмецкій солдатъ съ пулеметомъ, который долженъ былъ съ этой крыши охранять государственный переворотъ отъ возможныхъ покушеній со стороны законной государственной власти»...

Этотъ нѣмецкій солдатъ съ пулеметомъ былъ не метафорой, а самой подлинной реальностью. Мы видѣли, какъ онъ съ нашего двора влѣзъ на крышу цирка и стоялъ тамъ въ полной боевой готовности. Съ нашего же двора производилось снабженіе этого своеобразнаго фронта продовольствіемъ.

А въ циркѣ была, дѣйствительно, разыграна пантомима. Каждое слово и каждый жестъ былъ заранѣе подготовленъ и инсценированъ. Все и прошло,

какъ по нотамъ. Всенародно избранный гетманъ отправился въ Софійскій соборъ, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ, а затѣмъ онъ обосновался въ генералъ-губернаторскомъ домѣ*. Никакого сопротивленія, даже никакой попытки сопротивленія ни съ чьей стороны не было.

Какъ могло случиться, чтобы кучка дрессированныхъ «хлѣборобовъ» въ нѣсколько часовъ свергла власть Центральной Рады и учредила гетманство? Объясненіе этого дикаго факта лежитъ, прежде всего, въ томъ, что Рада не имѣла ни физической, ни моральной опоры въ городскихъ массахъ. Что же касается деревни, то она «безмолвствовала» 29 апрѣля, но послѣдующимъ своимъ поведеніемъ по отношенію къ гетману и къ нѣмцамъ показала, что она, во всякомъ случаѣ, не на ихъ сторонѣ. У Рады имѣлся военный министръ Жуковскій, который занимался похищеніемъ банкировъ, но украинской арміи, которая могла бы защитить Раду, не существовало. Если не считать нѣсколькихъ сотенъ сѣчевыхъ стрѣльцовъ, то военная опора Рады могла бы базироваться исключительно на германскихъ войскахъ, да еще на привезенныхъ нѣмцами частяхъ, составленныхъ изъ бывшихъ русскихъ военно-плѣнныхъ. Эти послѣднія, маршируя по улицамъ города, вызывали всеобщую зависть своей новёхонькой формой изъ синяго сукна. Ихъ и стали называть «синими жупанами». Но въ политическомъ отношеніи синіе жупаны въ концѣ концовъ показались нѣмцамъ слишкомъ красными, и, наканунѣ паденія Рады, они были разоружены. Позиція же самихъ германскихъ войскъ воплощалась фигурой солдата съ пулеметомъ на крышѣ цирка...

Рада успѣла собраться еще разъ въ самый день 29 апрѣля — мнѣ не удалось попасть на это засѣданіе — и впопыхахъ принять конституцію Украинской Народной Республики, выработанную Грушевскимъ. Сейчасъ послѣ засѣданія Грушевскій скрылся, а члены Рады разошлись по домамъ, безъ особой увѣренности въ томъ, что имъ дадутъ ночевать дома. Однако, въ этотъ и ближайшіе дни никакихъ арестовъ не было**. Нѣмцы чувствовали себя слишкомъ непреоборимо сильными, чтобы охранять себя отъ членовъ разогнанной и униженной Центральной Рады. Гетманская же власть еще не успѣла наладить свой собственный полицейскій аппаратъ.

Гетманскій переворотъ произошелъ во всей Украинѣ совершенно безболѣзненно. Никакого сопротивленія новая власть не встрѣтила. Ей оставалось выявить свое лицо и сорганизоваться.

Члены комитета Фолькспартай собирались въ эти дни на квартирѣ С. Б. Ратнера для взаимнаго обмѣна информаціями. Тамъ-же, помню, мы прочли первое пронунціаменто гетмана, оправдывавшее переворотъ и устанавливавшее конституцію новой власти. Когда стали читать вслухъ, статью за статьей, эту необычайно быстро испеченную конституцію, она показалась мнѣ подозрительно-знакомой. Я взялъ изъ шкафа т. I ч. 1 Свода Законовъ и началъ сравнивать читаемое съ Основными законами по изд. 1906 года. Оказалось, что, за немногими отступленіями, гетманская конституція воспроизводила эти Основные законы. Порядокъ и почти весь текстъ статей Основныхъ законовъ 23 апрѣля

---

* Тактъ свѣтскаго человѣка и бывшаго придворнаго, повидимому, удержалъ его отъ того, чтобы поселиться въ императорскомъ дворцѣ. У Керенскаго этого такта, къ сожалѣнію, не оказалось.

** Насколько я помню, былъ только временно задержанъ И. О. Фруминъ, какъ разъ не состоявшій членомъ Рады.

1906 года былъ сохраненъ. Недоставало только «Учрежденія Государственнаго Совѣта и Думы». Зато былъ почему-то воспроизведенъ архаическій «Комитетъ Финансовъ».

Составленіе министерства представляло нѣкоторыя трудности. Украинскія партіи, въ частности соціалисты-федералисты, съ которыми велись переговоры, отказались участвовать въ правительствѣ. Правыя группы охотно пошли бы, но придавать кабинету явно реакціонную окраску, повидимому, не хотѣли. Къ участію въ правительствѣ были приглашены кадеты, среди которыхъ произошелъ по этому вопросу расколъ, причемъ большинство высказалось за вхожденіе въ кабинетъ.

Этотъ шагъ былъ особенно труденъ для кадетовъ вслѣдствіе той германской оріентаціи, которую сама сила обстоятельствъ предуказывала гетманскому правительству. Участіе въ такомъ правительствѣ означало для партіи Народной Свободы рѣзкій разрывъ со всѣмъ своимъ прошлымъ, отказъ отъ основной своей позиціи по вопросамъ внѣшней политики. Съ другой стороны, нельзя же было требовать отъ гетмана и его министровъ, чтобы они выступили противъ того нѣмецкаго солдата, который защищалъ ихъ рожденіе на свѣтъ.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, областной комитетъ партіи Народной Свободы высказался за участіе кадетовъ въ министерствѣ. Собравшійся вслѣдъ затѣмъ областной съѣздъ подтвердилъ это рѣшеніе, причемъ на этомъ съѣздѣ выступили съ программными рѣчами новые министры-кадеты Н. П. Василенко, А. К. Ржепецкій и С. М. Гутникъ. Однако, эти рѣчи только усилили впечатлѣніе отступничества, совершеннаго партіей. Если при создавшейся ситуаціи кадеты имѣли полное основаніе считаться съ германской оккупаціей, какъ съ совершившимся фактомъ, и не устранять себя отъ работы для пользы населенія, то уже совершенно излишне было выступать съ историческимъ обоснованіемъ германофильства, какъ это сдѣлалъ Василенко, припомнившій въ своей рѣчи всѣ грѣхи англичанъ противъ Россіи начиная съ 1878 года...

Кабинетъ былъ въ концѣ концовъ составленъ подъ предсѣдательствомъ Ф. А. Лизогуба, — полтавскаго предсѣдателя губ. земск. управы, человѣка, пользовавшагося безукоризненной репутаціей, но въ политическомъ отношеніи довольно безцвѣтнаго. Онъ же былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ украинецъ Д. И. Дорошенко, замѣчательный главнымъ образомъ своей красивой наружностью, министромъ народнаго просвѣщенія — Н. П. Василенко, финансовъ — А. К. Ржепецкій, юстиціи — проф. Чубинскій, труда — проф. Ю. Н. Вагнеръ, торговли — С. М. Гутникъ, военнымъ министромъ — ген. Рогоза и министромъ здравоохраненія — д-ръ П. И. Любинскій. Составъ этого перваго гетманскаго министерства былъ отнюдь не правый; напротивъ, наряду съ умѣренными консерваторами, въ него вошли дѣятели опредѣленно прогрессивнаго направленія. Но трагедія гетманскаго правительства въ томъ и состояла, что по существу дѣла его направленіе и политическая программа были совершенно безразличны. Надъ нимъ была болѣе сильная, бронированная рука, отъ которой въ дѣйствительности зависѣло все.

«Въ лицѣ гетмана Скоропадскаго, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ ген. Людендорфъ, —получилъ въ Кіевѣ власть человѣкъ, съ которымъ можно было хорошо работать»*.

---

* Meine Kriegserinnerungen, S. 502.

Естественно, что нѣмцы стремились всемѣрно использовать эту возможность и направляли политику гетмана въ ту сторону, въ какую имъ казалось выгоднымъ. Истиннымъ главой Украинской Державы былъ все это время не ясновельможный Панъ Гетманъ, и не Голова Рады Министровъ, а — начальникъ штаба армейской группы Эйхгорна ген. Грёнеръ. Впрочемъ, Грёнеръ не только по своему положенію, но и по своей личности былъ самый крупный человѣкъ изъ всѣхъ подвизавшихся тогда въ Кіевѣ дѣятелей, русскихъ и нѣмецкихъ; мы не были удивлены, когда въ октябрѣ 1918 года его призвали на самый высшій постъ въ германской арміи, на мѣсто ушедшаго въ отставку Людендорфа*.

Германская гражданская власть была, напротивъ, представлена довольно блѣдно въ лицѣ посланника барона Мумма. Зато австро-венгерскимъ посланникомъ въ Кіевѣ былъ знаменитый графъ Форгачъ, котораго считаютъ авторомъ пресловутаго ультиматума Сербіи въ іюлѣ 1914 г.

Гетманскій переворотъ прошелъ подъ лозунгомъ возстановленія земельной собственности и свободы торговли. Въ этомъ отношеніи программа новаго правительства вполнѣ соотвѣтствовала видамъ нѣмцевъ; поэтому здѣсь ему давалась полная свобода дѣйствій. Въ первое время особенно проводилась политика покровительства торгово-промышленнымъ кругамъ; и только въ послѣдніе мѣсяцы гетманщины, съ дальнѣйшимъ поворотомъ вправо, объектомъ попеченія сдѣлалось землевладѣльческое дворянство.

Эта политика принесла реальные плоды.

Эпоха гетмана, дѣйствительно, характеризуется нѣкоторымъ экономическимъ подъемомъ. Она была у насъ временемъ «высокой коньюнктуры». Промышленные и торговые круги, съ одной стороны, были близки къ власть имущимъ и вліяли на послѣднихъ въ выгодномъ для себя направленіи; а съ другой, обезпеченный сбытъ всевозможныхъ товаровъ въ Германію и Австрію создавалъ и въ чисто-экономическомъ смыслѣ весьма благопріятную коньюнктуру для нашего края. Мы и пережили тогда эпоху грюндерства и спекулятивной горячки. Парализованная буржуазія сѣвера устремилась въ Кіевъ. А у насъ учреждались все новыя и новыя акціонерныя компаніи и дѣлались крупныя дѣла.

Эта черта гетманскаго времени воплощается для кіевлянъ въ таинственномъ словѣ «Протофисъ». Таково было сокращенное наименованіе Всеукраинскаго союза торговли, промышленности и финансовъ. Протофисъ образовался въ первые же дни гетманщины, на торгово-промышленномъ съѣздѣ, на которомъ съ большой рѣчью выступилъ новый министръ торговли Гутникъ. Онъ существовалъ все это время и былъ весьма активнымъ факторомъ въ нашей внутренней политикѣ.

Въ связи съ оживленіемъ промышленности, банковъ, биржи, въ эпоху гетмана возстановились до нѣкоторой степени и функціи суда. Помогли этому и невольныя послабленія въ области украинизаціи, о которыхъ рѣчь впереди. Адвокатура вновь почувствовала нѣкоторую почву подъ ногами. Превращеніе Кіева въ столицу, обиліе административныхъ дѣлъ, — въ частности, проведеніе уставовъ и концессій, — обезпечивали для дѣловыхъ адвокатовъ хорошія времена. Наряду съ этимъ, начавшіяся нѣсколько позднѣе политическія преслѣдованія вызывали необходимость въ организаціи политическихъ защитъ. Были даже попытки учрежденія «группы политическихъ защитниковъ», подобно той группѣ, которая работала въ 1905 — 1907 гг.

---

* Въ настоящее время Грёнеръ, какъ извѣстно, является министромъ путей сообщенія въ республиканскомъ правительствѣ Германіи.

У меня лично связано съ гетманскимъ временемъ одно весьма своеобразное воспоминаніе изъ области адвокатской практики.

Это было въ концѣ мая 1918 года. Однажды предъ вечеромъ телефонируютъ ко мнѣ изъ комитета еврейск. объед. соц. партіи и просятъ выѣхать въ тотъ же вечеръ съ членомъ комитета Шацомъ въ Бѣлую-Церковь. Тамъ нѣсколько дней тому назадъ арестованъ тов. городского головы Лембергъ, предсѣдатель Гор. Думы Рутгайзеръ и еще одинъ гласный, по обвиненію въ анти-германской пропагандѣ. Завтра утромъ ихъ будутъ судить въ нѣмецкомъ военно-полевомъ судѣ. Возможно, что допустятъ защитниковъ. Комитетъ проситъ меня, вмѣстѣ съ Шацомъ, взять на себя защиту.

Я былъ крайне взбудораженъ и смущенъ этимъ предложеніемъ. Военно-полевой судъ, особенно германскій, — тотъ самый военно-полевой судъ, который былъ введенъ роковымъ апрѣльскимъ приказомъ Эйхгорна, — представлялся намъ чѣмъ-то весьма жуткимъ. О дѣлѣ Бѣлоцерковскихъ гласныхъ я слышалъ впервые и не имѣлъ никакого понятія ни о сущности обвиненія, ни о возможностяхъ защиты. И притомъ предстояло выступить въ германскомъ судѣ, процессуальные порядки котораго были мнѣ совершенно неизвѣстны, и плэдировать на нѣмецкомъ языкѣ...

Но отказать въ своемъ содѣйствіи я считалъ себя не въ правѣ и поэтому, сложивъ фракъ и необходимыя вещи, отправился на вокзалъ. Въ поѣздѣ меня познакомили съ пріѣхавшими изъ Бѣлой-Церкви членами городской управы, которые и разсказали намъ вкратцѣ суть дѣла. Подсудимыхъ обвиняли въ произнесеніи «рѣчей возмутительнаго содержанія» въ засѣданіи думы вскорѣ послѣ германскаго переворота. Они нѣсколько дней тому назадъ были арестованы, допрошены и въ любой день, когда засѣдаетъ полевой судъ, дѣло ихъ можетъ быть заслушано. Завтра, въ субботу, въ 8 часовъ утра — очередное засѣданіе суда. Къ этому времени нужно явиться въ штабъ, прочитать дѣло и «подготовиться къ защитѣ».

На слѣдующее утро, — надѣвъ фраки со значками, чтобы хоть чѣмъ-нибудь импонировать нѣмецкимъ офицерамъ, — мы отправились въ штабъ расположенной въ Бѣлой-Церкви германской дивизіи. Штабъ помѣщался въ старинной помѣщичьей усадьбѣ владѣлицы мѣстечка — графини Браницкой. Наши информаторы еще раньше объяснили намъ, что все дѣло находится въ рукахъ одного лейтенанта, котораго называютъ «Gerichtsoffizier»; онъ ведетъ слѣдствіе, онъ же будетъ и обвинять на судѣ. Послѣ переговоровъ съ накрашенной особой, которая исполняла обязанности секретаря и переводчика, мы и предстали предъ свѣтлыя очи этого лейтенанта.

Лейтенантъ Флешъ принялъ насъ вѣжливо, но съ глубокимъ сознаніемъ своего величія. Дѣло, къ счастью, должно было слушаться только черезъ недѣлю, и, хотя показать самые акты Флешъ обѣщалъ только предъ засѣданіемъ, но изъ разговора съ нимъ мы составили себѣ приблизительное представленіе о томъ, что ожидаетъ насъ на судѣ. Самъ Флешъ былъ великолѣпенъ въ истинно-прусскомъ апломбѣ своихъ непогрѣшимыхъ сужденій. Разумѣется, обвиняемые были виновны во всемъ, что имъ приписываютъ; и разумѣется, ничего другого нельзя и ожидать отъ этой городской управы, состоящей изъ русскихъ соціалистовъ. Дума занимается только политическими разговорами и агитаціей. А всѣ отрасли городского хозяйства, — и въ томъ числѣ, какъ онъ выразился, «das Bordellenwesen», — совершенно запущены...

Изъ разговора съ Флешемъ мы приблизительно уяснили себѣ характеръ германскаго военно-полевого судопроизводства. Постояннаго состава суда не существовало. Судъ назначался въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приказомъ командующаго генерала. Вся подготовка дѣла, слѣдствіе, прокурорскія обязанности и наблюденіе за исполненіемъ приговоровъ лежали на «судебномъ офицерѣ (Gerichtsoffizier), имѣвшемся при каждомъ штабѣ или комендатурѣ. Онъ фактически предсѣдательствовалъ и въ засѣданіи и даже, самъ не подавая голоса, руководилъ совѣщаніемъ судей.

Самый процессъ былъ свободенъ отъ формальностей и не очень связанъ законами *. Судъ могъ по своему усмотрѣнію повышать и понижать назначенныя въ уголовномъ кодексѣ наказанія. А командующій генералъ, въ качествѣ верховнаго распорядителя надъ судомъ, обладалъ неограниченнымъ правомъ не утверждать и измѣнять уже состоявшіеся приговоры суда. Отъ него же зависѣло и допущеніе защиты, преданіе суду, назначеніе засѣданій и т. д. Всѣ эти правила имѣлись въ видѣ печатной инструкціи, которая, однако, какъ военная тайна, штатскимъ на руки не выдавалась.

Ощущеніе нѣкоторой жути, съ которымъ я взялся за эту защиту, разумѣется, не могло пройти послѣ разговора съ Флешомъ. Мало того, что приходилось защищать на чужомъ языкѣ, предъ враждебными судьями — неюристами; какъ теперь выяснилось, намъ предстояло участвовать въ процессѣ, не зная и даже не имѣя возможности узнать тѣ законы, по которымъ онъ происходитъ . . .

Однако, дѣлать было нечего. Положеніе обвиняемыхъ безъ защитника представлялось намъ при этихъ условіяхъ еще въ тысячу разъ трагичнѣе. И мы надѣялись, по мѣрѣ силъ, помочь имъ въ предстоявшей неравной борьбѣ.

Повидавшись съ подзащитными и условившись относительно подлежащихъ вызову свидѣтелей, мы съ Шацомъ въ тотъ же вечеръ отправились обратно въ Кіевъ. Черезъ недѣлю я снова поѣхалъ въ Бѣлую-Церковь, но уже не съ Шацомъ, который заболѣлъ тифомъ, а съ членомъ центральнаго комитета Бунда Ниренбергомъ. Остановились мы въ Бѣлой-Церкви у городского головы Каткова — симпатичнѣйшаго провинціальнаго ветеринара и земца старой школы, который долженъ былъ быть главнымъ свидѣтелемъ защиты.

На слѣдующее утро, предъ засѣданіемъ, мы успѣли наскоро просмотрѣть протоколы допросовъ и уяснили себѣ уязвимыя мѣста обвиненія. Оно было цѣликомъ построено на показаніяхъ полицейскаго чина, присутствовавшаго въ засѣданіи Думы, но сидѣвшаго у выходныхъ дверей и часто покидавшаго залъ, чтобы подышать воздухомъ. У нѣмцевъ, на основаніи малограмотнаго доноса этого урядника, создалось впечатлѣніе, что это собраніе было чѣмъ-то въ родѣ митинга. Намъ нетрудно было установить на судѣ, что въ дѣйствительности имѣло мѣсто очередное засѣданіе Городской Думы, на которомъ подсудимые выступали съ докладомъ о съѣздѣ городскихъ дѣятелей, незадолго предъ тѣмъ происходившемъ въ Кіевѣ. Въ дѣйствительности докладъ, разумѣется, носилъ рѣзко анти-германскій и анти-гетманскій характеръ. Но Флешу не удалось установить это путемъ допроса, при помощи переводчика, полицейскаго урядника.

* Между прочимъ, въ рядѣ случаевъ германскій судъ, предвкушая грядущіе пріемы большевистскаго трибунала, превращалъ во время самаго засѣданія свидѣтелей въ обвиняемыхъ и тутъ же выносилъ имъ приговоръ. Такъ было, напр., съ Голубовичемъ въ дѣлѣ объ арестѣ Добраго.

Катковъ же и нѣкоторые гласные, допрошенные по нашей ссылкѣ, дали показанія въ пользу подсудимыхъ.

Такимъ образомъ, на судебномъ слѣдствіи создалась обстановка, довольно благопріятная для подсудимыхъ. Наши защитительныя рѣчи судъ выслушалъ со вниманіемъ. Къ намъ вообще относились корректно и съ видимымъ любопытствомъ. Бравый майоръ, предсѣдательствовавшій въ судѣ, только одинъ разъ остановилъ моего коллегу.

Несмотря на всѣ эти признаки, я лично не сомнѣвался въ обвинительномъ вердиктѣ. Отношеніе судей къ подсудимымъ, какъ къ русскимъ, революціонерамъ и евреямъ, было явно враждебнымъ. Флешъ, подзадориваемый наличностью защиты, изо всѣхъ силъ старался добиться обвиненія. Казалось, что, каковы бы не были результаты слѣдствія, приговоръ долженъ былъ прежде всего поддержать нѣмецкій престижъ и, ужъ во всякомъ случаѣ, не осканда-лить Флеша.

Съ большимъ волненіемъ возвратились мы поэтому въ залъ, когда насъ позвали для объявленія приговора. «Судъ постановилъ, — заявилъ Флешъ, — признать подсудимыхъ оправданными. У суда имѣются подозрѣнія, что рѣчи возмутительнаго содержанія дѣйствительно были произнесены. Но слѣдствіе не дало тому достаточныхъ доказательствъ»...

— Нѣмецкая добросовѣстность за себя постояла, подумалъ я, услышавъ этотъ неожиданно-пріятный приговоръ.

Послѣ этого перваго дебюта мнѣ приходилось еще не разъ выступать въ нѣмецкомъ военно-полевомъ судѣ. Въ той же Бѣлой-Церкви я защищалъ нѣкоего Гельфмана, который имѣлъ неосторожность наспле тничать въ Кіевѣ, Кіевѣ, что бѣлоцерковскіе нѣмецкіе интенданты берутъ взятки. Гельфманъ былъ привлеченъ къ суду за ложный доносъ, Флешъ издѣвался надъ нимъ и назвалъ его въ своей рѣчи «ein schmutziger Jude»; доказательствъ злоупотребленій со стороны интендантовъ у обвиняемаго, разумѣется, не было. Послѣ продолжительнаго засѣданія, онъ былъ приговоренъ къ пяти годамъ тюрьмы. Я никогда не забуду отчаянія и плача, съ которымъ встрѣтила этотъ суровый приговоръ многоголовная семья Гельфмана. Я утѣшалъ ихъ тѣмъ, что нѣмцы вѣроятно не просидятъ и года на Украинѣ, такъ что пятилѣтнее заключеніе останется только на бумагѣ. Такъ оно впослѣдствіи и случилось: уже въ декабрѣ 1918 года Гельфманъ былъ освобожденъ изъ Васильковской тюрьмы, въ которой отбывалъ наказаніе.

Было у меня нѣсколько дѣлъ въ нѣмецкомъ полевомъ судѣ и въ Кіевѣ: храненіе оружія, шпіонажъ, оскорбленіе величества. Была и защита домовладѣльца, обвинявшагося въ спекулятивномъ повышеніи цѣнъ на квартиры. Какъ это послѣднее преступленіе можно было подвести подъ приказъ Эйхгорна, — это остается на совѣсти кіевскаго Gerichtsoffizier'a лейтенанта Бюттнера.

Подслѣдственные и обвиненные германскимъ судомъ содержались въ арестномъ домѣ, рядомъ съ Лукьяновской тюрьмой, который, послѣ надлежащей чистки, былъ превращенъ въ особую германскую тюрьму. Тамъ въ отдѣльной камерѣ содержались обвиненные по дѣлу Добраго — Голубовичъ, Жуковскій и др. Тамъ же окончилъ свои дни несчастный убійца Эйхгорна Борисъ Донской.

Ежедневно къ воротамъ «нѣмецкой тюрьмы» подходили и подъѣзжали жены заключенныхъ и передавали имъ обѣдъ. Свиданія разрѣшались довольно либерально; въ частности я, какъ защитникъ, имѣлъ всегда доступъ къ своимъ кліентамъ.

Самымъ тяжелымъ моимъ дѣломъ въ нѣмецкомъ судѣ былъ процессъ бывшаго мирового судьи П., обвинявшагося въ шпіонажѣ. Онъ передалъ какому-то посланцу пакетъ съ различными свѣдѣніями о германской арміи и въ томъ числѣ съ картой ея расположенія на Украинѣ для врученія англійскому консулу въ Москвѣ. Посланецъ, однако, предпочелъ вручить преступный пакетъ нѣмецкому начальству въ Кіевѣ. Отрицать, что онъ передалъ пакетъ посланцу, было для П. невозможно.

Положеніе его предъ германскимъ военнымъ судомъ было трагическое. Въ результатѣ дѣла нельзя было и сомнѣваться, если бы только оно дошло до разбирательства. Вся наша цѣль въ томъ и состояла, чтобы «тянуть» и какъ-нибудь отдалить этотъ роковой день. Судьба помогла намъ въ этихъ нелойяльныхъ намѣреніяхъ и дѣло было назначено къ слушанію только въ ноябрѣ, незадолго до заключенія перемирія на Западномъ фронтѣ.

Вечеръ, когда я узналъ о назначеніи дѣла, былъ самымъ тяжелымъ моментомъ въ моей адвокатской практикѣ. Одновременно съ извѣстіемъ о назначеніи дѣла къ слушанію на слѣдующее утро, мнѣ сообщили, что комендантъ города въ послѣднюю минуту отказался допустить меня къ защитѣ и назначилъ защитникомъ какого-то офицера . . .

Какимъ-то образомъ, однако, колесо фортуны въ послѣднюю минуту повернулось въ сторону моего кліента. Часовъ въ семь вечера я былъ экстренно вызванъ въ комендатуру и лейтенантъ Бюттнеръ сообщилъ мнѣ, что онъ все-таки побудилъ коменданта допустить меня къ защитѣ; дѣло поэтому откладывается и мнѣ дается срокъ для ознакомленія съ документами. Черезъ недѣлю произошла революція въ Берлинѣ, еще черезъ два дня было подписано перемиріе. О назначеніи дѣла П. къ слушанію не было и рѣчи. «Es macht keinen Spaß mehr!» какъ откровенно признался Бюттнеръ.

П., вмѣстѣ съ другими заключенными «нѣмецкой тюрьмы», былъ вскорѣ освобожденъ въ силу общей амнистіи.

Нѣмецкіе военно-полевые суды налагали на подсудимыхъ очень тяжкія наказанія — 5 лѣтъ тюрьмы за пустяшный проступокъ Гельфмана, $2^1/_2$ года тюрьмы за нарушеніе приказа о выдачѣ оружія и т. п. могутъ служить тому примѣрами. Положеніе подсудимыхъ, не знающихъ нѣмецкаго языка, было ужасно; произволъ «Gerichtsherr'a» (коменданта) и всепоглощающія функціи «Gerichtsoffizier'a» мало соотвѣтствовали представленію объ упорядоченномъ судопроизводствѣ. Однако, если сравнить эти суды съ остальными формами политической расправы, которыя практиковались въ то время, то придется признать, что это была еще наилучшая форма. Она была лучше административныхъ высылокъ, производимыхъ въ большомъ количествѣ самими нѣмцами; и она была несравненно лучше полицейскихъ репрессій, за которыя принялось гетманское правительство.

Къ серединѣ лѣта въ кабинетѣ министровъ наибольшее вліяніе получилъ министръ внутреннихъ дѣлъ Игорь Кистяковскій. Онъ былъ самымъ толковымъ и активнымъ членомъ гетманскихъ кабинетовъ. Но и въ новой роли его не оставила та неудержимая безпринципность, которой онъ отличался уже въ качествѣ адвоката. Вплоть до послѣдней фазы гетманщины онъ проводилъ украинскую національную политику, что не помѣшало ему вступить 15 ноября 1918 года въ новый кабинетъ, лозунгомъ котораго было возстановленіе единой и недѣлимой Россіи. . . Игорь Кистяковскій и во время и послѣ гетмана былъ у насъ притчей во языцѣхъ. Его обвиняли во всевозможныхъ порокахъ и называли «злымъ

геніемъ» Скоропадскаго. Едва ли, однако, это было такъ. Народная молва, по моему убѣжденію, сильно преувеличивала значеніе и зловредность его личности.

Въ одной изъ своихъ программныхъ рѣчей Кистяковскій установилъ принципіальное различіе между «эволюціоннымъ» и «революціоннымъ» соціализмомъ; по отношенію къ первому обѣщана была терпимость, второму же объявлялась безпощадная борьба. И, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, эта борьба свелась къ тому, что «вартовые», замѣнившіе прежнихъ урядниковъ, хватали кого имъ было угодно изъ общей массы участниковъ революціоннаго движенія; этимъ послѣднимъ затѣмъ предоставлялось, сидя въ узилищахъ, доказывать, что они исповѣдуютъ не «революціонный», а «эволюціонный» соціализмъ. Кому не удавалось доказать это, тотъ обычно подвергался выдачѣ германскимъ властямъ, упрятывавшимъ его въ одинъ изъ ближайшихъ концентраціонныхъ лагерей.

И какъ неизбѣжно бываетъ при всѣхъ формахъ административныхъ репрессій, личные счеты, доносъ и взятка стали рѣшающими факторами этой организованной Кистяковскимъ юстиціи.

Положеніе адвоката въ подобныхъ дѣлахъ было совершенно безсильно. Пріѣзжаетъ, бывало, изъ какого-нибудь городка мать, сестра или жена арестованнаго, устанавливаетъ со слезами на глазахъ гнусную подоплеку дѣла и молитъ о защитѣ. Но что дѣлать и чѣмъ ей помочь? Приходилось обыкновенно ограничиваться составленіемъ какого нибудь прошенія, которое имѣло единственной цѣлью успокоить несчастную женщину и едва ли когда-либо дѣйствительно помогало арестованному. Если арестъ былъ произведенъ нѣмцами и прошеніе подавалось въ какой нибудь штабъ, то черезъ нѣсколько дней хоть получался тотъ или иной (обычно, неутѣшительный) отвѣтъ. Если же арестованный числился за «Державной Вартой» или за какимъ либо «Воеводой» (губернаторомъ), то въ этомъ случаѣ нельзя было разсчитывать даже на отвѣтъ. Въ отдѣльныхъ, наиболѣе серьезныхъ дѣлахъ, когда аресты носили массовый характеръ, мы пытались лично обращаться къ министру юстиціи либо къ прокурору судебной палаты. Насъ обыкновенно принимали очень любезно и обѣщали полное содѣйствіе; тѣмъ дѣло и кончалось. Изъ такихъ крупныхъ дѣлъ я помню въ своей практикѣ случай высылки въ концентраціонный лагерь всего состава еврейской общины г. Геническа по доносу уволеннаго учителя талмудъ-торы; и арестъ нѣсколькихъ десятковъ наиболѣе почтенныхъ обывателей мѣстечка Казатинъ, организованный, съ явно шантажными цѣлями, какимъ-то житомирскимъ портнымъ...

Еще болѣе тяжелый характеръ носили массовыя репрессіи противъ крестьянъ. Были образованы особыя комиссіи по возмѣщенію убытковъ, причиненныхъ въ революціонную эпоху землевладѣльцамъ. Установленныя комиссіями суммы убытковъ безжалостно выколачивались у крестьянъ съ примѣненіемъ начала круговой поруки. Деревня отвѣчала мѣстными возстаніями, подавлявшимися съ большой жестокостью.

Изъ городского населенія больше всѣхъ подвергались репрессіямъ евреи. Гетманское правительство взяло антисемитскій курсъ, котораго и слѣдовало отъ него ожидать. Гетманъ опирался съ одной стороны на нѣмцевъ, съ другой — на правые русскіе круги. Во многихъ отношеніяхъ эти его десница и шуйца расходились и тянули каждая въ свою сторону. Но въ еврейскомъ вопросѣ онѣ были болѣе или менѣе солидарны: и десница, и шуйца не любили евреевъ и приписывали евреямъ всѣ крайности революціи.

Когда, въ концѣ апрѣля 1918 г., Центральная Рада была разогнана, въ новомъ министерствѣ посты министровъ по національнымъ дѣламъ не были заняты, а затѣмъ самыя министерства были упразднены. За ихъ ликвидацію и за отказъ отъ принципа національно-персональной автономіи высказался въ совѣтѣ министровъ, между прочимъ, министръ торговли и промышленности, еврей С. М Гутникъ. Еврейскій національный совѣтъ, однако, продолжалъ существовать. Имъ мало интересовались, но его не закрывали. Въ главѣ II-ой я указалъ способъ образованія и составъ этого совѣта: въ него входили представители четырехъ партій (3-хъ соціалистическихъ и Фолькспартай), всего 40 человѣкъ. Сіонисты бойкотировали Совѣтъ, ортодоксальный «Ахдусъ» не былъ въ него допущенъ. Какъ я указалъ, положеніе Совѣта становилось совершенно ненормальнымъ послѣ того, какъ произведенные всеобщимъ голосованіемъ выборы въ еврейскіе общинные совѣты повсюду доставили большинство сіонистамъ и ортодоксамъ. Теперь, когда за спиной Совѣта уже не было соціалистической Рады, онъ совсѣмъ висѣлъ въ воздухѣ. Приходилось либо преобразоваться и включить правыя группы, либо устраниться.

Мнѣнія по этому вопросу въ Совѣтѣ расходились. «Объед. еврейскіе соціалисты», съ Литваковымъ и Хургинымъ во главѣ, заняли совершенно непримиримую позицію. Они отказывались «своими руками передать власть въ руки реакціи». Но Рафесъ, со своимъ реалистическимъ чутьемъ, предлагалъ пойти на компромиссъ. Не считаться съ измѣнившимися условіями, — говорилъ онъ въ своей рѣчи, — не значитъ соблюдать завѣты революціи. Что сказали бы мы о какихъ нибудь 50-ти сѣчевикахъ, которые продолжали бы стоять и, съ бомбами въ рукахъ, охранять опустѣвшее зданіе Рады? И должны ли мы, — сорокъ сѣчевиковъ, — уподобиться имъ и стоять у входа въ Національный Совѣтъ, который превратился въ пустое мѣсто?

Точка зрѣнія Рафеса взяла верхъ. Было рѣшено включить въ составъ Національнаго Совѣта сіонистовъ и Ахдусъ. И послѣ продолжительныхъ переговоровъ былъ принятъ слѣдующій хитроумный модусъ: наличныя партіи сохраняютъ 50% мѣстъ и 50% получаютъ вновь вступающія группы.

Нетрудно представить себѣ, сколь плодотворна могла быть работа конструированнаго такимъ образомъ новаго Національнаго Совѣта. По огромному большинству вопросовъ голоса раздѣлялись въ немъ поровну и никакихъ рѣшеній не принималось. Это было абсолютно мертворожденное учрежденіе. Я изрѣдка посѣщалъ засѣданія Совѣта и могъ только удивляться, какъ взрослые люди могутъ такъ безнадежно топтаться на одномъ мѣстѣ.

Къ концу владычества гетмана былъ, по инціативѣ національ. совѣта, созванъ всеукраинскій еврейскій съѣздъ, состоявшій изъ выборныхъ делегатовъ отъ отдѣльныхъ общинъ. Большинство на съѣздѣ было въ рукахъ сіонистовъ. Съѣздъ избралъ различнаго рода исполнительные органы и даже делегацію на мирный конгрессъ, но работа этихъ учрежденій еще не успѣла обнаружиться, какъ появилась Директорія, воскресившая національную политику Центральной Рады и въ томъ числѣ еврейское министерство во главѣ съ соціалистомъ *). А затѣмъ пришли большевики и всѣ національные вопросы были упразднены. . .

Я говорилъ уже о томъ, что благодаря частичному замиренію, порядку и возстановленію права собственности, эпоха гетмана была для Кіева и всей Украины временемъ высокой конъюнктуры. Дѣйствительно, хотя хозяйственная

---

* Этотъ постъ занималъ п.-ц. Ревуцкій

жизнь носила нѣсколько взвинченный, спекулятивный характеръ, хотя прочной валюты не было, деньги обезцѣнивались и цѣны росли, — все же лѣтомъ и осенью 1918 года жизнь въ Кіевѣ била ключомъ. Сами нѣмцы, создавшіе у насъ «Ordnung» и сдѣлавшіе возможнымъ хозяйственный подъемъ, позитивно ничѣмъ не могли способствовать благосостоянію оккупированной Украины. Это былъ моментъ наибольшого экономическаго истощенія Германіи и нѣмцы ждали отъ насъ питательной манны. Поэтому они, въ нарушеніе всѣхъ традицій, фигурировали у насъ не какъ импортеры, а исключительно какъ экспортеры. Притомъ предметомъ вывоза въ Германію служило не только продовольствіе и сырье; даже такіе предметы, какъ электрическая арматура и лампочки, скупались нѣмцами въ кіевскихъ розничныхъ магазинахъ и вывозились въ Германію. Снабжали нѣмцы насъ книгами (въ томъ числѣ русскими, въ изданіи Ладыжникова) и отчасти химическими продуктами, въ частности аптекарскими товарами. Но главная роль ихъ въ хозяйственной жизни была, какъ сказано, роль покупателей. Покупатели же они были крупные и щедрые, платили аккуратно въ германскихъ маркахъ *. Поэтому торгово-промышленный міръ охотно съ ними работалъ.

Огромной заслугой нѣмцевъ было то, что они наладили у насъ транспортъ. Стало опять возможнымъ ѣздить и перевозить грузы по желѣзнымъ дорогамъ. Связь съ Польшей и Германіей была вполнѣ нормальная: изъ Кіева въ Берлинъ поѣзда шли около двухъ сутокъ.

Сравнительное благополучіе Кіева въ гетманское время рѣзко оттѣнялось быстрымъ обнищаніемъ Петрограда и Москвы, подпавшихъ подъ власть большевиковъ. На сѣверѣ начинался уже голодъ, который былъ намъ еще совершенно незнакомъ. А начиная съ осени, послѣ покушенія на Ленина, начался и красный терроръ, съ разстрѣломъ заложниковъ, чрезвычайками и ревтрибуналами.

Всѣ, кто только какъ-нибудь могъ, устремились къ намъ на югъ. Кіевъ, хотя и на короткое время, сталъ подлиннымъ всероссійскимъ центромъ.

Къ намъ переѣхали правленія всѣхъ банковъ, крупные промышленники и финансисты, представители аристократіи, придворныхъ и бюрократическихъ круговъ. За ними потянулась и интеллигенція — адвокаты, профессора, журналисты. Все устремилось въ Кіевъ . . .

Въ эти нѣсколько мѣсяцевъ, съ августа по декабрь 1918 г., у насъ, можно сказать, перебывалъ «весь Петроградъ» и «вся Москва». Были основаны газеты съ петроградскими редакторами и сотрудниками, въ театрахъ гастролировали столичные артисты, въ мѣстныхъ банковскихъ филіалахъ пріютились центральныя правленія банковъ.

Городъ былъ переполненъ, найти комнату становилось почти невозможнымъ, квартиры продавались за сотни тысячъ. На улицахъ было необычное оживленіе, кинематографы и театры не вмѣщали всѣхъ жаждавшихъ развлеченія, открылись десятки новыхъ кабарэ, кафе и игорныхъ клубовъ. Попавъ послѣ московскаго ада въ это кіевское эльдорадо, русскій человѣкъ кутилъ, сорилъ деньгами, основывалъ новыя предпріятія и спекулировалъ. Разумѣется, въ этомъ вихрѣ излишествъ кружились только немногочисленные слои богатыхъ и разбогатѣвшихъ. Широкіе же круги Петрограда и Москвы, въ особенности круги

---

* При вступленіи нѣмецкихъ войскъ въ Кіевъ былъ объявленъ обязательный курсъ 1 марка = 66 коп. Затѣмъ курсъ марки былъ повышенъ до 75 коп. Австрійская крона обращалась по курсу 50 коп. Нѣмецкая и австрійская валюты обращались въ публикѣ и охотно принимались по этимъ курсамъ.

интеллигентскіе, снявшись съ мѣстъ, начали тогда свою печальную бѣженскую страду . . .

Не знаю, были ли наши сѣверные гости довольны оказаннымъ имъ пріемомъ; думаю даже, что большинство, не имѣвшее въ Кіевѣ родныхъ, могло быть весьма недовольно испытаніями, которыя пришлось пережить въ дорогомъ, переполненномъ и кутящемъ Кіевѣ. Но наша кіевская интеллигентская среда, въ частности адвокатура, была чрезвычайно рада тому оживляющему и стимулирующему контакту со столичными товарищами, которымъ она была обязана ихъ несчастью и изгнанію.

Однажды въ серединѣ іюня, предъ вечеромъ, мнѣ принесли телеграмму со станціи Ворожба отъ М. М. Винавера, извѣщающую о его пріѣздѣ въ Кіевъ. Телеграмма не была подписана фамиліей М. М., что указывало на конспиративный характеръ его пріѣзда. Я еле успѣлъ выѣхать на вокзалъ ему навстрѣчу. Въ окнѣ подъѣзжавшаго поѣзда я увидѣлъ знакомое и вмѣстѣ съ тѣмъ преображенное лицо. Присмотрѣвшись, я замѣтилъ, что М. М. сбрилъ бороду; это одно показало мнѣ, черезъ какія испытанія онъ, должно быть, прошелъ въ послѣдніе мѣсяцы.

М. М. Винаверъ пробылъ тогда въ Кіевѣ, на пути въ Крымъ, недѣли двѣ. На слѣдующій день послѣ пріѣзда онъ сообщилъ мнѣ по секрету полученное имъ отъ Григоровича-Барскаго извѣстіе, что П. Н. Милюковъ — также въ Кіевѣ, притомъ также конспиративно, даже съ обритыми усами. Вскорѣ и произошло свиданіе обоихъ кадетскихъ лидеровъ. Вѣсть объ ихъ пребываніи въ Кіевѣ быстро распространилась по городу, а затѣмъ попала и въ печать.

Не буду перечислять всѣхъ перебывавшихъ въ эти мѣсяцы въ Кіевѣ петроградскихъ и московскихъ адвокатовъ. Нашими гостями оказались всѣ видные представители сословія. Число ихъ было такъ велико, что въ цѣляхъ взаимной информаціи и координированія дѣйствій и петроградцы и москвичи собирались въ общія собранія и избрали исполнительныя бюро обѣихъ группъ. Многіе зачислились въ кіевскую адвокатуру и выступали въ нашихъ судебныхъ установленіяхъ. —

Установившееся сравнительное спокойствіе и временная остановка процесса обнищанія дали возможность подумать и о научной работѣ. Связь съ Германіей доставляла случай печатать книги по дешевымъ цѣнамъ въ Лейпцигѣ. Представители нѣмецкихъ издательствъ пріѣзжали съ этой цѣлью въ Кіевъ и, кажется, были уже подписаны нѣкоторые контракты. Быстрое крушеніе гетманства не дало осуществиться этимъ проэктамъ и, кромѣ карбованцевъ и гривенъ, ничего въ Германіи для насъ напечатано не было.

Состоявшее при Кіевскомъ университетѣ Юридическое общество, руководимое правой профессурой, бездѣйствовало съ начала революціи. У группы молодыхъ юристовъ, во главѣ съ проф. В. И. Синайскимъ, возникла лѣтомъ 1918 года мысль создать, параллельно съ университетской, еще одну болѣе живую ассоціацію правовѣдовъ. Вскорѣ такое общество и было основано подъ названіемъ Кіевскаго О-ва юристовъ «Право и жизнь». Съ осени наше общество стало выпускать еженедѣльный журналъ, также называвшійся «Право и жизнь» и составляемый по образцу заслуженныхъ «Права» и «Вѣстника права и нотаріата». Журналъ дожилъ, кажется, до седьмого или восьмого номера. Набранный въ январѣ 1919 г. очередной выпускъ не былъ разрѣшенъ большевистской цензурой.

* *
*

Нѣмцы, видимо, крѣпко держали въ своихъ рукахъ Украину, Крымъ, Пріазовскій край. Отношенія ихъ съ московскимъ совнаркомомъ были какія-то неясныя и нетвердыя *. Но несомнѣнно было одно: они не хотѣли дать большевизму возможность распространиться на плодородный югъ Россіи. И пока германская армія занимала Украину, объ этомъ не могло быть и рѣчи.

Большевики какъ будто признали въ то время независимость «Украинской Державы». Въ Петроградѣ и Москвѣ были учреждены украинскія консульства, которыя стали исполнять функціи, впослѣдствіи оказавшіяся основнымъ назначеніемъ всѣхъ вообще иностранныхъ миссій въ Совѣтской Россіи; а именно, они начали промышлять выдачей болѣе или менѣе законныхъ документовъ объ украинскомъ происхожденіи и подданствѣ. Этимъ способомъ они доставляли тысячамъ возможность выбраться за предѣлы Совѣтскаго государства.

Въ серединѣ лѣта прибыла въ Кіевъ Совѣтская мирная делегація. Во главѣ ея стоялъ будущій властитель Совѣтской Украины Раковскій.

Въ украинской мирной делегаціи предсѣдательствовалъ Шелухинъ. Переговоры велись, по большевистскому обычаю, публично, со стенографической записью рѣчей. Для большей продуктивности, обѣ стороны, прекрасно понимавшія другъ друга, объяснялись черезъ переводчика. Фактически переговоры свелись къ безконечному обмѣну колкостями и не привели ни къ чему. Большевики использовали ихъ для пропаганды и рекогносцировки; но для чего они нужны были украинцамъ и стоявшимъ за ихъ спиной нѣмцамъ, — ты, Господи, вѣси.

Пребываніе нѣмцевъ на Украинѣ совпало съ наиболѣе драматическимъ періодомъ міровой войны — съ грандіознымъ вторичнымъ наступленіемъ германцевъ противъ Парижа и съ послѣдовавшимъ затѣмъ контръ-наступленіемъ Фоша и пораженіемъ германской арміи. Мы принуждены были смотрѣть на всѣ эти событія глазами нѣмцевъ, такъ какъ наша информація ограничивалась нѣмецкими источниками. Оффиціальныя сводки за подписью Людендорфа извѣщали насъ объ успѣхахъ германскаго оружія; попадавшая къ намъ нѣмецкая пресса, какъ водится, раздувала и подогрѣвала эти извѣстія.

Стоявшія у насъ германскія части представлялись намъ чудомъ организованности и дѣловитости. Однако, духъ этой арміи уже давалъ трещины. Правда, офицерство сохраняло свою классическую самоувѣренность и высокомѣріе. Но всѣмъ было вѣдомо, что a parte тѣ же самые лейтнанты — какъ германскіе, такъ въ особенности австрійскіе — сбавляли тонъ и шибко обдѣлывали всевозможныя дѣла съ русскими, украинскими и еврейскими «лиходателями». Солдаты же расквартированныхъ у насъ нѣмецкихъ частей, набранные изъ наименѣе активныхъ элементовъ арміи, съ самаго начала не проявляли никакого воинскаго энтузіазма. Помню поразившій меня разговоръ между двумя солдатами, читавшими вывѣшенную сводку объ очередной побѣдѣ. «Довольно кормили насъ извѣстіями о тысячахъ плѣнныхъ — мира бы намъ, одного только мира»... Эти слова были сказаны солдатомъ, на улицѣ, у самаго входа въ комендатуру. Притомъ дѣло было, кажется, еще въ апрѣлѣ 1918 года.

Въ іюлѣ, на пути изъ зданія штаба въ свою квартиру, былъ убитъ брошенной въ него бомбой германскій главнокомандующій фельдмаршалъ Эйхгорнъ.

---

* Людендорфъ въ своихъ воспоминаніяхъ выражаетъ сожалѣніе по поводу двойственности германской политики въ отношеніи большевиковъ. Слѣдовало, — говоритъ онъ, — въ 1918 г. произвести короткіе удары на Петроградъ и Москву и посадить тамъ другое правительство, хотя бы цѣной измѣненія Брестскаго мира (S. 529).

Почти одновременно съ этимъ, въ Москвѣ, жертвой террористическаго акта палъ германскій посолъ графъ Мирбахъ. Эти два факта не вызвали со стороны нѣмцевъ ожидаемой реакціи. Очевидно, Германія не чувствовала себя уже въ силахъ отвѣтить на нихъ такъ, какъ она отвѣтила въ 1900 году китайскимъ боксерамъ на убійство нѣмецкаго посла Келлера...

Аппарансы, впрочемъ, соблюдались до самаго конца. Еще въ сентябрѣ 1918 года, когда положеніе на Западномъ фронтѣ стало уже критическимъ, императоръ Вильгельмъ пригласилъ къ себѣ въ гости гетмана Скоропадскаго, которому показывали заводы Круппа, Кильскія пароходныя верфи и т. д. И по возвращеніи въ Кіевъ, гетманъ заявилъ (эти слова тогда же попали въ прессу), что послѣ всего видѣннаго у него нѣтъ сомнѣній въ непобѣдимости Германіи.

Однако, совершенно скрыть истину становилось въ концѣ концовъ невозможнымъ. Отступленіе во Фландріи и параллельное отступленіе полицейски-монархическаго режима на внутреннемъ фронтѣ довольно явно обнаруживали приближеніе роковой развязки. А затѣмъ пришло 9 ноября 1918 года, образованіе правительства Эберта въ Берлинѣ и — «Soldatenrat» въ Кіевѣ.

Внезапный разгромъ германской арміи и заключеніе перемирія на продиктованныхъ ей убійственныхъ условіяхъ тотчасъ же отразились на направленіи внутренней политики гетманскаго правительства. Политика эта, съ самаго начала гетманства, была совершенно безпринципной. Единственнымъ постояннымъ элементомъ въ правительственной программѣ было угожденіе нѣмцамъ. Нѣмцы, повидимому, хотѣли образованія независимой Украины*); поэтому гвардейскій офицеръ Скоропадскій сталъ украинскимъ націоналистомъ и самостійникомъ. Но его націонализмъ, какъ и націонализмъ его приближенныхъ и министровъ, не могъ быть искреннимъ; это былъ лицемѣрный, притворный націонализмъ. Когда Грушевскій и Винниченко производили украинизацію и боролись противъ русскаго языка, это могло казаться некультурнымъ и вреднымъ, но во всякомъ случаѣ это было осуществленіе мечты всей ихъ жизни. Но когда насъ стали украинизировать Скоропадскій и Игорь Кистяковскій, то это сугубо оскорбляло и коробило своимъ напускнымъ, дѣланнымъ характеромъ.

Опираясь на тѣ круги, на которые опиралось правительство гетмана, — то-есть на помѣщиковъ, буржуазію и старое чиновничество, — невозможно было проводить на дѣлѣ украинизаторскую политику. Въ концѣ концовъ, люди, не умѣвшіе говорить по-украински, не могли украинизировать, какими бы національными титулами ихъ не называли. Потому-то весь историческій церемоніалъ, которымъ окружалъ себя гетманъ, — всѣ эти хорунжіе, бунчуковые, атаманы и старшины, — производили впечатлѣніе дурного маскарада. А дѣловыя учрежденія — министерства, суды — подъ новыми украинскими наименованіями сохраняли свою прежнюю русскую сущность**.

Полнѣйшая безпринципность гетмана какъ нельзя лучше проявилась въ послѣдній мѣсяцъ его правленія. Въ первыхъ числахъ ноября въ нашихъ «сферахъ» отчего-то взяло верхъ національно-украинское теченіе. Кабинетъ былъ

---

* За отдѣленіе Украины стояли, по крайней мѣрѣ, германскіе правительственные и парламентскіе круги. Высшее военное командованіе какъ будто предпочитало въ качествѣ германскаго вассала единую Россію.

** «Кіевская Судовая Палата», въ которую былъ преобразованъ учрежденный Радой «Апелляційный судъ», была фактически возстановленной Судебной Палатой; во главѣ ея вновь сталъ Д. Н. Григоровичъ-Барскій. А «Державный Сенатъ», въ который превратился прежній «Генеральный Судъ», фактически сдѣлался кіевскимъ отдѣленіемъ Правительствующаго Сената.

преобразованъ, въ него вошли соціалисты-федералисты и былъ взятъ рѣзко-украинскій курсъ. Но прошли двѣ недѣли, принесшія съ собой германскую революцію и конецъ войны, и картина перемѣнилась съ фантастической быстротой. Украинствующій кабинетъ ушелъ въ отставку, ушелъ даже умѣренный премьеръ Лизогубъ. Мѣсто предсѣдателя Совѣта Министровъ получилъ царскій министръ земледѣлія Гербель, въ министерство внутреннихъ дѣлъ вернулся преображенный Кистяковскій и былъ открыто провозглашенъ курсъ на «единую, недѣлимую Россію».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ правительственной политикѣ произошелъ рѣзкій поворотъ вправо. Доминирующую роль стали играть пріѣхавшіе изъ Петрограда генералы, установился контактъ Кіева съ Добровольческой Арміей, которая тогда шла въ значительной мѣрѣ подъ реакціонными лозунгами. И первымъ актомъ новаго правительства былъ вооруженный разгонъ безобидной студенческой манифестаціи, повлекшій за собой много жертвъ.

Однако, «россійскій» и правый кабинетъ гетмана просуществовалъ всего одинъ мѣсяцъ; образованіе этого кабинета послужило сигналомъ къ возстанію Петлюры, которое закончилось паденіемъ гетманщины.

Петлюра, бывшій въ то время предсѣдателемъ кіевской губернской земской управы, лѣтомъ 1918 года былъ признанъ недостаточно «эволюціоннымъ» соціалистомъ и упрятанъ Игоремъ Кистяковскимъ въ Лукьяновскую тюрьму. Но эфемерное національно-украинское министерство въ началѣ ноября освободило его. А 15-го того же ноября онъ, вмѣстѣ съ Винниченко, выѣхалъ изъ Кіева въ Бѣлую-Церковь и выпустилъ тамъ воззваніе отъ имени «Директоріи Украинской Народной Республики», въ которомъ призывалъ народъ къ возстанію и свержению гетмана.

«Это — авантюра!» съ апломбомъ твердили у насъ всѣ, кто только говорилъ о политикѣ. Объ «авантюрѣ Петлюры» и объ его «бандахъ» писала «Кіевская Мысль» и вся остальная пресса. Однако, эта авантюра все распространялась и усиливалась и, въ концѣ концовъ, вплотную подошла къ Кіеву. Правительство гетмана металось въ безсильной злобѣ, вело переговоры съ высадившимися въ Одессѣ войсками союзниковъ, производило мобилизацію*. Но все это было напрасно. «Авантюра» Петлюры была ужъ очень скороспѣлой и его армія, созданная за 2 недѣли, не могла быть сильна. Но гетманъ, со своими хорунжими и министрами, не опирался ни на кого и не могъ создать никакой арміи . . .

Нѣсколько дней Кіевъ былъ въ осадѣ, ощущался недостатокъ въ продуктахъ, цѣны подскочили, хлѣбъ стоилъ 3 рубля фунтъ. Союзники все не появлялись, никакой помощи ни извнѣ, ни изнутри подоспѣть не могло и, 14 декабря 1918 года, министерство вынесло постановленіе о сдачѣ города. Власть была передана демократической Городской Думѣ, которая нѣсколькими мѣсяцами раньше была распущена и замѣнена «Комиссіей по дѣламъ городского хозяйства» съ И. Н. Дьяковымъ во главѣ. Теперь, въ послѣдній часъ, гетману пришлось потревожить «революціонную реликвію» — Е. П. Рябцова, которому, по традиціи, была вручена власть надъ городомъ въ эти переходные дни.

Въ Кіевъ вступили войска Директоріи, во главѣ съ командиромъ «осаднаго корпуса» галичаниномъ Коновальцемъ.

---

* 1 декабря былъ объявленъ призывъ 20-тилѣтнихъ, черезъ недѣлю — мобилизація всѣхъ мужчинъ отъ 20—30 лѣтъ. Главнокомандующимъ гетманскими войсками былъ графъ Келлеръ.

Какъ могло случиться, что правительство гетмана, державшееся 8 мѣсяцевъ и установившее во всей странѣ относительный порядокъ, исчезло съ лица земли въ теченіе какихъ-нибудь двухъ-трехъ недѣль, почти безъ борьбы и сопротивленія? Ключъ къ разрѣшенію загадки былъ, разумѣется, въ той позиціи, которую заняли въ отношеніи возстанія Петлюры нѣмцы. У насъ настолько прочно укоренилась увѣренность, что на Украинѣ ничто не происходитъ противъ воли нѣмцевъ, что неожиданный успѣхъ возстанія многіе стали объяснять прямымъ содѣйствіемъ и руководительствомъ съ ихъ стороны. Въ дѣйствительности, однако, никакой прямой помощи нѣмецкія войска повстанцамъ не оказывали; содѣйствіе ихъ выражалось, пожалуй, только тѣмъ, что отдѣльные нѣмецкіе отряды охотно давали себя обезоруживать и такимъ образомъ снабжали войска Директоріи оружіемъ. Но не помогали нѣмцы и гетману. А безъ ихъ помощи вся гетманская держава должна была моментально лопнуть, какъ мыльный пузырь.

Нѣмецкій нейтралитетъ во время возстанія Петлюры не объяснялся ни сочувствіемъ повстанцамъ, ни (какъ нѣкоторые говорили) злокозненнымъ желаніемъ оставить на Украинѣ хаосъ и тѣмъ повредить Антантѣ. Лучшее объясненіе этого нейтралитета заключается въ приведенныхъ мною выше словахъ, которыми лейтенантъ Бюттнеръ мотивировалъ прекращеніе дѣла П. о шпіонажѣ: «Es macht keinen Spaß mehr»... У истощенной, уставшей и разочарованной германской арміи не было ни малѣйшей охоты проливать кровь ни за, ни противъ гетмана. Ей хотѣлось возвратиться поскорѣе домой: въ этомъ заключалась вся ея политическая платформа.

Войска Директоріи вступили въ Кіевъ, на Софійской площади былъ устроенъ парадъ; самой Директоріи, пріѣхавшей нѣсколькими днями позже, была устроена торжественная встрѣча на вокзалѣ. Произошла очередная — по счету четвертая — перемѣна власти.

Первые дни Директоріи живо напомнили мнѣ начало ноября 1917 года, когда впервые надъ нами получили власть украинцы. Сразу въ политикѣ и общественности установился тотъ же грубоватый* и вызывающій тонъ. Но только на этотъ разъ наши властители, имѣя за собой феерическій успѣхъ поднятаго ими возстанія, чувствовали себя уже подлинными національными героями. Поэтому время владычества Директоріи — какихъ-нибудь шесть недѣль — было временемъ самаго необузданнаго украинскаго націонализма и руссофобства. И вмѣстѣ съ тѣмъ, это было время неслыханно-кровавыхъ и жестокихъ еврейскихъ погромовъ.

Единственное административное мѣропріятіе, которое Директорія успѣла не только декларировать, но и осуществить, было снятіе всѣхъ имѣвшихся въ городѣ русскихъ вывѣсокъ и замѣна ихъ украинскими. Центръ тяжести приказа лежалъ не въ томъ (какъ обычно бываетъ), чтобы каждый магазинъ имѣлъ обязательно украинскую вывѣску, а въ томъ, чтобы русскія вывѣски были обязательно сняты. Русскій языкъ не допускался даже наряду съ украинскимъ. Вывѣски же на иностранныхъ языкахъ не подлежали снятію. Приказъ о немедленной украинизаціи вывѣсокъ — частнымъ образомъ — мотивировался тѣмъ, что галиціійскія войска, которыхъ Петлюра призвалъ освобождать Украину, были весьма сконфужены, когда они, овладѣвъ наконецъ Кіевомъ, оказались

---

* Характерно въ этомъ отношеніи то, что народный вождь Петлюра, для поднятія дисциплины въ своихъ войскахъ, — ввелъ наказаніе розгами!

въ совершенно русскомъ городѣ. Между тѣмъ, для нихъ-то русскій языкъ былъ дѣйствительно чуждъ и мало понятенъ. И вотъ, уступая чувствамъ своихъ войскъ, атаманъ Коновалецъ издалъ свой историческій приказъ, слѣды котораго долго еще напоминали кіевлянамъ объ эфемерномъ владычествѣ Директоріи.

Въ большинствѣ случаевъ — тамъ, гдѣ вывѣски содержали только фамилію владѣльца магазина — реформа ограничилась измѣненіемъ орфографіи. Въ серединѣ словъ «и» были замѣнены «і», въ окончаніи, напротивъ, «і» замѣнялись «и». Такъ, «Вишневскій» превращался въ «Вішневський» и т. п. Твердые знаки исчезли безвозвратно. Ал. Яблоновскій острилъ потомъ въ одномъ фельетонѣ, что кіевскіе спекулянты усиленно скупали въ эти дни всѣ твердые знаки, снимаемые съ вывѣсокъ, разсчитывая, при слѣдующемъ переворотѣ, на большой спросъ на этотъ товаръ. — Реформа именъ нарицательныхъ на вывѣскахъ была болѣе радикальна. «Столовая» превращалась въ «ідальню», «парикмахерская» — въ «голярню», «женскія болѣзни» — въ «жиночи хороби».

Весь городъ въ эти веселые дни представлялъ собой гигантскую малярную мастерскую. Улицы были полны лѣстницъ, ведеръ съ красками и т. п. Особые патрули расхаживали по городу и провѣряли, исполненъ ли приказъ. Въ случаѣ какихъ либо орфографическихъ сомнѣній они же разрѣшали ихъ съ авторитетностью академіи наукъ . . .

Наряду съ націонализмомъ, Директорія воскресила въ усиленномъ видѣ еще одну традицію начальной эпохи Рады: соревнованіе съ большевиками въ лѣвизнѣ. Составъ правительства былъ сплошь соціалистическій, причемъ преобладающее значеніе имѣли у. с.-д. и у. с.-р. Въ самой Директоріи руководящей фигурой былъ ея предсѣдатель Винниченко. Окруженный ореоломъ славы Петлюра былъ занятъ войсковыми дѣлами. Остальные члены Директоріи — Швецъ, Андріевскій и Макаренко — не имѣли значенія. А Винниченко, всегда принадлежавшій къ наиболѣе лѣвому флангу національно-украинскаго движенія, сталъ тогда все болѣе и болѣе, какъ выразились бы теперь, «большевизанствовать».

Вопросы государственнаго строя возрожденной Украинской Народной Республики были совершенно не выяснены. Ясно было одно: родившаяся изъ народнаго возстанія Директорія должна была опираться на народныя массы. Въ прежнія времена такая предпосылка повела бы къ установленію демократической конституціи, всеобщаго избирательнаго права и т. д. Но вѣдь съ 25 октября 1917 года «nous avons changé tout cela»: демократизмъ былъ объявленъ опаснѣйшимъ изъ буржуазныхъ предразсудковъ. Потому-то Директорія, по примѣру большевиковъ, предпочла ввести аристократію на-изнанку. И воплощеніемъ этого псевдо-народнаго принципа долженъ былъ явиться своеобразный представительный органъ — «Трудовой Конгрессъ».

По закону о выборахъ въ Трудовой Конгрессъ избирательными правами обладали три сословія: крестьяне, рабочіе и трудовая интеллигенція. Собственники, промышленники и торговцы были лишены права голоса. При этомъ весьма любопытна была конструкція представительства отъ третьей группы — «трудовой интеллигенціи». По инструкціи о выборахъ, въ ея первоначальной редакціи, адвокаты, профессора и врачи были исключены изъ числа избирателей. Званіе трудового интеллигента удѣлялось только сельскимъ учителямъ, служащимъ и, — въ качествѣ представителей медицины, — фельдшерамъ. Повидимому, кто-то обратилъ вниманіе Директоріи на вызывающій и каррикатурный характеръ

этой инструкціи и, въ концѣ концовъ, наряду съ фельдшерами были допущены и врачи. Адвокаты и профессора также удостоились права голоса. Всѣ интеллигентскія группы въ своей совокупности имѣли, однако, столь ничтожное представительство, что ихъ голоса не имѣли никакого реальнаго значенія.

Среди заинтересованныхъ круговъ города Кіева, предъ созывомъ Трудового Конгресса, довольно горячо обсуждался вопросъ: участвовать ли въ этихъ выборахъ? Была образована комиссія изъ представителей Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, союза врачей, профессоровъ, союза младшихъ преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній, союза инженеровъ, учителей и другихъ интеллигентскихъ группъ. Этой комиссіи, которая получила названіе «контактной», было поручено вынести рѣшеніе по вопросу объ участіи въ выборахъ, а при нуждѣ и руководить самой выборной кампаніей. Большинство въ комиссіи оказалось противъ бойкота и въ выборахъ мы участвовали.

Помню, какъ мы съ д-ромъ Г. Б. Быховскимъ и пр.-доц. А. К. Елачичемъ составляли, по порученію контактной комиссіи, какое-то предвыборное воззваніе. Помню и собраніе адвокатовъ, на которомъ избирались представители на «Губернскій съѣздъ уполномоченныхъ трудовой интеллигенціи». Помню, наконецъ, и самый Губернскій съѣздъ.

Съѣздъ засѣдалъ въ залѣ Купеческаго собранія и продолжался день или два. Выборы депутатовъ въ Конгрессъ производились по спискамъ, согласно пропорціональной системѣ. Всѣ украинскія группы выдвинули блоковый списокъ; кромѣ того, были выставлены списки с.-р., с.-д. и «безпартійной интеллигенціи». Этотъ послѣдній списокъ и принадлежалъ нашей контактной комиссіи; его поддерживало подавляющее большинство делегатовъ адвокатуры, врачей, профессоровъ и т. д. Вѣроятно, онъ нашелъ бы сторонниковъ и среди другихъ группъ. Но запуганность наша въ отношеніи украинскаго засилія была такъ велика, что было рѣшено объединить всѣ неукраинскіе голоса на какомъ-либо одномъ спискѣ, чтобы провести хоть одного депутата-неукраинца. Выборъ палъ на списокъ № 2 — с.-д. меньшевиковъ, возглавляемый бывшимъ министромъ труда во Временномъ Правительствѣ, Гвоздевымъ. Списки с.-р. и нашъ были сняты, всѣ мы голосовали за списокъ № 2 и, къ удивленію и досадѣ, въ конечномъ результатѣ провели не только оборонца Гвоздева, но и слѣдовавшаго за нимъ кандидата — интернаціоналиста И. С. Виска. Остальныя мѣста были заняты кандидатами украинскаго блока.

Какъ производились выборы въ уѣздахъ, по деревнямъ и мѣстечкамъ, при отсутствіи свободной прессы, полномъ административномъ произволѣ и совершенной пассивности непартійныхъ массъ, — вообразить нетрудно.

Трудовой Конгрессъ собрался въ январѣ 1919 года, за нѣсколько дней до взятія Кіева большевиками. Представители Директоріи выступили на немъ съ декларативными заявленіями; ихъ усиленно критиковали слѣва (въ частности критиковалъ ихъ Рафесъ, ставшій уже на платформу совѣтской власти); затѣмъ ихъ переизбрали, и Конгрессъ закрылся. Это было какое-то повтореніе — mutatis mutandis — съѣзда хлѣборобовъ въ циркѣ, избравшаго 29 апрѣля 1918 года гетмана: та же инсценированность, то же самозванство, то же фактическое безсиліе номинально-всесильнаго собранія; но только безъ нѣмецкаго солдата съ пулеметомъ на крышѣ . . .

Въ области административной дѣятельности Директорія доказывала свою лѣвизну объявленіемъ о провѣркѣ сэфовъ, изъятіемъ цѣнностей у ювелировъ и многочисленными арестами. Эти послѣдніе производились такъ безпорядочно и безконтрольно, что трудно было установить, гдѣ былъ арестъ, а гдѣ налетъ и похищеніе. Многократно и въ худшемъ видѣ повторялась исторія съ А. Ю. Добрымъ.

Время Директоріи вообще было для города Кіева эпохой хулиганства par excellence. Изъ всѣхъ властей, которыя царили надъ нами за эти пестрые четыре года, ни при одной не расцвѣли такимъ пышнымъ цвѣтомъ налеты, грабежи и вымогательства. Разгулявшіеся хулиганы спѣшили снять сливки съ понаѣхавшей въ Кіевъ при гетманѣ денежной публики. Импровизированная армія, которая совершила возстаніе, была, разумѣется, полна всяческихъ авантюристовъ; поэтому налетчики иногда носили форму казаковъ или старшинъ. Дѣйствовали они обычными пріемами: выслѣдивъ жертву, являлись въ квартиру, начинали какой-нибудь разговоръ, а улучивъ удобную минуту, приставляли къ виску револьверъ и предъявляли свои требованія. Уходя, для острастки, оставляли въ квартирѣ, у выходныхъ дверей, пару ручныхъ гранатъ, — которыя затѣмъ часто оказывались незаряженными.

Бороться противъ налетовъ было очень трудно, и случаевъ ареста налетчиковъ, насколько я помню, почти не было. Во всѣхъ домахъ функціонировали охраны изъ жильцовъ; но, какъ всегда, онѣ были совершенно безсильны.

Чтобы получить полную картину жизни Кіева въ эти недѣли, необходимо еще прибавить къ этому угрозу большевистскаго наступленія, которая все болѣе и болѣе выдвигалась на авансцену. Конечная катастрофа — занятіе города большевиками — казалась почти неизбѣжной. На украинскую армію, послѣ опыта 1918 года, особой надежды не было. Правда, въ Одессѣ уже были войска союзниковъ и стоустая молва всячески старалась преувеличить силы этого дессанта. Но Директорія со своими друзьями слѣва не могла призвать на свою защиту капиталистическихъ варяговъ. Говорили о расколѣ, существовавшемъ по этому вопросу между «большевизанствующимъ» Винниченко и болѣе умѣреннымъ Петлюрой; что у послѣдняго не было бы принципіально-соціалистическихъ сомнѣній въ возможности такого альянса, — это онъ доказалъ впослѣдствіи своимъ союзомъ съ Польшей. Да и вскорѣ послѣ паденія Кіева, въ Винницѣ, какъ потомъ выяснилось, Петлюра велъ переговоры съ французскимъ консуломъ Эно и другими одесскими дипломатами и генералами Антанты.

Но въ декабрѣ и январѣ ни Петлюра, ни солидарный съ нимъ военный министръ Грековъ не могли рѣшиться на открытый шагъ въ сторону союзниковъ. Директорія обмѣнивалась нотами и съ Москвой, и съ Одессой: Москва отвѣчала на ноты и продвигала свои войска на югъ; Одесса также отвѣчала, но войскъ на сѣверъ не двигала. Нетрудно было предвидѣть, кто окажется раньше въ Кіевѣ.

Кіевляне это и предвидѣли.

Съ первыхъ же недѣль господства Директоріи начался исходъ новыхъ и старыхъ кіевлянъ за-границу и въ Одессу.

Переселившіяся къ намъ при гетманѣ «вся Москва» и «весь Петроградъ» двинулись въ путь дальше, къ слѣдующему этапу своего бѣженства. За ними потянулся и «весь Кіевъ».

Пессимисты, считавшіе, что уѣзжаютъ надолго, старались пристроиться къ отъѣзжавшимъ нѣмецкимъ эшелонамъ и направлялись черезъ Польшу въ Берлинъ. Оптимисты, разсчитывавшіе на скорое избавленіе и на помощь союзниковъ, устремлялись въ Одессу. Уѣзжали всѣми способами и путями, уѣзжали даже украинскіе дѣятели, превращавшіеся для этого въ пословъ и атташе... Уѣзжали за большія деньги и за большія взятки.

Съ тяжелой душой мы съ женой рѣшили остаться въ Кіевѣ. Мы стали ждать прихода большевиковъ.

IV. Большевики

(февраль—августъ 1919 года)

Междувластье. — Первыя впечатлѣнія. — «Жилищная политика совѣтской власти.» — Стратегическое переселеніе буржуазіи. — Большевикъ-идеалистъ. — Професс. союзы. — Въ юридич. отдѣлѣ Совнархоза. — Судебная реформа. — Мой товарищъ Звонштейнъ. — Праздникъ просвѣщенія. — Работа въ школѣ для взрослыхъ. — Наркомвоенъ, Предсовнаркомъ, Наркомсобезъ. — Губчека и Вучека. Лацисъ. — Жертвы: Раичъ, Приступа, Науменко, Горбуновъ, Пересвѣтъ-Солтанъ. — Дѣлопроизводство Чрезвычайки. — Городская жизнь и городскія настроенія. — Военныя дѣла большевиковъ. Повстанцы. — Наступленіе Добровольческой арміи. — Кіевъ предъ эвакуаціей. Петерсъ и послѣднія жертвы Че-ка.

Войска Директоріи оставили Кіевъ заблаговременно и съ преувеличенной поспѣшностью. Большевики были еще не близко и никакъ не могли вступить въ городъ тотчасъ же послѣ его эвакуаціи. Поэтому между уходомъ однихъ и приходомъ другихъ образовался нѣкоторый vacuum — періодъ безвластья, когда никто нами не володѣлъ и никакого начальства въ Кіевѣ не было.

Періодъ этотъ продолжался цѣлую недѣлю. За это время все населеніе убѣдилось въ томъ, что отсутствіе правительства есть тоже своего рода форма государственнаго строя, притомъ, пожалуй, не самая худшая форма. Царило совершенное спокойствіе, магазины были открыты, базары торговали, извозчики ѣздили. Было только какъ-то неуютно-тихо...

Ожиданіе большевиковъ стало уже нѣсколько надоѣдать, а Директорія почувствовала неловкость изъ-за своего не въ мѣру поспѣшнаго бѣгства. Снова стали поговаривать о предстоящемъ приходѣ французовъ изъ Одессы и былъ изданъ какой-то приказъ о мобилизаціи. Въ этомъ приказѣ, между прочимъ, дезертирамъ угрожали каторжной работой на срокъ 15—20 лѣтъ; это звучало довольно комично въ устахъ власти, которой, по всеобщему (и въ томъ числѣ ея собственному) мнѣнію, оставалось существовать не болѣе нѣсколькихъ дней... Былъ еще какой-то шутовской приказъ, предостерегавшій населеніе отъ гибельнаго дѣйствія «химическихъ лучей», которые будутъ пущены въ ходъ противъ большевиковъ. Объ этомъ новомъ смертоносномъ оружіи, будто бы употреблявшемся на Западномъ фронтѣ, уже давно шли разговоры. Въ дѣйствительности, это былъ мифъ. И со стороны главнаго командованія Директоріи «пугать» такимъ образомъ врага (подобно тому, какъ говорятъ, китайцы нѣкогда рисовали декораціи крѣпостей) было недостойнымъ и неумѣстнымъ фарсомъ.

Такъ прошло нѣсколько сравнительно спокойныхъ дней, въ которые многіе, не успѣвшіе уѣхать въ дни паники 28—29 января, выѣхали въ болѣе сносныхъ условіяхъ въ Одессу.

Въ концѣ концовъ, однако, — это было, помнится, 6 февраля 1919 года, большевистскія войска вступили въ Кіевъ.

На этотъ разъ приходъ большевиковъ обошелся безъ избіеній и разстрѣловъ. Первое наше специфическое переживаніе, связанное съ совѣтской властью, были солдатскіе постои, которые расположились по всѣмъ лучшимъ домамъ города.

Большевики оправдывали необходимость расквартированія войскъ по частнымъ домамъ тѣмъ, что украинскія части, уходя, привели казармы въ совершенно нежилое состояніе: выломали окна, сожгли нары, попортили водопроводъ и т. д. Это былъ, дѣйствительно, варварскій пріемъ; онъ лишній разъ подтверждаетъ уже высказанное мною наблюденіе о той распоясанности, съ которой уходящая власть поступаетъ въ отношеніи мирнаго населенія города. Въ самомъ дѣлѣ, Совѣтскія войска ничуть не пострадали оттого, что казармы оказались загаженными и необитаемыми: они тѣмъ удобнѣе размѣстились по «буржуазнымъ» квартирамъ. Но легко вообразить, каково было обитателямъ этихъ квартиръ въ присутствіи такихъ гостей. Первыя недѣли пребыванія большевиковъ въ Кіевѣ по всему городу стоялъ настоящій стонъ отъ требованій и издѣвательствъ, которыя приходилось переносить жителямъ отъ своихъ новыхъ постояльцевъ. Всѣ наперерывъ разсказывали другъ другу о поведеніи стоявшихъ у нихъ красноармейцевъ.

Хуже всего солдаты вели себя въ квартирахъ, оставленныхъ хозяевами. Тогда появился терминъ «бѣжавшій буржуй», вполнѣ соотвѣтствовавшій древнеримскому sacer или германскому friedlos. Имущество «бѣжавшихъ» отдавалось — и de jure, и de facto — на потокъ и разграбленіе.

Вскорѣ начались повальные обыски. За нѣсколько дней предъ ними былъ изданъ громовой приказъ объ обязательной сдачѣ оружія. А затѣмъ патрули, подъ начальствомъ чекистовъ, стали обходить одинъ домъ за другимъ въ поискахъ не сданнаго оружія. Настоящаго обыска, разумѣется, при этомъ производить не могли: это отняло бы слишкомъ много времени въ каждой квартирѣ. А при поверхностномъ осмотрѣ, конечно, невозможно было обнаружить оружія, даже если бы таковое дѣйствительно было припрятано. Такъ эти повальные обыски и свелись къ трепкѣ нервовъ для обывателей и къ нѣкоторой возможности «незаконнаго обогащенія» для обыскивающихъ.

Еще при директоріи въ Кіевѣ нелегально существовалъ Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, въ которомъ большинство принадлежало фракціи большевиковъ. Съ вступленіемъ совѣтской власти онъ вышелъ на поверхность и избранный имъ «Исполкомъ» принялъ бразды правленія городомъ.

Предсѣдателемъ Исполкома былъ въ это время Бубновъ, человѣкъ энергичный и рѣчистый, который очень хорошо позировалъ подъ завоевателя. Онъ принялся съ перваго же дня «разносить» сохранившіеся въ Кіевѣ остатки буржуазіи.

На городъ была наложена контрибуція въ размѣрѣ 200 милліоновъ рублей — тогда это была колоссальная сумма, собрать которую было совершенно невозможно. Образовались комиссіи и подкомиссіи для распредѣленія контрибуціи между отдѣльными категоріями «буржуевъ» — сахарозаводчиками, торговцами, банкирами, домовладѣльцами и т. д. Такъ какъ большинство внесенныхъ въ проскрипціонные списки оказались въ отсутствіи, то Чека, которой

было поручено взысканіе контрибуціи, арестовывало женъ, дѣтей и служащихъ въ качествѣ заложниковъ. Ихъ затѣмъ выкупали . . .

Одновременно съ наложеніемъ на городъ контрибуціи, на насъ какъ изъ рога изобилія посыпались мобилизаціи. До этого времени мы знали только одинъ видъ мобилизаціи — призывъ на военную службу. Теперь оказалось, что и помимо военнаго призыва каждый человѣкъ можетъ быть мобилизованъ. Мобилизировались врачи, инженеры, техники, фельдшера, санитары, ветеринары, артисты; регистрировались, въ виду предстоящей мобилизаціи, юристы. Люди, съ сотворенія міра, занимались добровольно каждый своимъ дѣломъ; безъ этого они умерли бы съ голода. Но явились большевики и оказалось, что работать можно только по мобилизаціи.

Самый тяжелый видъ мобилизаціи это была «мобилизація буржуазіи». Мобилизованныхъ посылали на принудительныя работы, — разумѣется, самыя тяжелыя и отвратительныя, и въ самыхъ невыносимыхъ условіяхъ, моральныхъ и физическихъ. Въ категорію «буржуевъ» входили и «бывшіе присяжные повѣренные и ихъ помощники». Освобождались отъ мобилизаціи совѣтскіе служащіе (въ ту эпоху это было еще вполнѣ привилегированное сословіе); страхъ предъ принудительными работами побудилъ многихъ искать прибѣжища въ какомъ-нибудь изъ быстро размножавшихся учрежденій.

Солдатскіе постои продолжались сравнительно недолго — недѣли четыре, — такъ какъ часть арміи была постепенно выведена изъ Кіева и продвинута дальше на югъ. Солдатъ гарнизона, въ концѣ концовъ, переселили въ казармы; самимъ большевикамъ стало ясно, что пребываніе въ «буржуазныхъ квартирахъ» ужъ слишкомъ развращаетъ ихъ и отбиваетъ всякую охоту служить.

Но освобожденные отъ постоя обыватели сейчасъ же начали испытывать прелести р е к в и з и ц і и. Это излюбленное словцо большевистской терминологіи, примѣняемое рѣшительно ко всѣмъ родамъ и видамъ жизненныхъ благъ, самый ужасный свой смыслъ пріобрѣтаетъ въ отношеніи жилыхъ помѣщеній. Всякій человѣкъ, имѣющій хоть минимальныя культурныя потребности и привычки, дорожитъ своимъ жильемъ. И опасность ежеминутно его лишиться, которая живетъ въ Россіи въ сознаніи всѣхъ и каждаго, — кладетъ особый отпечатокъ на человѣческое прозябаніе подъ властью совѣтовъ.

Для большевиковъ же реквизиція помѣщеній, уплотненіе и выселеніе — это неизбѣжный, естественно-необходимый аттрибутъ власти. Никакія перемѣны курса и политики не могутъ ничего измѣнить въ немъ. Даже противъ своей воли они не могутъ къ нему не прибѣгать . . .

Учрежденія растутъ какъ грибы, служащіе плодятся и размножаются, все организованное реорганизуется и снова реорганизуется: для всего нужны новыя и новыя помѣщенія. Изъ Харькова, вскорѣ по занятіи Кіева большевиками, долженъ былъ переселиться украинскій совнаркомъ и иже съ нимъ; по этому поводу въ Кіевъ были присланы «квартирьеры» (характерное слово, перешедшее изъ терминологіи штабовъ и казармъ въ словоупотребленіе совдеповъ и исполкомовъ), съ порученіемъ реквизировать, кажется, 3000 комнатъ. При гетманѣ у насъ существовали всѣ министерства, вплоть до министерства здравоохраненія, и всѣ они имѣли вполнѣ комфортабельныя помѣщенія. Казалось бы, отчего не въѣхать каждому наркому по своему вѣдомству и дѣло съ концомъ? Такъ разсуждали мы, непосвященные профаны. А совнаркомъ прислалъ квартирьеровъ и онъ былъ съ своей точки зрѣнія правъ: сколько бы они не реквизировали квартиръ и комнатъ, все было недостаточно.

Осуществленіе «жилищной политики» большевиковъ началось въ Кіевѣ съ восхитительнаго по формѣ приказа коменданта города — матроса съ какой-то односложной фамиліей. Приказъ этотъ предлагалъ томящимся въ подвалахъ рабочимъ переселиться въ хоромы ихъ бывшихъ эксплуататоровъ и заканчивался словами: «а буржуазію переселить въ подвалы и потѣснить».

Затѣмъ стали рыскать по городу «квартирьеры», которые брали на учетъ «лишнія» комнаты и объяснялись съ протестующими хозяевами. Комнаты эти немедленно заполнялись совѣтскими сотрудниками, приносившими свои мандаты и удостовѣренія. Послѣ этого на городъ налетѣла саранча сотрудниковъ изъ Харькова: для нихъ реквизировали цѣлые этажи, разселяя несчастныхъ жильцовъ, не въ счетъ уплотненія, по остальнымъ этажамъ дома. И наконецъ начались выселенія цѣлыхъ домовъ — для переселенія рабочихъ и по стратегическимъ соображеніямъ. Въ освобожденные спеціально для рабочихъ дома, при посредствѣ профессіональныхъ союзовъ, попадали въ огромномъ большинствѣ случаевъ тѣ же совѣтскіе сотрудники.

Огромный домъ, въ которомъ мы жили, оказался первой жертвой «комиссіи по стратегическому переселенію буржуазіи». Эта комиссія и руководившія ею стратегическія соображенія — это было какое-то вопіющее издѣвательство надъ здравымъ смысломъ. Какія военныя дѣйствія имѣла въ виду эта стратегія, оставалось неизвѣстнымъ. Уличныхъ боевъ не ожидалось и не было; а если бы они и были, то всякая квартира съ окнами на улицу имѣла одинаковое «стратегическое значеніе». Тѣмъ не менѣе образовалась спеціальная комиссія, съ полагающимся штатомъ «отвѣтственныхъ» и «техническихъ» сотрудниковъ, и начала намѣчать свои жертвы. Во главѣ комиссіи стоялъ 18-тилѣтній стратегъ Шейнинъ.

Стратегическая Комиссія какъ-то являлась къ намъ, осматривала съ серьезнымъ видомъ подвалы и другія помѣщенія, сдѣлала распоряженіе объ отводѣ помощникамъ швейцаровъ комнатъ въ барскихъ квартирахъ партера* и удалилась. Посѣщеніе стратегической комиссіи носило настолько несолидный характеръ, что какъ-то не вѣрилось въ возможность серьёзныхъ результатовъ этого визита. Однако, черезъ нѣсколько дней нашъ Домовый Комитетъ получилъ приказъ, какъ обухомъ ударившій насъ по головѣ.

Я очень жалѣю, что не сохранилъ копіи этого приказа; онъ достоинъ помѣщенія въ музей. Приказъ гласилъ, что жильцы трехъ верхнихъ этажей должны въ теченіе 24 часовъ оставить свои квартиры. Взять съ собой разрѣшалось по 2 смѣны бѣлья и, на каждаго члена семьи, по одной ложкѣ, вилкѣ, ножу, тарелкѣ и проч. Все остальное предписано было оставить въ квартирахъ.

Одновременно съ объявленіемъ намъ приказа стратегической комиссіи, на лѣстницахъ между несчастнымъ седьмымъ и шестымъ этажами, были поставлены красноармейцы, которые слѣдили за тѣмъ, чтобы никакія вещи не переносились изъ обреченныхъ квартиръ въ нижнія... Тѣмъ не менѣе, разумѣется, главной заботой всѣхъ верхнихъ жильцовъ было именно стремленіе спустить такъ или иначе все портативное имущество въ тѣ квартиры, которыя должны были

* Противъ переселенія швейцаровъ и мальчиковъ изъ сырыхъ, темныхъ подваловъ нельзя было возражать по существу. Но своей агрессивной манерой большевики и здѣсь, въ этомъ справедливомъ дѣлѣ, достигли самыхъ отрицательныхъ результатовъ. Мальчики были поселены въ комнатахъ съ роскошной обстановкой, изъ которой собственникамъ было строго наказано ничего не забирать. Они пожили нѣсколько мѣсяцевъ въ новыхъ обиталищахъ и, одинъ за другимъ, бросили службу, захвативъ съ собой лучшія вещи изъ своихъ комнатъ.

уцѣлѣть. И тѣ 24 часа, которые продолжали срокъ нашего ультиматума, въ особенности ночные часы, были посвящены перетаскиванію вещей чернымъ ходомъ, въ скрытомъ подъ платьями видѣ и т. п.

На слѣдующій день, стратегическая комиссія въ полномъ составѣ явилась въ нашъ домъ и, въ сопровожденіи Домового Комитета, начала осмотръ подлежавшихъ выселенію квартиръ. Осмотрѣть ихъ до изданія своего приказа Комиссія не удосужилась.

Я былъ тогда членомъ Домкома, избраннаго еще до прихода большевиковъ, и продѣлалъ вмѣстѣ съ тов. Шейнинымъ и другими этотъ обходъ обреченныхъ квартиръ. Я никогда не забуду этихъ нѣсколькихъ часовъ униженія — униженія за себя и за тѣхъ, кого мы стремились защитить. Во всѣхъ квартирахъ насъ встрѣчала та же картина.

Благоустроенная обстановка, уютъ. Нѣкоторые слѣды поспѣшнаго изъятія отдѣльныхъ цѣнныхъ предметовъ. Вся семья въ сборѣ, налицо и комнатонаниматели. Всѣ вооружены «бумажками» — удостовѣреніями о принадлежности къ той или другой категоріи привилегированнаго сословія: къ совѣтскимъ служащимъ, артистамъ, членамъ профессіональныхъ союзовъ и т. д. Въ глазахъ испугъ, трепетъ, иногда отчаяніе. Говорятся безсвязныя слова, взываютъ къ справедливости или снисхожденію. Наши стартеги отвѣчаютъ или съ презрительной сдержанностью или съ издѣвательски-притворнымъ сочувствіемъ. Число комнатъ и составъ жильцовъ записывается, документы пріобщаются къ дѣлу и мы идемъ дальше — изъ квартиры въ квартиру, изъ этажа въ этажъ.

Осмотръ конченъ. Комиссія садится за столъ и готовитъ свою резолюцію. Черезъ четверть часа она объявляется жильцамъ. Подлежатъ освобожденію всѣ квартиры, кромѣ квартиръ пѣвца Смирнова, жены одного московскаго большевика и еще двухъ или трехъ. Правила о взятіи вещей нѣсколько смягчаются. Зато строго предписывается оставлять квартиры въ порядкѣ, съ полнымъ оборудованіемъ и, въ частности, не прикасаться къ библіотекамъ. Домовый Комитетъ составлялъ впослѣдствіи описи всѣхъ оставленныхъ въ каждой квартирѣ вещей и передавалъ ихъ подъ росписку новымъ жильцамъ; въ Россіи тогда еще была лишняя бумага...

Вечеръ. Стратегическая Комиссія, сдѣлавъ свое дѣло, удалилась. Но нашъ домъ продолжаетъ быть въ лихорадочномъ оживленіи. Линіи оконъ всѣхъ обреченныхъ квартиръ ярко освѣщены: за ними на спѣхъ собираютъ и упаковываютъ вещи. Это продолжается всю ночь. А съ утра дворъ полонъ площадокъ и возовъ, развозящихъ по роднымъ и знакомымъ достояніе выселенныхъ...

Господа члены стратегической комиссіи сразу облюбовали нашъ домъ и, до самаго уходa большевиковъ въ августѣ 1919 года, не оставляли насъ въ покоѣ. Прежде всего они поселились у насъ сами. Шейнинъ занялъ комнату у почтеннаго присяжнаго повѣреннаго Ш. и первымъ его дѣйствіемъ по укрѣпленію завоеванной стратегической позиціи было то, что онъ вырѣзалъ изъ рамокъ разставленныя въ комнатѣ семейныя фотографіи и вставилъ въ рамки свои. Въ остальныхъ освобожденныхъ квартирахъ размѣстились военные, чекисты, а въ нѣкоторыхъ — какіе-то подозрительные рабочіе. Разъ десять въ теченіе этихъ мѣсяцевъ намъ снова грозило выселеніе, домъ осматривался, составъ жильцовъ переписывался, даже назначался къ намъ особый комендантъ по переселенію. Но нашъ переизбранный Домовой Комитетъ (въ которомъ я участія уже не принималъ) съумѣлъ войти въ контактъ съ Жилищнымъ отдѣломъ и, при посредствѣ этой высшей инстанціи, парализовалъ дѣйствія стратегической комиссіи. Главнѣйшимъ

средствомъ къ этой цѣли были обѣды и ужины, которыми Комитетъ угощалъ членовъ жилищной коллегіи въ организованной у насъ общественной столовой. При этомъ приходилось быть, по возможности, внимательными хозяевами; и когда какимъ-то образомъ стало извѣстно, что одинъ изъ членовъ коллегіи «обожаетъ» тыквенныя сѣмечки, наши жильцы спеціально отправлялись на базаръ, чтобы добывать къ столу тыквенныя сѣмечки . . .

* *
*

Заступникомъ моей квартиры былъ все это время покойный Гессель Рувиновичъ Гинзбургъ. Это былъ глубоко честный и добрый человѣкъ, совершенно не гармонировавшій со средой, въ которой онъ оказался. Вѣчный студентъ, перебывавшій на всѣхъ факультетахъ; неблагонадежный, посидѣвшій по тюрьмамъ; по способу заработка репетиторъ и учитель, — онъ въ 1918 году, по внутреннему убѣжденію, примкнулъ къ партіи коммунистовъ. Когда большевики заняли Кіевъ Г. Р. пошелъ работать въ жилищно-реквизиціонный отдѣлъ, полагая, — и не безъ основанія, — что именно тамъ будутъ злоупотребленія, отъ которыхъ онъ страстно желалъ оградить совѣтскую власть. Разумѣется, его — человѣка уже немолодого и вполнѣ интеллигентнаго — приняли съ распростертыми объятіями. Ему давали отвѣтственныя назначенія и, въ концѣ концовъ, онъ сталъ членомъ коллегіи Отдѣла Коммунальнаго хозяйства — то-есть большевизированной Городской управы, — завѣдывавшимъ юридической и жилищной частью.

Среди совѣтскихъ властителей Г. Р. занималъ совершенно исключительное положеніе: онъ былъ коммунистомъ и работалъ въ самомъ ненавистномъ совѣтскомъ учрежденіи — въ жилищномъ отдѣлѣ, — и вмѣстѣ съ тѣмъ я ни отъ кого не слышалъ о немъ буквально ни одного дурного слова. Можно себѣ представить, сколько жалобъ и просьбъ приходилось выслушивать этому человѣку; его пріемы тянулись по пять-шесть часовъ. И не смотря на то, что въ значительномъ большинствѣ жалобы были справедливыя, а онъ былъ безсиленъ помочь, — все же жалобщики уходили отъ него сравнительно успокоенными и отзывались о немъ не иначе, какъ съ уваженіемъ. Въ клоакѣ жилищнаго отдѣла, въ которой ему пришлось работать, среди шарлатановъ, взяточниковъ и воровъ, — Г. Р. сумѣлъ сохранить чистый душевный идеализмъ, сердечное отношеніе къ людямъ и наивный оптимизмъ.

При всемъ томъ Г. Р. былъ убѣжденный коммунистъ, съ увлеченіемъ говорилъ объ успѣхахъ совѣтской власти и твердо вѣрилъ въ то, что «реакція не побѣдитъ». Какъ настоящій партійный работникъ, онъ усвоивалъ себѣ всѣ ходячія въ его «наркомѣ» мотивировки и разсужденія, и оправдывалъ почти всѣ мѣропріятія совѣтской власти. Онъ искренно вѣрилъ въ необходимость чрезвычайной комиссіи и даже въ цѣлесообразность «стратегическаго переселенія буржуазіи».

Я старался не пускаться съ Г. Р. въ политическіе разговоры, но иногда невольно бесѣда переходила на эти темы. Помню, какъ однажды я не удержался и высказалъ ему самое банальное, но тѣмъ не менѣе неопровержимое возраженіе противъ тактики большевиковъ. «Вашъ учитель Марксъ, — сказалъ

я ему, — основывалъ свое ученіе на началѣ закономѣрности соціальнаго развитія. Оттого онъ и считаетъ себя въ правѣ называть свою теорію научнымъ соціализмомъ. Можно ли признать правовѣрнымъ марксизмомъ тактику большевиковъ, которые хотятъ осуществить соціализмъ въ странѣ наиболѣе отсталой по капиталистическому развитію, недозрѣвшей до экономической концентраціи и притомъ страдающей не отъ перепроизводства, а отъ недостатка товаровъ? Какъ примирить съ идеей соціальной закономѣрности то, что въ Россіи будетъ соціализмъ въ то время, какъ Англія и Германія до него еще не доразвились?» — «Марксъ, — невозмутимо отвѣтилъ мой собесѣдникъ, — не ограничивалъ своей теоріи территоріально. Онъ разсматривалъ весь міръ, какъ единый хозяйственный организмъ. И для момента, когда назрѣетъ переворотъ, онъ не предуказалъ, гдѣ именно начнется его осуществленіе».

Такъ, значитъ, большевики устраняли тогда свое противорѣчіе съ Марксомъ. Ихъ, видимо, не смущала явная несообразность, которую они такой интерпретаціей приписывали своему учителю. Вѣдь марксистская закономѣрность получала при такомъ толкованіи совершенно непонятный характеръ; выходило, что въ Лондонѣ будутъ предпосылки для соціализма, а въ Россіи — соціализмъ . . .

Но Г. Р., повидимому, не замѣчалъ этой несообразности.

Судьба бѣднаго Г. Р. Гинзбурга и всей его семьи была глубоко трагической. Ихъ было пять братьевъ. Одинъ умеръ молодымъ, еще до революціи, отъ болѣзни сердца. Другой — Абрамъ — былъ въ плѣну и въ 1918 г. возвратился въ Россію. Третій — Исаакъ — много лѣтъ мучился, лишившись мѣста и не находя новой службы. Всѣ они были чрезвычайно привязаны другъ къ другу и особенно Исаакъ служилъ всеобщей нянькой. — Когда большевики въ августѣ 1919 года эвакуировали Кіевъ, всѣ три брата выѣхали съ ними на сѣверъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ни одного изъ нихъ не было уже на свѣтѣ. Г. Р. получилъ въ Москвѣ назначеніе членомъ коллегіи Коммунотдѣла въ Уфу. Не смотря на даль, тяжелыя условія переѣзда и эпидеміи, онъ съ радостью отправился туда, желая, какъ онъ говорилъ, прикоснуться къ землѣ — увидѣть работу Совѣтской власти среди чисто русскаго населенія. Поѣхалъ въ Уфу и Исаакъ. То, что они застали въ Уфѣ, — разсказывала мнѣ впослѣдствіи жена Г. Р., — не поддается описанію. Этотъ городъ представлялъ сплошной тифозный баракъ. При этомъ городъ былъ переполненъ и морозы стояли жестокіе. Едва вступивъ въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей, Г. Р. заболѣлъ сыпнякомъ, а черезъ нѣсколько дней слегла его жена. Ихъ перевезли въ больницу, гдѣ они лежали въ различныхъ палатахъ, оба въ сорокаградусномъ жару и безъ сознанія. Братъ сначала посѣщалъ ихъ, сообщая женѣ, въ свѣтлыя минуты, свѣдѣнія о состояніи мужа. Затѣмъ онъ исчезъ. Никакихъ извѣстій о состояніи Г. Р. его жена не получала, больничный персоналъ отдѣлывался незначащими фразами. Несчастная женщина рѣшилась, наконецъ, спросить: «когда умеръ Гинзбургъ?» — и узнала ужасную правду . . . Когда она вышла изъ лѣчебницы, ей разсказали, что Исаакъ Гинзбургъ, едва успѣвъ похоронить брата, очертя голову бросился обратно въ Москву. Этотъ самоотверженный, заботливый Исаакъ вдругъ преобразился. Имъ овладѣлъ какой-то непреоборимый страхъ предъ тифомъ. Онъ оставилъ невѣстку въ тяжеломъ состояніи и бѣжалъ . . . Въ Москву онъ пріѣхалъ уже больнымъ, умолялъ помѣстить его въ лучшую лѣчебницу, добился этого, пролежалъ тамъ двѣ или три недѣли, всѣми силами цѣпляясь за жизнь, и — умеръ. — А третій братъ Абрамъ,

вернувшійся въ 1918 году изъ плѣна, черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Исаака гдѣ-то въ Брянскѣ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, которое унесло и его...

* *
*

Въ 1919 году большевики явились въ Кіевъ на всей высотѣ своего величія. Неувѣренность и болѣзни дѣтства прошли, преждевременная старость еще не наступила. «Старый міръ» былъ разрушенъ, но не всѣ оставшіеся отъ него запасы съѣдены; всякія сдержки въ печатаніи бумажныхъ денегъ были устранены, а деньги еще не были окончательно обезцѣнены. Однимъ словомъ, была полная возможность, подъ видомъ строительства новой жизни, расточать остатки наслѣдія старой.

Совѣтская власть проявила въ это свое появленіе къ намъ максимальную энергію какъ въ хозяйственной, такъ и въ политической области. Притомъ Кіевъ былъ тогда еще украинской столицей и резиденціей всѣхъ совѣтскихъ наркомовъ, главковъ и центровъ. И Совнархозъ и Совнаркомъ работали полнымъ ходомъ. А надъ ними обоими бодрствовала В. У. Че-Ка.

Работа Совнархоза (Губернскаго и Всеукраинскаго) сводилась къ взятію на учетъ матеріаловъ и сырья, къ націонализаціи банковъ и къ обобществленію большинства промышленныхъ предпріятій. Магазины торговали болѣе или менѣе по прежнему, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что крупнѣйшія фирмы укрылись подъ флагомъ кооперативовъ или «товариществъ служащихъ».

Весьма энергично дѣйствовалъ тогда и Совѣтъ профессіональныхъ союзовъ, занимавшій большое зданіе гостиницы «Савой» на Крещатикѣ. Организованныя съ самаго начала революціи примирительныя камеры, страховые суды и фабрично-заводскіе комитеты развили весьма интенсивную дѣятельность. Начало паритетности, на которомъ были прежде основаны рабочія судилища, теперь, при диктатурѣ пролетаріата, отпало: всѣ мѣста во всѣхъ органахъ были заняты представителями рабочихъ. Соотвѣтственно съ этимъ, не могъ не измѣниться ихъ характеръ. Работая въ такомъ однобокомъ составѣ, да еще обвѣваемые духомъ времени, они не могли дѣлать ничего иного, какъ бить и добивать лежачую буржуазію. Нужно сказать, что сами органы союзовъ, — тогда еще въ большинствѣ свободно избранные рабочими, а не назначенные коммунистической властью, — проявляли нѣкоторую сознательность и всячески старались не перетягивать дуги. Но на всю массу опекаемыхъ ими — рабочихъ, низшихъ служащихъ и прислуги — наличность Профсоюза, въ такой противоестественной конструкціи и съ такими громадными полномочіями, дѣйствовала развращающимъ образомъ.

Я стоялъ не особенно близко къ профессіональному движенію ни до, ни послѣ революціи. Въ эту эпоху мнѣ пришлось участвовать въ такъ-называемомъ «Рабочемъ секретаріатѣ» — своего рода бюро юридической помощи при Совѣтѣ Профсоюзовъ. Въ качествѣ представителя секретаріата я присутствовалъ раза два на засѣданіяхъ примирительныхъ камеръ и, по назначенію отъ секретаріата, выступалъ повѣреннымъ потерпѣвшихъ въ страховомъ судѣ.

Ко времени пребыванія большевиковъ у насъ въ 1919 году относится и мой кратковременный экспериментъ состоянія на «совѣтской службѣ». Въ концѣ іюня мой товарищъ по адвокатурѣ Пл. Льв. Симиренко убѣдилъ меня вступить вмѣстѣ съ нимъ въ юридическій отдѣлъ «Губсовнархоза». Я пробылъ

на службѣ ровно два мѣсяца, — до ухода большевиковъ, — и очень радъ какъ тому, что имѣлъ случай вглядѣться въ жизнь совѣтскаго учрежденія, такъ и тому, что происшедшій переворотъ далъ мнѣ возможность такъ скоро вернуться на свободу.

«Юридическій подъотдѣлъ Отдѣла Управленія Кіевскаго Губернскаго Совѣта Народнаго Хозяйства» состоялъ изъ пяти лицъ: трехъ членовъ коллегіи, секретаря и дѣлопроизводительницы. Впрочемъ, непосредственно предъ моимъ поступленіемъ, было сдѣлано еще «сокращеніе штатовъ», жертвой котораго палъ шестой чинъ нашего подъотдѣла (если не ошибаюсь, «завѣдующій канцеляріей»). Среди этихъ пяти человѣкъ было четыре юриста. Кромѣ того, большинство отдѣловъ Совнархоза — какъ, напримѣръ, лѣсной, страховой и т. д. — имѣли своихъ юрисконсультовъ. Такимъ образомъ, господство права было какъ будто вполнѣ обезпечено.

Что дѣлала вся эта орава юрисконсультовъ? По своему кратковременному опыту могу констатировать, что не менѣе 75% всѣхъ восходившихъ на наше заключеніе вопросовъ касались интересовъ служащихъ — ликвидаціонныя, тарифныя ставки, наказы, регламенты и т. д., — а, изъ остальныхъ, процентовъ двадцать упадало на дѣла о злоупотребленіяхъ служащихъ.

Въ «юридическихъ отдѣлахъ», бюрократическая экспансія, составляющая неизбѣжный аттрибутъ соціалистическаго хозяйства, выкристаллизовывалась особенно явно и особенно явно доходила до полнаго абсурда. Разъ всѣ совѣтскія учрежденія главнымъ образомъ обслуживаютъ своихъ служащихъ, то ихъ юридическіе отдѣлы, естественно, должны заниматься главнымъ образомъ оказаніемъ тѣмъ же служащимъ юридической помощи. Нашъ юридическій отдѣлъ и былъ безплатнымъ консультаціоннымъ бюро для сотрудниковъ Совнархоза.

Хотя служащихъ въ многочисленныхъ отдѣлахъ Совнархоза было много (кажется, около 2000) и хотя юридическихъ вопросовъ служебныя дѣла каждаго изъ нихъ вызывали немало, — нашъ многоголовый подъотдѣлъ не былъ заваленъ работой. По совѣсти, для выполненія всей нашей работы было бы достаточно одного юриста и, пожалуй, въ виду бюрократической переписки со всѣми отдѣлами, — дѣлопроизводительницы. Но вѣрный совѣтскимъ принципамъ, нашъ подъотдѣлъ обслуживалъ сначала шесть, а затѣмъ пять сотрудниковъ. Свободное время мы посвящали регистраціи декретовъ и т. п. душеспасительнымъ занятіямъ. Отсиживать положенные шесть, а затѣмъ, при милитаризаціи, восемь часовъ полагалось. При полной невозможности заполнить это время, мы, какъ гимназисты, читали принесенныя изъ дому книги. Мы скоро усвоили себѣ чиновничью психологію, защищали свои штаты и ставки и не жаловались на отсутствіе работы.

Во главѣ Губсовнархоза стоялъ въ мое время Алексѣй Ивановичъ Ашпъ-Ильзенъ. Это былъ коммунистъ самаго лучшаго типа. Но окруженъ онъ былъ либо малоинтеллигентными ремесленниками, либо партійными карьеристами, либо, наконецъ, нечистыми на руку нижеперами и спекулянтами. Поэтому хозяйственная работа Совнархоза шла изъ рукъ вонъ плохо, а количество служебныхъ злоупотребленій все возрастало. Совершенная неразбериха царила во взаимоотношеніяхъ между Губсовнархозомъ, засѣдавшимъ въ Дворянскомъ домѣ, и Укрсовнархозомъ, занявшимъ гостиницу Михайловскаго монастыря. Повидимому, это послѣднее учрежденіе, при наличности Выссовнархоза въ Москвѣ и Губсовнархозовъ на мѣстахъ, не имѣло рѣшительно никакого raison d'être. И

дѣйствительно, въ слѣдующій приходъ большевиковъ на Украину оно не было возстановлено. —

Приходъ большевиковъ въ февралѣ 1919 года засталъ меня начинающимъ адвокатомъ и активнымъ участникомъ сословныхъ дѣлъ адвокатуры, въ качествѣ старшины Кіевскаго Совѣта помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Естественно, что съ особымъ вниманіемъ я относился къ операціямъ большевиковъ надъ судомъ и адвокатурой. Предстоящее упраздненіе судовъ, дѣйствующихъ по Уставамъ 20 ноября 1864 года, и всѣхъ связанныхъ съ этими судами учрежденій, въ томъ числѣ независимаго сословія адвокатовъ, — было намъ вѣдомо. Совершенно туманными представлялись намъ только тѣ новые институты, которымъ предстояло смѣнить эти близкія и родныя учрежденія. Да и сами большевики не были подготовлены къ судебной реформѣ; народные суды и правозаступники, введенные годомъ раньше въ Великороссіи, уже успѣли обнаружить свою нежизнепригодность; но ничего иного въ запасѣ у Совѣтскихъ законодателей не было. Поэтому, послѣ непродолжительнаго періода колебаній, московскіе декреты объ упраздненіи судовъ и адвокатуры и о введеніи народнаго суда и правозаступничества были, съ несущественными варіантами, опубликованы и у насъ.

Въ отношеніи правозаступниковъ были первоначально введены нѣкоторыя послабленія; въ частности, по изданной въ Кіевѣ инструкціи, за ними признавалась извѣстная самостоятельность и, что было особенно важно, ихъ нельзя было, противъ ихъ воли, назначать обвинителями. Инструкція была составлена съ несомнѣнной цѣлью captare benevolentiam кіевской адвокатуры; до извѣстной степени это и удалось, такъ какъ на многочисленномъ собраніи адвокатовъ было признано вполнѣ допустимымъ для члена сословія вступать въ число правозаступниковъ. Таково же было финальное рѣшеніе по этому вопросу Московскаго и Петроградскаго сословій, о которомъ намъ докладывали въ Кіевскихъ Совѣтахъ М. Л. Гольдштейнъ и Л. Д. Ляховецкій. Но на Сѣверѣ пріемлемость правозаступничества была провозглашена только черезъ годъ послѣ октябрьской революціи, — годъ, въ который проводилась тактика саботажа. Впрочемъ, наше кіевское рѣшеніе реальныхъ результатовъ почти не имѣло. Данной индульгенціей воспользовались весьма немногіе коллеги; притомъ всѣ они, почти безъ исключеній, потомъ сожалѣли о сдѣланномъ шагѣ. Самый же институтъ правозаступниковъ, несмотря на либеральную инструкцію, оказался на практикѣ весьма непривлекательнымъ учрежденіемъ.

Большевики не только упразднили адвокатуру, но и всячески старались деклассировать самихъ адвокатовъ. Не было ни одного декрета или приказа, перечисляющаго предосудительныя категоріи гражданъ въ родѣ фабрикантовъ, домовладѣльцевъ и т. д., въ которомъ среди прочихъ «буржуевъ» не значились бы «бывшіе присяжные повѣренные и ихъ помощники». Мы подлежали всѣмъ мобилизаціямъ и повинностямъ; у насъ съ особой охотой производили реквизиціи конторской мебели, пишущихъ машинъ и даже портфелей; наше званіе приходилось, при всякихъ столкновеніяхъ или опасностяхъ, по возможности скрывать.

Адвокатскіе Совѣты въ первое время засѣдали довольно часто, обсуждая вопросъ о позиціи адвокатуры и о допустимости для адвоката тѣхъ или иныхъ занятій; но съ теченіемъ времени ихъ жизнь замерла — безъ оффиціальнаго самоупраздненія, но сама собой. Къ тому же и помѣщеніе наше въ Окружномъ судѣ было занято Народнымъ Комиссаріатомъ Юстиціи.

Въ теченіе послѣдовавшихъ шести мѣсяцевъ я всего нѣсколько разъ по неотложнымъ дѣламъ заходилъ въ зданіе суда. Было тяжело видѣть въ этомъ мѣстѣ, которое съ дѣтства въ моихъ глазахъ окружалось какимъ-то ореоломъ, новыхъ людей и новыя учрежденія. Коробила введенная большевиками номерація комнатъ и прикрѣпленныя ко всѣмъ дверямъ вывѣски. Коробила и работа засѣдавшихъ въ этомъ домѣ людей, которые легкомысленно и безотвѣтственно разрушали то самое лучшее, что въ смыслѣ соціальнаго устроенія и правопорядка завѣщалъ намъ старый режимъ.

Однажды, — кажется, въ серединѣ апрѣля, — я былъ вызванъ въ «Нарком'юстъ» для переговоровъ объ участіи въ работахъ комиссіи по кодификаціи гражданскаго права. Предсѣдателемъ комиссіи состоялъ нѣкто Гроссъ, но верховное руководство надъ ея работами сохранялъ самъ Народный Комиссаръ Юстиціи Хмѣльницкій. Со специфической вѣжливостью, напоминавшей обходительность жандармскихъ офицеровъ, Гроссъ пытался уловить меня на службу въ это учрежденіе. Когда это не удалось сдѣлать добромъ, онъ попробовалъ пугнуть мобилизаціей юристовъ; но я уже состоялъ лекторомъ на различныхъ курсахъ и мобилизаціи не боялся. Въ концѣ концовъ, кодификаціонная комиссія, въ которую Гроссу удалось различными способами втянуть нѣкоторыхъ юристовъ, такъ и обошлась безъ моего сотрудничества.

Приглашеніемъ въ комиссію я, какъ затѣмъ выяснилось, былъ обязанъ протекціи одного моего университетскаго товарища, фигура котораго настолько характерна для совѣтскаго Министерства Юстиціи, что я не могу оставить его безъ упоминанія.

Назову его Звонштейномъ.

Впервые я услышалъ его вкрадчивый голосъ и размѣренную рѣчь въ коридорѣ кіевскаго университета, вскорѣ послѣ моего поступленія. Онъ что-то проповѣдовалъ своимъ сосѣдямъ, стоявшимъ въ очереди въ деканскую. Снова тотъ же голосъ донесся до моего слуха на практическихъ занятіяхъ у проф. Билимовича. Вскорѣ мы познакомились, стали бывать другъ у друга и работали вмѣстѣ въ цѣломъ рядѣ научныхъ кружковъ.

Звонштейнъ былъ человѣкъ чрезвычайно способный. Сынъ умнаго провинціальнаго адвоката дѣлеческаго типа, онъ необыкновенно рано началъ «жить и мыслить». Кажется, уже 10 лѣтъ отъ роду онъ писалъ письма въ редакцію уманской газеты, защищая невинность Дрейфуса. Аттестатъ зрѣлости онъ, въ качествѣ экстерна, получилъ въ 15 или 16 лѣтъ и тогда же поступилъ на юридическій факультетъ университета. Уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего поступленія Звонштейнъ выступилъ съ часовой рѣчью въ качествѣ оппонента на диспутѣ проф. Билимовича. А на послѣднемъ курсѣ онъ сумѣлъ въ короткій срокъ написать объемистое сочиненіе по гражданскому праву, удостоенное золотой медали.

При всѣхъ талантахъ, феноменальной памяти и трудоспособности, Звонштейну чего-то не хватало, чтобы быть «настоящимъ человѣкомъ» въ какой бы то ни было роли. Все въ немъ было утрировано; у него совершенно отсутствовало чувство мѣры и то, что англичане называютъ «sence of humour». Воплощеніе шаржа, онъ такъ и просился на карикатуру. При всѣхъ обстоятельствахъ и со всякими собесѣдниками онъ говорилъ тѣмъ же докторальнымъ тономъ съ тѣмъ же гомерическимъ количествомъ цитатъ, именъ, цифръ и терминовъ. Собесѣдникъ былъ ему, вообще, безразличенъ — онъ самъ никого не

слушалъ и считалъ (или дѣлалъ видъ, что считаетъ) всякаго достойнымъ слушателемъ своихъ рѣчей.

Случилось такъ, что Звонштейнъ, который по окончаніи университета забросилъ науку и занимался коммерческими дѣлами на Кавказѣ, въ 1919 году счелъ своимъ гражданскимъ долгомъ вступить въ партію коммунистовъ. Онъ объявилъ объ этомъ во всеуслышаніе открытымъ письмомъ въ одной изъ кіевскихъ газетъ и началъ работать въ партіи.

Звонштейнъ былъ неоцѣнимой находкой для большевиковъ. Онъ вѣдь былъ въ состояніи испекать по дюжинѣ декретовъ въ день, выступать на неограниченномъ числѣ митинговъ и читать любое количество лекцій. Онъ и сталъ на нѣкоторое время воплощать своей персоной «весь Нарком'юстъ». Звонштейнъ былъ и обвинителемъ, и защитникомъ, и юрисконсультомъ, и инструкторомъ, и декретодателемъ. Нужно было видѣть, какъ онъ, со своимъ шалымъ лицомъ, съ длинными кудрями, въ какомъ-то пальто весьма страннаго покроя и съ красной звѣздой на груди, носился по городу — изъ учрежденія въ учрежденіе, изъ засѣданія въ засѣданіе . . .

Воспоминанія о большевистскихъ судахъ и, въ частности, о Революціонномъ трибуналѣ невольно ассоціируются для меня съ фигурой Звонштейна.

Мы со Звонштейномъ и съ другими товарищами по университету одно время очень увлекались «литературными процессами». Мы судили, по всѣмъ правиламъ Устава уголовнаго судопроизводства, Алеко изъ «Цыганъ», Карла и Франца Моора изъ «Разбойниковъ», графа Старшенскаго изъ Гауптмановской «Эльги», Хлестакова и многихъ другихъ литературныхъ преступниковъ. Суды происходили у кого либо изъ знакомыхъ, въ присутствіи многочисленной публики. Подысканіе подходящей квартиры для этихъ судьбищъ служило предметомъ постоянныхъ заботъ для нашихъ предсѣдателей и прокуроровъ. И каждый разъ, какъ я слышалъ о «постановкѣ» большевиками того или иного дѣла въ Ревтрибуналѣ (засѣдавшемъ въ Купеческомъ собраніи со всѣми аттрибутами эффектнаго зрилища), у меня невольно въ ушахъ звучалъ торжественный голосъ Звонштейна и слова: «Товарищъ, не имѣете ли вы въ виду квартиры для предстоящаго процесса?»

У большевиковъ квартира для процессовъ къ несчастью всегда была. И они «ставили» и «ставили» ихъ, собирая полные сборы любопытныхъ. Въ отличіе отъ нашихъ литературныхъ судилищъ, ихъ суды кончались кровью и страданіями.

Ассоціація Ревтрибунала съ нашими инсценированными процессами такъ прочно укоренилась въ моемъ сознаніи изъ-за того, что первая судебная постановка, инсценированная большевиками, носила особенно эксцентричный характеръ. Это былъ судъ надъ палачемъ, казнившимъ убійцу Эйхгорна — Бориса Донского и надъ всѣми участниками его дѣла въ германскомъ военно-полевомъ судѣ. Большевиковъ ничуть не смущало то, что почти всѣ обвиняемые — германскіе офицеры — были въ то время уже въ Германіи и даже ничего не знали о судѣ надъ ними. И къ отвѣтственности предъ революціонной совѣстью кіевскихъ судей были привлечены, кромѣ имѣвшагося въ наличности палача, также всѣ отсутствовавшіе члены военнаго суда, обвинитель, директоръ тюрьмы и др. Всѣхъ ихъ заочно приговорили къ смертной казни . . . Чѣмъ не процессъ Франца и Карла Моора? — Среди обвиненныхъ былъ и мой знакомый Gerichtsoffizier кіевской комендатуры лейтенантъ Бюттнеръ. Воображаю, какіе глаза бы сдѣлалъ этотъ дѣтина — онъ былъ въ косую сажень ростомъ и атлетическаго тѣло-

сложенія, — если бы узналъ, что кіевскій Ревтрибуналъ приговорилъ его къ смерти...

Въ довершеніе каррикатурности, Ревтрибуналъ постановилъ «снестись съ германскимъ правительствомъ о приведеніи приговора въ исполненіе»... Чѣмъ не литературный процессъ?*...

* *

*

Я говорилъ уже, что пребываніе Совѣтской власти въ Кіевѣ въ 1919 году совпадаетъ съ эпохой ея полнаго расцвѣта. Размахъ строительства былъ у нея еще неудержимо широкъ, никакія досадныя сомнѣнія въ осуществимости затѣянныхъ нововведеній еще не появлялись. И большевики строили и строили.

Строили они — учрежденія. Ничего иного они и тогда не были въ силахъ создать. Но учрежденія создавались по истинѣ безъ удержа.

Особенно въ фаворѣ была въ то время просвѣтительная часть. Почти вся интеллигенція, постепенно отходившая отъ тактики саботажа, охотно шла на службу именно въ просвѣтительныя учрежденія. Такимъ образомъ, личный составъ учрежденій наркомпроса былъ всегда обезпеченъ. Съ другой стороны, здѣсь легче и проще, чѣмъ гдѣ бы то ни было, можно было создать «потемкинскія деревни». И ихъ создавали сотнями.

Каждое уважающее себя совѣтское учрежденіе имѣло «культ-просвѣтъ» либо «агит-просвѣтъ», то-есть культурно-просвѣтительный либо агитаціонно-просвѣтительный отдѣлъ. При болѣе крупныхъ учрежденіяхъ были также особые издательскіе, библіотечные, лекціонные, школьные и внѣшкольные отдѣлы. Болѣе всего умиляли меня имѣвшіеся въ разныхъ «губвоен-продснабахъ» и «компочтеляхъ» особые «кино-комитеты» или «кино-секціи», спеціально вѣдавшіе кинематографической частью.

Такъ какъ бумажныхъ денегъ печатали ad libitum и на просвѣтительныя цѣли экономничать не полагалось, то народнымъ просвѣщеніемъ занимались рѣшительно всѣ вѣдомства. Военное вѣдомство, въ которомъ денегъ было особенно много, представляло собой настоящее царство науки. Народный Комиссаріатъ по военнымъ дѣламъ, окружный военный комиссаріатъ, губернскій военный комиссаріатъ — всѣ учреждали школы, читальни, кинематографы и клубы.

Громадное большинство всѣхъ этихъ начинаній оставалось, разумѣется, на бумагѣ, а во многихъ случаяхъ просвѣтительная цѣль была лишь предлогомъ для реквизиціи помѣщеній и мебели. Кое-что, однако, было все же сдѣлано; кое-какія, если не знанія, то полузнанія, получили и большинство красноармейцевъ и довольно значительный контингентъ городского населенія. И изъ всей массы богатствъ, растраченныхъ совѣтской властью, деньги, потраченныя на просвѣтительныя цѣли, израсходованы наименѣе непроизводительно.

Рядомъ со всѣмъ этимъ великолѣпіемъ обезпеченныхъ средствами военныхъ и политическихъ органовъ, работа самаго вѣдомства народнаго просвѣщенія была сравнительно скромной. Почти всѣ силы его уходили на ежемѣсячную реорганизацію университетовъ и гимназій, на засѣданія по выработкѣ

---

* Коммунистическая звѣзда Звонштейна скоро закатилась. У него были какія-то непріятности и въ результатѣ онъ былъ исключенъ изъ партіи. Послѣ этого онъ, кажется, и самъ разочаровался въ большевизмѣ.

программъ и т. д. Притомъ, по старой традиціи, средства самому Наркомпросу отпускались не столь щедро, чтобы могло хватать на всѣ старыя и новыя школы.

Народнымъ Комиссаромъ Просвѣщенія былъ Затонскій — приватъ-доцентъ Кіевскаго политехникума и лютый коммунистъ. Съ работой комиссаріата мнѣ сталкиваться не приходилось, но зато весьма близкая связь установилась у меня съ «Губернскимъ отдѣломъ народнаго образованія».

Я впервые попалъ въ «Губотдѣлъ» еще въ февралѣ или началѣ марта, хлопоча объ «охранной грамотѣ» для своей библіотеки. Среди служащихъ отдѣла я встрѣтилъ много знакомыхъ изъ газетнаго и литературнаго міра, которые съ увлеченіемъ принялись тогда за работу надъ различными культурными начинаніями. Меня привлекли къ участію по отдѣлу внѣшкольнаго образованія, вѣдавшему публичными лекціями, вечерними курсами и библіотеками. Я подалъ заявленіе о зачисленіи меня лекторомъ по исторіи и правовѣдѣнію и былъ назначенъ преподавателемъ въ первую изъ открывшихся вечернихъ школъ для взрослыхъ. Отношенія мои съ Губотдѣломъ продолжались и послѣ зачисленія лекторомъ, такъ какъ я принималъ участіе въ комиссіяхъ по выработкѣ программъ для вечернихъ школъ.

Наша школа открылась 24 апрѣля 1919 года, въ помѣщеніи Екатерининскаго реальнаго училища, въ которомъ намъ отвели на вечерніе часы нѣсколько классовъ. Ученики были разбиты на двѣ группы по степени подготовки.

О работѣ въ школѣ у меня остались въ общемъ самыя лучшія воспоминанія. Нѣсколько мѣсяцевъ я преподавалъ также въ другой подобной же школѣ на Печерскѣ, но та съ уходомъ большевиковъ въ августѣ 1919 года заглохла, тогда, какъ наша первая школа — единственная изъ сотенъ основанныхъ тогда школъ — пережила, мѣняя наименованія, всѣ послѣдовавшіе перевороты и, вѣроятно, существуетъ и понынѣ. Ея жизненность обусловливалась тѣмъ, что въ нее съ самаго начала вступило крѣпкое ядро сознательныхъ и интересовавшихся дѣломъ слушателей. Это ядро и вынесло школу на своихъ плечахъ чрезъ всѣ политическія бури, тогда какъ составъ преподавателей (за исключеніемъ завѣдующаго школой Л. М. Левицкаго и меня — преподавателя второстепенныхъ предметовъ) постоянно мѣнялся.

Я не педагогъ и не берусь судить, насколько раціонально было поставлено наше начинаніе, правильны ли были наши методы и достаточны ли результаты. Склоненъ думать, что лекціонная система, по которой я велъ занятія, не вполнѣ соотвѣтствовала уровню слушателей. Однако, самый интересъ, съ которымъ эти послѣдніе относились къ урокамъ, а также составлявшіяся нѣкоторыми изъ нихъ записки, показываютъ, что совершенно безрезультатно лекціи не проходили.

Записки подавались мнѣ слушателями для просмотра и исправленія. Разумѣется, регулярныя записи лекцій умѣли вести только нѣсколько человѣкъ изъ всего класса. Но читая записки этихъ нѣсколькихъ слушателей и слушательницъ, я поражался здравому смыслу, воспріимчивости и понятливости, которыя обнаруживались въ этихъ неотесанныхъ, не видавшихъ настоящей школы мозгахъ. Нѣкоторымъ, по умѣнію схватить и изложить сущность лекціи, могли бы позавидовать иные студенты. И это впечатлѣніе выигрывало въ яркости оттого, что записки обычно были писаны полу-дѣтскими, невыписанными почерками — писаны нерѣдко съ грубыми орѳографическими ошибками.

Послѣднее, впрочемъ, въ значительной мѣрѣ нейтрализовалось благодаря новой орографіи.

Составленные комиссіями при Губотдѣлѣ учебныя программы были посланы на утвержденіе въ Наркомпросъ. Но тамъ, какъ и слѣдовало ожидать, программы были признаны буржуазными (это, дѣйствительно, были серьезныя учебныя программы безъ всякихъ тенденцій и безъ политики) и въ утвержденіи ихъ было отказано. Программы были сданы для переработки въ новую комиссію при Комиссаріатѣ, которая своихъ занятій, какъ водится, такъ и не закончила. Къ счастью, школы не были закрыты въ ожиданіи новыхъ программъ — повидимому, и большевикамъ нѣсколько импонировало, что какое-то ихъ культурное начинаніе существуетъ не только на бумагѣ. Мы обходились безъ утвержденныхъ учебныхъ программъ, фактически руководствуясь неутвержденными проектами комиссіи при Губотдѣлѣ. Преподаваніе наше было совершенно свободно. Я, по крайней мѣрѣ, читая самый скользкій предметъ (начальное правовѣдѣніе, переименованное впослѣдствіи въ «обществовѣдѣніе», а затѣмъ даже политическую экономію), до самаго конца моей работы въ школѣ, то-есть до поздней осени 1920 года, ни единаго раза не удостоился ни посѣщенія какого либо ревизора, ни вообще давленія съ той или иной стороны. Разумѣется, я тщательно избѣгалъ касаться вопросовъ злободневной политики, — но вѣдь, съ точки зрѣнія марксизма, теорія цѣнности есть также политика.

Пришлось мнѣ лѣтомъ 1919 года принять участіе еще въ одномъ просвѣтительномъ проектѣ, носившемъ уже болѣе декоративный характеръ. «Агитпросвѣт Полит-управленія Наркомвоен» (читай: агитаціонно-просвѣтительный отдѣлъ политическаго управленія Народнаго Комиссаріата по военнымъ дѣламъ) затѣялъ организацію «Дворца просвѣщенія». Средствъ должно было быть отпущено сколько угодно (у Наркома Подвойскаго была широкая натура) и въ этомъ «дворцѣ» предполагалось сосредоточить и театры, и кинематографъ, и лекціи, и курсы, и Богъ знаетъ что еще. Я былъ приглашенъ въ организаціонную комиссію въ качествѣ консультанта по научно-учебному отдѣлу. Изъ всей затѣи ничего не вышло.

Участіе въ организаціи Дворца Просвѣщенія привело меня въ контактъ съ однимъ изъ бывшихъ тогда въ Кіевѣ центральныхъ учрежденій У. С. С. Р. — съ Наркомвоен'омъ. Комиссаріатъ, со всѣми своими оперативными, интендантскими, агитаціонными, библіотечными, кинематографическими и прочими отдѣлами, занималъ огромный домъ 1-го Россійскаго Страхового Общества, на углу Крещатика и Прорѣзной улицы. Во главѣ его стоялъ Подвойскій — по общимъ отзывамъ, наряду съ Раковскимъ, самая яркая фигура украинскаго Совнаркома.

Самъ Раковскій — предсѣдатель Совнаркома и Наркомъ Иностранныхъ Дѣлъ — имѣлъ штабъ-квартиру во дворцѣ, а частное жилье — въ особнякѣ милліонера Могилевцева, на парадной лѣстницѣ котораго былъ, на страхъ врагамъ, установленъ пулеметъ.

Я ни разу его не видѣлъ, такъ какъ на митингахъ не бывалъ, а съ комиссаріатами имѣть соприкосновенія не приходилось. Репутація и имя у Раковскаго были громкія и низкопоклонничество предъ нимъ (и даже предъ его секретаремъ, товарищемъ Миррой) было громадное. Но, насколько я могу судить, въ коммунистической партіи его не считали вождемъ или даже лидеромъ группы. Онъ былъ безспорно талантливый и ловкій исполнитель московскихъ предписаній, повидимому, не имѣвшій самъ никакого политическаго багажа. Раковскій слылъ умѣреннымъ, но это не мѣшало ему издавать декреты, объявлявшіе

форменную войну украинской деревнѣ, не мѣшало прокламировать «красный терроръ». Думаю, что его репутація и сравнительно благожелательное отношеніе къ нему не-совѣтскихъ круговъ основывалось исключительно на его внѣшнемъ европеизмѣ и на томъ, что онъ составлялъ оппозицію такимъ ошалѣлымъ элементамъ, какъ Георгій Пятаковъ. Однако, эта оппозиція, какъ и вся линія поведенія Раковскаго, была основана исключительно на улавливаніи московскихъ директивъ. Карьеризмъ и безпринципность Раковскаго были и морально-отвратительнѣе, и политически-опаснѣе, нежели прямолинейная пугачевщина Пятакова. А европейскій лоскъ, — быть можетъ, пріятный въ личномъ обращеніи, весьма мало гармонировалъ съ внутренними качествами его ума и сердца. Что можетъ быть ужаснѣе палача въ смокингѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ? Раковскій же моментально становился палачемъ, какъ только это соотвѣтствовало видамъ Ленина.

Хорошо отзывались въ Кіевѣ о Наркомѣ Соціальнаго Обезпеченія (фамиліи его не могу припомнить). Это былъ убѣжденный и безкорыстный коммунистъ, весьма благожелательно относившійся къ своимъ сотрудникамъ изъ интеллигенціи. Ему удалось сосредоточить въ своемъ комиссаріатѣ весьма видный составъ работниковъ. Юрисконсультомъ комиссаріата былъ Ю. И. Лещъ, завѣдующимъ однимъ изъ отдѣловъ — В. К. Калачевскій. Наркомсобезъ слылъ «нейтральнымъ», «аполитичнымъ» — поэтому въ него охотно шла интеллигенція. Однако, поступившіе въ Собезъ интеллигенты жестоко разочаровались въ немъ, и многіе изъ нихъ пережили тяжелую душевную драму. Въ дѣйствительности, работа Собеза была далеко не такой аполитичной, какъ казалось извнѣ. Не знаю, кого обезпечило это «Соціальное обезпеченіе», — но уничтожило оно цѣлый рядъ полезнѣйшихъ и важнѣйшихъ, дѣйствительно аполитичныхъ учрежденій.

Однимъ изъ первыхъ, палъ его жертвой Международный Красный Крестъ. За нимъ послѣдовалъ черезъ нѣкоторое время «Всеукраинскій комитетъ помощи пострадавшимъ отъ погромовъ». Этотъ комитетъ былъ организованъ еще во времена Директоріи, въ самую эпоху погромовъ. Во главѣ его стоялъ сначала М. Н. Крейнинъ, а затѣмъ продолжительное время М. Л. Гольдштейнъ. Я принималъ участіе въ Юридической комиссіи комитета, предсѣдателемъ которой состоялъ маститый Я. Л. Тейтель. Комитетъ работалъ и при большевикахъ. М. Л. Гольдштейнъ употреблялъ всѣ свои адвокатскіе таланты, чтобы защитить его или, по крайней мѣрѣ, затянуть процессъ его уничтоженія. Но существованіе общественно-филантропическаго комитета противорѣчило духу времени, а духъ времени былъ тогда очень силенъ. Онъ и смелъ погромный комитетъ съ своего пути, замѣнивъ его какой-то подкомиссіей при подъотдѣлѣ Собеза, главная задача которой состояла въ надзорѣ за тѣмъ, чтобы возстанавливались только пострадавшія отъ погромовъ т р у д о в ы я хозяйства и чтобы ни одна копѣйка денегъ, собранныхъ среди буржуевъ, не попала въ руки вдовы или сиротъ убитаго погромщиками буржуя.

Въ Погромномъ Комитетѣ, въ предвидѣніи его неминуемой гибели, всѣ бумаги составлялись въ двухъ экземплярахъ. Второй экземпляръ сохранился у президіума Комитета послѣ оффиціальной передачи дѣлъ Собезу. Онъ явится цѣннымъ источникомъ для исторіи этой мрачной полосы изъ жизни украинскаго еврейства.

* *
*

Въ первые же дни прихода большевиковъ у насъ была организована «Чрезвычайная Комиссія» и первымъ ея предсѣдателемъ былъ нѣкто Соринъ. При немъ этотъ «аппаратъ» только налаживался — реквизировалась мебель, набирался штабъ шпиковъ и другихъ сотрудниковъ, оборудовались необходимыя помѣщенія. Соринъ былъ человѣкъ недисциплинированный и не подчинялся распоряженіямъ и декретамъ. Говорили, что онъ бралъ взятки. Въ концѣ концовъ, его убрали, причемъ въ поднятой противъ него кампаніи большую роль игралъ, — къ чести его будь сказано, — Звонштейнъ. На смѣну Сорину въ кіевскую Губчека былъ назначенъ нѣкто Дегтяренко, но къ этому времени губернская чрезвычайка потеряла всякое значеніе, такъ какъ, вмѣстѣ съ центральнымъ правительствомъ, переѣхала изъ Харькова въ Кіевъ Чрезвычайка Всеукраинская.

Эта послѣдняя (Вучека, какъ ее называли) размѣстилась въ лучшемъ особнякѣ въ Липкахъ, въ которомъ во время войны жилъ Великій Князь Александръ Михайловичъ, а при нѣмцахъ — фельдмаршалъ Эйхгорнъ. Ея предсѣдателемъ еще въ Харьковѣ былъ назначенъ знаменитый Лацисъ. Это имя весьма много говоритъ уху кіевлянина . . .

Лацисъ не былъ взяточникомъ, онъ не былъ атаманомъ разбойничьей шайки, онъ не былъ одураченнымъ идеалистомъ. Онъ былъ настоящій организаторъ и глава своего специфическаго вѣдомства. При немъ чрезвычайка разрослась и обогатилась цѣлымъ рядомъ вспомогательныхъ учрежденій — особымъ корпусомъ войскъ, клубомъ, кинематографомъ, больницей. Онъ редактировалъ и спеціальный печатный органъ че-ка, который назывался «Красный мечъ» и имѣлъ подзаголовокъ: «Органъ Всеукраинской Чрезвычайной Комиссіи». Впослѣдствіи, на досугѣ, Лацисъ издалъ цѣлую книжку о дѣятельности чрезвычайки, — кажется, подъ названіемъ «Два года борьбы на внутреннемъ фронтѣ». Въ этой книжкѣ со статистическими данными и даже діаграммами изображается вся дѣятельность чрезвычайки, число разстрѣловъ, распредѣленіе ихъ по годамъ и мѣсяцамъ, по полу, возрасту и сословію жертвъ . . . Въ своихъ писаніяхъ Лацисъ всецѣло опирался на марксистскія представленія о государствѣ, какъ орудіи классоваго господства. Изъ этой доктрины онъ дѣлалъ внѣшне послѣдовательные выводы, сводившіеся къ теоретическому оправданію всякаго насилія, и такъ, съ феноменальнымъ цинизмомъ, выступалъ публицистомъ, теоретикомъ, а иногда и фельетонистомъ заплечнаго мастерства.

Вучека, руководимая министерской головой Лациса, развила въ Кіевѣ, лѣтомъ 1919 года, весьма напряженную дѣятельность. Былъ декретированъ красный терроръ и это давало возможность разстрѣливать всѣхъ и каждаго, безъ указанія какой-либо индивидуальной вины. Въ публикуемыхъ въ газетахъ «сводкахъ» обычно послѣ имени разстрѣляннаго, въ скобкахъ, приводилась причина разстрѣла: бандитизмъ, контр-революціонность, преступленіе по должности, спекуляція и т. п. Но послѣ декрета о красномъ террорѣ нерѣдко, вмѣсто опредѣленнаго мотива, значились слова: «разстрѣлянъ въ порядкѣ краснаго террора».

Первыми жертвами краснаго террора были 68 кіевлянъ, значившихся въ обнаруженномъ у кого-то спискѣ членовъ клуба націоналистовъ. Среди нихъ были почтенные судебные дѣятели, какъ товарищъ предсѣдателя окружнаго суда Н. Н. Раичъ, профессора университета, какъ Армашевскій и Флоринскій, адвокаты, какъ Мининковъ и Приступа, гласные Городской Думы, какъ Коноплинъ и Моссаковскій. Большинство казненныхъ были глубокими стариками (и Раичу, и Армашевскому, и Моссаковскому, и директору Общества

Взаимнаго Кредита Цытовичу, и владѣлицѣ мастерской надгробныхъ памятниковъ вдовѣ Де-Векки было за 70 лѣтъ). Нѣкоторые изъ нихъ были активными правыми дѣятелями (Коноплинъ, Мининковъ, Армашевскій), но большинство было политически безцвѣтно и состояло въ клубѣ націоналистовъ только потому, что того требовало ихъ служебное положеніе и господствовавшія въ этихъ кругахъ правила приличія и тона. Гнетущее впечатлѣніе производило убійство Ранча — популярнѣйшаго старожила кіевскаго суда, строгаго и по-генеральски рѣзкаго предсѣдателя, но умнаго и независимаго судьи. Траги-комедіей было политическое мученичество присяжнаго повѣреннаго Приступы — адвоката по крестьянскимъ дѣламъ, забитаго и заваленнаго мелкой практикой, не вылѣзавшаго изъ своего старенькаго фрака, въ которомъ онъ ежедневно выступалъ во всѣхъ отдѣленіяхъ суда и палаты. Онъ былъ безтолковый, но вполнѣ честный и порядочный ходатай за своихъ кліентовъ-крестьянъ, чѣмъ выгодно выдѣлялся изъ среды остальныхъ спеціалистовъ по крестьянскимъ дѣламъ. Само собою разумѣется, что онъ не имѣлъ никакого отношенія къ политикѣ, — никто въ судѣ не зналъ, какому направленію онъ сочувствуетъ, — и, по всей вѣроятности, какой-либо пріятель на его несчастье записалъ его въ клубъ націоналистовъ . . .

Вторая партія разстрѣлянныхъ ударила прямо по кіевской интеллигенціи. Списокъ былъ короче, но среди именъ были два близкихъ и родныхъ Кіеву имени — имена Владиміра Павловича Науменко и Сергѣя Ивановича Горбунова. Разстрѣлъ Науменко былъ, несомнѣнно, самымъ вопіющимъ преступленіемъ кіевской чрезвычайки. Какъ мотивъ разстрѣла было указано, что Науменко состоялъ членомъ послѣдняго гетманскаго кабинета и что онъ, вмѣстѣ съ братомъ Игоря Кистяковскаго — профессоромъ Богданомъ Кистяковскимъ, основалъ какую-то умѣренную украинскую партію. Я лично не былъ знакомъ съ Науменко и не хочу посвящать его свѣтлой памяти банальныхъ или заимствованныхъ словъ. Это былъ одинъ изъ немногихъ людей, пользовавшихся совершенно исключительной репутаціей и извѣстныхъ всему Кіеву, — одно изъ немногихъ именъ, которое произносилось не иначе, какъ съ величайшимъ уваженіемъ. Если бы ему дали умереть своей смертью, за его гробомъ шла бы стотысячная толпа . . . И такого человѣка схватили и поспѣшили разстрѣлять черезъ 24 часа, — чтобы никто не успѣлъ за него заступиться. А въ качествѣ основанія казни не сумѣли объявить ничего иного, какъ то, что онъ былъ товарищемъ по партіи съ братомъ Игоря Кистяковскаго . . .

С. Н. Горбуновъ, павшій жертвой своего юрисконсульства въ гетманскомъ Министерствѣ Финансовъ, былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ кіевскихъ адвокатовъ. Онъ былъ человѣкъ умный и способный, но вмѣстѣ съ тѣмъ надломанный, неврастеничный, прекрасный товарищъ и собутыльникъ — настоящая русская «широкая натура». Онъ былъ прирожденнымъ пессимистомъ и скептикомъ; общественная и сословная работа у него какъ-то не клеилась. Предъ приходомъ большевиковъ онъ бѣжалъ въ Одессу, а затѣмъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, на свою погибель, возвратился и поступилъ на службу въ «карательный отдѣлъ» Комиссаріата Юстиціи. Отчего палъ на его несчастную голову гнусный мечъ Лациса, — невѣдомо и необъяснимо.

Процедура арестовъ, сидѣнія въ че-ка, вызова смертниковъ и разстрѣла много разъ описана. Я стараюсь передавать только непосредственныя впечатлѣнія и не буду поэтому своимъ блѣднымъ перомъ вновь описывать всѣ эти ужасные въ своей упрощенности пріемы чекистской расправы . . . Намъ

пришлось столкнуться съ этимъ кошмаромъ лицомъ къ лицу въ связи съ разстрѣломъ одной изъ жертвъ пресловутаго проходимца, «бразильскаго консула» графа Пирро. Я не буду касаться и этой драмы, такъ какъ вся роль Пирро для меня остается загадочной *.

Однажды — это было въ іюлѣ, — развернувъ газету, я былъ потрясенъ. прочитавъ въ кровавомъ синодикѣ еще одно имя. Че-ка сообщала о разстрѣлѣ Іордана Николаевича Пересвѣтъ-Солтана. Онъ былъ пламенный польскій патріотъ и погибъ на посту, какъ рыцарь безъ страха и упрека. І. Н. былъ въ то время предсѣдателемъ польскаго Исполнительнаго Комитета. Когда начались аресты среди поляковъ, онъ временно скрылся на пригородную дачу одного товарища по адвокатскому сословію. И вотъ однажды зять его Стемпковскій, посѣтившій его въ этомъ убѣжищѣ, передалъ ему, что въ польскомъ обществѣ существуетъ неудовольствіе тѣмъ, что онъ, оффиціальный глава его, скрывается и какъ бы бросаетъ тѣнь на всѣхъ поляковъ. Іордану Николаевичу было достаточно этихъ словъ, чтобы немедленно же сняться съ мѣста и возвратиться обратно въ городъ. Въ ту же ночь онъ былъ арестованъ, вмѣстѣ съ невольнымъ виновникомъ его гибели Стемпковскимъ. Черезъ нѣсколько недѣль они оба были разстрѣляны по обвиненію въ связяхъ съ польскими легіонами. Въ очередной газетной «сводкѣ» подлѣ имени Пересвѣтъ-Солтана значилось: «бывшій предсѣдатель Кіевской Судебной Палаты». Въ дѣйствительности, онъ никогда не былъ судьей, а былъ извѣстнымъ въ городѣ адвокатомъ и состоялъ предсѣдателемъ Распорядительнаго Комитета, а затѣмъ товарищемъ предсѣдателя Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Но такими деталями, повидимому, не интересовались слѣдователи и судьи, рѣшавшіе вопросъ о его жизни и смерти...

Такъ дѣлала свое дѣло чрезвычайка.

Типичное «совѣтское учрежденіе», со своими сотрудниками, барышнями, комслужемъ, агит-просвѣтомъ и прочими аттрибутами, — осуществляло функціи террористовъ и палачей...

Достоевскій вложилъ въ уста Шатова слѣдующія слова о «бѣсахъ» революціи:

> «О, у нихъ все смертная казнь и все на предписаніяхъ, на бумагахъ съ печатями, три съ половиной человѣка подписываютъ»... («Бѣсы», ч. II, гл. VI.)

Этотъ геніальный психологическій штрихъ слишкомъ хорошо подтвержденъ большевизмомъ и чрезвычайкой. Послѣ прихода Добровольческой Арміи среди оставленныхъ Вучека бумагъ нашлись нѣкоторые журналы засѣданій ея коллегіи, подъ предсѣдательствомъ Лациса. Журналы эти были составлены, примѣрно, по слѣдующему типу:

Слушали	Постановили
1) Объ отпускѣ по болѣзни товарищу Иванову.	1) Дать отпускъ на 2 недѣли по представленіи медицинскаго свидѣтельства.
2) О бывшемъ профессорѣ университета Армашевскомъ, обвиняемомъ въ контръ-революціи.	2) Подвергнуть высшей мѣрѣ наказанія.

* См. Архивъ, т. 3 с. 210.

И такъ далѣе, — приговоры къ разстрѣлу въ перемежку съ постановленіями о выдачѣ ликвидаціонныхъ и наградныхъ и съ другими вопросами внутренней жизни канцеляріи. Нельзя себѣ представить ничего характернѣе этихъ кровавыхъ журналовъ «Коллегіи В. У. Ч. К.». Какъ эти люди — революціонеры и ниспровергатели par excellence — раболѣпно цѣплялись за самую внѣшнюю, мелкую сторону разрушаемаго міра! Коллегія чекистовъ, «отрекшихся отъ стараго міра», творитъ судъ и расправу надъ контръ-революціонерами — и въ то же время всѣми силами стремится ни на шагъ не отойти отъ шаблона какого-нибудь уѣзднаго съѣзда земскихъ начальниковъ. При этомъ, въ качествѣ настоящихъ выскочекъ и parvenus, канцеляристы изъ че-ка употребляютъ техническіе термины тамъ, гдѣ это даже и не полагается. Уголовный приговоръ, а тѣмъ паче приговоръ къ смертной казни, разумѣется, никогда не бывалъ изложенъ въ видѣ абстрактной формулы — «подвергнуть высшей мѣрѣ наказанія». Но вѣдь рабоче-крестьянская власть такъ безмѣрно любитъ высокопарные термины и бумаги съ печатями, которыя «три съ половиной человѣка подписываютъ»...

* *

*

Занятые высокой политикой и борьбой на многочисленныхъ фронтахъ, большевики въ 1919 году еще не успѣли наложить своей мертвящей руки на всѣ проявленія хозяйственной и культурной жизни Кіева. Магазины продолжали торговать*, гимназіи и университеты еще существовали въ прежнемъ видѣ. Населеніе еще не успѣло изголодаться и опуститься. Люди жили съ запасовъ или со службъ; жалованій еще хватало на минимальныя потребности, особенно если въ семьѣ было нѣсколько служащихъ. Независимыхъ газетъ въ Кіевѣ не выходило. Помѣщеніе «Кіевской Мысли» было занято редакціей «Извѣстій Всеукраинскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета». Кромѣ этого оффиціальнаго органа выходилъ оффиціозъ «Коммунистъ» и нѣсколько украинскихъ большевистскихъ газетъ. Въ Харьковѣ нѣкоторое время еще существовалъ меньшевистскій органъ — не помню его названія, — въ которомъ военный обозрѣватель различными темными намеками поддерживалъ въ публикѣ надежду на интервенцію союзниковъ. Эта газета бралась въ Кіевѣ на расхватъ и мы называли ее «буржуазнымъ утѣшителемъ».

Слухи о помощи со стороны союзниковъ, объ ихъ близкомъ приходѣ изъ Одессы, о спасительныхъ условіяхъ Версальскаго мирнаго договора, возлагавшихъ будто бы не то на Германію, не то на Польшу миссію удушенія большевиковъ, — уже тогда непрерывно муссировались въ Кіевѣ. Большевистскій режимъ вообще является золотымъ вѣкомъ слуховъ; впрочемъ, эта черта эпохи, вмѣстѣ съ другими бытовыми чертами, вполнѣ проявилась впослѣдствіи, въ третій и четвертый приходы большевиковъ.

Въ дѣйствительности, несмотря на обнадеживающія статьи «буржуазнаго утѣшителя» и на слухи объ интервенціи, военныя дѣла большевиковъ шли, по началу, блестяще. Ихъ власть распространялась все дальше и дальше на югъ; въ началѣ апрѣля пала Одесса, за ней послѣдовалъ и Крымъ. Вся Украина и Донъ были подъ властью большевиковъ... Одновременно съ этимъ спартаковскій

* Кромѣ націонализированныхъ книжныхъ магазиновъ.

«путчъ» въ Берлинѣ и авантюра Бэла-Куна въ Венгріи поддерживали разговоры о начинающейся всемірной революціи.

Однако, большевикамъ на этотъ разъ не было дано и часа насладиться плодами побѣды. Какъ морской прибой, безъ единой минуты остановки, смѣняется отливомъ, такъ и волна большевистскаго наступленія, достигнувъ предѣльной точки, въ тотъ же моментъ покатилась обратно. Первые удары военному могуществу большевиковъ на Украинѣ были нанесены повстанцами. Отложился покоритель Одессы атаманъ Григорьевъ, затѣмъ возникли повстанческіе очаги въ Уманьщинѣ, въ Подоліи, у Полтавы. Струкъ, Ангелъ, Зеленый, Махно — всѣ эти имена бандитскихъ и повстанческихъ вождей привлекали къ себѣ все бо́льшее вниманіе. Каждый отрядъ въ отдѣльности былъ слабъ, никакихъ лозунговъ (кромѣ неизмѣннаго «бей жидовъ!») у нихъ не существовало и возстанія обычно безъ труда ликвидировались красной арміей. Но, разсѣянные въ одномъ уѣздѣ, повстанцы появлялись черезъ нѣкоторое время въ другомъ. Они останавливали поѣзда, убивали коммунистовъ и евреевъ, грабили, портили желѣзно-дорожный путь.

Эта партизанская война подкашивала силы большевиковъ, необходимыя имъ для сопротивленія противъ начавшагося въ іюнѣ 1919 г. историческаго похода Добровольческой арміи. Ей предстояло въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ завоевать не только всю Украину, но и почти всю Россію.

Кіевскіе шептуны и передатчики слуховъ какъ будто меньше всего интересовались Добровольческой арміей. Имя Деникина, унаслѣдовавшаго постъ ея вождя послѣ смерти ген. Алексѣева, очень мало говорило тогда уму и сердцу кіевлянъ. А единственное соприкосновеніе съ добровольческими частями, которое мы имѣли во время защиты Кіева отъ Петлюры въ декабрѣ 1918 года, не могло оставить особенно обнадеживающихъ воспоминаній. Однако, со времени занятія добровольцами Донского бассейна наступленіе ген. Деникина силою вещей выдвинулось на первый планъ общественнаго вниманія. Стало ясно, что не взирая на всѣ слухи, только это и есть тотъ единственный сильный врагъ, съ которымъ большевикамъ предстоитъ бороться не на жизнь, а на смерть.

Наступленіе добровольцевъ шло чрезвычайно быстро, какъ всѣ пережитыя нами наступленія — отступленія. 25 іюня 1919 г. палъ Харьковъ, черезъ нѣсколько дней — Екатеринославъ. Положеніе красной арміи на Украинѣ становилось серьезнымъ, тѣмъ болѣе, что основная коммуникаціонная линія съ Москвой была подъ угрозой. Наше правительство начало первничать. Раковскій носился по митингамъ и провозглашалъ повсюду, что республика въ опасности.

Начались мобилизаціи. Сначала было декретировано «всеобщее военное обученіе», — глупая затѣя, изъ которой абсолютно ничего не вышло. Затѣмъ пошли призывы все новыхъ и новыхъ возрастовъ. Параллельно начались усиленныя хлопоты объ отсрочкахъ. За время гражданской войны мы пережили безконечное количество мобилизацій; насъ мобилизовалъ гетманъ противъ Петлюры, затѣмъ Петлюра противъ большевиковъ, затѣмъ большевики противъ добровольцевъ, затѣмъ добровольцы противъ большевиковъ, наконецъ, снова большевики противъ поляковъ и Врангеля. Всѣ эти мобилизаціи были, какъ двѣ капли воды, похожи другъ на друга. Всегда въ мобилизаціонномъ декретѣ стремились захватить возможно болѣе широкій кругъ лицъ и каждому уклоняющемуся отъ призыва отставному ветеринару или бѣлобилетнику грозили самыми суровыми наказаніями. Вопросъ о предоставленіи отсрочекъ учащимся и служащимъ различныхъ учрежденій регламентировался съ величайшей подробностью. Устанавливались

процентныя нормы, по которымъ учрежденіямъ предоставлялось ходатайствовать объ отсрочкѣ исключительно для самаго ограниченнаго числа своихъ самыхъ необходимыхъ, незамѣнимыхъ и неоцѣнимыхъ сотрудниковъ. Разрѣшенный процентъ былъ обыкновенно весьма малъ и, при точномъ соблюденіи нормы, оказывалось, что на отсрочку можетъ разсчитывать, въ каждомъ учрежденіи, примѣрно, $^3/_4$ одного служащаго. Однако, ходатайства о предоставленіи отсрочки можно было возбуждать въ неограниченномъ числѣ. И съ первыхъ же дней мобилизаціи, комиссіи по отсрочкамъ бывали завалены такимъ необозримымъ количествомъ прошеній, что на разсмотрѣніе ихъ уходило нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ кандидаты на отсрочку были свободны отъ явки. Обыкновенно, эти кандидаты такъ и не успѣвали получить отвѣта изъ комиссіи, пока не приходила новая власть и не нужно было готовиться уже къ новой мобилизаціи.

По мѣрѣ приближенія Добровольческой арміи положеніе въ Кіевѣ становилось все болѣе и болѣе напряженнымъ. Была объявлена милитаризація учрежденій, при которой служащихъ заставляли бездѣльничать, вмѣсто шести, восемь часовъ въ день. Наряду съ этимъ, шло сокращеніе штатовъ и начиналась подготовка къ эвакуаціи. По мѣрѣ того какъ приходъ добровольцевъ представлялся уже неминуемымъ, вопросъ объ эвакуаціи начиналъ все больше и больше волновать населеніе. Было тяжело и противно видѣть, какъ увозилось безконечное количество запасовъ и всякаго имущества, въ томъ числѣ, напр., оборудованія реквизированныхъ частныхъ лѣчебницъ и т. д. Но самымъ грознымъ былъ вопросъ о возможности принудительной эвакуаціи людей. Въ городѣ распространялись слухи о предстоящемъ увозѣ цѣлаго ряда категорій интеллигенціи — инженеровъ, профессоровъ, адвокатовъ, врачей. Въ дѣйствительности, это несчастье стряслось только надъ послѣдними. «Обычаи» гражданской войны, повидимому, допускали, чтобы населеніе эвакуируемой территоріи было оставлено безъ медицинской помощи. Какія-то чрезвычайныя коллегіи и комитеты съ неограниченными полномочіями, руководствуясь какими-то загадочными критеріями, намѣчали, по спискамъ врачей, своихъ жертвъ и публиковали ихъ имена въ «Извѣстіяхъ». Обреченные должны были въ 2 — 3 дня сняться съ мѣстъ и ѣхать куда-то вдаль . . .

Между тѣмъ, извѣстія съ фронта становились все менѣе и менѣе утѣшительными для красной арміи. На западѣ, у австрійской границы, воскресъ Петлюра, собравшій снова какую-то армію и также двигавшійся на Кіевъ. Его войска заняли Жмеринку и перерѣзали прямую связь Кіева съ Одессой.

Въ то же время добровольцы не переставали приближаться. Палъ Константиноградъ, пала Полтава. Стали поговаривать о томъ, что Деникинъ не идетъ прямо на Кіевъ только для того, чтобы совершенно отрѣзать большевиковъ отъ Москвы, занявъ, прямымъ ударомъ изъ Харькова, Бахмачъ и Ворожбу. Настроеніе въ совѣтскихъ кругахъ сдѣлалось паническимъ. Многіе стали спѣшно отправлять на сѣверъ своихъ женъ, оставаясь въ Кіевѣ налегкѣ, чтобы уѣхать въ послѣднюю минуту. Для отступленія большевикамъ оставалось только два пути — гужомъ по Черниговскому шоссе или по Днѣпру въ Гомель. Для высшихъ сановниковъ были приготовлены автомобили, которые должны были увезти ихъ, въ минуту опасности, по шоссе. А остальные уѣзжавшіе дрались изъ-за мѣстъ на пароходахъ.

Совѣтскія учрежденія стали спѣшно готовиться къ эвакуаціи. Это выражалось, прежде всего, въ томъ, что «отдѣлы личнаго состава» тщательно сжигали

всевозможные табели и списки съ именами служащихъ. Въ этомъ дѣлѣ «совѣтскія барышни» и кавалеры проявляли колоссальное рвеніе. Они высиживали цѣлыя ночи на пролетъ, пересматривая груды бумагъ и выискивая подлежащія уничтоженію фамиліи сотрудниковъ.

Одновременно съ этимъ шелъ спѣшный раздѣлъ всѣхъ запасовъ комслужей, продовольственныхъ секцій и т. п.

Учрежденія, вѣдавшія транспортъ, — въ частности Губтрамотъ Совнархоза, — были облечены исключительными полномочіями и стремились осуществить широкіе планы увоза изъ Кіева всего того, что большевикамъ хотѣлось бы захватить съ собой.

Результаты дѣятельности Трамота были видны на улицахъ города.

Безконечное количество подводъ, груженныхъ всякими вещами, спускалось по улицамъ города на Подолъ, къ гавани. Тутъ были и реквизированныя швейныя машины, и утварь эвакуируемыхъ учрежденій, и кожа, и мѣшки съ солью... Иногда попадалась подвода съ щегольскими чемоданами, довольно часто — подводы съ мебелью. Возлѣ гавани, особенно въ послѣдніе дни, происходилъ форменный базаръ: половина свезенныхъ къ Днѣпру вещей попадала не на пароходы, а въ руки перекупщиковъ. Этотъ специфическій видъ спекуляціи — скупка подлежащихъ вывозу «казенныхъ» вещей — впервые возникъ въ эти дни; впослѣдствіи онъ всплывалъ на поверхность при каждой эвакуаціи, которыхъ мы пережили еще немало...

Когда дѣло начинало уже близиться къ развязкѣ и окончательное оставленіе Кіева ожидалось со дня на день, въ нашемъ городѣ появился спеціальный посланецъ Москвы — Петерсъ. Ему, повидимому, было поручено вспрыснуть камфору умиравшей совѣтской власти на Украинѣ. Кіевъ былъ объявленъ «укрѣпленнымъ райономъ» и Петерсъ назначенъ его комендантомъ. Его помощникомъ былъ назначенъ Лацисъ.

Будучи не въ силахъ измѣнить что-либо въ военномъ положеніи, Петерсъ и Лацисъ стали отыгрываться на внутреннемъ врагѣ. Была объявлена какая-то грозная мобилизація для рытья окоповъ, участились облавы на дезертировъ и провѣрки документовъ на улицахъ. При этомъ хватали и сажали въ че-ка по малѣйшему подозрѣнію и безъ всякаго подозрѣнія.

Такимъ образомъ, въ подвалахъ чрезвычайки набрались сотни сидѣльцевъ. И надъ ними была учинена кровавая расправа.

Однажды утромъ газеты вышли съ безконечно-длиннымъ, столбца въ два, спискомъ разстрѣлянныхъ. Ихъ было, кажется, 127 человѣкъ; мотивомъ разстрѣла было выставлено враждебное отношеніе къ совѣтской власти и сочувствіе добровольцамъ. Въ дѣйствительности, какъ выяснилось потомъ, коллегія чрезвычайки, усиленная Петерсомъ, рѣшила для острастки произвести массовый разстрѣлъ и выбрала по списку заключенныхъ всѣхъ, противъ кого можно было выставить хоть что-нибудь компрометирующее.

Среди 127-ми разстрѣлянныхъ былъ Мих. Ник. Добрынинъ — предсѣдатель Домоваго Комитета нашего дома. Эти семь мѣсяцевъ онъ по должности присутствовалъ на всѣхъ обыскахъ, арестахъ, реквизиціяхъ. Онъ держался вполнѣ корректно съ большевиками и былъ вообще очень остороженъ. Но въ каждомъ его словѣ, въ самыхъ интонаціяхъ его по великосвѣтскому картавящей рѣчи чувствовалось такое безконечное презрѣніе къ своимъ собесѣдникамъ изъ че-ка или жилотдѣла, — что онъ не могъ не нажить себѣ враговъ и недоброжелателей

въ совѣтскихъ кругахъ. И вотъ, наканунѣ освобожденія Кіева, они свели съ нимъ счеты . . .

Дѣйствительное число разстрѣлянныхъ не ограничивалось опубликованнымъ въ газетахъ спискомъ. Въ самый послѣдній день предъ уходомъ большевиковъ въ че-ка разстрѣливали уже безъ всякаго учета и контроля. Ужасная судьба постигла одного изъ жильцовъ нашего дома — Іос. Сол. Горенштейна. Несчастье его состояло въ томъ, что онъ выглядѣлъ не по лѣтамъ моложаво. При уличной провѣркѣ документовъ указанный въ его паспортѣ возрастъ — 53 года — вызвалъ подозрѣніе. Горенштейнъ былъ арестованъ. Стали за него хлопотать, но изъ высшихъ чекистскихъ сферъ былъ полученъ отвѣтъ: кто это безпокоится о немъ, вѣдь онъ сахарозаводчикъ? Заступники, послѣ этого, не рѣшались проявлять большой активности въ его дѣлѣ. — Въ спискѣ разстрѣлянныхъ Горенштейнъ не значился, это отчасти успокаивало его семью. Но его все же не освобождали. Наконецъ, большевики ушли — а узникъ домой не вернулся и среди увезенныхъ заложниковъ его также не было . . .

Только черезъ нѣсколько дней выяснилась его участь. Люди, жившіе въ домѣ напротивъ Губчека, видѣли, какъ за нѣсколько часовъ до оставленія города красноармейцы вывели изъ помѣщенія че-ка нѣсколькихъ человѣкъ, въ томъ числѣ одного съ длинной бородой и въ черныхъ лакированныхъ ботинкахъ съ сѣрыми вставками; ихъ повели въ домъ на Садовой № 5, гдѣ производились разстрѣлы. Черезъ нѣсколько минутъ изъ дома вышелъ красноармеецъ, державшій въ рукахъ черные, съ сѣрыми вставками, ботинки.

Быть можетъ, эти полюбившіеся солдату ботинки и погубили Горенштейна...

V. Добровольцы

(сентябрь — ноябрь 1919 года)

Деникинъ или Петлюра? — Печальныя реликвіи. — Начало юдофобской травли. — Подъ знакомъ возстановленія. — Адвокатура и бывшіе совѣтскіе служащіе. — День 1 октября 1919 г. — Погромъ. — «Пытка страхомъ». — Разочарованіе и упадокъ. — Политическія ошибки и военныя неудачи. Деморализація. — Кіевскія настроенія въ октябрѣ и ноябрѣ. — Паническая эвакуація 28 ноября. — Ночь на вокзалѣ. — «Въ третій и послѣдній разъ».

По направленію къ Кіеву продвигались одновременно двѣ противобольшевистскія арміи — съ востока добровольцы, съ запада Петлюра съ галичанами Было неясно, кто изъ нихъ займетъ городъ и каковы ихъ взаимоотношенія.

Наши кіевскіе всезнайки — а таковыхъ много въ каждомъ городѣ — утверждали, что, какъ само собою разумѣется, между Петлюрой и добровольцами есть соглашеніе, чуть ли ни санкціонированное Антантой. Приводили и детали этого соглашенія... Любопытно, что диллетантизмъ въ политическихъ сужденіяхъ часто приводитъ къ чрезмѣрной раціонализаціи всего происходящаго: для всезнаекъ причина всякихъ переворотовъ, завоеваній и т. д. есть всегда чье-то тайное велѣніе, тайное соглашеніе и т. п. Только простаки, по ихъ глубокому убѣжденію, могутъ удѣлять въ современной исторіи мѣсто и для случайности, и для безсознательныхъ стихійныхъ процессовъ . . .

БИБЛИОТЕКА
„РУССКАЯ ЛЕТ

Въ данномъ случаѣ, вопреки всякой очевидности, оказались правы именно простаки. Добровольцы и петлюровцы шли навстрѣчу другъ другу не только безъ всякаго соглашенія между собой, но даже съ опредѣленно враждебными намѣреніями. И тѣ, и другіе стремились захватить Кіевъ. Особенно добивались этого петлюровцы, которые, въ сущности, шли почти безъ боя, слѣдуя за эвакуирующими правобережную Украину красноармейскими частями.

Украинцамъ и удалось перехватить на одинъ день нашъ городъ. Утромъ 31 августа 1919 года, послѣ довольно тревожной ночи, со снарядами и пожарами, мы застали на Городской Думѣ желто-голубое знамя и увидѣли на Думской площади хорошо одѣтыхъ и имѣющихъ европейскій видъ галиційскихъ солдатъ. Неизмѣнный Е. П. Рябцовъ, уже вступившій въ исполненіе обязанностей Городского Головы, велъ переговоры съ галиційскимъ начальствомъ. Въ тотъ же день съ утра стали появляться въ городѣ пришедшіе изъ-за Днѣпра патрули добровольцевъ.

Населеніе встрѣчало тѣхъ и другихъ съ энтузіазмомъ. Но было непонятно, кѣмъ же, собственно говоря, Кіевъ занятъ и что будетъ дальше.

Въ серединѣ дня въ городъ вступилъ значительный конный отрядъ добровольцевъ во главѣ съ генераломъ Бредовымъ. Въ первый же часъ его пребыванія въ Кіевѣ произошелъ инцидентъ, ускорившій дальнѣйшее развитіе событій. Когда отрядъ Бредова спускался внизъ по Александровской улицѣ, его встрѣтили съ Крещатика выстрѣлами; то же потворилось у Думы, когда добровольцы пожелали водрузить, рядомъ съ желто-голубымъ, также и трехцвѣтное русское знамя.

Генералъ Бредовъ немедленно вызвалъ къ себѣ представителей галиційскихъ частей и предложилъ послѣднимъ въ теченіе 24-хъ часовъ покинуть городъ. Тѣ подчинились и на слѣдующее утро въ Кіевѣ оставались уже одни только добровольцы.

Настроеніе въ городѣ было приподнятое. Все населеніе высыпало на улицы, мелькали бѣлыя платья и праздичные наряды. Сами добровольцы въ своихъ англійскихъ хаки имѣли щегольской и молодцеватый видъ. Толпы народа ходили по городу съ національными флагами и, — несмотря на тяжелыя воспоминанія, связанныя съ «патріотическими манифестаціями», — въ этотъ день было пріятно видѣть и эти толпы, и эти знамена. Чувствовалось всеобщее единеніе, напоминавшее первые дни революціи. Большевистская власть, чрезвычайка и разстрѣлы представлялись какимъ-то дурнымъ сномъ, навсегда схороненнымъ. Поспѣшное бѣгство большевиковъ, кровавыя расправы предъ уходомъ, всеобщее возмущеніе противъ нихъ — все это не оставляло, казалось, и сомнѣнія въ томъ, что эта опозорившаяся и всѣми проклинаемая власть окончательно отошла въ исторію . . .

Впрочемъ, эти мысли невольно охватывали насъ регулярно при каждой эвакуаціи . . . Тѣмъ трагичнѣе бывало разочарованіе, когда большевики — возвращались.

Анти-большевистскія чувства толпы били черезъ край. Они особенно муссировались тѣми печальными реликвіями, которыя оставили по себѣ послѣдніе дни совѣтской власти. Слово «чрезвычайка» было у всѣхъ на устахъ. Толпы народа тянулись въ бывшія помѣщенія че-ка. Самая ужасная картина открывалась предъ посѣтителями въ домѣ на Садовой № 5. Какъ я уже говорилъ, тамъ Губчека (помѣщавшаяся напротивъ, въ генералъ-губернаторскомъ домѣ) производила разстрѣлы. Для этого дѣла былъ приспособленъ особый бетонированный

сарай, стѣны котораго хорошо заглушали звуки выстрѣловъ... Сарай этотъ былъ оставленъ ушедшими большевиками въ самомъ кошмарномъ видѣ. Полъ былъ залитъ кровью, по угламъ валялись куски человѣческихъ мозговъ. Картина была потрясающая.

Хотя дѣйствительность была достаточно ужасна, но народная молва стремилась сдѣлать ее еще ужаснѣе. Создавались легенды о будто бы найденныхъ изуродованныхъ трупахъ, объ орудіяхъ пытокъ и т. д. Все это было чистымъ вымысломъ. Большевики дѣлали свое заплечное дѣло самымъ упрощеннымъ и быстрымъ образомъ...

Тѣла жертвъ послѣднихъ разстрѣловъ, въ большинствѣ, не были еще похоронены. Они лежали въ мертвецкой Анатомическаго театра, гдѣ несчастные родные разыскивали и опознавали ихъ. Изъ Анатомическаго театра ежедневно направлялись на кладбища похоронныя процессіи.

Во всѣхъ учрежденіяхъ служили панихиды по погибшимъ сочленамъ. На нашемъ первомъ адвокатскомъ собраніи мы не досчитались десяти товарищей, павшихъ жертвами чрезвычайки и самосудовъ...

Газеты чернѣли траурными объявленіями.

* *
*

Съ первыхъ же дней добровольческой власти, фанатики и слѣпцы стремились использовать всеобщія чувства траура и скорби для человѣконенавистническихъ, пагубныхъ цѣлей.

Возбужденіе народа, какъ и слѣдовало ожидать, направилось съ первыхъ же дней противъ евреевъ. Въ эту имепно сторону направляли его, если не сами добровольцы, то весьма значительная часть ихъ политическихъ друзей.

Шульгинъ въ первомъ же номерѣ возобновленнаго «Кіевлянина» счелъ умѣстнымъ напомнить слова своего отца о томъ, что «Юго-Западный Край — русскій, русскій, русскій», и обѣщалъ отнынѣ не отдавать его больше «ни украинскимъ предателямъ, ни еврейскимъ палачамъ». Въ своемъ націоналистическомъ ослѣпленіи Шульгинъ считалъ, что сила Добровольческаго движенія — въ національныхъ русскихъ лозунгахъ. Въ дѣйствительности, однако, сила движенія была въ лозунгахъ не національныхъ, а государственныхъ, не русскихъ, а россійскихъ. И какъ разъ роковой ошибкой для всего грандіознаго движенія оказалось то, что оно не сумѣло побѣдить въ себѣ національное высокомѣріе и оттолкнуло отъ себя всѣ не націоналистически-русскіе элементы населенія.

Въ отношеніи украинства ложный шагъ былъ сдѣланъ самимъ Деникинымъ. Въ отношеніи же еврейства ему оказали медвѣжью услугу его правые сторонники во главѣ съ В. В. Шульгинымъ.

Что бы ни говорить о роли евреевъ въ большевистскомъ движеніи, — изображеніе большевизма какъ *національнаго* еврейскаго движенія, направленнаго противъ всего русскаго, есть не только клевета, но невѣжество и глупость. Большевизмъ не есть національное движеніе; напротивъ, онъ уничтожаетъ всѣ національные институты. Большевизмъ и не направленъ спеціально ни противъ какой націи; среди его жертвъ наблюдается полное равноправіе національностей. И если Троцкій и Урицкій евреи, то евреями же были Дора Каплапъ и Каннегиссеръ.

Этихъ безспорныхъ истинъ не существовало тогда ни для несознательныхъ массъ, ни для нѣкоторыхъ вполнѣ сознательныхъ руководителей. Народъ, проклиная большевизмъ, находилъ въ евреяхъ его живое воплощеніе. А погромные идеологи всѣми силами поддерживали и лелѣяли въ немъ эти чувства и представленія.

Съ первыхъ же дней послѣ ухода большевиковъ начались анти-еврейскіе эксцессы. Примѣръ показали наши калифы на часъ — галичане. На одной изъ окраинъ они захватили небольшой отрядъ гражданской милиціи, на-спѣхъ организованной въ эти дни Городской Думой, и безжалостно разстрѣляли 34 еврейскихъ юношей, бывшихъ среди милиціонеровъ. Какъ жестоко и слѣпо національное предубѣжденіе: эти юноши, самоотверженно откликнувшіеся на зовъ Думы и еще въ присутствіи большевиковъ, съ большимъ рискомъ для себя, образовавшіе охрану мирныхъ жителей, — эти несчастные юноши были привлечены къ отвѣту за преступленія большевиковъ...

Отдѣльные эксцессы имѣли мѣсто и въ послѣдующіе дни на улицахъ города. Хватали и избивали людей, которыхъ — правильно или неправильно — «признавали» за бывшихъ комиссаровъ. Въ лучшемъ случаѣ ихъ отводили въ Контръ-развѣдку. Оттуда же продержавъ ихъ пару недѣль, обычно отпускали съ миромъ.

Въ одинъ изъ этихъ первыхъ дней, возвращаясь домой, я увидѣлъ группу возбужденныхъ людей, толпившихся у подъѣзда. Я подошелъ ближе. Одинъ изъ нашихъ жильцовъ, К., съ прежнихъ временъ имѣвшій отношеніе къ сыскной полиціи, съ азартомъ доказывалъ, что стоявшій тутъ же молодой человѣкъ — комиссаръ изъ чрезвычайки. Къ ужасу я узналъ въ этомъ послѣднемъ своего хорошаго знакомаго Б., шедшаго ко мнѣ въ гости. Б. служилъ въ городскомъ управленіи и былъ нѣсколько разъ въ че-ка, хлопоча за арестованныхъ рабочихъ городскихъ предпріятій. Нашъ жилецъ, очевидно, встрѣтилъ его тамъ однажды. И этой встрѣчи было для него достаточно, чтобы теперь называть Б. комиссаромъ и чекистомъ.

К. видимо уже успѣлъ завести связи въ контръ-развѣдкѣ, такъ какъ, по его вызову, черезъ полчаса явился взводъ солдатъ, арестовавшій моего знакомаго. Я направился за нимъ. Его предъявили начальствовавшему въ нашемъ районѣ полковнику, который велѣлъ перевести арестованнаго на ночь въ какое-то помѣщеніе на глухомъ Кловскомъ спускѣ.

«Г. полковникъ, — спросилъ я его, подавляя волненіе, — арестованному ничего не угрожаетъ?»

Полковникъ перемѣнился въ лицѣ и рѣзко отвѣтилъ: «Мы не большевики, не разстрѣливаемъ».

Однако, эту ночь мы были не вполнѣ спокойны за судьбу Б. — На слѣдующее утро его перевели въ контръ-развѣдку, помѣщавшуюся на Фундуклеевской улицѣ, а оттуда въ тюрьму. Мы сейчасъ же подняли на ноги всѣхъ и вся, получили отъ Городского Головы удостовѣреніе о совершенной лойяльности Б., но все это не произвело большого впечатлѣнія. Его освободили только недѣли черезъ двѣ. Впослѣдствіи, по другому дѣлу, я обратился съ просьбой о заступничествѣ къ прокурору судебной палаты С. М. Чебакову, который лично зналъ арестованную (помощника присяжнаго повѣреннаго). Но тогда же мнѣ передали отзывъ о Чебаковѣ одного генерала изъ контръ-развѣдки, заявившаго, что Чебаковъ, котораго назначилъ прокуроромъ «мерзавецъ — Керенскій», для него не авторитетъ... Единственнымъ способомъ вызволить

кого-либо изъ контръ-развѣдки было найти знакомаго слѣдователя или нащупать путь къ кому либо изъ не безсеребренныхъ чиновъ канцеляріи . . .

Въ этомъ всѣ подобныя учрежденія — большевистскія и анти-большевистскія — похожи другъ на друга! . .

* *
*

Эпоха добровольцевъ, — особенно въ первое время, — была эпохой возрожденія и возстановленія всего разрушеннаго совѣтскимъ режимомъ. Скажу болѣе: это была послѣдняя возможная попытка возстановленія въ истинномъ смыслѣ этого слова, то-есть возстановленія безъ постройки на-ново, путемъ простой отмѣны всего содѣяннаго большевиками. Въ Кіевѣ, гдѣ большевики провели всего полгода, такое возстановленіе было тогда еще возможно. Уничтоженныя большевиками учрежденія еще существовали, ихъ матеріальный и личный составъ былъ еще на лицо. Достаточно было снять налетъ декретовъ, и все могло еще воскреснуть — судъ, городское самоуправленіе, университетъ, торговля, банки и т. д. Эта возможность тогда еще была, но, повторяю, это была п о с л ѣ д н я я возможность . . .

Подъ знакомъ возстановленія и прошли первыя недѣли Деникинской власти. Всѣ выселенные устремлялись обратно въ свои квартиры, разыскивая по городу реквизированную у нихъ мебель. Банки, изъ которыхъ были увезены векселя и процентныя бумаги, открыли вновь свои операціи. Заработали фабрики и заводы. Жизнь стала значительно дешевле — хлѣбъ дошелъ до 7-ми рублей за фунтъ, въ то время какъ при большевикахъ онъ стоилъ около 20 рублей, а предъ эвакуаціей даже 70 рублей.

Нѣкоторое смятеніе на рынкѣ вызвали валютныя мѣропріятія новой власти. До этого момента широкая публика почти не дѣлала различія между различными сортами русскихъ денегъ. Извѣстнымъ фаворомъ пользовались только такъ-называемыя «царскія деньги», которыя почти не обращались на рынкѣ. Но о возможности различныхъ цѣнъ на одинъ и тотъ же предметъ при разсчетѣ на разную валюту никто тогда еще и не подозрѣвалъ. «Керенки», «украинки» и «совѣтскія» шли совершенно на-равнѣ; послѣднія принимались даже охотнѣе всего, такъ какъ среди «керенокъ» и особенно среди украинскихъ пятидесятирублевокъ было много фальшивыхъ и рваныхъ. — Непосредственно предъ приходомъ добровольцевъ появился лажъ на керенки и украинки; курсъ совѣтскихъ денегъ палъ. А вскорѣ послѣ переворота совѣтскія деньги были аннулированы особымъ приказомъ и большая масса населенія, снабженная главнымъ образомъ этими деньгами, оказалась въ весьма тяжеломъ положеніи.

Валютный вопросъ, повторяю, внесъ нѣкоторое смятеніе и вызвалъ неудовольствіе противъ новой власти; но общая картина была все же картиной возрожденія нормальной хозяйственной жизни. Всѣ продукты появились въ изобиліи, продавцы перестали бояться реквизицій, условія транспорта улучшились. Жить стало легче.

Быстро возродилась, съ приходомъ добровольцевъ, также общественная и правовая жизнь.

Городская управа, съ Городскимъ Головой Рябцевымъ во главѣ, стояла на своемъ посту съ самыхъ первыхъ дней. Впослѣдствіи составъ управы былъ измѣненъ и мѣсто Рябцова занялъ кадетъ П. Э. Бутенко.

Возродился старый судъ. Старшій предсѣдатель судебной палаты Д. Н. Григоровичъ-Барскій пріѣхалъ въ Кіевъ чуть не съ передовымъ отрядомъ генерала Бредова и тотчасъ же созвалъ общее собраніе судебной палаты, постановившее, начиная съ послѣдующаго дня, открыть вновь всѣ судебныя учрежденія округа. Предсѣдатель Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, получивъ отъ Григоровичъ-Барскаго оффиціальное увѣдомленіе объ этомъ, немедленно созвалъ адвокатскіе Совѣты. По зданію суда стали тащить и перетаскивать мебель, возстанавливая помѣщенія въ прежнемъ видѣ . . .

Возродилась и пресса. «Кіевлянинъ», молчавшій съ марта 1918 года, вышелъ съ лирической статьей Шульгина подъ заглавіемъ: «Они вернулись» . . . «Они» — это были тѣ офицеры и юнкера, которые въ ноябрѣ 1917 года, послѣ побѣды Центральной Рады, ушли изъ Кіева на Донъ. «Кіевская Мысль», вслѣдствіе политическихъ треній въ средѣ редакціи, не могла быть возстановлена въ старомъ видѣ. Вмѣсто нея вышла газета подъ названіемъ «Кіевская Жизнь», въ которой не принимали участія руководившіе «Кіевской Мыслью» меньшевики: Эйшискинъ, Балабановъ, Дрелингъ, Наумовъ. Д. І. Заславскій (Homunculus) — по партійной принадлежности бундовецъ — остался въ «Жизни». — Появилось нѣсколько новыхъ газетъ: состоявшее при какомъ-то торгово-промышленномъ комитетѣ «Кіевское Эхо», антисемитскіе «Вечерніе Огни» и др.

Возрожденіе кіевской адвокатуры — его мнѣ пришлось наблюдать ближе всего — происходило далеко не безболѣзненно. Вѣроятно, та же картина имѣла мѣсто и въ другихъ сословіяхъ и учрежденіяхъ; но здѣсь, благодаря публичному характеру нашей сословной жизни, все было болѣе открыто и явно. Вмѣстѣ съ охватившей всѣхъ радостью, съ перваго же дня поднялась волна злобы. Среди адвокатуры она была направлена противъ бывшихъ «совѣтскихъ служащихъ», то-есть тѣхъ адвокатовъ, которые занимали при большевикахъ тѣ или иныя должности. Почти вся молодая часть сословія относилась къ этой категоріи: не имѣя никакихъ запасовъ и средствъ, представители молодой адвокатуры неминуемо должны были поступать на службу. Они дѣлали это съ тѣмъ большимъ правомъ, что тактика саботажа была уже похоронена и на сѣверѣ, а нашъ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, неоднократно запрошенный по данному предмету, никакого принципіальнаго воспрещенія не высказалъ.

Итакъ, было среди насъ много — нѣсколько сотъ — бывшихъ совѣтскихъ служащихъ. Огромное большинство служило въ различныхъ канцеляріяхъ на нейтральныхъ должностяхъ и ничѣмъ себя не скомпрометировало. Тѣ, которые занимали политическіе посты, теперь уѣхали съ большевиками. Наконецъ, было и нѣсколько такихъ, которые, не переходя къ коммунистамъ, опозорили себя и косвенно опозорили сословіе своимъ поведеніемъ, наживая деньги благодаря знакомствамъ въ «сферахъ» или участвуя въ отдѣльныхъ неблаговидныхъ затѣяхъ большевиковъ. Имена этихъ послѣднихъ адвокатовъ были болѣе или менѣе у всѣхъ на устахъ, и, казалось бы, не было ничего проще и естественнѣе, чѣмъ возбудить противъ данныхъ лицъ дисциплинарное преслѣдованіе.

Однако, охватившій довольно широкіе круги духъ мстительности, подогрѣваемый юдофобскими настроеніями, не удовлетворялся такимъ непоказнымъ результатомъ. Многимъ неудержимо х о т ѣ л о с ь вести травлю. Они и стали травить всѣхъ бывшихъ совѣтскихъ служащихъ, выдвигали фантастическіе проекты объ исключеніи всѣхъ ихъ изъ сословія, объ особой реабилитаціонной комиссіи и т. д.

Къ сожалѣнію, въ первыя недѣли этому по существу злобному и несправедливому настроенію поддались довольно многіе искренніе и честные элеметны. Нѣкоторыхъ охватила потребность къ покаянію и самобичеванію и они, изъ самыхъ благородныхъ побужденій, поддерживали этимъ мстительныя тенденціи людей иного типа. Къ числу такихъ невинно-кающихся принадлежалъ и покойный Юрій Исааковичъ Лещъ. Смыслъ его прекрасной рѣчи въ первомъ нашемъ общемъ собраніи сводился къ тому, что всѣ виновны въ трусости и чуть ли не въ измѣнѣ и что поэтому никто не смѣетъ судить другихъ. Къ сожалѣнію, рѣчь, которая въ наиболѣе яркихъ своихъ частяхъ носила характеръ обличенія, была воспринята какъ поддержка наиболѣе рѣзкихъ правыхъ резолюцій. И въ концѣ концовъ, несмотря на противодѣйствіе обоихъ Совѣтовъ, была большинствомъ голосовъ принята резолюція, заключавшая въ себѣ элементъ общаго порицанія поведенію адвокатуры съ самаго начала революціи.

Проявившіяся въ этомъ общемъ собраніи тенденціи встрѣтили, однако, все усиливавшееся противодѣйствіе среди прогрессивныхъ элементовъ сословія. Организаціоннымъ центромъ для послѣднихъ явилась образованная еще въ сентябрѣ 1919 года «Адвокатская группа Союза Возрожденія Россіи». Группѣ удалось вызвать нѣкоторый переломъ въ настроеніи сословія и провести свой, отнюдь не правый, кандидатскій списокъ на выборахъ въ оба Совѣта.

* *
*

Общее собраніе для выборовъ въ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ было первоначально назначено на 1 октября 1919 года. Но этотъ день сулилъ намъ нѣчто совсѣмъ иное...

30 сентября вечеромъ я былъ въ своей школѣ и засидѣлся тамъ довольно поздно, такъ какъ происходило общее собраніе «школьнаго коллектива» (то-есть учениковъ и учителей) для обсужденія ряда вопросовъ. Оно затянулось часовъ до 11-ти вечера. Вернувшись домой усталый, я легъ спать; а утромъ, часовъ въ восемь, меня разбудили и сказали мнѣ, что городъ эвакуируется и черезъ нѣсколько часовъ будетъ занятъ большевиками.

Это событіе — большевистскій налетъ на Кіевъ въ октябрѣ 1919 года — имѣлъ въ дѣйствительности точно такой же характеръ чисто кинематографической неожиданности, какой ему приданъ мною въ этомъ описаніи. 30 сентября никому въ Кіевѣ (быть можетъ, за исключеніемъ высшаго военнаго начальства) не приходила въ голову мысль о возможности прихода большевиковъ; а 1 октября этотъ приходъ сталъ, хотя и эфемерной, но все же реальной дѣйствительностью.

Было извѣстно, что большевистскія части, отрѣзанныя на югѣ Украины, пробиваются на сѣверъ. Извѣстно было и то, что Петлюровскія войска съ ними не сражаются, а пропускаютъ ихъ впередъ — въ тылъ Добровольческой Арміи. Но газеты сообщали объ этихъ большевистскихъ частяхъ, какъ о дезорганизованныхъ, голодныхъ и безоружныхъ бандахъ, скрывающихся по лѣсамъ. И этимъ сообщеніямъ нельзя было не вѣрить; мы всѣ видѣли, что представляетъ изъ себя отступающая красная армія, — здѣсь же говорилось о частяхъ, отрѣзанныхъ отъ своей базы и обреченныхъ на гибель.

Извѣстно было и то, что большевистскія части подходятъ къ Ирпеню, гдѣ стоитъ добровольческій заслонъ. Разумѣется, Ирпень недалекъ отъ Кіева, верстахъ въ 20-ти, и это обстоятельство могло бы внушать нѣкоторое безпокойство. Но въ нашихъ штатскихъ головахъ не умѣщалась мысль о томъ, что Добровольческая Армія, побѣдоносно продвигавшаяся вглубь Россіи, занявшая Курскъ и Воронежъ и подступавшая къ Орлу, — не поставила у Кіева достаточно сильнаго заслона, чтобы защитить его отъ дезорганизованныхъ большевистскихъ бандъ.

Тѣмъ не менѣе, случилось именно это невозможное.

Въ ночь съ 30-го на 1-е большевики прорвали возлѣ Пущи-Водицы тонкій добровольческій заслонъ и продвинулись вплотную къ городу. Остальныя части арміи, чтобы не быть окруженными, должны были спѣшно отступить за Днѣпръ. Городъ былъ оставленъ на произволъ судьбы.

Возбужденіе среди жителей было колоссально. Большевистскій налетъ считали кратковременнымъ эпизодомъ, въ мощь Добровольческой Арміи еще вѣрили. Но всѣ представляли себѣ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, что большевики успѣютъ натворить даже за нѣсколько дней хозяйничанья въ Кіевѣ.

Нѣсколько тысячъ человѣкъ предпочло вовсе не переживать этихъ дней въ Кіевѣ и послѣдовало за отступавшими добровольцами на лѣвый берегъ Днѣпра.

Мы рѣшили остаться въ городѣ, но перейти на другую квартиру. Весь день ушелъ на приведеніе въ порядокъ различныхъ оставляемыхъ вещей и бумагъ, и только часовъ въ семь вечера мы могли двинуться въ путь. Къ этому времени въ городѣ наступила уже знакомая намъ полоса безвластья. Армія уже оставила городъ, пока еще никѣмъ не занятый. На улицахъ было жутко и тихо. И только издали доносилась порой трескотня пулеметовъ.

Не встрѣтивъ на своемъ пути ни одного человѣка, мы прошли черезъ Липки на Александровскую улицу и подошли къ дому, въ который направлялись. Подлѣ дома стояла кучка солдатъ, какъ будто выжидающихъ чего-то. «Должно быть, какая-нибудь запоздавшая часть отступающей арміи», подумалъ я. Не вступая ни въ какіе разговоры съ солдатами, мы вошли въ подъѣздъ.

Какъ оказалось, это былъ передовой отрядъ большевиковъ.

Домъ, въ которомъ мы нашли пріютъ, былъ во власти этого отряда всю послѣдовавшую затѣмъ ночь. Нѣсколько комнатъ было уже «реквизировано» для ночевки солдатъ. А отъ времени до времени красноармейцы заходили въ квартиры съ различными требованіями — пищи, одежды и т. д.

Отрядъ предъ нашимъ домомъ все увеличивался. Подвезли артиллерію, подъѣхали конные и красноармейскія войска заполнили всю лежащую предъ нами улицу. Но впередъ они отчего-то не продвигались. Такъ мы и легли спать, съ красноармейскимъ отрядомъ подъ окнами. На слѣдующее утро, однако, солдатъ предъ домомъ уже не было, а про ночевавшихъ въ домѣ сообщалось, что и они въ серединѣ ночи куда-то исчезли. Въ городѣ продолжала царить тишина.

Положеніе было для насъ совершенно неяснымъ. Обѣ борющіяся арміи какъ будто боялись другъ друга и опасались продвинуться впередъ. А городъ Кіевъ оказался какъ бы нейтральнымъ островомъ между ними...

Въ дѣйствительности, какъ потомъ выяснилось, добровольцы не оставили всего города. Мосты черезъ Днѣпръ и Печерскія высоты непрерывно оставались въ ихъ обладаніи. Развѣдчики, высланные стоявшей предъ нашими окнами

большевистской частью, повидимому, сообщили ей эти свѣдѣнія, послѣ чего она поспѣшила ретироваться. Такъ обстояло дѣло въ нашемъ районѣ; другія же части города, расположенныя со стороны брестъ-литовскаго шоссе, были во власти большевиковъ.

Мы скоро увидѣли, что городъ не только не былъ нейтральной полосой, но, напротивъ, сталъ настоящимъ полемъ сраженія.

Бой начался 2 октября. Мимо нашихъ оконъ, спускаясь съ Печерска на Крещатикъ, проскакала добровольческая конница. Со всѣхъ сторонъ раздалась пулеметная и ружейная стрѣльба. А вскорѣ къ этимъ звукамъ присоединились знакомые напѣвы артиллеріи . . .

Въ теченіе двухъ или трехъ дней мы находились въ полосѣ боя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы были въ полномъ невѣдѣніи о его ходѣ и результатахъ. Мы судили по тому, что было предъ нашими глазами. Добровольческія части то спускались съ Печерска внизъ, то снова отступали наверхъ. По этимъ маневрамъ мы судили о стратегическихъ успѣхахъ всего фронта и съ замирающимъ сердцемъ вглядывались въ лицо каждаго солдата, стремясь прочесть на немъ, какова ожидающая насъ участь. 3-го или 4-го октября предъ самымъ нашимъ домомъ добровольцами была водружена пушка и это событіе, разумѣется, привлекло напряженнѣйшее вниманіе всего дома. Пушка выстрѣлила, посыпались разбитыя стекла нижнихъ квартиръ. Мы чувствовали себя на позиціи, чуть ли не участниками боя... Черезъ нѣсколько часовъ пушку отвезли по Александровской вверхъ и мы съ отчаяньемъ смотрѣли ей вслѣдъ — намъ казалось, что теперь, значитъ, все пропало . . .

На самомъ дѣлѣ, однако, картина, которая развертывалась предъ нашими окнами, не давала правильнаго представленія о ходѣ военныхъ дѣйствій. Хотя бой и шелъ съ перемѣннымъ успѣхомъ, но въ общемъ производилось систематическое выбиваніе большевиковъ изъ города. Добровольцы занимали улицу за улицей, участокъ за участкомъ. Мы были въ ближайшемъ тылу боя и къ намъ даже не долетали снаряды. То, что мы считали наступленіемъ и отступленіемъ, было въ дѣйствительности лишь тыловыми маневрами по смѣнѣ частей.

Числа пятаго стало совершенно очевидно, что городъ отвоеванъ у большевиковъ. Пушка предъ нашимъ домомъ не обманула нашихъ ожиданій.

* *
*

Нашъ предсѣдатель Домоваго Комитета съ какимъ-то смущеннымъ видомъ заходитъ къ намъ въ квартиру.

— О чемъ вы объяснялись съ этими офицерами, Василій Корниловичъ?

— Да такъ, знаете. . . Они спрашивали, гдѣ у насъ въ домѣ еврейскія квартиры . . .

Такъ вотъ оно что.

Невольно вспомнился вечеръ 18 октября 1905 года. Я былъ тогда гимназистомъ 6-го класса. Мы всей семьей спускались внизъ по лѣстницѣ, направляясь къ знакомымъ праздновать объявленіе конституціи. Но, еще не успѣвъ сойти внизъ, мы увидѣли швейцара, поспѣшно запирающаго выходную дверь.

— Что случилось?

— Да такъ, знаете. . . У насъ тутъ внизу живетъ портной. . . еврей. Такъ у него стекла разбили . . .

Тотъ же смущенный, какъ будто виноватый голосъ...

Погромъ. Онъ висѣлъ въ воздухѣ въ первые дни прихода добровольцевъ. Но не было санкціи, — хотя бы молчаливой, — со стороны начальства, а безъ нея погромы не начинаются. Въ сентябрѣ изъ разныхъ мѣстъ стали поступать извѣстія о погромахъ. Но въ Кіевѣ настроеніе улегалось. Грозившій и несостоявшійся погромъ никогда не осуществляется безъ новаго толчка. Налетъ большевиковъ 1 октября и обратное завоеваніе города дали такой новый толчокъ погромнымъ настроеніямъ. А обстановка была такая, что явное одобреніе нѣкоторой части населенія и прессы и молчаливая санкція начальства были обезпечены...

Погромъ и начался.

Странный это былъ погромъ, спокойный, дѣловитый, — по-моему, даже какъ бы компрометирующій идею еврейскаго погрома. При всемъ желаніи, въ томъ, что дѣлалось въ эти дни въ Кіевѣ, нельзя было видѣть и тѣни стихійнаго проявленія народнаго гнѣва. Никакого подъема, никакой ширины, никакого разрушенія. Въ прежнія времена расхищеніе еврейскаго имущества происходило хоть въ облакѣ пуха изъ распоротыхъ перинъ и подъ звонъ разбитыхъ стеколъ. Теперешніе погромщики стали несравненно дѣловитѣе и практичнѣе. Они понимали, что при существующихъ цѣнахъ было бы грѣшно разломать хоть бы бездѣлицу...

Техника октябрьскаго погрома 1919 года была примѣрно слѣдующая. Въ еврейскую квартиру заходитъ вооруженная группа, человѣкъ пять-шесть. Одинъ становится у парадной двери, другой у двери на черный ходъ. Послѣ этихъ предупредительныхъ мѣръ начинается лирическая часть. Одинъ изъ шайки обращается къ хозяину квартиры съ рѣчью: вы, евреи, молъ, большевики и предатели, вы стрѣляли въ насъ изъ оконъ, вы уклоняетесь отъ призыва въ армію и т. д. — извольте отдать на нужды Добровольческой арміи все, что у васъ есть цѣннаго, деньги, золото, драгоцѣнности; не отдадите добровольно, будете немедленно разстрѣляны; найдется что-либо запрятанное, сдѣлаемъ обыскъ, все обнаружимъ, а васъ разстрѣляемъ за укрывательство. Если жертва народнаго гнѣва послѣ этого спѣшила выложить достаточную сумму, все этимъ и кончалось; если нѣтъ, пускались въ ходъ болѣе интенсивные пріемы вымогательства — ее ставили къ стѣнкѣ, приставляли дуло револьвера къ головкамъ дѣтей и т. д. и т. д.

Въ болѣе глухихъ частяхъ города, въ особенности въ уединенныхъ, оставленныхъ хозяевами усадьбахъ, происходило не вымогательство, а настоящее разграбленіе. Тутъ на помощь «иниціативной» группѣ являлись въ большинствѣ случаевъ живущіе по сосѣдству дворники, мастеровые, прислуга и т. д. Имущество растаскивали до нитки, оставляя только мебель. Но и здѣсь оконъ не били и ни одного стула не ломали.

Среди участниковъ такихъ разграбленій бывали иногда люди, знакомые или связанные въ дѣловомъ отношеніи съ ограбленной еврейской семьей. Въ этихъ случаяхъ мстители за поруганные національные идеалы послѣ погрома для избѣжанія обыска и для возстановленія знакомства, возвращали хозяевамъ что-либо изъ «взятыхъ на храненіе» и «спасенныхъ отъ гибели» вещей...

По сравненію съ романтическими временами 1881 и 1905 гг., нынѣшніе погромщики стали практичнѣе и въ самомъ выборѣ своихъ жертвъ. Въ прежнія времена, когда путемъ погромовъ боролись съ еврейской эксплоатаціей, жертвами погрома оказывались въ громадномъ большинствѣ — бѣдняки изъ предмѣстій; теперь, когда погромы являются возмездіемъ за большевизмъ, они падаютъ исключительно на богатыхъ...

Человѣческія жертвы были, увы! и отъ того погрома. Но убійства производились какъ-то параллельно и независимо отъ ограбленій. Не было бунтующей толпы, грабящей и убивающей. Въ отдѣльныхъ случаяхъ солдаты, — преимущественно кавказцы, весьма далекіе отъ какихъ бы то ни было русскихъ патріотическихъ чувствъ, — ловили на глухихъ улицахъ молодыхъ евреевъ и расправлялись съ ними. Но даже и отъ нихъ часто можно было откупиться.

Въ дни погрома и въ послѣдующіе дни бывали и иного рода случаи самосудовъ и разстрѣловъ. Подъ предлогомъ ареста уводили еврейскихъ молодыхъ людей, которые больше не возвращались. Расправлялись и съ тѣми, кто позволялъ себѣ защищаться и защищать другихъ.

Убивали не въ квартирахъ, не въ пылу борьбы. Нѣтъ, жертву уводили и приканчивали въ укромномъ мѣстѣ. И въ этомъ сказалась модернизація погромнаго дѣла.

Ни одного разбитаго стекла, ни одного поломаннаго стула; дѣловитость и экономія силъ; деньги, деньги и деньги . . .

Таковъ былъ этотъ современный погромъ въ октябрѣ 1919 года въ Кіевѣ.

Разумѣется, юдофобская пресса сумѣла сочинить и для этого погрома благовидныя причины и придать ему нѣкоторую долю идейности. Погромную кампанію въ прессѣ начали «Вечерніе Огни» — бездарный и безчестный уличный органъ. А увѣнчалась она не менѣе безчестными, но болѣе талантливыми статьями В. В. Шульгина въ «Кіевлянинѣ».

Вмѣсто разорванныхъ царскихъ портретовъ, которые играли такую важную роль въ погромахъ 1905 г., на этотъ разъ фигурировала стрѣльба евреевъ изъ оконъ въ добровольческія войска. «Вечерніе огни» въ первомъ же своемъ номерѣ, вышедшемъ по возвращеніи добровольцевъ въ Кіевъ, помѣстили пространную статью съ указаніемъ десятковъ случаевъ стрѣльбы евреевъ въ уходившія и наступавшія добровольческія войска. Всѣ случаи сообщались съ образцовой подробностью и точностью, съ называніемъ именъ и указаніемъ адресовъ. Всѣ они были затѣмъ провѣрены и всѣ, безъ единаго исключенія, оказались ложью. Результаты разслѣдованія были черезъ два дня опубликованы «Кіевской Жизнью». Но, разумѣется, никакихъ практическихъ результатовъ разоблаченіе не имѣло: публикація, естественно, не успѣла предотвратить погрома, а впечатлѣніе статьи «Вечернихъ огней» все равно не изгладилось. Можно ли доводами разума заставить кого-либо усомниться въ томъ, во что онъ хочетъ вѣрить? Въ данномъ же случаѣ, Шульгинъ откровенно сказалъ въ одной изъ своихъ статей, что напрасно евреи отрицаютъ, что они стрѣляли изъ оконъ, такъ какъ имъ «все равно никто не повѣритъ». По компетентному мнѣнію Шульгина, всѣ эти попытки самооправданія со стороны евреевъ только разжигаютъ юдофобскія чувства; поэтому онъ и назвалъ Зарубина и Рябцева, особенно много работавшихъ надъ выясненіемъ истины, «самыми главными погромщиками города Кіева» . . .

Еврейское населеніе отнеслось къ погрому съ какимъ-то тупымъ отчаяніемъ. Нервы были истощены до крайности, а послѣ кровавыхъ кошмаровъ послѣднихъ лѣтъ можно было ожидать отъ погромщиковъ величайшихъ жестокостей. По ночамъ изъ домовъ, въ которые пытались войти погромщики, доносился душу раздирающій вой; сотни голосовъ взывали о помощи. Иногда это дѣлалось отъ страха, а иногда изъ разсчета: погромщиковъ обычно бывало человѣкъ 5—6 и видъ цѣлаго дома, бодрствующаго и зовущаго на помощь, въ большинствѣ случаевъ смущалъ ихъ и заставлялъ пройти мимо. Глубоко трагиченъ этотъ ночной

крикъ былъ въ обоихъ случаяхъ — и какъ результатъ отчаянія и какъ единственный возможный пріемъ самозащиты.

Но В. В. Шульгинъ счелъ возможнымъ увѣковѣчить эти ночные крики, какъ назиданіе. Въ своей знаменитой статьѣ «Пытка страхомъ», появившейся въ «Кіевлянинѣ» дня черезъ два послѣ погрома, онъ совѣтовалъ евреямъ, слушающимъ этотъ крикъ, поразмыслить о томъ, сколько вреда еврейская молодежь надѣлала Россіи. Эта пытка, которой подвергаются старики и дѣти, — «пытка страхомъ», — есть, съ одной стороны, возмездіе евреямъ за ихъ грѣхи, а съ другой напоминаніе и предупрежденіе. А заканчивалась эта позорная статья, — говорю позорная съ полнымъ сознаніемъ смысла и значенія слова, — заканчивалась статья слѣдующимъ канибальскимъ умозаключеніемъ: погромы съ политической точки зрѣнія вредны и съ ними нужно бороться, такъ какъ они вызываютъ слишкомъ много жалости къ евреямъ.

Такъ защищалъ дѣло возрожденія Россіи въ октябрѣ 1919 г. В. В. Шульгинъ.

* *
*

Эпизодъ 1 октября и послѣдовавшіе за нимъ погромные дни наложили мрачный отпечатокъ на кіевскую жизнь. Добровольцы оставались у насъ еще два мѣсяца, но все это время городъ жилъ страхами и слухами о приходѣ большевиковъ. Къ тому же распоясанный антисемитизмъ арміи и нѣкоторыхъ ея идеологовъ не могъ не уничтожить того радостнаго чувства единенія и душевнаго подъема, съ которымъ все населеніе Кіева встрѣтило въ августѣ Добровольческую армію.

Получались извѣстія о новыхъ и новыхъ погромахъ. Особенно кровавую страницу добровольцы вписали въ свою исторію въ Фастовѣ. Тамъ уже былъ не погромъ, а рѣзня, истребленіе всего еврейскаго населенія.. Такъ какъ погромы нужно было чѣмъ-нибудь оправдать, то юдофобская пропаганда правыхъ круговъ все усиливалась. Стали распространять легенды о жестокостяхъ, чинимыхъ евреями надъ солдатами Деникинской арміи. Легенды эти были настолько нелѣпы и неправдоподобны, что не воспроизводились даже въ самой крайней правой печати. Тѣмъ не менѣе ихъ повторяли люди, которые какъ будто причисляются къ интеллигенціи... Повидимому, въ иныхъ случаяхъ, когда нѣтъ ритуальнаго убійства, нужно его создать.

Еврейство насильно выключалось изъ состава группъ, поддерживающихъ Добровольческую армію. Нѣкоторые еврейскіе круги принимали крайнія мѣры къ тому, чтобы предотвратить это пагубное для обѣихъ сторонъ отчужденіе. Черезъ нѣсколько дней послѣ кіевскаго погрома, человѣкъ двадцать кіевскихъ еврейскихъ дѣятелей, — не смущаясь презрительнымъ шипѣніемъ и еврейскихъ, и русскихъ націоналистовъ, — образовали «Еврейскій комитетъ содѣйствія возрожденію Россіи». Комитетъ выступилъ въ печати съ декларацією, призывавшей еврейство къ всемѣрной поддержкѣ Добровольческой арміи. —

Но событія были сильнѣе самыхъ благихъ намѣреній и начинаній. И ихъ голосъ звучалъ громче самаго горячаго призыва. Между еврействомъ и арміей образовалась пропасть. Еврей, пережившій погромъ, не могъ всѣми силами души стремиться не уѣхать въ такія мѣста, гдѣ ему не грозило бы его повтореніе. Еврейскій купецъ, неувѣренный въ своей безопасности и въ безопасности семьи, не могъ ѣздить за товаромъ; этимъ онъ саботировалъ хозяйственное возрожденіе.

Еврей — бывшій юнкеръ, произведенный въ офицеры, не могъ продолжать любить армію, которая изгнала его изъ своей среды.

Становилось тяжело жить. Впервые въ эти дни во мнѣ появилось желаніе уѣхать — хотя бы и надолго — за границу. Всякая общественная работа дѣлалась все труднѣе и мучительнѣе... Ухудшались, съ приближеніемъ зимы, и внѣшнія условія жизни.

Между тѣмъ, военное положеніе Добровольческой Арміи начало замѣтно измѣняться къ худшему. Большевистскій налетъ на Кіевъ былъ какъ бы сигналомъ, положившимъ начало обратной волнѣ добровольческаго наступленія. Возможности такого налета обнаруживала чрезвычайную необезпеченность тыла добровольцевъ на Украинѣ. Въ значительной мѣрѣ эта необезпеченность была вызвана ошибками политическаго характера.

Деникинъ объявилъ Петлюру измѣнникомъ и не умѣлъ столковаться съ Польшей. Естественно, что и Петлюра и поляки старались, чѣмъ могли, вредить Добровольческой Арміи. Петлюра открылъ свой фронтъ большевикамъ и далъ имъ возможность съ юга подойти къ Кіеву. Поляки не желали «протянуть руку», чтобы сомкнуть въ раіонѣ Гомеля свой фронтъ съ фронтомъ Деникина и тѣмъ завершить окруженіе оставшихся на Украинѣ большевистскихъ частей.

Хозяйственная жизнь, которая не переноситъ даже самыхъ справедливыхъ еврейскихъ погромовъ, не налаживалась. Транспортъ былъ разстроенъ совершенно. У насъ не было прямого сообщенія съ Одессой — туда приходилось ѣздить черезъ Бахмачъ. Сообщеніе съ правительственнымъ центромъ — Ростовомъ на Дону — также было крайне медленное и трудное. Надвигалась зима, а между тѣмъ городъ былъ безъ топлива. Стали обзаводиться комнатными печками, такъ какъ на центральное отопленіе уже не разсчитывали. Уголь изъ Харькова не подвозили, электрическія станціи жили изо дня въ день. Трамвайное движеніе сокращалось, электрическое освѣщеніе дѣйствовало нерегулярно. Каждый вечеръ насъ оставляли на часъ или два во мракѣ. Невеселыя думы навѣвалъ этотъ мракъ...

Я невольно сравнивалъ эти внѣшнія условія кіевской жизни въ октябрѣ и ноябрѣ 1919 года съ тѣмъ, что было годомъ раньше — при гетманѣ и нѣмцахъ. Вѣдь тогда тоже была эпоха «контръ-революціи» — отчего же тогда жизнь била ключомъ, а теперь она такъ явно замирала? Неужели все дѣло было въ нѣмцахъ, въ этихъ сѣрыхъ, исполнительныхъ солдатахъ и въ франтоватыхъ, наглыхъ лейтенантахъ? Неужели такъ-таки невозможно своими силами возстановить угольныя шахты и заставить работать электрическую станцію?..

* *
*

Армія была деморализована. Непрекращавшіеся еврейскіе погромы не прошли для нея даромъ. Растерявъ всеобщее уваженіе и сочувствіе, растерявъ симпатіи торгово-промышленныхъ и, въ частности, еврейскихъ элементовъ населенія, она вмѣстѣ съ тѣмъ подтачивалась и изнутри. «Грабители, — сказалъ генералъ Деникинъ, — не могутъ долго оставаться на мѣстѣ грабежа». Сначала они, послѣ грабежей, уходили впередъ; теперь они стали уходить обратно.

Разлагающее вліяніе еврейскихъ погромовъ призналъ, въ концѣ концовъ, и Шульгинъ. Въ одной изъ послѣднихъ статей въ «Кіевлянинѣ» онъ, со свойственнымъ ему талантомъ, формулировалъ эти мысли въ яркихъ и лакониче-

скихъ строкахъ. И для Шульгина стало ясно, что погромы вредны не только изъ-за вызываемой ими чрезмѣрной жалости къ евреямъ... Но было уже поздно.

Національная нетерпимость Добровольческаго командованія и въ другомъ отношеніи отмстила за себя на судьбѣ арміи. Все украинское движеніе было въ оффиціальномъ приказѣ Деникина объявлено измѣннническимъ; ни о какомъ соглашеніи съ Петлюрой, разумѣется, не было и рѣчи. Такой политикой этотъ естественный союзникъ въ борьбѣ съ большевиками былъ обращенъ въ врага. И въ то время, какъ Добровольческая Армія двигалась на Москву, Украина оставалась незамиренной и связи съ портами Чернаго моря не было... Неумѣлыми и нерѣшительными переговорами добровольцы оттолкнули отъ себя и другого союзника — Польшу.

Политическія ошибки командованія и эксцессы войскъ прощались общественнымъ мнѣніемъ, пока оно вѣрило, что Добровольческая Армія — такая, какъ она есть — все же ведетъ насъ къ сверженію большевиковъ. Но когда эта вѣра пошатнулась, а затѣмъ стала быстро слабѣть и исчезать, — широкіе круги рѣзко отшатнулись отъ командованія, арміи и политики добровольцевъ.

Та-же картина происходила, повидимому, и у Колчака. Но, характернымъ образомъ, у насъ въ Кіевѣ о Колчакѣ и его правительствѣ не находили иныхъ словъ, кромѣ самаго горячаго восхищенія. Деникину даже ставили въ вину, что онъ нарочито не допускаетъ въ свои края извѣстій о положеніи въ Сибири, чтобы имѣть возможность не слѣдовать либеральному и демократическому примѣру Колчака. Возможно, что въ Сибири въ это время думали то же объ Украинѣ. Эта траги-комедія на тему: «гдѣ же лучше? — гдѣ насъ нѣтъ», происходила въ миніатюрѣ и между Кіевомъ и Одессой. Въ Кіевѣ всѣ надежды возлагали на одесскаго командующаго генерала Шиллинга и на какія-то подчиненныя ему идеальныя части, составленныя изъ нѣмецкихъ колонистовъ. А въ Одессѣ, говорятъ, ждали спасенія отъ кіевскаго генерала Бредова...

Я сказалъ уже, что событія 1 октября были для добровольцевъ сигналомъ къ повороту военнаго счастья. Съ октябрьскими днями совпало взятіе Орла — этого крайняго пункта на пути къ Москвѣ, который удалось занять добровольцамъ. Черезъ нѣсколько дней, однако, Орелъ былъ оставленъ. Писали о различныхъ стратегическихъ соображеніяхъ, по которымъ эвакуація Орла добровольцами должна была быть гибельной для большевиковъ. Этому хотѣлось, но трудно было вѣрить. А когда затѣмъ каждая недѣля стала приносить вѣсть о новомъ отступленіи и о новой эвакуаціи, для насъ стало ясно, что мы о б р е ч е н ы.

Подавляюще дѣйствовало на жизнь Кіева то, что большевики, отступивъ отъ города въ первыхъ числахъ октября, снова остановились на Ирпенѣ. Такимъ образомъ, мы все время находились подъ ударомъ. Доносившаяся по ночамъ канонада напоминала намъ о близости фронта и объ измѣнчивости военнаго счастья... Въ городѣ часто распространялись слухи о предстоящей эвакуаціи; нѣсколько разъ подымалась паника. Въ десятыхъ числахъ ноября даже началась форменная эвакуація, которая затѣмъ была пріостановлена.

Послѣ октябрьскихъ дней я твердо рѣшилъ уѣхать изъ Кіева. Я приводилъ въ порядокъ дѣла и готовился къ отъѣзду. Хотя никакихъ формальныхъ разрѣшеній и пропусковъ для выѣзда не требовалось, но все же это было дѣломъ нелегкимъ: трудно было найти хоть какой-нибудь вагонъ, не говоря уже о болѣе или менѣе оборудованномъ и болѣе или менѣе защищенномъ; трудно было установить свой маршрутъ. 11 ноября мы сдѣлали первую неудачную попытку

уѣхать. Мы провели цѣлую ночь на вокзалѣ, сидя на чемоданахъ, въ переполненной теплушкѣ. Утромъ выяснилось, что насъ съ собой не берутъ и мы вернулись домой... Теплушка, въ которой мы просидѣли эту ночь, еще дней пять стояла на кіевскомъ вокзалѣ, пока какой-то поѣздъ не включилъ ее въ свой составъ.

Около 20-го ноября условія выѣзда изъ Кіева значительно улучшились: благодаря переходу галиційскихъ частей на сторону Добровольческой Арміи, открылось прямое сообщеніе между Кіевомъ и Одессой на Казатинъ, Жмеринку, Раздѣльную. Мы завели переговоры съ какимъ-то желѣзнодорожникомъ, обѣщавшимъ перевезти насъ въ Одессу. У него былъ, будто бы, готовый къ отправкѣ вагонъ и нужно было только выждать нѣсколько дней, пока возвратятся съ линіи какіе-то локомотивы.

Пока мы ждали этихъ локомотивовъ, Добровольческая Армія все отступала, а большевики все приближались къ Кіеву. Въ военныхъ сводкахъ стали попадаться названія совершенно ужъ близкихъ пунктовъ: Нѣжинъ, Бобровица, Бобрикъ, Бровары... Городъ пустѣлъ.

Мы со дня на день ожидали возможности отъѣзда. И не дождались.

28 ноября намъ пришлось быть на еврейскомъ кладбищѣ и тамъ же, во время похоронъ, мы услышали усиленную канонаду, доносившуюся изъ-за Днѣпра. Въ городѣ мы застали уже картину бѣгства. Носились автомобили, военные останавливали на улицахъ извощиковъ и реквизировали лошадей, все устремлялось на вокзалъ. Стало извѣстно, что большевики прорвали фронтъ у Дарницы и значительно приблизились къ Кіеву.

Подвелъ насъ нашъ желѣзнодорожникъ!..

На слѣдующее утро я отправился съ двумя изъ предполагавшихся нашихъ спутниковъ къ вокзалу на развѣдку. На Фундуклеевской улицѣ какіе-то военные остановили насъ и пригласили зайти за ними во дворъ ближайшаго дома. Почуя недоброе, я не послѣдовалъ ихъ приглашенію, повернулся и сталъ быстро спускаться внизъ по направленію къ Крещатику. За своей спиной я услышалъ чей-то голосъ: «Эй, вы, въ черной шляпѣ, — пожалуйте-ка сюда!» Не оборачиваясь, я ускорилъ шагъ и завернулъ за уголъ. Народа на улицѣ было много и солдатъ счелъ неудобнымъ (а можетъ быть и не стоящимъ) гнаться за мной по улицамъ. Я сталъ ожидать возвращенія своихъ спутниковъ. Вскорѣ появился одинъ, отпущенный послѣ того, какъ онъ предъявленіемъ паспорта доказалъ свою непричастность къ еврейству. Второй пришелъ позже; у него забрали 10.000 рублей и кольцо.

Мысль о прогулкѣ на вокзалъ пришлось оставить...

Я заранѣе рѣшилъ, въ случаѣ если не удастся уѣхать, не оставаться при большевикахъ въ своей квартирѣ. Въ тотъ же день, — это было 29 ноября, — мы переѣхали въ намѣченную для этого случая комнату. Предъ самымъ нашимъ приходомъ, на лѣстницѣ того дома, гдѣ намъ предстояло поселиться, какой-то солдатъ застрѣлилъ одного изъ еврейскихъ жильцовъ...

Мы провели три дня въ нашемъ новомъ жильѣ. По ночамъ слышна была канонада; городъ усиленно обстрѣливался. Днемъ на улицахъ было тихо и пустынно. Мы поголадывали, такъ какъ запасовъ никакихъ не имѣли, а купить что-нибудь было трудно. Да и «деникинскихъ» денегъ торговцы уже не принимали опасаясь ихъ аннулированія большевиками.

2 декабря къ намъ явился вѣстникъ, сообщившій, что вагонъ нашего желѣзнодорожника готовъ, стоитъ на вокзалѣ и сегодня же ночью отойдетъ. Недолго думая, мы рѣшили послѣдній разъ попытать счастья...

* *
*

Снова ночь на вокзалѣ, въ теплушкѣ, на этотъ разъ при несмолкаемомъ грохотѣ снарядовъ. Посреди ночи мы чувствуемъ движеніе колесъ — насъ перевозятъ съ запаснаго пути. Мысленно прощаемся съ Кіевомъ...

Утро. На такъ-называемой «дачной» или «фруктовой» платформѣ большое оживленіе. Стоитъ въ полной готовности поѣздъ, локомотивъ пышетъ уже разведенными парами. Это — такъ-называемый «головной» поѣздъ. Въ немъ размѣстились канцеляріи послѣднихъ воинскихъ частей и нѣкоторые гражданскіе чины. Этотъ поѣздъ, — какъ объясняютъ мнѣ, — уйдетъ послѣднимъ. На путяхъ рядомъ — нѣсколько вагоновъ безъ паровоза, и среди нихъ нашъ вагонъ. Желѣзнодорожникъ съ гордостью показываетъ мнѣ на немъ помѣтку мѣломъ: «отправка 3/XII». «Хорошо, — думаю я, — но вѣдь эта помѣтка не замѣнитъ паровоза»...

Проходитъ нѣсколько часовъ. Мы сидимъ въ вагонѣ, выходимъ въ буфетъ чай пить, прогуливаемся по платформѣ. Изъ города намъ приносятъ еще коекакіе продукты на дорогу. Прощаемся.

Около 12 часовъ дня я замѣчаю нѣкоторое оживленіе среди пассажировъ «головного» поѣзда. Не придаю ему значенія. Вѣрую въ нашего желѣзнодорожника, въ помѣтку мѣломъ «3/XII» и въ обѣщанный паровозъ...

На платформѣ ко мнѣ подходитъ знакомый.

— Если у васъ есть знакомые въ головномъ поѣздѣ, — говоритъ онъ мнѣ, — постарайтесь устроиться тамъ.

— Зачѣмъ же, — наивно возражаю я, — вѣдь головной поѣздъ уйдетъ послѣднимъ?

— Да, но зато онъ уйдетъ навѣрно... Долженъ вамъ сказать, что положеніе ухудшилось. Большевики могутъ черезъ часъ быть на вокзалѣ. Вы представляете себѣ, что̀ будетъ съ тѣми, кого они здѣсь застанутъ... Устраивайтесь въ головномъ поѣздѣ или возвращайтесь въ городъ!

Серьезность нашего положенія ясно предстала предъ моимъ сознаніемъ. Необходимо дѣйствовать, притомъ сейчасъ, не медля ни минуты. Прошу жену, на всякій случай, сложить наши вещи и направляюсь къ головному поѣзду.

«Знакомые?» Какъ будто есть нѣсколько знакомыхъ. Но что изъ того? Они сами съ трудомъ выпросили себѣ мѣсто. Что они могутъ сдѣлать для насъ?

Вотъ товарищъ предсѣдателя суда Дугановъ.

— Митрофанъ Ивановичъ, въ какомъ вагонѣ вы ѣдете? Нельзя ли примоститься у васъ?

— Я ѣду съ Персидскимъ Консуломъ Виттенбергомъ. Если хотите, я познакомлю васъ.

Представляетъ меня этому кіевскому персіанину. На барашковой шапкѣ у него значекъ «льва и солнца», видъ вполнѣ дипломатическій.

— Нельзя ли... и т. д.

— Въ моемъ вагонѣ мѣстъ нѣтъ!

Еще нѣсколько попытокъ съ такимъ же успѣхомъ, и я въ отчаяніи возвращаюсь къ нашему вагону. Бросаюсь къ желѣзнодорожнику.

— Вывезете вы насъ или нѣтъ?!

— Да какъ же, вѣдь вы видѣли помѣтку «3/XII». Вагонъ назначенъ къ отправкѣ. Вотъ только паровоза ждемъ.

— А если не будетъ паровоза?

— Долженъ быть. Управленіе д о л ж н о вывезти всѣ составы..

Слово «должно» разрѣшило всѣ мои колебанія. Мало ли что д о л ж н о было случиться и не случилось? Добровольцы д о л ж н ы были взять Москву, а не уходить изъ Кіева! Категорію долженствованія лучше вовсе устранить изъ нашихъ разсужденій въ такихъ случаяхъ...

— Немедленно возвращаемся въ городъ.

Предъ вокзальнымъ подъѣздомъ нахожу какого-то захудалаго носильщика съ санками.

Вокзалъ все наполняется народомъ. Цѣлыя воинскія части проходятъ пѣшкомъ по рельсамъ по направленію къ Посту-Волынскому. Однако, слышны разговоры, что Постъ-Волынскій уже занятъ большевиками и что мы отрѣзаны.

Мы спѣшимъ вверхъ по Безаковской, доходимъ до угла Бибиковскаго бульвара. Снизу слышны ружейные выстрѣлы. Поперекъ улицы стоитъ солдатская цѣпь. Намъ кричатъ:

— Поворачивай обратно, здѣсь прохода нѣтъ.

Куда же дѣться?

Вспоминаю про друзей, живущихъ на Владимірской улицѣ. Туда можно пробраться переулками...

— Попробуемъ пройти черезъ Назарьевскую.

— Не возьмемъ мы горы-то. Силъ у меня нѣтъ.

Впрягаюсь самъ въ санки, носильщикъ подталкиваетъ сзади. По пути встрѣчаемъ массу какихъ-то людей. Всѣ спѣшатъ куда-то, всѣ стремятся перемѣнить мѣсто, думая этимъ спастись отъ грядущихъ непріятностей. Какой-то перепуганный человѣческій муравейникъ. Встрѣчаются и воинскія части, отступающія къ вокзалу. Мимо насъ пробѣгаетъ сестра милосердія, растерянно спрашивая, застанетъ ли она еще головной поѣздъ...

Выстрѣлы раздаются все чаще и чаще. Слышны и разрывы снарядовъ. Мы узнали впослѣдствіи, что недалеко отъ того мѣста, гдѣ мы находились, былъ въ этотъ моментъ убитъ снарядомъ вызванный къ больной профессоръ Брюно...

Лишь бы добраться до Владимірской...

Дошли, завернули направо. Мы у цѣли.

Въ полномъ изнеможеніи бросаюсь на первую кушетку. Физическая усталость, пережитое нервное напряженіе, сознаніе неудачи, ожиданіе долгихъ мучительныхъ дней — все это окутываетъ душу какимъ-то безпросвѣтнымъ мракомъ...

«Красная армія, — гласилъ опубликованный 3 декабря 1919 года приказъ, — послѣ героической борьбы, в ъ т р е т і й и п о с л ѣ д н і й р а з ъ заняла Кіевъ».

VI. Большевики и поляки

(декабрь 1919 — іюнь 1920)

Будни большевизма. — Политическое затишье. — Матерьяльныя заботы. — Въ уединеніи. — Условія жизни. Сыпнякъ. — Неожиданная эвакуація. — Вступленіе польскихъ войскъ. — Экономическій тупикъ. Валюта. — Окно въ Европу. — Польское отступленіе. — Послѣдняя «перемѣна».

Въ 1918 году мы увидѣли буйную молодость большевизма, въ 1919-омъ онъ предсталъ предъ нами во всемъ своемъ жестокомъ размахѣ. Въ 1920 году начались большевистскія будни — картина сѣрая и мутная, настроенія томительныя и скучныя.

Съ первыхъ же дней прихода большевиковъ въ концѣ 1919 года было видно, что они полиняли и выдохлись. Исчезло увлеченіе юности и энергія зрѣлаго возраста; наступила усталость. Исчезла дѣтская вѣра въ себя и въ свои силы; началось додѣлываніе дѣла, за которое взялись и которое нельзя было уже бросить, безъ всякой надежды на конечный успѣхъ.

Періодъ третьяго пребыванія у насъ большевиковъ — между добровольцами и поляками — былъ временемъ политическаго затишья. Кіевъ пересталъ быть украинской столицей и высокая политика дѣлалась, подъ суфлера изъ Москвы, въ Харьковѣ. Красная армія одерживала легкія побѣды надъ остатками добровольцевъ. Пала Одесса, палъ Ростовъ, палъ Новочеркасскъ; большевистская лавина остановилась только на порогѣ Крыма.

Мы ждали отъ большевиковъ преслѣдованій и мести; вѣдь весь городъ былъ въ той или иной степени скомпрометированъ въ ихъ глазахъ проявленнымъ сочувствіемъ къ ихъ врагамъ. Однако, никакихъ репрессій не было. Че-ка нѣсколько присмирѣла. Только изрѣдка она давала о себѣ знать облавами и разстрѣлами «валютчиковъ» и «спекулянтовъ».

Совѣтскія учрежденія обрѣли свой характерный обликъ — собранія недоѣдающихъ и озябшихъ людей съ подавленной волей, въ апатіи и праздности. Наступившая зима наложила этотъ видимый отпечатокъ на внѣшность совѣтскихъ канцелярій. Эти полу-пустыя комнаты съ желѣзными печками, эти люди, сидящіе за своими столами въ пальто, платкахъ и перчаткахъ, эта наносимая съ улицы грязь — все это сливалось въ картину необычайно стильную, но и безконечно унылую. Поражала, послѣ прежней расточительности, скудость во всемъ — въ бумагѣ, въ мебели, въ перьяхъ, въ пишущихъ машинкахъ... Почти въ каждой комнатѣ торжественно разрѣзался и дѣлился между присутствующими дурной черный хлѣбъ — пресловутый п а е к ъ, символъ совѣтскаго существованія.

Если прежде сильнѣе всего проявлялась жестокость и наглость большевистскаго режима, то начиная съ этого времени самой характерной и показательной его чертой стала нечестность и продажность. Наблюдательному взору эти свойства открывались уже по внѣшнему виду людей, занявшихъ теперь начальническіе посты, и, еще болѣе, по наружности тѣхъ, кто ихъ облѣпливалъ. Каждаго вошедшаго въ любое изъ совѣтскихъ учрежденій сразу обдавала атмосфера канцеляріи старорежимнаго полицейскаго участка или воинскаго присутствія...

Глубокая перемѣна наступила и въ жизни населенія, въ частности его болѣе культурныхъ слоевъ. У всѣхъ, за самыми ничтожными исключеніями, выдви-

нулся на первый планъ вопросъ о томъ, какъ прокормиться? Всѣ помыслы были направлены на добываніе хлѣба; остальное отодвинулось далеко назадъ. Дороговизна стала расти катастрофически, процентовъ на 30—40 въ мѣсяцъ. Жалованья, тарифныя ставки, ликвидаціонныя, — о которыхъ столько говорили въ 1919 году, — все это потеряло существенное значеніе. У всѣхъ была увѣренность, что все равно жалованьемъ не проживешь и что нужно искать другихъ источниковъ для существованія. Экономическая необходимость пробивала бреши въ нелѣпыя схемы тарифной политики, на разработку которыхъ было въ 1919 г. затрачено столько труда. Запрещенное на бумагѣ «совмѣстительство» стало теперь общимъ и терпимымъ явленіемъ. Началась математика разсчета «преміальныхъ», «сверхурочныхъ», «сдѣльныхъ» и т. п. Все это, однако, не могло заполнить зіяющихъ дыръ, образовавшихся у каждаго въ повседневномъ бюджетѣ на удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей.

Хотя магазины были открыты и базары торговали, но уже началъ практиковаться въ широкихъ размѣрахъ натуральный обмѣнъ вещей на продукты, особенно съ крестьянами. Денегъ на покупки у большинства не хватало, а вещи было выгоднѣе вымѣнивать, чѣмъ продавать. Впрочемъ, практиковалось и то, и другое... При этомъ главнымъ, а одно время даже единственнымъ, пріобрѣтателемъ всего продаваемаго былъ привозившій въ городъ продукты крестьянинъ. Позже къ числу покупателей присоединилась новая плутократія изъ разбогатѣвшихъ лавочниковъ и казнокрадовъ.

Характерной чертой этой внутренней, домашней стороны совѣтскаго существованія является то, что матеріальныя тяготы въ каждой семьѣ оказались въ значительной мѣрѣ переложенными съ мужей на женъ. Выборъ предназначенныхъ для продажи вещей — главнымъ образомъ платья и бѣлья, — ихъ передѣлка подъ крестьянскій вкусъ, самая продажа или обмѣнъ — все это, разумѣется, дѣло женское. А такъ какъ именно «ликвидсобхозъ» (какъ въ шутку называли ликвидацію собственнаго хозяйства) сталъ основнымъ факторомъ матерьяльнаго существованія, то главнымъ дѣйствующимъ лицомъ во всѣхъ семьяхъ оказалась женщина.

Что же дѣлали мы, мужья, мужчины? Разумѣется, помогали женамъ въ физической работѣ. А кромѣ этого, дѣлали безконечно мало или почти ничего. Это всеобщее, подневольное бездѣлье стало однимъ изъ проклятій русской жизни. Оно было естественнымъ результатомъ большевистской хозяйственной и политической системы. Прежде всего, всѣхъ (или почти всѣхъ) заставили перестать дѣлать то, что каждый умѣлъ и къ чему привыкъ: коммерсанта заставили перестать быть коммерсантомъ, адвоката — адвокатомъ, журналиста — журналистомъ, чиновника — чиновникомъ. Благодаря многообразнымъ мобилизаціямъ выбили изъ колеи также большинство работниковъ остальныхъ профессій — врачей, инженеровъ и т. д. Засимъ, всѣхъ обратили въ совѣтскихъ служащихъ, совершенно не заинтересованныхъ въ результатѣ своей работы и обязанныхъ отсиживать положенное казенное число часовъ въ канцеляріяхъ. И наконецъ, поставили всѣхъ въ такія матерьяльныя условія, при которыхъ у каждаго явилось сознаніе, что трудомъ онъ, во всякомъ случаѣ, на жизнь не выработаетъ, и если можетъ честнымъ образомъ облегчить женѣ тяготы базара, то только защитой своихъ правъ на «преміальныя», орудованіемъ въ комитетѣ служащихъ и хлопотами объ усиленіи пайка.

Трудъ сталъ подневольнымъ и непроизводительнымъ: таковъ былъ результатъ установленія у насъ царства труда. Апофеозомъ этого парадокса стали

такъ-называемые «воскресники». По идеѣ, воскресники мыслились, какъ веселые и дружные пикники или экскурсіи, на которыхъ служащіе различныхъ учрежденій, въ праздничные дни, выполняли бы тѣ или иныя физическія работы: нагрузку, очистку, рубку дровъ и т. п. Въ такомъ именно видѣ представляетъ себѣ, между прочимъ, нѣчто подобное нашимъ воскресникамъ П. А. Крапоткинъ въ своей книгѣ «Завоеваніе хлѣба». Но въ дѣйствительности воскресники свелись къ тому, что несчастныхъ совѣтскихъ служащихъ сгоняли по воскресеніямъ въ какой нибудь пунктъ и заставляли дружно и весело работать. Тѣ, разумѣется, отвиливали отъ этой новой обузы всѣми знакомыми по гимназическимъ воспоминаніямъ способами. И въ результатѣ получалась, какъ всегда и во всемъ, — каррикатура.

Невольное бездѣліе, какъ результатъ подневольнаго труда, царило не только въ канцеляріяхъ и не только въ городахъ.

Тэнъ разсказываетъ о томъ, какъ при якобинскомъ владычествѣ самый трудолюбивый хозяинъ на свѣтѣ — французскій крестьянинъ — пересталъ сѣять. Наше крестьянство при совѣтской власти также сократило площадь запашки. Большевики вздумали бороться съ этимъ — газетной агитаціей! Выдумали какой-то «посѣвный фронтъ», разослали агитаторовъ и черезъ нѣкоторое время при помощи подтасованныхъ цифръ торжествовали побѣду на этомъ новомъ фронтѣ. И никто въ совнаркомѣ или наркомѣ не подумалъ о томъ, какое это, въ сущности, testimonium paupertatis — агитировать въ газетахъ за то, что крестьянинъ дѣлалъ безъ всякаго понужденія цѣлыя тысячелѣтія до изобрѣтенія печатнаго станка...

Экономическая политика большевиковъ въ эти мѣсяцы также отличалась отсутствіемъ агрессивности. Магазины торговали, хотя въ большинствѣ подъ вывѣсками вновь возникшихъ кооперативовъ. Наряду съ новыми, фиктивными, продолжали существовать и прежнія, настоящія кооперативныя объединенія. Въ виду оказываемаго имъ покровительства, они въ нѣкоторыхъ областяхъ заняли положеніе монополистовъ, благодаря которому кооперативы расширялись или, точнѣе, разбухали. Къ нимъ переходило, на предметъ спасенія отъ реквизицій, много частнаго добра. Совѣтская власть сначала съ ними кокетничала, затѣмъ стала ихъ «реорганизовывать»*, и наконецъ — поглотила ихъ.

Большимъ расположеніемъ совѣтской власти пользовались, особенно первое время, артисты. Ихъ профессіональные органы сохраняли нѣкоторую автономію; а мобилизаціи, которымъ ихъ подвергали, не были страшны. Артистическій трудъ оплачивался, по началу, довольно широко. Постепенно, по мѣрѣ общаго оскудѣнія, это благополучіе кончилось.

Театръ также испыталъ на себѣ всѣ изломы совѣтской политики. Сначала его сдѣлали безплатнымъ для зрителей, а актеровъ вознаграждали очень щедро. Затѣмъ, когда кончились веселые Расплюевскіе дни, это положеніе смѣнилось обратнымъ: стали у публики деньги брать, а актерамъ платить по-нищенски. Мнѣ пришлось только однажды быть въ театрѣ во время большевиковъ. Ставили «Овечій Источникъ» Лопе-де-Вега, причемъ революціонная цензура замѣнила въ строфахъ въ честь испанскаго государя слово «король» словомъ «народъ»...

* Мнѣ приходилось имѣть дѣло съ однимъ кооперативомъ, который за пять мѣсяцевъ былъ пять разъ реорганизованъ и переименованъ. Сначала это былъ «Областный союзъ рабочей кооперации», затѣмъ его слили съ «Центросекціей», затѣмъ съ «Согорюзомъ», послѣдній переименовали въ «Губсекцію», а ее слили съ «Губсоюзомъ».

Мѣсяцы третьяго пребыванія въ Кіевѣ большевиковъ мы прожили въ пріютившей насъ комнатѣ на Прорѣзной, куда мы перешли 28 ноября, въ день эвакуація Добровольцевъ. Мы жили въ довольно укромномъ мѣстѣ, во второмъ дворѣ, и до насъ, въ большинствѣ случаевъ, не докатывалась волна обысковъ, облавъ, провѣрокъ и реквизицій. За эти мѣсяцы мы не видѣли у себя ни одного сановника изъ Жилотдѣла и, такъ какъ уплотнить насъ больше, чѣмъ мы были уплотнены, было невозможно, то мы были сравнительно спокойны за свое жилье и могли повторять слова англійской поговорки «my home is my castle»[1]).

Нашъ castle, какъ я сказалъ, состоялъ изъ одной комнаты, служившей спальней, столовой, кухней, пріемной и рабочимъ кабинетомъ. Это былъ приспособленный для своего новаго назначенія салонъ модной мастерской. Теперь пришлось въ самомъ центральномъ мѣстѣ его водрузить печурку, которая топилась щепками и не поддерживала тепла ни на одну минуту дольше, чѣмъ щепки подкладывались . . .

Первое время мы почти не выходили изъ своей комнаты, но затѣмъ, когда нѣкоторыя тучи разсѣялись, мы снова вышли на свѣтъ Божій. Я возобновилъ чтеніе лекцій въ школѣ. Отсутствіе всякой профессіональной и общественной работы давало возможность и досугъ для работы научной. Я ухватился за эту возможность и, впервые послѣ окончанія университета, сталъ систематически и интенсивно заниматься наиболѣе интересовавшими меня теоретическими вопросами.

Въ мартѣ 1920 года кружокъ юристовъ, группировавшійся съ 1918 года возлѣ О-ва «Право и Жизнь», возобновилъ свои занятія подъ флагомъ вновь открытаго «Кіевскаго Соціологическаго Общества». Еженедѣльно О-во устраивало публичныя собранія съ докладами и преніями. Никакихъ препятствій со стороны властей намъ не дѣлали и только однажды, помнится, меня попросили объявить себя больнымъ и отложить докладъ въ виду ожидаемаго посѣщенія кого-то изъ чиновъ Управленія высшей школы . . .

* *
*

Повторяю: большевики вели себя въ эти мѣсяцы довольно мирно. Но это, разумѣется, не могло ни на минуту остановить тѣхъ гибельныхъ процессовъ разложенія, обнищанія и вымиранія всей страны, къ которымъ велъ ихъ режимъ.

Кустарное отопленіе желѣзными печками съ выпускомъ дыма черезъ вентиляторы и окна, не могло не приводить къ пожарамъ. А недостатокъ воды вызывалъ то, что о тушеніи рѣчи быть не могло. Сколько ни сгоняли для этого «буржуевъ», — загорѣвшійся домъ неминуемо догоралъ до основанія.

Физическія условія существованія становились все хуже и хуже. Въ большинствѣ домовъ съ центральнымъ отопленіемъ, въ которыхъ теперь еле обогрѣвались печками въ каждой квартирѣ 2—3 комнаты, замерзали и лопались водопроводныя и канализаціонныя трубы. Эту катастрофу пришлось испытать и намъ въ нашемъ новомъ жилищѣ, которое оберегало насъ отъ комиссаровъ, но не отъ стихій. Три зимнихъ мѣсяца мы прожили въ самыхъ примитивныхъ санитарныхъ условіяхъ. А когда наконецъ ледъ въ трубахъ оттаялъ, то на

---

* «Мой домъ — мой замокъ.»

электрической станціи стало недоставать топлива и въ результатѣ вода подавалась водопроводомъ на какія-нибудь полчаса за цѣлыя сутки, притомъ чаще всего ночью. Бывало, раздается у насъ среди ночи звукъ самодѣльнаго гонга: это дворникъ извѣщаетъ жильцовъ, что въ водопроводѣ показалась вода. Обычно она доходила только до подвальнаго или перваго этажа, а иногда показывалась лишь въ одномъ, — самомъ низкомъ, — кранѣ на всю усадьбу. И вотъ, дворъ наполняется народомъ. Жильцы съ ведрами и кувшинами становятся въ очередь и получаютъ живительную влагу. Очередь еще далеко не исчерпана, когда напоръ воды слабѣетъ, а затѣмъ вовсе прекращается. Не наполнившіе своего ведра выбѣгаютъ на улицу и спѣшатъ внизъ, — на Крещатикъ, на Подолъ, — гдѣ, быть можетъ, еще возможно набрать воды...

Убійственныя санитарныя условія и всеобщее недоѣданіе фатально вели къ развитію эпидеміи. Въ эту зиму насъ посѣтилъ сыпной тифъ и именно въ первое свое посѣщеніе эта страшная эпидемія приняла самыя жестокія формы. Удовлетворительной статистики не было, несмотря на всѣ «статбюро», но несомнѣнно, что сыпнымъ тифомъ переболѣли въ Россіи милліоны и что смертность была чрезвычайно велика.

Въ каждомъ домѣ было по нѣсколько больныхъ, больницы были переполнены, а на кладбищахъ тѣла по нѣсколько дней выжидали очереди, пока ихъ не предавали землѣ.

Наибольшій рискъ заразы былъ на желѣзныхъ дорогахъ. Люди, пускавшіеся въ путешествіе, натирались какими-то маслами и обвѣшивались амулетами съ нафталиномъ. И все же обычно, послѣ пріѣзда, гдѣ либо въ складкахъ пальто находился экземпляръ передатчика заразы — платяной вши — и приходилось съ замирающимъ сердцемъ выжидать окончанія періода инкубаціи.

А между тѣмъ, эта форма тифа въ Западной Европѣ уже сдана въ архивъ исторіи и о ней вспоминаютъ, какъ о бичѣ, посѣщавшемъ человѣчество когда-то давно — давно...

* *
*

Въ концѣ января 1920 года красная армія заняла Одессу. Вскорѣ палъ Ростовъ и на фронтѣ установилось затишье.

Въ западномъ направленіи большевики на этотъ разъ не продвинулись такъ далеко, какъ въ 1919 году. Части волынской и подольской губерніи оставались въ рукахъ поляковъ. Въ Каменцѣ и Могилевѣ-Подольскомъ удерживался и Петлюра съ перешедшими вновь на его сторону галичанами.

Отношенія большевиковъ къ своимъ западнымъ сосѣдямъ были для насъ не вполнѣ ясны.

Съ поляками мы все время были на положеніи войны. Никто толкомъ не зналъ, когда эта война началась и изъ-за чего она ведется. Но привыкли къ мысли, что на Западѣ имѣется «фронтъ» и что тамъ, отъ времени до времени, происходятъ незначительныя боевыя столкновенія.

Въ апрѣлѣ 1920 года этотъ фронтъ внезапно оживился. Какъ мы узнали впослѣдствіи, въ это время Пилсудскій заключилъ свое соглашеніе съ Петлюрой и рѣшилъ предпринять большое наступленіе на Украину. Тогда ничего объ этомъ извѣстно не было и мы не ждали никакихъ событій, ни военныхъ, ни политическихъ. Они и наступили, какъ всегда, неожиданно и бравурно.

Около 20 апрѣля Кіевъ посѣтилъ польскій аэропланъ, сбросившій надъ городомъ нѣсколько бомбъ. Затѣмъ стали распространяться слухи о неудачныхъ для большевиковъ бояхъ гдѣ-то подъ Коростенемъ и Овручомъ. А 27 апрѣля уже была рѣшена эвакуація Кіева.

Я всегда относился весьма скептически къ слухамъ, особенно же къ благопріятнымъ, порождаемымъ не фактами, а желаніями. И на этотъ разъ я упорно отрицалъ возможность какихъ либо перемѣнъ, пока, въ самый день 27 апрѣля, одинъ весьма положительный «продработникъ» не сообщилъ мнѣ, что «создалось положеніе, при которомъ мы вынуждены оставить городъ».

Въ этотъ день Кіевъ имѣлъ еще нормальный видъ, но уже на слѣдующее утро мы увидѣли знакомую намъ картину панической эвакуаціи. Ея полнѣйшая внезапность усиливала стремительность и поспѣшность бѣгства. Красноармейскія части и совѣтскія учрежденія уходили такъ быстро, что врагъ фактически не могъ за ними поспѣвать. Кіевъ былъ совершенно оставленъ большевиками въ послѣдніе дни апрѣля, между тѣмъ какъ поляки подоспѣли къ городу только черезъ 7—8 дней. Мы опять пережили періодъ безвластья...

Этотъ разъ переходное время было особенно тяжелымъ въ продовольственномъ отношеніи. Опыть послѣднихъ переворотовъ съ послѣдовавшимъ аннулированіемъ денегъ прежней власти (сначала совѣтскихъ, затѣмъ деникинскихъ) научилъ торговцевъ, что въ дни эвакуаціи ни въ какомъ случаѣ нельзя ничего продавать, такъ какъ рискуешь остаться затѣмъ съ кипой ничего не стоющихъ бумажекъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ опытъ научилъ и обывателя, что необходимо по возможности обезпечить себя запасами на все время эвакуаціи. Взаимодѣйствіе этихъ двухъ противоположныхъ тенденцій и повело къ тому, что уже съ утра 28 апрѣля, то-есть въ первый же день эвакуаціи, во всемъ городѣ нельзя было достать ни одного фунта хлѣба, ни одной картошки, ни пуда дровъ.

Отказываться отъ пріема совѣтскихъ денегъ торговцы не рѣшались; поэтому они и предпочитали припрятывать товаръ или же торговать подъ полой за «керенки» и «царскія». Населеніе, — особенно женская его половина, — изощрялось, изобрѣтая способы обмѣна или кредита.

И почти всѣ голодали.

* * *

Польскія войска вступили въ Кіевъ 7 мая 1920 года и оставались у насъ пять недѣль.

Радость при избавленіи отъ совѣтской власти была, какъ всегда, большая. Но на этотъ разъ у всѣхъ было сознаніе неестественности и непрочности новаго порядка. Пришла и завоевала насъ ч у ж а я армія — это было ясно всѣмъ. Ни болѣе благоразумные изъ числа поляковъ, ни тѣмъ менѣе населеніе Украины не думали о томъ, чтобы нашъ край могъ окончательно подпасть подъ власть воскресшей Рѣчи Посполитой. Оффиціальныя пронунціаменто Пилсудскаго говорили только о помощи самостійной Украинѣ. Это напоминало приходъ нѣмцевъ и гетманщину; большевистская пресса и называла Петлюру кандидатомъ въ гетманы. Но различіе было въ томъ, что вмѣсто нѣмцевъ пришли поляки, а также и въ томъ, что тогда экспериментъ продѣлывался въ первый, а теперь во второй разъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ занятія города польскія войска устроили блестящій парадъ. Со свойственной имъ любовью къ помпѣ и остентаціи, поля-

ки дали намъ весьма импозантное представленіе. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ воинскія части всѣхъ видовъ оружія маршировали по Крещатику. Формы были новенькія, лошади прекрасныя, муштровка великолѣпная. Офицерство — сама элегантность и удаль.

Гражданской администраціи поляки у насъ не завели, предоставивъ эту функцію украинцамъ. Верховный Атаманъ Петлюра составилъ кабинетъ министровъ во главѣ съ Прокоповичемъ, при участіи Ефремова, Никовскаго, Саликовскаго и другихъ лучшихъ представителей умѣреннаго украинства. Резиденціей правительства былъ не слишкомъ близкій къ фронту Кіевъ, а Винница. Но и эта предосторожность не спасла кабинетъ отъ необходимости, черезъ нѣсколько дней послѣ своего конструированія, приступить къ эвакуаціи.

Въ кіевскихъ органахъ управленія царилъ совершенный хаосъ. Мы имѣли польскую комендатуру, украинскую комендатуру, губернскаго комиссара Преспухина, какой-то суррогатъ городского управленія. Все это не налаживалось и функціонировало чрезвычайно безпорядочно и растерянно.

Совершенно не налаживалась и хозяйственная жизнь. Если при добровольцахъ мы пережили, какъ я писалъ, полосу возстановленія, то во время поляковъ мы успѣли только убѣдиться въ томъ, какъ безконечно трудно или даже невозможно стало теперь возстановленіе всего разрушеннаго большевизмомъ. Ни банки, ни магазины, ни городскія учрежденія, ни судъ ожить и воскреснуть теперь не успѣли или не смогли. Матеріальный субстратъ всѣхъ этихъ институтовъ — мебель, дѣлопроизводство, архивы, запасы — за протекшіе нѣсколько мѣсяцевъ продолжалъ расхищаться и разрушаться. Личный же составъ окончательно порѣдѣлъ послѣ вторичнаго кіевскаго исхода въ ноябрѣ 1919 года.

Безконечно сложной стала самая элементарная хозяйственная операція — покупка провизіи на обѣдъ. Прежде всего, негдѣ было достать денегъ. При большевикахъ населеніе въ весьма значительной своей части состояло на совѣтской службѣ, теперь оно лишилось жалованія и бросилось на поиски заработковъ. О запасахъ и фондахъ, на которые можно было бы жить въ переходное время, не могло быть и рѣчи: кто могъ что либо накопить за долгіе мѣсяцы недоѣданія и растраты всего накопленнаго прежде?

Однако, голымъ фактомъ бѣдности и безденежья не исчерпывались трудности хозяйственной ситуаціи. Даже для тѣхъ, кто имѣлъ деньги, вставалъ вопросъ, тѣ ли у него деньги, на которыя можно что либо купить. Валютный вопросъ сталъ во время польской оккупаціи фантастически запутаннымъ и острымъ Циркулировало безконечное количество сортовъ денегъ: совѣтскія, думскія, украинскія, царскія, керенки, польскія марки. Украинскія деньги дѣлились на карбованцы и гривны, карбованцы на тысячные и пятидесятки. Среди керенокъ различали сороковки и двадцатки, среди царскихъ — пятисотки, сотки и мелочь. Въ качествѣ раритетовъ попадались на базарѣ и всѣ виды звонкой монеты: золотые, серебряные рубли и мелочь. На каждый изъ этихъ четырнадцати сортовъ денегъ былъ особый, притомъ измѣнчивый, курсъ. И цѣны каждаго товара были различны на каждый сортъ валюты.

Базарныя торговки должны были стать профессорами математики, чтобы разобраться во всемъ этомъ финансовомъ лабиринтѣ!

Курсъ денегъ варіировался по сословіямъ. У крестьянъ были свои вкусы, у «биржи» свои. Всеобщими фаворитами были «гривны», царскія и керенки-двадцатки. Съ карбованцами или сороковками въ карманѣ можно было и не

ходить на базаръ... Достать привилегированные сорта денегъ было, конечно, чрезвычайно трудно.

Результатомъ бѣдности и валютной путаницы былъ всеобщій голодъ. Ни въ одинъ изъ пережитыхъ нами періодовъ — даже при большевикахъ — экономическая разруха не чувствовалась такъ болѣзненно и остро, какъ въ эти пять недѣль польской оккупаціи. И оставалось только утѣшаться тѣмъ, что и этотъ голодъ и эта валютная неразбериха — неизбѣжный этапъ на пути къ хозяйственному возстановленію, тогда какъ мнимое благополучіе пайковъ и неограниченныхъ бумажныхъ эмиссій есть путь къ дальнѣйшему разоренію и обнищанію. Но нетерпѣніе есть роковой недостатокъ человѣческихъ сужденій, а въ данномъ случаѣ дѣйствительно не было времени для выжиданія.

Настроенія кіевлянъ въ недѣли польской оккупаціи были мрачныя и озлобленныя.

* *
*

Единственнымъ дѣльнымъ учрежденіемъ въ Кіевѣ былъ во времена польской оккупаціи Американскій Красный Крестъ. Делегація его пріѣхала въ Кіевъ въ первые же дни; она устроилась въ чистенькомъ бюро и стала проявлять весьма большую активность. Только когда поляки уходили и населеніе начало грабить и распродавать припасы изъ складовъ Краснаго Креста, — мы увидѣли, сколько добра успѣли за столь короткое время привезти американцы.

Были у насъ и польскія красно-крестныя организаціи. Много бывшихъ кіевлянъ-поляковъ, превратившихся въ красно-крестныхъ генераловъ, посѣтило насъ въ эти недѣли, блистая щегольскими формами. Наладить какую либо реальную работу польскій Красный Крестъ не успѣлъ.

Свѣтлымъ пятномъ среди всѣхъ золъ и бѣдъ было только одно: пріотворенное окно въ Европу, чрезъ которое дохнуло на насъ свѣжимъ воздухомъ. Желѣзно-дорожная связь съ Варшавой была возстановлена, путешествіе туда длилось всего (!) 36 часовъ. Мы видѣли живыхъ людей, пріѣзжавшихъ изъ Европы, получали свѣжія письма. Всѣ рвались туда — на волю. Но немногіе успѣли уѣхать, такъ какъ затрудненія чинились чрезвычайныя.

— Чѣмъ объяснить, спрашивалъ меня одинъ полякъ, мой товарищъ по сословію, пріѣхавшій теперь изъ Варшавы, — что въ Варшавѣ всѣ бывшіе кіевляне умоляютъ меня помочь имъ возвратиться во-свояси, а здѣсь ни одинъ знакомый не пропускаетъ меня, чтобы не просить вывезти его за-границу?

— Очевидно, русскимъ въ достаточной мѣрѣ плохо живется и здѣсь, и тамъ...

Мы, разумѣется, чувствовали только то, какъ плохо здѣсь. И стремились, и искали путей туда.

Наѣзжавшіе польскіе пріятели, на протекцію которыхъ многіе разсчитывали, оказывались въ этомъ отношеніи болѣе чѣмъ сдержанными. Своими средствами получить возможность уѣхать было немыслимо. Поэтому всѣ, кто имѣлъ родныхъ заграницей, бомбардировали ихъ письменными просьбами о помощи въ этомъ дѣлѣ.

> «Вопросъ о томъ, какъ бы отсюда выбраться, — писалъ я брату въ Америку въ маѣ 1920 года, — сталъ послѣдніе полгода основнымъ вопросомъ нашего существованія. Мы совершенно извелись

физически, духовно и морально. Жизнь невыносима и непрерывно ухудшается, независимо отъ политическихъ перемѣнъ.

Теперь произошла очередная — по счету 12-ая — смѣна власти: большевики ушли, явились, pour changer, поляки. Но мы живемъ, кромѣ текущихъ заботъ, исключительно мыслью объ отъѣздѣ.

Хлопочите за насъ!»

Въ письмѣ къ роднымъ въ Парижъ, относящемся къ тому же времени, я писалъ:

«Теперь у насъ, въ связи съ пріотворившимся окномъ въ Европу, на очереди вопросъ объ отъѣздѣ. Мы твердо рѣшили при первой возможности бросить все и ѣхать сломя голову, безъ средствъ, безъ плановъ —лишь бы уѣхать. Въ холодномъ ужасѣ отъ мысли, что, можетъ быть, снова здѣсь застрянемъ и будемъ переживать все сначала».

Эти письма дошли до своихъ адресатовъ, когда въ Кіевѣ уже были большевики.

* *
*

Кіевъ оказался предѣльнымъ пунктомъ продвиженія поляковъ на Востокъ. На лѣвомъ берегу Днѣпра, у Броваровъ, польскія войска укрѣпились; завоеваніе лѣвобережной Украины Петлюра долженъ былъ произвести своими силами.

Все время пребыванія въ Кіевѣ поляковъ, до насъ доносились изъ-за Днѣпра звуки канонады; отъ времени до времени прилетали аэропланы, бросавшіе бомбы. Разумѣется, это не могло способствовать налаженію жизни и успокоенію. Зато въ крѣпости своего фронта поляки не сомнѣвались. На лѣвый берегъ подвезли черезъ весь городъ тяжелыя орудія необычайно внушительнаго вида... Приблизительно за недѣлю до бѣгства поляковъ, одинъ изъ красно-крестныхъ генераловъ говорилъ мнѣ, цитируя слова главнокомандующаго: «Пускай вся германская армія попытается продолбить наши Броварскія позиціи — удержимся!»

Вспоминая парадъ польскихъ войскъ на улицахъ города и сравнивая эту картину съ видомъ отступавшихъ красноармейскихъ частей, невозможно было сомнѣваться въ томъ, что эта похвальба, при данныхъ условіяхъ, имѣетъ нѣкоторыя основанія.

Однако, какъ я говорилъ, прошло немного времени послѣ произнесенія этихъ гордыхъ словъ, какъ все пошло прахомъ. Поляковъ гдѣ-то обошли или потѣснили, ихъ стратегическое положеніе сдѣлалось невозможнымъ и вся эта щегольская армія съ необычайной поспѣшностью ринулась обратно. Кажется, 23 іюня былъ оставленъ Кіевъ, а черезъ два мѣсяца большевики были въ 20-ти верстахъ отъ Варшавы...

Эвакуація наступила, какъ всегда, неожиданно и внезапно. До послѣдняго дня газеты сообщали о прекрасномъ положеніи на фронтѣ. А затѣмъ вдругъ вовсе перестали писать о фронтѣ... Мы же своимъ опытнымъ глазомъ увидѣли всѣ непреложные признаки предстоящей «п е р е м ѣ н ы» *.

---

* Слово «перемѣна» было простонароднымъ терминомъ, установившимся въ Кіевѣ для обозначенія политическаго переворота. Всего съ 1917-го по 1920-й годъ мы

Уходъ поляковъ сопровождался различными безобразіями и разрушеніями, какъ намѣренными, такъ и стихійными. Были, по стратегическимъ соображеніямъ, взорваны всѣ мосты, ведущіе черезъ Днѣпръ. Цѣпной мостъ, построенный при Николаѣ I и являющійся одной изъ кіевскихъ достопримѣчательностей, такъ и не былъ потомъ возстановленъ. Въ городѣ произошло нѣсколько пожаровъ. Сгорѣла 4-я гимназія, въ которой съ 1914 года помѣщался лазаретъ, сгорѣла украинская комендатура. Сгорѣлъ — это стало эвакуаціонной традиціей — пакгаузъ на товарной станціи. Товары изъ этого пакгауза и изъ разграбленныхъ складовъ американскаго краснаго креста затѣмъ долгое время продавали на всѣхъ базарахъ. Эта массовая продажа и покупка краденаго была хорошимъ показателемъ для уровня общественныхъ нравовъ, до котораго мы докатились. Вѣроятно во всемъ Кіевѣ не было тогда ни одной семьи, которая не распивала бы въ послѣдовавшіе затѣмъ голодные дни американскаго какао . . .

* *
*

Поляки уходили. Наши надежды на отъѣздъ не осуществились. Въ самый день ухода войскъ я подошелъ къ помѣщенію американцевъ для послѣдней попытки умолить ихъ вывезти насъ.

— Have you any official business? * — спросилъ меня стоявшій у входной двери очаровательный мальчикъ — курьеръ.

Онъ такъ мнѣ понравился, что я не рѣшился сказать ему неправду.

Меня не приняли.

Я вернулся домой. Снова, какъ 3 декабря 1919 года, на душѣ былъ мракъ и тупое отчаяніе.

Въ одномъ изъ писемъ въ Европу, писанныхъ при полякахъ, я просилъ поспѣшить съ помощью, пока не успѣла «закрыться крышка гроба».

Теперь она закрывалась.

VII. Снова большевики

(іюль 1920 — іюль 1921)

Осуществленный совѣтскій строй. — Теорія и практика. — Непобѣдимый лавочникъ. — Совѣтъ рабочихъ депутатовъ. — Юридическая мобилизація. — Жертва совѣтской юстиціи. — Процессъ Вайнштейна. Тюремные порядки. — Высшая школа. Студенчество. Профессура. — Изъ области общественныхъ настроеній. Вѣра въ интервенцію. Слухи. — Измельчаніе жизни. Неумѣстный снобизмъ . — Переживанія. — Отъѣздъ.

Большевики возвратились въ Кіевъ, — на этотъ разъ на долго, — какъ послѣ экскурсіи. Они застали все на своемъ мѣстѣ, въѣхали въ свои прежнія

пережили тринадцать такихъ «перемѣнъ»: февральская революція, Украинская Рада, большевики, Рада съ нѣмцами, гетманъ, Директорія, большевики, добровольцы, большевики (на два дня въ октябрѣ 1919 г.), снова добровольцы, опять большевики, поляки и снова большевики.

* «У васъ какое-либо оффиціальное дѣло?»

квартиры и стали продолжать свою работу съ той точки, на которой остановились. Съ тѣхъ поръ никто ихъ больше не тревожилъ, — если не считать ложной тревоги въ сентябрѣ 1920 года, когда поспѣшили почти совершенно эвакуировать городъ, хотя врагъ и не собирался его занимать. Совѣтская власть, наконецъ, получила возможность осѣсть въ Кіевѣ и проявить себя у насъ во всю ширь и глубь.

У насъ установился и продержался въ теченіе цѣлаго года настоящій совѣтскій строй — говорю: въ теченіе года, потому что черезъ годъ, весной 1921 года, началась новая экономическая политика и возжи стали сами собой отпускаться. Но въ теченіе этого года мы испытали на себѣ все, или почти все, что написано въ программѣ россійской Коммунистической партіи и что должно привести къ царству справедливости, добра и красоты.

Магазины были закрыты*, частная торговля уничтожена, вывѣски сняты, все было національнзировано, зарегистрировано, взято на учетъ. Каждый день мы заполняли какія нибудь новые вѣдомости или формуляры — то о числѣ своихъ стульевъ, то о размѣрѣ комнатъ, то о своихъ годахъ, занятіяхъ и способностяхъ. Всѣ эти вѣдомости и формуляры шли въ соотвѣтственное учрежденіе, имѣющее, вмѣсто названія, сокращенный «адресъ для телеграммъ»; тамъ они, должно быть, соотвѣтственнымъ образомъ сортировались, распредѣлялись и подшивались. Безъ надлежащаго ордера отъ надлежащей инстанціи не могло произойти ни малѣйшаго измѣненія въ живомъ и мертвомъ инвентарѣ совѣтской республики. Чтобы перенести матрацъ изъ одной квартиры въ другую, нуженъ былъ ордеръ; чтобы выѣхать на сосѣднюю станцію, нуженъ былъ пропускъ; чтобы купить листъ бумаги, нужно было предварительно исписать нѣсколько листовъ просьбами о надлежащемъ разрѣшеніи.

Вся жизнь стала подвѣдомственна учрежденіямъ. Кіевъ, какъ и вся Россія, сталъ похожъ на деревню одного чудака-помѣщика, описаннаго во второй части «Мертвыхъ душъ».

> «Все было у полковника необыкновенно. Вся деревня была въ разброску: постройки, перестройки, кучи извести, кирпичу и бревенъ по всѣмъ улицамъ. Выстроены были какіе-то дома, въ родѣ присутственныхъ мѣстъ. На одномъ было написано золотыми буквами: Депо земледѣльческихъ орудій, на другомъ: Главная счетная экспедиція, на третьемъ: Комитетъ сельскихъ дѣлъ; Школа нормальнаго просвѣщенія поселянъ; словомъ, чортъ знаетъ, чего не было!»

Когда, однако, Чичиковъ «рѣшился самъ отправиться поглядѣть, что это за комиссіи и комитеты», то —

> «что̀ нашелъ онъ тамъ, то было не только изумительно, но превышало рѣшительно всякое понятіе. Комиссія всякихъ прошеній существовала только на вывѣскѣ. Предсѣдатель ея, прежній камердинеръ, былъ переведенъ во вновь образовавшійся комитетъ сельскихъ построекъ. Мѣсто его заступилъ конторщикъ Тимошка, откомандированный на слѣдствіе — разбирать пьяницу приказчика со старостой, мошенникомъ и плутомъ».

---

* До закрытія базаровъ дѣло въ Кіевѣ не дошло, но Харьковъ и Одесса испытали и это.

Сколько было у насъ комитетовъ и комиссій, существовавшихъ только на вывѣскахъ! Сколько было школъ безъ учителей, учениковъ и учебныхъ пособій! Сколько больницъ безъ лѣкарствъ! Сколько мастерскихъ безъ инструментовъ! И не во всѣхъ ли совѣтскихъ учрежденіяхъ главнѣйшія функціи выполнялись исключительно на бумагѣ?

У насъ, какъ и во всей Россіи, жизнь шла мимо совѣтскаго аппарата, такъ какъ жизнь несравнимо сильнѣй жалкихъ попытокъ доктринерской регламентаціи...

Всѣ жители Кіева имѣли продуктовыя и хлѣбныя карточки различныхъ категорій. Но за все время моей жизни при большевикахъ (а потомъ и подавно) ни единаго раза хлѣба по хлѣбнымъ карточкамъ выдано не было. Такъ они и лежали мирно у насъ въ ящикахъ со всѣми своими талонами, печатями и подписями. И отъ времени до времени въ «Извѣстіяхъ» выходилъ цѣлый листъ съ объявленіями объ утратѣ тѣмъ или инымъ гражданиномъ карточки. Безъ такихъ публикацій — тоже пережитокъ дореформенной канцелярщины — этотъ драгоцѣнный документъ не возобновлялся. По продуктовымъ карточкамъ иногда выдавали сахаръ, соль и спички.

Хлѣбъ покупался —на базарѣ.

Жизнь была сильнѣе. Она выпирала изъ всѣхъ щелей и прорѣхъ соціалистической брони. Одно время, напримѣръ, частная торговля преслѣдовалась, но кооперативы терпѣлись. И вотъ всѣ торговыя предпріятія, какъ по мановенію волшебнаго жезла, преисполнились духа Рочдэльскихъ піонеровъ и объявили себя кооперативами. Когда уже въ городѣ не было ни одной частной вывѣски, повсюду красовалась надпись «КЕПО №...» КЕПО означало «Кіевск. единое потребительское о-во». Вывѣски КЕПО до того примелькались, что для меня онѣ сдѣлались настоящимъ кошмаромъ. Разъ ночью мнѣ снилось, что по новому декрету отмѣнены фамиліи и отнынѣ всѣ граждане будутъ ходить съ привѣшенными на груди табличками «КЕПО № такой-то»...

Когда закрыли и кооперативы, изъ всѣхъ видовъ частныхъ предпріятій остались разрѣшенными только кустарныя мастерскія. Тогда въ короткое время всѣ лавочники на Васильковской и на Подолѣ оказались суздальскими и иными кустарями и начали выдѣлывать бензинныя зажигалки и резиновыя подошвы изъ краденыхъ автомобильныхъ шинъ. Разрѣшено было торговать только съѣстными припасами: во всѣхъ лавкахъ появился въ окнѣ хлѣбъ и коробочки съ суррогатами чая; остальные товары продавались въ заднихъ комнатахъ. Запретили и продовольственныя лавки: вся торговля перешла на квартиры лавочниковъ или производилась съ задняго крыльца.

Замѣчательно приспособлялся къ экономическимъ декретамъ лавочникъ нашего дома Гершманъ. Во времена апогея коммунизма онъ ограничился только маленькой перестановкой мебели: фасадное помѣщеніе магазина было превращено въ жилую комнату и черезъ окна можно было видѣть съ улицы, какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше царилъ развратъ спекуляціи, теперь семья мирныхъ пролетаріевъ Гершманъ обѣдаетъ и пьетъ чай. Торговля въ это время производилась въ прежней жилой комнатѣ лавочника, выходящей во дворъ. Времена измѣнились, новая экономическая политика разрѣшила торговать бакалеей: снова маленькая перестановка мебели, прилавокъ опять водворенъ въ переднюю комнату, а обѣденный столъ перенесенъ обратно въ заднюю.

Большевики успѣшно боролись съ контр-революціей, съ Деникинымъ и Колчакомъ, съ Петлюрой и Пилсудскимъ. Но они никакъ не могли побѣдить

лавочника. Отъ всѣхъ ихъ декретовъ лавочникъ только богатѣлъ. И, что самое замѣчательное, изъ всего городского населенія богатѣлъ т о л ь к о лавочникъ. Въ прежнее время въ большихъ домахъ на лучшихъ улицахъ города владѣлецъ помѣщавшейся въ полу-подвалѣ лавки былъ самымъ послѣднимъ изъ жильцовъ. Теперь онъ сталъ самымъ богатымъ и почетнымъ жильцомъ дома. На дороговизнѣ онъ только зарабатывалъ, а декреты умѣлъ обходить. И поэтому, хотя всѣ мобилизаціи и контрибуціи неминуемо падали на него, какъ на «нетрудовой элементъ», все же онъ — и онъ одинъ — благоденствовалъ посреди всеобщаго обнищанія.

Большевики стремились уничтожить спекуляцію и частную торговлю, хотѣли, чтобы всѣ жили исключительно заработкомъ отъ своего труда. А на дѣлѣ вышло то, что никогда ни въ одной странѣ столько не торговали, какъ въ эти годы въ Россіи, и никогда спекулятивная горячка не охватывала столь широкіе круги населенія. «Національзація торговли означаетъ, что вся нація торгуетъ», говорили остряки. Я уже упоминалъ о томъ, какъ основа всѣхъ частныхъ бюджетовъ неизбѣжно перемѣщалась отъ жалованій и гонораровъ къ выручкѣ за проданныя скатерти и простыни. Благодаря этому, въ результатѣ всѣхъ запретовъ, не только торговцы остались торговцами, но торговцами же стали и бывшіе пролетаріи — люди физическаго и духовнаго труда. Достаточно было выйти на базаръ (въ Москвѣ на Сухаревку, въ Кіевѣ на Еврейскій), чтобы увидѣть, кто только ни торгуетъ и чѣмъ только ни торгуютъ въ Совѣтской Россіи. Базары получили характеръ постоянныхъ ярмарокъ, на которыхъ можно было достать рѣшительно все — разумѣется, подержанное . . .

Кромѣ лавочниковъ, зарабатывали достаточно на сносную жизнь самостоятельные ремесленники — печники, стекольщики, сапожники, пильщики и т. п. Притомъ и изъ числа ремесленниковъ могли сносно существовать не пролетаріи, о которыхъ пеклись большевики, а мелкіе предприниматели, работавшіе своими инструментами и изъ своего сырья. Настоящіе же фабричные рабочіе, какъ это признавалось и оффиціально, были деклассированы и либо разъѣхались по деревнямъ. либо занялись мѣшечничествомъ. Классъ фабричныхъ рабочихъ пересталъ существовать, такъ какъ въ большинствѣ перестали работать фабрики и заводы, а продолжавшіе работать не могли прокормить своихъ новыхъ владѣльцевъ.

Каковы были результаты казеннаго хозяйства въ промышленности, объ этомъ пусть судятъ спеціалисты. Я хочу только иллюстрировать раціональность соціалистическаго хозяйства однимъ примѣромъ, взятымъ изъ сферы главнѣйшей отрасли юго-западной индустріи — сахароваренія. Сахарная промышленность была какъ полагается національзирована и объединена подъ однимъ центральнымъ управленіемъ. Называлось это управленіе «Главсахаръ», а Кіевскій его отдѣлъ назывался «Кіевсахаръ». Одинъ сотрудникъ Кіевсахара — человѣкъ въ высшей степени положительный — разсказалъ мнѣ о томъ, что въ виду полнаго обезцѣненія совѣтскихъ денегъ заводы принуждены расплачиваться съ крестьянами за всякія работы натурой, притомъ главнымъ образомъ — сахаромъ изъ имѣвшихся запасовъ. И вотъ по калькуляціи стоимости производства 1920 — 1921 гг. было оффиціально установлено, что одинъ пудъ вырабатываемаго новаго сахара обходился на однихъ заводахъ — въ 30 ф. стараго сахара, на другихъ въ 35 ф., на третьихъ — во всѣ 40 ф. и, наконецъ, на нѣкоторыхъ, особенно похозяйски поставленныхъ заводахъ — въ 50 и 55 фунтовъ! Чтобы изготовить

пудъ сахара, «Кіевсахаръ» выдавалъ изъ своего запаса 1 п. 10—15 ф.! «Это звучитъ, какъ анекдотъ, — сказалъ мой собесѣдникъ, — а между тѣмъ это печальная дѣйствительность».

Дѣятели совнархоза прекрасно знали — и не могли не знать — объ истинныхъ результатахъ своей работы. При этомъ скептическое отношеніе большевиковъ къ ихъ собственнымъ хозяйственнымъ мѣропріятіямъ выражалось не только въ измышленіи или пересказѣ болѣе или менѣе удачныхъ курьезовъ. Къ нѣкоторымъ областямъ, они, сознавая свое безсиліе, и не рѣшались подступить. Не подступили, напримѣръ, къ не разъ возвѣщенному аннулированію денегъ. Безъ печатнаго станка «Экспедиціи» они бы задохлись на второй день . . . Еще въ мою бытность въ Кіевѣ началось генеральное отступленіе по всей линіи, а съ осени 1921 года, какъ извѣстно, было оффиціально декларировано банкротство коммунизма и подъ названіемъ «н о в о й экономической политики» большевики стали усердно — возвращаться къ старому.

Любопытнымъ примѣромъ невольной недодѣланности совѣтскаго режима даже въ самыя лучшія его времена можетъ служить слѣдующій эпизодъ.

Страннымъ образомъ, въ моментъ полнаго расцвѣта коммунистическаго строя у насъ оставался въ неприкосновенности одинъ пережитокъ капитализма — извощики. Въ то время, когда ничего нельзя было ни купить, ни продать; когда всякія услуги оплачивались исключительно по тарифнымъ ставкамъ; когда всѣ люди, мужского и женскаго пола, были либо мобилизованы либо на службѣ у государства, — въ это время все же разрѣшалось всѣмъ и каждому нанимать извощика и условливаться съ нимъ о цѣнѣ на основахъ самаго вольнаго соглашенія.

— Чѣмъ объяснить такую непослѣдовательность? спросилъ я однажды у одного чина «Губтрамота». Отчего вы не національзируете извощиковъ?

— Видите ли, задумчиво отвѣтилъ мой собесѣдникъ, — мы попробовали, но выяснилось одно большое затрудненіе. Когда людей не кормятъ, они отчего-то все же продолжаютъ жить. А когда лошадей не кормятъ, они непремѣнно умираютъ. Оттого мы и не національзируемъ извощиковъ.

* *
*

Въ этотъ заключительный періодъ у насъ успѣлъ, наконецъ, вполнѣ оформиться и административный аппаратъ совѣтской власти. Былъ избранъ совѣтъ рабоч. депутатовъ и выдѣленный имъ изъ своей среды «Губисполкомъ» смѣнилъ засидѣвшійся у насъ временный органъ — «Губревкомъ».

Совѣтъ — центральный органъ всего организма большевистской власти, основа нашей конституціи и fundamentum regnorum. Совѣтъ далъ имя всему въ Россіи, — самой республикѣ, всѣмъ ея учрежденіямъ, деньгамъ, программѣ, идеологіи. Въ этомъ понятіи и терминѣ мы имѣемъ одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, въ которыхъ Западъ заимствуетъ у Россіи политическія идеи.

А вмѣстѣ съ тѣмъ, съ перваго же момента большевистской власти совѣты играли фактически весьма незначительную роль въ политической жизни. Въ описываемую эпоху ихъ значеніе совершенно сошло на нѣтъ. Какъ отъ многаго другого въ большевистской системѣ, отъ в л а с т и с о в ѣ т о в ъ осталась одна только вывѣска.

Выборы въ кіевскій совѣтъ состоялись, кажется, въ началѣ 1921 года. Во всѣхъ совѣтскихъ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ были для этого созваны собранія служащихъ, на которыхъ отъ имени мѣстной Ком'ячейки предлагалась сначала обще-политическая резолюція, а затѣмъ списокъ кандидатовъ въ совѣтъ. Тамъ, гдѣ предсѣдателемъ собранія былъ коммунистъ, онъ вносилъ эти предложенія и спрашивалъ: кто противъ? Обычно, такихъ смѣльчаковъ не находилось. Спрашивали: кто воздержался? — и нѣсколько дрожащихъ рукъ поднималось вверхъ. Тѣмъ избирательныя собранія въ большинствѣ случаевъ и заканчивались. Тамъ, гдѣ не-коммунистическому большинству удавалось провести предсѣдателя изъ своей среды, выборы проходили уже не столь упрощенно. Обыкновенно въ этихъ случаяхъ коммунисты, находившіеся повсюду въ ничтожномъ меньшинствѣ, заключали блокъ съ безпартійными, и при блоковомъ соглашеніи выговаривали для своихъ кандидатовъ число мѣстъ, которое бы не роняло престижа руководящей партіи.

Меньшевики и эсеры были по возможности отстранены отъ участія въ выборахъ: большинство ихъ активныхъ дѣятелей предварительно арестовали, а въ отношеніи самихъ «соглашательскихъ» партій подняли такую травлю, что выбирать послѣ этого въ совѣтъ открытаго меньшевика или эсера оказывалось небезопаснымъ для избирателей.

Въ концѣ концовъ, въ совѣтъ (въ Кіевѣ, какъ и во всей Россіи) прошло подавляющее большинство коммунистовъ и нѣкоторое количество безпартійныхъ (кажется, послѣднихъ было въ кіевскомъ совѣтѣ процентовъ двадцать). Что собой представляла эта «фракція безпартійныхъ», никто не зналъ и не узналъ. Въ всякомъ случаѣ, это была запуганная фракція.

Тѣхъ немногихъ меньшевиковъ и эсеровъ, которые какимъ-то образомъ все же оказались въ кіевскомъ совѣтѣ, въ одномъ изъ первыхъ засѣданій торжественно исключили изъ его состава. При этой расправѣ новыхъ монтаньяровъ съ новыми жирондистами безпартійные воздержались отъ голосованія.

При полномъ отсутствіи политической жизни, выборы въ совѣтъ внесли у насъ нѣкоторое оживленіе. Но о самомъ совѣтѣ забыли немедленно послѣ того, какъ онъ былъ избранъ. Руководящіе круги провели черезъ совѣтъ выборы въ Губисполкомъ, въ составъ котораго прошелъ in corpore прежній Губревкомъ съ Яномъ Гамарникомъ въ качествѣ предсѣдателя. Послѣ этого совѣтъ собирали только для большихъ оказій, въ родѣ торжественныхъ пріемовъ какихъ-нибудь заморскихъ делегатовъ на съѣздъ III интернаціонала или для празднованія годовщины заговора Бабефа.

Ни малѣйшаго вліянія на администрацію и политику совѣтъ не имѣлъ.

Послѣднимъ предсѣдателемъ кіевскаго Губревкома и первымъ предсѣдателемъ Губисполкома былъ, какъ я уже сказалъ, Янъ Гамарникъ. Передъ нимъ этотъ высшій постъ губернской администраціи занималъ Вѣтошкинъ, а передъ Вѣтошкинымъ — Ивановъ. Смѣна высшаго начальства каждый разъ сопровождалась болѣе или менѣе фантастическими слухами объ ея причинахъ. Вѣроятно, подобные же слухи возникали въ провинціяхъ древней Персіи, когда Великій Царь мѣнялъ своихъ сатраповъ. Такъ какъ жизнь становилась у насъ все тяжеле и тяжеле, то, естественно, прошлыя времена и прошлое начальство вспоминали всегда со вздохомъ. Смѣну начальствующихъ лицъ чаще всего объясняли чрезмѣрнымъ либерализмомъ отставляемыхъ. Ивановъ, по слухамъ, ушелъ будто бы потому, что противился повальнымъ обыскамъ, Вѣтошкинъ

— уже не припомню вслѣдствіе какого свободомыслія. Когда же, наконецъ, бразды правленія получилъ Янъ Гамарникъ, то между губернск. комитетомъ комм. партіи и Губ. Рев. комитетомъ установилась персональная унія: Гамарникъ былъ предсѣдателемъ обоихъ комитетовъ.

Послѣ этого всякія междувѣдомственныя тренія прекратились. Наша административная практика стала вѣрнымъ стереотипомъ московской ряби.

Че-ка отъ времени до времени давала о себѣ знать расправами съ людьми, заподозрѣнными въ участіи въ гражданской войнѣ на сторонѣ враждебныхъ большевикамъ армій. Спорадически происходили разстрѣлы такъ-называемыхъ спекулянтовъ и валютчиковъ. Въ остальное время чрезвычайка развлекалась «борьбой съ бандитизмомъ».

Отъ времени до времени у насъ затѣвались повальные обыски для такъ-называемаго изъятія излишковъ. На населеніе, при посредствѣ районныхъ и домовыхъ «комбѣдовъ», налагались различнаго рода вещевыя повинности. Л раза два или три снова поднималась гибельная волна выселеній.

Послѣдній разъ въ мою бытность въ Кіевѣ выселяли весной 1921 года, уже при наличности новаго курса и началѣ новой экономической политики. Выселяли цѣлые дома для вселенія въ нихъ рабочихъ, которыхъ хотѣли хоть чѣмъ-нибудь ублаготворить. Выселяемые дома были населены по-преимуществу членами профсоюзовъ, то-есть тѣми же рабочими. И получалась довольно дикая картина: членовъ одного профсоюза выселяли и разоряли въ угоду членамъ другого профсоюза. Выселяемые жаловались въ Рабоче-крестьянскую инспекцію и въ народный судъ. Но туда были даны надлежащія директивы изъ наркома и жалобы оставлялись безъ послѣдствій. Выселенія были вскорѣ пріостановлены, — такъ какъ оказалось, что нѣтъ желающихъ вселяться въ освобожденные дома.

* *
*

Я подлежалъ учету и мобилизаціи дважды: какъ юристъ и какъ преподаватель. Случилось такъ, что одна изъ этихъ мобилизацій спасла меня отъ другой. Профессіональный союзъ учителей повторно пытался мобилизовать меня —, въ первый разъ для чтенія лекцій въ красной арміи, во второй — на борьбу съ Врангелемъ. Оба раза я предъявлялъ въ профсоюзѣ отношенія «Губ'юста» о томъ, что я мобилизованъ какъ юристъ и никакимъ инымъ мобилизаціямъ не подлежу, и это меня вывозило. Сама же юридическая мибилизація свелась къ тому, что мнѣ пришлось руководить практическими занятіями по уголовному праву на краткосрочныхъ курсахъ для народныхъ судей. На этихъ занятіяхъ мы разбирали съ будущими совѣтскими преторами элементарные казусы о покушеніи, умыслѣ, неосторожности, соучастіи и т. п. И занятія протекали безъ всякихъ инцидентовъ *.

* Только однажды обнаружилось одно маленькое разногласіе между мной и лекторомъ по теоріи уголовнаго права — обратившимся въ коммунизмъ петроградскимъ адвокатомъ Бессарабовымъ. Въ одномъ изъ моихъ разъясненій я указалъ слушателямъ на извѣстный принципъ, по которому кража, совершенная служащимъ у своего хозяина, считается болѣе тяжкимъ видомъ кражи, чѣмъ кража обыкновенная. Повидимому слушатели не могли согласовать этотъ принципъ съ тѣмъ, что имъ пришлось

Курьезно, что не только юридическая мобилизація спасла меня отъ педагогической, но и vice versa — какъ будто въ качествѣ реванша — черезъ нѣсколько мѣсяцевъ преподавательство спасло меня отъ непріятностей, грозившихъ мнѣ въ качествѣ юриста.

Зимой 1921 года, самъ Народный Комиссаръ юстиціи (повидимому, по внушенію кого-либо изъ своихъ сотрудниковъ — кіевлянъ) вздумалъ затребовать меня въ Харьковъ, «въ порядкѣ мобилизаціи юристовъ», для участія въ работахъ кодификаціоннаго отдѣла Нарком'юста. Приказъ былъ составленъ довольно рѣшительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ любезно; мѣстному Губ'юсту предлагалось снабдить меня деньгами и предоставить возможность перевезти семью. Несмотря на такое обиліе вниманія, я все же пришелъ въ ужасъ отъ перспективы переѣзда въ Харьковъ и работы по части кодификаціи совѣтскаго права. Я отправился въ Губ'юстъ и хотѣлъ умолить пом. завѣдующаго, тов. Волкова, какъ нибудь освободить меня отъ этой непріятности. Какъ я разсказывалъ въ I главѣ, я при этомъ весьма некстати напомнилъ ему о нашей совмѣстной работѣ въ 1917 году въ Исполнит. Комитетѣ, гдѣ онъ фигурировалъ въ качествѣ делегата «коалиціоннаго студенчества» Г. И. Гуревича. Но все, чего я могъ отъ него добиться, было обѣщаніе пойти мнѣ навстрѣчу въ смыслѣ удобствъ переѣзда. Тогда я сталъ искать путей къ самому «Наркому» Терлецкому и заручился поддержкой, благодаря которой возбужденныя изъ Кіева ходатайства Института Народнаго Хозяйства и Народнаго Университета о моемъ оставленіи, какъ преподавателя, были удовлетворены. Впрочемъ, формально я получилъ только отсрочку на два мѣсяца съ обязательнымъ «использованіемъ» меня мѣстнымъ губ'юстомъ. Но второй пом. завѣдующаго губ'юстомъ, къ которому я явился говорить объ этомъ использованіи, тов. Мамасъ, оказался гораздо податливѣе Волкова. Мы порѣшили съ тов. Мамасомъ, что я уже достаточно использованъ въ качествѣ лектора, и дѣло о моемъ призывѣ въ Харьковѣ тѣмъ и закончилось. Впослѣдствіи я узналъ, что этотъ самый Мамасъ числился студентомъ Института Народнаго Хозяйства и, чего добраго, еще могъ попасть ко мнѣ на экзаменъ. Этимъ, должно быть, и объяснялась его любезность.

* *
*

Занятіями на краткосрочныхъ курсахъ и хлопотами по поводу мобилизаціи ограничилось мое соприкосновеніе съ совѣтской юстиціей. Засѣданій рев. трибунала и народныхъ судовъ я не посѣщалъ. Но однажды мнѣ пришлось воочію увидѣть уголокъ того ужаса, который творился въ этихъ учрежденіяхъ.

Я лѣчилъ зубы у Ник. Льв. Головчинера, котораго близко зналъ съ дѣтскихъ лѣтъ. Какъ-то разъ, когда я явился на пріемъ, мнѣ сказали, что докторъ арестованъ. Дня черезъ два его освободили, и онъ разсказалъ мнѣ затѣмъ о происшедшемъ. Жильцы избрали его предсѣдателемъ Домового комитета. Онъ рѣшилъ отказаться, но такъ какъ, по новымъ правиламъ, отказываться отъ

услышать изъ устъ моего коммунистическаго коллеги. Принципъ этотъ дѣйствительно, весьма расходился, если не съ теоріей, то во всякомъ случаѣ съ практикой совѣтскаго права. Озадаченные слушатели попросили у Бессарабова пояснеиій. Онъ пожалъ плечами и сказалъ, что я очевидно еще провожу буржуазную точку зрѣнія.

этого званія безъ уважительныхъ причинъ не разрѣшалось, то онъ пробылъ въ немъ нѣсколько дней, пока соотвѣтствующая инстанція не признала выставленныя имъ причины отказа достаточно уважительными. За дни его предсѣдательствованія ему пришлось посвидѣтельствовать подпись одного изъ жильцовъ, обратившагося съ какимъ-то заявленіемъ въ Рев. трибуналъ. На несчастье случилось такъ, что этотъ жилецъ затѣмъ былъ изъ свидѣтеля превращенъ въ обвиняемаго и скрылся. Слѣдователь ревтрибунала Ковальскій вызвалъ Головчинера для допроса о личности жильца, подпись котораго онъ засвидѣтельствовалъ. Бѣдный Коля ничего о немъ показать не могъ и поэтому слѣдователь рѣшилъ подержать его пока подъ арестомъ. При этомъ, — разсказывалъ онъ мнѣ, — Ковальскій съ какимъ-то невыразимымъ цинизмомъ предупреждалъ его: «Вы вѣдь врачъ и, значитъ, человѣкъ компетентный. Вы понимаете, что у насъ вы и сыпнячекъ можете схватить и всякое иное. Лучше скажите открыто все, что знаете»...

Головчинера освободили черезъ два дня, благодаря хлопотамъ какихъ то вліятельныхъ паціентовъ. Но предупрежденіе Ковальскаго сбылось съ ужасающей точностью. Смертельный укусъ уже былъ сдѣланъ и черезъ положенное число дней несчастный заболѣлъ сыпнякомъ и умеръ.

Ему было 26 лѣтъ. Жизнерадостный, цвѣтущій...

* *
*

Процессъ, случайной жертвой котораго палъ несчастный Коля Головчинеръ, былъ изъ наиболѣе громкихъ въ практикѣ Революціоннаго трибунала. Это было дѣло Вайнштейна — бывшаго присяжнаго повѣреннаго, а теперь коммуниста, правозаступника и публичнаго обвинителя. Обвиняли его въ служебныхъ злоупотребленіяхъ весьма тяжкаго свойства — а именно, не болѣе и не менѣе, какъ въ вымогательствѣ милліонной взятки у родныхъ подсудимаго по одному изъ дѣлъ, въ которомъ онъ выступалъ обвинителемъ. Взятка дана не была, и Вайнштейнъ съ большимъ пафосомъ требовалъ смертной казни. Трое изъ подсудимыхъ по этому дѣлу были казнены.

Процессъ Вайнштейна обнаружилъ истинное лицо клоаки, именуемой совѣтскимъ судомъ. Самъ Вайнштейнъ былъ человѣкъ ограниченный и нудный; онъ пользовался небезупречной репутаціей въ средѣ нашего сословія. Его превращеніе въ яраго коммуниста было, однако, неожиданностью; революціонный пылъ, съ которымъ онъ исполнялъ прокурорскія обязанности въ трибуналѣ, казался напускнымъ и недоброкачественнымъ. Тѣмъ не менѣе, никто не считалъ Вайнштейна способнымъ на то вопіющее дѣло, въ которомъ онъ теперь былъ изобличенъ. И процессъ его производилъ крайне тяжелое впечатлѣніе. Было страшно думать, что интеллигентный и даже по своему начитанный человѣкъ могъ дойти до такого моральнаго паденія.

Его приговорили къ разстрѣлу, но затѣмъ (кажется, по очередной амнистіи) замѣнили смертную казнь десятилѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ. Въ тюрьмѣ онъ, если не ошибаюсь, былъ назначенъ завѣдующимъ культурно-просвѣтительнымъ отдѣломъ. — Есть и такіе отдѣлы и въ очагахъ тифозной заразы, именуемыхъ теперь въ Россіи тюрьмами...

Характерной чертой совѣтской юстиціи является то, что настоящимъ образомъ приводятся въ исполненіе только приговоры къ смертной казни. Всякія сроч-

ныя наказанія съ каррикатурной поспѣшностью сокращались, а затѣмъ сводились на нѣтъ, регулярными амнистіями, которыя ВЦИК провозглашалъ во всѣ табельные дни революціи — 1 мая, 25 октября и т. д. Для людей со средствами или со связями (не говоря уже о коммунистахъ) отбытіе тюремнаго заключенія происходило въ самыхъ необычайныхъ формахъ: сначала ихъ переводили, не взирая на состояніе здоровья, въ тюремную больницу, затѣмъ назначали тамъ завѣд. хозяйствомъ или чѣмъ либо въ этомъ родѣ и въ качествѣ таковыхъ обычно «командировали» въ городъ на цѣлые дни. Иногда обнаруживались комическія гримасы этого оригинальнаго тюремнаго режима. Такъ, напримѣръ, въ одной изъ торжественныхъ процессій по улицамъ Кіева участвовалъ, среди другихъ чиновъ губ'юста, какой-то проворовавшійся коммунистъ, недавно только упрятанный тѣмъ же губ'юстомъ въ тюрьму. Теперь онъ фигурировалъ на торжествѣ въ качествѣ делегата одного изъ тюремныхъ комитетовъ.

Кромѣ смертной казни, дѣйствительно приводились въ исполненіе только всякія административныя мѣры наказанія — заключеніе въ концентраціонномъ лагерѣ, аресты, высылки и т. д. Арестованные меньшевики и эсеры по полгода и больше валялись по тюрьмамъ и имъ, разумѣется, никакихъ поблажекъ не дѣлалось . . .

Какимъ недостойнымъ фарсомъ были при такихъ реальныхъ условіяхъ всѣ разговоры большевиковъ о пенитенціарной реформѣ, всѣ ихъ комитеты по дѣламъ о малолѣтнихъ преступникахъ и т. д.!

* *
*

Что сказать о жизни высшей школы при совѣтской власти?

Хотя я послѣдніе полтора года жизни въ Россіи имѣлъ непосредственное касательство къ академической жизни, я все же не чувствую себя призваннымъ разсказать всю ея печальную повѣсть. Въ этой области, какъ нигдѣ, обнаруживался провинціализмъ нашей кіевской администраціи. Мы жили отголосками Москвы и Харькова, верховоды нашихъ «Увуз'овъ»* и «Главпрофобр'овъ»** постоянно мѣнялись и дурили каждый по своему. Кромѣ того, я намѣренно держался въ сторонѣ отъ всей административной части учебнаго дѣла, не вступалъ ни въ какіе комитеты и комиссіи и не участвовалъ въ тяжелой борьбѣ за сохраненіе высшей школы, которую вели въ нихъ другіе. Я читалъ лекціи и былъ радъ, что мнѣ даютъ ихъ читать, не навязывая мнѣ никакихъ программъ.

Поэтому я и не могу дать достаточно полной картины школьной политики совѣтской власти. Ограничусь отдѣльными штрихами, по необходимости отрывочными и бѣглыми.

Изъ всѣхъ институтовъ нашей жизни, вѣроятно, именно школа больше всего пострадала отъ того неудержимаго реформаторскаго психоза, которымъ вообще отличаются большевики. Исторія высшей школы за послѣдніе годы есть исторія непрерывныхъ реформъ, реорганизацій, переименованій. При этомъ, со свойственнымъ имъ максимализмомъ, наши реформаторы обязательно бросались изъ одной крайности въ другую. Напримѣръ, сначала было объявлено объ от-

* Управленіе высшими учебными заведеніями.
** Главное управленіе профессіон. образованія.

мѣнѣ всякихъ экзаменовъ, балловъ и т. д. Доступъ въ высшія учебныя заведенія былъ открытъ для всѣхъ; обученіе было, разумѣется, безплатнымъ. А затѣмъ, черезъ нѣкоторое время, не только были возстановлены всѣ виды экзаменовъ, но еще были выдуманы истинно-драконовскія мѣры надзора и контроля за занятіями студентовъ. Всѣ студенты стали считаться мобилизованными, а нѣкоторыя категоріи — «ударными». Каждый студентъ былъ обязанъ ежемѣсячно сдавать не менѣе опредѣленнаго числа экзаменовъ; въ случаѣ невыполненія этого, онъ подлежалъ немедленному исключенію и имя его сообщалось въ «Губкомдезертиръ» для привлеченія на принудительныя работы.

Учебные планы и программы подвергались переработкѣ едва ли не ежемѣсячно. При этомъ, если нечего было реформировать по существу, то хоть переносили старое съ одного мѣста на другое или мѣняли его названіе. Юридическій факультетъ университета былъ закрытъ. Но черезъ нѣкоторое время онъ воскресъ подъ видомъ «правового факультета» Института Народнаго Хозяйства (то-есть бывшаго Коммерческаго института). Въ программѣ новоиспеченнаго правового факультета было вычеркнуто уголовное право, но зато введены два новыхъ предмета: криминальная соціологія и криминальная политика. Въ названіи факультета иностранное слово было замѣнено русскимъ; въ названіи учебнаго предмета русское — двумя иностранными. Духъ реформаторства былъ удовлетворенъ.

Студенчество представляло собой массу весьма пестраго характера и состава. Большую его часть составляли прежніе студенты и студентки, прервавшіе свои занятія въ время войны и стремившіеся теперь наверстать пропущенное. Хотя по новымъ правиламъ дипломъ не давалъ никакихъ правъ и преимуществъ, все же студенты весьма ревностно стремились сдать побольше зачетовъ, набрать въ свои матрикулы побольше подписей. Здѣсь, какъ и во всемъ, отражался духъ времени — всѣ чувствовали себя «sur la branche», никто не вѣрилъ въ прочность режима и всѣ «оріентировались» на предстоящее возстановленіе прежняго.

Если профессоровъ дергали постоянными реформами и измѣненіями учебныхъ плановъ, то студентамъ не давали покоя безконечныя регистраціи и перерегистраціи. Большевики хотѣли добиться того, чтобы въ высшей школѣ обучались только дѣти пролетаріевъ и коммунисты. Достигнуть этого было невозможно; но тѣмъ не менѣе, начальство съ большимъ упорствомъ занималось отсѣваніемъ наличнаго состава учащихся. Для этой цѣли и выдумывали все новыя и новыя регистраціи, заставляли студентовъ заполнять безконечное количество анкетъ и отвѣчать на всякіе изустные вопросы. Въ анкетахъ спрашивалось о занятіяхъ самаго учащагося во всѣ періоды революціи, о профессіи его родителей, объ его политическихъ симпатіяхъ и т. д. На послѣдніе вопросы, естественно, стремились отвѣчать по возможности уклончиво (напримѣръ, на вопросъ объ отношеніи къ совѣтской власти отвѣчали «лоіяльное», на вопросъ о сочувствіи той или иной партіи отвѣчали «политикой не занимаюсь» и т. д.).

Разочаровавшись въ анкетахъ, большевики принялись за допросы. Были образованы какія-то «тройки» изъ представителей начальства и «надежныхъ» студентовъ; каждый студентъ долженъ былъ предстать предъ ясныя очи подлежащей тройки и подвергался инквизиторскому допросу. По существу, однако,

и изъ этого варварскаго пріема ничего не вышло. Студенты изворачивались, тройка записывала отвѣты, а затѣмъ весь собранный матерьялъ клался куда-нибудь подъ сукно и вскорѣ предавался забвенію.

Въ Институтѣ народн. хозяйства, гдѣ я лекцій не читалъ и встрѣчался со студентами исключительно на экзаменахъ, я имѣлъ дѣло почти только со студентами прежнихъ временъ, — постарѣвшими, обвѣтренными въ окопахъ и потрепанными жизнью, но все же студентами прежняго типа. Только на лекціяхъ въ Народномъ университетѣ и въ «Академіи нравственныхъ наукъ имени Л. Н. Толстого» я приходилъ въ соприкосновеніе съ новымъ типомъ студента, — студента не получившаго гимназическаго образованія, занятаго тяжелымъ трудомъ и урывающаго у вечерняго досуга два — три часа для пополненія пробѣловъ своего развитія. Впечатлѣніе, оставшееся у меня отъ общенія съ моими слушателями, было самое отрадное. Я видѣлъ предъ собой людей, дѣйствительно стремившихся къ знанію, внимательно слушавшихъ и задававшихъ вопросы, свидѣтельствовавшіе о подлинномъ, глубокомъ интересѣ къ предмету. Для всей этой молодежи книга была абсолютно недоступна, журналовъ не было вовсе, газеты были полны надоѣвшими агитаціонными фразами. Только на лекціяхъ ей приходилось иногда слышать слова, отрывавшія ее отъ печальной и тоскливой дѣйствительности.

Только этимъ можно объяснить, что несмотря на неблагопріятнѣйшія внѣшнія условія, лекціи посѣщались довольно исправно, а устраиваемые Народнымъ Университетомъ отъ времени до времени краткосрочные курсы* имѣли большой успѣхъ. И это несмотря на то, что занятія зимой происходили въ нетопленныхъ помѣщеніяхъ, часто при жалкомъ мерцаніи керосиновой коптилки.

Если мнѣ было съ чѣмъ-либо жаль разставаться, уѣзжая изъ Кіева, то только съ этой аудиторіей въ Народномъ университетѣ и въ Академіи...

Впрочемъ, оба учрежденія задыхались отъ различныхъ житейскихъ невзгодъ и, насколько мнѣ извѣстно, въ слѣдующемъ учебномъ году занятія ни здѣсь ни тамъ не возобновились.

Отъ учащихся слѣдуетъ перейти къ учащимъ. О нихъ страшно и больно писать...

Могу сказать — не для оправданія какого либо политическаго тезиса, а по опыту и личнымъ наблюденіямъ, — что изъ всѣхъ слоевъ населенія Россіи отъ большевистскаго режима сильнѣе всего пострадала интеллигенція. Режимъ былъ направленъ противъ такъ-называемой буржуазіи, то-есть противъ представителей финансоваго и торгово-промышленнаго капитала. Но у этихъ послѣднихъ было сравнительно много средствъ сопротивленія: они имѣли запасы, на которые могли жить, они имѣли кредитъ, они въ значительномъ количествѣ могли выѣхать за-границу.

Интеллигенція и, въ особенности, дѣятели высшей школы были, напротивъ, совершенно безоружны въ борьбѣ съ ограбленіемъ и обнищаніемъ. Ни запасовъ, ни кредита у нихъ не было. Выѣхать очень многіе изъ нихъ не могли или не рѣшались. И они остались и страдали больше и глубже другихъ. Для

---

* Въ 1920 г. были организованы курсы на слѣдующія темы: «Объ эмиграціи и международной жизни», «Товарообмѣнъ», «Управленіе фабричныхъ предпріятій», «Библіотечное дѣло», «Введеніе въ изученіе современной культуры». Лекторы курсовъ набирались изъ наличныхъ остатковъ кіевской профессуры. Организаторомъ ихъ былъ неутомимый Е. И. Кельманъ.

человѣка духовнаго труда выселеніе, мобилизація, лишеніе привычной работы — все это чувствуется острѣе и болѣзненнѣе, чѣмъ для всякаго иного. А этому подвергались всѣ — интеллигенты не меньше другихъ.

Помню, какъ въ одну изъ эпидемій выселенія цѣлыхъ домовъ, которыя мы иногда переживали въ Кіевѣ, талантливый и заслуженный зоологъ, профессоръ кіевскаго университета, тщетно искалъ заступничества предъ всѣми властями. Въ концѣ концовъ, онъ долженъ былъ выѣхать изъ своей трехкомнатной квартиры, такъ какъ весь домъ предназначался для какихъ-то желѣзнодорожныхъ мастеровыхъ.

Матеріальныя условія жизни людей науки были ужасны. Педагогическая работа, по всемірной и вѣковой традиціи, оплачивается хуже всякаго иного труда. Въ этомъ — и въ этомъ одномъ — совѣтская власть не отступила отъ традиціи. Намъ платили гроши, платили съ запозданіемъ въ 2—3 мѣсяца... Предъ отъѣздомъ изъ Кіева, я зарабатывалъ около 20.000 рублей въ мѣсяцъ въ то время, какъ на прокормленіе небольшой семьи нужна была такая же сумма въ день. Другіе, читавшіе больше лекцій и занимавшіе должности по администраціи учебныхъ заведеній, зарабатывали больше — въ пять, въ десять, но не въ тридцать разъ больше. И всѣ недоѣдали, всѣ тащили тяжести и рубили дрова, всѣ жили безъ книгъ, безъ свѣта, безъ бумаги, безъ рабочей комнаты...

«Академическій паекъ» внѣ Петрограда и Москвы существовалъ почти только на бумагѣ. Въ Москвѣ же онъ былъ таковъ, что популярный литературный критикъ, имя котораго извѣстно всей Россіи, еле прокармливался вдвоемъ съ женой, а дѣтей долженъ былъ отослать въ колонію Собеза. Пользовавшійся академическимъ пайкомъ Іосифъ Алексѣевичъ Покровскій — самый крупный цивилистъ въ Россіи — умеръ отъ болѣзни сердца, нажитой при колкѣ дровъ. А его коллега по московскому университету, профессоръ-романистъ, В. М. Хвостовъ, покончилъ съ собой, оставивъ записку: «Вотъ единственный способъ избавиться отъ совѣтской власти...» То же сдѣлалъ годомъ ранѣе сенаторъ бар. Нолькенъ — неутомимый комментаторъ нашего торговаго законодательства. Не проходило мѣсяца безъ вѣсти о новой смерти: умеръ Е. Н. Трубецкой, умеръ Л. М. Лопатинъ, умеръ М. Я. Капустинъ, умеръ С. А. Венгеровъ — не перечислить всѣхъ...

Въ Кіевѣ академическій паекъ стали выдавать въ декабрѣ 1920 года и выдавали, помнится, всего мѣсяца три. По нашимъ карточкамъ мы получали какую-то ячную муку, получали иногда пшено и умѣренныя количества сахара и соли. Съ какой тревогой всѣ эти дары судьбы ожидались, съ какимъ трудомъ доставались и разносились по домамъ...

Если большевики вздумаютъ построить памятникъ или тріумфальную арку въ честь совѣтской власти, то я представляю себѣ слѣдующій сюжетъ для фронтоваго барельефа:

Раннее зимнее утро. Холодъ, снѣгъ и вьюга. Еще полутемно. На Николаевской улицѣ, у входа въ кооперативъ, гдѣ выдается академическій паекъ, задолго до его открытія, стоитъ профессорская очередь. Тутъ и математики, и біологи, и языковѣды, и знатоки античной древности. Почтенныя, сѣдыя лица. Попадаются среди нихъ и жены и ребята — эти дежурятъ у привезенныхъ съ собой санокъ. У каждаго профессора въ рукахъ нѣсколько мѣшковъ или корзина. Онъ ждетъ нѣсколько часовъ того счастливаго момента, когда от-

кроется дверь кооператива, ему насыпятъ въ мѣшки муку и крупу, онъ взвалитъ ихъ на плечи и поплетется домой.

Подъ барельефомъ можно сдѣлать надпись словами Ремизова:

«Нищенскій хвостъ на паперти коммуны».

* *
*

Каковы были общественныя настроенія въ Кіевѣ этой эпохи? Что думало, что чувствовало, на что надѣялось населеніе?

Мнѣ разсказывали, что одинъ крестьянинъ, вспоминая о прежнихъ временахъ, приговаривалъ со вздохомъ:

— Колысь була свобода...

Для этого крестьянина прошлое отождествлялось съ представленіемъ о томъ, какъ онъ могъ невозбранно запречь свой возокъ и съѣздить, безъ риска реквизиціи, съ хлѣбомъ или картофелемъ въ сосѣдній уѣздный городъ, гдѣ въ лавкахъ продавалось все, что было нужно для его хозяйства. И это прежнее, невозвратное приволье жизни въ самодержавной Россіи онъ, нарушая политическую терминологію, выражалъ словомъ «свобода».

О такой «свободѣ» мечтаетъ послѣдніе годы едва ли не все населеніе Россіи. Каждый мыслитъ ее себѣ по-иному. Но для всѣхъ эта «свобода» состоитъ въ возможности нестѣсненной и лучшей жизни — для начала, хотя бы въ такой степени правового порядка и матерьяльнаго довольства, какая имѣлась при старомъ режимѣ.

Было бы несправедливо заклеймить эти настроенія, какъ реставраціонныя. Въ нихъ вообще нѣтъ никакой сознательной политической идеи. Конечно, многіе не умѣютъ выдѣлять предметовъ своихъ нынѣшнихъ воздыханій изъ общей обстановки, въ которой они были дѣйствительностью. Позади «французской булки за пятакъ» и «извощика за пятиалтынный» представляютъ себѣ и Императора Николая II, при которомъ этотъ сонъ былъ явью. Но если теперь сплошь и рядомъ въ Россіи говорятъ, что «при царѣ было лучше», то это отнюдь не значитъ, что у насъ особенно сильны монархическія настроенія. Массы мечтаютъ о «свободѣ», которая когда-то была, и рады привѣтствовать всякій строй, который ее дастъ.

Но какимъ путемъ осуществить эту мечту? Этотъ вопросъ безконечно мученъ и труденъ для всякаго, кто хочетъ надъ нимъ серьезно задуматься...

Въ странахъ съ налаженной политической жизнью имѣются трафареты въ видѣ программъ отдѣльныхъ партій, между которыми нужно только сдѣлать выборъ, и имѣются лидеры, среди которыхъ нужно остановиться на томъ или другомъ. Въ Россіи послѣдніе годы ничего этого нѣтъ, гражданинъ предоставленъ самому себѣ и своимъ слабымъ силамъ. Естественно, что у насъ политическія оріентаціи больше, чѣмъ гдѣ-либо, подсказываются не идеями, а желаніями. И понятно, что широкая публика, лишенная руководителей, не умѣетъ и не хочетъ задумываться надъ сложнѣйшими проблемами, которыя ставитъ дѣло возрожденія Россіи.

Цѣль — воскресить былую «свободу» — налицо. Ее сознаютъ и чувствуютъ отчетливо и ясно. Но когда ставится вопросъ о средствахъ, ведущихъ къ этой цѣли, то общественное мнѣніе оказывается совершенно безпомощнымъ. И ища

выхода, оно естественно прежде всего останавливается на средствахъ, представляющихся ему наиболѣе простыми и быстрыми.

Какъ античные трагики прибѣгали для драматической развязки къ непосредственному вмѣшательству божества въ человѣческія дѣла, такъ и у насъ долгое время тѣшили себя проектами того «deus ex machina», который бы свергъ большевиковъ.

Такимъ deus ex machina многимъ долгое время (примѣрно: 1918, 1919 и 1920 гг.) казалось вмѣшательство иностранной вооруженной силы, такъ-называемая интервенція. У насъ на Украинѣ интервенціонныя настроенія питались еще и тѣмъ, что мы фактически три раза были освобождены отъ совѣтской власти при помощи военной интервенціи: въ первый разъ при нѣмцахъ, во второй — при Деникинѣ и въ третій — при полякахъ. Всѣ три попытки, въ концѣ концовъ, потерпѣли крушеніе. Но эти неудачи не могли нарушить вѣру въ спасительность интервенціи, такъ какъ причины ихъ, во всѣхъ трехъ случаяхъ, не были, такъ сказать, имманентны самой идеѣ интервенціи: нѣмцевъ одолѣлъ Версальскій миръ и германская революція, добровольцевъ — внутреннее разложеніе, поляковъ — стратегическія ошибки. О національномъ подъемѣ, побѣждающемъ вторженіе иностранцевъ, мы читали въ исторіи французской революціи; но ничего подобнаго мы не видѣли въ Россіи ни при нѣмцахъ, ни при полякахъ. И многимъ казалось, что послѣ трехъ неудачныхъ будетъ четвертая удачная интервенція, и что для этого требуется только, чтобы иностранная армія была достаточно сильна...

О томъ, существуетъ ли въ данный моментъ на Западѣ такая сильная армія, готовая на военную экспедицію въ Россію, наши интервенціонисты не задумывались. Ихъ пылкое воображеніе создавало и арміи, и военачальниковъ, и коаліціи. И общественное мнѣніе г. Кіева цѣлые годы жило химерой интервенціи.

Оно жило химерой, и самая возможность столь длительной психической аббераціи служитъ лучшимъ признакомъ той у п а д о ч н о с т и, которой было отмѣчено все наше существованіе.

Къ сожалѣнію, приходится констатировать одно прискорбное явленіе. Переживаемая трагедія отразилась не только на жизни и тѣлесномъ здоровьи людей; она наложила свой отпечатокъ и на ихъ психику. Не только въ матеріальномъ, но и въ духовномъ смыслѣ мы стали жить упадочно и убого.

Мыслительная реакція на все происходящее вокругъ стала у большинства элементарнѣе и примитивнѣе. Люди спустились на нѣсколько ступеней внизъ по лѣстницѣ духовной культуры. Городъ сталъ жить въ духовномъ смыслѣ такъ, какъ прежде жила деревня; люди XX-го вѣка стали мыслить и умозаключать, какъ это дѣлали ихъ предки; интеллигенты въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ опустились до уровня захолустнаго мѣщанства.

Характерными чертами примитивнаго мышленія являются подозрительность и легковѣрность. Мужику всегда кажется, что собесѣдникъ его обманываетъ; а въ то же время онъ слѣпо вѣритъ знахарю, вѣритъ самому вздорному слуху или баснѣ. Этотъ — на первый взглядъ парадоксальный — симбіозъ подозрительности и легковѣрія сталъ теперь въ значительной мѣрѣ опредѣлять собой политическое мышленіе даже наиболѣе культурныхъ слоевъ.

Настоящей информаціи о томъ, что дѣлается на свѣтѣ, у насъ не было. Были только казенныя газеты, открыто преслѣдовавшія свои агитаціонныя цѣли. И въ результатѣ наши политическія сужденія и оцѣнки стали пробавляться,

съ одной стороны, слухами, а съ другой — перетолковываніемъ тѣхъ извѣстій, которыя сообщались въ газетахъ.

Особенно широкое поприще для упражненія своей подозрительности находили въ — предполагаемыхъ и дѣйствительныхъ — умолчаніяхъ совѣтскихъ газетъ. Все міросозерцаніе большинства было построено на презумціи, что есть какой-то спасительный для всѣхъ насъ секретъ, который большевики тщательно скрываютъ. Во время Кронштадтскаго возстанія въ Кіевъ по какому-то случаю не дошелъ одинъ номеръ московскихъ «Извѣстій» — кажется, номеръ отъ 5 марта 1921 года. И вотъ, когда номеръ отъ 6-го марта былъ уже расклеенъ, одинъ профессоръ кіевскаго университета говорилъ мнѣ съ совершенно увѣреннымъ видомъ, что номеръ отъ 5-го въ Кіевѣ получился, но скрытъ, такъ какъ въ немъ есть извѣстіе о занятіи возставшими матросами Петрограда. Почтеннаго профессора совершенно не смущало, что имѣвшійся на-лицо слѣдующій номеръ газеты не содержалъ въ себѣ ничего, что бы было хоть сколько-нибудь совмѣстимо съ такимъ извѣстіемъ въ предыдущемъ . . .

Мнимые и дѣйствительные пробѣлы совѣтской информаціи восполнялись — слухами. И тутъ уже находила примѣненіе вторая черта нашей вульгаризированной психики — легковѣрность.

Слухи — это цѣлая эпопея. Никогда не было сочиняемо столько слуховъ, сколько въ эти годы, никогда они не находили столь воспріимчивой почвы, никогда они не играли столь значительной роли въ политическомъ обиходѣ широкихъ круговъ. Отсѣкая время начатковъ и время умиранія этого царства слуховъ, можно смѣло сказать, что весь 1920 годъ Кіевъ ж и л ъ с л у х а м и.

Было тяжело видѣть, какъ некритически и наивно эти слухи воспринимались, — видѣть, кто въ нихъ вѣрилъ и кто ихъ распространялъ. Въ легковѣрномъ ослѣпленіи не замѣчали самыхъ явныхъ несообразностей, не замѣчали очевидныхъ признаковъ выдуманности. Не замѣчали того, что одни и тѣ же слухи періодически повторяются съ незначительными варіантами. Не замѣчали того, какъ постепенно многіе изъ этихъ слуховъ превратились въ нѣчто въ родѣ такъ-называемыхъ «бродячихъ сюжетовъ» фольклора, повторяющихся въ народныхъ сказаніяхъ различныхъ странъ и эпохъ.

Было нѣсколько такихъ «бродячихъ сюжетовъ», которые всплывали вновь каждые пару мѣсяцевъ и каждый разъ встрѣчали откликъ. По своему содержанію — незамысловатому, сшитому бѣлыми нитками — они также напоминали народныя легенды и сказки. Тѣмъ не менѣе, ихъ принимали за чистую монету и многіе буквально жили и дышали этими легендами. Припоминаю отдѣльные образцы.

Говорили, напримѣръ, о томъ, что изъ Одессы получено письмо на еврейскомъ языкѣ, въ которомъ сказано, чтобы къ такому-то празднику мы ждали «гостей». Гости — это означало иностранныя войска, которыя идутъ оккупировать Украину. О такомъ письмѣ говорили и въ 1919-мъ, и въ 1920-мъ, и въ 1921-мъ году. Мѣстомъ отправки письма называли сначала Одессу, затѣмъ Варшаву.

Говорили много разъ о томъ, что въ такомъ-то домѣ, населенномъ коммунистами, прачкѣ данъ приказъ: экстренно закончить стирку къ такому-то (близкому) сроку. Отсюда дѣлалось заключеніе о предстоящей на-дняхъ эвакуаціи большевиковъ.

Говорили нѣсколько разъ о полученномъ въ Кіевѣ номерѣ румынской (затѣмъ польской) газеты. Этотъ номеръ всегда былъ перепроданъ кому-нибудь

за большую сумму (смотря по состоянію валюты — сначала за 1000 рублей, затѣмъ за 10.000 рублей). Въ газетѣ имѣлось сообщеніе о рѣчи румынскаго короля (затѣмъ ее замѣнилъ манифестъ Пилсудскаго), въ которой румынскій (затѣмъ польскій) народъ предупреждался, что черезъ страну пройдутъ нѣмецкія войска; король (или Пилсудскій) просилъ своихъ подданныхъ отнестись къ этимъ войскамъ благожелательно, такъ какъ они приходятъ не какъ враги, а съ единственной цѣлью освободить Украину (или Россію) отъ власти большевиковъ.

Говорили десятки разъ о томъ, что большевикамъ поставленъ нѣмцами (или Антантой, или Лигой Націй) ультиматумъ: въ такой-то срокъ (обыкновенно двухнедѣльный) эвакуировать Украину.

Были и другіе слухи съ повторяющимися сюжетами, которые я теперь уже не могу припомнить въ точности. Про указанные четыре сюжета могу сказать съ увѣренностью, что слышалъ ихъ по нѣсколько разъ, въ разныя эпохи, иногда отъ тѣхъ же самыхъ людей, и что ихъ передавали съ вѣрой и надеждой.

Всякій обрывокъ сообщенія, приходившій съ Запада, разукрашивался и расцвѣчивался самымъ причудливымъ образомъ. Дошло, напримѣръ, до насъ извѣстіе о томъ, что въ Спа состоялась конференція. Этого было достаточно для возникновенія слуховъ о томъ, что въ Спа нѣмцамъ сдѣланы большія поблажки въ отношеніи условій мира — съ тѣмъ условіемъ, чтобы они оккупировали Украину. Подобнаго рода соглашеніе Антанты съ нѣмцами было одной изъ излюбленныхъ темъ, фигурировавшихъ уже во времена Версаля. Говорить нечего, что всякое интервью съ ген. Людендорфомъ или съ ген. Гофманомъ истолковывалось, какъ готовое рѣшеніе всѣхъ державъ производить интервенцію.

Самое нелѣпое въ этихъ слухахъ и самое печальное въ фактѣ довѣрія къ нимъ было то, что, какъ было ясно для всякаго неослѣпленнаго наблюдателя, большевики меньше всего были склонны скрывать что-либо, касавшееся интервенціонныхъ плановъ «западныхъ капиталистовъ». Напротивъ, они всячески подогрѣвали и муссировали всякое подобное извѣстіе, приходившее съ Запада. Любимой темой приказовъ Троцкаго всегда служило разсужденіе на тему, что хотя, молъ, мы всѣхъ побѣдили, но коварный врагъ не дремлетъ и нужно быть на чеку. Уже по одному этому, всѣ передававшіяся «пантофельной почтой» извѣстія о предстоящихъ интервенціяхъ не имѣли и тѣни правдоподобія. Вѣдь презумпціей достовѣрности слуха является невозможность получить свѣдѣнія нормальнымъ порядкомъ; въ данномъ случаѣ эта презумпція безусловно отпадала . . .

Апогеемъ развитія слуховъ, въ частности слуховъ объ интервенціи антанты или нѣмцевъ, была осень 1920 года, когда было оффиціально объявлено о радіо лорда Керзона, говорившемъ о помощи союзниковъ Польшѣ, и когда послѣ этого началось отступленіе красной арміи, уже дошедшей до преддверья Варшавы и затѣмъ за два мѣсяца откатившейся обратно почти до самаго Кіева.

Затѣмъ все постепенно улеглось. Поляки не обнаруживали никакого желанія занять Кіевъ, уже почти эвакуированный большевиками. Въ Ригѣ начались длительные переговоры, закончившіеся миромъ*. Армія Врангеля эва-

* Какъ за послѣднюю соломинку, хватались за пунктъ Рижскаго мира, въ которомъ говорилось о независимости Украины «на основѣ самоопредѣленія народовъ».

куировала Крымъ. Красинъ подписалъ торговый договоръ съ Англіей. Объ интервенціи, видимо, рѣчи больше быть не могло. Это должны были, въ концѣ концовъ, признать самые ярые шептуны и паникеры.

Такъ какъ «невозможно жить безъ вѣры», то, разочаровавшись въ интервенціи, стали надѣяться на быструю внутреннюю эволюцію большевиковъ. Но здѣсь уже и наиболѣе восторженные оптимисты не могли назначать такихъ близкихъ и осязательныхъ сроковъ, какъ это дѣлалось въ отношеніи воображаемыхъ ультиматумовъ Антанты. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, наступилъ упадокъ духа и все чаще стали слышны ноты отчаянія и безнадежности.

Примирился ли кто-либо съ большевизмомъ? Думаю, что искренно и честно едва ли кто съ нимъ примирился. Но многіе, не видя и не зная выхода, примирились со своей судьбой и съ своимъ положеніемъ обреченныхъ и пассивныхъ жертвъ большевизма...

Убожество и измельчаніе нашей жизни выражалось между прочимъ въ томъ, какими важными событіями стали представляться самыя, казалось бы, обыкновенныя вещи. Случилось мнѣ, напримѣръ, лѣтомъ въ 1921 году съѣздить на нѣсколько дней въ Москву. Не преувеличивая можно сказать, что объ этомъ событіи зналъ и говорилъ весь нашъ кварталъ. Послѣ возвращенія, ко мнѣ подходили на улицѣ еле знакомые люди, обычно въ сопровожденіи вовсе незнакомыхъ, и начинали разспрашивать о моихъ московскихъ впечатлѣніяхъ. Долженъ признаться, что я рѣшительно разочаровалъ всѣхъ любителей сенсацій. Пріѣзжавшіе изъ Москвы обыкновенно разсказывали — не иначе, какъ въ самыхъ суперлативныхъ тонахъ, — либо о налаженности и спокойствіи, либо о голодѣ и нищетѣ московской жизни. Я же, по совѣсти, не могъ сказать ничего другого, какъ то, что въ Москвѣ живется приблизительно такъ же, какъ въ Кіевѣ. Меньше разрушенныхъ домовъ, болѣе высокія базарныя цѣны, немного больше связи съ западомъ*, больше высокой политики и «придворныхъ» сплетенъ, немного меньше озорства со стороны низшей администраціи; но, въ общемъ и цѣломъ, то же, что и въ Кіевѣ, — тотъ же духъ и тонъ, та же комедія и та же драма.

Единственное различіе, которое я могъ установить между Москвой и Кіевомъ, находилось въ плоскости общественныхъ настроеній. Въ Москвѣ не было того десятка переворотовъ, который мы пережили послѣ перваго прихода большевиковъ въ 1918 году. И тамъ гораздо раньше воцарилась та резиньяція и пассивность, до которой, послѣ столькихъ надеждъ и разочарованій, въ концѣ концовъ дошелъ и Кіевъ. Нѣкоторые интеллигентскіе круги Москвы, насколько я могъ видѣть, больше нашего спасовали предъ большевизмомъ — приняли его, какъ неизбѣжное и чуть ли не заслуженное испытаніе неумолимаго рока.

Въ этой резиньяціи я вижу одинъ изъ опаснѣйшихъ моментовъ въ духовной жизни современной Россіи.

Небезопасно еще одно послѣдствіе большевистскихъ наѣздовъ на психику русскаго интеллигента, — послѣдствіе, которое я назвалъ бы развитіемъ у

Изъ этого пункта выводили, что на Украинѣ предстоитъ чуть ли не плебисцитъ о формѣ правленія и что дни совѣтской власти у насъ сочтены.

* Съ величайшей жадностью кіевляне набросились на привезенный мною комплектъ «Бюллетеней Нар. Коммиссаріата Иностр. Дѣлъ» — довольно добросовѣстной компиляціи заграничной прессы, періодически выпускаемой московскимъ Коминдѣломъ. Событіемъ для насъ было полученіе каждаго случайнаго номера иностранной газеты.

насъ своеобразнаго политическаго снобизма. Большевистская агитація состояла, въ своей разрушительной части, главнымъ образомъ въ изобличеніи «буржуазныхъ предразсудковъ» демократической государственности — всеобщаго избирательнаго права, свободы печати, неприкосновенности жилища, тайнаго голосованія, законности, института суда присяжныхъ, мѣстнаго выборнаго самоуправленія и т. д., и т. д. Приходится, къ сожалѣнію, констатировать, что эта часть большевистской пропаганды падала на слишкомъ воспріимчивую почву и оставила нѣкоторые слѣды. Казалось бы, вся дѣятельность большевиковъ и ея результаты должны были бы только убѣдить всѣхъ и каждаго въ томъ, что отъ этихъ выработанныхъ вѣковымъ опытомъ началъ культурной государственности ни при какихъ условіяхъ отступать нельзя. На дѣлѣ получилось, однако, иное. Несамостоятельные умы оказались въ извѣстной степени воспріимчивы къ большевистской критикѣ этихъ началъ и, въ значительной мѣрѣ безсознательно, восприняли ее. Способствовала этому и та карикатура народовластія, которую осуществили большевики, выполняя положительную сторону своей программы. Многіе по этой карикатурѣ дѣлали заключенія о негодности самихъ извращенныхъ большевиками принциповъ. Большевистскіе выборы были дурной комедіей — стали говорить, что всякіе выборы являются комедіей; большевистская пресса была лжива и цинична — стали говорить то же о всякой прессѣ; въ большевистскихъ учрежденіяхъ царило кумовство, протекція и взятка — стали утверждать то же о всякихъ государственныхъ учрежденіяхъ и органахъ. Въ однихъ этотъ снобизмъ питалъ самыя реакціонныя и монархическія настроенія, а въ другихъ, напротивъ, готовилъ почву для примиренія съ совѣтскимъ режимомъ, такъ какъ вездѣ, молъ, такъ же плохо.

При здравой оцѣнкѣ, опытъ совѣтской власти долженъ былъ послужить предметнымъ урокомъ политической грамоты. Но у насъ, къ сожалѣнію, не любятъ брать элементарныхъ уроковъ. Еще Тургеневъ гдѣ-то сказалъ о томъ, что если дать русскому гимназисту карту звѣзднаго неба, то онъ и не подумаетъ ее изучать, но черезъ четверть часа возвратитъ ее вамъ со своими исправленіями.

Страшнѣе всего подумать, какую умственную дисциплину и культуру вынесетъ изъ этой эпохи подростающее поколѣніе. И утѣшеніемъ можетъ служить лишь то, что если молодежь легко и быстро усваиваетъ, то она не менѣе легко и быстро забываетъ. А затѣмъ усваиваетъ новое.

Объ этомъ новомъ только и нужно позаботиться.

* *
*

Мѣсяцы и годы жили мы среди этого обнищанія и оскудѣнія, подъ постояннымъ гнетомъ и въ постоянной тревогѣ.

Выселятъ... Ограбятъ на обыскѣ... Мобилизуютъ... Обложатъ какой-нибудь повинностью... Закроютъ магазины и ничего нельзя будетъ достать... Потащатъ на какія-нибудь работы... Съ завтрашняго дня не будетъ свѣта... Истекаетъ срокъ на обмѣнъ такихъ-то удостовѣреній...

Кругомъ выселяли, обыскивали, тащили на работы...

Матерьяльно жилось скверно и было ясно, что не можетъ не становиться все хуже и хуже. Жили изо дня въ день, — во всѣхъ смыслахъ. Съ чувствомъ облегченія ложились вечеромъ въ постель, сознавая, что по крайней мѣрѣ сегодняшнія непріятности закончились. Съ волненіемъ шли на каждый звонокъ

и были рады, если оказывалось, что звонили въ нашу дверь по ошибкѣ. Прислушивались ко всякому шороху на лѣстницѣ — не къ намъ ли...

Ходили по мертвымъ улицамъ города, смотрѣли на кошмарно-однообразныя вывѣски «КЕПО № такой-то», на изможденныя и тупыя лица прохожихъ.

Читали расклеенныя по стѣнамъ газеты, сообщавшія о революціи въ Лиссабонѣ и о побѣдѣ на какомъ-нибудь вновь изобрѣтенномъ фронтѣ...

Мы задыхались. И вокругъ насъ задыхались. Всѣ — близкіе и далекіе. Европа, Западъ представлялись обѣтованной землей...

* *
*

27 іюля 1921 года мы снова провели ночь на вокзалѣ; снова, какъ полтора года назадъ, въ вагонѣ желѣзнодорожника.

Утромъ вагонъ двинулся, но на этотъ разъ уже не для маневрированія. Онъ увезъ насъ изъ Кіева.

Надолго. Надѣюсь, что не навсегда.

Апрѣль 1922.

Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства

Изъ впечатлѣній года службы

А. Гуровича

1.

Въ первые мѣсяцы послѣ октябрьскаго переворота торжествующіе побѣдители, овладѣвшіе аппаратомъ государственной власти, думали, что предстоящая имъ задача управленія страною чрезвычайно проста и не таитъ въ себѣ никакихъ затрудненій. Требованія какихъ либо особыхъ знаній, опыта или иной какой либо подготовки къ руководству административнымъ механизмомъ государства — они не только ради демагогіи, а и совершенно искренне и безъ малѣйшихъ колебаній относили къ числу предразсудковъ, порожденныхъ буржуазнымъ лицемѣріемъ или бюрократической рутиной. Если освободить государственную жизнь отъ политическаго засилія буржуазіи и ея приспѣшниковъ, то всѣ вопросы, возникающіе въ государствѣ, дѣлались, по ихъ мнѣнію, настолько ясными и несложными, что для разрѣшенія ихъ и въ теоріи, и на практикѣ болѣе чѣмъ достаточна — небольшая доза обыкновеннѣйшей житейской сметки. Отсюда получался очень простой и очень обнадеживающій выводъ: стоитъ только путемъ «націонализаціи» захватить въ свои руки банки — эту цитадель «финансоваго капитала», дирижирующаго современнымъ буржуазнымъ обществомъ, да при помощи ареста нѣсколькихъ десятковъ капиталистовъ сломить злонамѣренное противодѣйствіе «господствующаго класса», — и политическая роль буржуазіи будетъ парализована, а тѣмъ самымъ автоматически упростятся и облегчатся всѣ безъ исключенія проблемы государственнаго управленія. И тогда достаточно лишь быть сознающимъ свою классовую миссію пролетаріемъ или просто честнымъ слугою пролетаріата, чтобы съ полной гарантіей совершеннѣйшаго успѣха взяться хотя бы за самый отвѣтственный рычагъ административнаго аппарата. Въ полномъ соотвѣтствіи съ такой точкой зрѣнія, новые правители Россіи начали свою административную практику съ назначенія на всѣ болѣе или менѣе значительные посты «представителей пролетаріата», при чемъ даже наличность или отсутствіе у назначаемаго хотя бы самой скромной степени интеллигентности совершенно не принимались въ расчетъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что такой характеръ первыхъ шаговъ большевизма объяснялся въ значительной мѣрѣ, кромѣ изложенной теоріи управленія, еще и такъ называемымъ «саботажемъ» интеллигенціи, служилой и неслужилой, рѣшительно от-

казавшейся вначалѣ отъ какого бы то ни было сотрудничества съ новою «рабоче-крестьянскою» властью; но съ другой стороны, и большевистская власть, благодаря своему административному оптимизму, очень легко и спокойно отнеслась къ факту саботажа, а иные, какъ напримѣръ, предсѣдатель московскаго Совѣта рабочихъ депутатовъ В. Г. Смидовичъ или не менѣе его извѣстный большевистскій лидеръ — В. Н. Ногинъ, говорили даже, что саботажъ только «развязываетъ имъ руки, облегчая задачу радикальной революціи въ личномъ составѣ всѣхъ правительственныхъ учрежденій». Вѣра въ пролетарскія административныя способности была настолько сильна, что даже принимая услуги нѣкоторыхъ чиновниковъ или интеллигентовъ, поспѣшившихъ перебѣжать на сторону побѣдителей, послѣдніе подчеркивали (и не только для демагогіи, а и вполнѣ добросовѣстно), что берутъ ихъ на службу не потому, чтобы испытывали въ нихъ нужду, а потому, что «пролетаріатъ въ своемъ побѣдномъ великодушіи» не хочетъ отвергать прозрѣвшихъ, желающихъ «служить его великому историческому дѣлу». Такъ формулировалъ отношеніе къ этому вопросу, между прочимъ, первый народный комиссаръ юстиціи (правда, очень кратковременный, чуть ли не «однодневный») А. Ломовъ (Г. И. Оппоковъ).

Такова была первоначальная теорія, но злокозненная практика не замедлила разрушить ее до тла, — и первыя разочарованія не заставили себя долго ждать. Уже черезъ нѣсколько недѣль послѣ начала большевистскаго правленія въ «правящихъ кругахъ» начали раздаваться голоса, вначалѣ робкіе и нерѣшительные, а затѣмъ все болѣе и болѣе настойчивые и твердые, говорившіе, что безъ широкаго «привлеченія и использованія» интеллигентныхъ силъ обойтись невозможно. Оказалось, что истина крыловской басни не сметена пролетарской революціей, и что даже и въ освобожденномъ отъ буржуазной косности «соціалистическомъ» государствѣ не слѣдуетъ допускать, чтобы «пироги пекъ сапожникъ». Потрясающая безпомощность новоявленныхъ администраторовъ изъ «честныхъ коммунистовъ», невообразимый сумбуръ, внесенный ими въ ходъ управленія, сумбуръ, окончательно обезсиливавшій и безъ того не очень крѣпкую власть, быстро развивавшееся и обострявшееся на этой почвѣ всеобщее недовольство, да наконецъ, и пышно распустившееся, благодаря такому порядку, господство самыхъ беззастѣнчивыхъ злоупотребленій, — все это побудило руководящіе круги пересмотрѣть свое первоначальное административное міровоззрѣніе и придти къ прямо противоположнымъ результатамъ. Ко времени переѣзда правительственнаго центра изъ Петербурга въ Москву новыя тенденціи упрочились окончательно, и вмѣсто «пролетаризированія» личнаго состава администраціи, явились настойчивыя стремленія поставить на всѣ мало-мальски серьезныя мѣста въ управленіи, если не всегда техническихъ спеціалистовъ дѣла, то во всякомъ случаѣ людей вполнѣ интеллигентныхъ. Однако, эти новыя стремленія нельзя было осуществить легко и просто безъ всякихъ затрудненій. «Саботажныя» настроенія интеллигенціи еще изжиты не были, какъ равно не была еще изжита и всеобщая почти увѣренность въ чрезвычайно близкомъ паденіи большевистской власти, увѣренность, отбивавшая всякую охоту идти на службу къ большевистскому правительству. Съ другой стороны, интеллигенція въ большинствѣ своемъ не испытывала въ этомъ тогда никакой принуждающей ее житейской необходимости; потокъ «націонализаціи» только еще начинался, еще не все было поглощено совѣтскимъ Левіафаномъ, и для независимаго отъ власти труда оставалось еще очень много мѣста и въ частныхъ предпріятіяхъ, и въ занятіяхъ свободныхъ профессій. Только двѣ категоріи интеллигентовъ готовы были отвѣтить на «но-

выя вѣянія» въ правительствѣ: всегда и всюду имѣющіеся любители половить рыбу въ мутной водѣ, во-первыхъ, и тѣ, кто расчитывалъ такимъ путемъ отстаивать государственныя цѣнности или «смягчать» большевистскій режимъ. Первая категорія имѣлась налицо съ самаго же начала большевистскаго владычества, но, надо признать правду, сами властители знали ея настоящую цѣну и за людьми этого сорта не очень гонялись; вторая же — сдѣлалась замѣтной съ весны 1918 года, когда стало очевиднымъ, что методы саботажа, какъ орудіе политической борьбы, оказались недостигающими цѣли, а съ другой стороны многіе видные общественные дѣятели, какъ напримѣръ — Е. Д. Кускова и нѣсколько менѣе рѣшительно — Н. М. Кишкинъ, стали склоняться къ тому взгляду, что отказъ отъ службы у большевистскаго правительства — ошибка, ибо онъ отдаетъ страну всецѣло въ жертву невѣжественнымъ «самодѣльнымъ» чиновникамъ новаго режима, отъ невѣжественности же этой проистекаетъ зло не меньшее, чѣмъ отъ самаго направленія коммунистической политики. Этотъ взглядъ ко времени перенесенія правительственнаго центра въ Москву имѣлъ довольно много сторонниковъ среди московской интеллигенціи, — и такихъ лицъ большевистская власть, несмотря на враждебную ей сущность ихъ мотивовъ, всѣми мѣрами старалась заполучить себѣ на службу.

Типичною иллюстраціею такихъ стараній можетъ послужить разсказъ о томъ, какъ приглашался на совѣтскую службу пишущій настоящія строки.

Однажды, въ половинѣ апрѣля 1918 года непосредственно въ мой служебный кабинетъ въ Главномъ Комитетѣ Всероссійскаго Союза Городовъ была передана «телефонограмма», приглашавшая меня отъ имени «товарища Кузовкова» прибыть въ одинъ изъ ближайшихъ дней въ помѣщеніе «бывшей Городской Думы» для личныхъ переговоровъ съ нимъ по неотложному дѣлу.

«Товарищъ Кузовковъ» былъ въ то время грозою московскихъ «буржуевъ». Онъ стоялъ во главѣ двухъ самыхъ «страшныхъ» отдѣловъ московскаго «исполкома» — финансоваго и жилищнаго и, опираясь на эти двѣ твердыни, «штурмовалъ», по его собственному выраженію, буржуазію. Не будучи большевикомъ по своей партійной принадлежности (онъ былъ «лѣвый соціалъ-демократъ-интернаціоналистъ»), онъ ничѣмъ не отличался отъ самыхъ примитивныхъ большевиковъ ни по своей преданности новому строю и всѣмъ его начинаніямъ, ни по своей бурно-пламенной ненависти къ «буржуямъ». Ecraser le bourgeois — была его главная цѣль и, завѣдуя двумя отдѣлами, онъ шелъ къ ней двоякимъ путемъ. Именно по его иниціативѣ и плану, даже больше — каждый разъ по его распоряженію, финансовый отдѣлъ весною того года началъ облагать, подъ видомъ подоходнаго взиманія, московскія промышленныя и торговыя предпріятія такими потрясающими подлежавшими немедленной уплатѣ налогами, что оставалось только диву даваться. Достаточно сказать, что не менѣе, чѣмъ въ трехъ четвертяхъ случаевъ, цифра постигшаго фирму обложенія превышала основной ея капиталъ, а порою и весь ея активъ. Почти ни въ одномъ изъ случаевъ уплатить налогъ не было возможности, а неуплата его влекла за собою карательный арестъ владѣльцевъ предпріятія. Не приходится изумляться, что обыкновенно владѣльцы, немедленно по полученіи окладного листа изъ финансоваго отдѣла, или спѣшили скрыться изъ Москвы, или сами возбуждали ходатайство о національзаціи ихъ предпріятій. Понималъ ли Кузовковъ, что назначаемыя имъ цифры непосильны для облагаемыхъ? Уже одно то, что онъ не былъ неучемъ въ этой области, но былъ даже оставленъ при университетѣ по каѳедрѣ финансоваго права, говоритъ противъ обратнаго предположенія; точно также не было

его цѣлью вынудить капиталистовъ къ просьбамъ о націонализаціи ихъ имуществъ; большевизмъ, во-первыхъ, вовсе не стремился передать въ этомъ дѣлѣ иниціативу въ руки самой буржуазіи, а во-вторыхъ, воздерживался тогда еще отъ широкаго примѣненія націонализаціи производства и не приступалъ еще совершенно къ націонализаціи торговли. Истинныя цѣли распоряженій Кузовкова были иныя; онъ самъ въ разговорѣ со мною, происшедшемъ, когда я явился къ нему по его приглашенію, формулировалъ ихъ словами: «дисциплинировать буржуазію». Если расшифровать эти слова, то смыслъ ихъ выражаетъ двоякое желаніе: съ одной стороны — просто разгромить имущественно «буржуя», а съ другой — показать ему силы и возможности совѣтской власти, запугать, терроризировать его (другого, кроваваго террора «чрезвычаекъ» тогда еще не было). Тотъ же характеръ террористическаго «дисциплинированія» буржуазіи носила дѣятельность Кузовкова и въ жилищномъ отдѣлѣ; отъ него ведутъ свое начало ненужныя и жестокія выселенія «буржуевъ» изъ квартиръ въ трехъ-дневный срокъ подъ угрозой ареста на случай неоставленія квартиры въ назначенный день. «Я самъ знаю», говорилъ мнѣ Кузовковъ, «что эти квартиры часто потомъ пустуютъ; но это неважно; важно показать буржуазіи, что ея прежняя жизнь кончена». Здѣсь проявлялся несомнѣнный своего рода классовый садизмъ, такъ часто наблюдавшійся впослѣдствіи среди «чекистовъ» наряду съ обыкновеннымъ, лишеннымъ классоваго признака садизмомъ общимъ. Сдержки же не было никакой, ибо и сейчасъ существующая въ большевистской администраціи анархическая «самодѣятельность» не только отдѣльныхъ учрежденій, но даже различныхъ отдѣловъ одного учрежденія, тогда была въ полномъ цвѣту; да и репутація Кузовкова, какъ «ученаго финансиста», стояла въ правящихъ кругахъ высоко.

Къ этому-то Кузовкову я и явился дня черезъ два послѣ его телефонограммы, думая, что дѣло идетъ, повидимому, о выселеніи изъ занимаемаго помѣщенія находившагося въ моемъ завѣдываніи отдѣла В. Союза Городовъ, имѣвшаго отдѣльную отъ общаго помѣщенія Главнаго Комитета квартиру.

Однако, ожиданія эти оказались неправильными. Цѣль вызова заключалась въ «переговорахъ» о поступленіи моемъ на совѣтскую службу, и именно въ качествѣ не то секретаря, не то фактическаго ревизора финансоваго отдѣла Московскаго Исполкома. Подобнаго рода переговоры велись тогда каждый день то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ работниковъ общественныхъ организацій и неизмѣнно отличились, во-первыхъ, крайнею примитивностью «дипломатическихъ» пріемовъ, а во-вторыхъ, стремительнымъ «американскимъ» нажимомъ на приглашаемое ко вступленію на службу лицо. Большевики тогда еще льстили себя увѣренностью въ томъ, что вмѣсто обычной русской интеллигентской расхлябанности, они внесутъ въ русскую жизнь дѣловой американизмъ и очень любили дѣйствовать съ такою головокружительностью, какая по ихъ нѣсколько наивному представленію должна быть свойственна какому-нибудь Нью-йоркскому стальному или угольному «королю». Откровенность и безстрашіе, быстрота и натискъ, — такими способами пытались они плѣнять и побѣждать нужныхъ имъ людей. Къ такому же методу прибѣгнулъ и Кузовковъ для «уловленія» меня въ свои сѣти. Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній на тему о томъ, что ему извѣстны съ одной стороны мои кадетскіе взгляды, а съ другой мои «заслуги» (кстати сказать, по крайней мѣрѣ — наполовину мнимыя) въ области общественнаго контроля, онъ съ мѣста въ карьеръ предложилъ мнѣ поступить въ «финотдѣлъ» для организаціи контроля надъ главною работою отдѣла — надъ производи-

вшеюся имъ въ податныхъ цѣляхъ оцѣнкою имущества и доходности московскихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Предложеніе свое онъ мотивировалъ отчасти важностью этого дѣла, а отчасти полной непригодностью для его осуществленія имѣвшагося въ его распоряженіи личнаго состава. По его словамъ, а они отвѣчали дѣйствительности, — положеніе было поистинѣ грустное. «Вы не можете себѣ представить всю безвыходность моего положенія», говорилъ онъ, «сотрудники всѣ до одного — или безтолковые невѣжды, или продаются за взятку направо и налѣво. Поневолѣ обращаешься къ политическимъ противникамъ. Впрочемъ, языкъ цифръ и бухгалтеріи чуждъ вѣдь всякой политикѣ». Этотъ языкъ, конечно, самъ по себѣ дѣйствительно всегда бываетъ чуждъ политикѣ, — но дѣло въ томъ, что Кузовковъ къ звукамъ этого языка не прислушивался; цифры были ему нужны развѣ изъ отвлеченно-статистическаго интереса, а въ своей податной практикѣ онъ руководствовался охарактеризованными выше «дисциплинарными» цѣлями. При такихъ условіяхъ, самая добросовѣстная работа въ финансовомъ отдѣлѣ означала бы или верченье въ бѣличьемъ колесѣ, или же пріобщеніе къ политикѣ дисциплинированія «буржуевъ». Это я и сказалъ Кузовкову и, къ моему удивленію, онъ, вмѣсто отрицанія такого факта, развилъ теорію оправданія осуществляемой имъ финансовой и жилищной дисциплины. «Нельзя управлять», говорилъ онъ, «если обыватель не боится власти, не вѣритъ въ ея всемогущество; царскому режиму вѣрили, ибо привыкли вѣрить, а совѣтскій строй долженъ наглядно продемонстрировать свое всемогущество передъ буржуазной обывательщиной». Можетъ быть, эта теорія не лишена была нѣкоторой примитивной правды, но привлечь меня она, конечно, не могла, что я и высказалъ моему собесѣднику. Понявъ, что дальнѣйшія убѣжденія будутъ безполезны, онъ «по-американски» мгновенно прекратилъ пхъ и далъ вопросу о поступленіи моемъ на совѣтскую службу болѣе широкую постановку. «Если Вы не хотите поступить ко мнѣ, то я сообщу о Васъ въ Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства товарищу Пятигорскому, который ищетъ какъ разъ спеціалиста по организаціи центральнаго контроля». Такъ закончилась наша бесѣда. Такъ, надо замѣтить, заканчивались многія бесѣды въ то время, ибо добросовѣстный совѣтскій бюрократъ, потерпѣвъ неудачу при попыткѣ завербовать кого либо въ свои сотрудники, не просто отпускалъ человѣка на всѣ четыре стороны, но указывалъ на него другимъ учрежденіямъ, отыскивающимъ интеллигентныя силы, дабы онѣ попробовали заполучить «цѣнную рабочую силу» къ себѣ.

Такъ и на сей разъ поступилъ Кузовковъ. Дня черезъ три послѣ нашего разговора я получилъ снова по телефону приглашеніе отъ управляющаго дѣлами Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства — Пятигорскаго прибыть къ нему для срочныхъ переговоровъ. Эти переговоры въ части пхъ были настолько любопытны, что соотвѣтственная часть ихъ заслуживаетъ дословной передачи. Изложивъ свое предложеніе мнѣ взяться за устройство контрольнаго отдѣла при президіумѣ В. С. Н. Х., онъ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами.

— «Вы понимаете, конечно, что это очень отвѣтственная роль, а на отвѣтственныя мѣста намъ желательны лица, признающія совѣтскій строй».

— «Я признаю, что совѣтскій строй существуетъ, но мое отношеніе къ нему опредѣленно отрицательное», былъ мой отвѣтъ.

— «Отрицательное? Да?.. Но, впрочемъ, это несущественно. Мы не доктринеры. Я самъ, напримѣръ, не коммунистъ, а лѣвый с.-р. Но во всякомъ случаѣ одно необходимо: мы не терпимъ совмѣстительства, и человѣкъ, работаю-

щій въ В. С. Н. Х., долженъ отдавать этой работѣ все свое время. На это Вы вѣдь согласны?»

— «Нѣтъ, не согласенъ. Я Союза Городовъ не брошу и буду работать тамъ, пока онъ существуетъ».

— «Да?.. Но, собственно, и это второстепенный вопросъ. Словомъ, попробуйте наладить у насъ контроль, а тамъ сами увидите, стоитъ ли Вамъ оставаться дальше».

Такъ, начиная съ предъявленія къ приглашаемому разныхъ требованій, ищущіе людей большевики легко сдавали всѣ свои торжественно занимаемыя позиціи и предавались самому безудержному «соглашательству» съ «контръреволюціонными» интеллигентами, лишь бы заполучить ихъ на службу, уговорить ихъ хотя бы «попробовать».

II

Я «попробовалъ». Посовѣтовавшись со своими политическими единомышленниками, старшими товарищами по сословію присяжныхъ повѣренныхъ и нѣкоторыми пріятелями и знакомыми изъ торгово-промышленныхъ круговъ, я рѣшилъ попытаться «спасать цѣнности» и «смягчать режимъ» путемъ работы въ Высшемъ Совѣтѣ Народнаго Хозяйства. Правда, попробовалъ я это не въ той роли, для которой прочилъ меня «товарищъ Пятигорскій». Въ этомъ важнѣйшемъ большевистскомъ учрежденіи интересъ могъ бы представлять только фактическій контроль; предварительная ревизія кассовыхъ расходовъ никакой особой цѣнности имѣть не могла, ибо девять десятыхъ огромныхъ суммъ, проходившихъ черезъ кассу В. С. Н. Х., выдавались въ видѣ авансовъ подвѣдомственнымъ ему лицамъ и учрежденіямъ, — и вся ревизія сводилась бы только къ формальной справкѣ о наличности соотвѣтствующаго распоряженія; что же касается такъ называемой «послѣдующей ревизіи», то ей приходилось бы главнымъ образомъ болѣе или менѣе платонически рыться въ авансовыхъ отчетахъ лицъ, производившихъ расходованіе суммъ не менѣе, чѣмъ полгода назадъ. Это была бы безцѣльная и мертвая работа, а фактическій контроль относился къ вѣдѣнію уже существующаго отдѣла инспекціи. Вотъ почему не болѣе, какъ черезъ недѣлю послѣ поступленія моего въ В. С. Н. Х., я перешелъ въ качествѣ юрисконсульта въ юридическій отдѣлъ при президіумѣ Совѣта.

Въ это время (начало мая 1918 года) Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства былъ уже очень большимъ учрежденіемъ съ нѣсколькими десятками отдѣловъ (точнаго числа не помню) и оброс уже значительнымъ количествомъ «главковъ» и «центровъ», которые по своему юридическому положенію также приравнивались къ его отдѣламъ. Уже отошелъ тогда въ безвозвратное прошлое тотъ первый періодъ его существованія, когда по его не лишенному образности, хотя и нѣсколько сгущавшему комическія краски разсказу А. И. Рыкова (первый народный комиссаръ внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ предсѣдатель В. С. Н. Х.), весь Совѣтъ состоялъ только изъ двухъ лицъ: В. Оболенскаго и извѣстнаго совѣтскаго экономиста Ю. Ларина; каждый изъ нихъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и диктовалъ своей личной секретаршѣ какой-нибудь умопомрачительный декретъ; затѣмъ декретъ снабжался санкціонирующей его угрозой арестовать и объявить «внѣ закона» каждаго ослушника, подписывался авторомъ въ слѣдующей формѣ: «за Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства — такой-то» и отсылался въ «Извѣстія»

для напечатанія. На эту водевильную картину Совѣтъ, какъ будто, не былъ болѣе похожъ. Нѣсколько сотъ служащихъ, доклады, заключенія, засѣданія, комиссіи, разслѣдованія, свѣдущія лица, — все это придавало Совѣту по внѣшности солидный видъ; но былъ ли его аппаратъ дѣйствительно солиденъ?

Уже самая фантастичность заданій Совѣта въ корнѣ подрывала такую возможность. Методы же ихъ осуществленія еще болѣе усугубляли безпорядочную хаотичность, которая, вмѣсто мнимой солидности, рѣзко бросалась въ глаза каждому, кто хоть на мгновеніе приближался къ этому учрежденію. Задача В. С. Н. Х. заключалась, во-первыхъ, въ установленіи единаго плана производства и снабженія и въ проведеніи этого плана, а во-вторыхъ, въ быстромъ, но «послѣдовательно-планомѣрномъ обобществленіи» народнаго хозяйства. При грандіозности такихъ замысловъ, если на минуту повѣрить въ ихъ осуществимость, надлежало бы, повидимому, работать съ исключительнымъ напряженіемъ и величайшею точностью. На дѣлѣ — въ руководящихъ кругахъ Совѣта царило какое-то потрясающее легкомысліе, граничащее съ вѣрою въ то, что все само собою «образуется», или же просто съ желаніемъ спрятаться подъ ворохомъ безтолковыхъ мелочей отъ неразрѣшимыхъ крупныхъ проблемъ. Къ основной задачѣ Совѣта, къ выработкѣ единаго общаго хозяйственнаго плана даже и не приступали (его не существуетъ и по сіе время); разбирали и утверждали порознь, въ разбивку отдѣльныя программы для того или иного вида производства, или для снабженія населенія тѣмъ или другимъ фабрикатомъ; программы производства и снабженія другъ съ другомъ не связывались; такъ напримѣръ, предполагалось распредѣлить среди крестьянъ одного только центральнаго раіона гораздо больше земледѣльческихъ орудій, чѣмъ можно было по другой программѣ ихъ произвести, закупить, да взять изъ готоваго запаса на пространствѣ всей Россіи; для производства стали въ утвержденныхъ размѣрахъ надо было бы получить раза въ четыре больше желѣза, чѣмъ это было возможно по также утвержденной «желѣзной программѣ». Всѣ эти программы производства и снабженія составлялись наспѣхъ, «къ завтрашнему засѣданію», безъ аналитической работы надъ надлежащими данными статистики и технологіи, а просто изъ чистаго разума. Иногда, впрочемъ, на составленіе программы вліяли и совсѣмъ пикантныя обстоятельства; какой-либо заводъ, еще находящійся въ частномъ владѣніи и желающій получить заказъ «съ авансомъ», подсовывалъ, гдѣ слѣдуетъ, приличную «благодарность», и въ результатѣ программа непомѣрно раздувала «потребную» цифру фабрикатовъ, составлявшихъ предметъ производства этого завода. Мало того; уже утвержденные планы постоянно подвергались поправкамъ, мѣнялись и отмѣнялись, — и все это — отъ случая къ случаю, безъ всякой связи одного съ другимъ. Гдѣ ужъ тутъ было «централистически регулировать» народно-хозяйственную жизнь... А пока что для исполненія утвержденныхъ плановъ на подлежащія предпріятія свозилось топливо, сырье, оборудованіе, отбиравшееся отъ другихъ фабрикъ и заводовъ, работавшихъ часто полнымъ ходомъ; тамъ производство останавливалось, а здѣсь не могли его наладить; потомъ съ перемѣною плана снова начинали пересортировывать и перевозить матеріалы и машины и съ тѣмъ же результатомъ. То, что было, разорялось, новаго не возникало.

Не лучше обстояло дѣло и съ «обобществленіемъ». Въ теоріи существовалъ намѣченный порядокъ націонализаціи производства. Предполагалось, что сначала націонализуются концентрированныя въ рукахъ немногихъ крупныхъ предпріятій отрасли производства, въ остальныхъ же областяхъ путемъ при-

нудительнаго трестированія и другихъ искусственныхъ мѣръ создается сперва такая же концентрація и лишь затѣмъ наступаетъ и для нихъ моментъ націонализаціи. На дѣлѣ — порядка въ этомъ вопросѣ не было абсолютно никакого. «Націонализировалъ» всякій, кто хотѣлъ: мѣстные «совнархозы», «исполкомы», «военревкомы», — даже чрезвычайки въ порядкѣ карательныхъ «конфискацій». Дѣлалось это все не по какому либо плану, а по спеціальнымъ на каждый данный случай мотивамъ. То «исполкомъ» разсердился на фабриканта, то кому либо приглянулся запасъ топлива, имѣющійся на данномъ заводѣ, то конкуррентъ посѣщалъ президіумъ «губсовнархоза» съ приношеніями, то какой-нибудь инженеръ изъ соотвѣтствующаго отдѣла В. С. Н. Х. находилъ, что на данномъ предпріятіи онъ сумѣетъ развернуть свои непризнанныя до сихъ поръ новаторскія идеи. Націонализированное прежде всего подвергалось потоку и разграбленію со стороны разнообразныхъ мѣстныхъ властей, и лишь спустя продолжительное время В. С. Н. Х. отвоевывалъ то, что хотѣлъ получить въ свое непосредственное вѣдѣніе, и получалъ это предпріятіе обыкновенно въ совершенно разоренномъ видѣ. Когда-нибудь архивы Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства раскроютъ передъ историкомъ всю трагическую эпопею «обобществленія».

Руководители Совѣта въ большинствѣ случаевъ замѣчали, что ходъ событій не поддается ихъ управленію, что ихъ силамъ немногое доступно, — но какой-то безшабашный оптимизмъ заставлялъ ихъ все же вѣрить, что они дѣлаютъ большое дѣло, и народное хозяйство Россіи затанцуетъ въ концѣ-концовъ по ихъ указкѣ. Они не смущались поэтому ни отрывочностью своихъ плановъ и рѣшеній, ни присущими имъ противорѣчіями и отсебятиной. И если ихъ вниманіе кѣмъ-либо на эти декреты обращалось, то они относили такія замѣчанія на счетъ «буржуазной узколобости» или злонамѣренной оппозиціи. Даже большевистскіе авторитеты не расхолаживали ихъ. Такъ, однажды на засѣданіи президіума при обсужденіи программы выплавки чугуна группою чугунолитейныхъ заводовъ видный большевистскій экономистъ и публицистъ М. Павловичъ, выслушавъ всѣ великолѣпные планы, указалъ, что нужное для ихъ реализаціи количество угля никоимъ образомъ не сможетъ быть доставлено этимъ заводамъ. «Вы разсуждаете слишкомъ узко, товарищъ», отвѣчалъ ему членъ президіума Оппоковъ, «въ періодъ налаживанія организаціи хозяйства всѣ планы и расчеты всегда могутъ быть спутаны какими либо неустранимыми обстоятельствами. Но наши расчеты вовсе не нуждаются въ аптекарской точности; они должны приспособляться къ нашимъ цѣлямъ, а не средствамъ, и если ихъ не удастся сегодня осуществить, то завтра они не потеряютъ также своей силы, и будутъ стоять передъ нами какъ руководящій для данной сферы индустріи идеалъ, къ которому надо стремиться. Только такимъ путемъ можно хозяйствовать не въ обрѣзъ»... И президіумъ согласился съ Оппоковымъ.

Для солидности аппарата В. С. Н. Х. недоставало также еще одного необходимаго для сего условія: недоставало опредѣленнаго плана конструкціи. Многочисленные отдѣлы и «главки» возникали не примѣнительно къ какому либо продуманному плану управленія народнымъ хозяйствомъ Россіи, но совершенно случайно. Въ большинствѣ случаевъ возникновеніемъ своимъ они бывали обязаны желанію того или иного интересующагося экономическими вопросами виднаго коммуниста или стремящагося въ ряды совѣтской іерархіи «буржуя»-спеціалиста получить въ свое завѣдываніе ту или иную отрасль россійской промышленности. Такой аппаратъ сочинялъ небольшой письменный или устный, но непремѣнно «со статистическими данными» докладъ для президіума В. С. Н. Х.

о необходимости спеціальнаго отдѣла для той или иной области индустріи, и президіумъ почти неизмѣнно постановлялъ «отдѣлъ учредить и поручить его организацію» автору доклада. Въ другихъ случаяхъ, при обсужденіи какого либо вопроса президіумъ иногда по собственной иниціативѣ находилъ, что ему было бы легче такіе вопросы разрѣшать, если бы они предварительно разрабатывались въ спеціально вѣдающемъ ихъ отдѣлѣ, — и тутъ-же такой отдѣлъ учреждался и намѣчался его руководитель. Бывало и такъ, что по соображеніямъ чисто персональнаго характера, относившимся къ личности завѣдующихъ, какой либо отдѣлъ разбивался на нѣсколько самостоятельныхъ частей, или, наоборотъ, нѣсколько отдѣловъ сливалось въ одинъ. При этомъ компетенція и задачи различныхъ отдѣловъ почти никогда не были точно опредѣлены, но формировались лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, благодаря чему часто получалось, что перекрещивались компетенціи нѣсколькихъ отдѣловъ; то цѣлый рядъ ихъ ссорился изъ-за того, кому должно достаться на разрѣшеніе данное дѣло, то, наоборотъ, они усиленно старались «спихнуть» другъ другу ту или иную проблему; и аргументація каждаго изъ нихъ была при такихъ казусахъ равно справедливой. Неопредѣленными оставались не только взаимоотношенія отдѣловъ между собой, но и отношенія ихъ къ президіуму. Никакихъ правилъ о томъ, какіе вопросы могутъ разрѣшаться отдѣлами самостоятельно и какіе должны ими вноситься на разрѣшеніе президіума, не существовало. Дѣйствовали какъ Богъ на душу положитъ. Можно сказать, что фактически два признака опредѣляли практику въ этомъ отношеніи; если отдѣлу для намѣченнаго имъ рѣшенія какого либо дѣла требовались средства, превышающія размѣры выданнаго ему и неизрасходованнаго еще аванса, то дѣло вносилось для испрошенія неодостающихъ суммъ въ президіумъ, — таковъ былъ одинъ признакъ; другой имѣлся на-лицо, если завѣдующій отдѣломъ почему-либо не хотѣлъ принимать на себя отвѣтственность за то или иное рѣшеніе вопроса. Такъ и получалось, что въ зависимости отъ дѣлового темперамента завѣдующаго отдѣлы по-разному задавали президіуму работу; тогда какъ одни, «робкіе», загромождали своими докладами каждое или почти каждое засѣданіе президіума, — другіе, «рѣшительные», лишь очень рѣдко напоминали ему о своемъ существованіи. Даже «національзаціи» и «конфискаціи» происходили часто по простому распоряженію завѣдующаго отдѣломъ.

Столь же неясными были и отношенія всего В. Сов. Нар. Хоз. въ цѣломъ къ смежнымъ съ нимъ комиссаріатамъ, а именно къ народному комиссаріату торговли и промышленности въ первую очередь, а затѣмъ къ комиссаріатамъ труда, земледѣлія, продовольствія, путей сообщенія, — словомъ ко всему тому, что имѣло соприкосновеніе съ народнымъ хозяйствомъ. В. С. Н. Х. проявлялъ весьма рѣзко выраженную тенденцію «съѣсть» эти комиссаріаты, превративъ ихъ просто въ своихъ техническихъ совѣтчиковъ или въ скромныхъ техническихъ же исполнителей своихъ велѣній и предначертаній. И такъ какъ на совѣтъ возлагались огромныя надежды, какъ на учрежденіе, которое должно и сможетъ наладить «на соціалистическую ногу» всю хозяйственную жизнь страны, то совѣтъ являлся какъ бы фаворитомъ лидеровъ большевизма и встрѣчалъ ихъ полную поддержку въ своихъ завоевательныхъ стремленіяхъ. По отношенію къ комиссаріату торговли и промышленности ему удалось, строго говоря, полностью осуществить эти стремленія; за названнымъ комиссаріатомъ очень скоро осталось только «управленіе» внѣшней торговлей (фактически прекратившей свое существованіе), да сочиненіе законопроектовъ, разсматривавшихся президіумомъ

В. С. Н. Х. или же «совнаркомомъ» по заключеніямъ того же президіума. Съ остальными же упомянутыми комиссаріатами происходили постоянныя стычки и пререканія; то совѣтъ измѣнялъ или уничтожалъ правила комиссаріата труда объ отношеніяхъ между работодателями и рабочими или объ условіяхъ работы въ какой либо отрасли промышленности, то принималъ на себя распредѣленіе по отдѣльнымъ мѣстностямъ сельско-хозяйственныхъ машинъ, орудій и инструментовъ, несмотря на протесты комиссаріата земледѣлія, то «регулировалъ» производство нѣкоторыхъ предметовъ питанія, то начиналъ распоряжаться желѣзнодорожнымъ хозяйствомъ (водные пути сообщенія онъ отобралъ въ свое распоряженіе сравнительно легко). Подлежащіе комиссаріаты возмущались, протестовали, пытались отстанвать свои права, но почти всегда, благодаря отмѣченному положенію совѣта, какъ «господскаго любимчика», возникшіе споры разрѣшались въ его пользу. Но такъ какъ заранѣе нельзя было знать, захочетъ ли совѣтъ наложить руку на тотъ или иной вопросъ или какъ отнесется къ этому «совнаркомъ», то получалось полное отсутствіе элементарнаго разграниченія компетенціи, и путаница возникала невообразимая.

Еще хуже дѣйствовала неопредѣленность въ отношеніяхъ между совѣтомъ и отдѣльными гражданами, то-есть реальными субъектами народнаго хозяйства. Свои права и функціи по управленію послѣднимъ совѣтъ понималъ очень широко и упрощенно. Онъ считалъ, что его задача не исчерпывается завѣдываніемъ національзированной частью производства или регулированіемъ той его части, которая осталась въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ. Напротивъ, въ совѣтѣ твердо господствовалъ тотъ взглядъ, что онъ можетъ и даже долженъ рѣшать всѣ безъ исключенія вопросы, относящіеся къ тѣмъ имуществамъ, которыя объемлются понятіемъ народнаго хозяйства, и не только эти вопросы рѣшать, но и рѣшенія свои въ исполнительномъ порядкѣ осуществлять. Основываясь на такомъ взглядѣ, совѣтъ и въ лицѣ своего президіума, и въ лицѣ различныхъ своихъ отдѣловъ разрѣшалъ конфликты между служащими и владѣльцами предпріятій, принималъ къ своему разбору чисто исковыя, гражданскія дѣла между различными фирмами и постановлялъ по нимъ рѣшенія, дѣлалъ то же самое по отношенію къ спорамъ о правѣ собственности или, по совѣтской терминологіи, о правѣ владѣнія (этотъ терминъ примѣнялся и къ собственности) тѣми или иными предпріятіями, ихъ оборудованіемъ или товарами и т. д. Другими словами, совѣтъ, когда хотѣлъ, присвоивалъ себѣ полномочія гражданскаго суда, причемъ судъ этотъ былъ безъ какого бы то ни было апелляціоннаго или кассаціоннаго обжалованія; высшей инстанціей надъ В. С. Н. Х. былъ «совнаркомъ», но послѣдній оставлялъ безъ разсмотрѣнія жалобы частныхъ лицъ на дѣйствія совѣта. Впрочемъ, и функцій уголовнаго суда совѣтъ не чуждался. За неисполненіе его распоряженій или просто за вызвавшія его гнѣвъ дѣйствія отдѣльныхъ лицъ онъ отдавалъ приказы о карательномъ арестѣ виновныхъ. Такіе приказы отдавались обыкновенно завѣдующими отдѣлами, ихъ помощниками, секретарями, а иногда даже дѣлопроизводителями... Хотя количество арестованныхъ въ такомъ порядкѣ лицъ и не было велико, но положеніе ихъ бывало по большей части исключительно трагично; отдавшій грозное распоряженіе «судья» обыкновенно вскорѣ забывалъ о немъ или перемѣнялъ службу, и ни самъ арестованный, ни начальство мѣста его заключенія не знали, по чьему приказу онъ арестованъ, за кѣмъ онъ долженъ числиться; благодаря этому, всѣ хлопоты направлялись не по адресу и встрѣчали отвѣтъ: «ничего не знаемъ, мы тутъ не при чемъ», — а арестованный продолжалъ «сидѣть», пока какая либо счастли-

вая случайность или солидная взятка его не освобождали. Были случаи, когда по винѣ такой забывчивости карающихъ дѣлопроизводителей люди проводили въ заключеніи болѣе года. И любопытно, что такая практика никому изъ руководителей В. С. Н. Х. не казалась ненормальной, — но напротивъ воспринималась ими, какъ нѣчто совершенно естественное.

Для полноты характеристики отношеній Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства къ частнымъ лицамъ нельзя не упомянуть о юридическомъ положеніи его контрагентовъ. Въ описываемое время (мэй 1918 года) число этихъ контрагентовъ было довольно значительнымъ, ибо тогда націонализовано было сравнительно еще небольшое число производственныхъ предпріятій, и совѣту для осуществленія своихъ хозяйственныхъ плановъ (а плановъ было очень много, и добрая ихъ половина считались «грандіозными») приходилось прибѣгать къ договорамъ съ частными предпринимателями, по большей части къ договорамъ поставки или подряда; точно также, для «планомѣрнаго» осуществленія своихъ идей о развитіи, расширеніи или преобразованіи той или иной отрасли производства совѣтъ широко субсидировалъ владѣльцевъ ненаціонализированныхъ еще предпріятій на расходы, связанные съ этими операціями; субсидіи эти давались на опредѣленныхъ условіяхъ, и обратно — при извѣстныхъ условіяхъ совѣтъ обязывался повторить или увеличить субсидію. Казалось бы, что во всѣхъ этихъ случаяхъ между совѣтомъ и частными предпринимателями должны были бы существовать отношенія, построенныя по обычному типу взаимоотношеній между казной и ея контрагентами, — но такъ только казалось. Дѣло въ томъ, что В. С. Н. Х. существованіе договорныхъ обязанностей признавалъ только на сторонѣ своихъ контрагентовъ, — себя же связаннымъ по договору ни въ какой мѣрѣ не разсматривалъ; онъ считалъ себя вправѣ по своему одностороннему усмотрѣнію «аннулировать» договоръ или измѣнять его въ любомъ пунктѣ и въ любомъ смыслѣ, хотя бы чрезвычайно отяготительномъ для контрагента, при чемъ за послѣднимъ совѣтъ не признавалъ никакого права ни на отказъ отъ измѣненнаго договора, ни на какія либо компенсаціи за нарушеніе его договорныхъ правъ и интересовъ. Мотивировалось это обыкновенно двумя не лишенными юридическаго интереса соображеніями; во-первыхъ, по доктринѣ совѣта ему принадлежитъ право верховнаго распоряженія всѣми имущественными правами хозяйствующихъ въ соціалистическомъ государствѣ гражданъ, и если онъ можетъ ограничить или отнять даже ихъ права собственности, то тѣмъ паче и съ тою же легкостью можетъ онъ поступать такимъ же образомъ и въ отношеніи принадлежащихъ имъ правъ обязательственныхъ; а во-вторыхъ, при соціалистическомъ строѣ хозяйственной свободы гражданъ не существуетъ; каждый является лишь исполнителемъ велѣній центральной хозяйственной власти, которая вправѣ наложить на любого изъ хозяйствующихъ субъектовъ тѣ или иныя обязанности сообразно своимъ видамъ и предположеніямъ, — и такимъ образомъ какія либо измѣненія договорнаго порядка являются лишь однимъ изъ возможныхъ видовъ этого способа возложенія обязанностей на частныхъ лицъ. Другими словами, совѣтъ придавалъ чисто публичный, государственно-правовой характеръ частно-правовымъ имущественнымъ отношеніямъ между казною и отдѣльными лицами. Вначалѣ контрагенты совѣта пробовали было бороться противъ такой практики В. С. Н. Х., но изъ ихъ попытокъ ничего не выходило. Самъ совѣтъ на ихъ протесты вниманія не обращалъ, совнаркомъ жалобъ частныхъ лицъ на совѣтъ разсматривать не хотѣлъ, — а суды . . . суды, правда, судили, но результатовъ отъ сего также не получалось никакихъ. «Народные

окружные суды» принимали къ своему разсмотрѣнію иски къ В. С. Н. Х. и съ грѣхомъ пополамъ пытались примѣнять старыя нормы о производствѣ дѣлъ по искамъ къ казнѣ, — но самъ совѣтъ къ отвѣту по такимъ искамъ не являлся, а на судебныя рѣшенія, если онѣ постановлялись, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, — и на томъ дѣло и заканчивалось. Принудить совѣтъ къ исполненію судебнаго рѣшенія — возможности не было никакой, но зато, наоборотъ, для осуществленія своихъ требованій и притязаній совѣтъ, отнюдь не обращаясь къ помощи суда, дѣйствовалъ совершенно самостоятельно, насильственно реализуя ихъ и карая арестомъ за самую блѣдную тѣнь противодѣйствія или протеста. Получалось, такимъ образомъ, что заключить договоръ съ совѣтомъ значило не обезпечить себя въ какомъ бы то ни было отношеніи, но только лишь — обратить его вниманіе на себя, какъ на еще одного «хозяйствующаго субъекта», на еще одно лицо, надъ которымъ можно продѣлывать «грандіозныя» экономическія упражненія.

Таковъ былъ характеръ этого учрежденія съ точки зрѣнія организаціонной. Не менѣе любопытнымъ былъ и личный его составъ. Переступая порогъ огромнаго дома въ одномъ изъ переулковъ Мясницкой улицы, принадлежавшаго прежде пользовавшейся не очень хорошей репутаціей гостиницѣ, — я думалъ, что подавляющее большинство служащихъ В. С. Н. Х. — партійные коммунисты или принадлежатъ по крайней мѣрѣ къ какимъ либо такимъ теченіямъ, вродѣ «лѣвыхъ с.-д. интернаціоналистовъ», отличить которыя отъ большевиковъ можно было только подъ микроскопомъ. Такое мнѣніе существовало въ Москвѣ вообще, — но дѣйствительность съ первыхъ же моихъ шаговъ радикально опровергла такое предположеніе. Правда, большинство высшихъ служащихъ было коммунистами (о нихъ, какъ и о президіумѣ будетъ рѣчь впереди), правда, существовала «комячейка» и среди прочей толпы служащихъ, — но главная ихъ масса ничего общаго съ большевизмомъ и большевиками не имѣла и состояла почти сплошь изъ «контръ-революціонеровъ» разныхъ категорій. Низшія должности были по преимуществу заняты многочисленными барышнями и молодыми людьми изъ бывшихъ бухгалтеровъ, прикащиковъ, конторщиковъ или изъ студентовъ. гимназистовъ, «экстерновъ». Всю эту армію молодежи привлекало на службу сравнительно высокое вознагражденіе и очень малое количество работы, приходящейся на долю каждаго. Всѣ они по цѣлымъ днямъ слонялись по многочисленнымъ корридорамъ громаднаго дома, флиртовали, бѣгали покупать въ складчину халву и орѣхи, распредѣляли между собою добытые кѣмъ либо изъ нихъ билеты въ театрѣ или мясные консервы и, въ качествѣ рефрена къ этимъ дѣловымъ занятіямъ, ругательски ругали большевиковъ и распространяли слухи о томъ, что Мирбахъ грозитъ ввести нѣмецкія войска въ Москву. Если въ канцелярію являлся проситель или какой либо иной посѣтитель по дѣлу, ему долго приходилось ждать, пока въ пустую комнату случайно влетитъ, наконецъ, давясь отъ смѣха, какая нибудь барышня и, немного отдышавшись, броситъ на него вопросительно-грозный взглядъ; поймавъ этотъ взглядъ и съ тоскою за него ухватившись, посѣтитель пытался начать излагать свое дѣло, но получалъ обыкновенно отвѣтъ, что дѣло его относится къ вѣдѣнію другого служащаго, который въ настоящій моментъ «вышелъ»; если барышня была очень добрая, то послѣ нѣкотораго времени она, сжалившись надъ несчастнымъ просителемъ, отправлялась на розыски «вышедшаго» (причемъ превратившійся въ «вошедшаго» служащій обыкновенно сердито и категорически отсылалъ посѣтителя въ совершенно другой отдѣлъ, гдѣ та-же исторія повторялась

со стереотипной точностью), — если же барышня была изъ строгихъ, то посѣтитель могъ провести цѣлый часъ въ пріятномъ, но безполезномъ tête-à-tête съ нею, не достигая рѣшительно никакихъ результатовъ. Такова была наиболѣе многочисленная категорія низшихъ (и пожалуй среднихъ) служащихъ совѣта.

Слѣдующая по многочисленности категорія состояла изъ бывшихъ министерскихъ чиновниковъ еще царскаго режима. Этихъ побуждала идти на совѣтскую службу или матеріальная необходимость, или не менѣе часто — тоска по привычному дѣлу, съѣвшему не одинъ десятокъ лѣтъ жизни почти каждаго изъ нихъ. Нужно было видѣть, съ какою страстью накидывались они на «исходящія» и «ьходящія», или на «отзывы» и «отношенія», на «докладныя записки» и прочую канцелярскую премудрость, чтобы понять, что безъ этой бумажной атмосферы имъ гораздо труднѣе жить, чѣмъ безъ хлѣба и сапогъ. Эти старались служить добросовѣстно, приходили первыми, уходили послѣдними, какъ прикованные сидѣли на своихъ стульяхъ, — но, можетъ быть, именно благодаря такой добросовѣстности, изъ ихъ работы ничего, кромѣ невообразимой чепухи, не получалось, ибо безпорядочность и стремительность дѣйствій высшихъ органовъ путала всю ихъ любовно-кропотливую пряжу «входящихъ» и «отношеній». Очень часто бывало, что десятка полтора такихъ вѣрныхъ жрецовъ канцелярскаго искусства въ теченіе мѣсяца трудились надъ подготовкой какого либо «дѣла» по всѣмъ правиламъ доброй традиціи, — и когда, наконецъ, «дѣло» восходило «на резолюцію», то оказывалось, что оно уже давнымъ давно рѣшено, и рѣшеніе уже исполнено, но начальство не увѣдомило только объ этомъ своихъ подчиненныхъ; бывало часто и такъ, что ко времени полученія дѣла на резолюцію начальство забывало о состоявшемся рѣшеніи, или просто мѣнялась персона начальника, и вопросъ получалъ новое, совершенно противоположное прежнему рѣшеніе; а черезъ недѣлю въ канцелярію съ шумомъ врывалось заинтересованное лицо и подымало вопль по поводу перерѣшенія дѣла... Чиновники путались, путались, часто ничего не понимали, искренно отъ этого страдали, проклинали свою новую службу, но не въ силахъ были съ нею разстаться, не въ силахъ были распрощаться съ дорогимъ ихъ сердцу бумажнымъ царствомъ.

Наконецъ, большая часть среднихъ служащихъ и часть высшихъ, не принадлежавшая къ коммунистамъ, состояла изъ интеллигентовъ разныхъ типовъ. Были здѣсь, такъ сказать, романтическія натуры, которымъ въ службѣ въ одной изъ вражескихъ цитаделей чудился запахъ какой-то острой авантюры; были люди безпринципные, которымъ все на свѣтѣ безразлично, кромѣ собственнаго благополучія, и просто темныя фигуры, стремившіяся примазаться къ большевистскому хаосу для того, чтобы подъ покровомъ его тьмы и безтолочи грабить, сколько влѣзетъ; были и люди другого сорта: спеціалисты, надѣявшіеся спасти дорогое имъ дѣло, или тѣ, кто подобно мнѣ отправился «смягчать режимъ». Романтики очень скоро разочаровывались въ своихъ мечтаніяхъ, попадая, вмѣсто ожидавшагося ими міра приключеній, въ самую обыкновенную и будничную бюрократическую прозу, и либо для утѣшенія направляли свои романтическія склонности на флиртъ съ представлявшими богатый выборъ совѣтскими барышнями, либо начинали искать романтики въ авантюрахъ корыстнаго характера, хищеніяхъ и взяткахъ. О «спасателяхъ» и «смягчателяхъ» будетъ подробнѣе говориться дальше, — а пока слѣдуетъ остановиться на той категоріи интеллигентовъ и полуинтеллигентовъ, которая старалась изъ своей службы сдѣлать для себя доходное дѣло. Достигнуть такой цѣли было очень нетрудно; при

той путаницѣ и безтолковости, которыя пропитывали собою всю жизнь Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства, можно было продѣлывать, что угодно. Можно было получить крупный авансъ на какіе либо «важные» расходы и преспокойно обратить его въ свою пользу въ полной увѣренности, что никто о немъ болѣе не вспомнитъ, да и до бухгалтеріи вѣсти о немъ дойдутъ въ худшемъ случаѣ черезъ годъ, а то и вовсе не дойдутъ; можно было даже, при «очень большой щепетильности» вернуть черезъ нѣсколько мѣсяцевъ этотъ авансъ, какъ неизрасходованный, заработавъ въ промежуткѣ на этомъ оборотномъ капиталѣ двойную или тройную сумму (этимъ видомъ обогащенія не брезгали порою и люди, въ совершеннѣйшей порядочности которыхъ еще годъ назадъ никому бы не пришло въ голову усумниться); можно было безвозбранно торговать націонализированными и конфискованными товарами, ибо никакого учета имъ при «обращеніи ихъ въ собственность государства», да и въ дальнѣйшемъ не велось; можно было взыскивать съ частныхъ владѣльцевъ разные налоги и сборы, оставляя взысканное въ свою пользу на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ можно было присваивать и авансовыя суммы; открывалось, наконецъ, самое широкое поле для поистинѣ грандіозныхъ взятокъ. Одни платили за освобожденіе ихъ предпріятій отъ націонализаціи, другіе — за выгодный для нихъ договоръ подряда, — да всего и не перечтешь. Иные платили просто отъ страху; принудитъ ихъ арестомъ за какое-нибудь дѣйствительное или мнимое нарушеніе какого нибудь существующаго или просто выдуманнаго ad hoc декрета, — и раскошеливались, да притомъ раскошеливались не какъ въ старыя дешевыя времена, а въ размѣрахъ порою гомерическихъ. Лица, шедшія на службу ради «доходовъ», мгновенно находили доходы легкіе, простые и огромные. «Попадались» такіе господа сравнительно очень рѣдко, да и тогда, если только за дѣло не хваталась «чрезвычайка» (которая и въ этихъ случаяхъ расправлялась обыкновенно своимъ излюбленнымъ методомъ), то почти всегда можно было отъ бѣды отвертѣться, пустивъ въ ходъ механизмъ личныхъ связей и . . . опять таки взятокъ.

Одинъ изъ такихъ случаевъ по анекдотичности своихъ формъ несомнѣнно заслуживаетъ разсказа, дабы не пропасть «для памяти потомства». Героемъ его былъ, правда, не «безпартійный» интеллигентъ, но одинъ изъ «октябрьскихъ» коммунистовъ, — однако типичности своей случай этотъ отъ того не теряетъ. Не помню теперь фамиліи этого героя, — но отлично помню его надменно-самоувѣренныя манеры, зычный голосъ и постоянное пересыпаніе своей рѣчи именами Ленина, Свердлова, Бончъ-Бруевича, съ которыми онъ постоянно видался, якобы — просто по-пріятельски (въ дѣйствительности, была въ томъ надобность или нѣтъ, онъ чуть ли не ежедневно надоѣдалъ имъ устными и телефонными сообщеніями о ходѣ ввѣренныхъ ему дѣлъ). Онъ завѣдывалъ однимъ изъ крупнѣйшихъ отдѣловъ В. С. Н. Х. (кажется, «отдѣломъ металла») и въ этой должности въ крупнѣйшемъ масштабѣ учинялъ всѣ тѣ злоупотребленія, возможность которыхъ только-что была упомянута, и цѣлый рядъ другихъ. Когда онъ почувствовалъ, что зашелъ, пожалуй, нѣсколько дальше, чѣмъ слѣдуетъ, — онъ устроилъ назначеніе свое на должность предсѣдателя орловскаго областного Совѣта Народнаго Хозяйства, и на этомъ новомъ, гораздо болѣе самостоятельномъ и, слѣдовательно, гораздо болѣе свободномъ отъ нескромныхъ взглядовъ мѣстѣ вновь широко развернулъ свои таланты. Но одного онъ не разсчиталъ: того, что и другіе члены областного совнархоза могутъ возжаждать заработка, и что имъ могутъ быть обѣщаны взятки со стороны, конкуррирующей съ той,

которая платитъ ему. Такъ и случилось; проводя свои рѣшенія, онъ билъ по карману своихъ товарищей, и послѣдніе, собравъ цѣлый букетъ совершенно изобличающихъ его фактовъ, сдѣлали на него доносъ предсѣдателю В. С. Н. Х. — А. И. Рыкову. Рыковъ, человѣкъ — въ денежныхъ дѣлахъ очень честный, возмутился и назначилъ разслѣдованіе, въ которомъ нѣкоторое участіе принялъ и юридическій отдѣлъ. Но еще прежде, чѣмъ разслѣдованіе могло существенно подвинуться впередъ, виновникъ всполошился и нашелъ себѣ заступника, повидимому — также за солидную взятку, въ лицѣ знаменитаго Козловскаго, который въ первое время послѣ октябрьскаго переворота попеременно бывалъ то предсѣдателемъ какой либо чрезвычайной слѣдственной комиссіи, то... подслѣдственнымъ по обвиненію во взяточничествѣ. Въ описываемое время Козловскій былъ членомъ коллегіи (то-есть товарищемъ министра) въ народномъ комиссаріатѣ юстиціи. По его совѣту герой разсказа самъ обратился въ «совнаркомъ» съ требованіемъ суда надъ собою; при помощи управляющаго дѣлами совнаркома — Бончъ-Бруевича (тоже, конечно, не безплатно) было устроено такъ, что разслѣдованіе поручили комиссаріату юстиціи, гдѣ дѣло взялъ въ свои руки, конечно, Козловскій.

Козловскій назначилъ слѣдователемъ по дѣлу фигуру, пригодность коей для этой цѣли лучше всего можетъ быть показана разсказомъ о моемъ съ ней знакомствѣ. Однажды, вскорѣ послѣ начатія этого дѣла, въ юридическій отдѣлъ вошелъ какой-то высокій, неуклюжій съ улыбающимся лицомъ господинъ и обратился къ одному изъ юрисконсультовъ на какомъ-то языкѣ, который тотъ нашелъ абсолютно ему неизвѣстнымъ; будучи призванъ имъ на помощь и, думая, что передо мною какой-либо германскій подданный, желающій воспользоваться какимъ-либо изъ благъ Брестъ-Литовскаго мира, я спросилъ его по-нѣмецки: «Вы совершенно не говорите по-русски?» — «А развѣ я говорю не по-русски?» изумился посѣтитель и посыпалъ какой-то тарабарщиной, въ которой я смутно чувствовалъ какіе-то славянскіе корни, но не понималъ ни слова. Это былъ «слѣдователь Пшерва», военноплѣнный не то чехъ, не то полякъ, коммунистъ и другъ Козловскаго, не знавшій ни одного слова по-русски, но глубоко убѣжденный въ томъ, что его немыслимая тарабарщина есть не что иное, какъ языкъ Пушкина и Толстого. Онъ пришелъ въ юридическій отдѣлъ за справками, относящимися къ порученному ему дѣлу, — и я не могъ не заинтересоваться, какъ же онъ будетъ при такомъ лингвиническомъ багажѣ производить разслѣдованіе. «Очень просто», отвѣчалъ слѣдователь: «Козловскій сказалъ мнѣ, что имя рекъ (фамилія обвиняемаго) хорошо владѣетъ нѣмецкимъ языкомъ и въ случаѣ какихъ либо затрудненій можетъ переводить мнѣ и показанія свидѣтелей, и документы». — «Какъ? Обвиняемый будетъ одновременно переводчикомъ? Вы юристъ или нѣтъ?» удивился я. — «Да, я юристъ», спокойно и все съ тѣмъ же улыбающимся лицомъ сказалъ нисколько не смутившійся Пшерва, — «но я не фанатикъ всѣхъ формальностей буржуазнаго устава судопроизводства; дѣло не въ этихъ формальностяхъ, а въ слѣдовательскомъ нюхѣ. О, меня никто не обманетъ». Трудно сказать, было ли это наивнымъ бахвальствомъ большевистскаго «юриста», или же попыткой отвести глаза. Но какъ бы то ни было, а разслѣдованіе производилось именно такъ. Обвиняемый, присутствуя при всѣхъ безъ исключенія слѣдственныхъ дѣйствіяхъ Пшервы, служилъ ему переводчикомъ, и со словъ этого переводчика дѣлалъ свои записи «слѣдователь»; а затѣмъ, такимъ же манеромъ весь слѣдственный матеріалъ былъ переведенъ обратно на русскій языкъ. Свидѣтели подписывали составленные на незнако-

момъ для нихъ языкѣ слѣдовательскіе протоколы, думая, вѣроятно, что они точно передаютъ ихъ показанія; эти подлинники остались въ комиссаріатѣ юстиціи, то-есть у Козловскаго, а по инстанціямъ были пущены сдѣланные обвиняемымъ переводы и имъ же составленный, но подписанный Пшервою блещущій литературными красотами заключительный докладъ. Въ такомъ-то видѣ дѣло и пошло опять въ «совнаркомъ»; Рыковъ пробовалъ протестовать противъ произведеннаго слѣдствія, но Козловскій застушился за Пшерву, народный комиссаръ юстиціи Д. И. Курскій — за Козловскаго, Бончъ-Бруевичъ — за всѣхъ трехъ предыдущихъ, и дѣло было похоронено. А герой, убравшись, правда, изъ Орла, получилъ новое назначеніе, не помню точно — какое, но во всякомъ случаѣ вновь предоставлявшее ему желанныя перспективы.

III

Во главѣ Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства находился президіумъ, состоявшій изъ предсѣдателя — народнаго комиссара А. И. Рыкова и пяти или шести (точо не помню) членовъ, а именно: Г. И. Оппокова, Л. Карпова, И. Чубаря, Г. Вейнберга, Л. Б. Красина (онъ вошелъ, впрочемъ, въ президіумъ лишь въ концѣ 1918-го или началѣ 1919-го года) и еще одного или двухъ человѣкъ, которые очень рѣдко показывались въ Совѣтѣ, почему ихъ имена и исчезли изъ моей памяти; не могу теперь сказать также съ полной увѣренностью, входилъ ли формально въ составъ президіума извѣстный большевистскій экономистъ Ю. Ларинъ, но во всякомъ случаѣ онъ очень часто присутствовалъ на его засѣданіяхъ.

Предсѣдатель Совѣта — Алексѣй Ивановичъ Рыковъ мало былъ похожъ на человѣка, способнаго перестроить на новый ладъ все народное хозяйство Россіи. Средняго роста, очень коренастый, плохо одѣтый, еще хуже вымытый, съ не глупымъ и не злымъ лицомъ, онъ производилъ впечатлѣніе какого-нибудь захолустнаго земскаго агронома или статистика «изъ радикаловъ», каковымъ, кажется, онъ и былъ когда-то въ дѣйствительности. Не отличаясь ни особой образованностью, ни краснорѣчіемъ (онъ къ тому же — немного заика), Рыковъ на различныхъ партійныхъ засѣданіяхъ и совѣщаніяхъ и во времена эмиграціи — въ Женевѣ, и въ 1917 году — въ Петербургѣ не рѣшался, да и не могъ при своихъ выступленіяхъ ни забираться на отвлеченныя высоты различныхъ теорій, ни прибѣгать къ эффектному словоизліянію; его рѣчи вращались всегда поэтому въ предѣлахъ пары какихъ либо практическихъ конкретныхъ вопросовъ и говорились будничнымъ житейскимъ языкомъ; а краткость его фразъ и происходящая отъ заиканія отрывистость ихъ придавали его рѣчи внѣшнее подобіе рѣшительности и энергіи. Эти-то его свойства и внушили главнымъ лидерамъ большевизма вѣру въ то, что Рыковъ не пустой теоретикъ, но человѣкъ живой практики, не краснобай, но крайне дѣловитъ, и притомъ характеромъ обладаетъ сильнымъ и трезвымъ. Именно за эти воображаемыя качества Рыкову былъ отданъ портфель внутреннихъ дѣлъ въ первомъ составѣ Совѣта народныхъ комиссаровъ, а затѣмъ онъ получилъ назначеніе на постъ предсѣдателя Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства. Но Рыковъ настоящій былъ въ дѣйствительности нѣсколько инымъ, чѣмъ Рыковъ воображаемый. Какъ разъ практичности и дѣловитости ему болѣе всего недоставало. Онъ очень недурно, и всегда съ горячимъ увлеченіемъ, могъ развивать отвлеченные планы какого либо обширнаго мѣро-

пріятія или выражалъ чисто академическія пожеланія по поводу осуществленія того или иного дѣла, — но едва надо было переходить къ конкретнымъ вопросамъ работы, онъ быстро дѣлался, самъ того не замѣчая, совершенно безпомощнымъ, и или говорилъ наивнѣйшія вещи, или просто отмахивался отъ вопроса словами: «ну, это ужъ дѣло спеціалистовъ» или «ничего, какъ-нибудь выйдетъ». Благодаря такой безпомощности, его очень легко во всѣхъ дѣловыхъ вопросахъ можно было уговорить почти въ чемъ угодно, — и такъ и бывало. Завѣдующіе отдѣлами всегда добивались отъ него всего, чего хотѣли, если только ему не чудилась въ ихъ желаніяхъ измѣна соціалистическимъ цѣлямъ и методамъ, или возможность какой-нибудь непорядочности; въ этихъ случаяхъ, и очень часто совершенно несправедливо, онъ дѣлался очень упоренъ, и на него нельзя было подѣйствовать ничѣмъ, по крайней мѣрѣ... до слѣдующаго дня. Ибо какъ всѣ безпомощные въ практическихъ дѣлахъ люди, онъ легко мѣнялъ свои дѣловые взгляды, и настойчивыми убѣжденіями на него всегда можно было воздѣйствовать съ полнымъ успѣхомъ. Точно также и обращавшіяся въ Совѣтъ по разнымъ своимъ дѣламъ частныя лица пользовались этими свойствами Рыкова, и часто несомнѣннѣйшіе и злостные спекулянты получали отъ него то, въ чемъ онъ отказывалъ цѣннымъ и солиднымъ предпріятіямъ съ установившейся репутаціей. Нельзя, однако, сказать, что у Рыкова не было своихъ опредѣленныхъ взглядовъ на задачи организаціи хозяйства «въ переходный періодъ диктатуры пролетаріата». Онъ считалъ, что въ этотъ «подготовительный къ соціализму періодъ» націонализаціи слѣдуетъ подвергать лишь крупныя предпріятія наиболѣе развитыхъ отраслей производства, въ прочихъ же областяхъ промышленности и въ отношеніи торговли надлежитъ ограничиться регламентаціей, договорными отношеніями и контролемъ. Если, однако, несмотря на такіе взгляды, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ занятія Рыковымъ предсѣдательскаго поста въ Высшемъ Совѣтѣ Народнаго Хозяйства послѣдній быстрымъ и рѣзкимъ темпомъ двинулся по пути всеобщей націонализаціи и полнаго уничтоженія частнаго хозяйства, — то это объясняется, главнымъ образомъ, вліяніемъ Ленина. Не только тѣмъ, что Ленинъ провелъ такой лозунгъ въ совнаркомѣ, и Рыковъ подчинился, — но еще больше тѣмъ, что къ числу основныхъ чертъ рыковскаго облика принадлежала слѣпая и безграничная вѣра въ Ленина и преданнѣйшая къ нему любовь. Для Рыкова во всѣхъ безъ исключеніяхъ случаяхъ жизни большаго авторитета, чѣмъ Ленинъ, не существовало, — и каковы бы ни были до того его собственныя мнѣнія, слова Ленина дѣлались для него непререкаемою истиною. Такъ повѣрилъ онъ и во всеобщую націонализацію. Нѣсколько разъ переживалъ онъ, правда, по сему поводу колебанія, но встрѣтивъ Ленинскій отпоръ, вновь обращался къ «истинѣ учителя»; но зато, вполнѣ естественно, что теперь, когда самъ Ленинъ почувствовалъ всѣ прелести націонализированнаго хозяйства, Рыковъ, окрыленный поддержкой своего высшаго авторитета, оказался однимъ изъ самыхъ видныхъ сторонниковъ «новой экономической политики» большевизма. Таковъ былъ человѣкъ, въ рукахъ котораго оказалось верховное распоряженіе народнымъ хозяйствомъ Россіи.

Такимъ же отвлеченнымъ теоретикомъ, какъ и Рыковъ, былъ самый вліятельный (до появленія Красина) членъ президіума Г. И. Оппоковъ (извѣстный подъ псевдонимомъ «А. Ломовъ»). Сынъ богатаго банковскаго директора изъ Саратова, помощникъ присяжнаго повѣреннаго, не занимавшійся практикой, молодой человѣкъ, никогда не знавшій иной жизни, кромѣ книгъ и партійныхъ кружковъ, — онъ волею судебъ оказался завѣдующимъ «отдѣломъ экономи-

ческой политики» во всемогущемъ В. С. Н. Х. Повидимому, отдѣлъ этотъ долженъ былъ заниматься лишь академической разработкой подлежащихъ вопросовъ, — но Оппокова такая роль не удовлетворяла. Онъ считалъ себя чрезвычайно дѣловымъ человѣкомъ «американской» складки, — и если только подсунуть ему какой-нибудь «американскій» проектъ, то можно было быть увѣреннымъ въ томъ, что онъ съ чрезвычайнымъ упорствомъ и несокрушимымъ самомнѣніемъ примется за его осуществленіе. Этимъ пользовались ловкіе дѣльцы, и именно благодаря Оппокову чуть ли не вся мѣдная промышленность Россіи была разорена въ пользу одной лишь фирмы, на заводы которой свозилось оборудованіе, сырье и инструменты со всѣхъ другихъ имѣющихъ отношеніе къ мѣди предпріятій. Идея «концентраціи» всего мѣднаго производства плѣнила его «американское» воображеніе, и онъ ревностно принялся за ея реализацію. Благодаря тому же наивному американизму Оппоковъ явился однимъ изъ первыхъ, если не первымъ глашатаемъ идеи концессій, и едва-едва не провелъ осуществленія одного грандіознаго мошенническаго замысла. Исторію эту стоитъ разсказать.

Группа сомнительныхъ дѣльцовъ, прикрывавшаяся именемъ какого-то норвежскаго подданнаго, якобы — крупнаго норвежскаго капиталиста-милліонера, представила въ концѣ 1918 года Оппокову проектъ грандіознаго «Великаго Сѣвернаго пути», который долженъ былъ связать желѣзною дорогою Москву съ устьемъ Печоры, а Печору съ Мурманомъ, Сѣв. Двиной, Ураломъ и Поволжьемъ. Проектъ этотъ мигомъ соблазнилъ Оппокова, и онъ не обратилъ вниманія на то, что постройка пути должна была по проекту длиться лѣтъ пятнадцать, а пока что немедленно по заключеніи концессіоннаго договора — концессіонеры должны были получить право на безвозмездную эксплоатацію нѣсколькихъ милліоновъ десятинъ лѣса въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ, да еще въ придачу многомилліонную правительственную субсидію на предварительныя нужды. Другими словами, россійская казна должна была сдѣлать многомилліардный (считая въ золотой валютѣ) подарокъ нѣсколькимъ предпріимчивымъ людямъ за ихъ эффектное обѣщаніе, неисполненіе котораго къ сроку не влекло притомъ за собою возвращенія въ казну реализованной ими уже къ этому моменту части подарка. То, что пропустилъ безъ вниманія Оппоковъ, было, однако, подчеркнуто нѣкоторыми другими, въ частности, Н. Н. Сухановымъ, завѣдывавшимъ тогда финансовой частью въ Комитетѣ Государственныхъ Сооруженій. Вокругъ проекта началась борьба; съ одной стороны были немногіе трезвые люди, какъ Сухановъ, или «лѣвые коммунисты», бывшіе вообще противъ концессій, видя въ нихъ капиталистическое начало, а на противоположной сторонѣ стояли Оппоковъ, уговоренный имъ Рыковъ, идущіе за Рыковымъ другіе дѣятели В. С. Н. Х., вмѣшивавшійся всюду, гдѣ пахло жаренымъ, Бончъ-Бруевичъ, и еще многіе другіе рангомъ помельче. Концессіонеры не скупились, разбрасывали взятки повсюду, организовывали агитацію, — и дѣло было бы ими выиграно, если бы не... чрезвычайка. Такое шумное дѣло не могло, конечно, не привлечь ея вниманія, и ей безъ особыхъ затрудненій удалось установить, что норвежскій чудодѣй, хотя дѣйствительно норвежецъ, но отнюдь не мультимилліонеръ, какимъ онъ самъ себя и другіе концессіонеры его изображали, а ломаннаго гроша за душой не имѣетъ и въ прошломъ не вполнѣ благополученъ по части уголовной. Становилось очевиднымъ, что средствъ на постройку даже одной сотой части проектируемаго пути у компаніи нѣтъ никакихъ, и весь расчетъ ея состоитъ въ полученіи «аванса» и права на лѣсъ, каковое право господа концессіонеры предполагали продать какимъ либо «англичанамъ», ибо сами, за отсутствіемъ

капиталовъ, не могли бы къ реализаціи своего права даже и приступить. Дѣло погасло. Но Оппокова этотъ казусъ, повидимому, ничему не научилъ, и теперь его имя постоянно упоминается почти при всякомъ проектѣ концессіи, «грандіозной» по оболочкѣ и просто грабительской по существу.

Такою же американскою маніею, какъ и Оппоковъ-Ломовъ, страдалъ и другой изъ вліятельныхъ членовъ президіума — Г. Вейнбергъ. Это былъ убѣжденный большевикъ изъ провинціальныхъ фармацевтовъ или помощниковъ бухгалтера. Образованіе его едва ли выходило за предѣлы популярной брошюры Каутскаго объ экономическомъ ученіи К. Маркса, да боевыхъ произведеній Ленина и Зиновьева; впрочемъ, можетъ быть, онъ прочиталъ еще пару книжекъ по вопросамъ профессіональнаго движенія. Это-то послѣднее обстоятельство и продвинуло его на то отвѣтственнѣйшее мѣсто, которое онъ занималъ. Будучи человѣкомъ честнымъ, отличаясь огромнымъ упорствомъ, способностью къ произнесенію предлинныхъ рѣчей и величественнѣйшимъ апломбомъ, — онъ обладалъ, такимъ образомъ, всѣми качествами, необходимыми для того, чтобы пріобрѣсти большой авторитетъ въ охваченныхъ большевистской заразой «профсоюзахъ», которые и выдвинули его кандидатуру въ В. С. Н. Х. Большевики еще ухаживали тогда за рабочими массами, а потому и предложенная «рабочими организаціями» кандидатура была принята. Вейнбергъ получилъ въ свое завѣдываніе не болѣе и не менѣе, какъ отдѣлъ управленія національзированными предпріятіями, — и принялся за это дѣло съ тѣми же запасами эрудиціи и апломба, которые были ему свойственны и раньше. Легко можно себѣ представить, какъ онъ «управлялъ». Какъ «американецъ» онъ считалъ себя обязаннымъ къ быстрымъ рѣшеніямъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ, — и такъ и поступалъ. Но рѣшенія его бывали всегда или дѣтски-фантастичны, или просто грубо-невѣжественны, а твердость дѣйствій выражалась въ томъ, что онъ кричалъ на инженеровъ, принимая на себя видъ грознаго сановника, съ юности привыкшаго повелѣвать. Распоряженія его почти неизмѣнно были губительны для предпріятія, — но дѣлать нечего, ихъ исполняли. Иногда на это обращали вниманіе даже другіе члены президіума; Вейнбергъ въ такихъ случаяхъ очень обижался, произносилъ длиннѣйшія рѣчи, обвинялъ своихъ подчиненныхъ въ саботажѣ, своихъ критиковъ въ непониманіи соціалистическихъ методовъ, — и въ концѣ концовъ его оставляли въ покоѣ. Пусть гибнутъ предпріятія, — но не надо ссориться съ товарищемъ. На засѣданіяхъ президіума Вейнбергъ неизмѣнно выступалъ почти по каждому вопросу, упорно отстаивая свое мнѣніе, въ большинствѣ случаевъ, очень запутанное и очень непрактичное, и часто бралъ несогласныхъ съ нимъ измором.

Совсѣмъ въ другомъ родѣ былъ членъ президіума и завѣдующій химическимъ отдѣломъ инженеръ Л. Карповъ. Опытный спеціалистъ и немолодой уже практическій работникъ, со спокойной и трезвой головой, — Карповъ ясно видѣлъ, въ какую бездну ведетъ страну политика большевиковъ и въ частности дѣятельность Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства. Онъ часто съ грустнымъ добродушіемъ острилъ надъ своими собственными распоряженіями или же надъ рѣшеніями президіума, въ которыхъ принималъ участіе и онъ самъ. Не болѣе оптимистиченъ былъ онъ и въ прогнозахъ, относившихся къ политической сторонѣ большевистскаго режима. Онъ ясно видѣлъ растущую съ каждымъ днемъ ненависть населенія къ этому режиму и предрекалъ ему быструю и жестокую гибель подъ натискомъ народнаго возмущенія. Терроръ чрезвычаекъ онъ рѣзко осуждалъ и называлъ Дзержинскаго не иначе, какъ «bête-humaine». И при

всемъ томъ Карповъ былъ давнишнимъ членомъ большевистской партіи и ряды ея покинуть не хотѣлъ. Однажды, разговорившись съ нимъ, я спросилъ его, какъ можетъ онъ при своихъ взглядахъ участвовать въ партіи и совершающемся ею экспериментѣ. «Не знаю, поймете ли Вы меня», отвѣчалъ Карповъ, «но представьте себѣ, что армія, къ которой Вы принадлежите, вступила въ послѣдній бой съ врагомъ. Вы ясно видите, что армія ваша не обучена, не снаряжена, дезорганизована, наполнена убійцами и мародерами, что военачальники нагромождаютъ ошибку на ошибку, что дѣлу Вашему — капутъ, и вы потерпите полный разгромъ. Что же, Вы должны дезертировать во время боя? Я на это пойти не могу. Я предпочитаю погибнуть въ рядахъ этой негодной, обреченной, но все-таки моей арміи». Карповъ погибъ раньше; онъ умеръ въ 1921 году отъ тифа, который долженъ былъ быть для него тѣмъ страшнѣе, что по словамъ близко знавшихъ его лицъ онъ и его жена принципіально не пользовались ни услугами «мѣшечниковъ», ни какими либо незаконными полученіями по протекціи, но жили исключительно на пайковыя выдачи, а это было немного: полъ фунта хлѣба въ день, да фунтовъ пять свеклы, фунтовъ восемь картошки, фунтъ рису и десятка полтора селедокъ въ мѣсяцъ (спеціальныхъ пайковъ для «совѣтскихъ работниковъ», если не считать военнаго вѣдомства, тогда еще не существовало).

Нѣкоторою наклонностью къ пессимизму обладалъ и членъ президіума И. Чубарь, подобно Вейнбергу вышедшій изъ рядовъ «профсоюзовъ». Желѣзнодорожный рабочій (за что онъ и былъ назначенъ завѣдующимъ отдѣломъ транспорта), спокойный и достаточно интеллигентный, съ прирожденной хохлацкой практической сметкой и большимъ здравымъ смысломъ, — онъ также не разъ переживалъ сомнѣнія предъ лицомъ открывавшихся предъ русскимъ народнымъ хозяйствомъ перспективъ. Но каждый разъ его сомнѣнія побѣждались благоговѣйною вѣрою полуинтеллигента въ непогрѣшимость изложенной въ соціалистическихъ книжкахъ теоріи; а лучше, чѣмъ онъ, знающіе «теорію» товарищи доказывали къ тому же, что они дѣйствуютъ именно согласно сей теоріи, и Чубарь вѣрилъ и имъ. Въ своемъ отдѣлѣ, поскольку рѣчь шла о вопросахъ конкретной практики, Чубарь дѣйствовалъ неглупо и осторожно, — но какъ только дѣло требовало болѣе широкаго кругозора, онъ неизмѣнно начиналъ танцовать отъ коммунистическо-марксистской печки, и дѣло обрекалось на неминуемую гибель.

Роль advocatus diaboli среди членовъ президіума исполнялъ знаменитый Ларинъ. Полуразбитый параличомъ, онъ все же довольно часто появлялся на засѣданіяхъ президіума, приходя туда неизмѣнно въ сопровожденіи личнаго секретаря или секретарши, задача которыхъ состояла не столько въ исполненіи секретарскихъ обязанностей, сколько въ исполненіи функцій больничнаго служителя или сестры милосердія при немъ. Высокій и изможденный, видимо непрерывно страдающій отъ болей, еле сдерживающій свои тики, но съ живымъ и насмѣшливымъ взглядомъ, онъ и наружностью подходилъ къ своей «мефистофельской» роли. Очень неглупый и образованный, говорящій логично, ясно и сжато, Ларинъ обыкновенно подвергалъ саркастической критикѣ всѣ проекты и замыслы своихъ товарищей. Въ этой критикѣ онъ былъ очень силенъ, и не разъ послѣ его краткихъ рѣчей въ президіумѣ наступало растерянное молчаніе. Но стоило Ларину отъ критики перейти къ положительнымъ предложеніямъ, какъ онъ становился неузнаваемъ. Самая наивная фантастика, подкрѣпляемая схоластическою игрою словъ и понятій, изливалась тогда на слушателей, — и дѣлалось просто жутко порою, точно вы присутствовали при таинственной

оккультной операціи мгновенной смѣны душъ въ одной и той же тѣлесной оболочкѣ. Трудно объяснить такое странное противорѣчіе между критической и конструктивной способностями этого безспорно талантливаго человѣка, — а между тѣмъ это противорѣчіе едва ли не самая характерная его черта. И нерѣдко, хотя его кредитъ и невысоко стоялъ среди большевистскихъ экономистовъ, онъ, завоевавъ вниманіе своею критикою, увлекалъ затѣмъ слушателей и въ пользу своихъ «творческихъ проектовъ». Едва-едва, въ концѣ 1919 года не прошелъ его проектъ отмѣны денежной системы; подвергнувъ разгрому разрабатывавшіеся тогда въ комиссаріатѣ финансовъ и въ Высшемъ Совѣтѣ Народнаго Хозяйства проекты девальваціи, онъ выдвинулъ идею замѣны денежныхъ знаковъ — «натуральными свидѣтельствами» на право полученія опредѣленнаго количества опредѣленныхъ предметовъ первой необходимости; съ 1 января новаго года такими свидѣтельствами правительство должно было начать производить всѣ свои платежи, и одновременно должны были быть аннулированы всѣ денежные знаки; этимъ, по мысли автора, достигалось и уничтоженіе существующихъ капиталовъ, и стимулъ къ накопленію новыхъ (каждое свидѣтельство должно было быть годнымъ лишь въ теченіе небольшого срока), и введеніе истинно соціалистической системы обмѣна. Въ принципѣ, правда — съ нѣкоторыми измѣненіями, проектъ этотъ былъ даже утвержденъ совнаркомомъ, и только «техническія причины», то-есть условія печатанія этихъ «натуральныхъ» денегъ отсрочили изданіе заготовленнаго декрета, а затѣмъ, повидимому, обольщенные Ларинымъ законодатели опомнились, и «величайшая реформа» погибла въ материнскомъ чревѣ совнаркома, что немало обозлило ея огорченнаго отца. Таковъ этотъ знаменитый совѣтскій экономистъ, и сейчасъ играющій очень большую роль въ коммунистическомъ раю.

Рѣзко отличался отъ всѣхъ другихъ вошедшій въ составъ президіума В. С. Н. Х. зимою 1918—1919 года на короткій срокъ (онъ вскорѣ былъ назначенъ на постъ народнаго комиссара торговли и промышленности) нынѣшняя міровая знаменитость и, можетъ быть, соперникъ Ленина — Леонидъ Борисовичъ Красинъ. Красинъ былъ большевикомъ еще со временъ своихъ студенческихъ лѣтъ, и хотя послѣ 1905 года въ партіи не работалъ, но всѣхъ связей съ партіей не порывалъ, и въ 1917 году вновь къ ней примкнулъ. Однако, активно онъ не выступалъ, старательно отъ этого уклоняясь, и даже послѣ октябрьскаго переворота не сразу вступилъ въ ряды «совѣтскихъ работниковъ», но лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда режимъ пріобрѣлъ нѣкоторый намекъ на возможную устойчивость. Но и тутъ онъ уклонился отъ того, чтобы сразу занять какое-нибудь слишкомъ видное или слишкомъ отвѣтственное мѣсто въ совѣтской іерархіи, и довольствовался сначала сравнительно скромною ролью завѣдующаго однимъ изъ отдѣловъ въ петербургскомъ, кажется, совнархозѣ. Лишь послѣ Красинъ согласился на большую роль, и сразу занялъ отвѣтственнѣйшее положеніе, войдя въ президіумъ В. С. Н. Х. и получивъ одновременно въ завѣдываніе «отдѣлъ металлической промышленности», а вскорѣ и должность русскаго Карно — завѣдывающаго снабженіемъ красной арміи съ диктаторскими полномочіями (эту должность Красинъ сохранялъ за собой и будучи «наркомомъ» торговли и промышленности). Такое отношеніе правящихъ круговъ къ Красину объяснялось, повидимому, тѣмъ, что имъ сильно импонировали два обстоятельства. Первымъ было то, что на фонѣ теоретиковъ-эмигрантовъ, журналистовъ, самоучекъ-рабочихъ, или просто провинціальныхъ выскочекъ Красинъ былъ едва ли не единственный большевикъ съ партійнымъ стажемъ, имѣвшій за собою

большое и дѣйствительно солидное коммерческое и административно-хозяйственное прошлое. Онъ былъ представителемъ въ Россіи одной изъ міровыхъ электротехническихъ фирмъ, а именно —Сименса и Гальске, и директоромъ нѣкоторыхъ ихъ предпріятій въ Россіи; кромѣ того, онъ былъ членомъ правленія или директорствовалъ еще въ нѣсколькихъ крупныхъ акціонерныхъ предпріятіяхъ, — и при этомъ пользовался репутаціей прекраснаго коммерсанта, талантливаго администратора и вообще дѣлового человѣка перворазряднаго калибра. Въ мирное время онъ зарабатывалъ (такъ утверждали хорошо знающіе его люди) свыше ста тысячъ рублей ежегодно, и . . . эта цифра также производила нѣкоторое впечатлѣніе на «добивающихъ буржуазію» большевиковъ. Другимъ импонирующимъ обстоятельствомъ была несомнѣнно красивая манера держаться въ обхожденіи съ людьми. Сдержанный и ровный, онъ старался быть со всѣми «на дѣловой ногѣ»; отъ товарищескаго панибратства онъ очень вѣжливо, но настойчиво и умѣло уклонялся, былъ съ другими въ отношеніяхъ прекрасныхъ, но не допускалъ перехода этихъ отношеній въ господствующую среди большевиковъ непріятельскую фамильярность; и большевики оттого невольно чувствовали къ нему инстинктивное уваженіе и даже нѣкоторый смутный страхъ. Прочіе были другъ для друга открыты на распашку, и потому извѣстны другъ другу какъ облупленные. Красинъ пріоткрывался лишь на четверть, и ослѣпленные его дѣловымъ прошлымъ теоретики-фантасты считали, что въ немъ таится во сто кратъ больше силъ и возможностей, чѣмъ онъ это показываетъ. Обычные пріемы Красина и самая его наружность только усиливали это впечатлѣніе.

Высокаго роста, одѣтый очень элегантно, несмотря на наступившія уже не только для дамскаго, но и для мужского туалета тяжелыя времена, среднихъ лѣтъ, съ сѣдѣющими волосами и бородкой, съ лицомъ умнымъ и энергичнымъ, Красинъ безспорно сразу выдѣлялся среди другихъ и даже «бросался въ глаза». Рѣчистъ онъ не былъ, не потому, что не могъ, а потому что не хотѣлъ. Онъ словно цѣдилъ свои слова, какъ бы расцѣнивая ихъ на вѣсъ золота, аргументировалъ нехотя, какъ человѣкъ привыкшій къ тому, что ему вѣрятъ безъ доказательствъ, и каждымъ жестомъ и взглядомъ точно хотѣлъ сказать при этомъ: «я знаю еще очень много, и сказать могъ бы въ десять разъ больше, — но не хочется терять времени; не бойтесь, дѣти мои, положитесь на меня, и все пойдетъ по-хорошему». А большевистскимъ заоблачнымъ мечтателямъ уже тогда такъ хотѣлось прильнуть къ какой-нибудь крѣпкой земной фигурѣ, которая все знаетъ, все можетъ, возьметъ на себя всѣ практическія заботы, и избавитъ ихъ отъ постояннаго непріятнаго ощущенія туповатыхъ школьниковъ передъ трудной ариѳметической задачей. И они рады были полагаться на Красина, и звѣзда его быстро разгоралась. Надо, впрочемъ, сказать, что замѣчанія Красина были дѣйствительно почти всегда практичны и умны; лишь иногда, должно быть — съ цѣлью отъ времени до времени напомнить, что и онъ, чортъ возьми, большевикъ, Красинъ запускалъ что-нибудь, вполнѣ достойное самаго чистокровнаго поборника соціалистическаго хозяйства. Но обыкновенно въ предложеніяхъ Красина соціалистическаго было очень мало; зато, противъ чужой соціалистической фантастики онъ почти никогда не возражалъ, и когда она созрѣвала до фазиса декрета, онъ дѣлалъ видъ, что вполнѣ согласенъ съ тѣмъ направленіемъ политики, которое вылилось въ этомъ декретѣ. Большевики ему при этомъ вѣрили, но на другихъ, въ томъ числѣ и на меня, это производило впечатлѣніе явной неискренности. Его неискренность стала для меня несомнѣнной, когда я узналъ два-три случая отношенія Красина къ ходатайствамъ част-

ныхъ предпринимателей; во всѣхъ этихъ случаяхъ, когда просители приходили со своими просьбами къ Рыкову и послѣдній вызывалъ въ свой кабинетъ Красина на совѣщаніе, Красинъ неизмѣнно давалъ просителямъ рѣзкую «соціалистическую» отповѣдь, предлагалъ Рыкову взять на себя детальный разборъ и рѣшеніе дѣла, дабы разгрузить его, то-есть Рыкова, и получивъ его согласіе, предлагалъ просителямъ явиться къ нему, Красину, завтра. А на завтра, онъ преспокойно, безъ всякихъ фразъ, исполнялъ не только то, о чемъ они просили, но и то, о чемъ они не смѣли и мечтать.

Иные заключали на этомъ основаніи, что Красинъ вовсе и не большевикъ. И... пожалуй, это правда. Я также склоненъ думать, что Красинъ — не большевикъ. Онъ былъ имъ въ юношескіе годы, и если не оборвалъ потомъ связей съ партіей, — то по той же причинѣ, по которой оппозиціонно настроенные русскіе интеллигенты охотно завязывали и поддерживали связи съ революціонными организаціями, по своему партійному направленію совершенно чуждыми для нихъ. Въ 1917 году, когда всѣ спѣшили разсортироваться по партіямъ, Красинъ примкнулъ, пассивно и формально, къ той группѣ, для которой онъ не былъ homo novus, и отъ которой онъ могъ поэтому, въ случаѣ надобности, на кое-что разсчитывать; можетъ быть также, предчувствуя, какъ и многіе, ту линію, по которой будетъ развиваться настроеніе рабочихъ массъ, онъ правильно учелъ, что числясь большевикомъ, онъ вѣрнѣе спасетъ отъ разоренія тѣ предпріятія, которыми онъ управляетъ. А потомъ... потомъ онъ выждалъ время, осмотрѣлся и нашелъ, что предъ нимъ открылся путь для головокружительной карьеры. Конечно, не въ достиженіи «высокаго» званія народнаго комиссара видѣлъ онъ эту карьеру. Красинъ слишкомъ уменъ и слишкомъ честолюбивъ, чтобы прельститься эфемернымъ блескомъ въ томъ же созвѣздіи, гдѣ сіяютъ тѣмъ же званіемъ всякіе Шляпниковы, Цурюпы, Середы и т. п. Честолюбіе рисуетъ ему перспективы поистинѣ грандіозныя. Отъ «русскаго Карно» къ «русскому Баррасу» — вотъ мелькающій передъ нимъ путь. Стать фактическимъ диктаторомъ большевистской Россіи и подъ большевистскимъ флагомъ привести ее отъ большевистской фантастики къ нормальному общественному порядку, и въ естественное воздаяніе за это сохранить въ новой Россіи и власть, и пріобрѣтенное, можетъ быть, по дорогѣ къ ней богатство — вотъ о чемъ думаетъ инженеръ Л. Б. Красинъ, вотъ гдѣ видится мнѣ разгадка этого человѣка.

Таковы были главенствующіе коммунисты въ В. С. Н. Х.

Изъ тѣхъ, что играли подчиненную роль, наиболѣе многочисленными были лица, просто «примазавшіяся» къ партіи, потому ли, что въ этомъ они видѣли возможность лучше устроиться и продвинуться по службѣ, или потому, что красный билетъ члена «компартіи» казался имъ лучшей гарантіей безнаказанности за слабость передъ искушеніями, манившими ихъ на совѣтскую службу. Среди этихъ quasi-коммунистовъ были фигуры разнаго пошиба, начиная отъ юристовъ, инженеровъ, офицеровъ спеціальнаго рода оружія и кончая бывшими околодочными надзирателями и сидѣльцами казенныхъ лавокъ. Ихъ образъ службы ничѣмъ не отличался отъ описанной выше «работы» безпартійныхъ авантюристовъ, съ тою развѣ разницей, что они на каждомъ шагу торжественно гремѣли своимъ партійнымъ званіемъ и требовали особаго къ себѣ уваженія.

Меньшая часть служащихъ коммунистовъ состояла изъ малообразованныхъ, и по большей части малокультурныхъ молодыхъ людей, увлекшихся больше-

вистскимъ экстремизмомъ и увѣровавшихъ въ обѣщанія немедленнаго рая. Эти со страшно озабоченнымъ видомъ носились цѣлыми днями по зданію совѣта, строчили справки или составляли какія то таблицы, думая, что они тѣмъ самымъ участвуютъ въ созиданіи счастья всего человѣчества, густо пересыпали разговоры сочно произносимымъ словомъ «товарищъ» или организовывали какія-нибудь коммунистическія «ячейки», организаціи «сочувствующихъ» и т. п. Они были безполезны, но и сравнительно безвредны.

Наконецъ, послѣднюю, наименѣе многочисленную группу составляли старые «пострадавшіе» большевики, бывшіе народные учителя и заводскіе конторщики, находившіеся въ ссылкѣ или сидѣвшіе когда то въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ вліятельными теперь лицами, — и пристроенные за это нынѣ на приличныя должности секретарей, управляющихъ дѣлами, завѣдующихъ подотдѣлами и т. п. По большей части это были люди честные, но отличающіеся потрясающею тупостью. Когда имъ надо было что-нибудь сдѣлать, они долго и безнадежно передвигали тяжеловѣсныя мысли, и доползши до какого-либо мнѣнія отправлялись совѣтоваться съ партійными товарищами, чтобы затѣмъ, въ концѣ концовъ, рѣшить, что будетъ осторожнѣе вообще отъ всякаго дѣйствія воздержаться. Только прямое приказаніе начальства могло выжать изъ нихъ какое либо дѣйствіе, да и то при условіи, что начальство было внѣ политическихъ подозрѣній.

Вотъ какіе люди призваны были «перестраивать» русское хозяйство.

IV

Можно ли было при такихъ условіяхъ «спасать цѣнности» и «смягчать режимъ» путемъ службы въ этомъ совѣтскомъ учрежденіи? Отвѣчу съ полною убѣжденностью въ правильности моего мнѣнія: да, безусловно можно.

Именно благодаря общей путаницѣ и безтолковщинѣ, невѣжественности или безпомощности однихъ и беззаботности или погонѣ за деньгами другихъ, можно было очень многаго добиться при опредѣленно продуманной и твердо проводимой линіи поведенія. Можно было настойчиво предлагать различныя мѣропріятія, преслѣдующія цѣли «спасенія» и «смягченія», подбирая для нихъ, конечно, менѣе контръ-революціонную мотивировку, — и уже одна такая настойчивость сильно дѣйствовала на людей, постоянно и сильно сомнѣвавшихся въ правильности своихъ рѣшеній по конкретнымъ вопросамъ; и если эти настоянія убѣждали, наконецъ. хоть одного изъ нихъ, и онъ соглашался внести отъ своего имени соотвѣтствующее предложеніе или проектъ, то дѣло можно было считать выигранымъ. Еще легче было парализовать вредоносные замыслы коммунистическихъ прожектеровъ; въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ ихъ планы нетрудно было подвергать уничтожающей критикѣ, и притомъ имманентной, то-есть основанной на ихъ же собственныхъ исходныхъ предпосылкахъ; а такая критика всегда производила огромное впечатлѣніе и часто достигала желанныхъ результатовъ. Въ крайнемъ случаѣ, наконецъ, почти всегда можно было добиться по меньшей мѣрѣ нѣкоторыхъ измѣненій, поправокъ и дополненій къ губительнымъ проектамъ подъ предлогомъ редакціонной обработки, большей детализаціи или еще чего нибудь въ этомъ родѣ. Все это было возможно, и все это нѣкоторыми изъ «смягчателей» продѣлывалось, — но, увы, это были немногія капли воды, изрѣдка проливаемыя на безпорядочно свирѣпствующее пламя разрушительнаго пожара. Такъ получалось потому, что для дѣйствительности

политики смягченія не хватало двухъ главнѣйшихъ условій, отсутствовавшихъ въ образѣ дѣйствій «смягчателей» и ихъ единомышленниковъ.

Для того, чтобы тяжкая работа по борьбѣ съ большевистской политикой, внутри его собственныхъ учрежденій, могла разсчитывать на нѣкоторый успѣхъ, необходима была прежде всего наличность двухъ обстоятельствъ; нужно было, чтобы эта работа не парализовалась разлагающимъ ее поведеніемъ московской буржуазной массы, — и нужно было, чтобы взявшіеся за нее интеллигенты дѣйствовали дружно, рѣшительно и неуклонно. Но какъ разъ ни одного изъ этихъ двухъ условій не было налицо, — и потому немудрено, что разрозненныя попытки отдѣльныхъ дѣятелей въ общемъ и цѣломъ потерпѣли несомнѣнный крахъ.

Что касается московской промышленной и торговой буржуазіи, то наиболѣе видные ея представители, за рѣдкими исключеніями, считались съ фактомъ существованія большевистскаго режима, но въ дѣловое сотрудничество съ нимъ не вступали и ужъ во всякомъ случаѣ не пользовались его экспериментами для того, чтобы на чужой гибели поживиться самимъ. Совсѣмъ иныя настроенія парили въ толщѣ среднихъ «буржуа»; первоначально и они, испуганные грозными выкриками большевистскихъ вождей, сторонились и прятались отъ совѣтскихъ властей и учрежденій, а иногда даже прямо бойкотировали ихъ; но понемногу выяснилось, что господа коммунисты нѣсколько отсрочиваютъ обѣщанное ими экономическое «додушеніе буржуазіи», а пока что не прочь съ буржуазіей даже поработать въ «контактѣ», путемъ ли приглашенія ея представителей для участія въ управленіи національнизированными предпріятіями или даже путемъ разнаго рода «казенныхъ заказовъ» и субсидій «на общественно-полезныя» цѣли. Послѣдній видъ «контакта» былъ особенно соблазнителенъ для изголодавшихся по «чистой прибыли» промышленниковъ и коммерсантовъ, и предъ этимъ соблазномъ они не устояли. Съ весны 1918 года ледъ былъ сломанъ, и плотною толпою московскій коммерческій людъ хлынулъ на приступъ учрежденій, раздававшихъ заказы и субсидіи. Если бы при этомъ, стремленія представителей буржуазіи не выходили за предѣлы дѣйствительныхъ коммерческихъ возможностей и нормальнаго хозяйственнаго оборота, — то, можетъ быть, говорить о нихъ не приходилось бы. Но практическіе люди быстро смекнули, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло и, соотвѣтственно этому, проявили аппетитъ къ такой наживѣ, которая была неминуемо связана съ разгромомъ россійской казны или съ разрушеніемъ россійскаго хозяйства. Они гнались за субсидіями, во много разъ превышавшими и ихъ потребности, и казначейскія возможности; они, пользуясь неопытностью контрагентовъ, заламывали такія цѣны, что оставалось только разводить руками; они увлекали коммунистическихъ младенцевъ на договоры, составленные такъ, что и будущей послѣбольшевистской казнѣ неминуемо пришлось бы съ ними считаться, да еще, считаясь, тяжело крякнуть. Но все это было бы еще полъ-бѣды. Гораздо хуже было другое. Раздобывая заказъ и ссылаясь на невозможность обзавестись потребнымъ для его выполненія сырьемъ, топливомъ, инвентаремъ въ нормальномъ порядкѣ, они добивались того, чтобы всѣмъ этимъ ихъ снабдило правительство, взявъ нужные матеріалы и оборудованіе съ другихъ фабрикъ и заводовъ и такимъ образомъ оголивъ и разоривъ послѣдніе; и не только національнизированныя уже предпріятія для такого закланія въ жертву намѣчались; нѣтъ, властямъ подсказывалось, что вотъ на такомъ то «частновладѣльческомъ» заводѣ все это есть, но чтобы его обчистить, надо его національнизировать; и національзація не заставляла себя

ждать: долго ли выстукать на машинкѣ шаблонный декретъ? И часто пригомъ, вмѣстѣ съ топливомъ съ чужой фабрики къ счастливцу попадала и часть чужой мануфактуры, то-есть находившійся на складѣ запасъ готовыхъ издѣлій; конечно, это стоило денегъ, но вѣдь «не подмажешь — не поѣдешь». И нерѣдко для беззастѣнчиваго совѣтскаго контрагента разорялось цѣнное дѣло. Потомъ, когда полугодомъ позже, большевистскій прессъ нажалъ покрѣпче, выяснилось, что все это по большей части въ прокъ не пошло, но тогда въ половинѣ 1918 года теплились еще надежды, что большевики остановятся на экономическомъ компромиссѣ.

При такомъ образѣ дѣйствій стоявшаго внѣ стѣнъ В. С. Н. Х. буржуазнаго элемента невозможно было внутри самого совѣта бороться противъ соотвѣтствующихъ безумствъ. «Контрагенты» умѣли и «подсыпать», гдѣ надо, и убѣждать «безхитростнымъ дѣловымъ» языкомъ; они умѣли парализовать всѣ старанія «смягчателей» и даже порою бывали на нихъ въ большой обидѣ; они требовали даже иногда отъ нихъ содѣйствія ихъ самымъ отчаяннымъ затѣямъ, и въ оправданіе себѣ говорили: «за обиженныхъ не безпокойтесь; когда нибудь мы съ ними разсчитаемся; а пока надо ловить моментъ». И ловили...

Еще хуже, впрочемъ, обстояло дѣло съ самими «смягчателями». Подавляющее большинство ихъ, переступивъ порогъ совѣтскаго учрежденія, какъ то вдругъ теряли свою первоначальную храбрость и начинали терзаться опасеніями на тему о томъ, какъ бы не были раскрыты ихъ «злонамѣренные» замыслы. За опасеніями являлось стремленіе какъ-нибудь себя застраховать; въ цѣляхъ такой страховки одни старались завязать тѣсныя личныя связи съ сослуживцами-коммунистами, и часто больно было видѣть, какъ какой-нибудь культурный и интеллигентный человѣкъ заискивающе напрашивается въ интимные пріятели грубому и непорядочному проходимцу; другіе избирали болѣе объективный методъ страховки; они въ своей работѣ старались зарекомендовать себя, какъ добросовѣстныхъ исполнителей коммунистическихъ предначертаній, съ убѣжденнымъ видомъ осуществляли гибельныя велѣнія свыше и даже сами предлагали соотвѣтственныя мѣропріятія. Одинъ изъ такихъ «страхующихся», довольно видный общественный дѣятель, поучалъ меня браня мою «неосторожность»: «Вы еще слишкомъ молоды; повѣрьте мнѣ: надо сначала внушить къ себѣ довѣріе, и тогда Вы будете командовать какъ на парадѣ». Но увы! Оба метода самострахованія приводили только лишь къ печальнымъ результатамъ. Личнымъ пріятельствомъ съ коммунистами достигалось только то, что они начинали смотрѣть на человѣка, какъ на вполовину своего, и брали его, если не «на учетъ», то во всякомъ случаѣ подъ присмотръ въ надеждѣ развить его до полной «сознательности»; и присмотръ выражался какъ въ томъ, что они пытались отгородить пріятеля отъ «вредныхъ вліяній», то-есть отъ его прежнихъ друзей и знакомыхъ, такъ и въ томъ, что они начинали слѣдить за коммунистической чистотой его служебной дѣятельности (не ради «пользы дѣла», но ради спасенія его души). И сопротивляться этому дружескому нажиму было очень трудно, почти невозможно; уклоненіе отъ него квалифицировалось, какъ «измѣна», измѣнику грозили, измѣнникъ пугался и окончательно увязалъ въ неосторожно избранной имъ, вмѣсто прямого пути, трясинѣ. Не лучше былъ и методъ саморекомендаціи. На такого работника его коммунистическое начальство начинало смотрѣть, какъ на человѣка опредѣленно соціалистическихъ въ хозяйственныхъ вопросахъ убѣжденій, и заранѣе всегда ожидало отъ него соотвѣтственныхъ мнѣній и дѣйствій; и если онъ, вопреки такимъ ожиданіямъ,

вдругъ поступалъ иначе, это бросалось въ глаза, это дѣлалось подозрительнымъ, думали, что онъ спеціально «заинтересованъ» въ данномъ дѣлѣ, а это могло кончиться очень плохо, и иногда такъ и кончалось. Я помню случай, когда одинъ изъ такихъ смягчателей, провинціальный педагогъ, служившій подъ начальствомъ извѣстнаго коммуниста Р. Арскаго, рѣшилъ, наконецъ, перейти къ политикѣ смягченія и составилъ для Арскаго проектъ доклада въ президіумъ В. С. Н. Х. въ духѣ своихъ желаній; Арскій, прочитавъ проектъ, вызвалъ бѣднягу и со свойственной ему рѣзкостью спросилъ: «сколько Вамъ заплачено?» Тотъ опѣшилъ, потомъ возмутился, началъ доказывать свою чистоту (человѣкъ онъ былъ дѣйствительно честнѣйшій); но Арскій не повѣрилъ: «я не могу допустить, чтобы Вы съ Вашими взглядами дѣйствительно думали то, что написали». Несчастный былъ преданъ въ руки чрезвычайки и просидѣлъ подъ стражей восемь мѣсяцевъ, а затѣмъ былъ заключенъ въ концентраціонный лагерь. Такъ «страхующіеся» интеллигенты невольно и неминуемо превращались въ простыхъ слугъ ихъ коммунистическихъ господъ.

Еще непріятнѣе было другое явленіе. Очень многіе интеллигенты, поступавшіе на совѣтскую службу съ наилучшими намѣреніями, вскорѣ проникались неумѣстнымъ административнымъ честолюбіемъ или стремленіемъ сдѣлать служебную карьеру въ тѣхъ скромныхъ рамкахъ, въ коихъ это было для «спеца» доступно. Нѣкоторую роль играло здѣсь и продвиженіе къ болѣе высокимъ окладамъ, что при усиливавшейся съ каждымъ часомъ тягостности московской жизни могло быть приманкой немаловажной. И ради такихъ карьерныхъ мотивовъ люди очень скоро забывали всѣ свои благородные воинственные планы и вступали на традиціонный путь всѣхъ желающихъ выслужиться чиновниковъ, — то-есть поддѣлывались подъ всѣ желанія и капризы, подъ всѣ фантазіи и нелѣпости своего начальства, стараясь быть plus royaliste que le roi-même. Они начинали прилагать всю силу своей интеллигентности и образованія къ тому, чтобы придать завершенный видъ коммунистическимъ операціямъ, и нерѣдко благодаря имъ мѣра, сравнительно безобидная въ своей первоначальной формѣ, слишкомъ грубой и примитивной, чтобы быть страстной, — пріобрѣтала остро одіозный характеръ. Мало того, они начинали примѣнять всѣ декреты и распоряженія на практикѣ не по точному смыслу ихъ, но «по духу текущей экономической политики правительства», и такимъ образомъ часто лишали гражданъ даже тѣхъ послѣднихъ остатковъ, которые милостиво сохранялись за ними буквою законодательства. Не могу не вспомнить одного весьма виднаго московскаго общественнаго дѣятеля, благодаря такой дѣятельности котораго были окончательно добиты многія акціонерныя предпріятія, еще не подвергшіяся окончательной націонализаціи. То онъ истолковывалъ декретъ, сохранявшій право на дивидендъ за фактическими директорами предпріятія, въ томъ смыслѣ, что при развивающемся процессѣ націонализаціи декретъ этотъ потерялъ свой смыслъ и силу, то онъ разъяснялъ, что съ націонализаціей одного изъ предпріятій общества, прочія предпріятія того же общества должны расплатиться по долгамъ націонализованнаго, но не получаютъ принадлежащихъ ему кредиторскихъ правъ, то просто какимъ либо инымъ путемъ явно несправедливо «ущемлялъ буржуя». А еще недѣли за двѣ до своего поступленія на службу онъ говорилъ мнѣ: «меня зовутъ въ В. С. Н. Х., но я на это пойти не могу; я не могу взять на себя моральную отвѣтственность за его дѣятельность». А потомъ въ оправданіе своихъ дѣйствій онъ говорилъ: «я не большевикъ, но я вѣдь все таки соціалистъ, и противъ соціализаціи народнаго хозяйства дѣйствовать не

буду». Онъ достигъ своихъ цѣлей; онъ быстро подвигался по службѣ... Та же награда уготована была и другимъ карьеристамъ изъ бывшихъ «смягчателей»: выдвинуться на совѣтской службѣ было очень нетрудно.

При такихъ условіяхъ люди, не очень поддавшіеся страхамъ и соблазнамъ, продуктивно работать, конечно, не могли. Они чувствовали себя одинокими, не были другъ въ другѣ увѣрены, ихъ постоянно подводили собственные единомышленники, — да притомъ еще эти бывшіе единомышленники почти всегда вели противъ нихъ личную интригу. Ихъ присутствіе смущало «бывшихъ», ихъ противодѣйствіе раздражало, — ихъ старались удалить. Картина получалась не веселая.

Всѣ эти явленія постепенно усиливались къ концу 1918 года, когда они окончательно кристаллизовались и утвердились въ связи съ намѣтившимся тогда «укрѣпленіемъ» совѣтской власти съ одной стороны, и расцвѣтомъ кроваваго террора съ другой. — Относительная побѣда на волжскомъ фронтѣ, революція въ Германіи, какъ будто также собиравшаяся облечься въ одежды экстремизма, присмиреніе буржуазной части общества, все это внушало многимъ мнѣніе, что совѣтскій режимъ оказался побѣдителемъ, что ему принадлежитъ будущее въ Россіи еще на очень много лѣтъ, что даже, можетъ быть, не такъ ужъ фантастичны большевистскія мечты о міровомъ пожарѣ. А одновременно съ этимъ чрезвычайка начала ловлю «контръ-революціонеровъ» и безудержную расправу съ ними; стало слишкомъ опаснымъ возбуждать подозрѣнія въ контръ-революціонности, стало расти желаніе заслужить себѣ репутацію «честнаго слуги пролетаріата». Вмѣстѣ съ тѣмъ, и политика правящихъ круговъ, ускоряя съ каждымъ шагомъ свой темпъ, двинулась по пути полной реализаціи всѣхъ коммунистическихъ методовъ и въ хозяйствѣ, и въ другихъ областяхъ жизни. «Спасать» и «смягчать» было уже невозможно. Оставалось только или махнуть на все рукой, или бѣжать...

И только одно сохранялось все же свѣтлое пятно въ тягостной картинѣ интеллигентской службы у большевиковъ. Если шедшіе на эту службу съ горделивыми планами обезвреженія большевизма въ большинствѣ случаевъ дѣлались его мало достойными прислужниками, — то, наоборотъ, обыкновенный средній интеллигентъ, откровенно ради куска хлѣба рѣшавшійся, наконецъ, на этотъ шагъ, — въ большинствѣ случаевъ — умѣлъ остаться самимъ собою, не переступая границъ, диктовавшихся его общественной совѣстью. Онъ или рѣшительно ничего не дѣлалъ, слоняясь по корридорамъ, гоняясь за продовольствіемъ, болтая и превращая канцелярію въ клубъ, — или механически исполнялъ распоряженія начальства, стараясь придать ихъ исполненію по возможности приличныя формы. Онъ часто страдалъ отъ того толченія воды въ ступѣ, въ которомъ заключалась сущность его «работы», томился отъ вынужденнаго бездѣлья или отъ нелѣпости дѣла и утѣшалъ себя надеждою на лучшія времена.

Документы

ПОСЛѢДНІЙ ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ ДОКЛАДЪ М. В. РОДЗЯНКО.*

(10 февраля 1917 года.)

14 февраля предстоитъ возобновленіе занятій Государственной Думы, поэтому позвольте мнѣ, Государь, высказать мои соображенія о линіи возможнаго ея поведенія и мотивировать его.

Одиннадцать лѣтъ существованія Государственной Думы и одиннадцать лѣтъ непрерывной борьбы между правительствомъ и тѣми, кто отстаиваетъ новый конституціонный строй.

Въ первый періодъ русской жизни при новомъ строѣ бюрократическое правительство имѣло значительное количество сторонниковъ. Въ то время правительство, поддержанное значительнымъ большинствомъ, имѣло основаніе своего критическаго отношенія къ Государственной Думѣ перваго и второго созывовъ, такъ какъ разногласіе между правительствомъ и народными представителями касалось коренныхъ вопросовъ и, кромѣ того, со стороны народнаго представительства было предъявлено требованіе отвѣтственнаго министерства, какъ слѣдствія, вытекающаго изъ манифеста 17 октября.

Необходимо, тѣмъ не менѣе, отмѣтить, что этотъ лозунгъ раздался послѣ того, какъ правительство выступило въ Государственной Думѣ съ отвѣтомъ на всеподданнѣйшій адресъ въ агрессивномъ тонѣ.

Далека отъ этихъ стремленій была Государственная Дума третьяго созыва, и еще менѣе заслуживаетъ этого упрека Государственная Дума нынѣшняго созыва, которую война заставила отказаться отъ всякихъ партійныхъ лозунговъ и программъ. Ея единственной цѣлью было объединеніе всѣхъ силъ для успѣшной борьбы съ врагомъ.

Въ то же время правительство испугалось этого могучаго общественнаго порыва, видя въ немъ стремленіе къ захвату власти, и въ цѣляхъ предотвращенія этого, не только не постаралось использовать этотъ общественный подъемъ, но всячески стремилось погасить его.

Этимъ способомъ, который имѣлъ свои реальныя послѣдствія, въ смыслѣ разстройства нашего тыла, правительство съ каждымъ днемъ утрачивало своихъ сторонниковъ и въ настоящее время оно насчитываетъ ихъ отдѣльными единицами. Образовалось два лагеря — на одной сторонѣ правительство и на другой сторонѣ страна.

Война показала, что безъ участія народа страной править нельзя.

Въ тягчайшее время нашихъ военныхъ испытаній (отходъ нашихъ войскъ изъ Галиціи) пришлось прибѣгнуть къ содѣйствію народныхъ представителей. Дума сумѣла поддержать бодрость духа и возбудить общественную самодѣятельность до степени тѣхъ результатовъ, которые достигнуты въ дѣлѣ снабженія арміи.

---

* Настоящій докладъ является частью матеріала, собраннаго учрежденной Вр. Правительствомъ «Чрезвычайной комиссіей для разслѣдованія противозаконныхъ по должности дѣйствій бывшихъ министровъ». Онъ былъ отпечатанъ въ вышедшей въ 1921 г. въ Петербургѣ книгѣ Александра Блока «Послѣдніе дни императорской власти». — Прим. ред.

Эта заслуга Государственной Думы была учтена страной, эту заслугу почувствовала и оцѣнила армія, которая и въ настоящее время чутко прислушивается ко всему, что происходитъ у насъ въ тылу.

Мы подходимъ къ послѣднему акту міровой трагедіи въ сознаніи, что счастливый конецъ для насъ можетъ быть достигнутъ лишь при условіи самаго тѣснаго единенія власти съ народомъ во всѣхъ областяхъ государственной жизни. Къ сожалѣнію, въ настоящее время этого нѣтъ, и безъ коренного измѣненія всей системы управленія быть не можетъ. Это убѣжденіе не только насъ, членовъ Государственной Думы, но въ настоящее время это убѣжденіе и всей мыслящей Россіи, ибо недовѣріе правительства къ общественнымъ силамъ, ревнивое и недоброжелательное отношеніе къ нимъ и умышленныя препятствія, чинимыя въ ихъ энергичной патріотической работѣ, естественно не могутъ вселить въ странѣ довѣріе къ такому правительству и служить залогомъ счастливаго окончанія войны.

Россія объята тревогой, эта тревога не только естественна, но и является совершенно необходимой. Она вылилась въ многочисленныхъ резолюціяхъ, извѣстныхъ уже Вашему Величеству. Къ Вамъ неоднократно доносилась мольба о томъ, что надо спасать отечество, которое находится въ опасности исключительной, вслѣдствіе коренного разногласія между народомъ и правительствомъ и взаимнаго ихъ непониманія другъ друга.

Мы видимъ, какъ во время войны перестроилась власть соотвѣтственно съ требованіями момента у нашихъ союзниковъ, и какихъ огромныхъ результатовъ достигли они этой мѣрой. Что же въ это время дѣлаемъ мы? Въ то время какъ вся Россія сумѣла сплотиться воедино, отбросивъ въ сторону всѣ свои разногласія, правительство въ своей средѣ не сумѣло даже сплотиться, а единеніе страны вселило даже въ него страхъ. Оно не только не измѣнило своихъ методовъ управленія, но и вспомнило свою старую, уже давно отжившую систему. Съ прежней силой возобновились аресты, высылки, притѣсненія печати. Подъ подозрѣніемъ находятся даже тѣ элементы, на которыхъ раньше всегда опиралось правительство, подъ подозрѣніемъ вся Россія.

Создавшееся соединеніе правительство стремится разрушить. Запрещая дѣловые съѣзды всевозможныхъ общественныхъ организацій, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшаетъ съѣзды, такъ называемыхъ, монархическихъ организацій, очевидно, съ спеціальною цѣлью возбудить партійный раздоръ.

Неужели же этими мѣрами можно достигнуть благополучнаго конца? Неужели же эти мѣры могутъ измѣнить настроеніе и успокоить тревогу? Мѣры эти оскорбительны и являются ничѣмъ инымъ, какъ вызовомъ обществу, а, слѣдовательно, и результаты ихъ будутъ совершенно обратные. Раздраженія, внесенныя въ слои населенія, будутъ усугубляться по мѣрѣ того, какъ самыя мѣры, принимаемыя правительствомъ въ этомъ отношеніи, становятся все болѣе крутыми. Этимъ правительство окончательно подрываетъ свой авторитетъ.

Этого авторитета у правительственной власти уже нѣтъ, и бюрократическому правительству не удастся его болѣе пріобрѣсти послѣ печальнаго и неудачнаго опыта править страной въ тяжелыя годины ея существованія, не умѣя приспособляться ни къ нуждамъ, ни къ настроенію страны.

Я съ горечью долженъ отмѣтить, что тревога эта передалась нашимъ союзникамъ послѣ того, какъ делегаціи имѣли возможность воочію убѣдиться въ справедливости причинъ, вызывающихъ нашу тревогу.

Чувствуя возможность приближенія окончанія войны, тревога наша усиливается, такъ какъ мы сознаемъ, что въ моментъ мирныхъ переговоровъ страна можетъ быть сильна въ своихъ требованіяхъ только при условіи, когда у нея будетъ правительство, опирающееся на народное довѣріе. Безъ этого условія на этой конференціи нашъ голосъ будетъ слабый, и мы не сможемъ пожать тѣхъ плодовъ. которые достойны будутъ принесенныхъ нами жертвъ.

Эта наша тревога усугубляется еще тѣмъ, что разстройство тыла угрожаетъ намъ возможностью безпорядковъ на почвѣ продовольственной разрухи, которые, конечно, нельзя будетъ прекратить силою оружія.

Уже многое испорчено въ корнѣ и непоправимо, если бы даже къ дѣлу управленія были привлечены геніи. Но, тѣмъ не менѣе, смѣна лицъ и не только лицъ, а и всей системы управленія, является совершенно настоятельной и неотложной мѣрой.

Хотя, какъ я указалъ, новыя лица не смогутъ много исправить и многое наладить, но, тѣмъ не менѣе, вѣра населенія въ нихъ дастъ увѣренность, что все возможное въ этомъ отношеніи дѣлается, и эта вѣра будетъ стимуломъ къ болѣе терпѣливому отношенію къ тѣмъ тягостямъ жизни, въ значительной долѣ коихъ повинно правительство послѣднихъ лѣтъ.

Переходя къ предстоящимъ работамъ Государственной Думы, если они будутъ имѣть мѣсто при прежнихъ условіяхъ, мы должны обратить вниманіе на ту программу работъ, которую въ этомъ отношеніи намѣчаетъ правительство.

Всѣ вопросы, связанные съ войной, оно разрѣшаетъ самостоятельно. Что же оно вноситъ въ Думу? Оно заваливаетъ ее безсистемно законопроектами, имѣющими отдаленное значеніе для мирнаго времени.

Въ предвидѣніи возможной рѣзкой критики своихъ дѣйствій, правительство, устами Предсѣдателя Совѣта Министровъ, обращается къ Предсѣдателю Думы съ заявленіемъ о томъ, что мы должны употребить героическія усилія, дабы сохранить спокойствіе. Развѣ эти слова не свидѣтельствуютъ сами по себѣ, что условія нашей жизни не таковы, чтобы можно было соблюсти это спокойствіе? Рекомендуя намъ употребить героическія усилія, въ свою очередь, правительство не желаетъ употребить даже малѣйшихъ усилій для того, чтобы сдѣлать нашу работу спокойной.

Государственная Дума высказывала уже не разъ свое отношеніе къ моменту и отъ этого отступить не можетъ.

Къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ не только ничто не измѣнилось къ лучшему, а наоборотъ. Правительство все ширитъ пропасть между собой и народнымъ представительствомъ. Министры всячески устраняютъ возможность узнать Государю истинную правду. Развѣ не характерно въ этомъ отношеніи поведеніе военнаго министра, который даже отказалъ доложить Вашему Величеству просьбу членовъ Особаго Совѣщанія? Развѣ возможна общая работа съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, котораго товарищъ его по делегаціи уличаетъ въ преднамѣренной лжи и который не находитъ нужнымъ такъ или иначе оправдаться? Развѣ возможна совмѣстная работа съ этимъ министромъ, который въ опьяненіи своей властью распространяетъ слухи о томъ, что имъ помимо Думы будутъ разрѣшены еврейскій и аграрный вопросы, — который, въ то время когда посредствомъ рабочихъ депутатовъ въ Военно-Промышленномъ Комитетѣ удается сдерживать на фабрикахъ и заводахъ, работающихъ на дѣло обороны, волненія, опубликовываетъ правительственное сообщеніе, въ которомъ опорочиваетъ всю ихъ дѣятельность, весьма полезную, и указываетъ на то, что эта дѣятельность была направлена исключительно на созданіе революціи. Онъ грозитъ нашу тревогу подавить пулеметами, онъ усиленно прибѣгаетъ къ арестамъ и высылкамъ, онъ, какъ никогда, стѣснилъ печать. Если такого рода цензура будетъ примѣнена и къ стенографическимъ отчетамъ Государственной Думы, то это, несомнѣнно, снова породитъ тѣ же уродливыя явленія, которыя имѣли мѣсто ранѣе. Будутъ появляться апокрифическія рѣчи членовъ Государственной Думы возмутительнаго содержанія, что уже имѣло мѣсто, и раздаваться чьей-то невидимой рукой въ населеніе и въ армію, подрывая авторитетъ законодательнаго учрежденія, этого единственно сдерживающаго въ настоящій моментъ центра.

Государственной Думѣ грозятъ роспускомъ, но вѣдь она въ настоящее время по своей умѣренности и настроеніямъ далеко отстала отъ страны. При такихъ условіяхъ роспускъ Думы не можетъ успокоить страну а если въ это время, не дай Богъ, насъ постигнетъ, хотя бы частичная, военная неудача, то кто же тогда подниметъ бодрость духа народа?

Кромѣ того страна должна быть увѣрена, что во время мирной конференціи, правительство должно имѣть опору въ народномъ представительствѣ. Измѣненіе состава народныхъ представителей къ этому времени, при полной неизвѣстности, какіе результаты можетъ дать эта мѣра, представляется крайне опаснымъ. Поэтому, необходимо

немедля же разрѣшить вопросъ о продленіи полномочій нынѣшняго состава Государственной Думы внѣ зависимости отъ ея дѣйствій, ибо самое условіе, которое ставится правительствомъ о томъ, что полномочія могутъ быть продлены лишь въ случаѣ сохраненія спокойствія Государственной Думы, является само по себѣ оскорбительнымъ, такъ какъ оно доказываетъ, что правительство не только не нуждается, но даже не интересуется правдивымъ и искреннимъ мнѣніемъ страны. Такую мѣру продленія полномочій во время войны признали естественной и необходимой наши союзники.

Колебанія же принятія такой мѣры нашего правительства, равнымъ образомъ, какъ и отсрочка принятія этой мѣры, порождаетъ убѣжденіе, что именно въ моментъ мирныхъ переговоровъ правительство не желаетъ быть связаннымъ съ народнымъ представительствомъ. Это, конечно, вселяетъ еще большую тревогу, ибо страна окончательно потеряла вѣру въ нынѣшнее правительство.

При всѣхъ этихъ условіяхъ, никакія героическія усилія, о которыхъ говорилъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, предпринимаемыя Предсѣдателемъ Государственной Думы, не могутъ заставить Государственную Думу итти по указкѣ правительства, и едва ли Предсѣдатель, принимая для этого со своей стороны какія либо мѣры, былъ бы правъ и передъ народнымъ представительствомъ и передъ страной. Государственная Дума потеряла бы довѣріе къ себѣ страны и тогда, по всему вѣроятію, страна, изнемогая отъ тяготъ жизни, въ виду создавшихся неурядицъ въ управленіи, сама могла бы стать на защиту своихъ законныхъ правъ. Этого допустить никакъ нельзя, это надо всячески предотвратить и это составляетъ нашу основную задачу.

Предсѣдатель Государственной Думы

Михаилъ Родзянко.

10 февраля 1917 года.

Докладъ Центральнаго Комитета Россійскаго Краснаго Креста

о дѣятельности Чрезвычайной Комиссіи въ Кіевѣ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
КОМИТЕТЪ
РОССІЙСКАГО КРАСНАГО
КРЕСТА
Помощи жертвамъ гражданской
войны.

14 февраля 1920 года.

Въ Международный Комитетъ Краснаго Креста
въ Женевѣ.

Центральный Комитетъ Россійскаго Общества Краснаго Креста при семъ представляетъ очеркъ, составленный на основаніи доклада сестеръ милосердія Краснаго Креста, въ теченіе семи мѣсяцевъ оказывавшихъ помощь заключеннымъ въ тюрьмахъ города Кіева во время власти большевиковъ.

Воздерживаясь въ силу понятныхъ причинъ отъ опубликованія именъ сестеръ милосердія, Комитетъ свидѣтельствуетъ, что сестры эти хорошо извѣстны Красному Кресту, какъ честныя и самоотверженныя работницы, показанія коихъ заслуживаютъ безусловнаго довѣрія.

Красный Крестъ всегда считалъ своимъ долгомъ поднимать голосъ протеста, когда на глазахъ цивилизованнаго міра нарушались основныя требованія международнаго права и справедливости.

Картины насилій, ужаса и крови, нарисованныя ниже, не имѣютъ себѣ подобныхъ въ исторіи культурнаго человѣчества. Замалчивать ихъ было бы преступленіемъ. Это и побуждаетъ насъ предоставить прилагаемыя при семъ страницы въ распоряженіе Международнаго Комитета въ Женевѣ, являющимся центромъ міровой дѣятельности Краснаго Креста и хранителемъ и защитникомъ его высокихъ идеаловъ.

И. д. предс. Комитета

(подпись) Д-ръ Юрій Ладыженскій

СООБЩЕНІЕ СЕСТЕРЪ МИЛОСЕРДІЯ О ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССІИ ВЪ КІЕВѢ.

I. Судьи и Палачи.

Кіевъ, бывшій до революціи однимъ изъ самыхъ богатыхъ и благоустроенныхъ южно-русскихъ городовъ, за послѣдніе два года нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки и былъ ареной кровавой гражданской войны. Иногда она выражалась въ ожесточенныхъ уличныхъ бояхъ, иногда въ свирѣпыхъ погромахъ, когда красные безпощадно истребляли своихъ враговъ, безоружныхъ, неожидавшихъ нападенія. Такъ, въ февралѣ 1918 года, въ теченіе нѣсколькихъ дней, большевики вырѣзали въ Кіевѣ болѣе 2000 русскихъ офицеровъ, а съ февраля 1919 г. открыла свои дѣйствія, такъ называемая, «Чрезвычайная Комиссія по борьбѣ съ контръ-революціей», которая занялась систематическимъ истребленіемъ противниковъ.

Этотъ своеобразный институтъ, отчасти повторяющій средневѣковую инквизицію составляютъ политическую опору совѣтской власти. Полное отсутствіе какихъ бы то ни было правовыхъ понятій, какой бы то ни было тѣни законности, безнаказанность палачей, беззащитность жертвъ, жестокость, порождающая садизмъ, — вотъ главныя особенности Чрезвычайной Комиссіи, которую принято сокращенно называть чрезвычайка или Ч.-К.

Передъ тѣмъ, какъ большевики въ февралѣ 1919 г. заняли Кіевъ, въ городѣ два мѣсяца царствовалъ Петлюра. Вождь украинскихъ самостійниковъ тоже допускалъ грабежъ, насиліе и убійства. При немъ тоже были разстрѣлы, но они производились исподтишка, украдкой. Встрѣтятъ на улицѣ русскаго офицера, или вообще человѣка, по возрасту и обличью похожаго на офицера, выведутъ на свалку, пристрѣлятъ и тутъ же бросятъ. Иногда запорютъ шомполами на смерть, иногда на полусмерть. Во время междуцарствія, когда Петлюра ушелъ изъ Кіева, а большевики еще не вошли, было найдено въ разныхъ частяхъ города около 400 полуразложившихся труповъ, преимущественно офицерскихъ. Примѣнялъ Петлюра и систему заложничества, возилъ съ собой бывшихъ министровъ, Митрополита Антонія, нѣсколько дамъ изъ аристократіи. Надъ заложниками издѣвались, не разъ грозили имъ смертью. Когда Петлюровцы разбѣжались — заложники были освобождены. Петлюровцы совершали преступленія случайно и безсистемно, давая возможность каждому дѣлать, что ему вздумается. При совѣтскомъ правительствѣ уголовныхъ преступленій стало гораздо меньше. Право убивать себѣ подобныхъ было предоставлено исключительно совѣтскимъ чиновникамъ.

Большевики вошли въ Кіевъ въ февралѣ 1919 года и на слѣдующій же день начала свои дѣйствія Чрезвычайка, вѣрнѣе даже не одна, а нѣсколько. Штабы полковъ, районные комитеты, милиція, каждое отдѣльное совѣтское учрежденіе представляли изъ себя какъ бы филіалъ Чрезвычайной комиссіи. Каждое изъ нихъ арестовывало и убивало. По всему городу хватали людей. Когда человѣкъ исчезалъ, найти его было очень трудно, тѣмъ болѣе, что никакихъ списковъ арестованныхъ не было, а справки совѣтскія учрежденія давали очень неохотно. Центромъ сыска и казней была Всеукраинская Чрезвычайная Комиссія. У нея были развѣтвленія и отдѣлы: такъ называемая Губчека, т. е. Губернская Чрезвычайка, Лукьяновская тюрьма, Концентраціонный лагерь, помѣщавшійся въ старой пересыльной тюрьмѣ. Опредѣлить взаимоотношенія и даже количество этихъ учрежденій не легко. Помѣщались они въ разныхъ частяхъ города, но, главнымъ образомъ, въ Липкахъ, въ нарядныхъ особнякахъ, которыхъ много въ Кіевѣ.

Всеукраинская Чрезвычайная Комиссія (В.У.Ч.К.) заняла на углу Елизаветинской и Екатерининской большой особнякъ Попова. Въ немъ былъ подвалъ, гдѣ происходили убійства. Вообще расправы совершались вблизи, если можно такъ выразиться, присутственныхъ мѣстъ и мѣстъ заключенія. Крики и стоны убиваемыхъ были слышны не только въ мѣстахъ заключенія, но и въ залѣ, гдѣ засѣдали слѣдователи, разносились по всему дому Попова. Вокругъ В. У. Ч. К. цѣлый кварталъ былъ занятъ разными отдѣлами совѣтской инквизиціи. Черезъ дорогу, въ Липскомъ переулкѣ, жили наиболѣе важные комиссары. Въ этомъ домѣ происходили оргіи, сплетавшіяся съ убійствомъ и кровью. По другую сторону улицы помѣщалась комендатура, во дворѣ которой одинъ

домъ былъ отведенъ подъ заключенныхъ. Противъ этого дома во дворѣ иногда производились разстрѣлы. Туда приводили и заключенныхъ съ Елизаветинской улицы, гдѣ, въ такъ называемомъ Особомъ Отдѣлѣ, сидѣли, главнымъ образомъ арестованные за политическія преступленія. Эти дома, окруженные садами, да и весь кварталъ кругомъ нихъ, превратились подъ властью большевиковъ въ царство ужаса и смерти. Немного дальше, на Институтской улицѣ, въ домѣ Генералъ-Губернатора была устроена Губернская Чрезвычайная Комиссія (сокращенно ее называли Губчека). Во главѣ ея стоялъ Угаровъ. Съ его именемъ кіевляне связываютъ самыя страшныя страницы большевистскихъ застѣнковъ.

Дѣятельность Чрезвычайной Комиссіи нельзя ввести ни въ какія логическія схемы. Аресты производились совершенно произвольно, чаще всего по доносамъ личныхъ враговъ. Недовольные служащіе, прислуга, желающая за что-нибудь отомстить своимъ хозяевамъ, корыстные виды на имущество арестованныхъ, все могло послужить поводомъ ареста, а затѣмъ и разстрѣла. Но въ основу, въ идеологію Ч. К., была положена теорія классовой борьбы вѣрнѣе классоваго истребленія. Объ этомъ неоднократно заявляла большевистская печать*, это проводилось въ спеціальныхъ журналахъ Ч. К., какъ напримѣръ въ газетѣ «Красный Мечъ».

За популярность почти всегда платились тюрьмой. Кромѣ того, бывали случаи массовыхъ арестовъ людей по профессіямъ и не только офицеровъ, но банковскихъ служащихъ, техниковъ, врачей, юристовъ и т. д. Попадали иногда въ тюрьму и совѣтскіе служащіе.

Сестры милосердія, наблюдавшія жизнь Чрезвычаекъ въ теченіи семи мѣсяцевъ, ни разу не видѣли совѣтскаго служащаго, арестованнаго за насиліе надъ человѣческой личностью или за убійство. За неумѣренный грабежъ, за ссору съ товарищами, за бѣгство съ фронта, за излишнее снисхожденіе къ буржуямъ, вотъ за что попадали совѣтскіе служащіе въ руки чрезвычаекъ.

Убійство для коммисара всегда законно, — съ горечью подчеркнула сестра, — убивать своихъ враговъ они могутъ безпрепятственно.

Для веденія дѣлъ при Ч. К. былъ институтъ слѣдователей. Во Всеукраинской Ч. К. онъ былъ разбитъ на пять инспекцій. Въ каждой было около двадцати слѣдователей. Надъ инспекціей стояла коллегія изъ шести человѣкъ. Среди членовъ ея были мущины и женщины. Образованныхъ людей почти не было. Попадались матросы, рабочіе, недоучившіеся студенты.

Слѣдователи собственноручно не казнили. Только подписывали приговоры. Они, также какъ и коменданты, были подчинены коммисарамъ изъ Чрезвычайки.

Обязанности тюремщиковъ, а также исполненіе приговоровъ, возлагались на комендантовъ. Большевики дали это спеціальное военное наименованіе институту палачей. Служебныя обязанности комендантовъ и ихъ помощниковъ состояли въ надзорѣ за заключенными и въ организаціи разстрѣловъ. Обыкновенно они убивали заключенныхъ собственноручно.

II. Сестры Милосердія.

Сестры, по роду своихъ обязанностей, больше всего вынуждены были встрѣчаться именно съ комендантами и имѣли возможность наблюдать ихъ въ обычной служебной обстановкѣ. Краснокрестный Комитетъ Помощи Жертвамъ Гражданской войны, съ первыхъ дней большевизма, получилъ разрѣшеніе кормить и лѣчить заключенныхъ. Совѣтская власть согласилась на это, такъ какъ Красный Крестъ снималъ съ нея заботу о питаніи плѣнныхъ. Въ то же время большевистское начальство, невѣжественное и мни-

---

* Предсѣдатель Кіевской Ч. К. Лацисъ писалъ: «Не ищите въ дѣлѣ обвинительныхъ уликъ о томъ, возсталъ ли онъ противъ Совѣта оружіемъ или словомъ. Первымъ долгомъ вы должны его спросить, къ какому классу онъ принадлежитъ, какого онъ происхожденія, каково его образованіе и какова его профессія. Эти вопросы должны рѣшить судьбу обвиняемаго». «Красный терроръ», 1 ноября 1918 года.

тельное, относилось къ санитаріи съ суевѣрнымъ, если не уваженіемъ, то страхомъ. Они боялись болѣзней, боялись заразы и никогда не противорѣчили требованію сестеръ о дезинфекціи. Санитарныя условія въ мѣстахъ заключенія были ужасны: скученность, грязь, отсутствіе свѣта и воздуха, самыхъ примитивныхъ удобствъ. Согласіе удовлетворить санитарныя требованія сестеръ часто было похоже на кровавую буффонаду, особенно, когда дѣло касалось людей уже обреченныхъ на смерть. Но это смутное и сбивчивое уваженіе дикарей къ медицинѣ пріоткрыло передъ сестрами двери большевистскихъ казематовъ и дало возможность этимъ самоотверженнымъ дѣвушкамъ внести хоть маленькое облегченіе и утѣшеніе въ жизнь несчастныхъ жертвъ коммунизма.

Лучше всего, въ смыслѣ физическомъ, было положеніе тѣхъ, кто попалъ въ старую тюрьму, гдѣ сохранился дореволюціонный тюремный режимъ, опредѣленный и сравнительно сносный. Остальныя мѣста заключенія отданы были подъ надзоръ тюремщиковъ не дисциплинированныхъ, случайныхъ, которые обращались съ арестованными, какъ съ рабами.

Внѣшнимъ образомъ дѣятельность сестеръ механически повторялась изо дня въ день, налаженная и какъ будто однообразная. Но каждый день по новому вскрывались передъ ними человѣческія страданія, смѣнялись мучители и мученики, обнаруживалось неисчислимое разнообразіе какъ людского горя, такъ и людского искусства истязать себѣ подобныхъ.

Въ девять часовъ утра, сестры (ихъ было пять) сходились въ центрѣ города на пунктъ Краснаго Креста, на Театральную улицу, No. 4. Тамъ приготовлялась пища для заключенныхъ, помѣщавшихся въ разныхъ концахъ города. Коменданты присылали приказъ приготовить обѣдъ на столько-то человѣкъ, а Красный Крестъ готовилъ пищу, отвозилъ и раздавалъ ее. Это былъ единственный показатель количества заключенныхъ, да и то не очень точный, такъ какъ не рѣдко комендатура давала ложныя цифры, — то преувеличенныя, то преуменьшенныя. Списки заключенныхъ держались въ тайнѣ. Въ Чрезвычайкѣ, повидимому, настоящихъ списковъ не было. Родные и друзья метались по городу, отыскивая арестованныхъ. Иногда подолгу оставались въ полной и мучительной неизвѣстности. Они приходили на пунктъ Краснаго Креста въ надеждѣ, что тамъ имъ дадутъ какія-нибудь свѣдѣнія. Но Чрезвычайка сурово слѣдила за тѣмъ, чтобы сестры не знали заключенныхъ по именамъ.

При ежедневномъ посѣщеніи сестрами тюремъ имъ было-бы очень легко составить списки, но это категорически запрещалось. Попавъ въ эти круги адовы, люди превращались въ анонимовъ, теряющихъ даже право на свое имя. Такъ, напримѣръ, по приказанію Коменданта Угарова въ Концентраціонномъ Лагерѣ каждый заключенный долженъ былъ значиться не по имени, а только подъ номеромъ. Конечно, это была отвлеченная теорія. Жизнь просачивалась даже сквозь тюремныя рѣшетки, и тѣми или иными путями, преодолѣвая жестокость и издѣвательства тюремщиковъ, близкіе разыскивали своихъ, попавшихъ въ красный плѣнъ. Но сестры, оберегая свое право посѣщать тюрьмы и приносить хоть какое-нибудь облегченіе жертвамъ коммунистическаго террора, вынуждены были держать себя очень осторожно съ родными. Чрезвычайка разрѣшала только кормить и лечить ихъ, но очень подозрительно слѣдила за тѣмъ, чтобы черезъ сестеръ не установилась связь между заключенными и внѣшнимъ міромъ. Свиданія съ родными были запрещены, только иногда, въ видѣ каприза, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Лукьяновской тюрьмѣ, разрѣшались короткія и рѣдкія свиданія. При царскомъ режимѣ запрещеніе свиданій съ родными было особой карой за нарушеніе тюремной дисциплины. Даже въ Петропавловской крѣпости, куда сажали самыхъ, по мнѣнію Царскаго Правительства, опасныхъ политическихъ преступниковъ, къ нимъ еженедѣльно, а иногда и два раза въ недѣлю допускали родныхъ. Какъ извѣстно, заключенные дорожатъ каждой, хотя-бы самой короткой, встрѣчей съ близкими, которая придаетъ имъ бодрость среди подавляющей угрюмости тюрьмы. Для коммунистовъ, стремившихся къ тому, чтобы сломить духъ своихъ политическихъ враговъ, лишеніе свиданій было однимъ изъ средствъ пытки.

Приходъ сестеръ былъ единственнымъ свѣтлымъ лучемъ и единственной живой связью арестованныхъ съ міромъ. Сестры понимали какая огромная на нихъ лежитъ отвѣтственность и старались создать такое положеніе, при которомъ сотрудники Чрезвычайки не имѣли бы никакого повода придраться къ нимъ. Это было не легко, особенно при личномъ составѣ Чрезвычайки. Приходилось не только слѣдить за собой, строго выдерживать тонъ абсолютнаго безпристрастія, но и категорически отметать отъ себя просьбы родныхъ чѣмъ-нибудь нарушавшія порядокъ, установленный комендатурой.

Роднымъ разрѣшалось приносить заключеннымъ ѣду, но только самую необходимую: булки, масло, яйца, молоко. Баловство не допускалось. Иногда тюремщикамъ приходила фантазія всѣ приношенія превращать въ общую коммунистическую кучу, изъ которой каждому доставалось, что придется.

День сестры проводили въ аптекѣ Чрезвычайки, приготовляя и раздавая лекарство. обыкновенно имъ въ этомъ помогали заключенные, которые всегда рады были заняться чѣмъ-нибудь, что отвлекало бы ихъ отъ томительнаго тюремнаго бездѣлья. Также охотно помогали они сестрамъ раздавать пищу, которую въ походныхъ котлахъ подвозили къ мѣстамъ заключенія. Наконецъ, вечеромъ, сестры обходили камеры, всегда въ сопровожденіи караула. Это были самые тяжелые и мучительные часы въ жизни Чрезвычаекъ, такъ какъ по вечерамъ пріѣзжали автомобили за осужденными на смерть. Никто не зналъ, когда его ждетъ разстрѣлъ. Гулъ подъѣзжавшаго автомобиля для каждаго и каждой изъ нихъ звенѣлъ, какъ призывный голосъ смерти. Такъ шло изъ вечера въ вечеръ. Сестры старались именно въ эти часы быть съ заключенными.

— Не знаю почему, но заключенные любили, чтобы я была въ камерѣ, когда ихъ выводятъ на разстрѣлъ, — сказала мнѣ одна изъ сестеръ и улыбнулась тихой, какъ будто даже виноватой, улыбкой.

Какъ священники напутствовали онѣ людей, посылаемыхъ на казнь, какъ-бы давали имъ послѣднее благословеніе. Настоящихъ священниковъ комиссары не допускали въ тюрьмы, кромѣ тѣхъ, кого они держали тамъ, какъ арестантовъ. Нѣсколько разъ Красный Крестъ просилъ, чтобы приговореннымъ разрѣшили исповѣдываться и причаститься. Каждый разъ коммунисты отказывали въ этой просьбѣ. Между тѣмъ, среди заключенныхъ было не мало людей вѣрующихъ, которымъ послѣднее напутствіе священника могло облегчить ужасы казни.

Бывали періоды, когда палачи истребляли подрядъ всѣхъ, попавшихъ въ тотъ или иной казематъ. Единственными уцѣлѣвшими свидѣтельницами того, что еще наканунѣ были здѣсь живые люди, полные то отчаянья, то надежды, оставались сестры. Онѣ шли черезъ эту долину скорби и плача, точно монахини, ухаживающія за зачумленными. Онѣ знали, что спасти несчастныхъ отъ красной смерти не въ ихъ силахъ, и все-таки оставались на своемъ посту, чтобы хоть маленькой заботой, улыбкой, ласковымъ словомъ, освѣтить и согрѣть жизнь этихъ мучениковъ гражданской войны.

— Я никогда не думала, что это такая пытка быть среди осужденныхъ на смерть, — говорила мнѣ сестра. — Вокругъ меня двигались живые люди, они кое-какъ налаживали свое повседневное существованіе. Привыкали къ намъ, мы привыкали къ нимъ. И вотъ стучитъ автомобиль. Каждый ждетъ — не за нимъ-ли? Еще ужасно было, если приводили кого-нибудь очень одухотвореннаго, очень свѣтлаго. Тогда мы знали, что это обреченный на смерть. Все культурное, выдѣляющееся, высокое, большевиковъ задѣваетъ. Въ нихъ ненасытная потребность истребить все лучшее.

Моральное превосходство сестеръ вызывало въ палачахъ и тюремщикахъ смутное чувство подозрительности, тревоги, раздраженія. Мелькомъ упоминая о трудностяхъ своей работы, сестры говорили, что имъ приходилось приспосабливаться къ низкому уровню большевистскихъ властей. Надо было себя упрощать, стараться затушевать интеллектуальную пропасть. Это было унизительно, но совершенно необходимо. А коменданты хвастались другъ передъ другомъ и передъ руководителями Чрезвычайки своими сестрами. Сами распущенные и лѣнивые, они удивлялись неутомимости сестеръ. Все добивались, какой продолжительности у нихъ рабочій день? Одинъ изъ самыхъ

свирѣпыхъ комендантовъ, Сорокинъ, звалъ свою сестру, не то шутя, не то съ похвалой «Милостивый Филаретъ».

Сестры сумѣли завоевать уваженіе этихъ людей, не знающихъ ни удержу, ни стыда. Развратные — они при сестрахъ еще сдерживались. Жестокіе — они порой оказывали по просьбѣ сестеръ ту или иную милость. Увѣренные въ своей безнаказанности по отношенію къ сестрамъ, они все-таки не переходили извѣстной черты.

Быть можетъ, даже сестры, съ ихъ монашеской мягкой сдержанностью, пробуждали въ этихъ озвѣрѣвшихъ людяхъ какіе-то смутные проблески совѣсти. Комендантъ Авдохинъ взялъ разъ сестру за руку.

«Охъ, сестра, нехорошо мнѣ, голова горитъ».

— Что съ Вами? Развѣ что-нибудь особенное случилось?

Сестра знала, что въ тѣ дни Авдохинъ замучилъ много народу. Но вѣдь это были не первыя его жертвы. Маленькіе черные глаза коменданта впились въ лицо сестры.

«Охъ, сестра, не любите Вы меня».

— Какъ я могу Васъ любить, что между нами общаго? Вы, комендантъ, дѣлаете свое дѣло. Я — сестра, у меня свое дѣло.

Тогда онъ жаловался другой сестрѣ:

«Спать не могу. Всю ночь мертвецы лѣзутъ . . .»

Такія рѣчи рѣдко срывались съ устъ дѣятелей Чрезвычайки. Они творили свою кровавую работу, самоувѣренно и дерзко, не боясь человѣческаго, а тѣмъ болѣе Божескаго правосудія. Если бы имъ почудилось, что въ сестрахъ таится хоть что-нибудь опасное для нихъ, расправа была-бы коротка. Но сестры были осторожны.

А все-таки одна сестра, Мартынова, была разстрѣляна. Ее заподозрили въ сношеніяхъ съ Добрарміей. Арестовали, потомъ выпустили. Опять взяли и разстрѣляли.

Опасность постоянно угрожала сестрамъ.

Какъ то разъ сестра ночевала въ Концентраціонномъ Лагерѣ и слышала, какъ комендантъ, проходя подъ окнами, сказалъ:

— Сестру такую-то придется арестовать. —

Ей стало страшно. Лучше, чѣмъ кто-нибудь знали сестры, что такое власть Чрезвычаекъ.

Когда рано утромъ къ ней постучали, она была увѣрена, что пришелъ конецъ.

— Сестра, идите на кухню, на счетъ обѣда, — раздался голосъ.

Она вскочила. Значитъ, опасность миновала.

Онѣ все время шли, какъ по лезвію ножа. Подъ конецъ, когда началась эвакуація, коменданты откровенно говорили имъ:

— Мы увеземъ васъ съ собой. Васъ нельзя оставить, Вы слишкомъ много знаете. Часть насъ останется въ Кіевѣ будемъ вести конспиративную работу противъ Деникина. Вы почти всѣхъ насъ знаете въ лицо. Васъ надо или увезти, или отправить въ Штабъ Духонина.*

Сестры были такъ поглощены своей заботой о заключенныхъ, что сознаніе собственной физической опасности отходило на второй планъ.

Несравненно труднѣе было преодолѣвать моральное отвращеніе къ большевистскимъ чиновникамъ, съ которыми приходилось все время имѣть дѣло.

Тяжело было пересиливать въ себѣ непрестанную муку состраданья.

«Я не знала раньше, что можно, не говоря, понимать. Мы видѣли, чувствовали всѣ ихъ мысли, — писала одна изъ сестеръ въ письмѣ къ роднымъ. — Передъ нами открылось безконечное количество душъ человѣческихъ. Столько глазъ смотрѣло мнѣ въ душу, столькимъ я заглянула далеко, далеко въ то, что таится въ глубинѣ человѣческаго существа, въ его святое святыхъ. Столько ихъ прошло передо мной, что до сихъ поръ трудно опомниться, а тѣмъ болѣе — забыть. Тотъ, кто хоть разъ смотрѣлъ въ глаза уходящихъ изъ жизни, хоть разъ читалъ въ нихъ эту безконечную тоску по тому, что зовется жизнью, тотъ врядъ ли забудетъ ихъ. Таинство смерти вырвалось въ таинство

---

* На большевистскомъ жаргонѣ это значитъ — убить.

жизни, сокрушая, уничтожая, и точно насмѣхаясь. Эти замученные изстрадавшіеся люди проходятъ передо мной, какъ тѣни. Вокругъ насъ была бездна горя, море крови, толпы измученныхъ людей и тутъ же рядомъ пьяный разгулъ, оргіи и пиры сотрудниковъ роковой Чека.

Жить въ этомъ кошмарѣ, видѣть все это и то трудно было оставаться здоровымъ. А для сотрудниковъ Ч. К. это невозможно. Когда передо мной встаютъ образы Авдохина, Терехова, Асмолова, Никифорова, — комендантовъ В. У. Ч. К. Угарова, Абнавера и Гуща изъ Губчека, то вѣдь это все совершенно ненормальные люди, садисты, кокаинисты, почти утерявшіе обликъ человѣческій».

III. Система запугиванія.

Какъ и во всякомъ чиновничьемъ учрежденіи, а большевики-коммунисты прежде всего, конечно, чиновники, — среди сотрудниковъ Чрезвычайки есть генералы, есть и мелкая сошка, есть простые исполнители и есть руководители. Есть и изобрѣтатели, вносящіе въ свою работу фантазію и даже страсть.

Огромное большинство слѣдователей, комендантовъ и другихъ сотрудниковъ Ч. К. состояло изъ людей малообразованныхъ, часто почти неграмотныхъ.

Интеллигентные люди являлись исключеніемъ. Грубость и жестокость были совершенно необходимыми качествами, и въ этотъ отношеніи никакихъ исключеній не допускалось. Всякая снисходительность, а тѣмъ болѣе, мягкость къ заключеннымъ строго преслѣдовалась и могла подвести сотрудниковъ подъ самыя строгія кары, вплоть до разстрѣла.

Въ Особомъ Отдѣлѣ былъ комендантъ Ренковскій. По виду это былъ человѣкъ интеллигентный. Какъ-то разъ сестра вошла къ нему въ кабинетъ. Онъ сидѣлъ, закрывъ лицо руками.

«Я больше не могу, слишкомъ тяжело».

Черезъ день сестра увидала его среди заключенныхъ и сказала ему:

— Заключенные будутъ жалѣть, что Вы больше не комендантъ. —

«Потому-то я здѣсь и сижу».

Позже онъ убѣжалъ изъ-подъ ареста.

Большинство сотрудниковъ носило чужія фамиліи. Евреи обыкновенно выбирали русскія имена. Добраться до прошлаго этихъ людей, понять, кѣмъ они были раньше — не легко. Про нихъ ходили различныя легенды. Разсказывали про ихъ уголовное прошлое, про службу въ царской полиціи.

Предсѣдателемъ В. У. Ч. К. былъ Лацисъ, свирѣпый, не знавшій пощады латышъ. Чѣмъ онъ раньше занимался неизвѣстно. Онъ былъ не простымъ палачемъ, а теоретикомъ и идеологомъ большевистской инквизиціи. За его подписью въ Кіевскихъ Совѣтскихъ Извѣстіяхъ печатались статьи, доказывавшія право коммунистовъ безпощадно истреблять своихъ враговъ. По внѣшности Лацисъ былъ благообразный, воспитанный человѣкъ и производилъ онъ свою свирѣпую работу съ латышской систематичностью. Позже ему на помощь пріѣхалъ другой латышъ Петерсъ.

Сотрудниками Ч. К. чаще всего были очень молодые люди. Они любили франтить. Денегъ у нихъ было много, такъ какъ обыски, аресты и разстрѣлы всегда сопровождались захватомъ добычи. При Ч. К. были особые склады, которые назывались хранилищами. Туда клались вещи, захваченныя при реквизиціяхъ и арестахъ. Далеко не всѣ вещи попадали въ склады, такъ какъ часть наиболѣе цѣнной добычи сразу расходилась по карманамъ коммунистовъ. Являясь въ домъ, гдѣ жилъ намѣченный ими контръреволюціонеръ, коммунисты обыкновенно интересовались не столько бумагами, письмами и тому подобными интеллектуальными доказательствами вреднаго образа мыслей заподозрѣнныхъ ими людей, сколько ихъ деньгами, ложками, кольцами, шубами, сапогами и т. д. Вещи, такимъ образомъ отобранныя, почти никогда не возвращались владѣльцамъ. Это была военная добыча, которую побѣдители отъ времени до времени дѣлили между собой, хотя въ декретахъ значилось, что все отобранное отъ буржуевъ принадлежитъ

народу. Съ особымъ цинизмомъ производилась дѣлежка вещей разстрѣлянныхъ и убитыхъ людей. Передъ казнью ихъ заставляли раздѣться, чтобы сберечь платье и сапоги. Ночью убьютъ, а на утро комендантъ-палачъ уже щеголяетъ въ обновкѣ, отобранной наканунѣ отъ казненнаго. По этимъ обновкамъ остальные заключенные догадывались объ участи исчезнувшихъ товарищей. Одинъ изъ помощниковъ коменданта В. У. Ч. К. Иванъ Ивановичъ Парапутцъ очень важно щеголялъ въ шинели на форменной красной подкладкѣ, принадлежавшей Генералу Медеру, котораго онъ убилъ. Бывало и такъ, что убьютъ, а потомъ идутъ на квартиру убитаго и реквизируютъ тамъ все, что понравится.

Тѣмъ, кого вызывали на разстрѣлы, всегда приказывали:

— Возьмите вещи съ собой.

На слѣдующій день шла открытая дѣлежка вещей. Не рѣдко и ссорились. Какъ-то сестра пришла въ комнату слѣдователя просить о переводѣ въ другое помѣщеніе заключеннаго, который заболѣлъ.

Слѣдователи помѣщались въ частномъ особнякѣ; одинъ велъ допросъ въ спальнѣ. Другой въ сосѣдней гостиной. Обѣ комнаты еще хранили слѣды прежней нарядной уютности.

Маленькій, черненькій слѣдователь Якубенко сидѣлъ за столомъ, какъ всегда развалившись въ креслѣ. Разваливаться на креслахъ, стульяхъ, диванахъ, кроватяхъ считалось у сотрудниковъ Чрезвычайки, высшихъ и низшихъ, необходимымъ признакомъ своеобразнаго щегольства.

Передъ развалившимся Якубенко сидѣлъ священникъ, котораго онъ допрашивалъ. Сестра не успѣла изложить своей просьбы, какъ изъ сосѣдней комнаты раздался голосъ другого слѣдователя, Каана.

«Товарищъ Якубенко, Вы взяли вчера двѣ пары сапогъ, а Вамъ полагалась только одна. Извольте-ка вернуть».

— А Вы, товарищъ Каанъ, взяли два пиджака. Верните. —

Началась перебранка, невольными свидѣтелями которой были сестра и священникъ. Быть можетъ священникъ думалъ:

«Пройдетъ еще нѣсколько дней и убійцы будутъ метать жребій о рясахъ монхъ».

Слѣдователь Каанъ былъ латышъ. Высокій человѣкъ съ холоднымъ птичьимъ лицомъ, онъ славился своей жестокостью на допросахъ, изощреннымъ умѣньемъ выпытывать показанія. Между арестованными ходили даже слухи, что онъ самъ разстрѣливалъ, хотя это и не лежало на обязанности слѣдователей. Это былъ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ сотрудниковъ Чрезвычайки, для которыхъ жестокость и издѣвательство были наслажденіемъ.

Сестра выждала конецъ ихъ спора о добычѣ и потомъ изложила свою просьбу. У заключеннаго открылся туберкулезъ. Надо было перевести его въ другое помѣщеніе.

Каанъ слушалъ ее стоя, небрежно барабанилъ по столу какой-то мотивъ и высокомѣрно усмѣхался.

— Что-жъ, сестра, можно и перевести. Но вѣдь мы все равно его разстрѣляемъ. —

«Это ужъ Ваше дѣло. Вы требуете, чтобы мы наблюдали за санитарными условіями. Я обязана Вамъ это сказать».

Она отлично понимала, что онъ издѣвается надъ ней, но все-таки упрямо добивалась хоть мимолетнаго, прощальнаго улучшенія жизни арестованныхъ.

Слѣдователи и разслѣдовали преступленія, и постановляли приговоръ, который коменданты приводили въ исполненіе.

Въ руки слѣдователя попадали тѣ, кого юридическая наука зоветъ подслѣдственными, люди, преступленіе которыхъ никѣмъ и ничѣмъ не было ни установлено, ни доказано. Современное правосудіе уже давно выработало къ подслѣдственнымъ особое правовое отношеніе, гарантирующее имъ возможность защищаться отъ несправедливыхъ обвиненій и доказывать свою невинность.

Обычно тюремный режимъ, примѣняемый къ подслѣдственнымъ, мягче, чѣмъ режимъ, примѣняемый къ преступникамъ.

Коммунистическое правосудіе, если только можно употреблять это слово говоря объ ихъ судахъ и Чрезвычайкѣ, разрушивъ старый русскій судъ, водворило вмѣсто него свирѣпую расправу дикарей надъ побѣжденнымъ врагомъ. Камеру слѣдователя они превратили въ застѣнокъ, откуда замученный обвиняемый попадалъ прямо въ руки палача, часто не зная даже толкомъ за что его убивали.

Вѣдь понятіе контръ-революціи широкое. Подъ него подходятъ прежде всего заговорщики противъ совѣтской власти, солдаты (combatants), взятые какъ бы съ оружіемъ въ рукахъ. Такихъ меньше всего попадало въ Чрезвычайки. Огромное большинство арестованныхъ было виновно просто въ томъ, что они образованные люди или принадлежатъ въ буржуазіи. Офицеръ, помѣщикъ, священникъ, инженеръ, юристъ, учитель всегда держались коммунистами подъ подозрѣніемъ. Ихъ арестовывали, тащили въ казематъ, а тамъ исходъ опредѣлялся не образомъ мыслей арестованнаго, не его активностью, а прихотью сотрудниковъ Ч. К. . . . Захотятъ — убьютъ, захотятъ — выпустятъ. Арестовывали иногда цѣлыя семьи, матерей съ грудными дѣтьми. Правда, казнили только матерей, а осиротѣлаго ребенка возвращали роднымъ и гордились этимъ, какъ проявленіемъ коммунистической гуманности.

Нерѣдко и казнили цѣлыми семьями. Разстрѣляли Стасика съ дочерью и ея мужа Биманъ, Пожаръ (отца и сына), Якубовскихъ (отца и сына), Пряниковыхъ (отца и сына) и т. д. . . .

Бывало, что устраивали повальныя облавы, охотясь на людей, какъ на зайцевъ. Цѣлый кварталъ оцѣплялся милиціей, у всѣхъ прохожихъ спрашивали бумаги. Тѣхъ, у кого были совѣтскіе документы, т. е. совѣтскихъ служащихъ, отпускали. Остальныхъ уводили въ тюрьмы, иногда по нѣсколько сотъ человѣкъ въ одинъ день. Такія облавы бывали и въ началѣ, и въ концѣ совѣтской власти. Тюрьмы сразу переполнялись. Въ нихъ начиналась паника, такъ какъ это переполненіе неизбѣжно вело къ простому способу очистки тюремъ — къ усиленному разстрѣлу. Привозили новую партію и сдавая ихъ комендатурѣ, цинично говорили:

«Вотъ списокъ. Изъ нихъ мало, кто уйдетъ».

Къ сестрамъ привыкли и подобные разговоры не стѣсняясь вели при нихъ.

Впрочемъ, заключенныхъ еще меньше стѣснялись, вѣрнѣе еще меньше щадили.

Жестокость, мучительство и издѣвательство, возведенныя въ систему, были въ рукахъ слѣдователей главнымъ орудіемъ судебнаго слѣдствія. Они держали заключенныхъ въ непрерывномъ ожиданіи мученій и смерти.

— Среди заключенныхъ, которыхъ я видѣла, — говорила мнѣ сестра, — не было ни вырванныхъ ногтей, ни погонъ, прибитыхъ къ плечамъ, ни содранной кожи, ни людей, ошпаренныхъ кипяткомъ. Но вся ихъ жизнь была одной сплошной пыткой.

Физическія условія были тяжелыя. Скученность, грязь, отсутствіе воздуха и свѣта. Не было кроватей. Почти не было прогулокъ. Пища была скудная, суровая, непривычная, особенно для стариковъ и дѣтей. Но со всѣмъ этимъ можно было бы мириться, если бы не угнетающее кошмарное сознаніе своей обреченности и полной беззащитности. Необразованные, грубые, озвѣрѣвшіе сотрудники Ч. К. другъ передъ другомъ щеголяли своей жестокостью. Они были прежде всего чиновники, для которыхъ было выгодно угодить начальству. Они отлично знали, что совѣтская власть жестокость одобряетъ, поощряетъ, вмѣняетъ въ обязанность, а всякую снисходительность къ заключеннымъ безпощадно караетъ.

Потому коммунистическіе судьи и тюремщики подвергали людей, попавшихъ подъ власть Ч. К. систематическому и непрерывному террору. Запугиванье было способомъ вырвать признанье. Но помимо этого, оно доставляло наслажденіе сотрудникамъ Ч. К., удовлетворяло ихъ низменнымъ, мстительнымъ, злобнымъ инстинктамъ. Сами принадлежащіе къ подонкамъ общества, они тѣшились тѣмъ, что могли до-сыта упиться униженіемъ и страданіемъ людей, которые еще недавно были выше ихъ. Богатство и соціальное положеніе было уже давно отнято большевистской властью отъ представителей буржуазіи. У нихъ оставалось только неотъемлемое превосходство образованія и культуры, которыя приводятъ разбушевавшуюся чернь въ ярость. Краснымъ палачамъ хотѣлось растоптать,

унизить, оплевать, замучить свои жертвы, сломить ихъ гордость и сознаніе человѣческаго достоинства.

Какъ только человѣкъ попадалъ во власть Ч. К., онъ терялъ всѣ человѣческія права, становился вещью, рабомъ, скотиной.

Съ перваго же допроса начинался крикъ. Слѣдователи не разговаривали обыкновеннымъ голосомъ, а кричали на заключенныхъ, стараясь не только сбить, но сразу ошеломить, запугать ихъ. Вокругъ Ч. К. ходили страшные слухи и шопоты. Но никто точно не зналъ, что тамъ творится. Попадая въ Ч. К. нельзя было не вѣрить, когда грозили пытками, разстрѣлами, грозили круговой порукой близкихъ. Если угрозъ было недостаточно, то начинались жестокіе, сопровождавшіеся издѣвательствами, побои. Ни возрастъ, ни полъ не ограждали отъ нихъ.

Четырнадцатилѣтнюю дочь артистки Е. К. Чалѣевой жестоко избили на глазахъ матери, чтобы добиться болѣе откровенныхъ показаній и отъ дочери, и отъ матери. Обѣ онѣ были привлечены по дѣлу Солицева, котораго совершенно бездоказательно обвиняли въ заговорѣ противъ совѣтской власти.

Въ другой разъ слѣдователь избилъ 60-лѣтнюю Воровскую, въ присутствіи ея дочери, тоже арестованной. Потерявшая голову старуха, подъ вліяніемъ побоевъ, со всѣмъ соглашалась, во всемъ признавалась, хотя на самомъ дѣлѣ ни о какихъ заговорахъ ничего не знала.

Сотрудники Ч. К. любили заставлять близкихъ, жену, мать, отца, мужа смотрѣть на страданья дорогихъ имъ людей. Имъ нужно было ослабить, обезсилить волю жертвы, а это былъ одинъ изъ вѣрныхъ пріемовъ.

Часто они заявляли:

«Вы приговорены къ смерти, но если скажете, гдѣ такой-то, мы помилуемъ Васъ».

Потомъ все-таки разстрѣливали.

Или говорили:

«Выдайте намъ столько-то контръ-революціонеровъ и мы освободимъ васъ.»

Офицеру, Сергѣю Никольскому, предложили указать чей-то адресъ. Когда онъ отказался, красные пошли на домъ къ его отцу и матери и заявили:

«Выдайте такихъ-то, и вашъ сынъ будетъ свободенъ».

Старики Никольскіе выдержали этотъ, поистинѣ дьявольскій, соблазнъ и никакихъ свѣдѣній не дали.

Сынъ ихъ былъ убитъ.

Сажали арестованныхъ въ темный погребъ. Оконъ не было. На полу стояла вода. Такъ какъ сѣсть было не на что, то приходилось ложиться прямо въ воду. Сестрѣ разрѣшалось входить туда, носить ѣду заключеннымъ, даже спрашивать, нѣтъ-ли больныхъ? Она съ трудомъ получила разрѣшеніе опустить въ погребъ ящикъ, чтобы заключенные по очереди могли сидѣть на немъ.

Былъ еще стѣнной шкафъ, замѣнявшій карцеръ. Въ этомъ шкафу можно было только сидѣть скорчившись.

— Я и тѣмъ, кто сидѣлъ въ шкафу, носила ѣду, ходила къ коменданту по поводу санитарнаго осмотра, — съ горькой ироніей подчеркнула сестра.

Разъ она нашла въ шкафу троихъ, старика, его дочь и ея мужа-офицера. Они всѣ были сильно избиты. Вечеромъ всѣхъ троихъ разстрѣляли.

Часто производились, такъ-называемые, примѣрные разстрѣлы, когда заключеннаго отводили въ подвалъ, гдѣ происходили убійства, раздѣвали, готовили къ казни, на его глазахъ разстрѣливали другихъ, затѣмъ заставляли ложиться и нѣсколько разъ стрѣляли около его головы, но мимо. Потомъ раздавался хохотъ и приказъ:

— Вставай, одѣвайся. —

Несчастный вставалъ, какъ пьяный, уже переставая различать грань между жизнью и смертью.

Тамъ, гдѣ властвовали кровавые обычаи Ч. К., этой грани вообще не было.

Каждый каждую минуту ждалъ смерти. Старые и молодые, сильные и слабые, боровшіеся и пассивные, — всѣ равно были брошены на край пропасти, всѣ сознавали свою обреченность.

Въ одной изъ камеръ, послѣ особо свирѣпыхъ допросовъ, заключенные вдругъ поняли, что они всѣ осуждены. Начался плачъ. Съ кѣмъ-то сдѣлалась истерика, другой бился въ судорогахъ, третій громко бредилъ. Вошла сестра. Старикъ Генералъ бросился къ ней.

«Сестра, я бывалъ въ сраженіяхъ. Я отступалъ. Я знаю, что такое война. Но ничего подобнаго никогда въ жизни я не видалъ и не испыталъ».

Въ тюрьмѣ быстро крѣпло глубокое чувство общности, товарищества. Оно поддерживало, придавало силы переносить мученія, но въ то же время углубляло ихъ, заставляло каждаго переживать страданья всѣхъ.

Нервы были напряжены, натянуты. Каждый видѣлъ, понималъ, воспринималъ настроеніе другихъ, переживалъ столько смертей и ужасовъ, сколько было у него товарищей. А такъ какъ смерть неотступно стучалась въ стѣны камеръ, то не было у этихъ несчастныхъ ни одного мгновенія покоя, увѣренности въ слѣдующемъ днѣ.

Страданія такъ утончили ихъ воспріимчивость, что молча, безъ словъ, понимали они другъ друга.

— Даже я, не глядя, не разговаривая съ заключенными, могла читать ихъ мысли, — говорила сестра. — Мнѣ ничего не угрожало и все-таки эта открытость чужой смертной тоски все время была во мнѣ. Что же испытывали заключенные, изъ которыхъ каждый считалъ себя приговореннымъ. —

Сознаніе своей обреченности и полной беззащитности было у всѣхъ, переступившихъ порогъ Ч. К., хотя часть ихъ осталась въ живыхъ.

Сестры считаютъ, что всего разстрѣляно было съ февраля по августъ около 3000 человѣкъ. Но врядъ-ли даже самъ Лацисъ точно знаетъ, сколькихъ отправилъ онъ на смерть. У Ч. К. было много учрежденій и каждое имѣло право убивать. По всему Кіеву были разбросаны дома, гдѣ въ подвалахъ, въ гаражахъ, въ саду, подъ открытымъ небомъ людей беззащитныхъ, безоружныхъ убивали, какъ скотину.

Полныхъ списковъ никогда не печатали. Имена нѣкоторыхъ разстрѣлянныхъ приводились на страницахъ «Кіевскихъ Извѣстій Совѣта крестьянскихъ и рабочихъ депутатовъ». Обыкновенно съ краткой характеристикой: — бандитъ, контръ-революціонеръ, не признавалъ совѣтскую власть. Сестрамъ, работавшимъ въ Ч. К. было строго запрещено давать роднымъ какія-нибудь свѣдѣнія или справки. Да онѣ и сами не всегда знали, убитъ ли заключенный или дѣйствительно переведенъ куда-нибудь.

Наряду съ поразительной жестокостью сотрудники Ч. К., проявляли такую же поразительную лживость. Въ своей компаніи передъ заключенными и передъ сестрами они бравировали, хвастались, подробно разсказывали, какъ отправляли въ штабъ Духонина.* Но когда приходили родственники за справками, они никогда не говорили правду. Заключенный уже разстрѣлянъ, а комендантъ, иногда тотъ, который собственноручно убилъ его, увѣряетъ родныхъ, что онъ отправленъ въ Москву, въ Концентраціонный Лагерь, въ тюрьму.

— Идите скорѣй домой, вѣдь онъ уже свободенъ. —

А самъ отлично знаетъ, что тотъ, о комъ онъ говоритъ, уже зарытъ въ землю.

Въ Пересыльной тюрьмѣ долженъ былъ открыться Концентраціонный Лагерь. Онъ еще не былъ устроенъ, еще никого не было въ тюрьмѣ, а уже у запертыхъ воротъ стоялъ цѣлый хвостъ родственниковъ. Ихъ увѣрили, что ихъ близкіе въ лагеряхъ, хотя на самомъ дѣлѣ они уже были убиты.

Не было никакой мѣрки для опредѣленія состава преступленій, никакой нормы. Каждый заключенный могъ быть убитъ, а могъ и спастись. Полная неопредѣленность создавала мучительную сумятицу въ душѣ, когда надежда и отчаяніе свиваются въ одинъ клубокъ. Сотрудники Ч. К. поддерживали это лихорадочное, паническое душевное состояніе какъ въ своихъ жертвахъ, такъ и въ ихъ близкихъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ утонченныхъ видовъ издѣвательствъ.

---

* Генералъ Духонинъ, Главнокомандующій русской арміей, былъ звѣрски убитъ большевиками въ ноябрѣ 1917 года.

IV. Типы палачей.

Одинъ изъ старшихъ слѣдователей, еврей Іоффе, какъ-то сказалъ сестрѣ:

«Охъ, тяжело мнѣ, сестра».

— Да, не легко все это видѣть, — сдержанно отвѣтила она.

«Вамъ не легко, сестра, а каково мнѣ? Вы вѣдь не касаетесь этихъ ранъ, а мнѣ приходится своими руками лѣзть имъ въ душу, касаться этихъ ранъ».

При этомъ Іоффе сдѣлалъ хищный жестъ рукой, точно птица, впускающая когти въ чье-то сердце, и на лицѣ его промелькнуло выраженіе жестокаго сладострастія, которое въ этихъ адскихъ подземельяхъ не разъ вызывало въ сестрахъ содроганіе.

Разные люди были среди сотрудниковъ Ч. К., но у всѣхъ скоро вырабатывались общія страшныя черты.

Комендантъ Никифоровъ. Худенькій, смазливенькій блондинчикъ, мало интеллигентный. Въ началѣ держалъ себя сдержанно, почти мягко. Первое время самъ не разстрѣливалъ. Потомъ вдругъ началъ франтить. Это было для сестеръ первымъ, явнымъ доказательствомъ, что руки у коменданта уже въ крови. Значитъ, дана ему добыча въ уплату за палачество.

И другое еще сдѣлали онѣ наблюденіе на своемъ крестномъ пути:

«Я не ручаюсь, что это правильно. Можетъ быть, это намъ такъ чудилось, — сдержанно объясняла сестра. — Но когда тотъ или иной начиналъ разстрѣливать, это сразу накладывало печать, я всегда знала . . . Появлялась какая-то тяжесть во взглядѣ. Они не смотрѣли больше намъ въ глаза, а куда-то мимо, въ пространство. А когда случайно поймаемъ его взглядъ въ немъ сквозитъ сосредоточенная жестокость».

Чѣмъ больше человѣкъ убивалъ, тѣмъ больше пьянѣлъ отъ крови, какъ отъ вина. Подымались темныя волны садизма. Человѣческое замѣнялось звѣринымъ. Только людей способныхъ поддаваться озвѣрѣнію, возводила Ч. К. въ высокій и прибыльный санъ постоянныхъ сотрудниковъ.

Разстрѣлы поручались и караульнымъ, когда работы бывало слишкомъ много, но караульныхъ приходилось къ этому пріучать. Вначалѣ они иногда отказывались. Ихъ принуждали, поили спиртомъ, соблазняли добычей, раздѣломъ имущества казненныхъ. Нѣкоторые, все-таки, упирались.

Прибѣжалъ разъ къ сестрѣ караульный, почти мальчикъ — еврей. Весь содрогаясь отъ отвращенія, онъ заявилъ, что не пойдетъ разстрѣливать. И не пошелъ.

Равнодушнѣе всего исполняли приговоръ латыши. Больше всего волновались и страдали кубанцы. Но все-таки отказываться не хватало у нихъ духу.

Караульные смѣнялись. Ихъ не спеціализировали на разстрѣлахъ. Только комендатура неизмѣнно, изъ ночи въ ночь, творила свое страшное дѣло.

Былъ въ В. У. Ч. К. помощникъ коменданта, Тереховъ. Кто онъ былъ — неизвѣстно, говорили, что уголовный. Вначалѣ этотъ высокій, стройный, красивый молодой человѣкъ былъ главнымъ палачомъ. Когда изящный и спокойный, въ безукоризненно сшитомъ офицерскомъ френчѣ, онъ шелъ по корридору, заключенные съ тоской прислушивались къ мелодичному звону его серебряныхъ шпоръ. Они знали, что пришелъ онъ не даромъ, что выхоленная рука съ дорогими кольцами скоро привычнымъ жестомъ, поднесетъ револьверъ къ затылку одного изъ нихъ.

Въ Концентраціонномъ Лагерѣ содержался какой-то захудалый галичанинъ, котораго большевики обвиняли въ томъ, что онъ петлюровецъ. Его почему-то заподозрили въ намѣреніи бѣжать.

И вотъ, среди бѣла дня въѣхалъ во дворъ тюрьмы автомобиль. Несчастнаго галичанина вывели на середину двора. Тереховъ ему крикнулъ:

«Стой».

Галичанинъ повернулся къ сестрѣ, точно хотѣлъ ей что-то сказать. Раздался выстрѣлъ. Разъ, два . . . Галичанинъ упалъ. Тотъ же выстрѣлъ могъ ранить не только заключенныхъ, но и каменьщиковъ, работающихъ во дворѣ.

Трупъ остался лежать во дворѣ. Комендантъ лагеря, Сорокинъ, послѣ такихъ исторій особенно любилъ разговаривать съ сестрой. Не то хотѣлъ себя подбодрить, не то хвастался. А можетъ быть, просто любовался впечатлѣніемъ. Пришелъ онъ къ ней и на этотъ разъ.

«Это мы для примѣра», сказалъ онъ.

— А вы увѣрены, что онъ хотѣлъ бѣжать? спросила сестра.

Сорокинъ засмѣялся.

«Это не важно, это все равно».

Пришелъ къ сестрѣ и убійца, Тереховъ, но не для того, чтобы съ ней болтать, а для того, чтобы попросить у нея кокаина.

Какъ и большинство сотрудниковъ Ч. К., Тереховъ не могъ жить безъ кокаина.

Кокаинистомъ былъ и комендантъ Михайловъ. Тоже молодой, стройный, съ усиками, холеный и франтоватый. Одѣтый по модѣ наряднаго краснаго офицера. На груди у него красовалась красная звѣзда и другіе знаки отличія совѣтской арміи. Все отличной ювелирной работы.

Михайловъ былъ комендантомъ Губернской Ч. К., которая помѣщалась въ Генералъ-Губернаторскомъ домѣ. Въ лунныя, ясныя, лѣтнія ночи онъ выгонялъ арестованныхъ голыми въ садъ и съ револьверомъ въ рукахъ охотился за ними.

Попадались среди комендантовъ иногда и такіе, въ которыхъ какъ будто двоилось чувство. Было въ нихъ смутное желаніе быть болѣе человѣчными, но страхъ передъ начальствомъ заставлялъ преодолѣвать это чувство. Къ числу такихъ принадлежалъ помощникъ коменданта В. У. Ч. К., Извощиковъ. Молодой еврей, служившій мальчикомъ въ одномъ изъ кинематографовъ въ Черниговѣ, онъ всегда находился въ состояніи нервнаго волненія. По природѣ мягкотѣлый, быть можетъ даже сентиментальный, этотъ мальчикъ, вѣроятно движимый чувствомъ жадности, взялся за ремесло тюремщика и палача.

Порой трясся отъ страха, а все-таки убивалъ. Потомъ получалъ золотые часы, или новый костюмъ, или другую какую-нибудь добычу и былъ доволенъ. Этому мальчику изъ кинематографа поручили судьбу 29 юристовъ. Почти всѣ были убиты имъ.

Вмѣстѣ съ евреемъ Извощиковымъ служилъ во В. У. Ч. К. другой помощникъ коменданта Асмоловъ, русскій. Это былъ высокій матросъ съ бритымъ лицомъ, похожій на англичанина, одѣтый то въ щегольскую матроску и рубаху, то въ штатское тоже щегольское. Всегда спокойный, онъ творилъ свое дѣло съ холодной увѣренностью. Эта увѣренность красныхъ палачей, отсутствіе въ нихъ даже тѣни нравственнаго отвращенія къ преступленію больше всего терроризировала заключенныхъ.

Его родной братъ, Асмоловъ, попалъ въ Особый Отдѣлъ, какъ заключенный. Живой, всегда веселый, ко всѣмъ внимательный и ласковый, арестантъ Асмоловъ былъ любимцемъ тюрьмы, которая цѣнила въ немъ прирожденное благородство.

Онъ всегда былъ чѣмъ-нибудь занятъ, плелъ какія-то колечки, раздавалъ ихъ своимъ товарищамъ. Танцовалъ, пѣлъ. Въ самыя тяжелыя минуты умѣлъ поддержать, подбодрить, даже примирить осужденныхъ со смертью.

Онъ былъ большевикъ. Сестра такъ и не поняла, въ чемъ его обвинила совѣтская власть.

Разъ сестра его спросила:

— Неужели вашъ братъ не могъ похлопотать за васъ? . . .

Молодой человѣкъ вздрогнулъ, выпрямился и съ негодованіемъ сказалъ:

— Съ братомъ у меня нѣтъ ничего общаго. Онъ палачъ. —

Асмолова разстрѣляли. Въ тюрьмѣ говорили, что онъ умеръ героемъ.

А вотъ другой комендантъ — Авдохинъ, подъ власть котораго былъ отданъ центральный органъ Кіевской инквизиціи, такъ называемая В. Укр. Ч. К. — Авдохинъ былъ средняго роста, толстый, приземистый, коренастый, почти атлетъ, съ большой четырехугольной головой. У него было отекшее лицо, нависшія брови, спускающіяся на маленькіе, бѣгающіе глаза, не смотрѣвшіе на собесѣдника. Его глаза бѣгали, бѣгали, точно выиски-

вали. Съ невольной тревогой слѣдили арестованные за этими глазами. Вотъ, вотъ они остановятся и обожгутъ намѣченную жертву.

«Ангелъ Смерти», называли его заключенные, и жутко, холодно дѣлалось имъ при его приближеніи. Всѣ боялись Авдохина. Сестры старались не попадаться ему на пути. Никто не зналъ, какое нелѣпое желаніе можетъ загорѣться въ темной головѣ этого человѣка, пьянаго отъ власти и отъ крови. Удержу на него никакого не было. Авдохинъ всегда находился въ состояніи непрерывнаго жестокаго и сладострастнаго возбужденія.

Какъ и другіе коменданты, Авдохинъ любилъ франтить. Каждый день онъ появлялся въ новомъ туалетѣ, иногда въ матросскомъ, иногда въ штатскомъ. Онъ очень любилъ широкіе, удобные, англійскіе плащи, мягкія шляпы. Все на немъ было съ иголочки, новенькое. На короткихъ толстыхъ пальцахъ горѣли драгоцѣнные камни. Трость была украшена серебрянымъ набалдашникомъ.

Авдохинъ былъ и пьяница, и кокаинистъ. Окруженный женщинами, нарядными, въ перьяхъ, съ браслетами и цѣпочками, катался онъ по городу, устраивалъ вмѣстѣ съ другими въ домахъ въ Липскомъ переулкѣ, гдѣ жили комиссары, буйныя празднества.

Этого развратнаго, преступнаго матроса, для котораго въ мірѣ не было ничего святого, его товарищи коменданты считали даже добрымъ. На самомъ дѣлѣ это былъ разбойникъ, пугачевецъ, въ которомъ стихійное, звѣрское начало чудовищно переплеталось съ соціалистическимъ налетомъ. Ему было пріятно быть щедрымъ. Увидалъ, что у санитара нѣтъ сапогъ — велѣлъ дать. Товарищи не безъ гордости говорили: Мишка — онъ у насъ добрый.

А Мишка въ ту же ночь опять разстрѣливалъ арестованныхъ.

Каждый комендантъ, какъ и каждое отдѣленіе Ч. К., имѣлъ свою репутацію. Хуже всего считалось попасть въ Губ. Ч. К. Одно время тамъ былъ предсѣдателемъ Соринъ, скрывавшій подъ этимъ русскимъ именемъ свою еврейскую фамилію. Евреевъ вообще было много въ Губ. Ч. К.

Соринъ любилъ хвастать тѣмъ, что онъ будто-бы участвовалъ въ разстрѣлѣ Государыни. Человѣкъ онъ былъ безграничной наглости и цинизма. При немъ въ Губ. Ч. К. шли непрерывныя оргіи.

Къ Сорину ходила просить за арестованнаго отца молодая дѣвушка П. — Онъ велѣлъ ей придти въ страстную субботу вечеромъ. П. пришла съ подругой, такъ какъ одна боялась идти къ Сорину. Молодыхъ дѣвушекъ провели въ залъ, откуда слышались звуки рояля: раздернули передъ ними занавѣсъ и онѣ увидѣли Сорина, матросовъ и плясавшихъ передъ ними совершенно обнаженныхъ женщинъ.

Въ такой обстановкѣ пришлось молодой дѣвушкѣ вымаливать жизнь своему отцу. Отецъ ея остался живъ.

Разстрѣловъ больше всего было произведено во В. Укр. Ч. К. и въ гаражѣ Губ. Ч. К. Отдѣльно стояли Лукьяновская тюрьма и Концентраціонный Лагерь, гдѣ были свои порядки, свои властелины, свои событія и колебанія, которыя въ значительной степени отражали положеніе на фронтѣ. Хотя огромное большинство людей, попавшихъ въ тайники Кіевскихъ чрезвычаекъ, не имѣло никакой связи съ Деникинской Арміей, но это подозрѣніе тяготѣло надъ всѣми ними. Чѣмъ ближе подходили добровольцы, тѣмъ больше труповъ ложилось къ ногамъ коммунистическихъ палачей.

V. Жертвы.

Никакихъ доказательствъ виновности имъ не нужно было. Въ іюнѣ слѣдователи В. Укр. Ч. К. были очень заняты и взволнованы такъ называемымъ дѣломъ Солнцева, по которому было привлечено около 90 человѣкъ.

Солнцевъ былъ банковскій служащій. Человѣкъ лѣтъ 30, веселый, забулдыга, любилъ выпивать и проводить время въ кабачкахъ. Возможно, что тамъ, въ пьяномъ видѣ, онъ неосторожно высказывалъ ту ненависть къ совѣтской власти, которая таится въ душѣ у всѣхъ, кому выпало несчастье жить подъ этимъ гнетомъ.

Солнцева подслушали. Арестовали. Вмѣстѣ съ нимъ арестовали тѣхъ, у кого Солнцевъ жилъ, его знакомыхъ, его случайныхъ собутыльниковъ. Такъ, былъ арестованъ, маленькій актеръ Устинскій, артистка Чалѣева съ четырнадцатилѣтней дочкой и рядъ другихъ лицъ. Ихъ всѣхъ обвиняли въ заговорѣ противъ совѣтской власти, хотя къ этому не было никакихъ уликъ. Люди, знавшіе Солнцева, утверждаютъ, что никакого заговора не было. Но почему то сотрудники Ч. К. взялись за дѣло Солнцева съ особеннымъ упорствомъ и свирѣпостью.

Каждую ночь водили ихъ на длительные допросы. Каждую ночь мучили, били, истязали, грозили. Запирали въ подвалъ, гдѣ лежали трупы убитыхъ. Устраивали примѣрные разстрѣлы и не одинъ разъ, а нѣсколько разъ.

Устинскому, который никогда политикой не занимался, а былъ всецѣло поглощенъ своими театральными заботами, говорили:

— Назовите намъ такое-то число лицъ, сочувствующихъ Добрарміи и мы васъ отпустимъ. —

Онъ никого не называлъ. Его отводили на мѣсто казни въ подвалъ, раздѣвали, клали на полъ. Устинскій ждалъ смерти. Выстрѣлъ дѣйствительно раздавался, но съ такимъ расчетомъ, чтобы пуля пролетѣла близко, но мимо. Такъ близко, что по свидѣтельству сестры, вся кожа на рукахъ Устинскаго была обожжена. Такая стрѣльба повторялась много разъ.

Въ концѣ концовъ, Устинскаго застрѣлили.

Такимъ же мученьямъ подвергали Солнцева.

Онъ былъ человѣкъ очень нервный. Его заставляли присутствовать при казняхъ, потомъ запирали въ подвалъ, послѣдняго живого среди неостывшихъ труповъ.

Ночью, во время одного изъ допросовъ, Солнцевъ сошелъ съ ума. Тогда коммунисты-слѣдователи вызвали арестованнаго доктора психіатра Киричевскаго и показали ему осмотрѣть больного. Онъ осмотрѣлъ.

«Что съ нимъ?» спросили красные.

— Онъ сошелъ съ ума — отвѣтилъ докторъ.

«А почему? Можете объяснить причины?» —

Докторъ, который самъ жилъ подъ угрозой пытки и казни, съ изумленьемъ посмотрѣлъ на слѣдователей-палачей.

— Почему? Вы, вѣроятно, это лучше знаете, чѣмъ я. —

Сумасшедшій Солнцевъ еще нѣкоторое время прожилъ въ Ч. К. Онъ помѣщался въ тѣсной душной комнаткѣ, гдѣ на сплошныхъ нарахъ лежало 35—40 заключенныхъ. Каждый вечеръ прислушивались они къ шагамъ, каждый вечеръ говорили они о смерти и ждали ея приближенія.

Всѣ они были полубезумны. Но Солнцевъ проявилъ свое безуміе явно и буйно. Ему казалось, что его увозятъ на кораблѣ. Онъ бросался на стѣну. Вопилъ. Умолялъ. По настоянію сестры Солнцева перевели въ больницу Лукьяновской тюрьмы. Оттуда его, сумасшедшаго, вывели на разстрѣлъ.

Большинство его мнимыхъ сообщниковъ тоже было разстрѣляно. Женщинъ, обвиняемыхъ по его дѣлу, избитыхъ и истерзанныхъ, выпустили.

Другое такое же темное, мучительно запутанное застращиваньемъ и пытками дѣло было такъ называемое дѣло Крылова-Чернявскаго. Это былъ офицеръ. Его обвиняли въ сношеніи съ Деникинымъ; били, истязали, устраивали примѣрный разстрѣлъ. Былъ слухъ, что доведенный до сумасшествія, Крыловъ будто-бы даже называлъ имена своихъ сообщниковъ, быть можетъ, мнимыхъ.

Въ концѣ мая сестра увидала, какъ во дворъ Лукьяновской тюрьмы подъѣхали два грузовыхъ автомобиля съ большимъ количествомъ караульныхъ. Изъ тюрьмы вызвали арестантовъ по списку.

Среди нихъ была 23-лѣтняя жена офицера, Нина Шаповаленко, съ мужемъ. Молодая, хрупкая, стройная она шла гордая и несдающаяся. Мужъ волновался больше, чѣмъ она. Она отъ него не отходила. Сестрѣ сказала:

«Сестра, я знаю, куда я иду. Это все дѣло одного мерзавца».

И показала на Крылова-Чернявскаго. Его тоже вели вмѣстѣ съ ними. Онъ былъ въ больничномъ халатѣ, жалкій, явно психически больной. Комиссары относились къ нему съ презрѣньемъ.

Вмѣстѣ съ караульными явилось два матроса. Одинъ изъ нихъ франтоватый и важный спросилъ:

— Ну что, сестра, какъ они себя чувствуютъ? Какъ настроеніе?

Ей почудилось въ его голосѣ какое-то состраданіе. Только позже узнала она, что это и есть знаменитый палачъ Авдохинъ, которому поручено было это очередное убійство.

Между прочимъ въ спискѣ осужденныхъ значился Дружининъ Николай. Такого въ тюрьмѣ не было.

Къ несчастью тюремная администрація сказала:

— Николая нѣтъ, но есть Сергѣй Дружининъ. —

На слѣдующій день прислали за Сергѣемъ и его разстрѣляли.

Сестры и вообще посторонніе рѣдко бывали свидѣтелями разстрѣловъ, которые производились чаще всего вечеромъ въ подвалахъ, въ сараяхъ, въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Но сестры часто слышали, какъ раздаются выстрѣлы и были постоянными свидѣтельницами того, какъ увозятъ и уводятъ заключенныхъ на казнь.

А бывало, что и уносили.

Былъ заключенъ во В. Укр. Ч. К. присяжный повѣренный В. А. Жолткевичъ, человѣкъ еще молодой, женатый, имѣвшій троихъ дѣтей. Въ Кіевѣ его всѣ знали, какъ талантливаго и хорошаго человѣка. Арестовали его за то, что онъ велъ дѣла своего родственника Фіалковскаго, который прятался отъ Ч. К. Повидимому, на Жолткевича былъ золъ кто-то въ комиссаріатѣ юстиціи.

Черезъ три дня послѣ ареста Жолткевичъ сказалъ:

— Я знаю, я приговоренъ. —

Онъ просилъ передать женѣ его кольцо, его послѣднюю волю и сталъ ждать смерти.

На допросахъ онъ велъ себя съ большимъ достоинствомъ и не скрывалъ своихъ убѣжденій. Его спрашивали — признаетъ ли онъ совѣтскую власть, и недовольные его отвѣтомъ, говорили:

— Все равно, мы васъ должны уничтожить, такъ какъ вы вредный элементъ. —

Жолткевича посылали на работу. Работы по устройству второго Концентраціоннаго лагеря происходили на берегу Днѣпра. Бѣгая въ воду и затѣмъ по солнцу, онъ такъ обжегъ ноги, что его пришлось положить въ лазаретъ при Концентраціонномъ лагерѣ. Оттуда въ одинъ прекрасный день его увели въ В. У. Ч. К., якобы для допроса. Вечеромъ въ обычный часъ сестра обходила В. У. Ч. К., разговаривала съ заключенными и вдругъ увидала, что у нихъ мѣняются лица. Одинъ изъ нихъ поблѣднѣлъ, закрылъ лицо руками и хватился за косякъ.

— Что съ вами? —

Заключенный молча показалъ на окно. Сестра увидала, что черезъ дворъ, къ тому мѣсту, гдѣ бывали разстрѣлы, несли на рукахъ Жолткевича.

«Это было ужасно», — вспоминая, содрогнулась сестра.

— Но вѣдь вы каждый день видѣли, какъ вели на разстрѣлъ? —

«Да, видѣла. И это было страшно. Но безконечно было страшнѣе смотрѣть, какъ приговореннаго больного *несли* на казнь. Когда онъ самъ идетъ, и то страшно. Но понимаете — больного? Это ужасно . . .»

Однако и непрерывное истребленіе здоровыхъ, сильныхъ, молодыхъ было не менѣе ужасно.

Какъ-то въ іюнѣ — это былъ кровавый мѣсяцъ, — привезли въ Концентраціонный Лагерь большую партію въ 47 человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности 2 офицера, Снегуровскій и Филипченко, дѣтски радовались, что попали въ лагерь. Болтали, смѣялись, пѣли. Тогда считалось, что въ лагерѣ не казнятъ.

Были они оба очень славные. Да и вся пратія была какъ на подборъ интеллигентная, удивительно симпатичная. У сестеръ, глядя на нихъ, сжималось сердце. Онѣ уже знали, что именно все свѣтлое, духовное, безжалостно истребляется коммунистами.

А коменданты не скрывали, что это обреченные. Авдохинъ сразу сказалъ:

— Ну, изъ этихъ мало кто живъ останется. —

Почему-то для этой партіи сдѣлали исключеніе. Ихъ разстрѣляли днемъ.

Происходило это такъ. Офицеровъ вызывали въ контору. Приказывали раздѣться и въ одномъ нижнемъ бѣльѣ отправляли ихъ за кухню. Тамъ, по очереди, разстрѣливали. Часть команды отказалась убивать, ушла. Тогда солдатъ стали поить водкой. Это всегда дѣлалось съ новичками, не привыкшими къ палачеству. Пьяные они плохо стрѣляли. Имъ помогалъ Тереховъ и три солдата, еврей, полякъ и бравый русскій гвардеецъ. Къ вечеру стали ссориться изъ-за добычи, оставшейся отъ убитыхъ.

Въ этой партіи были убиты сенаторъ Эссенъ и инженеръ Паукеръ. Эссенъ очень хорошо плелъ туфли изъ веревокъ. Комендантъ утромъ разрѣшилъ принять отъ его жены для передачи Эссену матеріалъ для его работы. А днемъ его убили. Но женѣ сказали, что ея мужъ увезенъ въ Москву, хотя сестра видѣла, какъ караульные дѣлили его вещи, что всегда происходило послѣ казни.

Каждый день тюремной жизни былъ полонъ страшныхъ и омерзительныхъ подробностей. Трудно сказать, когда сотрудники Ч. К. были отвратительнѣе: тогда-ли, когда, пьяные и безпутные, они вели себя съ откровенной разгульной свирѣпостью лѣсныхъ разбойниковъ, какъ Авдохинъ или Сорокинъ, или когда они пытались возвести свою кровавую работу въ какую-то чудовищную систему.

Послѣднее произошло въ Концентраціонномъ лагерѣ; онъ былъ устроенъ въ началѣ іюня въ пустовавшей старой военно-пересыльной тюрьмѣ. Въ ней было 9 камеръ и одна одиночная, въ общемъ разсчитанныя на 200 человѣкъ. Большевики рѣшили, что въ тюрьмѣ должно помѣщаться 1500. Когда они что-нибудь рѣшали, то не признавали никакихъ возраженій, никакихъ препятствій, ни съ чѣмъ не считались.

Въ тюрьму, ставшую лагеремъ, стали свозить заложниковъ и людей, приговоренныхъ къ общественнымъ работамъ. Обыкновенно приговаривали ихъ до конца гражданской войны. Составъ ихъ былъ смѣшанный. Были спекулянты, люди не уплатившіе контрибуціи, контръ-революціонеры, совѣтскіе служащіе. Изрѣдка попадались приговоренные трибуналомъ, чаще всего изъ сотрудниковъ Ч. К. Попадались и подслѣдственные.

Помощникомъ Коменданта былъ въ лагерѣ племянникъ Лациса, молодой латышъ, Иванъ Ивановичъ Парапутцъ. Тотъ самый, который щеголялъ въ шинели убитаго имъ генерала. Въ немъ была и наглость, и жестокость, но была и своеобразная дисциплина, даже честность. Пока арестованные были живы, Иванъ Ивановичъ не кралъ отъ нихъ ни ѣды, ни денегъ, ни вещей. А когда убьетъ кого-нибудь, тогда забираетъ себѣ добро убитаго, какъ добычу, уже съ сознаніемъ, что это заработано.

Этотъ латышъ любилъ хорошія вещи, въ особенности ковры. Въ его кабинетѣ стояла отоманка, покрытая чудеснымъ восточнымъ ковромъ.

Другимъ помощникомъ Коменданта былъ молодой матросъ Тарасенко. Это былъ хорошенькій милый мальчикъ, не грубый, скорѣе внимательный. Онъ какъ будто даже входилъ и въ положеніе арестованныхъ, оказывалъ имъ нѣкоторое снисхожденіе.

Тарасенко любилъ разсказывать о томъ, какъ онъ расправлялся въ Севастополѣ съ морскими офицерами, а въ Екатеринославской губерніи съ Добровольцами. Его разсказы дышали жестокостью. Это былъ правовѣрный коммунистъ, и другіе сотрудники Ч. К. относились къ нему съ большимъ уваженіемъ.

Третьимъ помощникомъ былъ еврей Глейзеръ. Велъ онъ себя на словахъ нагло, на дѣлѣ былъ не хуже другихъ, но было въ немъ что-то тяжелое, недоброе. Съ сестрой старался держать себя запросто, но предупредилъ, что если она будетъ много разговаривать, ей будетъ плохо. Это Глейзеръ, небрежно, полушутя, говорилъ, что сестеръ увезутъ въ Москву. Такая была привычка у коммисаровъ, скажутъ что-нибудь жестокое, запугивающее и смотрятъ въ глаза, любуются впечатлѣніемъ.

Комендантомъ въ лагерѣ былъ Сорокинъ. Его прошлаго, какъ и прошлаго другихъ сотрудниковъ, никто не зналъ. Говорили, что онъ бывшій царскій городовой. Это былъ человѣкъ неотесанный, некультурный, малограмотный, грубый, но франтоватый.

Заключенныхъ, которые были въ полной и безконтрольной его власти, иначе не называлъ какъ:

— Фокусники и фокусницы. —

Собственноручно онъ разстрѣливалъ довольно рѣдко, объясняя это тѣмъ, что ужъ довольно онъ въ своей жизни настрѣлялся.

Но порой и Сорокинъ принималъ участіе въ разстрѣлахъ. Въ іюлѣ Ч. К. были переполнены и палачи особенно свирѣпствовали. Разъ привезли въ Концентраціонный лагерь партію арестованныхъ. За недостаткомъ мѣста ихъ заперли въ сараѣ. Ночью двое бѣжали. Всѣ замерли. Ждали расправы. Послали за Лацисомъ.

Днемъ пріѣхалъ автомобиль. Изъ него вывели женщину, старика и молодого человѣка. Ихъ заперли въ темномъ чуланчикѣ, вѣрнѣе въ шкафу. Это были Стасюкъ и его дочь Бимапъ съ своимъ мужемъ, офицеромъ. Къ нимъ приставили особый караулъ. Сестра снесла къ нимъ въ шкапъ обѣдъ и убѣдилась, что они сильно избиты.

Было ясно, что готовится разстрѣлъ. Къ ночи нѣсколькихъ арестованныхъ послали вырыть могилу, тутъ же въ оградѣ тюремнаго двора, за кухней. Никто не зналъ кому суждено лечь въ эту могилу. Мрачное возбужденіе царило во всемъ лагерѣ. Сестра осталась ночевать.

Ночью на автомобилѣ пріѣхали Сорокинъ и помощникъ Коменданта. По всей тюрьмѣ раздавались ихъ голоса, властные и пьяные.

Слышно было, какъ вывели заключенныхъ, какъ караульнымъ было приказано вести ихъ за кухню, туда, гдѣ рылись могилы.

Потомъ раздалась стрѣльба.

Коменданты вообще стрѣляли мѣтко. Въ ту ночь они были слишкомъ пьяны. Послышались безпорядочные выстрѣлы, стоны, крики, Опять выстрѣлы. Опять стоны.

Къ утру всѣ заключенные, которые отчетливо слышали крики и стрѣльбу, были какъ сумасшедшіе.

А на слѣдующій день Сорокинъ, не безъ сентиментальности, говорилъ:

— Пора мнѣ къ себѣ въ деревню, къ Аннушкѣ. Усталъ ужъ я. —

Въ ожиданіи Аннушки онъ развлекался попойками и оргіями. Для кокаина, по словамъ сестеръ, Сорокинъ былъ недостаточно культуренъ. Кокаиномъ увлекался тотъ своеобразный правящій классъ, та буржуазія, которую выдѣлили изъ своей среды большевики. Ее такъ и опредѣляли, какъ «кокаинистическую интеллигенцію».

Сорокинъ принадлежалъ къ числу большевиковъ, питавшихъ къ медицинѣ большое, но крайне своеобразное уваженіе. На помощь сестрѣ былъ данъ санитаръ изъ числа заключенныхъ, причемъ сестру заставили дать подписку, что если санитаръ убѣжитъ, она будетъ разстрѣляна. Женщина-врачъ, лѣчившая заключенныхъ, пользовалась со стороны Сорокина нѣкоторымъ почтеніемъ, но все-таки Сорокинъ самъ присутствовалъ при медицинскомъ осмотрѣ и самъ выслушивалъ больныхъ.

Этотъ невѣжественный человѣкъ, выражавшійся запутаннымъ, темнымъ языкомъ, состоявшимъ изъ смѣси иностранныхъ словъ, соціалистическаго жаргона и простонародныхъ выраженій, хвастливо говорилъ:

— Я эти всѣ дѣла не хуже васъ понимаю. Самъ всякую медицину знаю. Фельдшеромъ былъ. —

Онъ наклонялся, чтобы послушать сердце, прикладывалъ ухо къ правой сторонѣ груди и приказывалъ больному:

— Дышите. —

Затѣмъ давалъ свое медицинское заключеніе, которое обыкновенно повторяло заключеніе врача.

Сорокинъ хотѣлъ вмѣстѣ съ докторшей производить и спеціальные осмотры арестованныхъ женщинъ. Какимъ-то чудомъ ей удалось его отъ этого отговорить.

VI. Каторжники.

Вообще хворать въ Ч. К. не полагалось. Болѣзнь не давала правъ на снисхожденіе. Съ больными не церемонились.

Въ лучшемъ случаѣ клали въ тюремную больницу или въ околотокъ, что было огромнымъ облегченіемъ, передышкой на страдномъ пути. Это счастье доставалось немногимъ и не надолго. Между прочимъ, евреи жаловались на Сорокина за то, что евреи никогда не попадались въ околотокъ. Это конечно было случайностью, но они были правы, обвиняя его въ юдофобствѣ.

Сорокинъ и Лацисъ дѣйствительно не любили евреевъ.

Лацису приписывали такую фразу:

— Среди евреевъ 95 проц. жидовъ. Остальные евреи. Но эти 5 проц. для совѣтской власти необходимы.

Чаще всего больныхъ оставляли въ камерахъ, въ общихъ условіяхъ и продолжали посылать на тяжелыя работы.

Угаровъ — одинъ изъ самыхъ систематично-свирѣпыхъ комендантовъ, говорилъ въ присутствіи больныхъ арестантовъ:

— Признаю больными только тѣхъ, кто боленъ тифомъ или холерой. У насъ большевиковъ такой принципъ, если не годенъ къ работѣ, разстрѣлять. Это не богадѣльня. —

Особенно тяжело было хворымъ интеллигентнымъ женщинамъ, не привыкшимъ къ физическому труду. Ихъ посылали на самую тяжелую и грязную работу. Убирать казармы, мыть полы, чистить уборныя. Но когда на уличной облавѣ случайно забрали проститутокъ, то этихъ молодыхъ, здоровыхъ дѣвушекъ сразу освободили отъ принудительныхъ работъ. Онѣ пользовались всѣми льготами и образовали въ тюрьмѣ своеобразную аристократію, опиравшуюся на покровительство Коменданта.

Собственно работа не пугала заключенныхъ. Напротивъ, если она была посильной, они охотно записывались на нее, чтобы освободиться отъ убійственной монотонности тюрьмы. Инженеры, сидѣвшіе въ Концентраціонномъ лагерѣ, сами устроили тамъ водопроводъ и канализацію. Поѣздку съ бочкой за водой арестанты считали какъ-бы привилегіей, и старикъ адвокатъ радовался какъ ребенокъ, когда ему разрѣшили взять бочку, впречься въ нее вмѣсто лошади и выѣхать за тюремную ограду за водой.

Особенно ждали заключенные попасть на постоянную работу на заводы. Жизнь тамъ была легче, такъ какъ не было непрестаннаго коммунистическаго издѣвательства. На одинъ изъ заводовъ (Южно-русскій) попали главнымъ образомъ евреи. Говорили, что за хорошія деньги, данныя коменданту, можно всегда туда попасть. Работать тамъ не приходилось. Былъ только одинъ караульный. Можно было даже при удачѣ сбѣгать домой и опять вернуться. На заводѣ Гретера было тяжелѣе. Туда были отправлены поляки, заложники, привезенные изъ Одессы. Ихъ всего было перевезено 34 мущинъ и 9 женщинъ, но на заводъ отправили только мущинъ. Жены просились съ ними, но имъ отказали съ издѣвательствомъ, съ циничными разговорами. На тотъ же заводъ попали арестованные въ Кіевѣ польскіе студенты и курсистки, которыхъ заставляли исполнять всякія домашнія работы.

На заводѣ Гретера было еще 17 человѣкъ харьковскихъ крестьянъ изъ села Богодухово. Никто не зналъ почему они попали въ заложники. Были среди нихъ и зажиточные, и бѣдные. Младшему было 57 лѣтъ, старшему 82 года. Когда красная армія отступала, она увела этихъ крестьянъ съ собой, начала таскать изъ тюрьмы въ тюрьму, можетъ быть, и сейчасъ еще таскаетъ.

На работу посылали иногда отдѣльными партіями. Арестованные Ч. К. интеллигенты строили между прочимъ второй Концентраціонный лагерь, который большевики не успѣли открыть. Тѣ же арестанты разгружали арсеналъ для эвакуаціи. Это была тяжелая работа, такъ какъ она продолжалась днемъ и ночью. Но не столько трудность работы, сколько тѣ издѣвательства, которыми она сопровождалась, тяготили арестованныхъ. Какъ-то разъ сестра встрѣтила партію арестованныхъ, которыхъ вели на работу.

Она была рада за нихъ, зная, какъ они это любятъ. Вечеромъ, обходя тюрьму, она сказала имъ:

— Ну, что работали? Освѣжились? —

И увидала глаза, полные тоски:

— Вѣдь мы могилы рыли. Можетъ быть, для себя, — отвѣтили они ей.

Въ концѣ мая, когда разстрѣлы шли непрерывно, къ сестрѣ, раздававшей обѣдъ, подошли, какъ всегда, старосты изъ камеръ. Среди нихъ были Бѣлицынъ, Щербакъ, князь Шаховской. Сестру поразило, что отъ нихъ пахнетъ трупнымъ запахомъ. Оказалось, что ихъ посылали вымыть и убрать погреба, гдѣ разстрѣливали арестованныхъ. Тамъ на полу скопилось слишкомъ много крови. Стояла лѣтная пора. Кровь разложилась, началось зловоніе. Комиссары отправили самихъ заключенныхъ привести въ порядокъ мѣсто казни. Кто знаетъ, можетъ быть, они же были намѣчены, какъ слѣдующія жертвы.

Посылка на работы не гарантировала отъ разстрѣла. Вѣдь не было никакихъ опредѣленныхъ категорій ни для преступленія, ни для наказанія. Каждый моментъ распаленная фантазія тюремщиковъ могла изобрѣсти новыя издѣвательства и новыя мученія.

Несмотря на всю грубость Сорокина, при немъ въ Концентраціонномъ Лагерѣ заключеннымъ жилось почти сносно. Это не понравилось. Начались на него доносы. Сорокина обвиняли въ томъ, что онъ со своей снисходительностью распустилъ тюрьму. И вотъ налетѣлъ на лагерь новый комендантъ, Угаровъ. Онъ былъ тоже русскій, какъ и Сорокинъ, но совершенно другого типа. Бывшій портной, Угаровъ, одѣвался изысканно, всегда былъ въ черномъ. У него было довольно интеллигентное лицо съ большими, черными, жесткими глазами, которые кололи при встрѣчѣ. У этого человѣка была собственная опредѣленная тюремная система. Онъ проводилъ ее безпощадно и свирѣпо.

Въ Кіевѣ въ ночь съ 17 на 18 іюля была произведена колоссальная облава, во время которой было арестовано около 700 человѣкъ. Всѣ казематы Ч. К. сразу оказались переполненными. Въ лагерѣ собралось до 700 человѣкъ. Угаровъ потребовалъ перевода въ лагерь всѣхъ работавшихъ на заводахъ. Всѣхъ заключенныхъ согнали толпой во дворъ. Никто не понималъ, въ чемъ дѣло, и по привычкѣ ждали самаго страшнаго. Угаровъ началъ съ распредѣленія всѣхъ заключенныхъ по категоріямъ: 1) Приговоренные, 2) заложники, 3) общественныя работы, 4) подслѣдственные, 5) до конца гражданской войны.

Весь день съ утра до вечера и часть ночи, по перекличкѣ вызывали заключенныхъ и тутъ же, среди суеты и торопливости наскоро, портной Угаровъ рѣшалъ вопросъ о жизни или смерти людей, о дѣятельности которыхъ онъ даже не имѣлъ понятія. Ему была дана полная власть. Ни доказательствъ, ни слѣдствія, ни возможности защищаться у заключенныхъ не было. Надъ ними царилъ единоличный безграничный произволъ, напоминавшій священную волю древняго восточнаго владыки, когда мимо трона побѣдителя проводили заключенныхъ имъ въ плѣнъ враговъ. Угарову помогали его жена и Глейзеръ съ женой. Въ одинъ день они распредѣлили, вѣрнѣе осудили, 700 человѣкъ и утромъ уже отправили въ Москву первую партію заложниковъ. Еще наканунѣ никто изъ заложниковъ не зналъ, что придется ѣхать. У многихъ изъ нихъ не было вещей, не было денегъ. Они даже не простились съ родными, не дали имъ знать о своемъ отъѣздѣ.

Смятеніе царило среди заключенныхъ. Это была сумасшедшая ночь. Но какое было до этого дѣло Угарову. Онъ проводилъ свою систему, которая должна была укрѣпить совѣтскій строй. При его предшественникѣ Сорокинѣ былъ полный безпорядокъ въ тюремныхъ бумагахъ. Теперь бумаги пришли въ порядокъ, за то жизнь стала невыносимой. Сортируя арестованныхъ, Угаровъ въ камеру, предназначенную на 30 человѣкъ, сажалъ — 120. Нельзя было ни лечь, ни протянуться. Не хватало воздуха для дыханія, заключенные буквально задыхались.

Поздно вечеромъ, часовъ въ 11, караульный начальникъ вызвалъ въ одну изъ камеръ сестру. Арестованный, молодой полякъ изъ Виницы, съ больнымъ сердцемъ, лежалъ въ глубокомъ обморокѣ. Жара была лѣтняя, іюльская. Окна въ камерѣ не открывались.

Маленькая форточка почти не пропускала воздуха. Было необходимо, какъ можно скорѣе перенести больного въ другое помѣщеніе. Сестра вышла на дворъ и обратилась къ Угарову:

— Товарищъ Угаровъ, разрѣшите мнѣ перенести больного въ околотокъ? —

Угаровъ повернулся къ ней и рѣзкимъ, хриплымъ голосомъ крикнулъ:

— Если Вы скажете еще хоть одно слово, я Васъ разстрѣляю. Вы не смѣете вмѣшиваться въ мои приказы. —

«Но вѣдь меня вызвалъ начальникъ караула. Я не одна вошла».

— Я васъ сейчасъ поставлю къ стѣнкѣ. —

Онъ выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ надъ головой сестры. На заключенныхъ эта сцена произвела удручающее впечатлѣніе. Если такъ начали обращаться съ сестрой, которая раньше пользовалась уваженіемъ даже тюремщиковъ, то какая же участь ждетъ самихъ заключенныхъ?

А тутъ еще впервые за все время существованія Концентраціоннаго лагеря установили разрядъ смертниковъ. Раньше у каждаго заключеннаго оставалась искра надежды. Теперь первой категоріи приходилось ждать только одного — исполненія приговора.

31 іюля, послѣ взятія Кременчуга, въ Концентраціонный лагерь было привезено 17 военныхъ, захваченныхъ на улицахъ Кременчуга. За что ихъ взяли, ни одинъ изъ нихъ не зналъ. Имъ говорили: «Вы заложники, потому что вы враги совѣтской власти». Четыре дня считались они подслѣдственными, но никто ихъ не допрашивалъ. 3-го августа Угаровъ взглянулъ на нихъ и распорядился:

— Этихъ въ первую категорію. Каждый изъ нихъ намъ важенъ. —

Онъ приказалъ, чтобы часовой не отходилъ отъ нихъ. Эти люди десять дней непрестанно ждали разстрѣла. Но даже въ эти страшные дни, какъ дѣти, радовались они каждой мелочи. Когда сестра приносила имъ маленькую порцію молочной каши на каждаго — это была уже радость на полъ дня.

Неожиданно появилась комиссія Мануильскаго. Одному изъ кременчугскихъ заложниковъ удалось пробраться къ нему съ заявленіемъ отъ всей группы. Мануильскій ихъ выслушалъ, обѣщалъ допросить. У приговоренныхъ появилась надежда на болѣе милосердный исходъ. На слѣдующій день отношеніе къ нимъ измѣнилось. Имъ было объявлено, что они будутъ отправлены въ Москву для занятія высшихъ командныхъ должностей. 7-го августа они были вывезены подъ строжайшимъ карауломъ, присланнымъ изъ контръ-развѣдки 12-ой арміи. Сестра спросила:

— Куда вы ихъ везете?

Караульный начальникъ отвѣтилъ:

«Такихъ мерзавцевъ у насъ еще цѣлая партія».

Одна изъ сестеръ проводила ихъ до вокзала. Офицеровъ усадили въ теплушку и дѣйствительно куда-то повезли. Куда, гдѣ они, никто не знаетъ.

Угаровъ ввелъ въ Концентраціонномъ лагерѣ безпощадную каторжную систему. Всѣхъ заключенныхъ заперли по камерамъ, гдѣ помѣстили народу втрое больше, чѣмъ камеры могли вмѣстить. Это было лѣтомъ. Стояла іюльская жара. Въ камерѣ было мучительно душно. Но даже въ уборную разрѣшалось выходить не иначе, какъ съ караульнымъ. Заключенныхъ было нѣсколько сотъ человѣкъ, караульныхъ нѣсколько десятковъ. Имъ надоѣло, да они просто не успѣвали провожать арестованныхъ. Безъ воздуха, въ грязи, лишенные возможности удовлетворять самыя необходимыя физическія потребности, заключенные стали биться въ камерахъ, какъ звѣри въ клѣткахъ. Три дня стонъ стоялъ въ тюрьмѣ.

Къ счастью смѣнился караулъ. Пришли кубанцы, которые не пожелали исполнять приказа коменданта. Опять стали выпускать во дворъ, гдѣ по крайней мѣрѣ грудь могла дышать. Но какъ только раздавался стукъ Угаровскаго автомобиля, дворъ сразу пустѣлъ. Всѣ разбѣгались по мѣстамъ. Камеры запирались водворялась мертвая тишина, точно все вымирало кругомъ. Никто не попадался ему на глаза, никто ни о чемъ его не просилъ. Онъ внушалъ паническій страхъ не только заключеннымъ, но и начальству.

— Онъ и насъ можетъ разстрѣлять, — говорили сотрудники Ч. К.

Портной Угаровъ, наводившій терроръ даже на своихъ коммунистовъ, торопился отправкой заложниковъ.

VII. Заложники.

Съ первыхъ дней захвата власти, большевики ввели систему заложничества, возстановляя этимъ древній институтъ, казалось бы, давно отвергнутый современной моралью и современнымъ правосознаніемъ. Это одинъ изъ многихъ вопіющихъ парадоксовъ коммунистической идеологіи, гдѣ гордость своей прогрессивностью спокойно уживается съ пещерной дикостью и злобой.

Изъ всѣхъ преступленій, которыя творятся русскими коммунистами, система заложничества является едва-ли не самымъ грубымъ надругательствомъ надъ правомъ, справедливостью, надъ человѣческой личностью.

Простая и неоспоримая мысль, что за преступленіе долженъ отвѣчать тотъ, кто его совершилъ, кто къ нему причастенъ, превращается въ извращенную круговую поруку. Причемъ, даже нѣтъ необходимости доказывать наличность преступленія. Совершенно достаточно принадлежности къ профессіи, къ классу, къ семьѣ.

Жена, мать, дочь офицера бросаются въ тюрьму, разстрѣливаются. Иногда это происходитъ потому, что офицеръ исчезъ. Есть подозрѣніе, что онъ перешелъ къ бѣлымъ. Иногда офицеръ уже давно убитъ, а родныхъ все-таки берутъ въ плѣнъ, потому что весь офицерскій классъ держится подъ подозрѣніемъ. Берутъ въ заложники священниковъ. Самого патріарха Тихона держатъ въ плѣну въ Кремлѣ, какъ одного изъ самыхъ важныхъ заложниковъ. По всей совѣтской Россіи разбросаны такіе Концентраціонные лагери, гдѣ десятки тысячъ людей медленно умираютъ отъ холода, голода и горя. Каждый разъ, когда бѣлыя войска наступаютъ, красныя, уходя, уводятъ за собой гражданскихъ плѣнныхъ. Политически это дѣлается для усиленія террора. Практически большевики смотрятъ на заложниковъ, какъ на военную добычу, которую можно при случаѣ обмѣнять на деньги или на арестованныхъ большевиковъ. Если обмѣнъ не удается, заложниковъ убиваютъ.

Когда въ Кіевѣ большевики увидали, что силы Деникина тѣснятъ красныхъ, началась отправка заложниковъ. Первую партію Угаровъ набралъ по своему усмотрѣнію. Никто не зналъ и не понималъ, по какимъ признакамъ ставилъ онъ свой жестокій приговоръ:

«Вторая категорія».

Смертельная тоска охватила заложниковъ. Въ Кіевѣ за стѣнами тюрьмы были у нихъ родные и близкіе. Сохранялась связь съ жизнью, теплилась надежда. Наконецъ, они знали, что Добровольцы подходятъ. Тамъ на сѣверѣ, превращенномъ волею коммунистовъ въ царство голода и деспотизма, ждали плѣнниковъ новыя издѣвательства, новыя страданія. Имъ не дали даже проститься съ близкими. Вечеромъ состоялся приговоръ, а утромъ ихъ отправили на пароходъ, окружили стражей, которая стрѣляла въ каждаго, кто пытался подойти, и отправили дальше.

Всего въ первой партіи заложниковъ было отправлено 183 человѣка. Большинство было безъ средствъ. Это была мелкая трудовая интеллигенція. Много учащейся молодежи. Офицеры. Поляки изъ Одессы. Двадцать евреевъ. Туда же попали несчастные Богодуховскіе мужики. Ихъ тоже революціонная воля Угарова обрекла на горькую участь заложниковъ, хотя врядъ-ли 83-хъ-лѣтній харьковскій крестьянинъ могъ быть выгоднымъ объектомъ обмѣна.

Позже было отправлено еще двѣ партіи заложниковъ. Во второй было 27 человѣкъ, главнымъ образомъ богатыхъ людей, крупныхъ помѣщиковъ. Были поляки, русскіе. Одинъ еврей. Среди нихъ былъ извѣстный въ Кіевѣ ксендзъ Шафранскій и секретарь германскаго консула въ Одессѣ Паласъ. Ихъ тоже собрали въ дорогу такъ быстро, что съ трудомъ удалось оповѣстить родныхъ, достать необходимыя въ дорогу вещи, приготовить на 10 дней пищу, какъ было приказано комендантомъ.

Наконецъ, въ третьей партіи увезли послѣднихъ 30 человѣкъ. Тутъ были инженеры, къ которымъ относились болѣе бережливо, такъ какъ они были нужны, какъ спеціалисты. Щадили также и заложниковъ нѣмцевъ, которыхъ разсчитывали обмѣнять на Радека. Въ этой же послѣдней партіи было нѣсколько банковскихъ дѣятелей. Тутъ былъ французъ Камперъ, студентъ-медикъ, захваченный большевиками подъ Одессой. Французская коммунистическая ячейка, дѣйствовавшая въ Кіевѣ, добивалась разстрѣла Кампера, какъ буржуя. Но его только увезли въ Москву.

Среди этихъ людей очутился и 16-лѣтній мальчикъ Львовъ.

Это была послѣдняя партія. Она была отправлена на пароходѣ въ субботу вечеромъ, а въ воскресенье утромъ въ Кіевъ входили Добровольцы.

Послѣ отправки первой, самой большой и самой пестрой по составу партіи заложниковъ, въ Кіевѣ, оглушенномъ, запуганномъ, безмолвномъ, все-таки начался какой-то протестъ. Такъ какъ газетъ, кромѣ совѣтскихъ, не было, собраній также, то это дѣлалось полуучастными путями. Въ городѣ придавали большое значеніе волненію въ еврейскихъ кругахъ, которые будто-бы имѣли извѣстное вліяніе на комиссаровъ.

Быть можетъ, проснулось у совѣтской власти сознаніе, что удержаться на одномъ террорѣ нельзя. Во всякомъ случаѣ въ связи съ этимъ была назначена особая комиссія. Во главѣ ея былъ Мануильскій. Это видный большевикъ, человѣкъ интеллигентный, совсѣмъ другого склада, чѣмъ Авдохинъ или Сорокинъ. Дѣятельнымъ членомъ комиссіи Мануильскаго былъ другой старый революціонеръ, журналистъ, Феликсъ Конъ. Польскій еврей, онъ провелъ много лѣтъ въ тюрьмѣ и Сибири. Какъ тогда говорили, пострадалъ за свободу. Это не помѣшало ему на старости лѣтъ поддерживать кровавую тиранію совѣтской власти. Хотя самъ Конъ не большевикъ, а только с.-д. интернаціоналистъ.

Эти два соціалиста, люди несомнѣнно образованные, а слѣдовательно и до конца отвѣтственные за свои поступки, поставили себѣ великодушную задачу — смягчить ужасы коммунистической инквизиціи.

Мануильскій даже неосторожно обѣщалъ пересмотрѣть всѣ дѣла Чрезвычайки, хотя, въ Центральномъ учрежденіи въ В. Укр. Ч. К. онъ ни разу не побывалъ. Да его тамъ и не послушались-бы.

Сколько-нибудь серьезныхъ контръ-революціонныхъ дѣлъ Мануильскій не касался. Приказы его часто не исполнялись. Но такъ измучены, такъ истерзаны были несчастные, попавшіе въ Ч. К., что они бросились навстрѣчу Мануильскому, смотрѣли на него, какъ на избавителя, жаждали его пріѣзда. Для заключенныхъ былъ праздникъ, когда къ лагерю подъѣзжалъ автомобиль Мануильскаго и Кона, которые вели себя благожелательно и милостиво, не обнаруживая ни малѣйшихъ признаковъ не то что стыда, а хотя бы неловкости за свое идейное соучастіе въ преступленіяхъ товарищей, работавшихъ въ Ч. К.

Эти 5—6 дней, пока работала комиссія Мануильскаго, заключенные и ихъ близкіе жили въ угарѣ лихорадочныхъ надеждъ. Нѣсколько человѣкъ были освобождены. Двѣнадцать человѣкъ были освобождены по болѣзни, чего никогда не дѣлалось раньше. Молоденькую дѣвушку польку, повидимому поразившую Кона своимъ дѣтскимъ открытымъ личикомъ, старикъ взялъ какъ-бы на поруки. Появилась смутная надежда, что заключеннымъ дадутъ возможность выяснить возводимыя на нихъ обвиненія, а можетъ быть, и оправдаться.

Это продолжалось только нѣсколько дней. Совѣтская власть быстро оборвала эти надежды, не видя нужды сентиментальничать съ военно-плѣнными. Лацисъ, предсѣдатель Ч. К., не разрѣшилъ исполнять приказы Мануильскаго. Другой латышъ, Петерсъ, предсѣдатель Всероссійской Ч. К., назначенный руководителемъ обороны Кіева еще меньше былъ склоненъ къ какой-бы то ни было гуманности.

Мануильскій и Конъ перестали ѣздить въ тюрьмы, но, вѣроятно, продолжаютъ свое товарищеское сотрудничество съ совѣтской властью.

Эта недолго длившаяся борьба нашла свое отраженіе въ прессѣ. Лацисъ напечаталъ въ «Извѣстіяхъ Кіевскаго Совѣта» рядъ статей, гдѣ излагалъ идеологію Чрезвычаекъ. Было выпущено два номера спеціальнаго журнала «Красный Мечъ», посвященнаго восхваленію краснаго террора и Чрезвычаекъ.

VIII. Послѣдніе дни.

Подходили послѣдніе, самые страшные дни господства большевиковъ надъ Кіевомъ.

Недѣли за двѣ до прихода Добровольческой Арміи привезли во В. Укр. Ч. К. 29 человѣкъ судейскихъ. На нихъ смотрѣли, какъ на заложниковъ. Относились къ нимъ даже какъ будто снисходительнѣе, чѣмъ къ другимъ.

Давали имъ свиданія. Говорили, что Мануильскій, комиссія котораго еще существовала, затребовалъ ихъ списки. Большинство судей были старики, больные. Всѣ были увѣрены, что положеніе ихъ лучше, чѣмъ другихъ. Пугалъ только возможный увозъ въ Москву.

Бывшій мальчикъ изъ кинематографа, помощникъ коменданта Извощиковъ, явился, просмотрѣлъ списокъ, и нѣкоторыхъ изъ юристовъ приказалъ отправить въ больницу, при Лукьяновской тюрьмѣ. Шансы на спасеніе увеличивались, такъ какъ тюрьма была не такъ на глазахъ и людей тамъ забывали. Юристы сравнительно спокойно ждали своей участи, нѣкоторыхъ изъ нихъ освободили по хлопотамъ родныхъ.

Вдругъ въ пятницу, 9 августа, появилась комиссія по разгрузкѣ тюремъ. Быстро стали разбирать дѣла, опрашивать. Многихъ освободили. В. Укр. Ч. К. совсѣмъ очистили. Перевели всѣхъ заключенныхъ въ самое страшное мѣсто въ Губ. Ч. К. Тамъ сразу пошли строгости, грубость и издѣвательства. Всѣхъ обыскали, все отобрали.

— Теперь мы вашимъ покажемъ, — повторяли тюремщики, точно раньше у нихъ былъ не застѣнокъ, а благотворительное учрежденіе.

Въ понедѣльникъ и вторникъ шли усиленные, торопливые допросы. Судейскихъ спрашивали.

«Вы участвовали въ процессѣ Бейлиса?»*

Если отвѣтъ былъ утвердительный, смертный приговоръ былъ неизбѣженъ.

Заключенные предчувствовали свою судьбу. Молодой товарищъ прокурора Гейнрихсонъ, когда вели его въ Губ. Ч. К., успѣлъ передать нянѣ своихъ дѣтей образокъ.

Разстрѣлы производились почти непрерывно и раньше. Въ іюнѣ, въ іюлѣ, въ августѣ каждую ночь разстрѣливали. Но послѣдняя недѣля была уже настоящая бойня.

Большевики предполагали, что имъ придется 14 августа сдать Кіевъ. 9 августа они закрыли Концентраціонный лагерь, потомъ В. Укр. Ч. К. — До послѣдняго дня существовалъ особый отдѣлъ. Въ особомъ отдѣлѣ сидѣли заподозрѣнные не только въ сочувствіи, но и въ организаціи контръ-революціи. Тамъ дѣла рѣшались обычно очень быстро — свобода или смерть.

Въ понедѣльникъ сестра раздала въ особомъ отдѣлѣ 80 обѣдовъ. Въ тотъ же день она нашла въ темномъ шкапу-карцерѣ молодую интеллигентную женщину. Она служила въ военномъ комиссаріатѣ и повидимому была уличена въ передачѣ какихъ-то свѣдѣній Арміи Деникина. Ночью ее разстрѣляли.

Въ среду уже никого изъ арестованныхъ въ особомъ отдѣлѣ не было. Смѣнилась стража. Никто ничего не зналъ о судьбѣ исчезнувшихъ заключенныхъ. Нельзя было понять, кто живъ, кто убитъ.

На слѣдующій день появился въ газетахъ списокъ:

«Въ отвѣтъ на разстрѣлы коммунистовъ Добровольческой Арміей мы разстрѣливаемъ такихъ-то . . .» Дальше шли имена.

Въ ночь на четвергъ привели человѣкъ двѣнадцать молодыхъ людей, только что арестованныхъ. Среди нихъ былъ 17-тилѣтній студентъ Глѣбъ Жикулинъ,сынъ извѣстной всему Кіеву Начальницы гимназіи. Были отецъ и сынъ Прянишниковы. Они лежали на носилкахъ жестоко избитые. Былъ офицеръ Ткаченко, также избитый. Эту всю партію передъ казнью жестоко били. Они знали свою судьбу, но держали себя спокойно и твердо.

---

* Еврей Бейлисъ обвинялся въ организаціи ритуальнаго убійства и былъ оправданъ. Этотъ процессъ вызвалъ въ русскомъ обществѣ много шума и большое недовольство Министерствомъ Юстиціи, такъ какъ считалось, что все дѣло задумано исключительно для возбужденія ненависти къ евреямъ.

Въ субботу санитары сказали сестрѣ, что на ихъ пунктѣ никого больше нѣтъ. У дома стояли караульные, въ палисадникѣ сосѣдняго дома князя Яшвили пьяные солдаты валялись на травѣ, спали на креслахъ, вытащенныхъ изъ дома.

Сестры боялись, что ихъ самихъ могутъ арестовать, но все-таки задали караульному начальнику обычный вопросъ:

«Сколько надо обѣдовъ?»

— Нисколько обѣдовъ не нужно, — махнулъ онъ рукой.

А въ это время рядомъ въ саду зарывали еще не остывшіе трупы убитой молодежи.

Только одинъ изъ нихъ спасся. Было схвачено два брата Дикихъ. За одного изъ нихъ хлопотала его пріятельница, коммунистка. Его освободили. Онъ не хотѣлъ уходить, пока не узнаетъ о судьбѣ брата. Но тюремщики, какъ всегда, солгали:

— Идите скорѣй домой, Вашъ братъ придетъ сейчасъ вслѣдъ за Вами. —

А въ это время брата разстрѣливали рядомъ въ саду.

13-го августа стала работать новая комиссія по разгрузкѣ тюремъ. Въ Концентраціонный лагерь пріѣхали слѣдователи — двое мущинъ и одна женщина. Это были люди совсѣмъ неинтеллигентные. По очереди, въ алфавитномъ порядкѣ, вызывали заключенныхъ къ этимъ людямъ, отъ которыхъ всецѣло зависѣла ихъ судьба. Они имѣли право освободить, зачислить въ заложники, разстрѣлять.

Никакихъ предварительныхъ протоколовъ, никакого судебнаго дѣла эти революціонные слѣдователи не имѣли передъ собой. Въ ихъ рукахъ была только личная карточка арестованнаго. На ней значилось имя, лѣта, сословіе, занятія, категорія, къ которой его раньше причисляли, иногда краткая квалификація преступленія.

Затѣмъ передъ глазами слѣдователей былъ живой преступникъ. Они подвергали его быстрому допросу. Работали съ 12 до 5 часовъ и въ это время пропустили 200 человѣкъ, такъ что на каждаго приходилось одна-двѣ минуты. Съ молніеносной быстротой постановлялся приговоръ. Жаловаться было некуда и некому. Это былъ приговоръ въ окончательной формѣ.

Когда первые три слѣдователи устали — имъ на смѣну прислали другихъ, которые до ночи продолжали ту же безумную работу.

Человѣкъ 80 было выпущено на свободу. Молодые люди отправлены на фронтъ. Большинство было осуждено на смерть.

Нельзя дать точнаго опредѣленія, по какимъ признакамъ человѣка присуждали къ разстрѣлу.

Старика Маньковскаго разстрѣляли за то, что у него до революціи было 6000 десятинъ земли, хотя крестьяне уже давно отобрали у него всю землю.

Вмѣстѣ съ ними былъ осужденъ молодой Рейтеровскій, служившій гдѣ-то бухгалтеромъ.

Арестованнаго Бирскаго спросили:

«Вы были въ Гомелѣ Городскимъ Головой?»

— Былъ. —

«Останьтесь.»

Это простое слово — останьтесь — значило: «Останьтесь, мы Васъ убьемъ».

Въ одной изъ камеръ былъ старостой чехъ Вольфъ. Его всѣ уважали. Въ чешской колоніи онъ занималъ видное мѣсто. Его спросили:

«За что Вы арестованы?»

— Я не знаю, якобы за то, что я врагъ совѣтской власти. —

«А вотъ что. Останьтесь».

Имъ не нужно было доказательствъ. Достаточно было обвиненія.

Когда послѣ этого бѣглаго опроса, арестованныхъ собрали въ Губ. Ч. К., они поняли, что надежды больше нѣтъ. Раньше у всѣхъ была какая-то возможность уцѣлѣть. Теперь никакихъ иллюзій больше не оставалось.

Потянулись послѣдніе ужасные часы, о которыхъ даже караульные солдаты говорили шопотомъ.

Три камеры были наполнены смертниками. Всю ночь въ нихъ стоялъ сплошной шумъ. Они кричали, стонали, просили, проклинали. Болѣе религіозные устроили хоръ и пѣли молитвы. Среди приговоренныхъ были двѣ женщины.

Одна была совѣтская служащая, Марія Николаевна Громова, молодая интеллигентная женщина. Она была соціалистка, но врядъ ли большевичка. Ея честность возмущалась противъ взяточничества и грабежа комиссаровъ. Повидимому, она кого-то хотѣла обличить и за это попала въ тюрьму. Всѣ послѣдніе дни она страшно волновалась. Предчувствіе ее не обмануло. Коммунисты разстрѣляли ее.

Другая была Черниговская помѣщица Бобровникова. На нее донесла прислуга. Ее посадили въ тюрьму вмѣстѣ съ грудным ребенкомъ. Когда она поняла, что смерть неизбѣжна, Бобровникова, рыдая, бросилась на полъ, рвала на себѣ волосы, умоляла пожалѣть ее, хотя бы ради ребенка. Но ея мольбы слышали только ея товарищи по несчастью, да караульные солдаты.

Кромѣ Громовой, въ этой послѣдней партіи, былъ еще одинъ совѣтскій служащій, предсѣдатель Полтавской Чрезвычайки, обвиненный въ растратѣ 20 милліоновъ.

Онъ умолялъ товарища коменданта, еврея Абнавера, спасти его, отправить на фронтъ, подвергнуть какому угодно наказанію, только бы сохранить ему жизнь.

Абнаверъ худой, извивающійся, наглый, смѣялся ему въ лицо, и поигрывая хлыстикомъ, презрительно говорилъ:

«Умѣлъ красиво жить, умѣй и умереть. Всѣ вы здѣсь приговорены къ смерти. Это не страшно. Одна минута и кончено. Этой ночью всѣ вы умрете».

Это было въ кухнѣ, гдѣ заключеннымъ въ послѣдній разъ раздавался обѣдъ. Какъ всегда за обѣдомъ пришли изъ камеръ старосты. Абнаверъ въ ихъ присутствіи говорилъ свои циничныя слова, чтобы лишній разъ насладиться страданіями жертвъ.

Садическое сладострастіе мучителя, старающагося какъ можно глубже заглянуть въ истерзанную душу мучениковъ, упоеніе чужимъ горемъ — это одна изъ психологическихъ особенностей большевизма.

Имъ было чѣмъ потѣшиться въ эти послѣднія сутки красной власти надъ Кіевомъ. Заключенные бились въ смертельной тоскѣ, еще живые были похожи уже на мертвецовъ.

Гейнрихсенъ, тотъ самый молодой прокуроръ, который успѣлъ переслать дѣтямъ образокъ, подошелъ къ сестрѣ за супомъ и тихонько шепнулъ ей по-французски:

— Я обреченъ. Перекрестите меня, сестра. —

Въ этотъ день, 14 августа, сестрѣ не позволяли дѣлать медицинскаго обхода.

«Они не нуждаются въ Вашемъ уходѣ. Мы сами имъ пропишемъ лѣкарства», — съ наглой усмѣшкой говорили коменданты.

Была вырыта огромная общая могила въ саду дома Бродскаго, на Садовой, 15. Домъ, гдѣ жили важные коммунисты, Глейзеръ, Угаровъ и другіе, выходилъ окнами въ садъ, гдѣ раздавались стоны въ перемежку съ выстрѣлами.

Арестованныхъ, совершенно раздѣтыхъ, выводили по 10 человѣкъ, ставили на край ямы и изъ винтовокъ разстрѣливали. Это былъ необычный способъ. Обыкновенно осужденнаго клали въ подвалъ на полъ лицомъ къ землѣ, и комендантъ убивалъ его выстрѣломъ изъ револьвера, въ затылокъ, въ упоръ.

На этотъ разъ перемѣнили систему, но, такъ какъ торопились, нервничали, были возбуждены, то стрѣляли плохо, безпорядочно.

Многіе падали недобитыми. Валились прямо съ края въ яму, живые и мертвые. Когда пришли Добровольцы и слѣдственная власть вскрыла эту общую могилу и произвела осмотръ труповъ, многіе были найдены въ скрюченномъ видѣ.

Должно быть бились подъ землей, но раненые не нашли силъ подняться изъ-подъ груды труповъ.

Ихъ было найдено 123.

Солдаты утромъ говорили, что всего застрѣлено въ ту ночь 139 человѣкъ.

Это были солдаты изъ особаго корпуса при Ч. К. Тамъ были русскіе, латыши и евреи. На слѣдующее утро они сами разсказали сестрамъ про эту страшную ночь. Солдаты были возмущены, возбуждены и не скрывали своего омерзѣнія.

28-го августа Добровольцы вошли въ Кіевъ.

На время кончилась власть большевиковъ надъ Кіевомъ.

Тюрьмы Ч. К. опустѣли. Сестрамъ осталось только отдать послѣдній долгъ послѣднимъ жертвамъ свирѣпаго большевистскаго режима. Онѣ присутствовали при вскрытіи могилъ, помогали омыть и убрать обезображенные трупы, которые краснорѣчивѣе словъ говорили о томъ, чѣмъ можетъ стать человѣкъ, когда его звѣрскимъ инстинктамъ нѣтъ сопротивленія, когда свирѣпость поощряется, когда на ней строится система управленія государствомъ.

Содержаніе

Госуд. Дума и февральская революція — М. В. Родзянко 5
Изъ воспоминаній — ген. А. С. Лукомскаго 81
Изъ Кіевскихъ воспоминаній — А. А. Гольденвейзера 161
Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства — А. Гуровича 304

Документы

Послѣдній всеподданнѣйшій докладъ М. В. Родзянко 335
Докладъ Центральнаго Комитета Россійскаго Краснаго Креста 339

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ

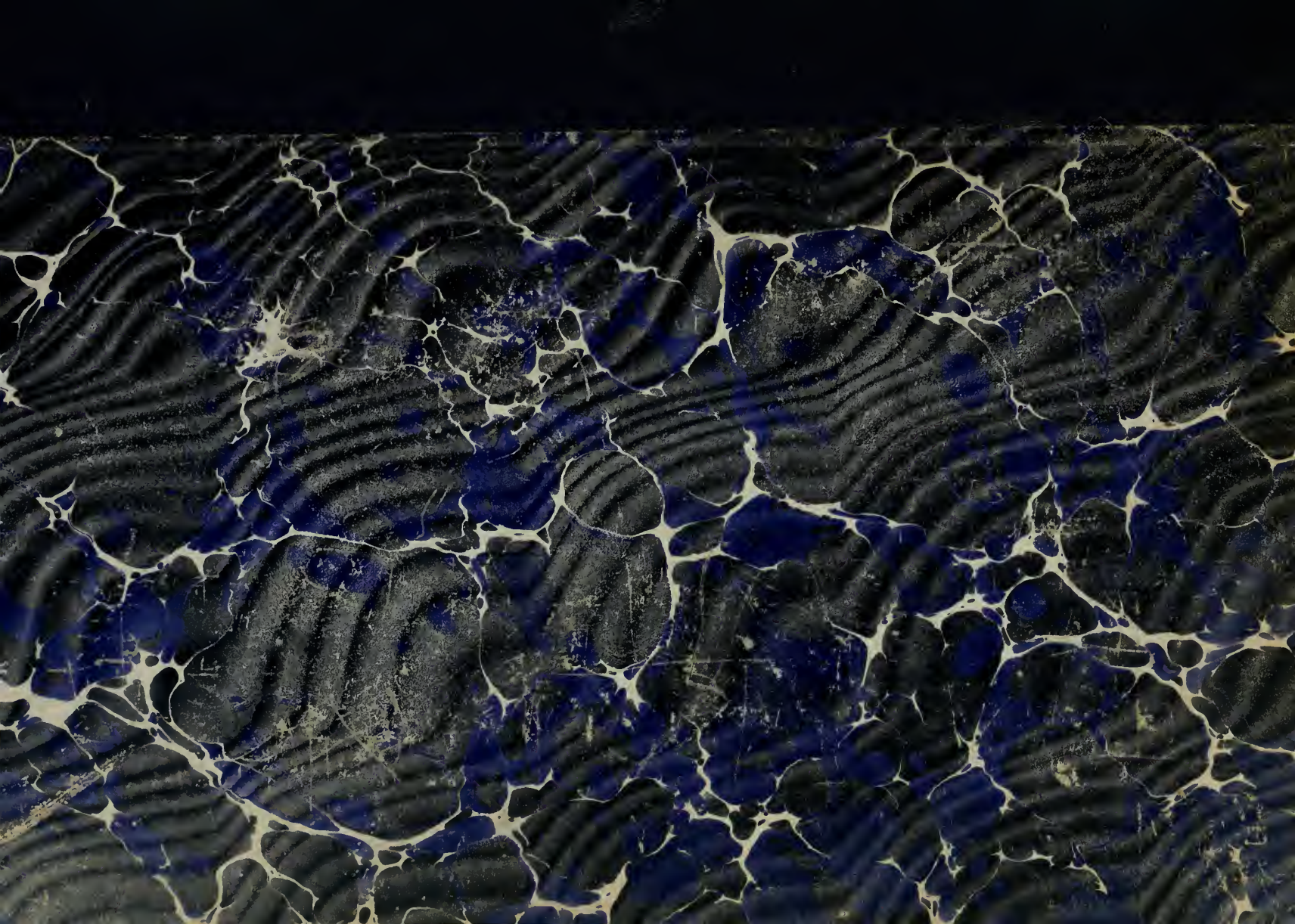
BINDING SECT. JUN 12 1967

P
HSlav
A

Arkhiv Russkoi Revolyutsii
6(1922)

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY



Bibliothèque "LE PAON"
N° 964
MEUDON-VAL-FLEURY

Digitized by the Internet Archive
in 2009 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/arkhivrusskoirev07gess

P
HSlav
A
ArKhiv Russkoi Revolyutsii

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

издаваемый

И. В. ГЕССЕНОМЪ

VII

БЕРЛИНЪ 1922

625085
9.12.55

Всѣ права, въ томъ числѣ и право изданія на другихъ языкахъ, принадлежатъ
Издательству «СЛОВО»

В. Д. Набоковъ въ 1917 г.*

Барона Б. Э. Нольде

Позвольте подѣлиться съ Вами воспоминаніями о В. Д. Набоковѣ въ 1917 г. Я не думаю, чтобы намѣреніе говорить объ этомъ періодѣ его жизни нуждалось въ длинномъ оправданіи. Я имѣю личныя основанія избрать этотъ періодъ, ибо за эти мѣсяцы непрерывно и ежедневно встрѣчался съ Набоковымъ. Но не въ этомъ дѣло. И не въ томъ, что за тревожные мѣсяцы, пережитые тогда Россіей, Набоковъ игралъ первенствующую роль въ событіяхъ, ихъ направлялъ: ибо этого не было — къ ущербу для блага Россіи. Скажу больше — въ личной судьбѣ Набокова, какъ государственнаго человѣка и политика, 1917 годъ не былъ крупнымъ внутреннимъ этапомъ развитія и роста. Наблюдая его на пространствѣ двухъ десятковъ лѣтъ, я всегда поражался тѣмъ, что Набоковъ всегда былъ равенъ самому себѣ. Эту особенность его умственной и нравственной фигуры подтвердятъ всѣ, кто близко его зналъ и кто его любилъ и понималъ. Въ немъ была рѣдкая жизненная логика, укрѣпляемая выдающимися качествами самообладанія и душевнаго равновѣсія.

И за всѣмъ тѣмъ все же 1917-й годъ для Набокова, какъ для всѣхъ русскихъ поголовно, отъ малаго до большого, былъ годомъ затраты такихъ дозъ умственной и нравственной энергіи, съ которыми не сравнятся затраты никакого иного годъ, пережитаго людьми нашихъ поколѣній, — несмотря на то, что, конечно, никакимъ другимъ русскимъ поколѣніямъ не досталось переживать все, что мы переживали съ начала XX вѣка и еще до конца не пережили. Въ этой затратѣ всѣхъ душевныхъ силъ, безъ остатка, въ этомъ потокѣ смѣняющихъ другъ друга радости и отчаянія, надеждъ и разочарованій, побѣдъ и пораженій, тріумфовъ и униженій, калибръ каждаго изъ насъ, его способность думать и дѣйствовать, его энтузіазмъ и его трезвость, измѣрялись лучше, чѣмъ въ какой бы то ни было другой періодъ развитія русскаго народа и русскаго общества. Поэтому, говоря о Набоковѣ въ 1917 году, я говорю о немъ за періодъ величайшаго испытанія, поставленнаго его умственнымъ и нравственнымъ силамъ, за мѣсяцы его напряженнѣйшей работы и напряженнѣйшихъ размышленій о судьбахъ страны, ея прошломъ, настоящемъ и будущемъ.

Набоковъ, какъ и вся политическая группа, къ которой онъ принадлежалъ, не былъ повиненъ въ событіяхъ, вызвавшихъ паденіе старой русской власти.

---

* Прочтено въ торжественномъ засѣданіи Юридическаго общества въ Парижѣ, посвященномъ памяти В. Д. Набокова, 24 Мая 1922 г.

Но съ первой минуты, когда выяснилась неминуемость этого паденія, въ немъ, — какъ и въ другихъ людяхъ его политическаго круга, — стало ясно сознаніе отвѣтственности за открывавшееся политическое наслѣдіе. Историческій приговоръ о наслѣдникахъ царской власти произнесенъ еще не былъ и его точно предугадать никто не могъ, какъ не зналъ царь Борисъ, что ему наслѣдуютъ Гришка Отрепьевъ и Тушинскій воръ. Но презумтивный наслѣдникъ былъ на лицо. То былъ верхній кругъ независимой, не связанной съ бюрократическимъ аппаратомъ русской интеллигенціи. Чувство отвѣтственности ея вождей за судьбу государства, парализовавшееся въ нѣкоторыхъ доктринерствомъ и государственной невоспитанностью, въ другимъ личнымъ честолюбіемъ, было необыкновенно ярко въ Набоковѣ. Вспоминая сейчасъ день 3 марта, первый революціонный день, пріобщившій его къ только-что начавшему кристаллизоваться новому государственному порядку, я въ этомъ владѣвшемъ имъ сознаніи отвѣтственности резюмировалъ бы всего Набокова. Его не занимала отвлеченная схема революціи. Отъ служилыхъ предковъ онъ унаслѣдовалъ совершенно конкретное знаніе русской государственной машины. Онъ боролся съ начала вѣка за ея перестройку, но онъ зналъ, что подъ предлогомъ перестройки нельзя была остановить ея движеніе и что сломавшіяся ея части надо было, не теряя ни одной минуты, замѣнить новыми. Выборгское воззваніе лишило его избирательныхъ правъ, и въ началѣ революціи онъ былъ призваннымъ на военную службу прапорщикомъ запаса, въ тотъ моментъ сидѣвшимъ въ одномъ изъ учрежденій Главнаго Штаба: съ начала войны онъ не принималъ никакого участія въ политической жизни, но естественно о немъ тотчасъ же вспомнили въ самые первые революціонные дни. Ни минуты не колеблясь, не взвѣшивая сдѣланнаго ему предложенія на вѣсахъ личнаго честолюбія и личной политической карьеры, онъ сталъ Управляющимъ дѣлами, какъ говорилось въ ту минуту, «Совѣта Министровъ» или «Временнаго Правительства», какъ стали говорить нѣсколько дней спустя, ибо новая власть не знала первоначально, есть ли она новый составъ совѣта министровъ, или средоточіе русской верховной власти. Я засталъ Набокова вечеромъ 3-го марта въ одной изъ комнатъ Таврическаго Дворца, пытающагося въ невѣроятномъ хаосѣ и сумбурѣ, со свойственной ему методичностью и чувствомъ порядка, наладить, во исполненіе обязанностей по новому званію, первыя отправленія новой власти, изданіе, «Правительственнаго Вѣстника» и обнародованіе первыхъ актовъ новаго режима. Я никогда не забуду обстановки этого вечера. Казалось, весь возставшій гарнизонъ Петербурга съ улицъ влился въ Таврическій дворецъ, перемѣшавшись съ другой толпой частью знакомыхъ и частью не знакомыхъ мнѣ людей въ штатскомъ, искавшихъ сплотиться вокругъ двухъ выкристализовавшихся уже въ эту минуту центровъ — новаго совѣта министровъ и повторявшагося по прецедентамъ 1905 г. совѣта рабочихъ депутатовъ. И пока мы втроемъ — Набоковъ, Милюковъ и я — судили о томъ, какъ намъ озаглавить для обнародованія за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ подписанный актъ отказа отъ престола Вел. Князя Михаила, насъ прервали чтеніемъ телеграммъ о матросской расправѣ съ адмиралами и офицерами въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ.

Не буду прерывать цѣпи личныхъ воспоминаній — она ведетъ меня къ Набокову въ первую половину того же памятнаго дня, къ его, вдохновлявшемуся тѣмъ же чувствомъ отвѣтственности за государственный корабль въ мятежныхъ волнахъ тѣхъ дней, участію въ оформленіи новой власти. Въ комнату, гдѣ мы сидѣли и готовили обнародованіе акта Великаго Князя, вошелъ молодой чело-

вѣкъ, котораго я раньше никогда не видѣлъ и который оказался министромъ финансовъ М. И. Терещенкой, и попросилъ меня идти съ нимъ въ засѣданіе новыхъ министровъ, чтобы подумать о томъ, какъ издавать первый новый законъ новой власти. Мы не безъ труда протиснулись въ какую то новую комнату, гдѣ сидѣло нѣсколько министровъ — помню Шингарева, Годнева, В. Львова, Некрасова. Терещенко объяснилъ, что надо сегодня же увеличить эмиссіонное право государственнаго банка, такъ какъ денежныхъ знаковъ можетъ не хватить въ ближайшій срокъ. Шингаревъ и Годневъ сказали, что, по ихъ мнѣнію, законъ надо издать по 87 статьѣ основныхъ законовъ. Напоминаю, что эта статья предоставляла верховной власти, государю импературу, издавать въ перерывы занятій государственной думы указы съ силой закона, подлежавшіе затѣмъ внесенію въ государственную думу и государственный совѣтъ. Послѣ всего, что случилось, юридическое построеніе было довольно фантастическимъ, но ничего другого не приходило въ голову. Отъ меня ждали совѣта, какъ отъ государствовѣда. Я долженъ былъ разсказать — чего никто изъ присутствовавшихъ не зналъ, очевидно изъ-за царившаго смубура, — что три часа передъ тѣмъ Великій Князь Михаилъ подписалъ актъ, въ которомъ провозглашалъ «полноту власти» временнаго правительства впредь до созыва учредительнаго собранія и что такимъ образомъ временное правительство должно было само, внѣ всякой 87-й статьи, впредь издавать законы. Кажется, въ первую минуту всѣмъ это показалось весьма неожиданнымъ, но спорить было трудно, и законодательныя полномочія временнаго правительства были признаны. Въ хаосѣ, царившемъ кругомъ, появлялась какая то точка опоры для построенія новой законности.

Въ созданіи этой точки опоры Набоковъ былъ главнымъ участникомъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ о временномъ правительствѣ, напечатанныхъ въ I-омъ томѣ Архива Русской Революціи, Набоковъ разсказалъ, какъ мы писали съ нимъ актъ отказа отъ власти великаго князя. Событіе такъ важно въ русской исторіи, что Вы не посѣтуете на меня, если рядомъ съ его воспоминаніями я поставлю свои. 3 Марта послѣ завтрака я сидѣлъ въ своемъ служебномъ кабинетѣ на Дворцовой Площади. Позвонилъ телефонъ, и я услышалъ какъ всегда ровный и неторопливый голосъ Набокова, сказавшаго: — «бросьте все, возьмите первый томъ свода законовъ и сейчасъ же приходите на Милліонную, такой то номеръ, въ квартиру Князя Путятина». Черезъ десять минутъ меня вводили въ комнату съ дѣтскимъ учебнымъ столикомъ дочки хозяевъ, въ которой оказался Набоковъ и В. В. Шульгинъ. Наскоро Шульгинъ разсказалъ свою поѣздку въ Псковъ, подписаніе акта отреченія отъ престола императора Николая и рѣшительный отказъ утромъ того же дня Великаго Князя принять престолъ. Набоковъ добавилъ, что надо составить объ этомъ манифестъ для Великаго Князя и что набросокъ имѣется, составленный Некрасовымъ. Набросокъ былъ чрезвычайно несовершененъ и явнымъ образомъ не годился. Мы тотчасъ же стали его писать заново. Первый составленный нами проектъ — мы втроемъ взвѣшивали каждое слово — такъ же какъ и Некрасовскій набросокъ — былъ изложенъ какъ манифестъ и начинался словами — Мы Божіей милостью Михаилъ I, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій . . . Въ проектѣ Некрасова было сказано только, что Великій Князь отказывается принять престолъ и передаетъ рѣшеніе о формѣ правленія учредительному собранію. Что будетъ происходить до того, какъ учредительное собраніе будетъ созвано, кто напишетъ законъ о выборахъ, и т. д. — обо всемъ этомъ онъ не подумалъ.

Набокову было свершенно ясно, что при такихъ условіяхъ единственная имѣвшаяся на лицо власть — временное правительство — повиснетъ въ воздухѣ. По общему соглашенію мы внесли въ нашъ проектъ слова о полнотѣ власти временнаго правительства. Набоковъ своимъ превосходнымъ почеркомъ, сидя за маленькимъ учебнымъ столомъ, переписалъ проектъ и отнесъ его въ сосѣднюю комнату Великому Князю. Черезъ нѣкоторый промежутокъ времени Великій Князь пришелъ къ намъ, чтобы сказать свои замѣчанія и возраженія. Онъ не хотѣлъ, чтобы актъ говорилъ о немъ, какъ о вступившемъ на престолъ монархѣ, и просилъ, чтобы мы вставили фразу о томъ, что онъ призываетъ благословеніе божіе и проситъ — въ нашемъ проектѣ было написано «повелѣваемъ» — русскихъ гражданъ повиноваться власти временнаго правительства. Поправки были внесены, актъ еще разъ переписанъ Набоковымъ и одобренъ — кажется, съ новыми маленькими поправками — Великимъ Княземъ. Къ этому времени подъѣхалъ князь Г. Е. Львовъ, Родзянко и Керенскій. Великій Князь сѣлъ за тотъ-же маленькій столъ, подписалъ манифестъ, всталъ и обнялъ князя Львова, пожелавъ ему всякаго счастья. Великій Князь держалъ себя съ безукоризненнымъ тактомъ и благородствомъ, и всѣ были обвѣяны сознаніемъ огромной важности происходившаго. Керенскій всталъ и сказалъ, обращаясь къ Великому Князю: «Вѣрьте, Ваше Императорское Высочество, что мы донесемъ драгоцѣнный сосудъ Вашей власти до учредительнаго собранія, не расплескавъ изъ него ни одной капли».

Актъ 3 Марта, въ сущности говоря, былъ единственной конституціей періода существованія временнаго правительства. Съ ней можно было прожить до учредительнаго собранія — конечно, реально осуществляя Набоковскую формулу «полноты власти».

Старая русская административная традиція дѣлала должность управляющаго дѣлами совѣта министровъ — временнаго правительства — важнымъ механизмомъ въ машинѣ правительственной власти. Принявъ эту традицію, Набоковъ стремился сдѣлать все, что могъ, чтобы превратить назвавшее себя Временнымъ Правительствомъ, на дѣлѣ чрезвычайно случайное собраніе людей, смотрѣвшихъ въ разныя стороны и объединенныхъ въ одно цѣлое прибоемъ революціонной волны, въ подлинную власть. Но задача эта была невыполнима въ обстановкѣ той минуты. Въ залу Маріинскаго Дворца, куда переѣхало правительство въ первые дни своего существованія, была принесена атмосфера Таврическаго дворца 3 Марта 1917 г. Набоковъ тратилъ всю свою энергію, весь свой духъ порядка, чтобы вытравить эту атмосферу, но уже въ первый мѣсяцъ онъ горько жаловался на безнадежность этой цѣли. Я вспоминаю вечеръ, когда мы вызваны были съ Кокошкинымъ въ Маріинскій дворецъ для объясненій по вопросу о подготовкѣ къ созыву учредительнаго собранія. Когда мы пришли, Набоковъ объяснилъ намъ, что нѣтъ никакой возможности добиться опредѣленнаго часа начала засѣданія. Дѣйствительно, оказалось, что только въ какую-то минуту между двѣнадцатью и часомъ ночи — собралось достаточно министровъ, чтобы начать засѣданіе. Насъ просили обождать, пока не кончится разговоръ съ представителями совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Стекловъ въ теченіе двухъ часовъ поочереди вытаскивалъ изъ кармана разныя телеграммы и письма съ фронта, излагавшія всякія, облеченныя въ революціонный жаргонъ, кляузы о «бонапартизмѣ» генерала А., о контрреволюціонности старшаго врача Б, о сношеніяхъ съ нѣмцами (было и это въ карманахъ нынѣшняго редактора московскихъ «Извѣстій») полковника В., и т. д. Я видѣлъ, сидя противъ Набо-

кова, какое страданіе причиняла ему эта сцена. Чувство отвѣтственности за то крупное дѣло, которое на себя взяло русское общество, его не покидало ни на одну минуту, онъ дѣлалъ, что могъ, чтобы удержать экипажъ на прямой дорогѣ, но обстановка была такова, что экипажъ неминуемо тянуло въ трясину.

Набоковъ считалъ правильнымъ, чтобы близкіе ему по партіи члены временнаго правительства держались въ немъ до конца. Никто не зналъ тогда, можетъ-ли, юридически, членъ временнаго правительства вообще подать въ отставку и проводимая Набоковымъ линія — оставаться до конца въ составѣ правительства — отвѣчала этому первоначальному пониманію организаціи временной власти. Послѣдовательно ведя ее, онъ лично оставался управляющимъ дѣлами и послѣ ухода Милюкова, обнаружившаго первый глубокій кризисъ власти, ухода, вызваннаго совмѣстными усиліями Керенскаго и Альбера Тома. Но послѣ этого перваго кризиса продолжать долго работу управляющаго дѣлами временнаго правительства было уже подвигомъ внутренней дисциплины и самоотреченія, котораго безполезность съ каждымъ днемъ дѣлалась все яснѣе и яснѣе. Вскорѣ Набоковъ ушелъ и былъ назначенъ сенаторомъ только-что обновленнаго перваго департамента.

Онъ вернулся къ свободной публицистикѣ и свободной политической работѣ. То, что онъ говорилъ друзьямъ, надо было теперь высказать громко, сдѣлать предметомъ политической проповѣди, — опять во имя того же чувства общей отвѣтственности русскаго общества за все, что свершилось, за всѣ вечера со Стекловымъ, за весь потокъ словъ, за все бездѣйствіе власти.

Передо мною появившаяся 25 Мая статья Набокова подъ заглавіемъ «Практическіе уроки». Напечатанная въ Вѣстникѣ партіи Народной Свободы, она сугубо интересна, ибо опредѣляетъ, куда хотѣлъ Набоковъ направить свою партію. Она исполнена глубокаго пессимизма. «Чудодѣйственная быстрота, какая то волшебная легкость переворота, сразу опрокинувшаго безъ остатка весь насквозь прогнившій фасадъ стараго порядка, — подлинный энтузіазмъ, охватившій всѣхъ, единодушное признаніе новаго строя всей страной и Западной Европой, безчисленныя выраженія довѣрія и готовности поддерживать временное правительство, — все это сулило успѣхъ и благополучіе, сулило прочность и плодотворность фактической республики». «Что же сталось?» — спрашиваетъ себя Набоковъ. «Въ какую бы область государственной жизни мы ни взглянули, вездѣ встаютъ не радужныя картины, а какіе то зловѣщіе признаки разложенія и гибели. И общее душевное состояніе все болѣе начинаетъ походить на старое, дореволюціонное. Какъ тогда люди сознательные, отдающіе себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлается кругомъ, съ тревогой задавали себѣ и другъ другу вопросъ — что же дальше? и гдѣ выходъ? — такъ и теперь нѣтъ другого вопроса. За исключеніемъ политически безсознательныхъ массъ и кучки анархически настроенныхъ сознательныхъ элементовъ, сейчасъ нѣтъ никого кто бы не испытывалъ этой мучительной тревоги...» И вотъ его заключеніе: — «Во Франціи существуетъ взглядъ, что великая французская революція должна быть принята цѣликомъ, en bloc. И этотъ взглядъ понятенъ и законенъ. Возможно, что и будущіе русскіе историки черезъ сто лѣтъ согласятся принять русскую революцію en bloc. Но мы современники — мы участники не можемъ теперь же встать на высоту исторической перспективы. Для насъ въ этомъ живомъ процессѣ превращенія есть и то, *за что* мы боремся, и то, *противъ чего* мы будемъ бороться. И когда мы боремся противъ эксцессовъ и злоупотребленій, противъ вольныхъ и невольныхъ грѣховъ революціи, мы сильны однимъ сознаніемъ: мы

сильны увѣренностью, что въ этой борьбѣ мы отстаиваемъ великія и плодотворныя ея подлинныя начала».

Набоковъ былъ однимъ изъ первыхъ, имѣвшихъ смѣлость всенародно сказать то, что я сейчасъ привелъ. Онъ былъ, конечно, не одинъ въ этомъ діагнозѣ, уже и въ этотъ ранній мѣсяцъ существованія временнаго правительства. Но все же кругомъ господствовалъ наскоро сколоченный оффиціальный оптимизмъ въ оцѣнкѣ всего, что творилось, а рядомъ съ нимъ еще и тенденція — всего ярче представленная тогда въ не-соціалистической интеллигенціи Некрасовымъ — построить весь расчетъ на томъ, чтобы, какъ тогда говорилось, поймать революціонную волну и на ея гребнѣ основать вліяніе и власть. Набоковъ былъ слишкомъ уравновѣшенъ и трезвъ, чтобы дать себя убаюкивать казенно-революціоннымъ оптимизмомъ, и слишкомъ честенъ, чтобы принять макіавелизмъ Некрасова.

Этотъ вопросъ: «что же дальше? и гдѣ выходъ?» — эта патріотическая тревога за будущее опредѣляютъ всю дальнѣйшую дѣятельность Набокова лѣтомъ и осенью 1917 г.

Всѣ помнятъ, какъ ставился тогда этотъ вопросъ. Онъ слагался изъ положенія внѣшняго и положенія внутренняго. Сознаніе связи между войной и революціей, необходимости выбрать между «борьбой до побѣднаго конца» и организаціей нормальной государственной жизни въ новыхъ формахъ, было въ тѣ мѣсяцы далеко не всеобщимъ. Напротивъ того, оно казалось тогда скорѣе грѣховной и запретной политической ересью. Царствовала концепція Милюкова: революція была сдѣлана, чтобы успѣшно завершить войну — одинъ изъ наивнѣйшихъ самообмановъ этой богатой всякими фикціями эпохи. Оглядываясь сейчасъ назадъ съ тѣмъ спокойствіемъ, которое даетъ утекшее время, я долженъ сказать, что среди соціалистовъ, игравшихъ въ то время первенствующую роль, у Дана, Гоца, Скобелева, даже Керенскаго, у А. Я. Гальперна, смѣнившаго Набокова въ качествѣ опекуна надъ порядкомъ во Временномъ Правительствѣ и также безнадежно подавленнаго сумбуромъ входившихъ въ его составъ людей, сознаніе невозможности въ одно и то же время вести войну и канализовать революцію было гораздо болѣе яснымъ, чѣмъ у оффиціальныхъ вождей кадетовъ. Но соціалисты рѣдко умѣли грамотно выразить свою политику и знали только трафареты своихъ интернаціоналовъ по принадлежности, товаръ, не имѣвшій международнаго обращенія и мало внутренняго въ западно-европейскихъ странахъ, союзныхъ и непріятельскихъ.

Когда Набоковъ, Аджемовъ, Винаверъ и я въ первый разъ попытались доказывать въ нѣдрахъ кадетскаго центральнаго комитета на Французской набережной, 8, что надо свернуть съ путей нашего классическаго имперіализма, мы столкнулись съ самымъ упорнымъ сопротивленіемъ. Милюковъ со свойственной ему холодной отчетливостью доказывалъ, что цѣли войны должны быть достигнуты, что нельзя говорить о мирѣ, пока не будетъ создана Югославія и т. д. Генералъ Алексѣевъ, ходившій тогда къ кадетамъ и числившійся въ нашемъ партійномъ спискѣ по выборамъ въ учредительное собраніе, развивалъ мысль, что армія можетъ быть поднята, только бы найти твердую архимедову точку приложенія рычага, который ее подыметъ. Наша группа спрашивала, гдѣ же лежитъ эта точка, и не получала отвѣта. К. Н. Соколовъ — бывшій тогда краснорѣчивымъ глашатаемъ истинъ подлинной кадетской внѣшней политики, со свойственными ему блескомъ и обыкновенностью рѣчи, разбивалъ наши построенія. Послѣ нашихъ совѣщаній, въ которыхъ Набоковъ выступалъ какъ осторожный

вождь всей партіи, считавшійся съ настроеніями всѣхъ ея крыльевъ, мы составили для собиравшагося тогда предпарламента проектъ перехода къ очереднымъ дѣламъ, осторожно говорившій о мирѣ по общему рѣшенію союзниковъ. Но насъ и, больше всего, меня, дѣйствовавшаго съ меньшимъ чувствомъ партійной отвѣтственности, провалили огромнымъ большинствомъ голосовъ. Я не буду вспоминать другого совѣщанія — происходившаго около этого времени у кн. Гр. Н. Трубецкого, гдѣ вопросъ о продолженіи войны былъ поставленъ еще болѣе рѣшительно и рѣзко. Набоковъ разсказалъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ, и я не буду повторять его разсказа. Но я долженъ добавить, что я такъ же отчетливо запомнилъ, какъ и Набоковъ, это собраніе. Въ самомъ дѣлѣ ни разу раньше и ни разу позже Набоковымъ, Коноваловымъ и другими не была такъ ясно и просто формулирована та дилемма, къ которой Россію прижали событія — разумный миръ или неминуемое торжество Ленина.

Набоковъ чрезвычайно интересовался въ то время вопросами внѣшней политики. Шла рѣчь, по почину М. И. Терещенки, о назначеніи его посломъ въ Лондонъ — куда, какъ извѣстно, Временное Правительство всѣхъ составовъ такъ и не нашло времени назначить своего представителя. Конечно, болѣе блестящаго выбора нельзя было сдѣлать среди тогдашнихъ правительственныхъ и общественныхъ верховъ, чѣмъ Набоковъ, для поста русскаго посла въ Лондонѣ. У него были всѣ данныя — глубокая умственная культура и свѣтское воспитаніе, превосходная политическая школа и великолѣпное знаніе языковъ, самообладаніе и настойчивость, гибкость и находчивость. Но планъ посылки Набокова въ Лондонъ не осуществился — я не помню уже по какой причинѣ. Онъ остался въ Петербургѣ бороться за вторую часть своего отвѣта на вопросъ — «что же дальше и гдѣ выходъ?»

То была уже область внутреннихъ политическихъ отношеній революціонной Россіи. Мы видѣли его пониманіе задачъ, которыя стояли на очереди. Въ огромномъ хаосѣ, въ который превратился весь русскій міръ, надо было найти и укрѣпить «великія и подлинныя начала русской революціи».

Эти начала были Набоковымъ записаны въ актѣ отреченія великаго князя Михаила: Сильное правительство, ведущее страну къ учредительному собранію... «Посему — кончался этотъ актъ, — призывая благословеніе Божіе, прошу всѣхъ гражданъ державы Россійской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до того, какъ созванное въ возможно кратчайшій срокъ, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія учредительное собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа».

Была ли ошибочна эта концепція или нѣтъ, я подробно судить здѣсь не буду. Ставка на русское народовластіе была безспорно бита. Но слѣдовало ли изъ этого, что должна была ставиться другая задача и что другая задача могла быть вообще тогда поставлена. Я глубоко убѣжденъ, что, отдавъ всѣ свои силы торжеству этой политической концепціи, Набоковъ не ошибался, что унаслѣдованныя челоьѣчествомъ отъ двухъ французскихъ революцій идеи учредительной власти и всеобщей подачи голосовъ, въ Россіи, такъ же какъ безчисленное множество разъ въ другихъ странахъ, могли сослужить огромную организаціонную роль. Но надо было, чтобы къ учредительному собранію вела страну сильная власть, способная черезъ народную волю строить, а не разрушать.

Набоковъ съ величайшимъ интересомъ и огромнымъ вниманіемъ отдался стоявшей на очереди задачѣ правовой организаціи. Если эпоха короткаго суще-

ствованія временнаго Правительства дала рожденіе ряду совершенно выдающихся по своимъ внутреннимъ достоинствамъ законодательныхъ актовъ — погребенныхъ вмѣстѣ съ собой Временнымъ Правительствомъ въ его крушеніи —, то въ этомъ заслуга, прежде всего, двухъ людей — Набокова и Кокошкина. Въ Юридическомъ Совѣщаніи при Временномъ Правительствѣ и въ совѣщаніи по составленію закона о выборахъ въ Учредительное Собраніе оба они стояли въ первомъ ряду. Юридическое Совѣщаніе было маленькой, быстро спѣвшейся коллегіей юристовъ, и работа въ ней была легка и пріятна. Но комиссія по составленію закона о выборахъ въ Учедительное Собраніе была многоголовымъ сборищемъ, почти парламентомъ, и тѣмъ, кто, какъ Набоковъ, принималъ въ ней дѣятельное участіе, приходилось преодолѣвать величайшіе трудности. Я хорошо помню Набокова въ качествѣ предсѣдателя редакціонной комиссіи совѣщанія, при обсужденіи правилъ о выборахъ на фронтѣ. Надо думать, что соотвѣтствующая часть положенія о выборахъ навсегда останется единственнымъ въ своемъ родѣ прецедентомъ въ исторіи избирательнаго права. Всеобщіе выборы въ ихъ самой современной и тончайшей постановкѣ приходилось примѣнить въ полевыхъ окопахъ, лицомъ къ лицу съ нѣмецкой тяжелой артиллеріей. Сколько настойчивости, выдержки и политики надо было вкладывать въ эту работу, чтобы не сдѣлать изъ выборовъ на фронтѣ простого предлога для дезертирства. Приходилось съ трудомъ отбиваться отъ максимализма лѣвыхъ коллегъ, частью все еще не успѣвшихъ къ тому времени научиться государственному дѣлу.

Въ концѣ концовъ, работа была закончена и выборы назначены. Но обстановка, въ которой имъ надлежало протекать, была окончательно испорчена. Если въ маѣ мѣсяцѣ, когда Набоковъ писалъ свой призывъ не брать en bloc русской революціи, можно было еще питать какія-то иллюзіи, то въ осенніе мѣсяцы, когда въ Собраніи узаконеній стали одна за другой появляться отдѣльныя части положенія о выборахъ въ Учредительное Собраніе, власть оказалась окончательно расшатанной.

Ее всячески чинили и подмазывали за эти мѣсяцы. Набоковъ быстро — послѣ ухода съ должности управляющаго дѣлами Временнаго Правительства — запявшій одно изъ первыхъ мѣстъ въ составѣ руководителей кадетской партіи, принималъ участіе во всѣхъ безконечныхъ эпизодахъ междупартійныхъ переговоровъ «о конструкціи власти», какъ тогда говорилось. Онъ приходилъ въ полное отчаяніе. Людьми въ ту минуту владѣли въ Россіи слова, не воля. Психозъ словъ порождалъ безысходное всеобщее безволіе. Отъ «полноты власти» остались только жесты Керенскаго. Набоковъ вкладывалъ во всѣ эти попытки столковаться съ лѣвыми и помочь бѣдѣ самую строгую добросовѣстность и добрую волю. Даже близкимъ онъ не сознавался въ томъ, что въ послѣдніе мѣсяцы Временнаго Правительства было, я убѣжденъ, его внутреннимъ смертнымъ приговоромъ февральской революціи. Онъ пользовался, я знаю, довѣріемъ лѣвыхъ и всегда защищалъ публично и въ партіи такъ-называемый «коалиціонный» принципъ.

Оставалась послѣдняя надежда и послѣдняя ставка — Учредительное Собраніе. Набоковъ баллотировался, и былъ избранъ. Онъ дѣятельно велъ предвыборную кампанію, постоянно выступая на митингахъ въ Петербургѣ и Петербургской губерніи. Продолжалась работа и другого рода. Послѣ закрытія совѣщанія по выработкѣ закона объ Учредительномъ собраніи въ качествѣ его преемницы оставалась дѣйствовать, для руководства выборами и разъ-

ясненія избирательнаго закона, такъ-называемая «Всероссійская Комиссія по выборамъ въ Учредительное Собраніе». В. Д. Набоковымъ былъ ея товарищемъ предсѣдателя. Вы помните, что выборы въ Учредительное Собраніе происходили послѣ большевистскаго переворота. Комиссія продолжала засѣдать, слѣдя ежедневно, какъ рушилась всякая законная почва для выборовъ. Въ качествѣ товарища предсѣдателя комиссіи Набоковъ подписалъ 8 ноября воззваніе отъ имени комиссіи, кончавшееся словами: «Тягчайшая отвѣтственность передъ родиной падетъ на всѣхъ, кто дерзнетъ покуситься на правильность избранія Учредительнаго Собранія, съ которымъ вся страна связываетъ нынѣ свои надежды». Эти слова были заключительнымъ аккордомъ всей организаціонной работы эпохи Временнаго Правительства, кануномъ послѣдняго пораженія организаціонной формулы февральской революціи. Черезъ нѣсколько дней въ засѣданіе Всероссійской Комиссіи вошелъ взводъ солдатъ, принесшій собственноручно написанное распоряженіе Ленина объ арестѣ «кадетско-оборонческаго состава» комиссіи; В. Д. Набоковъ и всѣ мы были отведены въ Смольный.

Въ спорахъ послѣднихъ лѣтъ о русской революціи я не чувствовалъ сознанія глубокой трагичности всего того, что тогда совершилось. Разбиралось, кто повиненъ и въ чемъ, одни искали въ судьбахъ ея уроковъ и предостереженій для будущаго, другіе доказывали, что надо вернуться къ ея завѣтамъ. Но надъ всѣми этими спорами, по мнѣ, господствуетъ одинъ, стоящій внѣ всякаго спора, фактъ: съ попыткой построить русское народовластіе связало себя, такъ или иначе, въ той или другой формѣ, какъ участники или какъ оппозиція, съ вѣрой или безвѣріемъ, огромное большинство русскаго общества, все, что было въ немъ лучшаго. Я старался напомнить Вамъ сегодня, что вложилъ въ эту попытку В. Д. Набоковъ. Весь его разумъ и вся его воля, весь его сдержанный и культурный, но глубокій внутренній энтузіазмъ, все отдано было государственному дѣлу въ эту трагическую полосу русскаго историческаго развитія. Вмѣстѣ съ другими Набоковъ потерпѣлъ пораженіе. Но можно ли забыть, что оно было пораженіемъ всего, что было въ народѣ истинно цѣннаго. «Роковая, родная страна», сказано въ стихотвореніи Блока. Да и то, и другое вмѣстѣ: роковая и родная. Року ея была принесена жертва Набокова. Но онъ отдалъ себя родинѣ.

Чрезвычайная Комиссія по дѣламъ о бывшихъ Министрахъ

полковника С. А. Коренева

Поздно вечеромъ присылаютъ мнѣ казенный пакетъ: «Срочно. Главный Военный Прокуроръ проситъ Васъ явиться въ Управленіе завтра къ 11 ч. дня».

На дворѣ май 1917 года. Въ Петроградѣ скверно. Настроеніе тревожное. Въ арміи полный развалъ. На фронтѣ митингуютъ, а здѣсь солдаты распоясались окончательно, безчинствуютъ, глумятся надъ офицерами, совершенно вышли изъ всякаго повиновенія и давно уже превратились въ озорничающую толпу. Только на верхахъ еще стараются соблюсти кое-какой порядокъ и декорумъ.

На утро нацѣпляю ордена и отправляюсь по приглашенію. Въ кабинетѣ меня встрѣчаетъ небольшого роста, сухощавый и для генеральскихъ чиновъ еще совсѣмъ юный брюнетъ.

— «Хотите быть назначеннымъ въ Верховную Комиссію по разслѣдованію дѣйствій бывшихъ министровъ? Дѣло нужное, интересное, а, главное, познакомитесь непосредственно со всей этой гнилью отжившаго строя».

— Ого, думаю: какое опредѣленное отношеніе къ прошлому, а вѣдь этого въ тебѣ, голубчикъ, что-то не было особенно замѣтно за цѣлые десятки лѣтъ твоей царской службы. Ну да, теперь и покрупнѣе тебя «особы» перекрасились! Такъ тебѣ и Богъ велѣлъ...

— «Согласенъ», отвѣчаю — «но не знаю, въ чемъ же будутъ заключаться мои обязанности?»

— «Будете производить слѣдствіе о бывшемъ военномъ министрѣ генералѣ Бѣляевѣ и командующемъ арміей генералѣ Ренненкампфѣ, а тамъ и другія дѣла къ Вамъ поступятъ по мѣрѣ того, какъ комиссія будетъ расширять свою дѣятельность. Пока же ѣдемте вмѣстѣ, я Васъ представлю предсѣдателю комиссіи».

Ѣдемъ на растрепанномъ дребезжащемъ автомобильчикѣ въ Зимній дворецъ.

Комиссія работаетъ въ помѣщеніи запасной половины дворца. Во дворцѣ — старые лакеи въ ливреяхъ, швейцары, все честь честью...

Проходимъ въ одну изъ залъ. Въ огромной комнатѣ засѣдаетъ президіумъ комиссіи. Во главѣ Муравьевъ, извѣстный московскій присяжный повѣренный.

Члены: академикъ Ольденбургъ, сенаторъ Ивановъ, членъ Государственной Думы Родичевъ, знаменитый авторъ приказа № 1 — присяжный повѣренный Соколовъ, Караханъ (тогда еще меньшевикъ), редакторъ «Былого» Щеголевъ и еще кое-кто изъ менѣе важныхъ. Секретаремъ по собиранію документовъ и редактированію протоколовъ допроса министровъ состоитъ А. А. Блокъ.

Муравьевъ милостиво, по-архіерейски ладонью внизъ, суетъ мнѣ свою холеную руку. — «Очень радъ». Церемонія введенія въ храмъ правосудія закончена.

Хочу немедленно же принять въ свое веденіе дѣла. Иду въ верхній этажъ. Тамъ происходитъ вся черновая работа комиссіи, — президіумъ дѣлаетъ лишь постановленія о привлеченіи къ отвѣтственности, даетъ свои заключенія по законченнымъ слѣдствіямъ, утверждаетъ и измѣняетъ мѣры пресѣченія и даетъ общія руководящія указанія.

Подымаюсь по лѣстницѣ — комнаты направо, комнаты налѣво, — вездѣ строчатъ, гудятъ, какъ шмели, трещатъ машинки. Десятки судей, прокуроровъ, предсѣдателей судовъ, палатъ пристегнуты сюда въ качествѣ профессіональныхъ работниковъ.

По дорогѣ наталкиваюсь на довольно полную, прихрамывающую даму въ черномъ костюмѣ. «Вырубова, — съ допроса», — вполголоса замѣчаетъ спутникъ. Дальше, у окна, толстая фигура мрачно смотритъ въ пространство — Хвостовъ, бывшій Министръ Внутреннихъ Дѣлъ до Протопопова. Бочкомъ, стараясь проскользнуть незамѣченными, пробираются еще какіе-то бывшіе люди.

Дѣла принялъ. Начинаю съ Бѣляева. Бывшій Военный Министръ, величина не очень замѣтная на Петроградскомъ чиновномъ небосклонѣ въ отношеніи своего вліянія и связей, но интересный субъектъ, какъ типичный петроградскій чиновникъ. Вся его жизнь по штабамъ и канцеляріямъ, съ одной іерархической ступеньки на другую, — все выше и выше. Спалъ и дневалъ обложившись бумагами. Форма и форма — вотъ главное. — Содержаніе же — во-вторыхъ. Знать всѣ начальственныя отношенія, циркуляры, предписанія, инструкціи, умѣть отписаться, наловчиться самому создавать правила и регламентаціи, стригущія все и всѣхъ подъ одну гребенку, но, Боже сохрани, — не касаться лишь живого дѣла — вотъ катехизисъ. Засохнуть на ворохахъ бумагъ, пропахнуть канцелярской плѣсенью и превратиться въ какую-то чернильную запятую — незавидный удѣлъ человѣка. — Но Бѣляевъ былъ, именно, такимъ.

И дѣла-то, въ которыхъ онъ обвиняется, такія же мелкія, чернильныя, какъ онъ самъ. Чтобы угодить царицѣ, по ея указанію, онъ перевелъ сына Григорія Распутина изъ Сибири въ санитары въ Петергофъ. По просьбѣ Коковцева принялъ на службу въ Главный Штабъ какого-то прапорщика изъ числа банковскихъ тузовъ, по желанію императрицы же вмѣшался не въ свое дѣло и отдалъ распоряженіе, не обыскивать на границѣ пріѣзжавшихъ въ Россію во время войны австрійскихъ сестеръ милосердія. По соглашенію съ Протопоповымъ, приказалъ неподчиненной ему военной цензурѣ не пропускать въ печать отчета засѣданія кабинета министровъ, отсуждавшаго вопросъ объ отношеніяхъ съ Польшей и т. п. На фонѣ грозныхъ событій войны и только-что развернувшейся революціи, — все это такъ повседневно, такъ ничтожно, что

просто не хочется ковыряться во всѣхъ этихъ «превышеніяхъ власти». За кѣмъ изъ власть имущихъ такихъ грѣховъ не водилось — и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ?

Разбираюсь дальше, ищу слѣдовъ интриги, покушенія на народное благо, хищеній, сговора съ врагами Россіи. Нѣтъ, на это не находится даже и самыхъ отдаленныхъ намековъ. Правда, обнаруживаются еще какія-то мелочи, вродѣ уничтоженія Бѣляевымъ нѣсколькихъ неважныхъ бумагъ, и даже не оригиналовъ, а копій, — но сдѣлано было это не изъ злого умысла, а изъ нежеланія, чтобы документы, имѣвшіе отношеніе къ войнѣ, попали бы въ руки толпы, когда она въ мартовскіе дни врывалась къ нему въ квартиру. Вотъ и всѣ Бѣляевскіе грѣхи.

Докладываю президіуму: «Въ дѣйствіяхъ бывшаго военнаго министра ничего сугубо преступнаго найти не могъ, полагаю необходимымъ его изъ-подъ стражи освободить».

Оказывается, въ составѣ президіума имѣется два теченія, — одно болѣе мягкое, старающееся каждое дѣло разсмотрѣть и съ точки зрѣнія закона и со стороны простой справедливости, и другое, не знающее ничего, кромѣ желанія «оправдать довѣріе общества и расправиться съ злодѣями».

Ивановъ, Родичевъ, Щеголевъ подходятъ къ дѣлу бывшаго военнаго министра просто: — «Были-де у человѣка формальные грѣшки, за это грозитъ ему по закону отставленіе отъ службы. Но онъ и безъ того уже отъ нея отставленъ, сидитъ, кромѣ того, уже почти три мѣсяца въ тюрьмѣ, такъ и Богъ съ нимъ — выпустить его пока изъ этой ужасной Петропавловки. А тамъ, если понадобится его судить и представится къ этому возможность, то отъ суда онъ никуда не уйдетъ».

Но тутъ на дыбы Муравьевъ и всѣ остальные: — «Какъ освободить?! Да Вы хотите на насъ навлечь негодованіе народа. Да если бы Бѣляевы даже и совсѣмъ были бы невиновны, то теперь нужны жертвы для удовлетворенія справедливаго негодованія общества противъ прошлаго. А за бывшимъ военнымъ министромъ все-таки имѣется большой грѣхъ — его угодливость передъ власть предержащими. За это одно нужно его сгноить въ тюрьмѣ».

Условія защиты неблагопріятны — кругомъ подвываетъ толпа: «Распни ихъ», а толпа теперь — хозяинъ, и защитники безпристрастія почти безъ боя сдаютъ свои позиціи. Предписывается держать Бѣляева по прежнему въ заключеніи и лишь, въ виду его болѣзненнаго состоянія, перевести его изъ Петропавловской крѣпости на Фурштадтскую, въ бывшее жандармское управленіе, гдѣ условія заключенія несравненно мягче.

Для личнаго допроса Бѣляева и для распоряженія по переводу его въ новое помѣщеніе отправляюсь въ крѣпость. Мнѣ даютъ казенныхъ лошадей изъ бывшей царской конюшни. Ѣду. Черезъ Іоанновскія ворота во дворѣ крѣпости, мимо собора, заворачиваемъ у Монетнаго двора налѣво, еще поворотъ, два, и натыкаемся на заборъ.

У калитки звоню. Гремятъ ключи, требуютъ пропускъ. Во внутреннемъ дворѣ сѣрое, угрюмое зданіе — какой-то равелинъ — мѣсто заключенія десятковъ и сотенъ русскихъ революціонеровъ. Теперь тамъ тѣ, которые такъ недавно еще всевластно распоряжались судьбами Россіи.

По узкой лѣстницѣ подымаюсь въ канцелярію. Снова провѣряютъ документы, дѣлаютъ какія то отмѣтки. Расчитываю, что проведутъ непосредственно въ камеру, къ заключенному.

Однако, этого здѣсь не допускается: солдаты караула крѣпости захватили управленіе всѣмъ въ свои руки, установили свой распорядокъ и никакихъ тамъ особыхъ полномочій и указовъ какой то комиссіи не признаютъ. На первыхъ порахъ послѣ переворота, заключенныхъ не докармливали, примѣшивали имъ въ пищу битое стекло, опилки, говорятъ, — колотили, и теперь держатъ ихъ въ камерахъ безвыходно, въ грязи. Не только посторонняго вмѣшательства, но и постороннаго глаза не допускаютъ.

Бѣляева съ часовымъ вводятъ въ большую комнату, гдѣ раньше была пріемная. Щуплый, бѣлесоватый генералъ, съ пугливой походкой, весь съежившійся, растерянный. Ну, совсѣмъ затравленный заяцъ. На плечахъ еще генеральскіе погоны, но отъ генеральства не осталось и слѣда. Попалъ человѣкъ въ капканъ, и только и думаетъ о томъ, что вотъ-вотъ его пристукнутъ. Глаза тревожно бѣгаютъ, озираются.

Здороваемся, прошу его садиться.

— «Ничего, ничего, я и постоять могу, — можетъ быть при допросѣ садиться не разрѣшается?»

Смотрю на него съ удивленіемъ: серьезно онъ это или издѣвается? Нѣтъ, ему, повидимому, не до шутокъ, а просто привыкъ уже къ глумленію, когда солдаты на него покрикивали: — «Ну, ты, генералъ, подтягивайся, мы тянулись, а теперь и ты попробуй солдатской палки». У дверей часовой сидитъ, развалившись въ креслѣ, и ухмыляется.

Дѣлается какъ то неловко, и не знаешь, какъ бы поскорѣе найти простой тонъ, чтобы вывести затравленнаго изъ этого его чувства придавленности.

Садимся оба, — начинаю пока частный разговоръ о семьѣ генерала, о томъ, какъ живется ему въ крѣпости. Вижу, человѣкъ оживляется. Меньше его передергиваетъ, не вскакиваетъ уже съ мѣста чуть ли не при каждомъ задаваемомъ ему вопросѣ. Дальше больше, — касаемся уже краешкомъ и современнаго положенія вещей «на волѣ». Правда, съ большой опаской. Часовой вѣдь тутъ, но, повидимому, онъ попался изъ добродушныхъ или простоватыхъ — сидитъ, зѣваетъ, завернулъ себѣ цигарку, куритъ и подремываетъ.

Генералъ совсѣмъ отошелъ, попросилъ даже разрѣшенія закурить и самъ уже начинаетъ аттаку на меня: жалуется, что его понапрасну мучаютъ, что онъ больной, умирающій человѣкъ, безвредный для новой власти, тѣмъ болѣе, что и раньше онъ былъ далекъ отъ политики, и, какъ человѣкъ службы, дѣлалъ только то, что ему предписывалъ долгъ.

Говоримъ долго, записываю отдѣльныя показанія, касающіяся предъявленныхъ Бѣляеву обвиненій, въ протоколъ. Передъ прощаніемъ объявляю о постановленіи комиссіи перевести его на Фурштадтскую.

Опять испугался, поблѣднѣлъ весь: — «На Фурштадтскую! Зачѣмъ? Это означаетъ что-нибудь дурное?»

Успокаиваю, объясняю, что тамъ и докторъ будетъ, и газеты можно будетъ получать и, вообще, режимъ совершенно иной.

Радуется и не вѣритъ, смотритъ испытующе черезъ пенснэ: «не надуваютъ ли?» Потомъ сразу проникается довѣріемъ, хватаетъ за руку и шепчетъ: «Благодарю васъ, вѣдь мнѣ бы только въ отставку бы поскорѣе уволиться, да пенсію получить и довольно, только бы пенсію».

Въ комиссіи одно дѣло тянетъ за собою другое. Вспомнили о Ренненкампфѣ — открылись страницы карательной экспедиціи 1905—6 годовъ, дошли до Протопопова — стали перещупывать всѣхъ бывшихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, до Штюрмера включительно.

На меня, кромѣ Бѣляевскаго дѣла и дѣла о Ренненкампфѣ, взваливаютъ разслѣдованіе провокаціи Азефа. Интересно все это, — и люди, и событія проходятъ передъ тобою съ исторической точки зрѣнія весьма значительныя, но для суда то ничего здѣсь нѣтъ, кромѣ трухи и живыхъ покойниковъ. Ну какъ судить за то, что уже много разъ покрыто всякими сроками давности или же было совершено людьми, дѣйствовавшими въ предѣлахъ и на основаніи существовавшаго тогда закона, хотя бы и противъ началъ современной демократіи. Судъ не расправа и въ качествѣ боевого органа дѣйствовать не можетъ, для этого существуютъ другія средства. Мы пытаемся поэтому на долю каждаго изъ нашихъ «кліентовъ» наскоблить хоть сколько-нибудь уголовщины, чтобы какъ-нибудь сохранить видимость законности и оправдать дѣйствія комиссіи по сажанію представителей стараго строя въ узилища.

По Бѣляевскому дѣлу вызываю свидѣтелей, къ нѣкоторымъ, теперешнимъ сановникамъ, — ѣзжу на квартиру самъ. Тутъ цѣлый калейдоскопъ лицъ, — всѣ они разныя по занимаемому соціальному и общественному положенію, молодые и старые, бодрые и изжившіе себя, царскіе генералы и сегодняшніе министры, — всѣ разные и въ то же время всѣ одинаковые въ одномъ — въ своемъ душевномъ настроеніи. Ни у кого изъ нихъ нѣтъ увѣренности въ сегодняшнемъ днѣ. Одни больше, другіе меньше, но всѣ чего то ждутъ, на завтрашній день смотрятъ съ опаскою, ни въ одномъ нѣтъ вѣры въ то, что уже кое-что достигнуто, на что то можно оперется.

Наиболѣе характеренъ въ этомъ отношеніе, незадолго до моей встрѣчи съ нимъ оставившій должность военнаго министра — Гучковъ.

Онъ мнѣ нуженъ, какъ главный свидѣтель по поднятому имъ въ свое время въ Государственной Думѣ вопросу о провалѣ Бѣляевымъ дѣла закупки у англичанъ ружей и пулеметовъ. Обвиненіе это дутое, данныхъ, его подкрѣпляющихъ, совершенно нѣтъ, но оставить его безъ формальнаго обслѣдованія невозможно.

У Гучкова на квартирѣ сталкиваюсь съ какими то господами — повидимому, иностранцами: «американскій сенаторъ Смитъ съ секретаремъ». Послѣ ихъ ухода около часа допрашиваю Гучкова, а затѣмъ задерживаюсь еще на нѣкоторое время у него въ кабинетѣ: говоримъ о злобахъ дня. Гучковъ совершенно растерянъ, по его мнѣнію гибель Россіи уже окончательно опредѣлилась, надѣяться больше не на что. Армія развалилась, а съ нею погибъ и государственный аппаратъ, создались вчера еще совершенно немыслимыя возможности, и Германія вотъ-вотъ проглотитъ Россію живьемъ. Кругомъ все плохо, и нѣтъ человѣка, который могъ бы сплотить вокругъ себя всѣхъ честныхъ людей и вдохнуть сознаніе долга въ тѣхъ, которые его утеряли. Въ разговорѣ, при перечисленіи факторовъ разложенія боевой мощи, много вниманія удѣляется соціалистамъ, но о большевикахъ еще не говорится, они пока еще quantité négligeable, не наступили еще іюньскіе дни, когда впервые съ очевидностью сказалась ихъ разрушающая работа.

Отъ Гучкова все по тому же дѣлу Бѣляева ѣду къ помощнику военнаго министра генералу Маниковскому. Этотъ весь пропикнутъ одной вѣрой, одной надеждой: «спасенье въ Керенскомъ», — вотъ національный вождь, который сосредоточиваетъ на себѣ всю любовь, всю вѣру страны. «Если бы Вы знали,

какъ въ каждомъ словѣ этого человѣка чувствуется воля, желѣзная энергія, умъ и горячая любовь къ родинѣ. Пока онъ дѣйствуетъ, Россія еще не погибла».

Генералъ говоритъ такъ, какъ будто себя самого хочетъ убѣдить въ правотѣ своихъ мыслей. Чувствуется, что и здѣсь наболѣло, и тутъ ищутъ спасенія и придумываютъ героя, чтобы хоть на немъ то немного отдохнуть душою. Отъ такихъ разговоровъ внутри у самого себя остается какая то слякоть и въ головѣ сумбуръ. Невольно удивляешься, что есть еще чудаки, которые на насъ, представителей новой власти, смотрятъ съ боязнью и считаютъ за силу. Вотъ ужъ воистину: «для мыши сильнѣе кошки звѣря нѣтъ». Это, — помимо сидящихъ за рѣшеткою, — вызываемые для всякаго рода допросовъ и объясненій, бывшія «особы».

Первымъ номеромъ изъ нихъ идетъ князь Голицынъ — предсѣдатель совѣта министровъ въ дни февральскаго переворота. Добродушный русскій баринъ, старый рамоликъ, волей судебъ оказавшійся руководителемъ политики великой имперіи въ самый тяжелый переживаемый ею моментъ.

Когда я увидѣлъ его въ первый разъ въ комиссіи, то искренно удивился, неужели же у царя не было людей понадежнѣе этого присюсюкивающаго, волочащаго ноги подагрика. И внѣшнее впечатлѣніе вполнѣ оправдывается при слѣдующемъ болѣе близкомъ съ нимъ знакомствѣ: при допросахъ, какъ ни стараюсь я добиться отъ него хотя сколько-нибудь толковаго отвѣта о томъ, что дѣлалось въ послѣдніе дни передъ переворотомъ въ правительственныхъ кругахъ, о засѣданіяхъ совѣта министровъ, о роли, которую тогда игралъ Бѣляевъ, — все безплодно.

Голицынъ, о чемъ его ни спросишь, ничего не помнитъ, ничего не знаетъ. Одно желанье — поскорѣе и подальше отъ насъ удрать. Мучаюсь съ нимъ, мучаюсь, и потомъ, какъ то невольно, спрашиваю:

— «Простите, князь, за нескромный вопросъ, — но какъ это васъ, при вашемъ очевидномъ нежеланіи стоять во главѣ правительства, назначили на такой отвѣтственный постъ?»

— Голицынъ въ отвѣтъ недоумѣнно разводитъ руками и вдругъ неожиданно заявляетъ:

— «Представьте себѣ, я и самъ этого не понимаю. Я все время имѣлъ дѣло лишь съ императрицею Александрой Феодоровной, былъ ея помощникомъ по предсѣдательствованію въ комитетахъ. Однажды, мѣсяцевъ восемь тому назадъ, вызываютъ меня въ Александровскій дворецъ. Отправляюсь и думаю, что меня требуетъ императрица, но, оказывается, проводятъ меня не на ея половину, а въ пріемную государя. Удивляюсь и жду. Выходитъ царь и начинаетъ со мною разговоръ о создавшемся положеніи вещей въ нашей внутренней политикѣ, о своемъ отношеніи къ Государственной Думѣ, а потомъ вдругъ говоритъ:

«А я васъ, Александръ Николаевичъ вызвалъ вѣдь спеціально для совѣта, — мнѣ нуженъ энергичный и опытный предсѣдатель совѣта министровъ, — кого бы вы могли мнѣ на это мѣсто рекомендовать?»

— «Простите, ваше величество, отвѣчаю: но я стою отъ государственной дѣятельности далеко, близко съ современными общественными дѣятелями незнакомъ и указать на кого-либо изъ нихъ затрудняюсь».

— Вижу, — государь въ отвѣтъ усмѣхается: — «а я, именно, васъ то и хочу просить принять это назначеніе!»

Тутъ я совсѣмъ уже растерялся. «Какъ», говорю: «меня, ваше величество, — да я же совсѣмъ ужъ не въ состояніи исполнить такихъ сложныхъ и отвѣт

ственныхъ обязанностей, которыя возлагаются на предсѣдателя совѣта министровъ. — Увольте, ваше величество, готовъ я вамъ служить всею правдою, какъ раньше служилъ, но только не на такомъ посту: нѣтъ у меня ни опыта, необходимаго для этой дѣятельности, нѣтъ и подходящихъ помощниковъ, — да и способности у меня уже не тѣ — старъ я, ваше величество, не справлюсь съ такою работой».

Долго мы потомъ еще бесѣдовали, отговаривалъ я, отговаривалъ царя, — вижу онъ задумался. «Ну, что же съ вами подѣлаешь», — говоритъ въ концѣ концовъ: «Я не хочу васъ принуждать, а просьбы мои безсильны, — помогайте попрежнему императрицѣ, — она васъ очень цѣнитъ, а я подумаю о назначеніи другого лица на должность предсѣдателя совѣта».

Откланялся я обрадованный, — вотъ думаю, — гора съ плечъ свалилась, — а черезъ два дня послѣ этого получаю именной указъ о назначеніи меня предсѣдателемъ совѣта министровъ. И откровенно вамъ говорю, тяготила меня эта должность ужасно, только и мечталъ о томъ, какъ бы съ нею разстаться, а тутъ вотъ революція, и я какъ куръ во щи попалъ».

Голицына послѣ этого нашего свиданія съ нимъ я уже не вызывалъ, и онъ скрылся съ моего горизонта.

За Голицынымъ на слѣдствіи появляются и другія характерныя фигуры. Вотъ Бѣлецкій, бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, а до этого директоръ департамента полиціи. Это человѣкъ, выслужившійся изъ писарей, прошедшій «огонь, воду и мѣдныя трубы»; за чрезвычайное усердіе, умѣнье быть «на всѣ руки», за талантливость въ исполненіи всякихъ, порою весьма и весьма щекотливыхъ начальственныхъ порученій, извлеченный изъ нѣдръ небытія и сопричтенный къ петроградскому чиновному Олимпу. Здѣсь на его долю, между прочимъ, выпала обязанность охаживать Распутина. Бѣлецкій, попавъ при переворотѣ за рѣшетку, рѣшилъ, что спастись онъ можетъ только полной откровенностью, не щадя въ своихъ показаніяхъ ни себя, ни другихъ, — и въ этой откровенности онъ дошелъ до виртуозности.

Допрашивать его я ѣзжу въ Петропавловку. Бѣлецкій — плотный, бородатый, высокаго роста и семинарскаго облика мужчина. Когда его выводятъ для допроса, онъ, повидимому, уже заранѣе подготовленъ изображать кающуюся грѣшницу. Объ этомъ говорятъ и смиренный тонъ его, и стараніе предупредить каждый вопросъ, и полное «распоясываніе», да еще такое, что даже не вѣрится въ правдивость всего того, что онъ съ такою готовностью выкладываетъ. Бѣлецкій разсказываетъ, между прочимъ, какъ они вмѣстѣ съ Хвостовымъ старались забрать Распутина въ свои руки, какъ съ этой цѣлью спаивали его, сводили съ дѣвицами и дамами, какъ Распутинъ и монахъ Мардарій учиняли дебоши и сколько на это ухлопывалось казенныхъ денегъ «изъ негласныхъ суммъ».

Показанія Бѣлецкаго — это фельетонъ для «Петербургской газеты». Тутъ и генералы, и тибетскіе врачи, обдѣлывающіе черезъ Распутина темныя дѣлишки, получающіе разныя концессіи, аренды, назначенія. Тутъ и дамы свѣта, идущія на все, чтобы вывести въ люди своихъ мужей и любовниковъ, тутъ и суевѣрная, психически больная царица, съ которой Гришка выкидываетъ разныя «колѣна». За нею безвольный, недалекій царь, а вокругъ раболѣпствующія и ползающія на карачкахъ передъ пьянымъ, себѣ на умѣ, мужикомъ «особы».

Роль Бѣлецкаго среди этого хоровода, центральной фигурой которой былъ Распутинъ, довольно таки непривлекательная. Онъ и сводникъ, онъ и устроитель

«афинскихъ» вечеровъ, онъ же и хищникъ, прикарманивающій добрую часть суммъ, брошенныхъ на развлеченія царскаго молитвенника. И это тотъ самый Бѣлецкій, который въ своей семейной жизни извѣстенъ, какъ примѣрный мужъ, заботливый воспитатель принятой имъ въ качествѣ дочери сиротки, добрый, религіозный и скромный въ домашнемъ обиходѣ человѣкъ.

При дальнѣйшемъ ходѣ судебнаго слѣдствія, кромѣ Бѣлецкаго, сталкиваюсь и съ другими дѣятелями департамента полиціи — генералами Климовичемъ, Спиридовичемъ и Герасимовымъ. Послѣдній, — бывшій начальникъ Петроградской охранки — травленный волкъ, ко всякому предлагаемому ему вопросу подходитъ осторожно, обнюхиваетъ его со всѣхъ сторонъ и отвѣчаетъ на все такъ, чтобы за него то лично нельзя было зацѣпиться. Служилъ, ловилъ, сажалъ, — вотъ и все, а кого какъ, за что, имѣлъ ли на это право, — это все погребено въ прошломъ, — нѣтъ слѣдовъ и отвѣтственности...

Два первыхъ — совсѣмъ изъ другого тѣста. Спиридовичъ вѣдалъ дворцовой охраной и Климовичъ былъ московскимъ градоначальникомъ, а затѣмъ директоромъ департамента полиціи. Эти оба хлыщеваты, оба любятъ много говорить на высокія темы, имѣютъ связи, чему обязаны своей карьерой. Спиридовичъ старается показать, что жандармская служба для него была — печальная необходимость, а въ сущности онъ лишь пользовался ею, занимаясь историческими изысканіями и составляя по жандармскимъ архивнымъ документамъ исторію революціоннаго движенія въ Россіи. Климовичъ бьетъ на свои общественныя заслуги и постоянное стремленіе идти навстрѣчу передовымъ идеямъ, — за это, де, его любили въ Москвѣ и баловали въ Петербургѣ. Въ общемъ, оба эти господина стараются поддѣлаться подъ тонъ времени и на задаваемые имъ вопросы о спеціальныхъ методахъ охранки, оскорбленно поводятъ плечами: — «Что Вы, за кого Вы насъ принимаете, да мы всегда были и есть либералы, а служба для насъ была лишь форма и непріятная необходимость». И смѣшно съ ними, и досадно: неужели же они насъ разсчитываютъ обойти такими дѣтскими пріемами, увернуться отъ необходимости просто отвѣчать тамъ, гдѣ цѣна жандармскому «утиранію слезъ невинныхъ» извѣстна каждому по личному опыту. Невольно самъ сбиваешься съ безпристрастія и начинаешь на нихъ смотрѣть непріязненно.

Совсѣмъ иное чувство вызываетъ другое колоритное лицо изъ галлереи царскихъ генераловъ, но взятое уже не изъ чиновныхъ, придворныхъ или жандармскихъ сферъ, а непосредственно изъ арміи — это Ренненкампфъ. Надо было только вспомнить, что представлялъ собою онъ въ прошломъ, чтобы ахнуть отъ того вида, въ какомъ я его засталъ въ майскіе дни въ крѣпостной тюрьмѣ.

Ренненкампфъ прошлаго, — генералъ на бѣломъ конѣ, выкидывающій фокусы въ китайскую кампанію, забирающій съ сотнею казаковъ беззащитные китайскіе города, добывая себѣ награды великолѣпными реляціями о мнимыхъ побѣдахъ, потомъ менѣе уже удачливый командиръ конницы въ японскую войну, затѣмъ, въ 1905-6 годахъ покрывшій себя громкою славой, свирѣпый усмиритель революціонеровъ. Ренненкампфъ, — бравый, усатый, съ орлинымъ взоромъ и львинымъ рыкомъ воевода, который въ мирное время, будучи командующимъ войсками, повергалъ въ трепетъ все ему подначальное, доводилъ до обморока командировъ полковъ, заставлялъ на маневрахъ войска побивать сверхъестественные рекорды скорости переходовъ, загоняя людей и въ зной, и въ вьюгу до полу-смерти, чтобы только показать «на что способенъ русскій солдатъ». Ренненкампфъ, который въ первые дни войны поклялся на мечѣ, что онъ отрубитъ

себѣ руку, если не возьметъ Берлина, и который такъ безславно осрамился какъ вождь, когда ему пришлось встрѣтиться съ нѣмцами носъ къ носу. Глупый, бездарный, но крикливый, шумливый и лично безспорно храбрый, — онъ и потомъ, когда его уже оставили отъ командованія арміей, сохранилъ за собою репутацію, хотя и ощипаннаго, а все же «орла», который, можетъ быть и съ дуру, лѣзетъ только впередъ, расшибаетъ себѣ голову, но не теряетъ отваги.

И вотъ я встрѣчаюсь съ нимъ, этимъ грознымъ, безпощаднымъ рубакой. Въ штатскомъ костюмчикѣ, изъ пиджака котораго выглядываетъ завязанная бичевкой арестантская рубаха, въ арестантскихъ туфляхъ, ко мнѣ, робко кланяясь и шаркая ножкой, подходитъ бородатый, обросшій по глаза щетиною, низенькій, приземистый, полусѣдой человѣчекъ. Ушедшіе куда то въ щелку глаза его смотрятъ боязливо и вопросительно.

— «Вы генералъ Ренненкампфъ?», спрашиваю я.

— «Такъ точно, господинъ», — мнется онъ, не зная, какъ меня именовать: — «я — Ренненкампфъ».

Когда онъ узнаетъ, что я изъ Верховной комиссіи и пріѣхалъ для его допроса, онъ начинаетъ подавленнымъ голосомъ, чуть ли не шопотомъ, бормотать: — «Я не имѣю никакого отношенія къ политикѣ, господинъ слѣдователь, — я былъ уже въ отставкѣ и не служилъ, когда меня арестовывали».

— «Хорошо», перебиваю я его: — «мнѣ надо съ вами поговорить по поводу вашихъ дѣйствій въ Восточной Пруссіи, вы обвиняетесь въ томъ, что вы и чины вашего штаба незаконно присвоили себѣ большое количество захваченнаго въ Пруссіи имущества частныхъ жителей и вывезли это имущество въ Россію».

Ренненкампфъ сначала ничего не отвѣчаетъ. Я слышу лишь два три придушенныхъ рыданія. Потомъ онъ, не обращая вниманія на оставшагося сзади часового, хватаетъ меня за руку, и я едва успѣваю ее выдернуть — мнѣ кажется, что онъ хочетъ ее поцѣловать.

— «Помилуйте», слышится среди всхлипываній, «это все происки враговъ, я знаю, что во многомъ меня теперь можно обвинять, но я не воръ».

Проходитъ довольно много времени, пока онъ успокаивается и наступаетъ возможность говорить съ нимъ по его дѣлу. Дѣло это не хитрое, факты на лицо: сукна и матеріи изъ разграбленныхъ нѣмецкихъ магазиновъ, піанино, граммофоны и разные бюргерскіе бебехи, сервизы и другія цѣнныя вещи изъ прусскихъ офицерскихъ собраній и ферейновъ забирались широкой рукой и вывозились домой обозами. Но всѣ эти обвиненія касаются самого Ренненкампфа только краемъ: лично онъ взялъ себѣ на память какой-то дешевенькій альбомъ съ карточками Вильгельма и его присныхъ, одно-два старинныхъ ружья, такое же знамя, — но вообще, не имѣющую никакой особой цѣны ерунду. За то его адъютанты В. и Г., — тѣ охулки на руку не положили, брали все, что плохо лежало, и везли себѣ домой цѣлыя приданыя, до женскихъ юбокъ включительно.

При допросѣ, показаніями Ренненкампфа закрѣпляется лишь то, что было извѣстно уже давно, — это его попустительство, пожалуй, даже покровительство своимъ любимцамъ, которыхъ онъ, какъ будто нарочно, бралъ съ бору да съ сосенки, руководствуясь въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ, кажется, только двумя требованіями: чтобы во время чуть-ли не ежедневныхъ попоекъ они не отставали отъ своего шефа и безропотно переносили бы генеральскіе капризы и вѣчную генеральскую ругань.

Въ результатѣ допроса Ренненкампфа составляю постановленіе о привлеченіи В. и Г. къ отвѣтственности. Пока же допросъ Ренненкампфа прерываю: о

его «подвигахъ» во время карательной экспедиціи въ Сибири слѣдствіе производитъ прокуроръ иркутской судебной палаты, а боевыя дѣйствія Ренненкампфа въ качествѣ командующаго арміей комиссію не интересуютъ, — она ищетъ лишь гражданскихъ мотивовъ.

Уѣзжая изъ крѣпости около трехъ часовъ дня, просидѣвъ тамъ часа четыре, я вспоминаю, что въ свое время не сдѣлалъ перерыва въ допросѣ и можетъ быть этимъ заставилъ человѣка пропустить свой арестантскій обѣдъ. Обращаюсь къ Ренненкампфу:

— «Вы обѣдали?»

— «Никакъ нѣтъ — да это ничего-съ, мнѣ даже полезно поголодать. Пожалуйста, не безпокойтесь, до завтра потерплю».

— «Какъ до завтра, да развѣ Вамъ не дадутъ сегодня ѣсть?»

— «Нѣтъ-съ, насъ одинъ разъ въ день кормятъ, разъ пропустилъ, то ужъ больше не дадутъ».

— «Отчего же Вы мнѣ раньше ничего не сказали, я же могъ бы на полчаса, на часъ Васъ освободить отъ допроса?»

Конфузится и, потупивъ глаза, шепчетъ:

— «Не посмѣлъ-съ»...

И это Ренненкампфъ!

За спиною нашихъ кліентовъ, въ видѣ ихъ ангеловъ хранителей, появляются новыя фигуры. Это, во первыхъ, ихъ родственницы — жены, сестры, и дочери. У каждаго, или почти у каждаго, не только уже сидящаго за рѣшеткой, но и боящагося туда угодить, имѣется своя предстательница. Всѣ онѣ день деньской толкутся въ коридорахъ, выжидаютъ пока въ кабинетѣ не окажется никого изъ постороннихъ и тутъ уже налетаютъ.

На мою долю выпадаетъ горькая участь противостоять натиску сразу четырехъ дамъ. Онѣ ведутъ на меня аттаки и всѣмъ фронтомъ, и въ разсыпную. И, надо отдать имъ справедливость, умѣло ведутъ и кое-чего добиваются. Такъ, напримѣръ, мои жандармскіе генералы только благодаря имъ не попадаютъ туда, гдѣ «скрежетъ зубовный» и солдатское рукоприкладство. Правда, что тутъ не безъ дипломатическихъ пріемовъ и со стороны тѣхъ изъ насъ — членовъ комиссіи, — кто не сочувствуетъ стремленію создавать преступниковъ. Пріемы эти сводятся къ тому, чтобы какъ-нибудь сколотить въ президіумѣ большинство, которое, удовлетворившись «китами», хотя бы мелкую то рыбешку не забирало въ свои невода. А для этого необходимо преодолѣть одно препятствіе, — это сбить съ позиціи Муравьева и заставить его поменьше запугивать комиссію отвѣтственностью «передъ революціей и народомъ». Вотъ дамамъ и даешь инструкціи, какъ вѣрнѣе обойти гражданина-выразителя революціонной совѣсти. Онѣ его день уламываютъ, два, ну, а тамъ, смотришь, — адвокатское сердце въ отношеніи дамскихъ моленій тоже вѣдь не камень, — и получается отвѣтъ: «Дѣло вашего мужа у кого находится? — у NN, ну такъ, если NN найдетъ возможнымъ, пока вашего мужа не арестовывать, то я возражать не буду». Цѣль достигается, и однимъ сидѣльцемъ въ крѣпости становится меньше.

Но продѣлывать это можно только въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства дѣла позволяютъ идти навстрѣчу такимъ просьбамъ. Хуже дѣло обстоитъ,

когда и сдѣлать ничего нельзя, а передъ тобою цѣлыми днями скорбная фигура маячитъ. Бываютъ, впрочемъ, и такія молитвенницы, которыя ведутъ себя куда бойчѣе. У Ренненкампфа, напримѣръ, объявляется жена, — та просто требуетъ:

— «Освободите мужа, знать я не хочу вашихъ къ нему придирокъ. Его вся Европа знаетъ, Франція за свое спасеніе ему почетную саблю прислала, а тутъ на-те, вдругъ, тюрьма. Вы съ этой тюрьмой поосторожнѣе будьте, смотрите, какъ бы самимъ туда не угодить, когда большевики одолѣютъ».

Тогда еще можно было на это усмѣхаться, а черезъ 2 мѣсяца слова эти оказались пророческими.

Съ госпожей Ренненкампфъ я въ послѣдній разъ вижусь уже послѣ большевистскаго переворота — въ первыхъ числахъ ноября. Какими-то судьбами она въ это время встрѣчаетъ меня на одной частной квартирѣ и проситъ дать ордеръ въ тюрьму объ освобожденіи Ренненкампфа и выдачѣ его ей на поруки. Тюрьма эта, на Казачьемъ плацу, куда я раньше еще перевелъ Ренненкампфа — была уже, какъ и все въ Петроградѣ, во власти большевиковъ. Желѣзнодорожные поѣзда повсемѣстно почти не ходили, всюду шли грабежи и убійства, все стояло въ полномъ хаосѣ. Наши предписанія и распоряженія въ новыхъ условіяхъ, конечно, гроша ломаннаго не стоили, однако, получивши ордеръ, боевая дама сумѣла не только выцарапать своего мужа отъ большевиковъ, но и увезла его въ Таганрогъ, гдѣ у нея былъ родственникъ греческій консулъ. Какъ ей это удалось, я до сихъ поръ постичь не могу, могу лишь сказать, что такая бой-баба куда больше напоминала во всѣхъ своихъ операціяхъ неустрашимаго полководца, чѣмъ ея полинявшій супругъ.

Появленіе въ комиссіи заступниковъ изъ числа родственниковъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности лицъ, — оказывается явленіемъ не только неизбѣжнымъ, но, пожалуй, даже и полезнымъ. Только они, эти стонущіе, ноющіе, жалующіеся и навязчивые ходатаи за своихъ близкихъ, заставляютъ нѣкоторыхъ изъ насъ невольно оглядываться и отказываться, въ нѣкоторыхъ хотя бы случаяхъ, отъ роли выражателя «народнаго гнѣва».

Но вотъ, помимо этихъ серафимовъ, старающихся слезами разжалобить грозныхъ судей, въ роли непрошенныхъ адвокатовъ выступаютъ и настоящіе ужъ архангелы, которые, соотвѣтственно ихъ положенію, уже не просятъ, а приказываютъ и чуть-ли не силою уволакиваютъ отъ насъ нашихъ жертвъ, когда это имъ только вздумается. Съ такими своеобразными заступниками мнѣ приходится столкнуться впервые по дѣлу уже упомянутаго адъютанта Ренненкампфа, ротмистра В.

Этого В. я вызываю телеграммой съ фронта, гдѣ онъ въ это время служитъ интендантомъ одного изъ корпусовъ дѣйствующей арміи. В. является по вызову, но, когда послѣ допроса, я объявляю ему, что вынужденъ его немедленно арестовать, онъ выпрашиваетъ у меня подъ свое честное слово разрѣшеніе уѣхать на 3 дня обратно, чтобы ликвидировать свои служебныя и личныя дѣла, а потомъ уже вернуться. Когда условленные сроки проходятъ, В. не является. Я шлю командиру корпуса телеграмму за телеграммой, чтобъ В. мнѣ доставили, — отвѣта нѣтъ. Какъ-то въ эти дни дежурный курьеръ докладываетъ, что къ намъ во дворецъ явилась военная делегація и требуетъ, чтобы ее допустили ко мнѣ.

— «Какая делегація?»

— «Съ фронта».

— «Просите».

Входятъ четыре человѣка, — одинъ изъ нихъ заурядъ-военный чиновникъ, на видъ нѣсколько поинтеллигентнѣе, остальные военные писаря или что-то въ этомъ родѣ.

— «Это вы», — спрашиваютъ, «вызывали ротмистра В. и намѣрены его арестовать?»

— «Я», — отвѣчаю, «а вы кто такіе и что вамъ угодно?»

— «Мы представители корпуснаго Комитета, спеціально посланы къ вамъ, чтобы, во-первыхъ, спросить васъ, на какомъ основаніи вы посмѣли отдать распоряженія объ арестѣ В., котораго мы считаемъ за порядочнаго и честнаго человѣка, а, во-вторыхъ, чтобы заявить вамъ, что власть — это мы, а не вы, и что состоялось уже постановленіе нашего комитета В. не выдавать, и оставить его при исполненіи служебныхъ обязанностей».

«Хорошо», — говорю, «дѣлайте свое дѣло, а я буду дѣлать свое, и черезъ штабъ главнокомандующаго добьюсь, чтобы В. исполнилъ свое обязательство сюда явиться».

Тутъ вылѣзаетъ впередъ одинъ изъ делегатовъ и напираетъ на меня прямо съ кулаками.

— «Вы насъ, гражданинъ, не очень-то пугайте вашимъ главнокомандующимъ, для насъ главнокомандующій не указъ, и какъ было нами постановлено, такъ оно и будетъ».

Вижу, что съ этими архаровцами не сговориться и стараюсь ихъ поскорѣе сплавить. Каждая сторона остается при своемъ рѣшеніи, и они уходятъ. Черезъ нѣсколько минутъ прилетаетъ ко мнѣ одинъ членъ президіума, за нимъ другой, — появляется, наконецъ, самъ Муравьевъ. Лица у нихъ перепуганныя.

— «Голубчикъ, тутъ у васъ делегація съ фронта была, что у васъ съ нею произошло?»

Объясняю, въ чемъ дѣло.

— «Ахъ, вы сами знаете, что теперь такое время, когда нельзя дразнить звѣря, — съ солдатами намъ вѣдь все равно не сговориться, — оставьте вы вашего В. въ покоѣ».

— «Позвольте», возмущаюсь я, — «да вѣдь В. почти съ поличнымъ пойманъ, онъ хроническій воръ, и за него-то, главнымъ образомъ, и Ренненкампфъ, и другія тамъ лица къ отвѣтственности привлечены».

— «Все равно», возражаютъ, «однимъ В. больше, однимъ меньше, всѣхъ воровъ не переловишь, а непріятности наживешь».

Вотъ тебѣ и суровые стражи революціоннаго правосудія. Кончается дѣло тѣмъ, что президіумъ даетъ мнѣ оффиціальное предписаніе оставить В. на свободѣ и слѣдствіе продолжать производить въ его отсутствіи.

Куда тише и безъ всякихъ уже привходящихъ инцидентовъ проходятъ мервыя дѣла, давно уже завядшія и теперь снова вынырнувшія на свѣтъ Божій. Такихъ дѣлъ нѣсколько, но главныя изъ нихъ — это о провокаціи Азефа и дѣло о Малиновскомъ, — томъ самомъ Малиновскомъ, который большевиками былъ проведенъ въ члены Государственной Думы и впослѣдствіи оказался агентомъ охраннаго отдѣленія.

Самого Малиновскаго, кажется, нѣтъ уже въ живыхъ, или онъ гдѣ-то скрывается, но главные свидѣтели здѣсь въ Петроградѣ на лицо. Эти свидѣтели — Ленинъ и Зиновьевъ. Малиновскій прошелъ въ Думу именно отъ той группы соціалистовъ, которую они тогда возглавляли. Слѣдствіе по этому дѣлу производитъ слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ, Александровъ.

Когда онъ допрашивалъ Ленина, у насъ въ комиссіи переполохъ. Всѣ стремятся посмотрѣть на продавца Россіи и хоть вслѣдъ ему плюнуть: на бо́льшее пороху ни у кого не хватаетъ, да и Ленинъ-то пока еще многимъ изъ насъ кажется всего лишь клоуномъ отъ революціи — Пуришкевичемъ на выворотъ.

На допросѣ Ленинъ и Зиновьевъ ведутъ себя совершенно различно. Послѣдній — рыжеватый, плотный мужчина, не старый, но уже съ потрепанной пухнущей физіономіей, — и по манерамъ, и по костюму не то частный повѣренный изъ плохенькихъ, не то коммивояжеръ по галантерейной части.

Онъ намѣренъ, кажется, свое посѣщеніе комиссіи превратить въ нѣкоторую демонстрацію наглости: меня, молъ, сюда никто не тащилъ, а я самъ по дорогѣ заѣхалъ посмотрѣть, какую вы тутъ комедію разыгрываете. Голова у него задрана къ верху — развалился въ креслѣ, куритъ, на предлагаемые ему вопросы отвѣчаетъ нехотя, а то и вовсе не отвѣчаетъ, и съ мѣста же сцѣпляется съ Александровымъ изъ-за своей фамиліи:

— «Я вамъ не Апфельбаумъ, а былъ, есть и буду Зиновьевъ, — такимъ меня знаютъ и въ партіи, и въ печати, и не вамъ это передѣлывать».

Допросъ его продолжается недолго, — онъ изображаетъ въ своей партіи вторую скрипку — и весь интересъ слѣдователя сосредоточивается на Ленинѣ.

Здѣсь получается уже совсѣмъ другая картина. Ленинъ на допросѣ оказывается не только приличнымъ, но и крайне скромнымъ. Положимъ, по сравненію съ Зиновьевымъ, его роль на слѣдствіи очень невыгодная. Ленинъ здѣсь, если не обвиняемый, то наиболѣе отвѣтственное лицо, — глава партіи, который лично намѣтилъ отвѣтственнаго представителя отъ своей группы въ законодательное собраніе, чтобы оттуда «черезъ головы капиталистическихъ прихвостней говорить съ народомъ», а тамъ получился этакій скандалъ.

И Ленинъ оправдывается. Онъ приводитъ данныя, излагаетъ свои соображенія, которыя объясняютъ, почему онъ довѣрялъ, не могъ не довѣрять Малиновскому и, — въ душу человѣческую вѣдь не влѣзешь, — но у насъ, присутствовавшихъ при этомъ допросѣ, складывается впечатлѣніе, что, пожалуй, по этому-то дѣлу Ленинъ душой не кривитъ, когда отрицаетъ всякое свое знакомство съ русской охранкой.

Страннымъ кажется только одно, почему Ленинъ, повидимому, такъ волнуется и хочетъ отбросить всякіе намеки, заподазривающіе его въ политической безчестности и продажности въ то время, когда исторія съ запломбированнымъ вагономъ и германскими деньгами, заплаченными за грядущій Брестъ-Литовскій миръ, становится секретомъ полишинеля. Не все ли равно, отъ кого были получены имъ тридцать серебряниковъ?

У насъ въ комиссіи, во второмъ этажѣ дворца, какъ разъ у поворота съ лѣстницы въ коридоръ, помѣщается караулъ — человѣкъ въ 15 преобра-

женцевъ. Это наиболѣе надежный полкъ и солдаты въ караулъ подбираются исключительно изъ бравыхъ молодцовъ призывного возраста; — распущенныхъ, обнаглѣвшихъ запасныхъ бородачей среди нихъ совершенно не видно. Однако, несмотря на такой, повидимому, спеціальный составъ, и на нихъ лежитъ отсвѣтъ событій: лѣниво и неохотно бормочутъ они что-то сквозь зубы, когда пытаешься съ ними заговорить, — рѣдко, рѣдко кто изъ нихъ приподымается со стула во время этого разговора и развѣ не такъ ужъ нахально пускаютъ они своимъ собесѣдникамъ-буржуямъ клубы табачнаго дыма въ физіономію, да не отплевываются спеціально такимъ манеромъ, чтобы «нечаянно» попасть тебѣ на платье, — вотъ, пожалуй, и вся ихъ особенность, отличающая отъ собратій, лущащихъ въ это время сѣмячки на Невскомъ. Впрочемъ, это тоже вѣдь чего-нибудь да стоитъ — такой самоотверженный отказъ отъ шелушенія во дворцѣ демократическаго продукта, и отъ возможности выражать «подсолнечнымъ» путемъ свою самостоятельность и независимый образъ мыслей. Тутъ уже, на измѣну, хотя и временную, революціонной модѣ смахиваетъ. Зато и ухаживаютъ же за этими «продажными душами» у насъ въ комиссіи, — Господи Боже Ты мой, — и откуда только «спеціальныя» суммы берутся на ихъ подкармливаніе. Только и видишь, какъ наша стража что-то жуетъ, пьетъ спиртъ и храпомъ своимъ наполняетъ всѣ щели дворца. И такъ деньденьской, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, пока не наступаютъ зловѣщіе октябрьскіе дни.

Уже въ началѣ октября вмѣсто преображенцевъ въ нашъ караулъ начинаютъ присылать юнкеровъ. Это все цвѣтущая, жизнерадостная молодежь, такая же наивная и такая же бодрая, какою она была и до смутныхъ дней. Когда проходишь мимо, невольно пріостанавливаешься, чтобы перекинуться съ ними хоть нѣсколькими словами и всегда унесешь съ собою улыбку, которую навѣваютъ ихъ жизнерадостность и это бурное выраженіе негодованія, съ которымъ они разсказываютъ о попыткахъ залить и ихъ души ядомъ разложенія. Вотъ эти не выдадутъ и не промѣняютъ своего первородства на чечевичную похлебку!

А событія, между тѣмъ, надвигаются вплотную и, хотя рѣзко подчеркнутые факты, свидѣтельствующіе о достиженіяхъ большевистской агитаціи, еще не выявились, — но Керенщина то, ясно уже для всѣхъ, — обречена на сломъ, объ этомъ чирикаютъ всѣ воробьи на крышахъ, и каждый уже знаетъ, что сегодняшняго дня намъ на завтра не хватитъ и что неотразимое и еще болѣе худшее, чѣмъ нынѣшнее, должно навалиться на насъ впереди. Оно и наступаетъ, это худшее, и хотя мы его съ замираніемъ сердца ждемъ уже давно, но оно все-таки кажется намъ свалившимся не изъ той тучи — и поражаетъ своею неожиданностью и быстротою развязки.

Двадцатыя числа октября. Большевистскія рожки и копыта начинаютъ высовываться изъ-за кулисъ. Уже слышатся ихъ опредѣленныя угрозы и обѣщанія, все разнести. И въ первую очередь начинаетъ трещать нашъ Зимній дворецъ — цидатель Временнаго Правительства. Въ связи съ грозящей опасностью, караулъ въ нашей комиссіи увеличивается тогда втрое, — юнкеровъ снабжаютъ боевыми патронами и предупреждаютъ быть на чеку. Передъ самыми окнами дворца начинается передвиженіе войскъ: дефилируетъ женскій баталіонъ, небольшіе конные отряды казаковъ, громыхаютъ орудія. Въ проходахъ дворцоваго зданія, на капавкахъ, припрятывается нѣсколько пушекъ и пулеметовъ, — на Дворцовой Площади сведены чуть ли не всѣ юнкерскія училища. Большевики уже не скрываютъ своей игры, — на ихъ сторонѣ запасные баталіоны Павловскаго и Волын-

скаго полковъ, пулеметчики, разныя нестроевыя команды и значительная часть вооружившихся до зубовъ рабочихъ, — развязка близка.

Я живу въ «гостинницѣ Арміи и флота». Она биткомъ, сверху до низу, набита съѣхавшимися съ фронта офицерами. Также много, если только не больше, напихано ихъ въ громадной «Асторіи», «Франціи», «Бристолѣ» и разныхъ офицерскихъ общежитіяхъ. На всю эту массу свѣжихъ людей наша петроградская безтолковщина производитъ гнетущее впечатлѣніе. На фронтѣ, хоть и очень плохо, но все же не такъ, какъ здѣсь, да и менѣе тамъ замѣтно это полное отсутствіе власти и безнаказанность попытокъ живьемъ захватить Временное Правительство. Въ моей гостинницѣ офицеры собираются группами, суетятся и не знаютъ, куда имъ приткнуться.

Оружія, кромѣ шашекъ и револьверовъ, у нихъ нѣтъ, распоряженій со стороны военнаго начальства о томъ, чтобы куда-нибудь явиться, сорганизоваться, никакихъ не получается, и приходится ждать, какъ стаду барановъ, чтобы съ нихъ не только шерсть, но какъ бы и шкуру не спустили. Отдѣльные офицеры и цѣлыя ихъ группы обращаются и ко мнѣ: «Укажите же, что намъ дѣлать, снеситесь съ кѣмъ тамъ надо, сообщите правительству, что насъ много, что мы всѣ готовы по первому требованію выступить противъ зачинщиковъ безпорядка, пусть насъ только къ этому призовутъ». Я самъ вижу, что не использовать эту силу преступно, и пробую изловить кого-либо изъ военныхъ отвѣтственныхъ начальниковъ, чтобы отъ нихъ добиться хоть какого-нибудь толка и получить указанія, какъ поступить. Но на военныхъ верхахъ царитъ полнѣйшій хаосъ. Верховскаго только-что убрали изъ военныхъ министровъ, его помощникъ князь Тумановъ отказался занять этотъ постъ. Александръ Федоровичъ, конечно, занятъ «высшею» политикой, — во главѣ военнаго округа оказался никому не вѣдомый и таинственно гдѣ-то прячущійся какой-то полковникъ Полковниковъ, — фронтъ же, то-есть верховный главнокомандующій, никакого отношенія къ тылу не имѣетъ, да и находится слишкомъ далеко, чтобы вмѣшиваться въ дѣло охраны столицы. Вотъ тутъ и ищи «вождей».

Тумановъ мой близкій знакомый, человѣкъ онъ чуткій, болѣзненно все переживающій, но по своей честности не желающій взваливать на себя бремя фиктивной власти и быть министромъ въ такое время, когда всякому старанію наладить хотя какой-нибудь порядокъ въ тылу кладется предѣлъ окриками со стороны разныхъ «Совѣтовъ». Я ловлю его и упрашиваю взять дѣло организаціи обороны въ свои руки. Онъ отмахивается отъ меня и страдальческимъ голосомъ выкрикиваетъ: «Не могу, не въ силахъ, этого сдѣлать, Керенскій передалъ дѣло охраны Петрограда всецѣло въ руки штаба округа, а тамъ сидятъ, если не предатели, то идіоты. Я уже десятокъ разъ и лично, и по телефону говорилъ съ командующимъ войсками и съ начальникомъ штаба округа, а они все время отвѣчаютъ, что безпокоиться нечего, что всѣ предупредительныя мѣры приняты и порядокъ въ городѣ нарушенъ не будетъ. Вотъ, хотите, буду при Васъ еще разъ имъ телефонировать?!» Онъ подходитъ къ военному телефону и сообщается съ начальникомъ штаба округа. Я слышу ого отрывочныя фразы: «Офицеры, находящіеся въ Петроградѣ, могутъ быть собраны и сведены въ боевыяя единицы, время еще не ушло, — отдайте лишь приказъ, гдѣ и когда имъ собраться и въ чье распоряженіе поступить». — «Почему не можете? Кто приказалъ, — Керенскій?». — «Вы увѣрены?» — «Хорошо, подождемъ до завтра». Затѣмъ онъ возвращается ко мнѣ: «въ Штабѣ округа твердятъ лишь одно — опасности никакой нѣтъ, и Керенскій приказалъ не

муссировать будто бы пустыхъ слуховъ и не повышать и безъ того безпокойнаго состоянія мирныхъ жителей, почему и офицеровъ призывать, по его мнѣнію, нѣтъ никакой надобности, а если бы и понадобилось, то ихъ всегда успѣютъ собрать и использовать. — Во всякомъ случаѣ, командующій войсками настаиваетъ на томъ, что охрана столицы поручена ему и проситъ въ это дѣло никого не вмѣшиваться. — Видите, я безсиленъ что-либо сдѣлать».

Идти мнѣ дальше некуда, возвращаюсь обратно въ гостинницу, сообщаю офицерамъ о результатахъ переговоровъ, на лицахъ большинства вижу недовѣріе и ироническія улыбки, многіе безнадежно машутъ руками и уходятъ по своимъ номерамъ. Въ городѣ пока все тихо, — можетъ быть, дѣйствительно наши страхи преждевременны и время спасти положеніе еще не упущено.

Утромъ 25 октября мнѣ, какъ обыкновенно, подаютъ къ гостинницѣ экипажъ, — ѣду во дворецъ съ предчувствіемъ чего то сквернаго, но предвѣстниковъ близкаго грядущаго опять таки никакихъ не замѣчаю, — на улицахъ все буднично и обыкновенно: привычная глазу толпа на Невскомъ, тѣ же спѣшащіе на службу чиновники и «барышни», та же дѣловая или фланирующая публика; по всегдашнему ходятъ переполненные трамвайные вагоны, торгуютъ магазины, переругиваются между собою извозчики, давятъ прохожихъ ломовики, гдѣ-то перезваниваютъ колокола, и нигдѣ не обнаруживается пока никакого скопленія войскъ или вообще вооруженныхъ отрядовъ, нигдѣ въ свѣжемъ морозномъ воздухѣ еще не пахнетъ порохомъ. Только уже у самаго дворца замѣтно необычное шевеленіе: на дворцовой площади передвигаются съ мѣста на мѣсто, строятся и вновь расходятся не особенно многочисленныя воинскія части. Это правительственныя войска. Ихъ по сравненію со вчерашнимъ днемъ какъ будто убыло, — потомъ уже я узнаю, что штабъ обороны «за ненадобностью» отправилъ нѣкоторыя военныя училища, въ томъ числѣ и батарею михайловцевъ, обратно къ себѣ въ училища. Но зато Зимній дворецъ снаружи принялъ уже болѣе боевой видъ: всѣ его выходы и проходы, ведущіе на Неву, облѣплены юнкерами. Они сидятъ у воротъ и дверей дворца, галдятъ, хохочутъ, бѣгаютъ по тротуару въ перегонки. Ихъ здѣсь, примѣрно, сотни четыре человѣкъ. Внутри дворца количество ихъ тоже значительно увеличилось. Когда я пріѣзжаю въ комиссію, меня тамъ встрѣчаютъ съ перепуганными физіономіями наши члены. «Видѣли? — Это уже конецъ, — дождались таки». —

— «Въ чемъ дѣло?» спрашиваю я.

Оказывается, что у Дворцоваго моста, съ наведенными на дворецъ орудіями, стала пришедшая изъ Кронштадта «Аврора», — кромѣ нея въ городъ прибыли матросскіе отряды: по слухамъ, рабочіе уже двинулись съ Выборгской стороны, громя по дорогѣ правительственныя учрежденія и стремясь къ дворцу, чтобы захватить здѣсь министровъ. Въ сущности, послѣднее извѣстіе, какъ то мало походитъ на достовѣрное, тѣмъ болѣе, что, насколько можно судить, жизнь въ городѣ идетъ своимъ темпомъ и даже трамваи на Выборгскую сторону еще ходятъ, но «Аврора» — это уже, дѣйствительно, фактъ, матросы тоже не очень то пріятный для насъ гостинецъ, и во дворцѣ начинается хватаніе за голову. А тутъ ползутъ и новые зловѣщіе слухи: «Изъ Кронштадта пришло еще нѣсколько миноносцевъ; — правительству большевиками предъявленъ ультиматумъ — или сдаться, или быть погребенными подъ развалинами Зимняго дворца»; — «какія то банды уже окружаютъ дворецъ»; — «казаки отказались выступать противъ большевиковъ, ссылаясь на то, что въ городѣ слишкомъ

мало пѣхоты, которая могла бы ихъ поддержать въ этомъ наступленіи», — и, наконецъ: — «Керенскій куда-то сбѣжалъ»...

Послѣднее извѣстіе заставляетъ нашихъ «выразителей народнаго гнѣва», — начиная съ предсѣдателя комиссіи — Муравьева, окончательно потерять и безъ того уже небольшіе остатки мужества и рѣшиться «сложить оружіе», то-есть послѣдовать примѣру Керенскаго и тоже удрать, пока еще не поздно. Но все же до того какъ предпринять этотъ подвигъ, президіумъ выноситъ постановленіе о предварительномъ полученіи изъ штаба обороны точныхъ свѣдѣній о создавшейся обстановкѣ и о затребованіи оттуда гарантій нашей безопастности. Въ Штабъ, для переговоровъ, отправляюсь я вмѣстѣ съ другимъ коллегою.

Черезъ сквозной дворцовый проходъ мы съ набережной Невы проходимъ на Дворцовую Площадь. По дорогѣ насъ два раза опрашиваютъ юнкерскія заставы. У входа въ помѣщеніе Штаба округа мы застаемъ настоящій муравейникъ. Двери Штаба стоятъ распахнутыми настежь, по лѣстницамъ взадъ и впередъ снуютъ вооруженные и невооруженные юнкера и солдаты. Послѣднихъ немного, можетъ быть, нѣсколько десятковъ человѣкъ, но юнкеровъ надо считать сотнями. Во второмъ этажѣ, у дверей начальника штаба, — картина: спиною къ двери, разставивъ руки, какъ бы препятствуя этимъ проникновенію въ святилище, стоитъ офицеръ въ кавказкой формѣ и уговариваетъ ломящихся въ дверь юнкеровъ: «Уходите, господа, — я не могу Васъ пустить въ кабинетъ, Начальникъ Штаба усталъ, онъ цѣлую ночь не спалъ, приходите завтра». Въ отвѣтъ, на это слышатся негодующіе голоса: «Какъ завтра, — да у насъ теперь пѣтъ патроновъ, а безъ ордера начальника штаба ихъ изъ склада не даютъ». — «Мы не можемъ отвѣчатъ за наши посты, у насъ всего по 5 патроновъ на человѣка». — «Пропустите насъ къ начальнику штаба, или же пускай онъ вышлетъ намъ ордера, иначе мы не можемъ защищаться въ случаѣ нападенія». — Офицеръ все также равнодушно и упорно повторяетъ: «Я сказалъ Вамъ, господа, не могу, понимаете — не могу, начальникъ штаба усталъ, подождите до завтра». — Блюститель начальническаго покоя и насъ не хочетъ пропуститъ въ охраняемое имъ Святая-Святыхъ, но мы предъявляемъ ему свои грамоты и пока онъ недоумѣваетъ, какъ на нихъ реагировать, пролѣзаемъ мимо его носа во-внутрь. Въ кабинетѣ два лица: по комнатѣ изъ угла въ уголъ почти бѣгаетъ, затянутый во всю боевую аммуницію, сухопарый, высокій и весь какой то сѣрый таинственный незнакомецъ, — это и есть командующій войсками округа полковникъ Полковниковъ; — за столомъ, съ мирнымъ видомъ довольнаго собою и другими человѣка, въ полурастегнутомъ кителѣ сидитъ, болтая короткими ножками, низенькій полный съ армянскимъ лицомъ — фактическій руководитель всѣми дѣйствіями противъ большевиковъ — начальникъ штаба округа — генералъ-маіоръ Багратуни. При нашемъ входѣ Полковниковъ пріостанавливаетъ свое метаніе, — и онъ, и Багратуни устремляютъ на насъ изумленные и недовольные взгляды: «еще кого нелегкая сюда принесла, — этимъ еще что тутъ нужно?» Мы объясняемъ, кто мы такіе и съ чѣмъ пришли. Говоримъ, что въ нашемъ распоряженіи и на нашей отвѣтственности находится большое количество исключительныхъ по своей цѣнности документовъ и письменныхъ матеріаловъ, относящихся не только къ послѣднему царствованію, но и къ другимъ эпохамъ, пережитымъ Россіею, начиная со временъ Николая I, и что мы, въ цѣляхъ охраны всего этого историческаго богатства отъ расхищенія, можемъ оказаться вынужденными обратиться за помощью къ той силѣ, которая въ данный моментъ будетъ хозяиномъ положенія, хотя бы этой силой оказались

и большевики. Тутъ насъ перебиваютъ, — Багратуни стряхиваетъ съ себя сонную флегму и, вмѣстѣ съ Полковниковымъ, начинаетъ доказывать, что мы пришли съ совершенно нелѣпыми предположеніями о возможности какой либо опасности со стороны большевиковъ: «Мы Вамъ ручаемся за то, что сегодня же къ вечеру скопляющіяся на Выборгской сторонѣ и Васильевскомъ островѣ толпы сами разойдутся, а если бы этого и не случилось, то мы ихъ разгонимъ. Силъ у насъ достаточно, да и Керенскій уже утромъ на автомобилѣ выѣхалъ на встрѣчу подходящимъ сюда съ фронта, вызваннымъ для усиленія гарнизона войскамъ. Однимъ словомъ, къ вечеру все будетъ кончено. И, во всякомъ случаѣ, предупредите Вашу комиссію, что, если она посмѣетъ какимъ либо способомъ войти въ сношеніе съ большевиками, — то и Вы, и всѣ Ваши члены будете немедленно же арестованы». — «Ну, а какъ же «Аврора» и матросы?» — «Аврора стрѣлять не будетъ, да у нея нѣтъ и снарядовъ, матросовъ же мы уже почти ликвидировали, — и вообще, повторяемъ, — Ваши страхи совершенно не основательны».

Рѣшительность тона и категоричность завѣреній производитъ на насъ нѣкоторое впечатлѣніе, — обѣщаніе же насъ арестовать, если мы когда либо обратимся въ Смольный, совсѣмъ уже кажется намъ ободрительнымъ. Съ этимъ мы и возвращаемся назадъ, но уже по дорогѣ понемногу растериваемъ весь нашъ скудный багажъ только что накопившихся надеждъ на то, что авось и на этотъ разъ пронесетъ мимо насъ грозовую тучу: очень ужъ смущаетъ насъ господствующая въ самомъ центрѣ обороны Петрограда неразбериха, эта малочисленность и безсиліе единственныхъ нашихъ защитниковъ — юнкеровъ, которымъ начальство не можетъ даже удосужиться выдать необходимые боевые припасы, это очевидное отсутствіе во всемъ дѣлѣ обороны направляющей воли, эти сонные генералы и ихъ надежды, что если не кривая, то Керенскій выручитъ. А тутъ еще все та же проклятая «Аврора», хитро подмигивающая намъ жерлами своихъ пушекъ, которыя, хотя и не будутъ стрѣлять, — какъ увѣряютъ насъ въ этомъ наши полководцы, но все же очень подозрительно смотрятъ прямо намъ въ окна.

Результаты нашихъ похожденій мы докладываемъ въ комиссіи. Тамъ ими не очень обрадованы. Въ одной изъ залъ собираемся въ пленарное засѣданіе и большинствомъ голосовъ постановляемъ; — въ виду невозможности забрать съ собою домой находящіяся на рукахъ у каждаго документы и слѣдственную переписку, — сложить и опечатать весь матеріалъ комиссіи въ одномъ изъ отдѣльныхъ помѣщеній дворца, а самимъ отправиться по домамъ и тамъ выжидать, чѣмъ вся эта заваруха кончится. Если все будетъ благополучно, то вернуться и продолжать работу по прежнему, если же нѣтъ, то предоставить каждому на свой личный рискъ и страхъ предпринять мѣры къ спасенію тѣхъ матеріаловъ, которые будутъ оставлены во дворцѣ.

Около 3 часовъ дня, закончивъ наскоро опечатаніе комнатъ, мы группами выходимъ изъ дворца, простившись съ нашей, остающейся во дворцѣ, охраной. — Около дворца юнкера по прежнему веселятся и грѣются на солнцѣ. Дальше, на Дворцовомъ мосту, съ винтовками въ рукахъ, стоятъ матросы. — Одинъ изъ насъ, мимоходомъ, нарочно, чтобы опредѣлить настроеніе «красы и гордости революціи», обращается къ ближайшему матросу съ какимъ то вопросамъ, — тотъ хотя и не очень какъ будто охотно, но отвѣчаетъ, и въ отвѣтѣ озлобленности какъ будто никакой не слышится.

Черезъ мостъ, къ нашему удивленію, идетъ еще трамвай. Это, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ уже послѣдній, пущенный съ Петроградской стороны вагонъ. Я вскакиваю и прохожу на переднюю площадку. Вагонъ идетъ по Невскому. У арки Главнаго Штаба и на углу Морской патрули юнкеровъ останавливаютъ автомобили и отводятъ ихъ на Дворцовую площадь. Публика толпится на тротуарахъ. Магазины пока еще открыты. Вагонъ идетъ дальше.

За Полицейскимъ мостомъ неожиданно попадаемъ уже въ «оккупированную непріятелемъ территорію». По сторонамъ моста стоятъ два броневика съ орудіями, обращенными въ сторону Невы, по набережной Мойки разставлены пулеметы и видны кучки залегшихъ, вооруженныхъ винтовками солдатъ Павловскаго полка. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ, во главѣ съ подпрапорщикомъ бросаются на перерѣзъ нашему вагона и останавливаютъ его. Оказывается на передней площадкѣ они замѣтили какого то полковника. У него провѣряютъ документы, но самого не задерживаютъ, и мы благополучно двигаемся дальше.

По дорогѣ никакихъ больше приготовленій къ боевымъ дѣйствіямъ что то не видно. На прилегающихъ къ Невскому улицахъ «благополучные россіяне» занимаются своими мирными дѣлами, и не предполагаютъ вовсе, что они стоятъ наканунѣ «совѣтскаго рая». Однако, проходитъ всего одна ночь, и Россія становится Совдепіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, приказываетъ долго жить и наша комиссія.

Итакъ, правъ оказался Тумановъ, когда ожидалъ онъ общей гибели, которую готовили намъ «предатели или идіоты» и самъ онъ, бѣдняга, однимъ изъ первыхъ палъ жертвою этого предательства. Въ тотъ самый день, когда я велъ переговоры съ Полковниковымъ и Багратуни, на нѣсколько лишь часовъ позже меня, къ вечеру, Тумановъ тоже отправился въ Штабъ округа, чтобы информироваться о положеніи дѣлъ. Когда онъ вышелъ обратно, то команда примкнувшаго къ большевикамъ Волынскаго полка захватила его почти у самой арки Главнаго Штаба, откуда юнкера въ то время уже отошли, и отвела его въ свои казармы къ Поцѣлуеву мосту. Съ этого времени Тумановъ потерялся. Изъ его близкихъ въ Петроградѣ въ это время оставалась только его невѣста. Вмѣстѣ съ нею мы предприняли поиски исчезнувшаго и, наконецъ, числа 2 — 3 ноября, нашли его въ мертвецкой Обуховской больницы. Голова у него была вся исколота штыками, одинъ глазъ выбитъ, носъ перерубленъ, проколота шея и перебиты ребра. Въ такомъ видѣ его мертваго, предварительно снявъ съ него сапоги и вырвавъ серебренный академическій значокъ съ френча, — убійцы сбросили въ Мойку, откуда трупъ и попалъ уже въ мертвецкую. По нашимъ свѣдѣніямъ оказалось, что, когда Туманова арестовали, то въ полку, куда его привели, не знали что съ нимъ дѣлать. Но въ это время во дворъ полка ввалилась гурьба матросовъ, вытащила несчастнаго изъ караульнаго помѣщенія и тутъ же на дворѣ истязала и издѣвалось надъ нимъ около полутора часовъ, а потомъ, добивъ, сволокла въ рѣку.

Еще нѣсколько словъ о нашей чрезвычайной комиссіи. Въ первыхъ числахъ ноября нѣсколькимъ нашимъ членамъ, въ томъ числѣ и мнѣ, удалось проникнуть въ ту половину дворца, гдѣ мы когда то работали.

Во дворецъ насъ, контрабандою, пропустили наши же бывшіе курьеры. Большевики, занявшіе дворецъ, были заняты въ это время срочною работой — они вылавливали въ дворцовыхъ погребахъ тѣла утонувшихъ тамъ въ винѣ (выпущенномъ изъ разбитыхъ во время осады бочекъ) своихъ героевъ, чтобы съ соотвѣтствующими бранными почестями похоронить ихъ на Марсовомъ полѣ.

При входѣ во внутреннія помѣщенія дворца намъ въ носъ ударилъ сильнѣйшій запахъ сивухи и рвотныхъ извержений. Всѣ лѣстницы и коридоры, хотя и подмытыя недавно, разили этимъ запахомъ, а перила лѣстницъ были липки отъ какой то мерзости. Во дворцѣ были разбиты зеркала, ободрана мебель, исчезла часть вещей, но на наше счастье къ архиву комиссіи большевики не успѣли еще добраться, и мы надѣялись, что удастся сохранить хоть часть того матеріала, который связанъ съ нашей работой и который, какъ мы въ то время думали, могъ намъ пригодиться черезъ какую нибудь пару недѣль, когда большевики уйдутъ. — Мы ждемъ этого еще и до-нынѣ.

Записки о подпольномъ Временномъ Правительствѣ

А. Демьянова

Исторія существованія подпольнаго Временнаго Правительства обнимаетъ собою время приблизительно около мѣсяца. Исторія этихъ дней по своему характерна: въ этотъ короткій промежутокъ времени не случилось никакихъ особыхъ событій, которыя явились бы результатомъ дѣйствій или существованія подпольнаго правительства; но происходили событія, внѣ правительства стоявшія. Къ этимъ событіямъ Временное Правительство проявляло свое отношеніе, которое и является показательнымъ.

Для меня было ясно, что всѣ лица изъ состава подпольнаго Временнаго Правительства были люди честные, одушевленные самыми лучшими намѣреніями, хорошо настроенные и, по своему, умные, то-есть такіе, которые всѣ свои дѣйствія, всѣ свои стремленія основывали на томъ или иномъ пониманіи общаго блага. Эгоистическихъ стремленій никто между ними не преслѣдовалъ. Но все же эти «призванные» ничего не сдѣлали и не потому, что имъ это не удалось, а потому, что въ этомъ отношеніи они оказались неспособными. Почему?! Только потому, что это были все люди, удѣлъ которыхъ былъ критиковать и писать свои критики, а не дѣйствовать. Дѣйственныхъ между ними не оказалось. Они, если такъ можно выразиться, не обладали надлежащимъ духомъ сопротивляемости, были людьми не волевыми, и какъ послѣдствіе всего этого, были очень скоро побѣждены, ибо борьба была неравная.

Всѣ министры, засѣдавшіе въ Зимнемъ Дворцѣ, были арестованы, за исключеніемъ А. Ф. Керенскаго, которому судьба помогла избѣжать ареста, и С. Н. Прокоповича. Торжество большевиковъ было, однако, не полнымъ. Никто ихъ торжеству въ серьезъ не вѣрилъ, да и сами большевики не были увѣрены, что властью они завладѣли по-настоящему. Это сказывалось между прочимъ въ томъ, что на ту отрасль правленія, которая выражалась въ государственной дѣятельности министерствъ, они въ первое время почти совсѣмъ не обращали вниманія. Прошло достаточно времени, пока напримѣръ, въ Министерство Юстиціи не явился большевистскій комиссаръ, а заявившись, вновь не стушевался. То же было и въ другихъ министерствахъ.

Я не помню фамиліи перваго комиссара по Министерству Юстиціи; но когда меня уже не было въ Петербургѣ, имъ былъ назначенъ Петербургскій присяжный повѣренный Стучка. Я вспоминаю, какъ мнѣ трудно было примириться съ этимъ фактомъ. И не только потому, что присяжный повѣренный пошелъ на это, но что сдѣлалъ это именно Стучка, хотя я и зналъ, что Стучка былъ

соціалъ-демократомъ большевикомъ. Я часто встрѣчалъ Стучку въ судѣ и былъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, я зналъ его за отличнаго товарища по сословію. Стучка — громоздкій по величинѣ и чрезвычайно добродушнаго вида человѣкъ. Какъ адвокатъ онъ ничѣмъ особеннымъ не отличался — ни тонкостью ума, ни талантливостью, ни блестящими дѣлами, но онъ былъ добросовѣстнѣйшимъ повѣреннымъ, и кліенты его цѣнили. По происхожденію — латышъ, Стучка велъ почти исключительно латышскія дѣла; всѣ увѣчныя дѣла латышей находились въ его производствѣ. Онъ относился съ уваженіемъ къ суду, признавалъ судъ . . . И вдругъ! . . Идейную принадлежность его къ коммунизму, къ коммунистическому строю можно объяснить, но какъ Стучка могъ стать членомъ коммунистической партіи, во главѣ которой стояли Ленинъ, Троцкій и вся остальная коммунистическая братія, какъ онъ могъ связать свое имя съ ужасами, творимыми большевиками, принять участіе въ ихъ пляскѣ смерти, въ ихъ обманѣ, лжи и звѣрской, садической жестокости — для меня это загадка, ибо всему есть мѣра и предѣлъ, а Стучка эту мѣру и этотъ предѣлъ преступилъ. Нельзя же все объяснять и оправдывать себѣ тѣмъ, что «взялся за гужъ, такъ не говори, что не дюжъ», а вѣдь другого оправданія Стучка найти для себя не можетъ.

Въ дни перехода власти къ большевикамъ жизнь въ министерствахъ шла своимъ чередомъ, хотя и замерла. Министерства, какъ учрежденія, продолжали существовать, а вмѣстѣ съ ними продолжали существовать и чиновники. Естественно передъ послѣдними немедленно и остро всталъ вопросъ объ отношеніи ихъ къ новой большевистской власти. Въ каждомъ министерствѣ самостоятельно возникъ такой вопросъ. Чиновники стали собираться въ кружки, обсуждать создавшееся положеніе. Они выдѣлили изъ себя особые комитеты для выработки общихъ директивъ, какъ вести себя съ большевистскимъ начальствомъ. Комитеты отдѣльныхъ министерствъ снеслись между собою, и въ концѣ концовъ, создался единый центральный органъ, руководившій дѣятельностью чиновниковъ въ этомъ отношеніи. Этотъ центральный комитетъ объединилъ въ себѣ почти всѣ вѣдомства; онъ дѣйствовалъ почти открыто. Въ секретѣ не могли держаться его засѣданія, и большевики отлично знали о его существованіи. Но до поры, до времени смотрѣли на это сквозь пальцы. Все прежнее главное министерское начальство, которое перестало посѣщать министерства, имѣло съ комитетомъ ближайшія и постоянныя сношенія. Чиновники рѣшили примѣнить на службѣ саботажъ; и это было проведено ими умно, то-есть такъ, чтобы не вредить насущнымъ интересамъ родины. Чиновники рѣшили, напримѣръ, что Министерство Продовольствія, на которомъ лежала обязанность снабжать армію продовольствіемъ, должно продолжать свою работу; то же было рѣшено и въ отношеніи отдѣльныхъ частей Министерства Военнаго, Путей Сообщенія и проч. Этотъ саботажъ чиновниковъ на первое время много крови испортилъ большевистскимъ комиссарамъ. Но, конечно, долго чиновники продержаться не могли. И это само собою понятно — жили они на жалованіе, а не на скопленные капиталы.

Въ послѣдній періодъ существованія Временнаго Правительства я состоялъ предсѣдателемъ Малаго Совѣта Министровъ. Естественно, что когда члены Временнаго Правительства — министры были большевиками арестованы, Малый Совѣтъ Министровъ сдѣлался единственнымъ представителемъ законной Россійской власти, хотя и низвергнутой. Въ качествѣ предсѣдателя Малаго Совѣта я пригласилъ къ себѣ на частную квартиру всѣхъ товарищей министровъ всѣхъ министерствъ для обсужденія политическаго положенія. Это было въ ближайшіе дни послѣ ареста министровъ. Съ этого дня засѣданія Совѣта Министровъ, сначала въ составѣ однихъ товарищей министровъ, а затѣмъ тѣхъ же товарищей министровъ и министровъ, выпущенныхъ большевиками изъ Петропавловской крѣпости на волю, происходили у меня на квартирѣ ежедневно съ 1 часа дня до 4-хъ часовъ, квартирѣ — по Бассейной улицѣ, то-есть той улицѣ, по которой шло все движеніе изъ центральныхъ частей города къ Смольному Монастырю, гдѣ находилась штабъ-квартира большевиковъ. Но большевики, какъ я сказалъ, не проявляли особой заботливости къ тому, что дѣлала старая власть. Большевики не интересовались тогда овладѣніемъ всего аппарата власти. Ихъ задача въ то время была одна — окончательно развалить власть. Такова была ихъ прямая цѣль. Собирались члены Совѣта, не соблюдая строгой тайны, но, конечно, и не болтая объ этомъ. Продолжались эти засѣданія у меня на квартирѣ довольно долго, пока изъ предосторожности не рѣшили перемѣнить мѣсто засѣданій Совѣта, чтобы кто-либо изъ посторонникъ не примѣтилъ ежедневнаго сборища опредѣленныхъ лицъ и все въ одной и той же квартирѣ. Стали засѣдать въ домѣ гр. Паниной по Сергіевской улицѣ. И никто въ продолженіи мѣсяца не потревожилъ этихъ засѣданій.

Но, Боже мой, что это были за засѣданія, въ особенности въ началѣ! Они были сравнительно многолюдны, хотя не всѣ товарищи министровъ ихъ посѣщали. Приходило все же, какъ мнѣ помнится, въ первое время не менѣе 15 человѣкъ. Я и теперь не могу вспоминать хладнокровно эти сборища: они показали, какъ неудачно были приглашаемы нѣкоторыя лица на высшія правительственныя, административныя должности. Многихъ товарищей министровъ я зналъ по Малому Совѣту Министровъ, встрѣчалъ ихъ и въ Совѣтѣ Министровъ, когда ихъ брали съ собой на засѣданія Совѣта ихъ министры. Въ Совѣтѣ они вели себя очень скромно и рта тамъ зря не открывали. А тутъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ будто, прорвало. Стали говорить безконечныя рѣчи и буквально митинговаго характера, какъ будто забыли о томъ, что другъ друга соблазнять своими политическими credo въ Совѣтѣ Министровъ до послѣдней степени неумѣстно и даже хуже, чѣмъ неумѣстно. Помню такой случай: я заявилъ собравшимся товарищамъ министровъ, что просилъ зайти въ Совѣтъ и принять участіе въ обсужденіи вопроса, имѣвшаго широкое общественное значеніе, при условіи конечно, что Совѣтъ найдетъ это нужнымъ, Авксентьева, Готца и какое-то еще третье лицо и тоже, къ несчастію, эсэра. При приглашеніи ихъ я преслѣдовалъ слѣдующую цѣль. Въ то время въ Петербургѣ образовался Комитетъ спасенія родины и революціи. Эта общественная организація сама по себѣ не имѣла никакой силы, ибо ей не было на кого опереться, не было другой силы, которая могла бы ее поддержать. Она дѣйствовала открыто противъ большевиковъ и слѣдовательно имѣла моральный вѣсъ и въ

этомъ отношеніи весьма значительный. Предсѣдателемъ этого Комитета былъ Готцъ. Авксентьевъ былъ предсѣдателемъ разогнаннаго большевиками предпарламента «Совѣта Республики». Слѣдовательно, тоже былъ политической фигурой. Мнѣ казалось нужнымъ объединить всѣ три организаціи какъ выразительницъ русской общественности, т. е. Совѣтъ Министровъ, комитетъ Спасенія Родины и Революціи и Совѣтъ Республики, и я считалъ, что это объединеніе должно произойти около Временнаго Правительства. Вотъ почему я пригласилъ на засѣданіе Совѣта Министровъ указанныхъ лицъ. На засѣданіе Совѣта Министровъ, кромѣ того, былъ мною приглашенъ и бывшій Министръ Н. В. Некрасовъ. Былъ на засѣданіи одинъ разъ и В. Д. Набоковъ. Авксентьевъ на сдѣланное ему предложеніе обѣщалъ придти, однако по неизвѣстной мнѣ причинѣ не пришелъ. Готцъ, какъ я узналъ потомъ, даже и не обѣщалъ придти; вѣроятно счелъ это излишнимъ. Я нисколько не удивлюсь, если и Авксентьевъ, и Готцъ нашли предложеніе поддержать Временное Правительство въ эту критическую минуту ничего не стоющей затѣей.

Когда я сообщилъ въ Совѣтѣ о сдѣланномъ мною шагѣ, товарищъ Министра Труда Колокольниковъ прочиталъ длиннѣйшую рѣчь на тему, что я не имѣлъ права, безъ прямого порученія Совѣта, самостоятельно кого либо приглашать на засѣданіе Совѣта, что я поступилъ тѣмъ болѣе неправильно, что въ ущербъ партіи соціалъ-демократовъ (слава Богу — «меньшевиковъ») пригласилъ на засѣданіе только однихъ эсеровъ. Не понялъ тогда человѣкъ, что желѣзо куютъ, пока оно горячо, что никто не обязывалъ Совѣтъ Министровъ выслушивать того, кого онъ слушать не хотѣлъ, и что глупо говорить о партійныхъ интересахъ тамъ, гдѣ вопросы партійные вовсе не были затронуты. Колокольниковъ въ своемъ выступленіи успѣха не имѣлъ. Помню, нетерпѣливой Б. Араповъ, директоръ 2-го Департамента Министерства Юстиціи, который ежедневно у меня бывалъ и всегда присутствовалъ на засѣданіи Совѣта, замѣтилъ довольно громко и довольно неосторожно, что въ Совѣтѣ Министровъ митинговыя рѣчи врядъ ли нужны. Колокольниковъ это замѣчаніе услышалъ, и демонстративно громко заявилъ, что «ему здѣсь (то-есть въ Совѣтѣ) наносятъ оскорбленіе». Вѣроятно былъ очень обиженъ. Другой случай былъ такой. Заговорили о Б. В. Савинковѣ (кажется въ томъ же засѣданіи) и о томъ, что было бы полезнымъ его участіе въ работахъ Совѣта. О Савинковѣ рѣчь зашла вотъ почему. Онъ былъ причисленъ къ воинской казачьей части. Въ качествѣ чего не помню, но кажется ради почета. Въ Петербургѣ въ дни борьбы Временнаго Правительства съ большевиками вѣрными правительству были только юнкера. Казаки были въ колеблящемся состояніи. Мнѣ помнится, они просто взвѣшивали тогда шансы успѣховъ своего выступленія противъ большевиковъ и зря выступать не хотѣли. Казаки колебались даже тогда, когда къ Петербургу подступали Керенскій и ген. Красновъ. Это я помню хорошо. Какой то ихъ штабъ засѣдалъ на Знаменской ул. въ д. Павловскаго Института. Я однажды туда отправился для переговоровъ съ казаками, мнѣ сказали, что пройти къ казакамъ можно, и говорить съ ними безопасно. Но въ воротахъ меня остановили, и стоявшій на стражѣ казакъ объяснилъ мнѣ, что положеніи казаковъ не твердо и что итти къ нимъ опасно.

Савинкова въ то время, насколько я помню, не было въ Петербургѣ. Упоминаніе о Савинковѣ опять возбудило пренія. Опять длиннѣйшее возраженіе такого же митинговаго характера со стороны товарища Министра Труда, молодого Дюбуа, кажется, онъ былъ до службы въ Министерствѣ даже не присяжнымъ

новѣреннымъ, а помощникомъ присяжнаго повѣреннаго. Дюбуа закончилъ свою рѣчь призывомъ — «имя Савинкова въ засѣданіи Совѣта никогда не произносить какъ одіозное». А одіозное оно было для одного только Дюбуа, который считалъ, что Савинковъ не выдерживаетъ строго въ своемъ политическомъ поведеніи соціалистической линіи. Г. Дюбуа и Колокольниковъ вскорѣ перестали посѣщать засѣданія Совѣта. Нужно замѣтить, что кратко никто не любилъ говорить въ Совѣтѣ, а говорили между прочимъ всѣ. Это было тѣмъ болѣе удивительно, что казалось особыхъ темъ для преній вовсе не было. Любилъ говорить появившійся впослѣдствіи въ Совѣтѣ К. А. Гвоздевъ и злоупотреблялъ своимъ правомъ. Чистое несчастье, если человѣкъ не глупый обладаетъ нѣкоторымъ умѣніемъ говорить и сознаетъ, что прямой глупости никогда не скажетъ. Въ первые дни засѣданій Совѣта допекалъ словомъ засѣдавшихъ въ Совѣтѣ товарищъ Министра Торговли и Промышленности, милѣйшій Масальскій. Онъ поставилъ себѣ цѣлью убѣдить Совѣтъ, а доказывалъ онъ это подъ рядъ въ продолженіи нѣсколькихъ засѣданій, что «такъ какъ мы — Малый Совѣтъ, то и не въ правѣ рѣшать спорныхъ и принципіальнаго характера вопросовъ, что — это прерогатива Совѣта Министровъ, и что никто не можетъ имѣть больше правъ, чѣмъ по статуту ему полагается». Я поставилъ, чтобы прекратить окончательно такого рода выступленія Масальскаго, на баллотировку вопросъ, ясный и безъ того, признаетъ ли себя Совѣщаніе товарищей министровъ — Малымъ Совѣтомъ Министровъ, или Совѣтомъ, въ которомъ засѣдаютъ товарищи министровъ, въ качествѣ управляющихъ министерствами за отсутствіемъ министровъ. Такъ и рѣшили; иначе, впрочемъ, не имѣло рѣшительно никакого смысла собираться на засѣданія Совѣта.

Вообще безполезныхъ разговоровъ въ Совѣтѣ было множество и тогда, когда въ Совѣтѣ стали участвовать сами министры.

Само собою разумѣется, что занятія въ Совѣтѣ не были систематичны, и они на первое время не требовали по существу своему, чтобы о нихъ составлялись какіе-либо журналы. Но были и такого рода постановленія, какъ, напримѣръ, постановленіе о выпускѣ новыхъ денежныхъ знаковъ, которыя требовали зафиксированія ихъ въ письменную форму. По сему стала необходима въ иныхъ случаяхъ и канцелярская работа. Въ этомъ Совѣту помогали бывшіе служащіе стараго Совѣта Министровъ. Однажды я встрѣтилъ на улицѣ нѣсколькихъ чиновниковъ Совѣта. Поздоровались очень дружелюбно. Я имъ разсказалъ, что у меня инкогнито собирается Совѣтъ Министровъ. Они тотчасъ же предложили свои услуги въ работахъ Совѣта и сказали за себя и за отсутствующихъ, что съ величайшей охотой станутъ посѣщать эти собранія. Услугами ихъ я воспользовался. Мнѣ была вообще крайне пріятна эта встрѣча, показавшая не только сочувствіе этихъ лицъ Временному Правительству, но и чувства нѣкоторой пріязни къ лицамъ въ немъ работавшимъ. Однако, не думаю, что посѣщеніе Совѣта доставило имъ нравственное удовлетвореніе.

Однимъ изъ первыхъ вопросовъ въ Совѣтѣ былъ вопросъ объ отношеніи чиновъ министерствъ къ новому большевистскому начальству. Въ засѣданіе Совѣта явились депутаты отъ комитета чиновниковъ, которые доложили свою программу дѣйствій. Она была одобрена (о ней сказано выше). Первый мѣсяцъ

чиновникамъ сравнительно легко было проводить свой саботажъ, такъ какъ появленіе большевиковъ совпало съ моментомъ, когда чиновники только-что получили свое жалованіе. Острый моментъ въ продолженіи начатаго ими саботажа наступалъ впослѣдствіи, во второмъ мѣсяцѣ. Какъ я уже упомянулъ, главные чины министерствъ рѣшили не посѣщать министерствъ, чтобы не входить въ сношенія съ большевиками, хотя, конечно, въ иныхъ случаяхъ проведеніе этого принципа во всей строгости было крайне затруднительно. Было рѣшено большевикамъ не давать ключей ни отъ дѣлъ, ни отъ денежныхъ ящиковъ. Кажется, кой-гдѣ изъ-за этого шкапы и столы были большевиками взломаны; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, какъ это было въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, ключи были выданы, когда за ними пришли въ квартиру товарища министра А. А. Нератова. Министерство Продовольствія, Путей Сообщенія должно было продолжать свои занятія, хотя и не во всѣхъ своихъ департаментахъ, о чемъ тоже выше сказано. Военное Министерство во всѣхъ этихъ вопросахъ стояло совершенно особнякомъ. Отъ Военнаго Министерства въ качествѣ его представителя на первое или на одно изъ первыхъ засѣданій Совѣта пришелъ какой-то генералъ (фамиліи его не помню), вѣроятно alter ego Маниковскаго, который все засѣданіе сурово промолчалъ. Вѣроятно, пришелъ только для того, чтобы познакомиться, что тутъ дѣлается. Мнѣ казалось, что будто бы генералъ этотъ чувствовалъ, что онъ попалъ въ какое-то неподходящее для себя мѣсто, не въ то общество, къ которому привыкъ. Въ Военномъ Министерствѣ, вѣроятно, было рѣшено затѣмъ на засѣданія Совѣта больше никому не появляться. Сношенія съ Совѣтомъ продолжались внѣ засѣданій Совѣта. Слѣдуетъ замѣтить, что къ описываемому мною моменту въ Петербургѣ, какъ мнѣ помнится, главные военные посты занимали лица старорежимные, и, слѣдовательно, нѣсколько враждебные новымъ вліяніямъ, то-есть, далекіе Временному Правительству. А ставленники послѣднихъ, большею частью не заслуживавшіе довѣрія, куда-то скрылись или не находились на мѣстѣ. Въ Совѣтѣ было все же извѣстно по сообщенію военнаго вѣдомства, что министерство не прекращаетъ своей работы, такъ какъ армія безъ нея обойтись не можетъ, даже такая армія, которая покидаетъ фронтъ, такъ какъ прекращеніе заботъ о солдатѣ грозитъ неисчислимыми бѣдствіями не только самимъ солдатамъ, но и мирному населенію тѣхъ мѣстностей, гдѣ проходитъ этотъ уже недисциплинированный солдатъ.

Военное Министерство нуждалось тогда въ средствахъ. Для нуждъ арміи необходимъ былъ новый выпускъ бумажныхъ денегъ. Къ удивленію случилось такъ, что старая власть въ лицѣ подпольнаго Совѣта Министровъ имѣла еще возможность распорядиться эмиссіей денежныхъ знаковъ, чѣмъ она тогда и воспользовалась. Эмиссія была проведена, и проведена безъ вѣдома большевиковъ. Министерствомъ Финансовъ въ то время завѣдывалъ товарищъ Министра Финансовъ Фридманъ, очень толковый, но и очень осторожный человѣкъ. Послѣдняя его черта мѣшала иногда тамъ, гдѣ нужна была смѣлость или даже дерзость. Но дерзкихъ въ смыслѣ храбрости между нами никого не было. Вѣдь только подумать, какимъ еще мощнымъ средствомъ для борьбы съ большевиками обладало Временное Правительство, владѣя деньгами! И этимъ средствомъ оно не только не воспользовалось, но даже, казалось, и не хотѣло сдѣлать этого.

Первыя засѣданія Совѣта Министровъ происходили въ то время, когда Москва была въ состояніи войны съ большевиками. Нечего и говорить, какъ мы слѣдили за исходомъ этой борьбы въ Петербургѣ. С. Н. Прокоповичъ, единственный тогда министръ на свободѣ, находился въ Москвѣ. Рѣшено было, снестись съ нимъ и устроить въ Москвѣ при немъ нѣчто вродѣ филіальнаго отдѣленія правительства, а при удачѣ борьбы съ большевиками перевести въ Москву и все правительство. На первое время было рѣшено, чтобы отъ каждаго министерства въ Москвѣ находился одинъ изъ товарищей министровъ. Кто тогда поѣхалъ изъ товарищей министровъ въ Москву, я не помню. Но отъ Министерства Юстиціи этимъ лицомъ былъ Г. Д. Скарятинъ. Я стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что ѣхать долженъ я, а Генадій Дмитріевичъ доказывалъ, что я не могу ѣхать потому, что являюсь предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Въ спорѣ приняли участіе другіе члены Совѣта, и споръ былъ рѣшенъ въ пользу Скарятина. Я очень ему завидовалъ. Мнѣ хотѣлось ѣхать въ Москву, такъ какъ тамъ, мнѣ казалось, нарождались событія большой политической важности. Когда впослѣдствіи Скарятинъ разсказывалъ о своемъ пребываніи въ Москвѣ, я не пожалѣлъ, что мнѣ не удалось побывать въ Москвѣ: кромѣ чисто военной, боевой борьбы съ большевиками на улицахъ, дѣла тамъ не было. Правительство, какъ таковое, оставалось въ сторонѣ. Г. Д. Скарятину пришлось жить въ Москвѣ въ домѣ, расположенномъ почти на линіи, раздѣлявшей кремлевцевъ отъ большевиковъ, въ сферѣ вліянія большевиковъ. Группы послѣднихъ неоднократно врывались въ квартиру Скарятина и провѣряли, конечно угрожая при этомъ, не давалась ли какая сигнализація оттуда кремлевцамъ. Скарятину приходилось переживать жуткія минуты. Но хладнокровіе его было выше всего, что можно только представить себѣ. Къ вопросу о смерти Скарятинъ относился, и, кажется, это чувство было ему присуще всегда, философски спокойно — онъ абсолютно ея не боялся. Жаль, если Г. Д. Скарятинъ не записалъ того, чему онъ былъ тогда свидѣтелемъ. Одинъ эпизодъ съ убійствомъ студента, только заподозрѣннаго въ симпатіяхъ къ кремлевцамъ, былъ прямо трагическимъ. Студентъ этотъ былъ сыномъ извѣстной въ Москвѣ благотворительницы, жертвовавшей деньги спеціально на нужды рабочихъ. Мать валялась въ ногахъ большевиковъ, умоляя ихъ не убивать сына. Его убили. Крестная мать этого студента, сестра его матери, узнавъ о смерти своего крестника, сошла съ ума.

С. Н. Прокоповичъ пріѣхалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ товарищами министровъ, которые ѣздили въ Москву. Съ появленіемъ его въ Совѣтѣ, къ нему перешло и предсѣдательствованіе въ немъ. Я продолжалъ имѣть голосъ въ Совѣтѣ, такъ какъ Малянтовичъ еще сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости. Вскорѣ въ Совѣтѣ появился и послѣдній. Прокоповичъ сразу взялъ «твердый курсъ». Онъ заявилъ, что такъ какъ онъ — единственный министръ изъ всего Совѣта Министровъ, оставшійся на волѣ, то и возьметъ всѣ бразды правленія въ свои руки: «будетъ издавать, какъ онъ выразился, приказы». Такое заявленіе не имѣло въ существѣ своемъ юридическаго обоснованія, ибо ровно ничего не обозначало — взять на себя одного все управленіе или издавать какіе-то приказы, не установивъ ни порядка изданія ихъ, ни опредѣляя заранѣе ихъ силы. Ни одинъ въ этомъ отношеніи старый законъ не

отмѣнялся. Но на это никто тогда не хотѣлъ обращать вниманія и поступили правильно. Заявленіе Прокоповича Совѣта не упраздняло. Само же заявленіе не давало повода бояться какихъ-либо вредныхъ отъ него послѣдствій. Просто — Прокоповичъ не былъ юристомъ, и это сказалось. Но самый фактъ такого заявленія носилъ характеръ, который всѣмъ пришелся по душѣ. Показалось — явился наконецъ человѣкъ, по праву занявшій первое мѣсто въ Совѣтѣ и стремившійся къ твердому проявленію власти. Минута была дѣйствительно такая, гдѣ рѣшительность имѣла первостепенное значеніе, и это всѣми чувствовалось.

Къ несчастью, слова Прокоповича оказались только звуками, потрясшими воздухъ.

Вскорѣ появились въ Совѣтѣ выпущенные большевиками изъ Петропавловской крѣпости министры соціалисты — Никитинъ, Гвоздевъ, Масловъ, Ливеровскій. Во время ихъ прихода предсѣдательствовалъ въ Совѣтѣ, не помню по какой причинѣ, я. Министры познакомили собраніе съ тѣмъ, какъ происходило ихъ освобожденіе изъ крѣпости. Разсказъ былъ невеселый. Оберъ-прокурору Синода Карташеву, Бернадскому и москвичу Смирнову тоже обѣщали освобожденіе, но при условіи, чтобы они о томъ подали прошеніе. Подать прошеніе они отказались, и ихъ оставили въ тюрьмѣ. Просидѣли они затѣмъ довольно долго и были выпущены уже послѣ разгона большевиками Учредительнаго Собранія. Конечно, выпущенныхъ изъ крѣпости министровъ соціалистовъ угнетала мысль о томъ, что они получили свободу по какому-то привиллегированному своему партійному положенію. Особенно сильно сказывалось это на Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ Никитинѣ. Я не знаю, потребовали ли большевики отъ министровъ, когда давали имъ свободу, обѣщаніе, политикой больше не заниматься, или нѣтъ. Какая-то игра съ ихъ стороны въ этомъ отношеніи была. Въ памяти у меня сохранилось такое впечатлѣніе (можетъ быть, ошибочное), что отъ Министра Путей Сообщенія Ливеровскаго такое обѣщаніе было взято. Помню, что послѣ первыхъ посѣщеній засѣданій Совѣта, Ливеровскій затѣмъ прекратилъ свое хожденіе въ Совѣтъ. До выхода своего изъ крѣпости министръ Гвоздевъ посѣтилъ тамъ съ разрѣшенія большевиковъ М. И. Терещенко. Повидимому освобождаемымъ надо было знать, какъ отнесутся ихъ товарищи къ выходу ихъ изъ заключенія. Министры кадеты естественно сказали, что ихъ заключеніе въ тюрьмѣ не должно служить препятствіемъ къ выходу изъ тюрьмы остальныхъ. Все это было вполнѣ естественно, но отъ этого настроеніе вышедшихъ не дѣлалось легче. Результатомъ всего этого было то, что Никитинъ заявилъ въ Совѣтѣ, что фактъ задержанія министровъ-кадетъ въ крѣпости не терпимъ, что нужно принять всѣ мѣры воздѣйствія на большевиковъ, чтобы послѣднихъ освободили. Никитинъ предложилъ тогда же, чтобы освобожденные отъ заключенія министры отправились въ Смольный Монастырь и заявили требованіе большевикамъ, чтобы всѣ арестованные были освобождены или чтобы вновь засадили въ тюрьму освобожденныхъ. Предложеніе это по существу было вреднымъ, да и запоздалымъ. Если была необходима антибольшевистская демонстрація, а она могла бы быть очень полезной для созданія общественнаго настроенія, то надо было поступить такъ, какъ поступилъ Карташевъ и другіе, или ужъ примириться съ совершившимся фактомъ и нести всѣ его послѣдствія, то-есть нѣкоторый стыдъ совершеннаго.

А вредно такое предложеніе было тѣмъ, что безъ практической надобности разрушало Совѣтъ Министровъ, а кромѣ того самый фактъ хожденія къ большевикамъ явился признаніемъ ихъ силы. Удалось, хотя и не безъ труда, отговорить Никитина не дѣлать безполезнаго шага.

Министръ Юстиціи П. Н. Малянтовичъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы черезъ нѣсколько дней послѣ выпуска первыхъ. А, можетъ быть, одновременно, но первые дни сидѣлъ дома. О томъ, что онъ на свободѣ, я узналъ отъ прис. пов. С. Е. Кальмановича, у котораго Малянтовичъ остановился. Малянтовичъ просилъ меня посѣтить его. Повидимому, Малянтовичъ не зналъ еще о томъ, что мы собираемся.

Я не узналъ Малянтовича, когда увидѣлъ его. Онъ былъ всегда очень дѣятельнымъ, живымъ, а тутъ я встрѣтилъ человѣка, какъ-то особенно настороженнаго. Онъ потерялъ себя не внѣшне, а внутренне. Онъ увѣрялъ — безполезно бороться съ большевиками, съ ними не справиться. Это было его основной точкой зрѣнія. И это было, пожалуй, — даже не его настроеніемъ, а новымъ, вынесеннымъ изъ заточенія, его міровоззрѣніемъ. И это-то свое міровоззрѣніе Малянтовичъ сталъ внѣдрять въ другихъ. Это было — не апатія, а нѣчто дѣятельное съ его стороны и весьма вредное въ общественномъ смыслѣ. Когда Малянтовичъ сталъ являться въ Совѣтъ, я, какъ Товарищъ Министра, сталъ на второй планъ, то-есть пересталъ голосовать при принятіи рѣшеній, предоставивъ это право Малянтовичу. Кажется, не было вопроса, въ которомъ наши мнѣнія сходились бы. Все сколько нибудь рѣшительное; все сколько нибудь дѣйственное находило въ немъ себѣ противника. Я былъ всѣмъ происходившимъ въ Совѣтѣ не только угнетенъ, но ощущалъ въ себѣ иногда чувство гнѣва.

Къ этому періоду относятся мои сношенія съ первоприсутствующимъ сенаторомъ Перваго Департамента Правительствующаго Сената Врасскимъ по вопросу о формальномъ непризнаніи Сенатомъ большевистской власти, какъ таковой. Съ Сенатомъ дѣло прошло гладко. Единственнаго чего сенаторы боялись — это выхода при обсужденіи вопроса изъ рамокъ законности и перехода въ политическую демонстрацію. Обошлись безъ демонстраціи, а большевикамъ показали свое мѣсто. Эти мои переговоры происходили при ближайшемъ участіи оберъ-прокурора Перваго Департамента Старицкаго, который всецѣло стоялъ за поддержаніе Временнаго Правительства.

Теперь мнѣ трудно передавать въ систематическомъ порядкѣ о томъ, что происходило въ тайныхъ засѣданіяхъ Совѣта, а посему въ дальнѣйшемъ изложеніи, я буду передавать лишь объ отдѣльныхъ эпизодахъ въ существованіи подпольнаго Временнаго Правительства.

С. Н. Прокоповичъ былъ признанъ предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Кажется, не было даже избранія его. Формально предсѣдателемъ числился А. Ф. Керенскій, находившійся гдѣ то по близости отъ Петербурга. Съ нимъ удалось снестись. Кажется, сдѣлалъ это Никитинъ. Популярностъ и авторитетъ Керенскаго послѣ неудачи наступленія его на Петербургъ катастрофически падали. Керенскій самъ повидимому это сознавалъ и, не желая мѣшать дѣятельности подпольнаго Правительства, послалъ ему свой отказъ отъ званія предсѣдателя Совѣта. Это извѣстіе было принято Совѣтомъ съ чувствомъ замѣтнаго удовлетворенія. Однако, въ то время среди членовъ Совѣта еще не замѣчалось того отрицательнаго отношенія къ имени Керенскаго, которое стало считаться впослѣдствіи ярлыкомъ или показателемъ здраваго пониманія политики Россіи. Тѣмъ не менѣе, отказъ Керенскаго породилъ черезъ нѣкоторое время недоразумѣнія въ Совѣтѣ. Совѣтъ понялъ, что Керенскій окончательно вышелъ изъ состава правительства; въ такомъ направленіи было истолковано всѣми членами Совѣта его письменное извѣщеніе объ отказѣ отъ званія предсѣдателя Совѣта, а Керенскій, какъ это выяснилось потомъ, продолжалъ себя считать членомъ правительства, хотя и не предсѣдателемъ Совѣта. Не помню по какому случаю но такое свое отношеніе къ Правительству Керенскій выразилъ въ томъ, что post factum подтвердилъ отъ себя какой то правительственный актъ, принятый подпольнымъ Правительствомъ. Но этимъ все дѣло и ограничилось. Фактически никакого своего участія въ отправленіи власти Керенскій проявить не могъ.

Много времени занялъ въ Совѣтѣ вопросъ о томъ, проявить ли себя Правительству въ Петербургѣ, или же продолжать дѣйствовать подпольно. Всѣмъ было ясно, что сама по себѣ подпольная власть не есть уже власть, что это какая то логическая безсмыслица. Поэтому многіе члены Совѣта говорили — «надо заявить о себѣ». Такъ какъ въ то время Сенатъ, какъ учрежденіе не былъ ликвидированъ большевиками, то кто-то предложилъ перенести засѣданія Совѣта туда и сдѣлать ихъ, слѣдовательно, открытыми. Это было конечно очень наивно. Однако предложеніе было встрѣчено нѣкоторыми съ одобреніемъ. Лично я не понималъ, чего можно было достичь переходомъ Совѣта въ Сенатъ. Для меня переходъ Совѣта въ Сенатъ казался простымъ извѣщеніемъ Смольнаго, что Временное Правительство все еще существуетъ. Власть не сдѣлается властью, если она только перейдетъ изъ частной квартиры въ казенную, или изъ подполья выйдетъ на бѣлый свѣтъ. Задача Совѣта была — быть до поры до времени носителемъ Государственной власти; онъ долженъ заявить о себѣ, но въ мѣстѣ, гдѣ онъ можетъ дѣйствовать, именно, какъ власть. Для этого онъ долженъ былъ создать соотвѣтствующую для себя обстановку и прежде всего создать около себя физическую силу и защиту. А заявить о себѣ въ той формѣ, какъ это предложили, было лишь поводомъ для большевиковъ еще разъ разогнать Совѣтъ Министровъ, да еще насмѣяться надъ ними, арестовать Министровъ уже, какъ явныхъ мятежниковъ, и больше ничего. Предложеніе провалилось. Но конечно, вопросъ этотъ заглохнуть не могъ и вскорѣ онъ былъ вновь поднятъ.

Однажды въ Совѣтъ пришелъ одинъ изъ видныхъ служащихъ въ военномъ вѣдомствѣ, изъ дѣйствовавшихъ на фронтѣ, (понятно «nomina sunt odiosa»), и объяснилъ, что Временное Правительство имѣетъ полную возможность сноситься съ тогдашнимъ Верховнымъ Главнокомандующимъ ген. Духонинымъ теле-

графно по прямому проводу. Было извѣстно, что ген. Духонинъ сочувственно относился къ идеѣ признанія Временнаго Правительства, какъ власти несмѣщенной. Надо была дать знать Духонину, что эта власть существуетъ и что она отъ борьбы съ большевиками не отказывается, что въ его помощи нуждаются, и далѣе, что онъ долженъ, насколько возможно, держаться противъ большевиковъ. Мнѣ было поручено съ виднымъ чиновникомъ военнаго вѣдомства составить текстъ телеграммы и снестись уже помимо Совѣта съ ген. Духонинымъ. Эта телеграмма за моею подписью и была отправлена по назначенію. Подлинная телеграмма теперь у меня не сохранилась. Помню, что телеграмма была очень длинной. Осталось у меня еще слѣдующее впечатлѣніе отъ тѣхъ временъ. Сношенію моему съ генераломъ Духонинымъ большинство Совѣта не придавало значенія. Было такое отношеніе — «отчего же и не попробовать снестись». Это начало сношеній съ Духонинымъ прекратилось смертью Духонина, убитаго большевиками, когда онъ говорилъ рѣчь солдатамъ съ площадки вагона.

Почему именно мнѣ тогда было поручено снестись съ ген. Духонинымъ, а никому другому? Къ этому времени еще до появленія въ Совѣтѣ чиновника Военнаго Министерства относится мое предложеніе, чтобы Совѣтъ «объявилъ себя» — переѣхавъ въ ставку къ Духонину подъ защиту его и его войска, въ которомъ большевики фактически еще не доминировали. Вопросъ не былъ рѣшенъ сразу; пришлось посвятить ему не одно засѣданіе. Съ этимъ вопросомъ какъ-то, по русскому выраженію, «мямлили». За мое предложеніе вполнѣ опредѣленно высказался только одинъ членъ Совѣта. Въ ближайшемъ же засѣданіи Совѣта, когда меня въ Совѣтѣ не было (я исполнялъ какое то порученіе Совѣта), мое предложеніе было отвергнуто, при чемъ отвергнуто съ мотивировкой. Совѣтъ это предложеніе отвергнуть просто не могъ, ибо что онъ могъ возразить на такое вполнѣ естественное предложеніе! Но онъ подыскалъ мотивы для оправданія своей боязни «дѣйствовать». Было признано, что положеніе Совѣта въ ставкѣ будетъ крайне труднымъ, такъ какъ при арміи въ то время уже были организованы различныя военныя революціонныя организаціи, комитеты и проч., которые могутъ, яко бы, своимъ вліяніемъ давить на волю и совѣсть членовъ Совѣта. Изъ сказаннаго усматривается, что у Совѣта все же не было боязни, что войска или революціонныя военныя организаціи пойдутъ противъ Правительства. Боялись одного — «будутъ давить». А, въ самомъ дѣлѣ, какъ можно давить на свободную волю членовъ Совѣта, если они ее будутъ имѣть! Необходима была въ данномъ случаѣ только самая обыкновенная воля, пониманіе и... совѣсть! Не вышло бы дѣло на фронтѣ, пришлось бы уѣхать или стушеваться. Можетъ быть, пришлось претерпѣть! Но къ чести членовъ Совѣта надо сказать, что вопросъ о рискѣ ни у кого не возникалъ и не потому, что они его замалчивали. Члены Совѣта и раньше рисковали, собираясь на совѣщанія, рисковали тѣмъ, что, такъ или иначе, боролись съ большевиками; рисковали, наконецъ, когда думали засѣдать открыто въ Сенатѣ. Конечно есть рискъ и рискъ. Одинъ носитъ идею самопожертвованія, нѣчто въ родѣ самосожженія, а другой то, что я неоднократно называлъ — идею дѣйственности. Послѣднее не было удѣломъ членовъ Совѣта. У членовъ совѣта была чисто русская психика интеллигенціи, психика кабинетныхъ людей. Они останавливались каждый разъ, какъ только нужно было претворять идею въ дѣйствіе. Указанное мотивированное заключеніе сопровождалось, однако, предложеніемъ мнѣ и Никитину ѣхать въ ставку къ Духонину въ качествѣ представителей отъ Правительства. Я категорически отклонилъ это предложеніе, тоже

съ мотивировкой: ставка отрѣзана отъ Совѣта, что я въ такомъ случаѣ могу тамъ дѣлать. Однако, я оговорился, что если бы Совѣтъ далъ мнѣ право дѣйствовать его именемъ во всѣхъ случаяхъ, когда я это найду нужнымъ, то тогда я готовъ ѣхать. «Но вѣдь я такого представительства отъ Васъ не получу?» На этомъ вопросъ и кончился; я даже не помню, получилъ ли я какой либо отвѣтъ на мое заявленіе или нѣтъ. Вѣроятно было такъ — молча отклонили, какъ нѣчто совершенно невозможное. Никитинъ съ своей стороны тоже отклонилъ предложеніе. Вслѣдъ за этимъ, хотя, можетъ быть, и не въ томъ же засѣданіи, я сдѣлалъ другое предложеніе. Я сказалъ: «Ставка Духонина отвергнута. Что же остается дѣлать? Къ кому ѣхать? Имѣется еще одно лицо, имя котораго у всѣхъ на устахъ, но котораго назвать никто не хочетъ, боясь обвиненія въ контръ-революціонности, однако — это единственное лицо, у котораго Правительство можетъ искать защиты и опоры. Я говорю — о генералѣ Калединѣ». Мои слова не вызвали ни замѣчанія, ни реплики. Всѣ промолчали. Только С. Н. Прокоповичъ, какъ то въ сторону, мелькомъ, пустилъ фразу, что имѣется у Правительства еще преданный ему генералъ Дутовъ. Кстати сказать, если я не ошибаюсь, — подчиненный ген. Каледина. А мои слова по существу своему были вызывающими, даже дерзкими. Но и дерзость моя оказалась напрасной. Я видѣлъ, что не было никакого абсолютно смысла настаивать на точномъ отвѣтѣ, ѣхать ли Временному Правительству къ ген. Каледину, и требовать, чтобы всѣ точки на «і» были поставлены. Эти точки и безъ того были слишкомъ ясны. У меня тогда же создалось убѣжденіе, что подвинуть этихъ неподвижныхъ, книжныхъ людей на дѣло ничѣмъ нельзя, что единственный способъ достичь какого либо успѣха — посадить ихъ на готовое уже мѣсто. Я рѣшилъ тогда, про себя, лично отправиться на Донъ и тамъ выяснить вопросъ о согласіи Дона и всего казачества признать и поддержать Временное Правительство, какъ всероссійскую власть.

Населеніе Петербурга въ лицѣ его интеллигенціи не мирилось съ торжествомъ большевиковъ. Около Городской Думы, какъ я упомянулъ, организовался комитетъ спасенія родины и революціи, въ составъ котораго вошли много городскихъ гласныхъ, нѣкоторые литераторы, общественные и политическіе дѣятели и представители тѣхъ политическихъ партій, которыя не признавали большевиковъ. Иначе говоря, въ комитетѣ отсутствовали изъ политическихъ партій только представители лѣвыхъ эсеровъ. Большое участіе въ дѣлахъ этого комитета принималъ, повидимомому, городской голова Шрейдеръ. По крайней мѣрѣ въ его кабинетѣ въ зданіи Городской Думы постоянно засѣдали представители этого комитета или самый комитетъ, (не помню его организаціи). Въ числѣ гласныхъ, вошедшихъ въ Комитетъ, были нѣкоторые товарищи министровъ, посѣщавшихъ Совѣтъ, въ числѣ ихъ граф. Панина, В. Я Гуревичъ; кажется, были ещс и другіе. Комитетъ этотъ, какъ выразитель общественнаго мнѣнія г. Петербурга, игралъ въ немъ значительную роль. Къ его голосу прислушивались; на него надѣялись, что онъ что-то сдѣлаетъ. Этотъ комитетъ, несмотря на то, что въ составѣ его имѣлись члены Совѣта Министровъ, однако ничего не зналъ о существованіи Правительства, хотя и подпольнаго. Этому незнанію можно было только удивляться. Это показывало, что тѣ члены Совѣта, которые вошли въ комитетъ очевидно не придавали значенія тому, что дѣлалось въ самомъ Совѣтѣ Министровъ. Иначе трудно было объяснить себѣ такое явленіе. Для

меня было непостижимо какъ Товарищи Министровъ, засѣдавшіе въ Совѣтѣ и Комитетѣ, не сумѣли (вѣдь нельзя же предположить, что они этого «не хотѣли») дойти до мысли, что работа обоихъ учрежденій, хотя бы и параллельная, должна быть координирована. Для меня ясно было, что Комитетъ по своему изолированному положенію въ Россіи сдѣлать самъ ничего не сможетъ, ибо какое могъ имѣть значеніе «Петербургскій» Комитетъ для Москвы, или для другихъ городовъ Россіи, и наконецъ для всей Россіи? А между тѣмъ, какъ общественная организація, какъ моральная сила, ставшая на сторону Временнаго Правительства, Комитетъ въ дѣлѣ борьбы съ большевиками могъ оказать Правительству помощь весьма даже существенную. Между прочимъ однимъ изъ вліятельныхъ членовъ Комитета былъ бывшій членъ первой Государственной Думы и игравшій очень замѣтную роль въ трудовой народно-соціалистической партіи прис. пов. Брамсонъ. Брамсонъ — человѣкъ, который въ основу политической дѣятельности всегда ставитъ — честное отношеніе къ дѣлу. Онъ не — любитель компромиссовъ, слово «мораль» для него не пустой звукъ. Я сталъ видѣться съ Брамсономъ чуть не ежедневно по утрамъ, бесѣдовалъ съ нимъ и обсуждалъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ означенныхъ двухъ учрежденій. Мысль моя была та же, которую я уже и раньше высказывалъ относительно Совѣта рабочихъ депутатовъ. Комитетъ не можетъ дѣйствовать на всю Россію, онъ только для Петербурга; нужна же власть всероссійская; таковая имѣлась въ лицѣ Временнаго Правительства, которое вовсе не умерло и которое дѣйствуетъ. Я скрылъ отъ Брамсона, что въ распоряженіи Совѣта Министровъ находится еще государственный фондъ. «Надо признать Временное Правительство». Брамсонъ вполнѣ раздѣлилъ мою точку зрѣнія. Къ той же точкѣ зрѣнія на значеніе Временнаго Правительства пришли и другіе члены Комитета. Когда признаніе Временнаго Правительства состоялось (объ этомъ тамъ даже и не спорили), я доложилъ объ этомъ въ Совѣтѣ. Рѣшено было пригласить делегатовъ Комитета въ засѣданіе Совѣта и обмѣняться мнѣніями по поводу политическаго момента. Засѣданіе это и знакомство членовъ Совѣта и Комитета другъ съ другомъ состоялось въ квартирѣ гр. Паниной; но всѣ подробности бесѣды ихъ между собою у меня улетучились изъ памяти. Знаю навѣрное только то, что денежнаго вопроса въ засѣданіи Совѣта не подымалось. У меня лишь сохранилось впечатлѣніе отъ этой бесѣды не въ пользу Совѣта. Мнѣ очень не нравилось то, что члены Совѣта говорили съ представителями Комитета какъ-то свысока, то-есть какъ люди больше понимающіе въ политикѣ, чѣмъ ихъ собесѣдники. А было какъ разъ наоборотъ. Всякія разногласія, какія возникали между Совѣтомъ и комитетомъ, члены комитета старались по возможности сгладить. Они шли на всѣ уступки, добиваясь — итти вмѣстѣ. Для дальнѣйшихъ сношеній съ комитетомъ Совѣтъ избралъ меня и Никитина.

Совмѣстныя засѣданія въ Городской Думѣ мои съ Никитинымъ и членами комитета были иной разъ въ достаточной мѣрѣ интересны. Въ нихъ участвовалъ въ качествѣ представителя отъ соціалъ-демократовъ меньшевиковъ Данъ (Гурвичъ) — соглашатель. Его роль и въ Совѣтѣ Республики была такой же и столь же противной. Данъ стоялъ за возможность обширныхъ дѣйствій съ большевиками, каковую политику онъ проводилъ въ предпарламентѣ. Тутъ онъ настойчиво продолжалъ отстаивать свою точку зрѣнія.

Для меня его фигура была отвратительной. Я его считалъ нечестнымъ политическимъ дѣятелемъ. Для меня не было разницы между Даномъ меньшевикомъ и Даномъ большевикомъ. Повидимому и Брамсонъ относился къ Дану

крайне отрицательно. У нихъ произошла какая-то стычка въ засѣданіи. Брамсонъ выразился о взглядахъ Дана, какъ о безнравственныхъ, хотя этого слова и не произносилъ. Это конечно Дану не могло понравиться. Вышелъ разговоръ. Былъ еще одинъ членъ Комитета, фамиліи его не помню, какой-то литераторствовавшій, пріѣхавшій изъ-за границы, еврей; повидимому, изъ богатой интеллигентной семьи. Явный анти-большевикъ и печатавшій статьи противъ нихъ. Но когда онъ говорилъ о Россіи, то подымалась какая-то муть въ душѣ. Въ его словахъ было столько ненависти къ Россіи. Конечно, характеристики Дана онъ не заслуживаетъ. Вѣроятно, ему не было за что любить Россію, но слушать его отъ этого было не легче.

Посѣтилъ какъ-то засѣданіе Совѣта Министровъ и бывшій Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, пользовавшійся моей большой симпатіей и уваженіемъ, — Г. Церетелли. Былъ ли онъ тогда въ Совѣтѣ одинъ или съ другими лицами, я не помню. Если бы мнѣ сказали, что онъ былъ вмѣстѣ съ членами Комитета спасенія родины и революціи, я бы не сталъ спорить. С. Н. Прокоповичъ очень любезно его принялъ. Очевидно онъ высоко цѣнилъ Церетелли какъ политика, и конечно, какъ виднаго соціалъ-демократа. Онъ спрашивалъ о его политическомъ прогнозѣ. Церетелли весьма, какъ мнѣ помнится, мрачно высказался по поводу ближайшаго будущаго Россіи.

У Комитета Спасенія Родины и Революціи не было абсолютно никакихъ средствъ на веденіе какой бы то ни было борьбы съ большевиками. Слабость комитета была очевидной, и это вполнѣ явствовало изъ того, что большевики весьма мало обращали на него вниманія. Такое же отношеніе ихъ было и къ министрамъ свергнутаго ими правительства. Въ сущности, большевики не могли не предполагать, что дѣлаютъ же что-нибудь находящіеся на свободѣ министры и ихъ товарищи. Они остро чувствовали на себѣ саботажъ чиновниковъ въ министерствахъ. Дѣла въ министерствахъ у нихъ не ладились. Наконецъ, открыто дѣйствовалъ Комитетъ Спасенія Родины и Революціи. Но, повторяю, они на это не обращали пока вниманіе; они просто его не боялись. Но и самимъ имъ не пришло еще время развернуться. Сами они держались только тѣмъ, что ихъ поддерживалъ распропагандированный ими солдатъ. Главари большевиковъ сидѣли въ Смольномъ, какъ въ бестѣ, или, какъ въ защищенной цитадели, куда они кстати сказать свезли на всякій случай массу съѣстныхъ припасовъ. Особенно сильно большевикамъ безпокоиться впрочемъ не приходилось. На ихъ сторонѣ была воинская сила, а обыватель на рожонъ не лѣзъ. Онъ только не признавалъ большевиковъ. Лишь въ этомъ была его оппозиція.

Комитетъ задумалъ издать рядъ анти-большевистскихъ брошюръ, прокламацій и т. п. для раздачи ихъ среди войска. Эта задача тогда могла имѣть нѣкоторый успѣхъ. Въ войскахъ все же царила какая-то двойственность настроенія и нѣкоторая отсюда нерѣшительность. Но для изданій Комитету нужны были деньги, а ихъ у него не было. Онъ рѣшился обратиться за средствами къ Совѣту Министровъ. По его исчисленію ему нужно было не меньше 300—400.000 рублей. Это было приблизительно около 10—13 ноября. Тогда

же чиновники заявили о желаніи своемъ досрочно получить свое жалованіе, выдаваемое, какъ извѣстно, 20 числа каждаго мѣсяца. Они объяснили, что саботажъ съ ихъ стороны возможенъ лишь при условіи, если у нихъ будетъ на что существовать съ семьями, что они боялись, что, если имъ теперь не выдадутъ впередъ жалованія, то Совѣтъ къ 20 числу легко можетъ оказаться безсильнымъ въ его выдачѣ, а большевики при выдачѣ жалованія могутъ поставить имъ такія условія дальнѣйшаго ихъ служенія, что о саботажѣ нечего будетъ и думать. Соображенія чиновниковъ были вполнѣ резонны. Такимъ образомъ передъ Совѣтомъ было поставлено два вопроса денежнаго свойства. На первую очередь нужно было рѣшить вопросъ о жалованіи чиновникамъ. Это, какъ мнѣ казалось, былъ одинъ изъ самыхъ простыхъ, несложныхъ вопросовъ, на разрѣшеніи котораго не стоило даже долго останавливаться. Деньги нужно было выдать, и выдать безъ всякихъ замедленій. Не тутъ то было! Вышло совершенно иначе. Поднялись безконечные споры, принципіальнаго якобы свойства — можно ли допускать нарушеніе закона о порядкѣ выдачи жалованія. Спорили безконечно. С. Н. Прокоповичъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказался противъ досрочной выдачи чиновникамъ жалованія — «не имѣемъ, дескать, права». А право это было въ рукахъ Совѣта, обладавшаго и законодательной, и исполнительной властью. Послѣ нескончаемыхъ преній вопросъ все же былъ рѣшенъ въ пользу немедленной выдачи жалованія. Но вслѣдъ за этимъ произошелъ уже рѣшительный скандалъ. С. Н. Прокоповичъ, чуть не скандируя каждое слово, заявилъ, что, такъ какъ Совѣтъ допустилъ столь явное нарушеніе закона (это выдача-то жалованія раньше срока всего на одну недѣлю), нарушилъ якобы какой-то принципъ, то онъ снимаетъ съ себя званіе предсѣдателя Совѣта и, помнится мнѣ, что даже вовсе покидаетъ Совѣтъ. На очередь сталъ — кабинетный вопросъ! Было отъ чего впасть въ тоску. Мнѣ казалось тогда, что произошло что-то рѣшительно недопустимое. Мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы въ средѣ Совѣта произошелъ такой расколъ, который грозилъ распадомъ власти. Теперь я бы иначе отнесся къ событію и сказалъ бы — «если Прокоповичъ хочетъ уйти, то выберемъ на его мѣсто другого предсѣдателя». Всѣ стали убѣждать С. Н. Прокоповича, и я въ томъ числѣ, взять свой отказъ обратно. Уговоры были безконечные, но Прокоповичъ твердо стоялъ на своемъ. Помню, говорилъ и я; говорилъ о томъ, что ради того, чтобы онъ остался въ кабинетѣ я готовъ, хотя считаю это «моральнымъ давленіемъ», измѣнить свое отношеніе по вопросу о досрочной выдачѣ чиновникамъ жалованія. Прокоповичъ обидѣлся на выраженіе «моральное давленіе», и вновь возникли нескончаемые разговоры и уговоры около этого выраженія. Между прочимъ С. Н. Прокоповичъ, когда онъ началъ постепенно сдавать, выразился о себѣ такъ: «это на меня иногда такое находитъ». Вся фраза, можетъ быть, была выражена болѣе литературно, но слово «находитъ» имъ было произнесено. С. Н. Прокоповичъ помирился на слѣдующемъ компромиссѣ: онъ готовъ согласиться на то, чтобы изъ казначейства деньги на жалованіе чиновникамъ были выписаны немедленно и переданы въ министерство, но чтобы самая выдача жалованія была произведена въ установленный закономъ срокъ. Съ этимъ всѣ помирились. Но про себя я рѣшилъ такъ — деньги въ Министерствѣ Юстиціи будутъ выданы чиновникамъ въ день полученія ихъ министерствомъ. Я сдѣлалъ бы это вполнѣ сознательно. И не для демонстраціи; я зналъ, что никому, даже Прокоповичу, не придетъ въ голову провѣрять это обстоятельство; а рисковать тѣмъ, чтобы деньги попали бы въ руки большевиковъ,

я отнюдь не хотѣлъ. Наконецъ компромиссъ Прокоповича по существу былъ лишь пожеланіемъ, ибо никто изъ министровъ не можетъ вмѣшиватся въ распоряженія другого по вѣдомству послѣдняго. Нашелъ нужнымъ выдать и выдалъ! Но, какъ на самомъ дѣлѣ прошла выдача жалованія, я такъ и не знаю, такъ какъ черезъ нѣсколько дней послѣ разсказаннаго событія уѣхалъ изъ Петербурга.

Послѣ такихъ тяжелыхъ дебатовъ о жалованіи чиновникамъ никто уже не смѣлъ настаивать на выдачѣ Комитету Спасенія Родины и Революціи — 300 или 400 тысячъ рублей на пропаганду противъ большевиковъ. Однако вопросъ на обсужденіе былъ поставленъ. Что вопросъ будетъ проваленъ, было заранѣе всѣмъ ясно. Помню, что гр. Панина, которая баллотировала за досрочную выдачу чиновникамъ жалованія, заявила, что будетъ голосовать противъ выдачи денегъ Комитету. Я не ошибаюсь, если скажу, что въ основу такого ея рѣшенія легло стремленіе не доводить С. Н. Прокоповича до новаго заявленія съ его стороны о выходѣ изъ состава Правительства или же до новой его истерики. Настроеніе гр. Паниной раздѣляли многіе изъ тѣхъ, что голосовали вмѣстѣ съ ней. С. Н. Прокоповичъ и тутъ нашелся. Онъ утверждалъ, что «мы не имѣемъ права, тратить народныя деньги на партійную борьбу». Такъ и было сказано, и на «lapsus» ссылаться нельзя! Нужны ли здѣсь комментаріи?! Враги народа, притомъ внутренніе враги народа, на юридическомъ языкѣ называемые преступниками, квалифицируются партійными противниками; съ ними бороться, выходитъ, нельзя; нѣтъ средствъ! Мнѣ кажется — дальше итти некуда. Вопросъ, какъ мнѣ помнится, даже не голосовался. Провалили безъ голосованія. Мнѣ неизвѣстно, какъ встрѣтилъ этотъ отказъ въ помощи ему Комитетъ и какъ съ своей стороны квалифицировалъ его.

Исторія по поводу выдачи чиновникамъ досрочнаго жалованія и отказъ Совѣта въ выдачѣ Комитету денегъ на антибольшевистскую пропаганду среди войскъ, а ранѣе отношеніе къ ставкѣ Духонина «переполнили чашу моего терпѣнія». Я видѣлъ, что подпольное Временное Правительство изъ тусклаго своего прозябанія на свѣтъ Божій не выйдетъ и ничего не совершитъ. Я рѣшилъ тогда, что настало время ѣхать на югъ Россіи, повидаться съ генераломъ Калединымъ, выяснить настроеніе казачества и, если удастся — уговорить генерала Каледина, принять на себя «подъ высокую руку» Временное Правительство. А если онъ на послѣднее согласится, то оповѣстить о семъ Совѣтъ Министровъ и поставить его передъ совершившимся фактомъ — приглашенія прибыть въ Новочеркасскъ. Мнѣ казалось, что тогда Правительству трудно уже будетъ не пойти на переѣздъ, что уже явится исторической необходимостью это сдѣлать, что члены правительства испугаются нравственной отвѣтственности, если не примутъ приглашенія генерала Каледина, ибо что они отвѣтятъ на вопросъ, почему они не сохранили власть, когда это было возможно.

Я заявилъ въ Совѣтѣ, что усталъ и что рѣшилъ уѣхать на отдыхъ на югъ Россіи. Меня стали уговаривать остаться, говорили даже, что уѣзжать въ такое время по политическимъ соображеніямъ недопустимо и т. п., но я категорически отстранилъ всякіе уговоры остаться. Въ то время выѣздъ изъ Петербурга былъ уже сопряженъ съ нѣкоторыми стѣсненіями, и я помню многихъ

выѣзжавшихъ въ Москву, которые для этой цѣли заходили куда-то за какими-то разрѣшеніями къ какимъ-то большевистскимъ властямъ. Однако, были и такіе, которые ухитрялись уѣзжать и безъ всякихъ разрѣшеній. Словомъ, царилъ въ этомъ отношеніи полный хаосъ; точныхъ правилъ отъѣзда никто не зналъ, да вѣроятно и нельзя было ихъ знать. Я уѣзжалъ не одинъ, а съ женой и ея сыномъ; ѣхали въ Сухумъ, гдѣ жилъ отецъ жены. Я рѣшилъ — разрѣшенія на выѣздъ у большевиковъ не брать и лично ѣхать по удостовѣренію, выданному мнѣ изъ министерства, въ которомъ значилось, что я товарищъ Министра Юстиціи и имѣю право ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ даромъ. Все прошло благополучно; мы сѣли въ вагонъ прямого сообщенія до Ростова на Дону. Дальше прямое сообщеніе прерывалось. За билетъ я денегъ не платилъ, потому что билета не бралъ. Я ѣхалъ по своему удостовѣренію, которое не только не возбуждало никакихъ и ни въ комъ сомнѣній, а напротивъ очень помогало мнѣ. Все желѣзнодорожное поѣздное начальство, то-есть кондуктора и оберъ-кондуктора, всѣ наперерывъ были со мною «предупредительны». Это «начальство» не вѣрило въ долгодневность большевистской власти и, по всѣмъ видимостямъ, не симпатизировало имъ. Власть большевиковъ тогда не была еще повсемѣстной. Путь до Ростова былъ совершенно свободенъ за Москвой. Большевики находились еще тогда въ процессѣ сжиманія себя въ кулакъ, и гдѣ силъ у нихъ не было, тамъ они стушевывались и впередъ не лѣзли. Въ Ростовѣ въ то время царилъ уже внѣшній безпорядокъ. Поѣздовъ на дальнѣйшее слѣдованіе уже не хватало, то-есть, не хватало паровозовъ; вагоны брались съ бою, публика влѣзала въ нихъ черезъ окна; въ купэ на шесть человѣкъ набивалось до 12—15 пассажировъ. Словомъ было очень нехорошо. Отъ Ростова я одинъ поѣхалъ въ Новочеркасскъ. Новочеркасскъ былъ переполненъ.

При въѣздѣ въ Новочеркасскъ я былъ свидѣтелемъ сцены, произведшей на меня очень тяжелое впечатлѣніе. Я ѣхалъ на извозчикѣ, и мнѣ пришлось ѣхать мимо зданія Новочеркасской Судебной Палаты. У главнаго подъѣзда Палаты было много народу. Происходила давка, слышны были крики, были казаки на лошадяхъ. «Что тамъ такое?» — спросилъ я извозчика. Изъ словъ извозчика я узналъ, что народъ не хочетъ выпускать изъ рукъ своихъ какого-то разбойника. Весь городъ, оказывается, объ этомъ зналъ. Словомъ, происходилъ самосудъ и гдѣ — передъ зданіемъ судебныхъ установленій! Къ вечеру я узналъ въ подробностяхъ, что произошло. Былъ арестованъ властями и посаженъ въ тюрьму очень извѣстный въ Новочеркасскѣ преступникъ — грабитель и убійца. На его душѣ было чуть ли не до семи убійствъ. Его очень долго ловили; назначали на ночь облавы, опредѣляли ночныхъ сторожей, дѣлали слѣжку. Народъ его ненавидѣлъ и за безсмысленность совершенныхъ имъ убійствъ, и за то, что онъ вносилъ столько безпокойства въ его жизнь, жизнь обывателя, «только и возись, что съ нимъ». Когда слѣдователь вызвалъ арестованнаго изъ тюрьмы къ допросу въ зданіе Суда, то обратно въ тюрьму его уже не удалось вернуть. Народъ не пустилъ. Выходили убѣждать народъ не вмѣшиваться въ судебное дѣло и административныя, и судебныя власти — прокуроръ Палаты и, если я не ошибаюсь, даже старшій предсѣдатель Судебной Палаты. Но все было напрасно. Дали знать генералу Каледину, и онъ прислалъ казаковъ для охраны порядка. Но казаки стали на сторону народа. Преступникъ былъ выведенъ на улицу. Тогда выступилъ одинъ изъ пострадавшихъ и принесъ на него публично жалобу. Одинъ казакъ

или солдатъ изъ толпы хватилъ преступника по головѣ шашкой и убилъ его. Этимъ дѣло закончилось. Тѣло преступника было куда-то убрано, а кровавые слѣды на тротуарѣ и мостовой засыпаны пескомъ. Но мѣсто убійства было отчетливо видно еще и на другой день. Я самъ его видѣлъ, когда проходилъ въ засѣданіе Палаты.

По поводу этого русскаго «суда Линча», который меня не столько возмутилъ, сколько смутилъ своеволіемъ толпы, не считавшейся съ властью, мнѣ пришлось много говорить. Мнѣ претило, что сами власти не отнеслись достаточно серьезно къ такому эксцессу толпы. Но вполнѣ возможно, что власти уже иначе не могли поступить, чувствуя свое безсиліе. Но публика, вся Новочеркасская публика, изъ низовъ и частью изъ верховъ — сторожа казенныхъ учрежденій, швейцары, извозчики, дворники, прислуга ресторановъ, рабочіе и т. п., всѣ, съ кѣмъ я заговаривалъ, всѣ говорили одно: «Слава Богу, убили его наконецъ». Таково было отношеніе «плебса» къ событію дня.

Это было показательно: власть въ Новочеркасскѣ не была крѣпкой; ей приходилось подчиняться настроенію толпы. Правда, я тогда не слышалъ ни одного отзыва, направленнаго противъ самой власти. Повидимому, съ генераломъ Калединымъ считались и относились къ нему съ уваженіемъ.

Я еле нашелъ прибѣжище въ Новочеркасскѣ. Если бы не прокуроръ Палаты Ермоленко, я право не зналъ бы, какъ мнѣ быть. Онъ гостепріимно устроилъ меня у себя. Ермоленко имѣлъ доступъ къ генералу Каледину, и на другой же день устроилъ мнѣ свиданіе съ нимъ. Первоначально онъ предложилъ мнѣ, до свиданія съ генераломъ Калединымъ, повидаться съ генераломъ Богаевскимъ, но я отклонилъ это предложеніе, желая говорить только и непосредственно съ однимъ генераломъ Калединымъ.

Генерала Каледина я видѣлъ раньше только на Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи, да и то издали, — но я имѣлъ о немъ совершенно опредѣленное мнѣніе, какъ о человѣкѣ, который, какъ я узналъ, вѣренъ своему слову и ни на какія реставраціонныя или тому подобныя авантюры не пошелъ бы. Свиданіе мое съ нимъ было весьма короткимъ. Помню, что я совершенно откровенно сказалъ Каледину, что имя его связано съ идеей контръ-революціи, что онъ долженъ это знать и обстоятельство это взвѣсить. На Каледина мои слова подѣйствовали очень тяжело, возбудили въ немъ чувство досады, и онъ по этому поводу даже кулакомъ по столу стукнулъ. Калединъ произвелъ на меня впечатлѣніе патріотически настроеннаго, но крайне утомленнаго человѣка; онъ возбуждалъ во мнѣ большую симпатію, смѣшанную съ чувствомъ какой-то жалости къ нему. Калединъ ясно сознавалъ, какъ важно было сохранить для Россіи единую и безспорную власть. Онъ сказалъ, что не желаетъ ничего лучшаго, какъ переѣзда Временнаго Правительства въ Новочеркасскъ, что онъ будетъ защищать правительство, какъ самого себя, но, прибавилъ онъ, — временно я самъ не могу стать въ подчиненное къ нему положеніе, такъ какъ казачество фактически ведетъ свою отдѣльную отъ Россіи политику, и я въ настоящее время какъ представитель независимаго Донского казачества веду переговоры съ казаками Кубани и Терека о взаимныхъ отношеніяхъ казаковъ. Вопросъ о подчиненіи казачества Временному Правительству можетъ возникнуть только по окончаніи этихъ переговоровъ. Необходимо

для этого установить еще, что Временное Правительство не пало, а существуетъ реально. Словомъ, вопросъ о власти былъ поставленъ въ достаточной мѣрѣ просто и ясно. Я написалъ подробное письмо въ Петербургъ С. Н. Прокоповичу съ отчетомъ о моей бесѣдѣ съ генераломъ Калединымъ. Чтобы не было никакихъ сомнѣній, какъ толковать слова Каледина, я всю бесѣду съ Калединымъ изложилъ по абзацамъ и занумеровалъ таковые. Въ письмѣ своемъ, кромѣ того, я извѣщалъ Прокоповича, что для Временнаго Правительства и части Сената отводится помѣщеніе въ Новочеркасскѣ, именно — весь верхній этажъ огромнаго зданія Новочеркасской Судебной Палаты предназначенъ для нихъ, что дѣлается это съ вѣдома и согласія старшаго предсѣдателя Новочеркасской Судебной Палаты.

Письмо въ Петербургъ было послано съ нарочнымъ — секретаремъ или однимъ изъ кандидатовъ на судебную должность Новочеркасскаго Окружного Суда. Письмо было отправлено въ трехъ экземплярахъ по тремъ адресамъ разнымъ лицамъ. Дошли ли они?! Не знаю; что одно не дошло, мнѣ хорошо извѣстно, ибо я видѣлся съ однимъ изъ тѣхъ лицъ, на имя коего было послано одно изъ писемъ. У меня не сохранилось черновика моего письма, такъ какъ его пришлось уничтожить, когда я жилъ въ городѣ Сухумѣ и когда тамъ появились большевики. Обыскъ былъ и у меня въ квартирѣ. Черновикъ не представлялъ особаго цѣннаго документа, такъ какъ я жилъ въ увѣренности, что письма мои дошли до Петербурга. Копія моего письма должна храниться у Ермоленко, который до отсылки пакета въ Петербургъ снялъ эту копію.

Во всякомъ случаѣ, дошло ли мое письмо къ Прокоповичу, или не дошло, успѣха оно уже не могло имѣть. Вскорѣ послѣ моего отъѣзда, какъ мнѣ сообщили впослѣдствіи, Совѣтъ рѣшилъ заявить о себѣ. Онъ обратился къ народу съ воззваніемъ, призывая его сплотиться около Учредительнаго Собранія. Мнѣ такъ и не удалось ознакомиться съ содержаніемъ этого воззванія.

Межъ двухъ огней

(Записки зеленаго)

Н. Вороновича

I

Лѣтомъ 1917 года среди группы офицеровъ и солдатъ Лужскаго гарнизона зародилась мысль объ организаціи кооператива раненыхъ и больныхъ воиновъ.

Большая часть Лужскаго гарнизона состояла изъ слабосильныхъ командъ, въ которыя командировались выздоравливавшіе отъ раненій и болѣзней солдаты и офицеры кавалерійскихъ частей. Многіе изъ нихъ были уже совершенно непригодны для фронтовой службы, а нѣкоторые нуждались въ продолжительномъ климатическомъ лѣченіи. Я самъ недавно вернулся изъ Гагръ, гдѣ провелъ зиму 1915 — 16 г. г. и испыталъ на себѣ благодатный климатъ Черноморскаго побережья, благодаря которому почти совершенно оправился отъ послѣдствій двухъ тяжелыхъ контузій. По мысли иниціаторовъ въ кооперативъ могли вступать воинскіе чины, нуждавшіеся въ такомъ климатическомъ лѣченіи. Для этой цѣли мы предполагали исходатайствовать у Временнаго Правительства разрѣшеніе на передачу кооперативу участка земли въ Сочинскомъ округѣ Черноморской губерніи, пригоднаго для занятій садоводствомъ, огородничествомъ и животноводствомъ. Эти отрасли сельскаго хозяйства должны были давать средства, необходимыя для содержанія и лѣченія членовъ кооператива.

Временное Правительство, въ лицѣ товарища министра земледѣлія Ракитина, сочувственно отнеслось къ этому проекту и предписало начальнику Кубано-Черноморскаго управленія госуд. имуществъ предоставить возможность уполномоченнымъ кооператива осмотрѣть и выбрать подходящій для цѣлей кооператива земельный участокъ.

Въ началѣ Августа, воспользовавшись полученнымъ мною отпускомъ по болѣзни, я въ сопровожденіи унтеръ-офицера С. выѣхалъ на Кавказъ и, послѣ долгихъ препирательствъ съ лѣсничими и другими чиновниками министерства земледѣлія (весьма недоброжелательно отнесшимися и къ намъ, и къ министерскому предписанію), облюбовалъ находившійся въ 4 верстахъ отъ города Сочи, на самомъ берегу моря, пустующій участокъ графа Мусина-Пушкина.

Участокъ этотъ, перешедшій владѣльцу еще въ 70-хъ годахъ отъ казны, болѣе 30 лѣтъ не обрабатывался и находился въ совершенно запущенномъ состояніи, весь заросшій непроходимымъ кустарникомъ и столѣтними дубовыми и каштановыми деревьями. Еще по дореволюціоннымъ законамъ всѣ «культурные»

(находившіеся въ прибрежной полосѣ по обѣимъ сторонамъ Черноморскаго шоссе) участки, переданные казной владѣльцамъ, отбирались обратно въ казну, если владѣльцы въ теченіи пяти лѣтъ не приступали къ ихъ обработкѣ и приведенію въ культурное состояніе. На основаніи этого закона участокъ графа Мусинъ-Пушкина также подлежалъ отчужденію въ казну, но благодаря связямъ графа и тому положенію, которое занималъ въ Сочи его управляющій (мечтавшій разбить его на мелкіе участки для продажи по баснословно высокимъ цѣнамъ), оставался все еще за прежнимъ владѣльцемъ.

Вернувшись въ Петроградъ, мы подали въ Министерство земледѣлія соотвѣтствующее заявленіе, приложивъ къ нему всѣ документальныя данныя, касающіеся участка гр. Мусинъ-Пушкина, и вскорѣ получили оффиціальное разрѣшеніе на временное, впредь до окончательнаго разрѣшенія земельнаго вопроса, пользованіе этимъ участкомъ.

Послѣ ликвидаціи Корниловскаго выступленія я, сложивъ съ себя полномочія предсѣдателя Лужскаго совѣта солдатскихъ, крестьянскихъ и рабочихъ депутатовъ, выѣхалъ на Кавказъ въ качествѣ предсѣдателя правленія трудового сельско-хозяйственнаго кооператива «Новая Луга», для подготовки переѣзда въ Сочи 27 членовъ кооператива и ихъ семействъ.

Я мечталъ отдохнуть отъ войны и революціонныхъ событій, отойти отъ политической дѣятельности и всецѣло отдаться своему любимому занятію — огородничеству и животноводству. Однако, судьбѣ угодно было бросить меня въ новый водоворотъ событій и разбить всѣ тѣ перспективы отдыха, которыя рисовались мнѣ при отъѣздѣ на Кавказъ . . .

Былъ конецъ Сентября. На Черноморскомъ побережьѣ время это считается самымъ лучшимъ въ году. Лѣтняя жара спала, наступила чудная, теплая, душистая осень, или вѣрнѣе вторая весна, когда расцвѣтаютъ вновь различные виды южныхъ деревьевъ и цвѣтовъ.

Въ Сочи и его окрестностяхъ все было переполнено съѣхавшейся изъ Петрограда, Москвы и другихъ большихъ городовъ публикой. Жизнь била ключемъ. Только отсутствіе пароходныхъ рейсовъ напоминало веселящимся и отдыхающимъ обывателямъ о войнѣ и революціи.

Я остановился въ громадной гостиницѣ «Кавказская Ривьера», состоящей изъ четырехъ отдѣльныхъ многоэтажныхъ корпусовъ, расположенныхъ на самомъ берегу моря. Просыпаясь по утрамъ, я наслаждался дивной панорамой спокойнаго бирюзоваго моря, тихо плескавшагося подъ моимъ окномъ. А выйдя на балконъ, я могъ любоваться не менѣе красивой картиной обступившихъ Сочи горныхъ гигантовъ съ ослѣпительно блестѣвшими на солнцѣ, покрытыми снѣгомъ вершинами. Внизу, въ паркѣ, цвѣли розы и тихо шелестѣли огромными продолговатыми листьями бананы . . . И, если не люди, то природа заставляла забывать и войну, и революцію, и грозныя симптомы надвигавшейся гражданской войны . . .

По дѣламъ кооператива мнѣ пришлось познакомиться съ мѣстными учрежденіями и въ томъ числѣ съ Сочинскимъ совѣтомъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ.

Сочи съ его 15,000-мъ населеніемъ являлся не столько городомъ, сколько большимъ дачнымъ мѣстечкомъ. Все коренное населеніе города жило и кормилось вокругъ пріѣзжавшихъ на время сезона дачниковъ и «курсовыхъ». Ни фабрикъ, ни заводовъ въ городѣ и ближайшихъ окрестностяхъ не было. Промышленными предпріятіями являлись исключительно гостиницы, рестораны и

духаны, обслуживавшіеся большей частью мѣстныхъ жителей. Другіе аборигены занимались или посредничествомъ по куплѣ и продажѣ домовъ, дачъ и участковъ, или извознымъ промысломъ. И, наконецъ, остальные обыватели состояли изъ отставныхъ военныхъ и чиновниковъ, пріобрѣвшихъ дома и дачные участки и мирно доживавшихъ свои дни въ этомъ чудномъ уголкѣ побережья.

Съ 1914 года, когда было приступлено къ постройкѣ Черноморской желѣзной дороги (отъ Туапсе до ст. Ново-Сенаки Закавказской ж. д.), на побережье хлынули толпы чернорабочихъ. Съ началомъ войны ряды этихъ рабочихъ порѣдѣли и ихъ стали замѣнять военно-плѣнными австрійцами. Къ осени 17 года въ окрестностяхъ Сочи оставалось все-таки до 10.000 рабочихъ, типичныхъ представителей «лумпенъ пролетаріата». Кромѣ этихъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ, въ Сочи находилось около 300 мастеровыхъ, грузчиковъ, извозчиковъ и небольшое число квалифицированныхъ рабочихъ.

Гарнизонъ Сочи состоялъ изъ двухъ ротъ желѣзно-дорожнаго баталіона, береговой легкой батареи и полу-сотни пограничной стражи.

Таковъ былъ контингентъ избирателей, объединявшихся Сочинскимъ совѣтомъ.

Большинство желѣзно-дорожныхъ служащихъ и рабочихъ никакого участія въ совѣтѣ не принимали, ибо, во-первыхъ, мало интересовались политикой, а во вторыхъ, предпочитали имѣть дѣло со своимъ желѣзно-дорожнымъ комитетомъ. Поэтому большая часть членовъ Сочинскаго совѣта состояла изъ солдатъ желѣзно-дор. баталіона и мѣстныхъ коренныхъ рабочихъ и интеллигентовъ.

Никакой активной роли въ мѣстной жизни Сочинскій совѣтъ до Октябрьскаго переворота не игралъ, собирался очень рѣдко и выносилъ запоздалыя резолюціи, стараясь слѣпо подражать во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ постановленіямъ Петроградскаго совѣта.

Представителемъ временнаго правительства являлся окружной комиссаръ, вольноопредѣляющійся одного изъ Кавказскихъ полковъ и мѣстный дачевладѣлецъ Науманъ, считавшій себя, по какому-то недоразумѣнію, правовѣрнымъ эс-эромъ.

Что касается до политическихъ партій — то дѣятельность ихъ въ Сочи также почти ничѣмъ не проявлялась. Въ городѣ была небольшая группа ка-детъ, еще меньшая группка эсъ-эровъ, нѣсколько человѣкъ большевиковъ и довольно солидная численностью группа соціалъ-демократовъ меньшевиковъ. Послѣдняя состояла почти изъ однихъ грузинъ, довольно многочисленныхъ въ городѣ и округѣ. Кромѣ перечисленныхъ партійныхъ группировокъ, въ Сочи имѣлся окружной комитетъ Дашнакцакановъ, пользовавшійся большимъ авторитетомъ среди мѣстныхъ поселянъ армянъ и причинившій имъ много зла своей двуличной политикой, постоянной перемѣной оріентацій и отсутствіемъ опредѣленной позиціи.

Всѣ эти политическія группы жили между собой довольно дружно, никогда не выступали съ демагогическимъ натравливаніемъ массъ другъ на друга и не претендовали на исключительныя права и преимущества. Даже большевики до Ноября мѣсяца не слѣдовали въ этомъ отношеніи примѣру своихъ столичныхъ товарищей.

Впрочемъ, настоящихъ большевиковъ въ Сочи и не было. Единственный правовѣрный большевикъ, ясно понимавшій тактику и программу партіи, былъ нѣкій Поярковъ, съ которымъ мнѣ пришлось встрѣтиться вскорѣ по пріѣздѣ въ Сочи.

Какъ-то разъ, придя на засѣданіе Сочинскаго совѣта, я обратилъ вниманіе на коренастаго, бородатаго, среднихъ лѣтъ человѣка, одѣтаго въ парусиновый пиджакъ и высокіе сапоги, авторитетно объяснявшаго что-то почтительно слушавшимъ его рабочимъ.

— Кто это такой, полюбопытствовалъ я у одного изъ членовъ испольнительнаго комитета.

— Это наша Сочинская знаменитость: лидеръ мѣстныхъ большевиковъ и бывшій президентъ Сочинской республики — Поярковъ.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узналъ біографію «президента», а заодно и исторію кратковременнаго существованія Сочинской республики.

Дѣло происходило въ 1905 году. Призванный въ одинъ изъ Восточно-Сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ и попавшій въ Манчжурію, Поярковъ дезертировалъ съ фронта и, скрываясь на югѣ Россіи, поступилъ въ одну изъ соціалъ-демократическихъ боевыхъ организацій. Пріѣхавъ въ Сочи онъ сталъ вести революціонную пропаганду среди окрестныхъ крестьянъ и городскихъ рабочихъ. Экспансивные грузины, которымъ понравились смѣлыя рѣчи Пояркова, избрали его предсѣдателемъ революціоннаго комитета. Въ одинъ прекрасный день предводительствуемая Поярковымъ толпа въ 200 человѣкъ обезоружила немногочисленную Сочинскую полицію и постъ пограничниковъ, арестовала начальника округа и двухъ-трехъ другихъ представителей власти, подняла надъ тюрьмой и окружнымъ управленіемъ красные флаги и объявила Сочи — отдѣлившейся отъ Россіи самостоятельной соціалистической республикой.

Руководитель выступленія Поярковъ былъ избранъ президентомъ.

Однако, самостоятельное существованіе миніатюрной республики продолжалось всего 36 часовъ.

На слѣдующій-же день послѣ переворота къ Сочи подошелъ миноносецъ, навелъ на городъ орудія и потребовалъ безусловной сдачи. Революціонеры, во главѣ съ Поярковымъ, моментально бѣжали въ горы, а оставшіеся въ городѣ встрѣтили съ хлѣбомъ-солью высаженный миноносцемъ дессантъ въ 40 казаковъ, быстро и безкровно присоединившій къ Россіи отдѣлившуюся «республику».

Черезъ нѣсколько дней Поярковъ добровольно явился съ повинной къ начальнику округа, отдался въ руки властей и, какъ поговаривали, выдалъ нѣсколькихъ зачинщиковъ революціоннаго выступленія. Ввиду этого Поярковъ не былъ казненъ, а всего лишь сосланъ на поселеніе въ Иркутскую губернію, откуда и вернулся въ Сочи послѣ революціи 17 года. Въ Сочи его встрѣтили, какъ героя, позабывъ нѣкоторыя темныя стороны его прошлой дѣятельности. Это объясняется тѣмъ, что Поярковъ былъ единственнымъ политическимъ ссыльнымъ, вернувшимся въ Сочи послѣ революціи, а Сочинскіе обыватели не хотѣли отстать отъ другихъ городовъ, торжественно встрѣчавшихъ «жертвъ произвола самодержавнаго строя».

II

Произведенный большевиками въ Петроградѣ переворотъ не внесъ первоначально никакого измѣненія въ спокойную Сочинскую жизнь. Всѣ ожидали результатовъ переворота, внимательно прислушиваясь къ извѣстіямъ изъ столицы. Никакихъ попытокъ со стороны буржуазныхъ и умѣренныхъ соціалистиче-

скихъ партій къ поддержанію свергнутаго большевиками Временнаго Правительства сдѣлано не было.

Когда мѣстные большевики убѣдились въ томъ, что ихъ товарищи въ Петроградѣ и Москвѣ прочно укрѣпились и вполнѣ овладѣли правительственнымъ аппаратомъ, они рѣшили объявить и въ Сочи власть совѣтовъ.

Въ нѣсколько дней партія большевиковъ сильно увеличилась въ своемъ составѣ. Для этого Сочинскіе большевики отправили спеціальныхъ агитаторовъ на линію строющейся желѣзной дороги и привезли съ собой въ городъ десятка два «лумпенъ пролетаріевъ».

Послѣ этого было созвано экстренное собраніе совѣта, который почти безъ преній торжественно объявилъ передачу всей власти въ округѣ и городѣ — совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Рѣшеніе это было принято голосами мѣстныхъ 6 — 7 большевиковъ и 20-ю привезенными ими съ линіи рабочими, противъ воздержавшихся остальныхъ членовъ совѣта, примыкавшихъ къ эс-эрамъ и меньшевикамъ.

А вслѣдъ за этимъ постановленіемъ въ Сочи повторилось происшедшее тогда повсемѣстно въ Россіи явленіе: имѣвшіе довольно значительное большинство въ совѣтахъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ члены партій соц-рев. и соц.-демократовъ меньшевиковъ, вмѣсто того, чтобы продолжать работу въ совѣтахъ и исполнительныхъ комитетахъ, бороться въ этихъ учрежденіяхъ съ большевиками и постараться такимъ путемъ ликвидировать политику послѣднихъ, рѣшили выйти изъ исполкомовъ, добровольно очистивъ поле сраженія. Большевики не преминули воспользоваться этимъ рѣшеніемъ правыхъ соціалистовъ и очень быстро сумѣли провести на мѣста ушедшихъ противниковъ своихъ сторонниковъ. Благодаря этому почти во всѣхъ мѣстныхъ совѣтахъ и исполкомахъ большинство голосовъ стало принадлежать коммунистамъ или сочувствующимъ имъ лѣвымъ эс-эрамъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ правые соціалисты поняли свою ошибку, но исправить ее было уже поздно. Большевики умѣло использовали въ глазахъ рабочихъ и солдатъ «дезертирство и саботажъ» эс-эровъ и меньшевиковъ, а неудачныя и нерѣшительныя выступленія этихъ партій противъ «рабоче-крестьянскаго правительства» еще болѣе укрѣпили положеніе правящей партіи.

Вмѣсто сложившаго съ себя полномочія предсѣдателя исполкома, прапорщика мѣстной береговой батареи эс-эра Теръ-Григорьяна, былъ избранъ случайно находившійся въ Сочи членъ Петроградскаго совѣта большевикъ Сундуковъ, оказавшійся очень благоразумнымъ, умѣреннымъ, рѣшительнымъ и работоспособнымъ дѣятелемъ.

Такъ какъ среди большевиковъ не оказалось достаточнаго числа дѣльныхъ людей, которыхъ можно-было бы избрать въ исполкомъ, Сундуковъ предложилъ избрать временный революціонный комитетъ, въ который вошли одинъ большевикъ (наборщикъ мѣстной типографіи) и два безпартійныхъ, въ томъ числѣ начальникъ гарнизона и командиръ желѣзно-дорожнаго баталіона полковникъ Козловъ.

На этомъ и окончились всѣ Сочинскія реформы. Не нарушенная никакими кровавыми выступленіями, жизнь города продолжала течь вполнѣ нормально и большевистскій переворотъ ничѣмъ не отразился на обывателяхъ.

Однако, вскорѣ и въ Сочи стали сказываться послѣдствія переворота, выразившіяся въ медленно, но вѣрными шагами надвигавшейся экономической разрухѣ.

Это сказалось прежде всего на строющейся Черноморской дорогѣ. Управленіе дороги находилось въ Петроградѣ, откуда главный инженеръ получалъ всѣ распоряженія и денежныя средства. Къ Декабрю всѣ имѣвшіяся въ Сочинскомъ главномъ дорожномъ комитетѣ средства изсякли. Комитетъ рѣшилъ пріостановить работы и распустить строительныхъ рабочихъ. Рѣшеніе это вызвало взрывъ возмущенія среди послѣднихъ, тѣмъ болѣе, что у комитета не было достаточныхъ суммъ для того, чтобы расплатиться съ рабочими. Одну за другой слалъ комитетъ въ Петроградъ телеграммы, но никакого отвѣта на нихъ не получалось. Главный инженеръ и дорожный комитетъ рѣшили тогда свалить всю отвѣтственность на Сочинскій совѣтъ раб. депутатовъ, какъ на признанную рабочими власть.

А между тѣмъ предсѣдатель революціоннаго комитета Сундуковъ, вызванный срочной телеграммой Центр. Комитетомъ, выѣхалъ въ Петроградъ, сложивъ съ себя обязанности фактическаго главы Сочинскаго совѣта, который остался безъ руководителя. Революціонный комитетъ растерялся и не зналъ, что предпринять для успокоенія рабочихъ, которые угрожали придти въ Сочи и разгромить городъ.

Я въ это время успѣлъ закончить всѣ приготовленія для размѣщенія членовъ нашего кооператива и собирался выѣхать въ Петроградъ и въ Лугу для полученія ассигнованной еще Временнымъ Правительствомъ кооперативу долгосрочной ссуды въ 27,000 рублей, пріобрѣтенія необходимыхъ орудій и инструментовъ и для встрѣчи съ оставшимися въ Лугѣ членами правленія.

За нѣсколько дней до моего отъѣзда ко мнѣ явились два члена Сочинскаго совѣта и обратились со слѣдующимъ предложеніемъ:

Для расплаты съ рабочими Черноморской дороги необходимо получить изъ Петрограда отъ Наркомфина семь милліоновъ рублей. Рабочіе согласились подождать полученія этихъ денегъ и не предпринимать никакихъ выступленій, если совѣтъ обезпечитъ имъ на это время отпускъ продовольствія. Запасы продовольствія въ окружной продов. управѣ невелики и ихъ хватитъ самое большее на шесть недѣль. Поэтому деньги необходимо получить какъ можно скорѣе. Для этой цѣли совѣтъ рѣшилъ отправить въ Петроградъ своего представителя, который долженъ былъ во чтобы-то ни стало добиться полученія денегъ и привезти ихъ въ Сочи. Но никто изъ членовъ революціоннаго комитета не хочетъ взять на себя этой миссіи, ссылаясь на полное незнакомство съ Питерскими порядками. Ввиду этого на частномъ совѣщаніи членовъ совѣта было рѣшено просить меня принять это непріятное порученіе и одновременно согласиться выставить свою кандидатуру въ предсѣдатели Сочинскаго совѣта, такъ какъ это званіе могло бы значительно облегчить полученіе денегъ изъ Государственнаго банка.

Первоначально я категорически отказался отъ этого предложенія, заявивъ, что не считаю возможнымъ, не принадлежа къ партіи большевиковъ, возглавлять, хотя-бы и фиктивно, совѣтъ, большинство членовъ котораго большевики. Но, когда вслѣдъ за первой делегаціей ко мнѣ явились представители безпартійныхъ рабочихъ и просили принять во вниманіе ихъ трагическое положеніе — я согласился, выставивъ непремѣннымъ условіемъ созывъ крестьянскаго и рабочаго съѣзда для избранія окружного исполнительнаго комитета, который бы явился высшимъ органомъ мѣстной власти. (До этого времени крестьяне не имѣли своихъ представителей ни въ совѣтѣ, ни въ его исполнительномъ органѣ).

Совѣтъ согласился съ моимъ требованіемъ и черезъ нѣсколько дней, снабженный цѣлой пачкой мандатовъ и удостовѣреній, я въ сопровожденіи одного изъ членовъ революціоннаго комитета — Королева — выѣхалъ на автомобилѣ въ Новороссійскъ, откуда предполагалъ проѣхать по жел. дорогѣ черезъ Ростовъ въ Петроградъ.

Пріѣхавши въ Новороссійскъ я узналъ, что желѣзнодорожное сообщеніе съ Ростовомъ прервано, ввиду начала военныхъ дѣйствій между большевиками и Кубанскимъ краевымъ правительствомъ.

На Кубани въ это время происходило слѣдующее:

Кубанская рада и краевое правительство Быча не признали власти Совѣта Народныхъ Комиссаровъ и, ввиду происшедшаго въ Петроградѣ переворота, рѣшили объявить Кубань самостоятельной республикой. И Петроградскіе, и мѣстные большевики поняли, что самостоятельная Кубань захочетъ имѣть выходъ къ Черному морю, для чего присоединитъ Черноморскую губернію съ Новороссійскимъ и Туапсинскимъ портами. Потеря Черноморской губерніи явилась-бы для большевиковъ потерей всего Сѣвернаго Кавказа, поэтому изъ центра въ Новороссійскъ, въ которомъ пребывалъ Кубано-Черноморскій центр. исполкомъ, были присланы директивы ликвидировать Кубанское правительство и занять Екатеринодаръ.

Для выполненія директивъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ мѣстные большевики, при помощи возвращавшейся съ Кавказскаго фронта и распропагандированной ими 21-й пѣхотной дивизіи, заняли городъ Армавиръ, въ которомъ образовался Кубанскій революціонный комитетъ. Съ занятіемъ Армавира Кубанскій ревкомъ долженъ былъ предпринять наступленіе на Екатеринодаръ вдоль жел. дор. линій Кавказская-Екатеринодаръ и Тихорѣцкая-Екатеринодаръ, а Новороссійскій исполкомъ одновременно съ этимъ двинуть войска на Екатеринодаръ со станціи Крымской.

Однако, у Новороссійскаго исполнительнаго комитета, кромѣ двухъ баталіоновъ красной гвардіи, состоявшихъ изъ мѣстныхъ рабочихъ, никакихъ войскъ не было.

Въ это время (начало Января 1918 года) въ Новороссійскъ, Севастополь и другіе Черноморскіе порты стали прибывать транспорты изъ Трапезунда съ возвращавшимися съ Кавказскаго фронта частями.

Новороссійскіе большевики рѣшили использовать эти полки для наступленія на Екатеринодаръ. Но прибывавшіе въ Новороссійскъ полки совершенно не хотѣли воевать и требовали немедленной дальнѣйшей отправки по домамъ. Съ большимъ трудомъ предсѣдателю Новороссійскаго совѣта Лосеву удалось уговорить два баталіона двинуться въ походъ противъ Кубанскаго правительства. Эти два баталіона (значительно растаявшіе по пути до Крымской) и составили ядро Новороссійско-Екатеринодарскаго фронта, который сталъ пополняться вновь прибывающими съ Кавказскаго фронта частями.

За два или три дня до моего пріѣзда, въ Новороссійскѣ разыгралась на почвѣ такого пополненія фронта жуткая драма, закончившаяся гибелью 32-хъ офицеровъ.

Въ портъ вошелъ прибывшій изъ Трапезунда транспортъ съ тремя баталіонами одного изъ Туркестанскихъ (если память мнѣ не измѣняетъ) полковъ. Новороссійскій совѣтъ тотчасъ-же командировалъ на транспортъ своихъ представителей и агитаторовъ, предложившихъ полку немедленно выгрузиться и слѣдовать на фронтъ противъ кубанцевъ.

Солдаты собрали митингъ, пригласивъ на него всѣхъ ѣхавшихъ съ ними офицеровъ, которыхъ просили дать имъ совѣтъ, какъ поступить: ѣхать-ли драться съ казаками, или требовать отправки въ Феодосію для дальнѣйшаго слѣдованія по желѣзной дорогѣ на родину. Офицеры, которымъ не улыбалась перспектива сражаться на фронтѣ гражданской войны, посовѣтовали солдатамъ требовать немедленнаго отправленія въ Феодосію. Солдаты съ радостью согласились съ такимъ совѣтомъ и передали свое ультимативное требованіе представителямъ Новороссійскаго совѣта. Послѣдніе съѣхали на берегъ и доложили исполкому о постигшей ихъ неудачѣ, заявивъ, что всему виной офицеры, оттоворившіе согласившихся было солдатъ слѣдовать на фронтъ.

Въ Новороссійскомъ порту стояло два миноносца, команды которыхъ были опорой мѣстныхъ большевиковъ. Исполнительный комитетъ рѣшилъ воспользоваться этими миноносцами для того, чтобы расправиться съ контръ-революціонными офицерами, а заодно и постращать несговорчивыхъ солдатъ.

Какъ только транспортъ снялся съ якоря и началъ уходить въ море, къ нему подошли два миноносца и, наведя на него дула орудій, потребовали выдачи всѣхъ офицеровъ. Солдаты сначала отказались исполнить это требованіе, но затѣмъ, когда матросы заявили, что, если офицеры не будутъ выданы, то транспортъ будетъ немедленно потопленъ, принуждены были согласиться. Всѣ офицеры были сняты съ транспорта, перевезены на молъ и тутъ же, на глазахъ у своихъ солдатъ, разстрѣляны.

Послѣ этой жестокой расправы съ офицерами, матросы потребовали отъ солдатъ выдачи всего имѣвшагося въ полку оружія, угрожая снова, въ случаѣ отказа, пустить транспортъ ко дну. Солдаты выдали оружіе, были разбиты поротно и свезены на берегъ. Здѣсь часть изъ нихъ, изъявившая желаніе слѣдовать на фронтъ, была вновь вооружена и отправлена въ Крымскую, а остальные были посланы подъ охраной матросовъ на работы по разгрузкѣ транспортовъ съ продовольствіемъ.

Узнавъ въ Новороссійскѣ о невозможности ѣхать желѣзной дорогой на Ростовъ, я рѣшилъ измѣнить маршрутъ и ѣхать или черезъ Севастополь, или черезъ Феодосію.

На мое несчастье судовыя команды перевозившихъ войска транспортовъ, узнавъ о положеніи въ Новороссійскѣ, рѣшили избѣгать захода въ этотъ портъ, и транспорты стали направляться прямо въ Севастополь, Феодосію и Керчь.

Пришлось просидѣть нѣсколько дней въ Новороссійскѣ и въ буквальномъ смыслѣ «ждать у моря погоды».

На пятый день моего невольнаго сидѣнія въ Новороссійскъ зашелъ, по пути въ Севастополь, вспомогательный крейсеръ «Король Карлъ».

Получивъ соотвѣтствующіе документы отъ Новороссійскаго совѣта, я съ своимъ спутникомъ погрузились на крейсеръ, команда котораго встрѣтила непрошенныхъ пассажировъ весьма недружелюбно. Сначала мы не могли понять, чѣмъ вызвано нелюбезное къ намъ отношеніе офицеровъ и матросовъ крейсера, но черезъ нѣсколько часовъ послѣ отхода изъ Новороссійска — все объяснилось.

До войны «Король Карлъ» былъ пассажирскимъ пароходомъ Румынскаго общества, совершавшимъ рейсы между Констанцей и Константинополемъ. Поэтому на крейсерѣ остались роскошныя каюты и помѣщенія I-го класса, въ одно изъ которыхъ, ввиду поднявшагося на морѣ шторма, намъ разрѣшили войти.

Въ этомъ помѣщеніи (кажется — курительномъ салонѣ) мы увидали сидѣвшую за уставленнымъ бутылками шампанскаго и разными закусками столомъ

веселую компанію штатскихъ и военныхъ молодыхъ и старыхъ людей. У всѣхъ пировавшихъ были петлички и кокарды желто-голубого цвѣта, то-есть національныхъ украинскихъ цвѣтовъ.

Оказалось, что «Король Карлъ» былъ только-что «украинизированъ», и мы присутствовали на торжественномъ обѣдѣ, который команда крейсера давала въ честь делегатовъ «Украиньской влады».

Насъ, какъ москалей, конечно, не пригласили къ трапезѣ и мы, не желая мозолить глазъ веселившимся украинцамъ, улеглись на угловомъ диванѣ и попытались заснуть.

Однако веселье украинцевъ продолжалось недолго.

Часовъ около десяти вечера на крейсерѣ поднялась какая-то тревога. Раздалась команда потушить огни и задраить люки и иллюминаторы. Пиршество было прервано.

Спрошенный нами матросъ сказалъ, что причиной тревоги является перехваченная радіограмма изъ Новороссійска, сообщавшая стоявшимъ въ Севастополѣ миноносцамъ о томъ, что «Король Карлъ», выйдя изъ Новороссійска, спустилъ Андреевскій и красный флаги и поднялъ Украинскій желто-голубой. Радіограмма заканчивалась приказомъ — потопить взбунтовавшійся крейсеръ.

— Ну и влопались-же мы съ вами въ исторію, пробормоталъ мой перепугавшійся спутникъ.

Признаюсь, что и мнѣ очень не понравился такой эпилогъ украинизаціи «Короля Карла».

Но къ счастью все окончилось вполнѣ благополучно.

Собравшійся судовой комитетъ и команда, послѣ долгихъ пререканій съ представителями «Укр иньской влады», рѣшили «разукраини ироваться», то-есть спустить желто-голубой флагъ и поднять вновь Андреевскій.

Однако команда все-таки опасалась итти въ Севастополъ и комитетъ постановилъ перемѣнить курсъ, зайти въ Феодосію и тамъ отстояться нѣсколько дней, пока въ Севастополѣ не уляжется поднятая тревога.

Рано утромъ «Король Карлъ» подъ Андреевскимъ флагомъ подходилъ къ Феодосіи.

Когда крейсеръ вошелъ въ портъ и сталъ пришвартовываться къ молу, глазамъ нашимъ представилось странное зрѣлище:

На берегу толпилось нѣсколько сотъ рабочихъ, портовыхъ грузчиковъ и желѣзно-дорожниковъ. Впереди съ обнаженными головами и съ хлѣбомъ-солью стояла делегація отъ союза рабочихъ. Какъ только «Карлъ» пришвартовался, начались рѣчи делегатовъ. Изъ этихъ торопливыхъ и довольно несвязныхъ рѣчей, мы узнали, что изъ Севастополя ночью пришла телеграмма, въ которой сообщалось, что «взбунтовавшійся» крейсеръ «Король Карлъ» бомбардируетъ прибрежные города. Завидѣвъ входящее въ портъ «взбунтовавшееся судно», мѣстные рабочіе рѣшили выслать делегацію съ хлѣбомъ-солью и съ просьбой пощадить ни въ чемъ неповинное мирное населеніе Феодосіи.

Этимъ инцидентомъ закончилось наше злополучное пребываніе на украинскомъ крейсерѣ и мы съ живѣйшей радостью сошли на берегъ.

III

Не даромъ говорится, что, если начнется полоса невезенія, то она продолжается во всемъ.

Такъ случилось и со мной.

Я разсчитывалъ въ тотъ-же день выѣхать изъ Феодосіи, съ первымъ отходящимъ на Джанкой поѣздомъ. Но придя на вокзалъ, я узналъ непріятную новость, что желѣзнодорожное сообщеніе прервано со вчерашняго вечера. Когда пойдетъ слѣдующій поѣздъ — никто изъ станціонныхъ служащихъ опредѣлить не могъ.

Оказалось, что крымскіе татары возстали противъ совѣтской власти, подошли къ ж. д. линіи Феодосія — Джанкой и прервали всякое сообщеніе между этими пунктами.

Предстояла снова невеселая перспектива «ждать у моря погоды», которая кстати совершенно испортилась: дулъ холодный вѣтеръ и моросилъ дождь съ снѣгомъ.

Всѣ гостиницы въ городѣ были реквизированы подъ различныя совѣтскія учрежденія и волей-неволей пришлось пристроиться на скамейкѣ станціоннаго буфета.

Спутникъ мой нервничалъ и на чемъ свѣтъ стоитъ честилъ взбунтовавшихся татаръ:

— Не могли они, черти гололобые, повременить хотя-бы день другой со своимъ дурацкимъ возстаніемъ, ворчалъ онъ, свертывая одну за другой «самокрутки» и выпуская клубы табачнаго дыма.

Отъ нечего дѣлать я вышелъ побродить по перрону.

На запасныхъ путяхъ стояла длинная вереница теплушекъ, у которыхъ сходились, оживленно жестикулируя, группы солдатъ. Я подошелъ къ одной изъ группъ и прислушался къ разговорамъ.

Черезъ нѣсколько минутъ я узналъ, что на станціи стоитъ застрявшій ввиду перерыва движенія эшелонъ одного изъ Туркестанскихъ полковъ, только-что прибывшій моремъ изъ Трапезунда. Въ эшелонѣ было два баталіона — около 1500 солдатъ. Штабъ полка со всѣми офицерами успѣлъ погрузиться и благополучно отошелъ вчера, а оставшіеся безъ офицеровъ, безъ продуктовъ и безъ денегъ баталіоны не знали, что имъ предпринять.

У меня мелькнула мысль воспользоваться этимъ эшелономъ и попытаться «прорвать татарскій фронтъ» и проскочить съ туркестанцами до Джанкоя.

Рискъ во всякомъ случаѣ былъ небольшой: на станціи говорили, что у возставшихъ татаръ не болѣе 500 вооруженныхъ людей, и два баталіона фронтовиковъ безъ особаго труда могли пробиться черезъ такой немногочисленный «фронтъ».

Я вмѣшался въ разговоръ и сталъ проводить свою мысль.

Солдаты страстно желали скорѣйшаго возвращенія въ свои родныя деревни, неожиданная задержка въ Феодосіи нервировала ихъ, а поэтому мои слова вызвали ихъ живѣйшее одобреніе.

— Бѣда только, что у насъ нѣтъ командировъ, продуктовъ и мало патроновъ, говорили съ досадой стрѣлки.

Вокругъ меня собиралось все больше и больше солдатъ. Лица ихъ просвѣтлѣли, собрался настоящій митингъ.

Подошли и три члена полкового комитета, ѣхавшіе съ эшелономъ.

Я сталъ имъ совѣтовать, какъ поступить, предлагалъ пойти въ исполкомъ потребовать паровозъ, патроновъ и кормовыхъ денегъ.

Солдаты поддакивали мнѣ и торопили членовъ комитета.

— Что-жъ, мы пойдемъ, согласились комитетчики, да врядъ-ли чего добьемся...

— Третій разъ сегодня шляемся въ исполнительный комитетъ, а отвѣтъ все одинъ: подождите — молъ, до завтра. Нѣтъ у насъ никого, чтобъ замѣсто командира могъ дѣйствовать!

Началось оживленное обсужденіе кандидатуры командира.

— А вы сами, товарищъ, кто такой будете, спросилъ меня одинъ изъ комитетчиковъ.

Узнавъ, что я бывшій офицеръ и предсѣдатель совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, солдаты обрадовались.

— Чего-жъ думать да зря языки чесать, раздались голоса: мы васъ, товарищъ, выбираемъ своимъ командиромъ, а вы ужъ за насъ постарайтесь, сдѣлайте Божескую милость!

Я согласился, выставивъ туркестанцамъ одно непремѣнное условіе — безпрекословное подчиненіе всѣмъ моимъ приказаніямъ.

— Да что-жъ, мы развѣ не понимаемъ, закричали сотни голосовъ: будьте спокойны, мы всѣ на фронтѣ были, ученые....

Черезъ полъ часа я съ членами полкового комитета находился уже у предсѣдателя Феодосійскаго исполкома, который очень обрадовался возможности сплавить отъ себя безпокойный эшелонъ.

Намъ выдали на два дня хлѣба, патроновъ и кормовыхъ денегъ, а начальнику станціи было отдано распоряженіе немедленно подать къ эшелону дежурный паровозъ.

Вернувшись на вокзалъ, я началъ отдавать распоряженія.

Прежде всего пришлось подумать о планомѣрномъ размѣщеніи солдатъ по теплушкамъ. Мой «полкъ» состоялъ изъ демобилизованныхъ солдатъ, возвращавшихся черезъ уѣздные исполкомы по своимъ деревнямъ. На каждой узловой станціи отъ эшелона должны были отдѣляться самостоятельныя партіи. Чтобы не заставлять людей пересаживаться на узловыхъ станціяхъ и не задерживать эшелона, я приказалъ солдатамъ разбиться на группы по 30 — 40 человѣкъ, состоящія изъ «земляковъ» одного или двухъ сосѣднихъ уѣздовъ. Разобравшись въ томъ, какой группѣ и гдѣ надо будетъ отдѣляться отъ эшелона, я развелъ ихъ по теплушкамъ съ такимъ расчетомъ, чтобы отцѣпка вагоновъ происходила въ пути по порядку, начиная съ хвостового вагона. На каждой теплушкѣ надписали мѣломъ станцію назначенія и станцію отцѣпки отъ эшелона.

Затѣмъ я предоставилъ каждой теплушкѣ выбрать старшаго, разбилъ эшелонъ на роты и самъ, по рекомендаціи полкового комитета, назначилъ ротныхъ командировъ.

Ротные командиры и старшіе роздали каждому стрѣлку по 50 патроновъ, назначили дневальныхъ.

Половинѣ эшелона я приказалъ быть въ полной боевой готовности, остальнымъ разрѣшилъ снять аммуницію и отдыхать.

Большая часть моихъ новыхъ подчиненныхъ должна была отстать отъ эшелона въ Курскѣ, Орлѣ и въ Тулѣ. Семь теплушекъ слѣдовали до Москвы и только одна — до Петрограда. Въ эту теплушку, первую отъ паровоза, помѣстился я

самъ со своимъ «штабомъ», состоявшимъ изъ одного члена полкового комитета и трехъ ординарцевъ.

Долженъ отмѣтить, что мои подчиненные оказались чрезвычайно дисциплинированными и послушными: до самаго послѣдняго момента, то-есть до пріѣзда въ Москву, всѣ мои приказанія исполнялись ими быстро и безпрекословно, а ординарцы старались во всемъ услужить мнѣ. Они достали откуда-то соломы, соорудили мнѣ великолѣпную постель, притащили чайникъ, консервовъ, хлѣба, выпроваживали изъ теплушки назойливыхъ посѣтителей.

Подъ вечеръ все было готово и мы двинулись въ путь.

На паровозъ былъ поставленъ пулеметъ и сѣли десять стрѣлковъ подъ начальствомъ браваго взводнаго.

Отъѣхавъ отъ Феодосіи верстъ на 15, я приказалъ отцѣпить паровозъ и отправилъ его на развѣдку до слѣдующей станціи По полученнымъ въ Феодосіи свѣдѣніямъ — на этомъ участкѣ именно и находился «татарскій фронтъ». Прошелъ часъ, и мы увидѣли быстрымъ ходомъ возвращавшійся паровозъ.

Вернувшійся изъ развѣдки взводный доложилъ, что все обстоитъ благополучно и никакихъ татаръ по пути замѣчено не было.

Мы отправились дальше и, доѣхавъ до слѣдующей станціи, узнали, что нѣсколько человѣкъ «повстанцевъ» были утромъ на линіи, пытались разобрать рельсы, но затѣмъ ушли во свояси.

Поздно ночью мы благополучно добрались до Джанкоя, «прорвавъ фронтъ» и возстановивъ прерванное по линіи движеніе. Ни одного «непріятеля» мы на всемъ пути не встрѣтили.

Туркестанцы мои были въ восторгѣ. Многіе изъ нихъ пришли ко мнѣ въ теплушку и благодарили за то, что я ихъ надоумилъ, какъ выбраться изъ Феодосіи:

— Безъ вашей милости — мы-бъ тамъ съ недѣлю проваландались . . .

Мнѣ казалось, что послѣ «прорыва татарскаго фронта» не будетъ уже никакихъ задержекъ, и мы скоро доберемся до Петрограда.

Однако и эти предположенія не оправдались, и моему «полку» пришлось еще два раза приводить себя въ боевую готовность.

Прежде всего намъ пришлось снова «прорывать фронтъ», на этотъ разъ не татарскій, а болѣе серьезный — гайдамацкій.

Не доѣзжая нѣсколькихъ станцій до Александровска, мы узнали, что городъ этотъ занятъ наступающими изъ Херсонщины «гайдамаками».

— Дальше вамъ ѣхать невозможно, говорили желѣзнодорожные служащіе: гайдамаки останавливаютъ всѣ поѣзда, осматриваютъ ихъ, а у кого находятъ оружіе — разстрѣливаютъ.

Но на моихъ туркестанцевъ, расхрабрившихся послѣ удачнаго прорыва въ Джанкой, подобныя предостереженія не дѣйствовали.

— Эка, невидаль, подумаешь, гайдамаки какіе-то! Мы и почище гайдамаковъ встрѣчали! Первые съ ними въ драку не полѣземъ, а если они насъ чеплять станутъ, то пусть не прогнѣваются: такого зададимъ, что долго вспоминать туркестанцевъ будутъ . . .

Было рѣшено принять всѣ мѣры предосторожности и продолжать путь.

Поѣздъ нашъ подошелъ къ Александровску.

Станція казалась совершенно необитаемой и брошенной: мы не встрѣтили здѣсь не только ни одного гайдамака, но даже обычный станціонный персоналъ и тотъ куда-то исчезъ.

Съ большимъ трудомъ ординарцамъ удалось разыскать и привести ко мнѣ перепуганнаго дежурнаго по станціи, который разсказалъ, что за нѣсколько минутъ до прибытія поѣзда, занимавшіе станцію гайдамаки — около 1000 человѣкъ — получивъ съ сосѣдняго разъѣзда телеграмму о движеніи на Александровскъ цѣлаго полка большевиковъ съ пушками и пулеметами, поспѣшно очистили станцію и отошли за Днѣпръ. Уходя, они приказали дежурному не давать большевикамъ паровоза и задержать эшелонъ. Гайдамаки заявили, что они идутъ за подкрѣпленіями и за артиллеріей, послѣ чего снова вернутся на станцію и перебьютъ всѣхъ «кацаповъ».

Хотя мы совершенно не боялись возвращенія гайдамаковъ, но и вступать съ ними въ бой также не входило въ наши предположенія. Поэтому мы потребовали подать намъ паровозъ и черезъ полъ часа тронулись въ дальнѣйшій путь.

Послѣ этой побѣды надъ гайдамаками, туркестанцы стали себя считать совершенно непобѣдимыми.

Казалось, что теперь уже ничто и никто не можетъ задержать нашего побѣдоноснаго движенія, но судьба готовила нашему эшелону еще одно послѣднее испытаніе.

Комендантъ станціи Синельниково, не разобравъ, кто мы такіе, телеграфировалъ находившемуся въ Харьковѣ главнокомандующему внутреннимъ большевистскимъ фронтомъ Антонову о движеніи въ сторону Харькова какого-то подозрительнаго и весьма воинственно настроеннаго эшелона.

Получивъ эту телеграмму, Антоновъ далъ распоряженіе — немедленно разоружить нашъ эшелонъ, какъ только онъ прибудетъ въ Харьковъ.

Ничего не подозрѣвая, мы подъѣхали къ Харькову и въ семь часовъ утра поѣздъ нашъ прибылъ на пассажирскую станцію.

Я сидѣлъ въ своей теплушкѣ, разговаривалъ съ ординарцами и пилъ чай.

Вдругъ на перронѣ послышался шумъ, крики и щелканіе затворовъ.

Я выскочилъ изъ теплушки и увидѣлъ стоявшую на перронѣ роту красногвардейцевъ, съ винтовками на изготовку, направленными въ сторону эшелона.

Двери теплушекъ въ свою очередь ощетинились штыками.

— Въ чемъ дѣло, кто у васъ старшій, обратился я къ красноармейцамъ.

Подошелъ сумрачнаго вида подпрапорщикъ, командиръ красногвардейской роты, и заявилъ мнѣ, что главковерхъ, товарищъ Антоновъ, приказалъ разоружить нашъ эшелонъ.

Изъ теплушекъ посыпались брань и крики:

— Какое-такое полное право имѣетъ твой Антоновъ отмѣнять приказы Троцкаго, кричали стрѣлки: мы всѣ читали приказъ Троцкаго — чтобы каждый солдатъ, возвращаясь домой, везъ съ собой винтовку. Небось — мы тоже грамотные. .. Разъ приказано — не отдадимъ винтовокъ, а если попробуешь силой отбирать — такъ отъ твоей красной гвардіи только мокрое мѣсто останется . . . Тоже командиръ какой нашелся . . .

Подпрапорщикъ былъ видимо смущенъ. Онъ сознавалъ, что его рота не устоитъ противъ воинственно настроенныхъ фронтовиковъ.

Я попытался уладить инцидентъ.

— Очевидно происходитъ какое-то недоразумѣніе, сказалъ я подпрапорщику: скомандуйте вашимъ красногвардейцамъ къ ногѣ, отведите ихъ въ сторону и подождите, пока я схожу къ Антонову и узнаю въ чемъ дѣло.

Штабъ Антонова помѣщался въ экстренномъ поѣздѣ, стоявшемъ здѣсь-же на третьемъ пути.

Самаго Антонова въ штабѣ не оказалось, и меня провели къ его помощнику нѣкоему Бакинскому.

— А вы развѣ не Калединцы, спросилъ меня Бакинскій, выслушавъ разсказъ о происшедшемъ инцидентѣ, едва не закончившемся настоящимъ боемъ между туркестанцами и красногвардейцами.

Я успокоилъ недовѣрчиваго «товарища — комиссара» и показалъ ему свои удостовѣренія и мандаты, разсказавъ также, какимъ образомъ я сталъ командиромъ туркестанскихъ стрѣлковъ.

— Право, не знаю, что съ вами дѣлать, сказалъ Бакинскій: товарищъ Антоновъ отдалъ категорическій приказъ разоружать всѣхъ демобилизованныхъ.

— А какъ-же приказъ Троцкаго?

— Что значитъ приказъ Троцкаго, усмѣхнулся мой собесѣдникъ: товарищъ Троцкій былъ вынужденъ отдать такой приказъ, но это только такъ для виду. На самомъ дѣлѣ не можетъ-же правительство допустить вооруженія всѣхъ крестьянъ. Вы знаете, чѣмъ это можетъ кончиться?

— Чѣмъ можетъ кончиться вооруженіе крестьянъ, я еще не знаю, но чѣмъ можетъ кончиться попытка разоружить мой эшелонъ — это я себѣ вполнѣ представляю: добровольно туркестанцы своихъ винтовокъ никому не отдадутъ, а если дѣло дойдетъ до насилія, то они разгромятъ и всѣхъ вашихъ красногвардейцевъ, и весь вокзалъ, и не остановятся передъ вашимъ штабнымъ поѣздомъ.

— Вы думаете, что если я или товарищъ Антоновъ станемъ ихъ уговаривать, то они и насъ не послушаются?

— Что-жъ, попробуйте, поговорите съ ними!

Комиссаръ задумался.

— Ну, чертъ съ ними, пускай себѣ ѣдутъ отъ насъ! Все равно въ Курскѣ ихъ разоружатъ.

— Нѣтъ, ужъ я васъ прошу оставить мой эшелонъ въ покоѣ до самой Москвы. Я ѣду по важному порученію и мнѣ некогда возиться съ вашими комендантами. Можете ихъ разоружать, когда они пріѣдутъ къ мѣсту назначенія!

Въ концѣ концовъ, Бакинскій выдалъ мнѣ бумагу, съ приложеніемъ печати штаба Антонова, въ которой предлагалось всѣмъ комендантамъ станцій, до Москвы включительно, не чинить никакихъ препятствій слѣдующему подъ моей командой эшелону и не требовать его разоруженія.

Инцидентъ былъ исчерпанъ, къ великому удовольствію командира красногвардейской роты, опасавшагося разгрома своей малонадежной части.

Туркестанцы встрѣтили меня громкимъ «ура», осыпая уходившихъ съ вокзала красноармейцевъ язвительными шуточками.

Въ Курскѣ я сердечно распрощался съ половиной моего эшелона, а въ Москвѣ распустилъ свой штабъ, пересѣлъ въ пассажирскій поѣздъ и безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній добрался, наконецъ, до Петрограда.

IV

Покинувъ Петроградъ въ Сентябрѣ и вернувшись черезъ четыре мѣсяца, я не замѣтилъ въ столицѣ никакихъ особенныхъ перемѣнъ. Въ то время большевистское правительство еще не успѣло осуществить ни одного изъ тѣхъ

мѣропріятій и реформъ, которыя впослѣдствіи такъ тяжело отразились на обывателяхъ и на всей жизни города.

Единственно, что меня поразило — это острая нужда въ хлѣбѣ, который выдавался микроскопическими порціями по одной восьмушкѣ фунта на человѣка.

Благодаря моему мандату, мнѣ удалось получить номеръ въ «домѣ рабоче-крестьянской арміи» (бывшемъ офицерскомъ собраніи арміи и флота) на углу Литейнаго и Кирочной.

Хотя номера гостиницы и содержались по-прежнему въ образцовомъ порядкѣ, но я черезъ два дня былъ вынужденъ покинуть кровъ «дома рабоче-крест. арміи»: ежедневно съ 8 часовъ вечера въ большомъ залѣ начиналось веселье, танцы и музыка. Танцулька продолжалась часовъ до 2 ночи, неистовый топотъ визги и шумъ раздавались по всѣмъ этажамъ и коридорамъ и не давали возможности сомкнуть глазъ.

Черезъ нѣсколько дней я сумѣлъ добиться удовлетворительныхъ результатовъ по дѣлу о полученіи необходимыхъ для рабочихъ Черноморской жел. дороги денегъ и, оставивъ Королева заканчивать разныя формальности, началъ хлопотать по дѣламъ нашего кооператива.

Прежде всего намъ нужно было получить отъ Народнаго Комиссаріата Земледѣлія ассигнованную за нѣсколько дней до большевистскаго переворота Министерствомъ Земледѣлія ссуду, въ размѣрѣ 27,000 рублей. Безъ этихъ денегъ намъ было невозможно пріобрѣсти нужныя орудія и инструменты.

Первая попытка получить эту ссуду оказалась неудачной. Въ очень вѣжливой, но категорической формѣ намъ было заявлено, что всѣ постановленія свергнутаго Временнаго Правительства аннулированы настоящей властью.

Тогда наше правленіе рѣшило прибѣгнуть къ слѣдующему способу:

Совѣтское правительство въ ту пору еще заискивало передъ пролетаріями и побаивалось рабочихъ и солдатъ. Мы и рѣшили сыграть на этой слабой стрункѣ товарищей — комиссаровъ.

Въ одинъ прекрасный день, нарядившись въ самыя старыя, рваныя и замасленныя шинели, какія нашлись въ цейхгаузѣ моей бывшей команды, нахлобучивъ ужаснѣйшіе картузы, обросшіе щетиной, которую мы растили въ продолженіи нѣсколькихъ дней, я и два члена правленія кооператива, съ цыгарками во рту, ввалились въ помѣщеніе Народнаго Комиссаріата Земледѣлія, которое находилось на Литейномъ, въ домѣ быв. Главнаго Управленія Удѣловъ.

Тамъ все было по старому: тѣ-же внушительнаго вида швейцары, тѣ-же курьеры, разносившіе на серебряныхъ подносахъ стаканы съ чаемъ, та-же роскошная обстановка.

— Куда вы, товарищи, преградилъ намъ дорогу монументальный швейцаръ.

— Какъ куда? къ товарищу Калегаеву, къ народному комиссару, съ важнымъ видомъ отвѣчали мы, отстраняя его съ дороги.

Прибѣжалъ нѣкто во френчѣ, попробовавшій также задержать насъ въ передней.

— Товарищъ Калегаевъ очень занятъ, его видѣть нельзя.

— То-есть какъ это нельзя, возмутились мы: что-жъ онъ народный комиссаръ, или царскій министръ? Разъ онъ народный комиссаръ, а мы — народъ, то должны его лично видѣть и говорить съ нимъ!

Несмотря на всѣ усилія сбѣжавшихся чиновниковъ комиссаріата, мы все-таки проникли въ кабинетъ комиссара, развязно протянули ему руки и, не

ожидая особыхъ приглашеній, развалились въ креслахъ и неистово задымили вонючими цыгарками.

Наркомъ выслушалъ наше дѣло и началъ повторять то-же самое, что мы уже слышали отъ его помощниковъ.

— Позвольте, товарищъ, перебили мы его: какое намъ дѣло до того, что вы не признаете рѣшеній прежняго правительства? Почему мы должны страдать? Довольно попито нашей кровушки прежними чиновниками, что-жъ теперь и вы также за это принимаетесь? Мы не буржуи какіе, а трудящіеся, безъ этой ссуды намъ невозможно будетъ приступить къ работѣ...

Увидавъ, что отдѣлаться отъ насъ довольно трудно, наркомъ пустился на хитрость:

— Хорошо, я дамъ вамъ ассигновку, но только въ томъ случаѣ, если вы мнѣ представите отъ Сочинскаго совѣта удостовѣреніе о томъ, что вамъ кооперативъ дѣйствительно состоитъ изъ однихъ трудящихся и что среди вашихъ членовъ — пѣтъ бѣлогвардейцевъ.

Комиссаръ правильно разсчиталъ, что пока наше прошеніе дойдетъ до Сочинскаго совѣта, будетъ имъ разсмотрѣно и вернется обратно въ Петроградъ — пройдетъ по крайней мѣрѣ два — три мѣсяца, въ продолженіе которыхъ многое успѣетъ измѣниться.

— Какое-же вамъ нужно удостовѣреніе, спросилъ я его: достаточно-ли будетъ свидѣтельства, подписаннаго предсѣдателемъ совѣта, къ которому будетъ приложена печать?

— Конечно, вполнѣ достаточно.

— А если мы вамъ такое свидѣтельство представимъ, то вы намъ выдадите полностью тѣ 27 тысячъ, которыя были ассигнованы Временнымъ Правительствомъ?

— Тогда я вамъ безъ всякой задержки выпишу ордеръ на 27 тысячъ, нетерпѣливо, ожидая нашего ухода, отвѣтилъ наркомъ.

Мы вышли изъ его кабинета.

Я вытащилъ изъ бокового кармана имѣвшіеся у меня бланки Сочинскаго совѣта, примостился на подоконникѣ, написалъ требуемое наркомомъ удостовѣреніе, приложилъ выданную мнѣ въ Сочи печать и подписался подъ нимъ какъ предсѣдатель Сочинскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Черезъ пять минутъ мы снова ввалились въ кабинетъ наркома.

— Вѣдь я-же русскимъ языкомъ сказалъ, товарищи, что ничѣмъ вамъ не могу помочь до тѣхъ поръ, пока вы не достанете удостовѣренія отъ Сочинскаго совѣта!

Я торжественно вручилъ ему требуемое удостовѣреніе и мой мандатъ.

Наркому оставалось только выписать намъ ордеръ.

Черезъ полъ-часа мы получили деньги и съ торжествующимъ видомъ продефилировали передъ обалдѣвшимъ швейцаромъ.

— Ну и нахалы-же эти товарищи, проворчалъ онъ намъ вслѣдъ.

Закупивъ всѣ необходимые для кооператива инструменты и орудія, въ томъ числѣ полное оборудованіе столярной, слесарной и кузнечной мастерскихъ, мы стали приготовляться къ отъѣзду въ Сочи.

Деньги для Черноморской дороги были уже ассигнованы и должны были быть отправлены въ банковскомъ вагонѣ до Севастополя, гдѣ Королевъ и я должны были ихъ получить на руки.

Отъѣзжающіе члены кооператива съ ихъ семьями и все наше имущество находилось въ Лугѣ. По знакомству съ начальникомъ станціи намъ удалось достать прекрасный вагонъ четвертаго класса, случайно застрявшій въ Лугѣ. Мы погрузили въ него весь нашъ громоздкій багажъ, нѣсколько ящиковъ патроновъ, большой запасъ оставшихся послѣ расформированія моей команды продуктовъ и стали съ нетерпѣніемъ ожидать дня отъѣзда.

Всѣ наши кооператоры захватили съ собой винтовки, которыя впослѣдствіи очень намъ пригодились.

Наконецъ, насталъ часъ отъѣзда, мы распрощались съ Лугой и выѣхали въ Петроградъ, гдѣ нашъ вагонъ былъ переданъ съ Варшавскаго на Николаевскій вокзалъ.

Такъ какъ кооперативъ нашъ, по соглашенію съ комиссаромъ Государственнаго банка, считался охраной банковскаго груза, то вагонъ нашъ присоединили къ банковскому и прицѣпили къ скорому Московскому поѣзду.

Когда поѣздъ тронулся, оказалось, что Королевъ, поѣхавшій въ Государственный банкъ за довѣренностью для полученія по прибытіи въ Севастополь денегъ, опоздалъ къ отходу и остался въ Петроградѣ.

Опозданіе Королева перепутало всѣ наши расчеты и предположенія: безъ находившейся у него довѣренности — я не могъ получить въ Севастополѣ денегъ, — а безъ нашей охраны — Королевъ не могъ доставить этихъ денегъ изъ Севастополя въ Сочи.

Сначала я предполагалъ задержать банковскій вагонъ въ Москвѣ, гдѣ и ожидать пріѣзда Королева, но это оказалось невозможнымъ и сопровождавшіе вагонъ артельщики на такую задержку не соглашались.

Ожидать Королева въ Севастополѣ намъ не хотѣлось, такъ-какъ, ввиду начавшейся демобилизаціи дѣйствующихъ армій, правильнаго желѣзно-дорожнаго движенія между Курскомъ и Севастополемъ уже не существовало, и мы могли-бы его безуспѣшно и безрезультатно ожидать въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль.

Поэтому я телеграфировалъ изъ Москвы Сочинскому совѣту, чтобы онъ выслалъ въ Севастополь въ распоряженіе Королева вооруженную охрану. Самиже мы рѣшили измѣнить нашъ маршрутъ и избрать, вмѣсто кружнаго пути на Севастополь, болѣе короткій на Орелъ — Царицынъ — Тихорѣцкую — Армавиръ и Туапсе.

Но какъ часто случается — самый короткій путь оказался самымъ длиннымъ.

Мы упустили изъ виду начавшуюся на юго-востокѣ Россіи гражданскую войну и зарожденіе многочисленныхъ фронтовъ.

Такая забывчивость обошлась намъ довольно дорого и наше путешествіе изъ Петрограда въ Сочи, полное всевозможныхъ приключеній, затянулось на цѣлыхъ 34 дня.

V

Едва мы успѣли отъѣхать нѣсколько станцій отъ Москвы, какъ вагонъ нашъ сталъ подвергаться ожесточеннымъ нападеніямъ со стороны толпъ демобилизованныхъ, или вѣрнѣе, бросившихъ свои части солдатъ, запрудившихъ всѣ станціи и полустанки Московско-Курской дороги, выѣзжавшихъ изъ Москвы съ

первыми попадавшимися товарными составами, и слѣзавшихъ съ этихъ составовъ на промежуточныхъ станціяхъ, въ надеждѣ прицѣпиться къ обгонявшимъ ихъ пассажирскимъ поѣздамъ.

Мы при всемъ нашемъ желаніи не могли пускать ихъ въ свой вагонъ: во-первыхъ, онъ считался вагономъ съ казеннымъ грузомъ «особой важности», а во-вторыхъ, мы везли массу цѣннаго имущества, которое навѣрняка было-бы моментально расхищено этой, озвѣрѣвшей и потерявшей всякое понятіе о неприкосновенности казеннаго, общественнаго или частнаго имущества, толпой.

Пришлось на каждой остановкѣ выставлять по обѣимъ сторонамъ вагона часовыхъ съ заряженными винтовками и только ихъ рѣшительный видъ спасалъ нашъ вагонъ отъ насильственнаго захвата.

Мы вздохнули съ облегченіемъ, когда въ Орлѣ нашъ вагонъ отцѣпили отъ Курскаго почтоваго поѣзда и прицѣпили къ товаро-пассажирскому составу Орлово-Грязинской линіи. Первая волна демобилизованныхъ уже прокатилась по этой линіи, а слѣдующая за ней, успѣвшая уже докатиться до главныхъ магистралей, не вышла еще на боковыя желѣзно-дорожныя вѣтки.

Уже въ Ельцѣ мы почувствовали разницу между начинавшей голодать столицей и вполнѣ обезпеченной продуктами юго-восточной провинціей.

Въ Ельцѣ въ вокзальныхъ ларькахъ можно было достать въ неограниченномъ количествѣ хлѣба, сала и колбасъ. Въ Грязяхъ на большомъ базарѣ, расположенномъ близъ станціи, было еще больше всякаго рода продуктовъ, а когда мы пріѣхали въ Царицынъ, то наши кооператоры были поражены обиліемъ и дешевизной муки, хлѣба, сала, рыбы и прочаго добра. Въ Царицынѣ мы закупили на всякій случай десять мѣшковъ прекрасной крупчатки, такъ какъ знали, что на Черноморскомъ побережьѣ продовольственный вопросъ, ввиду плохого сообщенія съ Кубанью, становился съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе неудовлетворительнымъ.

На станціи «Зимовники» (между Царицыномъ и Тихорѣцкой) мы впервые узнали о происходящихъ на Дону событіяхъ. Въ Петроградѣ и Москвѣ носились лишь неопредѣленные слухи о томъ, что Калединъ, Алексѣевъ и Корниловъ формируютъ какую-то армію, опираясь на которую хотятъ преградить распространеніе большевизма въ казачьихъ областяхъ. Казенныя большевистскія газеты старательно умалчивали объ этомъ и только посвященные въ правительственныя тайны «Смольнаго» — были въ курсѣ этихъ событій. Несмотря на то, что нѣкоторые наши случайные собесѣдники, съ которыми пришлось разговаривать по дорогѣ до Тихорѣцкой, возлагали большія надежды на успѣхъ Каледина и Корнилова, мы, присмотрѣвшись въ пути къ настроеніямъ Донскихъ казаковъ, сомнѣвались въ томъ, что эти генералы смогутъ дать отпоръ большевизму. Главнымъ орудіемъ большевиковъ была, конечно, не та безшабашная вольница, называвшая себя «красной гвардіей», но та безпринципная демагогія, благодаря которой имъ такъ легко удалось разложить армію и въ томъ числѣ фронтовыхъ казаковъ. И дѣйствительно — пріѣхавъ на станцію «Торговую», мы узнали одновременно и о самоубійствѣ Каледина, и объ оставленіи Ростова Корниловымъ.

На этой-же станціи насъ предупредили о занявшемъ Тихорѣцкую «соловьѣ-разбойникѣ» — большевистскомъ главковерхѣ Автономовѣ.

Главковерхъ этотъ, по разсказамъ вырвавшихся изъ его гнѣзда, не признавалъ никакой власти, обыскивалъ всѣ поѣзда и отбиралъ у пассажировъ деньги и цѣнное имущество. Точно также онъ грабилъ и казенные грузы, а

въ особенности охотился за «банковскими вагонами» и казенными суммами, въ большомъ количествѣ переправляемыми въ то время изъ Петрограда для удовлетворенія демобилизуемыхъ частей Кавказскаго фронта.

Эти извѣстія сильно обезпокоили насъ. Ничего до сихъ поръ не зная о «Тихорѣцкой заставѣ» и для того, чтобы на узловой станціи Тихорѣцкой не задержали-бы дальнѣйшее отправленіе нашего вагона, я имѣлъ неосторожность дать изъ Царицына телеграмму начальнику станціи и коменданту съ увѣдомленіемъ, что съ поѣздомъ такимъ-то слѣдуетъ банковскій вагонъ «особаго назначенія» № 1657, который необходимо отправить далѣе на Армавиръ съ первымъ-же отходящимъ по этому направленію поѣздомъ. Посылку такихъ телеграммъ мы начали практиковать еще съ Орла и благодаря имъ нашъ вагонъ не задерживался ни на одномъ узловомъ пунктѣ.

На этотъ разъ мы опасались, что телеграмма будетъ имѣть роковыя послѣдствія, что и оказалось на самомъ дѣлѣ.

Какъ только поѣздъ нашъ подошелъ къ Тихорѣцкой, къ намъ явился вооруженный съ ногъ до головы комендантъ станціи и попросилъ меня слѣдовать за нимъ къ «товарищу Автономову».

Главковерхъ помѣщался здѣсь-же на станціи въ роскошномъ салонъ-вагонѣ.

Меня встрѣтилъ изящный молодой человѣкъ, любезно предложившій стаканъ чаю и немедленно приступившій къ «дѣлу».

— Я знаю, что вы везете нѣсколько милліоновъ рублей для Черноморской дороги, заявилъ онъ: я не спорю, что деньги эти очень нужны для расплаты съ рабочими и для другихъ цѣлей, но мнѣ деньги также очень нужны. Вы какъ нибудь сможете потерпѣть и обойдетесь тѣми средствами, которыя имѣются на мѣстѣ, а я долженъ содержать свою армію и вести войну съ бандами Корнилова, наводнившими Сальскій отдѣлъ и сѣверную Кубань. Поэтому, какъ мнѣ это ни непріятно, но я долженъ потребовать отъ васъ передачи моему штабу всѣхъ имѣющихся въ вашемъ вагонѣ денегъ.

Я не зналъ, что отвѣтить любезному главковерху. Признаться, что у меня никакихъ милліоновъ съ собой нѣтъ — было абсолютно невозможно: прежде всего Автономовъ-бы мнѣ не повѣрилъ, приказалъ-бы обыскать вагонъ, а это могло кончиться весьма для насъ печально. До сихъ поръ, во время многочисленныхъ обысковъ и повѣрокъ документовъ, насъ спасали удостовѣренія комиссара государственнаго банка, въ которыхъ нашъ вагонъ именовался «вагономъ особаго назначенія». Поэтому насъ не обыскивали и ни у кого изъ пассажировъ «вагона особаго назначенія» документовъ не спрашивали. Теперь, при обыскѣ, красногвардейцы Автономова наткнулись-бы несомнѣнно на ящики съ патронами, на винтовки и обнаружили-бы, что среди насъ находятся три офицера, которыхъ ввиду формированія Добровольческой арміи, тщательно разыскивали по всѣмъ дорогамъ, снимали съ поѣздовъ и моментально «выводили въ расходъ». Обыскъ кончился-бы, безъ всякихъ сомнѣній, поголовнымъ разстрѣломъ всего нашего «вагона особаго назначенія».

Взвѣсивъ все это, я рѣшился пуститься на хитрость и началъ торговаться съ «соловьемъ-разбойникомъ». Послѣ продолжительной торговли Автономовъ согласился взять только половину моихъ «милліоновъ», и мы условились, что ввиду поздняго времени — деньги будутъ ему переданы на слѣдующее утро.

Вернувшись въ свой вагонъ, я собралъ «военный совѣтъ» и передалъ товарищамъ по несчастію весь разговоръ съ Автономовымъ. Мои товарищи

были смущены создавшимся положеніемъ и мы долго ломали себѣ головы, стараясь придумать какой-нибудь выходъ.

Къ счастью кому-то пришла въ голову блестящая мысль: попытаться при помощи взятки прицѣпить нашъ вагонъ къ какому-либо поѣзду, отходящему на Армавиръ или на Царицынъ. Если-бы намъ удалось отъѣхать хотя-бы на двѣ-три станціи отъ Тихорѣцкой — мы могли считать себя въ полной безопасности, ибо власть Автономова распространялась лишь на Тихорѣцкую и ближайшія къ ней сосѣднія станціи.

Планъ этотъ увѣнчался блестящимъ успѣхомъ. За сто рублей дежурный составитель прицѣпилъ нашъ вагонъ къ маневровому паровозу, а затѣмъ, пропутешествовавъ съ полъ-часъ по запаснымъ путямъ, мы оказались прицѣпленными къ хвосту товарнаго поѣзда, немедленно-же отошедшаго на станцію Кавказскую.

Опасаясь все-таки оставаться въ Кавказской (70 верстъ отъ Тихорѣцкой), мы за новую взятку всего въ 25 рублей, добились включенія нашего вагона въ отправлявшійся въ сторону Армавира рабочій поѣздъ и къ утру слѣдующаго дня чувствовали себя въ полной безопасности, прибывъ въ Армавиръ, отстоящій уже въ 140 верстахъ отъ «соловья-разбойника».

Теперь мы считали себя почти добравшимися до дому: оставалось лишь проѣхать перегонъ въ 250 верстъ отъ Армавира до Туапсе, гдѣ можно было получить одинъ или два грузовика, на которыхъ мы могли-бы въ нѣсколько часовъ добраться до Сочи.

Однако, судьба-злодѣйка и на этотъ разъ зло подшутила надъ нами: добравшись почти до конечнаго пункта, намъ пришлось неожиданно повернуть обратно и совершить новое чуть-ли не кругосвѣтное путешествіе, затянувшееся на цѣлыхъ три недѣли . . .

Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ . . .

Мы пріѣхали въ Армавиръ въ семь часовъ утра. Поѣздъ на Туапсе отходилъ по расписанію только вечеромъ. Дежурный по станціи, которому я предъявилъ наши документы, распорядился отвести нашъ вагонъ на запасный путь и приказалъ составителю прицѣпить его къ вечернему Туапсинскому поѣзду. Мы отдыхали отъ пережитыхъ въ Тихорѣцкой волненій, пили чай и истребляли въ неимовѣрномъ количествѣ вкусные мягкіе Армавирскіе бублики.

По заведенному во время дороги порядку одинъ изъ кооператоровъ стоялъ съ винтовкой у дверей вагона. Вдругъ мы услыхали громкій разговоръ, перешедшій вскорѣ въ ругань и угрозы. Я вышелъ къ часовому и столкнулся съ цѣлымъ отрядомъ красногвардейцевъ, окружившихъ нашъ вагонъ.

— Кто вы такіе и куда ѣдете, грубо окликнулъ меня старшій изъ красногвардейцевъ.

Я въ свою очередь спросилъ, съ кѣмъ имѣю дѣло?

— Я помощникъ коменданта станціи и долженъ по приказу революціоннаго комитета обыскать вашъ вагонъ.

— Нашъ вагонъ — особаго назначенія и слѣдуетъ по распоряженію Совѣта Народныхъ Комиссаровъ съ казеннымъ имуществомъ въ Сочи. Никакому обыску вагонъ этотъ не подлежитъ, и мы не имѣемъ права впускать въ него никого изъ постороннихъ, даже коменданта станціи, отвѣтилъ я рѣшительнымъ тономъ.

— Предъявите ваши документы.

— Документы я могу показать только предсѣдателю революціоннаго комитета.

— А почему у васъ въ вагонѣ вооруженные люди?

— Потому, что у меня съ собой конвой въ 20 человѣкъ.

Въ результатѣ пришлось пойти къ коменданту, а отъ него къ предсѣдателю Армавирскаго революціоннаго комитета.

Ознакомившись съ имѣвшимися у меня документами, предсѣдатель комитета, оказавшійся весьма культурнымъ человѣкомъ — незадолго до войны вернувшимся изъ Америки рабочимъ, сталъ извиняться за грубое съ нами обращеніе коменданта станціи и его помощника.

— Ничего не подѣлаешь, сами знаете, какое мы переживаемъ время! Вотъ, напримѣръ, не далѣе, какъ вчера произошелъ такой случай: прибылъ къ намъ изъ Тихорѣцкой вагонъ съ 25-ю демобилизованными. Коменданту онъ показался подозрительнымъ. Послали обыскать, а пассажиры вагона заартачились: не позволимъ обыскивать и не желаемъ предъявлять документовъ! Пришлось примѣнить силу, и что-же оказалось: это ѣхала компанія офицеровъ, везли они съ собой массу оружія, пулеметы и прочее. Ну, конечно, пришлось ихъ всѣхъ «вывести въ расходъ»...

Я поспѣшилъ какъ можно скорѣе распрощаться съ этимъ «культурнымъ американцемъ».

— А какъ-же вы думаете доѣхать до Туапсе, остановилъ меня американецъ.

— Конечно, по желѣзной дорогѣ.

— Ну, знаете-ли, это очень большой рискъ. Если-бы вы не везли съ собой цѣннаго казеннаго груза, я пожалуй не считалъ-бы себя въ правѣ задерживать васъ, но такъ какъ при васъ находятся большія совѣтскія суммы — я долженъ отправить вашъ вагонъ обратно въ Тихорѣцкую.

—Этого еще не хватало, подумалъ я: только-что вырвавшись отъ Автономова — и вдругъ снова попасть къ нему въ лапы!

— Но чѣмъ-же вызвано такое ваше рѣшеніе, съ безпокойствомъ спросилъ я предсѣдателя ревкома.

— Дѣло въ томъ, что близь Курганной (станція въ 60 верстахъ отъ Армавира) появился какой-то отрядъ возставшихъ противъ насъ казаковъ, совершающій періодическія нападенія на поѣзда. Мы не имѣемъ возможности ликвидировать этотъ отрядъ, такъ какъ находящаяся въ семи верстахъ отъ Армавира станица Прочноокопская также возстала. Прочноокопскіе казаки имѣютъ двѣ пушки и намѣреваются напасть на Армавиръ. Всѣ наши силы направлены противъ нихъ и съ минуты на минуту можно ожидать начала боя подъ самымъ городомъ.

— Въ такомъ случаѣ — оставьте нашъ вагонъ временно въ Армавирѣ.

— Не имѣю права сдѣлать это, такъ какъ я уже приказалъ эвакуировать все цѣнное имущество со станціи. Я сейчасъ распоряжусь по телефону и вашъ вагонъ будетъ немедленно отправленъ въ Тихорѣцкую, гдѣ положеніе вполнѣ надежное.

Никакіе уговоры не дѣйствовали на американца, и распоряженіе объ отправкѣ нашего вагона въ Тихорѣцкую было сдѣлано.

Мы совсѣмъ пріуныли и считали себя на этотъ разъ уже опредѣленно погибшими.

Но, обсудивъ создавшееся положеніе, мы все-таки рѣшили попытаться какъ нибудь вывернуться. Рѣшили снова прибѣгнуть къ магическому дѣйствію сторублевыхъ бумажекъ.

Намъ повезло. Въ Тихорѣцкую мы прибыли поздно ночью и пріѣздъ нашъ никѣмъ изъ помощниковъ Автономова замѣченъ не былъ, тѣмъ болѣе, что

поѣздъ нашъ остановился на отдаленномъ отъ станціи запасномъ пути. Мы тотчасъ принялись за поиски составителей и стрѣлочниковъ. Вскорѣ одинъ изъ товарищей привелъ въ вагонъ составителя. Я объяснилъ ему, что намъ необходимо сейчасъ-же ѣхать въ Царицынъ. Очевидно составитель смекнулъ, что мы хотимъ проскочить черезъ Автономовскую заставу и поэтому заломилъ за прицѣпку къ отходящему черезъ часъ Царицынскому поѣзду тысячу рублей. Какъ мы съ нимъ ни торговались, но въ концѣ концовъ пришлось согласиться, да еще заплатить 150 рублей какимъ-то стрѣлочникамъ и смазчикамъ.

Однако — мы все-таки были несказанно счастливы, когда черезъ часъ товарный поѣздъ, къ которому прицѣпили нашъ вагонъ, миновалъ выходную стрѣлку Тихорѣцкой и сталъ медленно удаляться въ сторону Царицына.

VI

Такимъ образомъ, находясь всего въ какихъ-нибудь 300-хъ верстахъ отъ Сочи, мы черезъ три дня очутились снова въ Царицынѣ, откуда предполагали ѣхать черезъ Лихую на Синельниково — Севастополь.

Наученные примѣромъ съ главковерхомъ Автономовымъ и не будучи увѣренными, что на нашемъ пути не встрѣтятся еще другіе главковерхи, мы никакихъ телеграммъ начальникамъ узловыхъ станцій больше не посылали. Поэтому вагонъ нашъ задержался въ Царицынѣ на цѣлыя сутки и только благодаря новой взяткѣ его на слѣдующій день прицѣпили къ товаро-пассажирскому поѣзду, отходившему въ Лихую.

Вечеромъ мы благополучно добрались до станціи Бѣлая Калитва, гдѣ насъ ожидалъ очередной сюрпризъ.

— Вылѣзай всѣ изъ вагоновъ, дальше поѣздъ не пойдетъ, прокричалъ подъ окнами вагона кондукторъ.

Начальникъ станціи сообщилъ намъ, что между Бѣлой Калитвой и Лихой — образовался «фронтъ»: отступавшіе откуда-то Калединцы вышли на желѣзнодорожную линію и находятся въ 20-ти верстахъ отъ Калитвы. Находящійся на станціи Звѣрево большевистскій командармъ Саблинъ отдалъ телеграфное распоряженіе задерживать всѣ поѣзда въ Бѣлой Калитвѣ и направлять ихъ обратно въ Царицынъ.

— Неужели-же намъ придется возвращаться въ Орелъ, съ отчаяніемъ подумалъ я.

Но въ это время застучалъ телеграфный аппаратъ, передавшій изъ Лихой новое распоряженіе «командарма» — немедленно выслать въ Звѣрево паровозъ подъ какой-то красногвардейскій эшелонъ.

— Значитъ путь до Лихой еще не прерванъ, спросилъ я у начальника станціи.

— Пока еще нѣтъ, но черезъ нѣсколько часовъ, пожалуй, никакого сообщенія съ Лихой уже не будетъ.

Я попросилъ его соединить меня по прямому проводу съ комендантомъ станціи Лихая и добился разрѣшенія прицѣпить нашъ вагонъ «особаго назначенія» къ вызываемому Саблинымъ изъ Калитвы паровозу.

Черезъ нѣсколько минутъ мы понеслись со скоростью курьерскаго поѣзда, рискуя на каждомъ шагу наткнуться на разобранный Калединцами путь и вдребезги разбиться подъ какимъ-нибудь откосомъ.

Однако, все обошлось благополучно и только, доѣхавъ до Лихой, мы узнали, что черезъ часъ, послѣ нашего отправленія изъ Калитвы, казаки разобрали путь въ 30 верстахъ отъ этой станціи и прервали желѣзнодорожное сообщеніе.

Въ Лихой комендантъ станціи, проникнувшись уваженіемъ къ моему мандату и кипѣ различныхъ удостовѣреній, далъ намъ снова паровозъ, доставившій насъ до Звѣрево.

Здѣсь намъ пришлось порядочно помыкаться, прежде чѣмъ посчастливилось двинуться дальше.

Никакого сообщенія ни въ сторону Ростова, ни въ сторону Харькова, ввиду образовавшихся многочисленныхъ «фронтовъ» не было. Начальникъ станціи заявилъ, что намъ придется въ лучшемъ случаѣ просидѣть въ Звѣревѣ три-четыре дня.

— У меня имѣется всего на всего одинъ паровозъ, да и тотъ занятъ подъ поѣздомъ командующаго арміей, который черезъ нѣсколько минутъ уходитъ въ Никитовку. Если это вамъ по пути — попросите у Саблина разрѣшенія прицѣпить вашъ вагонъ къ его поѣзду, а изъ Никитовки до Синельникова добраться будетъ уже не трудно.

Я пошелъ къ командарму.

Командармъ Саблинъ оказался молоденькимъ, но очень надменнымъ и нахальнымъ прапорщикомъ.

— Съ экстренными поѣздами могутъ ѣздить только народные комиссары и командующіе совѣтскими арміями, отвѣтилъ онъ на мою просьбу прицѣпить нашъ вагонъ къ его поѣзду: такъ какъ вы не народный комиссаръ и не имѣете высокой чести командовать доблестными красными войсками — то ваше желаніе не осуществимо.

Убѣждать этого разважничавшагося и упоеннаго своимъ величіемъ господина было совершенно излишне.

Выйдя изъ салона вагона юнаго командарма я наткнулся на толпу митинговавшихъ красногвардейцевъ.

— Товарищи, надрывался изрядно подвыпившій «ораторъ»: мало попито видно нашей кровушки при старомъ режимѣ, такъ теперь снова начинаютъ... Онъ думаетъ, что коль онъ командармъ, то можетъ по старорежимному поступать съ нами?

— Правильно, товарищи, вынесемъ резолюцію, чтобъ въ сей моментъ было бы выдано жалованье, а иначе не выпустимъ Саблина!

Прислушавшись къ рѣчамъ, я понялъ, что дѣло идетъ о жалованьѣ, которое не было во время уплачено красногвардейцамъ.

Одѣтый въ потрепанную шинель, безъ погонъ и безъ кокарды, я ничѣмъ не отличался съ виду отъ другихъ красноармейцевъ, почему также вмѣшался въ ихъ толпу и принялъ участіе въ митинговкѣ.

— Намъ тоже, товарищи, второй мѣсяцъ не платятъ жалованья, заявилъ я возбужденнымъ красногвардейцамъ. Видно придется ѣхать въ Никитовку къ самому Антонову, иначе ничего не добьемся.

— Правильно, товарищи, выбирай делегатовъ ѣхать къ Антонову!

Такъ какъ на станціи имѣлся всего лишь одинъ паровозъ Саблина, то выбранные на митингѣ делегаты рѣшили отцѣпить его отъ поѣзда командующаго арміей и сейчасъ-же ѣхать на немъ въ Никитовку. Я попросилъ ихъ прицѣпить къ паровозу и нашъ вагонъ, такъ какъ намъ также необходимо видѣть

Антонова и потребовать отъ него уплаты жалованія. Делегаты, конечно, согласились.

Красногвардейцы отцѣпили паровозъ Саблина, мы прицѣпили къ нему нашъ вагонъ, раздался свистокъ и — доблестный командармъ остался въ Звѣревѣ, а простые смертные, не имѣвшіе счастья командовать совѣтскими арміями, покатили въ экстренномъ поѣздѣ!

Передъ нашимъ отъѣздомъ оставшіеся въ Звѣревѣ красноармейцы заставили начальника станціи дать телеграмму по линіи — нигдѣ не задерживать нашего экстреннаго поѣзда. Поэтому мы неслись съ бѣшенной скоростью, не останавливаясь ни на одной промежуточной станціи.

Верстахъ въ 50-ти отъ Никитовки, на какой-то большой узловой станціи, паровозъ нашъ вынужденъ былъ остановиться, чтобы набрать воды. Здѣсь мы увидѣли нѣсколько товарныхъ поѣздовъ и узнали отъ начальника станціи, что одинъ изъ нихъ идетъ въ Синельниково. Ѣхать въ Никитовку, гдѣ могли произойти какія-нибудь непріятности съ главковерхомъ Антоновымъ, намъ совершенно не улыбалось. Поэтому мы заявили нашимъ спутникамъ, что очень благодарны имъ за компанію, но дальше съ ними не поѣдемъ, такъ какъ должны подождать пріѣзда выѣхавшихъ вслѣдъ за нами изъ Лихой товарищей. Они стали просить насъ не разстраивать компаніи, но затѣмъ махнули на насъ рукой, выругались на прощаніе и помчались дальше. Мы-же прицѣпились къ товарному поѣзду и двинулись по направленію къ Синельниково.

На станціи Чаплино намъ повстрѣчались какіе-то эшелоны, поразившіе насъ столь необычайной въ то время дисциплинированностью и порядкомъ.

Оказалось, что это чехо-словацкіе полки, которые послѣ заключенія Брестъ-Литовскаго мира спѣшно отправлялись въ Сибирь, не желая оставаться на Украинѣ, которую начали занимать ихъ заклятые враги и бывшіе властители — австрійцы.

Безъ особыхъ приключеній добрались мы до станціи Синельниково Екатерининской жел. дороги. Вагонъ нашъ долженъ былъ быть переданъ на станцію Синельниково Харьково-Севастопольской дороги. Начальникъ станціи сказалъ намъ, что по Севастопольской линіи ходитъ всего лишь одинъ поѣздъ въ сутки, къ которому мы уже сегодня опоздали, а поэтому насъ передадутъ на Севастопольскій вокзалъ только на слѣдующій день.

Во время стоянки въ Синельниковѣ, вагонъ нашъ обратилъ на себя вниманіе коменданта, пожелавшаго осмотрѣть его и провѣрить документы пассажировъ. На этотъ разъ мы позабыли выставить часового и комендантъ влѣзъ въ вагонъ «особаго назначенія». На наше счастье дѣло происходило уже вечеромъ, а свѣчей въ вагонѣ не было. Поэтому комендантъ не могъ разсмотрѣть нашъ грузъ особой важности и удовлетворился словесными разъясненіями и ознакомленіемъ съ моимъ мандатомъ, который онъ разобралъ при свѣтѣ карманнаго электрическаго фонарика. Его сильно озадачили два кузнечныхъ мѣха, торчавшихъ изъ подъ скамеекъ и онъ сталъ допытываться, что это за странные предметы?

— Это — балоны съ удушливыми глазами, предназначенные для борьбы съ контръ-революціонерами, нашелся кто-то изъ кооператоровъ.

Такое объясненіе вполнѣ успокоило коменданта, проникшагося большимъ уваженіемъ и къ нашему вагону, и къ его пассажирамъ.

Но несмотря на такое уваженіе со стороны коменданта, вагонъ нашъ продолжалъ оставаться безъ движенія. Мы неоднократно ходили къ начальнику станціи и просили его передать насъ на Синельниково Севастопольской дороги,

такъ какъ боялись опоздать къ Севастопольскому поѣзду. Начальникъ станціи отговаривался неимѣніемъ паровоза, который на самомъ дѣлѣ стоялъ у него на станціи подъ парами.

Севастопольскій вокзалъ находился отъ насъ всего въ 2-хъ верстахъ.

Такъ-какъ мои спутники за время нашего длиннаго путешествія успѣли порядочно обнаглѣть и набраться храбрости, послѣ всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ передѣлокъ, въ которыя мы попадали, то они рѣшили доставить вагонъ на другой вокзалъ своими силами, не дожидаясь, когда начальнику станціи заблагоразсудится дать намъ паровозъ. Принявъ такое рѣшеніе и протрубивъ на имѣвшемся у насъ корнетъ-а-пистонѣ кавалерійскій сигналъ, мы дружными усиліями сдвинули вагонъ съ мѣста и покатили его со станціи.

Поднялась суматоха, раздались свистки составителей и сцѣпщиковъ и къ намъ вдогонку помчался самъ начальникъ станціи.

— Остановитесь, что вы дѣлаете, куда вы катите вагонъ?

— Мы ѣдемъ на другой вокзалъ, такъ-какъ вашего паровоза видно не дождемся до будущаго года, отвѣчали мы ему со смѣхомъ.

— Что вы, съ ума сошли, что-ли: развѣ можно катить вагонъ на рукахъ цѣлый перегонъ, не получивши даже путевой?

— Это наше дѣло, вагонъ — нашъ, что хотимъ, то съ нимъ и дѣлаемъ: хотимъ — стоимъ, хотимъ — ѣдемъ.

Въ концѣ концовъ, перепуганный такой рѣшительностью пассажировъ «вагона особаго назначенія», начальникъ станціи обѣщалъ немедленно дать паровозъ и доставить насъ на Севастопольскую дорогу. И дѣйствительно — черезъ пять минутъ паровозъ былъ поданъ и мы во время поспѣли къ Севастопольскому поѣзду.

Въ Джанкоѣ мы снова рѣшили измѣнить свой маршрутъ, такъ-какъ узнали, что въ Севастополѣ происходятъ какіе-то безпорядки и намъ очень не хотѣлось попасть въ новую кашу и задержаться на нѣсколько дней въ этомъ безпокойномъ городѣ. Поэтому мы поѣхали въ Феодосію.

Здѣсь намъ пришлось прождать цѣлую недѣлю, пока, наконецъ, послѣ долгихъ препирательствъ съ мѣстнымъ исполкомомъ и начальникомъ порта, не удалось получить въ свое распоряженіе парохода, который долженъ былъ насъ доставить въ Туапсе.

Въ день нашего отъѣзда изъ Феодосіи мы присутствовали при торжественной встрѣчѣ перваго транспорта съ плѣнными солдатами, возвращавшимися изъ Турціи. Они прибыли на турецкомъ пароходѣ, конвоируемомъ турецкимъ миноносцемъ и встрѣченнымъ въ морѣ двумя нашими миноносцами. Весь городъ собрался въ порту, и подошедшій пароходъ съ плѣнными былъ встрѣченъ музыкой и криками «ура» собравшихся.

Въ Новороссійскѣ намъ пришлось пересѣсть на другой пароходъ, шедшій въ Батумъ съ какой-то вновь сформированной армянской дружиной.

Дружина эта состояла изъ необученной армянской молодежи, настроенной весьма воинственно и обѣщавшей на словахъ перебить всѣхъ турокъ, занявшихъ къ тому времени большую часть Русской Арменіи.

Передъ отходомъ нашего парохода изъ Новороссійска, портовыя власти предупредили капитана, чтобы онъ держался поближе къ берегу и шелъ съ потушенными огнями, такъ-какъ появившіяся въ морѣ турецкія подводныя лодки, не нападавшія на русскія суда, освѣдомлены о перевозкѣ въ Батумъ армянскихъ

дружинъ и не преминутъ доставить себѣ удовольствіе — пустить ко дну транспортъ, перевозящій ихъ вѣковѣчныхъ враговъ.

Ночь прошла тревожно. Воинскій пылъ армянъ-дружинниковъ угасъ и проявился вновь лишь по прибытіи въ Туапсе.

Въ Туапсе мы погрузились на моторную шхуну и уже безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній, на 34-й день послѣ выѣзда изъ Петрограда, добрались, наконецъ, до Сочи, куда мы прибыли 1-го Марта (по ст. ст) 1918 года, то-есть въ день празднованія годовщины Россійской революціи.

VII

За время моего отсутствія жизнь въ Сочи мало измѣнилась. Собравшійся въ февралѣ окружной крестьянскій съѣздъ отнесся довольно поверхностно къ политическимъ событіямъ и интересовался больше продовольственнымъ вопросомъ. Послѣ съѣзда нѣсколько представителей крестьянства вошли въ составъ окружного исполкома, но послѣдній не проявлялъ никакой активности, передавъ всѣ административныя функціи революціонному комитету, предсѣдателемъ котораго былъ избранъ солдатъ 20-го жел. дор. баталіона Пирожковъ.

Этотъ Пирожковъ выставлялъ себя убѣжденнымъ коммунистомъ и весьма опытнымъ администраторомъ и очень добивался избранія въ предсѣдатели ревкома. Прошлой его дѣятельностью интересовались очень мало и, такъ-какъ никому изъ членовъ окружного исполкома не хотѣлось занимать этого безпокойнаго поста, то избраніе Пирожкова состоялось единогласно.

Пирожковъ сразу сталъ проявлять свои блестящія административныя способности, выражавшіяся главнымъ образомъ въ личномъ вмѣшательствѣ «предревкома» во всѣ уличныя драки и базарныя ссоры. Впослѣдствіи выяснилось, что у Пирожкова былъ солидный административный стажъ, такъ-какъ онъ до революціи былъ околодочнымъ надзирателемъ, а въ партію большевиковъ вступилъ послѣ того, какъ его вмѣстѣ съ другими чинами полиціи и жандармеріи мобилизовали и послали въ войсковую часть.

Другимъ членомъ ревкома являлся ближайшій начальникъ Пирожкова — его баталіонный командиръ полковникъ Козловъ, сдѣлавшій довольно странную карьеру и проскочившій въ командиры желѣзно-дорожнаго баталіона изъ смотрителей интендантскаго магазина. Впрочемъ — полковникъ Козловъ былъ очень милымъ человѣкомъ, умѣвшимъ великолѣпно ладить и съ большевиками, и съ крайними черносотенцами. Послѣ приказа о снятіи погонъ, онъ днемъ ходилъ въ штатскомъ пиджакѣ и въ такомъ видѣ появлялся въ городѣ и различныхъ учрежденіяхъ, а по вечерамъ приходилъ въ казино гостиницы «Кавказская Ривьера», гдѣ собиралась вся фешенебельная публика, въ кителѣ, полковничьихъ погонахъ и съ орденомъ на шеѣ.

Вся курортная публика, пріѣхавшая на лѣто изъ Петрограда и Москвы, не рѣшилась послѣ октябрьскаго переворота возвращаться въ столицы и осталась въ Сочи, гдѣ не было никакихъ эксцессовъ и жилось, сравнительно съ другими городами, очень спокойно.

Въ Сочи можно было встрѣтить представителей самаго разнообразнаго общества, бывшихъ министровъ, губернаторовъ, генераловъ, офицеровъ, жандармовъ, начиная съ бывшаго премьера Горемыкина и кончая Варшавскимъ оберъ-

полиціймейстеромъ Галле и извѣстнымъ охранникомъ — жандармскимъ полковникомъ Казариновымъ. Всѣ они находились на свободѣ, никѣмъ не преслѣдовались и жили совершенно спокойно, ничѣмъ не отличаясь отъ другихъ обывателей.

Горемыкинъ жилъ за-городомъ на дачѣ и въ Январѣ мѣсяцѣ былъ убитъ съ цѣлью ограбленія какими-то неизвѣстными бандитами, арестованными вскорѣ послѣ убійства и въ свою очередь убитыми на базарѣ разъяренной толпой, расправившейся съ ними самосудомъ.

Въ первый-же вечеръ, послѣ возвращенія въ Сочи, мнѣ пришлось улаживать инцидентъ, происшедшій съ предсѣдателемъ ревкома Пирожковымъ.

Послѣ торжественнаго празднованія годовщины революціи, Пирожковъ отправился пьянствовать въ какой-то духанъ, послѣ чего вздумалъ покуражиться и проявить свою предсѣдательскую власть. Онъ явился на гауптвахту и началъ экзаменовать стоявшаго на посту красноармейца.

— Ты знаешь, кто я такой, обратился онъ заплетающимся языкомъ къ часовому.

Узнавъ отъ часового, что онъ — предсѣдатель ревкома, Пирожковъ потребовалъ отъ него винтовку.

Часовой винтовки ему не отдалъ.

— Ахъ ты, такой-сякой, закричалъ Пирожковъ. Ты развѣ не знаешь, что при старомъ режимѣ часовой могъ отдать винтовку царю? А теперь — я все равно, что царь, и ты долженъ мнѣ, разъ я приказываю, отдать винтовку.

Такъ какъ часовой не соглашался уравнять Пирожкова въ правахъ съ царемъ, обиженный предсѣдатель ударилъ его кулакомъ по лицу. Сбѣжались другіе красноармейцы, связали расходившагося Пирожкова и подъ конвоемъ доставили его въ революціонный комитетъ.

Послѣ этого происшествія въ казармѣ состоялся митингъ, вынесшій резолюцію о смѣщеніи Пирожкова съ должности предсѣдателя и преданіи его суду.

Такъ-какъ я продолжалъ еще числиться предсѣдателемъ совѣта, то революціонный комитетъ просилъ меня немедленно прибыть въ комитетъ и помочь уладить скандалъ.

Пріѣхавъ въ комитетъ, я увидѣлъ отрезвившагося Пирожкова, который рыдалъ, просилъ прощенія и умолялъ членовъ комитета не выдавать его красноармейцамъ, которые угрожаютъ немедленно его разстрѣлять.

Я сказалъ столпившимся у зданія ревкома красноармейцамъ, что поступокъ Пирожкова будетъ поставленъ на обсужденіе совѣта и просилъ ихъ разойтись и спокойно ожидать рѣшенія совѣта. Красноармейцы послушались меня, и скандалъ окончился сравнительно благополучно.

На слѣдующій день состоялось засѣданіе совѣта, постановившаго уволить Пирожкова отъ обязанностей предсѣдателя ревкома. На этомъ-же засѣданіи я сдѣлалъ докладъ о моей поѣздкѣ (деньги для Черноморской дороги были доставлены изъ Севастополя за недѣлю до моего возвращенія) и сложилъ съ себя обязанности предсѣдателя совѣта.

Послѣ этого я могъ всецѣло отдаться нашему кооперативу, приступившему къ разработкѣ переданнаго намъ участка.

Въ теченіи мѣсяца мы оборудовали и пустили въ ходъ мастерскія, вскопали и засѣяли нѣсколько десятинъ подъ огородъ и кукурузу, завели маленькую ферму и приступили къ самой трудной работѣ — расчисткѣ участка отъ лѣса и кустарника.

Кооператоры наши жили дружно, съ увлеченіемъ отдавались работѣ и, казалось, совершенно забыли о всякой политикѣ.

Между тѣмъ въ сосѣдней съ нами Кубани происходили важныя событія.

Еще въ концѣ января большевики заняли Екатеринодаръ и установили совѣтскую власть на всемъ Сѣверномъ Кавказѣ. Отдѣльные отряды непризнавшихъ совѣтской власти казаковъ производили періодическіе налеты то на одну, то на другую станицу, причиняя большевикамъ постоянное безпокойство.

Въ февралѣ добровольческая армія генерала Корнилова, вынужденная оставить Ростовъ, совершила свой рейдъ по Кубани, окончившійся гибелью Корнилова и отступленіемъ на Донъ. Большевики праздновали побѣду, которая оказалась также не долговѣчной.

Отдѣлившіеся отъ арміи Корнилова отряды разсѣялись по всей Кубани, преслѣдовались большевиками и старались пробиться или на Донъ, или въ Закавказье.

Одинъ изъ такихъ отрядовъ подъ начальствомъ полковника Кузнецова ушелъ въ горную часть Майкопскаго отдѣла, откуда хотѣлъ выйти на Черноморское побережье и интернироваться въ Грузіи.

Въ то время большевики еще пользовались большимъ вліяніемъ и авторитетомъ среди демобилизованныхъ казаковъ и солдатъ, охотно поддерживавшихъ совѣтскую власть. До деревни большевики еще не добрались, и крестьяне, которыхъ новая власть не трогала, относились къ ней также безъ всякой вражды. Добровольцы, или «кадеты» (какъ ихъ называли казаки и крестьяне) ввиду произведенныхъ ими въ рядѣ деревень и станицъ насилій, грабежей и разстрѣловъ бывшихъ фронтовиковъ, пользовались, наоборотъ, очень скверной репутаціей. Благодаря этому большевикамъ удавалось очень легко выставлять противъ «кадетъ» сильные отряды изъ мѣстныхъ жителей, при помощи которыхъ они быстро ликвидировали отдѣльные Корниловскіе отряды. Во время такихъ «ликвидацій» — озлобленіе бывшихъ фронтовиковъ достигало чудовищныхъ размѣровъ. Плѣнные въ большинствѣ разстрѣливались на мѣстѣ, причемъ на Кубани бывали случаи, когда сыновья — фронтовики собственноручно разстрѣливали своихъ отцовъ, находившихся въ рядахъ «кадетовъ». Такую жестокость фронтовики объясняли примѣромъ добровольцевъ, которые первые начали примѣнять разстрѣлъ и порку захваченныхъ въ плѣнъ красноармейцевъ и фронтовиковъ.

Поэтому когда въ Туапсинскомъ и Сочинскомъ округахъ узнали о движеніи отряда Кузнецова, все крестьянское населеніе стало на ноги.

Туапсинскій исполкомъ распространилъ воззванія, въ которыхъ предупреждалъ крестьянъ, и въ особенности вернувшихся въ деревни фронтовиковъ, о грядущей для нихъ, въ лицѣ отряда Кузнецова, опасности.

Черноморскіе крестьяне знали о «кадетахъ», лишь по наслышкѣ изъ разсказовъ побывавшихъ на Кубани очевидцевъ «ледянаго похода». Въ этихъ разсказахъ добровольцы представлялись, какъ сторонники «стараго режима», мстившіе солдатамъ за революцію и за оскорбленія офицеровъ и прочаго «начальства». Большевики въ свою очередь не жалѣли красокъ и рисовали крестьянамъ перспективы побѣды «кадетовъ».

Сочинскій исполкомъ выставилъ въ 30 верстахъ къ сѣверу отъ Сочи «фронтъ», чтобы преградить путь Кузнецову. На фронтъ были посланы всѣ наличныя силы Сочинскаго гарнизона — двѣ роты красноармейцевъ, батарея и отрядъ мѣстныхъ рабочихъ. Крестьяне — фронтовики окрестныхъ деревень

добровольно примкнули къ этимъ силамъ и стали поджидать выхода отряда Кузнецова на приморское шоссе.

Туапсинскій исполкомъ также выслалъ сильный отрядъ на границу Сочинскаго округа.

Не ожидавшій серьезнаго сопротивленія со стороны Сочинскихъ большевиковъ, полковникъ Кузнецовъ перевалилъ Кавказскій хребетъ и вышелъ на побережье у селенія Божьи Воды (въ 20 верстахъ къ сѣв. востоку отъ Лазаревки). Здѣсь отрядъ его былъ атакованъ съ двухъ сторонъ Сочинцами и Туапсинцами и послѣ ожесточенной рукопашной схватки почти цѣликомъ уничтоженъ. Большая часть отряда была перебита (среди убитыхъ оказался священникъ отряда), другая — успѣла бѣжать въ горы, а 65 человѣкъ были взяты въ плѣнъ и отведены въ Туапсе, откуда ихъ переправили въ Майкопскую тюрьму. Въ числѣ плѣнныхъ оказался и начальникъ отряда — полковникъ Кузнецовъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Кузнецовъ былъ почему-то освобожденъ изъ тюрьмы и на свое несчастье столкнулся въ Майкопѣ съ лидеромъ Сочинскихъ большевиковъ — Поярковымъ, принимавшимъ участіе въ его плѣненіи. По настоянію Пояркова Кузнецовъ былъ снова арестованъ и отправленъ въ Туапсе, гдѣ и былъ разстрѣлянъ по приказу политкома Грузинскаго фронта.

Вскорѣ послѣ ликвидаціи Кузнецовскаго фронта вниманіе Сѣверо-Кавказскихъ большевиковъ было обращено въ сторону объявившей себя самостоятельной республикой (26-го мая 1918 года) — Грузіи.

Между находившейся подъ властью большевиковъ Черноморской губерніей и вновь образовавшейся Грузинской республикой находилась Абхазія (Сухумскій округъ). Грузины считали, что Абхазія, входившая до революціи въ составъ Кутаисской губерніи, должна быть включена въ Грузію. На это у грузинъ имѣлись нѣкоторыя основанія, такъ-какъ большая часть населенія Сухумскаго округа состоитъ изъ грузинъ — мингрельцевъ. Большевики же сознавали, что занятіе грузинами Сухумскаго округа явится угрозой ихъ владычеству на Черноморьѣ. Поэтому они воспользовались національной ненавистью абхазцевъ къ грузинамъ и, при помощи довольно многочисленныхъ въ Сухумѣ русскихъ рабочихъ, объявили Абхазію — совѣтской республикой.

Во главѣ Абхазской республики былъ поставленъ ревкомъ изъ Сухумскихъ большевиковъ и абхазцевъ. Предсѣдателемъ ревкома оказался зажиточный абхазецъ — Ежба.

Такъ какъ грузины не примирились съ такимъ положеніемъ и стали готовиться къ походу для завоеванія Сухума и такъ-какъ у Сухумскихъ большевиковъ было очень мало войскъ, Ежба обратился къ Сочинскому, Туапсинскому и Екатеринодарскому совѣтамъ съ просьбой о поддержкѣ.

Кубанскіе большевики только-что приступили къ формированію Сѣверо-Кубанской красной арміи и всѣ ихъ наличныя силы были стянуты къ границамъ Донской области, занятой нѣмцами и добровольцами. Поэтому Кубано-Черноморскій центральный исполкомъ предложилъ Туапсинскому и Сочинскому исполкомамъ придти на помощь Сухумцамъ.

Я забылъ упомянуть о томъ, что къ этому времени Сочинскій революціонный комитетъ самоупразднился и вся полнота власти перешла къ окружному исполкому. Изъ 9-ти членовъ исполкома было всего четыре большевика, остальные — были или безпартійные, или являлись членами партій соц.-рев. и меньшевиковъ. Вліяніе большевиковъ такимъ образомъ было очень слабымъ, что имъ конечно не нравилось. Воспользовавшись событіями въ Сухумскомъ округѣ, мѣстные

Сочинскіе большевики постарались захватить власть въ свои руки. Для этой цѣли они добились приказа изъ Екатеринодара объ организаціи въ Сочи «Чрезвычайнаго штаба обороны Черноморскаго побережья», во главѣ котораго сталъ бывшій «президентъ» Сочинской республики и лидеръ мѣстныхъ большевиковъ — Поярковъ.

Чрезвычайный штабъ объявилъ въ Сочинскомъ округѣ «чрезвычайно-осадное положеніе» и устранилъ исполкомъ отъ власти, которую и захватилъ въ свои руки.

Введенное Поярковымъ чрезвычайно-осадное положеніе выразилось въ рядѣ обысковъ и реквизицій, въ запрещеніи появляться на улицахъ послѣ 8 часовъ вечера и другихъ тому подобныхъ распоряженіяхъ.

Сочинскіе обыватели, которымъ больше всего не понравилось запрещеніе вечернихъ прогулокъ, стали роптать и называли введенное Поярковымъ положеніе «чрезвычайно-досаднымъ».

Черезъ нѣсколько дней штабъ былъ вынужденъ отмѣнить это распоряженіе, такъ какъ, несмотря на грозныя предостереженія Пояркова, Сочинцы по-прежнему съ наступленіемъ вечерней прохлады высыпали на улицы, ходили въ кинематографы и сидѣли по кофейнямъ и духанамъ. Красноармейскіе патрули не имѣли никакой возможности арестовывать всѣхъ неповинующихся приказу, ибо таковыми являлись почти всѣ жители города, и Поярковъ, дабы не уронить въ глазахъ народа престижъ новой власти, принужденъ былъ вскорѣ снять «чрезвычайно-досадное положеніе».

VIII

Помощь Сочинскихъ большевиковъ Сухумскому революціонному комитету вылилась главнымъ образомъ въ организаціи «Чрезвычайнаго штаба». Конечно такая помощь не могла удовлетворить сухумцевъ, которые просили поддержать ихъ живой силой — войсками, пушками и патронами. Но такой помощи сочинскій «чрезвычайный штабъ» оказать не могъ. Въ Сочи имѣлось всего двѣ роты красноармейцевъ и четырехъ-орудійная батарея, составлявшихъ единственную опору чрезвычайнаго штаба, опасавшагося, въ случаѣ ихъ отправки въ Сухумъ, остаться безъ всякой вооруженной силы.

Мобилизовать крестьянъ-фронтовиковъ и мѣстныхъ рабочихъ для войны съ грузинами штабъ не рѣшался по той причинѣ, что судьбы Сухумскаго округа совершенно не интересовали Сочинскихъ крестьянъ, а также и потому, что среди мѣстнаго населенія было около 10% грузинъ, большинство которыхъ являлись членами соц.-дем. партіи, а поэтому были хорошо организованы. Большевистскій штабъ боялся, какъ-бы мобилизованные и вооруженные имъ меньшевики-грузины не обратили въ рѣшительный моментъ выданное имъ большевиками оружіе противъ чрезвычайнаго штаба.

Тогда большевики рѣшили возбудить патріотизмъ населенія, воспользовавшись тѣмъ, что Грузинское правительство, опасавшееся нашествія турокъ въ Закавказьѣ, обратилось за помощью къ нѣмцамъ. Германскія войска стали уже прибывать въ Поти и Тифлисъ, и германскій флагъ развѣвался на молу и маякѣ Потійскаго порта. Воспользовавшись этимъ большевики стали распространять слухи о томъ, что германцы, нарушивъ Брестъ-Литовскій мирный договоръ, объявили вновь войну Россіи и хотятъ занять весь Кавказъ.

Такъ какъ нѣкоторыя мѣропріятія чрезвычайнаго Штаба стали вызывать недовольство населенія, и въ особенности крестьянъ, то отношенія между окружнымъ исполкомомъ и штабомъ сильно обострились. Какъ я уже говорилъ, въ исполкомѣ большинство голосовъ принадлежало умѣреннымъ соціалистамъ и безпартійнымъ, и исполкомъ пользовался большимъ довѣріемъ населенія. Опираясь на такое довѣріе исполнительный комитетъ потребовалъ немедленнаго созыва окружного крестьянско-рабочаго съѣзда для разрѣшенія ряда спорныхъ вопросовъ и, въ томъ числѣ, мобилизаціи фронтовиковъ противъ германо-турокъ, каковую большевики хотѣли провести помимо съѣзда.

Въ концѣ-концовъ, большевикамъ пришлось уступить и съѣздъ былъ созванъ.

У нашего кооператива завязались самыя лучшія взаимоотношенія съ окрестными крестьянами. Мы пустили въ ходъ слесарную и кузнечную мастерскія, какихъ въ ближайшихъ деревняхъ не было, и крестьяне ежедневно привозили намъ для починки всевозможные инструменты сельско-хозяйственнаго обихода, приводили ковать лошадей, отпускать (оттачивать) пилы и топоры. Они присмотрѣлись къ нашей работѣ, хвалили насъ и часто обращались за разными совѣтами.

Благодаря такой дружбѣ съ крестьянами, двое изъ членовъ нашего кооператива, въ томъ числѣ и я, были выбраны на съѣздъ делегатами отъ крестьянъ сосѣднихъ поселеній.

Съѣздъ былъ очень бурнымъ, делегаты нападали на «Чрезвычайный штабъ», который, опасаясь дальнѣйшихъ волненій, сложилъ съ себя полномочія. Функціи штаба по рѣшенію съѣзда перешли къ военному отдѣлу окружного исполкома, которому съѣздъ поручилъ, въ случаѣ дѣйствительнаго наступленія германскихъ войскъ на Сѣв. Кавказъ — объявить общую мобилизацію населенія. Я былъ избранъ завѣдывать этимъ военнымъ отдѣломъ.

Во время съѣзда палъ Сухумъ. Грузины безъ особыхъ усилій разгромили неорганизованныя силы Сухумскаго революціоннаго комитета, которыя въ безпорядкѣ отступили къ Гаграмъ. Предсѣдатель Сухумскаго ревкома — Ежба — явился на съѣздъ и потребовалъ, во имя спасенія революціи, немедленнаго объявленія мобилизаціи Сочинскихъ крестьянъ и рабочихъ.

Мое выступленіе, въ которомъ я заявилъ сухумцамъ о нежеланіи крестьянъ воевать съ невѣдомымъ противникомъ и неизвѣстно за чьи интересы — вызвало негодованіе Ежбы, обрушившагося на меня съ обычной большевистской демагогіей и назвавшаго меня контръ-революціонеромъ. Однако единодушная поддержка, которую оказала мнѣ крестьянская и часть рабочей секцій съѣзда, заставила сократиться Ежбу, рѣшившаго ѣхать искать помощи въ Екатеринодаръ и Москву.

Первымъ моимъ шагомъ въ качествѣ завѣдывающаго военнымъ отдѣломъ было увольненіе того команднаго состава Сочинскаго гарнизона, который былъ навербованъ до меня Поярковымъ. Этотъ командный составъ состоялъ изъ трехъ человѣкъ: инспектора пѣхоты — какого-то бывшаго подпрапорщика съ очень подозрительными внѣшностью и прошлымъ, инспектора артиллеріи — капитана Фомина, который страдалъ хроническимъ запоемъ, и, наконецъ, инспектора кавалеріи (которая была лишь въ воображеніи Пояркова и состояла всего изъ 5 всадниковъ) — капитана французской службы Мандрыко.

Капитанъ Мандрыко, бывшій гвардейскій офицеръ, какимъ-то образомъ перешелъ во время войны на французскую службу, затѣмъ былъ прикомандированъ

къ одному изъ штабовъ на русскомъ фронтѣ, а послѣ революціи очутился въ Сочи, гдѣ поселился въ «Кавказской Ривьерѣ» и не снималъ французскаго мундира. Мандрыко велъ широкій образъ жизни, много кутилъ и сильно всѣмъ задолжалъ. Не знаю по какимъ причинамъ, онъ снискалъ къ себѣ симпатіи Пояркова, который предложилъ ему постъ инструктора кавалеріи имѣющей быть сформированной Черноморской красной арміи. Предложеніе это было принято Мандрыко, который сталъ инструктировать, не снимая французскаго мундира, пять человѣкъ Поярковской конницы.

Отстранивъ подъ благовидными предлогами этихъ трехъ «генераловъ инспекторовъ», я пригласилъ къ себѣ въ сотрудники для подготовленія и разработки плана обороны границъ Сочинскаго округа (на случай наступленія турокъ и германцевъ) трехъ другихъ находившихся въ Сочи офицеровъ о которыхъ мнѣ говорили, что они въ высшей степени порядочные и дѣльные спеціалисты — инженеры и артиллеристы.

Организовавъ затѣмъ военный отдѣлъ по образцу бывшихъ управленій воинскихъ начальниковъ, я рѣшилъ на нѣсколько дней съѣздить въ Екатеринодаръ для того, чтобы выяснить себѣ общее положеніе, какъ военное, такъ и политическое, создавшееся на Сѣверномъ Кавказѣ и въ остальной Россіи. Разобраться въ этой кашѣ, оставаясь въ Сочи, было немыслимо: никакихъ свѣдѣній мы здѣсь не получали, и вся информація исходила отъ мѣстнаго комитета большевиковъ и, главнымъ образомъ, отъ Пояркова, которому я вѣрить не могъ.

Доѣхавъ на автомобилѣ до Новороссійска, я узналъ, что нѣмцы дѣйствительно предприняли рядъ мѣропріятій для занятія территоріи юга и юго-востока Россіи. Въ частности ими былъ занятъ Севастополь, и почти вся Черноморская эскадра, подъ командой адмирала Саблина, не желая быть захваченной нѣмцами, пришла въ Новороссійскъ.

Здѣсь-же мнѣ сказали, что германскими войсками занятъ Ростовъ и между Ростовомъ и Батайскомъ находится большевистскій фронтъ, которымъ командуетъ главковерхъ Кальнинъ.

Положеніе большевиковъ въ Екатеринодарѣ, когда я туда пріѣхалъ, было довольно прочнымъ, и они не высказывали никакихъ особыхъ опасеній относительно ближайшаго будущаго. Ихъ руководители говорили, что нѣмцы не имѣютъ намѣренія занимать Сѣверный Кавказъ, что Ростовскій германо-большевистскій фронтъ — явленіе временное и что гораздо опаснѣе для нихъ формируемая генераломъ Алексѣевымъ армія.

Что-же касается Сухумскаго фронта — то тамъ, по ихъ мнѣнію, германцы будутъ поддерживать грузинъ, но только въ томъ случаѣ, если красная армія вторгнется въ предѣлы Грузіи.

Изъ этихъ разъясненій, данныхъ мнѣ военнымъ комиссаромъ Кубано-Черноморской совѣтской республики Силичевымъ, я понялъ, что никакой германо-турецкой опасности для Черноморья не существуетъ и что Сухумскій фронтъ созданъ исключительно въ интересахъ какихъ-то высшихъ, невѣдомыхъ простымъ смернымъ, соображеній большевистской политики.

Военкомъ Силичевъ, коммунистъ и бывшій морской офицеръ, помѣщался въ атаманскомъ дворцѣ, говорилъ съ большимъ апломбомъ, но не важничалъ, подобно другимъ всемогущимъ комиссарамъ; онъ являлся фактическимъ главковерхомъ всѣхъ многочисленныхъ Кубанскихъ фронтовъ, отъ него зависѣли назначенія и увольненія всѣхъ командармовъ и ему подчинялись всѣ интендантскія и военно административныя учрежденія и заведенія.

Въ оперативную часть Силичевъ, впрочемъ, не вмѣшивался, предоставивъ ее главнокомандующему Сѣв.-Кавказской красной арміи Кальнину, штабъ котораго находился на ст. Тихорѣцкая, и «военруку» (военному руководителю) — генералу генеральнаго штаба Сосновскому, жившему въ Екатеринодарѣ и постоянно находившемуся въ военномъ комиссаріатѣ.

Сосновскій держалъ себя довольно странно. Въ присутствіи коммунистическаго начальства онъ старался показать себя искренно-преданнымъ совѣтскому правительству, но когда въ его кабинетѣ никого изъ большевиковъ не было, онъ сразу мѣнялъ тонъ, намекалъ на то, что никакихъ симпатій къ правящей партіи и ея политикѣ не питаетъ, и говорилъ, что его насильно мобилизовали и подъ конвоемъ прислали изъ Петрограда въ Екатеринодаръ.

Въ кабинетѣ военкома Силичева я познакомился съ какимъ-то французскимъ лейтенантомъ, пріѣхавшимъ въ Екатеринодаръ предложить мѣстной большевистской арміи помощь Франціи для борьбы съ германо-турками.

Мы разговорились, и онъ сталъ горячо убѣждать меня въ необходимости привлечь на службу въ красную армію всѣхъ кадровыхъ офицеровъ.

— Не все-ли равно офицерамъ, какое правительство стоитъ сейчасъ у власти. Разъ это правительство будетъ продолжать войну съ нѣмцами и тѣмъ самымъ нарушитъ Брестъ-Литовскій миръ — долгъ каждаго русскаго офицера добровольно явиться въ ряды красной арміи, говорилъ лейтенантъ. Франція и другіе народы готовы оказать помощь большевикамъ, если они снова начнутъ войну.

Я не сталъ возражать французскому офицеру, такъ какъ понималъ, что нашимъ бывшимъ союзникамъ рѣшительно все равно, какое правительство стоитъ у власти въ Россіи, и они готовы одинаково помогать и большевистскому, и монархическому правительству, лишь-бы оно продолжало вести борьбу съ Германской имперіей.

Послѣ этого разговора я подумалъ, не получилъ-ли и капитанъ Мандрыко какихъ нибудь указаній, когда онъ согласился принять постъ инструктора красной кавалеріи.

Въ день моего отъѣзда изъ Екатеринодара, я узналъ о предъявленномъ большевикамъ германскимъ командованіемъ ультиматумѣ — сдать имъ, или уничтожить нашу Черноморскую эскадру, стоявшую въ Новороссійскѣ. Ультиматумъ этотъ былъ предъявленъ еще нѣсколько дней тому назадъ, но мѣстные большевики отказались исполнить требованіе нѣмцевъ и сообщили объ этомъ въ Москву. Московское правительство приказало немедленно потопить Черноморскій флотъ и командировало въ Екатеринодаръ двухъ видныхъ коммунистовъ, въ томъ числѣ и «краснаго адмирала» Раскольникова, который долженъ былъ убѣдить Черноморскихъ моряковъ, представители которыхъ единогласно заявили отъ лица всѣхъ своихъ товарищей, что они не допустятъ уничтоженія или передачи нѣмцамъ кораблей, подчиниться приказу Совнаркома.

Въ городѣ оживленно обсуждался нѣмецкій ультиматумъ и всѣ, даже большевики, привѣтствовали заявленіе моряковъ.

Въ Новороссійскѣ мнѣ пришлось задержаться на два дня, ввиду поломки моего автомобиля. Въ эти дни я былъ свидѣтелемъ бурныхъ матросскихъ митинговъ, происходившихъ въ городѣ и на территоріи порта, на которыхъ обсуждался этотъ вопросъ. Насколько я знаю, всѣ митинги выносили резолюціи о недопустимости уничтоженія Черноморскаго флота.

Меня, понятно, очень волновала судьба эскадры, стоявшей на рейдѣ Новороссійска и своимъ внушительнымъ видомъ напоминавшей былую мощь Россіи.

Настроеніе моряковъ меня успокоило и, когда автомобиль былъ починенъ, и я рано утромъ выѣхалъ изъ Новороссійска по Черноморскому шоссе, то не могъ себѣ представить, что черезъ какихъ-нибудь полтора часа мнѣ придется быть свидѣтелемъ гибели Черноморскаго флота...

Но оказалось, что прибывшіе изъ столицы большевики напрягли всѣ свои силы, чтобы добиться отъ матросовъ согласія на потопленіе эскадры. Всю ночь происходило засѣданіе делегатовъ съ кораблей, на которомъ большевики убѣдили матросовъ въ необходимости, для «спасенія революціи», пожертвовать Черноморскимъ флотомъ.

Рано утромъ принятое ночью рѣшеніе было объявлено командамъ, и матросы стали покидать суда, расхищая все имѣвшееся на нихъ имущество.

Черноморское шоссе до селенія Кабардинки (въ 20 верстахъ отъ Новороссійска) идетъ по берегу моря, огибая Новороссійскую бухту.

На 12-й верстѣ отъ Новороссійска у автомобиля лопнули одна за другой двѣ шины. Пришлось остановиться для замѣны ихъ новыми. Одновременно произошла какая-то другая поломка, и остановка наша оказалось довольно продолжительной.

Я усѣлся на обрывѣ и смотрѣлъ въ сторону Новороссійска.

Въ первомъ часу дня я замѣтилъ, что стоявшіе въ порту миноносцы снимаются съ якорей и выходятъ въ бухту. Вслѣдъ за миноносцами на буксирѣ двухъ пароходовъ вышелъ изъ порта и дреднаутъ «Свободная Россія» (быв. императрица Марія).

— Смотрите, сказалъ мнѣ подошедшій шоферъ: матросы видно рѣшили уйти изъ Новороссійска, чтобы не топить кораблей.

Но вскорѣ мы убѣдились, что суда выходили изъ порта для другой цѣли...

На всѣхъ корабляхъ были подняты Андреевскіе флаги. Миноносцы, выйдя изъ порта, построились сначала въ кильватерную колонну, потомъ начали сближаться и образовали кругъ. Затѣмъ съ нихъ спустили шлюпки, раздался пушечный выстрѣлъ, оказавшійся погребальнымъ салютомъ, и вдругъ мы замѣтили, что миноносцы стали накреняться въ сторону.

— Смотрите, смотрите, воскликнулъ взволнованный шоферъ: корабли тонутъ!

Накренившіеся сначала въ одну сторону, миноносцы вдругъ выпрямились. Я подумалъ, что кренъ вызванъ былъ какимъ-нибудь маневромъ, но потомъ увидѣлъ, что суда дѣйствительно тонутъ: они накренились въ другую сторону и линія воды близко-близко подошла къ верхнимъ палубамъ.

«Свободная Россія», выведенная буксирами, остановилась на линіи погружавшихся въ воду миноносцевъ. Отъ нея также отъѣхало нѣсколько шлюпокъ. Но дреднаутъ, едва накренившись на лѣвый бортъ, вскорѣ выпрямился и казалось, что онъ стоитъ неподвижно. Какъ мнѣ говорили впослѣдствіи, для потопленія миноносцевъ были открыты кингстоны и хлынувшая въ нихъ вода быстро погрузила на дно небольшіе корабли, но на «Свободной Россіи», имѣвшей много водонепроницаемыхъ перегородокъ, были открыты не всѣ кингстоны, почему вода медленно проникала въ дреднаутъ.

Тогда изъ порта вышелъ еще одинъ, послѣдній остававшійся въ Новороссійскѣ миноносецъ, и открылъ орудійный огонь по нежелавшему опускать-

ся на дно адмиральскому судну, направляя выстрѣлы въ подводную кормовую часть.

Я не могъ больше смотрѣть на эту тяжелую картину.

— Поѣдемъ, сказалъ я, обернувшись къ шоферу.

Онъ посмотрѣлъ на меня помутившимся взоромъ и, судорожно всхлипнувъ, сталъ заводить машину.

Бросивъ послѣдній взглядъ на море, я увидѣлъ, что миноносцы скрылись уже подъ водой, изъ которой, какъ могильные кресты, торчали мачты съ развѣвавшимися на нихъ Андреевскими флагами. «Свободная Россія» также стала медленно погружаться.

Когда мы отъѣхали съ полъ-версты, шоферъ повернулъ ко мнѣ свое заплаканное лицо и тихо проговорилъ:

— Погибла «Свободная Россія»...

IX

Вернувшись въ Сочи, я нашелъ тамъ большія перемѣны. За время моего отсутствія по телеграфному распоряженію изъ Екатеринодара былъ назначенъ новый командующій Сухумскимъ фронтомъ — бывшій казачій офицеръ большевикъ Антоновъ (однофамилецъ командовавшаго красной арміей на Юго-Востокѣ главковерха). Помощникомъ Антонова былъ назначенъ Поярковъ. При командующемъ былъ сформированъ полевой штабъ, членами котораго оказались бывшіе члены Сухумскаго ревкома, а предсѣдателемъ штаба — бывшій предсѣдатель Трапезундскаго совѣта солдатскихъ депутатовъ, заядлый коммунистъ грузинъ Кверквелія.

Въ то время большевики еще не признавали единоличнаго командованія и считали необходимыми, при каждомъ главковерхѣ имѣть такіе штабы, являвшіеся не оперативными, а административно-политическими органами. Впрочемъ и впослѣдствіи, предоставивъ своимъ командармамъ полную свободу въ строевой и оперативной части, большевики оставили политическую часть въ рукахъ «реввоенсовѣтовъ», прототипомъ которыхъ и были прежніе «фронтовые штабы».

Штабъ Сухумскаго фронта тотчасъ-же ввелъ въ Сочи осадное положеніе и захватилъ всю власть изъ рукъ окружного исполкома, ставшаго въ открытую оппозицію совершенно чуждымъ мѣстному населенію Сухумскимъ большевикамъ.

Атмосфера въ Сочинскомъ округѣ сгущалась съ каждымъ днемъ. Послѣ моего доклада о Екатеринодарскихъ и Новороссійскихъ впечатлѣніяхъ — окружной исполкомъ отмѣнилъ мобилизацію, чѣмъ окончательно возбудилъ негодованіе Сухумскаго штаба. Дѣйствія и распоряженія штаба вызывали всеобщее возмущеніе населенія, въ особенности крестьянъ. Сухумскіе большевики, пренебрегая совѣтами своихъ болѣе умѣренныхъ Сочинскихъ товарищей, принялись энергично за борьбу съ контръ-революціей. Борьба эта вылилась въ приказы объ отобраніи всякаго огнестрѣльнаго оружія у горожанъ и крестьянъ, о реквизиціяхъ лошадей, скота и продуктовъ и объ арестахъ всѣхъ подозрѣваемыхъ въ сочувствіи грузинамъ лицъ. На Кавказѣ каждый крестьянинъ имѣетъ оружіе, тщательно его сохраняетъ и гордится имъ. Отобрать винтовку, револьверъ или кинжалъ — значитъ нанести Кавказскому поселянину величайшее оскорбленіе. Традиція эта перешла по наслѣдству отъ горцевъ и къ русскимъ поселянамъ, которымъ оружіе было необходимо для охоты и самозащиты. Довольно

но многочисленное грузинское населеніе Сочи также имѣло оружіе — револьверы и кинжалы — съ которымъ никогда не разставалось. Поэтому приказъ штаба о добровольной сдачѣ въ трехъ-дневный срокъ оружія — вызвалъ взрывъ возмущенія и въ городѣ, и въ деревняхъ. За исключеніемъ перепуганной грознымъ приказомъ городской интеллигенціи, никто изъ жителей добровольно оружія не сдалъ, а отбирать его насильственнымъ путемъ — большевики не имѣли возможности. Такимъ образомъ, не достигнувъ никакихъ результатовъ, штабъ нажилъ себѣ многочисленныхъ враговъ.

Видя такое враждебное къ себѣ отношеніе, Штабъ Сухумскаго фронта забилъ тревогу и потребовалъ усиленія фронта красноармейскими Кубанскими частями. Екатеринодарское правительство обѣщало прислать въ Сочи Бѣлорѣченскій стрѣлковый полкъ и баталіонъ Майкопскихъ коммунистовъ, прибытія которыхъ стали съ нетерпѣніемъ ожидать Сухумскіе и Сочинскіе большевики.

Въ это время новый главковерхъ Антоновъ пріѣхалъ въ Гагры и рѣшилъ поднять настроеніе фронта, перейдя въ наступленіе на городъ Гудауты (въ 40 вер. къ сѣверу отъ Сухума), только-что занятый грузинской народной гвардіей.

Операція эта увѣнчалась вначалѣ успѣхомъ: грузины были выбиты изъ Гудаутъ, оставивъ Антонову одно орудіе, нѣсколько пулеметовъ и 50 плѣнныхъ.

Одержавши эту побѣду, Антоновъ вернулся въ Сочи, потребовалъ созыва экстреннаго засѣданія окружного исполкома и предложилъ объявить немедленно всеобщую мобилизацію. Во время этого засѣданія кто-то спросилъ Антонова о дальнѣйшей судьбѣ плѣнныхъ грузинъ.

— Во время гражданской войны плѣнныхъ не берутъ — ихъ разстрѣливаютъ, отвѣтилъ Антоновъ.

Слова главковерха облетѣли Сочи и взбудоражили мѣстныхъ грузинъ.

Плѣнные были доставлены въ Сочи и содержались въ тюрьмѣ. Разстрѣливать ихъ въ Сочи большевики опасались, боясь вызвать преждевременное вооруженное выступленіе мѣстныхъ грузинъ. Грузинскій національный комитетъ рѣшилъ устроить побѣгъ арестованныхъ и рѣшеніе это какими-то путями дошло до Пояркова. Тогда штабъ рѣшилъ отправить плѣнныхъ въ Туапсе и тамъ покончить съ ними. Узнавъ о предстоящей отправкѣ плѣнныхъ въ Туапсе, Сочинскіе грузины поняли, что они будутъ разстрѣляны и обратились ко мнѣ съ просьбой — спасти осужденныхъ штабомъ людей отъ неминуемой смерти. Я обѣщалъ сдѣлать все возможное для спасенія жизни плѣнныхъ и придумалъ слѣдующій планъ: въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города находилась Хлудовская экономія, переданная городской продовольственной управѣ. Въ экономіи были большіе огороды, требовавшіе многочисленныхъ рабочихъ для полки и поливки грядъ. Я предложилъ штабу отправить на эти работы сидѣвшихъ безъ дѣла въ тюрьмѣ плѣнныхъ и реквизировать городскіе огороды для нуждъ фронта. Штабъ согласился, плѣнныхъ перевели въ Хлудовку, гдѣ они вскорѣ были позабыты штабомъ и этимъ спаслись отъ разстрѣла. Когда большевики очистили Сочи, всѣ эти плѣнные очутились на свободѣ и искренно благодарили меня за оказанную имъ услугу.

Окружной исполнительный комитетъ, опасаясь репрессій со стороны большевиковъ, сталъ колебаться. Въ это время въ Сочи прибыли части Бѣлорѣченскаго полка и баталіонъ Майкопскихъ коммунистовъ. Но настроеніе этихъ наспѣхъ сформированныхъ войскъ было далеко не воинственное.

Прибывъ въ Сочи — они отказались выступить на фронтъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что не могутъ драться съ врагомъ, пока не убѣдятся въ «искоре-

неніи контръ-революціи» въ тылу. «Искоренить» контръ-революцію — это значило, по ихъ мнѣнію, произвести всеобщее изъятіе имущества у «буржуевъ».

Штабъ рѣшилъ успокоить прибывшихъ «героевъ» и обѣщалъ произвести въ городѣ и ближайшихъ окрестностяхъ повальные обыски, съ цѣлью отобрать въ пользу фронта всѣ цѣнности, обувь, бѣлье и одежду. Начался форменный грабежъ, продолжавшійся нѣсколько дней и окончательно деморализовавшій Бѣлорѣченцевъ и Майкопцевъ.

Къ чести главковерха Антонова — онъ отнесся глубоко отрицательно къ такому рѣшенію штаба и, въ концѣ-концовъ, потребовалъ и добился прекращенія этихъ узаконенныхъ грабежей. Антоновъ былъ убѣжденный и идейный коммунистъ, но онъ не признавалъ никакой демагогіи и всегда открыто и честно высказывалъ свои убѣжденія.

Поведеніе прибывшихъ въ округъ красноармейцевъ окончательно возстановило противъ большевиковъ все населеніе. Кромѣ того крестьяне узнали, что никакихъ турокъ на фронтѣ нѣтъ и что округу не угрожаетъ германо-турецкая опасность. Поэтому въ цѣломъ рядѣ селеній состоялись сходы, на которыхъ были приняты резолюціи — обратиться къ Кубано-Черноморскому исполкому съ требованіемъ снять противу-грузинскій фронтъ и вывести изъ округа прибывшихъ красноармейцевъ. Резолюціи эти были представлены въ окружной исполкомъ, который большинствомъ одного голоса также постановилъ просить Екатеринодарское правительство ликвидировать фронтъ и предоставить крестьянамъ и рабочимъ Сочинскаго округа войти въ переговоры съ грузинами для заключенія мира и установленія добрососѣдскихъ отношеній.

Исполкомъ поручилъ мнѣ поѣхать съ этой резолюціей въ Екатеринодаръ и настоять тамъ на ея удовлетвореніи.

Я въ это время уже сложилъ съ себя обязанности завѣдывающаго военнымъ отдѣломъ, ибо не считалъ возможнымъ, при создавшемся положеніи и послѣ вполнѣ выяснившихся истинныхъ намѣреній Сухумскихъ большевиковъ, имѣть съ ними какія-бы то ни было дѣловыя взаимоотношенія.

Я выѣхалъ въ Екатеринодаръ и явился прямо съ вокзала къ военкому Силичеву, которому передалъ резолюцію и просилъ довести ее до свѣдѣнія Центральнаго исполкома.

Въ Екатеринодарѣ наблюдалось какое-то тревожное состояніе. Говорили объ успѣхахъ добровольцевъ и о начавшихся въ цѣломъ рядѣ станицъ возстаніяхъ противъ совѣтской власти. Большевики рѣшили припугнуть казаковъ и терроризовать ихъ. Начались массовые разстрѣлы. Въ одну только ночь въ Екатеринодарѣ были разстрѣляны 28 стариковъ-казаковъ, арестованныхъ на базарѣ за непочтительные отзывы о большевикахъ и о совѣтской власти. Нѣкоторыя станицы, считавшіяся ненадежными и сочувствующими «кадетамъ» — были безъ всякаго предупрежденія обстрѣляны артиллерійскимъ огнемъ и обложены контрибуціей. Всѣ эти мѣропріятія еще болѣе озлобили казачество и предрѣшили пораженіе Сѣверно-Кавказскихъ большевиковъ.

Военкомъ Силичевъ спросилъ меня, чѣмъ вызвано требованіе Сочинскихъ крестьянъ о ликвидаціи фронта и нисколько не удивился поведеніемъ присланныхъ имъ въ Сочи красноармейцевъ. Его также не удивилъ и отказъ Бѣлорѣченцевъ выступить на фронтъ.

— Это обычная исторія, которая повторяется на всѣхъ фронтахъ, сказалъ онъ, обѣщая передать привезенную мной резолюцію прибывшему только-что въ Екатеринодаръ особоуполномоченному Совнаркома — Оржоникидзе.

Орджоникидзе былъ снабженъ чрезвычайными полномочіями центральной власти, могъ смѣщать комиссаровъ и главковерховъ, объявлять новыя войны и заключать мирные договоры.

На слѣдующій день онъ вызвалъ меня въ атаманскій дворецъ и заявилъ, что ни въ какіе разговоры по поводу привезенной мною резолюціи онъ вступать не намѣренъ:

— Такую резолюцію, воскликнулъ онъ стуча кулакомъ по столу, могутъ принимать только враги совѣтской власти, а защищать ее — завѣдомые и убѣжденные контръ-революціонеры! Сухумскій фронтъ снятъ не будетъ, а всѣ тѣ, кто осмѣлятся открыто встать на сторону нашихъ враговъ — будутъ безпощадно нами уничтожены!

Я понялъ, что всякіе разговоры съ Орджоникидзе излишни и вышелъ изъ дворца, намѣреваясь съ ночнымъ поѣздомъ вернуться въ Новороссійскъ.

Въ Новороссійскѣ я узналъ, что Сочи занято грузинами. Деморализованные грабежами Бѣлорѣченцы и Майкопцы не выдержали боя съ малочисленнымъ грузинскимъ отрядомъ, поддержаннымъ крестьянами окрестныхъ селеній, и, почти не оказывая сопротивленія, бѣжали, бросивъ всю артиллерію, пулеметы и обозъ.

Я выѣхалъ въ Туапсе и засталъ тамъ форменный хаосъ. Въ городѣ собрались всѣ Сухумскіе и Сочинскіе коммунисты; сюда эвакуировались Сухумскія и Сочинскія совѣтскія учрежденія, ревкомы, исполкомы и штабы, со всѣми служащими и канцеляріями. Съ отступавшими красноармейцами бѣжало также много Сочинскихъ рабочихъ, которымъ большевики сказали, что они будутъ разстрѣляны грузинами за сочувствіе совѣтской власти.

Туапсинскій исполкомъ встрѣтилъ бѣжавшихъ Сочинскихъ коммунистовъ очень не гостепріимно, обвинивъ ихъ въ трусости и бездѣятельности, результатами чего явилось ихъ пораженіе. Сочинцы въ свою очередъ обвиняли Туапсинцевъ, неподдержавшихъ ихъ живой силой, артиллеріей и патронами. Туапсинскіе коммунисты старались показать потерпѣвшимъ пораженіе товарищамъ, какъ надо проявлять твердость власти и держать въ повиновеніи населеніе. Для этого они организовали революціонный трибуналъ, выносившій въ 24 часа смертные приговоры всѣмъ заподозрѣннымъ въ контръ-революціи обывателямъ, и приговоры приводились немедленно въ исполненіе, иногда — публично. По приговору этого трибунала были разстрѣляны арестованные близъ селенія Архипо-Осиповка бывшій Кубанскій областной комиссаръ Временнаго Правительства Бардижъ и его два сына, бѣжавшіе изъ Екатеринодара послѣ пораженія Корнилова.

Я рѣшилъ какъ можно скорѣе уѣхать изъ Туапсе и вернуться въ Сочи для чего сговорился съ нѣкоторыми изъ Сочинскихъ рабочихъ, которыхъ убѣдилъ въ томъ, что имъ нечего опасаться какихъ-то репрессій со стороны грузинъ.

Однако мнѣ пришлось уѣхать одному и ускорить свой отъѣздъ, ввиду получившагося приказа Орджоникидзе — арестовать и доставить меня въ Екатеринодаръ, о чемъ меня предупредилъ одинъ изъ Сочинскихъ коммунистовъ.

Мнѣ удалось получить отъ Туапсинскаго коменданта пропускъ, съ которымъ я сѣлъ на отходившую въ Новороссійскъ моторную шхуну и черезъ день добрался до Новороссійска.

Здѣсь я разсчитывалъ сговориться съ капитаномъ какого-нибудь суда, тайкомъ отъ большевиковъ перевозившаго въ Сухумъ, Поти и Батумъ грузы и пассажировъ.

Такое судно нашлось, но отходило только черезъ два дня, а оставаться въ Новороссійскѣ мнѣ не хотѣлось, такъ какъ въ городѣ я подвергался опасности быть узнаннымъ и арестованнымъ. Оказалось, что отходящее черезъ два дня въ Сухумъ судно зайдетъ въ Геленджикъ, а поэтому я рѣшилъ отправиться пѣшкомъ въ Геленджикъ и тамъ подождать прихода этого судна.

Я такъ и сдѣлалъ. Судно, оказавшееся маленькой парусно-моторной шхуной, пришло въ Геленджикъ и стало грузиться мукой, которую по документамъ должно было доставить обратно въ Новороссійскъ.

Когда на шхуну было погружено нѣсколько десятковъ мѣшковъ съ мукой, капитанъ предложилъ мнѣ и тремъ другимъ пассажирамъ спрятаться въ трюмъ, гдѣ матросы насъ тщательно замаскировали мѣшками. Предосторожность эта оказалась далеко не излишней, ибо незадолго до отправленія судна, явились представители Геленджикскаго ревкома, чтобы осмотрѣть судно и убѣдиться, что на немъ нѣтъ пассажировъ. (Выѣздъ изъ Геленджика моремъ былъ запрещенъ штабомъ Новороссійскаго укрѣпленнаго района.)

Наконецъ, представители власти съѣхали на берегъ, шхуна подняла паруса, заработалъ моторъ и мы вышли въ море.

До наступленія сумерокъ капитанъ держалъ курсъ на Новороссійскъ, но какъ только достаточно стемнѣло, шхуна круто повернула и, удаляясь подальше отъ берега, взяла направленіе на Сочи.

Заключенные въ трюмѣ пассажиры могли вылѣзти изъ подъ мѣшковъ съ мукой и свободно размѣститься на палубѣ.

Черезъ два дня судно наше благополучно прибыло въ Сочи, и я снова очутился среди моихъ товарищей-кооператоровъ, сильно безпокоившихся обо мнѣ, такъ какъ до нихъ дошли слухи, будто-бы я арестованъ Туапсинскими большевиками и приговоренъ къ разстрѣлу.

X

Сочи было занято грузинскими войсками по настоянію мѣстныхъ грузинъ и при помощи крестьянъ, которые, убѣдившись въ томъ, что никакихъ германотурокъ по той сторонѣ фронта нѣтъ, рѣшили освободить Сочинскій округъ отъ прибывшихъ изъ Екатеринодара недисциплинированныхъ красноармейскихъ бандъ. Банды эти за кратковременное свое пребываніе въ окрестностяхъ Сочи успѣли возстановить противъ себя не только городское населеніе, но и крестьянъ.

Безъ активной поддержки крестьянъ немногочисленный грузинскій отрядъ, конечно, не былъ бы въ состояніи такъ легко справиться съ Бѣлорѣченскимъ и Майкопскимъ полками красной арміи.

Участь Сочи была предрѣшена сраженіемъ у селенія Кудепсты (въ 25 верстахъ къ югу отъ Сочи), во время котораго отрядъ крестьянъ, предводительствуемый бывшимъ унтеръ-офицеромъ крестьяниномъ Петромъ Блохинымъ, обошелъ съ фланга и тыла позицію большевиковъ и захватилъ батарею и нѣсколько пулеметовъ. Грузинскому отряду наступавшему съ фронта осталось лишь предпринять энергичное преслѣдованіе растерявшихся большевиковъ.

Толчкомъ къ выступленію крестьянъ послужили аресты трехъ поселянъ, произведенные по приказанію командира Бѣлорѣченскаго полка, и разграбленіе красноармейцами двухъ вагоновъ съ мануфактурой, доставленныхъ Сочин-

ской продовольственной управой изъ Новороссійска и предназначенныхъ окружнымъ исполкомомъ для нуждъ сельскаго населенія.

Впослѣдствіи и большевики, и крайніе правые элементы обвиняли Сочинскихъ крестьянъ въ отсутствіи патріотизма и въ «государственной измѣнѣ» за оказанную ими помощь грузинамъ. Нѣкоторые утверждали, что такая помощь была щедро оплачена грузинскимъ правительствомъ. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было. Мѣстное крестьянство хорошо знало грузинъ, всѣ ихъ положительныя качества и недостатки. Въ округѣ было нѣсколько селеній, населенныхъ исключительно грузинами, въ городѣ большинство торгово-промышленныхъ заведеній содержалось также грузинами. И долголѣтняя совмѣстная жизнь пріучила крестьянъ считать грузинъ своими добрыми сосѣдями, съ которыми у нихъ никогда никакихъ недоразумѣній не происходило. Что-же касается горожанъ, особенно членовъ правыхъ соціалистическихъ партій — то имена стоявшихъ во главѣ грузинскаго правительства лицъ (Жорданія, Чхеидзе, Церетелли и др.) гарантировали имъ демократичность этого правительства и отсутствіе у него какихъ-либо захватныхъ или имперіалистическихъ намѣреній. Этимъ объясняется пассивное сочувствіе грузинамъ одной и активная поддержка другой части населенія Сочинскаго округа.

И на самомъ дѣлѣ у руководителей грузинской политики не было намѣренія присоединить къ Грузіи Черноморскую губернію, хотя нѣкоторые зарвавшіеся и экспансивные грузинскіе шовинисты не только мечтали, но даже громко кричали о «великой Грузіи», которую представляли себѣ въ границахъ, бывшихъ при царѣ Ираклiи, когда (правда — недолгое время) грузины владѣли побережьемъ почти до самого Новороссійска.

Занявшій Сочи грузинскій отрядъ состоялъ изъ 500 солдатъ вновь сформированной молодой грузинской арміи и двухъ батарей, которыми командовалъ генералъ Мазніевъ. Въ генералы Мазніевъ былъ произведенъ уже грузинскимъ правительствомъ, а на русской службѣ дослужился до чина подполковника въ одномъ изъ полковъ Кавказской арміи. Взятіемъ Сочи и побѣдами надъ большевиками Мазніевъ создалъ себѣ славу «непобѣдимаго», благодаря чему занялъ одинъ изъ крупнѣйшихъ постовъ въ грузинской арміи. Но впослѣдствіи, когда ему пришлось дѣйствовать противъ болѣе серьезнаго противника, Мазніевъ выказалъ полное отсутствіе какихъ-либо военныхъ талантовъ и былъ со скандаломъ уволенъ въ отставку. Когда-же черезъ два года большевики, успѣвшіе къ этому времени реорганизовать свою красную армію, легко оккупировали Грузію — то генералъ Мазніевъ однимъ изъ первыхъ перешелъ на службу къ большевикамъ и былъ назначенъ на отвѣтственную должность въ красной арміи. Но въ описываемое время Мазніевъ заявлялъ себя ярымъ противникомъ большевиковъ и сочувствовалъ мечтамъ грузинскихъ шовинистовъ о «великой Грузіи».

Недѣли черезъ двѣ, послѣ занятія Сочи, отрядъ Мазніева также легко вступилъ въ Туапсе и объявилъ о присоединеніи Туапсинскаго округа къ Грузинской республикѣ. Эта побѣда была одержана Мазніевымъ благодаря тому, что всѣ силы большевиковъ были оттянуты къ Екатеринодару и Тихорѣцкой, которымъ стали сильно угрожать наступавшіе подъ начальствомъ генерала Алексѣева добровольцы.

Многіе изъ проживавшихъ въ Сочи офицеровъ русской службы, видя въ грузинахъ вольныхъ или невольныхъ союзниковъ Добровольческой арміи, поступили на службу въ отрядъ Мазніева, значительно усиливъ его и численностью и качествомъ.

Первыми шагами правительства Грузіи во вновь присоединенномъ къ республикѣ Сочинскомъ округѣ были ликвидація совѣтскихъ учрежденій и введеніе мѣстнаго городского и земскаго самоуправленія, на основахъ всеобщаго избирательнаго права. Комиссаромъ Сочинскаго округа и другими правительственными чиновниками были назначены мѣстные жители, преимущественно грузины, хотя слѣдуетъ отмѣтить, что многія должности были предоставлены русскимъ. Вообще никакой національзаціи въ Сочинскомъ округѣ грузины не производили, чѣмъ выгодно отличались отъ другихъ новообразовавшихся окраинныхъ государствъ, старавшихся даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ русское населеніе составляло большинство, провести ускореннымъ темпомъ національзацію во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. По отношенію къ крестьянамъ новая власть стала проявлять особенное вниманіе, чѣмъ быстро завоевала къ себѣ симпатіи большей частей крестьянства, за исключеніемъ армянскаго, питавшаго къ грузинамъ старую національную вражду. Къ сожалѣнію такія хорошія взаимоотношенія съ русскимъ крестьянствомъ впослѣдствіи были испорчены грузинскими военными властями и нѣкоторыми гражданскими чиновниками, принявшимися за реквизиціи продуктовъ, фуража и лошадей для нуждъ грузинской арміи. Впрочемъ, когда существовавшій вполнѣ легально при грузинахъ окружной крестьянскій исполнительный комитетъ обратился къ правительству съ жалобой на дѣйствія военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, то оказалось, что дѣйствія эти являлись самочинными и правительство тотчасъ распорядилось о прекращеніи такихъ реквизицій и поборовъ. Поэтому отношенія крестьянъ къ грузинскому правительству во все время оккупаціи округа оставались вполнѣ лояльными и даже дружественными, что и отразилось впослѣдствіи на окружномъ съѣздѣ, вынесшемъ резолюцію о временномъ присоединеніи Сочинскаго округа, впредь до созыва Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, къ грузинской республикѣ.

Такимъ образомъ первые мѣсяцы грузинской оккупаціи протекали вполнѣ спокойно и населеніе Сочинскаго округа отдыхало отъ предшествовавшихъ событій. Убѣдившись, что грузины не преслѣдуютъ никого за участіе въ совѣтской дѣятельности, всѣ бѣжавшіе при приближеніи грузинскихъ войскъ рабочіе и другіе обыватели — вернулись въ Сочи. Даже мѣстные большевики и тѣ, за исключеніемъ Пояркова и двухъ — трехъ другихъ руководителей большевистскаго комитета, вернулись въ Сочи и спокойно, не подвергаясь никакимъ гоненіямъ, жили въ городѣ и окрестностяхъ.

Въ это время Добровольческая армія одержала рядъ побѣдъ надъ Сѣверо-Кавказской красной арміей. Большевики успѣли возстановить противъ себя почти все населеніе Кубани, которое охотно помогало добровольцамъ очистить отъ большевиковъ территорію области.

Вскорѣ послѣ занятія грузинами Туапсе, добровольцы захватили станцію Тихорѣцкую, гдѣ погибъ со своимъ штабомъ большевистскій главковерхъ Кальнинъ. Черезъ нѣкоторое время Алексѣевъ подошелъ къ столицѣ Кубанской совѣтской республики Екатеринодару, а возставшіе противъ большевиковъ казаки Таманскаго отдѣла очистили всю сѣверо-восточную часть Кубани. Силы большевиковъ были раздѣлены: Екатеринодарская группа, оставивъ Екатеринодаръ, отступила на Майкопъ и въ Терскую область, а Таманская группа подъ начальствомъ главковерха Сорокина — въ Новороссійскъ.

Отступавшіе на Майкопъ и Терекъ красныя части разгромили нѣсколько казачьихъ партизанскихъ отрядовъ, оперировавшихъ въ Майкопскомъ и Баталпа-

шинскомъ отдѣлахъ, которые принужены были отступить черезъ горные перевалы въ Сухумъ.

Командовавшій грузинскими войсками на Черноморскомъ побережьѣ генералъ Мазніевъ вооружилъ и снарядилъ этихъ казаковъ и рѣшилъ послать ихъ на усиленіе своего Туапсинскаго отряда. Казаки съ радостью согласились, такъ какъ въ Сухумѣ узнали о пораженіи большевиковъ и о занятіи добровольцами Екатеринодара. Они разсчитывали черезъ Туапсе соединиться со своими земляками и вернуться на родину.

Въ этомъ казачьемъ отрядѣ, переформированномъ въ Сухумѣ, оказалось нѣсколько чиновъ Добрармія и представители Кубанскаго краевого правительства, признавшаго власть Алексѣева. Поэтому отрядъ считался входящимъ въ составъ Добровольческой арміи и временно прикомандированнымъ къ грузинской арміи.

Ввиду отсутствія перевозочныхъ средствъ и морского транспорта отрядъ этотъ былъ двинутъ въ Туапсе походнымъ порядкомъ по Черноморскому шоссе черезъ Сочи. Сочинскіе обыватели съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія перваго отряда Добровольческой арміи, о которой ходило такъ много противорѣчивыхъ слуховъ. Нѣкоторыми кругами городскихъ жителей руководило не только чувство простого любопытства, а нѣчто другое, что вскорѣ и обнаружилось.

Отрядъ прибылъ въ Сочи поздно вечеромъ и былъ радушно встрѣченъ представителями города и грузинскаго правительства. Казакамъ было предложено угощеніе, а командный составъ былъ приглашенъ въ гостиницу «Кавказская Ривьера» на торжественный ужинъ. Въ Сочи отряду была назначена дневка и первый день этого отдыха прошелъ совершенно спокойно.

Какъ я уже говорилъ выше, въ Сочи проживало много видныхъ дѣятелей до-революціоннаго режима, чиновъ бывшей жандармеріи и полиціи. Всѣ эти господа надѣялись, что съ изгнаніемъ большевиковъ — грузины предложатъ имъ занять отвѣтственные административные посты, занимая которые они смогутъ вознаградить себя за причиненные имъ революціей матеріальные убытки и личныя оскорбленія. Однако грузины дали имъ понять, что прежняя дѣятельность этихъ полицейскихъ чиновниковъ, жандармовъ и членовъ «союза русскаго народа» исключаетъ всякую возможность принять ихъ на службу правительствомъ демократической республики.

Тогда обосновавшіеся въ Сочи реакціонеры стали исподволь вести ярую грузинофобскую пропаганду, причемъ въ первое время выражали даже сожалѣніе уходу большевиковъ. Когда-же вѣсть о побѣдахъ Добрармія докатилась до Сочи, реакціонные элементы совершенно обнаглѣли и стали громко кричать о томъ, что необходимо выгнать изъ Сочи грузинъ, которые сами большевики и покровительствуютъ оставшимся въ городѣ большевикамъ. При этомъ подъ словомъ «большевики» подразумѣвались члены всѣхъ соціалистическихъ партій и демократически настроенные элементы.

Какъ разъ черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія въ Сочи отряда казаковъ, должны были произойти выборы въ городскую думу. Должно было фигурировать два кандидатскихъ списка — домовладѣльцевъ и правыхъ партій и демократическій. Первый списокъ не имѣлъ большихъ шансовъ на успѣхъ, что хорошо было извѣстно реакціонной группѣ. И вотъ руководитель этой группы извѣстный полковникъ Казариновъ (бывшій жандармъ, охранникъ и членъ союза «русскаго народа», принявшій дѣятельное участіе въ убійствѣ члена Госуд. Думы Іоллоса) рѣшилъ использовать прибывшихъ въ городъ казаковъ для того, чтобы сорвать выборы и устранить нежелательныхъ кандидатовъ.

Подъ какимъ-то предлогомъ казаковъ задержали въ Сочи, гдѣ друзья Казариновa принялись за энергичную пропаганду среди офицеровъ и казаковъ, яростно нападая на грузинское правительство и натравливая казаковъ на оставшихся въ Сочи «большевиковъ». Для большаго успѣха пропаганды казаки усиленно угощались виномъ. Такая агитація завершилась полнымъ успѣхомъ. На второй день пребыванія въ городѣ отряда на улицахъ появились казачьи патрули подъ начальствомъ офицеровъ, у которыхъ имѣлись составленные Казариновымъ списки и адреса «мѣстныхъ большевиковъ».

Произошли безобразныя сцены: казаки врывались на квартиры, выволакивали на улицу перепуганныхъ обывателей, переворачивали подъ предлогомъ обыска вверхъ дномъ всю квартиру, причемъ реквизировали всѣ деньги и цѣнное имущество и свозили избитыхъ арестантовъ къ вокзалу строящейся желѣзной дороги, близъ котораго расположился казачій бивакъ.

Вѣсть о «вылавливаніи большевиковъ» быстро распространилась и по окреснымъ поселеніямъ. Проживавшій въ поселкѣ Новыя Сочи бывшій полицейскій урядникъ Озеровъ, рѣшившій, что наступила давно ожидаемая имъ пора расплаты съ распустившимся «мужичьемъ», явился къ начальнику отряда и представилъ ему списокъ «большевиковъ-поселянъ», въ который попали ничего общаго не имѣвшіе съ большевиками крестьяне,главная вина которыхъ заключалась въ томъ, что они получили черезъ мѣстный земельный комитетъ во временное пользованіе пустующіе частновладѣльческіе участки. Въ этотъ списокъ былъ занесенъ и нашъ кооперативъ, захватившій «графскую землю». Начальникъ отряда тотчасъ-же послалъ въ распоряженіе урядника Озерова разъѣздъ въ 12 казаковъ. Разъѣздъ на рысяхъ примчался въ поселокъ Нов. Сочи и началъ дикую расправу съ «большевиками». Всѣ враги Озерова были жестоко избиты, арестованы и также доставлены на бивакъ. Къ намъ въ кооперативъ, узнавъ, что всѣ члены кооператива бывшіе солдаты и вооружены винтовками, казаки не рѣшились ѣхать и ограничились обѣщаніемъ впослѣдствіи расправиться съ нами.

Когда всѣ «большевики» числомъ около 40 человѣкъ были свезены на вокзалъ, начальникъ отряда распорядился организовать военно-полевой судъ и немедленно разстрѣлять «мерзавцевъ». Судъ изъ трехъ офицеровъ тотчасъ-же приступилъ къ разбиратѣльству дѣла и сталъ быстро выносить смертные приговоры обвиняемымъ. Осужденныхъ сейчасъ-же отводили въ сторону и заставляли рыть себѣ могилы.

Къ счастью, ни одинъ изъ приговоровъ не былъ приведенъ въ исполненіе, благодаря энергичному вмѣшательству временной городской управы, крестьянскому комитету и грузинскому коменданту. По прямому проводу о происшествіи было дано знать въ Тифлисъ военному министру, приказавшему коменданту города объявить начальнику добровольческаго отряда, что въ случаѣ разстрѣла хоть одного изъ самочинно арестованныхъ — весь отрядъ будетъ обезоруженъ грузинскими войсками и отправленъ въ концентраціонный лагерь въ Грузію. Послѣ долгихъ препирательствъ казачьи офицеры согласились передать арестованныхъ грузинскимъ властямъ, но съ условіемъ — не выпускать ихъ на свободу, а помѣстить въ тюрьму. Такъ какъ въ распоряженіи коменданта была всего лишь одна караульная рота, а казачій добровольческій отрядъ состоялъ изъ 400 казаковъ, то коменданту пришлось уступить, и избитые «большевики» были заключены въ тюрьму.

На слѣдующее утро генералъ Мазніевъ, получивъ соотвѣтствующія ука-

занія отъ грузинскаго правительства, приказалъ казакамъ погрузиться въ экстренный поѣздъ и немедленно выступить въ Туапсе. Часть отряда выступила походнымъ порядкомъ и на своемъ пути успѣла порядочно потрепать двѣ-три деревни, въ которыхъ казаки «реквизировали» всю домашнюю птицу, свиней и нѣсколько лошадей.

Такъ произошло первое знакомство населенія Сочинскаго округа съ Добровольческой арміей. Крестьяне убѣдились, что разсказы о «кадетахъ» не являются вымысломъ и, что «кадетскія войска» ничуть не лучше красноармейскихъ полковъ . . .

Черезъ нѣкоторое время, послѣ описанныхъ событій, добровольцы заняли Новороссійскъ. Большевистская армія Сорокина стала отступать на югъ по Черноморскому побережью и подошла къ занятому грузинами Туапсе. Генералъ Мазніевъ растерялся, не сумѣлъ выставить сильнаго заслона въ сторону Новороссійска и, тѣснимые съ сѣвера добровольцами, большевики выбили изъ Туапсе грузинскій отрядъ, который въ паникѣ отступилъ до селенія Лазаревки (на границѣ Туапсинскаго и Сочинскаго округовъ).

Большевики оставались очень недолгое время въ Туапсе и не преслѣдовали отступившихъ грузинъ, такъ какъ цѣлью ихъ являлось не занятіе Сочи, а прорывъ черезъ Туапсе на Майкопъ для соединенія съ Екатеринодарской группой красныхъ, отступавшей на Терекъ. Задача эта вполнѣ удалась большевикамъ, очистившимъ послѣ этого Туапсе, которое и было занято добровольцами.

Смѣнившій Мазніева грузинскій генералъ Вашакидзе попытался предпринять новое наступленіе на Туапсе, но подошелъ къ городу уже послѣ того, какъ онъ былъ занятъ добровольцами, отказавшимися передать его вновь грузинамъ. Вашакидзе пришлось очистить весь Туапсинскій округъ и отойти со своимъ отрядомъ на рѣчку Чухукъ, являвшуюся сѣверной границей Сочинскаго округа.

XI

Вскорѣ послѣ занятія Туапсе, Добровольческая армія предложила правительству Грузинской республики отозвать свои войска изъ Сочинскаго округа и очистить территорію Черноморской губерніи до рѣки Бзыби, являвшейся до революціи границей между Кутаисской и Черноморской губерніями.

Узнавъ объ этомъ требованіи добровольцевъ, соціалистическій блокъ Сочинской городской думы, мѣстные профессіональныя, рабочія и демократическія организаціи обратились къ Грузинскому правительству съ просьбой оставить грузинскія войска въ Сочинскомъ округѣ и не передавать округъ властямъ Добровольческой арміи. Обращеніе это было вызвано дошедшими до Сочи свѣдѣніями о политикѣ и мѣропріятіяхъ, проводимыхъ добровольцами въ занятой ими Кубани и сѣверной части Черноморской губерніи. Съ нѣкоторыми изъ такихъ мѣропріятій Сочинскіе обыватели познакомились лично за время двухдневнаго пребыванія въ городѣ казачьяго добровольческаго отряда.

Къ этому времени армія генерала Алексѣева окончательно очистила отъ большевиковъ всю Кубанскую область, Ставропольскую и сѣверную часть Черноморской губерніи. Кошмарные слухи о жестокостяхъ добровольцевъ, объ ихъ расправахъ съ плѣнными красноармейцами и съ тѣми жителями, которые имѣли хоть какое-нибудь отношеніе къ совѣтскимъ учрежденіямъ, распространялись въ городѣ Сочи и въ деревняхъ. Случайно находившіеся въ Новороссійскѣ,

въ моментъ занятія города добровольцами, члены Сочинской продовольственной управы разсказывали о массовыхъ разстрѣлахъ, безъ всякаго суда и слѣдствія, многихъ рабочихъ Новороссійскихъ цементныхъ заводовъ и нѣсколькихъ сотъ захваченныхъ въ плѣнъ красноармейцевъ. Разстрѣлы эти производились днемъ и ночью близъ вокзала, на, такъ называемомъ, «Цемесскомъ болотѣ», гдѣ осужденные административнымъ порядкомъ рабочіе и красноармейцы сами себѣ приготовляли могилы... На улицахъ города, среди бѣлаго дня разстрѣливались, или вѣрнѣе просто пристрѣливались, оставшіеся въ Новороссійскѣ послѣ потопленія Черноморской эскадры матросы. Достаточнымъ для разстрѣла поводомъ служилъ выжженный порохомъ на рукѣ якорь, или-же доносъ какого-нибудь почтеннаго обывателя о сочувствіи того или другого лица большевизму.

Прибѣжавшій въ Сочи крестьянинъ селенія Измайловки Волченко, разсказывалъ еще болѣе кошмарныя сцены, разыгравшіяся на его глазахъ при занятіи Майкопа отрядомъ генерала Покровскаго:

— Въ первый-же день, разсказывалъ Волченко, было разстрѣляно около тюрьмы двадцать плѣнныхъ красноармейцевъ. На слѣдующее утро Покровскій приказалъ казнить всѣхъ неуспѣвшихъ бѣжать изъ Майкопа членовъ мѣстнаго совѣта и остальныхъ плѣнныхъ. Для устрашенія населенія казнь была публичной. Сначала предполагалось повѣсить всѣхъ приговоренныхъ къ смерти, но потомъ оказалось, что висѣлицъ не хватитъ. Тогда пировавшіе всю ночь и изрядно подвыпившіе казаки обратились къ генералу съ просьбой разрѣшить имъ рубить головы осужденнымъ. Генералъ разрѣшилъ. На базарѣ около висѣлицъ, на которыхъ болтались казненные уже большевики, поставили нѣсколько деревянныхъ плахъ и охмѣлѣвшіе отъ вина и крови казаки начали топорами и шашками рубить головы рабочимъ и красноармейцамъ. Очень немногихъ приканчивали сразу, большинство-же казнимыхъ, послѣ перваго удара шашки, вскакивали съ зіяющими ранами на шеѣ и головѣ, ихъ снова валили на плаху и вторично принимались дорубливать...

Волченко, молодой 25-ти лѣтній парень, сталъ совершенно сѣдымъ отъ пережитаго въ Майкопѣ. Никто не сомнѣвался въ правдивости его разсказа, ибо Сочинскіе обыватели едва сами не стали свидѣтелями такихъ-же безсудныхъ казней.

Изъ разныхъ городовъ и станицъ Кубанской области въ Сочи стали стекаться массы «иногороднихъ» (такъ называютъ не-казачье населеніе на Кубани). Бѣженцы разсказывали, что, послѣ изгнанія большевиковъ, казаки стараются выместить причиненные имъ большевиками обиды на иногороднихъ, которыхъ огульно обвиняли въ большевизмѣ. А между тѣмъ большевизмъ проникъ и укрѣпился на Кубани отнюдь не по винѣ иногороднихъ, а былъ насажденъ вернувшимися съ фронта казаками, которые сами-же поддерживали большевиковъ до тѣхъ поръ, пока тѣ не принялись за политику притѣсненія «контръ-революціоннаго казачества».

Всѣ эти разсказы, изъ которыхъ, можетъ быть, многіе были значительно преувеличены, оставляли самое тягостное впечатлѣніе. Казалось, что добровольцы стараются перещеголять въ жестокости большевиковъ и главной ихъ цѣлью является не освобожденіе края отъ краснаго ига, а мщеніе. Кромѣ разсказовъ о такихъ жестокихъ расправахъ добровольцевъ съ подозрѣваемыми въ большевизмѣ лицами, до Сочи доходили и оффиціальные приказы добровольческихъ властей, изъ которыхъ было видно, что руководители Добрарміи не признаютъ никакихъ законовъ и постановленій Временнаго Правительства, распустили демо-

кратическіе органы самоуправленія, поставивъ во главѣ городскихъ и общественныхъ учрежденій назначенныхъ свыше членовъ управъ, и назначаютъ на административные посты полицейскихъ чиновниковъ до-революціоннаго времени, пользовавшихся опредѣленной репутаціей и ненавистью населенія.

Все это и явилось причиной обращенія къ Грузинскому правительству мѣстныхъ демократическихъ круговъ, считавшихъ, что происходящія на Кубани безобразія являются послѣдствіями гражданской войны и военной диктатуры, которая со временемъ будетъ замѣнена болѣе демократической властью, а потому желавшихъ избавить округъ отъ подобныхъ испытаній. Вынося такое рѣшеніе, представители Сочинской демократіи отнюдь не мечтали объ отторженіи Сочинскаго округа отъ остальной Россіи. Они считали, что Сочинскій округъ является нераздѣльной частью Россіи, которая не можетъ существовать, хотя-бы и временно, самостоятельно и должна, впредь до установленія въ Россіи нормальнаго правопорядка, выбирать между двумя государственными образованіями — Кубанью (фактически находящейся въ рукахъ командованія Добров. арміи) и Грузіей, изъ коихъ первая ввела въ сосѣднемъ Туапсинскомъ округѣ полицейскій режимъ, отмѣнила выборы въ городское и земское самоуправленія, а вторая гарантировала Сочинскому округу полную внутреннюю автономію и свободное самоуправленіе.

Грузинское правительство, которому по стратегическимъ соображеніямъ было выгодно оставить за собой Сочинскій округъ, рѣшило, основываясь на обращеніи къ нему мѣстныхъ демократическихъ организацій, вступить въ переговоры съ командованіемъ Добровольческой арміи на предметъ установленія добрососѣдскихъ отношеній, опредѣленія временныхъ границъ между Кубанью и Грузіей и отказа добровольцевъ отъ посягательствъ на Сочинскій округъ.

Генералъ Алексѣевъ согласился на веденіе переговоровъ въ Екатеринодарѣ, куда вскорѣ и прибыла делегація Грузинскаго правительства въ лицѣ Е. П. Гегечкори и генерала Мазніева.

Однако переговоры эти кончились неудачно. Руководители Добрарміи, и въ особенности генералъ Деникинъ, совершили ту-же ошибку, которая впослѣдствіи была повторена на сѣверо-западѣ генераломъ Юденичемъ: они отказывались дать прямой и опредѣленный отвѣтъ о признаніи суверенитета объявившей себя самостоятельной республикой Грузіи. Что-же касается вопроса о Сочинскомъ округѣ и Гаграхъ, — то добровольцы категорически потребовали отъ грузинъ очищенія этого района и передачи его назначеннымъ Добрарміей властямъ. Ввиду отказа грузинъ исполнить это требованіе, между Добрарміей и Грузинской республикой началось состояніе войны, которое, впрочемъ, долгое время не выливалось въ форму вооруженныхъ столкновеній и ограничивалось тѣмъ, что обѣ стороны держали на сѣверной границѣ Сочинскаго округа довольно сильные отряды войскъ.

Между тѣмъ въ Сочинскомъ округѣ начались подготовительныя работы по введенію земскаго самоуправленія, котораго въ Черноморской губерніи до революціи не было, несмотря на неоднократныя ходатайства населенія.

Въ связи съ этимъ началась опредѣленная агитація правыхъ элементовъ, рѣшившихъ использовать предвыборную кампанію для проведенія въ земство сторонниковъ Добрарміи. Однако такихъ сторонниковъ среди крестьянъ, за исключеніемъ ненавидѣвшихъ грузинъ армянскихъ поселянъ, не находилось. Тогда правые рѣшили прибѣгнуть къ запугиванію крестьянъ, угрожая имъ всевозможными карами со стороны добровольцевъ, которые рано или поздно выгонятъ

грузинъ изъ Сочинскаго округа. Въ деревняхъ отъ поры до времени стали появляться разные приказы и предписанія Черноморскаго военнаго генералъ-губернатора Кутепова, считавшаго себя въ правѣ, несмотря на оккупацію Сочинскаго округа грузинами, отдавать распоряженія не находящемуся фактически подъ его властью населенію.

Одинъ изъ такихъ приказовъ отразился и на нашемъ кооперативѣ, который вскорѣ прекратилъ свое существованіе. Однажды нами полученъ былъ приказъ генерала Кутепова, въ которомъ говорилось, что ему извѣстно о томъ, что группой солдатъ самочинно захваченъ принадлежащій графу Мусину-Пушкину земельный участокъ. Во избѣжаніе суроваго наказанія, которое постигнетъ насъ послѣ присоединенія Сочинскаго округа къ Россіи, приказывалось немедленно прекратить на участкѣ всякую работу и передать его представителю законнаго владѣльца.

Для насъ было вполнѣ ясно, что приказъ этотъ является результатомъ доноса управляющаго Мусина-Пушкина, который незадолго передъ этимъ являлся въ кооперативъ и угрожалъ въ скоромъ времени выгнать насъ съ участка при помощи казацкихъ плетей.

Кооператоры наши пріуныли. Многіе изъ нихъ говорили, что грузинамъ дѣйствительно придется скоро очистить Сочи и тогда добровольцы въ лучшемъ случаѣ выгонятъ насъ съ участка, а въ худшемъ — обвинятъ въ большевизмѣ и разстрѣляютъ. Напрасно другіе товарищи доказывали, что мы пользуемся участкомъ съ разрѣшенія Временнаго Правительства, выдавшаго намъ оффиціальное удостовѣреніе. Всѣ понимали, что Кутеповъ никакого вниманія на бумагу Временнаго Правительства не обратитъ. Было досадно, затративъ столько трудовъ и энергіи, бросить начатое дѣло, уже начавшее приносить чистую прибыль, но продолжать работу, не будучи увѣренными въ томъ, что благодаря случайностямъ гражданской войны намъ не придется лишиться всего имущества и инвентаря — было невозможно. На общемъ собраніи было рѣшено ликвидировать кооперативъ. Только шесть наиболѣе упорныхъ и упрямыхъ кооператоровъ рѣшили продолжать работу и оставаться на участкѣ до послѣдней возможности. Распродавъ часть живого и мертваго инвентаря, мы снабдили покидающихъ кооперативъ товарищей деньгами, обезпечивающими имъ возможность вернуться на родину. Но немногіе изъ нихъ вернулись въ родныя мѣста: большинство погибло на фронтахъ гражданской войны, мобилизованные по дорогѣ домой или добровольцами, или большевиками.

2-го Декабря собрался окружной крестьянскій съѣздъ, выслушавшій докладъ представителей грузинскаго правительства о правительственныхъ предначертаніяхъ по устроенію мѣстной культурно-хозяйственной жизни, о введеніи въ округѣ давно жданнаго земскаго самоуправленія и о порядкѣ взаимоотношеній органовъ мѣстнаго самоуправленія съ агентами правительства Грузинской республики.

Выслушавъ этотъ докладъ и одобривъ правительственныя предначертанія, съѣздъ вынесъ резолюцію, въ которой отъ имени всего Сочинскаго крестьянства заявилъ, что, оставаясь сторонникомъ возсоединенія Сочинскаго округа съ остальной Россіей, какъ только образуется въ ней единая, твердая демократическая власть, созданная на принципѣ полнаго народоправства, онъ считаетъ, что временное присоединеніе Сочинскаго округа къ Грузіи является необходимымъ въ интересахъ крестьянства, какъ избавляющее его отъ всѣхъ ужасовъ гражданской войны и обезпечивающее ему права самоуправленія.

Принятая съѣздомъ резолюція была встрѣчена съ живѣйшимъ удовлетвореніемъ демократическими кругами и вызвала взрывъ негодованія среди малочисленныхъ сторонниковъ Добровольческой арміи, жестоко отплатившей впослѣдствіи Сочинскимъ крестьянамъ за эту резолюцію, которая была названа «государственной измѣной».

Сторонники Добрармін использовали національную вражду между армянами и грузинами, вошли въ контактъ съ мѣстнымъ комитетомъ Дашнакцакановъ и стали организовывать армянскія дружины и подготовлять выступленіе армянъ противъ грузинскихъ войскъ. Однако, добровольцы предупредили назрѣвавшее возстаніе армянскихъ поселянъ и вскорѣ сами перешли въ наступленіе противъ грузинъ и заняли Сочинскій округъ.

Стоявшій на границѣ Сочинскаго округа грузинскій отрядъ состоялъ изъ 6-ти ротъ 2-го грузинскаго полка и двухъ батарей. Командовалъ фронтомъ генералъ Коніевъ, очень симпатичный, но совершенно бездарный въ военномъ отношеніи офицеръ.

Въ качествѣ члена окружного комитета по введенію земскаго самоуправленія, я часто бывалъ въ селеніяхъ прифронтовой полосы и убѣдился въ крайней безпечности грузинскаго отряда, фланги котораго совершенно не охранялись и могли быть въ любой моментъ обойдены противникомъ. Въ тылу у грузинъ постоянно появлялись добровольческіе разъѣзды, производившіе совершенно свободно фуражировку и развѣдку грузинскихъ позицій. Между грузинскими и добровольческими офицерами было установлено своеобразное перемиріе и добровольцы открыто пріѣзжали со своихъ позицій въ Сочи, гдѣ по нѣсколько дней кутили въ «Ривьерѣ» и другихъ ресторанахъ.

Какъ-то разъ я въ шутку сказалъ Коніеву и особоуполномоченному грузинскаго правительства Хочолава, что въ одинъ прекрасный день они, проснувшись утромъ, увидятъ подъ своими окнами добровольческихъ часовыхъ.

Хочолава отвѣтилъ мнѣ, что добровольцы никогда не посмѣютъ предпринять наступленіе на Сочи, такъ-какъ Англійское командованіе на Кавказѣ дало завѣреніе грузинскому правительству, что всякое враждебное дѣйствіе Деникина противъ Грузіи будетъ разсмотрѣно, какъ враждебный актъ противъ англичанъ.

Къ описываемому моменту англійскія войска заняли Баку, оккупировали Грузію, явившись на смѣну германскимъ войскамъ, которыя послѣ заключенія перемирія на западномъ фронтѣ должны были очистить югъ и юго-востокъ Россіи.

Приходъ англичанъ былъ встрѣченъ очень холодно грузинами, опасавшимися того, что англичане приберутъ въ свои руки все управленіе страной. Германскія войска оставили послѣ себя самыя лучшія воспоминанія въ Тифлисѣ, Сухумѣ и другихъ городахъ, въ которыхъ они стояли, такъ-какъ вели себя очень корректно и германское командованіе совершенно не вмѣшивалось во внутреннее управленіе республикой, оберегая вмѣстѣ съ тѣмъ Грузію отъ захватническихъ поползновеній со стороны турокъ. Англичане и въ особенности англійское командованіе на первыхъ порахъ старались держать себя въ Грузіи, какъ завоеватели, и только твердая политика правительства Жорданія и рѣшительныя заявленія его о томъ, что, въ случаѣ попытокъ англичанъ захватить въ свои руки управленіе страной, оно не остановится передъ открытымъ разрывомъ со всѣми вытекающими изъ такого разрыва послѣдствіями, спасло Грузію отъ превращенія въ Англійскую колонію.

Англичане опредѣленно сочувствовали Добровольческой арміи и генералу

Деникину, разсматривая грузинъ, какъ взбунтовавшуюся противъ суверена область. Однако они не рѣшались открыто вмѣшаться въ конфликтъ между Грузіей и Добрарміей, предпочитая дѣйствовать другими путями.

Получая указанія и распоряженія отъ находившагося въ Константинополѣ Главнокомандующаго всѣми Велико-Британскими вооруженными силами на Востокѣ, англійскіе генералы, командовавшіе оккупаціонными войсками въ Грузіи, старались всѣми мѣрами поддерживать всякое требованіе Деникина и одновременно обезсилить грузинъ и усыпить ихъ бдительность. Вспыхнувшая въ концѣ Декабря армяно-грузинская война во многомъ обязана своимъ возникновеніемъ политикѣ англійскаго командованія, разсчитывавшаго обезсилить грузинъ и сдѣлать ихъ болѣе послушными указаніямъ англійскихъ генераловъ.

Когда обнаружились признаки усиленной подготовки добровольцевъ къ наступленію на Сочи, англичане успокоили грузинское правительство, заявивъ, что они не допустятъ начала военныхъ дѣйствій между грузинами и добровольцами. Болѣе того, англичане оффиціально предложили грузинамъ нейтрализовать спорный Сочинскій округъ, передавъ всю власть въ округѣ избранному населеніемъ земскому и городскому самоуправленію, и занявъ его для обезпеченія порядка небольшимъ англійскимъ отрядомъ. Впредь до рѣшенія грузинскаго правительства о согласіи или несогласіи его на такое предложеніе, англичане заявили, что всякое наступленіе добровольцевъ на Сочи будетъ ими разсматриваться, какъ враждебный актъ противъ англійскаго правительства.

Грузины совершенно успокоились, повѣривъ заявленію англичанъ, чѣмъ и воспользовались добровольцы, внезапно напавшіе на грузинскій отрядъ, стоявшій на границѣ Сочинскаго округа.

Это событіе произошло въ Февралѣ 1919 года.

Я находился въ это время въ Гаграхъ (въ 60 верстахъ къ югу отъ Сочи), гдѣ занималъ должность завѣдывающаго Гагринской климатической станціей.

Наканунѣ занятія Сочи добровольцами, командовавшій грузинскимъ отрядомъ генералъ Коніевъ пріѣхалъ въ Гагры попировать на свадьбѣ одного изъ грузинскихъ офицеровъ; ничто не предвѣщало нападенія добровольцевъ, и большинство грузинскихъ офицеровъ прикатили вслѣдъ за генераломъ въ Гагры, чтобы повеселиться на свадьбѣ своего товарища.

На слѣдующій день утромъ генералу сообщили изъ Сочи о начавшемся наступленіи добровольцевъ. Онъ немедленно выѣхалъ на своемъ автомобилѣ въ Сочи, и при въѣздѣ въ городъ былъ взятъ въ плѣнъ, успѣвшимъ уже занять городъ непріятелемъ.

Оказалось, что рано утромъ добровольцы внезапно атаковали съ фронта грузинскій отрядъ. Сформированные добровольцами въ тылу у грузинъ армянскія дружины напали на нихъ съ фланга и съ тыла, а небольшая колонна добровольцевъ подошла къ самому городу, занявъ вокзалъ и возвышенную часть Сочи. Вслѣдъ за этимъ командовавшій добровольцами генералъ Бурневичъ предъявилъ ультиматумъ грузинскому командованію — сдать оружіе. Послѣ незначительнаго сопротивленія, небольшой грузинскій отрядъ, отступившій къ «Ривьерѣ», гдѣ находились штабъ отряда и канцелярія особоуполномоченнаго Хочолава, принужденъ былъ капитулировать и выдать все оружіе добровольцамъ.

Какова была роль англичанъ въ этомъ наступленіи видно изъ того, что, когда, послѣ занятія Сочи грузины мобилизовали шесть баталіоновъ народной гвардіи и отправили ихъ въ Поти для дальнѣйшей переброски моремъ въ Гагры,

то англичане заявили грузинскому правительству, что такая переброска войскъ совершенно излишня, такъ-какъ Деникину предложено Британскимъ верховнымъ командованіемъ немедленно вернуть оружіе грузинскому отряду и очистить Сочи.

Когда-же, несмотря на такое заявленіе, грузины все-таки отправили народную гвардію въ Поти и начали грузить войска на зафрахтованный ими частный пароходъ «Кавказъ», къ генералу Гедеванову, командовавшему народной гвардіей, явился англійскій офицеръ и отъ имени Британскаго главнокомандующаго заявилъ, что пароходъ этотъ необходимъ англичанамъ, а потому онъ требуетъ немедленной разгрузки его.

Грузинамъ пришлось подчиниться, такъ-какъ въ порту находились англійскіе миноносцы. Народная гвардія двинулась походнымъ порядкомъ и, конечно, опоздала. Благодаря содѣйствію англичанъ, добровольцы уже заняли Гагры и дошли до рѣки Бзыби, то-есть до границы Кутаисской губерніи.

XII

Первыми шагами добровольцевъ въ занятомъ ими Сочинскомъ округѣ явилась местъ мѣстной демократіи, осмѣлившейся предпочесть генеральской диктатурѣ демократическіе порядки Грузинской республики.

Всѣ демократическія организаціи — городская дума, земскій комитетъ, профессіональные рабочіе союзы были распущены, а неуспѣвшіе во время скрыться члены этихъ организацій арестованы по обвиненію въ государственной измѣнѣ.

Что-же касается до чиновниковъ-грузинъ и взятыхъ въ плѣнъ офицеровъ и солдатъ грузинской арміи, то всѣ они были обезоружены и подъ усиленнымъ конвоемъ отправлены въ Туапсе, гдѣ ихъ помѣстили въ тифозныхъ баракахъ Черноморской дороги.

Въ числѣ арестованныхъ и отправленныхъ въ Новороссійскую тюрьму находился также и бывшій предсѣдатель Сочинской городской думы, предсѣдатель перваго исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ (до-большевистскаго періода) прапорщикъ Теръ-Григорьянъ, исполнявшій въ послѣднее время должность правителя канцеляріи особоуполномоченнаго Грузинскаго правительства Хочолавы. Теръ-Григорьянъ былъ выдѣленъ въ особую группу-наиболѣе важныхъ преступниковъ и ему былъ предъявленъ рядъ обвиненій: въ государственной измѣнѣ, въ возбужденіи населенія противъ добровольческой арміи и въ сочувствіи большевизму. Только спустя нѣсколько мѣсяцевъ грузинское правительство, подъ угрозой примѣненія такихъ-же репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ оставшимся въ Грузіи бывшимъ офицерамъ русской арміи, добилось черезъ англичанъ освобожденія изъ тюрьмы генерала Коніева, Хочолавы, другихъ арестованныхъ чиновниковъ (въ томъ числѣ и Теръ-Григорьяна) и возвращенія въ Грузію всѣхъ офицеровъ и солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ добровольцами.

Все управленіе округомъ перешло къ военнымъ властямъ, которымъ были подчинены начальникъ округа и участковые пристава, на каковыя должности были назначены опытные чины прежней жандармеріи и полиціи. Затѣмъ была сформирована государственная стража изъ бывшихъ стражниковъ, полицейскихъ урядниковъ и городовыхъ. Новое начальство принялось энергично за возстановленіе «порядка и законности» и прежде всего начало сводить личные

счеты съ населеніемъ, вымещая на немъ всѣ выпавшіе на ихъ долю за время революціи обиды и униженія.

Крестьянство отнеслось вначалѣ къ приходу добровольцевъ совершенно равнодушно, а армяне, составлявшіе до 30% крестьянскаго населенія въ округѣ, благодаря агитаціи Дашнакцакановъ радостно привѣтствовали новую власть, какъ избавительницу отъ грузинскаго ига.

Но недолго продолжалось равнодушное отношеніе крестьянства къ новой власти, которая вскорѣ возбудила къ себѣ жгучую ненависть крестьянъ. Ненависть эта была вызвана, во-первыхъ, назначеніемъ на административные посты старыхъ полицейскихъ взяточниковъ, во-вторыхъ — начавшимися реквизиціями кукурузы, фуража, лошадей и повозокъ и, въ третьихъ, — безобразнымъ поведеніемъ новыхъ властей и преслѣдованіемъ крестьянъ за пользованіе частновладѣльческими участками, хотя большинство этихъ участковъ было передано въ пользованіе крестьянамъ учрежденнымъ при Временномъ Правительствѣ земельнымъ комитетомъ. Лѣсничіе и чины лѣсной стражи, получавшіе до революціи порядочные доходы за нелегальныя разрѣшенія, выдаваемыя ими крестьянамъ на пользованіе казенными участками, стали также угрожать поселянамъ и требовать возмѣщенія убытковъ за все время революціи. Естественно, что такія мѣропріятія быстро вызвали въ крестьянахъ опредѣленное отношеніе къ новой власти и къ «кадетскимъ порядкамъ».

Каждому дальновидному и безпристрастному наблюдателю должно было казаться непонятнымъ, какъ та власть, которая стремилась къ возстановленію «Великой, единой и недѣлимой Россіи» можетъ примѣнять подобныя мѣры и такую систему управленія къ тому населенію, которое могло служить ей единственной опорой въ задуманномъ грандіозномъ предпріятіи — возстановленія порядка и законности въ такой огромной странѣ, какъ Россія! Особенно страннымъ и непонятнымъ являлось отношеніе къ естественному противнику коммунистическаго строя, каковымъ было крестьянство. Но стоявшіе во главѣ власти военные совершенно не считались съ возможными послѣдствіями такой политики и упорно подрубали тотъ сукъ, на которомъ очень не прочно сидѣли.

Результатомъ всего этого явилось то, что черезъ мѣсяцъ, послѣ занятія добровольцами Сочинскаго округа, населеніе вспоминало съ сожалѣніемъ ушедшихъ большевиковъ, а черезъ полтора мѣсяца — крестьяне съ оружіемъ въ рукахъ возстали противъ новой власти.

— Большевиковъ, когда стали притѣснять насъ, выгнали! Богъ дастъ и «кадетъ» погонимъ, — говорили крестьяне.

Толчкомъ къ возстанію послужилъ приказъ о всеобщей мобилизаціи населенія до сорока-лѣтняго возраста.

Крестьяне заявили, что проливать свою кровь за такую власть — они не желаютъ, такъ какъ мобилизованныхъ солдатъ «кадеты» пошлютъ усмирять такихъ же крестьянъ или драться съ большевиками, которые оказываются ничуть не хуже добровольцевъ.

Въ то время голодъ и другія лишенія, наступившія черезъ два года, не вызывали еще той апатіи и молчаливой покорности, которая овладѣла теперь и крестьянствомъ, и городскимъ населеніемъ и которая позволяетъ большевикамъ безцеремонно обращаться съ русскимъ народомъ, мобилизовать его, гнать на заводы и на разныя повинности. Поэтому принятое во всѣхъ деревняхъ рѣшеніе было въ точности исполнено, и начатая крестьянами борьба была доведена до конца.

Впослѣдствіи крестьянинъ селенія Пластунки, Семеновъ, слѣдующими словами разсказывалъ объ отношеніи крестьянъ къ добровольцамъ и о причинахъ, побудившихъ ихъ не повиноваться приказу о мобилизаціи:

— Когда пришли добровольцы, стали мы узнавать, что они за люди: разбойники, или друзья наши? На видъ наши русскіе люди, идутъ за единую, недѣлимую Россію и говорятъ, что проводятъ народную власть. Ну мы и успокоились. Вдругъ слышимъ назначенъ къ намъ начальствомъ старый урядникъ. Что за притча, думаемъ, какая же это народная власть, коли снова взяточники и кровопійцы надъ нами командовать будутъ? Потомъ начались всякія реквизиціи, а опосля — мобилизацію объявили. Вотъ мы и порѣшили — не давать людей въ солдаты, потому что увидали, какая это власть. Тогда намъ объявили, что за неявку будутъ разстрѣливать и вся деревня будетъ отвѣчать круговой порукой. А мы все-таки отказались отъ мобилизаціи и рѣшили, коль придутъ «кадеты» въ деревню — биться съ ними, а на своемъ стоять.

Рѣшеніе не подчиняться приказу о мобилизаціи было принято на отдѣльныхъ сельскихъ сходахъ, но затѣмъ крестьяне рѣшили обсудить этотъ вопросъ на большомъ окружномъ сходѣ съ тѣмъ, чтобы рѣшеніе окружного схода было проведено повсемѣстно. Поселковые сходы избрали делегатовъ на окружной сходъ, который и собрался въ назначенный начальникомъ округа первый день явки мобилизованныхъ.

Все мужское населеніе, подлежащихъ явкѣ возрастовъ, собралось въ лѣсахъ, ожидая рѣшенія окружного схода. Сходъ собрался также въ лѣсу подъ усиленной охраной вооруженныхъ крестьянъ. Обсудивъ создавшееся въ округѣ положеніе, сходъ единогласно вынесъ слѣдующее постановленіе:

«Крестьяне, не желая погибать на грузинскомъ и большевистскомъ фронтахъ, защищая интересы «кадетъ», постановили — освободиться отъ Деникинской власти, или же умереть здѣсь, у своихъ хатъ, защищая свою свободу».

Этимъ рѣшеніемъ было положено начало «зеленаго движенія», зародившагося въ Сочинскомъ округѣ, перекинувшагося вскорѣ въ Туапсинскій и Новороссійскій округа и распространившагося затѣмъ по всему юго-востоку Россіи.

Подлинное зеленое движеніе ничего общаго не имѣетъ съ бандитизмомъ, съ скрывающимися въ горахъ и лѣсахъ шайками грабителей и съ бѣло-зелеными партизанами. Подлинные зеленые — являлись и являются мѣстными крестьянами, возставшими и противъ добровольческихъ, и противъ большевистскихъ властей, и всюду въ дальнѣйшемъ повѣствованіи, упоминая о «зеленыхъ», я буду говорить лишь о подлинныхъ зеленыхъ, то-есть о повстанцахъ-крестьянахъ.

Вѣсть о принятомъ на сходѣ рѣшеніи быстро облетѣла всѣ селенія Сочинскаго округа и ни одинъ крестьянинъ на мобилизацію не явился.

Мѣстные власти усмотрѣли въ такомъ ослушаніи крестьянъ признакъ бунта, донесли объ этомъ въ Екатеринодаръ и получили приказаніе главнаго командованія Добровольческой арміи — силой заставить крестьянъ подчиниться приказу о мобилизаціи.

Крестьяне предугадали возможныя послѣдствія своего рѣшенія и приготовились къ самозащитѣ. Для организаціи такой самозащиты на окружномъ сходѣ былъ избранъ «Народный штабъ», которому было поручено формированіе крестьянскихъ партизанскихъ отрядовъ для охраны селеній отъ неожиданныхъ нападеній добровольцевъ. Сформированные штабомъ отряды были довольно

многочисленны, но плохо вооружены: трехъ-линейныя винтовки насчитывались въ отрядахъ единицами, остальное огнестрѣльное оружіе состояло изъ небольшого числа четырехъ-линейныхъ берданокъ и дробовыхъ охотничьихъ ружей, а частъ партизанъ была вооружена просто кольями и топорами.

Несмотря на такое плохое вооруженіе, крестьяне вышли побѣдителями изъ перваго столкновенія съ карательнымъ отрядомъ полковника Чайковскаго, высланнымъ властями для усмиренія крестьянъ ближайшихъ къ Сочи селеній Пластунки и Навагинки. Отрядъ Чайковскаго, не ожидавшій встрѣтить вооруженнаго сопротивленія, принужденъ былъ отступить отъ Пластунки, бросивъ пулеметъ и потерявъ 12 человѣкъ убитыми и 25 ранеными. Въ числѣ убитыхъ оказался и начальникъ отряда — полковникъ Чайковскій.

Съ этого столкновенія началась партизанская война «зеленыхъ» съ карательными отрядами Добрарміи.

«Зеленымъ» не всегда удавалось защитить свои села отъ вторженія карательныхъ отрядовъ. Видя, что имъ не подъ силу оборонять подступы къ деревнѣ, зеленые отходили въ ближайшій лѣсъ или въ горы, продолжая оттуда обстрѣливать противника. Добровольцы, ворвавшись въ деревню, принимались за экзекуцію оставшихся въ ней крестьянъ, не дѣлая никакой разницы между мужчинами и женщинами, между взрослыми и дѣтьми. Экзекуція состояла въ поркѣ шомполами, послѣ чего карательный отрядъ удалялся изъ деревни, реквизировавъ скотъ, запасы хлѣба и фуража. Если въ деревнѣ случайно оказывался мужчина призывного возраста — онъ, въ лучшемъ случаѣ, жестоко избивался шомполами и уводился отрядомъ въ городъ, а въ худшему случаѣ — тутъ же на мѣстѣ разстрѣливался въ назиданіе прочимъ.

Командовавшій добровольческими войсками въ Сочинскомъ округѣ, генералъ Бурневичъ издалъ приказъ, въ которомъ объявилъ, что въ случаѣ, если повстанцы не вернутся въ свои деревни, не сдадутъ оружія и не выдадутъ главарей — то всѣ они будутъ объявлены врагами родины, дома ихъ будутъ сожжены, а все имущество реквизировано.

Однако приказъ этотъ не имѣлъ никакихъ результатовъ, и начальники карательныхъ отрядовъ принялись въ точности исполнять указанныя генераломъ мѣропріятія, возбудивъ въ крестьянахъ еще большее озлобленіе.

Вскорѣ начальство убѣдилось, что никакія жестокости карательныхъ отрядовъ не могутъ обратить крестьянъ на путь послушанія. Тогда рѣшено было приступить къ мирнымъ переговорамъ черезъ посредство Армянскаго національнаго совѣта. Добровольцы предложили слѣдующія условія: полную амнистію всѣмъ участникамъ движенія, отмѣну мобилизаціи и созывъ крестьянскаго съѣзда для обсужденія дальнѣйшихъ взаимоотношеній между крестьянствомъ и властями. Народный штабъ принялъ эти условія, распустилъ отряды и прекратилъ вооруженную борьбу.

Но добровольцы не сдержали своихъ обѣщаній и вскорѣ, по приказанію начальника округа, чины государственной стражи стали вылавливать изъ деревень наиболѣе активныхъ руководителей только-что прекратившагося движенія. На этой почвѣ начались новыя волненія, перешедшія вскорѣ въ новое возстаніе.

Въ селеніи «Третья рота» стражники арестовали двухъ заподозрѣнныхъ ими участниковъ «зеленаго движенія». Поселяне отбили арестованныхъ и избили стражниковъ, вернувшихся въ Сочи и донесшихъ начальнику округа о «бунтѣ». Для подавленія бунта былъ немедленно высланъ карательный отрядъ полков-

ника Петрова, какъ снѣгъ на голову свалившійся на ничего не подозрѣвавшее селеніе.

То, что произошло тогда въ селеніи «Третья рота», по своей кошмарности и чудовищной жестокости, превосходитъ всѣ расправы, учиненныя до и послѣ того добровольцами и большевиками въ Сочинскомъ округѣ.

Полковникъ Петровъ оцѣпилъ селеніе, согналъ въ кучу все населеніе и объявилъ, что намѣренъ разстрѣлять поголовно всѣхъ мужчинъ. Затѣмъ онъ заявилъ, что согласенъ смягчить свой приговоръ, если крестьяне соберутъ ему контрибуцію въ пять тысячъ рублей и выставятъ угощеніе. Деньги были собраны и угощеніе — ведро самогонки и закуска были выставлены. Начался пиръ. Во время пира полковникъ обратился къ собраннымъ крестьянамъ съ грозной рѣчью, упрекая ихъ въ неповиновеніи властямъ предержащимъ.

— Я долженъ былъ всѣхъ васъ растрѣлять, но обѣщалъ смиловаться и отъ своего слова не отступлю. Поэтому я разстрѣляю только каждаго десятаго!

Крестьянъ построили въ одну шеренгу, поставивъ въ рядъ всѣхъ мужчинъ, начиная отъ 16-ти лѣтнихъ парней. Каждаго десятаго отводили въ сторону. Здѣсь-же находились женщины и дѣти, которыхъ прикладами отгоняли отъ намѣченныхъ жертвъ.

Осужденные держали себя гордо и никто изъ нихъ не просилъ пощады. Одинъ изъ нихъ — 16-ти лѣтній парнишка — перекрестился, подбѣжалъ къ стоявшему передъ нимъ съ винтовкой офицеру, ударилъ его по щекѣ и, прежде чѣмъ его успѣли схватить, бросился съ разбѣга въ пропасть, разбившись на смерть.

Разстрѣливать осужденныхъ вызвался изрядно подвыпившій офицеръ. Онъ всталъ въ десяти шагахъ передъ приговоренными и не спѣша, съ папироской во рту, по очереди перестрѣлялъ 11 человѣкъ. Фамилія этого палача — прапорщикъ Бельгійскій...

По окончаніи казни полковникъ Петровъ продолжалъ тутъ-же, на трупахъ казненныхъ имъ безъ всякаго суда и слѣдствія крестьянъ, прерванную пирушку и только когда самогонка была вся выпита, отрядъ ушелъ изъ селенія.

Если-бы я самъ своими глазами не видѣлъ братской могилы казненныхъ, не слышалъ-бы этого разсказа отъ непосредственныхъ свидѣтелей и не читалъ-бы составленнаго протокола, подписаннаго сотней свидѣтелей и скрѣпленнаго мѣстнымъ священникомъ — я никогда-бы не повѣрилъ, что интеллигентный человѣкъ, офицеръ, способенъ на такую жестокость! Однако, описанный мною случай, къ сожалѣнію, имѣлъ мѣсто въ дѣйствительности.

Полковникъ Петровъ впослѣдствіи жестоко поплатился за эти безсмысленныя казни: въ Февралѣ 1920 года онъ былъ взятъ въ плѣнъ Черноморскимъ крестьянскимъ ополченіемъ. Когда его вмѣстѣ съ другими плѣнными доставляли въ Сочи, то у селенія Дагомысъ (близь Третьей роты) Петрова узнала женщина — вдова казненнаго имъ крестьянина. Тотчасъ вѣсть о томъ, что ведутъ Петрова — разлетѣлась по селенію. Бабы, вооруженныя палками, топорами и скалками (никого изъ мужчинъ въ Третьей ротѣ не было — всѣ они находились на фронтѣ) бросились на конвой, отбили полковника Петрова, притащили его на мѣсто казни и буквально разорвали на части.

Дѣйствія карательнаго отряда полковника Петрова и другого «карателя» полковника Карташева вызвали новое возстаніе «зеленыхъ». Борьба съ обѣихъ сторонъ становилась съ каждымъ днемъ все ожесточеннѣе.

Крестьянство рѣшило обратить вниманіе находившихся при штабѣ Добрар-

міи англійскихъ офицеровъ на создавшееся въ округѣ положеніе и на дѣйствія карательныхъ экспедицій. Вообще крестьяне возлагали большія надежды на бывшихъ союзниковъ, считая, что они возьмутъ ихъ подъ свою защиту и не позволятъ добровольцамъ притѣснять населеніе. На 2-й день праздника Пасхи делегація съ приговорами 21-го селенія явилась въ Гаграхъ къ англійскому полковнику Файну.

Полковникъ Файнъ выслушалъ делегацію, мелькомъ взглянулъ на приговоры и отвѣтилъ крестьянамъ, что онъ ничѣмъ имъ помочь не можетъ:

— Если-бы добровольцы васъ на моихъ глазахъ рѣзали, я и тогда-бы не имѣлъ права заступиться за васъ, ибо генералъ Деникинъ и его армія являются законной властью, признанной правительствомъ короля Англіи!

Приговоры съ подписями крестьянъ были переданы полковникомъ Файномъ генералу Бурневичу, распорядившемуся арестовать нѣкоторыхъ изъ подписавшихся подъ ними.

Послѣ этого случая крестьяне махнули рукой на союзниковъ и стали считать англичанъ такими-же своими врагами, какъ и добровольцевъ.

XIII

Гагры съ его курортомъ, паркомъ и благоустройствомъ были созданы принцемъ А. П. Ольденбургскимъ, желавшимъ, чтобы Гагры заняли равное мѣсто съ первоклассными Европейскими курортами. Устраивая Гагринскую климатическую станцію, принцъ Ольденбургскій добился включенія Гагринскаго участка въ составъ Черноморской губерніи (до этого Гагры находились въ Кутаисской губерніи). Поэтому грузины считали, что Гагры являются безспорной частью Грузинской республики.

Примирившись съ занятіемъ добровольцами Сочи, грузины никакъ не примирялись съ потерей Гагръ и неоднократно обращались къ англійскому командованію съ просьбой повліять на Деникина, дабы заставить его очистить территорію Гагринскаго участка. Но англичане, по своему обыкновенію, давали грузинамъ уклончивые отвѣты и отнюдь не старались оказывать какого-бы то ни было давленія на Деникина.

Тогда Грузинское правительство рѣшило силой завладѣть отнятой у нихъ добровольцами территоріей и начало концентрировать свои войска въ Сухумскомъ округѣ.

Генералъ Деникинъ, которому нужны были войска на большевистскомъ фронтѣ, принужденъ былъ постепенно сокращать свои силы на Черноморскомъ побережьѣ. Изъ оставшихся въ Сочинскомъ округѣ добровольческихъ частей многія были сняты съ грузинскаго фронта для подавленія непрекращавшихся крестьянскихъ возстаній. Поэтому въ Гаграхъ и по линіи рѣки Бзыби у добровольцевъ осталось всего нѣсколько ротъ очень слабаго состава. Командованіе Добровольческой арміи безпокоилось, что грузины, воспользовавшись слабостью Гагринскаго отряда, смогутъ внезапно ихъ атаковать и занять Гагры. Но англичане изъявили готовность придти на помощь добровольцамъ и заняли своимъ пикетомъ единственную переправу черезъ рѣку Бзыбь — мостъ на Сухумскомъ шоссе. Англичане считали, что грузины никогда не осмѣлятся атаковать англійскій отрядъ, ибо такой шагъ явился-бы началомъ войны между Англіей и Грузіей.

Грузины, конечно, никогда-бы не рѣшились на такой шагъ, но они нашли другой выходъ изъ создавшагося положенія, и опасенія добровольцевъ дѣйствительно оправдались.

Сосредоточивъ по линіи Бзыби восемь баталіоновъ, конный дивизіонъ и четыре батареи Народной Гвардіи, грузины соорудили нѣсколько паромовъ и, воспользовавшись безпечностью добровольцевъ, считавшихъ себя вполнѣ прикрытыми англійскимъ пикетомъ, переправились ночью на правый берегъ рѣки Бзыби. Добровольческій отрядъ былъ обойденъ съ фланговъ и поспѣшно очистилъ Гагры. Въ это-же время въ районѣ Адлера появился сильный отрядъ «зеленыхъ», почему добровольцы стали отступать прямо въ Сочи, а грузины, безъ всякаго сопротивленія со стороны непріятеля дошли до рѣки Мзымты (у Адлера).

Узнавъ про такую дерзость грузинъ, англичане ультимативно потребовали отъ Грузинскаго правительства прекратить дальнѣйшее наступленіе на Сочи и отойти на прежнюю позицію по линіи Бзыби. Однако, грузины заявили англичанамъ, что они очистятъ Адлеръ, но отойдутъ лишь до старой границы Кутаисской губ., то-есть до рѣки Мехадырь (въ 15 в. къ сѣверу отъ Гагръ) и ни въ коемъ случаѣ не согласятся на очищеніе Гагръ. Въ концѣ-концовъ, англичане согласились на условія грузинъ, а добровольцы обѣщали при первомъ удобномъ сдучаѣ вновь выбить грузинскія войска изъ Гагръ. Событія эти произошли въ концѣ Апрѣля 1919 года.

Въ это время борьба Сочинскихъ крестьянъ съ властями и карательными отрядами Добрарміи принимала все болѣе и болѣе ожесточенный характеръ. Къ лѣту 1919 года добровольцы одержали крупные успѣхи надъ большевиками и территорія, занятая ими, охватывала весь югъ и юго-востокъ Россіи. Съ приближеніемъ арміи къ Москвѣ оставшіеся въ ея тылу военные и гражданскіе чиновники становились все болѣе развязными и, поощряемые крайними реакціонными элементами, говорившими (слова генерала Кутепова), что возстановить Россію возможно лишь при помощи кнута и висѣлицы, всячески старались примѣнять эти способы возсозданія «Единой, Великой и Недѣлимой Россіи» на ввѣренной имъ правительствомъ Деникина территоріи. Способы эти испытало на себѣ и населеніе Сочинскаго округа.

Проводя такія суровыя мѣры, власти говорили, что они направлены противъ большевиковъ. Но на самомъ дѣлѣ — большевики, притаившіеся въ подпольѣ и дѣйствовавшіе по присылаемымъ имъ изъ Москвы директивамъ, страдали отъ нихъ гораздо меньше, чѣмъ ничего общаго не имѣвшее съ коммунистами населеніе. Коммунисты, подъ видомъ мелкихъ агентовъ контръ-развѣдки, государственной стражи и поставщиковъ интендантства, проникли во всѣ штабы и знали всѣ секреты Добрарміи, информируя своихъ Московскихъ товарищей о всемъ происходящемъ въ тылу и прифронтовой полосѣ. Въ этомъ я имѣлъ возможность убѣдиться лѣтомъ 1920 года, во время моего кратковременнаго пребыванія въ занятомъ большевиками Сочи, гдѣ одинъ изъ такихъ агентовъ смѣясь разсказывалъ мнѣ, какъ онъ служилъ въ Добровольческой контръ-развѣдкѣ, благодаря чему имѣлъ возможность подробно сообщать красной арміи о составѣ, численности и расположеніи Деникинскихъ войскъ. При этомъ большевики пользовались случаемъ для уничтоженія своихъ политическихъ противниковъ и очень часто добровольческія власти, сами того не подозрѣвая, арестовывали, предавали военно-полевому суду и вѣшали тѣхъ людей, смерть которыхъ была нужна коммунистамъ.

Усилившаяся съ приближеніемъ Добрарміи къ Москвѣ реакція способство-

вала увеличенію числа недовольныхъ и оппозиціонно настроенныхъ къ власти элементовъ, а въ крестьянскомъ населеніи Сочинскаго округа вызвала чуть-ли не поголовную тягу въ «зеленые».

Однако, вскорѣ крестьяне убѣдились въ невозможности вести успѣшную борьбу съ карательными отрядами добровольцевъ безъ соотвѣтствующей организаціи. А для организаціи крестьянъ всего округа необходимо было собрать делегатскій съѣздъ. Такой съѣздъ долженъ былъ избрать руководящій органъ, обсудить цѣли и способы борьбы и подчинить всѣ, дѣйствовавшіе до сего времени самостоятельно, «зеленые» отряды единому командованію.

Мѣстныя власти зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы не допустить какихъ-либо съѣздовъ или частныхъ совѣщаній крестьянъ. Начальникамъ участковъ, старшинамъ и стражникамъ было предписано присутствовать на каждомъ сходѣ, которые разрѣшалось собирать также лишь съ вѣдома и согласія начальства. Поэтому крестьяне неоднократно дѣлали попытки устраивать тайныя совѣщанія въ горахъ и лѣсахъ.

Послѣ первыхъ удавшихся попытокъ, избранный на одномъ изъ тайныхъ совѣщаній временный организаціонный комитетъ рѣшилъ созвать окружной делегатскій съѣздъ въ расположенномъ далеко отъ шоссе, въ горахъ, селеніи Воронцовка. Съѣздъ этотъ былъ назначенъ на 14-е Августа.

Во всѣхъ деревняхъ и селеніяхъ приступили къ избранію делегатовъ, но къ несчастью одинъ изъ такихъ делегатовъ, бывшій подъ подозрѣніемъ у начальника поста государственной стражи, былъ арестованъ и подъ угрозой разстрѣла выдалъ начальнику Сочинской контръ-развѣдки день и мѣсто назначеннаго съѣзда.

Начальникъ округа выслалъ въ Воронцовку сильный отрядъ, который на разсвѣтѣ 14-го Августа окружилъ со всѣхъ сторонъ селеніе и приступилъ къ повальному обыску. Часть прибывшихъ на съѣздъ делегатовъ успѣла скрыться, но другая часть съ двумя членами организаціоннаго комитета — была арестована, причемъ въ руки карательнаго отряда попали всѣ бумаги и переписка организаціоннаго комитета.

Добровольцы торжествовали, такъ какъ среди арестованныхъ оказался давно разыскиваемый ими предсѣдатель организаціоннаго крестьянскаго комитета эсэръ Ефимъ Борисовичъ Спивакъ. Онъ былъ тутъ-же на мѣстѣ, безъ всякаго суда, разстрѣлянъ по приказанію начальника отряда, а другіе арестованные — уведены въ Сочи.

Такъ какъ изъ трехъ членовъ организаціоннаго комитета одинъ былъ разстрѣлянъ, а другой — арестованъ, то спасшіеся отъ ареста делегаты, собравшись въ этотъ же день въ ближайшемъ отъ Воронцовки лѣсу, рѣшили избрать новый комитетъ, которому и поручили созвать вторично окружной делегатскій съѣздъ. Я былъ избранъ членомъ новаго комитета.

Два мѣсяца велась дѣятельная подготовка къ съѣзду. Организаціонный комитетъ хотѣлъ, чтобы на съѣздѣ присутствовали не только представители Сочинскаго, но также и двухъ другихъ — Туапсинскаго и Новороссійскаго округовъ Черноморской губерніи. Для этой цѣли пришлось посылать ходоковъ въ сосѣдніе округа, въ которыхъ «зеленое движеніе» происходило еще болѣе неорганизованно, чѣмъ въ Сочинскомъ.

Вскорѣ выяснилось, что среди руководителей «зеленаго движенія» ощущается сильный недостатокъ въ интеллигентныхъ силахъ. Мѣстные, сочувствовавшіе крестьянамъ, интеллигенты всѣ находились подъ наблюденіемъ доброволь-

ческой контръ-развѣдки, и сношенія съ ними могли провалить все дѣло. Поэтому комитетъ рѣшилъ пригласить для работы другихъ людей, которые были-бы неизвѣстны чинамъ мѣстной контръ-развѣдки. Съ этой цѣлью я началъ вести переговоры съ прибывшими въ Грузію, бѣжавшими отъ Колчака, членами Учредительнаго Собранія. Двое изъ нихъ — В. Н. Филипповскій (бывшій предсѣдатель Самарскаго правительства) и Ф. Д. Сорокинъ — согласились принять дѣятельное участіе въ работахъ организаціоннаго комитета и выѣхали въ Черноморье.

Ф. Д. Сорокинъ, бывшій матросъ императорской яхты «Штандартъ» и происходившій изъ крестьянъ Тамбовской губерніи, свободно проникъ подъ фамиліей Ковалева въ Сочинскій округъ, сталъ собирать тайныя сходки и провелъ выборы делегатовъ почти во всѣхъ селеніяхъ округа. Черезъ нѣкоторое время чины контръ-развѣдки узнали про Ковалева и власти отдали приказъ, въ случаѣ его поимки — разстрѣлять на мѣстѣ. Ковалеву-Сорокину пришлось уйти въ горы, откуда онъ, ежеминутно рискуя жизнью, спускался въ прибрежныя селенія и не пропускалъ ни одного схода, ни одного крестьянскаго совѣщанія.

Мѣстомъ съѣзда организаціонный комитетъ выбралъ «нейтральную зону», находившуюся между грузинскими и добровольческими позиціями, установленную по требованію англичанъ. Въ нейтральной зонѣ находилось четыре селенія, жители которыхъ признавали единственной властью организаціонный комитетъ и не подчинялись ни грузинамъ, ни добровольцамъ.

Делегатскій съѣздъ крестьянъ Черноморской губерніи собрался 18-го Ноября 1919 года. Съѣздъ этотъ собрался при неимовѣрно трудныхъ условіяхъ: добровольческая контръ-развѣдка тщательно наблюдала за всѣми дорогами, делегатамъ пришлось пробираться по трудно-проходимымъ, занесеннымъ снѣгомъ тропинкамъ, и многіе изъ нихъ пришли на съѣздъ съ отмороженными руками и ногами. Одинъ делегатъ Новороссійскаго и два делегата Сочинскаго округовъ были арестованы чинами контръ-развѣдки и подвергались жестокой поркѣ шомполами, такъ какъ отказывались выдать имена организаторовъ съѣзда и назвать деревню, въ которой онъ былъ назначенъ.

Такъ какъ для обсужденія создавшагося въ губерніи положенія и рѣшенія организаціонныхъ вопросовъ требовалась спокойная обстановка, то рѣшено было перенести съѣздъ изъ нейтральной зоны, которая часто подвергалась нашествію развѣдывательныхъ отрядовъ Добрарміи, въ Гагры.

Грузины, сочувственно относившіеся къ Черноморскому крестьянству, среди котораго былъ порядочный процентъ ихъ соплеменниковъ, изъ боязни передъ англичанами не могли допустить на занятой ими территоріи легальныхъ засѣданій съѣзда, почему засѣданія эти происходили по ночамъ на дачѣ, отведенной грузинскими властями для бѣженцевъ изъ Черноморья, которымъ они оказывали самое широкое гостепріимство. Делегаты явились въ Гагры также подъ видомъ бѣженцевъ.

Съѣздъ начался съ докладовъ съ мѣстъ, причемъ представители всѣхъ районовъ Новороссійскаго, Туапсинскаго и Сочинскаго округовъ единодушно констатировали крайне тяжелое положеніе, въ которомъ находится крестьянское населеніе губерніи подъ властью добровольцевъ. Разсказывая о самодурствѣ правительственныхъ чиновниковъ, объ обременительныхъ для деревни реквизиціяхъ и о жестокихъ репрессіяхъ, которымъ они подвергаются со стороны карательныхъ отрядовъ, делегаты утверждали, что, если при большевикахъ крестьянамъ приходилось туго, то при добровольцахъ тяжелѣе.

Къ этому времени Добровольческая армія начала терпѣть пораженія и большевики стали быстро приближаться къ Кавказу. Слухи объ этомъ проникли въ деревни, и крестьяне, радовавшіеся съ одной стороны пораженію ненавистныхъ «кадетъ», вмѣстѣ съ тѣмъ безпокоились за свою дальнѣйшую судьбу, ибо, испытавъ на себѣ прелести большевистскаго режима, знали, что коммунистическая власть столь-же непріемлема и враждебна крестьянамъ, какъ и владычество добровольческихъ генераловъ. Поэтому делегаты настаивали на скорѣйшемъ всеобщемъ организованномъ возстаніи противъ Добрарміи, чтобы успѣть до прихода большевиковъ твердо укрѣпиться на Черноморьѣ и установить свою собственную, крестьянскую власть.

— Большевики разобьютъ «кадетъ», говорили делегаты: и не такъ большевики одолѣютъ ихъ, какъ самъ народъ и крестьянство, которому житья нѣтъ отъ «кадюковъ». А за «кадетами» явятся большевики и снова начнутъ ѣздить на нашей шеѣ. Мы не хотимъ «коммуніи», а желаемъ сами быть у себя хозяевами. А для этого намъ нужно сначала выгнать добровольцевъ, а потомъ не допустить къ себѣ коммунію. Когда крестьяне въ другихъ губерніяхъ узнаютъ, что существуетъ въ одномъ мѣстѣ крестьянская власть, то захотятъ имѣть и у себя такую-же крестьянскую власть. Тутъ и придетъ конецъ большевикамъ: небось, красноармейцы-то тоже все крестьяне и противъ своихъ братьевъ-крестьянъ не пойдутъ, это не то, что съ «кадетами» воевать.

Послѣ такихъ рѣчей, отражавшихъ психологію и будущіе планы крестьянъ, была принята резолюція, въ которой крестьяне Черноморской губерніи заявляли, что большевистская диктатура является насиліемъ надъ волей народа и поэтому для нихъ непріемлема. Генеральская диктатура и политика руководящая дѣйствіями Добрарміи — одинаково непріемлема народу, который долженъ самъ стать на защиту своей свободы и одинаково бороться противъ той и другой диктатуры меньшинства надъ большинствомъ. Главную роль въ этомъ грядущемъ періодѣ революціи суждено сыграть крестьянству, ибо города экономически разорены и потеряли свое былое значеніе. Деревня-же фактически никѣмъ не покорена и не признаетъ ни большевистской, ни Деникинской власти. Крестьянство не раздавлено, не разорено и не хочетъ идти ни за черными, ни за коммунистическими знаменами. Поэтому крестьяне Черноморской губерніи, рѣшившись вступить въ организованную борьбу съ реакціей, обращаются ко всему русскому народу, какъ къ третьей силѣ, съ призывомъ сорганизоваться и выявить свою волю. Ближайшей цѣлью борьбы съѣздъ постановилъ считать образованіе Черноморской народной республики, а для проведенія этой борьбы — избралъ отвѣтственное передъ крестьянскимъ съѣздомъ правительство — Комитетъ Освобожденія Черноморья. Избранному Комитету Освобожденія съѣздъ поручилъ организовать планомѣрную борьбу съ Добрарміей, приступить къ переговорамъ съ Кубанской Радой на предметъ образованія Кубано-Черноморской народной республики и обратиться къ демократіямъ Европы и Америки съ протестомъ противъ помощи, оказываемой ихъ правительствами россійской реакціи.

Съѣздъ избралъ В. Н. Филипповскаго предсѣдателемъ Комитета Освобожденія, а меня — товарищемъ предсѣдателя и командующимъ крестьянскимъ ополченіемъ Черноморской губерніи, которое мнѣ и было поручено организовать изъ всѣхъ партизанскихъ «зеленыхъ» отрядовъ.

Я, ни минуты не задумываясь и безъ всякихъ колебаній, согласился встать во главѣ крестьянской арміи, такъ-какъ всецѣло раздѣлялъ точку зрѣнія крестьянъ, которыхъ считалъ единственной здоровой силой, могущей возсоздать Россію.

И я увѣренъ, что если-бы не колеблющаяся и двусмысленная политика нашихъ ближайшихъ сосѣдей — руководителей Кубанскаго казачества и не усиливавшія большевиковъ авантюры жаждавшихъ власти генераловъ, на Сѣверномъ Кавказѣ было-бы положено начало могущественной крестьянской республики.

Тотчасъ-же послѣ съѣзда я принялся за реорганизацію зеленыхъ отрядовъ и формированіе Черноморскаго крестьянскаго ополченія.

Въ основу организаціи ополченія былъ положенъ проэктъ народной милиціи и формированія территоріальныхъ комплектованій. Въ началѣ эта реформа была проведена только въ Сочинскомъ округѣ и дала блестящіе результаты.

Сочинскій округъ былъ разбитъ на девять районовъ (волостей). Въ каждомъ районѣ на делегатскомъ собраніи представителей входящихъ въ районъ селеній былъ избранъ районный штабъ крестьянскаго ополченія изъ трехъ пользовавшихся безусловнымъ авторитетомъ мѣстныхъ жителей, по преимуществу бывшихъ солдатъ. Функціи районныхъ штабовъ заключались въ учетѣ мужского населенія отъ 20 до 45 лѣтъ, въ учетѣ лошадей, повозокъ, имѣвшагося на рукахъ у крестьянъ оружія и патроновъ. Послѣ производства такого учета при каждомъ районномъ штабѣ были сформированы по двѣ роты — первой и второй очереди. Въ первоочередную роту были зачислены крестьяне болѣе молодыхъ возрастовъ, у которыхъ имѣлось на рукахъ огнестрѣльное оружіе, во второочередную роту — болѣе пожилые и безоружные. Всѣ районные штабы были подчинены Главному Штабу, членами котораго являлись по одному представителю отъ каждаго района. Главный Штабъ состоялъ изъ отдѣловъ: строевого (полевой оперативный штабъ), формированія, вѣдавшій комплектованіемъ и обученіемъ резервовъ, и снабженія (съ интендантскимъ и артиллерійскимъ подотдѣлами).

Пока производился указанный учетъ людей, перевозочныхъ средствъ и оружія, я принялся за вербовку команднаго состава, такъ какъ среди «зеленыхъ» имѣлось достаточно хорошихъ и опытныхъ партизановъ для замѣщенія должностей взводныхъ и даже ротныхъ командировъ, но не было баталіонныхъ командировъ, артиллеристовъ и техниковъ — телефонистовъ, телеграфистовъ и саперъ.

Къ нашему большому несчастью всѣ рекомендованные мнѣ Тифлисскими партійными организаціями офицеры, за исключеніемъ одного, оказались не только плохими спеціалистами, но и крайне непорядочными людьми, благодаря которымъ крестьянскому ополченію пришлось пережить впослѣдствіи немало невзгодъ.

На должность начальника штаба я назначилъ кадроваго офицера — подъесаула Терскаго казачьяго войска Томашевскаго, пріѣхавшаго въ Черноморье подъ фамиліей Сергѣева. На должности баталіонныхъ (дружинныхъ) командировъ: штабсъ-капитана Казанскаго (оказавшагося впослѣдствіи большевикомъ) и поручика Скобелева, служившаго младшимъ офицеромъ въ Особомъ баталіонѣ Грузинской Народной Гвардіи.Третьимъ командиромъ дружины я утвердилъ старѣйшаго изъ предводителей «зеленыхъ» — Сочинскаго грузина Дзидзигури, хотя и склоннаго немного къ бандитизму, но пользовавшемуся общимъ довѣріемъ крестьянъ. Моимъ помощникомъ и замѣстителемъ явился кадровый капитанъ, боевой Кавказскій офицеръ, крестьянинъ Сочинскаго округа Учадзе, избранный членомъ Комитета Освобожденія. Вторымъ моимъ помощникомъ былъ артиллерійскій подпрапорщикъ, также членъ Комитета Освобожденія и крестьянинъ Сочинскаго округа, очень способный и выдающійся партизанъ — Рощепко. Начальникомъ службы связи я назначилъ офицера Народной Гвардіи поручика

Михлина, оказавшагося очень храбрымъ, но абсолютно непригоднымъ для штабной должности. Впослѣдствіи къ этимъ офицерамъ присоединился также пріѣхавшій изъ Тифлиса артиллеристъ-капитанъ Фовицкій, выдающійся во всѣхъ отношеніяхъ офицеръ. Капитанъ Фовицкій и оказался тѣмъ единственнымъ офицеромъ, который на своихъ плечахъ вынесъ всю тяжесть освобожденія территоріи Черноморской губерніи, такъ-какъ Учадзе и Рощенко вскорѣ должны были покинуть строй, отдавшись дѣлу организаціи мѣстнаго самоуправленія въ освобожденномъ отъ непріятеля Сочинскомъ округѣ.

Прежде чѣмъ вступить въ рѣшительный бой съ Добровольческой арміей, Комитетъ освобожденія попытался въ третій и послѣдній разъ обратить вниманіе находившихся на Кавказѣ иностранныхъ миссій на ненормальное положеніе въ Черноморской губерніи и на тѣ методы управленія, къ которымъ прибѣгали назначенныя Деникинымъ гражданскія и военныя власти.

Впервые крестьяне обратились къ союзникамъ въ лицѣ англійскаго полковника Файна въ Апрѣлѣ 1919 года. Затѣмъ въ іюнѣ того-же года выборные представители Сочинскаго округа обращались къ Великобританской военной миссіи въ Тифлисѣ. И, наконецъ, въ Декабрѣ Комитетъ Освобожденія обратился съ пространнымъ меморандумомъ къ Англійской, Французской и Американской миссіямъ, прося ихъ, во избѣжаніе могущаго произойти кровопролитія, предложить поддерживаемому союзниками генералу Деникину — очистить территорію Черноморья отъ рѣки Псоу до Новороссійска (исключительно) и передать власть на указанной территоріи избранному крестьянами Временному Правительству.

Въ этомъ меморандумѣ Комитетъ Освобожденія перечислялъ обстоятельства, вынудившія крестьянъ взяться за оружіе, указывалъ на то, что оружіе, выдаваемое союзниками Деникину для борьбы съ большевиками, обращается имъ противъ защищающихъ свои законныя права крестьянъ, и заявлялъ, что оставленіе безъ всякаго вниманія троекратнаго обращенія къ союзникамъ — будетъ сочтено Черноморскимъ крестьянствомъ за полную солидарность иностранцевъ съ политикой и методами управленія, примѣняемыми командованіемъ Добровольческой арміи.

Но союзники, считавшіе Черноморскихъ крестьянъ ничтожной величиной, не представляющей никакой опасности для Деникина, оставили и это обращеніе безъ вниманія, и только тогда, когда дружины крестьянскаго ополченія одержали полную побѣду надъ добровольческими полками, Верховный комиссаръ Великобританіи лично явился въ Сочи и предложилъ крестьянамъ помириться съ Деникинымъ, положивъ въ основаніе мирнаго договора — выставленныя Комитетомъ Освобожденія въ Декабрѣ условія.

Но тогда крестьяне отвѣтили англійскому генералу, что время для переговоровъ упущено и что теперь они не нуждаются больше ни въ посредничествѣ, ни въ заступничествѣ бывшихъ союзниковъ.

XIV

Въ первыхъ числахъ января 1920 года добровольческія власти объявили очередную мобилизацію въ Сочинскомъ округѣ, назначивъ послѣднимъ днемъ явки мобилизуемыхъ — 26-е (13-е) января.

Припятыя делегатскимъ съѣздомъ рѣшенія быстро дошли до самыхъ глухихъ деревушекъ, и крестьяне съ нетерпѣніемъ ожидали сигнала къ всеобщему

выступленію противъ «кадетской власти». Но Комитетъ Освобожденія и Главный Штабъ, сознавая, что это выступленіе должно явиться рѣшающимъ моментомъ въ затянувшейся борьбѣ крестьянъ съ олицетворявшей реакцію Добрарміей, оттягивали день выступленія, чтобы вполнѣ подготовиться къ рѣшительной схваткѣ.

Главнымъ препятствіемъ къ общему выступленію являлось отсутствіе достаточнаго количества огнестрѣльнаго оружія. Согласно произведеннаго районными штабами учета на 2000 бойцовъ въ крестьянскомъ ополченіи имѣлось всего около 300 трехлинейныхъ винтовокъ, 5 пулеметовъ, 300 берданокъ и 400 дробовыхъ охотничьихъ ружей. Между тѣмъ у добровольцевъ въ Сочинскомъ округѣ было сосредоточено около 2500 штыковъ, 8 орудій и болѣе 30 пулеметовъ.

Когда крестьянамъ сталъ извѣстенъ приказъ о новой мобилизаціи, они стали требовать немедленнаго выступленія, говоря, что въ противномъ случаѣ въ селенія вновь явятся карательные добровольческіе отряды и каждому селенію придется самостоятельно вступать въ бой съ этими отрядами.

На мои замѣчанія, что у насъ мало оружія и совсѣмъ нѣтъ артиллеріи, крестьяне отвѣчали съ увѣренностью, что разъ у добровольцевъ имѣются и пушки и пулеметы — то намъ не о чемъ безпокоиться, ибо послѣ перваго-же боя добрая часть этого оружія перейдетъ въ руки крестьянъ.

— Цѣлый годъ такъ воюемъ, говорили крестьяне: по началу почти съ голыми руками отъ кадетъ отбивались, а за лѣто, смотришь, и разбогатѣли — пять пулеметовъ и больше сотни винтовокъ отъ «кадетъ» добыли. А теперь, коль дружно ударимъ — и на бабъ оружія наберемъ!

Главному Штабу пришлось уступить и назначить общее выступленіе на 26-е января 1920 года.

На состоявшемся 20 января совѣщаніи съ командирами дружинъ и представителями районныхъ штабовъ былъ выработанъ слѣдующій планъ выступленія:

6 ротъ съ 5-ю пулеметами, сосредоточившись въ «нейтральной зонѣ», атакуютъ на разсвѣтѣ лѣвый флангъ добровольческой позиціи на рѣкѣ Псоу. Двѣ роты совершатъ горами глубокій обходъ этой позиціи и, одновременно съ фронтальной атакой, займутъ въ тылу у добровольцевъ мостъ черезъ рѣку Мзымту у селенія Молдовки. Въ ночь передъ атакой отряды Волковскаго и Хостинскаго районныхъ штабовъ перерѣжутъ телеграфные и телефонные провода между Туапсе и Сочи и между Сочи и Адлеромъ, завалятъ шоссе деревьями и, прервавъ всѣ сообщенія между штабами и войсковыми частями, произведутъ нападенія на тыловые гарнизоны, склады оружія и продовольствія.

За день до назначеннаго срока погода внезапно испортилась и выпавшій въ горахъ глубокій снѣгъ задержалъ продвиженіе обходной колонны. Начальникъ этой колонны — подпрапорщикъ Рощенко извѣстилъ меня о неожиданной задержкѣ и просилъ назначить днемъ генеральной атаки — 28-е января, ручаясь, что, несмотря ни на какія препятствія, онъ къ разсвѣту этого дня выйдетъ къ селенію Молдовка и захватитъ мостъ черезъ Мзымту.

Пришлось отложить выступленіе на два дня.

Между тѣмъ вѣсть объ этомъ выступленіи разнеслась по всѣмъ деревнямъ и горнымъ поселкамъ Сочинскаго округа и была встрѣчена крестьянами съ живѣйшей радостью. Все крестьянское населеніе отъ стариковъ до подростковъ, отъ мужчинъ до женщинъ, приготовилось такъ или иначе участвовать въ этомъ долгожданномъ выступленіи. Никто изъ нихъ не сомнѣвался въ успѣхѣ и, без-

условно, такая увѣренность во многомъ способствовала одержанной нами черезъ нѣсколько дней побѣдѣ.

Признаюсь — у меня были кое-какія сомнѣнія; я больше всего опасался нарушенія и безъ того слабой связи между разбросанными на большомъ другъ отъ друга разстояніи дружинами и отрядами. И, хотя неопытность и нерасторопность начальника связи Михлина дѣйствительно явилась причиной того, что въ одинъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ боя связь между штабомъ и дружинами оказалась прерванной, но точное исполненіе частями отданныхъ передъ атакой распоряженій и эта увѣренность ополченцевъ въ успѣхѣ — привели насъ все-таки къ полной побѣдѣ надъ добровольцами.

Весь планъ атаки былъ основанъ на глубокомъ обходѣ отрядомъ Рощенко лѣваго фланга добровольческой позиціи. Обходъ этотъ долженъ былъ быть совершенъ по непроходимымъ снѣговымъ вершинамъ Кавказскаго горнаго хребта, причемъ отряду Рощенко предстояло перевалить черезъ самую высокую въ этомъ районѣ гору Дзыхру. Флангъ добровольцевъ упирался въ эту гору, которая считалась добровольческимъ командованіемъ безусловно неприступной и непроходимой, особенно въ зимнее время. Но то, что было невозможнымъ для привыкшихъ къ полевой войнѣ на равнинахъ Россіи солдатъ Добровольческой арміи, являлось вполнѣ осуществимымъ для родившихся въ горахъ ополченцевъ — крестьянъ. Благодаря этому успѣшно выполненному, поистинѣ Суворовскому, переходу — составленный штабомъ планъ атаки удался во всѣхъ деталяхъ.

За нѣсколько дней до выступленія, ко мнѣ явились нѣсколько Сочинскихъ грузинъ, заявившихъ, что они не могутъ оставаться безучастными зрителями предстоящаго боя и просятъ разрѣшить сформировать особый грузинскій отрядъ, который и поступитъ въ полное мое распоряженіе. Не считая обходной колонны Рощенко, у меня было всего 420 штыковъ, поэтому каждый лишній человѣкъ, и главное — каждая лишняя винтовка, были мнѣ чрезвычайно дороги. Я съ радостью согласился — и черезъ день «армія» моя усилилась еще 70-ю великолѣпно вооруженными грузинами.

Какъ я уже говорилъ раньше, грузинскія войска, выбивъ добровольцевъ изъ Гагръ, принуждены были остановиться на прежней границѣ Кутаисской губерніи — рѣчкѣ Мехадырѣ, протекающей у селенія Пиленкова, въ 15 верстахъ къ сѣверу отъ Гагръ. Селеніе Пиленково расположено на лѣвомъ берегу Мехадыря, на которомъ стояли передовые грузинскіе посты. Главная позиція грузинъ находилась въ одной верстѣ къ югу отъ Пиленкова, такъ-что селеніе лежало между позиціей и передовыми аванпостами. Добровольческая позиція находилась на правомъ берегу рѣки Псоу, въ пяти верстахъ къ сѣверу отъ Пиленкова, и пятиверстная нейтральная зона между рѣками Мехадыремъ и Псоу, не была занята ни грузинскими, ни добровольческими войсками. Эта нейтральная зона и была мною выбрана для концентраціи назначенныхъ для фронтальной атаки дружинъ.

Грузинское командованіе безусловно замѣтило наши приготовленія, но такъ какъ грузины сами находились въ состояніи войны съ добровольцами, то они рѣшили не обращать на насъ вниманія. Я думаю, что если-бы грузины не боялись англичанъ, зорко слѣдившихъ за Гагринскимъ фронтомъ и предупредившихъ грузинское командованіе, что новое наступленіе противъ Деникина будетъ ими разсматриваться, какъ враждебный противъ Англійскаго правительства шагъ, — они оказали-бы намъ самую широкую поддержку въ нашемъ выступленіи. Но

такъ какъ грузины были связаны англійскимъ предупрежденіемъ, то намъ приходилось дѣйствовать крайне осторожно и не обнаруживать своихъ плановъ.

Добровольческая позиція по правому берегу рѣки Псоу (отъ берега моря до подножія горы Дзыхры) тянулась примѣрно на 12 верстъ и была занята тремя баталіонами при 4-хъ орудіяхъ и 12 пулеметахъ. Правофланговый баталіонъ былъ расположенъ въ селеніи Веселомъ, средній — въ селеніи Шиловкѣ и лѣвофланговый — въ деревнѣ Михельрипшъ. Кромѣ этихъ находившихся на передовой линіи войскъ, въ Адлерѣ (8 верстъ отъ Веселаго) стояли два баталіона и батарея и въ селеніи Молодовка (у моста черезъ рѣку Мзымту) — одна рота. Въ тылу у добровольцевъ находились гарнизоны: Сочи — армянскій баталіонъ, комендантская рота и сотня казаковъ и Хосты — одна рота. Эти войсковыя части составляли 52-ю отдѣльную пѣхотную бригаду Добровольческой арміи.

Согласно отданному мною приказу, шесть ротъ 1-й, 2-й и 3-й дружинъ крестьянскаго ополченія, подъ общимъ начальствомъ Учадзе, должны были на разсвѣтѣ 28-го января переправиться вбродъ черезъ Псоу и атаковать лѣвофланговый баталіонъ добровольцевъ у Михельрипша. Одновременно съ этимъ грузинскій отрядъ въ 70 штыковъ при одномъ пулеметѣ долженъ былъ оттянуть на себя вниманіе правофланговаго баталіона, произведя демонстративное наступленіе на Веселое. Въ случаѣ, если-бы находившійся въ Веселомъ баталіонъ, узнавъ о занятіи отрядомъ Рощенко моста черезъ Мзымту, сталъ-бы отступать по прямой дорогѣ на Адлеръ, грузинскій отрядъ долженъ былъ занять Веселое и, соединившись здѣсь со 2-й дружиной, двинуться кратчайшимъ путемъ къ Молдовскому мосту, гдѣ соединиться съ Рощенко для того, чтобы отрѣзать дальнѣйшій путь отступленія Шиловскому и Михельрипшинскому баталіонамъ добровольцевъ.

Вначалѣ я предполагалъ находиться при главныхъ силахъ, но затѣмъ рѣшилъ, ввиду малочисленности грузинскаго отряда и крайне важной возложенной на него задачи — находиться при грузинахъ. Въ ночь на 28-е января грузинскій отрядъ незамѣтно пробрался въ поселокъ Ермоловскъ, откуда и долженъ былъ начать демонстрацію. Начальнику связи Михлину приказано было соединить меня полевымъ телефономъ съ Учадзе, дружины котораго ночью-же заняли селеніе Сулево (въ 7 верстахъ отъ Ермоловска).

Ночью въ штабъ, находившійся близъ Ермоловска, стали со всѣхъ сторонъ стекаться крестьяне ближайшихъ деревень. Ни у кого изъ нихъ оружія не было, такъ какъ всѣ вооруженные огнестрѣльнымъ оружіемъ крестьяне находились въ рядахъ дружинъ. Но и оставшіеся безъ оружія хотѣли такъ или иначе участвовать въ наступленіи, почему и явились въ штабъ за распоряженіями.

Михлинъ, проводившій телефонъ между мною и Учадзе, заблудился въ лѣсу и я оказался безъ всякой связи съ главными силами. Тутъ-то мнѣ и пригодились безоружные крестьяне, съ помощью которыхъ, правда уже къ концу боя, удалось установить линію летучей почты. Часть крестьянъ явилась съ подводами, предоставивъ ихъ для нуждъ обоза. Одновременно съ мужчинами пришли и бабы, принесшія съ собой цѣлыя груды хлѣба, сала, пироговъ и яицъ — для угощенія ополченцевъ.

Всѣ они пришли точно на праздникъ, весело разговаривая и смѣясь между собой, несмотря на то, что у большинства изъ нихъ — мужья и сыновья находились въ дружинахъ и черезъ нѣсколько часовъ должны были вступить въ бой.

— Неужели вамъ не страшно самимъ и вы не боитесь за своихъ мужей, спросилъ я одну изъ нашихъ маркитантокъ.

— Мы ужъ привычныя, отвѣчала баба: сколько разъ за лѣто подъ пулями «кадетскими» побывали. А сейчасъ — все рѣшится сразу, какъ наши «кадетовъ» погонятъ. Вотъ, дастъ Богъ, и конецъ нашимъ страданьямъ придетъ... А ужъ коль послѣ этого «кадеты» вновь явятся — то и мы всѣ, бабы, въ отрядъ пойдемъ... Помремъ, а не пустимъ ихъ къ намъ!

И такой всеобщій подъемъ внушалъ твердую увѣренность въ успѣхѣ довольно рискованнаго предпріятія. Глядя на этихъ бабъ, я понималъ, почему крестьяне не сомнѣваются въ томъ, что мы одержимъ побѣду.

Наступалъ разсвѣтъ. Михлина съ телефономъ все еще не было, и я сталъ волноваться, такъ-какъ условился съ Учадзе получать отъ него каждыя 15 минутъ донесенія о ходѣ атаки на Михельрипшъ.

Грузинскій отрядъ подошелъ кустами къ Веселовскому мосту, на которомъ стоялъ сильный караулъ добровольцевъ съ двумя пулеметами. Нужно было начать демонстрацію.

Рѣзко прозвучалъ первый выстрѣлъ съ нашей стороны, за нимъ второй, третій и вскорѣ затрещала оживленная перестрѣлка. Въ Веселомъ началось движеніе. Солдаты выскакивали изъ избъ и, пристегивая на ходу аммуницію, строились въ ряды.

Со стороны стоявшаго на мосту добровольческаго караула раздалось нѣсколько выстрѣловъ, заговорилъ пулеметъ и вдругъ замолкъ. Мы также прекратили огонь и цѣпь стала, прикрываясь кустами, продвигаться по-ближе къ мосту.

Стало совсѣмъ свѣтло и... мы увидали надъ мостомъ бѣлый флагъ.

70 грузинъ, составлявшихъ мой небольшой отрядъ, разсыпались цѣпью на цѣлую версту. У моста оставалось всего 10 человѣкъ съ пулеметомъ. Находившійся при нихъ бывшій офицеръ Гурули вышелъ впередъ и предложилъ столпившимся на мосту солдатамъ перенести пулеметы на нашу сторону. Добровольцы тотчасъ-же исполнили это приказаніе. Тогда 10 человѣкъ вошли на мостъ и стали разоружать находившуюся тамъ роту, которая тотчасъ-же сложила оружіе. Мы были удивлены, но черезъ нѣсколько минутъ выяснилось, что сдача Веселовскаго гарнизона вызвана только-что полученнымъ сообщеніемъ о томъ, что большой отрядъ «зеленыхъ» внезапно атаковалъ Молдовку, захватилъ мирно спавшую тамъ роту и овладѣлъ переправами черезъ Мзымту. Добровольцы поняли, что они окружены и рѣшили сдаться; только нѣсколько человѣкъ съ баталіоннымъ и ротными командирами во главѣ, бросились бѣжать по прямой дорогѣ на Адлерскій паромъ, въ надеждѣ успѣть присоединиться къ Адлерскому гарнизону.

Собравъ свой отрядъ я вступилъ въ Веселое, гдѣ началась сдача оружія сдавшимся въ плѣнъ баталіономъ.

Однако, я сильно безпокоился за исходъ атаки Михельрипша. Посланные мною къ Учадзе верховые не возвращались. Я понялъ, что «зеленые», захватившіе Молдовскій мостъ, — это отрядъ Рощенко, но между мною и имъ находилась еще занятая баталіономъ добровольцевъ деревня Шиловка, гарнизонъ которой могъ ежеминутно придти, услыхавъ выстрѣлы, на помощь Весловскому баталіону.

И дѣйствительно, только-что мои люди приступили къ подсчету сданныхъ плѣнными винтовокъ, какъ на опушкѣ деревни затрещалъ пулеметъ. Плѣнные начали шептаться и я представлялъ себѣ, какъ они, убѣдившись въ нашей малочисленности, схватятъ валяющіеся на землѣ винтовки и — роли наши перемѣнятся...

Но вдругъ выстрѣлы стихли и на ближайшемъ пригоркѣ показался нашъ — красный съ зеленымъ крестомъ — флагъ крестьянскаго ополченія. Это была 2-я дружина Дзидзигури, который, выполняя диспозицію, послѣ атаки Михельришша двинулся къ Веселому на поддержку грузинскому отряду. Огонь по Веселому былъ имъ открытъ для того, чтобы отвлечь на себя вниманіе добровольцевъ, которые, по его мнѣнію, должны были сильно тѣснить грузинскій отрядъ.

Отъ Дзидзигури я узналъ, что послѣ незначительнаго сопротивленія Михельришшъ занятъ 1-й и 3-й дружинами, потерявшими всего одного ополченца убитымъ и трехъ ранеными. Въ дружинѣ Дзидзигури былъ одинъ легко и одинъ тяжело раненый. По словамъ Дзидзигури всѣ три находившіяся въ Михельришшѣ добровольческія роты взяты въ плѣнъ. Что-же касается Шиловскаго гарнизона, то онъ въ паникѣ бѣжалъ къ Молдовскому мосту, преслѣдуемый дружинами Учадзе.

Черезъ нѣсколько минутъ плѣнные были сданы мною Веселовскому старостѣ, которому я передалъ для вооруженія крестьянъ часть захваченныхъ нами винтовокъ. Дружину Дзидзигури и грузинскій отрядъ я повелъ по кратчайшему пути на Адлеръ, въ которомъ находились резервы добровольцевъ и батареи.

За колонной двигались три нагруженныя винтовками повозки и не отстававшія ни на шагъ отъ насъ бабы-маркитантки.

Подойдя къ Адлеру, мы услыхали пушечные выстрѣлы, доносившіеся со стороны Хосты. Позднѣе выяснилось, что это стрѣляла отступившая изъ Адлера батарея, атакованная на дорогѣ нашей Хостинской ротой.

Подойдя къ берегу рѣки Мзымты, я разсыпалъ цѣпь, ожидая встрѣтить здѣсь сопротивленіе со стороны Адлерскаго гарнизона. Однако, посланная впередъ развѣдка выяснила, что весь Адлерскій гарнизонъ бѣжалъ и городъ никѣмъ не занятъ.

Мы вступили въ Адлеръ, откуда мнѣ наконецъ удалось установить связь съ присоединившимися къ отряду Рощенко дружинами Учадзе.

Къ вечеру всѣ наши силы сосредоточились въ районѣ Адлера, а авангардъ выдвинулся на нѣсколько верстъ впередъ по направленію къ Хостѣ, откуда все еще доносились рѣдкіе пушечные выстрѣлы.

Черезъ нѣсколько часовъ канонада стихла, а ночью въ штабъ прибылъ съ донесеніемъ ординарецъ Хостинскаго районнаго штаба, сообщившій о томъ, что Хостинская рота, подъ начальствомъ крестьянина Петра Блохнина, одновременно съ нашей фронтальной атакой напала на Хостинскій гарнизонъ, захватила его въ плѣнъ и овладѣла складомъ оружія и патроновъ. Вооруживъ взятыми трофеями второочередную Хостинскую роту, Блохнинъ двинулся на Адлеръ и по дорогѣ встрѣтился съ бѣжавшимъ изъ Адлера гарнизономъ, съ которымъ и вступилъ въ бой. Бой закончился поздно вечеромъ тѣмъ, что часть добровольцевъ пробилась въ Сочи, но въ рукахъ у Хостинцевъ осталась брошенная ими четырехъ-орудійная батарея. Хостинцы потеряли нѣсколько человѣкъ убитыми и въ томъ числѣ — члена организаціоннаго крестьянскаго комитета и предсѣдателя Хостинскаго районнаго штаба В. Т. Васильева.

Такимъ образомъ предчувствія крестьянъ вполнѣ оправдались: мы одержали блестящую побѣду, захвативъ около 600 плѣнныхъ, 4 пушки, 12 пулеметовъ и около 1000 винтовокъ. Оправдалось также и другое предсказаніе крестьянъ: побѣда дала намъ столько оружія, что послѣ вооруженія второочередныхъ ротъ можно было-бы вполнѣ надѣлить винтовками даже бабъ.

1-го февраля крестьянское ополченіе подошло къ селенію Мацеста (въ 12 верстахъ къ югу отъ Сочи) и дружины мои заняли позицію по лѣвому берегу рѣки Гвилушки. На правомъ берегу этой рѣчки укрѣпились отступившіе изъ Адлера остатки 52-й отдѣльной пѣхотной бригады Добровольческой арміи, усиленные прибывшимъ изъ Сочи армянскимъ баталіономъ и сотней кубанскихъ казаковъ.

Хотя моя «армія» пополнилась двумя Хостинскими ротами и ротой плѣнныхъ добровольцевъ, которые въ Адлерѣ упросили штабъ вернуть имъ оружіе и позволить въ бою искупить ихъ невольные грѣхи передъ Черноморскимъ крестьянствомъ, однако на позиціи у меня находилось всего 600 бойцовъ. Самый лучшій отрядъ Рощенко послѣ взятія Адлера пришлось на три дня распустить по домамъ, такъ-какъ его ополченцы, совершившіе трудный обходъ лѣваго фланга добровольцевъ, совершенно выбились изъ силъ. Нѣкоторые изъ людей Рощенко сильно обморозились и ихъ пришлось помѣстить въ Адлерскій полевой лазаретъ. Несмотря на малочисленность моей «арміи» я не безпокоился о дальнѣйшей судьбѣ нашего похода на Сочи, такъ-какъ одержанная подъ Адлеромъ побѣда еще больше подняла духъ ополченцевъ, а кромѣ того я зналъ, что въ случаѣ надобности районные штабы, получившіе теперь достаточно оружія и патроновъ, немедленно пришлютъ мнѣ нѣсколько второочередныхъ ротъ пополненія.

Непріятель нѣсколько дней не проявлялъ никакой активности, и мы отдыхали, выставивъ сильное сторожевое охраненіе на позиціи и готовясь къ новому наступленію. Такая война съ двухъ и трехъ-дневными перерывами являлась одной изъ самыхъ характерныхъ особенностей нашей крестьянской милиціи. Выдержавъ успѣшный бой, большая часть ополченцевъ всегда просилась на нѣсколько дней домой, отдыхала въ своихъ деревняхъ и, набравшись новыхъ силъ, возвращалась на позиціи. Не было ни одного случая, чтобы кто нибудь изъ ополченцевъ опаздывалъ изъ такого отпуска, за чѣмъ также строго слѣдили районные Штабы.

Во время этого перваго отдыха штабъ мой помѣщался въ городкѣ Хоста, одномъ изъ живописнѣйшихъ уголковъ Черноморья, утопавшемъ въ зелени садовъ и парковъ. Большой красный флагъ съ зеленымъ крестомъ развѣвался надъ штабной дачей, около которой съ важнымъ видомъ похаживалъ солидный бородачъ въ постолахъ (лапти изъ козьей шкуры), домотканномъ зипунѣ и тщательно вычищенной, блестѣвшей на солнцѣ трехлинейной винтовкой. Въ двухъ другихъ сосѣднихъ дачахъ кипѣла лихорадочная работа нашего главнаго интендантства. Сюда все время подъѣзжали подводы окрестныхъ поселянъ, добровольно привозившихъ для нуждъ ополченія кукурузную муку, хлѣбъ, сало и другіе продукты. Главный штабъ раздавалъ представителямъ районныхъ штабовъ захваченные у добровольцевъ винтовки и патроны.

Хостинскіе обыватели, напуганные разсказами, умышленно распространявшимися добровольческими властями, готовились къ самымъ ужаснымъ переживаніямъ. Велико было ихъ изумленіе, когда вмѣсто ожидаемыхъ кровожадныхъ грабителей, они увидѣли въ Хостѣ вооруженныхъ мѣстныхъ поселянъ, которыхъ два раза въ недѣлю встрѣчали раньше на базарѣ . . .

На перекресткахъ улицъ и на афишныхъ столбахъ были расклеены воззванія Комитета Освобожденія, въ которыхъ населеніе извѣщалось о новой власти и приглашалось спокойно продолжать свои мирныя занятія. Комитетъ Освобо-

жденія находился пока въ Адлерѣ и организовывалъ администрацію и гражданское управленіе въ южной части занятаго нами Сочинскаго округа. Въ Хостѣ-же и ближайшей къ фронту полосѣ всю власть осуществлялъ Хостинскій районный штабъ, предсѣдателемъ котораго былъ избранъ отличившійся во время занятія Хосты крестьянинъ селенія Кудепсты — Петръ Павловичъ Блохнинъ. Имя Блохнина было хорошо извѣстно въ округѣ, благодаря одержанной имъ лѣтомъ 1918 года побѣдѣ надъ Екатеринодарскими красноармейцами. Блохнинъ оказался не только отличнымъ партизаномъ, но также и очень хорошимъ администраторомъ. За двухдневное пребываніе въ Хостѣ я все время наблюдалъ какъ предсѣдатель районнаго штаба носился верхомъ и пѣшкомъ по городку и окрестнымъ селеніямъ, распоряжался починкой разрушенныхъ при отступленіи добровольцевъ мостовъ, возстановленіемъ телеграфной линіи, мирилъ поссорившихся другъ съ другомъ обывателей, распредѣлялъ между отдыхавшими въ Хостѣ резервами продукты. Я видѣлъ также, какимъ всеобщимъ уваженіемъ пользовался Блохнинъ среди крестьянъ и другихъ Хотинскихъ жителей, безпрекословно исполнявшихъ всѣ его приказанія. Здѣсь-же я могъ наблюдать и за дѣятельностью районнаго штаба, легко справлявшагося съ возложенной на него задачей учета бойцовъ, подводъ, оружія и продуктовъ.

Однако, необходимо было снова перейти къ активнымъ дѣйствіямъ, такъ-какъ сформированные въ тылу у непріятеля районные штабы стали насъ торопить, донося о сосредоточеніи добровольческихъ подкрѣпленій въ Туапсе, которыя со дня на день должны были выступить на усиленіе Сочинскаго фронта. Поэтому 1-го февраля я отдалъ приказъ о переходѣ въ дальнѣйшее наступленіе.

Силы добровольцевъ, укрѣпившихся на правомъ берегу Гнилушки, состояли изъ четырехъ баталіоновъ, сотни казаковъ и одной четырехъ-орудійной горной батареи. Мы рѣшили овладѣть ихъ позиціей прибѣгнувъ опять къ глубокому обходу лѣваго фланга, который снова, какъ и на Псоу, упирался въ горы и поэтому считался вполнѣ обезпеченнымъ отъ обхода.

Въ обходъ были посланы двѣ Хостинскія роты съ 4-мя пулеметами, а оставшіеся на фронтѣ 450 ополченцевъ должны были произвести усиленную демонстрацію. Назначенныя въ обходъ роты выступили съ ранняго утра и, по моимъ расчетамъ, должны были обойти флангъ противника и выйти ему въ тылъ къ 2 часамъ дня. Къ этому-же времени должна была начаться фронтальная демонстрація.

Первый выстрѣлъ съ нашей стороны раздался ровно въ 2 часа дня и добровольцы тотчасъ-же открыли по нашему расположенію сильный артиллерійскій обстрѣлъ. Въ отвѣтъ затрещали наши пулеметы и оживленная перестрѣлка завязалась по всему фронту. Одинъ изъ непріятельскихъ снарядовъ угодилъ въ каменный заборъ дачи Зензинова, у котораго находился наспѣхъ вырытый окопчикъ для 2-хъ пулеметовъ. Снарядъ исковеркалъ одинъ пулеметъ и убилъ пять пулеметчиковъ. Ополченцы заволновались и стали требовать немедленнаго перехода въ атаку.

— Чего тутъ зря сидѣть и ждать пока «кадеты» насъ всѣхъ перебьютъ... Дозвольте перейти Гнилушку — мы ихъ однимъ духомъ выбьемъ и погонимъ до самыхъ Сочи...

Въ это время раздалась сильная перестрѣлка въ тылу противника: Хостинскія роты вышли въ тылъ добровольческой позиціи.

Съ громкимъ «ура», безъ всякой команды, ловко перепрыгивая съ камня на камень, спустились стоявшіе на фронтѣ ополченцы, по поясъ въ водѣ пере-

правились черезъ рѣчку и начали карабкаться на противуположный, занятый армянскимъ баталіономъ, берегъ. Вспыхнувшая съ новой силой ружейная перестрѣлка прекратилась черезъ двѣ-три минуты и сильно укрѣпленная позиція добровольцевъ была занята нами. Непріятель, бросивъ двѣ пушки и нѣсколько пулеметовъ, сталъ быстро отступать по Сочинскому шоссе.

Мои ополченцы, разгоряченные боемъ, досадовали, что «кадеты» успѣли увезти остальныя двѣ пушки, но черезъ часъ и эти пушки оказались въ нашихъ рукахъ.

Призошло это слѣдующимъ образомъ: увлекшіеся преслѣдованіемъ отступавшаго противника, три ополченца Хостинской роты, отдѣлившись отъ своихъ товарищей, залегли за высокой скалой надъ самымъ шоссе. Увидавъ показавшуюся изъ-за поворота отступавшую колонну добровольцевъ, они открыли по ней мѣткій ружейный огонь изъ трехъ винтовокъ. Колонна остановилась и выкинула бѣлый флагъ. Тогда одинъ изъ ополченцевъ спустился со скалы и вступилъ въ переговоры съ начальникомъ колонны. Ополченецъ согласился пропустить въ Сочи всю колонну, при условіи сдачи двухъ пушекъ. Добровольцы съ радостью согласились на такое условіе, передали ополченцу оба замка и, тѣснимые съ тылу продвигавшимися вслѣдъ за ними дружинами, бросились дальше по Сочинскому шоссе. Тогда два ополченца остались сторожить захваченныя ими орудія, а третій побѣжалъ къ намъ съ донесеніемъ.

Утромъ 2-го февраля мы подошли къ самому Сочи и остановились въ селеніи Нижне-Раздольномъ (въ 2-хъ верстахъ къ югу отъ города). Непріятель занималъ опушку знаменитаго Худяковскаго парка и возвышенную окраину Сочи, гдѣ предполагалъ обороняться до прибытія выступившихъ уже изъ Туапсе подкрѣпленій. Мы стали быстро окружать городъ и къ 8 часамъ вечера наши роты тѣснымъ кольцомъ окружили противника. Рота Волковскаго районнаго штаба къ этому времени вышла на Туапсинское шоссе и подходила къ Сочи съ сѣвера. Ополченцы просили разрѣшенія немедленно-же ворваться въ городъ, но штабъ, не желавшій подвергать мирное населеніе Сочи опасностямъ ночного боя въ самомъ городѣ, рѣшилъ отложить занятіе Сочи до утра.

Развѣдчики доносили намъ о царившей въ городѣ паникѣ и полной растерянности добровольческаго командованія. Въ этой растерянности мы сами скоро убѣдились.

Штабъ мой занялъ дачу инженера Николаева, соединенную телефономъ съ гостиницей «Ривьера», въ которой помѣщался начальникъ обороны полковникъ Брунъ. Кто-то изъ нашихъ штабныхъ офицеровъ позвонилъ по телефону и вызвалъ Бруна.

— Господинъ полковникъ, «зеленые» сильно тѣснятъ насъ, пришлите намъ въ Худяковскій паркъ подкрѣпленіе...

— Откуда я вамъ достану подкрѣпленій, меня самого со всѣхъ сторонъ тѣснятъ, отвѣчалъ съ отчаяніемъ начальникъ обороны: всѣ потеряли головы, никто не исполняетъ приказаній и, если къ утру не прибудетъ изъ Туапсе отрядъ Жуковскаго — я брошу городъ.

— А гдѣ находится полковникъ Жуковскій?

— Почемъ я знаю, никакой связи у меня съ нимъ нѣтъ: вѣдь эти «зеленые черти» перерѣзали всѣ телефонные и телеграфные провода съ Туапсе...

Изъ этого разговора мы поняли, что никакого сопротивленія утромъ при занятіи города не встрѣтимъ. Такъ оно и случилось.

До самаго утра вокругъ города раздавались рѣдкіе ружейные выстрѣлы

противника, на которые мы не отвѣчали. Стало свѣтать, выстрѣлы стихли, на фронтѣ царила полнѣйшая тишина. Я отдалъ приказъ первой дружинѣ втягиваться въ городъ, выславъ впередъ сильные патрули. Надъ одной изъ крайнихъ дачъ взвился бѣлый флагъ. Патрули вошли въ городъ, не встрѣчая никакого сопротивленія. Вмѣстѣ съ командиромъ дружины я подошелъ къ дачѣ, гдѣ былъ выкинутъ бѣлый флагъ и увидѣлъ человѣкъ пятьдесятъ бородатыхъ кубанцевъ.

— Простите, товарищи, не знаемъ, какъ васъ величать, подошелъ къ намъ одинъ изъ нихъ: намъ дѣваться некуда, начальство еще ночью куда-то убѣжало, такъ ужъ вы насъ не обижайте! Сами понимаете — заставляли насъ противъ васъ воевать...

Къ казакамъ подошли ополченцы и, смѣясь, стали ихъ успокаивать:

— Ахъ вы, куркули, чего пужаетесь — звѣри мы, что-ли?

Отобравъ у сдавшихся въ плѣнъ винтовки и приказавъ имъ явиться къ дому окружного начальника, гдѣ предполагалось помѣстить комендантское управленіе, мы двинулись дальше, прошли Худяковскій паркъ и по каменной лѣстницѣ поднялись на Московскую улицу.

Съ волненіемъ вступалъ я въ городъ, съ которымъ у меня были связаны самыя хорошія воспоминанія и который годъ тому назадъ мнѣ пришлось покинуть, благодаря тѣмъ самымъ добровольцамъ, въ паникѣ отступавшимъ теперь передъ командуемой мною крестьянской арміей...

Солнце только-что поднялось изъ-за горъ и привѣтливо освѣщало чистенькія дачи и лакированные листья магноліи и пальмъ. Но улица была пустынной, ставни дачъ были плотно прикрыты, и перепуганные обыватели не показывались изъ своихъ домовъ.

Вдругъ раздались звуки бравурнаго марша и намъ на-встрѣчу показалась небольшая группа стройно марширующихъ, одѣтыхъ въ англійскія шинели, солдатъ. Это былъ оркестръ Сальянскаго полка 52-й бригады, оставленный бѣжавшимъ изъ города штабомъ и рѣшившій съ музыкой перейти на сторону «зеленыхъ».

Патрули мои уже прошли весь городъ и донесли о томъ, что до самой «Ривьеры» никакого непріятеля не встрѣтили. Я поставилъ оркестръ передъ дружиной и подъ звуки марша повелъ своихъ ополченцевъ на базарную площадь.

Огласившая пустынныя улицы города музыка успокоила обывателей. Ставни начали открываться и въ окнахъ появились головы любопытныхъ. На базарѣ собралась порядочная толпа, изъ которой раздавались удивленные и радостные возгласы:

— Никакъ Микита изъ Раздольнаго... А вонъ Климчукъ изъ Измайловки... Да это все наши ребята, гдѣ-же большевики — то?

Въ толпѣ находилось много моихъ старыхъ знакомыхъ, привѣтствовавшихъ меня, и вскорѣ вѣсть, что Сочи занято «своими» быстро облетѣла весь городъ. Обыватели успокоились, открылись лавки и магазины, и городъ принялъ свой обычный видъ.

Продвинувъ авангардъ до селенія Мамайки (въ 6 верстахъ къ сѣв. отъ Сочи), я вернулся въ городъ и расположился со своимъ штабомъ въ гостиницѣ «Ривьера», въ которой всего лишь нѣсколько часовъ тому назадъ помѣщался штабъ добровольцевъ. Здѣсь я узналъ, что, получивъ донесеніе о занятіи Дагомыса (въ 10 верстахъ отъ Сочи по Туапсинскому шоссе) отрядомъ «зеленыхъ», начальникъ обороны полковникъ Брунъ отдалъ въ часъ ночи приказъ спѣшно очистить городъ и двинулся съ остатками 52-й бригады по линіи Черноморской

жел. дороги, опасаясь отступать по занятому «зелеными» шоссе. Весь обозъ и автомобили добровольцевъ остались въ Сочи.

Не успѣлъ я войти въ отведенный мнѣ номеръ, какъ былъ атакованъ десяткомъ плачущихъ дамъ. Это оказались жены отступившихъ съ Бруномъ офицеровъ, которыя не успѣли даже попрощаться со своими мужьями и были перепуганы распущенными кѣмъ-то слухами о происшедшемъ подъ Мамайкой кровопролитномъ боѣ, во время котораго были якобы перебиты всѣ отступившіе изъ Сочи добровольцы. Съ трудомъ удалось мнѣ успокоить взволнованныхъ дамъ и увѣрить ихъ, что никакого боя подъ Мамайкой не было.

— Какъ вамъ не стыдно, сказала мнѣ одна изъ этихъ дамъ: не могли предупредить, что никакихъ большевиковъ у васъ нѣтъ! Если-бы мы знали, что съ вами идутъ крестьяне — мы никуда нашихъ мужей изъ Сочи не пустили бы... А теперь, вотъ ищи ихъ...

Къ вечеру въ Сочи переѣхалъ изъ Адлера Комитетъ Освобожденія, и наши «министеры» (какъ потомъ прозвали членовъ комитета крестьяне) принялись за организацію гражданской власти въ столицѣ Черноморской крестьянской республики. Я былъ занятъ другими вопросами, чисто военными, и не вмѣшивался въ эту дѣятельность Комитета Освобожденія.

Въ первый-же день послѣ занятія Сочи пришлось начать борьбу съ многочисленными плѣнными солдатами Добрарміи, которые разбрелись по окрестностямъ и принялись за грабежи. Воспитанные на постоянно примѣнявшихся добровольческими властями реквизиціяхъ, плѣнные эти врывались въ дома и дачи и, подъ видомъ обысковъ, забирали цѣнныя вещи. Я отдалъ приказъ, запрещающій всякіе обыски, и предупредилъ, что пойманные мародеры будутъ на мѣстѣ разстрѣливаться. Благодаря ополченцамъ Хостинской роты, оставленнымъ мною въ Сочи, грабежи эти удалось прекратить, и всѣ плѣнные добровольцы были сведены въ команды, переданныя въ распоряженіе Сочинскаго коменданта.

XVI

4-го февраля рано утромъ я былъ разбуженъ дежурнымъ вѣстовымъ, сообщившимъ мнѣ, что къ Сочи приближается англійскій миноносецъ. Такъ какъ мы знали, что англичане поддерживаютъ Деникина, то приготовились къ враждебнымъ дѣйствіямъ со стороны англійскаго военнаго суда. Я приказалъ Хостинской ротѣ занять пристань «Русскаго общества», близъ которой стали на позицію два орудія.

Но миноносецъ спокойно подошелъ къ городу, бросилъ якорь и спустилъ шлюпку. Я находился на пристани и разглядѣлъ въ бинокль, какъ въ шлюпку сошли нѣсколько человѣкъ, послѣ чего она понеслась къ пристани. Когда шлюпка подошла къ пристани изъ нея вышли два офицера и десять вооруженныхъ матросовъ.

— Понимаетъ-ли кто нибудь изъ васъ по-англійски или по-французски, спросилъ поднявшійся на пристань майоръ.

Я подошелъ къ нему и отвѣтилъ, что говорю по-французски.

— По приказанію верховнаго комиссара Великобританіи, заявилъ англичанинъ, я долженъ выяснить, кѣмъ занятъ городъ Сочи?

— Сочи занято Черноморскимъ крестьянскимъ ополченіемъ, находящимся въ состояніи войны съ арміей генерала Деникина.

Майоръ обратился къ прибывшимъ съ нимъ матросамъ, скомандовалъ имъ и хотѣлъ пройти въ городъ.

— Простите, господинъ майоръ, обратился я къ нему: ваши люди никуда дальше пристани не будутъ пропущены!

— Мнѣ нужно переговорить съ занявшими Сочи властями, а безъ моего конвоя я не могу пройти къ нимъ.

— Въ такомъ случаѣ вамъ придется разговаривать здѣсь, на пристани!

— Почему-же вы не хотите пропустить мой конвой въ городъ, возмутился майоръ.

— По тѣмъ-же самымъ причинамъ, по которымъ вы не позволили-бы и мнѣ явиться на вашъ миноносецъ съ вооруженными людьми.

Англичанинъ подумалъ немного, перекинулся нѣсколькими словами съ сопровождавшимъ его офицеромъ и снова обратился ко мнѣ:

— Хорошо, я оставлю здѣсь мой конвой и пойду съ вами въ городъ, но знайте, что я — представитель Верховнаго комиссара и, если надо мною будетъ учинено какое-либо насиліе, то суда королевскаго флота не оставятъ камня на камнѣ отъ занятаго вами города!

— Вы имѣете дѣло не съ дикарями, а съ русскими крестьянами, вашими бывшими союзниками, и вы здѣсь не подвергаетесь никакой опасности, отвѣтилъ я майору.

Послѣ этой предварительной бесѣды мы прошли съ англійскими офицерами въ «Ривьеру», гдѣ между ними, предсѣдателемъ Комитета Освобожденія Филипповскимъ и мною состоялся слѣдующій разговоръ:

— Скажите, спросилъ англійскій майоръ, давно-ли русскіе оставили Сочи?

— Сочи находится по-прежнему въ русскихъ рукахъ, изъ города ушли лишь части Добровольческой арміи, изгнанныя отсюда русскими Сочинскими крестьянами.

— Какое участіе приняли въ борьбѣ крестьянъ съ добровольцами грузинскія войска?

— Грузины никакого участія въ этой борьбѣ не принимали.

— Какова ваша политическая программа и какъ относитесь вы къ присоединенію Черноморья къ Россіи?

— Мы всегда стояли на той точкѣ зрѣнія, что Черноморье составляетъ нераздѣльную часть Россіи. Если мы сейчасъ объявили нашу временную самостоятельность, то это вызвано тѣмъ, что мы не желаемъ признавать ни Всероссійской диктатуры генерала Деникина, ни такой-же диктатуры большевиковъ.

— Откуда крестьяне достали столько оружія, чтобы рѣшиться на открытіе военныхъ дѣйствій противъ добровольцевъ?

— Вначалѣ у насъ имѣлось всего 300 винтовокъ и немного патроновъ, но послѣ перваго столкновенія съ добровольцами, мы захватили столько оружія, что имѣли возможность вооружить все крестьянское населеніе округа.

— Извѣстно-ли вамъ, что добровольцы получили оружіе и снаряженіе отъ англичанъ?

— Мы это знаемъ и очень вамъ благодарны за прекрасное обмундированіе, патроны и оружіе, которыми вы черезъ добровольцевъ снабдили насъ.

Англичанинъ покраснѣлъ, промолчалъ нѣсколько минутъ и снова заговорилъ:

— Если вы въ состояніи создать въ Сочинскомъ округѣ твердую власть и поддержать полное спокойствіе, мы готовы признать совершившійся политическій

переворотъ, но требуемъ отъ новой власти гарантій въ томъ, что жизни и имуществу военноплѣнныхъ и иностранцевъ не будетъ угрожать никакой опасности.

— Мы не слѣдуемъ примѣру генерала Деникина и не разстрѣливаемъ плѣнныхъ. Что-же касается имущества иностранныхъ подданныхъ — то до тѣхъ поръ, пока власть будетъ находиться въ рукахъ избраннаго крестьянствомъ правительства, оно также не подвергается никакой опасности. Однако мы не можемъ дать никакихъ гарантій въ неприкосновенности имущества иностранцевъ, въ случаѣ нового наступленія на Сочи добровольческой арміи.

— Я не думаю, чтобы генералъ Деникинъ предпринялъ новое наступленіе на Сочи и убѣдительно прошу васъ дать мнѣ завѣреніе въ неприкосновенности жизни и имущества плѣнныхъ и иностранцевъ. Въ противномъ случаѣ — мы будемъ вынуждены вмѣшаться въ ваши дѣла съ оружіемъ въ рукахъ.

— Мы еще разъ подтверждаемъ только-что сдѣланное нами заявленіе!

Послѣ этого разговора англичане попросили разрѣшенія пройти въ городъ и посмотрѣть, что въ немъ происходитъ.

Я распорядился подать захваченный у добровольцевъ автомобиль, и гости наши имѣли возможность лично убѣдиться въ полнѣйшемъ спокойствіи и нормальной жизни занятаго «зелеными» города.

Англичане вѣжливо распрощались съ нами, сѣли въ шлюпку и вернулись на свой миноносецъ, который тотчасъ-же поднялъ якорь и ушелъ въ море.

Черезъ нѣсколько дней послѣ занятія Сочи, мнѣ пришлось передать командованіе фронтомъ одному изъ моихъ помощниковъ — служившему ранѣе въ Грузинской Народной Гвардіи подполковнику Г., и принять дѣятельное участіе въ работѣ Комитета Освобожденія, налаживавшаго организацію гражданскаго управленія и экономической жизни освобожденной отъ добровольцевъ территоріи.

Предсѣдатель комитета и большинство его членовъ, между которыми были распредѣлены «министерскіе портфели», являлись пришлыми и незнакомыми съ жизнью Черноморья людьми. Только бывшій предсѣдатель Сочинской городской думы Теръ-Григорьянъ и я были хорошо знакомы съ мѣстными обычаями и довольно сложными взаимоотношеніями между многочисленными національностями, населявшими округъ. Особенно усложнились отношенія русскихъ крестьянъ къ армянскимъ поселянамъ, которые, руководимые армянской партіей «Дашнакцакановъ», поддерживали добровольцевъ и нарушали постановленія остального крестьянскаго населенія. Послѣ пораженія добровольцевъ армяне круто измѣнили свой политическій курсъ и попытались возстановить прежнія дружественныя отношенія съ русскими крестьянами. Но послѣдніе не желали мириться съ бывшими союзниками «кадетъ» и относились къ нимъ съ нескрываемой враждой. Поговаривали о готовящемся погромѣ армянъ. А между тѣмъ, война съ добровольцами была еще далеко не законченной и намъ ни въ коемъ случаѣ нельзя было допустить какихъ-либо безпорядковъ въ тылу фронта. Кромѣ того я, какъ предсѣдатель Главнаго Штаба крестьянскаго ополченія, исполнялъ, громко говоря, обязанности «военнаго министра», или-же, по-просту, обязанности окружного воинскаго начальника. Отсутствіе дѣятельныхъ помощниковъ и даже простыхъ писарей заставляло меня съ утра до вечера заниматься въ канцеляріи штаба, инструктировать пріѣзжавшихъ за разъясненіями представителей районныхъ штабовъ и лично вмѣшиваться и вникать во всякія мелочи.

Наладивъ кое-какъ канцелярскую работу и дѣятельность интендантскаго отдѣла, я на нѣсколько дней выѣхалъ изъ Сочи для объѣзда районныхъ штабовъ. Во всѣхъ деревняхъ, въ которыя я пріѣзжалъ, собирались сходы, обсуждавшіе

политическое положеніе, создавшееся съ пораженіемъ добровольцевъ и успѣшнымъ продвиженіемъ на Кубань красной арміи.

Крестьяне инстинктивно чувствовали, что въ случаѣ занятія большевиками Кубанской области, Черноморью не миновать новыхъ испытаній.

— Прежде всего намъ нужно совсѣмъ выгнать «кадетъ» съ Черноморья, говорили они, а потомъ договориться съ казаками. Если Рада возьметъ въ свои руки власть на Кубани — всѣ казаки стѣной встанутъ на защиту своихъ станицъ. А коль мы объединимся съ Кубанью, — то большевики ничего съ нами не смогутъ подѣлать.

На каждомъ сходѣ принимались резолюціи — продолжать борьбу съ Деникинцами и одновременно съ этой борьбой приступить къ переговорамъ съ Кубанской Радой, на предметъ образованія Кубано-Черноморской крестьянско-казачьей республики.

Къ сожалѣнію попытки такого соглашенія съ Радой остались безрезультатными. Съ одной стороны Кубанскіе политики не рѣшались открыто выступить противъ правительства Деникина и, какъ всегда, колебались въ своихъ оріентаціяхъ.

— Еще неизвѣстно, чья возьметъ, говорили представители Кубанскаго казачества: вотъ англичане заявляютъ, что будутъ помогать только Деникину. Можетъ-быть съ помощью англичанъ Деникину удастся снова разбить большевиковъ . . .

Съ другой стороны наши Черноморскіе «министры» были увѣрены, что, занявъ Кубань, красная армія не двинется дальше въ предѣлы Черноморья и что большевики никогда не рѣшатся вступить въ борьбу съ крестьянской властью. Поэтому они не были склонны къ какимъ-то переговорамъ съ колеблющимися Кубанскими политиками. Только ввиду моихъ настойчивыхъ требованій, подкрѣпленныхъ многочисленными резолюціями крестьянскихъ сходовъ, Комитетъ Освобожденія обратился, наконецъ, 9-го февраля по радіо къ Кубанской Радѣ, предлагая ей установить добрососѣдскія отношенія. Какъ оказалось впослѣдствіи, эта радіограмма была перехвачена Штабомъ Добрарміи и не была передана по назначенію.

На обратномъ пути въ Сочи я узналъ о томъ, что послѣ ликвидаціи добровольческаго фронта на рѣкѣ Псоу, грузинскія военныя власти стали разсматривать прежнюю «нейтральную зону», какъ часть грузинской территоріи. Между тѣмъ Грузинское правительство неоднократно заявляло, что считаетъ рѣку Мехадырь границей между Грузіей и Сочинскимъ округомъ, а нейтральная зона лежала къ сѣверу отъ этой границы и безспорно отходила къ Сочинскому округу. Но военныя грузинскія власти почему-то рѣшили продвинуть свою границу до рѣки Псоу и, занявъ нейтральную зону постами, требовали отъ крестьянъ пяти селеній, находившихся въ этой зонѣ, подчиненія всѣмъ распоряженіямъ грузинскаго коменданта. Крестьяне заявляли, что ничьихъ распоряженій, кромѣ избраннаго ими Комитета Освобожденія, они исполнять не будутъ и не желаютъ. На этой почвѣ стали возникать конфликты, которые необходимо было немедленно-же ликвидировать.

Узнавъ объ этомъ я рѣшилъ съѣздить въ Гагры и переговорить съ командовавшимъ грузинскими войсками генераломъ Артмеладзе, а также, если-бы это оказалось недостаточнымъ —то снестись по прямому проводу съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Грузинской республики Е. П. Гегечкори.

Принявъ такое рѣшеніе я въ тотъ-же день вечеромъ пріѣхалъ въ Гагры, гдѣ засталъ грузинскаго министра внутреннихъ дѣлъ Н. В. Рамишвилли, случайно заѣхавшаго сюда изъ Сухума.

Какъ я и предполагалъ пограничный конфликтъ былъ быстро улаженъ. Грузинское правительство отнюдь не хотѣло расширять своей территоріи за счетъ Сочинскаго округа, и генералъ Артмеладзе тотчасъ-же распорядился очистить нейтральную зону, занятую самочинно командиромъ одного изъ Грузинскихъ баталіоновъ.

Во время разговора Н. В. Рамишвилли сообщилъ мнѣ, что въ Гагрaхъ находится Верховный англійскій комиссаръ генералъ Кизъ, только-что прибывшій на миноносцѣ изъ Сочи.

— Генералъ Кизъ хотѣлъ переговорить съ предсѣдателемъ Комитета Освобожденія, но Филипповскій почему-то не пожелалъ разговаривать съ нимъ и поручилъ это какому-то Чайкину.

В. А. Чайкинъ, бывшій комиссаръ Временнаго Правительства въ Туркестанѣ и бывшій членъ Центр. Комитета партіи Соц. Рев. былъ вызванъ изъ Тифлиса Филипповскимъ, который хотѣлъ предложить ему занять постъ представителя Черноморья при правительствѣ Грузинской республики, только-что признавшемъ Комитетъ Освобожденія. Чайкинъ былъ ярымъ англофобомъ, и я понялъ, что разговоръ его съ генераломъ Кизомъ вѣроятно закончился какимъ-нибудь скандаломъ.

Я спросилъ объ этомъ Рамишвилли, но онъ не зналъ подробностей разговора Чайкина съ Кизомъ.

— Я знаю только то, что Кизъ остался очень недоволенъ своей поѣздкой въ Сочи!

Распрощавшись съ Н. В. Рамишвилли я сталъ собираться тотчасъ-же въ обратный путь, но въ вестибюлѣ меня задержалъ начальникъ штаба генерала Артмеладзе, попросившій зайти на минутку къ генералу.

Войдя въ комнату Артмеладзе я засталъ въ ней двухъ пожилыхъ англійскихъ офицеровъ. Одинъ изъ нихъ оказался Верховнымъ комиссаромъ Великобританіи на югѣ Россіи генераломъ Кизомъ.

— Я узналъ отъ генерала Артмеладзе о вашемъ пріѣздѣ въ Гагры, обратился ко мнѣ Кизъ, и хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы переговорить съ вами о томъ дѣлѣ, по которому такъ неудачно ѣздилъ въ Сочи.

Изъ дальнѣйшихъ словъ англійскаго генерала я узналъ, что цѣлью его поѣздки въ Сочи являлась попытка склонить Комитетъ Освобожденія къ началу мирныхъ переговоровъ съ Деникинымъ.

— Вы вѣдь понимаете, что пораженіе Деникина явится торжествомъ большевиковъ. Неужели вамъ желательно, чтобы большевики заняли ваше Черноморье?

— Занятіе большевиками Черноморья намъ совсѣмъ не улыбается, отвѣтилъ я Кизу, и поэтому-то мы и торопимся очистить нашу территорію отъ добровольцевъ, чтобы не дать красной арміи возможности, на плечахъ разгромленныхъ остатковъ Деникинскихъ полковъ, вступить въ Черноморье.

— Но армія Деникина совершенно не разгромлена и съ нашей помощью будетъ еще долгое время успѣшно сдерживать натискъ красныхъ. Генералу Деникину важно лишь, чтобы его не тревожили съ тылу. Онъ согласится передать Комитету Освобожденія управленіе Сочинскимъ округомъ, если вы прекратите ваше дальнѣйшее наступленіе на Туапсе.

Я заявилъ генералу, что послѣ всѣхъ безобразій и насилій надъ крестьянами, произведенныхъ Деникинскими властями въ Черноморской губерніи, никакихъ разговоровъ о мирѣ между нами и Деникинымъ быть не можетъ:

— Кромѣ того, сказалъ я, Комитетъ Освобожденія является правительствомъ не только одного Сочинскаго округа, но всей губерніи и избранъ делегатами крестьянскаго населенія всѣхъ трехъ округовъ губерніи. Крестьянскій съѣздъ постановилъ очистить отъ добровольцевъ всю территорію Черноморья до Михайловскаго перевала (въ 40 верстахъ къ югу отъ Новороссійска) и мы постараемся выполнить это постановленіе. Пусть генералъ Деникинъ оттянетъ всѣ свои войска въ Новороссійскъ и мы не будемъ ихъ дальше преслѣдовать, но при непремѣнномъ условіи, что англичане дадутъ намъ гарантію въ томъ, что ни при какихъ обстоятельствахъ добровольцы не предпримутъ попытокъ новаго захвата указанной территоріи.

— На добровольное оставленіе Туапсинскаго порта Деникинъ никогда не согласится, отвѣтилъ немного подумавъ Кизъ. Но предположимъ, что вамъ удастся дойти до Михайловскаго перевала, а большевикамъ окончательно разгромить армію Деникина. Какъ вы тогда сможете удержать въ своихъ рукахъ Черноморье?

— Тогда у насъ будетъ обширная территорія, все населеніе которой твердо рѣшило бороться со всякими попытками насильственнаго подчиненія края какой-бы то ни было чуждой ему власти, а естественныя трудно-доступныя границы Черноморья позволятъ намъ съ незначительными силами обороняться отъ наступленія враговъ. Большевики не рѣшатся на такую борьбу, ибо у нихъ въ тылу останется Кубань, гдѣ къ тому времени неизбѣжно вспыхнутъ анти-большевистскія возстанія казаковъ. Мы надѣемся, что Рада пойметъ всю важность и необходимость союза съ нами и Кубано-Черноморская крестьянско-казачья республика, которая образуется послѣ такого соглашенія, положитъ предѣлъ дальнѣйшему продвиженію большевиковъ.

— Я усматриваю изъ вашихъ словъ, что вы согласны на мирные переговоры съ Кубанской Радой, спросилъ Кизъ.

— Хотя мы никогда не объявляли войны Кубани и боремся исключительно съ Добровольческой арміей, но благодаря тому, что въ подчиненіи Деникина находятся казаки, мы къ нашему глубочайшему сожалѣнію нѣсколько разъ имѣли столкновеніе съ кубанскими частями. Наши крестьяне хотятъ находиться въ добрососѣдскихъ отношеніяхъ съ кубанцами, а поэтому Комитетъ Освобожденія предложилъ Радѣ начать такіе переговоры.

— Въ такомъ случаѣ, не согласитесь-ли вы отправиться вмѣстѣ со мной въ Екатеринодаръ для немедленнаго заключенія соглашенія съ Радой?

— Я согласенъ, но съ условіемъ предварительно заѣхать въ Сочи для того, чтобы получить полномочія на веденіе переговоровъ отъ Комитета Освобожденія.

— Хорошо, сказалъ Кизъ: мы сейчасъ-же отправимся на моемъ миноносцѣ въ Сочи, вы получите соотвѣтствующія полномочія, послѣ чего я доставлю васъ на томъ-же миноносцѣ въ Новороссійскъ, откуда мы съ вами проѣдемъ въ Екатеринодаръ. Вы можете быть вполнѣ спокойны въ томъ, что не подвергнетесь никакой опасности, такъ-какъ будете находиться подъ покровительствомъ Его Величества короля Англіи.

Черезъ полъ-часа я находился на борту англійскаго миноносца и сидѣлъ въ каютъ-компаніи, потягивая маленькими глотками сода-виски и разговаривая съ англійскими офицерами.

COLONEL VORONOVICH has been given a safe conduct under the protection of the British Acting High Commissioner for South Russia during his stay in Novorossisk and during his return journey to Sochi.

Brigadier General
Acting High Commissioner
for South Russia

Удостовѣреніе

Симъ удостовѣряется, что Полковникъ Вороновичъ, находится подъ покровительствомъ Верховнаго Уполномоченнаго Британскаго Правительства на Югѣ Россіи во время пребыванія въ Новороссійскѣ и по пути слѣдованія въ Сочи.

Генералъ.
Замѣститель Верховнаго Уполномоченнаго
Британскаго правительства на Югѣ Россіи

26 Января 1920
г. Новороссійскъ.

ВРЕМЕННЫЙ КАЗНАЧЕЙСКІЙ ЗНАКЪ

ЧЕРНОМОРСКАГО КРЕСТЬЯНСКАГО ОПОЛЧЕНІЯ

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ РУБЛЕЙ.

/ 25 рублей./

Согласно постановленія Главнаго Полевого Штаба Черноморскаго Крестьянскаго Ополченія имѣти хожденіе наравнѣ съ Донскими, Добровольческими и Грузинскими временными знаками до 1-го Апрѣля 1920 года. /постановленіе Гл.Полев.Штаба 28/I 20 г./

Послѣ 1 Апрѣля 1920 года имѣть быть обмѣненъ Сочинскимъ окружнымъ казначействомъ.

Председатель Гл.Штаба

Полевой Штабъ

Делопроизводства Секретаря

№ 227.

— Я недоумѣваю, обратился ко мнѣ генералъ Кизъ, какъ вы, интеллигентный человѣкъ и старый кадровый офицеръ, могли измѣнить Россіи и очутиться въ станѣ враговъ генерала Деникина?

— Господинъ генералъ, отвѣтилъ я Кизу: я — вашъ гость и мнѣ кажется, что это обстоятельство вполнѣ гарантируетъ меня отъ оскорбленій...

— Простите, спохватился генералъ, я не имѣлъ намѣренія васъ обидѣть и тѣмъ болѣе оскорбить...

— Если вы считаете, что генералъ Деникинъ олицетворяетъ собой Россію, продолжалъ я, то тогда мы являемся дѣйствительно врагами Россіи. Но дѣло въ томъ, что я и мои друзья никакъ не можемъ признать за Деникинымъ права представлять Россію: его никто на это не уполномочивалъ, и онъ распоряжался судьбами милліоновъ русскаго народа, опираясь на вооруженную силу. Какъ онъ распоряжался этими милліонами людей — вы можете узнать, поговоривъ съ нашими крестьянами. Признанное вами и всей Европой Временное Россійское Правительство объявило Деникина измѣнникомъ, ибо онъ вмѣстѣ съ другими генералами посягнулъ на это правительство, которому передъ этимъ присягалъ. Вставъ во главѣ Добровольческой арміи, генералъ Деникинъ и назначенные имъ чиновники воскресили самыя мрачныя времена русской исторіи. Наше крестьянство, составляющее часть русскаго народа, возстало противъ самозваннаго диктатора, и я счастливъ, что въ этотъ моментъ нахожусь въ лагерѣ противниковъ Деникина! Пораженіе Деникина отнюдь не доказываетъ силы большевиковъ, а свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что народныя массы не хотятъ признавать его диктатуры.

— Но генералъ Деникинъ возглавляетъ собой всѣхъ русскихъ антибольшевиковъ...

— Самыми ярыми анти-большевиками являются крестьяне, съ которыми Деникинъ и его правительство находятся повсюду въ состояніи вражды. Деникина признаютъ и за нимъ идутъ лишь привыкшее къ субординаціи и мало разбирающееся въ политическихъ вопросахъ офицерство, небольшая кучка прогрессивной интеллигенціи и крайніе реакціонеры, мечтающіе при помощи Добрармін возстановить утерянныя ими послѣ революціи привиллегіи. Сотни-же милліоновъ русскаго народа ненавидятъ и самого Деникина, и назначенныхъ имъ чиновниковъ и никогда не пойдутъ съ Деникинымъ бороться противъ большевиковъ.

— Я хорошо знаю русскій народъ, самоувѣренно заявилъ англійскій генералъ, а поэтому останусь при своемъ мнѣніи: всѣ истинно-русскіе люди стоятъ на сторонѣ генерала Деникина, этого великаго русскаго патріота и безукоризненно-честнаго человѣка. Конечно, многіе изъ назначенныхъ имъ чиновниковъ поступали неправильно, но онъ въ этомъ не виноватъ. Я вижу, что и вы честный патріотъ, но ваши сужденія глубоко неправильны. Вамъ надо подчиниться Деникину и постараться примирить съ нимъ вашихъ крестьянъ. А тогда генералъ Деникинъ произведетъ разслѣдованіе неправильныхъ поступковъ назначенныхъ имъ чиновниковъ, и я обѣщаю вамъ, что они подвергнутся суровому наказанію.

Я не счелъ нужнымъ спорить съ такимъ знатокомъ русскаго народа, какимъ являлся генералъ Кизъ. Разговоръ самъ по себѣ прекратился и, пожелавъ мнѣ спокойной ночи, генералъ удалился въ свою каюту.

Рано утромъ миноносецъ подошелъ къ Сочи. Но разыгравшійся на морѣ штормъ не далъ возможности спустить шлюпки и съѣхать на берегъ.

— Вамъ придется ѣхать въ Екатеринодаръ безъ полномочій Комитета Освобожденія, сказалъ мнѣ Кизъ, появляясь въ каютъ-кампаніи.

— Я поѣду, но вы понимаете, что безъ соотвѣтствующихъ полномочій никакихъ договоровъ заключать не буду.

— Во всякомъ случаѣ вы сможете переговорить кое съ кѣмъ, и я возлагаю большія надежды на эти, хотя-бы и неоффиціальные переговоры.

Къ вечеру, выдержавъ жестокій штормъ, мы подошли къ Новороссійску и миноносецъ ошвартовался у цементныхъ заводовъ, гдѣ находилась англійская база.

Верховный комиссаръ Великобританіи занималъ маленькій двухъ-этажный домъ директора цементнаго завода. Въ трехъ комнатахъ перваго этажа помѣщались канцелярія, спальная генерала и столовая, часть которой была отведена подъ рабочій кабинетъ. Въ комнатахъ второго этажа помѣщались его секретари и адъютанты.

Генералъ извинился, что не можетъ предоставить мнѣ отдѣльной комнаты, и предложилъ временно расположиться въ его кабинетѣ.

Въ семь часовъ вечера состоялся парадный обѣдъ, къ которому были приглашены нѣсколько англійскихъ офицеровъ, явившихся въ парадной формѣ. Секретари Киза спустились въ смокингахъ и я въ своей потертой кожаной курткѣ выдѣлялся среди остальныхъ приглашенныхъ.

По окончаніи обѣда генералъ сказалъ мнѣ, что завтра утромъ онъ отправится къ помощнику Деникина — Новороссійскому генералъ-губернатору Лукомскому, послѣ чего мы съ вечернимъ поѣздомъ выѣдемъ въ Екатеринодаръ.

На слѣдующій день утромъ Кизъ дѣйствительно поѣхалъ къ Лукомскому, но вернулся весьма разстроеннымъ и обозленнымъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, окружающіе генерала Деникина люди абсолютно не способны разбираться въ политическихъ вопросахъ, съ раздраженіемъ проговорилъ онъ, входя въ свой кабинетъ. Я одинъ поѣду въ Екатеринодаръ и постараюсь привезти съ собой кого-нибудь изъ членовъ Рады, а вы подождете меня здѣсь.

Передъ своимъ отъѣздомъ генералъ Кизъ вручилъ мнѣ удостовѣреніе, въ которомъ значилось, что полковникъ Вороновичъ находится подъ покровительствомъ Верховнаго комиссара Великобританіи на югѣ Россіи.

Я сначала не понялъ поведенія Киза и только послѣ его отъѣзда узналъ отъ секретаря, что генералъ Лукомскій потребовалъ моей немедленной выдачи для преданія военно-полевому суду. На заявленіе Киза, что я пріѣхалъ для переговоровъ съ Радой, Лукомскій отвѣтилъ, что главное командованіе не допуститъ никакихъ переговоровъ предводителя мятежниковъ съ непользующимся довѣріемъ правительства Кубанскимъ парламентомъ. Ввиду этого Кизъ рѣшилъ самъ переговорить съ Деникинымъ, а для того, чтобы не допустить моего ареста Лукомскимъ, выдалъ удостовѣреніе, благодаря которому всякое покушеніе на мою личность было-бы разсмотрѣно, какъ оскорбленіе Верховнаго комиссара и представителя короля Англіи.

Послѣ отъѣзда Киза, я въ сопровожденіи двухъ англійскихъ офицеровъ, назначенныхъ моими тѣлохранителями, отправился въ городъ, въ которомъ могъ увидѣть охватившую добровольцевъ панику. Всѣ Ростовскія и часть Екатеринодарскихъ учрежденій были уже эвакуированы въ Новороссійскъ и разговоры многочисленныхъ чиновниковъ, губернаторовъ, оставшихся безъ губерній, и штабныхъ офицеровъ вертѣлись все вокругъ одной и той-же темы: гдѣ купить

иностранной валюты и какъ достать билетъ на какой нибудь отходящій за-границу пароходъ?

Здѣсь-же я встрѣтился съ нѣкоторыми изъ моихъ прежнихъ сослуживцевъ по гвардейскому корпусу. Они знали, что я являюсь «зеленымъ главковерхомъ», а слѣдовательно ихъ непріятелемъ. Тѣмъ не менѣе мы встрѣтились довольно дружелюбно и разговорились по-пріятельски.

— Вотъ, если ты попадешься къ намъ въ плѣнъ, сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, то ужъ не взыщи: сразу повѣсимъ!

— А я васъ вѣшать не стану, отвѣтилъ я со смѣхомъ, но и вы также не взыщите: придется вамъ немного потрудиться на ремонтѣ шоссе и взорванныхъ вашими отрядами мостовъ!

— Меня не испугаешь этимъ, улыбнулся мой собесѣдникъ, къ твоимъ «зеленымъ» я не попадусь: вотъ видишь — билетъ до Константинополя! Дѣло наше я считаю окончательно проиграннымъ и конечно не стану дожидаться здѣсь прихода большевиковъ.

На слѣдующій день вернулся изъ Екатеринодара генералъ Кизъ. Онъ былъ смущенъ и совершенно разстроенъ.

— Деникинъ не разрѣшаетъ вамъ вести переговоровъ съ Радой. Онъ также требуетъ вашего безусловнаго подчиненія главному командованію Добровольческой арміи и только, когда ваши «зеленые» сложатъ оружіе, возможно будетъ добиться назначенія разслѣдованія о произведенныхъ въ Сочинскомъ округѣ незаконныхъ дѣйствіяхъ военныхъ и гражданскихъ властей. Я вамъ совѣтую подчиниться приказу генерала Деникина, тѣмъ болѣе, что за время вашего отсутствія положеніе въ Черноморьѣ измѣнилось.

Съ этими словами генералъ передалъ мнѣ послѣднее оффиціальное сообщеніе Штаба Главнокомандующаго, въ которомъ говорилось, что Туапсинскій отрядъ Добровольческой арміи нанесъ полное пораженіе «зеленымъ бандамъ» на рѣкѣ Лоо (въ 20 верстахъ къ сѣверу отъ Сочи). Зеленые въ паникѣ отступаютъ, а побѣдоносные отряды добровольцевъ приближаются къ Сочи.

Меня нѣсколько смутило это извѣстіе, которое оказалось впослѣдствіи сплошнымъ вымысломъ: никакого боя у Лоо не было, а Туапсинскій отрядъ Добрарміи находился въ это время въ Головинкѣ (въ 70 верстахъ отъ Сочи).

Но я не показалъ Кизу своего смущенія, поблагодарилъ его за совѣтъ и попросилъ распорядиться немедленно доставить меня обратно въ Сочи.

— Никакихъ приказовъ генерала Деникина мы, конечно, исполнять не намѣрены; оружія мы не сложимъ до тѣхъ поръ, пока не очистимъ все Черноморье отъ войскъ Деникина, съ которымъ ни въ какіе переговоры не хотѣли вступать. Что-же касается Кубанской Рады, то мы постараемся вступить съ ней въ переговоры, несмотря на запрещеніе Деникина, заявилъ я Верховному комиссару.

— Какъ хотите, сказалъ Кизъ: знайте, что я хотѣлъ вамъ добра и очень опечаленъ, что мнѣ не удалось склонить Деникина помириться съ Черноморскимъ крестьянствомъ.

— Еще разъ заявляю вамъ, господинъ генералъ, что мириться съ Деникинымъ мы совершенно не намѣрены. Наша цѣль — освободить Черноморье отъ ига добровольцевъ, а генералъ Деникинъ упорно старается подчинить насъ своей власти. Поэтому споръ нашъ будетъ разрѣшенъ оружіемъ, которое не мы первые обнажили.

Генералъ очень любезно распрощался со мной и выразилъ увѣренность, что, несмотря на непримиримое настроеніе обѣихъ враждующихъ сторонъ, Черноморскіе крестьяне со временемъ сдѣлаются болѣе сговорчивыми.

На слѣдующее утро тотъ-же самый миноносецъ доставилъ меня обратно въ Сочи.

Когда мы подошли къ городу я съ радостью увидѣлъ развѣвающійся на маякѣ флагъ крестьянскаго ополченія. Сочи попрежнему находилось въ нашихъ рукахъ.

XVII

Вернувшись въ Сочи, я прежде всего отправился въ Штабъ узнать о положеніи дѣлъ на фронтѣ. Оказалось, что крестьянское ополченіе попрежнему одерживаетъ успѣхи, и за время моего отсутствія фронтъ нашъ продвинулся почти до границы Туапсинскаго округа.

Въ штабѣ я узналъ о томъ, что Комитетъ Освобожденія, получивъ изъ Гагръ мою телеграмму о поѣздкѣ въ Новороссійскъ, постановилъ отчислить меня отъ главнаго командованія крестьянскимъ ополченіемъ и отъ завѣдыванія военнымъ отдѣломъ Комитета.

Я тотчасъ-же пошелъ къ предсѣдателю комитета Филипповскому и спросилъ его, чѣмъ вызвано такое постановленіе?

Филипповскій былъ очень смущенъ и объяснилъ мнѣ, что комитетъ былъ вынужденъ принять такое рѣшеніе по требованію крестьянъ, до которыхъ дошли слухи о томъ, что я поѣхалъ въ Новороссійскъ для заключенія мирнаго договора съ Деникинымъ.

Зная, какъ ко мнѣ относятся наши Сочинскіе крестьяне, я не повѣрилъ такому объясненію и между мною и Филипповскимъ произошелъ крупный разговоръ.

— Я не понимаю, какъ могъ Комитетъ Освобожденія вынести рѣшеніе, не выслушавъ моихъ объясненій?

— Но мы не знали — вернетесь-ли вы обратно изъ Новороссійска!

— Значитъ вы предполагали, что я измѣнилъ крестьянству и перешелъ на службу къ Деникину?

— Нѣтъ, намъ и въ голову не могла придти такая мысль, но мы боялись, что англичане заманятъ васъ въ ловушку и выдадутъ Деникину.

Филипповскій началъ путаться въ своихъ объясненіяхъ.

— Такъ какъ комитетъ отстранилъ меня отъ завѣдыванія военнымъ отдѣломъ, то я больше никакого участія въ его работѣ принимать не буду, заявилъ я ему. Я требую, чтобы Комитетъ Освобожденія опубликовалъ свое постановленіе и разослалъ-бы его по всѣмъ селеніямъ Сочинскаго округа. Никакихъ объясненій я комитету не представлю, а дамъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ крестьянскому съѣзду! Пусть меня судятъ тѣ крестьяне, которые довѣрили мнѣ командованіе своимъ ополченіемъ!

Мое заявленіе встревожило Филипповскаго.

— Я не понимаю, почему вы волнуетесь? Комитетъ ни минуты не сомнѣвался въ вашей преданности крестьянскому дѣлу и теперь, когда вы вернулись цѣлымъ и невредимымъ, вы объясните намъ цѣль вашей поѣздки и мы тотчасъ аннулируемъ наше постановленіе . . .

Но я категорически отказался отъ всякихъ объясненій съ комитетомъ.

Быть можетъ, я былъ неправъ, но меня крайне возмутило то обстоятельство, что вопросъ о моей преданности Черноморскому крестьянству разбирался тѣми людьми, которые были мною-же приглашены на работу въ Черноморье и были избраны въ Комитетъ Освобожденія только благодаря моей рекомендаціи.

Вернувшись къ себѣ въ номеръ я засталъ въ немъ представителей Хостинскаго и Волковскаго районныхъ штабовъ, поджидавшихъ меня.

— Намъ сказали въ Главномъ Штабѣ, будто вы подали въ отставку?

Я объяснилъ имъ, что произошло.

— Ну, такъ вотъ что, Н. В., заявили мнѣ крестьяне: никто изъ поселянъ не обращался къ комитету съ требованіемъ отстранить васъ отъ командованія ополченіемъ. Если-же о постановленіи комитета узнаютъ въ деревняхъ — то получится большой скандалъ. Мы вамъ всѣ вполнѣ довѣряемъ и никакого разговора о вашей поѣздкѣ среди крестьянъ не было. Тутъ что-то неладно! Мы сейчасъ пойдемъ къ Филипповскому и разузнаемъ въ чемъ дѣло.

Не знаю, что говорили крестьяне предсѣдателю комитета, но только черезъ полчаса Филипповскій прибѣжалъ ко мнѣ и сталъ убѣждать меня не выходить изъ состава комитета.

— Если вы уйдете — крестьяне потребуютъ переизбранія комитета, а вы сами понимаете, что это въ данное время абсолютно невозможно сдѣлать! Комитетъ только-что аннулировалъ свое постановленіе о вашемъ отчисленіи отъ завѣдыванія военнымъ отдѣломъ, и я, отъ имени всего комитета, прошу васъ взять ваше заявленіе обратно.

Я сознавалъ, что начатое нами дѣло не можетъ страдать отъ уязвленнаго самолюбія и личныхъ обидъ кого-либо изъ его участниковъ. Поэтому я согласился остаться въ комитетѣ, но не удержался отъ того, чтобы не высказать Филипповскому моего крайняго удивленія странному поведенію комитета.

— Сначала вы рѣшили отстранить меня отъ завѣдыванія военными дѣлами, не потребовавъ отъ меня никакихъ объясненій, а теперь возстанавливаете меня въ правахъ, снова не дождавшись этихъ объясненій. Я не хотѣлъ давать вамъ отчета о моей поѣздкѣ, но теперь, чтобы вывести комитетъ изъ не совсѣмъ пріятнаго положенія людей, выносящихъ необдуманныя рѣшенія, я требую созыва экстреннаго засѣданія, на которомъ сдѣлаю подробный докладъ.

Филипповскій остался очень доволенъ моимъ отвѣтомъ и тотчасъ-же собралъ комитетъ, который, выслушавъ мой докладъ, единогласно одобрилъ мои дѣйствія и сдѣланныя мною заявленія Верховному англійскому комиссару.

Казалось, что вызванный постановленіемъ Комитета Освобожденія инцидентъ исчерпанъ, но вечеромъ выяснилось, что это не совсѣмъ такъ. Какъ я уже говорилъ раньше, моимъ начальникомъ штаба былъ казачій офицеръ Томашевскій (Сергѣевъ), называвшій себя эсъ-эромъ, а на самомъ дѣлѣ сочувствовавшій коммунистамъ и состоявшій въ связи съ Закавказскимъ комитетомъ Рос. Коммун. партіи. Двое изъ командировъ дружинъ Скобелевъ и Казанскій и помощникъ начальника штаба — Шевцовъ — были также скрытыми коммунистами и руководствовались въ своихъ дѣйствіяхъ секретными инструкціями большевистскаго комитета. Большевики-же относились весьма недоброжелательно къ проведенной мною въ жизнь идеѣ организаціи крестьянскаго ополченія, такъ-какъ знали, что крестьянство относится отрицательно къ политикѣ и тактикѣ компартіи. Какъ оказалось впослѣдствіи, Сергѣеву-Томашевскому была дана инструкція всѣми мѣрами дискредитировать меня въ глазахъ находившихся на фронтѣ частей

ополченія. Постановленіе Комитета Освобожденія дало ему возможность тотчасъ же телеграфировать о моей «измѣнѣ» на фронтъ и исполнить возложенную на него большевиками задачу.

На фронтѣ находились два баталіона, сформированныхъ изъ плѣнныхъ солдатъ Сальянскаго и Шемахинскаго полковъ 52-й бригады Добрарміи. Эти солдаты были въ 1918 году красноармейцами Сорокинской арміи и, послѣ разгрома Сѣверо-Кавказскихъ большевиковъ — взяты въ плѣнъ добровольцами. Среди нихъ оказалось нѣсколько партійныхъ коммунистовъ, ловко скрывшихъ отъ команднаго состава Добрарміи свою партійную принадлежность и все время имѣвшихъ большое вліяніе на бывшихъ красноармейцевъ. Пораженіе добровольцевъ подъ Харьковомъ и Ростовомъ еще болѣе усилили престижъ и вліяніе большевиковъ, которые начали исподволь возстанавливать зачисленныхъ въ ряды ополченія плѣнныхъ добровольцевъ противъ крестьянства.

Извѣстіе о моей «измѣнѣ» было съ восторгомъ встрѣчено этими двумя баталіонами плѣнныхъ добровольцевъ, но крестьянскія роты отнеслись къ нему съ недовѣріемъ и немедленно командировали въ Сочи своихъ представителей для личныхъ переговоровъ со мною. Делегаты эти прибыли поздно вечеромъ и, переговоривши со мною, тотчасъ-же по телефону сообщили фронту о происшедшемъ недоразумѣніи. Большевики къ этому времени успѣли уже вынести резолюцію, въ которой выражали мнѣ недовѣріе и требовали немедленнаго отчисленія меня отъ главнаго командованія. Однако, убѣдившись въ настроеніи крестьянскихъ ротъ, заявившихъ, что они признаютъ только меня и будутъ сражаться только подъ моимъ начальствомъ, коммунисты рѣшили припрятать свою резолюцію до болѣе подходящаго момента. Но все-таки необдуманное и слишкомъ поспѣшное постановленіе Комитета Освобожденія сыграло, несомнѣнно, въ руку большевикамъ и положило начало тому расколу на фронтѣ, который черезъ нѣкоторое время вылился въ форму отдѣленія сформированныхъ изъ плѣнныхъ добровольцевъ баталіоновъ отъ крестьянскаго ополченія.

Въ этотъ-же вечеръ я получилъ телефонограмму отъ Хостинскаго районнаго штаба, настоятельно просившаго меня пріѣхать на слѣдующій день въ Хосту, гдѣ былъ назначенъ большой районный (волостной) крестьянскій сходъ.

Пріѣхавъ въ Хосту, я былъ восторженно встрѣченъ собравшимися крестьянами, избравшими меня предсѣдателемъ схода. Здѣсь, на сходѣ, я узналъ отъ крестьянъ, что они сильно обезпокоены медлительностью Комитета Освобожденія и его нерѣшительностью, выражавшихся въ томъ, что до сихъ поръ на территоріи, освобожденной отъ добровольческихъ властей, не было установлено гражданскихъ органовъ управленія.

И въ самомъ дѣлѣ, Комитетъ Освобожденія, занявшійся вопросами «высшей политики», не обратилъ достаточнаго вниманія на внутреннюю политику и организацію деревни. Единственными органами, развившими въ округѣ свою дѣятельность, являлись районные штабы крестьянскаго ополченія, къ которымъ крестьяне обращались со всевозможными просьбами и съ вопросами, ничего общаго не имѣвшими съ основной дѣятельностью штабовъ. Предсѣдатели районныхъ штабовъ неоднократно обращались ко мнѣ съ просьбами освободить ихъ отъ гражданскихъ и судебныхъ функцій, и я, въ свою очередь, обращалъ на такую ненормальность вниманіе Комитета.

Еще до занятія Сочи, Комитетъ Освобожденія рѣшилъ созвать въ концѣ февраля очередной крестьянскій съѣздъ для разрѣшенія вопросовъ о дальнѣйшемъ веденіи войны съ Добрарміей, о гражданскомъ самоуправленіи, финансахъ

и возстановленіи экономической жизни Черноморья. Но созывъ этого съѣзда все почему-то откладывался и главной причиной проволочки являлось отсутствіе въ составѣ Комитета достаточнаго числа работниковъ. Повторилась столь обычная за время революціи картина: любителей говорить и кричать было болѣе, чѣмъ достаточно, а исполнять черную работу и приводить въ исполненіе принятыя рѣшенія — было некому...

Изъ девяти членовъ комитета три человѣка были заняты чуть-ли не по 24 часа въ сутки, а остальные шесть ничего не дѣлали.

На Хостинскомъ сходѣ былъ снова поднятъ вопросъ о созывѣ съѣзда и мнѣ, какъ представителю Комитета Освобожденія, было поручено передать резолюцію схода и выработанный на сходѣ порядокъ съѣзда предсѣдателю комитета Филипповскому. Одновременно было рѣшено разослать по всѣмъ районамъ (волостямъ) копіи принятой въ Хостѣ резолюціи.

Я воспользовался поѣздкой въ Хосту для того, чтобы объѣздить сосѣднія селенія и ознакомиться съ настроеніями крестьянства, такъ-какъ зналъ, что никто изъ членовъ Комитета Освобожденія до сихъ поръ не удосужился совершить такую поѣздку по деревнямъ, а у крестьянъ накопилось много вопросовъ, на которые они ждали отвѣтовъ отъ избранныхъ ими руководителей. Эта поѣздка убѣдила меня въ необходимости оторвать президіумъ Комитета Освобожденія отъ кабинетной работы и настоять на скорѣйшемъ проведеніи въ жизнь назрѣвшихъ реформъ.

Вернувшись черезъ день въ Сочи, я доложилъ комитету о своихъ впечатлѣніяхъ и въ длинномъ разговорѣ съ двумя наиболѣе активными членами комитета — В. Н. Филипповскимъ и Ф. Д. Сорокинымъ, обратилъ ихъ вниманіе на отсутствіе достаточной работы въ деревнѣ.

— Наша единственная и могучая опора — крестьянство, которое намъ вполнѣ довѣряетъ, говорилъ я комитету: мы должны удѣлить крестьянству всю свою энергію и поддерживать съ нимъ постоянную и прочную связь. Мы должны знать, чего хотятъ и къ чему стремятся крестьяне и обязаны постоянно держать ихъ въ курсѣ нашихъ рѣшеній по всѣмъ вопросамъ внѣшней и внутренней политики. А комитетъ, переѣхавъ въ Сочи, занялся преимущественно городскими дѣлами...

Филипповскій и Сорокинъ вполнѣ соглашались со мною, но указывали на то, что занявъ Сочи, комитетъ получилъ тяжелое наслѣдство: полное отсутствіе средствъ и продовольствія и многочисленное городское населеніе, обращавшееся къ комитету со всякаго рода требованіями.

Въ концѣ-концовъ было рѣшено созвать чрезвычайный окружной съѣздъ, а до тѣхъ поръ немедленно произвести рядъ временныхъ реформъ, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, принявъ къ свѣдѣнію рекомендованныя сельскими сходами временныя мѣропріятія.

Однимъ изъ такихъ мѣропріятій являлось обложеніе всего некрестьянскаго населенія единовременнымъ денежнымъ налогомъ. Крестьяне говорили, что они несутъ на себѣ всѣ тяготы войны, добровольно снабжая ополченіе продовольствіемъ, подводами и лошадьми. Кромѣ того крестьяне-плантаторы рѣшили пожертвовать Комитету Освобожденія часть имѣвшагося у нихъ прошлогодняго запаса табаку, который явился-бы валютнымъ товаромъ и фондомъ для товарообмѣна съ сосѣдней Грузіей и Кубанью. Городское-же населеніе никакихъ налоговъ не вносило и фактически не принимало участія въ борьбѣ крестьянъ съ добровольцами, въ лучшемъ случаѣ выражая лишь свое сочувствіе избранному

крестьянами правительству. Поэтому крестьяне считали справедливымъ обложить горожанъ Сочи, Адлера и Хосты единовременнымъ денежнымъ налогомъ, который по ихъ подсчету далъ-бы вполнѣ достаточную сумму для необходимыхъ расходовъ по организаціи городского самоуправленія, и снабженію городского населенія продовольствіемъ.

Мы стали дѣятельно готовиться къ подготовкѣ съѣзда и мнѣ пришлось снова раздѣлить свое вниманіе между фронтомъ и тыломъ. На фронтѣ готовились къ продолженію временно прерванныхъ военныхъ операцій, а въ тылу происходила огромная работа по формированію второочередныхъ частей, артиллерійскихъ батарей, инженерной команды, а также по организаціи правильнаго снабженія фронта и возстановленію полуразрушенныхъ шоссе и линіи Черноморской желѣзной дороги.

Между тѣмъ выступившій изъ Туапсе отрядъ Добрарміи, въ составѣ офицерскаго баталіона полковника Галкина и 10-го своднаго полка, соединившись съ отступившими изъ Сочи остатками 52-й бригады и армянскимъ баталіономъ полковника Чимишкіанца, укрѣпился на рѣкѣ Шахэ (у селенія Головинки). Командовавшій всѣми добровольческими войсками (2000 штыковъ и 8 орудій) полковникъ Жуковскій прислалъ къ намъ парламентеровъ съ предложеніемъ — покориться приказу Новороссійскаго генералъ-губернатора Лукомскаго и немедленно сдать оружіе. Парламентеры доставили намъ нѣсколько экземпляровъ воззванія генерала Лукомскаго, въ которомъ крестьянамъ обѣщалось полное прощеніе, если они выдадутъ оружіе и главарей возстанія. Генералъ Лукомскій обѣщалъ также отъ имени Деникина — освободить Черноморскихъ крестьянъ отъ всякихъ мобилизацій и реквизицій.

Мы не хотѣли скрывать прокламацій Лукомскаго отъ крестьянъ и немедленно разослали ихъ по всѣмъ деревнямъ. Но результатами этихъ прокламацій явилось то, что отпущенные штабомъ на недѣльный отдыхъ въ свои деревни ополченцы, стали въ этотъ-же вечеръ возвращаться на фронтъ и заявили о своемъ настойчивомъ рѣшеніи продолжать войну съ «кадетами» до полнаго освобожденія Черноморья отъ власти Деникина и его губернатора Лукомскаго.

— Довольно мы вѣрили «кадюкамъ», говорили крестьяне. Сколько разъ они освобождали насъ отъ мобилизацій и реквизицій, когда имъ туго приходилось. Вотъ и теперь — выгнали мы ихъ изъ Сочи, такъ они чего угодно готовы наобѣщать, а какъ только насъ обезоружатъ — снова примутся за старое...

Мы заявили парламентерамъ, что отказываемся подчиниться приказу Лукомскаго и въ свою очередь предложили Жуковскому, во избѣжаніе кровопролитія, безъ боя отойти къ Новороссійску, очистивъ весь Туапсинскій и южную часть Новороссійскаго округовъ.

Парламентеры вернулись обратно, предупредивъ насъ, что на слѣдующій день, 13-го февраля, полковникъ Жуковскій перейдетъ въ наступленіе и заставитъ насъ силой оружія подчиниться приказу генерала Лукомскаго.

Однако, несмотря на то, что числомъ штыковъ и орудій добровольцы значительно превосходили насъ, мы нисколько не безпокоились и были увѣрены, что 13-е февраля будетъ днемъ нашей новой побѣды.

Произведенная охотниками развѣдка расположенія силъ противника выяснила всю слабость добровольческой позиціи. Позиція эта тянулась по правому низменному берегу рѣки Шахэ и находилась подъ губительнымъ обстрѣломъ со стороны нашей, находившейся на возвышенномъ лѣвомъ берегу рѣки, позиціи. Окопы, вырытые добровольцами, совершенно не предохраняли ихъ отъ нашего ружей-

наго и пулеметнаго огня. Флангъ позиціи отряда Жуковскаго снова упирался въ подножіе высокой горы и, несмотря на опытъ боевъ подъ Адлеромъ и Мацестой, снова считался добровольческимъ командованіемъ вполнѣ обезпеченнымъ отъ обхода. Для того, чтобы вполнѣ застраховаться отъ обхода, Жуковскій приказалъ свалить на своемъ крайнемъ флангѣ нѣсколько десятковъ деревьевъ и опутать эти деревья колючей проволокой. Устроенная такимъ образомъ засѣка тянулась всего на сто саженъ въ длину и, конечно, не представляла собой надежнаго прикрытія совершенно обнаженнаго фланга.

Въ ночь на 13-е февраля мы выслали два сильныхъ отряда (по три роты каждый) въ обходъ фланга и тыла противника. Первый отрядъ долженъ былъ совершить ближній обходъ, подняться на ту гору, въ которую упирался лѣвый флангъ позиціи Жуковскаго, а второй — выйти въ тылъ между Головинкой и Лазаревкой, откуда и предпринять наступленіе по Черноморскому шоссе. Оставшіяся на фронтѣ двѣ дружины общей численностью въ 500 штыковъ должны были сдерживать наступленіе добровольцевъ, а затѣмъ, когда совершится обходъ, перейти въ фронтальную аттаку.

Въ 11 часовъ утра добровольцы открыли военныя дѣйствія, начавъ артиллерійскій обстрѣлъ нашей позиціи. Черезъ полъ-часа съ моря подошла подводная лодка, открывшая огонь изъ 75 милиметроваго орудія по нашему тылу. Но миніатюрная пущенка подводной лодки не причиняла намъ никакихъ потерь и поврежденій.

Мы ограничивались рѣдкимъ ружейнымъ огнемъ и ждали условленнаго сигнала со стороны обходныхъ колоннъ. Наконецъ, около часу дня въ тылу у добровольцевъ затрещали пулеметы. Въ отрядѣ Жуковскаго поднялась паника, которую еще больше увеличилъ сильный и мѣткій огонь, открытый нами съ фронта. Черезъ нѣсколько минутъ, понеся большія потери, добровольцы были вынуждены очистить неудачно выбранную ими позицію на берегу Шахэ. Ополченцы, по поясъ въ холодной водѣ, быстро переправились на правый берегъ рѣки и стали тѣснить отступающихъ. Въ это время на шоссе показался вышедшій имъ въ тылъ крестьянскій отрядъ и — участь боя была рѣшена.

Офицерскій баталіонъ и часть 10-го своднаго полка, бросивъ двѣ батареи и обозъ, успѣли пробиться къ линіи желѣзной дороги, пластунская сотня есаула Базарова выкинула бѣлый флагъ и сдалась въ плѣнъ, а армянскій баталіонъ Чимишкіанца, припертый къ горамъ, былъ совершенно разгромленъ. Крестьяне особенно ненавидѣли этотъ баталіонъ, постоянно принимавшій участіе во всѣхъ карательныхъ экспедиціяхъ, и не давали пощады армянамъ. Во время этого послѣдняго эпизода Головинскаго боя разыгралась слѣдующая отвратительная сцена: солдаты армянскаго баталіона, зная, какъ ихъ ненавидятъ крестьяне, рѣшили заслужить себѣ прощеніе путемъ избіенія своихъ офицеровъ... Армяне-пулеметчики, увидѣвъ, что бой проигранъ, повернули свои пулеметы и начали обстрѣливать пытавшихся пробить себѣ путь отступленія офицеровъ. Командиръ баталіона — полковникъ Чимишкіанъ былъ буквально перерѣзанъ пулеметомъ на двѣ части... Однако это предательство еще болѣе возмутило крестьянъ, и ротнымъ командирамъ съ большимъ трудомъ удалось остановить поголовное избіеніе взятыхъ въ плѣнъ армянъ.

Преслѣдованіе отступавшихъ въ паникѣ добровольцевъ продолжалось до поздней ночи, число плѣнныхъ и трофеевъ все увеличивалось. Когда мы заняли Лазаревку (въ 90 верстахъ къ сѣв. отъ Сочи) выяснилось, что дорога на

Туапсе совершенно открыта, такъ-какъ отрядъ Жуковскаго не могъ остановиться на заранѣе подготовленной у Лазаревки позиціи и отступилъ до самого Туапсе.

Въ этотъ день крестьянское ополченіе захватило 8 орудій, 30 пулеметовъ и около 300 плѣнныхъ, потерявъ всего 11 человѣкъ убитыми и ранеными. Но мы радовались больше всего тому, что въ наши руки попалъ обозъ и три вагона бѣлой муки, которая для насъ была дороже всякихъ пушекъ и пулеметовъ...

XVIII

Вскорѣ послѣ Головинскаго боя началась предвыборная кампанія и подготовка къ чрезвычайному окружному съѣзду. По всѣмъ селеніямъ собирались сходы, выбиравшіе делегатовъ и выносившіе резолюціи съ наказами избраннымъ на съѣздъ делегатамъ. Всѣ эти наказы требовали скорѣйшей организаціи крестьянскаго самоуправленія, продолженія борьбы за освобожденіе Черноморья и дальнѣйшаго усиленія крестьянскаго ополченія, которое «должно защищать нашу крестьянскую власть отъ всякой пришлой силы, какъ справа, такъ и слѣва».

Съѣздъ былъ назначенъ на 20-е февраля, но такъ-какъ къ этому дню организаціонный комитетъ не могъ вырѣшить нѣкоторыхъ связанныхъ съ открытіемъ съѣзда вопросовъ, его пришлось отложить на одинъ день. Кромѣ крестьянскихъ делегатовъ, комитетъ рѣшилъ предоставить нѣсколько мѣстъ Сочинскимъ и Адлерскимъ рабочимъ и профессіональнымъ союзамъ, а фронтовики требовали допущенія на съѣздъ и ихъ представителей. Требованіе это исходило не отъ крестьянскихъ ротъ, а отъ плѣнныхъ добровольцевъ, голосами которыхъ намѣревались воспользоваться большевики, не получившіе ни одного депутатскаго мандата ни отъ крестьянъ, ни отъ рабочихъ.

Хотя Главный Штабъ и былъ противъ участія на съѣздѣ представителей отъ плѣнныхъ солдатъ Добрарміи, не имѣвшихъ никакой связи съ мѣстнымъ населеніемъ, но комитетъ согласился съ ихъ требованіемъ и предоставилъ по одному мандату каждой ротѣ.

Такъ какъ крестьяне-ополченцы принимали участіе въ избраніяхъ делегатовъ въ своихъ деревняхъ, то всѣ делегаты отъ фронта оказались бывшими красноармейцами Сальянскаго и Шемахинскаго полковъ, находившимися подъ вліяніемъ большевиковъ. Делегатами отъ фронта были избраны также Томашевскій-Сергѣевъ и Казанскій, которые на съѣздѣ дирижировали «фракціей фронтовиковъ», согласно полученныхъ ими указаній отъ большевистскаго комитета.

Незадолго до съѣзда, въ Сочи образовался Черноморскій комитетъ Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи (меньшевиковъ). Комитетъ этотъ въ сущности являлся самозваннымъ, такъ какъ былъ избранъ небольшой группой Сочинскихъ рабочихъ и никакой связи съ меньшевиками Туапсинскаго и Новороссійскаго округовъ не имѣлъ.

Предсѣдателемъ комитета былъ довольно неустойчивый въ своихъ политическихъ выступленіяхъ бывшій членъ 2-й Госуд. Думы Измайловъ. Въ 1918 году, явившись въ Сочи изъ Новгородской губерніи, онъ яростно выступалъ противъ большевиковъ и всѣми своими силами содѣйствовалъ занятію Сочи грузинами, которые назначили его за проявленное усердіе предсѣдателемъ окружного земельнаго комитета. Послѣ занятія Сочи добровольцами, Измайловъ

бѣжалъ въ Грузію, откуда и явился въ Сочи непримиримымъ грузинофобомъ и большимъ сторонникомъ большевиковъ. Членами меньшевистскаго комитета были: нѣкій Королевъ, оказавшійся впослѣдствіи коммунистомъ, и именовавшій себя «инженеромъ» Я. Г. Цвангеръ.

Цвангеръ пріѣхалъ въ Сочи въ 1917 году, выступалъ на всѣхъ митингахъ и собраніяхъ какъ соціалъ-демократъ — интернаціоналистъ, редактировалъ газету Сочинскаго совѣта рабочихъ и солд. депутатовъ, а въ концѣ-концовъ — оказался представителемъ гетмана Петлюры . . .

Таковъ былъ персональный составъ Черноморскаго комитета меньшевиковъ, пытавшагося подчинить своему вліянію крестьянъ и рабочихъ Сочинскаго округа. Во время предвыборной кампаніи комитетъ этотъ выставлялъ на различныхъ волостныхъ сходахъ кандидатуры своихъ членовъ для избранія ихъ делегатами на съѣздъ. Но крестьяне относились къ нимъ съ недовѣріемъ, и никто изъ членовъ меньшевистскаго комитета не былъ избранъ на волостныхъ сходахъ. Послѣ пораженія въ деревняхъ, Измайловъ и Королевъ были избраны городскими рабочими и получили мандаты, благодаря которымъ имѣли возможность принять участіе на съѣздѣ.

Какъ только крестьянскіе делегаты начали съѣзжаться въ Сочи, ихъ начали усиленно обхаживать съ одной стороны коммунисты, а съ другой стороны — члены меньшевистскаго комитета. Крестьяне рѣшили не поддаваться вліянію никакихъ партійныхъ организацій и составить собственную крестьянскую фракцію. Наканунѣ открытія съѣзда крестьяне собрались въ помѣщеніи театра гостиницы «Ривьера» и приступили къ обсужденію вопросовъ, поставленныхъ въ порядокъ дня. Они пригласили меня принять участіе въ ихъ собраніи и, когда я къ нимъ явился, избрали меня предсѣдателемъ крестьянской фракціи окружного съѣзда.

Какъ предсѣдатель крестьянской фракціи, въ составъ которой входили три четверти делегатовъ, я былъ почти единогласно избранъ предсѣдателемъ чрезвычайнаго съѣзда. Хотя такое избраніе и свидѣтельствовало о томъ довѣріи, которымъ я пользовался среди крестьянскаго населенія, оно очень меня не устраивало, такъ какъ совершенно устраняло отъ управленія фронтомъ, гдѣ съ часу на часъ усиливалось вліяніе большевиковъ.

Линія нашего фронта подходила къ этому времени къ самому Туапсе, и мы готовились занять этотъ городъ, въ которомъ были сосредоточены богатые продовольственные запасы, склады оружія и обмундированія, только-что доставленные англичанами. Подойдя къ Туапсе крестьянское ополченіе установило связь съ партизанскими «зелеными» отрядами Туапсинскаго и Новороссійскаго округовъ, отрѣзавшими Туапсе отъ Новороссійска и готовившимися напасть на Туапсинскій гарнизонъ съ тыла.

Участь Туапсе особенно безпоконла англійское командованіе, которое обѣщало добровольцамъ принять активное участіе въ оборонѣ города и порта. Мнѣ кажется, что англичане безпокоились главнымъ образомъ за судьбу свезенныхъ ими въ Туапсе предметовъ снаряженія и обмундированія, которые они въ данный моментъ не могли вывезти обратно. Англичане попробовали воздѣйствовать на насъ угрозами и 22-го февраля прислали на фронтъ парламентеровъ, заявившихъ, что правительство Великобританіи поддерживаетъ генерала Деникина и поэтому отнесется крайне отрицательно къ дальнѣйшему наступленію войскъ Комитета Освобожденія на Туапсе.

Командовавшій фронтомъ полковникъ Г. отвѣтилъ англичанамъ, что онъ исполняетъ директивы Комитета Освобожденія, приказавшаго ему занять Туапсе, а посему просить со всякими требованіями и переговорами обращаться непосредственно къ Комитету Освобожденія.

Рано утромъ 24-го февраля къ Сочи подошелъ снова англійскій миноносецъ № 78, на которомъ я совершилъ свое путешествіе въ Новороссійскъ. На миноносцѣ прибылъ для переговоровъ съ Комитетомъ Освобожденія помощникъ Верховнаго комиссара Великобританіи генералъ Коттонъ.

Я только-что готовился открыть засѣданіе съѣзда, какъ мнѣ доложили о пріѣздѣ англичанъ и о просьбѣ Филипповскаго немедленно явиться на экстренное засѣданіе Комитета Освобожденія.

Пришлось объявить перерывъ, и я отправился въ комнату Филипповскаго, гдѣ засталъ генерала Коттона, съ которымъ уже былъ знакомъ, встрѣтившись съ нимъ впервые на обѣдѣ у генерала Киза въ Новороссійскѣ. Съ генераломъ Коттономъ пріѣхалъ въ качествѣ переводчика мой товарищъ по Пажескому корпусу — капитанъ конной артиллеріи Чириковъ.

Генералъ Коттонъ заявилъ намъ, что цѣлью его визита является прекращеніе дальнѣйшей войны между крестьянами и правительствомъ Деникина.

— Мы можемъ заставить генерала Деникина вступить въ непосредственные переговоры съ крестьянскимъ правительствомъ Черноморья, сказалъ Коттонъ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что Деникинъ пойдетъ на уступки и признаетъ самостоятельность Сочинскаго округа. Мы готовы оказать вамъ всяческое содѣйствіе и гарантировать вашу самостоятельность, но при непремѣнномъ условіи прекращенія дальнѣйшаго наступленія на Туапсе.

— Къ сожалѣнію, мы должны отклонить ваше любезное вмѣшательство, отвѣтилъ ему Филипповскій. Черноморское крестьянство неоднократно обращалось въ прошломъ году къ англійскому командованію, надѣясь на то, что чувства гуманности и справедливости заставятъ представителей Великобританіи обратить вниманіе на тяжелое положеніе крестьянскаго населенія Черноморской губерніи. Но тогда — вы не удостоили насъ даже своимъ отвѣтомъ, теперь-же споръ крестьянъ съ Добрарміей разрѣшается при помощи оружія. Этотъ споръ — является дѣломъ русскаго народа, и мы не желаемъ вмѣшательства иностранцевъ во внутреннія русскія дѣла.

— Но командованіе Добровольческой арміи относится вполнѣ благожелательно къ нашему вмѣшательству, возразилъ Коттонъ.

— Можетъ быть, но мы стоимъ на опредѣленной точкѣ зрѣнія, что васъ совершенно не касаются взаимоотношенія различныхъ русскихъ политическихъ группировокъ. Вѣдь мы не вмѣшиваемся въ ваши внутреннія дѣла, почему-же вы хотите оказывать свое вліяніе на наши русскіе споры?

— Правительство Великобританіи хочетъ видѣть въ Россіи миръ и спокойствіе. Мы поддерживали Деникина въ его борьбѣ съ большевиками, но не хотимъ допустить междоусобицы между крестьянами и Добровольческой арміей. Этимъ объясняется наше желаніе примирить васъ съ Деникинымъ.

— Въ настоящій моментъ въ Сочи засѣдаетъ окружной съѣздъ. Комитетъ Освобожденія не выноситъ самостоятельныхъ рѣшеній, а выполняетъ волю крестьянскаго населенія. Предложите съѣзду заключить миръ съ генераломъ Деникинымъ и, если съѣздъ постановитъ такое рѣшеніе, мы обязаны будемъ привести его въ исполненіе.

Генералъ Коттонъ пожелалъ лично обратиться къ представителямъ Сочинскаго крестьянства и попросилъ разрѣшенія посѣтить засѣданіе съѣзда.

Я открылъ прерванное засѣданіе, на которое вскорѣ явились генералъ Коттонъ, его переводчикъ капитанъ Чириковъ и предсѣдатель Комитета Освобожденія Филипповскій.

Но англійскому генералу не скоро удалось выступить передъ крестьянами, которые наперерывъ старались разсказать представителю культурной Европейской націи о всѣхъ страданіяхъ и обидахъ, причиненныхъ имъ властями и карательными экспедиціями Добрармін. Одинъ за другимъ поднимались на трибуну представители различныхъ районовъ и селеній и жуткими красками описывали «подвиги» назначенныхъ генераломъ Деникинымъ гражданскихъ и военныхъ начальниковъ.

— Въ прошломъ году, на второй день Свѣтлаго Праздника, мы обратились къ вашему полковнику Файну, заявилъ Коттону одинъ изъ депутатовъ. Но вы тогда не захотѣли помочь намъ. Чего-же вы хотите отъ насъ сейчасъ, когда мы, съ Божьей помощью, избавились отъ гнета насильниковъ?

— Мы не побоялись вашихъ пулеметовъ и пушекъ, которыми вы снабжали Деникина для борьбы съ безоружными крестьянами, обратился къ Коттону другой депутатъ, такъ неужели вы думаете, что теперь мы, завладѣвъ этими вашими пушкими и пулеметами, побоимся вашихъ угрозъ? Знайте, что мы до тѣхъ поръ не прекратимъ борьбу, пока не установимъ свою крестьянскую власть на всемъ Черноморьѣ... И никакіе иностранцы не смогутъ помѣшать намъ...

Генералъ Коттонъ, которому переводчикъ дословно переводилъ каждое заявленіе депутатовъ съѣзда, былъ видимо смущенъ. Привыкнувъ на территоріи Добрармін къ выраженіямъ почтительной благодарности, онъ впервые столкнулся и ознакомился съ настроеніями того русскаго народа, отъ имени котораго съ нимъ до сего времени разговаривали генералы и бывшіе губернаторы до-революціоннаго режима. Враждебное отношеніе русскихъ къ всемогущимъ бывшимъ союзникамъ было для него полной неожиданностью. До сихъ поръ англичане думали, что, поддерживая Деникина, Колчака и другихъ «правителей», они оказываютъ благодѣяніе русскому народу, и представители добровольческаго командованія поддерживали въ нихъ эту увѣренность.

Коттонъ попросилъ слова и обратился къ съѣзду съ предложеніемъ послать съ нимъ въ Новороссійскъ делегатовъ для переговоровъ съ Верховнымъ комиссаромъ Великобританіи на предметъ заключенія перемирія съ Добрарміей.

— Англичане желаютъ добра Россіи, заявилъ генералъ. Англія всегда и всюду боролась за свободу и справедливость. Мы помогали Деникину оружіемъ и обмундированіемъ, такъ-какъ онъ боролся противъ большевизма, который является самымъ большимъ врагомъ свободы. Выберите делегатовъ, и я ихъ доставлю въ Новороссійскъ, гдѣ они смогутъ договориться о прекращеніи борьбы съ добровольцами. Я не сомнѣваюсь, что ваши разсказы о произведенныхъ добровольцами звѣрствахъ — соотвѣтствуютъ истинѣ, но эти звѣрства не могутъ служить препятствіемъ для заключенія мира. Англичане ручаются за то, что всѣ виновники этихъ звѣрствъ будутъ наказаны, а англичане всегда держатъ свое слово....

Крестьяне молча и съ недовѣріемъ выслушали генерала и, когда онъ усѣлся на мѣсто, на трибуну поднялся Филипповскій, предложившій представителю Верховнаго комиссара Великобританіи отвѣтить на три вопроса:

— Россія страдаетъ отъ голода, холода и отсутствія предметовъ первой необходимости. Англія запрещаетъ другимъ странамъ возобновлять торговлю съ Россіей и обрекаетъ русскій народъ на новыя лишенія. До какихъ поръ будетъ поддерживаться такая политика Великобританіи? Англичане снабжаютъ реакціонныя правительства и самозванныхъ правителей оружіемъ и снаряженіемъ, чѣмъ поддерживаютъ гражданскую междоусобицу. Когда прекратится это вмѣшательство англичанъ во внутреннія дѣла Россіи?

— Англія обѣщала свою поддержку анти-большевистскому правительству Деникина и всѣми мѣрами помогаетъ ему въ борьбѣ съ большевиками, отвѣтилъ генералъ Коттонъ.

— Проводя политику блокады, будетъ-ли Англія препятствовать установленію морского транспорта между Сочи и Грузіей и будетъ-ли допускать въ Сочи суда съ продовольствіемъ и мануфактурой, снова задалъ вопросъ Филипповскій.

— Этотъ вопросъ еще не разрѣшенъ Англійскимъ командованіемъ . . .

Хоръ негодующихъ восклицаній прервалъ отвѣтъ генерала.

— Вы пріѣхали уговаривать насъ помириться съ Деникинымъ, а сами хотите насъ уморить голодомъ, кричали съ мѣстъ депутаты.

Съ трудомъ удалось мнѣ успокоить взволновавшихся членовъ съѣзда, послѣ чего я заявилъ генералу Коттону, что съѣздъ обсудитъ его предложеніе и дастъ на слѣдующій день отвѣтъ представителю Верховнаго комиссара.

— Хорошо, согласился Коттонъ: я вышлю завтра въ 6 часовъ вечера парламентера на 12-ю версту жел. дорожной линіи отъ Туапсе. Въ этомъ пунктѣ онъ будетъ дожидаться вашего отвѣта.

Мнѣ только-что передали телефонограмму съ фронта о начавшейся аттакѣ Туапсе и о томъ, что одинъ изъ нашихъ отрядовъ уже овладѣлъ вокзаломъ и предмѣстьями города. Поэтому я отвѣтилъ генералу, что назначенный имъ пунктъ встрѣчи парламентеровъ придется оставить и избрать другой — къ сѣверу отъ Туапсе.

— Неужели вы надѣетесь занять завтра Туапсе, улыбнулся Коттонъ: имѣйте ввиду, что суда королевскаго флота примутъ участіе въ оборонѣ этого порта.

— Боюсь, что англійская эскадра запоздаетъ и не сможетъ оказать поддержки Туапсинскому гарнизону.

— Прежде, чѣмъ начать аттаку Туапсе, вспомните, что англійское командованіе отнесется крайне отрицательно къ такому шагу съ вашей стороны.

— Къ сожалѣнію, ваше предупрежденіе также запоздало, господинъ генералъ, такъ-какъ атака Туапсе уже началась и наши отряды въ настоящій моментъ вступаютъ въ городъ. . .

Съ этими словами мы распрощались съ англичанами, которые поспѣшили вернуться на свой миноносецъ. Черезъ 10 минутъ миноносецъ поднялъ якорь и отошелъ по направленію къ Туапсе, куда прибылъ въ 6 часовъ вечера и былъ встрѣченъ въ порту назначеннымъ мною новымъ комендантомъ, только-что приступившимъ къ подсчету захваченныхъ ополченіемъ трофеевъ.

Послѣ отъѣзда англичанъ съѣздъ приступилъ къ обсужденію резолюціи по текущему моменту. Резолюція эта обсуждалась уже наканунѣ крестьянской фракціей, была ею единогласно принята и теперь я огласилъ ее на пленарномъ засѣданіи съѣзда. Такъ-какъ крестьяне составляли подавляющее большинство съѣзда, не могло быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что она будетъ принята пленумомъ съѣзда. Но къ моему глубочайшему изумленію вышло иначе:

выработанная крестьянами, на основаніи данныхъ имъ съ мѣстъ наказовъ, резолюція была отклонена съѣздомъ, который принялъ другую, предложенную Филипповскимъ и находившуюся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ настроеніями крестьянства.

Произошло это слѣдующимъ образомъ. Въ декларацiи крестьянской фракціи, положенной въ основу резолюціи по текущему моменту говорилось объ одинаково отрицательномъ отношеніи крестьянъ, какъ къ генеральской, такъ и къ большевистской диктатурамъ. Крестьяне заявляли, что они будутъ стремиться къ установленію въ освобожденномъ отъ добровольцевъ краѣ началъ истиннаго народоправства и будутъ бороться противъ всякихъ попытокъ новаго насильственнаго захвата своей родной территоріи: «всякая посторонняя сила сможетъ перейти границы округа только по трупамъ всего Сочинскаго крестьянства».

Затѣмъ въ резолюціи указывалось на стремленіе крестьянъ положить конецъ безсмысленной братоубійственной гражданской войнѣ и на ихъ желаніе вступить въ свободный союзъ съ остальными областями и народами Россіи. «Но мы не хотимъ такого объединенія, говорилось въ резолюціи, подъ властью насильниковъ и можемъ вступить въ переговоры о такомъ союзѣ лишь съ свободно избранными представителями сосѣднихъ областей».

Когда я огласилъ эту резолюцію и предложилъ голосовать ее, поднялся со своего мѣста лидеръ «фракціи фронтовиковъ» Томашевскій и заявилъ, что резолюція эта совершенно непріемлема фронтовикамъ. Такое-же заявленіе отъ имени рабочей группы сдѣлалъ предсѣдатель меньшевистскаго комитета Измайловъ. Начались пренія, во время которыхъ выяснилось, что непріемлемыми для фронтовиковъ и рабочихъ являются тѣ выраженія, въ которыхъ говорится о «всякой посторонней силѣ» и о существующей въ остальной Россіи «власти насильниковъ». Большевики, конечно, понимали что эти выраженія относятся къ нимъ и поэтому энергично противъ нихъ протестовали. Я не придавалъ никакого значенія заявленію Томашевскаго, такъ какъ зналъ, что фракція фронтовиковъ представляетъ не фронтъ, а всего лишь два баталіона плѣнныхъ добровольцевъ, которые были послушнымъ орудіемъ въ рукахъ дирижировавшихъ ими большевиковъ. Но меня поразило заявленіе Измайлова, котораго я до сихъ поръ считалъ идейнымъ меньшевикомъ и противникомъ политики коммунистовъ.

Крестьяне отнеслись совершенно равнодушно къ заявленію фронтовиковъ и рабочихъ и предложили имъ воздержаться при принятіи резолюціи. Томашевскій, пошептавшись со своими товарищами, согласился съ такимъ предложеніемъ и заявилъ, что фронтовики не будутъ принимать участія въ голосованіи. Такимъ образомъ предложенная крестьянами резолюція была-бы принята подавляющимъ большинствомъ съѣзда, но вмѣшательство Филипповскаго и Измайлова помѣшали этому. Филипповскій, который какъ и нѣкоторые другіе члены Комитета Освобожденія, былъ увѣренъ въ эволюціи большевиковъ, считалъ невозможнымъ обострять отношеній крестьянъ съ коммунистами. Поэтому онъ предложилъ избрать согласительную комиссію — по три представителя отъ крестьянской, рабочей и фронтовой фракцій, для составленія новой резолюціи, въ которой должны быть выкинуты всѣ направленные противъ большевиковъ выраженія. Измайловъ горячо поддержалъ предложеніе Филипповскаго, которое и было принято незначительнымъ большинствомъ съѣзда. Большая часть крестьянъ демонстративно не приняла участія въ голосованіи этого предложенія, которое явно нарушало наказы волостныхъ и сельскихъ сходовъ.

Я отказался отъ участія въ согласительной комиссіи и ушелъ въ штабъ переговорить по прямому проводу съ командующимъ фронтомъ, отъ котораго хотѣлъ узнать подробности начавшейся атаки Туапсе.

Командующій фронтомъ передалъ мнѣ донесеніе о взятіи Туапсе и захватѣ колоссальныхъ трофеевъ, въ томъ числѣ 35 милліоновъ рублей, только-что полученныхъ Туапсинскимъ казначействомъ изъ Новороссійска.

Когда я вернулся въ залъ засѣданія, согласительная комиссія уже составила новую резолюцію, въ основу которой была положена декларація крестьянской фракціи, но изъ которой были тщательно выкинуты всѣ «обидныя» для большевиковъ выраженія. Часть крестьянъ не поняла новой резолюціи, а остальные снова не приняли участія въ голосованіи. Такимъ образомъ резолюція эта была принята всѣми голосами рабочихъ и фронтовиковъ и незначительной частью крестьянскихъ делегатовъ.

Послѣ принятія резолюціи я объявилъ съѣзду о новой одержанной крестьянскимъ ополченіемъ побѣдѣ, встрѣченной восторженными «ура» членовъ съѣзда и присутствовавшей на засѣданіи публики.

Слѣдующія засѣданія съѣзда проходили довольно вяло. Крестьяне поняли, что принятая по текущему моменту резолюція не соотвѣтствуетъ ихъ настроеніямъ и торопились разъѣхаться по домамъ. Фронтовики также просили скорѣе закончить съѣздъ, чтобы поспѣть въ Туапсе, гдѣ, какъ оказалось впослѣдствіи, большевики готовились произвести «государственный переворотъ».

Послѣ перезбранія Комитета Освобожденія, которое кончилось полнымъ проваломъ выставленныхъ рабочей и фронтовой фракціями кандидатовъ и побѣдой крестьянъ, забаллотировавшихъ даже лидеровъ рабочихъ и фронтовиковъ — Измайлова и Томашевскаго, съѣздъ былъ закрытъ.

Изъ Туапсе стали поступать тревожныя вѣсти и я собирался выѣхать на фронтъ, приближавшійся уже къ Геленджику.

Меня тревожило не столько положеніе фронта, которое я считалъ вполнѣ прочнымъ, сколько начавшіяся въ Туапсе безобразія, производимыя перешедшимъ при взятіи города на нашу сторону Черноморскимъ пѣхотнымъ полкомъ Добрарміи. Полкъ этотъ, заранѣе распропагандированный большевиками, которые еще въ Новороссійскѣ при его формированіи основали въ немъ солидную комъ-ячейку, арестовалъ своихъ офицеровъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ разстрѣлялъ, послѣ чего началъ грабить доставшіеся намъ въ Туапсе богатые склады обмундированія. Командующій фронтомъ доносилъ мнѣ, что онъ не въ состояніи обуздать разошедшихся Черноморцевъ, а комендантъ Туапсе — коммунистъ Шевцовъ и самовольно выѣхавшій въ Туапсе Томашевскій, преслѣдуя извѣстную цѣль, не только не принимали мѣръ къ обузданію вышедшихъ изъ повиновенія солдатъ, но наоборотъ всячески имъ потакали.

Я спѣшно выслалъ въ Туапсе три крестьянскихъ роты подъ начальствомъ моего помощника, члена Комитета Освобожденія Учадзе, которому предложилъ немедленно разоружить Черноморцевъ. Прибывшіе въ Туапсе крестьяне быстро навели тамъ порядокъ, спасли отъ разграбленія казначейство и вывезли изъ Туапсинской тюрьмы многочисленныхъ плѣнныхъ офицеровъ Добрарміи, которые подвергались тамъ ежеминутной опасности быть разстрѣляннными своими бывшими подчиненными — солдатами Черноморскаго полка.

27-го февраля я собирался выѣхать въ Туапсе, но вторичный визитъ англійскаго генерала Коттона, явившагося за отвѣтомъ на сдѣланное имъ предложеніе о мирныхъ переговорахъ съ Деникинымъ, помѣшалъ этому.

Обсудивъ предложеніе англичанъ, съѣздъ рѣшилъ ни въ какіе переговоры съ командованіемъ Добрарміи не вступать и поручилъ Комитету Освобожденія передать объ этомъ представителю Верховнаго комиссара Великобританіи.

Отвѣтъ Комитета Освобожденія былъ изложенъ въ особой нотѣ, состоявшей изъ 4-хъ пунктовъ. Въ первомъ пунктѣ комитетъ заявлялъ, что крестьяне отказываются отъ переговоровъ съ генераломъ Деникинымъ. Во второмъ — говорилось о твердомъ рѣшеніи крестьянскаго населенія освободить изъ подъ власти Добрарміи всю территорію Черноморской губерніи. Третій пунктъ подтверждалъ радіограмму Комитета Освобожденія Кубанской Радѣ отъ 9-го февраля, предлагавшую установить добрососѣдскія отношенія съ Кубанью. Въ четвертомъ пунктѣ Комитетъ указывалъ на противорѣчія между заявленіемъ генерала Коттона о продолженіи вооруженнаго вмѣшательства англичанъ въ русскія дѣла и словами англійскаго премьера Ллойдъ-Джорджа о прекращеніи военной помощи Деникину и Колчаку.

На этотъ разъ генералъ Коттонъ держалъ себя гораздо скромнѣе, чѣмъ во время перваго своего визита. Выслушавъ отвѣтъ Комитета Освобожденія, онъ не настаивалъ больше на мирныхъ переговорахъ съ Деникинымъ, но просилъ прекратить дальнѣйшее наступленіе нашихъ войскъ на Новороссійскъ. Онъ просилъ также разрѣшить англичанамъ вывезти изъ Сочи плѣнныхъ офицеровъ Добрарміи и тѣхъ гражданъ, которые пожелаютъ покинуть Черноморье.

Хотя мы по нѣкоторымъ соображеніямъ и не стремились занимать Новороссійска, но говорить объ этомъ англійскому генералу не хотѣли. Поэтому Филипповскій отвѣтилъ Коттону, что такъ какъ Новороссійскъ находится на территоріи Черноморской губерніи, то наступленіе крестьянскаго ополченія не будетъ пріостановлено до тѣхъ поръ, пока врагъ не будетъ изгнанъ изъ предѣловъ губерніи.

— Такъ какъ въ Новороссійскѣ находятся склады англійскаго имущества, то движеніе ваше на этотъ городъ будетъ нами разсмотрѣно, какъ враждебное выступленіе противъ Англіи, заявилъ Коттонъ.

— Вы можете вывезти ваше имущество изъ Новороссійска, но во всякомъ случаѣ это не остановитъ насъ отъ занятія нашего города, отвѣтили мы ему.

— Повторяю, что въ случаѣ вашего наступленія на Новороссійскъ — англійскія войска не останутся нейтральными, сказалъ волнуясь генералъ.

— Мы оффиціально заявляемъ вамъ, что не имѣемъ никакого желанія сражаться съ англичанами, но, если вы первые выступите противъ насъ, то вся отвѣтственность ляжетъ на васъ. Мы доведемъ до свѣдѣнія англійскаго народа черезъ Палату Общинъ о вашемъ предупрежденіи и о нарушеніи вами нейтралитета. Что-же касается Новороссійска, то это русскій городъ и иностранцамъ нечего безпокоиться о томъ, будетъ-ли онъ занятъ Черноморскими крестьянами, или останется въ рукахъ Деникина. Ваше имущество насъ нисколько не интересуетъ, и мы можемъ гарантировать вамъ его неприкосновенность, въ случаѣ занятія нашими отрядами Новороссійска. Если-же вы упорно хотите вмѣшаться въ нашу борьбу съ Добрармією, то это ваше дѣло, за которое вы будете отвѣчать передъ вашимъ народомъ. Мы еще разъ повторяемъ вамъ, что ваши угрозы не повліяютъ на принятое нами рѣшеніе — довести до конца дѣло освобожденія Черноморской губерніи.

Коттонъ обѣщалъ передать наше заявленіе и ноту Верховному комиссару — генералу Кизу и, очень недовольный результатами своего визита, раскланялся съ нами.

XIX

Между тѣмъ въ Туапсе назрѣвали крупныя событія. Комитетъ Освобожденія, опиравшійся исключительно на крестьянъ Сочинскаго округа, не торопился переѣзжать въ Туапсе, являвшійся центральнымъ пунктомъ губерніи, и пытался изъ Сочи управлять всѣмъ Туапсинскимъ и южной частью Новороссійскаго округовъ, очищенныхъ къ началу марта отъ властей и отрядовъ Добрарміи. Крестьяне этихъ двухъ округовъ не принимали участія въ послѣднемъ съѣздѣ и новый составъ комитета былъ имъ незнакомъ. Главный Штабъ ополченія успѣлъ организовать только два районныхъ штаба въ Туапсинскомъ округѣ и также имѣлъ мало вліянія на крестьянство сѣверной части губерніи. Первые дни послѣ съѣзда я былъ занятъ организаціей волостныхъ крестьянскихъ управъ въ Сочинскомъ округѣ, почему также не могъ во время поспѣть въ Туапсе.

Всѣмъ этимъ воспользовались большевики, которые хотѣли объявить Черноморье совѣтской республикой и, опираясь на солдатъ Сальянскаго, Шемахинскаго и Черноморскаго полковъ Добрарміи, въ достаточной степени распропагандированныхъ ком-ячейками и спеціально командированными Закавказскимъ областнымъ комитетомъ коммунистической партіи агитаторами, свергнуть избранное крестьянами правительство.

Черезъ нѣсколько дней послѣ занятія Туапсе въ штабъ фронта явились представители наступавшей на Кубань 9-й совѣтской арміи — Соркинъ и Цимбалистъ. По ихъ указанію Томашевскій и Шевцовъ вооружили всѣхъ военно-плѣнныхъ добровольцевъ и сформировали изъ нихъ шесть баталіоновъ. Затѣмъ былъ въ экстренномъ порядкѣ созванъ «фронтовой съѣздъ», который провозгласилъ крестьянское ополченіе — Черноморской красной арміей, отказался признавать Комитетъ Освобожденія и Главный Штабъ и избралъ «реввоенсовѣтъ».

Какъ только извѣстіе о рѣшеніяхъ фронтового съѣзда дошло до находившихся на фронтѣ крестьянскихъ отрядовъ Сочинскаго округа, всѣ они тотчасъ снялись съ фронта и, отказавшись подчиняться новому «реввоенсовѣту», вернулись въ Сочи. На фронтѣ, такимъ образомъ, остались только баталіоны бывшихъ добровольцевъ.

Туапсинскіе крестьяне, узнавъ о происшедшемъ въ Туапсе переворотѣ, также забезпокоились, прислали ходоковъ въ Сочи и заявили Главному Штабу, что они не хотятъ признавать власти реввоенсовѣта и будутъ впредь подчиняться только приказамъ Главнаго Штаба крестьянскаго ополченія и Комитету Освобожденія.

Большевики не ожидали такого противодѣйствія со стороны крестьянъ и въ свою очередь забезпокоились, стараясь найти выходъ изъ создавшагося положенія. Туапсинскій реввоенсовѣтъ обратился къ Комитету Освобожденія и предложилъ намъ договоръ для разграниченія функцій реввоенсовѣта и комитета. Онъ предлагалъ передать комитету управленіе всѣмъ Туапсинскимъ округомъ, при условіи передачи ему всѣхъ захваченныхъ въ Туапсе трофеевъ и половины суммъ Туапсинскаго казначейства, во время перевезенныхъ Учадзе въ Сочи.

Въ общемъ положеніе не было катастрофическимъ и Комитетъ Освобожденія, опираясь на все крестьянское населеніе, могъ-бы съ честью изъ него выйти. Но къ сожалѣнію недальновидность Филипповскаго, который былъ ослѣпленъ фантастической мечтой о возможности договориться съ большевиками, испортила все дѣло.

Я предложилъ Филипповскому немедленно выѣхать со мной въ Туапсе и, выяснивъ тамъ обстановку, такъ или иначе положить конецъ создавшемуся двоевластію.

Филипповскій опасался, что реввоенсовѣтъ насъ арестуетъ, но я успокоилъ его, заявивъ, что въ случаѣ нашего ареста, крестьяне силой освободятъ насъ и живо расправятся съ реввоенсовѣтомъ и его шестью деморализованными грабежами баталіонами.

Мы выѣхали на двухъ моторныхъ катерахъ, сопровождаемые представителями Хостинскаго и Волковскаго районныхъ штабовъ, которые не хотѣли отпускать меня безъ конвоя въ Туапсе.

Реввоенсовѣтъ устроилъ намъ торжественную встрѣчу, демонстративно подчеркивая, что онъ не стремится къ захвату власти въ Туапсинскомъ округѣ, а желаетъ исключительно управлять фронтомъ. Назначенный «командармомъ» — бывшій командиръ одной изъ дружинъ крестьянскаго ополченія Казанскій — сдѣлалъ мнѣ подробный докладъ о положеніи на фронтѣ и заявилъ, что, несмотря на рѣшеніе фронтового съѣзда, онъ и всѣ бывшіе подъ моимъ начальствомъ фронтовики готовы съ радостью исполнять по-прежнему мои приказы и распоряженія.

Вскорѣ въ помѣщеніи штаба арміи состоялось совѣщаніе, на которомъ приняли участіе члены реввоенсовѣта (Соркинъ, Цимбалистъ и Казанскій), Филипповскій, Сорокинъ, я и находившійся въ Туапсе членъ Комитета Освобожденія И. И. Рябовъ (бывшій членъ Самарскаго правительства и членъ Учредительнаго Собранія).

Мнѣ прежде всего хотѣлось выяснить планы большевиковъ и ихъ ближайшія намѣренія.

— Нашей задачей является облегчить наступленіе 9-й совѣтской арміи на Екатеринодаръ, заявилъ предсѣдатель реввоенсовѣта Соркинъ. Поэтому мы на дняхъ двинемся на Бѣлорѣченскую, захватимъ Майкопскій и часть Лабинскаго отдѣловъ и, обезпечивъ себѣ прочную тыловую базу, пойдемъ на соединеніе съ частями 9-й арміи. Что-же касается Геленджикскаго фронта, то, усиливъ его нѣсколькими ротами, мы двинемъ его на Новороссійскъ, чтобы отрѣзать путь отступленія добровольцамъ и захватить желѣзную дорогу изъ Новороссійска въ Екатеринодаръ.

Для меня было совершенно ясно, что планъ Соркина обреченъ на вѣрную неудачу, но возражать я ему не сталъ, такъ какъ считалъ, что чѣмъ скорѣе армія реввоенсовѣта покинетъ нашу территорію, тѣмъ мы скорѣе возстановимъ свою власть.

Я уже говорилъ, что будучи увѣрены въ неминуемомъ разгромѣ добровольцевъ, мы хотѣли прочно укрѣпиться на естественныхъ и неприступныхъ рубежахъ Черноморья, каковыми являлись — главный Кавказскій хребетъ на востокѣ и Михайловскій перевалъ на сѣверѣ. Укрѣпившись на этихъ рубежахъ, организовавъ свою крестьянскую армію и объединивъ населеніе Сочинскаго, Туапсинскаго и южной части Новороссійскаго округовъ, Комитетъ Освобожденія могъ-бы сохранить эту территорію отъ захвата ея большевиками и заявить совѣтскому правительству о полной автономіи и самостоятельности Черноморья. Ввиду неприступности естественныхъ границъ Черноморья и такого ненадежнаго тыла, какимъ являлась Кубань, большевики безусловно отказались-бы на первое время отъ мысли завоевать Черноморье силой оружія, а черезъ полгода или годъ мы-бы настолько укрѣпились, что распространили свое вліяніе на Кубанскихъ казаковъ

и крестьянъ Ставропольской губерніи и, можетъ быть, достигли-бы нашего завѣтнаго стремленія — образованія Сѣверо-Кавказской крестьянско-казачьей республики.

Поэтому я готовъ былъ пойти на какія угодно уступки реввоенсовѣту, лишь бы онъ скорѣе убрался изъ Туапсе и очистилъ территорію до Михайловскаго перевала.

Началась торговля. Реввоенсовѣтъ требовалъ отъ насъ все захваченное крестьянскимъ ополченіемъ оружіе, обмундированіе и часть перевезенныхъ въ Сочи милліоновъ. Я не возражалъ противъ денегъ, но не соглашался на передачу всего оружія.

— Если васъ разобьютъ добровольцы, то мы останемся безоружными и Черноморье можетъ быть вновь захвачено Деникинымъ, отвѣтилъ я Соркину.

— Не безпокойтесь: если даже мы и потерпимъ пораженіе, то черезъ нѣсколько дней 9-я и 10-я совѣтскія арміи захватятъ всю Кубань, двинутся на Черноморье и освободятъ васъ отъ добровольцевъ.

Онъ разсуждалъ правильно, но мы какъ разъ и опасались вторженія большевиковъ, на плечахъ разбитой Деникинской арміи, въ предѣлы Черноморья.

Поэтому я сталъ категорически настаивать на немедленной передачѣ Комитету Освобожденія всей власти въ Туапсинскомъ округѣ, возвращеніи Главному Штабу крестьянскаго ополченія 2-хъ тяжелыхъ и 4-хъ горныхъ пушекъ и 12-ти пулеметовъ. Безъ этого оружія мы не могли-бы сформировать три новыя дружины, необходимыя намъ для обороны Черноморья и отъ большевиковъ, и отъ добровольцевъ.

Въ компенсацію за это я предлагалъ реввоенсовѣту 20 милліоновъ изъ захваченныхъ нами денегъ Туапсинскаго казначейства.

Реввоенсовѣтъ сталъ колебаться и навѣрное согласился-бы на мои условія, но тутъ вмѣшался Филипповскій, который сталъ уговаривать меня не требовать такого большого количества оружія.

— Товарищъ Соркинъ правъ, сказалъ онъ: зачѣмъ намъ пушки и пулеметы, когда не за горами день окончательнаго разгрома добровольцевъ . . .

Филипповскаго поддержали Рябовъ и Соркинъ, которые также какъ и онъ вѣрили въ то, что большевики оставятъ насъ спокойно управлять Черноморьемъ . . . Если-бы они въ этотъ моментъ могли предугадать то, что произошло черезъ полтора мѣсяца въ Сочи, когда эти наивные люди были арестованы «товарищами-большевиками», они навѣрно не стали-бы мнѣ мѣшать и также настаивали-бы на возвращеніи Главному Штабу пушекъ и пулеметовъ.

Въ концѣ-концовъ, Филипповскій не только отказался отъ возвращенія оружія, но согласился даже на временное оставленіе власти въ Туапсинскомъ округѣ въ рукахъ реввоенсовѣта и обязался, отъ имени Комитета Освобожденія, не препятствовать агитаціи коммунистовъ въ селеніяхъ Сочинскаго округа.

За все это реввоенсовѣтъ милостиво разрѣшилъ намъ володѣть и княжить Сочинскимъ округомъ до тѣхъ поръ, пока товарищи-коммунисты не расправятся окончательно съ Деникинымъ и не приберутъ насъ подъ свою высокую руку . . .

Мы позорно очистили поле битвы, хотя могли-бы выйти побѣдителями и добиться очень многаго отъ реввоенсовѣта, который чувствовалъ, что вся его сила заключается только въ одномъ нахальствѣ . . . .

Несмотря на такую неудачу, я все-таки выторговалъ у Казанскаго и Соркина одно тяжелое орудіе и двѣ горныхъ пушки, которыя тотчасъ-же пере-

отправилъ въ Сочи. Кромѣ того Казанскій обѣщалъ прислать мнѣ тайкомъ отъ Реввоенсовѣта четыре пулемета и пятьдесятъ трехъ-линейныхъ винтовокъ.

На слѣдующее утро я отправился съ Казанскимъ осматривать захваченную при взятіи Туапсе тяжелую тракторную батарею и находившійся въ новомъ порту пароходъ «Тайфунъ».

Только-что мы вышли изъ гостиницы «Европа», въ которой помѣщался штабъ арміи, какъ къ Казанскому прибѣжалъ матросъ изъ портового дежурства и доложилъ о приближеніи къ Туапсе какого-то военнаго судна. Мы вернулись въ гостиницу, вышли на балконъ и увидали въ бинокль медленно двигавшійся съ юга миноносецъ.

— Это опять наши друзья англичане, сказалъ Казанскій, и мы спокойно спустились внизъ, сѣли въ извозчичью пролетку и поѣхали въ портъ.

Осматривая находившійся въ ремонтѣ пароходъ «Тайфунъ» я замѣтилъ, что неизвѣстный миноносецъ, не поднимая флага, медленно приближался къ порту. Простымъ глазомъ можно было разглядѣть собравшихся на мостикѣ офицеровъ и суетившуюся около орудій прислугу. Никому и въ голову не приходила мысль, что это добровольческій миноносецъ, который готовился обстрѣлять Туапсе.

— Да вѣдь это «Пылкій», сказалъ, пристально вглядѣвшійся въ судно, стоявшій на молу матросъ изъ портового дежурства.

— Какой тамъ «Пылкій», возразилъ ему Казанскій: развѣ добровольцы не знаютъ, что у насъ въ Туапсе шесть дальнобойныхъ орудій, отъ которыхъ ихъ миноносцу не поздоровится.

— Орудія-то у насъ есть, да пока вы подымете тревогу и соберете къ нимъ прислугу — миноносецъ успѣетъ насъ здорово раскатать . . .

Въ это время съ кормы миноносца блеснулъ огонь и первый снарядъ со свистомъ пронесся черезъ наши головы и разорвался на базарѣ.

Вслѣдъ за первымъ раздался второй выстрѣлъ и миноносецъ, оказавшійся на самомъ дѣлѣ «Пылкимъ», сталъ осыпать территорію новаго порта, вокзалъ Армавирской дороги и базаръ мѣтко направляемыми снарядами.

Поднялась тревога, прислуга бросилась къ тракторнымъ орудіямъ и черезъ пять минутъ Туапсинскія пушки стали отвѣчать добровольческому миноносцу.

«Пылкій» не сталъ дожидаться, пока Туапсинскіе артиллеристы пристрѣляются по немъ и, выпустивъ двадцать пять снарядовъ, быстро повернулся и, развивъ максимальную скорость, скрылся за мысомъ.

Я пошелъ на базаръ поглядѣть на результаты бомбардировки. Они были незначительны: одинъ снарядъ сорвалъ вывѣску съ городской библіотеки, второй — попалъ въ будку старьевщика, разметавъ весь товаръ обезумѣвшаго со страха торговца, третій развоpотилъ нѣсколько лотковъ въ обжорномъ ряду, а четвертый убилъ на-повалъ неизвѣстную женщину. Черезъ нѣсколько минутъ убитая женщина была опознана и оказалась женой взятаго въ плѣнъ офицера-добровольца, который только-что былъ освобожденъ изъ тюрьмы и собирался выѣхать въ Сочи.

Несчастный мужъ, только-что вырвавшійся изъ тюрьмы и пережившій долгую разлуку съ любимой женщиной, рыдалъ надъ трупомъ жены, бился головой о камни окровавленной мостовой и осыпалъ проклятіями скрывшійся за горизонтомъ миноносецъ.

— Мерзавцы, истерически кричалъ онъ: когда насъ били подъ Сочи и подъ Головинкой — тогда вы не могли оказать намъ поддержки, а теперь, какъ блуд-

ливыя кошки, подкрадываетесь къ городу и обстрѣливаете ни въ чемъ неповинное мирное населеніе... А вы тоже, горе-артиллеристы, набросился онъ на столпившихся вокругъ солдатъ тракторной батареи: съ такого близкаго разстоянія и не могли продырявить это паршивое суденышко, сволочи ....

Артиллеристы, которые при другихъ обстоятельствахъ немедленно расправились бы съ плѣннымъ «кадетомъ», осмѣлившимся обругать ихъ, конфузливо улыбались и старались оправдаться передъ собравшейся толпой.

Съ тяжелымъ чувствомъ безсилія помочь горю овдовѣвшаго при такихъ трагическихъ обстоятельствахъ офицеру, я протискался сквозь толпу причитавшихъ торговокъ и вернулся въ гостиницу, гдѣ меня съ нетерпѣніемъ ожидали Филипповскій и Сорокинъ.

— Ну его къ чорту, этотъ проклятый городъ, выругался Филипповскій, выслушавъ мой разсказъ о единственной жертвѣ бомбардировки. Намъ здѣсь дѣлать больше нечего, поѣдемъ домой...

Съ грустными думами возвращался я въ Сочи, сознавая, что всѣ наши планы разбиты и что часы существованія нашей крестьянской республики сочтены.

— Что вы такъ пріуныли, Николай Владиміровичъ, обратился ко мнѣ предсѣдатель Хостинскаго штаба Блохинъ.

Я подѣлился съ нимъ моими мрачными думами и невеселыми перспективами предстоящей намъ безславной кончины.

— Не кручиньтесь, Н. В., все будетъ хорошо, подождите немного — мы у себя въ Сочинскомъ округѣ такъ укрѣпимся, что никакая «шатія» ничего съ нами не сдѣлаетъ. Вмѣсто Михайловскаго перевала станемъ на «Чухукѣ» (рѣчка на границѣ Туапсинскаго и Сочинскаго округовъ), укрѣпимъ на ней позицію — пусть-ка кто нибудь тогда къ намъ сунется. Все крестьянство, какъ одинъ человѣкъ, будетъ защищать свою «зеленую власть». Только-бы поскорѣе реввоенсовѣтъ вашъ изъ Туапсе убрался, а ужъ потомъ — дудки: пускай попробуютъ большевики покорить насъ.

Я крѣпко пожалъ руку этому честному и преданному нашему дѣлу человѣку и мы стали съ нимъ оживленно обсуждать планъ переформированія нашихъ дружинъ и укрѣпленія границъ Сочинскаго округа.

— Хоть и маленькая будетъ у насъ республика, а всѣ будутъ намъ завидовать, сказалъ мнѣ на прощаніе Блохинъ, когда мы высаживались на пристани «Ривьеры».

Мнѣ очень хотѣлось вѣрить этому, но какое-то смутное предчувствіе надвигающагося несчастія томило меня. И несчастіе это явилось гораздо скорѣе, чѣмъ мы могли предполагать...

XX

Случилось какъ-разъ то, чего мы больше всего боялись: часть преслѣдуемой большевиками Добровольческой арміи отступила изъ Кубани на Черноморское побережье и привела вслѣдъ за собой большевиковъ... А мы оказались совершенно неподготовленными къ этому нашествію и, благодаря Туапсинскому перевороту и неудачному соглашенію Комитета Освобожденія съ реввоенсовѣтомъ, почти безоружными.

Туапсинскій реввоенсовѣтъ ничего не сообщалъ о ходѣ военныхъ операцій, и мы питались лишь случайно доходившими до насъ слухами. 20-го Марта вече-

ромъ меня вызвалъ къ прямому проводу предсѣдатель реввоенсовѣта Соркинъ и сообщилъ что по нѣкоторымъ соображеніямъ арміи реввоенсовѣта придется очистить Туапсе и отойти на сѣверъ, по направленію къ Геленджику. Подробности Соркинъ обѣщалъ передать въ шифрованной телеграммѣ.

Мы стали съ нетерпѣніемъ ожидать этой телеграммы, предчувствуя, что эвакуація Туапсе является «началомъ конца».

Вскорѣ мы узнали изъ телеграммы Соркина, что реввоенсовѣтъ нѣсколько дней тому назадъ приступилъ къ выполненію «геніальнаго» плана Соркина и Цимбалиста. Шесть баталіоновъ, составлявшихъ «Черноморскую красную армію», перешли границу Кубани и церемоніальнымъ маршемъ двинулись въ Майкопскій отдѣлъ. Кубанскіе казаки, которые не хотѣли сражаться со своими сосѣдями — Черноморскими крестьянами, — не оказывали имъ вначалѣ никакого сопротивленія. Но затѣмъ, увидѣвъ, что это не крестьянскія дружины, а невѣдомо откуда взявшіеся красноармейцы, казаки взялись за оружіе и выступили противъ Туапсинской арміи.

Побѣдоносное шествіе баталіоновъ Соркина и Цимбалиста было пріостановлено у станицы Ходыженской. Выдержавъ нѣсколько стычекъ съ мѣстными казаками, Туапсинская армія неожиданно для себя столкнулась съ отступавшей изъ Екатеринодара Кубанской арміей генерала Шкуро. Въ телеграммѣ Соркина сила этой арміи опредѣлялась въ 25—30 тысячъ казаковъ. Туапсинцы потерпѣли жестокое пораженіе, въ безпорядкѣ отступили къ станицѣ Индюкъ (на границѣ Туапсинскаго округа и Кубани) и оказались не въ состояніи удержать почти неприступную позицію подъ Индюкомъ. Ввиду полнаго разстройства «Черноморской красной арміи», реввоенсовѣтъ рѣшилъ эвакуировать Туапсе и отступить по направленію на Геленджикъ, откуда Соркинъ разсчитывалъ снова выйти на Кубань и соединиться съ 9-й совѣтской арміей.

Такимъ образомъ мы стояли передъ опасностью новаго захвата Сочинскаго округа добровольцами. Что изъ себя представляетъ армія Шкуро — мы не знали и считали ее частью Добрарміи. Только черезъ нѣкоторое время мы узнали о томъ, что предводительствуемая генераломъ Шкуро армія состоитъ изъ Донскихъ, Кубанскихъ и Терскихъ частей, отказавшихся признавать Деникина и считавшихъ себя войсками Верховнаго круга Дона, Кубани и Терека.

Наши милые сосѣди — кубанцы до самаго послѣдняго момента никакъ не могли выбрать опредѣленной политики, лавируя между признаніемъ верховной власти Деникина и крайней самостійностью. Руководители кубанскаго казачества — члены Рады и краевого правительства — то агитировали среди кубанскихъ фронтовыхъ частей противъ Добровольческой арміи и единаго командованія, то напуганные угрозами англичанъ, призывали своихъ казаковъ къ подчиненію Деникину. Очень немногіе изъ нихъ требовали перемѣнить политику колебаній на демократическую оріентацію и настаивали на немедленномъ созданіи союзной Сѣверно-Кавказской республики, для чего необходимо было войти въ переговоры съ Ставропольскимъ и Черноморскимъ крестьянствомъ, горцами и Терскими казаками.

Несмотря на то, что мы неоднократно предлагали Кубанской Радѣ заключить такой «договоръ дружбы», къ которому такъ стремились и наши Черноморскіе крестьяне и рядовые станичники, кубанскіе политическіе дѣятели не рѣшались вступать въ какіе-бы то ни было переговоры съ такимъ незначительнымъ и слабымъ союзникомъ, какимъ являлось, по ихъ мнѣнію, Черноморское крестьянство.

Но кубанскіе политики всегда отличались тѣмъ, что признавали только грубую физическую силу, передъ которой трепетали и молча ей покорялись.

Такая оріентація на «сильнѣйшихъ» особенно рѣзко проявилась во время 1918—20 г.г. Безропотно покоряясь Деникину, когда онъ одерживалъ побѣды надъ большевиками или когда за его спиной выросталъ англійскій генералъ, угрожавшій въ случаѣ неповиновенія «правителю» лишить Кубанскую армію оружія и англійскаго обмундированія, кубанскіе политики тотчасъ-же порывали всякіе договоры и соглашенія съ главнокомандующимъ Добрарміи, когда убѣждались въ побѣдахъ большевиковъ.

Предсѣдатель Кубанской Рады И. П. Тимошенко, неоднократно ѣздившій на поклонъ въ ставку Деникина и всячески старавшійся примирить Раду съ главнокомандующимъ, послѣ казни Калабухова, за три дня до оставленія добровольцами Екатеринодара настоялъ на полномъ разрывѣ съ Деникинымъ.

И если эти политики не заключили тогда соглашенія съ побѣдившими добровольцевъ большевиками, то это объясняется только тѣмъ, что они не были увѣрены въ окончательной побѣдѣ совѣтскаго правительства. Но я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что если большевикамъ удастся справиться съ непрекращающимися до сихъ поръ казачьими и крестьянскими возстаніями и прочно укрѣпиться на Сѣверномъ Кавказѣ, то эти-же самые кубанскіе политическіе дѣятели поспѣшатъ признать диктатуру коммунистической партіи и постараются своимъ примѣрнымъ поведеніемъ заслужить всемилостивѣйшее прощеніе Московскаго Совнаркома.

Рядовое Кубанское казачество рѣзко отличалось отъ своихъ руководителей, было гораздо болѣе свободолюбиво и дѣйствовало болѣе прямолинейно. Станичники сосѣднихъ съ Черноморьемъ Майкопскаго и Баталпашинскаго отдѣловъ не мѣняли еженедѣльно своихъ оріентацій и всегда честно исполняли заключенные ими съ сосѣдями договоры.

Порвавъ съ Деникинымъ, Верховный кругъ Дона, Кубани и Терека, руководимый предсѣдателемъ Кубанской Рады Тимошенко и состоявшій главнымъ образомъ изъ членовъ Рады, рѣшилъ отвести свои отдѣлившіяся отъ Добрарміи казачьи части на Черноморское побережье и отсюда начать вновь завоеваніе Сѣвернаго Кавказа.

Такой проэктъ являлся очень легкомысленной авантюрой и, конечно, былъ заранѣе обреченъ на полный провалъ. Населеніе Черноморья никогда не имѣло достаточнаго количества хлѣба, который получало изъ сосѣдней Кубани. Поэтому оно ни въ коемъ случаѣ не могло прокормить огромную массу казаковъ и бѣженцевъ, бросившихъ всѣ свои запасы продовольствія и стремившихся найти временный пріютъ и отдыхъ на голодающемъ побережьѣ. Но эти обстоятельства, хорошо извѣстныя Тимошенко и другимъ кубанскимъ политикамъ, отнюдь не останавливали ихъ. Имъ нужна была временная передышка для того, чтобы разобраться въ обстановкѣ и выбрать новую политическую оріентацію. Они также не сочли нужнымъ предупредить Черноморскихъ крестьянъ о своемъ рѣшеніи и полагали, что занявъ Черноморье, они поставятъ насъ передъ свершившимся фактомъ и только тогда вступятъ въ переговоры съ крестьянскимъ правительствомъ

Поэтому мы и полагали, что наступающая на Туапсе армія Шкуро является частью разгромленной большевиками Добрарміи и рѣшили оборонять свою территорію отъ непрошенныхъ гостей.

Еще задолго до оставленія реввоенсовѣтомъ Туапсе, черезъ нѣсколько дней послѣ заключенія неудачнаго соглашенія между Комитетомъ Освобожденія и реввоенсовѣтомъ, въ Сочи состоялось совѣщаніе районныхъ штабовъ крестьянскаго ополченія, на которомъ обсуждался вопросъ объ укрѣпленіи границъ Сочинскаго округа.

Восточная граница Сочинскаго округа была надежно прикрыта главнымъ Кавказскимъ хребтомъ. Два болѣе доступныхъ перевала — Бѣлорѣченскій и Краснополянскій — могли быть легко обороняемы нѣсколькими десятками стрѣлковъ съ 1—2 пулеметами. Гораздо сложнѣе обстоялъ вопросъ объ оборонѣ сѣверной границы. Хотя горы и подходили близко къ берегу моря и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно вдоль горныхъ рѣчекъ, имѣлись очень хорошія оборонительныя позиціи, но для занятія ихъ и обезпеченія отъ глубокихъ обходовъ необходимо было имѣть значительное число штыковъ и, главнымъ образомъ, артиллерію. А вся наша артиллерія состояла всего изъ 2-хъ горныхъ и 1-й тяжелой пушекъ.

По настоянію Блохнина мы все-таки рѣшили заблаговременно укрѣпить позицію на сѣверной границѣ Сочинскаго округа, по берегу рѣчки Чухуктъ. Эта позиція являлась наиболѣе удобной для обороны, такъ-какъ фланги ея были почти обезпечены отъ обхода, а по фронту она занимала не болѣе 2-хъ верстъ и могла быть прочно занята всего нѣсколькими ротами.

Такъ-какъ среди сотрудниковъ Главнаго Штаба не было ни инженеровъ, ни даже саперныхъ офицеровъ, насъ очень озабачивалъ вопросъ — кому поручить общее руководство работами по укрѣпленію этой позиціи.

Въ это время въ Сочи пріѣхалъ изъ Тифлиса бывшій командиръ инженерной роты Грузинской народной гвардіи поручикъ Богдасаровъ, снабженный солидными рекомендаціями общественныхъ и политическихъ дѣятелей Закавказья.

Я тотчасъ-же назначилъ Богдасарова начальникомъ саперной команды и строителемъ Чухуктской позиціи. Онъ немедленно выѣхалъ на мѣсто, получивъ въ свое распоряженіе второочередную роту Волковскаго районнаго штаба.

Такимъ образомъ мы приготовились къ оборонѣ еще за недѣлю до наступленія арміи Шкуро.

Получивъ извѣстіе о занятіи добровольцами Туапсе, Главный Штабъ объявилъ всеобщую мобилизацію крестьянскаго ополченія. Благодаря системѣ районныхъ штабовъ и общей солидарности крестьянства, мобилизація прошла очень успѣшно: въ первый-же день въ штабы явилось около 1500 ополченцевъ, но за недостаткомъ оружія, которое было въ свое время передано почти цѣликомъ Туапсинскому фронту, пришлось распустить по домамъ болѣе 600 явившихся.

Въ моемъ распоряженіи находилось всего три офицера: Учадзе, котораго я назначилъ начальникомъ обороны Бѣлорѣченскаго перевала, Богдасаровъ, руководившій укрѣпленіемъ позиціи на Чухуктѣ, и только-что явившійся изъ Дагестана полковникъ Перепелица.

Этотъ «полковникъ», оказавшійся впослѣдствіи прапорщикомъ военнаго производства, прибылъ также, какъ и Богдасаровъ, съ очень солидными рекомендаціями.

Я еще не успѣлъ ознакомиться съ «выдающимися» боевыми качествами Перепелицы, почему и имѣлъ неосторожность назначить его начальникомъ передового отряда, состоявшаго изъ 3-хъ ротъ, одной горной пушки и 4-хъ пулеметовъ. Отрядъ этотъ на слѣдующій-же день послѣ приказа о мобилизаціи высту-

пилъ на Чухуктъ, гдѣ долженъ былъ занять позицію и прикрывать формированіе остальныхъ частей ополченія.

Черезъ нѣсколько дней, объѣхавъ районные штабы и осмотрѣвъ сформированныя роты ополченія, я выѣхалъ на Чухуктскую позицію, куда приказалъ выступить еще тремъ рогамъ.

Пріѣхавъ на позицію и осмотрѣвъ произведенную Богдасаровымъ работу, я пришелъ въ ужасъ: за шесть дней усиленной работы позиція оказалась совершенно не укрѣпленной. Кое-гдѣ были вырыты небольшіе окопчики для стрѣльбы съ колѣна, у подножія горы были забиты десятка два кольевъ. Трассировка окоповъ была произведена самымъ небрежнымъ образомъ. Пришлось начать все дѣло за-ново.

Начальникъ передового отряда Перепелица оказался совершенно неграмотнымъ въ военномъ дѣлѣ человѣкомъ и, прибывъ на позицію на два дня раньше меня, не удосужился даже выслать въ сторону Туапсе развѣдки. Поэтому мы ничего не знали о силахъ и мѣстонахожденіи противника.

Прежде всего я выслалъ развѣдку, которой приказалъ занять Лазаревку и установить связь съ противникомъ. Затѣмъ мы принялись за рытье новыхъ окоповъ и ходовъ сообщенія и маскировку позиціи. Вскорѣ прибыли подъ общимъ начальствомъ предсѣдателя Хостинскаго штаба Блохнина еще три роты, такъ что всего на позиціи и въ ближайшемъ резервѣ у меня оказалось около 500 штыковъ, 1 орудіе и 6 пулеметовъ. Съ этими силами можно было сдерживать натискъ во много разъ сильнѣйшаго противника.

Къ вечеру 26-го марта я получилъ донесеніе отъ развѣдчиковъ, что Лазаревка никѣмъ не занята и передовыя части противника находятся еще подъ самымъ Туапсе.

Я приказалъ Перепелицѣ выступить съ ротой въ Лазаревку и продолжать оттуда развѣдку, для чего предоставилъ въ его распоряженіе паровозъ, на которомъ можно было по линіи Черноморской желѣзной дороги легко добраться до самаго Туапсе.

Вскорѣ развѣдчики донесли, что колонна противника, которую они опредѣлили въ 10,000 конныхъ и пѣшихъ людей съ двумя батареями, выступила изъ Туапсе и приближается къ Лазаревкѣ. Обстрѣленная съ горъ нашими развѣдчиками, колонна эта остановилась и, ввиду наступленія темноты, не рѣшилась занять Лазаревки. Ночью были получены новыя донесенія, изъ которыхъ мы узнали, что въ окрестностяхъ Туапсе сосредоточилось до 30,000 войскъ и столько-же безоружныхъ бѣженцевъ съ многочисленными обозами. Одинъ изъ нашихъ развѣдчиковъ побывалъ въ самомъ Туапсе и разсказалъ о томъ, что видѣлъ въ городѣ.

— Два года былъ я на фронтѣ, а такого войска еще никогда не видѣлъ, разсказывалъ развѣдчикъ: тутъ и калмыки, и хохлы, и кацапы, кто съ винтовкой, а у кого только одинъ кинжалъ. Обозовъ видимо-невидимо, гораздо больше, чѣмъ войскъ. Въ обозахъ ѣдутъ бабы, дѣтишки, ведутъ за собой верблюдовъ, быковъ, коровъ, овецъ. Продовольствія нѣтъ никакого, дѣти ревутъ съ голоду, а жители Туапсинскіе тоже плачутъ, такъ какъ казаки все у нихъ поотбирали . . . Что это за войско, куда оно наступаетъ, кто его сзади гонитъ — ничего понять пельзя! Одни говорятъ что они добровольцы и командуетъ ими генералъ Шифнеръ-Маркевичъ, другіе сказываютъ, что это Кубанская армія генерала Шкуры. Тѣ, которые себя добровольцами считаютъ, говорятъ, что будутъ въ Туапсе

грузиться на пароходы и поѣдутъ въ Крымъ, а Шкуринцы говорятъ что пойдутъ походнымъ порядкомъ черезъ Сочи въ Грузію.

27-го марта послѣ 12 часовъ дня отрядъ Шифнеръ-Маркевича занялъ Лазаревку. Прибѣжавшіе изъ Лазаревки крестьяне разсказывали, что селеніе занято 5000 казаковъ, за которыми слѣдомъ явились обозы и около 10,000 бѣженцевъ — стариковъ, женщинъ и дѣтей.

— За какихъ-нибудь полъ-часа все подъ-чистую у насъ въ Лазаревкѣ прибрали, всю муку, кукурузу и птицу . . . Прямо, какъ саранча, опустошили селеніе . . .

Отправившійся на развѣдку Блохнинъ подтвердилъ вскорѣ разсказы крестьянъ. По его словамъ наступающая на насъ орда двигается отъ селенія къ селенію, опустошая все на своемъ пути. Въ авангардѣ идутъ пять баталіоновъ и нѣсколько конныхъ сотенъ. Наступаютъ смѣло, не обращая никакого вниманія на огонь нашихъ развѣдчиковъ, такъ-какъ останавливаться имъ не позволяютъ напирающіе съ тыла обозы.

Вечеромъ 27-го марта я собралъ представителей районныхъ штабовъ, находившихся при своихъ ротахъ, и мы стали обсуждать планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

— Все равно намъ не удастся остановить эту саранчу, говорили крестьяне. Начнемъ по нимъ стрѣлять — перебьемъ сотни двѣ-три, а сзади будутъ напирать тысячи новыхъ. Да и бить-то ихъ жалко, того и гляди, что стариковъ и бабъ съ дѣтишками перестрѣляемъ . . .

— И пускать ихъ къ себѣ не охота, говорили другіе: разорятъ насъ они совсѣмъ! Смотри — что съ Лазаревкой за день сдѣлали? Такъ и въ нашихъ селеніяхъ будетъ.

Въ концѣ-концовъ мы рѣшили поступить слѣдующимъ образомъ.

Постараться задержать казаковъ на одинъ-два дня подъ Чухуктомъ дабы дать время жителямъ расположенныхъ близъ шоссе селеній вывезти свое имущество въ горы. Сообщить въ Сочи, чтобы Комитетъ Освобожденія эвакуировалъ всѣ цѣнности, продовольственные и другіе склады въ расположенное въ горахъ селеніе Анбгу, затѣмъ снять фронтъ, очистить приморское шоссе и отойти въ горы, дабы не допустить войска Шкуро до горныхъ селеній. Мы разсчитывали, что казаки не задержатся долго на побережьѣ и или интернируются въ Грузіи, или-же дождутся пароходовъ и отправятся въ Крымъ.

Объ этомъ рѣшеніи я передалъ по телефону въ Сочи и во всѣ районные штабы, которымъ было предписано въ эту-же ночь выслать возможно большее количество подводъ для эвакуаціи Сочинскихъ складовъ и имущества Комитета Освобожденія. Коменданту Сочи я приказалъ также немедленно выслать всѣ моторные суда, катера и фелюги на станцію Лоо, гдѣ находилось вывезенное изъ Туапсе полевое интендантство. Имущество интендантства должно было быть перевезено въ Адлеръ и оттуда переправлено на подводахъ и вьюкахъ въ горы.

Рано утромъ 27-го марта къ нашей позиціи подошелъ непріятельскій блиндированный поѣздъ начавшій изъ двухъ орудій обстрѣливать окопы. Удачный выстрѣлъ нашей горной пушки, попавшій въ тендеръ паровоза, обратилъ поѣздъ въ поспѣшное отступленіе. Я приказалъ Богдасарову и его подрывникамъ взорвать желѣзнодорожный мостъ находившійся въ трехъ верстахъ отъ нашей позиціи, чтобы прекратить эти непріятныя для насъ прогулки блиндированнаго поѣзда.

Богдасаровъ вернулся часа черезъ два и доложилъ мнѣ, что мое приказаніе исполнено: мостъ взорванъ и на его возстановленіе потребуется не менѣе 7-ми дней.

Не прошло и полу-часа, послѣ возвращенія нашего генералъ-инспектора по инженерной части, какъ блиндированный поѣздъ снова подошелъ къ самой позиціи и принялся въ упоръ разстрѣливать изъ пушекъ и пулеметовъ окопы нашего лѣваго фланга. Съ трудомъ удалось намъ снова прогнать надоѣдливаго визитера.

Богдасаровъ сознался, что онъ приказанія не исполнилъ и удовлетворился тѣмъ, что облилъ деревянныя части моста керосиномъ и поджегъ ихъ. Понятно, что мостъ уцѣлѣлъ и броневикъ могъ свободно по немъ проходить.

Въ 3 часа дня я выслалъ на развѣдку имѣвшійся въ моемъ распоряженіи моторный катеръ «Лихой», который вскорѣ вернулся обратно и донесъ, что сильная непріятельская колонна выступила изъ Лазаревки и двигается на насъ.

Блохинъ съ двумя взводами своей Хостинской роты занялъ крайній правый флангъ нашего расположенія и донесъ мнѣ о томъ, что полусотня казаковъ пробирается по горной тропѣ, стараясь выйти въ тылъ нашей позиціи. Чтобы парализовать этотъ обходъ, я могъ выслать на встрѣчу казакамъ находившуюся у меня въ резервѣ въ «Зубовой щели» (въ 3-хъ верстахъ отъ Чухуктской позиціи) Адлерскую роту. Въ это время начался сильный артиллерійскій огонь со стороны противника. Наша горная пушченка изрѣдка отвѣчала. Непріятельскіе снаряды перелетали черезъ нашу позицію и рвались далеко въ тылу надъ шоссе. Я послалъ Богдасарова на автомобилѣ въ Зубову щель передать приказаніе Адлерской ротѣ парализовать обходъ нашего праваго фланга.

Минутъ черезъ десять Богдасаровъ примчался обратно и, сильно волнуясь, доложилъ мнѣ, что проѣхать по шоссе невозможно, такъ-какъ оно сильно обстрѣливается непріятельской артиллеріей.

Я рѣшилъ съѣздить самъ въ Зубову щель, передавъ Перепелицѣ командованіе находившимися на позиціи ротами.

Проѣхать по шоссе оказалось вполнѣ возможнымъ, такъ какъ непріятельскіе снаряды рвались очень высоко и правѣе шоссе. Черезъ 10 минутъ я уже былъ въ Зубовой щели и выслалъ резервную роту по горной тропинкѣ на встрѣчу небольшой кучкѣ пытавшихся насъ обойти казаковъ.

Сдѣлавъ это, я сѣлъ въ автомобиль и поѣхалъ обратно на позицію. На первомъ-же поворотѣ шоссе я увидѣлъ скачущаго карьеромъ на артиллерійской лошади Богдасарова. Онъ что-то прокричалъ мнѣ и не останавливаясь промчался дальше. Я рѣшилъ, что Перепелица послалъ его въ резервъ за патронами и спокойно продолжалъ свой путь. Но, проѣхавъ съ полъ-версты, я встрѣтилъ довольно поспѣшно отступающую съ позиціи роту, которая занимала лѣвофланговые окопы.

— Въ чемъ дѣло, куда вы идете, спросилъ я ротнаго командира.

— Начальникъ передового отряда Перепелица приказалъ намъ бросить позицію и отступать въ Лоо!

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выяснилось, что черезъ пять минутъ послѣ моего отъѣзда къ позиціи снова подошелъ блиндированный поѣздъ, открывшій сильный артиллерійскій и пулеметный огонь по лѣвофланговой ротѣ. Нѣсколько непріятельскихъ снарядовъ разорвались надъ нашей пушкой, ранивъ одного изъ артиллеристовъ. Тогда Перепелица отдалъ приказаніе отступать, бросился къ

стоявшему у берега близъ артиллерійской позиціи катеру «Лихому» и уѣхалъ на немъ въ Лоо.

— А гдѣ-же Блохнинъ, спросилъ я снова ротнаго командира.

— Петръ Павловичъ остался со своей ротой на позиціи, но я послалъ къ нему ополченца и сообщилъ о приказаніи отступать въ Лоо. Другія роты уже снялись съ позиціи и идутъ слѣдомъ за мною.

Я былъ возмущенъ поведеніемъ «полковника» Перепелицы, но спасти положеніе было уже невозможно: позиція была почти безъ боя оставлена и теперь уже навѣрно занята противникомъ.

Я дождался подхода остальныхъ ротъ и, назначивъ за старшаго одного изъ ротныхъ командировъ — бывшаго фельдфебеля Кавказскаго стрѣлковаго полка — приказалъ ему отвести роты къ рѣкѣ Шахе, находившейся въ 7 верстахъ къ югу отъ Зубовой щелки.

Оставивъ при себѣ полуроту я пошелъ съ ней на встрѣчу къ Блохнину. Почти у самой брошенной нами позиціи я встрѣтилъ Хостинскую роту, отступавшую въ полномъ порядкѣ и прикрытую тыловыми дозорами.

— Покорно благодарю васъ за назначенныхъ вами начальниковъ, обратился ко мнѣ возмущенный Блохнинъ. Лучше-бы вы оставили за себя Митьку телефониста, чѣмъ такую рвань . . .

Съ трудомъ успокоилъ я лихого партизана, который считалъ наше отступленіе величайшимъ скандаломъ.

— Все равно, Петръ Павловичъ, вѣдь мы-же рѣшили снять сегодня ночью, или завтра утромъ фронтъ. Ну сняли его на нѣсколько часовъ раньше, вотъ и все!

— Одно дѣло самимъ снять фронтъ, а другое дѣло — бѣжать съ фронта . . . Вы мнѣ только дайте эту «Перепелицу», ужъ я ей повыщиплю перья!

Поздно вечеромъ мы добрались до селенія Головинки, гдѣ и рѣшили заночевать.

Изъ Головинки я соединился по телефону съ Сочи, вызвалъ къ аппарату Филипповскаго и передалъ ему, что буду задерживать наступленіе казаковъ не болѣе, чѣмъ два-три дня.

— Когда-же они смогутъ занять Сочи, спросилъ Филипповскій.

— Отъ Чухукта до Сочи около 80 верстъ, поэтому казаки смогутъ подойти къ Сочи не ранѣе, какъ черезъ пять — шесть дней. Надѣюсь, что вы успѣете за это время спокойно вывезти изъ города все имущество комитета и склады.

— Конечно, успѣемъ, но можетъ-быть намъ и не придется продолжать эвакуаціи.

— Почему такъ, удивился я.

— Дѣло въ томъ, что въ Гагры пріѣхалъ предсѣдатель Кубанскаго правительства Иванисъ, который телеграфировалъ мнѣ и предложилъ заключить перемиріе съ арміей Шкуро, который подчиняется не Деникину, а Кубанскому правительству. Считаете ли вы возможнымъ вступить съ нимъ въ переговоры?

— Отчего-же не сговориться съ казаками, отвѣтилъ я Филипповскому. Мы все равно не имѣемъ никакой возможности сдержать ихъ пятидесяти-тысячную лавину, а возможно, что путемъ переговоровъ мы избавимъ Сочинскій округъ отъ нашествія незванныхъ гостей.

Утромъ 29-го марта мы снова устроили совѣщаніе съ представителями районныхъ штабовъ.

На этомъ совѣщаніи выяснилось, что ополченцы изъ селеній прибрежной полосы очень безпокоятся за судьбу своего имущества и просятъ отпустить ихъ по домамъ, чтобы успѣть до прихода казаковъ вывезти свое добро въ горы.

Мы рѣшили оставить при штабѣ полуроту, а всѣхъ остальныхъ отпустить по домамъ, съ условіемъ черезъ три дня вновь собраться въ Сочи.

— Зачѣмъ вамъ эта полурота, спросилъ меня Блохнинъ. Казаки все равно раньше, какъ черезъ четыре дня не подойдутъ къ Сочи. Отпустите и ихъ по домамъ, а на позицію вызовите изъ Сочи комендантскую роту. Она тамъ лишь даромъ хлѣбъ ѣстъ. А для «арьергарда» я останусь самъ и дамъ вамъ еще пять-шесть молодцовъ.

Я согласился съ Блохнинымъ, и мы остались на берегу рѣки Шахэ самъ-шестъ.

Для того, чтобы еще на лишній день задержать движеніе казаковъ, мы рѣшили сжечь оба деревянныхъ моста черезъ довольно широкую рѣку Шахэ. Молодцы Блохнина притащили сухихъ сучьевъ, достали у машиниста стоявшаго на разъѣздѣ «Головинка» дежурнаго паровоза банку мазута, и вскорѣ желѣзнодорожный и шоссейный мосты запылали, подожженные съ нѣсколькихъ концовъ.

Пока ополченцы подъ руководствомъ Блохнина жгли мосты, я съ пулеметомъ Люиса занялъ сторожевой постъ, чтобы предупредить мой «арьергардъ» въ случаѣ появленія казачьяго разъѣзда.

Я думаю, что во всей военной исторіи еще не было такого случая, чтобы командующій арміей стоялъ часовымъ на передовомъ посту, лично прикрывая свою армію. Впрочемъ — я вспомнилъ: маршалъ Ней представлялъ собой однажды «арьергардъ великой арміи».

XXI

Изъ Головинки я по телефону приказалъ Сочинскому коменданту выслать находившіяся въ Сочи комендантскую роту и учебно-пулеметную команду въ Дагомысъ (въ 15 верстахъ къ сѣверу отъ Сочи), гдѣ и выставить сторожевое охраненіе для прикрытія эвакуаціи города.

Когда оба моста черезъ Шахэ основательно подгорѣли и средніе пролеты рухнули въ воду, я отдалъ приказъ «арьергарду» отступать на станцію Лоо. Отступленіе это совершилось съ большимъ комфортомъ: мы усѣлись на паровозъ и черезъ полъ-часа прибыли въ Лоо.

Здѣсь меня долженъ былъ поджидать автомобиль, на которомъ я собирался тотчасъ же выѣхать въ Сочи для участія въ назначенномъ вечеромъ экстренномъ засѣданіи Комитета Освобожденія.

Къ моему удивленію никакого автомобиля въ Лоо не было. Станція имѣла покинутый видъ и мы не нашли здѣсь ни начальника станціи, ни коменданта, ни телеграфиста. Большая часть вагоновъ съ интендантскимъ грузомъ были уже разгружены, но караула при остальныхъ вагонахъ также не оказалось.

Оставивъ въ Лоо трехъ человѣкъ изъ «арьергарда», мы двинулись пѣшимъ порядкомъ по желѣзнодорожной линіи въ Сочи. Воспользоваться паровозомъ мы не могли, такъ-какъ происшедшіе въ трехъ мѣстахъ обвалы разрушили совершенно путь между Сочи и Лоо. Намъ предстояло совершить 25-ти верстную прогулку пѣшкомъ.

Я утѣшалъ себя тѣмъ, что въ Дагомыслѣ встрѣчу комендантскую роту и возьму у командира верховую лошадь.

Дойдя до Дагомыса мы стали тщетно разыскивать сторожевое охраненіе и никакъ его не могли найти:

— Ишь-ты, какъ здорово «примѣнились къ мѣстности», разсмѣялся Блохнинъ: ни часовыхъ, ни заставъ не видно...

Дѣлать было нечего и пришлось пройти еще 15 верстъ пѣшкомъ.

Въ 8 часовъ вечера мы усталые и голодные добрели наконецъ до «Ривьеры».

Швейцаръ съ удивленіемъ взглянулъ на меня и сообщилъ, что весь Комитетъ Освобожденія, Главный Штабъ и команда связи въ 2 часа дня спѣшно покинули Сочи и уѣхали въ Адлеръ.

— Неужели-же въ городѣ никого не осталось, спросилъ я швейцара.

— Кажется въ «Грандъ отелѣ» находится еще комендантъ съ ординарцами.

Мы поплелись въ «Грандъ-отель», находившійся въ противуположномъ концѣ города.

Здѣсь мы узнали, что комендантъ также уѣхалъ изъ Сочи.

Не понимая, чѣмъ вызвано такое поспѣшное бѣгство властей изъ города, и совершенно изнемогая отъ усталости, мы отправились съ Блохнинымъ въ сосѣдній духанъ, чтобы хотя немного перекусить.

Хозяинъ духана былъ несказанно удивленъ и обрадованъ увидѣвъ насъ.

— Такъ вы, стало-быть, живы и не въ плѣну, воскликнулъ онъ, бросившись къ намъ съ распростертыми объятіями.

— Чего это вы насъ хоронить вздумали, пошутилъ я, присаживаясь къ столику. Какъ видите — пока еще живы, но, если вы насъ сію-же минуту не накормите, то мы на самомъ дѣлѣ умремъ отъ голода!

Хозяинъ моментально притащилъ холодной баранины, «чурекъ» и бутылку вина и, пока мы съ Блохнинымъ насыщались, сталъ намъ разсказывать о томъ, какъ произошло бѣгство комитета, коменданта и прочихъ властей:

— Часовъ въ двѣнадцать, передъ самымъ обѣдомъ, въ Сочи примчались изъ Лоо два вашихъ офицера. Они заявили предсѣдателю комитета, что добровольцы разбили васъ подъ Головинкой и весь вашъ отрядъ частью перебитъ, частью взятъ въ плѣнъ. По ихъ словамъ вы и Петръ Павловичъ были не то убиты, не то ранены и попались въ руки къ «кадетамъ». Они также сказали, что добровольцы уже заняли Дагомысъ и черезъ два часа будутъ въ Сочи. Тутъ поднялась такая суматоха, что вы и представить себѣ не можете. Члены комитета разобрали автомобили и черезъ какой-нибудь часъ никого изъ властей въ Сочи уже не было. Комендантъ хотѣлъ-было остаться и вывезти кое-какое имущество изъ складовъ, но его напугали тѣмъ, что казачьи разъѣзды въѣзжаютъ въ городъ и онъ также все бросилъ и поскакалъ въ Хосту. Я слыхалъ, что онъ сейчасъ находится въ Мацестѣ.

Мы догадались, что тревога была поднята удравшими съ фронта Перепелицей и Богдасаровымъ.

— Если вы ихъ не разстрѣляете, сказалъ мнѣ разсвирѣпѣвшій Блохнинъ, то я васъ перестану уважать!

Пришлось потребовать вторую бутылку кахетинскаго, чтобы успокоить разошедшагося предсѣдателя Хостинскаго штаба.

Когда мы слегка подкрѣпились, хозяинъ духана отвелъ меня въ сторону и сообщилъ по секрету, что оставшіеся въ городѣ плѣнные офицеры Добрарміи

организовали самооборону, разобрали брошенныя въ комендантскомъ управленіи винтовки и являются сейчасъ хозяевами Сочи.

— Вы все-таки остерегайтесь, предупредилъ онъ меня: хотя они на васъ лично и не сердятся, но все-таки могутъ васъ арестовать и выдать «кадетамъ».

Я разсказалъ Блохнину о предупрежденіи хозяина.

— Пусть только попробуютъ, проворчалъ онъ: я сейчасъ соберу своихъ ребятъ, которые еще находятся въ городѣ, и завтра утромъ приведу въ Сочи двѣ роты Хостинцевъ. Со своими ребятами я здѣсь въ полъ-часа наведу порядокъ.

Распрощавшись съ хозяиномъ, отказавшимся на отрѣзъ получить съ насъ деньги за ужинъ, мы вышли на улицу и отправились на телеграфъ, чтобы соединиться съ Адлеромъ и установить связь съ черезъ-чуръ поспѣшно эвакуировавшимся комитетомъ.

Но на телеграфѣ намъ сообщили, что, отступивъ изъ Сочи, комендантская рота перерѣзала всѣ телефонные и телеграфные провода между Сочи и Хостой.

Выходя изъ помѣщенія телеграфа, мы столкнулись съ вооруженнымъ винтовкой офицеромъ, у котораго лѣвый рукавъ шинели былъ перевязанъ бѣлымъ платкомъ. Офицеръ пристально посмотрѣлъ мнѣ въ лицо и попросилъ остановиться. Блохнинъ сталъ вытаскивать свой револьверъ, полагая, что офицеръ хочетъ меня арестовать.

— Господинъ полковникъ, — сказалъ офицеръ, приближаясь ко мнѣ: — я прошу васъ не показываться такъ открыто въ городѣ, иначе васъ могутъ арестовать. Мы вамъ многимъ обязаны, но за всѣхъ ручаться нельзя. Лучше всего поскорѣе уходите изъ Сочи.

— Я вамъ очень благодаренъ за такое предупрежденіе, отвѣтилъ я ему, но также хочу васъ кое о чемъ предупредить: дѣло въ томъ, что слухи о нашемъ разгромѣ совершенно не вѣрны. Мы оставили позицію подъ Чухуктомъ, но отрядъ мой цѣлъ и черезъ нѣсколько минутъ двѣ крестьянскихъ дружины войдутъ въ городъ. Всѣ ваши товарищи были освобождены Главнымъ Штабомъ подъ честное слово, обѣщавъ не принимать больше участія въ войнѣ крестьянъ съ добровольцами. Захвативъ въ комендантскомъ управленіи оставленныя тамъ въ суматохѣ винтовки и сформировавъ офицерскій отрядъ — вы тѣмъ самымъ нарушаете данное вами честное слово. Если объ этомъ узнаютъ мои ополченцы, я врядъ-ли смогу остановить ихъ возмущеніе и тогда — вы сами понимаете — никакимъ честнымъ словамъ плѣнныхъ крестьяне вѣрить не будутъ. Имѣйте ввиду, что генералъ Шкуро сможетъ занять Сочи не ранѣе, какъ черезъ пять дней.

Офицеръ былъ сильно смущенъ моими словами.

— Я вамъ совѣтую, — продолжалъ я, — передать всѣмъ вашимъ товарищамъ мое предупрежденіе и попросить ихъ отъ моего имени сейчасъ-же вернуть на мѣсто винтовки и разойтись по домамъ. Даю вамъ слово, что никто изъ васъ послѣ этого не пострадаетъ.

— Вы правы, господинъ полковникъ, и я сейчасъ-же передамъ нашъ разговоръ другимъ офицерамъ.

Съ этими словами онъ раскланялся съ нами и быстро зашагалъ по направленію къ Московской улицѣ.

Посовѣтовавшись съ Блохнинымъ, я рѣшилъ собрать прибывшихъ изъ Головинки одиночнымъ порядкомъ ополченцевъ и выслать нѣсколько патрулей

по улицамъ Сочи, чтобы показать обывателямъ и плѣннымъ добровольческимъ офицерамъ, что мы пока еще не разгромлены и продолжаемъ существовать.

Блохинъ вскорѣ разыскалъ на базарѣ и привелъ ко мнѣ 30 человѣкъ своей роты. Мы раздѣлили ихъ на два патруля, начальство надъ которыми приняли я и Блохинъ.

Уже совсѣмъ стемнѣло и только передъ «Ривьерой» и на базарной площади свѣтились одинокіе фонари. Я повелъ свой патруль черезъ базаръ на Хлудовскую сторону, Блохинъ сталъ обходить южную часть города.

Сочинскіе обыватели съ удивленіемъ встрѣчали насъ, вступали въ разговоры и разспрашивали, чѣмъ вызванъ поспѣшный отъѣздъ изъ города Комитета Освобожденія?

Обойдя всю Хлудовскую сторону, мой патруль вернулся въ центральную часть города, гдѣ мы должны были встрѣтиться съ Блохинымъ.

Когда мы проходили по Дагомысской улицѣ, отъ одного изъ домовъ отдѣлилась маленькая фигурка умиленно улыбавшагося человѣка.

— Позвольте въ вашемъ лицѣ привѣтствовать доблестную Добровольческую армію, проговорилъ человѣчекъ подойдя ко мнѣ.

Мы пріостановились.

— Что вамъ угодно, спросилъ я этого ревностнаго почитателя Добрарміи.

— Я знаю адресъ всѣхъ мѣстныхъ большевиковъ и другихъ вашихъ враговъ заявилъ человѣчекъ, доставая изъ кармана заранѣе приготовленный имъ списокъ. Многіе изъ нихъ, къ сожалѣнію, уже успѣли удрать, но нѣкоторые остались, и я съ удовольствіемъ провожу васъ и укажу ихъ квартиры.

— А вы знаете, кто мы, — спросилъ я, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.

— Вы — славные солдаты Добровольческой Арміи, которые пришли освободить всѣхъ честныхъ гражданъ Россійской Имперіи отъ опостылѣвшихъ намъ зеленыхъ хамовъ, — захлебываясь отъ восторга, торжественно проговорилъ незнакомецъ.

— Къ сожалѣнію, вы ошибаетесь, мы — ополченцы Хостинской роты Черноморскаго крестьянскаго ополченія . . .

Человѣчекъ въ ужасѣ присѣлъ на мостовую.

Я досталъ свой карманный электрическій фонарикъ и ознакомился съ переданнымъ мнѣ спискомъ. Въ немъ было помѣщено до 30 фамилій и первымъ въ спискѣ значился я. Въ особомъ примѣчаніи было написано: «хотя онъ и не большевикъ, и не крайній соціалистъ, но все-таки является сугубо-вредной личностью и главнымъ зачинщикомъ крестьянскаго бунта».

Ополченцы подошли ко мнѣ и начали также читать списокъ «Сочинскихъ большевиковъ».

— Что-же мы будемъ дѣлать съ этимъ паршивцемъ, — спросили меня ополченцы.

— Да что съ нимъ дѣлать — развѣ вы не видите, что онъ совсѣмъ отъ страха помираетъ, — отвѣтилъ я, указывая на съежившагося на мостовой человѣчка.

Мы пошли дальше. Человѣчекъ приподнялся, посмотрѣлъ намъ вслѣдъ, вскочилъ и стрѣлой понесся въ противуположный конецъ улицы. Позднѣе я узналъ, что онъ былъ однимъ изъ служащихъ отдѣла снабженія Главнаго Штаба.

Обойдя почти весь городъ и показавшись жителямъ, которые считали насъ

погибшими, мы сошлись на базарной площади съ Блохинымъ и стали обсуждать планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Такъ какъ Кубанское правительство, судя по сообщенію Филипповскаго, предлагало намъ вступить съ нимъ въ мирные переговоры, я полагалъ необходимымъ, какъ можно скорѣе возстановить фронтъ, дабы не допустить казаковъ занять нашу столицу — Сочи.

Блохинъ считалъ, что черезъ два дня можно будетъ вновь собрать распущенныхъ по домамъ ополченцевъ. До тѣхъ поръ необходимо было занять подступы къ Сочи комендантской ротой, насчитывавшей въ своихъ рядахъ до 200 человѣкъ.

Я рѣшилъ немедленно пойти пѣшкомъ въ Мацесту, найти комендантскую роту и вернуть ее въ Сочи.

Въ первомъ часу ночи я вышелъ изъ Сочи и, пройдя 12 верстъ, былъ остановленъ часовымъ комендантской роты. Съ трудомъ убѣдивъ часового, что я живъ и здоровъ и являюсь именно тѣмъ лицомъ, которымъ себя называю, мнѣ удалось заставить его проводить меня на заставу, гдѣ находился Сочинскій комендантъ Родзевичъ.

Родзевичъ былъ назначенъ мною комендантомъ по просьбѣ Филипповскаго, который усиленно выдвигалъ его на одну изъ командныхъ должностей. Онъ былъ очень порядочнымъ человѣкомъ, но совершенно не годился замѣщать какую бы-то ни было самостоятельную и отвѣтственную должность. Послѣ моего отъѣзда на Чухуктскую позицію, Родзевичъ совершенно растерялся, суетился и способствовалъ распространенію паники. Распустивъ свою роту и трехъ адъютантовъ, которые были имъ назначены изъ плѣнныхъ солдатъ Сальянскаго полка, Родзевичъ допустилъ самочинный разстрѣлъ трехъ плѣнныхъ казачьихъ офицеровъ. Я узналъ объ этомъ возмутительномъ случаѣ изъ записки, полученной мною наканунѣ боя подъ Чухуктомъ отъ одного изъ членовъ Главнаго Штаба.

Произведеннымъ Главнымъ Штабомъ дознаніемъ выяснилось, что разстрѣлъ этихъ плѣнныхъ былъ организованъ адъютантами Родзевича, которые хотѣли завладѣть золотымъ портсигаромъ, часами и деньгами плѣнныхъ. Такъ-какъ плѣнные не пожелали добровольно отдать свои цѣнности, два комендантскихъ адъютанта предъявили крестьянскому караулу фальшивый ордеръ на переводъ плѣнныхъ въ тюрьму и по дорогѣ разстрѣляли ихъ при помощи конвоя отъ комендантской роты, также состоявшей изъ бывшихъ солдатъ Сальянскаго полка. Расправившись такимъ образомъ съ несговорчивыми плѣнными и ограбивъ ихъ, адъютанты донесли Родзевичу, что плѣнные разстрѣляны при попыткѣ бѣжать. Конвойные, съ которыми адъютанты не подѣлились награбленнымъ, донесли Главному Штабу о происшедшемъ, и оба адъютанта, которыхъ я приказалъ немедленно предать полевому суду, скрылись и только черезъ нѣсколько дней были арестованы Хостинскимъ районнымъ штабомъ и въ свою очередь разстрѣляны по приказанію Блохина.

Родзевичъ былъ чрезвычайно удивленъ, увидѣвъ меня, и объяснилъ происшедшую въ Сочи панику вздорными слухами, распространенными прибѣжавшими съ фронта Перепелицей и Богдасаровымъ.

Я приказалъ Родзевичу немедленно выступить съ комендантской ротой въ Сочи и выставить сторожевое охраненіе по рѣкѣ Мамайкѣ (въ 8 вер. къ сѣверу отъ города). Самъ-же, воспользовавшись имѣвшимся въ распоряженіи Родзевича автомобилемъ, я выѣхалъ въ Адлеръ, гдѣ находился Главный Штабъ и Комитетъ Освобожденія.

Въ Адлерѣ я узналъ что предсѣдатель комитета Филипповскій выѣхалъ въ Гагры для переговоровъ съ предсѣдателемъ Кубанскаго правительства Иваниcомъ.

На слѣдующій день рано утромъ Филипповскій вернулся въ Адлеръ въ сопровожденіи товарища предсѣдателя Верховнаго Круга Дона, Кубани и Терека — Мамонова и ознакомилъ насъ съ проектомъ заключеннаго имъ соглашенія съ Кубанскимъ правительствомъ.

Проектъ соглашенія состоялъ изъ шести пунктовъ, въ которыхъ Кубанское краевое правительство обязывалось не вмѣшиваться во внутреннюю жизнь Черноморья, признавало всѣ избранные крестьянами органы самоуправленія и обязывалось не расквартировывать по городамъ и селеніямъ частей арміи Шкуро безъ вѣдома и согласія представителей крестьянской власти.

Соглашеніе это должно было-быть въ трехдневный срокъ представлено на утвержденіе экстреннаго собранія представителей районныхъ штабовъ и волостныхъ крестьянскихъ комитетовъ и вступало въ силу только послѣ такой ратификаціи. Впредь до созыва чрезвычайнаго съѣзда и до утвержденія соглашенія, между крестьянскимъ ополченіемъ и арміей Шкуро заключалось трехъ-дневное перемиріе, причемъ части Шкуро не имѣли права во время перемирія продвигаться впередъ и должны были оставаться на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ застанетъ увѣдомленіе о заключенномъ перемиріи.

Пріѣхавшій съ Филипповскимъ товарищъ предсѣдателя Верховнаго Круга Мамоновъ былъ очень смущенъ начавшейся войной между казаками и крестьянами.

— Мы порвали съ Деникинымъ и хотѣли завязать добрососѣдскія отношенія съ Черноморскимъ крестьянствомъ, — заявилъ онъ намъ. — Къ сожалѣнію командный составъ нашей арміи черезчуръ поспѣшилъ съ наступленіемъ на Сочи, почему мы и опоздали вступить въ переговоры съ Комитетомъ Освобожденія.

— Какую цѣль преслѣдуете вы своимъ нашествіемъ въ Сочинскій округъ, спросилъ я Мамонова.

— Мы хотимъ отдохнуть здѣсь, привести въ порядокъ нашу разстроенную армію и затѣмъ предпринять, базируясь на Черноморское побережье, новое наступленіе на Донъ и Кубань.

— Знаете-ли вы катастрофическое продовольственное положеніе Сочинскаго округа? Вѣдь у нашихъ крестьянъ едва хватаетъ кукурузы для собственнаго пропитанія, и они не смогутъ удѣлить вашей арміи ни одного пуда хлѣба!

— Да, мы приняли это во вниманіе и на дняхъ изъ Крыма намъ будутъ доставлены значительные продовольственные запасы, такъ что мы сможемъ немедленно возвратить крестьянамъ тотъ хлѣбъ, который наши войска были принуждены реквизировать въ деревняхъ.

— Но вѣдь Крымъ во власти Деникина, и врядъ-ли главнокомандующій Добрармін согласится довольствовать тѣ войска, которые отказались ему повиноваться, — усумнился я въ заявленіи Мамонова.

— Деникинъ, конечно, никогда на это не согласился-бы, но англичане заставили его отпустить для насъ хлѣбъ и другіе продукты.

Изъ дальнѣйшаго разговора съ Мамоновымъ выяснилось, что руководители казачества и командный составъ казачьей арміи другъ-другу не довѣряютъ. Особенныя подозрѣнія возбуждалъ у членовъ Круга генералъ Шкуро, котораго они подозрѣвали въ непосредственныхъ сношеніяхъ со ставкой Деникина.

Какъ выяснилось впослѣдствіи, подозрѣнія Мамонова были вполнѣ основательны: Шкуро дѣйствительно сносился съ Деникинымъ и, въ откровенной бесѣдѣ съ посторонними, относился весьма иронически къ казачьимъ «демократамъ».

Было рѣшено, что Филипповскій и Мамоновъ выѣдутъ немедленно въ Штабъ Шкуро для увѣдомленія его о состоявшемся соглашеніи между Комитетомъ Освобожденія и Кубанскимъ правительствомъ и для оффиціальнаго заключенія перемирія. Я долженъ былъ вернуться въ Сочи и заняться подготовкой чрезвычайнаго крестьянскаго съѣзда.

Вечеромъ того-же дня я вернулся въ Сочи и занялся водвореніемъ на мѣста учрежденій Комитета Освобожденія и отдѣловъ Главнаго Штаба. Филипповскій и Мамоновъ выѣхали на автомобилѣ подъ бѣлымъ парламентерскимъ флагомъ въ Головинку, гдѣ по нашимъ свѣдѣніямъ находился штабъ Шкуро. Эвакуація невывезеннаго изъ Сочи имущества была пріостановлена.

На слѣдующій день въ 2 часа дня Филипповскій и Мамоновъ вернулись изъ штаба Шкуро и сообщили мнѣ, что перемиріе заключено.

Я тотчасъ-же отправилъ въ отрядъ Волковскаго районнаго штаба приказаніе прекратить военныя дѣйствія противъ казаковъ. Предвидя, что мое приказаніе дойдетъ до Волковскаго штаба не ранѣе вечера, я послалъ одного изъ членовъ Главнаго штаба къ начальнику передовой дивизіи Шкуро — генералу Агоеву — съ предупрежденіемъ о томъ, что сообщеніе о перемиріи дойдетъ до отдѣльно дѣйствующихъ отрядовъ ополченія лишь къ вечеру и съ просьбой принять мѣры для предотвращенія столкновеній съ этими отрядами крестьянскаго ополченія.

Генералъ Агоевъ принялъ моего посланнаго очень любезно и завѣрилъ его въ томъ, что онъ не допуститъ до наступленія темноты никакихъ столкновеній съ Волковскимъ отрядомъ.

Узнавъ о заключенномъ перемиріи, взволновавшіеся-было Сочинскіе обыватели совершенно успокоились и жизнь города вступила въ нормальное русло.

Филипповскій, Мамоновъ и я отправились обѣдать въ одинъ изъ ресторановъ и мирно дѣлились впечатлѣніями о пережитыхъ за послѣдніе дни событіяхъ.

Во время обѣда ко мнѣ прибѣжалъ вѣстовой изъ Главнаго Штаба и сообщилъ, что дивизія генерала Агоева продолжаетъ быстро продвигаться впередъ и передовыя части дивизіи дошли уже до Дагомыса. Онъ сказалъ мнѣ также, что начальникъ штаба Агоева желаетъ переговорить по желѣзно-дорожному телефону съ кѣмъ-нибудь изъ чиновъ штаба крестьянскаго ополченія.

— Такъ-то вы исполняете условія перемирія, сказалъ я Мамонову, который слышалъ донесеніе ординарца.

Мамоновъ пожалъ плечами.

— Вы не повѣрите, какъ трудно имѣть дѣло съ нашими генералами, сказалъ онъ. Они не желаютъ считаться съ политической обстановкой и все время дѣйствуютъ самостоятельно, проявляя черезъ чуръ большую личную инициативу. Я сейчасъ-же отправлюсь вмѣстѣ съ вами къ телефону и узнаю въ чемъ дѣло.

Мы отправились на вокзалъ и соединились по телефону съ разъѣздомъ «Дагомысъ».

Къ телефону подошелъ начальникъ штаба дивизіи генерала Агоева.

— Я — командующій крестьянскимъ ополченіемъ, что вамъ угодно, спросилъ я его.

— Дѣло въ томъ, что намъ отсюда изъ Дагомыса видно, что надъ Сочинскимъ маякомъ развѣвается красный флагъ. Генералъ приказалъ передать вамъ

его категорическое требованіе — немедленно спустить красный и поднять надъ маякомъ трехцвѣтный флагъ Добровольческой арміи.

— Надъ Сочи развѣвается флагъ крестьянскаго ополченія — зеленый крестъ на красномъ полѣ. Флагъ этотъ не будетъ спущенъ до тѣхъ поръ, пока Сочи не будетъ съ бою занято вашими войсками, отвѣтилъ я. Передайте вашему генералу, что его требованіе является нарушеніемъ только-что заключеннаго перемирія.

— Если наше требованіе не будетъ вами исполнено, мы сейчасъ-же начнемъ артиллерійскій обстрѣлъ Сочи, заявилъ начальникъ штаба.

Къ телефону подошелъ Мамоновъ и попросилъ передать ему трубку.

— У телефона товарищъ предсѣдателя Верховнаго Круга Мамоновъ. Передайте генералу Агоеву, что я требую безусловнаго подчиненія приказаніямъ президіума Круга и Кубанскаго краевого правительства. Между Комитетомъ Освобожденія Черноморья и Кубанскимъ правительствомъ состоялось соглашеніе, по которому всякія военныя дѣйствія между крестьянами и казаками прекращаются. Я только-что вернулся изъ штаба генерала Шкуро и подписалъ условія перемирія. Ваше требованіе нарушаетъ это перемиріе, и я настаиваю, чтобы вы взяли его обратно!

Я не знаю, что отвѣтилъ на это начальникъ штаба Агоева, но видѣлъ по выраженію лица Мамонова, что его слова мало дѣйствуютъ на штабныхъ офицеровъ.

— Вотъ извольте имѣть дѣло съ такими господами, обратился ко мнѣ Мамоновъ, повѣсивъ трубку. Они совершенно не желаютъ считаться съ нами и чувствуютъ себя побѣдителями, имѣющими право диктовать свои условія побѣжденнымъ!

Флагъ крестьянскаго ополченія не былъ спущенъ, и генералъ Агоевъ не привелъ въ исполненіе своей угрозы.

Вечеромъ я выѣхалъ въ Хосту, гдѣ должно было состояться совѣщаніе представителей районныхъ штабовъ.

Не успѣлъ я пріѣхать въ Хосту, какъ мнѣ сообщили изъ Сочи телефонограммой о томъ, что генералъ Шкуро нарушилъ перемиріе и отдалъ своимъ войскамъ приказъ занять Сочи.

Сочинскій комендантъ Родзевичъ доносилъ мнѣ, что въ 6 часовъ вечера генералъ Шкуро увѣдомилъ сторожевое охраненіе о возобновленіи военныхъ дѣйствій. Онъ придрался къ тому, что въ 4 часа дня Волковскій отрядъ, который еще не успѣлъ получить увѣдомленія о перемиріи, обстрѣлялъ казачій разъѣздъ а поэтому обвинялъ крестьянское ополченіе въ несоблюденіи условій перемирія.

Комендантская рота не была въ состояніи остановить наступленіе десятитысячнаго казачьяго отряда и принуждена была отойти и очистить Сочи, которое въ 8 часовъ вечера было занято войсками Шкуро.

Черезъ нѣсколько часовъ я получилъ копію перехваченной нашими телефонистами телефонограммы генерала Шкуро, въ которой онъ сообщалъ Агоеву о томъ, что наступающіе со стороны Бѣлорѣченской полки красной арміи заставили его очистить Туапсе. Поэтому онъ приказывалъ начальнику передовой дивизіи немедленно начать наступленіе на Сочи, такъ-какъ отступившія изъ Туапсе тыловыя части и обозы безудержно стремятся на югъ. Этимъ вполнѣ объяснялись придирка Шкуро къ инциденту съ Волковскимъ отрядомъ и его желаніе занять Сочи.

Нарушеніе генераломъ Шкуро перемирія сдѣлало невозможнымъ созывъ крестьянскаго съѣзда. Собравшіеся въ Хостѣ представители районныхъ штабовъ крестьянскаго ополченія констатировали фактъ нарушенія казаками перемирія и постановили не входить болѣе съ Шкуро и другими добровольческими генералами, стоявшими во главѣ Кубанской арміи, ни въ какія соглашенія и возобновить съ ними партизанскую войну.

Такъ-какъ предыдущій опытъ показалъ невозможность сдержать продвиженіе тридцати-тысячной казачьей арміи, подпираемой сзади еще большимъ числомъ невооруженныхъ бѣженцевъ, полевой штабъ рѣшилъ отвести всѣ крестьянскіе отряды въ горы и, не препятствуя продвиженію казаковъ по Черноморскому шоссе, не допускать ихъ въ горныя селенія.

Ввиду такого рѣшенія, принятаго въ ночь на 2-ое Апрѣля, на слѣдующій день началась спѣшная эвакуація изъ Хосты и Адлера имущества Комитета Освобожденія и складовъ Главнаго Штаба въ горныя селенія Ахштырь, Красную Поляну и Анбгу. Къ сожалѣнію наиболѣе цѣнное имущество — свезенный плантаторами въ Сочи табакъ, подъ обезпеченіе котораго Комитетомъ Освобожденія были выпущены размѣнные боны 25-ти, 100 и 250-ти рублеваго достоинства, почти цѣликомъ остался въ Сочи, такъ-какъ погрузка его на суда была пріостановлена комитетомъ послѣ заключенія соглашенія съ Кубанскимъ правительствомъ. Послѣ занятія Сочи, Шкуро объявилъ этотъ валютный товаръ военной добычей и, съ согласія Кубанскаго правительства, продалъ его за гроши слетѣвшимся со всѣхъ сторонъ спекулянтамъ, что вызвало полное обезцѣненіе боновъ Комитета Освобожденія и разореніе держателей этихъ боновъ, жителей Сочинскаго округа и, главнымъ образомъ, крестьянъ.

Вслѣдъ за казеннымъ имуществомъ потянулись въ горы арбы и повозки крестьянъ прибрежныхъ селеній, торопившихся спасти свое добро отъ разграбленія голодными казаками арміи Шкуро.

3-го апрѣля вся прибрежная полоса Сочинскаго округа до рѣки Мзымты была очищена крестьянскимъ ополченіемъ, всѣ отряды котораго были отведены въ горы. Большая часть населенія этой полосы также покинула свои насиженныя мѣста и пріютилась въ горныхъ селеніяхъ. Казаки начали хозяйничать въ брошенной нами части округа.

Изъ Туапсе въ Сочи переѣхала Рада во главѣ съ ея предсѣдателемъ И. П. Тимошенко, члены Кубанскаго правительства и атаманъ генералъ Букретовъ.

Кубанское правительство выпустило обращеніе къ населенію Черноморья, въ которомъ заявляло, что оно заняло Черноморье исключительно въ силу сложившейся военной обстановки и никакихъ завоевательныхъ цѣлей не преслѣдуетъ. Поэтому предсѣдатель правительства Иванисъ гарантировалъ населенію оккупированнаго Сочинскаго округа неприкосновенность жизни, чести и имущества, обѣщая бороться со всякими злоупотребленіями.

Черезъ нѣсколько дней населеніе округа убѣдилось въ томъ, какъ Кубанское правительство выполняетъ свои торжественныя обѣщанія и насколько серьезны гарантіи Иваниса.

Семидесяти-тысячная масса войскъ, бѣженцевъ и обозовъ буквально наводнила узкую прибрежную полосу. Въ городѣ Сочи съ трудомъ размѣстились многочисленные штабы и гражданскія управленія Кубанскаго правительства. Воинскія части, бѣженцы и обозы расположились въ предмѣстьяхъ и окрестныхъ

селеніяхъ. Вся эта масса людей, лошадей, верблюдовъ и другихъ животныхъ явилась на побережье безъ хлѣба, продовольствія и фуража и была вынуждена кормиться за счетъ скудныхъ запасовъ мѣстнаго населенія. Не соблюдая никакихъ правилъ о реквизиціяхъ, командиры частей и отдѣльные казаки цѣлыми днями шарили по деревнямъ, забирая у оставшихся на мѣстахъ крестьянъ послѣдніе остатки кукурузы, пшеницы и домашнюю птицу. Строевыя и обозныя лошади, приведенный бѣженцами скотъ и верблюды выпускались на подножный кормъ въ сады, огороды и на поля, засѣянныя озимой пшеницей. Черезъ недѣлю всѣ запасы крестьянъ были съѣдены, будущій урожай былъ уничтоженъ и всѣ фруктовыя деревья, составлявшіе главное богатство прибрежныхъ крестьянъ, обглоданы и обломаны.

Въ тѣхъ деревняхъ, въ которыхъ населеніе сопротивлялось своему разоренію, производились самыя гнусныя насилія: осмѣливавшіеся протестовать крестьяне и крестьянки или пристрѣливались мародерами, или подвергались, по приказанію команднаго состава, поркѣ шомполами. А Кубанское правительство и предсѣдатель Рады Тимошенко заявляли въ это-же время въ приказахъ и прокламаціяхъ, расклеивавшихся по улицамъ Сочи, что они борятся съ злоупотребленіями и защищаютъ жизнь, честь и имущество населенія Сочинскаго округа.

Но вскорѣ и политическимъ Кубанскимъ дѣятелямъ оказалось невозможнымъ умалчивать далѣе о происходившихъ въ округѣ грабежахъ и насиліяхъ. Тогда въ оффиціозѣ Тимошенко и Иваниса — въ «Вѣстникѣ Кубанскаго правительства» отъ 7/20 апрѣля появилась статья Кубанскаго министра внутреннихъ дѣлъ Бѣлашева, въ которой говорилось, что отдѣльными воинскими чинами производятся по деревнямъ насилія, пятнающія честь казачества и встрѣчающія самое рѣзкое осужденіе со стороны правительства. Что-же касается до обострения голода, вызваннаго нашествіемъ Кубанской арміи, то Бѣлашевъ рекомендовалъ населенію примириться съ этимъ явленіемъ, не обвинять казаковъ и не роптать на реквизиціи остатковъ продовольствія, необходимыхъ для арміи, которая является защитницей этого населенія отъ наступающихъ большевиковъ.

Часть городского населенія, которое не такъ терпѣло отъ грабежей, какъ сельское, и которое больше всего опасалось пришествія большевиковъ, повѣрило завѣреніямъ кубанскихъ министровъ и съ надеждой взирало на Кубанскую армію Шкуро. Но крестьяне, которые были до послѣдней нитки обобраны своей «защитницей» и которые видѣли, что все вниманіе этой «защитницы» обращено не на свободно продвигающихся вслѣдъ за ней большевиковъ, а на горныя селенія, гдѣ еще можно было кое-чѣмъ поживиться, отнеслось съ недовѣріемъ къ этимъ пышнымъ завѣреніямъ, которымъ не вѣрили даже министры и политическіе дѣятели, подписавшіеся подъ ними.

Что-же происходило въ это время на фронтѣ арміи Шкуро? Пока главнокомандующіе со своими многочисленными штабами отдыхали въ «Ривьерѣ», проводя весело время въ кутежахъ и попойкахъ, противъ которыхъ было вынуждено ополчиться даже само Кубанское правительство (въ статьѣ отъ 8/21 апрѣля своего оффиціальнаго «Вѣстника») и пока большая часть арміи занималась мародерствомъ по окрестнымъ селеніямъ, три баталіона 34-й совѣтской дивизіи безудержно гнали все дальше и дальше на югъ 30,000-ную армію Шкуринцевъ. Впрочемъ, большевики не торопились нанести этой арміи окончательный ударъ, ибо никакъ не могли предположить, что казаки настолько деморализованы и небоеспособны. Они рѣшили нѣсколько подготовиться къ этому удару, для

чего имъ было необходимо реорганизовать и пополнить ряды занявшей Туапсе 34-й дивизіи, насчитывавшей всего 3000 штыковъ. И вотъ, на виду у непріятеля, большевики начали пополнять свои войска, оттянувъ ихъ въ Туапсе и оставивъ на границѣ Сочинскаго округа для наблюденія за казаками слабый авангардъ въ три баталіона съ одной батареей. Черезъ 10 дней большевики влили въ ряды 34-й дивизіи красноармейцевъ 50-й дивизіи и, доведя численность этой сводной дивизіи до 9000 штыковъ, рѣшили покончить съ арміей Шкуро.

Тимошенко, Иванисъ и другіе Кубанскіе политическіе дѣятели успѣли за это время выбрать новую оріентацію на «демократическую Грузію» и, понявъ, что никакого серьезнаго сопротивленія большевикамъ деморализованная армія Шкуро оказать не сможетъ, рѣшили заблаговременно покинуть Черноморье и отправиться въ Тифлисъ для переговоровъ съ Грузинскимъ правительствомъ на предметъ заключенія Кубано-Грузинскаго союза.

Въ Тифлисѣ они надѣялись убѣдить грузинъ прежде всего въ томъ, что армія ихъ вполнѣ боеспособна, нуждается лишь въ кратковременномъ отдыхѣ и затѣмъ легко сможетъ завоевать покинутую территорію Кубани. Затѣмъ они думали склонить Грузинское правительство къ согласію на снабженіе Кубанской арміи продовольствіемъ изъ интендантскихъ запасовъ грузинскихъ войскъ, обѣщая, послѣ очищенія Кубани отъ большевиковъ, наводнить Грузію Кубанскимъ хлѣбомъ.

Перекрасившись въ «демократическій цвѣтъ», Кубанскіе политики начали свои переговоры съ грузинами заявленіями о своей демократичности. Съ этой цѣлью Тимошенко далъ нѣсколько интервью Тифлисскимъ журналистамъ, разсказывая о томъ, что на временно-оккупированной территоріи Сочинскаго округа Кубанское правительство разумными и демократическими распоряженіями установило полный порядокъ и снискало къ себѣ общую любовь и благодарность всего населенія. Онъ отрицалъ начавшійся въ Сочинскомъ округѣ голодъ, увѣрялъ, что базары переполнены продуктами и войсковыя части Кубанской арміи не прибѣгаютъ къ насильственнымъ реквизиціямъ, такъ какъ само населеніе охотно доставляетъ имъ всѣ необходимые продукты.

Безсовѣстная ложь Тимошенко принудила меня выступить съ открытымъ къ нему письмомъ, опубликованнымъ во всѣхъ Тифлисскихъ и Сухумскихъ газетахъ. Въ этомъ письмѣ я, ссылаясь на статьи «Вѣстника Кубанскаго правительства» и на обще-извѣстные всему Сочинскому населенію факты, опровергалъ сдѣланныя Тимошенко заявленія и обличалъ руководителей казачества въ затѣянной ими безумной авантюрѣ, благодаря которой рядовые казаки обрекались на гибель отъ голода и эпидемій, а населеніе Сочинскаго округа на полное разореніе.

Тимошенко обѣщалъ журналистамъ отвѣтить на мое письмо, какъ только онъ получитъ объясненія отъ находящихся въ Сочи членовъ правительства, но, такъ какъ отрицать приведенные мною факты было невозможно, то никакого отвѣта я до сихъ поръ отъ него не дождался.

Быть можетъ Кубанскимъ политикамъ и удалось-бы склонить грузинъ на заключеніе спасительнаго для кубанцевъ союза, но выступленіе генерала Шкуро открыло глаза Грузинскому правительству на «демократизмъ» руководителей казачества. Послѣ одной веселой попойки, происходившей въ переполненномъ публикой общемъ залѣ ресторана «Ривьера», генералъ Шкуро обратился съ зажигательной рѣчью къ своимъ офицерамъ, въ которой заявлялъ о томъ, что онъ для расширенія своей базы принужденъ будетъ перейти границу Грузіи и

занять богатый продовольствіемъ Сухумскій округъ. Въ залѣ присутствовало нѣсколько грузинъ, которые немедленно передали слова Шкуро черезъ Гагры въ Тифлисъ, послѣ чего Грузинское правительство отказалось отъ всякихъ переговоровъ съ кубанцами, заявивъ, что оно не можетъ подвергать молодую Грузинскую республику риску войны съ Россійскимъ совѣтскимъ правительствомъ.

Пока политическіе дѣятели Кубани вели переговоры съ грузинами, положеніе арміи Шкуро ухудшалось съ каждымъ днемъ. Всѣ мѣстные запасы были давно съѣдены, и войска начали голодать. Люди стали питаться кониной, падалью и корой, вспыхнулъ голодный тифъ и холера. Продовольствіе изъ Крыма, о которомъ говорили Мамоновъ и другіе вожди казачества, доставлено не было. Штабъ Деникина черезъ англичанъ увѣдомилъ Шкуро, что арміи его будетъ доставлено продовольствіе и патроны только въ томъ случаѣ, если она безоговорочно признаетъ власть главнокомандующаго вооруженными силами на югѣ Россіи.

Генералъ Шкуро въ сущности никогда и не порывалъ съ Деникинымъ и, убѣдившись въ полной деморализаціи своихъ войскъ, вступилъ при посредствѣ англичанъ въ переговоры съ главнымъ командованіемъ о перевозкѣ казаковъ въ Крымъ.

Англичане, поддерживавшіе Деникина, а поэтому относившіеся крайне отрицательно къ Кубанскому правительству, обрадовались возможности лишить это правительство вооруженной силы и заявили Иванису, что въ случаѣ согласія его на перевозку казачьей арміи въ Крымъ, англійская эскадра предоставитъ кубанцамъ перевозочныя средства и огнемъ своихъ дреднаутовъ прикроетъ отступленіе и погрузку на суда арміи Шкуро.

Во время этихъ переговоровъ, высшій командный составъ Кубанской арміи, понявшій, что оставленіе Сочи является вопросомъ всего нѣсколькихъ дней, рѣшилъ воспользоваться случаемъ для ликвидаціи оставленныхъ Комитетомъ Освобожденія табаковъ. Съ этой цѣлью генералъ Шкуро вступилъ въ соглашеніе съ Батумскими спекулянтами и уполномочилъ одного изъ своихъ подчиненныхъ, генерала Остроухова, продать принадлежавшіе Черноморскому крестьянству табаки. Къ Сочи подошло нѣсколько пароходовъ и, къ глубокому разочарованію обывателей, узнавшихъ о приходѣ судовъ и полагавшихъ, что суда эти доставили, наконецъ, давно обѣщанное продовольствіе, приступили къ спѣшной погрузкѣ и вывозкѣ изъ Сочи того валютнаго товара, на который такъ разсчитывало населеніе, надѣясь обмѣнять его на хлѣбъ.

Когда табаки были вывезены въ Батумъ, Комитетъ Освобожденія обратился къ англійскимъ властямъ (Батумъ былъ въ то время оккупированъ англичанами) съ просьбой наложить арестъ на похищенное казаками у крестьянъ имущество, но Батумскій военный губернаторъ оффиціальнымъ документомъ за № 3343 отказалъ въ этомъ ходатайствѣ и разрѣшилъ спекулянтамъ вывезти эти табаки черезъ Константинополь въ Европейскіе порты. Тамъ табаки эти были выгодно проданы, вырученные отъ продажи «фунты» обогатили хищниковъ, а Черноморское крестьянство, вступившее въ періодъ новой борьбы за свои права съ Московскими «комиссародержцами» оказалось безъ всякихъ средствъ, столь необходимыхъ для этой борьбы. Дѣйствія англійскаго Батумскаго губернатора оказались послѣднимъ «благодѣяніемъ», оказаннымъ бывшими союзниками русскому крестьянству Черноморья . . .

Кубанское правительство, пытавшееся вновь завязать сношенія съ Комитетомъ Освобожденія и неоднократно торжественно завѣрявшее, что оно будетъ бороться со всякими злоупотребленіями и гарантируетъ неприкосновенность иму-

щества и достоянія Сочинскаго населенія, санкціонировало этотъ грабежъ и, оправдываясь впослѣдствіи передъ представителями крестьянства, увѣряло, что табаки были проданы въ обмѣнъ на продовольствіе для арміи и населенія. Быть можетъ, если бы вырученныя отъ продажи табаковъ деньги дѣйствительно пошли на покупку хлѣба, крестьяне отнеслись-бы болѣе снисходительно къ этому грабежу, но на самомъ дѣлѣ заявленіе Кубанскаго правительства явилось такой-же ложью, какъ и всѣ его предыдущія обѣщанія и завѣренія: ни одного пуда хлѣба, въ обмѣнъ на вывезенный табакъ, въ Сочи доставлено не было.

Во время описываемыхъ событій я находился въ горахъ, куда перебрался Комитетъ Освобожденія и Главный Штабъ крестьянскаго ополченія.

Сплошного фронта противъ арміи Шкуро мы держать не могли и ограничивались тѣмъ, что заняли отдѣльными заставами дороги и тропинки, ведущія къ горнымъ селеніямъ. Въ наиболѣе угрожаемыхъ мѣстахъ штабъ сосредоточилъ отряды по 50 — 60 ополченцевъ съ пулеметами, которымъ была дана задача до послѣдней возможности оборонять подступы къ горнымъ селеніямъ. Остальные ополченцы находились въ своихъ деревняхъ, составляя резервъ, готовый въ любой моментъ придти на помощь тому или другому отдѣльному отряду.

Несмотря на удрученное состояніе духа и на тревогу о дальнѣйшихъ судьбахъ нашей «крестьянской республики», эти двѣ недѣли, проведенныя мною въ горахъ, среди чарующей природы и сердечно относившихся къ намъ крестьянъ, навсегда остались въ моей памяти, какъ одно изъ лучшихъ воспоминаній о Черноморьѣ.

Мнѣ приходилось все время переѣзжать изъ одного селенія въ другое, участвовать на крестьянскихъ сходахъ, давать объясненія и совѣты поселянамъ и за этотъ періодъ у меня установились съ ними такія хорошія отношенія, которымъ завидовали другіе члены комитета, гораздо болѣе меня связанные съ крестьянствомъ и прожившіе въ округѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Пріѣхавъ въ какое-либо селеніе, я былъ обязанъ поочередно посѣтить каждую избу и отвѣдать хозяйской хлѣба-соли. Отказъ отъ приглашенія зайти «въ гости», и еще болѣе — отъ угощенія, былъ равносиленъ самому глубокому оскорбленію.

И мои мрачныя мысли разгонялись этими простыми и сердечными людьми, увѣрявшими меня, что несмотря ни на какія временныя невзгоды и испытанія, правда все-таки восторжествуетъ и никакая сила не будетъ въ состояніи вырвать изъ рукъ крестьянства ту власть, которая перешла къ нимъ послѣ долгой и упорной борьбы.

— Ни «кадеты», ни большевики ничего съ нами не смогутъ сдѣлать, упрямо твердили жители горныхъ селеній. Пусть пока-что властвуютъ на берегу моря, а мы будемъ у себя въ горахъ отсиживаться. Пройдетъ годъ — другой, наступятъ другія времена, соберемся съ силами — и однимъ духомъ очистимъ свое Черноморье отъ всякой «шатіи». Теперь насъ ужъ никто не обманетъ...

Въ концѣ апрѣля казаки стали усиленно пробиваться къ горнымъ селеніямъ.

Главный штабъ рѣшилъ оказать имъ самое упорное сопротивленіе, дабы спасти населеніе горныхъ селеній отъ участи совершенно разоренныхъ и ограбленныхъ деревень прибрежной полосы. Первыя-же столкновенія съ казаками кончились для насъ успѣшно: казачьи отряды принуждены были отступить, оставивъ нѣсколько плѣнныхъ, видъ которыхъ внушалъ крестьянамъ живѣйшее состраданіе. Штабъ постановилъ всѣхъ плѣнныхъ отпускать обратно, взявъ съ

нихъ обѣщаніе не участвовать больше въ набѣгахъ на горныя селенія. Мы стали готовиться къ болѣе серьезнымъ боямъ, такъ какъ изъ донесеній развѣдчиковъ знали объ отданномъ генераломъ Шкуро приказаніи занять рядъ селеній горной полосы.

Однако начавшееся наступленіе красныхъ избавило насъ отъ новыхъ столкновеній съ казаками.

30-го апрѣля, пополненная новыми контингентами, 34-я совѣтская дивизія перешла въ наступленіе и стала тѣснить Шкуринцевъ, въ паникѣ отступавшихъ передъ во много разъ слабѣйшимъ врагомъ. Кубанское правительство согласилось на перевозку своей арміи въ Крымъ, и англійская эскадра, подошедшая къ Сочи, стала прикрывать отступленіе арміи Шкуро. До насъ ясно доносились звуки ожесточенной канонады. Англичане, думая сдержать натискъ большевиковъ, принялись обстрѣливать изъ своихъ дреднаутовъ прибрежныя селенія и результатомъ ихъ активнаго вмѣшательства въ войну между казаками и большевиками оказалось разрушеніе нѣсколькихъ селеній Сочинскаго округа. Красные не понесли никакихъ потерь отъ огня англійскихъ кораблей, но крестьяне пострадали очень сильно: многіе изъ нихъ потеряли свое послѣднее имущество, разрушенное артиллерійскимъ огнемъ самоотверженныхъ и непрошенныхъ «благодѣтелей русскаго народа».

Армія Шкуро быстро очистила Сочи и устремилась къ грузинской границѣ. Командный составъ и передовыя части погрузились между Адлеромъ и Гаграми на подошедшія изъ Крыма суда, но большая часть арміи сдалась большевикамъ. Кубанскіе политическіе дѣятели благополучно успѣли эвакуироваться, бросивъ на произволъ судьбы обманутыхъ ими рядовыхъ казаковъ и бѣженцевъ.

Такъ закончилась вся эта авантюра Кубанскаго правительства, завершившаяся полнымъ разореніемъ Сочинскихъ крестьянъ и безболѣзненнымъ занятіемъ Черноморья большевиками.

Филипповскій и другіе члены Комитета Освобожденія рѣшили тотчасъ-же переѣхать въ Сочи, будучи увѣрены въ томъ, что большевики, покончивъ съ арміей Шкуро, передадутъ комитету бразды правленія и выведутъ свои войска изъ предѣловъ Черноморья.

Я противился такому рѣшенію и настаивалъ на немедленномъ созывѣ въ горахъ крестьянскаго съѣзда для обсужденія создавшагося положенія и подготовленія къ новому періоду борьбы. Я доказывалъ Филипповскому, что большевики никогда не признаютъ Комитета Освобожденія правительствомъ Черноморья и не потерпятъ никакой другой власти, кромѣ диктатуры коммунистической партіи. Но комитетъ мнѣ не повѣрилъ и довѣрчиво откликнулся на призывъ большевистскаго Ревкома, приглашавшаго насъ вернуться въ Сочи.

Въ серединѣ мая Комитетъ Освобожденія спустился съ горъ и торжественно возвратился въ Сочи, любезно встрѣченный военными властями красной арміи и мѣстнымъ революціоннымъ комитетомъ, ставшимъ полнымъ хозяиномъ Сочинскаго округа.

Я отказался вернуться въ Сочи и уѣхалъ въ Гагры, гдѣ предполагалъ отдохнуть нѣкоторое время, послѣ чего собирался снова перебраться въ горы. Но отдыхъ мой оказался весьма непродолжительнымъ. Черезъ нѣсколько дней въ Гагры пріѣхалъ членъ Комитета Освобожденія Ф. Д. Сорокинъ и попросилъ меня немедленно выѣхать въ Сочи, такъ-какъ мое присутствіе является необходимымъ для повѣрки отчетности Главнаго Штаба.

— Ну какъ-же, Федоръ Даниловичъ, скоро-ли большевики уйдутъ изъ Сочи и передадутъ намъ бразды правленія, спросилъ я Сорокина.

— Вы были правы, вздохнулъ Сорокинъ: большевики никогда не согласятся безъ борьбы передать намъ управленіе Черноморьемъ и вѣроятно на дняхъ ликвидируютъ Комитетъ Освобожденія.

— Почему-же вы хотите вновь вернуться въ Сочи и тащите меня съ собой, задалъ я ему вопросъ.

— Если мы съ вами не вернемся въ Сочи, большевики увѣрятъ населеніе въ томъ, что мы побоялись ревизіи суммъ комитета и обвинятъ насъ въ присвоеніи казенныхъ денегъ.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узналъ, что ревизія была назначена Сочинскимъ революціоннымъ комитетомъ и являлась первымъ шагомъ къ ликвидаціи Комитета Освобожденія.

Я заявилъ Сорокину, что готовъ въ любой моментъ отчитаться передъ крестьянскимъ съѣздомъ, но не имѣю ни малѣйшаго желанія отчитываться передъ большевистскимъ ревкомомъ, а поэтому въ Сочи съ нимъ не поѣду.

— Дѣлайте, какъ хотите, отвѣтилъ мнѣ Сорокинъ, но я все-таки просилъ-бы васъ хоть на нѣсколько дней показаться въ Сочи. Комитету необходимо рѣшить нѣкоторые очень важные вопросы, а кромѣ того, увѣряю васъ, что большевики сумѣютъ использовать ваше нежеланіе пріѣхать въ Сочи и обвинятъ васъ въ трусости и похищеніи казенныхъ денегъ.

Эти аргументы заставили меня согласиться и на слѣдующій день мы выѣхали на извозчичьемъ фаэтонѣ въ Сочи.

На правомъ берегу пограничной рѣчки Мехадыря, тамъ, гдѣ мѣсяцъ тому назадъ стоялъ нашъ «зеленый» постъ, находилась теперь красноармейская застава. Впервые послѣ 1918 года я увидѣлъ красноармейцевъ и былъ пораженъ ихъ дисциплинированностью и военной выправкой, такъ рѣзко отличавшей ихъ отъ прежнихъ разнузданныхъ, необученныхъ и наводившихъ страхъ даже на самихъ комиссаровъ, солдатъ красной гвардіи.

Черезъ нѣкоторое время по пріѣздѣ въ Сочи я имѣлъ возможность еще болѣе убѣдиться въ коренной реорганизаціи красной арміи, которая нисколько не отличалась, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ была даже лучше организована, чѣмъ прежняя до-революціонная русская армія. Три года гражданской войны были умѣло использованы большевиками, сумѣвшими за это время создать многочисленную и хорошо-обученную армію изъ одураченныхъ ими крестьянъ и рабочихъ.

Послѣ эвакуаціи Сочи, мнѣ еще не пришлось быть въ прибрежной полосѣ, и я только по разсказамъ слыхалъ, во что превратились послѣ нашествія казаковъ богатыя прежде селенія этой полосы. То, что я увидѣлъ по дорогѣ изъ Адлера въ Сочи, превзошло всѣ мои ожиданія: мы ѣхали по совершенно разгромленной и опустошенной, какъ послѣ пожара или другого стихійнаго бѣдствія, мѣстности. Деревни были покинуты жителями, ушедшими въ горы и пока еще не возвратившимися обратно. Большинство избъ стояло безъ крышъ, которыя пошли на кормъ лошадямъ и верблюдамъ. Всѣ изгороди были сломаны, поля и огороды вытоптаны, фруктовыя деревья обглоданы. На каждомъ шагу валялись трупы павшихъ животныхъ, и воздухъ былъ настолько зараженъ запахомъ этихъ разлагавшихся труповъ, что приходилось всю дорогу зажимать носъ, чтобы не задохнуться отъ ужасной вони.

Около Хосты мы наткнулись на огромный штабель сложенныхъ въ безпорядкѣ

винтовокъ, шашекъ, пулеметовъ и пушекъ, охраняемый тремя красноармейцами. На этомъ мѣстѣ произошла сдача большевикамъ казачьей дивизіи генерала Морозова, единственнаго изъ казачьихъ генераловъ, не пожелавшаго бросить своихъ подчиненныхъ и рѣшившагося вмѣстѣ съ ними раздѣлить большевистскій плѣнъ.

Вечеромъ мы пріѣхали въ Сочи, также сильно пострадавшее отъ казачьей оккупаціи. Комитетъ Освобожденія помѣщался въ гостиницѣ «Грандъ-Отель», любезно отведенной комитету начальникомъ 34-й совѣтской дивизіи. Впослѣдствіи эта любезность вполнѣ объяснилась тѣмъ, что большевики отвели сосѣднюю съ «Грандъ-Отелемъ» дачу своему «особому отдѣлу» (дивизіонной чрезвычайкѣ), которому было приказано тщательно слѣдить за каждымъ шагомъ членовъ Комитета Освобожденія.

Большинство членовъ комитета чувствовали себя плѣнниками большевиковъ и сожалѣли, что не послушались меня и вернулись въ Сочи. Только Филипповскій былъ по прежнему спокоенъ и надѣялся на возможность столковаться съ большевиками.

— Если большевики ликвидируютъ Комитетъ Освобожденія, то они взамѣнъ него соберутъ совѣтъ крестьянскихъ депутатовъ, мы будемъ избраны крестьянами въ исполкомъ и попрежнему будемъ стоять у власти, говорилъ онъ. Произойдетъ лишь перемѣна вывѣски и все останется по-прежнему!

На слѣдующее утро ко мнѣ явился адъютантъ штаба 34-й дивизіи и попросилъ немедленно пожаловать къ начальнику дивизіи Егорову, поселившемуся также въ одной изъ ближайшихъ къ «Грандъ-Отелю» дачъ.

Меня встрѣтилъ красноармеецъ, исполнявшій обязанности деньщика «начдива», одѣтый въ опрятную гимнастерку, длинные кавалерійскіе рейтузы и въ бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ; онъ проводилъ меня въ кабинетъ Егорова и попросилъ подождать нѣсколько минутъ.

«Начдивъ» разговаривалъ въ сосѣдней комнатѣ съ однимъ изъ своихъ «комбриговъ» (бригадныхъ командировъ) и совсѣмъ по старорежимному распекалъ своего подчиненнаго.

Закончивъ разносъ комбрига, Егоровъ вошелъ въ кабинетъ, щелкнулъ шпорами и любезно пригласилъ меня сѣсть въ кресло, послѣ чего сразу перешелъ къ дѣлу и объяснилъ, почему онъ прислалъ за мной своего адъютанта.

— Дѣло въ томъ, началъ Егоровъ, что реввоенсовѣтъ Кавказскаго фронта предполагаетъ назначить васъ на одну изъ командныхъ должностей. Поэтому командующій 9-й арміей товарищъ Василенко предложилъ мнѣ предупредить васъ для того, чтобы вы были готовы немедленно по полученіи телеграммы изъ Екатеринодара выѣхать изъ Сочи.

— Я очень благодаренъ реввоенсовѣту за оказываемое мнѣ довѣріе, отвѣтилъ я начдиву, но долженъ вамъ заявить, что не имѣю ни малѣйшаго желанія продолжать военную карьеру и не собираюсь покидать Сочинскаго округа.

Егоровъ усмѣхнулся.

— Вы очевидно не знаете, что совѣтское правительство мобилизуетъ всѣхъ «военспецовъ». О вашемъ согласіи или несогласіи никто не спрашиваетъ. Вы получите черезъ нѣсколько дней предписаніе и должны будете немедленно выѣхать къ мѣсту служенія. Что-же касается вашего желанія оставаться въ Сочи, то вы должны знать, что никто изъ членовъ Комитета Освобожденія не будетъ оставленъ въ предѣлахъ Черноморской губерніи. Я совѣтую вамъ какъ можно скорѣе закончить здѣсь ваши дѣла и приготовиться къ отъѣзду.

На этомъ заключилась оффиціальная часть разговора, послѣ чего Егоровъ повелъ меня въ столовую, гдѣ познакомилъ со своей женой, пытавшейся разыгрывать роль «матери-командирши» добраго стараго времени.

Выпивъ стаканъ чаю и посидѣвъ съ полъ-часа у гостепріимнаго начдива, я поспѣшилъ откланяться и вернулся въ «Грандъ-Отель», едва не опоздавъ къ засѣданію Комитета Освобожденія.

Разсказавъ членамъ комитета о моемъ разговорѣ съ Егоровымъ, я заявилъ, что Комитетъ Освобожденія долженъ немедленно покинуть Сочи, отправиться въ горы и созвать чрезвычайный крестьянскій съѣздъ для того, чтобы дать отчетъ крестьянамъ о всей дѣятельности комитета. Послѣ этого комитетъ можетъ сложить съ себя полномочія и члены комитета могутъ вернуться, если пожелаютъ, обратно въ Сочи, но уже какъ частные люди.

Мое предложеніе было отвергнуто, послѣ чего мнѣ оставалось только передать комитету имѣвшіеся у меня оправдательные документы по денежной отчетности военнаго отдѣла и заявить, что я считаю себя отнынѣ вполнѣ свободнымъ и буду дѣйствовать по своему усмотрѣнію.

Сорокинъ спросилъ меня, что я намѣренъ дѣлать и, узнавъ о томъ, что я собираюсь завтра-же уѣхать въ Гагры, сообщилъ мнѣ по секрету, что онъ поѣдетъ со мной.

Я былъ несказанно удивленъ, когда на слѣдующій день Сорокинъ съ печальнымъ видомъ сообщилъ мнѣ, что онъ ходилъ въ «особый отдѣлъ» за пропускомъ и чекисты отказали ему въ разрѣшеніи выѣхать въ Гагры.

— Зачѣмъ вамъ понадобился пропускъ, спросилъ я съ раздраженіемъ Сорокина. Неужели вы не понимаете, что разъ большевики рѣшили выслать насъ изъ Черноморья, то они никого изъ насъ не выпустятъ въ Грузію, откуда мы всегда сможемъ проникнуть обратно въ Сочинскій округъ. И зачѣмъ вамъ, исходившему пѣшкомъ всѣ горы Черноморья, пропускъ для проѣзда по шоссе?

— А развѣ вы уѣдете изъ Сочи безъ пропуска?

— Будьте увѣрены, что обойдусь великолѣпно безъ него и сегодня-же вечеромъ буду въ Гагрѣхъ.

Простившись съ Сорокинымъ я отправился на базаръ, подрядилъ извозчика и черезъ нѣсколько часовъ пріѣхалъ въ Адлеръ, откуда пошелъ пѣшкомъ въ эстонское селеніе Сальме.

Эстонцы угостили меня обѣдомъ, дали верховую лошадь и проводника, благодаря которому, я, миновавъ стоявшіе по Мехадырю большевистскіе аванпосты, благополучно перебрался черезъ границу и поздно вечеромъ пріѣхалъ въ Гагры.

Черезъ день крестьяне увѣдомили меня объ арестѣ Комитета Освобожденія, произведенномъ пріѣхавшими изъ Ростова чекистами.

XXIII

Разоренные войсками Шкуро, крестьяне встрѣтили красную армію и большевиковъ, какъ избавителей, и отнеслись съ большимъ довѣріемъ къ обѣщанію Сочинскаго ревкома собрать въ самомъ непродолжительномъ времени окружной совѣтъ крестьянскихъ депутатовъ. Только нѣкоторые изъ нихъ совершенно не вѣрили въ обѣщанія большевиковъ и предсказывали Черноморскому крестьянству новыя бѣдствія и испытанія.

Арестъ Комитета Освобожденія явился первымъ враждебнымъ выпадомъ большевиковъ противъ крестьянства, которое, переживъ нашествіе казаковъ, готово было совершенно примириться съ совѣтской властью.

Вслѣдъ за арестомъ Комитета Освобожденія, агенты «особаго отдѣла» и Ростовской Чеки нагрянули въ села и арестовали членовъ районныхъ штабовъ крестьянскаго ополченія и большую часть членовъ крестьянской фракціи окружного съѣзда. Въ числѣ арестованныхъ оказались Блохнинъ, Рощенко и шесть другихъ, наиболѣе видныхъ руководителей крестьянскаго ополченія.

Только-что успокоившіеся крестьяне, повѣрившіе обѣщаніямъ представителей «рабоче-крестьянскаго» правительства, снова заволновались и пытались объяснить произведенные аресты какимъ-нибудь недоразумѣніемъ.

Но большевики поступали съ полнымъ «разумѣніемъ», стараясь какъ можно скорѣе обезсилить Черноморское крестьянство, которое представлялось имъ весьма серьезнымъ врагомъ. Большевики отлично знали, какъ относится крестьянство къ диктатурѣ коммунистической партіи и какъ оно мечтаетъ о союзѣ съ кубанцами (съ рядовымъ казачествомъ, а не съ потерявшими всякій авторитетъ кубанскими политиками) для созданія мощной крестьянско-казачьей республики. Организованное Черноморское крестьянство и сохранившее оружіе крестьянское ополченіе могло явиться тѣмъ ядромъ, вокругъ котораго будутъ собираться всѣ недовольные совѣтской властью элементы Кубани и Черноморья. Поэтому большевики рѣшили прежде всего вырвать изъ рядовъ крестьянъ наиболѣе популярныхъ руководителей, разсчитывая обезглавить такимъ образомъ будущую активную оппозицію.

Однако большевики ошиблись въ своихъ расчетахъ, и произведенные ими аресты дали толчокъ новому подъему настроенія Сочинскихъ крестьянъ.

Уцѣлѣвшіе отъ разгрома районные штабы снова эвакуировались въ горы и отдали приказъ своимъ ополченцамъ снести въ горы и укрыть тамъ все оставшееся въ ополченіи оружіе и патроны. Приказаніе это было немедленно исполнено, и, когда большевики стали производить въ деревняхъ повальные обыски, они не могли найти ни одного пулемета, ни одной винтовки и ни одного патрона.

Вслѣдъ за этимъ большевики объявили въ Сочинскомъ округѣ мобилизацію 10-ти возрастовъ, разсчитывая такимъ распоряженіемъ вырвать изъ рядовъ крестьянскаго ополченія большую половину бойцовъ. Но крестьяне, какъ и во времена владычества Добрармін, отказались подчиниться приказу о мобилизаціи, и всѣ подлежавшіе призыву ушли снова въ горы.

Начался новый періодъ «зеленаго движенія», которое большевики рѣшили подавить самыми суровыми мѣрами. Прежде всего «особый отдѣлъ» арестовалъ оставшихся въ деревняхъ женъ, дѣтей и родителей, ушедшихъ въ горы «зеленыхъ».

Нѣсколько сотъ такихъ заложниковъ были отправлены въ Екатеринодаръ и далѣе на сѣверъ, въ центральную Россію, причемъ имъ было запрещено взять съ собой что либо изъ имущества, конфискованнаго для нуждъ красной арміи. Вѣсть объ этихъ арестахъ тотчасъ-же разнеслась по всѣмъ прибрежнымъ селеніямъ и началось новое повальное бѣгство въ горы. Чтобы остановить такое переселеніе жителей прибрежныхъ деревень, большевики арестовали по нѣскольку крестьянъ изъ каждаго селенія, объявили ихъ заложниками и заявили, что въ случаѣ самовольнаго ухода остальныхъ крестьянъ въ горы — арестованные заложники будутъ немедленно разстрѣляны.

Однако всѣ эти мѣропріятія нисколько не устрашили крестьянъ, рѣшившихъ начать организованную борьбу за свое освобожденіе отъ власти чуждыхъ населенію и назначенныхъ изъ Екатеринодара комиссаровъ.

Съ этой цѣлью въ горахъ собрался нелегальный съѣздъ делегатовъ отъ всѣхъ деревень Сочинскаго округа, который переизбралъ Главный Штабъ крестьянскаго ополченія и поручилъ ему руководить борьбой крестьянъ съ коммунистами.

Сознавая, что немедленное вооруженное выступленіе окончится полнымъ разгромомъ Черноморскаго крестьянства, съѣздъ поручилъ Главному Штабу вступить въ переговоры съ кубанскимъ казачествомъ на предметъ подготовки общаго выступленія противъ большевиковъ въ Сѣверо-Кавказскомъ масштабѣ. Впредь до такого выступленія крестьяне благоразумно рѣшили воздержаться отъ всякихъ легкомысленныхъ авантюръ и неорганизованныхъ вспышекъ.

Я былъ снова избранъ предсѣдателемъ Главнаго Штаба, который на этотъ разъ состоялъ всего изъ пяти членовъ, исключительно крестьянъ Сочинскаго округа.

Чтобы не возбуждать излишняго подозрѣнія большевиковъ, я избралъ своей постоянной резиденціей Гагры, откуда по ночамъ уѣзжалъ въ ближайшія къ Грузинской границѣ селенія Сочинскаго округа, гдѣ и встрѣчался съ представителями районныхъ штабовъ. Находившіеся въ Гаграхъ большевистскіе шпіоны видѣли меня фланирующимъ по парку и доносили «особому отдѣлу» о томъ, что я никакого участія въ «зеленомъ движеніи» не принимаю.

А въ это время мы дѣятельно подготовлялись къ новой рѣшительной борьбѣ и прежде всего старались завязать сношенія съ нашими ближайшими сосѣдями — казаками Майкопскаго и Баталпашинскаго отдѣловъ, съ которыми намъ было легко сноситься черезъ незанятые большевиками горные перевалы. Несмотря на то, что нашествіе казаковъ совершенно разорило Сочинскихъ крестьянъ, они отнюдь не питали враждебныхъ чувствъ къ кубанскому казачеству, обвиняя въ своемъ разореніи не рядовыхъ казаковъ-станичниковъ, а ихъ бывшихъ руководителей — генераловъ Добровольческой арміи и членовъ Кубанскаго краевого правительства. Казаки въ свою очередь сильно пострадали отъ безумной Черноморской авантюры и проклинали своихъ вождей, вовлекшихъ ихъ въ эту авантюру, а затѣмъ бросившихъ на произволъ судьбы повѣрившихъ имъ людей и благополучно эвакуировавшихся за-границу. Поэтому намъ быстро удалось завязать дружественныя отношенія съ сосѣдними станицами, черезъ которыя мы надѣялись впослѣдствіи распространить свое вліяніе на большую часть Кубанской области.

Къ сожалѣнію вмѣшательство командированныхъ на Черноморье агентовъ Крымскаго «правителя» и новыя генеральскія авантюры заставили насъ на время пріостановить начатую работу и отразились самымъ печальнымъ образомъ на затѣянномъ нами дѣлѣ освобожденія Кубани и Черноморья отъ власти коммунистовъ.

Первой ласточкой, прилетѣвшей изъ Крыма, явился генералъ Муравьевъ, обѣщавшій новому главнокомандующему — генералу Врангелю — поднять возстаніе Черноморскихъ крестьянъ, которое облегчило-бы производство дессантной операціи Крымской арміи на Кубани.

Въ это время произошло стихійное возстаніе поселянъ-старообрядцевъ селенія «Имеретинской бухты» (близъ Адлера), вызванное тѣмъ, что комиссаръ города

Адлера запечаталъ ихъ молельню. Вооружившись берданками, охотничьими ружьями и кольями, старовѣры внезапно напали на Адлеръ, немногочисленный гарнизонъ котораго побросалъ оружіе и бѣжалъ въ Сочи. Всѣ Адлерскіе комиссары не успѣли бѣжать и были захвачены въ плѣнъ возставшими. Сочинскіе большевики предложили повстанцамъ заключить миръ, обѣщая имъ полную амнистію, при условіи немедленнаго освобожденія взятыхъ въ плѣнъ комиссаровъ. Такъ какъ Главный Штабъ отказался поддержать самочинное выступленіе Имеретинскихъ старовѣровъ и предложилъ имъ, во избѣжаніе репрессій со стороны большевиковъ, немедленно уйти въ горы, старовѣры согдасились на условія, предложенныя большевиками, и освободили Адлерскихъ комиссаровъ. Большевики-же по своему обыкновенію не сдержали даннаго обѣщанія и разстрѣляли трехъ зачинщиковъ Имеретинскаго выступленія.

Этимъ возстаніемъ рѣшилъ воспользоваться только-что прибывшій изъ Крыма генералъ Муравьевъ. Совершенно не учитывая настроеній Черноморскаго крестьянства, онъ проникъ въ нейтральную зону (между совѣтскими и грузинскими войсками) и сталъ проповѣдывать всеобщее выступленіе крестьянъ противъ большевиковъ подъ флагомъ Врангеля.

Крестьяне, относившіеся съ одинаковой ненавистью и къ большевикамъ, и къ «кадетамъ», отказались поддержать Муравьева и заявили ему, что они выступятъ только по приказанію своего Главнаго Штаба. Но Муравьева не смутила такая неудача, и онъ рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно. Разсчитывая, по примѣру Имеретинскихъ старообрядцевъ, съ небольшимъ отрядомъ напасть на Адлеръ и легко справиться съ Адлерскимъ гарнизономъ, онъ надѣялся, что послѣ первой-же удачи крестьяне примкнутъ къ начавшемуся выступленію и ему удастся занять Сочи, послѣ чего Черноморское побережье будетъ занято десантомъ Крымской арміи.

Муравьевъ собралъ около 30 головорѣзовъ изъ армянской молодежи и крестьянъ селенія «Веселаго» и атаковалъ одну изъ красноармейскихъ заставъ на берегу Псоу. Красноармейцы отступили, но высланный изъ Адлера баталіонъ быстро ликвидировалъ отрядъ Муравьева, разбѣжавшійся послѣ первыхъ-же выстрѣловъ со стороны подошедшаго къ большевикамъ подкрѣпленія.

Результатомъ Муравьевской авантюры явилась кровавая расправа большевиковъ съ крестьянами тѣхъ деревень, въ которыхъ побывалъ самонадѣянный генералъ. Жители этихъ деревень были обвинены въ сношеніяхъ съ Врангелемъ и, такъ какъ чекисты при всемъ своемъ желаніи не могли найти главарей и руководителей нападенія на красноармейскую заставу, то они выбрали наугадъ 9 крестьянъ, которыхъ тутъ-же и разстрѣляли.

Самъ-же вдохновитель этой авантюры-генералъ Муравьевъ ушелъ въ горы и, появившись въ одномъ изъ горныхъ селеній, началъ вести среди крестьянъ пропаганду новаго вооруженнаго выступленія. Но результаты такой пропаганды оказались для генерала весьма печальными: мѣстный районный штабъ крестьянскаго ополченія арестовалъ Муравьева, отобралъ находившуюся при немъ крупную сумму денегъ и, взявъ съ него обѣщаніе не появляться впредь на территоріи Черноморья, препроводилъ его подъ конвоемъ къ грузинской границѣ.

Какъ выяснилось впослѣдствіи, генералъ Муравьевъ находился въ самой тѣсной связи съ нѣкоторыми изъ членовъ эвакуировавшагося въ Тифлисъ Кубанскаго правительства, возлагавшихъ большія надежды на авантюру Муравьева.

Когда выяснился полный провалъ этой авантюры, командированный въ Гагры для поддержанія связи съ Муравьевымъ адъютантъ Кубанскаго министра внутрен-

нихъ дѣлъ Бѣлашева, полковникъ Смѣновъ, обратился ко мнѣ съ просьбой пріѣхать въ Тифлисъ для переговоровъ съ организовавшимся тамъ «Кубанскимъ повстанческимъ комитетомъ».

Разсмотрѣвъ предложеніе Смѣнова, Главный Штабъ постановилъ командировать меня и секретаря штаба Верховскаго въ Тифлисъ для того, чтобы выяснить, изъ кого состоитъ Кубанскій повстанческій комитетъ и кого онъ представляетъ.

Пріѣхавъ въ Тифлисъ, мы отправились въ ресторанъ «Надъ Курой», гдѣ въ отдѣльномъ кабинетѣ должно было состояться первое наше свиданіе съ членами повстанческаго комитета. Здѣсь насъ встрѣтилъ «министръ» Бѣлашевъ, отрекомендовавшійся уполномоченнымъ комитета. Бѣлашевъ заявилъ намъ, что члены Рады и другіе политическіе дѣятели Кубани чрезвычайно удручены происшедшимъ «недоразумѣніемъ» между кубанцами и черноморскимъ крестьянствомъ, которые являются естественными союзниками. Всю вину за происшедшее въ Сочинскомъ округѣ Бѣлашевъ сваливалъ на генерала Шкуро и его штабъ, не желавшихъ исполнять директивъ Кубанскаго правительства. На заданный нами вопросъ, признаетъ ли себя Кубанское правительство отвѣтственнымъ въ ограбленіи Черноморскаго крестьянства и готово ли оно хотя бы частично возмѣстить намъ убытки, причиненные продажей принадлежавшихъ Комитету Освобожденія табаковъ, Бѣлашевъ отвѣтилъ утвердительно, торжественно заявивъ, что Кубанское правительство считаетъ своимъ священнымъ долгомъ при первой возможности возмѣстить Черноморскому крестьянству всѣ причиненные арміей Шкуро убытки.

Дальнѣйшіе переговоры были назначены на квартирѣ Бѣлашева, гдѣ должны были собраться остальные члены повстанческаго комитета.

По вполнѣ понятнымъ причинамъ мы считали, что засѣданія комитета происходятъ въ обстановкѣ полной конспираціи. Велико поэтому было наше удивленіе, когда подходя къ квартирѣ Бѣлашева, помѣщавшейся въ бель-этажѣ небольшого домика на одной изъ улицъ «Веры», мы черезъ открытыя окна услыхали громкіе разговоры и споры собравшихся кубанцевъ. Большевики, содержавшіе въ Тифлисѣ большое количество шпіоновъ, могли не только обнаружить мѣсто, гдѣ происходило это «конспиративное собраніе», но также узнать всѣхъ его участниковъ и стенографически записать всѣ ихъ разговоры.

Мы застали у Бѣлашева почти всѣхъ эвакуировавшихся въ Тифлисъ членовъ Кубанской Рады и правительства. Нисколько не стѣсняясь постороннихъ людей, эти политическіе дѣятели ожесточенно нападали другъ на друга, сводили между собой личные счеты, а нѣкоторые изъ нихъ обвиняли членовъ правительства въ растратѣ войсковыхъ суммъ.

Убѣдившись въ томъ, что настоящее собраніе совершенно не способно заниматься дѣловыми вопросами, мы заявили кубанцамъ, что отказываемся отъ переговоровъ съ «повстанческимъ комитетомъ» до тѣхъ поръ, пока члены этого комитета не столкуются между собой и не приступятъ къ обсужденію тѣхъ вопросовъ, которые въ настоящій моментъ являются болѣе важными, чѣмъ споры о допущенныхъ ранѣе ошибкахъ.

Черезъ нѣсколько дней мы узнали о томъ, что у кубанцевъ образовалось цѣлыхъ два «повстанческихъ комитета», одинъ изъ которыхъ возглавлялся И. П. Тимошенко, а другой — только-что пріѣхавшимъ изъ Константинополя Ф. К. Воропиновымъ.

Воропиновъ въ ноябрѣ 1919 года, послѣ казни Калабухова, былъ арестованъ Деникинымъ и въ числѣ другихъ наиболѣе «опасныхъ» членовъ Рады — высланъ въ Константинополь, гдѣ и находился подъ надзоромъ англійской полиціи. Познакомившись съ этимъ до крайности слабохарактернымъ и нерѣшительнымъ политическимъ дѣятелемъ, я недоумѣвалъ, чѣмъ была вызвана его высылка изъ Екатеринодара, такъ какъ, по моему, онъ былъ абсолютно не способенъ не только къ активной, но даже и къ пассивной оппозиціи какой-бы то ни было власти.

Насъ интересовалъ также вопросъ о томъ, насколько популярны среди оставшихся на Кубани казаковъ имена этихъ засѣдавшихъ въ Тифлисѣ членовъ повстанческихъ комитетовъ. Съ этой цѣлью мы написали Главному Штабу, прося его немедленно послать въ станицы Майкопскаго отдѣла развѣдчиковъ, поручивъ имъ разспросить станичниковъ. Черезъ нѣкоторое время Главный Штабъ увѣдомилъ насъ о томъ, что казаки относятся крайне недовѣрчиво къ большинству изъ пребывающихъ въ Тифлисѣ членовъ Рады, которыхъ они считаютъ предателями и шкурниками.

Послѣ этого мы рѣшили прекратить всякіе разговоры съ Тифлисскими «повстанцами» и вернуться на Черноморье.

Это было тѣмъ болѣе необходимо, что въ Майкопскомъ, Баталпашинскомъ и Лабинскомъ отдѣлахъ вспыхнули въ это время серьезныя возстанія казаковъ, которыя могли окончиться всеобщимъ возстаніемъ населенія Сѣвернаго Кавказа противъ совѣтской власти.

Тимошенко заявилъ мнѣ, что онъ также поѣдетъ на Черноморье съ цѣлью пробраться въ Баталпашинскій отдѣлъ, въ которомъ возставшіе подъ начальствомъ генерала Фостикова казаки одерживаютъ головокружительные успѣхи надъ красноармейскими частями.

— Не далекъ тотъ часъ, говорилъ Тимошенко, когда Фостиковъ освободитъ всю Кубань. Поэтому мнѣ, какъ предсѣдателю Рады, слѣдуетъ находиться при Фостиковѣ, дабы немедленно по занятіи Екатеринодара созвать Краевую Раду и возстановить власть Кубанскаго Правительства.

Члены обоихъ «повстанческихъ» комитетовъ ходили съ гордо поднятыми головами, какъ будто успѣхи Фостикова были вызваны исключительно дѣятельностью Тифлисскихъ «повстанцевъ».

До самыхъ Гагръ Тимошенко разсказывалъ мнѣ объ успѣхахъ Фостикова и расхваливалъ этого генерала, который, по его словамъ, былъ убѣжденнымъ демократомъ и являлся противникомъ генеральской диктатуры Врангеля.

Въ Гаграхъ меня встрѣтилъ одинъ изъ членовъ Главнаго Штаба, сообщившій мнѣ, что разбитые большевиками подъ Невиномысской отряды генерала Фостикова отступаютъ въ горы и пытаются выйти на Черноморское побережье.

Это извѣстіе чрезвычайно встревожило меня, такъ какъ предвѣщало новую гибельную для Черноморья авантюру.

Я сказалъ Тимошенко о полученномъ мною извѣстіи, но онъ ему не повѣрилъ.

—Я только что разговаривалъ съ прибывшимъ въ Гагры офицеромъ изъ штаба Фостикова, который сообщилъ мнѣ о новыхъ побѣдахъ, одержанныхъ нашими станичниками, сказалъ онъ мнѣ.

На слѣдующій день рано утромъ я выѣхалъ въ одно изъ селеній нейтральной зоны и получилъ подробное донесеніе о пораженіи Фостикова. Одержавъ

нѣсколько побѣдъ надъ большевиками и занявши почти весь Баталпашинскій и часть Лабинскаго отдѣловъ, Фостиковъ совершилъ нѣсколько крупныхъ политическихъ и военныхъ ошибокъ, результатомъ которыхъ явилось полное пораженіе его 15-ти тысячной арміи, потерявшей всю артиллерію, большую часть пулеметовъ и обозы. Разгромленная совѣтскими войсками армія Фостикова отступила въ горы и, преслѣдуемая по пятамъ большевиками, перевалила черезъ Краснополянскій перевалъ и спустилась въ Сочинскій округъ.

Я сообщилъ объ этомъ Тимошенко, прося его немедленно пріѣхать въ нейтральную зону.

Между тѣмъ передовыя части Фостикова стали уже подходить къ Адлеру, вступивъ въ бой съ расположенными въ районѣ этого города красноармейскими полками. Также, какъ и при нашествіи арміи Шкуро, вслѣдъ за авангардомъ тянулся огромный обозъ бѣженцевъ, снова явившихся къ намъ на Черноморье со всѣмъ своимъ скарбомъ, но безъ продовольствія и фуража.

Я попросилъ примчавшагося изъ Гагръ Тимошенко тотчасъ-же отправиться въ штабъ Фостикова и уговорить его или немедленно интернироваться въ Грузіи, или-же вернуться обратно въ Баталпашинскій отдѣлъ, гдѣ онъ имѣлъ гораздо больше шансовъ выдержать натискъ большевиковъ, чѣмъ въ совершенно разоренномъ Сочинскомъ округѣ, въ которомъ его армія обречена на вѣрную гибель.

Тимошенко въ сопровожденіи двухъ проводниковъ поѣхалъ въ деревню, въ которой, по имѣвшимся у насъ свѣдѣніямъ, находился штабъ Фостикова.

Къ вечеру онъ вернулся обратно усталый, но чрезвычайно довольный своей поѣздкой.

— Мнѣ не удалось повидаться съ генераломъ Фостиковымъ, но я говорилъ съ его начальникомъ штаба, который разсказалъ мнѣ блестящій планъ, задуманный Фостиковымъ. Дѣло въ томъ, что занятіе Сочинскаго округа является одной изъ деталей этого плана. У Фостикова нѣтъ ни артиллеріи, ни патроновъ, безъ которыхъ, какъ вы сами понимаете, воевать невозможно. Поэтому онъ рѣшилъ занять Адлеръ и нѣсколько другихъ прибрежныхъ пунктовъ, гдѣ будетъ держаться до тѣхъ поръ, пока не получитъ изъ Крыма достаточнаго количества патроновъ и нѣсколько орудій, за которыми сегодня-же отправится кто нибудь изъ его штабныхъ офицеровъ. Получивши пушки и патроны, Фостиковъ немедленно-же уйдетъ черезъ горы на Кубань, разгромитъ занявшую вновь Баталпашинскій отдѣлъ красную армію и черезъ какой-нибудь мѣсяцъ дойдетъ до Екатеринодара.

— Весь этотъ планъ является сплошнымъ абсурдомъ, отвѣтилъ я Тимошенко. Для того, чтобы попасть въ Крымъ, офицеру Фостикова надо прежде всего добраться до Батума. При удачѣ — онъ доѣдетъ до Батума черезъ три дня, откуда еще четыре дня пути до Севастополя. Пока онъ доберется до штаба Врангеля и вернется изъ Крыма, пройдетъ не менѣе 10—12 дней. Безъ патроновъ и безъ продовольствія Фостиковъ никогда не продержится столько времени на побережьѣ и или будетъ окончательно разгромленъ большевиками, которые успѣютъ подтянуть изъ Сочи и Туапсе значительныя силы, или армія его, обезсилѣвъ отъ голода, сама сдастся большевикамъ. Эта новая авантюра окончится также печально и для нашихъ крестьянъ, и для вашихъ казаковъ, какъ задуманная вами весенняя авантюра!

— Увѣряю васъ, что планъ Фостикова будетъ блестяще выполненъ. Изъ Батума его офицеръ снесется по радіо съ Севастополемъ, откуда будутъ немедленно высланы суда съ продовольствіемъ, пушками и патронами, которыя

подойдутъ къ Адлеру не позднѣе, чѣмъ черезъ пять-шесть дней. Но намъ необходимо сейчасъ сговориться съ вашими крестьянами, чтобы получить отъ нихъ хоть немного продовольствія и патроновъ.

— Врядъ-ли наши крестьяне согласятся на такую комбинацію. Вѣдь большевики узнаютъ объ оказанной ими помощи Фостикову и жестоко расправятся за это съ населеніемъ. Ваши казаки такъ или иначе уйдутъ съ побережья, а крестьянамъ придется отдуваться за нихъ своими боками.

— Если крестьяне согласятся поддержать насъ, мы оставимъ на побережьѣ сильный отрядъ и будемъ защищать васъ отъ большевиковъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, не защищайте насъ, мы уже видѣли весной, какую защиту представляютъ собой деморализованные пораженіями и голодомъ казаки!

— Но войска Фостикова совершенно не деморализованы и, когда придетъ помощь изъ Крыма, они съ новыми силами начнутъ бить большевиковъ.

— Почему вы полагаете, что Врангель тотчасъ-же согласится прислать вамъ артиллерію и патроны?

— Да вѣдь движеніе Фостикова облегчитъ его десантную операцію на Таманн!

— Я не понимаю все-таки, какъ это вы надѣетесь на помощь Врангеля, съ которымъ ваше правительство порвало всякія отношенія? Врангель согласится помочь вамъ только въ томъ случаѣ, если вы признаете его власть!

— Видите-ли, замялся Тимошенко, наше правительство дѣйствительно не признаетъ Врангеля, но нашъ атаманъ принужденъ былъ заключить съ нимъ соглашеніе, такъ какъ въ Крыму находится большая часть Кубанской арміи. Конечно это соглашеніе насъ ни къ чему не обязываетъ и, какъ только мы будемъ въ Екатеринодарѣ, мы тотчасъ-же окончательно порвемъ съ Врангелемъ, но въ данное время, благодаря этому соглашенію, мы получимъ отъ Врангеля и пушки и патроны и продовольствіе!

Изъ этого разговора я понялъ, что кубанцы снова успѣли перемѣнить ориентацію и ведутъ двойную игру, выжидая, чѣмъ окончится десантная операція Врангеля на Таманскомъ полуостровѣ.

На слѣдующій день армія Фостикова заняла Адлеръ, причемъ ей удалось захватить нѣсколько тысячъ патроновъ. Эти патроны давали Фостикову возможность продержаться еще день — два и то лишь въ томъ случаѣ, если большевики не перейдутъ сами въ наступленіе.

Въ этотъ-же день въ селеніи Веселомъ состоялось совѣщаніе представителей ближайшихъ районныхъ штабовъ.

Я передалъ имъ просьбу Тимошенко о поддержкѣ Фостикова, но, какъ я и предполагалъ, крестьяне отнеслись къ ней отрицательно.

— Мы видѣли казаковъ Фостикова, сказалъ одинъ изъ нихъ, они драться съ большевиками не будутъ. Мы не можемъ связываться съ ними! Пусть лучше возвращаются обратно къ себѣ на Кубань. И имъ тамъ будетъ лучше, и намъ покойнѣе . . .

Другіе участники совѣщанія опасались, что Фостиковъ является назначеннымъ Врангелемъ губернаторомъ Черноморья.

— Если онъ получитъ изъ Крыма пушки и патроны, то сначала выгонитъ съ Черноморья большевиковъ, а потомъ примется за насъ. Намъ все едино, кто будетъ насъ жать — большевики, или «кадеты». Кто изъ нихъ лучше, а кто хуже — самъ чортъ не разберетъ. Такъ чего-же намъ путаться въ это дѣло?

Въ концѣ концовъ, было рѣшено не принимать никакого участія въ этой новой авантюрѣ, которая, по нашему мнѣнію, была заранѣе обречена на полную неудачу.

Такъ оно и случилось. Продержавшись нѣсколько дней на побережьѣ и дойдя до Хосты, казаки оказались не въ состояніи выдержать натиска подошедшихъ изъ Туапсе частей красной арміи и были вскорѣ припертыкъ Грузинской границѣ. Въ этотъ моментъ къ Веселому подошелъ изъ Крыма пароходъ, на которомъ, вмѣсто пушекъ и патроновъ, пріѣхалъ генералъ Шатиловъ, присланный Врангелемъ для ознакомленія съ создавшейся на побережьѣ обстановкой. Пріѣздъ Шатилова нисколько не поддержалъ казаковъ, которые перешли границу Грузіи и были обезоружены грузинами. Еще черезъ нѣсколько дней подошедшія къ Гаграмъ военныя суда Врангеля инсценировали обстрѣлъ грузинскихъ войскъ, погрузили интернировавшихся въ Гаграхъ казаковъ Фостикова и перевезли ихъ въ Крымъ.

Этимъ окончилась новая авантюра кубанцевъ, за которую снова пришлось расплачиваться крестьянамъ Сочинскаго округа: большевики, обозленные тѣмъ, что Фостикову удалось сравнительно благополучно ускользнуть изъ ихъ рукъ, выместили свою неудачу на населеніи деревень Адлерскаго района. На деревни были наложена контрибуція, а нѣсколько заподозрѣнныхъ въ сочувствіи казакамъ крестьянъ были разстрѣляны по приговору «особаго отдѣла».

Заключеніе

Вскорѣ послѣ ликвидаціи Фостиковской авантюры и послѣ неудачи Таманской операціи Врангеля, большевики энергично принялись за укрѣпленіе своего могущества на Сѣверномъ Кавказѣ.

Съ этой цѣлью они прежде всего усилили терроръ по отношенію ко всякимъ «контръ-революціонерамъ» и обратили свое особенное вниманіе на «зеленыхъ».

Хотя наши крестьяне не принимали никакого участія въ Фостиковской авантюрѣ и не только не сочувствовали, но относились съ опредѣленной враждебностью къ Врангелю, большевики тѣмъ не менѣе рѣшили воспользоваться благопріятнымъ случаемъ для сведенія счетовъ съ непокорными «зелеными».

Нѣсколько человѣкъ сочинскихъ крестьянъ были арестованы по обвиненію въ сочувствіи Врангелю и отправлены въ Екатеринодарскую и Майкопскую тюрьмы. Содержавшіеся съ іюня мѣсяца въ Екатеринодарской Чека крестьяне, въ томъ числѣ Рощенко и Блохнинъ, которымъ черноморское крестьянство было обязано своимъ освобожденіемъ отъ карательныхъ отрядовъ Добровольческой арміи, были разстрѣляны, при чемъ имена ихъ фигурировали въ спискѣ «враговъ крестьянъ и рабочихъ».

Наступила осень. Большая часть крестьянъ изъ прибрежныхъ селеній, въ которыхъ особенно свирѣпствовали агенты особыхъ отдѣловъ, армейской и другихъ чрезвычаекъ, покинули свои дома и окончательно переселились въ горы. Здѣсь они чувствовали себя въ большей безопасности, такъ какъ большевики избѣгали появляться въ горахъ, гдѣ имъ за каждымъ кустомъ и за каждымъ камнемъ чудились «зеленые».

Вскорѣ въ горахъ выпалъ снѣгъ, совершенно отрѣзавшій черноморскихъ зеленыхъ отъ всего остального міра.

Въ виду наступившаго затишья, состоявшійся въ октябрѣ делегатскій крестьянскій съѣздъ командировалъ меня и двухъ другихъ представителей черноморскаго крестьянства заграницу, снабдивъ насъ соотвѣтствующими полномочіями и давъ намъ нѣсколько серьезныхъ порученій.

Происшедшее, вскорѣ послѣ моего отъѣзда, нападеніе большевиковъ на Грузію и занятіе ими грузинскихъ портовъ лишили меня возможности вернуться обратно на Черноморье.

Съ тѣхъ поръ, странствуя по Европѣ, я оказался оторваннымъ отъ тѣхъ людей, съ которыми впродолженіе трехъ лѣтъ дѣлилъ горе и радости.

Оглядываясь теперь, черезъ два года, на то далекое и милое, оставшееся тамъ, на берегахъ Чернаго моря и въ изумрудныхъ горахъ Сочинскаго округа, я съ глубокимъ волненіемъ вспоминаю все то, что мнѣ пришлось пережить въ этомъ чудномъ краю, среди честныхъ, мужественныхъ, простыхъ и дорогихъ моему сердцу поселянъ Черноморья.

Тамъ, гдѣ крестьяне впервые осуществили свои завѣтныя мечты — добились своего собственнаго крестьянскаго самоуправленія, временно отнятаго у нихъ нынѣшними властителями Россіи, идея такого крестьянскаго самоуправленія пустила черезчуръ глубокіе корни, и никакія гоненія и насилія не вырвутъ этихъ корней изъ сознанія черноморскаго крестьянства.

Быть можетъ крестьянская власть, и особенно руководители этой власти, совершили за время своего недолговременнаго управленія Черноморьемъ не мало ошибокъ. Но отвѣтственность за эти ошибки падаетъ не на тѣхъ крестьянъ, которые довѣрили намъ бразды правленія, а на насъ, которые не смогли или не сумѣли въ точности выполнить данныя намъ указанія, а вѣрнѣе — не сумѣли разгадать истинныхъ чаяній и стремленій нашихъ довѣрителей.

Поѣздка изъ Добровольческой арміи въ «Красную Москву»

Май — іюль 1918 года

Генерала Б. Казановича

I

Послѣ возвращенія съ Кубани на Донъ въ апрѣлѣ 1918 г., передъ руководителями добровольческаго движенія — генералами Алексѣевымъ и Деникинымъ всталъ вопросъ о средствахъ для поддержанія дальнѣйшаго существованія арміи.

Остатки корниловской арміи, выведенные Деникинымъ съ Кубани, оправлялись въ станицѣ Мечетинской и быстро пополнялись притокомъ добровольцевъ; съ Румынскаго фронта подошелъ отрядъ Дроздовскаго и, подъ названіемъ 3-ей бригады, былъ включенъ въ составъ арміи; Донъ поднялся противъ большевиковъ и сбросилъ Совѣтскую власть — все это открывало передъ арміей новые горизонты.

Занятіе Украйны и Ростова нѣмцами и соглашеніе, заключенное съ ними донскимъ атаманомъ Красновымъ, тоже были въ числѣ благопріятныхъ обстоятельствъ. Хотя руководители Добровольческой арміи и рѣшили оставаться вѣрными союзникамъ и, при первой возможности, собравшись съ силами, даже выступить противъ нѣмцевъ, но, на первыхъ порахъ, нѣмецкая оккупація прикрывала насъ отъ большевиковъ съ запада и обезпечивала выигрышъ времени, столь нужный для пополненія и организаціи арміи, тѣмъ болѣе, что нѣмцы не только не проявляли враждебныхъ намѣреній, но даже пытались привлечь Добровольческую армію на свою сторону.

Однимъ словомъ, будущее рисовалось въ благопріятномъ свѣтѣ, но деньги были на исходѣ.

При такихъ обстоятельствахъ, въ началѣ мая 1918 г., меня вызвали къ ген. Деникину. Я въ то время только-что принялъ отъ ген. Богаевскаго, избраннаго предсѣдателемъ Донского правительства, 2-ую бригаду Добровольческой арміи (Корниловскій и Партизанскій полки) и думалъ, что меня вызываютъ по дѣламъ, касающимся бригады. Каково-же было мое удивленіе, когда, генералы Деникинъ и Романовскій, вкратцѣ ознакомивъ меня съ обстановкой, задали мнѣ вопросъ: не соглашусь-ли я проѣхать въ Москву для изысканія средствъ для дальнѣйшаго существованія арміи?

Я отвѣтилъ, что предпочелъ бы заниматься своимъ прямымъ дѣломъ, то-есть драться съ большевиками, но, конечно, не отказываюсь отъ всякаго порученія,

разъ оно необходимо для арміи. При этомъ я просилъ имѣть въ виду, что я не знаю за собой никакихъ дипломатическихъ, а тѣмъ болѣе финансовыхъ способностей, такъ какъ никогда такими дѣлами не занимался, и что, можетъ быть, у нихъ найдется лицо болѣе подходящее. Меня стали убѣждать, доказывая, что послать рѣшительно некого, и я долженъ былъ согласиться, замѣтивъ, такъ какъ порученіе было довольно неопредѣленное, что оно напоминаетъ мнѣ порученія, даваемыя сказочными царями: «поѣзжай — не знаю къ кому, и привези — не знаю что», и простился со словами: «ужъ не надоѣлъ-ли я вамъ и вы хотите просто отправить меня на висѣлицу?»

Генералъ Алексѣевъ, къ которому я вслѣдъ за тѣмъ отправился, ознакомилъ меня съ финансовымъ положеніемъ арміи. Передъ выступленіемъ изъ Ростова, благодаря комбинаціямъ, на подробностяхъ которыхъ я останавливаться не буду, ген. Алексѣеву удалось получить 9 милліоновъ изъ суммъ, хранившихся въ Ростовскомъ отдѣленіи государственнаго банка и составлявшихъ часть доходовъ Донской области за 1917 г., долженствовавшихъ поступить въ обще-государственную казну*.

На эти средства, главнымъ образомъ, и существовала до сихъ поръ Добровольческая армія: частныя пожертвованія составляли совершенно ничтожную сумму, а отъ союзниковъ, до выступленія изъ Ростова, удалось получить только ½ милліона. Несмотря на крайнюю бережливость первыхъ руководителей добровольческаго движенія, ясно, что этихъ средствъ не могло хватить на долго.

Ген. Алексѣевъ считалъ, что съ трудомъ можно будетъ протянуть до іюля.

Въ заключеніе ген. Алексѣевъ сказалъ мнѣ, что опредѣляетъ мнѣ жалованье на время командировки въ 1000 р. въ мѣсяцъ и выдаетъ авансомъ на поѣздку и связанные съ нею расходы 7000 р. (въ томъ числѣ и жалованье). Вмѣстѣ со мной онъ командируетъ г. Л., который, благодаря своимъ связямъ и знакомствамъ въ Москвѣ, можетъ быть очень полезенъ при выполненіи даннаго мнѣ порученія.

Въ общемъ это порученіе сводилось къ слѣдующему: 1) ознакомить представителей московскихъ торгово-промышленныхъ круговъ съ положеніемъ Добровольческой арміи, указать на общность интересовъ, постараться заинтересовать ихъ въ нашемъ дѣлѣ и склонить къ финансированію арміи, причемъ ежемѣсячную ея потребность ген. Алексѣевъ исчислялъ въ 4.500.000 р.** 2) Выяснить: какія въ Москвѣ имѣются военныя организаціи? И, если окажется что нибудь серьезное, войти съ ними въ связь для согласованія ихъ дѣйствій съ нашими. Относительно тѣхъ организацій, которыя согласились бы подчиниться генераламъ Алексѣеву и Деникину, мнѣ давалось полномочіе стать во главѣ ихъ и дѣйствовать сообразно обстановкѣ. 3) Завязать сношенія съ общественными и политическими организаціями и дѣятелями (нѣкоторые были указаны мнѣ поименно), возбудить ихъ сочувствіе и сочувствіе представляемыхъ ими круговъ къ нашему

---

* Всего такихъ денегъ было 36 мил., но тогдашнее Донское правительство потребовало въ свою пользу половину этой суммы, а изъ остальной половины ген. Алексѣеву удалось получить до выступленіа только 9 мил. Были свѣдѣнія, что, во время занятія Ростова большевиками, остальныя деньги были скрыты и что есть надежда на полученіе ихъ, но это было гадательно.

По выполненіи своего порученія, я этимъ вопросомъ больше не интересовался и мнѣ неизвѣстно, удалось-ли ген. Алексѣеву получить еще что нибудь изъ этихъ денегъ!

** Предполагалось, что продовольствіе будетъ получаться отъ Донского и, впослѣдствіи, отъ Кубанскаго правительства, а вооруженіе и боевые припасы съ Украйны и въ видѣ военной добычи, отъ большевиковъ.

дѣлу и заручиться ихъ поддержкой. 4) Въ случаѣ встрѣчи съ представителями славянскихъ государствъ, мнѣ поручалось завязать съ ними переговоры на основѣ «историческихъ задачъ Россіи и неприкосновенности ея границъ».

Что касается нѣмцевъ, то мнѣ категорически запрещались всякія сношенія съ ними. «Помните-же», сказалъ мнѣ Деникинъ, перефразируя А. Толстого:

Живетъ наша русская Русь!
Нѣмецкой намъ даромъ не надо!

Я былъ снабженъ открытыми письмами: отъ ген. Алексѣева ко всѣмъ общественнымъ и политическимъ дѣятелямъ и представителямъ торгово-промышленныхъ круговъ и отъ ген. Деникина къ представителямъ военныхъ организацій, имѣющихъ цѣлью борьбу съ большевиками. Въ этихъ письмахъ излагалось данное мнѣ порученіе и приводились основныя положенія извѣстной декларацiи Добровольческой арміи*.

II

Я немедленно изъ станицы Мечетинской отправился въ Новочеркасскъ и сталъ готовиться къ поѣздкѣ.

Здѣсь не могу не вспомнить своей встрѣчи и мимолетнаго знакомства съ П. Н. Милюковымъ.

Когда, какъ-то вечеромъ, я сидѣлъ въ номерѣ ген. Трухачева, туда неожиданно вошелъ пріѣхавшій изъ Ростова П. Н. Завязался разговоръ, во время котораго П. Н. сталъ доказывать, что Добровольческая армія сыграла свою роль и теперь самое лучшее, что она можетъ сдѣлать — это: «свернуть свое знамя и разойтись, оставивъ для исторіи красивую страницу», или же, въ качествѣ отдѣльнаго корпуса, подчиниться донскому атаману. Милюковъ доказывалъ, что не было еще примѣра, чтобы какая либо армія вела свою собственную политику. Теперь, говорилъ онъ, зарождается новая государственность на Украйнѣ и на Дону подъ покровительствомъ нѣмцевъ. Эти зачатки государственности, среди общаго хаоса, слѣдуетъ привѣтствовать, не мѣшать ихъ развитію и возложить всѣ надежды на нѣмцевъ, безъ поддержки которыхъ немыслимо что либо сдѣлать въ Россіи.

---

* Декларація Добровольческой арміи

1) Добровольческая армія борется за спасеніе Россіи путемъ: а) созданія сильной, дисциплинированной и патріотической арміи, б) безпощадной борьбы съ большевиками, в) установленія въ странѣ единства и правового порядка.

2) Стремясъ къ совмѣстной работѣ со всѣми русскими людьми, государственно мыслящими, Добровольческая армія не можетъ принять партійной окраски.

3) Вопросъ о формахъ государственнаго строя является послѣдующимъ этапомъ и станетъ отраженіемъ воли русскаго народа послѣ освобожденія его отъ рабской неволи и стихійнаго помѣшательства.

4) Никакихъ сношеній ни съ нѣмцами ни съ большевиками. Единственныя пріемлемыя положенія: уходъ изъ предѣловъ Россіи первыхъ и разоруженіе и сдача вторыхъ.

5) Желательно привлеченіе вооруженныхъ силъ славянъ на основѣ ихъ историческихъ чаяній, не нарушающихъ единства и цѣлости Русскаго государства, и; на началахъ, указанныхъ въ 1914 г. русскимъ Верховнымъ Главнокомандующимъ.

Командующій Добровольческой арміи ген.-лейт. Деникинъ.

Я, конечно, горячо возражалъ; въ пылу спора П. Н. задалъ мнѣ вопросъ: «укажите мнѣ какую нибудь самостоятельную стратегическую задачу, которую могла бы выполнить Добровольческая армія?» — «Если донской атаманъ, при поддержкѣ нѣмцевъ, будетъ вести измѣнническую политику, то Добровольческая армія можетъ занять Новочеркасскъ и ссадить его съ атаманства — вотъ Вамъ и самостоятельная стратегическая задача!» Оба мы разсмѣялись и на этомъ споръ окончился.

Чтобы понять эту мою выходку, надо принять во вниманіе ту явно-сепаратистскую политику, которую велъ въ то время атаманъ Красновъ. Насъ добровольцевъ особенно возмущало введеніе особаго донского флага (въ то время какъ мы сражались подъ нашимъ старымъ національнымъ флагомъ) и безтактное объясненіе этого флага въ приказѣ Краснова: на Дону искони жили три народности: казаки, калмыки и русскіе. Національные цвѣта: казаковъ — синій, калмыковъ — желтый и русскихъ — красный(?!). Такимъ образомъ, красное знамя интернаціонала признавалось русскимъ національнымъ флагомъ, а это было уже все равно, что дразнить быка «красной тряпкой», какъ мы и называли большевистское знамя.

Какъ я уже сказалъ, все это происходило въ началѣ мая, затѣмъ начались переговоры между ген. Деникинымъ и атаманомъ Красновымъ, произошло ихъ свиданье, окончившееся соглашеніемъ между Добровольческой арміей и Донскимъ войскомъ — все это задержало мою командировку, и я могъ выѣхать только въ 20-хъ числахъ мая.

Я былъ снабженъ фальшивымъ паспортомъ, выданнымъ на имя отставного коллежскаго совѣтника съ вымышленной фамиліей, и предписаніемъ донского правительства на имя члена сельско-хозяйственнаго общества отправиться въ гор. Ярославъ для закупки огородныхъ сѣмянъ. Фамиліи въ паспортѣ и въ предписаніи были разныя.

Кромѣ упомянутыхъ выше открытыхъ писемъ ген. Алексѣева и Деникина, я имѣлъ и краткое удостовѣреніе личности отъ Добровольческой арміи для предъявленія лицамъ, со стороны которыхъ можно было ожидать сочувствія нашему дѣлу, но которыхъ не слѣдовало посвящать въ цѣль и подробности моей командировки.

Я избралъ маршрутъ: Екатеринославъ—Кіевъ—Могилевъ—Орша—Москва. Такимъ образомъ я надѣялся легче замести слѣды, если бы за мной была слѣжка, предъявляя, смотря по обстоятельствамъ, разные документы. Кромѣ того, я хотѣлъ повидаться съ семьей, которую оставилъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Могилевѣ и о которой не имѣлъ никакихъ свѣдѣній.

Путешествіе до Могилева прошло безъ задержекъ; нѣмецкимъ комендантамъ я предъявлялъ предписаніе донского правительства, украинскимъ (по большей части кадровымъ офицерамъ) — удостовѣреніе Добровольческой арміи и всегда получалъ нужное мнѣ содѣйствіе; помню, какъ комендантъ одной изъ станцій, молодой морской офицеръ, даже запрыгалъ отъ удовольствія, увидѣвъ подпись ген. Деникина, и заявилъ, что судьба посылаетъ ему случай, хоть чѣмъ нибудь, быть полезнымъ Добровольческой арміи.

Въ Могилевѣ мнѣ удалось обмѣнять свой паспортъ на свидѣтельство мѣстной городской стражи. Я не особено довѣрялъ этому паспорту, неискусно поддѣланному тѣмъ болѣе, что самый фактъ выдачи его въ Новочеркасскѣ могъ возбудить въ Москвѣ подозрѣнія.

Могилевъ, занятый передъ тѣмъ польскими войсками, незадолго до моего пріѣзда былъ оккупированъ нѣмцами, но передача состоялась еще не вполнѣ: на станціи и въ городѣ были и нѣмецкіе, и польскіе коменданты. Пользуясь этимъ двоевластіемъ, я безъ особыхъ затрудненій получилъ разрѣшеніе на проѣздъ въ Москву. Разрѣшеніе давалось нѣмецкимъ комендантомъ по удостовѣреніи личности польскимъ комендантомъ.

Здѣсь-же я имѣлъ свиданіе со старшимъ изъ командировъ польскихъ частей, полковникомъ русской службы, фамилію котораго не помню. Прочитавъ письмо ген. Деникина, онъ хватался за голову, выражалъ крайнее сожалѣніе, что, при подходѣ нѣмцевъ, они не знали о существованіи Добровольческой арміи: они не сдали бы оружія, а пробились бы на соединеніе съ нами. Онъ обѣщалъ донести командующему польской арміей сообщенныя мною свѣдѣнія для того, чтобы завязать переговоры между Добровольческой и польской арміями. Такіе переговоры впослѣдствіи велись, но я не знаю были-ли они послѣдствіемъ этого свиданія.

Изъ Могилева въ Москву рѣшилась ѣхать со мной моя дочь съ тѣмъ, чтобы доставить ген. Алексѣеву мое донесеніе въ случаѣ, если бы мнѣ пришлось задержаться на болѣе продолжительное время, или сообщить о моей участи, если бы я былъ арестованъ.

Состоя въ Могилевѣ предсѣдательницей союза офицерскихъ семей, она имѣла постоянныя сношенія съ мѣстной администраціей и, благодаря своимъ знакомствамъ, оказала мнѣ не мало содѣйствія при полученіи нужныхъ мнѣ документовъ и разрѣшеній. Въ Москву она ѣхала подъ своей настоящей фамиліей и мы разыгрывали роль знакомыхъ попутчиковъ. Въ Могилевѣ я, на время, разстался съ г. Л., который здѣсь задержался и пріѣхалъ въ Москву на нѣсколько дней позже меня.

Черезъ Оршу, пограничную станцію между зоной нѣмецкой оккупаціи и совѣтской республикой, мы съ дочерью проѣхали безъ задержки, но здѣсь оказалось, что билетовъ до Москвы не продаютъ безъ разрѣшенія совдепа, а можно купить билеты только до Можайска. Опасаясь осложненій въ совдепѣ, я рѣшилъ ѣхать наудачу и пробраться въ Москву безъ разрѣшенія или добиваться этого разрѣшенія гдѣ либо подальше отъ Могилева, гдѣ въ совдепѣ, случайно, могъ оказаться человѣкъ, знающій меня. Дѣло устроилось проще, чѣмъ я ожидалъ: кондукторъ за 40 р. керенскими согласился провезти насъ нѣсколько станцій за Можайскомъ безъ билетовъ и купить намъ билеты отъ той станціи, гдѣ начиналось пригородное Московское движеніе. На переѣздѣ отъ Орши до Москвы меня поразилъ сравнительный порядокъ, господствовавшій на жел. дорогахъ. Не было ничего подобнаго тому, какъ мы всѣ привыкли со времени революціи: не только нельзя было и думать проѣхать безъ билета, но даже пытавшихся съ билетомъ 3-го класса проѣхать во 2-мъ немедленно водворяли на мѣсто. Правда я самъ проѣхалъ незаконнымъ образомъ, но вѣдь и въ нормальное время кондуктора возили «зайцевъ» за взятки — важно то, что власть кондукторовъ была возстановлена. Даже вагоны были приведены въ относительный порядокъ; только станціи были по прежнему загажены и переполнены. Повидимому, заставило подтянуться близкое сосѣдство нѣмцевъ и присутствіе ихъ миссіи въ Москвѣ.

III

Въ Москвѣ мнѣ сразу повезло: мнѣ любезно предложилъ пріютъ мой старый знакомый. Въ его квартирѣ жилъ, кромѣ меня, одинъ изъ правилегированныхъ иностранцевъ и поэтому на дверяхъ висѣло объявленіе, что квартира освобождена отъ реквизиціи и обысковъ — уже это одно, конечно, представляло для меня огромное удобство. Дочь устроилась у другихъ знакомыхъ на другомъ концѣ города.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію исполненія даннаго мнѣ порученія, скажу нѣсколько словъ о внѣшнемъ видѣ Москвы того времени и о жизни въ ней. Пріѣхалъ я 28-го мая (ст. стиля). Москва была грязнѣе и неряшливѣе прежняго, но не дошла еще до того ужаснаго состоянія, о которомъ пишутъ теперь. На улицахъ было меньше оживленія и публика имѣла болѣе сѣрый «демократическій» видъ. Слѣды уличныхъ боевъ были особенно замѣтны у Никитскихъ воротъ и на Поварской. На Тверской, Кузнецкомъ Мосту и другихъ торговыхъ улицахъ много зеркальныхъ оконъ было разбито, исчезли роскошныя выставки магазиновъ, но многс магазиновъ было открыто и купить можно было почти все за цѣны, казавшіяся въ то время высокими, но совершенно ничтожныя по сравненію не только съ цѣнами нынѣшней Сов. Россіи, но и съ цѣнами, бывшими въ Крыму. Голода не было. Правда, хлѣбъ по карточкамъ выдавался очень сквернаго качества, а иногда его замѣняли крупой, овощными или даже фруктовыми консервами, но всѣ какъ-то ухитрялись добывать хлѣбъ или муку отъ мѣшечниковъ. Были открыты даже нѣкоторые старые рестораны: Прага, Тѣстовъ, гдѣ можно было получить всѣ старо-режимныя блюда по цѣнамъ отъ 25 до 40 р. При этомъ произошла характерная переоцѣнка цѣнностей: самыми дорогими блюдами были: бифштексъ, отбивныя котлеты и т. п. — гастрономическія тонкости въ родѣ «котлетъ марешаль изъ рябчиковъ съ трюфелями» стоили значительно дешевле. Театры процвѣтали, но цѣны были настолько высокія, что я, при всемъ желаніи ознакомиться съ новымъ искусствомъ, ни разу не рѣшился заглянуть въ нихъ. Деньги ходили керенскія, царскія мелкихъ купюръ (крупныхъ бумажекъ въ обращеніи не было и онѣ стоили уже значительно дороже номинальной цѣны), и билеты займа свободы (съ обрѣзанными купонами) по номинальной цѣнѣ.

Большевики перевели часы на 3 часа впередъ, при этомъ трамвайное движеніе и торговля прекращались въ 8 ч. вечера, то-есть фактически въ 5 ч., благодаря этому городъ въ — 6 ч. вечера замиралъ и принималъ какой-то странный, зловѣщій видъ. Правда это продолжалось не долго: спохватились и продолжили движеніе трамваевъ до 11 часовъ вечера (то-есть до 8 ч.). Отъ времени до времени устраивались облавы на вывозящихъ изъ Москвы мануфактуру и продовольствіе: извѣстный районъ города оцѣплялся красноармейцами, которые останавливали всѣхъ идущихъ и ѣдущихъ съ поклажей; все, казавшееся имъ предназначеннымъ къ вывозу, отбиралось и складывалось тутъ же на тротуарѣ. Разъ меня такимъ образомъ остановилъ латышъ: я несъ нѣсколько листовъ писчей бумаги, свернутыхъ въ трубку; повидимому, ему не нужно было бумаги, и онъ пропустилъ меня безпрепятственно, но я пережилъ нѣсколько непріятныхъ секундъ, не зная въ чемъ дѣло и думая, что меня хотятъ арестовать. Кромѣ этого раза, меня на улицѣ не останавливали и документовъ моихъ не спрашивали; я предъявилъ ихъ только домовому комитету, который и прописалъ меня, гдѣ слѣдовало. Отъ этихъ комитетовъ многое тогда за-

висѣло и, если въ домѣ былъ комитетъ приличнаго состава, то жить было можно. Сохранились во многихъ домахъ и дворники, и швейцары, но ихъ приходилось опасаться: они, по большей части, были на службѣ у че-ка и занимались доносами. Организація че-ка, видимо, не была еще закончена, развѣдка была далека отъ совершенства; хотя и происходили частые аресты и разстрѣлы, но они были или слѣдствіемъ какихъ-либо явныхъ выступленій, или производились по случайнымъ доносамъ. Какъ я уже сказалъ, меня ни разу не останавливали, но два раза меня подвергали серьезной опасности знакомые. Разъ меня издали сталъ громко звать: «Ваше Превосходительство! Ваше Превосходительство!» — командиръ артиллерійскаго дивизіона, служившій во время войны подъ моимъ начальствомъ. Я прошелъ мимо, дѣлая видъ, что эти крики не ко мнѣ относятся. Въ другой разъ меня на Арбатѣ неожиданно взялъ подъ руку знакомый офицеръ генеральнаго штаба и сталъ громко выражать свое удовольствіе, что видитъ меня цѣлымъ и невредимымъ, такъ какъ считалъ меня разстрѣляннымъ, а за тѣмъ сталъ жаловаться на свою судьбу: «я служу по передвиженію войскъ, но теперь насъ начинаютъ хватать и отправлять, хочешь, не хочешь, въ штабы на внутренній фронтъ. Какъ Вы думаете поступить?» Очевидно онъ считалъ и меня состоящимъ на службѣ у большевиковъ. Я поспѣшилъ отдѣлаться отъ него подъ какимъ-то предлогомъ.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда у меня сильно разболѣлась рана въ плечѣ, полученная еще въ мартѣ въ бою подъ Екатеринодаромъ и съ тѣхъ поръ не закрывавшаяся. Мой знакомый познакомилъ меня съ извѣстнымъ хирургомъ, работавшимъ въ одной изъ лучшихъ московскихъ лѣчебницъ. Тотъ произвелъ рентгеновскій снимокъ и опредѣлилъ, что въ ранѣ имѣются осколки раздробленной кости, но оперировать подъ хлороформомъ не рѣшился, такъ какъ это могло обратить на себя вниманіе комитета, составленнаго изъ низшихъ служащихъ, наблюдавшаго за врачами и сильно стѣснявшаго ихъ дѣйствія. Я ходилъ въ лѣчебницу на амбуляторные пріемы, мнѣ вынимали осколки, которые можно было достать безъ глубокихъ нарѣзовъ, и нѣсколько подлѣчили рану — окончательную операцію пришлось сдѣлать уже въ Екатеринодарѣ, по взятіи нами этого города.

Въ то время въ Москвѣ существовала еще относительная свобода печати: выходили еще «буржуазныя» газеты и даже разрѣшались не слишкомъ рѣзкія выходки противъ совѣтской власти: такъ, напримѣръ, Теффи въ юмористическомъ видѣ изображала засѣданія московскаго Совдепа. Изъ газетъ я, между прочимъ, узналъ о бывшихъ въ мое отсутствіе бояхъ Добровольческой арміи и о смерти своего боевого товарища Маркова.

За время моего пребыванія въ Москвѣ (я прожилъ въ ней ровно мѣсяцъ) произошло два крупныхъ событія: «возстаніе» эс-эровъ и убійство графа Мирбаха.

Возстаніе эс-эровъ произошло совершенно неожиданно и продолжалось всего нѣсколько часовъ. Мы рядовые обыватели долго не могли понять, въ чемъ дѣло: видѣли нѣсколько разрывовъ шрапнелей въ направленіи театральной площади, слышали недолгую пулеметную стрѣльбу и знали, что трамвайное движеніе, а также проходъ и проѣздъ къ театральной площади закрыты. Уже къ вечеру мы узнали, что эс-эры сдались въ Большомъ театрѣ, гдѣ они было устроили митингъ, и арестованы. Помню, что среди арестованныхъ называли Марію Спиридонову.

Объ убійствѣ графа Мирбаха передавали противорѣчивыя подробности, ожидали особыхъ репрессій со стороны большевиковъ, ожидали и вмѣшательства нѣмцевъ, но, въ концѣ концовъ, ничего особеннаго не произошло. Только германское посольство стало осторожнѣе выдавать разрѣшенія на проѣздъ въ оккупированныя области — это мнѣ пришлось испытать на себѣ передъ отъѣздомъ изъ Москвы.

IV

Изъ политическихъ организацій мнѣ прежде всего удалось установить связь съ такъ-называемымъ «Правымъ центромъ» — организаціей съ опредѣленнымъ монархическимъ направленіемъ. Я бывалъ на ея засѣданіяхъ иногда одинъ, иногда вмѣстѣ съ Л. Происходили они подъ предсѣдательствомъ В І. Гурко при участіи: князя Г. Н. Трубецкаго, П. Б. Струве, покойнаго Степанова и другихъ, именъ которыхъ не упоминаю, не будучи увѣренъ, что имъ не грозитъ опасность со стороны совѣтскаго правительства. Покойный А. В. Кривошеинъ на засѣданіяхъ не бывалъ, но, бывая у него, я убѣдился, хоть онъ и увѣрялъ, что стоитъ въ сторонѣ отъ политики, что онъ находился въ самой тѣсной связи съ «Правымъ центромъ», что ему было извѣстно все происходившее на засѣданіяхъ и чуть ли ни онъ игралъ руководящую роль.

Ознакомившись съ письмами генераловъ Алексѣева и Деникина и выслушавъ мой докладъ о Добровольческой арміи, организація вынесла постановленіе: привѣтствовать армію и ея вождей. Когда я поднялъ вопросъ о субсидированіи арміи: «мы даемъ нѣчто вполнѣ реальное — 8000 храбрыхъ и рѣшительныхъ людей подъ начальствомъ такихъ генераловъ, какъ Алексѣевъ и Деникинъ, то-есть готовый кадръ для большой арміи, что можете Вы предложить съ своей стороны?» В. І. Гурко даже обидѣлся и заявилъ, что денегъ у нихъ нѣтъ, но что они могутъ обезпечить арміи сочувствіе вліятельныхъ общественныхъ круговъ, что не менѣе важно. Имѣя въ Москвѣ дѣло съ политическими дѣятелями разныхъ направленій, мнѣ часто приходилось встрѣчаться съ ссылкой на «широкіе» или «вліятельные» общественные круги и даже на «широкія народныя массы», которые, якобы, поддерживаютъ ту или другую организацію, но для меня обыкновенно оставалось загадкой, гдѣ эта поддерживающая сила и изъ кого она состоитъ? Хотя говорилось всегда въ такомъ тонѣ, точно эта сила у говорящаго въ карманѣ. Вскорѣ обнаружились и принципіальныя разногласія. Монархическое направленіе «праваго центра» не могло, конечно, служить препятствіемъ къ соглашенію съ Добровольческой арміей: въ данныхъ мнѣ письмахъ-инструкціяхъ ясно указывалось, что руководители Добровольческой арміи не предрѣшаютъ будущаго государственнаго устройства Россіи, предоставляя рѣшеніе этого вопроса свободно высказанной волѣ народа (по освобожденіи отъ большевиковъ) и что они готовы работать совмѣстно со всѣми честными людьми, ставящими себѣ цѣлью освобожденіе Россіи отъ шайки захватчиковъ власти. Однако выяснилось, что, ставя себѣ цѣлью возстановленіе монархіи, «Правый центръ» возлагаетъ всѣ свои надежды на нѣмцевъ, а это, какъ сказано выше, шло совершенно въ разрѣзъ съ программой Добровольческой арміи.

Въ то время міровая война была еще въ полномъ разгарѣ, предсказать съ увѣренностью побѣду той или другой стороны нельзя было и обсуждался про-

ектъ о созданіи новаго анти-германскаго восточнаго фронта, разрушеннаго Брестъ-Литовскимъ миромъ. Такой фронтъ естественно былъ бы направленъ и противъ большевиковъ, подписавшихъ Брестъ-Литовскій договоръ. Носились слухи, что Японія соглашается перебросить нѣсколько корпусовъ на среднюю Волгу, гдѣ они послужатъ ядромъ для русскихъ формированій. По поводу этого проекта и начались мои разногласія съ «Правымъ центромъ». В. І. Гурко доказывалъ, что Россія больше не можетъ воевать, что она слишкомъ устала и истощена, что союзники преслѣдуютъ свои узко-эгоистическія цѣли и что намъ не слѣдуетъ ихъ поддерживать, что гораздо болѣе близкимъ и надежнымъ союзникомъ была бы монархическая Германія. Конечно содѣйствіе Германіи обойдется Россіи не даромъ, но что же дѣлать? Вѣдь, послѣ смутнаго времени, Михаилу Ѳедоровичу пришлось начать свое царствованіе съ большихъ уступокъ Польшѣ и Швеціи, но этими уступками были куплены внѣшнее спокойствіе и возможность заняться устроеніемъ государства. Насъ не должна смущать измѣна союзникамъ, такъ какъ въ политикѣ надо руководствоваться исключительно эгоистическими соображеніями. Въ 1809 году Россія воевала въ союзѣ съ Наполеономъ противъ недавняго союзника — Австріи, а, при новой перемѣнѣ обстановки, вернулась къ старымъ союзамъ: это было совершенно законно, такъ какъ отвѣчало нашимъ интересамъ. Наконецъ, возстановленіе восточнаго фронта противъ Германіи является неосуществимой фантазіей. Генералъ Циховичъ составилъ обстоятельную записку, въ которой съ цифрами въ рукахъ доказываетъ полную невозможность переброски японскихъ войскъ на Волгу. На ближайшемъ засѣданіи онъ доложитъ свои выводы, чтобы окончательно убѣдить меня.

Я возражалъ, что созданіе новаго фронта противъ Германіи было бы спасеніемъ Россіи: междуусобица утратила бы характеръ классовой борьбы и перешла бы на чисто политическую почву: Россія раздѣлилась бы на два лагеря — за и противъ нѣмцевъ и, можетъ быть, проснулось бы наконецъ національное чувство. Послѣ побѣдоноснаго окончанія войны, Россія получитъ равныя съ союзниками права на использованіе плодовъ побѣды. Къ сожалѣнію мы, повидимому, оказались бы въ разныхъ лагеряхъ, но что же дѣлать? И въ смутное время были бояре московскіе, которые творили измѣну и присылали пословъ королевичу Владиславу и даже самому Сигизмунду, — но національнымъ силамъ пришлось вести съ ними такую же борьбу, какъ съ самими поляками. Свои окончательныя возраженія я отложилъ до обѣщаннаго большого засѣданія.

На это засѣданіе изъ новыхъ лицъ, кромѣ генерала Циховича, пришелъ адмиралъ Нѣмецъ (не знаю, правильно ли я пишу его фамилію). Оба они обставили свое появленіе большой таинственностью. Засѣданіе началось съ рѣчи князя Г. Н. Трубецкого. Онъ говорилъ о значеніи договоровъ въ международной политикѣ. Въ общемъ его рѣчь напоминала приведенныя выше разсужденія В. І. Гурко: намъ нѣтъ основанія слѣпо держаться договоровъ, заключенныхъ Россіей съ союзниками. Въ политикѣ нѣтъ мѣста чувствамъ: наши интересы подсказываютъ намъ сближеніе съ Германіей, и мы безъ всякихъ угрызеній совѣсти можемъ перемѣнить фронтъ тѣмъ болѣе, что союзникамъ довѣрять нельзя: они тоже пожертвовали бы нами, если бы этого требовали ихъ выгоды. Возражая князю Трубецкому, я сказалъ, что совершенно раздѣляю его взглядъ на политику: въ ней нѣтъ мѣста чувствамъ и слѣдуетъ руководствоваться исключительно государственными интересами. Я не понимаю одного: намъ совѣтуютъ не довѣрять союзникамъ, а приглашаютъ ввѣрить

свою судьбу державѣ, которой принадлежитъ классическое изрѣченіе о «клочкѣ бумаги», — гдѣ гарантія надежности подобнаго союзника? Я знаю, что руководители Добровольческой арміи убѣжденные противники союза съ Германіей; уже по одному этому я не могу, въ этомъ направленіи, заключать никакихъ соглашеній отъ имени арміи, но и мои личныя убѣжденія говорятъ противъ этого союза и не изъ чувства ненависти къ врагу, съ которымъ сражался три года, а только имѣя въ виду интересы Россіи. Если бы мнѣ доказывали, что для Россіи было бы выгоднѣе вступить въ міровую войну, имѣя Германію союзникомъ, а не врагомъ, я понялъ бы эти разсужденія (хотя это вопросъ спорный), но тогда было бы другое дѣло: тогда Россія могла говорить съ Германіей какъ равный съ равнымъ и заключить договоръ на принципѣ: «do ut des». Теперь обстановка измѣнилась: ослабленная, раздираемая междуусобицей Россія можетъ занять по отношенію къ Германіи только служебную роль. Даже если міровая война окончится безъ нашего участія, намъ не выгодно имѣть такого сильнаго сосѣда, какимъ является побѣдоносная Германія. Конечно, за всякую услугу надо платить, но расплата съ нынѣшними союзниками не представляетъ опасности для Россіи: ни Англія, ни Франція не могутъ колонизовать Россію и прочно подчинить ее своему вліянію. Онѣ удовольствовались бы какими-нибудь концессіями, выгодными торговыми договорами и, въ крайнемъ случаѣ, Россіи пришлось бы сдѣлать уступки въ сферахъ вліянія на востокѣ. Все это полъ-бѣды. Другое дѣло Германія: лишенная своихъ колоній*, она весь избытокъ своего населенія двинетъ въ Россію, наши свободныя земли достанутся не нуждающимся въ нихъ крестьянамъ, а нѣмцамъ колонистамъ... Отъ такого союзника не скоро отдѣлаешься: онъ будетъ опаснѣе всякаго врага. По всѣмъ этомъ соображеніямъ мы, насколько позволяютъ наши слабыя силы, должны способствовать разгрому Германіи. Возстановленіе восточнаго фронта и съ этой точки зрѣнія было бы спасеніемъ Россіи, не говоря уже о борьбѣ съ большевиками — нынѣшнимъ союзникомъ нѣмцевъ. Я знаю, что мнѣ хотятъ доказать невозможность созданія этого фронта. Какъ человѣкъ пріѣзжій, я не имѣю подъ рукой необходимыхъ матеріаловъ, а потому не могу, конечно, возражать на научно-обоснованную записку генерала Циховича, о которой мнѣ говорили, но приведу нѣсколько общихъ соображеній въ защиту своего положенія. Какъ участникъ японской войны, я твердо помню, что на перевозку корпуса, со всѣми приданными ему частями и обозами, изъ Европейской Россіи въ Манчжурію требовалось ровно мѣсяцъ. Въ то время Сибирская дорога имѣла одну колею и была еще не вполнѣ закончена — въ частности не было движенія по Кругобайкальскому участку, что вызывало перегрузку на Байкалѣ и замедляло движеніе. Теперь дорога имѣетъ на всемъ протяженіи двойную колею и это должно было бы увеличить ея провозоспособность, по крайней мѣрѣ, вдвое, но зато революціей произведено много разрушеній и дорогу, по мѣрѣ продвиженія японцевъ, придется приводить въ порядокъ. Поэтому, не вдаваясь въ детали, можно безъ большой ошибки принять прежнюю норму: на перевозку корпуса — мѣсяцъ (въ особенности, принимая во вниманіе, что нѣтъ надобности перевозить такихъ большихъ обозовъ, какими мы снабжали свои войска).

---

* Хотя исходъ войны еще не былъ рѣшенъ, но превосходство Англіи на морѣ уже опредѣлилось, и было ясно, что, даже въ случаѣ побѣды, Германія не вернетъ утраченныхъ колоній, а получитъ компенсаціи за счетъ Франціи и другихъ союзниковъ.

Начните перевозку сегодня, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на Волгѣ будетъ внушительная армія. Нѣмцы, занятые борьбой на западѣ, не будутъ въ состояніи протянуть свою, безъ того длинную, операціонную линію до Волги, и предупредить сосредоточеніе этой арміи, къ которой съ юга примкнутъ Добровольческая армія и казаки, отрѣзая нѣмцевъ отъ богатыхъ хлѣбомъ губерній. Возобновится борьба и съ ней воскреснетъ надежда на возрожденіе Россіи... «Пока Государь Императоръ изъ Москвы не повелитъ вамъ прекратить эту борьбу!» прервалъ меня В. І. Гурко. «Какой Императоръ? Если это будетъ ставленникъ нѣмцевъ*, то, можетъ быть, мы его и не послушаемся!»

Генералъ Циховичъ не сталъ приводить своихъ научныхъ доказательствъ невозможности созданія фронта на Волгѣ. И онъ, и адмиралъ Нѣмцевъ ограничились заявленіемъ, что возобновленіе войны съ нѣмцами было бы несчастьемъ для Россіи.

V

Описанное засѣданіе вызвало расколъ въ «Правомъ центрѣ»: отъ него отдѣлились кадеты и вообще умѣренные элементы и начала складываться новая группа, принявшая, если не ошибаюсь, впослѣдствіи названіе «Національнаго центра». Здѣсь наиболѣе дѣятельную роль игралъ Федоровъ. Изъ бывавшихъ на засѣданіяхъ «Праваго центра», я встрѣчалъ: П. Б. Струве, Степанова и другихъ. Эта группа имѣла связь съ Б. Савинковымъ, но на засѣданіяхъ онъ не бывалъ, обставляя свое пребываніе въ Москвѣ крайней конспиративностью. Засѣданія происходили въ одной изъ лабораторій подъ видомъ собраній ученаго общества.

Федоровъ предложилъ мнѣ вступить въ число членовъ новаго политическаго образованія, но я уклонился, заявивъ, что, исполняя спеціальное порученіе, не могу связывать себя никакими партійными обязательствами, а прошу разрѣшенія бывать на засѣданіяхъ въ качествѣ посла Добровольческой арміи. На засѣданіяхъ разрабатывался и обсуждался проектъ будущаго устройства Россіи, начиная отъ центральной власти (признавалась необходимость диктатуры), до организаціи управленія въ губерніяхъ и уѣздахъ. Помню, что какъ-то возникъ вопросъ: слѣдуетъ ли объявить отмѣненными всѣ распоряженія, отданныя послѣ революціи? Я указалъ на неудачный опытъ атамана Краснова, отдавшаго такой приказъ у себя на Дону, но уже черезъ нѣсколько дней вынужденнаго объявить въ новомъ приказѣ, что его не такъ поняли, что «завоеванія революціи» остаются въ силѣ, что распоряженія, подлежащія отмѣнѣ, будутъ впредь указываться особо и замѣняться новыми. Лучше не ставить себя въ такое положеніе, а замѣнять все, не соотвѣтствующее новому положенію вещей, постепенно. Это мнѣніе было принято.

Велись переговоры и съ представителями соціалистическихъ партій. Тѣ, какъ будто, шли на соглашеніе, но были противъ единоличной диктатуры и требовали созданія правительства изъ нѣсколькихъ лицъ, причемъ соглашались признать генерала Алексѣева однимъ изъ правителей съ тѣмъ, чтобы отъ со-

---

* Надо замѣтить, что о личности своего кандидата дѣятели «праваго центра» умалчивали, а, по нѣкоторымъ намекамъ, можно было предположить, что они не прочь видѣть на Россійскомъ престолѣ кого либо изъ германскихъ принцевъ.

ціалистовъ его соправителемъ былъ Авксентьевъ или Чайковскій, а третьимъ — какое либо лицо по выбору «буржуазныхъ» партій.

Генералъ Алексѣевъ поручилъ мнѣ повидать Савинкова, хотя и предупреждалъ, что отъ него не много узнаешь, а что наоборотъ онъ будетъ стараться вывѣдать, какъ можно больше; въ виду этого я постарался добиться свиданія съ нимъ. Долго это не удалось; мнѣ говорили, что Савинкову приходится очень тщательно скрывать свое пребываніе въ Москвѣ, такъ какъ большевики на него охотятся. Наконецъ, свиданіе состоялось въ квартирѣ одной еврейской семьи. Онъ разспрашивалъ меня о Добровольческой арміи, а самъ, въ довольно туманныхъ выраженіяхъ, говорилъ о подготовляемомъ имъ возстаніи въ рядѣ пунктовъ, охватывающихъ Москву съ сѣверо-востока, востока и юго-востока; говорилъ, что все, въ сущности, уже готово, что успѣхъ обезпеченъ и, послѣ успѣха на мѣстахъ, предполагается предпринять концентрическое наступленіе на Москву.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого «національный центръ» пожелалъ узнать мое мнѣніе о готовящемся выступленіи Савинкова и стоитъ ли поддерживать это предпріятіе? Я отвѣтилъ, что затрудняюсь высказать свое мнѣніе: все дѣло не въ планѣ, а въ силахъ, которыми онъ располагаетъ, а объ нихъ-то мнѣ ничего и неизвѣстно. Мнѣ обѣщали, что начальникъ штаба Савинкова ознакомитъ меня со всѣми подробностями, но и тотъ говорилъ столь же неопредѣленно, а черезъ нѣсколько дней Савинковъ исчезъ изъ Москвы и произошло, окончившееся неудачей, возстаніе въ Ярославѣ.

Около этого времени я познакомился съ генераломъ Болдыревымъ. Онъ показался мнѣ дѣльнымъ человѣкомъ, и я убѣждалъ его признать главенство генераловъ Алексѣева и Деникина и работать вмѣстѣ для общаго дѣла. Генералъ Болдыревъ отвѣтилъ, что не можетъ этого сдѣлать, такъ какъ связанъ съ партіей (меньшевиками). Я говорилъ о переговорахъ, которые ведутся между «національнымъ центромъ» и соціалистическими партіями, о возможности объединенія всѣхъ усилій, а то Добровольческая армія дѣйствуетъ сама по себѣ, они сами по себѣ и, наконецъ, Савинковъ ведетъ какую-то еще свою особую политику. На это онъ заявилъ, что соціалисты согласны дѣйствовать сообща, съ кѣмъ угодно, только не съ Савинковымъ, имени котораго не могутъ равнодушно слышать. Отъ него я узналъ о движеніи, подготовляемомъ на Средней Волгѣ. Изъ его словъ можно было заключить, что тамъ собраны уже значительныя силы.

Послѣ нѣсколькихъ свиданій генералъ Болдыревъ спросилъ меня: не согласился ли бы я отправиться на Волгу и принять тамъ командованіе? Я отвѣтилъ, что, по исполненіи въ Москвѣ порученія, даннаго мнѣ генералами Алексѣевымъ и Деникинымъ, иославъ имъ донесеніе, я могу принять командованіе отрядомъ съ тѣмъ, чтобы двинуться по направленію къ Царицыну и установить связь между силами, дѣйствующими на Волгѣ и Добровольческой арміей, что, какъ я думаю, не будетъ противорѣчить видамъ моихъ начальниковъ. Черезъ нѣсколько дней онъ опять задалъ мнѣ вопросъ, согласенъ ли я ѣхать на Волгу? Я отвѣтилъ, что согласенъ ѣхать для выполненія той задачи, о которой говорилъ въ прошлый разъ.

«Видите ли», сказалъ онъ, «у насъ войскъ настоящихъ еще нѣтъ, а намѣчены начальники и штабы, которые должны принять на себя руководство, когда начнется возстаніе, но тамъ происходитъ какая-то ерунда и намъ нуженъ человѣкъ, который объединилъ бы все это. Согласны ли Вы принять

на себя эту роль?» Услыхавъ мой отказъ, онъ задалъ мнѣ неожиданный вопросъ — сколько я получаю въ мѣсяцъ? — 1000 рублей — «мы можемъ дать гораздо больше, хотите 2000 рублей?» Я отвѣтилъ, что дѣло не въ вознагражденіи, а просто я считаю предпріятіе не серьезнымъ, какъ начатое не съ того конца: желающіе разыгрывать роль начальниковъ и занимать штабныя должности всегда найдутся — гораздо труднѣе найти бойцовъ. При томъ, какъ онъ считаетъ себя связаннымъ съ партіей, такъ и я считаю себя неразрывно связаннымъ съ Добровольческой арміей. Я соглашался ѣхать на Волгу для выполненія опредѣленной задачи, направленной на пользу этой арміи. Порвать же съ ней и поступить на службу партіи, которая неизвѣстно еще, какое положеніе займетъ относительно добровольцевъ, я не считаю себя вправѣ. Вскорѣ генералъ Болдыревъ покинулъ Москву и на востокѣ образовалось «демократическое» правительство, дѣйствовавшее тамъ до появленія адмирала Колчака.

VI

Попутно съ описанными переговорами съ политическими группами, я былъ занятъ и изысканіемъ средствъ для дальнѣйшаго существованія арміи, что собственно составляло главную цѣль моей командировки.

У московскихъ капиталистовъ я наталкивался на одинъ отвѣтъ: «у насъ самихъ нѣтъ денегъ. Всѣ банки, въ которыхъ лежали наши капиталы, націонализированы, и мы получаемъ только опредѣленныя суммы на прожитье». «Вотъ я продалъ два автомобиля и нѣсколько картинъ», говорилъ одинъ изъ нихъ, «на это и живу, а денегъ изъ банка взять не могу».

За то въ Москвѣ оказались французское и англійское консульство и французская военная миссія. Мнѣ не было поручено вести переговоры съ союзниками: намъ было извѣстно объ отъѣздѣ миссій въ Вологду и предполагалось, что въ Москвѣ не осталось ихъ представителей. Однако, зная убѣжденія генераловъ Алексѣева и Деникина, я счелъ себя въ правѣ начать эти переговоры, разъ къ тому представлялась возможность, тѣмъ болѣе, что надежды на полученіе денегъ изъ русскаго источника было мало.

Англійскій консулъ меня не принялъ, заявивъ, что, по условію, заключенному, будто бы, между союзниками, всѣ силы, дѣйствующія противъ большевиковъ въ Россіи, находятся въ вѣдѣніи Франціи. Со мной говорилъ только офицеръ, состоявшій при консульствѣ, записавшій всѣ сообщенныя мной свѣдѣнія о Добровольческой арміи.

Французскій консулъ принялъ меня очень любезно и у насъ съ нимъ начались переговоры. Я показалъ ему письма генераловъ Алексѣева и Деникина и объяснилъ, что въ нихъ не говорится о переговорахъ съ представителями союзниковъ, потому что командованіе Добровольческой арміи не знало о присутствіи таковыхъ въ Москвѣ, но изъ самаго текста этихъ писемъ, гдѣ говорится о непримиримой позиціи въ отношеніи нѣмцевъ, видно, что такіе переговоры вполнѣ соотвѣтствуютъ желаніямъ этого командованія. Консулъ обѣщалъ донести обо всемъ послу въ Вологду и испросить у него нужные кредиты, такъ какъ онъ не имѣетъ права самостоятельно распоряжаться столь крупными суммами, какія требуются для содержанія Добровольческой арміи.

Это навело меня на мысль, что союзники охотнѣе дадутъ деньги подъ поручительствомъ группы русскихъ капиталистовъ. Вѣдь представители московскихъ торгово-промышленныхъ круговъ прямо мнѣ не отказывали, а только ссылались на невозможность извлечь деньги изъ банковъ — вотъ, думалъ я, французы и могутъ помочь имъ реализировать свои капиталы.

Надо войти и въ положеніе иностранцевъ: съ какой стати имъ давать деньги на русское дѣло, разъ русскіе люди не желаютъ жертвовать на него свои капиталы? Со своимъ проектомъ я обратился къ одному изъ денежныхъ людей, больше другихъ выражавшему сочувствіе Добровольческой арміи. Онъ сначала заявилъ, что французы никогда не согласятся на такую комбинацію. «Я поговорю съ консуломъ и, если онъ дастъ согласіе, то не возьметесь ли Вы собрать подписи капиталистовъ, на сочувствіе которыхъ можно разсчитывать?» — «Если консулъ согласится, то я, пожалуй, возьмусь за это дѣло; только онъ никогда не согласится».

Консулъ отнесся очень сочувственно къ моему проекту и выразилъ полную готовность содѣйствовать его осуществленію. Когда я сообщилъ объ этомъ моему капиталисту, онъ уклонился отъ составленія упомянутой группы, а вмѣсто того (по его словамъ) отправился къ консулу и долго убѣждалъ его, что союзники должны поддержать Добровольческую армію.

Мнѣ говорили, что большимъ вліяніемъ въ торгово-промышленныхъ кругахъ пользуется А. В. Кривошеинъ, поэтому я и съ нимъ пробовалъ вести переговоры о субсидированіи арміи. Въ началѣ онъ рѣшительно заявилъ, что, безъ поддержки нѣмцевъ, считаетъ всякое предпріятіе, направленное противъ большевиковъ, обреченнымъ на неудачу. Послѣ нѣсколькихъ разговоровъ его германофильство, какъ будто, нѣсколько поколебалось, онъ обѣщалъ подумать, но, въ концѣ концовъ, я услышалъ отъ него стереотипный отвѣтъ: «у капиталистовъ совершенно нѣтъ денегъ, которыми они могли бы располагать, банки національзированы и т. д. Вамъ лично мы могли бы дать извѣстную сумму. Это было бы совершенно справедливо —вѣдь не для собственнаго же удовольствія Вы ѣздите?»

Когда я отказался отъ этого страннаго предложенія (цѣль котораго для меня такъ и осталась загадкой), заявивъ, что генералъ Алексѣевъ отпустилъ мнѣ вполнѣ достаточную сумму для покрытія моихъ дорожныхъ расходовъ, А. В. очень сконфузился и пригласилъ меня на завтракъ. Завтракъ былъ отличный — я никакъ не ожидалъ, чтобы въ Москвѣ, въ то время, можно было такъ завтракать . . .

VII

Познакомился я и съ военными организаціями, существовавшими въ то время въ Москвѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ получали деньги отъ нѣмцевъ, другія работали подъ руководствомъ Савинкова, который снабжалъ ихъ и деньгами (повидимому, получаемыми отъ французской военной миссіи). Всѣ эти организаціи производили впечатлѣніе чего-то не серьезнаго: велись списки, распредѣлялись роли на случай будущаго возстанія, но не замѣтно было особаго желанія перейти отъ словъ къ дѣлу. Особенно была развита страсть къ спискамъ: одна такая организація была ликвидирована большевиками, потому что, при случайномъ арестѣ одного изъ ея членовъ, нашли списокъ всѣхъ ея членовъ съ

подробными адресами и даже №№ телефоновъ! Что это было — глупость или провокація?.. Подобныя организаціи существовали во многихъ городахъ, но мнѣ не извѣстно ни одного случая, чтобы какая нибудь изъ нихъ оказала существенную помощь Добровольческой арміи даже при подходѣ послѣдней къ району дѣйствія организаціи: всѣ эти заговорщики являлись, обыкновенно, на другой день по занятіи города къ генералу, командовавшему добровольцами, и говорили о своихъ подвигахъ, которыхъ никто не видѣлъ.

Здѣсь мнѣ пришлось впервые столкнуться съ однимъ изъ специфическихъ продуктовъ революціи — спеціалистами по организаціямъ, смотрѣвшими на это дѣло какъ на ремесло, дававшее хорошій заработокъ. Не мало было ловкихъ молодыхъ людей, которые ухитрялись одновременно состоять въ организаціяхъ, преслѣдовавшихъ діаметрально противоположныя цѣли, и получать деньги и отъ нѣмцевъ, и отъ французовъ, а, такъ какъ многіе изъ нихъ въ то же время состояли на службѣ у большевиковъ, то, очевидно, они застраховали свою драгоцѣнную особу отъ всѣхъ возможныхъ случайностей. Говорить о какихъ либо убѣжденіяхъ здѣсь, очевидно, не приходится. Типъ этотъ съ теченіемъ времени получилъ очень широкое распространеніе, и приходится только удивляться, что всегда находились и до сихъ поръ находятся люди достаточно довѣрчивые, чтобы попасться на удочку. Наиболѣе зловредная часть такихъ субъектовъ комплектовала попеременно то че-ка, то нашу контръ-развѣдку, * губя дѣло Добровольческой арміи.

Дѣйствительно хорошіе, серьезные офицеры, разобравъ въ какую компанію они попали, тяготились ею и высказывали желаніе ѣхать въ Добровольческую армію. Помню группу въ 15 человѣкъ, которую я снабдилъ деньгами на проѣздъ. Они пробрались въ Новочеркасскъ и даже сдали въ штабъ арміи остатки той скромной суммы, которую я имъ выдалъ. Старшаго изъ нихъ (къ сожалѣнію, я забылъ фамилію этого доблестнаго офицера) я встрѣтилъ, впервые послѣ свиданія въ Москвѣ, уже въ Севастополѣ на костыляхъ, безъ ноги; самъ я былъ въ лучшемъ положеніи, такъ какъ только прихрамывалъ послѣ недавняго извлеченія изъ ноги оболочки пули. Три года тому назадъ въ Москвѣ у насъ были другія мечты.

VIII

Черезъ двѣ недѣли послѣ пріѣзда въ Москву, я обо всемъ, что мнѣ удалось выяснить, отправилъ съ дочерью донесеніе ген. Алексѣеву. Она благополучно проѣхала старымъ путемъ черезъ Оршу и добралась до Новочеркасска. Къ этому времени мнѣ стало совершенно ясно, что добыть денегъ изъ русскаго источника не удастся, и я возложилъ всѣ свои надежды на переговоры съ представителями Франціи.

Во французской военной миссіи, выслушавъ меня, мнѣ задали вопросъ: почему я всегда на первое мѣсто выдвигаю ген. Алексѣева? Развѣ не лучше, чтобы во главѣ всего дѣла стоялъ человѣкъ болѣе молодой и энергичный, какъ, напримѣръ, ген. Деникинъ?

---

* Или составляли шайки разбойниковъ въ родѣ пресловутаго «ордена офицеровъ монархистовъ».

Я отвѣтилъ, что, фактически, всѣми военными операціями и руководитъ ген. Деникинъ, но имя ген. Алексѣева, помимо его огромный популярности, удобно въ томъ отношеніи, что не найдется ни одного русскаго генерала, который могъ бы серьезно оспаривать его авторитетъ и старшинство; тогда какъ считаться старшинствомъ съ ген. Деникинымъ — охотниковъ найдется очень много. Затѣмъ мнѣ сказали, что ген. Алексѣеву слѣдовало бы переѣхать на Волгу и оттуда руководить всѣмъ дѣломъ. Очевидно, что здѣсь сказывалось вліяніе Савинкова, а можетъ быть, и Болдырева. Я возразилъ, что, съ теченіемъ времени, когда дѣло разовьется, генералу, можетъ быть, и придется переѣхать, но теперь, какъ это сдѣлать? Бросить дѣло, успѣшно начатое на югѣ, и ѣхать въ полную неизвѣстность?

Или перевести на Волгу Добровольческую армію? Но мы знаемъ уже по опыту, что казачьи области представляютъ изъ себя прекрасную базу для военныхъ операцій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличный источникъ комплектованія арміи воинственными, обученными людьми — найдемъ-ли все это на Волгѣ? Наконецъ на югѣ имѣются огромные запасы продовольствія, которые важно не дать въ руки нѣмцевъ. Съ этими доводами, какъ будто, согласились и признали, что Добровольческая армія и ея руководители находятся именно тамъ, гдѣ имъ и слѣдуетъ быть.

При дальнѣйшихъ переговорахъ съ консуломъ я наткнулся на совершенно неожиданное препятствіе. Федоровъ и К°, узнавъ о моихъ переговорахъ, заявили мнѣ, что я не имѣю права вести самостоятельно эти переговоры, что они сами стараются получить средства отъ французовъ и что Добровольческая армія можетъ получить деньги только черезъ посредство ихъ организаціи. Я возразилъ, что не считаю ни себя, ни Добровольческую армію рѣшительно ничѣмъ не связанными съ ихъ организаціей, напомнилъ, что съ самого начала отказался вступить въ нее, а бывалъ на засѣданіяхъ только въ качествѣ представителя Добровольческой арміи. Я донесъ объ всемъ, что мнѣ стало извѣстно, ген. Алексѣеву, думаю, что онъ не откажется отъ совмѣстной работы, но, во всякомъ случаѣ, не согласится стать къ нимъ въ подчиненное положеніе. Въ виду этого я оставляю за собой полную свободу вести переговоры со всѣми, съ кѣмъ найду нужнымъ, не отдавая въ нихъ никому отчета

Опасаясь, чтобы эти господа не испортили мнѣ дѣла у консула, я немедленно отправился къ нему, разсказалъ этотъ разговоръ и постарался объяснить ему, что Франціи гораздо выгоднѣе давать средства непосредственно Добровольческой арміи, чѣмъ черезъ посредство какой либо политической организаціи, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ, несомнѣнно, часть денегъ пойдетъ не на армію, а на неизвѣстныя партійныя нужды. Консулъ вполнѣ согласился со мной и обѣщалъ вести переговоры непосредственно съ Добровольческой арміей черезъ меня или моего преемника въ Москвѣ, если бы я уѣхалъ до полученія отвѣта изъ посольства. До полученія этого отвѣта онъ предложилъ мнѣ взять теперь-же извѣстную сумму въ предѣлахъ тѣхъ средствъ, какими онъ можетъ распоряжаться самостоятельно, то-есть отъ 500 т. до 1 мил. рублей. Мнѣ нужны были деньги для отправки офицеровъ въ Добровольческую армію, а потому я принялъ это предложеніе и условился съ консуломъ, что онъ откроетъ мнѣ кредитъ въ 500 т., которыя я и буду брать по мѣрѣ надобности. Консулъ предлагалъ мнѣ разомъ всю сумму, но я отъ этого отказался, не желая рисковать потерей денегъ, въ случаѣ ареста или обыска, и взялъ только 50.000 р., изъ которыхъ и выдалъ сейчасъ-же 8 тысячъ 15-ти офицерамъ, о которыхъ упоминалъ выше.

IX

Такимъ образомъ переговоры съ французами были начаты, отвѣта отъ посла изъ Вологды нельзя было ожидать въ ближайшіе дни, а, по полученіи этого отвѣта, переговоры могли продолжаться и безъ моего личнаго участія, а потому я рѣшилъ не затягивать больше своего пребыванія въ Москвѣ и вернуться въ армію, тѣмъ болѣе, что много вопросовъ требовало моего личнаго доклада генераламъ Алексѣеву и Деникину, а меня лично, послѣ всего видѣннаго въ Москвѣ, тянуло поскорѣе покончить съ непривычнымъ мнѣ «дипломатическимъ» порученіемъ и заняться своимъ прямымъ дѣломъ — борьбой съ оружіемъ въ рукахъ. Послѣ моего отъѣзда, желательно было оставить въ Москвѣ постоянное представительство Добровольческой арміи, которое посылало бы періодическія донесенія, а также вербовало бы офицеровъ для арміи и снабжало ихъ деньгами на проѣздъ. Мой выборъ остановился на покойномъ генералѣ А. В. Хростицкомъ*, котораго я зналъ за человѣка, хотя и нѣсколько легкомысленнаго, но порядочнаго и не запятнавшаго себя службой у большевиковъ. По своей предпріимчивой, авантюристической натурѣ, онъ казался мнѣ подходящимъ для роли, которая ему предстояла въ Москвѣ.

Другимъ представителемъ согласился быть другой мой знакомый, котораго я называть не буду — горячій патріотъ и человѣкъ высокой честности, который могъ оказать арміи большія услуги своими обширными знакомствами и связями въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ московскаго общества. Его содѣйствіе въ значительной степени облегчило мнѣ выполненіе моего порученія. Я представилъ консулу своихъ замѣстителей и мы условились, что, въ случаѣ надобности въ деньгахъ, они, по израсходованіи оставляемыхъ мною имъ 42 т. р., будутъ обращаться къ консулу черезъ одного французскаго подданнаго, который могъ бывать въ консульствѣ, не возбуждая никакихъ подозрѣній. Въ случаѣ полученія благопріятнаго отвѣта изъ посольства, я совѣтовалъ консулу прислать для окончательныхъ переговоровъ своего представителя прямо въ армію.

Такой представитель дѣйствительно пріѣхалъ вмѣстѣ съ Л., который изъ Москвы проѣхалъ въ Петроградъ и позже меня вернулся въ армію.

Наладивъ такимъ образомъ будущее представительство Добровольческой арміи въ Москвѣ, я сталъ хлопотать о выѣздѣ. Отъ большевиковъ, на основаніи удостовѣренія домового комитета, я, безъ всякихъ затрудненій, получилъ разрѣшеніе на выѣздъ. Въ то время такія разрѣшенія выдавались легко: былъ затрудненъ только въѣздъ въ Москву. За то въ германскомъ посольствѣ я потерпѣлъ неудачу; здѣсь послѣ убійства графа Мирбаха стали очень осторожны. Я имѣлъ разрѣшеніе на обратный проѣздъ въ Могилевъ, выданное въ этомъ городѣ, но оно было дѣйствительно только на двѣ недѣли и уже просрочено. На мою бѣду польскій комендантъ въ Могилевѣ на моемъ удостовѣреніи, изъ любезности, приписалъ, что я ѣду по служебной надобности. Я этой прописки даже не замѣтилъ, но въ посольствѣ она показалась подозрительной и мнѣ рѣшительно отказали въ выдачѣ разрѣшенія на въѣздъ въ оккупированныя области. Безъ такого разрѣшенія нечего было и думать ѣхать прежнимъ путемъ черезъ Оршу, такъ какъ нѣмецкій контроль на этой станціи былъ очень строгій.

---

* Къ сожалѣнію этотъ выборъ оказался неудачнымъ и мнѣ, впослѣдствіи,пришлось выслушать упреки по этому поводу отъ генераловъ Алексѣева и Деникина — они не получили ни одного толковаго донесенія отъ ген. Хростицкаго.

X

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ легче всего былъ проѣздъ черезъ Брянскъ-Гомель, и я рѣшилъ ѣхать по этому направленію безъ нѣмецкаго разрѣшенія, запасшись письмомъ къ желѣзно-дорожному служащему одной изъ близкихъ къ границѣ станцій, который, какъ мнѣ говорили, провозилъ на дрезинѣ черезъ 20-ти верстную пограничную полосу, по которой поѣзда не ходили.

Хотя я отправился на вокзалъ заблаговременно, но засталъ уже огромный хвостъ, при чемъ №№ по порядку записывались каждому ожидающему въ очереди химическимъ карандашемъ на кисти руки.

Изъ разговоровъ выяснилось, что съ моимъ номеромъ нѣтъ никакой надежды получить билетъ, такъ какъ многіе ждутъ очереди уже нѣсколько дней. На мое счастье нашелся носильщикъ, который за скромное вознагражденіе добылъ мнѣ билетъ (если память мнѣ не измѣняетъ, онъ взялъ съ меня всего 10 р.). Переѣздъ по жел. дор. совершился безъ приключеній. Желѣзнодорожникъ, къ которому у меня было письмо, заявилъ, что онъ дѣйствительно прежде провозилъ на дрезинѣ, но этотъ способъ пришлось оставить, такъ какъ красноармейцы его заподозрѣли и сломали ему нѣсколько дрезинъ. За то онъ помогъ мнѣ нанять крестьянскую телѣгу.

Встрѣча съ красноармейцами была неизбѣжна, но, по ту сторону границы, въ этой мѣстности стояли и нѣмцы, и украинскіе гайдамаки. Послѣднихъ мой возница очень боялся (по его словамъ, это были настоящіе разбойники — гораздо хуже красноармейцевъ) и выбиралъ какія-то кружныя дороги, чтобы, вмѣсто нѣмецкаго поста, не угодить на украинскій. Впослѣдствіи, въ Гомелѣ я видѣлъ пассажира, побывавшаго въ рукахъ гайдамаковъ и не только начисто ограбленнаго, но и избитаго ими, и мысленно поблагодарилъ своего проводника за предусмотрительность. На красноармейскомъ посту мало интересовались моими документами за то перерыли всѣ мои вещи и тщательно обыскали телѣгу — очевидно искали цѣнной контрабанды. Въ общемъ все обошлось благополучно, такъ какъ изъ моего скромнаго багажа одному изъ красноармейцевъ понравилась только гребенка: онъ долго въ нерѣшительности вертѣлъ ее въ рукахъ, потомъ молча сунулъ въ карманъ.

Начальникъ нѣмецкаго поста со всѣхъ сторонъ осмотрѣлъ мой русскій пропускъ и спросилъ: есть-ли у меня нѣмецкій? Я отвѣтилъ, что нѣтъ. Хотя я и говорю по нѣмецки, но по опыту знаю, что, въ такихъ случаяхъ, чѣмъ меньше разговаривать, тѣмъ лучше. Поэтому мы нѣкоторое время молча смотрѣли другъ на друга, наконецъ, онъ махнулъ рукой, и я поѣхалъ дальше. Дальнѣйшій мой путь лежалъ черезъ: Бахмачъ — Ворожбу — Харьковъ — Раздѣльную — Ростовъ — Новочеркасскъ. Прошелъ онъ безъ всякихъ приключеній. Въ Харьковѣ я зашелъ къ графу Келлеру, котораго я всегда глубоко уважалъ и какъ воина, и какъ человѣка. Онъ сказалъ мнѣ, что почти не выходитъ на улицу, такъ какъ не переноситъ вида нѣмецкихъ касокъ. Я убѣждалъ его ѣхать къ намъ, соблазняя тѣмъ обширнымъ полемъ дѣятельности, которое открывается для такого кавалериста, какъ онъ *, но этотъ убѣжденный монархистъ (одинъ изъ немногихъ, извѣстныхъ мнѣ, у которыхъ слово никогда не расходилось съ

---

* Въ Добр. арміи, при наличіи многочисленной отличной конницы, до пріѣзда, осенью 1918 г., генерала барона Врангеля не было выдающихся кавалерійскихъ начальниковъ.

дѣломъ) заявилъ, что наша программа слишкомъ неопредѣленна: не извѣстно, кто мы — монархисты или республиканцы? Между тѣмъ народъ ждетъ Царя и пойдетъ за тѣмъ, кто обѣщаетъ вернуть его. «Но о какомъ Царѣ Вы говорите?» — «У насъ только одинъ законный Царь, которому мы присягали. Его отреченіе было вынужденнымъ!» — «Да живъ-ли онъ?» — «Все равно, живъ его наслѣдникъ, а если и онъ погибъ, то порядокъ престолонаслѣдія опредѣленъ закономъ. Всегда можетъ быть только одинъ законный Царь». Я просилъ его, по крайней мѣрѣ, не отговаривать офицеровъ кавалеристовъ, среди которыхъ онъ пользовался большимъ авторитетомъ, отъ поступленія въ Добровольческую армію.

«Нѣтъ буду отговаривать: пусть подождутъ, когда настанетъ время провозгласить Царя, тогда мы всѣ выступимъ».

Извѣстно, чѣмъ окончилась впослѣдствіи попытка графа Келлера поднять монархическое знамя. Какое разочарованіе долженъ былъ онъ испытать передъ смертью!

Въ Новочеркасскъ я прибылъ 2-го іюля (стараго стиля). Сдѣлавъ докладъ генералу Алексѣеву, я вмѣстѣ съ нимъ на автомобилѣ выѣхалъ въ Тихорѣцкую, гдѣ въ то время находился ген. Деникинъ со штабомъ арміи.

«Вотъ видите», встрѣтилъ меня Деникинъ, «я не только не хотѣлъ, чтобы Васъ повѣсили, а ждалъ вашего возвращенія и даже сохранилъ для Васъ вакантной дивизію, да еще какую дивизію! Первую!»

Такъ окончилось мое «дипломатическое» порученіе. Излагая пережитое, я старался избѣгать критики дѣятелей того времени (которая теперь легка), приводя, по возможности, ихъ подлинныя слова и изображая факты въ томъ видѣ, какъ они рисовались мнѣ тогда, чтобы дать понятіе о мысляхъ и чувствахъ добровольца 18-го года.

Оцѣнку и выводы предоставляю читателю.

Мурска-Собота 23 апрѣля 1922 года.

Побѣжденные

Очерки

Георгія Вилліамъ

I

Моя Родина

Мы подходили къ Новороссійску. Громоздились невысокія, лѣсистыя горы; море было спокойное, а изъ воды, неподалеку отъ мола, торчали мачты потопленнаго командами Черноморскаго флота. Влѣво, подъ горою, бѣлѣли дачи Геленджика.

Подъ самымъ городомъ сиротливо торчали высокія трубы и громоздились большія зданія двухъ цементныхъ заводовъ, конечно, «справляющихъ революцію», то-есть бездѣйствующихъ. Городскія зданія красиво расположились по правую сторону бухты; чернѣли дебаркадеры пристаней, элеваторъ. Кое какія постройки скучились около заводовъ, подошли къ бѣлому кружеву прибоя; а на вершинѣ самой высокой горы, какъ голубь на колоколнѣ, бѣлѣлъ крохотный домикъ, вокругъ котораго ползали по горѣ неясныя черныя точки. Какъ я узналъ потомъ, домикъ этотъ былъ правительственной обсерваторіей для метеорологическихъ наблюденій. Подвижныя точки по горѣ — было стадо проживавшаго наверху астронома, котораго почему-то называли «гастрономомъ».

Когда нашъ пароходъ наконецъ бросилъ якорь и остановился на рейдѣ противъ англійскаго крейсера-стаціонера, ко мнѣ подошелъ съ раскрытымъ отъ удивленія ртомъ маленькій, похожій на макаку человѣкъ въ коротенькой курточкѣ пароходнаго «боя» и съ нѣкоторымъ недовѣріемъ въ голосѣ спросилъ:

— That is your country?*

Человѣкъ этотъ въ теченіе трехнедѣльнаго плаванія отъ Лондона до Новороссійска прислуживалъ мнѣ въ каютѣ и за столомъ, и еще наканунѣ выразилъ увѣренность, что я дамъ ему на чай за услуги не менѣе англійскаго фунта.

«Потому что, — ломанымъ англійскимъ языкомъ разъяснилъ онъ свою претензію, — у меня на родинѣ вотъ такіе маленькіе дѣти, — онъ показалъ на четверть аршина отъ палубы, — а Вы, сэръ, человѣкъ богатый, потому что Вы ѣдете въ первомъ классѣ и у Васъ большой багажъ».

Однако, едва-ли не при первомъ взглядѣ на берегъ, противъ котораго мы остановились на рейдѣ, увѣренность въ томъ, что онъ получитъ отъ меня фунтъ,

---

* Это ваша родина?

видимо сильно поколебалась. Человѣкъ-обезьяна, выдававшій себя за португальца, метисъ съ Суматры, смѣрилъ меня высокомѣрнымъ, но все еще недовѣрчивымъ взглядомъ и переспросилъ:

— Это Ваша родина?

Дѣлать было нечего: приходилось сознаться, что мы дѣйствительно прибыли наконецъ въ мое богоспасаемое «интернаціональное» отечество, въ территорію, занятую Добровольческой арміей.

А картина на берегу открывалась неприглядная.

Стоялъ чудесный солнечный сентябрьскій день и горный пейзажъ вокругъ залива былъ восхитителенъ. Но въ этой пекрасной рамѣ изъ голубого неба и темнозеленыхъ горъ тянулись вдоль берега неопрятные казенные выбѣленные сараи, у которыхъ стояли на часахъ оборванные, обросшіе солдаты въ папахахъ, солдаты, скорѣе похожіе на опереточныхъ бандитовъ, чѣмъ на солдатъ. Уныло тянулись на рельсахъ вдоль сараевъ ряды разбитыхъ, загаженныхъ вагоновъ. Рѣзко посвистывали жалкіе инвалиды-паровозы, покрытые копотью и ржавчиной. Дальше, поднимая облака бѣлой цементной пыли, медленно ползли грузовые автомобили. Между путями бродили тощіе поросята, куры; бездомные псы рылись и грызлись въ кучахъ мусора; нѣсколько оборванцевъ безучастно глазѣли на пароходъ. Съ крикомъ носились чайки и дрались изъ-за плавающихъ у берега арбузныхъ корокъ и отбросовъ съ кораблей.

Изъ дверей товарнаго вагона вышла и неловко спрыгнула на землю молодая миловидная женщина, одѣтая по-городскому, и тотчасъ же вступила въ мимическую бесѣду съ нашими кочегарами, облѣпившими бортъ съ кормы. Женщина показывала что-то руками и кричала; кочегары-индусы отвѣчали ей и ржали отъ удовольствія, сверкая своими жемчужными зубами.

Нѣсколько грязныхъ, закопченныхъ катеровъ тотчасъ-же подошли и причалили къ пароходу; а одинъ началъ плавать вокругъ, и сидящіе въ немъ два черномазыхъ господина жадно искали чего-то глазами на палубѣ и что-то кричали матросамъ. Матросы дождались, когда они подъѣхали вплотную и, при громкомъ хохотѣ, окатили ихъ водой. Катеръ съ отчаянной бранью быстро отошелъ и снова началъ, пофыркивая сквернымъ двигателемъ, словно откашливаясь, плавать вокругъ.

Быстро покончилъ съ провѣркой документовъ англійскій военный контроль и на пароходъ поднялся по трапу безусый подпоручикъ въ низкой кубанской папахѣ, съ трехцвѣтной нашивкой на рукавѣ. За нимъ лѣниво, волоча винтовку, взобрался оборванный солдатъ.

Насъ, русскихъ пассажировъ, было на пароходѣ всего четверо; пароходъ былъ военный и привезъ въ Новороссійскъ грузъ снарядовъ и взрывчатыхъ веществъ.

Офицеръ съ нашивкой подошелъ, приложилъ руку къ папахѣ, отрекомендовался комендантскимъ адъютантомъ и сейчасъ же спросилъ, не желаетъ-ли кто нибудь изъ насъ обмѣнять иностранную валюту на русскія, донскія деньги.

Видимо нѣсколько конфузясь, онъ добавилъ:

— Знаете, это мой долгъ — чтобы Васъ не обманули... спекулянты... — Вотъ они!.. Уже пронюхали, что есть пассажиры... А Вы думаете они станутъ даромъ жечь бензинъ? Нѣтъ, они очень даже знаютъ, зачѣмъ пожаловали...

Вынувъ бумажникъ, адъютантъ сообщилъ, что у него случайно есть при себѣ нѣсколько тысячъ и предложилъ обмѣнять ихъ — изъ любезности. Мы

согласились, потому что русскихъ денегъ у насъ дѣйствительно не было; однако, послѣ оказалось, что предупредительный поручикъ жестоко надулъ насъ.

За это онъ посвятилъ насъ въ мѣстныя злобы дня.

— Видите, — показалъ онъ на своего солдата съ винтовкой, сурово посматривавшаго на насъ, — этого молодца я вожу съ собой повсюду, потому что нѣтъ сладу со спекулянтами. Знаютъ, подлецы, что я встрѣчаю всѣ заграничные пароходы, и липнутъ: возьмите, да возьмите съ собой, поручикъ! Разъ я взялъ одного грека съ собой на пароходъ, — увѣрилъ, что мать его съ сестрой изъ Константинополя пріѣхали, — такъ что-же Вы думаете? Ни матери, ни сестры не оказалось, а онъ за два съ чѣмъ-то часа двѣсти тысячъ рублей заработалъ, весь пароходъ ограбилъ, да еще мнѣ, каналья, осмѣлился двадцать тысячъ за содѣйствіе предложить!.. Да это еще ничего: они вышки особыя на крышахъ у себя понадѣлали да въ бинокль и слѣдятъ — не покажется ли отъ Геленджика пароходъ. Разбойники!

Потомъ поручикъ разсказалъ, что теперь въ Новороссійскѣ, слава Богу, спокойно: стрѣльбы на улицахъ почти совсѣмъ не бываетъ и совершенно притихли «зеленые».

Видя недоумѣніе на нашихъ лицахъ, онъ спохватился и объяснилъ:

— Зеленые — это просто бандиты. — Поручикъ бѣгло посмотрѣлъ на солдата; тотъ потупился и едва замѣтная усмѣшка скользнула по сжатымъ губамъ. — Знаете, дезиртируютъ въ горы и грабятъ. Ну, особая вражда и къ офицерству. Конечно, и мы ихъ не милуемъ... Но теперь притихли; а прежде бывало на базарѣ господъ офицеровъ обезоруживали...

Солдатъ ухмыльнулся; поручикъ сверкнулъ глазами, но промолчалъ; потомъ откозырялъ на прощанье и уѣхалъ, и пообѣщавъ прислать за нами катеръ, посовѣтовалъ больше сотни не платить.

— А то они готовы шкуру снять съ пріѣзжаго, особенно, какъ увидятъ, что интеллигентъ... Хуже зеленыхъ, могу сказать... Словомъ, народецъ!

Черезъ часъ пріѣхалъ обѣщанный катерокъ. На кормѣ сидѣлъ весь вымазанный углемъ мальчикъ въ сѣрой бараньей шапкѣ-бадейкѣ. Босой и гибкой, какъ у обезьяны, ногой, совершенно черной отъ присохшей къ ней грязи, онъ ловко правилъ рулемъ и, сверкая бѣлыми зубами, съ аппетитомъ ѣлъ арбузъ съ хлѣбомъ. Когда катеръ, описавъ полукругъ, причалилъ къ трапу, я спросилъ мальчика:

— Сколько стоитъ этотъ арбузъ?

Мальчишка вскинулъ на меня изъ подъ своей бадейки смѣлыми, сѣрыми глазами и отвѣтилъ нехотя:

— Пятьдесятъ рублей.

Я полюбопытствовалъ:

— Сколько же ты получаешь жалованья, если можешь ѣсть такіе дорогіе арбузы?

Мальчикъ, продолжая откусывать сочные, кровяно-красные куски, отвѣтилъ:

— Полтораста въ день.

— Рублей?

— А что?

Мальчикъ продолжалъ ѣсть свое дорогое кушанье съ невозмутимымъ спокойствіемъ, повидимому, находя совершенно нормальнымъ, что арбузъ стоитъ пятьдесятъ рублей, что ему платятъ полтораста въ день и что при этомъ онъ

выглядитъ совершенно голодранцемъ. Во взглядѣ его сѣрыхъ глазъ я уловилъ что-то очень близкое къ тому, что замѣтилъ въ усмѣшкѣ солдата, когда поручикъ говорилъ о зеленыхъ: не то насмѣшку, не то затаенную угрозу.

На берегу, куда насъ доставилъ катеръ, — увы не за сотню, какъ намъ обѣщалъ адъютантъ! — нашъ багажъ былъ съ величайшей тщательностью осмотрѣнъ таможенными, заставившими насъ вдобавокъ прождать до самаго вечера. И вотъ я — опять на родинѣ!

Ѣдкая цементная пыль, чахлые желтые цвѣты, дичь и мерзость. Подъ дебаркадерами великолѣпно оборудованнаго порта кучи мусора; толпы слоняющихся оборванцевъ въ бѣлыхъ холщевыхъ рубашкахъ и штанахъ, въ фуражкахъ цвѣта хаки.

— Красные-плѣнные, — мотнувъ головой на унылыя фигуры, сказалъ намъ рулевой; сдвинулъ бадейку на затылокъ, — и катеръ запыхтѣлъ и запрыгалъ по короткимъ зеленоватымъ волнамъ порта среди арбузныхъ корокъ и всякой дряни, плавающей въ водѣ.

Скоро около нашихъ чемодановъ, сваленныхъ кучей, собралась толпа; началась торговля насчетъ платы посильщикамъ. Цѣны заламывали невѣроятныя; а со стороны посматривалъ на насъ казакъ съ винтовкой за плечами и съ нагайкой въ рукахъ. Плечи у казака были широкія, лицо рябое, взглядъ разбойничій; а въ легкой усмѣшкѣ опять почувствовалось что-то неуловимое, похожее на то, что было въ сѣрыхъ глазахъ мальчишки съ дорогимъ арбузомъ и солдата съ винтовкой, когда онъ смотрѣлъ на своего поручика.

Сдѣлалось тошно; потянуло назадъ на пароходъ, къ хорошо одѣтымъ людямъ съ добрыми лицами и привѣтливыми глазами. Возврата не было. . .

— Это Ваше родина? — вдругъ припомнилъ я испуганную рожицу пароходнаго боя и, грѣшный человѣкъ, на этотъ разъ не обидѣлся на него и даже пожалѣлъ, что вмѣсто ожидавшагося имъ фунта, положилъ въ его черную лапку съ бѣлой ладонью всего два шиллинга.

Родина встрѣчала меня во всемъ смрадѣ своего оголтѣнія, нищеты и униженія.

А надъ портомъ кричали чайки и, быстро мѣняя цвѣта, постепенно темнѣли горы. Надъ домикомъ «гастронома» робко вспыхнула первая звѣзда.

II

Бурачки

Не розами встрѣтила насъ родина; но первую ночь мы провели все-таки подъ кровомъ. Повѣривъ на слово комендантскому адъютанту, что въ Новороссійскѣ «почти совсѣмъ не стрѣляютъ», мы долго бродили въ темнотѣ по цементной пыли дурно замощенныхъ улицъ. Ночь была черная, южная; небо цвѣта глубокой лазури, все въ сіяющихъ золотыхъ звѣздахъ. Жутко было въ потемкахъ среди низенькихъ домишекъ съ закрытыми ставнями; какія-то тѣни жались вдоль стѣнъ; что-то хищное затаилось, казалось, въ тишинѣ и мракѣ. Изрѣдка вырывался снопъ яркаго свѣта изъ раскрытой двери греческаго ресторанчика, вырывался съ волной музыки, съ обрывками пѣсенъ и пьяныхъ криковъ. Городъ

веселился въ темнотѣ и тайнѣ. Долго ходили мы по неосвѣщеннымъ улицамъ, къ нашему счастью не зная, чѣмъ мы рисковали въ этомъ городѣ, въ которомъ «почти не бываетъ стрѣльбы» по ночамъ.

Переночевали мы съ женой въ душной, вонючей, полной клопами комнатѣ у столѣтняго еврея, николаевскаго солдата. Впустивъ насъ за невѣроятную цѣну, — по рекомендаціи какого-то случайно натолкнувшагося на насъ почтальона, — въ свою квартиру, еврей наглухо заперъ двери и окна и даже забаррикадировалъ ихъ изнутри мебелью. Похоже было, что онъ опасался нападенія разбойниковъ и готовился выдержать осаду.

На нашъ вопросъ о причинахъ такой осторожности старикъ отвѣтилъ коротко:

— Рѣжутъ.

Онъ принесъ огарокъ въ мѣдномъ шандалѣ, присѣлъ къ столу, пригладилъ свою пожелтѣвшую по краямъ отъ старости бороду и сказалъ:

— И что такое сдѣлалось съ людьми? Вчера рядомъ семью зарѣзали. Только ребенка грудного оставили. Богъ на нашу Россію сердится . . .

Старикъ кряхтя и кашляя вышелъ и заперся. Огарокъ догорѣлъ. Мы долго сидѣли въ потемкахъ; скреблись мыши, жалили клопы; душно было. Но усталость взяла свое.

Проснулись — солнце. Бьютъ сквозь щели въ ставняхъ яркіе лучи. Слава Богу, отдохнули и, ободранные дряхлымъ хозяиномъ выше всякой мѣры, мы вышли искать квартиру.

Не знаю, что съ нами было бы, если бы мы случайно не встрѣтили мальчика въ бараньей шапкѣ, перевозившаго насъ въ городъ на катерѣ; того самаго, который получалъ полтораста въ день и рулемъ правилъ не руками, какъ всѣ, а ногой. Въ городѣ мышиной норы не было, все было занято.

Звали мальчугана Павликомъ и онъ посовѣтовалъ намъ сходить къ его мамѣ.

— Може пустить . . . Добровольцы всѣ комнаты реквизировали . . . Ступайте на нефтекачку, спросите, гдѣ живетъ Бурачекъ. Бурачекъ мой папаша.

Долго шли мы по улицамъ, мимо площадей, обнесенныхъ колючей проволокой, заставленныхъ сломанными лафетами, зарядными ящиками, автомобилями, орудіями. Прошли мимо вокзала, перелѣзли черезъ віадукъ, подъ которымъ сновали паровозы и наконецъ подошли къ двухъэтажному кирпичному дому съ вывѣской «контора нефтекачки». У воротъ мы увидѣли красиваго кудряваго парня лѣтъ восемнадцати. Онъ оказался братомъ Павлика и предложилъ обождать маму, ушедшую на базаръ.

— Можетъ и пустить, — какъ и Павликъ, неопредѣленно пообѣщалъ онъ.

Мама, высокая статная хохлушка, въ очипкѣ, въ засаленной до лоска свиткѣ, въ высокихъ, залѣпленныхъ бѣлой цементною грязью мужскихъ сапогахъ, скоро явилась. Она сказала, что комнаты у нея нѣтъ, что Павликъ болтунъ и лодырь и, что она ужо задастъ ему за то, что морочитъ головы людямъ.

— Добро, что квартира казенная, — сказала она сердито, — а то наболтаетъ, а комендантъ реквизируетъ — и придется самимъ зиму въ сараѣ жить . . .

Мы пошли къ віадуку; но хохлушка вернула насъ. Она сказала:

— Мнѣ Васъ жалко; Вы вѣдь тоже люди. Сдамъ Вамъ кухню, если отецъ согласится. Кухня у насъ бѣлая, чистая, что-то особенное.

А старшій сынъ добавилъ, глядя на насъ своими большими ласковыми глазами:

— Что-то отдѣльное, — что вѣроятно выражало высшую степень совершенства.

Пришелъ отецъ, симпатичный бородатый машинистъ съ нефтекачки, въ синей блузѣ, въ картузѣ, весь пропитанный нефтью. Поздоровавшись съ нами за руку, какъ со старыми знакомыми, онъ сказалъ женѣ:

— Какъ можно не пустить: вѣдь они люди и не на улицѣ же имъ жить! Можетъ прежде богатые господа были. . .

И уже примелькавшійся мнѣ едва уловимый огонекъ недружелюбной иронiи блеснулъ въ глазахъ добродушнаго бородача, когда онъ говорилъ послѣднюю фразу.

Осмотрѣвъ кухоньку, дѣйствительно сіявшую чистотой, я спросилъ, сколько они хотятъ за нее въ мѣсяцъ?

И папа, и мама, и кудрявый молодецъ съ ласковыми глазами замахали на меня руками, словно въ испугѣ.

— Да что Вы! Да какъ можно, — заговорили они хоромъ. — Какъ можно, чтобы за деньги? Живите себѣ даромъ, сколько пожелаете! Развѣ мы не понимаемъ?. .

Насильно уговорили ихъ взять плату. И тогда они начали торговаться; но въ концѣ концовъ согласились сдать все-таки не дорого. Мы поблагодарили, живо перевезли вещи и устроились. Вечеромъ къ намъ явилась вся семья Бурачковъ, «чтобы намъ не показалось скучно на новомъ мѣстѣ». Сѣли, гдѣ кому пришлось, — комнатка была крохотная, — начались разспросы, разговоры. Бурачекъ-отецъ принялся политично хвалить добровольцевъ.

— Молодцы, — говорилъ онъ, неувѣренно поглядывая на жену. — Видите въ окно вонъ эту горку? — Я взглянулъ: за окномъ опять горѣла яркая звѣзда надъ домикомъ астронома. — Вотъ изъ-за этой горки они и пришли. И много-же ихъ было! Большевики, — онъ сказалъ было «наши», но поправился, быстро посмотрѣвъ на хохлушку, — большевики уходили по Сухумскому шоссе, а они вдогонку, бахъ, бахъ! Словно лѣшій въ горахъ охаетъ. . .

Бурачекъ помолчалъ; потомъ опять сталъ разсказывать.

— Прогнали красныхъ — и сколько же ихъ тогда положили, страсть господня! — и стали свои порядки наводить. Освобожденіе началось. Сначала матросовъ пострашали. Тѣ съ дуру-то остались: «наше дѣло, говорятъ на водѣ, мы и съ кадетами жить станемъ». . . Ну, все какъ слѣдуетъ, по хорошему: выгнали ихъ за молъ, заставили канаву для себя выкопать, а потомъ-подведутъ къ краю и изъ револьверовъ по одиночкѣ. А потомъ сейчасъ въ канаву. Такъ, вѣрите-ли, какъ раки они въ той канавѣ шевелились, пока не засыпали. Да и потомъ на томъ мѣстѣ вся земля шевелилась: потому не добивали, чтобы другихъ неповадно было.

— И все въ спину, — со вздохомъ присовокупила хохлушка. — Они стоятъ, а офицеръ одинъ, молодой совсѣмъ хлопчикъ, сейчасъ изъ револьвера щелкъ! — онъ и летитъ въ яму. . . Тысячи полторы перебили. . . .

Старшій сынъ улыбнулся и ласково посмотрѣлъ на меня.

— Разрывными пулями тоже били. . . Думъ-думъ. . . Если въ затылокъ ударитъ, полчерепа своротитъ. Одному своротятъ, а другіе глядятъ, ждутъ. Что-то отдѣльное!

— Добро управились, — снова заговорилъ Бурачекъ. — Только пошелъ послѣ этого такой смрадъ, что хоть изъ города уходи. Извѣстно, жара, засыпали неглубоко. Пришлось всѣмъ жителямъ прошеніе подавать, чтобы позволили выкопать и въ другое мѣсто переложить. А комендантъ: «а мнѣ что, говоритъ, хоть студень изъ нихъ варите». Стали ихъ тогда изъ земли подымать да на кладбище...

— Гы, гы, гы! — вдругъ захохоталъ младшій, Павликъ.

— Ты чего это? — строго замѣтила мать.

— А какъ же, мама, чудно мнѣ очень: лежитъ это онъ на кладбищѣ и думаетъ: а гдѣ же у меня полчерепа, напримѣръ?.. Гы, гы.

Бурачекъ цыкнулъ на сына и продолжалъ.

— Освободили и порядки навели. Жить совсѣмъ хорошо стало. Одного не возьму въ толкъ: отчего бы это? Конечно, мы люди необразованные, интеллигентскихъ дѣлъ не понимаемъ, а только ни къ чему теперь приступу нѣтъ. На базаръ пойдешь и то тебя либо по мордѣ, либо нагайкой. Купить ничего не купишь, потому дорого, а паспортъ показывай. Ты, можетъ зеленый, говорятъ; а нѣтъ паспорта, сейчасъ тебя въ комендантское да по тому мѣсту, откуда ноги растутъ. Намедни сына моего младшаго, Павлика этого самого, около воротъ сгребли: подавай паспортъ! Ужъ какой у мальчугана паспортъ... Отвели на станцію да такъ шомполами обработали, ажъ вся спина словно чугунная стала...

Павликъ согласился:

— Добро отчистили...

— Ну, да положимъ, — скромно добавилъ онъ, — послѣ того и добровольцу тому, кадету, тоже хорошо досталось. Бить который меня велѣлъ. Встрѣтили его ребята въ потемкахъ, да камнями. Солдатъ съ нимъ былъ, убѣжалъ. А самого его поутру въ канавкѣ около «кукушки» нашли — вмѣсто головы, говядина, а въ ротъ д...ма напихали!..

Павликъ умолкъ, потомъ запѣлъ вполголоса. И тутъ я впервые услышалъ пѣсенку, единственную, сочиненную за нашу революцію, настоящую народную пѣсенку:

«Красное яблочко наливается,
Красная армія впередъ продвигается»...

Павликъ пѣлъ и какъ-то очень ужъ откровенно посматривалъ на насъ съ женой своими смѣлыми, сѣрыми глазами. Всѣ молчали.

«Красное яблочко, куда катишься,
Въ Новороссійскъ попадешь, не воротишься».

— Павликъ! — строго окрикнула его мать. Тотъ только глазами на нее засверкалъ и продолжалъ дальше, уже полнымъ голосомъ:

«Прапорщикъ, прапорщикъ, зачѣмъ ты женишься,
Когда придутъ большевики, куда ты дѣнешься?»

Бурачекъ съ улыбкой посмотрѣлъ на насъ:

— Вы ужъ простите: дитя, не понимаетъ!

— Нехорошо, Павелъ, — остановилъ онъ сына. — Можетъ кто въ окно услыхать. Добровольцы намъ свободу дали, а ты чего распѣлся!..

Потомъ опять обратился ко мнѣ:

— Вы вотъ люди интеллигентные, за границей жили, учились. Объясните мнѣ, пожалуйста, не пойму я: хлопчикъ мой старшій, вонъ онъ сидитъ, — въ

политехникумѣ въ Екатеринодарѣ учился. Какъ пришли добровольцы, я его послалъ туда съ матерью, чтобы опять значитъ зачислили; а директоръ ихній новый и говоритъ: идите, говоритъ, къ большевикамъ, пускай они для Васъ свои политехникумы открываютъ, красные... Какіе это красные политехникумы бываютъ?

Горячо вступилась хохлушка; даже щеки у нея зардѣлись и глаза вспыхнули:

— Да еще что кажетъ: сыну твоему восемнадцать по бумагамъ исполнилось. Его въ армію надо, а не учить... Черезъ мѣсяцъ, кажетъ, мобилизація; гляди, чтобы къ зеленымъ не ушелъ, а то съ тебя шкуру спустятъ!.. Такъ, вмѣсто политехникума, на табачной фабрикѣ въ конторѣ служитъ; хлопчикъ способный, лучше всѣхъ учился...

— Ладно, мать, — остановилъ ее Бурачекъ. — Раскудахталась... Людямъ покой надо дать... Пріятно почивать на новомъ мѣстѣ.

Бурачки одинъ за другимъ протянули намъ руки.

Ночью меня разбудила безпорядочная пальба. Стрѣляли со всѣхъ сторонъ, по одиночкѣ, пачками. Гдѣ-то далеко ухнулъ орудійный выстрѣлъ и тысячекратнымъ эхомъ раскатился въ горахъ. Стрѣльба не прекращалась до разсвѣта. Когда я вышелъ утромъ, чтобы идти въ городъ, около нашихъ воротъ, раскинувшись, лежалъ мертвый кубанскій казакъ и смотрѣлъ неживыми глазами въ небо. Мимо торопливо шли чумазые рабочіе въ депо, офицеры съ винтовками за плечами; жандармы со станціи. На мертваго не обращали рѣшительно никакого вниманія: словно, дохлая собака валяется. Я спросилъ у Бурачка о причинахъ пальбы ночью.

— А это у насъ каждую ночь, — сказалъ онъ. — Зеленыхъ пугаютъ... Намедни бакъ съ бензиномъ продырявили, насилу справили... А что казакъ этотъ, — онъ тронулъ трупъ сапогомъ, — такъ это — стражникъ. Безпокойный былъ человѣкъ.

Собиравшійся на свою фабрику сынъ добавилъ:

— Это что: вотъ третьяго дня одного въ отхожемъ мѣстѣ нашли, такъ это работа! Все: руки, ноги — цѣло; а головы нигдѣ отыскать не могутъ! Что же Вы думаете? Голову въ бочку упрятали. На другой день весь обозъ собрали и нашли; въ самую гущу упрятали...

Павликъ, тоже вышедшій послушать умныхъ разговоровъ, такъ и покатился.

Вечеромъ я пошелъ на вокзалъ за хлѣбомъ, въ буфетъ. У прилавка стояли два казака въ черкескахъ, въ низкихъ кубанскихъ папахахъ. Вокзалъ былъ отъ нашей новой квартиры не болѣе, какъ въ сотнѣ шаговъ. Помятуя ночную пальбу, а захватилъ съ собой толстую трость со стальнымъ наконечникомъ. Казаки посмотрѣли на меня съ живымъ любопытствомъ.

— Пулеметная палочка, — сказалъ одинъ.

Другой согласился.

— Дѣйствительно. Только что же съ этого? Ну, ударитъ, разъ, два... А потомъ?

Домой возвращаться было жутко. Мертвеца все еще не убрали отъ воротъ, только оттащили къ сторонкѣ, чтобы не мѣшалъ ходить. Когда я разсказалъ о встрѣчѣ съ казаками у буфета на вокзалѣ, Бурачекъ отецъ сказалъ успокоительно:

— Васъ они ничего. Вотъ, если бы офицеръ!.. Зеленые это...

При этомъ Бурачекъ сообщилъ мнѣ интересную исторію.

— Кругомъ теперь зеленые. За дровами ѣдутъ и то пулеметы и батарею берутъ. Въ горы ходить всѣ боятся. А за переваломъ, гдѣ гастрономовъ домъ, сады старые, черкесскіе. Аулы разорили еще при дѣдахъ нашихъ, а сады остались. Орѣховъ тамъ, кизиля, грушъ вотъ этакихъ, яблоковъ, ужасъ сколько! Братъ ихъ некому. Мнѣ гастрономъ сказывалъ — онъ не боится и къ нему зеленые чай пить ходятъ. Такъ онъ видѣлъ: ежи, понимаете, собираютъ фрукты, на зиму должно быть. Складываютъ ихъ этакими стопочками и сухимъ листомъ прикрываютъ. А на базарѣ одна такая груша пятьдесятъ рублей стоитъ!

Онъ съ грустью добавилъ:

— Умственные эти ежи!.. Оно, положимъ, что и мы бы фрукту собрали — не хуже ихъ. Только никакъ невозможно. И гастронома только недавно изъ тюрьмы выпустили, а ты — пойди, и сейчасъ пикетъ увидитъ и — бахъ! Ему что! Скажетъ, съ зелеными нюхается!.. А зеленые — тутъ около станціи въ вагонахъ живутъ... И со стражей вмѣстѣ вино пьютъ... Только фрукту собирать, этого невозможно.

Ночью пальба возобновилась. Бурачки спали у себя въ сараѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. А я цѣлую ночь думалъ: кто такіе эти люди Бурачки? Одиночное явленіе, или?.. Или и все населеніе «въ районѣ вооруженныхъ силъ Юга Россіи», вотъ этакое?

III

«Кукушка»

Противъ казеннаго дома, гдѣ была бѣлая кухонька Бурачковъ, находился віадукъ, перекинутый черезъ линію Владикавказской желѣзной дороги. Цѣлый день по віадуку катился потокъ людей, а ночью около него останавливалась на отдыхъ «кукушка». У лѣстницы віадука была маленькая крытая платформа, станція «кукушки». По ночамъ здѣсь ночевали бездомные; иногда находили утромъ мертвыхъ. По другую сторону былъ вокзалъ, мѣсто гиблое, гдѣ вповалку валялись на полу и недѣлями сидѣли вокругъ столовъ въ буфетѣ перваго класса въ ожиданіи отправленія проѣзжіе. Многіе, не дождавшись, заболѣвали тифомъ и съ кресла валились подъ столъ, гдѣ и умирали. Кругомъ вокзала всюду, гдѣ только возможно было приткнуться, сидѣли на вещахъ казаки, барыни съ дѣтьми, раненые, оборванцы. По ночамъ здѣсь царилъ ужасъ и хорошо себя чувствовали только карманники. При отправленіи и отходѣ поѣздовъ была давка, истерики, щедро сыпались зуботычины и удары нагайками, бывала и стрѣльба. Публика лѣзла на крыши, на тормазные стаканы, ее били, оттаскивали, но она лѣзла снова, когда поѣздъ уже былъ на ходу. Безконечныя очереди за билетами стояли и лежали около кассы.

«Кукушкой» назывался поѣздъ изъ четырехъ разбитыхъ, до нельзя загаженныхъ классныхъ вагоновъ, поддерживающій сообщеніе съ городомъ.

«Кукушка» ходила безъ расписанія. Иногда она заканчивала свои рейсы въ 4 часа дня, иногда въ 10 часовъ вечера. Зависѣло это отъ одной вокзальной дамы; если дама попадала домой рано, публикѣ предоставлялось или

ночевать въ городѣ, или идти домой пѣшкомъ черезъ осушенное дно залива въ темнотѣ, что было опасно, потому что тамъ убивали. Но если дама застревала въ гостяхъ, «кукушка» поджидала ее и приходила къ віадуку ночью. По ночамъ въ «кукушку» приходили ночевать зеленые, вокзальные воришки и, главное, въ вагоны впускали дѣвицъ съ гостями.

Съ 6 часовъ вечера на вокзалѣ и около него появлялась полиція и начинались повальные обыски и провѣрка документовъ. Задерживали желѣзнодорожныхъ рабочихъ и служащихъ, пришедшихъ въ буфетъ купить хлѣба, и такъ какъ они приходили обычно безъ паспортовъ, ихъ жестоко били шомполами и нагайками, а иногда и прикладами; потомъ съ нихъ брали выкупъ и отпускали; а если не было денегъ, то отправляли въ контръ-развѣдку, откуда многіе не возвращались вовсе.

На огромныхъ пустыряхъ, на осушенномъ днѣ залива, отдѣлявшемъ вокзалъ и прилегавшую къ нему слободу отъ города, ютились бродячіе персидскіе цыгане, называвшіе себя «сербіянами», народъ, заросшій грязью и безнадежно изворовавшійся и облѣнившійся. Милостыню они просили такъ назойливо, что ихъ боялась даже оголтѣлая желѣзнодорожная стража. Около самаго въѣзда въ городъ были раскинуты шатры. Тамъ жили цыгане, кузнецы, конокрады и ворожеи. Вокругъ табора бродили тощіе, съ выдавшимися впередъ ребрами бездомные псы и тутъ же находилась свалка нечистотъ.

На пустырѣ вокзальные воры собирались для дѣлежа добычи, поэтому тамъ почти всегда валялись опорожненные баулы, чемоданы, дорожныя корзины. Подѣливъ добычу, жулики разбредались по пустымъ вагонамъ и пьянствовали; отдыхали со своими подругами въ кучахъ мусора на солнышкѣ; а иногда во время дѣлежа происходили шумныя драки, пускались въ ходъ ножи. На пустырь валили палыхъ животныхъ.

Но по ночамъ на пустырѣ было тихо. Изрѣдка мелькала боязливая тѣнь запоздалаго пѣшехода. Раздавались, всегда безплодные, призывы на помощь, выстрѣлы; иногда кто-то жалко стоналъ до разсвѣта.

Однажды я рискнулъ перейти ночью черезъ это проклятое мѣсто, днемъ бѣлое отъ раскаленнаго солнцемъ цемента. Пройдя до половины, я увидѣлъ около обсаженной чахлыми акаціями дороги трупъ, вѣроятно, только-что убитаго человѣка. Около него стояли мужчина и женщина; мужчина обчищалъ палочкой грязь съ штиблетъ на еще подрагивающихъ ногахъ. Вокругъ головы расплывалась черная лужа. Остро пахло свѣжей кровью — точно на бойнѣ. Они мелькомъ взглянули на меня и женщина сказала:

— Снимемъ штиблеты; онъ все равно не живой.

Я спросилъ:

— А отчего онъ неживой?

Мужчина пристально посмотрѣлъ на меня и нехотя процѣдилъ:

— Идите, куда идете.

А женщина добавила злымъ голосомъ:

— Не то и Вамъ тоже будетъ!

Вѣроятно такія сцены разыгрывались здѣсь часто. Понятно поэтому, какую важность имѣла для обывателей привокзальнаго района «кукушка».

Живя у Бурачковъ, я быстро пріобрѣлъ нѣкоторую популярность. Однажды на нашъ домъ напали ночью вооруженные люди. Они покушались ограбить находившуюся въ одной изъ квартиръ контору нефтекачки. Случайно проснувшійся сосѣдъ-офицеръ открылъ стрѣльбу; грабители бѣжали; даже раз-

стрѣлянный въ упоръ прямо въ лицо изъ браунинга и свалившійся какъ мѣшокъ со второго этажа разбойникъ успѣлъ уползти и скрыться до разсвѣта. Во время нападенія вызывали по телефону стражу съ вокзала; никто не явился. Я написалъ о случившемся замѣтку въ газету и — на другой день, когда я ѣхалъ въ городъ въ «кукушкѣ», мнѣ почтительно поклонился контролеръ. Вызвавъ меня на площадку, онъ таинственно прошепталъ мнѣ на ухо, боязливо оглядываясь кругомъ:

— Обязательно пропечатайте эту самую даму! Помилуйте, столько народу мучаетъ... Вчера въ двѣнадцатомъ часу ночи пріѣхали!..

Даму я пропечаталъ; конечно, безъ результата; если не считать, что вызывали, для внушенія, по этому поводу редактора. «Кукушка» продолжала ходить по прежнему; но мнѣ это доставило извѣстность, настолько громкую, что со мной выразилъ желаніе познакомиться самъ комендантъ станціи, которому тоже понадобилось кого-то пропечатать.

Комендантъ, бывшій полковникъ гвардіи, пригласилъ меня вечеркомъ попить чайку; и въ располагающей обстановкѣ около шумящаго, давно мною невиданнаго, самовара сообщилъ мнѣ дѣйствительно любопытный «матеріалъ» о желѣзнодорожномъ житьѣ-бытьѣ. Черныя дѣла творились на станціи «Новороссійскъ» при генералѣ Деникинѣ!..

Все сообщенное мнѣ я, по желанію полковника, записалъ въ свой блокнотъ, а когда кончилъ, попросилъ его подписаться. Какъ сейчасъ помню эту оригинальную сцену.

Въ большой, уютно обставленной комнатѣ, за накрытымъ камчатной скатертью столомъ сидѣла семья коменданта. Жена, блѣдная петербургская дама съ подвязанной щекой, разливала чай. Блестящій никкелированный самоваръ выбрасывалъ клубы пара. Ярко горѣло электричество въ красивой арматурѣ. На стѣнахъ ковры, оружіе кавказской чеканки. Усердно дуя на блюдечки, пили чай съ молокомъ два толстощекихъ кадета. Серебряная сухарница съ булочками, чайникъ подъ вышитой салфеточкой...

Полковникъ съ рыжими, закрученными à la Вильгельмъ усами долго таращилъ на меня глаза, покраснѣлъ и глухо спросилъ:

— Это зачѣмъ же, подпись то-есть?

Я объяснилъ ему, что безъ его подписи свѣдѣнія будутъ голословныя и ихъ не напечатаютъ.

— Можетъ возникнуть судебное дѣло и меня привлекутъ за клевету — безъ Вашей подписи!..

Комендантъ совершенно спокойно и увѣренно произнесъ:

— Этого я не сдѣлаю.

— Видите, — продолжалъ онъ. — Я больше не служу; ѣду въ Р., въ офицерскую школу. Вы знаете, офицерское жалованіе мизерное, на него жить невозможно. Мнѣ самому приходилось оказывать услуги. Я долженъ подписаться противъ себя самого.

По его же собственному разсказу «услуги» состояли въ томъ, что въ вагонахъ, вмѣсто снарядовъ, одежды и продовольствія для добровольческаго фронта, везли товары, принадлежащіе спекулянтамъ. Фронтъ въ то самое время замерзалъ и голодалъ гдѣ-то за Орломъ, не получая изъ глубокаго тыла ничего, кромѣ лубочныхъ картинокъ «Освага» съ изображеніемъ Московскаго Кремля и какихъ-то витязей. На фронтѣ не хватало даже снарядовъ. А комендантъ со своими сотрудниками везли мануфактуры, парфюмерію, шелковые чулки

и перчатки, прицѣпивъ къ такому поѣзду одинъ какой-нибудь вагонъ съ военнымъ грузомъ или просто поставивъ въ одинъ изъ вагоновъ ящикъ съ шрапнелью, благодаря чему поѣздъ пропускали безпрепятственно, какъ военный. Самъ полковникъ и другіе, ему подобные, въ это время дрожали отъ страха при мысли о побѣдѣ болышевиковъ; кричали по ночамъ спросонья; но — красть и губить тѣмъ самымъ свою послѣднюю надежду, фронтъ, продолжали...

Я высказалъ это коменданту. Онъ согласился, что выходитъ какъ будто бы нѣсколько чудно. Но интересъ его ко моей особѣ исчезъ. Онъ разочарованно протянулъ:

— А я думалъ, что Вы этого негодяя Н. пропечатаете...

Дама съ подвязанной щекой сказала съ воодушевленіемъ:

— Это такой негодяй, такой!.. Выдали англійское обмундированіе, онъ себѣ три комплекта взялъ, а Ивану Федоровичу, мужу, два, да плохихъ, оставилъ!..

Я допилъ чай и ушелъ. Комендантъ проводилъ меня до двери и, топорща свои усы пріятной улыбочкой, все повторялъ:

— А быть можетъ Вы того?.. Безъ подписи? Главное, матерьялецъ для Васъ самый интересный!

И долгое время спустя, онъ, встрѣчаясь со мною въ той же пресловутой «кукушкѣ», пріятно топорщилъ усы и съ видомъ заговорщика спрашивалъ:

— Не надумали еще? А надо бы его, курицына сына!.. Да и другихъ за компанію. Вѣдь вѣшать за это мало, какъ честный офицеръ говорю!

По прежнему работала «кукушка»: днемъ она возила въ городъ и изъ города всякую служилую мелкоту, а ночью въ вагонахъ «рѣзвились». И все также приставалъ старикъ контролеръ: дама, регулировавшая рейсированіе «кукушки», выводила его изъ себя.

«Кукушка» по нѣсколько разъ въ день сходила съ рельсовъ; ее вытаскивалъ пріѣзжавшій дежурный паровозъ и ставилъ на путь истинный. Ходила она черепашьимъ шагомъ, такъ что отъ аварій никто не страдалъ. Пассажиры ругались и шли пѣшкомъ: въ компаніи было сравнительно безопасно, да и не далеко, потому что она сходила съ рельсовъ постоянно въ одномъ и томъ же вмѣстѣ, недалеко отъ віадука.

Вечеромъ контролеръ, ревнитель гласности, просившій обязательно еще разъ разоблачить даму, становился у двери единственнаго отпертаго вагона — остальные онъ предусмотрительно запиралъ, — и взымалъ плату съ вокзальныхъ дѣвицъ, приводившихъ своихъ гостей. Приходили воры съ соблазнительными пакетами, съ бутылками въ карманахъ. Навѣдывалась озябшая стража.

Ночью, когда въ кромѣшной тьмѣ гремѣла кругомъ безтолковая перестрѣлка, темныя окна загаженныхъ вагоновъ озарялись зловѣщимъ свѣтомъ. Контролеръ уходилъ домой. Въ «кукушкѣ» пили, дрались, горланили пѣсни, шла игра въ карты.

Комендантъ посматривалъ на «кукушку» изъ окна; она останавливалась какъ разъ противъ дома, а квартира его была во второмъ этажѣ. Онъ зналъ, что ему полагалось знать. Конечно, «кукушка» — мерзость, какъ и все другое, и ее слѣдовало бы «пропечатать»; но — жалованіе комендантское мизерное, а совмѣстить гласность съ соучастіемъ — все не удавалось!

IV

Тифъ

Въ Новороссійскѣ было одно мѣсто, которое называлось «Привозъ» — площадь въ концѣ города, у подножія горъ, куда изъ окрестныхъ станицъ привозились всякіе деревенскіе продукты.

Глубокой осенью, когда я впервые побывалъ на этой площади, «Привозъ» представлялъ собою море жирной и глубокой черноземной грязи, въ которой тонули по ступицы колесъ высокія арбы кубанскихъ казаковъ, запряженныя рослыми, длиннорогими волами. На арбахъ, не въ примѣръ прошлымъ изобильнымъ временамъ, были по большей части только арбузы да кабаки — большія зеленыя тыквы съ яркожелтымъ мясомъ внутри, да еще мѣшки съ ядовитымъ чинаровымъ сѣменемъ, которое сходило за орѣхи, хотя отъ него рвало кровью. Казаки въ рваныхъ бешметахъ и папахахъ, сидѣвшія на возахъ статныя, голубоглазыя казачки въ высокихъ мужскихъ сапогахъ, съ нескрываемой насмѣшливой враждебностью, поглядывали на истощенныхъ городскихъ барынь, тонувшихъ въ грязи въ своихъ модныхъ ботинкахъ, въ ажурныхъ шелковыхъ чулкахъ, съ захлестанными цементной грязью подолами короткихъ модныхъ юбокъ, съ изящными, но увы, пустыми корзиночками въ рукахъ. Барыни безплодно искали сметаны, яицъ, сала, и чуть не вступали въ драку изъ-за каждой тощей курицы. Долго разглаживали казаки получаемыя донскія кредитки съ аляповато изображеннымъ на нихъ Ермакомъ или атаманомъ Платовымъ, и со вздохомъ прятали за голенище. Вокругъ «Привоза» синѣли и зеленѣли уходящія вдоль горы.

Поодаль отъ возовъ были ряды, въ которыхъ торговали всякой утварью. Были тутъ самовары со вдавленными боками, облупившаяся эмалированная посуда, яркія ленты, старое платье, банки съ леденцами, кровати и т. п. дрянь, свидѣтельствовавшая о томъ, что всякое производство въ районѣ добровольческой арміи прекратилось. Казаковъ привлекала мануфактура, и они толкались около ятокъ, гдѣ навалена была пестрыми стопами всякая гниль и заваль, привозившаяся черезъ Батумъ изъ Италіи, Франціи и Англіи — за баснословно высокія цѣны! Около мануфактуры вертѣлись юркіе, лукавые греки, поблескивая черными, жгучими глазами. Лица у казаковъ были злыя.

У кабаковъ и харчевенъ что-то ѣли, валялся въ грязи мертвопьяный; дрались двѣ толстыя торговки, охваченныя плотнымъ кольцомъ довольныхъ зрителей. Стражникъ съ разбойничьей рожей отъ скуки похлопывалъ себя нагайкой по голенищу.

Дома вокругъ Привоза, какіе-то грязновато-сѣрые, съ облупившейся штукатуркой, съ ржавыми крышами, были заклеены плакатами «Освага». Плакаты были большіе, яркіе, напоминавшіе старинный лубокъ. На нихъ изображался Троцкій съ рожками, въ красномъ фракѣ, окруженный сонмищемъ красныхъ чертей; длинный красный змѣй съ зубастой пастью, подползающій къ дорожному верстовому столбу съ надписью на немъ: «Китай», и т. п. чепухой, расклеивавшейся въ цѣляхъ антибольшевистской пропаганды.

Побродивъ по Привозу, я пошелъ домой.

Пробираясь по грязи сторонкой, около домовъ, гдѣ было меньше риска увязнуть по колѣно, я вдругъ отшатнулся и отскочилъ: на меня пахнула

такая струя трупнаго смрада, что закружилась голова и едва не вырвало. Я поднялъ голову. Передо мной тянулось длинное двухэтажное зданіе, темное, съ пятнами сырости на штукатуркѣ. Всѣ до послѣдняго окна въ немъ были выбиты. Смрадъ выносился изъ зіяющихъ дыръ. Я заглянулъ внутрь и увидѣлъ огромную залу, сплошь заставленную кроватями.

Я подумалъ:

— «Вѣроятно, казармы».

Но тутъ же сообразилъ, что если-бъ это были казармы, то въ нихъ сидѣли бы и ходили люди, такъ какъ было еще совсѣмъ свѣтло: а въ этой залѣ были люди, но всѣ они смирно лежали на кроватяхъ, прикрытые одѣялами. Вдругъ одно изъ одѣялъ приподнялось. Костлявая, желтая рука высунулась наружу; открылся желтый лобъ съ прилипшими къ нему прядками черныхъ волосъ. Рука поискала что-то вокругъ, ничего не нашла и опять спряталась, натянувъ на голову одѣяло.

Я отошелъ подальше отъ дома, чтобы лучше можно было заглянуть внутрь; заглянулъ и содрогнулся. На кроватяхъ, на полу, между и подъ кроватями, на голыхъ доскахъ, на грязныхъ соломенникахъ, безъ подушекъ, безъ бѣлья, лежали или тихо копошились въ жару сотни больныхъ. Черезъ открытую дверь виднѣлась другая зала и въ ней было то же самое. Тогда я понялъ: это были тифозные.

Это были жертвы маленькихъ, отвратительныхъ насѣкомыхъ, бѣльевыхъ вшей, называвшихся «тифозными танками», разносившими смертельный ядъ пятнистаго тифа въ рядахъ добровольцевъ и всѣхъ, соприкасавшихся съ ними. Это были жертвы того страшнаго бича, которымъ Провидѣніе карало за жестокое презрѣніе къ человѣку. То былъ нашъ русскій «императоръ смертей», какъ въ древности называли чуму, не щадившій никого: ни генераловъ, ни банкировъ, ни барынь въ обезьяньихъ мѣхахъ и кружевахъ, ни оторванную отъ домовъ народную массу, завербованную въ ряды добровольцевъ. Нигдѣ и никогда эта ужасная болѣзнь не получала такого развитія, какъ на югѣ Россіи при Деникинѣ! Это былъ апофеозъ заброшенности, безпомощности; послѣднее выраженіе отчаянія.

Что дѣлалось въ этомъ страшномъ мѣстѣ, когда во мракѣ ночей въ разбитыя окна врывалась ледяная Новороссійская «бора», нордъ-остъ, срывая одѣяла съ мечущихся въ жару больныхъ, погибавшихъ здѣсь безъ ухода, безъ всякой помощи?!

Немного поодаль къ зданію была прибита небольшая бѣлая вывѣска съ черной каймой вокругъ надписи «Лазаретъ № 4». Подъ вывѣской находились ворота. Во дворѣ были свалены простые гробы. Около воротъ стояла беременная сестра милосердія съ миловиднымъ, покрытымъ веснушками лицомъ подъ бѣлоснѣжной косынкой. Она была въ модной коротенькой юбочкѣ, изъ-подъ которой уродливо вылѣзалъ ея животъ; ноги были въ кокетливыхъ туфелькахъ на высокихъ каблучкахъ. Она недовольнымъ голосомъ выговаривала что-то безусому офицеру съ пустымъ рукавомъ, на которомъ была вышита на черномъ фонѣ мертвая голова со скрещенными костями, указывавшемъ, что онъ служилъ въ «батальонѣ смерти» имени генерала Корнилова.

Со второго этажа, изъ окна надъ воротами, выглядывала другая сестра милосердія, хорошенькая, съ розовыми щеками и выбивающимися изъ-подъ бѣлой косынки кудряшками. Въ рукахъ у нея была обтрепанная книга; но

она не читала, прислушиваясь съ любопытствомъ къ тому, что говорилось внизу. Поодаль отъ беременной сестры милосердія стояло человѣкъ пять толстомордыхъ лазаретныхъ солдатъ, называемыхъ «бульонщиками»; лѣниво перегораживаясь, они лузгали тыквенныя сѣмечки, далеко отплевывая шелуху. А передъ ними, по щиколотку въ грязи, стояла со смиреннымъ, морщинистымъ лицомъ старая казачка въ высокихъ сапогахъ. Беременная сестра нѣсколько разъ нетерпѣливо взглядывала на нее и пожимала плечами; наконецъ, она не выдержала и, сдѣлавъ плачущее лицо, сказала злымъ хныкающимъ голосомъ:

— Чего ты торчишь? Сказали тебѣ: убирайся! Почемъ я знаю, гдѣ твой Корнюшка — можетъ быть, давно закопали!.. Володя! — простонала она, поднимая глаза на офицера.

Безрукій «корниловецъ» сдѣлалъ свирѣпое лицо и сдѣлалъ движеніе къ казачкѣ. Старушка шарахнулась прочь, споткнулась на что-то позади себя и упала въ грязь. Сестра во второмъ этажѣ улыбнулась; санитары громко захохотали; офицеръ-корниловецъ засмѣялся. Беременная сестра поблѣднѣла отъ злости. Она съ ненавистью устремила взглядъ въ лицо «Володи» и простонала:

— Да ну же, да помоги же ей!..

Офицеръ сдѣлался серьезенъ и шагнулъ къ старухѣ; но та успѣла подняться и въ страшномъ испугѣ бросилась отъ него прочь, старая, маленькая, грязная; боязливо и гнѣвно оглядываясь назадъ.

Пошелъ и я. Сумерки спускались надъ городомъ. Горы по ту сторону залива темнѣли, быстро мѣняя цвѣта. Сначала онѣ были розовыя, потомъ фіолетовыя, подъ конецъ стали темно-коричневыя. Вдоль пристаней и на корабляхъ, стоявшихъ на рейдѣ, зажглись огоньки. Бѣлый огонь вспыхнулъ на маякѣ на концѣ мола. Море глухо плескалось въ каменную набережную, выбрасывая на берегъ арбузныя корки, щепки.

«Откуда однако тамъ такой трупный запахъ?» — задалъ я самому себѣ вопросъ, вскарабкиваясь на «кукушку», чтобы ѣхать домой.

Отвѣтъ на мое недоумѣніе я получилъ недѣли черезъ двѣ отъ одного священника въ Екатеринодарѣ, куда я поѣхалъ по дѣламъ.

Я познакомился съ нимъ въ ресторанѣ. Священникъ этотъ сидѣлъ въ мѣховомъ лисьемъ подрясникѣ, багровый, съ неопрятной сѣдой бородой, жадно ѣлъ котлеты съ бѣлымъ соусомъ и горячо говорилъ своему собесѣднику, молодому, элегантному генералу съ Владиміромъ на шеѣ, какъ разъ по поводу интересовавшаго меня «Лазарета № 4». Какъ разъ въ это время въ Екатеринодаръ эвакуировались правительственныя учрежденія, и онъ пріѣхалъ изъ Новороссійска за деньгами. Жуя и выплевывая куски котлеты, онъ говорилъ:

— На глупости даютъ!.. А тутъ посмотрѣли бы сами: какъ пришлось принимать отъ города эту, прости, Господи, помойку, такъ меня, извините за выраженіе, вырвало.

Онъ прожевалъ громадный кусокъ, махнулъ рукой и продолжалъ съ негодованіемъ:

— Ни одного гроба, а покойники, понимаете, не только въ сортирахъ, подъ лѣстницами, даже на чердакѣ были. Подымутъ одѣяло на кровати, а тамъ вмѣсто больного разложившійся трупъ... Тьфу!

— И какъ только живые больные не задохнулись? Еще, воистину Слава Богу, что ни одного стекла въ окнахъ не было, смрадъ-то относило...

Генералъ слушалъ и холодно и вѣжливо улыбался. Вокругъ шумѣла безшабашная толпа.

По дорогѣ изъ города домой, къ Бурачкамъ, мнѣ приходилось проходить мимо обширнаго лагеря бѣженцевъ, грековъ и армянъ. Въ солнечную погоду я видѣлъ, какъ статныя, черноглазыя женщины въ лохмотьяхъ что-то готовили на кострахъ, сидя на корточкахъ, кормили дѣтей, пряли волнистую шерсть. Лагерь, кромѣ двухъ-трехъ старыхъ солдатскихъ палатокъ, состоялъ изъ низкихъ, въ аршинъ, навѣсовъ, устроенныхъ изъ стараго листового желѣза. Подъ эти навѣсы залѣзали, какъ въ звѣриныя норы. Когда бушевалъ нордъ-остъ, листы желѣза срывало и съ грохотомъ носило по пустырю. Жалкую рухлядь тоже носило и она часто попадала въ черную грязь широкихъ канавъ около дороги. Костры гасилъ дождь и снѣгъ. Тогда по ночамъ по пустырю бродили странныя привидѣнія. Съ развѣвающимися по вѣтру косами, съ синими лицами и съ выбивающими дробь зубами, женщины ловили свои промокшія насквозь ветошки, снова сталкивали листы желѣза для шатровъ, а неумолкающая буря со злобнымъ хохотомъ снова разбрасывала ихъ. Плакали дѣти. Сжавшись въ комокъ, лежали въ лужахъ подъ дождемъ и вѣтромъ жалкія фигуры.

Въ этомъ станѣ погибающихъ свирѣпствовалъ тифъ. Но умершихъ отсюда убирали. Лагерь находился подлѣ самой дороги изъ города на Стандартъ, къ пристанямъ. Мимо проносились, поднимая тучи ѣдкой цементной пыли, автомобили съ развѣвающимися трехцвѣтными флажками.

Смрадъ разлагающихся мертвецовъ могъ бы достигнуть обонянія важныхъ генераловъ, изящныхъ, пахнущихъ духами дамъ, поэтому по утрамъ въ это мѣсто скорби пріѣзжали дрогали; подбирали покойниковъ и увозили ихъ въ общую яму, куда ихъ закапывали безъ гробовъ, «безъ церковнаго пѣнія, безъ ладана»... Вмѣстѣ съ тифозными валили всякіе другіе трупы, всегда обнаруживавшіеся съ наступленіемъ дня на улицахъ.

Много больныхъ было въ общежитіяхъ для бѣженцевъ; на вокзалѣ, въ пустыхъ вагонахъ; на баржахъ, на пароходахъ; на бульварныхъ скамейкахъ; просто на улицахъ. У насъ въ редакціи заболѣлъ курьеръ. Не только положить, его было некуда даже посадить. Онъ бродилъ весь красный, въ полубреду; падалъ, поднимался и снова бродилъ. Пущены были въ ходъ всѣ связи и знакомства, хлопоталъ самъ военный губернаторъ, но мѣста для больного не было ни въ одной больницѣ, даже на полу, нигдѣ. Цѣлую недѣлю просили, приказывали, угрожали; наконецъ его приняли въ какой-то лазаретъ, гдѣ онъ, лежа на каменномъ полу безъ подстилки, въ тотъ же день и умеръ. Да что тамъ курьеръ: въ это же время въ вагонѣ генерала Врангеля, бывшаго тогда не у дѣлъ, заболѣлъ и умеръ его другъ, русскій генералъ — безъ всякой помощи.

Передъ отъѣздомъ въ Турцію моя жена пошла въ баню. Вернувшись, она разсказала:

— Въ банѣ, на полу, гдѣ моются женщины, въ лужѣ грязной воды лежитъ, — какъ говорили мнѣ баньщицы, вотъ уже третьи сутки, — тифозная больная. Она пріѣхала въ Новороссійскъ съ поѣздомъ, заболѣла; ей посовѣтовали сходить въ баню; она пошла, да тамъ и осталась. Въ больницу ее не берутъ, а когда обратились въ полицію, въ участкѣ сказали: «помретъ, уберемъ!»...

Когда я садился на пароходъ, я видѣлъ на сосѣдней пристани эшелонъ добровольцевъ, возвратившихся изъ Грузіи. Въ полномъ походномъ снаряженіи солдаты отдыхали, лежа на землѣ. Офицеръ скомандовалъ встать. Солдаты поднялись и выстроились; но половина ихъ осталась лежать: это были тифозные.

V

«Освагъ»

Съ этимъ страннымъ названіемъ я познакомился на главной улицѣ Новороссійска, на Серебряковской. Прочиталъ на вывѣскѣ.

«Черноморскій Освагъ?»

Задумался:

«Это что такое за штука?»

Однако разъясненіе скоро нашлось.

Какъ-то встрѣтилъ знакомаго москвича. Общественный дѣятель, даже большевикъ въ прошломъ, — но только идейный, — онъ такъ напугался отъ практическаго примѣненія своей теоріи, что сбѣжалъ отъ старыхъ единомышленниковъ, и не только отъ коммунизма, отъ всякаго соціализма открещивался: обжегшись на молокѣ, дулъ, такъ-сказать, на воду.

Мнѣ хотѣлось прочитать въ Новороссійскѣ нѣсколько лекцій. Я спросилъ у знакомаго, какъ организовать ихъ. Онъ отвѣтилъ:

— Дѣло самое пустое. Я служу въ союзѣ кооперативовъ. Союзъ организовываетъ лекціи — если темы подходящія, — и платитъ по сто рублей отъ штуки. Это мало; къ тому же начальство старается совать ему палки въ колеса. Между тѣмъ «Освагу» разрѣшенія даютъ безпрепятственно и платитъ онъ лекторамъ не сто, а пятьсотъ рублей.

Я обрадовался.

— Стало быть, Вы можете объяснить мнѣ, что такое «Освагъ»?

Знакомый разсмѣялся.

— Мѣсто злачное, — сказалъ. — Какъ Вы однако за границей отъ насъ отстали: даже понятія объ «Освагѣ» не имѣете...

— Впрочемъ, для устройства лекцій учрежденіе весьма подходящее: разрѣшеніе достанетъ, помѣщеніе сниметъ, афиши расклеитъ и гонораръ выдастъ безъ задержки. И даже независимо отъ того, придутъ или не придутъ слушатели.

Далѣе онъ разъяснилъ, что «Освагъ» — это освѣдомительное бюро отдѣла пропаганды при «Особомъ Совѣщаніи».

— Словомъ, — закончилъ знакомый, — Вы такъ все равно ничего не поймете, пока не поживете у насъ по-дольше. Видѣли навѣрное всякія страшныя картинки на стѣнахъ съ поучительными сентенціями о «великой, единой и недѣлимой» и портреты генераловъ съ ихъ изреченіями? Ну, вотъ это и есть «Освагъ».

Онъ не ошибся: я дѣйствительно ничего не понялъ. А стѣны домовъ и окна магазиновъ въ Новороссійскѣ, правда, были сплошь оклеены дешевыми литографіями, на подобіе извѣстныхъ лубковъ, какъ-то «Смерть пьяницы», «Водка есть кровь сатаны» и т. д.

На этихъ картинкахъ фигурировалъ Московскій Кремль, освѣщенный зарею, русскій витязь на борзомъ конѣ; Троцкій въ образѣ чорта; ярко рыжій англичанинъ, тащилъ за собой связку крохотныхъ корабликовъ и везъ на веревочкѣ игрушечныя пушечки. На этомъ была надпись:

«Мои друзья, русскіе. Я, англичанинъ, дамъ Вамъ все нужное для побѣды».

Картинки препотѣшныя; конечно, мнѣ и въ голову не приходило, что посредствомъ ихъ да еще небольшихъ черносотенныхъ прокламацій, серьезно предполагали бороться, — хотя и за казенный счетъ! — съ многоголовной гидрой большевизма. Въ заключеніе я рѣшилъ, что ни Троцкій съ рожками, ни рыжій англичанинъ, ни даже генералы въ лавровыхъ вѣнкахъ, нисколько не помѣшаютъ мнѣ обратиться въ «Освагъ» для устройства лекцій. Поэтому въ одно восхитительное осеннее утро, когда горы и море улыбались золотому солнышку и даже страшная «пятая пристань», залитая кровью русскихъ офицеровъ, смотрѣла ласково, я пошелъ въ «Освагъ».

Меня приняли, выслушали и проводили къ начальнику. Это былъ худощавый брюнетъ съ задумчивымъ лицомъ и черными глазами, бѣдно одѣтый въ штатское платье. За его столомъ тогда сидѣлъ священникъ съ подозрительно отечнымъ, желтымъ ликомъ; около стоялъ господинъ благообразной наружности, съ рыжей бородой вѣеромъ, въ общемъ удивительно похожій на великодушнаго бандита, на манеръ Робъ-Роя или Ринальдо.

Мое предложеніе было принято. Я прочиталъ нѣсколько лекцій; все еще однако не выяснивъ себѣ толкомъ: что такое «Освагъ»? Знакомый оказался правъ.

Но вотъ, послѣ третьей, кажется, лекціи, начальникъ отдѣла агитаціи вызвалъ меня къ себѣ и предложилъ мнѣ постоянную службу въ «Освагѣ» въ качествѣ завѣдывающаго литературнымъ бюро и издательствомъ «Освага».

— Сначала присмотритесь, — предложилъ онъ, — потомъ, если понравится, мы Васъ зачислимъ въ штатъ приказомъ.

А рыжій бандитъ шепнулъ мнѣ въ ухо:

— Сахаръ, муку, дрова, будете получать изъ склада... Комнату можете реквизировать... Спиртъ изъ Абрау-Дюрсо получаемъ!..

Я началъ ходить въ «Освагъ» на занятія. Въ чемъ состояли мои обязанности, я до сихъ поръ хорошенько не знаю. Предупреждали меня, чтобы я не внималъ лукавымъ рѣчамъ типографщиковъ, желающихъ освобождать отъ мобилизаціи своихъ печатниковъ черезъ «Освагъ»; прочиталъ скучнѣйшую агитаціонную брошюру профессора Н., которую по совѣсти посовѣтовалъ бросить въ печь. Но недоумѣніе наконецъ разрѣшилось: однажды ко мнѣ подошелъ господинъ съ рыжей бородой, похожій на великодушнаго бандита, фамильярно взялъ меня подъ руку и откровенно предложилъ:

— Не желаете ли Вы одновременно служить «по информаціи»?

Это означало:

— Не желаете ли сдѣлаться шпіономъ?

Бандитъ скромно прибавилъ:

— За это Вы будете получать еще тысячу дополнительно...

Я пошелъ къ начальнику отдѣла и заявилъ, что нашелъ службу въ «Освагѣ» для себя неподходящей и поэтому ухожу.

Начальникъ былъ недоволенъ. Про него говорили, что онъ — идейный и даже партійный человѣкъ. Къ какой партіи онъ принадлежалъ, я не знаю. Мой отказъ видимо волновалъ его и онъ съ горячей укоризной замѣтилъ мнѣ:

— Вы, господа, все желаете выполнять аристократическую часть работы. На кого же свалить черную, грубую, подчасъ непріятную работу? А вѣдь она также нужна... Словомъ, совѣтую Вамъ еще повременить съ окончательнымъ рѣшеніемъ.

Я пересталъ бывать въ «Освагѣ».

Еще до этого, на одной изъ моихъ лекцій, со мной познакомился одинъ весьма любопытный типъ. Типъ этотъ сдѣлалъ мнѣ признаніе:

— Что Вамъ за охота ссориться съ «Освагомъ?» Не нравится, не ходите; но зачѣмъ же заявлять объ отказѣ. Деньги Вамъ все равно платить будутъ, а потомъ, какъ знать? Можетъ быть и приглянется. У насъ ребята добрые, а заведеніе питательное...

Послѣ лекціи мой новый знакомый поздравилъ меня съ успѣхомъ и пригласилъ въ нѣкоторое укромное мѣстечко подъ рестораномъ «Слонъ», гдѣ хлысты торговали малороссійской колбасой и «самогонкой». Послѣ третьей рюмки господинъ этотъ немного охмелѣлъ, перешелъ на «ты» и разсказалъ, что онъ состоитъ начальникомъ отдѣла устной пропаганды «Освага».

— Какъ же Вы пропагандируете? — поинтересовался я.

Онъ разсказалъ:

— Видишь, у меня ѣсть цѣлый штатъ прохвостовъ, то бишь, агитаторовъ, обучавшихся въ особой школѣ... Образованные мерзавцы!.. Они ѣздятъ по моимъ инструкціямъ — для провокаціи. Чтобы тебѣ сталъ сразу понятенъ характеръ дѣятельности, выслушай.

— Иду я, или одинъ изъ моихъ негодяевъ, — напримѣръ, по Серебряковкѣ и вижу: солдатъ безъ ноги, безъ головы, безъ руки тамъ, однимъ словомъ, пьяный, пристаетъ къ публикѣ: «подайте жертвѣ германскаго плѣна!» Я къ нему: «Желаешь получать сто на день?»... — Ну, конечно, желаетъ... Такъ вотъ что, братское сердце: вмѣсто того, чтобы безъ толку голосить «жертва германскаго плѣна», голоси: «жертва большевистской чрезвычайки». Понятно?! Говори про чрезвычайку, ври, что въ голову прилѣзетъ и — получай сто цѣлковыхъ — на пропой души».

Тутъ я припомнилъ, что мнѣ это уже приходилось слышать въ Новороссійскѣ. Пьяные, оборванные, наглые люди въ солдатскихъ фуражкахъ и въ шинеляхъ, благоухая «самогонкой», что-то такое разсказывали объ ужасахъ, пережитыхъ ими въ чрезвычайкахъ, нерѣдко, откровенно дополняя свои разсказы:

— По сто цѣлковыхъ платитъ за эту самую канитель Василь Иванычъ. — Подайте жертвѣ!

Характеръ дѣятельности «Освага» постепенно выяснялся. Окончательно выяснился онъ нѣсколько позже.

Я работалъ въ Новороссійскѣ въ газетѣ и начиналъ уже понемногу забывать объ «Освагѣ». Однажды вечеромъ въ редакцію зашелъ начальникъ «устной агитаціи» и положилъ ко мнѣ на столъ туго набитый портфель. Весело и значительно поглядѣвъ на меня, онъ спросилъ:

— Угадай, что въ портфелѣ?

Не дожидаясь отвѣта, онъ добавилъ:

— Денежки, батенька, денежки!

И расхохотался.

Я ничего не понималъ. Мой новый другъ продолжалъ:

— А знаешь, сколько?

Я только плечами пожалъ, недоумѣвая.

— Шестьдесятъ тысячъ... Но — главное не въ этомъ. Главное, угадай, для кого эти деньги?

И на эту загадку я не отвѣтилъ. Тогда онъ торжественно вытащилъ пачку совсѣмъ новенькихъ, только-что изъ типографіи, еще пахнущихъ краской, тысячныхъ «колокольчиковъ» и сказалъ:

— Этакій непонятливый. Для тебя эти деньги; получай, и пойдемъ въ Капернаумъ вспрыскивать получку!..

Уединившись за грязной ситцевой занавѣской въ подвалѣ у гостепріимныхъ хлыстовъ, онъ шлепнулъ портфель на столъ и сказалъ довѣрчиво:

— Я знаю, что ты не дуракъ. Ты и безъ меня понимаешь, что такихъ денегъ даромъ не даютъ.

Я согласился.

— Поэтому, — продолжалъ онъ, — вотъ тебѣ кромѣ денегъ еще проѣздной билетъ до Батума и обратно. Въ Батумѣ, или тамъ въ Сухумѣ, сейчасъ находится К—й, — мы имѣемъ свѣдѣнія: къ товарищу Чхеидзе въ гости пожаловалъ!..

— Вѣдь ты его не любишь? — заглядывая мнѣ пристально въ глаза, вдругъ спросилъ онъ:

— Допустимъ, — согласился я.

— Ну. видишь, тѣмъ лучше, стало быть, — обрадовался онъ. — Ты являешься въ Батумъ, въ Сухумъ, словомъ, туда, гдѣ онъ, и... онъ сдѣлалъ жестъ, какъ будто давилъ ногтемъ насѣкомое, все время не спуская съ меня пристальнаго взгляда.

Онъ хлопнулъ меня по плечу, весело расхохотался и подмигнулъ мнѣ:

— Знаю, знаю, батенька, что ты любишь хорошенькихъ, и такую тебѣ бабенцію въ спутницы подыскалъ — всѣ пальчики оближешь! Пьетъ, какъ драгунъ, и — ни въ одномъ глазу!

Я не зналъ, что дѣлать: хотѣлось ударить по этой подлой, смѣющейся рожѣ, хотѣлось плакать; и подленькій страхъ змѣей заползалъ въ душу: вѣдь подобныхъ предложеній не дѣлаютъ зря; или соглашайся, или — пуля откуда-нибудь изъ-за угла и — свидѣтеля рискованной затѣи нѣтъ. А въ Новороссійскѣ дѣло съ этимъ обстояло просто: убивали столько, что полиція даже не интересовалась, кто убитый: закопаютъ, и все.

Устный пропагандистъ однако сейчасъ же отгадалъ мои колебанія. Онъ расхохотался еще искреннѣе, еще благодушнѣе:

— А еще писатель, — забубнилъ онъ, — публицистъ! Психологъ! Даже позеленѣлъ весь! А вѣдь нѣтъ того, чтобы понять, что это просто шутка. Ну, станетъ кто-нибудь о такихъ вещахъ въ кабакахъ въ серьезъ разговаривать?

Въ этотъ вечеръ я долго не могъ заснуть у себя въ редакціи. Горѣло электричество; сотни огромныхъ крысъ смѣло носились по полу, карабкались по стѣнамъ, дрались. Вокругъ, въ лавровыхъ вѣнкахъ висѣли портреты Корнилова, Алексѣева, Дроздова. Черная мгла смотрѣла въ окно. А я думалъ объ «Освагѣ». Теперь онъ былъ для меня совершенно ясенъ.

Я думалъ о томъ, что въ этомъ учрежденіи работаютъ русскіе профессора, писатели съ большими именами, работаетъ несчастная русская молодежь и, — признаюсь, — слезы градомъ катились у меня изъ глазъ.

— Вотъ Вамъ и Троцкій въ красной визиткѣ, витязь со сверкающимъ мечемъ, залитый зарею Московскій Кремль!..

На слѣдующій день газета вернулась изъ цензуры съ большими пробѣлами: видно было, что не въ мѣру поусердствовалъ красный карандашъ цензора. На другой день — то же самое. Потомъ пришла бумага изъ «особаго отдѣла». Оффиціальное предупрежденіе съ напоминаніемъ объ отвѣтственности... Я всмотрѣлся въ подпись — и прочиталъ красиво, отчетливо выведенную фамилію «устной пропаганды».

А потомъ явился и онъ самолично. Шумный, веселый, похлопывающій всѣхъ по плечу, по животу:

— Видалъ — миндалъ! — загрохоталъ онъ, подходя ко мнѣ. — Я вѣдь по этой части могу, по цензорской!..

Онъ подмигнулъ и провелъ пальцемъ у себя вокругъ шеи:

— А кто говоритъ много, и по этой могу! Ловко?!..

VI

Черная орда

Главная улица въ Новороссійскѣ — Серебряковская. Приблизительно посрединѣ этой лучшей, но тѣмъ не менѣе достаточно нескладной и неприглядной улицы находилась бойкая кофейная, называвшаяся «кафэ Махно». Здѣсь помѣщалась штабъ-квартира спекулянтовъ, такъ-называемой «черной орды».

Орда была дѣйствительно черная: по духу и по колориту. Сильные брюнеты: Константинопольскіе греки, налетѣвшіе на охваченный гражданской войной югъ, какъ воронье на падаль, армяне, евреи — преобладали; хотя, конечно, не было недостатка и въ представителяхъ славянской расы...

Въ кафэ Махно устанавливались цѣны на валюту, на товары, цѣнности, и оно до такой степени замѣняло биржу, что съ нимъ считались банки; а въ мѣстныхъ газетахъ, въ справочномъ отдѣлѣ, котировки печатались подъ общимъ заголовкомъ «кафэ». Такъ же, какъ въ былыя времена печаталось: «фондовая биржа».

Въ обширной, грязноватой залѣ, съ большою печью посрединѣ, съ нѣсколькими чахлыми пальмами въ качествѣ единственной декораціи, стояло множество убогихъ столиковъ, неприкрытыхъ, заваленныхъ крошками, залитыхъ кофе. Освѣщалась кофейная плохо. Электричество часто не горѣло, и тогда, при свѣтѣ стеариновыхъ огарковъ, воткнутыхъ въ бутылки, она получала зловѣщій видъ пещеры съ пирующими разбойниками. Алчные, безпокойные, сверкающіе взгляды, рѣзкія тѣлодвиженія южанъ, лохмотья и шикарные костюмы, все это еще больше увеличивало иллюзію. Въ воздухѣ всегда колыхалась синяя пелена табачнаго дыма и кухоннаго чада, и всегда, особенно въ ненастье, была такая толпа и давка, около столовъ стояли такія очереди, дожидавшіяся, когда будетъ проглоченъ послѣдній кусокъ, что бывать у Махно безъ дѣла бывало непріятно.

Столики обслуживались шикарными кельнершами, нерѣдко блиставшими драгоцѣнностями, доставшимися имъ, Богъ знаетъ откуда, и какой цѣной. Работая у Махно безъ жалованья, кажется, платя даже за обѣдъ и чай, барышни эти зарабатывали баснословныя деньги. Герои тыла, съ утра до ночи, воевавшіе за столиками, — и, къ слову сказать, наносившіе добровольцамъ гораздо большій уронъ, чѣмъ большевики, — были щедры. Городъ сидѣлъ на діэтѣ; у многихъ простой хлѣбъ и кусочекъ сала считались роскошью; съ апломбомъ заказывая себѣ стоящую бѣшеныхъ денегъ порцію сосисокъ съ капустой, орда «держала фасонъ» и, желая блеснуть широтою натуры, выбрасывала «барышнямъ» на чай крупныя донскія кредитки. Могильныя гіены, стервятники разныхъ величинъ, чувствовали себя здѣсь, у Махно, баловнями счастья и демонстрировали это безъ стѣсненія.

«Юрко и Паника», нарицательное имя спекулянтовъ, опредѣляли курсъ русской и иностранной валюты, скупали золото и драгоцѣнности, скупали гуртомъ весь сахаръ, весь наличный хлѣбъ, мануфактуру, купчія на дома и имѣнья, акціи желѣзныхъ дорогъ и акціонерныхъ компаній. Тутъ можно было пріобрѣсти разрѣшеніе на ввозъ и вывозъ, плацъ-карту до Ростова, билетъ на каюту на пароходѣ, отдѣльный вагонъ и цѣлый поѣздъ, спеціально предназначенный для военнаго груза на фронтъ. Здѣсь торговали медикаментами и партіями снаряженія, въ безплодномъ ожиданіи котораго добровольцы вымерзали подъ Орломъ и Харьковомъ цѣлыми дивизіями.

Въ теплую, погожую погоду «черная орда» высыпала изъ кафэ на Серебряковскую. Почти напротивъ, въ большомъ, мрачномъ четырехъэтажномъ зданіи, находилось комендантское управленіе. На тротуарѣ противъ управленія, днемъ, собиралась другая толпа: загорѣлые, дурно одѣтые, до зубовъ вооруженные офицеры, пріѣзжавшіе по дѣламъ и на побывку съ фронта. Эти обездоленные, истощенные походной и боевой жизнью, измученные тоской по голоднымъ женамъ и дѣтямъ люди съ нескрываемой, острой ненавистью поглядывали на другую сторону улицы, гдѣ, словно угорѣлые, метались хищныя, сытыя фигуры. Слышалось иногда брошенное вскользь замѣчаніе:

— Эхъ, поставить бы съ обѣихъ сторонъ Серебряковской по батареѣ, да картечью!..

Или:

— Въ шашки бы ихъ, мародеровъ!..

Изъ этого, само собой, не надо дѣлать вывода, что среди «черной орды» не было людей съ офицерскими и генеральскими погонами, съ металлическими вѣнками на георгіевской лентѣ за знаменитый «ледяной» походъ; людей съ золотымъ оружіемъ и на костыляхъ. Спекулировали въ Новороссійскѣ всѣ: телефонныя барышни и инженеры, дамы-благотворительницы и портовые рабочіе, гимназисты и полицейскіе, священники и «торгующія тѣломъ». Спекулировали старики и дѣти, инвалиды на костыляхъ и семипудовые толстосумы, послѣдній нищій и первый богачъ.

Спекулировали даже представители высшей гражданской и военной администраціи. Однажды къ намъ въ редакцію зашелъ секретарь одного высшаго добровольческаго сановника, почтенный генералъ съ Владиміромъ на шеѣ.

— У меня пикантнѣйшая новость, — сказалъ онъ, присаживаясь къ столу. — Только пожалуйста не для печати!.. Сегодня, по порученію генерала, составилъ проектъ приказа о выселеніи изъ предѣловъ города всѣхъ лицъ, не

состоящихъ на государственной, ни на общественной службѣ, пріѣхавшихъ послѣ такого-то числа. Его Высокопревосходительство внесъ въ проектъ существенную поправку — прямо можно сказать, создалъ новый объектъ для спекуляціи!..

Генералъ вздохнулъ и безнадежно поникъ красивой, сѣдѣющей головой.

— Мой проектъ имѣлъ въ виду исключительно спекулянтовъ: вѣдь дышать отъ нихъ нечѣмъ! И что же Вы думаете? Генералъ разрѣшилъ жительство прислугамъ лицъ, состоящихъ на службѣ. Посудите сами, какая теперь пойдетъ купля-продажа всякихъ поварскихъ, лакейскихъ и прочихъ должностей?!.. И безъ того вакханалія полнѣйшая!

Генералъ былъ правъ, — все, что ни дѣлалось противъ спекуляціи, роковымъ образомъ обращалось въ ея пользу. Я не знаю, спекулировали ли мѣстами на кладбищѣ; но билетами въ номерныя бани — спекулировали, и весьма прибыльно.

Днемъ по городу бродили толпы иностранныхъ матросовъ и солдатъ. Они вымѣнивали фунты и франки, скупая текинскіе и персидскіе ковры, разстилаемые армянами въ продажу прямо на мостовой. Они продавали башмаки, бѣлье, консервированное молоко и фуфайки, ткани и галеты, съ жадностью скупая золотыя вещицы съ рукъ и въ магазинахъ. Офицеры, получавшіе хлѣбъ отъ интендантства, посылали въ очередь около булочныхъ своихъ денщиковъ, сами, съ револьверами въ рукахъ, требовали, чтобы имъ продавали хлѣбъ безъ очереди, захватывали его весь, гуртомъ, — и продавали его черезъ тѣхъ же торговцевъ втридорога.

Спекулировали ордерами на реквизицію домовъ и квартиръ; спекулировали комнатами. Мальчишки-газетчики, — среди которыхъ было не мало дѣтей интеллигентныхъ родителей — зарабатывали на спекуляціи газетами сотни рублей въ день, и деньги эти тутъ же пропивали и проигрывали въ карты и орлянку.

Когда одолѣваемыя все болѣе наглѣвшими къ концу трагедіи добровольчества, зелеными, власти издали приказъ о закрытіи всѣхъ кофеенъ, ресторановъ и харчевенъ послѣ семи часовъ вечера, тотчасъ же начали спекулировать на этомъ приказѣ.

Я помню жуткую картину. Въ маленькой, очень грязной и всегда полной народу кофейной, называвшейся «кооперативной», дремали за столиками бездомные люди. Особенно врѣзалась мнѣ въ память молодая чета. Они потеряли другъ друга на фронтѣ: онъ безусый «фендрикъ», она — юная сестра милосердія. Они случайно встрѣтились въ «кооперативной» кофейной, оба, уже считавшіе другъ друга потерянными навсегда. Возгласъ, горячіе поцѣлуи — что за дѣло, что тутъ были посторонніе! Съ сіяющими глазами, пожимая руки, они сѣли за столъ, незамѣтно съѣли обѣдъ, какое-то гнусное сладкое и — незамѣтно заснули отъ утомленія, сидя рядомъ на поломанныхъ стульяхъ.

Часы пробили половину седьмого. Скромныя, усталыя служанки кафэ съ состраданіемъ смотрѣли на нихъ. Но — приказъ былъ ясенъ и за неисполненіе его грозила тяжкая кара. «Молодыхъ», какъ ихъ успѣли окрестить, растолкали. Они смотрѣли другъ на друга нѣжными, печальными глазами. Идти имъ было некуда.

И, я помню, къ нимъ подошелъ отвратительный жирный человѣкъ-паукъ. Въ засаленномъ котелкѣ, въ рваномъ пальто, онъ заставилъ ихъ пересчитать всѣ имѣвшіяся у нихъ деньги — у обоихъ нашлось что-то тысячи полторы, —

и всѣ до послѣдняго рубля отнялъ у нихъ за какую-то конуру, въ которой, по его заявленію, было скверно:

— Такъ, на манеръ амбарчика... Ну, животныя, то-есть крысы, конечно есть... Дуетъ; ну, да вѣдь Вы молодые, согрѣетесь... У Васъ ничего не осталось больше, сестрица? Жаль; задаромъ почитай отдаю!..

Оба они хорошо знали, что ночевать на улицѣ въ городѣ, гдѣ каждую ночь зеленые охотились за добровольцами, а добровольцы за зелеными, было нельзя. Да и погода была неподходящая: ледяной нордъ-остъ съ дождемъ и хлопьями снѣга. А офицерскія общежитія были такъ переполнены, что спавшіе въ нихъ на полу люди буквально поворачивались «по командѣ». Одному перевернуться на другой бокъ было нельзя.

Нечего удивляться, что на «черную орду» смотрѣли съ горячей ненавистью. Со мной случилась такая вещь.

Какъ-то вечеромъ я кончилъ работу и отправился ночевать къ знакомому. Жилъ я тогда въ редакціи съ полуидіотомъ сторожемъ и легіономъ крысъ. Иногда становилось невтерпежъ и тянуло къ людямъ, въ человѣческую обстановку. Знакомый мой снималъ комнату у воинскаго начальника. У него онъ выпросилъ разрѣшеніе иногда ночевать и мнѣ.

Для меня такіе ночлеги были настоящимъ праздникомъ. Сначала чай — изъ самовара! — чай, за которымъ присутствовала дѣтвора, который разливала милая женщина — гдѣ-то она теперь? А потомъ денщикъ «дядя Петра», плѣнный «красный», угрюмый и добродушный, стлалъ постель на чистомъ сѣнникѣ, казавшуюся мнѣ послѣ жесткаго редакторскаго стола, на которомъ я работалъ днемъ, а ночью, съ позволенія сказать, спалъ, настоящимъ раемъ. Итакъ, я пошелъ ночевать къ знакомому.

Погода стояла отвратительная. Добрался до домика воинскаго начальника на Соборной площади; смотрю, окна привѣтливо свѣтятся, горитъ на крыльцѣ электрическій фонарикъ. Я уже ухватился за ручку звонка и успѣлъ перевернуть ее, какъ вдругъ услыхалъ позади себя громкое откашливанье. Я оглянулся. Темно, только за оградой палисадника, шагахъ въ четырехъ отъ меня, бѣлѣютъ два лица, фуражки съ кокардами видно. Лица были простыя, молодыя, спокойныя. Я снова было взялся за звонокъ; но тутъ со стороны палисадника раздался неувѣренный голосъ:

— Вы!.. Вы — спекулянтъ?!

Послышался металлическій звукъ, какой бываетъ, когда приводятъ въ боевую готовность браунингъ.

Я невольно задрожалъ и оглянулся. Прямо на меня были наведены два револьвера. Одинъ изъ офицеровъ спросилъ громко и отчетливо:

— Говорите правду: Вы спекулянтъ?

Я — маленькій и толстый. На мнѣ было хорошее англійское пальто и шляпа, купленная въ Лондонѣ. Проклятая шляпа!

Положеніе было безвыходное. Я стоялъ безоружный на ярко освѣщенной электрическимъ фонарикомъ площадкѣ крыльца; спрашивающіе были въ темнотѣ. Мелькнула безобразная мысль о смерти, такъ, за здорово живешь. Языкъ отказывался произнести хоть какой-нибудь звукъ. Пролетѣла тяжелая секунда.

Вдругъ широкая полоса свѣта упала на меня, на темный палисадникъ изъ раскрывшейся двери. Жена воинскаго начальника въ пуховомъ платкѣ со спокойнымъ и привѣтливымъ лицомъ показалась въ половинкѣ открытой

двери. Мигомъ она поняла все и, загораживая меня своимъ тѣломъ, спокойно проговорила:

— Что это Вы, господа? Здѣсь квартира воинскаго начальника!.. Вы должны знать...

— Проходите, — ободряюще улыбнулась она мнѣ, — успокойтесь!..

Дверь захлопнулась. Позади я услышалъ виноватые голоса:

— Мы пошутили!.. Ничего!..

Мнѣ было не до шутокъ. Я дрожалъ всѣмъ тѣломъ; сердце готово было разорваться отъ испуга и негодованія. Помню, я долго плакалъ потомъ, сидя въ теплой, свѣтлой, уютной гостиной.

Когда вернулся воинскій начальникъ, жена разсказала ему все. Бравый полковникъ посмотрѣлъ на меня съ усмѣшкой. Онъ сказалъ:

— Напугали Васъ, мои ребята? Пройдетъ! А съ другой стороны — что же дѣлать: вѣдь живьемъ ѣдятъ, проклятые!..

Я едва не сдѣлался, какъ узналъ тогда же, жертвой охоты на спекулянтовъ, послѣднимъ средствомъ, выдвинутымъ отчаявшимися людьми противъ «черной орды».

VII

Красные и зеленые

Однажды, уже глубокой осенью, я вернулся домой и засталъ въ бѣлой кухонькѣ у Бурачковъ перемѣну. На большомъ, расписанномъ цвѣтами сундукѣ, замѣнявшемъ намъ письменный и обѣденный столъ, лежалъ накрытый овчиннымъ тулупомъ Павликъ и скрипѣлъ зубами. Возлѣ него, подгорюнившись по-бабьему, стояла мать. Глаза у нея были красны отъ слезъ; но она видимо крѣпилась. У двери стоялъ старшій сынъ, только-что вернувшійся съ табачной фабрики. На этотъ разъ онъ не предложилъ мнѣ какого-то «совершенно отдѣльнаго» табаку, что продѣлывалось неизмѣнно каждый вечеръ, и смотрѣлъ исподлобья, волкомъ.

Я спросилъ:

— Что это съ Павломъ?

Мать сверкнула на меня глазами и промолчала. Потомъ рванулась къ дико застонавшему мальчику, схватила его на руки, какъ грудного, перевернула спиной вверхъ и подняла рубашку. Спина несчастнаго Павлика вздулась какъ подушка; она была вся изсиня багровая, изсѣченная такъ, что клочьями висѣло кровавое мясо. Положила сына обратно на дерюжку, постланную на ея приданомъ сундукѣ, хранившемъ фамильныя богатства, и снова подгорюнилась.

Пришелъ отецъ; не поздоровался. Я попробовалъ разрядить сгустившуюся атмосферу и кивнулъ на Павлика:

— Кто это его такъ?

Павликъ скрипнулъ зубами; но не выдержалъ и опять застоналъ:

— Ой, мамо моя, больно!

Бурачекъ, насупившись и сопя носомъ, опустилъ глаза и сурово выговорилъ:

— Увольняйтесь отсюда.

Легко сказать: увольняйтесь! Но куда? Снова пустилъ въ ходъ дипломатію. Напомнилъ даже, «что вѣдь и мы тоже люди».

Куда тамъ: упорно глядя въ полъ и сопя, Бурачекъ повторилъ:

— Извѣстно, люди!.. А только — увольняйтесь. Самимъ дѣваться некуда. И — то въ сараѣ спали изъ-за Васъ въ такой холодъ...

Искать квартиру въ городѣ было безполезно. Реквизировать не хотѣлось; да и нечего было реквизировать. Поэтому мы на другой день уѣхали въ Крымъ.

Пароходъ, на которомъ мы плыли по бурному Черному морю, былъ старый и такъ заросъ ракушками, что сдѣлался похожъ на загаженную половинку яичной скорлупы. Волны кидали его какъ мячикъ; къ тому же носъ его былъ перегруженъ и винтъ на кормѣ все время со свистомъ вращался въ воздухѣ. Пассажиры валялись отъ морской болѣзни вповалку, и только я да еще одинъ высокій драгунскій ротмистръ уцѣлѣли и прогуливались по палубѣ. Въ каюту нельзя было войти: вонь и подъ ногами противная слизь, выброшенная больными желудками укачанныхъ. Ротмистръ отъ нечего дѣлать стрѣлялъ изъ винтовки — кувыркающихся вокругъ кувыркающагося парохода дельфиновъ, и при каждомъ попавшемъ выстрѣлѣ говорилъ:

— Что, братъ, коряво?!..

Когда ему надоѣло безцѣльное истребленіе безобидныхъ морскихъ животныхъ, которымъ бывало такъ радовались всѣ пріѣзжавшіе на Южный берегъ отдохнуть, онъ отнесъ винтовку въ каюту, и мы стали разговаривать.

Мнѣ этотъ ротмистръ почему-то сразу приглянулся. Высокій, статный, загорѣлый, съ бѣлымъ сабельнымъ шрамомъ поперекъ лба и съ серьгою въ ухѣ, онъ былъ по-солдатски простосердеченъ и грубоватъ, любилъ специфическія кавалерійскія словечки и отличался какимъ-то суровымъ рыцарствомъ манеръ и характера. Рубака должно быть былъ отчаянный. Почему-то напоминалъ онъ мнѣ Николая Ростова изъ «Войны и мира».

Въ побѣду Деникина онъ не вѣрилъ. На добровольцевъ, особенно на кавалеристовъ, смотрѣлъ съ презрѣніемъ профессіонала на диллетантовъ.

— Помилуйте, кавалеристъ долженъ быть на четырехъ конскихъ ногахъ, какъ на своихъ двоихъ, а этотъ — и сидитъ-то, словно собака на заборѣ!..

Я немного коварно спросилъ его про Буденнаго. Онъ задумчиво протянулъ:

— Д-да... Конникъ хорошій!.. Нашей выучки...

Потомъ живо взглянулъ на меня и сказалъ:

— Впрочемъ, и Буденный никуда не годится... А ужъ эти «пролетаріи на коняхъ» настоящая мразь!.. Я ихъ всегда разстрѣливаю, этихъ конниковъ... Настоящаго кавалериста не разстрѣлялъ бы, будь онъ семь разъ красный!..

Видя, что меня слегка передернуло отъ его словъ, онъ снисходительно усмѣхнулся.

— Нашему брату «нервовъ» не полагается. Гражданская война: сегодня ты, а завтра я. И самъ пощады не попрошу, когда попадусь. А попадусь навѣрное — не сегодня, завтра.

Онъ помолчалъ немного; потомъ заговорилъ снова:

— Повѣрите, до чего дошелъ: вотъ Вы для меня безразличны. А подойди къ Вамъ сейчасъ кто-нибудь, наведи револьверъ, я и не подумаю вступаться. Развѣ отодвинусь, чтобы мозгомъ не забрызгало.

Красныхъ, взятыхъ въ плѣнъ, онъ, по его словамъ, приказывалъ «долго и нудно» бить, а потомъ «пускалъ въ расходъ».

— Офицеровъ красныхъ, тѣхъ всегда самъ...

Онъ оживился и съ засвѣтившимся взоромъ продолжалъ:

— Поставишь его, Іуду, послѣ допроса къ стѣнкѣ. Винтовку на изготовку, и начинаешь — медленно наводить... Сначала въ глаза прицѣлишься; потомъ тихонько ведешь дуло внизъ, къ животу, и — бахъ! Видишь, какъ онъ передъ дуломъ извивается, пузо втягиваетъ; какъ бересту на огнѣ его, голубчика поводитъ, злость возьметъ: два раза по немъ дуломъ проведешь, дашь помучиться, и тогда уже кончишь. Да не сразу, а такъ, чтобы помучился досыта.

— Бывало и такъ: увидитъ винтовку, и сейчасъ глаза закроетъ. Ну, такому крикнешь: «господинъ офицеръ, стыдно съ закрытыми глазами умирать». И представьте себѣ: дѣйствовало! — обязательно посмотритъ...

— Подраненныхъ не позволялъ добивать: пускай почувствуетъ...

Вообще отношеніе къ взятымъ въ плѣнъ красноармейцамъ со стороны добровольцевъ было ужасное. Распоряженія генерала Деникина на этотъ счетъ открыто нарушались и самого его за это называли «бабой». Жестокости иногда допускались такія, что самые заядлые фронтовики говорили о нихъ съ краской стыда.

Помню, одинъ офицеръ изъ отряда Шкуро, изъ такъ-называемой «волчьей сотни», отличавшійся чудовищной свирѣпостью, сообщая мнѣ подробности побѣды надъ бандами Махно, захватившими, кажется, Маріуполь, даже поперхнулся, когда назвалъ цыфру разстрѣлянныхъ, безоружныхъ уже противниковъ:

— Четыре тысячи!..

Онъ попробовалъ смягчить жестокость сообщенія:

— Ну, да вѣдь они тоже не рѣпу сѣютъ, когда попадешься къ нимъ... Но все-таки...

И добавилъ вполголоса, чтобы не замѣтили его колебаній:

— О четырехъ тысячахъ не пишите... Еще, Богъ знаетъ, что про насъ говорить станутъ... И безъ того, собакъ вѣшаютъ за все!..

Не такъ относились къ зеленымъ.

Къ намъ иногда заходилъ членъ военно-полевого суда, офицеръ-петербуржецъ. Совершенно лысый, не безъ фатовства слегка припадающій на правую ножку, съ барскимъ басомъ и изысканными манерами. Руки у него были выхоленныя, какъ у женщины; лицо землистое, съ мутными, словно плавающими въ какой-то жидкости, мертвыми глазами и мертвой, застывшей улыбкой. Этотъ даже съ извѣстной гордостью повѣствовалъ о своихъ подвигахъ; когда выносили у него въ судѣ смертный приговоръ, потиралъ отъ удовольствія свои холенныя руки. Разъ, когда приговорили къ петлѣ женщину, онъ прибѣжалъ ко мнѣ, пьяный отъ радости.

— Наслѣдство получили?

— Какое тамъ!.. Первую, Вы понимаете, первую сегодня!.. Ночью вѣшать въ тюрьмѣ будутъ...

Помню его разсказъ объ интеллигентѣ-зеленомъ. Среди нихъ попадались доктора, учителя, инженеры...

— Застукали его на словѣ «товарищъ». Это онъ, милашка, мнѣ говоритъ, когда пришли къ нему съ обыскомъ. «Товарищъ», — говоритъ, — «Вамъ

что тутъ надо?» Добились, что онъ — организаторъ ихнихъ шаекъ. Самый опасный типъ. Правда, чтобы получить сознаніе, пришлось его слегка пожарить на вольномъ духу, какъ выражался когда-то мой поваръ. Сначала молчалъ: только скулы ворочаются; ну, потомъ, само собой сознался, когда пятки у него подрумянились на мангалѣ... Удивительный аппаратъ этотъ самый мангалъ!.. Распорядились съ нимъ послѣ этого по историческому образцу, по системѣ англійскихъ кавалеровъ. Посреди станицы врыли столбъ; привязали его повыше; обвили вокругъ черепа веревку, сквозь веревку просунули колъ и — кругообразное вращеніе! Долго пришлось крутить. Сначала онъ не понималъ, что съ нимъ дѣлаютъ; но скоро догадался и вырваться попробовалъ. Не тутъ-то было. А толпа, — я приказалъ всю станицу согнать для назиданія, — смотритъ, и не понимаетъ, то же самое. Однако, и эти раскусили, и было — въ бѣга. Ихъ въ ногайки; — остановили. Подъ конецъ солдаты отказались крутить; господа офицеры взялись. И вдругъ слышимъ: крыкъ! — — черепная коробка хряснула — и кончено; сразу вся веревка покраснѣла, и повисъ онъ, какъ тряпка. Зрѣлище поучительное. И что же? Въ благодарность за даровой спектакль, подходитъ ко мнѣ дѣвица, совершенно простая, ножищи въ грязи, и — харкъ мнѣ въ физіономію! Ну, я ее, рабу Божію, шашкой! Рядомъ съ товарищемъ положили: женихъ и невѣста, ха, ха, ха!

У воинскаго начальника, о которомъ я говорилъ въ предыдущемъ очеркѣ, былъ денщикъ «дядя Петра», какъ его всѣ называли. Большой, тяжелый, пожилой мужикъ съ самымъ обыкновеннымъ мужицкимъ лицомъ. Хмурый, жесткіе солдатскіе усы, носъ картофелиной, глаза дѣтскіе. Въ первый разъ, какъ я его увидѣлъ, онъ сидѣлъ у воротъ на скамейкѣ. Лицо задумчивое, печальное, а на колѣняхъ хорошенькій мальчишечка въ матроскѣ. Оказалось, сынъ полковника, больной.

— Только дядя Петра и умѣетъ его успокоить, — сказала мнѣ мать ребенка. — Ему бы въ сарафанѣ ходить: такъ дѣти къ нему льнутъ, что я даже ревновать начинаю... А вѣдь, представьте, красный, въ плѣну!..

Про себя дядя Петра говорилъ:

— Все время въ неволѣ — съ самой войны. Сначала у нѣмцевъ три года въ шахтахъ работалъ и лошадью былъ — пахали они на насъ... Домой пустили, опять мобилизовали, до деревни не дошелъ, и опять въ плѣнъ. Ну, признаться, наши разстрѣлять перво на перво хотѣли, да баринъ мой заступился, къ себѣ взялъ. Ничего, житье хорошее, только-бы домой вотъ!.. Вѣдь мы зубцовскіе сами; жена у меня, двѣ коровы остались, ребята, поди, большіе стали: шесть лѣтъ не видѣлись!..

Дядя Петра пригорюнился; потомъ сказалъ:

— Барыня наша, — она добрая, — краснымъ меня дразнитъ. А мнѣ — что красный, что голубой, все единственно: люди мы подневольные, господамъ подверженные; вѣдь и большевики, они нашего брата не очень-то милуютъ, только что товарищами называютъ...

— И когда только вся эта канитель кончится? Али, когда перемремъ всѣ? Неужто и правда, что свѣта конецъ насталъ?..

Въ Новороссійскѣ было много красныхъ, плѣнныхъ. Былъ, если не ошибаюсь, категорическій приказъ, чтобы ихъ не убивали. Въ рваномъ холщевомъ бѣльѣ, смирные, скучающіе, они слонялись по базару, спали на пристаняхъ. Вообще вели себя, какъ оторванные отъ всего привычнаго мужики. Многіе

изъ нихъ не выдерживали голодовки, — кормили ихъ отвратительно, — и вынужденной праздности, и уходили въ горы, «въ зеленые».

Къ зеленымъ населеніе и сѣрая солдатская масса добровольческой арміи, и даже стражники, относились двойственно: и побаивались, и сочувствовали. Про нихъ говорили:

— Насъ они не тронутъ... Оружіе дѣйствительно отберутъ... У буржуя одежду, которая лишняя, тоже возьмутъ... А такъ — народъ даже очень обходительный...

Когда на расположенное неподалеку отъ города царское имѣніе Абрау-Дюрсо, славившееся своимъ шампанскимъ, напали незадолго до ликвидаціи добровольчества зеленые, гарнизонъ отдалъ имъ свои винтовки и пулеметы и далъ ограбить контору. Отстрѣливался одинъ офицеръ, начальникъ команды. Зеленыхъ нападающихъ было тридцать; солдатъ шестьдесятъ, и сидѣли они въ хорошо укрѣпленной конторѣ имѣнія...

Однажды въ Новороссійскѣ произошелъ скандалъ: осрамилась государственная стража. Переодѣтый агентъ контръ-развѣдки арестовалъ на базарѣ «зеленаго». Вынулъ изъ кармана револьверъ и приказалъ ему идти впереди себя. Зеленый повиновался; потомъ внезапно обернулся и уложилъ агента на повалъ: револьверъ былъ у него вѣроятно въ рукавѣ шинели. Зеленый, какъ и обыкновенно, былъ одѣтъ въ англійскую шинель и фуражку, какъ и добровольцы. Поднялась суматоха; затрещали выстрѣлы; многихъ ранили, — вѣдь толпа! — а зеленый исчезъ. Говорили, что стража не особенно стремилась задержать его: умирать никому не охота: ни зеленому, ни стражнику.

Узнало объ этомъ начальство и устроило генеральную порку. Всѣхъ стражниковъ съ базара собрали въ комендантское и приказали имъ перепороть другъ друга шомполами. Своеобразная это была картина. Стражники, усатые, нерѣдко пожилые люди, спускали штаны, ложились, получали свои двадцать пять шомполовъ, и принимались на совѣсть драть своихъ палачей. Когда кончилась порка, имъ объявили:

— Завтра опять получите такую же порцію, если не доставите зеленаго! Вы понимаете, что полицейскій мундиръ замарали, вахлаки!

Вахлаки почесались и вышли. Двадцать пять шомполовъ — не шутка; да и мундиръ опять... Словомъ, они были задѣты за живое.

На другой день зеленый былъ приведенъ, связанный и основательно избитый. Какой это былъ зеленый и былъ ли онъ вообще зеленый, это составляло тайну возстанавляющихъ свою честь стражниковъ. Начальству, конечно, было тоже все равно. Стражѣ сказали, что они молодцы, а зеленаго въ тотъ же день судили и въ ту же ночь повели разстрѣливать.

На судѣ зеленый держался удивительно хладнокровно; былъ вѣжливъ съ судьями и за смертный приговоръ поблагодарилъ — по традиціи всѣхъ смертниковъ. Члены суда рѣшили, что онъ «идейный» большевикъ и были довольны, что осудили можетъ быть и не соотвѣтствующаго, но все-же безусловно опаснаго преступника.

На казнь его повели, связаннаго, десять человѣкъ. Утромъ они вернулись съ «косы» — мѣсто, гдѣ разстрѣливали, на берегу залива, — и отрапортовали, что зеленый, пользуясь темнотой — бѣжалъ. Снова были пущены въ дѣло шомпола; на этотъ разъ безрезультатно. Стража стояла на своемъ: зги не было видно, напрасно только заряды потратили, стрѣляя въ убѣгавшаго. Дѣло было предано забвенію.

Стража помалкивала. Честь полицейскаго мундира была возстановлена: зеленаго они привели. А что убѣжалъ онъ, такъ что-жъ удивительнаго? Можетъ быть и былъ онъ вовсе не зеленый!.. Да и что такое зеленый? Нынче зеленый, а завтра — надѣлъ англійскую шинель и ходитъ по базару, охраняя общественную безопастность отъ зеленыхъ по порученію начальства!

VIII

Контръ-развѣдка

Контръ-развѣдка въ добровольческой арміи была многообразна и многогранна. Она имѣла много различныхъ наименованій; развѣтвлялась на множество учрежденій; но имѣла нѣкоторое единство въ одномъ: большевики умѣло и удачно использовали ее, какъ вѣрное прибѣжище для своихъ шпіоновъ и агитаторовъ.

Шпіонажъ и контръ-развѣдка на войнѣ считаются необходимыми органами армій. Въ раіонѣ генерала Деникина контръ-развѣдка представляла собой, — выражаясь словами Бурачка-старшаго, — «что-то отдѣльное», что-то ни съ чѣмъ не сообразное, дикое безчестное, пьяное, безпутное. Главное командованіе, а вмѣстѣ съ нимъ и «Особое Совѣщаніе», то-есть Правительство, съ своей стороны, казалось, дѣлали, что могли, чтобы окончательно разнуздать, распустить эту кромѣшную банду провокаторовъ и профессіональныхъ убійцъ. Вотъ нѣсколько иллюстрацій, характеризующихъ дѣятельность контръ-развѣдки «дѣда Антона», какъ звали Деникина въ средѣ его подчиненныхъ.

Послѣ занятія одного города въ Крыму большевики разстрѣляли военнаго врача. Вскорѣ имъ пришлось очистить городъ въ свою очередь. Вдова разстрѣлянаго пошла и указала добровольческой контръ-развѣдкѣ убійцъ своего мужа. Ихъ арестовали и «пустили въ расходъ».

Городъ переходилъ изъ рукъ въ руки нѣсколько разъ. Когда счастье снова улыбнулось краснымъ, отмстившая за смерть мужа вдова собиралась эвакуироваться; но запоздала на пароходъ и вмѣстѣ съ двумя дочерьми, дѣвушками — подростками, попала въ руки авангарду большевиковъ. Вдову узнали и немедленно разстрѣляли на мѣстѣ, а барышенъ посадили въ тюрьму и тамъ — «націонализировали».

Вскорѣ послѣ этого опять пришли добровольцы. Произошла обычная расправа съ несчастными обывателями. Обезчещенныхъ дѣвушекъ выпустили изъ тюрьмы, обласкали, вознаградили, какъ могли. Несчастныя твердо рѣшили отмстить за мать и за себя. Однажды онѣ опознали на улицѣ одного изъ комиссаровъ, совершившихъ надъ ними гнусное насиліе, и подняли крикъ. Комиссаръ былъ арестованъ, избитъ и отправленъ въ контръ-развѣдку. Черезъ день барышни снова встрѣтили его на улицѣ; онъ нагло улыбнулся и галантно раскланялся со своими жертвами. Контръ-развѣдка его выпустила; а начальство, къ которому обращались барышни, только руками развело: это учрежденіе имъ не подвѣдомственно, и, во всякомъ случаѣ, вѣроятно онѣ ошиблись! Посовѣтовали забыть приключеніе въ тюрьмѣ и съ контръ-развѣдкой не ссориться...

Въ Новороссійскѣ контръ-развѣдкою называлось нѣсколько учрежденій; между прочимъ и уголовный розыскъ. Была другая контръ-развѣдка, выдававшая пропуска отъѣзжающимъ, и другой уголовный розыскъ, вѣдавшій всякія воров-

скія дѣла. Гдѣ кончалось одно и начиналось другое учрежденіе, сказать не берусь: тутъ все переплелось и перемѣшалось.

Главная и должно быть подлинная контръ-развѣдка помѣщалась на краю города, около такъ называемой «станички», за которой начинались горы и владѣнія зеленыхъ. Дворъ этого заведенія, охраняемый часовыми, былъ почему-то всегда полонъ унылыми фигурами красныхъ. Неподалеку находилась и тюрьма.

Говорили, что по ночамъ здѣсь слышались стоны и вопли; вообще было извѣстно, что то, что творилось въ застѣнкахъ контръ-развѣдки Новороссійска, напоминало самыя мрачныя времена средневѣковья.

Попасть въ это страшное мѣсто, а оттуда въ могилу, было какъ нельзя болѣе легко. Стоило только какому нибудь агенту обнаружить у счастливаго обывателя раіона добровольческой арміи достаточную по его, агента, понятію, сумму денегъ, и онъ могъ учредить за нимъ охоту по всѣмъ правиламъ контръ-развѣдывательнаго искусства. Могъ просто пристрѣлить его въ укромномъ мѣстечкѣ, сунуть въ карманъ компрометирующій документъ, грубѣйшую фальсификацію, и дѣло было сдѣлано. Грабитель-агентъ, согласно законамъ, на сей предметъ изданнымъ, получалъ что-то около 80% изъ суммы, найденной при арестованномъ или убитомъ «комиссарѣ». Населеніе было терроризовано и готово добровольно заплатить что угодно, лишь-бы избавиться отъ привязавшагося «гороховаго пальто», не доводя дѣла до полицейскаго участка.

Выходило примѣрно такъ: вся обывательская масса въ ея цѣломъ была «взята подъ сомнѣніе» въ смыслѣ ея политической благонадежности; съ другой стороны существовало стоявшее, — на подобіе жены Цезаря! — выше подозрѣній фронтовое офицерство; за нимъ шли: контръ-развѣдка, уголовный розыскъ, наконецъ государственная стража, дѣйствовавшіе подъ охраной высшихъ властей въ полномъ единеніи съ шайкой спекулянтовъ, грабителей и убійцъ. Все это сонмище, въ концѣ концовъ погубившее добровольческую армію, было въ равной мѣрѣ опасно для населенія «глубокаго тыла» — по отношенію къ нему, сонмищу, абсолютно лишенному элементарныхъ правъ человѣка и гражданина.

Всѣ, носившіе англійскія шинели и подобіе погонъ, ходили въ Новороссійскѣ вооруженными до зубовъ; пускали въ ходъ ногайки, револьверы и винтовки по всякому поводу и, какъ будто, никакой отвѣтственности за это не подлежали. Ибо все остальное подозрѣвалось въ несочувствіи, въ измѣнѣ добровольческому дѣлу, въ злостной спекуляціи, большевистской и соціалистической агитаціи, или хотя бы въ «распространеніи ложныхъ слуховъ» и принадлежности къ «жидамъ».

Даже служившіе въ «прессъ-бюро» и разъѣзжавшіе въ такъ называвшихся «агіо-поѣздахъ» русскіе писатели, иногда довольно извѣстные, и тѣ ходили съ револьверами у пояса. Я встрѣтилъ извѣстнаго поэта у входа въ кафэ Махно, во время происходившей тамъ записи эвакуировавшихся англичанами офицерскихъ семействъ, съ револьверомъ у пояса, сортировавшимъ публику . . .

Сверхъ всего этого въ Новороссійскѣ существовали тайные союзы офицеровъ, имѣвшіе цѣлью охрану жизни и достоинства офицерства. Эти союзы иногда проводили въ жизни постановленія чисто террористическія, и передъ ними трепетали всѣ, не исключая и самого ген. Деникина. Расправа съ Пом. Главнокомандующаго генераломъ Романовскимъ въ зданіи русскаго Посольства въ Константинополѣ послѣ эвакуаціи Новороссійска служитъ достаточной иллюстраціей для того, чтобы понять, что это было за учрежденіе.

Эта добровольческая «мафія» вынесла, напримѣръ, постановленіе — не доводить до тюрьмы осужденныхъ военными судами на смерть.

Государственная стража усмотрѣла въ этомъ постановленіи «разрѣшеніе на все» и начала дѣйствовать. Тѣмъ болѣе, что состояла она преимущественно изъ профессіональныхъ убійцъ, ингушей, лезгинъ, осетинъ.

Въ газету, гдѣ я работалъ, ежедневно попадали коротенькія замѣтки, получавшіяся хроникеромъ въ полиціи, объ убійствахъ арестованныхъ при препровожденіи въ мѣста заключенія. Помѣщались эти замѣтки всегда подъ одинаковымъ заголовкомъ: «неудавшійся побѣгъ». Первоначально замѣтки эти редактировались полицейскими протоколистами такъ: «при препровожденіи въ тюрьму покушался бѣжать, за что былъ убитъ». Впослѣдствіи такая редакція показалась конфузной начальству и была измѣнена слѣдующимъ образомъ: «покушался бѣжать и, послѣ троекратнаго оклика, былъ убитъ конвоемъ». Видимость закономѣрности была соблюдена, что требовалось: людей не убивали зря, а только послѣ троекратнаго предупрежденія, если таковое не помогало...

Отдѣлъ «неудавшихся побѣговъ» удерживался въ газетѣ долго и закончился трагическимъ каламбуромъ военнаго губернатора.

Однажды мнѣ принесли примѣрно такое сообщеніе. Въ одинъ изъ участковъ государственной стражи, ночью, явился неизвѣстный, назвавшійся — большевикомъ-коммунистомъ. У этого двойного злоумышленника былъ при обыскѣ найденъ паспортъ и удостовѣреніе датскаго консула «съ явно подчищенной датой выдачи», какъ значилось въ протоколѣ. Неизвѣстнаго повели въ контръ-развѣдку и по дорогѣ убили, — вѣроятно послѣ троекратнаго оклика.

На другой день по напечатаніи этого сообщенія, я получилъ «оффиціальное опроверженіе» г. военнаго губернатора. Содержаніе этого любопытнаго документа было таково:

«Въ такомъ-то номерѣ Вашей газеты появилось несоотвѣтствующее истинѣ сообщеніе. Неизвѣстный, назвавшійся большевикомъ-коммунистомъ, въ дѣйствительности былъ конторщикомъ датской фирмы, большевикомъ же себя назвалъ, потому-что, страдая возвратнымъ тифомъ и находясь въ бреду, незамѣченный вышелъ на улицу и попалъ въ участокъ».

Оффиціальное опроверженіе имѣло въ виду реабилитацію бредящаго тифознаго больного, убитаго стражей вѣроятно только для того, «чтобы не возиться» съ нимъ, и совершенно никакъ не реагировало на самый фактъ убійства нуждавшагося въ помощи, больного, неповиннаго ни въ чемъ человѣка властями.

Опроверженіе вѣроятно показалось черезъ-чуръ остроумнымъ даже самому его автору, губернатору, потому что послѣ этого полиція перестала сообщать объ «неудавшихся побѣгахъ».

Я прожилъ въ Новороссійскѣ не долго. Однако при мнѣ, за какіе нибудь три мѣсяца нѣсколько разъ смѣняли комендантовъ въ городѣ и начальниковъ государственной стражи и обязательно съ преданіемъ суду: за лихоимство, за бездѣйствіе власти и другія преступленія по службѣ. Замѣнявшее ихъ новое начальство кончало тѣмъ же — такова должно быть была его «планида».

Поступившій при мнѣ послѣдній начальникъ стражи первымъ долгомъ пріѣхалъ въ редакцію знакомиться. Этимъ онъ вѣроятно желалъ демонстрировать свое уваженіе къ гласности. Наружность новаго начальника однако немного подгуляла: круглое, румяное лицо съ небольшими, лихо подкрученными усами, масляные, воровато шмыгающіе глаза; общее выраженіе снисходительное и

самодовольное. Типичнѣйшій куроцапъ! Чтобы не оставалось сомнѣній на этотъ счетъ, онъ въ первую очередь сообщилъ, что «служилъ своему государю въ полиціи семнадцать лѣтъ, можно сказать всю нашу школу прошелъ»! Мнѣ онъ объявилъ, что намѣренъ безпощадно бороться съ преступностью, со взяточничествомъ и прочими смертными грѣхами добрыхъ полицейскихъ служакъ.

Прощаясь съ нимъ, я на всякій случай, какъ говорится, назвалъ ему свою фамилію. Онъ, сіяя улыбкой, протестующе поднялъ руку:

— Фамилія не при чемъ: я Васъ узнаю теперь съ перваго взгляда. Если чѣмъ смогу быть полезенъ — милости просимъ въ Управленіе.

При этомъ онъ такъ выкатилъ на меня свои маслянистые глазки, что я едва удержался отъ улыбки.

Въ чемъ выражалась его борьба съ преступностью, я не знаю. По прежнему съ наступленіемъ темноты пощелкивали выстрѣлы на улицахъ; спекулянты и воры по прежнему грабили и воровали въ свое удовольствіе; по прежнему можно было за взятку получить отпущеніе вольныхъ и невольныхъ грѣховъ и откупиться отъ всякихъ полицейскихъ каверзъ. Но, какъ бы то ни было, — намѣреніе новаго начальника было несомнѣнно не лишено искренности.

Я собирался уѣзжать въ Крымъ, когда на Серебряковской, противъ редакціи, былъ среди бѣлаго дня, не то-что ограбленъ, а просто вывезенъ на подводахъ цѣлый складъ мануфактуры. По дорогѣ на пристань я встрѣтилъ катящаго на извозчикѣ начальника стражи. Онъ узналъ меня и сдѣлалъ ручкой; но потомъ раздумалъ, соскочилъ съ пролетки и подбѣжалъ ко мнѣ. Поздоровавшись, онъ спросилъ:

— Были?

То-есть на мѣстѣ ограбленія.

Я отвѣтилъ, что былъ.

— Удивительные мерзавцы! — возмутился онъ. — Просто руки опускаются. Понимаете, бросаютъ магазинъ, надѣясь на какіе-то тамъ замки, а потомъ — полиція виновата!

Логика новаго начальника была несокрушима: плохо не клади, вора въ грѣхъ не вводи! Воистину, не легко ему было бороться съ преступностью при такой путаницѣ понятій...

Передъ самымъ отъѣздомъ ко мнѣ явился высокій, благообразный господинъ въ отличномъ пальто. Онъ отрекомендовался начальникомъ контръ-развѣдки и сказалъ, что пришелъ по оффиціальному дѣлу.

Приходилось разговаривать. Я спросилъ:

— Что Вамъ угодно?

Онъ порылся въ портфелѣ и отвѣтилъ:

— Вопросъ конфиденціальный... Какого направленія была газета «Свободная рѣчь»?

Я разинулъ ротъ отъ изумленія: «Свободная рѣчь» была оффиціозомъ «Особаго Совѣщанія». А пока я сидѣлъ съ разинутымъ ртомъ начальникъ контръ-развѣдки изслѣдовалъ содержаніе моего стола и, не найдя ничего интереснаго, поднялся, вѣжливо откланялся и вышелъ вонъ.

Мнѣ передавали, что съ такимъ же визитомъ онъ являлся передъ отъѣздомъ къ моему замѣстителю по газетѣ. Замѣтивъ на немъ мѣховое пальто, онъ любезно осклабился:

— Вамъ вѣроятно извѣстно, что мѣха вывозить нельзя?

Но шубу все-таки не тронулъ; вѣроятно изъ уваженія къ гласности.

IX

У Большой воды

Трагедія добровольчества подходила къ своей естественной развязкѣ. Кругомъ арміи, обезсиленной и не имѣвшей резервовъ, сосредоточивались со всѣхъ сторонъ враги. Глухо волновалась и уходила съ фронта Кубань. Вражда къ добровольцамъ еще болѣе обострилась послѣ поспѣшной казни одного изъ наиболѣе популярныхъ членовъ Краевой Рады. Со стороны Грузіи доходили раскаты пламенной ненависти къ русскимъ. Ни съ чѣмъ уѣхала изъ ставки польская военная миссія, предлагавшая создать общій противо-большевистскій фронтъ. Было сравнено съ землей Гуляй-Поле, родина Махно, и крестьянскія банды послѣдняго жестоко мстили за своего «батька». Число зеленыхъ, организованныхъ въ цѣлыя арміи, имѣвшія уже артиллерію, доходило только около Новороссійска до тридцати тысячъ. Петлюра организовалъ своихъ украинцевъ противъ добровольческой арміи; въ это же самое время вспыхивали распри въ сердцѣ послѣдней; начиналась борьба за распылявшуюся власть.

Но главное было все-таки — несочувствіе населенія. Что могли сдѣлать краснорѣчивые манифесты Деникина, когда въ Валуйкахъ плясалъ среди улицы съ бутылкою въ рукахъ пьяный ген. Шкуро, приказывая хватать женщинъ, какъ во времена половецкихъ набѣговъ? Что могли подѣлать жалкія картинки «Освага», когда по тихимъ станицамъ Кубани развозили «для агитаціи» въ стеклянныхъ гробахъ замученныхъ казаковъ; когда потерявшіе голову генералы замораживали въ степи цѣлыя арміи, когда Екатеринославъ былъ отданъ ген. Корвинъ-Круковскимъ на потокъ и разграбленіе, когда никто не могъ быть увѣренъ, что его не ограбятъ, не убьютъ безъ всякихъ основаній?!

Положеніе тщательно скрывали отъ населенія. Вѣшали за распространеніе «ложныхъ слуховъ». Но уже катилась отъ Курска, Харькова, Полтавы, неудержимая волна бѣженцевъ; уже сдали Кіевъ; возстаніе монархистовъ было въ Крыму; уже поѣздъ Деникина пришелъ изъ Таганрога въ Екатеринодаръ; эвакуировались учрежденія «Особаго Совѣщанія» и уѣзжали въ Новороссійскъ иностранныя миссіи. Начиналась паника и связанная съ нею жестокая, кровавая безтолочь. Величественное зданіе созданной патріотомъ Корниловымъ добровольческой арміи рушилось, падало и грозило похоронить подъ своими обломками правыхъ и виноватыхъ.

Эвакуація Таганрога захватила меня въ Екатеринодарѣ. Паника и безтолочь начинались и тамъ. Квартирьеры правительственныхъ учрежденій захватили главную улицу города, Красную. Выбрасывали цѣлые магазины. Въ это самое время начальникъ гарнизона издалъ приказъ, воспрещающій реквизиціи. Да и сами учрежденія не знали, куда они ѣдутъ, гдѣ остануться. Уже начинало дѣйствовать двоевластіе послѣ вынужденнаго примиренія съ Кубанскимъ Правительствомъ. Да, собственно говоря, не двоевластіе, а безвластіе, военный терроръ и бюрократическая анархія. Обыватели замерли въ страхѣ, горя ненавистью къ добровольцамъ. Тѣ видѣли это и, съ отчаяніемъ сжимая въ рукахъ оружіе, трепетали. Царили взаимное озлобленіе, вражда, предательство. Сказывались результаты произвола и хищничества. Желѣзнодорожныя власти продавали поѣзда правительственнымъ учрежденіямъ. Машинисты везли только за деньги и спиртъ, или съ приставленными къ ихъ вискамъ револьверами. Не-

скончаемыя вереницы пѣшеходовъ и экипажей, автомобилей и всадниковъ тянулись по невылазной грязи дорогъ — къ большой водѣ, къ Новороссійску.

На ст. Екатеринодаръ я встрѣтилъ дежурнаго генерала ставки Деникина. Онъ только что вышелъ изъ вагона, въ которомъ пріѣхалъ штабъ — съ дамами, съ дѣтьми, съ собаченками. Я спросилъ, куда онъ ѣдетъ? Дежурный генералъ отвѣтилъ:

— Я самъ не знаю.

Для меня стало ясно, что все кончено.

Когда я вернулся, въ Новороссійскѣ свирѣпствовалъ генералъ Корвинъ-Круковскій; надѣленный неограниченными полномочіями генераломъ Деникинымъ, безпросыпно пьяный, сквернословящій, онъ былъ страшенъ. Отходившія къ Новороссійску части задерживались перепуганнымъ офицерствомъ около станицы Крымской и жили грабежомъ. Слава Богу, что у Корвинъ-Круковскаго былъ трезвый адъютантъ, гуманный и умный человѣкъ, и, что непроспавшагося диктатора скоро догадались убрать.

Что-то невообразимое творилось «у большой воды». Улицы Новороссійска были переполнены офицерами съ винтовками, съ револьверами, съ ручными гранатами. Растерянность и испугъ ихъ однако были таковы, что не будь въ городѣ горсти англійскихъ войскъ и англійскаго броненосца за моломъ, какой-нибудь десятокъ головорѣзовъ захватилъ бы власть безъ сопротивленія. И это, несмотря на то, что по ночамъ ходили по улицамъ караульныя офицерскія роты съ пѣснями . . .

Никто не зналъ, гдѣ находился фронтъ. Слухи ходили самые невѣроятные. Ждали высадки 50.000 сербскихъ войскъ и жаловались на французовъ, которые ихъ будто бы не пускаютъ. Ждали, что городъ возьмутъ зеленые. Офицеры рѣшили въ случаѣ катастрофы силой оружія захватить пароходы, стоявшіе въ порту, и перебить всѣхъ штатскихъ, которые захотятъ спасаться съ ними вмѣстѣ. На улицу было опасно выходить: былъ изданъ приказъ о мобилизаціи для рытья окоповъ всѣхъ мужчинъ до 54 лѣтъ, и полиція использовала его по-своему. Людей хватали и заставляли откупаться. Нашего сотрудника начальникъ стражи, — тотъ самый, который захватилъ въ самой канцеляріи военнаго губернатора и его спасъ только правитель канцеляріи, — схватилъ за руку и втащилъ къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ тотъ и отсидѣлся.

На Стандартѣ, въ рабочей слободкѣ, около заводовъ, уже не стѣсняясь, дѣйствовали большевистскіе агитаторы. Собиравшіеся кучками оборванцы, плѣнные красные, посматривали на проходящихъ весьма недвусмысленно. Работаешь въ редакціи вечеромъ, случайно подымешь голову, а въ окно тебѣ показываютъ кулакъ или револьверъ.

Въ Новороссійскъ, къ «большой водѣ», начинался слетъ ученыхъ, писателей, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей — этихъ пасынковъ добровольческой арміи — подъ градъ сыпавшихся на нихъ нареканій, среди невыносимыхъ условій, буквально голодая, дѣлая свое дѣло, покидая оставляемые города послѣдними, часто бросаемые на произволъ судьбы, даже предаваемые.

Въ редакціи небольшой провинціальной газеты, гдѣ я работалъ, появились знаменитые писатели, редакторы толстыхъ журналовъ, люди съ міровой извѣстностью. Наскоро былъ созданъ союзъ литераторовъ и ученыхъ, касса взаимопомощи, бюро для регистраціи. Союзъ началъ, черезъ извѣстнаго англійскаго журналиста, г. Г. Вилліамсъ, хлопоты передъ британскими властями о спасеніи русской интеллигенціи, которую, конечно, бросили бы иначе на гибель.

«Освагъ», оскандалившійся и формально уже упраздненный, продолжалъ заявлять о своемъ существованіи обычной буффонадой. Такъ была расклеена афиша:

«Вниманію отъѣзжающихъ заграницу. Спѣшите записываться въ очередь къ позорному столбу въ день торжества Россіи».

На иностранныхъ пароходахъ сидѣли въ ожиданіи отплытія спекулянты и прочіе шакалы; рѣкой лилось шампанское.

Однажды въ редакцію ворвался господинъ высокаго роста, въ дворянской фуражкѣ, съ сѣдыми лакейскими баками. Отворивъ двери, онъ спросилъ:

— Это какая газета? Суворинская?

Ему отвѣтили:

— Нѣтъ.

Онъ крикнулъ:

— Я такъ и зналъ, что жидовская!

И хлопнулъ дверью. Это былъ В. М. Пуришкевичъ. Черезъ нѣсколько дней онъ умеръ отъ тифа.

Работать было почти невозможно. Настроеніе у прибывающихъ журналистовъ и писателей было нервное: всѣ они желали писать, садились къ столу, но ничего не выходило. Всѣ сбились съ толку, потеряли способность думать о чемъ-либо, кромѣ спасенія.

Однажды вечеромъ въ редакцію вошелъ высокій, немного сутуловатый человѣкъ въ барашковомъ пальто, съ коротко остриженной головой, съ небольшой бородой клинушкомъ, и окинулъ всѣхъ смѣлымъ, слегка насмѣшливымъ взглядомъ умныхъ глазъ изъ-подъ золотыхъ очковъ. Это былъ В. Л. Бурцевъ.

Его узнали; засуетились; усадили къ столу. Вл. Львовичъ, только-что сошедшій съ парохода, сѣлъ и, улыбнувшись довольно грустно, сказалъ:

— Услышалъ, что тутъ дѣлается, и прилетѣлъ... Гдѣ теперь Деникинъ?

На другой день онъ уѣхалъ въ ставку.

Не знаю, почему, но пріѣздъ въ Новороссійскъ, въ этотъ станъ погибающаго добровольчества, В. Л. Бурцева подѣйствовалъ необыкновенно ободряюще. Вспыхнула вѣра въ себя, надежда затеплилась въ сердцахъ. Бурцевъ пріѣхалъ, будетъ въ Ставкѣ, значитъ, еще не все кончено.

Говорили:

— Славный, смѣлый старикъ! Вѣроятно онъ тамъ узналъ что-нибудь такое въ Парижѣ... Развѣ онъ поѣхалъ бы сюда, если бы была опасность! Да, были бы мы теперь въ Парижѣ, колачемъ сюда не заманили бы!.. Навѣрное что-нибудь есть... Вѣдь не дуракъ же онъ на самомъ дѣлѣ?!

По ночамъ наша редакція превращалась въ ночлежку. Ночевали на столахъ, подъ столами, — всюду, куда было можно лечь, — писатели, дамы; даже бездомные солдаты и офицеры. Однажды выпросился переночевать начальникъ какого-то танковаго дивизіона съ нѣсколькими солдатами и инструкторами. Свою семью и танки онъ оставилъ въ ст. Крымской. Инженеръ по образованію, онъ мечталъ устроиться кочегаромъ на иностранный пароходъ и бѣжать. Настроеніе этого офицера было удивительное. Онъ разсказалъ:

— Ѣду сегодня въ вагонѣ. Рядомъ со мной усѣлся жидъ. Отвратительная жирная морда. На рукѣ перстень съ громаднымъ брилліантомъ. Его счастье, что скандала не хотѣлось; а я уже ощупалъ было револьверъ въ карманѣ... Вѣдь я все потерялъ, а у меня вальцевая мельница была около Полтавы...

Развѣ я не вправѣ вознаградить себя, ну... хоть за счетъ бриллiанта этой акулы?

Узнавъ, что я въ этотъ день купилъ нѣсколько англiйскихъ фунтовъ, — къ намъ постоянно заходили иностранные офицеры мѣнять валюту, — онъ насторожился, даже приподнялся съ постели, и спросилъ:

— У Васъ есть валюта?!

И только увидѣвъ мою жалкую «валюту», состоявшую изъ трехъ фунтовъ и пятнадцати франковъ, сказалъ:

— А я думалъ!..

И успокоился, не сказавъ, что́ онъ «думалъ».

Чтобы охарактеризовать нѣсколько общее настроенiе, я приведу еще небольшой случай.

Зашелъ къ намъ молоденькiй, очень возбужденный офицеръ. Онъ разсказалъ:

— Ростовъ обратно взяли. Никакихъ большевиковъ не было!.. Все враки и жидовская провокацiя. Взбунтовались только мѣстные рабочiе. Мы ихъ успокоили. Я самъ вѣшалъ: по новому способу. Возьмешь двоихъ, накинешь петли и черезъ перекладинку: такъ они другъ друга и удавятъ!..

Былъ онъ очень истощенъ, весь въ грязи и походилъ на сумасшедшаго. Этотъ побѣдитель шелъ отъ усмиреннаго имъ Ростова пѣшкомъ и двое сутокъ стоялъ у какого-то моста, дожидаясь, когда можно будетъ пройти: по мосту тянулась кавалерiя, везли орудiя, обозы. Пѣшеходовъ сталкивали въ воду — чтобы не путались подъ ногами.

— Едва не умеръ съ голоду. Какой-то солдатъ ѣлъ огурецъ съ хлѣбомъ, пожалѣлъ: отдалъ половину огурца!..

Но — въ обратное взятiе Ростова все-таки повѣрили...

Ужасную ночь мы провели наканунѣ нашего, стараго стиля, новаго года. Голубые огни прожекторовъ съ кораблей пронизывали густой туманъ, нависшiй надъ городомъ. Надъ нами встрѣчала новый годъ государственная стража, бѣжавшая изъ г. Изюма. Пьяные голоса горланили «Боже, царя храни». Потомъ началась пальба.

Пальба была по всему городу. Сначала стрѣляли пьяные — для встрѣчи Новаго Года. Дежурная офицерская рота приняла стрѣльбу за нападенiе зеленыхъ, вышла и открыла по пьянымъ огонь пачками. Пьяные отвѣчали. На утро я видѣлъ, что всѣ стѣны на Серебряковской были испещрены пулями.

Въ редакцiи на этотъ разъ мы ночевали одни, я и товарищъ мой, Г., съ нашими женами. Подъ Новый Годъ у насъ не было хлѣба. Въ тѣсной каморкѣ куда-то ушедшаго идiота-сторожа, мы сидѣли на кипахъ бумаги, на покрытой паразитами постели сторожа. Изъ-за стрѣльбы было погашено электричество. Возились и дрались въ темной редакцiи крысы. Жутко было. Прошлое вспомнилось; иныя, радостныя, шумныя встрѣчи Новаго Года. Никому не хотѣлось говорить.

И вдругъ я слышу въ потемкахъ негромкiй, слегка простуженный голосъ Г.

— А знаешь, Гриша, — это онъ меня такъ называлъ, хотя я вовсе не Гриша. — Знаешь, Гриша, что мнѣ вотъ сейчасъ пришло въ голову?

Я отозвался:

— Говори.

— Пришло въ голову, что если бы мы, газетчики, не трусили, если бы мы писали всю правду, не боясь ни тюрьмы, ни пытокъ, то не пропало бы такъ, ни за что все это дѣло!..

Милый, наивный товарищъ! Какъ теперь слышу этотъ хриплый голосъ, эти простыя, святыя слова самоосужденія гонимаго, безсильнаго, безправнаго работника печати... Что могла бы сдѣлать, кому могла бы помочь наша съ тобою «правда»?

Тогда, я помню, сказалъ что-то неопредѣленное и промолчалъ. И до разсвѣта просидѣли мы, всѣ четверо, молча.

Другіе этого не говорили. Другіе были готовы, обвинять все и вся, за исключеніемъ себя однихъ. Они проклинали Россію, проклинали большевиковъ, проклинали неповинный, залитый собственной кровью народъ, проклинали иностранцевъ. Полные злобы и отчаянія, полные недовѣрія ко всѣмъ, полные вражды, они строили самые невѣроятные планы спасенія, эти проповѣдники, учители жизни, спасовавшіе въ свой черный часъ. Я знаю, что многіе изъ нихъ потомъ опомнились и мужественно оставались на своихъ постахъ до послѣдней минуты. Но благороднаго порыва простого, маленькаго газетнаго работника они не повторили. И, если-бъ могли повторить — не погибло бы начатое Лавромъ Корниловымъ дѣло!

На другой день делегаты нашего союза ѣздили къ польскому консулу вести переговоры объ эвакуаціи на зафрахтованномъ имъ для подданныхъ Рѣчи Посполитой пароходѣ. По дорогѣ у нихъ убили на козлахъ извозчика. Они вернулись ни съ чѣмъ. Приходилось думать каждому за себя.

Тогда я пошелъ въ открывшееся рядомъ съ редакціей, въ опустѣвшемъ «кафэ Махно», англійское эвакуаціонное бюро для семействъ офицеровъ и записался. Ждать было нечего.

На утро насъ разбудила орудійная пальба. Говорили, что большевики прошли ст. Тонельную, послѣдній оплотъ Новороссійска, гдѣ тогда рыли окопы. Это была обычная ложь. Къ вечеру выяснилось, что заняли зеленые Геленджикъ и, что съ моря ихъ обстрѣливаетъ французскій миноносецъ.

Ночью я уложилъ свои пожитки, а чуть свѣтъ, отправился въ городъ за извозчикомъ.

Дрогаль, молодой малый, былъ очевидно въ курсѣ дѣла:

— На «Ганноверъ»? Какъ не знать! Давай полторы тысячи!..

Однимъ почлежникомъ въ редакціи стало меньше.

X

На «Ганноверѣ»

Глухо доносилась орудійная пальба изъ-за мола. Горы стали сѣрыя, траурныя, и къ вершинамъ ихъ плотно прилегали клочья облаковъ — вѣрный признакъ нордъ-оста. Точно нахмурились горы и сурово смотрѣли на лизавшія ихъ каменныя подножья волны. Чайки кричали и кувыркались, прыгало стадо дельфиновъ; крѣпчалъ вѣтеръ и на «Ганноверѣ» гордо трепался національный англійскій флагъ. Красная труба высоко вздымалась надъ стальнымъ кузовомъ громаднаго парохода.

Рослые, чисто-выбритые, прекрасно одѣтые англійскіе «томи» съ примкнутыми къ коротенькимъ винтовкамъ штыками стояли у пристани, пропуская по очереди прибывающія «офицерскія семьи» на «Ганноверъ». Ни толкотни, ни давки; все дѣйствовало какъ хорошо налаженная машина, подавляя своимъ спокойствіемъ и размѣренностью. Чувствовалось, что начинается что-то новое, непривычное.

Безконечные ряды подводъ, фаэтоновъ, автомобилей вытянулись вдоль берега. Здѣсь шла озлобленная руготня; визжала какая-то дама; ругались матерно наводящіе порядокъ полицейскіе.

Оборванные, вымокшіе рабочіе выгружали багажъ въ стоявшіе на путяхъ пристани вагоны. Вагоны подкатывали къ пароходу; и легко и быстро поднимались сундуки и чемоданы въ объемистыхъ веревочныхъ сѣткахъ, которыя безшумно опускались въ глубокіе трюмы «Ганновера».

У трапа стояли наши контръ-развѣдчики, провѣряя документы; за ними англійскій контроль зорко вглядывался въ лица проходящихъ. Ирландецъ въ беретѣ и съ ружьемъ пропускалъ пассажировъ наверхъ, гдѣ ихъ встрѣчалъ часовой, молча откидывая винтовку и снова загораживая ею проходъ къ трапу.

На скользкой, мокрой отъ дождя палубѣ насъ встрѣтилъ краснощекій матросъ, подхватилъ багажъ и повелъ мимо безчисленныхъ дверей и оконъ классныхъ помѣщеній, мимо паровыхъ лебедокъ, якорныхъ цѣпей и вентиляторовъ.

Проходя мимо знакомаго полковника съ запрятаннымъ въ штаны протезомъ вмѣсто ноги, я услышалъ сердитый шопотъ:

— Уже послана жалоба Деникину на этихъ подлецовъ! Понимаете, простой солдатъ-часовой толкнулъ въ грудь генерала. Комендантъ написалъ рапортъ, хотѣлъ отвезти въ городъ и, представьте, самого не пустили... Коменданта!

Я остановился; спросилъ:

— Какого коменданта Вы говорите?

Полковникъ удивился:

— Разумѣете, русскаго — коменданта парохода!

По крутой, скользкой лѣстницѣ спустились вслѣдъ за матросомъ внизъ. Удивительное зрѣлище представлялъ этотъ трюмъ парохода «Ганноверъ».

Это было громадное помѣщеніе съ желѣзными стѣнами, съ желѣзнымъ потолкомъ и желѣзными двухэтажными нарами, между которыми шли узкіе проходы. Свѣтъ слабо проникалъ сквозь тусклыя стекла иллюминаторовъ: горѣло нѣсколько электрическихъ лампочекъ. Среди сваленныхъ въ безпорядкѣ дорожныхъ корзинъ, картонокъ, сундуковъ, узловъ, копошились дамы въ каракулевыхъ сакахъ; какія-то старушки съ собаченками; генералы, статскіе, военные на костыляхъ, мамки съ ревущими ребятами. Все это металось, перегруживалось, плакало, грозилось кому-то жаловаться.

Этотъ трюмъ «Ганновера», въ которомъ мнѣ предстояло плыть съ «офицерскими семьями» на Принцевы Острова, сразу напомнилъ мнѣ знаменитый ночлежный домъ имени Ляпина въ Москвѣ, который недаромъ называли «броненосцемъ». Тѣ же желѣзныя нары, тотъ же яростный галдежъ, та же оголтѣлость толпы. Только тамъ лотошили московскіе золоторотцы, а здѣсь «интеллигенція». Когда мы пришли, всѣ койки были уже заняты положенными на нихъ вещами. Хоть уходи назадъ; но провожавшій насъ «джонни», какъ называютъ англійскихъ моряковъ, очевидно зналъ, что надо дѣлать. Онъ пре-

спокойно опустилъ нашу корзину на модную шляпу, занимавшую пустую койку и сказалъ, посмотрѣвши на номеръ нашего билета:

— That is your place! *

Онъ ушелъ; я взобрался на свое мѣсто на второмъ этажѣ и началъ наблюдать за происходившимъ.

Каждый, спускавшійся въ трюмъ, сначала растерянно оглядывался, потомъ какъ сумасшедшій бросался на первую попавшуюся койку, валился на нее животомъ, на другую бросалъ картонку, на третью узелъ, и вопилъ при этомъ, точно его рѣзали:

— Сюда, сюда, Ниночка! Жора, сюда, Маруся! Федоръ Адамовичъ, да занимай же скорѣе мѣсто напротивъ, чего ты воронъ считаешь!..

На одну койку сажали плачущаго ребенка; на другую привязали цѣпочкой собаченку съ испуганной мордочкой и дыбомъ стоящей шерстью.

Всюду ругались люди.

— Къ чертовой матери собакъ! Дѣтей положить некуда!

— Ступай самъ къ чертовой матери, большевикъ! — съ достоинствомъ отвѣчала на это владѣлица собаки, попыхивая папироской.

— Мадамъ, я корпусный командиръ!..

— Я сама полковница!..

Больше всѣхъ надрывался и кричалъ уже взявшійся откуда-то «комендантъ трюма», какой-то худой, усатый господинъ съ полковницкими погонами; онъ бѣгалъ отъ койки къ койкѣ, утиралъ краснымъ платкомъ градомъ катившійся со лба потъ, клялся, что все «перетрется и устроится, когда отойдемъ»; дамы хватились за него, какъ за послѣднее спасеніе, что-то кричали, онъ вырывался, блѣдный, возбужденный, и бросался дальше. Сбрасывалъ чемоданы, съ мольбой складывалъ на груди руки; какая-то собаченка уже успѣла укусить его за руку, какая-то нянька кричала плачущимъ голосомъ:

— Барыня, барыня, смотрите, что дѣлаетъ! Родимыя, Неличку за ногу ухватилъ! Ахъ ты, каторжникъ!

— Вы не имѣете права! У меня мужъ...

Плакали дѣти, жалобно и безпомощно, какъ плачутъ дѣти.

На всю суматоху и безтолочь, безъ улыбки, съ серьезными бритыми лицами, смотрѣло нѣсколько чопорныхъ англійскихъ офицеровъ въ короткихъ, съ золотымъ галуномъ, тужуркахъ. Одинъ изъ нихъ остановилъ проходившаго мимо сбитаго съ толку «томми» и вмѣстѣ съ нимъ рѣшительно двинулся въ самую гущу орущихъ барынь, лающихъ собакъ, кого-то распекающихъ генераловъ, плачущихъ дѣтей — и въ какіе-нибудь четверть часа водворилъ порядокъ. Всѣ получили мѣста, причемъ множество коекъ оказалось свободными.

— Всегда у насъ такъ, — снявъ фражку и тяжело отдуваясь, ворчалъ комендантъ. — Народъ, а еще — «интеллигенція»! Хуже готтентотовъ!..

Начали устраиваться. Дамы помоложе тотчасъ же достали кокетливые пеньюары, чепчики съ лентами; на сѣрыхъ солдатскихъ одѣялахъ коекъ появились текинскіе ковры; между мѣстами заколыхались простыни, ситцевыя занавѣски. Скоро многія пассажирки улеглись съ сигаретками въ зубахъ въ живописныхъ позахъ на голубомъ и розовомъ атласѣ, обшитомъ прошивками и кружевомъ. Матери и няньки забѣгали съ горшочками, выплескивая ихъ содержимое въ иллюминаторы. Капризный голосокъ затянулъ:

---

* Это ваше мѣсто!

— Мама, чаю хочу, чаю!..

Въ трюмѣ было ужасно холодно: во время стоянки въ трубы не пускали паръ. Первыя замѣтили это дамы въ пеньюарахъ. Послышались негодующіе возгласы:

— Чортъ знаетъ, что! Мы не позволимъ! Вѣдь это хлѣвъ, а не пароходъ! Должны были предупредить. Мы бы не поѣхали. Да гдѣ же комендантъ?

Комендантъ опять заметался. На его счастье въ трюмъ спустился какой-то пожилой англичанинъ съ трубкой въ зубахъ. Комендантъ схватилъ его за руку, подтащилъ къ батареѣ отопленія и, показывая въ воздухъ руками, кричалъ ему въ ухо:

— Паръ, паръ! Вы понимаете — паръ!

Англичанинъ смотрѣлъ на него благосклонно и попыхивалъ трубкой. Потомъ похлопалъ его по плечу и сказалъ:

— Карошо? Добро!

И, кивнувъ ему головой, ушелъ, попыхивая трубкой.

Комендантъ безсмысленно улыбался, глядя ему вслѣдъ. Вдругъ какой-то старенькій генералъ съ Владиміромъ на шеѣ поднялся съ корзины, на которой онъ до тѣхъ поръ сидѣлъ, смиренно кушая бутербродъ; поднялся и крикнулъ:

— Господа! Да какой же онъ комендантъ, когда онъ по-англійски не понимаетъ?!

Однако усатый полковникъ запротестовалъ и съ достоинствомъ «доложилъ его превосходительству», что его назначилъ русскій комендантъ парохода. Раздались голоса:

— А коменданта парохода кто назначилъ? Имъ бы только хапать!..

— Здѣсь не на берегу, здѣсь мы сами коменданты!.. Мы протестуемъ!..

Наконецъ появился комендантъ парохода, маленькій, присадистый, краснолицый генералъ. Хриповатымъ, жирнымъ, словно бульдожьимъ баскомъ, онъ обратился къ шумѣвшимъ пассажирамъ:

— Прошу успокоиться... Паръ пустятъ, когда тронется пароходъ... Полковникъ, я прошу сообщать о тѣхъ, кто позволяетъ себѣ безпорядки!..

Генералъ очевидно умѣлъ разговаривать съ взволнованными людьми. Весь трюмъ моментально умолкъ. Полковникъ сдѣлалъ подъ козырекъ и сказалъ:

— Слушаю, Ваше Превосходительство!

И съ торжествомъ посмотрѣлъ на притихшихъ пассажировъ:

— Что взяли?

Генералъ съ достоинствомъ удалился. Впослѣдствіи оказалось, что комендантомъ парохода онъ самъ себя назначилъ; и за это всю дорогу ѣхалъ въ каютѣ второго класса, а не въ трюмѣ, пользуясь всѣми прерогативами законной власти.

Отъ холода заткнули иллюминаторы подушками, пеленками, тряпками. Отъ этого не сдѣлалось теплѣе, но стало темно. Давалъ себя чувствовать голодъ. Вскорѣ однако комендантъ трюма объявилъ:

— Прошу обратить вниманіе: въ шесть часовъ дадутъ чай и бутерброды. Горячій обѣдъ завтра!

Когда совсѣмъ стемнѣло, нѣсколько молоденькихъ «томми» принесли большой, дымящій паромъ, котелъ съ приготовленнымъ по-англійски, прямо съ молокомъ и сахаромъ, чаемъ и нѣсколько лотковъ съ бутербродами. Увидѣвъ, что

принесли ужинъ, пассажиры бросились всѣ разомъ, съ такой дикой жадностью, что «томми» попятились назадъ.

Началась сцена, на которую было стыдно и больно смотрѣть. Около бутербродовъ поднялась свалка. Ихъ вырывали другъ у друга, обливались чаемъ, пробовали и съ отвращеніемъ выплескивали обратно въ котелъ. Кричали:

— Что это за бурду принесли? Почему не предупредили, что будутъ кормить, какъ свиней?!..

Но кружки продолжали вырывать другъ у друга; запихивали бутерброды въ ротъ, совали въ карманы, и съ полными ртами кричали:

— Женя, да чего же ты стоишь столбомъ! Бери на троихъ!.. Куда Вы безъ очереди лѣзете, мадамъ? Вы думаете, я не вижу, что Вы въ третій разъ?!..

Потомъ изъ корзинокъ, бауловъ, мѣшковъ стали появляться огромные хлѣбы, домашнее печенье, малороссійская колбаса, жареныя индѣйки. Молчаніе воцарилось во всемъ трюмѣ. «Томми» жалостливо поглядывали на голодныхъ людей, предлагали принести еще чаю. Давали шоколадъ дѣтямъ.

Начали укладываться; и опять брань, жалобы, угрозы донести начальству, что тюфяки жесткіе, что нечѣмъ дышать, что ѣдутъ какіе-то мужики, что такъ невозможно. Наконецъ угомонились и заснули.

Ночью въ трюмъ спустились англійскіе доктора и дежурный вахтенный офицеръ. Они открыли всѣ иллюминаторы — въ трюмѣ стоялъ такой «духъ», что тошнило! Я видѣлъ, какъ, проходя по узкимъ коридорамъ между койками, они съ недоумѣніемъ смотрѣли на валявшіеся на полу бутерброды, куски сыру, консервовъ. Послѣ пришли «томми» съ вѣниками и совками и выбросили все это въ море.

Я не могъ заснуть; поднялся и вышелъ на палубу. Нордъ-остъ уже разыгрывался. Палуба была засыпана снѣгомъ; въ воздухѣ, подъ черной водой трепалась подъ яростными порывами вѣтра бѣлая пелена падающихъ хлопьевъ. Быстро неслись обрывки тучъ по черному, беззвѣздному небу; голубой лучъ прожектора ложился поперемѣнно на тучи и на волны, хлеставшія уже довольно сильно стальные борты «Ганновера». Со стороны Геленджика бухали тяжелыя орудія: словно вздыхалъ въ горахъ какой-то великанъ, тяжело сотрясая ночной воздухъ. Новороссійска не было видно. Одиночные огоньки мелькали кое-гдѣ сквозь снѣжную пелену. Все было мертво. Но чудилась во всемъ этомъ жуткая жизнь. Что-то насторожилось и пряталось въ потемкахъ, большое, хищное, злое. И вдругъ острая жалость къ этому темному городу, къ безпредѣльнымъ просторамъ, разстилавшимся за нимъ, охватила сердце нестерпимою болью. Хотѣлось охватить руками эти околдованные чарами смерти просторы съ потерявшимися въ нихъ спящими деревушками, городами, съ милліонами истерзанныхъ людей!.. А свирѣпый нордъ-остъ свистѣлъ въ снастяхъ, гналъ по небу обрывки тучъ и кружилъ по мокрой палубѣ снѣгъ.

Внизу, разметавшись, спали женщины, дѣти, инвалиды, старые, важные даже во снѣ, генералы. Слышалось сонное бормотаніе, храпъ. Паръ пустили, и въ трюмѣ стало тепло. Кто-то уже успѣлъ закрыть всѣ иллюминаторы.

Мнѣ съ моей верхней койки было видно все это становище безпокойно спящихъ людей. Изгнанники, что ихъ ждетъ тамъ, гдѣ за бѣлѣющимъ моломъ бѣшенно скачутъ волны, гдѣ мракъ закрываетъ просторы, таящіе мрачное будущее?..

Вечеромъ на другой день къ «Ганноверу», суетливо сопя, подошелъ небольшой черный буксиръ и потащилъ оторвавшагося отъ стѣнки дебаркадера гиганта за молъ, въ открытое море.

Смеркалось; мимо проплыли «справляющіе революцію» темные заводы. Метель выла въ горахъ, а тучи все еще плотно прижимались къ вершинамъ, скрывая отъ глазъ домикъ «гастронома». Вотъ и часовой въ лохматой папахѣ на концѣ мола. Прошелъ весь залитый огнями сѣрый дредноутъ съ бѣлымъ адмиральскимъ флагомъ. И уже свободно катились вдаль широкія волны, не встрѣчая преградъ. «Ганноверъ», слегка покачиваясь и высоко разбрасывая холодную соленую воду, шелъ полнымъ ходомъ. Борта облѣпили машущіе неизвѣстно кому бѣлыми платками эмигранты. Многіе плакали навзрыдъ. Надвигалась съ востока черная мгла.

Красный Судъ

Впечатлѣнія защитника въ революціонныхъ трибуналахъ

Сергѣя Кобякова

«Горе вамъ, убійцы народовъ . . .»

I

Реформа судебныхъ установленій

Захвативши власть, большевики немедленно приступили къ «реформамъ». Началась ломка всѣхъ старыхъ порядковъ и плохихъ, и хорошихъ, и замѣна всего стараго — новымъ, соотвѣтствующимъ новому строю. Радикальной ломкѣ подверглись и старыя судебныя установленія. Вышелъ декретъ, которымъ уничтожались всѣ старые суды, начиная отъ Сената и кончая судами мировыми. Были созданы новые суды. Большевики любятъ подражать Великой Французской Революціи и поэтому новые суды были названы трибуналами. Былъ созданъ Верховный Революціонный Трибуналъ, единственное судилище на всю совѣтскую Россію, которое должно было разбирать дѣла о государственной измѣнѣ, спекуляціи и саботажѣ, разъ эти дѣла имѣли государственное значеніе. Приговоры этого суда не могли быть обжалованы ни въ апелляціонномъ, ни въ кассаціонномъ порядкѣ. Приговоръ никѣмъ не утверждался и долженъ былъ приводиться въ исполненіе въ теченіе 24 часовъ. Первоначально составъ Верховнаго Трибунала былъ семичленный, — предсѣдатель и шесть постоянныхъ членовъ, назначаемыхъ центральной властью. Но, спустя короткое время, семичленный составъ былъ замѣненъ трехчленнымъ, причемъ въ качествѣ судей назначались члены Ц. И. К. Основаніемъ для такого измѣненія была, повидимому, недостаточная суровость приговоровъ. И, дѣйствительно, послѣ этой «реформы» смертная казнь стала почти единственнымъ приговоромъ, выносимымъ Верховнымъ Трибуналомъ. Въ каждомъ губернскомъ городѣ былъ созданъ революціонный трибуналъ, который вѣдалъ дѣла всей губерніи.

Компетенція его не была достаточно установлена и ему подсудны были дѣла о спекуляціи и саботажѣ, не имѣющія государственнаго значенія и, кромѣ того, и другія разнообразныя дѣла, которыя по тѣмъ или инымъ причинамъ хотѣли изъять отъ народныхъ судей и предать въ революціонный трибуналъ. Здѣсь большевики пошли дальше царскихъ суровыхъ законовъ. Въ дореволюціонное время власть въ лицѣ командующаго войсками въ мѣстностяхъ, объявленныхъ

на положеніи усиленной охраны, могла передавать обще-уголовныя дѣла въ исключительные суды, и въ законѣ былъ точный перечень подобныхъ преступленій: убійство, разбой, грабежъ, поджогъ, потопленіе и изнасилованіе. Я не говорю о дѣлахъ политическихъ, которыя весьма часто передавались въ военные суда. Большевики расширили это уродливое явленіе, и въ исключительные суда передавались всѣ литературныя дѣла, дѣла о растратѣ частныхъ денегъ, мелкія мошенничества и т. п. Составъ революціонныхъ трибуналовъ былъ сначала тоже семичленный, но вскорѣ по тѣмъ же основаніямъ былъ замѣненъ трехчленнымъ. Въ Москвѣ, кромѣ губернскаго трибунала, былъ созданъ еще городской революціонный трибуналъ, который судилъ за преступленія, совершенныя въ Москвѣ. На приговоры революціонныхъ трибуналовъ можно было приносить кассаціонныя жалобы и протесты. Но декреты разрѣшали жаловаться и по существу, если жалобщикъ находилъ приговоръ несправедливымъ.

Уничтоживъ Сенатъ, большевики создали свою кассаціонную инстанцію — Кассаціонный Трибуналъ, единственный на всю Совѣтскую Россію, который долженъ былъ слѣдить за чистотою процесса и устанавливать единообразіе судебныхъ формъ производства. Этотъ институтъ былъ поистинѣ интернаціональнымъ. Предсѣдателемъ былъ латышъ Карклинъ, который въ то же время состоялъ предсѣдателемъ Верховнаго Трибунала, членами — нѣмецъ и еврей. Кажется, это были всѣ совѣтскіе сенаторы. Среди членовъ Кассаціоннаго Трибунала былъ Могилевскій, единственный юристъ, который совмѣщалъ эту должность съ должностью . . . помощника обвинителя при Верховномъ Трибуналѣ. И встрѣчались такіе нелѣпости. По дѣлу слѣдователей, обвинявшихся въ полученіи взятки, Могилевскій былъ однимъ изъ обвинителей. Когда Крыленко обжаловалъ приговоръ къ Кассаціонный Трибуналъ, то въ Трибуналѣ засѣдалъ тотъ же Могилевскій. Протестъ противъ такого невозможнаго совмѣщенія былъ отвергнутъ, какъ буржуазный предразсудокъ.

Кассаціонный Трибуналъ присвоилъ себѣ функціи и апелляціоннаго суда. Не разбирая дѣла по существу, онъ то уменьшалъ, то увеличивалъ наказаніе, назначаемое Революціоннымъ Трибуналовъ. Обвиняемые въ засѣданіе Кассаціоннаго Трибунала не вызывались.

Московскій Революціонный Трибуналъ приговорилъ слѣдователей, обвинявшихся въ полученіи взятки, къ тюремному заключенію на шесть мѣсяцевъ. Какъ извѣстно, большевики отмѣнили законы, регулирующіе наказаніе за каждое преступленіе и единственнымъ мѣриломъ наказанія была «революціонная совѣсть» судей. Крыленко. обвинявшій по этому дѣлу, негодовалъ. Онъ подалъ кассаціонный протестъ, и во время нахожденія дѣла въ производствѣ Кассаціоннаго Трибунала провелъ декретъ, въ силу котораго наказаніе за принятіе взятки должно было быть не менѣе пяти лѣтъ общественныхъ работъ. На засѣданіи Кассаціоннаго Трибунала Крыленко требовалъ увеличенія наказанія до пяти лѣтъ, въ виду существованія декрета, хотя этотъ декретъ и появился послѣ суда надъ слѣдователями и послѣ подачи протеста. Кассаціонный Трибуналъ пошелъ дальше и увеличилъ наказаніе обвиняемымъ до десяти лѣтъ общественныхъ работъ.

Помню дѣло священника З., слушавшееся въ Кассаціонномъ Трибуналѣ по жалобѣ защиты. Священникъ З. судился въ Витебскомъ Революціонномъ Трибуналѣ. Онъ обвинялся въ контръ-революціи. Вина его заключалась въ томъ, что во время антибольшевистскихъ волненій въ городѣ Городкѣ, онъ отказался идти успокаивать разъяренную толпу горожанъ, когда на смерть перепуган-

ные коммунисты прибѣжали къ нему за помощью. Трибуналъ приговорилъ его къ разстрѣлу. Когда открылось засѣданіе Витебскаго Трибунала, вмѣсто семи судей, которые должны были быть въ составѣ Трибунала, налицо оказалось только шесть. Трибуналъ этимъ не смутился и открылъ засѣданіе. Во время чтенія обвинительнаго акта ушли еще два члена Трибунала, а во время объясненія обвиняемыхъ налицо было только три члена. На слѣдующій день засѣданіе открылось въ присутствіи пяти членовъ, а потомъ и это количество растаяло и были моменты, когда во время судебнаго засѣданія за судейскимъ столомъ сидѣлъ одинъ предсѣдатель. Все это защита занесла въ протоколъ. До засѣданія я пошелъ поговорить по этому дѣлу съ Крыленко. Онъ признавалъ, что судьи поступили неправильно, но считалъ, что это не могло отразиться на правильности приговора, такъ какъ судьи «навѣрное разсказывали другъ другу то, что происходило въ ихъ отсутствіи». Мнѣ стоило большихъ трудовъ убѣдить этого неудачливаго генералъ-прокурора высказатся за отмѣну приговора.

Въ Москвѣ большевики пытались создать народный окружный судъ на подобіе старыхъ окружныхъ судовъ. Трудно сказать, какія дѣла должны были поступать въ этотъ судъ. Повидимому, объ этомъ не знали и лица, стоявшія во главѣ совѣтской юстиціи. Въ дѣйствительности туда поступали и дѣла о спекуляціи и объ убійствѣ и кражахъ. Составъ суда состоялъ изъ предсѣдателя и двѣнадцати засѣдателей — членовъ коммунистической партіи. Сидѣли эти господа вмѣстѣ за однимъ судейскимъ столомъ и вмѣстѣ совѣщались. Большевики очень гордились этимъ нововведеніемъ. Когда мы говорили представителямъ совѣтской юстиціи, что это громадный шагъ назадъ по сравненію съ судомъ присяжныхъ засѣдателей, такъ какъ у засѣдателей отнята самостоятельность обсужденія дѣла, то большевики обычно отвѣчали: «Наши товарищи коммунисты судятъ на основаніи революціонной совѣсти и никакой предсѣдатель, даже если онъ буржуй, не сможетъ сбить ихъ съ толка». Засѣдателями въ окружномъ судѣ бывали и женщины, часто очень почтенныя старушки, которыхъ, повидимому, голодъ загналъ въ коммунистическую партію. Послѣ нѣсколькихъ трогательныхъ фразъ, произнесенныхъ защитникомъ, эти старушки начинали плакать и поэтому приговоры въ окружномъ судѣ выносились крайне мягкіе, иногда доходившіе до абсурда. Однажды въ окружномъ судѣ судился красноармеецъ, незадолго вернувшійся изъ плѣна. Милиціонеръ на Сухаревой башнѣ обидѣлъ его товарища. Послѣдній прибѣжалъ въ Спасскія казармы и разсказалъ объ обидѣ. Обвиняемый выскочилъ на улицу съ ружьемъ, разыскалъ обидчика и выстрѣломъ въ упоръ убилъ его наповалъ. Когда обвиняемый на судѣ сталъ разсказывать о своихъ боевыхъ ранахъ, о томъ, какъ онъ страдалъ въ нѣмецкомъ плѣну, засѣдатели плакали. Приговоръ былъ таковъ: красноармейца признать виновнымъ въ убійствѣ милиціонера и вынести ему «общественное порицаніе».

Въ другой разъ во время судебнаго слѣдствія обнаружилось, что все дѣло спровоцировано агентами Всероссійской Чрезвычайной Комиссіи. Судъ постановилъ обвиняемаго оправдать, а агента чрезвычайки предать суду, причемъ послѣдній былъ немедленно арестованъ. Такое веденіе дѣлъ не могло, конечно, правиться заправиламъ, и народный окружный судъ былъ очень скоро ликвидированъ.

Всѣ остальныя уголовныя дѣла, которыя не попадали ни въ Верховный, ни въ Революціонный трибуналы, разбирались въ народныхъ мировыхъ судахъ.

Составъ этихъ судовъ былъ трехчленный, предсѣдатель и два судьи — члены коммунистической партіи.

«Великая реформа» коснулась и предварительнаго слѣдствія и положенія защиты.

Вначалѣ своего царствованія большевики ввели въ революціонныхъ трибуналахъ публичныя преданія суду. На засѣданіе были допущены не только оффиціальные представители сторонъ, но каждый изъ публики могъ взять на себя роль защитника, или обвинителя, и сообразно своимъ взглядамъ или доказывать необходимость прекратить дѣло, или требовать преданія суду. То же самое сначала допускалось во время судебнаго слѣдствія. Но скоро публичность преданія суду была отмѣнена, а затѣмъ состоялось распоряженіе о недопущеніи въ эти засѣданія и защитниковъ. Такимъ образомъ, большевики вернулись къ старому порядку, исказивъ его. Присяжная адвокатура была уничтожена. Вмѣсто сословія присяжныхъ повѣренныхъ была создана коллегія правозаступниковъ*. Коллегія была автономна и имѣла свой выборный совѣтъ изъ 12 членовъ. Совѣтъ принималъ желающихъ въ члены коллегіи, причемъ не долженъ былъ мотивировать отказъ въ пріемѣ. Такъ какъ, согласно декрета, для поступленія въ члены коллегіи не требовалось никакого образованія, тѣмъ болѣе юридическаго, совѣтъ стали осаждать прошеніями о пріемѣ люди, не имѣющіе никакого отношенія къ адвокатурѣ, бывшіе приказчики, торговцы, прекратившіе торговлю, и такъ-называемые «аблакаты» изъ-подъ Иверской**. Совѣтъ всѣмъ имъ, конечно, въ просьбѣ отказывалъ и за свое шестимѣсячное существованіе не принялъ ни одного не-юриста. На этой почвѣ у совѣта возникъ цѣлый рядъ конфликтовъ съ Юридическимъ отдѣломъ, который у большевиковъ по отношенію къ адвокатурѣ игралъ роль судебной палаты. Часто Юридическій отдѣлъ запрашивалъ совѣтъ правозаступниковъ, на какомъ основаніи такое-то лицо, членъ коммунистической партіи, не принятъ въ коллегію. Совѣтъ неизмѣнно отвѣчалъ, что онъ не обязанъ мотивировать своего отказа. «Этакъ вы и Максима Горькаго не примете», сказалъ однажды предсѣдатель Юридическаго отдѣла Чегодаевъ, нынѣ на радость многимъ ушедшій въ заоблачныя выси.

Права членовъ коллегіи почти не отличались отъ правъ членовъ присяжной адвокатуры. Членъ коллегіи назначался совѣтомъ на казенныя защиты, могъ вести любыя дѣла, могъ давать совѣты на дому и могъ вступать въ соглашенія съ своими подзащитными, но такого порядка большевики долго не могли терпѣть. Перваго марта 1919 года коллегія правозаступниковъ была упразднена, а на ея мѣсто создалась новая коллегія, которой большевики присвоили нелѣпое названіе «Коллегія правозащитниковъ, обвинителей и представителей сторонъ». Декретъ опредѣлилъ число членовъ этой коллегіи въ 200 человѣкъ, но пожелало вступить въ нее только 60 лицъ. (Въ упраздненной коллегіи правозаступниковъ въ Москвѣ было больше 800 членовъ.) Члены новой коллегіи получали отъ Правительства жалованье и обязаны были по назначенію обвинять и защищать. Они не имѣли права вести самостоятельно никакихъ дѣлъ, имъ строжайше было запрещено принимать кліентовъ на дому подъ страхомъ привлеченія къ суду за шантажъ (?).

---

* Все, что я говорю о коллегіи правозаступниковъ и коллегіи обвинителей, относится къ Москвѣ и центральнымъ губерніямъ.

** Такъ назывались въ Москвѣ бывшіе люди, которые стояли у часовни Иверской Божьей Матери и за бутылку водки писали прошенія темному люду.

Обвиненіе было сорганизовано при Ц. И. К. и носило весьма длинное названіе: «Коллегія обвинителей при Верховномъ Революціонномъ Трибуналѣ при Ц. И. К.». Во главѣ коллегіи обвинителей стоялъ бывшій главковерхъ Крыленко, который дѣйствительно и былъ вдохновителемъ и руководителемъ совѣтской юстиціи, такъ какъ народный комиссаръ юстиціи, робкій и безвольный Курскій мало вмѣшивался въ дѣла своего вѣдомства.

При Верховномъ Революціонномъ Трибуналѣ была слѣдственная комиссія, возглавляемая супругой г. Крыленко, госпожей Размировичъ, женщиной жестокой и ограниченной. На самомъ дѣлѣ всѣми слѣдственными дѣйствіями руководилъ Крыленко, который и выступалъ по этимъ же процессамъ въ качествѣ обвинителя.

При революціонныхъ трибуналахъ были свои слѣдственныя комиссіи, состоявшія изъ безчисленнаго множества слѣдователей. Большинство ихъ были желторотые юноши и барышни съ пышными прическами, важно ходившія на высокихъ каблукахъ. Безграмотны они были до абсурда. Поэтому въ каждомъ слѣдственномъ производствѣ встрѣчались вопіющіе недочеты, которые на судѣ трагически отражались на судьбѣ обвиняемыхъ. Кромѣ того, большинство слѣдователей брали взятки.

Такова была большевистская реформа стараго суда, которая дала такіе кровавые результаты. Я думаю, что въ настоящее время дѣло совѣтскаго правосудія еще ухудшилось, ибо въ маѣ 1921 года вышелъ декретъ которымъ предписывалось трибуналамъ не объявлять подсудимымъ, въ чемъ ихъ обвиняютъ.

Этимъ декретомъ большевики выдали себѣ достойный аттестатъ . . .

II

Возстановленіе смертной казни. — Дѣло адмирала Щастнаго. — Дѣло 15 провокаторовъ

Зданіе Судебныхъ Установленій въ Москвѣ мало пострадало отъ возстанія, но зато большевики постарались изгадить его внутри, и за нѣсколько дней ихъ господства помѣщеніе суда приняло совсѣмъ большевистскій видъ. Въ комнатѣ, гдѣ хранились вещественныя доказательства, подчасъ очень цѣнныя, все было вверхъ дномъ. Всѣ цѣнности были похищены. Въ уголовныхъ отдѣленіяхъ лежали на полу груды порванныхъ дѣлъ. Казалось, что какіе-то люди искали «свои дѣла», чтобы ихъ уничтожить. Нѣкоторыя залы засѣданій были превращены въ уборныя.

Въ комнатѣ Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ были разбиты и разорваны портреты всѣхъ предсѣдателей Совѣта, а портретъ С. А. Муромцева работы великаго художника Сѣрова былъ прострѣленъ около сердца. Позднѣе этотъ портретъ, который по справедливости могъ считаться однимъ изъ лучшихъ произведеній Сѣрова, былъ украденъ. Словомъ, все было изгажено и испорчено.

Но большевики не могли удержаться отъ фарисейскаго жеста. Въ «Митрофановскомъ» залѣ, въ которомъ долженъ былъ засѣдать Верховный Трибуналъ, было мѣсто для обвиняемыхъ, обнесенное рѣшеткой. Большевики немедленно сняли рѣшетку. «Развѣ можно допустить, чтобы свободный гражданинъ соціалистической республики сидѣлъ за рѣшеткой». Вмѣсто рѣшетки поставили ла-

тышей, которые съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ царскіе конвойные, охраняли обвиняемыхъ. И большинство «свободныхъ гражданъ» изъ этого мѣста шли на смерть... Это можно въ «соціалистической республикѣ»...

* * *

Первое дѣло, которое слушалось въ Верховномъ Трибуналѣ, было дѣло адмирала Щастнаго. Онъ обвинялся въ государственной измѣнѣ. Надо сказать, что у большевиковъ судятъ не по закону, а по «революціонной совѣсти». Всѣ статьи закона матеріальнаго и процессуальнаго права уничтожены. Поэтому опредѣленіемъ преступленія судьи не стѣсняются. Почти всѣ преступленія подводятся ими подъ «государственную измѣну», или подъ «спекуляцію».

«Государственная измѣна» Щастнаго заключалась въ томъ, что онъ не исполнилъ приказа комиссара по военнымъ и морскимъ дѣламъ Троцкаго и тѣмъ спасъ Балтійскій флотъ.

Защищалъ Щастнаго В. А. Ждановъ, бывшій защитникъ Каляева. Второго защитника А. С. Тагера Верховный Трибуналъ не допустилъ. Я помню, лѣтъ десять назадъ нѣкоторые суды стали отказывать обвиняемому въ допущеніи второго защитника, основываясь на произвольномъ толкованіи статей Устава Уголовнаго Судопроизводства. Какъ возмущалось этимъ общественное мнѣніе! Какъ протестовали всѣ, въ томъ числѣ и большевики, видя въ этомъ стѣсненіе правъ защиты! А теперь. Возвысилъ ли кто протестующій голосъ? — Нѣтъ! Спасибо, что допустили хотя одного защитника.

Недѣли за двѣ до слушанія дѣла Щастнаго, очередной съѣздъ совѣтовъ отмѣнилъ смертную казнь по суду. Но черезъ нѣсколько дней Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ издалъ декретъ, которымъ разрѣшалъ судьямъ революціонныхъ трибуналовъ не стѣсняться въ выборѣ мѣры наказанія. Сопоставляя этотъ декретъ съ положеніемъ объ отмѣнѣ смертной казни по суду, нужно было признать, что трибуналы могли налагать любое наказаніе, вплоть до безсрочныхъ общественныхъ работъ, за любое преступленіе.

Когда защитникъ Ждановъ, котораго, повидимому, волновалъ декретъ народныхъ комиссаровъ, упомянулъ въ защитительной рѣчи о смертной казни, онъ былъ немедленно остановленъ предсѣдателемъ Карклинымъ. Казалось, при такомъ положеніи можно было быть спокойнымъ за жизнь Щастнаго.

Недолго совѣщался Трибуналъ. Наконецъ, онъ вышелъ, и предсѣдатель Карклинъ, латышъ, на ломанномъ русскомъ языкѣ сталъ читать приговоръ: «бывшаго адмирала Щастнаго признать виновнымъ въ государственной измѣнѣ...» тутъ Карклинъ остановился, сдѣлалъ минутную паузу и закричалъ во весь голосъ: «разстрѣлять въ 24 часа».

И вспомнилось недоброе старое время, вспоминались военные суды и палачъ — судья Милковъ. Тѣ же пріемы, тѣ же ухватки. У Милкова было обыкновеніе во время чтенія приговора дѣлать паузу передъ фразой, которая должна была разрѣшить вопросъ жизни или смерти обвиняемаго. Бывало, ждешь этой минуты, и сердце готово лопнуть отъ волненія. А онъ молчитъ и въ упоръ смотритъ на обвиняемаго и только розовое пятно на его лбу (мы звали это пятно «печатью дьявола») дѣлается багровымъ. Промедлитъ минуту, доведетъ обвиняемаго до обморочнаго состоянія, и спокойно скажетъ: «призналъ виновнымъ и приговорилъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ смертной казни черезъ повѣшеніе»... Какая радость охватила насъ, когда послѣ февральской

революціи правительство уничтожило смертную казнь. Чувствовали, что можемъ спокойно умереть. Восторжествовало то, за что мы боролись всю жизнь. И какъ насмѣялась надъ нами дѣйствительность. . .

Всѣ присутствующіе застыли отъ изумленія: «Какъ, смертная казнь? Вѣдь она отмѣнена съѣздомъ совѣтовъ, вѣдь предсѣдатель не позволилъ защитнику въ рѣчи говорить о ней . . .» Бросились къ Крыленко, который обвинялъ Щастнаго. — «Чего вы волнуетесь, — сказалъ этотъ оберъ-фарисей, — Щастный не приговоренъ къ смерти. Если бы его приговорили, то предсѣдатель прочелъ бы: «Щастнаго приговорить къ смерти», а предсѣдатель огласилъ: «Щастнаго разстрѣлять», — а это не одно и то же».

Редактору Московскихъ «Извѣстій», Стеклову, повидимому, понравилось это геніальное толкованіе, и на слѣдующій день это заявленіе было напечатано въ оффиціальной газетѣ.

Среди членовъ Трибунала, осудившихъ Щастнаго на смерть, былъ рабочій Галкинъ. Этотъ человѣкъ когда-то, при царѣ, былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ смерти, и отъ смерти его спасла энергія его защитника В. А. Жданова, теперешняго защитника Щастнаго. Мы узнали «тайну совѣщательной комнаты». Больше всѣхъ настаивалъ на смерти этотъ Галкинъ; онъ произносилъ въ совѣщательной комнатѣ рѣчи, онъ всячески склонялъ колеблющихся и добился своего. Такъ отплатилъ этотъ негодяй за свою спасенную жизнь.

Черезъ 24 часа Щастный былъ разстрѣлянъ. Онъ умеръ весьма мужественно.

* * *

Первый вынесенный Трибуналомъ приговоръ взволновалъ насъ всѣхъ. Мы понимали, что достаточно вынести первый приговоръ, какъ въ дальнѣйшихъ не будетъ недостатка. Мы уже видѣли, во что вылились въ чрезвычайкахъ звѣрскіе инстинкты большевиковъ.

Будущее не замедлило оправдать наши опасенія. Спустя нѣкоторое время послѣ убійства Щастнаго въ Верховномъ Трибуналѣ разсматривалось дѣло о 15 «провокаторахъ». Всѣ они, будучи членами соціалистическихъ партій, были при царѣ агентами охранныхъ отдѣленій. При Временномъ Правительствѣ «провокаторовъ» судилъ Совѣстный Судъ. Часть была освобождена изъ тюрьмы, а пятнадцать человѣкъ рѣшено было оставить въ тюрьмѣ до созыва Учредительнаго Собранія, которое и должно было бы рѣшить, какъ съ ними поступить.

Защитники были по назначенію профессіональнаго союза адвокатовъ. Верховный трибуналъ приговорилъ восемь человѣкъ къ смерти, а остальныхъ къ общественнымъ работамъ. Жены и дѣти осужденныхъ бросились на квартиру предсѣдателя Центральнаго Исполнительнаго Комитета Свердлова и стали умолять его о пощадѣ.

Свердловъ принялъ ихъ весьма сурово.

«Я — глава Россійской Соціалистической Республики, — сказалъ онъ. Мнѣ только стоитъ поднять трубку телефона, и всѣ они будутъ живы. Но я этого не сдѣлаю». Но онъ лгалъ. Въ то время, когда Свердловъ издѣвался надъ чувствами матерей и женъ, провокаторовъ уже не было въ живыхъ. Ихъ разстрѣляли немедленно послѣ суда.

Теперь не оставалось никакого сомнѣнія, что смертная казнь будетъ самымъ популярнымъ наказаніемъ у большевиковъ.

III

Дѣло представителя англійской миссіи Локкарта

Обвиненіе противъ Локкарта, какъ оно вылилось въ обвинительномъ актѣ, заключалось въ слѣдующемъ: Въ серединѣ 1918 года англійскій лейтенантъ Райли, состоявшій при англійской дипломатической миссіи, сталъ убѣждать командира латышскаго полка Берзина, совершить переворотъ и при помощи своего полка свергнуть большевиковъ. На подкупъ солдатъ Райли предлагалъ Берзину милліонъ рублей. Берзинъ попросилъ нѣсколько дней на размышленіе и сообщилъ объ этихъ переговорахъ замѣстителю предсѣдателя В. Ч. К. Петерсу. Послѣдній порекомендовалъ Берзину согласиться на предложеніе Райли, взять деньги и о всѣхъ переговорахъ сообщать чрезвычайкѣ. Такъ Берзинъ и поступилъ; прикинулся противникомъ совѣтской власти, взялъ въ разное время у Райли милліонъ и о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ держалъ въ курсѣ чрезвычайку. Когда у Райли выудили милліонъ, рѣшили его арестовать, но опоздали: Райли скрылся. Тогда рѣшили арестовать Локкарта, такъ какъ у чрезвычайки были «несомнѣнныя данныя», что заговоромъ руководитъ самъ Локкартъ. На арестъ Локкарта англійское правительство отвѣтило арестомъ Литвинова, который въ это время находился въ Лондонѣ. Послѣ недолгихъ переговоровъ Локкартъ былъ «обмѣненъ» на Литвинова и благополучно уѣхалъ въ Англію со всѣми служащими миссіи.

Локкартъ уѣхалъ, но большевикамъ надо было доказать всему міру, что «презрѣнная Антанта» строитъ козни большевистскому правительству. Рѣшили предать суду Локкарта и Райли по обвиненію въ государственной измѣнѣ, а для того, чтобы произвести впечатлѣніе на общество, рѣшили создать процессъ-монстръ, присоединивъ къ Локкарту и Райли цѣлый рядъ лицъ различныхъ національностей. «Создавать» процессы большевики мастера. Не даромъ и въ чрезвычайкахъ, и въ слѣдственныхъ комиссіяхъ у нихъ работаютъ бывшіе жандармы, недаромъ многіе изъ большевистскихъ вождей, какъ напримѣръ, Троцкій, Петерсъ и др. при царѣ имѣли «дружескія связи» съ охранными отдѣленіями. Старый опытъ пригодился и тутъ, и въ теченіе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ былъ созданъ грандіозный процессъ о «государственной измѣнѣ».

Здѣсь былъ и гражданинъ С. А. Соединенныхъ Штатовъ Каломатьяно, и французская гражданка Морансъ, и англійскій подданный Хойтъ, и три чеха, и цѣлый рядъ русскихъ гражданъ, начиная отъ двухъ почтенныхъ генераловъ, и кончая восемнадцатилѣтней артисткой Студіи Художественнаго Театра. Во главѣ обвиненія стоялъ Каломатьяно, которому инкриминировалось то, что онъ, будучи торговымъ агентомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, собиралъ военныя свѣдѣнія и передавалъ ихъ англійской миссіи. Остальные обвинялись или какъ служащіе Каломатьяно по собиранію свѣдѣній, или какъ знакомые Локкарта и Райли. Дѣло слушалось въ декабрѣ 1918 года. Предварительное слѣдствіе, которое вела г-жа Елена Размировичъ, не дало уличающихъ данныхъ. Слѣдствіемъ было установлено, что Каломатьяно черезъ своихъ агентовъ собиралъ торговыя свѣдѣнія. Среди этихъ свѣдѣній попадались свѣдѣнія и не-торговаго характера, но имѣющія тѣсную связь съ торговлей и необходимыя для полнаго освѣщенія торговой и промышленной жизни Совѣтской Россіи. Будущее покажетъ, была ли доля правды въ обвиненіяхъ боль-

шевиковъ; на меня же весь этотъ процессъ произвелъ впечатлѣніе явно спровоцированнаго. Я ни на минуту не сомнѣвался, что Райли не велъ переговоровъ съ Берзинымъ о государственномъ переворотѣ, и былъ увѣренъ, что милліонъ, который Берзинъ передалъ Петерсу, полученъ былъ Берзинымъ не отъ Райли. Не подлежало сомнѣнію, что Каломатьяно не имѣлъ никакой связи съ Локкартомъ и Райли. Впрочемъ, это послѣднее обстоятельство на судѣ и не пытались доказать. Засѣданіе Верховнаго Трибунала происходило въ зданіи Судебныхъ Установленій въ Кремлѣ, въ Митрофаньевскомъ залѣ. Было холодно и неуютно. Всюду заплевано, всюду грязь и какія-то рваныя бумажки, словомъ, обычная картина всѣхъ помѣщеній, гдѣ работаютъ большевики. Зато залъ блисталъ «отборной» публикой. Въ креслахъ, на которыхъ ранѣе сидѣли присяжные засѣдатели, расположились «коммунистическіе генералы». Господинъ Іоффе, одѣтый, какъ истинный дипломатъ, въ великолѣпной шубѣ съ сѣдымъ бобромъ, въ лакированныхъ ботинкахъ и въ голубыхъ перчаткахъ; молодой «дипломатъ» Караханъ, тоже одѣтый съ иголочки, газетный диктаторъ Стекловъ, Петерсъ и другіе изъ коммунистической знати, всѣ тепло и прекрасно одѣтые. Какой контрастъ производили они съ обвиняемыми и защитниками! Вѣдь была уже вторая зима коммунистическаго рая, и часть одежды была уже пущена въ обмѣнъ на продукты.

Предсѣдательствовалъ латышъ Карклинъ, кромѣ него въ составѣ трибунала было шесть человѣкъ, и среди нихъ Галкинъ, — комбинація, не предвѣщавшая ничего хорошаго. Послѣ прочтенія обвинительнаго акта оказалось, что обвиняемая Морансъ ни слова не понимаетъ по-русски, а потому не можетъ сказать, признаетъ ли она себя виновной, или нѣтъ, такъ какъ не знаетъ, въ чемъ ее обвиняютъ. Защита стала энергично требовать, чтобы обвинительный актъ былъ переведенъ на французскій языкъ и вновь врученъ Морансъ. Трибуналу волей-неволей пришлось согласиться съ этимъ, и онъ отложилъ дѣло на 7 дней, поручивъ «товарищу» Анжеликѣ Балабановой перевести обвинительный актъ.

Черезъ семь дней дѣло было заслушано. Составъ суда былъ тотъ же. Обвиненіе вызвало двухъ свидѣтелей: Петерса и Берзина. Ни одинъ изъ свидѣтелей со стороны защиты не былъ допущенъ, такъ какъ не въ обычаѣ большевиковъ предоставлять обвиняемымъ всѣ средства защиты. Петерсъ и Берзинъ подтвердили все изложенное въ обвинительномъ актѣ относительно Локкарта и Райли. Когда Трибуналъ предложилъ обвиняемымъ дать объясненія, то каждый изъ нихъ во главѣ съ Каломатьяно пространно разсказывалъ о своей дѣятельности.

Среди обвиняемыхъ былъ старый генералъ, лѣтъ за 10 до революціи вышедшій въ отставку. Во время одного изъ повальныхъ обысковъ, которые часто устраивали большевики, у него нашли письмо, полученное имъ отъ одного кавалерійскаго офицера. Въ этомъ письмѣ была фраза: «мы съ вами одной школы». Этой фразы было достаточно, чтобы арестовать старика, продержать пять мѣсяцевъ въ тюрьмѣ и обвинять въ государственной измѣнѣ, присоединивъ его дѣло къ дѣлу Локкарта. На судебномъ слѣдствіи старый генералъ объяснилъ г-жѣ Размировичъ, что эта фраза означаетъ: «мы съ вами кончили одно и то же кавалерійское училище». — «Почему же въ письмѣ написано не «училище», а «школа»? — спрашивала Размировичъ. «Если бы дѣло шло о кавалерійскомъ училищѣ, то было бы написано «училище». — Нѣтъ, подъ школой здѣсь надо разумѣть какую-то бѣлогвардейскую организацію». —

Напрасно генералъ клялся, что всякій кавалеристъ, кончившій училище, всегда называетъ училище «школой», что это — традиція, освященная чуть ли не столѣтіемъ, напрасно просилъ вызвать для разъясненія этого вопроса знающихъ людей, — Размировичъ съ благословенія своего мужа, Крыленко, признала, что этой фразой старикъ вполнѣ уличается въ участіи въ заговорѣ. На судѣ генералъ повторилъ свои объясненія. Трибуналъ заинтересовался: очень ужъ не походилъ старикъ на конспиратора. Почувствовавъ, что дѣло не обойдется безъ эксперта, Крыленко предложилъ Трибуналу допросить свѣдующее лицо, которое въ настоящее время находится случайно въ залѣ. Трибуналъ согласился. И вотъ, на середину зала выходитъ дама, прекрасно одѣтая, башмаки до ушей, мѣховая шапка, мѣховая накидка, — однимъ словомъ, модная картинка, и съ апломбомъ заявляетъ, что кавалеристы, окончившіе училище, никогда не зовутъ свое училище «школой». Крыленко торжествуетъ и дѣлаетъ Трибуналу выразительные знаки. Тогда начинаетъ спрашивать защита:

«Откуда вамъ извѣстно то, о чемъ вы съ такой увѣренностью говорите?»

— Я это знаю.

«Вы кончили курсъ въ кавалерійскомъ училищѣ?»

— Нѣтъ.

«Скажите, а ваша фамилія Размировичъ?»

— Да.

«И вы вели слѣдствіе по этому дѣлу?»

— Да.

«А обвинитель Крыленко вашъ мужъ?»

— Да.

Эффектъ получился полный.

Хотя большинству членовъ Трибунала было извѣстно, что передъ ними стоитъ Размировичъ, но, повидимому, Трибуналу, показалось неудобнымъ допустить публично такое вопіющее беззаконіе, и предсѣдатель Карклинъ ломаннымъ русскимъ языкомъ заявилъ, что хотя Верховный Трибуналъ и не сомнѣвается въ правдивости словъ «товарища»Размировичъ, но онъ желаетъ еще выслушать мнѣніе спеціалиста и приглашаетъ въ качествѣ эксперта «бывшаго генерала Брусилова», за которымъ приказано было послать автомобиль. Явился Брусиловъ и на вопросъ предсѣдателя подтвердилъ все, что съ момента ареста говорилъ старый генералъ.

Наступилъ день судебныхъ преній. Крыленко неистовствовалъ. Онъ требовалъ для всѣхъ обвиняемыхъ смерти. Чувствуя, что обвиненіе поставлено крайне шатко, онъ выдвинулъ ужасное положеніе, которое въ дальнѣйшихъ процессахъ должно было опредѣлить отношеніе трибуналовъ къ обвиняемымъ.

«Не важно», — сказалъ этотъ новоявленный Фукье-Тенвилль, — «совершили ли обвиняемые то, въ чемъ ихъ обвиняютъ; важно то, что они никогда не перейдутъ той грани, которая отдѣляетъ ихъ отъ насъ. И поэтому они должны быть уничтожены».

Среди обвиняемыхъ былъ нѣкто Солюсъ. Роль его въ процессѣ была настолько ничтожна, что Крыленко пропустилъ его, перечисляя лицъ, подлежащихъ уничтоженію (а уничтоженію подлежали всѣ обвиняемые). Но секретарь Трибунала, молодой человѣкъ, усыпанный прыщами, желая выслужиться передъ генералъ-прокуроромъ, громко сказалъ: «Товарищъ Крыленко, вы пропустили Солюса». Крыленко задумался и произнесъ три слова, которыя должны были рѣшить участь обвиняемаго: «Солюсъ... его тоже».

Рѣчи защитниковъ длились два дня, и хотя чувствовалось, что обвиненіе совершенно разбито, все же волненіе наше было весьма велико, когда Трибуналъ ушелъ совѣщаться. Мы знали по дѣлу Щастнаго, что представляетъ изъ себя этотъ «судъ», мы помнили положеніе, которое установилъ въ обвинительной рѣчи Крыленко. Мы долго не выходили изъ зала. Стояли группами и обсуждали возможный исходъ. Къ одной изъ группъ подошелъ Петерсъ и сказалъ: «Къ чему эти волненія, и ваши, и обвинителя, все это лишнее. Не такъ надо поступать». На нашъ недоумѣнный вопросъ, что же нужно, по его мнѣнію, дѣлать, онъ отвѣтилъ: «Что дѣлать? Привезти сюда пулеметъ. Вотъ и все. А результатъ будетъ одинъ и тотъ же». Итакъ, и представитель совѣтской юстиціи, и представитель всероссійской чрезвычайки въ разныхъ выраженіяхъ выразили одну и ту же кровавую мысль: «Суда не надо». Если ты не коммунистъ, то съ тебя достаточно и одной пулеметной расправы. Черезъ два мѣсяца послѣ слушанія дѣла Локкарта предсѣдатель Всероссійской Чрезвычайки Петерсъ и былъ назначенъ предсѣдателемъ Московскаго Революціоннаго Трибунала, съ оставленіемъ въ должности всероссійскаго палача. Такъ произошло трогательное сліяніе юстиціи съ охранкой.

Вопреки обыкновенію, Трибуналъ совѣщался довольно долго. И вотъ, среди напряженнаго вниманія присутствовавшихъ въ залѣ защитниковъ и родственниковъ, допущенныхъ въ залъ засѣданія въ небольшомъ количествѣ, ломая русскія слова сталъ читать Карклинъ приговоръ. Англійскіе граждане Локкартъ и Райли были признаны виновными въ государственной измѣнѣ и приговорены къ разстрѣлу, въ случаѣ возвращенія въ Россію и въ случаѣ . . . если въ Англіи будетъ соціалистическая республика. Гражданинъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Каломатьяно и бывшій полковникъ Фриде, какъ признанные виновными въ томъ же преступленіи, тоже приговаривались къ разстрѣлу. Генералъ-майоръ Загряжскій, Голицынъ, Потемкинъ, сестра Фриде и цѣлый рядъ другихъ лицъ приговаривались къ пяти годамъ общественныхъ работъ, три чеха — къ заключенію въ концентраціонный лагерь до окончанія въ Россіи гражданской войны. Англичанинъ Хойтъ, г-жа Морансъ, артистка Оттенъ и старый отставной генералъ были оправданы.

Не успѣлъ Карклинъ прочесть приговоръ, какъ изъ глубины зала, гдѣ сидѣли родственники обвиняемыхъ, раздался старческій женскій голосъ: «Петя, Петя, иди сюда скорѣй». Это въ припадкѣ безконечнаго счастья звала къ себѣ стараго генерала его старуха жена.

Приговоръ былъ сравнительно мягокъ, если вспомнить, что Крыленко требовалъ «уничтоженія» всѣхъ обвиняемыхъ. Смертный приговоръ надъ отсутствующими Райли и Локкартомъ поражалъ своей глупостью, и могъ вызвать только презрительную улыбку; за Каломатьяно мы не боялись: мы знали, что господа большевики храбры только на словахъ. Мы знали, что эти господа умѣютъ безпощадно расправляться только съ тѣми, у которыхъ нѣтъ сильныхъ заступниковъ. И мы были увѣрены, что они не посмѣютъ разстрѣлять гражданина Соединенныхъ Штатовъ. Недаромъ защитникъ Каломатьяно Н. К. Муравьевъ открыто говорилъ объ этомъ на судѣ. И мы оказались правы. Черезъ семь мѣсяцевъ послѣ процесса Каломатьяно былъ живъ. Я увѣренъ, что онъ живъ и до сихъ поръ. Не то случилось съ Фриде: онъ былъ русскій гражданинъ, за него некому было заступиться, и онъ погибъ. Бывшему военному судьѣ Загряжскому Трибуналъ далъ пять лѣтъ общественныхъ работъ. Этотъ приговоръ весьма обрадовалъ защиту. Крыленко съ особой энергіей настаивалъ на

«уничтоженіи» Загряжскаго, бывшаго генерала, бывшаго царскаго судьи и бывшаго помѣщика. Крыленко утверждалъ, что Загряжскій вмѣстѣ съ Фриде былъ «правой рукой Каломатьяно». Кромѣ того, приговоръ надъ Загряжскимъ предопредѣлялъ приговоръ надъ всѣми рядовыми агентами.

Во время предварительнаго слѣдствія все вниманіе Размировичъ было направлено не на разслѣдованіе того, въ чемъ обвинялся Загряжскій. Это ее мало интересовало. Весь вопросъ сводился къ тому — приговорилъ ли Загряжскій кого нибудь къ смерти въ бытность свою при царѣ военнымъ судьей. И я увѣренъ, найдись хоть одна смертная казнь у Загряжскаго, — ему бы не сдобровать. Ибо эти братья евангельскихъ фарисеевъ, которыхъ съ такой страстью проклиналъ Христосъ, не простили бы ему крови, въ которой они сами погрязли свыше головы. Но Загряжскій отличался необыкновенной мягкостью и справедливостью и за всю свою судейскую карьеру не обагрилъ своихъ рукъ кровью. Мы очень боялись за судьбу Загряжскаго. Послѣ рѣчей защиты сестра его жены, вдова знаменитаго московскаго окулиста М., поѣхала въ Петербургъ заручиться содѣйствіемъ Максима Горькаго въ случаѣ неблагопріятнаго исхода процесса. Горькій занималъ особнякъ въ центрѣ города. Въ десять часовъ утра М. сидѣла у него въ пріемной. Много роскошныхъ обстановокъ по словамъ М. приходилось ей видѣть на своемъ вѣку, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и за границей. Но роскошь особняка Горькаго превосходила всякую фантазію. Пролетарскій писатель принялъ М. въ два часа дня. Нужно сказать, что г-жѣ М. подъ семьдесятъ лѣтъ. Слабо извинившись за столь долгое ожиданіе, и узнавъ, что М. пріѣхала просить за своего зятя въ случаѣ, если онъ будетъ приговоренъ къ смерти, Горькій показалъ г-жѣ М. утреннія петербургскія газеты, въ которыхъ былъ напечатанъ приговоръ. Миссія М. была кончена, и она уѣхала домой. Въ февралѣ Горькій пріѣхалъ въ Москву. Воспользовавшись его пребываніемъ въ городѣ, я отправился къ нему вмѣстѣ съ г-жей М. Я думалъ использовать его вліяніе для того, чтобы примѣнить къ Загряжскому или амнистію, или досрочное освобожденіе. Я разсказалъ Горькому о дѣлѣ Локкарта, о роли въ этомъ дѣлѣ Загряжскаго, указалъ на всѣ неправильности, допущенныя во время процесса. Мой разсказъ, повидимому, произвелъ на Горькаго впечатлѣніе, и онъ просилъ сейчасъ же набросать его на бумагу. Затѣмъ онъ обратился ко мнѣ и спросилъ: «Скажите, Яшка Свердловъ можетъ въ этомъ что нибудь помочь». — «Яшка Свердловъ, — отвѣчалъ я, — президентъ Россійской Республики. Одна его подпись освободитъ Загряжскаго изъ тюрьмы». — «Ну, такъ я велю ему сегодня же ликвидировать это дѣло», — сказалъ Горькій. Прощаясь, я спросилъ Горькаго, почему большевики проявляютъ такую безумную и никому не нужную жестокость. Горькій подумалъ и отвѣтилъ: «Эта сволочь жестокостью хочетъ доказать свою лойальность». Такими словами Горькій охарактеризовалъ своихъ единомышленниковъ. Не знаю, забылъ ли Горькій приказать Яшкѣ Свердлову, или Яшка не захотѣлъ исполнить его приказанія, — но Загряжскій изъ тюрьмы выпущенъ не былъ.

Молоденькая артистка Оттенъ сильно волновалась. Поэтому она и во время рѣчей, и во время чтенія приговора находилась въ комнатѣ для обвиняемыхъ. Когда защитники пришли сказать ей, что она оправдана, она долго не хотѣла этому вѣрить, предполагая, что защитники только успокаиваютъ ее и что она приговорена къ смерти.

Крыленко негодовалъ. Вмѣсто двухъ десятковъ смертей, — всего только двѣ, и при томъ одна проблематичная. И онъ постарался «уничтожить» хотя

бы одного обвиняемаго. Никакія просьбы, никакія хлопоты спасти жизнь Фриде не помогли. Чувствовалась кровавая рука «генералъ-прокурора». Мнѣ разсказывали, что изъ Кремля Фриде повезли на автомобилѣ разстрѣливать въ Петровскій паркъ. Послѣ разстрѣла его тѣло должно было быть привезено обратно въ городъ. Пожалѣли ли палачи бензинъ, или не захотѣли зря тратить времени, но Фриде былъ умерщвленъ револьверными рукоятками на Кремлевскомъ мосту.

IV

Дѣло «Союза — Торговли и Промышленности».

Черезъ нѣсколько дней послѣ дѣла Локкарта, Верховный Трибуналъ слушалъ дѣло «Союза Торговли и Промышленности».

Было въ Москвѣ общество, учрежденное, повидимому, при Временномъ Правительствѣ. По уставу оно ставило себѣ весьма широкія задачи въ области торговли и промышленности, но въ дѣйствительности ни большихъ, ни малыхъ дѣлъ у него не было, и оно висѣло на ниточкѣ. Предсѣдателемъ Правленія былъ небезызвѣстный въ Москвѣ П. И. Крашенинниковъ, издатель нѣсколькихъ газетъ, въ томъ числѣ «Газеты Копейки».

Однажды, когда служащіе конторы слонялись безъ дѣла изъ угла въ уголъ, въ контору явился молодой человѣкъ и отрекомендовался представителемъ «Финляндской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики». (Въ то время Финляндія находилась подъ властью коммунистовъ.) «Фамилія моя Александровъ», — сказалъ онъ, — «я представитель Финляндской республики, которая поручила мнѣ закупить въ Россіи для нуждъ Республики предметы первой необходимости; вотъ моя довѣренность, а вотъ разрѣшеніе на эти покупки Совѣта Народныхъ Комиссаровъ Русской Республики. У васъ есть связи, и я хочу закупить товары черезъ ваше общество». И тутъ же Александровъ показалъ бухгалтеру общества двѣ бумаги. Одна была довѣренность, выданная Финляндскимъ Правительствомъ, а другая — разрѣшеніе на покупку товаровъ. Вторая бумага была подписана нѣсколькими народными коммиссарами, въ томъ числѣ Ленинымъ, Луначарскимъ, Чичеринымъ и др. Сейчасъ же были вызваны по телефону директора и начались переговоры. Александровъ предложилъ слѣдующее. Онъ даетъ обществу полъ-милліона рублей авансомъ, а общество отыскиваетъ и покупаетъ для Финляндской Республики необходимые ей предметы, которые еще не реквизированы. При этомъ Александровъ просилъ, чтобы всѣ переговоры съ владѣльцами товаровъ велись въ его присутствіи. Представители умирающаго отъ бездѣйствія общества «съ радостью» согласились на эту сдѣлку. Александровъ сейчасъ же выдалъ авансъ въ размѣрѣ пятисотъ тысячъ рублей, но потребовалъ, чтобы въ полученіи этихъ денегъ расписались какъ всѣ члены правленія, такъ и всѣ отвѣтственные служащіе. Желаніе Александрова, конечно, было исполнено. И вотъ начались поиски нереквизированныхъ товаровъ.

Александровъ интересовался всѣмъ. Желѣзный ломъ — Финляндіи необходимъ ломъ, мыло — давай сюда мыло, веревки — и веревки пригодятся въ соціалистической республикѣ. Много было закуплено разнообразныхъ товаровъ, причемъ каждому продавцу показывалось разрѣшеніе Совѣта Народныхъ Комиссаровъ. Черезъ нѣкоторое время Александровъ предложилъ выдать правленію общества еще полъ-милліона рублей и обѣщалъ привезти деньги въ контору

общества въ понедѣльникъ въ часъ дня, при чемъ опять потребовалъ, чтобы въ полученіи денегъ расписались всѣ. Въ половинѣ перваго въ конторѣ раздался телефонный звонокъ. Спрашивалъ Александровъ: «Ну что, всѣ собрались въ конторѣ»? — «Всѣ». — «Такъ я сейчасъ пріѣду съ деньгами». Въ часъ пріѣхалъ въ контору съ деньгами Александровъ, а черезъ десять минутъ явились въ контору члены Всероссійской Чрезвычайной Комиссіи и арестовали все правленіе и всѣхъ служащихъ общества. Арестовали также и Александрова. Охранники захватили всѣ бумаги, въ томъ числѣ довѣренность и разрѣшеніе Совѣта Народныхъ Комиссаровъ. Черезъ нѣсколько часовъ Александровъ былъ освобожденъ, а всѣ остальные арестованные, начиная отъ Предсѣдателя правленія и кончая самымъ мелкимъ служащимъ, были преданы суду Верховнаго Трибунала по обвиненію въ спекуляціи. Къ нимъ присоединили всѣхъ владѣльцевъ и всѣхъ завѣдующихъ товарными складами. Такимъ образомъ, создался новый грандіозный процессъ, который наряду съ процессомъ Локкарта долженъ былъ показать міру, что въ совѣтской республикѣ кишатъ контръ-революціонеры и спекулянты, и отучить россійскаго обывателя заниматься тѣмъ и другимъ.

Защита была допущена къ изученію дѣла за три дня до его слушанія. Въ одномъ изъ безчисленныхъ томовъ производства мы нашли бумажку, озаглавленную: В. Ч. К. «Отдѣлъ Хранилищъ». Текстъ этого интереснаго документа былъ таковъ: «Предлагаю товарищу X немедленно вернуть въ Отдѣлъ Хранилищъ В. Ч. К. одинъ милліонъ рублей, выданный товарищу Александрову-Слуцкеру по дѣлу Союза Торговли и Промышленности».

Стало совершенно ясно, что дѣло Союза спровоцировано чрезвычайкой, стало ясно, что Александровъ, который оказался Слуцкеромъ, былъ не представителемъ Финляндской Соціалистической Республики, а представителемъ Всероссійской Чрезвычайной Комиссіи. Мы сняли копію съ этого документа, и вѣрность ея засвидѣтельствовали всѣ присутствовавшіе защитники.

Черезъ три дня началось дѣло. Предсѣдательствовалъ тотъ же Карклинъ, обвинялъ помощникъ Крыленко, Могилевскій, бывшій помощникъ присяжнаго повѣреннаго, — существо крайне бездарное и ограниченное. Скамью подсудимыхъ занимали люди разнообразныхъ профессій. Издатель Крашенинниковъ, изобрѣтатель Богатыревъ, владѣецъ многочисленныхъ фабрикъ и заводовъ Крейнесъ, нѣсколько инженеровъ и цѣлый рядъ мелкихъ служащихъ. Для «полноты картины» были привлечены всѣ служащіе Союза.

Просматривая производство въ день суда, мы увидѣли, что исчезъ документъ Отдѣла Хранилищъ В. Ч. К. Оказалось, что г. Крыленко изъялъ изъ дѣла цѣлый рядъ документовъ, которые такъ или иначе могли компрометировать чрезвычайку. Это было сдѣлано, по его словамъ для того, чтобы не «затемнять» дѣла излишнимъ балластомъ. При открытіи судебнаго засѣданія защита протестовала противъ подобныхъ воровскихъ пріемовъ прокуратуры. Трибуналъ сдѣлалъ постановленіе о розыскѣ этого документа, и онъ, кажется, былъ найденъ въ концѣ судебнаго слѣдствія. Особаго интереса для насъ въ тотъ моментъ онъ не представлялъ, такъ какъ Могилевскій, припертый къ стѣнѣ, долженъ былъ публично признать, что созданіе этого дѣла принадлежитъ Всероссійской Чрезвычайной Комиссіи.

Не нужно упоминать о томъ, что Александрова-Слуцкера не было ни на скамьѣ подсудимыхъ, ни въ числѣ свидѣтелей. Помня завѣты царскихъ жандармовъ, большевики съ большой бережностью относятся къ предателямъ и про-

вокаторамъ. Слуцкеръ исчезъ съ московскаго горизонта и, повидимому, занимается своей полезной дѣятельностью гдѣ нибудь вдали отъ Москвы.

Исчезновеніе Слуцкера насъ мало безпокоило (мы къ этому привыкли при царѣ), но что разволновало и возмутило насъ — это исчезновеніе двухъ документовъ — довѣренности Слуцкера и разрѣшенія, подписаннаго членами Совнаркома. Чрезвычайка оказалась дальновидиѣе Крыленко и, найдя эти документы въ конторѣ Союза, немедленно ихъ уничтожила.

Всѣмъ присутствовавшимъ на судѣ, въ томъ числѣ, конечно, и членамъ Трибунала, было ясно, что никто изъ обвиняемыхъ не совершилъ не только предступнаго, но и предосудительнаго поступка, такъ какъ все было совершено съ разрѣшенія Совнаркома; тѣмъ не менѣе, Могилевскій требовалъ для всѣхъ суроваго наказанія. Предвидя, что защита въ своихъ рѣчахъ будетъ говорить о провокаціи, Могилевскій призналъ, что дѣло было спровоцировано чрезвычайкой и тутъ же пропѣлъ провокаціи хвалебный гимнъ.

«Я признаю», сказалъ онъ, «что совѣтская власть прибѣгаетъ къ провокаціи, но она должна это дѣлать для спасенія своего существованія. Благодаря провокаціи мы раскрыли заговоръ Локкарта». Итакъ, наше предположеніе, что дѣло Локкарта было спровоцировано чрезвычайкой, получило оффиціальное подтвержденіе.

Послѣ рѣчи Могилевскаго Карклинъ торжественно объявилъ, что одно лицо, находящееся въ публикѣ, желаетъ выступить въ качествѣ обвинителя. Каково же было наше изумленіе, когда «лицомъ изъ публики» оказался тотъ же Крыленко. Опять полилась кровавая рѣчь, опять замелькало слово «уничтожить». Повидимому, Крыленко остался недоволенъ «слишкомъ мягкой» рѣчью Могилевскаго. Вмѣсто «суроваго наказанія» онъ требовалъ уничтоженія обвиняемыхъ. Только по отношенію къ изобрѣтателю Богатыреву онъ допускалъ нѣкоторое снисхожденіе Процитировавъ фразу, произнесенную на процессѣ химика Лавуазье извѣстнымъ палачомъ Великой французской революціи — Дюма: «Намъ ученыхъ не надо» (Крыленко приписалъ ее своему прародителю, гнуснѣйшему палачу Фукье-Тенвиллю), онъ выразилъ полную солидарность съ этимъ положеніемъ, но все же, призналъ возможнымъ сохранить изобрѣтателю жизнь. Нападая на членовъ Правленія Союза, Крыленко доказывалъ, что члены правленія, а главнымъ образомъ предсѣдатель Крашенинниковъ, хотѣли при помощи этой сдѣлки набить свои карманы золотомъ. Это была наглая ложь. Въ дѣлѣ былъ документъ, почему то не уничтоженный во время Крыленко, изъ котораго было видно, что Крашенинниковъ согласился быть членомъ правленія Союза при условіи, если онъ не будетъ получать жалованья и не будетъ участвовать ни въ прибыляхъ, ни въ убыткахъ общества. Но что для Крыленки значатъ какія нибудь доказательства?

Защита съ большой рѣзкостью напала на пріемы чрезвычайки, сравнивая ихъ съ пріемами царской охранки. Надо отдать справедливость Трибуналу. Предсѣдатель ни разу не остановилъ защитниковъ. Но въ дѣйствіяхъ Трибунала выразилось полное пренебреженіе къ интересамъ обвиняемыхъ. Послѣднимъ говорилъ присяжный повѣренный Я. Б. Якуловъ, старый боецъ, защищавшій одного изъ инженеровъ, завѣдывавшаго какимъ то казеннымъ складомъ желѣза. Защитительный матеріалъ былъ огромный, потому что обвинительный актъ наговорилъ на инженера всякихъ небылицъ; Якулову пришлось начать рѣчь поздно вечеромъ. Проговоривъ часъ, онъ попросилъ пятиминутнаго перерыва, чтобы передохнуть. Предсѣдатель Карклинъ отказалъ. Якуловъ сталъ настойчиво тре-

бовать перерыва, указывая на то, что онъ такъ усталъ, что не въ состояніи дальше продолжать рѣчь. Карклинъ вновь отказалъ и заявилъ, что если Якуловъ не въ состояніи продолжать рѣчь вслѣдствіе усталости, то пусть онъ ее кончитъ. Карклинъ можетъ сдѣлать перерывъ засѣданія, но послѣ перерыва не позволитъ защитнику говорить. Это было неслыханное издѣвательство и надъ защитникомъ и надъ обвиняемыми. Но это были только цвѣточки. Ягодки оказались впереди.

Поздно ночью трибуналъ вынесъ приговоръ. Члены Правленія Союза получали по пяти лѣтъ общественныхъ работъ, капиталисты и завѣдующіе складами по десяти лѣтъ, служащіе Союза были приговорены къ общественнымъ работамъ на меньшіе сроки. Но дѣло не обошлось безъ крови. Инженеръ, котораго защищалъ Якуловъ, былъ приговоренъ къ разстрѣлу. На слѣдующій день онъ былъ убитъ.

Такъ кончилось это возмутительное дѣло, которое циничностью и наглостью пріемовъ опередило все то скверное, что такъ часто встрѣчалось въ царскихъ судахъ. Было ясно, что никакихъ доказательствъ вины для большевистскихъ судей не требуется, что каждый обвиняемый, въ чемъ бы онъ ни обвинялся, есть политическій врагъ, и, какъ таковой, подлежитъ уничтоженію, или, по крайней мѣрѣ, долгой изоляціи. Это положеніе весьма ярко выразилось въ процессѣ французской миссіи.

V

Дѣло Французской Миссіи.

Члены французской миссіи обвинялись въ «государственной измѣнѣ». Но когда дѣло дошло до преданія ихъ суду, то раздался властный голосъ Клемансо, требовавшій возвращенія всѣхъ членовъ миссіи во Францію. Большевики по своему обыкновенію струсили и отпустили миссію на родину. Но такъ какъ опять было необходимо доказать всему міру, что не только Англія, но и Франція чинитъ всякія козни совѣтскому правительству и препятствуетъ насажденію коммунистическаго рая въ Россіи, то суду Верховнаго Трибунала было предано семь русскихъ гражданъ, которыхъ обвиняли въ содѣйствіи государственному перевороту. Вина этихъ мирныхъ россійскихъ обывателей заключалась въ томъ, что они были знакомы съ нѣкоторыми членами миссіи, иногда встрѣчались съ ними, иногда разговаривали.

Предсѣдательствовалъ садистъ Галкинъ. Мягко улыбаясь, этотъ негодяй обратился къ обвиняемымъ съ предложеніемъ откровенно сказать всю правду, при чемъ заявилъ, что это «значительно облегчитъ ихъ участь». Обвиняемые одинъ за другимъ стали давать объясненія, которыя сводились къ признанію знакомства съ членами французской миссіи. Галкинъ слушалъ и самодовольно улыбался. Послѣ объясненія обвиняемыхъ, Трибуналъ сдѣлалъ слѣдующее постановленіе: «Въ виду того, что дѣло совершенно выяснено объясненіями обвиняемыхъ, Трибуналъ отказывается отъ выслушиванія рѣчей обвинителя и защитниковъ и удаляется для постановленія приговора». Присутствовавшіе въ залѣ засѣданія родственники и защитники обвиняемыхъ вздохнули свободно. Люди, имѣвшіе разумъ и сердце, понимали, что если Трибуналъ не допустилъ судебныхъ преній, отказался выслушать слова защиты, то онъ самъ явится

вѣрнымъ и надежнымъ защитниковъ обвиняемыхъ. Припоминали слова Галкина, сказанныя обвиняемымъ, и всѣ спокойно ждали выхода судей. Они не заставили себя ждать долго. Минутъ черезъ десять вышелъ Галкинъ и своимъ отвратительнымъ гнусавымъ голосомъ крикнулъ: «Всѣхъ обвиняемыхъ признать виновными въ государственной измѣнѣ и разстрѣлять въ 24 часа . . .»

Много мнѣ пришлось на своемъ вѣку выслушать смертныхъ приговоровъ. И я видѣлъ людей, которые встрѣчали приговоръ спокойно, не мѣняясь въ лицѣ. То были сильные духомъ революціонеры, которые отдавали свою жизнь за благо народа. Въ долгія безсонныя ночи, проводимыя ими до суда, въ тюрьмѣ, они подготовляли себя къ смерти и умирали на эшафотѣ героями. Но я видѣлъ и иныхъ людей; я видѣлъ людей, которые, услышавъ въ приговорѣ слово «смерть», впадали въ полное оцѣпенѣніе. Они дѣлались мертвенно блѣдными, а у нѣкоторыхъ парализовались мускулы лица. Чаще это бывало, когда приговоръ поражалъ своей неожиданностью. Я встрѣчалъ садистовъ-судей, которымъ доставляло наслажденіе вселять обвиняемымъ во время суда надежду на благопріятный исходъ процесса. Сколько деликатности, сколько предупредительности высказывалъ такой судья. Иногда среди допроса обвиняемаго назоветъ его, какъ бы случайно, «голубчикомъ». Обвиняемый расцвѣтаетъ: ужъ если голубчикъ, значитъ, «хорошо кончится дѣло». А черезъ часъ — смертный приговоръ. А судья-садистъ смотритъ и наслаждается произведеннымъ эффектомъ . . .

Такъ дѣлалось въ Россіи при царѣ, такъ дѣлается въ Россіи при коммунистахъ.

Всѣ обвиненные были разстрѣляны въ ту же ночь . . .

VI

Дѣло Генеральнаго Морского Штаба

Во время одного изъ повальныхъ обысковъ, которые большевики чуть не ежедневно производили по всей Россіи, у мичмана Иванова былъ найденъ запечатанный конвертъ, адресованный въ Швецію. По вскрытіи конверта въ немъ оказалось зашифрованное письмо, которое не безъ труда было расшифровано. Въ этомъ письмѣ неизвѣстное лицо писало о работѣ, которую оно производитъ по отправкѣ волонтеровъ на Сѣверный антибольшевистскій фронтъ. Мичманъ Ивановъ на допросѣ показалъ, что это письмо для отправки онъ получилъ отъ финскаго гражданина, лейтенанта въ отставкѣ Оккерлунда. Оккерлундъ же показалъ, что этотъ конвертъ съ письмомъ его просилъ отправить заграницу лейтенантъ Васильевъ. При разслѣдованіи выяснилось, что лейтенантъ Васильевъ кончилъ жизнь самоубійствомъ. Хотя слѣдственная власть этому не повѣрила и весьма тщательно разыскивала Васильева, но изъ этихъ розысковъ ничего не вышло, и арестованы были только Оккерлундъ и Ивановъ. Одновременно съ арестомъ этихъ лицъ чрезвычайка произвела обыскъ въ Генеральномъ Морскомъ Штабѣ и нашла цѣлый рядъ бумагъ, которыя, по мнѣнію слѣдователя, сильно компрометировали Штабъ и доказывали его причастность къ контръ-революціи. Всѣ служащіе Штаба, какъ большіе, такъ и малые, были арестованы, дѣло Оккерлунда и Иванова было присоединено къ дѣлу Штаба, хотя между этими дѣлами не было никакой связи, и такимъ образомъ вновь былъ созданъ громкій «процессъ Генеральнаго Морского Штаба», который и разбирался въ Верховномъ Трибуналѣ.

Среди служащихъ Штаба былъ нѣкто Абрамовичъ, занимавшій должность начальника морской контръ-развѣдки. Въ описываемое время Генеральный Морской Штабъ и морская контръ-развѣдка находились въ Москвѣ. На обязанности Абрамовича было собирать при помощи агентовъ всевозможныя свѣдѣнія о политической жизни Совѣтской Республики, дѣлать изъ нихъ сводки и представлять эти сводки комиссару Генеральнаго Штаба, какому то матросу Балтійскаго флота. Абрамовичъ инстинктивно ненавидѣлъ большевиковъ и особенно свое начальство, Народнаго Комиссара по морскимъ дѣламъ Троцкаго. И вотъ однажды Абрамовичъ получилъ отъ своихъ агентовъ слѣдующее сообщеніе. На одномъ изъ фронтовъ какой то красноармейскій полкъ отказался идти въ наступленіе. Пріѣхалъ Троцкій и сталъ «уговаривать». Красноармейцы заявили, что, если ихъ поведетъ Троцкій, они пойдутъ въ атаку. Троцкій согласился, и атака была назначена на 6 часовъ слѣдующаго утра. Когда пришло утро, то оказалось, что Троцкаго и слѣдъ простылъ. Такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ дней мѣстопребываніе этого храбреца было неизвѣстно, то агенты контръ-развѣдки и донесли объ этомъ своему начальнику, Абрамовичу. Послѣдній составилъ докладъ и представилъ его комиссару Главнаго Морского Штаба. Комиссаръ докладъ одобрилъ, написалъ на немъ «Принять къ свѣдѣнію», и тѣмъ бы дѣло все и кончилось. Но этотъ докладъ попалъ въ руки чрезвычайки и возгорѣлось дѣло «о государственной измѣнѣ». Изъ сотни докладовъ, которые Абрамовичъ представилъ по начальству, и въ которыхъ были свѣдѣнія, принесшія въ свое время коммунистамъ пользу, слѣдователемъ былъ взятъ только одинъ злополучный докладъ, и на немъ было построено обвиненіе.

При открытіи судебнаго засѣданія Предсѣдатель Галкинъ предложилъ защитникамъ объявить Трибуналу, какой гонораръ ими полученъ отъ обвиняемыхъ. Вопросъ былъ наглый, но пришлось дать отвѣтъ, потому что конфликтъ съ защитой неминуемо бы ухудшилъ положеніе обвиняемыхъ. Среди защитниковъ былъ П. П. Лидовъ. Когда дѣло дошло до него, онъ заявилъ, что никакого гонорара онъ не взялъ, потому что его подзащитный человѣкъ неимущій, но что ему обѣщано возмѣщеніе расходовъ и оплата труда, если обвиняемый впослѣдствіи будетъ имѣть заработокъ. Галкинъ выразилъ сомнѣніе въ правдивости словъ защитника. Тогда Лидовъ, выведенный изъ терпѣнія поведеніемъ этого негодяя, крикнулъ: «А сколько вы заплатили вашему защитнику, когда васъ судили при царѣ со смертной казнью?» Галкинъ замолчалъ. Онъ зналъ, что его въ свое время защищали безплатно.

Уже въ началѣ процесса чувствовалось, что Оккерлундъ и Абрамовичъ — обреченные. За Оккерлунда я не особенно боялся. За нѣсколько дней до слушанья дѣла его жена показала мнѣ бумагу, подписанную народнымъ комиссаромъ иностранныхъ дѣлъ Чичеринымъ. Это было соглашеніе съ Финскимъ правительствомъ. Послѣднее, въ случаѣ присужденія Оккерлунда къ смерти, соглашалось обмѣнять его на четырехъ русскихъ коммунистовъ, сидящихъ въ финскихъ тюрьмахъ. Кромѣ того, финны обязывались продать Россійской коммунистической республикѣ семь тысячъ пудовъ газетной бумаги. Я зналъ, что Стеклову очень нужна газетная бумага для своихъ длиннѣйшихъ и бездарнѣйшихъ статей, и былъ спокоенъ. Но положеніе Абрамовича было безнадежно. Онъ былъ уже русскій гражданинъ, имѣлъ когда-то чинъ статскаго совѣтника, — а это уже одно обезпечивало гибель. На судѣ Крыленко сталъ утверждать, что свѣдѣнія, собираемыя контръ-развѣдкой, Абрамовичъ передавалъ Антантѣ. И хотя являлся вопросъ, для чего же тогда Абрамовичъ

всѣ свои доклады, въ томъ числѣ и фигурировавшій на судѣ, передавалъ своему комиссару-коммунисту, — все же около Абрамовича образовалась очень тяжелая атмосфера.

Наши опасенія сбылись. Оккерлундъ и Абрамовичъ были приговорены къ разстрѣлу, остальные обвиняемые — къ общественнымъ работамъ и къ заключенію въ концентраціонный лагерь. Комиссару-коммунисту, который выступалъ только въ качествѣ свидѣтеля, Трибуналъ постановилъ сдѣлать строгій выговоръ.

Послѣ прочтенія приговора оказалось, что Трибуналъ позабылъ о мичманѣ Ивановѣ. Крыленко немедленно указалъ на это упущеніе. Тогда Галкинъ заявилъ, что они дѣйствительно забыли обсудить дѣло Иванова, и Трибуналъ вновь удалился на совѣщаніе. Лица родственниковъ Иванова озарились надеждой. Трибуналъ забылъ обсудить его дѣло, значитъ, онъ не можетъ являться центральной фигурой и, значитъ, онъ не можетъ подлежать высшей карѣ. Но защита волновалась, помня выходку негодяя Галкина на процессѣ французской миссіи. Прошло нѣсколько секундъ, въ залѣ вновь появился Галкинъ и прочелъ: «Иванова признать виновнымъ въ государственной измѣнѣ и разстрѣлять». Всѣ трое, — Абрамовичъ, Оккерлундъ и Ивановъ были разстрѣляны на слѣдующій день. Никакія просьбы, никакія мольбы родственниковъ, по обыкновенію, не помогли. Но какимъ образомъ могли разстрѣлять финскаго гражданина Оккерлунда? Вѣдь, относительно него было оффиціальное соглашеніе объ обмѣнѣ его на четырехъ русскихъ коммунистовъ и на 7.000 пудовъ газетной бумаги! Приговоръ приводилъ въ исполненіе господинъ Крыленко, а онъ, повидимому, считалъ, что для славы «соціалистической республики» важнѣе казнить одного контръ-революціонера, чѣмъ получить четырехъ русскихъ коммунистовъ.

Мнѣ передавали, что въ отвѣтъ на убійство Оккерлунда Финляндская власть разстрѣляла четырехъ россійскихъ коммунистовъ.

За что погибъ Абрамовичъ? Кромѣ указаннаго выше документа въ его дѣлѣ не было ни одной черты, которая бы могла его компрометтировать, да и этотъ документъ онъ передалъ своему ближайшему начальнику, комиссару-коммунисту. Абрамовичъ погибъ за то, что осмѣлился оскорбить Троцкаго, усумнившись въ его личной храбрости. Въ прежнее время за оскорбленіе царствующаго императора полагалось наказаніе отъ ареста до каторжныхъ работъ. Обыкновенно судъ назначалъ заключеніе въ крѣпости. Мнѣ извѣстны весьма немногіе случаи, когда царскіе палачи изъ желанія выслужиться назначали за оскорбленіе величества каторжныя работы. А оскорбленіе комиссаровъ, нынѣ царствующихъ въ Россіи должно влечь за собою смерть. Щастный осмѣлился оскорбить Троцкаго, усумнившись въ его «адмиральскихъ способностяхъ», и Щастный погибъ. Та же участь постигла и Абрамовича.

VII

Московскій Революціонный Трибуналъ

Такъ обставлялись дѣла въ Верховномъ Трибуналѣ. — Провокація, предательство, глумленіе надъ обвиняемыми, постоянная кровь.

Хотя Московскій Революціонный Трибуналъ и принялъ съ самаго начала

кабацкій тонъ, все же, въ первое время онъ не выносилъ кровавыхъ приговоровъ; но, заразившись примѣромъ своего старшаго кроваваго брата, скоро ввелъ у себя красный терроръ въ систему. Нужно сказать, что Московскому Революціонному Трибуналу сразу не повезло. Первый его предсѣдатель Моисеенко оказался профессіональнымъ мошенникомъ, лишеннымъ при царѣ правъ по суду. Второй предсѣдатель Берманъ, человѣкъ злобный и весьма ограниченный, превратилъ Трибуналъ въ кабакъ. Онъ первый установилъ обычай, сидѣть во время судебныхъ засѣданій въ шапкахъ; и судьи, и публика курили, грызли сѣмячки. Скандалы и съ защитниками, и съ публикой происходили у него ежедневно. Во время суда надъ извѣстнымъ эс-эромъ Миноромъ, у котораго было три защитника, Берманъ удалилъ изъ залы засѣданія двоихъ. Но третій защитникъ, рабочій, членъ районнаго комитета, отказался уйти добровольно. Тогда Берманъ приказалъ красноармейцамъ удалить рабочаго силой. Тотъ уцѣпился за столъ, а красноармейцы стали тянуть защитника за ноги и за руки. Въ залѣ суда во время засѣданія произошла форменная драка. Берманъ, перегнувшись черезъ судейскій столъ, подбадривалъ красноармейцевъ крикомъ и гиканьемъ. Послѣдніе, конечно, побѣдили, и защитникъ-рабочій былъ выведенъ изъ зала. О. С. Миноръ тоже изъ протеста покинулъ залъ засѣданія, затѣмъ ушелъ обвинитель, бывшій юристъ, человѣкъ, еще не успѣвшій освоиться съ порядками новыхъ судовъ «революціонной совѣсти», а вслѣдъ за обвинителемъ ушла и вся публика. Берманъ остался одинъ со своими судьями-ассистентами, но это не помѣшало ему окончить дѣло и вынести поистинѣ соломоновскій приговоръ. Миноръ былъ редакторомъ газеты «Трудъ», издаваемой московскимъ комитетомъ Партіи С. Р. Газета «Трудъ» печаталась въ частной типографіи Мамонтова, — тогда еще нѣкоторыя типографіи не были реквизированы. И вотъ Берманъ, признавъ редактора Минора виновнымъ въ томъ, что онъ помѣстилъ въ газетѣ «Трудъ» свѣдѣнія, дискредитирующія совѣтскую власть, отштрафовалъ Московскій комитетъ партіи С. Р. на пять тысячъ рублей; въ случаѣ же невнесенія Комитетомъ этихъ денегъ въ опредѣленный срокъ, постановилъ... конфисковать типографію Мамонтова.

Свою жестокость и глупость Берманъ весьма ярко выявилъ на процессѣ вольноопредѣляющагося Х. Этотъ молодой человѣкъ 18 лѣтъ обвинялся въ томъ, что, находясь въ госпиталѣ, гдѣ онъ лѣчился отъ цѣлаго ряда раненій и контузій, отказался сбросить свои солдатскіе погоны. На судѣ этотъ юноша объяснилъ, что онъ добровольно присягалъ Временному Правительству и въ снятіи погонъ видитъ нарушеніе этой присяги. Берманъ призналъ его виновнымъ въ контръ-революціи и приговорилъ къ... восемнадцати годамъ общественныхъ работъ — по году работъ за годъ жизни.

Когда Берманъ уѣхалъ заграницу (говорили, что онъ увезъ съ собой порядочную сумму «хорошихъ» денегъ), предсѣдателемъ Московскаго Трибунала былъ назначенъ его помощникъ, Дьяконовъ. Впервые стали появляться смертные приговоры, хотя только заочные. Но это былъ уже плохой симптомъ. Кабацкій тонъ Трибунала, внесенный Берманомъ, измѣнился весьма мало. Однажды на судѣ подъ предсѣдательствомъ Дьяконова разыгрался такой случай. Судили трехъ совѣтскихъ слѣдователей Московскаго Революціоннаго Трибунала за полученіе взятки. Слѣдствіе по этому дѣлу велъ слѣдователь Трибунала, коммунистъ Цирцивадзе. Г-жа К., давшая взятку, утверждала, что она дала ее одному ходатаю по дѣламъ, который и передалъ взятку слѣдователямъ-обвиняемымъ. Но другой свидѣтель утверждалъ, что эта взятка была раздѣлена не

между слѣдователями-обвиняемыми*, а между другими слѣдователями Трибунала, среди которыхъ находился и Цирцивадзе. Когда на первомъ судебномъ засѣданіи Трибуналъ постановилъ обратить дѣло къ дослѣдованію для установленія какихъ-то фактовъ, то одинъ изъ защитниковъ попросилъ Трибуналъ не поручать дослѣдованія Цирцивадзе, такъ какъ въ дѣлѣ имѣются свѣдѣнія, что онъ былъ однимъ изъ участниковъ полученія взятки. Не успѣлъ защитникъ кончить своего слова, какъ въ публикѣ раздался истерическій крикъ: «Я не позволю защитнику меня оскорблять». Это кричалъ Цирцивадзе, произнося угрозы по адресу защитника. Дьяконовъ сейчасъ же вынесъ рѣшеніе: «Въ виду того, что товарищъ Цирцивадзе извѣстенъ Трибуналу, какъ честный коммунистъ, поручить ему дослѣдованіе этого дѣла».

Дѣятельность Дьяконова, повидимому, не удовлетворяла ни Крыленко, ни чрезвычайку, и онъ былъ отставленъ. Его мѣсто занялъ палачъ Петерсъ. Тогда наступила новая эра въ жизни Московскаго Трибунала. Кровь полилась рѣкой.

VIII

Дѣло о покупкѣ англійской валюты

Временное Правительство издало распоряженіе, ограничивающее право свободной покупки иностранной валюты. Эти операціи должны были производиться черезъ кредитную канцелярію. Подобное распоряженіе ставило иногда въ затрудненіе провинціальныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ. Приходилось издалека ѣздить въ Петербургъ и тратить время на хлопоты. Нашлись люди, которые стали брать на себя подобныя порученія. Среди этихъ людей особенно энергично работалъ нѣкій Вейнбергъ. Ему однажды удалось очень быстро выхлопотать разрѣшеніе на покупку небольшой суммы валюты. Это создало ему репутацію энергичнаго человѣка, и за его содѣйствіемъ стали обращаться многочисленные фабриканты и заводчики. Въ короткое время Вейнбергъ собралъ отъ своихъ довѣрителей болѣе восьми милліоновъ рублей. Каждому изъ нихъ онъ выдалъ расписку въ пріемѣ денегъ для покупки валюты, подписанную директоромъ канцеляріи. Но такъ какъ валюта долго не получалась, то нѣкоторые изъ его довѣрителей, обезпокоенные этимъ обстоятельствомъ, сами поѣхали въ Петербургъ, и въ Кредитной Канцеляріи узнали, что Вейнбергъ никакихъ денегъ на покупку валюты въ Кредитную Канцелярію не передавалъ, и что всѣ расписки, выданныя имъ довѣрителямъ, были подложны. Возникло дѣло. Судебный слѣдователь привлекъ Вейнберга къ отвѣтственности по обвиненію въ мошенничествахъ и въ подлогахъ, а всѣхъ потерпѣвшихъ, въ числѣ пятнадцати человѣкъ, допустилъ въ качествѣ гражданскихъ истцовъ. Во время слѣдствія произошелъ большевистскій переворотъ. Слѣдователь скрылся, и дѣло пропало. Черезъ годъ, во время одного изъ обысковъ, это дѣло было случайно найдено и передано въ слѣдственную комиссію при Московскомъ Революціонномъ Трибуналѣ. Слѣдователь прежде всего привлекъ въ качествѣ обвиняемыхъ пятнадцать потерпѣвшихъ. Имъ было предъявлено обвиненіе въ спекуляціи. И, несмотря на то, что это привлеченіе было сплошнымъ абсурдомъ, комиссія согла-

---

* Эти слѣдователи не были коммунистами.

силась съ мнѣніемъ слѣдователя, и суду Революціоннаго Трибунала были преданы Вейнбергъ и пятнадцать потерпѣвшихъ.

Составъ Трибунала состоялъ изъ помощника Петерса, какого-то безцвѣтнаго идіота и двухъ членовъ Ц. К. Вопросы, которые предлагали обвиняемымъ эти невѣжественные люди, вызывали улыбку. Защита допущена не была. Дѣло слушалось черезъ нѣсколько дней послѣ изданія декрета объ уничтоженіи свободной защиты и введеніи кадра защитниковъ-чиновниковъ. Приглашенныхъ ранѣе защитниковъ Трибуналъ не допустилъ, а назначить для защиты чиновниковъ не нашелъ нужнымъ. Вейнбергъ не призналъ себя виновнымъ и разсказалъ какую-то фантастическую исторію о томъ, что арестованные восемь милліоновъ составляютъ только часть его колоссальнаго состоянія, которое равняется сорока тремъ милліонамъ. Вейнбергъ производилъ впечатлѣніе психически больного человѣка. Во время объясненія обвиняемыхъ, которые въ яркихъ чертахъ разсказывали объ его мошенническихъ продѣлкахъ, онъ громко смѣялся. На второй день процесса Вейнбергъ сдѣлалъ неожиданное заявленіе: «Все, что я говорилъ вчера, — сказалъ онъ, — была ложь». — «Ну что-жъ, это ваше дѣло», — спокойно отвѣтилъ предсѣдатель, — «насъ это не касается». Когда обвинитель, бывшій помощникъ военнаго прокурора, не потерявшій еще чувства законности, началъ въ своей рѣчи доказывать, что въ дѣяніяхъ потерпѣвшихъ отъ мошенничества нѣтъ состава преступленія, идіотъ, сидѣвшій на мѣстѣ предсѣдателя, прервалъ его слѣдующими словами: «Гражданинъ обвинитель. Вамъ не предоставлено права защищать, да и вообще эти обвиняемые лишены права защиты».

Вейнбергъ произнесъ въ свою защиту безсвязную рѣчь, которая еще больше подтвердила, что судъ имѣлъ дѣло съ психически больнымъ человѣкомъ. «Я знаю, что я буду разстрѣлянъ», — сказалъ онъ, — «но я умру спокойно, такъ какъ я умираю за идею». Трибуналъ вынесъ мудрый и справедливый приговоръ: — Вейнберга разстрѣлять, а всѣхъ остальныхъ обвиняемыхъ признать виновными въ спекуляціи и конфисковать все ихъ имущество. Вейнбергъ подалъ кассаціонную жалобу и до разсмотрѣнія ея окончательно сошелъ сума. Онъ сталъ проявлять признаки буйнаго помѣщательства. Тюремный врачъ констатировалъ его болѣзнь. Но это не спасло его отъ смерти. Кассаціонный Трибуналъ оставилъ его жалобу безъ послѣдствій, и онъ былъ разстрѣлянъ.

Наступила вакханалія смерти. Петерсъ перенесъ въ Московскій Трибуналъ пріемы чрезвычайки. Ежедневно стали приговаривать къ смерти по нѣскольку человѣкъ. Разстрѣливали рѣшительно за всякое преступленіе. Нѣкій Б. былъ приговоренъ къ смерти за растрату денегъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ. Одна женщина была приговорена къ разстрѣлу за продажу продовольственной карточки. По счастью она оказалась беременной, и большевики, повидимому, изъ подражанія палачамъ Французской Революціи, замѣнили ей смерть безсрочными общественными работами. Викштейнъ, ходатай по дѣламъ, былъ разстрѣлянъ за то, что по мнѣнію слѣдователя, предполагалъ дать ему взятку. Трибуналъ конкурировалъ съ чрезвычайкой. Петерсъ торжествовалъ.

IX

Провинціальные Трибуналы — Дѣло Владимірскаго Управленія

Не лучше обстояли дѣла въ провинціальныхъ трибуналахъ. Мѣстныя власти были помельче властей столичныхъ и свое убожество старались прикрыть маратизмомъ. Мнѣ пришлось однажды выступить въ качествѣ защитника во Владимірскомъ Революціонномъ Трибуналѣ. Обвинялось Губернское Акцизное Управленіе (на коммунистическомъ языкѣ оно носило какое-то нелѣпое названіе). Всѣхъ обвиняемыхъ было 86 человѣкъ, начиная съ управляющаго и кончая сторожемъ. Обвиненіе было предъявлено весьма серьезное — расхищеніе народнаго достоянія. Расхищеніе состояло въ томъ, что передъ праздникомъ Рождества всѣ служащіе получили по бутылкѣ спирта, причемъ стоимость этого спирта была вычтена у каждаго изъ жалованья. Все это было сдѣлано совершенно открыто, съ согласія комиссара финансовъ. Тѣмъ не менѣе, въ двадцатыхъ числахъ февраля было наряжено слѣдствіе, которое продолжалось два дня. Результатомъ этого слѣдствія и было преданіе суду всего бывшаго акцизнаго управленія. Слѣдствіе велъ комиссаръ по гражданскимъ дѣламъ, портной Васильевъ, который и являлся на судѣ главнымъ свидѣтелемъ. Предсѣдательствовалъ коммунистъ Туркинъ, развязный молодой человѣкъ. При царѣ онъ былъ ходатаемъ по дѣламъ и два раза сидѣлъ въ тюрьмѣ за растрату кліентскихъ денегъ. Обвинителей собралось цѣлыхъ четыре. Я не припомню раньше ни одного случая, когда бы былъ такой избытокъ обвинителей. Одинъ изъ нихъ былъ студентъ, профессіональный алкоголикъ, другой — бывшій присяжный повѣренный, третій — человѣкъ неопредѣленной профессіи. Фигура четвертаго обвинителя была весьма колоритна. Это былъ коммунистъ Заводской, бывшій до революціи лакеемъ въ домѣ терпимости. При коммунистахъ онъ занималъ крупную должность предсѣдателя съѣзда народныхъ судей.

Всѣ обвиняемые признали фактъ полученія спирта, но заявили, что они это сдѣлали съ разрѣшенія комиссара финансовъ. Но послѣдняго не удалось допросить, такъ какъ за нѣсколько дней до начала слѣдствія онъ получилъ командировку и уѣхалъ на фронтъ. Свидѣтель, гражданскій комиссаръ Васильевъ, — онъ же и слѣдователь, — произнесъ громовую обвинительную рѣчь, въ которой доказывалъ, что люди, пьющіе водку, совершаютъ великое преступленіе, такъ какъ растрачиваютъ народное богатство. Для того, чтобы сильнѣе доказать, что на скамьѣ подсудимыхъ сидятъ растратчики народныхъ благъ, Васильевъ вынулъ изъ кармана и положилъ на судейскій столъ цѣлый рядъ порнографическихъ карточекъ, которыя, по его словамъ, онъ нашелъ при обыскѣ у управляющаго акцизными сборами. Показаніе Васильева происходило во второй день процесса. Я замѣтилъ, что на прокурорскихъ скамьяхъ нѣтъ одного изъ обвинителей, — студента. Во время перерыва я поинтересовался узнать, почему студентъ-обвинитель отсутствуетъ въ столь важный моментъ, во время свидѣтельскаго показанія самого губернатора. Предсѣдатель Туркинъ сказалъ мнѣ «по секрету», что наканунѣ вечеромъ студентъ напился до потери сознанія. А еще я узналъ вотъ что. За нѣсколько дней до начала слѣдствія по настоящему дѣлу коммунистическая знать провожала комиссара финансовъ. Нужно было достать спирту. Потребовать у акцизнаго управленія сочли неудобнымъ,

такъ какъ предполагалось возбудить противъ него слѣдствіе. Тогда придумали слѣдующее: слѣдственная комиссія при Владимірскомъ Революціонномъ Трибуналѣ выписала изъ Управленія два ведра спирта для медицинскихъ надобностей. Все было распито при проводахъ. Въ распитіи принималъ, между прочимъ, участіе весь составъ Революціоннаго Трибунала, всѣ четверо обвинителей, и самъ губернаторъ Васильевъ. Далѣе, обвиняемые мнѣ разсказали, что совѣтскіе комиссары всѣхъ ранговъ и высотъ ежедневно требовали отъ нихъ спирта, и это требованіе приходилось удовлетворять во избѣжаніе серьезныхъ непріятностей. Одинъ изъ обвиняемыхъ мнѣ показалъ письмо слѣдующаго содержанія: «Товарищъ N. N. Пожалуйста, пришлите немедленно четверть спирта съ подателемъ сего письма. Не бойтесь, это студентъ, свой человѣкъ. Онъ не выдастъ. Деньги за спиртъ отдамъ при встрѣчѣ. Комиссаръ Финансовъ Х.».

Мнѣ очень хотѣлось представить это письмо Трибуналу, но обвиняемые просили меня не дѣлать этого: «привлекутъ комиссара, обратятъ дѣло къ дослѣдованію, а когда вы уѣдете, насъ Васильевъ разстрѣляетъ. Онъ и такъ при допросѣ грозилъ намъ револьверомъ». Пришлось согласиться съ этимъ доводомъ и спрятать письмо.

Несмотря на то, что всѣ обвинители сами были первыми «растратчиками народнаго богатства», они наперерывъ одинъ за другимъ требовали казни всѣхъ обвиняемыхъ. Студентъ алкоголикъ говорилъ о той громадной пользѣ, которую принесетъ спиртъ въ нашей будущей промышленной жизни, и требовалъ смерти тѣхъ, которые уничтожаютъ его ради собственнаго наслажденія. Но всѣхъ превзошелъ лакей изъ дома терпимости. Во время рѣчи онъ почувствовалъ себя Маратомъ и потребовалъ, чтобы всѣхъ обвиняемыхъ зарыли въ землю, и притомъ «такъ глубоко, чтобы до насъ не доходилъ смрадъ ихъ разлагающихся тѣлъ». Въ концѣ рѣчи онъ назвалъ меня «политическимъ авантюристомъ». Я заставилъ его замолчать, и когда мнѣ было предоставлено слово, я разсказалъ Трибуналу и находящейся въ залѣ публикѣ свою жизнь, которая протекла между защитами въ судебныхъ палатахъ и защитами въ военныхъ судахъ. Потомъ, обратившись къ Заводскому, я сказалъ: «А теперь вы разскажите, чѣмъ вы занимались до революціи. Я увѣренъ, что у васъ не хватитъ смѣлости сдѣлать это». Мои слова вызвали улыбку даже среди коммунистовъ, ибо всѣ знали, какую почтенную должность занималъ этотъ членъ коммунистической партіи при царѣ. Мой вопросъ, конечно, остался безъ отвѣта.

Приговоръ Трибунала былъ достаточно мягкій, если только можно говорить о мягкости приговора, когда судятъ ни въ чемъ не повинныхъ людей. Восемь крупныхъ чиновниковъ были приговорены къ общественнымъ работамъ отъ 6 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ, часть обвиняемыхъ была приговорена къ условному тюремному заключенію, остальные получили общественное порицаніе.

Съ тяжелымъ чувствомъ уѣхалъ я изъ Владиміра. Три дня я провелъ въ атмосферѣ лжи и предательства.

Поистинѣ, несчастная страна, которой управляютъ такіе люди.

X

Разстрѣлы подсудимыхъ до суда—Дѣло братьевъ Лютославскихъ. — Дѣло бывшихъ царскихъ министровъ. — Дѣло протоіерея Восторгова

Всякіе способы уничтоженія людей были примѣнены коммунистами. Сотнями отправляла на тотъ свѣтъ чрезвычайка. Верховный и городскіе трибуналы не отставали отъ нея. Но этого было мало. Большевики придумали еще одинъ способъ уничтоженія своихъ противниковъ, и я утверждаю, что никогда и ни одно правительство въ мірѣ не прибѣгало къ такому гнусному и омерзительному способу. (Я говорю о разстрѣлахъ обвиняемыхъ за нѣсколько дней до слушанія ихъ дѣла въ Революціонныхъ Трибуналахъ.) Правда, исторія знаетъ Сентябрьскія убійства во время Великой Французской Революціи, когда толпа парижскихъ санкюлотовъ ворвалась въ тюрьмы, выводила заключенныхъ на улицу, и тутъ же ихъ разстрѣливала. Но здѣсь дѣйствовало не правительство, а толпа. Да и эта необузданная толпа все же устраивала тутъ же на улицѣ примитивный судъ, и извѣстны случаи, когда этотъ импровизированный трибуналъ оправдывалъ заключенныхъ, и тогда ихъ съ торжествомъ отпускали домой. Большевики захотѣли имѣть свои сентябрьскіе дни и вотъ пятаго сентября 1918 года въ Москвѣ было публично разстрѣляно безъ суда свыше восьмидесяти человѣкъ, изъ коихъ большинство было предано суду революціонныхъ трибуналовъ.

* * *

Послѣ паденія Варшавы, въ Москву переселились братья Лютославскіе, Марьянъ и Іосифъ. Оба они принадлежали къ Партіи Народовой Демократіи. Старшій, Марьянъ, талантливый инженеръ, былъ товарищемъ предсѣдателя центральнаго комитета партіи. Политикой въ Москвѣ Лютославскіе не занимались, но поддерживали тѣсную связь со своими товарищами по партіи, очутившимися тоже въ Москвѣ, благодаря эвакуаціи. Съ самаго начала большевистскаго режима Лютославскихъ стала травить вдохновляемая Радекомъ польская коммунистическая газета, издававшаяся въ Москвѣ. Не проходило дня, чтобы газета не обзывала ихъ буржуями и контръ-революціонерами.

Однажды, въ маѣ 1918 года, на квартиру Марьяна Лютославскаго пришелъ неизвѣстный ему человѣкъ, и заявилъ, что у него есть весьма цѣнный документъ, именно — тайное соглашеніе совѣтской власти съ главнымъ германскимъ командованіемъ. Въ силу этого соглашенія Польша предавалась Германіи на растерзаніе. Лютославскій уже раньше слышалъ о существованіи подобнаго документа и, хотя признавалъ его апокрифическимъ, но все же согласился купить его. Неизвѣстный не оставилъ документъ, а предложилъ Лютославскому за сто рублей списать его текстъ, составленный на очень плохомъ французскомъ языкѣ. Подъ нимъ были подписи, какъ главнаго германскаго командованія, такъ и видныхъ коммунистическихъ дѣятелей: Ленина, Радека, Чичерина, Крыленко и.другихъ. Лютославскій списалъ текстъ и отдалъ документъ обратно неизвѣстному. На слѣдующій день въ квартиру Лютославскаго явились агенты чрезвычайки, произвели тщательный обыскъ, захватили всѣ бумаги, въ томъ числѣ и копію документа. Маріанъ былъ немедленно арестованъ. Вмѣстѣ съ

нимъ арестовали и его брата Іосифа, который случайно во время обыска находился въ квартирѣ Марьяна. Возникло дѣло, веденіе котораго поручили все той же Еленѣ Размировичъ.

Марьяну Лютославскому было предъявлено обвиненіе въ томъ, что онъ, съ цѣлью дискредитировать совѣтскую власть, сочинилъ текстъ договора, по которому Польша, съ согласія Совѣтскаго Правительства, предавалась на растерзаніе Германіи, для того, чтобы разослать этотъ договоръ въ посольства враждебныхъ Совѣтскому Правительству государствъ. Такое же обвиненіе было предъявлено Іосифу Лютославскому, но, кромѣ того, на основаніи бумагъ, найденныхъ при обыскѣ, его обвиняли еще въ организаціи польскихъ легіоновъ для борьбы съ совѣтской властью. Оба обвиненія по отношенію къ Марьяну и къ Іосифу были настолько нелѣпы, что при нормальномъ положеніи ихъ ничего не стоило разбить. Но коммунисты ведутъ слѣдствіе не на основаніи общечеловѣческихъ принциповъ, а на основаніи «коммунистической совѣсти». Для нихъ въ дѣлѣ Лютославскихъ было важно одно: и тотъ, и другой состояли членами партіи Народовой Демократіи, и потому ихъ нужно было «уничтожить». Размировичъ вела слѣдствіе съ небывалой наглостью. Она не допускала никакихъ доказательствъ невинности. Лютославскіе говорили по-французски, какъ парижане. Марьянъ неоднократно произносилъ въ Парижѣ рѣчи на политическихъ собраніяхъ. Документъ, инкриминируемый братьямъ Лютославскимъ, былъ написанъ на очень плохомъ французскомъ языкѣ. Было очевидно, что его писалъ человѣкъ, мало знающій этотъ языкъ. Среди бумагъ, захваченныхъ у Марьяна Лютославскаго, было обширное письмо на французскомъ языкѣ, написаннос Марьяномъ и адресованное Римскому Папѣ. Я, какъ защитникъ Лютославскихъ, просилъ Размировичъ пригласить по ея выбору эксперта француза, заставить его поговорить съ Лютославскимъ, показать ему письмо къ Римскому Папѣ, и предложить вопросъ, можетъ ли человѣкъ, идеально говорящій по-французски, сочинить документъ, полный самыхъ неправильныхъ оборотовъ, полный самыхъ варварскихъ выраженій. На мое прошеніе послѣдовала краткая резолюція: «Въ просьбѣ защитнику отказать, потому что она не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу».

Я узналъ, что этотъ апокрифическій документъ былъ напечатанъ мѣсяца за два, за три до ареста Лютославскихъ, въ «Gazette de Lausanne» и въ «Lokalanzeiger». Я просилъ г-жу Размировичъ запросить редакцію той или другой газеты, откуда они получили такой документъ. Я рисковалъ, такъ какъ въ случаѣ отвѣта «изъ Россіи» судьба Лютославскихъ была бы опредѣлена. Но я зналъ, что этотъ документъ былъ сфабрикованъ внѣ Россіи. Вторичную просьбу постигла судьба первой. Г-жа Размировичъ мнѣ отказала, ссылаясь, что и это не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу. Найти другіе способы доказать отрицательный фактъ я не могъ, и въ моей душѣ теплилась слабая надежда, что въ Верховномъ Трибуналѣ мнѣ удастся добиться приглашенія эксперта, хотя я и понималъ, что дѣло не въ экспертѣ, а въ томъ, что Лютославскіе — политическіе враги, и что они никогда не воспримутъ Радековскихъ идей.

Не лучше обстояло дѣло и Іосифа. Онъ, дѣйствительно, пытался формировать польскіе легіоны, но дѣлалъ это съ разрѣшенія г-на Троцкаго. Казалось, что прежде всего надо спросить объ этомъ Троцкаго. Я подалъ г-жѣ Размировичъ мотивированное прошеніе. Послѣдовало благосклонное разрѣшеніе: Троцкій будетъ допрошенъ. Въ то время большевики еще либеральничали.

Защита допускалась на предварительномъ слѣдствіи, могла присутствовать при допросѣ свидѣтелей и задавать имъ вопросы. Я былъ увѣренъ, что при допросѣ Троцкаго мнѣ удастся доказать ложность второго обвиненія. Но увѣренность моя была преждевременна. Оказалось, что Троцкаго допрашивали не такъ, какъ простыхъ смертныхъ, которыхъ вызываютъ въ камеру слѣдователя. Такую персону, какъ Троцкій, г-жа Размировичъ не посмѣла безпокоить. Она даже не дерзнула поѣхать къ нему на квартиру для допроса. Она просто послала Троцкому вопросъ, написанный на четвертушкѣ бумаги: «Давали ли Вы разрѣшеніе гражданину Іосифу Лютославскому на формированіе польскихъ легіоновъ?» Его величество Троцкій на той же бумажкѣ между строчекъ вопроса изволилъ собственноручно начертать: «Нѣтъ, а впрочемъ не помню». Не нужно было быть юристомъ, чтобы понять, что отвѣтъ Троцкаго не вносилъ ничего для раскрытія истины. А между тѣмъ, если бы его допросилъ слѣдователь, и ему было бы указано, при какихъ обстоятельствахъ имъ была дана Іосифу Лютославскому аудіенція, Троцкій могъ бы припомнить, что онъ дѣйствительно далъ разрѣшеніе Іосифу на формированіе польскихъ легіоновъ.

Та же Размировичъ за нѣсколько дней до «допроса» Троцкаго отказала мнѣ въ допросѣ «совѣтскаго генерала» Бончъ-Бруевича, мотивировавъ свой отказъ тѣмъ, что въ совѣтской Россіи генераловъ нѣтъ. Оказывается, генералы есть, и къ нимъ очень почтительны господа вродѣ Размировичъ. На мое требованіе, чтобы Троцкаго допросили такъ, какъ допрашиваютъ всѣхъ гражданъ Совѣтской Республики, Размировичъ отвѣтила, что защитникъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ способы допроса свидѣтелей. Слѣдователь допрашиваетъ свидѣтелей такъ, какъ онъ находитъ нужнымъ.

«Слѣдствіе» велось въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ дѣлѣ было много бумагъ, написанныхъ по-французски. Я потребовалъ перевода всѣхъ бумагъ на русскій языкъ, и это отняло довольно много времени. Лютославскіе сидѣли въ Бутырской тюрьмѣ. Я часто вызывалъ ихъ въ Слѣдственную Комиссію, которая помѣщалась на Спиридоновкѣ, въ Георгіевскомъ переулкѣ. Оффиціально я мотивировалъ эти вызовы необходимостью просматривать документы въ присутствіи обвиняемыхъ. Ихъ сопровождали два солдата тюремной стражи. Иногда солдаты за извѣстное вознагражденіе разрѣшали Лютославскимъ зайти къ себѣ домой и пообѣдать въ кругу семьи. И вотъ, тогда возникла мысль подкупить стражу и бѣжать, въ то время, когда изъ слѣдственной комиссіи ихъ будутъ отводить обратно въ тюрьму. Долго мы обсуждали этотъ планъ, но въ концѣ концовъ его пришлось оставить, такъ какъ и у Марьяна, и у Іосифа въ Москвѣ жили семьи, состоящія изъ жены и дѣтей. Мы были увѣрены, что негодяй Радекъ выместитъ на женахъ и дѣтяхъ исчезновеніе Лютославскихъ, а рисковать жизнью, или даже свободой своихъ семей Лютославскіе, конечно, не хотѣли.

Слѣдствіе было закончено. Приближался день суда. Лютославскимъ были уже вручены обвинительные акты и въ серединѣ августа ихъ изъ Бутырской тюрьмы перевели въ Кремль, какъ обыкновенно большевики дѣлаютъ по всѣмъ крупнымъ процессамъ, разбирающимся въ Верховномъ Трибуналѣ. Верховный Трибуналъ только-что открылся и дѣло Лютославскихъ должно было слушаться однимъ изъ первыхъ. Лютославскихъ поселили въ зданіи Судебныхъ Установленій, въ помѣщеніи бывшихъ курьеровъ въ подвальномъ этажѣ. Вмѣстѣ съ ними помѣстили переведенныхъ тоже изъ Бутырской тюрьмы бывшаго ми-

нистра юстиціи Щегловитова, бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Хвостова и бывшаго директора департамента полиціи Бѣлецкаго, которые были преданы суду Верховнаго Трибунала за свою дѣятельность при царѣ. Во время моихъ посѣщеній Лютославскихъ я познакомился съ Щегловитовымъ и Бѣлецкимъ. Хвостовъ каждый разъ при моемъ появленіи въ общей комнатѣ сейчасъ же уходилъ въ клѣтушокъ, служившій спальней, заваливался спать, причемъ немилосердно храпѣлъ. Щегловитовъ являлъ весьма жалкій видъ. Отъ бывшаго диктатора ничего не осталось. Заискивающимъ тономъ онъ просилъ меня разрѣшить ему и Бѣлецкому остаться въ общей комнатѣ во время моихъ переговоровъ съ Лютославскими. Я, конечно, согласился. Послѣ дѣловыхъ разговоровъ начиналась общая бесѣда. Дѣло Щегловитова должно было слушаться въ Верховномъ Трибуналѣ первымъ. Вторымъ предполагалось назначить дѣло Хвостова, третьимъ — дѣло Лютославскихъ. И Щегловитовъ, и Бѣлецкій не скрывали отъ себя ожидавшаго ихъ печальнаго исхода процесса. Но Бѣлецкій все время твердилъ: «А большевики меня все-таки не разстрѣляютъ. У меня есть ціанистый калій, и я приму его послѣ вынесенія мнѣ смертнаго приговора». Эта мысль, повидимому, сильно поддерживала его духъ.

Во время нахожденія Лютославскихъ въ Кремлѣ произошло покушеніе на Ленина, начались кровавыя репрессіи. Я сталъ волноваться за судьбу Лютославскихъ, зная по опыту, что для большевистскихъ гнусностей нѣтъ предѣловъ. 2-го сентября я пошелъ къ польскому посланнику при Совѣтской Республикѣ А. Р. Ледницкому и высказалъ ему свои опасенія. Я боялся, какъ бы Лютославскихъ не разстрѣляли во время краснаго террора. Ледницкій успокаивалъ меня и показалъ оффиціальное заявленіе народнаго комиссара иностранныхъ дѣлъ, обращенное къ представителю Польской Республики, въ которомъ Чичеринъ писалъ, что польскіе граждане не будутъ разстрѣливаться совѣтскими властями безъ суда. Эта бумага успокоила меня весьма слабо. Я зналъ, что стóитъ большевистское слово, и помнилъ дѣло лейтенанта Оккерлунда.

5-го сентября у меня на квартирѣ происходило совѣщаніе по дѣлу Лютославскихъ съ представителями польскаго общества. Одинъ изъ участниковъ совѣщанія принесъ вечернюю газету, изъ которой мы узнали, что сегодня днемъ въ Петровскомъ паркѣ, въ присутствіи публики, были разстрѣляны свыше восьмидесяти «буржуевъ и контръ-революціонеровъ». Среди разстрѣлянныхъ были бывшіе царскіе министры Щегловитовъ, Хвостовъ, Маклаковъ, Протопоповъ, бывшій Директоръ Департамента полиціи Бѣлецкій, протоіерей Восторговъ, польскіе граждане князья Любомірскіе и др. Присутствовавшіе у меня поляки заявили, что въ Москвѣ князей Любомирскихъ нѣтъ. У меня заныло сердце. Я почувствовалъ, что мы имѣемъ дѣло съ репортерской ошибкой, и что подъ фамиліей Любомірскихъ скрываются Лютославскіе. Поздно вечеромъ того же дня я получилъ записку отъ жены Іосифа Лютославскаго, которая съ тревогой извѣщала меня, что сегодня утромъ Марьянъ и Іосифъ были увезены куда-то изъ Кремля, и что она не можетъ найти ихъ слѣдовъ. Я провелъ тревожную ночь и утромъ отправился къ Крыленко.

Крыленко занималъ прекрасный особнякъ князя Гагарина въ Георгіевскомъ переулкѣ, какъ разъ противъ Слѣдственной Комиссіи, въ которой главенствовала его супруга, г-жа Размировичъ. Особнякъ былъ обставленъ съ большимъ вкусомъ, но это былъ вкусъ прежняго владѣльца. Когда я раньше приходилъ по дѣламъ къ Крыленко, онъ принималъ меня въ первой комнатѣ, гдѣ работали машинистки. На этотъ разъ онъ провелъ меня въ дальнюю гостиную.

Это не предвѣщало ничего хорошаго. Я спросилъ Крыленко: «Гдѣ Лютославскіе?» — «Они вчера разстрѣляны», совершенно спокойно отвѣтилъ Крыленко. Мои нервы не выдержали. Я сталъ повышеннымъ тономъ говорить ему, что это предательство, что Лютославскіе были подъ его охраной, и что онъ не смѣлъ отдать ихъ подъ разстрѣлъ. Я напомнилъ ему о бумагѣ Чичерина, видѣнной мной у Ледницкаго. Крыленко молча слушалъ, а затѣмъ удивленнымъ тономъ спросилъ: «Скажите, почему васъ это волнуетъ?» Въ этихъ словахъ выразилось все міросозерцаніе этого предателя-палача. Дѣйствительно, стоитъ ли волноваться? Что это — мои близкіе друзья, или родственники? Развѣ это коммунисты, смерть которыхъ долженъ оплакивать каждый обитатель совѣтскаго рая? Нѣтъ, это буржуи и реакціонеры, члены партіи Народовой Демократіи... Я больше не могъ выносить этого наглаго цинизма, и быстро вышелъ изъ комнаты. Я долго бродилъ по Москвѣ, потрясенный этимъ убійствомъ. Я зашелъ къ другу Лютославскихъ, варшавскому присяжному повѣренному Мрозовскому, разумные совѣты котораго я очень цѣнилъ, но не засталъ его. Наконецъ, я вернулся домой. Дома мнѣ сказали, что въ мое отсутствіе ко мнѣ заходилъ справиться о своемъ отцѣ сынъ Марьяна Лютославскаго, студентъ первокурсникъ. Не заставъ меня, онъ отправился къ Крыленко, причемъ просилъ мнѣ передать, что послѣ Крыленко опять зайдетъ ко мнѣ.

Много я видѣлъ въ своей жизни слезъ, много я перечувствовалъ чужихъ страданій. Я помню, при царѣ пришла ко мнѣ немолодая женщина, сына которой я защищалъ. Его приговорили къ смерти. Приговоръ былъ утвержденъ, всѣ просьбы о помилованіи были оставлены безъ послѣдствій, и онъ долженъ былъ умереть въ ближайшую ночь. Она вошла въ кабинетъ и сѣла около стола. Она ничего не спросила меня. По моему лицу она поняла, что уже нѣтъ никакой надежды. Она молчала... и только ея слезы капали на письменный столъ. Молча она ушла, а на моемъ столѣ осталось маленькое озеро материнскихъ слезъ... Но я не зналъ, хватитъ ли у меня силы сказать этому юношѣ, который принесетъ съ собой слабый лучъ надежды, ужасную вѣсть о гибели его отца и дяди. Я былъ увѣренъ, что Крыленко его не приметъ.

Юноша пришелъ. Въ его глазахъ, дѣйствительно, теплился лучъ надежды. Я обнялъ его и сообщилъ ему о гибели его близкихъ... Вотъ что разсказалъ онъ мнѣ потомъ. Отъ меня онъ отправился къ Крыленко. Онъ долго добивался пропуска и наконецъ былъ впущенъ въ первую комнату. Крыленко не было. Ему пошли доложить. Крыленко пріотворилъ дверь, высунулъ голову и спросилъ: «Что надо?». — «Гдѣ мой отецъ и дядя?» спросилъ молодой Лютославскій. «Изъ газетъ узнаете», крикнулъ Крыленко и захлопнулъ дверь...

Какъ мнѣ передавали, разстрѣлъ Лютославскихъ, бывшихъ министровъ и другихъ несчастныхъ русскихъ гражданъ произошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Утромъ 5 сентября къ помѣщенію, гдѣ содержались Лютославскіе, подъѣхалъ автомобиль и чекисты объявили заключеннымъ, что Чрезвычайная Комиссія требуетъ арестованныхъ на Лубянку для передопроса. Лютославскіе, Щегловитовъ, Хвостовъ и Бѣлецкій были посажены въ автомобиль и увезены. Ничего не подозрѣвавшій Бѣлецкій не захватилъ съ собой яда. На Лубянку изъ всѣхъ мѣстъ заключенія было привезено много народа. Тамъ имъ было объявлено, что всѣ они сегодня будутъ разстрѣляны. Это извѣстіе, благодаря своей неожиданности, произвело потрясающее впечатлѣніе. Раздались слезы, послышались истерическіе крики. Всѣхъ обреченныхъ на смерть было

болѣе 80 человѣкъ. Среди нихъ былъ протоіерей Восторговъ, обвинявшійся въ спекуляціи. Много грѣховъ было на душѣ у Восторгова. Всю жизнь занимался онъ доносами, травлей людей и національностей и велъ жизнь, не подобающую проповѣднику идей Христа, но дѣло, по которому его обвиняли большевики, не заключало въ себѣ ничего преступнаго, и по обыкновенію было спровоцировано чрезвычайкой. И этотъ человѣкъ передъ смертью проявилъ рѣдкое величіе духа. Онъ предложилъ всѣмъ желающимъ исповѣдаться у него. И много людей потянулось къ нему за исповѣдью. Въ одну кучу смѣшались всесильные министры, спекулянты, офицеры и просто мирные обыватели, захваченные большевиками. И у этого человѣка, который самъ долженъ былъ умереть черезъ нѣсколько часовъ, для каждаго нашлось слово утѣшенія. А вотъ другой служитель Христа, Макарій Гнѣвушевъ, тоже предназначенный къ разстрѣлу, предложилъ чрезвычайкѣ раскрыть всѣ тайны высшаго русскаго духовенства, при условіи, если ему будетъ сохранена жизнь. Чрезвычайка согласилась. И полилась на страницахъ оффиціальной газеты грязь, разоблачавшая нравы нашего духовенства. Такъ разно поступили эти два человѣка, одинаково позорно проведшіе свою жизнь.

Разстрѣляли всѣхъ въ Петровскомъ паркѣ. Казнь была совершена публично. Чекисты выкрикивали имена казнимыхъ. Указывая на Щегловитова, они кричали: «Вотъ бывшій царскій министръ, который всю жизнь проливалъ кровь рабочихъ и крестьянъ»... За нѣсколько минутъ до разстрѣла, Бѣлецкій бросился бѣжать, но приклады китайцевъ вогнали его въ смертный кругъ. Послѣ разстрѣла всѣ казненные были ограблены. Большевистская власть въ видѣ поощренія разрѣшаетъ палачамъ обирать трупы казненныхъ.

На Марьянѣ Лютославскомъ было надѣто старое фамильное кольцо-печатка. Всѣ старанія получить его, или что нибудь изъ вещей, бывшихъ на Лютославскихъ въ моментъ смерти, не увѣнчались успѣхомъ. Все было расхищено.

Документы

Ставка 25—26 Октября 1917 г.

Печатаемые матеріалы являются частью документовъ, захваченныхъ Добровольческой Арміей при занятіи ею Кіева осенью 1919 г. Относительно того, какъ они попали въ Кіевъ, можно высказаться только предположительно; вѣроятно, они относятся къ тѣмъ документамъ, которые Духонинъ за нѣсколько дней до захвата Ставки большевиками отправилъ въ болѣе надежное мѣсто (объ одной такой попыткѣ, правда неудачной, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ генералъ Лукомскій, см. Архивъ, т. V стр. 131).

Документы представляютъ изъ себя двѣ прошнурованныя вмѣстѣ, напечатанныя на пишущей машинкѣ тетради бѣлой, а частью сѣрой писчей бумаги большого формата. Въ первой изъ этихъ тетрадей 26 страницъ, во второй — 21 страница. Большинство листовъ имѣютъ рельефный оттискъ фабричнаго клейма, представляющаго двуглавый орелъ, справа и слѣва отъ него цифра 6, а подъ нимъ слова: «князя Паскевича». Въ правомъ верхнемъ углу первой страницы первой тетради надпись на пишущей машинкѣ «секретно», а рядомъ съ нею отъ руки надпись: «по приказанію Нач. Штаба хранить въ особо секретномъ ящикѣ. Шткап. Мессперъ, 6/19 Апр. 1920 г. Пикулицы». На оборотной сторонѣ послѣдней страницы второй тетради надпись отъ руки: «итого въ семь дѣлѣ пронумеровано (отъ 1 до 26 и отъ 1 до 21) 47 (сорокъ семь) листовъ». «Помощникъ Начальника Оперативнаго отдѣленія Штаба Отдѣльной Русской Добровольческой Арміи Штабсъ-Капитанъ Львовъ, 7/20 Апрѣля 1920 года Пикулицы». Подъ этой надписью круглая печать, въ центрѣ которой двуглавый орелъ, а по окружности надпись: Добровольческая Армія Штабъ. Этой же печатью проштемпелеваны всѣ страницы обѣихъ тетрадей.

Настоящія тетради содержатъ копіи телеграфныхъ лентъ. Повидимому, по приказанію Духонина въ Ставкѣ была заготовлена сводка изъ наиболѣе важныхъ телеграммъ, которыми въ дни большевистскаго переворота обмѣнивалась Ставка съ фронтами и съ Петроградомъ. Сводка эта явно была составлена крайне спѣшно и неаккуратно. Этимъ объясняется, какъ отсутствіе номеровъ и датъ въ отдѣльныхъ телеграммахъ, такъ и то, что приводимый въ сводкѣ матеріалъ находится въ безпорядкѣ и имѣетъ много пропусковъ. Восполнить пропуски, къ сожалѣнію, не было возможности, но весь матеріалъ приведенъ по возможности въ хронологическій порядокъ, на основаніи преимущественно внутреннихъ указаній, которыя можно было извлечь изъ каждой телеграммы.

Много цѣнныхъ свѣдѣній любезно сообщены бывшимъ Комиссаромъ Ставки Верховнаго Главнокомандующаго Владиміромъ Бенедиктовичемъ Станкевичемъ.

Телеграммы печатаются ниже за нумерами. Въ тетрадяхъ онѣ помѣщены въ слѣдующемъ порядкѣ:

Первая тетрадь: II, XVIII, XVII, XIX, XX, X, XIII, XIV, III, XXI, XXII, XI, XXVI, IV, VII, VI, V, VIII, XVI, XXIX, XXIV, XL, XV, XLI, XLII, XII, XLIII, I, XXXIV.

Вторая тетрадь: XXXV, XXVII, XXVIII, XXXVII, XXXIX, IX, XXIII, XXV, XXXVIII, XLIV, XLV, XXXIII, XXX, XXXI, XXXII, XXXVI.

Не включены въ общую хронологическую послѣдовательность печатаемые въ концѣ 4 отрывка, относительно которыхъ трудно сказать, къ какому контексту они относятся, а также разговоръ, печатаемый подъ XLI. Этотъ разговоръ, повидимому, происходилъ, за нѣсколько дней до или послѣ 25-го октября; однако, безусловно убѣдительныхъ данныхъ для его датировки нѣтъ и поэтому онъ приводится съ особымъ примѣчаніемъ въ концѣ вмѣстѣ съ совсѣмъ безформенными отрывками.

Воспроизведенъ текстъ точно по тетрадямъ. Исправлены лишь совершенно явныя, не возбуждающія никакихъ сомнѣній, описки. Во всѣхъ случаяхъ, когда возникало самое малѣйшее сомнѣніе, исправленія приведены въ квадратныхъ скобкахъ, причемъ для экономіи мѣста квадратныя скобки были вставлены непосредственно за той буквой или рядомъ буквъ, которыя надо исправить. Въ такихъ же квадратныхъ скобкахъ приводятся и предполагаемые пропуски и, наконецъ, въ эти же квадратныя скобки вставлены и составленные редакціей заголовки отдѣльныхъ телеграммъ и разговоровъ. Исправленія ограничены до минимума, особенно въ отношеніи знаковъ препинанія, которые вставлены только тогда, когда ихъ отсутствіе явно затрудняетъ чтеніе. Также не исправлены обычные для телеграфнаго стиля пропуски предлоговъ (какъ напр. Псковѣ вмѣсто въ Псковѣ и т. д.).

Слова, которыя вѣроятно являются ошибками или вставками переписчика, и которыя затрудняютъ пониманіе, вставлены въ остроугольныя (< >) скобки. Круглыя скобки (( )) — скобки оригинала.

Громадное большинство телеграммъ и разговоровъ приведены въ оригиналѣ безъ всякихъ абзацовъ сплошной строчкой. Для облегченія чтенія выдѣлено красной строкой начало разговора (или отвѣта) каждаго изъ говорившихъ, причемъ фразы, начинающіяся съ красной строки и въ оригиналѣ, отмѣчены, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эта красная строка совпадаетъ съ красной строкой печатнаго текста, такъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда она не совпадаетъ, — тире (—).

Документы доставлены «Архиву» Е. Месснеромъ.

[I. РАЗГОВОРЪ А. Ф. КЕРЕНСКАГО СЪ Н. Н. ДУХОНИНЫМЪ
въ ночь съ 21-го на 22-ое Октября 1917 г. *]

— У аппарата Наштаверхъ **.

Здравствуйте, Николай Николаевичъ.

Здравія желаю, Александръ Федоровичъ. Что прикажете.

Жалѣю, что непредвидѣнныя обстоятельства задержали мой пріѣздъ, въ общемъ хочу освѣдомить Васъ, чтобы не было какихъ либо недоразумѣній. Мой пріѣздъ въ общемъ задержанъ отнюдь ни[е] опи[а]са[е]ніемъ какихъ либо волненій, возстаній и тому подобное, съ этимъ и безъ меня бы управились, такъ какъ все организовано. Я задержался необходимостью спѣшномъ поряд[кѣ] реорганизовать высшее управленіе Военномъ Министерствѣ, такъ какъ генералъ Верховскій сегодня уѣзжаетъ въ отпускъ и фактически на свой постъ не вернется, вызванъ этотъ отъѣздъ его болѣзненнымъ утомленіемъ на почвѣ котораго има[ъ] было сдѣлано послѣднее время нѣсколько трудно объяснимыхъ и весьма по собственному его позднѣйшему приказа [признанію] не тактичныхъ выступленій. Въ особенности положеніе сдѣлалось невозможнымъ послѣ заявленій его, сдѣланныхъ секретномъ засѣданіи международной комиссіи совѣта Республики по вопросу о боеспособности арміи и возможности продолженія войны и по вопросу о реорганизаціи власти [для] борьбы съ анархіей, съ указаніемъ на необходимости усиленія личнаго начала. Выступленія эти вызвали огромныя недоразумѣнія и даже переполохъ, такъ какъ были совершенно неожиданныя даже для присутствовавшихъ засѣданіи членовъ Временнаго Правительства. Положеніе для Верховскаго создалось безвыходное. Мнѣ пришлось взять на себя скорѣйшую ликвидацію возможно безболѣзненную этого эпизода, такъ какъ всѣ эти заявленія могли быть подхвачены крайними элементами съ обѣихъ сторонъ, что Бурцевъ уже и попытался сдѣлать, конечно, извративъ факты и, что съ другой стороны пытаются сдѣлать большевики. Временно за отъѣздомъ въ [от]пускъ Военмина *** съ освобожденіемъ его отъ всѣхъ обязанностей, управляющимъ Военнымъ Министерствомъ назначается генералъ Маниковскій, а общее руководство и [въ] особенности политической части передается Министру Предсѣдателю, такимъ образомъ курсъ Военнаго Министерства остается вп[ол]нѣ

---

* Дата опредѣляется приводимымъ въ текстѣ оффиціальнымъ германскимъ военнымъ сообщеніемъ.

** Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, Николай Николаевичъ Духонинъ.

*** Военный министръ.

демократическимъ и объ этомъ нужно освѣдомить Комиссархевера[верха] * для того, чтобы онъ могъ своевременно оповѣстить фронтъ и пресѣчь возможныя попытки использованія ухода Военмина съ противогосударственными цѣлями. Это главное. Второе. Необходимо самый краткій срокъ выбрать и направить Петербургъ распоряженіе начальника управленія милиціей Министерства Внутреннихъ Дѣлъ князя Эристова человѣкъ полтораста офицеровъ, находящихся настоящее время въ резервѣ и не у дѣлъ [для] спѣшной подготовки и посылки ихъ распоряженіе губернскихъ комиссаровъ для содѣйствія организаціи милиціи и вообще для содѣйствія въ управленіи и борьбѣ съ анархіей, конечно нужно вызвать желающихъ, но не бывшихъ жандармскихъ и полицейскихъ офицеровъ и затѣмъ отобрать лучшихъ. Сдѣлать это нужно въ кратчайшій срокъ. На рядъ телеграммъ я не отвѣчалъ, предполагая пріѣхать раньше субботы. Главное, что всѣхъ во Временномъ Правительствѣ интересуетъ и волнуетъ это размѣръ и темпъ возможнаго сокращенія арміи и ея преобразованія, такъ какъ Министерство Финансовъ и Продовольствія насѣдаетъ на насъ очень рѣшительно. Извѣстенъ ли Вамъ приказъ Военмина о надзорѣ фронтовыхъ дивизій надъ запасными полками. Я думалъ бы, что его нужно скорѣе провести въ жизнь. Имѣется ли что либо у Васъ съ фронта и въ особенности съ итальянскаго.

Приказъ Военмина извѣстенъ и сообщенъ для немедленнаго проведенія въ жизнь. Сегодня мнѣ привезена новая кажется уже третья по счету редакція положенія о войсковыхъ комитетахъ отъ Военнаго Министра. Послѣ новаго ея пересмотра политическихъ[омъ] отдѣлѣ и [съ] представителями изъ демократическаго совѣщанія она непріемлема для арміи, какъ несогласованная со стремленіями повысить боеспособность арміи и поднять авторитетъ начальниковъ и въ этомъ отношеніи она значительно уступаетъ предыдущей редакціи. Не приняты во вниманіе мнѣнія представителей строя и основныя положенія нашей программы, соблюдены интересы только комитетовъ и въ скрытомъ видѣ проведена полностью аттестація начальниковъ комитетами. Комисарверхомъ разослано циркулярно комиссарамъ фронта, сообщенное мнѣ въ копіи, предложеніе о составленіи по соглашенію съ Главнокомандующими аттестаціонныхъ списковъ для выдвиженія [на] отвѣтственныя командныя должности совмѣстно съ комитетами, причемъ приложена инструкція о порядкѣ назначенія должностныхъ лицъ до начальниковъ дивизіи включительно, причемъ установлены извѣстные служебные стажи для разныхъ должностей. По свѣдѣніямъ германцевъ, <что> на Итальянскомъ фронтѣ взято плѣнныхъ 200 000 и до 1800 орудій **. По донесеніямъ нашихъ агентовъ положеніе нѣсколько упрочилось, вторая и третья арміи отошли за рѣку Таглименто, взорвавъ всѣ мосты, начала отходъ и 4-я армія, которая стояла на границѣ Тріента, но безъ давленія по приказамъ. — Французы и англичане послали на помощь свои войска, въ общемъ до 7-ми дивизій. Есть свѣдѣнія, что эти войска уже подходятъ къ итальянцамъ. Что же касается сокращенія армій, то [въ] этомъ отношеніи дѣлается рѣшительно все возможное, ускорить темпъ сокращенія совершенно невозможно безъ существеннаго ущерба боеспособности армій, а главное въ виду предвыборной кампаніи. Всѣ запасные и третьеочередные полки, подлежащіе расформированію возбуж-

---

* Комиссаръ Ставки Верховнаго Главнокомандующаго, Владиміръ Бенедиктовичъ Станкевичъ.

** По оффиціальному германскому сообщенію, опубликованному въ вечернихъ газетахъ отъ субботы 3 XI (21/X) 1917 г., на итальянскомъ фронтѣ захвачено въ плѣнъ 220 000 солдатъ и 1800 орудій.

дают ходатайство о началѣ такового по окончаніи выборовъ и на этой почвѣ волнуются. При такихъ условіяхъ форсировать расформированіе [нужно] крайне осторожно на всѣхъ фронтахъ работаютъ комиссіи по сокращенію. Представителями отъ Воен. Министерства и Ц. К. работы эти встрѣчаютъ извѣстныя затрудненія въ общественныхъ организаціяхъ и въ реформѣ объединенія, съ мѣстъ указываютъ на слишкомъ штаты пухлые объединяющихъ органовъ и я въ этомъ отношеніи урѣзываю [съ] Понаштаверхомъ *. Продолжаютъ поступать съ фронта донесенія о непрекращающемся безобразіи и погромахъ запасныхъ полковъ, которые немедленно расформировываются. Привлеченіе[мъ] виновныхъ суду. На желѣзныхъ дорогахъ продолжаются анархическія выступленія солдатскихъ группъ. Подтвердилъ всюду о необходимости рѣшительныхъ мѣръ, не останавливаясь передъ примѣненіемъ оружія, было бы желательнымъ въ подтвержденіи этомъ вашемъ приказѣ или телеграммѣ ибо необходимо остановить эти угрожающія явленія на желѣзнодорожныхъ узлахъ и базисныхъ складахъ, сотни и тысячи солдатъ на довольствіи, но на работы по нагрузкѣ выходятъ десятки, а кое гдѣ и никто не выходитъ, вслѣдствіи этого задерживается доставка на фронтъ разнаго рода грузовъ. Вязьмѣ напримѣръ задержанъ транспортъ теплой одежды на фронтъ, Москвѣ интендантскіе и авіаціонные грузы. Указалъ принять рѣшительныя мѣры какъ въ отношеніи нерадивыхъ солдатъ, такъ и начальствующихъ лицъ, допускающихъ попустительства.

— Я очень прошу спроектировать соотвѣтствующій приказъ отъ моего имени и его издать, хорошо было бы, чтобы въ этомъ приказѣ было фактически установлено все о чемъ сейчасъ Вы говорили, кстати не помните ли Вы, Николай Николаевичъ, изданъ ли мой приказъ, который я Вамъ показывалъ Петербургѣ по поводу разгромовъ военныхъ судовъ на фронтѣ, что касается положенія объ армейскихъ организаціяхъ я имъ весьма не удовлетворенъ и все что мнѣ удастся исправить я сдѣлаю хотя обстановка для этого создалась неблагопріятная въ виду эпизода мной Вамъ разсказаннаго. Вы сообщили мнѣ о телеграммѣ Комиссарверха о порядкѣ назначенія начальниковъ мнѣ до сихъ поръ неизвѣстно [аго] и не сказали разосланъ ли онъ послѣ предварительныхъ переговоровъ съ вами или вы ознакомились только изъ копіи послѣ разсылки и каково Ваше мнѣніе объ этой телеграммѣ.

— Приказъ о разгромѣ судовъ опубликованъ былъ тогда же, что касается сно[отно]шенія комиссара, то о своемъ предположеніи разослать онъ мнѣ предварительно не говорилъ и я узналъ лишь изъ препровожденной мнѣ копіи его начальника канцеляріи, бумага эта говоритъ о томъ, что приказъ по военному вѣдомству нр. 437 о назначеніи на командныя должности достойныхъ лицъ не считаясь съ чинами остается мертвой буквой и для своего осуществленія нуждается въ планомѣрной и систематической работѣ руководящихъ силъ; на сѣверномъ фронтѣ по соглашенію съ Главкосѣвомъ ** была составлена инструкція объ аттестаціи на командныя должности, которая имѣла цѣлью дать въ руки высшаго командованія подробныя свѣдѣнія объ офицерскомъ составѣ и послужить основой для выдвиженія способныхъ лицъ на высшія должности. Инструкція была препровождена Главкосѣвомъ Командармо[а]м ***, а Комиссарсѣвом ****

---

* Помощникъ Начальника штаба верховнаго главнокомандующаго по гражданской части, Василій Васильевичъ Вырубовъ.

** Главнокомандующій Сѣвернымъ Фронтомъ, ген. Черемисовъ.

*** Командующимъ арміями.

**** Комиссаръ Сѣвернаго Фронта, Владиміръ Савельевичъ Войтинскій.

передана армейскимъ комиссарамъ и президіумамъ армейскихъ комитетовъ назначенныхъ двухнедѣльный срокъ для составленія аттестаціонныхъ списковъ на всѣ должности. Препровождая копію этой инструкціи Комиссарсѣвъ проситъ Комиссаров фронта переговорить съ Главнокомандующими и президіумом фронтового комитета о возможности проведенія въ жизнь аналогичныхъ инструкцій на другихъ фронтахъ.

— Вотъ [все] таки я не вижу вашего къ этому отношенія и позвольте тогда понять это какъ мнѣ кажется болѣе правильно. Я вчера самъ заѣзжалъ въ Министерство Продовольствія и тамъ мнѣ показывали свѣдѣнія, которыя я просилъ телеграфировать и вамъ и изъ которыхъ видно, что къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ подвезено достаточное количество хлѣба и они говорили, что сейчасъ главное затрудненіе въ нагрузкѣ и подвозкѣ по желѣзнымъ дорогамъ. Это серьезный коррективъ къ тому, что тогда говорилъ генералъ Егорьевъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы дали отвѣтъ по поводу записки Начальника Петроградскаго округа объ организаціи работъ ближайшихъ подступовъ Петербургу и не слѣдуетъ ли дѣйствительно эти работы организовать. Сейчасъ Петербургскомъ гарнизонѣ идетъ усиленная попытка большевистскаго военно-революціоннаго комитета совершенно оторвать полкъ[и] отъ командованія. Сегодня они разослали явочныхъ комиссаровъ, а центральнымъ[й] комитетомъ[тъ] <совѣтъ[а]> срсд * объявилъ ихъ незаконными и такъ далѣе, думаю, что мы съ этимъ легко справимся[;] если у васъ больше ничего нѣтъ[,] то я самое главное сказалъ и тогда до свиданія, тѣмъ болѣе, что вы отличаетесь сегодня крайней молчаливостью и сдержанностью вашихъ сужденій, невредное для меня ночное время будетъ размышленіе по этому поводу. Надѣюсь все таки, что вы въ бодромъ настроеніи и крѣпко жму руку.

— Относительно инструкцій объ аттестаціи комитетами начальствующихъ лицъ мнѣнія опредѣленнаго, ибо таковая аттестація не допускается, что и высказано въ нашей программѣ, тѣмъ болѣе, что инструкція указываетъ, что аттестаціи даются періодически и касаются участія аттестуемаго лица въ бояхъ[,] военныхъ его знаній[,] способностямъ[ей] и интересу[а], который онъ проявляетъ къ военному дѣлу[;] я считаю, что это не дѣло комитета, кромѣ того Комиссарверх будучи Комиссарсѣвом не рискнулъ разослать эту инструкцію безъ вѣдома Главкосѣва, который свою очередь разослалъ таковую Командармам. ** Если разрѣшите сказать мое откровенное мнѣніе, то я признаюсь такое отношеніе Комиссарверха недопустимо и хотѣлъ бы, чтобы онъ въ этомъ сознался самъ мнѣ лично.

— Я совершенно съ вами согласенъ и прошу васъ отъ моего имени разъяснить Комиссарверху, что впредь подобныя одностороннія безъ предварительнаго ознакомленія выступленія невозможны и что только мое долгое знаніе Комиссарверха даетъ мнѣ полную увѣренность, что эта случайная нетактичность не повторится. Просто вы прочтите ему это мѣсто нашего разговора, когда будете освѣдомлять его объ обстоятельствахъ отъѣзда Военмина, что онъ тутъ же пойметъ свою ошибку, противномъ случаѣ сообщите мнѣ и я приму соотвѣтствующія мѣры<,>[.]

ч[Ч]то касается указаній Полковник[ов]а, то я пришлю ему директиву хотя теперь онъ находится непосредственномъ подчиненіи Главкосѣва и слѣдовало

---

* Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.
** Командующимъ арміями.

бы препроводить записку Главкосѣву съ необходимыми поясненіями. Сегодня я послалъ телеграмму Величко отправиться непосредственно изъ Петрограда на Сайминскія позиціи осмотрѣть ихъ и кромѣ того ознакомиться съ инженерной подготовкой подступать[овъ] Петрограду со стороны Финляндіи. Съ нимъ поѣдутъ инженеры военные. Разрѣшите прислать съ нарочнымъ инструкцію Комиссарверха для просмотра ее по существу, ибо она не отвѣчаетъ основнымъ положеніямъ программы. Комиссарверх былъ Быховѣ, осматривалъ охрану, по его мнѣнію, необходимо замѣт[н]ить коменданта и усилить георгіевцевъ одной ротой чему препятствій никакихъ нѣтъ, но охраной вѣдаетъ Шабловскій*[;] можно ли измѣнить охрану безъ его предварительнаго согласія[;] по существу она усиливается, нѣкоторые арестованные офицеры подали въ Сенатъ жалобы о невыдачѣ вопреки мнѣнія Шабловскаго <о невыдачѣ> содержанія.

— Стражу усилить можно[,] завтра я поставлю его объ этомъ въ извѣстность, что касается содержанія, то мнѣ кажется пока намъ не будетъ ясно, <что выдачи его> [не] выдавать, я думаю, необходимо просто это имъ разъяснить, если Вы находите, что сейчасъ по настроенію выдать можно, то я ничего противъ не имѣю, во всякомъ случаѣ въ Сенатъ мы дадимъ достаточно для всякаго разумнаго человѣка понятныя разъясненія. Инструкцію пришле[и]те[;] Станкевичу послать дополнительную телеграмму о томъ, что въ случаѣ необходимости распространенія этого опыта на всѣ фронты, что будетъ зависѣть отъ рѣшенія верховнаго командованія будетъ выработана другая инструкція въ Ставкѣ. Еще разъ до свиданія.

— Честь имѣю кланяться. Здѣсь Василій Васильевичъ Вырубовъ. Не имѣете ли что либо передать.

Привѣтъ, поскромнѣе со штатами и поскорѣе съ объединеніемъ и сокращеніемъ организацій. До свиданія.

Слушаю все это передамъ. Позвольте пожелать Вамъ всего лучшего. Мы всѣ просимъ принять нашъ привѣтъ, настроеніе у насъ какъ всегда бодрое. Будемъ поджидать Васъ на этой недѣлѣ въ субботу. До свиданія.

[II. ТЕЛЕГРАММА ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА КОМИССАРА СТАВКИ НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО]

— 24 Октября 1917 года

— Наштаверху.

— Министръ Предсѣдатель проситъ Васъ сегодня не выѣзжать изъ Ставки впредь до новаго извѣщенія нр. 142. Станкевичъ.

— Если Наштаверх выѣхалъ прошу телеграмму направить вслѣдъ и передать копію Генкварверху **. Станкевичъ.

— Выѣхалъ онъ или нѣтъ. Успѣете ли доставить эту записку. Намъ нужно доложить.

---

* Главный военный прокуроръ.
** Генералъ-Квартирмейстеръ Ставки, ген. Дитерихсъ.

[III. ТЕЛЕГРАММА ГЛАВНАГО НАЧАЛЬНИКА ПЕТРОГРАДСКАГО ОКРУГА отправленная въ 12 ч. 15 м. въ ночь съ 24-го на 25-ое октября]

— Главковерх, копія Главкосѣв.

— Доношу, что положеніе Петроградѣ угрожающее. Уличныхъ выступленій безпорядковъ нѣтъ, но идетъ планомѣрный захватъ учрежденій, вокзаловъ, аресты. Никакіе приказы не выполняются. Юнкера сдаютъ караулы безъ сопротивленія, казаки несмотря на рядъ приказаній до сихъ поръ изъ своихъ казармъ не выступали. Сознавая всю отвѣтственность передъ страною доношу, что Временное Правительство подвергается опасности потерять власть, причемъ нѣтъ никакихъ гарантій, что не будетъ попытки къ захвату Временнаго Правительства. НС. 538/ С Оч. 15 м. 25 Октября 1917 г. Гла[в]новокр Петроградскій Полковникъ Полковниковъ.

[IV, V, VI. РАЗГОВОРЪ ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ ГЕН. ЛЕВИЦКАГО* СЪ НАЧАЛЬНИКОМЪ ШТАБА ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО, въ 2 ч. 20 м.** въ ночь съ 24-го на 25 октября]

— Кто. Кто у аппарата.
У аппарата Наштаверх.
Какъ Ваше имя и отчество.
А кто спрашиваетъ.
Генералъ Левицкій желая провѣрить с кѣм говоритъ.
Николай Николаевич.
Каким полком Вы командовали.
165 Луцким полком.
Здравствуйте Николай Николаевич. Очень прошу телеграмму, которую передам немедленно передать Главкосѣву, вызвав к аппарату генерала Барановскаго, с указаніем что Главковерх категорически требует, чтобы указаніе в этой телеграммѣ было немедленно выполнено. Передаю телеграмму.

— [V] Главкосѣв. Копія Комкор 42***, копія Начдив 5 Кавказской****. — Приказываю съ полученіемъ сего всѣ полки пятой Кавказской казачьей дивизіи со своей артиллеріей, 23 Донскому Казачьему полку и всѣмъ остальнымъ казачьимъ частямъ, находящимся въ Финляндіи подъ общей командой Начальника пятой Кавказской Казачьей дивизіи направить по желѣзной дорогѣ Петроградъ Николаевскій вокзалъ распоряженіе Главнаго Начальника Петроградскаго Округа Полковника Полковникова. О времени выступленія частей донести мнѣ шифрованной телеграммой. Случаѣ невозможности перевозки по желѣзной дорогѣ части направить поэшелонно походнымъ порядкомъ, нр. 11687. Главковерх А. Керенскій. Комиссаръ при Главковерхѣ Соказвойскъ***** сотникъ Поночевный. — [VI] Только Главкосѣв, <копія Комкор>. — Приказываю съ полученіемъ сего всѣ полки первой Донской казачьей дивизіи со своей артиллеріей, находящіеся на сѣвфронтѣ подъ общей командой Начальника первой Донской казачьей дивизіи направить по желѣзной дорогѣ Петроградъ Николаевскій вокзалъ рас-

* Генералъ для порученій при Керенскомъ.
** Время отправленія приводится въ № VII.
*** Командиръ 42-го Корпуса.
**** Начальникъ 5-ой Кавказской дивизіи.
***** Союзъ казачьихъ войскъ.

поряженіе Главнаго Начальника Петроградскаго Округа полковника Полковникова[;] о времени выступленія частей донести мнѣ шифрованной телеграммой. Случаѣ невозможности перевозки по желѣзной дороги[ѣ] части направить поэшелонно походом[ным]ъ порядкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказываю ускорить посылку частей войскъ, уже потребованныхъ Штаокр. Петроградскаго нр. 11688 Главковерх Керенскій. Соказвойскъ войсковой старшина А. Греков.

[VII. РАЗГОВОРЪ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО СЪ НАЧАЛЬНИКОМЪ ШТАБА СѢВ. ФРОНТА*]

— Начальник штаба просит к аппарату Наштасѣва.

Уже доложено, Наштасѣв сейчас придет. У аппарата Начальник штаба.

У аппарата генерал Духонин. Здравствуйте Сергѣй Георгіевич. Главковерх приказал немедленно передать вам лично слѣдующія двѣ телеграммы, которыя доложить Главкосѣву для немедленных распоряженій, я ихъ передаю. Вы у аппарата. Кто у аппарата.

Генерал Лукирскій у аппарата. Здравія желаю Николай Николаевич. Я вас слушаю хорошо.

Первая телеграмма Главкосѣв копія Комкор 42, копія Начдив 5, Кавказской Ставка из Петрограда Зимній Дворец, пр. 7 пр. 86 **, 25/10, 2, 20. Приказываю с полученіем сего всѣ полки 5-й Кавказской казачьей дивизіи со своей артиллеріей, 23 Донскому казачьему полку и всѣм остальным казачьим частям, находящимся в Финляндіи подъ общей командой Начальника 5-й Кавказской казачьей дивизіи направить по желѣзной дорогѣ Петроградъ-Николаевскій вокзал распоряженіе Главнаго Начальника Петроградскаго округа Полковника Полковникова. О времени выступленія частей донести мнѣ шифрованной телеграммой. Случаѣ невозможности перевозки по желѣзной дорогѣ, части направить поэшелонно. [. . . . . ***] Все ли Вы получили и все ли ясно

Все ясно, но вмѣстѣ съ тѣмъ докладываю, что два полка первой Донской дивизіи только что прибыли въ Ревель, а другіе два полка вчера — 24 октября — утромъ отправились по желѣзной дорогѣ, распоряженіе Командирамъ [Командарма] 1 для расформированія пѣхотной дивизіи, отказавшейся исполнять боевые приказы.

Тогда Главкосѣвъ можетъ быть по оцѣнкѣ обстановки пошлетъ другія казачьи части, это всецѣло предоставляется ему, если нѣтъ возможности точно [исполнить] телеграмму въ отношеніи первой Донской. Обстановка такъ складывается, что необходима быстрота распоряженій. Сейчасъ мнѣ передали отъ генерала Левицкаго телеграмму съ просьбой доложить Главкосѣву: фактически данную минуту гарнизонъ Петрограда за исключеніемъ небольшого числа частей на сторонѣ большевиковъ или нейтраленъ. Зимній Дворецъ повидимому окруженъ, дѣло принимаетъ серьезный оборотъ поставьте объ этомъ въ извѣстность Черемисова. Вѣроятно, скоро не смогу говорить. Левицкій. Все будьте добры немедленно доложить Духонинъ.

Распоряженіе уже дѣлается, перевозка по желѣзной дорогѣ налаживается. Полагаю, что первыми прибудутъ въ Петроградъ роты самокатнаго баталіона, которыя находятся уже наготовѣ на ст. Батецкая.

---

* Сергѣй Георгіевичъ Лукирскій.

** Номеръ телеграммы перепутанъ см. V и VI.

*** Пропущена телеграмма VI.

Хорошо, надо поскорѣе[,] пока до свиданія. Копіи отвѣтовъ шифрованныхъ телеграммъ пришлите мнѣ.

Слушаю, сейчасъ все будетъ исполнено. Лукирскій.

[VIII. РАЗГОВОРЪ ГЕН. ЛЕВИЦКАГО СО СТАВКОЙ]

— Гдѣ Вы.

Ставка, оперативное. А Вы.

Генералъ Левицкій просить срочно генерала Духонина.

Доложено, сейчасъ результатъ скажу.

Тамъ ли.

Да, кто у аппарата.

Генералъ Левицкій.

У аппарата дежурный офицеръ подполковникъ Чебыкинъ. Генералъ Духонинъ доложить приказалъ, что онъ Васъ вызоветъ по окончаніи разговора съ сѣвернымъ фронтомъ.

Еще повторяю, прошу срочно, дорога каждая . . . . .

Генералъ Духонинъ просилъ передать мнѣ запиской если Вы найдете это возможнымъ.

Нѣтъ не могу, прошу его къ аппарату.

Сейчасъ доложу.

Генералъ Духонинъ говоритъ съ сѣвернымъ фронтомъ, какъ только кончитъ, вызоветъ васъ.

Передайте ему записку. Лично генералу Духонину. Фактически данную минуту гарнизонъ Петрограда, за исключеніемъ небольшого числа частей на сторонѣ большевиковъ или нейтраленъ. Зимній Дворецъ повидимому окруженъ, дѣло принимаетъ серьезный характеръ, поставьте объ этомъ въ извѣстность Черемисова. Вѣроятно скоро не смогу съ Вами говорить. Левицкій.

— У [аппарата] генералъ Духонинъ. Я прочиталъ Вашу записку, прочитавъ предыдущія двѣ телеграммы, передалъ по назначенію, вотъ все что могу Вамъ сказать. Сейчасъ передамъ вами сказанное. Богъ дастъ все обойдется. Крѣпко жму вашу руку, если нужно будетъ вызывайте. Спокойной ночи. Крѣпко жму руку. Отчего раньше не передали двухъ предыдущихъ телеграммъ.

Можно было только теперь сговориться съ заками [казаками].

Господь васъ хранитъ всего хорошаго. Все.

[IX. РАЗГОВОРЪ ГЕН. ЛЕВИЦКАГО СЪ ГЕН. ДУХОНИНЫМЪ утромъ 25-го Октября]

— Кабинетъ Начальника Штаба;

у аппарата генералъ Левицкій.

У аппарата Духонинъ. Доброе утро, очень радъ, что могу съ вами разговаривать. Съ Главкосѣвомъ наладилось за ночь передаю телеграмму [:] Главкосѣв приказалъ во исполненіе приказанія Главковерха немедленно одну изъ бригадъ 44-й пѣх. дивизіи подъ начальствомъ Начдив 44-й дивизіи съ двумя баттареями направить въ Петроградъ въ распоряженіе Гла[в]новокр Петроградскаго объ исполненіи Главкосѣв приказалъ срочно ему донести 25 октября 5841/Б, Лукирскій. Главкосѣв приказалъ 5-ю Кавказскую казачью дивизію

съ ея артиллеріей и 43-й Донской казачій полкъ, согласно полученнаго указанія Главковерха, немедленно направить подъ общей командой Начдив 5-й Кавказской Петроградъ распоряженіе Главковерха [Главновокр] Петроградскаго объ исполненіи Главкосѣвъ приказалъ срочно ему донести 25 октября 584[?]/Б. Лукирскій. — Главкосѣвъ, согласно указаній Главковерх приказал 13 и 15 Донскіе полки съ ихъ артиллеріей немедленно отправить по желѣзной дорогѣ въ Петроград въ распоряженіе Главновокр Петроградскаго объ исполненіи Главкосѣв приказалъ срочно донести 24 [25] окября 3834/Б. — 68068. Главкосѣв приказалъ въ измѣненіе распоряженія о направленіи первой Донской дивизіи съ ея артиллеріей въ первую армію немедленно отправить въ Петроградъ въ распоряженіе Главновокр Петроградскаго объ исполненіи Главковерх приказалъ срочно ему донести 25 октября 5838/Б. Лукирскій. Всѣ телеграммы за подписью Наштасѣва Лукирскаго. Кромѣ того 3 и 6 самокатные двинуты по желѣзной дорогѣ. Признаю необходимымъ на встрѣчу этимъ частямъ послать довѣренныхъ лицъ съ копіями этихъ телеграммъ для соотвѣтствующаго разъясненія людямъ[;] кромѣ того предложилъ сѣверному фронту послать съ частями своихъ выборныхъ представителей комитетовъ. Общеармейскій комитетъ при Ставкѣ оповѣщенный ночью о выступленіи большевиковъ противъ Правительства въ экстренномъ засѣданіи выразилъ рѣзкое осужденіе этому выступленію. Постановленіе разсылается по телеграфу на всѣ фронты армій и округа. Въ Ставкѣ совершенно спокойно, всѣ части вѣрны Временному Правительству. Что у васъ дѣлается теперь.

Здравствуйте Николай Николаевичъ. Въ Петроградѣ сейчасъ благодаря подавляющему количеству Петроградскаго гарнизона не осталось ни одной части въ полномъ смыслѣ этого слова на которую могло бы опереться Правительство. Въ эту исключительно роковую минуту наша армія подвергается неслыханному издѣвательству въ то время когда на фронтѣ оборванные и голодные русскіе люди грудью отражаютъ врага, здѣсь кучка сытыхъ людей, повліявшая на трусливый гарнизонъ захватываетъ власть въ руки и продаетъ Россію. Черезъ пятнадцать минутъ я передамъ вамъ воззваніе Верховнаго если вообще смогу передать. Вотъ все, что я сейчасъ могу сказать.

Хорошо сейчасъ это сдѣлаемъ, все время мысленно переносит[м]ся къ вамъ и переживаемъ душою все происходящее. Спросите пожалуйста Александра Федоровича нужно ли подробно обо всемъ оріентировать Главкофронтов кромѣ телеграммы ера[его] или вы сами уже говорили по этому поводу, что касается свѣдѣнія <Борисѣ> Карташевѣ и Гальпер[н]ѣ, правда ли это.

Это правда. считаю необходимымъ, чтобы Главкофронты были сейчасъ же оріентированы и могли оріентировать комитеты фронтовъ, сейчасъ идетъ офицеръ къ Александру Федоровичу за указаніемъ по оріентировкѣ войскъ.

Все хорошо. А что военныя училища и школы прапорщиковъ.

Николай [Никакой] активности не проявятъ и пассивности то же самое.

Буду ждать отъ васъ воззваніе и желательную оріентировку.

[X. РАЗГОВОРЪ ГЕН. ЛЕВИЦКАГО СЪ ГЕН. ДУХОНИНЫМЪ утромъ 25-го Октября]

— Генералъ Левицкій съ генераломъ Духониным.

— Не можете ли Вы какъ очевидецъ происходящаго дать краткую оріентировку для Главкофронта[овъ].

Даю. Третьяго дня ночью Петроградскій Совѣтъ давно уже имѣющій преобладаніе большевиковъ и всѣми силами и средствами стремящійся сорвать планомѣрную работу Правительства выпустилъ приказъ гарнизону не исполнять приказаній Штаба Петроградскаго Округа, какъ органа Временнаго Правительства. Это было слѣдствіемъ отказа полковникомъ [Полковниковымъ] признавать права контроля надъ его дѣйствіемъ[ями] со стороны совѣта. Этотъ актъ призыва къ неповиновенію органамъ Временнаго Правительства заставилъ Министра Предсѣдателя ясно и опредѣленно вчера 24-го Октября въ совѣтѣ республики разъяснить создавшееся положеніе и указать линію поведенія Временнаго Правительства. Онъ называлъ большевизмъ своимъ именемъ и заявилъ о неуклонной твердости Временнаго Правительства и рѣшимости начать борьбу съ этимъ зломъ. Вслѣдъ за этимъ части Петроградскаго гарнизона подъ вліяніемъ бѣшенной агитаціи съ одной стороны въ глубинѣ души всѣми силами стремящимися[іяся] не идти на позицію перешли на сторону большевиковъ[;] изъ Кронштадта прибыли матросы и легкій крейсеръ. Разведенные мосты вновь наведены ими[;] весь городъ покрытъ постами гарнизона, но выступленій никакихъ нѣтъ. Телефонная станція въ рукахъ гарнизона, части находящіяся въ Зимнемъ Дворцѣ, только формально охраняютъ его такъ какъ активно рѣшили не выступать. Въ общемъ впечатлѣніе какъ будто бы Временное Правительство находится въ столицѣ враждебно[аго] государства, закончившаго мобилизацію, но не начавшаго активныхъ дѣйствій. Эта малая рѣшимость большевиковъ давно уже имѣющихъ фактическую возможность раздѣлаться со всѣми нами и даетъ мнѣ право считать, что они не посмѣютъ пойти въ разрѣзъ съ им[мн]ѣніемъ фронтовой арміи и дальше указаннаго не пойдутъ, но это оптимистическое мое мнѣніе можетъ оказаться и неосновательнымъ если армія еще болѣе рѣзко не подчеркнетъ своего мнѣнія, выраженнаго комитетомъ Ставки.

[XI. РАЗГОВОРЪ ШТАБА ЗАПАДНАГО ФРОНТА СО СТАВКОЙ утромъ 25-го Октября]

— Разговоръ полковника <съ> Кусонскаго съ полковникомъ Малявинымъ.

У аппарата полковникъ Малявинъ. Здравствуйте Павелъ Алексѣевичъ. Нашъ штазапъ * въ виду событій въ Петроградѣ проситъ сообщить какія мѣры принимаются Ставкой для поддержанія порядка и не будутъ ли намъ даны соотвѣтствующія указанія. Вообще желательно, чтобы Ставка ставила насъ въ извѣстность о текущихъ событіяхъ и принимаемыхъ мѣрахъ, дабы можно было согласовать съ ними свои дѣйствія. У насъ Минскѣ пока спокойно, принимаемъ мѣры прежде всего для охраны телеграфовъ, телефоновъ штаба фронта и для поддержанія порядка. Малявинъ.

— Здравствуйте, Борисъ Семеновичъ, <Борисъ Семеновичъ> оріентировка о событіяхъ въ Петроградѣ будетъ дана всѣмъ фронтамъ черезъ часъ или черезъ два, ибо въ настоящее время заканчивается передача въ Ставку послѣднихъ свѣдѣній изъ кабинета Главковерха. Одновременно съ этой оріентировкой вѣроятно будутъ даны и указанія о тѣхъ мѣрахъ, которыя слѣдуетъ принять для поддержанія порядка. Въ кратцѣ сообщу Вамъ слѣдующее: вчера Керенскій въ совѣтѣ Республики назвалъ большевиковъ германскими наемниками и просилъ поддержки

* Начальникъ Штаба Западнаго Фронта.

въ борьбѣ съ ними, совѣтъ обѣщал оказать поддержку, но къ вечеру выяснилось, что правительственная власть наполовину парализована, большинство войск, если не весь Петроградскій гарнизон, въ рукахъ большевиковъ, почему ночью сдѣланы экстренныя распоряженія о направленіи пѣхоты и конницы съ сѣвернаго фронта къ Петрограду. Связь Керенскаго со ставкою попрежнему полная. Могилевѣ совершенно спокойно, мѣстные совѣты на сторонѣ Правительства. Все.

[XII. РАЗГОВОРЪ ГЕН. ЛЕВИЦКАГО СЪ ГЕН. ДУХОНИНЫМЪ около 12 ч. дня 25-го Октября]

— Пожалуйста попросите генерала Духонина.

У аппарата генералъ Духонинъ.

У аппарата генералъ Левицкій. Дорогой Николай Николаевичъ, обстановка ухудшилась, Александръ Федоровичъ выѣхалъ навстрѣчу самокатнымъ баталіонамъ, я остался здѣсь одинъ и буду оставаться пока меня отсюда не выведутъ, чтобы до послѣдней крайности оріентировать мозгъ армій Ставки[у]. Въ общеармейскомъ комитетѣ есть два члена лично меня знающихъ, это отъ седьмой арміи солдатъ Пучковъ и отъ Восьмой арміи старшій унтеръ офицеръ Нетесовъ, я прошу васъ передать ему слѣдующую мою записку. [. . . . .]

[XIII. ТЕЛЕГРАММА НАЧАЛЬНИКА ШТАБА СѢВЕРНАГО ФРОНТА ВЪ СТАВКУ]

— Главковерх, копія Наштаверх, Гла[в]новокр Петроградскаго.

— Донюшу примѣрный разсчетъ сроковъ прибытія Петроградъ войсковыхъ частей, направленныхъ туда согласно Вашего приказанія: 2-й самокатный баталіонъ 25-го Октября послѣ полудня. 5-й Кавказскі[о]й казачі[е]й дивизіонъ[и] и 43-го Донского Казачьяго полка — 2 полка 26-го Октября и прочіе утру 28-го Октября. 13-го и 15-го Донскихъ казачьихъ полковъ съ артиллеріей 27-го Октября вечеромъ. 9-го и 10-го Донскихъ казачьихъ полковъ съ артиллеріей 26-го Октября утромъ. Бригады 44-й пѣхотной дивизіи съ двумя батареями 30-го Октября днемъ. 23-го Донского казачьяго полка 26-го Октября вечеромъ. Вмѣсто бригады 45-й пѣхотной дивизіи наряжена бригада 44-й пѣхот. дивизіи, потому что два полка 45-й пѣх. дивизіи расположены на побережьѣ Моонзундскаго пролива, а другіе два перевозятся изъ 12-й арміи къ Ревелю и въ настоящій моментъ сильно растянуты по узкоколейнымъ путямъ, передача съ которыхъ на другія дороги крайне кропотлива и длительна. 25-го Октября.5845/В. Наштасѣв. Лукирскій.

[XIV. ТЕЛЕГРАММА КОМАНДУЮЩАГО 42 КОРПУСОМЪ ВЪ СТАВКУ]

Главковерх Главкосѣв.

— По сложившимся обстоятельствамъ отправка казачьей дивизіи въ Петроградъ не можетъ быть выполнена 25-го Октября пр. 4599 Б. Комкор. 42. — Надежный.

[XV. РАЗГОВОРЪ НАЧ. ШТАБА ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО СЪ КОМИССАРОМЪ СТАВКИ днемъ 25-го Октября]

— Разговоръ Наштаверха съ Комиссарверхомъ.

— Прошу доложить Наштаверху не желаетъ ли переговорить со мной по аппарату и до отвѣта прошу не выключать аппаратъ и не давать штасѣва.

Сію минутку пошли докладывать. Тамъ ли. У аппарата Наштаверхъ.

У аппарата Комиссарверх. Положеніе съ каждой минутой сложнѣе. Маріинскій Дворецъ занятъ большевиками, на Невѣ стоятъ два крейсера изъ Кронштадта, попытка занять нашимъ карауломъ телефонной станціи при содѣйствіи юнкеровъ окончилась неудачей, такъ какъ юнкера были встрѣчены броневиками:[;] въ рукахъ Правительства лишь центральная часть города, включая Штабы и Зимній Дворецъ. Силы Правительства двѣ съ половиной школы юнкеровъ и батарея Михайловскаго училища и два броневика. Этихъ силъ достаточно [чтобы] продержаться 48 часовъ, но не больше и пѣтъ возможности безъ помощи извнѣ предпринять какія либо активныя мѣры. На улицахъ внѣшнее спокойствіе, уличное движеніе продолжается, но очень грозно обстоитъ вопросъ съ продовольствіемъ. Временное Правительство Предпарламентъ засѣдаетъ. Генералъ-Губернаторомъ Петрограда назначенъ Кишкинъ. Неизвѣстно ли Вамъ въ какомъ положеніи посылка отряда съ сѣвфронта.

— Здравствуйте, Владиміръ Венедиктовичъ. Свѣдѣнія, которыя я получилъ я сообщилъ генералу Левицкому, изъ нихъ Вы увидите, что войскъ назначено достаточно. По справкѣ, которую я взялъ сейчасъ у Навч[чв]осоверха * самокатные баталіоны въ ночь на сегодняшнее число со ст. Передольское и Батецкая отправлены по желѣзной дорогѣ въ Петроградъ. По моимъ разсчетамъ они должны были уже давно ро[при]дти по назначенію. Неужели нѣтъ свѣдѣній объ ихъ приходѣ. Мнѣ передавали, что поѣхали ихъ встрѣчать, болѣе подробныхъ свѣдѣній о другихъ частяхъ нѣтъ, ибо сѣвфронтъ ихъ собираетъ, но я думаю, что войска продвигаются по желѣзной дорогѣ изъ Ревеля и черезъ Псковъ и Финляндію. Какъ только Навчосоверх получилъ данныя о мѣстѣ нахожденія эшелоновъ, я Вамъ тотчасъ же сообщу, я думаю, что къ завтрашнему утру безусловно должно подойти нѣсколько эшелоновъ. Мнѣ непонятно почему столь ничтожная силы[а] Правительства. Сегодня отъ комиссара казачьихъ войскъ я получилъ увѣреніе полной лойяльности 1-го Донского казачьяго полка, отчасти 14-го и лишь 4-й Донской не внушалъ довѣрія. Что дѣлаетъ Константиновское училище, Николаевское Кавалерійское, вѣроятно найдутся еще. Такъ что я думаю, что силы достаточно можно найти, необходимо лишь надлежащимъ образомъ организовать это дѣло, а тамъ начнутъ подходить войска съ фронта. У насъ спокойно. Комитетъ Общеармейскій высказался противъ выступленій большевиковъ и вошелъ въ связь со всѣми комитетами фронтовъ.

Я думаю, что начальникамъ приходящихъ эшелоновъ необходимо давать указанія, что если имъ, по приходѣ въ Петроградъ, штабъ округа не будетъ въ состояніи дать какія либо указанія, то имъ слѣдуетъ оставить охрану на вокзалѣ и немедленно идти къ штабу округа и къ Зимнему Дворцу, хотя бы на улицахъ имъ пришлось встрѣтиться съ препятствіемъ. Больше ничего не имѣю, буду сейчасъ говорить съ Комиссарсѣвом, если у Васъ нѣтъ ничего, то желаю всего добраго. Станкевичъ.

---

* Начальникъ военныхъ сообщеній при Ставкѣ Верх. Главнокомандующаго.

Я считаю необходимѣйшимъ условіемъ высылку навстрѣчу подходящимъ войскамъ за 2—3 станціи особо довѣренныхъ лицъ изъ Петрограда, объ этомъ я сегодня ночью говорилъ генералу Левицкому, кромѣ того просилъ Штасѣв высылать съ эшелонами представителей армейских или фронтового комитета. Очень былъ бы Вамъ обязанъ, если бы около полуночи обрисовали положеніе. Сейчасъ мнѣ докладываютъ, что по другимъ проводамъ, какъ то Довмин и Огенквар * намъ почему то не отвѣчаютъ.

Слушаюсь въ 24 часа постараюсь быть у аппарата. Ваши указанія не только передамъ, но можетъ быть и самъ постараюсь выѣхать навстрѣчу. Больше ничего. Всего хорошого.

Видите ли Вы А. Ф.

Нѣтъ, онъ уѣхалъ навстрѣчу.

Меня это безпокоить, все ли благополучно. Возможно ли было благополучно добраться.

Были приняты всѣ мѣры и я надѣюсь, что ничего не случилось, а оставаться ему здѣсь было невозможно.

Я съ этимъ вполнѣ согласенъ и самое рѣшеніе безусловно правильно и наиболѣе раціонально въ сложившейся [обстановкѣ] и если проѣздъ черезъ городъ былъ обезпеченъ, тогда значитъ все хорошо. Пока до свиданія. Очень Вамъ признателенъ, что подѣлились со мной. Значитъ еще поговоримъ позже.

Такъ точно, до свиданія. Станкевичъ.

[XVI. СВОДКА ДАННЫХЪ О НАСТРОЕНІИ ФРОНТА къ 6 ч. в. 25-го Октября]

— Настроеніе войсковыхъ организацій на фронтахъ и въ Петроградѣ къ 18 час. 25 октября.

— Исп. комит. Румчерода **, освѣдомившись о событіяхъ въ Петроградѣ призналъ, что никакія выступленія въ настоящій моментъ недопустимы и что они наносятъ тяжелый ударъ революціи и увеличиваютъ силы контръ-революціи. Въ обращеніи къ войскамъ исп. ком. проситъ сохранить полное спокойствіе и заявляетъ, что онъ располагаетъ достаточными силами для ликвидаціи посягательствъ, какъ справа, такъ и слѣва. Общеармейскій комитетъ при Ставкѣ обратился къ Румчероду оказалъ[ть] ему поддержку въ обращеніи къ арміи.

— Предсѣдатель искозюм[мюз]а *** рѣшительно раздѣлилъ точку зрѣнія общеармейскаго комитета при Ставкѣ въ отношеніи недопустимости вооруженнаго захвата власти со стороны большевиковъ. Въ этомъ смыслѣ ожидается резолюція происходящаго въ настоящій моментъ засѣданія Искомюза.

— Искомзапъ. Члены Искомзапа **** въ разговорѣ съ членами общеармейскаго комитета при Ставкѣ выразили увѣренность, что Искомзапъ также раз-

---

* Довмин — домъ военнаго министра; Огенквар — окружной генералъ-квартирмейстеръ.

** Исполнительный Комитетъ Румынскаго Фронта, Черноморскаго Флота и Одесскаго Военнаго Округа.

*** Исполнительный Комитет Юго-Зап. Фронта.

**** Исполнительный Комитетъ Западнаго Фронта.

дѣлитъ точку зрѣнія общеармейскаго комитета. Резолюція къ 18 час. еще не была вынесена. Во 2 арміи настроеніе не опредѣлилось.

— Искомсѣв*. Члены Искомсѣва сообщаютъ, что вполнѣ опредѣлилось настроеніе 12 арміи въ смыслѣ осужденія выступленія большевиковъ. Настроеніе 5 арміи неопредѣленно. Есть основаніе предполагать, что выступленіе большевиковъ найдетъ тамъ поддержку. Таково же настроеніе и въ тыловыхъ организаціяхъ сѣвернаго фронта. Областной совѣтъ сѣверной области колебался въ своемъ рѣшеніи и опредѣленнаго отвѣта не далъ.

— Петроградъ. Розенблатъ, предсѣдатель совѣта при Военминѣ сообщаетъ членамъ общеармейскаго комитета, что выступленіе большевиковъ не нашло себѣ поддержки ни въ совѣтѣ Военмина, ни въ Ц. И. К. среди старыхъ членовъ С. Р. и С. Д..

— По полученіи резолюцій со всѣхъ фронтовъ, общеармейскія[й] комитеты[ъ] выпустить обращеніе къ арміи. Предполагается передать его на фронты до 24 час.

[XVII, XVIII, XIX. РАЗГОВОРЪ СТАВКИ СЪ ЗИМНИМЪ ДВОРЦОМЪ около 7 ч. в. 25-го Октября]

— Оже[дежу]рный офицеръ.

Пригласите къ аппарату для переговоровъ[. . .]. У аппарата Начсвязверх** полковникъ Сергѣевскій.

Попробуемъ сейчасъ пригласить, но кого надо.

Если есть то поручика Данилевича***.

Нѣтъ его.

Кого-нибудь еще. Все равно кого.

Хорошо сейчасъ попробуемъ найти, если это будетъ возможно. Сейчасъ начался опять пулеметный обстрѣлъ не может[м]ъ выйти. Вотъ поручикъ Данилевичъ на счастье. Кто у аппарата.

У аппарата Генкварверх. Какія у Васъ событія.

Разрѣшите передать телеграмму, адресованную Наштаверху, которая вкратцѣ освѣтитъ Вамъ положеніе, а затѣмъ я дополню отъ себя.

[XVIII]

— 25 Октября 1917 года.

— Наштаверху.

— Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ объявилъ Правительство низложеннымъ потребовалъ передачу власти угрозой бомбардировки Зимняго Дворца пушками Петропавловской крѣпости и крейсера Авроры. Правительство можетъ передать власть лишь Учредительному Собранію. Рѣшило не сдаваться и передать себя защитѣ народа и арміи. Ускорьте посылку войскъ. 25 Октября пр. 11690. Министръ-Замѣститель Коноваловъ.

---

* Исполнительный Комитетъ Сѣвернаго Фронта.

** Начальникъ Связи при Верховномъ Главнокомандующемъ.

*** Офицеръ для порученій при Керенскомъ.

[XIX]

— (Разговоръ Генкваверха съ Данилевич[ем]ъ)

— Теперь добавлю отъ себя. Въ общемъ въ Петроградѣ день прошелъ спокойно. Была лишь днемъ незначительная перестрѣлка на углу Невскаго и Дворцового[й] площади. Возставшіе захватили Государственный Банкъ, Центральную Телефонную Станцію, Маріинскій Дворецъ, Предпарламентъ былъ удаленъ. Вечеромъ настроеніе прогрессируетъ. Около часу назадъ захваченъ кучкою людей въ 50 человѣкъ Петроградскій Штабъ. На сторонѣ Правительства лишь юнкера и казачій полкъ, да два орудія Михайловскаго артиллерійскаго училища. Министръ предсѣдатель уѣхалъ къ самокатчикамъ еще утромъ до сихъ поръ не возвратился. Полагаю, что онъ будетъ возвращаться не одинъ, а съ войсками, которыя окажутся преданными. Нынѣ и нѣсколько ранѣе шла и идетъ стрѣльба сравнительно рѣдкая и думая[ю] [нервная], такъ какъ нападеніе пока не произошло, и большевики держатъ себя сравнительно пассивно. Во время моего разговора съ Вами было 3, 4 орудійныхъ выстрѣла, которые, судя по звуку, идутъ изъ нашего стана. Временное Правительство въ полномъ составѣ сейчасъ въ Зимнемъ Дворцѣ и не думаетъ отсюда уходить до ликвидаціи конфликта. Вотъ кажется все изъ болѣе главнаго. Главноначальствующимъ надъ Петроградомъ назначенъ Кишкинъ съ двумя помощниками Пальчинскимъ и Рутенбергомъ. Понемногу налаживается организація и руководство тѣми немногими частями, которыя у насъ есть. Лично<,> думаю, что если дѣйствительно будетъ использовано хотя то что есть, то положеніе Правительства не безнадежно. Скажите дѣйствительно ли подойдутъ по Вашимъ свѣдѣніямъ къ Петрограду направленныя войска. Присутствіе ихъ полагаю успокоило бы возставшихъ и они расползлись бы по своимъ мѣстамъ не принимая боя, все. Данилевичъ.

— По нашимъ свѣдѣніямъ самокатные баталіоны должны были сегодня быть въ Петроградѣ, но по свѣдѣнію желѣзнодорожнаго телеграфа они задержаны кѣмъ то въ 70-ти верстахъ отъ Петрограда. Девятый и десятый Донскіе полки съ артиллеріей должны придти Петроградъ 26-го утромъ. 43 [23] Донской полкъ 26-го вечеромъ, два полка 5-й Кавказской дивизіи тоже 26-го, остальные утромъ 28-го, бригада 44-й дивизіи съ двумя батареями 30-го днемъ. По нашимъ свѣдѣніямъ Огенквар занятъ большевиками и наша связь съ нимъ прекратилась. На фронтѣ спокойно, значительное большинство комитетовъ высказалось противъ большевистскаго возстанія, комиссары свидѣтельствуютъ, что можно разсчитывать на спокойствіе въ арміяхъ. Въ Минскъ пріѣхалъ Черновъ. Дитерихсъ.

Очень Вамъ благодаренъ за свѣдѣнія. Достаточно ли для Васъ орієнтировка. Данилевичъ.

Да благодарю Васъ, вполнѣ ясно, мы спокойны и увѣренъ, что тяжелое положеніе пройдетъ почти само собой если Вамъ удастся сорганизовать даже тѣ немногія части, которыми Вы располагаете. Сдѣлаемъ все возможное, чтобы сохранить армію отъ раз[д]военности и удержать ее отъ гибельныхъ шаговъ, поддержавъ въ ней вѣрность Временному Правительству и твердость остаться на позиціяхъ. Дитерихсъ.

Я хочу еще разъ напомнить о посылкѣ подтвержденія войскамъ, слѣдующимъ въ Петроградъ, чтобы они попали бы къ намъ какъ можно скорѣе. Данилевичъ.

Все будетъ сдѣлано. Дитерихсъ.

[XX. ТЕЛЕГРАММА ГЕН. ДУХОНИНА МИНИСТРУ ЗАМѢСТИТЕЛЮ]

— Министру замѣстителю Коновалову.

— [на] 11690. Мѣры къ скорѣйшему прибытію войскъ принимаются. Поручикомъ[у] Данилевичемъ[у] сообщено предполагаемое время прибытія частей, но считаю долгомъ доложить, что въ районѣ, ближайшемъ Петрограду, задержки въ движеніи происходятъ независимо насъ. 7927. Духонинъ.

[XXI. РАЗГОВОРЪ ВЫРУБОВА СЪ КОМИССАРОМЪ Ю.-ЗАП. ФРОНТА Н. И. ІОРДАНСКИМЪ вечеромъ 25-го Октября]

— У аппарата Понаштаверх Вырубовъ.

У аппарата Комиссарюз Іорданскій. Здравствуйте Василій Васильевичъ. Мы недостаточно информированы. Станкевичъ присылаетъ телеграммы туманнаго содержанія я прошу Васъ освѣтить политическое положеніе и выяснить вопросъ о томъ, нужно ли посылать отрядъ юзфронта на помощь Правительству.

По свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ отъ Левицкаго, Станкевича, Коновалова положеніе дѣлъ въ Петроградѣ представляется слѣдующемъ видѣ: Петроградскій Совѣтъ объявилъ Правительство низложеннымъ. Правительство засѣдаетъ полномъ составѣ Зимнемъ рѣшило не сдаваться. Гарнизонъ повидимому почти весь на сторонѣ возставшихъ, но активности [не проявляетъ. Кромѣ ареста] Карташева другихъ арестовъ членовъ Временнаго Правительства не было. Вечеромъ была рѣдкая нервная перестрѣлка. Уличныхъ столкновеній не было. Подробная оріентировка сейчасъ передается Нштаверхом Главкофронтам. Главковерх выѣхалъ изъ Петрограда навстрѣчу вызваннымъ сѣвфронта войскамъ. Отправлены бригада 22 пѣхотной дивизіи, 2 донскихъ полка и 2 полка самокатчиковъ. Считаете ли возможнымъ по настроенію отправить какія либо части изъ фронта. По нашему мнѣнію отправленныхъ сѣвфронта частей достаточно если только они во время дойдутъ Петроградъ. Сейчасъ говорилъ Минскомъ, тамъ все спокойно. Сегодня Минскъ пріѣхалъ Черновъ. Вообще по всему фронту колеблющееся настроеніе только у комитетовъ 2-й и 5-й армій, остальные армейскіе, фронтовые и общеармейскій комитеты заняли вполнѣ опредѣленное положеніе. Предсѣдатель общеармейскаго комитета Полянскій сегодня уѣхалъ Харьковъ, обязанности предсѣдателя вступилъ Перекрестовъ. Вотъ пока самое главное, какъ у Васъ.

У насъ все спокойно. Сегодня выпущено возваніе, подписанное мною, Главкоюзом и Искомитюзом* и правленіемъ казачьихъ войскъ съ призывомъ къ спокойствію, такъ какъ командный составъ и демократическія организаціи юзфронта въ полномъ согласіи поддерживать[ютъ] Временное Правительство, которое охраняетъ страну и возваніе [завоеванія] революціи. Резолюціи о поддержкѣ Правительства вынесены и армейскими комитетами. Большевики здѣсь не будутъ имѣть активной поддержки и мы располагаемъ силами, чтобы подавить частичныя выступленія. Поэтому существуетъ предположеніе случаѣ необходимости взять иниціативу въ свои руки и если не послать отрядъ въ Петроградъ, то обезпечить спокойствіе Кіева, приведя тамошнихъ большевиковъ въ состояніе не-

---

* Главкоюзъ — Главнокомандующій юго-западнымъ фронтомъ; Искомитюзъ — Исполнительный Комитетъ юго-зап. фронта.

подвижности. Вообще я долженъ сказать, что рѣшительныя дѣйствія Правительства и его неколеблющаяся политика по отношенію къ анархическимъ элементамъ, срывающихъ[мъ] Учредительное Собраніе увеличить[ъ] активность поддержки фронта и вольютъ увѣренность въ дѣйствіе власти на мѣстахъ. Мы здѣсь настроены бодро и рѣшительно. Если встрѣтится надобность посылки отрядовъ юзфронта. [и] Если я вамъ буду нуженъ въ теченіе ночи прошу меня вызвать. Я буду ночевать здѣсь. Если больше ничего не имѣете позвольте отъ души пожелать силъ и бодрости. Еще вопросъ извѣстно ли Вамъ постановленіе совѣта Республики о передачѣ земли комитетов[ам]ъ.

Насколько я знаю такого постановленія не было, было лишь упоминаніе Министра Предсѣдателя о таковомъ намѣреніи Временнаго Правительства.

Благодарю и прошу увѣдомить меня о желательности посылки отрядовъ заблаговременно, чтобы не опоздать и не вызвать этимъ уступокъ Правительства, которыя по моему убѣжденію въ данный моментъ повлекутъ полную разруху на фронтѣ. Все. До свиданія. Іорданскій.

До свиданія. Переговорю Наштаверхом[,] заблаговременно Васъ увѣдомлю. Всего хорошаго.

[XXII. РАЗГОВОРЪ ГЕН. ДУХОНИНА СЪ ШТАБОМЪ СѢВЕРНАГО ФРОНТА между 10 часами в. и 1 часомъ н. въ ночь съ 25-го на 26-ое Октября]

— У аппарата Наштасѣв генералъ Лукирскій.

У аппарата Наштаверх. — Здравствуйте Сергѣй Димитріевичъ. Хотѣлъ у Васъ узнать, какія у Васъ имѣются свѣдѣнія относительно положенія настоящее время войскъ фронта, посланныхъ въ Петроградъ согласно Вашей телеграммѣ 5845 и насколько сроки прибытія, указанные въ ней будутъ соблюдены[,] насколько на это можно разсчитывать.

— Здравія желаю Николай Николаевичъ. Главкосѣв узнавъ, что я буду говорить съ Вами приказалъ мнѣ передать Вамъ, что онъ окончивъ разговоръ съ Главкозапом*, подойдетъ къ аппарату для переговоровъ съ Вами. Всѣ распоряженія, посланныя сегодня о направленіи названныхъ Главковерхом войсковыхъ частей Петроградъ и въ копіи представленныхъ[я] мною Вамъ, Главкосѣв сегодня въ 10 ч. вечера отмѣнилъ и эти послѣднія распоряженія я вновь представилъ Вамъ въ копіяхъ. О причинѣ отмѣны я не знаю. Главкосѣв указалъ мнѣ по телефону, что онъ выяснитъ мнѣ такое распоряженіе вѣсколько позже. Нынѣ войсковыя части и эти задержаны на мѣстахъ посадки или возвращаются съ пути. [Ко]мкоръ 3 коннаго прислалъ запросъ на мое имя, сообщая, что онъ имѣетъ личное приказаніе ввести первую Донскую въ Петроградъ отъ Главковерха и поэтому недоумѣваетъ получивъ послѣднее приказаніе объ отдач[мѣн]ѣ такового движенія. Мы сговорились съ нимъ, что для выясненія такого вопроса онъ пріѣдетъ сегодня часъ ночи въ Псковъ и лично явится къ Главкосѣву. Лукирскій.

— Я не понимаю чѣмъ вызывается такая отмѣна, буду ждать объясненія Главкосѣва. А гдѣ сейчасъ находятся самокатные баталіоны?

---

* Главкозапъ — Главнокомандующій Западнымъ Фронтомъ.

— По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ самокатные баталіоны должны были сегодня въ 3 часа дня прибыть въ Петроградъ.

Подожду Главкосѣва, если Вы мнѣ не можете объяснить отмѣны распоряженія.

Иду доложить объ этомъ Главкосѣву.

Здравствуйте Николай Николаевичъ. Вы что то начали сейчасъ говорить.

Генералъ Лукирскій мнѣ сообщилъ, что Вами отдано распоряженіе отмѣняющее отправку войскъ въ Петроградъ по приказанію Главковерха, чѣмъ это вызывается.

Это сдѣлано съ согласія Главковерха, полученнаго мною отъ него лично. Извѣстна ли Вамъ обстановка въ Петроградѣ.

Будьте добры мнѣ подробно сообщить обстановку и гдѣ сейчасъ находится Главковерх.

— Временное Правительство прежняго состава уже не существуетъ; власть перешла въ руки революціоннаго комитета; казачьи полки остались пассивны въ своихъ Петроградскихъ казармахъ, броневики перешли на сторону революціоннаго комитета. Сегодня вечеромъ кто-то повидимому правые элементы, назначили генералъ-губернаторомъ Петрограда Кишкина, принадлежность котораго къ кадетскимъ партіямъ извѣстна на фронтѣ. Это назначеніе вызвало рѣзкій переломъ въ войсковыхъ организаціяхъ фронта не въ пользу Временнаго Правительства въ Петроградѣ привело къ тому что революціонныя войска заняли Штабъ округа и повидимому прекратили дѣятельность генералъ-губернатора. Керенскій отъ власти устранился и выразилъ желаніе передать должность Главковерха мнѣ, вопросъ этотъ вѣроятно будетъ рѣшенъ сегодня же. Благоволите приказать отъ себя, чтобы перевозки войскъ въ Петроградъ, если онѣ производятся на другихъ фронтахъ, были прекращены. Главковерх у меня Не имѣете ли Вы что передать ему.

Можно ли просить его къ аппарату.

Невозможно въ его интересахъ. Будете ли Вы что-нибудь говорить.

Да. Мною получены слѣдующія свѣдѣнія изъ Зимняго Дворца. — Въ Петроградѣ день прошелъ спокойно. Была лишь днемъ незначительная перестрѣлка на углу Невскаго и Дворцовой площади. Возставшіе захватили Государственный Банкъ, Центральную телефонную станцію, Маріинскій Дворецъ, предпарламентъ былъ удаленъ. Вечеромъ настроеніе прогрессируетъ около часу назадъ захваченъ кучкою людей въ 50 человѣкъ Петроградскій Штабъ. На сторонѣ Правительства юнкера и казачій полкъ да два орудія Михайловскаго артиллерійскаго училища. Министръ Предсѣдатель уѣхалъ къ самокатчикамъ еще утромъ до сихъ поръ не возвратился. Полагаю, что онъ будетъ возвращаться не одинъ, а съ войсками, которыя окажутся преданными. Нынѣ и нѣсколько ранѣе шла и идетъ стрѣльба сравнительно рѣдкая и думаю нервная, такъ какъ нападенія пока не произошло и большевики держутъ себя сравнительно пассивно, во время моего разговора съ Вами было 3—4 орудійныхъ выстрѣла, которые судя по звуку идутъ изъ нашего стана. Временное Правительство въ полномъ составѣ въ Зимнемъ Дворцѣ и не думаетъ отсюда уходить до ликвидаціи конфликта. Вотъ кажется все изъ болѣе главнаго. Главноначальствующимъ надъ Петроградомъ назначенъ Кишкинъ съ двумя помощниками Пальчинскимъ и Рутенбергомъ. Понемногу налаживается организація и руководство тѣми немногими

частями, которыя у насъ есть. Лично думаю, что если дѣйствительно будетъ использовано хотя то что есть, то положеніе Правительства не безнадежно. Скажите дѣйствительно ли пойдутъ по Вашимъ свѣдѣніямъ къ Петрограду направленныя войска. Присутствіе ихъ полагаю успокоило бы возставшихъ и они расползлись бы по своимъ мѣстамъ, не принимая боя. Все. Данилевичъ. — Отъ всѣхъ фронтовыхъ комитетовъ и армейскихъ [и] общеармейскихъ[аго] комитетовъ[а] Ставки получилъ слѣдующее: комитеты всѣ безусловно на сторонѣ Временнаго Правительства, резолюція ихъ въ общемъ аналогична резолюціи совѣта Республики, то-есть требованія активной политики Правительства въ смыслѣ скорѣйшаго заключенія мира и передачи земли въ руки земельныхъ комитетовъ.

Я Васъ вызову часа черезъ полтора, чтобы сообщить рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ, сейчасъ меня зовутъ, можете ли Вы тогда подойти къ аппарату.

— Сейчасъ я получилъ телеграмму Главкозапа и согласенъ съ нимъ что разъединеніе фронта въ настоящее время въ общемъ однообразнаго въ смыслѣ поддержки Правительства явилось бы чрезвычайно опаснымъ и сдѣлало бы положеніе нашихъ армій безумно тяжелымъ, при которомъ легко могъ бы быть поколебленъ фронтъ. Сейчасъ на фронтѣ спокойно, большевики притихли, фронтовой комитетъ западнаго фронта и съѣздъ крестьянскихъ депутатовъ вынесли резолюцію, что всякое выступленіе большевиковъ и безпорядки будутъ подавляться силою оружія. Почтово-телеграфный союзъ высказался за поддержку Правительства. Телеграммы призывающихъ къ возв[ст]анію противъ Временнаго Правительства не принимались и не передавались. Прибытіе Петроградъ войскъ вѣрныхъ Правительству могло бы дать результатъ [при] пассивности войскъ, возставшихъ противъ Правительства, признаки этого — крайняя вялость и нерѣшимость большевиковъ. Если кандидатура Кишкина непріемлема, то въ такомъ случаѣ можно просить Временное Правительство замѣнить его другимъ лицомъ военнымъ. Если Главковерхъ Керенскій предполагаетъ передать должность Вамъ, то я во имя горячей любви къ Родинѣ умоляю Васъ разрѣшить мнѣ передать объ этомъ Временному Правительству, съ которымъ есть у меня связь, Васъ жене останавливать отданныхъ распоряженій о движеніи войскъ, назначенныхъ въ Петроградъ. Я убѣжденъ, что при надлежащей организаціи все обойдется безъ особыхъ кровопролитій, зато будетъ сохраненъ неприкосновенности фронтъ и Вамъ какъ будущему Главковерху не придется считаться съ весьма тяжелыми . . .

Извиняюсь Николай Николаевичъ, меня давно уже зовутъ, можно ли будетъ Васъ вызвать часа черезъ два.

Я считалъ только своимъ долгомъ освѣтить Вас[м]ъ, всю обстановку и возможныя послѣдствія, минута слишкомъ серьезная и отвѣтственная передъ Родиной.

Сейчасъ меня снова зовутъ, часа черезъ два я Васъ долженъ буду вызвать, пока все, что говорилось держите про себя, но имѣйте въ виду, что Временнаго Правительства въ Петроградѣ уже нѣтъ. Пока до свиданія. Черезъ два часа мнѣ будетъ крайне необходимо Васъ вызвать.

Слушаю, черезъ два часа я буду у аппарата, но содержаніе ленты извѣстно комитету, который находится тутъ-же въ одной комнатѣ со мной.

Отъ комитета это не секретъ, я говорю въ смыслѣ сношеній Вашихъ съ оставшимися въ Петроградѣ членами Временнаго Правительства.

[XXIII, XXIV. РАЗГОВОРЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ЗАПАДНЫМЪ ФРОНТОМЪ, ГЕН. БАЛУЕВА, СО СТАВКОЙ 25-го Октября между 10 ч. в. и 1 часомъ н.]

— Разговоръ Начвосоверха съ Главкозапомъ.

— У аппарата по порученію Наштаверха Начвосоверх проситъ къ аппарату Главкозапа.

У аппарата Главкозап. Здравствуйте Николай Іосифовичъ. Сейчасъ меня вызвалъ къ аппарату Черемисовъ сообщилъ, что въ Петроградѣ вся власть [перешла] въ руки революціоннаго комитета, генералъ губернаторъ[омъ] Петрограда назначенъ Кишкинъ и такъ какъ онъ кадетъ, то посылка войскъ въ Петроградъ является безцѣльной и даже вредной, такъ какъ очевидно войска на сторону Кишкина не станутъ и просилъ меня объединить дѣйствія [и] взгляды на ближайшее будущее хотя бы двухъ фронтовъ сѣвернаго и западнаго, на это я ему отвѣтилъ очень жаль, что ваши войска участвуютъ въ политикѣ мы присягали Временному Правительству и не наше дѣло разсуждать [со]стоитъ ли Петроградскимъ губернаторомъ Кишкинъ или другой кто, а должны принять всѣ мѣры къ тому, чтобы сохранить свой фронтъ, чтобы не прибавить къ разрухѣ въ Россіи прорыва его нѣмцами и я не понимаю о какомъ объединеніи фронтовъ онъ говоритъ, такъ [какъ] объединеніе это должно быть сосредоточено въ Ставкѣ, гдѣ по закону въ случаѣ отсутствія Главковерха долженъ дѣлать Наштаверх, что у меня на фронтѣ пока все спокойно большевики притихли, а фронтовой комитетъ и съѣздъ крестьянскихъ депутатовъ вынесли резолюцію, что всякое выступленіе большевиковъ и безпорядки будутъ подавляться силою оружія, вотъ что хотѣлъ я доложить Николай Николаевичу и въ то же время просить оріентировать меня и дать указанія, если вы это можете сдѣлать то буду очень вамъ благодаренъ.

[XXIV]

— У аппарата Главкозап.

А... очень прошу извинить за задержку. Вашу депешу докладывалъ Наштаверху, который непрерывно продолжаетъ говорить съ Главкосѣвомъ. Для Наштаверха переданное Вами явилось полной неожиданностью. По окончаніи разговора съ генераломъ Черемисовымъ Наштаверхъ передастъ соотвѣтствующія указанія. Связь съ Временнымъ Правительствомъ въ Петроградѣ все время была.

<Если> больше я ничего не имѣю сказать я только опасаюсь, чтобы сѣверный фронтъ не испортилъ мнѣ всего дѣла и не колыхнулъ бы моего фронта, необходимы быстрыя и рѣшительныя дѣйствія Николая Николаевича, чтобы удержать Главкосѣва въ должныхъ границахъ, и чтобы сѣверный фронтъ [не] отдѣлился въ своихъ воззрѣніяхъ и дѣйствіяхъ отъ насъ. Я копію разговора приблизительно пришлю завтра съ нарочнымъ. Ожидаю указаній, а пока имѣю честь кланяться, желаю всего лучшаго, привѣтъ Николаю Николаевичу[;] въ пятницу я чуть чуть было не отдалъ Богу душу, или камни и[ли] воспалилась слѣпая кишка, только сегодня всталъ съ постели, еще разъ желаю Вамъ всего лучшаго. До свиданія. Балуевъ.

[XXV. КОПІЯ РАЗГОВОРА ГЕН. БАЛУЕВА СЪ ГЕН. ЧЕРЕМИСОВЫМЪ, сообщенная въ Ставку]

— Разговоръ генерала Балуева съ генераломъ Черемисовымъ

— У аппарата Главкозап.

Здравія желаю. У аппарата Главкосѣв. Благоволите сообщить извѣстны ли вамъ Петроградскія событія и какъ на нихъ реагируютъ арміи западнаго фронта.

— Здравствуйте, извѣстны. У меня на фронтѣ пока все спокойно. Фронтовой комитетъ, армейскіе комитеты и съѣздъ крестьянскихъ депутатовъ вынесли резолюцію о вѣрности Временному Правительству, поддержкѣ его и о прекращеніи всякихъ выступленій крайнихъ лѣвыхъ и безпорядковъ силою оружія. Какихъ либо безпорядковъ на этой почвѣ я не ожидаю, хотя, фронтъ главнымъ образомъ большевицкій и съ моей стороны приняты мѣры къ тому, чтобы предупредить эти безпорядки. Точности, что творится Петроградѣ мнѣ неизвѣстно, знаю только что тамъ очень скверно, что туда отъ васъ посланы войска. Связь со Ставкой держу, если, что вамъ извѣстно подробнѣе, то буду благодаренъ если сообщите.

— Временное Правительство прежняго состава фактически не существуетъ, власть находится въ рукахъ революціоннаго комитета, войска Петроградскаго гарнизона за ничтожнымъ исключеніемъ оказались не на сторонѣ Временнаго Правительства. Нѣкоторые члены котораго арестованы, гарнизономъ заняты правительственныя учрежденія[;] съ Петроградомъ прервана связь. На сѣверномъ фронтѣ въ данную минуту объединившіяся организаціи фронта и тыла вырабатываютъ резолюцію, которую я вамъ сейчасъ же пришлю. На фронтѣ у насъ пока спокойно, постановленіе организаціи фронта ожидается не въ пользу Временнаго Правительства прежняго состава, но и захватъ власти совѣтами, также у большинства не встрѣчаетъ сочувствія. По послѣднимъ свѣдѣніямъ генералъ-губернаторъ[омъ] Петрограда назначенъ, безъ участія Керенскаго, кадетъ Кишкинъ, въ силу этого обстоятельства посылка войскъ въ Петроградъ является безцѣльной и даже вредной, такъ какъ очевидно войска на сторону Кишкина не станутъ. Было бы желательно во избѣжаніе анархіи объединить дѣйствія и взгляды на ближайшее будущее, хотя бы двухъ фронтовъ сѣвернаго и западнаго, вотъ это я хотѣлъ вамъ все доложить, дабы вы были оріентированы въ обстановкѣ.

— Очень жаль, что ваши войска участвуютъ въ политикѣ, мы присягали Временному Правительству и не наше дѣло разсуждать состоитъ ли Петроградскимъ губернаторомъ Кишкинъ или кто другой, а должны принять всѣ мѣры во первыхъ къ тому, чтобы сохранить свой фронтъ, чтобы не прибавить разрухи въ Россіи и прорыва его нѣмцами, а во вторыхъ я считаю большимъ несчастіемъ для Россіи, если власть будетъ захвачена такими безотвѣтственными партіями какъ большевиковъ, такъ какъ тогда будетъ анархія и гибель Россіи неизбѣжна, что же касается до объединенія фронтовъ, то это объединеніе должно быть сосредоточено въ Ставкѣ, гдѣ по закону въ случаѣ отсутствія Главковерха, всѣ распоряженія долженъ дѣлать Наштаверх, такъ что я не понимаю о какомъ объединеніи вы говорите нашихъ фронтовъ. То что вы сообщили о Петроградѣ мнѣ извѣстно.

— Все, что я вамъ сообщилъ не слухи, а достовѣрные факты. Временнаго Правительства не существуетъ. Министръ Предсѣдатель Керенскій отъ власти

устранился, власть и Петроградъ находятся всецѣло въ рукахъ революціоннаго совѣта, назначеніе Кишкина генерал-губернаторомъ вызвало немедленое запятіе штаба округа войсками. Донскіе полки не исполнили отданнаго имъ приказанія выступить на защиту Временнаго Правительства и остались въ Петроградѣ въ своихъ казармахъ, броневики перешли на сторону войскъ революціоннаго комитета. По нѣкоторымъ имѣющимся у меня даннымъ, указаній соотвѣтствующихъ обстановкѣ не [и] я, не [и] вы не можемъ получить изъ Ставки, такъ какъ судя по ея послѣднимъ телеграммамъ она не оріентирована въ положеніи дѣлъ, сейчасъ я буду говорить съ Духонинымъ и оріентирую его въ положеніи дѣлъ. Фронтъ конечно долженъ быть удержанъ противъ непріятеля, потому я и говорю о необходимости объединить дѣйствія хотя бы двухъ фронтовъ.

— Я употреблю всѣ силы къ тому, чтобы арміи несмотря ни на какую разруху въ Россіи знали бы только одно это удержать нѣмцевъ въ случаѣ ихъ наступленія, несмотря на то есть ли (въ телеграм. если) [sic!] и какое Временное Правительство, затѣмъ то, что Петроградъ въ рукахъ большевиковъ и Временное Правительство арестовано еще не значитъ, что все потеряно, такъ какъ кромѣ Петрограда имѣется обширная Россія и еще вопросъ, какъ она посмотритъ на все это, во всякомъ случаѣ я какъ солдатъ настоящее время признаю для насъ только одну политику — спасеніе Россіи отъ нѣмцевъ, и въ этомъ буду съ вами солидаренъ.

— Къ сожалѣнію вопросъ не ограничивается оперативной стороной, какъ бы мы сами этого не желали и вы вскорѣ убѣдитесь въ этомъ, такъ какъ комиссаръ сѣвернаго фронта несомнѣнно будетъ говорить съ вашимъ комиссаромъ, а наши комитеты съ вашими комитетами. Я считаю при настоящемъ положеніи дѣлъ, которое мнѣ достовѣрно извѣстно, мы не имѣемъ права уклоняться отъ политики и не считаться съ политическимъ настроеніемъ массы, мы обязаны съ этимъ настроеніемъ считаться, дабы фронтъ не оказался открытымъ для противника, сообщу вамъ дополнительные данные или попрошу Духонина сдѣлать это. Извиняюсь за безпокойство, пока имѣю честь кланяться.

— Напротивъ я очень радъ, что вы меня вызвали къ аппарату, но все-таки скажу на это, что я буду ждать указаній отъ Ставки. Мнѣ рѣшительно все равно кто будетъ стоять въ Временномъ Правительствѣ, лишь бы оно было и лишь бы оно уничтожило эту разруху царствующую въ Россіи. Я самъ хотѣлъ говорить съ Духонинымъ, но сейчасъ получилъ отъ него по аппарату, что онъ говоритъ съ Петроградомъ и проситъ обождать. Имѣю честь кланяться. Балуевъ.

— До свиданія. Черемисовъ.

[XXVI. РАЗГОВОРЪ ВЫРУБОВА СЪ ПОЛИТИЧЕСКИМЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА поздно вечеромъ 25-го Октября]

— Пригласите гр. Толстого*, проситъ понаштаверх.

Сижу у аппарата прапорщикъ Толстой и подпоручикъ Шеръ**.

На сѣв. фронтѣ происходитъ что-то непонятное, нѣсколько тревожное.

---

* Пом. начальника Политическаго Управленія Военнаго Министерства.

** Начальникъ Полит. Управленія Военнаго Министерства.

Главкосѣв, который сейчасъ говорилъ по аппарату съ Наштаверхом, сказалъ, что он отмѣняетъ посылку войск на Петроградъ, ссылаясь на то, что генералъ-губернаторомъ Петрограда назначенъ Кишкинъ кадетъ и что вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства Кишкину довѣрія нѣтъ. Главкосѣвъ говорилъ съ Главкозапом желая установить общую точку зрѣнія от[ъ]чего Главкозап рѣшительно отказался указать[въ], что общая точка зрѣнія устанавливается Ставкой. Главкосѣв сказалъ, что Керенскій отъ власти и командованія устранился и что командованіе будетъ передано ему Черемисову. Мы этому не вѣримъ и совмѣстно с армейским комитетом сейчас выясняем обстановку у Комиссарсѣва [и] Искомсѣва. Только-что я говорил с Іорданским там все спокойно, всѣ дѣйствуют согласно и готовы поддержать Временное Правительство. Главкозап также указывает, что большевики притихли.

Я говорил между 9 и 10-ю часами вечера с Войтинским очень подробно и между прочим о Кишкинѣ и о посылкѣ войск в связи с тѣм, что я ему передал об осадѣ Зимняго Дворца и отношеніи циксорсода*. Войтинскій увѣрил меня, что Главкосѣв навѣрное измѣнит свое рѣшеніе относительно пріостановки отправки войск, что я передал циксорсоду, который сейчас собрал засѣданіе в Город. Думѣ, куда [поѣхалъ] Шер. Был ли разговор Наштаверха с Главкосѣвом [до то]го или послѣ того[?] Войтинскій во всяком случаѣ при сочувственном отношеніи циксорсон[д]а обѣщал всяческое содѣйствіе прибытіе[ю] войск с фронта, первые их эшелоны сегодня остановились в 70-ти верстах перед Петроградом. Принимаем мѣры, чтобы встрѣтить и информировать. Совершенно не понимаем, откуда могли быть у Главкосѣва свѣдѣнія об отказѣ Керенскаго от командованія и тѣм болѣе о передачѣ власти ему. Об этом не было и рѣчи. Настроеніе у правительства и Кишкина, с которым я долго говорил, около 19-ти часов, самое твердое в том смыслѣ, чтобы не капитулировать на предъявляемые ультиматумы, пока есть средства бороться. Сам Ал. /Гр и Ф/ Дрч. [Александръ Федоровичъ] уѣхали[лъ] около 12-ти часов дня из Зимняго Дворца, по имѣющимся свѣдѣніям, навстрѣчу войскам. Не вошел ли он в связь с Вами. Нельзя ли поговорить по проводу также с Полянским. Послѣднія свѣдѣнія Городская дума в полном составѣ, кромѣ большевиков, отправилась в Зимній Дворец с намѣреніем раздѣлить судьбы и отвѣтственность с Правительством, орудійная стрѣльба сейчас пріостановилась.

[XXVII. РАЗГОВОРЪ СТАВКИ СЪ ПОЛИТ. УПРАВЛЕНІЕМЪ ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА около 1 часа н. въ ночь съ 25-го на 26-ое Октября]

— У аппарата подпоручикъ Шеръ.

— Не можете ли вы сказать обстановку даннаго момента въ Петроградѣ.

Обстановка такова: Невскій до Мойки свободенъ для движенія[,] отъ Мойки и до Зимняго Дворца и кругомъ замыкая и вправо и влѣво на Неву Зимній Дворецъ былъ оцѣпленъ, никого не пропускали патрули матросовъ и солдатъ Петроградскихъ полковъ, остальныя улицы свободны для движенія въ частности трамвайнаго, вокзалы заняты возставшими войсками, которыя патрулируютъ по улицамъ задерживая неимѣющихъ документовъ. Около Смольнаго Института, гдѣ помѣщался штабъ возставшихъ войскъ дежурятъ два броневика и нѣсколь-

* Центральный исполнительный комитетъ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

ко пулеметовъ на автомобиляхъ, въ общемъ же на улицахъ спокойно, столкновеній въ теченіе дня почти не было и толпа въ трамваяхъ на улицахъ вы[по]ражаетъ своимъ безразличіе[іемъ къ] происходящее[му]; въ Думѣ сейчасъ засѣдаетъ комитетъ спасенія революціи, составленный изъ представителей думы и той части центральнаго комитета, которая удалилась изъ Смольнаго института порвавъ съ большевиками, возставшіе поддерживаютъ порядокъ и дисциплину, случаевъ разгрома или погромовъ не было совсѣмъ[,] наоборотъ патрули возставшихъ задерживали шатающихся солдатъ торгующихъ папиросами и на Александровскомъ рынкѣ, фактическое соотношеніе силъ таково, что до поздняго вечера, когда началась осада Зимняго Дворца, возваніе [возстаніе] проходило безкровно; подходя къ тому или иному зданію, охраняемому правительственнымъ патрулемъ, возставшіе снимали его безъ всякого сопротивленія, планъ возв[ст]анія былъ несомнѣнно заранѣе разработанъ и приводился неуклонно и стройно. Комитетъ спасенія революціи въ данное время никакими силами не обладаетъ, но можетъ разсчитывать на части, идущія съ фронта. Сутки тому назадъ штабъ округа долженъ былъ констатировать, что онъ опирается лишь на женскій баталіонъ, двѣ-три роты юнкеровъ, роту ударниковъ и группу офицеровъ, пришедшихъ изъ госпиталей; броневыя машины заявили, что не желаютъ активно бороться за Временное Правительство и къ утру ушли; три казачьихъ полка, находящихся въ Петроградѣ въ теченіе всей ночи вели переговоры относительно своего прихода къ Зимнему Дворцу и къ утру прислали двѣ три сотни, разсѣявшіяся къ сегодняшнему вечеру. Крейсеръ Аврора, подошедшій къ Николаевскому мосту обстрѣливалъ Зимній Дворецъ; въ общемъ въ началѣ возставшіе не проявили большой рѣшимости и лишь только почувствовали отсутствіе сопротивленія [. . . . .] большевики растерянно ищутъ поддержку въ другихъ слояхъ говоря о совмѣстной работѣ. Ленинъ выступая сегодня въ Петроградскомъ совѣтѣ заявилъ, что немедленнаго мира ждать невозможно и рѣшительная политика мира не означаетъ немедленнаго прекращенія войны; какъ сложится власть сказать трудно, но можно предвидѣть, что соціалисты революціонеры меньшевики кооператоры и все что вправо отъ нихъ принимать участія въ власти не буде[у]тъ[,] этимъ объясняется уходъ изъ Смольнаго института меньшевиковъ и есеровъ, порвавшихъ съ повстанцами. Шеръ.

— Гдѣ сейчасъ члены Временнаго Правительства.

Они были въ Зимнемъ Дворцѣ и были арестованы часъ тому назадъ[;] гдѣ находятся не знаю. Министръ Прокоповичъ былъ арестованъ днемъ, но затѣмъ освобожденъ[;] всѣ [ли] члены Временнаго Правительства [арестованы] сказать не могу точно, ибо въ Зимнемъ Дворцѣ находилось большинство, но не всѣ.

Кто у насъ сейчасъ Главковерх.

Александръ Федоровичъ Керенскій.

Гдѣ онъ.

Мнѣ только что сообщилъ Вырубовъ, что онъ въ Псковѣ. Намъ было извѣстно, что онъ выѣхалъ навстрѣчу войскамъ, идущимъ съ фронта.

Извѣстно ли вамъ, что генералъ Черемисовъ остановилъ посылку въ Петроградъ поѣздъ[а] <движенія>, коему было приказано произвести распоряженіе Главковерха Керенскаго.

Да извѣстно, но комиссарсѣвъ передавалъ, что его [это] распоряженіе Главкосѣва было фактически отмѣнено, ибо поѣзда продолжали идти, провѣрить это не могли.

Какъ реагируетъ Военное Министерство на смѣщеніе Временнаго Правительства упраздненія[е] совѣта Республики и захватъ власти большевиками.

Военное Министерство случайно не занято еще возставшими войсками и проводъ является должно быть единственнымъ въ Петроградѣ не захваченнымъ[;] здѣсь сейчасъ находятся лишь офицеры политическаго управленія, рѣшившіе отказаться отъ всякой работы въ случаѣ захвата власти здѣсь въ управленіи. Гугши * и Главный штабъ заняты возставшими еще днемъ. Управляющій Военнымъ Министерствомъ генералъ Маниковскій былъ на засѣданіи Временнаго Правительства и очевидно арестованъ.

Благодарю васъ, вполнѣ оріентированъ.

Честь имѣю кланяться. Шеръ.

[XXVIII. РАЗГОВОРЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ЗАПАДНЫМЪ ФРОНТОМЪ СО СТАВКОЙ въ ночь съ 25-го на 26-ое Октября]

— Сейчасъ изъ Петрограда получилъ нѣсколько телеграммъ отъ военно-революціоннаго комитета, который сообщаетъ, что Зимній Дворецъ взятъ, Министры арестованы и революціонный комитетъ вмѣстѣ съ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и Петроградскимъ гарнизономъ призналъ власть военно-революціоннаго комитета, который требуетъ оповѣстить объ этомъ всѣхъ солдатъ армій фронта и тыла и кто будетъ противъ этого, тѣхъ немедленно арестовать. Программа новой власти немедленное предложеніе демократическаго мира, немедленная передача земель крестьянамъ, передача всей власти совѣтамъ и созывъ Учредительнаго Собранія, народно-революціонная армія должна не допустить <съ фронта войсковыхъ частей> отправки частей съ фронта въ Петроградъ и требуетъ этотъ свой приказъ объявить всѣмъ войскамъ немедленно. Что Временное Правительство арестовано видно изъ телеграммы центральнаго почтоваго комитета; изъ Москвы же имѣется телеграмма, что она порвала связь Петроградомъ[а] съ провинціями. Я прошу дать указанія Ставки и немедленно, такъ какъ телеграммы военно-революціоннаго комитета скрыть отъ войскъ не могу.

— Временное Правительство дѣйствительно арестовано за исключеніемъ Главковерха Керенскаго, который по словамъ генерала Черемисова пріѣхалъ въ Псковъ и приказалъ остановить движеніе войскъ на Петроградъ, имѣя въ виду, что въ Петроградѣ среди Временнаго Правительства поднялось вліяніе кадетъ. Я должна [доложу] сейчасъ вашу телеграмму Наштаверху. Долженъ сказать, что Ставка еще не получала никакихъ указаній отъ власти, которая нынѣ смѣнила Временное Правительство. Такъ какъ въ теченіе сегодняшняго дня изъ одиннадцатой[и] армій девять высказалось за поддержку Временнаго Правительства, то Ставка не можетъ взять на себя отвѣтственность рѣшать вопросы не согласовавъ ихъ съ желаніями армій. Пока больше ничего отвѣтить не могу.

Да, но мнѣ этого мало. Я считаю, что мы должны [быть] объединены Ставкой, нельзя, чтобы каждый фронтъ дѣйствовалъ самостоятельно, поэтому я прошу васъ доложить Николаю Николаевичу, что я буду ждать отъ него указаній сейчасъ. Балуевъ.

---

* Главное Управленіе Генеральнаго Штаба.

Позвольте васъ еще спросить, имѣете ли вы въ вашемъ распоряженіи войсковыя части, которыя безусловно поддержали бы Временное Правительство.

Ни за одну часть [поручиться] не могу, большинство же частей безусловно не поддержитъ, даже за <тѣ> части, которыя находятся около меня и тѣ годны развѣ только для того, чтобы остановить погромы и безпорядки, но для поддержки Временнаго Правительства навряд ли онѣ пригодны.

Слушаю я сейчасъ пойду докладывать.

— Будемъ ждать.

[XXIX]

— Здѣсь штабофицеръ для порученій при Главкозапѣ, капитанъ Корніевскій.

[Изъ] Ставки В. Г. 7936, Прбо 26/X Главкозапу.

— Ставка до сихъ поръ не имѣетъ никакихъ данныхъ судить о томъ, какая именно правительственная власть установилась въ Петроградѣ. До получ.[енія] оффиціаль.[ныхъ] данныхъ считаемъ, что мы не вправѣ скрывать отъ войскъ происходящихъ[ее] въ Петроградѣ, давая имъ разъясненіе при посредствѣ комитетовъ и сохраняя при этомъ должное спокойствіе и цѣлость фронта и избѣгая междуусобной брани. 7936. Духонинъ. 26 октября 1917 года.

— Передано лично въ руки Главкозапу офицеромъ для порученій, капитаномъ Корніевскимъ.

[XXX. РАЗГОВОРЪ СТАВКИ СЪ ШТАБОМЪ РУМЫНСКАГО ФРОНТА въ ночь съ 25-го на 26-ое Октября]

— Разговоръ генерала Незманова [Незнамова] съ генераломъ Дитерихсомъ.

— У аппарата генералъ-маіоръ Незмановъ [Незнамовъ].

У аппарата генералъ Дитерихсъ. Поздно вечеромъ 25-го члены Временнаго Правительства были арестованы въ Зимнемъ Дворцѣ возставшими Петроградѣ войсками. Повидимому настоящее время Петроградѣ формируется новое Правительство въ лицѣ военно-революціоннаго совѣта лозунгами котораго будутъ немедленный миръ и земля. Пока Ставка никакихъ оффиціальныхъ увѣдомленій отъ новаго Правительства не получала. Въ [Изъ] членахъ[овъ] прежняго Правительства Главковерх Керенскій по сообщенію генерала Черемисова пріѣхалъ 25-го Псковъ и остановилъ движеніе въ Петроградъ войскъ которыя были посланы съ сѣвернаго фронта, причиной этой отмѣны по словамъ генерала Черемисова послужило то обстоятельство, что среди членовъ Временнаго Правительства, остававшагося Петроградѣ значительное вліяніе перешло къ кадетамъ. При наличіи этой обстановки Ставка желаетъ получить отъ васъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ имѣются ли на вашемъ фронтѣ войсковыя части, которыя настоящій моментъ безусловно пошли бы на выручку Временнаго Правительства.

— Телеграммъ съ постановленіями армейскихъ комитетовъ пока не поступало, всѣ арміи запрошены; по телеграммѣ комиссарум[а] Тизенгаузена комиссарам всѣмъ и армком сообщается, что при штабѣ фронта сформированъ революціонный комитетъ, по[у]становлено наблюденіе за телеграфомъ приняты мѣры противъ случайнаго захвата его. Комитетъ предлагаетъ армейскимъ организаціямъ принять мѣры для сохраненія спокойствія на фронтѣ и обезпеченія сообщенія. На вечернемъ собраніи рѣшено организовать [на] фронтѣ дивизію изъ отборнѣй-

шихъ товарищей, рекомендованныхъ комитетами [съ] лозунгомъ Учредительное Собраніе[;] во что бы то ни стало не допустить попытки съ чьей либо стороны срыва выборовъ. Выборы должны начаться и закончиться въ указанные сроки. — Сейчасъ вызванъ сюда комиссара[ъ]. Въ Одессѣ городѣ пока спокойно, воспрещена[ы] сборщина [сборища] на улицахъ, назначены конные дозоры и съ [изъ] округовъ тревожныхъ донесеній нѣтъ.

— Я васъ спрашиваю не о томъ, Учредительное Собраніе будетъ обѣщано и новымъ Правительствомъ. Я же хочу получить отвѣтъ вполнѣ опредѣленный если [есть ли] у васъ на фронтѣ войсковыя части, которыя при настоящей обстановкѣ будучи двинуты на Петроградъ пошли бы безусловно на выручку прежняго Временнаго Правительства.

— Какъ я доложилъ опредѣленныхъ донесеній пока не поступило[.] личныхъ[о] думаю, что конница, которой до сихъ поръ не было никакихъ эксцессовъ исполнитъ приказаніе если таковое будетъ. Комиссаръ, который сейчасъ пріѣдетъ и который имѣлъ разговоръ съ комиссарами дастъ свѣдѣнія о другихъ частяхъ. Все.

— А скоро подойдетъ комиссаръ сюда къ аппарату.

Онъ сказалъ, что сейчасъ будетъ, живетъ близко.

Хорошо я подожду его у аппарата.

Комиссару звонилъ еще разъ по телефону. Комиссаръ прибылъ у аппарата здѣсь.

— Будьте добры дать комиссару мой вопросъ и оцѣнивъ все въ немъ изложенное дать опредѣленный отвѣтъ.

— У аппарата комиссаръ Румфронта Тизенгаузенъ. Генералъ-квартирмейстеръ мнѣ передалъ содержаніе вашего вопроса[;] мое глубокое убѣжденіе, что двинуть съ фронта войска для защиты лицъ самаго Правительства едва ли возможно, хотя безусловно нашлась можетъ быть часть, которая пошла бы безпрекословно при такихъ условіяхъ. Въ защиту Учредительнаго Собранія и для противодѣйствія попыткамъ срыва безусловно станетъ весь фронтъ и если бы послѣднее[му] грозила бы серьезной[ая] опасность<ю> за фронтъ можно было бы быть совершенно спокойнымъ. Въ этой плоскости вчера обсуждался вопросъ мѣстной фронтовой организаціей, гдѣ и высказывались подобныя соображенія. Свѣдѣній изъ армій пока еще не имѣю, вчера всѣ комиссары мною информированы, посвящены въ нашъ планъ созданій[я] особой воинской части для посылки въ Петроградъ и они должны были въ самомъ экстренномъ порядкѣ созвать совѣщаніе армейскихъ комитетовъ для выясненія опредѣленныхъ резолюцій; съ ихъ словъ можно заключить, что защита Учредительнаго Собранія весьма популярна. Составъ прежняго Правительства не особенно популяренъ въ войскахъ и какъ таковой мало интересуетъ солдатъ. Вотъ пока все, что могу сказать.

[XXXI. РАЗГОВОРЪ СТАВКИ СЪ ШТАБОМЪ ЮГО-ЗАПАДНАГО ФРОНТА]

— У аппарата Генкварюз.

У аппарата генералъ Дитерихсъ. Поздно вечеромъ 25-го члены Временнаго Правительства были арестованы въ Зимнемъ Дворцѣ возставшими Петроградѣ войсками. Повидимому настоящее время Петроградѣ формируется новое Правительство въ лицѣ военно-революціоннаго совѣта лозунгами котораго будутъ немедленный миръ и земля. Пока ставка никакихъ оффиціальныхъ увѣдомленій

отъ новаго Правительства не получала, и въ [изъ] членахъ[овъ] прежняго Правительства Главковерх Керенскій по сообщенію генерала Черемисова пріѣхалъ 25-го Псковъ и остановилъ движеніе въ Петроградъ войскъ, которыя были посланы съ сѣвернаго фронта причиной этой отмѣны по словамъ генерала Черемисова послужило то обстоятельство, что среди членовъ Временнаго Правительства, оставшагося Петроградѣ значительное вліяніе перешло къ кадетамъ. При наличіи этой обстановки Ставка желаетъ получить отъ васъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ имѣются ли на вашемъ фронтѣ войсковыя части, которыя настоящій моментъ безусловно пошли бы на выручку Временнаго Правительства.

— Разговоръ Наштаюза съ генераломъ Дитерихсъ.

— Проситъ Наштаюз.

У аппарата генералъ Дитерихсъ.

Здравствуйте Михаилъ Константиновичъ. Главкоюзу неясно въ вашемъ разговорѣ съ генкварюзом слѣдующее: вы говорите, что Главковерх въ Псковѣ между тѣмъ по свѣдѣніямъ нашего искомитюза, полученнымъ отъ исполнительнаго комитета Ставки всѣ члены Временнаго Правительства арестованы другими словами арестованъ Министръ Главковерх Керенскій. Кромѣ того по тѣмъ же свѣдѣніямъ Черемисовъ отказывается исполнить приказаніе Наштаверха; наконецъ вы говорили, что среди членовъ Временнаго Правительства, оставшагося Петроградѣ значительное вліяніе перешло кадетамъ. Разъ войска сѣвернаго фронта, направлявшіяся Петроградъ были остановлены Главковерхом непонятенъ вашъ запросъ относительно возможности посылки войскъ нашего фронта, которыя могли бы въ настоящій моментъ безусловно пойти на выручку Временнаго Правительства. Все.

— Неужели вы два часа меня держали у аппарата для того, чтобы провѣрять мои сообщенія и въ концѣ концовъ не дать прямого со[от]вѣта на вопросъ я вамъ не говорилъ о посылкѣ войскъ куда нибудь и какія причины моего запроса вами[ъ] очевидно не понятны. Намъ надо было знать если [есть ли] у васъ части въ которыхъ при наличіи указанной мною обстановки можно было бы быть увѣреннымъ безусловно, что они пойдутъ.

— Передалъ Главкоюзу ваши слова онъ проситъ васъ обождать еще; что же доложить Главкоюзу, что вы обождете.

— Вашъ отвѣтъ меня вполнѣ удовлетворилъ и потому я не вижу причины почему еще мнѣ нужно ждать.

— Передалъ вамъ исключительно просьбу Главкоюза. Сейчасъ Генкварюз пошелъ къ Главкоюзу спросить причину просьбы обождать. Сейчасъ дамъ отвѣтъ. Главкоюз просилъ васъ подождать не въ томъ смыслѣ, чтобы вы стояли у аппарата, а хотѣлъ получивъ отъ васъ отвѣтъ болѣе опредѣленно освѣщающе[ій] обстановку поговорить съ военнымъ комиссаромъ, котораго онъ ждетъ съ минуты на минуту. У Главкоюза сейчасъ членъ искомитюза ждетъ только военнаго комиссара и сейчасъ приглашаемъ члена правленія казаковъ.

Могу оріентировку и сейчасъ вамъ сказалъ если хотите.

Прошу передать.

Въ теченіе 25-го октября возставшія части Петроградскаго гарнизона при почти полной пассивности какъ общества, такъ и войска, вѣрныхъ Правительству занимали одно правительственное учрежденіе за другимъ. Въ одиннадцать часовъ утра Главковерх выѣхалъ на автомобилѣ изъ города какъ намъ передано изъ Зимняго Дворца для встрѣчи шедшихъ въ Петроградъ войскъ сѣвернаго фронта оставивъ въ Зимнемъ Дворцѣ всѣхъ остальныхъ членовъ Временнаго

Правительства нѣкоторыхъ членовъ Военнаго Министерства чиновъ штаба округа и нашего Комиссарверха съ которымъ мы имѣли связь до десяти вечера. Подъ вечеръ генералъ Черемисовъ сообщилъ Наштаверху, что Главковерх пріѣхалъ въ Псковъ отказался отъ своихъ полномочій и предлагалъ назначить Главковерхом генерала Черемисова. Вѣроятно около одиннадцати часовъ вечера осажденные въ Зимнемъ Дворцѣ члены Временнаго Правительства послѣ незначительной перестрѣлки были арестованы. Совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ повидимому раздѣлился меньшевики эс-эры и тѣ, кто правѣе примкнули къ членамъ городской думы, и образовали совѣтъ спасенія революціи а крайніе лѣвые вмѣстѣ съ военно-революціоннымъ комитетомъ объявили Временное Правительство низложеннымъ и власть перешл[а]<шая> въ руки этого совѣта. Мы знаемъ объ этомъ не отъ новой власти установившейся въ Петроградѣ, отъ которой до сихъ поръ указаній не получали. Отъ Главкозапа знаемъ, что имъ получена изъ Петрограда отъ военно-революціоннаго комитета телеграмма съ приказаніемъ немедленно объявить войскамъ о происшедшемъ переворотѣ и потребовать отъ войскъ подчиненія. Наштаверх при такихъ условіяхъ далъ указанія двѣ точки [sic!] не имѣя лично увѣдомленія отъ новой власти изъ Петрограда онъ предлагаетъ ничего не скрывать отъ войскъ изъ того, что дѣлается въ Петроградѣ, давая имъ соотвѣтственныя разъясненія при посредствѣ комитетовъ и комиссаровъ, сохранять спокойствіе, дабы не вызвать войскахъ междоусобицы и сохранить на фронтѣ положеніе. Вотъ все, что я могу сказать.

— Вчера вечеромъ у Главкоюза было освѣщеніе [совѣщаніе] подробности котораго мнѣ неизвѣстны. Но знаю, что правленіе нашихъ казаковъ получило отъ правленія изъ Кіева указанія принять мѣры по охранѣ штаюз и для установленія дежурства на телеграфѣ, дабы не допускать никого постороннихъ. Сейчасъ вашъ разговоръ доложу Наштаюзу и дамъ исчерпывающій отвѣтъ. Генералъ Махровъ.

Я буду ждать отвѣта у аппарата.

Хорошо.

[XXXII. ТЕЛЕГРАММА КОМИССАРА СѢВЕРНАГО ФРОНТА ВЪ СТАВКУ]

Говоритъ Комиссарсѣв Войтинскій. Передаю копію приказа Главковерх Главкосѣву. Эта копія должна быть передана Наштаверху.

Приказываю съ полученіемъ сего продолжить перевозку 3 коннаго корпуса къ Петрограду 315. Верховный Главнокомандующій Керенскій. 26 окт. 5 ч. 30 м.

[XXXIII. РАЗГОВОРЪ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ВЕРХ. ГЛАВНОКОМ. СЪ НАЧАЛЬНИКОМЪ ШТАБА СѢВЕРНАГО ФРОНТА утромъ 26-го Октября]

— Разговоръ генерала Лукирскаго съ генераломъ Духонинымъ.

— Наштасѣв Лукирскій у аппарата.

Генералъ Духонинъ у аппарата. Здравствуйте, Сергѣй Георгіевичъ, прошу васъ оріентировать меня въ обстановкѣ. У васъ ли Главковерх Керенскій.

Здравія желаю Николай Николаевичъ, доложу сейчасъ, что знаю, такъ какъ полныя свѣдѣнія собираюсь сейчасъ испросить у Главкосѣва какъ

мнѣ имъ указано было вчера. Вчера послѣ отдачи распоряженія по отмѣнѣ движенія войсковыхъ частей къ Петрограду пріѣхалъ Александръ Федоровичъ, который не раздѣляетъ мнѣнія Главкосѣва по [о] необходимости отмѣны движенія назначенныхъ войсковыхъ частей къ Петрограду. Однако передать распоряженіе съ подтвержденіемъ приказа о движеніи на Петроградъ не удалось, такъ какъ у аппаратовъ революціоннымъ комитетомъ, сформировавшимся въ Псковѣ были поставлены особые дежурные члены этого комитета Въ 5 съ половиною часовъ 26-го Александръ Федоровичъ выѣхалъ Островъ вмѣстѣ съ Комкоромъ 3-го коннаго, который пріѣзжалъ въ Псковъ въ 3 часа 26-го. Лично я Главковерха не видѣлъ, а доложилъ мнѣ объ его здѣсь пребываніи генералъ Барановскій, объяснивъ, что Александромъ Федоровичемъ принято рѣшеніе вмѣстѣ съ 3-мъ коннымъ корпусомъ въ полномъ его составѣ слѣдовать первоначально къ Лугѣ. У насъ получены слѣдующія телеграфныя сообщенія: 1) постановленіе фронтоваго казачьяго съѣзда, рѣшительно осуждающаго выступленія большевиковъ и призывающаго все казачество и всѣхъ у кого осталась еще совѣсть и любовь къ Родинѣ къ защитѣ Родины, 2) воззваніе объединенныхъ организацій партіи ес-ер, ес-д, центрофлота, армейскихъ организацій въ Петроградѣ и центральнаго исполнительнаго комитета<,> совдеповъ, призывающаго[ее] къ тому же. У насъ положеніе слѣдующее: 12-я армія рѣшительно и опредѣленно высказалась противъ большевиковъ и заявила, что она употребитъ всѣ свои силы, чтобы покарать бунтующую кучку большевиковъ. 1-я и 5-я арміи заявили, что они за Правительство не пойдутъ, а пойдутъ за Петроградскимъ совѣтомъ. Это я вамъ сообщаю рѣшеніе армейскихъ комитетовъ. Въ Петроградѣ по нашимъ свѣдѣніямъ произошло слѣдующее: Зимній Дворецъ, гдѣ сгруппировалось Временное Правительство послѣ штурма дошедшаго до рукопашной былъ взятъ большевиками и члены Временнаго Правительства отправлены въ Петропавловку. Большевики тѣмъ не менѣе должны праздновать пирровую побѣду, такъ какъ за ними нѣтъ никого, вся организованная демократія стала противъ нихъ, объединившись въ комитетъ народной обороны, въ который вошли и всѣ члены фронтовыхъ организацій находящихся въ Петроградѣ, а равно и весь составъ Думы. Этотъ комитетъ народной обороны выслалъ на всѣ окраины и въѣзды въ Петроградъ своихъ представителей для встрѣчи подходящихъ войскъ, которые къ сожалѣнію не подходятъ. 3-й конный корпусъ изъ района Острова 1-й арміи и Витебска если не продолжаетъ, то будетъ продолжать движеніе[;] распоряженіе объ этомъ Главковерхом отдано категорическое и мы его исполняемъ. Лукирскій.

— Очень вамъ признателенъ. Не можете ли вы точно установить гдѣ сейчасъ находится Главковерх и могу ли войти съ нимъ въ связь черезъ васъ. Необходимо немедленно установленіе этой связи прошу по исполненіи этого мнѣ телеграфировать, тако[ж]е прошу указать, [. . .]

ж[Ж]демъ Главковерха сегодня же въ Псковѣ, куда Главковерхом приказано перемѣститься штабу 3-го коннаго корпуса. Надежд[н]ой связи телеграфной между Псковомъ и Островомъ у насъ нѣтъ, но штасѣв можетъ принять вашу депешу и немедленно отправить ее съ офицеромъ на автомобилѣ навстрѣчу Главковерху. Все.

Хорошо передаю телеграмму. Главковерху Керенскому. — Прошу васъ немедленно по прибытіи штасѣв переговорить со мной по аппарату. Желая вамъ доложить вчера лично я просилъ объ этомъ Главкосѣва, но онъ не призналъ возможнымъ. Полагаю необходимымъ выдвиженіе Петрограду не только

3-го корпуса, но и другихъ назначенныхъ частей[;] конечно придется выѣхать походнымъ порядкомъ, такъ какъ состоялось постановленіе желѣзнодорожнаго союза не перевозить войскъ Петрограду. Очень прошу васъ, Сергѣй Георгіевичъ, послѣднюю фразу со словъ «полагаю необходимымъ» уничтожить и послѣ слова точка поставить мою фамилію. Можно васъ просить повторить эту телеграмму. Ожидаю повторенія начиная съ адреса.

Повторяю телеграмму: Главковерху Керенскому. Прошу васъ, немедленно по прибытіи въ Штасѣв переговорить со мной по аппарату. Желая вамъ доложить вчера лично я просилъ объ этомъ Главкосѣва, но онъ не призналъ возможнымъ. Духонинъ.

Такъ, простите, что я васъ затруднилъ, не откажите уничтожить зачеркнутый кусочекъ ленты. Если что-нибудь узнаете, то очень прошу меня оріентировать. Какое рѣшеніе принялъ Главкосѣв, я всю ночь поджидалъ его вызова.

Главкосѣв въ данный моментъ отдалъ распоряженіе продолжать передвиженіе по желѣзной дорогѣ частей 3-го коннаго корпуса. Посты революціоннаго комитета Главкосѣв приказалъ снять. Дополнительно къ свѣдѣніямъ, доложеннымъ мною о положеніи въ арміяхъ сѣвфронта докладываю еще слѣдующее: комфлотъ проситъ штасѣв не посылать ему шифрованныхъ телеграммъ, ибо такія телеграммы ему съ телеграфа не передаются. Повидимому это обусловлено наличіемъ въ морскихъ телеграфныхъ конторахъ дежурныхъ революціоннаго комитета. Лукирскій.

— Не знаете ли гдѣ находятся самокатные баталіоны, каково положеніе 12-й арміи и поведеніе ея комитета, гдѣ сейчасъ находится комиссарсѣв Войтинскій[,] съ нимъ желали бы переговорить члены общеармейскаго комитета, не можете ли вы его вызвать къ аппарату. Очень буду васъ просить оріентировать меня возможно чаще о передвиженіи войскъ, а также о мѣстонахожденіи Главковерха, если вы будете посылать офицера съ автомобилемъ, то не откажите передать слѣдующую депешу предсѣдателя общеармейскаго комитета.[...]

Самокатные баталіоны по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, полученнымъ еще вчера находятся примѣрно въ 70-ти верстахъ отъ Петрограда и здѣсь пріостановились. О рѣшеніи комитетовъ армій сѣвфронта я уже доложилъ въ началѣ нашего разговора, другихъ свѣдѣній у меня пока нѣтъ. Комиссарсѣв Войтинскій утромъ вмѣстѣ со мною былъ у Главкосѣва и при мнѣ докладывалъ о положеніи въ Петроградѣ, измѣняющемся не въ пользу возставшихъ. Настоящее время Войтинскій куда-то уѣхалъ, я послалъ уже за нимъ и полагаю, что черезъ часъ онъ подойдетъ къ аппарату. За это время на аппаратѣ будетъ говорить съ Петроградомъ генералъ Барановскій, котораго Петроградъ проситъ подойти къ аппарату. Оріентировать васъ буду немедленно во всемъ томъ, что будетъ доходить до меня изъ свѣдѣній объ слагающейся обстановкѣ и мѣстѣ нахожденія Главковерха. Телеграммы, продиктованныя вами на имя Главковерха отошлю съ офицеромъ Александру Федоровичу сейчасъ же. Лукирскій. Все.

— Вѣроятно будутъ приняты мѣры вами по охранѣ Главковерха во Псковѣ, можетъ быть еще добавимъ одну телеграмму Главковерху: Главковерху Керенскому. На фронтѣ армій спокойно. Выступленіе[й] сверхъ обычныхъ эксцессовъ пока нѣтъ, нахожусь полной связи съ Главкофронтами западнымъ юго-западнымъ, румынскимъ и кавказскимъ. На западный фронтъ проникли телеграммы революціоннаго совѣта большевиковъ я приказалъ соблюдать пол-

ное спокойствіе и держаться прочно на позиціяхъ дабы не поколебать фронта. Духонинъ. Очень вамъ признателенъ Сергѣй Георгіевичъ за все вами сообщенное и за вашу помощь, всего хорошаго. Духонинъ.

И вамъ добраго всего Николай Николаевичъ. Лукирскій.

[XXXIV. РАЗГОВОРЪ СТАВКИ СЪ ПОМОЩНИКОМЪ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТИЧЕСКАГО УПРАВЛЕНІЯ ВОЕН. МИНИСТЕРСТВА 26-го Октября послѣ 1½ ч. д. *]

— Жду отвѣта.

У аппарата подполковникъ Ольферьевъ. Сейчасъ передаю на фронты приказъ Керенскаго и воззваніе центр. испол. сов. рабоч. и сол. депутатовъ, уже на юго-западный фронтъ передалъ, что еще необходимо.

Очень радъ, очень радъ вотъ когда опять встрѣтились. Узнай, пожалуйста, на счетъ связи съ Москвой, а то она за сутки ничего отъ насъ не имѣетъ.

Сейчасъ говори[я]тъ, что Москва будетъ.

Надо Москву командвойскъ — Рябцеву и помощнику — Ротному передать оба воззванія и приказъ Керенскаго, а также бюллетень изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя мы дали въ разговорахъ съ Вырубовымъ и Перекрестовымъ наладьте, пожалуйста, такой информаціонный аппаратъ для передачи въ Москву и далѣе и во <имя,> что бы то ни стало обезпечьте связь непрерывную съ Москвой. А давно ты въ Ставкѣ.

Приму мѣры, пока еще Москвы нѣтъ.

— Пришелъ кто нибудь изъ комитета.

Перекрестовъ здѣсь, сейчасъ отъ комиссара членовъ комитетовъ получены свѣдѣнія, что воззванія получены здѣсь. Изъ Одессы получены свѣдѣнія, что воззваніе не передано. Приказъ Верховнаго получаемъ впервые. Содержаніе его рѣзко противорѣчитъ вчерашнему заявленію Главкосѣва [объ] устраненій[и] Керенскаго о сложеніи обязанности Верховнаго и желаніи передать постъ Верховнаго Главкосѣву. Сейчасъ передаемъ приказъ и воззваніе. Сейчасъ подойдетъ къ аппарату Перекрестовъ.

Разсчитываемъ, что В[н]аше положеніе за эту ночь не успѣло отразиться на распоряженіяхъ Ставки. Приказъ и воззваніе необходимо передавать какъ командному составу, такъ и комиссарамъ и комитетамъ за подписями представителей Ставки также и комитета для удостовѣренія подлинности ихъ и свидѣтельствованія единенія[;] подлинность могутъ подтвердить Венгеровъ и Смородиновъ, которымъ сейчасъ передаю ленту для дальнѣйшаго разговора.

— А что у Васъ сейчасъ дѣлается.

На улицахъ тихо, всѣ патрули чужіе. Правительство арестовано[,] въ рабочихъ раіонахъ совершенно спокойно[;] изъ разговоровъ выяснилось, что за исключеніемъ красной гвардіи широкія рабочія массы активнаго участія въ движеніи на Зимній Дворецъ не принимали. Новой власти нѣтъ и едва ли она образуется[;] у побѣдителей настроеніе какъ послѣ пировой побѣды и уже опредѣляются теченія кто за большевистскую власть, кто за болѣе широкую, складывается новый центръ общесоціалистической и демократической и признаніе будетъ за

* Время опредѣляется тѣмъ, что, какъ видно изъ XXXV, приказъ Керенскаго былъ переданъ въ Ставку въ 1½ ч. дня.

нимъ[;] по моему сегодняшняя пресса очень единодушна [въ оцѣнкѣ] преступной авантюры, но у центра пока только признаніе, а нѣтъ здѣсь силы, одно безъ другого мало. Продолжаю, все таки быть бодрымъ я сейчасъ ухожу, расчитываю на тебя насчетъ Москвы. Толстой.

[XXXV. РАЗГОВОРЪ ВЫРУБОВА СЪ ВОЙТИНСКИМЪ днемъ 26-го Октября] — 26-го октября 1917 года.

— Кабинетъ комиссарсѣва, комиссарсѣв у аппарата.

— У аппарата ли комиссарсѣв.

Да у аппарата.

У аппарата Понаштаверх Вырубовъ, очень прошу васъ оріентировать меня о положеніи Псковѣ. Въ тринадцать съ половиной часовъ говорилъ съ прапорщикомъ Толстымъ, отъ котораго по аппарату получилъ приказъ Главковерха, отданный 25-го въ Псковѣ. Приказъ этотъ изъ Пскова не полученъ, сообщите гдѣ Главковерх, ожидается ли онъ когда въ Псковѣ.

— Сообщаю вполнѣ секретно Главковерх былъ въ Псковѣ сегодня ночью[;] изъ Пскова онъ выѣхалъ вмѣстѣ съ генераломъ Красновымъ въ Островъ, гдѣ сталъ во главѣ кавалерійской дивизіи, съ которою въ настоящее время и двигается по направленію Петрограда. 1-й эшелонъ, при которомъ находится Главковерх и Красновъ уже миновалъ Псковъ и съ особыми предосторожностями двигается дальше. Сообщаю о положеніи[:] 12-й арміи готовится отрядъ для отправки въ Петроградъ, куда выѣхалъ Мозуренко и Фоминъ изъ Центрископ[м]а, вѣроятно имъ будетъ поручено и руководство отрядомъ; въ 1-й арміи плохо, тамъ армейскимъ[ій комитетъ] провозгласилъ себя военно-революціоннымъ комитетомъ и проявилъ свою энергію тѣмъ что изгналъ врид* комиссара Смалдовскаго. Распространить 1-й арміи приказъ Керенскаго и возваніе пяти организацій пока не удается. 5-й арміи приблизительно то же самое, точныя свѣдѣнія получатся оттуда позднѣе; въ казачьихъ частяхъ настроеніе повышенное, быть можетъ даже слишкомъ повышенное. Псковѣ идетъ пока безкровная война между мной и военно-революціоннымъ комитетомъ, который установилъ контроль надъ аппаратами, кромѣ моего[;] пытаются останавливать эшелоны и собираются арестовать меня, все таки удалось отпечатать въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ приказъ и возваніе. Связь съ Петроградомъ и всѣми частями фронта тоже удается поддерживать, а въ ближайшемъ будущемъ думается удастся избавиться и отъ слѣжки на аппаратахъ, установлена связь съ Лужскимъ гарнизономъ, который самъ предложилъ помощь, воззваніе и приказъ удалось отдать открытой радіотелеграммой. Вотъ кажется все пока.

Вмѣстѣ со мной при нашей бесѣдѣ присутствовалъ предсѣдатель общеармейскаго комитета при Ставкѣ Перекрестовъ.

[XXXVI. РАЗГОВОРЪ ГЕН. ДУХОНИНА СЪ ГЕН. БАЛУЕВЫМЪ днемъ 26-го Октября]

— Доложите Главкозапу, что Наштаверх проситъ его подойти къ аппарату для переговоровъ.

---

* Временно исполняющій должность.

Хорошо. У аппарата Главкозап.

Сію секунду идетъ Наштаверх.

Здравія желаю Ваше Высокопревосходительство. Разрѣшите оріентировать васъ въ обстановкѣ. Наштасѣв доноситъ, что вчера послѣ отдачи распоряженій по отмѣнѣ движеній войсковыхъ частей къ Петрограду въ Штасѣв прибылъ Главковерх и заявилъ, что онъ не раздѣляетъ мнѣнія Главкосѣва и приказалъ подтвердить приказъ о движеніи на Петроградъ, однако этого сдѣлать не удалось тотчасъ же, такъ какъ у аппаратовъ революціонныхъ комитетовъ были поставлены постовые дежурные члены. Въ 5 съ половиною часовъ 26-го Главковерх выѣхалъ въ Островъ, вмѣстѣ съ комкором 3-го коннаго[;] по словамъ генерала Барановскаго Главковерх принялъ рѣшеніе, вмѣстѣ съ 3-мъ конным корпусомъ слѣдовать на Петроградъ. Сегодня Главковерх пред[по]лагаетъ быть въ Псковѣ и я буду съ нимъ говорить по аппарату. Обстановка, какъ она рисуется въ Петроградѣ сводится къ тому, что Временное Правительство кромѣ минпродовольствія Прокоповича и Главковерха арестовано и отправлено въ Петропавловскую крѣпость, въ арестѣ участвовала въ 200/3000 [200/300] человѣкъ группа[;] большевики тѣмъ не менѣе должны праздновать пирову побѣду, такъ какъ за ними не пошла вся организованная демократія объединившись въ комитетъ народной обороны, въ который вошли члены фронтовыхъ организацій находящихся въ Петроградѣ, а равно и весь составъ думы. Этотъ комитетъ выслалъ на всѣ окраины и въѣзды въ Петроградъ своихъ представителей для встрѣчи подходящихъ войскъ. Главкосѣвъ въ данный моментъ отдалъ распоряженіе продолжать передвиженіе по желѣзной дорогѣ и приказалъ снять посты революціоннаго комитета. — (связь перерывается).

— У аппарата Попаштаверх Вырубовъ. До прихода Наштаверха по его приказанію передаю пока приказъ Главковерха. Приказъ Верховнаго Главнокомандующаго отъ 25 октября 1917. 314, подписанный Керенскимъ въ Псковѣ: «Приказъ. Наступившая смута, вызванная безуміемъ большевиковъ, ставитъ государство наше на край гибели и требуетъ напряженія всей воли мужества и исполненія долга каждымъ[;] для выхода изъ переживаемаго Родиной<и> нашей отъ смертельнаго испытанія въ настоящее время впредь до объявленія новаго состава Временнаго Правительства, если таковое послѣдуетъ каждый долженъ оставаться на своемъ посту и исполнять свой долгъ передъ истерзанной Родиной, нужно помнить, что малѣйшее нарушеніе существующей организаціи арміи можетъ повлечь непоправимыя бѣдствія открывъ фронтъ для новаго удара противника, поэтому необходимо сохранить во что бы то ни стало боеспособность арміи поддерживать полный порядокъ[,] охраняя армію отъ новыхъ потрясеній и не колебать взаимное полное довѣріе между начальниками и подчиненными[;] приказываю всѣмъ начальникамъ и комиссарамъ во имя спасенія Родины сохранить свои посты какъ и я сохраняю свой постъ Верховнаго Главнокомандующаго впредь до изъясненія воли Временнаго Правительства Республики. Приказъ прочесть во всѣхъ ротахъ, командахъ, сотняхъ, эскадронахъ и батареяхъ на судахъ и всѣхъ строевыхъ командахъ. А. Керенскій.

— У аппарата ли Главкозап.

У аппарата.

У аппарата Духонинъ. Продолжаю, на чемъ пропали [прервали]. 12-я армія рѣшительно и опредѣленно высказалась противъ большевиковъ и заявила, что она употребитъ всѣ свои силы, чтобы покарать бунтующую кучку большевиковъ. 1-я и 5-я арміи заявили, что они за Правительство не пойдутъ, а пой-

дуть за Петроградскимъ Совѣтомъ[,] фронтовое казачество сѣвернаго фронта рѣшительно осуждаетъ выступленіе большевиковъ [и призываетъ] все казачество и всѣхъ у кого осталась еще совѣсть и любовь къ Родинѣ къ защитѣ Родины. Затрудненіе доставки войскъ къ Петрограду заключается въ постановленіи центральнаго желѣзнодорожнаго комитета не вес[з]ти войскъ, кромѣ оперативныхъ перевозокъ, но можетъ быть уладится и это, будьте добры сообщить обстановку на вашемъ фронтѣ. Такъ какъ начинаютъ проникать телеграммы съ разными распоряженіями большевиковъ, то мы установили въ Ставкѣ Могилевѣ и на станціи дежурство членовъ комитета для задержки телеграммъ, явно преступныхъ и агитирующихъ.

— Здравствуйте Николай Николаевичъ. Сегодня ночью отъ революціоннаго комитета изъ Петрограда пришла телеграмма, что власть захвачена революціоннымъ комитетомъ и онъ призываетъ всѣ войска подчиниться ему, телеграмму эту задержать нельзя было и я ее послалъ во всѣ комитеты, чтобы комитетамъ обсудить и резолюціи прислали мнѣ[;] въ Минскѣ <не> [власть] въ свои руки взялъ совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, но ему еще противодѣйствуетъ фронтовый комитетъ[;] не знаю удастся ли фронтовому комитету побороть совѣтъ, но на гарнизонъ Минскѣ падѣяться не могу[;] пока съ [изъ] арміей[и] сообщеній объ нихъ [ихъ] постановленіи не имѣемъ. Сейчасъ явился караулъ отъ 37-го полка и объявилъ меня арестованнымъ и весь штабъ и требуетъ производить работу подъ контролемъ ихняго революціоннаго штаба. Положеніе вообще скверное и я не знаю, какъ изъ него выйду, комиссары тоже ничего не могутъ сдѣлать[;] вотъ все что могу сообщить вамъ.

Я сейчасъ поговорю комиссарверхомъ[;] необходимо дать знать фронтовому комитету, чтобы онъ принялъ съ своей стороны мѣры разъясненія этого невозможнаго положенія. А извѣстно ли это комиссару и прочимъ частямъ гарнизона, на чемъ основанъ этотъ арестъ. Вѣроятно чинамъ 37-го полка не была объяснена вся обстановка и послѣдующія разъясненія ея вотъ все.

37-й полкъ весь въ распоряженіи совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ[;] о происшествіяхъ никто не зналъ [знаетъ] и даже[ть] знать я не могу потому что все занято карауломъ и никто [никого] не выпускаютъ изъ штаба. Вотъ все что я могу сказать. Когда выяснится обстановка то сообщу вамъ, а пока до свиданія. Балуевъ.

— Со своей стороны приму мѣры для разъясненія [и] Вашего освобожденія. Я думаю, что оно не замедлитъ какъ только будетъ всѣмъ извѣстно распоряженіе позднѣйшее. Всего хорошаго. Слышалъ, что вамъ очень нездоровилось, какъ чувствуете себя. Духонинъ.

— Страшно скверно, еле дышу, дай Богъ, чтобы до вечера протянулъ. При этомъ вторые сутки не сплю, боюсь окончательно свалиться. Желаю всего лучшаго. Балуевъ.

— Всего хорошаго. Духонинъ.

[XXXVII. РАЗГОВОРЪ ВЫРУБОВА СЪ КОМИССАРОМЪ ЮГО-ЗАП. ФРОНТА, Н. И. ІОРДАНСКИМЪ днемъ 26-го Октября]

— Кто у аппарата.

Кабинетъ Начальника Штаба, у аппарата Понаштаверх Вырубовъ.

У аппарата Комиссарюз Іорданскій. Здравствуйте Василій Васильевичъ, въ какомъ положеніи дѣло.

Здравствуйте Николай Ивановичъ. Сейчасъ говорилъ с Войтинскимъ, который сообщилъ слѣдующія свѣдѣнія, передамъ вамъ дословно ленту Войтинскаго.[.....] Минскѣ разногласіе между искомзапом и Минскимъ совѣтомъ послѣдній стоитъ повидимому на большевистской платформѣ и выставилъ вокругъ штаба фронта караулы, преданнаго ему 37 полка. Ждановымъ и общеармейскимъ комитетомъ принимаются мѣры къ ликвидаціи инцидента. Свѣдѣнія о ликвидаціи пока не получены. Сегодня говорилъ Довминымъ Толстымъ отъ него получилъ свѣдѣнія, что партія [и], подписавша[і]я воззваніе, которое вы вѣроятно получили совмѣстно съ городской думой образовали комитетъ народной обороны, такъ что большевики въ смыслѣ поддержки общественной повидимому совершенно изолированы хотя фактически они владѣютъ положеніемъ. Москвѣ положеніе еще не опредѣлилось[;] Кремль и штабъ округа въ рукахъ возставшихъ, городская дума объединила вокругъ себя всѣ преданные Временному Правительству элементы. Положеніе выясняется. Вотъ пока все самое главное, какъ у васъ.

— У насъ пока все спокойно, большинство за Временное Правительство[;] въ арміяхъ готовятся къ посылкѣ отряда на Петроградъ, сейчасъ будетъ засѣданіе искомитюза о дальнѣйшемъ поведеніи. Я предполагаю, что придется отправить хотя бы не большой отрядъ съ цѣлью моральнаго удовлетворенія. Приказъ Керенскаго полученъ, одна фраза возбуждаетъ недоумѣніе о возможности образованія новаго Правительства, если это означаетъ готовность идти на компромиссъ съ Петроградомъ, то это ошибка, лозунгомъ должно быть возстановленіе Правительства и созывъ Учредительнаго Собранія въ назначенный срокъ, между прочимъ скажите было ли вполнѣ лойяльно поведеніе Черемисова.

На послѣдній вопросъ, по имѣющимся у меня даннымъ [скажу] что нѣтъ не было вполнѣ лойяльно[;] такого же мнѣнія повидимому держится и Войтинскій, отвѣчающій [отмѣчающій] <въ> противорѣчіе[я] его распоряженія[й]. Впрочемъ отсюда разобраться очень трудно. Теперь, по словамъ Наштасѣва, который говорилъ сегодня съ Наштаверхомъ всѣ распоряженія о продвиженіи назначенныхъ войскъ Петроградъ подтверждены Главкосѣвомъ.

Прошу высказаться по 1-му вопросу. По поводу посылки отрядовъ.

Считаю необходимымъ къ этому готовиться, переговорю Наштаверхомъ и какъ только выяснится опредѣленная необходимость васъ извѣщу. Относительно фразы приказа Главковерха она возбудила во мнѣ тѣ же недоумѣнія, но изъ переданнаго мною вамъ разговра съ Войтинскимъ можно заключить, что Главковерх на компромиссы не идетъ.

Благодарю за разъясненіе, мы смотримъ на положеніе какъ на неизбѣжное, [наступилъ] моментъ ликвидаціи большевизма и были бы совершенно выбиты изъ колеи, если бы повторились полумѣры 3-го и 5-го іюля. Прошу объяснить Наштаверху и Главковерху желательности посылки отрядовъ юзфронта съ морально-политической точки зрѣнія, кромѣ того позиція 1-й и 5-й армій можетъ придать этому отряду реальное значеніе, такъ какъ онъ отвлечетъ ихъ отъ поддержки большевиковъ. Пока больше ничего не имѣю. Но знаете ли вы о радіо, которое разсылаютъ большевики. Послѣднее адресовано корпуснымъ и дивизіоннымъ комитетамъ и призываетъ ихъ произвести всеобщіе выборы делегатовъ на съѣздъ Петроградъ помимо армейскихъ комитетовъ.

О радіо знаю, Наштаверху передамъ ваше соображеніе точно. Главковерхомъ прямой связи пока не имѣемъ, пока до свиданія, всего хорошого.

До свиданія.

[XXXVIII. РАЗГОВОРЪ СТАВКИ СЪ СОВѢТОМЪ ПОЧТОВО ТЕЛЕГРАФНЫХЪ ОРГАНИЗАЦІЙ]

— Разговоръ Начальника связи дѣйствующей арміи съ членомъ совѣта почтово-телеграфныхъ организацій.

— Здѣсь членъ комитета. Что нужно.

У аппарата Начальникъ связи дѣйствующей арміи. Со мною говоритъ членъ совѣта почтово-телеграфныхъ организацій [?]. Не откажите сообщить для доклада Наштаверху каково у васъ сейчасъ положеніе.

Обо всемъ этомъ уже мы говорили.

Значитъ новаго ничего, а связь съ Петроградомъ имѣете.

Да имѣемъ, но всѣ телеграммы идутъ только черезъ Москву.

Не можете ли сообщить, что дѣлается въ Петроградѣ по вашимъ свѣдѣніямъ.

Извѣстно, что совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ раскололся. Есеры меньшевики и интернаціоналисты отказались отъ большевиковъ, которые остались вездѣ одни.

Благодарю, при прошломъ разговорѣ вы говорили объ образованіи новаго Правительства, но не знали его состава, можетъ быть выяснилось.

Нѣтъ этотъ слухъ не подтвердился, извѣстно только что какой-то большевикъ явился въ центральный комитетъ Всероссійскаго почтово-телеграфнаго союза и заявилъ, что онъ Министръ Почтъ и телеграфовъ. Центральный Комитетъ категорически отказался признать его. Несмотря на всѣ его просьбы.

Отлично. Очень благодаренъ къ намъ пока еще никто не явился, все что имѣемъ пока отъ арміи—говоритъ о поддержкѣ законной власти. Еще вопросъ связь у васъ югомъ не нарушается. И въ частности съ Кіевомъ.

Всѣ связи имѣемъ.

Такъ пожалуйста скажите гдѣ сейчасъ Керенскій.

Керенскій съ войсками идетъ къ Петрограду.

А какія войска, не съ сѣвернаго ли фронта.

Да совершенно вѣрно.

Ну пока всего лучшаго. Благодарю. До свиданія.

[XXXIX, XL. ОТРЫВКИ РАЗГОВОРА ТОВАРИЩА НАКАЗНОГО АТАМАНА ВОЙСКА ДОНСКОГО, М. П. БОГАЕВСКАГО, СО СТАВКОЙ]

— Разговоръ съ Ростовымъ.

— Товарищъ наказнаго атамана войска Донского Богаевскій. [. . . . .]

— Керенскій находится на сѣверномъ фронтѣ при войскахъ былъ во Псковѣ, гдѣ отданъ приказъ всѣмъ начальствующимъ лицамъ оставаться своихъ постахъ, какъ и онъ остается Главковерхомъ. Угодно ли вамъ краткую оріентировку[о] положеніи Петроградѣ. [. . . . .]

— Для провѣрки скажите кого вы знаете изъ офицеровъ Ставки. [. . . . .]

— Обстановка Петроградѣ такова: Правительство арестовано, переворотъ совершенъ большевиками, остальныя демократическія партіи вышли изъ организаціи совѣтовъ и призываютъ особымъ воззваніемъ[,] не повторяю[,] не исполнять большевистскихъ воззваній и приказовъ. По свѣдѣніямъ число активныхъ боль-

шевиковъ незначительно. О Главковерхѣ и его приказѣ вамъ передано. Распоряженію Главковерха идутъ къ Петрограду войска, онъ при нихъ. Вслѣдъ за симъ передаемъ телеграмму предсѣдателя общефронтоваго казачьего съѣзда въ Кіевѣ Агѣевъ[:] ковычки по агентскимъ извѣстіямъ мы знаемъ, что 1-й, 4-й, 14-й Донскіе полки якобы заявили, что они не исполнятъ приказанія Временнаго Правительства, мы полагаемъ, что это провокація[,] казачеству съ большевиками не по пути точка ковычки. — Комиссаръ казачьихъ войскъ при Главковерхѣ сотникъ Герасимовъ. Командиръ бригады Сибирской казачьей дивизіи полковникъ Бѣляевъ. Начсвязверх генеральнаго штаба полковник Сергѣевскій.

[XL]

Мы просимъ сообщить, въ какомъ положеніи находится Петроградъ и Временное Правительство. Имѣете ли Вы возможность передать Керенскому нашъ совѣтъ использовать казачьи войска для укрѣпленія власти и необходимости организаціи власти въ Донской Области, гдѣ обстоятельства и вся обстановка благопріятствуетъ этому. Отвѣчайте по распоряженію. Скажите пожалуйста, неизвѣстна ли Вамъ судьба казачьихъ войскъ, бывшихъ въ Петроградѣ. Благодарю и сообщу къ Вашему свѣдѣнію телеграмму на имя Керенскаго

[XLI. РАЗГОВОРЪ ВЫРУБОВА СЪ Гр. ТОЛСТЫМЪ за нѣсколько дней до или послѣ 25-го Октября *]

— А теперь прошу Вырубова въ кратцахъ высказаться по затронутымъ нами вопросамъ въ частности о Черемисовѣ и А. Ф. въ связи съ отношеніемъ къ этому Духонина.

---

* Датировка этого отрывка представляетъ значительныя трудности. Съ увѣренностью можно сказать, что въ непосредственный контекстъ съ приводимыми выше телеграммами оно не входитъ. Первое впечатлѣніе отъ начала отрывка, заставляющее упоминаемый въ немъ разговоръ съ Наштасѣвомъ отнести къ разговору XXXIII, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается неосновательнымъ. Разговоръ XXXIII происходилъ утромъ (во всякомъ случаѣ послѣ 5 1/2 ч. утра, когда Керенскій изъ Пскова уѣхалъ въ Островъ, о чемъ въ разговорѣ сообщаетъ Наштасѣвъ), а не около 12 ч. н. (24 час.)

Нельзя даже сказать, происходилъ ли данный разговоръ до или послѣ 25-го октября. Начало разговора, какъ будто, создаетъ увѣренность, что разговоръ происходилъ въ связи съ событіями 25 октября; академическій тонъ второй половины разговора разрушаетъ эту увѣренность и заставляетъ предполагать, что неповиновеніе Черемисова Керенскому происходило и раньше. Рѣшающій, казалось бы, аргументъ для отнесенія разговора ко времени послѣ 25-го октября — упоминаніе «Комитета Спасенія» колеблется указаніемъ компетентныхъ лицъ, утверждающихъ, что «Комитеты Спасенія» образовывались и до 25 октября и что это названіе не исключительно свойственно той организаціи, которая создалась непосредственно послѣ большевистскаго переворота.

Точно можно опредѣлить часъ разговора: изъ сопоставленія — 1) Данилевичъ выѣхалъ около 23 час. — 2) Данилевичъ выѣхалъ 5 часовъ тому назадъ — явствуетъ, что разговоръ происходилъ около 4 часовъ утра. Съ меньшей увѣренностью можно высказаться относительно дня разговора. Можно, однако, предполагать что разговоръ происходилъ нѣсколько дней спустя послѣ четверга [Въ противномъ случаѣ была бы непонятна простая ссылка на четвергъ («Съ Данилевичемъ я лично говорилъ . . . въ четвергъ») безъ болѣе точнаго опредѣленія]. Съ другой стороны, этотъ четвергъ былъ не «вчера». («Вчера въ Псковѣ былъ Данилевичъ»). Эти соображенія заставляютъ отнести разговоръ къ ночи съ пятницы на субботу, или съ субботы на воскресенье. 25-ое октября 1917 г. приходилось на среду. Данный разговоръ могъ происходить 27—29 или 20—22 октября.

Считаю поведеніе Духонина и Дитерихса эти дни вполнѣ спокойнымъ корректнымъ и лойяльнымъ. По послѣднему разговору Наштасѣв[а] около 24 часовъ считаю, что смѣщеніе Главкосѣва какимъ-либо путемъ кромѣ приказа Главковерха настоящее время можетъ вызвать осложненіе и сосредоточить вокругъ этого симпатію. Настоящее время судя по разговору Наштасѣва Главкосѣв выполняетъ всѣ приказанія Главковерха. Наштаверх по этому вопросу держится одинакового со мною мнѣнія. Мы полагаемъ, что расчеты послѣ. Считаю, что Главковерхом долженъ пока остаться А. Ф. Пока все.

Комиссарсѣв передавалъ, что немедленномъ смѣщеніи настаиваетъ между прочимъ штасѣв. Впрочемъ я, да и Станкевичъ, не навязываемъ[,] это можетъ быть если ты съ Перекрестовымъ переговоришь съ Савицкимъ, то дѣло и получитъ нормальный ходъ черезъ Главковерха, что по моему и нужно сдѣлать съ указаніемъ на нашъ разговоръ.

Значитъ на счетъ А. Ф. мы всѣ какъ будто согласны, въ томъ числѣ и Духонинъ. Савицкаго въ Псковѣ нѣтъ, по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Минска — онъ въ Полоцкѣ. Вчера около 23 часовъ въ Псковѣ былъ Данилевичъ и вполнѣ информированный Наштасѣвом и главное Генкварсѣвомъ поѣхалъ къ А. Ф. Вѣроятно въ настоящее время онъ уже передалъ всю обстановку Псковѣ А. Ф. и ленты разговоровъ съ Наштасѣвом, Генкварсѣвом и Главкосѣвом.

Съ Данилевичемъ я лично говорилъ въ этой комнатѣ четвергъ вечеромъ. Насчетъ Генкварсѣва у меня со Станкевичемъ вполнѣ опредѣленныя особыя мнѣнія, такъ что его соображенія не могутъ рѣшительно ничего измѣнить. Это мы говоримъ на основаніи продолжительнаго личнаго сотрудничества и только очень жаль, что не другой поѣхалъ. Толстой.

Соображенія Барановскаго вполнѣ опредѣленно за смѣну Главкосѣва. Знаете ли Вы, что Войтинскій опредѣленно настаиваетъ на передачѣ обязанности Главкосѣва Барановскому, что встрѣтило со стороны Духонина и моей опредѣленно возраженіе. Считаю, что Данилевичъ информируетъ А. Ф. желательномъ направленіи именно въ томъ, что мы повидимому сходимся всѣ.

Съ Савицкимъ я лично говорилъ днемъ отъ трехъ до семи часовъ и послѣ разговора онъ въ Псковѣ пошелъ на засѣданіе Комитета спасенія, на которое пріѣхалъ Черновъ. Его отъѣздъ въ Полоцкъ, о чемъ онъ ни слова не говорилъ, болѣе чѣмъ сомнителенъ; если это опять со стороны нежелающихъ вашихъ прямыхъ разговоровъ. О передачѣ власти Главкосѣвом сегодня тоже была рѣчь въ разговорѣ нашемъ съ Савицкимъ, и мы знаемъ про ту комбинацію, о которой ты говоришь. Данилевичъ информируетъ какъ разъ обратно, между тѣмъ такое назначеніе безусловно и абсолютно только подорветъ послѣднее довѣріе къ назначающему. А когда именно Данилевичъ долженъ былъ выѣхать, пять часовъ тому назадъ или сутками раньше. И еще скажи о томъ, хорошо ли по твоему совмѣщается Духонинъ съ А. Ф. На будущее время и каковъ вообще твой взглядъ на счетъ отношенія главнымъ образомъ команднаго состава. Толстой.

Данилевичъ долженъ былъ выѣхать пять часовъ тому назадъ. Комиссарзап сообщилъ мнѣ, что разговаривалъ съ Савицкимъ изъ Полоцка, очевидно это ошибка и сегодня же постараюсь переговорить съ Савицкимъ. Я все-таки думаю, что Данилевичъ не будетъ информировать въ смыслѣ передачи обязанностей Главкосѣва Генкварсѣву. Полагаю, что Духонинъ вполнѣ сработался съ А. Ф. Прогозный [прогнозы] относительно будущаго команднаго состава сей-

часъ дѣлать трудно, если больше ничего не имѣешь сказать, шлю привѣтъ, можно ли будетъ говорить съ тобой сегодня поздно вечеромъ примѣрно около 23 часовъ.

Лучше позднѣе послѣ 24 часовъ. Я имѣлъ въ виду отношеніе команднаго состава не будущаго, а теперешняго, къ оставленію прежней комбинаціи Духонинъ А. Ф. Думаю, что возраженій не встрѣтится. Идемъ спать. Ты навѣрное спалъ, а я еще нѣтъ, а уже свѣтаетъ. Покойной ночи.

[XLII, XLIII, XLIV, XLV. ОТРЫВКИ РАЗГОВОРОВЪ]

— Изъ этихъ телеграммъ Вы видите, что положеніе очень тревожное. Здравствуйте, Борисъ Антоновичъ. Скажите пожалуйста какую занимали предыдущую должность. Генкварм 8, а передъ этимъ стард 19, какъ отчество Вашей супруги. Сейчасъ моментъ генералъ занятъ у телефона. Вѣра Александровна. Гдѣ мы въ первый разъ съ Вами встрѣтились. На маневрахъ, въ 13 году. Вы были посредникомъ при 12 кавалерійскомъ. Правильно, чтобы не задерживать телеграммы я окончу разговоръ, когда подойдетъ генералъ Барановскій, куда. Передамъ подполковнику Артемьеву. Больше ничего не скажите. Генералъ сейчасъ пріѣдетъ, куда-то ушелъ.

[XLIII]

— Тамъ ли. Генералъ Левицкій у аппарата. Все ли благополучно. Что можете добавить телеграммѣ начальника политическаго управленія 1906. Что значитъ 1906. Это нр. телеграммы начальника политическаго управленія. Шеръ. Кто у аппарата. У аппарата дежурный штабъ-офицеръ подполковникъ Чебыкинъ. Прошу передать . . . . . .

[XLIV]

— Разговоръ поручика Чернова съ

— Поручикъ Черновъ. Ага. Добрый часъ. Извиняюсь, что ушелъ не дождавшись васъ, но мнѣ сказали, что вы очень заняты. Здѣсь слушаютъ. Ага. У насъ тоже. Нѣтъ съ Петроградомъ и повидимому распоряженіе есть не давать связь только-что Витебскъ представилъ съ Петроградомъ. Убѣдившись что будетъ говорить представитель казаковъ. Результатовъ не знаю. Въ Кіевѣ пока неопредѣленно, все зависитъ отъ того, какую позицію займутъ украинцы, телеграфъ охраняется весьма надежными казаками . . . (связь прервана).

[XLV] *

— Именемъ сознательныхъ солдатъ и офицеровъ дѣйствующей арміи, горячо любящихъ свою Родину и готовыхъ за нее умереть, требую немедленнаго освобожденія Временнаго Правительства, возстановленій законной власти въ странѣ, которая одна только можетъ довести Родину до Учредительнаго Собранія — единственнаго хозяина земли Русской.

* Вѣроятно, настоящій отрывокъ составляетъ часть разговора XXXIII и долженъ заполнить отмѣченный на стр. 311 пропускъ.

Документы къ воспоминаніямъ Н. Вороновича

I

РЕЗОЛЮЦІЯ,

предложенная крестьянской секціей Сочинскаго Окружнаго Съѣзда въ декабрѣ 1918 года и принятая Съѣздомъ единогласно, при одномъ воздержавшемся.

Заслушавъ докладъ представителя Грузинской демократической республики о причинахъ и условіяхъ временнаго присоединенія Сочинскаго округа къ Грузіи, а также о правительственныхъ предначертаніяхъ по устроенію мѣстной культурно-хозяйственной жизни, Сочинскій Окружный Съѣздъ въ засѣданіи 2-го декабря 1918 года постановилъ:

Оставаясь по прежнему сторонникомъ возсоединенія Сочинскаго Округа съ Россіей, какъ только образуется въ ней единая твердая демократическая власть, созданная на принципѣ полнаго народоправства и возсоединенія отдѣльныхъ частей Россіи на федеративныхъ началахъ, съѣздъ считаетъ, что временное присоединеніе округа, основанное на резолюціяхъ соціалистическихъ партій и другихъ Сочинскихъ демократическихъ организацій, является актомъ отвѣчающимъ интересамъ трудовыхъ массъ, избавившимъ ихъ отъ ужасовъ реакціи. Находясь подъ покровительствомъ законовъ Грузинской демократической республики, крестьянство и другое трудовое населеніе округа имѣетъ возможность свободно осуществить свои давнишнія чаянія по устроенію мѣстной культурно-хозяйственной жизни, ввести демократическое земское самоуправленіе и провести справедливое надѣленіе землей трудящихся, согласно основныхъ положеній, принятыхъ Всероссійскимъ учредительнымъ собраніемъ.

Предсѣдатель Съѣзда П. Джанашія
Секретарь М. Климчукъ.

(Выписка изъ протокола Сочинскаго Окружнаго Съѣзда отъ 2-го декабря 1918 года).

II

МЕМОРАНДУМЪ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ ВЕЛИКОБРИТАНСКОЙ ВОЕННОЙ МИССІИ ВЪ ТИФЛИСѢ.

Въ Іюнѣ прошлаго года крестьяне Сочинскаго округа, относившіеся отрицательно къ пришлымъ и неизвѣстнымъ имъ людямъ, захватившимъ въ свои руки власть въ округѣ, вошли въ контактъ съ находившимся въ сосѣднемъ Сухумскомъ округѣ отрядомъ войскъ Грузинской республики и съ его помощью заставили большевиковъ очистить Сочинскій округъ.

Съ приходомъ Грузинскихъ властей, хотя и медленно, но все-таки начали проводиться принципы демократическаго самоуправленія, котораго такъ жаждало мѣстное крестьянство.

Конечно, бывали случаи недоразумѣній между населеніемъ и отдѣльными агентами Грузинскихъ властей, но случаи эти возникли изъ-за самочинныхъ дѣйствій отдѣльныхъ агентовъ и воинскихъ чиновъ, и когда объ этомъ доводилось до свѣдѣнія властей, незаконныя распоряженія тотчасъ отмѣнялись и инциденты быстро ликвидировались.

Въ общемъ-же отношенія между большинствомъ населенія и грузинами были очень хорошими, что видно хотя-бы изъ рѣшеній Окружныхъ съѣздовъ.

Когда въ концѣ Августа черезъ Сочи проходилъ отрядъ Добровольческой Арміи въ числѣ 600 казаковъ (бѣжавшихъ отъ большевиковъ изъ Кубани горами въ Сухумъ, гдѣ они были снаряжены и вооружены Грузинскими военными властями), населеніе встрѣтило этотъ отрядъ также очень радушно. Но когда, подъ предлогомъ розыска оставшихся въ Округѣ большевиковъ, казаки подъ предводительствомъ своихъ офицеровъ начали производить обыски и избивать мѣстныхъ жителей, ничего общаго съ большевиками не имѣвшихъ, отношенія къ казакамъ и Добровольческой Арміи рѣзко измѣнились. Необходимо указать, что «карательная экспедиція» производилась казаками, которые руководились особымъ спискомъ, составленнымъ мѣстными реакціонерами (какъ напримѣръ, извѣстнымъ Казариновымъ, убійцей члена Государственной Думы Іоллоса), въ который вмѣсто «большевиковъ» попали всѣ мѣстные демократическіе дѣятели, часть которыхъ, хотя и принимали участіе въ работахъ Совдепа, но не по избранію большевиковъ, а будучи делегированы умѣренными элементами и крестьянами въ противовѣсъ большевикамъ.

Такимъ образомъ населеніе убѣдилось, что приходомъ казаковъ и добровольцевъ воспользовались сторонники стараго режима для сведенія личныхъ счетовъ со своими идейными противниками.

Вскорѣ послѣ описаннаго случая, мѣстныя демократическія организаціи вынесли резолюцію, въ которой указывалось, что Сочинскій округъ, который разсматривается, какъ нераздѣльная часть Россійскаго Государства, временно, впредь до воссозданія демократической Россіи, долженъ быть присоединенъ къ сосѣдней Грузинской демократической республикѣ.

Вынося такую резолюцію, всѣ мѣстныя демократическія организаціи, руководствуясь тѣми соображеніями, что Сочинскій округъ не можетъ, хотя бы и временно, существовать самостоятельно, а долженъ выбирать между двумя государственными образованіями — Грузіей и Кубанью (фактически находящейся въ рукахъ командованія Добровольческой Арміи), изъ которыхъ первая гарантировала Округу демократическое самоуправленіе, а вторая, т. е. Добровольческая Армія, ввела въ сосѣднемъ Туапсинскомъ округѣ ненавистный населенію полицейскій режимъ, отмѣнила выборы въ Городское Земское Самоуправленіе и назначила на всѣ административные посты прежнихъ приставовъ и урядниковъ.

Послѣ вынесенія этой резолюціи состоялся окружной крестьянскій съѣздъ, на которомъ крестьяне также присоединились къ ней, избрали Крестьянскій Комитетъ и поручили этому Комитету, дѣйствуя въ контактѣ съ грузинскими властями, скорѣйшій созывъ Земскаго Собранія.

Въ это время, когда началась предвыборная кампанія и составлялись списки гласныхъ, совершенно неожиданно войска генерала Деникина перешли въ наступленіе, окружили грузинскій отрядъ въ Сочи и заняли округъ. Мѣстные армяне, которыхъ побудили къ этому, съ одной стороны, провокація, съ другой — недавно ликвидированная грузино-армянская война, примкнули къ добровольцамъ, благодаря чему успѣхъ былъ обезпеченъ. Для русскаго населенія это наступленіе было полной неожиданностью, такъ какъ всѣ были увѣрены, что согласно обѣщанія англійскаго командованія, какъ только будетъ введено Земское Самоуправленіе, власть перейдетъ въ руки выборнаго Земства и Городской Думы, округъ будетъ нейтрализованъ подъ протекторатомъ Великобританіи, а Грузино-Добровольческій фронтъ будетъ ликвидированъ.

Теперь съ занятіемъ округа Добровольческой арміей — надежды крестьянъ и мѣстной демократіи рухнули: выборы земства отмѣнены, а всѣмъ дѣятелямъ крестьянскаго союза и другихъ демократическихъ организацій предъявлены обвиненія въ причастности къ большевизму и въ государственной измѣнѣ (за вынесеніе резолюціи о временномъ присоединеніи округа къ Грузинской республикѣ). Совершенно не разбираясь въ дѣйствительной политической физіономіи того или другого лица, разъ только это лицо не является сторонникомъ того строя, который желателенъ реакціоннымъ элементамъ, ему предъявляется обвиненіе въ большевизмѣ, и оно предается военно-полевому суду.

Такимъ образомъ большинство дѣятелей демократическаго блока и крестьянскаго союза принуждены скрываться, другая часть арестована и предана полевому суду, а нѣкоторые уже безъ всякаго суда разстрѣляны.

Такое положеніе возмутило крестьянъ, часть которыхъ, покинувъ свои дома и селенія, ушли въ горы, объявивъ партизанскую войну добровольцамъ. Несмотря на усилія тѣхъ, которые не желаютъ пролитія братской крови, въ округѣ идетъ братоубійственная война. Несмотря на завѣренія властей, мы утверждаемъ, что возстаніе крестьянъ не усмирено, что возставшіе находятся въ горахъ и считаютъ возможнымъ прекратить партизанскую войну только въ томъ случаѣ, когда добровольцы очистятъ Сочинскій округъ. Тридцать одно сельское общество Сочинскаго и Туапсинскаго округовъ вынесли единодушные приговоры и обратились къ англійскому командованію съ просьбой нейтрализовать округъ и избавить крестьянъ отъ владычества безконтрольныхъ и всемогущихъ агентовъ генерала Деникина, примѣняющихъ по отношенію къ демократіи систему террора. Приговоры эти на второй день праздника Св. Пасхи были переданы делегатами означенныхъ сельскихъ обществъ англійскому полковнику Файну въ Гаграхъ, но полковникъ Файнъ передалъ эти приговоры генералу Бурневичу, послѣ чего по отношенію къ обществамъ и подписавшимся подъ приговорами крестьянамъ начались новыя репрессіи.

Отчаявшись другимъ путемъ добиться гарантіи мирнаго и спокойнаго существованія, гарантіи производства въ скорѣйшемъ времени выборовъ въ мѣстныя самоуправленія, и не желая подпасть снова подъ власть прежнихъ полицейскихъ, крестьяне, которые вначалѣ враждебно относились къ большевикамъ, теперь, подъ вліяніемъ репрессій со стороны добровольцевъ, начинаютъ сильно лѣвѣть и видѣть въ лицѣ большевиковъ своихъ избавителей.

Во избѣжаніе дальнѣйшаго кровопролитія и во избѣжаніе усиленія большевистскихъ симпатій въ крестьянствѣ, мы, избранники крестьянства Сочинскаго округа и представители Сочинской демократіи, безъ различія національностей, обращаемся съ настоящемъ заявленіемъ къ высшему англійскому командованію и просимъ:

1. Нейтрализовать Сочинскій округъ, занявъ его союзными войсками.
2. Предложить генералу Деникину вывести изъ предѣловъ Округа отряды добровольцевъ.
3. Предоставить населенію свободное право, безъ всякаго посторонняго давленія и вмѣшательства, избрать земское и городское самоуправленія.
4. Освободить изъ заключенія арестованныхъ добровольцами представителей крестьянства и другихъ демократическихъ дѣятелей и
5. гарантировать населенію священныя права неприкосновенности личности и жилищъ.

При выполненіи означенной просьбы мы глубоко увѣрены въ томъ, что все населеніе округа будетъ съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ относиться къ представителямъ Британскаго командованія и что въ корнѣ прекратится анархія, и всѣ граждане смогутъ обратиться къ мирному труду.

Неудовлетвореніе просьбы многочисленнаго крестьянскаго населенія, которому надоѣли непрекращающіяся междоусобія и гражданская война, вызоветъ въ нихъ чувство разочарованія и приведетъ къ нежелательнымъ результатамъ, т. е. усиленію анархіи и дальнѣйшей гражданской войнѣ.

Предсѣдатель Сочинскаго Окружного Крестьянскаго Комитета,
Гласный Сочинской Городской Думы,
Б. Предсѣдатель Сочинскаго Окружнаго Съѣзда *П. Джанашія.*

Членъ Сочинскаго Окружного Исполнительнаго Комитета отъ крестьянскаго населенія и членъ Окружного Комитета по введенію земскаго самоуправленія
Н. Вороновичъ.

Предсѣдатель Сочинской Городской Думы *С. Теръ-Григорьянъ.*

III

ПРИКАЗЪ № 282.

НАЧАЛЬНИКА 3 УЧ. СОЧИНСКАГО ОКРУГА.

При семъ объявляю для свѣдѣнія населенія ввѣреннаго мнѣ района, что согласно телеграфнаго распоряженія господина Начальника Сочинскаго округа отъ 20 Марта за № 301, — за всѣхъ лицъ призывного возраста, уклоняющихся отъ мобилизаціи, отвѣтятъ тѣ селенія, въ коихъ они проживаютъ, и семьи дезертировъ, причемъ сами дезертиры, въ случаѣ ихъ поимки, будутъ немедленно преданы военно-полевому суду для сужденія по законамъ военнаго времени, какъ за побѣгъ съ поста, что карается смертной казнью.

Начальникъ 3-го участка Сочинскаго округа
Доломановъ.

ПРИКАЗЪ № 3.

НАЧАЛЬНИКА КАРАТЕЛЬНАГО ОТРЯДА.

При семъ объявляю жителямъ Приказъ Начальника обороны Черноморскаго побережья отъ 29-го Марта слѣдующаго содержанія:

«Всѣмъ повстанцамъ вернуться въ свои деревни сегодня-же. Если это не будетъ исполнено, всѣ ушедшіе въ горы будутъ считаться врагами.

Генералъ Бурневичъ».

Даю знать населенію, что если настоящій приказъ не будетъ выполненъ сегодня-же, то я буду принужденъ принять самыя суровыя мѣры противъ измѣнниковъ.

Начальникъ отряда Полковникъ *Кардашевъ.*

29-го Марта 1919 года.

ПРИКАЗЪ № 5.

НАЧАЛЬНИКА КАРАТЕЛЬНАГО ОТРЯДА.

Настоящимъ довожу до свѣдѣнія населенія объявленіе Начальника обороны побережья Генерала Бурневича отъ 9-го Марта.

Со своей стороны предлагаю населенію безотлагательно къ 6 часамъ утра 2 сего Апрѣля прислать ко мнѣ въ селеніе Пиленково, хотя-бы по два человѣка отъ каждаго возставшаго селенія, для ознакомленія съ цѣлями возстанія, то есть, чего хочетъ населеніе отъ властей Добровольческой Арміи. Присланнымъ делегатамъ гарантирую жизнь и безопасность даже въ томъ случаѣ, если они выскажутся противъ Добровольческой Арміи. Однако, если и на этотъ разъ не будетъ выполнено мое приказаніе, то я буду вынужденъ поступить такъ, какъ указывалъ въ приказѣ № 4, а именно: безостановочно двигаться впередъ, сметая по пути слѣдованія всѣ строенія и уничтожая все имущество, и поступлю со всѣми деревнями, какъ съ Эстонской-Сальмэ.

Предлагаю жителямъ пощадить самихъ себя.

Начальникъ отряда Полковникъ *Кардашевъ.*

1 Апрѣля 1919 г. с. Пиленково.

IV

ДЕКЛАРАЦІЯ ЧЕРНОМОРСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

(Принята 18-го ноября 1919 года на делегатскомъ съѣздѣ крестьянъ Черноморской губ.)

«Въ октябрѣ 1917 года было разрушено единство великой Россійской революціи. Революціонная демократія раскололась на враждующіе лагери. Рабочіе были брошены на борьбу противъ крестьянъ, города противъ деревень. На аренѣ революціи появилась новая сила — реакція, которая использовала расколъ въ единыхъ дотолѣ рядахъ, выросла въ грозную силу, которая грозитъ отнять у народа добытыя его кровью и страданіями революціонныя завоеванія. Съ тѣхъ поръ вотъ уже два года какъ льется народная кровь. Сыны единой трудовой семьи, гонимые насильственными мобилизаціями, истребляютъ другъ друга во имя чуждыхъ и даже враждебныхъ имъ идеаловъ. Ни одна изъ двухъ борющихся силъ не черпаетъ свои идеалы въ революціонномъ сознаніи и волѣ широкихъ круговъ народа и не защищаетъ его реальныхъ интересовъ. Большевистская диктатура, во имя свѣтлыхъ идеаловъ соціализма, насиловала народную волю и тѣмъ лишила себя поддержки широкихъ массъ трудового народа.

Народный стихійный протестъ противъ новаго рабства создалъ и питалъ стараго своего врага — диктатуру царизма.

И въ этомъ процессѣ единая, грозная сила перваго періода революціи — демократія — распылилась.

Отъ имени народа говорятъ всѣ, — лишь не слышно голоса самаго народа. Ему какъ и въ старое время царизма дозволено лишь быть рабомъ и молча умирать. Доведенный до отчаянія безконечной и чуждой ему гражданской войной народъ стихійно возстаетъ по ту и по другую сторону гражданскаго фронта, чѣмъ затягиваетъ народную бойню, углубляетъ анархію и хозяйственную разруху и еще болѣе приближаетъ торжество реакціи.

Большевизмъ объективно осужденъ на пораженіе, грядущая реакція несетъ съ собой старое рабство народу.

Для выхода изъ этого трагическаго тупика необходимо втянуть въ борьбу съ реакціей самъ народъ за близкіе и понятные ему идеалы. И главную роль въ этомъ грядущемъ періодѣ революціи предстоитъ сыграть крестьянству.

Города экономически разорены и потеряли свое былое значеніе. Пролетаріатъ вслѣдствіе полнаго разрушенія промышленности распылился и пересталъ быть грозной, ведущей силой перваго періода революціи.

Деревня фактически никѣмъ не покорена — она никого не признаетъ. Крестьянство не раздавлено, не деморализовано и не хочетъ идти *ни за черными, ни за коммунистическими знаменами*. Овладѣть деревней механически невозможно. Отнять «землю и волю» никому не подъ силу.

И мы, Черноморское крестьянство, пережившее господство большевиковъ и съ оружіемъ въ рукахъ защищающее свою свободу отъ насилія и рабства Доброарміи, въ эту тяжелую для Родины годину рѣшили возвысить свой голосъ.

Мы вступили въ борьбу съ реакціей какъ самостоятельная третья сила — сила демократическая.

Мы не сложимъ оружія до *полной побѣды демократіи*. Мы отвергаемъ всякую диктатуру меньшинства надъ большинствомъ, отъ кого бы эта диктатура не исходила и какими-бы конечными лозунгами она не прикрывалась. Мы противуставляемъ ей диктатуру демократіи, т. е. всего народа. Лишь въ революціонномъ сознаніи и волѣ трудового народа, въ его самодѣятельности и иниціативѣ мы видимъ путь спасенія гибнущей революціи. Всякая диктатура меньшинства есть насиліе надъ народомъ и борьба съ нимъ. Одновременно бороться съ народомъ и звать его на борьбу преступно и безполезно.

И мы, делегатскій съѣздъ Черноморскаго крестьянства, для того, чтобы придать нашей борьбѣ съ реакціей организованныя формы и общероссійское значеніе, впредь до возсоединенія съ Всероссійской федераціей, постановляемъ:

1. Поставить ближайшей цѣлью борьбы образованіе Черноморской республики съ установленіемъ федеративной связи съ другими демократическими государственными образованіями, для совмѣстной съ ними борьбы противъ реакціи и за конечныя цѣли: Россійскую Федеративную Республику, которую мы мыслимъ какъ свободный союзъ свободныхъ народовъ. За народовластіе и соціальныя завоеванія революціи.

2. Выбрать Комитетъ Освобожденія Черноморской губ., отвѣтственный передъ крестьянскимъ съѣздомъ. Означенный Комитетъ осуществляетъ всю полноту власти на территоріи Черноморской губ. по мѣрѣ ея освобожденія впредь до созыва чрезвычайнаго съѣзда.

3. При наступленіи болѣе благопріятныхъ условій Комитетъ Освобожденія долженъ созвать чрезвычайный крестьянско-рабочій съѣздъ, который окончательно рѣшитъ судьбу Черноморской демократіи.

4. На время до чрезвычайнаго съѣзда Комитету Освобожденія предлагается: а) организовать планомѣрную вооруженную борьбу съ реакціей до полнаго изгнанія добровольцевъ изъ предѣловъ губерніи. б) Немедленно приступить къ переговорамъ съ Кубанской Радой на предметъ вхожденія Черноморья, какъ автономной единицы въ составъ Кубани, но при непремѣнномъ условіи полнаго разрыва Кубани съ Доброарміей и пополненія Рады свободно выбранными представителями гражданъ Черноморской губ. в) обратиться ко всей трудовой демократіи, какъ къ третьей силѣ, съ призывомъ соорганизоваться, выявить свою волю и биться съ реакціей подъ своими знаменами. г) обратиться къ Совѣту Народныхъ Комиссаровъ и партіи коммунистовъ съ предложеніемъ отказа отъ партійной диктатуры и требованіемъ образованія коалиціоннаго соціалистическаго Правительства. д) обратиться къ трудовой демократіи Европы и Америки съ протестомъ противъ помощи, оказываемой имъ Правительствамъ Россійской реакціи, и противъ экономической блокады, обрекающей широкія массы народа на голодную смерть, болѣзни и нищету.

V

ПРИКАЗЪ ЧЕРНОМОРСКОМУ КРЕСТЬЯНСКОМУ ОПОЛЧЕНІЮ № 3.

26 января 1920 года.

Пятьдесятъ вторая отдѣльная бригада Добровольческой арміи въ составѣ шести батальоновъ при четырехъ орудіяхъ и 20 пулеметахъ расположена въ раіонѣ Веселое-Шиловка-Адлеръ и занимаетъ позицію по правому берегу рѣки Псоу, отъ берега моря до сѣверной опушки селенія Михельрипшъ. Передовая линія (по рѣкѣ Псоу) занята сторожевымъ охраненіемъ, при чемъ наиболѣе сильныя заставы находятся: на Веселовскомъ мосту, — одна рота съ двумя пулеметами, на Шиловскомъ хребту (у сліянія Псоу съ Троицкимъ ручьемъ) — 1 рота съ 2 пулеметами и на сѣверной опушкѣ села Михельрипшъ — 1 рота съ 2 пулеметами. Резервы расположены: въ сел. Веселомъ — 1 бат., 4 орудія и 4 пулемета, въ сел. Шиловка — 1 бат. и 2 пулем., у Молдавскаго моста — 1 бат. и 4 пулем. и въ г. Адлерѣ — $1^1/_2$ бат. и 6 пулеметовъ.

Черноморскому крестьянскому ополченію на разсвѣтѣ 28-го Января АТАКОВАТЬ противника, сбить его части съ позиціи и занять переправы черезъ рѣку Мзымту, для чего:

1. ОТРЯДУ РОЩЕНКО. (120 штыковъ и 1 пулем.) Выступивъ сегодня въ 14 часовъ и обойдя горами черезъ Аибгу и Дзыхру лѣвый флангъ противника и соединившись въ Дзыхрѣ съ Аибгинскимъ отрядомъ (50 штыковъ) и Ахштырской ротой (80 штыковъ) — выйти въ ночь на 28 Января на Краснополянское шоссе въ районѣ Казачьяго брода. Въ 5 час. 28 Января атаковать съ тылу Молдовское предмостное укрѣпленіе и расположенный у моста батальонъ противника. Занявъ мостъ, оставить на немъ 100 штыковъ съ пулеметомъ, а съ остальными двигаться на соединеніе съ 1-й дружиной по тропѣ Черешня — Михельрипшъ.
2. ПЕРВОЙ ДРУЖИНѢ Скобелева и ТРЕТЬЕЙ ДРУЖИНѢ Казанскаго (всего 300 штык. и 2 пулем.). Сосредоточиться въ д. Сулево къ 20 час. 27 Января и къ 4 час.

28 Января тихо спуститься къ Псоу и при первыхъ выстрѣлахъ съ молдовскаго направленія атаковать заставы Добровольцевъ у слiянія Псоу съ Троицкимъ ручьемъ и въ сел. Михельрипшъ. По занятіи Шиловки и Михельрипша — выславъ развѣдку и походныя заставы на Веселое, двигаться черезъ Шиловскій гребень къ Мзымтѣ.

3. ВТОРОЙ ДРУЖИНѢ Дзидигури (120 штыковъ и 1 пулеметъ). Одновременно съ 1 и 3 дружинами спуститься къ Псоу и, прикрывая ихъ переправу, составить общій резервъ. По занятіи Шиловки и Михельрипша двигаться на Веселое, занявъ возвышенность между Веселымъ и Шиловкой, гдѣ ожидать дальнѣйшихъ приказаній, поддерживая связь съ 1 дружиной.

4. ОХОТНИЧЬЕЙ КОММАНДѢ Гвасалія (70 штыковъ и 1 пулеметъ). Къ 20 час. 27-го Января прибыть на сѣв. опушку Ермоловска. Въ 5 час. 28 Января начать демонстрацію противъ Веселовского моста, открывъ пулеметный огонь. Выслать дозоръ для связи съ 1-й дружиной. Въ случаѣ паники въ Веселомъ — атаковать мостъ и стараться проникнуть въ Веселое, выславъ немедленно второй дозоръ для связи съ 2 дружиной на Шиловскій гребень. Въ случаѣ очищенія противникомъ с. Веселое, оставивъ въ Веселомъ дозоръ для связи съ Дзидзигури, двинуться по дорогѣ на Адлерскую переправу.

5. Начальнику связи поручику Михлину провести къ 20 час. 27-го Января полевой телефонъ между Сулево и сѣв. опушкой Ермоловска, а по занятіи Шиловки — между Сулево и Шиловкой. Центральную станцію устроить въ Сулевской школѣ.

6. Общее начальство надъ 1, 2 и 3 дружинами принять моему замѣстителю Г. Э. Учадзе, которому прибыть въ Сулево къ 20 час. 27 Января. Въ его распоряженіе командируется начальникъ штаба 2 дружины В. Фовицкій.

7. Я буду находиться въ ночь съ 27 на 28 Января при охотн. ком. Гвасалія въ Ермоловкѣ. Пор. Михлину вмѣняю въ обязанность поддерживать безпрерывную связь между мной и Учадзе черезъ конно-ординарцевъ и телефонъ.

8. Всѣмъ командирамъ дружинъ и отрядовъ напоминаю мое распоряженіе о поддержаніи тѣсной связи съ сосѣдями и со штабомъ. Срочныя донесенія присылать мнѣ (на центральную телефонную станцію въ Сулево) въ 6, 8, 10 и 12 час. 28 Января. Въ 13 час. всѣ командиры частей получаютъ новую диспозицію.

9. Перевязочный пунктъ открыть въ Сулевской школѣ.

10. Плѣнныхъ направлять старостамъ Сулево и Эстонки (въ сельское правленіе).

11. Мои замѣстители — Учадзе и Казанскій.

Командующій ополченіемъ *Н. Вороновичъ.*
Начальникъ Штаба *М. Сергѣевъ.*

VI

ОБРАЩЕНІЕ КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНІЯ ЧЕРНОМОРЬЯ КЪ КУБАНСКОЙ РАДѢ.

Комитетъ Освобожденія Черноморья, избранный черноморскимъ Крестьянскимъ Съѣздомъ 18-го ноября и закончившій 3-го февраля первую часть своей задачи очищеніемъ Сочинскаго округа отъ деникинцевъ, обращается къ Кубанской Радѣ со слѣдующимъ заявленіемъ:

1. Черноморскіе крестьяне и рабочіе желаютъ мира и дружбы съ кубанской демократіей.

2. Принявъ на себя всю полноту власти, Комитетъ Освобожденія Черноморья обращается къ Кубанской Законодательной Радѣ съ призывомъ немедленно отозвать свои войска съ туапсинскаго фронта.

3. Комитетъ Освобожденія предлагаетъ Кубанской Законодательной Радѣ приступить, тотчасъ по снятіи туапсинскаго фронта, къ установленію экономическихъ соглашеній съ Черноморьемъ и прислать для этого своихъ представителей.

4. Комитетъ Освобожденія вступилъ черезъ своего правомочнаго представителя въ непосредственныя сношенія съ правительствомъ Грузіи, Азербейджана и Арменіи, а также западно-европейскими государствами и Соединенными Штатами Сѣверной Америки.

5. Прибывшему на миноносцѣ по занятіи нашими войсками г. Сочи парламентеру великобританскаго правительства даны всѣ вышеуказанныя разъясненія и отъ него получена гарантія невмѣшательства въ дѣйствія новой власти Черноморья.

Предсѣдатель Комитета *В. Филипповскій.*
Товарищъ Предсѣдателя *Н. Вороновичъ.*
Секретарь *С. Теръ-Григорьянъ.*

Сочи 9-го февраля 1920 года.

VII

ДЕКЛАРАЦІЯ ПО ТЕКУЩЕМУ МОМЕНТУ, ПРИНЯТАЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ФРАКЦІЕЙ СОЧИНСКАГО КРЕСТЬЯНСКО-РАБОЧАГО СЪѢЗДА.

Крестьянство Сочинскаго округа изнемогало отъ произвола и насилій властей Добрарміи, насиліемъ и вопреки волѣ мѣстнаго населенія захватившихъ округъ. Власти эти, подъ предлогомъ борьбы съ большевизмомъ, воздвигли безпощадныя гоненія на крестьянъ, раззорили ихъ хозяйства и звѣрскимъ образомъ шомполовали, вѣшали и разстрѣливали крестьянъ.

Единодушнымъ порывомъ, организовавшись вокругъ Комитета Освобожденія Черноморской губ., Сочинскіе крестьяне изгнали насильниковъ изъ предѣловъ своего округа и готовы оказать братскую поддержку крестьянамъ и рабочимъ сосѣднихъ Туапсинскаго и Новороссійскаго округовъ для того, чтобы помочь имъ также освободиться отъ произвола Деникинцевъ.

Крестьянство Сочинскаго округа, испытавшее на себѣ весь ужасъ безправнаго существованія подъ властью слугъ черной реакціи, торжественно заявляетъ, что оно готово до послѣдней капли крови бороться противъ всякихъ попытокъ новаго насильственнаго захвата своей территоріи. Всякая посторонняя сила сможетъ перейти черезъ границы округа только по трупамъ всего Сочинскаго крестьянства.

Трудящееся населеніе Сочинскаго округа желаетъ полнаго внутренняго самоуправленія и установленія у себя въ округѣ началъ истиннаго народоправства. Мы, крестьяне и рабочіе Сочинскаго округа, не ставимъ цѣлями своей дальнѣйшей борьбы завоеванія чужихъ территорій и не стремимся, подобно Добрарміи подчинять себѣ другіе народы. Мы жаждемъ прекращенія безсмысленной братоубійственной гражданской войны. Мы не хотимъ отдѣляться отъ Россіи въ самостоятельное государство и иначе не представляемъ себѣ Россію, какъ свободную федеративную республику, то-есть, какъ свободный союзъ свободныхъ народовъ. Но мы не хотимъ такого объединенія подъ властью насильниковъ и можемъ вступить въ переговоры о такомъ союзѣ лишь съ народными представителями сосѣднихъ областей.

А потому чрезвычайный съѣздъ крестьянъ и рабочихъ Сочинскаго округа, пополненный представителями трудящихся Туапсинскаго и Новороссійскаго округовъ, признавъ себя впредь до созыва губернскаго съѣзда единственнымъ правомочнымъ выразителемъ воли трудовой демократіи Черноморской губерніи, постановляетъ:

1. Вручить переизбранному на съѣздѣ Комитету Освобожденія Черноморья всю полноту власти въ губерніи, впредь до созыва губернскаго крестьянско-рабочаго съѣзда.

2. Поручить Комитету Освобожденія созвать такой съѣздъ тотчасъ послѣ освобожденія двухъ третей губерніи.
3. Одобрить всѣ рѣшенія делегатскаго съѣзда Черноморскихъ крестьянъ, состоявшагося 18-го ноября прошлаго года и предложить Комитету освобожденія продолжать работать, придерживаясь принятыхъ прошлымъ и настоящимъ съѣздами рѣшеній.
4. Предложить Комитету Освобожденія установить дружественныя и добрососѣдскія отношенія со всѣми сосѣдними народами и демократическими правительствами, а также и съ тѣми иностранными государствами, которыя не будутъ вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла.
5. Предостеречь Комитетъ Освобожденія отъ какихъ либо сношеній съ реакціонными властями Добрарміи или другими безотвѣтственными правительствами.
6. Поручить Комитету Освобожденія и Главному Штабу Черноморскаго Крестьянскаго Ополченія продолжать организованную вооруженную борьбу съ реакціей для защиты добытой кровью нашихъ братьевъ свободы и для защиты нашей территоріи отъ всякихъ попытокъ захвата ее посторонними силами.

Мы, крестьяне и робочіе Сочинскаго округа, увѣрены, что настоящая декларація будетъ правильно понята и встрѣчена съ сочувствіемъ всей Россійской и иностранными демократіями и что наши справедливыя желанія и стремленія будутъ поддержаны всѣми истинными друзьями мира и свободы.

Копіи настоящей декларації поручаемъ Комитету Освобожденія препроводить Кубанской Краевой радѣ, Правительствамъ Закавказскихъ республикъ, Московскому совѣту народныхъ комиссаровъ, иностраннымъ миссіямъ, находящимся на Кавказѣ и Югѣ Россіи, а также помѣстить въ Россійскихъ, Закавказскихъ и иностранныхъ газетахъ.

г. Сочи, 24-го февраля 1920 года.

VIII

НОТА КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНІЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ АНГЛІЙСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ЮГѢ РОССІИ.

Избранный 26-го февраля на Чрезвычайномъ Крестьянско-Рабочемъ съѣздѣ Комитетъ Освобожденія Черноморья, выполняя волю съѣзда, по вопросамъ, поднятымъ на съѣздѣ Представителемъ Англійскаго Правительства, сообщаетъ слѣдующее:

1. Черноморское крестьянство, неоднократно обманутое властями Добрармія, возглавляемой ген. Деникинымъ, совершенно не довѣряетъ ни этимъ властямъ, ни ген. Деникину. А посему Комитетъ не можетъ вступать ни въ какіе переговоры съ ген. Деникинымъ.

2. Комитетъ Освобожденія отъ имени всей трудовой демократіи Черноморской губ. заявляетъ, что твердое рѣшеніе крестьянъ и рабочихъ освободить свою территорію Черноморской губ. отъ той власти, которая не признается и никогда не будетъ признана ими. Крестьяне безповоротно рѣшили или погибнуть въ этой борьбѣ или окончательно освободить Черноморье отъ власти Деникина.

3. Въ виду того, что съѣздъ поручилъ Комитету завязать дружественныя и добрососѣдскія отношенія со всѣми сосѣдними народами, Комитетъ желаетъ вступить въ переговоры съ избранными представителями казачества, почему еще разъ подтверждаетъ свою радіограмму отъ 9-го февраля Кубанской Радѣ.

4. Комитетъ находитъ явное противорѣчіе въ заявленіи премьера Ллойдъ-Джоржа въ Палатѣ Общинъ о прекращеніи военной помощи Колчаку и Деникину — съ заявленіемъ Особоуполномоченнаго Англійскаго Правительства на югѣ Россіи о продолженіи оказанія военной поддержки ген. Деникину.

Предсѣдатель Комитета *В. Филипповскій-Самаринъ.*

27-го февраля 1920 года. г. Сочи.

IX

ПРОЭКТЪ СОГЛАШЕНІЯ МЕЖДУ КОМИТЕТОМЪ ОСВОБОЖДЕНІЯ ЧЕРНОМОРЬЯ И КУБАНСКИМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.

Представитель Комитета Освобожденія Черноморья В. Н. Филипповскій и Членъ Главнаго Штаба Черноморскаго Ополченія Москвичевъ съ одной стороны, Предсѣдатель Кубанскаго краевого Правительства Иванисъ и товарищъ предсѣдателя Верховнаго круга Дона, Кубани и Терека Мамоновъ съ другой стороны, въ присутствіи представителя Грузинскаго правительства — тов. предсѣдателя Главнаго Штаба Народной Гвардіи Республики Грузіи Д. Сагирашвили, 30-го Марта 1920 года въ городѣ Гаграхъ выработали между собой слѣдующій проэктъ соглашенія:

Пунктъ первый. Войска Кубанскаго краевого правительства, вошедшія на территорію Черноморской губерніи, не вмѣшиваются во внутреннюю жизнь края.

Пунктъ второй. Всѣ самоуправленія крестьянъ и рабочихъ остаются неприкосновенными.

Пунктъ третій. Населеніе Черноморской губерніи Кубанской краевой властью не можетъ быть мобилизовано для борьбы съ совѣтской властью.

Пунктъ четвертый. Крестьяне и рабочіе Черноморья не разоружаются и свободно расходятся по домамъ.

Пунктъ пятый. Крестьяне и рабочіе сохраняютъ право созыва крестьянско-рабочаго съѣзда для установленія отношеній къ Кубанской краевой власти и для созданія своей мѣстной власти.

Пунктъ шестой. Расквартированіе войскъ и всѣ сношенія съ мѣстнымъ населеніемъ происходятъ черезъ посредство мѣстныхъ органовъ самоуправленія крестьянъ и рабочихъ.

30-го Марта 1920 года. Гагры.

Слѣдуютъ подписи всѣхъ перечисленныхъ въ текстѣ лицъ.

(Тифлисскія газеты отъ 3-го Апрѣля 1920 г.)

X

ПРОТЕСТЪ

ВСѢМЪ НАРОДАМЪ И НАРОДНЫМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВАМЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ОБРАЗОВАНІЙ, СОЗДАВШИХСЯ НА ТЕРРИТОРІИ РОССІИ И ДЕМОКРАТІЯМЪ ЕВРОПЫ.

Двѣ недѣли тому назадъ войска Кубани, Дона и Терека безъ всякаго предупрежденія помимо воли и согласія крестьянскаго населенія Сочинскаго Округа, вторглись въ наши предѣлы и сразу заговорили языкомъ пулеметовъ и пушекъ. Стоявшая подъ Туапсе Черноморская рабоче-крестьянская армія отошла на Сѣверъ и предоставила Сочинское крестьянство собственнымъ своимъ силамъ Отобранныя у добровольцевъ пушки и пулеметы мы отдали на фронтъ Черноморской арміи, а сами остались почти безъ оружія. Наскоро сформированный небольшой крестьянскій отрядъ въ теченіе нѣсколькихъ дней старался сдержать натискъ стихійно-наступившей лавины казаковъ генерала Шкуро на границѣ Сочинскаго Округа, но принужденъ былъ отойти. Прибывшіе въ Гагры представители Кубанскаго правительства и Верховнаго Круга заявили нашимъ представителямъ, что казаки готовы пойти на какія угодно уступки, готовы не вмѣшиваться въ мѣстное самоуправленіе, но требуютъ, чтобы Сочинскіе крестьяне свободно впустили ихъ на свою территорію. Прежде чѣмъ вести какіе-бы то ни было переговоры, наши представители потребовали немедленнаго пріостановленія дальнѣйшаго вторженія корпуса Шкуро за предѣлы Сочинскаго Округа

Предсѣдатель Кубанскаго правительства Иванисъ и Товарищъ Предсѣдателя Верховнаго Круга Мамоновъ согласились на это, прося во время перемирія созвать Кре-

стьянскій съѣздъ, но генералъ Шкуро, который, какъ оказалось впослѣдствіи, дѣйствуетъ совершенно самостоятельно, признавая не Кубанское правительство, а исключительно генерала Деникина, согласившись на трехдневное перемиріе, нарушилъ его на слѣдующій же день и воспользовавшись тѣмъ, что крестьяне готовились къ съѣзду, занялъ безъ боя Сочи. Нѣсколько скрывая свои намѣренія, генералъ Шкуро заявилъ нашимъ представителямъ, что онъ во что бы то ни стало займетъ не только Сочинскій, но также Гагринскій и Сухумскій Округа, а поэтому, гарантируя населенію жизнь и имущество, никакихъ другихъ гарантій не даетъ.

Наученые горькимъ опытомъ прошлаго, Сочинское крестьянство хорошо понимаетъ, что значатъ гарантіи Добровольческихъ генераловъ а поэтому рѣшило не поддаваться никакимъ завѣреніямъ этихъ генераловъ и уйти въ горы, гдѣ и защищаться отъ насильниковъ, предводительствуемыхъ Шкуро, Шифнеръ-Маркевичемъ и другими сотрудниками Деникина.

Жаждавшіе прекращенія братоубійственной войны, Сочинскіе крестьяне полагали, что съ изгнаніемъ Деникинцевъ для Сочинскаго Округа насталъ конецъ гражданской войны. Но оставшіеся безъ территоріи Добровольческіе генералы рѣшили использовать казачество для продолженія этой войны, перенеся его изъ предѣловъ Кубани на Черноморское побережье. Выдвинутые Верховнымъ Кругомъ лозунги справедливости и демократичности оказались пустыми словами и казаки силой орудія проливая крестьянскую кровь, хотятъ покорить Черноморскую губернію.

Бросая на произволъ судьбы свои семьи, оставляя незасѣянными поля, будучи безсильными задержать хлынувшую въ округъ лавину въ 70,000 казаковъ, Сочинское крестьянство заявляетъ всему цивилизованному міру свой протестъ противъ настоящаго нашествія, которое грозитъ всѣмъ намъ голодной смертью и полнымъ физическимъ истребленіемъ.

По Порученію делегатовъ отъ крестьянъ Сочинскаго Округа
Президіумъ Комитета освобожденія Черноморья

Селеніе Ахштырь, 5-го Апрѣля 1920 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО.

ПРЕДСѢДАТЕЛЮ ВЕРХОВНАГО КРУГА ДОНА, КУБАНИ И ТЕРЕКА И. П. ТИМОШЕНКО.

Милостивый Государь Иванъ Петровичъ.

Ознакомившись съ Вашими заявленіями, помѣщенными на столбцахъ Тифлисскихъ газетъ, я не могу удержаться, чтобы не обратиться къ Вамъ съ этимъ письмомъ и не выразить своего глубочайшаго изумленія по поводу данныхъ Вами мѣстной прессѣ разъясненій, совершенно расходящихся съ дѣйствительностью.

Меня особенно поражаетъ Ваше желаніе свалить вину за всѣ ужасы, происходящіе сейчасъ въ Сочинскомъ округѣ, съ больной головы на здоровую. По Вашимъ словамъ во всемъ виноватъ «Комитетъ освобожденія», который нарушилъ подписанное соглашеніе съ кубанскимъ правительствомъ. На это я долженъ отвѣтить, что или Вы совершенно не въ курсѣ происшедшихъ событій, или же (чему я не хочу вѣрить) сознательно искажаете факты.

Поэтому позволю себѣ напомнить Вамъ эту дѣйствительность.

30-го марта предсѣдатель К. О. Ч. Филипповскій, членъ главнаго штаба Ч. К. О. Москвичевъ, съ одной стороны, и предсѣдатель Кубанскаго правительства Иванисъ и тов. предс. Верховнаго Круга Мамоновъ — съ другой стороны, подписали извѣстный вамъ проектъ соглашенія. Проектъ этотъ долженъ былъ быть разсмотрѣнъ на объединенномъ пленарномъ засѣданіи «Комитета Освобожденія», и окончательно утвержденъ

или измѣненъ чрезвычайнымъ крестьянскимъ съѣздомъ. Для созыва съѣзда необходимо было временное прекращеніе военныхъ дѣйствій между крестьянскимъ ополченіемъ и войсками генерала Шкуро. Поэтому немедленно же былъ поднятъ вопросъ о трехдневномъ перемиріи. Для заключенія перемирія въ штабъ Шкуро выѣхали предсѣдатель К. О. Ч. Филипповскій, членъ главнаго штаба Трусовъ и товарищъ предсѣдателя верховного круга Мамоновъ. Перемиріе было установлено, но наши делегаты были чрезвычайно удивлены, когда, прощаясь съ ними, генералъ Шкуро заявилъ, что онъ «быть можетъ, не сдержитъ своего генеральскаго слова, и будетъ вынужденъ продолжать наступленіе». Затѣмъ штабъ Шкуро былъ предупрежденъ о томъ, что одинъ изъ отдѣльно дѣйствующихъ отрядовъ крестьянскаго ополченія сможетъ получить увѣдомленіе о перемиріи только поздно вечеромъ. Это предупрежденіе было передано лично начальнику передовой дивизіи генералу Агоеву, который сказалъ, что онъ приметъ это къ свѣдѣнію.

Однако, несмотря на такое предупрежденіе, придравшись къ тому, что названный отрядъ въ 4 ч. дня обстрѣлялъ казачью развѣдку, (кстати — обстрѣлъ былъ вызванъ передвиженіемъ, вопреки условіямъ перемирія, казачьяго разъѣзда) генералъ Шкуро заявилъ, что считаетъ перемиріе нарушеннымъ, перешелъ въ наступленіе, занялъ Сочи и не далъ возможности собрать окружной съѣздъ.

Но еще за нѣсколько часовъ до этого, наши телефонисты перехватили телефонограмму генерала Шкуро одному изъ начальниковъ отрядовъ, въ которой говорилось о томъ, что, въ виду эвакуаціи Туапсе, необходимо немедленно занять Сочи.

Я думаю, что теперь вамъ станетъ ясно, что, во первыхъ, никакого соглашенія не состоялось, ибо проектъ соглашенія не могъ быть разсмотрѣнъ ни пленумомъ «Комитета Освобожденія», ни крестьянскимъ съѣздомъ, и, во вторыхъ, что перемиріе было нарушено не крестьянами, а казачьимъ командованіемъ.

Не менѣе странно ваше заявленіе о какой то «провокаціи, сознательно или безсознательно распространяемой вокругъ факта оккупаціи казаками Сочинскаго округа». Вы говорите, что пришли къ намъ «какъ демократическая сила». Но я увѣренъ, что Вы отлично понимаете, что никакая демократія не позволитъ себѣ врываться вопреки волѣ другой демократіи въ чужой край, подвергать этотъ край полному разоренію и обрекать демократію этого края физическому истребленію.

Неужели Вы не знаете, что творитъ Ваша «демократическая сила» въ Сочинскомъ округѣ? Неужели Вы не читаете издающейся въ Сочи газеты, именуемой «Вѣстникомъ Кубанскаго Правительства»? Въ № 9 этой газеты совершенно ясно и опредѣленно сказано, что казаки, для спасенія себя самихъ и своихъ голодныхъ лошадей, принуждены истребить продовольственные запасы Сочинскихъ крестьянъ, потравить посѣвы и уничтожить сады. Но такъ какъ, — продолжаетъ Вашъ оффиціозъ, — казаки вынуждены сдѣлать это для своего спасенія отъ голодной смерти, то населенію рекомендуется не роптать, а спокойно умирать съ голоду, надѣясь, что при первой возможности кубанцы щедро вознаградятъ оставшихся въ живыхъ!

Извѣстно ли Вамъ, что генералъ Шкуро продаетъ на вывозъ весь валютный товаръ, имѣющійся въ Сочинскомъ округѣ и состоящій изъ табаку и саломаса? Знаете ли Вы, что этотъ табакъ свезенъ въ Сочи и Адлеръ, какъ натуральный налогъ для обмѣна на продовольствіе, въ которомъ такъ нуждается наше населеніе? Знаете ли вы, что подъ стоимость этого табака были выпущены размѣнные денежные знаки, находящіеся въ рукахъ населенія, и которые теперь ровно ничего не стоятъ такъ какъ обезпечивающій эти знаки товаръ вывезенъ спекулянтами, скупившими его за безцѣнокъ у Вашего генерала Шкуро? Извѣстно ли Вамъ что противъ такого ни чѣмъ не прикрытаго грабежа Вашему правительству заявленъ протестъ Сочинской городской управой и сельскими сходами.

Неужели такія дѣйствія Вы считаете «демократическими мѣропріятіями?»

Мнѣ кажется, что если Вы ознакомитесь съ содержаніемъ «Вѣстника Кубанскаго правительства», то Вы сами увидите, что сдѣланныя Вами въ Тифлисѣ заявленія совершенно расходятся съ дѣйствіями Вашего командованія въ Сочи. Ваши Сочинскіе коллеги

совершенно не отрицаютъ фактовъ уничтоженія у нашихъ крестьянъ всего продовольствія, сѣмянъ, посѣвовъ и наступившихъ вслѣдъ за этимъ голода и холеры. Они лишь заявляютъ, что сіе было неизбѣжно и вызвано извѣстными соображеніями.

На эти заявленія можно отвѣтить, что во первыхъ, всего этого можно было бы избѣжать, если-бы кубанское правительство не находилось въ полной зависимости отъ реакціонныхъ генераловъ, стоящихъ во главѣ казачьихъ войскъ, и во вторыхъ, что мѣстному населенію совершенно безразлично, какими соображеніями вызвано его разореніе незванными гостями, и какими принципами — демократическими или имперіалистическими — руководствуются эти гости.

Въ одной русской сказкѣ нѣкій карась на вопросъ, подъ какимъ соусомъ желаетъ онъ быть зажареннымъ, отвѣтилъ, что прежде всего, онъ совсѣмъ не хочетъ, чтобы его жарили, а если его тѣмъ не менѣе зажарятъ, то ему совершенно безразлично, подъ какимъ соусомъ его съѣдятъ! Черноморское крестьянство думаетъ такъ же, какъ и этотъ злополучный карась.

Я не въ состояніи отвѣтить на всѣ Ваши заявленія, ибо тогда письмо мое будетъ безконечно длиннымъ, но какъ избранникъ Сочинскаго крестьянства и какъ защитникъ его интересовъ, я обязанъ сообщить Вамъ, что хотя наше крестьянство страстно жаждало и жаждетъ прекращенія гражданской войны, нынѣ дѣйствующіе противъ Вашей «демократической силы» зеленые состоятъ исключительно изъ однихъ крестьянъ, которые были вынуждены взяться за оружіе для защиты своихъ семей отъ окончательнаго разоренія ихъ Вашей «демократіей».

Я долженъ указать Вамъ также и на то, что до Вашего нашествія наше крестьянство относилось къ кубанцамъ съ самой теплой симпатіей и что проклятія голодныхъ и ограбленныхъ крестьянъ, которыя теперь несутся вслѣдъ уходящимъ казакамъ, должны быть отнесены не къ рядовому казачеству, которое само умираетъ съ голоду на берегахъ Чернаго моря, а къ тѣмъ вождямъ, которые сознательно или безсознательно вовлекли казаковъ въ Черноморскую авантюру.

Вся отвѣтственность за гибель казаковъ и населенія отъ голода и вспыхнувшей теперь въ Сочинскомъ округѣ эпидеміи азіатской холеры, должна лечь только на этихъ вождей.

Мнѣ кажется, что вмѣсто того, чтобы вести на страницахъ Тифлисскихъ газетъ ненужную полемику съ представителями Черноморскаго крестьянства, доказывая Вашу «демократичность», было бы гораздо проще, если бы Вы здѣсь въ Тифлисѣ откровенно заявили то, что говорятъ въ Сочи Ваши коллеги, а именно: что для спасенія казаковъ и ихъ лошадей Вы сознательно пошли на разореніе и физическое истребленіе крестьянскаго населенія Сочинскаго округа.

Заканчивая это письмо, я искренно желаю, чтобы ни одинъ народъ, ни одинъ край никогда бы не испытали тѣхъ ужасовъ, того голода и тѣхъ эпидемій, отъ которыхъ теперь гибнутъ крестьяне нашего несчастнаго округа, а съ ними вмѣстѣ и обманутые казаки.

Товарищъ предсѣдателя Комитета Освобожденія Черноморья
Предсѣдатель Главнаго Штаба Черноморскаго Крестьянскаго Ополченія
и Предсѣдатель Чрезвычайнаго Сочинскаго Окружнаго Съѣзда

Н. Вороновичъ.

24 апрѣля 1920 г. (Сухумская газета «Наше слово» отъ 30 апрѣля 1920 г.)

XII

ПРИГОВОРЪ.

Мы, нижеподписавшіеся, уполномоченные сельскихъ сходовъ Хостинскаго, Адлерскаго и Ахштырскаго районовъ Сочинскаго округа Черноморской губерніи, собравшись сего 17-го Іюня 1920 года, имѣли сужденіе объ арестахъ Совѣтскими властями Россій-

ской коммунистической республики избранныхъ нами на крестьянско-рабочемъ съѣздѣ 25-го февраля с. г. членовъ Комитета Освобожденія и другихъ нашихъ крестьянъ, которые бились съ кадетами за нашу свободу въ теченіе прошлой зимы.

Узнавъ о томъ, что наши избранники и товарищи посажены въ тюрьму, мы послали къ властямъ Россійской Совѣтской Республики ходоковъ съ просьбой отпустить ихъ на поруки всего крестьянскаго населенія. Однако въ Сочинскомъ Особомъ Отдѣлѣ нашимъ ходокамъ отказали въ этой просьбѣ.

Мы видимъ, что прибывшая къ намъ Рабоче-Крестьянская Совѣтская власть первымъ дѣломъ обратилась противъ крестьянъ. Мы видимъ также, что никакихъ совѣтовъ намъ не позволяютъ выбирать, а тѣ крестьянскіе совѣты, которые были у насъ при Комитетѣ Освобожденія — нынѣшняя Совѣтская власть разогнала.

Изъ приказовъ новой власти мы усмотрѣли, что насъ, крестьянъ, хотятъ поставить въ такое-же положеніе, въ какомъ мы находились при Деникинѣ.

Вмѣсто обѣщаннаго хлѣба, у насъ, раззоренныхъ Деникинцами и Шкуровцами, хотятъ отобрать послѣднее добро, которое у насъ еще уцѣлѣло.

Наше Крестьянское Ополченіе снова, какъ и при Деникинѣ, называютъ бандой, обезоруживаютъ и заставляютъ обратно уходить въ горы.

Все вышеуказанное мы не можемъ называть иначе, какъ насиліемъ коммунистической партіи большевиковъ. И мы постановили обо всѣхъ ихъ поступкахъ и притѣсненіяхъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, чтобы всѣ тѣ люди, которые имъ до сего времени довѣряютъ, знали, что Совѣтская власть большевиковъ для насъ, трудовыхъ крестьянъ, совершенно не подходитъ и мы такъ же точно желаемъ избавиться отъ нея, какъ избавились отъ кадетовъ. Въ чемъ и подписуемся.

(Двѣнадцать подписей и одинъ крестъ.)

Содержаніе

В. Д. Набоковъ въ 1917 г. — Бар. Б. Э. Нольде 5
Чрезвычайная Коммиссія по дѣламъ о бывшихъ министрахъ — С. А. Коренева 14
Записки о подпольномъ Временномъ Правительствѣ. — А. С. Демьянова 34
Межъ двухъ огней — Н. Вороновича 53
Поѣздка изъ Добровольческой Арміи въ «Красную Москву» — Б. Казановича 184
Побѣжденные — Г. Вилліама 203
Красный судъ — С. Кобякова 246

Документы

Ставка 25—26 Октября 1917 г. 279
Документы къ воспоминаніямъ Н. Вороновича 321

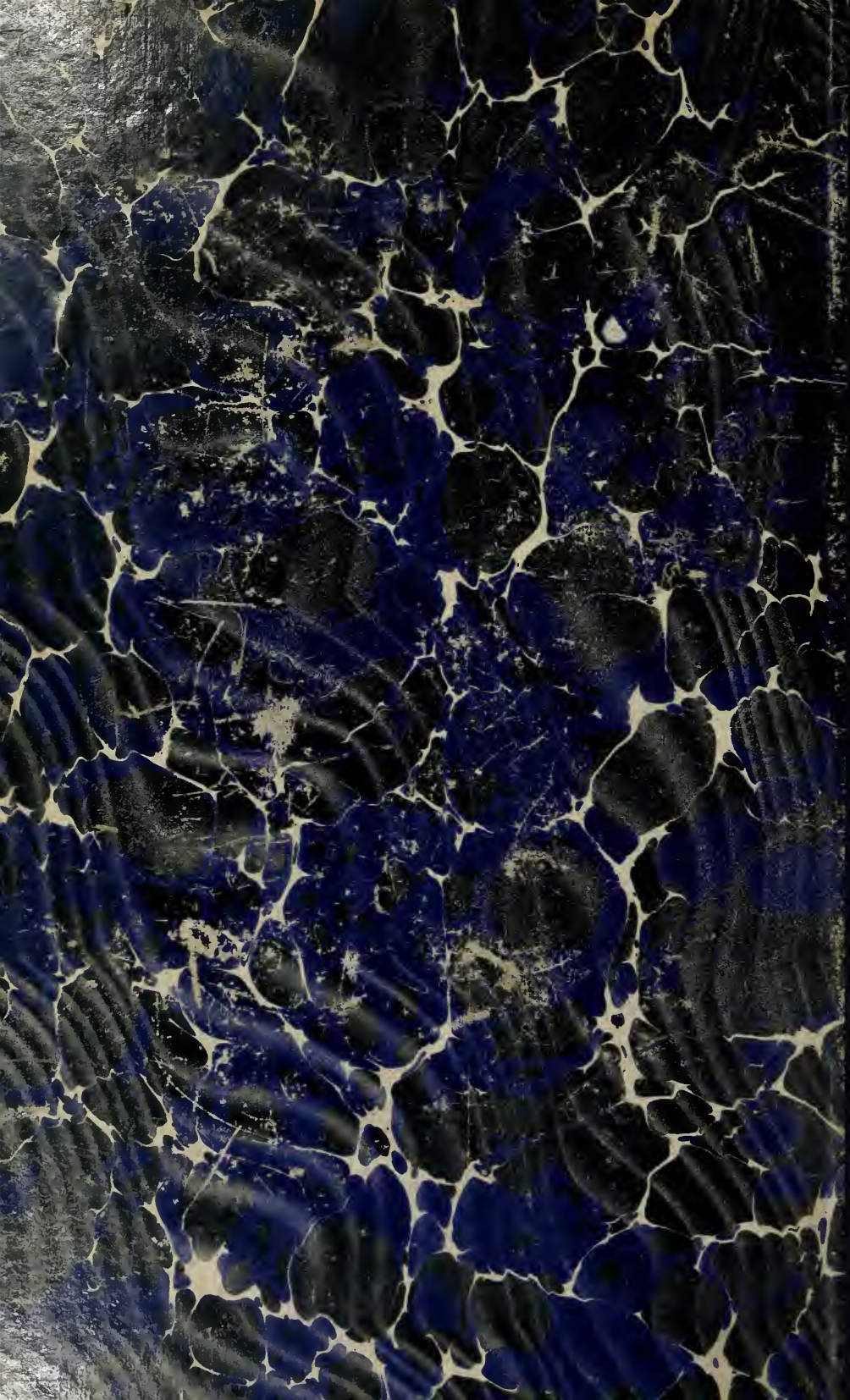
Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ

625085
P
HSlav
A
Arkhiv Russkoi Revolyutsii.
v. 7 (1922)

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED



Bibliothèque "LE PIDY"
N° 95
MEUDON-VAL-FLEURY

№ 254

Digitized by the Internet Archive
in 2009 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/arkhivrusskoirev08gess

P
Hoover
A
Archive Russkoi Revolyutsii

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

издаваемый
И. В. ГЕССЕНОМЪ

VIII

БЕРЛИНЪ 1923

625086
9.12.55

Всѣ права, въ томъ числѣ и право изданія на другихъ языкахъ, принадлежатъ
Издательству «СЛОВО»

На великомъ изломѣ

(Отчетъ гражданина о пережитомъ 1916—17 годахъ)

С. В. Завадскаго

Должно пшено Господнее въ зубахъ
Звѣриныхъ измолоться, чтобы Господнимъ
Быть чистымъ хлѣбомъ.

Жуковскій.

У меня нѣтъ будущаго: я старъ. У меня нѣтъ настоящаго: я бѣженецъ. Мысль невольно обращается къ прошлому, преимущественно недавнему, и я съ горечью убѣждаюсь, что возрастъ и мытарства послѣднихъ лѣтъ успѣли сильно погнуть мою память, которая когда то (и такъ ли ужъ далеко то время?) была почти безупречной.

И хочется закрѣпить на бумагѣ, что еще помнится, и беретъ сомнѣніе. Это ничего, что я — не болѣе, какъ «голосъ изъ толпы»: Герценъ, по моему, правъ, утверждая, что писать воспоминанія предоставляется всякому, лишь бы онъ умѣлъ разсказывать, да и было о чемъ разсказать. Но вотъ бѣда: ни клочка, который бы поспособствовалъ устраненію туманныхъ пятенъ и слѣпыхъ точекъ памяти, ни раны, которая бы закрылась въ душѣ окончательно и перестала болѣть.

Ну, что-жъ, — постараюсь ограничиться островками одной Wahrheit, не прибѣгая даже къ безразличной Dichtung, хотя бы это и вредило зодческой цѣлостности изложенія. А на душѣ у меня, — пусть боли и много, — накипи озлобленія и ненависти не образовалось; надѣюсь, что это мнѣ поможетъ удержаться въ предѣлахъ средняго безпристрастія; во всякомъ случаѣ, хочу быть скупымъ на характеристики и осторожнымъ въ приговорахъ, а если, передавая событія, не удержусь — предчувствую — и отъ высказыванія сужденія, то намѣреніе мое таково, чтобы они не повисали на людяхъ репейниками. Замѣчу, кстати, что я не забылъ ядовитыхъ словъ Щедрина о цѣнности размышленій въ «генеральскихъ» воспоминаніяхъ, но когда пишешь о пережитомъ внутреннее отъ внѣшняго часто неотдѣлимо.

Вольныхъ искаженій не допущу, за невольныя ошибки заранѣе прошу меня простить.

Я кончилъ: достоинства предисловій, въ моихъ глазахъ, измѣряются ихъ краткостью.

А теперь начинаю. «Дай, — огляпусь».

I

КАНУНЪ РЕВОЛЮЦІИ

И вотъ дурной конь понесъ меня,
и тутъ прорвало всѣ плотины.

Платонъ.

Послѣдній годъ стараго строя засталъ меня въ должности прокурора петроградской судебной палаты. Каждый глядитъ лишь въ свое окно и видитъ часть того, что совершается вокругъ, но тогда мое окно было достаточно широко и выходило не на задворки, а на улицу. Многому за этотъ годъ былъ я свидѣтелемъ, и кое что изъ воспоминаній моихъ, относящихся къ тому времени, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ на письмѣ, какъ бы въ дверяхъ повѣствованія о самой революціи.

Уже расшатывались скрѣпы, надламывались снайки, слышался вездѣ зловѣщій трескъ, — весь государственный укладъ разваливался.

Правительство не ставило себѣ принципіальныхъ задачъ: идти впередъ было ему страшно (да, пожалуй, и поздно), идти назадъ — было стыдно. Оставалось одно: отдаваться безсмыслицѣ случайной работы изо дня въ день, уподобляясь лошадямъ на топчакѣ, съ котораго никуда нѣтъ привода.

Отсутствіе у правительства программы было на первый взглядъ не такъ замѣтно изъ за лихорадочной смѣны министровъ. Моя старѣющая память, кого либо, можетъ быть, и пропускающая, насчитываетъ за одинъ 1916 годъ четырехъ предсѣдателей совѣта министровъ (И. Л. Горемыкина, Б. В. Штюрмера, А. Ф. Трепова, и кн. Н. Д. Голицина), четырехъ министровъ внутреннихъ дѣлъ (А. Н. Хвостова, Б. В. Штюрмера, А. А. Хвостова и А. Д. Протопопова), трехъ министровъ иностранныхъ дѣлъ (С. Д. Сазонова, Б. В. Штюрмера и Н. Н. Покровскаго), трехъ военныхъ министровъ (А. А. Поливанова, Д. С. Шуваева и ген. Бѣляева) и трехъ министровъ юстиціи (А. А. Хвостова, А. А. Макарова и Н. А. Добровольскаго). Но самыя смѣны эти едва ли могли быть такъ часты, если бы на очереди стояло осуществленіе хоть небольшой программы.

А чѣмъ чаще мѣнялись министры, тѣмъ хуже шло даже повседневное дѣло, тѣмъ меньше съ ними считались, тѣмъ труднѣе становился выборъ достойнаго или по крайней мѣрѣ удовлетворительнаго.

Все это едва ли требуетъ доказательствъ. Мѣнять машиниста на ходу поѣзда нельзя, и не всегда новый машинистъ пускаетъ въ ходъ поѣздъ безъ досаднаго толчка. Въ частности, нельзя было смотрѣть спокойно на перемѣны военныхъ министровъ во время величайшей войны и притомъ послѣ отступленія нашихъ войскъ изъ Галицкой Руси.

Также понятно, что не стоитъ не только слушаться калифа на часъ, но и прислушиваться къ нему. Скажу про себя, какъ прокуроръ столичной палаты, я по заведенному порядку обязанъ былъ представляться каждому предсѣдателю совѣта министровъ. Я и видѣлся съ И. Л. Горемыкинымъ и Б. В. Штюрмеромъ, а когда во главѣ кабинета сталъ А. Ф. Треповъ, я уже къ нему не поѣхалъ; не поѣхалъ я и къ кн. Н. Д. Голицину, хотя и былъ съ нимъ знакомъ. И не хотѣлось мнѣ представляться вновь не потому, что два первыхъ представленія

свелись исключительно къ разговору о моемъ покойномъ отцѣ: такой разговоръ лишенный всякаго служебнаго значенія, могъ и не повториться, — а просто мнѣ казалось безразличнымъ все, что бы я ни услышалъ отъ лица, берущаго бразды правленія, по всей видимости, опять на самое короткое время.

Что же касается трудности выбора, то у насъ (это, я думаю, безспорно) людей, годныхъ въ министры, хотя бы съ оговорками, всегда было мало, а потому увеличившійся спросъ на министровъ не могъ не понизить требованій, предъявляемыхъ къ уровню подготовки кандидатовъ. Если и основательно указываютъ, что совѣтскіе дѣятели почти сплошь берутся явно не за свое дѣло и что временное правительство допускало такого военнаго министра и верховнаго главнокомандующаго, какъ безнадежно штатскій А. Ф. Керенскій, то все же надобно признаться, что начало этому было положено назначеніями Б. В. Штюрмера и А. Д. Протопопова. Я не буду голословенъ, но ограничусь двумя примѣрами, по одному для каждаго. Штюрмеръ на посту министра иностранныхъ дѣлъ обнаружилъ невѣдѣніе, кому принадлежатъ Салоники*: исходъ балканскихъ войнъ остался ему непзвѣстнымъ. А министръ внутреннихъ дѣлъ Протопоповъ домогался, чтобы военное министерство разрѣшило въѣздъ въ Россію нѣмецкому шпіону; разумѣется, объ измѣнѣ руководителя русской внутренней политики не можетъ быть и рѣчи: просто нѣмецкій шпіонъ еще передъ войной, какъ хиромантъ предсказалъ А. Д. Протопопову, что онъ встанетъ во главѣ правленія, и Протопоповъ хотѣлъ теперь знать, исполнилось ли уже пророчество, или же ему предстоитъ дальнѣйшее возвышеніе**, — а кто такой этотъ хиромантъ, министру внутреннихъ дѣлъ заботы было мало.

И еще однимъ порокомъ страдало правительство: оно ни на кого не опиралось; оно не удовлетворяло ни крестьянъ, ни рабочихъ, ни торгово-промышленные круги, ни чиновничество, ни общественныхъ дѣятелей, ни землевладѣльцевъ; не удовлетворяло оно ни фронтъ, ни тылъ, ни лѣвыхъ, ни правыхъ; не удовлетворяло, повидимому, и самого царя. Не будучи увѣрено въ своей правотѣ, оно не могло внушить къ себѣ уваженія смѣлому; стыдясь своей неправоты, оно не могло показаться сильнымъ трусливымъ: власть крѣпка только тогда, когда массы или еще вѣрятъ въ ея безупречность, дающую ей нравственный авторитетъ, или убѣждены въ совершенной ея безсовѣстности, позволяющей ей не задумываться передъ средствами расправы.

Правда, этой бѣдѣ долго помогала удивительная косность русскихъ людей, какъ то безсознательно предпочитающихъ быть обывателями, а не гражданами, стадомъ, а не обществомъ, но такая государственная невоспитанность огромнаго большинства, даже въ образованныхъ кругахъ, была выгодна правительству, когда населеніе боялось, не будетъ ли отъ новшествъ еще хуже. А между 1905 и 1916 годами произошла наглядная перемѣна, и всѣ мы слышали передъ революціей повсюду одну и ту же фразу; «хуже не будетъ». Слова эти были въ корнѣ ошибочны: всегда можетъ быть хуже, потому что дно у чаши бѣдствій, по мѣрѣ ихъ накопленія, опускается. Но такое настроеніе въ массахъ должно было наводить на размышленія: инертная обывательская толща, еще въ 1905 году державшая дружественный нейтралитетъ по отношенію къ правительству,

---

* Показаніе, данное въ верховной слѣдственной комиссіи лицомъ, полная освѣдомленность котораго стоитъ внѣ сомнѣнія. Не называю его, такъ какъ полагаю, что свидѣтели въ правѣ притязать на оглашеніе своихъ показаній лишь на судѣ.

** Объ этомъ подробнѣе будетъ разсказано дальше (во второй главѣ второй части).

очевидно собиралась въ слѣдующей схваткѣ стараго и новаго осчастливить этимъ нейтралитетомъ уже революціонеровъ.

Уцѣлѣлъ ли по крайности послѣдній столпъ старины: обаяніе царскаго имени въ широкихъ народныхъ низахъ? Пусть на правительство злобятся, но царь то, царь? Многіе горячо хотѣли вѣрить, что уцѣлѣлъ. Вѣрилъ этому, кажется, и самъ несчастный царь; но вѣра его покоилась на такомъ зыбкомъ основаніи, какъ всеподданнѣйшіе доклады А. Д. Протопопова и выкрики крайне правыхъ организацій. Всего за нѣсколько дней до крушенія стараго строя министръ внутреннихъ дѣлъ отослалъ императрицѣ записку о настроеніи умовъ въ государствѣ и утверждалъ въ этой запискѣ, что крестьянство беззавѣтно предано царю и его семьѣ и что всякая революціонная попытка будетъ смыта волною народнаго негодованія. Увы, самъ Протопоповъ потомъ * сознался, что писалъ завѣдомую ложь: хотѣлъ будто бы успокоить и ободрить. Въ дѣйствительности царское имя потускнѣло въ народѣ, и потускнѣло оно также за послѣднее передъ революціей десятилѣтіе **. Хоть и говорятъ, что примѣры не доказательство, но я безъ примѣровъ ни на шагъ и опять таки приведу здѣсь два. Въ 1905 году кучка революціонеровъ устроила митингъ, если не ошибаюсь, около станціи Веребье (Николаевской ж. д., въ предѣлахъ Новгородской губ.); пока они говорили крестьянамъ противъ помѣщиковъ, слушатели выражали полное свое одобреніе; но вотъ ораторъ перешелъ къ тому, что не будетъ царя; крестьяне насторожились: какъ же это такъ? Я пишу по памяти, но разсказываю не анекдотъ, а фактъ. До сихъ поръ помню, какъ крестьянинъ свидѣтель съ искреннимъ негодованіемъ говорилъ: «Мы спрашиваемъ, какъ же можно безъ царя, а онъ возьми да покажи на Никиту; вотъ, говоритъ, хоть его можно будетъ замѣсто царя выбрать. Это Никиту то царемъ! Ну, мы и того . . .» Я увлекся по примѣру Ѳукидида и привелъ будто бы подлинныя слова, но право противъ тона показанія не погрѣшилъ ни на волосъ. Митингъ былъ прерванъ; революціонеровъ начали бить и не на шутку: они бѣжали что-то около версты до станціи, но и тамъ крестьяне пытались продолжать избіеніе, которое прекращено было только вмѣшательствомъ станціоннаго жандарма. Это происходило въ концѣ 1905 года, а въ 1917 году, почти наканунѣ революціи, Тамбовскій (кажется, не ошибаюсь) окружный судъ разбиралъ заурядное дѣло о злочномъ оскорбленіи царя; главнымъ свидѣтелемъ обвиненія выступилъ степенный старикъ, сѣдой дѣдъ; онъ показывалъ, какъ онъ упималъ подсудимаго; и, глядя ясными глазами на судей, свидѣтель произноситъ: «зачѣмъ ты, говорю, царя то трогаешь? Ты его, говорю, не трожь; онъ тутъ не при чемъ. Ты ее, ругай . . .» И здѣсь свидѣтель безмятежно, въ засѣданіи суда, началъ поносить императрицу. Это была уже не пьяная и не мальчишеская брань, такъ что судьи растерялись: хоть новое дѣло сейчасъ же начинай ***.

Нѣтъ, грозныхъ признаковъ было довольно. И все это насъ обязывало. У насъ и бывали мгновенья просвѣта. Но мысль робка, а чувство властно. Многіе совсѣмъ не допускали возможности революціи: все какъ нибудь обойдется. Многіе видѣли ея неизбѣжность, — но не теперь же она, не завтра же будетъ. А она уже стучалась въ дверь . . .

* На допросѣ въ верховной комиссіи.

** Теперь и замѣчалъ признаки обратнаго теченія.

*** Слышалъ тогда же отъ А. А. Миндера, въ то время старшаго предсѣдателя Саратовской судебной палаты.

Я не задаюсь воспроизведеніемъ всего, что происходило на моихъ глазахъ въ теченіе 1916 года, и предлагаю вниманію читателей лишь нѣсколько отрывковъ. Постараюсь выбрать наиболѣе характерное для этой поры предсмертныхъ судорогъ стараго режима.

1. ДѢЛО ХРУСТАЛЕВА-НОСАРЯ

Съ самаго вступленія моего въ должность прокурора палаты и почти каждый день, принимаясь за разсмотрѣніе вновь вступившихъ бумагъ, находилъ среди нихъ одно, а то и два прошенія Хрусталева-Носаря.

Звукъ этого имени вѣетъ теперь поистинѣ чѣмъ то стародавнимъ, а у нѣкоторыхъ оно, быть можетъ, и вовсе выпало изъ памяти. Было, однако, время, когда оно наряду съ именемъ Бронштейна властно навязало себя всему Петрограду, тогда еще Петербургу. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго Георгій Степановичъ Носарь (революціонный псевдонимъ — Хрусталевъ) былъ предсѣдателемъ, а Бронштейнъ (нынѣ всѣмъ извѣстный подъ фамиліей Троцкаго) — товарищемъ предсѣдателя того петербургскаго совѣта рабочихъ (безъ иныхъ добавленій) депутатовъ, съ которымъ въ концѣ 1905 года самъ Витте счелъ необходимымъ вести переговоры, прежде чѣмъ рѣшился взять его членовъ подъ стражу.

Сосланный по суду въ Сибирь, Хрусталевъ-Носарь оттуда бѣжалъ заграницу; онъ проживалъ въ Парижѣ, когда началась послѣдняя европейская война. Хрусталева потянуло на родину, и онъ обратился къ русскому послу во Франціи и къ нашему правительству въ Петроградѣ съ соотвѣтствующими просьбами. Разрѣшенія вернуться онъ не получилъ; ему, кажется, вовсе не отвѣтили. Тѣмъ не менѣе, онъ собрался въ путь и поѣхалъ. Разумѣется, его арестовали при въѣздѣ въ Россію и, по доставленіи въ столицу, возбудили противъ него обвиненіе въ побѣгѣ съ поселенія.

Дѣло это возникло до того, какъ я сталъ прокуроромъ палаты. Хрусталевъ былъ простою пѣшкой революціи, идя въ поводу, какъ и многіе другіе, у Троцкаго; живя въ Парижѣ, онъ утерялъ всякое значеніе въ мѣстныхъ эмигрантскихъ кругахъ, сталъ, говоря кратко, живымъ мертвецомъ: на немъ поставили крестъ; въ Россію его влекло искреннее желаніе послужить родинѣ въ грозный часъ ея борьбы съ внѣшними врагами. И я до сихъ поръ не понимаю, почему его нельзя было простить и принять; по всей вѣроятности, мѣшалъ громкій титулъ предсѣдателя, но вѣдь только титулъ, потому что дѣйствительнымъ предсѣдателемъ, и даже не предсѣдателемъ, а властителемъ въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ 1905 года былъ Троцкій.

Разъ что прощенія не послѣдовало, дѣло не представляло никакихъ трудностей для судебной власти: бѣжалъ съ поселенія — отправляйся на каторгу. Даже и присяжныхъ не нужно. Однако я засталъ производство по дѣлу все еще въ стадіи предварительнаго слѣдствія. Правда, Хрусталевъ настойчиво домогался примѣненія къ нему манифеста 1913 года (по случаю трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ); но подъ манифестъ онъ, очевидно, не подходилъ: пропустилъ указанный въ манифестѣ срокъ на возвращеніе; значитъ, и надъ этимъ долго думать было нечего. Боюсь, что забылъ истинную причину замедленія въ ходѣ слѣдствія, но впечатлѣніе осталось у меня такое: никого Хрусталевъ уже не занималъ, а петроградскіе слѣдователи, при чрезмѣрной обремененности работою, были вынуждены двигать въ первую голову только важныя

дѣла; къ нимъ, конечно, обычно причислялись и арестантскія, но не такія же, обвиняемымъ по которымъ все равно грозило съ неизбѣжностью гораздо худшее заключеніе въ каторжной тюрьмѣ.

Чего только не писалъ Хрусталевъ въ своихъ безчисленныхъ прошеніяхъ: всѣхъ онъ обвинялъ въ пристрастномъ къ нему отношеніи, въ умышленной къ нему несправедливости; но красной нитью черезъ его писанія проходило непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что онъ — вѣрный сынъ родины, окруженный измѣнниками, продающими Россію нѣмцамъ. Ненависть его главнымъ образомъ обрушивалась на предсѣдателя и прокурора петроградскаго окружнаго суда, измѣна которыхъ была для него очевидна. Помню, что въ одномъ изъ прошеній онъ требовалъ строжайшаго разслѣдованія причинъ приведшихъ къ освобожденію изъ пересыльной тюрьмы, гдѣ онъ тогда содержался, какого то нѣмецкаго подданнаго, будто бы явнаго германскаго шпіона, и впередъ утверждалъ, что разслѣдованіе выяснитъ предательство прокурора суда. Хотя, какъ нарочно, предсѣдатель и прокуроръ были дѣйствительно по крови нѣмцы и по вѣрѣ лютеране (В. Е. Рейнботъ и Ф. Ф. фонъ Кандельштедтъ), но я не могъ сомнѣваться, что они не измѣнники и что бѣдный Хрусталевъ сошелъ съ ума. Сначала я все таки считалъ своей обязанностью провѣрять фактическія указанія жалобщика; всѣ они были опровергаемы провѣркой; такъ, напримѣръ, «нѣмецкій шпіонъ» оказался турецкимъ подданнымъ, совершенно ни къ нѣмецкой національности, ни къ шпіонству непричастнымъ и вовсе не выпущеннымъ изъ тюрьмы на волю, а высланнымъ въ Вологду на жительство подъ надзоръ полиціи до окончанія войны. Безработныхъ въ моемъ распоряженіи не было, и мнѣ, какъ только я окончательно убѣдился въ томъ, что Хрусталевъ страдаетъ маніей преслѣдованія, пришлось большей частью ограничиваться по его прошеніямъ лишь составленіемъ отвѣтовъ о неосновательности возбуждаемыхъ имъ обвиненій. Отвѣты эти я составлялъ по возможности вразумительнѣе и обстоятельнѣе, чтобы не обижать больного понапрасну, но мои предостереженія не повели ни къ чему: онъ и ранѣе недовольный мной за то, что разслѣдованія не подтверждали его заявленій, скоро замѣтилъ, что я въ своихъ отвѣтахъ почти вовсе пересталъ ссылаться на какую либо провѣрку, и яростно обрушился на меня: былъ и я зачисленъ въ ряды предателей, купленныхъ нѣмцами. Посыпались жалобы министру; жалобы шли, конечно, черезъ мои руки, и я долженъ былъ писать по нимъ объясненія.

Я лично доложилъ министру, что, по мнѣнію моему, Хрусталева нужно лѣчить, а не карать и что незачѣмъ дѣло о немъ пріостанавливать до его выздоровленія или смерти, а проще прекратить по высочайшему повелѣнію. Сѣвшу оговориться, я всегда держался того убѣжденія, что русскій императоръ самъ ограничилъ свою самодержавную власть судебными уставами 1864 году, и пока уставы эти въ соотвѣтствующей части не отмѣнены законнымъ порядкомъ, онъ не имѣетъ права прекращать уголовнаго преслѣдованія до постановленія по дѣлу приговора, а въ правѣ только помиловать осужденнаго *.

---

* Для лицъ, признающихъ всякую мысль объ ограниченіи царской власти судомъ или государственной думой за пятую крамолу, приводку два примѣра, показывающихъ, что мнѣніе объ ущербленіи полноты самодержавія судебными уставами раздѣляли гр. К. И. Паленъ (министръ юстиціи въ 1868—1878 годахъ) и К. П. Побѣдоносцевъ, то есть дѣятели, правила которыхъ стоятъ внѣ сомнѣній.

Александръ II приказалъ графу Палену подвести къ высочайшему подписанію указъ объ увольненіи сенатора М. П. Любощинскаго въ отставку безъ прошенія. Графъ

Но я и не домогался для Хрусталева никакого изъятія: я предполагалъ, что государь помилуетъ бывшаго революціонера, какъ ссыльно-поселенца, то-есть простить ему участіе въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ, а тогда, по крайнему моему разумѣнію, должно было отпасть само собой и обвиненіе его въ побѣгѣ съ поселенія, такъ какъ наказаніе, отъ котораго онъ самовольно уклонился, было бы уже съ него снято.

Министръ читалъ жалобы Хрусталева на меня и потому не могъ не раздѣлить мнѣнія моего, что Хрусталевъ не въ своемъ умѣ, но захотѣлъ, чтобы сперва душевная болѣзнь Хрусталева была установлена въ порядкѣ слѣдственныхъ дѣйствій.

Около этого же времени ко мнѣ въ служебный кабинетъ нѣсколько разъ заходилъ В. Л. Бурцевъ, теперь редакторъ-издатель «Общаго Дѣла», а тогда извѣстный, какъ бывшій редакторъ-издатель «Былого» и разоблачитель провокацій. Онъ удостовѣрилъ, что Хрусталевъ помѣшался еще въ Парижѣ и только поэтому сумѣлъ возбудить противъ себя почти всю находившуюся тамъ русскую революціонную эмиграцію. Слова В. Л. Бурцева падали, какъ уже видно, на вполнѣ подготовленную почву, но прекратить дѣло за сумасшествіемъ обвиняемаго, на что Бурцевъ расчитывалъ изъ состраданія къ Хрусталеву, было, конечно, нельзя, такъ какъ побѣгъ съ поселенія совершенъ былъ еще до болѣзни.

Возбудивъ вопросъ объ освидѣтельствованіи Хрусталева въ состояніи умственныхъ способностей, я неожиданно натолкнулся на недовѣріе къ дѣйствительности сумасшествія обвиняемаго со стороны двухъ главныхъ «измѣнниковъ» предсѣдателя и прокурора суда. Они подозрѣвали притворство. Съ этимъ я согласиться не могъ, такъ какъ успѣлъ уже повидаться съ Хрусталевымъ: еще на письмѣ туда-сюда, а притворяться сколько нибудь искусно глазами и всею безпорядочною, спотыкающейся рѣчью, едва ли возможно. Во всякомъ случаѣ, противъ производства освидѣтельствованія ни предсѣдатель, ни прокуроръ суда не возражали, а были только настроены скептически въ отношеніи его исхода.

Но трудно вообразить себѣ до какой степени бѣшенства и озлобленія дошелъ Хрусталевъ, когда приступили къ его освидѣтельствованію: такъ и посыпались на всѣхъ жалобы, дышавшія неподдѣльнымъ и безмѣрнымъ негодованіемъ

Паленъ наготовилъ проектъ указа, но вмѣстѣ съ тѣмъ подалъ прошеніе о своей отставкѣ, ссылаясь на то, что государь воленъ отмѣнить законъ о несмѣняемости судей, но пока этотъ законъ еще дѣйствуетъ, не въ правѣ нарушить его, а самъ гр. Паленъ, исполнивъ какъ вѣрноподданный приказаніе государя, не можетъ, какъ министръ юстиціи, остаться въ должности къ моменту подписанія такого указа. И Александръ II отказался отъ своего намѣренія уволить М. Н. Любощинскаго.

Значительно позже, уже при Николаѣ II, Д. С. Сипягинъ (тогда еще главно-управляющій канцеляріей по принятію прошеній на высочайшее имя), желая перерѣшить всеподданнѣйшимъ докладомъ одно гражданское дѣло (кажется, бароновъ Корфовъ), окончательно рѣшенное кассаціоннымъ сенатомъ, вошелъ изъ осторожности съ представленіемъ въ комитетъ министровъ. Насколько мнѣ теперь помнится, Сипягинъ хотѣлъ получить одобреніе составленному имъ проекту всеподданнѣйшаго доклада, но какъ бы то ни было, предположеніе его обсуждалось въ комитетѣ, и первымъ на это предположеніе обрушился К. П. Побѣдоносцевъ, заявившій, что выпускать русскаго самодержца на пересмотръ гражданскихъ дѣлъ, рѣшеніе по которымъ вступило въ законную силу, значитъ смѣшивать самодержавіе съ азіатской деспотіей, а русскаго императора приравнивать къ турецкому султану.

Оба случая передаю со словъ моего отца, бывшаго живой лѣтописью русскаго суда съ 1866 по 1910 годъ, а въ упомянутомъ засѣданіи комитета министровъ присутствовавшаго за министра юстиціи.

на то, что враги его и Россіи хотятъ сдѣлать его сумасшедшимъ. Убѣдившись, что зачинщикъ всего я, онъ окончательно записалъ меня въ число продавшихся Германіи. Въ моихъ глазахъ это было лишнимъ доказательствомъ его болѣзни: сумасшедшіе обыкновенно убѣждены, что они нормальны, а сумасшедшими часто считаютъ окружающихъ. Поэтому я спокойно ждалъ того засѣданія суда, въ которомъ Хрусталевъ будетъ освидѣтельствованъ.

За нѣсколько дней до засѣданія, я, однако, былъ кѣмъ то (теперь ужъ не помню) освѣдомленъ, что врачи, наблюдавшіе за больнымъ (кажется, доктора Чеховъ и Останковъ, но навѣрное сказать не могу), сомнѣваются въ томъ, сумасшедшій ли онъ.

Это меня очень удивило, такъ какъ мой служебный опытъ говорилъ, что врачи психіатры склонны въ каждомъ человѣкѣ, чуть чуть неуравновѣшенномъ, видѣть душевно-больного. Дѣлать было нечего; приходилось расчитывать уже на судей. Тутъ мой расчетъ не оправдался: Хрусталевъ судомъ, согласно съ заключеніемъ экспертовъ, былъ признанъ здоровымъ. Товарищъ прокурора, участвовавшій въ засѣданіи или пришедшій туда изъ любопытства (кто именно, я уже забылъ) и разговаривавшій съ экспертами тотчасъ же послѣ засѣданія, по томъ говорилъ мнѣ, что они, — по собственнымъ ихъ словамъ, не сочли себя въ правѣ признать сумасшедшимъ виднаго дѣятеля освободительнаго движенія. Это звучитъ дико, но я не сомнѣваюсь въ томъ, что такъ именно и было: настроеніе умовъ тогда уже теряло спокойствіе, необходимое для правильныхъ сужденій. И Хрусталевъ только потому, что именовался прежде предсѣдателемъ совѣта рабочихъ депутатовъ, долженъ былъ слѣдовать на каторгу, долженъ былъ стать жертвой ad maiorem revolutionis gloriam.

Былъ ли Хрусталевъ присужденъ къ каторгѣ*, въ памяти моей стерлось. Я состоялъ уже сенаторомъ, когда вспыхнула революція. День 27 февраля 1917 года принесъ Хрусталеву освобожденіе; двери дома предварительнаго заключенія, гдѣ онъ содержался со времени своего освидѣтельствованія, раскрылись; «революціонный народъ», какъ думали тогда, выпустилъ оттуда всѣхъ узниковъ, преимущественно уголовныхъ преступниковъ, выпустилъ и Хрусталева. Бывшій мой секретарь В. Н. Свидерскій разсказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ, какъ Хрусталевъ распоряжался пожаромъ (не на пожарѣ, а именно пожаромъ) зданія окружнаго суда и потомъ собиралъ толпу, чтобы идти къ «прокурору палаты Завадскому и арестовать его». Добрыя чувства не должны оставаться безъ отмщенія, и если я не пострадалъ за свое участіе къ Хрусталеву, то именно лишь потому, что онъ былъ сумасшедшій: дорогою онъ чѣмъ то отвлекся, и до меня (а я жилъ отъ суда довольно далеко) не дошелъ. Чѣмъ угрожало мнѣ нашествіе, можно вывести изъ того, что другая толпа въ этотъ же день арестовала моего преемника, дѣйствительнаго прокурора судебной палаты Л. А. Шульгина, и отвела его въ зданіе государственной думы; тамъ онъ былъ немедленно освобожденъ, едва добрелъ до квартиры товарища прокурора палаты Н. Н. Шведера, жившаго наискось отъ Таврическаго дворца, и пролежалъ у него на диванѣ весь день, а вскорѣ затѣмъ и умеръ отъ перенесеннаго потрясенія.

Дальнѣйшая судьба Хрусталева мнѣ осталась неизвѣстной. Слышалъ я, будто въ началѣ большевицкаго переворота онъ у себя на родинѣ въ Переяславскомъ, кажется, уѣздѣ Полтавской губерніи, былъ комиссаромъ, но очень короткое

* Министръ, при наличности такой экспертизы, докладывать Государю не рѣшился.

время: даже и на фонѣ общаго сумасшествія оказалось замѣтно, что онъ не въ здравомъ умѣ. И безъ него сумѣлъ обойтись Троцкій.

2. ДѢЛА О ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ

Не диво, что безумной головѣ Хрусталева-Носаря всюду мерещилась измѣна: и вполнѣ здоровые люди въ тревожные годы войны склонны были подозрѣвать измѣну тамъ, гдѣ ея, повидимому, а то и несомнѣнно, не было. Большинство дѣлъ этого рода, производившихся въ бытность мою прокуроромъ палаты, оказывались дутыми. Основательныхъ мнѣ помнится всего два.

Къ дутымъ, вопреки мнѣнію многихъ, я не причисляю дѣла о бывшемъ военномъ министрѣ В. А. Сухомлиновѣ. И если не касаюсь его здѣсь, то исключительно оттого, что оно шло мимо меня: слѣдствіе производилъ сенаторъ И. А. Кузминъ, а за слѣдствіемъ наблюдалъ В. П. Носовичъ. Имъ обоимъ, да еще Н. Н. Таганцеву, предсѣдательствовавшему при разбирательствѣ этого дѣла въ сенатѣ, и надобно будетъ познакомить широкій читательскій кругъ съ тѣмъ, что они считаютъ твердо установленнымъ въ дѣлѣ. Я могу разсказать лишь объ одномъ фактѣ, второстепенномъ, но по моему характерномъ, который былъ мимоходомъ выясненъ при производствѣ (уже подъ моимъ наблюденіемъ) слѣдствія о нѣкоей Г., женѣ русскаго художника, нѣмкѣ по происхожденію и сожительницѣ австрійскаго шпіона Бруно Валентини (кажется, такъ), обвинявшейся тоже въ шпіонствѣ. Этотъ Валентини передъ войной или въ самомъ ея началѣ успѣлъ бѣжать за границу, оставивъ свою петербургскую квартиру на Торговой улицѣ въ полное распоряженіе Г. Когда В. А. Сухомлиновъ потерялъ постъ военнаго министра и долженъ былъ оставить казенное помѣщеніе, то онъ переѣхалъ именно въ эту квартиру. Подумайте, сколько было возможностей для бывшаго военнаго министра найти себѣ помѣщеніе въ Петроградѣ не у сожительницы бѣжавшаго шпіона, которая и сама потомъ обвинялась въ шпіонствѣ, а министръ все таки попалъ именно къ шпіонамъ. Вы скажете: случайность. Можетъ быть. Но мнѣ такая случайность отчего-то напоминаетъ другую изъ давнихъ временъ моей службы товарищемъ прокурора петербургскаго окружнаго суда: въ народной толпѣ на Марсовомъ полѣ нѣкто, почувствовавъ чью то руку въ карманѣ своей шубы, поспѣшилъ схватить эту руку, но схватилъ ее уже на воздухѣ; задержанный утверждалъ, что потерпѣвшій ошибся и схватилъ его вмѣсто дѣйствительнаго вора, а затѣмъ, по справкамъ о судимости, оказалось, что задержанный уже трижды былъ судимъ за карманныя кражи. Ошибся ли потерпѣвшій? Я въ такія случайности плохо вѣрю.

Разъ я заговорилъ о дѣлѣ Сухомлинова, мнѣ трудно удержаться отъ воспроизведенія одного событія, связаннаго съ этимъ дѣломъ и, насколько мнѣ извѣстно, оглашаемаго въ печати впервые мною. Я бы не рѣшился на это, зная исключительную скромность А. А. Хвостова, бывшаго тогда министромъ юстиціи*, если бы слышалъ о томъ отъ него; но чувствую себя свободнымъ, такъ какъ онъ мнѣ не говорилъ ни слова, что, впрочемъ, нисколько не опорачиваетъ достовѣрности моего разсказа: все, что я сейчасъ передамъ, мною было услышано вслѣдъ за самымъ событіемъ и изъ источника, стоящаго внѣ малѣйшихъ сомнѣній **.

---

* Для лицъ, стоявшихъ въ сторонѣ отъ министерствъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, поясняю, что рѣчь идетъ не объ А. Н. Хвостовѣ — племянникѣ, а объ А. А. Хвостовѣ— дядѣ.

** Не называю его: пусть ужъ онъ самъ себя назоветъ, когда выберется отъ большевиковъ.

На одномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ А. А. Хвостова, происходившемъ въ ставкѣ, государь, отойдя къ окну и глядя въ него, неожиданно произнесъ: «Повелѣваю вамъ прекратить дѣло Сухомлинова». Министръ ничего не отвѣтилъ. Государь повторилъ свое распоряженіе и спросилъ министра, почему онъ молчитъ. А. А. Хвостовъ на это сказалъ приблизительно слѣдующее: «Думаю, какъ бы лучше исполнить волю вашего величества. Прекращеніе дѣла о Сухомлиновѣ безусловно вредно для государства и для династіи. Но если ваше величество настаиваете на томъ, то я бы сдѣлалъ такъ: я бы прекратилъ дѣло по собственному почину. Не сомнѣваюсь, что скоро вредъ такой мѣры станетъ очевиднымъ. Тогда ваше величество можете уволить меня, какъ негоднаго министра юстиціи, а имя ваше не будетъ къ этому прикосновенно». Послѣ такого отвѣта государь отказался отъ выраженнаго имъ намѣренія прекратить уголовное преслѣдованіе Сухомлинова.

Можно, конечно, быть того мнѣнія, что министръ юстиціи долженъ былъ воспользоваться случаемъ и разъяснить принципіальную недопустимость прекращенія уголовныхъ дѣлъ верховной властью до суда. Но я смѣю думать, что А. А. Хвостовъ избралъ единственный путь, на которомъ была вѣроятность успѣха, и при этомъ выказалъ незаурядную преданность государю; такое щепетильное желаніе оградить царское имя отъ нарекапій даже за дѣйствительно отданное царемъ распоряженіе тѣмъ болѣе исключительно, что обычно сановники наши предпочитали свои ошибки прикрывать именемъ монарха.

Я люблю и почитаю А. А. Хвостова и знаю, что онъ для себя ничего не искалъ. Онъ ничего и не получилъ. Быть можетъ, внезапное перемѣщеніе его на пость министра внутреннихъ дѣлъ объясняется отчасти именно нежеланіемъ его, какъ министра юстиціи, идти навстрѣчу прекращенію Сухомлиновскаго дѣла. Тѣ, кому прекращеніе это было нужно и кто въ данномъ случаѣ скрывался за волею будто бы государя, расчитывали, вѣроятно, что А. А. Макаровъ окажется въ качествѣ министра юстиціи покладливѣе. Но они ошиблись. Когда я видѣлся съ А. А. Макаровымъ въ день его увольненія отъ этой должности, онъ былъ менѣе сдержанъ, чѣмъ обыкновенно, и не утаилъ отъ меня, что и отъ него государь (кажется, письменно) потребовалъ прекращенія слѣдствія по дѣлу о Сухомлиновѣ и также не настаивалъ на своемъ («своемъ» ли?) требованіи послѣ того, какъ получилъ отъ А. А. Макарова подробныя разъясненія, насколько такое прекращеніе вредно для престола въ обстоятельствахъ военнаго и тревожнаго времени.

Кто же домогался прекращенія Сухомлиновскаго дѣла? Объ этомъ я могу только догадываться, и пусть мои догадки останутся при мнѣ. Скажу только, что А. А. Хвостовъ былъ переселенъ съ Итальянской къ Цѣпному мосту волею Б. В. Штюрмера и что около того же времени въ Царскомъ Селѣ у А. А. Вырубовой завтракала императрица въ обществѣ Распутина и Е. В. Сухомлиновой, жены бывшаго министра и двоюродной сестры ниіона, зачастившей передъ тѣмъ къ Распутину.

Я отвлекся, однако, отъ своей темы, и долженъ разъ навсегда предупредить читателей, что и впредь такъ будетъ неоднократно: я — олицетворенное вводное предложеніе, скобки въ человѣческомъ образѣ. А впрочемъ и то сказать: вѣдь заговоривъ о Распутинѣ, я, пожалуй, ближе подошелъ къ преступному колебанію государственныхъ устоевъ, чѣмъ это будетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, особенно, когда я перейду къ «дутымъ» дѣламъ.

Было еще одно дѣло, которое на мой взглядъ, никакъ нельзя назвать дутымъ. Это—дѣло о заговорѣ въ Финляндіи, имѣвшемъ цѣлью облегчить германскій дессантъ въ предѣлахъ великаго княжества. Слѣдствіемъ было установлено, что въ Германіи, около Гамбурга, существовалъ даже особый лагерь, гдѣ молодые финны, стремившіеся использовать войну въ цѣляхъ отторженія Финляндіи отъ Россіи, обучались нѣмецкому языку и нѣмецкому военному искусству, чтобы потомъ влиться въ дессантный корпусъ и служить ему проводниками по Финляндіи. Добровольцевъ въ этотъ лагерь изъ рядовъ востороженной молодежи и вербовали заговорщики. Впослѣдствіи энтузіасты жестоко поплатились: нѣмецкое командованіе отказалось отъ первоначальнаго намѣренія сдѣлать высадку на финскомъ побережьѣ, и обучавшіеся подъ Гамбургомъ добровольцы были принудительно двинуты на русско-германскій фронтъ; многіе изъ нихъ погибли въ сраженіяхъ за чужое дѣло; нѣсколько перебѣжало къ намъ, не желая умирать во славу одной Германіи, причемъ они подвергали себя двойной опасности: перебѣгая, быть убитыми въ догонку нѣмецкой пулей и, перебѣжавъ, быть обвиненными въ измѣнѣ Россіи; были, наконецъ, и такіе, что просто попались русскимъ въ плѣнъ, — ихъ наше командованіе ужъ не колебалось признавать измѣнниками со всѣми изъ того послѣдствіями.

Но меня это дѣло заботило не жизненнымъ существомъ своимъ, а со стороны формы. Я не о составѣ преступленія говорю. Юридически осмыслить бывшія отношенія Россіи и Финляндіи такъ же трудно, какъ опредѣлить стиль большинства домовъ въ губернскихъ городахъ: дома строили люди беззаботные на счетъ художества, а паяли связь Россіи съ Финляндіей люди, беззаботные на счетъ юридическихъ категорій. Споровъ, слѣдовательно, не оберешься, и ни до чего не договоришься. Для себя, однако, я давно пришелъ, въ мѣру своего разумѣнія, къ выводу, что Финляндія была не самостоятельное государство, а составляла лишь часть русской имперіи, хотя и управляемую на особыхъ основаніяхъ. Поэтому признаки государственной измѣны, по моему, были всѣ налицо, но больнымъ вопросомъ являлась подсудность: преступленіе совершено въ Финляндіи. Конечно, легко было сослаться на прецедентъ дѣла о выборгскомъ воззваніи. Но прецедентъ не законъ, а мои юридическія выкладки всякій разъ неизмѣнно приводили меня къ заключенію, что преступленія, совершенныя на финской почвѣ, подвѣдомственны финскому же суду. Съ другой стороны, я не сомнѣвался, что передать это дѣло финляндцамъ значило бы позволить заговору безпрепятственно развиваться, значило бы поощрить всевозможные способы предавать существенные интересы Россіи въ ея страшной борьбѣ съ нѣмцами: такъ ужъ повелось, что всѣ окраинные наши (дѣйствительные и даже мнимые) инородцы-иноплеменники, за исключеніемъ развѣ (и то отчасти) латышей и эстовъ*), рѣшительно по-

---

* Латыши и астонцы также (основательно и безъ основанія) не являлись любителями русскихъ пріемовъ управленія, но ихъ нѣсколько примиряло съ нами то, что мы, начиная съ царствованія Александра III, не хотѣли давать ихъ въ обиду нѣмцамъ. Огромное значеніе имѣло введеніе русскаго суда въ Прибалтійскомъ краѣ. Я признаю, что бывшій тамъ прежде нѣмецкій судъ стоялъ высоко въ смыслѣ юридическихъ навыковъ, но безпристрастіе его страдало, даже, быть можетъ, и помимо сознательной воли. Приведу здѣсь кстати поразительный случай, какъ привычная несправедливость окружающихъ воспринимается иногда аа нѣчто безспорно законное людьми, стоящими внѣ малѣйшаго упрека. Будучи товарищемъ оберъ-прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента и работая какъ то надъ однимъ дѣломъ, по которому рѣшенія судебной палаты, уже дважды были кассированы сенатомъ, я пришелъ къ выводу, что послѣ 1870 года любой крестьянинъ въ правѣ строить мельницы на участкахъ, выдѣленныхъ изъ помѣ-

вертывались къ Россіи спиной, если не могли ждать удара сзади. Было бы для меня легче, если бы я принадлежалъ къ тѣмъ, которые по ходячей пословицѣ, изъ за деревьевъ не видятъ лѣса, но я убѣжденно и уже давно исповѣдывалъ, что нарушеніе закона, хотя бы и съ наилучшими намѣреніями, всегда вредно, такъ какъ открываетъ ворота усмотрѣнію властей и роняетъ уваженіе къ правопорядку въ населеніи. Какъ бы то ни было, русскій во мнѣ побѣдилъ юриста, и я отправился къ министру юстиціи сказать, что языкъ мой не поворачивается вымолвить вслухъ тѣ умозаключенія о законномъ направленіи этого дѣла, которыя логически опровергнуть выше моего умѣнія, и я только прошу избавить меня отъ обязанности дать письменное предложеніе судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ о приступѣ къ слѣдствію. По мнѣнію моему, надлежало испросить высочайшее повелѣніе, которымъ производство слѣдствія возлагалось бы на слѣдователя Н. А. Машкевича, а наблюденіе за слѣдствіемъ на меня. Я понималъ, конечно, что высочайшая воля не законъ, и не искалъ укрыться отъ личной своей отвѣтственности подъ сѣнью монаршаго приказанія: я хотѣлъ только, чтобы наше появленіе въ Финляндіи было свыше поддержало передъ мѣстными властями, которыя иначе едва ли бы допустили насъ до какихъ либо слѣдственныхъ дѣйствій на финской почвѣ. Министръ согласился со мною, и высочайшее повелѣніе было испрошено. Первую поѣздку въ Гельсингфорсъ слѣдователь сдѣлалъ со мной: опасаясь осложненій, я не желалъ уклоняться самъ отъ ихъ послѣдствій, могущихъ быть очень непріятными (чтобы не сказать болѣе) для каждаго, кѣмъ бы я себя ни замѣнилъ. Финны, однако, удовлетворились нашими полномочіями: мы не только безъ помѣхи вызывали къ себѣ свидѣтелей и допрашивали ихъ, но и заключали обвиняемыхъ подъ стражу. Лишь немного позже одинъ изъ сѣверныхъ губернаторовъ сдѣлалъ было попытку «пассивной обструкціи», но не болѣе того. Поэтому я затѣмъ уже не ѣздилъ присутствовать при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, и дальнѣйшій ходъ дѣла извѣстенъ мнѣ бумажно. Сущность его я вкратцѣ изложилъ выше, а въ подробности входить не стоитъ: слѣдствіе затянулось до времепнаго правительства, которое поступило на строгомъ основаніи закона и передало дѣло въ финскій судъ, гдѣ оно и было погребено по первому разряду *). И я нѣсколько задержался на разсказѣ объ этомъ слѣдствіи только потому, что приготовляясь говорить о нарушеніяхъ закона со стороны другихъ лицъ, не считалъ себя въ правѣ умолчать, какъ законъ былъ нарушенъ и мною. Нарушалъ я его съ большимъ надрывомъ и во имя блага родины, нарушалъ и былъ искренно готовъ отвѣтить за то: но будущее, ставъ настоящимъ, показало, что я не соблюлъ велѣній закона въ пустую: кому придетъ въ голову утверждать, что передача

ничьей земли, хотя бы въ совершенномъ ранѣе купчемъ договорѣ и было отмѣчено объ отказѣ отъ этого права, но безъ упоминанія, что уплачено и сколько именно за такой отказъ. Составленное мною по дѣлу заключеніе было напечатано и разослано сенаторамъ. Одинъ изъ нихъ, балтійскій баронъ, не могъ удержаться отъ выраженія мнѣ своего порицанія за мою юридическую ересь. Зная его исключительную честность и выдающіяся способности, я попросилъ его опровергнуть меня до засѣданія письменно. Черезъ три дня онъ сообщилъ мнѣ по телефону, что всѣ его попытки потерпѣли неудачу и онъ присоединяется теперь къ моему взгляду, а себя извинитъ лишь привычкой съ юности къ противоположной практикѣ судовъ.

* Быть можетъ, не лишено интереса мое наблюденіе на допросахъ въ Гельсингфорсѣ: рабочіе, конторщики и т. п. говорили по шведски, хотя несомнѣнно были всѣ финны, а ректоръ университета давалъ показанія по фински, такъ что я, понимая, съ помощью англійскаго и нѣмецкаго, наполовину объясненія простыхъ людей, вынужденъ былъ ждать, пока переводчикъ не искроетъ мнѣ смысла отвѣтовъ профессора, намѣренно избравшаго совсѣмъ непонятный арійскому уху языкъ.

дѣла этого къ законному по формѣ и беззаконному по существу дальнѣйшему производству въ финскихъ судебныхъ установленіяхъ повредило чѣмъ нибудь военнымъ успѣхамъ Россіи? Бѣда къ намъ пришла съ другой совсѣмъ стороны. Нѣтъ, чѣмъ я дольше живу, тѣмъ чаще думаю, что напрасно принято нападать на старое изреченіе: fiat iustitia, pereat mundus. Оно, конечно, не можетъ значить: разрушай, судья, своими приговорами міръ; но оно имѣетъ такой смыслъ: не уклоняйся судья отъ примѣненія закона лишь потому, что тебѣ кажется возможнымъ какой либо отъ этого вредъ.

Перехожу къ дѣламъ безъ сердцевины. Не было ли ея въ нихъ вовсе, или ея не умѣли найти, но только я ея такъ и не видалъ.

Первое дѣло — о купцѣ-евреѣ, фамиліо котораго я забылъ. Военныя власти, переславшія мнѣ дознаніе о немъ, считали установленнымъ, что онъ во время войны посылалъ Балтійскимъ моремъ черезъ Финляндію, Швецію и Данію въ Гамбургъ и другіе нѣмецкіе порты огромное количество жмыховъ. Только что я предложилъ приступить къ производству предварительнаго слѣдствія, ко мнѣ явился присяжный повѣренный О. О. Грузенбергъ, извѣстный судебный ораторъ. Онъ, какъ принявшій на себя защиту обвиняемаго, въ случаѣ, если бы дѣло дошло до суда, хотѣлъ меня убѣдить въ отсутствіи состава преступленія, но не убѣдилъ. Я разсуждалъ такъ: провозъ въ осажденную крѣпость продовольствія хотя бы только для животныхъ долженъ быть несомнѣнно почитаемъ измѣной, а Германія въ то время была та же осажденная крѣпость. Тѣмъ не менѣе, слѣдователь очень скоро съ моего вѣдома и одобренія освободилъ обвиняемаго изъ подъ стражи. И не потому только, что обвиняемый былъ очень старъ и тяжело боленъ, а вслѣдствіе того, что выяснились большія, выражаясь осторожно, увлеченія дознанія; особенно изобиловалъ неточностями сдѣланный при дознаніи переводъ отобранныхъ отъ обвиняемаго документовъ, которые въ подлинникѣ были написаны по нѣмецки. Изъ поразительно грубыхъ ошибокъ укажу здѣсь на одну: зафрахтованная обвиняемымъ волжская баржа «Чуринъ» (въ нѣмецкомъ подлинникѣ «Tschurin») превратилась на дознаніи подъ руками неосмотрительнаго переводчика въ «Шверинъ», морской пароходъ, совершавшій рейсы между Швеціей и Германіей. Такъ изъ дѣла ничего и не вышло.

Но самое примѣчательное я приберегъ къ концу. Послѣ того, какъ обвиняемый былъ освобожденъ подъ залогъ или на поруки (теперь не помню въ точности), я получилъ отъ командованія одного изъ фронтовъ (тоже забылъ какого именно) грозный запросъ, почему освобожденъ измѣнникъ и почему я не донесъ объ этомъ военному начальству; бумага завершалась требованіемъ строгаго взысканія съ завѣдующаго тюрьмой, осмѣлившагося выпустить арестанта, и настаивала въ тонѣ приказанія на томъ, чтобы обвиняемый снова былъ взятъ подъ стражу. Камерный товарищъ прокурора палаты Н. А. Громовъ, ознакомившійся съ запросомъ этимъ ранѣе меня, пришелъ въ большую тревогу, но я уже не въ первый разъ*) ощутилъ крайнее удивленіе, какъ это наше военное

* У меня было еще два столкновенія съ военнымъ командованіемъ оба раза по случаю пріостановленія (въ Витебской и въ Лифляндской губ.) исполненіемъ судебныхъ рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ. Въ своихъ отношеніяхъ я настаивалъ, что судебныхъ рѣшеній военныя власти пріостанавливать не въ правѣ. Чего касалось первое рѣшеніе (въ Витебской губ., подъ Двинскомъ) и чѣмъ кончилась переписка, уже не припомню. А второе дѣло было такое: мировой судья (въ Лифляндіи) постановилъ выселить нанимателя изъ занимаемаго имъ помѣщенія, на точномъ основаніи договора, за невзносъ наемной платы. Узнавъ, что командованіе воспротивилось приведенію въ исполненіе такого существенно мирногражданскаго рѣшенія, ни въ чемъ не могущаго

командованіе имѣетъ столько свободнаго времени, чтобы заботиться не о своихъ дѣлахъ *.

Въ тотъ же день я отвѣтилъ командованію приблизительно слѣдующее: выпущенъ не измѣнникъ, а древній и больной старикъ, улики противъ котораго, собранныя дознаніемъ, на слѣдствіи не подтвердились, такъ что о новомъ заключеніи обвиняемаго подъ стражу не можетъ быть и рѣчи, пока не будетъ собрано достаточно новыхъ уликъ; законъ, по которому я былъ бы въ подобныхъ случаяхъ обязанъ сообщать что либо военнымъ властямъ мнѣ неизвѣстенъ, а объ отвѣтственности начальника дома предварительнаго заключенія, гдѣ обвиняемый содержался, я бы возбудилъ вопросъ только въ томъ случаѣ, если бы постановленіе судебнаго слѣдователя объ освобожденіи обвиняемаго осталось безъ немедленнаго исполненія. Отношеніе свое я закончилъ тѣмъ, что подлинный запросъ и копію моего отвѣта я одновременно представляю министру юстиціи. Имѣю частныя свѣдѣнія, что меня ругательски ругали, но на меня не жаловались.

Другое, кончившееся ничѣмъ слѣдствіе производилось судебнымъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ П. А. Александровымъ: заподозрѣны были члены одного промышленнаго предпріятія на Уралѣ въ томъ, что вывозили черезъ Финляндію и Швецію въ Германію вмѣстѣ со шлакомъ золото. Упоминаю объ этомъ дѣлѣ вотъ ради чего. Дознаніе возбуждено было полковникомъ желѣзнодорожной жандармской полиціи В. Ф. Плетеневымъ; подозрѣніе пало на очень вліятельныхъ лицъ, и полковника собственное его начальство, включительно до начальника штаба отдѣльнаго корпуса жандармовъ генерала Никольскаго, стало осаживать какъ безъ толку ретиваго. Получивъ объ этомъ свѣдѣнія, я озаботился немедленнымъ вытребованіемъ дознанія къ себѣ; вызванный мною Плетеневъ горячился, доказывая свою правоту и основательность обвиненія; съ другой стороны, твердили, что онъ зарывается. Я, признаюсь, любовался полковникомъ: пусть онъ увлекается, но какъ хорошо, что у насъ есть еще люди, готовые попасть на невыгодный у начальства счетъ, лишь бы исполнить то, въ чемъ они видятъ свой долгъ. Прочелъ я дознаніе; какъ ни смотри, а провѣрки путемъ слѣдственныхъ дѣйствій оно требуетъ и тѣмъ настоятельнѣе, чѣмъ выше положеніе заподозрѣнныхъ. И вотъ, въ самомъ началѣ слѣдствія приходитъ ко мнѣ въ служебный кабинетъ членъ государственнаго совѣта по выборамъ, петроградскій земскій дѣятель бар. В. В. Меллеръ-Закомельскій (не

повредить военнымъ дѣйствіямъ, я обратился къ командованію съ возраженіемъ, какъ блюститель закона. Мнѣ было отвѣчено что командованіе имѣетъ право отмѣнять всѣ распоряженія гражданскихъ властей въ силу военнаго положенія. Я возразилъ, что знаю законы по обязанности прокурора, но нельзя съ распоряженіями административной гражданской власти смѣшивать судебныя рѣшенія, постановляемыя отъ имени верховной власти, которой подчинено и командованіе, и что неисполненіе рѣшенія, вошедшаго въ законную силу, является неисполненіемъ монаршей воли. Аргументъ былъ мною редактированъ ad hominem: меня увѣдомили, что рѣшеніе приведено въ исполненіе на общемъ основаніи.

* Въ этомъ третьемъ случаѣ еще можно было понять, что дѣла о государственныхъ измѣнахъ могутъ заботить военныя власти, но, казалось бы, только до передачи ихъ гражданскому слѣдователю. И если ужъ дѣйствія гражданскаго суда представляются странными, лучше было бы не кричать на бумагѣ, а спросить, почему было сдѣлано именно такъ. Но я постоянно видѣлъ, что военныя власти не знаютъ предѣловъ своего вѣдѣнія и къ должностнымъ лицамъ, и учрежденіямъ гражданскаго вѣдомства относится съ полнымъ неуваженіемъ. И за все время своего прокурорства такъ и не могъ добиться, чтобы телеграммы на мое имя съ указаніемъ занимаемой мной должности не были перехватываемы и задерживаемы иногда на нѣсколько дней военной цензурой.

военный генералъ), говоритъ, что подозрѣніе въ вывозѣ золота падаетъ, въ числѣ другихъ и на него (я это, конечно, зналъ), и заявляетъ, что самый фактъ передачи дознанія къ производству слѣдствія есть ничѣмъ незаслуженное для него оскорбленіе. Мой прокурорскій и судейскій опытъ научилъ меня не удивляться такимъ заявленіямъ, ихъ же число, Ты, Господи, вѣси. Русскіе образованные люди такъ и не привыкли къ новому суду за полвѣка его существованія, и не меньше, чѣмъ простые крестьяне, отпрянывали отъ него (отчасти не безъ нашей вины) въ ужасѣ, какъ только судьба заставляла ихъ съ нимъ соприкасаться. А ужъ если кого вызывали въ судъ по частному обвиненію или о комъ производили слѣдственныя дѣйствія по чьей либо жалобѣ, то всегда прокуроръ или слѣдователь оказывался обидчикомъ, хотя бы онъ ничѣмъ не выразилъ, что подозрѣваетъ обидѣвшагося въ взводимомъ на него преступленіи. Обыкновенно бывало, что никакія убѣжденія и успокоенія не помогали, и чѣмъ больше было связей у тѣхъ, кто считалъ себя невинно оскорбленнымъ, тѣмъ сильнѣе приходилось окапываться въ своемъ судебномъ лагерѣ. Но тутъ на меня глядѣли умные глаза, жалоба излагалась сдержанно и безъ возбужденія, безъ недопустимыхъ выраженій противъ кого-либо. Я рѣшилъ поэтому попытаться поставить вопросъ на принципіальную почву. Я сказалъ барону Меллеру-Закомельскому, что подозрѣніе можетъ случайно упасть на всякаго и что именно для него было бы чрезвычайно невыгодно, если бы полковникъ Плетеневъ уступилъ начальству и дѣло было затушено въ стадіи дознанія: тогда враги барона (а у кого ихъ нѣтъ) могли бы говорить: «знаете, какъ то странно, что дѣло кончено келейно, безъ суда; видно, боялись вывести его на свѣтъ». Напротивъ того — продолжалъ я — если баронъ, какъ надо полагать, не чувствуетъ за собой вины, то онъ долженъ самъ настаивать на производствѣ слѣдствія, чтобы потомъ зажать ротъ клеветникамъ ссылкой на прекращеніе дѣла судебной властью внѣ зависимости отъ чьихъ либо стороннихъ вліяній. Къ моему удовольствію, баронъ Меллеръ-Закомельскій разомъ согласился со мною, замѣтно успокоился и, уходя, просилъ только ускорить ходъ слѣдствія. Онъ, вѣроятно, и не предполагалъ, какъ выросъ въ моихъ глазахъ и какъ поколебалась для меня вѣроятность его виновности.

Теперь я подошелъ къ пресловутому дѣлу о государственной измѣнѣ банкира Д. Л. Рубинштейна. Дознаніе по этому дѣлу производили военныя власти: особая комиссія, изъ состава которой я видѣлъ и зналъ только предсѣдателя ея генерала Н. С. Батюшина и еще полковника Рязанова, носившаго чисто русскую фамилію и говорившаго по русски безупречно, но оказавшагося почему то лютераниномъ. Мое отношеніе къ дѣлу выражается лучше всего старымъ присловьемъ: съ боку припека. Я уже зналъ, что Рубинштейнъ содержится въ псковской тюрьмѣ по обвиненію въ измѣнѣ, когда ко мнѣ явился генералъ Батюшинъ за консультаціей. Всѣ вопросы его въ это посѣщеніе, а затѣмъ и въ слѣдующія, сводились къ одному: есть ли составъ предступленія въ томъ то и въ томъ то. Мѣнялись только приводимые генераломъ факты, потому что обвиненій было множество. То генералъ мнѣ разсказывалъ, что Рубинштейнъ передалъ нѣмцамъ тайну изготовленія пуль капитана Кутового, то сообщалъ, что Рубинштейнъ еще до войны участвовалъ въ продажѣ австрійцамъ лѣсныхъ площадей Минской губерніи, а теперь нѣмецкое командованіе какъ но потамъ пользуется для военныхъ цѣлей проведенными тамъ при покупкѣ просѣками. Многое я въ настоящее время уже забылъ, да подробностей и передавать незачѣмъ. Достаточно отмѣтить, что протоколовъ дознанія генералъ мнѣ не по-

казывалъ (да и обязанъ не былъ), а довольствовался или передачей копій своихъ донесеній по начальству или словесными утвержденіями, будто дознаніемъ уже установлено то-то и то-то. Припоминается, какъ онъ разсказывалъ о пуляхъ Кутового: Рубинштейнъ съѣздилъ въ Швецію, имѣя пулю этого образца на часовой цѣпочкѣ въ видѣ брелока, и велъ переговоры въ Стокгольмѣ съ нѣмцами, вскорѣ послѣ чего германскія войска стали стрѣлять въ насъ пулями, почти тожественными, сдѣланными явно въ подражаніе пулямъ Кутового. Кое что въ словахъ генерала было для меня странно*; однако не вѣрить ему, что дознаніе вполнѣ изобличало Рубинштейна, я не имѣлъ ни повода, ни права, да и спрашивалъ меня генералъ только о составѣ преступленія. Я отвѣчалъ, что составъ преступленія есть, исходя, конечно, изъ предположенія, что установлены соотвѣтствующіе факты.

Рубинштейнъ содержался подъ стражей не менѣе полугода, когда генералъ Батюшинъ пришелъ ко мнѣ въ сопровожденіи полковника Рязанова и выразилъ желаніе, чтобы дознаніе коммиссіи было обращено къ производству предварительнаго слѣдствія. Я отвѣтилъ, что ничего не могу возразить противъ такого направленія дѣла съ формальной точки зрѣнія, но по существу хотѣлъ бы сперва ознакомиться съ дознаніемъ, такъ какъ слѣдователь не въ правѣ привлечь кого бы то ни было въ качествѣ обвиняемаго при недостаточности уликъ, а тогда пришлось бы начать слѣдственныя дѣйствія съ освобожденія человѣка, обвиняемаго въ рядѣ государственныхъ измѣнъ и лишеннаго свободы столь продолжительное время. Генералъ Батюшинъ оставилъ мнѣ все дознаніе на нѣсколько дней, и я до сихъ поръ не могу забыть того чувства подавленности, которое овладѣло мною по прочтеніи этого дѣтскаго лепета: все слухи, все сплетни, все обрывки безъ начала и конца. Разсказы генерала были только смѣлою попыткой реконструкціи цѣлаго зданія изъ жалкихъ обломковъ и отдѣльныхъ кирпичей. Если Рубинштейнъ былъ виновенъ, то Батюшинъ, Рязановъ и К-о послужили лучшей ему защитой, потративъ даромъ такъ много драгоцѣннаго для умѣлаго слѣдствія времени; если же Рубинштейнъ былъ невиновенъ, то вѣдь это ужасъ: сидѣть подъ замкомъ полгода, пока о тебѣ собираютъ не улики, а какіе то анекдоты. Я далъ себѣ трудъ и написалъ для генерала Батюшина «шпаргалку» того, что по меньшей мѣрѣ должно быть установлено дознаніемъ, если онъ не желаетъ освобожденія Рубинштейна въ самый моментъ приступа къ предварительному слѣдствію. Батюшинъ на меня вознегодовалъ ужасно: противъ освобожденія Рубинштейна онъ возставалъ съ жаромъ, говоря, что военное командованіе этого не потерпитъ**, а дознаніе, въ которомъ запутался, хотѣлъ отмахнуть отъ себя, во что бы то ни стало. Я понималъ положеніе генерала: продолжать дознаніе, безъ надежды закончить его удовлетворительно, значило бы еще больше отягчать свою отвѣтственность за длительное содержаніе человѣка подъ стражей безъ достаточныхъ уликъ, а идти на немедленное освобожденіе обвиняемаго въ порядкѣ слѣдственныхъ дѣйствій было бы все равно, что разомъ подчеркнуть неправильность принятой коммиссіей мѣры пресѣченія. Болѣе того, я отдавалъ себѣ отчетъ и въ своемъ положеніи: какихъ собакъ не понѣситъ на меня командованіе, да и оно ли одно, когда слѣдователь освобо-

* Напримѣръ, я не могъ понять, почему нѣмцы не сумѣли бы воспользоваться, какъ образцомъ для подражательнаго воспроизведенія, тѣми пулями, которыми мы въ нихъ стрѣляли на фронтѣ, и долженъ былъ принимать объясненія генерала въ томъ видѣ, какъ онъ мнѣ ихъ давалъ, съ ссылками на авторовъ спеціалистовъ.

** И тутъ все та же наивная увѣренность во всемогуществѣ военной власти.

дить такую крупную дичь среди отысканныхъ военными властями измѣнниковъ. Но помочь ни генералу, ни себѣ я ничѣмъ не могъ, а долженъ былъ подчиняться тому, что мнѣ говорили законъ и человѣческая совѣсть.

Генералъ Батюшинъ ушелъ отъ меня врагомъ, и болѣе я съ нимъ не видался. Генералъ рѣшилъ дѣйствовать помимо меня. Вскорѣ министръ юстиціи, которымъ тогда былъ А. А. Макаровъ, спросилъ при моемъ личномъ ему докладѣ, какого я мнѣнія по поводу возможной передачи дознанія о Рубинштейнѣ гражданскимъ судебнымъ властямъ для производства слѣдствія. Отвѣтъ мой читателямъ извѣстенъ; я только прибавилъ еще одно соображеніе: передача дѣла въ другія руки вызоветъ необходимость все начинать сызнова, то есть повлечетъ за собой чувствительное замедленіе въ его ходѣ, а это тѣмъ нежелательнѣе, чѣмъ болѣе придается дѣлу важности. Министръ присоединился къ моимъ доводамъ, и тѣмъ разговоръ нашъ кончился. Нѣкоторое время спустя я изъ разныхъ источниковъ сталъ получать свѣдѣнія, что генералъ Батюшинъ не только устно, но и письменно (въ рапортахъ по начальству) опорачиваетъ меня, указывая даже на мое польское происхожденіе и заподозрѣвая мою безпристрастность въ отношеніи Рубинштейна. Мнѣ было, разумѣется, все равно, считаетъ ли меня Батюшинъ, а съ его словъ и все военное командованіе, полякомъ или русскимъ, честнымъ или подкупнымъ; я даже допускалъ и допускаю, что генеральскія писанія не были завѣдомою напраслиною на меня: за поляка онъ могъ принимать меня и вполнѣ искренно *, а такъ какъ онъ при повторныхъ разговорахъ со мною, до конца не уразумѣлъ, въ чемъ разница между вопросами о составѣ преступленія и о силѣ уликъ, то и «перевертнемъ» онъ могъ меня почесть, пожалуй, не только для наружнаго, но и для внутренняго употребленія. Я только недоумѣвалъ, куда онъ все это клонитъ. Хочетъ моего смѣщенія, чтобы договориться съ тѣмъ лицомъ, которое меня замѣнитъ? Я должностью прокурора палаты не дорожилъ, но едва ли министръ согласился бы на мое увольненіе: еще недавно онъ предлагалъ мнѣ мѣсто директора второго департамента (по вопросамъ личнаго состава всего вѣдомства), а затѣмъ, когда сенаторы гражданскаго кассаціоннаго департамента просили его назначить меня къ нимъ въ департаментъ оберъ-прокуроромъ, заявилъ, что не желаетъ разрывать со мной ближайшихъ по службѣ отношеній. Если Батюшинъ этого и не зналъ, то все же ему было очевидно, что мое смѣщеніе не могло бы послѣдовать безъ большихъ проволочекъ, а онъ хотѣлъ отдѣлаться отъ дознанія, какъ можно скорѣе. Моимъ догадкамъ положилъ конецъ новый разговоръ съ министромъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что Батюшинъ домогается передачи

* Признаю впрочемъ нужнымъ тутъ же оговорить, что я, если бы даже дѣйствительно считалъ, напр., полковника Рязанова нѣмцемъ, хотя бы изъ за его вѣроисповѣданія, не могъ бы по совѣсти приписывать неприглядныя побужденія на основаніи только этого. Но многимъ у насъ, когда они оправдываются, ссылка на чье либо инородческое происхожденіе кажется соблазнительной. Припоминается мнѣ, кстати, какъ еще въ 1895 году б. министръ путей сообщенія А. К. Кривошеинъ (не А. В. Кривошеинъ, который тогда еще былъ въ земскомъ отдѣлѣ или въ переселенческомъ управленіи министерства внутреннихъ дѣлъ на должности не выше вице-директорской), давая объясненія передъ особой комиссіей графа Д. М. Сольскаго о томъ, почему позволилъ себѣ уволить безъ прошенія инженера Ходоровскаго отъ должности начальника Либаво-Роменской или Полѣсскихъ ж. д., счелъ выгоднымъ сослаться на то, что инж. Ходоровскій — полякъ и католикъ. Я не касаюсь здѣсь того, что инженеръ этотъ по имени и отчеству Иванъ Ивановичъ на дѣлѣ былъ русскимъ и православнымъ, я просто привожу этотъ случай, чтобы показать, насколько пріемы ген. Батюшина не являлись въ чиновничьемъ болотѣ исключительными.

дѣла для производства слѣдствія подъ высшимъ наблюденіемъ прокурора варшавской судебной палаты. Въ то время варшавская палата, какъ и виленская, была уже въ родѣ католическихъ епископовъ in partibus infidelium и пребывала въ Москвѣ, но судебный слѣдователь варшавскаго окружнаго суда по особо важнымъ дѣламъ Матвѣевъ производилъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ товарища прокурора варшавской судебной палаты В. Д. Жижина какое то запутанное слѣдствіе въ прифронтовой полосѣ и оба они пользовались славой въ военныхъ кругахъ. Вотъ въ ихъ собственно руки и хотѣлъ генералъ Батюшинъ отдать свое незадачливое дѣтище и тѣмъ обезопасить его отъ меня. Я эгоистически обрадовался такому исходу и тѣмъ, помню, удивилъ методическаго до мелочей и законнаго до формализма А. А. Макарова*, который сказалъ мнѣ приблизительно слѣдующее: «Если вы и не видите для себя въ этомъ обиды, то ваше право наблюдать за предварительнымъ слѣдствіемъ по дѣлу Рубинштейна несомнѣнно, такъ какъ почти всѣ предполагаемыя его преступленія могли быть совершены только или въ петроградскомъ судебномъ округѣ, или за границею; а право нужно отстаивать до послѣдней возможности». Я возразилъ, что отъ обязанностей никогда не уклоняюсь и стойко выдержу всѣ нареканія, когда въ дѣлѣ, послѣ передачи его на мое попеченіе, ничего не окажется, но рваться за лишней обузой не буду. Министръ простился со мною, говоря, что онъ не поколеблетъ въ своемъ мнѣніи и постарается настоять на передачѣ дѣла въ мои руки, если ужъ будетъ признано нужнымъ производить предварительное слѣдствіе, не ограничиваясь дознаніемъ комиссіи.

Прошло еще нѣсколько времени. Какъ то вечеромъ министръ позвонилъ ко мнѣ по телефону (тогда у насъ горячее было время) и въ разговорѣ сообщилъ, что уже состоялось высочайшее повелѣніе о передачѣ батюшинскаго дознанія для производства слѣдствія въ округъ варшавской судебной палаты. «Я очень радъ» стремительно вырвалось у меня, что, — какъ я слышалъ въ телефонъ, — даже разсмѣшило А. А. Макарова; но онъ тогда же сказалъ, что приметъ всѣ мѣры пересудѣдить государя и снимете съ меня незаслуженное пятно. Я, говоря совершенно искренно, никакого пятна на себѣ не видѣлъ и не ощущалъ, но не хотѣлъ вновь поднимать уже исчерпанное до конца наше разногласіе и постарался скорѣе «перейти къ очереднымъ дѣламъ». Не о себѣ я думалъ тогда; и не смѣлъ я осуждать военное командованіе за испрошеніе такого высочайшаго повелѣнія, которымъ варшавскій судебный округъ распространялся на территорію петроградскаго: не могъ же я забыть, что министерство юстиціи (болѣе сознательно относящееся къ закону), еще недавно, не безъ моего къ тому же участія, исходатайствовало другое высочайшее повелѣніе, которымъ округъ петроградской судебной палаты былъ распространенъ на всю Финляндію (то-есть даже на область, гдѣ дѣйствовали совсѣмъ особые суды); пусть мы рѣшились нарушить законъ, вполнѣ убѣжденно не довѣряя лойяльности финновъ, но и военныя власти, какъ я уже отмѣтилъ, тоже могли добросовѣстно не довѣрять моему безпристрастію. Однако, было во всемъ этомъ нѣчто не исчерпывавшееся вопросомъ лично обо мнѣ, а потому значительно болѣе важное и для меня. Какихъ нибудь три мѣсяца назадъ А. А. Хвостовъ, передъ самымъ его увольненіемъ отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ, докладывалъ госу-

* На А. А. Макарова тяжело ложится въ общемъ мнѣніи фраза: «Такъ было и такъ будетъ», сказанная имъ въ государственной думѣ при отвѣтѣ на запросъ о разстрѣлѣ рабочихъ на Ленскихъ пріискахъ, но по поводу этого мнѣ придется обстоятельно говорить въ своемъ мѣстѣ.

дарю, что предполагаетъ взять меня къ себѣ въ товарищи; государь, по словамъ А. А. Хвостова, отвѣтилъ согласіемъ, добавивъ, что слышалъ про меня много хорошаго... Тогда почему же одинъ дурной отзывъ обо мнѣ, данный даже помимо непосредственнаго моего начальства, могъ оказаться въ глазахъ государя достаточнымъ основаніемъ для созданія по дѣлу Рубинштейна особой искусственной подслѣдственности? А если этотъ отзывъ былъ такъ высокъ, почему же тогда государь не возбудилъ вопроса о невозможности оставлять прокуроромъ палаты въ столицѣ человѣка, которому опасно довѣрить наблюденіе хотя бы на первый разъ за однимъ только дѣломъ о государственной измѣнѣ? Почувствовавъ на самомъ себѣ всю шаткость и не согласованность мѣропріятій, исходящихъ отъ верховной власти, я какъ то живѣе ощутилъ холодъ страха за будущее и уже отъ этого тоскливо-тревожнаго настроенія не освободился до большевицкаго переворота. Я, конечно, непослѣдовательность рѣшеній государя могъ наблюдать и наблюдалъ давно, еще задолго до войны*, но, во первыхъ, прежде остовъ русской имперіи казался мнѣ (да и мнѣ ли одному?) несокрушимымъ, а во вторыхъ, и въ послѣдніе годы, когда въ душу стали закрадываться сомнѣнія, случаи царской уступчивости перемежающимся вліяніямъ, даже по болѣе важнымъ вопросамъ, казались мнѣ (не умѣю нагляднѣе выразиться) какъ бы нарисованными, лишенными живой плоти, пока я самъ не испыталъ этого на себѣ, хотя и по ничтожному сравнительно поводу**. Хотите — вѣрьте, хотите — нѣтъ, но мнѣ было бы легче, если бы рѣшили тогда же удалить меня съ должности прокурора палаты: я бы, разумѣется, волновался и возражалъ противъ такого ко мнѣ отношенія, но это были бы волненія по личному вопросу, а не та глухая тревога, которая, разъ возникнувъ, продолжала быстро во мнѣ расти и въ началѣ 1917 года вылилась въ болѣзненное предчувствіе близости крушенія.

Министръ не успѣлъ привести въ исполненіе намѣренія своего говорить съ государемъ: спустя недѣлю я посѣтилъ А. А. Макарова, уже послѣ того, какъ состоялся приказъ о его увольненіи. Я еще былъ прокуроромъ палаты, когда въ Петроградъ пріѣхали слѣдователь Матвѣевъ и товарищъ прокурора Жижинъ для производства слѣдственныхъ дѣйствій о Рубинштейнѣ, котораго они, по неизвѣстнымъ для меня основаніямъ, сочли возможнымъ держать подъ стражею. Со мною повидаться они, тоже неизвѣстно почему, признали излишнимъ.

---

* Напримѣръ, лѣтомъ 1899 года отецъ мой, тогда временно управлявшій министерствомъ юстиціи, докладывалъ государю, что великій князь Михаилъ Александровичъ, не можетъ быть по закону провозглашенъ наслѣдникомъ, какъ имѣющій на престолъ только условное право при отсутствіи прямыхъ наслѣдниковъ. Государь призналъ справедливость этихъ доводовъ отца и сказалъ, что вопросъ о предоставленіи Михаилу Александровичу титула наслѣдника-цесаревича рѣшенъ отрицательно и (подлинное выраженіе государя) безповоротно. А спустя нѣсколько дней, К. П. Побѣдоносцевъ прислалъ отцу для обнародованія высочайшій указъ о присвоеніи великому князю титула наслѣдника, сопровождая эту присылку поясненіями, что государь уступаетъ желанію вдовствующей императрицы. Вспоминается и другой случай. Приблизительно около этого же времени С. Ю. Витте, тогда министръ финансовъ, разсказывалъ въ засѣданіи комитета министровъ, что онъ долженъ былъ прекратить начатую имъ съ одобренія государя таможенную войну противъ нѣмцевъ, такъ какъ получилъ прямое о томъ приказаніе государя изъ Киля, послѣдовавшее за свиданіемъ его съ Вильгельмомъ II.

** Дорожа возможной точностью положенія, оговариваюсь, что тогда же я пережилъ другой поводъ для своей тревоги, о чемъ скажу ниже; но мнѣ кажется, что этотъ другой поводъ возникъ немного позже.

Дѣло кончилось ничѣмъ, но какъ именно это произошло, я не знаю. Рубинштейна впервые я увидѣлъ въ Зимнемъ Дворцѣ, въ столовой, гдѣ завтракали члены и слѣдователи верховной комиссіи, излѣдовавшей злоупотребленія стараго режима. Зачѣмъ онъ туда пришелъ, меня никто не освѣдомилъ, но тогда я собственными глазами удостовѣрился, что онъ уже выпущенъ на свободу. А затѣмъ я былъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля сенаторомъ В. А. Бальцемъ, стоявшимъ во главѣ комиссіи, въ задачу которой входило разслѣдованіе злоупотребленій спеціально военнаго вѣдомства. Оказалось, что подъ стражею находится уже генералъ Батюшинъ: ему, если не ошибаюсь, вмѣнялось въ вину включеніе ложныхъ свѣдѣній о ходѣ дознанія по дѣлу Рубинштейна въ письменные доклады начальству. На этомъ я и разстался съ генераломъ и съ полковникомъ: больше о нихъ я не слышалъ за все время революціи *.

Дутымъ долженъ я назвать еще одно дѣло, которое такъ и не родилось, но рожденіе котораго было бы для меня очень мучительно. Родить это дѣло собирался С. П. Бѣлецкій, тогда товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ январѣ 1916 году я былъ вызванъ къ министру юстиціи А. А. Хвостову на особое совѣщаніе, членами котораго оказались, кромѣ насъ двоихъ, еще министръ внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостовъ, товарищъ его по должности С. П. Бѣлецкій и директоръ второго департамента министерства юстиціи В. А. Бальцъ. Смутно помнится, что присутствовалъ и товарищъ министра юстиціи А. Н. Веревкинъ, но навѣрно этого сказать не могу. Докладчикомъ выступилъ С. П. Бѣлецкій. Очень жалѣю, что давно уничтожилъ «страха ради большевицка» мои замѣтки, набросанныя тогда же. А теперь я рѣшительно не въ состояніи припомнить, въ чемъ именно Бѣлецкій усматривалъ вину двухъ будущихъ министровъ временнаго правительства А. И. Гучкова и К. А. Гвоздева. Онъ обвинялъ ихъ какъ предсѣдателя и члена военно-промышленнаго комитета въ какихъ то революціонныхъ дѣйствіяхъ, граничащихъ по военному времени съ государственной измѣной. Разъ я забылъ фактическую сторону дѣла, то мнѣ остается сказать одно: я до сихъ поръ живо ощущаю то стѣсненіе сердца, съ которымъ слушалъ рѣчь Бѣлецкаго, построенную очень искусно и тѣмъ не менѣе производившую на меня впечатлѣніе пустого орѣха. Я и тогда былъ убѣжденъ и теперь остаюсь при убѣжденіи, что и самъ Бѣлецкій не вѣрилъ своимъ словамъ: если бы въ распоряженіи его были настоящія улики, то онъ не предоставлялъ бы честь ихъ окончательнаго установленія прокуратурѣ, а далъ бы поводъ лишній разъ блеснуть департаменту полиціи и жандармамъ. Очевидно, въ намѣренія Бѣлецкаго только входило произвести вокругъ именъ Гучкова и Гвоздева непріятный для нихъ шумъ, а тамъ конечный неуспѣхъ можно было бы свалить на неумѣнье или даже нежеланье судебнаго вѣдомства.

Позволяю себѣ небольшое отступленіе. Впослѣдствіи я составилъ отчетливое представленіе о личности Бѣлецкаго. Я узналъ, что онъ опуталъ своего министра А. Н. Хвостова цѣлой сѣтью соглядатайства, даже посадивъ ему рядомъ съ шоффероиъ, въ видѣ разъѣзднаго курьера, агента-сыщика; я узналъ, что онъ, устроивъ охрану своему благодѣтелю и покровителю Распутину, и за нимъ установилъ тщательное наблюденіе, въ итогѣ котораго департаменту полиціи былъ извѣстенъ буквально каждый шагъ Распутина: агенты по часамъ указывали, куда ѣздилъ старецъ и кто когда у него былъ. Я самъ убѣдился,

* Уже ставъ эмигрантомъ я гдѣ то прочелъ имя генерала Батюшина въ числѣ «фейхтвальцевъ».

что наблюдаютъ и за мною: я не могъ начать ни одного должностного разговора по своему телефону, чтобы не услышать, какъ ко мнѣ присоединяютъ подслушивателя, а потому въ важныхъ случаяхъ предпочиталъ говорить съ министромъ не изъ своей, а изъ сосѣдней квартиры *. Почти то же было и съ А. А. Хвостовымъ: когда онъ сталъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, то полюбопытствовалъ и убѣдился, что переписка его, какъ министра юстиціи, была подвергаема систематической перлюстраціи. Но и къ тому времени, о которомъ я теперь разсказываю, мнѣ было хорошо извѣстно, что С. П. Бѣлецкій — ставленникъ Распутина и бывшій директоръ департамента полиціи изъ числа тѣхъ, что поддерживали департаментскія традиціи, такъ хорошо охарактеризованныя мнѣ еще въ концѣ 1901 года А. А. Лопухинымъ, тогда прокуроромъ петербургскаго окружного суда: онъ, ссылаясь на свою практику товарища прокурора, наблюдавшаго въ Москвѣ за политическими дознаніями, удостовѣрилъ мнѣ, что вполнѣ возможны даже такіе случаи, когда какой нибудь студентъ, сосланный въ Сибирь за революціонную дѣятельность, въ дѣйствительности ни разу ни одного настоящаго революціонера не видѣлъ, такъ какъ распропагандировали его, устроили для него кружокъ и тамъ занимались съ нимъ, напримѣръ, изготовленіемъ адской машины, исключительно провокаторы.

Когда я началъ возражать Бѣлецкому, я болѣе всего боялся, какъ бы въ моихъ словахъ не выявилось мое недовѣріе къ нему самому, которое обосновать тогда для меня было затруднительно, а высказать необоснованно было бы неумѣстно. Долженъ признаться, что мои возраженія были сбивчивы: я не могъ справиться съ охватившимъ меня волненіемъ. Выручилъ меня В. А. Бальцъ, который поддержалъ мои доводы съ полнымъ спокойствіемъ, найдя для нихъ такую форму, которая отнимала у Бѣлецкаго малѣйшее право обидѣться. Мнѣніе Бальца было принято обоими министрами, рѣшившими, что собранныя улики недостаточны для предварительнаго слѣдствія или даже формальнаго дознанія. Бомба Бѣлецкаго не взорвалась, и я вернулся домой невредимый. Впослѣдствіи, уже во время революціи, мнѣ передавали слова Бѣлецкаго, тогда содержавшагося въ Петропавловской крѣпости: онъ утверждалъ, что революціи очень помогъ я съ Бальцемъ своимъ нежеланіемъ вывести Гучкова и Гвоздева на чистую воду. Роли военно-промышленнаго комитета въ приготовленіи революціонной вспышки, опрокинувшей русскую монархію я не знаю, и потому не могу судить, есть ли въ утвержденіи Бѣлецкаго хоть тѣнь правдоподобія. Но пользуюсь случаемъ высказать глубокое мое убѣжденіе въ томъ, что дѣятели революціи ничего не осуществили бы, если бы не было дѣятелей на революцію. Дѣятелями на революцію я называю тѣхъ сановниковъ и публицистовъ, которые удерживали старый режимъ отъ предоставлявшихся ему на каждомъ шагу возможностей быть законнѣе, свободнѣе и послѣдовательнѣе и тѣмъ постепенно отпугивали отъ него все болѣе обширные круги населенія. Къ числу такихъ дѣятелей на революцію я и отношу С. П. Бѣлецкаго.

Читатели уже могли замѣтить, что я пишу здѣсь не столько о государственныхъ измѣнахъ, сколько по поводу государственныхъ измѣнъ. Дѣлая еще шагъ въ сторону, я хочу тутъ же набросать нѣсколько краткихъ замѣчаній о дореволюціонномъ производствѣ политическихъ дѣлъ, то есть о такихъ преступленіяхъ, которыя или подрывали или признавались подрывающими существовавшій въ то время государственный строй.

* Для лицъ, которыя меня не знаютъ, добавлю, что не страдаю не только маніей преслѣдованія, но даже просто мнительностью.

Когда я поступилъ на службу въ судебное вѣдомство, политическія дѣла шли помимо суда: для нихъ былъ не судъ, была расправа; административное разбирательство, конечно, обставлялось нѣкоторыми гарантіями, но въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ разбирательство дѣлъ, напримѣръ, о третьихъ кражахъ. Хорошъ ли такой порядокъ или дуренъ, я говорить считаю излишнимъ; какъ на него приходилось глядѣть въ условіяхъ русской дѣйствительности, я скажу немного позже, а теперь отмѣчу только то, что судъ въ цѣломъ своемъ составѣ, не былъ причастенъ къ «политикѣ», которой касались лишь отдѣльныя лица прокурорскаго надзора въ качествѣ представителей судебнаго вѣдомства и блюстителей закона при чинахъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Я состоялъ уже прокуроромъ окружного суда въ Новгородѣ, когда министръ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве, одинъ изъ самыхъ крупныхъ, по моей терминологіи, дѣятелей на революцію, провелъ законъ о судебномъ разбирательствѣ политическихъ дѣлъ. Повидимому, такой законъ, несмотря на всѣ его недостатки*, можно было лишь привѣтствовать, но я, не скрою, огорчился ужасно; я всегда вѣрилъ въ жизненность брошенной Вергиліемъ мысли: «timeo Danaos et dona ferentes», и мнѣ казалось безспорнымъ, что передача политическихъ дѣлъ суду была бы хороша, если бы наша администрація въ лицѣ департамента полиціи, дѣтища того же Плеве, искренно отреклась отъ вмѣшательства въ эти дѣла; а я не имѣлъ никогда основанія думать, что Плеве хотѣлъ суда вмѣсто расправы, а не одной вывѣски суда надъ старымъ зданіемъ, гдѣ, по его предположенію, останется прежняя расправа; я ждалъ (и не напрасно), что сейчасъ же начнется давленіе на судъ, начнется подборъ судей и прокуроровъ, и предвидѣлъ, что безупречное имя русскаго суда будетъ забрызгано вслѣдствіе малодушія или увлеченія нѣсколькихъ десятковъ изъ нашей среды.

Когда я, послѣ почти десятилѣтняго перерыва, снова явился въ ряды боевой прокуратуры на должность прокурора петроградской судебной палаты, политическій сыскъ, какъ и въ старые годы, былъ всецѣло въ рукахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а если судъ и выносилъ неоднократно безупречные приговоры лицамъ, обвинявшимся въ государственныхъ преступленіяхъ, то приговоры эти, незамѣтные, какъ все хорошее, пропадали для общества безслѣдно въ трохотѣ, съ которымъ отправляли правосудіе «птенцы гнѣзда» Щегловитова . . .

Зная, что я — послѣдняя спица въ колесницѣ уголовнаго преслѣдованія за политическія преступленія, я ограничился тѣмъ лишь, что не допускалъ постановки на судъ сомнительныхъ дѣлъ, только изрѣдка наступая на жандармскіе окопы.

Разскажу здѣсь бѣгло два случая, когда я позволилъ себѣ такія наступленія. По одному дознанію оказалось, что у обвиняемаго была найдена подпольная литература при слѣдующихъ обстоятельствахъ: обыскъ производился уже въ кабинетѣ, когда жандармскій офицеръ, руководившій обыскомъ вышелъ въ переднюю, гдѣ передъ тѣмъ ничего усмотрѣно не было, и обнаружилъ тамъ въ углу, за подставкою для зонтовъ, пачку «нелегальщины». Я немедленно возбудилъ переписку объ отвѣтственности этого офицера. Я не сомнѣвался тогда, не сомнѣваюсь и теперь, что онъ самъ подбросилъ пачку въ уголъ, но всѣ мои

* О недостаткахъ и пробѣлахъ этого закона я тогда же написалъ статью для «Журнала министерства юстиціи», но министръ Н. В. Муравьевъ не разрѣшилъ ее напечатать, какъ неумѣстную со стороны чина прокуратуры критику только что изданнаго законодательнаго акта.

настоянія кончились лишь прекращеніемъ дознанія и поставленіемъ ретивому жандарму со стороны его начальства на видъ нежелательности подобнаго нахожденія политическаго «въ одиночку»: начальство усмотрѣло здѣсь только горячность и неумѣнье обставить всѣ части обыска необходимыми гарантіями, а не тяжкое должностное преступленіе. Другой случай былъ таковъ: декадентствующій поэтъ — юноша, еврей, никогда насколько можно было судить, не занимавшійся политикой активно, былъ на одномъ большомъ сборищѣ молодежи; тамъ къ нему подсѣлъ какой то молодой человѣкъ, разговорился, увязался провожать и по дорогѣ упросилъ «на эту ночь» взять къ себѣ свертокъ съ революціонными изданіями, ссылаясь на то, что боится обыска. Поэтъ взялъ свертокъ и, пріѣдя домой, бросилъ его, какъ онъ былъ въ газетной бумагѣ, не разворачивая, на письменный столъ, гдѣ его и нашли раннимъ утромъ явившіеся съ обыскомъ жандармы. И здѣсь я добился только того, что юноша оказался вновь на свободѣ; а таинственный незнакомецъ такъ и остался неуловимъ: жандармы, пришедшіе на обыскъ почему то не знали, кто онъ.

Я бы не хотѣлъ, чтобы кто нибудь изъ читателей моихъ могъ добросовѣстно подумать, будто я былъ противъ борьбы съ революціонерами. Я всегда смотрѣлъ на революцію, которая вспыхнула бы въ Россіи, какъ смотритъ сынъ на хирургическую операцію для любимаго отца: такъ страшно, что нельзя на нее рѣшиться, прежде чѣмъ убѣдишься въ полной невозможности спасти отца терапевтическимъ леченіемъ. Я всегда исповѣдывалъ, что долгъ русской образованной молодежи идти не въ подполье и не въ ряды помогающихъ подполью, съ кафедры, съ газетныхъ столбцовъ и изъ менѣе замѣтныхъ закоулковъ, а на рядовую государственную службу, только съ твердымъ намѣреніемъ служить, не прислуживаясь, и возвышаться, не давая голопѣ кружиться. Я всегда думалъ, что работа чиновника — если онъ честенъ, прилеженъ и не глупъ, — не пустяки, а важное дѣло, существенно необходимое для Россіи, при мало развитой самодѣятельности ея общественныхъ круговъ. Я всегда мечталъ, что моимъ единомышленникамъ удастся во время дойти по служебной лѣстницѣ до тѣхъ ступеней, на которыхъ можно будетъ открыть предохранительный клапанъ и рядомъ реформъ выпустить вонъ накопившіеся революціонные пары. Вотъ какъ я понималъ борьбу съ революціей и путемъ уголовнаго законодательства, то есть обложеніемъ карою всѣхъ дѣйствій, вытекающихъ изъ того душевнаго настроенія, которое заставляетъ смотрѣть на приготовленіе къ революціи какъ къ Рождественской елкѣ: Какъ хорошо, что моего отца будутъ рѣзать хирурги, какъ это будетъ весело и какъ мы позабавимся, если операція затянется. Будучи убѣжденъ, что революція не праздникъ, а опасный кризисъ и что длить революцію значитъ рисковать превращеніемъ воспаленія легкихъ въ чахотку, я всѣхъ весело настроенныхъ революціонеровъ считалъ существенно вредными для будущности государства, не менѣе, чѣмъ буйныхъ сумасшедшихъ для окружающихъ. Но я былъ и остаюсь рѣшительнымъ врагомъ всѣхъ мѣръ, направленныхъ на то, чтобы судъ изъ установленія, признаннаго спокойно и совѣстливо оцѣнивать силу улики и устанавливать составъ преступленія, — безразлично какого именно, — преобразился въ палку, которою администрація могла бы бить всѣхъ, кого она почитаетъ революціонерами. Это, по мнѣнію моему, не борьба съ революціей, а работа на революцію. И такою работой насколько я могъ и могу судить, занимался департаментъ полиціи, корпусъ жандармовъ, союзъ русскаго народа и тѣ судьи, которые шли вольно или невольно на поводу министра юстиціи И. Г. Щегловитова.

3. ДѢЛО МАНАСЕВИЧА-МАНУЙЛОВА

Дѣло Манасевича-Мануйлова возникло въ августѣ 1916 года. Само по себѣ оно было довольно заурядным: шантажъ банка. Если же для производства предварительнаго по этому дѣлу слѣдствія я избралъ судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ В. Н. Середу, извѣстнаго мнѣ своими дарованіями и независимостью, то поступилъ такъ исключительно изъ-за личности обвиняемаго и потерпѣвшихъ. Шантажъ былъ направленъ противъ «Соединеннаго банка» (такъ называемаго «поляковскаго») въ лицѣ графа В. С. Татищева и И. С. Хвостова. И того и другого я видѣлъ въ своей жизни разъ или два, но отъ нихъ ко мнѣ тянулись нити: А. А. Хвостовъ, бывшій министръ юстиціи, назначившій меня прокуроромъ палаты, а въ то время министръ внутреннихъ дѣлъ, только что предложившій мнѣ мѣсто товарища министра, приходился И. С. Хвостову роднымъ дядей, а сынъ А. А. Хвостова былъ женатъ на племянницѣ гр. В. С. Татищева; кромѣ того, сестра В. С. Татищева была замужемъ за троюроднымъ братомъ моего зятя, а дочь за моимъ двоюроднымъ племянникомъ. Я нарочно выписываю всѣ эти взаимоотношенія во всѣхъ ихъ подробностяхъ, такъ какъ тогда слышалъ, что меня люди, близкіе къ Манасевичу-Мануйлову, обвиняли въ пристрастіи изъ-за родства, дружбы и «кумовства». Я предвидѣлъ, что въ душу мою будутъ залѣзать грязными руками, вышивая на скудной канвѣ пышные узоры злорѣчія и клеветы, а потому, едва лишь возбудивъ уголовное по дѣлу преслѣдованіе, обратилъ вниманіе министра юстиціи А. А. Макарова на эти, какъ я выразился, нити, которыя могли быть вольно и невольно сочтены, пожалуй, за настоящіе канаты. Министръ зналъ, какъ и я, что у Манасевича-Мануйлова тѣсныя связи съ департаментомъ полиціи и съ самимъ Распутинымъ, а также и то, что Манасевичъ-Мануйловъ является чѣмъ то въ родѣ личнаго секретаря предсѣдателя совѣта министровъ Б. В. Штюрмера, и поэтому не удивился сдѣланному мною выбору слѣдователя, даже не возразилъ противъ заключенія Манасевича-Мануйлова подъ стражу, которое послѣдовало по моему почину: какъ я не избѣгалъ подвергать обвиняемыхъ личному задержанію, но оставить на свободѣ человѣка, обладающаго такими связями и неразборчиваго на средства, значило бы отбить у свидѣтелей всякую охоту быть сколько нибудь откровенными

Манасевичъ-Мануйловъ былъ положительно потрясенъ, когда слѣдователь, раздѣливший мои сужденія объ избраніи по дѣлу высшей мѣры пресѣченія, объявилъ ему о взятіи его подъ стражу. Онъ не хотѣлъ этому вѣрить и, даже находясь въ домѣ предварительнаго заключенія, на каждомъ допросѣ у слѣдователя то просилъ объ освобожденіи, то грозилъ, это не описка: обвиняемый въ такой мѣрѣ чувствовалъ за собой сильную руку, что грозилъ слѣдователю и не столько ему, сколько прокурору палаты и министру юстиціи; такъ, еще задолго до замѣны А. А. Макарова сенаторомъ И. А. Добровольскимъ, я зналъ отъ Манасевича-Мануйлова, что эта замѣна послѣдуетъ, если дѣло не будетъ прекращено; было упоминаемо и о моей отставкѣ. Тѣмъ временемъ кто то пытался обойти и министра юстиціи, потому что онъ заговорилъ о желательности смягчить принятую противъ обвиняемаго мѣру пресѣченія. Но тогда А. А. Хвостовъ уже былъ уволенъ изъ министровъ, а министромъ внутреннихъ дѣлъ сталъ по волѣ Распутина А. Д. Протопоповъ, и я не хотѣлъ сдавать своихъ позицій тѣмъ упорнѣе, чѣмъ меньше видѣлъ для себя поддержки. А. А. Макаровъ,

котораго я не могу упрекнуть ни въ малѣйшемъ нажимѣ на мою волю и совѣсть, уступилъ мнѣ и больше объ освобожденіи Манасевича-Мануйлова не заводилъ рѣчи.

А я пользовался арестомъ обвиняемаго для расширенія рамокъ дѣла. Шантажъ, послужившій поводомъ къ возбужденію слѣдствія, былъ уже почти совсѣмъ выясненъ, но рисовались очертанія другихъ шантажей, — мало того: появлялись улики, которыя указывали, что Манасевичемъ-Мануйловымъ было много натворено такого, передъ чѣмъ блѣднѣлъ этотъ жалкій шантажъ.

Не желая воспроизводить отрывки того, что помнится смутно, я здѣсь ограничусь только тѣмъ, что мнѣ теперь представляется достаточно достовѣрнымъ: разскажу, какія еще два дѣла могли выйти изъ того, надъ которымъ работалъ В. Н. Середа.

Нащупывалась такая продѣлка Манасевича-Мануйлова. Въ Петроградѣ жилъ какой то французъ (фамилію я теперь забылъ), который задумалъ писать по французски пѣлую книгу о современной Россіи. Задумалъ ли онъ писать эту книгу по настоящему, или же стакнулся съ Манасевичемъ-Мануйловымъ, но такъ или иначе, а въ руки Манасевича-Мануйлова попалъ подробный конспектъ содержанія книги; оказалось, что одна глава въ ней должна быть посвящена дѣятельности Б. В. Штюрмера; когда Манасевичъ-Мануйловъ показалъ конспектъ этой главы своему принципалу, тотъ пришелъ въ большое волненіе, и находчивый секретарь предложилъ выкупить книгу, пріобрѣсти ее, такъ сказать, на корню, что, повидимому, и состоялось. Мнѣ очень хотѣлось установить, такъ ли это было и, если такъ, то откуда были взяты деньги на выкупъ и куда онѣ пошли: французу, ипополамъ ему и Манасевичу, или же одному Манасевичу.

В. Н. Середа нащупалъ и другую продѣлку обвиняемаго. Впрочемъ, я употребилъ не то слово; не продѣлка это, а чудовищное злодѣйство, и потому понятно, что я добивался выяснить всѣ его обстоятельства. У Манасевича на содержаніи была какая то пѣвичка или что то въ этомъ родѣ. Одно лѣто она жила въ Райволѣ, не зная, что ревнивый Манасевичъ, пользуясь своими связями съ департаментомъ полиціи и жандармами, приставилъ къ ней на казенный счетъ сыщика. Жилъ тѣмъ же лѣтомъ въ Райволѣ и молодой сынъ богатаго купца (фамилію не припомню), ему понравилась пѣвичка, а онъ ей, и они вмѣстѣ катались на его лошадяхъ; сыщикъ донесъ объ этомъ Манасевичу, а тотъ снова прибѣгъ къ своимъ связямъ: молодого человѣка вызвали въ петроградское охранное отдѣленіе и предъявили ему обвиненіе въ государственной измѣнѣ: поставкѣ лошадей черезъ Финляндію въ Германію (европейская война тогда уже началась); тотъ возражалъ, что, хотя и торгуетъ лошадьми, въ Германію ихъ не поставлялъ; но ему было сказано, что онъ, если не хочетъ быть арестованнымъ, какъ государственный преступникъ, долженъ заявить о своей готовности поступить добровольцемъ въ автомобильную команду и отправиться въ дѣйствующую армію; молодой человѣкъ вынужденъ былъ согласиться на это, и его угнали на фронтъ, откуда не давали отпуска въ Петроградъ: Манасевичъ обезопасилъ себя отъ соперника.

Судьба не пожелала, чтобы все это установлено было непреложно и подробно въ порядкѣ слѣдственныхъ дѣйствій: Манасевича-Мануйлова хватилъ ударъ. Я сначала подумалъ, что онъ притворяется, но и самъ В. Н. Середа, и вызванный имъ врачъ, а затѣмъ судебные экспперты удостовѣрили, что обвиняемый дѣйствительно разбитъ параличемъ; по заключенію докторовъ, Манасевичъ могъ оправиться отъ удара только при условіи заботливаго ухода и

привычной обстановки. Я бы ни за что и тутъ не согласился выпустить обвиняемаго на свободу, если бы больница въ домѣ предварительнаго заключенія была удовлетворительна; но тюремная инспекція, особенно успѣшно боровшаяся съ прокурорскимъ надзоромъ послѣ передачи главнаго завѣдыванія тюрьмами въ министерство юстиціи, не очень заботилась о тюремныхъ больницахъ, и я по совѣсти не могъ считать больницу дома предварительнаго заключенія даже маломальски сносною. Смертной казни Манасевичу не полагалось и, какъ мнѣ ни хотѣлось вывести его и многихъ съ нимъ на чистую воду, я перешагнуть черезъ живого человѣка въ достиженіи своей цѣли, хотя бы и вполнѣ похвальной, не считалъ себя въ правѣ: убѣдившись, что экспертовъ нѣтъ основанія подозрѣвать въ заднихъ мысляхъ и что лучшей больницы въ петроградскихъ тюрьмахъ не имѣется, я пошелъ на встрѣчу предположенію В. Н. Середы освободить Манасевича подъ залогъ.

Я всегда былъ того мнѣнія, что въ вопросѣ объ арестѣ обвиняемыхъ главная роль принадлежитъ слѣдователю; я получилъ одобреніе министра, когда сообщилъ ему спѣшно по телефону о причинахъ предстоящаго освобожденія Манасевича; я зналъ и знаю, что и вторично я поступилъ бы точно также, — но я уже не сомнѣвался, что съ дѣломъ надобно спѣшить. Къ тому же выводу пришелъ и В. Н. Середа, когда Манасевичъ, какъ только къ нему вернулась рѣчь и до извѣстной степени движеніе, позволилъ себѣ намекнуть еще заплетающимся языкомъ, что Распутинъ поможетъ ему и устроитъ прекращеніе дѣла.

Мы оба отказались отъ обслѣдованія всѣхъ другихъ преступленій Манасевича-Мануйлова: Середа закончилъ слѣдствіе, какъ теперь помню, въ четвергъ; обвинительный актъ былъ уже написанъ къ тому же четвергу; въ пятницу палата утвердила обвинительный актъ, и дѣло было назначено къ слушанію съ присяжными засѣдателями въ окружномъ судѣ на слѣдующій четвергъ, 15-го декабря (ст. ст.).

А наканунѣ, въ среду, 14-го, подъ вечеръ Середа позвонилъ ко мнѣ по телефону и сообщилъ, что сейчасъ былъ у него значительно оправившійся Манасевичъ и утверждалъ, будто бы уже состоялось Высочайшее повелѣніе о прекращеніи его дѣла, о чемъ ему прислалъ телеграмму Распутинъ изъ царской ставки.

Я только что говорилъ также по телефону съ министромъ и услышалъ отъ него о передачѣ дознанія, производимаго комиссіею генерала Батюшина по дѣлу Рубинштейна, въ округъ варшавской судебной палаты. Тяжелое раздумье, которое вызвано было во мнѣ этимъ разговоромъ и о которомъ я уже разсказалъ выше, еще усилилось отъ сообщенія В. Н. Середы, но мнѣ хотѣлось успокоить себя надеждою на лживость телеграммы Распутина: вѣдь министръ только что разговаривалъ со мною и ничего не упомянулъ о Манасевичѣ, а зачѣмъ бы онъ это скрылъ?

Но на другой день утромъ для меня все разъяснилось. Къ ночи министръ дѣйствительно получилъ Высочайшее повелѣніе по телеграфу въ такихъ приблизительно выраженіяхъ: «Повелѣваю прекратить дѣло Манасевича-Мануйлова, не доводя до суда. Николай». А. А. Макаровъ не счелъ возможнымъ безпрекословно исполнить навязанную государю волю Распутина и написалъ всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ убѣждалъ государя отказаться отъ своего распоряженія. Какъ отнесется государь къ такому поступку министра, мы оба не были въ состояніи предугадать, но понимали, что дѣло Манасевича въ тотъ день и во всякомъ случаѣ до царскаго отвѣта изъ ставки, слушаться въ судѣ

не могло. Послѣ разговора съ министромъ я спѣшно передалъ черезъ прокурора суда тому товарищу прокурора, который долженъ былъ обвинять, чтобы онъ настоялъ на отложеніи дѣла за неявкою соподсудимаго и какого то свидѣтеля, ни за что не соглашаясь ни на раздѣленіе предметовъ сужденія, ни на оглашеніе показанія, даннаго свидѣтелемъ слѣдователю. Такъ и вышло: дѣло отложили. Манасевичъ явился было на другой день за полученіемъ залога, но ему отвѣтили, что въ судѣ о прекращеніи дѣла по высочайшему повелѣнію ничего неизвѣстно и что дѣло только отложено, а потому залогъ ему возвращенъ быть еще не можетъ. Въ субботу, 17-го декабря, былъ убитъ Распутинъ. И въ этотъ день, и въ слѣдующіе три дня мнѣ пришлось неоднократно видѣться съ А. А. Макаровымъ, какъ съ министромъ юстиціи; а въ среду, 21-го, я пріѣхалъ къ нему, уже какъ къ лицу, совершенно постороннему для судебнаго вѣдомства: во вторникъ послѣдовали высочайшіе указы объ увольненіи А. А. Макарова отъ должности министра и о назначеніи управляющимъ министерствомъ юстиціи сенатора Н. А. Добровольскаго: предсказаніе Манасевича сбылось въ точности.

Когда, еще немного спустя, былъ утвержденъ въ должности министра внутреннихъ дѣлъ А. Д. Протопоповъ, я не могъ не подивиться живучести вліянія Распутина и шуткою перепечатлъ знаменитые стихи изъ пушкинскаго «Бориса Годунова»: Тѣнь Гришкина двухъ насъ усыновила, министрами изъ гроба нарекла».

Но дѣло Манасевича вопреки его ожиданію, почти совсѣмъ оправдавшемуся, не было прекращено. При какихъ обстоятельствахъ государь взялъ назадъ свое распоряженіе, мнѣ осталось неизвѣстнымъ. Кто говорилъ, что отмѣна повелѣнія послѣдовала одновременно съ увольненіемъ А. А. Макарова; кто говорилъ, что Н. А. Добровольскій по указанію И. Г. Щегловитова, также выдвинутаго тогда Распутинымъ въ предсѣдатели государственнаго совѣта, докладывалъ царю о необходимости поставить дѣло Манасевича на судъ. Чей разсказъ вѣрнѣе, рѣшить трудно. Могъ, пожалуй, и Н. А. Добровольскій съ И. Г. Щегловитовымъ выступить противъ Манасевича: вѣдь Распутинъ все-жъ таки умеръ, и оба они въ новомъ его благоволеніи больше не нуждались.

Какъ бы ни было, Манасевичъ судился незадолго до революціи, уже въ февралѣ 1917 г. Присяжные засѣдатели его обвинили. Но приговоръ еще не былъ обращенъ къ исполненію и даже, кажется, не вошелъ въ законную силу, когда толпа выпустила изъ дома предварительнаго заключенія всѣхъ арестантовъ, въ томъ числѣ и Манасевича.

4. ДѢЛО ОБЪ УБІЙСТВѢ РАСПУТИНА

17 декабря ст. ст. 1916 г., въ субботу, рано утромъ, меня разбудилъ звонокъ телефона, который на ночь всегда былъ мною переносимъ къ изголовью кровати.

Голосъ О. О. фонъ-Нандельштедта, прокурора петроградскаго окружного суда, обыкновенно ровный и увѣренный, звучалъ теперь въ трубку возбужденно. Прокуроръ суда сообщалъ, что въ эту ночь, по всей видимости, убитъ Распутинъ и что убійство, кажется, произошло во дворцѣ князя Юсупова на Мойкѣ у Поцѣлуева моста.

Вѣстникомъ гибели Распутина былъ городовой, по фамиліи, помнится мнѣ, Власюкъ. Онъ стоялъ ночью на посту въ одномъ изъ переулковъ, недалеко отъ того мѣста набережной, гдѣ находится дворецъ кн. Юсупова, какъ вдругъ съ Мойки послышалось два выстрѣла, одинъ за другимъ. Власюкъ пошелъ въ ту

сторону, откуда они раздались, и вышелъ къ рѣкѣ, противъ реформатской церкви. Стоявшій у церкви, на другомъ берегу, городовой сказалъ Власюку, что стрѣляли около Юсуповскаго дворца.

Для читателей, незнакомыхъ съ мѣстностью, дѣлаю краткое поясненіе: дворецъ кн. Юсупова расположенъ на самой набережной, а рядомъ съ нимъ дворъ сосѣда съ рѣшеткой вмѣсто забора: на этотъ дворъ выходитъ изъ княжескаго кабинета особая дверь, сдѣланная когда-то, вѣроятно, съ болѣе мирными цѣлями, чѣмъ тѣ, для которыхъ была использована въ эту зимнюю ночь.

Власюкъ, приблизившись къ дворцу, увидѣлъ за рѣшеткою свѣтъ фонаря и тѣни людей. Войдя на дворъ, онъ разглядѣлъ въ двухъ бывшихъ тамъ человѣческихъ фигурахъ молодого князя Юсупова, породнившагося съ царствующимъ домомъ, и стараго княжескаго дворецкаго. Князь встрѣтилъ исполнительнаго блюстителя благочинія и безопасности непривѣтливо и заявилъ, что дѣлать городовому тутъ нечего: просто великій князь Дмитрій Павловича, уѣзжая къ себѣ домой, убилъ собаку.

Петербургъ, и ставъ Петроградомъ, былъ хорошей школою для городовыхъ: они отлично знали удѣльный вѣсъ обывателей и ясно понимали, какъ съ кѣмъ нужно себя держать. Власюкъ сдѣлалъ подъ козырекъ и немедленно отправился обратно на свой постъ. Тѣмъ бы дѣло на эту ночь и кончилось, но, нѣсколько минутъ спустя, въ Власюку подошелъ дворецкій, стоявшій только что съ княземъ во дворѣ, и позвалъ совсѣмъ было успокоившагося городового во дворецъ, говоря, что его зоветъ туда князь.

Власюка впустили въ кабинетъ черезъ боковую дверь со двора. За столомъ стоялъ князь Юсуповъ, а съ боку стола сидѣлъ неизвѣстный городовому господинъ, бывшій какъ сейчасъ же распозналъ опытный глазъ столичнаго полицейскаго, въ формѣ гражданскаго чиновника военнаго вѣдомства съ погонами дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Замѣтилъ городовой и то, что господинъ былъ въ состояніи значительнаго опьяненія. Юсуповъ молчалъ, а говорилъ незнакомецъ. Разговоръ былъ выразителенъ и недологъ. Власюкъ передавалъ его приблизительно такъ:

— Знаешь меня?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

— Я членъ государственной думы — Пуришкевичъ. Слышалъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

Затѣмъ послѣдовали такіе короткіе вопросы, знаетъ ли городовой, кто Распутинъ, любитъ ли городовой родину, и чтитъ ли царя. Власюкъ на нихъ далъ утвердительные отвѣты.

Тогда назвавшійся Пуришкевичемъ сказалъ:

— Такъ, знай же, что этой ночью Распутина не стало. Теперь ступай на свое мѣсто и забудь, что я тебѣ сказалъ; если любишь царя и родину, то долженъ объ этомъ молчать.

И опять отправился Власюкъ на свой постъ. И стоялъ на посту, раздумывая, какъ ему быть. Ретивый служака, онъ былъ смущенъ приказаніемъ Пуришкевича; какъ же молчать если случилось такое исключительное происшествіе? А пока Власюкъ терзался сомнѣніями, уже стала ночь сѣрѣть, и мимо поста, торопясь куда то, прошелъ знакомый агентъ сыскного отдѣленія. Городовой не выдержалъ гнета довѣренной ему тайны и обратился къ сыщику за совѣтомъ, какъ поступить.

Менѣе чѣмъ черезъ часъ я и былъ разбуженъ звонкомъ телефона. Узнавъ отъ прокурора суда (конечно, вкратцѣ) содержаніе разсказа Власюка и получивъ на свой вопросъ отвѣтъ, что Распутинъ уѣхалъ изъ дому въ часъ ночи, назадъ не вернулся, я немедленно избралъ для производства предварительнаго по дѣлу слѣдствія В. Н. Середу, который положительно мнѣ нравился своей спокойной самостоятельностью и большою любовью къ слѣдовательской работѣ, выполняемой имъ чисто по судейски. Путемъ телефонныхъ переговоровъ было условлено, что В. Н. Середа съ фонъ-Пандельштедтомъ тотчасъ же выѣзжаютъ на мѣсто предполагаемаго преступленія, захвативъ съ собой начальника сыскного отдѣленія, и главное вниманіе обращаютъ на слѣды, которые могли остаться отъ убійцъ или убитаго; въ частности, мы рѣшили непремѣнно взять крови, если она была пролита и еще не замыта, потому что, въ виду ссылки князя Юсупова на какую то убитую собаку, представлялось существенно важнымъ прибѣгнуть къ способу Уленгута для опредѣленія, чья же именно это кровь: дѣйствительно собаки или человѣка.

Затѣмъ уже я позвонилъ къ министру. Услыхавъ отъ меня въ чемъ дѣло, А. А. Макаровъ рѣшительно заявилъ, что не одобряетъ моихъ распоряженій: «вы подумайте, говорилъ онъ мнѣ, — въ какомъ смѣшномъ положеніи окажемся мы, если выяснится, что Распутинъ живъ и гдѣ нибудь у цыганокъ, а мы потревожили важнѣйшаго слѣдователя изъ за собаки». Въ заключеніе министръ попросилъ меня взять назадъ мое предложеніе о приступѣ къ предварительному слѣдствію и пока ограничиться производствомъ дознанія. Я бы многое могъ возразить А. А. Макарову, но предпочелъ подчиниться. Звоня вслѣдъ затѣмъ въ сыскную полицію и прося розыскать В. Н. Середу и передать ему, чтобы онъ нашелъ по близости отъ мѣста, гдѣ производить слѣдственныя дѣйствія, укромный телефонъ для переговоровъ со мною, я понималъ, что допускаю грубую ошибку въ качествѣ лица обязаннаго не медлить съ раскрытіемъ преступленія, но малодушно оправдывалъ себя распоряженіемъ министра, съ которымъ, однако, и не попытался вступить въ споръ. Дѣло заключалось въ томъ, что распоряженія мои, опороченныя министромъ, были отданы только по профессіональному, такъ сказать, навыку, по глубоко въѣвшейся въ меня привычкѣ поступать такимъ образомъ въ подобныхъ обстоятельствахъ; но самъ я, еще уговариваясь съ прокуроромъ суда и слѣдователемъ, чувствовалъ къ удивленію своему, что меня впервые въ жизни не коробитъ отъ убійства.

Долженъ тутъ же дать необходимыя объясненія. Вопреки Льву Толстому я исповѣдую, что насиліе не возбранено даже евангельскимъ ученіемъ. Мало того, — я смѣю утверждать, что евангеліе обѣщаетъ прощеніе за самое преступное насиліе, если оно совершено во имя великой любви, то есть ради такой цѣли, которая вполнѣ чужда личныхъ выгодъ рѣшившагося на преступленіе и окружена для него сіяніемъ святости*. И въ этомъ сужденіи моемъ пѣтъ ничего противнаго духу Христову: я не о самодовольныхъ преступникахъ говорю,

---

* Я опираюсь на нѣсколько торжественныхъ мѣстъ въ четвероевангеліи, которыя и привожу здѣсь въ церковнославянскомъ переводѣ.

«Обрѣтый душу свою погубитъ ю; а иже погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю» (Мѳ., X, 39). «Иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю; и иже аще погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю» (Мѳ., XVI, 25). «Иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю; а иже погубитъ душу свою Мене ради и Евангелія, той спасетъ ю» (Мр., VIII, 35). «Иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю; а иже погубитъ душу свою Мене ради, сей спасетъ ю» (Лк. IX, 24). «Иже аще взыщетъ душу свою спасти, погубитъ ю; и иже аще погубитъ ю, живитъ ю» (Лк., XVII, 33).

а настаиваю лишь на томъ, что, по смыслу несомнѣнныхъ словъ великаго учителя, надо выше ставить не душевную незапятанность грѣхомъ, но святую цѣль и потому для нея жертвовать душою, именно душою, а не одною земною жизнью.

Отправляясь отъ такого пониманія евангельскихъ предписаній, я бы, конечно, не могъ удивиться, ощутивъ, что оправдываю убійцъ Распутина, если бы налицо были два, по мнѣ, совершенно необходимыхъ условія: если бы я могъ думать, что смерть Распутина неизбѣжна для спасенія Россіи, и если бы я удостовѣрился, что убійцы не дышатъ самодовольствомъ, а въ сознаніи своего грѣха идутъ навстрѣчу отвѣтственности. Но въ томъ то и дѣло, что ни одного изъ этихъ условій не было. Во первыхъ, развѣ только Распутинъ являлся виновникомъ русскихъ золъ? Было бы болото, а черти будутъ; болоту же нашему и притомъ въ обѣ стороны, вправо и влѣво, я конца не видѣлъ. Съ Распутинымъ при его жизни пытались бороться по настоящему лишь единицы, а сотни заранѣе склоняли покорно передъ нимъ голову, хотя борьба (пусть бы сначала всего въ предѣлахъ отказовъ въ отвѣтъ на его незаконныя домогательства) была, повидимому, не такъ уже безнадежна*. Перефразивая слова Тургенева, я уже тогда твердилъ: житье наглецу между трусами. И не могъ я сомнѣваться, что Распутина легко замѣнить въ самомъ непродолжительномъ времени, такъ какъ въ желающихъ распутинствовать недостатка не будетъ: не даромъ вслѣдъ за смертью временщика всѣ въ Петроградѣ на разные лады обсуждали извѣстіе, что А. Д. Протопоповъ уже поставилъ свою кандидатуру, кощунственно притворившись, будто увидѣлъ между государемъ и государыней ликъ Христа. Во вторыхъ, убійцы не явились съ повинною, какъ-бы, по моему убѣжденію,

---

Обычно эти стихи синоптиковъ толкуютъ такъ, что произвольно слово «душа» замѣняютъ словомъ «жизнь». Въ русскомъ переводѣ евангелія есть даже попытки поставить вмѣсто «погубить» глаголъ «потерять», а вмѣсто «спасти» глаголъ «сберечь», что, однако, совсѣмъ не оправдывается греческимъ подлинникомъ.

Въ частности невозможность разумѣть «жизнь» вмѣсто «души» уясняется, по крайнему моему пониманію, съ несомнѣнностью изъ соотвѣтствующаго мѣста въ евангеліи отъ Іоанна:

«Любяй душу свою погубить ю и ненавидяй души своея въ мірѣ семъ въ животъ вѣчный сохранить ю» (XII, 25).

Здѣсь уже душа (ψυχή) явно отличена отъ жизни (ζωή).

Я давно сталъ толковать эти великія слова Іисуса Христа, ничего въ нихъ не измѣняя, а тогда они могутъ значить только слѣдующее: если для выполненія твоихъ обязанностей, признаваемыхъ тобою высокими, тебѣ нѣтъ другого исхода, какъ взять на душу грѣхъ, не дорожи своей душевной чистотою, какъ бы совершенна она ни была и какими бы усиліями ты не достигъ ея, а губи свою душу съ полнымъ сознаніемъ всей тяжести принимаемаго на себя грѣха, и тебя нравственныя муки твои и то добро, которое принесло твое самопожертвованіе, оправдаютъ передъ высшимъ судомъ.

* Сошлюсь на свой личный опытъ. Распутинъ настаивалъ на переводѣ въ Петроградъ одного провинціальнаго товарища прокурора. Я не исполнилъ желанія Распутина и даже добился того, что этотъ товарищъ прокурора вовсе оставилъ службу по судебному вѣдомству. А смерть старца застала меня все въ той же должности прокурора палаты. — Судебный слѣдователь Машкевичъ, по моему совѣту, отказался ѣхать къ Распутину, когда тотъ вызвалъ его, желая говорить съ нимъ объ одномъ слѣдствіи, а все же благополучно продолжалъ занимать слѣдовательское мѣсто. — Тѣмъ болѣе, могли бороться министры. Трехъ такихъ я знаю: С. Д. Сазоновъ А. А. Хвостовъ и А. А. Макаровъ. Говорятъ, что къ ихъ числу долженъ быть отнесенъ и А. Н. Наумовъ. О другихъ я такого отзыва не слышалъ, хотя думаю, что и гг. П. Н. Игнатьевъ былъ безупреченъ. За то, сколько находилось людей, которые рабски угождали Распутину, цѣпляясь за него, и покупали свое служебное благополучіе цѣною самопродажи, не допуская и вопроса, не слишкомъ ли они идутъ навстрѣчу этому хитрому и смышленому мужику.

слѣдовало людямъ, принявшимъ на себя, хотя бы и ради великой цѣли, тяжкій грѣхъ, а таплись подобно заурядпымъ преступникамъ изъ личныхъ счетовъ и были обнаружены лишь вслѣдствіе неосторожности черезчуръ самоувѣреннаго Пуришкевича.

Все это мѣшало мнѣ оправдывать убійство и убійцъ, а тѣмъ не менѣе, я не только не осуждалъ преступниковъ, но положительно былъ доволенъ, что Распутина убили. Конечно, для меня несомнѣнно, что не судья (и не прокуроръ, у котораго нѣтъ иного подхода къ дѣлу, кромѣ судейскаго), а только «дьякъ . . . спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ, добру и злу внимая равнодушно, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва». Для судьи же (и для прокурора) нравственная оцѣнка поступковъ обязательна. Но какая уже тутъ нравственная оцѣнка, когда человѣкъ, не смѣя оправдывать преступленіе, радуется ему? Нѣтъ, — я и самъ не замѣтилъ, какъ далъ доступъ въ свою душу глухой враждѣ лично къ Распутину, такъ что и въ мертвомъ не умѣлъ увидѣть человѣка, а продолжалъ видѣть въ немъ врага всего того, что по моему, было необходимо для блага родины. Распоряженіе министра съ меня моей вины не снимало: кто удовлетворенъ убійствомъ, тотъ самъ убійца, а потому я ни въ прокуроры ни въ судьи по распутинскому дѣлу не годился и былъ обязанъ о томъ немедленно заявить министру, а я этого не сдѣлалъ и даже поспѣшилъ безпрекословно выполнить его волю, въ ошибочности которой ни минуты не сомнѣвался.

Правда, говоря затѣмъ съ В. Н. Середою и Ѳ. Ѳ. Нандельштедтомъ по телефону, я просилъ прокурора суда разспросить всѣхъ, кого только было можно, а узнавъ, что снѣгъ во дворѣ около рѣшетки обильно залитъ кровью, одобрилъ намѣреніе слѣдователя все таки произвести экспертизу, чтобы выяснить, чья же это кровь, но тутъ снова сказалась только привычка, вторая натура, — да и что значили дознаніе и изслѣдованіе крови, когда настоятельно нужны были немедленные допросы самихъ заподозрѣнныхъ и мѣстный осмотръ въ порядкѣ слѣдственныхъ дѣйствій?

Значительно позже уже послѣ полудня, кто-то мнѣ передалъ что кн. Юсуповъ желаетъ видѣться со мною или съ прокуроромъ суда. Кто именно сообщилъ, не помню: только не самъ князь. Тогда же я узналъ, что онъ уже былъ у градоначальника. Я рѣшилъ ничего болѣе не предпринимать безъ вѣдома министра и вновь позвонилъ къ нему. Я не ошибся: министръ просилъ меня раньше повидаться съ нимъ, назначивъ мнѣ быть у него около пяти часовъ дня, а потомъ уже принять кн. Юсупова. Уклонившись поэтому отъ свиданія съ княземъ, я сговорился съ прокуроромъ суда, что онъ, закончивъ дневную работу по дознанію, заѣдетъ за мною, и мы оба отправимся къ министру.

Когда мы вошли въ бильярдную, которая въ казенной квартирѣ министра юстиціи служила пріемной, будучи расположена передъ дверьми большого министерскаго кабинета, тамъ нервно шагалъ изъ угла въ уголъ молодой военный, въ которомъ я по Сѣровскому портрету тотчасъ призналъ кн. Юсупова. Услышавъ, какъ я говорилъ курьеру, чтобы министру было доложено о прибытіи прокуроровъ палаты и суда, кн. Юсуповъ направился ко мнѣ и, глядя на меня возбужденными глазами, горѣвшими на поразительно блѣдномъ лицѣ, произнесъ (голосомъ онъ владѣлъ вполнѣ):

— Мы съ вами, видимо, по одному дѣлу. Позвольте представиться: князь Юсуповъ.

Называя себя въ отвѣтъ и знакомя съ нимъ прокурора суда, я не могъ не чувствовать крайняго удивленія: рѣчь спокойная, а выдаетъ себя всѣмъ

поведеніемъ. Сталъ ли бы онъ метаться по властямъ, для него такимъ мелкимъ, ничтожнымъ, если бы ничего за собою не зналъ? Могъ ли бы онъ, будучи непричастнымъ преступленію, обмолвиться словомъ «представиться», обращаясь къ какому-то прокурору палаты?

Сущность объясненій, данныхъ кн. Юсуповымъ министру, сводится къ слѣдующему:

Кн. Юсуповъ пораженъ и взволнованъ, что его заподозрили въ убійствѣ Распутина, котораго онъ эту ночь и не видѣлъ. У него во дворцѣ вчера собрались нѣсколько знакомыхъ; дамъ онъ не хотѣлъ бы назвать, а изъ мужчинъ были Пуришкевичъ и великій князь Дмитрій Павловичъ. Ночью звонилъ во дворецъ по телефону Распутинъ и звалъ кн. Юсупова къ цыганкамъ, но онъ не могъ покинуть гостей и отказался, чѣмъ разсердилъ Распутина. Великій князь уѣзжая домой, застрѣлилъ на дворѣ собаку, и этотъ выстрѣлъ услышалъ городовой. — Каковъ былъ въ передачѣ кн. Юсупова разговоръ городового съ Пуришкевичемъ, я, къ сожалѣнію, совершенно не помню.

Послѣ того, какъ кн. Юсуповъ удалился, министръ рѣшительно объявилъ мнѣ, что онъ безоговорочно вѣритъ «молодому человѣку». И тутъ я не пашелъ въ себѣ силы возражать, хотя, ни на волосъ «молодому человѣку» не вѣрилъ; но лихо бѣды начало, а тамъ ужъ само катится.

Если не ошибаюсь, прокуроръ суда тогда же сообщилъ, что какая то собака дѣйствительно убита: окоченѣлый собачій трупъ былъ извлеченъ изъ подъ снѣга въ саду дворца, чтобы свидѣтельствовать о правдѣ словъ кн. Юсупова. Но къ ночи выяснилось, что собака была совершенно напрасно принесена въ жертву сокрытія слѣдовъ преступленія. В. Н. Середа извѣстилъ меня приблизительно въ полночь, что взятая имъ кровь по изслѣдованіи оказалась человѣческою. Я не замедлилъ это передать министру по телефону. Тотъ выразилъ свое недоумѣніе: — какъ же можно узнать, что кровь, именно, человѣческая, а не вообще какого либо млекопитающагося? А. А. Макаровъ не былъ ни слѣдователемъ, ни товарищемъ прокурора, но прокуроромъ суда состоялъ послѣдовательно въ Ревелѣ, Нижнемъ Новгородѣ и Москвѣ. Способъ Уленгута, усовершенствованный Туфановымъ въ Кіевѣ, остался министру неизвѣстнымъ, какъ открытый уже послѣ его выбытія изъ рядовъ прокуратуры первой инстанціи. Я разсказалъ вкратцѣ про этотъ способъ и неожиданно услышалъ въ телефонъ вырвавшееся изъ глубины души восклицаніе министра:

— Вотъ, непріятно, что такой способъ открытъ!

Вѣроятно, не одинъ читатель улыбнулся этимъ словамъ, но мнѣ было не до улыбки: я тутъ только понялъ, что и министръ, несмотря на строгій свой формализмъ, также доволенъ убійствомъ Распутина, не менѣе, если не болѣе, чѣмъ я. И я сейчасъ же почувствовалъ, какъ сердца моего коснулись холодныя руки страха за ближайшее уже будущее: въ то время, когда Россія была на крутомъ откосѣ войны, царь, а съ нимъ вмѣстѣ и весь государственный укладъ въ моемъ представленіи лишался всякой опоры, оказывался какъ бы висящимъ безпомощно въ воздухѣ, если даже великіе князья въ лицѣ Дмитрія Павловича и несомнѣнно праваго устремленія саповники въ лицѣ Макарова фактически или мысленно были участниками преступленія, смыслъ котораго сводился къ протесту противъ линіи царскаго поведенія.

Слѣдующее утро опять разбудило меня телефоннымъ звонкомъ: трупъ Распутина былъ обнаруженъ подо льдомъ Невы у береговъ Петровскаго острова. Если судебныя власти бездѣйствовали, то не дремалъ Протопоповъ: стараясь

заслужить благорасположеніе императрицы, онъ, по собственнымъ его словамъ, какъ мнѣ передалъ ихъ В. А. Бальцъ, бывшій тогда товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, приказалъ полиціи обшарить все дно Невы и залива, «хотя бы до самаго Кронштадта». Такое приказаніе объясняется тѣмъ, что убійцы не умѣли молчать, и уже въ субботу по городу расползлись слухи, будто Распутина спустили ночью въ какую-то прорубь. Нашелъ трупъ опять таки простой городовой: на мосту между Петровскимъ и Крестовскимъ островами онъ увидѣлъ слѣды крови, а подъ мостомъ, у края значительной по размѣрамъ полыньи, лежала зимняя высокая калоша; городовой отправился берегомъ Петровскаго острова внизъ по теченію и въ шагахъ ста отъ полыньи замѣтилъ подо льдомъ, съ поверхности котораго снѣгъ былъ сдунутъ вѣтромъ, какое-то большое черное пятно: этимъ пятномъ и оказался Распутинъ въ шубѣ и объ одной калошѣ, застрявшій на отмели.

Я не сталъ будить министра и немедленно условился съ В. Н. Середою что онъ, не возобновляя слѣдствія о смерти Распутина, тотчасъ же приступитъ къ новому слѣдствію объ убійствѣ неизвѣстнаго судебнымъ властямъ лица, трупъ котораго только что извлеченъ изъ рѣки и лежитъ на берегу Петровскаго острова. А тамъ — само собой дѣло дойдетъ вновь до дворца кн. Юсупова.

В. Н. Середа такъ и поступилъ. И ему, и мнѣ представлялось мало вѣроятнымъ, чтобы изъ Царскаго села не потребовали распутинскаго тѣла. Поэтому мы договорились вывезти тѣло изъ Петрограда и помѣстить его въ пріемный покой военной богадѣльни (названіе ея позабылъ), на пути какъ разъ къ Царскому: намъ казалось, что тамъ достаточно укромное мѣсто и не сразу станетъ извѣстно, гдѣ лежитъ убитый Распутинъ, а тѣмъ временемъ судебное вскрытіе будетъ произведено.

Съ министромъ я увидѣлся уже около полудня: онъ вызвалъ меня къ себѣ, а затѣмъ мы въ его автомобилѣ съ Итальянской направились вдвоемъ къ дворцу кн. Юсупова и оттуда черезъ Поцѣлуевъ, Николаевскій и Тучковъ мосты къ тому мѣсту, гдѣ былъ найденъ трупъ Распутина. Министру почему то хотѣлось узнать, какъ быстро можно было довезти убитаго изъ дворца до полыньи между Крестовскимъ и Петровскимъ островами. Мы днемъ проѣхали это разстояніе безъ малаго въ четверть часа; очевидно, что ночью, когда улицы пустынны, переѣздъ долженъ былъ взять еще меньше времени. Дорогою, я признался министру, что и самъ не подозрѣвалъ, насколько велика была моя непріязнь къ старцу. И А. А. Макаровъ на это мнѣ отвѣтилъ:

— Вы не были министромъ, и потому не могли испытывать къ нему такую ненависть, какъ я и всѣ тѣ министры, которые не хотѣли ему кланяться.

Было воскресенье, но министръ торопился въ засѣданіе совѣта министровъ, которое должно было происходить на Фонтанкѣ, въ квартирѣ А. Ѳ. Трепова, бывшаго тогда первымъ министромъ. Я вышелъ изъ автомобиля А. А. Макарова у дома Кшесинской, прославленнаго впослѣдствіи Ленинымъ и его приспѣшниками. Прощаясь, министръ сказалъ, чтобы я звонилъ къ Трепову, если случится что либо, требующее срочныхъ распоряженій.

И я дѣйствительно позвонилъ. Оказалось, что Протопоповъ поручилъ генералу Попову производить разслѣдованіе по дѣлу объ убійствѣ Распутина, и Поповъ, допрашивая свидѣтелей, мѣшалъ слѣдственнымъ дѣйствіямъ Середы. Я сознавалъ за Макаровымъ и за собою грѣхъ промедленія, допущеннаго накануѣ, но теперь слѣдователь работалъ, и по закону никакихъ параллельныхъ слѣдствію дознаній, кромѣ производимыхъ по порученію слѣдователя, быть не

могло, а тѣмъ болѣе такихъ дознаній, которыя бы затрудняли ходъ слѣдствія. Я добился соединенія съ квартирою А. Ѳ. Трепова и переговорилъ съ Макаровымъ и бывшимъ въ засѣданіи за своего министра Бальцемъ. Бальцъ тогда же распорядился, чтобы Поповъ прекратилъ допросы и на дорогѣ Середы не становился, за что выдержалъ непріятное объясненіе съ своимъ министромъ, не первое и не послѣднее; у Протопопова къ Бальцу были странныя отношенія: ни въ чемъ они не сходились, а отпустить Бальца въ сенатъ, куда тотъ стремился, Протопоповъ долго не соглашался изъ какого-то непонятнаго упорства.

Вскрытіе тѣла могло быть произведено только въ ночь на среду: трупъ, пролежавши, послѣ извлеченія изъ воды, нѣсколько часовъ на морозномъ воздухѣ, такъ замерзъ, что не оттаялъ раньше, хотя подъ конецъ температура комнаты, гдѣ онъ находился, и была доведена до + 20° R. Откладывать вскрытіе на утро мы не рѣшились: наканунѣ ночью въ пріемный покой богадѣльни пріѣхала какая то дама въ одеждѣ сестры милосердія и долго сидѣла, глядя молча на убитаго. Я и до сихъ поръ не знаю, была ли то императрица, но Середѣ, какъ и мнѣ, стало ясно, что во всякомъ случаѣ, кто бы это ни былъ, послѣдствія такого посѣщенія не могутъ не сказаться скоро. Такъ и вышло: утромъ, въ среду, едва успѣли трупъ зашить, явились посланные за нимъ изъ Царскаго, куда его и отвезли тогда же. Тамъ Распутинъ и былъ погребенъ; тамъ онъ и лежалъ, пока революція не потревожила его останковъ; у А. Ѳ. Керенскаго въ служебномъ кабинетѣ я видѣлъ своеобразный протоколъ, составленный добровольцами революціоннаго движенія, расходовавшими свою энергію на явные пустяки: протоколъ этотъ удостовѣрялъ, что Гришка Второй былъ вырытъ и сожженъ, какъ и Гришка Первый въ оны годы, также передъ началомъ длительной русской смуты.

Спустя около двухъ лѣтъ въ гетманскомъ Кіевѣ, уже ютясь на чужой квартирѣ, я какъ то ночью прочелъ книжку В. М. Пуришкевича объ убійствѣ Распутина. Отнюдь не думая утверждать, будто медицинская экспертиза не можетъ ошибаться, я только отмѣчу здѣсь, что разсказъ Пуришкевича не совпадаетъ съ выводами экспертовъ. Врачи, производившіе судебное вскрытіе, пришли къ заключенію, что Распутину были нанесены три смертельныя раны: въ почки, въ печень и въ мозгъ; по мнѣнію вскрывавшихъ, послѣ первой раны Распутинъ не могъ жить болѣе 20 минутъ, а всѣ три были прижизненныя, слѣдовательно третья должна была послѣдовать за первою въ промежутокъ времени самое большее около четверти часа, что находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ повѣствованіемъ Пуришкевича. Если эксперты правы, тогда приходится думать, что убійство произошло такъ: первый выстрѣлъ былъ произведенъ въ Распутина спереди, когда онъ стоялъ въ кабинетѣ кн. Юсупова; раненый Распутинъ повернулся и выбѣжалъ во дворъ черезъ боковую дверь, о которой я уже упомянулъ; вслѣдъ ему былъ данъ второй выстрѣлъ, ранившій его сзади; Распутинъ имѣлъ, однако, достаточно силы, чтобы добѣжать до рѣшетки, но тамъ, повидимому, упалъ, и тогда кто-то подошелъ къ нему и покончилъ съ нимъ выстрѣломъ въ затылокъ. Два вторыхъ выстрѣла, произведенныхъ на дворѣ, и слышалъ городовой Власюкъ. А кровь, взятая Середою, окрасила собою снѣгъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ упалъ Распутинъ.

Въ ближайшіе вслѣдъ за убійствомъ дни по Петрограду ходили толки, что Дмитрій Павловичъ не стрѣлялъ, а убитъ Распутинъ былъ княземъ Юсуповымъ и Пуришкевичемъ: второй выстрѣлъ произвелъ Юсуповъ, а первый и третій Пуришкевичъ.

Такъ ли все это было въ дѣйствительности или иначе, для меня темно: допущенное мною промедленіе сказалось на ходѣ и успѣшности слѣдствія и не могло не сказаться; что началу криво расти, то не выпрямится: quod ab initio vitiosum est tractu temporis convalescere non potest. И мѣстный осмотръ засталъ уже прибранный кабинетъ, и свидѣтели да и обвиняемые поразъѣхались: Пуришкевичъ отправился на фронтъ, Юсупову высочайше повелѣно было поселиться временно въ Курскомъ имѣніи, дочери Распутина поѣхали къ сзбѣ на родину, въ Тобольскую губернію.

Помню, что слѣдствіемъ все же скоро было установлено два факта: кн. Юсуповъ, прежде относившійся къ Распутину брезгливо-высокомѣрно и усиленно избѣгавшій встрѣчъ съ нимъ, въ послѣднее время измѣнилъ свое поведеніе, сблизился со старцемъ и сталъ довольно часто бывать у него, а также сопровождать его въ поѣздкахъ, ничего общаго не имѣвшихъ ни съ дѣловыми, ни съ религіозными. И второй фактъ: въ ночь убійства, не позже часа, за Распутинымъ, только что откуда то явившимся домой, заѣхалъ на автомобилѣ въ одеждѣ шоффера кн. Юсуповъ и увезъ его съ собою, но не прямо къ себѣ, потому что убитъ Распутинъ былъ часа два спустя, а убили его, повидимому, едва лишь онъ появился въ княжескомъ дворцѣ.

Я наблюдалъ за слѣдствіемъ по распутинскому дѣлу, короткое время: А. А. Макаровъ, какъ я уже сказалъ, былъ уволенъ отъ должности министра юстиціи именнымъ указомъ 20 декабря, а при новомъ министрѣ я и мѣсяца не остался прокуроромъ палаты. Хотя Н. А. Добровольскій внѣшне относился ко мнѣ вполнѣ хорошо, но для насъ обоихъ было ясно, что мы тяготимъ другъ друга. И когда онъ предложилъ мнѣ вопросъ, не чувствую ли я усталости и потребности болѣе въ кабинетной работѣ, я съ радостью отвѣтилъ утвердительно.

До этого, однако, произошли въ связи съ убійствомъ Распутина два событія, задѣвшія и меня.

На Распутинѣ, когда его извлекли изъ воды, была надѣта голубая шелковая рубашка съ вышитыми золотыми колосьями: на шеѣ у него висѣлъ натѣльный большого размѣра крестъ съ надписью сзади: «спаси и сохрани», а на рукѣ оказался браслетъ изъ золота и платины съ застежкою, на одной сторонѣ которой изображенъ былъ двуглавый орелъ, а на другой — буква Н съ римскою цифрою II. Значительная часть рубашки залита была кровью, которая скоро начала разлагаться и заражать воздухъ слѣдовательской камеры зловоніемъ. Вещи эти были пріобщены къ слѣдственному производству. И вотъ императрица пожелала ихъ получить. Желаніе императрицы передалъ мнѣ новый управляющій министерствомъ юстиціи (сенаторъ Н. А. Добровольскій не былъ облеченъ званіемъ министра). Такъ какъ значенія вещественныхъ доказательствъ эти предметы не имѣли, то я отвѣтилъ своему начальнику, что отъ него зависитъ выполнить волю государыни, но слѣдователь, насколько я могу говорить за него, согласится выдать ихъ не иначе, какъ подъ расписку самаго Н. А. Добровольскаго. Такъ и было сдѣлано. Вскорѣ до меня дошли слухи, будто императрица стала возлагать рубашку Распутина на больныхъ офицеровъ въ лазаретахъ; тогда же говорили, что одинъ офицеръ рѣшительно отказался облечься въ эту реликвію, но только одинъ.

Вторымъ событіемъ, которое своимъ краемъ коснулось и меня, было обращенное къ государю ходатайство одинадцати великихъ князей о прекращеніи слѣдственнаго дѣла, начатаго по поводу смерти Распутина. Я уже говорилъ, что русскій императоръ, по мнѣнію моему, не могъ законно прекращать уголов-

ныя преслѣдованія, такъ какъ Александръ II изданіемъ судебныхъ уставовъ 1864 года ограничилъ себя и своихъ преемниковъ въ области суда, сохранивъ за верховною властью лишь право помилованія; тѣмъ болѣе звучала странно просьба объ свобожденіи отъ суда лицъ, ни въ чемъ не сознающихся и даже еще не привлеченныхъ къ слѣдствію. И тѣмъ не менѣе, я чувствовалъ, что сердцемъ я всецѣло на сторонѣ просившихъ: если государь прекратилъ только что дѣло Манасевича-Мануйлова (я тогда еще не зналъ объ отмѣнѣ этого прекращенія), если государь и не думалъ отказываться на будущее время отъ подобнаго рода нарушеній законнаго порядка (вскорѣ онъ прекратилъ еще одно дѣло, по настоянію уже потерпѣвшаго, смертельно боявшагося, что гласность суда станетъ невыгодною болѣе для него самаго, чѣмъ для подсудимой), — то всего справедливѣе, казалось бы, предать забвенію дѣло о такомъ преступленіи, которое вызывало къ себѣ, пусть неосновательное, но все же большое и живое сочувствіе далеко не во мнѣ одномъ. Царь разсудилъ иначе и на прошеніи великихъ князей положилъ извѣстную резолюцію объ отказѣ въ ходатайствѣ, резолюцію рѣшительную и, на мой взглядъ, рѣзкую. Помню, какъ меня взволновала эта резолюція; взволновала не за убійцъ Распутина, и не за великихъ князей, а за самаго государя или, вѣрнѣе, за сохраненіе въ странѣ, хоть и расхлябаннаго, но все же привычнаго державшагося порядка правленія, о крушеніи котораго въ условіяхъ военнаго времени, мнѣ и помыслить было жутко. Я не могъ подавить въ душѣ опасенія, что государь отталкиваетъ отъ себя даже великихъ князей. Рядиться въ одежды пророка заднимъ числомъ легко, но у меня есть свидѣтели: я думаю, что нѣсколько человѣкъ должны помнить, какъ я тогда же, въ профессорской лицея (я преподавалъ въ лицеѣ гражданское право), не справившись съ охватившимъ меня волненіемъ, сказалъ, что царствованіе государя близится къ концу, а цесаревичъ царствовать не будетъ. Не хочу преувеличивать моего предвидѣнія: и тогда мнѣ казалось, что отъ революціонной вспышки меня отдѣляютъ не недѣли, а мѣсяцы; послѣ же я еще менѣе готовъ былъ увидѣть революцію въ серединѣ великаго поста; но въ то время мнѣ чудилось, что невыносимо натянутое положеніе должно неминуемо разрѣшиться, и очень скоро, дворцовымъ переворотомъ; для меня и это представлялось страшнымъ; я боялся этого желать, но разсуждалъ такъ: въ убійствѣ Распутина участвовали круги, очень близкіе къ престолу; не можетъ быть, чтобы они не имѣли опредѣленной программы дѣйствія на случай, если государь не одобритъ ихъ поступка; а въ такомъ случаѣ у нихъ уже обдуманъ переворотъ и готовъ новый императоръ.

Поэтому понятно то напряженное любопытство, съ которымъ я въ декабрѣ посѣтилъ великихъ князей Николая и Александра Михайловичей. Великій князь Николай Михайловичъ пригласилъ меня къ себѣ черезъ посредство сенатора А. В. Степанова, а приглашеніе брата передалъ мнѣ уже лично самъ. Я понималъ, что великіе князья, не добившись прекращенія дѣла, хотятъ, такъ сказать, пощупать того, кто имъ кажется главнымъ распорядителемъ судьбы заподозрѣнныхъ, но ждалъ отъ разговора съ великими князьями большаго. Николай Михайловичъ принялъ меня проще (и потомъ говорилъ еще по телефону), Александръ Михайловичъ — натянутѣе. Первый болѣе интересовался отвѣтственностью Димитрія Павловича, второй — отвѣтственностью кн. Юсупова. Должно быть, они очень успокоились, узнавъ, что слѣдствіе движется черепашьимъ шагомъ; а я вынесъ впечатлѣніе, что едва ли есть дворцовый заговоръ: такими неувѣренными, я бы сказалъ, выжидательно-страдательными показались

мнѣ мысли и чаянія обоихъ великихъ князей. Я и самъ не былъ ни заговорщикомъ, ни революціонеромъ, а сидѣвшее уже тогда во мнѣ ощущеніе необходимости охранить шатавшійся режимъ не во имя его самого, но во имя несвоевременности его низложенія, еще не претворилось въ отчетливое убѣжденіе, не перешло изъ нервовъ въ мозгъ, и мнѣ оставалось только отдаваться теченію событій, становившихся все болѣе и болѣе безсмысленными.

Слѣдствіе о гибели Распутина пережило мое прокурорство не очень то долго: временное правительство издало амнистію для всѣхъ, кто совершилъ преступленіе по мотивамъ политическаго характера. Подъ эту амнистію подошли, конечно, и Пуришкевичъ съ великимъ княземъ Дмитріемъ Павловичемъ и княземъ Юсуповымъ. Единоличное распутинство стало достояніемъ прошлаго, а многоликое распутинство въ то время еще таилось въ туманѣ грядущаго, хотя уже и не далекаго.

На этомъ я и долженъ закончить повѣствованіе, посвященное дѣлу объ убійствѣ Распутина. Но мнѣ хочется здѣсь же разсказать два распутинскихъ анекдота, чрезвычайно характерныхъ для вечерней зари стараго строя. Случаи эти я назвалъ анекдотами въ строгомъ смыслѣ греческаго слова: насколько мнѣ извѣстно, ни тотъ, ни другой еще не попали въ печать. Достовѣрность же обоихъ — внѣ сомнѣнія: первый я знаю со словъ В. А. Бальца, бывшаго тогда директоромъ второго департамента министерства юстиціи, а второй кончился при моемъ участіи.

Въ министерствѣ юстиціи появилась жена ялуторовскаго нотаріуса (фамилію его я забылъ), красивая женщина, съ просьбою перевести ея мужа нотаріусомъ же въ Москву. Назначеніе нотаріусовъ по закону принадлежало старшимъ предсѣдателямъ судебныхъ палатъ по представленіямъ предсѣдателей соотвѣтствующихъ окружныхъ судовъ и министра юстиціи вовсе не касалось. Посѣтительница это знала, но въ Москвѣ она потерпѣла неудачу: предсѣдатель московскаго окружного суда Д. Д. Ивановъ отказалъ представить ея мужа, а назначить его безъ такого представленія не захотѣлъ старшій предсѣдатель московской судебной палаты С. А. Линкъ. Ялуторовскіе жители — земляки Распутина, и просительница, къ тому же красивая, нашла къ старцу ходъ. Распутинъ писалъ министру юстиціи, которымъ тогда былъ А. А. Хвостовъ свои извѣстныя всѣмъ власть имущимъ въ Петроградѣ «Цѣдулки»: наверху крестъ, а затѣмъ обращеніе «милой» «дорогой» и нѣсколько строкъ каракуль съ неизмѣнною подписью «Григорей». Въ этихъ письмахъ Распутинъ, прося за ялуторовскаго нотаріуса, съ наивнымъ цинизмомъ указывалъ, что «такой женщинѣ» надобно жить не въ Ялуторовскѣ, а въ столицѣ. Письма не подѣйствовали. И вотъ въ одинъ изъ пріемныхъ дней къ министру является самъ старецъ. Егермейстеръ Малама, завѣдывавшій пріемомъ въ министерствѣ, немедленно бросился въ кабинетъ министра и сообщилъ о пріѣздѣ временщика. Отвѣтъ былъ: приму въ порядкѣ очереди. Распутинъ заявилъ, что ждать ему некогда, и уѣхалъ. Пріемъ уже кончился, когда онъ счелъ за благо вновь прибыть. Министръ принялъ его стоя, не предложилъ сѣсть и не подалъ руки. На просьбу Распутина послѣдовало разъясненіе, что назначеніе нотаріусовъ не касается министра. Распутинъ прибѣгъ къ запугиванію почтительно-смиреннымъ тономъ: онъ сказалъ, что въ женѣ нотаріуса принимаетъ живое участіе императрица. Получивъ опять отказъ, онъ поклонился въ поясъ съ вопросомъ: такъ и передать государынѣ? Министръ возразилъ, что между нимъ и царицею посредники не нужны. Распутинъ ушелъ со словами: «Снаси васъ Господь». Было видно, что такого отпора онъ не ждалъ

и растерялся отъ своей неудачи. Я не сомнѣваюсь, что государыню онъ вмѣшалъ въ дѣло помимо ея вѣдома и ничего ей объ отказѣ А. А. Хвостова не передавалъ. Но развязная женщина все же устроилась: старшій предсѣдатель одесской судебной палаты (не знаю, при какихъ обстоятельствахъ) назначилъ ея мужа нотаріусомъ въ Одессѣ.

Второй анекдотъ таковъ: Какъ то разъ ко мнѣ въ служебный кабинетъ пришелъ товарищъ предсѣдателя петроградскаго окружного суда Н. Н. Шевцовъ. Съ собою онъ принесъ дѣло назначенное къ слушанію съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей на ближайшую сессію въ Петроградѣ. Я прочелъ тутъ же обвинительный актъ и только руками развелъ. Начальникъ одной изъ желѣзнодорожныхъ станцій подъ Петроградомъ (кажется, Обухова), человѣкъ лѣтъ за сорокъ, преданъ былъ суду по обвиненію въ богохульствѣ. Торжественно звучалъ словами закона обвинительный пунктъ: . . . «возложилъ хулу на славимаго въ Пресвятой Троицѣ» . . . Но для меня онъ звучалъ кощунствомъ самого составителя акта: начальникъ станціи только тѣмъ и былъ виноватъ, что въ присутствіи станціоннаго жандарма выкрикнулъ: «До чего мы дожили. Вѣру въ Бога потеряли. Распутина богомъ сдѣлали». Меня не удивило, что жандармскій вахмистръ спуталъ Распутина съ Богомъ и увидѣлъ богохульство въ порицаніи Распутина. Еще во времена первой революціи мнѣ по должности прокурора суда приходилось разъяснять уѣздному исправнику, что нѣтъ признаковъ никакого политическаго преступленія въ распѣваніи частушки: «Мы урядника убили, станового мы убьемъ; никого мы не боимся, съ пѣснью въ каторгу пойдемъ». Но меня глубоко взволновало и огорчило, что такой обвинительный актъ, составленный товарищемъ прокурора столичнаго суда, прошелъ сквозь тѣсныны камеры прокуроровъ суда и палаты (спѣшу оговорить тутъ же, что это было до меня) и удостоился утвержденія въ обвинительной камерѣ. Я вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе Н. Н. Шепцова, что судоговореніе по такому дѣлу, являясь надругательствомъ надъ непорочнымъ ни въ чемъ подсудимымъ, будетъ крайнимъ скандаломъ для чести суда. Но что же дѣлать? Вѣдь актъ уже утвержденъ. И вотъ что мы надумали. Я пошелъ въ обвинительную камеру и убѣдилъ членовъ судебной палаты въ необходимости исправить ошибку во что бы то ни стало. Въ тотъ же день я предложилъ палатѣ отмѣнить состоявшееся по дѣлу опредѣленіе о преданіи суду въ виду вновь открывшихся обстоятельствъ: есть данныя, что подсудимый не въ своемъ умѣ. Подсудимый былъ вполнѣ здоровъ, никакихъ данныхъ о его сумасшествіи я не имѣлъ и свидѣтельствовать его въ состояніи умственныхъ способностей не собирался. Мнѣ нуженъ былъ только предлогъ для отмѣны. Несмотря на голословность моего заявленія, палата по обвинительной камерѣ, сознавая грубую ошибочность члена-докладчика, постановила отмѣнить свое опредѣленіе. Дѣло, вытребованное въ палату, было прислано мнѣ. Тогда я вызвалъ прокурора суда и попросилъ его распорядиться написать заключеніе не объ освидѣтельствованіи въ состояніи умственныхъ способностей, а о прекращеніи уголовнаго по дѣлу преслѣдованія. Заключеніе было написано, а Н. Н. Шевцовъ ноходатайствовалъ прекращенію дѣла въ судѣ.

Немудрено, что Распутинъ могъ дойти до геркулесовыхъ столповъ наглости въ своихъ домогательствахъ передъ должностными лицами государства, если находились добровольцы, считавшіе естественнымъ, безъ его просьбы, защищать его даже отъ заочныхъ оскорбленій какъ царя, и притомъ по статьѣ, карающей хулу на Самаго Бога.

Послѣ переворота 25-го Октября 1917 г.

С. Ан—скаго

26-го утромъ мы узнали, что всѣ министры, за исключеніемъ Керенскаго, посажены въ Петропавловскую крѣпость. Ходили невѣроятные слухи объ избіеніи или даже разстрѣлѣ того или иного министра. Позже оказалось, что всѣ они въ живыхъ, но что они были на волоскѣ отъ смерти: во дворцѣ въ моментъ ареста и позже на мосту, при переводѣ въ крѣпость.

Ходили различные слухи о защитникахъ Зимняго дворца: объ юнкерахъ и женскомъ батальонѣ. Говорили, что всѣ они перерѣзаны или утоплены, что нѣкоторыя женщины батальона изнасилованы.

Городская Дума засѣдала весь день. Не столько обсуждали создавшееся положеніе, сколько передавали и комментировали всяческіе слухи. Выработали пламенный протестъ противъ большевиковъ.

Около полудня въ Думу явились три-четыре большевистскихъ гласныхъ, между ними нынѣшній дипломатъ Іоффе и женщина гласная, кажется, Коллонтай. Они были встрѣчены вспышкой страшнаго гнѣва и криками:

— Убійцы!! Насильники! Изнасиловали женщинъ! Вонъ! Въ тюрьму! На висѣлицу!

Большевики спокойно сидѣли на своихъ мѣстахъ. Нѣкоторые изъ нихъ улыбались. Они скоро ушли съ тѣмъ, чтобы больше не возвращаться.

Несмотря на всѣ ужасные слухи, настроеніе Думы было оптимистично. Съ минуты на минуту ожидали извѣстія, что Керенскій съ арміей идетъ на Петроградъ.

Настроеніе поддерживалось цѣлой арміей разносчиковъ новостей, утверждавшихъ, что все идетъ прекрасно: рабочіе якобы сильно возбуждены противъ большевиковъ и рѣшили не поддерживать ихъ. Солдаты очень недовольны переворотомъ. Они утверждаютъ, что они обмануты большевиками, и готовятся выступить противъ нихъ. Среди самихъ большевиковъ произошли жестокія распри, большинство ихъ противъ переворота. Короче, говорили объ отчаянномъ положеніи большевиковъ, увѣряя, что они продержатся самое большее два дня.

Большая часть членовъ эс-эровской фракціи разошлась по фабрикамъ и казармамъ для веденія анти-большевистской пропаганды. Секретарь эс-эровской фракціи, разбитной юноша Флекель, еврей, котораго большевики впослѣдствіи разстрѣляли, горячо взывалъ, обходя залу:

— Къ рабочимъ! Къ солдатамъ! Необходимо раскрыть имъ глаза, разъяснить положеніе! Это теперь главное! Отъ этого зависитъ все.

Положеніе оставалось неопредѣленнымъ вплоть до 29-го октября.

Фактически большевики оказались побѣдителями. Въ ихъ рукахъ находился весь Петроградъ со всѣми его учрежденіями. Правительство заключено было въ Петропавловскую крѣпость, вся военная сила была на сторонѣ большевиковъ. Тѣмъ не менѣе, никто не вѣрилъ въ окончательную побѣду тѣхъ, кто совершилъ переворотъ, и меньше всѣхъ въ побѣду вѣрили сами большевики. Всѣмъ было ясно, что одинъ Петроградъ еще ничего не значитъ. Знали, что подъ Петроградомъ готовятся, если уже не происходятъ бои между арміей Керенскаго и большевиками, знали, что тамъ рѣшится судьба возстанія. Кромѣ того, большія надежды возлагались на Москву, гдѣ происходили ожесточенныя уличныя сраженія между большевиками, съ одной, и юнкерами и частью арміи, съ другой стороны.

Извѣстія, получавшіяся въ городской думѣ изъ лагеря Керенскаго и изъ Москвы, были очень оптимистическаго характера. Передавали, что въ распоряженіи Керенскаго крупныя военныя силы, что онѣ разбили большевиковъ и уже подошли къ Петрограду.

Изъ Москвы также поступали сообщенія о пораженіяхъ большевиковъ. Кадеты настаивали на томъ, чтобы къ большевикамъ отнеслись безпощадно, чтобы ихъ вѣшали и разстрѣливали, эсъ-эры же требовали мягкаго обращенія съ побѣжденными революціонерами.

Въ переходные дни петроградская городская дума играла очень важную роль. Такъ какъ правительство было арестовано, всѣ антибольшевистскія силы, какъ гражданскія, такъ и военныя, стали группироваться вокругъ думы, которая въ качествѣ демократическаго представительнаго органа столицы, сыграла роль политическаго центра. Она находилась въ привилегированномъ положеніи. Большевики не осмѣливались тронуть ее, такъ какъ въ ея рукахъ былъ сосредоточенъ весь продовольственный аппаратъ столицы, и еще долгое время спустя дума вела открытую войну противъ большевиковъ, пока послѣдніе наконецъ не рѣшились распустить ее.

27 и 28 октября въ думѣ происходили безпрерывныя засѣданія, продолжавшіяся съ утра до 12 час. ночи. На засѣданіяхъ опубликованы были всѣ извѣстія, полученныя изъ Петрограда, Москвы и провинціи. (Въ первые дни переворота газеты не выходили.) Произнесены были пламенныя рѣчи и приняты резолюціи протеста противъ насильственныхъ дѣйствій большевиковъ. Были составлены и напечатаны воззванія къ арміи, рабочимъ и народу.

Дума немедленно избрала комиссію для разслѣдованія насилій и защиты арестованныхъ юнкеровъ. Была также избрана комиссія во главѣ съ графиней Паниной для разслѣдованія сообщенія объ изнасилованіи женщинъ изъ женскаго баталіона большевиками при взятіи ими Зимняго Дворца.

Я помню, какое волненіе поднялось въ Думѣ, какъ пришло извѣстіе, что большевики требуютъ ключей Государственнаго Банка отъ его директора. Кричали, что они разворуютъ и разграбятъ все достояніе государства, что имъ ключей ни подъ какимъ видомъ давать нельзя. Директоръ дѣйствительно ключей не выдавалъ, пока ему не пригрозили разстрѣломъ.

Насколько большевики однако не были увѣрены въ собственной силѣ и насколько они въ тотъ моментъ признавали права городской думы, видно изъ того, что, уже имѣя въ своихъ рукахъ ключи, они все таки не осмѣливались итти туда одни и требовали, чтобы Дума прислала своихъ представителей, которые

присутствовали бы при открытіи кассы. Изъ кассы они намѣрены были взять три милліона для покрытія государственныхъ расходовъ.

Послѣ бурныхъ дебатовъ Дума послала своихъ делегатовъ, полагая, что въ случаѣ, если делегаты думы не будутъ присутствовать, большевики возьмутъ еще больше.

Главный вопросъ былъ: что происходитъ на фронтѣ? Фронтъ тянулся между Царскимъ Селомъ и Пулковымъ. Оттуда получались противорѣчивыя извѣстія. Одновременно пришло извѣстіе, что Всероссійскій исполнительный комитетъ желѣзнодорожниковъ заявилъ о своемъ отказѣ перевозить войска обоихъ лагерей: какъ Керенскаго, такъ и большевиковъ. Викжель требуетъ, чтобы оба лагеря безусловно пришли къ соглашенію. Въ антибольшевистскомъ лагерѣ были увѣрены, что Викжель стоитъ на сторонѣ большевиковъ, что подъ маской нейтральности онъ собирается нанести ударъ лагерю Керенскаго, такъ какъ большевики вообще не нуждаются въ перевозкѣ своихъ войскъ: ихъ войска находятся въ Петроградѣ. Представитель Викжеля обратился ко всѣмъ соціалистическимъ партіямъ и къ Думѣ съ предложеніемъ устроить совѣщаніе между обоими лагерями съ цѣлью соглашенія и прекращенія гражданской войны.

Соціалистическія партіи, то-есть соціалисты-революціонеры, меньшевики и интернаціоналисты, согласились съ предложеніемъ Викжеля, умѣренныя партіи народныхъ соціалистовъ и плехановцевъ либо не были приглашены, либо отклонили предложеніе. По этому вопросу въ Думѣ произошли бурные дебаты. Кадеты, не получившіе приглашенія, не принимали участія въ дебатахъ, относясь къ предложенію съ презрительной ироніей. Умѣренные лѣвые кричали, что преступно ходить къ насильникамъ и убійцамъ на совѣщаніе, — къ элементамъ, которымъ мѣсто въ тюрьмѣ и на каторгѣ. Въ концѣ концовъ, Дума рѣшила послать на совѣщаніе двухъ делегатовъ. Въ качествѣ представителей были выбраны я и гласный Чихачевъ (с.-р.).

Дума дала намъ слѣдующія инструкціи: 1. Необходимо созвать новый Предпарламентъ изъ представителей всѣхъ соціалистическихъ направленій и органовъ городского самоуправленія. Представители послѣдняго должны составлять по крайней мѣрѣ одну треть всего Предпарламента. 2. Изъ состава Предпарламента слѣдуетъ избрать кабинетъ министровъ. Въ составъ кабинета не должны войти большевики, во всякомъ случаѣ ни Ленинъ и ни Троцкій. 3. Прежде нежели приступить къ какимъ бы то ни было переговорамъ, большевики обязаны освободить всѣхъ арестованныхъ, а главнымъ образомъ — министровъ.

Первое засѣданіе совѣщанія должно было состояться въ 8 час., вечеромъ 28 октября. Прежде, чѣмъ отправиться на собраніе, я запросилъ центральные комитеты эс-эровской и соціалдемократической партіи меньшевиковъ, избраны и посланы ли уже делегаты на совѣщаніе? Мнѣ отвѣтили, что въ обоихъ центральныхъ комитетахъ еще дебатируютъ по вопросу о программѣ совѣщанія. Меня съ товарищемъ просили обождать, чтобы пойти на совѣщаніе вмѣстѣ съ делегатами комитетовъ.

Ждать намъ пришлось довольно долго. Лишь около четырехъ часовъ утра, комитеты окончили дебаты и выбрали своихъ представителей.

Совѣщаніе происходило въ помѣщеніи Желѣзнодорожнаго Союза. Когда мы съ товарищемъ туда пришли, тамъ было уже около сорока человѣкъ. Я узналъ, что собраніе между тѣмъ предложило делегатамъ крупнѣйшихъ организацій предварительно сговориться для того, чтобы переговоры не отнимали слишкомъ много времени.

Въ составъ малой совѣщательной комиссіи вошли делегаты эс-эровъ, меньшевиковъ, желѣзнодорожнаго союза и думы.

Когда мы съ товарищемъ вошли въ комнату, гдѣ происходило предварительное совѣщаніе, мы встрѣтили тамъ слѣдующихъ делегатовъ: отъ большевиковъ — Каменева и Рязанова, отъ интернаціоналистовъ — Мартова, отъ меньшевиковъ — Либера, отъ эс-эровъ — Ракитникова, отъ Желѣзнодорожнаго Союза — его предсѣдателя (имя его я забылъ) и нѣкоего Крушинскаго.

Совѣщаніе было открыто предсѣдателемъ желѣзнодорожнаго союза, немолодымъ человѣкомъ съ подозрительными манерами. Было ясно, что онъ политиканствуетъ, преслѣдуя какія-то постороннія цѣли.

Позже я узналъ, что онъ былъ членомъ партіи народныхъ соціалистовъ, изъ которой его со скандаломъ исключили за подозрительное поведеніе.

Онъ открылъ собраніе рѣчью, въ которой старался подчеркнуть свою объективность.

Онъ не хочетъ стать ни на ту, ни на эту сторону. Для него люди обоихъ лагерей — хорошіе революціонеры. Но отъ имени Союза онъ долженъ съ ужасомъ констатировать, что гражданская война началась. Необходимо принять всѣ мѣры для немедленнаго прекращенія преступной братоубійственной войны. Задача совѣщанія — прійти къ соглашенію. До тѣхъ поръ, пока соглашеніе не будетъ достигнуто, желѣзнодорожный союзъ не пропуститъ ни для какой изъ враждующихъ партій ни солдатъ, ни амуниціи. Далѣе онъ разсказалъ, что вчера съ согласія обѣихъ партій онъ былъ на фронтѣ, говорилъ со штабомъ большевиковъ и съ Керенскимъ, что на фронтѣ всѣ признаютъ необходимость соглашенія и прекращенія братоубійственной войны.

Разсказывая о своихъ поѣздкахъ по фронту, онъ какъ бы мимоходомъ, улыбаясь замѣтилъ:

— Натурально, я не имѣю права разсказывать о томъ, что я видѣлъ на фронтѣ. Но я долженъ замѣтить, что солдаты Керенскаго произвели на меня впечатлѣніе совершенно деморализованныхъ, готовыхъ разбѣжаться...

Я его рѣзко остановилъ:

— Зачѣмъ же вы разсказываете вещи, о которыхъ вы разсказывать не имѣете права?

— Да-да! — вы правы, — спохватился предсѣдатель Викжеля.

Послѣ него говорилъ Каменевъ.

Каменевъ — человѣкъ лѣтъ сорока, средняго роста, сухощавый, но крѣпко скроенный, съ медленными движеніями, холодный, сдержанный, взвѣшивающій свои слова, съ рѣзкими чертами бритаго лица, съ холодными, умными сѣрыми глазами.

Онъ считался однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей с.-д. партіи, долгое время жилъ за границей, въ Швейцаріи, гдѣ выполнялъ строго конспиративную работу. На собраніяхъ онъ никогда не выступалъ, держался въ сторонѣ, и въ эмигрантской студенческой колоніи его мало знали.

Каменевъ говорилъ не долго. Онъ въ короткихъ и рѣзкихъ словахъ подчеркнулъ, что необходимо прежде всего считаться съ побѣдой большевиковъ, что власть находится въ ихъ рукахъ, что на ихъ сторонѣ находится войско и пролетаріатъ. Большевики при желаніи могли бы, вмѣсто разговоровъ, просто продиктовать противникамъ переворота свою волю, но такъ какъ они стремятся по возможности быстро покончить съ гражданской войной и перейти къ положительной работѣ, они готовы сдѣлать нѣкоторыя уступки, чтобы сговориться

съ остальными соціалистическими партіями. Большевики однако не намѣрены отказываться отъ своихъ принциповъ.

Далѣе выступилъ Мартовъ-Цедербаумъ. Смуглый, близорукій, говоритъ быстро, и нервно — онъ представляетъ собою типъ еврея-талмудиста. Онъ долго и горячо доказывалъ, что большевики ведутъ страну и революцію въ бездну, что они никогда не шли на уступки другимъ соціалистическимъ партіямъ. Нынѣ наступила послѣдняя минута, когда еще можно найти общую почву, чтобы вывести страну изъ страшнаго кризиса.

Затѣмъ говорили Данъ-Гурвичъ и, кажется, Либеръ. Делегатъ соціалистовъ-революціонеровъ Ракитниковъ, теоретикъ, человѣкъ замкнутый, строгій и надутый, молчалъ. Онъ лишь представилъ резолюцію центральнаго комитета эс-эровъ, требовавшую чтобы впредь до созыва Учредительнаго Собранія былъ учрежденъ совѣщательный органъ изъ представителей всѣхъ соціалистическихъ партій и чтобы въ составъ новаго правительства вошли не профессіональные политики, а люди дѣловые, спеціалисты.

Здѣсь выскочилъ съ горячей истерической рѣчью Рязановъ-Гольдендахъ. Подобно Мартову онъ также представляетъ собою типъ еврея-талмудиста. Небольшого роста, ширококостный, съ большимъ лбомъ, съ широкой, длинной сѣдѣющей бородой. Я зналъ его двадцать лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ. Онъ считался энциклопедически-образованнымъ человѣкомъ. Онъ былъ теоретикомъ и очень рѣдко выступалъ съ рефератами. Рязановъ всегда былъ вмѣстѣ со Стекловымъ-Нахамкесомъ. Будучи с.-д., они всегда стояли въ оппозиціи къ своей партіи, создавали новыя группы и вырабатывали новыя программы.

Въ послѣдніе годы къ нимъ присоединился Троцкій.

Въ моментъ, когда они прибыли въ Россію, всѣ трое — если я не ошибаюсь — еще не были большевиками. Гольдендахъ-Рязановъ во всякомъ случаѣ еще не былъ тогда большевикомъ. За мѣсяцъ до переворота онъ въ разговорѣ со мной сказалъ, что очень раскаивается въ томъ, что оторвался отъ своихъ научныхъ работъ и пріѣхалъ въ Россію. Въ томъ же разговорѣ онъ сказалъ мнѣ, что считаетъ фактъ принятія крещенія Стекловымъ безнравственностью и глупостью.

Раньше я зналъ Рязанова и человѣкомъ спокойнымъ, и сдержаннымъ. Здѣсь на совѣщаніи онъ оказался истерикомъ, человѣкомъ, совершенно не умѣющимъ владѣть собой. Онъ горячился, кричалъ, стучалъ кулакомъ по столу, обозвалъ насъ всѣхъ контръ-революціонерами, утверждалъ, что мы стараемся обмануть большевиковъ для того, чтобы позднѣе ихъ арестовать. Такъ истерически онъ держался все время засѣданія.

Я спросилъ Каменева:

— Что случилось съ Рязановымъ? Вѣдь съ нимъ разговаривать невозможно?

— Онъ очень изнервничался отъ пережитыхъ событій — отвѣтилъ мнѣ Каменевъ. Къ тому же его и мое положеніе на этомъ совѣщаніи очень трудное. Мы оба — самые умѣренные, наши товарищи гораздо лѣвѣе насъ. Они отвергаютъ всякіе компромиссы. Намъ приходится бороться на два фронта. — Если-бъ вы знали, какъ Рязановъ выступаетъ на нашихъ собраніяхъ! Тамъ онъ еще рѣзче.

Наконецъ, выступилъ я, изложивъ мнѣніе Петроградской Думы и выяснивъ, на какихъ основаніяхъ она могла бы войти въ соглашеніе съ большевиками.

На мою рѣчь опять отозвался Рязановъ, отвѣтивъ пламеннымъ возраженіемъ:

— Какъ? Исключить изъ состава правительства Ленина и Троцкаго? этихъ побѣдителей контръ-революціи! Какъ? допустить въ новый Предпарламентъ цѣлую треть городской думы, въ которой сидятъ кадеты и черносотенцы?

Засѣданіе затянулось до 8 часовъ утра. Второе засѣданіе было назначено на 5 часовъ вечера.

Въ городской думѣ результаты совѣщанія ожидались съ большимъ нетерпѣніемъ. Мой докладъ о совѣщаніи, сообщенныя мною подробности перваго засѣданія, содержаніе переданныхъ мною рѣчей и предложеній вызвали въ думѣ сильнѣйшую бурю. Умѣренныя партіи, даже умѣренные соціалисты-революціонеры, были чрезвычайно возмущены наглостью большевиковъ. Они кричали, что было позорно и преступно ходить къ большевикамъ на совѣщаніе.

Больше всѣхъ волновался гласный Шингаревъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя столь свирѣпо убитый вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Кокошкинымъ въ тюремномъ лазаретѣ ворвавшимися туда большевистскими солдатами.

Шингаревъ поставилъ мнѣ цѣлый рядъ вопросовъ и требовалъ отвѣта, на какомъ основаніи я вообще остался на совѣщаніи послѣ того, какъ большевики отклонили первое требованіе думы объ освобожденіи арестованныхъ министровъ?

Я отвѣчалъ, что имѣлъ во всякомъ случаѣ право оставаться въ цѣляхъ информаціи.

Второе засѣданіе междупартійнаго совѣщанія началось съ большимъ опозданіемъ. Вмѣсто шести часовъ вечера оно открылось въ двѣнадцать часовъ ночи.

Послѣ долгихъ дебатовъ пришли, наконецъ, къ соглашенію о необходимости созданія новаго Предпарламента и новаго Совѣта министровъ. Пренія разгорѣлись вокругъ вопроса о составѣ предпарламента. Они приняли еще болѣе страстный характеръ, нежели на первомъ засѣданіи.

Въ этотъ день уже появились газеты, между ними — «Воля Народа» — органъ крайне правыхъ эсъ-эровъ. Эта газета выступила съ очень рѣзкими нападками противъ большевиковъ. Рязановъ во время засѣданія размахивалъ этой газетой и истерически кричалъ:

— Въ своихъ газетахъ они пишутъ про насъ величайшія гнусности! Призываютъ народъ къ выступленію противъ насъ! Кричатъ, что мы бандиты и предатели, а въ то же время приходятъ къ намъ на совѣщаніе, ища якобы возможности соглашенія!

Я указалъ Рязанову, что большевики въ такомъ же тонѣ разговариваютъ съ эс-эрами и меньшевиками.

Въ три часа ночи, когда мы уже собирались закрыть засѣданіе, разыгрался чрезвычайно характерный инцидентъ.

Къ намъ вошелъ швейцаръ и доложилъ, что явившаяся делегація рабочихъ Путиловскаго завода настойчиво требуетъ, чтобы ее впустили, такъ какъ ей безусловно необходимо говорить съ нами лично. Совѣщаніе было настроено противъ допущенія делегаціи. Оно попыталось отклонить визитъ, указавъ на чрезвычайную спѣшность своихъ занятій.

Но делегація обнаружила непоколебимую настойчивость, требуя аудіенціи. Въ противномъ случаѣ она угрожала ворваться силой. Дѣлать было нечего: Делегація была принята.

Въ комнату вошло человѣкъ пятнадцать рабочихъ, стариковъ и молодыхъ. Лица ихъ были серьезныя, напряженныя. Одинъ изъ нихъ, молодой рабочій съ энергичнымъ лицомъ, умными, холодными глазами, выступилъ впередъ и заговорилъ возбужденнымъ голосомъ, въ которомъ звучала угроза:

— Вотъ уже недѣля, какъ продолжается кровопролитіе между обоими революціонными лагерями. Преступная гражданская война! Мы требуемъ, чтобы ей немедленно былъ положенъ конецъ! Довольно! Вы уже два дня засѣдаете, обсуждая вопросъ о соглашеніи, но похоже на то, что вы вовсе не торопитесь. Мы не можемъ допустить дальнѣйшаго продолженія гражданской войны. Къ черту Ленина и Чернова! Повѣсить ихъ обоихъ!.. Мы говоримъ вамъ: положите конецъ разрухѣ. Иначе мы съ вами разсчитаемся сами!

Рѣчь и угрожающій голосъ молодого рабочаго произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ членовъ совѣщанія, главнымъ образомъ на Рязанова.

Рязановъ вскочилъ возбужденный и закричалъ истерическимъ голосомъ:

— Вы совершенно правы!!! Мы, большевики, съ первой же минуты готовы къ соглашенію. Мы дѣлаемъ всевозможныя уступки, но эс-эры, меньшевики, а главнымъ образомъ — представители городской думы всячески тормозятъ работу, не давая прійти къ соглашенію. Вамъ слѣдовало явиться не къ намъ, а въ Центральные Комитеты эс-эровъ и меньшевиковъ и въ Думу. Идите туда! Требуйте отъ нихъ прекращенія гражданской войны!

— Прекрасно! Мы сейчасъ идемъ и притащимъ ихъ сюда! — закричали рабочіе.

Рѣчь Рязанова, которую иначе нельзя было назвать, какъ провокаціей, всѣхъ насъ сильно взволновала и озадачила.

Я разъяснилъ рабочимъ всю неосновательность заявленія Рязанова и разсказалъ о всѣхъ пунктахъ нашихъ разногласій. Рабочіе выслушали меня и одинъ изъ нихъ въ сердцахъ крикнулъ:

— Чортъ васъ разберетъ, кто изъ васъ правъ! Всѣ вы не стоите того, чтобы васъ земля носила! Повѣсить бы васъ всѣхъ на одномъ деревѣ — въ странѣ само наступило бы спокойствіе... Идемъ, ребята! Намъ тутъ дѣлать нечего.

И они ушли.

Появленіе делегаціи все таки повліяло на ходъ занятій совѣщанія. На засѣданіи слѣдующаго дня, 30 октября, обнаружилось стремленіе придти какъ нибудь къ соглашенію. Рѣчи произносились краткія. Меньшевики выдвинули вопросъ о перемиріи. Эс-эровскіе делегаты поддержали предложеніе меньшевиковъ, заявили, что центральный комитетъ эс-эровъ получилъ отъ Керенскаго телеграмму, уполномочивающую Ц. К. заключить съ большевиками миръ или перемиріе на условіяхъ, которыя Ц. К. найдетъ подходящими. Онъ, Керенскій, выполнитъ всѣ обязательства, которыя будутъ на него возложены центральнымъ комитетомъ. Въ качествѣ представителя городской думы я также поддержалъ предложеніе о перемиріи.

Но большевистскій делегатъ Каменевъ въ краткихъ словахъ заявилъ, что заключеніе перемирія почти немыслимо. Исполнительный Комитетъ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ отклонитъ всякіе разговоры о перемиріи до тѣхъ поръ, пока антибольшевистская сторона не дастъ весьма опредѣленныхъ гарантій. «Заключить теперь перемиріе — сказалъ Каменевъ — значитъ дать Керенскому возможность сорганизовать новую армію». Кромѣ того — продолжалъ онъ — все дѣло зависитъ отъ штаба, находящагося на фронтѣ, и онъ, Каменевъ, вмѣстѣ съ Рязановымъ не имѣетъ полномочій заключать перемиріе здѣсь на совѣщаніи.

Изъ дальнѣйшихъ дебатовъ выяснилось, что оба большевистскихъ делегата вообще не уполномочены принимать какія либо рѣшенія. Обнаружилось, что они явились, какъ будто исключительно въ интересахъ информаціи, но не хотѣли въ

томъ сознаться. Нѣтъ! Они пришли съ опредѣленными, хотя и ограниченными полномочіями.

Словомъ, сколько мы съ ними не бились, мы не могли добиться яснаго отвѣта на вопросъ: въ чемъ собственно заключаются ихъ полномочія? Намъ, представителямъ антибольшевистскихъ партій, все яснѣе становилось, что большевики явились на совѣщаніе для того, чтобы пойти навстрѣчу требованію желѣзнодорожнаго союза, а главнымъ образомъ для того, чтобы выиграть время, выждавъ между тѣмъ результата сраженій подъ Петроградомъ и въ Москвѣ.

Итакъ вопросъ о перемиріи былъ снятъ съ очереди, и въ порядокъ дня былъ опять поставленъ пунктъ объ учрежденіи временнаго народнаго совѣта. Послѣ долгихъ, горячихъ дебатовъ, продолжавшихся втеченіе 30 и 31 октября, достигнуто было наконецъ соглашеніе, въ силу котораго временный народный совѣтъ долженъ состоять изъ 100 членовъ совѣта рабочихъ депутатовъ, 75 членовъ крестьянскаго совѣта, 100 делегатовъ Петроградской и Московской думы и 50 делегатовъ всероссійскихъ профессіональныхъ союзовъ.

Соглашеніе достигнуто было противъ воли большевиковъ. Рязановъ никакъ не могъ примириться съ мыслью, что въ совѣтъ войдутъ почти въ половинномъ составѣ представители такихъ организацій, какъ городскія думы и профессіональные союзы, въ которыхъ сидятъ члены буржуазныхъ партій.

Что касается новаго правительства, то вопросъ о составѣ его былъ рѣшенъ быстро. Всѣ были того мнѣнія, что составъ его долженъ быть однороднo-соціалистическій. Затрудненія встрѣтились лишь при изысканіи такихъ условій, которыя въ правительствѣ не дали бы перевѣса ни большевистской, ни антибольшевистской партіи, а также въ вопросѣ о личностяхъ будущихъ министровъ. Съ одной стороны, эс-эры, меньшевики и делегаты городского самоуправленія требовали недопущенія въ кабинетъ министровъ ни Троцкаго, ни Ленина. Съ другой стороны, большевики вычеркнули изъ списка Керенскаго и, кажется, Авксентьева. Соглашеніе было достигнуто путемъ принятія эластичной резолюціи о томъ, что въ составъ новаго правительства должны войти спеціалисты, независимо отъ ихъ партійной принадлежности. Имена Ленина, Троцкаго и Керенскаго въ резолюціи не были упомянуты. Тѣмъ самымъ обѣ договаривающіяся стороны выражали молчаливое согласіе съ кандидатскимъ спискомъ своего противника.

Мы, антибольшевики, хорошо понимали, что большевики никогда не согласятся исключить изъ состава правительства Ленина и Троцкаго. Такъ какъ намъ было ясно, что положеніе Керенскаго на фронтѣ не блестяще (объ этомъ свидѣтельствовала хотя бы его телеграмма къ эс-эрамъ), мы вынуждены были пойти на всѣ уступки, лишь бы достигнуть соглашенія и остановить гражданскую войну. Но большевики одержали окончательную побѣду.

Соглашеніе было достигнуто поздней ночью, 31 октября, послѣ долгаго мучительнаго пятичасового засѣданія. Сейчасъ же на очередь былъ опять поставленъ вопросъ о перемиріи. Большевистскіе делегаты возразили, что соглашеніе должно быть предварительно подтверждено центральнымъ исполнительнымъ комитетомъ совѣта рабочихъ депутатовъ. Мы, антибольшевики, энергично потребовали прекращенія кровопролитія, и Каменевъ согласился съ нашимъ требованіемъ. Онъ выразилъ увѣренность, что совѣты рабочихъ депутатовъ согласятся съ условіями, выработанными нашимъ совѣщаніемъ. Поэтому онъ считаетъ возможнымъ принять мѣры для пріостановки военныхъ дѣйствій на Петроградскомъ фронтѣ.

Составленъ былъ протоколъ соглашенія и рѣшено было въ ту же ночь доставить этотъ протоколъ вмѣстѣ съ препроводительнымъ письмомъ Совѣщанія на оба фронта въ главные штабы обѣихъ армій. Въ письмѣ указывалось на необходимость заключенія перемирія.

Для поѣздки на фронтъ необходимо было разрѣшеніе Петроградскаго военнаго штаба, сидѣвшаго въ «Смольномъ институтѣ».

Совѣщаніе делегировало на фронтъ меня и второго представителя «Викжеля». Большевистскіе делегаты Совѣщанія дали намъ письмо къ штабу въ Смольный, чтобы намъ тамъ дали разрѣшеніе на поѣздку на фронтъ.

Было уже послѣ двухъ часовъ ночи. Мы со вторымъ делегатомъ на автомобилѣ «Викжеля» отправились въ Смольный, надѣясь на томъ же автомобилѣ оттуда поѣхать дальше къ фронту, чтобы принести вѣсть о соглашеніи.

Въ Смольномъ было оживленно, несмотря на поздній часъ. Всѣ три этажа были освѣщены. Въ дверяхъ я встрѣтился съ моимъ старымъ знакомымъ Бончъ-Бруевичемъ, бывшимъ толстовцемъ, недавно перешедшимъ къ большевикамъ. Зная, что я противникъ большевиковъ, онъ послѣднее время избѣгалъ встрѣчъ со мною. Онъ очень удивился, увидя меня въ такой поздній часъ въ Смольномъ, но удивленіе его выразилось лишь во взглядѣ. Когда солдатъ, стоявшій на посту, остановилъ насъ, требуя «пропускъ», Бончъ-Бруевичъ быстро подошелъ къ нему и приказалъ строго:

— Пропусти ихъ! Пропусти ихъ!

И онъ повелъ насъ мимо всѣхъ разставленныхъ постовъ. Онъ спросилъ насъ, куда мы хотимъ? Мы сообщили ему цѣль нашего визита и, онъ повелъ насъ къ штабу, замѣтивъ:

— Мнѣ кажется, что тамъ теперь нѣтъ никого, кто могъ бы вамъ выдать разрѣшеніе.

Бончъ-Бруевичъ привелъ насъ въ третій этажъ, указавъ, куда войти.

Мы вошли въ огромную, ярко освѣщенную залу, гдѣ нѣсколько барышенъ работало на пишущихъ машинахъ. Кромѣ нихъ, никого не было. Полъ весь былъ покрытъ окурками, клочками бумаги и разорванными газетами. Очевидно было, что здѣсь недавно происходило многолюдное собраніе. Изъ этой комнаты дверь вела въ другую, куда мы и вошли. За длиннымъ столомъ здѣсь сидѣло трое молодыхъ людей въ военной формѣ. На столѣ стоялъ жестяной чайникъ, нѣсколько стакановъ, наполненныхъ окурками папиросъ, валялись ломти чернаго хлѣба. Къ стѣнѣ былъ придѣланъ полевой телефонъ.

— Намъ нужно видѣть начальника штаба сказалъ я. Одинъ изъ молодыхъ людей смѣрилъ меня самоувѣреннымъ взглядомъ съ головы до ногъ:

— Зачѣмъ онъ вамъ нуженъ?

Я разсказалъ ему, въ чемъ дѣло. Онъ слушалъ полуравнодушно, полуиронически.

— Главноначальствующій отсутствуетъ. Я замѣщаю его.

Послѣ паузы онъ прибавилъ:

— Я не могу разрѣшить вамъ ѣхать на фронтъ.

Я сталъ ему разъяснять всю важность немедленнаго прекращенія кровопролитія. Юноша развалился въ креслѣ, смотрѣлъ на меня съ глубокимъ презрѣніемъ и проговорилъ спокойно и самоувѣренно:

— Вамъ уже незачѣмъ ѣхать на фронтъ... И уже поздно входить въ какія-либо соглашенія съ контръ-революціонерами...

— Почему?

— Потому, что банда Керенскаго разбита на голову. Казаки сдались, а самъ Керенскій окруженъ. Въ настоящій моментъ онъ навѣрное взятъ въ плѣнъ и черезъ нѣсколько часовъ его привезутъ сюда. Вы, какъ видите, нѣсколько опоздали съ вашимъ соглашеніемъ.

Мы съ товарищемъ попытались убѣдить молодого человѣка въ томъ, что мы должны выполнить возложенную на насъ задачу, независимо отъ положенія дѣлъ на фронтѣ, что это положеніе не можетъ отмѣнять рѣшеній, офиціально принятыхъ на Совѣщаніи всѣхъ партій. Но онъ насъ даже и слушать не хотѣлъ, и мы вышли изъ Смольнаго института въ очень тяжеломъ настроеніи духа.

Утромъ подтвердилось извѣстіе о пораженіи арміи Керенскаго. Керенскій располагалъ всего на всего 600 казаками, дравшимися безъ особаго воодушевленія, въ концѣ концовъ не только капитулировавшими, но также и рѣшившими выдать Керенскаго. Въ послѣднюю минуту Керенскому, однако, удалось спастись изъ рукъ своихъ казаковъ.

Дума не вѣрила въ окончательное пораженіе Керенскаго. На бурномъ думскомъ засѣданіи городской голова Г. Шрейдеръ кричалъ объ измѣнѣ со стороны «Викжеля», военной хитрости большевиковъ, спрятавшихся за спиною междупартійнаго совѣщанія съ единственной цѣлью выиграть время.

Нѣсколько дней спустя стали извѣстны подробности поведенія казацкаго генерала Краснова.

Делегація матросовъ съ Дыбенко во главѣ вошли въ переговоры съ казаками, рѣшившими съ согласія своего начальника генерала Краснова предать Керенскаго большевикамъ. Это было 1 ноября.

«Въ часъ дня, разсказывалъ — по газетнымъ сообщеніямъ — генералъ Красновъ, — мы вызвали къ себѣ главнокомандующаго (Керенскаго). Онъ былъ очень возбужденъ и первенъ.

— Генералъ, сказалъ Керенскій, вы предали меня! Ваши казаки открыто заявляютъ, что они арестуютъ и выдадутъ меня матросамъ!

— Да, отвѣчалъ я, объ этомъ говорятъ, и я знаю, что вы повсюду потеряли сочувствіе.

— А офицеры того же мнѣнія?

— Да, офицеры также недовольны вами.

— Что же мнѣ дѣлать? Мнѣ остается покончить самоубійствомъ!

— Если вы человѣкъ честный, то вы немедленно поѣдете въ Петроградъ съ бѣлымъ флагомъ. Вы явитесь передъ революціоннымъ комитетомъ и будете съ нимъ вести переговоры, какъ представитель правительства.

— Да, я это сдѣлаю, генералъ!

— Я дамъ вамъ конвой и попрошу матроса сопровождать васъ.

— Нѣтъ, только не матроса. Извѣстно ли вамъ, что здѣсь находится Дыбенко?

— О Дыбенко не имѣю понятія.

— Это — мой врагъ!

— Что-жъ дѣлать? Кто ведетъ крупную игру, долженъ умѣть рисковать!

— Хорошо. Но я поѣду ночью.

— Зачѣмъ? Еще скажутъ, что вы удираете. Поѣзжайте спокойно и открыто. Пусть всѣ видятъ, что вы не убѣгаете!

— Хорошо. Дайте мнѣ надежный конвой!

— Я вызвалъ казака десятаго Донского полка Русанова, приказанъ ему выбрать охрану для главнокомандующаго. Черезъ полчаса пришла ко мнѣ охрана и заявила, что Керенскаго нѣтъ. Онъ бѣжалъ. Я приказалъ искать его. Искали въ Гатчинѣ и окрестностяхъ, но нигдѣ не нашли».

Какъ и куда бѣжалъ Керенскій, я не знаю. Онъ немедленно возобновилъ сношенія съ эсеровскимъ Ц. К. и съ организаціей «Спасенія Родины и Революціи». Два мѣсяца спустя во время открытія Учредительнаго Собранія онъ находился въ Петроградѣ. Онъ страстно хотѣлъ присутствовать при открытіи, но товарищи не допустили его.

Когда я на слѣдующій день послѣ визита въ «Смольномъ» представлялъ думѣ отчетъ о результатѣ моихъ переговоровъ и объ отвѣтѣ большевистскаго главнаго штаба, никто уже болѣе не сомнѣвался въ томъ, что изъ междупартійнаго совѣщанія съ большевиками ничего не выйдетъ. Дума, однако, рѣшила переговоровъ не прерывать. Засѣданіе должно было произойти вечеромъ. Я лично не вѣрилъ въ успѣшный результатъ совѣщанія. Къ тому же я былъ чрезвычайно утомленъ отъ безсонныхъ ночей и сложилъ думскія полномочія. Дума послала вмѣсто меня гласнаго Ширскаго, эс-эра.

Въ тотъ же день въ «Смольномъ» состоялось засѣданіе исполнительнаго комитета совѣта раб. и солд. деп.

Делегатъ «Викжеля» Крушинскій выступилъ съ заявленіемъ о необходимости немедленнаго соглашенія всѣхъ социалистическихъ партій съ цѣлью образованія однородно-соціалистическаго кабинета. Однако, главный интересъ засѣданія заключался не въ заявленіи «Викжеля», а въ преніяхъ по поводу учрежденія Временнаго Народнаго Совѣта.

Рязановъ далъ отчетъ о работахъ совѣщанія. Онъ сообщилъ, что согласно рѣшенію совѣщанія слѣдуетъ учредить временный народный совѣтъ въ составѣ 100 членовъ центральнаго исполнительнаго комитета, 75 делегатовъ совѣта крестьянъ, 100 представителей Петроградскаго и Московскаго городского самоуправленія и нѣсколькихъ делегатовъ всероссійскихъ профессіональныхъ союзовъ.

Не смотря на то, что Рязановъ самъ былъ делегатомъ совѣщанія и вмѣстѣ съ Каменевымъ принялъ резолюцію, содержаніе которой было передано выше, онъ здѣсь, въ Смольномъ, выступилъ съ рѣзкой критикой этой резолюціи. Онъ находилъ, что совѣтъ раб. и солд. деп. очень слабо представленъ во Временномъ Народномъ Совѣтѣ и выражалъ увѣренность, что центральный исполнительный комитетъ резолюцію не приметъ.

Камковъ, делегатъ лѣвыхъ эсеровъ, также утверждалъ, что совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ долженъ быть представленъ 150 делегатами, что крестьянскіе совѣты должны получить гораздо большее количество мандатовъ, а органамъ городского самоуправленія достаточно предоставить лишь 50 мѣстъ. Камковъ одновременно очень энергично защищалъ во имя спасенія революціи идею однородно-соціалистическаго кабинета министровъ, выразивъ увѣренность, что революція можетъ быть спасена только сотрудничествомъ всѣхъ соціалистическихъ партій.

Затѣмъ выступилъ Володарскій. Онъ заявилъ, что на этомъ засѣданіи нѣтъ противниковъ соглашенія. Онъ долженъ однако признаться, что большевики ни при какихъ условіяхъ не могутъ войти въ соглашеніе и что они не намѣрены безъ борьбы отказаться отъ своей побѣды.

Большевики выдвинули лозунгъ: «Вся власть совѣтамъ!», и не пойдутъ ни на какіе компромисы. Отъ имени большевиковъ Володарскій далѣе высказался категорически противъ признанія какого либо другого высшаго контрольнаго органа, кромѣ центральнаго исполнительнаго комитета.

Отъ имени своей партіи онъ выставилъ требованія:

Декретъ о землѣ не можетъ быть отмѣненъ. Новое правительство должно немедленно подтвердить декретъ о мирѣ и о контролѣ надъ производствомъ. Городскія самоуправленія устраняются изъ состава контрольнаго учрежденія.

Короче, Волдарскій открыто и недвусмыслено заявилъ, что его партія отказывается отъ уступокъ, отвергаетъ соглашеніе и принятыя резолюціи и согласна лишь на такое однородно-соціалистическое правительство, которое признаетъ авторитетъ совѣта рабочихъ депутатовъ, какъ единственную власть въ государствѣ.

Затѣмъ Володарскій поставилъ свои требованія въ видѣ резолюціи на голосованіе.

Центральный исполнительный комитетъ принялъ резолюцію Володарскаго большинствомъ голосовъ.

Послѣ этого, разумѣется, не могло быть и рѣчи о соглашеніи, достигнутомъ на совѣщаніи, на которое возлагалось столько надеждъ. Соглашеніе распалось.

Когда слухъ объ окончательномъ пораженіи и бѣгствѣ Керенскаго черезъ два дня точно подтвердился, настроеніе думы все-таки не очень измѣнилось. Почти всѣ остались при своемъ старомъ оптимизмѣ: большевистская власть, молъ, не сумѣетъ долго удержаться. Побѣдила она въ Петроградѣ, но еще остается Москва, ведущая героическую борьбу. Она вотъ-вотъ побѣдитъ. Кромѣ того, и вся Россія противъ большевиковъ.

Еще во время переговоровъ съ большевиками, городской голова Шрейдеръ телеграфно пригласилъ представителей демократическихъ городскихъ самоуправленій Петроградской и Московской губерніи на съѣздъ въ Петроградъ. На съѣздъ возлагались большія надежды. Однако, вслѣдствіе плохого дѣйствія телеграфа и еще худшаго состоянія желѣзныхъ дорогъ на съѣздъ явилось всего 10 человѣкъ изъ окружныхъ городковъ. Изъ Москвы пріѣхалъ одинъ делегатъ. Около двухъ дней просидѣли въ думѣ, держали рѣчи и разъѣхались, разумѣется, безъ всякаго результата.

Дума попрежнему осталась средоточіемъ антибольшевистскихъ элементовъ. Около двухъ недѣль большевики терпѣли ее, такъ какъ еще не могли обойтись безъ нея. Они пока что укрѣпляли свои позиціи, очень хорошо понимая, что думу легко будетъ разогнать въ любое время. Одновременно они начали понемногу притѣснять ее, отобрали у городского головы автомобиль, офиціально потребовали невмѣшательства думы въ государственныя дѣла и издали затѣмъ приказъ объ арестѣ Шрейдера. Но привести приказъ въ исполненіе большевикамъ не удалось. Шрейдеръ бѣжалъ.

Приблизительно черезъ три недѣли послѣ переворота появился офиціальный декретъ о роспускѣ думы. Зданіе думы занято было матросами и солдатами, никого туда не впускавшими.

Городской голова и гласные, однако, не сдавались. Въ различныхъ мѣстахъ устраивались тайныя засѣданія, происходившія въ обычномъ порядкѣ. Обсуждались всевозможныя городскія нужды, принимались резолюціи, которыя, конеч-

но, не приводились въ исполненіе. Вся надежда оставалась на обструкцію и саботажъ городскихъ служащихъ и интеллигенціи вообще. А настроеніе думы, даже при этихъ условіяхъ, оставалось все-таки оптимистическимъ настолько, что цѣлыя засѣданія посвящались обсужденію вопроса объ учрежденіи новаго правительства: всѣ были убѣждены, что черезъ нѣсколько дней большевики падутъ.

Наконецъ, когда нѣсколько разъ подрядъ гласные едва не были арестованы, засѣданія прекратились.

Единственной надеждой оставался созывъ Учредительнаго Собранія.

Служба въ комиссаріатѣ юстиціи и народномъ судѣ

Н. Майеръ.

I

Въ началѣ 1918 года происходили послѣднія открытыя засѣданія петроградской присяжной адвокатуры. Круглый залъ Тенишева былъ полонъ. Сообщались информаціи о послѣднихъ событіяхъ, докладывали о дисциплинарныхъ производствахъ, возбужденныхъ противъ членовъ сословія, такъ или иначе соприкоснувшихся съ большевиками, старались разглядѣть хоть что нибудь въ темныхъ зловѣщихъ перспективахъ, раскрывшихся передъ наиболѣе общественной русской корпораціей.

Этого нельзя было сдѣлать — такъ же, какъ нельзя угадать деталей картины, для которой приготовленъ лишь загрунтованный холстъ. Странно было только то, что и съ этимъ зловѣщимъ фономъ никто не хотѣлъ считаться.

Единственное столкновеніе реальныхъ силъ, произведенное въ Москвѣ, дало перевѣсъ большевикамъ. Озлобленіе низшихъ классовъ населенія противъ каждаго, носившаго внѣшніе признаки принадлежности къ классамъ привиллегированнымъ, выливалось до такой степени бурно, что стало невозможнымъ, напримѣръ, ѣздить въ трамваяхъ, не подвергаясь оскорбленіямъ, высказывать свое протестующее мнѣніе на митингахъ и т. д., и т. д.

Солдатское море бурно разливалось по всей Россіи, грабя и распродавая казенное имущество. Имѣнія и усадьбы пылали непрекращающимся заревомъ. Среди этихъ событій текли одинъ мѣсяцъ за другимъ, и, не смотря на это, двухнедѣльный срокъ царствованія большевиковъ продолжалъ оставаться сакраментальнымъ въ представленіи опозиціоперовъ совѣтской власти.

Молодой помощникъ присяжнаго повѣреннаго Энтинъ обмолвился фразой:

«Нельзя же, въ концѣ концовъ, отрицать, что большевики на что то опираются!»

Буря негодованія разразилась въ залѣ. Никто не хотѣлъ этого признать. «Большевики сами не увѣрены въ себѣ. Считаютъ себя калифами на часъ. Опираются на банды дезертировъ и грабителей . . .»

Въ томъ же собраніи постановили послать привѣтственную телеграмму Керенскому . . .

Тяжелое чувство оставалось послѣ этихъ собраній.

Петроградской адвокатурѣ никогда не везло въ ея политическихъ выступленіяхъ. Активная адвокатская забастовка, поставившая въ смѣшное положеніе

пять-шесть адвокатовъ и въ томъ числѣ кристально-чистаго кн. Андроникова, фигурировавшаго въ качествѣ подсудимаго по обвиненію въ срывѣ работъ въ канцеляріяхъ суда. Вспоминались насмѣшливыя слова предостерегавшаго отъ забастовки З. Л. Рапопорта: «Воображаю, какимъ гомерическимъ смѣхомъ смѣялся бы Бебель, если бы узналъ, что въ Петербургѣ забастовали адвокаты!» Онъ оказался правъ, смѣялись многіе; одни исподтишка, другіе откровенно.

Вспоминалась резолюція по дѣлу Бейлиса, когда на торжество Крашенинникову *, многіе изъ подписавшихъ воззваніе адвокатовъ, оказались на предварительномъ слѣдствіи «случайно» запаснными въ залъ, гдѣ происходило собраніе.

Наконецъ эта привѣтственная телеграмма Керенскому! Что это? Любовь до гроба къ коварному измѣнщику-обольстителю или патріотизмъ адвокатскихъ родныхъ осинъ?

Трагическія фразы увертюры русской революціи не хотѣли слышать. Считали, что это не увертюра, а что вся опера уже сыграна и продолжается лишь кувырканье какихъ то паяцовъ, на которыхъ при нежеланіи можно и не смотрѣть. Не вѣрили въ наличіе стихійнаго распада русской государственности, начавшагося издалека и съ наростающею быстротой продолжавшаго свой долгій неотвратимый, еще понынѣ незаконченный путь.

Въ періоды помраченія народнаго самосознанія, въ моменты, когда погасаютъ сторожевые огни человѣчества или превращаются въ обманчивые, болотные, блуждающіе огоньки — гласъ народа перестаетъ быть гласомъ Божіимъ, ошибочно руководствоваться коллективной интуиціей, каждый становится отвѣтственнымъ самъ за себя и нѣтъ ему судьи въ томъ или иномъ пути, на который онъ вступитъ для достиженія цѣлей, поставленныхъ лично передъ нимъ безобразной дѣйствительностью.

---

18 февраля я поступилъ на службу къ большевикамъ.

Изъ многочисленныхъ причинъ, побудившихъ меня къ этому, главенствующею было желаніе п о н я т ь.

Нѣкоторое время я ничего не понималъ. Я не могъ отвѣтить самому себѣ, почему сошла на нѣтъ керенщина, почему кучка большевиковъ похитила государственную власть такъ легко, какъ Иванъ-царевичъ спящую красавицу. На какомъ сѣромъ волкѣ ѣдутъ они въ тридевятое царство? Позднѣе я сталъ думать, что все это произошло потому, что Керенскій во время не арестовалъ Ленина и Троцкаго, что не былъ своевременно ликвидированъ совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, что неудачный подборъ людей во временномъ правительствѣ лишилъ его внутренней крѣпости и авторитета.

Въ самое послѣднее время я началъ понимать, что причины, которыми я старался себѣ объяснить, вовсе не причины, а явленія производныя отъ какой то другой огромной причины, причины всѣхъ причинъ, вокругъ да около которой мы ходимъ всѣ и никакъ не можемъ увидѣть ее воочію и въ настоящую ея величину.

Чтобы достигнуть этого пониманія нужно было знать много того, чего я не зналъ.

Что изъ себя представляютъ большевики въ новомъ для нихъ нарядѣ государственныхъ дѣятелей, какія формы существованія сулитъ государственный

---

* Старшій предсѣдатель Палаты С.-Петербургскаго Судебнаго Округа.

коммунизмъ и какимъ образомъ можетъ быть примѣнена теорія Маркса къ странѣ съ многочисленнымъ, недоразвитымъ, неорганизованнымъ пролетаріатомъ.

Многіе изъ тѣхъ, что дѣлали умное лицо при упоминаніяхъ о Марксѣ, о большевикахъ и меньшевикахъ, интернаціоналѣ и проч. весьма неохотно и невнятно отвѣчали на эти вопросы. Пора было признаться въ своей неосвѣдомленности и узнать все дѣло изъ первыхъ рукъ, познакомиться съ большевиками потѣснѣе и разглядѣть ихъ не съ той стороны, съ какой они хотѣли себя показать, а по возможности насквозь, до самой ихъ подоплеки.

Я не раздѣлялъ того мнѣнія, что большевики никѣмъ не поддерживаются. Кромѣ очевиднаго обрастанія большевиковъ солдатскими массами, кромѣ такихъ фактовъ, какъ, напримѣръ, полученіе большевиками огромнаго количества голосовъ при выборахъ въ учредительное собраніе, сильны были впечатлѣнія отъ разговоровъ съ отдѣльными людьми, далекими отъ демагогіи и желанія агитировать. Не разъ приходилось слышать фразы, произнесенныя убѣдительнымъ спокойнымъ голосомъ, вродѣ того, что: «Эта самая правильная!» «Скоро всѣ нашими будутъ!»

Можно было съ несомнѣнною справедливостью доказывать, что часть крестьянства, поддерживающая большевиковъ на мѣстахъ и разсѣявшаяся по всей Россіи въ сѣрыхъ шинеляхъ, являла собой далеко не лучшую часть крестьянства, что привлеченіе къ себѣ активной силы совершается большевиками нечестнымъ образомъ, что искренне вѣрующіе въ большевизмъ элементы создаются демагогіей, обманомъ, потворствомъ ихъ разнузданности и собственной темнотой. Но того, что большевики на эти окружающія ихъ людскія массы, опираются — этого оспаривать было невозможно. Фактъ оставался фактомъ и хотя и съ сердечной болью, но съ нимъ приходилось считаться.

Въ особенности это становилось яснымъ при сравненіи воинствующаго большевизма, наступавшаго съ ружьемъ въ рукахъ, съ защищавшейся общественностью, не могшей выставить никакого иного орудія защиты, кромѣ пассивнаго сопротивленія — саботажа, не имѣвшаго возможности, какъ то и заранѣе можно было предсказать, именно въ силу своей пассивности привести къ какимъ либо реальнымъ результатамъ.

Комиссаріатъ юстиціи еще только формировался. Изъ прежняго состава служащихъ остались нѣсколько мелкихъ канцелярскихъ чиновниковъ. Во главѣ Комиссаріата стоялъ лѣвый эсеръ Штейнбергъ съ ближайшими помощниками однопартійными Шрейдеромъ и Алгасовымъ. Начиналъ играть нѣкоторую роль въ жизни комиссаріата профессоръ Рейснеръ. Комиссаріатъ былъ раздѣленъ на отдѣленія: гражданское, уголовное и административное. Гражданскимъ, куда я поступилъ въ качествѣ консультанта, завѣдывалъ исконный большевикъ Красиковъ, присяжный повѣренный, практиковавшій ранѣе по увѣчнымъ дѣламъ.

Отдѣленіе состояло изъ канцеляріи, двухъ помощниковъ секретарей, секретаря, консультантовъ и выборнаго изъ нихъ старшаго консультанта, являвшагося фактически завѣдующимъ отдѣленіемъ, такъ какъ отъ него исходили распоряженія по канцеляріи и направленіе текущей работы. Красиковъ присутствовалъ лишь на собраніяхъ коллегіи консультантовъ, къ нему же обращались за разъясненіями по поводу того или иного примѣненія декретовъ.

Работа отдѣленія складывалась изъ двухъ видовъ дѣятельности:

во-первыхъ, она заключалась въ разсмотрѣніи дѣлъ, поступившихъ до переворота въ бывшій 2-ой департаментъ Министерства Юстиціи, главнымъ образомъ,

по жалобамъ на рѣшенія губернскихъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, поступавшимъ въ министерство для заключенія о возможности переноса дѣла въ Сенатъ по кассаціоннымъ причинамъ. Въ виду упраздненія Сената, Комиссаріатъ оставилъ за собой это значеніе кассаціонной инстанціи и выносилъ рѣшенія коллегіально послѣ доклада и преній. Около половины такихъ дѣлъ являлись спорами о правѣ собственности на землю и потому прекращались производствомъ за силою декрета о признаніи земли собственностью государства,

во-вторыхъ, — въ пріемѣ просителей, совершенно опшеломленныхъ закрытіемъ судовъ безъ всякой замѣны ихъ другими судебными инстанціями, осаждавшихъ Комиссаріатъ всевозможными недоумѣнными вопросами. Для пріемовъ назначались поочередно дежурные консультанты, которые и давали соотвѣтствующія разъясненія, ссылаясь на тотъ или иной декретъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ.

Остановка въ разсмотрѣніи судебныхъ дѣлъ, отсутствіе указаній на срокъ, когда суды будутъ созданы вновь, ставили страну въ чрезвычайно тягостное положеніе и привели къ тому, что превратили во многихъ пунктахъ Россіи мѣстные революціонные трибуналы въ универсальныя судебныя инстанціи, разрѣшавшія всѣ дѣла, вплоть до бракоразводныхъ. Легко вообразить себѣ, какія рѣшенія выносились въ этихъ, явочнымъ порядкомъ образовавшихся судахъ, если принять во вниманіе, что засѣдали тамъ часто совершенно неграмотные, въ полномъ значеніи этого слова, солдаты и рабочіе.

Безчисленные посѣтители съ запросами о судьбѣ того или иного дѣла, протекавшаго въ прежнихъ судахъ, могли быть удовлетворены разъясненіемъ декрета и, хотя бы, приблизительнымъ указаніемъ, въ какомъ учрежденіи они должны сторожить появленіе своего дѣла. Хуже обстояло съ лицами, жаловавшимися на неправильное разрѣшеніе ихъ дѣлъ трибуналами. Неизвѣстно было, куда можно обжаловать ихъ рѣшенія, нигдѣ не были обусловлены отношенія подчиненности ихъ комиссаріату юстиціи, совершенно непонятно было, на какихъ законахъ базируются ихъ опредѣленія и не исключительно ли изъ глубинъ «революціоннаго правосознанія» вытекло то или иное, со всѣхъ точекъ зрѣнія, неправосудное рѣшеніе.

Въ силу этихъ обстоятельствъ дежурному консультанту приходилось часто имѣть дѣло съ вопросами, совершенно неразрѣшимыми, отдѣленію же приходилось предписывать объ отмѣнѣ рѣшеній, о пересмотрѣ дѣлъ, опираясь, за отсутствіемъ законныхъ іерархическихъ основаній, на рѣшительность тона и категоричность выраженій. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти требованія посылались даже телеграфно. Но рѣшительно никакихъ признаковъ того или другого результата этихъ бумажекъ въ комиссаріатѣ не имѣлось. Никакой санкціи за неисполненіе приказовъ комиссаріата не было обусловлено ни однимъ декретомъ и, потому, получавшіе ихъ были вольны исполнять или не исполнять по своему усмотрѣнію.

Если можно относиться болѣе или менѣе хладнокровно къ дѣламъ гражданскимъ, затрагивающимъ чисто имущественные интересы, то каково же было работать при вышеописанныхъ условіяхъ въ отдѣленіи уголовномъ, гдѣ приходилось имѣть дѣло съ вопросами о человѣческой жизни, свободѣ и чести. Я съ ужасомъ поглядывалъ на помѣщенія уголовнаго отдѣленія, ярко представляя себѣ, какія переживанія посѣщаютъ тамъ просителей, имѣвшихъ несчастіе стать въ ту или иную зависимость отъ революціоннаго правосудія. Какъ на грѣхъ всѣ консультанты группировались вокругъ гражданскаго отдѣленія, въ уголовныхъ же неограниченно царилъ нѣкій кандидатъ на судебную должность, не поки-

нувшій своей службы въ Министерствѣ Юстиціи послѣ переворота. По отзывамъ лицъ, знавшихъ его ранѣе, это былъ человѣкъ нервно-больной, по моимъ личнымъ наблюденіямъ, несомнѣнно человѣкъ нервно-неуравновѣшенный.

Переходя къ описанію личнаго персонала служащихъ Комиссаріата, и главнымъ образомъ гражданскаго его отдѣленія, являющагося центральнымъ объектомъ настоящихъ записокъ, должно сказать, что приливъ интеллигентныхъ силъ въ большевистскія учрежденія еще только начался и ко дню моего поступленія періодъ абсолютнаго, такъ сказать, первобытнаго хаоса еще не былъ изжитъ. Передавалась еще свѣжая исторія о томъ, какъ перваго завѣдующаго гражданскимъ отдѣленіемъ, какого то студента политехническаго института, привели подъ конвоемъ, въ качествѣ арестанта, въ то же гражданское отдѣленіе для полученія распоряженій о дальнѣйшемъ его направленіи. Разсказывали, что онъ слишкомъ усердно заботился о личныхъ своихъ интересахъ въ какомъ то опекунскомъ дѣлѣ.

Мнѣ показывали служащихъ хозяйственной части и казначея, которые незадолго передъ тѣмъ, въ день выдачи жалованья, были ограблены по пути изъ казначейства въ комиссаріатъ, причемъ, ѣхали они, будто бы, очень тихо по Екатерининской улицѣ и все оглядывались въ удивленіи, что ихъ никто не догоняетъ. Потомъ показался автомобиль, насилу-наспу догналъ ихъ у самаго подъѣзда и деньги, наконецъ то, были отняты.

Ко времени моего поступленія въ гражданскомъ отдѣленіи было уже шесть консультатовъ: присяжный повѣренный Муравьевъ (Петроградскаго Округа), помощникъ присяжнаго повѣреннаго Шульманъ, предсѣдатель одного изъ Уѣздныхъ Съѣздовъ Мировыхъ Судей Псковской Губерніи Бѣляевъ, еще одинъ присяжный повѣренный (фамилія забылась) изъ числа служащихъ не по своей спеціальности въ страховыхъ обществахъ, городскихъ управахъ и иныхъ учрежденіяхъ, и бывающихъ въ судахъ одинъ разъ въ годъ, священникъ, ходившій въ партикулярномъ костюмѣ съ университетскимъ значкомъ, но вмѣсто пальто надѣвавшій поповское длинополое одѣяніе и нѣкій де-Бурдо, молодой человѣкъ неизвѣстной профессіи, но также съ университетскимъ значкомъ.

Отсутствіе консультантовъ въ уголовномъ отдѣленіи и обиліе ихъ въ гражданскомъ объяснялось, повидимому, тѣмъ, что, поступая на службу къ большевикамъ вовсе не для того, чтобы способствовать торжеству большевизма (среди служащихъ гражданскаго отдѣленія, въ томъ числѣ и канцеляріи, первоначально не было ни одного коммуниста), а для достиженія своихъ личныхъ цѣлей, люди старались не марать рукъ личнымъ касательствомъ къ революціоннымъ расправамъ.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ шести консультантовъ цѣннымъ, въ смыслѣ знаній и работоспособности, являлся Муравьевъ и, отчасти, Бѣляевъ. Шульманъ недавно началъ практику и еще не твердо ориентировался въ дѣлахъ. Всѣ остальные были полнѣйшими невѣждами не только въ тонкой и юридически сложной работѣ, какой должна была бы быть дѣятельность высшаго административнаго учрежденія юстиціи, но и въ повседневномъ нормальномъ теченіи судебныхъ дѣлъ низшихъ инстанцій.

Священникъ какимъ то образомъ завоевалъ себѣ отдѣльный кабинетъ и постоянно удалялся въ него съ какими то просителями, своими, особенными, приходившими лично къ нему по дѣламъ, досье которыхъ, какъ это впослѣдствіи

обнаружилось, хранились у него въ письменномъ столѣ и на учетѣ текущихъ дѣлъ не состояли. Эти таинственные носѣтители, очевидно, являлись для него главнымъ дѣломъ, такъ какъ къ остальной работѣ на дежурствахъ и засѣданіяхъ консультантовъ онъ относился совершенно апатично и голоса своего не подавалъ.

Де-Бурдо, высокій молодой человѣкъ, безъ растительности на лицѣ, съ красноватымъ носомъ и сѣрыми оловянными глазами, неизмѣнно насвистывалъ или напѣвалъ веселенькіе мотивы, разсказывалъ о своихъ необычайныхъ успѣхахъ у женщинъ, но не прочь былъ высказать и дѣловое свое сужденіе по тому или иному вопросу. Эти сужденія вызывали, смотря по характеру, у однихъ уныніе, у другихъ — неудержимую улыбку. При докладѣ дѣлъ (для него и священника спеціально выбирались по возможности топкія дѣла) его вниманіе обращалось главнымъ образомъ на протоколы допросовъ свидѣтелей, перечисленіе спорнаго имущества и т. п. Такіе скучные предметы, какъ договоры, которыми обосновывается искъ, или опредѣленія различныхъ инстанцій суда по дѣлу, его не интересовали совершенно. Иногда онъ приходилъ съ предложеніями заработать деньгу, устроивъ полученіе изъ сейфа какого то чудовищнаго золотого слитка или многомилліонныхъ брилліантовъ. Онъ имѣлъ какое то отношеніе къ военной службѣ, въ частности, къ броневикамъ, и общее мнѣніе было то, что онъ также мало походилъ на универсанта, или на лицо, причастное къ иному высшему учебному заведенію, какъ на китайскаго богдыхана.

Престарѣлый присяжный повѣренный, выбранный старшимъ исключительно лишь за его почтенный видъ, чрезвычайно ревниво охранялъ свое положеніе старшаго, смотрѣлъ строгими глазами, поверхъ очковъ и говорилъ важнымъ рѣшительнымъ басомъ. Онъ избѣгалъ дѣлать доклады и участвовать въ консультаціяхъ и билъ больше на то, что важнѣйшая обязанность старшаго консультанта — надзоръ за канцеляріей и общее руководство отдѣленіемъ.

Это былъ не серьезный, комическій элементъ гражданскаго отдѣленія, имѣвшій единственной и непосредственною цѣлью — питаніе, соединенное съ карьеризмомъ.

Въ канцелярію набралось множество тоневькихъ, незамѣтныхъ человѣчковъ, уже начавшихъ плести мелкія чиновничьи хитрости и подвохи, но были и яркія фигуры, загнанныя на службу къ большевикамъ революціоннымъ безвременьемъ. Была одна сбившаяся съ панталыку дама изъ хорошей семьи, вымѣщавшая циничеcкой откровенностью всю тоску ея теперешняго существованія. Была барышня, избранная за ея дѣйствительную дѣловитость и знанія секретаремъ канцеляріи. Были 2—3 молодыхъ человѣка, спокойно и твердо смотрѣвшихъ въ глаза при разговорѣ.

Въ наслѣдіе отъ демократическихъ варіацій керенщины комиссаріату остался комитетъ служащихъ, защищавшій интересы ихъ. При Штейнбергѣ онъ игралъ крупную роль и существованіе его чувствовалось на каждомъ шагу. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ курьеровъ, а попросту, сторожей, состоявшій въ комитетѣ въ качествѣ представителя низшихъ служащихъ, никакъ не хотѣлъ приступить къ работѣ. Словеснымъ убѣжденіямъ онъ не поддавался, а уволить его безъ согласія комитета нельзя было. Комитетъ же по каждому такому заявленію затѣвалъ долгія и обстоятельныя разбирательства. Въ силу такихъ обстоятельствъ въ канцеляріи гражданскаго отдѣленія долго болтался какой то студентъ, уволенный Краснковымъ, но не желавшій подчиниться, покуда это увольненіе не будетъ санкціонировано комитетомъ. Расширяя свои правомочія, Комитетъ до-

могался передать вопросы о принятіи новыхъ служащихъ на коллегіальное рѣшеніе собранія всѣхъ служащихъ даннаго отдѣленія. Вопросъ о томъ, насколько, напримѣръ, курьеры или канцелярскіе чиновники компетентны судить о пригодности даннаго лица на должность консультанта, вызывалъ серьезные споры.

На общихъ собраніяхъ служащихъ всего комиссаріата часто раздавались возгласы: «Позвать сюда Комиссара!» — а иногда даже и «истребовать».

Истребованные начальники отдѣленій или Комиссаръ являлись на собраніе и давали соотвѣтствующія разъясненія.

Несмотря, однако, на столь высокую авторитетность и общихъ собраній и комитета, затруднительно указать что либо конкретное, сдѣланное, законченное, что можно было бы поставить на счетъ этой организаціи служащихъ.

Къ концу февраля 1918 г. въ комиссаріатѣ начало назрѣвать безпокойство, очень быстро охватившее всѣхъ служащихъ комиссаріата и прогрессивно нараставшее. Послѣ окончательнаго развала фронта, нѣмцы продолжали продвигаться по русской территоріи и столь быстрымъ темпомъ, что предположенія о близкомъ занятіи ими Петрограда стали пріобрѣтать нѣкоторое вѣроятіе. Пошли разговоры объ эвакуаціи, которые, въ зависимости отъ новостей дня, то поднимались съ лихорадочной возбужденностью, то внезапно забывались. Приблизительно къ началу марта въ одной изъ комнатъ нижняго этажа стали составляться списки эвакуирующихся чиновниковъ. Очевидно, въ нѣдрахъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ вопросъ эвакуаціи былъ разрѣшенъ.

Это обстоятельство взбудоражило всѣхъ служащихъ, такъ какъ оффиціально о предстоящей эвакуаціи ничего не объявлялось, судьба остающихся въ Петроградѣ, равно, какъ и условія эвакуаціи для желающихъ ѣхать съ комиссаріатомъ были совершенно неизвѣстны, и даже самый способъ выразить желаніе быть эвакуированнымъ и добиться включенія въ списокъ, — оставался совершенно неяснымъ. Служащіе сами про себя, особнячкомъ отъ другихъ, принимали то или иное рѣшеніе и таинственно хлопотали, держа въ секретѣ предпринимаемые ими шаги.

Громадное большинство желало ѣхать. Къ тому было много причинъ — весь Петроградъ въ то время стремился уѣхать въ провинцію или деревню, ибо первыя судороги голода, цѣпко взявшаго Петроградъ въ свои холодныя, скользкія лапы, уже сжимали страшными кольцами городское населеніе. Бѣгство изъ Петрограда принимало паническій характеръ и не такъ то легко было уѣхать въ качествѣ отдѣльнаго частнаго пассажира. Возможность прихода нѣмцевъ различно оцѣнивалась населеніемъ и наперекоръ восторженнымъ поклонникамъ нѣмецкаго порядка, считавшимъ часы до предстоящаго вступленія ихъ въ Петроградъ, очень многіе предпочитали уже лучше быть подъ большевиками, чѣмъ подъ нѣмецкимъ штыкомъ. Въ концѣ концовъ, оставленіе въ Петроградѣ было равносильно потерѣ службы, ибо о томъ, что впослѣдствіе въ Петроградѣ образуется комиссаріатъ юстиціи сѣверныхъ коммунъ, ничего еще не было извѣстно.

Между тѣмъ, дни протекали, настроеніе повышалось, но никакихъ оффиціальныхъ заявленій никто изъ начальствующихъ лицъ не дѣлалъ. Даже о мѣстѣ эвакуаціи не было извѣстно ничего положительнаго. Называли Москву и Нижній Новгородъ, упоминали даже о Казани. Работа остановилась окончательно. Слу-

жащіе собирались аккуратно къ началу занятій, боясь пропустить неожиданныя свѣдѣнія, и цѣлый день толкались, занимаясь лишь передачей слуховъ объ эвакуаціи.

«Что дѣлать? — Ѣхать или оставаться?» — вопросъ этотъ былъ чрезвычайно тяжелъ для меня.

Ѣхать — значило разстаться съ насиженнымъ мѣстомъ, съ Петроградомъ, гдѣ я провелъ 38 лѣтъ жизни, гдѣ сосредоточились мои лучшія сердечныя связи, разстаться съ квартирой, библіотекой, съ любимыми вещами, пріобрѣтенными годами тяжелаго адвокатскаго труда, давно уже переставшими быть неодушевленными предметами и превратившимися въ участниковъ моей жизни. Перемѣнить спокойствіе и комфортъ осѣдлой жизни на случайности кочевья, которыя никогда не бываютъ радостными. Ринуться на встрѣчу полной неизвѣстности и для борьбы съ ея невзгодами не имѣть въ распоряженіи ровно ничего, кромѣ самого себя. Подвергать всему предстоящему семилѣтняго сынишку и нести за судьбу его тяжкую отвѣтственность. Оставаться — значило продавать понемногу вещи для борьбы съ голодомъ, медленно угасать самому, видѣть постепенное умираніе сына, близкихъ, всего Петрограда, и не быть въ состояніи помочь кому бы то ни было. Нѣмцы? — но я стоялъ на сторонѣ тѣхъ, кто предпочиталъ быть съ побѣжденною Россіей, чѣмъ съ побѣдителями.

Нѣсколько дней были мучительны этимъ неразрѣшимымъ вопросомъ.

Звонокъ телефона.

«Кто говоритъ?»

«Это я!» — слышу знакомый голосъ не безызвѣстнаго литературнаго работника Н. Д. Н-ва, — «что новаго?»

Мелькаетъ мысль: пусть скажетъ все, что думаетъ противъ отъѣзда съ комиссаріатомъ.

«Ѣду въ Москву!»

«Съ комиссаріатомъ? Эвакуація?.. съ ума сошелъ!»

«Почему съ ума сошелъ?»

«Черезъ двѣ недѣли ихъ не будетъ!»

«А что же съ ними будетъ?»

«Уберутъ».

«Кто?»

«Найдутся люди!»

«Нѣтъ, Н. Д., не уберутъ и не найдутся».

«Увидимъ, прощайте!»

«Не увидимъ, до свиданья!»

Такъ вотъ въ чемъ коренной вопросъ! Будутъ или не будутъ? Опираются или не опираются? Поддержаны или нѣтъ? Все тотъ же вопросъ! Но онъ вѣдь рѣшенъ, а бо́льшаго за двѣ недѣли моего пребыванія въ комиссаріатѣ я не узналъ. Изъ хаоса нельзя извлечь никакихъ выводовъ. Цѣль моя не была достигнута. Оставаясь въ Петроградѣ, я выхожу изъ круга центральнаго дѣйствія, переносящагося въ Москву и много теряю въ возможности осуществить свою задачу.

Эти соображенія дали перевѣсъ въ сторону рѣшенія объ эвакуаціи. На слѣдующій день гражданское отдѣленіе по моей иниціативѣ составило списокъ желающихъ ѣхать, заручилось согласіемъ Красикова, вычеркнувшаго нѣсколько фамилій, и за судьбою списка я прослѣдилъ до тѣхъ поръ, покуда проф. Рейснеръ не занесъ его въ общій списокъ ѣдущихъ. Это еще не дало увѣренности

въ томъ, что мы уѣдемъ, ибо кто-нибудь могъ вычеркнуть наши фамиліи, и каждый день приходилось въ началѣ и концѣ занятій справляться о состояніи общаго списка. Отъѣздъ былъ назначенъ на 8 марта, а 6-го состоялось общее собраніе служащихъ, на которомъ обнаружилось, что изъ громаднаго количества служащихъ эвакуируются всего 30—40 человѣкъ, что остающіеся получаютъ двухмѣсячный окладъ и считаются уволенными, а эвакуируемые ничего не получаютъ, кромѣ авансовой выдачи жалованья за мѣсяцъ впередъ.

Эвакуація начинала походить на бѣгство!

Съ того момента, какъ я принялъ рѣшеніе ѣхать, я чувствовалъ себя сдвинутымъ съ мѣста, уже захваченнымъ въ водоворотъ и положилъ на первое время отдаться теченію, участвуя въ собственной судьбѣ и во всемъ вокругъ меня происходящемъ лишь въ качествѣ зрителя.

А зрѣлище было любопытное!

Кончался петроградскій періодъ большевизма, періодъ слѣпоты, прорѣзыванія глазъ, первыхъ валкихъ шаговъ. Колебанія, неувѣренность въ себѣ, опасливость въ отношеніи къ другимъ исчезли въ Москвѣ, когда большевики попрали погами исконную русскую землю Кремля. Изъ за этихъ вѣковыхъ каменныхъ стѣнъ судьба позволила имъ одержать двойную побѣду — и дипломатическую, и внутренно-политическую: позоромъ Брестскаго мира они обезпечили себѣ господство надъ русской землей и русскими людьми, купили возможность безпрепятственно взять въ руки жизнь и имущество ставосьмидесятимилліоннаго народа и необъятной страны.

Теперь, когда я пишу эти записки, мнѣ вспоминаются двѣ бесѣды, которыя я велъ передъ поступленіемъ на службу съ Красиковымъ и Шпицбергомъ*.

Перваго я просилъ разсказать мнѣ, какимъ образомъ могло произойти возмутительное убійство Шингарева и Кокошкина. Онъ объяснилъ это матросской разнузданностью и тѣмъ, что даже въ Петропавловкѣ убитые оставались на положеніи «personae gratae», къ которымъ стекались почитатели со всевозможными приношеніями. Это раздражало охранявшихъ ихъ матросовъ, сидѣвшихъ въ свое время въ тюрьмѣ при совсѣмъ иныхъ условіяхъ. Объ этомъ, будто бы, неоднократно предупреждались убитые. Онъ прибавилъ, что во всякомъ случаѣ убійцъ ожидаетъ суровое наказаніе.

Разсказъ объ общемъ положеніи дѣлъ онъ закончилъ фразою:

«Идемъ къ соціализму, Н. В.! становитесь на сторону народа!»

Шпицбергъ былъ того мнѣнія, что большевизмъ особыхъ перемѣнъ не внесетъ. Конфискуютъ часть имущества у крупныхъ капиталистовъ. «Мы съ вами не заинтересованы отстаивать ихъ выгоды», — говорилъ онъ, — «прижмутъ поповъ, и давно пора, довольно засорятъ мозги. Богъ, это — . . !»

«Личный врагъ Бога!» — припомнилось мнѣ, и это амплуа Шпицбергъ поддерживалъ насколько могъ. На одномъ изъ диспутовъ о религіи и Богѣ онъ даже изобрѣлъ новый терминъ «пузизмъ», который, очевидно, аналогично «напизму» долженъ былъ изображать идеологію русскаго священника, исчерпываемую, по его мнѣнію, интересами собственнаго пуза.

---

* Приписный новѣренный И. А. Шпицбергъ занималъ въ 19 году и, по всей вѣроятности, и теперь занимаетъ видное мѣсто въ Отдѣлѣ «Отдѣленія Церкви отъ Государства».

II

Въ 12 часовъ дня 8 марта мы собрались гдѣ то на путяхъ Николаевской ж. д. въ перстѣ отъ вокзала. Около 9-ти часовъ вечера были указаны вагоны и мѣста въ нихъ. День былъ холодный, къ вечеру морозъ крѣпчалъ. Пріятно было войти въ теплый чистый вагонъ второго класса. Я ѣхалъ съ сыномъ и прислугой и получилъ въ купэ двѣ длинныя скамьи. Уложивъ сына, я пошелъ въ сосѣдній вагонъ поболтать съ сослуживцами и засидѣлся. Возвратившись къ себѣ, я собирался уже раздѣваться, какъ вниманіе мое привлекъ громкій разговоръ въ коридорѣ. Голоса все повышались и наконецъ до слуха моего долетѣлъ крикъ:

«Если вы сейчасъ же не освободите вагона, то будемъ стрѣлять!»

Я вышелъ въ коридоръ.

Ѣхавшій въ сосѣднемъ купэ Шрейдеръ препирался съ какимъ то воинственнымъ человѣкомъ, доказывая, что этотъ вагонъ назначенъ для комиссаріата юстиціи, а тотъ утверждалъ, что для комиссаріата продовольствія. Призывъ къ революціонной дисциплинѣ оказалъ свое дѣйствіе, и сюрившіе пошли выяснять недоразумѣніе къ начальнику станціи. Мы съ безпокойствомъ ожидали своей участи. Часа черезъ два дверь въ коридоръ съ шумомъ открылась и въ вагонъ ворвалась ватага людей:

«Урррa! Прродовольствіе побѣдило!»

Съ трудомъ разбудилъ я разогрѣвшагося, заспавшагося сынишку и плачущаго вывелъ на морозъ.

«Хорошее начало! что же будетъ дальше? Долго ли мы будемъ стоять и мерзнуть? Чортъ бы побралъ такую эвакуацію!» — думалось мнѣ и мысль объ оставленной квартирѣ, о мягкихъ уютныхъ постеляхъ тоскливо заползала въ душу.

Черезъ полчаса мы начали мерзнуть, и я направился на огонекъ, виднѣвшійся изъ окна какой то сторожки. Она оказалась мало населенной, мы вошли, и по нашему примѣру всѣ высаженные изъ вагона собрались въ ней. Отъ раскаленной до красна печурки стояла тропическая жара, и не смотря на глубоко ночное время все прибывали и прибывали новые люди въ солдатскихъ шинеляхъ.

Я дрожалъ отъ злости и, разыскавъ глазами Шрейдера, подошелъ къ нему:

«Скажите, пожалуйста, кому я долженъ выразить свое возмущеніе по поводу безобразной эвакуаціи?»

«Во всякомъ случаѣ не тому, кто ею не распоряжался».

«Да? но тому, кто обязанъ былъ ею распоряжаться я выражаю свое глубочайшее негодованіе!»

Съ этого момента мои со Шрейдеромъ отношенія стали немного натянутыми.

Послѣ двухчасового ожиданія сообщили, что самъ Штейнбергъ на паровозѣ и ведетъ для насъ вагонъ. Штейнбергомъ я не интересовался, а вагонъ дѣйствительно вскорѣ подали. Но, Боже! что это былъ за вагонъ! — Двери въ уборныя не закрывались и изъ нихъ текла по коридору омерзительная вонючая жидкость. Ни одного цѣлаго окна во всемъ вагонѣ. Со всѣхъ сидѣній срѣзано сукно и между прыгающими пружинами торчитъ грязная набивка.

Въ 8 часовъ утра мы тронулись въ путь.

Въ этомъ вагонѣ мы провели двѣ ночи и полтора дня.

Въ Москвѣ для нуждъ комиссаріата была отведена часть гостиницы «Славянскій базаръ». Эта гостиница мнѣ казалась олицетвореніемъ Москвы. Я прожилъ въ ней два съ половиной мѣсяца и такъ и не усвоилъ себѣ схемы ея крутыхъ этажей и круговыхъ коридоровъ, также, какъ несмотря на давнее знакомство съ Москвой, до сихъ поръ не ориентируюсь въ ея кольцеобразныхъ улицахъ съ перерѣзывающими ихъ лучами. Какъ и во всей Москвѣ — въ ней сытно ѣли и грязно жили. Были номера со старыми, насиженными гнѣздами клоповъ.

Разгрузка протекла также неорганизовано, какъ и вся эвакуація. Съ вокзала устроили бѣга въ запуски съ призами въ видѣ лучшихъ номеровъ. Когда я пріѣхалъ, таковые были уже разобраны и нѣсколько старшихъ служащихъ получили самыя скверныя комнаты. Объ условіяхъ жизни и порядкахъ гостиницы никто ничего не зналъ. Всѣ ходили другъ къ другу спрашивать о разныхъ мелочахъ. Имущество комиссаріата свалили въ прихожей, загромоздивъ проходъ и никто о немъ не заботился. Меня раздражала эта безтолковщина и я указалъ Красикову на необходимость внести какой-нибудь порядокъ.

«Ну что же, объявитесь комендантомъ и распоряжайтесь!»

«Какъ же я могу объявиться? Вы уполномачиваете меня?»

«Да».

Порядокъ удалось водворить лишь при посредствѣ энергичныхъ и настоятельныхъ распоряженій.

На слѣдующій день нашего пріѣзда былъ праздникъ, и въ гостиницѣ ничего нельзя было получить. Я распорядился, чтобы къ 10 часамъ утра поваръ приготовилъ по два холодныхъ блюда на каждаго человѣка, раздавать которыя должны были наши дамы. Упоминаю это потому, что это распоряженіе обошлось мнѣ очень дорого. Несмотря на то, что я поступилъ такъ съ разрѣшенія комиссара, счетъ на забранные продукты не былъ оплаченъ. Я мучительно краснѣлъ каждый разъ, когда мнѣ его предъявляли, просилъ оплатить его хотя бы за мой счетъ, удержавъ стоимость частями изъ моего жалованья, писалъ оффиціальныя бумаги о необходимости оплаты и разстался съ комиссаріатомъ, не добившись его погашенія.

Видъ Москвы ободрилъ голодныхъ петербуржцевъ. Начиная отъ самого вокзала, видны были лари и магазины, заваленные хлѣбомъ, колбасою, сырами. Охотный рядъ ломился отъ всякой снѣди, давно уже не виданной въ Петроградѣ. Городъ кипѣлъ жизнью и не было на немъ печати Азраила, легшей на Петроградъ.

Первыя двѣ—три недѣли прошли главнымъ образомъ въ хозяйственныхъ хлопотахъ. Кучка лицъ, сгруппировавшихся въ гражданскомъ отдѣленіи, организовала столовую и кооперативъ комиссаріата, временно открывшаго присутствіе въ различныхъ номерахъ гостиницы.

Въ теченіе этого же времени возникла борьба за вліяніе между группою гражданскаго отдѣленія и группой проф. Рейснера. На собраніяхъ, засѣданіяхъ, неизмѣнно происходили стычки между приверженцами той или другой партіи. Въ концѣ концовъ послѣ двухмѣсячныхъ сраженій мы были побѣждены. Рейснеръ вмѣстѣ со всею своей группой окрестился въ коммунизмъ и этимъ козыремъ выигралъ игру, — среди насъ не было ни одного коммуниста и не предполагалось въ будущемъ.

За эти же двѣ недѣли произошелъ расколъ между большевиками и лѣвыми эсерами, и, ко времени переѣзда служебныхъ аппартаментовъ комиссаріата въ

новое помѣщеніе, комиссаромъ юстиціи былъ назначенъ присяжный повѣренный Стучка, до пріѣзда же его изъ Петрограда его обязанности исполнялъ Красиковъ.

Зайдя однажды по просьбѣ Красикова въ его номеръ, я засталъ такую сцену: въ первой маленькой комнатѣ номера, отведенной подъ пріемную, метался, пыхтя папиросой, изъ угла въ уголъ высокій Красиковъ, отрывисто бросавшій фразы и, очевидно, не знавшій какъ отдѣлаться отъ назойливой посѣтительницы. Это была холеная еврейка, поминутно вытиравшая носовымъ платкомъ глаза и хнычащимъ голосомъ тянувшая жалобы на то, что во время обыска у брата ея отняли лежавшіе въ комодѣ тридцать тысячъ рублей! Бѣдность ея костюма, несоотвѣтствующая ея бѣлымъ рукамъ и полному красивому лицу, — казалась нарочной.

«Они заявили, что онъ спекулянтъ. Какой же онъ спекулянтъ, когда эти тридцать тысячъ наши семейныя. Они всѣмъ принадлежатъ, а не ему одному. Прикажите, возвратить ихъ. Вонъ, посмотрите, въ какихъ уже я ботинкахъ хожу!»

Каблуки на ботинкахъ, дѣйствительно, были кривые.

«Ну, это еще не бѣда. Вонъ, посмотрите, я самъ въ такихъ же хожу!» и Красиковъ, повернувшись къ просительницѣ задомъ, загнулъ вверхъ ногу, на которой красовался сапогъ съ весьма стоптаннымъ каблукомъ.

«А другой мой братъ, какъ узналъ, что отобрали деньги, такъ онъ уже повѣсился! Что же ему было дѣлать?»

«Изъ за денегъ онъ повѣсился? — не стоило! Зря онъ повѣсился!»

«Такъ сдѣлайте распоряженіе!»

«Ничего не могу, идите въ чрезвычайную комиссію, она отбирала, пусть она и отдаетъ».

«Оригинальная аудіенція у министра юстиціи», — подумалось мнѣ.

Всхлипнувъ еще нѣсколько разъ, еврейка вышла, непривычно ковыляя на кривыхъ каблукахъ.

«Въ чемъ дѣло, П. А.?»

«Примите, пожалуйста, дѣла отъ Шрейдера, да смотрите, чтобы онъ чего нибудь не уперъ!»

«Да вѣдь онъ и принималъ ихъ, вѣроятно, не по описи, такъ какъ же провѣрить?»

«Ну такъ, какъ хотите. Смотрите только, чтобы все сдалъ».

Я не досчитался одной печати комиссаріата юстиціи, но не знаю, на чей счетъ поставить эту нехватку. Пропажа ея долго волновала Красикова.

Оставляя центральный комиссаріатъ юстиціи, Шрейдеръ надѣялся продолжать службу въ московскомъ комиссаріатѣ юстиціи и довольно невнятно говорилъ что-то о нарождающейся автономіи Московіи. Я думаю, онъ просто хотѣлъ позлить большевиковъ въ послѣдній разъ.

Комиссаріатъ перебрался въ помѣщеніе, только что отдѣланное для какого то банка. Пріѣхалъ изъ Петрограда Стучка, и служебныя занятія потребовали уже серьезнаго къ себѣ отношенія. Вокругъ комиссара образовалось нѣчто вродѣ Совѣта изъ лицъ, которыя вскорѣ, при насажденіи коллегіальнаго принципа управленія, образовали коллегію комиссаріата юстиціи. Это были пріѣхавшіе изъ Петрограда присяжные повѣренные Красиковъ и Козловскій (защищавшій

большевиковъ по дѣлу о выселеніи ихъ изъ дома Кшесинской), московскій присяжный повѣренный Курскій, нѣкій Черлюнчукевичъ, появлявшійся въ комиссаріатѣ какъ то періодически, и впослѣдствіи Чегодаевъ, какъ говорили, также московскій присяжный повѣренный.

Стучку я зналъ и раньше по петроградскому суду. Это довольно высокій человѣкъ съ длинно-остриженными непокорными бѣлокурыми волосами, черты его продолговатаго неподвижнаго лица не тонки и не благородны. Небольшіе голубые глаза смотрятъ холодно и упрямо. Говоритъ съ сильнымъ акцентомъ. Будучи самъ изъ Прибалтики, онъ велъ, главнымъ образомъ, дѣла, переносимыя въ Петроградскую Палату изъ прибалтійскихъ судовъ и, по отзывамъ, не дурно разбирался въ тѣхъ изъятіяхъ изъ общаго права и судопроизводства, на которыхъ основана дѣятельность судовъ Прибалтики. Во всей его внѣшности проглядывало что то ограниченное, упорное и тяжелое.

Вступленіе свое въ отправленіе обязанностей комиссара онъ ознаменовалъ привѣтственной рѣчью совершенно бездержательной. Слушая его кургузыя, акцентированныя фразы, смотря на однообразную жестикуляцію его правой руки, мнѣ думалось:

«Да! Этотъ пороха не выдумаетъ! По зато и разубѣдить его въ чемъ нибудь невозможно. Съ трудомъ проникающіеся какой нибудь идеей, съ еще большимъ трудомъ разстаются съ нею. Хорошъ министръ юстиціи! Вѣдь это же эстонскій мужикъ, братъ, родной братъ по крови и уму, по духу, тѣмъ больнамъ — эстонкамъ, которыхъ мы приставляемъ къ дѣтямъ, главнымъ образомъ, за ихъ физическую чистоту и умственную непосредственность!»

Я неоднократно находилъ подтвержденія правильности этой оцѣнки при разсмотрѣніи трехъ декретовъ о судѣ, послѣдовавшихъ одинъ за другимъ на разстояніи одного года, изъ которыхъ каждый ломалъ существовавшее до него судоустройство. При выработкѣ ихъ его голосъ, какъ министра юстиціи, несомнѣнно, долженъ былъ главенствовать и, если они оказались глубоко бездарными со всѣхъ точекъ зрѣнія, даже съ революціонно-большевистской, то въ этомъ онъ, главнымъ образомъ, и виноватъ. Ихъ качественная оцѣнка лучше всего опредѣляется тѣмъ обстоятельствомъ, что ни одинъ изъ нихъ не исполнялся до конца. Какъ ни нелѣпо шла судебная жизнь въ совѣтской Россіи, — даже и она не могла вмѣстить въ себя мертворожденныя формы революціоннаго правосудія, и выбрасывала ихъ изъ нѣдръ своихъ, какъ не имѣющій удѣльнаго вѣса элементъ.

Съ появленіемъ Стучки комиссаріатъ былъ реформированъ. Онъ состоялъ теперь изъ пяти отдѣловъ: регистратуры, секретаріата, вмѣстившаго въ себя отдѣленія гражданское и уголовное, административнаго, вѣдавшаго судоустройствомъ и личнымъ составомъ, хозяйственнаго и законодательнаго. Въ составѣ послѣдняго значилось громко-звучавшее кодификаціонное отдѣленіе, все состоявшее изъ одного плохонькаго молодого человѣка. Вскорѣ выросъ еще одинъ новый отдѣлъ «Отдѣленія церкви отъ государства».

Отдѣленіями секретаріата и регистратуры завѣдывалъ Красиковъ, хозяйственнымъ, помнится, — Черлюнчукевичъ, въ законодательномъ первую скрипку игралъ проф. Рейснеръ, административный только что еще начиналъ создаваться подъ руководствомъ Курскаго.

Изъ числа консультантовъ петроградскаго гражданскаго отдѣленія въ Москву эвакуировалось трое — Бѣляевъ, Шульманъ и я. Муравьевъ не пожелалъ ѣхать, остальныхъ не взяли. При новомъ распредѣленіи должностей я сталъ завѣдывать гражданскимъ отдѣленіемъ, Бѣляевъ — уголовнымъ, Шульманъ

остался консультантомъ. Упоминавшійся выше кандидатъ изъ уголовнаго отдѣленія немедленно по пріѣздѣ въ Москву запьянствовалъ и послѣ громкаго скандала въ гостиницѣ былъ уволенъ.

Работы сразу оказалось по горло. Изъ Петрограда нами было взято самое ограниченное количество текущихъ дѣлъ и въ силу такого раздвоенія канцеляріи масса просителей справлялась о томъ, гдѣ находятся ихъ дѣла и въ какомъ положеніи. Поступали самыя разнообразныя прошенія, нѣкоторыя изъ нихъ содержали въ себѣ вопросы чисто юридическаго характера.

Особенно частыми посѣтителями были одно время два лица, — управляющій чьимъ то громаднымъ лѣснымъ имѣньемъ и его повѣренный, солидный пожилой человѣкъ изъ крупныхъ дѣльцовъ. Дѣло было въ томъ, что они не успѣли закончить совершенія купчей на это имѣнье на имя какого то иностранца. Сдѣлка была явно фиктивной. Въ то время многіе прибѣгали къ этому способу, разсчитывая такимъ образомъ сохранить свои недвижимости отъ національзаціи. Декретъ о національзаціи вступилъ въ силу 14 декабря 1917 г. и съ этого момента всѣ, направляемые младшими нотаріусами, проекты купчихъ крѣпостей оставались безъ утвержденія. Положеніе осложнялось тѣмъ, что по землѣ имѣнья была проведена вѣтка желѣзной дороги, составлявшая личную собственность владѣльца имѣнія. Просители, защищая свои интересы, стояли на томъ, что имѣніе уже продано и принадлежитъ иностранцу, такъ какъ купчая у младшаго нотаріуса совершена. Это было совершенно невѣрно съ точки зрѣнія еще неотмѣненныхъ большевиками законовъ, и я посовѣтовалъ бросить этотъ пунктъ безъ дальнѣйшей борьбы и спасать то, что по содержанію опубликованныхъ декретовъ еще можно спасти, то-есть имущество подъѣздной вѣтки, представлявшее само по себѣ милліонную цѣнность. Я обѣщалъ дать заключеніе о правѣ владѣльца имѣнія или получить компенсацію отъ казны за подъѣздную вѣтку, или распорядиться по собственному усмотрѣнію желѣзнодорожнымъ имуществомъ. Это заключеніе я передалъ черезъ Красикова въ коллегію комиссаріата, гдѣ оно, кажется, и погибло совершенно безрезультатно. Удивило меня отношеніе Красикова къ этому случаю. — Когда я излагалъ ему сущность моего заключенія и ждалъ отъ него или подтвержденія, или возраженій по существу юридическаго вопроса, я услыхалъ такой совѣтъ:

«Взяли бы вы, Н. В., да и тиснули статью, на какія, молъ, штучки пускаются буржуи для сохраненія своего имущества!»

Появлялись дѣла, цѣнныя какъ матеріалъ для наблюденія и какъ основа для выводовъ. — Была подана кѣмъ то жалоба на неправильныя дѣйствія желѣзнодорожнаго начальства какой то станціи, и по разслѣдованію дѣла оказалось, что уѣздный исполкомъ, на томъ основаніи, что пути дороги пролегали по территоріи уѣзда, считалъ себя вправѣ устанавливать свои желѣзнодорожные порядки въ предѣлахъ уѣзднаго района и вообще чувствовалъ себя неограниченнымъ властителемъ надъ пассажирами, грузомъ и желѣзнодорожными служащими. Это было одно изъ многочисленныхъ сумбурныхъ истолкованій популярнаго большевистскаго лозунга «власть на мѣстахъ», глубоко въѣвшагося въ сознаніе мѣстныхъ большевистскихъ властей, внесшаго необычайный, изумительный по своей разнообразной нелѣпости разбродъ въ управленіе Россіей, упорно неподдававшагося впослѣдствіи самымъ энергичнымъ мѣрамъ по проведенію принципа централизаціи власти.

Мало по малу картина происходящаго разъяснялась. Во-первыхъ, въ самомъ комиссаріатѣ никакого порядка не существовало. Порой невозможно было до-

биться, куда поступила та или другая бумага. По содержанію она должна была бы находиться въ гражданскомъ отдѣленіи, а оказывалась въ уголовномъ или административномъ. Весь комиссаріатъ плылъ по теченію, занимаясь тѣми дѣлами, которыя попадали въ него волею случая, и не обращая никакого вниманія на то, что творилось вокругъ него, если оно не задѣвало его какимъ нибудь прошеніемъ, жалобой и т. п. Ни одно изъ большевистскихъ учрежденій не понимало въ точности существа своихъ функцій и не желало знать предѣловъ своей власти, считая себя наиболѣе нажнымъ и самодовлѣющимъ.

Государственная власть не слѣпляла жизненныя формы въ одно компактное цѣлое. Процессъ гніенія русской государственности продолжался и при большевикахъ съ прежней силой, подчиняя себѣ учрежденія и людей. Многіе изъ нихъ производили впечатлѣніе совершенно ошалѣлыхъ, свалившихся съ луны. Въ такомъ состояніи, напримѣръ, былъ Красиковъ съ момента пріѣзда въ Москву. То онъ врывался въ канцелярію и пугалъ служащихъ крикомъ, очевидно, желая поднять этимъ свой престижъ, то добродушно разспрашивалъ:

«Ну-ка, разскажите, какъ это васъ въ Петроградѣ ограбили. Говорятъ, автомобиля то долго ждать пришлось?»

Я высказалъ ему свои соображенія о необходимости выработать инструкцію каждому отдѣлу комиссаріата, конституцію комиссаріата въ его цѣломъ, равно, какъ и конституцію для сосѣднихъ учрежденій, дабы внести элементарный порядокъ въ ихъ дѣятельность.

Красиковъ ухватился за эту мысль, горячо одобрилъ этотъ проектъ и просилъ набросать инструкцію гражданскому отдѣленію. Когда же я послѣ большого труда ее изготовилъ, то Красиковъ положилъ ее къ себѣ въ карманъ и просидѣлъ такъ мѣсяца полтора, впослѣдствіи перешелъ завѣдывать отдѣломъ «Отдѣленіе церкви отъ государства» и на этомъ дѣло и окончилось.

Потерявъ надежду получить какіе нибудь результаты отъ моихъ обращеній къ нему по волновавшимъ меня вопросамъ, я сталъ иногда бесѣдовать съ Козловскимъ. Однимъ изъ такихъ вопросовъ было возникновеніе въ Москвѣ цѣлаго ряда самыхъ неожиданныхъ судебныхъ инстанцій, не только выносившихъ рѣшенія и приговоры, но и немедленно приводившихъ ихъ въ исполненіе «своими средствіями». Комиссаріатъ Труда безапелляціонно разрѣшалъ столкновенія между рабочими и работодателями, присуждая послѣднихъ къ уплатѣ невѣроятныхъ суммъ, разоряя ихъ въ конецъ и этимъ убивая самое дѣло. Какіе то продовольственные суды, возникшіе безъ малѣйшей о томъ освѣдомленности комиссаріата юстиціи, закатывали виновныхъ въ злоупотребленіяхъ продовольственными карточками въ тюрьму на сроки въ 5 и выше лѣтъ. Чрезвычайная слѣдственная комиссія не только производила слѣдствіе, но и постановляла приговоры и приводила ихъ въ исполненіе, неизвѣстно по какому праву.

Я убѣждалъ Козловскаго, что комиссаріатъ юстиціи обязанъ принять мѣры противъ творящихся безобразій, при этомъ я выразилъ недоумѣніе, какъ можно давать такую власть политически неграмотнымъ людямъ.

Маленькій, толстенькій, чистенькій, съ взъерошенными, какъ у ежа, волосами, Козловскій, по-польски вѣжливый и воспитанный, съ убѣжденіями моими согласился, а на недоумѣніе возразилъ:

«Что-жъ тутъ не понимать? — вѣдь вы же знаете, кто служитъ въ чрезвычайной комиссіи? Вы пойдете туда служить?»

«Я? — Нѣтъ, не пойду».

«Ну и я не пойду. — Этимъ все и объясняется» *.

Читая нынѣ разсказы Дзержинскаго о кристально чистыхъ душахъ сотрудниковъ Чека, я думаю, что онъ, бѣдняга, одинокъ въ этомъ своемъ мнѣніи даже больше, чѣмъ предполагаетъ.

Безъ преемственности, безъ опытныхъ служащихъ, заваленные по горло работой, удесятерявшейся отъ неумѣнія взяться за нее, приступить къ ней, безрезультатно коношились совѣтскія учрежденія. Для честолюбцевъ открывалось широкое поле дѣятельности — они могли съ утра до вечера фигурировать во всевозможныхъ засѣданіяхъ разнообразныхъ комиссій въ качествѣ представителей того или другого комиссаріата. Никакой сверхурочной платы за это не полагалось, никакихъ иныхъ доходовъ это не давало, но, тѣмъ не менѣе, находилось не мало наивныхъ людей, которые изъ за одного только лишь удовольствія заявить во всеуслышаніе: «Представитель такого то комиссаріата», или «отъ имени комиссаріата такого то довожу до свѣдѣнія», — согласны были проводить безконечное количество часовъ въ безсистемныхъ и безтолковыхъ словопреніяхъ. Очень часто уже второй или третій ораторъ заводилъ простой и ясный вопросъ въ такіе кусты, изъ которыхъ выбраться было немыслимо, ибо чѣмъ дальше шли въ лѣсъ, тѣмъ все болѣе и болѣе неразрѣшимые вопросы громоздились въ безобразную кучу.

Нѣкоторые изъ людей, выдвинутыхъ переворотомъ изъ совершеннаго ничтожества на степень государственныхъ работниковъ, чрезвычайно ревниво относились къ этому новому своему положенію и изо всѣхъ силъ старались исполнять возложенныя на нихъ обязанности, стремились обдумать и обсосать каждое дѣло такъ, чтобы, какъ говорится, комаръ носа не подточилъ, но въ силу полнаго отсутствія навыка къ работѣ, безнадежно погрязали въ мелочахъ и теряли возможность добраться до правильнаго разрѣшенія коренного вопроса.

Это — одна изъ причинъ того, поистинѣ, фантастическаго бюрократизма, который столь характеренъ для большевиковъ.

Въ комиссаріатъ юстиціи приходило ежедневно нѣсколько повѣстокъ съ просьбой прислать представителей комиссаріата въ ту или другую комиссію на то или другое засѣданіе. Противъ моего желанія я былъ назначенъ въ двѣ комиссіи. Одна — по проведенію въ жизнь брестскаго договора. Въ этой комиссіи я присутствовалъ на одномъ засѣданіи, происходившемъ у Карахана.

Предстояло соприкоснуться съ позорнымъ договоромъ, увѣнчавшимъ «пахабный миръ».

Я долго берегъ этотъ историческій документъ, который въ то время внимательно читалъ, стараясь уловить, если не въ мысли, то, хотя бы, въ редакціи статей, всякую возможность урѣзать предусмотрѣнныя договоромъ права нѣмцевъ. Побѣдители широко воспользовались правомъ кулака и не только выгово-

---

* Нужно принять во вниманіе, что этотъ разговоръ происходилъ въ то время, когда большевизмъ еще не вступилъ въ кровавый періодъ своего существованія. Въ то время не существовало еще новой мѣры государственнаго управленія — краснаго террора, проведеніе коего въ жизнь было возложено на чрезвычайныя комиссіи. Если бы затронутый мною вопросъ былъ въ то время надлежащимъ образомъ поддержанъ, возможно, что чрезвычайныя комиссіи еще можно было бы ввести въ оглобли. Аналогичныя попытки Крыленки, впослѣдствіи ставившаго этотъ вопросъ на обсужденіе В. Ц. И. К., потерпѣли фіаско, по моему мнѣнію, именно въ силу своей запоздалости.

рили у большевиковъ матеріальныя выгоды, но обусловили себѣ также привилегированное, сравнительно со всѣмъ русскимъ народомъ, положеніе передъ совѣтскою властью.

Я готовился къ серьезнымъ занятіямъ въ комиссіи и не безъ волненія входилъ въ прекрасныя помѣщенія комиссаріата иностранныхъ дѣлъ. Собраніе должно было происходить въ кабинетѣ Карахана. Принявъ во вниманіе всероссійскую важность того или иного разрѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ проведеніемъ въ жизнь Брестскаго договора, я разсчитывалъ встрѣтить на собраніи комиссіи лучшіе умы и лучшихъ людей большевистскихъ учрежденій. Съ удивленіемъ увидѣлъ я пять-шесть человѣкъ обычной сѣрой внѣшности, которая, какъ я въ этомъ успѣлъ убѣдиться, не таитъ подъ собою никакихъ сюрпризовъ. Эти представители вѣдомствъ не были высшаго достоинства, чѣмъ обычно присутствующіе на собраніяхъ, засѣданіяхъ и пр. рядовые большевистскіе служащіе, часто не обладавшіе даже способностью отчетливо выражать свои мысли. На этомъ сѣромъ фонѣ выдѣляется картиннымъ и интеллигентнымъ лицомъ и барскими повадками красавецъ Караханъ. Его внѣшность, манеры и приличное убранство затянутаго ковромъ кабинета видимо смущали нѣкоторыхъ присутствующихъ. Представленія о томъ, въ какой собственно плоскости должна протекать работа и въ чемъ собственно она должна выражаться, — не было ни у кого. Зная, что у комиссаріата иностранныхъ дѣлъ имѣется свое юрисконсультское отдѣленіе, имѣющее разъяснять вопросы международно-договорные, я считалъ, что наша комиссія должна была бы представлять собою собраніе спеціалистовъ: по финансовымъ вопросамъ, желѣзнодорожнымъ и т. д., существовать на все время дѣйствія договора и работать въ томъ или иномъ контактѣ съ юрисконсультскимъ отдѣленіемъ. Готовясь къ засѣданію я хотѣлъ предложить мой планъ, но думалъ, что у Карахана готовъ свой проектъ объ организаціи комиссіи. Не знаю, правильно ли было мое предположеніе, но ни Караханъ, ни я, ничего не предлагали. Я не предлагалъ своего проекта потому, что вообще не могъ серьезно отнестись къ комиссіи такого состава, собиравшейся рѣшать вопросы русско-германскихъ взаимоотношеній, и рѣшилъ лучше потомъ переговорить съ Караханомъ. Мы говорили о пустякахъ, не разрѣшили ни одного, даже организаціоннаго, вопроса и на томъ разошлись. Я больше ничего не слыхалъ объ этой комиссіи. Можетъ быть, она умерла сама собою вслѣдствіе ускоренъ послѣдовавшей германской революціи, унесшей въ прошлое и самый договоръ и нѣмцевъ, его подписавшихъ.

Второй разъ я былъ на засѣданіи комиссіи, рѣшавшей судьбы какого то колоссальнаго капитала желѣзнодорожныхъ служащихъ, кажется эмеритальнаго; первыми же вопросами, обращенными къ предсѣдателю собранія, мнѣ удалось выяснить, что капиталомъ уже распорядились, а засѣданія нужны были лишь для соблюденія конвенансовъ и обречены были провозгласить резолюцію, опредѣляющую то назначеніе капитала, на которое онъ уже былъ употребленъ. Я заявилъ протестъ противъ такого образа дѣйствій, а въ комиссаріатѣ отказался отъ дальнѣйшихъ «представительствъ», придравшись къ тому, что мнѣ отказали выдать сто рублей, заплаченныхъ мною извозчику, въ виду поздняго возвращенія изъ засѣданія.

Мнѣ становилось очень не по себѣ. Я уже начиналъ понимать не только большевиковъ, но кое что другое, обусловившее ихъ появленіе. Ясно было, что съ ними мнѣ не по дорогѣ, и я ждалъ лишь наступленія благопріятнаго момента въ теченіи своихъ личныхъ дѣлъ для того, чтобы покинуть комиссаріатъ. До

вѣкоторой степени меня примиряла съ нимъ фигура теперешняго наркомюста Димитрія Ивановича Курскаго. Мнѣ нравилась его увѣренность въ томъ, что большевики дѣлаютъ большое и хорошее дѣло. Онъ хотѣлъ ввести собесѣдованія между старшими служащими комиссаріата для ознакомленія ихъ съ общимъ теченіемъ дѣла, и, очевидно, для приданія имъ служебной и идейной спайки. Одно такое собраніе состоялось, и на немъ Курскій говорилъ о принятіи большевизма Сибирью (до-Колчаковскій періодъ), о томъ, что большевизмъ собираетъ Россію, готовую развалиться по кускамъ, о преимуществахъ народовластія и т. п., но важнымъ было не что онъ говорилъ, а какъ онъ говорилъ. Его некрасивое, но пріятное, «купецкой» складки лицо воодушевлялось неподдѣльно, отъ всей его невысокой крѣпкой фигуры, мягкаго голоса, отъ просвѣчивавшаго нежеланія увлечься больше, чѣмъ слѣдуетъ, — создавалось впечатлѣніе о немъ, какъ о человѣкѣ искренне вѣрующемъ, увлеченномъ желаніемъ общаго блага, далекомъ отъ своекорыстныхъ партійныхъ или личныхъ разсчетовъ. Въ немъ отсутствовало стремленіе агитировать, сыграть на дурной струнѣ карьеризма, вовлечь въ соучастіе, вообще, какимъ нибудь способомъ заставить человѣка сдѣлать то, чего ему не хочется дѣлать, — черта, отъ которой пахло подпольемъ, бѣсами, общая многимъ большевистскимъ дѣятелямъ и, въ особенности, сильная у Красикова. Курскій могъ увлечь и убѣдить. Тѣ же, кто оставался при своемъ мнѣніи, не могли его обвинить во лжи и демагогіи, но только сожалѣть объ искреннихъ заблужденіяхъ прямого, хорошаго человѣка. Таковъ былъ Курскій въ началѣ его работы въ комиссаріатѣ. Черезъ два мѣсяца его трудно было узнать. Похудѣвшій, изнервничавшійся, онъ превратился изъ общительнаго, отзывчиваго человѣка въ раздражительнаго, замкнутаго и, пожалуй, даже высокомѣрнаго. Работа высшихъ, отвѣтственныхъ дѣятелей большевизма размалываетъ, уничтожаетъ людей. Они будто линяютъ и утрачиваютъ индивидуальныя выпуклости своего внутренняго человѣка. Принятіе большевизма мѣняетъ людей совершенно, какъ въ этомъ я неоднократно съ горечью убѣждался, и я не знаю, что изъ себя представляетъ Курскій въ данный моментъ, но это тотъ большевикъ изъ числа сослуживцевъ по комиссаріату, о первыхъ выступленіяхъ котораго мнѣ и теперь тепло вспоминается.

Переходъ Красикова въ отдѣлъ «Отдѣленія церкви отъ государства»* и пополненіе коллегіи комиссаріата новымъ членомъ Чегодаевымъ произошло приблизительно въ одно время съ принятіемъ мною рѣшенія оставить комиссаріатъ. Тѣмъ не менѣе, я радовался уходу Красикова, такъ какъ чувствовалъ невозможность продолжать съ нимъ работу. Къ Чегодаеву я отнесился безразлично, такъ какъ приближался часъ моего ухода изъ комиссаріата.

За время моего въ немъ пребыванія я понялъ, что никакой серьезной силы большевики собою не представляютъ, что никакими организаторскими талантами въ массѣ своей не обладаютъ (объ отдѣльныхъ лицахъ, какъ объ исключеніяхъ, не говорится), что завоеваніе ими государственной власти объясняется общимъ параличемъ, что они не могли не взять верха, ибо въ то время, когда они вѣрили въ свой коммунизмъ и добивались власти — никто, кромѣ нихъ, ни во что не вѣрилъ и ничего не добивался. Что этотъ параличъ есть ничто иное, какъ

---

* Въ 1919 году Красиковъ совмѣщалъ это завѣдываніе съ предсѣдательствованіемъ въ Московскомъ революціонномъ трибуналѣ.

распадевіе русской государственности — процессъ, зародившійся издалека, вступившій въ интенсивный періодъ свой съ 1905-го года, вылившійся въ февралѣ 1917-го года вовсе не въ революцію, а въ другое явленіе государственной жизни народовъ, которому еще не подобрано названіе.

По внѣшности оно сходно съ революціей. Весь революціонный шаблонъ соблюденъ. Также умираетъ старое, но безъ внѣшняго потрясенія, просто не находя въ себѣ силъ для дальнѣйшаго существованія. Никто не строитъ баррикадъ, не умираетъ, жертвуя собою за лучшее будущее другихъ, и нельзя сказать, почему это происходитъ, просто ли потому, что, какъ это выяснилось впослѣдствіи, этого не нужно было, или потому, что не нашлось бы на это охотниковъ, если бы оказалось необходимымъ. Также мелькаютъ слова и жесты, красота которыхъ построена на отрицаніи дурного прошлаго. Также выдвигаются на общественную арену поныя лица и группы лицъ, но не становятся героями. Имена ихъ не связываются въ народномъ представленіи съ красотой совершеннаго подвига. Безславно они сходятъ со сцены и лучшее, что ожидастъ ихъ — это забвеніе.

Здѣсь нѣтъ столкновенія двухъ силъ, какъ въ революціи, здѣсь сходятся другъ противъ друга два безсилія, блѣдными лицами смотрятъ одно на другое и погибаетъ то, которое раньше и больше испугается.

Это безсиліе государственнаго существованія открываетъ перспективы безотрадныя, или заволакиваетъ будущее пеленою ужасныхъ предчувствій.

Это явленіе случилось въ Россіи 27-го февраля 1917-го года.

Первый крикъ новорожденной революціи: «Долой!»

И отсутствіе схемъ и ясныхъ представленій будущаго не страшно, когда слышится біеніе живого пульса, когда ощущается творчество народныхъ массъ, руководящее толпами, подчиняющее себѣ отдѣльныхъ людей, съ лихвою восполняющее разрушенія революціонной борьбы.

Безъ порыва, безъ риска и безумія храбрыхъ совершалась революція 27-го февраля и, соотвѣтственно этому безмолвію души — безмолвствовали уста. Не раздалось пѣсни освобожденія 180-ти милліоннаго народа. Французская марсельеза стала русскимъ проклятіемъ, ибо, съ точки зрѣнія національнаго чувства, отъ нея одинъ шагъ до «Интернаціонала».

Пусть умерло самодержавіе — на мѣсто его ничего не родилось, ибо страна ничѣмъ не беременѣла. Въ ней было разложеніе и пустота.

И какъ всякое разложеніе родитъ собственныхъ могильщиковъ, такъ и это родило большевиковъ-червей, поѣдающихъ трупъ русской государственности.

Кончая свои воспоминанія о комиссаріатѣ юстиціи, я не могу не упомянуть о судьбѣ комитета служащихъ. Въ ближайшій послѣ эвакуаціи періодъ онъ фактически не существовалъ, такъ какъ изъ числа членовъ комитета мало кто былъ эвакуированъ. Мало по малу необходимость имѣть какую либо организацію, на которую можно было бы опереться въ противовѣсъ полному самовластію коллегіи комиссаріата, становилась все болѣе очевидной.

Пріемъ на службу, увольненіе производились коллегіей совершенно самостоятельно, и, часто, несогласно съ мнѣніемъ большинства служащихъ (какимъ то образомъ оказались прибывшими въ Москву многіе изъ неподлежавшихъ эвакуаціи и старые сослуживцы считали ихъ первыми кандидатами на вакантныя

должности). Безапелляціонно диктовались правила внутренняго служебнаго распорядка. Каждый служащій становился, при такомъ ходѣ дѣлъ, въ полную зависимость отъ усмотрѣнія коллегіи, а, такъ какъ коллегія разсматривала вопросы, касающіеся того или другого служащаго на основаніи доклада члена коллегіи, завѣдующаго отдѣломъ, то получалась уже личная зависимость служащихъ отъ завѣдующаго отдѣломъ. Такое положеніе дѣйствовало деморализующе. Уже появились доморощенные Розенкранцы, уже кое кто съ успѣхомъ для личнаго устройства дѣлъ пускалъ въ ходъ подхалимство.

По иниціативѣ отдѣла секретаріата было созвано собраніе всѣхъ служащихъ для рѣшенія вопроса о возобновленіи дѣятельности союза служащихъ и для выборовъ комитета. Вопросъ былъ разрѣшенъ положительно, комитетъ избранъ, но съ первой же минуты въ дѣятельность союза былъ внесенъ расколъ. На это собраніе явился лишь одинъ представитель законодательнаго отдѣла, помнится, даже заявившій, что онъ присутствуетъ на собраніи не какъ участникъ его, а лишь для информированія законодательнаго отдѣла о происходящемъ. Впослѣдствіи этотъ отдѣлъ увѣдомилъ, что онъ избралъ свой комитетъ отдѣленскій. Однимъ словомъ вокругъ вопроса о союзѣ продолжалась борьба, затѣянная Рейснеровской группой противъ группы гражданскаго отдѣленія. Коллегія комиссаріата сперва приглядывалась къ возродившемуся союзу, а затѣмъ, очевидно, учтя происшедшій расколъ, декларировала свое отношеніе къ нему, точно опредѣливъ тѣ рамки дѣйствія его, въ предѣлахъ которыхъ она согласна была съ нимъ считаться.

Этой декларацією союзу отводилось узкое поле дѣятельности и самъ союзъ ставился въ подчиненное, чуть ли не служебное, отношеніе къ коллегіи. Какъ было бороться? — Ни одинъ изъ способовъ внутренней, такъ сказать, борьбы не могъ пригодиться для учрежденій, однажды уже пережившихъ саботажъ, въ результатѣ котораго они совершенно были лишены рабочей силы. Борьба внѣшняя могла протекать только въ плоскости созданія внѣвѣдомственнаго универсальнаго союза служащихъ. Попытка къ этому была сдѣлана помимо насъ, но на засѣданіяхъ этого нарождающагося союза шла борьба коммунистовъ со всѣми остальными партійными и безпартійными и происходило нѣчто до такой степени несуразное, что нашъ делегатъ не могъ даже представить намъ толковаго отчета о происходившемъ. По этимъ ли соображеніямъ, или по какимъ другимъ — я подозрѣваю, что большую роль сыграло то обстоятельство, что съ проведеніемъ декрета о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, торговля, не совсѣмъ еще въ то время убитая въ Москвѣ, прекращалась черезъ часъ, или полтора, по окончаніи занятій въ комиссаріатѣ, въ силу чего служащіе спѣшили скорѣе разойтись и не оставались на происходившія послѣ занятій собранія, — но фактъ тотъ, что эти собранія пустовали и союзъ служащихъ, при Штейнбергѣ въ серьезъ обсуждавшій необходимость распространить свои полномочія до наблюденія за общимъ функціонированіемъ комиссаріата, то-есть, до контроля надъ дѣятельностью комиссаровъ, — теперь влачилъ незамѣтное, жалкое существованіе.

На фонѣ этого разложенія общественнаго начала среди служащихъ комиссаріата только и могла появиться такая фигура, какъ Чегодаевъ.

Послѣ ухода Красикова, завѣдывать отдѣломъ секретаріата сталъ Чегодаевъ. Онъ вообще готовъ былъ завѣдывать всѣмъ, чѣмъ только позволяли ему завѣдывать. Съ первыхъ же дней своего поступленія въ комиссаріатъ онъ сталъ подтягивать служащихъ, сторожей; завелъ кондуитные журналы, гдѣ каждый

во время явившійся на службу и во время ушедшій съ нея обязанъ былъ расписываться; опоздавшимъ дѣлались нагоняи въ грубой формѣ. Старшимъ служащимъ для проникновенія къ нему въ кабинетъ были розданы «желтые билеты», на одномъ изъ которыхъ значилось: «прошу принять», на другомъ: «прошу принять экстренно». На стѣнѣ у него висѣло графическое изображеніе часовъ его работы въ различныхъ учрежденіяхъ, причемъ, выходило такъ, что онъ работаетъ 18 часовъ въ сутки. Каждое утро ему дѣлались доклады, а онъ давалъ распоряженія, которыя докладчикъ отмѣчалъ въ особой записной книжкѣ. На слѣдующій день онъ собственноручно вычеркивалъ исполненныя распоряженія. Часто бывало, что эти распоряженія не исполнялись по недѣлямъ потому, что оставленныя имъ на просмотръ дѣла спокойно пролеживали у него на конторкѣ.

Общимъ отношеніемъ къ нему всѣхъ служащихъ, безъ различія ранга, была острая ненависть, между тѣмъ, какъ по внѣшнему виду онъ долженъ былъ бы производить даже располагающее къ себѣ впечатлѣніе — высокаго роста, молодой, съ правильными чертами лица, темно-бронзовыми волосами и карими глазами, онъ былъ даже красивъ. Онъ принадлежалъ къ сорту людей типа Вѣры Ростовой (Война и Миръ), которая всегда говорила то, съ чѣмъ нельзя было не согласиться, но отъ словъ которой всѣмъ дѣлалось неловко и не по себѣ. Таковъ былъ и Чегодаевъ — нѣкоторыя распоряженія его были разумны и резонны, но проводились они въ такой формѣ, что неизмѣнно вызывали общее озлобленіе и желаніе протестовать. Его называли «октябрьскимъ коммунистомъ» (то-есть новѣйшимъ, перекрещеннымъ), говорили, что онъ уже однажды сидѣлъ въ больницѣ для душевно-больныхъ. Члены коллегіи, по моимъ наблюденіямъ, относились къ нему съ осторожностью. Вѣрнѣе всего, что это былъ человѣкъ, рѣшившій сдѣлать карьеру на коммунизмѣ.

Мало по малу онъ добирался до старшихъ служащихъ и начиналъ подтягивать ихъ. Я ждалъ своей очереди и рѣшилъ использовать нашу неизбѣжную стычку для того, чтобы не безполезно уйти изъ комиссаріата, и началъ съ того, что отказался получить «желтый билетъ», заявивъ, что постараюсь вовсе не безпокоить его въ неурочное время.

Обстоятельства, побуждавшія меня скорѣе разстаться съ комиссаріатомъ, нарастали. Однимъ изъ такихъ явилось опубликованіе декрета о наслѣдованіи. Въ декретѣ указывалось, что ближайшіе родственники могутъ получить нѣкоторую часть имущества умершихъ путемъ обращенія къ комиссаріату соціальнаго обезпеченія. Какъ и всѣ декреты вообще, такъ и этотъ не былъ детализированъ. На основаніи знакомства моего съ общимъ веденіемъ дѣлъ большевиками, я теперь убѣжденъ, что въ моментъ опубликованія декрета комиссаріату соціальнаго обезпеченія и во снѣ не снилось, что на него налагается новая и чрезвычайно щепетильная обязанность — возиться съ разочарованными наслѣдниками. Что же говорить о такихъ мелочахъ, какъ объ отсутствіи въ декретѣ указаній порядка, въ которомъ должно протекать принятіе прошеній, разсмотрѣніе ихъ и постановленіе по нимъ опредѣленій, а также отсутствіе точнаго наименованія тѣхъ учрежденій соціальнаго обезпеченія, которыя обязаны заниматься этой работой.

Вся Москва была раздѣлена на районы, соотвѣтственно прежнимъ «частямъ», и каждый районъ возглавлялся исполкомомъ, долженствовавшимъ въ миніатюрѣ воспроизводить всероссійскій центральный исполкомъ. Поэтому, при каждомъ районномъ исполкомѣ долженъ былъ существовать отдѣлъ соціальнаго обезпеченія.

Такъ какъ въ декретѣ было сказано, что имущество умершихъ охраняется судебнымъ приставомъ, но поступаетъ въ распоряженіе и на отвѣтственность исполкома, то естественно было думать, что прошеніе о выдачѣ наслѣдственной доли имущества должно адресоваться въ районные отдѣлы соціальнаго обезпеченія. Такого рода указанія я давалъ просителямъ по наслѣдственнымъ вопросамъ.

Въ одинъ прекрасный день ко мнѣ явилась дама, которой накапунѣ я далъ вышеприведенный совѣтъ и разсказала, что не только никакого отдѣла соціальнаго обезпеченія въ районѣ не имѣется, но что съ нею и говорить то даже не хотѣли на томъ основаніи, что теперь всѣ наслѣдственныя права уничтожены.

Я посовѣтовалъ просительницѣ довести этотъ случай до свѣдѣнія комиссаріата соціальнаго обезпеченія, но въ душѣ былъ увѣренъ, что въ лучшемъ случаѣ она получитъ предложеніе обождать, покуда при районномъ исполкомѣ образуется соотвѣтственный отдѣлъ.

Этотъ эпизодъ былъ послѣдней каплей, переполнившей мое терпѣніе. Я рѣшительно не хотѣлъ валять дурака, разъясняя неразъяснимые декреты.

На тѣхъ же дняхъ произошла ожидавшаяся мною стычка съ Чегодаевымъ. Было приказано перевести часы на 1 часъ назадъ. Въ «Славянскомъ базарѣ» этого не сдѣлали и меня не разбудили своевременно, въ силу чего я опоздалъ на службу. Черезъ пять минутъ ко мнѣ вошелъ Чегодаевъ и повышеннымъ голосомъ сталъ мнѣ дѣлать внушеніе. Я тоже повысилъ голосъ, онъ тоже, въ концѣ концовъ мы оба кричали. Послѣднимъ кричалъ все-таки я, требуя, чтобы на будущее время онъ бесѣдовалъ со мною черезъ коллегію, а покуда, чтобы сію же минуту удалился изъ моего кабинета. Блѣдный, какъ полотно, Чегодаевъ заметался между тремя дверями моего кабинета, а затѣмъ выскочилъ въ общій залъ. Около дверей собрались служащіе, высовывались испуганныя лица. Отъ двери въ общую залу отдѣлился сторожъ, дежурившій у кабинета Стучки, расположеннаго противъ моей комнаты, отвѣсилъ поясной поклонъ и промолвилъ:

«Это, Н. В., отъ всѣхъ сторожей!»

Такимъ финаломъ моей службы въ комиссаріатѣ я былъ удовлетворенъ.

Оставаться въ отдѣлахъ, которыми завѣдывалъ Чегодаевъ, было невозможно. Курскій предложилъ служить у него въ административномъ отдѣлѣ, и этимъ я воспользовался, чтобы дослужить 3—4 дня до полученія полумѣсячнаго жалованья.

Задача моего пребыванія въ комиссаріатѣ была выполнена. Внутри паростало омерзѣніе ко всему окружающему, даже къ самой Москвѣ, загрязненной, уплотненной, начавшей уже голодать, еще болѣе покорно, чѣмъ Петроградъ, позволявшей попрать свои вѣковыя твердыни, впустивши въ святое святыхъ свое и всей Россіи людей, съ презрительной усмѣшкой вычеркивающихъ изъ жизни народа патріотизмъ, религію, мистику, всѣ невещественныя цѣнности, которыя есть и будутъ во вѣки вѣковъ лучшими достиженіями человѣчества.

Одинъ важный вопросъ еще не былъ разрѣшенъ мною. — Большевики дѣйствовали по рабоче-крестьянской довѣренности, — мнѣ хотѣлось и я долженъ былъ по возможности детально провѣрить полномочія этой довѣренности.

Я рѣшилъ соприкоснуться съ народомъ.

III

Никогда Москва не была такъ грязна, неустроена и внѣшне-груба, какъ весной 1918 года. Такъ человѣкъ во время тяжелыхъ душевныхъ переживаній не обращаетъ вниманія на внѣшность. Въ задумчивости идетъ онъ изъ прихожей, забывъ оставить тамъ шляпу и кладетъ ее на обѣденный столъ, садится въ первое попавшееся кресло, стоящее на самомъ неуютномъ мѣстѣ, на которомъ онъ никогда не сидѣлъ, и валится дымящаяся папироса изъ безспльныхъ пальцевъ на дорогой коверъ. Блуждающимъ взоромъ глядитъ онъ кругомъ, — все не такъ, какъ было раньше. «А, все равно, — потомъ приберется», думаетъ онъ, и даже легче ему, что необходимость поддерживать прежній порядокъ уничтожилась и не отвлекаетъ больше его вниманія отъ созерцанія происходящей внутренней катастрофы.

Шумъ и гвалтъ, которые подняли незванные гости, мельканіе автомобилей, получившихъ спеціальную кличку «хамовозы», выхватываніе другъ у друга особняковъ покрасивѣе для того или иного учрежденія, перевозка казеннаго имущества изъ одного помѣщенія въ другое, — наполнили Москву суетливой безтолковщиной, не задѣвавшей глубинъ московской жизни.

Это дѣйствовало на нервы, какъ шумъ холостого маховика, вертящагося особенно сильно и громко потому, что онъ выключенъ изъ сопряженія съ приводами и вертится зря, не исполняя никакой полезной работы.

Улицы, магазины, кинематографы и театры были полны какой то сѣрой, невзрачной публикой, неистово толкавшейся, старавшейся держать себя независимо и свободно, усвоившей себѣ лубочную манерность «свободныхъ гражданъ». Это была первая накипь бурлящей жидкости, вызвавшая брезгливость и боязнь запачкаться.

Радостно было сѣсть въ вагонъ и отсчитывать минуты, когда эти шумъ, грязь и суета останутся позади и смѣнятся спокойствіемъ лѣсовъ, пустынностью полей, грустнымъ шопотомъ природы.

Я ѣхалъ въ глухую маленькую деревушку, гдѣ предложилъ мнѣ поселиться въ построенномъ имъ домѣ мой сослуживецъ по комиссаріату юстиціи, вышедшій изъ крестьянъ, уроженецъ этой деревушки. Остановка была въ уѣздномъ городкѣ Торжкѣ, откуда около тридцати верстъ нужно было сдѣлать на лошадяхъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я первыхъ встрѣчъ и перваго обмѣна мыслей съ крестьянами. Хорошо знакомый раньше, въ студенческій періодъ моей жизни, съ крестьянской средой, я былъ оторванъ отъ нея болѣе, чѣмъ пятнадцатью годами городской напряженной работы. За этотъ долгій періодъ меня взволновалъ отзвукъ крестьянской жизни, долетѣвшій до меня въ книгѣ «Наше преступленіе», рисовавшей бытъ и нравы крестьянства. Въ печати былъ поднятъ шумъ вокругъ нея, ибо картина морального развала деревни была нарисована рѣзкими, безпощадными красками. Писали, что авторъ тенденціозно подобралъ факты, что онъ сгустилъ краски, что иначе смотрѣть на русскій народъ и не можетъ бывшій земскій начальникъ Родіоновъ. Между тѣмъ, всѣмъ нутромъ я чувствовалъ, что авторъ пишетъ одну только правду и не выдумалъ свою книгу, а сфотографировалъ въ ней тѣ дѣйствительные факты, которыми изобилована жизнь русской деревни. Предвѣстники этого ея состоянія появлялись уже во время моего тѣснаго знакомства съ нею.

Со времени появленія на свѣтъ Божій этой книги прошло лѣтъ восемь или десять. Куда свернула деревенская жизнь? — Вверхъ или внизъ? — У меня были тяжелыя предчувствія, такъ какъ я не зналъ фактовъ, которые могли бы способствовать возрожденію деревни.

Торжокъ утопалъ въ бѣломъ яблоновомъ цвѣту. Его тридцать восемь церквей (необычайное количество для мизернаго населенія мирнаго времени) блистали разноцвѣтными куполами въ зарѣчной части города. Мечтательной архитектурной сказкой рисовалась на голубомъ небѣ бѣлая ажурная колонада, поддерживавшая куполъ одной изъ колоколенъ, построенной, какъ говорятъ, самимъ Растрелли. Между крутыхъ береговъ сердито лопотало теченіе рѣки, не успѣвшей избыть половодья послѣдняго ливня. Здѣсь еще шла феерія весны, незамѣченная пыльной хлопотливой, раздражительной Москвой.

Онъ былъ хорошъ, этотъ маленькій уѣздный городокъ, почти деревня, и я рѣшилъ остановиться въ немъ на нѣсколько дней. Эти дни перевернули мою судьбу и, вмѣсто дальнѣйшаго пути въ деревню, я остался въ немъ почти на цѣлый годъ. Меня убѣдилъ сдѣлать это бывшій судебный слѣдователь Н. Н. Воскресенскій, приведшій много доводовъ въ пользу того, что я долженъ остаться въ Торжкѣ и служить въ уголовной слѣдственной комиссіи, которой онъ состоялъ предсѣдателемъ.

Два изъ этихъ доводовъ имѣли для меня существенное значеніе, — во-первыхъ, что эта служба во многомъ поможетъ мнѣ соприкоснуться съ крестьянствомъ, во-вторыхъ же, что дѣятельность комиссіи посвящена разслѣдованію исключительно уголовныхъ дѣлъ и не носитъ политическаго характера.

Я выставилъ своимъ условіемъ право работать на дому, являясь въ комиссію лишь для сдачи и пріемки дѣлъ, и послѣ переговоровъ съ мѣстнымъ комиссаромъ юстиціи сталъ исполнять обязанности товарища прокурора, направляя дѣла къ дослѣдованію или для разбирательства въ судебную инстанцію, составляя въ этомъ случаѣ обвинительный актъ.

Работы было много. Приходилось ликвидировать дѣла первыхъ революціонныхъ мѣсяцевъ. Обвиняемые, большею частью, были солдаты, возвращавшіеся домой, грабившіе прохожихъ и нападавшіе на дома. Большинство обвиняемыхъ невозможно было разыскать и только относительно мѣстныхъ уроженцевъ удавалось доводить дѣло до конца. Текущія дѣла обильно прибывали, на каждой недѣлѣ поступали заявленія о найденныхъ трупахъ, о совершенныхъ наглыхъ ограбленіяхъ. Увеличеніе преступности наблюдалось повсемѣстно. Въ разговорѣ, происходившемъ нѣсколько позднѣе, комиссаръ юстиціи Старицкаго уѣзда жаловался на невѣроятный ростъ дѣтской преступности, охватывавшей собою самые тяжкіе виды преступленій, вплоть до преднамѣреннаго убійства.

Кромѣ указанной работы, приходилось еще ликвидировать производство административнаго отдѣла, который, являясь отдѣломъ исполкома, до возникновенія народныхъ судовъ, вершилъ, почему то, всѣ судебныя дѣла. Эти производства были со «всячинкой», такъ, по одному дѣлу никакъ нельзя было дознаться — у кого хранится довольно крупная денежная сумма взысканнаго штрафа. Путь ея можно было прослѣдить до комиссара юстиціи, который не отрицалъ, что получилъ ее, но утверждалъ, что передалъ ее безъ расписки другому лицу, тотъ, въ свою очередь, тоже не отрицалъ, но тоже имѣлъ какой то уважительный от-

водъ. Добиться чего либо было невозможно. Послѣ ознакомленія съ этимъ производствомъ къ дѣламъ административнаго отдѣла стали относиться съ осторожностью, попросту говоря, оставили ихъ въ покоѣ. Насколько помню, черезъ уголовную комиссію лишь одно дѣло изъ числа «административныхъ» доведено было до суда. Нѣкій крестьянинъ обвинялся въ убійствѣ жены и былъ заключенъ въ тюрьму. Комиссаръ юстиціи единолично распорядился дѣло производствомъ прекратить и обвиняемаго освободить изъ подъ стражи. По разсмотрѣніи этого дѣла судомъ, обвиняемому было дано 15 лѣтъ тюремнаго заключенія.

Описывая провинціальную жизнь, приходится, конечно, имѣть дѣло съ «dii minores» большевизма, говорить не о большевикахъ, а о большевичкахъ, не о комиссарахъ, а о комиссарчикахъ. На поверхности ея за все время моего пребыванія въ Торжкѣ мелькнули двѣ-три самобытныя фигуры, заслуживающія упоминанія, въ общей же своей массѣ мѣстный исполкомъ и его отвѣтвленія были наводнены, по выраженію одного контръ-революціонера, «брандахлыстомъ» — людьми мелкой душонки, узкой мысли, микроскопическаго масштаба.

Надъ ними головой возвышался нѣкій Панфиловъ, недавно избранный въ предсѣдатели исполкома. Это былъ высокій, стройный, не старый еще, гладко выбритый человѣкъ. Отъ всей фигуры его, большихъ рукъ, крѣпко, по военному, обутыхъ ногъ, оставалось впечатлѣніе физической силы, продолговатое лицо съ ясными сѣрыми глазами создавало представленіе о недюжинномъ умѣ и большой крѣпкой волѣ. Говорили, что онъ бывшій офицеръ и помѣщикъ, но въ точности это не было извѣстно. Внутренній міръ его не обнаруживался совершенно — это былъ не изъ тѣхъ людей, которые легко раскрываются. Помнится до сихъ поръ одна его фраза, произнесенная при обстоятельствахъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что его нельзя упрекнуть въ недостаткѣ мужества, оказавшаяся пророческой.

Къ осени 18 года Торжокъ началъ страдать отъ голода, и бунтовали въ немъ больше всего бабы. Онѣ собирались толпами, ходили по городу, выкрикивая проклятія совѣтской власти, и, почему то, имъ это сходило безнаказанно. Въ концѣ концовъ, онѣ скопились у продовольственнаго отдѣла и грозно требовали для объясненій комиссара. Одинъ изъ нихъ откупился неурочной выдачей муки и широкими обѣщаніями; другой, его замѣнившій, попросту спрятался, и бабы, въ волю подебоширивъ, разошлись. Когда же подобная оказія случилась при Панфиловѣ, то онъ спокойно вышелъ къ шумливой толпѣ и заявилъ:

«Вы жалуетесь на голодъ. Говорите, что долго стоите въ очередяхъ и получаете мало муки. Такъ я вамъ скажу, что это еще не голодъ. Вотъ, когда вы будете стоять въ очередяхъ за гробами, — тогда вы узнаете, что такое голодъ».

Бабы тихо разошлись.

Зайдя однажды въ помѣщеніе исполкома (тамъ же помѣщалась и комиссія), я засталъ и Воскресенскаго, и комиссара юстиціи въ тревогѣ. Оказалось, что у исполкома произошли трешія съ мѣстной чека, и на угрозу исполкома принять репрессивныя мѣры, чекисты отвѣтили, что они и сами не прочь провѣрить составъ исполкома, а въ случаѣ надобности, и арестовать кого окажется нужнымъ. Происходили эти столкновенія потому, что никакія обязательныя взаимоотношенія между чека и исполкомомъ нигдѣ предусмотрѣны не были. Только въ самомъ концѣ 18-го года В. Ц. И. К. разрѣшилъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что

высшими представителями мѣстной власти были признаны исполкомы, а чека — учрежденіями, входящими въ ихъ составъ. Разъясненіе это не имѣло никакой реальной цѣнности, такъ какъ въ немъ же было указано на обязанность чрезвычайныхъ комиссій лишь доводить до свѣдѣнія исполкома о состоявшихся постановленіяхъ. Это давало возможность чека вывести какое угодно постановленіе, привести его въ исполненіе, а затѣмъ увѣдомить исполкомъ о совершившемся фактѣ.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней положеніе было угрожающимъ. Въ городѣ не знали кто кого, въ концѣ концовъ, арестуетъ, исполкомъ — чека, или чека — исполкомъ. И тотъ, и другая имѣли въ своемъ распоряженіи военную силу. Конфликтъ, все-таки, былъ улаженъ. Мнѣ думается, произошло это потому, что чекисты чувствовали твердую руку Панфилова, и понимали, что шутить съ нимъ опасно. Въ сосѣднемъ, Старицкомъ уѣздѣ, подобное же столкновеніе зашло такъ далеко, что исполкомъ и чека поочередно арестовывали одинъ другого и потребовали созданія особаго «революціоннаго комитета», составленнаго большею частью изъ пріѣхавшихъ губернскихъ чиновъ для того, чтобы разобрать ихъ взаимныя недоразумѣнія.

Уѣзднымъ комиссаромъ юстиціи былъ лѣвый эсеръ Голововановъ. Познакомившись съ его единоличными распоряженіями по административному отдѣлу, я сталъ называть его Головотяповымъ, но это названіе не соотвѣтствовало его внутреннему облику. Голововановъ былъ хитрый и умный мужикъ. Больше хитрый, чѣмъ умный. Онъ умѣлъ съ каждымъ соотвѣтственно обходиться, былъ постоянно на чеку и хорошо понималъ людей. Говорили, что онъ не забывалъ себя. О юстиціи онъ, конечно, не имѣлъ ни малѣйшаго представленія и, несмотря на это, при обращеніи съ профессіональными юристами — Воскресенскимъ и мною, онъ умѣлъ не терять своего достоинства, избравъ для этого правильный путь предоставленія намъ полной свободы дѣйствій и полнаго внѣшняго довѣрія.

Когда организовались первоначально народные суды и нужно было распредѣлить ихъ по волостямъ, Голованъ рѣшилъ, что на отпущенныя для этой цѣли деньги можно создать гораздо большее число камеръ и насадилъ ихъ въ полтора раза больше, чѣмъ полагалось. Такое судоустройство Новоторжскаго уѣзда онъ упорно отстаивалъ и поручалъ мнѣ защищать его передъ губернскимъ комиссаромъ юстиціи. Онъ вообще высоко цѣнилъ мои связи, зная, что, до пріѣзда въ Торжокъ, я служилъ въ комиссаріатѣ юстиціи и что лично знакомъ съ Тверскимъ комиссаромъ юстиціи Козыревымъ.

Я не разубѣждалъ никого въ важности собственной персоны, разсчитывая, что это можетъ оказаться полезнымъ не для одного меня.

Въ августѣ Голововановъ совѣтовался съ нами объ устройствѣ двухнедѣльныхъ курсовъ для народныхъ судей и просилъ меня прочесть имъ краткій курсъ какихъ либо необходимыхъ для судей свѣдѣній. Я согласился дать имъ элементарныя указанія по вопросамъ гражданскаго права и судопроизводства.

Занятія съ судьями послужили мнѣ къ установленію связей съ Тверью. Осенью я получилъ приглашеніе повторить свой курсъ уже для губернскаго съѣзда судей, устроеннаго по иниціативѣ губернскаго комиссара юстиціи Козырева.

Я зналъ Козырева по комиссаріату юстиціи. Онъ часто пріѣзжалъ въ Москву по дѣламъ комиссаріата и потому, что самъ былъ москвичъ. Онъ заходилъ въ

комиссаріатъ и подолгу бесѣдовалъ со мной о положеніи юстиціи въ Тверской губ., спрашивалъ совѣтовъ и изливалъ огорченія. Онъ былъ ранѣе слушателемъ университета Шанявскаго. Революція застала его въ Твери на военной службѣ, такъ онъ въ Твери и остался. Мнѣ кажется, что онъ плылъ по теченію, дѣлая, однако, для поддержанія своей репутаціи серьезные выпады въ сторону контръреволюціи. Такъ имъ, напримѣръ, былъ инсценированъ и доведенъ до желательнаго ему конца многолюдный процессъ тверскихъ адвокатовъ и членовъ судебной магистратуры по обвиненію въ саботажѣ. Саботажъ Козыревъ усмотрѣлъ въ томъ, что, отказываясь служить и выступать въ большевистскомъ окружномъ судѣ, высшіе служащіе суда совмѣстно съ адвокатурой образовали бюро юридическихъ консультацій. Обвиненіе было явно притянуто за волосы, тѣмъ не менѣе онъ энергично велъ это дѣло, выступилъ на немъ въ качествѣ обвинителя и добился обвинительнаго приговора. Сдѣлать это было нетрудно. Мнѣ кажется, что эти выпады были съ его стороны данью общему направленію окружавшей его среды. Въ общемъ, это былъ человѣкъ здраваго смысла, не лишенный, кромѣ того, организаторскихъ способностей. Онъ упорно и систематически проводилъ однообразіе судоустройства, имѣлъ точное представленіе обо всемъ, что дѣлается въ предѣлахъ его вѣдомства въ губерніи, и искренно возмущался революціонными благоглупостями своихъ сотоварищей по исполкому. Такъ, напримѣръ, онъ даже съ какимъ то изумленіемъ передавалъ мнѣ такой случай. Недалеко отъ Твери находилась исправительная колонія для малолѣтнихъ преступниковъ, отошедшая въ вѣдомство соціальнаго обезпеченія. Комиссаръ его, студентъ какого то техническаго института, направляясь въ колонію, встрѣтилъ двухъ мальчугановъ, убѣжавшихъ оттуда. Онъ посадилъ ихъ къ себѣ въ экипажъ, узналъ, что они убѣжали потому, что въ колоніи скучно и наказываютъ, привезъ ихъ обратно, собралъ всѣхъ мальчиковъ и разъяснилъ имъ, что начальство колоніи обязано исполнять исключительно хозяйственныя функціи, что никакой власти надъ ними, содержащимися, у начальства нѣтъ и что они должны сами собираться и вырабатывать внутреннія распорядки колоніи.

Такихъ сверхъ-революціонныхъ достиженій мозгъ Козырева не воспринималъ. Любопытно, что онъ сумѣлъ комиссарствовать, не входя въ партію коммунистовъ до самаго конца 18 или даже до начала 19 года.

Въ виду невозможности, несмотря ни на какіе ордера, получить номеръ въ переполненныхъ гостиницахъ Твери, Козыревъ предложилъ мнѣ диванъ въ своемъ кабинетѣ. Онъ только что женился и жилъ въ коммунѣ, занимавшей большую часть особняка на набережной Волги. Онъ занималъ кабинетъ и спальню, въ громадномъ залѣ и еще одной полутемной комнатѣ постоянно проживало 6—7 человѣкъ смѣнявшейся публики. Я съ состраданіемъ смотрѣлъ на его молоденькую миловидную жену, избранную уже, однако, въ народные судьи, принужденную первые дни семейной жизни проводить среди чужихъ людей, относившихся къ ней со скрытымъ недоброжелательствомъ, въ атмосферѣ вѣчной толкучки, гдѣ даже я, одинокій временный гость, чувствовалъ себя, какъ на базарѣ.

По иниціативѣ Козырева въ Твери издавался журналъ «Народное Право», которое онъ хотѣлъ поставить на высоту умершаго при большевикахъ петербургскаго «Права». Онъ просилъ меня давать конспектъ моихъ лекцій для напечатанія и я согласился на это. Въ слѣдующемъ же номерѣ получился откликъ изъ Москвы. Нѣкій Audax совѣтовалъ мнѣ озаглавить мои лекціи эпитафіей къ X-му тому: «Милому другу и товарищу юныхъ лѣтъ», и интересовался при этомъ, что бы я сказалъ, если бы узналъ, напримѣръ, что заготовляется декретъ объ отмѣнѣ

рѣшительно всѣхъ законовъ буржуазно-капиталистическаго періода. Въ вѣжливыхъ словахъ я отвѣтилъ «Храброму товарищу», что счелъ бы это величайшей глупостью. Впослѣдствіи оказалось, что Audax былъ освѣдомленнѣе меня.

Журналъ этотъ вскорѣ сталъ мнѣ непріятенъ, ибо въ немъ появились такія, напримѣръ, статьи со слезами: «Рѣдкое счастье, великая радость выпали мнѣ на долю — открыть первое засѣданіе Народнаго Суда» и т. д. Статья эта принадлежала перу одного изъ старыхъ членовъ Тверского Окружного Суда, оставшагося служить у большевиковъ, явственно пересолившаго въ своемъ революціонномъ усердіи и потому вызывавшаго пренебрежительное къ себѣ отношеніе. Я пересталъ давать какой либо матеріалъ. Вскорѣ прекратились и лекціи по неизвѣстной мнѣ причинѣ.

Въ серединѣ лѣта состоялось какое то соглашеніе между большевиками, меньшевиками и, кажется, также и эсерами. Въ результатѣ чего появились партійныя газеты, раскупавшіяся нарасхватъ. Очевидно, предчувствуя краткость своего существованія, они наполнялись безпощадной критикой большевизма и, конечно, были закрыты на первомъ же десяткѣ номеровъ. Это было послѣднее и окончательное удушеніе печати. Со смертью этихъ газетъ къ услугамъ читателей остались «Извѣстія», «Правды» и «Бѣдноты» различныхъ территоріальностей. Осталась еще малюсенькая щелочка для хрипа свободнаго мнѣнія — отдѣлъ «Извѣстій» подъ названіемъ «Маленькіе недостатки механизма», но и изъ этой незамѣтной отдушины почти каждый день доносились такіе вопли, что скоро захлопнулась и она.

Не могу не упомянуть о двухъ статьяхъ «Извѣстій», произведшихъ на меня впечатлѣніе. — Первая поразила меня не только содержаніемъ, но и подписью. Она принадлежала какому то чекисту — не то Петерсу, не то Лацису — и предлагала въ дискуссіонномъ порядкѣ обсудить вопросъ о томъ, допустимо ли печатаніе чего либо иного, кромѣ листовокъ, брошюръ и произведеній агитаціоннаго характера, которыхъ, будто бы, жаждетъ начинающій разбираться народъ. Я не вытерпѣлъ и написалъ отвѣтъ, указывая, что такимъ образомъ берется на учетъ самое творчество писателя и производится давленіе на ту таинственную лабораторію, гдѣ зарождается творческая мысль и творческое чувство, первымъ условіемъ существованія которыхъ является ничѣмъ не ограниченная свобода. Статья эта, конечно, не была напечатана и я жалѣлъ о томъ, что послалъ ее — мнѣ думалось, что я просто поддался на провокацію.

Вторая статья была вызвана, повидимому, тѣмъ, что назрѣлъ моментъ разставить точки надъ всѣми і, покончить со всѣми недоумѣнными вопросами и отвязаться разъ навсегда отъ приставаній со всякими свободами, неприкосновенностями и прочими демократическими побрякушками. Большевизмъ прочно становился на ноги, уничтожалъ «власть на мѣстахъ», начиналъ проводить сугубый централизмъ и круто сворачивалъ къ партійному абсолютизму, который изъ приличія называется «диктатурой пролетаріата».

Апологетомъ этого новаго курса явился Бухаринъ, въ пространномъ фельетонѣ талантливо и вразумительно объяснившій, что большевизмъ ведетъ за собою реальную борьбу классовъ, до полнаго уничтоженія рабочимъ — всѣхъ остальныхъ, что, до достиженія этого, страна находится въ состояніи перманентной революціи, и что во время революціи, какъ это весьма понятно, было бы безумiемъ отдавать въ руки враговъ такія орудія борьбы, какъ печать, право собраній и т. д.

Противъ такой ясности мысли ничего нельзя было возразить и пришлось утѣшаться лишь твердою увѣренностью Бухарина въ томъ, что достаточно дать

народу малѣйшую свободу слова и собраній, какъ польются обильные потоки проклятій на большевиковъ.

Насколько я знаю, тезисы этой статьи и до настоящаго времени являются краеугольнымъ камнемъ внутренней политики большевиковъ.

Въ августѣ 18-го года произошло покушеніе на Ленина. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ упоръ и, тѣмъ не менѣе, Ленинъ остался живъ. Есть люди, жизнь которыхъ имѣетъ роковое значеніе. Они не могутъ сойти со сцены прежде, чѣмъ не выполнятъ до конца предназначенной имъ миссіи. Таковъ, напримѣръ, былъ Распутинъ, переживній нанесенное ему какой то бабой въ Сибири страшное пораненіе, которое стоило бы жизни 99 людямъ изъ 100.

И есть явленія, не менѣе роковыя, будто охраняемыя какой то странной судьбой отъ всѣхъ случайностей, могущихъ остановить ихъ торжественное шествіе. Если можно объяснить психологически, экономически и т. д., вообще путемъ, доступнымъ разуму, широкую побѣду большевизма, то ничѣмъ инымъ, кромѣ, какъ случайностью, нельзя объяснить того общаго сцѣпленія обстоятельствъ, независящихъ отъ людской воли, которыя потворствовали большевизму и разрушали начинанія, являвшія серьезную опасность для него. — Ленина бьютъ въ упоръ, съ прицѣла — и онъ остается живъ. Корниловъ убитъ артиллерійскимъ снарядомъ, Маркова уноситъ послѣдній орудійный выстрѣлъ, выпущенный красными на удалую, въ неподходящій моментъ умираетъ Алексѣевъ, Дроздовскій умираетъ отъ пустяшной раны въ ногу — цѣлая серія смертей, которыхъ могло бы и не быть и т. д. и т. д. — цѣпь событій и обстоятельствъ самаго разнообразнаго свойства, по которой можно дойти вплоть до политики англійскаго премьера.

Пусть это будетъ сцѣпленіе случайностей, но рядъ однородныхъ фактовъ всегда имѣетъ и единую производящую ихъ причину, и если поиски этой причины, въ силу ограниченности человѣческихъ способовъ воспріятія, приходится направлять въ неопредѣленную и туманную область мистицизма, то, казалось бы, по справедливости ее слѣдуетъ признать генеративнымъ пунктомъ многаго, хотя и непонятно, но, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно существующаго.

Къ моменту покушенія вся Россія была покрыта частой сѣтью чрезвычекъ *. Не было не только городовъ, но вообще сколько-нибудь значительнаго пункта людской концентраціи, гдѣ не существовало бы мѣстной чека. Въ отвѣтъ на покушеніе, совѣтская власть объявила красный терроръ, учредила «институтъ заложниковъ», ввела въ систему государственнаго управленія кровавую расправу со всѣми инакомыслящими. Проводить въ жизнь эти мѣропріятія принялись чека съ увлеченіемъ и съ истинной любовью къ дѣлу. Въ эти дни Россія впервые повсемѣстно залилась русскою кровью. Аресты и обыски происходили днемъ и ночью. Ужасъ нависъ надъ всей Россіей, погрузилъ ее въ безмолвіе, трепетное ожиданіе, наполнилъ дни и недѣли шепотомъ фантастическихъ вѣстей, превышавшихъ вѣроятности реальной жизни.

Свою страшную работу чека производили подъ покровомъ ночи и въ большихъ городахъ, изобильныхъ людьми, чуждыми другъ другу, не такъ явственно ощущались результаты этой безпримѣрной дѣятельности. Въ маленькихъ горо-

* Уѣздныя чрезвычайныя комиссіи были упразднены весной 1919 г.

дишкахъ, гдѣ всѣ извѣстны всѣмъ, на утро распространялись точныя свѣдѣнія о событіяхъ ночи. Въ тюрьму тянулись жены и дѣти, относившія бѣлье и пищу арестованнымъ. Опасливо ходили любопытные на мѣста разстрѣловъ и находили брызги мозга и крови. Одной женѣ принесли пенснэ убитаго мужа. Первыя казни произошли въ Торжкѣ у внѣшней стороны тюрьмы и въ одномъ изъ глухихъ мѣстъ города. Впослѣдствіи мѣсто дѣйствія было перенесено въ стѣны чрезвычайки.

Съ наступленіемъ темноты городъ вымиралъ, и, въ то время, какъ по улицамъ раздавался стукъ копытъ отъ разъѣзжавшаго отряда чрезвычайки, пугливые обыватели дрожали по своимъ угламъ при свѣтѣ ночника. Всякія личныя гарантіи перестали существовать. Каждый русскій гражданинъ, свободный утромъ, могъ оказаться арестованнымъ и разстрѣляннымъ до новаго восхода солнца, безъ предъявленія какихъ-либо конкретныхъ обвиненій, подъ флагомъ контръ-революціи или же «въ порядкѣ краснаго террора», какъ стали выражаться газеты. Въ Петроградѣ, куда я ѣздилъ по личнымъ дѣламъ на нѣсколько дней, нельзя было выйти на улицу, чтобы не встрѣтить разношерстной толпы, окруженной вооруженными «товарищами», куда то покорно и уныло бредущей. Часто мелькали знакомыя лица, такъ, напримѣръ, мнѣ врѣзалась въ память фигура идущаго въ первомъ ряду арестованныхъ предсѣдателя столичнаго мирового съѣзда Меньшуткина (я слыхалъ потомъ, что онъ вскорѣ былъ выпущенъ на свободу). Это шествовали заложники.

Въ это страшное время, по возвращеніи въ Торжокъ, отъ делегаціи пріѣхавшей изъ Твери для ревизіи исполкома, я получилъ предложеніе занять должность предсѣдателя совѣта народныхъ судей.

Имѣя въ виду коснуться большевистскаго судебнаго законодательства, я не собираюсь давать полную картину его. Для общей картины моихъ впечатлѣній достаточно показать отраженіе этого законодательства на текущей жизни. Сдѣлать большаго я даже и не могу, потому что самого текста декретовъ у меня въ рукахъ не имѣется и содержаніе ихъ мнѣ приходится возстанавливать по памяти. Долженъ оговориться заранѣе, что въ силу того же обстоятельства я лишь приблизительно указываю время обнародованія декретовъ и не всегда могу съ полной точностью установить составляли ли приводимыя положенія содержаніе декретовъ или были изложены въ соотвѣтствующихъ инструкціяхъ.

До 1-го января 19-го года всего появилось три совѣтскихъ декрета о судѣ. Декретъ № 1 былъ однимъ изъ первыхъ актовъ большевистскаго законодательства. Въ немъ ярко отразились основные пріемы большевистскаго государственнаго управленія, сводившіеся къ тому, чтобы прежде всего уничтожить, а затѣмъ на свободѣ подумать, чѣмъ замѣнить уничтоженное. Этотъ методъ примѣнялся ко всѣмъ областямъ и по всѣхъ направленіяхъ, какъ впослѣдствіи была уничтожена свободная торговля безъ замѣны ея организованнымъ добывающимъ и распредѣляющимъ аппаратомъ, какъ зачеркнуты право наслѣдованія и рабочее законодательство безъ немедленной замѣны ихъ дѣятельностью комиссаріатовъ соціальнаго обезпеченія и труда и т. д. и т. д., также были закрыты суды и уничтожена адвокатура силою декрета № 1 безъ созданія новыхъ судебныхъ инстанцій и безъ указанія способовъ защиты для обвиняемыхъ и тяжущихся.

Развалъ, внесенный декретомъ о судѣ № 1 былъ колоссальный. Для суда этотъ декретъ сыгралъ ту же роль, что для арміи знаменитый приказъ № 1.

Нормальная судебная жизнь застопорилась, превратилась въ хаосъ. Нѣкоторыя учрежденія сразу послѣ декрета прекратили существованіе въ силу принятыхъ большевиками мѣръ, какъ, напримѣръ, Петроградскій Окружный Судъ, куда былъ присланъ караулъ, не впускавшій никого въ зданіе суда; нѣкоторыя же продолжали существовать и дѣйствовать. Департаментъ Герольдіи Правительствующаго Сената еще въ февралѣ 18 года прислалъ въ комиссаріатъ юстиціи бумагу, соотвѣтствовавшую всѣмъ правиламъ прежняго времени. Судебная магистратура и адвокатура оказались выброшенными за бортъ и послѣ того, какъ храмъ Ѳемиды былъ наглухо заколоченъ этимъ декретомъ, остались на положеніи «нищихъ на паперти храма Ѳемиды». Въ 19 году я встрѣтилъ популярнаго тов. предсѣдателя одного изъ гражданскихъ отдѣленій петроградскаго окружного суда Кагіони, который сообщилъ мнѣ длинный мартирологъ членовъ суда, погибшихъ отъ голода и нужды. Самъ онъ служилъ въ гидрографическомъ отдѣлѣ морского комиссаріата и радовался тому, что пристроился на это скромное мѣсто. Адвокатура, болѣе подвижная и приспособляющаяся, бросилась во всѣ стороны на борьбу съ жизнью, но изъ ея рядовъ выпало много неудачниковъ. Трудно узнаваемыя, печальныя фигуры попадались мнѣ въ Петроградѣ.

Декретъ № 2 явился первымъ творческимъ актомъ большевиковъ по отдѣлу юстиціи и обнаружилъ полную убогость ихъ творческой фантазіи. Судебныя учрежденія онъ скопировалъ со старыхъ образцовъ, сохранивъ раздѣленіе судовъ на двѣ категоріи, соотвѣтствующія прежнимъ мировымъ и общимъ судебнымъ мѣстамъ. Также была апелляціонная инстанція, былъ и Верховный Судъ, единственный на всю Россію, явившійся чѣмъ то вродѣ упраздненнаго Сената. Качественный составъ судей былъ пониженъ. Отношеніе къ законодательству прежняго времени выразилось совершенно расплывчато, такъ какъ было указано руководствоваться старыми законами, поскольку они не противорѣчатъ декретамъ совѣтской власти и революціонному правосознанію. Судебное возмездіе было предоставлено волѣ случая съ отмѣною скалы наказанія и съ оставленіемъ выбора его на усмотрѣніе судейской революціонной совѣсти. Тверской комиссаріатъ юстиціи, основываясь на указаніяхъ декрета № 2, предписалъ судьямъ въ каждомъ случаѣ непримѣненія старыхъ законовъ давать мотивированное объясненіе, почему таковой законъ не примѣненъ. Газеты запестрѣли примѣрами фантастическихъ приговоровъ, съ восторгомъ указывая, какъ удачно избираются наказанія при содѣйствіи «революціонной совѣсти». Запомнился случай, когда красноармеецъ, судившійся за взятку въ 40 руб., полученную за неправильную посадку въ вагонъ на Николаевскомъ вокзалѣ, былъ приговоренъ къ разстрѣлу и разстрѣлянъ. Объ этомъ сообщалось въ тонѣ истинно революціоннаго пафоса.

Приблизительно до лѣта 18 года большевики чувствовали себя неувѣренно и сомнѣвались въ крѣпости своей власти даже въ то время, когда многимъ, глядѣвшимъ со стороны, ясно было, что въ Россіи нѣтъ силъ, способныхъ защитить ея честь и достоинство. Соотвѣтственно этому настроенію дѣятельность совнаркома была устремлена, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы оставить какъ можно больше памятниковъ своего пребыванія у государственнаго кормила и носила характеръ чисто бумажный. Нужно было показать грядущимъ поколѣніямъ, какъ разрѣшали большевики тотъ или другой вопросъ государственнаго управленія для того, чтобы благодарное потомство знало, чего имъ слѣдуетъ добиваться въ случаѣ возвращенія тирановъ или воцаренія соціалъ-предателей-соглашателей. По этой же причинѣ совѣтская власть мало заботилась о томъ, чтобы декреты проводились въ жизнь. Можно предположить, что если бы судьба пресѣкла

дѣятельность большевиковъ въ періодѣ этого писанія, воспрепятствовала бы примѣнять его на дѣлѣ и обнаружить чудовищныя послѣдствія отъ этого столкновенія теоріи съ практикой — извѣстный ореолъ окружилъ бы большевиковъ, во время ушедшихъ со сцены.

Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда учрежденія или мѣстности были представлены людьми съ организаторскими способностями, декреты кое какъ проводились въ жизнь. Въ остальныхъ случаяхъ они лежали въ разрозненныхъ экземплярахъ безпомощною кучей, а жизнь текла своимъ чередомъ по волѣ и желанію «власти на мѣстахъ». Аккуратно получать въ провинціи издаваемые декреты было невозможно, а понять содержащіяся въ нихъ требованія для многихъ большевистскихъ дѣятелей было еще невозможнѣе. Люди, интересовавшіеся декретами и проводившіе параллель между ними и дѣйствительностью, ничего не понимали, да ничего и нельзя было понять, такъ какъ вся Россія напоминала собой опрокинутое рѣшето раковъ, куда то лѣзущихъ и ущемляющихъ другъ друга.

Въ Петербургѣ оформировались и дѣйствовали окружные суды, въ Москвѣ они такъ и не народились до обнародованія декрета № 3. Къ созданію Верховнаго Суда не было сдѣлано даже и попытокъ.

Декретъ № 3 появился въ концѣ 18-го года. Имъ вводились однообразные суды для всей Россіи, именно народный судъ, съ разнымъ составомъ судей для дѣлъ различной важности.

Въ этомъ декретѣ отразились два существенныя достиженія революціонной юстиціи: во-первыхъ, — увѣренность въ томъ, что дѣятельность суда по гражданскимъ дѣламъ должна вскорѣ прекратиться и потому не заслуживаетъ никакого вниманія. Имущественные вопросы, создаваемые существованіемъ частной собственности, должны были изсякнуть въ той постепенности, въ какой подъ давленіемъ націонализаціи суживался кругъ предметовъ, еще находившихся въ собственности гражданъ; во-вторыхъ же — полное убѣжденіе въ томъ, что вся громадная работа, продѣланная юристами всего міра со временъ Римской Имперіи, отражающаяся въ текстѣ законовъ, въ сенатскихъ рѣшеніяхъ и во всей юридической литературѣ — ничто иное, какъ «юридическая галиматья», только препятствующая торжественному шествію революціи.

Соотвѣтственно этому, вниманіе декрета было направлено, главнымъ образомъ, на судьбы уголовныхъ дѣлъ. Изъ указаній въ области гражданскихъ правоотношеній припоминаю одно — на судей были возложены обязанности и нотаріуса. Второе же положеніе выразилось, какъ правильно предсказалъ товарищъ Audax, въ отмѣнѣ всѣхъ законовъ буржуазно-капиталистическихъ правительствъ. Предписывалось руководствоваться декретами совѣтской власти и опять-таки революціоннымъ правосознаніемъ.

Постановленія совѣтской власти по отдѣльнымъ вопросамъ права были безнадежно разбросаны по декретамъ. Указанія на интересы, могущіе быть урегулированными судомъ, содержались и въ декретѣ о земельныхъ отдѣлахъ, и въ декретѣ объ увольненіи служащихъ, и въ декретѣ о бракѣ и разводѣ, и въ желѣзнодорожныхъ декретахъ, и въ безчисленномъ множествѣ остальныхъ. Всѣ эти декреты безостановочно то замѣнялись, то дополнялись новыми, и держать въ памяти весь этотъ колоссальный матеріалъ, даже профессіональному юристу, не представлялось возможнымъ, — о судьяхъ, взятыхъ отъ сохи, не могло быть и рѣчи. Руководствоваться декретами совѣтской власти по этой причинѣ представлялось невозможнымъ и получилось то, что совѣтская юстиція, не стѣснен-

ная фактически никакими декретами и принципіально свободная отъ какихъ бы то ни было законовъ стараго времени, отправилась путешествовать въ необъятность.

Вторая инстанція была кассаціонная — губернскій совѣтъ народныхъ судей. Созданіе ея было очередною нелѣпостью.

Совѣтская юстиція, разрывавшая всѣ формы, презиравшая ихъ, какъ юридическую галиматью, устраивала судебное учрежденіе, дѣятельность котораго основана на соблюденіи формальнаго принципа. Нуждавшаяся, благодаря полной безграмотности и неопытности судей, въ основательной провѣркѣ судейскихъ мнѣній по существу дѣлъ — она отбрасывала контролирующую вторую инстанцію.

Любопытны были мотивы, побудившіе къ созданію этихъ губернскихъ совѣтовъ. Образованіе ихъ объяснялось стремленіемъ къ экономіи и желаніемъ создать единообразную кассаціонную практику.

Во время послѣдняго моего пребыванія въ Москвѣ я видѣлся съ Красиковымъ и съ карандашемъ въ рукахъ доказывалъ, что губернскіе совѣты дадутъ перерасходъ, сравнительно съ прежнимъ положеніемъ, а не экономію. Надъ однообразіемъ практики, насаждаемой при посредствѣ губернскихъ совѣтовъ, я, конечно, могъ только посмѣяться. На замѣчаніе же мое, что отправляясь отъ персональнаго состава судей, гораздо цѣлесообразнѣе было бы создать именно апелляціонную инстанцію, Красиковъ спокойно отвѣтилъ:

«Ну, да если хотите, это и есть апелляціонно-кассаціонная инстанція».

И какъ это ни нелѣпо, но по существу онъ былъ правъ, ибо въ однихъ случаяхъ Тверской губернскій совѣтъ, какъ я въ этомъ убѣдился по дѣламъ, переданнымъ мною туда послѣ закрытія совѣта, оставлялъ жалобы не только безъ послѣдствій, но, по изобрѣтенію Правительствующаго Сената послѣднихъ лѣтъ, даже «безъ разсмотрѣнія за отсутствіемъ кассаціонныхъ поводовъ», въ другихъ же случаяхъ, валялъ, не стѣсняясь, по самому, что ни на есть, существу дѣла.

Въ теченіе лѣта 18-го года въ Новоторжскомъ уѣздѣ совѣтъ народныхъ судей еще не былъ организованъ. Количество судей превышало полагающееся. Первый участокъ, которымъ завѣдывалъ судья Лебедевъ, былъ головнымъ и осуществлялъ службу связей между комиссаромъ юстиціи и остальными судьями. Для того, чтобы привести судоустройство Новоторжскаго уѣзда въ соотвѣтствіе съ декретомъ нужно было устранить прежде всего лишнихъ судей, допущенныхъ Головановымъ. Его упорство въ этомъ отношеніи затянуло дѣло съ созданіемъ совѣта народныхъ судей и лишь по настоятельному требованію Твери были назначены перевыборы судей въ ближайшее время. Для того, чтобы принять должность предсѣдателя совѣта я долженъ былъ прежде всего быть избраннымъ въ число судей, затѣмъ быть избраннымъ самими судьями въ предсѣдатели и, наконецъ, быть утвержденнымъ въ этой должности мѣстнымъ исполкомомъ.

Выборы въ судьи должны были быть произведены самими же наличными судьями и сводились къ избранію большого числа старыхъ судей плюсъ новые кандидаты — меньшаго количества новыхъ судей. Я былъ увѣренъ, что пройду и въ судьи, и въ предсѣдатели, такъ какъ всѣ старые судьи были въ нѣкоторой степени моими учениками и авторитетъ мой среди нихъ былъ достаточно крѣпокъ. Со стороны исполкома препятствій не предвидѣлось, въ виду освѣдомленности его о желаніи Твери. Эти вопросы совершенно отступевались передъ главнымъ вопросомъ — принимать или не принимать предложеніе. Тутъ было надъ

чѣмъ призадуматься. Для меня была ясна диллема предстоящаго мнѣ поведенія: быть послушнымъ исполнителемъ воли исполкома и чека, или создать рядъ конфликтовъ съ чека, во всякомъ случаѣ, и съ исполкомомъ, по всей вѣроятности. Мнѣ извѣстенъ былъ случай, когда чека затребовала объясненій отъ судьи 1-го участка, почему онъ еще не разрѣшилъ одного изъ бывшихъ у него въ производствѣ дѣлъ, и на отвѣтъ, что дѣло было отложено по формальнымъ обстоятельствамъ (неизвѣщенія повѣсткой кого то изъ участниковъ дѣла), объявила, что объясненіе судьи признано неудовлетворительнымъ и предписала въ ближайшій срокъ дѣло разрѣшить. О возможности конфликта еще съ однимъ немаловажнымъ представителемъ совѣтской власти, я въ то время еще не подозрѣвалъ.

Первая линія поведенія мнѣ не улыбалась, вторая — была явно небезопасной, и болѣе, чѣмъ вѣроятно, грозила печальнымъ концомъ моему земному существованію. Кромѣ субъективной оцѣнки этого шага была и общественная. Тутъ я сталкивался съ двумя соснами, между которыхъ въ описанное время блуждала русская интеллигенція. Преслѣдовать принципъ «чѣмъ хуже — тѣмъ лучше», безмолвно смотрѣть на это худое, помогать ему, хотя бы только временно, или стремиться къ лучшему при всѣхъ условіяхъ и во всякихъ обстоятельствахъ. Мнѣ всегда казалось, что идти по первому пути значитъ унижать добро, убивать вѣру въ него, способствовать общей деморализаціи. Пораженческая психологія всегда представлялась мнѣ общественнымъ изувѣрствомъ, чѣмъ то вродѣ религіознаго самосожженства, и куда болѣе благородной казалась мнѣ фигура «одного въ полѣ воина», сохранявшаго за собою хоть надежду въ нужный моментъ быть окруженнымъ новыми, уже многочисленными воинами.

Я рѣшилъ посовѣтоваться кое съ кѣмъ изъ лицъ, которыхъ я уважалъ, и услышалъ настоятельную просьбу занять мѣсто предсѣдателя, которое, въ случаѣ моего отказа, могло быть замѣщено совершенно нежелательнымъ кандидатомъ. Въ корыстныхъ стремленіяхъ я не могъ быть заподозрѣнъ, такъ какъ жалованье предсѣдателю шло такое же, какое я получалъ въ качествѣ члена уголовной комиссіи. Я побывалъ въ Твери и при бесѣдѣ съ Козыревымъ выяснилъ, что съ открытіемъ совѣта упраздняется при исполкомѣ отдѣлъ юстиціи и мнѣ придется фактически исполнять обязанности уѣзднаго комиссара юстиціи подъ другимъ только названіемъ, что онъ лично ожидаетъ отъ меня организаціонной работы, инструктированія судей и поднятія дѣятельности судовъ на должную высоту. Эти разъясненія не могли отразиться на принятомъ мною рѣшеніи и важны были лишь для опредѣленія широты моихъ полномочій.

Несмотря на то, что всѣ судьи были изъ крестьянъ, составъ ихъ былъ довольно разнообразенъ по степени умственнаго и интеллектуальнаго развитія. Былъ одинъ рабочій, незлобивый и нерѣшительный человѣкъ, разрѣшавшій дѣла самымъ фантастическимъ образомъ и писавшій въ мотивированномъ рѣшеніи о чемъ угодно, но только не о существѣ дѣла. Приходилось иногда въ порядкѣ надзора возвращать ему дѣла съ указаніемъ на несвязность рѣшенія. Онъ запомнился мнѣ еще потому, что у него оказался служащимъ бывшій жандармъ, котораго онъ желалъ уволить, но не хотѣлъ уплатить двухъ-недѣльнаго вознагражденія. Безъ такой выплаты служащіе увольнялись только за провинность, — за жандармомъ ихъ не имѣлось. Случаи же увольненія безъ провинности смѣтою совѣта народныхъ судей не предусматривались. Ко мнѣ ходили и судья, и жандармъ. Выяснилось, что увольненія его требуетъ вовсе не судья,

а мѣстный комитетъ бѣдноты*. Я предложилъ судьѣ разъяснить комитету, что разъ онъ требуетъ увольненія, то онъ обязанъ и платить за это, а жандарму рекомендовалъ, въ случаѣ безплатнаго его увольненія, предъявить искъ въ сосѣднемъ участкѣ.

Былъ старичекъ, маленькій, сѣдой, съ почти интеллигентнымъ лицомъ. Онъ недурно рѣшалъ дѣла, но былъ чрезвычайно жестокъ въ приговорахъ. Его приходилось обуздывать. Былъ бывшій солдатъ съ военной выправкой, прилежный и старательный, внутренне тосковавшій о своей необразованности. Былъ умный, спокойный, дѣловитый крестьянинъ, чрезвычайно быстро и безошибочно схватывавшій судейскіе навыки. Фамилію ихъ позабылись. Былъ, наконецъ, судья Лебедевъ, глубоко обиженный моимъ появленіемъ, ибо онъ мѣтилъ самъ въ предсѣдатели совѣта. Раньше онъ былъ слесаремъ и, по разсказамъ, изъ запойныхъ. Теперь онъ сталъ коммунистомъ, прилично, по интеллигентски, одѣвался, имѣлъ велосипедъ, держалъ себя съ достоинствомъ и съ большимъ тактомъ. Онъ тщательно скрывалъ свое недоброжелательное ко мнѣ отношеніе и въ частныхъ разговорахъ со мною неизмѣнно огорчался тѣмъ, что все идетъ изъ рукъ вонъ плохо и неизвѣстно, чѣмъ все это кончится. Онъ положительно хорошо разбирался въ существѣ дѣлъ и срывался только на судопроизводствѣ, такъ, напримѣръ, въ дѣлахъ бракоразводныхъ онъ считалъ несущественнымъ, дошла ли повѣстка до отвѣтчика или нѣтъ. Я долго не могъ убѣдить его въ неправильности его дѣйствій. Послѣ упраздненія уѣздныхъ совѣтовъ онъ сталъ таки играть первую роль въ уѣздѣ, но ничего дурного про него я сказать не могу, развѣ только то, что это былъ хитрый человѣкъ, ставшій коммунистомъ изъ за реальныхъ личныхъ выгодъ, но охотно «на всякій случай» признававшій всѣ недостатки коммунизма. Непріятно было его сѣрое масляпистое лицо, съ широкимъ распластаннымъ носомъ и крупными угрями.

Ничего интереснаго остальные судьи не представляли. Общее свойство ихъ — полная юридическая безграмотность, а часто и грамматическая. Когда я сдавалъ первый участокъ, моимъ замѣстителемъ оказался сѣрый и темный полуграмотный крестьянинъ. Онъ, видимо, бодрился при пріемѣ участка, но не могъ скрыть ужаса при видѣ нѣсколькихъ толстыхъ производствъ. Онъ ходилъ за мною хвостомъ, стараясь какъ можно болѣе запомнить изъ моихъ пространныхъ объясненій. Прощаясь съ нимъ, я засталъ его мрачно сидящимъ за однимъ изъ фоліантовъ дѣлъ, незаконченныхъ еще съ царскаго времени, гдѣ однихъ опредѣленій о подсудности было не меньше трехъ штукъ. Мнѣ стало жалко бѣдныхъ тяжущихся.

Вообще мало-мальскій навыкъ не разбирать дѣла, а хотя бы понимать значеніе производственныхъ бумагъ, — пріобрѣтался крестьянами-судьями только силою давности ихъ судейскихъ упражненій. Не понявъ этого, рекордъ безсмысленности установилъ Старицкій уѣздъ. Намотавъ на усъ крылатое словечко Ленина, что у большевиковъ каждый гражданинъ долженъ научиться управлять государствомъ, мѣстный исполкомъ рѣшилъ, что лучше всего начать съ обученія судейскихъ функцій и издалъ постановленіе о перевыборахъ новыхъ судей черезъ каждые три мѣсяца. Можно себѣ представить, какіе цвѣты расцвѣтали на почвѣ столь высокаго революціоннаго самосознанія.

* Комитетами бѣдноты стали именоваться прежніе волостные исполкомы съ того момента, какъ большевики, «углубляя революцію», стали разслаивать деревню на кулаковъ, середняковъ и бѣдняковъ.

Во все время моего предсѣдательствованія мнѣ пришлось замѣнять судью 1-го участка, вовсе не явившагося для занятія должности. Это обстоятельство позволило мнѣ наблюдать судебную жизнь уѣзда въ полномъ ея объемѣ, такъ сказать, на корню, а не только по дѣламъ съѣзда, гдѣ подборъ дѣлъ могъ оказаться случайнымъ. Первый участокъ обслуживалъ половину городской территоріи и двѣ волости: Марьинскую и Мѣдновскую. Въ центральные пункты волостей — села Марьино и Мѣдное — приходилось дѣлать выѣзды. Оба села лежали на большой дорогѣ въ Тверь, соединяющей конечными пунктами Петроградъ съ Москвою, и, несмотря на то, что волости были смежныя, что жители Мѣднаго и Марьина хорошо другъ друга знали и находились зачастую въ родственныхъ связяхъ, трудно себѣ представить большихъ антиподовъ, чѣмъ эти два села.

Мѣдновская волость, мизерная по территоріи, граничитъ съ Тверью и на ней сказалось въ полной мѣрѣ тлетворное вліяніе города. Само построеніе волости было на городской ладъ: на первомъ мѣстѣ центръ и гдѣ-то позади периферія. Большое красивое село Мѣдное, раскинувшееся по обѣ стороны Тверцы, съ боковыми улицами и переулками, — и незначительныя деревушки въ окружности. Большинство его уроженцевъ работало въ Твери на мануфактурѣ Морозова. Землей тамъ мало интересовались: въ дореволюціонное время потому, что рабочія руки выгоднѣе примѣнялись на фабрикѣ, во время большевизма потому, что не было орудій производства и съ одной только голой землей ничего нельзя было сдѣлать.

Въ эпоху Керенщины, по многимъ причинамъ, города были переполнены до отказа. Послѣ большевистскаго переворота городское населеніе стихійно хлынуло въ деревню по тремъ причинамъ, — изъ за голода, изъ за сокращенія фабрично-заводской дѣятельности и въ результатѣ самодемобилизаціи, возвратившей въ деревню не только взятыхъ у нея войною ископныхъ крестьянъ, но и всѣхъ снятыхъ мобилизаціями съ насиженныхъ городскихъ мѣстъ выходцевъ изъ крестьянъ, зачастую давнымъ давно уже утратившихъ органическую связь съ крестьянствомъ. Все это ринулось въ деревню съ цѣлью жить и кормиться, и въ слабыхъ крестьянскими устоями мѣстностяхъ, подавило и поглотило основной крестьянскій элементъ, исказило существовавшій бытъ. Такъ произошло и въ Мѣдномъ. Вмѣстѣ съ волною фабричныхъ (кромѣ упоминанія о Морозовской мануфактурѣ нужно отмѣтить также вліяніе Петроградскихъ фабрикъ, такъ какъ Тверская губернія, несмотря на свою близость къ Москвѣ и отдаленность отъ Петрограда, должна быть причислена къ губерніямъ опредѣленно Петроградской оріентаціи) городъ принесъ въ Мѣдное всѣ достиженія революціи — большевистское засилье, голодъ, полный сумбуръ и безтолковщину въ средѣ мѣстныхъ властей.

Первый разъ я выѣхалъ въ Мѣдное, не захвативъ провизіи — казалось смѣшнымъ ѣхать въ деревню и братъ изъ города съѣстные припасы. Я ничего не смогъ купить тамъ и настоятельное заявленіе, что послѣ восьми часовъ ѣзды письмоводитель, ямщикъ, да и я голодны, привело къ тому, что намъ выдали изъ продовольственнаго магазина по одному фунту муки. Расторопный ямщикъ обмѣпялъ ее на хлѣбъ, а ржавую селедку купили мы на собственныя средства. Ночевать пришлось не то на столѣ, не то на скамейкѣ.

Большевизмъ вообще насквозь пропитанъ чѣмъ то походнымъ, случайнымъ, лагернымъ или арестантскимъ. «Солдаты дымомъ грѣются, солдаты шиломъ брѣются», — этимъ неуютомъ и запахомъ казармы несло отовсюду: отъ при-

сутственныхъ мѣстъ, загрязненныхъ свыше всякаго вѣроятія, отъ дефектныхъ уплотненныхъ частныхъ жилищъ, отъ внѣшняго вида большевистскихъ дѣятелей, отъ городовъ, столицъ, отъ всей Россіи. Этой ущербной обстановкѣ сталъ соотвѣтствовать внутренній міръ россійскихъ гражданъ — психологія пріобрѣла какой то спекулятивный характеръ, чувства мѣрились на недѣльный масштабъ.

Марьинская волость — крѣпкая крестьянская волость. Село Марьино разрослось «порядками» въ длину по большой дорогѣ, окружено полями, въ которыя тотчасъ же упираются короткія боковыя улицы. Мы останавливались у мѣстнаго бывшаго богатѣя, имѣвшаго кожевенный заводъ, лавку, особо выстроенную изъ кирпича, съ желѣзной крышей, и большой двухъ-этажный домъ. Въ гостиной, гдѣ мы спали, была полная чистота, половики, много цвѣтовъ въ горшкахъ, большая образница и трюмо. Въ эту гостиную, въ то время, когда заводъ и лавка еще не были реквизированы, по всей вѣроятности, не такъ то легко было войти кому либо изъ обитателей села. Хозяинъ — невысокій сухой черноволосый человѣкъ, лѣтъ 40, въ пиджакѣ, одѣтомъ поверхъ косоворотки, отводилъ душу за апокалипсисомъ и толковалъ откровеніе Іоанна. Насъ поили молокомъ и чаемъ, а по утрамъ неизмѣнно подавали горячіе овсяные блины, чего вовсе не обязаны были дѣлать. Каждый разъ членъ исполкома приходилъ справляться, желаемъ ли мы обѣдать безплатно или за плату, и объявлялъ, что парядъ на нашу кормежку данъ крестьянину такому то.

Въ то время, какъ дѣла Мѣднаго носили характеръ чего то выдуманнаго, изобиловали подвохами, а въ остальномъ сводились главнымъ образомъ къ жалобамъ на неправильныя дѣйствія власти, къ отыскиванію неправильно отобранныхъ лошадей, вещей и т. д. — дѣла Марьинской волости были самыми крестьянскими дѣлами. Земля и все, что связано съ обработкой ея, имѣли для Марьинцевъ наивысшую цѣнность, и вокругъ этихъ предметовъ вертѣлись интересы Марьинцевъ, а стало быть и судейская жизнь.

Въ Мѣдномъ мало интересовались судомъ, въ камерѣ присутствовали почти исключительно вызванныя лица да служащіе исполкома. Костюмы были городскіе, говоръ былъ подъ интеллигенцію съ революціонными словечками, совершенно явственно просвѣчивало недовѣріе къ суду вообще. Это же недовѣріе, впрочемъ, сквозило и въ отношеніяхъ другъ къ другу. — Въ Марьинѣ камера съ утра набивалась густою толпою въ валенкахъ и полушубкахъ, гудѣвшей, какъ улей, раздѣлявшей всѣ перипетіи судебнаго процесса и самымъ непосредственнымъ образомъ реагировавшей на показанія свидѣтелей, замѣчанія судей и т. п., такъ что приходилось нерѣдко среди засѣданія обращаться къ присутствующимъ съ увѣщаніемъ. Крестьяне были коренастые, бородатые, давали показанія степенно и обстоятельно, прямо смотря въ глаза судьѣ. На многихъ полушубкахъ былъ вышитъ черною дратвой годъ. И насколько въ Мѣдномъ я неизмѣнно становился на дыбы противъ мнѣній двухъ сотоварищей судей, стремившихся въ рѣшеніяхъ охранять чистоту большевистской догматики, настолько легко мнѣ было отказаться отъ своего мнѣнія въ Марьинѣ, когда все дѣло освѣщалось разъясненіемъ непонятаго мною хитроумнаго чисто крестьянскаго разсчета, совершенно очевиднаго моему сосѣду крестьянину-судьѣ.

Эти два села мнѣ представлялись двумя организмами, разно сопротивляющимися одинаковой болѣзни. Одинъ — слабый, совершенно не можетъ противостоять злокачественной опухоли, заглушенъ и подавленъ ею, — другой —

борется неустанно. Здоровыя ткани локализируютъ болѣзнь, не даютъ ей углубиться и вотъ вотъ поглотятъ до конца враждебное себѣ начало.

Мѣдновская волость имѣла такое пораженное проказою лицо. Необходимость каждаго выѣзда туда порождала во мнѣ то брезгливое и опасливое ощущеніе, которое испытываемъ мы при близости захваченнаго этой болѣзнью человѣка.

Это разнообразіе состояній и настроеній со всей полнотою отражалось на теченіи повседневной жизни и на судебныхъ дѣлахъ.

Запомнился мнѣ такой случай. Въ Марьинѣ числилось 17 коммунистовъ, но, когда объявлена была обязанность каждой коммунистической организаціи выставить противъ Колчака 10% своихъ членовъ, количество коммунистовъ немедленно сократилось до 6-ти, такъ что въ походъ должно было пойти три пятыхъ человѣка.

А вотъ и судебные примѣры: однажды пришлось разбирать цѣлую серію аналогичныхъ дѣлъ по обвиненію крестьянъ въ неисполненіи распоряженій комиссіи по отобранію хлѣбныхъ излишковъ. Суть дѣла заключалась въ томъ, что къ сбору урожая 18-го года совѣтская власть не успѣла еще выяснить линію своего поведенія относительно крестьянъ и, опоздавъ принять мѣры къ учету и снятію урожая на корню, въ теченіе всей зимы донимала крестьянъ реквизиціями то хлѣба, то картофеля, то льняныхъ сѣмянъ, создавая для этой цѣли комиссіи сперва на мѣстахъ, а затѣмъ, убѣдившись въ ихъ непригодности, — въ уѣздныхъ центрахъ.

Марьинская комиссія опредѣлила сколько хлѣба мукой или зерномъ долженъ былъ сдать каждый хозяинъ, но крестьяне не исполнили этого, за что и обвинялись мѣстнымъ исполкомомъ. Къ удивленію моему всѣ обвиняемые ссылались на свидѣтеля-члена той самой комиссіи, которая производила разверстку. Съ перваго же дѣла выяснилось, что обвиняемые старались опорочить правильность самой разверстки, используя для этого члена бывшей комиссіи. Отклонить его допросъ не было никакихъ основаній и я внимательно слушалъ его разсказъ о томъ, какъ комиссія обходила дворы и опредѣляла количество излишковъ. Свидѣтель закончилъ, но я все таки ничего не понималъ:

«Ну такъ въ чемъ же дѣло».

«А вотъ у (имярекъ нашего богатѣя) перевѣшали и оказалось не девяносто пудовъ, а шестьдесятъ», — говоритъ обвиняемый.

«Какъ перевѣшали?»

«Да такъ, усумнился онъ и потребовалъ, чтобы свѣшали».

«Такъ какъ же, свидѣтель, вы у остальныхъ то опредѣляли, безъ вѣса?»

«Извѣстно, безъ вѣса. Смотримъ въ сусѣкъ и опредѣляемъ — столько тамъ четвертей, аль пудовъ».

«Вотъ такъ комиссія!»

Здоровенный хохотъ оглашаетъ камеру.

«Да ужъ комиссія, чтобъ ей провалиться. Ровно камень на шеѣ виситъ. Срамота одна».

Всѣ обвиняемые утверждали, что количество ихъ хлѣба вычислено неправильно и что у нихъ никакихъ излишковъ не оказывается.

Судъ оправдалъ всѣхъ обвиняемыхъ.

Я въ тотъ же день провѣрилъ у хозяина бывшій съ нимъ случай и онъ его подтвердилъ, удостовѣривъ, что разсчетъ хлѣба, дѣйствительно, производился на глазъ и совершенно неправильно.

Привлекался крестьянинъ по обвиненію въ порубкѣ лѣса. Жалоба была подана его односельчаниномъ. Выяснилось, что онъ нанятъ былъ деревенскимъ старостой огородить участокъ лѣса, принадлежавшій деревнѣ, и заготовлялъ для этого жерди, и, что ко времени разбирательства дѣла, лѣсъ дѣйствительно былъ огороженъ.

Такое отношеніе Марьинцевъ къ лѣсу оказалось совершенно исключительнымъ. Проѣзжая по селамъ и деревнямъ Старицкаго уѣзда, у каждой безъ исключенія крестьянской избы я видѣлъ груды наваленныхъ, свѣже-очищенныхъ бревенъ. На въѣздахъ и выѣздахъ изъ деревень такъ и мелькали въ глазахъ новые срубы, не успѣвшіе потускнѣть. Мой возница ткнулъ по направленію ихъ кнутомъ и подъ носъ себѣ пробормоталъ:

«Дорого за это заплатить придется».

Я счелъ за лучшее не сообщать ему, что я думаю. Это могло стоить жизни сотнямъ лишнихъ деревьевъ.

Одно дѣло не дошло до суда. Надъ помѣщичьими усадьбами уѣзднымъ земельнымъ отдѣломъ былъ назначенъ изъ Торжка комиссаръ. Его хозяйствованіе свелось къ тому, что весь помѣщичій урожай 17-го года въ Марьинской волости онъ сгноилъ въ амбарахъ. Погибли тысячи пудовъ ржи, овса, проса и т. д. Съ моей точки зрѣнія это было величайшее преступленіе, ибо Петроградъ уже голодалъ въ то время, а между тѣмъ Новоторжскій исполкомъ ограничился тѣмъ, что смѣстилъ комиссара, не наложивъ на него никакого наказанія. Эту исторію разсказалъ мнѣ одинъ изъ бывшихъ членовъ Марьинскаго исполкома первоначальнаго состава. Дѣло было серьезное. Разъ начавъ, его нужно было во что бы то ни стало довести до конца, и я рѣшилъ взяться за него только въ томъ случаѣ, если у меня будутъ гарантіи такого успѣшнаго окончанія. Я заявилъ моему собесѣднику, что я возбужу дѣло только въ томъ случаѣ, если группа крестьянъ въ письменной формѣ сообщитъ мнѣ все, что они разсказывалъ. Это дало бы мнѣ тотъ обвинительный матеріалъ, который оказался бы необходимымъ, если бы всѣ остальныя улики, какъ этого можно было ожидать, исчезли бы. На такой поступокъ гражданскаго мужества у Марьинцевъ не хватило.

Изъ дѣлъ Мѣднаго мнѣ запомнились два слѣдующихъ: пожилой крестьянинъ требовалъ отъ продовольственнаго отдѣла возврата отобранныхъ продуктовъ, — нѣсколько фунтовъ изюма, сахара и т. п. Во избѣжаніе подозрѣнія, что эти предметы у него хранились для спекуляціи, истецъ представилъ разсчетную книжку, выданную заводскимъ управленіемъ Тверской Морозовской мануфактуры, въ которой, дѣйствительно, были отмѣчены выдачи отобранныхъ продуктовъ. Завѣдующій продовольственнымъ отдѣломъ объяснилъ, что никто не можетъ хранить у себя столь большого количества продуктовъ и, послѣ большихъ принужденій съ моей стороны, показалъ, что отобранные продукты переданы мѣстному клубу коммунистовъ. Мнѣ удалось убѣдить одного судью, что отобранные запасы представляютъ собою трудовой паекъ истца и что задачи продовольственной организаціи состоятъ въ регулированіи распредѣленія, а никакъ не потребленія уже распредѣленныхъ продуктовъ, въ силу чего никакая власть не можетъ заставить кого либо съѣсть выданный ему паекъ и воспрепятствовать сбереженію его на будущее время. Судья постановилъ удовлетворить требованія истца, несмотря на то, что второй судья-коммунистъ остался при особомъ мнѣніи.

Второе дѣло шло о возвратѣ неправильно отобранной лошади. Уѣздный военный отдѣлъ предписалъ волостямъ составить комиссію для реквизиціи лошадей, точно обозначивъ ея составъ. Вмѣсто комиссіи дѣйствующимъ лицомъ оказался одинъ лишь волостной военный комиссаръ. Не тронувъ нѣкоторыхъ трехлошадниковъ онъ отобралъ у истца лошадь, оставивъ ему на все хозяйство жеребенка. Каждый мой вопросъ, — да и все это дѣло, — онъ считалъ личнымъ для себя оскорбленіемъ, отвѣчалъ съ большой неохотой, не могъ понять, какимъ образомъ могутъ оказаться незаконными его дѣйствія, разъ онъ военный комиссаръ, и не могъ усвоить разницы между единоличными распоряженіями и дѣйствіями комиссіи. Въ видахъ цѣлесообразности, истца пришлось направить съ жалобой непосредственно въ уѣздный военный отдѣлъ.

Жалованье совѣтъ выдавалъ 1-го и 15-го числа, и къ этимъ днямъ охотно съѣзжались судьи также для того, чтобы подѣлиться впечатлѣніями и посовѣтоваться о неудававшихся имъ дѣлахъ. Ихъ разсказы дополняли пробѣлы моихъ личныхъ впечатлѣній, и на основаніи всего этого прошедшаго предо мною матеріала я могу съ увѣренностью сказать, что во всѣхъ камерахъ уѣзда, равно какъ и въ самомъ совѣтѣ, внѣ конкуррентными по количеству стояли дѣла о раздѣлахъ. Въ деревню понаѣхали братья, сыновья, всевозможные родственники, использовавшіе всякую возможность пристегнуться къ крестьянскому хозяйству. Это было неудивительно, ибо война и революція своротили безконечное количество людей съ протоптанныхъ жизненныхъ тропъ и заставили ихъ искать новаго приложенія своихъ силъ. Но удивительно было то, что и чисто крестьянскія семьи поддались этой волнѣ сепаратизма и заваливали суды прошеніями о раздѣлахъ. Для меня эти дѣла являлись лучшимъ доказательствомъ эфемерности большевистскихъ коммунистическихъ затѣй и симптомами все усиливающагося гніенія государственнаго организма, проникавшаго въ глубь, разрушавшаго основные элементы его существованія. Съ одной стороны насаждались искусственныя коммунистическія хозяйства, въ конецъ раззорявшія тѣ имѣнія, къ которымъ онѣ прикасались, съ другой стороны стихійно разрушалась единственная существующая въ мірѣ естественная коммуна — семья. Свѣча горѣла съ двухъ концовъ.

Новоторжскія помѣстья славятся громкими именами, тамъ сгруппировались имѣнія Петрункевичей, Бакунинныхъ, въ Марьинской волости я лично осматривалъ имѣнія Тыртова и Дубасова. Дворянство помѣстное и дворянство служилое были одинаково представлены въ Новоторжскомъ уѣздѣ. Я не могу найти болѣе печальнаго зрѣлища, чѣмъ эти бывшіе островки сельско-хозяйственной культуры послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ коммунальнаго хозяйничанья. Все разрушалось, все сводилось на нѣтъ. Въ сосѣднемъ Старицкомъ уѣздѣ коммуны блестяще проводили декретъ о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ во время сѣнокоса и жатвы.

Крестьянскія хозяйства обезсиливались раздѣлами, ибо, за исчерпаніемъ вопроса о землѣ, на первый планъ выплылъ вопросъ объ орудіяхъ производства, а на нихъ то, главнымъ образомъ, и направлялись вожделѣнія всѣхъ требовавшихъ раздѣла.

Изъ съѣздовыхъ дѣлъ я долженъ упомянуть объ одномъ, сыгравшемъ извѣстную роль въ моей судьбѣ. Это было дѣло Семеновой, начавшееся въ

1917 году и поступившее въ съѣздъ чрезъ какую то передаточную инстанцію. Мѣстомъ дѣйствія была, конечно, Мѣдновская волость.

Одинъ крестьянинъ, нажившій въ Петербургѣ нѣкоторыя деньги, подъ старость возвратился въ деревню и завелъ довольно широкое хозяйство. Все имущество онъ завѣщалъ своей сожительницѣ, крестьянкѣ села Марьина, тоже уже не молодой женщинѣ. Онъ умеръ. Завѣщаніе было утверждено, и Семенова вступила во владѣніе на правахъ хозяйки. Послѣ переворота явился братъ умершаго съ семьей, никогда раньше не бывавшій въ деревнѣ, и заявилъ свои права на имущество покойнаго на томъ основаніи, что оно упаслѣдовано ими отъ отца и недѣленое. Кончилось дѣло тѣмъ, что при содѣйствіи деревенскихъ властей Семеновой выдали на прожитье нѣкоторое количество продуктовъ и выбросили изъ дома, отобравъ отъ нея даже такую вещь, какъ векселя одного мѣстнаго торговца на имя умершаго.

«Власть была на мѣстахъ» — сообщило мнѣ въ свое оправданіе одно изъ дѣйствующихъ лицъ этой исторіи. Понималась эта формула въ томъ смыслѣ, что мѣстныя власти могутъ безнаказанно творить рѣшительно все, что только не придетъ имъ въ голову.

Векселя находились въ дѣлѣ мирового судьи керенскаго періода и были получены оттуда однимъ изъ представителей деревенской власти по запискѣ Семеновой, гдѣ значилось: «довѣряю получить», то-есть просто по довѣренности. Семенова была безграмотна, записка была писана кѣмъ то другимъ, и для меня было совершенно ясно, что она была вынуждена.

Ко дню засѣданія въ совѣтѣ, кромѣ Семеновой, явился какой то неизвѣстный кудластый молодой человѣкъ съ довѣренностью отъ общества крестьянъ деревни такой то, какъ оказалось впослѣдствіи, одинъ изъ сподвижниковъ брата умершаго. Онъ былъ устраненъ, такъ какъ ни о какихъ интересахъ общества крестьянъ дѣло не шло, самое же дѣло было пріостановлено производствомъ до выясненія уголовной отвѣтственности виновниковъ самосуда, причемъ двое судей и я нашли необходимымъ арестовать всѣхъ принимавшихъ участіе въ отобраніи имущества Семеновой во избѣжаніе возможнаго сговора. Таковыхъ оказалось семеро и, къ несчастью моему, трое или четверо изъ нихъ были коммунистами. По какимъ то обстоятельствамъ мой приказъ объ арестѣ не былъ исполненъ своевременно и только лишь послѣ грозной бумаги ихъ привели нѣшкомъ по крѣпчайшему морозу изъ за сорокъ съ лишнимъ верстъ. Я допрашивалъ ихъ по одиночкѣ и послѣ допроса отпускалъ на свободу,

Однажды въ мою комнату вошелъ молодой человѣкъ въ хорошей поддевкѣ и мѣховой шапкѣ и чрезвычайно развязно потребовалъ отчета, почему не всѣ арестованные по этому дѣлу выпущены изъ подъ ареста.

«А вы кто же будете?» — спросилъ я.

«Я коммунистъ».

«Это мнѣ безразлично, коммунистъ вы или кадетъ. Я спрашиваю, состоите ли вы въ какихъ либо родственныхъ или иныхъ отношеніяхъ съ арестованными?»

«Я присланъ мѣстными коммунистами узнать о положеніи дѣла. Вотъ мой мандатъ».

«Позвольте его сюда, я приложу его къ дѣлу, но никакихъ свѣдѣній вамъ дать я не имѣю права, такъ какъ вы и наши товарищи коммунисты являетесь посторонними дѣлу лицами».

Вслѣдствіе обилія матеріала, многочисленности дѣйствующихъ лицъ и моей крайней занятости, я не успѣлъ закончить составленіе обвинительнаго акта.

Дѣло перешло въ новый губернскій совѣтъ народныхъ судей и тамъ, я не сомнѣваюсь, было затушено.

Теперь я иногда думаю, что они сдѣлали съ бѣдной Семеновой, послѣ того, какъ, въ силу моей предусмотрительности, ничего не успѣли сдѣлать со мною.

Въ качествѣ представителя совѣта мнѣ пришлось завѣдывать тюрьмой и конвойной командой. Всѣ отправки въ суды, свиданія съ заключенными, кромѣ числившихся за чрезвычайкой, производились по моему приказу. Новоторжская тюрьма содержалась въ образцовомъ порядкѣ. Не только камеры, но и кухня, баня, прачешная поразили меня своей чистотой въ особенности потому, что я разсчитывалъ встрѣтить здѣсь нѣчто иное. Смотритель, служившій съ дореволюціонныхъ временъ, былъ большимъ формалистомъ и именно это формальное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, думается мнѣ, и спасало его на этомъ щекотливомъ посту. Въ дѣлопроизводствѣ его былъ полный порядокъ, а этого было трудно достигнуть при томъ условіи, что въ тюрьму не препровождали, а просто сваливали всѣхъ арестованныхъ всѣ суды — безъ препроводительныхъ бумагъ, часто безъ указанія даже установленнаго прозванія арестанта. Урегулировать это пришлось при помощи стараго циркуляра.

Принимая тюрьму, я обошелъ всѣхъ заключенныхъ и спрашивалъ о причинахъ содержанія, а также о желаніяхъ. Никто изъ нихъ не жаловался на администрацію, а между тѣмъ тюремная дисциплина была налицо.

Въ одной изъ камеръ я былъ удивленъ, увидѣвъ священника, сидящаго за Евангеліемъ. Мелькнула мысль, что это плѣнникъ чрезвычайки, и захотѣлось его подробно разспросить, но пришлось тотчасъ же осѣчься, когда на мой вопросъ: «за что содержитесь, отецъ?» я услышалъ: «за самогонку».

Главное тюремное управленіе мѣсяца черезъ два послѣ эвакуаціи комиссаріата юстиціи въ Москву прибыло туда же и вошло въ составъ комиссаріата въ качествѣ отдѣла. Тамъ изобиловали люди съ сѣрыми лицами и торчащими волосами. Они рѣзко отличались отъ болѣе или менѣе подтянутой публики комиссаріата и казалось, что на наши собранія (они помѣщались гдѣ то отдѣльно отъ комиссаріата) они появлялись прямо изъ тюрьмы. Ихъ такъ и называли «тюремщиками».

Этотъ тюремный отдѣлъ слалъ предсѣдателямъ совѣтовъ бумагу за бумагой, вызывавшія и смѣхъ, и возмущеніе. Церковь въ тюрьмѣ предписывалось уничтожить, предлагалось усилить медицинскій надзоръ, ввести обученія всевозможнымъ ремесламъ, рекомендовалось улучшить пищу, устраивать лекціи и собесѣдованія — за отсутствіемъ кредитовъ все это оказывалось пустымъ бумагомараніемъ. Въ виду усиленія сыпно-тифозной эпидеміи предлагалось не увеличивать количества заключенныхъ и, по возможности, освобождать изъ подъ стражи. Такимъ образомъ сыпно-тифозная эпидемія становилась смягчающимъ вину обстоятельствомъ. На бумагѣ дѣятельность тюремнаго отдѣла была направлена къ тому, чтобы поставить арестантовъ въ привиллегированное положеніе сравнительно съ остальными гражданами, голодными, брошенными въ водоворотъ революціонныхъ случайностей. На дѣлѣ же получались ужасы Бутырской тюрьмы, вмѣсто обученій и лекцій, не переводился сыпной тифъ, и я могу себѣ представить состояніе одного изъ свидѣтелей, фигурировавшихъ въ

дѣлѣ, пересланномъ мнѣ изъ Твери по подсудности, который былъ «арестованъ въ качествѣ свидѣтеля». какъ это было изображено въ протоколѣ, и просидѣлъ въ Тверской тюрьмѣ около двухъ недѣль.

IV

Въ Торжкѣ издавалась коммунистическая газетка, одна изъ «Правдъ» или «Извѣстій». Ея безграмотныя строки дышали ненавистью къ зажиточнымъ крестьянамъ, къ интеллигенціи, къ буржуазіи, къ капиталистамъ, къ имперіалистамъ, къ кадетамъ, къ эсдекамъ, эсерамъ, словомъ, ко всему міру. Спустя годъ послѣ того, какъ помѣщики были изгнаны, привиллегированные классы упразднены, люди умственнаго труда и спеціальныхъ знаній подавлены, все еще продолжала хлестать черезъ край вѣковая злоба униженныхъ и оскорбленныхъ. Она питалась сознаніемъ собственнаго безсилія и конца ей не предвидѣлось. Въ этой газетѣ, между прочимъ, я встрѣтилъ подпись Ѳомы Райляна, художника, извѣстнаго издавна не собственными талантами, а цинническими выпадами противъ Куинджи. Лучшаго мѣста, чѣмъ эта газетка, не могъ найти Райлянъ для примѣненія своихъ клеветническихъ способностей. Изъ этой то газеты я узналъ, что Панфиловъ отказался отъ предсѣдательствованія въ исполкомѣ и уѣхалъ изъ Торжка.

На меня это подѣйствовало непріятно, такъ какъ я вступалъ уже въ полосу конфликтовъ, а въ Панфиловѣ, безъ всякихъ внѣшнихъ данныхъ, какимъ то внутреннимъ чутьемъ, я угадывалъ симпатизирующаго мнѣ человѣка.

Эта существенная перемѣна въ составѣ исполкома была особенно значительна для меня потому, что, опасаясь стать объектомъ наблюденій, я совершенно не посѣщалъ исполкома, не зналъ господствующихъ тамъ настроеній и потому не могъ учитывать этого важнаго фактора при расчетѣ послѣдствій того или иного своего дѣйствія.

Съ уходомъ Панфилова сталъ предсѣдательствовать какой то совершенно сѣрый, длинноволосый деревенскій парнишка. Я видѣлъ его только мелькомъ. Головановъ, превратившійся изъ комиссара юстиціи въ завѣдующаго отдѣломъ соціальнаго обезпеченія, не игралъ уже существенной роли и изъ всего исполкома я познакомился только съ завѣдующимъ финансовымъ отдѣломъ Тумановымъ. Онъ произвелъ на меня отрицательное впечатлѣніе. Знакомство наше состоялось во время раскладки революціоннаго налога, распредѣленнаго центральной властью въ общихъ суммахъ между столицами, губернскими городами и губерніями. Развертывать по уѣздамъ волостямъ и отдѣльнымъ лицамъ должны были мѣстныя власти, руководствуясь указаніемъ, что главнымъ образомъ въ деревняхъ облагаются кулаки, въ незначительной степени середняки, а бѣдняки освобождаются отъ налога. Результатомъ дѣйствій мѣстныхъ властей была масса жалобъ на неправильное выполненіе развертки. Зайди въ финансовый отдѣлъ справиться, скоро ли будутъ получены для совѣта задержавшіяся деньги, я засталъ Туманова разсуждающимъ на ту тему, что онъ не можетъ не считать «кулакомъ» крестьянина, у котораго имѣется собственный домъ, лошадь и корова.

«Интересно, кого онъ считаетъ истиннымъ сыномъ россійской республики? — подумалъ я — того, кто имѣетъ одни лишь рваные штаны».

Жалобы, повидимому, имѣли много шансовъ оказаться справедливыми.

При такомъ положеніи вещей я былъ совершенно одинокъ въ Торжкѣ и единственно, на что я могъ опереться, была моя репутація человѣка со связями. Я намѣревался пользоваться ею, какъ орудіемъ самозащиты.

Начало моихъ взаимоотношеній съ чрезвычайкой было вызвано ею. По упоминавшемуся уже дѣлу перваго участка, почему то особенно интересовавшему чека, я получилъ новый запросъ о положеніи дѣла. Я отвѣтилъ, что ни судьи, ни совѣтъ не состоятъ въ подчиненіи у чрезвычайной комиссіи и что никакого вмѣшательства ея въ теченіе судебныхъ дѣлъ я не допущу. Внизу отвѣтной бумаги я помѣтилъ: «копіи препровождаются въ Новоторжскій Исполкомъ и Тверской Комиссаріатъ Юстиціи». Таковыя я дѣйствительно препроводилъ по назначенію. Москву я рѣшилъ беречь для экстреннаго случая. Этотъ эпизодъ никакого дальнѣйшаго развитія не получилъ.

Послѣ образованія совѣта, уголовная комиссія поторопилась спихнуть мнѣ для храненія дѣла административнаго отдѣла. Они долго лежали въ моей служебной комнатѣ, ожидая составленія точнаго реестра и сдачи въ архивъ. Занявшись какъ то ихъ просмотромъ, я наткнулся на досье по дѣлу Егорова. Я зналъ, что Егоровъ былъ однимъ изъ первыхъ, разстрѣлянныхъ чека, и заинтересовался дѣломъ. Оказалось, что Егоровъ, крестьянинъ, помнится, Марьинской волости, состоя комиссаромъ одного изъ имѣній, присвоилъ себѣ два мѣшка муки, былъ арестованъ чека, приговоренъ къ разстрѣлу и разстрѣлянъ. Обстоятельства дѣла были такія: приговоръ былъ вынесенъ чрезвычайкой 31-го Мая и въ тотъ же день сообщенъ исполнительному комитету. Исполнительный комитетъ въ экстренномъ вечернемъ засѣданіи постановилъ предоставить чека избрать для наказанія Егорова любое суровое наказаніе, но разстрѣла не производить. По разносной книгѣ исполкома я установилъ, что это опредѣленіе исполкома было доставлено чека 1-го Іюня и, очевидно, въ часы служебныхъ занятій или во всякомъ случаѣ до вечера, потому что исполкомъ, несомнѣнно, торопился, если созвалъ по этому дѣлу экстренное засѣданіе и потому еще, что трудно предположить, чтобы курьеръ занимался разносной бумагъ въ позднее вечернее время. Между тѣмъ, это постановленіе исполкома было возвращено чрезвычайной комиссіей черезъ нѣсколько дней съ надписью на обратной сторонѣ о томъ, что въ ночь съ 1-го на 2-ое Іюня приговоръ приведенъ въ исполненіе. Такимъ образомъ, оказывалось установленнымъ, что бумага исполкома была получена въ чека въ то время, когда Егоровъ еще былъ живъ. Интереснѣе всего, что дата полученія бумаги была дважды исправлена и такъ неумѣло, что совершенно явственно выступала первоначальная цифра 1, исправленная затѣмъ на 2 и, наконецъ, — на 4. Егоровъ былъ разстрѣлянъ вопреки постановленія исполкома.

Несмотря на столь очевидную суть этого дѣла, нельзя было обвинять чека по существу ея дѣйствій, ибо къ 1-му Іюня 1918 года не было никакихъ постановленій совѣтской власти, которыя обязывали бы чека подчиняться постановленіямъ исполкома. Съ другой стороны, я не считалъ себя въ правѣ оставить это дѣло, не давъ ему никакого движенія. Наиболѣе обоснованнымъ

обвиненіемъ могло быть обвиненіе въ служебномъ подлогѣ, выразившемся въ исправленіи датъ. Его я и поддерживалъ, перенося центръ тяжести своей докладной записки на мотивировку, въ которой постарался по возможности убѣдительно разъяснить, что подлогъ этотъ сдѣланъ изъ боязни отвѣтственности за противозаконное лишеніе жизни. Если бы была отвергнута эта мотивировка по формальнымъ соображеніямъ, то подлогъ все таки оставался во всей его силѣ. По этому дѣлу изъ Твери пріѣзжалъ слѣдователь, опрашивалъ меня, знакомился съ дѣломъ, согласился съ моими доводами и уѣхалъ, забравъ съ собою дѣло.

Предсѣдателемъ чека въ Торжкѣ былъ нѣкій Клюевъ. О его прошломъ я ничего не знаю. Онъ выдавалъ себя за анархиста, можетъ быть для того, чтобы не быть связаннымъ партійной дисциплиной и быть совершенно самостоятельнымъ въ своей дѣятельности. О подвигахъ его было много разсказовъ, но придерживаясь только точно установленныхъ фактовъ, воздерживаюсь отъ сообщенія ихъ. Несомнѣнно же было то, что крови и вина въ чека пролилось не мало.

Приблизительно въ серединѣ Ноября былъ полученъ секретный циркуляръ Курскаго, которымъ предписывалось предсѣдателямъ совѣтовъ наблюдать за общимъ положеніемъ юстиціи въ уѣздѣ и въ томъ числѣ за дѣятельностью чрезвычайныхъ комиссій. Какъ разъ въ это время, назначая къ слушанію дѣла 1-го участка, я наткнулся на дѣло, долго лежавшее безъ движенія. Обвинялся нѣкій Гаркуша въ сбытѣ фальшиваго рубля. Дѣло началось задолго до принятія мною участка и неподвижность его объяснялась тѣмъ, что, по имѣвшемуся въ дѣлѣ сообщенію начальника тюрьмы, Гаркуша былъ разстрѣлянъ какъ контръ-революціонеръ. Въ дѣлѣ же имѣлось и полное разъясненіе этого страннаго происшествія. Гаркуша подалъ бумагу въ судъ, въ которой объяснилъ, что однажды онъ ѣхалъ по Николаевской жел. дор., и не задолго до станціи Бологое въ вагонѣ появилось нѣсколько человѣкъ, которые стали осматривать и отбирать у пассажировъ багажъ. Въ Бологое для этой же цѣли появился желѣзнодорожный отрядъ, который, узнавъ, что его предупредили, потребовалъ у обыскивавшихъ удостовѣреніе на право производить обыски. Главарь шайки предъявилъ мандатъ, который, однако, показался желѣзнодорожникамъ подозрительнымъ. Тогда онъ указалъ на нѣсколько пассажировъ, въ томъ числѣ и на Гаркушу, которые, будто бы, могли подтвердить правильность этого мандата. Желѣзнодорожники арестовали и обыскивавшихъ, и пассажировъ, на которыхъ было указано, и отвели ихъ сперва въ мѣстную тюрьму, а затѣмъ отправили въ Москву въ Бутырскую для установленія личности. Главаремъ шайки оказался Клюевъ. Въ Бутыркахъ онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ Гаркушей и съ какимъ то фокусникомъ, который для препровожденія времени показывалъ фокусы съ серебрянымъ рублемъ. Этотъ рубль въ концѣ концовъ остался у Гаркуши, вовсе и не подозрѣвавшаго, что рубль фальшивый. Для подтвержденія всего изложеннаго Гаркуша просилъ допросить предсѣдателя чрезвычайной комиссіи Клюева.

По наведеннымъ мною справкамъ, Гаркуша былъ ночью взятъ изъ тюрьмы чекистами, послѣ чего тутъ же у тюремной стѣнки его собственноручно убилъ изъ револьвера Клюевъ.

Многое въ объясненіи Гаркуши мнѣ казалось несоотвѣтствующимъ дѣйствительности, но фактъ оставался фактомъ. — Человѣкъ обвинялся въ сбытѣ фальшиваго рубля (мирная подсудность прежняго времени), а разстрѣлянъ

за контръ-революціонность, которую онъ неизвѣстно какимъ образомъ могъ проявить, сидя въ тюрьмѣ.

Мимо этого дѣла я также не могъ пройти молча, хотя бы на основаніи упомянутаго циркуляра Курскаго. Я написалъ докладную записку тверскому комиссару Юстиціи, въ которой указывалъ, что въ рукахъ Клюева не можетъ дальше оставаться жизнь и судьба гражданъ. Вскорѣ изъ Твери было затребовано досье по дѣлу Гаркуши.

Одною изъ дѣйствующихъ силъ въ Торжкѣ была мѣстная фракція коммунистовъ или иначе — «коммунистическая ячейка». Словцо, получившее послѣ революціи особыя права гражданства. Не было, кажется, ни одного собранія, гдѣ бы оно не употреблялось во всѣхъ падежахъ. Моему воображенію «ячейка» представлялась скопищемъ копошащихся насѣкомыхъ, и я искренне ненавидѣлъ ораторовъ, употреблявшихъ это выраженіе.

По мѣрѣ того, какъ коммунизмъ въѣдался въ государственное управленіе, партійная организація пріобрѣтала все большее значеніе и въ концѣ концовъ превратилась въ тотъ центральный пунктъ, гдѣ нужно было искать объясненія всего происходящаго. Всѣ пути сходились на ней. Въ управляющихъ органахъ всѣхъ учрежденій большевики имѣли большинство и въ служебной дѣятельности совершенно свободно проводили ту программу, которая заблаговременно вырабатывалась въ партійныхъ департаментахъ. Это была, да и есть по настоящее время, своеобразная звѣздная палата, гдѣ конспиративно, въ маломъ кругу лицъ, рѣшаются судьбы Россіи и чрезъ ея провинціальные филіалы проводятся въ жизнь по всѣмъ ея уголкамъ.

Если раньше, принимая во вниманіе, что программная сторона большевизма рѣзко расходится съ тактикой, можно было, не особенно грѣша совѣстью, утвердительно отвѣчать на обязательный пунктъ анкетъ: «сочувствуете ли вы совѣтской платформѣ?» (безъ какового отвѣта нигдѣ нельзя было оставаться на службѣ), то теперь была придумана новая западня для уловленія душъ. Устроена была организація «сочувствующихъ», гдѣ проводилась партійная дисциплина, устраивались доклады, обязательно посѣщаемые и т. д. Отвертѣться отъ этого нажима было чрезвычайно трудно, ибо въ новѣйшихъ анкетахъ вопросы были поставлены въ такой хитроумной комбинаціи:

«Сочувствуете ли вы совѣтской платформѣ?» — обязательнымъ отвѣтомъ для каждаго желавшаго получить или продолжить службу было: «сочувствую».

Слѣдующій вопросъ:

«Если сочувствуете, то состоите ли въ организаціи «сочувствующихъ», и если не состоите, то почему?»

Второй вопросъ, какъ будто, совершенно логически вытекалъ изъ перваго. Разъ сочувствуешь, то и иди въ спеціально для сочувствующихъ устроенную организацію. На этомъ вопросѣ попадались многіе. Большинство выставляло отговорки, могущія принести только лишь болѣе или менѣе продолжительную отсрочку. Объясняли свою безпартійность или незнаніемъ, что существуетъ такая организація, или занятостью и т. п., кончилось это тѣмъ, что незнавшихъ ознакомили, занятыхъ приглашали пожаловать вечеромъ и въ концѣ концовъ всѣ, назвавшіеся груздемъ, должны были залѣзть въ кузовъ.

Въ Торжкѣ происходило все по указанной программѣ. Дошла очередь и до меня. На второй вопросъ я отвѣтилъ, что въ организаціи «сочувствующихъ»

не состою потому, что, по моему мнѣнію, Россія еще слишкомъ некультурна для какой либо планомѣрной партійной жизни. Для иллюстраціи такого взгляда у меня была заготовлена ссылка на убійство Мирбаха въ Москвѣ, за которое были арестованы и вообще поплатились рядовые эсеры, между тѣмъ какъ убійство было предпринято и организовано центральнымъ комитетомъ партіи за собственный рискъ и страхъ. Пустить ее въ ходъ не пришлось, потому что меня оставили въ покоѣ.

Въ конечномъ результатѣ эти мѣры привлеченія въ партію дали значительный приростъ новыхъ членовъ.

Зимою 18/19-го года Россія наполнилась воплемъ:

«Всѣ на сибирскій фронтъ! Всѣ противъ Колчака!»

Митинги слѣдовали одинъ за другимъ. Резолюціи съ отборной руганью сыпались, какъ горохъ. Редиски*, захлебываясь отъ восторга, повторяли расклеенное по Москвѣ четверостишіе.

«Собиралась В. Ч. К-а
«Уничтожить Колчака,
«Но придется Колчаку
«Уничтожить В. Ч. К-у».

Въ Торжкѣ опять зажужжали набившія оскомину словечки: имперіалисты, капиталисты и прочіе жупелы революціоннаго арсенала. Въ періодъ осенней слякоти объявленъ былъ сборъ всѣхъ коммунистовъ уѣзда, причемъ въ расклеенныхъ по городу объявленіяхъ значилось, что каждый, явившійся на сборъ, долженъ запастись провіантомъ на три дня и явиться готовымъ къ тому, чтобы немедленно быть погруженнымъ въ вагоны. Всего собралось человѣкъ двѣсти — триста самой разношерстной компаніи. Тутъ были и мальчики, и бородачи въ крестьянскихъ полушубкахъ и городскихъ одѣяніяхъ того покроя, по которому въ былое время деревня опознавала «стрекулистовъ». Этимъ сборомъ совѣтская власть достигала двухъ цѣлей — производила подсчетъ силъ и провѣряла составъ партіи для того, чтобы выбросить изъ ея рядовъ колеблющіеся и неискренніе элементы, дрогнувшіе передъ перспективой отправки на фронтъ и не явившіеся на сборъ.

Глядя на это послушное стадо, я старался и не могъ понять психологіи этихъ несчастныхъ людей. Со стороны одностальчанъ ихъ преслѣдовала ненависть, скрываемая, да и то не всегда, изъ боязни ихъ мести. Со стороны партійнаго начальства ихъ подвергали дисциплинарнымъ взысканіямъ, возлагали въ первую голову на нихъ тяготы по проведенію въ жизнь коммунистическихъ затѣй, мобилизовывали и отправляли на опостылѣвшіе фронты, исключали изъ партіи, ставя этимъ въ положеніе, аналогичное тому, въ которомъ въ прежнее время оказывался сыщикъ, прогнанный со службы. Что они выгадывали отъ этого? — При такихъ условіяхъ партійнаго существованія только безысходность деревенской страшной нужды могла загнать ихъ въ руки коммунистовъ. Мысль объ идейныхъ побужденіяхъ съ трудомъ приходила въ голову и казалась нелѣпой при видѣ этихъ понурыхъ фигуръ, унылыхъ лицъ, соединенныхъ въ одну скучную мелькающую цѣпь однообразнымъ выраженіемъ написаннаго на нихъ безразличія. Я смотрѣлъ на нихъ, и откуда то изъ даль-

---

* Редисками назывались люди сверху красные, а въ серединѣ бѣлые.

няго уголка памяти выростала забытая фраза: «Ничѣмъ же мучимы бываютъ, сами себѣ мученія творятъ». Откуда это? — Не то Григорій Котошихинъ, не то какой то греческій монахъ, путешествовавшій по Россіи и передававшій свои впечатлѣнія отъ русской бани, гдѣ обнаженные славяне, по доброй своей волѣ, захлестывали себя до одурѣнія распаренными вѣниками.

Предсѣдателемъ Новоторжской фракціи коммунистовъ былъ глупый, откормленный Ананьинъ. Недавній ученикъ Новоторжскаго реальнаго училища, онъ не сносилъ еще форменнаго пальто и только переставилъ пуговицы на штатскія. Онъ былъ сыномъ мѣстнаго зажиточнаго купца и домовладѣльца. Разсказывали, что вскорѣ послѣ переворота онъ способствовалъ отцу и дядѣ скрыться куда то «за предѣлы досягаемости». Можетъ быть, и весь его коммунизмъ былъ только способомъ охраны родового имущества.

Онъ неизмѣнно выступалъ на всѣхъ митингахъ, собраніяхъ и т. п. и надоѣлъ всѣмъ до тошноты. Когда онъ появлялся на эстрадѣ, его толстое, глупое, мальчишески лишенное растительности, лицо мгновенно багровѣло не то отъ волненія, не то отъ конфуза, глаза превращались въ щелки, уста съ шумомъ выбрасывали отрывистыя фразы, а правая рука безостановочно сгибалась въ локтѣ, короткимъ движеніемъ вздымая и опуская сжатый кулакъ. Новоторжскіе ораторы вообще не выдерживали критики. Однажды случился такой курьезъ: на собраніи въ память погибшей Розы Люксембургъ, происходившемъ въ переполненномъ залѣ народнаго театра говорилъ рѣчь военный комиссаръ, описывая событія, происходившія въ Германіи. На серединѣ его рѣчи я увидѣлъ, что онъ теряетъ мысль и безнадежно запутывается. Онъ, несомнѣнно, чувствовалъ это и самъ и рѣшилъ отыграться на революціонномъ пафосѣ. Ступивъ шагъ впередъ и театрально приподнявъ руки, дрожащимъ голосомъ онъ провозгласилъ:

«И вотъ! Возмущенная толпа растерзала Розу Люксембургъ!».

Въ залѣ царствовало благоговѣйное молчаніе и только нѣсколько головъ изъ перваго ряда низко склонились для того, чтобы внимательно изслѣдовать собственныя манжеты.

Однажды я собирался уже уходить со службы, какъ мнѣ подали пакетъ. Я вскрылъ, и, обозрѣвъ штампъ, изображавшій: «Новоторжская фракція коммунистовъ», прочелъ приблизительно слѣдующее:

«Фракція увѣдомляетъ Васъ, что на предстоящемъ Уѣздномъ Съѣздѣ Вамъ предлагается прочесть докладъ о дѣятельности совѣта народныхъ судей по слѣдующей программѣ».

Дальше слѣдовали пункты программы, а затѣмъ значилось: «въ силу чего Вамъ надлежитъ явиться 17-го декабря* въ 8 часовъ вечера въ помѣщеніе фракціи для представленія выработанныхъ Вами тезисовъ доклада».

Такая наглость взволновала меня до крайности. Я задержалъ канцелярію. велѣлъ снять двѣ копіи съ увѣдомленія и тутъ же отправилъ въ исполкомъ съ просьбой увѣдомить меня, во первыхъ, дѣйствительно ли я долженъ сдѣлать докладъ, такъ какъ предписаніе фракціи коммунистовъ по этому поводу не считаю для себя обязательнымъ, а, во вторыхъ, имѣетъ ли право фракція коммунистовъ обязывать личной явкой Предсѣдателя Совѣта Народныхъ Судей,

* Смутно припоминаю эту дату.

и, если имѣетъ, то какимъ еще политическимъ организаціямъ предоставлено это право и какимъ именно декретомъ совѣтской власти. По заведенному мною обычаю внизу значилась приписка: «копіи отправлены Тверскому Губернскому Комиссару юстиціи». Таковыя въ дѣйствительности были препровождены ему.

До самаго закрытія совѣта на рождественскіе праздники я никакого отвѣта не получилъ. Свою неявку на Съѣздъ я могъ объяснить неполученіемъ этого отвѣта, но это было бы политикой страуса, кромѣ того, послѣ моей бумаги это могло быть объяснено боязнью скандала. Этого я не могъ допустить. А скандалъ былъ болѣе, чѣмъ вѣроятенъ, ибо очевидно было, что фракція коммунистовъ предполагаетъ играть не послѣднюю роль на этомъ съѣздѣ. Я рѣшилъ идти на скандалъ.

Передавая теперь эти обстоятельства, повидимому незначительныя, описывая поступки такіе простые и естественные, припоминаю, какъ много гражданскаго мужества нужно было имѣть, чтобы рѣшиться на нихъ въ атмосферѣ безконтрольнаго произвола и безнаказанныхъ насилій.

Темой своего доклада я избралъ: преимущества постановки права помилованія въ народныхъ судахъ сравнительно съ порядкомъ прежняго времени. Этотъ пунктъ былъ единственнымъ, за который я, не грѣша противъ совѣсти, могъ похвалить совѣтское законодательство.

Въ ноябрѣ былъ опубликованъ декретъ о судѣ № 3. Силою его уѣздные совѣты упразднялись и создавались губернскіе совѣты народныхъ судей, причемъ, въ одномъ изъ пунктовъ декрета было написано чернымъ по бѣлому, что выборы въ Совѣтъ производятся на общемъ собраніи всѣхъ судей губерніи.

Ко времени его обнародованія я считалъ законченной свою миссію не только въ Новоторжскомъ уѣздѣ, но и во всей совѣтской Россіи. Меня тянуло туда, гдѣ шла борьба противъ коммунизма, гдѣ нарождалась или Вандея, или новая Россія. Узнать это и, въ послѣднемъ случаѣ, отыскать тамъ свое мѣсто — становилось моей очередной задачей.

Вся моя дѣятельность конца 18-го и начала 19-го года сознательно была направлена къ тому, чтобы напослѣдокъ не сбиться съ принятаго мною курса, а безсознательно къ впитыванію въ себя всего того, что происходило за совѣтскими рубежами и къ инстинктивному нащупыванію путей, ведущихъ въ станъ борцовъ за новую свѣтлую Россію, какъ это мнѣ тогда представлялось.

Созданіе губернскаго совѣта предполагалось къ 1-му января 1919 года, зная же волокиту и нераспорядительность совѣтскихъ учрежденій, я не разсчитывалъ такъ скоро освободиться отъ своихъ обязанностей и считалъ, что еще добрую половину февраля мнѣ придется возиться съ дѣлами совѣта. На самомъ дѣлѣ мнѣ удалось сдать дѣла и отчеты только лишь въ концѣ марта или началѣ апрѣля.

Уѣздный Съѣздъ состоялся на рождественскихъ праздникахъ.

Большой залъ исполкома былъ полонъ народомъ. На эстрадѣ сидѣлъ президіумъ, у входовъ толпились не нашедшіе себѣ мѣсть. Собравъ все свое хладнокровіе и приготовившись къ неожиданностямъ и огорченіямъ всякаго рода, я протискался черезъ заднюю дверь и сталъ у эстрады. Въ президіумѣ мелькнуло знакомое лицо. Кто такой? — Панфилонъ сидѣлъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ. У меня сразу полегчало на душѣ и почему то совсѣмъ уже спокойно я сталъ

знакомиться съ обстановкой и со всѣмъ происходящимъ. Сбоку на эстрадѣ, за отдѣльнымъ столикомъ сидѣлъ Ананьинъ. Лицо его было красно, столикъ заваленъ бумагами. Онъ сильно напоминалъ судебнаго пристава прежняго времени на уголовныхъ сессіяхъ суда. Когда начинались пренія послѣ каждаго доклада и рѣчь оратора клонилась къ нежелательнымъ для исполкома выводамъ, Ананьинъ, хлопнувъ рукой по бумагамъ и немного приподнявшись, подавалъ реплики, неизмѣнно начинавшіяся со словъ: «По постановленію Новоторжской фракціи коммунистовъ»... и оповѣщавшія, что вопросъ этотъ во фракціи уже разрѣшенъ вотъ такъ то. Когда одинъ изъ ораторовъ, не внявъ этому предостереженію, заявилъ, что они въ крайнемъ случаѣ могутъ и въ набатъ ударить, Ананьинъ, хлопнувъ рукой нѣсколько громче обыкновеннаго, заявилъ, что «по постановленію Новоторжской фракціи коммунистовъ вопросъ этотъ снимается съ обсужденія». Меня дергало за языкъ спросить, когда состоялось это постановленіе, — въ тотъ моментъ, когда онъ его произносилъ, или раньше? Подумавъ, я рѣшилъ не дразнить гусей.

Доклады были безцвѣтные. Съ фактами обращались безцеремонно, дѣлая изъ нихъ выводы или несоотвѣтственные, или прямо противоположные ихъ истинному значенію. Изъ докладчиковъ меня заинтересовалъ только представитель чека. Это былъ совсѣмъ молодой мальчикъ, лѣтъ 18—19. Черные глянцевитые густые волосы, тонкое красивое лицо, едва пробивающіеся чернымъ пушкомъ усы, большіе, выпуклые, черные глаза, со спокойнымъ вызовомъ озирающіе залъ. Онъ былъ очень красивъ, этотъ рожденный и вспоенный революціей гражданинъ. Мнѣ казалось, что стоитъ его нарядить въ картинный архалукъ старо-русскаго покроя, надѣть бархатныя красные штаны, да желтые высокіе саноги съ мягкой подошвой, заломить надъ собольими бровями бобровую шапку, посадить на удалого коня съ собачьей головой на груди и метлой у сѣдла — и встанетъ передъ вами живой, безъ отмѣтины, Аоонька Вяземскій или Ѳедька Басмановъ.

«Да» — думалось мнѣ, — какъ въ былое время, такъ и теперь, въ Россіи, сколько хочешь людей, достаточно глупыхъ и достаточно подлыхъ для того, чтобы поддерживать какое угодно правительство».

«Докладъ предсѣдателя Совѣта народныхъ судей» — возглашаетъ Панфиловъ. Я направляюсь къ кафедрѣ и мнѣ становится яснымъ, что въ атмосферѣ этой жары, безконечныхъ долгихъ докладовъ, затягивающихся преній и общаго утомленія, нападенія на меня не будетъ, если я самъ не вызову его какой нибудь рѣзкостью.

Въ теченіе десяти минутъ я разсказывалъ объ упраздненной комиссіи по принятію прошеній, объ обязательномъ пути подававшихся туда бумагъ, о постановкѣ этого вопроса въ народныхъ судахъ. Приводилъ примѣры старые — изъ исторіи суда съ присяжными засѣдателями, который съ трудомъ отвоевалъ себѣ право выносить оправдательный приговоръ въ случаяхъ сознанія подсудимаго въ совершеніи инкриминируемаго ему дѣянія, новые — изъ практики народныхъ судовъ. Подчеркнулъ необходимость поднять суды на чрезвычайную высоту, въ виду наблюдающагося наростанія преступности.

На эстрадѣ раздаются хлопки, я оборачиваюсь будто для поклона. — Аплодируютъ Панфиловъ и Головановъ. Изъ остальныхъ членовъ президіума каждый занятъ своимъ дѣломъ. Въ залѣ нѣсколько простаковъ поддерживаютъ апплодисменты. Я выпихиваюсь изъ залы и устремляюсь домой. По дорогѣ успѣваю узнать, что Панфиловъ пріѣхалъ въ Торжокъ на нѣсколько дней.

Вскорѣ послѣ Рождества я получилъ изъ Тверского комиссаріата юстиціи предложеніе, подписанное не Козыревымъ, увѣдомить судей о предстоящемъ губернскомъ съѣздѣ судей, на который должны явиться всѣ судьи-коммунисты. Я не сомнѣвался, что дѣло идетъ о томъ губернскомъ съѣздѣ, на которомъ долженъ быть избранъ судейскій персоналъ совѣта, и, что собраніе это хотятъ провести въ нарушеніе прямого смысла декрета, созвавъ не всѣхъ судей губерніи, а только лишь судей-коммунистовъ. Я научился уже читать мысли, хоронящіяся между строками коммунистическихъ бумагъ, и понималъ спрятанную тамъ оговорку: «предписывать мы можемъ только партійнымъ судьямъ-коммунистамъ, остальныхъ мы можемъ только оповѣстить. Считаемъ, что это было сдѣлано, разъ о съѣздѣ былъ освѣдомленъ предсѣдатель совѣта».

Я не хотѣлъ оставить имъ въ распоряженіе эту отговорку и послалъ телеграмму съ просьбой ихъ увѣдомить, всѣ ли судьи должны явиться на съѣздъ согласно декрета или только судьи-коммунисты. Наканунѣ дня, назначеннаго для отъѣзда судей-коммунистовъ въ Тверь, я созвалъ собраніе всѣхъ уѣздныхъ судей.

Въ полученномъ отвѣтѣ значилось: «Въ отношеніи № такой то отъ указаннаго числа ясно указано, что прибыть должны судьи-коммунисты». Подпись опять не Козырева.

На собраніи своихъ судей я разсказалъ объ этихъ обстоятельствахъ, высказалъ свой взглядъ, что совершается нарушеніе прямого смысла декрета и что выборы совѣта, если таковые произойдутъ, не могутъ считаться законными, и предложилъ послать протестующую телеграмму въ Тверь, а копію въ Москву въ комиссаріатъ юстиціи. Къ этому присоединились всѣ судьи. Новоторжскій уѣздъ оказался не единственнымъ протестантомъ, аналогичныя телеграммы были получены Тверью еще изъ двухъ уѣздовъ. Ихъ постановили «принять къ свѣдѣнію», а совѣтъ все таки выбрали.

Вскорѣ исполкомъ постановилъ произвести перевыборы судей и я услышалъ юмористическій разсказъ о томъ, какъ меня выбирали. Выборы производились исполкомомъ изъ числа представленныхъ ему кандидатовъ. Оказывается, двѣ наиболѣе серьезныя профессіональныя организаціи выставили меня своимъ первымъ кандидатомъ, не только не спросивъ моего согласія, но даже не увѣдомивъ меня объ этомъ. Съ меня и началась баллотировка. Какъ только была названа моя фамилія, тотчасъ же раздались протесты. Одинъ изъ членовъ исполкома въ горячей рѣчи утверждалъ, что я бывшій прокуроръ, что на засѣданіяхъ совѣта пахнетъ старымъ режимомъ (одно гражданское дѣло въ первомъ участкѣ было разрѣшено противъ него, причемъ, во время пренія я дважды просилъ его держаться ближе къ существу дѣла, а когда онъ вступилъ въ споръ со мною, — пригрозилъ, что лишу его слова) и что такихъ судей имъ не нужно. Его поддержали нѣсколько членовъ исполкома. Только одинъ военный комиссаръ заявилъ, что онъ считалъ бы меня подходящимъ судьею, несмотря даже на то, что я какъ то странно объясняю принципы народовластія. Моя кандидатура съ трескомъ провалилась. Когда затѣмъ проходили по списку кандидатовъ, фамилія каждаго нежелательнаго кандидата вызывала возгласы: «Опять Майеръ!» «Еще одинъ Майеръ!» и т. д.

Я много смѣялся этому разсказу, но вынесъ изъ него два серьезныхъ заключенія: во первыхъ, что работа моя не пропала даромъ, если нѣкоторые изъ

судей были оскорбляемы установленіемъ между ними и мною на выборахъ полной идентичности, во вторыхъ же, что мнѣ слѣдуетъ уѣзжать изъ Торжка и какъ можно скорѣе.

Я угадывалъ источникъ версіи о моемъ бывшемъ прокурорствѣ. — Готовилось всплыть дѣло Семеновой изъ Мѣдновской волости. Мнѣ нѣсколько разъ мелькнули въ глаза на улицахъ Торжка физіономіи арестованныхъ коммунистовъ, на которыхъ было написано, что они не забыли прогулки по морозу и тюремное сидѣніе. Я живо представлялъ себѣ, въ какой мѣрѣ имъ пріятно было бы отплатить мнѣ тѣмъ же. Если раньше меня не такъ то легко было проглотить въ качествѣ предсѣдателя совѣта, то теперь, послѣ упраздненія этой должности, забаллотированія въ судьи и возвращенія моего въ первобытное состояніе — ничего не могло быть легче. Я рѣшилъ не только уѣзжать, но и заметать слѣды.

Форсировавъ сдачу дѣлъ и отчетности по совѣту и участку, я рѣшилъ сперва побыть въ деревнѣ, а затѣмъ ѣхать въ Петербургъ.

Въ день отъѣзда, когда я уже таскалъ вещи на тарантасъ, ко мнѣ явился милиціонеръ съ повѣсткой, приглашавшей меня явиться на слѣдующій день въ управленіе милиціи. Причина вызова не была указана, и милиціонеръ отговаривался незнаніемъ. Я отказался принять повѣстку, угостилъ милиціонера папироской, далъ карандашъ и попросилъ его написать на повѣсткѣ, что таковая не вручена за временнымъ выбытіемъ моимъ изъ Торжка, обѣщавъ, что, вернувшись черезъ недѣлю, я самъ зайду въ милицію. Когда черезъ двѣ недѣли я остановился на нѣсколько часовъ въ Торжкѣ, чтобы пересѣсть на желѣзную дорогу, мнѣ немедленно была вручена повѣстка съ приглашеніемъ на 12 ч. слѣдующаго дня. За моимъ прибытіемъ въ Торжокъ, очевидно, слѣдили. Никакого обоснованнаго обвиненія ко мнѣ предъявить было невозможно. Но исторія Гаркуши, арестованнаго за фальшивый рубль и разстрѣляннаго за контръреволюцію, могла повториться съ большой легкостью.

Для пріисканія повода къ аресту нужно было только припомнить, что на мои боевыя бумаги въ чека и исполкомъ отвѣтъ мною еще не былъ полученъ. Къ тому же мѣсяца два тому назадъ у меня таинственно исчезъ браунингъ, спрятанный моими домашними во время моего отсутствія, изъ боязни обыска, въ банку съ солью. Право храненія оружія предоставлялось только коммунистамъ.

Въ 12 часовъ слѣдующаго дня я сидѣлъ въ вагонѣ и съ тревогою ждалъ третьяго звонка.

То, что переживаетъ деревня въ такой степени глубоко, что кратковременность моего наблюденія, можетъ быть, недостаточна для того, чтобы дать и прогнозъ соотвѣтствующей глубины. Говоря о русской деревнѣ, нельзя проводить аналогіи съ прошлымъ, нельзя оцѣнивать ея настоящее, — можно только угадывать ея будущее. Это будущее стоитъ въ неразрывной связи съ положительной стороной всего пережитого и переживаемаго Россіей съ 27 февраля 1917 года. Пусть намъ, — современникамъ, — событія послѣдняго пятилѣтія покажутся покрытыми одной только черной краской — на самомъ дѣлѣ, это не вѣрно. Какъ на палитрѣ художника, такъ и въ жизни абсолютно чернаго цвѣта не существуетъ. И, несмотря на мрачные кошмары коммунизма, несмотря на всѣ ужасы переживаемаго лихолѣтья, безсмысленно было бы утвер-

ждать, что плюсовой стороны во всѣхъ испытаніяхъ Россіи нѣтъ. Только одно колесо не знаетъ обратнаго движенія — это колесо жизни. Самое худшее, что можетъ сдѣлать оно — это остановиться, и тогда наступитъ смерть. До той же поры, покуда движется оно, какими бы запутанными зигзагами не обозначался его путь, движеніе его все таки поступательное.

За послѣдніе годы русская деревня пережила два потрясающихъ момента, каждый изъ которыхъ имѣетъ неисчерпаемое историческое значеніе предопредѣляя въ долготу вѣковъ судьбы русскаго крестьянства. Первымъ моментомъ явилось полученіе, сверхъ той земли, которая была у крестьянина, и всей остальной; вторымъ — отнятіе изъ его обладанія не только вновь пріобрѣтенной, но и вообще всей земли, въ томъ числѣ и той, которая у него была раньше, произведенное коммунизмомъ. Крестьянинъ любитъ и тѣло, и душу земли. Во всемъ ея комплексѣ земля — стародавняя крестьянская мечта. И въ тотъ моментъ, когда онъ, распаленный близостью супружества съ этой невѣстой, добытой имъ вѣками терпѣнія, необъятнымъ страданіемъ, цѣною преступленій, садится за свадебный пиръ, — злодѣй Черноморъ похитилъ у невѣсты ея душу. Крестьянину досталось одно лишь національзированное тѣло, неспособное на взаимность, на одну четверть его, на три четверти чужое.

Можно сказать съ увѣренностью, что медовый мѣсяцъ еще предстоитъ крестьянству, и что онъ не уступитъ его ни коммунизму, ни кому нибудь другому.

Эти два момента разбудили русское крестьянство для долгаго дѣятельнаго дня. Сфинксъ собирается заговорить, и слово его будетъ слышно всему міру.

Все, что сказано о Россіи, или будетъ сказано, все, что сдѣлано, или будетъ сдѣлано, что не опирается на эти взаимоотношенія крестьянства съ землею, будетъ носить характеръ придуманнаго, головного, не затронетъ глубинъ крестьянской жизни и скользнетъ по Россіи, какъ ножъ по стеклу.

Пройдетъ десятокъ лѣтъ. Голодъ, антропофагія и всѣ ужасы русской деревни, которые теперь бьютъ намъ въ глаза и заставляютъ трепетать наши нервы, затушуются, получатъ значеніе эпизодическое. Все, что относится къ области взаимоотношеній крестьянства съ землей, имѣетъ уже и теперь значеніе историческое.

12-го августа я сѣлъ въ вагонъ на московскомъ вокзалѣ и съ того момента катился все южнѣе и южнѣе.

Послѣ Деникинской эпопеи, послѣ зрѣлища грузинскаго національнаго имитаторства, я превратился въ эмигранта.

Хорошо ли я сдѣлалъ? Говорятъ, что эмиграція, будто бы, разлагается, что иначе, будто бы, и быть не можетъ, ибо явленіе это основано на неправильно понятомъ долгѣ передъ родиной, что каждый русскій долженъ раздѣлить участь Россіи, оставаясь въ Россіи. Эта мысль, къ сожалѣнію, не нова. Руководствуясь ею остался и погибъ въ Россіи Овсянико-Куликовскій. Мнѣ чувствуется, что, кромѣ того профессіональнаго авантюризма духа, который не можетъ не быть свойствененъ въ большей или меньшей степени каждому художнику, именно эта мысль удерживала въ Россіи погибшаго Александра Блока. Она не могла быть чужда умершему Короленко. Далѣе, я не могу себѣ представить, чтобы, напримѣръ, Брусиловъ искренне стремился къ насажденію мірового коммунизма, и думаю, что именно я понимаю правильно двусмысленныя слова Сла-

щева-Крымскаго, сказанныя имъ въ Константинополѣ передъ отъѣздомъ въ Россію:

«Я ѣду защищать честь Россіи».

Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что много людей честной мысли и честныхъ дѣйствій и по сейчасъ переносятъ въ Россіи голодъ, холодъ, эпидеміи и нестерпимый нравственный гнетъ изъ желанія не отдѣляться отъ Россіи и переносить все, выпавшее ей на долю, вѣруя, что «претерпѣвшій до конца, той спасенъ будетъ».

Нельзя не воздать должнаго твердости ихъ духа, нельзя не преклониться передъ тяжестью взятаго ими на себя подвига, нельзя не почтить свѣтлую память погибшихъ за свою идею.

И даже споръ о томъ, кто больше правъ, — они или мы, — не слѣдуетъ начинать, потому что всякій правъ по своему.

. . . . . и кажется мнѣ, что правы также и тѣ, кто вмѣсто того, чтобы скорбною мыслью, болящей душой охранять оставшіяся въ Россіи, попираемыя крупицы человѣческой культуры, которая въ концѣ концовъ побѣдитъ кровавый бредъ коммунизма, вмѣсто того, чтобы цѣною собственной крови пассивно сопротивляться развитію бациллъ страшной эпидеміи, предпочитаютъ бѣжать на незараженную еще территорію искать прививку противъ бѣдствія, готовящагося посѣтить весь міръ.

Изъ воспоминаній о 1917—1920 г. г.

В. Краснова

Вмѣсто предисловія

Въ 1916 году въ селѣ Благодарномъ, большомъ уѣздномъ селѣ Ставропольской губерніи начался слушаніемъ дѣло объ антиземскихъ безпорядкахъ.

Дѣло это слушалось въ выѣздной сессіи военно-окружнаго суда; обвинялось 67 крестьянъ, въ томъ числѣ двое раненыхъ, только что прибывшихъ съ фронта солдатъ, съ примѣненіемъ ко всѣмъ 279 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, угрожающей обвиняемому смертной казнью.

На судѣ, длившемся около мѣсяца, мало по малу развернулась картина этого необычнаго дѣла, изобилующаго такими эпизодами, какъ разгромъ магазина и квартиры члена управы, поджогъ земской школы, истязаніе толпой старшины, дѣла, поразившаго въ свое время и мѣстную общественность и власть.

Земство только-только что передъ войной было введено въ губерніи, только что приступило къ попыткамъ улучшить жизнь на началахъ самоуправленія, и черезъ 2 года разгорающіеся въ эпидемію безпорядки съ разгромомъ школъ и т. д.

Судебное слѣдствіе военнаго суда приподняло лишь краюшекъ завѣсы надъ этой деревенской драмой, но и того, что было пріоткрыто, было достаточно, чтобы надъ этимъ призадуматься.

Призванное къ бытію послѣ долгихъ хлопотъ мѣстныхъ людей въ 1913 году, земство было введено въ губерніи съ высокимъ земельнымъ цензомъ, отдававшимъ судьбы хозяйственнаго управленія въ руки такъ называемыхъ «таврическихъ», мѣстныхъ земельныхъ барономъ изъ крестьянскихъ кулаковъ, прибравшихъ къ рукамъ заброшенныя земли высокопоставленныхъ владѣльцевъ, въ свое время пожалованныя имъ.

Обладая незначительнымъ образовательнымъ цензомъ, понорожденные земцы стали искать себѣ въ помощь письменныхъ людей и находили не всегда удачно. Въ одной управѣ отдѣломъ народнаго образованія вѣдалъ бывшій помощарь, въ другой недавній смотритель тюрьмы. Большинство членовъ управъ завело себѣ фуражки съ кокардами и требовало титуловать ихъ высокимъ благородіемъ. Въ смѣтѣ одной управы значилась расходная статья на пріобрѣтеніе кареты для «высокопоставленныхъ особъ», при чемъ подъ этими особами подразумѣвался составъ управы.

Предсѣдатель Благодарненской управы, недавно еще мелкій чиновникъ контрольной палаты, парадно обставилъ пріемы и сталъ издавать словесные и письменные приказы о поведеніи крестьянъ и служащихъ при встрѣчѣ съ нимъ, а также о культурномъ пользованіи заведеніями имъ... удобствами.

Первая же смѣта, составленная по образцу другихъ земствъ, но безъ учета того, что въ другихъ земскихъ губерніяхъ ставки обложенія повышались постепенно, превысила существующее обложеніе чуть не въ 10 разъ; когда начались раскладки, крестьяне забезпокоились.

— И откуда оно взялось это земство? — приставали они къ старшинѣ. Но тотъ только рукой отмахивался.

Случилось въ селѣ Александріи, гдѣ разыгрались главные безпорядки, выбирать мѣсто подъ постройку школы. Міръ памѣтилъ участокъ противъ церкви, но управа начала постройку на отлетѣ села противъ «универсальной» торговли и усадьбы члена управы Лелекова, для дѣтей котораго, кстати, были проложены каменные мостки черезъ дорогу, чтобы «способнѣе было» ходить въ школу.

Тѣмъ временемъ разгоралась война. Много работниковъ изъ крестьянскихъ семей ушло на фронтъ. Сборы стали поступать туже. Началось выколачиваніе недоимокъ, не миновавшее и солдатскихъ семей. Солдатскія бабы бросались на стражниковъ, отбивая описанный скотъ, угрожая жаловаться хозяину на фронтъ. За это ихъ стражники стегали нагайками и сажали въ кутузку. Но, странное дѣло, — за 7 рублей недоимки описывали пару лошадей, да еще жатку и корову. Это «ваше высокое благородіе» — членъ управы присоединялъ къ недоимкамъ исполнительные листы своей «универсальной торговли».

Крестьяне забезпокоились еще пуще. Попробовали спросить о земствѣ у земскаго начальника Хитрова, но тотъ замахалъ руками:

— Я въ земствѣ столько же понимаю, сколько архіерей въ овцахъ, — буквально отвѣтилъ онъ.

Исправникомъ въ уѣздѣ въ это время былъ Масловичъ, пріобрѣтшій нѣкоторую извѣстность послѣ слѣдующаго случая. Къ нему, какъ къ п. о. полицеймейстера губернскаго города, обратился членъ Государственной Думы Н. Я. Ляхницкій съ заявленіемъ, что онъ предполагаетъ устроить публичный докладъ въ помѣщеніи городской управы. Г. Масловичъ положилъ на этомъ заявленіи резолюцію объ отказѣ въ разрѣшеніи собранія со ссылкой на законъ. При повѣркѣ текста закона оказалось, что въ пунктѣ, на который ссылался помощникъ полицеймейстера, говорится о воспрещеніи устраивать публичныя собранія въ помѣщеніи учебныхъ заведеній. На появившуюся въ мѣстной газетѣ недоумѣнную замѣтку, «какимъ образомъ городская управа попала въ разрядъ учебныхъ заведеній», г. Масловичъ прислалъ официальное опроверженіе, въ которомъ указывалъ, что «подходящаго закона у него въ полицейскомъ управленіи не было, и онъ справлялся по календарю». Вскорѣ послѣ этого случая г. Масловича перевели въ уѣздъ исправникомъ.

Когда къ нему пришли ходоки отъ крестьянъ съ просьбою объяснить, «отъ царя ли земство» и есть ли на него какая управа, исправникъ ихъ выгналъ, пригрозивъ, что развѣшаетъ за селомъ по телеграфнымъ столбамъ десятокъ смутьяновъ, тогда мужики узнаютъ, «что такое земство».

Въ это время въ село Александрію прибыли долечиваться отъ полученныхъ на фронтѣ ранъ двое солдатъ. Солдатскія жены кинулись къ нимъ.

— Служивые, есть такой законъ, чтобы земство отбирало у солдатъ скотину? — спрашивали онѣ.

— Нѣтъ, такого закона нѣтъ. Самъ великій князь — главнокомандующій приказалъ, чтобъ у солдатъ не трогали.

— А есть законъ людей на телеграфѣ вѣшать?

— Такой законъ есть, сами видѣли.

— Ну, а какіе слухи насчетъ земства: отъ царя оно или отъ тавричанъ?

— Извѣстно, отъ тавричанъ. Вонъ попцы сказывали: не приняли они земства, царь его и уничтожилъ.

— А есть такой законъ. — не унимались бабы, чтобы въ школахъ красной печаткой печатать?

На ближайшемъ сходѣ, когда старшиной былъ поставленъ какой-то вопросъ, касающійся земства, голоса подхватили:

— Не принимаемъ земства. Такъ и пиши, молъ, не принимаемъ.

Старшина замахалъ руками, но убѣдившись, что кричатъ почти всѣ, закрылъ сходъ. Черезъ нѣсколько дней, подъ вечеръ, въ село прибылъ со стражниками приставъ Прошкинъ. Таинственно, не отвѣчая ни на какіе вопросы, расположился въ волости и, когда наступила ночь, разослалъ стражниковъ производить аресты.

Село Александрія, гдѣ разыгрывались эти событія, вытянулось по ложбинѣ на добрый десятокъ верстъ. Аресты производились всю ночь и исполнили все село. Когда родственники арестованныхъ бросились къ приставу въ волость, тотъ на разспросы ихъ, что будетъ арестованнымъ, многозначительно отвѣтилъ:

— Время теперь военное, исправникъ вѣдь вамъ сказывалъ.

На самомъ дѣлѣ арестованные 7 крестьянъ должны были быть препровождены въ губернскій городъ для содержанія подъ мѣсячнымъ арестомъ въ административномъ порядкѣ.

Арестованныхъ подъ конвоемъ повезли изъ села. Родственники съ плачемъ разсыпались по селу. Скоро раздался набатный звонъ. Изъ дворовъ выскакивали наспѣхъ запряженныя телѣги, кое-кто бѣжалъ пѣшимъ, просто съ дреколіемъ. У выѣзда изъ села, — исправникъ вѣдь сказывалъ, что «будетъ вѣшать за селомъ» — арестантовъ у стражи отбили и, повернувъ телѣгу съ ними назадъ, толпа двинулась къ волости.

По дорогѣ, у избы старшины, толпа остановилась.

— Выходи, Ларіонъ, учить тебя будемъ.

Блѣдный старшина вышелъ на крыльцо съ должностнымъ знакомъ.

— Знакъ-то сними, Ларіонъ, видишь, мы бунтуемъ.

— Да вы, братцы, до смерти убьете?

Сними, не бойсь, поучимъ маленько...

— Ой ли?

Не бойсь, мы вѣдь съ понятіемъ.

Старшина снялъ знакъ и шагнулъ съ крыльца.

— Только помните уговоръ, братцы, — крикнулъ онъ. Толпа навалилась, подмяла его подъ себя. Долго терпѣлъ Ларіонъ, наконецъ крикнулъ:

— Будя, черти, знакъ надѣваю!

Его высвободили, посадили на телѣгу вмѣстѣ съ арестованными. Весь въ кровоподтекахъ, съ вырванными клочьями бороды, онъ надѣлъ знакъ и, мирно бесѣдуя съ нимъ, точно ничего не произошло, толпа двинулась къ волости.

Но здѣсь возникло еще одно непредвидѣнное обстоятельство. Когда предложили арестованнымъ разойтись по домамъ, тѣ, не слѣзая съ телѣги отвѣтили:

— Начальство насъ забирало, пускай начальство и освобождаетъ!

Не слѣзалъ съ телѣги и старшина, крѣпко держась за свой знакъ.

— Ларіонъ! — раздались голоса.

— Не я ихъ бралъ, — отвѣтилъ старшина.

— Смотри опять учить будемъ. Снимай знакъ!

— Нѣтъ, будя, бейте въ знакѣ!

Наступила пауза. Лазарь Кучменко, — на судѣ его за это приговорили къ повѣшенію, — догадался. Здоровеннѣйшій мужикъ, онъ забрался подъ телѣгу, понатужился и, опрокидывая телѣгу, крикнулъ:

— Знакъ-то, гляди, на немъ ли? Но крѣпко державшійся за знакъ старшина, а за нимъ гурьбой и арестанты, воспользовавшись суматохой, успѣли добѣжать до волости и запереться тамъ.

— Ларіонъ, Ларіонъ! — гудѣли около волости голоса, — дай же намъ порядку!

Но старшина изъ волости не отзывался.

— Значитъ, остается бунтовать!

И толпа двинулась громить члена управы Лелекова и выстроенную имъ напротивъ земскую школу.

Нѣсколько часовъ спустя въ село влетѣлъ вооруженный отрядъ подъ предводительствомъ того же Прошкина, далъ для чего-то залпъ по волостному правленію и, разсыпавшись по селу, началъ обстрѣлъ дворовъ. Самъ Прошкинъ заперся въ волости. Какая-то древняя старушка подкралась къ крыльцу волости и, вынувъ натѣльный крестъ, бормотала что-то, крестя пространство. Выскочившій приставъ далъ по ней нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ, но старушка уцѣлѣла, чтобы предстать на судѣ въ качествѣ подстрекательницы къ возстанію. Въ результатѣ обстрѣла оказалось 7 крестьянъ убитыми и около 20 ранеными.

Когда слушаніе этой драмы подходило къ концу и военный обвинитель требовалъ по прежнему смертнаго приговора въ отношеніи всѣхъ 67 подсудимыхъ, въ судебномъ залѣ поднялась такая волна рыданій, что судебное засѣданіе было прервано. Проходя въ этотъ моментъ мимо скамей подсудимыхъ, одинъ изъ военныхъ судей задержался около плачущаго солдата подсудимаго и почти крикнулъ: «не смѣй, слышишь, не смѣй. Я отрублю себѣ руку скорѣе, чѣмъ она подпишетъ смертный приговоръ». Приговоромъ суда, смягченнымъ впослѣдствіи главвокомандующимъ, трое были присуждены къ повѣшенію и около 40 крестьянъ къ каторгѣ и исправительной тюрьмѣ на различные сроки.

Я позволилъ себѣ подробно разсказать объ этомъ своеобразномъ дѣлѣ, убѣжденный послѣдующими годами, какъ много въ этомъ «маломъ бунтѣ», ограниченномъ пространствомъ и лицами, намѣчалось элементовъ для надвигающейся великой россійской бѣды. Здѣсь въ расширенномъ масштабѣ и власть, снимающая свой знакъ, когда народъ бунтуетъ, и солдаты, разъясняющіе законы, и народъ бунтующій, когда власть не даетъ имъ порядку, и голоса, просящіе и въ самомъ бунтѣ о порядкѣ для своей взбаламученной души.

Насколько тамъ, гдѣ это мнѣ пришлось наблюдать, дало порядокъ взбаламученной душѣ правительство мартовскаго переворота, пришедшіе затѣмъ ему на смѣну большевики и, наконецъ, боровшіеся съ ними генералы, попытаюсь разсказать по мѣрѣ силъ и памяти.

I

Первыя вѣсти о переворотѣ. Комитетъ Общественной безопасности. «Не лѣзѣе здраваго смысла». Присяга войсковыхъ частей. Пріемъ отъ губернатора секретнаго архива. Эпизодъ съ устраненіемъ городского головы Н. Г. Дидрихсона отъ должности.

Вѣсть о мартовскомъ переворотѣ застала меня въ Ставропольской губерніи, пережившей въ 1915 году антиземскіе безпорядки, а во второй половинѣ 1916 г. продовольственныя волненія. Губернаторъ князь С. Д. Оболенскій, не проявившій особыхъ административныхъ талантовъ во время этихъ безпорядковъ, направилъ всѣ усилія къ тому, чтобы полученныя изъ Петербурга вѣсти не вышли за предѣлы интимнаго круга его ближайшихъ сотрудниковъ и, лишь послѣ полученія акта отреченія государя, созвалъ совѣщаніе въ составѣ начальниковъ офиціальныхъ учрежденій, городского головы и предсѣдателя земской управы. На совѣщаніи этомъ, затѣмъ періодически собиравшемся въ губернаторскомъ домѣ, предсѣдателемъ суда П. А. Бурменскимъ, нынѣ покойнымъ, былъ поставленъ вопросъ о юридическомъ значеніи акта отреченія монарха не только отъ своего имени, но и отъ имени наслѣдника.

Но пока это происходило въ губернаторскомъ домѣ, вѣсти о происшедшемъ просочились наружу и стали достояніемъ широкихъ круговъ населенія и вывели жизнь города изъ обычной колеи. Зданіе городской думы превратилось въ своеобразный клубъ, клокочущій самыми противорѣчивыми слухами о происходящихъ вокругъ Москвы и Петербурга кровопролитныхъ бояхъ, о прорывѣ фронта, о начавшейся всеобщей забастовкѣ и т. д.

Наиболѣе экспансивная часть партійной молодежи использовала этотъ моментъ для устройства летучихъ митинговъ, на которыхъ еще туже наматывался клубокъ безотвѣтственныхъ слуховъ. Стали доходить свѣдѣнія о намѣчающемся броженіи въ мѣстномъ гарнизонѣ, изобилующемъ молодыми мобилизованными, объ имѣвшихъ уже мѣсто случаяхъ неповиновенія командному составу, о растущемъ недовольствѣ офицерскаго состава противъ начальника гарнизона, не проявляющаго понимапія создавшейся обстановки.

Губернаторъ кн. Оболенскій не выходилъ изъ своей квартиры. Вице-губернаторъ г. Мишинъ, при полученіи первыхъ же вѣстей, спѣшно выѣхалъ изъ предѣловъ губерніи. Жизнь въ офиціальныхъ учрежденіяхъ замерла. На улицахъ стали учащаться попытки своевольнаго ареста должностныхъ лицъ.

Образовавшійся при такихъ условіяхъ изъ расширеннаго состава городскихъ гласныхъ Комитетъ Общественной безопасности взялъ на себя инициативу обращенія къ военному округу съ просьбой о срочной замѣнѣ начальника гарнизона энергичнымъ боевымъ полковникомъ Горшковымъ и одновременно просилъ губернатора сообщать комитету въ копіяхъ получаемыя имъ депеши дня опубликованія. Тѣмъ временемъ пришло официальное сообщеніе объ условномъ отказѣ Михаила Александровича отъ престола, организаціи Временнаго Правительства и вслѣдъ за этимъ посыпался дождь распоряженій изъ Петербурга, Москвы и... Тифлиса. Послѣднія съ загадочною подписью «дирканзакомъ» были ужъ совсѣмъ недоразумѣніемъ, ибо Ставропольская губернія еще въ 90-хъ годахъ была выдѣлена изъ состава Кавказскаго Края и только въ военномъ отношеніи подчинялась Тифлису.

Циркулярнымъ распоряженіемъ Временнаго Правительства въ управленіе губерніей вступилъ предсѣдатель губернской земской Управы А. М. Кухнинъ, помочь которому въ его трудномъ положеніи молодого администратора Комитетъ считалъ одною изъ своихъ первыхъ обязанностей. Обильныя количественно распоряженія изъ центра, въ дѣйствительности, почти не давали никакихъ руководящихъ указаній. Чувствовалось, что въ центрѣ преобладаетъ надежда, что авось все какъ-нибудь до поры до времени образуется.

Съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидался пріѣздъ изъ Петербурга члена Гос. Думы отъ Ставропольской губерніи Д. Д. Старлочанова, который долженъ былъ прибыть къ открытію губернскаго земскаго собранія. Но выступившій на собраніи, Д. Д. Старлочановъ закончилъ свою обширную рѣчь, освѣдомительнаго характера, указаніемъ, что «старые законы потеряли силу, новые еще не созданы и вся надежда правительства на разумную самодѣятельность на мѣстахъ. Старайтесь только не быть лѣвѣе здраваго смысла».

Этимъ стараніемъ «не быть лѣвѣе здраваго смысла» и можно охарактеризовать первый періодъ работы на мѣстахъ, не дѣлая исключенія и для работы создавшихся совѣтовъ, пока не заполнили губернію сорвавшіяся съ фронта части 39 дивизіи.

Преобразованный послѣ земскаго собранія въ губернскую организацію Комитетъ общественной безопасности въ выработанномъ имъ самимъ наказѣ опредѣлилъ свою дѣятельность ролью вспомогательнаго совѣщательнаго органа, дѣйствующаго лишь до завершенія выборовъ въ Учредительное Собраніе и преобразованія по новому закону городского и земскаго самоуправленія. Возникшіе въ губерніи и городѣ совѣты разныхъ наименованій признали de facto комитетъ руководящимъ органомъ и за небольшими исключеніями оказывали разумную поддержку начинаніямъ комитета, направленнымъ къ сохраненію порядка, вплоть до того времени, пока составъ совѣтовъ не заполнился сорвавшимися съ фронта солдатами.

Послѣ короткаго періода тревоги о настроеніяхъ въ мѣстномъ гарнизонѣ, въ первые дни существованія комитета, назначенный изъ округа начальникомъ гарнизона полк. Горшковъ, явившись въ одно изъ засѣданій комитета, заявилъ, что гарнизонъ въ полномъ порядкѣ и просилъ назначить день приведенія къ присягѣ войскъ. Присяга состоялась въ ближайшее воскресенье на площади соборной горы, куда собраны были всѣ части, не занятыя гарнизонной службой. Послѣ богослуженія и слова епископа Михаила, обращеннаго къ войскамъ съ паперти собора, начальникъ гарнизона полк. Горшковъ, кавалеръ орденовъ св. Георгія и Почетнаго легіона, обратился къ войскамъ съ небольшой, произнесенной отрывисто, точно команда, съ большимъ подъемомъ, рѣчью, закончивъ ее словами: государь и его правопреемники указали правительство, которому мы всѣ должны повиноваться. Политика — не дѣло арміи, высшее благо для насъ счастье Родины, высшій законъ исполненіе своего долга предъ Родиной и властью. Да сокрушитъ Господь Богъ всякую руку, поднявшуюся противъ Россіи и да поможетъ новой власти сохранить ее великой. Клянусь служить Родинѣ и власти всѣмъ сердцемъ своимъ и разумомъ.

Послѣ присяги состоялся парадъ гарнизону. Войска проходили передъ зданіемъ городской думы, салютуя управляющему губерніей и комитету общественной безопасности, вечеромъ же у думскаго балкона открылся многолюдный митингъ съ рѣчами, начинающимися большею частью словами: «пали цѣпи» и т. д.

На комитетѣ лежала обязанность безболѣзненно ввести взбаламученную жизнь въ ея русло, уберечь отъ легкомысленной ломки, до перестройки законодательнымъ путемъ, дѣйствующій служебный механизмъ и бороться со всякаго рода своевольствомъ и эксцессами, откуда бы они ни исходили. Этой основной линіи поведенія, «не лѣвѣе здраваго смысла», какъ опредѣлилъ Д. Д. Старлочаловъ, и старался держаться комитетъ. Но дѣятельность его протекала не безъ курьезовъ. Особенно изобиловала ими работа комитета на первыхъ порахъ, когда на комитетъ былъ проявленъ усиленный напоръ извнѣ. Первыя засѣданія комитета почти цѣликомъ уходили на разсмотрѣніе заявленій многочисленныхъ организацій, до «кружка эсперантистовъ» включительно, требовавшихъ себѣ представительства въ комитетѣ. Засѣданія президіума комитета продолжались чуть не круглыя сутки, причемъ такая длительность присутственныхъ часовъ вызывалась не столько необходимостью, сколько непривычкой беречь время.

Сгоряча комитетъ смѣнилъ весь высшій составъ полиціи, назначивъ въ порядкѣ общественной новинности лицъ съ юридическимъ образованіемъ для завѣдыванія полицейскими участками. Обязанности начальника милиціи несли одновременно нотаріусъ В. И. Манжосъ-Бѣлый и присяжный повѣренный Н. Я. Павловскій, — послѣдній, впрочемъ, недолго. В. И. Манжосъ-Бѣлый развивалъ кипучую энергію, проводя большую часть служебнаго времени въ полицеймейстерской пролеткѣ, переносясь на парѣ булапыхъ лошадокъ съ одной базарной площади на другую, оттуда на бойни, скотопригонный дворъ и т. д. Но обыватель, крѣпко помнящій правило, что землякъ не можетъ быть пророкомъ въ своемъ отечествѣ, продолжалъ видѣть въ немъ больше милаго собесѣдника, чѣмъ главу милиціи.

Въ полицейскихъ участкахъ дѣло на первыхъ порахъ настолько плохо спорилось, что пришлось просить уволенныхъ приставовъ взять на себя инструкторскую работу, и они весьма скоро вернулись въ участки уже въ качествѣ инструкторовъ. И начальникъ милиціи и участковые комиссары подъ конецъ съ нетерпѣніемъ ждали момента, когда новый законъ объ организаціи милиціи дастъ имъ преемниковъ въ лицѣ постоянныхъ служащихъ, и, кажется, безъ сожалѣнія вернулись къ привычнымъ для нихъ занятіямъ.

Въ одинъ изъ первыхъ же дней по организаціи комитета мнѣ было поручено переговорить съ губернаторомъ кн. С. Д. Оболенскимъ о передачѣ имъ комитету для разборки секретныхъ архивовъ и переписокъ. Мою просьбу наблюсти, чтобы служащими не дѣлалось попытокъ къ уничтоженію дѣлъ, губернаторъ выполнилъ съ такою щепетильностью, что среди другихъ дѣлъ вручилъ мнѣ лично неожиданную для меня переписку по вопросу о высылкѣ меня изъ предѣловъ Кавказскаго Края. Возникла эта переписка по слѣдующему поводу.

Послѣднимъ передъ 1917 г. городскимъ головой въ Ставрополѣ былъ избранъ д. с. с. Н. Г. Дидрихсонъ, извѣстный своей ревизіей Кавказскихъ Минеральныхъ водъ, пользовавшійся большимъ престижемъ на Сѣверномъ Кавказѣ въ качествѣ главы мѣстнаго контроля. Человѣкъ необычайно прямолинейный, не допускающій какихъ бы то ни было дипломатическихъ обходовъ закона и интересовъ городской казны, Н. Г. Дидрихсонъ весьма скоро не поладилъ съ губернаторомъ кн. Оболенскимъ. Первое столкновеніе у нихъ произошло по вопросу о выдачѣ квартирныхъ денегъ жандармскому подполковнику Бруну, имѣвшему въ городѣ собственный домъ. Ссылаясь на законъ, городская управа отказала въ выдачѣ этихъ денегъ подполк. Бруну. Въ отвѣтъ на предложеніе губернатора все же эти деньги выдать Н. Г. Дидрихсонъ внесъ этотъ вопросъ на разрѣшеніе городской думы, и та раздѣлила точку зрѣнія г. Дидрихсона и

управы. Губернаторъ обжаловалъ это постановленіе думы и одновременно возбудилъ вопросъ о привлеченіи Н. Г. Дидрихсона къ отвѣтственности съ устраненіемъ его отъ должности.

Тѣмъ временемъ, — это было въ 1916 г., — въ гор. Ставрополѣ разразился погромъ жилыхъ квартиръ и магазиновъ. Докладывая въ экстренномъ думскомъ засѣданіи о мѣрахъ къ предотвращенію дальнѣйшихъ безпорядковъ, Н. Г. Дидрихсонъ указалъ, что, въ сущности, по его наблюденіямъ, никакого погрома и не было бы, если бы администрація и военные караулы, призванные къ охранѣ магазиновъ, не вселили своимъ бездѣйствіемъ въ погромщикахъ увѣренности, что дѣйствія ихъ не встрѣтятъ отпора. Дѣйствительно, въ одномъ мѣстѣ погромщицы качали на рукахъ губернатора, солдаты же, поставленные для охраны магазиновъ, помогали погромщикамъ вытаскивать товары.

Черезъ короткій промежутокъ времени было получено телеграфное распоряженіе Главнокомандующаго Кавказской Арміей вел. кн. Николая Николаевича объ устраненіи Н. Г. Дидрихсона отъ должности городского головы. Дума была ошеломлена. Устраняли отъ должности въ такой отвѣтственный моментъ человѣка, такъ много сдѣлавшаго для городского самоуправленія, человѣка, пользующагося высокимъ престижемъ далеко за предѣлами губерніи, прошедшаго, наконецъ, такой служебный стажъ, который, казалось бы, гарантировалъ его отъ такихъ скородѣйствующихъ средствъ.

Узнавъ о настроеніяхъ думы, и губернаторъ, и подп. Брунъ подъ сурдинку предостерегали членовъ управы и гласныхъ отъ какихъ-либо шаговъ, направленныхъ въ защиту Н. Г. Дидрихсона. При характерѣ великаго князя, — указывали они, — возможно и раскассированіе думы и отправка наиболѣе строптивыхъ гласныхъ въ Нарымскій Край. Въ закрытомъ совѣщаніи гласныхъ мнѣ было поручено съѣздить въ Петербургъ и Тифлисъ, позондировать почву о возможности возстановленія г. Дидрихсона.

По указанію тогдашняго московскаго городского головы М. В. Челнокова я обратился въ Петербургѣ къ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ князю В. М. Волконскому, который въ свою очередь далъ мнѣ письмо на имя помощника Кавказскаго Намѣстника кн. В. Н. Орлова и посовѣтовалъ дѣйствовать только тамъ, ибо вмѣшательство изъ Петербурга въ компетенцію вел. кн. Николая Николаевича онъ считалъ совершенно невозможнымъ.

По возвращеніи изъ Петербурга я сообщилъ тѣсному кругу гласныхъ о предполагаемыхъ мною въ дальнѣйшемъ шагахъ, разсказавъ о бесѣдѣ съ кн. Волконскимъ и о письмѣ его. Въ ту же ночь ко мнѣ явился съ обыскомъ подп. Брунъ, но письма кн. Волконскаго не обнаружилъ. Я поторопился выѣхать въ Тифлисъ. Тамъ при содѣйствіи городского головы А. И. Хатисова я подробно ознакомилъ кн. В. Н. Орлова съ дѣломъ г. Дидрихсона, и получилъ онъ него обѣщаніе, что съ своей стороны онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы возстановить Н. Г. Дидрихсона въ должности, напомнивъ объ этомъ великому князю при первомъ представившемся случаѣ. Въ концѣ нашей бесѣды я разсказалъ о покушеніи подп. Бруна на письмо. Улыбнувшись, кн. Орловъ сказалъ, что приметъ мѣры, чтобы это не повторилось. Спустя нѣкоторое время г. Дидрихсонъ былъ возстановленъ въ должности и затѣмъ почти единогласно переизбранъ въ городскіе головы новой думой, созванной уже по новому закону Временнаго Правительства.

Всего этого, конечно, не было въ перепискѣ по вопросу о высылкѣ меня, но былъ приведенъ другой, не менѣе неожиданный для меня мотивъ.

На ставропольскихъ дворянскихъ выборахъ, происходившихъ въ 1916 г., графомъ М. П. было предложено послать привѣтственную телеграмму на имя вдовствующей императрицы. Въ перерывѣ собранія я спросилъ графа М. П., почему онъ взялъ на себя инициативу этого предложенія въ то время, какъ собраніе не предполагаетъ посылать другихъ привѣтствій.

— А этимъ мы подчеркнемъ наше отношеніе къ императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ, — отвѣтилъ онъ.

— Но стоитъ ли прибѣгать къ такому способу, вѣдь Марія Ѳедоровна столько же является оплотомъ реакціи, какъ и Александра Ѳедоровна, — замѣтилъ я.

Объ этомъ разговорѣ графъ М. П. передалъ губернскому предводителю С. П. Бурсаку, а тотъ разсказалъ кн. С. Д. Оболенскому и подп. Бруну. И губернаторъ, и подп. Брунъ не замедлили использовать этотъ эпизодъ, значительно видоизмѣнивъ его, какъ мотивъ къ удаленію меня изъ предѣловъ края. Переписка заканчивалась резолюціей помощника намѣстника кн. Орлова, что онъ для этого не находитъ достаточно основаній. Впослѣдствіи комитетъ опубликовалъ выдержки изъ этой переписки.

Среди другихъ дѣлъ, переданныхъ губернаторомъ комитету, имѣлись секретныя характеристики мѣстныхъ дѣятелей до б. уѣзднаго предводителя дворянства К. А. Рослякова включительно, періодическія донесенія о положеніи въ губерніи и, между прочимъ, дѣло о разговорѣ приставомъ Просняковымъ гостей изъ квартиры губернскаго предводителя дворянства въ 1913 году, или, какъ оно называлось, «о предвыборномъ собраніи въ квартирѣ д. с. с. Краснова». Дѣло это кончилось большимъ репримандомъ для тогдашняго губернатора Б. М. Янушевича и переусердствовавшаго полицеймейстера М. М. Старосельскаго. Для разборки этихъ дѣлъ комитетомъ была образована комиссія, а затѣмъ, по обозрѣніи, дѣла были переданы на храненіе въ одно изъ городскихъ книгохранилищъ.

II

Разслѣдованіе о дѣятельности жандармскаго подполк. Бруна. Сотрудники и сотрудницы г. Бруна.

Въ первые же дни по возникновеніи комитета въ городѣ были арестованы б. приставъ Залѣвскій, начальникъ сыскного отдѣленія Сычевъ и жандармскій подп. Брунъ. Залѣвскій и Сычевъ вскорѣ были освобождены по распоряженію комитета; что же касается подп. Бруна, то, въ виду повышенно остраго раздраженія противъ него, комитетъ постановилъ произвести подробное разслѣдованіе о его дѣятельности и, до окончанія разслѣдованія, содержать его при военной гауптвахтѣ. Когда въ засѣданіи комитета производство этого разслѣдованія было предложено мнѣ, я заявилъ о своемъ отказѣ, сославшись на то, что подп. Брунъ причинилъ мнѣ своими дѣйствіями не мало огорченій и поэтому порученіе разслѣдованія мнѣ можетъ быть понято, какъ выдача мнѣ подп. Бруна для сведенія съ нимъ моихъ старыхъ счетовъ. Но, когда послѣ моего отказа стали выдвигаться кандидатуры наиболѣе экспансивныхъ сторонниковъ примѣрной расправы съ г. Брунома, я взялъ свой отказъ обратно, полагая, что, будучи забронированъ, въ силу прежней дѣятельности Бруна въ отношеніи меня, отъ зано-

дозриванія въ излишнемъ пристрастіи въ пользу подполковника, я болѣе другихъ смогу оградить г. Бруна отъ простой расправы съ нимъ. И, дѣйствительно, послѣ моего доклада комитету о результатахъ разслѣдованія, г. Бруну было предложено, во исполненіе общаго распоряженія Временнаго Правительства, отбыть въ распоряженіе воинскаго начальства, что тотъ поспѣшилъ сдѣлать.

Возвращаюсь къ разслѣдованію. Когда я прибылъ въ помѣщеніе, гдѣ содержался подп. Брунъ и сказалъ ему, что на меня возложено разслѣдованіе о его дѣятельности, Брунъ такъ разнервничался, что мнѣ пришлось объяснить ему мотивы, почему я принялъ это порученіе, и дать ему время успокоиться. Я просилъ Бруна указать мѣсто и лицъ, гдѣ находится его переписка и отчетность и сообщить списокъ его секретныхъ сотрудниковъ. При этомъ я предупредилъ г. Бруна, что я персонально, если приду къ выводу, что онъ вводитъ меня въ заблужденіе или что-либо скрываетъ, откажусь отъ участія въ разслѣдованіи. Угодно вамъ принять это условіе, — спросилъ я? Послѣ нѣкотораго раздумія г. Брунъ просилъ приступить къ разслѣдованію. Перечисляя своихъ негласныхъ сотрудниковъ, г. Брунъ расшифровывалъ ихъ фамиліи, скрытыя подъ различными кличками: красивая, расторопный, усердный и т. д. Оказалось, что имъ были привлечены къ сотрудничеству: подъ кличкой «красивая» жена популярнаго перводумца-эмигранта, подъ кличкой, кажется, «усердный» молоденькая курсистка, только-что вышедшая замужъ за студента, затѣмъ миловидная сельская учительница, почтальонъ, низшій служащій мужской гимназіи и заводской рабочій. Перечисливъ этихъ лицъ, г. Брунъ остановился.

— Всѣ, спросилъ я.

— Такъ точно, всѣ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ приходится напомнить вамъ о нашемъ условіи и проститься съ вами подполковникъ, ибо въ вашемъ послѣднемъ донесеніи пересланномъ мнѣ изъ Владикавказа, вы сообщаете о привлеченіи вами къ сотрудничеству подъ кличкой «рѣзвый» жены мѣстнаго общественнаго дѣятеля, указывая, что этотъ сотрудникъ уже оказалъ вамъ весьма цѣнныя услуги.

— Ну что-жъ дѣлать! Если вамъ это извѣстно. Вы поймете побужденія скрыть этого сотрудника, отвѣтилъ Брунъ.

И онъ, дѣйствительно заставилъ меня поблѣднѣть, когда назвалъ фамилію жены моего товарища по гимназіи и университету, бывавшей у меня въ семьѣ...

— А чѣмъ вы докажете, что не обманываете меня на этотъ разъ?

— Чѣмъ угодно. Взгляните на почеркъ на росписках.

На этомъ наша первая встрѣча съ подп. Бруномъ закончилась. Вторая происходила при болѣе тяжелой обстановкѣ. Вернувшись домой, я попросилъ по телефону жену моего товарища зайти ко мнѣ. Вскорѣ она пришла. Съ подчеркнутою развязностью, протягивая мнѣ руку, она спросила меня:

— Что это за таинственный вызовъ?

Я, молча, указалъ ей на лежащія за подписью «рѣзвый» росписки о полученіи отъ подп. Бруна по 25 рублей въ мѣсяцъ за доставленіе ему негласныхъ свѣдѣній. Моя гостья вспыхнула и, хлопнувъ дверью, вышла, бросивъ на ходу:

— Вы будете разговаривать съ моимъ мужемъ.

Черезъ нѣкоторое время раздался нервный звонокъ по телефону, и ея мужъ спросилъ меня:

— Что это значитъ? Моя жена, вернувшись, бьется въ истерикѣ, говоритъ, что ты тяжко оскорбилъ ее.

— Приходи сейчасъ же ко мнѣ.

Когда онъ вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ, я указалъ ему на росписки.

— Брунъ утверждаетъ, что это почеркъ твоей жены.

— Что? Да, да, очень похоже. Въ такомъ случаѣ я требую очной ставки.

Я, молча, посмотрѣлъ на него.

— Да, да, я требую очной ставки.

— Послушай, перебилъ я, поговори съ женой, можетъ быть есть какой-нибудь другой выходъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу убѣдиться самъ. Я требую очной ставки, я . . . Онъ не докончилъ и выбѣжалъ изъ комнаты. — Когда мы втроемъ вошли къ подп. Бруну, мужъ, послѣ продолжительной нервной паузы, обратился къ Бруну съ вопросомъ:

— Я не знаю, въ силу какихъ побужденій вамъ угодно было оклеветать мою жену.

— Нѣтъ, я сказалъ правду.

— Въ такомъ случаѣ я требую доказательствъ.

— Хорошо, я ихъ представлю. Помните, — обернулся Брунъ къ дамѣ, — какъ это произошло? Осенью, въ сентябрѣ, — Брунъ назвалъ число, — я встрѣтилъ васъ въ каштановой аллеѣ городского сада. Вы были чѣмъ-то взволнованы, нервно теребили зонтъ, шли какъ-то зигзагами, переходя аллею вкось. Я подошелъ къ вамъ. На мой вопросъ, что съ вами, вы разсказали мнѣ, что вашъ мужъ устроилъ вамъ только-что сцену изъ-за пустяковъ, что мужчины не могутъ понять психологіи молодой женщины, которой хочется нравиться, хочется быть хорошо одѣтой. И вся исторія, — сказали вы, — изъ-за десятирублевой склянки заграничныхъ духовъ. Я посовѣтовалъ вамъ имѣть самостоятельный заработокъ. — Что же, цѣлый день стучать на пишущей машинкѣ? — Нѣтъ, я могъ бы вамъ предложить за работу у меня, самую пустяшную, какъ вы увидите, рублей сто съ тѣмъ, чтобы вы выдали не за вашей подписью четыре росписки о полученіи отъ меня содержанія по 25 рублей въ мѣсяцъ. Подумайте, и черезъ 2 дня приходите сказать вашъ отвѣтъ. Я далъ вамъ адресъ конспиративной квартиры.

— Послушай, но вѣдь исторія съ духами, дѣйствительно была, — прервалъ мужъ.

— Да, я имѣла неосторожность первому встрѣчному разсказать это, не предполагая, что онъ такъ ловко используетъ это для какихъ-то, только ему извѣстныхъ цѣлей.

Брунъ продолжалъ: вы пришли ко мнѣ въ условленный часъ нѣсколько необычно одѣтой, сильно завуалированы . . . росписки вы подписали.

— Послушай, но вѣдь и это было. Я, помню, еще спросилъ тебя, почему ты такъ странно одѣлась.

— Ахъ, да не мучайте меня! Все это ложь — онъ просто встрѣтилъ меня на улицѣ.

— Я приведу еще одинъ эпизодъ. Подъ наступающій новый годъ у вашего общаго знакомаго собралось нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и вы. Передъ двѣнадцатью часами раздался звонокъ по телефону. Къ аппарату подошелъ вашъ мужъ. — Кто говоритъ? — Полковникъ Брунъ. — Что вамъ угодно? — На какомъ основаніи у васъ незаконное сборище? — Я сейчасъ позову хозяина. Подошелъ хозяинъ квартиры. — Что угодно? — У васъ незаконное сборище! — Но, позвольте, полковникъ, это не сборище, а просто гости, встрѣчающіе новый

годъ. Вонъ уже бьютъ часы. — Бьютъ часы? Ну въ такомъ случаѣ съ новымъ годомъ, дорогой мой!

Оказывается, кто-то пошутилъ. На другой день вы все это мнѣ доложили. Кто другой изъ присутствовавшихъ, — Брунъ назвалъ фамиліи остальныхъ гостей, — могъ мнѣ это разсказать?

— Да, помогите же... Онъ пытается меня самую убѣдить въ томъ, чего не было. Вы опытнѣе меня и знаете, какъ эти господа умѣютъ плести интригу, умѣютъ запутать любого. Можетъ быть, онъ хочетъ кого-нибудь скрыть за моей спиной? Скажите, полковникъ, кого вы хотите спасти, убивая меня? Вѣдь вы понимаете, что убиваете меня и физически, и морально. Вѣдь у меня малютка дочь...

Наступила пауза. Жена моего товарища нервно постукивала концомъ зонта по своему ботинку. Потомъ подняла глаза, посмотрѣла на насъ вкось и усмѣхнулась.

— А впрочемъ, будетъ. Все это мнѣ надоѣло. Онъ говоритъ правду, — росписки эти мои. Пусть это будетъ тебѣ наукой, — обратилась она къ мужу.

Этотъ неожиданный переходъ ошеломилъ насъ. Все же до послѣдней минуты была надежда, что это только искусная интрига подп. Бруна, сумѣвшаго подтасовать обстоятельства противъ молодой женщины. Оказалось все такъ легко и просто. Разслѣдованіе о дѣятельности другихъ негласныхъ сотрудниковъ дало почти такой же «шаблонный» матеріалъ. Состояли у Бруна сотрудниками еще двѣ молодыхъ миловидныхъ женщины, обязанности которыхъ посили скорѣе «не служебный» характеръ, одна полупроститутка, полуразбитый параличемъ почтальонъ, воровавшій на почтѣ письма для г. Бруна, старый гимназическій дядька и жалкій заводской рабочій. Послѣ моего доклада о характерѣ дѣятельности этихъ сотрудниковъ, комитетъ постановилъ не опубликовывать ихъ именъ и лишь въ отношеніи жены члена Гос. Думы О. пришлось прибѣгнуть къ оглашенію ея сотрудничества, такъ какъ она и послѣ изобличенія ея въ этомъ продолжала шантажировать именемъ своего мужа. Отчетность г. Бруна, за исключеніемъ небольшихъ шероховатостей, была въ порядкѣ.

Работа полк. Бруна по освѣщенію положенія въ губерніи носила такой элементарно наивный характеръ, даваемыя имъ характеристики «опасныхъ» людей были такъ нелѣпы, что приходилось только удивляться начальству г. Бруна, не только терпѣвшему его на службѣ, но даже приносившему ему въ жертву такихъ лицъ, какъ, напримѣръ, почтенный Н. Г. Дидрихсонъ. Комитетъ брезгливо отмахнулся отъ г. Бруна и предложилъ ему поторопиться покинуть предѣлы губерніи для явки въ воинскую часть.

Впослѣдствіи полк. Брунъ, во времена ген. Деникина, получилъ отвѣтственное назначеніе на постъ начальника сочинскаго округа, пограничной съ Грузіей территоріи, исключительно отвѣтственной по тому времени. Объ этомъ приходится только пожалѣть.

III

Положеніе въ губерніи. Власть на мѣстахъ. Больные вопросы. Отношеніе къ новой власти.

Вступившій въ управленіе губерніей предсѣдатель губернской земской управы А. М. Кухтинъ, пробывши на этомъ посту недолгое время, просилъ цен-

тральное правительство освободить его отъ этихъ обязанностей. Изъ Петербурга постъ губернскаго комиссара былъ предложенъ Д. Д. Старлочанову, но онъ, прежде чѣмъ отвѣтить на это предложеніе, просилъ губернскій комитетъ обсудить вопросъ о кандидатурахъ на эту должность. Комитетъ къ кандидатурѣ Д. Д. Старлочанова отнесся сочувственно, и вскорѣ онъ получилъ назначеніе. Помощникомъ комиссара былъ назначенъ адвокатъ-цивилистъ Р. Р. Глиндзичъ, кандидатура котораго предварительно была одобрена президіумомъ комитета.

При вступленіи въ управленіе губерніей, новому комиссару, человѣку, по званію члена Гос. Думы освѣдомленному въ положеніи губерніи и ея больныхъ вопросахъ, нельзя было закрывать глазъ на трудность его положенія, усугубляемаго царившимъ въ губерніи многоначаліемъ и безначаліемъ въ то же время. Особенно это чувствовалось въ уѣздахъ. Распоряженіемъ Временнаго Правительства институтъ земскихъ начальниковъ былъ упраздненъ, но продолжали функціонировать предсѣдатели уѣздныхъ съѣздовъ, о которыхъ законодатель забылъ, такъ какъ въ центральныхъ губерніяхъ предсѣдательствовали въ съѣздахъ ex officio уѣздные предводители и лишь въ нѣсколькихъ губерніяхъ имѣлись особые предсѣдатели уѣздныхъ съѣздовъ. Функціи этихъ забытыхъ до поры до времени администраторовъ естественно должны были свестись къ простой охранѣ старыхъ дѣлъ, но нѣкоторые изъ нихъ склонны были проявлять свою былую административную власть. Почти повсюду въ уѣздахъ происходила смѣна чиновъ старой полиціи при отсутствіи контингента лицъ, подготовленныхъ къ несенію этой службы. Возникшіе по примѣру губернскаго, уѣздные комитеты общественной безопасности, въ достаточной мѣрѣ лойяльные по отношенію къ власти, проходили робкій курсъ обученія общественности. Уѣздныя земскія управы, въ значительной степени претендовавшія на роль не только хозяйственнаго, но и административнаго органа, были въ уѣздахъ попрежнему не популярны. Лишь впослѣдствіи была создана должность уѣзднаго комиссара, являвшагося маленькимъ губернаторомъ у себя въ уѣздѣ и объединявшаго вокругъ себя уѣздныя учрежденія.

Въ волостяхъ дѣло обстояло нѣсколько лучше, ибо организовавшіеся большею частью съ волостнымъ старшиною во главѣ, волостные комитеты играли при старшинѣ роль волостныхъ управъ и постепенно втягивались въ кругъ административно-хозяйственныхъ дѣлъ, опредѣляя въ своемъ составѣ работниковъ для будущаго волостного земства. Ничего худого не было отъ такой замѣны прежняго разрѣшенія вопросовъ на митингующихъ сходахъ всесословнымъ коллегіальнымъ органомъ мѣстныхъ людей. Здѣсь жизнь пробила первую брешь въ той изоляціи крестьянъ отъ другихъ сословій, которая послѣдовательно проводилась раньше, и пуще всего боялась созданія всесословной волости. Долговременный культъ этой своего рода китайской стѣны вокругъ мужика и предоставленіе крестьянамъ вариться въ собственномъ соку на митингахъ, называвшихся сходами, должно, мнѣ кажется, снять хоть часть вины съ русской интеллигенціи, когда обвиняютъ послѣднюю въ оторванности отъ крестьянскаго населенія, и хоть до нѣкоторой степени объяснить помощь вліянія честной интеллигенціи на массы, поднятыя господами Смердяковыми, на разнузданный, сокрушающій бунтъ.

Вскорѣ послѣ вступленія въ должность губернскаго комиссара, Д. Д. Старлочановъ условился со мной, какъ предсѣдателемъ губернскаго комитета, объ объѣздѣ губерніи въ ближайшее время. Посѣщеніе мною нѣкоторыхъ уѣздныхъ и крупныхъ селъ губерніи только усугубило въ моемъ представленіи картину административной неразберихи, съ которой намъ приходилось считаться и до непо-

средственнаго ознакомленія съ положеніемъ на мѣстахъ. Кромѣ того посѣщеніе уѣздовъ обнаружило и старыя, наболѣвшія раны, внушавшія тревогу. Кое-гдѣ сильно обострились тренія между отрубщиками и общинниками, ровъ между которыми былъ въ свое время вырытъ не въ мѣру усердными проводниками на мѣстахъ Столыпинскаго закона о выходѣ изъ общины. Значительная часть отрубщиковъ, получивъ возможность продать укрѣпленную за ними землю и усадьбы, поторопилась это сдѣлать и, издержавъ денежные знаки на простой разгулъ или на неудачныя попытки устроиться на Тургаѣ, пополняла собой въ родныхъ сёлахъ кадры деревенской бѣдноты, превратившейся затѣмъ въ «деревенскую бедноту» большевиковъ. Развузданное поведеніе и тяготы призрѣнія этого сельскаго люмпена отражались на обостревномъ и безъ того отношеніи общинниковъ къ отщепенцамъ сельскаго міра, тѣмъ болѣе, что заведенное крѣпкими отрубщиками хозяйство было куда лучше хозяйства общиннаго.

Въ дальнѣйшемъ это сулило много хлопотъ, что и оправдалось при возникновеніи земельныхъ комитетовъ по закону Временнаго Правительства отъ 21 апрѣля 1917 г. Существовалъ въ губерніи и инородческій вопросъ. На территоріи Ставропольской губерніи въ 4 968 745 десятинъ насчитывалось около 1 500 000 десятинъ земли, принадлежащей калмыкамъ, трухменамъ и погайцамъ. На инородческой территоріи проживало по официальнымъ свѣдѣніямъ около 74 000 душъ населенія, причемъ въ это число входили не только инородцы, но и пришлое русское населеніе, обитавшее на этой территоріи. Населеніе же губерніи къ 1917 г. составляло около 1 500 000 душъ. Такимъ образомъ, если даже взять преувеличенную цифру, на 74 000 душъ инородческаго населенія приходилось около 1 500 000 десятинъ земли, а на свыше, чѣмъ милліонное крестьянское населеніе губерніи — около 3 500 000 десятинъ, включая сюда и частновладѣльческія земли. Такое неравномѣрное распредѣленіе земельнаго фонда между инородческимъ и русскимъ населеніемъ не могло не питать возрастающихъ вожделѣній русскаго населенія на инородческую землю, причемъ, естественно, наиболѣе зарились на этотъ земельный каравай крестьяне ближайшихъ къ инородческой территоріи уѣздовъ и особенно селъ, вкрапленныхъ въ эту территорію, какъ напримѣръ, громадное село-оазисъ среди Туркменской территоріи Арзгирь съ населеніемъ свыше 30 000 жителей *. Вноелѣдствіи большевики, учтя эти вожделѣнія, взяли опредѣленную линію на уничтоженіе «вольныхъ степныхъ народовъ» и въ значительной степени въ этомъ находитъ себѣ объясненіе то жестокое изувѣрство, которое было учинено въ 1918—19 г. г. большевиками надъ калмыками большедербетовскаго улуса.

Помимо натянутыхъ внѣшнихъ отношеній съ окружающимъ территорію русскимъ населеніемъ, наиболѣе количественно сильная туркменская народность поѣдалась внутренней распрей двухъ партій, создавшихъ два параллельные комитета и двухъ комиссаровъ, не признававшихъ другъ друга и готовыхъ от-

* Впрочемъ, кто только не зарился на эти земли? Покойный историографъ Ставропольской губерніи І. В. Бентковскій приводитъ въ своихъ трудахъ траги-комическій эпизодъ, какъ въ срединѣ прошлаго столѣтія, инородцы, распропагандированные краевыми агентами, вздумали было выселиться изъ Россіи и всей своей массой двинулись къ берегу моря. Краевое начальство поторопилось намѣтить къ раздачѣ сановникамъ латифундіи изъ аемельнаго фонда ушедшихъ, но инородцы раздумали и вернулись обратно. Проектъ распредѣленія ихъ аемель пришлось аннулировать и частично выполнить за счетъ земли русскаго крестьянскаго населенія. Въ библіотекѣ І. В. Бентковскаго имѣлся и списокъ владѣльцевъ-сановниковъ этой пожалованной аемли.

крыть другъ противъ друга враждебныя дѣйствія совмѣстно со своими сторонниками. Къ губернскому комиссару Д. Д. Старлочанову то и дѣло являлись депутаціи то одной, то другой туркменской группы съ самыми тяжкими обвиненіями своихъ противниковъ. Для примиренія ихъ былъ командированъ въ Лѣтнюю ставку — туркменскій центръ — помощникъ губернскаго комиссара Р. Р. Глиндзичъ. Въ его присутствіи происходилъ общетерриторіальный туркменскій сходъ, на которомъ голоса подсчитывались чуть-ли не по способу, описанному въ «Анабазисѣ» Ксенофонта. Впослѣдствіи территорія степныхъ народовъ была объединена по закону Временнаго Правительства единымъ хозяйственнымъ органомъ, по типу губернской земской управы, а на мѣстахъ были организованы, по типу уѣзднаго земства, улусныя или уѣздныя хозяйственныя управленія для каждой народности. Но при введеніи органовъ административной юстиціи законодатель забылъ о существованіи этихъ инородческихъ управъ и не удѣлилъ имъ административныхъ судей. Лишь въ августѣ 1917 г., послѣ указанія мною въ министерствѣ юстиціи Н. Д. Мордухай-Болтовскому на этотъ дефектъ закона, было издано особое постановленіе, коимъ инородческія территоріи были отнесены къ сферѣ компетенціи административныхъ судей ближайшихъ уѣздовъ.

Пополненное представителями служащихъ и демократическихъ организацій, уѣздное земство все же попрежнему оставалось непопулярнымъ въ губерніи. Объяснялось это, помимо грѣховъ молодости первоизбранныхъ земцевъ, дефектомъ самаго закона, установившаго для активнаго и пассивнаго права высокій земельный цензъ, побоявшагося создать всесословную волость и ввести волостное земство. Между тѣмъ, Ставропольская губернія съ сельскими населенными пунктами въ 20 и 30 тысячъ жителей, съ волостями, большею частью состоящими изъ одного населеннаго пункта, болѣе, чѣмъ другія губерніи, нуждалась въ созданіи всесословной волости и введеніи мелкой земской единицы. И первый же опытъ, пренебрегшаго этой назрѣвшей потребностью, закона 1913 года, далъ самые неожиданные результаты вплоть до антиземскаго бунта и разгрома земскихъ школъ включительно. На мѣстахъ представители демократизованнаго уѣзднаго земства сплошь и рядомъ обращались съ просьбой о замѣнѣ, гдѣ только можно, названія «земскій» словомъ «народный» и, такимъ образомъ, вмѣсто земскихъ получились: «уѣздныя народныя управы», «народныя больницы» и т. д. Введшій, наконецъ, волостное земство законъ Временнаго Правительства отъ 21 мая 1917 г. не успѣлъ завершить всей системы выборовъ ко времени захвата власти большевиками, а послѣдніе, считаясь съ непопулярностью земства въ губерніи, первымъ актомъ своего творчества провозгласили полное упраздненіе земства.

Въ силу общихъ условій, стоялъ довольно остро въ губерніи и продовольственный вопросъ, породившій во второй половинѣ 1916 г. волну погромовъ въ г. Ставрополѣ и нѣкоторыхъ селахъ губерніи. Остроты этого положенія, въ силу исключительныхъ общихъ условій, конечно, не могли смягчить продовольственные комитеты, введенные постановленіемъ Временнаго Правительства отъ 25 марта 1917 г.

На фонѣ всего этого путаннаго положенія еще болѣе подчеркивалось выжидательно-лойяльное отношеніе къ новой власти и проявляемая населеніемъ готовность прійти ей на помощь всемѣрнымъ содѣйствіемъ съ мѣстъ, но въ то же время не скрывалась тревога, сумѣетъ ли при такомъ положеніи новая власть удержать бразды правленія въ своихъ рукахъ, стѣсняющихся властвовать и предписывающихъ самодѣятельность на мѣстахъ во что бы то ни стало.

IV

Выступленіе мѣщанъ. «Трава Божья!». Ликвидація этихъ безпорядковъ.

Первое серьезное испытаніе для губернской власти возникло въ апрѣлѣ 1917 г. Въ этомъ мѣсяцѣ ставропольской городской управой были объявлены торги на сѣнокосы съ земель городского самоуправленія. Мѣщане, составляющіе около двухъ третей населенія гор. Ставрополя, по преимуществу огородники и мелкіе сельскіе хозяева, давно уже имѣли зубъ на городское самоуправленіе и особенно на городскую агрономію, развивавшую солидное собственное хозяйство съ показательными полями, опытными станціями и т. д. Въ послѣдніе годы передъ 1917 г. управа, въ поискахъ средствъ для покрытія все возрастающаго, въ связи съ войной и дороговизной, расходнаго бюджета, безъ отягченія населенія новыми сборами и налогами, послѣдовательно расширяла площадь непосредственно ею эксплоатируемыхъ городскихъ угодій, сокращая тѣмъ самымъ количество угодій, сдаваемыхъ въ эксплоатацію частнымъ лицамъ. Управа завела собственный обозъ, лѣсосѣки, улучшила и увеличила травосѣяніе на лугахъ. Покосы съ этихъ луговъ, при существующихъ высокихъ цѣнахъ на сѣно, являлись особой приманкой для городскихъ мѣщанъ, но, когда они ознакомились съ количествомъ земли, сдаваемой подъ покосъ частнымъ лицамъ въ этомъ году, надежды ихъ на хорошій заработокъ были разрушены. Своеобразно «соціалисты» поспѣшили использовать это недовольство, разъясняя мѣщанамъ, что земля Божья, а, стало быть, и трава тоже Божья, и торговъ на нее допускать нельзя.

Въ день торговъ къ зданію городской управы явилась тысячная толпа мѣщанъ, опрокинула столъ, за которымъ членъ управы производилъ торги и, ворвавшись въ помѣщеніе управы, угрожала разгромить его, а составъ управы выбросить со второго этажа внизъ, если торги не будутъ отмѣнены и сѣнокосы не будутъ мѣщанамъ отданы безвозмездно. Тщетно городской голова заявлялъ, что безъ разрѣшенія этого вопроса городской думой, въ которой мѣщане имѣютъ своихъ представителей, управа, какъ подчиненный думѣ органъ, поступить такъ не властна и что вопросъ этотъ будетъ внесенъ на разсмотрѣніе экстреннаго засѣданія думы. Мало слушали разбушевавшіеся мѣщане и прибывшаго въ управу губернскаго комиссара, указывавшаго мѣщанамъ на всю безтолковость и безразсудность ихъ дѣйствій и предлагавшаго взамѣнъ дѣйствія скопомъ изложить черезъ своихъ представителей въ гор. думѣ свои требованія. Въ отвѣтъ на это мѣщане заявили, что они пришлютъ своихъ представителей въ совѣтъ солдатскихъ депутатовъ и тамъ «объявятъ свою волю».

Въ тотъ же вечеръ состоялось соединенное засѣданіе исполнительныхъ комитетовъ, городской управы и многочисленныхъ представителей отъ мѣщанъ. Послѣдніе, большинство изъ которыхъ явилось въ нетрезвомъ видѣ, держали себя вызывающе, заявляя, что «теперь ихъ сила», что торговъ они все равно не допустятъ, что всѣ затѣи управы только барская блажь и что «по народному праву» теперь надлежитъ подѣлить между мѣщанами и городскія земли, и обозъ, и все остальное, что принадлежитъ городу. Въ концѣ концовъ, все же они согласились представить всѣ эти соображенія экстренному засѣданію городской думы, которое должно быть созвано въ ближайшіе же дни.

— Только все равно будетъ по нашему. Никакихъ торговъ мы не допустимъ, — заявили, расходясь, мѣщане.

По настоянію президіума комитета общественной безопасности, поддержанному представителями и другихъ организацій до совдеповъ включительно, рѣшено было использовать этотъ эпизодъ для примѣненія самаго рѣшительнаго отпора до примѣненія вооруженной силы включительно, если это понадобится. Въ вечеръ думскаго засѣданія къ помѣщенію городской думы была вытребована воинская часть и къ концу засѣданія части ея были введены въ коридоры и помѣщенія, сосѣднія съ думской залой.

Выслушавъ требованія мѣщанъ, дума подтвердила свое прежнее постановленіе о сдачѣ сѣнокосовъ съ торговъ, а затѣмъ предсѣдатель губернскаго комитета обратился къ мѣщанамъ съ указаніемъ, что никакія насильственныя дѣйствія властью допущены не будутъ, и власть не остановится передъ примѣненіемъ силы оружія противъ попытки произвести это насиліе. Если мѣщане хотятъ убѣдиться, что такая сила имѣется въ распоряженіи власти, то благоволятъ взглянуть на думскую площадь и сосѣдніе залѣ коридоры. Затѣмъ были оглашены правила дѣйствій воинской силы при вызовѣ ея гражданской властью. Мѣщане послѣ этого перемѣнили тонъ и новыхъ попытокъ къ насильственному воздѣйствію на городскую управу уже не дѣлали.

Слѣдуетъ добавить, что большевики, захвативъ власть въ январѣ 1918 г., и первымъ своимъ актомъ упразднивъ земство, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ своего властвованія не рѣшались наложить руку на городское самоуправленіе, отказавшееся признать ихъ власть, и только въ концѣ марта 1918 г. постановили низложить городскую думу. Но объ этомъ будетъ подробно сказано ниже.

V

Первое выступленіе большевиковъ. Отзвуки іюльской попытки захватить власть въ Петербургѣ. Провалъ большевиковъ.

Впервые мѣстные большевики обнаружили свое существованіе въ дни реализаціи «займа свободы», выступая въ наиболѣе людныхъ мѣстахъ съ призывомъ «не давать ни копейки министрамъ-прислужникамъ буржуазіи и имперіалистовъ». Но выступленія эти имѣли результатъ, повидимому, противоположный желаніямъ большевиковъ, ибо пожертвованія золота и серебра протекало успѣшно, продажа билетовъ займа шла такъ же успѣшно, молодымъ же адептамъ большевизма пришлось выслушать столько непріятныхъ заявленій по своему адресу со стороны пропагандируемыхъ ими слушателей, что временами выбраться изъ труднаго положенія имъ помогала милиція.

Не имѣли никакого успѣха и ихъ выступленія въ губернскомъ комитетѣ и въ совѣтахъ, которые къ этому времени слились въ одинъ «всесословный» совѣтъ рабочихъ, солдатскихъ, крестьянскихъ и мѣщанскихъ депутатовъ.

Во главѣ организаціи мѣстныхъ большевиковъ стоялъ завѣдующій отдѣломъ статистики губернской земской управы, человѣкъ съ недюжинными способностями, юристъ по образованію, А. А. Пономаревъ, надѣленный исключительно желчнымъ и неуживчивымъ характеромъ. Самъ онъ до поры до времени не выступалъ публично съ проповѣдью большевизма и ограничивался тѣмъ, что руководилъ небольшой группой молодежи, самоотверженно принимавшей на себя удары неудачъ отъ этихъ выступленій.

Чаще всего выступала только что окончившая мѣстную гимназію Марія Вальяно, дочь прогорѣвшаго милліонера, миловидная дѣвушка съ тяжелой, чуть не до земли, косой, съ грудянымъ, подкупающаго тембра, голосомъ. Рѣчи свои она обычно заканчивала словами: «выливая воду изъ ванны, бойтесь вмѣстѣ съ водою выплеснуть и ребенка» и, надо признаться, слушатели всегда съ нетерпѣніемъ ожидали этихъ словъ, встрѣчая ихъ аплодисментами, или иногда перебивая затянувшуюся рѣчь Вальяно вопросомъ: «а скоро ли будетъ насчетъ ребенка?» Впослѣдствіи въ первомъ совнаркомѣ, въ которомъ предсѣдательствовалъ А. А. Пономаревъ, Вальяно заняла постъ комиссара народнаго образованія.

Болѣе организованно мѣстные большевики выступили послѣ іюльской попытки петербургскихъ большевиковъ захватить власть, когда объ этомъ дошли вѣсти до Ставрополя. Выступали они въ мѣстномъ совѣтѣ, при чемъ очереднымъ ораторомъ отъ большевиковъ былъ на этотъ разъ молодой инженеръ-путеецъ Толстовъ, впослѣдствіи, послѣ отсрочки большевиками созыва учредительнаго собранія, отрекшійся отъ партіи. Свою рѣчь Толстовъ построилъ на положеніи, что Христосъ былъ первымъ коммунистомъ, и, аргументируя многочисленными ссылками на текстъ евангелія, доказывалъ, что, ужъ если говорить о власти, «нѣсть-бо, аще не отъ Бога», то это именно и есть власть совѣтовъ, къ которой стремятся большевики.

Въ отвѣтъ на это одинъ изъ послѣдующихъ ораторовъ доставилъ большевикамъ нѣсколько огорчительныхъ минутъ. — «Аргументируйте, товарищъ, не отъ Бога, а отъ сатаны, — началъ онъ при общемъ смѣхѣ аудиторіи. — Помните ли вы, какъ передъ истомленнымъ голодомъ Христомъ предсталъ въ пустынѣ отецъ современной провокаціи — дьяволъ? Зачѣмъ Ты голодаешь, — сказалъ Христу искуситель, — стоитъ Тебѣ претворить только эти камни въ хлѣбъ и Ты будешь сытъ. Затѣмъ искуситель повелъ Христа на высоту храма и предложилъ оттуда броситься внизъ и, возведя, наконецъ, на высокую скалу показалъ Христу всѣ царства міра и славу ихъ и сказалъ: «все это дамъ Тебѣ, если, падши, поклонишься мнѣ!» Къ истомленному войной и лишеніями народу съ такими же словами искушенія приходите и вы, большевики: «ты голоденъ — это пустяки, мы вмѣстѣ претворимъ камни въ хлѣбъ и ты будешь сытъ! Затѣмъ вы ведете народъ къ пропасти, предлагая броситься внизъ и, показывая на царства и славу ихъ, обѣщаете всю власть народу, лишь бы онъ, падши, поклонился большевикамъ. Но еще живъ Христосъ въ душѣ народа, и народъ отвѣтитъ вамъ, искушающимъ его слабость, словами Христа: отойди отъ меня, сатана!»

Затянувшееся далеко за полночь засѣданіе совѣта было очень бурнымъ, но при голосованіи большевики, мобилизовавшіе всѣ свои наличныя силы до мертвыхъ душъ включительно, собрали едва-едва десятую часть голосовъ у присутствовавшихъ на засѣданіи. Черезъ нѣсколько дней, когда, въ связи съ петербургской попыткой захвата власти, въ мѣстныхъ «извѣстіяхъ» комитета былъ опубликованъ текстъ постановленія Временнаго Правительства о карахъ за такія попытки и газета выступила съ рѣзкой статьей противъ большевиковъ, представители ихъ съ А. А. Пономаревымъ во главѣ явились въ губернскій комитетъ съ просьбой оградить ихъ отъ возможныхъ насилій на улицѣ, причемъ А. А. Пономаревъ, ссылаясь на нападки газеты, угрожалъ жаловаться въ Петербургъ «самому товарищу Керенскому».

Въ губерніи, насчитывающей лишь около 1500 зарегистрированныхъ фабричной инспекціей заводскихъ рабочихъ на почти $1\frac{1}{2}$ милліона крестьянскаго населенія, изъ коего лишь около 10% составляли иногородніе, конечно, трудно было

большевикамъ говорить о диктатурѣ пролетаріата и нащупать своею проповѣдью базу, на которую они могли бы опереться. Еще болѣе они это поняли послѣ жестокаго провала на выборахъ въ Учредительное Собраніе, но тѣмъ не менѣе своей проповѣди, при всей ея безуспѣшности, не оставили и дождались наконецъ момента, когда имъ пришли на помощь покинувшіе фронтъ штыки 39-й дивизіи.

VI

Петербургскій съѣздъ комиссаровъ Врем. Правительства. Обмѣнъ впечатлѣніями въ пути. Предварительное совѣщаніе. На съѣздѣ. Перемѣны въ министерствѣ. Отповѣдь А. С. Зарудняго.

Въ первыхъ числахъ августа 1917 г. комитетомъ было получено телеграфное приглашеніе министра внутреннихъ дѣлъ прислать своего представителя на созываемый въ Петербургѣ съѣздъ общественныхъ организацій и комиссаровъ Временнаго Правительства. Губернскій комитетъ уполномочилъ участвовать въ съѣздѣ меня, какъ пресѣдателя комитета, въ качествѣ же представителя губернскаго комиссара выѣхалъ его помощникъ Р. Р. Глиндзичъ.

На станціи Кавказской, стоящей на магистрали Владикавказской желѣзной дороги, мы попали въ вагонъ, гдѣ уже находились представители, если память не измѣняетъ, — отъ Асхабада графъ Дорреръ, отъ Терека и Дагестана докторъ Далгатъ и инженеръ Темирхановъ. По мѣрѣ продвиженія на сѣверъ къ намъ присоединялись представители отъ Кубани, Черноморья, Дона и т. д.

Естественно, всѣ разговоры вращались вокругъ предстоящаго съѣзда, недавняго возстанія большевиковъ, взятаго правительствомъ курса и положенія на мѣстахъ. Въ этихъ бесѣдахъ, пересыпанныхъ ссылками на административные курьезы, проскальзывала общая неудовлетворенность создавшимся положеніемъ и тревога за завтрашній день.

Въ вѣдомствѣ внутреннихъ дѣлъ послѣ ухода кн. Г. Е. Львова въ этотъ моментъ было междуцарствіе и обязанности министра внутреннихъ дѣлъ временно несъ И. Г. Церетели, сверхъ прямыхъ его обязанностей по вѣдомству почтъ и телеграфовъ. Пребываніе его во главѣ вѣдомства вн. дѣлъ было обильно весьма строгими циркулярами и распоряженіями на имя губернскихъ комиссаровъ, редактированными иной разъ въ выраженіяхъ, далеко оставлявшихъ за собой суровый стиль дореволюціонныхъ министровъ. Но циркуляры и распоряженія эти такъ мало были согласованы одно съ другимъ и нерѣдко полемизировали между собой, что комиссарамъ отъ этого было не легче. Рядомъ съ этимъ все больше силы забирало министерство земледѣлія, издававшее, случалось, въ инструкціонномъ порядкѣ весьма чреватые послѣдствіями законы, не проводившіеся даже черезъ коллегію министровъ. Въ такомъ порядкѣ, напримѣръ, была издана инструкція дѣятельности земельныхъ комитетовъ, и власть на мѣстахъ была поставлена въ затруднительное положеніе, считать ли опирающуюся на инструкцію дѣятельность земельныхъ комитетовъ подзаконный или попросту явочнымъ актомъ «революціоннаго правосознанія», по позднѣйшей терминологіи большевиковъ. Слѣдуетъ добавить, что уполномоченные главнаго земельнаго комитета на мѣстахъ назначались иногда единственно по признаку принадлежности къ партіи с.-р., безъ предварительной справки, насколько они подготовлены для руководства на мѣстахъ мѣро-

пріятіями правительства по земельному дѣлу и насколько, хотя бы, авторитетны въ глазахъ населенія въ такомъ, чреватомъ послѣдствіями и запутанномъ, вопросѣ. Въ Ставропольской губерніи, напримѣръ, уполномоченнымъ главнаго земельнаго комитета былъ назначенъ зубной врачъ, обремененный профессіональной практикой въ городѣ и, въ силу уже хотя бы этого, едва ли имѣвшій возможность выѣзжать за черту города до назначенія уполномоченнымъ. Положеніе такого уполномоченнаго, при всей остротѣ земельныхъ дѣлъ, было не мало затруднительнымъ, но не менѣе, если не болѣе, было затруднительно положеніе власти при существованіи такого уполномоченнаго.

На предварительномъ совѣщаніи съѣхавшихся представителей, неудовлетворенность существующимъ положеніемъ выявилась еще рѣзче, но, въ виду сравнительной малочисленности присутствовавшихъ на немъ, никакихъ точекъ надъ «і» для совмѣстнаго поведенія на съѣздѣ поставлено не было и было принято только къ свѣдѣнію заявленіе кадетской группы, что отъ имени ея съ программной рѣчью на съѣздѣ поручено выступить Н. М. Кишкину, занимавшему тогда генералъ-губернаторскій постъ Московскаго комиссара. На этомъ же совѣщаніи мы узнали, что министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ Н. Д. Авксентьевъ и что главнымъ предметомъ занятій съѣзда будетъ обсужденіе проекта губернскихъ учрежденій и организаціи милиціи.

Съѣздъ былъ открытъ въ помѣщеніи министерства внутреннихъ дѣлъ новымъ министромъ Н. Д. Авксентьевымъ, произнесшимъ подкупающую своею искренностью и порывомъ программную рѣчь о необходимости яснаго государственнаго пути въ это колеблющееся время и о неизбѣжномъ поворотѣ власти въ сторону отъ разлагающаго вліянія демагоговъ. Во время рѣчи Н. Д. Авксентьева въ залу вошелъ быстрой походкой А. Ф. Керенскій, занялъ мѣсто рядомъ съ г. Авксентьевымъ. Видъ у него былъ совершенно больного человѣка съ землистаго цвѣта лицомъ, тяжелыми, точно набухшими отъ бессонныхъ ночей, вѣками. Сидѣлъ онъ въ неподвижной позѣ уставшаго человѣка съ опущенными внизъ вѣками, точно дремалъ. Выждавъ конца рѣчи Н. Д. Авксентьева, онъ отрывистыми рѣзкими бросками фразъ привѣтствовалъ съѣздъ и затѣмъ въ пространной рѣчи повторилъ мысли Н. Д. Авксентьева о необходимости твердаго курса власти, добавивъ, что власть не остановится, передъ неизбѣжностью перейти къ «крови и желѣзу», если революція превратится въ «бунтъ рабовъ». Повидимому, обѣ рѣчи и Н. Д. Авксентьева, и А. Ф. Керенскаго произвели свое впечатлѣніе и выступившій съ отвѣтомъ Н. М. Кишкинъ кратко указалъ, что группа представителей уполномочила его привѣтствовать правительство и заявить о всемѣрномъ содѣйствіи власти, берущей правильный государственный курсъ. Только выступленіе, если не измѣняетъ память, псковскаго комиссара г. Булатова пробило брешь въ этомъ парадномъ обмѣнѣ любезностями и черезъ эту брешь и въ этомъ засѣданіи, и въ послѣдующихъ, вылилась вся, привезенная съ мѣстъ, неудовлетворенность прежнимъ курсомъ правительства. Смыслъ большинства рѣчей сводился къ тому, что нельзя сидѣть между двухъ стульевъ и власть должна властвовать, а не быть маріонеткой въ рукахъ параллельно дѣйствующихъ съ властью организацій, заставляющихъ власть идти зигзагами.

Слѣдующія засѣданія съѣзда уже происходили въ помѣщеніи Петербургской думы и главнымъ предметомъ ихъ занятій были выработанные министерствомъ проекты учрежденія должности губернскаго и уѣздныхъ комиссаровъ и организаціи милиціи. Слѣдуетъ отмѣтить, что правильности теченія этихъ занятій въ значительной степени мѣшало то обстоятельство, что происшедшія отчасти на-

канунѣ, отчасти уже во время занятій съѣзда перемѣны въ составѣ высшихъ членовъ министерства внутреннихъ дѣлъ создавали затруднительное положеніе для новыхъ лицъ, а старые докладчики по проекту либо ушли, либо не вполнѣ еще были освѣдомлены, въ какой мѣрѣ высшіе чины министерства раздѣляютъ положеніе проекта, а по нѣкоторымъ проектамъ долго не могло выясниться, кто же будетъ защищать эти проекты передъ съѣздомъ.

Выработанный министерствомъ проектъ надѣлялъ губернскаго комиссара почти всѣми прерогативами прежней губернаторской власти, но съ изъятіемъ изъ подчиненія ему милиціи, которая въ городахъ подчинялась городской управѣ, въ уѣздахъ — уѣздной земской управѣ и объединяла это подчиненіе милиціи губернская земская управа. Этому проекту противопоставлялся проектъ, выработанный Петербургскимъ совѣтомъ депутатовъ, отличіе котораго отъ министерскаго проекта заключалось въ томъ, что административное управленіе ввѣрялось коллегіальнымъ земскимъ и городскимъ органамъ, подзаконность дѣятельности которыхъ ввѣрялась контролю особаго административнаго прокурора, являющагося окомъ закона и правительства на мѣстахъ. Этотъ послѣдній проектъ защищался на съѣздѣ, если не ошибаюсь, членомъ совѣта г. Шапиро.

Уѣздные комиссары, по мысли министерскаго проекта являлись маленькими губернаторами на своей территоріи, объединяющими вокругъ себя дѣятельность административныхъ уѣздныхъ учрежденій, за исключеніемъ уѣздной милиціи.

Съ небольшими поправками былъ принятъ министерскій проектъ, при чемъ, какъ при обсужденіи этого проекта, такъ и проекта организаціи милиціи больше всего возраженій высказывалось противъ изъятія изъ вѣдѣнія администраціи милиціи и передачи ея въ вѣдѣніе самоуправленій. Какъ предсказывалось на съѣздѣ, это обезсиленіе администраціи на мѣстахъ, обезсилитъ и разложитъ составъ милиціи. Дѣйствительность въ значительной степени эти опасенія оправдала и едва ли теперь можно сомнѣваться, насколько грубой ошибкой явилось тогда принятіе этого подчиненія милиціи. Въ качествѣ прокурора мнѣ пришлось наблюдать необычайную распущенность милиціи, особенно проявившуюся въ эпизодѣ съ самосудомъ въ гор. Ставрополѣ толпы надъ арестованными, тутъ же, у помѣщенія милиціи, и при этомъ не только при попустительствѣ, но и прямомъ содѣйствіи чиновъ милиціи. Надо замѣтить, что во главѣ городской милиціи стояло лицо съ юридическимъ образованіемъ, исполнявшее не разъ обязанности товарища прокурора, но порядки при этомъ начальникѣ въ милиціи заставляли вспоминать, какъ нѣчто лучшее, худшія времена дореформенной полиціи.

Какъ я указывалъ, работамъ съѣзда предшествовали перемѣны въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Новые товарищи министра, къ которымъ приходилось обращаться по цѣлому ряду вопросовъ привезенныхъ съ мѣстъ, большею частью откровенно заявляли, что они еще недостаточно ориентировались въ обстановкѣ и совѣтовали разрѣшать эти вопросы на мѣстахъ по своему крайнему разумѣнію. И здѣсь повторился тотъ же прежній призывъ къ самодѣятельности на мѣстахъ и намѣчалось неизбѣжно идущее банкротство власти, о чемъ такъ много говорилось на съѣздѣ и противъ чего обѣщана была борьба въ рѣчахъ Н. Д. Авксентьева и А. Ф. Керенскаго. Это отсутствіе вѣры въ будущее, а также объявленный на 12 августа 1917 г. созывъ государственнаго совѣщанія въ Москвѣ охладили и скомкали послѣднія засѣданія съѣзда и создали впечатлѣніе неоправдавшихся надеждъ у большинства участниковъ съѣзда.

Кромѣ министра внутреннихъ дѣлъ и предсѣдателя совѣта министровъ на съѣздѣ выступали министръ продовольствія А. М. Пѣшехоновъ и только что

назначенный министромъ юстиціи А. С. Зарудный. Ожидалось выступленіе министра земледѣлія В. М. Чернова, но оно почему то не состоялось. А. С. Зарудный выступалъ, давая отвѣтъ на рядъ упрековъ, брошенныхъ министерству, въ сохраненіи на мѣстахъ прежнихъ чиновъ магистратуры и прокуратуры. Если не ошибаюсь наиболѣе рѣзкія заявленія были сдѣланы представителями Астрахани и Витебска. Отвѣчая на эти упреки и на заданный вопросъ, какъ обстоитъ дѣло съ временной пріостановкой несмѣняемости, А. С. Зарудный заявилъ, что отъ своего отца, одного изъ дѣятелей по составленію судебныхъ уставовъ 1864 г., онъ унаслѣдовалъ уваженіе къ этому памятнику судебной реформы и до конца дней своихъ будетъ свято чтить основы, вложенныя въ этотъ кодексъ. Онъ всегда былъ и будетъ сторонникомъ принципа несмѣняемости судей, къ счастью восторжествовавшаго и на недавнемъ совѣщаніи представителей судебнаго вѣдомства и адвокатуры, и считаетъ недопустимымъ разрушать основу зданія уставовъ изъ-за нѣсколькихъ грѣшниковъ. Грѣшники вездѣ могутъ быть, но не надо увлекаться обобщеніемъ обвиненій. Какъ никакъ, — говорилъ А. С. Зарудный, судебное вѣдомство сохранило въ своихъ рядахъ, благодаря тому же принципу несмѣняемости, подавляющій процентъ безупречныхъ работниковъ, репутацію которыхъ не могутъ подорвать нѣсколько исключеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, А. С. Зарудный обѣщалъ приложить всѣ мѣры къ очищенію вѣдомства, но въ формѣ, предписываемой закономъ.

Выступленіе А. С. Зарудаго происходило въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій и вскорѣ послѣ этого участники съѣзда начали разъѣзжаться.

VII

Государственное совѣщаніе въ Москвѣ. Въ купэ съ В. М. Пуришкевичемъ. Забастовка передъ совѣщаніемъ. Общая ситуація. Въ кругу казаковъ. Кулисы совѣщанія. Впечатлѣнія.

Для отъѣзжающихъ изъ Петербурга участниковъ Московскаго совѣщанія было назначено нѣсколько особыхъ поѣздовъ, отходящихъ одинъ за другимъ. Войдя въ назначенное мнѣ купэ, я засталъ уже тамъ незнакомаго мнѣ господина, раскладывающаго у окна квадратные тючки. На одномъ изъ нихъ лежала стопка брошюръ съ крупно отпечатаннымъ заглавіемъ: «отъ трехцвѣтнаго къ двухцвѣтному знамени». Когда я утромъ проснулся, мой спутникъ стоялъ у раскрытаго окна и время отъ времени разбрасывалъ, доставая изъ вскрытаго тючка эту брошюру, когда поѣздъ пробѣгалъ мимо движущихся вдоль полотна дороги крестьянъ. Я попросилъ у незнакомца одинъ экземпляръ брошюры и, когда онъ съ улыбкой передалъ ее мнѣ, я прочелъ на послѣдней страницѣ подпись «В. М. Пуришкевичъ». Вглядѣвшись въ незнакомца, я не могъ не признать въ немъ подлиннаго автора брошюры съ его характерными чертами нервно подвижнаго лица. Въ брошюрѣ этой, написанной въ неожиданно сдержанныхъ тонахъ, обратили вниманіе мое, между прочимъ, слѣдующія строки. Характеризуя движущія силы, изъ которыхъ слагается революція, г. Пуришкевичъ подраздѣляетъ ихъ на группы, куда входятъ фанатики и начетчики программы, готовые пріобрѣсти торжество программнаго пункта цѣной гибели цѣлаго міра, затѣмъ идетъ послушная масса, лица, которымъ совершенно безразлично, въ какой

защитный цвѣтъ ни перекраситься, готовыя служить любому режиму, лишь бы отъ нихъ не ушли привычныя блага и т. д. Но есть люди, говоритъ авторъ, кристально честные и чистые, проникнутые порывомъ самоотверженности, отдающіе всего себя служенію народу и роднѣ. Къ послѣднимъ авторъ относилъ А. Ф. Керенскаго и И. Г. Церетели. Я долго хранилъ эту брошюру, какъ своего рода «уникумъ», пока она не погибла вмѣстѣ съ моей библіотекой при разгромѣ моей квартиры большевиками, и очень сожалѣлъ, что у меня не было ея подъ руками, когда выступавшій въ 1919 г. съ публичнымъ докладомъ въ Ставрополѣ В. М. Пуришкевичъ уже не иначе называлъ А. Ф. Керенскаго, какъ Аарономъ Кирбасомъ и призывалъ на его голову всѣ проклятія міра.

По пріѣздѣ въ Москву, участниковъ совѣщанія встрѣтила прежде всего забастовка, охватившая городскія предпріятія, трамваи и крупные заводы, вопреки рѣшенія Московскаго совѣта. Носились слухи о возможности насильственнаго срыва совѣщанія, о возможности вооруженной демонстраціи рабочихъ массъ, подобной тому, которая подготовлялась большевиками противъ перваго съѣзда совѣтовъ 10 іюня и была тогда предотвращена, но вылилась затѣмъ въ большевистскомъ возстаніи 3—5 іюля въ Петербургѣ. Эта забастовка, вопреки рѣшенія московскаго совѣта, въ моментъ совѣщанія, созваннаго «правительствомъ спасенія революціи», получившимъ 10 іюля 1917 г. полномочія диктаторской власти отъ Ц. И. К., только лишній разъ напоминала о тѣхъ двухъ трещинахъ, которыя разростались въ пропасти слѣва и справа передъ коалиціоннымъ, по своему составу, правительствомъ и дѣлали вождей демократическихъ организацій оторванными отъ массы, а правительство оторваннымъ и отъ будирующей демократіи, и отъ будирующей буржуазіи.

Лѣвая демократія не признавала замѣны обѣщаннаго послѣ іюльскаго возстанія совѣщанія совѣтовъ всероссійскимъ совѣщаніемъ, на которомъ, по выраженію А. Ф. Керенскаго, — «должны быть представлены всѣ живыя силы страны». Не признавала эта лѣвая часть, выступавшая по зову большевиковъ во время возстанія 3—5 іюля въ Петербургѣ со знаменами «вся власть совѣтамъ», формальнаго отказа центральнаго органа совѣтовъ отъ вліянія на власть правительства и игнорировала полученныя послѣднимъ диктаторскія полномочія.

Съ другой стороны развалъ, происходившій на фронтѣ, кіевская капитуляція Временнаго Правительства передъ Украинской радой, земельныя мѣропріятія «селянскаго министра» Чернова, промышленная политика углубляли трещину, идущую отъ Временнаго Правительства справа.

Созывая государственное совѣщаніе, правительство разсчитывало перебросить мостки черезъ эти трещины и уже, быть можетъ, не столько ради «спасенія революціи», сколько ради спасенія Россіи, ибо со дня на день ожидалось паденіе Риги и прорывъ фронта; правительство надѣялось получить поддержку отъ всѣхъ «живыхъ силъ страны», оторвавъ вмѣстѣ съ тѣмъ массы отъ крѣпнущаго вліянія большевизма. Но и въ самомъ составѣ правительства и даже въ соціалистическомъ крылѣ его не только не было единенія, но шла внутренняя распря, принимавшая иногда острыя формы. Выше я указывалъ, насколько автономна отъ Вр. Правительства была земельная политика В. М. Чернова и дѣйствующихъ по его вѣдомству земельныхъ комитетовъ. Съ одной стороны министерствомъ внутреннихъ дѣлъ признаются недопустимыми попытки самочиннаго осуществленія до Учредительнаго Собранія земельной реформы на мѣстахъ рѣшеніями мѣстныхъ комитетовъ и крестьянскихъ съѣздовъ, предписывается комиссарамъ на мѣстахъ всѣми мѣрами бороться противъ самочиннаго распредѣленія чужихъ угодій, захвата, запашекъ

и засѣва чужихъ полей *, не останавливаясь, какъ это было впослѣдствіи въ министерство Н. Д. Авксентьева, предъ арестомъ членовъ земельныхъ комитетовъ, а рядомъ съ этимъ главный земельный комитетъ автономно устанавливаетъ переходъ въ вѣдѣніе земельныхъ комитетовъ всѣхъ земель сельско-хозяйственнаго пользованія, водъ и лѣсныхъ угодій, возлагая на комитеты упорядоченіе земельныхъ отношеній.

Послѣ декларативнаго выступленія правительства по открытіи совѣщанія и привѣтственной рѣчи Московскаго гор. головы В. В. Руднева, былъ объявленъ перерывъ, въ теченіи котораго должно было произойти распредѣленіе времени и очереди для рѣчей участниковъ совѣщанія, и группировки членовъ совѣщанія для выступленій съ соотвѣтствующими декларациями. Въ часы этихъ предварительныхъ групповыхъ совѣщаній, аудиторіи университета, помѣщенія общежитій для участниковъ совѣщанія и просторныя залы иныхъ помѣщеній были лабораторіей предварительныхъ длинныхъ разговоровъ и сговора между отдѣльными группами и объединеніями ихъ. Здѣсь шла борьба между лѣвымъ и правымъ теченіями демократіи, то-есть большевиками, меньшевиками-интернаціоналистами и лѣвыми с.-р., съ одной стороны, и приверженными правительству меньшевиками и умѣренными с.-р., съ другой. Въ одной изъ аудиторій выступилъ Ю. Мартовъ съ длинною сухой, какъ надтреснутое дерево, рѣчью, предлагающей демократіи изолироваться и отъ умѣреннаго крыла ея, и отъ буржуазіи, отчего она, по мнѣнію говорившаго, выиграетъ только въ сплоченности и силѣ. Истощенный, худой аскетъ, съ болѣзненно онущенными вѣками глазъ, съ покосившейся на сторону фигурой, говорившій слабымъ глухимъ голосомъ, г. Мартовъ и своимъ внѣшнимъ видомъ, и выходившими изъ него словами производилъ впечатлѣніе типичнаго доктринера-фанатика, только-только вышедшаго изъ эмигрантскаго подполья, еще щурящагося отъ свѣта и не испытывающаго потребности пріоткрыть свои полупотушенные глаза. Въ противовѣсъ предлагавшимся имъ тезисамъ были приняты примиренческіе тезисы, редактировать которые для общей декларации демократическихъ организацій поручено было, если память не измѣняетъ, г. Дану. Тезисы декларации этой, оглашенной на государственномъ совѣщаніи, пылко и не безуспѣшно защищались И. Г. Церетели **.

Получивъ по пріѣздѣ въ Москву койку въ помѣщеніи клуба на Б. Дмитровкѣ, отведеннаго подъ общежитіе казаковъ, обѣдая вмѣстѣ съ ними за общимъ столомъ, какъ ближайшій сосѣдъ по представляемой мною территоріи, я былъ участникомъ ихъ общихъ разговоровъ, вращавшихся главнымъ образомъ вокругъ вырабатываемаго всѣмъ казачествомъ соглашенія, получившимъ затѣмъ выраженіе въ декларации, оглашенной на государственномъ совѣщаніи ген. А. М. Калединымъ. Выработка этого соглашенія протекала вначалѣ, судя по этимъ разговорамъ, не безъ трепій и не безъ потери времени на длительные дебаты, но въ концѣ концовъ привела представителей отдѣльныхъ казачествъ къ единому выступленію на совѣщаніи съ ихъ общей декларацією. Донской атаманъ А. М. Калединъ помѣщался тутъ же въ полукругломъ залѣ. Казаки оказывали ему исключительные знаки вниманія, вставая при появленіи его величавой фигуры, внимательно выслушивая его мнѣнія. Было совершенно ясно, что ген. Калединъ, а не кто иной, выступитъ отъ имени объединеннаго казачества на совѣ-

* Изъ циркуляровъ И. Г. Церетели по м. в. д.

** Къ декларации этой присоединились представители совѣтовъ и армейскихъ организацій, городскихъ думъ, кооперативовъ и т. д.

щаніи и станетъ во главѣ казачества и внѣ стѣнъ Большого Московскаго Театра. Кто могъ думать, что тотъ же А. М. Калединъ падетъ одной изъ первыхъ жертвъ нестроенія казачества и хоть въ малой мѣрѣ, но будетъ правъ есаулъ Ногаевъ, рискнувшій возражать и опровергать ген. Каледина послѣ его импозантнаго выступленія на государственномъ совѣщаніи, доказывая, что лѣвое казачество не пойдетъ ни за ген. Калединымъ, ни за тѣми, кого онъ объединяетъ?

Послѣ перерыва, совѣщаніе открылось красивой, отчеканенной рѣчью В. Д. Набокова, говорившаго въ качествѣ представителя Государственной Думы перваго созыва. Въ противоположность ему, вызвалъ недоумѣніе присутствующихъ предсѣдатель второй Гос. Думы Ф. А. Головинъ, напомнившій въ началѣ своей рѣчи обращеніе П. А. Столыпина къ Гос. Думѣ со словами «не запугаете» и повторившій эти слова передъ аудиторіей Большого Театра. Кого собственно имѣлъ Ф. А. Головинъ въ виду, такъ и осталось неяснымъ изъ всего послѣдующаго смысла его рѣчи. Выступленіе предсѣдателя третьей Гос. Думы А. И. Гучкова было провикнуто желчной раздражительностью противъ лицъ, стоящихъ у власти, точно китайскія тѣни, движущихся и жестикулирующихъ, но являющихся миражемъ власти. И. Г. Церетели, полемизируя въ своей рѣчи съ А. И. Гучковымъ, задалъ послѣднему вопросъ: чѣмъ онъ могъ бы объяснить, что, состоя военнымъ министромъ, А. И. не добился наступленія войскъ, между тѣмъ войска это сдѣлали, когда у власти были «китайскія тѣни?» Предсѣдатель четвертой Гос. Думы М. В. Родзянко, начавшій свою рѣчь съ сѣтованія, что ему предоставленъ недостаточный срокъ, такъ долго сѣтовалъ, что, когда хотѣлъ приступить къ оглашенію декларацін Гос. Думы, предсѣдательствующій въ совѣщаніи напомнилъ ему, что предоставленный для его рѣчи срокъ уже истекъ. Въ отвѣтъ на раздавшіеся голоса о предоставленіи новаго срока А. Ф. Керенскій заявилъ, что своею властью онъ предоставляетъ «гражданину Родзянко» новый срокъ, но М. В. Родзянко использовать это предложеніе отказался и декларація 4-й Гос. Думы была оглашена кѣмъ-то другимъ. Такъ же непроизводительно было потрачено время П. П. Рябушинскимъ, занявшимся предварительно рѣчи отвинчиваніемъ абажура на трибунѣ.

Внимательно совѣщаніемъ была выслушана рѣчь В. В. Шульгина, говорившаго тономъ ѣдкаго сарказма о человѣческихъ ошибкахъ. Бываютъ ошибки, — говорилъ онъ, — которыя только дѣлаютъ честь ошибающемуся: такова ошибка Временнаго Правительства, декларировавшаго отмѣну смертной казни; бываютъ ошибки, которыя простятся, но есть ошибки, которымъ нѣтъ прощенія. Такова ошибка правительства, — говорилъ В. В. Шульгинъ, имѣя въ виду условія соглашенія съ украинской радой отъ 30 іюня, — когда, уподобляясь равноапостольному князю Владиміру, Временное Правительство рѣшило окрестить Малороссію въ украинскую вѣру. Не менѣе внимательно были выслушаны рѣчи П. Н. Милюкова и В. А. Маклакова, не закончены за истеченіемъ срока, и И. Г. Церетели, явившагося главнымъ ораторомъ объединенной умѣренной демократіи. Казалось, своимъ двукратнымъ выступленіемъ, прилывавшимъ буржуазію къ «честной коалиціи», онъ пробилъ ледъ на правыхъ скамьяхъ и его протянутая рука встрѣтила отвѣтное рукопожатіе представителя промышленной Москвы г. Бубликова.

Тѣмъ временемъ Москва съ небывалыми почестями встрѣчала и чествовала только что прибывшаго съ фронта Верховнаго Главнокомандующаго Л. Г. Корнилова. Появленіе ген. Корнилова въ залѣ совѣщанія вызвало движеніе во всѣхъ ярусахъ и перешло въ бурную овацію, когда онъ, вернувшись отъ А. Ф. Керен-

скаго, показался въ боковой ложѣ у сцены. Въ отвѣтъ на эту овацію лѣвый секторъ зала такъ же шумно привѣтствовалъ Предсѣдателя Совѣта министровъ А. Ф. Керенскаго, когда онъ вышелъ послѣ перерыва въ залу совѣщанія. Зала была освѣдомлена о тѣхъ трешіяхъ, которыя происходили между главой правительства и верховнымъ главнокомандующимъ на почвѣ императивныхъ требованій ген. Корнилова принять срочныя мѣры къ оздоровленію фронта и опасенія грядущей военной диктатуры.

Въ послѣдующемъ наиболѣе интереса представляло выступленіе военной группы съ генераломъ Л. Г. Корниловымъ, М. В. Алексѣевымъ и А. М. Калединымъ во главѣ. Появленіе верховнаго главнокомандующаго на трибунѣ вновь вызвало бурную овацію по его адресу и контръ-овацію по адресу А. Ф. Керенскаго слѣва. Въ краткихъ, простыхъ словахъ, далеко не претендующихъ на ораторскіе пріемы, генералъ Л. Г. Корниловъ очертилъ тяжелое положеніе на фронтѣ, указалъ на приближающуюся катастрофу на Рижскомъ секторѣ. Чувствовалось волненіе выступавшаго главнокомандующаго и что онъ не все сказалъ, что могъ сказать, подчиненный честной солдатской дисциплинѣ правительству. Слѣдующимъ изъ этой группы выступалъ ген. М. В. Алексѣевъ, исключительно подробно и авторитетно освѣтившій воинское и военное дѣло Россіи. Заключило кругъ этой группы оглашеніе ген. А. М. Калединымъ общеказачьей декларацiи. Насколько рѣчь ген. Корнилова носила освѣдомительный, а рѣчь ген. Алексѣева экспертный характеръ, настолько обще-казачья декларація ставила точки надъ «і», требуя вывести армію изъ огненнаго, пожирающаго ее, кольца политики, возвращенія вождямъ ея былой полной мощи и упраздненія комитетовъ, какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу. Какъ я указывалъ выше есаулъ Ногаевъ сдѣлалъ попытку оспорить право ген. Каледина говорить отъ имени всего казачества, заявивъ, что казачья демократія не пойдетъ за своими генералами и раздѣлитъ позиціи, занятыя общероссійской демократіей. Во время рѣчи есаула Ногаева изъ боковой ложи, гдѣ размѣщался штабъ главнокомандующаго, раздался «Zwischenruf», смыслъ котораго сводился къ тому, что «такъ говорятъ люди германской марки». А. Ф. Керенскій предложилъ сказавшему это показаться совѣщанію. Послѣ нѣкоторой паузы, въ теченіе которой никто «не показался» совѣщанію, предсѣдатель объявилъ перерывъ. По возобновленіи засѣданія слово было предоставлено полковнику ген.-штаба Сахарову, заявившему, что слова эти произнесъ онъ и что онъ готовъ дать любое удовлетвореніе офицеру Ногаеву. Въ залѣ послышались возмущенные голоса столько же по адресу полк. Сахарова, сколько и по адресу предсѣдательствовавшаго А. Ф. Керенскаго, что не мѣсто на государственномъ совѣщаніи бреттерскимъ діалогамъ, и инцидентъ на этомъ былъ законченъ.

Въ одной изъ боковыхъ ложъ, устроенныхъ на сценѣ, находились князь П. А. Крапоткинъ, Г. В. Плехановъ и Е. К. Брешко-Брешковская, выступившіе затѣмъ въ послѣднемъ засѣданіи. П. А. Крапоткинъ взволнованно предостерегалъ отъ легкомысленныхъ увлеченій, въ результатѣ которыхъ страна неминуемо будетъ ввергнута въ тяжкія переживанія побѣжденной націи. Съ жестами, не привычными для русскаго глаза, Г. В. Плехановъ не менѣе взволнованно призывалъ къ единенію демократію и цензовые элементы, приведя разсказъ о двухъ кошкахъ, которыя дрались до тѣхъ поръ, пока отъ нихъ остались одни хвосты и предостерегалъ россійскій пролетаріатъ отъ легкомысленнаго захвата власти, напоминая слова Энгельса, что нѣтъ бо́льшаго несчастья для страны, дѣла соціализма и пролетаріата, какъ если власть перейдетъ въ руки послѣдняго,

когда онъ не созрѣлъ и не подготовленъ для этого. Тономъ, напоминающимъ тонъ няни, говорящей съ малыми дѣтьми, призывала къ единенію и терпѣнію и Е. К. Брешко-Брешковская.

Временное Правительство размѣщалось на возвышеніи сцены и ораторская трибуна находилась возлѣ стола правительства. Сзади, вглубь сцены, шли мѣста для комиссаровъ Временнаго Правительства. Министры почти всѣ, — насколько припоминаю, отсутствовалъ, только А. С. Зарудный, — присутствовали на совѣщаніи. Наиболѣе интереса, различнаго по качеству, возбуждалъ «селянскій мивистръ» В. М. Черновъ. Когда онъ проходилъ, въ перерывахъ между скамьями лѣваго сектора, его оживленно привѣтствовали представители крестьянъ и совѣтовъ, въ выпущенныхъ иллюстраціяхъ фигурировали его снимки съ сѣдобородыми крестьянами. Наоборотъ, стрѣлы праваго сектора направлялись преимущественно по его адресу и, говоря о томъ, что «Циммервальдъ не спасъ и надо воевать до конца, до почетнаго мира», В. А. Маклаковъ повернулся въ упоръ къ сидящему у края правительственнаго стола В. М. Чернову.

Наступилъ моментъ заключительной рѣчи главы правительства А. Ф. Керенскаго. Было уже ясно, что московское совѣщаніе никакихъ положительныхъ результатовъ не дало. Оно не только не сгладило, но еще больше расширило трещины расхожденія и вмѣстѣ съ тѣмъ влило въ сознаніе собравшихся ощущеніе testimonium'a paupertatis передъ происходящей въ Россіи грозой. Напрасно А. Ф. Керенскій въ своей болѣе нервной рѣчи, чѣмъ первая при открытіи совѣщанія, еще разъ упомянулъ «о желѣзѣ и крови», передъ которыми не остановится правительство, это прозвучало такъ же, какъ прозвучали послѣднія слова его рѣчи, когда онъ, теряя пониманіе окружающаго, заговорилъ о томъ, что онъ «вырветъ цвѣты изъ своего сердца, запретъ его на ключъ и ключъ броситъ далеко въ пропасть», запнатался, а кто то изъ партера, крикнувъ «не надо, не надо», бросился къ нему цѣловать руки . . .

Съ невыразимо гнетущей тяжестью и пустотой въ сердцѣ покинули мы помѣщеніе Большого Московскаго Театра.

VIII

Новая городская дума. Выборы въ Учредительное Собраніе. Пріѣздъ О. М. Онипко. Провалъ большевиковъ.

Въ августѣ же 1917 г. происходили выборы въ Ставропольскую городскую думу по новому закону Временнаго Правительства; списки кандидатовъ заявлены были демократическимъ блокомъ, к.-д., мѣщанами и торгово-промышленной группой. Списокъ большевиковъ отсутствовалъ, и они отдѣльной группой участія въ выборыхъ не принимали. Побѣдилъ на выборахъ демократическій блокъ, на спискѣ котораго объединились с.-д.-меньшевики, с.-р., п.-с., совѣты и профессіональные союзы и нѣкоторыя безпартійныя группы, представители которыхъ, пользующіеся персонально популярностью, вошли въ списокъ. По списку блока прошло подавляющее большинство гласныхъ, въ числѣ ихъ прежній городской голова П. Г. Дидрихсонъ, по спискамъ к.-д. и мѣщанъ пропорціонально меньшее число и единственный представитель отъ торгово-промышленной группы. Городскимъ головой былъ избранъ почти единогласно П. Г. Дидрихсонъ, но первыя же пробы намѣтить остальной составъ управы показали, какъ трудно будетъ новому городскому самоуправленію создать отвѣтственный дѣловой органъ при

наличіи узко-партійныхъ и групповыхъ вожделѣній вошедшихъ въ думу фракцій, расцѣнивавшихъ отдѣльныя кандидатуры не по признакамъ персональныхъ дѣловыхъ качествъ, а по принадлежности къ той или другой группѣ. Исключеніе было сдѣлано единственно для безпартійнаго Н. Г. Дидрихсона, подавлявшаго своею дѣловой импозантностью всѣ группы. Въ управу вошли членами по одному представителю отъ с.-д., с.-р., н.-с. и мѣщанъ, к.-д. получили въ лицѣ своего представителя мѣсто товарища предсѣдателя думы. Въ дальнѣйшемъ этотъ составъ управы видоизмѣнялся. Н. Г. Дидрихсонъ просилъ его хотъ временно освободить отъ несенія обязанностей городского головы и въ отправленіе этихъ обязанностей вступилъ замѣститель гор. головы молодой кооператоръ Н. П. Слѣпушкинъ. Было ли трудоспособно молодое городское самоуправленіе въ теченіе тѣхъ 7 мѣсяцевъ, которые протекли съ момента выборовъ по день упраздненія его органовъ большевиками? Отвѣтить на этотъ вопросъ было бы легче, если бы работа его органовъ протекала въ болѣе нормальной обстановкѣ, тѣмъ болѣе, что постановленіями Временнаго Правительства отъ 9 іюля, 7 и 29 сентября 1917 г. сфера дѣятельности общественнаго управленія городовъ значительно была расширена съ подчиненіемъ ему такихъ отвѣтственныхъ органовъ, какъ, напримѣръ, городская милиція. Можно сказать только одно, что, конечно, какъ и любой общественной органъ того времени, городская дума претендовала на роль маленькаго парламента на своей территоріи и приносила почти всѣ свои дары краснорѣчія въ жертву политикѣ. Это не помѣшало, а, можетъ быть, наоборотъ, побудило молодое городское самоуправленіе мужественно и стойко въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ его существованія выдерживать напоръ совѣтской власти, демонстрируя всѣмъ своимъ поведеніемъ непризнаніе совершенной большевиками узурпаціи.

Но вслѣдъ за выборами городского самоуправленія приближались выборы въ Учредительное Собраніе, которые поглощали въ то время вниманіе и надежды населенія. Нельзя не припомнить, какъ протекала предварительная подготовка по созыву Учредительнаго Собранія: 2 марта были утверждены принципы выборовъ, 25 марта подъ предсѣдательствомъ Н. Н. Авинова было созвано особое совѣщаніе для выработки закона объ учредительномъ собраніи, — первое засѣданіе его открылось 25 мая. Работа совѣщанія длилась два мѣсяца и, не ожидая завершенія «положенія о выборахъ», опубликованнаго 26 іюля, правительство, подъ давленіемъ событій, сначала 14 іюня назначило созывъ Учр. Собр. на 17 сентября, но потомъ отложило созывъ его на 12 ноября.

При встрѣчѣ въ Петербургѣ на августовскомъ съѣздѣ комиссаровъ и на Московскомъ Совѣщаніи я имѣлъ случай бесѣдовать о предстоящихъ выборахъ съ Ѳ. М. Онипко, вліятельнымъ перводумцемъ отъ Ставропольской губерніи, и приглашалъ его пріѣхать въ Ставрополь, чтобы сообща съ мѣстными дѣятелями обсудить вопросъ о коалиціонномъ спискѣ кандидатовъ въ Учредительное Собраніе. Ѳ. М. Онипко передъ выборами пріѣхалъ въ Ставрополь, но при встрѣчѣ со мной указалъ, что составленіе коалиціоннаго списка встрѣчаетъ возраженіе со стороны партіи с.-р., рѣшившей выступить исключительно со своимъ партійнымъ спискомъ кандидатовъ съ Ѳ. М. Онипко во главѣ, разсчитывая въ крестьянской Ставропольской губерніи собрать значительное число голосовъ. Дѣйствительно имя Ѳ. М. Онипко, нынѣ погибшаго отъ руки большевиковъ, необычайно было популярно въ Ставропольской губерніи еще со времени выборовъ въ первую Государственную Думу. Послѣ выборовъ тогда крестьяне провожали его пѣлыми сёлами по пути въ городъ, заказывая всенародные молебны о здравіи «раба Божія

Ѳедота», заставляли его всенародно цѣловать крестъ на томъ, что онъ народъ не обманетъ. Когда первая дума была распущена и Ѳ. М. Онипко былъ арестованъ и затѣмъ преданъ военному суду какъ участникъ кронштадтскаго возстанія, крестьянское населеніе губерніи вновь начало служить всенародные молебны объ избавленіи отъ бѣдъ «раба Божія Ѳедота» и затѣмъ предъявило правительству столь бурныя требованія «освободить и представить народу «Ѳедота», что спѣшно былъ замѣненъ тогдашній губернаторъ полк. Эльснеръ генераломъ Литвиновымъ, и губернія были объявлена на положеніи чрезвычайной охраны. Присужденный къ ссылкѣ на поселеніе Ѳ. М. Онипко бѣжалъ въ 1907 г. изъ ссылки заграницу, при объявленіи войны 1914 г. поступилъ волонтеромъ во французскую армію, былъ тяжело раненъ, лишь благодаря своему богатырскому организму оправился и по возвращеніи въ Россію, уже при Временномъ Правительствѣ, получилъ назначеніе на постъ генеральнаго комиссара Балтійскаго флота. Онъ былъ проникнутъ, насколько я могу судить по впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ бесѣдъ съ нимъ, трезво-государственнымъ, культурнымъ, по европейски пониманіемъ задачъ и обязанностей власти въ то трудное время.

Не правъ П. Д. Сургучевъ въ своей брошюрѣ «Большевики въ Ставрополѣ», когда не находитъ другихъ словъ для характеристики Ѳ. М. Онипки, какъ только «бывшій волостной писарь». Эта ссылка на plusquamperfectum проистекала отъ того, что П. Д. Сургучеву не было извѣстно, какую огромную работу надъ своимъ образованіемъ продѣлалъ Ѳ. М. Онипко во время пребыванія эмигрантомъ заграницей, что дало ему возможность вернуться въ Россію значительно пополнивъ свое образованіе. Не было вѣроятно извѣстно, что Ѳ. М. Онипко продѣлалъ волонтеромъ путь войны въ рядахъ французской арміи и, занимая затѣмъ, одіозный въ глазахъ многихъ, постъ генеральнаго комиссара Балтійскаго фронта, былъ однимъ изъ наиболѣе трезвыхъ, проникнутыхъ преданностью россійской государственности, недюжинныхъ дѣятелей.

Возглавленіе списка мѣстныхъ с.-р. именемъ Ѳ. М. Онипко заранѣе обезпечивало побѣду этого списка на выборахъ Ставропольской губерніи. Наиболѣе актуальнымъ конкурентомъ этого списка былъ списокъ большевиковъ, мобилизовавшихъ для предвыборной агитаціи всѣ свои силы и связи съ находящимися въ дезертирствѣ фронтовиками. Пріемы ихъ агитаціи большею частью сводились къ тому, что, явившись на предвыборное собраніе силоченной группой, они поднимали шумъ при выступленіи представителей конкуррирующихъ съ ними списковъ, прерывали ораторовъ криками: довольно, долой! и иногда просто срывали собраніе. Этотъ же методъ борьбы на собраніяхъ они примѣняли впослѣдствіи въ еще болѣе откровенныхъ формахъ и на крестьянскомъ съѣздѣ въ концѣ декабря 1917 г., и на губернскомъ народномъ собраніи.

Кромѣ этихъ двухъ списковъ были еще заявлены: соединенный списокъ кооператоровъ и народныхъ соціалистовъ, партіи народной свободы, соц.-демокр.-меньшевиковъ и «хлѣборобовъ», подъ названіемъ которыхъ проводились кандидатуры землевладѣльцевъ. Общій подсчетъ записокъ показалъ, что голосовало въ губерніи около 260 000 человѣкъ. Изъ всего количества записокъ — около 200 000 получили соц.-рев., около 20 000 большевики и к.-д., прочіе голоса разбились по остальнымъ спискамъ. Избраны были по списку соц.-рев. въ члены Учредительнаго Собранія: Ѳ. М. Онипко — генеральный комиссаръ Балтійскаго фронта, Е. А. Дементѣевъ — мѣстный журналистъ и адвокатъ, Л. Г. Малій — предсѣдатель правленія кооперативнаго банка, г. Бочарниковъ — журналистъ, г. Гуторовъ-Новиковъ, — предсѣдатель Александровской уѣздной управы

и г. Емельяновъ — крестьянинъ. Избранныя лица по приглашенію партіи поспѣшили выѣхать въ Петербургъ, но Учредительному Собранію, — на этотъ разъ уже по волѣ большевиковъ не суждено было открыться.

IX

Назначеніе прокуроромъ. Запросы совѣта. Эпизодъ съ дѣвицей-солдатомъ Ю.

Послѣ одного изъ засѣданій губернскаго комитета общественной безопасности, ко мнѣ обратился присутствовавшій на засѣданіи прокуроръ Новочеркасской судебной палаты Н. С. Ермоленко съ предложеніемъ занять освободившееся мѣсто ставропольскаго прокурора. При этомъ Н. С. Ермоленко указалъ мнѣ, что по его впечатлѣніямъ моя прежняя, извѣстная ему, дѣятельность гарантируетъ мнѣ наиболѣе независимое отъ внѣшнихъ давленій положеніе въ прокурорскомъ надзорѣ. Черезъ нѣкоторое время я изъявилъ согласіе, и представленіе обо мнѣ на должность ставропольскаго прокурора пошло въ министерство юстиціи. Когда я былъ въ Петербургѣ на августовскомъ съѣздѣ комиссаровъ и представителей общественныхъ организацій, управляющій министерствомъ юстиціи А. А. Демьяновъ сообщилъ мнѣ, что приказъ о моемъ назначеніи на дняхъ будетъ подписанъ. На мой вопросъ, возможно ли совмѣщеніе званія прокурора съ несеніемъ обязанностей предсѣдателя комитета и по городской думѣ, гдѣ намѣчалась моя кандидатура въ предсѣдатели, А. А. Демьяновъ отвѣтилъ, что лично онъ не находитъ къ этому препятствій, пока сама жизнь не обнаружитъ неудобства такого совмѣщенія. Впослѣдствіе жизнь обнаружила такое «неудобство», и я отказался отъ званія предсѣдателя городской думы, когда она была возстановлена въ своихъ правахъ Добровольческой Арміей.

Нѣкоторое время вступленіе мое въ должность задерживалось возложенными на меня обязанностями предсѣдателя комиссіи по выборамъ въ Учредительное Собраніе и лишь послѣ того, какъ я былъ освобожденъ по моей просьбѣ отъ этой срочной работы, я могъ приступить къ фактическому несенію обязанностей прокурора. Власть и сфера дѣятельности прокурора въ это время значительно расширились съ изданіемъ закона отъ 11 апрѣля 1917 г. объ отмѣнѣ административныхъ гарантій. Законъ этотъ предоставлялъ власти прокурора возбуждать уголовное преслѣдованіе противъ должностныхъ лицъ, укрытыхъ ранѣе всякаго рода гарантіями должностного иммунитета. Вмѣстѣ съ тѣмъ возвращеніе юстиціи къ незыблемымъ принципамъ судебныхъ уставовъ 1864 г. обѣщало, казалось, превратить прокурора въ слугу закона, но не слугу кого-либо другого. Но это только казалось. Прокуроромъ одной изъ сосѣднихъ съ Новочеркасской судебныхъ палатъ былъ изданъ замѣчательный въ исторіи прокуратуры циркуляръ о необходимости для прокурорскаго надзора дѣйствовать въ полномъ контактѣ съ возникшими демократическими организаціями. Этого ужъ, конечно, творцы судебныхъ уставовъ не предвидѣли. Не предвидѣли они и возможности такого совѣщанія судебныхъ дѣятелей, на которомъ обсуждался вопросъ о примѣненіи въ гражданскихъ судахъ 279 ст. воинскаго устава, что имѣло мѣсто уже въ дни Добровольческой Арміи.

Больше всего поводовъ для попытокъ къ «контакту» съ прокурорскимъ надзоромъ давала демократическимъ организаціямъ новелла Временнаго Прави-

тельства отъ 17 марта, въ части ея, касающейся предоставленія лицамъ, впавшимъ въ преступленіе, искупить свою вину на фронтѣ. Порядокъ примѣненія этого условнаго освобожденія былъ простъ: подавшія такое заявленіе лица автоматически освобождались прокурорскимъ надзоромъ. Но не такъ просто было вернуть этихъ лицъ въ прежнее тюремное состояніе, когда они, смѣнивъ арестантскій халатъ на воинскую одежду, дезертировали на мѣста. Арестъ ихъ обычно вызывалъ жалобу арестованнаго въ совѣтъ солдатскихъ депутатовъ, а оттуда запросъ, на какомъ основаніи арестованъ товарищъ такой-то, а затѣмъ слѣдовалъ рядъ новыхъ заявленій арестованнаго о его желаніи искупить вину на фронтѣ и запросы совдепа, почему такой-то не освобождается. Въ одномъ изъ своихъ обычныхъ докладовъ мѣстный начальникъ уголовнаго розыска сообщилъ мнѣ, что въ пригородное село Михайловское прибылъ съ фронта условно освобожденный изъ тюрьмы каторжанинъ Абрамовъ, угрожающій свести кое съ кѣмъ старые счеты. Получивъ дополнительно изъ волостного правленія справку, что Абрамовъ проживаетъ внѣ своей воинской части по просроченному отпускному свидѣтельству, я составилъ постановленіе о возвращеніи его въ прежнее состояніе каторжанина. Заключенный въ тюрьму Абрамовъ поднялъ бучу чрезъ мѣстный совѣтъ солдатскихъ депутатовъ. но мой отказъ совѣту въ признаніи его права на вмѣшательство въ распоряженіе прокурорскаго надзора установилъ въ дальнѣйшемъ такой порядокъ, что жалобы, поступавшія на меня въ совѣтъ, присылались мнѣ совѣтомъ при надписи «на распоряженіе», а я ихъ препровождалъ въ порядкѣ, указанномъ въ законѣ для жалобъ, по принадлежности, сообщая объ этомъ жалобщику. Но одинъ разъ мнѣ пришлось непосредственно выступить предъ совѣтомъ по слѣдующему поводу.

Ко мнѣ въ служебный кабинетъ явился юный солдатъ, конвоирующій уже не молодого, очень встревоженнаго интеллигента. Изъ опроса ихъ выяснилось, что молодая дѣвица Ю., одѣтая въ солдатскую форму, — «такъ лучше ѣздить по желѣзной дорогѣ», заявила она, — встрѣтила въ вагонѣ раненаго солдата, ѣхавшаго въ одиночномъ порядкѣ въ лазаретъ въ г. Ставрополь. Она убѣдила раненаго, что будетъ лучше, если онъ поѣдетъ не въ Ставрополь, а въ родное село, перегрузила его изъ вагона въ телѣгу и провезла его по грунтовой дорогѣ въ сел. Ладовскую Балку. Тамъ, явившись на амбулаторный пріемъ, кстати сказать, единственнаго на все село врача, потребовала, чтобы врачъ принялъ раненаго въ амбулаторію на излѣченіе. Какъ ни доказывалъ врачъ, что раненаго необходимо отправить въ лазаретъ, дѣвица Ю. не унималась и наконецъ заявила врачу, что онъ «арестованъ» и предложила ему слѣдовать за собой.

— А что же вы сдѣлали съ раненымъ? — спросилъ я.

— Оставила его въ селѣ. Не трясти же его опять 30 верстъ въ телѣгѣ, бойко отвѣтила дѣвица.

Врачъ послушно прослѣдовалъ за дѣвицей Ю. сначала 30 верстъ въ телѣгѣ, потомъ около 100 верстъ поѣздомъ и явился вмѣстѣ съ ней ко мнѣ въ прокурорскій кабинетъ.

— Ну, а теперь, что вы скажете? обратился я къ врачу, когда дѣвица Ю. окончила свой разсказъ.

— Да что же, я, право, не виноватъ. Вѣдь не могу же я держать въ амбулаторіи раненаго съ раздробленіемъ кости.

— Жалобъ вы никакихъ не заявляете?

— Нѣтъ что же, ѣхали мы мирно.

— Ну, а желаніе ваше каково?

— Да что жъ, право я ужъ и не знаю. — Онъ покосился на дѣвицу-солдата. — Поступите по закону, г. прокуроръ.

Я, наконецъ, не выдержалъ и выразилъ удивленіе «арестованному», какъ онъ, уже не молодой человѣкъ, по капризу подростка бросилъ село съ населеніемъ въ 20 тысячъ человѣкъ безъ медицинской помощи и, въ качествѣ добровольца-арестованнаго, явившись за 130 верстъ отъ мѣста службы въ кабинетъ прокурора, даже не имѣетъ сдѣлать никакихъ заявленій. —

— Потрудитесь немедленно вернуться къ мѣсту службы — обратился я къ врачу, — а васъ, заявилъ я дѣвицѣ Ю., я принужденъ задержать.

— Нѣтъ, ради Бога, этого не дѣлайте, — взмолился врачъ, — лучше арестуйте меня, я вѣдь не жалуюсь.

Я еще разъ въ болѣе настойчивой формѣ потребовалъ подъ угрозой, возбудить противъ него преслѣдованіе, чтобы онъ немедленно отправился къ мѣсту своей службы. Врачъ вышелъ, но черезъ нѣкоторое время вернулся ко мнѣ въ кабинетъ и нерѣшительно присѣлъ на краюшекъ стула у двери.

Дѣвица Ю. потребовала у меня бумаги, чтобы написать на меня жалобу въ совѣтъ. Я далъ ей листъ бумаги, но предупредилъ, что предварительно просмотрю ея жалобу, чтобы она, въ силу своей молодости, не создала себѣ неловкаго положенія. Жалоба ея начиналась словами: «какой-то . . ., — дальше стояло не литературное выраженіе, — арестовалъ меня за то, что я арестовала саботажника врача, отказавшагося лѣчить раненаго».

— Сколько вамъ лѣтъ, — задалъ я вопросъ.

— А вамъ зачѣмъ это? — Ну, семнадцать . . .

— Какое учебное заведеніе вы окончили?

— Гимназію. А что?

— Не кажется ли вамъ тонъ вашей жалобы неподходящимъ ни къ вашему возрасту, ни положенію дѣвушки, окончившей гимназію? Вы изложите подробно фактическую сторону дѣла безъ рѣзкихъ выраженій, оскорбляющихъ меня, какъ должностное лицо, и я немедленно отправлю ее по назначенію.

— Нѣтъ, я отправлю ее сама!

Въ коридорѣ, какъ оказалось, ее ожидали два солдата, которымъ она, съ моего разрѣшенія, и вручила жалобу, написанную на этотъ разъ безъ неприличныхъ выраженій. Я принялся было писать постановленіе о ея арестѣ, какъ она вдругъ обратилась ко мнѣ:

— Послушайте, дайте мнѣ рубль, я хочу послать за шоколадомъ . . .

— Разрѣшите, я принесу шоколаду, — привсталъ съ своего стула врачъ, о пребываніи котораго въ кабинетѣ я было забылъ.

Я не могъ не улыбнуться и . . . бросилъ писать постановленіе. Когда врачъ вышелъ я поднялъ глаза на дѣвушку, ходившую нервными шагами изъ угла въ уголъ моего кабинета. Въ это время раздался звонокъ по телефону. Предсѣдатель совѣта солдатскихъ депутатовъ просилъ меня прибыть, если можно сейчасъ же, въ засѣданіе совѣта, гдѣ разсказываютъ что-то невѣроятное о происходящемъ у меня въ кабинетѣ. Я обѣщалъ прійти. Дѣвица Ю. догадалась, что меня требуютъ въ совѣтъ.

— Надѣюсь, вы сообщите мнѣ постановленіе совѣта? — спросила она.

— Будьте покойны, сообщу, а вы ужъ потрудитесь подождать меня здѣсь, въ кабинетѣ.

Когда я вошелъ въ засѣданіе совѣта, я засталъ конецъ обсужденія внѣочереднаго заявленія о невѣроятномъ проявленіи мною контръ-революціонныхъ и . . .

имперіалистическихъ навыковъ. Когда говорившій окончилъ свою рѣчь, я попросилъ огласить жалобу, подтвердилъ фактическую сторону ея содержанія и затѣмъ задалъ собравшимся вопросъ, изъ-за чего меня оторвали отъ служебныхъ занятій? Хотятъ ли мнѣ собравшіеся указать, что каждой 17-лѣтней дѣвушкѣ принадлежитъ право ареста, то самое право, которое обставлено строгими рамками и для лицъ, на то закономъ уполномоченныхъ? Или мнѣ заявятъ здѣсь, что правильно арестованъ врачъ, единственный въ селѣ, и что молодая дѣвица въ правѣ лишить по своему капризу 20 тысячное населеніе медицинской помощи? Для чего же вамъ тогда писать законы, если вы хотите управляться на твердомъ основаніи капризовъ несовершеннолѣтнихъ ребятъ? — спросилъ я.

Послѣ прекращенія преній было принято предложеніе просить меня, въ виду несовершеннолѣтія Ю., взамѣнъ заключенія ея подъ стражу препроводить ее по мѣсту жительства подъ надзоръ родителей. Я попросилъ мнѣ выдать копію этого постановленія. Когда я вернулся къ себѣ въ кабинетъ, я засталъ дѣвицу Ю. и врача мирно кушающими шоколадъ. При моемъ появленіи дѣвица Ю. порывисто поднялась съ мѣста.

— Ну что же совѣтъ постановилъ?

Я протянулъ ей копію постановленія. Она быстро пробѣжала ее, посмотрѣла на меня глазами, полными слезъ, и быстро проговорила:

— Это хуже тюрьмы.

Я выслалъ врача изъ кабинета, усадилъ ее и спросилъ: неужто она и теперь не понимаетъ, какъ она согрѣшила противъ этого, уже не молодого врача, противъ раненаго, котораго она бросила на произволъ судьбы и противъ населенія, которое она лишила медицинской помощи. А вѣдь тамъ, гдѣ живутъ 20 тысячъ людей, каждый часъ, каждую минуту можетъ потребоваться срочная помощь врача, безъ которой погибнетъ больной или пострадавшій отъ несчастнаго случая. Кто приметъ на себя грѣхъ за это? За что, наконецъ, вы оскорбили меня? — спросилъ я. Неужто только за то, что на меня возложено закономъ оберегать населеніе отъ такихъ необдуманныхъ шаговъ, какъ вашъ? Перемѣните этотъ, такъ не идущій къ вамъ, солдатскій костюмъ и дайте мнѣ слово, что никогда болѣе не будете злоупотреблять ни этимъ костюмомъ, ни не принадлежащимъ вамъ правомъ. А теперь, прощайте.

Я протянулъ ей руку, она нерѣшительно пожала ее и быстро вышла изъ кабинета.

Послѣ этого эпизода не было болѣе случаевъ вмѣшательства въ мои дѣйствія извнѣ, вплоть до того момента, когда я былъ арестованъ матросами-большевиками, принужденъ былъ бѣжать изъ Ставрополя, а потомъ, по вступленіи въ городъ Добропольческой Арміи попалъ въ управленіе поистинѣ Щедринскаго генералъ-губернатора Уварова.

X

Отзвуки октябрьскаго переворота. Безуспѣшное будированіе большевиковъ. Появленіе 39 дивизіи. Разгромъ винныхъ складовъ. Проектъ созыва народнаго собранія. Въ комиссіи по созыву. Срывъ Народнаго Собранія.

Октябрьскій захватъ власти большевиками почти ничѣмъ внѣшне не отразился на жизни Ставропольской губерніи. Тщетно мѣстные большевики, значительно поднявшіе голову послѣ переворота въ центрѣ, почти въ каждомъ засѣданіи совѣ-

товъ вносили предложеніе о передачѣ власти совѣтамъ, — огромное совѣтское большинство опрокидывало это предложеніе до тѣхъ поръ, пока Ставропольская губернія, окруженная со всѣхъ сторонъ казачьей территоріей, не явилась мѣстомъ водворенія наиболѣе большевистски настроенныхъ воинскихъ частей, отчасти продвигавшихся съ фронта, отчасти прогалкивавшихся казаками съ своихъ территорій. Первымъ незваннымъ гостемъ, положившимъ начало водворенію въ губерніи разложившихся частей былъ 111 запасный полкъ съ своимъ комиссаромъ студентомъ Анисимовымъ во главѣ, сыгравшимъ такую печальной памяти роль въ чеченско-казачьей стычкѣ, послѣ чего полкъ этотъ поспѣшилъ покинуть предѣлы Терской области. Слѣдомъ за 111-мъ полкомъ стали расквартировываться въ губерніи части 39 дивизіи, скоро выведшія жизнь изъ прежней болѣе или менѣе спокойной нормы. Положеніе въ губерніи власти, не признающей центральной власти большевиковъ, утратившей центръ послѣ паденія Временнаго Правительства, окруженной со всѣхъ сторонъ казачьими областями, въ которыхъ быстрѣе, чѣмъ въ губерніи, намѣчался распадъ, при заполненности губерніи большевистскими частями, обладающими въ изобиліи оружіемъ, дѣлалось совершенно исключительнымъ. Чтобы хоть сколько-нибудь оттянуть осуществленіе военной диктатуры явившихся въ губернію частей, возникла мысль о созывѣ губернскаго народнаго собранія, на вотумѣ и признаніи котораго власть разсчитывала построить основаніе своего дальнѣйшаго существованія. Побудили поспѣшить съ осуществленіемъ этого плана начавшіеся вскорѣ послѣ появленія 39 дивизіи разгромы винныхъ складовъ, въ томъ числѣ и въ Ставропольѣ, создававшіе жуткую картину разгула почувствовавшей свою силу черни. Въ Ставропольѣ разгромъ винного склада, если не ошибаюсь, произошелъ въ ночь на 29 ноября 1917 г. и окончательно убѣдилъ и населеніе, и власть въ полномъ безсиліи передъ вооруженною военною чернью, ставшую въ эту пьяную ночь господиномъ положенія.

Для разработки вопроса о созывѣ общегубернскаго народнаго собранія была организована особая комиссія, куда вошли представители отъ общественнаго самоуправленія, демократическихъ и профессіональныхъ организацій и отъ всѣхъ партій, до большевиковъ включительно. Повидимому всѣхъ, въ томъ числѣ и большевиковъ, объединяло одно общее опасеніе передъ надвинувшейся военной анархіей, которая уже явила знаменіе будущаго въ пьяную ночь разгрома складовъ. По мысли, принятой въ комиссіи, ядро народнаго собранія должно было составиться изъ губернскаго земскаго собранія, расширеннаго представительствомъ отъ волостныхъ земскихъ единицъ, представительствомъ городскихъ самоуправленій, совѣтовъ, профессіональныхъ организацій и партій. Назначенъ былъ срокъ созыва собранія на 30 декабря 1917 г. и срочно оповѣщено объ этомъ населеніе губерніи. Насколько всѣхъ объединяла мысль объ общей надвигающейся опасности, можно было судить по тому, что всѣ доклады, предполагаемые къ внесенію въ народное собраніе, обсуждались почти безъ преній и принимались почти единогласно. Въ числѣ предполагаемыхъ докладовъ были: о конструкціи власти, приходо-расходная смѣта губерніи и о заключеніи соглашенія съ сосѣдними областями, объ организаціи Юго-Восточнаго союза. Конструкція власти предполагалась въ слѣдующемъ видѣ. Во главѣ управленія стоитъ административное лицо съ функціями, мало отличающимися отъ прежнихъ функцій губернскаго комиссара Временнаго Правительства, съ совѣтомъ при немъ изъ 7 лицъ, являющимися въ то же время начальниками вѣдомствъ. Ландтагомъ въ губерніи является расширенное земское собраніе съ увеличеннымъ представительствомъ отъ волостныхъ

земствъ * и городскихъ самоуправленій, надѣленныхъ, какъ и волостныя земства, не только хозяйственными, но и функціями управленія. Даже проектъ соглашенія съ казаками объ организаціи Юго-Восточнаго союза, не взирая на будированіе большевиковъ, былъ принятъ для внесенія въ народное собраніе всѣми голосами комиссіи при двухъ воздержавшихся большевикахъ.

Но ни одному изъ этихъ докладовъ не суждено было получить жизнь на народномъ собраніи. 30 декабря 1917 г. недавно прибывшія въ городъ и губернію воинскія части заполнили своими представителями сначала созванный по иниціативѣ с.-р. крестьянскій съѣздъ, захватили для занятій послѣдняго обширную залу 1-ой мужской гимназіи, гдѣ должно было открыться Народное собраніе, потребовали перенесенія его открытія на 31 декабря, а затѣмъ провозгласили себя членами народнаго собранія. Стало совершенно очевиднымъ, что народное собраніе въ предполагавшейся конструкціи сорвано.

Тѣмъ не менѣе была сдѣлана попытка установить на собраніи хоть элементарный порядокъ и ввести его въ русло намѣченной программы обсужденія вопросовъ. Открывшій собраніе губернскій комиссаръ Д. Д. Старлочановъ, изложивъ мотивы созыва собранія, принятую комиссіей конструкцію его и списокъ вносимыхъ на собраніе докладовъ, предложилъ собранію, по избраніи временнаго президіума, приступить къ повѣркѣ полномочій членовъ собранія. Но по предложенію избраннаго предсѣдателемъ собранія комиссара 111 полка Анисимова, порядокъ этотъ былъ опрокинутъ принятымъ рѣшеніемъ приступить въ первую очередь къ реконструкціи собранія путемъ устраненія изъ собранія цензовыхъ и «контръ-революціонныхъ» элементовъ. Въ первую очередь были лишены права рѣшающаго голоса члены комиссіи по созыву этого собранія, затѣмъ проведена партійная демаркаціонная линія съ устраненіемъ отъ участія въ собраніи не только всѣхъ несоціалистическихъ партій, но даже народныхъ соціалистовъ, взятыхъ на этотъ счетъ въ подозрѣніе. Дальше уже пошли чисто анекдотическіе курьезы. Однимъ изъ участниковъ предлагалось лишить представительства учительскій союзъ, ибо «гимназіи — это барская затѣя, а школы, извѣстно, отъ земства», другимъ участникомъ предлагалось исключить союзъ почтовыхъ служащихъ, такъ какъ посылки на почтѣ пропадаютъ и кромѣ того приходится долго стоять въ очереди. За то мѣстная фондовая биржа получила представительство послѣ разъясненія, что извозчики — народъ трудовой и зимою стоять «на биржѣ» холодно.

Всѣ голосованія производились подъ стукъ прикладовъ многочисленныхъ членовъ собранія, явившихся на него съ винтовками, и голоса возражавшихъ тонули въ этомъ шумѣ, умолкавшемъ точно по командѣ, когда выступалъ кто-либо изъ первенствующаго сословія большевиковъ или сочувствующихъ имъ.

Послѣ такой чистки собраніе приступило къ органической работѣ, не ожидая результатовъ повѣрки полномочій. Въ первую очередь было провозглашено упраздненіе навсегда земства въ Ставропольской губерніи **, затѣмъ былъ установленъ принципъ голосованія: «открытаго, съ устраненіемъ контръ-революціонныхъ элементовъ». Когда стрѣлка приблизилась къ 12 часамъ, предсѣдатель собранія Анисимовъ, прервавъ выступавшаго оратора, предложилъ привѣтство-

* Для волостныхъ земствъ предполагалось представительство непосредственное, минуя уѣздное представительство.

** Характерно отмѣтить, что прошло это постановленіе при участіи давнишняго земскаго служащаго А. А. Пономарева.

вать наступающій 1918 годъ провозглашеніемъ перехода власти къ совѣтамъ и огласилъ текстъ заготовленной депеши на имя центральнаго правительства совѣтовъ.

Тотчасъ же передъ зданіемъ собранія началась ружейная пальба, перекинувшаяся, точно по сигналу, на улицы города и не прекращавшаяся почти всю ночь.

Этой заключительной сценой, не лишенной театральнаго эффекта, закончился первый періодъ блужданія Ставропольской губерніи въ поискахъ власти и наступила эра совѣтскаго владычества, не продолжительнаго, впрочемъ, на этотъ разъ.

XI

Первые дни совѣтской власти. Забастовка служащихъ. Раритеты. Конструкція власти. Первый составъ сов. нар. ком. «Мирное житіе». Комиссары Юстиціи Тисленко и Гамаюнъ. Симбіозъ думы и совѣтской власти. Прапорщикъ Сохацкій. Походъ его на ген. Корнилова. Упраздненіе гор. думы. Два послѣднихъ засѣданія. Нѣсколько словъ о Л. С. Миркинѣ и А. А. Чернышевѣ.

Въ ночь на 1 января 1918 г., вслѣдъ за провозглашеніемъ совѣтской власти, рабоче-солдатскими отрядами въ Ставрополѣ были заняты почтово-телеграфная контора, банки, казначейство и прежній губернаторскій домъ, гдѣ въ спѣшномъ порядкѣ обсуждался вопросъ о сформированіи перваго совѣта народныхъ комиссаровъ.

Но фактическій срывъ Народнаго Собранія, устраненіе отъ участія въ немъ значительнаго числа профессіональныхъ группъ и захватъ помѣщеній почты, телеграфа и кредитныхъ учрежденій вызвали уже 2 января столь единодушный протестъ со стороны всѣхъ безъ исключенія правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, что предсѣдатель совѣта народныхъ комиссаровъ А. А. Пономаревъ принужденъ былъ гарантировать стачечному комитету служащихъ дальнѣйшее невмѣшательство совѣтской власти въ обычную работу учрежденій.

Данное А. А. Пономаревымъ обѣщаніе въ теченіе нѣкотораго времени выполнялось, и работа существующихъ учрежденій не только шла обычнымъ ходомъ, но изобиловала сплошь и рядомъ анекдотическими для совѣтской власти раритетами.

Такъ, напримѣръ, предсѣдатель совнаркома неизмѣнно требовалъ, чтобы во всѣхъ засѣданіяхъ, гдѣ это по закону полагалось, присутствовалъ предводитель дворянства и ставилъ въ журналахъ свою подпись вслѣдъ за подписью предсѣдателя совнаркома, чтобы предсѣдателя совнаркома титуловали во всѣхъ бумагахъ, исходившихъ изъ губернскаго правленія и присутствія «вашимъ превосходительствомъ» и т. д.

Но все это продолжалось лишь до тѣхъ поръ, пока самъ предсѣдатель совнаркома Пономаревъ не былъ арестованъ «малой коллегіей», а затѣмъ въ спѣшномъ порядкѣ покинулъ предѣлы своего воеводства.

На губернскомъ собраніи, продолжавшемъ свои занятія еще нѣкоторое время послѣ провозглашенія совѣтской власти, была сдѣлана попытка конструировать власть на основаніи особой конституціи, предложенной большевиками. Схема этой конституціи была такова.

Высшимъ законодательнымъ органомъ въ губерніи является съѣздъ совѣтскихъ уполномоченныхъ, сессіи котораго должны происходить ежемѣсячно. Съѣздъ выдѣляетъ изъ себя исполнительный комитетъ съ зафиксированнымъ количествомъ депутатовъ отъ крестьянъ, солдатъ и рабочихъ, а исполнительный комитетъ конструируетъ совѣтъ народныхъ комиссаровъ и является органомъ контроля надъ послѣднимъ. Присутствовавшіе на губернскомъ собраніи крестьяне настаивали на пропорціональномъ представительствѣ въ исполнительномъ комитетѣ, но большевики, учтя, что значило бы пропорціональное представительство въ губерніи, гдѣ на милліонъ крестьянъ насчитывалось около 1500 зарегистрированныхъ фабричной инспекціей рабочихъ и нѣсколько десятковъ тысячъ солдатъ, добились предоставленія крестьянамъ небольшого относительнаго перевѣса предъ рабочей и солдатской куріями исполнительнаго комитета, сорганизовали послѣдній, не ожидая пополненія его крестьянской куріей, и провели черезъ исполнительный комитетъ первый составъ совнаркома, поправъ, такимъ образомъ, собственную конституцію, только что выработанную на собраніи.

Въ составъ перваго Ставропольскаго совнаркома вошли, насколько припоминаю, слѣдующія лица: предсѣдателемъ — А. А. Пономаревъ, завѣдующій отдѣломъ статистики губернскаго земства, юристъ по образованію, комиссаромъ юстиціи — сельскій ходатай Тисленко, военнымъ комиссаромъ — призванный на военную службу артистъ изъ труппы народнаго дома Мирошниченко, комиссаромъ путей сообщенія — желѣзнодорожный десятникъ Петровъ, комиссаромъ народнаго здравія — сапожный мастеръ (фамиліи не помню). Портфели финансовъ и труда были предложены меньшевикамъ Ратнеру и Дубянскому, но они оба это предложеніе отклонили.

Нѣсколько позднѣе въ составъ совнаркома вошла комиссаромъ просвѣщенія Марія Вальяно, выѣхавшая для поступленія на курсы, гдѣ ее и застало предложеніе стать во главѣ вѣдомства просвѣщенія.

Почти одновременно организовались и уѣздные комиссаріаты, имѣвшіе въ своемъ составѣ комиссаровъ различныхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и комиссаровъ юстиціи.

Какъ я указывалъ выше, первые мѣсяцы существованія совнаркома, пока совѣтская власть, оторванная отъ центра, получала въ лицѣ мѣстныхъ людей по методу наглядного обученія жизненный опытъ, было сравнительно «мирное житіе», почти ничѣмъ не отличавшееся отъ предыдущаго періода переходнаго времени.

Комиссары были скромны и почти не вмѣшивались въ жизнь вѣдомствъ, аресты были рѣдкимъ явленіемъ и кончались сплошь и рядомъ освобожденіемъ, иногда за соотвѣтствующую мзду, безъ предъявленія какого бы то ни было обвиненія. Такъ былъ освобожденъ изъ Ставропольской тюрьмы астраханскій калмыцкій воевода кн. Тундутовъ, задержанный было красноармейскимъ отрядомъ при переходѣ въ Донскую область.

Губернскій комиссаръ юстиціи Тисленко, малограмотный сельскій ходатай, не торопился съ преобразованіемъ судебныхъ мѣстъ, оттоваривалъ на очередныхъ съѣздахъ совѣтовъ невозможностью получить соотвѣтствующіе законы изъ центра, но подъ напоромъ напиравшихся по его адресу запросовъ, сдѣлалъ попытку проконтролировать дѣйствія суда.

Какъ-то въ служебные часы въ прокурорскомъ кабинетѣ мой курьеръ доложилъ мнѣ, что меня желаетъ видѣть Тисленко.

— Въ родѣ, какъ наше начальство, — добавилъ онъ, улыбаясь.

Когда я вышелъ въ коридоръ, комиссаръ юстиціи, нескладно и путаясь въ словахъ, заявилъ, что онъ хотѣлъ бы принять участіе въ сессіи присяжныхъ засѣдателей, начавшейся въ судѣ.

— Какъ принять участіе, — удивился я, вѣдь вы же въ списокъ присяжныхъ не попали?

— Нѣтъ, я вѣдь хотѣлъ бы сидѣть съ судомъ.

— То-есть за столомъ съ судьями?

— Да, за столомъ, — отвѣтилъ онъ смущенно.

— Тогда обратитесь къ предсѣдательствующему, всѣ распоряженія по засѣданію по закону исходятъ онъ него.

Предсѣдательствующій объяснилъ комиссару, что за судейскимъ столомъ сидятъ только судьи, а, если онъ вообще хотѣлъ бы присутствовать при разборѣ дѣлъ, то судъ у насъ гласный.

— Обратитесь къ судебному приставу, онъ отведетъ вамъ мѣсто въ публикѣ, — добавилъ предсѣдатель.

— Нѣтъ, я въ публикѣ не хотѣлъ бы. Нельзя ли за столомъ? — упорствовалъ, хотя и не безъ смущенія, комиссаръ.

Присутствовавшій при этомъ разговорѣ молодой товарищъ прокурора, знавшій Тисленко, въ качествѣ деревенскаго ходатая, не удержался отъ язвительнаго замѣчанія, что для комиссара, разъ онъ не желаетъ сидѣть въ публикѣ, можно было бы отвести мѣсто вотъ тамъ, — онъ указалъ на скамью подсудимыхъ, — но мѣсто это будетъ сейчасъ занято «товарищами конокрадами».

Въ концѣ концовъ, комиссаръ юстиціи помирился на томъ, что ему поставили мягкое кресло около пюпитра секретаря, а на слѣдующемъ съѣздѣ совѣтовъ доложилъ, что онъ принималъ участіе въ судѣ и вынесъ впечатлѣніе, что судятъ «правильно».

Черезъ нѣкоторое время, когда, по выраженію того же Тисленко, изъ Москвы былъ полученъ «мѣшокъ законовъ», и среди этихъ законовъ декретъ о преобразованіи суда, Тисленко былъ замѣненъ на посту комиссара юстиціи Гамаюномъ, дѣлопроизводителемъ Александровскаго уѣзднаго съѣзда.

Вскорѣ по вступленіи въ должность, Гамаюнъ предложилъ чинамъ судебнаго вѣдомства обсудить, въ качествѣ «legis ferendae», декретъ центральной власти о преобразованіи суда. Состоявшееся соединенное совѣщаніе судей общихъ мѣстъ и мировыхъ, прокурорскаго надзора, слѣдователей и адвокатуры высказало единодушный взглядъ о невозможности отправленія правосудія при замѣнѣ такого совершеннаго памятника, какъ судебные уставы, совершенно неудовлетворительнымъ проектомъ судебнаго кодекса, упраздняющаго основные элементы судебнаго правосудія. Послѣ этого было объявлено, что комиссаріатомъ юстиціи будетъ выработанъ свой декретъ, а затѣмъ дѣйствительно былъ присланъ, уже въ качествѣ «legis latae», декретъ о судѣ, выработанный Гамаюномъ. Въ декретѣ этомъ, за небольшими исключеніями, изложено было собственными словами то, что имѣлось и въ декретѣ московскомъ. Отступленіемъ отъ московскаго декрета являлось то, что прокурорскій надзоръ упразднялся, но прокуроръ декретомъ сохранялся. Окружный судъ сообщилъ представителю комиссаріата, что совѣщаніе судебныхъ дѣятелей уже высказалось за необходимость сохраненія судебныхъ уставовъ 1864 г. и полагаетъ, что было бы цѣлесообразнѣе просто упразднить судебныя мѣста, чѣмъ создавать суррогатъ правосудія, предлагаемый декретомъ. Послѣ этого Гамаюномъ было предложено пред-

сѣдателю суда отобрать отъ всѣхъ чиновъ суда подписку, желаютъ ли они подчиниться декрету и предложить имъ подать персональныя заявленія о желаніи служить совѣтской власти. За исключеніемъ двухъ-трехъ лицъ, никто такихъ заявленій не подалъ въ указанный комиссаріатомъ срокъ. Срокъ былъ продленъ, но заявленій болѣе не поступало.

Гамаюнъ предложилъ управляющему казенной палатой не удовлетворять требовательныхъ вѣдомостей суда и мирового съѣзда, не скрѣпленныхъ его подписью, и закрылъ оплату содержанія административному и регистраціонному отдѣленіямъ суда, какъ упраздненнымъ декретомъ совѣтской власти.

Въ маѣ поступила въ судъ бумага совнаркома о воспрещеніи предсѣдателю, прокурору и членамъ суда посѣщать тюрьму, вскорѣ былъ арестованъ тов. прокурора Н. А. Русановъ, но по моему требованію былъ освобожденъ, а затѣмъ, нѣсколько дней спустя, ночью былъ арестованъ и я.

Своеобразный симбіозъ существовалъ у совѣтской власти съ органами ставропольскаго городского самоуправленія. Круто расправившись съ земствомъ, совнаркомъ болѣе трехъ мѣсяцевъ не посягалъ на существованіе Ставропольской Городской Думы, которая въ первые же дни провозглашенія совѣтской власти обратилась къ населенію съ печатнымъ приглашеніемъ не признавать власти захватчиковъ и затѣмъ не упускала случая демонстрировать это отношеніе въ каждомъ своемъ засѣданіи.

Отдѣльныя лица изъ большевистской молодежи дѣлали попытки сорвать думскія засѣданія, но онѣ кончались обычно не безъ ущерба для престижа этихъ же лицъ. Такая попытка прекратить вольнодуміе гласныхъ была сдѣлана прапорщикомъ Сохацкимъ, пріобрѣтшимъ затѣмъ извѣстность своимъ неудавшимся походомъ на ген. Корнилова. Явившись въ думское засѣданіе съ группой солдатъ, онъ громко анонсировалъ свое намѣреніе сорвать думское засѣданіе, если на немъ будетъ допущена критика дѣйствій совѣтской власти.

Во время думскаго засѣданія онъ сидѣлъ въ фуражкѣ, щелкалъ подсолнухи и громко разговаривалъ. Прервавъ засѣданіе, я обратилъ вниманіе гласныхъ, что въ залѣ засѣданія присутствуютъ лица, повидимому не отдающія себѣ отчета, гдѣ они находятся, и мѣшающія нормальному ходу занятій. Мнѣ остается просить ихъ покинуть залу засѣданія.

— Господинъ Сохацкій, я имѣю въ виду васъ и вашихъ товарищей.

Сохацкій быстро поднялся съ своего мѣста и двинулся по направленію къ столу, гдѣ я сидѣлъ. Я въ свою очередь вышелъ изъ-за стола навстрѣчу ему и, показывая рукой на дверь, почти крикнулъ:

— Выходная дверь тамъ, г. Сохацкій.

Онъ нѣсколько мгновеній поколебался, затѣмъ круто повернулся, бросилъ на ходу фразу, смыслъ которой былъ, что это мнѣ такъ не пройдетъ, и быстро вышелъ изъ залы засѣданій, а за нимъ и его военная группа товарищей.

Отвѣтственное порученіе «ликвидировать» ген. Корнилова и его армію, при выходѣ ея изъ Ростова, вѣроятно, поглотило въ его памяти этотъ незначительный эпизодъ и никакихъ встрѣчъ и разговоровъ съ Сохацкимъ у меня уже болѣе не было. Провожали Сохацкаго и его отрядъ въ этотъ походъ очень торжественно, съ освященіемъ знаменъ, парадомъ и рѣчами у помѣщенія совнаркома, но изъ похода вернулся этотъ Мальбрукъ очень сконфуженнымъ, а затѣмъ былъ преданъ военно-революціонному трибуналу по обвиненію въ томъ, что, увлекшись грабежомъ въ Батайскѣ, проворонилъ вмѣстѣ съ своей арміей вы-

ходъ генерала Корнилова изъ Ростова. Въ серединѣ марта было объявлено о предполагающейся замѣнѣ органовъ городского самоуправленія муниципальнымъ совѣтомъ и совѣту депутатовъ предложено было намѣтить составъ муниципальнаго совѣта. Подавляющее число намѣченныхъ кандидатовъ было совершенно неизвѣстными населенію лицами и поэтому ихъ предварительно рекомендовали собранію, причемъ рекомендація эта иногда буквально сводилась къ слѣдующему:

— Предлагаю товарища Хорошеву. Она хоть очень молода, но за послѣдніе мѣсяцы полѣвѣла, перейдя отъ меньшевиковъ сначала въ интернаціоналисты, а потомъ въ большевики, и будетъ полезна населенію.

Или такъ: предлагаю товарища Рашкина, хотя онъ по профессіи часовщикъ, но очень преданъ совѣтской власти . . .

Въ серединѣ марта послѣдовалъ декретъ объ упраздненіи органовъ городского самоуправленія и о замѣнѣ ихъ муниципальнымъ совѣтомъ. Вслѣдъ за этимъ въ городскую управу, въ сопровожденіи военнаго отряда, явился помощникъ коменданта К. С. Бѣлецкій и потребовалъ отъ городской управы сдачи дѣлъ и цѣнностей. Городская управа отказалась это выполнить и составъ ея былъ объявленъ арестованнымъ. Меня увѣдомили объ этомъ по телефону и я, какъ предсѣдатель думы, а затѣмъ и старѣйшины думскихъ фракцій явились въ помѣщеніе управы и предложили присоединить насъ къ составу управы. Арестъ нашъ продолжался до вечера, когда послѣдовало распоряженіе о наложеніи печатей къ кассѣ и помѣщенію управы и объ удаленіи управы изъ помѣщенія. Присутствующими былъ составленъ актъ о насильственномъ захватѣ дѣлъ и имущества и указано, что въ ближайшіе дни все это будетъ доложено экстренному собранію думы. Въ отвѣтъ на это было объявлено, что засѣданіе упраздненной думы не можетъ состояться и стражѣ, находящейся у помѣщенія думы, отдано предписаніе ни въ коемъ случаѣ не допускать собранія гласныхъ.

Тѣмъ не менѣе въ воскресенье, 25 марта, состоялось предпослѣднее засѣданіе думы. Явившись въ думскій залъ въ составѣ значительно превышающемъ обычный кворумъ, гласные заняли свои мѣста, и засѣданіе было открыто докладомъ управы о происшедшемъ захватѣ имущества. Въ серединѣ этого доклада въ залу, запыхавшись, вбѣжалъ въ сопровожденіи солдатъ членъ исполнительнаго комитета Лупандинъ и потребовалъ прекращенія засѣданія.

На вопросъ, кѣмъ онъ уполномоченъ для закрытія думскаго засѣданія, Лупандинъ предъявилъ свою фотографическую карточку съ надписью на оборотѣ, что предъявитель — членъ исполнительнаго комитета, — а, когда ему было указано, что этого еще недостаточно, онъ быстро вышелъ и нѣкоторое время спустя явился въ сопровожденіи значительной группы вооруженныхъ солдатъ, часть которыхъ была въ состояніи явнаго опьяненія. Началась тяжелая сцена прицѣла въ гласныхъ, щелканья ружейными затворами, замахиванія прикладами и штыками, причемъ состояніе явнаго опьяненія нѣкоторыхъ изъ солдатъ создавало реальную угрозу роковыхъ случайностей.

При крайне напряженномъ нервномъ состояніи былъ объявленъ перерывъ думскаго засѣданія, и слѣдующее собраніе гласныхъ происходило уже въ помѣщеніи городской библіотеки. На этомъ послѣднемъ, въ періодъ владычества большевиковъ, засѣданіи былъ выработанъ текстъ обращенія думы къ городскому населенію и рѣшено было пріостановить работу органовъ городского самоуправленія до болѣе благопріятнаго времени.

Возобновлена была дѣятельность этихъ органовъ лишь въ іюлѣ 1918 г. по вступленіи въ Ставрополь отряда Добровольческой Арміи.

Посвящая эти строки описанію короткаго существованія Ставропольской городской думы, я не могу не упомянуть двухъ именъ: стойкаго и благороднаго лидера кадетской фракціи въ думѣ, товарища предсѣдателя думы Л. С. Миркина, погибшаго отъ сыпного тифа на врачебномъ посту при обслуживаніи лазаретовъ Добровольческой Арміи, и А. А. Чернышева, лидера умѣреннаго крыла фракціи с.-р., педагога-народника, отдававшаго почти все свое время и трудъ популярнымъ бесѣдамъ съ окраинными населеніемъ. Онъ палъ одной изъ первыхъ жертвъ звѣрства большевиковъ. Судебно-медицинскій актъ установилъ свыше тридцати ранъ прижизненнаго происхожденія. И даже послѣ его мученической смерти жестокая толпа окраинныхъ бабъ пыталась выбросить изъ гроба его изуродованное тѣло, когда, отыскавъ трупъ, вдова и дочь А. А. Чернышева везли его потаенно на кладбище.

Таковъ, быть можетъ, суровый рокъ и всей русской интеллигенціи...

XII

«Мирное житіе» совѣтской власти. Симптомы разложенія казачества. Насыщеніе губерніи разложившимися частями. Борьба съ крестьянами. Инструктора изъ центра. Два Коппэ. Эпизодъ съ Петербургскимъ градоначальникомъ ген. Балкомъ. Заложники. Встрѣча съ матросами. Столкновеніе съ Вальяно. Іудушки Головлевы. Арестъ предсѣдателя Совнаркома Пономарева и военнаго комиссара Мирошниченко.

Сравнительно «мирное житіе» въ первые два мѣсяца существованія въ Ставропольской губерніи совѣтской власти находило себѣ объясненіе въ особенностяхъ быта зажиточнаго крестьянства и территоріальнаго положенія губерніи, окруженной со всѣхъ сторонъ войсковыми землями Донского, Кубанскаго, Терскаго и Астраханскаго казачествъ.

Казалось, при такихъ условіяхъ, сами большевики, оторванные отъ центра, не вѣрили въ длительность своего существованія и старались быть скромными, поскольку это позволяло положеніе неопытнаго сѣдока на неосѣдланной взбѣсившейся лошади.

Но убійство въ серединѣ декабря 1917 г. на станціи Прохладной Терскаго атамана М. А. Караулова, безболѣзненный разгонъ Учредительнаго Собранія въ январѣ 1918 г., выстрѣлъ, положившій 28 января конецъ благородной жизни Донского атамана А. М. Каледина, уходъ въ ночь на 9 февраля въ неизвѣстномъ направленіи арміи ген. Корнилова, занятіе 11 февраля большевиствующими казаками Голубова столицы Дона, уходъ, наконецъ, объединеннаго Кубанскаго правительства и законодательной рады изъ Екатеринодара въ походномъ порядкѣ, — все это укрѣпляло временныя позиціи большевиковъ и вливало новую энергію въ ихъ стремленіе во что бы то ни стало удержаться у власти.

Понявъ еще въ концѣ 1917 г., какую роль могла бы сыграть по своему географическому положенію Ставропольская губернія, являющаяся тыловымъ центромъ четырехъ казачьихъ областей, большевики приложили всѣ усилія, чтобы направить именно туда большевистскія части съ Кавказскаго и другихъ фронтовъ и создать въ зажиточной губерніи вулканъ, лава котораго расплылась бы и на смежныя казачьи земли.

И въ этомъ отношеніи недальновидно помогли намѣренію большевиковъ сами казаки, проталкивая со всѣхъ сторонъ, какъ къ мѣсту свалки, въ Ставропольскую губернію, разложившіяся воинскія части и въ томъ числѣ пресловутую 39 дивизію, расположившуюся по линіямъ желѣзныхъ дорогъ Ставропольской губерніи.

Уже въ декабрѣ 1917 г. на территоріи губерніи почти одновременно съ раіонами Царицына и Грознаго изъ войскового состава Кавказскаго фронта начали формироваться большевистскія силы, власти которыхъ было отдано безоружное населеніе губерніи, непріемлющее большевизма, какъ такового, добровольно. Что крестьянское населеніе губерніи не склонно было отдаться не за страхъ, а за совѣсть въ руки воинствующаго большевизма, можно заключить хотя бы изъ эпизода, когда «малая коллегія» большевиковъ принуждена была окружить помѣщеніе мартовскаго—апрѣльскаго съѣзда совѣтовъ артиллеріей, чтобы добиться отъ съѣзда согласія на формированіе красной арміи. И эта сессія совѣтскихъ съѣздовъ, кажется, явилась гранью, вскрывшей для крестьянъ всю тяготу владычества большевиковъ.

Въ нѣкоторыхъ сёлахъ, какъ, напримѣръ, въ Воронцово-Александровскомъ, прогсходили самыя настоящія сраженія между крестьянскими совдепами и коммунистическими ячейками, результатомъ которыхъ являлись многочисленныя потери убитыми и ранеными съ той и другой стороны.

Кое-гдѣ начали организовываться партизанскіе отряды камышанниковъ, доставлявшіе много хлопотъ большевикамъ.

Разгульное, безхозяйственное поведеніе сельскихъ владыкъ-комиссаровъ не могло не вызывать возмущенія у степенныхъ, хозяйственныхъ мужиковъ, а такихъ въ губерніи было около 90%, — особенно опыты съ хищническимъ разбазариваніемъ культурныхъ племенныхъ разсадниковъ, въ результатѣ своемъ погубившимъ въ губерніи около 500 000 тонкорунныхъ мериносовыхъ овецъ на Старо-Зармутинской и Удѣльной степи.

Безсильное передъ вооруженной пришлой солдатчиной, коренное крестьянство, стиснувъ зубы, принуждено было терпѣливо ожидать конца этой напасти и жило прорывавшимися слухами о приближеніи легендарной, призрачной, крестоносной арміи, свершающей медленно, шагъ за шагомъ, свой побѣдоносный путь.

Условія, характеризовавшія положеніе совѣтской власти въ Ставропольской губерніи, не могли не внушать опасенія московскимъ политикамъ и канцлерамъ большевизма, и въ Ставропольскую губернію были направлены инструктора, на обязанности которыхъ лежало привести губернію въ надлежащій видъ.

Таинственно прибыли и поселились въ Ставрополѣ Коппэ-отецъ и Коппэ-сынъ, сорганизовавшіе вокругъ себя такъ называемую «малую коллегію», являвшуюся въ то же время и штабомъ красной арміи.

Очень характерно, что однимъ изъ первыхъ получилъ приглашеніе явиться въ этотъ штабъ потаенно проживавшій въ Ставрополѣ ген. Балкъ, бывшій Петербургскій градоначальникъ.

Перепуганный на смерть генералъ, къ своему удивленію, встрѣтилъ тамъ совершенно неожиданный предупредительный пріемъ.

— Ваша фамилія, спросили его.

— Балкъ!

— Генералъ Балкъ? Пожалуйте, Ваше превосходительство, внѣ очереди, васъ давно ждутъ.

Въ кабинетѣ Коппэ-отецъ предложилъ ген. Балку занять постъ завѣдующаго оперативнымъ отдѣломъ красной арміи и генералу пришлось притвориться совершенно утратившимъ слухъ, чтобы избѣжать этого назначенія. Вскорѣ на этотъ постъ былъ назначенъ ген. С. И. Рудневъ, впослѣдствіи командовавшій отрядомъ Добровольческой Арміи въ Дагестанѣ и казненный большевиками въ Баку.

Вмѣстѣ съ Коппэ въ Ставрополь просочилась значительная группа матросовъ, приступившая къ формированію батальона съ универсальнымъ названіемъ: конно-горно-морской.

Но главная работа матросовъ шла въ другой области. Въ поискахъ средствъ на существованіе, матросы, подъ видомъ карательныхъ экспедицій, совершали экспропріаторскіе набѣги и неустанно агитировали за необходимость устроить зажиточной буржуазіи «генеральный эксъ». Подъ вліяніемъ этой агитаціи совнаркомъ наложилъ на населеніе города, въ лицѣ зажиточныхъ классовъ, многомилліонную контрибуцію и до ея взноса заключилъ подъ стражу 80 заложниковъ.

Но напуганный развитіемъ дѣятельности конно-горно-морского батальона, составившаго для «генеральнаго экса» распредѣленіе города по кварталамъ, совнаркомъ внезапно арестовалъ главарей матросовъ и препроводилъ ихъ въ тюрьму для исключительно бдительнаго содержанія подъ стражей.

Одновременно была организована чрезвычайная слѣдственная комиссія съ М. Вальяно во главѣ, приступившая къ обслѣдованію дѣятельности вожаковъ конно-горно-морского батальона.

Однажды, при обходѣ мною тюрьмы, я зашелъ въ камеру, гдѣ содержались матросы и задалъ имъ обычный вопросъ, не имѣютъ ли они просьбъ, жалобъ или заявленій. Матросъ Игнатьевъ, обладавшій свирѣпой наружностью Малюты Скуратова, въ свою очередь спросилъ меня, на какомъ основаніи ихъ содержатъ въ тюрьмѣ хуже каторжниковъ, — безъ права свиданій, какихъ бы то ни было передачъ, прогулокъ и проч.

— За кѣмъ они числятся, — спросилъ я сопровождавшаго меня начальника тюрьмы.

— За чрезвычайной слѣдственной комиссіей совѣта народныхъ комиссаровъ.

— Видите, вашъ режимъ не отъ меня зависитъ, сказалъ я и спросилъ, нѣтъ ли еще какихъ вопросовъ.

— Спросить, что ли? — обратился Игнатьевъ къ товарищамъ. — Г. Прокуроръ у насъ сомнѣніе: отмѣнена или не отмѣнена смертная казнь.

Я разъяснилъ, что на фронтѣ смертная казнь возстановлена, а въ тылу при Временномъ Правительствѣ не примѣнялась. Но это при Временномъ Правительствѣ, — огопорился я.

— Все равно. Значитъ, насъ зря пугаютъ.

По выходѣ изъ камеры матросовъ я встрѣтилъ въ тюремномъ коридорѣ предсѣдательницу чрезвычайной комиссіи Вальяно, спросившую меня, на какомъ основаніи я былъ у совершенно секретныхъ преступниковъ.

Послѣ моего указанія, что для контроля прокурора не можетъ быть замковъ на камерахъ заключенныхъ, Вальяно что-то хотѣла возразить, но я прервалъ ее, указавъ, что неудобно въ тюремномъ коридорѣ, въ присутствіи тюремной стражи и слушающихъ изъ камеръ арестантовъ, вести диспутъ, что тюрьма прежде всего нуждается въ строгой дисциплинѣ, просилъ Вальяно пройти со мной въ тюремную контору, но Вальяно отказалась, заявивъ, что мною будетъ получена по этому вопросу особая бумага совнаркома.

Въ результатѣ этой встрѣчи и появилась въ судѣ бумага совнаркома о воспрещеніи посѣщать тюрьму прокурору, «предсѣдателю и членамъ суда».

Но такъ какъ въ тюрьмѣ въ это время содержались заложники и цѣлый рядъ арестованныхъ большевиками военныхъ, въ томъ числѣ и воинскій начальникъ А. А. Навроцкій, я, опасаясь, какъ бы надъ ними не было учинено какое-либо насиліе, старался ежедневно посѣщать тюрьму, контролируя тюремную администрацію, чтобы большевистскій караулъ внутрь тюремныхъ коридоровъ не допускался и чтобы внутреннее окарауливаніе камеръ неслось исключительно тюремной стражей.

Къ чести тогдашняго начальника тюрьмы, умершаго затѣмъ отъ сыпного тифа, С. З. Дейниковскаго, слѣдуетъ отмѣтить, что ни одного случая насилія въ тюрьмѣ имъ допущено не было, но не въ его власти было предотвратить избіеніе офицеровъ у стѣнъ тюрьмы во время офицерскаго возстанія.

Содержавшіеся въ тюрьмѣ заложники набирались большевиками главнымъ образомъ по признаку зажиточности. Были среди нихъ чиновники, купцы, землевладѣльцы и, числевно значительная, группа студенческой молодежи. Большинство заложниковъ держалось бодро, но нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ пали духомъ, тѣмъ болѣе, что до тюрьмы стали доходить слухи о готовящихся матросами разстрѣлахъ.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній, начальникъ мѣстнаго управленія земледѣлія А. А. Польскій пожаловался мнѣ, что мѣстный присяжный повѣренный Н. Г. Левицкій, гласный городской думы и членъ группы к.-д., позволяетъ себѣ играть на нервахъ заложниковъ, и безъ того взвинченныхъ. Временами онъ разъѣзжаетъ вокругъ тюрьмы въ экипажѣ съ солдатами и матросами, играющими на гармоникѣ похоронный маршъ, крича при этомъ:

— Это мы васъ, буржуевъ, отпѣваемъ!

Я, было, не повѣрилъ этому, но почти въ тотъ же моментъ снизу раздался пьяный голосъ, кричавшій.

— Что попили кровушки, буржуи? Я бы васъ еще не такъ гноилъ, кровопійцы . . .

Къ моему удивленію это оказался все тотъ же Левицкій, удаленный затѣмъ по моему требованію изъ-подъ стѣнъ тюрьмы.

Черезъ день я былъ очевидцемъ еще одного выступленія г. Левицкаго на собраніи родственниковъ заложниковъ въ лѣтнемъ помѣщеніи коммерческаго клуба. Передъ собраніемъ онъ выпивалъ съ матросами, добывая средства на напитки путемъ «контрибуціи», взимавшейся матросами съ лицъ, на которыхъ указывалъ Левицкій.

Когда началось собраніе, въ залу ворвались матросы и подъ одобряющіе возгласы Левицкаго стали разгонять собравшихся, угрожая насиліемъ. Явившійся патруль красноармейцевъ удалилъ буяновъ и арестовалъ, было, Левицкаго, но потомъ его выпустилъ. О дѣйствіяхъ г. Левицкаго я довелъ до свѣдѣнія Ставропольской адвокатуры, не нашедшей для г. Левицкаго ничего болѣе достойнаго, какъ поставить на видъ его поведеніе.

Это «поведеніе» не помѣшало г. Левицкому позднѣе, при появленіи въ городѣ Добровольческой Арміи, заниматься чтеніемъ въ сердцахъ инако мыслящихъ общественныхъ дѣятелей, достаточно ли благонадежно они настроены по отношенію къ мѣстнымъ щедрипствующимъ генераламъ, и печатно улавливать «соціалистовъ» на предметъ ущемленія.

Не могу также не отмѣтить и «поведенія» тогдашняго начальника городской милиціи, В. Е. Гнаденберга, прошедшаго на эту должность изъ судебнаго вѣдомства. Онъ сыгралъ отвратительно трусливую роль попустителя при самосудѣ толпы около полиціи надъ содержавшимися тамъ арестантами, предполагавшимися участниками грабежа и изнасилованія. Характеръ же пониманія имъ своихъ обязанностей ярко выразился въ слѣдующемъ эпизодѣ.

До меня дошли свѣдѣнія, что въ помѣщеніи полицейской кордегардіи содержится въ отвратительныхъ условіяхъ туберкулезный студентъ, задержанный рабочими завода Шмидта, какъ «подозрѣваемый контръ-революціоверъ». Явившись въ полицію, я дѣйствительно нашелъ тамъ въ каморкѣ, лишенной дневного свѣта, въ сообществѣ задержанныхъ пьяныхъ, истощеннаго студента, заявившаго мнѣ, что онъ лишенъ и права прогулокъ. Въ документѣ его ареста значилось, что онъ препровождается для содержанія подъ строгимъ арестомъ, какъ задержанный рабочими по подозрѣнію въ контръ-революціи.

Я потребовалъ явки ко мнѣ Начальника Милиціи, но г. Гнаденбергъ уклонился отъ этого, а въ отвѣтъ на мое письменное постановленіе о немедленномъ освобожденіи студента, сообщилъ мнѣ, что студентъ по распоряженію совнаркома уже переведенъ въ тюрьму.

Таковы не переводящіеся ни при какомъ режимѣ Іудушки Головлевы современнаго образца.

Столкновеніе съ Левицкимъ, Вальяно и Гнаденбергомъ въ значительной степени способствовало тому, что въ дальнѣйшемъ рабоче-солдатскіе патрули уже физической силой преграждали мнѣ доступъ въ тюрьму. Къ счастью, вскорѣ заложники были освобождены изъ тюрьмы и значительная тяжесть отвѣтственности, хотя и невольной, за участь пребывавшихъ въ тюрьмѣ заключенныхъ свалилась съ моей души.

Но въ ближайшіе дни произошелъ въ совѣтскихъ верхахъ сдвигъ, показавшій оскаленное лицо подлиннаго актуальнаго большевизма.

Первыми симптомами сдвига явились арестъ по ордеру предсѣдателя губ. исп. комитета Вдовенко предсѣдателя совѣта народныхъ комиссаровъ А. А. Пономарева и военнаго комиссара Мирошниченко, а затѣмъ освобожденіе изъ тюрьмы матросовъ, — вожаковъ конно-горно-морского батальона.

Правда, и Пономаревъ, и Мирошниченко скоро были возстановлены въ правахъ, но они предпочли скрыться и болѣе къ власти не возвращаться, освобожденіе же матросовъ изъ тюрьмы было чревато исключительными послѣдствіями.

XIII

Начало террора. Казнь А. А. Чернышева и Мачканныхъ — отца и сына. Мое заявленіе совнаркому. Мой арестъ. Политическій комиссаръ Воронинъ. Ночь въ комендатурѣ. Эпизодъ съ католическимъ священникомъ. Освобожденіе. Похороны матроса Якшина. Бѣгство.

Освобожденіе матросовъ произошло какъ-то внезапно, въ отсутствіе комиссара юстиціи Гамалюна и, кажется, предсѣдательницы чрезвычайной слѣдственной комиссіи Вальяно. Выпущенные изъ тюрьмы матросы чуть ли не въ тотъ же вечеръ собрали многолюдный митингъ, на которомъ пропели разработанный ими ранѣе планъ кровавато похода на городское зажиточное населеніе.

По этому плану городъ былъ разбитъ на кварталы и каждый кварталъ былъ ввѣренъ попеченію карательнаго отряда съ руководителемъ изъ матросовъ во главѣ. Карательнымъ отрядамъ было поручено произвести повальные обыски во всѣхъ квартирахъ и, въ случаѣ нахожденія въ квартирѣ оружія, значительныхъ запасовъ питанія или при основаніи заподозрѣть кого-либо изъ живущихъ въ квартирѣ въ активной контръ-революціонности, начальникамъ карательныхъ отрядовъ предоставлялось право уничтожать виновныхъ на мѣстѣ ихъ пребыванія.

Я не знаю точно, санкціонированъ ли былъ этотъ планъ повальныхъ грабежей и убійствъ совѣтомъ народныхъ комиссаровъ и губернскимъ комитетомъ, но фактъ тотъ, что въ самомъ скоромъ времени населенію было объявлено о воспрещеніи послѣ извѣстнаго часа выходить на улицу подъ угрозой разстрѣла, появились на улицахъ тяжелые аутогрузовики, украшенные черными флагами, и начались обыски и аресты, сопровождаемые по ночамъ ружейной и револьверной пальбой.

Настало жуткое время для гор. Ставрополя. Изъ устъ въ уста передавались свѣдѣнія о произведенныхъ за ночь арестахъ, грабежахъ и разстрѣлахъ. Громыхали переполненные матросами грузовики съ чѣмъ-то, прикрытымъ брезентами. Жители квартиръ съ ужасомъ ожидали появленія карательнаго отряда.

Однимъ изъ первыхъ былъ арестованъ Андрей Андреевичъ Чернышевъ, о которомъ я уже сказалъ нѣсколько словъ выше, и бывшій Ставропольскій предводитель дворянства, 80-лѣтній ген. П. С. Мачканинъ. Сначала и мнѣ, и родственникамъ ихъ удавалось устанавливать часто мѣнявшіяся мѣста ихъ заключенія, но потомъ отъ А. А. Чернышева была получена черезъ случайнаго посредника записка, что его начали пытать и мучить и объявили, что завтра казнятъ.

Какъ-то не вѣрилось, что исключительно популярный на окраинахъ лекторъ, любимый педагогъ и учитель, между прочимъ, Маріи Вальяно, безсмѣнный гласный демократической думы, а съ другой стороны престарѣлый восьмидесятилѣтній П. С. Мачканинъ могутъ пасть жертвами кроваваго разгула матросовъ. Я утѣшалъ приходившихъ ко мнѣ родственниковъ ихъ, мучился самъ трагедіей моего безсилія, но искренно не вѣрилъ въ возможность ихъ мученической смерти.

Какъ вдругъ, однажды, на мой телефонный вопросъ члену слѣдственной комиссіи Амуръ-Санану, я получилъ отвѣтъ, что они оба казнены. Вскорѣ затѣмъ Амуръ-Сананъ вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ. Я теперь не помню, да едва ли и тогда давалъ себѣ отчетъ, что я ему говорилъ, но только помню, какъ онъ рыдалъ, закрывши лицо руками, клялся въ невиновности въ этой крови, а потомъ какъ-то бокомъ выскользнулъ изъ моего кабинета.

Въ состояніи сильнѣйшей экзальтаціи я сейчасъ же написалъ отъ руки и послалъ совнаркому заявленіе слѣдующаго содержанія:

«Вотъ уже нѣсколько дней какъ по городу идутъ повальные грабежи и аресты мирныхъ горожанъ Ставрополя, и совѣтская власть не принимаетъ никакихъ мѣръ къ обузданію грабителей и насильниковъ.

Мало того, ходятъ зловѣщіе слухи, что грабители присвоили себѣ обязанности безсудныхъ палачей и уже есть первые мученики ихъ разбойничьей расправы.

Предваряя совѣтъ народныхъ комиссаровъ, что мною предложено судебному слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ немедленно приступить къ слѣдствію о творящихся массовыхъ насиліяхъ и убійствахъ, какъ прокуроръ, я требую, чтобы

были приняты немедленныя и самыя рѣшительныя мѣры къ прекращенію творящихся преступленій, чтобы были арестованы и переданы въ распоряженіе мое виновные въ этихъ преступленіяхъ, и чтобы мнѣ и лицамъ прокурорскаго надзора былъ открытъ доступъ во всѣ мѣста заключенія для пронѣрки основаній содержанія подъ стражей лицъ, тамъ находящихся».

Только что я отправилъ это заявленіе, какъ мнѣ сообщили, что арестованъ и отправленъ въ комендатуру товарищъ прокурора, только что демобилизованный Н. А. Русановъ. Я послалъ требованіе коменданту немедленно освободить г. Русанова для отправленія имъ передъ судомъ должностныхъ обязанностей и, къ моему удивленію, спустя нѣкоторое время Н. А. Русановъ явился ко мнѣ въ кабинетъ.

Это придало мнѣ бодрости, но черезъ нѣсколько минутъ передо мною были измученныя лица сына и дочери ген. Мачканина и жены и дочери А. А. Чернышева. Что я имъ могъ сказать?

Дѣти П. С. Мачканина спросили меня, могутъ ли они взять для погребенія трупъ отца. Я посовѣтовалъ имъ сдѣлать это осторожно и безъ огласки.

Давая этотъ совѣтъ, глядя въ измученные глаза Мачканина-сына, я не предвидѣлъ, что на другой день замученный трупъ этого юноши будетъ брошенъ на то самое мѣсто, откуда онъ осмѣлился взять для погребенія изуродованное тѣло своего отца.

Этотъ и послѣдующіе дни были какимъ-то сплошнымъ кошмаромъ. Отовсюду, отъ милиціи, судебныхъ слѣдователей, отдѣльныхъ лицъ, поступали заявленія объ обнаруженныхъ ими трупахъ: бывшаго совѣтника губ. правленія А. К. Барабаша, землевладѣльцевъ — отца и сына Жуковыхъ, бывшаго пристава Залѣвскаго, уѣзднаго предводителя дворянства полк. Иванова и т. д.

Наконецъ явился ко мнѣ съ перекошеннымъ лицомъ молодой кандидатъ, исправлявшій обязанности судебнаго слѣдователя, и протянулъ мнѣ актъ судебно-медицинскаго осмотра тѣла несчастнаго А. А. Чернышева. Больше тридцати ранъ сабельныхъ, штыковыхъ и огнестрѣльныхъ обнаружено было на его тѣлѣ. Семья съ трудомъ узнала останки, когда они были ей предъявлены для опознанія. Тутъ же слѣдователь разсказалъ мнѣ о звѣриной жестокости солдатскихъ бабъ, пытавшихся выбросить тѣло изъ гроба, когда семья увозила его изъ часовни для погребенія на кладбищѣ.

Я ломалъ въ безсиліи руки и почти мечталъ о собственномъ арестѣ, какъ о выходѣ изъ создавшагося вокругъ меня кольца кошмарныхъ переживаній.

Наконецъ, наступилъ и мой чередъ. Въ ближайшую ночь — это было, кажется, 20 іюня 1918 г., — раздался стукъ прикладами въ двери моей квартиры. Съ улицы вошла группа матросовъ, увѣшанная, точно знаками отличія, пулеметными лентами. Предложивъ перепуганнымъ домашнимъ не трогаться съ мѣста, матросы назвали мое имя и задали вопросъ, имѣется ли у меня въ квартирѣ какое-либо оружіе. Послѣ моего отрицательнаго отвѣта они приступили къ обыску. Они отложили и потомъ забрали съ собой имѣвшійся у меня планъ губернаторскаго дома, гдѣ теперь размѣщался совнаркомъ, исправленную мною во время экскурсій карту окрестностей Эльбруса и тетрадь моихъ юношескихъ стихотворныхъ опытовъ.

При обыскѣ въ дѣтской они нашли кремневый, художественной работы, пистолетъ, подаренный моему сыну пріятелемъ горцемъ при посѣщеніи нами его роднаго аула и, не стѣсняясь присутствіемъ моей семьи и дѣтей, тутъ же подняли споръ, признать или не признать этотъ пистолетъ оружіемъ. Я понималъ, что,

въ сущности, это споръ о моей жизни. Можетъ быть, инстинктивно понялъ это и мой маленькій сынишка. Бросившись къ матросамъ, онъ просилъ, чтобы ему вернули его пистолетъ.

— Это не папинъ, а мой, не папѣ, а мнѣ подарилъ его Тау-бій, отдайте пистолетъ, требовалъ онъ.

Въ это время моя жена, узнавшая въ одномъ изъ матросовъ родственника Ѳ. М. Онипко — Воронина, шепнула мнѣ объ этомъ. Я отозвалъ Воронина въ сторону и спросилъ его, не извѣстно ли ему, гдѣ въ настоящее время Ѳ. М. Онипко, пояснивъ, что меня съ Ѳ. М. Онипко связываютъ самыя тѣсныя узы дружбы.

— Позвольте, такъ вы будете тотъ самый, — онъ назвалъ мое имя и отчество, — о которомъ мнѣ говорилъ Ѳедотъ Михайловичъ.

— Тотъ самый.

— Тогда не безпокойтесь, я постараюсь все уладить. Только первое условіе, не волнуйтесь, что бы вы ни увидѣли въ комендатурѣ.

— Ну, товарищи, идемте. А вы, обратился онъ ко мнѣ, — потрудитесь слѣдовать за нами.

Съ трудомъ оторвавшись отъ семьи, умолявшей матросовъ оставить меня въ квартирѣ до утра, я вышелъ въ сопровожденіи матросовъ на пустынную улицу. Было уже около 2 часовъ ночи. Воронинъ шелъ рядомъ со мною, остальные матросы сзади, о чемъ-то не громко перешептываясь. Это меня первировало, — я вспомнилъ описаніе многочисленныхъ штыковыхъ ранъ въ спину при осмотрѣ тѣла А. А. Черныщева.

Замѣтивъ это, Воронинъ заявилъ, что доставку меня въ комендатуру онъ беретъ на свою личную отвѣтственность и предложилъ остальнымъ матросамъ идти впередъ.

По дорогѣ онъ мнѣ еще разъ обѣщалъ сдѣлать все, отъ него зависящее, чтобы меня не отправили въ Юнкерскій садъ *. Когда мы прибыли въ комендатуру и меня подвели къ столу, за которымъ, или вѣрнѣе — на которомъ, сидѣли матросъ Игнатьевъ и комендантъ Промовендовъ, предсѣдатель тройки, въ которую входилъ и Воронинъ въ качествѣ политическаго комиссара, Игнатьевъ спросилъ Воронина, указывая на меня:

— Кто такой?

— Прокуроръ Красновъ.

Игнатьевъ вглядѣлся въ меня и осклабился.

— А, господинъ прокуроръ, вотъ вы собирались судить «палачей», а теперь мы васъ будемъ судить. Только судъ у насъ скорый, но не милостивый.

Я просилъ дать мнѣ возможность сообщить семьѣ, что я прибылъ въ комендатуру и тѣмъ ее успокоить.

— Это что за нѣжности, — ухмыльнулся Игнатьевъ, — когда мы сидѣли въ тюрьмѣ, вѣдь вы намъ не разрѣшали успокаивать по телефону наши семьи?

— Не безпокойтесь, я сообщу вашей семьѣ, успѣлъ шепнуть мнѣ Воронинъ.

— Наши правила обращенія съ заключенными гуманнѣе во всякомъ случаѣ вашихъ. Извѣстно ли вамъ, спросилъ я Игнатьева, — что послѣ того, какъ я

---

* Въ этомъ огромномъ саду, выходящемъ своею длинной оградой на Базарную площадь впослѣдствіи было обнаружено около 70 труповъ казненныхъ за этотъ періодъ большевиками.

посѣтилъ въ тюрьмѣ вашу камеру и отвѣтилъ на вопросъ вашъ, отмѣнена ли смертная казнь, мнѣ было воспрещено дальнѣйшее посѣщеніе тюрьмы.

— Кѣмъ воспрещено?

— Совѣтомъ народныхъ комиссаровъ.

— А чѣмъ вы это подтвердите?

— Бумагой, официально присланной мнѣ.

— Она съ вами?

— Нѣтъ я не ношу съ собой своей канцеляріи.

— А когда вы ее мнѣ покажете?

— Когда вы меня освободите.

— Ишь, какой вы хитрый. Что у него нашли, — спросилъ Игнатьевъ вернувшагося Воронина.

Тотъ указалъ на свертокъ отобранныхъ у меня вещей. Какой-то незнакомый мнѣ господинъ, элегантно одѣтый, разсматривалъ, вынувъ изъ свертка кремневый пистолетъ.

— Что хороша штучка, графъ? — спросилъ Игнатьевъ, — за этакія штучки можно и въ Юнкерскій прогуляться.

Я хотѣлъ было возразить Игнатьеву, но графъ»* дотронулся до моего рукава и съ оттѣнкомъ нерусскаго акцента, медленно, какъ говорятъ иностранцы, произнесъ:

— Это совершенно музейная вещь, товарищъ Игнатьевъ, въ этихъ штукахъ я толкъ понимаю. А вамъ, — обратился онъ ко мнѣ, надо не забывать, что лучшее украшеніе мужчины — выдержка.

Воронинъ принесъ мнѣ стулъ и предложилъ сѣсть въ сторонѣ отъ стола, а самъ о чемъ-то сталъ негромко говорить Игнатьеву.

— Ладно, — громко отвѣтилъ тотъ.

Проходя мимо меня, Воронинъ сдѣлалъ мнѣ знакъ глазами и, когда мы отошли, онъ сообщилъ мнѣ, что добился отъ Игнатьева обѣщанія, что меня до утра не выведутъ изъ помѣщенія комендатуры, — а тамъ видно будетъ, — добавилъ онъ.

Для меня настали томительныя минуты ожиданія. Въ комендатуру то и дѣло приводили новыхъ арестованныхъ. Привели моего родственника генерала Л. А. Рослякова, ген. М. П. Пышненко, полк. Пеньковскаго, нѣсколько офицеровъ, у которыхъ нашли погоны и оружіе, какихъ-то простолюдиновъ въ поддевкахъ. Игнатьевъ и Промовендовъ большею частью говорили съ арестованными повышеннымъ до крика голосомъ, стуча рукоятками револьверовъ по столу. Изрѣдка присоединялся къ нимъ приходившій и уходившій куда-то истощенный, неврастеничнаго вида, субъектъ.

Уже утромъ ввели въ помѣщеніе комендатуры въ полномъ облаченіи католическаго ксендза и за нимъ ворвались въ помѣщеніе плачущія и кричащія женщины-католички, которыхъ красноармейцы пытались вытолкнуть изъ комендатуры.

Какъ выяснилось, ксендза арестовали во время совершавшагося имъ богослуженія, — въ этотъ день былъ праздникъ «Божьяго тѣла» — и прямо отъ алтаря доставили въ комендатуру. Истощенный субъектъ, оказавшійся палачемъ — садистомъ Апшинымъ, впослѣдствіи повѣшеннымъ по распоряженію ген. Ува-

* Потомъ мнѣ сообщили, что это титулованный плѣнный австрійскій офицеръ, служившій въ мѣстномъ штабѣ красной арміи. Впослѣдствіи, при Добровольческой Арміи, онъ умеръ отъ тифа въ Ставропольской тюрьмѣ.

рова, изступленно, даже не кричалъ, а визжалъ, топая ногами, какъ это дѣлаютъ дѣти, и тыча въ священника дуломъ револьвера. Ему вторилъ арестовавшій ксендза полякъ-рабочій, впослѣдствіи кончившій жизнь въ сумасшедшемъ домѣ.

Я не выдержалъ и подошелъ къ столу, сидя на которомъ Игнатьевъ и Промовендовъ равнодушно наблюдали эту изступленную сцену.

— Послушайте, — обратился я къ нимъ, — вѣдь самый злѣйшій врагъ вашъ не могъ бы придумать болѣе вредной для васъ сцены. Подумайте, что потомъ будутъ говорить о васъ эти простыя, полныя религіознаго негодованія женщины.

— Будетъ, товарищи! — прекратилъ эту сцену Игнатьевъ.

Когда началось движеніе по улицѣ я увидѣлъ прильнувшими къ стеклу зеркальнаго окна комендатуры лица моихъ дѣтей и жены, нѣкоторыхъ гласныхъ городской думы и знакомыхъ.

Рискуя быть арестованнымъ, къ Промовендову прорвался мой другъ — сослуживецъ по окружному суду и сталъ требовать объясненія основаній моего ареста.

Вскорѣ ушелъ Игнатьевъ, а затѣмъ куда-то вызвали по телефону Промовендова и онъ уѣхалъ на автомобилѣ. Вернувшись около 11 часовъ утра, онъ заявилъ мнѣ, что я свободенъ, а потомъ объявилъ и всѣмъ арестованнымъ въ эту ночь:

— Идите домой — вы свободны.

Столкнувшійся со мной въ выходныхъ дверяхъ Воронинъ спросилъ меня, не уводили ли кого-нибудь ночью изъ комендатуры.

— Нѣтъ, отвѣтилъ я.

— А генералы ушли одни или съ родственниками.

— Кажется, съ родственниками.

— Ну сегодня на рѣдкость счастливая ночь, сказалъ Воронинъ и потомъ добавилъ, понизивъ голосъ: а вы все-таки поскорѣе отсюда уѣзжайте.

Этому совѣту мнѣ пришлось, по настоянію семьи и друзей, незамедлительно послѣдовать.

Послѣднимъ впечатлѣніемъ, сохранившимся въ моей зрительной памяти передъ отъѣздомъ изъ Ставрополя, было зрѣлище похоронъ матроса Якшина, убитаго на Медвѣженскомъ фронтѣ въ бою съ добровольцами. Большевики превратили эти похороны во внушительную манифестацію, открывавшуюся матросскимъ батальономъ, съ Игнатьевымъ во главѣ. Дальше громыхали грузовики съ уставленными на нихъ пулеметами, шло нѣсколько орудій артиллеріи, интернаціональный батальонъ, кавалерійскій эскадронъ красноармейцевъ, рабочія дружины. Шествіе это, изобилующее красными и черными флагами съ изображенными на нихъ эмблемами смерти замыкалось лафетомъ съ гробомъ убитаго, за которымъ, точно прикованные къ колесницѣ повелителя древніе рабы, шли представители различныхъ учрежденій и вѣдомствъ, обязанные особымъ распоряженіемъ принять участіе въ похоронахъ.

Въ ту же ночь въ Юнкерскомъ саду была принесена новая гекатомба мучениковъ, въ томъ числѣ освобожденные вмѣстѣ со мной наканунѣ ген. Росляковъ и полк. Пеньковскій.

Слѣдующее утро уже застало меня въ уединенной хибаркѣ садовладѣльца, на хуторкѣ, близъ селенія Петровскаго.

XIV

Призракъ возстанія. Неожиданная перестрѣлка въ лѣсу. Предварительная паника. Выступленіе офицеровъ. Неудача этого выступленія. Казнь полковника П. Ф. Ртищева. Усиленіе террора.

Весною 1918 г. въ Архіерейскомъ лѣсу красноармейскимъ дозоромъ была обнаружена военная палатка и въ ней нѣкоторое количество воинскаго оружія и снаряженія. Арестованные обитатели этой палатки, какъ большевики выяснили, оказались юнкерами и младшими офицерами.

Лѣсъ послѣ этого былъ пройденъ лавой красноармейцевъ и кромѣ того были произведены обыски и аресты на жилыхъ окраинахъ лѣса. Всего задержано было около 20 человѣкъ, въ томъ числѣ воинскій начальникъ А. А. Навроцкій и его дѣлопроизводитель, случайно находившіеся въ это время на окраинѣ города.

Съ тѣхъ поръ производились періодически облавы въ лѣсахъ, окружающихъ Ставрополь.

У большевиковъ зародилось подозрѣніе, что существуетъ организація, готовящая выступленіе противъ нихъ и страхъ передъ этимъ выступленіемъ, особенно, когда передъ Ставропольскою губерніей выросъ призракъ Добровольческой Арміи, все глубже укоренялся въ сердцахъ совѣтской власти.

При одной изъ облавъ, когда уже стемнѣло, въ лѣсу неожиданно раздалось «ура» и по красноармейцамъ захлопали винтовочные выстрѣлы. На другое утро создалась паника, развитію которой способствовала драка съ выстрѣлами, разгорѣвшаяся между двумя солдатами на базарѣ. Достаточно было кому-то крикнуть «идутъ казаки», какъ слова эти перекинулись во всѣ концы базара, оттуда на смежныя улицы, и докатились до совѣтскихъ учрежденій и лазаретовъ.

На улицахъ началось необычайное оживленіе. Силой захватывались проѣзжающія подводы и экипажи, многіе совѣтскіе служащіе бросились на базаръ и тамъ обрывали въ крестьянской упряжи постромки, чтобы верхомъ найти спасеніе за чертой города.

Черезъ самое короткое время на улицахъ, ведущихъ къ сельскому шляху, получились такіе заторы, что понадобилось потомъ, когда начальство очнулось отъ испуга, много часовъ, чтобы ихъ распутать.

Паника эта довольно скоро улеглась, и разсерженная власть поторопилась издать суровый декретъ, угрожающій всѣми доступными карами возможнымъ виновникамъ такого переполоха въ будущемъ. Но возможность и размѣры этого переполоха показали, какъ силенъ былъ страхъ въ эти дни въ большевистскомъ сердцѣ передъ надвигающимся призракомъ Добровольческой Арміи и какъ непрочны корни совѣтской власти въ средѣ Ставропольскаго населенія.

Въ неизмѣримо бо́льшемъ размѣрѣ переполохъ этотъ повторился, когда въ іюлѣ того же года, совершавшій по губерніи пролетъ, полк. Шкуро прислалъ большевикамъ сначала изъ сел. Кугульты трупъ повѣшеннаго военнаго комиссара Петрова, а потомъ изъ сел. Донского ультиматумъ: въ теченіе двухъ сутокъ покинуть городъ . . .

Начавшіеся по почину матросовъ, повальные обыски и массовые разстрѣлы имѣли, повидимому, одной изъ своихъ задачъ спровоцировать преждевременное выступленіе офицеровъ, ибо для многихъ изъ послѣднихъ не оставалось вы-

хода: или погибнуть безоружными по одиночкѣ или, перейдя отъ обороны къ нападенію, испытать свою судьбу съ оружіемъ въ рукахъ *.

Получивъ приказъ собраться глубокою ночью въ оградѣ Варваринской церкви, офицеры должны были двинуться вверхъ тремя колоннами и по сигнальной ракетѣ внезапно обрушиться на красноармейскія казармы, штабъ красной арміи въ Европейской гостиницѣ и совѣтскіе центры. Но уже первоначальный подсчетъ силъ показалъ, что по зову приказа не явилась и десятая часть предполагаемаго количества участниковъ и это, конечно, не могло не отразиться на порывѣ выступавшихъ. Тѣмъ не менѣе выступленіе состоялось въ надеждѣ, что въ рѣшительный моментъ сдержитъ свое обѣщаніе интернаціональный батальонъ, обѣщавшій офицерамъ поддержку, и дружины рабочихъ, обѣщавшія ее также.

Сначала офицерамъ сопутствовала удача. Они почти безболѣзненно захватили бывшія осетинскія казармы и находившіеся въ нихъ винтовки и пулеметы, но въ рѣшающій моментъ, когда надо было открыть пулеметный огонь, оказалось, что среди наличныхъ участниковъ возстанія нѣтъ достаточнаго числа пулеметчиковъ, кромѣ того наличныхъ силъ было слишкомъ недостаточно, чтобы обрушиться одновременно на всѣ намѣченные пункты.

Между тѣмъ красноармейскій штабъ успѣлъ стянуть всѣ наличныя силы, двинулъ грузовики съ пулеметами и преградилъ пути интернаціональному батальону и рабочимъ дружинамъ для соединенія съ возставшими.

Когда разсвѣло, исходъ боевого выступленія сталъ очевиденъ. Небольшая группа участниковъ съ полковникомъ П. Ф. Ртищевымъ во главѣ отстрѣливаясь, отступала къ лѣсу, значительная часть офицеровъ разсѣялась по городу, небольшая группа уничтожалась красноармейцами у стѣнъ тюрьмы.

На многихъ перекресткахъ и у самаго входа въ городской садъ долгое время лежали неприбранными тѣла участниковъ выступленія.

Штабу организаціи удалось, отбиваясь, скрыться въ лѣсу, а оттуда въ пригородное село Татарку, но на другой день они были выданы пріютившимъ ихъ мельникомъ. Часть офицеровъ была тутъ же перебита, а братья Ртищевы, какъ главари выступавшихъ, были привезены въ городъ и разстрѣляны на Ярмарочной площади.

Когда ихъ поставили у дороги и ружья были взяты на прицѣлъ, П. Ф. Ртищевъ, указывая на дорогу позади себя, сказалъ красноармейцамъ:

— Дурачье, поставьте къ стѣнкѣ, вѣдь сзади проѣзжая дорога...

Это были его послѣднія слова.

Трагедія этой неудачи усугублялась еще тѣмъ, что въ эту же ночь отрядъ Шкуро проходилъ въ 14 верстахъ отъ Ставрополя, но лица, посланныя для установленія съ нимъ связи, были перехвачены большевиками.

Неудавшееся возстаніе послужило предлогомъ къ новой вспышкѣ усилившагося террора. Впослѣдствіи было зафиксировано 96 жертвъ, погибшихъ за этотъ періодъ въ Ставрополѣ, начиная отъ 13-лѣтняго подростка и кончая такими глубокими старцами, какъ П. С. Мачканинъ.

Но уже двѣ недѣли спустя матросы и ихъ комиссары, получивъ ультиматумъ Шкуро, сами бѣжали въ паникѣ изъ города, цѣлые отряды красноармейцевъ разоружались отдѣльными безоружными горожанами, а садистъ-палачъ Ашихинъ былъ схваченъ во время бѣгства и переданъ временному генералъ-губернатору Уварову окраинными мѣщанами.

* Выступленіе офицеровъ произошло 22 или 23 іюня, когда я уже покинулъ городъ и подробности о немъ я знаю лишь по разсказамъ.

XV.

Терроръ въ губерніи. Очаги его. На калмыцкой территоріи Больше-Дербетовскаго улуса. Осквернение буддійскихъ святынь и храмовъ. Насилія надъ женщинами. Застѣнокъ Трунова въ сел. Терновскомъ. Въ селеніи Петровскомъ. На станціи Карамыкъ.

Изъ города терроръ перекинулся на уѣздную территорію. Производившееся позднѣе обслѣдованіе установило, что калмыцкая территорія Больше-Дербетовскаго улуса, село Безопасное, Петровское и станція Карамыкъ Прикумской желдор. были очагами наиболѣе жестокаго проявленія его.

Объѣхавъ Больше-Дербетовскій улусъ и ознакомившись съ разрушеніями, произведенными тамъ въ періодъ владычества большевизма, я получилъ впечатлѣніе, что, сознательно или инстинктивно, дѣлалась опредѣленная ставка на уничтоженіе этой народности.

Объясненіе этой новой попытки ликвидировать количественно и качественно не сильное племя калмыковъ слѣдуетъ искать тамъ же, откуда исходила и прежняя провокація степныхъ народовъ къ выселенію въ срединѣ прошлаго столѣтія, то-есть въ желаніи завладѣть ихъ обширными и богатыми Приманычскими пастбищами.

Выше я уже имѣлъ случай указывать, что распредѣленіе $3\frac{1}{2}$ милліоновъ десятинъ земли между свыше, чѣмъ милліоннымъ, русскимъ крестьянствомъ губерніи и $1\frac{1}{2}$ милліоновъ десятинъ между нѣсколькими десятками тысячъ степныхъ народовъ давно уже порождало вожделѣнія окрестныхъ селъ на почти дѣвственныя Приманычскія преріи съ бродящими среди ковыля сайгаками * и полными вольной птицы Манычскими лиманами и болотцами.

Учтя силу и давность этихъ вожделѣній, большевики со всей яростью обрушились на родовые ** калмыцкіе хотоны ***, уничтожая и самое населеніе и то, что у населенія было наиболѣе завѣтнаго, цѣннаго.

Въ одномъ изъ родовъ, осквернивъ храмъ, уничтоживъ и заливъ нечистотами изваянія Будды, изображенія на шелку Бурхановъ, священныя книги и другіе предметы культа, съ такимъ трудомъ добываемые калмыками изъ Тибета, предводимая большевиками толпа, узнавъ, что въ оградѣ храма покоится чтимый буддистами прахъ ламы, извлекла изъ могилы останки, разрубивъ и раздробивъ ихъ, выбросила кости на дорогу, въ могилу же зарыла зарубленную свинью. А потомъ предъявила къ женщинамъ натуральную повинность, причемъ нѣкоторымъ несчастнымъ послѣ изнасилованія были вырѣзаны половые органы.

Въ другомъ мѣстѣ я сфотографировалъ пепелище сожженнаго до тла со всею утварью и священными предметами храма.

Внѣшне уцѣлѣлъ наиболѣе богатый хурулъ**** второго Багатуктунова рода, величественно возвышающійся своей причудливой буддійской архитектурой надъ Приманычскими степями, но внутри храмъ представлялъ, въ сущности, усыпальницу богатаго когда-то подбора изваянныхъ перевоплощеній Будды и шелковыхъ

* Родъ южнаго оленя.

** Калмыки живутъ и носятъ названіе по родамъ: Ичкиносовъ родъ, 1-й Багатуктуновъ, 2-й Багатуктуновъ и т. д.

*** Населенные пункты.

**** Храмъ — соборъ.

полотнищъ-иконъ, изуродованныхъ разрывными выстрѣлами, прикладами, сабельными и штыковыми ударами. Здѣсь же среди груды разбитаго стекла валялись изрубленные церковные барабаны, маски, трубы и богослужебныя книги, перемѣшанныя съ конскимъ навозомъ.

Нѣкоторыя изваянія, послѣ того, какъ надъ ними было испробовано большевистское оружіе, привязанныя сзади подводъ, волоклись по дорогамъ мимо населенныхъ пунктовъ, и затѣмъ были брошены въ степи съ обрубленными руками и изуродованными главами *.

Въ такой же мѣрѣ пострадали школы, читальни и общественныя зданія улуса. Въ нихъ уничтожалась не только обстановка, книги и пособія, но сносились потолки, выламывались полы, оконные и дверные просвѣты.

Имущество частныхъ жилыхъ помѣщеній и сами послѣднія такъ же безжалостно уничтожались и приводились въ негодное состояніе. Гурты краснаго калмыцкаго скота, косяки лошадей, отары овецъ или сводились съ территорій улуса или уничтожались совершенно зря, безъ всякой нужды въ этомъ.

Но самую кровоточащую рану нанесло большевистское владычество самому калмыцкому народу, надругавшись надъ женщинами, квалифицированно жестоко казня духовныхъ лицъ, избивая населеніе, уродуя подростковъ.

Ко мнѣ приводили дѣтишекъ съ отрѣзанными ушами съ испорченнымъ на всю жизнь слухомъ или зрѣніемъ. Многія женщины послѣ произведенныхъ надъ ними насилій утратили возможность материнства, а нѣкоторыя изъ нихъ остались калѣками послѣ произведенной надъ ними чудовищной операціи . . .

Единственнымъ пунктомъ, капризомъ рока уцѣлѣвшимъ послѣ большевистскаго самума, было административное мѣстечко улуса, живописное урочище Башанта, былая резиденція послѣдняго калмыцкаго нойона М. М. Гагаева **, прахъ котораго покоится у дороги при въѣздѣ въ урочище.

Буддійскій символъ, — протянутая къ небу длань, — его надгробнаго памятника точно проситъ у неба хоть немного милосердія для остатковъ этого израненнаго физически и духовно замученнаго племени . . .

Не меньшее, если не большее количество жертвъ, чѣмъ въ Ставропольѣ было зафиксировано обслѣдованіемъ въ Безопасномъ, большомъ селѣ Ставропольскаго уѣзда.

Тамъ правилъ судъ и расправу «товарищъ» Труновъ, впослѣдствіи командовавшій отрядомъ Красной Арміи.

Избравъ своимъ застѣнкомъ сельскую тюрьму села Терновскаго, Труновъ вызывалъ въ коридоръ приводимыхъ изъ окрестныхъ селъ арестованныхъ и бесѣда его съ арестованными сводилась къ одной и той же стереотипной фразѣ:

— Покажь руку! Раздѣть!

---

* Во время посѣщенія Больше-Дербетовскаго улуса я имѣлъ возможность собрать тамъ значительное количество изваяній и другихъ предметовъ буддійскаго культа, поруганныхъ большевиками. Коллекція эта была доставлена въ Ростовъ и выставлена для обозрѣнія. О дальнѣйшей судьбѣ ея мнѣ въ точности неизвѣстно. Кажется, она погибла при эвакуаціи Ростова.

** Владѣтельнаго калмыцкаго князя, развелшаго лѣсныя насажденія въ Улусѣ и пользовавшагося среди калмыковъ большимъ почетомъ. Задолго до революціи онъ погибъ въ Ростовѣ на Дону отъ случайнаго выстрѣла, перебившаго ему артерію. Не перевязанный, до прибытія врача, онъ умеръ, истекая кровью.

Съ узника срывали одежду, толкали къ выходу, тамъ подхватывали на штыки и выбрасывали тѣло въ ямы, сохранившія названіе «чумного база» послѣ чумной эпидеміи на рогатомъ скотѣ.

Случайно спасшійся узникъ этого застѣнка разсказывалъ мнѣ, что упившійся Труновъ, въ одну изъ ночей, вдругъ, вспомнивъ что-то, приказалъ позвать свою жену. Когда она вошла и стала выговаривать мужу, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, за то, что ее подняли съ постели, Труновъ бросилъ свою сакраментальную фразу:

— Раздѣть!

Жена боролась, бросалась на мужа, и долго сотрудники Трунова не могли совладать съ нею.

Чѣмъ этотъ эпизодъ кончился, разсказывавшій не зналъ, ибо раздавшаяся внезапно въ селѣ тревога и суматоха въ тюрьмѣ, дали ему возможность скрыться изъ застѣнка.

Въ селѣ Безопасномъ погибъ мученической смертью священникъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ крестьянъ, котораго сами мѣстные большевики охраняли, увѣряя, что они не допустятъ какого-либо лиха надъ батюшкой. Это не помѣшало потомъ имъ же схватить священника, возить его по селу на подводѣ, полной упившимися парнями и бабами и подъ звуки гармоники оповѣщать прохожихъ, что сейчасъ «по батѣ некому будетъ служить панихиды». На утро трупъ священника былъ найденъ его семьей среди другихъ многочисленныхъ жертвъ на «чумномъ базѣ».

Вдова мѣстнаго дьякона, заливаясь слезами, разсказывала, какъ на глазахъ дѣтей ее насиловала по очереди красноармейская стража, набивая ей ротъ, глаза и уши конскимъ навозомъ . . .

Въ селѣ Сергіевскомъ мученически погибъ членъ Гос. Думы третьяго созыва отъ крестьянъ Ставропольской губерніи П. А. Ефремовъ.

Въ селѣ Петровскомъ, сваливъ загубленныя жертвы съ крутого берега Калауса, въ томъ числѣ одного юношу-гимназиста, красноармейцы тѣшились, насилуя ученицъ находящейся въ с. Петровскомъ женской гимназіи, истязая ихъ при этомъ.

Обслѣдованіе установило исключительно большой процентъ жертвъ, павшій на православныхъ священнослужителей и лицъ духовнаго званія. Почти каждое село насчитывало такія жертвы. Но исключительный по своей жестокости эпизодъ произошелъ на станціи Карамыкъ, гдѣ были сосредоточены и долго томились отъ жары, голода и жажды въ раскаленныхъ зноемъ желѣзнодорожныхъ пакгаузахъ жертвы, свезенныя изъ окрестныхъ селъ.

Вытащивъ находившагося тамъ престарѣлаго священника, красноармейцы долго волочили его за волосы по шпаламъ къ мѣсту разстрѣла, когда же священникъ, благословляя предназначенныхъ къ казни, застылъ въ молитвенномъ экстазѣ и нѣкоторое время стоялъ и послѣ сдѣланнаго по жертвамъ залпа, одинъ изъ красноармейцевъ съ изступленною бранью сорвалъ съ него одежду и надругавшись надъ старцемъ, какъ мужчиной, разсѣкъ священнику черепъ сабельнымъ ударомъ . . .

Представители погайскаго племени удостовѣрили своими письменными заявленіями о поруганіи храмовъ и мусульманскихъ святынь и жестокихъ казняхъ духовныхъ лицъ, произведенныхъ большевиками на погайской территоріи Ачикулакскаго уѣзда . . .

Но что могутъ прибавить эти кошмарныя отрывочныя воспоминанія къ общему зрѣлищу поруганной и распятой Россіи, все еще кровоточащей своими отверзтыми ранами?

Наше время творитъ своею рукою, точно пророческія знаменія апокалипсиса, и въ жизни людей, и въ жизни народовъ загадочныя, полныя ужаса, письмена, ни смысла, ни необходимости которыхъ не пойметъ человѣческій умъ.

Быть можетъ, только отдаленные потомки наши поймутъ и оцѣнятъ, для кого и почему нужны были всѣ эти муки и жертвы и воздадутъ позднюю справедливость жертвенно-опустошенной жизни нашей!

И, если въ мірѣ ничто не исчезаетъ, если отъ каждой жизни, ушедшей изъ земной оболочки, остается хоть огонекъ, мерцающій въ пространствѣ временъ, пусть дошедшее до его лучей позднее пониманіе хоть тогда озаритъ уютомъ и лаской всѣ загубленныя, насильственно потушенныя души . . .

Имена же всѣхъ ихъ — Ты, Господи, одинъ вѣси . . .

Какъ началась «Южная Армія»

Герцога Г. Лейхтенбергскаго

I

Былъ конецъ іюля 1918 года. Въ Кіевѣ, гдѣ я тогда и проживалъ съ двумя своими старшими дѣтьми, постепенно, подъ охраной нѣмецкихъ штыковъ, укрѣплялось правительство Гетмана Скоропадскаго, организовывалась правительственная украинская власть, водворялись покой и тишина, и экономическая жизнь края начинала возрождаться.

На Дону правилъ Атаманъ Красновъ и тамъ также нарождалась вооруженная сила и укрѣплялись порядокъ и тишина.

На Кубани Добровольческая армія успѣшно боролась съ большевиками и старалась всемѣрно увеличивать свои силы. На югѣ Россіи, такимъ образомъ, создавалась широкая база для дѣйствій противъ Совѣтской Москвы въ будущемъ. Говорю: въ будущемъ, потому, что эти разнородныя силы — Украину, Донъ и Кубань — надо было еще координировать; т е о р е т и ч е с к и координировать ихъ было бы нетрудно одной просто поставленной цѣлью — борьбой съ большевизмомъ, какъ съ мировымъ зломъ и міровой опасностью, и возстановленіемъ Россіи. Т е о р е т и ч е с к и большинство дѣятелей того времени это и понимали, но п р а к т и ч е с к и достигнуть соглашенія въ этомъ направленіи было крайне нелегко: міровая война все еще продолжалась, и Россія, какъ таковая, выбыла изъ строя и превратилась въ арену междуусобной войны и международныхъ интересовъ.

На Украинѣ господствовали нѣмцы и гетманъ долженъ былъ съ ними считаться при каждомъ своемъ шагѣ. Своей арміи у него еще не было и неизвѣстно было, когда-то еще нѣмцы разрѣшатъ таковую создать. Пока у него былъ лишь незначительный конвой для личной безопасности.

Добровольческая армія, выкинувъ лозунгъ: «вѣрность союзникамъ до конца», всецѣло разсчитывала на нихъ, союзниковъ, помощь и, ставя патріотическимъ лозунгомъ: Единую, недѣлимую Россію, не желала признавать Украины, поневолѣ считалась съ Дономъ и, что было хуже съ практической, русской точки зрѣнія, признавала нѣмцевъ на Украинѣ своими врагами и всячески это подчеркивала.

Одинъ только Донъ, своими собственными силами избавившійся въ то время отъ большевиковъ, не былъ связанъ политически ни съ одной изъ боровшихся еще въ то время въ Европѣ коалицій и сохранялъ свою чисто-русскую независи-

мость. Атаманъ Красновъ могъ, поэтому, со спокойной совѣстью искать матеріальной поддержки и у нѣмцевъ, и у Союзниковъ, поскольку и тѣ, и другіе пожелали бы помогать ему въ борьбѣ противъ большевиковъ.

Четвертымъ элементомъ политической борьбы съ большевиками являлись русскіе люди, бѣгущіе изъ большевистскаго рая. Большинство ихъ были монархистами и попадали сперва на Украину, куда было легче пробраться изъ средней Россіи, а оттуда уже пробирались либо въ Добровольческую Армію, либо на Донъ, въ зависимости отъ личныхъ вкусовъ.

Многіе такіе бѣженцы приходили въ Кіевъ ко мнѣ и къ моему брату, особенно офицеры, отъ корнетовъ до генераловъ, и просили совѣтовъ и указаній, куда имъ направляться и что дѣлать. Пріѣзжали, чиновники, сановники, помѣщики, земскіе дѣятели и просто «штатскіе», желающіе служить Россіи какъ изъ патріотизма, такъ и изъ-за хлѣба насущнаго, и не знавшіе куда идти, чтобы не войти въ конфликтъ съ собственной совѣстью.

Одни понимали, что нужно всемѣрно укрѣплять гетманскую власть на Украинѣ, спасать отъ большевистскаго разоренія эту житницу Россіи и не отворачиваться отъ нѣмцевъ, хозяевъ положенія, и вчерашнихъ, правда, враговъ, но избавившихъ край отъ большевистскихъ безобразій и не менѣе революціонныхъ мѣропріятій Петлюры и Украинской Рады, — а пользоваться ихъ окупаціей, дабы спасти отъ разложенія хотя бы эту составную часть Россіи, разъ вчерашніе враги на это шли и пришли на Украину не какъ враги, а какъ друзья. Наконецъ, то обстоятельство, что нѣмцы почерпали яко бы изъ Украины продовольствіе и этимъ удлиняли срокъ противодѣйствія союзникамъ, смущало многихъ. Но, вѣдь, занятіе ими Украины произошло п о м и м о в о л и насъ, русскихъ монархистовъ: ихъ призвала соціалъ-демократическая Центральная Украинская Рада и измѣнить совершившійся фактъ мы были не въ силахъ. Нѣмцы, все равно, выбирали бы изъ Украины все, что имъ надо было, и выгоднѣе было имѣть на Украинѣ хоть какую-нибудь, но свою власть, свое правительство, съ которымъ нѣмцамъ надо было, хотя бы и для вида только, но все-таки считаться, чѣмъ оказаться на положеніи оккупированной врагомъ провинціи.

Такимъ людямъ я говорилъ, что, служа Гетману, они несомнѣнно служатъ и Россіи, и они, оглядѣвшись, обыкновенно и поступали на службу гетманскому правительству, хотя нѣкоторые и находили для себя непреодолимымъ препятствіемъ требованіе говорить и писать на украинской «мовѣ» пана Грушевскаго, что требовалось — но плохо исполнялось за незнаніемъ этого языка — во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ Украины.

Другіе «не могли переносить вида нѣмецкихъ касокъ на улицахъ Кіева» и старались пробираться на Кубань. Особенно офицеры. Такимъ мы, конечно, всячески содѣйствовали, частенько ходатайствуя имъ разрѣшенія на проѣздъ у нѣмецкихъ военныхъ властей, съ которыми у меня установились хорошія отношенія. При этомъ я долженъ сказать, что меня часто поражала легкость, съ которой нѣмцы отправляли, или закрывали глаза на отправку въ Добровольческую Армію такихъ офицеровъ. Врядъ ли я ошибусь, сказавъ, что при такомъ образѣ дѣйствій ими, по крайней мѣрѣ ихъ военными властями, руководило убѣжденіе, что Добровольческая Армія, по существу своему, монархична, что, поэтому, усиленіе ея есть усиленіе монархическаго элемента вообще и русскаго, національнаго, въ частности, и что съ монархической Россіей они легче сговорятся въ будущемъ, чѣмъ съ большевиками, органически противными имъ самымъ существомъ своимъ.

Правда, нѣмцамъ приходилось иногда арестовывать офицеровъ-добровольцевъ, слишкомъ уже откровенно ведшихъ свою агитацію въ Кіевѣ и на Украинѣ, и притомъ не только вербовкой офицеровъ въ Добровольческую Армію, но и опредѣленнымъ, при этомъ, возбужденіемъ офицерства противъ нѣмцевъ. Въ краѣ, какъ-никакъ а оккупированномъ нѣмцами, это было по меньшей мѣрѣ безтактно и нечего, поэтому, удивляться, что такихъ неумѣлыхъ агитаторовъ и вербовщиковъ нѣмцы арестовывали. Однако, въ большинствѣ случаевъ, дѣло кончалось тѣмъ, что, по ходатайству Гетмана или русскихъ видныхъ Кіевлянъ, этихъ арестованныхъ либо высылали изъ предѣловъ Украины, либо отпускали на всѣ четыре стороны и они возвращались въ Добровольческую Армію.

На Донъ, къ Краснову, съ которымъ нѣмцы поддерживали дружескія отношенія, они отпускали русскихъ людей и офицеровъ гораздо легче, и часто офицеръ, официально ѣхавшій на Донъ, отправлялся оттуда на Кубань и — нѣмцамъ зачастую это было извѣстно заранѣе.

Третьи, наконецъ, истые монархисты, не желали ни поступать на службу въ Украинѣ, ни ѣхать къ добровольцамъ, не видя у нихъ опредѣленно монархическихъ лозунговъ. И такихъ, особенно среди офицерства, было много. Они не хотѣли ѣхать къ Деникину, потому что не хотѣли признавать «Учредилки» и демократіи. На Донъ ѣхать — ихъ тамъ также могли не принять подъ стягомъ монархіи и Атаману Краснову, несомнѣнно монархисту въ душѣ, надо было проявлять въ этомъ отношеніи большую осторожность, считаясь съ вѣяніями времени среди казачьяго Круга.

Такіе люди, какъ и очень многіе другіе русскіе разныхъ сословій, съ одной стороны, думали передъ приходомъ нѣмцевъ: «Вотъ, пріѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ» — и чаяли единственно отъ нихъ возстановленія порядка и спасенія Россіи, а, съ другой стороны, по этимъ же самымъ соображеніямъ, готовы были организовываться сами, при условіи матеріальной поддержки со стороны нѣмцевъ.

Лично я, надѣявшійся одно время, послѣ разрыва нѣмцевъ съ большевиками въ Брестъ-Литовскѣ, что они пойдутъ на Москву и Петроградъ и тѣмъ спасутъ Россію отъ гибели — а съ разложеніемъ нашей арміи ничего иного ожидать было нельзя, — очень скоро послѣ прихода нѣмцевъ на Украину убѣдился изъ разговоровъ съ ними и изъ ихъ дѣйствій, что надѣяться на нихъ намъ особенно не приходится: они не понимали ни обстановки, ни психологіи народной, ни психологіи общественной и, если военныя власти, ближе соприкасавшіяся съ населеніемъ, правильнѣе понимали положеніе и старались дѣйствовать сообразно этому, то дипломатическіе представители ихъ во всемъ имъ перечили и, гдѣ могли, мѣшали, разыгрывая «демократовъ» и считаясь съ возраставшимъ вліяніемъ соціалистическихъ партій у себя дома.

Такимъ образомъ я зналъ, что на Украинѣ имѣется большой контингентъ людей, жаждущихъ организоваться, чтобы выступить противъ большевиковъ подъ монархическимъ стягомъ, и я не сомнѣвался, что, если бы такая организація могла состояться и собрать солидныя силы, то что она, вступивъ на территорію Совдепіи, найдетъ полную поддержку народа. Но какъ и гдѣ организоваться? Вопросъ казался неразрѣшимымъ.

Тутъ я какъ-то узналъ отъ моего брата, ѣздившаго на Донъ по приглашенію нѣкоторыхъ казаковъ — онъ числился казакомъ и думалъ найти себѣ примѣненіе въ Донской арміи — что Атаманъ Красновъ втайнѣ готовъ предоставить національной русской монархической арміи-организаціи, въ видѣ базы, или территоріи,

отвоеванные казаками у большевиковъ Богучарскій и части Бобровскаго уѣздовъ Воронежской губерніи, защищать которые казаки, поэтому, могутъ, въ одинъ прекрасный день, отказаться. Пріѣхавшіе къ моему брату казаки пытались въ это время завести съ нимъ и съ мѣстными Кіевскими русскими организаціями, правыми, военными и умѣренными, переговоры, но, побывавъ раза два на ихъ собраніяхъ и увидѣвъ ихъ пустословіе и бездѣятельность, мой братъ махнулъ на нихъ рукой и отстранился отъ всяческой политической дѣятельности. Замѣчу мимоходомъ, что нѣсколько позже онъ поѣхалъ отъ Атамана Краснова съ письмомъ къ Императору Вильгельму, былъ очень любезно принятъ въ главной квартирѣ германской арміи, но по политическимъ соображеніямъ Императора не видалъ и письма передать не смогъ, послѣ чего подалъ въ отставку и уѣхалъ въ нейтральную страну.

II

Въ Кіевѣ, въ одно прекрасное утро мнѣ докладываютъ: Г-нъ Акацатовъ. Акацатовъ? Акацатовъ? Кто такое Акацатовъ? Наконецъ, вспоминаю: да, это присяжный повѣренный съ непріятнымъ лицомъ, непріятнымъ, рѣзкимъ и хриплымъ голосомъ и злымъ языкомъ, который бывалъ у насъ въ Обществѣ Ревнителей Исторіи и про котораго мнѣ говорили: «Не обращайте вниманія на непріятную внѣшность его; это очень неглупый, дѣятельный и честный человѣкъ и чисто русскій патріотъ». Совѣтъ Общества его иногда просилъ выступать противъ нѣкоторыхъ строптивыхъ ораторовъ на собраніяхъ и онъ прекрасно умѣлъ ихъ отчитывать. Да, вспоминаю. «Просите».

Входитъ Акацатовъ, только что прибывшій съ Дона. Разговариваемъ о положеніи дѣлъ вообще. Онъ, оказывается, былъ съ Корниловымъ; имѣлъ и имѣетъ сношенія съ Оренбургскимъ Атаманомъ Дутовымъ, котораго высоко цѣнилъ; у него связи съ кругомъ спасенія Дона и съ казаками; есть связи съ правыми организаціями въ Одессѣ и на югѣ Россіи вообще. «Была бы, говоритъ, опредѣленная цѣль и средства, а силы для спасенія Россіи найдутся». Все это мнѣ нѣсколько подозрительно, ибо я знаю, какъ русскіе люди склонны вообще преувеличивать и увлекаться собственными мыслями и мечтами настолько, что скоро начинаютъ принимать ихъ за реальности.

Бесѣдуемъ дальше. Все, что говоритъ Акацатовъ, серьезно, правильно, основательно и — честно. Называетъ онъ мнѣ дѣятелей «Союза русскаго народа», которые дадутъ-де крестьянъ и запасныхъ солдатъ для арміи, называетъ цифры . . . Самъ онъ былъ членомъ «Русскаго Собранія» въ Петроградѣ, но взглядовъ умѣренныхъ, ныпѣ конституціоналистъ. Въ концѣ концовъ, прихожу къ заключенію, что, если даже половина только того, что говоритъ Акацатовъ, вѣрна, то матеріалъ для вооруженной силы получить можно. Офицеры, конечно, найдутся въ достаточномъ числѣ. «Время не терпитъ, говоритъ Акацатовъ, нельзя теперь русскимъ людямъ сидѣть сложа руки, а надо работать. Давайте работать вмѣстѣ?»

«Я не политикъ, никогда ни къ какой политической партіи не принадлежалъ, на фронтѣ не былъ и ничѣмъ не командовалъ. Поэтому ни въ политическихъ группахъ, ни въ военныхъ сферахъ никакого авторитета имѣть не могу. Партій-

вости, политическихъ программъ, политической дѣятельности не знаю и не люблю; куда же я гожусь», — такъ, приблизительно, отвѣчаю я Акацатову. «Но принципіально я согласенъ съ Вашимъ мнѣніемъ и ничего противъ работы съ вами, по существу, не имѣю». На этомъ мы съ нимъ въ этотъ разъ разстаемся.

Черезъ день, другой, Акацатовъ опять приходитъ. Онъ уже успѣлъ войти въ сношенія съ разными мѣстными и пріѣзжими дѣятелями и является уже съ именами и съ болѣе опредѣленными цифрами и данными. Я, между тѣмъ, успѣлъ обдумать: дѣйствительно, всѣ мы, русскіе люди, сидимъ, болтаемъ, критикуемъ всѣхъ и все, но ничего не предпринимаемъ. Самъ я вынужденъ бездѣльничать и это меня угнетаетъ. Положеніе мое, однако, выгодное: отношенія съ Гетманомъ у меня дружескія — по свойству и прежнему полковому товариществу; съ нѣмцами также отношенія довѣрительныя, ибо, живя въ Германіи послѣдніе десять лѣтъ, я тамъ извѣстенъ, нѣмецкій характеръ, его достоинства и недостатки знаю, ихъ языкъ знаю и знаю, какъ съ ними надо разговаривать. Они мнѣ вѣрятъ, зная, что у меня природной вражды къ нимъ нѣтъ. Самъ я человѣкъ вполнѣ независимый, никакими партійными политическими программами не стѣсненный и не связанный. Соображаю: Акацатовъ все это знаетъ. Я ему нуженъ, какъ вывѣска, какъ лицо, которому нѣмцы повѣрятъ, которому повѣрятъ и наши монархисты и которое ни тѣ, ни другіе, не заподозрятъ по крайней мѣрѣ въ корыстныхъ цѣляхъ. Дѣло слѣдовательно слагается такъ: мое имя будетъ флагомъ, подъ которымъ будетъ работать Акацатовъ и . . . тѣ, кого онъ привлечетъ. Но кто они? — не знаю. Довѣрить свое честное имя мало знакомому человѣку? Рискованно. Вспоминаю, однако, отзывы о немъ людей, его раньше знавшихъ, о его честности, вспоминаю, что долгъ всякаго русскаго въ это время работать, а не жаться боязливо по своимъ угламъ, вспоминаю пословицу: «Волковъ бояться — въ лѣсъ не ходить» и . . . рѣшаю рискнуть идти въ лѣсъ.

Ясно, что первый же возникающій вопросъ это — откуда добыть средства; и столь же ясно, что дать ихъ, для начала по крайней мѣрѣ, могутъ только нѣмцы. Я, значитъ, долженъ ѣхать съ ними разговаривать.

«Хорошо, Михаилъ Епифановичъ, говорю я, но отъ чьего же имени я буду съ ними разговаривать? Не отъ себя же лично? этого имъ будетъ мало».

«Надо создать организацію».

«Кто же въ ней будетъ?»

«Да Вы, я, найдутся и другіе единомышленники . . .»

«Прекрасно, но намъ вѣдь надо, чтобы хоть въ центральномъ органѣ были люди, если не съ громкими, то хоть извѣстными именами, и главное, съ ч и с т ы м и именами».

Акацатовъ называетъ мнѣ нѣсколько именъ, дѣйствительно подходящихъ, но они всѣ на Дону, на Кубани, или въ Совденіи, или опредѣленно антантофильской ориентаціи. Какъ мы ни ищемъ, а налицо въ Кіевѣ и на Украинѣ не находится ни одного дѣятеля, котораго мы могли бы сейчасъ взять въ совѣтъ будущей организаціи. Останавливаемся, наконецъ, на генералѣ Андреевѣ, котораго я немного, а Акацатовъ хорошо знаемъ, бывшемъ генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири, который сейчасъ находится въ Петроградѣ, но котораго, по словамъ Акацатова, легко можно оттуда добыть и вызвать. (Въ дѣйствительности, генералъ Андреевъ такъ никогда и не пріѣхалъ.)

Все это мнѣ не улыбается, ибо только tres faciunt collegium, но дѣлать нечего, придется пока изображать collegium намъ двоимъ. Понемногу, Богъ дастъ, наберемъ другихъ еще членовъ совѣта. Названіе нашей новоявленной организаціи даемъ: «Союзъ — Наша Родина», и ставимъ цѣлью — офиціальной — борьбу съ большевизмомъ и снасеніе Россіи, ничего больше. О тайной цѣли — «Единой, недѣлимой» мы въ офиціально самостійной Украинѣ, конечно, говорить не можемъ, и Гетманъ не можетъ, понятно, разрѣшить въ управляемой имъ странѣ организаціи, которая явно не признавала бы самостійности. Говорить о монархіи офиціально также нельзя, ибо германское правительство заигрываетъ съ нашими и украинскими «демократами» и даже съ соціалистами, и всячески старается тянуть Гетмана влѣво. Оно, значитъ, не можетъ поддерживать монархистовъ въ Россіи явно, ибо тогда посыпятся запросы въ Рейхстагѣ со стороны соціалистовъ, хотя въ душѣ оно, вѣроятно, понимаетъ, что съ русской монархіей легче и скорѣе будетъ можно столковаться, чѣмъ съ большевиками, которые уже начали отбиваться у нихъ отъ рукъ.

На дѣлѣ, конечно, всѣмъ вступающимъ въ организацію должно быть и будетъ извѣстно совершенно опредѣленно, что цѣль нашей организаціи — сверженіе большевиковъ и установленіе затѣмъ въ Россіи конституціонной монархіи, своими, русскими силами, безъ участія иностранныхъ вооруженныхъ силъ. Эта же цѣль будетъ столь же прямо и ясно сообщена нѣмцамъ. Посмотримъ, что они скажутъ.

Ѣду въ нѣмецкое главное командованіе; объясняю въ чемъ дѣло. Подумавъ, они выражаютъ принципіальное свое согласіе и сочувствіе нашимъ цѣлямъ, обѣщаютъ помочь деньгами и не мѣшать намъ вербовать офицеровъ и солдатъ въ предѣлахъ Украины. Спрашиваютъ, наконецъ: «Гдѣ же вы собираетесь формировать самыя части?» Тогда, зная, что планъ Краснова имъ извѣстенъ, отвѣчаю, что въ Богучарскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи, то-есть на территоріи, не ими оккупированной, для нихъ нейтральной, и что я войду на этотъ предметъ въ переговоры съ Донскимъ Атаманомъ. Большевики, такимъ образомъ, не смогутъ быть на нихъ въ претензіи, такъ какъ эта территорія имъ, нѣмцамъ, не подвластна, и нѣмцы не отвѣтственны за то, что тамъ можетъ происходить; не можетъ и Рейхстагъ ихъ ничего возразить, — тѣмъ не менѣе, при прощаніи, они говорятъ мнѣ: «Только мы васъ очень просимъ, пока что, не говорить объ этомъ нашимъ дипломатическимъ представителямъ, а все это дѣло вести только съ нами и тайно».

Заручившись, такимъ образомъ, содѣйствіемъ германскаго военнаго командованія, открываю Акацатову секретъ о Богучарскомъ уѣздѣ, котораго онъ еще не зналъ и который привелъ его въ восторгъ. Рѣшаемъ, что предсѣдателемъ союза «Наша Родина» будетъ онъ, а не я, дабы не давать дѣлу сразу слишкомъ явную окраску; что предполагаемая къ формированію «армія» будетъ называться «Южная армія», какъ долженствующая, въ конечномъ итогѣ, объединить, со временемъ, всѣ вооруженныя силы антибольшевистской Россіи на югѣ; что сила ея предполагается первоначально въ составѣ одной дивизіи пѣхоты военнаго состава, съ соотвѣтствующей конницей и артиллеріей; что отличительнымъ знакомъ ея будетъ нашитый на рукавѣ уголъ изъ лентъ національныхъ цвѣтовъ и бѣло-черно-желтой, какъ символа національно-монархическаго ея характера, и затѣмъ Акацатовъ поѣхалъ на Донъ, къ Атаману Краснову, заручиться его согласіемъ и переговорить съ нимъ о предоставленіи нашему союзу Богучарскаго уѣзда,

какъ территоріи для формированія арміи и даже для введенія своей администраціи. Возвратившись оттуда съ благопріятнымъ для насъ отвѣтомъ, онъ усиленно принялся за работу.

Очень быстро былъ сформированъ «штабъ арміи», въ которомъ вся тяжесть работы лежала на двухъ преданныхъ дѣлу, честныхъ русскихъ офицерахъ, полковникахъ Чесноковѣ и Вилямовскомъ, мнѣ тогда совершенно неизвѣстныхъ, но которыхъ я вскорѣ научился уважать и цѣнить. Они работали, дѣйствительно, не за страхъ, а за совѣсть, съ полнымъ самоотверженіемъ, и я долженъ признать, что въ отношеніи ихъ выборъ Акацатова оказался прекраснымъ.

Офицеровъ, желающихъ поступить въ ряды арміи, было достаточно. Передъ зачисленіемъ имъ открывали монархическую цѣль формированія, не говоря, пока, откуда имѣются деньги; тщательно, насколько это вообще бывало возможно, провѣряли ихъ политическія убѣжденія и предыдущую службу. При вступленіи, никакихъ подписокъ съ нихъ не отбирали, а объясняли, что армія — чисто русская, ни въ какую борьбу ни съ какими внѣшними врагами ввязываться не будетъ и, въ частности, ни въ коемъ случаѣ не подниметъ оружія противъ нѣмцевъ, такъ какъ формируется на занятой ими территоріи и съ ихъ вѣдома, а потому идти противъ нихъ было бы *нечестно*, что мы надѣемся въ будущемъ дѣйствовать рука объ руку съ Добровольческой Арміей и съ казаками.

Впослѣдствіи недоброжелателями Южной Арміи распускались слухи, будто руководители ея брали съ поступающихъ какія-то подписки, отдающія ихъ въ кабалу нѣмцамъ, могущія заставить ихъ идти противъ Добровольческой Арміи, въ случаѣ выступленія ея противъ нѣмцевъ и т. п. Долженъ здѣсь заявить самымъ категорическимъ образомъ, что не только съ поступающихъ въ ея ряды никакихъ подписокъ нами не бралось, но и самъ союзъ «Наша Родина» никакихъ письменныхъ обязательствъ нѣмцамъ не давалъ, они ни разу таковой не требовали и ограничились лишь нашимъ словеснымъ обѣщаніемъ, что оружіе, выдаваемое ими намъ, ни въ коемъ случаѣ не будетъ обращено противъ нихъ, то-есть въ томъ, теоретически возможномъ, но практически маловѣроятномъ случаѣ, если бы возникло вооруженное столкновеніе между Добровольческой Арміей и ими, Южная Армія обязывалась оставаться нейтральной и ограничиться дѣйствіями противъ большевиковъ; или, въ случаѣ нежеланія или невозможности оставаться нейтральной, расформироваться и сдать полученное отъ нѣмцевъ оружіе обратно, причемъ однако личному составу не препятствовалось бы вступить въ ряды Добровольцевъ. Такая оговорка была понятна, если принять во вниманіе, что Добровольческая Армія, ея вожди и вербовщики не стѣснялись говорить, что они «выгонятъ нѣмцевъ изъ предѣловъ Россіи».

Конечно, при тогдашней численности Добровольческой Арміи и политической тогдашней обстановкѣ, такія угрозы были просто смѣшны, и мы не предвидѣли никакого вѣроятія вооруженнаго конфликта между нею и германской арміей. Но предусмотрѣть такой случай было, все-таки, необходимо, и каждый чинъ Южной Арміи долженъ былъ знать, на что онъ идетъ и на что не долженъ идти. При дилеммѣ: идти противъ своихъ братьевъ-добровольцевъ за нѣмцевъ, или наоборотъ, лично каждому предоставлялось рѣшать этотъ вопросъ по влеченію совѣсти, и рѣшеніе это не могло быть сомнительнымъ. Но организованныя на нѣмецкія средства и получившія отъ нихъ оружіе *части*, конечно, не должны были выступать противъ нихъ, *какъ таковыя*. Слѣдуетъ признать, такимъ образомъ, что германскіе военные круги показали себя въ данномъ случаѣ весьма честными и благородными.

Чтобы покончить съ взаимоотношеніями нашими съ Добровольческой Арміей, долженъ, забѣгая впередъ, присовокупить, что, когда наши формированія начались, я счелъ долгомъ написать генералу Деникину письмо, въ которомъ излагалъ цѣль формированія Южной Арміи и выражалъ надежду на совмѣстныя, въ будущемъ, военныя дѣйствія съ находящимися подъ его начальствомъ вооруженными силами противъ враговъ Россіи — большевиковъ. Этимъ письмомъ я надѣялся выяснить генералу Деникину наши цѣли и разсѣять у него всякія сомнѣнія на нашъ счетъ. Отвѣтъ я получилъ вѣжливый, но весьма сухой, который сводился къ тому, что мы — Добровольцы, совершенно-де самостоятельны, ни въ чьей помощи не нуждаемся, а что о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ можно будетъ говорить тогда только, когда Южная Армія освободится отъ иноземной зависимости и обязательствъ. Письмо это, къ сожалѣнію, осталось вмѣстѣ съ другими моими бумагами въ Кіевѣ, и я не могу привести подлиннаго его текста, но содержаніе его врѣзалось — и очень непріятно — въ памяти у меня твердо.

Вожди Добровольцевъ не понимали, или не хотѣли понять того, что такъ ясно выражалъ графъ Келлеръ, впослѣдствіи столь гнусно убитый Петлюровцами въ Кіевѣ, въ письмѣ къ генералу Алексѣеву отъ 20 іюля/2 августа 1918 г., въ собственноручно снятой имъ самимъ копіи лежащемъ предо мною:

«Единственной надеждой, пишетъ графъ Келлеръ, являлась до сихъ поръ для насъ Добровольческая Армія, но въ послѣднее время и къ ней относятся подозрительно и подозрѣніе, вкравшееся уже давно, растетъ съ каждымъ днемъ... Вѣрятъ Вамъ кадеты и, можетъ быть, и то отчасти, группа Шульгина, но большинство монархическихъ партій, которыя въ послѣднее время все разростаются, въ Васъ не увѣрены, что вызывается тѣмъ, что никто отъ Васъ не слышалъ столь желаннаго, яснаго и опредѣленнаго объявленія, куда и къ какой цѣли Вы идете сами и куда ведете Добровольческую Армію. Нѣмцы это, очевидно, поняли, и я сильно опасаюсь, что они этимъ воспользуются въ свою пользу, то-есть для разъединенія офицерства...»

«Боюсь я также, что для того, чтобы отвлечь отъ Васъ офицеровъ, изъ которыхъ лучшій элементъ монархисты, нѣмцы не остановятся передъ тѣмъ, чтобы здѣсь въ Малороссіи или Крыму формировать армію съ чисто монархическимъ, опредѣленнымъ лозунгомъ. Если нѣмцы объявятъ, что цѣль формированія — возведеніе законнаго Государя на престолъ и объединеніе Россіи подъ Его державою и дадутъ твердыя гарантіи, то для такой цѣли, какъ бы противно ни было идти съ ними рука объ руку, пойдетъ почти все лучшее офицерство кадроваго состава».

«Въ Вашихъ рукахъ, Михаилъ Васильевичъ, средство предупредить еще нѣмцевъ (чистымъ намѣреніямъ коихъ я не вѣрю), но для этого Вы должны честно и открыто, не мѣшкая, объявить — кто Вы, куда и къ какой цѣли Вы стремитесь и ведете Добровольческую Армію».

«Объединеніе Россіи великое дѣло, но такой лозунгъ слишкомъ неопредѣленный и каждый даже Вашъ добровольецъ чувствуетъ въ немъ что-то недосказанное, такъ какъ каждый человѣкъ понимаетъ, что собрать и объединить разсыпавшихся можно только къ одному опредѣленному мѣсту или лицу. Вы же объ этомъ лицѣ, который можетъ быть только прирожденный, законный Государь, умалчиваете. Объявите, что Вы идете за законнаго Государя, если его дѣйствительно уже нѣтъ на свѣтѣ, то за законнаго же наслѣдника Его, и за Вами пойдетъ

безъ колебаній все лучшее, что осталось въ Россіи, и весь народъ истосковавшійся по твердой власти . . .»

То, что такъ ясно и опредѣленно высказывалъ въ своемъ письмѣ рыцарски честный и прямой графъ Келлеръ, жившій въ то время въ Харьковѣ, то еще ярче ощущали мы, въ Кіевѣ, и это-то привело насъ къ мысли о созданіи Южной Арміи, какъ я говорилъ выше. Генералъ Алексѣевъ не внялъ словамъ графа Келлера. Добровольческая Армія осталась при своихъ туманныхъ лозунгахъ, но продолжала дуться и сердиться на то, что лучшее офицерство вступало въ ряды Южной, Астраханской, а позднѣе и Саратовской, арміи. Она винила насъ, и винитъ даже вѣроятно еще насъ и теперь въ томъ, что мы ослабляли, подъ вліяніемъ нѣмцевъ, ея ряды: она признавала себя единственной носительницей Русской національной идеи, была увѣрена, на словахъ по крайней мѣрѣ, въ своей побѣдѣ, а насъ — считала чуть ли не измѣнниками русскому дѣлу.

Если графъ Келлеръ былъ правъ, говоря въ другой части своего вышеприведеннаго письма, что . . . «не подлежитъ сомнѣнію, что формированіемъ при нѣмецкой поддержкѣ и на нѣмецкія деньги Астраханскаго монархическаго отряда нѣмцы преслѣдуютъ ту же цѣль (разъединенія офицерства)», то, какъ мы видѣли выше, зарожденіе Южной Арміи произошло совершенно независимо отъ ихъ воли и намѣренія. И по крайней мѣрѣ, я и Акацатовъ узнали о началѣ формированія Астраханской Арміи лишь нѣсколько дней по открытіи нашего вербовочнаго бюро.

Эта «Астраханская Армія» формировалась яко бы подъ командой Атамана Астраханскаго Казачьяго Войска князя Тундутова, русскими подозрительными агентами, состоявшими на нѣмецкомъ содержаніи.

Никакой общественной организаціи за ними въ то время не стояло. Кромѣ того, эти германскіе агенты повели дѣло столь неумѣло, такъ, будучи сами личностями болѣе чѣмъ двусмысленнаго характера, кутили и прибѣгали къ такимъ пріемамъ, что самимъ нѣмцамъ вскорѣ пришлось этихъ своихъ агентовъ уволить и спрятать, а Астраханская Армія впослѣдствіи перешла въ вѣдѣніе крайнихъ правыхъ монархическихъ группъ.

Допускаю, что созданіе Южной Арміи было нѣмцамъ на руку, допускаю, что она отвлекала отъ Добровольческой Арміи часть офицерства, которая, въ концѣ концовъ, пошла бы туда, чтобы не бездѣйствовать и . . . питаться, — но большинство офицеровъ Южной Арміи все равно туда бы не пошло, по причинамъ, выше изложеннымъ. Но виною тому была отнюдь не сама Южная Армія. Наконецъ, горделиво звучавшее слово генерала Деникина о независимости Добровольческой Арміи было на дѣлѣ также понятіемъ очень относительнымъ. Снаряды и патроны они получали, правда, отъ Атамана Краснова; правда, эти снаряды и патроны были русскіе, изъ запасовъ, накопленныхъ еще Императорскимъ Правительствомъ на Украинѣ; правда, въ Батайскѣ нѣмцами была учреждена офиціальная застава, долженствовавшая не пропускать этихъ снарядовъ на Кубань, дабы избѣжать пререканій со стороны большевиковъ въ поддержкѣ ихъ противниковъ. Но столько же правда, что безъ разрѣшенія нѣмцевъ и Гетмана, Краснову не могъ бы получать этихъ русскихъ снарядовъ, ни пересылать ихъ столь нуждавшейся въ нихъ Добровольческой Арміи. Нѣмцы сказали Краснову: «Мы ставимъ заставу въ Батайскѣ, но мы будемъ закрывать глаза, если Вы будете возить снаряды и патроны Добропольцамъ другимъ путемъ, изъ числа удѣляемыхъ вамъ запасовъ». И каждый день грузовики, въ обходъ Батайска, возили по грунтовымъ дорогамъ на Кубань снаряды и патроны, которые доста-

вляли Добровольцамъ Донъ и Украина — ими непризнаваемые — съ вѣдома ненавистныхъ имъ нѣмцевъ. Вожди Добровольцевъ это знали. И, казалось бы, не слѣдовало бы имъ кичиться своей «независимостью», по крайней мѣрѣ въ тайныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ со своими соотечественниками, если даже, по политическимъ соображеніямъ и въ цѣляхъ пропаганды, такое офиціально непримиримое отношеніе къ остальнымъ русскимъ людямъ, можетъ быть, и могло имѣть смыслъ.

И глубоко неправъ былъ графъ Келлеръ, когда въ своемъ письмѣ къ Алексѣеву писалъ, что . . . здѣсь (на Украинѣ) часть интеллигенціи держится союзнической оріентаціи, другая, большая часть — приверженцы нѣмецкой оріентаціи, но тѣ и другіе забыли о своей русской оріентаціи. По отношенію къ нашей мягкотѣлой интеллигенціи это было, пожалуй, вѣрно; но организаторы и члены союза «Наша Родина» и чины Южной Арміи именно держались чисто русской оріентаціи, то-есть, думали прежде всего о спасеніи Россіи и столь же охотно, и даже еще охотнѣе, воспользовались бы помощью союзниковъ, если бы въ то время союзники были въ состояніи имъ помочь. Но въ то время они не могли этого сдѣлать, даже для Добровольческой Арміи, а потому, казалось бы, если бы вожди Добровольцевъ имѣли дѣйствительно только «русскую оріентацію», то имъ слѣдовало бы открыто пользоваться тѣми ближайшими средствами и источниками спасенія Россіи, которые были болѣе доступны, и ваходились, волею судьбы, въ рукахъ нѣмцевъ.

Мы преклонялись передъ духовною мощью Корнилова и его сподвижниковъ, мы умилялись надъ геройствомъ «Ледянаго похода», мы восторгались успѣхами Добровольческой Арміи, радовались ихъ побѣдамъ и всемѣрно имъ содѣйствовали, — а тамъ отвергали протянутую руку и клеймили насъ кличкой едва ли не измѣнниковъ и предателей Россіи. И, конечно, такое слѣпое и непримиримое отношеніе Добровольческой Арміи къ остальнымъ русскимъ людямъ больше удерживало притокъ къ ней офицеровъ и добровольцевъ — истинныхъ, а не партійныхъ патріотовъ, чѣмъ созданіе Южной Арміи.

III

Но, конечно, нѣмцы постарались имѣть свой глазъ и въ нашей арміи. Придя какъ-то въ одинъ изъ первыхъ дней существованія нашего «штаба», помѣщавшагося тогда въ двухъ комнатахъ гостиницы, я увидалъ тамъ нѣкоего подполковника Бермондта, коего мнѣ представили, какъ и остальныхъ чиновъ штаба, полковники Чеснаковъ и Вилямовскій. Статный, съ отчетливой военной выправкой, темноглазый и темноволосый, съ черными длинными усами и открытымъ взглядомъ, Бермондтъ производилъ пріятное впечатлѣніе. Онъ былъ нѣсколько разъ раненъ германскими пулями на войнѣ, два раза сильно контуженъ, что отразилось на его нервной системѣ, и возбужденіе его, поэтому, доходило иногда до границъ невмѣняемости.

Черезъ нѣсколько дней, кто-то изъ знакомыхъ офицеровъ говоритъ мнѣ: «А вѣдь у насъ служитъ нѣмецкій агентъ, да къ тому же и самозванецъ». — «Кто такой?» — «Бермондтъ. Онъ вовсе не подполковникъ, а корнетъ и состоитъ у нѣмцевъ на службѣ».

Говорю объ этомъ нашимъ двумъ полковникамъ. Они отвѣчаютъ: «Мы знаемъ, что у него, дѣйствительно, хорошія отношенія и связи съ нѣмцами. Но онъ безусловно русскій человѣкъ и монархистъ; отлично умѣетъ разбираться въ политическихъ убѣжденіяхъ офицеровъ, говорить съ ними, разъяснять имъ положеніе и привлекать ихъ въ наши ряды; къ тому же ненавидитъ всей душой большевиковъ, что доказалъ уже своими дѣйствіями, и прекрасно умѣетъ разоблачать ихъ агентовъ»...

Призываемъ Бермондта, спрашиваю: «Съ какого времени вы имѣете чинъ подполковника?» Отвѣчаетъ: «Я, корнетъ Его Величества». — «То-есть, какъ такъ?» говорю я. — «Да. Я при Государѣ Императорѣ былъ только корнетомъ. Былъ представленъ къ производству въ такой-то (не помню уже въ какой именно) чинъ, а при Керенскомъ къ производству въ подполковники; знаю, что производство состоялось, но офиціальной бумаги, вслѣдствіе захвата власти большевиками, не получилъ». Отвѣтъ, прямой и честный, меня обезоруживаетъ, хотя можетъ быть это все и выдумки. (Я и до сихъ поръ не знаю, правда ли это?) Разсуждаемъ такъ: отъ нѣмцевъ намъ скрывать нечего; выгонять этого человѣка, въ своемъ родѣ намъ полезнаго, и изъ-за этого поссориться, можетъ быть, съ нѣмцами намъ нѣтъ никакого основанія. А глазъ за нимъ имѣть будемъ.

Долженъ здѣсь присовокупить, что, если у Бермондта и были недостатки: онъ любилъ сорить деньгами, впрочемъ, не въ свою пользу, а для пропаганды и для кутежей съ молодыми офицерами, любилъ съ ними выпить и такимъ путемъ узнавать сущность ихъ взглядовъ, — то, съ одной стороны въ недобросовѣстномъ пользованіи деньгами въ свою пользу мы его упрекнуть не могли, а равнымъ образомъ въ тайныхъ намъ вредныхъ сношеніяхъ съ нѣмцами уличить его не пришлось (да и не было въ томъ надобности, ибо мы дѣйствовали совершенно относительно нихъ открыто), и я до сихъ поръ не знаю, былъ ли онъ, дѣйствительно, ихъ агентомъ, или нѣтъ.

Но каково же было мое удивленіе, когда, больше года спустя, будучи въ Италіи или Швейцаріи, я узналъ изъ газетъ, что во главѣ русско-нѣмецкой арміи, организованной фонъ-деръ-Гольцомъ стоитъ «генералъ князь Авалов-Бермондтъ»!! Пишу друзьямъ въ Берлинъ, тотъ ли это самый Бермондтъ, который былъ у насъ въ Южной Арміи. Оказывается — тотъ самый. И я, помнится, подумалъ: «Плохи же дѣла, если нѣмцамъ пришлось во главѣ столь серьезнаго предпріятія поставить такого мелкаго человѣка. Неужели они не могли найти настоящаго русскаго генерала съ именемъ, а должны были прибѣгнуть къ помощи авантюриста, самодѣльнаго генерала и бывшаго своего, вѣроятно, мелкаго агента?» Впрочемъ, патріотизмъ Бермондта мнѣ не внушаетъ сомнѣнія и, при надлежащей опекѣ, онъ, несомнѣнно, могъ быть прекраснымъ орудіемъ. На первыя же роли, онъ, какъ и показалъ опять, не пригоденъ.

Въ штабѣ Южной Арміи его органически не переносилъ мой старый товарищъ по полку и другъ, полковникъ А. В. Молоствовъ. Молоствовъ, давно бывшій въ отставкѣ при объявленіи войны, попалъ потомъ въ ополченіе и, передъ революціей, командовалъ ополченской дивизіей въ Одессѣ. Человѣкъ совершенно не боевой, онъ былъ честнѣйшимъ и порядочнѣйшимъ человѣкомъ, добросовѣстнымъ офицеромъ, отличнымъ администраторомъ и сумѣлъ организовать свою дивизію прекрасно, подобравъ отличный составъ офицеровъ, въ большинствѣ гвардейскихъ, своихъ старыхъ знакомыхъ и товарищей, и поддерживалъ

среди нихъ старую дисциплину и бодрый духъ. При всемъ томъ это былъ человѣкъ весьма скромный.

Выйдя при Керенскомъ въ отставку, онъ пріѣхалъ въ Кіевъ, и мнѣ удалось уговорить его поступить въ штабъ Южной Арміи на должность завѣдывающаго хозяйственной частью штаба, на что онъ согласился, мнѣ кажется, не столько, чтобы имѣть заработокъ, — средствъ у него не было никакихъ, — сколько изъ патріотизма съ одной стороны и, главное, изъ дружбы ко мнѣ лично и желанія мнѣ помочь.

Дѣйствительно, получать деньги отъ вчерашнихъ враговъ мнѣ было крайне тяжело само по себѣ; денегъ этихъ было очень мало, надобно было обращаться съ ними очень экономно и, главное, слѣдить за тѣмъ, чтобы онѣ не пропадали, не расхищались, не шли въ карманы частныхъ лицъ непроизводительно, словомъ — не растрачивались зря. Имѣя на этомъ дѣлѣ Аркадія Молоствова, я могъ спать спокойно и знать, что никакихъ злоупотребленій не будетъ. Такъ оно и вышло на дѣлѣ, и я сохранилъ самую благодарную память Молоствову, этому честному русскому человѣку и патріоту, за понесенный имъ чрезвычайно нелегкій и отвѣтственный трудъ. Онъ умеръ въ Кіевѣ, отъ какой-то болѣзни, въ началѣ 1919 года, какъ я позже узналъ. Миръ праху твоему, добрый другъ и честный русскій патріотъ!

Выше я назвалъ Бермондта авантюристомъ. Но я долженъ сказать, что, задумываясь подчасъ надъ начатымъ дѣломъ, я тогда самъ сознавалъ, что все дѣло Южной Арміи, пока-что — авантюра. Обѣщанной нѣмцами суммы было достаточно развѣ что на содержаніе штаба, перевозку чиновъ Арміи въ Богучарскій уѣздъ, содержаніе вербовочныхъ нашихъ бюро въ другихъ городахъ и небольшой воинской части, въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ. У насъ не было ни популярнаго начальника, памѣченный нами тогда въ командующаго арміей генералъ Арсеньевъ былъ въ Петроградѣ подъ арестомъ у большевиковъ и намъ такъ и не удалось его оттуда добыть, не было и начальника штаба. Все это я сознавалъ, меня угнетало все это, и все-таки я сознательно пошелъ на эту авантюру, считая, что это лишь пробный камень для опредѣленія истинныхъ намѣреній и желаній нѣмцевъ. Я полагалъ, и не безъ основанія, что если дѣло пойдетъ успѣшно, то они дадутъ и нужныя средства, и вооруженіе, и обмундированіе, и снаряженіе изъ русско-украинскихъ складовъ.

Начальникомъ штаба пришлось взять генерала Шильдбаха, бывшаго командира Л. Гв. Литовскаго полка и георгіевскаго кавалера. Шильдбахъ въ то время состоялъ гдѣ-то въ Прилукахъ на украинской службѣ негласно и собирался поступить въ ряды предполагавшейся къ созданію украинской арміи. Онъ былъ офицеромъ генеральнаго штаба, и я знавалъ его молодымъ капитаномъ въ Петербургскомъ военномъ округѣ. Никого болѣе подходящаго на эту должность въ Кіевѣ въ то время не оказалось, дѣло не терпѣло отлагательства, и мы рѣшили его взять: онъ былъ по крайней мѣрѣ не совершенно мнѣ незнакомый человѣкъ, а служебный стажъ его, казалось, говорилъ въ его пользу. Только послѣ этого я узналъ, что онъ въ рядахъ своего собственнаго Л. Гв. Литовскаго полка былъ вовсе не популяренъ и что георгіевскій крестъ, заслуженный имъ во главѣ полка, считался этимъ самымъ полкомъ — вовсе не заслуженнымъ. Съ его вступленіемъ въ должность начальника штаба, дѣло организаціи штабовъ и снабженія арміи пошло нѣсколько лучше; но все-таки все вымаливать у нѣмцевъ приходилось лично мнѣ, и Шильдбахъ не проявилъ должной энергіи и оказался не на высотѣ.

Не лучше обстояло дѣло и съ командующимъ арміей. Я сознавалъ крайнюю важность и для дѣла, и для впечатлѣнія у нѣмцевъ, поставить во главѣ арміи популярнаго русскаго генерала, но такового не находилъ. Былъ графъ Келлеръ; но онъ не желалъ идти съ нѣмцами, не вѣря имъ; Акацатовъ находилъ неудобнымъ брать его изъ-за его нѣмецкой фамиліи, я же, лично не зная его тогда, но зная отъ другихъ его характеръ, отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что онъ былъ бы не у мѣста: командующій Южной Арміей долженъ былъ быть человѣкомъ гибкимъ, умѣющимъ примѣниться къ обстановкѣ, ладить и съ гетманскимъ правительствомъ, и съ нѣмцами, и не выбрасывать слишкомъ открыто монархическій флагъ, дабы не поставить и тѣхъ, и другихъ во необходимость прекратить поддержку арміи. Требовался политическій тактъ. Прямой, цѣльный характеръ графа Келлера, конечно, не справился бы съ этой задачей. И когда позже мы съ нимъ встрѣтились въ Кіевѣ, я ему это совершенно открыто высказалъ, не желая, чтобы онъ думалъ, что я его обошелъ по какимъ-нибудь личнымъ соображеніямъ. Позже, послѣ германской революціи, уже когда Скоропадскій открыто призналъ русскую ориентацію и далъ графу Келлеру почти неограниченныя правомочія въ организаціи русскихъ силъ, характеръ графа Келлера очень быстро сказался превышеніемъ данной ему гетманомъ власти и на 5-й уже день Скоропадскому пришлось уволить его отъ должности Главнокомандующаго, замѣнивъ его княземъ Долгорукимъ.

Въ политическихъ, военныхъ и монархическихъ кругахъ и кружкахъ Кіева нарожденіе союза «Наша Родина» произвело переполохъ. Личность Акацатова подверглась нападкамъ; всевозможные друзья и недруги старались меня съ нимъ поссорить, сдѣлать его въ моихъ глазахъ подозрительнымъ. Въ правыхъ политическихъ организаціяхъ — въ большинствѣ своемъ, крайне-правыхъ — онъ считался слишкомъ лѣвымъ, и наша «конституціонная платформа» не внушала имъ довѣрія; завидно имъ было также, вѣроятно, и то, что мы такъ быстро заручились помощью нѣмцевъ и что вербовка у насъ пошла успѣшно и скоро дала результаты. Среди нихъ были и антантофилы, и германофилы, хорошіе мои знакомые, политическіе дѣятели разныхъ окрасокъ и характеровъ. Они всѣ не прочь были заручиться помощью нѣмцевъ, но не умѣли, повидимому, обставить это надлежащимъ образомъ. Для меня разгадка была проста: изъ разговоровъ съ нѣмцами, которые я велъ долгое время единолично — только уже много позже иногда при этомъ присутствовалъ Акацатовъ или Шильдбахъ по своимъ спеціальностямъ — мнѣ было ясно, что наши монархисты, съ одной стороны, торговались съ нѣмцами о политическихъ платформахъ и обязательствахъ въ будущемъ, а съ другой стороны, увѣряли ихъ въ томъ, что за ними стоятъ «массы русскаго народа, сильнѣйшія народныя организаціи» и т. п. Нѣмцы, конечно, имѣвшіе своихъ агентовъ вездѣ, не безъ основанія относились къ такимъ завѣреніямъ скептически, не довѣряли имъ и тянули.

Я, не будучи вовсе политикомъ, не говорилъ нѣмцамъ, что за союзомъ «Наша Родина» стоятъ «широкія массы населенія», не скрывалъ, что нашъ союзъ немногочисленъ пока, но говорилъ, что у Акацатова дѣйствительно есть много связей въ разныхъ слояхъ народа и общества и что мы убѣждены, что монархическое движеніе подъ открытымъ лозунгомъ борьбы съ большевиками найдетъ откликъ вездѣ, — что офицерскій и солдатскій составъ найдутся. Я предлагалъ имъ попробовать и убѣдиться на дѣлѣ, правы мы, или ошибаемся. Словомъ я предлагалъ имъ не слова, платформы и программы, а дѣло. И они на это пошли.

Тѣ же слова и ту же глухую, а, подчасъ, и открытую оппозицію, я встрѣтилъ и въ средѣ «Общества взаимопомощи офицеровъ» въ Кіевѣ, въ которомъ главный контингентъ составляли генералы. Они были «обижены», что мы не обратились къ нимъ за указаніями, совѣтами и рекомендаціями личнаго состава. Съ нашей же стороны это объяснялось тѣмъ, что мы прекрасно знали составъ этого общества, знали, что могущіе пригодиться для нашей арміи лица были опредѣленно союзнической оріентаціи, а что остальные были болѣе пригодны для зарабатыванія денегъ устройствомъ въ собраніи Общества азартныхъ игръ (чѣмъ общество и жило), чѣмъ для боевыхъ дѣйствій, знали, наконецъ, что предсѣдатель, генералъ Веселовскій, весьма неопредѣленныхъ политическихъ убѣжденій и склоняется къ «демократіи». Однажды, мнѣ, однако, все-таки пришлось пойти туда вслѣдствіе открытыхъ нападокъ со стороны общества на Акацатова и выдержать тамъ двухчасовой «допросъ» и «баню». Обвиненія противъ Акацатова были, по существу, вздорныя и диктовались незнакомствомъ предъявлявшихъ ихъ съ нимъ и неправильнымъ о немъ представленіемъ; они были вполнѣ бездоказательны. Многое мнѣ удалось просто опровергнуть, въ другомъ отношеніи я не могъ отрицать нѣкоторыхъ несимпатичныхъ чертъ его характера и обращенія, но объяснялъ, что эти его мелкіе недостатки всецѣло окупаются его честностью и, главное, тѣмъ, что онъ не только разговариваетъ, но и работаетъ не покладая рукъ. Взбѣшенный генералъ Веселовскій позволилъ себѣ тутъ нѣсколько весьма рѣзкихъ выпадовъ противъ меня, на которые получилъ отпоръ со стороны нѣсколькихъ гвардейскихъ генераловъ, знавшихъ меня съ молодыхъ чиновъ и заступившихся за меня. Кончилось это засѣданіе — первое и послѣднее для меня въ этомъ обществѣ — тѣмъ, что я прямо просилъ генерала Веселовскаго, если онъ сочувствуетъ нашему дѣлу и желаетъ намъ помочь, указать мнѣ тутъ же, изъ среды членовъ общества, командующаго арміей и его начальника штаба, разъ они находятъ генерала Шильдбаха неподходящимъ (кстати сказать, въ данномъ случаѣ они были правы, но я этого тогда еще не могъ выяснить). Но на этотъ вопросъ я отвѣта не получилъ и получить не могъ, потому что въ Кіевѣ тогда дѣйствительно подходящаго для этой должности лица не было; это засѣданіе, несмотря на его для меня крайнюю тягостность, имѣло однако ту пользу, что открытое изложеніе нашихъ цѣлей и намѣреній въ средѣ этого общества разсѣяло въ глазахъ честныхъ людей, которыхъ въ средѣ общества было все-таки немало, многія подозрѣнія, недомолвки и неясности, порождаемыя въ ихъ мнѣніи завистниками и недоброжелателями разныхъ родовъ и окрасокъ. Политическая же окраска самого генерала Веселовскаго мнѣ остается неясной и по сегодняшній день.

Несмотря на эти недочеты и тренія, дѣло вербовки Южной Арміи продолжалось и развивалось; организовывались вербовочныя бюро въ другихъ городахъ и въ концѣ августа Атаманъ Красновъ уже могъ смотрѣть на станціи Чертково эскадронъ кавалерійскаго полка, а въ городѣ Богучарѣ батальонъ пѣхоты въ 600 человѣкъ — первыя части сформированныя нами. Въ штабъ арміи начали поступать предложенія отъ цѣлыхъ офицерскихъ составовъ кавалерійскихъ и пѣхотныхъ полковъ поступить въ ряды Южной Арміи со своими знаменами и штандартами, снасенными ими въ дни революціи, и даже съ частью старослужившихъ нижнихъ чиновъ, при условіи сохраненія старыхъ наименованій ихъ полковъ. На это мы, понятно, охотно согласились, это насъ ободряло и радовало, показывая намъ, что мы идемъ по вѣрному пути, отвѣчающему желаніямъ лучшей части нашего офицерства.

Вскорѣ, такимъ образомъ, выяснилось, что у насъ будетъ полный офицерскій кадръ не для одной только, а для двухъ дивизій, которыя и были намѣчены къ сформированію. Лично я былъ противъ этого, считая, что сперва надо набрать солдатскій составъ и организовать на дѣлѣ одну полную дивизію, а затѣмъ только уже приниматься за другую, но мои сотрудники такъ настаивали, такъ были окрылены надеждами и были такъ увѣрены, что люди будутъ, что ихъ можно будетъ получить по мобилизаціи въ Воронежской губерніи, что у меня не хватило духу противиться и я согласился. На практикѣ я оказался правымъ: намъ не удалось набрать состава нижнихъ чиновъ даже на полный комплектъ одной дивизіи боевого состава. По существу же были правы, я думаю, они и, не уйди нѣмцы съ Украины такъ скоро, какъ это случилось въ дѣйствительности, Южная Армія развернулась бы фактически въ 2 дивизіи и представила бы грозную силу.

Но на дѣлѣ случилось иное. Центральныя государства были разбиты, и въ началѣ ноября произошла германская революція. Понятно, что, съ установленіемъ въ Германіи республики, субсидіи русской монархической арміи, даже секретнаго военнаго фонда Германіи, должны были прекратиться. Но затрудненія въ этомъ отношеніи стали ощущаться уже задолго до революціи. Ассигнованныя намъ незначительныя суммы приходили къ концу. Когда я приходилъ къ нѣмцамъ просить дальнѣйшихъ ассигнованій, то они мнѣ очень любезно отвѣчали, что наличныхъ средствъ у нихъ въ Кіевѣ больше нѣтъ, что они просятъ таковыхъ у военнаго министерства въ Берлинѣ и просятъ настойчиво, но что тамъ все больше и больше сказывается вліяніе соціалистическихъ партій и что, поэтому, военное министерство вынуждено обращаться съ тайными фондами очень осторожно и т. д. и т. д. Какъ показало ближайшее затѣмъ время, причины эти были основательны; отчасти, впрочемъ, ихъ не удовлетворяли организаторскія способности дѣятелей Южной Арміи. Какой изъ этихъ двухъ мотивовъ преобладалъ — судить не берусь; вѣроятно, играли роль оба. Но фактъ былъ тотъ, что впереди средствъ у насъ въ виду не было, и надо было изыскивать другой способъ спасти тѣ русскія силы, которыя уже были организованы и продолжать уже начатое дѣло дальше.

При такомъ положеніи дѣлъ исходъ былъ только одинъ: передать всю Южную Армію въ вѣдѣніе и на содержаніе Атамана Краснова, которому она была, пока, подчинена лишь въ военномъ, строевомъ отношеніи. Приходилось отказываться отъ автономіи, и это было многимъ моимъ сотрудникамъ очень непріятно. М. Е. Акацатовъ, въ частности, очень горевалъ, что ему такъ и не придется вводить въ Воронежскую губернію «свою администрацію» и способы управленія. Я же лично считалъ, что такъ для пользы дѣла будетъ лучше: для успѣха нужно было имѣть подъ ногами основательную базу въ лицѣ уже организованнаго района, или еще лучше, государственнаго образованія. Въ данномъ случаѣ, такими могли быть Украина, или Донъ, или, еще лучше, оба вмѣстѣ.

На дѣлѣ такъ и вышло. Я поѣхалъ къ Скоропадскому, у котораго, начавъ организацію Южной Арміи, я сталъ бывать гораздо рѣже, чтобы не причинить ему непріятныхъ запросовъ со стороны его украинскихъ соціалистовъ, и объяснилъ ему положеніе дѣлъ. Онъ снесся съ Краснымъ, который согласился принять Южную Армію на Донскую службу — она могла быть ему очень полезной для веденія военныхъ операцій внѣ предѣловъ Войска Донского, и было рѣшено,

что штабъ Южной Арміи въ Кіевѣ будетъ переименованъ и будетъ исполнять функціи лишь вербовочнаго бюро для арміи, давая директивы остальнымъ бюро въ провинціи, подъ руководствомъ союза «Наша Родина», а что содержаніе, вооруженіе, снаряженіе и прочее довольствіе армія будетъ получать отъ Дона, по соглашенію съ Украиной. Военный штабъ на Дону и начальствующія лица назначались уже не нами, а Атаманомъ Красновымъ. Но, пока всѣ эти переговоры тянулись, наши средства изсякали и намъ всѣмъ, а мнѣ въ особенности, пришлось пережить очень тяжелые дни и нравственныя терзанія! Вѣдь выходило такъ, что мы могли «подвести» честныхъ русскихъ людей, офицеровъ и солдатъ, довѣрившихся намъ. Наконецъ, однако, 20 октября/3 ноября на станціи Скороходово состоялось между Скоропадскимъ и Красновымъ свиданіе, на которомъ они заключили между собою союзъ для борьбы съ большевиками, и рѣшилась судьба Южной Арміи. Донской Атаманъ испросилъ у Гетмана на армію 76 милліоновъ рублей и снаряженіе. Это было обѣщано и скоро начало приводиться въ исполненіе. 1/14 ноября приказомъ Донского Атамана была сформирована новая «Южная Армія», во главѣ коей сталъ генералъ Н. І. Ивановъ. Ядромъ этой арміи стали уже сформированныя вами части нашей Южной Арміи, вошедшей въ новую армію подъ наименованіемъ «Воронежскаго корпуса»; части «Астраханской Арміи», формировавшіяся подъ руководствомъ крайне-правыхъ нашихъ русскихъ организацій въ Кіевѣ, вошли туда подъ наименованіемъ «Астраханскаго корпуса», и немногочисленныя формированія «Саратовской арміи», руководимыя группой земскихъ дѣятелей Саратовской губерніи неопредѣленнаго политическаго направленія, вошли туда подъ наименованіемъ «Саратовскаго корпуса». Подъ опытнымъ руководствомъ Атамана Краснова и генерала Иванова, новая Южная Армія стала быстро развиваться и крѣпнуть. Но еще до этого переустройства Воронежскій корпусъ не безъ доблести сражался съ большевиками въ бою на станціи Лиски. Это былъ единственный плодъ нашихъ трудовъ, который намъ, иниціаторамъ организаціи Южной Арміи, пришлось еще увидѣть.

Вскорѣ послѣдовалъ разгромъ Австро-Германскихъ армій, революціи въ Германіи и Австріи, и какъ слѣдствіе ихъ, частичное разложеніе австро-германскихъ оккупаціонныхъ армій на Украинѣ, затѣмъ вынужденный уходъ ихъ оттуда; незамѣна ихъ союзническими силами; двойная игра союзниковъ съ Гетманомъ и Петлюрой; возстаніе послѣдняго на Украинѣ и паденіе гетманскаго правительства.

Въ этомъ возстаніи вербовочныя бюро Южной Арміи въ разныхъ городахъ и формировавшіяся при нихъ нѣкоторыя небольшія части ея доблестно боролись съ оружіемъ въ рукахъ противъ украино-большевистскихъ бандъ Петлюры, тщетно надѣясь на обѣщанный приходъ и помощь союзниковъ, и многіе изъ нихъ погибли въ неравномъ бою, какъ и другіе вооруженные отряды русскихъ людей, надѣявшихся еще спасти въ лицѣ Украины надежную базу для возстановленія Россіи. Союзники не помогли. Власть перешла къ Петлюрѣ и Украинской «Директоріи», а русскимъ дѣятелямъ на Украинѣ оставалось лишь спасать свою шкуру, кто какъ могъ, ибо «петлюровцы» расправлялись со своими политическими противниками совершенно по-большевистски. Бѣжали они съ тяжелой увѣренностью, что Союзники совершаютъ непоправимую ошибку, предавая гетманскую Украину, что отъ «Директоріи» до торжества большевиковъ — одинъ только шагъ и, увы, не ошиблись. Очень скоро выяснилось все безсиліе «Директоріи» противустоять большевикамъ; достояніемъ послѣднихъ скоро сдѣлались сперва вся Украина, за нею Донъ, а потомъ и Кубань, и Крымъ... Западно-европей-

скія «демократіи» торжествовали по всей линіи, насъ, «проклятыхъ царистовъ», пытавшихся открыть имъ глаза на истинное положеніе дѣлъ въ Россіи, не слушали и слушать не хотѣли. Пусть же пеняютъ на самихъ себя, если у нихъ среди русскихъ эмигрантовъ осталось мало партизановъ: тѣ, кто видѣлъ, что нарождалось на югѣ Россіи въ 1918 году и какъ все сдѣланное разлетѣлось во прахъ вслѣдствіе недомыслія союзниковъ, какъ исчезали, одна за другой, надежды на спасеніе Россіи отъ большевистскаго кошмара и во что она теперь, вслѣдствіе всего этого, превратилась — тѣ не могутъ питать сочувствія къ тѣмъ союзнымъ правительствамъ, которыя допустили весь этотъ ужасъ! Теперь эти народы и правительства начинаютъ, какъ будто, уже жалѣть о содѣянномъ, понимать свою ошибку, понимать, что были неправы, не слушая голоса тѣхъ, кто думалъ прежде всего о своей Родинѣ, о Россіи, а не объ «ориентаціяхъ». Но не поздно ли?

Денежные знаки революціи и гражданской войны

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО *

1, 2 — т. наз. Керенки. Размѣръ (63×48 мм). 20 р.— желтаго и коричневаго цвѣта. 40 р. — зеленаго и краснаго.

3, 4 — т. наз. Думскіе 250 р.— (175×105 мм). съ лицевой стороны лиловаго цвѣта, съ оборота — зеленаго, синяго и краснаго (радуга) цвѣта. 1000 р. (210×130 мм) — съ лицевой стороны зеленаго, съ оборота синяго, коричневаго, краснаго и зеленаго (радуга) цвѣта.

5. Заемъ Свободы (150×205мм). Съ лицевой стороны разныхъ оттѣнковъ желтаго цвѣта, съ оборота краснаго. Заемъ Свободы былъ выпущенъ достоинствомъ въ 20, 40, 50, 100, 500, 1000, 5000, 10000 и 25000 р. Во время гражданской войны, съ разными печатями и надписями, купюры Займа Свободы были въ обращеніи въ качествѣ денегъ.

БОЛЬШЕВИКИ

6, 7, 8, 9 — т. наз. Пятаковки, по подписи управляющаго Гос. (Народнымъ) Банкомъ.

Къ этому выпуску относятся:

1	р.	коричневаго цвѣта	(113× 66 мм)
3	,,	зеленаго цвѣта.	(118× 71 мм)
5	,,	синяго цвѣта	(124× 76 мм)

* Въ настоящій обзоръ входитъ описаніе денежныхъ знаковъ, выпущенныхъ на территоріи русскаго государства за время революціи и гражданской войны. Въ обзоръ не вошло описаніе знаковъ, выпущенныхъ отдѣльными городскими самоуправленіями и мѣстными отдѣленіями государственнаго банка, за исключеніемъ нѣкоторыхъ наиболѣе характерныхъ. Не вошли также денежные знаки Финляндіи, Эстоніи, Латвіи, Литвы, Польши и Бессарабіи, за исключеніемъ латвійскаго коммунистическаго денежнаго знака, выпущеннаго въ то время, когда Латвія была тѣсно связана съ Россіей.

№№, печатаемые съ лѣвой стороны, соотвѣтствуютъ №№ слѣдующей за обзоромъ коллекціи снимковъ. Въ самой коллекціи №№ съ буквой «а» обозначаютъ лицевую сторону знака, — съ буквой «b» — оборотную. Не воспроизведены гладкія оборотныя стороны; въ случаѣ, если у нѣсколькихъ знаковъ оборотная сторона одинаковая или схожая, она приводится лишь одинъ разъ (см. напр. денежные знаки арміи Юденича).

Значительная часть настоящаго обзора составлена С. Виноградовымъ на основаніи собственной коллекціи.

Размѣръ отдѣльныхъ знаковъ приводится въ миллиметрахъ. При этомъ надо, однако, имѣть ввиду, что онъ для всей серіи знаковъ часто является приблизительнымъ, ввиду того, что, при неаккуратномъ разрѣзываніи, знаки одного и того же типа отличаются размѣромъ одинъ отъ другого.

Размѣръ и окраску нѣкоторыхъ знаковъ установить не удалось; они приведены въ обзорѣ съ вопросительными знаками въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ.

Снимки громаднаго большинства знаковъ сдѣланы съ экземпляровъ, входящихъ въ коллекцію С. Виноградова. Оригиналы снимковъ №№ 20, 22, 32, 35, 54, 138, 139, 149, 157, 172, 173, 175, 179, 180, 182, 183, 184 принадлежатъ г-ну Іонасу (H. Jonas, Berlin), б. уполномоченному германскаго и шведскаго Краснаго Креста въ Восточной Сибири.

10 руб. краснаго цвѣта . . . . . (128× 80 мм)
25 ,, блѣдно-лиловаго цвѣта . . . . . (133× 83 мм)
50 ,, свѣтло-кофейнаго цвѣта . . . . . (139× 90 мм)
100 ,, красно-бураго цвѣта . . . . . (145× 95 мм)
250 ,, зеленаго цвѣта . . . . . (149×101 мм)
500 ,, зеленаго цвѣта . . . . . (154×105 мм)
1 000 ,, блѣдно-коричневаго цвѣта . . . . . (158 109 мм)
5 000 ? . . . . . ?
10 000 ,, лилово-оранжеваго съ лиц. стороны, радужнаго и розоваго цвѣта съ оборота . . . . . (213×132 мм)

Знаки эти заготовлены были еще Вр. Правительствомъ, но выпущены были большевиками: отъ 1 рубля до 1000 р. въ 1919 г., а въ 5000 и 10000 р. въ началѣ 1920 г.

10, 11, 12, 13. Расчетные знаки Р. С. Ф. С. Р. выпущены въ обращеніе въ 1919 г

1 рубль желтаго цвѣта съ лиц. стор., краснаго съ радугой съ оборота . . . . . (37× 47 мм)
2 рубля коричневаго цвѣта съ лиц. стор., сѣраго съ радугой съ оборота . . . . . (39× 48 мм)
3 ,, аеленаго цвѣта съ лиц. стор., зеленаго съ радугой съ оборота . . . . . (37× 47 мм)
5 рублей синяго цвѣта . . . . . (37× 48 мм)
15 „ коричненаго съ лиц. стор., сѣраго съ краснымъ съ оборота . . . . . (77× 48 мм)
30 ,, аеленаго съ лиц. стор., зеленаго съ радугой съ оборота (86× 54 мм)
60 ,, лиловаго съ лицевой стороны, бураго съ зеленымъ съ оборота . . . . . (94× 62 мм)

14, 15, 16 Расчетные знаки Р. С. Ф. С. Р. съ надписью: «Пролетарии всех стран соединяйтесь» — на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, итальянскомъ, арабскомъ и китайскомъ языкахъ. Выпущены въ 1920 г.

100 рублей свѣтло-коричн. съ лицевой стороны и свѣтло-коричн. съ зеленымъ съ оборота . . . . . (100× 62 мм)
250 ,, бураго цвѣта съ лиц. стороны, такого же, но съ радугой, съ оборота . . . . . (104× 70 мм)
500 ,, аеленаго съ лиц. стор., такого же съ радугой съ оборота (110× 75 мм)
1000 ,, аеленаго цвѣта съ лиц. стор. и зеленаго съ бурымъ съ оборота . . . . . (115× 78 мм)
5000 ,, темно-синій и желтый съ лиц. стор., синій съ коричн. и радугой съ оборота . . . . . (165×115 мм)
10000 ,, буро-красный съ синимъ съ лиц. стороны, розовый съ зеленымъ съ радугой съ оборота . . . . . (171×123 мм)

17. — упрощенный типъ по сравненіи съ № 16. Лицевая сторона синяя и сѣрая; оборотная синяя съ радугой. (123×86 мм) Выпущенъ въ 1921 г.

18, 19, 20 Расчетные знаки С. Р. Ф. С. Р. упрощеннаго типа, на тонкой бумагѣ.

50 рублей (50×36 мм) коричневаго цвѣта
500 ,, (87×50 мм) синяго цвѣта
1000 ,, (84×48 мм) малиноваго цвѣта
} на оборотѣ простая сѣтка соотвѣтственнаго цвѣта.

21, 22. Билеты въ 50000 и 100000 съ водяными фигурными знаками.

50 000 зеленаго цвѣта . . . . . (158× 87 мм)
100 000 краснаго цвѣта . . . . . (160× 85 мм)

23 Обязательство Р. С. Ф. С. Р. въ 1000000 рублей, желтаго цвѣта (261×129 мм). Имѣетъ водяной знакъ, изображающій гербъ Р. С. Ф. С. Р. (серпъ и молотъ); оборотная сторона — гладкая.

24, 25, 26 Государственные денежные знаки (девальваціонные)

1 рубль оранжевый . . . . . (132× 66 мм)
3 рубли зеленаго цвѣта . . . . . (136× 70 мм)

5 рублей синяго цвѣта . . . . . (151 × 77 мм)
10 ,, краснаго цвѣта . . . . . (153 × 79 мм)
25 ,, лиловаго цвѣта . . . . . (135 × 84 мм)
50 ,, синяго цвѣта . . . . . (136 × 91 мм)
100 ,, краснаго цвѣта . . . . . ?
500 ,, ? . . . . . ?
1000 ,, красный, синій и сѣро-коричн. съ лиц. стороны, лиловый зеленый и красный съ радугой, съ оборота . (200 × 112 мм)

Въ концѣ 1922 г. были выпущены Государственнымъ Банкомъ банковые билеты со слѣдующей надписью:

«Государственный Банк. Р. С. Ф. С. Р. 1922. Банковый билет . . . . . Червонцев. Один червонец содержит один зол. 78. 24 дол. чистого золота. Банковый билет подлежит размену на золото. Начало размена устанавливается особым правительственным актом. Банковые билеты обезпечиваются в полном размере золотом, драгоценными металлами, устойчивой валютой и прочими активами Госбанка. Банковые билеты принимаются по их нарицательной цене в уплату государственных сборов и платежей, взимаемых по закону в золоте.

Правление Государственного Банка:
7 подписей — Бухгалтер: — подпись».

АРХАНГЕЛЬСКЪ И ПРАВИТЕЛЬСТВО СѢВЕРНОЙ РОССІИ.

27, 28 Чеки Архангельскаго отдѣленія Госуд. Банка.
3 рубля билетъ, зеленый съ обѣихъ сторонъ . . . . . (140 × 84 мм)
10 рублей ,, красный съ обѣихъ сторонъ . . . . . (137 × 85 мм)
25 ,, ,, т. н. моржовки, лиловатаго цвѣта . . . . . (163 × 104 мм)
При правительствѣ Н В. Чайковскаго эти знаки допускались къ обращенію послѣ регистраціи ихъ въ Госуд. Банкѣ, гдѣ они штемпелевались.

29, 30. Кредитные билеты Правительства Сѣверной Россіи.
Эти денежные знаки были выпущены достоинствомъ:
10 коп. розоватаго цвѣта съ обѣихъ сторонъ . . . . . (86 × 47 мм)
20 ,, зеленоватаго цвѣта съ обѣихъ сторонъ . . . . . (91 × 53 мм)
50 ,, желтоватаго цвѣта съ обѣихъ сторонъ . . . . . (91 × 59 мм)
1 рубль краска и видъ Николаевскаго билета . . . . . (150 × 90 мм)
3 рубля краска и видъ Николаевскаго билета . . . . . (153 × 101 мм)
5 рублей ? . . . . . ?
10 ,, ? . . . . . ?
25 ,, ? . . . . . ?
100 ,, ? . . . . . ?
500 ,, ? . . . . . ?

Кромѣ этихъ денежныхъ знаковъ въ обращеніи въ Сѣверной области, были также всѣ образцы т. наз. Николаевскихъ денегъ достоинствомъ отъ 50 коп. до 500 руб., а также и всѣ образцы денегъ Вр. Правительства отъ 20 р. до 1000 р., — пробитые компостеромъ (знаки: Г. Б. С. О. = Гос. Банкъ Сѣверной Области).
31. Краткосрочное обязательство Временнаго Правительства Сѣверной Области.
Эти 5% обязательства были достоинствомъ въ
50 рублей зеленаго цвѣта . . . . . (332 × 131 мм)
100 ,, желтаго цвѣта . . . . . (330 × 128 мм)
500 ,, синяго цвѣта . . . . . (330 × 131 мм)
1000 ,, розоваго цвѣта . . . . . (330 × 128 мм)

АРМІЯ ГЕН. ВАНДАМА (Псковъ)

32. Размѣръ 164 × 116 мм зеленовато-сѣраго цвѣта съ лиц. стор., красновато-синяго съ обратной

РИГА (коммунистическіе)

Къ этому выпуску относятся

33. 1 р. коричневый съ краснымъ . . . . . (94 × 54 мм)
3 ,, зеленый съ краснымъ . . . . . (112 × 62 мм)
5 ,, синій съ краснымъ . . . . . (115 × 70 мм)
10 ,, розовый, зеленый и красный . . . . . (112 × 70 мм)

АРМІЯ АВАЛОВА-БЕРМОНДТА

34, 35. Выпущены въ Митавѣ въ 1919 г.

Къ этому выпуску относятся:

1 марка лиц. сторона корич. цвѣта
обр. сторона синяго цвѣта . . . . . (99 × 71 мм)
5 ,, лиц. сторона свѣтло-фіолет.
обр. сторона красная . . . . . (121 × 87 мм)
10 ,, лиц. сторона бѣлая . . . . . .
обр. сторона зеленая . . . . . (134 × 95 мм)
50 ,, лиц. сторона бѣлая . . . . . .
обр. сторона желтая . . . . . (145 × 93 мм)

АРМІЯ ГЕН. ЮДЕНИЧА

36—39. Денежные знаки полевого казначейства Сѣв.-Зап. Арміи. Выпущены въ 1919 г.
(Оборотная сторона у всѣхъ этихъ знаковъ какъ № 38 b.)

Эти билеты были слѣдующихъ достоинствъ:

25 коп. желто-зеленаго цвѣта . . . . . (100 × 44 мм)
50 ,, свѣтло-лиловаго цвѣта . . . . . (100 × 44 мм)
1 руб. желто-зеленаго цвѣта . . . . . (120 × 52 мм)
3 ,, розоватаго цвѣта . . . . . (131 × 55 мм)
5 ,, ? . . . . . ?
10 ,, зеленаго . . . . . (139 × 60 мм)
25 ,, лиловаго цвѣта . . . . . (160 × 72 мм)
100 ,, лиловатаго цвѣта . . . . . (172 × 80 мм)
500 ,, ? . . . . . ?
1000 ,, желтаго цвѣта (съ нѣсколько измѣненнымъ рисункомъ) (230 × 100 мм)

ОТДѢЛЬНЫЙ КОРПУСЪ СѢВ. АРМІИ ГЕН. РОДЗЯНКО

40. Размѣнный знакъ. Были выпущены двухъ купюръ въ 5 р. и 10 р. (103 × 71 мм) красныя съ обѣихъ сторонъ.

ОДЕССА 1917 г.

(Текстъ оборотной стороны №№ 41 и 42, какъ въ № 43 b)

41, 42, 43, 44. Къ этому выпуску относятся:

15 коп. коричневаго цвѣта . . . . . (26 × 32 мм) 1917
20 ,, зеленаго цвѣта . . . . . (26 × 32 мм) 1917
50 ,, синяго съ оранжевымъ . . . . . (57 × 38 мм) 1917
3 р. зеленаго . . . . . (142 × 81 мм) 1917
5 ,, синяго цвѣта . . . . . (147 × 80 мм) 1917
10 ,, краснаго цвѣта . . . . . (93 × 147 мм) 1917
25 ,, зеленоватаго съ розоватымъ . . . . . (143 × 96 мм) 1917
50 ,, зеленоватаго . . . . . (180 × 97 мм) 1918

УКРАИНА

45. Первые украинскіе денежные знаки, выпущенные въ 1917 г. Лицевая сторона оранжеваго цвѣта, обратная зеленаго съ сѣрымъ. Размѣръ (167 × 103 мм).

46. Выпущенъ правительствомъ Голубовича. Размѣръ (130 × 75 мм) лицевая сторона зеленая и сѣрая, оборотная — зеленая и кирпичная

47, 48, 49, 50, 51. Выпущены при гетманѣ Скоропадскомъ

2	грив.	зеленаго цвѣта	(108 × 70 мм)
5	,,	сѣрые	(98 × 59 мм)
		Выпущены въ Кіевѣ какъ раамѣнный знакъ.	
10	,,	красные	(139 × 90 мм)
100	,,	синіе	(174 × 116 мм)
500	,,	сѣро-зелено-оранжев.	(185 × 120 мм)
1000	,,	на лицевой сторонѣ цвѣта сине-оранжеваго, на обратной сине-золотого	(198 × 126 мм)
2000	,,	на лицевой сторонѣ красно-зеленаго цвѣта, на обратной сѣро-краснаго	(200 × 130 мм)

52. 3,6% билетъ Госуд. Казначейства выпущенъ при Гетманѣ Скоропадскомъ. Эти билеты были слѣдующаго достоинства:

50	гривень	зеленоватаго цвѣта	(293 × 150 мм)
100	,,	розоваго цвѣта	Считая полную длину билета съ 2 рядами
200	,,	синяго цвѣта	купоновъ справа и слѣва билета.
1000	,,	коричневаго цвѣта	

Этотъ билетъ, какъ и всѣ знаки, за исключеніемъ разм. знака въ 5 гр., выпущенные при Гетманѣ Скоропадскомъ, печатались въ Германіи.

53. Билетъ Госуд. Казначейства; былъ выпущенъ послѣ сверженія Гетм. Правительства.

Къ этому выпуску относятся:

10	карб.	красные	(140 × 83 мм)	безъ	года
25	,,	коричн.	(140 × 84 мм)	1919	,,
100	,,	сѣрые съ коричнев.	(178 × 89 мм)	1918	,,
250	,,	темно-зеленые	(145 × 97 мм)	1918	,,
1000	,,	отпечатан. 4 красками: коричневой свѣтлой, темной, красной и зеленой	(191 × 119 мм)	безъ	года

---

54. Выпущенъ при занятіи Бродъ Украинцами. Размѣръ 92 × 72 мм.

ЕЛИСАВЕТГРАДЪ 1918—1919 гг.

55, 56. На билетахъ выпуска 1918 г. надпись: Елисаветградскаго Государственнаго Банка. На выпускѣ 1919 г. слово «Государственнаго» замѣнено словомъ: «Народнаго».

10	руб.	розоватаго цвѣта	(138 × 83 мм)
25	,,	лиловато-синяго	(135 × 88 мм)

КРЫМЪ 1918 г.

57—58. Денежные знаки Крымскаго Краевого Казначейства.

Къ этому выпуску относятся:

50	коп.	почтовая, гербовая и денежная марка, коричнев.	(30 × 37 мм)
5	руб.	синіе	(110 × 71 мм)
10	,,	красные	(123 × 79 мм)
25	,,	съ лицевой стороны лиловые и зеленые, съ обратной синіе и оранжевые	(125 × 80 мм)

ВОЙСКО ДОНСКОЕ.

59—65. Первый выпускъ.

Къ этому выпуску относятся:

20	коп.	зеленаго	(25 × 30 мм)	1918
50	,,	желтаго	(96 × 58 мм)	,,
1	р.	коричневый съ синимъ на лицев. сторонѣ и коричнев. съ оборота	(143 × 86 мм)	,,
3	,,	желто-зеленаго цвѣта съ обѣихъ сторонъ	(150 × 92 мм)	,,
5	,,	синяго и мѣстами розоватаго цвѣта съ обѣихъ сторонъ	(152 × 93 мм)	,,
10	,,	слабой окраски розово-зеленой съ обѣихъ сторонъ	(150 × 88 мм)	,,
25	,,	съ обѣихъ сторонъ темно-розово-зеленый	(151 × 94 мм)	,,
50	,,	сѣрый съ коричневымъ, текстъ частью синей краской	(138 × 88 мм)	1919
100	,,	стальной и коричневый цвѣтъ съ обѣихъ сторонъ	(182 × 94 мм)	1918
250	,,	черный, зеленый и коричневатый съ обѣихъ сторонъ	(181 × 99 мм)	,,

66. 5% Краткосрочное обязательство Всевеликаго Войска Донского

Эти обязательства были выпущены въ слѣдующихъ купюрахъ:

500	руб.	зеленовато-сѣроватаго цвѣта съ красной краской	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	(306 × 117 мм)
1000	,,	,,	,,	,,	,,	,,	. . .	(306 × 117 мм)
3000	,,	,,	,,	,,	,,	,,	. . .	(306 × 117 мм)
5000	,,	,,	,,	,,	,,	,,	. . .	(306 × 117 мм)
10000	,,	,,	,,	,,	,,	,,	. . .	(306 × 117 мм)

67—69. Второй выпускъ.

100	,,	напечатанъ съ обѣихъ сторонъ въ три краски: розовую, зеленую и темно-желтую	(184 × 96 мм) 1919
500	,,	въ три краски: зеленую, розоватую и черную съ обѣихъ сторонъ	(204 × 111 мм) 1918
1000	,,	напечатанъ въ три краски: синюю, фіолетовую и сѣрую, съ обратной стороны. сѣрый и синій	(198 × 109 мм) 1919
5000	,,	оранжеваго цвѣта съ зеленымъ	(228 × 113 мм) 1919

На билетахъ въ 100, 500 и 5000 руб. надпись водяными знаками: «Россія единая, недѣлимая». На билетахъ въ 1000 руб. надпись на щитѣ: «Россія Великая, единая, недѣлимая».

---

70 Заемный билетъ Владикавказской жел. дор., выпущенъ въ Ростовѣ н. Д. въ 1918 г.

Эти билеты были двухъ купюръ:

50	руб.	зеленаго съ сѣрымъ цвѣта	(159 × 92 мм)
100	,,	сѣро-розоватаго съ синимъ	(184 × 97 мм)

АСТРАХАНЬ

Къ этому выпуску относится:

71	1	р.	коричневаго съ синимъ цвѣта	(84 × 55 мм)
	3	,,	зеленаго цвѣта	(90 × 58 мм)
	5	,,	розоваго съ синимъ цвѣта	(90 × 55 мм)
	10	,,	краснаго и зеленаго цвѣта	(88 × 55 мм)
	25	,,	розоваго съ зеленымъ на лицев. сторонѣ и сѣраго съ коричневымъ съ обратной	(142 × 87 мм)

ЕКАТЕРИНОДАРЪ

72. «Бон Екатер. Отд. Гос. Б.», выпущенъ въ началѣ 1918 г. Отпечатанъ на вексельной бумагѣ. Въ обращеніи были двѣ купюры:

50	рублей	(213 × 127 мм)
100	,,	(237 × 134 мм)

(На нѣкоторыхъ бонахъ надпись болѣе сокращенная; нѣтъ словъ: «и имеет обязательное хождение в пределах всей Республики наравне с кредитными билетами».)

Въ томъ же 1918 году были выпущены боны достоинствомъ въ 10 рублей со слѣдующей надписью:

«Бон Екатеринодарского Отделения Государственного Банка. 27253. Десять рублей 27253. Означенный бон обезпечен обязательством государственного казначейства за № 197 на номинальную сумму 100 000 руб.

Управляющий Сикорский Кассир (подп. не разб.)». На оборотѣ: 1918. Означенный бон, согласно постановлению Кубанского Областного Центрального Исполнительного Комитета Советовъ Народных Депутатов, имеет обязательное хождение в пределах Кубанской Республики и лица, отказывающие в приеме бонов, подлежат суду Народного Трибунала, как неподчиняющиеся Советской Власти.

Подделка бонов преследуется.»

Коричневаго съ синимъ цвѣта . . . . . (138 × 82 мм)

---

73. Выпущенъ по распоряженію Кубанской Краевой Рады въ концѣ 1918 г. Цвѣтъ свѣтло-коричневый съ синимъ. Размѣръ 94 × 64 мм.

СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ

74, 78. Казначейскіе знаки Пятигорскаго Окружного Совѣта.

Къ этому выпуску относятся:

1	р.	желтаго цвѣта	(123 × 72 мм)
3	,,	зеленаго цвѣта	(125 × 73 мм)
5	,,	синяго цвѣта	(150 × 91 мм)
10	,,	краснаго цвѣта	(151 × 95 мм)
25	,,	лиловаго цвѣта	(150 × 92 мм)
50	,,	синяго съ розовымъ на лиц. стор. и желтаго съ синимъ съ обратной	(202 × 120 мм)

75—76. Кредитные билеты Сѣверокавказ. Соц. Сов. Республики.

10	руб.	краснаго съ желтымъ цвѣта	(138 × 83 мм)
25	,,	лиловаго съ зеленымъ цвѣта	(132 × 81 мм)

---

77. «Бон Времен. центральнаго управл. отделениями народ банка Северо-Кавказской Советской Социалист. республики».

Къ этому выпуску принадлежатъ:

25	руб.	голубого цвѣта	(126 × 78 мм)
50	,,	коричневаго цвѣта	(128 × 75 мм)
100	,,	зеленаго цвѣта	(125 × 74 мм)

На оборотной сторонѣ оттискъ штампа лиловаго цвѣта.

Въ концѣ 1917 и началѣ 1918 г. минераловодскія городскія самоуправленія выпускали денежные знаки со слѣдующими надписями:

«Минераловодскія Городскія Самоуправленія. .... Рублей. Принимаются мѣстными казначействами государственными и частными банками наравнѣ с кредитными билетами без ограниченія суммы.

А—7. Пятигорскій Городской Голова Леонид Орлов [на нѣкоторыхъ билетахъ: И. об. Пятигорскаго Городского Головы (подпись неразборчивая)] Кисловодскій Городской голова: (подп. неразб.)»

На оборотѣ: «Размѣнные знаки обезпечены в полной суммѣ неприкосновенным вкладом в Пятигорском Отдѣленіи Государственнаго Банка на имя Пятигорскаго и Кисловодскаго Городских Самоуправленій. Управляющій Пятигорскимъ Отд. Государственнаго Банка Н. Сѣров. ... Рублей. 1917 г. Поддѣлка преслѣдуется закономъ».

Къ этому выпуску относятся

10 коп.	краснаго цвѣта	(27×34 мм)	—	1918
15 ,,	лиловаго цвѣта	(27×34 мм)	—	1918
25 ,,	зеленаго цвѣта	(28×34 мм)	—	1918
50 ,,	желтаго съ синимъ	(85×54 мм)	—	1918
1 р.	коричневаго цвѣта	(121×71 мм)	1917	1918
3 ,,	зеленаго цвѣта	(129×82 мм)	1917	1918
5 ,,	синяго цвѣта	(131×82 мм)	1917	1918
10 ,,	краснаго съ зеленымъ	(144×85 мм)	1917	1918
25 ,,	лиловаго съ сѣрымъ	(149×88 мм)	1917	1918
50 ,,	голубоватаго цвѣта	?	—	1918
100 ,,	св. коричневаго и коричневаго	(149×88 мм)	1917	1918

На маркахъ въ 10, 15 и 25 к. и на размѣнномъ знакѣ въ 50 к. надпись: «Минераловод. город. самоуправленія. Имѣетъ хожденіе наравнѣ съ размѣнной монетой». На размѣнномъ знакѣ въ 50 к. есть и обѣ подписи.

Что касается 100 р. билета 1918 г., то онъ иного размѣра и печати, чѣмъ билетъ въ 100 р. 1917 г.; его размѣръ (200×120 мм), съ лицевой стороны онъ въ 3 краски желтую, синюю и красную, а съ оборота желтый, зеленый, красный.

---

79. Билетъ Краевого Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ Сѣвернаго Кавказа.

Къ этому выпуску относятся:

5 руб.	синяго цвѣта	(77×127 мм)
50 ,,	коричневаго съ желтымъ и зеленымъ цвѣта	(149× 90 мм)
100 ,,	синяго съ желтымъ и зеленымъ цвѣта	(149× 90 мм)

---

80. Размѣнный знакъ Совѣта Нар. Комиссаровъ Терской Республики. Выпущенъ во Владикавказѣ въ 1918 г.

Къ этому выпуску относится:

10 коп.	синяго цвѣта	(22× 32 мм)
15 ,,	коричневаго	(26× 32 мм)
20 ,,	зеленаго	(26× 32 мм)
1 руб.	коричневаго, съ обратн. желтаго	(116× 77 мм)
3 ,,	зеленаго съ двухъ сторонъ	(116× 77 мм)
5 ,,	синяго съ сѣрымъ	(114× 76 мм)
10 ,,	краснаго	(115× 77 мм)
25 ,,	голубоватаго съ чернымъ	(155× 99 мм)
50 ,,	желто-черно-краснаго, съ обратн. стор. зеленоватого съ коричнев.	(144× 83 мм)
100 ,,	коричневаго съ темно-коричневымъ	(155× 99 мм)

На лицевой сторонѣ 1 руб. и 3 руб. билета — надпись: «Свобода Равенство и Братство».

---

81. Чекъ Кисловодскаго Отдѣленія Гос. Банка.

Къ этому выпуску принадлежатъ:

3	р.	на простой бумагѣ	(110 × 73 мм)	1918 г.
5	,,	,, ,, ...		1918 г.
10	,,	,, ,, ...		1918 г.
25	,,	,, ,, ...		1918 г.
50	,,	,, ,, ...		1918 г.
75	,,	,, ,, ...		1918 г.
100	,,	,, ,, ...		1918 г.
200	,,	,, ,, ...		1918 г.
20	,,	на синей бумагѣ		1919 г.

Эти денежные знаки выпущены въ связи съ налетами отряда Шкуро на Кисловодскъ.

---

82. Кредитный билетъ Горской Республики (Дагестана). Зеленаго съ коричневымъ цвѣта. Размѣръ (140 × 92 мм).

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМІЯ

а) Деникинскіе

83—89. Билеты Госуд. Казначейства Главнаго Командованія Воор. Силами на югѣ Россіи.

3	руб.	зеленаго цвѣта съ обѣихъ сторонъ	(99 × 63 мм) 1919
10	,,	розоваго цвѣта съ обѣихъ сторонъ	(129 × 80 мм) 1919
50	,,	коричневаго съ лицевой стороны и коричневаго съ синимъ съ обратной	(148 × 88 мм) 1919
200	,,	лиловаго съ свѣтло коричн. съ лицев. стор. и лиловаго съ обратной	(173 × 103 мм) 1919
1000	,,	съ лицевой стороны оранжевый, зеленый, черн. съ обратной стор. свѣтло-желтый, син.-лиловый. т. н. «Ленточка» или «Колоколъ».	(202 × 132 мм) 1919
5000	руб.	?	?
10000	,,	съ лицевой стороны свѣтло-желтаго и коричневаго, съ обратной стороны коричневаго цвѣта	(202 × 100 мм) 1919

90. 6% краткосрочное обязательство Госуд. Казначейства Главн. Командованія Воор. Силъ на югѣ Россіи.
оранжеваго цвѣта . . . . . (283 × 113 мм)

б) Врангелевскіе

91—93.

100	руб.	краснаго цвѣта съ обѣихъ сторонъ	(153 × 76 мм)
250	,,	лиловаго цвѣта съ обѣихъ сторонъ	153 × 76 мм)
500	,,	синяго цвѣта съ обѣихъ сторонъ	(153 × 76 мм)

94—95. Казначейскіе знаки Государства Россійскаго

50	руб.	синяго съ желтымъ, на оборотѣ коричневаго цвѣта . .	(140 × 82 мм)
500	,,	зеленаго съ свѣтло-коричневымъ, на оборотѣ зеленаго съ желтымъ	(200 × 94 мм

у — 500 руб. билета въ лѣвой части лицевой стороны водяной знакъ 500 и вниау зеленая розетка Серія и N.

Эти деньги, предполагавшіяся къ унификаціи и девальваціи всѣхъ денежныхъ знаковъ территоріи занятой Воор. Сил. юга Россіи — печатаны были въ Англіи, поступили лишь въ іюлѣ 1920 г. въ Россію (Крымъ) и выпущены въ обращеніе не были.

ЗАКАВКАЗЬЕ 1918 г.

ТИФЛИСЪ

96—99. Боны Закавказскаго Комиссаріата:

Въ массахъ населенія Закавказья — весь этотъ выпускъ получилъ названіе «Гегечкорки», къ нему принадлежатъ купюры:

1	р.	свѣтло-коричневаго цвѣта съ лиц. стороны, синяго и сѣраго съ оборотной	(55 × 79 мм)
3	,,	зеленый и темно-зеленый	(63 × 89 мм)
5	,,	на сѣромъ фонѣ синяго цвѣта	(113 × 74 мм)
10	,,	на зеленоватомъ — краснаго	(120 × 78 мм)
50	,,	на сѣромъ — чернаго	(137 × 88 мм)
100	,,	на свѣтло-коричневомъ — темно-коричневаго	(157 × 111 мм)
250	,,	съ лицевой стороны на розоватомъ — чернаго, съ обратной въ три краски: свѣтло-желтую, свѣтло-коричневую и синюю	(165 × 102 мм)

ГРУЗІЯ

100—106. Къ этому выпуску относятся:

50	коп.	съ обѣихъ сторонъ: желтаго цвѣта съ свѣтло-синимъ	(52 × 38 мм)	1919
1	р.	съ обѣихъ сторонъ: розовый съ коричневымъ	(78 × 53 мм)	1919
3	,,	съ обѣихъ сторонъ: зеленый съ чернымъ	(90 × 61 мм)	1919
5	,,	съ обѣихъ сторонъ: на розовомъ фонѣ сѣрый съ коричневымъ	(114 × 74 мм)	1919
10	,.	съ обѣихъ сторонъ: въ свѣтлыхъ и темныхъ розоватыхъ тонахъ	(118 × 77 мм)	1919
50	,,	съ обѣихъ сторонъ: на коричнев. фонѣ лиловый	(130 × 90 мм)	1919
100	,,	съ обѣихъ сторонъ: на свѣтло-зеленомъ фонѣ, зеленаго цвѣта	(157 × 100 мм)	1919
500	,,	на лицевой сторонѣ розоватый, желтый и лиловый, на обратной лиловый	(163 × 103 мм)	1919
1000	,,	желто-голубой, коричневый	(164 × 113 мм)	1920
5000	,,	лиловый съ лицевой стороны, сиреватo-стального цвѣта съ обратной. На лицевой сторонѣ этого билета помѣщенъ снимокъ зданія Намѣстника на Кавказѣ	(173 × 104 мм)	1921

Всѣ билеты этого выпуска въ русскомъ и французскомъ текстахъ имѣютъ одинѣ и тѣ же надписи, только 1000 руб. купюра получила добавочное «S» къ слову russe. Въ остальномъ оборотная сторона какъ въ 1000 руб. билетѣ, такъ и въ пятитысячномъ приблизительно такая же, какъ и № 104b.

БАТУМЪ 1919 г.

107. Размѣнный денежный знакъ Батумскаго Казначейства.

Къ этому выпуску относятся:

1	руб.	желтаго цвѣта	(30 × 50 мм)
3	,,	зеленаго	
5	,,	синяго	
10	,,	краснаго	
25	,,	коричневаго	
50	,,	лиловаго	

Обратная сторона — гладкая, иногда съ подписью кассира отъ руки. Нѣкоторые изъ знаковъ пробиты компостеромъ (•1919•).

СОЧИ

108. Бонъ Черноморской жел. дор. Краснаго цвѣта (85 × 139 мм). «Выпущенъ на основаніи постанов. Главн. Дорожн. Комит. отъ 10 Апрѣля 1918 г. и постановл. Сочин. Окружн. Исп. К-та Рабоч. и Кр. Депут. отъ 11 Апрѣля 1918 г.»

109—112. Боны Сочинскаго городского управленія.

Къ этому выпуску относятся:

1 руб.	свѣтло-коричневаго цвѣта	(75 × 45 мм)	1919
3 ,,	зеленаго цвѣта	(85 × 50 мм)	1919
5 ,,	синяго цвѣта	(94 × 52 мм)	1919
10 ,,	краснаго цвѣта	(105 × 65 мм)	1919
25 ,,	?	?	
50 ,,	?	?	
100 ,,	?	?	
250 ,,	?	?	

№ 109 — однорублевый бонъ 1918 г. отличается отъ соотвѣтственнаго бона 1919 г. надписью и размѣромъ (снимокъ сдѣланъ въ натуральную величину). Текстъ оборотной стороны однорублеваго бона 1919 г. отличается отъ текста оборотной стороны 5-рублеваго бона тѣмъ, что въ немъ нѣтъ римскихъ цыфръ (I, II) и что конецъ второй фразы формулированъ: «..... подвергаются наказанію, по закону».

На лицевой сторонѣ 10 и 25 руб. боновъ есть еще надпись: «Выпущены по постановленію Город. Думы и обезпечены неприкосн. вкладомъ въ мѣстныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ.»

---

113. Размѣнный знакъ комитета освобожденія Черноморскаго побережья.

Къ этому выпуску относятся:

25 руб.	розоваго цвѣта	(117 × 70 мм)
50 ,,	зеленаго цвѣта	(127 × 78 мм)
100 ,,	синяго цвѣта	(129 × 80 мм)
250 ,,	?	?

БАКУ (Азербайджанъ)

Баку 1918 г.

114. Денежный знакъ Бакинской городской управы.

Къ этому выпуску относятся:

5 коп.	зеленаго цвѣта	(30 × 40 мм)
15 ,,	коричневаго	(34 × 44 мм)
50 ,,	свѣтло-коричневаго	(49 × 35 мм)
1 руб.	коричневаго	(96 × 57 мм)
3 ,,	зеленаго съ коричневымъ	(96 × 57 мм)
5 ,,	синяго съ краснымъ	(96 × 57 мм)
10 ,,	краснаго съ розовымъ	(96 × 57 мм)
25 ,,	лиловаго съ желтымъ и на оборотѣ коричневаго съ сѣрымъ	(109 × 69 мм)

Въ 1918 г. были выпущены еще знаки со слѣдующими надписями: Совѣта городского хозяйства — рублей. 1918. Имѣетъ хожденіе наравнѣ съ государственными кредитными билетами — рублей. Народный комиссаръ Н. Нариманов. Завѣд. Финанс. Отд. Г. Григоровъ. Серія —. На оборотѣ: Совѣтъ Бакинскаго Городского Хозяйства — рублей. Поддѣлка преслѣдуется закономъ.

Къ этому выпуску относятся:

10 руб.	розоваго съ оранжев. цвѣта	(99 × 70 мм)
25 ,,	лиловаго съ краснымъ	(99 × 66 мм)
50 ,,	синій съ коричневымъ	(108 × 67 мм)

Баку 1919—1920 гг.

Къ этому выпуску принадлежатъ:

25	руб.	лиловаго цвѣта	(107×64 мм) 1919
50	,,	свѣтло-синяго цвѣта	(107×65 мм) 1919
100	,,	коричневаго съ краснымъ	(138×90 мм) 1919
250	,,	лиловаго съ коричневымъ и зеленаго	(151×96 мм) 1919
500	,,	темно-лиловыхъ тоновъ съ свѣтлыми	(151×96 мм) 1920

Сторублевый билетъ имѣетъ разновидность: текстъ его такой же, но вмѣсто «Азербайджанская Республика» стоитъ «Азербайджанское Правительство» и другія подписи: предсѣд. сов. мин. Ф. Лонскій (?) и министъ. финансовъ И. Протасьевъ. Помѣченъ этотъ билетъ также 1919 г. (см. № 115)

119—123. Баку послѣ 27. IV. 1920 г.

Знаки Азербайджанской соціалистической совѣтской республики.

Къ этому выпуску принадлежатъ:

5	руб.	лиловый съ лицевой стороны и сѣрой и коричневой краски на оборотѣ	(49×64 мм)
100	,,	сѣрый съ желтымъ	(98×60 мм)
1000	,,	зеленаго и свѣтло-зеленаго тоновъ	(118×67 мм) 1920
5000	,,	сине-желтый, съ обр. стороны въ свѣтло-синемъ тонѣ съ коричневымъ	(146×94 мм) 1921
10000	,,	коричневаго цвѣта съ зеленымъ, съ обратной стороны въ коричневомъ цвѣтѣ	(149×93 мм) 1921

АРМЕНІЯ (Эривань)

124, 125. Эривань 1919 г.

Чеки Эриванскаго отдѣленія Госуд. Банка.

Къ этой серіи принадлежатъ:

5	руб.	съ обѣихъ сторонъ синій	(109× 67 мм)
10	,,	съ обѣихъ сторонъ красный	(117× 67 мм)
25	,,	съ обѣихъ сторонъ коричневый	(171×103 мм)
50	,,	?	?
100	,,	съ обѣихъ сторонъ желтый	(170×104 мм)
250	,,	?	?
500	,,	съ обѣихъ сторонъ синій	(180×103 мм)
1000	,,	съ обѣихъ сторонъ оранжевый	(177×111 мм)
5000	,,	съ обѣихъ сторонъ лиловый	(178×112 мм)

Отъ имени Эриванскаго Отд. Г. Б. были выпущены такіе же чеки (тотъ же текстъ, размѣръ и краска) что и вышеприведенные, но отличіе ихъ состояло въ томъ, что въ лѣвомъ и правомъ верхнихъ углахъ лицевой стороны билетовъ на армянскомъ языкѣ было напечатано достоинство чека. Кромѣ того на нѣкоторыхъ чекахъ этого выпуска съ обратной стороны отсутствовалъ текстъ.

126, 127. Кромѣ приведенныхъ двухъ Эриванскихъ выпусковъ въ Арменіи существовалъ третій выпускъ національныхъ армянскихъ денежныхъ знаковъ. Весь выпускъ былъ исполненъ печатаніемъ въ Англіи и поступилъ въ Арменію въ концѣ 1920 года. Этотъ выпускъ предполагалъ упорядоченіе Армянской денежной системы и обезпечивался заключеннымъ 6% займомъ въ долларахъ. Большевистскій переворотъ этотъ проектъ ликвидировалъ.

Къ этому выпуску относятся:

1	р.	?	?
3	,,	?	?
50	,,	сѣраго съ розовымъ цвѣта съ обѣихъ сторонъ	(125 × 81 мм)
100	,,	?	?
250	,,	лилово-желто-зеленаго цвѣта съ обѣихъ сторонъ	(160 × 96 мм)

128. Знакъ Армянской соціалистической Сов. Республики выпущенъ въ 1921 г. Цвѣтъ лиловатый съ обѣихъ сторонъ (130 × 78 мм).

129, 130. ЗАКАСПІЙСКОЕ ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

(Асхабадъ) 1919.

Къ этому выпуску относятся:

5	р.	свѣтло-зелёнаго цвѣта	(106 × 135 мм)
10	,,	свѣтло-краснаго цвѣта	(90 × 120 мм)
25	,,	свѣтло-синяго цвѣта	(109 × 140 мм)
50	,,	синяго цвѣта	(152 × 104 мм)
100	,,		?
250	,,	лиловаго цвѣта	(151 × 102 мм)
500	,,	коричневаго съ зеленымъ	(156 × 107 мм)

ТУРКЕСТАНЪ

(Ташкентъ) 1918—1920 гг.

131—135.

Къ этому выпуску привадлежатъ:

1	р.	коричневаго	(112 × 64 мм)	1918
3	,,	зеленаго	(112 × 64 мм)	1918
5	,,	синяго	(112 × 85 мм)	1918
10	,,	краснаго	(112 × 85 мм)	1918
25	,,	лиловаго съ розовымъ	(111 × 86 мм)	1918
50	,,	голубого	(138 × 89 мм)	1918
100	,,	коричневаго	(163 × 90 мм)	1918
250	,,	?	?	1919
500	,,	съ лицевой стороны розоваго цвѣта, съ обратной стороны синяго	(108 × 193 мм)	1919
1000	,,	коричневаго съ чернымъ съ обѣихъ сторонъ	(137 × 92 мм)	1920
5000	,,	?	?	1920

Въ томъ же г. Ташкентѣ въ 1918 г. отъ имени Ташкентскаго Отд. Госуд. Б. за подписью его управляющаго М. Грибовскаго, выпускались «Размѣнные денежные знаки Ташкент. Отд. Госуд. Банка», съ надписью: по распоряженію Совѣта Народныхъ Комиссаровъ Туркестанскаго Края согласно постановленія особаго совѣщанія съ участіемъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ, представителей вѣдомствъ, финансоваго Государственнаго Контроля и Государственнаго Банка и кредитныхъ учрежденій гор. Ташкента.

Всѣ эти билеты помѣчены 1918 годомъ, имѣютъ ту же окраску и форматъ, что и вышеприведенные билеты «Туркестанскаго Края» достоинствомъ до 100 руб. включительно.

СЕМИРѢЧЬЕ

136. Семирѣченскій Кредитный билетъ. Обезпеченъ «опіемъ», хранящимся въ Госуд. Банкѣ и всѣмъ достояніемъ Семирѣчья. — Размѣръ: (183 × 109 мм). Цвѣта коричневаго.

ОРЕНБУРГЪ 1917—1918

137. Денежный знакъ Оренбургскаго Отдѣленія Государственнаго Банка, т. н. «Дутовскіи деньги».

Къ этому выпуску относятся:

1	р.	?	(? мм) 1918
3	,,	зеленый	(109 × 64 мм) 1918
25	,,	свѣтло-коричневый	(127 × 83 мм) 1917
100	,,	оранжевый	(169 × 104 мм) 1917
500	,,	съ лицевой стороны розоватый, съ обратной такой же, но темнѣй	(176 × 118 мм) 1917

Послѣ занятія Оренбурга большевиками, эти знаки печатались со слѣдующимъ текстомъ на оборотной сторонѣ: «Выпущенъ съ разрѣшенія Оренбургскаго Губернскаго Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ и съ согласія Правительства Совѣта Народныхъ Комиссаровъ. Подлежитъ обмѣну на общегосударственные знаки. 1918.»

КОМИТЕТЪ ЧЛЕНОВЪ УЧРЕД. СОБРАНІЯ (Комучъ) 1918 г.

138—139. Отпечатанъ на вексельной бумагѣ зеленаго цвѣта. Размѣръ 307 × 128 мм Оборотная сторона — гладкая.

ЕКАТЕРИНБУРГЪ

140—141. Областной кредитный билетъ Урала.

1	р.	коричневаго цвѣта	(110 × 68 мм)
5	,,	синяго цвѣта	(90 × 53 мм)

142. Размѣнная марка Екатеринб. отдѣленія Гос. Банка, желтаго цвѣта. Размѣръ 65 × 44 мм. Выпущена послѣ занятія Екатеринбурга чехами.

СИБИРСКОЕ ВРЕМ. ПРАВИТЕЛЬСТВО

143. Казначейскій знакъ Сибирскаго Врем. Правительства 1918 г.

Къ этому выпуску относятся:

1	р.	коричневаго цвѣта	(121 × 75 мм)
5	,,	синяго цвѣта	(121 × 71 мм)
10	,,	краснаго цвѣта	(121 × 71 мм)

144—145. Казначейскіе знаки Сибирскаго Врем. Правительства.

(Выпущенные при адм. Колчакѣ)

3	руб.	зеленаго цвѣта	(120 × 72 мм) 1919
300	,,	съ лицевой стороны синяго, съ обратной коричневаго цвѣта	(122 × 71 мм) 1918

Отличаются отъ предыдущихъ рисункомъ Госуд. Герба (крестъ и надпись: «Симъ побѣдиши».)

146. Сибирское Краткосрочное Обязательство Госуд. Казначейства.

Къ этому выпуску принадлежатъ:

25	руб.	синяго цвѣта	(145 × 58 мм)
50	,,	зеленаго цвѣта	(145 × 60 мм)
100	,,	сѣраго съ синимъ	(210 × 78 мм)
250	,,	розоваго и коричневаго	(215 × 79 мм)
500	,,	желто-зелено-лиловаго	(215 × 87 мм)
1000	,,	желто-зелено-коричневаго	(230 × 90 мм)
5000	,,	желтаго и коричневаго	(315 × 120 мм)
10000	,,	?	?

Эти 5% обязательства, напечатаны на разной бумагѣ, сроки ихъ также различны, а 1000 р. и 5000 р. куп. существовали двухъ форматовъ большого (315 × 120 мм) и малаго (230 × 90 мм).

147. Госуд. Выигрышный заемъ.

Къ этому выпуску выигрышныхъ билетовъ принадлежатъ 5 разрядовъ:

200 руб. I разряда зеленаго цвѣта
200 ,, II разряда оранжеваго цвѣта
200 ,, III разряда темно-коричневаго цвѣта
200 ,, IV разряда синяго цвѣта
200 ,, V разряда свѣтло-коричневаго
. . . . . (200 × 193 мм)

Эти билеты всѣхъ 5 разрядовъ изготовлены были въ С. Америкѣ «American Bank Note Company» и поступили черезъ Владивостокъ въ Сибирь къ 1919 году, гдѣ они въ виду недостатка въ денежныхъ знакахъ при адм. Колчакѣ были выпущены въ обращеніе, какъ денежные знаки достоинствомъ въ 200 р. каждый. Въ 1919 г. было выпущено ихъ въ обращеніе только 3 разряда, (1, 2 и 3-ій) причемъ по мѣсту нахожденія Отдѣленія Г. Б. ихъ выпускавшаго подъ словомъ «Бухгалтеръ» — (на лицевой сторонѣ билета) ставился штампъ, напр. «Владив. Отд. Госуд. Банка.» или «Ирк. Отд. Гос. Б.» и т. д. Разряды же 4-й и 5-й выпущены были въ обращеніе уже послѣ сверженія адм. Колчака — Совѣтской Властью на рубежѣ 1919 и 1920 г., причемъ, передъ выпускомъ этихъ разрядовъ въ обращеніе, на нихъ красной краской или синей ставился особый, печатный штемпель съ гербомъ Совѣтской Республики и текстомъ «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Сибирский Революционный Комитет, председатель: (под. неразб.) 1920. Обязателен к обращению наравне с кредитными билетами и расчетными знаками Российской Социалистической Советской Республики. Подделка преследуется законом».

При этихъ листахъ 4% Выигрыш. з. 1917 года находились и листы купоновъ (по 20 штукъ).

Купоны 1, 2 и 3-го разрядовъ были использованы какъ и билеты этихъ же разрядовъ, и выпущены были въ обращеніе безъ какихъ бы то ни было особыхъ знаковъ или штемпелей, 4-й же и 5-й разряды этихъ купоновъ по наложенію на нихъ штемпеля «Обязательны къ обращению наравне с кредитными билетами и расчетными знаками Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» — поступили въ обращеніе въ 1920 г.

ЧИТА

148. «Сибирскій кредитный билетъ». Выпущенъ въ Читѣ въ 1918 г., т. н. Кузнечикъ, розоваго и синяго цвѣта (144 × 72 мм).

Денежные знаки, выпущенные при атаманѣ Семеновѣ.

149. Билетъ № 148 съ печатью Читинскаго Отдѣленія Гос. Банка. Билеты съ такой печатью были допущены атам. Семеновымъ въ обращеніе.

150. Билеты Читинскаго отдѣленія Государственнаго Банка.

1 р.
2 ,,
3 ,,
5 ,,
10 ,,
25 ,,
100 ,,
. . . . . (109 × 85 мм)

151, 152. 100 ,, на розоватомъ фонѣ черной краской . . . . . (122 × 80 мм)
500 ,, есть синяго и зеленаго цвѣтовъ . . . . . (149 × 85 мм)

Дальне-Восточная Республика.

153—156. Къ этой серіи принадлежатъ:

1 р. коричневаго цвѣта . . . . . (54 × 89 мм)
3 ,, зеленаго цвѣта . . . . . (54 × 89 мм)
5 ,, синяго цвѣта . . . . . (81 × 54 мм)

10 руб. краснаго цвѣта . . . . . (81 × 54 мм)
25 ,, сѣро-синяго цвѣта . . . . . (83 × 57 мм)
50 ,, сѣро-зеленаго цвѣта . . . . . (83 × 57 мм)
500 ,, съ лицевой стороны коричневый въ свѣтлыхъ и темныхъ тонахъ и синяго со слабо-коричневымъ съ обратной стороны . . . . . (142 × 100 мм)
1000 ,, съ лицевой стороны зеленые тона съ чернымъ, коричневаго цвѣта съ обратной стороны . . . . . (173 × 107 мм)

1, 3, 5, 10 и 500 р. — «Кредитные билеты», 25 и 50 р. — «расчетные знаки», а 1000 руб. «Государственный Кредитный Билет» ДВР.

БЛАГОВѢЩЕНСКЪ

157. Размѣнный билетъ гор. Благовѣщенска 1917 г. (143 × 86 мм) — Коричневаго цвѣта.

---

158. Амурскій областной размѣнный билетъ. — Зеленаго цвѣта, размѣръ (105 × 67 мм)

159, 160. Денежные знаки Благовѣщ. Отд. Госуд. Банка.

Къ этой серіи относятся:

100 руб. желтаго цвѣта . . . . . (166 × 106 мм)
500 ,, лиловаго цвѣта . . . . . (168 × 106 мм)
1000 ,, зеленаго съ лицев. стор. и сѣраго съ синимъ съ обратной (164 × 98 мм)
3000 ,, краснаго цвѣта . . . . . (106 × 65 мм)
5000 ,, синяго цвѣта . . . . . (164 × 98 мм)

ХАБАРОВСКЪ

161. Билетъ «Дальневосточнаго Совѣта Народныхъ Комиссаровъ» 1918 г.
10 руб. съ лицевой стороны розовый, съ обратной стороны зеленый . . . . . (154 × 98 мм)

ХАРБИНЪ 1919 г.

162. Расписка Харбинскаго Городского Совѣта

Къ этому выпуску относятся:

1 руб. коричневаго цвѣта . . . . . (124 × 78 мм)
3 ,, зеленаго цвѣта . . . . . (124 × 78 мм)
5 ,, синяго цвѣта . . . . . (124 × 78 мм)

163—165. Боны Русско-Азіатскаго Банка

Къ этому выпуску относятся:

50 коп. стального цвѣта, на обратн. стор. зеленый съ оранжев. (125 × 76 мм)
1 рубль коричневаго съ сине-зелеными отливами, на обратн. сторонѣ коричневаго . . . . . (147 × 82 мм)
3 рубля зеленаго съ коричнево-синими отливами, на обратной сторонѣ темно-зеленаго . . . . . (151 × 82 мм)
10 рублей краснаго съ сѣрозелен. отливами, на обратной сторонѣ краснаго . . . . . (161 × 86 мм)
100 ,, коричневаго съ сѣрозелеными отливами . . . . . (168 × 93 мм)

ВЛАДИВОСТОКЪ

165—168. Денежные знаки Правительства Медвѣдева.

Къ этой серіи относятся:

5 коп.	желтый	(63 × 37 мм)
10 ,,	коричневый	(70 × 42 мм)
30 ,,	зеленый	(77 × 47 мм)
1 рубль	коричневый	(113 × 62 мм)
5 рублей	сине-розовый	(133 × 74 мм)
10 ,,	красно-зеленый	(140 × 85 мм)

169—171. 50 коп. оранжевый . . . . . (95 × 57 мм)
25 руб. стального цвѣта . . . . . (148 × 86 мм)
100 ,, лицевая сторона черно-коричневая, обрати. коричнев. (156 × 88 мм)

Эти знаки были заготовлены въ С. А. С. Ш. еще по заказу Всероссійскаго Временнаго Правительства. Они были выпущены въ обращеніе во Владивостокѣ во время Правительства Медвѣдева за подписью Управляющаго Государственнымъ Банкомъ Ивановымъ.

Знакъ въ 50 коп. безъ всякой подписи былъ въ обращеніи по всей Сибири и при Колчакѣ.

Знаки въ 50 р. и 100 руб. съ печатью «Временная аемская власть Прибайкальи» (см. № 170а) были выпущены въ обращеніе въ Верхнеудинскѣ въ 1920 г., послѣ сверженія Колчака, Временнымъ Правительствомъ Дальневосточной Республики.

НИКОЛАЕВСКЪ НА АМУРѢ.

172. Чекъ Николаевскаго отдѣленія Гос. Банка, выпущенный по постановленію Областн. Исп. Ком. Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, красноватаго цвѣта — сто (100) рублей — отпечатаны зеленой краской . . . . . (158 × 98 мм)

173. «Разменный билет Николаевского на Амуре Гос. Банка», зеленаго цвѣта . . . . . (108 × 71 мм)

ЯПОНСКАЯ ОККУПАЦІЯ.

174. Лицевая сторона желтаго цвѣта, оборотная оранжеваго и кирпичнаго (118 × 76)

ЛАГЕРЯ ГЕРМАНСКИХЪ И ВЕНГЕРСКИХЪ ВОЕННОПЛѢННЫХЪ.

175—181. 176—178, 181 въ натуральную величину, 175 — (110 × 48 мм) 179 — (97 × 50 мм), 180 — (110 × 60 мм).

182. ДЕНЕЖНЫЙ ЗНАКЪ КИТАЙСКАГО ВОСТОЧНАГО БАНКА.

Лицевая сторона кирпичнаго и синяго цвѣта, оборотная сѣрая и свѣтло-синяя (114 × 55).

---

183. Чекъ магазина Кунстъ и Альберсъ въ Владивостокѣ зеленаго цвѣта . . . . . (112 × 65 мм)

184. Чекъ магазина Симада въ Николаевскѣ на Амурѣ. отпечатанъ на японской бумагѣ . . . . . (111 × 72 мм)

1a

1b

2a

2b

3a

3b

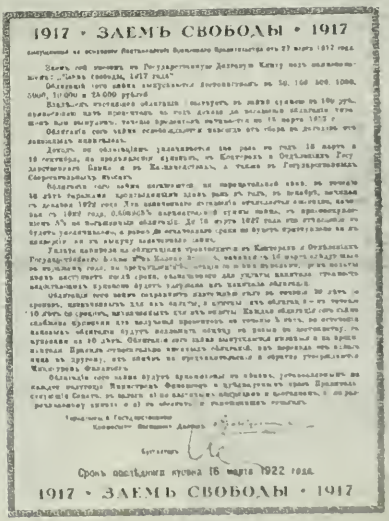
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КРЕДИТНЫЙ БИЛЕТЬ
ТЫСЯЧА РУБЛЕЙ
АС 087420
1000
1000
АС 087420
1917

4a

РУБЛЕЙ
1000
РУБЛЕЙ
РУБЛЕЙ
1000
РУБЛЕЙ

4b

№0574243
II серія.
ЗАЕМЪ СВОБОДЫ
№0574243
II серія.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЛИЧА
5% ОБЛИГАЦІЯ
въ СТО РУБЛЕЙ нарицательныхъ.
Министръ Председатель


1917 • ЗАЕМЪ СВОБОДЫ • 1917
Срокъ погашенія наступаетъ 15 іюля 1922 года.
1917 • ЗАЕМЪ СВОБОДЫ • 1917

5 РУБ. 5 РУБ. 5 РУБ. 5 РУБ. 5 РУБ. 5 РУБ. 5 РУБ. 5 РУБ.
АА-044 ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КРЕДИТНЫЙ БИЛЕТЪ
ПЯТЬ РУБЛЕЙ
Кредитные билеты размѣниваются Государственнымъ банкомъ на золотую монету безъ ограниченія суммы и обезпечиваются всѣмъ достояніемъ Государства.
АА-044
Управляющій
1918
Кассиръ
5 РУБ. 5 РУБ. 5 РУБ. 5 РУБ. 5 РУБ. 5 РУБ. 5 РУБ. 5 РУБ.

6a

РУБЛЕЙ
5
РУБЛЕЙ
5
ПОДДѢЛКА КРЕДИТНЫХЪ БИЛЕТОВЪ ПРЕСЛѢДУЕТСЯ ПО ЗАКОНУ.

6b

АА-051 ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КРЕДИТНЫЙ БИЛЕТЪ
ПЯТЬДЕСЯТЪ РУБЛЕЙ
50
50
Управляющій
Кассиръ
1918
АА-051

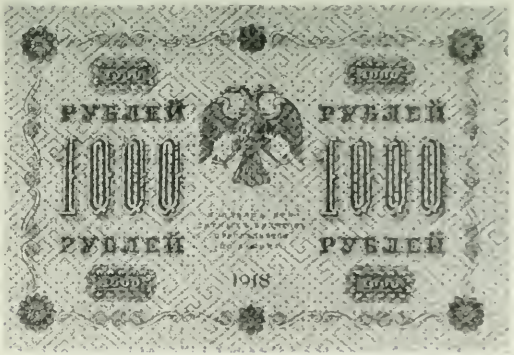
7a

РУБЛЕЙ
РУБЛЕЙ
50
50
ПОДДѢЛКА КРЕДИТНЫХЪ БИЛЕТОВЪ ПРЕСЛѢДУЕТСЯ ПО ЗАКОНУ.
РУБЛЕЙ
РУБЛЕЙ

7b

АА-065 ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КРЕДИТНЫЙ БИЛЕТЪ
ТЫСЯЧА
РУБЛЕЙ
1000
1000
1918
АА-065

8a


РУБЛЕЙ
РУБЛЕЙ
1000
1000
РУБЛЕЙ
РУБЛЕЙ
1918

8b

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КРЕДИТНЫЙ БИЛЕТЪ
ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧЪ
РУБЛЕЙ
10000
10000
БП 005745
1918

9a

10000
10000
10000
10000
РУБЛЕЙ

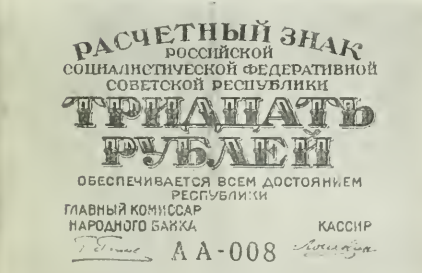
9b

10a

10b

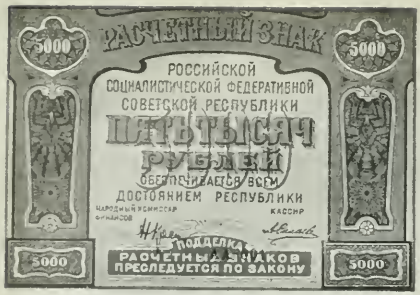
11a

11b

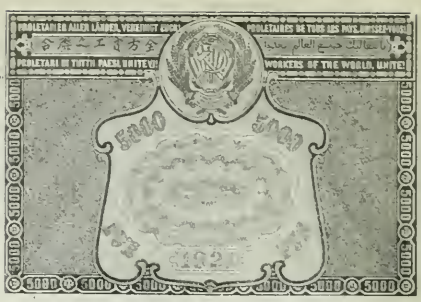


12a

12b



17a

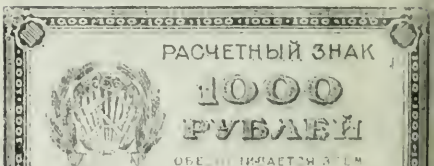


17b

18a

18b

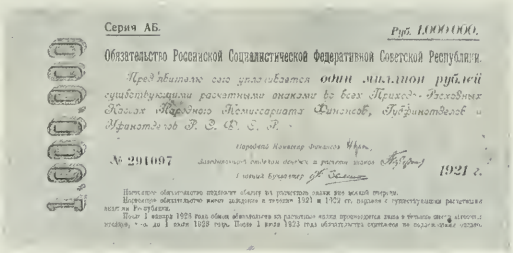
19



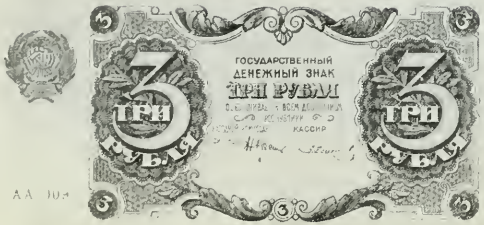
20

22a

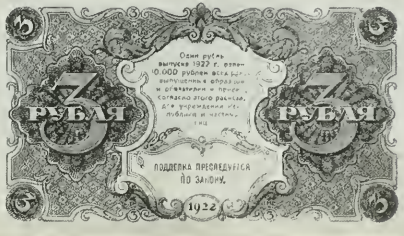
22b



23

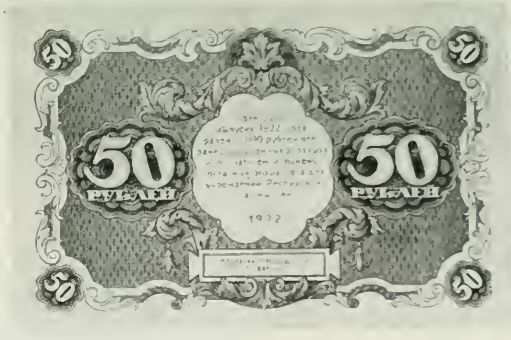


24a



24b

25a



25b

26a

26b

27 a

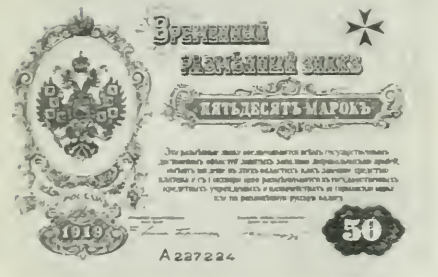
27 b

28 a

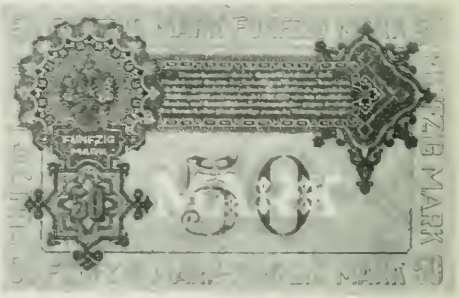
28 b

34a

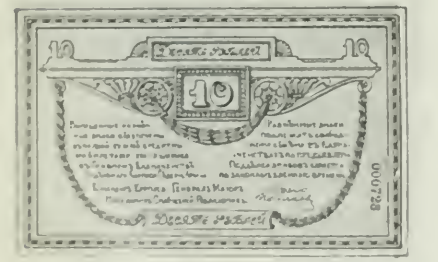
34b



35a



35b



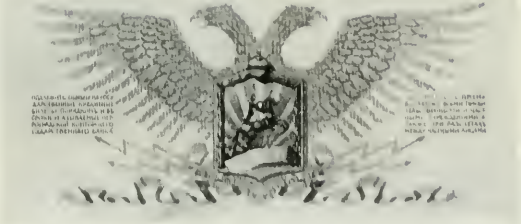
40a

40b

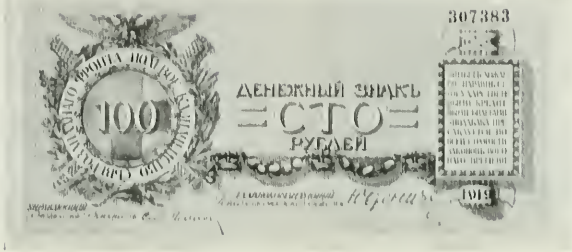
36

37

38а



38б



39

34a

34b

35a

35b

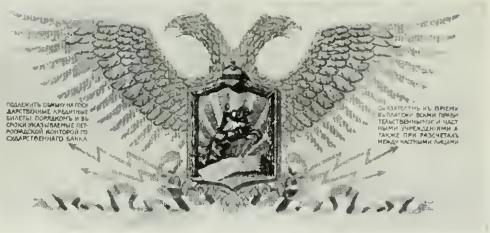
40a

40b

36

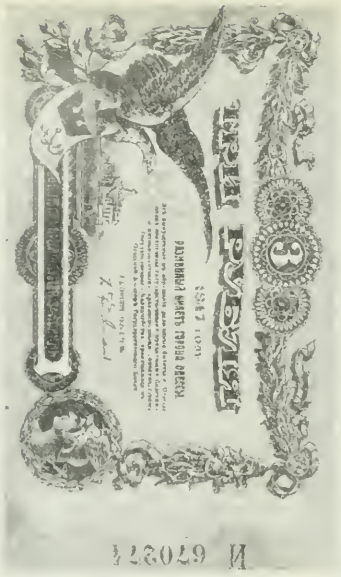
37

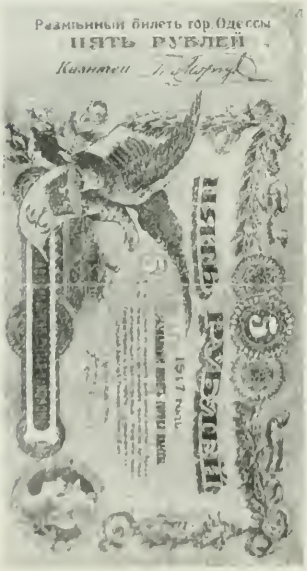
38a

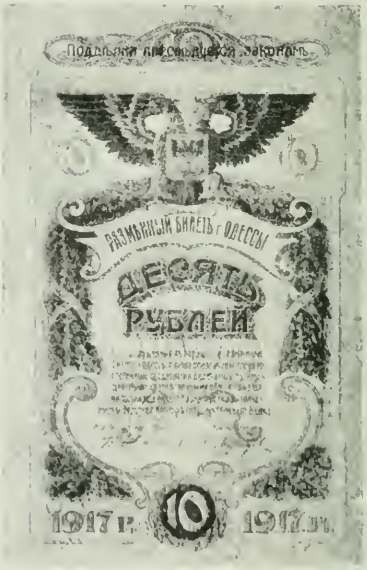


38b

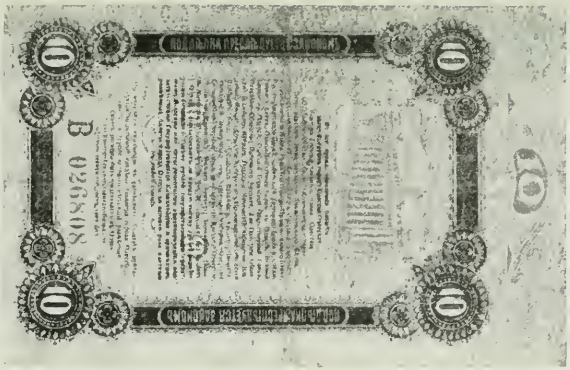
39


ПЯТЬ РУБЛЕЙ
5
ПЯТЬ РУБЛЕЙ
5
И 670974


Размѣнный билетъ гор. Одессы
ПЯТЬ РУБЛЕЙ
ПЯТЬ РУБЛЕЙ
5
ПЯТЬ РУБЛЕЙ
5


Подлежитъ высочайшей экспертизѣ
РАЗМѢННЫЙ БИЛЕТЪ г. ОДЕССЫ
ДЕСЯТЬ
РУБЛЕЙ
1917 г.
10
1917 г.

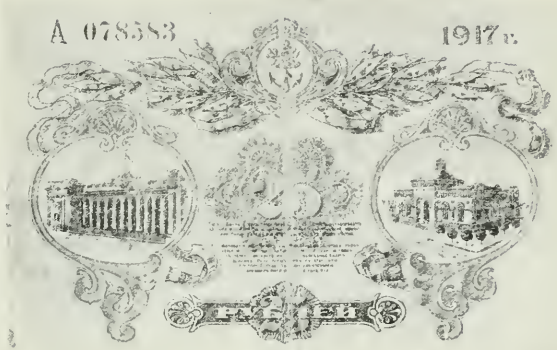
43а


В 026808

43b

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ
РУБЛЕЙ
Разменный билет г. Одессы
1917 г.
25

44a

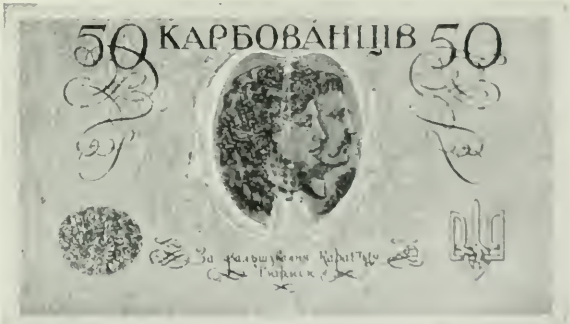

А 078383
1917 г.

44b

45a

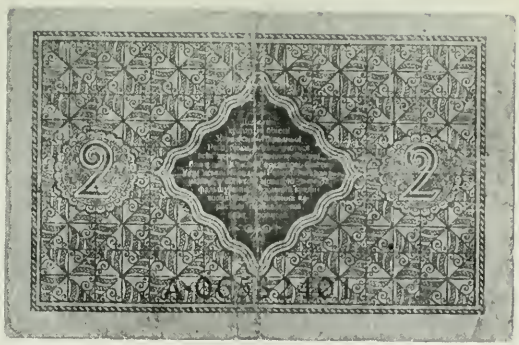
45b

46a



46b

47a



47b

48a

48b

49a

49b

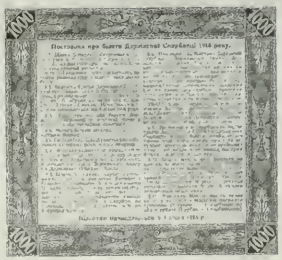
50a

50b

51a

51b

52a



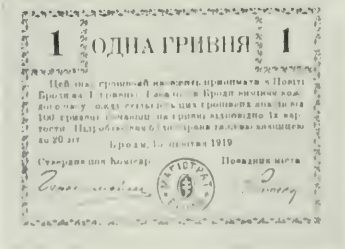
52b

Українська Держава
Знак Державної Скарбниці
100
СТО
КАРБОВАНЦІВ
100
1918
ТА 002173

53a

100
100

53b


1
ОДНА ГРИВНЯ
1
Броди, 1 січня 1919

54

10
10
10
ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ
1918 годъ
ПОДДѢЛКА ПРЕСЛѢДУЕТСЯ ЗАКОНОМЪ
серія 2.
493663

55

1919 г.
Поддѣлка разменныхъ билетовъ преслѣдуется закономъ
25
РУБЛЕЙ
Размѣнный билетъ
Елисаветградскаго Отдѣленія Народнаго Банка
ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ РУБЛЕЙ
Выпускъ сихъ Размѣнныхъ билетовъ Елисаветградскаго Отдѣленія Народнаго Банка обезпеченъ соотвѣтствующей суммой Кредитныхъ билетовъ и 5% обязательствъ Государств. Казначейства и Свободами.
Управляющій Елисаветградскимъ Отдѣленіемъ Народнаго Банка
Кассиръ
25
135148

56a

25
25 руб.
25 руб.
25
25
25
ВСѢ НАХОДЯЩІЕСЯ ВЪ ЕЛИСАВЕТГРАДѢ КРЕДИТНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ПРИНИМАЮТЪ НАСТОЯЩІЕ ОБМѢННЫЕ ИМЪ БИЛЕТЫ ПО ВСЯКАГО РОДА ПЛАТЕЖАМЪ ВЪ ЛЮБОЙ СУММѢ
ПОДДѢЛКА ПРЕСЛѢДУЕТСЯ ЗАКОНОМЪ

56b

57 a

57 b

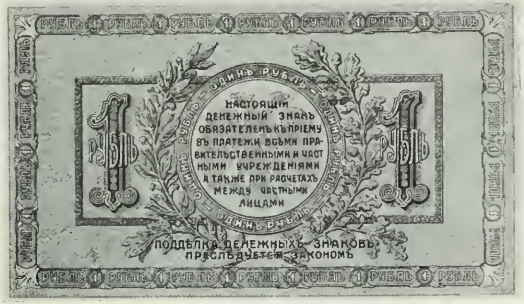
58 a

58 b

59a

59b

60a



60b

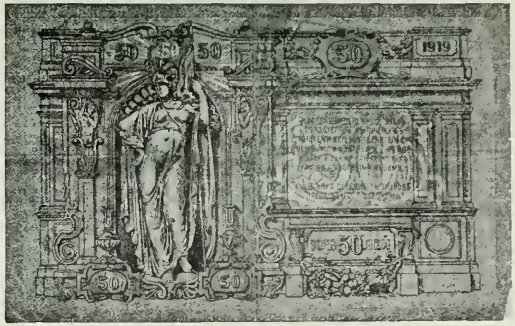
61a

61b

62a

62b

63 a

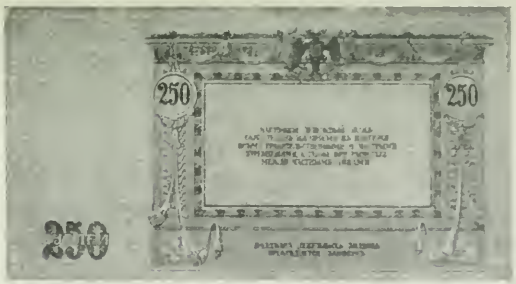


63 b

64 a

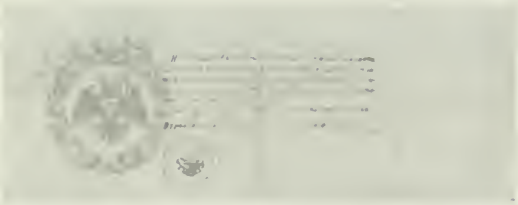
64 b

65a



65b

66a



66b

67a

67b

68a

68b

69a

69b

70a

70b

71a

71b

ЛИ—114 50 р.

БОН

Екатеринодарского Отделения Государственного Банка

ПЯТЬДЕСЯТ рублей.

Бон обеспечен обязательством Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики под поступление табачного акциза и имеет обязательное хождение в пределах всей Республики наравне с кредитными билетами

Управляющий

Кассир

50 р. ЛИ—114

72

73a

73b

74a

74b

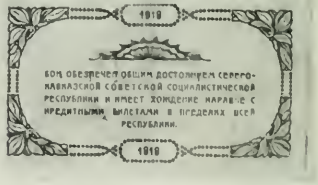
75a

75b

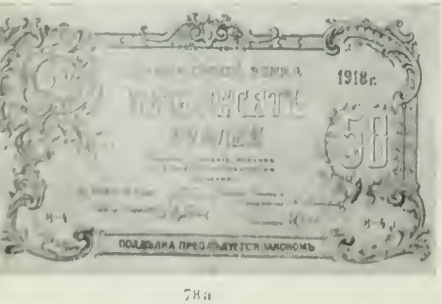
76a

76b

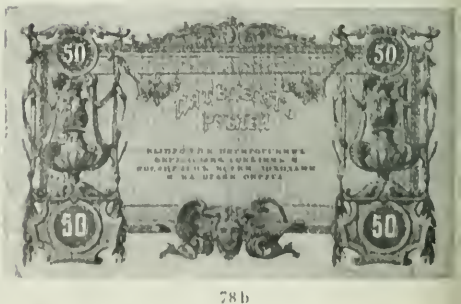
77a



77b



78a



78b

ДЕНЕЖНЫЙ ЗНАКЪ
ПЯТЬ
РУБЛЕЙ

79a

5
ПЯТЬ РУБЛЕЙ

79b

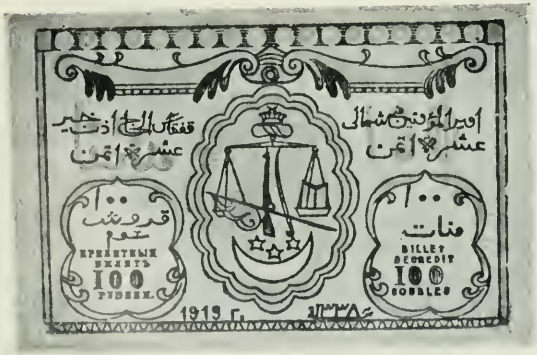
РАЗМѢННЫЙ ЗНАКЪ
1918
1918

80a

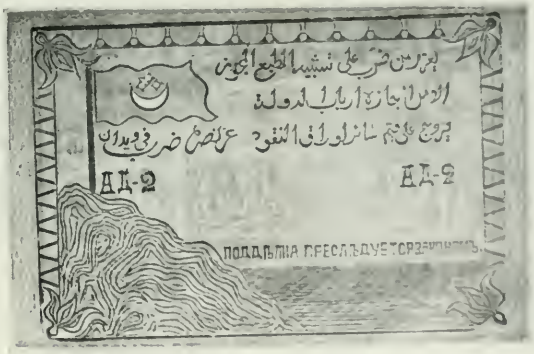
Размѣнный Знакъ
ТЕРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

81a

81b

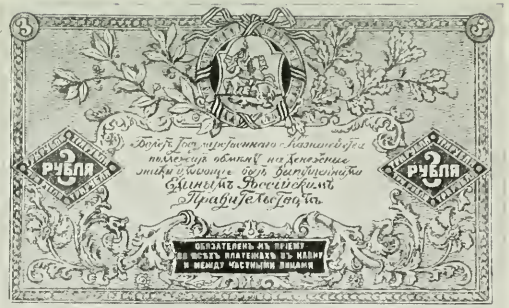


82a



82b

83a



83b

84a

84b

85 a

85 b

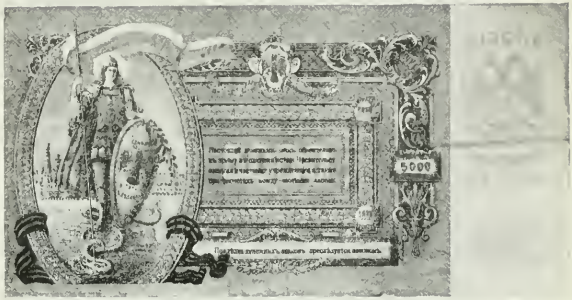
86 a

86 b

87a

87b

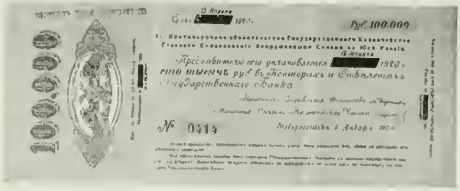
88a



88b

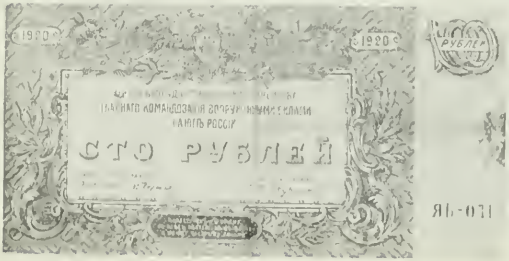
89a

89b

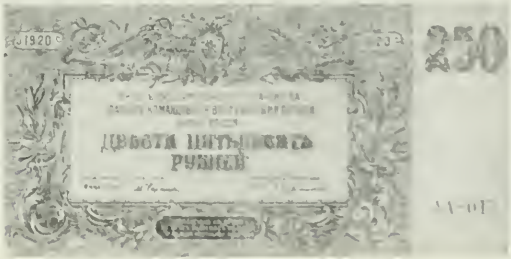


90a

90b



91



92

93a

93b

94a

94b

95a

95b

96a

96b

97a

97b

98a

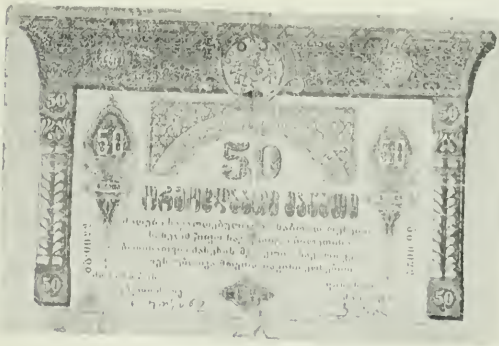
98b

99a

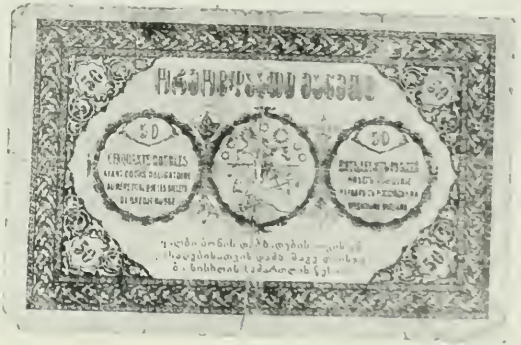
99b

100a

100b



101a



101b

102

103a

103b

104a

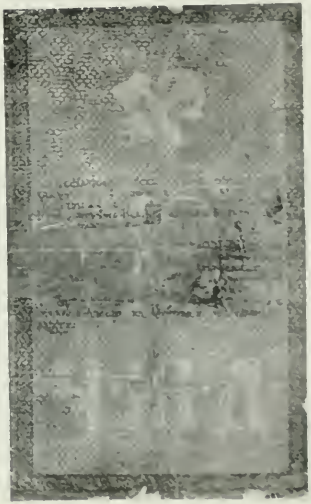
104b

105

106

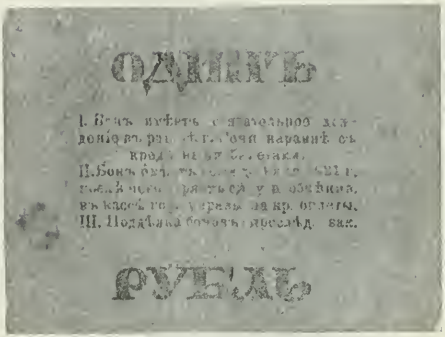
108a

107



108b

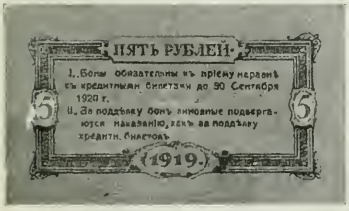
109a



109b

110a

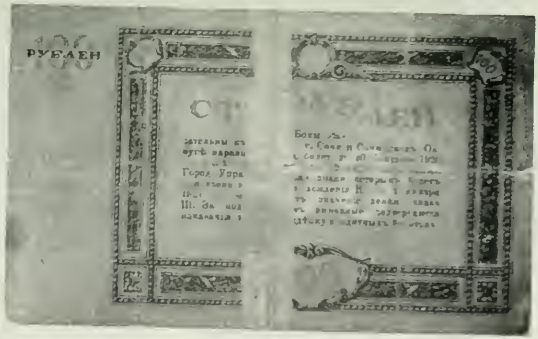
111a



110b

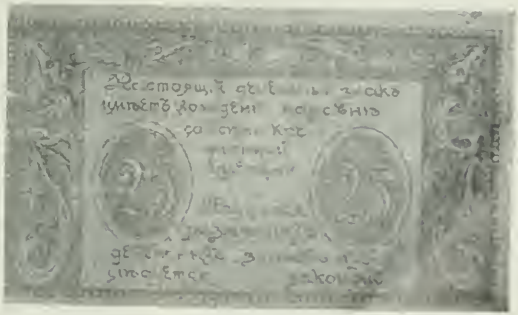
111b

112a



112b

113a



113b

114a

114b

115a

115b

116a

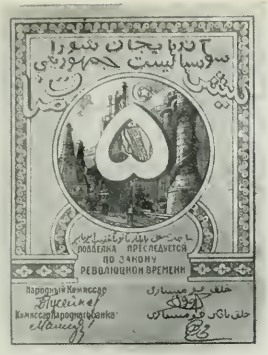
116b

117a

117b

118a

118b

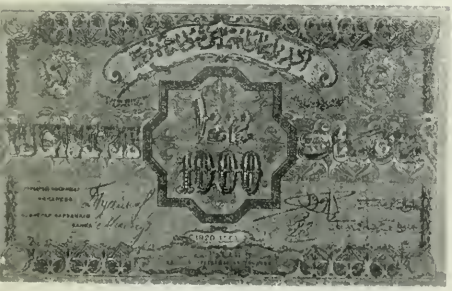


119a

119b

120a

120b



121a

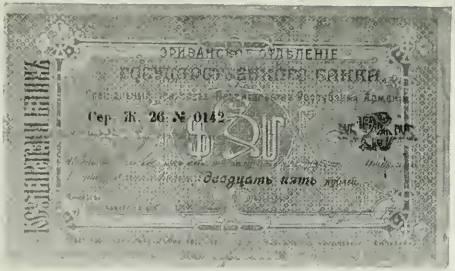
121b

122a

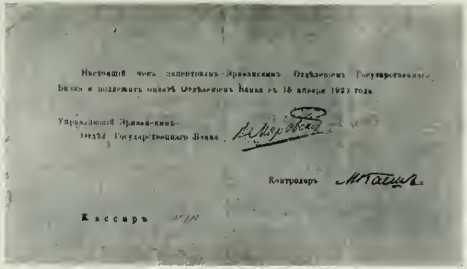
122b

123a

123b

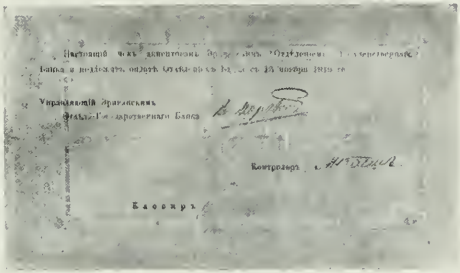


124a

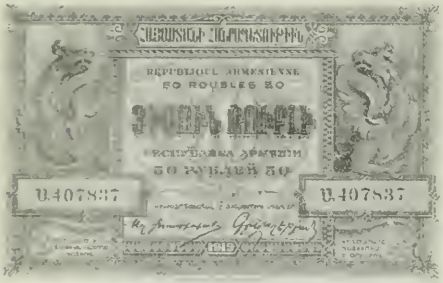


124b

125a



125b



126a

126b

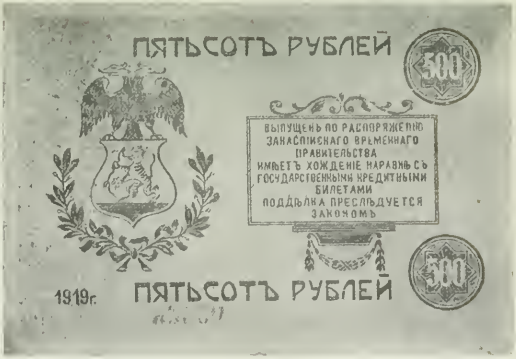
127a

127b

128a

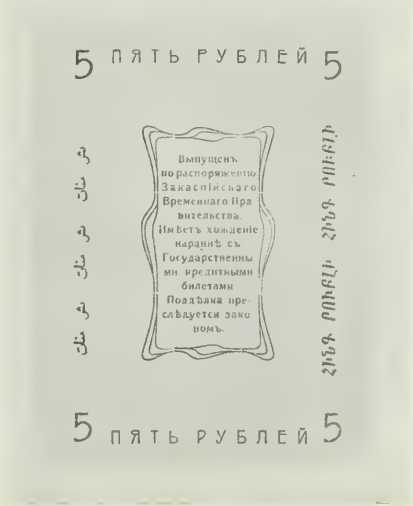
128b

129a



129b

130a



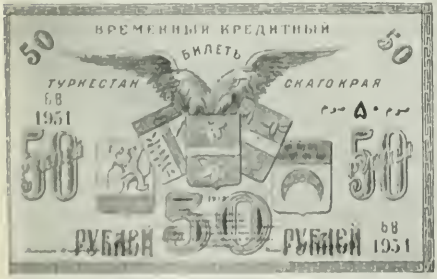
130b

131a

131b

132a

132b



133a

133b

134a

134b

135a

135b

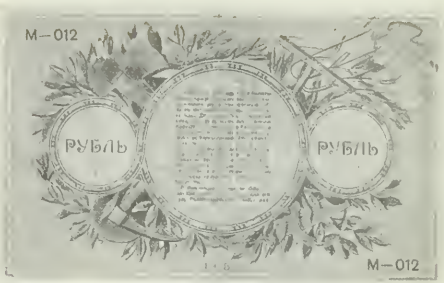
136 a

136 b

137 a

137 b

140a

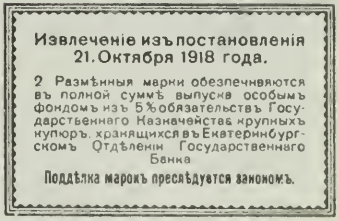


140b

141a

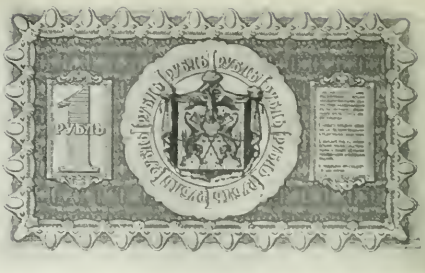
141b

142a



142b

143a

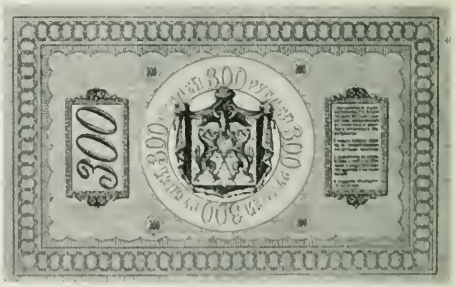


143b

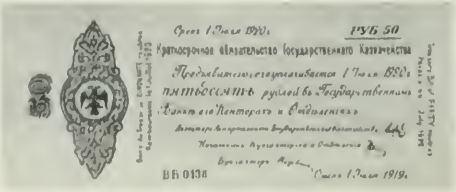
144a

144b

145a

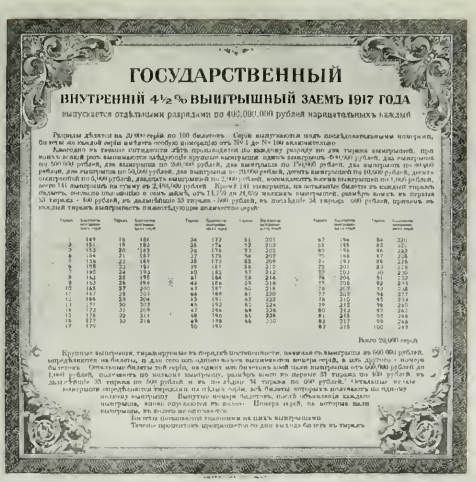


145b



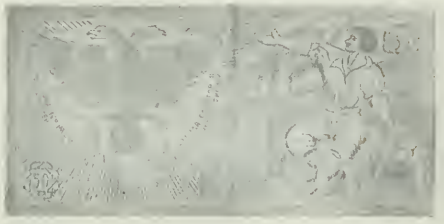
146

147a

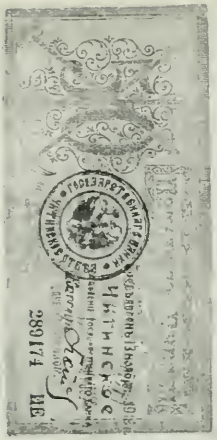


147b

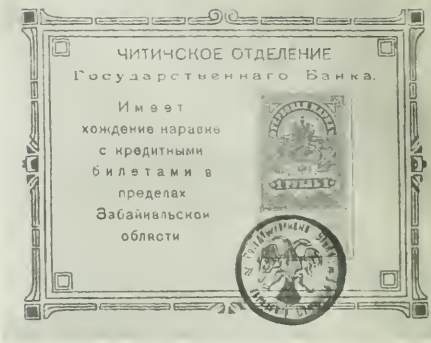
148a



148b

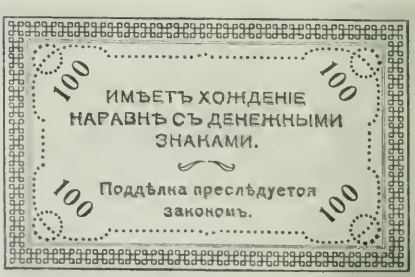


151



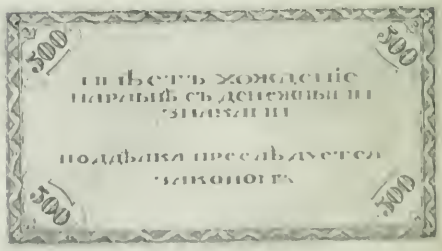
150

151a



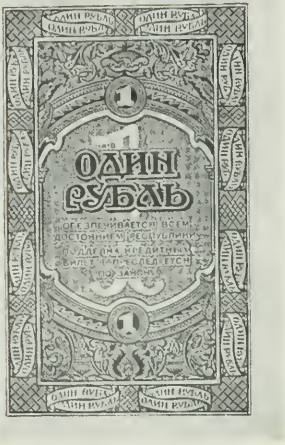
151b

152a



152b

153a



153b

154a

154b

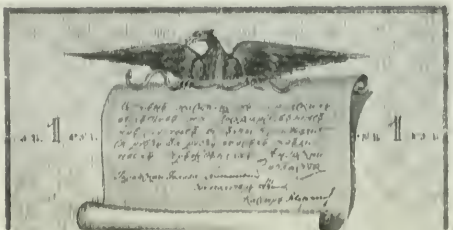
155a

155b

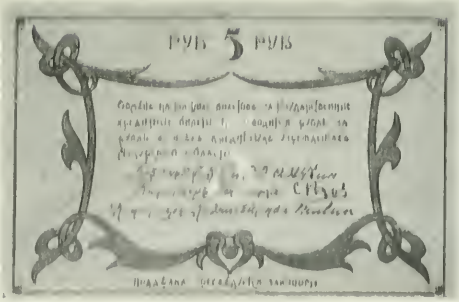
156a

156b

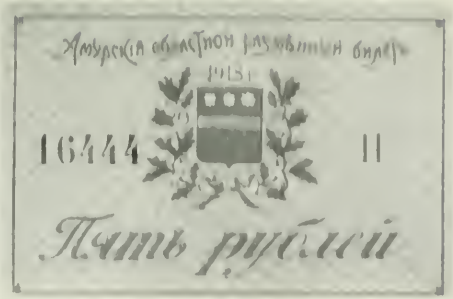
157a



157b



158a



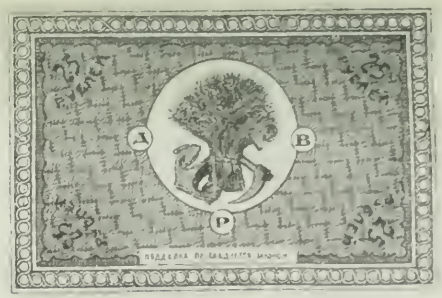
158b

159a

159b

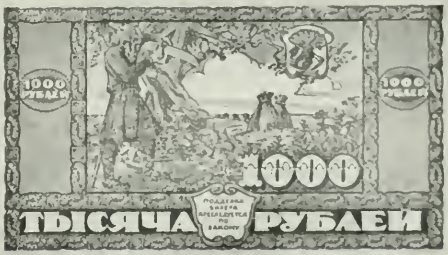
155a

155b



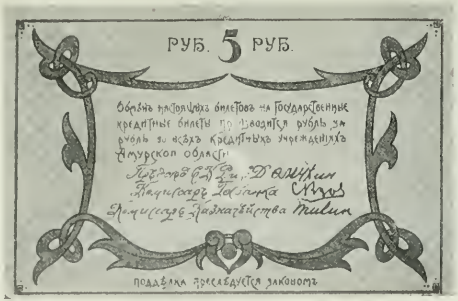
156a

156b



157a

157b



158a

158b

159a

159b

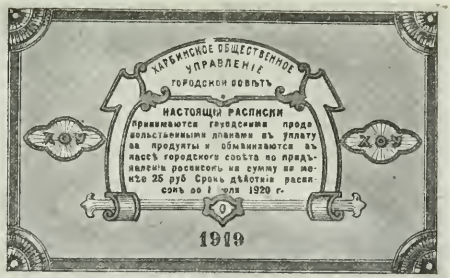
160 a

160 b

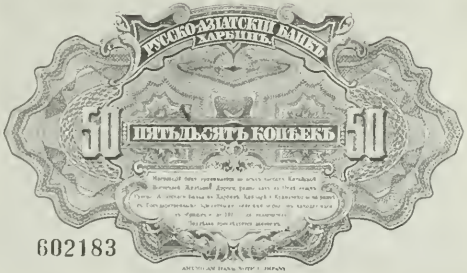
161 a

161 b

162a

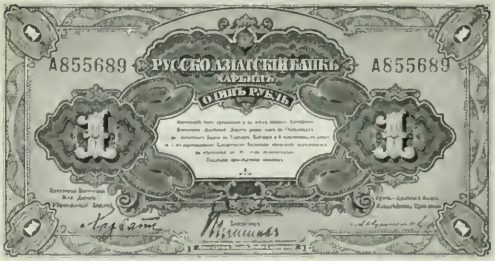


162b



163a

163b



164a

164b

165a

165b

166

167a

167b

168a

168b

169a

169b

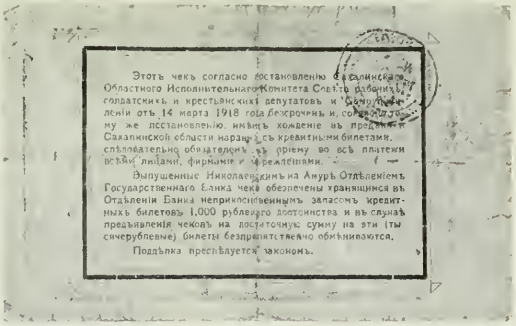
170a

170b

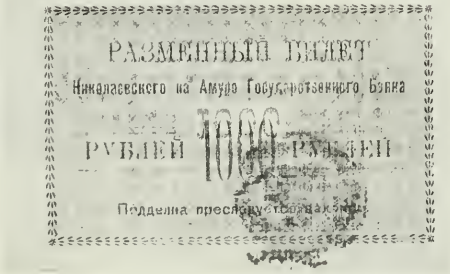
171a

171b

172a



172b



173a

173b

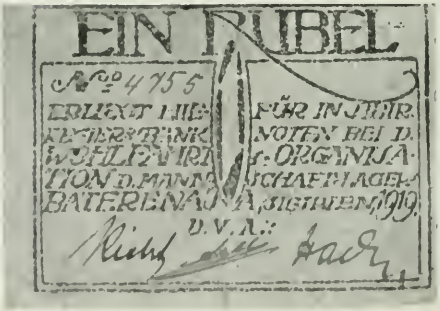
174a

174b

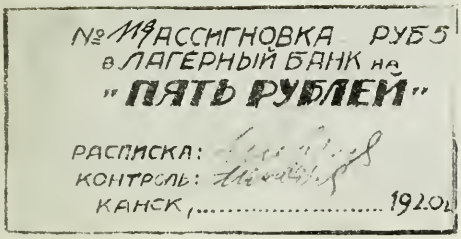
175

176

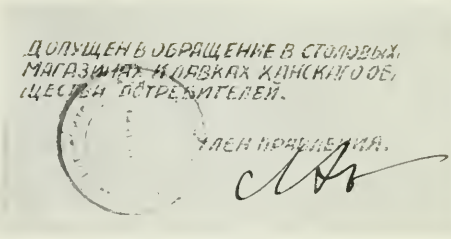
177



178

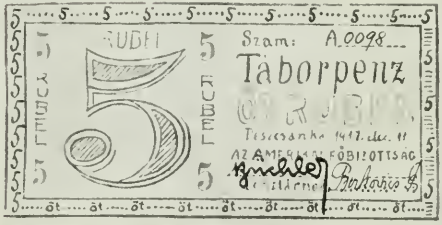


179a



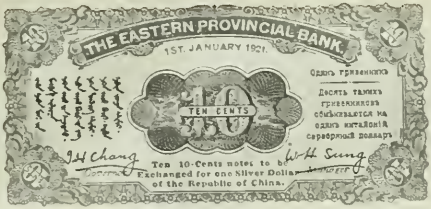
179b

180a



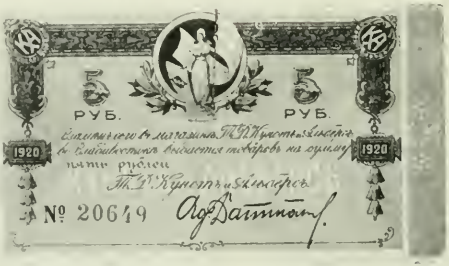
180b

181



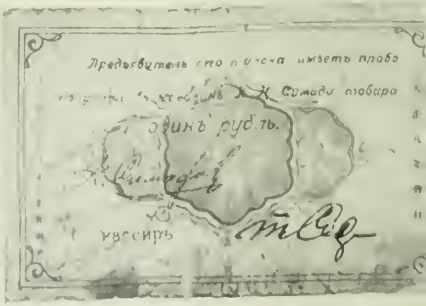
182a

182b



183

184a



184b

Содержаніе

На великомъ изломѣ — С. В. Завадскаго 5

Послѣ переворота 25-го Октября 1917 г. — С. Ан—скаго 43

Служба въ комиссаріатѣ юстиціи и народномъ судѣ — Н. Майера . . . 56

Изъ воспоминаній о 1917—1920 г. г. — В. Краснова 110

Какъ началась «Южная Армія» — Герцога Г. Лейхтенбергскаго . . . 166

Денежные знаки революціи и гражданской войны 183

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ

625086
P Arkhiv Russkoi Revolyutsii.
HSlav v. 3 (1923)
A

DATE | NAME OF BORROWER

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

Bibliothèque
N° 102
MEUDON-VAL

P
HSlav
A
Archiv Russkoi Revolyutsii

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

издаваемый

И. В. ГЕССЕНОМЪ

IX

БЕРЛИНЪ 1923

625087
9.12.55

Всѣ права, въ томъ числѣ и право изданія на другихъ языкахъ, принадлежатъ
Издательству «СЛОВО»

Паденіе Сѣверной области*

Борпса Соколова

Вмѣсто предисловія

Изъ Сибири я поѣхалъ во Францію...

Въ Марсели съ парохода я сошелъ послѣднимъ.

«Вы русскій? Подождите. Сначала просмотримъ паспорта другихъ иностранцевъ».

Я ходилъ по палубѣ «Портоса», большого океанскаго парохода. И съ недоумѣніемъ, вѣрнѣе, полунедоумѣніемъ себя спрашивалъ, такъ-же какъ спрашивалъ себя въ дни безконечнаго путешествія по тропическимъ морямъ:

«И къ чему я ѣду во Францію? Конференція мира? Парижъ? Уѣзжаю изъ Россіи. Это одно уже не понятно. Иностранцы. Французы. Если всѣ таковы, какъ эти колоніальные чиновники, грубые, сытые, враждебные къ Россіи — то развѣ не нелѣпость стремиться именно въ Парижъ. Стремиться, чтобы просить дружественной помощи».

Извозчикъ, развязный марселецъ, узнавъ въ насъ почему то русскихъ — не спрашивая, повезъ нашъ багажъ на вокзалъ.

«Сколько стоитъ?»

«Пятьдесятъ франковъ».

Мой спутникъ М., взволнованный, разсерженный, отказывается платить.

Извозчикъ ругается:

«А грязные русскіе — русскія свиньи».

---

* Въ томѣ III Архива Русской Революціи была напечатана статья г-на Добровольскаго, лично мнѣ незнакомаго, посвященная исторіи Сѣверной области. Несмотря на всю свою обстоятельность, авторъ этой статьи весьма субъективно освѣтилъ многіе факты, имѣвшіе мѣсто на Сѣверѣ. Моя настоящая статья отнюдь не является полемическимъ отвѣтомъ на статью г-на Добровольскаго. Но многое изъ того, что говоритъ г-нъ Добровольскій по адресу демократіи, лидеромъ коей онъ меня называетъ, заслуживаетъ исправленія и дополненія. Съ другой стороны, пробѣлъ вполнѣ естественный въ статьѣ Добровольскаго — это настроеніе на фронтѣ и разложеніе послѣдняго. Я постараюсь его заполнить, ибо большую часть времени своего пребыванія въ С. О. я провелъ на желѣзнодорожномъ фронтѣ. (Прим. авт.)

Это было время, — начало девятнадцатаго года, когда Россія была изолирована блокадой отъ Европы.

Въ эти дни, мѣсяцы, — Франція переживала угаръ побѣды. Праздновала миръ. Гордые, самодовольные французы ставили центромъ міра себя и только себя.

Царилъ Клемансо.

И съ легкой его руки, — это, впрочемъ, отвѣчало вполнѣ настроенію большинства націи — Россія и русскіе считались врагами Франціи, предавшими ее, ей измѣнившими.

Русскіе офицеры не смѣли появляться въ формѣ на улицахъ Парижа. Они подвергались оскорбленіямъ и глумленіямъ. Русская рѣчь встрѣчалась съ неодобреніемъ, съ враждебностью скрытой или открыто проявляемой. Комнаты сдавались русскимъ неохотно, нехотя.

Русскіе были на положеніи паріевъ, съ ярлыкомъ, привѣшеннымъ къ нимъ послѣ Брестскаго договора: «Друзья бошей — наши враги».

Да, царилъ Клемансо.

Но конечно, не имъ — это анти-русское движеніе было создано. Были для этого причины уважительныя и многочисленныя. Но одно, кажется мнѣ, свидѣтелю тѣхъ дней, неоспоримымъ, что это движеніе, направленное противъ русскихъ и противъ Россіи находило въ немъ своего сторонника, инспиратора и, быть можетъ, руководителя.

Его слова: «Для меня Россія не только нейтральная держава, она страна, измѣнившая Франціи. И иначе я къ ней не смогу и не буду подходить» — больно и тяжело воспринимались русскими.

Нами, тѣми, кто въ это время находился во Франціи.

И политика Клемансо на Мирной Конференціи не можетъ быть и не должна быть названа иначе, чѣмъ политикой антирусской, политикой расщепленія и раздѣленія Россійскаго Государства.

Одинъ фактъ, самъ по себѣ незначительный и неважный, обрисовываетъ хорошо существовавшее тогда настроеніе.

Пріѣхалъ во Францію Н. Д. Авксентьевъ, арестованный и высланный Колчакомъ. Въ день своего пріѣзда въ Парижъ онъ былъ интервьюированъ сотрудникомъ Petit Parisien.

«Я пріѣхалъ во Францію просить военной помощи у союзниковъ. Пятьдесятъ тысячъ французскихъ солдатъ — количество достаточное, чтобы разбить большевиковъ, чтобы свергнуть Совѣтскую власть . . .»

Было ли это дѣйствительно сказано Авксентьевымъ, или нѣтъ, но именно такъ было напечатано въ парижской бульварной газетѣ. Пусть сказанное было неосторожно, но не отражало ли оно настроенія большинства, изъ числа тѣхъ, кто не ярлыкъ большевиковъ?

И, однако, этихъ словъ было достаточно, чтобы вызвать цѣлую бурю въ широкихъ слояхъ парижскаго населенія.

«Ce sale Avksentieff! Il veut encore des soldats français! Une canaille russe!»

А возмущенныя парижанки кричали:

«Какъ, еще пятьдесятъ тысячъ жениховъ и мужей хочетъ отнять у насъ cet expulsé russe».

И долго въ тѣ дни имя Авксентьева и его слова служили матеріаломъ для ругани.

Конечно, не всѣ парижане были руссофобы, какъ и не всѣ они были клемансистами. Многіе и даже весьма многіе изъ либеральныхъ слоевъ защищали Россію, — но защита ихъ была своеобразна. Ибо для нихъ Россія и русскій вопросъ былъ лишь способъ, одинъ изъ способовъ борьбы съ кабинетомъ Клемансо. Лѣво-соціалистическое крыло, въ лицѣ Эрнеста Лафона и Кашена, или либералы, группировавшіеся вокругъ Лиги Правъ Человѣка, объединенные въ своихъ публичныхъ выступленіяхъ, защищая Россію, оказывали ей медвѣжью услугу.

«Парламентскій строй, олицетворяющійся во Франціи въ лицѣ Клемансо, прогнилъ. На смѣну ему идутъ Совѣты. Да здравствуютъ Совѣты. Долой Клемансо».

Защищали Россію изъ вражды къ Клемансо.

А по существу . . .

Тотъ же Оларъ, извѣстнѣйшій ученый, не могъ удержаться отъ репликъ презрительныхъ и гнѣвныхъ по отношенію къ Россіи . . . «Страна азіатовъ . . . Сама заслужила . . .»

Французскіе коммунисты, вѣрнѣе — тѣ, кто стали ими теперь . . .

Со многими изъ нихъ пришлось мнѣ въ то время встрѣчаться и говорить. И искреннѣе другихъ, откровеннѣе замѣчалъ Шарль Рашпортъ:

«Намъ, въ сущности говоря, нѣтъ дѣла до Россіи. Далеко она, да и запутанная. Но нужна она намъ какъ камень за пазухой. Ибо все идетъ къ тому, что и министерство и кабинетъ будутъ наши. Красные. Скоро вѣдь выборы . . .»

Именно выборы.

И вокругъ выборовъ шла борьба. И была она даже не политическая, а политиканствующая, и Россія играла въ ней роль камня за пазухой. Благодаря ей можно было организовывать демонстраціи въ память Жореса и кричать:

«Vive les Soviets!»

«A bas Clémenceau!»

Многое изъ того, что въ то время происходило въ Парижѣ на Конференціи Мира, заслуживало бы подробнѣйшаго и детальнѣйшаго освѣщенія — ибо хотя русскій вопросъ и былъ официально исключенъ изъ программы ея засѣданій, но ежеминутно и ежечасно являлся онъ краеугольнымъ камнемъ при рѣшеніи вопросовъ европейскаго равновѣсія.

И факты эти — закулисные — интересны психологически, для вопроса отнюдь не изжитаго: мы и союзники.

Если шагъ за шагомъ прослѣдить всю Конференцію Мира, всѣ ея работы и постановленія въ частяхъ, хотя бы косвенно и отдаленно касающихся Россіи, то видна одна тенденція: ослабить Россію, свести ее на нѣтъ.

Отнюдь не врагъ Россіи, скорѣе одинъ изъ ея полу-друзей, — Пуанкаре — замѣтилъ весьма просто (Апрѣль 1919 годъ):

«Сейчасъ, когда на мѣстѣ Россіи, на Востокѣ, появляется Великая Польша — русскій вопросъ потерялъ свое значеніе для европейскаго равновѣсія. Россія принадлежитъ отнынѣ скорѣе Азіи, чѣмъ Европѣ».

И то, что не было досказано, о чемъ умалчивалось въ постановленіяхъ Конференціи, о томъ много, слишкомъ много говорилось «за кулисами» послѣдней.

Близость моя къ американской делегаціи позволила мнѣ знать о нихъ больше, чѣмъ это полагалось для непосвященнаго, для широкой публики.

И какіе только проекты ни создавались и ни выдумывались.

Въ дни успѣха Петлюры — Клемансо вноситъ проектъ въ Четверку, проектъ объ объединеніи Польши и Украины, конечно, подъ негласнымъ протекторатомъ Франціи.

Потомъ, уже со стороны англійской, считается необходимой Конфедерація прибалтійскихъ Государствъ.

Кавказъ, Дальній Востокъ и т. д., безъ конца.

Всѣ эти проекты встрѣчали весьма рѣзкую оппозицію со стороны Вильсона, но частью такъ или иначе получали одобреніе четверки.

Все это было...

Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось и въ политикѣ европейской, и въ положеніи Россіи.

Многое измѣнилось... И прежде всего перемѣнилась психологія русскаго интеллигента.

И если я остановился на томъ, столь отдаленномъ времени, то именно чтобы вывести всю ту пропасть, которая была между Россіей и за-границей.

Не только было взаимное непониманіе, глубочайшее, но и психологически мы были безконечно отличны отъ Европы.

Ибо вѣдь то, что Авксентьевъ сказалъ, сказалъ неосторожно, не справившись о настроеніи французовъ, вѣдь это былъ ни болѣе, ни менѣе какъ кличъ, какъ лозунгъ всѣхъ тѣхъ демократическихъ и не демократическихъ делегатовъ, которые пріѣзжали въ концѣ 1918 и началѣ 1919 годовъ въ Парижъ.

И, конечно, однимъ изъ фактовъ въ жизни антибольшевистскаго движенія была ставка этого послѣдняго на союзниковъ.

Еще въ сентябрѣ 1917 года, на фронтѣ, я слышалъ разговоры:

«Вотъ бы дивизію французскихъ солдатъ».

Въ дни борьбы за Учредительное Собраніе объ этомъ опять говорили. Правда — обыватели и, правда, по обывательски.

Мнѣ пришлось на Украинѣ пережить приходъ германцевъ; — быть позже на Волгѣ, въ Самарѣ и Уфѣ, видѣть настроеніе Сибири, въ дни Директоріи и Колчака, быть на Сѣверномъ фронтѣ, и, наконецъ, мѣсяцы прожить въ Петроградѣ и Москвѣ въ концѣ 1920 года, и всегда и всюду тотъ же вопросъ стоялъ для меня, — это вѣра широкихъ слоевъ русской интеллигенціи и обывателей — въ союзниковъ.

Вѣра, которую смѣнила теперь ненависть и недружелюбіе.

Этотъ вопросъ, вопросъ объ интервенціи и помощи союзниковъ — нынѣ принадлежитъ исторіи, но, принадлежа исторіи, онъ въ то же время не получилъ еще своего детальнаго и безпристрастнаго освѣщенія, особенно въ той своей

части, которая больше всего меня интересуетъ и волнуетъ, — въ своей психологической сторонѣ.

Ибо, съ самаго начала и до послѣдняго времени, всѣ споры, весьма частые и горячіе, о помощи союзниковъ и позволительности и допустимости интервенціи — велись всегда въ одномъ направленіи, въ одной плоскости: политическихъ вопросовъ.

Забывалось одно, что, увы, играло роль весьма не второстепенную въ нашей гражданской войнѣ: это психологія борющихся.

И съ этой точки зрѣнія ставка на союзниковъ, вѣра въ ихъ помощь, могущественную и всесильную, была вредна. Она понижала самоувѣренность «бѣлыхъ», понижала ихъ активность.

Такъ было и на Самарскомъ фронтѣ, когда говорилось и утверждалось, начиная съ верховъ и кончая солдатской массой, что «чехи не выдадутъ, чехи справятся . . .»

И казалось чудовищнымъ и страннымъ это перенесеніе центра борьбы съ себя на «союзника-чеха».

Съ этимъ же явленіемъ пришлось мнѣ столкнуться и въ Сибири, когда делегаціи одна за другой посылались въ Европу просить помощи.

Подобно гипнозу царила мысль, что безъ союзниковъ не справиться, не побѣдить. И, можетъ быть, эта мысль была не всегда даже высказанная, не всегда оформленная, но она была достояніемъ интеллигенціи, обывателей и отражалась на массахъ.

Насколько дѣйствительно гипнозъ этой мысли былъ силенъ, я убѣдился въ Сѣверной Области. Это было уже въ то время, когда всѣ логически пришли къ тому заключенію, что изъ интервенціи, изъ военной помощи союзниковъ ничего путнаго выйти не можетъ. Знали всѣ, что союзники поставлены въ необходимость уйти съ Сѣвера, гдѣ ихъ пребываніе безполезно, безплодно. Знали, что этого требуетъ англійское общественное мнѣніе.

И, однако, — когда фактъ сталъ очевиднымъ и Сѣверная Область встала передъ необходимостью быть активной и самостоятельной въ борьбѣ за свою независимость, тогда раздался неистовый вопль, обращенный къ союзникамъ, вопль о томъ, чтобы они не уходили. Телеграммы, посланія, петиціи летѣли въ Лондонъ, къ Айронсайду. Посылаются делегаціи . . .

И во всемъ этомъ было меньше всего логики.

И само собою разумѣется, такая психологія самонедовѣрія не могла не дѣйствовать на армію и на массы.

И откуда появилась эта вѣра въ союзниковъ?

На чемъ она основывалась?

Я ищу логическихъ основаній, ищу предпосылокъ, обоснованныхъ и обдуманныхъ — и не нахожу. Въ значительной своей степени эта вѣра была интуитивной. И чѣмъ глубже пытаешься анализировать ее, все больше и больше убѣждаешься въ томъ, что коренится она въ свойствахъ и характерѣ нашего интеллигента-обывателя, что порождена она фатализмомъ и пассивностью, свойственными его натурѣ. И что въ отсутствіи ярко и ясно выраженнаго національнализма, что было такъ характерно для русскаго еще недавнихъ временъ, не могла не проявиться вѣра въ союзниковъ, во всемогущество интервенціи.

Эти два настроенія рѣзко исключали другъ друга.

Одно — то, что царило въ Россіи, и подъ ощущеніемъ котораго я пріѣхалъ во Францію.

И другое — настроеніе самой Франціи, кое я бѣгло, нѣсколькими штрихами обрисовалъ выше.

Изъ столкновенія этихъ настроеній могло родиться только то, что сейчасъ такъ властно и постепенно захватываетъ русскую эмиграцію и что, другимъ путемъ, выявилось и въ Россіи, — это чувство національнзма, чувство вѣры въ себя, въ Россію, въ то, что «никто, какъ Ты самъ», можешь возродить свою родину и преодолѣть большевиковъ.

Съ этимъ чувствомъ я и покинулъ Францію — чтобы ѣхать въ Россію, въ Архангельскъ.

I

Къ исторіи Сѣверной Области

Болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ произошелъ фактъ занятія Сѣверной Области большевиками. И только теперь я счелъ нужнымъ и возможнымъ описать и освѣтить обстановку, имѣвшую мѣсто въ послѣдніе мѣсяцы и дни существованія этой области. Не раньше. Ибо хотѣлось мнѣ подойти ко всему тому, что я видѣлъ, въ чемъ участникомъ активнымъ и пассивнымъ я былъ, — по возможности объективно, по возможности издалека. Такое описаніе можетъ претендовать на нѣкоторое значеніе историческаго документа. Тѣмъ болѣе, что при всей своей незначительности, какъ политической единицы, Сѣверная Область имѣла черты любопытнѣйшія и интереснѣйшія, какъ въ своей жизни, такъ и въ своей смерти. И то, что союзническая интервенція здѣсь была особенно полно проявлена, и то, что Сѣверная Область считалась Республикой Демократической, каковое обстоятельство, впрочемъ, не помѣшало превалировать въ ней власти военной надъ гражданской, что съ полнымъ правомъ могло именоваться диктатурой военной.

Паденіе Сѣверной Области и сопутствующіе этому факты до сихъ поръ мало и не полностью освѣщены. Между тѣмъ, во всей этой исторіи было двѣ стороны, другъ другу враждебныя, другъ другу противостоящія.

Одна сторона, — это тѣ, которыхъ называли счастливчиками. Уѣхавшіе своевременно, за день до паденія Сѣверной Области, на ледоколѣ «Мининъ», изъ Архангельска. Ихъ нѣсколько сотъ. Въ большинствѣ генералы и ихъ семьи, штабные офицеры, во главѣ съ Главнокомандующимъ Е. Миллеромъ, ихъ близкіе, родные и просто знакомые.

Другая сторона, это тѣ, которые остались въ Сѣверной Области — ихъ нѣсколько тысячъ — офицеры, солдаты и просто обыватели, взятые въ плѣнъ большевиками на фронтѣ и въ городахъ. Многіе изъ нихъ разстрѣляны, въ большинствѣ случаевъ наиболѣе храбрые, наиболѣе боевые офицеры.

Эта сторона считаетъ себя «преданной» тѣми, кто уѣхалъ на Мининѣ.

Двѣ стороны. У каждой изъ сторонъ своя точка зрѣнія, своя правда.

Одна сторона (см. статью Добровольскаго) прославляетъ генерала Миллера, считаетъ его «отцомъ роднымъ», талантливымъ полководцемъ, «блестяще поставившимъ военное дѣло во ввѣренной ему области». Эти уѣхавшіе полагаютъ, что они поступили правильно и разумно, воспользовавшись ледоколомъ, что ихъ дѣйствія достойны похвалы и одобренія.

Другая сторона, офицеры Сѣвернаго фронта, съ которыми, заключенными, мнѣ пришлось говорить въ Бутырской тюрьмѣ, видятъ во всемъ происшедшемъ на Сѣверѣ «предательство фронта штабомъ», предательство, не имѣвшее равныхъ въ лѣтописяхъ гражданскихъ войнъ, по инымъ обстоятельствамъ, которыя его сопровождали. Они клеймятъ генераловъ Миллера и Квинцинскаго трусами, и предавшими своихъ подчиненныхъ, отдавши ихъ въ руки большевиковъ.

Они полагаютъ, что могло бы быть и должно было быть иначе.

Двѣ правды. Двѣ стороны.

И дѣло исторіи изъ двухъ правдъ воздвигнуть единую, цѣльную.

Исторія Сѣверной Области можетъ быть раздѣлена на три довольно отчетливо замѣтныхъ періода.

Первый — весьма короткій, со дня паденія большевиковъ, 2 августа 1918 г., и до 6-го сентября того же года, періодъ связанный съ Верховнымъ Управленіемъ.

Второй періодъ — постепенная кристаллизація военной диктатуры, которой противостояла отчасти власть союзниковъ. Когда уходъ послѣднихъ былъ въ принципѣ рѣшенъ, іюнь—іюль 1919 года, и они отъ какого либо вмѣшательства въ жизнь страны устранились, тогда полностью вступила въ свои права военная власть. Фактически, этимъ временемъ (іюнь—іюль) и заканчивается второй періодъ жизни С. О.

Наконецъ, третій періодъ, военная диктатура генерала Миллера, блестяще начатая побѣдами на всѣхъ фронтахъ, раздвинувшая границы сѣвернаго государства, и окончившаяся спѣшной эвакуаціей штаба и генералитета на ледоколѣ Мининѣ, что и имѣло мѣсто 19 февраля 1920 года.

О первомъ періодѣ, интересномъ и своеобразномъ, было говорено не разъ въ печати, и онъ, повидимому, освѣщенъ достаточно, хотя многое происшедшее въ этотъ періодъ и вызываетъ удивленіе и недоумѣніе.

Второй періодъ безцвѣтенъ и монотоненъ.

Русскихъ войскъ было очень мало. Организованы они были плохо, быть можетъ, благодаря нераспорядительности генерала Марушевскаго, тогдашняго командующаго войсками области.

Союзное командованіе — по преимуществу англійское, боясь неожиданностей и возможностей россійскихъ, терялось отъ безконечности сѣверныхъ лѣсовъ и пространствъ. Оно предпочитало держаться оборонительной военной тактики, отказывалось отъ наступленій, снисходительно смотрѣло на коммерческія и прочія манипуляціи своихъ подчиненныхъ — по скупкѣ мѣховъ, имѣло какое то отношеніе къ лѣснымъ операціямъ и, наконецъ, сочувствовало спорту и веселью, царившему «въ» и «около» союзническихъ отрядовъ.

Населеніе мѣстами относилось одобрительно къ союзникамъ, получало отъ послѣднихъ «виски» и паекъ англійскаго образца, весьма обильный, и устраивало вечеринки.

Мѣстами же, это бывало въ деревенскихъ захолустьяхъ, гдѣ союзники распоясывались, населеніе было рѣзко враждебно имъ и доходило даже до возстаній и убійствъ иностранныхъ солдатъ.

Свидѣтелемъ третьяго періода въ исторіи С. О. мнѣ и пришлось быть, ибо я пріѣхалъ въ Архангельскъ на «Кальяпѣ» — въ іюлѣ 1919 года.

Этотъ періодъ глубоко интересенъ.

Конечно, въ немъ нѣтъ размаха событій, которыя были на югѣ Россіи или въ Сибири. Конечно, Сѣверная Область, большая по своимъ размѣрамъ, была мала количествомъ населенія, и тѣмъ не менѣе, событія, въ ней развернувшіяся, заслуживаютъ войти въ исторію россійской гражданской войны и занять въ ней не послѣднее мѣсто по драматизму и по внутреннему противорѣчію событій, имѣвшихъ въ ней мѣсто.

II

Союзники

«Кальяна», англійское госпитальное судно, на которомъ выѣхалъ я изъ Англіи, прибыло въ Архангельскъ въ двадцатыхъ числахъ іюля 1919 года.

На этомъ пароходѣ, помимо меня, ѣхало нѣсколько сотъ русскихъ офицеровъ, въ большинствѣ — бывшіе плѣнные въ Германіи и интернированные, послѣ паденія Украины, добровольцы. Ѣхалъ также отрядъ Русскаго Кр. Кр. во главѣ съ уполномоченнымъ И. И. Фидлеромъ.

Англійскій майоръ, возвращавшійся обратно въ Сѣверную Область, словоохотливо и, повидимому, искренно ввелъ меня и въ англійскія настроенія и въ англійскія мнѣнія. Все, что онъ говорилъ, вполнѣ отвѣчало тому, что мнѣ впослѣдствіи говорили другіе англичане и что, въ краткой формѣ, повторилъ англійскій генералъ Айронсайдъ.

«Мы не понимаемъ русскихъ. Скоро годъ, какъ мы на Сѣверѣ Россіи. Почему мы пришли? Насъ позвали. Мы хотѣли помочь вашей борьбѣ противъ большевиковъ . . .. И, однако, что же мы видимъ? Русскіе не хотятъ сражаться. Всюду на позиціяхъ стоимъ мы, а тѣ, что есть, бунтуются, организовываютъ возстанія, и мы же должны эти возстанія подавлять. Это безполезная затѣя, которая дорого стоитъ Королевскому правительству. Я ѣздилъ въ Лондонъ съ подробнымъ докладомъ, и рѣшенъ окончательно и безповоротно уводъ нашихъ войскъ изъ Россіи. Къ тому же, этого требуютъ наши рабочіе».

— «А если союзники уйдутъ, что будетъ съ Сѣверной Областью, справится ли она съ большевиками?»

«Конечно нѣтъ. Объ этомъ нечего и думать. Въ тотъ же день, когда мы уйдемъ, придутъ большевики. Готовъ держать пари».

— «Но если такъ, къ чему же везутъ этихъ русскихъ офицеровъ? На растерзаніе большевикамъ?»

Майоръ пожалъ плечами.

«Это не наше дѣло. Нашъ штабъ возражалъ. Считалъ это безполезнымъ. Но русское командованіе настаивало. Мы обмундировали ихъ и веземъ. Дальше не наша забота.

Вообще . . . я многаго не понимаю».

Архангельскъ, залитый солнцемъ, со своими деревянными тротуарами и широкими, на половину не замощенными улицами, съ низкими домами, показался мнѣ русской деревней. Особенно силенъ былъ контрастъ съ оставленными позади Лондономъ и Парижемъ.

Впечатлѣніе первое — всюду иностранцы. Больше всего англійскихъ солдатъ . . .

Всѣ лучшіе дома заняты подъ ихъ штабы, правленія и лавки.

Всюду англійскіе флаги и англійская рѣчь.

А россійскіе обыватели, архангельскіе мѣщане и мѣщанки — во множествѣ заполняютъ въ вечерніе часы городской садъ. Играетъ скверный военный оркестръ. Сѣмячки. Скучные, обыкновенные, провинціальные разговоры.

Не мало русскихъ офицеровъ. Среди нихъ попадаются часто — въ генеральскихъ погонахъ. Всѣ въ англійскихъ френчахъ.

Общее впечатлѣніе отъ города какое то двойное, тяжелое.

Первое, что я прочелъ, сойдя съ парохода, былъ приказъ, расклеенный на всѣхъ столбахъ и заборахъ. Приказъ этотъ, подписанный генераломъ Миллеромъ, русскимъ главнокомандующимъ, датированный 12-го іюля, гласилъ слѣдующее:

«Граждане. Произошелъ прискорбный фактъ.

Вчера группа солдатъ Архангелогородскаго полка и матросовъ напали на проходившихъ англійскихъ солдатъ и ихъ избили. Часть виновниковъ этого происшествія арестована и понесетъ должную кару.

Настоящимъ сообщаю, что всякое подобное дерзкое нападеніе на нашихъ союзниковъ, защищающихъ С. О., будетъ караться самымъ суровымъ образомъ, по законамъ военнаго времени».

Но если въ Архангельскѣ это было не больше, чѣмъ ничтожнымъ инцендентомъ — драка между пьяными солдатами, то этого нельзя сказать о событіяхъ въ Двинскомъ раіонѣ.

Это произошло въ серединѣ іюля и такимъ образомъ совпало съ первыми днями моего пребыванія въ Архангельскѣ.

На Двинскомъ фронтѣ стоялъ Дайеровскій батальонъ, офицерами котораго были по преимуществу англичане, а солдатами — русскіе. Небольшая группа солдатъ окружила штабъ батальона, убила четырехъ англійскихъ и шесть русскихъ офицеровъ и пыталась окружить и раіонный штабъ.

Возставшіе были разсѣяны и часть изъ нихъ разстрѣляна.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ событій, весьма взволновавшихъ союзниковъ, я поѣхалъ на Желѣзнодорожный фронтъ.

Общее военное положеніе въ Сѣверной Области представлялось въ слѣдующемъ видѣ.

Фронтъ, линія фронта была въ нѣсколько тысячъ верстъ, начинаясь у границы съ Финляндіей и кончаясь за Печорой. Но густые лѣса, непроходимыя болота, а, особенно, малочисленность красныхъ войскъ, позволили ограничиться тѣмъ, что защищали лишь желѣзныя дороги, водные и шоссейные пути, узловые пункты, селенія и деревни. Такъ, напримѣръ, на самой желѣзнодорожной линіи (Вологда—Архангельскъ) было сконцентрировано на желѣзнодорожной полосѣ до двухъ полковъ пѣхоты и могучая артиллерія, а справа и слѣва ея, на десятки верстъ не было ни постовъ, ни укрѣпленій, ходили только развѣдки.

На характерѣ борьбы на Сѣверѣ я остановлюсь подробнѣе впослѣдствіи.

Всѣ фронты были въ полномъ подчиненіи у англійскаго командованія. Послѣднее было полнымъ хозяиномъ — русское же командованіе играло роль пассивную и второстепенную. Позиціи были заняты главнымъ образомъ англійскими,

кое гдѣ французскими силами, русскимъ же разрѣшалось занимать болѣе глухія и менѣе отвѣтственныя мѣста. Пропуски, проѣзды по желѣзной дорогѣ, вагоны, санитарія, эвакуація — все это было въ рукахъ у союзной комендатуры.

Госпитали, какъ фронтовые, такъ и тыловые, были англійскіе, персоналъ же смѣшанный, русскій и англійскій.

Интендантство, снабжавшее фронтъ и тылъ, было исключительно англійскимъ, и русскіе получали все, начиная съ довольствія и кончая обмундированіемъ, съ англійскихъ складовъ.

Нужно замѣтить, это подтвердитъ каждый бывшій на Сѣверѣ, что снабженіе было организовано на широкую и щедрую ногу. Паекъ, выдававшійся русскимъ военнымъ, какъ офицерамъ, такъ и солдатамъ, былъ чрезвычайно обиленъ и идентиченъ пайку, получаемому англійскимъ солдатомъ. То же самое приходится сказать и объ обмундированіи. Союзники, прійдя въ Сѣверную Область, принесли съ собою и свои привычки и навыки. Комфортъ ихъ, даже военной, фронтовой жизни, казался страннымъ русскому глазу, привыкшему къ лишеніямъ, зачастую ненужнымъ, проистекавшимъ изъ русской безалаберности.

Особенно поражала русскихъ чистота палатокъ, безукоризненная чистота отхожихъ мѣстъ и мостки, проведенные въ лагеряхъ англичанъ.

Теплушки были приведены стараніями англичанъ въ состояніе, отвѣчавшее требованіямъ гигіены, обшиты тесомъ, устроены въ нихъ камины и печи.

Въ свободное отъ войны время, а его было достаточно, англичане занимались спортомъ, особенно футболомъ, ходили на охоту, бѣгали на лыжахъ, устраивали состязанія, получая все нужное для этого изъ своего Краснаго Креста.

Я говорю объ англичанахъ.

Ибо другіе союзныя войска: американскія и французскія, были и вообще въ незначительномъ количествѣ на Сѣверѣ Россіи, да и къ тому же мнѣ не пришлось ихъ наблюдать, ибо ко времени моего пріѣзда они уже эвакуировались.

Несмотря на то, что союзныя войска прибыли въ Архангельскъ въ августѣ 1918 года и были, слѣдовательно, около года въ С. О., военные успѣхи ихъ были ничтожны. Позиціи, которыя занимали войска къ зимѣ восемнадцатаго года, они занимали и къ іюню девятнадцатаго. Кое гдѣ, напримѣръ на Двинѣ, произошло продвиженіе, сопряженное даже съ извѣстнымъ военнымъ успѣхомъ, но въ итогѣ все-таки приходится отмѣтить слѣдующее положеніе: хотя союзники и были въ С. О., хотя они и занимали позиціи, хотя и былъ фронтъ, поддерживаемый союзническими войсками, но по существу в о й н ы н е б ы л о. Большевики не наступали, не интересуясь Сѣвернымъ фронтомъ, союзники въ свою очередь также не считали нужнымъ проявлять свои воинственныя наклонности. Лучшимъ доказательствомъ, подтверждающимъ выше сказанное, могутъ служить статистическія данныя объ раненыхъ и убитыхъ англичанахъ. У меня нѣтъ подъ рукою точныхъ цифръ, но помнится, по докладу генерала Айронсайда, число убитыхъ не превышало нѣсколькихъ десятковъ, изъ коихъ большинство были убиты въ наступленіи, которое англичане развили передъ своимъ уходомъ.

Пассивность англичанъ служила неоднократно предметомъ обсужденій въ русской военной средѣ. Большинство обвиняло англичанъ не только въ пассивности, но даже въ трусости. Болѣе того — увѣряли, что англійское командованіе мѣшаетъ проявленію активности русскихъ воинскихъ частей, что оно парализуетъ волю русскаго командованія. Генералъ Марушевскій, бывшій главнокомандующимъ большую часть времени пребыванія союзниковъ въ С. О., въ отвѣтъ на

упреки, дѣлаемые ему офицерами, упреки въ томъ, что за цѣлый годъ не было никакихъ активныхъ военныхъ выступленій, заявилъ (газ. В. С.):

«Русское военное командованіе было лишено самостоятельности и исполняло предначертанія союзнаго штаба. Всѣ мои указанія на необходимость наступленія, особенно на Двинскомъ и Мурманскомъ фронтахъ, отклонялись союзниками, по мотивамъ недостаточности войскъ и ненадежности населенія, сочувствующаго большевикамъ».

Въ концѣ іюля я былъ принятъ генераломъ Айронсайдомъ, главнокомандующимъ союзными войсками, и имѣлъ съ нимъ обстоятельную бесѣду и о дѣятельности англичанъ въ С. О., и о планахъ ихъ на будущее. Здѣсь я привожу ее лишь въ сокращенномъ видѣ, полнѣе же текстъ былъ напечатанъ въ Парижской газетѣ «Information»:

«Союзныя войска прибыли на Сѣверъ Россіи по просьбѣ Верховнаго Управленія, предсѣдателемъ коего былъ Н. В. Чайковскій. Они прибыли тогда, когда общеевропейская война еще продолжалась и союзники боялись взятія нѣмцами Петрограда. Такимъ образомъ первоначальная цѣль — созданіе противогерманскаго фронта и охрана Архангельскаго и Мурманскаго портовъ. Послѣ перемирія съ германцами всталъ вопросъ о нашемъ уходѣ изъ С. О., но по просьбѣ правительства С. О. и, главнымъ образомъ, того же г-на Чайковскаго, рѣшено было не только оставить тѣ войска, что были, но и прислать новыя, составленныя изъ добровольцевъ, главнымъ образомъ изъ англичанъ. Союзныя войска остались, чтобы помочь русскимъ сформировать свою армію, а отнюдь не для того, чтобы развивать военныя операціи и вмѣшиваться въ русскія дѣла.

Однако, приходится констатировать печальный фактъ. Скоро годъ, какъ союзники здѣсь, а русской арміи какъ боевой единицы еще не существуетъ. Тѣ нѣсколько полковъ, что сформированы при нашей помощи, рѣшительно никуда не годятся. Офицеры держатъ себя не достаточно корректно, а солдаты-большевики устраиваютъ бунты. Недавно были возстанія и заговоры въ 3, 1, 6 и 5-ыхъ полкахъ. Какъ видите, чуть ли не во всѣхъ, имѣющихся на лицо полкахъ. Главный Русскій Штабъ сорганизовался плохо и не пользуется авторитетомъ у своихъ войскъ. Создается безнадежное положеніе...»

— «Что же дѣлать?»

«Мое мнѣніе — надо ликвидировать Сѣверный фронтъ. Онъ совершенно и никому не нуженъ. До недавняго времени я былъ горячимъ сторонникомъ того, чтобы сохранять Сѣверную Область, чтобы продолжать помогать здѣшнимъ русскимъ бороться съ большевиками. И всѣми силами я защищалъ эту позицію передъ Foreign Office. Но теперь я больше не могу этого дѣлать. Эти бунты въ полкахъ, а особенно настроеніе населенія г. Архангельска и деревень, убѣдили меня, что большинство сочувствуетъ большевикамъ.

Такъ къ чему же тратить такую уйму денегъ, да къ тому же совершенно безъ пользы? Для меня ясно, что русскіе не хотятъ воевать съ большевиками.

Да и правительство Королевства считаетъ повидимому нужнымъ ликвидировать Сѣверный фронтъ, чтобы успокоить общественное мнѣніе Англіи».

— «Итакъ, уходъ союзниковъ изъ С. О. рѣшенъ?»

«Я затрудняюсь сказать вполнѣ утвердительно, но соотвѣтствующій докладъ мною былъ посланъ въ Лондонъ».

— «Что же будетъ съ Сѣверной Областью, когда вы уйдете?»

Айронсайдъ какъ будто удивленъ.

«Когда мы уйдемъ? Но конечно вслѣдъ за нами прійдутъ большевики. И чтобы было меньше жертвъ, надо чтобы русскіе офицеры и вообще всѣ противобольшевики уѣхали вмѣстѣ съ союзными войсками. Таково мое мнѣніе».

— «Еще одинъ вопросъ: почему союзныя войска не наступали. Вѣдь войны собственно и не было».

Немного колеблясь, англійскій генералъ отвѣтилъ:

«Ну, положимъ, мы воевали. У насъ даже много раненыхъ. Но наступать мы, конечно, не могли, русскія войска были не надежны, а насъ было очень мало Это былъ рискъ, къ тому же имѣли мѣсто безпорядки. На это штабъ не могъ пойти. Но мы воевали. Даже два полковника у насъ тяжело ранены, и я самъ чуть не былъ раненъ. Мы дѣлали, что могли. Не наша вина, что все это было безполезно».

Трудно, въ спорѣ между русскимъ и англійскимъ командованіемъ, рѣшить, кто изъ нихъ правъ. Во всякомъ случаѣ очевидно одно, и это не скрываютъ англичане, что проявлять активность не входило въ ихъ планы и намѣренія, что они не смотрѣли на свой приходъ, какъ на «интервенцію», и свою роль считали подсобной. На вопросъ же, препятствовало-ли англійское командованіе активности русскихъ силъ, приходится, повидимому, отвѣтить полуутвердительно.

Полковникъ Л. Костанди, начальникъ штаба Мурманскаго раіона, видимо не симпатизировавшій англичанамъ, такъ, какъ то, охарактеризовалъ ситуацію:

«Англичане не хотятъ особеннаго успѣха русскаго оружія».

Съ другой стороны есть рядъ указаній, что стимуломъ къ пассивности и къ принужденію къ той же пассивности и русскихъ была боязнь англичанъ крупнаго неуспѣха и большихъ потерь.

Я засталъ Желѣзнодорожный фронтъ еще занятымъ англичанами. Линія фронта проходила въ нѣсколькихъ верстахъ впереди станціи Обозерской, маленькой и глухой станціи линіи Вологда—Архангельскъ. Я имѣлъ возможность говорить со многими англійскими офицерами. Меня интересовало ихъ отношеніе къ Россіи, къ русскимъ, къ большевикамъ. Что особенно бросалось въ глаза, это обособленность англичанъ отъ русскихъ, англійскихъ военныхъ отъ русскихъ военныхъ. Зачастую тѣ и другіе жили бокъ о бокъ, въ сосѣднихъ теплушкахъ или домахъ — и, однако, никакихъ сношеній между ними не было. Каждый жилъ собственной жизнью, собственными интересами. Очень рѣдко я видѣлъ русскихъ солдатъ и офицеровъ за дружеской бесѣдой. Англичане держались въ своемъ кругу, русскіе въ своемъ. Было ли это преднамѣренно со стороны англичанъ? Мнѣ кажется, что нѣтъ. Положительно нѣтъ. Они болѣе или менѣе интересовались русскими, охотно вступали съ ними въ разговоры, на ломанномъ русскомъ языкѣ, они охотно посѣщали, напримѣръ, русскіе лазареты, охотно принимали у себя и угощали русскихъ.

Правда, все это было «болѣе или менѣе». Былъ у нихъ интересъ, но не ярко выраженный.

Съ другой же стороны русскіе, какъ солдаты, такъ и офицеры, и офицеры болѣе, чѣмъ солдаты, были преисполнены какой то инстинктивной безсознательной враждебности къ англичанамъ. Объ англичанахъ они говорили съ ироніей, съ насмѣшкой, и часто, очень часто, пользуясь незнаніемъ тѣми русскаго языка, бранили ихъ послѣдними словами.

Я искалъ причинъ этой враждебности.

«Меня злитъ, что они, англичане, пришли въ нашу страну и здѣсь распоряжаются», отвѣтилъ одинъ офицеръ. Другой, старый полковникъ, досадуетъ «на самодовольство, самоувѣренность, на презрѣніе къ намъ, русскимъ, этихъ сыновъ Альбіона». Третій считаетъ, «что англичане пришли не спасать Россію, а погубить ее. Что они не любятъ, молъ, русскихъ». И такъ далѣе безъ конца, въ томъ же духѣ.

Къ тому же надо добавить, что офицерскій составъ англійскаго корпуса въ С. О. оставлялъ желать многаго. Онъ былъ несомнѣнно второсортный. Большинство офицеровъ были выслужившіеся во время войны унтеръ-офицеры, въ мирное время — клерки, приказчики, люди безъ высшаго и даже средняго образованія. Но тѣ немногіе встрѣчавшіеся мнѣ офицеры спеціалисты — поражали меня и своимъ интересомъ къ Россіи и своими знаніями въ своей области.

Картина создавалась въ общемъ поистинѣ нелѣпая.

Англійскія войска были приглашены правительствомъ Сѣверной Области. Они защищали эту послѣднюю отъ прихода большевиковъ, ихъ просятъ не уходить, когда они этого хотятъ, какъ мы это видѣли раньше, и просятъ объ этомъ и населеніе, и армія, и правительство, и въ то же время къ нимъ несомнѣнное полускрытое, а порою и явно враждебное отношеніе, начиная съ командировъ отдѣльныхъ частей, и кончая крестьянами окрестныхъ деревень.

Англичане несомнѣнно чувствовали эту враждебность.

Одинъ молодой лейтенантъ, студентъ Кембриджскаго Университета, прилично понимавшій по-русски, жаловался мнѣ:

«Я не понимаю всего, что говорятъ иногда за спиною, а иногда и въ глаза о насъ ваши офицеры и солдаты, но все же я разумѣю, что они насъ не любятъ. За что? Что мы имъ сдѣлали дурного? Мы ихъ кормимъ, одѣваемъ, проливаемъ даже за нихъ нашу кровь, а они . . . не понимаю».

Онъ былъ очень опечаленъ, этотъ англійскій студентъ-лейтенантъ.

А когда англичане ушли, то русскій командный составъ былъ весьма обрадованъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и Добровольскій. Офицеры отнеслись къ этому факту сдержаннѣе, а масса пассивно — безразлично.

По официальнымъ свѣдѣніямъ русскаго командованія было, впрочемъ, нѣсколько случаевъ грубаго обращенія англійскихъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ съ русскими офицерами. Но ни одинъ случай не былъ достаточно и объективно изслѣдованъ.

Къ тому, что я сказалъ объ отношеніи между русскими и англійскими военными, не лишне добавить, что русскіе солдаты, спрошенные мною объ ихъ отношеніи къ союзнымъ войскамъ, очень часто хвалили американцевъ. Послѣднихъ было немного въ С. О. и они, какъ я уже это отмѣтилъ, скоро были эвакуированы.

«Но что же вамъ нравится въ американцахъ?»

Отвѣты были различные, но сводились къ тому, «что американецъ щедрый, что онъ хорошъ въ обращеніи, охотно угощаетъ виски», и все въ такомъ же родѣ.

Такимъ образомъ можно заключить, что свойства англійской натуры, столь далекой по своимъ чертамъ отъ русской, раздражали и возстанавливали противъ себя русскихъ солдатъ.

Упреки, которые приходилось слышать, заключались еще и въ томъ, что «англичане, молъ, скупаютъ мѣха за безцѣнокъ, въ обмѣнъ на виски и вино».

Такіе случаи, конечно, были, и были даже довольно часто, но еще чаще этотъ же товарообмѣнъ производился русскими военными и обывателями.

Повидимому, для себя въ этомъ не видѣли ничего предосудительнаго.

Въ серединѣ августа стало извѣстно полуофиціально, что союзники покидаютъ Сѣверъ. Причины, вызвавшія этотъ уходъ, тѣ же, что были сообщены мнѣ генераломъ Айронсайдомъ. Къ тому же этого требовала и англійская рабочая партія, которая грозила, въ случаѣ невыполненія своихъ требованій, — общей забастовкой. Для ликвидаціи Сѣверной Области и Сѣвернаго фронта пріѣхалъ генералъ Роллинсонъ. Но прежде чѣмъ начать эвакуацію, англійское командованіе рѣшило предпринять наступленіе, чтобы, какъ говорили нѣкоторые, блеснуть своей храбростью. Наступленіе, въ которомъ приняли участіе и русскіе войска, на долю которыхъ выпали наибольшія тяготы этихъ сраженій, было предпринято и на Двинскомъ направленіи, и на Желѣзнодорожномъ фронтѣ. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ англійскаго наступленія на послѣднемъ направленіи и сопутствовать смѣшанной англо-австралійской колоннѣ въ ея наступательномъ движеніи.

Ночью, на шестнадцать верстъ вглубь лѣса, началось обходное движеніе. Пулеметы несли на рукахъ, перепрыгивая съ кочки на кочку, такъ какъ всюду было безконечное болото. Проводникъ немного не разсчиталъ разстояніе, и колонна вышла по ту сторону окоповъ, по ту сторону фронта, около того мѣста желѣзнодорожнаго пути, гдѣ стоялъ большевистскій броне-поѣздъ. Колонна была жестоко обстрѣляна пулеметнымъ и шрапнельнымъ огнемъ, но, несмотря на это, мужественно продолжала наступленіе. И только потерявъ двухъ офицеровъ и десять солдатъ ранеными и убитыми — принуждена была отступить. Отступленіе было совершено въ образцовомъ порядкѣ. Общее впечатлѣніе отъ англичанъ, въ частности отъ австралійцевъ, было, что это прекрасные солдаты, которые и изъ войны дѣлаютъ своеобразный спортъ. Подъ огнемъ они шутили, спорили.

Несмотря на неуспѣхъ обходной вылазки, о которой я только что разсказалъ, общій успѣхъ сопровождалъ наступленіе и на Желѣзнодорожномъ фронтѣ, и на Двинскомъ, гдѣ были взяты нѣсколько тысячъ красноармейцевъ въ плѣнъ.

Проведя наступленіе и «показавъ, что они умѣютъ наступать», какъ говорили злые языки, англичане объявили объ эвакуаціи ими С. О. Ихъ взглядъ былъ ясенъ. Исходя изъ предпосылки, что Сѣверный фронтъ держится только благодаря имъ, и выводя отсюда какъ слѣдствіе, что ихъ уходъ равносиленъ приходу большевиковъ въ Область, они настаивали на ликвидаціи Сѣвернаго фронта вообще и на эвакуаціи всѣхъ тѣхъ военныхъ и штатскихъ лицъ, которыя могли пострадать по приходѣ большевиковъ.

Русское военное командованіе отвѣтило отказомъ на предложеніе англичанъ. Оно рѣшило сохранить Сѣверный фронтъ и защищать Область собственными силами. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ я принужденъ буду подробно остановиться на этомъ вопросѣ: почему и какъ рѣшено было остаться на Сѣверѣ? Здѣсь же возвращаюсь къ союзникамъ.

Рѣшеніе русскихъ и отказъ ихъ отъ эвакуаціи былъ встрѣченъ англичанами весьма холодно. Англійскій лейтенантъ М. разсказывалъ мнѣ, что Айронсайдъ гнѣвно кричалъ, что «русскіе генералы дѣлаютъ преступленіе, онъ этого не позволитъ». Однако, конечно, не въ его власти было позволить или не позволить..

Тогда-то и произошелъ рядъ фактовъ, которые разсматривали какъ враждебные въ отношеніи русскихъ, и русскихъ военныхъ, въ частности. Такъ, былъ изданъ приказъ англичанами, что всѣ бывшіе добровольцы, находившіеся въ союзныхъ войскахъ, приглашаются слѣдовать вмѣстѣ съ англичанами. Въ отвѣтъ на это русскій Штабъ запретилъ русскимъ призывного возраста покидать Сѣверную Область. Понятно, на этой почвѣ разыгралось немало инцидентовъ. Такъ напримѣръ, профессору Петроградскаго университета Аверинцову было запрещено покидать Архангельскъ (ему было 45 лѣтъ), а англичане разрѣшили ему эвакуироваться. Попытка русскихъ властей арестовать профессора не могла быть приведена въ исполненіе. Подобныя же исторіи произошли и съ рядомъ военныхъ.

Передъ эвакуаціей, — постепенно, англійское командованіе сдало русскому интендантству свои богатые склады снаряженія и обмундированія, но остатки военнаго снаряженія, автомобили, оружія, снаряды и т. д., все то, что они не могли, да и не считали нужнымъ везти съ собою, и что, по словамъ Начштаба, они обѣщали сдать русскимъ, они наканунѣ отъѣзда потопили въ Двинѣ. Цѣнность потопленнаго въ Двинѣ исчислялась въ сотни тысячъ фунтовъ стерлинговъ, какъ было доложено Правительству С. О. главнымъ интендантомъ генераломъ Барановымъ.

На вопросъ, почему такъ поступили англичане, послѣдніе отвѣчали: «Все равно Сѣверная Область достанется большевикамъ и мы не хотимъ помогать снаряженію красной арміи».

Другой инцидентъ, который не можетъ считаться исчерпаннымъ и понынѣ, произошелъ между Правительствомъ С. О. и опять-таки англійскимъ командованіемъ.

Нѣкій англичанинъ лѣсопромышленникъ Смитъ, находившійся въ какихъ то взаимоотношеніяхъ съ Великобританскимъ Адмиралтействомъ, вывозилъ въ продолженіи 18—19 года лѣсъ изъ Архангельска въ Англію. Къ августу 19-го года имъ было вывезено свыше чѣмъ на 200 000 фунтовъ стерлинговъ, каковую сумму онъ и былъ долженъ Правительству С. О. Когда настало время эвакуаціи, то г-ну Смиту было предъявлено требованіе уплатить слѣдуемый съ него долгъ. А когда онъ отказался, послѣдовало распоряженіе не выпускать Смита изъ С. О. Это весьма энергично заявленное требованіе Сѣвернаго Правительства осталось голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, и г-нъ Смитъ покинулъ Архангельскъ на пароходѣ вмѣстѣ съ англійскимъ командованіемъ.

26—27-го сентября произошла эвакуація англійскихъ войскъ, произошла по военному, чрезвычайно поспѣшно. Погрузка войскъ шла ночью, какъ бы втайнѣ отъ населенія. Какъ удостовѣряютъ лица, близко стоявшія къ англичанамъ, послѣдніе были все время въ полной увѣренности, что «большевики идутъ по пятамъ», поэтому ихъ эвакуація была не чужда паникѣ, неумѣстной торопливости и ненужной поспѣшности. Одновременно съ англійскимъ экспедиціоннымъ корпусомъ покинули Архангельскъ и дипломатическіе представители, уѣхали французы, американцы и итальянцы. Остались, насколько мнѣ не измѣняетъ память, только нѣсколько консуловъ изъ числа тѣхъ, кои совмѣщаютъ свои консульскія дѣла съ коммерческими. Среди нихъ бельгійскій консулъ Миккезъ (уѣхавшій лишь въ январѣ) и голландскій консулъ Смитъ (арестованный большевиками въ мартѣ 20-го года).

Глава объ союзникахъ не была бы полна, если бы я обошелъ молчаніемъ одинъ, пожалуй, самый главный вопросъ: «О вмѣшательствѣ союзниковъ во внут-

реннія дѣла Области». Вѣдь это именно вмѣшательство вмѣнялось въ вину союзникамъ въ ихъ дѣятельности и въ Сибири, и на югѣ Россіи. Сѣверная Область не была исключеніемъ изъ этого, повидимому, общаго правила. Исторія ареста Верховнаго Управленія, имѣвшаго мѣсто въ сентябрѣ 1919 года, и увозъ Чайковскаго и другихъ членовъ Правительства въ Соловецкій монастырь нѣкимъ капитаномъ Чаплинымъ закончилась, какъ извѣстно, измѣненіемъ состава Правительства въ сторону болѣе умѣренную и назначеніемъ Чаплина на Двину. При этомъ на измѣненіи состава Правительства особенно настаивалъ англійскій уполномоченный Пуль.

На основаніи информаціи американскаго представителя, общая картина являлась въ слѣдующемъ видѣ:

«Англійское командованіе отстаивало ту точку зрѣнія, что въ Области нужна твердая власть. Эту твердую власть англичане представляли себѣ не иначе, какъ военной. Они считали, что сговориться съ населеніемъ невозможно, да и не къ чему. Если жителей хорошо кормятъ и не обижаютъ, то все будетъ хорошо. Особенно ихъ испугали демократическіе проекты Верховнаго Управленія. Поскольку главнымъ военнымъ элементомъ союзнаго командованія были англичане, и поскольку считалось, что у нихъ въ Сѣверной Области есть особая заинтересованность, ни французы, ни американцы не считали возможнымъ особенно вмѣшиваться въ ихъ распоряженія.

Такимъ образомъ всѣ усилія были направлены къ тому, чтобы свести на нѣтъ Правительство, сдѣлать его наиболѣе безцвѣтнымъ и безличнымъ. И въ то же время, искали подходящее русское военное начальство. Присутствіе Н. В. Чайковскаго весьма мѣшало. Когда онъ въ началѣ 1919 года уѣхалъ — положеніе совершенно измѣнилось, и военная диктатура становится совершившимся фактомъ. Однако, надежды, которыя возлагались англичанами на генерала Марушевскаго, не оправдались. Онъ совершенно не подходилъ къ роли военнаго диктатора, и только съ пріѣздомъ генерала Миллера оказалось возможнымъ наладить административный аппаратъ. Демократическіе элементы неоднократно обращались къ нашему американскому представителю за защитой и совѣтомъ. Но послѣдній ничего не могъ подѣлать. И только позже, когда стали указывать англичанамъ, что въ результатѣ ихъ опытовъ и слабости гражданской власти происходятъ безпорядки на мѣстахъ, и какъ слѣдствіе ихъ развивается большевизмъ, они дали согласіе на созывъ Земско-Городского Совѣщанія и на измѣненіе состава Правительства. Но это произошло уже тогда, когда эвакуація союзниковъ была уже рѣшена. Въ этотъ моментъ англичане начали отстаивать передъ генераломъ Миллеромъ, что послѣдняго очень удивило, необходимость радикально-демократическаго правительства. Айронсайдъ совѣтовалъ удалить Мефодіева и другихъ, показавшихъ свою непригодность».

Данныя этого документа отвѣчаютъ дѣйствительности во всякомъ случаѣ въ послѣдней его части. Въ частной бесѣдѣ съ представителями кооперативовъ генералъ Айронсайдъ заявилъ: «Теперь я убѣдился, что нельзя было создавать военную диктатуру. Она никчемна (is nothing). Впрочемъ, говоря по совѣсти, я не вѣрю и штатскому правительству. Но послѣднее лучше — такъ какъ все равно придутъ большевики» (газ. «В. С.»).

Тотъ же документъ повѣствуетъ о значеніи информаторовъ при англійскомъ Командованіи. Послѣднее «какъ общее правило не было знакомо ни съ языкомъ, ни съ обычаями этой страны. Во всякомъ русскомъ, не офицерѣ, оно готово было

видѣть большевика, скрытаго или явнаго. Въ этомъ ихъ убѣждали находившіеся при штабѣ переводчики, въ большинствѣ — русскіе военные. Мы неоднократно предупреждали англійское командованіе, что оно пользуется свѣдѣніями не правильными. Мы указывали, что нѣкоторые изъ переводчиковъ люди весьма сомнительные. Особенно большую роль играли капитанъ Чаплинъ и графъ Гейденъ».

Перваго изъ нихъ такъ характеризуетъ этотъ документъ: «Это авантюристъ, лишенный какихъ либо принциповъ, причастный къ разгромленію Государственныхъ Кассъ. Желающій добиться власти какими угодно путями. Человѣкъ легкомысленный, часто пьяный». Гейденъ же «вѣчно пьянъ, ярый реакціонеръ, готовый разстрѣлять всякаго либерально думающаго».

Тѣ разстрѣлы, которые производились въ уѣздахъ и о которыхъ въ лѣтописяхъ С. О. сохранилось не мало слѣдовъ — связаны съ именами этихъ информаторовъ. «Пользуясь полнѣйшей неосвѣдомленностью англичанъ въ дѣлахъ С. О., они фактически руководили всѣмъ. Организація Мутюги (каторги) дѣло ихъ рукъ».

Характеристика Чаплина, данная американцемъ, не сходится съ характеристикой нарисованной Добровольскимъ.

«Подвижной, энергичный, смѣлый, окруженный такими же сотрудниками изъ морской молодежи, онъ былъ положительно незамѣнимымъ въ критическіе моменты нашего существованія. Но насколько онъ и окружающіе его сотрудники были способны къ самоотверженному порыву въ минуту опасности, настолько же они были не способны ни къ какой планомѣрной организаціонной работѣ» (стр. 83).

О роли Чаплина въ жизни Сѣверной Области, послѣ его назначенія на Двину — сообщали изъ различныхъ источниковъ и, повидимому, дѣйствительно онъ игралъ немаловажную роль въ тѣхъ ошибкахъ и нетактичностяхъ, которыя дѣлала англійская власть, дѣйствуя обыкновенно посредствомъ послушныхъ ей русскихъ военныхъ властей.

Анализъ жизни С. О. приводитъ насъ къ положенію, что англійская власть тѣмъ или инымъ путемъ, часто черезъ центральную русскую, и очень рѣдко черезъ свои исполнительные органы — вмѣшивалась въ жизнь Области. Она поддерживала элементы, враждебные демократіи. Послѣдняя, какъ это свидѣтельствовалъ мнѣ не разъ лидеръ демократіи А. Ивановъ, была «въ весьма большихъ контрахъ съ англичанами» и «тщетно взывала къ американцамъ». Онъ удостовѣрялъ, и это мнѣ какъ то мимоходомъ подтвердилъ и замѣститель Чайковскаго, Зубовъ, что «англичане имѣли очень сильное вліяніе на дѣятельность Правительства. Что возможно сдѣлать, когда вся власть была фактически у англичанъ!»

И послѣдній жестъ Айронсайда передъ эвакуаціей, согласіе его на Земско-Городское Совѣщаніе и на укрѣпленіе внутренне Правительства — разсматривать приходится скорѣе какъ прощальный жестъ.

III

Генералитетъ, офицерство и солдаты

Вначалѣ считалось, да считается и теперь, что въ гражданской войнѣ побѣждаетъ сторона умѣющая создать лучшую армію, имѣющая лучшія сорганизованныя силы. Можно съ этимъ мнѣніемъ не соглашаться, и, однако, все-таки необходимо признавать огромное первостепенное значеніе за арміей. Большевики всю свою энергію, умѣніе и силы направили съ перваго же дня своей власти на организацію красной арміи. Они побѣждали. Они побѣдили на всѣхъ фронтахъ. На многочисленныхъ бѣлыхъ фронтахъ, существовавшихъ за время нашей гражданской войны, была разная качественность и количественность армій. Армія сибирская, временъ Колчака, совершенно не походила на армію Самарскаго Правительства и отличалась въ то же время весьма и весьма отъ Добровольческой Арміи.

И у Сѣверной Области была армія своя, специфическая, имѣющая свои недостатки и свои достоинства.

Ко времени моего пріѣзда въ Сѣверную Область численность арміи была около пятидесяти тысячъ. Но число штыковъ врядъ ли доходило до трети этого количества. Тылъ и штабы, — все это было перегружено нестроевымъ элементомъ. Ясно, что для фронта въ нѣсколько тысячъ верстъ такая армія была не больше песчинки, величина безконечно малая, особенно, если противъ нея стоитъ непріятель, располагающій безчисленными рессурсами человѣческаго матеріала. У Сѣверной Области не было этихъ рессурсовъ. Все, что могло быть мобилизовано, — было уже взято въ войска. Малочисленность населенія Области дѣлала невозможнымъ дальнѣйшее увеличеніе численности арміи.

Мнѣ пришлось близко, очень близко видѣть Сѣверную армію, видѣть ее въ дни побѣды, въ дни затишья, наконецъ, въ дни разложенія. И мнѣ кажется, что несмотря на многіе свои дефекты, армія, я говорю о фронтовыхъ частяхъ, была очень хороша. Неизмѣримо лучше сибирской и во многомъ, по своимъ боевымъ качествамъ, приближалась къ дореволюціонной арміи. Въ этомъ убѣждали меня мои наблюденія, мое пребываніе на фронтѣ.

Прежде всего солдатъ.

Еще въ то время, когда союзники не приходили и о Верховномъ Управленіи не было и рѣчи, въ то время уже начались возстанія крестьянъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ и на Пинегѣ. Смѣлые, привыкшіе къ своимъ непроходимымъ лѣсамъ, охотники, не испытавшіе на себѣ крѣпостного ига, сѣверные крестьяне не похожи вообще на русскаго крестьянина среднихъ губерній. И понятно, что въ отвѣтъ на репрессіи и насилія большевиковъ начались возстанія. Когда сформировалась Сѣверная Область — Шенкурцы, Тарасовцы и Пинежцы, не какъ мобилизованные, а какъ добровольцы, вошли въ составъ Сѣверной Арміи. Они обладали удивительной храбростью, приспособленностью къ сѣвернымъ условіямъ войны и крѣпкой дисциплиной. Двѣ черты значительно умаляли ихъ боевую силу. Первое это то, что они охотнѣе защищали свой раіонъ, свою деревню, свою Тарасовскую, Шенкурскую деревню и такъ далѣе, чѣмъ вообще С. О. Здѣсь у себя они могли противостоять противъ неизмѣрно болѣе сильнаго непріятеля, но съ переводомъ ихъ на другіе фронты, они впадали въ уныніе, въ апатію, стреми-

лись къ себѣ на родину, боясь, что другіе полки, не свои, выдадутъ ихъ деревни большевикамъ. Съ другой стороны они вносили чрезвычайную остроту въ гражданскую войну. Для нихъ большевикъ, красноармеецъ — былъ синонимъ звѣря. котораго надо убивать. Они не брали въ плѣнъ. И большевики платили имъ тѣмъ же. Взятыхъ въ плѣнъ истязали и разстрѣливали. Благодаря ихъ жестокости нерѣдко страдали интересы окрестныхъ волостей. Въ результатѣ появились и на сторонѣ красныхъ тоже партизане, такіе же сильные и такіе же безпощадные, и нерѣдко начиналась вражда двухъ сосѣднихъ деревень.

Шенкурцы и Тарасовцы составили ядро Сѣверной арміи, ея опору, ея фундаментъ. Фактически весь Двинскій и Селецкій фронтъ поддерживался ими. Подъ чьимъ же вліяніемъ они находились?

Возстаніе въ Шенкурской Области было поднято подъ предводительствомъ эсеровъ. Войдя въ составъ регулярной арміи Сѣверной Области партизане не только не порывали связи съ эсеровскими кругами Архангельска, но продолжали считаться съ мнѣніемъ тѣхъ, съ кѣмъ они были искони связаны дружескими узами. И если они съ первыхъ дней возстанія и до паденія С. О. оставались вѣрны идеѣ активнаго антибольшевизма, если они даже брали на себя весьма неблагодарную роль подавленія мятежей въ другихъ полкахъ, всѣмъ этимъ ихъ упорнымъ антибольшевизмомъ обязаны они эсерамъ, которые въ Архангельской губерніи принадлежали къ опредѣленно оборонческимъ, рѣзко противобольшевистскимъ слоямъ.

Здѣсь мы сталкиваемся, наконецъ, съ фактомъ, заслуживающимъ быть отмѣченнымъ, что демократія въ Сѣверной Области обладала вполнѣ реальной, даже весьма реальной поддержкой. И это отнюдь не шутка, не иронія, когда правая газета «Отечество» утверждала, что эсеры могутъ въ любую минуту произвести переворотъ. Это была не иронія, а несомнѣнный фактъ. Ибо неоднократно депутаты партизановъ навѣщали Архангельскъ и заявляли, что «мы — попрежнему за васъ».

Съ характеромъ и психологіей партизановъ мнѣ пришлось познакомиться при обстоятельствахъ, надолго оставшихся въ моей памяти.

Послѣ паденія Сѣверной Области и бѣгства генерала Миллера — я былъ арестованъ. Въ числѣ десятка другихъ, насъ вели по Мурманску. Кругомъ толпы жителей, красноармейцевъ. Съ дикимъ ревомъ, озвѣрѣвшіе, они окружали насъ, бросали въ насъ палками, камнями, кусками льда. Рядомъ со мной шелъ солдатъ, немолодой, съ густой бородой, по виду типичный крестьянинъ-сѣверянинъ. Онъ тщательно пряталъ свое лицо, что меня удивило. Къ чему было солдату прятаться? Въ Мурманской тюрьмѣ насъ тщательно обыскали, допросили. И здѣсь солдатъ былъ опознанъ. Его земляки узнали въ немъ партизана изъ «непримиримыхъ». Какъ его били!! Онъ не сказалъ ни слова. Его притащили въ нашу камеру окровавленнаго, съ выбитымъ глазомъ, съ изувѣченнымъ лицомъ. Притащили и бросили на полъ. Ночью онъ стоналъ, просилъ воды... Утромъ онъ — еле живой — попросилъ комиссара «по важному дѣлу». Его вывели въ корридоръ. Здѣсь онъ выхватилъ у часового ружье, и штыкомъ на смерть ранилъ комиссара. Другой часовой застрѣлилъ его.

Говорили, большевики въ свое время убили его брата...

Совсѣмъ въ другомъ духѣ были полки, укомплектованные солдатами изъ Архангельска и смежныхъ уѣздовъ. Совершенно не испытавшіе черныхъ сторонъ большевизма, ибо въ Архангельскѣ большевизмъ въ восемнадцатомъ году былъ очень мягокъ, они, эти полугородскіе жители, находились подъ вліяніемъ Саламболы, такъ назывался рабочій раіонъ Архангельска, центръ большевистской пропаганды, мѣста, гдѣ сходились всѣ нити большевистской агентуры.

Именно эти солдаты послужили бродильнымъ элементомъ для возстаній, имѣвшихъ мѣсто въ іюлѣ, въ рядѣ полковъ: третьемъ, шестомъ и другихъ. И они же сыграли печальную роль въ возстаніи, предшествовавшемъ паденію Сѣверной Области.

Почему тяготѣли они къ большевикамъ? Вѣдь видѣли они ясно, что большевики не исполняютъ своихъ обѣщаній, что большевистскіе лозунги, это журавли на небѣ. Они это знали, ибо плѣнные красноармейцы подробно и детально разсказывали имъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Наконецъ, они получали обильный паекъ, видѣли нищету и голодъ, что царили по ту сторону фронта, и, однако, было у нихъ какое то чувство сильнѣе реальныхъ благъ. Это чувство была ненависть къ «барамъ». Сколько разъ въ холодныя сѣверныя ночи прислушивался я къ разговорамъ сбившихся у огня солдатъ, и слышалъ тѣ же рѣчи, что въ свое время на германскомъ фронтѣ, въ послѣ-революціонные дни.

«Подожди, ужо покажемъ, какъ на нашей шеѣ сидѣть».

«Вѣдь, какъ на твою спину сядетъ комиссаръ, возражалъ красноармеецъ изъ плѣнныхъ, также будетъ командовать. Такова наша доля».

«То комиссаръ, онъ изъ нашихъ, свой. А это баре. Въ золотыхъ погонахъ. Генералы тоже. Они въ вагонахъ, а мы, вишь, въ землянкахъ».

И большевизмомъ, ненавистью къ барамъ и интеллигенціи, были заражены въ сущности особенно тѣ, кого можно было считать, если не на половину, то на четверть интеллигентами. Толковые, смышленные, зачастую унтеръ-офицеры — на провѣрку оказывались не только большевиствующими, но и членами коммунистической партіи. Изъ множества фактовъ, одинъ наилучше характеризуетъ этотъ типъ людей.

Стояли жестокіе морозы. Лѣсъ, казалось, стоналъ отъ холода, его сковавшаго. Выйти наружу не было возможности. Мерзло лицо, руки, ноги отмораживались уже черезъ нѣсколько минутъ.

Ночью неожиданно въ нашъ лазаретъ привели пятерыхъ солдатъ. Ихъ привелъ конвой. Ноги ихъ были совершенно отморожены. Настолько, что никакимъ образомъ нельзя было оторвать съ нихъ примерзшіе сапоги. Обмороженіе было такъ сильно, что пришлось многимъ ампутировать немедленно пальцы, ступни. Четверо изъ солдатъ стонали и безпрестанно ругали пятаго. Но пятый молчалъ. Это былъ молодой, интеллигентнаго вида солдатъ. Писарь — унтеръ-офицеръ, онъ сманилъ восемь солдатъ своей части перейти къ краснымъ. Раздобыли лыжи. Благополучно прошли десять верстъ и здѣсь заблудились въ лѣсу. Начались морозы. Трое замерзли, остальныхъ подобралъ конвой. Конечно, имъ грозилъ разстрѣлъ. Особенно зачинщику. Несмотря на жестокую боль, ругань своихъ спутниковъ, онъ не проронилъ ни слова. Онъ считалъ себя повидимому правымъ. Несмотря на операцію — онъ умеръ на третій день.

Такіе люди, фанатики, упорные, служили цементомъ въ средѣ колеблющихся, полубольшевистскихъ солдатъ. Они вели ихъ за собой. А тѣ шли, повинуясь глухому чувству ненависти къ барамъ и «авось будетъ лучше».

Третьей категоріей были красноармейцы, взятые въ плѣнъ. Сначала ихъ было немного, единицы. Но впослѣдствіи, послѣ удачныхъ наступленій на Двинскомъ и на Желѣзнодорожномъ фронтѣ, когда были взяты въ плѣнъ многія тысячи красныхъ солдатъ — эти послѣдніе положительно заполнили всѣ фронтовыя части. Были роты гдѣ 90% состояло изъ красноармейцевъ. При этомъ пополненіе ими частей шло весьма упрощенно. Ихъ мыли, посылали въ тылъ, и черезъ недѣлю, другую направляли уже въ часть. Провѣрки ихъ большевизма не было, почти не было. Поэтому нерѣдко оказывалось, что отвѣтственные коммунисты попадали въ боевыя части, или что коммунисты комиссары попадали въ штабъ полка или дивизіи, на телеграфъ и такъ далѣе, какъ наиболѣе расторопные.

Главный Штабъ, въ погонѣ за расширеніемъ операцій, не считался съ мѣрами предосторожности, совершенно необходимыми. Къ тому же, почему то считалось, что плѣнные красноармейцы надежны. Это было очевидное недоразумѣніе. Конечно, они были, за исключеніемъ немногихъ коммунистовъ, — антибольшевиками. Но въ то же время они были необыкновенно пассивны. По духу своему они были «зеленые». Имъ хотѣлось домой и снова домой. Они прекрасно воевали, когда были въ крѣпкой духомъ части, напримѣръ, въ такой части, какъ партизанскіе полки. Здѣсь они превращались въ обычнаго русскаго солдата, пріобрѣтая всѣ его боевыя качества. Но въ полку, гдѣ была неопредѣленная обстановка, они съ такимъ же успѣхомъ могли и защищать бѣлыхъ и напасть на нихъ, а вѣрнѣе всего просто отойти въ сторону. Къ тому же они были изможденные, изголодавшіеся, многіе — послѣ перенесенныхъ недавно тифовъ.

Чрезмѣрное и необдуманное пополненіе полковъ плѣнными красноармейцами сказалось въ свое время губительно на фронтѣ.

Командный составъ арміи — ея цементъ. Это то, что придаетъ ей твердость, устойчивость. Отъ него зависятъ ея боевыя качества. И если это опредѣленіе примѣнимо для всякой арміи вообще, всѣхъ временъ и странъ, то тѣмъ болѣе и тѣмъ особенно оно распространяется на арміи, участвующія въ гражданской войнѣ. Здѣсь отъ офицера, отъ командира боевой части зависитъ очень многое. Здѣсь къ офицеру предъявляются жизнью требованія особенно повышенныя, особенно строгія. Въ гражданской войнѣ офицеръ долженъ быть не только храбръ, не только отваженъ, не только предпріимчивъ, онъ долженъ быть вождемъ своихъ солдатъ. Его задача первая и самая главная — создать изъ своихъ солдатъ единое цѣлое, спаянное внутреннимъ единствомъ. Офицеръ долженъ морально всемѣрно вліять на солдатъ. Если онъ не сможетъ вліять на свою часть, — она будетъ не больше какъ карточный домъ, который рушится отъ перваго дуновенія легкаго вѣтерка, отъ первой же неудачи.

Двѣ роты одинаковаго пополненія, состоящія та и другая на три четверти изъ плѣнныхъ красноармейцевъ. Во главѣ первой стоитъ капитанъ М-ій, спокойный, храбрый, упорный человѣкъ. Все свое время онъ посвящаетъ солдатамъ, ученію съ ними, чтенію, разговорамъ. Онъ былъ очень строгъ и даже на фронтѣ требовалъ чинопочитанія. И, однако, эта рота сохраняла свою боеспособность даже во время всеобщаго разложенія. И когда послѣднее пришло, солдаты снабдили своихъ офицеровъ продуктами, снарядили ихъ, оставили имъ ихъ оружіе и тайкомъ, проселочными дорогами, довезли ихъ до Архангельска.

Провожая своихъ офицеровъ, прощаясь съ ними — солдаты плакали. То, что я разсказалъ, фактъ не единичный, отнюдь не рѣдкостный, а имѣвшій мѣсто въ различныхъ полкахъ Сѣвернаго фронта.

Другой фактъ изъ исторіи возстанія въ Третьемъ полку. Храбрость офицеровъ этого полка, порою легендарная, была истиною непреложной. Но многіе офицеры, по примѣру своего командира, были не чужды пьянству. И этого было достаточно. Ихъ предупреждали. Они отвѣчали — «насъ любятъ солдаты». Но это была неправда, далеко не правда. Солдаты были распущены, предоставлены сами себѣ, жили собственными настроеніями. А офицерство? Оно ничего не знало о «думахъ» своихъ солдатъ.

Несомнѣнно, что въ главной своей массѣ фронтовое офицерство Сѣвера принадлежало къ первой категоріи. Въ большей своей части оно было не только весьма высокаго качества, не только превосходило офицерство сибирской и юго-западной армій, но и отличалось отъ офицерства Добровольческихъ частей. Оно было не только храбро, оно было разумно и интеллигентно. Въ большинствѣ это были или мѣстные, вышедшіе изъ партизановъ, или пріѣхавшіе черезъ Англію, недавніе плѣнные въ Германіи. Кадроваго офицерства было не много, во всякомъ случаѣ кадровое офицерство терялось въ общей массѣ некадроваго, занимая къ тому же чаще всего должности въ Штабахъ.

Впослѣдствіи, мнѣ придется говорить о печальной участи выпавшей на долю Сѣвернаго офицерства. Ибо только единицы успѣли уѣхать, а остальные — арестованные большевиками — частью были разстрѣляны, а частью увезены въ Москву. Тамъ, въ Бутырской тюрьмѣ мнѣ пришлось съ ними встрѣтиться въ тяжелыхъ условіяхъ тюремной совѣтской обстановки.

Пьянство младшихъ офицеровъ находилось въ непосредственной связи съ ихъ ближайшими начальниками. Такъ, пока командующимъ фронтомъ былъ полковникъ Мурузи, врагъ пьянства, послѣднее было ограничено и незамѣтно. Но онъ ушелъ. И послѣдніе мѣсяцы передъ паденіемъ фронта пьянство широкой волной распространилось по всѣмъ воинскимъ частямъ, захвативъ и солдатскія массы. Этому способствовалъ военный тылъ, этому помогала жизнь военныхъ въ самомъ Архангельскѣ. Ибо послѣдній являлъ собою всѣ признаки разложенія, которое было характерно и для Самары и для Омска, передъ ихъ паденіемъ, и для многихъ другихъ русскихъ городовъ, служившихъ тыломъ бѣлыхъ армій. Ни тревожное состояніе, ни дурныя вѣсти съ фронта, ничто не могло нарушить угарной жизни Архангельска. Люди словно хотѣли взять отъ жизни то немногое, что она имъ давала: вино и снова вино. Офицерское Собраніе и не мало другихъ ресторановъ были свидѣтелями скандаловъ, безобразныхъ и дикихъ, участниками которыхъ являлись офицеры. Имъ подражая — не отставали и солдаты. И чѣмъ грознѣе становилось въ Области, тѣмъ безудержнѣе жилъ военный тылъ. Уже не въ рѣдкость можно было встрѣтить пьяныхъ офицеровъ и солдатъ на улицахъ и уличкахъ Архангельска. Но, если кутило тыловое офицерство, то и фронтовое, пріѣзжая на побывку, не отставало отъ него въ своихъ кутежахъ. Послѣднее обстоятельство не препятствовало другому явленію — крайней розни и враждѣ между фронтомъ и тыломъ. Фронтъ, который несъ всю тягость весьма жестокихъ боевъ, фронтъ который терялъ ранеными и убитыми десятки офицеровъ, не могъ добиться пополненія изъ тыла, гдѣ находилось при Штабахъ множество тыловиковъ.

Насколько остра была вражда между тыловымъ и фронтовымъ офицерствомъ показываетъ дѣло, слушавшееся въ Военномъ Судѣ. Капитанъ Лерхе, адъю-

тантъ полковника Мурузи, пріѣхавъ въ Архангельскъ, въ клубѣ Георгіевскихъ Кавалеровъ устроилъ скандалъ, направленный противъ Штаба и въ частности противъ генерала Квинцинскаго. Судъ этотъ былъ своеобразный турниръ между фронтовымъ и тыловымъ офицерствомъ. Своего адъютанта защищалъ самъ Мурузи, на сторонѣ обвиненія былъ весь цвѣтъ прокуратуры.

Кончилось это дѣло высылкой изъ Области и Мурузи, и Лерхе.

Ни для кого не было секретомъ, что недовольство фронта тыломъ грозило вылиться до размѣровъ военнаго заговора и зачинщиками, главой этого, называли рядъ извѣстнѣйшихъ фронтовыхъ офицеровъ. Среди нихъ были и высланные. Примѣръ Лерхе не остался безъ подражанія — и всякій ѣдущій въ Архангельскъ фронтовикъ грозился «побить штабныхъ и вообще всякихъ тыловыхъ м-въ».

Таково было настроеніе фронтового офицерства, и чтобы понять его, надо остановиться на высшемъ командномъ составѣ. Но прежде небольшое замѣчаніе. Въ оцѣнкѣ личностей весьма легко ошибиться и еще легче поддаться субъективнымъ настроеніямъ. Полковникъ Добровольскій далъ весьма опредѣленныя характеристики. Такъ, по его словамъ, генералъ Миллеръ — это синонимъ всякихъ добродѣтелей, генералъ Квинцинскій — фантазеръ и бюрократъ, а генералъ Марушевскій — полное ничтожество, который интересовался только шпорами. Съ этими характеристиками, вѣроятно, многіе не согласятся. На мнѣніи г-на Добровольскаго вѣроятно отразилось и то, что онъ все время былъ въ Архангельскѣ, откуда и уѣхалъ вмѣстѣ съ Миллеромъ.

Генералъ Марушевскій, который былъ главнокомандующимъ до іюля 1919 г., по отзыву весьма многихъ офицеровъ, былъ храбрый генералъ, любившій фронтовую обстановку и не чуждавшійся ея. Ему ставятъ въ вину неумѣніе сформировать армію. Но противъ него было много обстоятельствъ, — среди которыхъ присутствіе союзниковъ не на послѣднемъ мѣстѣ. Какъ бы то ни было, имя Марушевскаго связано съ первымъ періодомъ исторіи Области. Уѣхалъ онъ еще до эвакуаціи англичанъ и потому говорить объ его дѣятельности въ настоящей статьѣ не приходится.

Съ именемъ генерала Е. Миллера связанъ весь періодъ — августъ 1919 до февраля 1920 года. Періодъ отъ ухода союзниковъ и до паденія С. О. И такъ какъ по существу онъ былъ военнымъ диктаторомъ Области, и такъ себя и разсматривалъ, какъ ставленникъ Колчака, то тѣмъ большая за все прошедшее лежитъ на немъ отвѣтственность моральная. Большая отвѣтственность. Его характеристика, его обликъ выяснится самъ собою изъ фактовъ, сопутствовавшихъ паденію Сѣверной Области. Здѣсь важно лишь указать, что онъ всецѣло принадлежалъ тылу, такъ какъ на фронтѣ мы его видѣли всего лишь одинъ разъ, да и то въ моментъ полнаго затишья. Находясь въ тылу, онъ былъ всецѣло подъ вліяніемъ «тыловыхъ генераловъ».

Такъ, онъ смѣщаетъ полковника Мурузи. Этотъ послѣдній колоритнѣйшая и интереснѣйшая по своему фигура. Монархистъ крайняго толка, бывшій командиръ Таврическаго полка, аристократъ, онъ вполнѣ усваиваетъ методы веденія гражданской войны. Онъ понимаетъ, сколь важно и настроеніе обывателя крестьянина въ пользу бѣлыхъ, сколь необходима близость къ солдату, та близость, когда онъ начинаетъ васъ считать своимъ. Наконецъ, Мурузи знаетъ, что побѣда на сторонѣ того, кто активенъ. Слѣдуя этимъ убѣжденіямъ, онъ заботится

о населеніи вновь занятыхъ областей, печется о плѣнныхъ красноармейцахъ, въ отношеніи солдатъ онъ примѣняетъ чисто Суворовскіе пріемы простоты въ обращеніи — въ родѣ того, что сажаетъ попутчиковъ солдатъ къ себѣ на дрезину. Онъ идеально храбръ. Въ военной тактикѣ Мурузи проводилъ активное наступленіе чрезвычайно талантливо и умѣло. Всѣ успѣхи на Сѣверѣ связаны съ его именемъ*.

Начавъ операціи на Двинѣ, онъ разбиваетъ непріятеля въ нѣсколько разъ болѣе сильнаго. То же самое и на Желѣзнодорожномъ фронтѣ. Здѣсь онъ въ короткое время беретъ станціи Емцы и Плесецкую, взявъ въ плѣнъ тысячи красноармейцевъ. Солдаты, въ этомъ я убѣдился вполнѣ, его любили и шли за нимъ какъ за вождемъ. Онъ былъ несомнѣнный демагогъ. Умѣлъ сказать во время то, что было пріятно солдатскимъ массамъ. Къ тому же обычно онъ заботился о нихъ даже больше, чѣмъ объ офицерахъ.

Онъ былъ смѣненъ генераломъ Миллеромъ, такъ какъ официально считалось, что онъ не повиновался распоряженіямъ Штаба. На фронтѣ же говорили, что его лавры не даютъ покою генералу Миллеру и что послѣдній боится быть замѣненнымъ на своемъ посту княземъ Мурузи.

Талантливый полководецъ, можетъ быть, единственный способный для отстаиванія Сѣверной Области — былъ высланъ изъ ея предѣловъ.

Другой примѣръ — это полковникъ Костанди. Личность, къ которой придется неоднократно возвращаться въ другихъ главахъ моей статьи. Этотъ офицеръ показалъ себя еще во время пребыванія союзниковъ въ Области талантливымъ военноначальникомъ. Его наступленіе на Мурманскомъ фронтѣ было успѣшно проведено въ жизнь. Его переводятъ въ Архангельскъ, и, несмотря на просьбы его о возвращеніи на фронтъ, поручаютъ канцелярскую работу въ тылу.

Вмѣстѣ съ Костанди мы ѣхали, арестованные большевиками, изъ Архангельска въ Москву. И темой для разговоровъ было, конечно, прошлое Сѣверной Области.

«Почему пала Сѣверная Область, причинъ много. Но одна изъ многихъ это то, что генералъ Миллеръ вообразилъ себя Бонапартомъ. Если и не вообразилъ, то хотѣлъ имъ быть. Лавры Колчака, Деникина и другихъ не давали ему спать. Штабной чиновникъ, не любящій и боящійся фронта, онъ рѣшилъ, что можетъ справиться и самъ не хуже другихъ съ большими операціями. Онъ и Квинціпскій — они не терпѣли ни самостоятельности, ни активности. Фронтъ имъ казался шахматной доской. Они позабыли, что война гражданская не похожа, на ту, о которой пишутъ въ учебникахъ стратегіи. Спасти Сѣверную Область, можетъ быть, и не было шансовъ, но можно было бы спасти сотни офицеровъ, которыхъ теперь везутъ на разстрѣлы».

Это мнѣніе я оставляю на совѣсти сказавшаго его.

Было нѣсколько обстоятельствъ, которыя возстановили особенно фронтовое офицерство противъ тыла.

Вскорѣ вслѣдъ за Миллеромъ попаѣхало въ С. О. множество генераловъ. Все это были далеко не боевые генералы — штабные или интенданты. Цѣль ихъ пріѣзда была вполнѣ ясной. Немножко подкормиться и выслать денегъ своимъ

---

* Отнюдь не являясь сторонникомъ, персонально, его политическихъ убѣжденій и его демагогіи, долженъ отдать ки. Мурузи должное. Это яркая, талантливая личность.

семьямъ, живущимъ заграницей. Всѣхъ этихъ генераловъ Миллеръ пріютилъ въ Архангельскѣ. Изъ общаго числа, около двадцати, только пять были на фронтѣ. Остальные? Остальные составляли великодержавный Штабъ. Среди этихъ генераловъ, спеціально вызванныхъ Миллеромъ — былъ генералъ Квинцинскій. Личное впечатлѣніе мое отъ него было самое безличное. Вѣжливый, спокойный человѣкъ. Но трудно было представить себѣ большую нетактичность, какъ назначеніе Квинцинскаго начальникомъ Штаба Главнокомандующаго. И это помимо его личныхъ чертъ, какъ военноначальника. Дѣло въ томъ, что во время Скоропадскаго съ именемъ Квинцинскаго была связана исторія съ плѣненіемъ офицеровъ добровольческой арміи въ «Музеѣ». Я не знаю въ точности этой исторіи, допускаю вполнѣ искренно, что Квинцинскій въ ней совершенно не виновенъ, но офицеры, бывшіе въ Кіевѣ и выданные большевикамъ, частью спаслись и были вывезены послѣдними нѣмецкими эшелонами въ Германію гдѣ жили въ лагеряхъ военноплѣнныхъ, откуда были вызваны англичанами и попали на Сѣверъ Россіи въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ. Они и обвиняли генерала Квинцинскаго, не прощали ему «Музея» и съ первыхъ же дней предсказывали, что онъ не задумается снова предать офицеровъ и оставить ихъ на растерзаніе большевикамъ.

Сколько разъ мнѣ приходилось слышать на фронтѣ:

«Вотъ увидите, генералъ Квинцинскій насъ выдалъ въ Кіевѣ, выдастъ и теперь».

Въ февралѣ 1920 года, за недѣлю до паденія Области, по требованію арміи, Квинцинскій былъ уволенъ Миллеромъ. Но былъ уволенъ только на бумагѣ, фактически же оставался начальникомъ Штаба и управлялъ эвакуаціей сѣверныхъ войскъ.

Другое обстоятельство, вызвавшее еще большій антагонизмъ между фронтомъ и тыломъ было тоже первостепенной важности. Оно касалось вопроса «эвакуироваться ли вмѣстѣ съ англичанами?»

Когда англійское командованіе получило офиціальное предписаніе изъ Лондона объ уводѣ британскихъ войскъ, то оно, въ особенности генералъ Айронсайдъ, настаивали на томъ, чтобы вмѣстѣ съ англичанами ушли и русскія войска и всѣ тѣ, кому опасно было оставаться при большевикахъ. Англичане въ защиту этого выставляли «безполезность отстаиванія Сѣверной Области и даже невозможность этого и неизбѣжность ея паденія». Они указывали на тѣ возстанія, которыя имѣли мѣсто въ продолженіе іюля 1919 года почти во всѣхъ полкахъ Сѣверной Области (возстанія или же заговоры), во всѣхъ, кромѣ партизанскихъ, добровольческихъ частяхъ. Подчеркивали безразличность населенія, большевизмъ рабочаго класса и части крестьянства. — Однимъ словомъ, они изображали довольно вѣрно то положеніе, что имѣло мѣсто на Сѣверѣ.

Вызванные представители фронта въ большинствѣ своемъ выразили мнѣніе, что англичане правы и что защищать С. О. собственными силами невозможно. Надо или эвакуироваться вмѣстѣ съ англичанами, или же увести войска на Мурманскъ, сокративъ тѣмъ самымъ фронтъ въ десятки разъ и обезпечивъ себѣ возможность спастись въ Финляндію.

Полковникъ Костанди, знавшій условія жизни Сѣвернаго края, указывалъ, что если эвакуироваться на Мурманскъ, то это необходимо сдѣлать до осени,

такъ какъ зимою «отступать будетъ некуда и вся сѣверная армія станетъ добычей большевиковъ».

Рядъ фронтовыхъ начальниковъ частей весьма категорически высказались «за эвакуацію съ англичанами».

Настроеніе большинства офицеровъ вполнѣ этому отвѣчало. Несмотря на успѣшное наступленіе, у фронтовыхъ офицеровъ настроеніе было «обреченное». Такъ казалось и мнѣ. Неоднократно говорили они между собой — «нѣтъ будущаго», «попадемъ въ руки большевиковъ», «станемъ добычей красныхъ».

Одинъ изъ немногихъ — князь Мурузи считалъ, что никогда не слѣдуетъ терять надежду, надо вѣрить въ себя.

Несмотря на мнѣніе, опредѣленное и единодушное, о необходимости ликвидировать сѣверный фронтъ и «не продолжать эту авантюру», Штабъ рѣшилъ иначе. Генералъ Миллеръ, пользуясь своей властью главнокомандующаго и представителя Колчака, выслушавъ мнѣніе и настроеніе фронта — постановилъ защищать Сѣверную Область. Въ этомъ рѣшеніи съ нимъ солидаризировался и начальникъ его штаба генералъ Квинцинскій, который былъ ярымъ сторонникомъ защиты Области «до послѣдней капли крови».

Декларація генерала Миллера — оставаться въ Сѣверной Области была встрѣчена весьма угрюмо фронтомъ, который расцѣнивалъ это какъ «бонапартизмъ тыловыхъ генераловъ, которые на крови фронта хотятъ построить свою славу».

Послѣ этого, все время жизни С. О. до самаго ея паденія, этотъ антагонизмъ все росъ и росъ. Насколько онъ былъ великъ показываетъ то обстоятельство, что тыловики не рисковали даже пріѣзжать на фронтъ, такъ какъ тамъ ихъ обѣщали «вывести въ расходъ».

Это нисколько не смущало тылъ. Жизнь въ Архангельскѣ шла своимъ чередомъ. Торжественные обѣды, гостями которыхъ бывалъ весь генералитетъ, смѣнялись одинъ за другимъ.

IV

Населеніе. Его настроенія

Говоря о настроеніи фронтовыхъ офицеровъ, я сказалъ, что они чувствовали себя обреченными. Настроеніе мѣстнаго населенія было иное, и оно лучше всего сказалось въ дни объявленія англичанами эвакуаціи.

Я положительно утверждаю, что иного мнѣнія у самыхъ широкихъ и самыхъ разнообразныхъ слоевъ населенія не было, какъ то, что:

«Большевики придутъ».

«Англичане уйдутъ, а они придутъ».

Только нѣкоторые изъ руководителей мѣстной демократіи и интеллигенціи надѣялись на «авось». Но и эта надежда у нихъ была какая то слабая и робкая.

Помню, въ эти дни былъ митингъ въ городскомъ саду. Выступали различныя офиціальныя и неофиціальныя лица съ призывомъ:

«Теперь, наконецъ, уходятъ англичане и наше національное самосознаніе можетъ быть довольно.

Граждане, записывайтесь въ добровольцы!»

Однако, этотъ призывъ остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Никто не записывался. Никто не шелъ добровольно. Наоборотъ, тотъ, кто не былъ связанъ съ Сѣверомъ, записывался къ англичанамъ на эвакуацію — несмотря на строжайшее запрещеніе покидать Сѣверную Область.

Странное впечатлѣніе осталось у меня отъ настроеній населенія Сѣвера. Пока англичане были въ Области, общій голосъ — была ругань противъ англичанъ. Казалось, всѣ бѣды и неурядицы въ Области порождены ими. И вотъ, уходъ англійскихъ войскъ рѣшенъ, объявленъ. И всѣ считаютъ истиной непреложной, что безъ англичанъ Область существовать не можетъ, что непремѣнно придутъ большевики.

Въ кулуарахъ Земско-Городского Совѣщанія, тогда собравшагося, происходили любопытнѣйшіе разговоры.

Офиціально объявлялось, что Область крѣпка и большевики не страшны. Такія деклараціи вотируются единогласно. И тутъ же, тѣ, кто вотировалъ, дѣлятся между собою замѣчаніями.

«А вѣдь плохо. За англичанами жили какъ за каменной стѣной».

«Да, спокойно было. А теперь того и гляди, что придутъ красные».

«А наши войска?»

«Наши войска! Скажите еще: наши мужички! Да имъ все равно — большевики, не большевики, бѣлые, красные. Только бы не трогали».

И сталкиваясь съ жителями Архангельска: съ кущами, интеллигентами, рабочими — у всѣхъ встрѣчалъ я одинаковую оцѣнку положенія. Здѣсь не было даже много логики, не было разсужденій, была лишь вѣра въ то, «что иначе быть не можетъ. Англичане уйдутъ — придутъ большевики».

И на мои неоднократные вопросы, требовавшіе разъясненій: «почему придутъ?», отвѣчали съ досадою: «нельзя говорить». Слишкомъ для всѣхъ было ясно — «иначе не можетъ быть».

Получался тупикъ. Непроходимый и всесильный.

Какъ же относились жители Сѣвера къ неизбѣжности участи своей страны и къ приходу большевиковъ?

Крестьяне, если исключить такъ называемые партизанскіе уѣзды, были въ общей своей массѣ настроены пассивно и даже миролюбиво къ большевикамъ. Они не строили особыхъ иллюзій насчетъ большевиковъ. Ибо земли отъ послѣднихъ они не ждали, а о реквизиціяхъ и насиліи слыхали и только отчасти вѣрили имъ. Но они были убѣждены, что съ паденіемъ Сѣвернаго фронта ликвидируется гражданская война, вернутся изъ армій ихъ сыновья и братья. И кромѣ того, большевики въ ихъ представленіи рисовались какъ «свои».

Осторожно, нехотя говорили крестьяне, наученные опытомъ. Они не любили болтать лишнее.

Спрашиваешь: «А вѣдь, если придутъ большевики, плохо будетъ?»

«А кто его знаетъ. Говорятъ одни, что плохо, а другіе — хорошо. А намъ что, — наше дѣло сторона».

Доминирующимъ настроеніемъ большинства крестьянъ была пассивность. И, хотя въ большинствѣ своемъ они не пережили и не изжили большевизма, но многіе думали, что и вообще сѣверному крестьянину большевизмъ относительно чуждъ.

И только поскольку онъ усталъ отъ войны и думалъ, что «миръ дастъ большевикъ» — онъ и сочувствовалъ неизбѣжному концу Сѣверной Области.

Отличныя настроенія были у крестьянской интеллигенціи: она была настроена опредѣленно и рѣзко противобольшевистски. И не только была противобольшевиствующей, но и стояла за активную защиту Сѣверной Области противъ красныхъ. Только впослѣдствіи, передъ самымъ паденіемъ Сѣверной Области появились и въ этихъ кругахъ нѣкоторыя колебанія, тенденціи, пропитанныя миролюбіемъ по отношенію къ большевикамъ.

Рабочіе круги Архангельска принадлежали къ элементамъ, наиболѣе неудовлетвореннымъ политическимъ бытомъ въ Области. Вначалѣ, во времена Верховнаго Управленія, они способствовали не мало сверженію большевиковъ, но постепенно, все болѣе и болѣе росло ихъ недовольство. Это послѣднее явилось слѣдствіемъ преслѣдованія властями профессіональныхъ союзовъ, массовыхъ арестовъ, высылокъ на Печору, кой-гдѣ незаконныхъ и безъ суда, разстрѣловъ военными властями оппозиціонно настроенныхъ рабочихъ. Послѣдней каплей, отбросившей окончательно рабочихъ отъ власти С. О., была организація Миллеромъ своеобразной каторги — на Іохангѣ, необитаемомъ Мурманскомъ берегу. Посланные туда въ большомъ количествѣ административнымъ порядкомъ, рабочіе были въ большинствѣ своемъ не большевики, а безпартійные. Они гибли тамъ отъ цынги, холода, избиваемые начальникомъ тюрьмы Судаковымъ. Объ этой каторжной тюрьмѣ мнѣ придется еще разсказать подробнѣе: это одно изъ самыхъ темныхъ пятенъ въ исторіи Сѣверной Области. Мнѣ, увы, пришлось съ ней столкнуться чрезвычайно близко и въ условіяхъ для меня кошмарныхъ.

Съ рабочими Архангельска повторилась та же исторія, что происходила по неизмѣнному трафарету на всѣхъ «бѣлыхъ» окрайнахъ. Сначала рабочіе привѣтствовали новую власть, потомъ постепенно росло у нихъ оппозиціонное настроеніе, и въ концѣ концовъ они желали уже одного: прихода большевиковъ.

Были ли архангельскіе рабочіе большевиками или большевиствующими? Въ общей своей массѣ, конечно, нѣтъ. Большевиковъ среди нихъ почти не было. Это лучше всего видно изъ того обстоятельства, что съ приходомъ совѣтской власти большинство лидеровъ рабочихъ было взято подъ подозрѣніе Совѣтскимъ Правительствомъ и присланы были владѣть и управлять сѣвернымъ краемъ большевики изъ Петрограда.

За время моего пребыванія въ С. О. мнѣ пришлось очень мало сталкиваться съ рабочими, и то въ дни, предшествовавшіе паденію Архангельска, — но впечатлѣніе у меня осталось опредѣленное и несомнѣнное — большевизма настоящаго въ рабочихъ массахъ не было, а было недовольство политическими репрессіями и желаніе, болѣе пассивное, чѣмъ активно-выраженное, совѣтско-пролетарскаго правительства.

И мое удивленіе было не малое, когда послѣ паденія С. О. мнѣ пришлось встрѣтиться съ прославленными военной властью за ярыхъ большевиковъ Бечинымъ, Клишевымъ и другими, и убѣдиться, что не только они — безпартійны или меньшевистски настроены, но что и они немного побаиваются большевиковъ «изъ центра». А побаивались они ихъ вполнѣ резонно, такъ какъ числились за ними такіе грѣхи, какъ оборончество и поддержка бѣло-гвардейцевъ.

Весь 1919 годъ настроеніе рабочихъ было пассивно-оппозиціонно. Ни въ чемъ ихъ оппозиціонность не проявлялась, и лишь когда стало ясно, что С. О. близка къ паденію, начались митинги на заводахъ и фабрикахъ. Но и эти

митинги были какіе то робкіе; казалось, что рабочая масса не вполнѣ была увѣрена въ томъ, что большевики имъ принесутъ счастье.

Ко всему прочему не лишне отмѣтить тотъ фактъ, что рабочаго класса, какъ класса, въ Архангельскѣ почти не было, въ сравненіи съ другими двумя группами населенія: крестьянствомъ и мѣщанствомъ-купечествомъ — рабочіе были весьма не многочисленны, слабы, не организованы и ихъ настроеніе, какъ бы оно ни было большевиствующимъ, не могло играть, да и не играло роли въ судьбахъ Области.

Настроеніе же обывателей заслуживаетъ описанія. Я не знаю, каково оно было при занятіи Области союзниками. Вѣроятно, была радость, но умѣренная и отнюдь не бурная. Я же засталъ Архангелогородцевъ въ состояніи совершеннѣйшаго и глубочайшаго безразличія къ судьбамъ Сѣверной Области. Словно все это — и защита Области, и уходъ союзниковъ, и возможный приходъ большевиковъ, меньше всего касалось именно ихъ. Угрюмые по своей природѣ, смѣсь великороссовъ съ мѣстными туземными полярными племенами — архангелогородцы живутъ замкнуто, чуждаясь общенія, не тяготѣя нисколько къ общественности.

Чѣмъ они интересуются? Что ихъ волнуетъ, спрашивалъ я мѣстныхъ старожиловъ, изъ бывшихъ ссыльныхъ. — «Богъ ихъ знаетъ».

Дѣйствительно, театръ на половину пустовалъ, даже тогда, когда игралъ В. Давыдовъ; концерты и собранія заполнялись почти исключительно пріѣзжими, попавшими въ Архангельскъ уже во время большевизма.

Происходила курьезная вещь: защищали Область, управляли ею, дѣлали высшую и прочую политику люди чуждые, далекіе Сѣверному краю, пріѣхавшіе изъ Парижа, Финляндіи и Совдепіи.

Крестьянство дало солдатъ. Но городъ Архангельскъ упрямо и настойчиво отклонялъ всякое привлеченіе его къ судьбамъ Области. Я говорилъ уже, что на призывъ Главнокомандующаго и на декларацію Земско-Городского Совѣщанія о необходимости поступать добровольно въ армію не откликнулся никто: записались два-три гимназиста и только. Національное же ополченіе, организованное по почину Городецкаго и Мефодіева, членовъ Правительства и мѣстныхъ аборигеновъ — вылилось въ концѣ концовъ въ затѣю, дорого обходившуюся и безполезную. Посланные на фронтъ ополченцы тотчасъ же утекали оттуда въ тылъ, подъ самыми благовидными предлогами, заполняя лазареты, эвакуаціонные пункты и санитарные поѣзда.

Можно было прійти въ отчаяніе отъ такой пассивности тѣхъ, кто, казалось, долженъ былъ быть въ центрѣ борьбы, являться ея стимуломъ.

На упреки, бросаемые мѣстному купечеству, что оно интересуется только цѣнами на треску, что оно спекулируетъ англійскими товарами и мѣхами, оно спокойно въ свою очередь спрашивало: «А мы развѣ просили васъ приходить защищать насъ отъ большевиковъ. Намъ и съ ними было не скверно. Но, конечно, съ союзниками лучше».

Обыватели были какъ будто довольны пребываніемъ союзниковъ въ Области, они чувствовали себя за ними, какъ «за каменной стѣной».

Но когда была объявлена эвакуація англичанъ, то архангелогородцы немного поволновались, понервничали, пытались упрашивать союзниковъ остаться, но скоро успокоились. Настолько успокоились, что рѣдко кто изъ мѣстныхъ жителей поѣхалъ съ англичанами: уѣхалъ главнымъ образомъ пришлый элементъ и нѣсколько семействъ мѣстныхъ богачей. Меньше всего вѣрили архангелогородцы

въ прочность сѣвернаго фронта и въ возможность защиты Сѣверной Области собственными россійскими силами. Для нихъ не было сомнѣній, что «придутъ большевики». И купецъ, и мелкій мѣщанинъ говорили съ одинаковой убѣжденностью, что «большевикъ не можетъ не прійти». «Гдѣ ужъ намъ». Насколько сильна была эта вѣра, показываетъ тотъ фактъ, что еще за четыре мѣсяца до паденія Сѣверной Области, въ дни блестящихъ побѣдъ на Желѣзнодорожномъ фронтѣ, въ Архангельскѣ началась скупка Совѣтскихъ денегъ, а также керенокъ, при чемъ ихъ расцѣнивали по весьма высокому курсу. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ набросились на мѣха, стали ихъ покупать только, чтобы сбыть сѣверныя деньги «Чайковскіе» и «Моржовки». — «Придутъ большевики, куда мы ихъ дѣнемъ?»

Много и съ разнообразными лицами приходилось мнѣ говорить за шесть мѣсяцевъ, отдѣлявшихъ уходъ союзниковъ отъ времени паденія Области, и ни разу я не слышалъ ни одного слова увѣренности въ томъ, что возможна побѣда сѣвернаго фронта. Пассивность и непобѣдимая вѣра въ приходъ большевиковъ царили среди обывателей Архангельска.

И здѣсь имѣло мѣсто обстоятельство привходящее: архангелогородцы не только не боялись большевизма, но до извѣстной степени, въ части своей, приходу большевиковъ почти сочувствовали. Не испытавшіе, не пережившіе большевизма во всѣхъ его проявленіяхъ, мѣстные обыватели были почему то увѣрены, что большевизмъ переродился, что «онъ совсѣмъ сталъ хорошимъ».

Не разъ приходилось въ одномъ весьма богатомъ домѣ А-выхъ, исконныхъ жителей Архангельска, слышать недовѣріе къ моей отрицательной характеристикѣ большевиковъ.

«Да это все было... А теперь большевики стали серьезнѣе. Не звѣри же они. Сами понимаютъ, что на крови далеко не уѣдешь».

Надо ли говорить, какой жестокій урокъ получили архангельцы отъ большевиковъ?

Таковы были настроенія въ Области: колеблющееся у крестьянъ, сочувствующе-большевиствующее у рабочихъ и пассивное у обывателей.

Эти настроенія отнюдь не способствовали укрѣпленію тыла, и не давали поводовъ къ вѣрѣ въ лучшее будущее.

Для большинства фронтовикозъ отъ этого еще мучительнѣе становилось. Вопросъ: «Да для чего же мы защищаемъ Область, проливаемъ кровь, мы — чужаки, когда мѣстные жители — въ лучшемъ случаѣ — пассивно-доброжелательны».

V

Генералъ Миллеръ и правительство

Не разъ на страницахъ оппозиціонно настроенной къ Правительству прессы ставился вопросъ: да существуетъ ли у насъ Правительство?

Этотъ вопросъ отнюдь не былъ риторическимъ и самая его постановка отнюдь не была излишней.

Какъ извѣстно, и какъ мною уже было упомянуто въ началѣ настоящей статьи — Верховное Управленіе, состоявшее изъ членовъ Учредительнаго Собранія сѣверныхъ губерній, было арестовано капитаномъ Чаплинымъ. По требованію населенія, главнымъ образомъ крестьянъ, члены означеннаго Управленія были вскорѣ же освобождены, и Чаплинъ получилъ «назначеніе» (онъ былъ Командующимъ Войсками С. О.) на Двину. Но исторія этимъ не кончилась. Подъ вліяніемъ англичанъ, при слабой оппозиціи американскаго посла Френсиса, произошла реконструкція власти въ смыслѣ ея поправѣнія и обезличенія. Позиція англичанъ была опредѣленной: диктатура военной власти, какъ единственно умѣющей «твердо править». Но пока такая диктатура не было еще реализована, англичане помирились на Правительствѣ слѣдующаго состава: Предсѣдатель Н. В. Чайковскій, члены: И. Зубовъ, д-ръ Мефодіевъ, Городецкій, кн. Куракинъ и М. Федоровъ. Изъ нихъ фигурой, съ которой считались и союзники, и населеніе, былъ только Н. В. Чайковскій. И пока онъ былъ въ Области, Правительство въ значительной мѣрѣ себя проявляло. Правда, не безъ конфликтовъ и справа и слѣва.

Въ началѣ 1919 года Чайковскій уѣхалъ, и съ его отъѣздомъ Правительство оказалось всецѣло подъ давленіемъ англичанъ и тѣхъ, кто послѣдними управлялъ. Правительство этого состава не импонировало и не могло импонировать ни одной группѣ населенія, и, какъ слѣдствіе этого, съ нимъ перестало считаться и англійское командованіе.

Причины къ этому слѣдующія.

Въ Правительствѣ не было никого изъ демократическихъ элементовъ, ставленниковъ Земства, крестьянъ, или рабочихъ. Ибо, хотя М. М. Федоровъ и считался сочувствующимъ эсерамъ, но въ дѣйствительности онъ былъ далекъ отъ партіи эсеровъ и на нее во всякомъ случаѣ не опирался. Въ Правительствѣ онъ занималъ лѣвую позицію — нерѣдко воздерживаясь отъ голосованій ряда постановленій. Остальные члены Правительства не только не возглавляли какихъ либо политическихъ партій, или группъ населенія, но нѣкоторые изъ нихъ были «чужаками», пріѣзжими, имя которыхъ ничего не говорило населенію.

Отличительной чертой, совершенно обезцѣнивающей это Правительство была удивительнѣйшая пассивность членовъ ея, и въ частности предсѣдателя Зубова, какъ «носителя власти». Петръ Ульевичъ Зубовъ, милѣйшій и культурнѣйшій человѣкъ, настоящій чеховскій интеллигентъ. Не рѣдко повторялъ онъ, и съ превеликой искренностью, «что мы за властью не гоняемся», «пусть приходятъ другіе», «да къ тому же все это здорово надоѣло». Аналогичныя настроенія были и у М. Федорова. Кн. Куракинъ уѣхалъ въ Сибирь. Др. Мефодіевъ, повидимому, болѣе интересовался своей практикой, чѣмъ правительственными дѣлами. Все это не могло служить къ укрѣпленію власти или къ поднятію ея авторитета. Но это было на руку военной власти. Все это подготавливало военную диктатуру.

Еще при Чайковскомъ пріѣхалъ генералъ Миллеръ, который, пока Марушевскій оставался Командующимъ, получилъ постъ Генералъ-Губернатора съ подчиненіемъ ему Управляющаго внутренними дѣлами. Послѣднимъ былъ назначенъ В. И. Игнатьевъ, нар.-соц., человѣкъ дѣльный и энергичный, но страдавшій совершенно несоразмѣрнымъ самолюбіемъ и честолюбіемъ. Эти качества, испортившія ему отношенія съ англичанами, помѣшали ему объединить вокругъ себя демократическіе элементы и въ концѣ концовъ, не получая ни откуда поддержки, онъ былъ уволенъ отъ своей должности и уѣхалъ къ Колчаку.

Подчиненіе гражданской власти военной и смѣшеніе ихъ не только въ центрѣ но и на мѣстахъ, повлекло за собою безконечныя неурядицы и недовольство со стороны населенія. Нерѣдко были высылки въ административномъ порядкѣ, производимыя Генералъ-Губернаторомъ собственной властью. Такъ, сотни рабочихъ были высланы въ сентябрѣ на Іохангу.

Такъ же широко практиковались военно-административныя заключенія въ тюрьму, реквизиціи и другія вмѣшательства въ гражданское управленіе краемъ. Все это подрывало и безъ того не высоко стоящій престижъ гражданской власти. Часто слышалось — «все зависитъ отъ Миллера». И это соотвѣтствовало дѣйствительности. Къ этому же времени, чтобы еще болѣе ограничить кругъ дѣятельности гражданскаго управленія — при генералѣ Миллерѣ, какъ при генералъ-губернаторѣ была образована «Особая Гражданская часть». Начальникомъ этой послѣдней былъ назначенъ Миллеромъ молодой человѣкъ К. П. Шабельскій, человѣкъ опредѣленныхъ, весьма правыхъ убѣжденій и столь же опредѣленныхъ тенденцій. И само собой, что въ рукахъ этого послѣдняго фактически сосредоточилось все управленіе гражданской частью Края. Управляющій внутренними дѣлами былъ въ полнѣйшей зависимости отъ Шабельскаго, и дѣла, даже не особенно важныя, требовали разрѣшенія самого генерала Миллера.

Такимъ образомъ, съ одной стороны Правительство, по своей слабости и безличности, находилось въ рукахъ генерала Миллера, какъ члена Правительства, а гражданская часть подчинялась ему, какъ генералъ-губернатору. Все это по существу создавало въ краѣ власть военныхъ, то что называется «военная диктатура» и что, конечно, весьма опредѣленно и ясно сознавалось различными кругами населенія. Одни были недовольны и считали, что «такую власть надо убрать», другіе, наоборотъ, были рады и полагали, что именно — «диктатура военная и можетъ удержать Область въ рукахъ у бѣлыхъ».

Гражданская война заставила меня довольно спокойно относиться къ положенію, что для побѣды необходима диктатура. Для меня стало болѣе чѣмъ очевиднымъ, что сила большевиковъ не только въ ихъ активности, которой были лишены ихъ противники, но и въ твердой, не отступающей ни передъ чѣмъ, властью. Но если твердая власть и есть необходимое условіе для побѣды, то во всякомъ случаѣ не ею одной куется послѣдняя. Чего, чего, а твердой власти наши военные не были лишены. Но они были лишены многихъ другихъ качествъ, которыя были у того, кому они хотѣли подражать — у Наполеона. Бонапартизмъ русскихъ генераловъ рѣшительно не того качества, которое способно было бы принести имъ побѣду. Ибо для нихъ все начиналось съ твердой власти и кончалось ею же. При чемъ часто они довольствовались лишь внѣшнимъ проявленіемъ этой твердости.

За два дня до паденія С. О. на улицахъ Архангельска меня остановилъ генералъ Х. и началъ распекать за то, что я не отдалъ ему чести. (Я былъ въ военной формѣ.) «Хотя Вы членъ Правительства и писатель, но честь вы мнѣ должны отдавать. Захочу — и посажу Васъ на гауптвахту». Я молчалъ. Хотя, правда, даже чисто формально, вина была не на моей сторонѣ. Было темно. Свирѣпствовала снѣжная буря. А я шелъ въ сторонѣ, перегоняя генерала Х. Видѣть его я рѣшительно не могъ. Однако, онъ меня замѣтилъ и догналъ, и распекъ.

Это чрезвычайная мелочь. Но такой мелочью полна вся исторія военныхъ диктатуръ на сѣверѣ, на югѣ и въ Сибири. Погоня за призракомъ твердой власти, а не за ней самой, не затѣмъ, чтобы быть сильными, а чтобы казаться таковыми. И генералъ Миллеръ, который среди другихъ генераловъ выдѣлялся сравнительной культурностью, тѣмъ не менѣе былъ типичнымъ «россійскимъ военнымъ диктаторомъ». Онъ стремился къ «окруженію и оформленію» своей власти, мало заботясь о фундаментѣ, на которомъ она зиждется. Онъ самъ неоднократно, а особенно его помощникъ Шабельскій, допускали нетактичности въ отношеніи политическихъ, демократическихъ группъ С. О., и это несмотря на то, что именно эти группировки были особенно сильны. Рядомъ поступковъ онъ и его помощникъ во имя твердой власти совершенно разрушали внутреннее рѣшеніе и единство, что и является условіями, необходимыми для подлинной твердой власти.

Исторія россійскихъ военныхъ диктатуръ показываетъ, что тѣ, кто ставили на нее ставку, были глубоко неправы. Условія гражданской войны требуютъ отъ ея вождей тѣхъ качествъ, которыми генералы отнюдь не обладали: они требуютъ широкаго ума, умѣнія понять интересы и желанія населенія, умѣнія повести ихъ за собой — и все это наряду съ существенно необходимымъ талантомъ стратегическимъ.

Примѣръ большевиковъ показалъ, что русскій генералъ хорошъ тогда, когда его роль ограничивается исполненіемъ. Они могутъ быть только, но не болѣе, чѣмъ правая рука диктатора, — послѣднимъ можетъ быть отнюдь только не россійскій генералъ.

Но интеллигентъ русскій — преисполненный пассивности, въ эти годы гражданской войны не могъ этого понять. Находясь подъ гипнозомъ ореола генеральскихъ погонъ, онъ уступаетъ безъ сопротивленія, часто изумленному этой пассивностью генералу всю власть.

Такъ было на Волгѣ, когда отдали всю власть ген. Галкину, такъ было въ Сибири, то же произошло и на Сѣверѣ.

Процессъ кристаллизаціи твердой военной власти, который имѣлъ мѣсто на Сѣверѣ — отвѣчалъ желаніямъ англичанъ и находилъ въ нихъ во всѣхъ тяжелыхъ случаяхъ поддержку и одобреніе. Но вотъ рѣшенъ уходъ англичанъ. Послѣдніе, какъ я уже говорилъ, предлагали русскому командованію тоже эвакуироваться. Этотъ моментъ совпадаетъ съ появленіемъ извѣстной холодности между русскимъ и англійскимъ генералитетомъ. И тогда совершенно неожиданно генералъ Айронсайдъ находитъ, что нужно реорганизовать Правительство, что — необходимо, чтобы оно было болѣе демократично, вотъ «какъ у насъ въ Англіи». Благодаря этому — Земско-Городское Совѣщаніе, созывъ котораго откладывался правительствомъ съ мѣсяца на мѣсяцъ — было созвано. На настроеніи этого Совѣщанія и его постановленіяхъ придется остановиться въ слѣдующей главѣ — здѣсь замѣчу только то, что оно было довольно оппозиціонно, требовало «совершенно другого Правительства», но въ концѣ концовъ согласилось на слѣдующій составъ: генералъ Миллеръ, П. Зубовъ, Багриновскій (бывшій городской голова Архангельска), Цапенко, М. Федоровъ и безъ портфеля два эсера П. Скомороховъ и Едовинъ. При этомъ личностью боевой, твердой, пользующейся большимъ вліяніемъ въ земскихъ кругахъ — былъ П. Скомороховъ.

Но это Правительство, хотя оппозиція и была въ меньшинствѣ, оказалось не совмѣстимымъ съ принципами «военной диктатуры».

Разойдясь съ Миллеромъ въ вопросахъ объ амнистіи и объ упорядоченіи гражданскихъ правъ, оппозиція, иначе — ставленники Земско-Городского Совѣщанія — Скомороховъ и Едовинъ — вскорѣ послѣ рабочей забастовки, — вышли изъ состава Правительства. И послѣднее стало однобокимъ.

Къ этому времени уѣзжаютъ англичане, а не задолго до того получается распоряженіе, отъ уже агонизировавшаго Колчака, объ упраздненіи Временнаго Правительства Сѣверной Области и объ управленіи послѣдней генераломъ Миллеромъ. Это распоряженіе пришло въ отвѣтъ на признаніе правительствомъ С. О. — Колчака, какъ Верховнаго Правителя.

Предложеніе «самоупразднiться» было поставлено на обсужденіе правительства, вѣрнѣе той его части, что осталась за уходомъ оппозиціи. Рѣшительно возражали противъ самоупраздненія Багриновскій и Федоровъ. Зубовъ относился пассивно.

По причинамъ чисто формальнымъ не послѣдовало проведеніе въ жизнь распоряженія изъ Омска. Ибо разразившаяся катастрофа ставила генерала Миллера въ неудобное положеніе, лишая его послѣдней опоры. И вопросъ остался висѣть въ воздухѣ. Правительство изрѣдка собиралось, обсуждало кое какія дѣла, но не имѣло уже даже и тѣни авторитета.

Въ газетахъ прямо писалось, что «Правительства у насъ, слава Богу, нѣтъ, а есть Главнокомандующій». Побѣды на фронтѣ еще болѣе укрѣпили военную диктатуру, сведя совершенно на нѣтъ гражданскую власть. Она была и не была. Управляющіе отдѣльными вѣдомствами являлись съ докладами не къ Зубову, который былъ предсѣдателемъ Правительства, а къ Миллеру. Все дѣлалось по указаніямъ и по волѣ послѣдняго.

Багриновскій, который былъ управляющимъ внутренними дѣлами, чувствовалъ себя, какъ онъ потомъ заявилъ мнѣ, «совершенно безсильнымъ и ненужнымъ». Онъ былъ только чиновникомъ и больше ничего.

Общественное мнѣніе, демократія и политическія партіи, повидимому, считались какъ съ совершившимся фактомъ съ упраздненіемъ Временнаго Правительства С. О. и окончательнымъ укрѣпленіемъ военной диктатуры.

Такъ продолжалось четыре мѣсяца, до того времени, когда паденіе Области стало очевиднымъ, когда оно стало фактомъ завтрашняго дня.

Тогда генералъ Миллеръ снова обратился къ общественности и вспомнилъ о правахъ Правительства.

VI

Демократія. Ея позиціи

Архангельскъ издавна имѣлъ репутацію города демократическаго съ нѣкоторымъ уклономъ въ сторону соціалистическихъ настроеній. Это объяснялось и большимъ количествомъ старыхъ ссыльныхъ, послѣ срока своей ссылки оставшихся въ городѣ, а также и характеромъ сѣверныхъ жителей — не испытавшихъ крѣпостного права, привыкшихъ къ свободѣ и къ независимости. Дворянство на сѣверѣ также отсутствовало. Чиновничество же было относительно немногочисленно и нерѣдко пополнялось изъ бывшихъ ссыльныхъ. Эта демократичность

интеллигенціи мѣстнаго населенія въ то же время какимъ то причудливымъ образомъ сочеталась съ угрюмостью, нелюдимостью, и даже съ какой то антиобщественностью, о которыхъ я выше упоминалъ.

Съ приходомъ союзниковъ и съ пріѣздомъ въ Область большого количества «чужаковъ», нахлынувшихъ сюда изъ Совдепіи и изъ заграницы, — образовались и правыя группировки. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, группа Е. Семенова, издававшаго газету «Отечество», получали поддержку отъ Главнокомандующаго.

Довольно вліятельной была группа мѣстныхъ кадетовъ, объединявшая дѣловую интеллигенцію и купечество, но и у этой группы, издававшей недурную газету «Русскій Сѣверъ», не было большой связи съ мѣстнымъ населеніемъ.

Демократическія партіи были представлены эс-ерами и эс-деками. Но послѣдніе были чрезвычайно немногочислены, имѣли только десятки членовъ среди рабочихъ и единицы среди обывателей, не имѣли собственнаго органа и въ большинствѣ сотрудничали въ газетѣ «Возрожденіе Сѣвера». Послѣдняя официально была безпартійно-соціалистической, но фактически принадлежала эс-ерамъ.

Соціалисты-революціонеры представляли собою на Сѣверѣ безусловную силу, имѣли значительныя связи въ уѣздахъ и многочисленныхъ сторонниковъ въ партизанскихъ отрядахъ, особенно Шенкурскаго Уѣзда. Эти связи и вліянія, несомнѣнныя въ 1918 году, ко времени паденія Сѣверной Области въ нѣкоторой степени уменьшились. Произошло это благодаря расхожденію въ вопросахъ тактики лидеровъ эс-еровъ и сочувствующихъ эс-ерамъ массъ.

Дѣло въ томъ, что со временъ еще Верховнаго Управленія платформа мѣстныхъ эс-еровскихъ круговъ была близка къ «Союзу Возрожденія», и они стремились къ совмѣстной работѣ съ мѣстными несоціалистическими элементами. Ихъ общая политика была настолько напрямикъ соглашательская, что они не выступали противъ Колчака даже тогда, когда Парижскіе и Московскіе эс-еры дѣлали это весьма рѣзко и опредѣленно. Въ области внутреннихъ отношеній, несмотря на видимое тяготѣніе военной власти къ автодиктатурѣ, мѣстные эс-еры поддерживали мѣропріятія военнаго командованія. И если и не поддерживали, то и не протестовали. На этой почвѣ возникло прежде всего въ интеллигентскихъ кругахъ, а потомъ и въ крестьянствѣ недовольство. Тѣ настаивали на реорганизаціи Правительства, на томъ, чтобы Правительство въ С. О. было демократическимъ, «своимъ», противъ этого рѣшительно возражали руководящіе круги. Для нихъ казался единственно правильнымъ въ данный моментъ лозунгъ «единый противобольшевистскій фронтъ». Во имя сохраненія этого лозунга они шли на большія уступки. Такъ, даже послѣ осужденія Бечина, Клюева и пр., выступавшихъ съ открытой критикой Правительства, не прекратилась поддержка послѣдняго демократическими кругами и газетой «Возрожденіе Сѣвера». На вопросъ, предлагаемый съ мѣстъ, почему демократія не беретъ власть въ свои руки, былъ неизмѣнный отвѣтъ, что «это нарушитъ единый противобольшевистскій фронтъ и что этому мѣшаютъ союзники». Дѣйствительно, какъ мы видѣли, англичане держали свою линію поведенія по пути къ военной диктатурѣ и всякое требованіе, желаніе или просьба со стороны демократическихъ круговъ Сѣвера, встрѣчали у нихъ оппозицію. Это касалось и демократизаціи Правительства, и созыва Земско-Городского Совѣщанія, и упорядоченія судопроизводства. И все-таки, хотя это все и было, но главное что побуждало лидеровъ къ «соглашательству» — было желаніе удержать единый фронтъ.

Позиція Архангельскихъ эс-еровъ во многомъ совпадала съ мнѣніемъ, которое въ то время защищалъ Н. В. Чайковскій въ Парижѣ.

Слѣва, нѣкоторые недовольные не разъ ставили вопросъ руководящимъ демократическимъ кругамъ Архангельска.

«Почему вы поддерживаете военное командованіе?»

«Почему вы ему фактически подчиняетесь, хотя имѣете полную возможность подчинить его своей волѣ?»

Отвѣтъ былъ неизмѣненъ и очень похожъ на тотъ, что давали извѣстные демократическіе круги и на Югѣ Россіи, и въ Сибири, и на Украинѣ.

«Мы не за диктатуру, но мы за твердую военную власть. Только она можетъ спасти Область. Если мы возьмемъ власть, а это мы сейчасъ не можемъ изъ за англичанъ, то военное командованіе и офицерство откажется идти за нами и въ итогѣ будетъ разложеніе арміи, разрушеніе фронта и паденіе Области».

Оппозиція слѣва, состоявшая изъ отдѣльныхъ соціалистовъ-революціонеровъ и меньшевиковъ, ни въ чемъ себя не проявляла, кромѣ критики позиціи руководящихъ лицъ — во время собраній — частныхъ и Земско-Городскихъ.

Оппозиція была пассивна. Лица не согласныя съ направленіемъ газеты «Возрожденіе Сѣвера» просто отошли отъ политики, ушли въ свою жизнь и свои интересы. Такъ, напримѣръ, видный эс-еръ Гуковскій, начиная съ апрѣля и по день своего отъѣзда (въ октябрѣ), рѣдко даже заходилъ въ редакцію газеты и еще рѣже писалъ въ этой газетѣ.

П. Скомороховъ, видный земецъ, имѣвшій большое вліяніе въ земскихъ кругахъ, не имѣлъ большого партійнаго стажа, поэтому, несмотря на свою лѣвизну, считался самъ весьма съ настроеніями эс-еровскаго центра и подчинялся де факто его директивамъ.

Среди открытыхъ выступленій, рѣзко оппозиціонныхъ, я знаю всего только два за весь 1919 годъ.

Первое, это было выступленіе на митингѣ и въ думѣ въ мартѣ съ рѣчами, направленными противъ «вялаго Правительства» и противъ «союзниковъ и военной диктатуры». Рѣчи были произнесены Бечинымъ — предсѣдателемъ Профессіональныхъ Союзовъ, Клюевымъ и Цейтлинымъ — членами Правленія послѣдняго. За эти выступленія послѣдовало жестокое наказаніе (каторга), хотя по существу ораторы не выходили изъ рамокъ парламентарской критики. Но это выступленіе, осужденное Правительствомъ, было произведено безъ санкціи и не было одобрено демократическими сферами. Газета «Возрожденіе Сѣвера» считала это выступленіе «ненужнымъ и вреднымъ», но въ то же время весьма энергично выступила противъ наказанія виновныхъ. Къ этому надо прибавить, что выступавшія лица были дикими (Бечинъ и Клюевъ) и ни къ какимъ партійнымъ группировкамъ не принадлежали.

Другое выступленіе — была забастовка рабочихъ въ сентябрѣ, въ видѣ протеста противъ отказа Правительства дать амнистію многочисленнымъ политическимъ осужденнымъ по суду и административно заключеннымъ.

Эта забастовка, совпавшая съ наступленіемъ на фронтѣ, встрѣтила осужденіе со стороны эс-еровскихъ круговъ и была, повидимому, организована усиліями Архангельскихъ большевиковъ.

Этими двумя выступленіями и ограничивается активное проявленіе себя недовольной правительствомъ оппозиціи.

Позиція, занятая руководящими эс-еровскими кругами, встрѣчала, какъ я уже говорилъ выше, критику со сторону нѣкоторыхъ болѣе лѣво настроенныхъ членовъ этой партіи. Эта критика, превратившаяся въ самокритику, особенно проявилась во время Земско-Городского Совѣщанія, происходившаго незадолго до ухода союзниковъ.

Это первое Земско-Городское Совѣщаніе, находившееся подъ сильнымъ вліяніемъ эс-еровъ, было очень бурнымъ и значительно оппозиціоннымъ къ соглашательской уступчивой политикѣ демократическихъ сферъ.

Требовали образованія своего или, въ крайнемъ случаѣ, разбавленнаго буржуазіей Правительства.

Требовали «укрощенія» военнаго командованія, ограничивъ его дѣятельность исключительно дѣлами военными.

Пріѣхавшими изъ уѣздовъ земцами указывалось на «все большее вмѣшательство военныхъ властей въ жизнь населенія».

«На процвѣтаніе административныхъ взысканій».

«На ростъ недовольства среди крестьянъ, которые говорятъ, молъ, что правятъ Областью генералы и баре».

«Что кое гдѣ начинаютъ похваливать большевиковъ, особенно же въ Архангельскомъ уѣздѣ».

Послѣ долгихъ и весьма длинныхъ преній во фракціяхъ, послѣ неоднократныхъ бесѣдъ съ Миллеромъ и генераломъ Айронсайдомъ, все же идея «единаго противобольшевистскаго фронта» и «принципа соглашенія» осталась въ силѣ. Побѣдило такимъ образомъ направленіе, олицетворявшееся газетой «Возрожденіе Сѣвера».

Въ составъ Правительства были посланы два наиболѣе активныхъ и видныхъ земца (безъ портфелей) П. Скомороховъ и Едовинъ. Рѣшено было «поддерживать всѣми силами это Правительство». И, наконецъ, по вопросу объ оставленіи союзниками Области «признать это угрожающимъ для послѣдней. Настаивать на томъ, чтобы англичане остались въ Области». И даже рѣшено было послать своихъ представителей въ делегаціи отправленной въ Лондонъ просить англичанъ остаться и не покидать Сѣвернаго фронта. Представителемъ эс-еровъ былъ избранъ Мацкевичъ, впослѣдствіи разстрѣлянный однимъ изъ первыхъ большевиками.

Нѣсколько словъ объ этой делегаціи.

Составленная изъ представителей различныхъ политическихъ партій, она выѣхала въ сентябрѣ и вернулась въ ноябрѣ. Посѣщеніе ею Англіи было, конечно, безрезультатно, и сама делегація встрѣчена была англичанами съ недовѣріемъ.

Итакъ, единый фронтъ былъ подтвержденъ, и притомъ такимъ (относительно) авторитетнымъ учрежденіемъ какъ Земско-Городское Совѣщаніе. Однако, процессъ, который развивался въ Области, не могъ остановиться, и кристаллизація военной диктатуры заканчивалась.

Представители демократіи Скомороховъ и Едовинъ, убѣдившись, что Правительство является только «совѣщаніемъ при Главнокомандующемъ», и не желая оставаться въ меньшинствѣ, вышли изъ состава Правительства. Этотъ выходъ представителей Земско-Городского Совѣщанія, также какъ послѣдовавшій около этого времени отказъ генерала Миллера остановить новые многочисленные высылки и аресты — привели къ окончательному крушенію позиціи союзовозрожденцевъ.

А. Ивановъ и П. Скомороховъ, съ которыми мнѣ пришлось въ это время говорить, такъ формулировали свою новую тактику.

«Для насъ ясно, что говорить объ искреннемъ соглашеніи съ генераломъ Миллеромъ не приходится. У насъ военная диктатура и военный диктаторъ, который готовъ допустить совѣщательный органъ при своей персонѣ, но не больше. При такихъ условіяхъ, которыя мы считаемъ губительными, оставаться въ Правительствѣ мы не можемъ. Пропадаетъ и подлинный «единый фронтъ». Но мы не хотимъ мѣшать генералу Миллеру защищать Область и будемъ ему помогать тамъ, гдѣ можемъ. Во всякомъ случаѣ всякую оппозицію противъ него будемъ сдерживать».

И газета «Возрожденіе Сѣвера», занявъ критическую позицію по отношенію къ Колчаку, продолжала поддерживать генерала Миллера и остатки Правительства — вплоть до закрытія газеты въ день паденія Области — 19 февраля.

Новая позиція эс-еровъ, по прежнему пассивно уступчивая, встрѣтила рѣзкую критику, особенно на мѣстахъ. Неоднократно съ мѣстъ требовали активной политики, требовали взять власть въ свои руки. Особенно защищали эту активность партизанскіе уѣзды и партизанскія части. Делегаціи, требовавшія отпора и состоявшія какъ изъ офицеровъ такъ и изъ солдатъ — считали активность необходимой и обѣщали поддержку реальной силой. Тѣмъ не менѣе, центръ рѣшительно отстаивалъ мирную позицію, ибо, какъ писало «Возрожденіе Сѣвера», «у насъ одинъ врагъ — это большевики, всякія внутреннія распри мѣшаютъ борьбѣ съ этимъ врагомъ. Никакихъ выступленій. Никакихъ самочинныхъ демонстрацій. Всѣ на защиту фронта». (В. С. XI.)

Отказавшись отъ участія въ Правительствѣ, демократія не отказалась отъ поддержки фронта.

Несмотря на расхожденіе въ оцѣнкѣ положенія центра и мѣстъ, — внутри демократіи С. О. существовало завидное единеніе, какого я нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не наблюдалъ. Лѣвые и правые не только составляли единое цѣлое, но и не помышляли о фракціонныхъ дѣленіяхъ. Этой цѣльности отвѣчалъ и контактъ, существовавшій въ Области между массами и вождями ея, руководителями, интеллигентами. Въ это время, какъ всюду по всей Россіи, приходилось наблюдать обостреніе отношеній между массами и интеллигенціей. Здѣсь же на Сѣверѣ я не могъ этого замѣтить, при всемъ существовавшемъ расхожденіи въ настроеніи и мнѣніяхъ — между тѣми и другими.

При наличіи чрезвычайно умѣренной политики демократическихъ сферъ, политики, которая считалась многими вредной, оставались все-таки взаимное довѣріе и поддержка. Мнѣ ни разу не пришлось слышать по адресу верховъ, столь излюбленныхъ въ Россіи эпитетовъ, направленныхъ противъ неугодныхъ лидеровъ: «продались генераламъ», «прихвостни буржуазіи» и т. д. Въ самые послѣдніе дни существованія Области и послѣ ея паденія, когда многіе упрекали демократію въ «тяжкихъ грѣхахъ соглашательства» — широкіе круги крестьянскаго населенія остались вѣрными своимъ лидерамъ, спасали ихъ, укрывали.

Да и вообще не было въ сѣверянахъ, въ частности въ сѣверныхъ войскахъ, ненависти къ интеллигентамъ и барамъ (исключеніе составляли горожане и пригородскіе жители). Развѣ не любопытенъ фактъ, что, какъ правило, солдаты не только отпускали своихъ офицеровъ — въ дни паденія Области — «домой», но оставляли имъ и оружіе и вещи.

«Ты ужъ господинъ поручикъ береги себя».

«Авось, Господь поможетъ Тебѣ, господинъ капитанъ, добраться до своего дома».

Такія напутствія слышались въ тѣхъ частяхъ, гдѣ не было коммунистовъ и гдѣ большинство солдатъ было изъ крестьянъ.

Это явленіе тѣсно связано съ характеромъ и натурой сѣверянъ. Въ нихъ нѣтъ и въ поминѣ того озлобленія, затаенной обиды и ненависти къ барамъ и интеллигентамъ, столь характернымъ для великоросса средней Россіи. Здѣсь на Сѣверѣ были только слѣды этихъ настроеній, только отголоски, только отраженіе общероссійскихъ настроеній массъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ у сѣверянъ и больше самостоятельности, больше и чувства собственнаго достоинства. Пассивность же его и безразличіе къ судьбамъ Сѣверной Области находятъ объясненіе въ извѣстномъ разочарованіи въ политикѣ Правительства и въ имѣвшихъ мѣсто притѣсненіяхъ и незаконностяхъ, которымъ населеніе подвергалось со стороны мѣстныхъ военныхъ властей, и главнымъ образомъ въ недостаткѣ общественнаго самосознанія и въ убѣжденіи въ правильности положенія «наша хата съ краю».

Не малую роль въ дѣлѣ дружескаго отношенія населенія къ интеллигенціи и къ лидерамъ играли и нравственные облики этихъ послѣднихъ.

Я остановлюсь на характеристикѣ только одного лица, которое имѣло чрезвычайное и всестороннее вліяніе на массы Области. Это Алексѣй Алексѣевичъ Ивановъ, редакторъ «Возрожденія Сѣвера». Отнюдь не относясь одобрительно къ его политикѣ и къ его позиціи и во многомъ возлагая на него отвѣтственность за ошибки демократіи Сѣвера, я тѣмъ охотнѣе подтверждаю совершеннѣйшую исключительность этого человѣка. Даже враги, а у него ихъ было много, отдавали ему должное. Онъ имѣлъ репутацію «святого», что не мѣшало ему быть чрезвычайно активнымъ, дѣятельнымъ, большимъ практикомъ, умѣлымъ организаторомъ и чрезвычайно настойчивымъ человѣкомъ. Фактически онъ былъ руководителемъ, вождемъ мѣстныхъ соціалъ-революціонеровъ. Безусловный антибольшевикъ, онъ считалъ, что имъ надо противопоставить «желѣзную волю, напряженнѣйшую активность». Въ продолженіе долгаго времени онъ считалъ, что «безъ генераловъ нельзя обойтись», что «генералъ Миллеръ демократъ и честный человѣкъ» и только, увидавъ эвакуацію Области и еле спасшись отъ большевиковъ при помощи мѣстныхъ крестьянъ, онъ нашелъ въ себѣ нотки разочарованія. Его вѣра въ людей, своеобразный идеализмъ — и были чертами, много повредившими ему въ дѣлѣ, которое онъ защищалъ. Уроженецъ Архангельска, этнографъ по образованію, онъ пѣшкомъ исходилъ большинство уѣздовъ Архангельской губерніи и, благодаря своимъ личнымъ качествамъ, пріобрѣлъ дружбу крестьянъ и вліяніе на нихъ.

Такихъ лицъ подобныхъ Иванову, но меньше масштабомъ, было много въ Архангельскѣ и въ другихъ городахъ и уѣздахъ Сѣвера, что и не могло пройти безъ вліянія на отношеніе массъ къ интеллигенціи.

Говоря о демократіи С. О. и объ ея настроеніяхъ и поведеніи — нельзя обойти молчаніемъ тѣхъ взаимоотношеній, которыя существовали между военнымъ командованіемъ и демократическими дѣятелями.

Какъ мною уже дважды было отмѣчено, Верховное Управленіе было арестовано капитаномъ Чаплинымъ, занимавшимъ тогда должность Главнокомандую-

щаго. Послѣ того смѣнялись люди, измѣнялась обстановка, но происшедшее все-таки осталось въ памяти и той и другой стороны. И въ дальнѣйшемъ, отношенія между тѣми и другими отнюдь нельзя было назвать дружественными. Правда, генералъ Миллеръ держалъ себя весьма лойяльно, нерѣдко бесѣдовалъ съ А. А. Ивановымъ, оказывалъ послѣднему знаки вниманія и иногда подчеркивалъ въ разговорѣ съ нимъ, что «онъ сочувствуетъ принципамъ демократіи и вполнѣ ихъ понимаетъ». Но другіе генералы и штабные не только не скрывали своей враждебности къ демократическимъ дѣятелямъ, но и культивировали ненависть въ офицерствѣ. Хотя оборончество и соглашательство эс-еровъ въ С. О. было «внѣ всякаго сомнѣнія», тѣмъ не менѣе почти офиціально говорили о разложеніи фронта соціалистами и о томъ, что Ивановъ получаетъ деньги отъ большевиковъ и тому подобное.

Начальникъ Штаба Желѣзнодорожнаго фронта совершенно искренно любилъ заявлять вслухъ, «что лучше большевики, чѣмъ соціалисты и эти демократы, да и вообще всѣ интеллигенты». При чемъ онъ сваливалъ въ одну кучу и Керенскаго, и Милюкова, и Гучкова. — Все это были интеллигенты.

Эта организованная, я не могу иначе выразиться, травля демократическихъ дѣятелей нѣкоторыми высшими чинами арміи не могла не отразиться на настроеніи офицерства.

Рядовое офицерство, за исключеніемъ партизанскихъ частей, было настроено враждебно къ соціалистамъ и демократамъ, но въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ частяхъ и Штабахъ настроеніе было даже активнымъ въ смыслѣ враждебности, и рядъ эксцессовъ, весьма вредныхъ по своимъ послѣдствіямъ, записанъ въ Исторіи С. О.; эти случаи даже отмѣчены въ приказахъ Главнокомандующаго.

Такова была исторія съ А. И. Гуковскимъ. Не сочувствуя позиціи «Возрожденія Сѣвера», онъ отошелъ отъ политики, работалъ надъ своей научной работой и жилъ весьма уединенно. Даже его пріятели рѣдко могли его видѣть. Тѣмъ не менѣе для воинствующихъ черныхъ онъ оставался бывшимъ членомъ Верховнаго управленія и считался лидеромъ эс-еровъ. Незадолго до его предполагаемаго отъѣзда заграницу — вечеромъ къ нему позвонилъ неизвѣстный и въ упоръ ранилъ Гуковскаго въ грудь на вылетъ. Гуковскій долго былъ между жизнью и смертью, но, несмотря на свой почтенный возрастъ, онъ выжилъ. Разслѣдованіе, произведенное прокуратурой, не дало результатовъ. И только послѣ паденія С. О. выяснилось, что это дѣло рукъ чаплинцевъ.

Другой изъ наиболѣе характерныхъ случаевъ произошелъ уже въ январѣ 1920 года. Офицеры броневого дивизіона, отличавшіеся особой нетерпимостью, не вѣрно, по своему, поняли одно стихотвореніе, помѣщенное въ газетѣ «Возрожденіе Сѣвера», и рѣшили убить Иванова.

Сказано — сдѣлано.

На броневикѣ они подъѣхали къ редакціи, но, къ счастью для Иванова, его не нашли.

Они ѣдутъ къ нему на квартиру. Тоже не находятъ. Угрожаютъ его женѣ.

Предупрежденный Ивановъ бѣжитъ къ Миллеру — и въ результатѣ — ретивымъ офицерамъ въ особомъ приказѣ Главнокомандующаго разъясняется, «что они не вѣрно поняли означенное стихотвореніе, которое написано не въ прославленіе большевиковъ, а въ ихъ осужденіе».

Если генералитетъ не долюбливалъ демократіи вообще, то онъ рѣшительно не переносилъ демократически настроенныхъ офицеровъ и весьма ихъ притѣснялъ.

Я говорилъ уже о полковникѣ Костанди, который отнюдь не былъ демократически настроеннымъ офицеромъ, но почему то считался «красненькимъ». Этого было достаточно, чтобы держать его въ черномъ тѣлѣ.

Аналогичныхъ случаевъ было не мало и каждый, служившій въ Сѣверной арміи, помнитъ ихъ отлично.

Артиллерійскій полковникъ Аргамаковъ, прекрасный офицеръ, проведшій все время наступленія на передовыхъ позиціяхъ, увольняется и отправляется въ Финляндію. Вся его вина — двѣ статьи военнаго характера, помѣщенныя въ газетѣ «Возрожденіе Сѣвера», и демократическое настроеніе. Онъ не только увольняется, но ему дается сумма денегъ, достаточная только, чтобы доѣхать до Финской границы. Не помогло ничего, ни даже то, что онъ былъ раненъ на фронтѣ.

Подполковникъ Брюмеръ, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ артиллеристовъ Сѣвернаго фронта, былъ назначенъ тоже къ увольненію и его спасли отъ этого только начавшіяся осложненія на Двинскомъ фронтѣ.

Подполковникъ Чубашекъ, прославленный герой — одинъ изъ храбрѣйшихъ офицеровъ партизанскихъ батальоновъ. О немъ разсказывали чудеса смѣлости, отваги и ловкости. За одинъ годъ выдвинулся онъ изъ поручиковъ въ подполковники, но здѣсь былъ замѣченъ какъ посѣтитель редакціи «Возрожденіе Сѣвера». Этого было достаточно, чтобы былъ рѣшенъ его переводъ на Печору. Въ одномъ горячемъ сраженіи онъ попалъ въ плѣнъ. Начальникъ Штаба фронта, узнавъ объ этомъ, доложилъ съ улыбкой Командующему:

«Слава Богу, избавились отъ одного соціалиста!»

Увы, это не розсказни, это факты, подобныхъ которымъ было не мало.

Неустойчивое положеніе Области, конечно, не могло упрочиться отъ подобныхъ внутреннихъ распрей.

Недовольство фронта тыломъ, недовѣріе однихъ офицеровъ къ другимъ, антагонизмъ, существовавшій между военной властью и населеніемъ, разочарованность въ рядахъ демократіи и связанный съ этимъ, все растущій большевизмъ въ городскихъ кругахъ расшатывали и безъ того непрочныя основы С. О.

Въ заключеніе этой главы нѣсколько словъ объ юдофобствѣ.

Послѣднее не имѣло сильнаго распространенія въ Области, но, конечно, ему не чужды были власть имущіе.

Одинъ случай остался въ моей памяти наиболѣе тяжелымъ воспоминаніемъ...

Среди многихъ врачей С. О. былъ одинъ врачъ — еврей Іоллосъ, пріѣхавшій изъ Парижа. Онъ былъ больной, съ тяжелымъ ревматизмомъ, безпомощный, почти никогда не жившій въ Россіи.

Шабельскій посылаетъ его въ глубь Печоры. Командировка эта была для него равносильна полной гибели. При этомъ не составляло тайны, что его от-

правляютъ туда какъ еврея, ибо на фронтъ его «нельзя послать. Будетъ его разлагать».

Дальнѣйшая судьба Іоллоса, послѣ прихода большевиковъ, мнѣ не извѣстна.

VII

Изъ жизни фронта

Гражданская война имѣетъ свои законы, свои привычки, свои навыки.

И тѣ, кто хотѣлъ строить армію, руководясь былыми операціями, организовывать фронтъ, исходя изъ законовъ, выработанныхъ для «войны съ непріятелемъ», долженъ былъ скоро убѣдиться, сколь несостоятельны подобныя желанія.

Армія, казавшаяся крѣпкой, созданная съ превеликимъ трудомъ, иногда разваливалась, распадалась какъ карточный домикъ.

Солдаты, которые еще вчера казались, какъ это было напримѣръ у Колчака, усвоившими всю психологію прежней арміи, — какъ то сразу лишались всѣхъ своихъ боевыхъ качествъ и изъ бѣлыхъ дѣлались зелеными, нерѣдко и красными.

Гражданская война потребовала для арміи особой спайки, внутренней, болѣе крѣпкой, основанной болѣе чѣмъ на внѣшней дисциплинѣ.

И, если обычно на фронтахъ не гражданской войны неудача деморализовала войска, порою весьма надолго, если такая неудача превращала полки солдатъ въ скопище разнузданныхъ людей, то что же приходится сказать о гражданской воинѣ! Вѣдь здѣсь малѣйшее, иногда само по себѣ несущественное пораженіе влекло за собой тяжелыя, уже непоправимыя послѣдствія.

Психологія, вотъ что царило, господствовало, на гражданскихъ фронтахъ.

На Вольскомъ фронтѣ народная армія наступаетъ. Успѣхъ ей сопутствуетъ. Сотни разбиваютъ тысячи, десятки тысячъ. Какъ результатъ побѣды отовсюду текутъ добровольцы. Подвозятся припасы. — Но вотъ неудача. Небольшое отступленіе — и все кончено. Вольская армія Махина перестаетъ существовать. Бѣлые солдаты массами переходятъ къ краснымъ. Населеніе, напуганное грядущимъ приходомъ большевиковъ, перестаетъ давать подводы, прячетъ провіантъ. Получается картина полнаго разгрома.

Для гражданской войны нужна какая то особая, желѣзная сверхдисциплина. Это хорошо поняли большевики. Но они поняли ее своеобразно и рѣшили, что одной дисциплины мало, что нужна внутренняя спайка, цементъ, который не позволялъ бы развалиться зданію отъ перваго же ничтожнаго дождя, они этимъ цементомъ, вкрапленнымъ въ мельчайшія воинскія единицы, поставили комячейки. Благодаря послѣднимъ, они держали въ своихъ ежовыхъ рукавицахъ солдатскую массу. Но держали ее не только наружной спайкой, но и внутренней.

Что противопоставили имъ бѣлыя Правительства, бѣлыя арміи?

Увы! Какъ правило весьма общее для большинства бѣлыхъ фронтовъ — бѣлое командованіе обычно ограничивалось требованіемъ прежней дисциплины, установленіемъ прежнихъ навыковъ. Оно не находило нужнымъ считаться съ законами гражданской войны. И внутренняя спайка арміи рѣдко гдѣ имѣла мѣсто,

и еще рѣже гдѣ культивировалась какъ необходимая для побѣды. Исключеніе составляли добровольческія части, но армія не могла состоять изъ нихъ однѣхъ, ибо имъ были противопоставлены сотни тысячъ регулярныхъ войскъ красной арміи.

Существовала ли такая внутренняя спайка въ войскахъ Сѣверной Области? И да, и нѣтъ. Были части, кои обладали выносливостью и устойчивостью удивительнѣйшими. Таковы были батальоны, укомплектованные партизанами. Эти части представляли собой одно цѣлое, гдѣ офицеры знали своихъ солдатъ, ихъ настроенія, ихъ желанія, и руководили ихъ жизнью. Гдѣ офицеры были не только командирами, но руководителями и часто вождями. Это были вполнѣ боеспособныя части.

Незадолго до паденія фронта произошло сраженіе у Средней Михренги. Нѣсколько сотъ партизановъ, снаряженныхъ относительно слабой артиллеріей, были аттакованы двумя полками красныхъ.

Въ эти дни стояли жестокіе морозы. Сѣверная зима въ тотъ годъ была особенно суровой.

Нѣсколько дней продолжались аттаки на эту деревню. Снарядами красныхъ были разрушены большая часть домовъ и блиндажей Михренги. Подъ пулеметнымъ огнемъ возводились новыя укрѣпленія. Партизане на лыжахъ пробирались по дремучимъ лѣсамъ и боковыми контръ-аттаками отражали непріятеля.

Командовалъ этими партизанами полковникъ Чубашекъ.

Это сраженіе у Средней Михренги вызывало у красныхъ сильнѣйшее удивленіе и нескончаемые разговоры.

Но боеспособность и внутренняя спайка не были отнюдь достояніемъ однѣхъ только партизанскихъ частей. Многія отдѣльныя части Сѣвернаго фронта стояли весьма высоко въ этомъ отношеніи. Особенно блестяще была организована артиллерія. Она отличалась не только точнымъ исполненіемъ военныхъ заданій, но въ ней существовала именно та спайка, о которой я говорилъ выше. Артиллерійскія части обязаны были этимъ своимъ офицерамъ. Послѣдніе, прибывшіе въ большинствѣ своемъ изъ германскаго плѣна, относились съ чрезвычайной тщательностью къ исполненію своихъ обязанностей. Они очень много занимались съ солдатами, обращали большое вниманіе на столъ и обмундировку своихъ подчиненныхъ, читали послѣднимъ лекціи. И нерѣдко артиллерія Сѣвернаго фронта спасала общее положеніе.

Насколько устойчивы были артиллерійскія части, можно видѣть изъ того, что въ нихъ, какъ правило, не имѣли мѣсто ни возстанія, ни заговоры. Даже въ дни распаденія фронта, артиллерія дольше всѣхъ сохраняла свою боеспособность. И только послѣ того какъ стало несомнѣннымъ, что все кончено, солдаты и офицеры просто разошлись съ позицій, тепло другъ съ другомъ попрощавшись.

Существуетъ мнѣніе, мною не разъ слышанное здѣсь, за-границей, — что наша гражданская война имѣла рѣдко сраженія упорныя и кровопролитныя. Указывается, что какъ правило имѣли мѣсто лишь небольшія стычки, гдѣ одна изъ сторонъ, менѣе устойчивая, быстро сдавала свои позиціи и обращалась въ бѣгство. Позиціонная война, хоть сколь-нибудь напоминающая русско-германскую войну, совершенно отсутствовала.

До извѣстной степени съ этимъ приходится согласиться. Разница между германскимъ фронтомъ и фронтомъ гражданской воины была весьма велика. И по своей боевой обстановкѣ и по характеру сраженій.

Тѣмъ не менѣе, на желѣзнодорожномъ фронтѣ мы видимъ какъ бы въ миніатюрѣ сколокъ съ германскаго фронта. Именно въ миніатюрѣ, въ дозѣ микроскопической. Ибо фронтъ здѣсь былъ шириной въ нѣсколько десятковъ саженей, а справа и слѣва непроходимыя, вѣрнѣе трудно проходимыя болота и лѣсныя топи. Но на этомъ маленькомъ участкѣ были всѣ черты, свойственныя обычной позиціонной войнѣ. Три, иногда четыре линіи весьма хорошо укрѣпленныхъ линій проволочныхъ загражденій, прочные блиндажи, глубокіе окопы. Порой жесточайшій артиллерійскій обстрѣлъ. Иногда казалось, что онъ гораздо болѣе жестокъ, чѣмъ бывалъ въ Великую войну. Ибо снаряды падали на мѣсто ограниченное, очень небольшое, съ котораго не было возможности двигаться ни вправо, ни влѣво. Жертвы отъ артиллерійскаго огня бывали особенно велики, чего, повидимому, не было на другихъ бѣлыхъ фронтахъ; тамъ наибольшій процентъ падалъ на погибшихъ при аттакахъ, или умершихъ отъ эпидемій. Раненые же, которые проходили черезъ наши лазареты на желѣзнодорожномъ фронтѣ, почти какъ правило бывали ранены снарядами.

Являя собой сколокъ съ русско-германскаго фронта, желѣзнодорожный фронтъ имѣлъ и другую черту, сближавшую его съ этимъ послѣднимъ, и отличавшую его отъ другихъ гражданскихъ фронтовъ, — это отношеніе къ военноплѣннымъ. Отношеніе къ нимъ было гуманное. Ихъ не только не разстрѣливали, не избивали, но нерѣдко заботы о нихъ заслуживали самаго лучшаго отзыва. Исключеніе изъ этого правила составляла дѣятельность нѣкоторыхъ членовъ контръ-развѣдки, остававшихся вѣрными принципамъ безпощадной расправы съ подозрѣваемыми въ большевизмѣ. Особенно отличался поручикъ В-гъ, котораго неоднократно упрекалъ Мурузи въ самовольныхъ разстрѣлахъ плѣнныхъ красноармейцевъ. Дѣятельность поручика В-га вполнѣ отвѣчала настроеніямъ и нравамъ архангельской контръ-развѣдки.

Обычно же взятые въ плѣнъ красноармейцы, голодные и раздѣтые, отправлялись въ ближайшую тыловую станцію. Здѣсь ихъ кормили, поили чаемъ, во избѣжаніе эпидемій тутъ же мыли и давали имъ чистое бѣлье — и только послѣ всего этого везли ихъ въ Архангельскъ или вообще въ болѣе глубокій тылъ. Раненые же красноармейцы пользовались въ нашихъ лазаретахъ всѣми правами гражданства. Они лежали въ общихъ палатахъ и никакихъ различій между бѣлыми и красными мы врачи не дѣлали.

Правда, бывали исключенія и здѣсь. Разсказывали о военномъ врачѣ А-вѣ, который отказывался перевязывать и оперировать красныхъ, доставляемыхъ въ его околотокъ и будто бы, этому не хочется вѣрить, если онъ и оперировалъ, то надѣвалъ на тяжело раненыхъ сильныя хлороформенныя маски, отправлявшія плѣнныхъ на тотъ свѣтъ. Но этотъ врачъ А-въ, конечно, составлялъ исключеніе изъ общаго правила.

Былъ, помню, такой случай.

Привезли коммуниста съ разрушенной снарядомъ ногой.

Врачъ лазарета К-ръ приготовлялся его оперировать.

Начальникъ штаба фронта Г-скій — серьезно сталъ противъ этого протестовать.

«Къ чему возиться съ этой падалью, прикончить его надо».

Но его слова встрѣтили рѣзкій отпоръ со стороны К-ра, указавшаго, что для медицины нѣтъ партій, есть только раненые. Подобное же гуманное отношеніе къ раненымъ красноармейцамъ поддерживалось и княземъ Мурузи. Онъ всегда отстаивалъ то мнѣніе, что «красноармейцы тѣ же русскіе». Но главнымъ мотивомъ его требованія хорошаго обращенія съ красноармейцами было то, что «это необходимо, чтобы они не боялись идти въ плѣнъ». И дѣйствительно на нашемъ желѣзнодорожномъ фронтѣ солдаты непріятельской арміи не боялись идти въ плѣнъ.

Это вызывало и другія послѣдствія: происходило своеобразное смягченіе обычно безпощадной гражданской войны. Красные, узнавъ, что на бѣлой сторонѣ не разстрѣливаютъ, стали тоже воздерживаться отъ примѣненія разстрѣловъ. Но война остается войной. У войны — свои законы, и эти законы кажутся особенно выпуклыми и уродливыми въ условіяхъ гражданской борьбы.

Я захожу въ окопъ.

Бородатый солдатъ спокойно нацѣливается и стрѣляетъ.

«Попалъ. Ишь упалъ».

«Кто упалъ?»

«Да красный. Вылѣзъ изъ окопа. Полѣзъ доставать своего убитаго».

«А за что же ты его убилъ?»

«Да, убилъ».

«И не жалко тебѣ?»

«Чего жалѣть. Вѣдь противникъ, небось. Красный».

Убивались свои, тѣ же русскіе, иногда изъ родной деревни, города.

И такова психологія войны, что это стушевывалось, отодвигалось въ сознаніи далеко, въ самую глубь. Оставалось одно — врагъ, противникъ, надо его убивать, въ него стрѣлять.

И съ той и съ другой стороны были солдаты мобилизованные, и которымъ не было никакого дѣла ни до бѣлыхъ, ни до красныхъ. Имъ хотѣлось одного «чтобы уважили ихъ желаніе — ѣхать домой, ибо моя хата съ краю».

И однако, вотъ этотъ бородачъ, онъ — правило, онъ какъ всѣ. «Врагъ — значитъ стрѣляй».

Съ артиллерійской вышки, расположенной на высокой соснѣ, бывало видно попаданіе снаряда.

Съ капитаномъ М-скимъ мы иногда ходили смотрѣть — какъ будутъ попадать снаряды въ красныхъ.

Группа красныхъ суетится у вагоновъ и, повидимому, обѣдаетъ.

Послѣ двухъ трехъ перелетовъ шестидюймовый снарядъ разрывается у вагона. Видно, какъ нѣсколько красныхъ упало, другіе побѣжали. Одинъ изъ побѣжавшихъ черезъ нѣсколько шаговъ падаетъ.

Капитанъ М-скій радуется.

«Вотъ здорово попало. Пожалуй пятерыхъ уложило».

«Такъ имъ и надо».

И все это говорится спокойно. Между дѣломъ. И никому, ни ему, ни мнѣ не кажется это страшнымъ и чудовищнымъ.

При занятіи полустанка на 405-ой верстѣ, между Емцой и Плесецкой, у красныхъ были большія потери ранеными и убитыми.

Убитые въ одной общей кучѣ, небрежно собранной, лежали у полусожженаго станціоннаго домика.

Кругомъ стояли солдаты.

«А вотъ этотъ, поди, штыкомъ проткнутъ. Ишь, гимнастерка вся разорвана и крови много вышло».

Солдатъ наклоняется и поворачиваетъ убитаго, чтобы лучше разсмотрѣть.

Глянуло на свѣтъ безжизненное лицо рыжаго мужика, съ маленькой, жидкой бороденкой.

«Да это никакъ изъ нашихъ, изъ Онежскихъ».

Подошли еще Онежскіе и стали спорить. «Нашъ ли Онежскій, братъ лабазника Федора Кривого этотъ убитый мужичекъ, или нѣтъ?»

Къ коммунистамъ, даже убитымъ, была ненависть неприкрытая.

Убитаго при взятіи ст. Емцы унтеръ-офицера, съ большой красной звѣздой, прикрѣпленной къ борту разорванной штыками кожаной куртки, солдаты долго не позволяли хоронить.

«Пусть полежитъ собака. Когда ихъ солдаты бѣжали сдаваться въ плѣнъ нашимъ и начали кричать — «сдаемся, сдаемся», этотъ разсвирѣпѣлъ и двоихъ изъ красныхъ уложилъ изъ револьвера. Лютый, сказываютъ, былъ, даромъ что только взводный командиръ. Изъ старыхъ унтеровъ. Не за страхъ служилъ, а за совѣсть».

Странныя впечатлѣнія остались у меня въ памяти отъ красныхъ офицеровъ, не коммунистовъ, а мобилизованныхъ, и отъ пріема ихъ нашими офицерами. Былъ какой то надрывъ, плохо скрытая злоба, недовѣріе. Цѣлый комплексъ чувствъ, переживаній гражданской войны и дѣленія на «нихъ» и на «насъ».

Въ штабъ 3-яго полка привели двухъ офицеровъ, хорошо одѣтыхъ въ рейтузахъ, съ красными звѣздами-кокардами на офицерскихъ фуражкахъ. Взяты были при кавалерійской стычкѣ, столь рѣдкой на нашемъ фронтѣ.

Адъютантъ, поручикъ В., опрашивалъ ихъ намѣренно грубо, рѣзко, съ досадою.

«Красный офицеръ? Фамилія?»

«Такъ точно», называетъ фамилію.

«Гдѣ служили?»

«Въ Лейбъ-Гвардіи Уланскомъ полку, въ чинѣ ротмистра».

«И не стыдно было служить у этихъ сволочей?»

«Мобилизовали, господинъ поручикъ».

«Такъ что же, убѣжать не могли?»

«Семья. Совѣтское Правительство держало ее заложницей за меня».

«Разсказывайте», новыя ругательства, «всѣ вы такъ говорите. Шагомъ маршъ!»

Изъ чего рождалась эта ненависть, эта грубость, эта нечуткость со стороны бѣлыхъ офицеровъ къ мобилизованнымъ краснымъ? Вѣдь ясно было, въ сколь тяжеломъ положеніи пребывали, да пребываютъ и теперь, мобилизованные въ красной арміи офицеры, и какъ бережно къ нимъ слѣдовало бы отнестись. Однако, война рождаетъ свои настроенія, а гражданская война тѣмъ болѣе, — особенныя, сложныя, двойныя.

И красные офицеры платили нерѣдко той же монетой.

Взятый послѣ паденія Области въ плѣнъ престарѣлый генералъ Петренко, командующій Мезенскимъ фронтомъ, узналъ, что во главѣ красной дивизіи прибывшей въ Архангельскъ стоитъ экс-генералъ Самойловъ. Этого послѣдняго генералъ Петренко хорошо зналъ въ прежніе годы, и они даже, кажется, были сослуживцами. Генералъ Петренко, находившійся въ тяжелыхъ условіяхъ ареста, попросилъ свиданія съ Самойловымъ. Въ отвѣтъ на просьбу своего бывшаго сослуживца Самойловъ отвѣтилъ: «Не хочу видѣться со всякой бѣлогвардейской д-ью».

Передавшій мнѣ эту исторія Костанди говорилъ, что экс-генералъ Самойловъ былъ искренно возмущенъ дерзостью бѣлаго генерала. Возмущенъ, а можетъ быть и просто боялся близости съ бѣлыми.

Объ этомъ, именно, Самойловѣ — Троцкій въ одномъ изъ приказовъ отозвался какъ «о самомъ вѣрномъ генералѣ, первомъ пришедшемъ на помощь Совѣтской Республикѣ и три года ей служащемъ».

Итакъ, гражданская война на желѣзнодорожномъ фронтѣ была не чужда человѣчности.

Эта человѣчность была не только слѣдствіемъ, порожденнымъ директивами командованія, въ частности князя Мурузи, но гораздо болѣе слѣдствіемъ извѣстной пассивности въ настроеніи воинскихъ частей, какъ съ нашей, такъ и съ той стороны. Наши сражались хорошо. Еще лучше умирали. Но ни энтузіазма, ни подъема, ни особой ненависти у нихъ не было. Сражались — потому что велѣно, что приказано.

«Не будешь сражаться, — будетъ хуже».

«Попадешь въ плѣнъ краснымъ — тоже плохо».

«Здѣсь хоть кормятъ хорошо, тамъ хуже».

Таковы мотивы, таковы разговоры, столь обычные среди солдатъ желѣзнодорожнаго фронта.

Плѣнные красноармейцы, составлявшіе крупный процентъ солдатскаго состава, тѣмъ болѣе были лишены активнаго отношенія къ войнѣ. Измученные голодомъ на красномъ фронтѣ, запуганные и задерганные — они мечтали только объ одномъ.

«Скорѣе домой, только домой».

А пока? Велѣно брать позиціи, идти въ аттаку — и они шли, шли и шли.

И ихъ исковерканныхъ, израненныхъ снарядами приносили десятками и сотнями въ наши лазареты. И здѣсь, безропотные, отупѣвшіе, они стонали отъ тяжелыхъ ранъ, умирали, или радовались какъ дѣти, когда у нихъ бывала надежда выжить и попасть когда-нибудь домой.

Пассивность, какъ основа, пассивность, какъ повседневность, проходила красной нитью черезъ жизнь нашего фронта. Этому отвѣчало и настроеніе красныхъ войскъ, стоявшихъ по ту сторону окоповъ. Большевистская власть не придавала, очевидно, большого значенія Сѣверному фронту и посылала сюда части второсортныя, лишенныя, какъ это было мною отмѣчено, коммунистическихъ ячеекъ, коммунистическаго цемента. Несмотря на холода, отсутствіе жилыхъ помѣщеній — красныя войска были изъ рукъ вонъ плохо одѣты и еще хуже кормились. Все это еще больше усиливало пассивность, я бы сказалъ, отупѣлость красныхъ солдатъ. Они шли въ аттаку, они защищали позиціи, сдавались въ

плѣнъ или отходили, но все это дѣлалось въ какомъ то полуснѣ, не понимая ни къ чему это, ни для кого, ни во имя чего.

Они также безропотно умирали... Иногда я до боли въ душѣ удивлялся, какъ раненый, и раненый тяжело красноармеецъ, переносилъ свои поистинѣ ужасныя раны.

Терпѣливъ русскій человѣкъ. Терпѣливъ и глубочайше пассивенъ.

И подобно тому, какъ бѣлые солдаты были весьма безразличны къ интересамъ государственнымъ, областнымъ, также и красные солдаты были чужды интересамъ Совѣтской Республики.

И, бесѣдуя съ красными солдатами, я тщетно пытался уловить у нихъ хоть крупицу, хоть частицу обще-національныхъ настроеній, — ихъ не было. Была лишь полная пассивной грусти тяга къ дому.

Такъ было на желѣзнодорожномъ фронтѣ, но не такъ было на Тарасовскомъ.

Здѣсь съ одной стороны были партизане, съ другой не чуждыя коммунистическимъ настроеніямъ красныя войска.

Пассивности здѣсь не было мѣста.

Вмѣсто нея было озлобленіе, ненависть, упорная и жуткая, не останавливавшаяся ни передъ какими жертвами.

Вопросъ, который я себѣ не разъ ставилъ — это откуда, изъ какихъ нѣдръ родился русскій коммунистъ. Вѣдь это въ большинствѣ выходцы изъ сѣрой пассивной массы, безразлично настроенной и, однако, сколь они активны и упорны. Ибо этихъ качествъ отъ русскихъ коммунистовъ отнять нельзя.

Удивительнѣйшимъ біологическимъ отборомъ были они выдвинуты на арену русской жизни, возобновивъ давно ушедшія времена русскаго раскола, столь же отмѣченнаго своей активностью и своимъ фанатизмомъ.

Я говорилъ уже, что партизане не брали въ плѣнъ. Но не брали и ихъ въ плѣнъ. Пойманному партизану не было пощады отъ большевиковъ. Онъ ея и не просилъ. Коммунисты разсказывали, какъ они пытали партизановъ, замораживая ихъ, поджигая, подвѣшивая и какъ никогда не могли они добиться отъ партизановъ ни слова о прощеніи или раскаянія. Вся партизанская борьба на сѣверѣ полна исторій, которыя, каждая въ отдѣльности, насквозь пропитана человѣческой ненавистью и звѣриной кровожадностью.

Потомки раскольниковъ, дѣти и внуки лѣсныхъ охотниковъ, партизане на фонѣ общей пассивности сумѣли противопоставить большевикамъ активность и упорство, равное имъ.

Но напрасно, какъ бы я этого ни хотѣлъ, было бы искать въ психологіи партизановъ чувствъ общегосударственныхъ, общенаціональныхъ. Напрасной была бы попытка подвести подъ ихъ ненависть антибольшевистскую — идейную подкладку. Нѣтъ, большевики оскорбили грубо душу Шенкурскихъ партизанъ, допустивъ насилія надъ ихъ женами и сестрами, разрушивъ ихъ дома и нарушивъ ихъ вольныя права. И большевики стали ихъ врагами, волками, прибѣжавшими въ ихъ деревню, звѣрями, которыхъ надо убить. Но до Россіи, до всей совокупности россійскихъ переживаній имъ было дѣла очень мало. Чрезвычайно мало.

Примѣръ Россійской гражданской войны показалъ сколь много причинъ создаютъ ея успѣхъ, ея пораженія. Самый простой анализъ фронтовыхъ настроеній, настроеній войскъ, составляющихъ фронтъ — подчеркиваетъ лишній разъ сколь велика и разнообразна эта «множественность причинъ». Внутренняя спайка, желѣзная дисциплина, тупое безразличіе тѣхъ, кто идетъ умирать, и, наконецъ, все покрываетъ Россійская пассивность...

VIII

Моя дѣятельность

Мой отъѣздъ изъ Парижа на Сѣверъ Россіи былъ лишенъ какихъ-либо политическихъ соображеній или цѣлей. И совершенно напрасно нѣкоторая часть архангельской прессы пыталась изобразить мое появленіе въ Области какъ желаніе играть опредѣленную политическую роль и осуществлять извѣстныя политическія заданія. Эти газеты дѣлали умозаключенія, логически неправильныя, разсуждая: «онъ политическій дѣятель — слѣдовательно, онъ пріѣхалъ для политики», но хотя я дѣйствительно въ своемъ прошломъ, въ своей прежней петербургской жизни не былъ чуждъ общественной и политической дѣятельности — пріѣхалъ я въ Область по мотивамъ исключительно, такъ сказать, психологическаго порядка. Тяжело и грустно стало жить въ Парижѣ, въ бездѣйствіи, вдали отъ Россіи. Пріѣхавъ же въ Архангельскъ, все свое вниманіе я посвятилъ чисто практической, административно-медицинской дѣятельности. Уже въ началѣ августа я уѣхалъ на фронтъ, гдѣ и пробылъ до конца января, все это время работая вмѣстѣ съ Уполномоченнымъ Кр. Кр. Фидлеромъ по организаціи медицинскихъ и санитарныхъ учрежденій фронта. Англичане уѣхали, оставивъ одинъ только лазаретъ. Пришлось заново, имѣя весьма небольшія матеріальныя средства, создавать все то, что требуетъ элементарная санитарія и боевая обстановка. Передовые перевязочные отряды, санитарныя летучки, бани, дезинфекціонные отряды, питательные пункты и, наконецъ, солдатскіе театры — все это, правда, въ небольшомъ и несовершенномъ видѣ, было создано на желѣзнодорожномъ фронтѣ.

Политической и общественной жизни Сѣвера я касался очень мало. Все мое участіе выразилось въ помѣщеніи ряда чисто литературныхъ и беллетристическихъ очерковъ въ газетѣ «Возрожденіе Сѣвера». Помимо прочаго, были и уважительныя причины, заставлявшія меня воздерживаться отъ активнаго участія въ политической жизни Области. — Эти причины были — мое расхожденіе съ мѣстными лидерами демократіи въ ихъ тактикѣ «непротивленія и уступчивости». Я считалъ, что поддержка диктаторскихъ наклонностей генерала Миллера отнюдь не можетъ привести къ положительнымъ результатамъ. Но считая такъ, я рѣшительно отказывался вмѣшиваться въ мѣстныя партійно-политическія дѣла, полагая, что «Сѣверъ для Сѣверянъ», и что самое лучшее будетъ, если Сѣверяне найдутъ въ себѣ силы самоуправляться и собственными силами защищать Сѣверъ отъ большевиковъ. Въ своемъ рѣшеніи я оставался непреклоннымъ во все время моего пребыванія въ области и только — это было въ концѣ января 1920 года, когда Земское Собраніе и Миллеръ сошлись на моей кандидатурѣ въ члены Правительства, я отвѣтилъ согласіемъ. Да и то только потому, что считалъ первой задачей новаго Правительства спасеніе и эвакуацію фронтовыхъ частей.

Единственно отъ чего я не могъ отказаться — это отъ своей связи съ заграничной прессой. Будучи постояннымъ сотрудникомъ парижскихъ газетъ «L'information» и «L'Heure» я, по предложенію редакцій этихъ газетъ, посылалъ изрѣдка корреспонденціи о жизни и настроеніяхъ С. О. Мнѣ это казалось безвреднымъ и невиннымъ занятіемъ. Однако, неожиданно для меня мое корреспондентство вовлекло меня въ рядъ непріятныхъ положеній. Въ ноябрѣ я былъ экстренно вызванъ къ Главнокомандующему. Съ начальникомъ его канцеляріи г-омъ Шабельскимъ у меня произошелъ нижеслѣдующій разговоръ.

«Вы корреспондируете въ Парижскія газеты?»

«Да, пишу».

«И позволяете себѣ писать о дѣятельности Главнокомандующаго?»

«Да».

«Главнокомандующій предписываетъ Вамъ прекратить корреспондентство, или . . .»

«Или?»

«Или Вы будете высланы на Іохангу».

Я рѣшительно отказался прекратить корреспондировать, предоставивъ на усмотрѣніе генерала Миллера наказаніе или «возмездіе» за мою непокорность.

Вскорѣ я узналъ, что мои письма военной цензурой не пропускаются, а телеграммы задерживаются. Друзья же мнѣ сообщили неутѣшительныя извѣстія, что вопросъ о моей высылкѣ обсуждается довольно серьезно въ военныхъ сферахъ, но что это встрѣчаетъ сильную оппозицію со стороны Зубова, который де «не находитъ рѣшительно никакихъ мотивовъ для такого наказанія, тѣмъ болѣе послѣ того, какъ Главнокомандующій особымъ приказомъ отмѣтилъ полезную дѣятельность Соколова на фронтѣ».

Послѣ этого я рѣшилъ, не дожидаясь высылки моей на Іохангу, выѣхать за границу. Зубовъ выразилъ полное согласіе всячески содѣйствовать мнѣ въ этомъ направленіи, прибавивъ, впрочемъ, что «все это зависитъ отъ Миллера». Багриновскій, управляющій внутренними дѣлами сказалъ, «я вамъ выдамъ заграничный паспортъ хоть сейчасъ, но . . . все дѣло въ Миллерѣ». Тогда я рѣшилъ посѣтить Миллера: это была первая моя съ нимъ встрѣча.

Миллеръ рѣшительно отказался разрѣшить мнѣ выѣздъ заграницу.

«Нужны врачи въ Печорѣ, поѣзжайте туда».

Повидимому, мотивы этого заключенія крылись въ особой боязни гласности.

Но рѣшивъ выѣхать изъ Области, я не могъ примириться съ рѣшеніемъ, съ моей точки зрѣнія незаконнымъ, Миллера. Ибо, пріѣзжая въ Сѣверную Область, я выговорилъ себѣ право ее покинуть свободно.

Черезъ нѣкоторое время по моей просьбѣ изъ Парижа, изъ Посольскаго Совѣщанія было дано знать Миллеру о неумѣстности насильнаго удержанія меня въ Области. Одновременно были высланы всѣ нужныя визы. Я былъ наканунѣ отъѣзда. Но непредвидѣнныя обстоятельства, осложненный гриппъ, помѣшали моимъ планамъ, и я не смогъ выѣхать, пропустивъ одинъ изъ послѣднихъ ледоколовъ.

Къ этому времени произошли на фронтѣ значительныя измѣненія. Блестящія побѣды Мурузи на желѣзнодорожномъ фронтѣ были прерваны высылкой его изъ предѣловъ Сѣверной Области. На смѣну ему былъ назначенъ генералъ Вуличевичъ, который оказался менѣе счастливымъ въ своихъ боевыхъ операціяхъ, чѣмъ его предшественникъ. Неудачное наступленіе въ Вологодскомъ направленіи, предпринятое по спеціальному приказанію генерала Квицинскаго, несмотря на возраженія Штаба фронта, произвело весьма тяжелое и неблагопріятное впечатлѣніе на войска. Наступившій же послѣ этого продолжительный періодъ затишья боевыхъ операцій и связанная съ этимъ извѣстная деморализація духа у солдатъ свели на нѣтъ весь успѣхъ предыдущихъ блестящихъ наступленій.

Къ этому же времени ликвидація Колчака, окончательный разгромъ Юденича и неудачи Деникина усиливали общую подавленность настроенія, въ равной мѣрѣ охватившей и солдатъ и офицеровъ.

Наступали черные дни Области . . .

Имъ предшествовали характерные признаки.

Рядъ лицъ, находившихся въ «окруженіи» Миллера, начали проситься въ заграничныя командировки, точно предчувствуя скорое паденіе Области. Первымъ уѣхалъ генералъ Клюевъ, получивъ весьма загадочную командировку и весьма реальный чекъ въ нѣсколько тысячъ шведскихъ кронъ. Вскорѣ вслѣдъ за нимъ уѣхалъ Шабельскій, получивъ тоже какое то совершенно фантастическое дипломатическое порученіе и опять-таки эту командировку сопровождала выдача валюты. А. Ропманъ, бывшій въ то время директоромъ Государственнаго Банка въ Архангельскѣ, жаловался мнѣ и возмущался по поводу происходившей въ тѣ дни незаконной выдачи иностранной валюты, которую вѣрнѣе надо бы назвать расхищеніемъ.

«Ежедневно ко мнѣ поступаетъ нѣсколько резолюцій отъ Главнокомандующаго о выдачѣ иностранной валюты или о переводѣ таковой отдѣльнымъ лицамъ заграницу. Какъ общее правило всѣ эти просители изъ Штабныхъ. Я пытаюсь отказать, апелирую къ Зубову, но что я могу подѣлать? Мнѣ уже грозятъ увольненіемъ. Но я не сомнѣваюсь что это расхищеніе государственной валюты будетъ когда-нибудь предметомъ судебнаго разбирательства».

Въ соотвѣтствіи съ этимъ увеличилась и спекуляція валютой и совѣтскими деньгами среди мѣстнаго населенія.

Эти признаки не могли не дойти до обостреннаго зрѣнія фронтовиковъ, дойти увеличенными, раздутыми . . .

IX

Земское Собраніе. Формированіе новаго Правительства

Въ концѣ января тревожное настроеніе особенно усилилось.

Пришли вѣсти, что большевики повели наступленіе на Двинскомъ фронтѣ, и, что, подъ натискомъ превосходныхъ силъ непріятеля, наши части очистили большую территорію. Одновременно, большевики повели яростныя атаки на Селецкомъ фронтѣ. Но здѣсь они не имѣли успѣха, и Тарасовскіе партизане, защищавшіе этотъ фронтъ, неизмѣнно ихъ отбивали.

Сталъ фактомъ непреложнымъ разстрѣлъ Колчака въ Сибири. Вмѣстѣ съ тѣмъ иностранныя газеты сообщали о неудачахъ на Югѣ Россіи.

Все это усиливало тревогу въ тылу и на фронтѣ.

25-го января я получилъ телеграмму изъ Архангельска отъ генерала Миллера, приглашавшаго меня пріѣхать туда, для переговоровъ о формированіи новаго Правительства. Положеніе въ Архангельскѣ рисовалось въ эти дни въ слѣдующемъ видѣ.

Члены Правительства: Зубовъ, Федоровъ и др. подали въ отставку, главнымъ образомъ благодаря критикѣ ихъ пассивности со стороны демократическихъ сферъ. Одновременно начали прибывать съ фронта делегаціи, главнымъ образомъ отъ партизанскихъ частей, просящія Правительство, въ частности Главнокомандующаго, принять рядъ мѣръ для внутренняго успокоенія.

Тогда генералъ Миллеръ обратился къ лидерамъ мѣстныхъ эс-еровъ съ предложеніемъ о реорганизаціи власти. Начались переговоры, преимущественно

съ А. А. Ивановымъ. Эти переговоры шли очень медленно и не давали благопріятныхъ результатовъ. Миллеръ предлагалъ демократіи лишь два мѣста въ Правительствѣ, при чемъ соглашался дать имъ второстепенные портфели, а именно — народнаго просвѣщенія и агитаціи. Въ свою очередь демократы, вообще были не особенно склонны входить въ Правительство, считая дѣло совершенно безнадежнымъ и ликвидацію С. О. неизбѣжной. И только главнымъ образомъ А. Ивановъ, во имя единаго противо-большевистскаго фронта, настаивалъ на вхожденіи въ Правительство. Прибывъ въ Архангельскъ, я имѣлъ бесѣды какъ съ генераломъ Миллеромъ, такъ и съ мѣстными лидерами. Миллеръ на меня произвелъ впечатлѣніе человѣка, не отдающаго себѣ отчета въ дѣйствительномъ положеніи дѣлъ. У него былъ ни на чемъ не основанный оптимизмъ о положеніи фронта. Внутреннія неурядицы онъ не считалъ дѣломъ особенно важнымъ. Онъ думалъ, что онѣ легко могутъ быть улажены. На реорганизацію Правительства онъ шелъ очень неохотно и дѣлалъ все возможное, чтобы уступки были минимальными. Такъ, онъ рѣшительно отказался отъ предоставленія кому либо портфеля управляющаго иностранныхъ дѣлъ, оставивъ его за собой. Кандидатуру Скомороховa онъ считалъ рѣшительно непріемлемой. На мою кандидатуру онъ соглашался съ большимъ неудовольствіемъ.

Между нимъ и Ивановымъ произошелъ слѣдующій характерный разговоръ: «Мы пришли къ единодушному мнѣнію о желательности кандидатуры доктора Соколова».

«Почему?»

«Онъ намъ извѣстенъ какъ опытный администраторъ. Его хорошо знаютъ на фронтѣ за пять мѣсяцевъ его тамошняго пребыванія».

«Мнѣ говорили, что онъ слишкомъ независимъ и упрямъ. Кромѣ того у него репутація лѣваго».

«Однако, Вы оцѣнили его дѣятельность въ особомъ приказѣ».

«То дѣло медицинское, но не политическое».

Прежде, чѣмъ онъ окончательно согласился на мою кандидатуру, онъ захотѣлъ лично со мною переговорить.

Послѣ разговора съ нимъ, я не далъ ему опредѣленнаго отвѣта, такъ какъ для меня не былъ яснымъ смыслъ и цѣли моего вхожденія въ Правительство. Разговоры съ Ивановымъ и Скомороховымъ не убѣдили меня въ необходимости входить въ Правительство. Я указалъ, что считаю дѣло Сѣверной Области безнадежнымъ и что надо говорить и обсуждать эвакуацію. Но такъ какъ Миллеръ не сознаетъ всей тягости обстановки, то безполезно и образованіе компромисснаго, ему непріятнаго, Правительства. Брать же власть исключительно въ свои руки, что вполнѣ легко и возможно, такъ же не имѣетъ за собою логическихъ основаній и ничего кромѣ ускоренія распаденія фронта не вызоветъ. И я вернулся на фронтъ. Но черезъ нѣсколько дней снова былъ вызванъ въ Архангельскъ.

Событія быстро развертывались.

3-го февраля открылось Архангельское Земское Собраніе подъ предсѣдательствомъ Скомороховa. Оно было чрезвычайно бурное и оппозиціонно настроенное и къ генералу Миллеру, и къ остаткамъ прежняго Правительства, и къ тактикѣ — соглашательской — лидеровъ демократіи. Какъ общее настроеніе превалировало пассивно оппозиціонное, которое говорило: «большевики рано или поздно, но придутъ, мы не за большевиковъ, но намъ не по нутру военная диктатура. И потому будемъ спокойно ожидать прихода большевиковъ».

Лѣвое крыло даже считало, что надо бы начать переговоры съ большевиками о мирной ликвидаціи Сѣвернаго фронта.

Но эти голоса были единичными и тонули въ общей массѣ. Правую позицію, по прежнему оборонческую, занимали А. Ивановъ, Едовинъ и делегаты съ фронта. Послѣдніе, особенно партизане, не хотѣли и слышать о мирѣ съ большевиками. Основнымъ вопросомъ Земскаго Собранія былъ вопросъ объ образованіи новаго Правительства. И въ этомъ пунктѣ большинство Земскаго Собранія пришло къ слѣдующему положенію:

«Въ Правительство не входить, такъ какъ этимъ самымъ была бы взята отвѣтственность за все то, что было совершено въ С. О.» (Засѣданіе 5-II-1920).

Такимъ образомъ, предложеніе Иванова о вхожденіи въ составъ Правительства было отвергнуто. Стоялъ вопросъ объ уходѣ съ Земскаго Собранія правой группы. Но въ это время пришли потрясающія вѣсти съ желѣзнодорожнаго фронта.

Въ одномъ изъ лучшихъ полковъ Сѣверной Области — 3-емъ, въ ночь на 7-ое февраля произошло возстаніе, результатомъ котораго явилась, въ сущности говоря, потеря этого полка. Детали этого возстанія заслуживаютъ освѣщенія.

Съ переходомъ 3-го полка въ руки полковника Постникова, весьма храбраго офицера, но неумѣлаго администратора, въ этомъ полку начались неурядицы и неустройства, которымъ способствовало прекращеніе боевыхъ операцій на этомъ участкѣ фронта. Большевики этимъ воспользовались и организовали, какъ это выяснилось впослѣдствіи, коммунистическую ячейку среди штабныхъ солдатъ. Ночью съ 6 февраля на 7-ое часть офицеровъ были арестованы мятежниками, одновременно красныя войска перешли въ наступленіе въ районѣ расположенія 3-го полка и, въ итогѣ, отъ всего полка осталось только около 200 солдатъ, пришедшихъ, въ разбродъ, на станцію Плесецкую. Самъ полковникъ Постниковъ спасся чудомъ, тяжело раненый онъ скрылся въ лѣсу и былъ привезенъ полуживой солдатами его полка, на станцію Плесецкую. Около же 1000 солдатъ были частью убиты, но въ большинствѣ перешли на сторону красныхъ. Офицеры были перебиты своими же или частью успѣли пробраться лѣсомъ на станцію Емцы.

Начался отходъ войскъ, занимавшихъ ст. Плесецкую, въ тылъ до ст. Емцы.

Событія въ 3-емъ полку произвели страшное впечатлѣніе и на Миллера, и на Земское Собраніе. Этотъ фактъ сильно поколебалъ оптимизмъ генерала и заставилъ его пойти на большія, бо́льшія, чѣмъ онъ хотѣлъ и предполагалъ, уступки Земскому Собранію. Но и Земское Собраніе, въ свою очередь, поставленное лицомъ къ лицу передъ очевиднымъ фактомъ паденія С. О. и неизбѣжностью прихода большевиковъ, обрѣло въ себѣ противобольшевистскія тенденціи. И послѣ долгихъ и продолжительныхъ дебатовъ приняло предложеніе Иванова о сформированіи «Правительства Спасенія». Я присутствовалъ на этомъ совѣщаніи и былъ въ числѣ тѣхъ, кто защищалъ позицію, выдвинутую Ивановымъ. Мотивировка этой группы сводилась къ слѣдующимъ положеніямъ:

«Послѣдніе 6—8 мѣсяцевъ въ С. О. существовала полузамаскированная военная диктатура. Фактически мѣстное населеніе, въ частности широкіе демократическіе круги были совершенно устранены отъ управленія С. О. Власть находилась въ рукахъ у военнаго командованія. За всѣ дѣйствія этой власти въ Области демократическіе элементы не несутъ никакой отвѣтственности. Несмотря на это, въ дни, когда опасность прихода большевиковъ дѣлается очевидной, Земское Собраніе, не стремясь отнюдь къ власти, рѣшаетъ войти во вновь организуемое Правительство. Но оно разсматриваетъ это Правительство исключительно,

какъ Правительство Спасенія, въ задачи котораго въ первую очередь должна лечь эвакуація защитниковъ Области на Мурманскъ».

Эта позиція для меня была вполнѣ пріемлема, и я ее энергично отстаивалъ, такъ какъ считалъ, что Земское Собраніе должно спасти отъ большевиковъ тѣ тысячи офицеровъ и солдатъ, которые, въ случаѣ прихода красныхъ, будутъ неминуемо ими разстрѣляны. И я вошелъ въ это Правительство, которое нѣкоторые называли Правительствомъ Спасенія, другіе его считали Правительствомъ Эвакуаціи, и, наконецъ, часть иронически опредѣляла его какъ «Правительство Глупости», полагая, что демократія, вмѣшиваясь въ эти дни въ правительственныя мѣропріятія, этимъ самымъ беретъ на себя отвѣтственность и за все прошлое.

Демократія, молъ, «покрываетъ грѣхъ генерала Миллера».

Несмотря на обоюдное желаніе и военнаго командованія, и Земскаго Собранія сформировать объединенное Правительство, послѣднее еще нѣсколько дней не могло никакъ опредѣлиться въ своемъ составѣ. Происходило это потому, что шелъ торгъ между отдѣльными группами и политическими партіями о распредѣленіи портфелей. Торгово-промышленники хотѣли получить два мѣста въ Правительствѣ и ни за что не хотѣли согласиться на кандидатуру Репмана, директора Государственнаго Банка, который проявилъ себя въ свою бытность въ Сѣверной Области, какъ энергичный преслѣдователь спекулянтовъ и недобросовѣстныхъ купцовъ. На кандидатуру же другую, на постъ Управляющаго Финансовъ не могли согласиться демократы.

Но какой нелѣпицей казался этотъ торгъ въ дни, уже сочтенные умирающей С. О.!!

Наконецъ, Правительство С. О. было сформировано. Военнымъ министромъ и управляющимъ иностранными дѣлами — Миллеръ, управляющимъ внутренними дѣлами — баронъ Тизенгаузенъ, финансовъ — А. Репманъ, я — народнаго просвѣщенія и безъ портфеля — А. Ивановъ и докторъ Поповъ.

Это Правительство получило санкцію Земскаго Собранія и тѣмъ самымъ подчеркнуло принятіе имъ оборонческой платформы, такъ какъ вхожденіе въ Правительство Тизенгаузена, Иванова и мое обозначало активный противобольшевизмъ, съ каковой стороны мы всѣ были извѣстны въ области. Въ первые же дни существованія Правительства, отъ его имени было выпущено воззваніе, въ которомъ подчеркивались его анти-большевистскія тенденціи и которое призывало населеніе къ борьбѣ за С. О.

Конечно, это были слова и только слова, такъ какъ о защитѣ Области не могло уже быть и рѣчи, и самое большее на что можно было разсчитывать — это на планомѣрную и цѣлесообразную эвакуацію на Мурманскъ. Замѣщая Управляющаго внутренними дѣлами, я съ своей стороны издалъ приказъ, усиливающій наказанія за дезертирство и возлагающій отвѣтственность за дезертировъ на ихъ семьи. Конечно, и этотъ приказъ былъ больше теоретическимъ и послѣдствій реальныхъ имѣть не могъ. По предложенію Правительства, А. Ивановъ съ двумя членами Земскаго Собранія выѣхалъ на желѣзнодорожный фронтъ, чтобы помочь военному командованію въ разрухѣ и остановить разложеніе, охватившее солдатскія массы. Они не возвращались больше съ фронта, а позже разнесся слухъ, что Ивановъ былъ убитъ большевиками.

Въ нѣкоторыхъ кругахъ, особенно правыхъ и военныхъ, царило мнѣніе, что демократія, а именно соціалисты революціонеры хотятъ захватить власть въ свои руки. Изъ всего сказаннаго, мнѣ думается, съ очевидностью вытекаетъ, что сѣверная демократія не только не стремилась къ власти, но страдала даже своего

рода боязнью ее получить. Несомнѣнно, что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, даже въ Самарѣ, не было столь благопріятной коньюнктуры и столь большихъ основаній къ тому, чтобы быть у власти, чѣмъ въ Сѣверной Области. Связь лидеровъ съ широкими кругами населенія, составъ арміи на половину партизанскій, наконецъ, цѣлый рядъ второстепенныхъ обстоятельствъ, какъ, напримѣръ, вліяніе кооперативовъ и т. д., безусловно располагали къ тому, чтобы это возможное желаніе претворить въ жизнь. И однако, мы видимъ какъ въ продолженіе всей жизни С. О. роль демократіи сводилась исключительно къ роли аксессуарной, подсобительной. Почему же, спрашивается, и это спрашивалось не разъ, почему демократія согласилась прійти къ власти въ дни, когда эта власть дѣлалась уже фикціей. Въ дни, когда С. О. агонизировала. Поскольку мнѣ были близки и извѣстны тогдашнія настроенія у руководящихъ круговъ архангельской демократіи — я думаю, можно считать несомнѣннымъ, что мысли о власти были весьма далеки и чужды послѣдней. И если все же Земское Собраніе высказалось за вхожденіе въ Правительство, вполнѣ сознательно учитывая всѣ проистекающія отъ этого послѣдствія — и то, что вина ихъ — мѣстныхъ аборигеновъ, отъ вхожденія въ правительство только отягощается, то можно считать, что поступокъ Земскаго Собранія не лишенъ былъ извѣстной доли идеализма. Такимъ образомъ, преобладаніе послѣдняго надъ реализмомъ сказалось и здѣсь въ Сѣверной Области въ поведеніи и поступкахъ демократіи.

X

Защита Области и вопросы эвакуаціи

Основной чертой генерала Миллера и его начальника штаба Квинцинскаго былъ неизмѣнный оптимизмъ. Этотъ оптимизмъ можетъ быть констатированъ каждымъ, кто былъ въ Сѣверной Области. Все черное, угрожающее Области преломлялось въ глазахъ Штаба въ несущественное, второстепенное. Въ то время, когда было яснымъ, что жизни С. О. остаются лишь дни и самое большее недѣли, въ это время начальникъ Штаба разрабатывалъ еще планъ новаго наступленія, разсчитаннаго на десятки тысячъ подчиненныхъ войскъ. На ряду съ этимъ необоснованнымъ и безусловно вреднымъ оптимизмомъ, Штабъ былъ во власти теоретическихъ выкладокъ, отвлеченной стратегіи и бюрократизма. Это все сказалось сильнѣе всего на эвакуаціи.

Рѣшая остаться въ С. О. послѣ ухода союзниковъ, военное командованіе взяло на себя огромную отвѣтственность: тысячи офицерскихъ жизней, которыя въ случаѣ паденія Сѣверной Области отдавались въ руки большевиковъ. Ни для кого не было сомнѣнія, что расправа съ этими офицерами и партизанами будетъ жестокой и безпощадной. Тѣмъ больше была отвѣтственность и тѣмъ больше было основаній сдѣлать все, чтобы въ случаѣ паденія Области обезопасить эвакуацію этихъ элементовъ за границу.

Было ли это сдѣлано?

Факты отвѣчаютъ сами за себя.

Сѣверный фронтъ былъ растянутъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, на тысячи верстъ. Его лѣвый флангъ терялся на Печорѣ, чуть ли не упираясь въ

Сѣверный Уралъ. Правый же проходилъ по Карелiи, кончаясь на границѣ съ Финляндiей. На этой полосѣ были раскиданы тѣ десятки тысячъ воиновъ, которые защищали Область. Неоднократно, еще передъ уходомъ союзниковъ, дѣлались представленiя Штабу и Главнокомандующему о необходимости сокращенiя фронта, ибо, особенно зимою, паденiе Области обрекало на гибель лѣво-фланговыя части. Однако, всѣ распоряженiя Начштаба, даже въ январѣ и началѣ февраля, сводились отнюдь не къ сокращенiю фронта, но къ его расширенiю и углубленiю. Это не оправдывалось ни нуждами Области, ни реальными требованiями фронта, но это отвѣчало теоретическимъ соображенiямъ Штаба Главнокомандующаго.

Бѣлое море всю зиму, съ октября по апрѣль, трудно проходимо, даже для мощныхъ ледоколовъ. Только полной мобилизацiей всего ледокольнаго состава можно было бы обезпечить тоннажъ достаточный, чтобы перевезти четыре-пять тысячъ лицъ. Иначе говоря, приблизительно то количество, которое надо было эвакуировать изъ числа защитниковъ Архангельскаго фронта. Опять-таки въ этомъ направленiи были сдѣланы неоднократныя указанiя и генералу Квинцинскому, и генералу Миллеру, послѣдніе разы, въ засѣданiяхъ новаго Правительства. Но отвѣтъ получался всегда одинъ и тотъ же: «Эвакуацiя посредствомъ ледоколовъ исключается, какъ ненадежная и не могущая выполнить полностью военныя заданiя. И, несмотря на повторныя предложенiя Правительства генералу Миллеру обратить вниманiе на эвакуацiю путемъ ледоколовъ — 10-го февраля, распоряженiемъ его, всѣ находившiеся въ Архангельскѣ ледоколы ушли въ Бѣлое море. Ушли ледоколы Минин, Канада, Русановъ, Сибиряковъ и Таймыръ. Ихъ выходъ для меня совершенно непонятенъ, какъ онъ не могъ быть понятенъ и ни для кого. Это было въ дни, когда паденiе С. О. было яснымъ для всѣхъ, когда только и говорилось, что объ эвакуацiи Архангельска. Въ добавокъ ко всему, вся эта ледокольная экспедицiя была предпринята, чтобы отвезти нѣсколько десятковъ пассажировъ и никому не нужныхъ досокъ, предназначенныхъ для постройки Мурманскаго порта.

Это отрицательное отношенiе къ эвакуацiи посредствомъ ледоколовъ стояло въ тѣсной связи съ тѣмъ планомъ эвакуацiи, который выработалъ Штабъ Главнокомандующаго и который былъ одобренъ этимъ послѣднимъ. Я не буду вдаваться въ критику этого плана. Я допускаю, что съ военной точки зрѣнiя онъ былъ вполнѣ безукоризненъ. Во всякомъ случаѣ, въ немъ были несомнѣнныя достоинства и продуманность. Но, по отзыву полковника Костанди, въ немъ совершенно отсутствовало знанiе мѣстныхъ условiй. Не учитывались непроходимость лѣсныхъ дорогъ зимою, недостатокъ провiанта, но самое главное, что этотъ планъ предусматривалъ воинскiя части боеспособными, неразложившимися и отступающими въ образцовомъ порядкѣ, при ненарушенной дисциплинѣ. Насколько этотъ планъ былъ схематиченъ, можно видѣть изъ того, что онъ былъ весь построенъ на постепенномъ отхожденiи воинскихъ частей на Мурманскъ. При этомъ войскамъ, оперировавшимъ на Печорѣ или на Двинѣ и долженствующимъ согласно этому плану послѣдними пройти черезъ Архангельскъ, пришлось бы идти не одну тысячу верстъ прежде, чѣмъ они достигли бы мѣста своего назначенiя. Полки, стоящiе на желѣзнодорожномъ фронтѣ и которые можно было привезти въ Архангельскъ впродолженiи 24 часовъ путемъ желѣзнодорожнаго сообщенiя — должны были по тому же плану эвакуацiи идти проселочными, трудно проходимыми дорогами на Онегу, а оттуда на Мурманскъ. Части же, находившiяся въ Архангельскѣ, должны были составить крайнiй лѣвый флангъ (вмѣстѣ съ печор-

скими) и также постепенно отходить на Онегу. Разработавъ въ деталяхъ этотъ планъ генералъ Миллеръ и его начальникъ Штаба приступили, это было уже въ концѣ января, къ постепенной его реализаціи. Были подготовлены провіантскіе склады въ Онегѣ и на смежныхъ съ нею пунктахъ. Меньше всего было удѣлено вниманія Мурманскому Краю. Туда былъ лишь посланъ докторъ Бѣлелюбскій, получившій большіе кредиты и званіе Главноуполномоченнаго по эвакуаціи. Между тѣмъ въ этомъ Краѣ было исключительно неблагополучно. Самъ мурманскій фронтъ былъ въ очень хорошемъ положеніи въ смыслѣ боевой обстановки. Командовалъ этимъ фронтомъ генералъ Скобельцынъ, способный и талантливый офицеръ, но за фронтомъ была полоса въ нѣсколько сотъ верстъ, гдѣ почти не было войскъ и которая находилась подъ вліяніемъ Мурманска, большевистски настроеннаго. Составъ населенія Мурманска, отсутствіе въ немъ интеллигенціи, большое количество пришлаго рабочаго элемента, неудачное управленіе Краемъ Ермоловымъ, — все это создавало благопріятную обстановку для прихода большевиковъ. Это обстоятельство совершенно не было учтено планомъ эвакуаціи и, если бы даже удался отходъ войскъ до мурманскаго фронта, то врядъ ли можно было избѣжать большевистскаго переворота въ самомъ Мурманскѣ, переворота, который произошелъ самъ по себѣ, силами мѣстныхъ большевистскихъ дѣятелей, и который окончился убійствомъ нѣсколькихъ моряковъ офицеровъ и арестомъ всей администраціи. Роль же Главноуполномоченнаго по эвакуаціи была менѣе печальна, но не лишена юмористическаго оттѣнка. Присланный подготовить все для эвакуаціи и для принятія войскъ Архангельскаго фронта и увидѣвъ, что въ этой Области всѣ его старанія будутъ тщетны, докторъ Бѣлелюбскій исподволь подготовилъ почву для само-эвакуаціи, пріобрѣлъ заранѣе оленей и за день до паденія власти бѣлыхъ на Мурманскѣ выѣхалъ въ Финляндію. Но въ Печенгѣ былъ задержанъ карелами и послѣ долгаго торга, рискуя быть выданнымъ большевикамъ, отдавъ кареламъ добрую половину своего состоянія, выбрался въ Норвегію. Но я зашелъ немного впередъ. Возвращаюсь къ тому плану эвакуаціи, который разработалъ Главнокомандующій.

Помимо общихъ недочетовъ, о которыхъ было сказано выше, то-есть то, что не было учтено возможное разложеніе воинскихъ частей, въ этомъ планѣ былъ рядъ дефектовъ, незамѣтныхъ при теоретической разработкѣ, но выявившихся на практикѣ и совершенно перевернувшихъ всю эвакуаціонную схему. Такъ, напримѣръ, партизане неоднократно заявляли, что они ни при какихъ обстоятельствахъ не уйдутъ изъ волостей, гдѣ расположены ихъ деревни. По плану же эвакуаціи, войска Двинскаго и Селецкаго фронта должны были отойти на желѣзнодорожную линію, гдѣ и соединиться съ войсками желѣзнодорожнаго фронта. Можно было заранѣе предвидѣть, объ этомъ рѣчь будетъ впереди, что мало кто изъ Двинскаго фронта дойдетъ до желѣзной дороги. Сами этапы эвакуаціи были вычислены съ точностью, заслуживающей лучшаго примѣненія, но совершенно не отвѣчали условіямъ сѣверныхъ путей, настроенію мѣстныхъ крестьянъ и потому, фактически, не имѣли подъ собою реальной почвы.

Все это, помимо другихъ причинъ, привело къ тому, что при реализаціи эвакуаціоннаго плана началась полнѣйшая неразбериха, части теряли другъ съ другомъ связь, однѣ уходили раньше, другія приходили позже. Происходило все именно такъ, какъ это предсказывалось военными спеціалистами еще за пять мѣсяцевъ до паденія С. О. Насколько схематична была вся конструкція этого отхожденія войскъ, свидѣтельствуетъ слѣдующій небольшой эпизодъ изъ эвакуаціонной эпохи.

По схемѣ генерала Миллера для эвакуаціи раненыхъ, находившихся въ вѣдѣніи Кр. Кр., въ городѣ Архангельскѣ былъ предоставленъ нарядъ въ 150 лошадей, который должны были выполнить подгородные крестьяне. Тщетно уполномоченный Кр. Кр. ждалъ этихъ подводъ, наконецъ, прибыло откуда то три мужика, которые послѣ нѣкотораго колебанія отказались тоже везти раненыхъ.

Итакъ, военное командованіе Сѣверной Области, отказавшись въ свое время отъ эвакуаціи, предложенной англичанами, считая также невыполнимымъ планъ эвакуаціи при помощи ледоколовъ, на которомъ настаивали отдѣльные военноначальники, — и Правительство, въ лицѣ генерала Миллера приняло планъ сухопутной эвакуаціи, теоретическіе принципы котораго были изложены въ настоящей главѣ, а практическому осуществленію котораго посвящена одна изъ слѣдующихъ главъ.

XI

Въ Правительствѣ. Послѣдніе дни Области

Я разсматривалъ вхожденіе свое въ Правительство какъ содѣйствіе эвакуаціи архангельскаго фронта. Я думалъ, что смогу быть въ этомъ направленіи полезнымъ и способствовать своимъ авторитетомъ смягченію столь обычныхъ при эвакуаціи инцидентовъ. Вся моя дѣятельность въ Правительствѣ протекала подъ этимъ угломъ зрѣнія.

Ввиду остроты политическаго положенія, засѣданія вновь сформированнаго Правительства происходили ежедневно, нерѣдко по два и по три раза въ день. Изъ состава Правительства отсутствовали Алексѣй Алексѣевичъ Ивановъ, который уѣхалъ на желѣзнодорожный фронтъ, и баронъ Тизенгаузенъ, задержанный повстанческимъ движеніемъ кареловъ въ карельскомъ уѣздѣ.

Всѣ засѣданія Правительства протекали чрезвычайно мирно, никогда никакихъ эксцессовъ и разногласій не было, всѣ дѣла рѣшались къ общему желанію, причемъ генералъ Миллеръ былъ всегда сугубо лойяленъ и оттѣнялъ свою парламентарскую корректность.

Таково было внѣшнее мое впечатлѣніе и отъ засѣданій Правительства, и отъ неоднократныхъ бесѣдованій съ Главнокомандующимъ. Но это была лишь поверхность, видимость. По существу, и объ этомъ я узналъ значительно позже, всѣ эти дни шли безпрестанныя и въ сущности ничѣмъ не мотивированныя нарушенія прерогативъ Правительства. Генералъ Миллеръ былъ одно — Правительство нѣчто другое; что то вродѣ придатка, никому не нужнаго и съ которымъ считались лишь постолько — поскольку.

Эта коротенькая страничка исторіи Сѣвернаго Правительства довольно интересна и заслуживаетъ того, чтобы на ней подробно остановиться.

Еще до сформированія Правительства подъ давленіемъ военныхъ сферъ былъ уволенъ въ отставку генералъ Квицинскій. Но этотъ приказъ, изданный подъ давленіемъ арміи, не былъ приведенъ въ исполненіе. Онъ состоялъ по прежнему въ должности Начштаба, и онъ же руководилъ и эвакуаціей, и военными операціями. На этой почвѣ было нѣсколько разъ обсужденіе въ засѣданіяхъ Правительства и въ частномъ порядкѣ, и неизмѣнно генералъ Миллеръ успокаивалъ, что Квицинскаго уже нѣтъ. Но онъ былъ по прежнему.

Въ первомъ же засѣданіи Правительства былъ поднятъ вопросъ объ эвакуаціи. Но Главнокомандующимъ было подчеркнуто, что дѣло эвакуаціи подлежитъ военному командованію, что онъ не считаетъ возможнымъ, чтобы вмѣшивались въ его сферу, но что онъ можетъ дать объясненія и разъясненія. Былъ доложенъ планъ эвакуаціи, тотъ, что былъ выработанъ Начштабомъ. Вопросъ, почему отосланы ледоколы, остался безъ отвѣта. Между тѣмъ, положеніе на фронтѣ послѣ возстанія въ 3-емъ полку все ухудшалось и ухудшалось. Разложеніе перекинулось въ другія части и, хотя большевики и не наступали, наши части быстро отходили къ Архангельску.

14-го февраля положеніе стало въ достаточной степени внушающимъ безпокойство, но тѣмъ не менѣе никакихъ крупныхъ эксцессовъ не было ни на фронтѣ, ни въ тылу. Отходъ войскъ въ Архангельскъ могъ бы пройти вполнѣ благополучно. Но приказа объ эвакуаціи еще не послѣдовало. Въ засѣданіяхъ Правительства былъ поднятъ рядъ вопросовъ. Генералъ Миллеръ доложилъ, что имъ получено радіо отъ комиссара большевистской арміи Кузьмина съ предложеніемъ ликвидировать Сѣверный фронтъ. Несмотря на просьбы нѣкоторыхъ членовъ Правительства, эта радіограмма не была прочтена. Впослѣдствіи, въ Москвѣ, я узналъ что между генераломъ Миллеромъ и комиссаромъ Кузьминымъ произошелъ обмѣнъ ряда телеграммъ, о чемъ Главнокомандующій не счелъ нужнымъ докладывать Правительству. Такимъ же самочиннымъ актомъ было его самовольное обращеніе къ лорду Керзону, съ просьбой быть посредникомъ между большевиками и Правительствомъ Сѣверной Области. Почему то, по причинамъ, не вполнѣ мнѣ понятнымъ, это дѣлалось за спиною Правительства. Можетъ быть потому, что, увидѣвъ рѣзко отрицательное отношеніе членовъ Правительства къ переговорамъ его съ большевиками, Миллеръ рѣшилъ вести эти переговоры за собственный страхъ и рискъ.

Пренія въ Правительствѣ были приблизительно въ такомъ родѣ:

«Мною получено радіо отъ комиссара Кузьмина».

«Евгеній Карловичъ, заявляетъ членъ Правительства Репманъ, въ городѣ ходятъ слухи что Вы ведете переговоры съ большевиками и что Вы имъ отправили радіо».

«Да, я имъ отправилъ».

«Безъ вѣдома Правительства?» — спрашиваю я.

«Эти радіо освѣдомительныя и предварительныя».

«Я высказываюсь рѣшительно противъ переговоровъ съ большевиками, заявляю я, такъ какъ имъ совершенно нельзя вѣрить. Если и вести переговоры, то исключительно, чтобы выиграть время».

Послѣ этого, вопросъ снимается съ обсужденія.

Другимъ пунктомъ было предложеніе Главнокомандующаго о переводѣ всей иностранной валюты, принадлежавшей Правительству — за границу.

Всего было около 120 тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Предлагалось эту сумму перевести на имя военныхъ агентовъ въ Копенгагенъ и въ Лондонъ.

Это встрѣтило значительныя возраженія. Послѣ долгихъ дебатовъ принято было компромиссное рѣшеніе, а именно — большую часть перевести на имя предсѣдателя Правительства Чайковскаго и только небольшую сумму во временное распоряженіе военныхъ агентовъ. Причемъ, было принято постановленіе: «что всѣ означенныя суммы принадлежатъ Правительству Сѣвер-

ной Области и расходоваться онѣ могутъ только согласно указанію послѣдняго».

Въ частной бесѣдѣ послѣ этого засѣданія мною были подняты вопросы, связанные съ эвакуаціей. Я указывалъ на рядъ фактовъ, которые способствовали возникновенію паники въ городѣ. Цѣлый рядъ штабныхъ и тыловыхъ офицеровъ и чиновниковъ, не дожидаясь указа объ эвакуаціи, покидаютъ Архангельскъ, уѣзжая по направленію къ Мурманску. Я просилъ, чтобы было отдано распоряженіе о томъ, чтобы ни одинъ военно-служащій не покидалъ безъ разрѣшенія городъ. Это было мнѣ обѣщано. Обѣщано и не исполнено.

Увы, всѣ эти сухопутные бѣглецы были впослѣдствіи задержаны большевиками, въ томъ числѣ и жены генераловъ Клюева и Савича.

Послѣ долгихъ и настоятельныхъ переговоровъ генераломъ Миллеромъ была поручена эвакуація раненыхъ Красному Кресту.

Красный Крестъ предполагалъ воспользоваться прибывшимъ къ этому времени въ Двину небольшимъ ледокольнымъ пароходомъ «Сусанинымъ», съ тѣмъ, чтобы всѣхъ неспособныхъ двигаться, а также женъ и дѣтей фронтовыхъ офицеровъ эвакуировать на немъ въ Мурманскъ или въ Норвегію. Было добыто разрѣшеніе отъ Миллера, что впускъ на этотъ ледоколъ будетъ всецѣло находиться въ рукахъ Кр. Кр. и что мужчины боеспособные ни въ коемъ случаѣ не будутъ допущены на этотъ ледоколъ.

Въ это время до фронтового офицерства доходятъ слухи о томъ, что Штабы не только готовятся къ эвакуаціи, но уже частью эвакуировались. Командующіе фронтомъ доводятъ до свѣдѣнія Миллера о безпокойствѣ офицеровъ о судьбахъ своихъ женъ и своихъ семействъ, находящихся въ Архангельскѣ. Генералъ Миллеръ имъ отвѣтилъ:

«Пусть господа офицеры не безпокоятся, я беру на себя заботу объ ихъ семьяхъ».

Между тѣмъ, событія развивались весьма быстро. Еще четырнадцатаго числа въ Штабѣ Главнокомандующаго говорилось, что ничего угрожающаго нѣтъ и что спѣшить особенно некуда. А пятнадцатаго уже поднялась въ полномъ смыслѣ этого слова паника во всѣхъ военно-тыловыхъ учрежденіяхъ. Искали подводы, погружали, сжигали архивы и поспѣшно уѣзжали изъ города.

Наконецъ, былъ изданъ приказъ объ эвакуаціи. Причемъ отходъ войскъ, квартировавшихъ въ Архангельскѣ, былъ назначенъ на 19-ое февраля 3 часа дня. Согласно этому приказу всѣ боеспособные офицеры должны были до этого времени оставаться въ городѣ съ тѣмъ, чтобы общей группой отходить на Онегу.

Паника, поднятая въ тылу, не могла не отразиться и на фронтѣ. Хотя положеніе послѣдняго и не было блестящимъ, но особенно угрожающаго ничего не было, ибо большевики не наступали. Воинскія же части только постепенно таяли и таяли. Дойдя до ст. Обозерской, части желѣзнодорожнаго фронта, согласно инструкціямъ эвакуаціоннаго плана, свернули на проселочныя дороги, ведущія на Онегу.

Ледоколы по прежнему находились гдѣ то въ Бѣломъ морѣ и по прежнему военное командованіе считало безполезнымъ ими воспользоваться для эвакуаціи.

17-го февраля, когда вопросъ объ эвакуаціи былъ уже рѣшенъ, причемъ считалось, что и Правительство, и Главнокомандующій будутъ находиться при отходящихъ изъ Архангельска войскахъ, на обсужденіе Правительства былъ поставленъ вопросъ о томъ, кому же передать власть въ городѣ. Ни Городская Дума, ни земство, ни какія либо другія демократическія учрежденія взять этой

власти не могли и не хотѣли. Не могли потому, что они достаточно были замѣшаны въ антибольшевистскомъ движеніи, и съ ними, какъ имѣющими репутацію бѣлогвардейцевъ, не стали бы считаться большевистски настроенныя массы.

Наконецъ, былъ предложенъ выходъ: передать власть въ руки Совѣта Профессіональныхъ Союзовъ, того самаго Совѣта, предсѣдатель котораго Бечинъ и члены Правленія были осуждены въ свое время военнымъ судомъ на каторгу за большевизмъ.

На самомъ дѣлѣ этотъ Совѣтъ Профессіональныхъ Союзовъ былъ учрежденіе безпартійное, не лишенное, впрочемъ, большевистскихъ симпатій.

По предложенію Миллера, на другой день было созвано совмѣстное засѣданіе этого большевиствующаго Комитета, генералитета и Правительства. Это засѣданіе было не безынтереснымъ. Предсѣдательствовалъ генералъ Миллеръ, который и доложилъ присутствующимъ, «что по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ принуждены эвакуировать Область, что желательна мирная передача города въ красныя руки, и что поэтому должна быть какая-нибудь переходная власть, которая остановитъ возможные эксцессы».

Делегація Профессіональнаго Союза, предсѣдатель коей былъ рабочій Петровъ, еще недавно обвиненный въ большевизмѣ, выставила рядъ требованій, которыя сводились къ слѣдующимъ пунктамъ:

1) Военная власть гарантируетъ, что никто изъ членовъ Правленія Профессіональныхъ Союзовъ не будетъ арестованъ.

2) Что на завтра, 19-ое число, разрѣшаются повсемѣстно митинги, на которыхъ будутъ призывы къ мирному поведенію.

3) Что Главнокомандующій оставляетъ полковника Костанди въ качествѣ исполняющаго обязанности Командующаго Архангельскимъ округомъ.

Запрошенный по телефону полковникъ Костанди изъявилъ согласіе остаться. Еще ранѣе посѣтила его делегація Проф. Союзовъ и просила его не эвакуироваться. Впрочемъ, это отвѣчало желанію полковника Костанди, который былъ весьма разочарованъ въ гражданской войнѣ и видимо стремился въ Совѣтскую Россію.

Мнѣнія о Костанди вообще были различны. Одни его считали большевиствующимъ, другіе — самолюбивымъ честолюбцемъ. Къ демократіи онъ относился довольно холодно и особенныхъ сношеній съ ней не имѣлъ. Несомнѣнно, онъ былъ большимъ націоналистомъ и начиналъ впадать въ ту ошибку, въ которую впали многіе другіе, олицетворяя въ одномъ лицѣ большевизмъ и націонализмъ. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ способнымъ и талантливымъ военноначальникомъ, чего отъ него не могли отнять и его враги.

Объединенное засѣданіе окончилось къ обоюдному соглашенію и подписаніемъ протокола на предложенныхъ делегаціей Проф. Союзовъ условіяхъ.

Въ заключеніе этого засѣданія генералъ Миллеръ сказалъ прочувственную и весьма либеральную рѣчь, въ которой онъ подчеркивалъ свои «ультра-демократическія идеи».

Еще утромъ 18-го февраля стало извѣстнымъ, что прибыли въ Двину вызванные, очевидно, Штабомъ ледоколы. Я уже успѣлъ отмѣтить, что въ Правительствѣ по вопросу о ледоколахъ Миллеръ всегда отвѣчалъ уклончиво, считая, очевидно, это вторженіемъ въ его военную сферу. Какъ бы то ни было, но ледоколы стояли противъ Архангельска и здѣсь выяснился любопытный фактъ, что мандатъ, выданный Миллеромъ Кр. Кр., оказался никчемнымъ, что посадкой на ледоколы завѣдуетъ капитанъ Чаплинъ и что, какъ ледоколъ Мининъ, такъ и пароходъ

Ярославна уже биткомъ набиты морскими офицерами, ихъ женами, родственниками и просто знакомыми. Жены же фронтовыхъ офицеровъ, раненые и больные офицеры еще не были посажены.

По этому вопросу я имѣлъ первый и послѣдній разъ бурное объясненіе съ генераломъ Миллеромъ. Указавъ, что пароходы полны боеспособными офицерами, что на пароходѣ допущенъ рядъ спекулянтовъ и что вообще нарушеніе мандата Кр. Кр. мнѣ кажется страннымъ — я просилъ Главнокомандующаго остаться вѣрнымъ данному имъ слову. Генералъ Миллеръ обѣщалъ, обвинялъ во всемъ адмирала Иванова и капитана Чаплина, но... все продолжало идти попрежнему и попрежнему вѣдалъ посадкой на пароходъ капитанъ Чаплинъ.

Еще 17-го февраля къ завѣдующему Красно-Крестной эвакуаціей доктору Кормеру явился архангельскій милліонеръ и спекулянтъ Фридманъ и просилъ Кормера «пристроить» его на ледоколъ. Кормеръ отказался. Тогда Фридманъ предложилъ ему крупную взятку въ иностранной валютѣ. Это было, конечно, отклонено. 18-го вечеромъ Кормеръ былъ свидѣтелемъ того, какъ капитанъ Чаплинъ сажалъ на пароходъ Ярославну означеннаго Фридмана. Это было не единичное явленіе. Среди эвакуировавшихся на Мининѣ пассажировъ было не мало архангельскихъ купцовъ.

18-го февраля поздно вечеромъ состоялось послѣднее засѣданіе Правительства. Обсуждались вопросы эвакуаціи, причемъ на предложенный мною ясно формулированный вопросъ, не измѣненъ ли планъ эвакуаціи, Миллеръ отвѣтилъ:

«Нѣтъ, завтра, 19-го февраля, въ три часа дня, весь гарнизонъ города Архангельска, Штабы начнутъ отступленіе на Онегу».

Я спросилъ:

«Почему боеспособные морскіе офицеры, все время находившіеся въ тылу, первыми сѣли на ледоколы, предназначенные для раненыхъ?»

Я указалъ, что это дѣйствуетъ деморализующе на многочисленное офицерство, находящееся еще въ Архангельскѣ. Каждый старается попасть на пароходъ. Такъ, напримѣръ, полковникъ Грабовскій, начальникъ Штаба желѣзнодорожнаго фронта, который былъ присланъ съ особымъ порученіемъ отъ генерала Вуличевича и который долженъ былъ еще 17-го числа вернуться на фронтъ, — вмѣсто этого уже сѣлъ на Ярославну. Миллеръ объяснилъ это снова недоразумѣніемъ, тѣмъ, что моряки нужны въ качествѣ команднаго состава на ледоколѣ и что вообще имъ непривычно ходить по землѣ.

Послѣдняя фраза, которую сказалъ генералъ Миллеръ, прощаясь въ полночь съ 18-го на 19-ое февраля, была:

«Итакъ, господа, завтра въ три часа начинается эвакуація города Архангельска».

Уже позже я узналъ, что въ дѣйствительности въ это время происходила энергичная погрузка Штаба на ледоколъ Мининъ и что архангело-городскій полкъ былъ выведенъ еще въ 9 часовъ вечера по Онежскому шоссе.

Но объ этихъ фактахъ я узналъ значительно позже. Тогда же я покидалъ губернаторскій домъ, гдѣ происходили засѣданія Правительства, съ вѣрой въ слова генерала Миллера.

Въ то время, когда въ военно тыловыхъ кругахъ Архангельска и среди пришлой интеллигенціи царила паника, въ это самое время мѣстные жители относились весьма хладнокровно къ назначенной эвакуаціи С. О. и къ предстоящему приходу большевиковъ. Кромѣ единицъ, преимущественно среди крупныхъ коммер-

сантовъ, стремившихся эвакуироваться, остальное населеніе совершенно объ этомъ не думало и исподволь приготовлялось къ встрѣчѣ большевиковъ. Эти приготовленія состояли въ томъ, что запасались совѣтскими деньгами, которыя въ то время весьма высоко котировались, припрятывали цѣнности, золотыя вещи, мѣха, кое кто, болѣе другихъ связанный съ антибольшевистскимъ движеніемъ, переѣзжалъ въ провинцію, надѣясь тамъ переждать первую волну. Характерно было и то веселіе, которое царило въ Архангельскѣ въ ту зиму, принявъ особенно широкіе размѣры передъ самой эвакуаціей. Еще наканунѣ послѣдней состоялся балъ въ Купеческомъ Собраніи.

Настроеніе широкихъ слоевъ населенія сказывалось въ фразѣ: были бѣлые, будутъ красные, не все ли равно. Авось, хуже не будетъ.

XII

Бѣгство или эвакуація?

Послѣ послѣдняго засѣданія Правительства и прощанія съ генераломъ Миллеромъ я пришелъ въ Управленіе Кр. Кр., помѣщавшагося въ домѣ Антоновыхъ. Было два часа ночи на 19-ое февраля. Несмотря на позднее время, въ Управленіи Кр. Кр. было большое оживленіе и весьма тревожное настроеніе. Меня ожидалъ капитанъ II-го ранга Бурачекъ, который исполнялъ обязанности коменданта ледокольнаго парохода Сусанинъ, и сообщилъ, что ночью былъ митингъ и что рабочіе прекратили грузить уголь на ледоколъ. Въ это же время стали доходить слухи о томъ, что всѣ штабные тянутся къ ледоколу Минину и что подъ покровомъ ночи тамъ идетъ энергичная посадка. Раненые и больные офицеры, которыхъ было 127 назначено къ эвакуаціи, ожидали распоряженія къ погрузкѣ. Этого распоряженія начальникъ Штаба до сихъ поръ еще не давалъ и предполагалось, что, если Сусанинъ не будетъ въ состояніи отойти, то ихъ придется везти вмѣстѣ съ отходящими войсками. Но слухи о таинственной погрузкѣ на Мининъ и на Ярославну взволновали нашего Уполномоченнаго И. Фидлера, который и началъ сноситься съ предержащими властями. Здѣсь то и выяснилось, что фактически весь Штабъ, кромѣ полковника Костанди и дежурныхъ писарей, уже сѣлъ на «Минина». Такимъ образомъ, некому было отдавать распоряженія объ эвакуаціи раненыхъ. Долго велъ переговоры Фидлеръ и съ капитаномъ Чаплинымъ, завѣдующимъ дѣломъ погрузки, и съ адмираломъ Ивановымъ. Получался неизмѣнный отвѣтъ: «Нѣтъ мѣста. Чего вести раненыхъ. Все равно имъ здѣсь ничего плохого не сдѣлаютъ». Только благодаря энергіи доктора Кр. Кр. Кормера, который просто подвезъ раненыхъ къ ледоколамъ, началась ихъ погрузка на Ярославну. Но это было уже подъ самое утро, послѣ того какъ всѣ штабные были давно погружены.

Около 4-хъ часовъ утра въ Управленіе Кр. Кр. явился офицеръ изъ комендатуры Штаба Главнокомандующаго и сообщилъ, что генералъ Миллеръ меня проситъ пріѣхать на Ярославну. (Ледоколъ Мининъ и яхта Ярославна стояли рядомъ, противъ Собора.)

Предполагая, что Главнокомандующій хочетъ со мною посовѣтоваться объ эвакуаціи, я поѣхалъ туда. Предварительно я позвонилъ присяжному повѣрен-

ному А. Н. Новикову, который былъ моимъ секретаремъ, съ просьбою также прибыть немедленно на Ярославну, такъ какъ я не хотѣлъ вести сепаратныхъ разговоровъ и выносить персональныхъ рѣшеній. Здѣсь — на Ярославнѣ — меня ожидалъ сюрпризъ.

Главнокомандующій меня не принялъ, а комендантъ парохода предложилъ мнѣ очень корректно, но въ категорической формѣ находиться внизу въ каютѣ, не поднимаясь на палубу.

«Если Вы не послушаетесь, мы принуждены будемъ посадить Васъ въ трюмъ».

Здѣсь, внизу меня ожидалъ и Новиковъ, и мы оба недоумѣвали, зачѣмъ я понадобился генералу Миллеру.

Недоумѣваю я и теперь.

По версіи, которую мнѣ передавали значительно позже, Штабъ Главнокомандующаго будто бы боялся, что я могу помѣшать отплытію ледокола. Было ли это такъ или эта версія вымышленная, во всякомъ случаѣ, эта исторія остается для меня до сихъ поръ необъяснимой.

Всю ночь шла энергичная погрузка на ледоколъ Мининъ и яхту Ярославну. Шла эта погрузка очень поспѣшно, многіе не были о ней совершенно оповѣщены и въ первую очередь узнавали о ней лица, такъ или иначе связанныя съ морскими тыловыми офицерами и со Штабомъ Главнокомандующаго.

Я уже сказалъ, что раненые были погружены послѣдними.

Отрядъ датчанъ, составлявшій личную охрану Миллера, былъ совершенно позабытъ и датскіе солдаты прибѣжали на пристань буквально за нѣсколько минутъ до отплытія ледокола.

Но вотъ отданъ приказъ объ отплытіи.

Полное утро. Скоро 9 часовъ.

Медленно раскачивается Мининъ, расталкивая двинскій ледъ.

«Стойте. Стойте».

На пристани появились танки. Изъ нихъ выскочила группа офицеровъ. Это забытые танкисты, узнавшіе объ «эвакуаціи» только сейчасъ.

На Мининѣ начинается обсужденіе, возвращаться ли къ пристани или уѣзжать.

«Надо спѣшить! Каждая минута дорога».

Кто то говоритъ: «Какъ бы танкисты не открыли пальбу по насъ».

Наконецъ, рѣшено причалить. Снова подплываемъ къ пристани и забираемъ группу танкистовъ.

Въ это время на Чесмѣ, единственной боевой единицѣ Бѣломорскаго флота, впрочемъ, единицѣ разоруженной, матросы, увидавъ поспѣшную эвакуацію генералитета, арестовали своихъ офицеровъ. Послѣ долгихъ разговоровъ согласились ихъ выпустить, а сами, вооружившись винтовками, побѣжали въ городъ.

«Грабить буржуевъ».

Въ самомъ Архангельскѣ фактъ бѣгства Миллера уже сталъ общеизвѣстенъ. Откуда то потянулись толпы рабочихъ, снабженныхъ красными флагами, начали срывать погоны у отставшихъ офицеровъ и направились съ нестройнымъ пѣніемъ нѣсенъ къ тюрьмѣ.

«Освобождать своихъ».

А къ пристани все шли и шли одиночные офицеры и чиновники, позабытые Штабомъ. Особенно много было среди этихъ позабытыхъ — офицеровъ фронтовиковъ, только что ночью прибывшихъ съ Двинскаго фронта. Они стоятъ на

пристани, кричатъ, машутъ платками и папахами, но безполезно. Мининъ уже на серединѣ Двины. Болѣе смѣлые и находчивые, бросивъ свои вещи и запасшись досками, бѣгутъ по льду къ ледоколу. Вотъ бѣжитъ капитанъ Ч-хъ. Всюду прогалины, еще немного и онъ добѣгаетъ до ледокола, и его по трапу поднимаютъ наверхъ.

Въ спѣшкѣ и въ попыхахъ Штабъ совершенно упускаетъ изъ виду о томъ, что ледоколы Канада и Сусанинъ стоятъ у Саламболы и что они находятся въ рукахъ у команды большевистски настроенной.

Адмиралъ Ивановъ даетъ приказъ Канадѣ и Сусанину слѣдовать за нимъ.

«Иначе будемъ стрѣлять».

Тѣ ничего не отвѣчаютъ.

На пристани и на набережной собирается огромная толпа. Среди нихъ немало офицеровъ, солдатъ и просто обывателей. Они что то кричатъ, машутъ фуражками, раздаются отдѣльные выстрѣлы.

«А ну-ка, разгоните эту толпу, чтобы помнили насъ».

Раздается приказъ и нѣсколько снарядовъ пущенныхъ съ Ярославны ложатся вокругъ пристани, попавъ въ смежные съ нею дома.

Крики на пристани усиливаются. Появляются пулеметы, и видно, какъ какой то прапорщикъ начинаетъ наводить пулеметъ.

Прицѣлъ былъ взятъ мѣтко. И пули ровной цѣпью начали падать на палубу ледокола. Были раненые, въ томъ числѣ адмиралъ Ивановъ и полковникъ Короткевичъ.

«Спѣшите, спѣшите. Надо скорѣе убираться».

И Мининъ, легко разрѣзая двинскій ледъ, началъ пробираться къ морю.

Проходитъ мимо Саламболы. Видитъ отдѣльныя черныя точки, бѣгутъ по льду къ нему — это офицеры, настигшіе ледоколъ въ Саламболѣ.

Вотъ одна фигура падаетъ въ полынью, ее хотятъ вытащить, вода ледяная, замерзаетъ.

Въ концѣ концовъ, тонущій офицеръ вытянутъ и принятъ на бортъ Ярославны. Это — полковникъ Козловъ.

Полнымъ ходомъ идетъ Мининъ. Позади него по свободной водѣ — Ярославна. На обоихъ суднахъ полно. Набиты всѣ каюты, проходы, палуба и трюмы. Въ большинствѣ среди пассажировъ — штабные, сухопутные и морскіе офицеры. Фронтовиковъ почти нѣтъ. Если и есть, то какъ исключеніе. Кромѣ нихъ, сто датчанъ, 127 раненыхъ, и нѣсколько богатыхъ коммерсантовъ, извѣстныхъ своею спекуляціей.

Множество дамъ. Это все родственницы, близкія и дальнія, а то и прямо знакомыя бѣлаго генералитета. И здѣсь съ самаго начала досадное неравенство. Отдѣльныя каюты заняты генералами и ихъ женами, а раненые и всѣ прочіе лежатъ вповалку въ коридорахъ, на полу.

Тѣснота и неудобство увеличились въ сильнѣйшей степени, когда на другой день по условіямъ плаванія по Бѣлому морю пришлось бросить Ярославну. Всѣ пассажиры были съ нея сняты и переведены на Мининъ. На ледоколѣ не приспособленномъ для пассажирскаго движенія, въ узкихъ его каютахъ и коридорахъ собралось до тысячи человѣкъ и все же «законы природы» были соблюдены и генераламъ были комендантомъ оставлены отдѣльныя каюты.

XIII

Во льдахъ Бѣлаго моря

Два дня и одну ночь шелъ «Мининъ», пробираясь черезъ льды Бѣлаго моря. Наконецъ, вечеромъ 20-го февраля онъ дошелъ до горла Бѣлаго моря, гдѣ льды были особенно жестоки и непроходимы. Здѣсь, затертые во льдахъ, стояли три слабосильныхъ ледокольныхъ парохода — «Русановъ», «Сибиряковъ» и «Таймырь». Недостатокъ угля и характеръ льда обрекалъ эти пароходы на продолжительное бездѣйствіе и имъ могла угрожать участь парохода «Соловей Будимировичъ», унесеннаго въ ту зиму ледяной массой въ ледовитый океанъ.

Когда мы достигли этихъ затертыхъ во льдахъ пароходовъ, то былъ отданъ приказъ адмираломъ Ивановымъ, чтобы всѣ пассажиры — ихъ было нѣсколько десятковъ, вся провизія и уголь, а также и капитаны этихъ пароходовъ были переведены на Мининъ. Началась энергичная погрузка въ ночь на 21 февраля.

Въ 2 часа ночи меня, дежурившаго у раненыхъ, вызвали въ спѣшномъ порядкѣ къ коменданту парохода капитану Чаплину. Здѣсь на капитанскомъ мостикѣ послѣдній мнѣ заявилъ:

«По распоряженію адмирала Вы немедленно переводитесь на пароходъ «Русановъ», причемъ Вы предупреждаетесь, что, въ случаѣ проявленія Вами какихъ либо враждебныхъ дѣйствій противъ насъ — Васъ постигнетъ жестокая кара».

Я отдалъ честь, и сказалъ:

«Слушаюсь».

«По распоряженію адмирала Вы немедленно переводитесь на пароходъ «Русанова». Немного позже туда же перевели и Новикова, моего секретаря.

Мы бродили по палубѣ «Русанова», лишеннаго угля и провіанта, обреченнаго въ лучшемъ случаѣ на гибель во льдахъ Бѣлаго моря и искали объясненій совершенному Миллеромъ насилію. Вѣдь было ясно, что мы предавались въ руки большевиковъ. Это въ томъ случаѣ, если «Русанову» удастся когда-нибудь выбраться изъ льдовъ Бѣлаго моря. Каковы мотивы, каковы причины этого поступка? Я былъ убѣжденъ, что все это сплошное недоразумѣніе, которое утромъ выяснится и мы будемъ возвращены обратно на Мининъ. Я не допускалъ мысли, это казалось невѣроятнымъ, чудовищнымъ предательствомъ, неизвѣстнымъ еще въ лѣтописяхъ гражданской войны, чтобы я, имѣвшій столь опредѣленно и ярко противобольшевистскую репутацію, осужденный большевиками за возстаніе на Волгѣ, развившій въ Парижѣ энергичную противобольшевистскую пропаганду, — все это были факты общеизвѣстные, — чтобы я могъ бы быть выданъ большевикамъ . . .

И за что? Я искалъ въ своей дѣятельности въ С. О., дѣятельности почти чуждой политическихъ выступленій, дѣятельности административно-медицинской, я искалъ въ ней чего нибудь предосудительнаго съ точки зрѣнія самой суровой критики и — не находилъ.

«Нѣтъ, это какая то галиматья. Невѣроятный, дикій фактъ. Вызвать меня на «Минина», завести въ Бѣлое море и высадить на брошенный пароходъ...»

. . . . . .

Между тѣмъ сестра милосердія Комарова, бывшая свидѣтельницей моего разговора съ Чаплинымъ, побѣжала къ Уполномоченному Фидлеру разсказать ему о происшедшемъ со мною. Тотъ сначала не повѣрилъ, но потомъ вмѣстѣ съ ѣхавшимъ на Мининѣ Зубовымъ пытался видѣться съ Миллеромъ. Они не

были къ нему допущены. Уже позже, когда «Мининъ» былъ въ открытомъ морѣ, предоставивъ «Русанова» и меня своей участи, состоялось наконецъ свиданіе Фидлера съ генераломъ Миллеромъ.

«Это невѣроятно, что произошло, Евгеній Карловичъ! Высаженъ докторъ Соколовъ. Вѣдь Вы его предали въ руки большевиковъ. Если онъ не замерзнетъ, онъ будетъ ими разстрѣлянъ!»

«Я объ этой исторіи, грустной и печальной узналъ тогда, когда было уже поздно. Все это было продѣлано не только безъ моего согласія, но и безъ моего вѣдома. Я здѣсь не хозяинъ на пароходѣ. Здѣсь всѣмъ распоряжаются адмиралъ Ивановъ и капитанъ Чаплинъ. Но я надѣюсь только на то, что подлость нашего поступка спасетъ его. Наше предательство слишкомъ большой козырь въ рукахъ большевиковъ, чтобы они его не использовали».

Было ли это такъ? Дѣйствительно ли Миллеръ не зналъ, что творитъ его лѣвая рука — капитанъ Чаплинъ.

Офицеры, ѣхавшіе на «Мининѣ», утверждаютъ, что весь этотъ планъ моей высадки въ Бѣломъ морѣ былъ тщательно разработанъ въ часы спѣшной эвакуаціи чаплинцами, и Миллеръ былъ о немъ освѣдомленъ. Иначе не понятно, почему не были приняты Фидлеръ и Зубовъ тогда, когда этотъ фактъ былъ еще поправимъ. Мотивы преданія меня большевикамъ официально были слѣдующіе.

«Докторъ Соколовъ демократъ и особенно энергиченъ. Поэтому онъ опаснѣй, чѣмъ десять большевиковъ вмѣстѣ взятыхъ».

Дѣлались возвраженія: «Но онъ работалъ все время на фронтѣ, въ боевой обстановкѣ».

«Это не резонъ. Это лишнее доказательство, какъ онъ опасенъ. Демократъ, не боящійся фронта, болѣе чѣмъ кто либо подлежитъ уничтоженію».

Но этой версіи, неясной и объясняющей все происшедшее хулиганствомъ отдѣльныхъ штабныхъ офицеровъ, противопоставляется другая версія, которую я почерпнулъ изъ достовѣрныхъ штабныхъ источниковъ.

Эта версія сводится къ слѣдующему:

«Согласно постановленіямъ Правительства 120 тысячъ фунтовъ стерлинговъ иностранной валюты переведены были за границу, причемъ распоряжаться ими имѣло право лишь Правительство, ихъ переведшее. Уже находясь на Мининѣ, докторъ Соколовъ заявилъ Репману въ присутствіи ряда генераловъ, что, если придется эвакуироваться всѣмъ за границу, то распредѣленіе этихъ денегъ должно происходить совершенно равномѣрно и не считаясь съ чинами и съ званіями. Рядовой офицеръ, сказалъ Соколовъ, также хочетъ ѣсть, какъ и генералъ».

«Въ этомъ была усмотрѣна контръ-революціонность и, такъ какъ никто не сомнѣвался, что Соколовъ, пользуясь своими заграничными связами, можетъ наложить вето на эти деньги и добьется «этой глупой равномѣрности» въ распредѣленіи, рѣшили: обезопасить себя отъ него».

«Вызовъ же его на «Мининъ» совершенно съ этимъ не былъ связанъ. Штабъ, сознавая всю незаконность измѣненія приказа объ эвакуаціи и то, что въ сущности фронтъ былъ преданъ краснымъ войскамъ, хотѣлъ прикрыть свой поступокъ именемъ демократическаго представителя. Помимо того, Штабъ просто боялся, что Соколовъ помѣшаетъ выѣзду ледокола изъ устья Двины».

Къ 10-ти часамъ утра 21-го февраля заканчивалась погрузка пассажировъ и угля съ пароходовъ на Мининъ. Шла эта погрузка поспѣшно, была полна инцидентовъ.

Неожиданно показался на горизонтѣ пароходъ. Это былъ ледоколъ «Канада», снаряженный въ погоню, возмущеннымъ бѣгствомъ генерала Миллера, населеніемъ. На «Канадѣ» было нѣсколько десятковъ матросовъ, три офицера артиллериста и комиссаръ Николаевъ, завѣдующій флотомъ Бѣлаго моря.

«Канада» по радіо предложила «Минину» сдаться. Мининъ ничего не отвѣтилъ. Началась перестрѣлка.

Это была картина исключительная по своей красочности.

Бѣлое море — сплошь покрытое толстыми глыбами льда. Эти глыбы налѣзаютъ одна на другую, поднимаясь точно огромные бѣлые медвѣди. Ослѣпительно яркое полярное солнце, не грѣющее, разсыпающееся тысячью блестокъ въ капляхъ замерзшей воды.

Три маленькихъ, сплошь до бортовъ покрытыхъ льдинами парохода кажутся жертвами, отданными ненасытной, холодной сѣверной Природѣ.

Въ центрѣ этого ледяного поля два большихъ ледокола. Медленно, точно жуки или раки двигающіеся взадъ и впередъ по жестоко непослушному льду.

Черезъ періоды, короткіе и нудные, раздаются выстрѣлы, слабымъ эхомъ теряющіеся на бѣлой снѣжной полянѣ. Снарядъ падаетъ въ ледъ, разбрасывая высоко и въ сторону комки разрушенныхъ глыбъ.

Для насъ, находящихся на «Русановѣ», для меня и для Новикова, исходъ этого боя былъ особенно волнующе близокъ. Казалось такъ несомнѣннымъ, что «Канада», прогнавъ «Минина», заберетъ насъ съ плѣнъ и тогда — безпощадная расправа большевиковъ съ нами. Но неожиданно, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ ею произведенныхъ «Канада» повернулась и, потолкавшись на одномъ мѣстѣ, скрылась съ горизонта. Вслѣдъ же за этимъ и Мининъ, расчистивъ себѣ нужное пространство свободной воды, началъ медленно удаляться на сѣверъ.

Мы остались одни.

Неожиданный уходъ «Канады», какъ это потомъ выяснилось, былъ вызванъ образованіемъ трещины въ ледокольныхъ дверяхъ. Плохо и неумѣло уставленное орудіе вызвало вновь поврежденія, полученныя этимъ ледоколомъ въ одной изъ аварій.

«Мининъ», уходя, далъ приказъ:

«Слѣдуй за нами».

Приказъ этотъ, обращенный къ затертымъ во льдахъ пароходамъ, звучалъ насмѣшкой.

Даже, если бы были въ сохранности уголь и провіантъ, забранные «Мининымъ» — эти пароходы не могли двигаться ни взадъ, ни впередъ. На «Русановѣ» капитана не было. Вмѣсто него помощникъ капитана, испуганный, одинаково враждебный и бѣлымъ, и краснымъ. Къ намъ онъ относился съ видимымъ недовѣріемъ, не понимая, зачѣмъ мы пересажены на его пароходъ. Другихъ пассажировъ, кромѣ десятковъ рабочихъ, отправляемыхъ за большевизмъ на Іоханну, никого не было. Но эти большевиствующіе рабочіе оказались совершенно безразличными къ судьбамъ Сѣверной Области — къ бѣлымъ и краснымъ — и думали лишь объ одномъ, о возвращеніи въ Архангельскъ. Когда Мининъ скрылся изъ виду, то капитанъ парохода далъ радіо въ Архангельскъ:

«На ледоколѣ «Русановъ» остался членъ Правительства Соколовъ и его секретарь Новиковъ. Что съ ними дѣлать?»

Скоро получился отвѣтъ:

«Считать арестованными. Кормить. Если будетъ возможность привезти въ Архангельскъ».

Въ тѣ дни стояли жестокіе морозы. Глыбы льда, точно звѣри лѣзли на палубу пароходную. Та трещала, содрогалась и, казалось, вотъ вотъ мы будемъ погребены подъ бѣломорскимъ льдомъ.

Движеніемъ льда остальные два парохода были отнесены къ Печорскому берегу и мы остались одни.

По ночамъ только видны были огни далекаго маяка.

Передъ нами всталъ вопросъ о бѣгствѣ. Но первая же попытка пройти по льду показала всю ея тщетность. Безъ лыжъ это было немыслимо. Неровный ледъ, со множествомъ полыней, жестокій вѣтеръ, — все это были препятствія, преодолѣть которыя оказалось невозможно. Да и куда было уйти? До Мурманскаго берега было около 30 верстъ, а дальше?.. Нѣсколько сотъ верстъ безлюдной пустыни, гдѣ нельзя найти ни пищи, ни пріюта... И мы покорились своей участи...

Черезъ нѣсколько дней стало немного теплѣе и точно въ диковинной сказкѣ вся снѣжная пелена окрестныхъ льдинъ покрылась тысячами желто-черныхъ точекъ.

Это изъ воды вылѣзли самки тюленей. Это былъ періодъ дѣторожденія.

Маленькіе, бѣлые, съ красноватыми глазами, рождались тюленята. Безпомощные, красивые, какъ красивъ полярный ледъ, они неуклюже бѣгали за своими матерями, оставлявшими за собой пятна красной крови.

Криками, плачемъ чисто дѣтскимъ, оглашали эти маленькія животныя тихій воздухъ Бѣлаго моря. Казалось, особенно ночью, что это плачутъ дѣти, плачутъ горько и надрывно.

Команда парохода и рабочіе высыпали на ледъ и началось безпощадное избіеніе тюленей. Тяжелыми палками ударяли по носу изумленное, не понимающее ничего животное. Скоро тысячи трупиковъ лежало на палубѣ нашего парохода и мы понуждаемые голодомъ, послѣ нѣкотораго колебанія, также приняли участіе въ этой полярной охотѣ.

Тюленья печенка была немалымъ подспорьемъ за время нашего полуголоднаго двухнедѣльняго житія во льдахъ.

Южный вѣтеръ продолжалъ дуть и, въ концѣ концовъ, вытолкнулъ пробку льда изъ горла Бѣлаго моря. Вмѣстѣ со льдомъ былъ выведенъ и «Русановъ» въ пространство чистой воды. Слѣва показался берегъ. Высокій и скалистый.

«Что это?»

Капитанъ любезно и поспѣшно намъ объяснилъ:

«Это Мурманскій берегъ. Завтра утромъ мы войдемъ въ Іохангскую бухту. Пришло радіо изъ Архангельска отъ комиссара Николаева идти въ Іоханту и, забравъ тамъ іоханцевъ, слѣдовать дальше на Мурманскъ».

«Іоханга?»

«Да, знаменитая Іоханга, куда генералъ Миллеръ ссылалъ коммунистовъ. Тамъ была каторга, а теперь, — капитанъ засмѣялся, каторжане устроили Іоханскій Совдепъ».

Къ утру мы входили въ Іоханскую бухту.

XIV

Судьба фронта

Страницей печальной и преисполненной героизма исторіи С. О. являются послѣдніе дни фронта.

Получивъ приказъ Главнокомандующаго объ эвакуаціи — войска начали отходъ по схемѣ, выше изложенной. Объ эвакуаціи Печорскихъ и Пинежскихъ частей не могло быть и рѣчи. Ген. Петренко, командующій этими фронтами, и не пытался это сдѣлать. Очень скоро произошло распаденіе воинскихъ частей этого раіона. Образовался революціонный комитетъ, генералъ Петренко былъ арестованъ и вмѣстѣ со своими офицерами сданъ совѣтскимъ войскамъ.

Но двинскій и желѣзнодорожный фронты приступили къ выполненію полученныхъ ими указаній. Несмотря на значительное разложеніе фронта и на то, что нѣкоторыя части были весьма малочисленны — осталось отъ желѣзнодорожнаго фронта сплоченное ядро, приблизительно въ 1700 человѣкъ. Двинскій фронтъ, войска котораго должны были отойти на желѣзнодорожную линію, запоздали благодаря колебаніямъ, которыя были вызваны у партизанскихъ частей нежеланіемъ покинуть родныя мѣста. Въ результатѣ, какъ ни спѣшилъ генералъ Даниловъ, командующій этимъ фронтомъ, когда онъ дошелъ до ст. Обозерской — желѣзнодорожная группа уже ушла по Онежскому направленію.

Такимъ образомъ остатки двинскаго фронта оказались въ пробкѣ, между большевистскимъ Архангельскомъ и медленно наступавшими совѣтскими войсками. Кромѣ единицъ и рѣдкихъ исключеній все офицерство двинскаго фронта тутъ же было забрано въ плѣнъ красными войсками. Всѣ ихъ вещи, деньги, однимъ словомъ все, что при нихъ было, конечно, было отобрано. Думать о какомъ либо сопротивленіи не могло быть и рѣчи. Генералъ Даниловъ мнѣ разсказывалъ, что сдачѣ предшествовали мирные переговоры между нимъ и совѣтскимъ краснымъ командованіемъ. И въ отношеніи этой группы офицеровъ, которая какъ бы сдалась добровольно, Совѣтскимъ правительствомъ впослѣдствіи были оказаны незначительныя снисхожденія.

Желѣзнодорожная же группа, во главѣ съ генераломъ Вуличевичемъ, довольно быстро и дружно продвигалась къ Онегѣ. Черезъ проселочныя дороги, часто непроходимыми тропинками, въ крѣпкіе морозы, шелъ этотъ отрядъ, преодолѣвая невѣроятныя трудности. Прибывъ въ Онегу, они здѣсь соединились съ небольшими остатками войскъ, успѣвшихъ отойти отъ Архангельска. Но при дальнѣйшемъ ихъ слѣдованіи этотъ отрядъ ожидали новыя испытанія. И эти испытанія были прямымъ слѣдствіемъ измѣненія приказа Главнокомандующаго объ эвакуаціи, приказа, согласно которому весь штабной тылъ долженъ былъ отойти на Онегу.

Какъ только «Мининъ» покинулъ Архангельскъ, извѣстіе о бѣгствѣ Миллера и его Штаба очень быстро достигло до фронтовъ. Здѣсь оно вызвало чрезвычайное возбужденіе и сумятицу.

«Снова, говорили офицеры, насъ предали».

«Штабъ предалъ фронтъ».

Нѣкоторые офицеры не хотѣли отступать, говоря, что это совершенно безполезно. Другіе, болѣе экспансивные, еще ближе принимали къ сердцу бѣгство Главнокомандующаго. Среди офицерства двинскаго фронта было нѣсколько само-

убійствъ на этой почвѣ. Такъ застрѣлился ротмистръ Сазоновичъ, очень храбрый офицеръ, который заявилъ, что:

«Послѣ этого позора не стоитъ жить».

Нѣсколько самоубійствъ было и среди морскихъ офицеровъ и на Мурманскѣ. Вѣсть о бѣгствѣ Миллера дошла одновременно и до Мурманскаго фронта, и до Мурманска. Въ послѣднемъ она вызвала революцію и образованіе Мурманскаго революціоннаго Комитета, а въ войскахъ этого фронта произвела разложеніе, въ до тѣхъ поръ крѣпкихъ, боевыхъ частяхъ.

Генералъ Скобельцынъ, командующій этимъ фронтомъ, послѣ нѣкотораго колебанія, узнавъ объ образованіи Мурманскаго Совдепа, снялся съ позицій и ушелъ въ Финляндію. Одинъ изъ мотивовъ, вызвавшихъ этотъ преждевременный его уходъ — было и отсутствіе какихъ либо распоряженій и инструкцій отъ Главнокомандующаго. Полковникъ Костанди говорилъ, что единственная телеграмма была ему послана Миллеромъ въ день его отъѣзда, въ которой Скобельцынъ извѣщался, что «Главнокомандующій отбылъ на Мурманскъ на смотръ тамошняго гарнизона». А черезъ нѣсколько дней уже стало извѣстнымъ, что ледоколъ Мининъ благополучно миновалъ Мурманскій портъ и направился къ берегамъ Норвегіи.

Скобельцынъ имѣлъ полное основаніе предполагать, что войска желѣзнодорожнаго и другихъ фронтовъ были эвакуированы тоже на ледоколахъ. Какъ бы то ни было, но отрядъ Скобельцына ушелъ въ Финляндію, а красные войска безпрепятственно заняли Мурманскую линію и тѣмъ самымъ отрѣзали пути отступленія для отряда желѣзнодорожнаго фронта.

Врачъ Кр. Кр. Х., сдѣлавшій весь этотъ походъ въ отрядѣ генерала Вуличевича, разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи — онъ былъ однимъ изъ немногихъ, освобожденныхъ большевиками отъ тюрьмы, о тѣхъ тяжелыхъ настроеніяхъ и о томъ мужествѣ, которое проявили офицеры и солдаты этого отряда.

Извѣстіе о нарушеніи всего плана эвакуаціи и о томъ, что Главнокомандующій уѣхалъ на ледоколѣ — это извѣстіе настигло отрядъ въ Онегѣ и заставило пережить колебанія и вызвало психологическую депрессію. Офицеры говорили:

«Цѣлый годъ мы воевали и воевали. Во имя чего? Во имя кого? Кому можно вѣрить, послѣ того какъ ближайшіе начальники насъ предали?»

Болѣе уравновѣшенные успокаивали ихъ:

«У Штаба не было другого выхода, какъ эвакуироваться посредствомъ ледоколовъ».

Особенно горячо обсуждался вопросъ:

«Почему заставили войска желѣзнодорожнаго и двинскаго фронта идти на Онегу, тогда какъ простая логика говорила, что было бы проще отойти имъ на Архангельскъ и здѣсь, если нельзя было бы эвакуироваться на ледоколахъ, то все же отступать одной компактной массой по Архангельскому тракту?»

Въ дефектахъ эвакуаціоннаго плана хотѣли видѣть злой умыселъ и предательство. Съ такимъ настроеніемъ, тяжелымъ, лишенные прежняго единодушія, желѣзнодорожники начали свое отступленіе по направленію къ Мурманскимъ позиціямъ. Въ Сорокахъ предполагалось соединеніе съ генераломъ Скобельцынымъ. Но, не дождавшись послѣдняго, какъ это уже было сказано, Мурманская группа покинула позиціи и ушла. Въ Сорокахъ на встрѣчу изнуреннымъ и изможденнымъ безконечнымъ переходомъ по снѣжнымъ дорогамъ желѣзнодорожникамъ вышли совѣтскія войска.

Несомнѣнно, такъ утверждалъ врачъ Х., при другомъ психологическомъ настроеніи не могло бы быть и рѣчи о сдачѣ и перемиріи съ большевиками. Высокія боевыя качества желѣзнодорожниковъ, ихъ смѣлость и храбрость были порукой тому, что 2000 бѣлыхъ не только бы не отступили передъ качественно болѣе слабымъ непріятелемъ, но и одержали бы здѣсь послѣднюю побѣду. Но настроеніе ихъ было подавленное. Большинство говорило:

«Еще сражаться? Не для чего. Куда мы идемъ? Всѣ предатели».

Начались нелады между высшимъ командныхъ составомъ и низшими чинами. Появилось недовѣріе.

Въ концѣ концовъ, въ результатѣ мирныхъ переговоровъ генерала Вуличевича съ большевистскимъ командованіемъ была подписана капитуляція на милость побѣдителей. И здѣсь съ офицерами было поступлено, какъ и съ офицерствомъ Двинскаго фронта. Всѣ ихъ вещи, мало мальски цѣнныя, были отобраны, деньги были реквизированы, а сами офицеры отправлены въ Вологодскую тюрьму. При сдачѣ имѣло мѣсто нѣсколько инцидентовъ: нѣкоторые партизаны были разстрѣляны, несмотря на амнистію. Грубое обращеніе и издѣвательство надъ плѣнными — такова обстановка, при которой произошла ликвидація желѣзнодорожнаго отряда. По слухамъ, которые я не могъ провѣрить — Вуличевичъ былъ впослѣдствіи разстрѣлянъ.

Повидимому, для большевиковъ была большой неожиданностью столь легкая ликвидація отступающихъ сѣверныхъ войскъ. Дѣло въ томъ, что красныя войска были далеко не въ блестящемъ положеніи, второсортныя, они были совершенно обезсилены тяжелой зимой и были лишены, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, — боеспособности. Всѣ эти дни, въ которые происходилъ отходъ бѣлыхъ войскъ, красныя войска не только на нихъ не нападали, но и чрезвычайно медленно продвигались по очищенной непріятелемъ территоріи. Въ то время какъ наши желѣзнодорожники были уже на Обозерской, красныя войска медленно и точно нехотя заняли ст. Емцы. Такимъ образомъ разстояніе между красными и отступающими бѣлыми было чуть ли не въ десятки верстъ. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что отступленіе бѣлыхъ происходило во всякомъ случаѣ не подъ натискомъ большевиковъ.

Комиссаръ Кузьминъ, стоявшій во главѣ Совѣтской арміи, считалъ столь легкую ликвидацію сѣверныхъ отрядовъ «удивительно — счастливой». По его мнѣнію, «несмотря на сложность эвакуаціоннаго плана бѣлыхъ, послѣдніе могли бы справиться безъ особыхъ затрудненій съ назначенной имъ задачей и дойти до Мурманскихъ позицій благодаря плохому состоянію совѣтскихъ войскъ».

Неудача отхода бѣлыхъ лежитъ, по мнѣнію этого комиссара, въ отсутствіи координированнаго центра, который бы руководилъ эвакуаціей отдѣльныхъ фронтовъ и въ томъ, что отдѣльныя приказанія Начштаба противорѣчили другъ другу.

Вопросъ, почему такъ легко былъ ликвидированъ желѣзнодорожный отрядъ, служилъ впослѣдствіи предметомъ обсужденія и споровъ среди плѣнныхъ сѣверянъ.

По мнѣнію многихъ, вся вина падаетъ на Штабъ Главнокомандующаго, который, эвакуировавшись, не только не оставилъ центра, которому были бы вручены прерогативы власти, ибо ясно, что роль полковника Костанди ограничивалась комендантствомъ въ самомъ Архангельскѣ, но и способствовалъ увеличенію путаницы своими телеграммами, извѣщающими о перенесеніи Ставки на Мурманскъ. Въ концѣ концовъ, желѣзнодорожники ничего не понимали, видѣли всюду измѣну и пали духомъ.

Многихъ смутило и то, что генералъ Миллеръ оставилъ въ Архангельскѣ какъ бы своимъ замѣстителемъ означеннаго Костанди.

«Значитъ, есть какое то соглашеніе между Миллеромъ и большевиками».

Эту версію энергично поддерживали и сами большевики, муссировавшіе слухи, что все дѣлается съ обоюднаго согласія Миллера и Кузьмина.

Подводя итоги жизни и дѣятельности фронтовой арміи С. О., приходится отмѣтить совершенно безпристрастно и объективно, что, по своимъ боевымъ качествамъ, по своему составу офицерства, по духу и настроенію солдатъ, она мало въ чемъ уступала дореволюціонной арміи. Въ ней были даже нѣкоторыя болѣе положительныя, въ сравненіи съ послѣдней, качества. Это прежде всего касается области взаимоотношеній офицеровъ и солдатъ. Кромѣ единичныхъ случаевъ, притомъ, въ большинствѣ своемъ, имѣвшихъ мѣсто въ эпоху союзнаго командованія, отношенія между солдатами и офицерами были дружелюбны, основаны на разумной дисциплинѣ, и покоились на безпрестанномъ попеченіи команднаго состава о своихъ подчиненныхъ. Поэтому, вѣроятно, сѣверная армія и представляла собой исключеніе изъ ряда другихъ бѣлыхъ армій, которыя при своихъ ликвидаціяхъ сопровождались насиліями солдатъ надъ офицерами, — насиліями, которыя свидѣтельствовали объ обостренныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между команднымъ составомъ и солдатской массой.

Такія явленія не имѣли мѣста на Сѣверѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ единогласно всѣ тѣ фронтовые офицеры, съ которыми я имѣлъ возможность говорить впослѣдствіи, въ тюрьмѣ. Въ большинствѣ, распаденіе воинскихъ частей сопровождалось даже трогательными сценами прощанія солдатъ со своими командирами.

Капитанъ Е-въ, артиллеристъ, разсказывалъ мнѣ, что его солдаты при прощаніи снабдили его провизіей, переодѣли въ солдатскую форму, и дали спутника, чтобы довести его благополучно до Архангельска.

Особенно сердечны были прощанія въ партизанскихъ отрядахъ, гдѣ солдаты соболѣзнующе успокаивали своихъ офицеровъ и дѣлали все возможное, чтобы ихъ вещи спасти отъ расхищенія большевистскими частями.

О томъ же дружелюбномъ къ нему отношеніи подчиненныхъ говорилъ и генералъ Даниловъ. Солдаты его частей защищали его отъ эксцессовъ возможныхъ со стороны большевиковъ. Повидимому, менѣе благополучно, но впрочемъ, безъ кровавыхъ расправъ, произошла ликвидація броневого поѣзда «Колчакъ».

Нѣсколько офицеровъ, особенно отличившихся своими боевыми дѣйствіями и извѣстныхъ большевикамъ своей активностью, были спасены солдатами, переправившими ихъ черезъ лѣса въ Совѣтскую Россію. Нѣкоторымъ же удалось выбраться впослѣдствіи въ Финляндію, опять-таки не безъ помощи прежнихъ своихъ солдатъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и подполковникъ Брюмеръ.

Сѣверная армія осталась себѣ вѣрна и въ тяжелые дни разложенія фронта и, несмотря на всю неблагопріятную обстановку, пыталась выполнить возложенную на нее Главнокомандующимъ задачу. Не ея вина, если эта задача оказалась невыполнимой.

За невыполнимость ея офицерство заплатило новыми жертвами, своей кровью и тяжелыми страданіями по совѣтскимъ тюрьмамъ.

XV

Большевики въ Архангельскѣ

19-го февраля бѣлые покинули Архангельскъ.

Командующимъ Архангельскимъ военнымъ округомъ былъ оставленъ полковникъ Костанди, а власть въ городѣ перешла въ руки Совѣта Проф. Союзовъ, предсѣдатель коего, рабочій Петровъ, принялъ на себя званіе комиссара города Архангельска. Въ это время красныя войска стояли еще на разстояніи больше чѣмъ 100—150 верстъ отъ города и не особенно спѣшили войти въ него. Повидимому, это объясняется тѣмъ, что большевистское командованіе не довѣряло столь быстрой ликвидаціи бѣлой арміи и боялось ловушки.

Въ отвѣтъ на просьбу Проф. Союзовъ прибыть скорѣе въ Архангельскъ, комиссаръ Кузьминъ потребовалъ, чтобы полковникъ Костанди и представители Проф. Союзовъ выѣхали на ст. Обозерскую и тѣмъ самымъ гарантировали бы искренность этого призыва.

Между тѣмъ, въ самомъ городѣ было очень неспокойно. Выпущенные изъ тюрьмы уголовные арестанты грабили буржуазію, кой гдѣ и въ первую очередь разнесли всю обстановку и имущество лицъ, уѣхавшихъ на «Мининѣ».

Комиссаръ Петровъ былъ безсиленъ что либо сдѣлать, такъ какъ ни въ его распоряженіи, ни у Костанди не было надежныхъ войскъ. Кромѣ того, персонально, и тотъ и другой, возбуждали недовѣріе у мѣстныхъ большевиковъ. Въ нихъ видѣли ставленниковъ генерала Миллера и называли бѣлогвардейцами. Организованная Петровымъ совмѣстно съ комиссаромъ Николаевымъ экспедиція на «Канадѣ», столь неудачно для нихъ закончившаяся, усилила эти слухи.

«Рабочій Петровъ шпіонъ Миллера».

Демократія въ эти дни держалась весьма пассивно и, кромѣ попытки предсѣдателя Земскаго Собранія Скоморохова обратиться къ населенію «съ призывомъ о прекращеніи братоубійственной войны», не проявила себя ни въ чемъ.

Газета «Возрожденіе Сѣвера» прекратила свое существованіе, также какъ и другія Архангельскія газеты.

Члены мѣстныхъ демократическихъ партій, наиболѣе замѣшанные въ антибольшевистскомъ движеніи, выѣхали въ уѣзды; этому же примѣру послѣдовалъ и Скомороховъ. Здѣсь, послѣдній также, какъ и другіе демократическіе дѣятели, былъ арестованъ черезъ нѣсколько дней архангельской Че-Ка.

Крупныхъ эксцессовъ, насилій надъ офицерами почти не было, въ чемъ несомнѣнная заслуга полковника Костанди, который энергично вмѣшивался въ защиту бывшихъ офицеровъ.

Вообще, надо отмѣтить роль Костанди въ эти три дня междуцарствія.

Роль его была незавидной. Съ одной стороны онъ былъ ставленникъ генерала Миллера, съ другой — у него не было никакихъ реальныхъ возможностей осуществить свою власть Командующаго Округомъ. Насколько онъ находился подъ подозрѣніемъ, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что всякое телеграфное сообщеніе было для него затруднено. Онъ не могъ и думать сноситься съ отступающими войсками.

Отовсюду, изо всѣхъ окрестныхъ деревень крестьяне привозили арестованныхъ и обобранныхъ ими офицеровъ и «буржуевъ». Административный аппаратъ еще не функціонировалъ. Че-Ки еще не было, и въ большинствѣ случаевъ такія лица въ это время междувластія выпускались на свободу.

Комиссаръ Кузьминъ, встрѣтившись съ полковникомъ Костанди на ст. Обозерской и убѣдившись въ томъ, что дѣйствительно бѣлый фронтъ почти ликвидированъ, началъ быстро двигаться въ Архангельскъ. И уже на третьи сутки послѣ отъѣзда Миллера произошелъ торжественный въѣздъ красныхъ войскъ въ столицу Сѣверной Области. Развѣвались красные флаги. Населеніе, въ большомъ числѣ высыпавшее на встрѣчу, довольно тепло встрѣчало своихъ новыхъ господъ.

Первый періодъ пребыванія большевиковъ въ Архангельскѣ былъ временемъ совершенно несвойственнаго для большевиковъ либерализма. Это въ значительной степени объясняется тѣмъ, что власть была въ рукахъ у комиссара Кузьмина, весьма праваго и культурнаго коммуниста.

Кузьминъ, принципіальный противникъ широкаго и ожесточеннаго террора, придерживался того положенія, что надо особенно бережно обращаться съ военными спецами, иначе говоря, съ бывшими офицерами. Онъ считалъ, что взятыхъ въ плѣнъ офицеровъ не только нельзя разстрѣливать, но къ нимъ надо примѣнить особенно ласковое отношеніе, дабы расположить ихъ въ пользу Совѣтскаго Правительства. Вступивъ въ Архангельскъ, онъ началъ дѣйствовать въ полномъ контактѣ съ полковникомъ Костанди, неоднократно посѣщая послѣдняго въ его квартирѣ. И, хотя офиціально полковникъ Костанди и считался устраненнымъ отъ какой либо должности съ приходомъ красныхъ войскъ въ Архангельскъ, неофиціально — многое дѣлалось по его указаніямъ и совѣтамъ въ этотъ весьма краткій либеральный періодъ.

Большинство изъ взятыхъ въ плѣнъ офицеровъ было выпущено на волю. Такъ, напримѣръ, было со многими офицерами двинскаго фронта. Если не ошибаюсь, то и генералъ Даниловъ былъ въ это время на свободѣ. Только тѣ офицеры, которые были замѣшаны въ разстрѣлахъ большевиковъ, или связаны такъ или иначе съ контръ-развѣдкой, были посажены въ тюрьму. Политикѣ Кузьмина въ отношеніи офицеровъ соотвѣтствовала политика большевиковъ и въ отношеніи гражданскаго населенія. Въ это время не было ни реквизицій, магазины были открыты, свободная торговля процвѣтала. Вселеніе въ квартиры и уплотненіе еще не начались, и принципъ «грабь награбленное» какъ будто отсутствовалъ. Лойяльность совѣтскихъ представителей доходила до того, что неуѣхавшіе члены Правительства М. Федоровъ, доктора Мефодіевъ и Поповъ не были въ этотъ періодъ ни арестованы, ни просто обезпокоены. Съ первыхъ же дней прихода красныхъ войскъ началъ функціонировать реорганизованный городской театръ, директоромъ коего былъ назначенъ артистъ Михаилъ Галацкій.

Оптимисты изъ обывателей, большевиствующіе по своимъ симпатіямъ, злорадствовали надъ тѣмъ, кто боялся красныхъ.

«Видите, разсказывали всякія небылицы про большевиковъ, что они разстрѣливаютъ, притѣсняютъ мирныхъ гражданъ, и что же мы видимъ? Даже ихъ военные враги выпущены ими на свободу».

Мѣстные кооператоры начали уже было строить планы о развитіи полузатихшей ихъ дѣятельности. Однако, попытки отдѣльныхъ гражданъ выѣхать въ Вологду или въ Петроградъ не удались. Кромѣ комиссаровъ и коммунистовъ, правомъ выѣзда никто не пользовался. И тщетно маститый В. Н. Давыдовъ посылалъ телеграммы и обращенія къ Луначарскому и Максиму Горькому съ просьбой выпустить его въ родной Питеръ — его не выпускали. Къ тому же, противъ него было сильное недовольство въ большевистскихъ сферахъ за его

дѣятельность во времена бѣлаго управленія, когда онъ объѣзжалъ фронтъ и говорилъ рѣчи, призывающія къ защитѣ Области.

Но счастливое время очень быстро кончилось. Уже черезъ полторы недѣли, въ началѣ марта прибыла Че-Ка и вскорѣ за ней — уполномоченный особаго отдѣла В. Че-Ка Эйдукъ. Съ перваго же дня прибытія послѣдняго въ Архангельскъ между нимъ и комиссаромъ Кузьминымъ началась ожесточенная внутренняя борьба. Эйдукъ объявилъ общую регистрацію всѣхъ офицерскихъ чиновъ и по особымъ спискамъ большую часть изъ нихъ посадилъ въ тюрьму. Только тѣ оберъ-офицеры и военные чиновники, о которыхъ у Че-Ка не было никакихъ компрометирующихъ свѣдѣній, остались на свободѣ, но и то подлежали еженедѣльной перерегистраціи. Комиссаръ Кузьминъ протестовалъ, — но совершенно безрезультатно. Вмѣстѣ съ тѣмъ начался походъ весьма энергичный на буржуазію, демократію и вообще всѣхъ тѣхъ, кто въ сколь нибудь значительной степени былъ извѣстенъ или замѣшанъ въ сочувствіи или въ соучастіи бѣлымъ. Были арестованы члены бывшаго Правительства Федоровъ, Поповъ и другіе, рядъ кооператоровъ, причемъ Правленія Кооперативовъ были полу-ликвидированы. Начались реквизиціи, борьба со свободной торговлей, всевозможные поборы и налоги: на лишнюю пару вещей, на мѣха, на сапоги и т. д.

Обыски приняли массовый характеръ, происходили въ обстановкѣ грубаго и обиднаго издѣвательства надъ беззащитными гражданами. Населеніе пріуныло, начало прятаться и постепенно понимать смыслъ «пролетарской диктатуры».

Число арестованныхъ въ Архангельской тюрьмѣ достигло внушительныхъ размѣровъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Тюрьма была переполнена сверхъ мѣры и вновь арестованные направлялись въ бывшую богадѣльню, преобразованную въ тюрьму № 2.

Обращеніе съ арестованными было обычно большевистское. Дѣлалось все возможное, чтобы унизить ихъ, какъ можно больше, оскорбить, какъ можно глубже. На нихъ кричали, имъ тыкали, заставляли, особенно людей, извѣстныхъ въ городѣ, возить всякій день отбросы и мусоръ по Архангельскимъ улицамъ. Подъ шумокъ нѣкоторые были разстрѣляны, но все это были еще только первые признаки большевистскаго управленія.

Комиссаръ Кузьминъ, пытавшійся бороться съ Эйдукомъ, терпѣлъ одно пораженіе за другимъ. Послѣдній отправилъ подробный доносъ въ В. Че-Ка Дзержинскому о «соглашательной тактикѣ нашего товарища Кузьмина». Въ этомъ доносѣ указывалось, что «Кузьминъ подпалъ всецѣло подъ вліяніе бѣлогвардейскихъ офицеровъ и что онъ совершенно позабылъ интересы Россійской Пролетарской Власти». Въ результатѣ этого доноса Кузьминъ — объ этомъ онъ съ горечью разсказывалъ Костанди, — получилъ радіотелеграмму отъ самого Ленина:

«Обращаю ваше вниманіе, товарищъ Кузьминъ, на то, что надо тщательно избѣгать возможнаго на васъ вліянія контръ-революціоннаго офицерства. Предлагается координировать вашу дѣятельность съ дѣятельностью уполномоченнаго В. Че-Ка Эйдука».

Вслѣдъ за этимъ былъ нанесенъ и послѣдній ударъ престижу комиссара Кузьмина. Эйдукъ арестовалъ полковника Костанди, который пользовался особымъ покровительствомъ и дружескимъ вниманіемъ со стороны Кузьмина. Полковникъ былъ обвиненъ въ тяжкомъ преступленіи — разстрѣлѣ въ бытность свою Командующимъ Мурманскимъ фронтомъ 9 коммунистовъ. Тщетно онъ доказы-

валъ, что онъ не санкціонировалъ этого разстрѣла, тщетно пытался Кузьминъ за него вступиться, Костанди былъ посаженъ въ тюрьму, въ особенно строгія условія, квартира же его и вещи подверглись расхищенію. Кузьминъ же былъ отозванъ.

Не избѣгли общей участи и немногочисленные иностранцы, оставшіеся въ С. О. Былъ арестованъ Нидерландскій консулъ Смидтъ, потерявшій во время обыска добрую половину своего состоянія, бельгійцы Овенъ, нѣсколько норвежскихъ рыбаковъ.

Къ концу марта Эйдукъ, получившій болѣе высокое назначеніе по Внѣшторгу, покинулъ Архангельскъ. Но покидая его, онъ вмѣстѣ съ немалымъ количествомъ мѣховъ и прочихъ реквизированныхъ у буржуазіи вещей, увезъ съ собою въ Москву 340 наиболѣе отъявленныхъ контръ-революціонеровъ. Среди нихъ было большинство штабъ-офицеровъ взятыхъ въ плѣнъ, члены Правительства — Федоровъ и я, и десятокъ иностранцевъ, а также и неуспѣвшая убѣжать жена генералъ лейтенанта Савича. Офицеры же арестованные въ раіонѣ Мурманскаго фронта, въ томъ числѣ и желѣзнодорожники, были отправлены въ Вологодскую тюрьму непосредственно изъ Онеги.

На смѣну же Эйдуку пріѣхалъ Кедровъ, репутація котораго общеизвѣстна, какъ безпощаднаго палача и изувѣра, который вмѣстѣ съ предсѣдателемъ Архангельской Губчека Балакиревымъ началъ наводить въ Сѣверномъ Краѣ подлинно Совѣтскіе порядки.

И горе было тѣмъ офицерамъ и «буржуямъ», которые не были увезены въ Москву и оказались въ полной власти этого дикаго звѣря.

Разстрѣлы, реквизиціи и безпощадныя преслѣдованія всѣхъ и вся продолжались до тѣхъ поръ, пока не выяснилось, что Кедровъ сумасшедшій. Тогда онъ былъ увезенъ изъ Архангельска.

XVI

Іоханга

При самомъ выходѣ изъ горла Бѣлаго моря на мурманскомъ берегу — бухта. Кругомъ голыя скалы, ни одного деревца. Постоянные неистовые вѣтры. Все это заставляло издавна людей избѣгать этихъ, какъ они называли, проклятыхъ Богомъ мѣстъ. Дѣйствительно, трудно представить себя картину болѣе безотрадной, наводящей свинцовую тоску на душу, чѣмъ Іохангская бухта. Земля здѣсь особенная, скалистая, и даже въ лѣтніе мѣсяцы только слегка отогрѣвается солнцемъ. На сотни верстъ никакого селенія. Единственное сообщеніе съ наружнымъ міромъ путемъ моря. Но въ долгіе зимніе мѣсяцы только изрѣдка заглядываютъ ледоколы, застигнутые бурнымъ восточнымъ вѣтромъ.

Здѣсь никогда не было селенія, да и невозможно оно, по мѣстнымъ климатическимъ и географическимъ условіямъ.

Только морская телеграфная станція, въ которой нѣсколько телеграфистовъ, вѣчно больныхъ и мечтающихъ лишь объ одномъ — уѣхать оттуда.

Несмотря на всю очевидную непригодность Іоханги для человѣческаго жилья, генералъ Миллеръ, въ серединѣ 19-го года, рѣшилъ обосновать здѣсь каторжную

тюрьму для преимущественно политическихъ преступниковъ. Въ короткій срокъ было сюда прислано свыше 1200 человѣкъ. Частью это были осужденные военными судами за большевизмъ, но громадное большинство принадлежало къ такъ называемой рубрикѣ безпокойнаго элемента, то-есть подозрѣваемаго въ большевистскихъ симпатіяхъ и въ оппозиціи Правительству. Эта категорія лицъ была прислана въ административномъ порядкѣ. Не мало было среди высланныхъ и уголовнаго элемента. Несмотря на разнообразіе вины и тягости совершеннаго преступленія всѣ они попали на каторжную тюрьму, ибо хотя Іоханга и не была официально названа каторгой, но весь бытъ жизни арестантовъ, режимъ которому они были подвергнуты соотвѣтствовалъ практиковавшимся на самыхъ суровыхъ Сибирскихъ каторгахъ.

Если бы мнѣ кто нибудь разсказалъ о нравахъ Іоханги, то я бы ему не повѣрилъ. Но видѣнному собственными глазами нельзя не вѣрить.

Арестанты жили въ наскоро сколоченныхъ досчатыхъ баракахъ, которыхъ не было никакой возможности отопить. Температура въ нихъ стояла всегда значительно ниже нуля. Бараки были окружены нѣсколькими рядами проволоки. Прогулки были исключены, да имъ и не благопріятствовала погода. Арестантовъ заставляли дѣлать безполезную, никому ненужную работу, напримѣръ, таскать камни.

Начальникомъ тюрьмы былъ нѣкій Судаковъ, личность безусловно ненормальная. Бывшій начальникъ Нерчинской каторги, онъ, очевидно, оттуда принесъ всѣ свои привычки и навыки. Онъ находилъ какое то особое удовольствіе въ собственноручныхъ избіеніяхъ арестантовъ, для каковой цѣли всегда носилъ съ собою толстую дубину. Помимо всего прочаго, онъ былъ нечистъ на руку. Пользуясь отдаленностью Іоханги отъ Архангельска и тѣмъ, что никакого контроля надъ нимъ не было, онъ самымъ безпощаднымъ образомъ обкрадывалъ арестантовъ на, и безъ того скудномъ, пайкѣ.

Результаты его дѣятельности были на лицо. Объ этомъ говорятъ голыя цифры. Изъ тысячи двухсотъ присланныхъ арестантовъ, 23 были разстрѣляны за предполагаемый побѣгъ и открытое непослушаніе, 310 умерли отъ цынги и тифа, и только около 100 черезъ восемь мѣсяцевъ заключенія остались болѣе или менѣе здоровыми. Остальныхъ, я ихъ видѣлъ, Іохангская каторга превратила въ полуживыхъ людей. Всѣ они были въ сильнѣйшей степени больны цынгой, съ почернѣвшими, раздутыми руками и ногами, множество туберкулезныхъ и какъ массовое явленіе — потеря зубовъ. Это были не люди, а жалкое подобіе ихъ. Они не могли передвигаться безъ посторонней помощи, ихъ съ трудомъ довезли до Мурманскихъ лазаретовъ.

Кто же были по своему соціальному и политическому составу эти несчастные?

Анкета, произведенная Іохангскимъ Совдепомъ уже послѣ паденія Области, показываетъ, что только 20 изъ нихъ принадлежало или, во всякомъ случаѣ, считало себя коммунистами. Остальные, это были безпартійные, причемъ вначалѣ, когда они попали въ тюрьму, сочувствующихъ большевизму было среди нихъ только 180, число коихъ постепенно возрастало и, ко времени къ которому относится нашъ пріѣздъ на Іохангу, всѣ, за исключеніемъ 10, считали себя большевиками.

Когда пришло радіо комиссара Петрова, что Правительство С. О. уѣхало на ледоколѣ, то немедленно въ тотъ же день, это было 21-го февраля, произошелъ переворотъ и на Іохангѣ.

Судаковъ былъ арестованъ и избитъ. Также были арестованы большинство изъ охранявшихъ арестантовъ надзирателей, а также нѣкоторые провокаторы-предатели изъ числа арестантовъ, шпіонившихъ Судакову, и списокъ коихъ былъ найденъ у послѣдняго.

Произведя переворотъ и захвативъ власть въ свои руки, іохангцы организовали Совдепъ, предсѣдателемъ котораго избрали Бечина, а товарищемъ предсѣдателя Клюева и Цейтлина. Послѣ этого стали дожидаться случая: прихода ледокола, чтобы перебраться всѣмъ на Мурманскъ.

Первымъ такимъ ледоколомъ, пришедшимъ послѣ долгихъ мѣсяцевъ перерыва въ Іохангскую бухту былъ «Русановъ», на которомъ находился и я.

О настроеніи іохангцевъ можно не говорить. Они были полны безумнаго, слѣпого гнѣва противъ бѣлогвардейцевъ. Ненавидѣли Сѣверное Правительство и генерала Миллера, которыхъ въ одинаковой степени считали виновниками ихъ страданій, гибели ихъ товарищей, и были полны одной только мыслью, однимъ желаніемъ отомстить бѣлымъ.

Достойно удивленія, почему ими не былъ убитъ начальникъ тюрьмы Судаковъ, который былъ ими особенно ненавидимъ. Это было сдѣлано исключительно подъ вліяніемъ Бечина, который убѣдилъ своихъ товарищей отложить казнь Судакова до Мурманска.

«Надо по суду» — такова была точка зрѣнія Бечина.

О томъ что на «Русановѣ» ѣдетъ задержанный «министръ» — объ этомъ іохангцы были освѣдомлены изъ радіо комиссара Николаева. Лишь «Русановъ» вошелъ въ бухту, ему навстрѣчу вышелъ катеръ наполненный вооруженными людьми. На мачтѣ катера висѣлъ небольшой лоскутокъ красной матеріи.

Іохангцы поднялись на бортъ парохода и множество голосовъ — я это слышалъ изъ своей каюты, другъ друга перебивая спрашивало:

«Гдѣ бѣлые? Гдѣ министръ? Гдѣ бѣлый министръ?»

Человѣкъ двадцать вошло ко мнѣ и грубо, не скрывая своей враждебности, обыскали, отняли револьверы у меня и у Новикова и потащили насъ на катеръ.

Дулъ нестерпимый восточный вѣтеръ. Насъ заставили стоять на открытой площадкѣ катера и этотъ короткій переѣздъ, пятнадцати-минутный, показался намъ вѣчностью.

По унылой скалистой дорогѣ, по краямъ которой нерѣдко попадались деревянные кресты — могилы умершихъ іохангцевъ, насъ повели въ Совдепъ.

Быстро небольшая комната Совдепа наполнилась множествомъ людей. Всѣ они окружили насъ и возмущенно, взволнованно говорили о своей участи. Во всемъ они обвиняли Правительство и считали меня отвѣтственнымъ за ими испытанное:

Больные, съ угрозой подносили къ моему лицу распухшія руки...

Кричали о погибшихъ товарищахъ.

Все энергичнѣе раздавались крики: «Надо съ нимъ покончить».

Бечинъ старался успокоить взволнованныхъ іохангцевъ и добился только того, что они согласились отложить самосудъ, или, вѣрнѣе, «революціонный судъ» надо мною до утра.

Послѣ этого насъ еще разъ тщательно обыскали и здѣсь, найденные ими у меня корреспондентскіе удостовѣренія сослужили мнѣ службу.

Президіумъ Совдепа рѣшилъ запросить комиссара Кузьмина: разрѣшаетъ ли онъ революціонный судъ надо мною?

Между тѣмъ, насъ отвели въ карцеръ, небольшую холодную комнату, и здѣсь мы провели тяжелую, безсонную ночь. Въ сосѣдней караулкѣ солдаты, насъ охранявшіе, вели несмолкаемые разговоры на ту тему, что:

«Завтра утромъ ихъ будутъ разстрѣливать».

«Кому достанутся сапоги, что на министрѣ?»

«Какъ, молъ, жаль, что попалось только двое бѣлыхъ».

Въ шесть часовъ утра насъ повели, окруживъ усиленнымъ конвоемъ. Мы были убѣждены, что ведутъ насъ разстрѣливать. Да этого и не скрывали сопровождавшіе насъ солдаты. Конвойные были настроены очень миролюбиво. Угощали насъ папиросами и убѣждали насъ, «что бѣлые, что красные — все одно». Эти конвойные были изъ плѣнныхъ красноармейцевъ.

Насъ подвели къ маленькому полуразрушенному дому, приткнувшемуся къ большой голой скалѣ.

«Сейчасъ кончимъ, господа, сказалъ любезно старшій конвоиръ . . .»

Но мы простояли у скалы еще полъ часа. На жестокомъ полярномъ морозѣ. Намъ было такъ холодно и мы такъ замерзли, что основнымъ нашимъ чувствомъ было безразличіе.

Наконецъ, пришелъ Бечинъ и сообщилъ намъ, что:

«Пришло распоряженіе изъ Архангельска отправить насъ пока въ Мурманскъ, а потомъ при удобной оказіи обратно въ Архангельскъ».

«На расправу», прибавилъ онъ немного зло.

Насъ снова повели на пристань — полуразрушенную старую барку. Здѣсь къ намъ присоединили группу арестованныхъ іохангцами, смѣшавъ во едино съ Судаковымъ, тюремными надзирателями и предателями.

Отнынѣ мы не имѣли другого названія, другихъ эпитетовъ, какъ:

«Собаки — предатели».

Въ этой разношерстной компаніи насъ повезли на ледоколъ. Здѣсь все уже было полно больными и здоровыми іохангцами.

При видѣ насъ поднялся нечеловѣческій вой, дикіе крики:

«Собака Судаковъ, вотъ онъ, вотъ онъ».

Толпа схватила Судакова и стала его избивать. Удары посыпались и на другихъ нашихъ сосѣдей. Только вмѣшательствомъ Президіума Совѣта всѣ мы, въ томъ числѣ и Судаковъ, были спасены отъ разъяренной толпы и уведены въ трюмъ.

Но верхняя крышка трюма не была закрыта и весь двухдневный путь до Мурманска наверху толпились іохангцы и угрожали немедленной расправой намъ, беззащитнымъ ихъ плѣнникамъ.

Впечатлѣнія этихъ дней трудно передать въ короткихъ строкахъ настоящей главы. Все происходившее со мною, съ нами, казалось мнѣ чѣмъ то нереальнымъ, до того нелѣпо было все это. Высадка генераломъ Миллеромъ меня на «Русановъ», артиллерійскій бой во льдахъ, тюлени и наконецъ іохангская каторга. И на ряду съ этимъ — нестерпимое чувство голода.

Вспоминая теперь Іохангскую каторгу, я не могу мыслить ее реальностью. И самый фактъ ея существованія въ Сѣверной Области кажется мнѣ логическимъ недоразумѣніемъ, порожденнымъ узостью и крайней нетерпимостью отвѣтственныхъ руководителей Сѣверной Области.

XVII

На Мурманскѣ. Че-Ка. Въ угольной ямѣ

На Мурманской пристани нашъ ледоколъ поджидала огромная толпа: собрался весь городъ. Здѣсь былъ въ полномъ составѣ красноармейскій полкъ, портовые рабочіе и просто обыватели. Всѣ пришли встрѣчать освобожденныхъ Іохангцевъ.

Множество красныхъ флаговъ, оркестръ музыки, пѣніе Интернаціонала.

Послѣ всѣхъ вывели и насъ, арестованныхъ.

Снова проклятія, угрозы, дикіе вопли. Потомъ повели черезъ весь Мурманскъ. Этотъ путь былъ нашей Голгоѳой.

Толпа, возмущенная видомъ обезображенныхъ Іохангцевъ, требовала немедленнаго самосуда надъ виновниками страданій этихъ послѣднихъ.

Предметомъ особеннаго гнѣва толпы были Судаковъ и нѣкоторые надзиратели бывшей тюрьмы. Весь путь толпа старалась расправиться съ Судаковымъ по своему и этому мѣшали только часовые, насъ сопровождавшіе. Но иногда, когда энергія послѣднихъ ослабѣвала, казалось, вотъ вотъ Судаковъ и мы всѣ будемъ уничтожены толпой.

Уничтожены и разорваны, въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Всякій изъ толпы считалъ своимъ долгомъ, своею прямою обязанностью бросить въ насъ камнемъ, палкой или кускомъ льда. И снова, больше всего ударовъ доставалось на долю бывшаго начальника Іохангской тюрьмы.

. . . . . .

Наконецъ, насъ привели къ низкому деревянному зданію — тюрьмѣ.

Здѣсь, послѣ тщательнаго обыска и избіенія нѣкоторыхъ изъ бывшихъ между нами партизановъ, насъ ввели въ общую камеру. Въ помѣщеніи, едва ли предназначенномъ больше чѣмъ на двадцать человѣкъ, мы нашли около сотни раньше насъ арестованныхъ. Въ этой камерѣ была вся высшая администрація Мурманскаго Края, арестованная въ первые же дни переворота. Между ними былъ начальникъ Края Ермоловъ, сенаторъ Виноградскій, много военныхъ, а также и рядъ мѣстныхъ интеллигентовъ.

Всѣ они сидѣли здѣсь уже около мѣсяца, дожидаясь своей участи. Нѣкоторые изъ нихъ были полны ни на чемъ не основаннымъ оптимизмомъ. Такъ, напримѣръ, Ермоловъ и Виноградскій думали, что ихъ скоро выпустятъ — они въ числѣ первыхъ были разстрѣляны Кедровымъ.

Помимо скученности нашей камеры, плохого питанія, было организованное и тщательно продуманное издѣвательство. Всѣхъ насъ заставляли въ центрѣ города производить самую грязную и утомительную работу. Чистить отхожія мѣста, пилить огромныя бревна, при чемъ на это собирался весь большевистскій городъ. Стараго полковника Н. заставляли нести огромные ящики со снарядами, а когда онъ изнемогая падалъ, то его подбадривали ударами палокъ. И все это при одобрительномъ хохотѣ многочисленныхъ зрителей.

«А, бѣлогвардейцы, ѣздили на нашей шеѣ, теперь и мы поѣздимъ!!»

«Ишь, какіе бѣлолицые!»

Особенно неистовствовалъ комиссаръ Мурманской Че-Ка молодой коммунистъ. Его репутація была весьма сомнительной, даже въ большевистскихъ кругахъ. Его считали нечистымъ на руку, разсказывали о томъ, какъ онъ безстѣнчиво и развязно грабилъ арестованныхъ. Я въ этомъ убѣдился воочію.

При обыскѣ онъ замѣтилъ у меня запонки, простыя, позолоченныя.

«Золотыя?»

«Нѣтъ», отвѣчаю.

«Врешь небось?»

Я пожалъ плечами. Онъ началъ разглядывать эти запонки и послѣ нѣкотораго раздумья положилъ ихъ себѣ въ карманъ, прибавивъ:

«Пригодятся».

У Новикова онъ нашелъ серебряный портсигаръ и, ни слова не говоря, спряталъ его къ себѣ. Новиковъ вздумалъ было возмущаться, просить росписку въ отобраніи портсигара, но угрожающій окрикъ:

«Поговори еще» — заставилъ его примириться съ этимъ столь явнымъ грабежомъ.

Вечеромъ, въ первый же день нашего пребыванія въ Мурманской тюрьмѣ онъ пришелъ въ камеру и здѣсь обратилъ вниманіе на мои высокіе сапоги.

Это были обыкновенные русскіе военнаго образца сапоги.

«Скидывай».

«Я остолбенѣлъ отъ этого окрика и этого приказанія, дикаго даже при всей существующей большевистской обстановкѣ. Я рѣшительно отказался подчиниться этому требованію. Комиссаръ вызвалъ четырехъ караульныхъ и сапоги были съ меня насильно сняты.

Нѣсколько дней я ходилъ на обязательную рубку дровъ въ городъ босикомъ. На мое счастье въ это время была незначительная оттепель.

По разсказамъ Ермолова и другихъ администраторовъ Мурманскаго Края, переворотъ въ Мурманскѣ представляется происшедшимъ слѣдующимъ образомъ:

Уже 20-го февраля стало извѣстно о бѣгствѣ генерала Миллера и тотчасъ же группы портовыхъ рабочихъ начали собираться около дома Начальника Края. Попытка вооруженнаго разгона толпы оказалась безрезультатной и чреватой послѣдствіями. Полковникъ Д-скій, давшій распоряженіе стрѣлять по толпѣ, былъ звѣрски убитъ. Нѣсколько человѣкъ изъ стражи было ранено. Толпа безпрепятственно завладѣла городомъ и встрѣтила сопротивленіе только среди офицеровъ миноносца, находившагося въ Мурманскомъ порту. Въ результатѣ этого столкновенія шесть морскихъ офицеровъ покончило самоубійствомъ. Мало кто изъ администраціи или офицерскаго состава успѣлъ скрыться. Въ числѣ этихъ рѣдкихъ счастливцевъ былъ, какъ я говорилъ выше, и докторъ Бѣлелюбскій. Полковникъ Соколовскій былъ арестованъ почти на самой границѣ Финляндіи и жестоко избитъ комиссаромъ Че-Ка. Впослѣдствіи, по слухамъ, онъ былъ тоже разстрѣлянъ. Находившіеся на Мурманскѣ иностранцы успѣли въ большей своей части уѣхать на пароходѣ «Ломоносовъ». Отрядъ же датчанъ въ количествѣ 60 человѣкъ подвергся общей участи и принужденъ былъ капитулировать передъ большевиками. Но послѣ того какъ эти датчане признали Совѣтскую власть, они не только были оставлены на свободѣ, но имъ было возвращено ихъ оружіе. Вскорѣ они были отправлены за границу. Говорятъ, столь милостивое къ нимъ отношеніе было продиктовано изъ Москвы.

Изъ этого краткаго описанія видно, что власть въ Мурманскѣ оказалась еще болѣе безпомощной, чѣмъ въ Архангельскѣ. Вполнѣ естественно, что генералъ Скобельцынъ, узнавъ о происшедшемъ въ тылу у него возстаніи, закончившемся переходомъ власти къ мѣстнымъ большевикамъ, счелъ за наиболѣе благоразумное, не дожидаясь развитія дальнѣйшихъ событій, отойти въ Финляндію. Тѣмъ

болѣе, что онъ не былъ информированъ ни о мѣстѣ нахожденія Штаба Главнокомандующаго, ни о судьбѣ войскъ Архангельскаго фронта.

Къ серединѣ марта, времени когда я былъ привезенъ въ Мурманскъ, туда уже прибыли красныя войска и ожидался со дня на день комиссаръ Кедровъ. А въ ожиданіи его пріѣзда безраздѣльно царила Чрезвычайная Комиссія. Она, въ полномъ смыслѣ этого слова, неистовствовала и ей была чужда и тѣнь либерализма, которымъ до извѣстной степени щеголялъ Архангельскъ.

Вся рѣшительно интеллигенція безъ единаго исключенія была арестована. Правда, что она была немногочисленной въ этомъ заброшенномъ городѣ. Офицеры, инженеры и учителя, врачи, конторщики — всѣ, кто хоть мало мальски претендовалъ на интеллигентность и не былъ большевикомъ, попалъ въ тюрьму, причемъ его имущество было разграблено или конфисковано. Повидимому, можно утверждать, что сильнѣе всего въ Области пострадалъ отъ большевиковъ и больше всего было жертвъ ихъ насилія — въ Мурманскѣ.

На третій день моего пребыванія въ Мурманской тюрьмѣ, подъ вечеръ, были впущены въ нашу камеру два датчанина. Одинъ, чрезвычайно изящный офицеръ и другой — солдатъ, видимо, его деньщикъ. Имъ разрѣшили взять съ собою кожаные саквояжи и всѣ необходимыя для европейца вещи. На фонѣ нашей камеры казались такими странными эти два европейца, принесшіе съ собою несессеры, кофейники, будильникъ и неотобранныя деньги.

Офицеръ, говорившій немного по французски, объяснилъ мнѣ, что онъ повздорилъ съ комиссаромъ по вопросу объ уменьшеніи пайка для его солдатъ. Онъ былъ увѣренъ, что его должны завтра же выпустить, и эта его надежда осуществилась. На другой же день онъ покинулъ нашу камеру.

Но ночь, проведенная имъ въ тюрьмѣ, оставила въ немъ большое впечатлѣніе.

Двое партизановъ были вызваны въ коридоръ. Они не хотѣли идти, ихъ вытащили, избили, и тутъ же въ коридорѣ разстрѣляли. Но главное мученіе, какъ мнѣ говорилъ датчанинъ, онъ испытывалъ отъ дѣйствительно антигигіеническихъ условій, въ которыхъ мы находились. Мы всѣ спали на грязномъ полу. Изобиліе паразитовъ. Невыносимо спертый воздухъ, запахъ параши — показались датчанину чѣмъ то чудовищнымъ. Онъ былъ журналистомъ, корреспондентомъ большой Копенгагенской газеты и пріѣхалъ на Мурманскъ въ погонѣ за сенсаціями. Вѣроятно, онъ ихъ получилъ.

Но я воспользовался его кратковременнымъ пребываніемъ въ камерѣ и подробно его информировалъ о послѣднихъ дняхъ С. О. Вѣроятно, ему я обязанъ тѣмъ, что о моей судьбѣ стало извѣстно въ Норвегіи и во Франціи — въ результатѣ чего состоялась интервенція въ мою судьбу со стороны Международнаго Краснаго Креста, Брантинга и французской прессы. Комиссаръ В. Че-Ка Могилевскій показывалъ мнѣ впослѣдствіи въ Москвѣ телеграммы просящія Совѣтское правительство объ облегченіи моей участи.

На седьмой день пребыванія нашего въ Мурманской тюрьмѣ мы, то-есть всѣ арестованные на Іохангѣ, Новиковъ и я были вызваны изъ камеры, еще разъ обысканы и затѣмъ насъ заставили подъ угрозой разстрѣла бѣжать черезъ Мурманскъ на пристань. Почему заставили насъ бѣжать — повидимому, это была одна изъ формъ большевистскаго издѣвательства. Мы бѣжали по скользкому,

оледенѣлому снѣгу, боясь больше всего оступиться и упасть. Одинъ изъ нашей партіи, пожилой больной мужичекъ, не выдержавшій быстраго бѣга и поскользнувшійся, былъ заколотъ штыками сопровождавшаго насъ конвоя.

Мы снова на ледоколѣ. Снова неизмѣнное избіеніе Судакова и крики, и ругань комиссаровъ. Но на этотъ разъ намъ была пріуготовлена новая форма пытки. Всѣ мы, въ количествѣ около 30-ти человѣкъ, были посажены въ угольную яму. Узкая, длинная, насквозь пропитанная черной липкой пылью — таково было наше новое мѣстонахожденіе. Разъ въ день намъ сбрасывали внизъ хлѣбъ и спускали небольшое количество воды. Особенно гнетущее впечатлѣніе въ этой обстановкѣ — производили наши спутники, ибо были они — въ большинствѣ своемъ — отбросы общества, давнишніе и закоренѣлые преступники. И, хотя всѣ мы были нищими и ни у кого изъ насъ не было ничего съ собою цѣннаго, это не мѣшало тому, что подъ покровомъ темноты угольной ямы процвѣтало воровство. Явленіемъ неизбѣжнымъ были также ежедневныя драки изъ за бросаемой внизъ порціи хлѣба. Отъ недоѣданія и холода двое изъ нашей партіи умерло, но тщетно мы просили убрать мертвецовъ, ихъ убирать не хотѣли и нѣсколько дней ѣхали трупы вмѣстѣ съ нами въ угольной ямѣ.

Въ Архангельскѣ опять повторилась прежняя исторія, снова огромная большевистская толпа, на этотъ разъ на вокзалѣ, сочувствующая больнымъ Іоханнцамъ и враждебная намъ. Снова избіеніе Судакова и угрозы расправиться со всѣми нами судомъ Линча. Но меня еще до того отдѣлили отъ всѣхъ, въ томъ числѣ и отъ Новикова, и со спеціальной стражей отправили въ Особый отдѣлъ Архангельской Че-Ка.

XVIII

Въ Москву

Архангельскіе чекисты обращались со мною вѣжливо. Не кричали на меня, не угрожали революціоннымъ судомъ и не снимали съ меня сапогъ. Получивъ распоряженіе объ отправкѣ меня въ Москву и убѣдившись въ моей безповоротной и неискоренимой контръ-революціонности, они оставили меня въ покоѣ. Я былъ посаженъ въ маленькую камеру — комнату при Особомъ отдѣлѣ, и нѣсколькимъ красноармейцамъ было поручено меня охранять. Послѣдніе все время играли въ «три листка», спорили о томъ, когда ихъ отпустятъ домой и приносили новости изъ архангельской жизни. Это время было расцѣтомъ дѣятельности Эйдука. Лихорадочно шли по всему городу обыски и аресты, ежедневно приводили въ Че-Ка толпы арестованныхъ, и не было другихъ разговоровъ у комиссаровъ и его помощниковъ, какъ на тему о томъ, что «товарищу Балакиреву удалось реквизнуть партію иностранной валюты», «а что товарищу Эйдуку посчастливилось найти у одного буржуя цѣлыхъ десять шкуръ голубого песца». Создавалось такое впечатлѣніе, что шла борьба отнюдь не съ контръ-революціей или съ буржуазіей, а самая настоящая погоня за цѣнными вещами. Неоднократно имѣли случаи аресты лицъ только потому, что предполагалось у нихъ «поживиться». Я съ совершеннѣйшимъ удивленіемъ черпалъ отъ моихъ конвоировъ

закулисныя тайны Чрезвычайной Комиссіи. Многому я не вѣрилъ и уже только въ Москвѣ убѣдился, что нравы и обычаи Че-Ки всюду по всей Россіи одни и тѣ же и что они дѣйствительно зиждутся на особомъ принципѣ — «грабь — награбленное».

Однажды, въ мою камеру, это было ночью, былъ введенъ пожилой интеллигентнаго вида господинъ. Въ совершенномъ отупѣніи онъ бухнулся въ уголъ, прямо на полъ, и просидѣлъ молча нѣсколько часовъ. Когда онъ обрѣлъ способность рѣчи, то на плохомъ русскомъ языкѣ онъ мнѣ объяснилъ что онъ, голандскій консулъ Смидтъ, былъ неожиданно вечеромъ арестованъ, при чемъ всѣ его деньги, золотыя вещи и мѣха были у него отобраны. Все, что онъ скопилъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, все это подверглось реквизиціи. За что? Онъ этого не понималъ. Голандія страна нейтральная, въ войнѣ съ большевиками не была и вмѣстѣ съ тѣмъ его обвиняютъ чуть ли не въ заговорѣ, въ покушеніи на интервенцію въ дѣла Совѣтской Республики и грозятъ разстрѣломъ. Онъ показался мнѣ невмѣняемымъ и дѣйствительно нѣсколько дней спустя, уже въ поѣздѣ онъ покушался на самоубійство. Мнѣ удалось его немного успокоить и доказать, что онъ долженъ быть скоро освобожденъ. Дѣйствительно, онъ былъ освобожденъ, но послѣ того, какъ мы съ нимъ просидѣли не одинъ день въ тюрьмѣ Особаго Отдѣла въ Москвѣ. Его выпустили, передъ нимъ извинился самъ Караханъ, но иностранная валюта ему не была возвращена, ибо, какъ ему объявили, «по закону Совѣтской Республики» иностранная валюта не можетъ быть въ обращеніи частныхъ лицъ.

Случаями, подобными только что мною описаннымъ, полна лѣтопись города Архангельска. Въ лучшемъ случаѣ: арестъ, реквизиція всего цѣннаго, реквизиція безъ описи и протокола, а затѣмъ освобожденіе и извиненія.

Въ худшемъ же случаѣ послѣ ареста и реквизиціи обвиненіе въ контръреволюціонности и разстрѣлъ, продиктованный желаніемъ комиссаровъ пограбить.

25-го марта мнѣ, а также находившимся въ Особомъ Отдѣлѣ иностранцамъ велѣли собираться въ путь. Мои сборы были не долги. Все мое имущество заключалось въ эмалированной кружкѣ, подаренной мнѣ однимъ изъ моихъ бывшихъ санитаровъ, и смѣны бѣлья, присланной фельдшеромъ моего отряда, узнавшимъ о моихъ злоключеніяхъ.

Противъ дома Че-Ка были собраны всѣ тѣ, которые отправлялись въ Москву. 320 офицеровъ, около 20-ти иностранцевъ, члены Правительства С. О. — М. Федоровъ и я, и, наконецъ, несчастная жена генерала Савича, арестованная недалеко отъ Онеги, при попыткѣ уѣхать въ Финляндію. Среди офицеровъ были генералъ Даниловъ и полковникъ Костанди.

Окруживъ насъ сплошнымъ кольцомъ часовыхъ, насъ повели на вокзалъ и здѣсь размѣстили весьма скученно въ теплушки и вагоны поѣзда, который везъ Эйдука въ Москву.

Нѣсколько дней пути! Несмолкаемые разговоры и споры о томъ, почему пала С. О., почему такъ печальна наша участь, разговоры, къ которымъ примѣшивалось плохо скрытое ощущеніе, что въ это время въ эти самые дни «наши военные вожди» въ Парижѣ или въ Лондонѣ, находятся въ культурнѣйшихъ условіяхъ и отнюдь не подвергаются ежеминутнымъ и ежесекуднымъ оскорбленіямъ и издѣвательствамъ.

Позади — мѣсяцы фронтовой жизни. Мѣсяцы испытаній.

А впереди полнѣйшая неизвѣстность.

Одни говорятъ — «Везутъ, чтобы освободить». Другіе — ждутъ разстрѣла, а третьи — ничего не ожидаютъ, уставъ отъ прошлаго и не желая будущаго.

Многіе изъ этихъ офицеровъ разстрѣляны, къ сожалѣнію, точно не извѣстны ни имена погибшихъ, ни имена живыхъ. Ибо ихъ, привезя въ Москву, посадили въ Бутырскую тюрьму, въ условія сугубо строгія, и здѣсь ихъ начали сортировать, направляя однихъ на Польскій фронтъ, другихъ обратно въ распоряженіе Архангельской Че-Ка.

Меня въ Москвѣ вмѣстѣ съ Федоровымъ и консуломъ Смидтомъ отдѣлили отъ остальныхъ арестованныхъ и отправили подъ усиленнымъ конвоемъ въ Особый Отдѣлъ В. Че-Ка. И только впослѣдствіи я былъ переведенъ въ Бутырскую тюрьму, гдѣ и встрѣтился вновь съ Сѣверными офицерами.

Но этотъ періодъ моей жизни не принадлежитъ уже Сѣверной Области и лишь нитями неизбѣжной причинности связанъ съ моимъ пребываніемъ на Сѣверномъ фронтѣ.

* *
*

Нужны ли обобщенія?

Я думаю, что нѣтъ.

Всякое обобщеніе, всякій синтезъ претендуетъ на «истину», на непреложность. Мой же разсказъ есть только повѣствованіе, вѣроятно, не лишенное субъективности, о томъ — чему я былъ свидѣтелемъ въ Сѣверной Области.

Этотъ разсказъ есть не больше, чѣмъ сырой матеріалъ, которымъ въ свое время сможетъ воспользоваться историкъ, который будетъ описывать годы «Великой Россійской Разрухи и гражданской войны».

Воспоминанія о революціи въ Закавказьи

(1917—1920 г. г.)

Б. Байкова

Русская революція 1917 года, этапы ея развитія въ Закавказьи и тѣ историческія событія, которыя привели Закавказье къ отдѣленію его отъ Россіи, отъ своего центра, и къ созданію цѣлаго ряда «суверенныхъ» республикъ, требуютъ подробнаго освѣщенія. Попытки въ этомъ направленіи уже были сдѣланы (Б. Ишханянъ, В. Станкевичъ и др.). Но нельзя не сказать, что всѣ эти попытки не даютъ должнаго исчерпывающаго освѣщенія всей этой эпохи, ибо или еще не наступилъ для серьезнаго историческаго изслѣдованія надлежащій моментъ, а потому никакая работа, какъ, напримѣръ, В. Станкевича («Судьбы народовъ Россіи»), основанная на информаціи весьма не точной и, подчасъ, прямо невѣрной, въ данномъ случаѣ не только ничего не освѣщаетъ, но даетъ результаты обратные; или же оцѣнка событій, изложенныхъ весьма подробно, страдаетъ крайней односторонностью въ силу рѣзко-національной точки зрѣнія самого автора, какъ въ работѣ Б. Ишханяна*.

Я совершенно не претендую въ этихъ моихъ «Воспоминаніяхъ» дать исчерпывающій отчетъ о событіяхъ, наблюдать которыя мнѣ пришлось или въ которыхъ приходилось играть ту или другую роль. Единственный смыслъ и цѣнность, которые я вижу въ человѣческихъ документахъ, подобныхъ настоящему, — послужить однимъ изъ матеріаловъ въ ряду другихъ для будущаго историка, который подведетъ пережитому нами, современниками, соотвѣтствующіе историческіе итоги.

Я не претендую въ этихъ запискахъ ни на какую полноту, тѣмъ болѣе, что въ качествѣ эмигранта я лишенъ возможности использовать тотъ богатый матеріалъ, который именно за описываемый мною періодъ былъ мною уже собранъ и который мнѣ при моемъ бѣгствѣ отъ большевиковъ пришлось частью вовсе бросить на мѣстѣ, а частью уничтожить впослѣдствіи по цѣлому ряду причинъ.

Проживъ съ 1890 года въ Закавказьи и, въ частности, въ Баку съ 1895 года, я въ концѣ іюля 1919 года былъ вынужденъ выѣхать изъ Баку, такъ какъ атмосфера жизни въ Баку для русскаго человѣка стала почти невыносимой; въ сентябрѣ 1919 года состоялось обо мнѣ распоряженіе правительства Азербайджанской республики о томъ, что я почитаюсь «изгнаннымъ навсегда

* «Къ исторіи контръ-революціи въ Закавказьи»; точнаго заглавія этой брошюры сейчасъ не помню и подъ руками не имѣю экземпляра ея.

изъ предѣловъ Азербайджана», а все имущество мое было объявлено подлежащимъ конфискаціи; вернуться въ Баку я уже не могъ, я потерялъ съ нимъ окончательную связь и потерялъ все мною накопленное за время революціи — сборники газетъ, копіи резолюцій, доклады и много другого цѣннаго матеріала. Все-же, что я вывезъ и скопилъ въ дальнѣйшемъ, пришлось цѣликомъ уничтожить въ тотъ періодъ (май — октябрь 1920 года), когда мнѣ пришлось, скрываясь отъ большевиковъ, прожить въ занятой большевиками Сѣверной Персіи, изъ опасенія выдать себя при какомъ либо обыскѣ.

Осенью 1919 года, въ Ростовѣ на Дону мнѣ пришлось видѣть въ Отдѣлѣ Пропаганды при Добровольческой Арміи двѣ прекрасныя работы, предполагавшіяся къ напечатанію. Одна изъ нихъ — «Грузія» принадлежитъ перу Ю. Ф. Семенова (нынѣ секретаря Россійскаго Національнаго Союза и Комитета въ Парижѣ) и другая — «Азербайджанъ» — коллективный трудъ членовъ Бакинскаго Русскаго Національнаго Комитета (о коемъ мнѣ придется въ дальнѣйшемъ много говорить).

Что сталось съ этими двумя обстоятельными трудами — не знаю, но, видимо, они погибли, какъ и многое при крушеніи Добровольческой Арміи и ея учрежденій.

Долженъ отмѣтить одну подробность: тѣ чисто хаотическія обстоятельства, которыя переживало Закавказье съ конца 1917 года, создавали подчасъ такое положеніе, что, живя, напримѣръ, въ Баку, мы не знали о томъ, что дѣлается въ ближайшихъ къ нему Елизаветполѣ, съ одной стороны, и Петровскѣ и Дербентѣ, съ другой стороны, не говоря уже о Тифлисѣ, Батумѣ, Владикавказѣ, Ростовѣ на Дону и Екатеринодарѣ.

I

Тотъ историческій процессъ, который многими именуется «Великой Россійской Революціей», а другими — второй Россійской «смутой», Закавказье переживало во многомъ иначе, чѣмъ центръ Россіи или даже другія ея окраины, и это различіе вызвано было рядомъ самостоятельныхъ факторовъ.

Закавказье, прежде всего, представляло собою ближайшій тылъ одного изъ русскихъ фронтовъ въ Великой войнѣ 1914—1918 гг. и, притомъ, тылъ этотъ былъ настолько близокъ къ фронту, что, удайся въ декабрѣ 1914 года Халилу-Пашѣ прорывъ нашего фронта (Кавказскаго) у Сарыкамыша, Закавказью угрожало бы непосредственное вторженіе турецкой арміи.

Далѣе, въ то время, когда осенью 1917 года уже не существовало ни русско-германскаго, ни русско-австрійскаго фронтовъ, Кавказскій фронтъ существовалъ еще до конца года. Въ 1918 году Закавказье сдѣлалось ареной продолжавшейся еще Великой войны, и турецкія и германскія войска разсчитывали черезъ Закавказье нанести ударъ Антантѣ и, въ частности, англичанамъ на Мессопотамскомъ фронтѣ.

Провозглашенные революціей лозунги — «самоопредѣленіе народностей» и всяческія «свободы» въ Закавказьи нашли чисто-специфическую почву.

Рядъ населяющихъ Закавказье народностей, отличающихся языкомъ, вѣрованіями, нравами и степенью культуры, связанныхъ до того не столько цементирующимъ вліяніемъ болѣе высокой культуры русской, сколько давленіемъ силы центральной русской власти, съ паденіемъ послѣдней, проявили столько

шовинизма въ отношеніяхъ взаимныхъ, что попытки трехъ главныхъ народностей Закавказья — татаръ, армянъ и грузинъ — удержаться на какой либо общей политической платформѣ и договориться до федераціи привели ихъ весьма скоро (къ веснѣ 1918 года) къ объявленію ими ихъ національной независимости, а затѣмъ и къ провозглашенію «суверенитета» каждой изъ этихъ трехъ новообразовавшихся «республикъ» и полному отдѣленію ихъ отъ Россіи.

Національный антагонизмъ упомянутыхъ трехъ народностей въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу, имѣвшій уже свои серьезные корни въ прошломъ (армяно-татарскія столкновенія 1905—1906 гг., традиціонное соперничество экономическое и вообще взаимная нелюбовь грузинъ и армянъ), былъ одной изъ главныхъ причинъ, что, еще задолго до прихода (въ 1920 году) большевиковъ въ Закавказье, уже полилась тамъ кровь во время взаимныхъ столкновеній татаръ и армянъ, армянъ и грузинъ.

И, наконецъ, естественныя богатства края и, въ особенности, нѣкоторыхъ изъ его частей сыграли также немаловажную роль въ будущихъ судьбахъ Закавказья.

Нѣмцы и турки въ 1918 году грабили Закавказье: первые — Грузію, вторые — богатый Азербайджанъ (г. г. Баку и Елизаветполь).

Союзники, выгнавъ и тѣхъ, и другихъ, съ первыхъ уже шаговъ своихъ въ краѣ поняли, что овладѣніе имъ и внѣдреніе въ немъ своего вліянія можетъ дать имъ реальную пользу. Въ особенности зарились на Закавказье англичане, игравшіе первую скрипку, и итальянцы. И чѣмъ болѣе выяснялось ослабленіе Россіи, тѣмъ болѣе распоясывались иностранцы, причемъ та политика, которую они проводили въ Закавказьи, не только явно клонилась къ ущербу недавней ихъ союзницы Россіи, принесшей колоссальныя жертвы въ общей борьбѣ противъ Германіи, но рѣзко противорѣчила и интересамъ самихъ народностей Закавказья.

Отсутствіе какого бы то ни было государственнаго навыка въ дѣлѣ управленія (въ Закавказьи не было даже земствъ); полное неумѣніе выдвинувшихся и ставшихъ у власти людей изъ представителей туземнаго населенія наладить финансы въ своихъ микроскопическихъ «суверенныхъ» государствахъ; непомѣрное національное самолюбіе каждой изъ этихъ республикъ, поминутно приводившее ихъ къ взаимнымъ столкновеніямъ и даже войнамъ (Грузіи съ Арменіей, Азербайджана съ Арменіей) и вѣчнымъ таможеннымъ конфликтамъ; — все это приводило республики эти къ такому ослабленію, что въ тотъ моментъ, когда большевики сочли это нужнымъ, одна за другою пали всѣ эти республики, какъ карточные домики.

И, если одною изъ главныхъ причинъ своего отдѣленія отъ Россіи и необходимости самобытнаго своего существованія народности Закавказья выставляли — необходимость застраховать себя отъ проникновенія русскаго большевизма, то цѣль эта была заранѣе обречена на гибель въ тотъ уже моментъ, когда Грузія и Азербайджанъ (Арменія стояла на противоположной точкѣ зрѣнія) заняли опредѣленно враждебную позицію противъ русскаго освободительнаго движенія, руководимаго Корниловымъ, Алексѣевымъ и Деникинымъ.

Пойди Закавказье рука объ руку съ арміями Корнилова и Деникина, я полагаю, что судьбы Россіи пошли бы по иному пути.

Въ этомъ вопросѣ союзники сыграли роковую роль и, въ особенности, англичане. Какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго, англичанамъ не стоило бы большого труда не только заставить народности Закавказья договориться

съ русскими антибольшевиками и, въ томъ числѣ, А. И. Деникинымъ, а просто показать, что имъ такой сговоръ — желателенъ. Но на наше (да, полагаю, и на несчастье народностей Закавказья) несчастье политику Антанты дѣлали англичане, прошедшіе свой служебный стажъ въ Британской Индіи, гдѣ ненависть къ Россіи была воспитана издавна и была даже воспѣта однимъ изъ блестящихъ литературныхъ талантовъ, Редіардомъ Киплингомъ.

И Главнокомандующій союзныхъ силъ въ Закавказьи генералъ Томсонъ и (въ особенности) его начальникъ штаба полковникъ Стоксъ были опредѣленными руссофобами, даже съ трудомъ скрывавшими эти свои чувства. Но не буду забѣгать впередъ и перехожу къ изложенію своихъ воспоминаній.

II

Первые дни переворота мнѣ пришлось отсутствовать изъ Баку. Я провелъ ихъ частью въ пути, а частью въ городѣ Мервѣ, Закаспійской области, куда я выѣзжалъ на защиту по какому-то уголовному дѣлу въ сессіи Тукестанскаго Военно-Окружнаго Суда. Еще въ революціи 1905 года революціонное движеніе въ нашей Средней Азіи проявилось исключительно въ средѣ рабочей массы, каковыми тамъ являлись желѣзно-дорожные рабочіе и служащіе главныхъ пунктовъ, какъ Красноводскъ, Кызылъ-Арватъ, Асхабадъ, Самаркандъ и Ташкентъ, гдѣ сосредоточены главныя депо и мастерскія. Все остальное населеніе, какъ русское, такъ и въ особенности туземное, было настроено вполнѣ лойяльно, что въ отношеніи послѣдняго объясняется тѣмъ, что значительная его часть, туркмены, только что переходила отъ кочевого къ осѣдлому состоянію, а другая, главное сарты, осѣдлая и исключительно земледѣльческая, не имѣла въ своемъ составѣ вовсе пролетаріата. Поэтому-то въ 1905 году революція въ Средней Азіи задѣла исключительно полосу желѣзно-дорожнаго отчужденія и очень мало города. 4-го марта, собираясь отправиться въ засѣданіе Суда, я, выйдя изъ гостиницы на улицу, обычно малолюдную, невольно обратилъ вниманіе на толпы народа, собравшіяся во многихъ мѣстахъ и что-то читавшія на стѣнахъ. Настроеніе, однако, было вполнѣ спокойное. Въ расклеенныхъ объявленіяхъ сообщалось о безпорядкахъ въ Петроградѣ, объ отреченіи Николая II и о созданіи Временнаго Правительства. Приглядываясь къ читавшимъ эти сообщенія людямъ, я поразился общимъ впечатлѣніемъ какой-то растерянности на лицахъ читавшихъ; не было ни радости, ни оживленія, а скорѣе было какое-то общее чувство неловкости. Повидимому все то, что сообщалось въ объявленіяхъ, поражало своею полною неожиданностью.

Пріѣхавъ въ полковое собраніе (какого именно запаснаго полка — не помню), гдѣ обычно происходили засѣданія Военнаго Суда, я здѣсь впервые почувствовалъ вѣяніе «революціи». Внѣшне все было какъ будто и по прежнему, но какой-то внутренній безпорядокъ уже чувствовался: не прибылъ почему-то ко времени почетный караулъ, въ канцеляріи еще почти никого не было и никто абсолютно ничего не зналъ — состоится ли засѣданіе, или нѣтъ. Предсѣдатель (Военный Судья) всегда аккуратный, отсутствовалъ; говорили, что онъ находится у коменданта города и о чемъ-то съ нимъ совѣщается. Приходили и уходили офицеры, чѣмъ-то озабоченные; военные писаря (солдатская аристократія) держались непривычно свободно.

Такъ прошло часа три-четыре, пока, наконецъ, съѣхались всѣ, коимъ быть надлежало. Мнѣ объявили, что всѣ дѣла снимаются съ очереди, и я въ тотъ же день черезъ Красноводскъ уѣхалъ въ Баку.

Вернувшись въ Баку, я уже засталъ картину полнаго разгара новой политической обстановки.

Изъ Петрограда уже были получены отъ Временнаго Правительства указанія о конструкціи власти на мѣстахъ.

Городской Голова Л. Л. Бычъ* былъ во главѣ власти и чувствовалъ себя настоящимъ именинникомъ. Типичный демагогъ, весьма склонный къ авантюрѣ и человѣкъ крайне неустойчивыхъ политическихъ убѣжденій, Л. Бычъ теперь являлъ собою яркій образецъ «мартовскаго» соціалиста. Давно ли этотъ же самый Бычъ, ожидая въ концѣ декабря 1916 года пріѣзда въ Баку на открытіе Шолларскаго водопровода Намѣстника Великаго Князя Николая Николаевича, распинался повсюду въ своей преданности Монарху и произносилъ въ Городской Думѣ и въ другихъ собраніяхъ, къ случаю и вовсе не къ случаю, горячія вѣрноподданнически-патріотическія рѣчи. А еще раньше, въ 1912 году, на выборахъ въ IV-ую Государственную Думу тотъ же Бычъ вмѣстѣ со мною и Д. Овсянико-Куликовскимъ прошелъ въ выборщики отъ кадетовъ по такъ-называемому «прогрессивному списку».

Теперь тотъ же самый Л. Бычъ, съ пѣной у рта, охрипшимъ голосомъ произносилъ повсюду демагогическія рѣчи о торжествѣ «революціоннаго народа», свергшаго, наконецъ, тирана-самодержца и призывалъ къ «углубленію завоеваній революціи».

Людей, близко знавшихъ Л. Быча, такой его уклонъ влѣво и явное заигрываніе съ крайними лѣвыми элементами нисколько не удивили. Обуреваемый неимовѣрнымъ честолюбіемъ, пробившійся въ люди благодаря своей большой трудоспособности, мало дисциплинированный, Л. Бычъ почуялъ, что наступилъ моментъ, когда преуспѣютъ тѣ, кто склоненъ дерзать, не задумываясь надъ вопросами строгой морали и принциповъ. Могу по совѣсти сказать, что Л. Бычъ человѣкъ сильной воли, если бы захотѣлъ, то могъ задержать процессъ распада общественныхъ силъ въ Баку. Меня не разъ удивляло, что Л. Быча можно было встрѣтить въ любомъ, самомъ не подходящемъ для его появленія, собраніи. И въ каждомъ изъ нихъ онъ во что бы то ни стало долженъ былъ такъ или иначе импонировать присутствующимъ. Плохой ораторъ, говорившій грубымъ и охрипшимъ голосомъ, Л. Бычъ повсюду произносилъ однѣ и тѣ же, скоро ставшія трафаретными, слова. И онъ добился своего: когда создался Исполнительный Комитетъ Общественныхъ Организацій, то Л. Бычъ оказался избранъ имъ его Предсѣдателемъ.

III

Временное Правительство, ставшее на мѣсто свергнутой власти «самодержавія», въ вопросѣ о внутреннемъ управленіи страною стало на точку зрѣнія уничтоженія всѣхъ органовъ прежняго управленія. На мѣсто агентовъ центральной власти — губернаторовъ и полиціи, должны были стать представители власти общественной — городскія самоуправленія и земства, а на мѣсто полиціи — милиція, создаваемая тѣми же органами общественности.

* Впослѣдствіи Кубанскій самостійникъ.

Губернаторъ В. Потоловъ, человѣкъ, въ сущности, не дурной, не игравшій и такъ особенной роли, ввиду того, что городъ Баку ему не былъ подчиненъ (въ городѣ Баку послѣ событій 1905 года — армяно-татарскихъ столкновеній — было учреждено сначала Генералъ-губернаторство, а затѣмъ Градоначальство), стушевался совершенно, а затѣмъ и вовсе ушелъ, а на его мѣсто Исполнительнымъ Комитетомъ Общественныхъ Организацій былъ назначенъ Губернскимъ Комиссаромъ малограмотный татаринъ, имени и фамиліи котораго сейчасъ не помню, почти безъ всякаго образовательнаго и, тѣмъ болѣе, служебнаго ценза.

Общественнымъ Градоначальникомъ былъ избранъ присяжный повѣренный Я. Н. Смирновъ, человѣкъ очень работоспособный, но крайне самолюбивый и въ политическомъ отношеніи крайне неустойчивый, съ постоянными колебаніями то влѣво, то вправо.

Начальникомъ Милиціи былъ избранъ присяжный повѣренный Александръ Константиновичъ Леонтовичъ, человѣкъ умный и энергичный и большой общественный работникъ, обладавшій къ тому же весьма завидными для общественнаго работника качествами — умѣніемъ улаживать острые вопросы и конфликты къ общей пользѣ.

Тенденція, проявленная революціоннымъ настроеніемъ тогдашняго момента, заключалась главнымъ образомъ не въ томъ, чтобы создать новые органы власти съ новыми методами управленія, а въ томъ, чтобы выгнать всѣхъ старыхъ слугъ власти и на ихъ мѣсто поставить новыхъ во что бы то ни стало. И сколько ни доказывалъ А. Леонтовичъ, что и среди старыхъ полицейскихъ есть хорошіе люди, вполнѣ пригодные къ службѣ и въ новыхъ демократическихъ условіяхъ, подъ вліяніемъ требованій общественныхъ силъ, онъ вынужденъ былъ буквально выгнать всѣхъ приставовъ, ихъ помощниковъ, околодочныхъ и т. д. вплоть до городовыхъ. Въ участковые комиссары (пристава) и ихъ помощники попали присяжные повѣренные, ихъ помощники, недоучившіеся студенты и т. д. Ничего въ новомъ для нихъ дѣлѣ не знающіе, не имѣющіе никакого служебнаго опыта, — всѣ эти господа очень скоро до того застопорили всякую работу, такъ погрязли въ бумагомараніи, разборѣ всякихъ имъ неподсудныхъ жалобъ и дѣлъ, что не имѣли времени на исполненіе непосредственныхъ своихъ обязанностей по охранѣ общественнаго спокойствія и безопасности гражданъ. Дисциплина въ милиціи отсутствовала, а проникновеніе въ ея ряды зачастую и элементовъ преступныхъ привели къ старымъ полицейскимъ грѣхамъ — взяточничеству, превышенію власти и проч. Пробившись нѣсколько мѣсяцевъ безуспѣшно надъ улучшеніемъ службы милиціи, Леонтовичъ въ серединѣ лѣта 1917 года подалъ въ отставку.

Въ первые же дни «свободъ» произведена была общественная чистка Окружнаго Суда и судебныхъ учрежденій вообще.

Исполнительный Комитетъ назначилъ «комиссара» при Окружномъ Судѣ. Что собственно это была за должность — неизвѣстно никому и до сего дня. Повидимому, роль его должна была заключаться въ осуществленіи въ дѣятельности суда возвѣщенныхъ новымъ строемъ «свободъ» и общей «демократизаціи» власти. Засиліе, царившее въ судебномъ вѣдомствѣ въ послѣдніе годы передъ революціей, сводившееся къ выполненію судебной администраціей — предсѣдателями судовъ и прокуратурой — предначертаній и плановъ центральной власти, исходившихъ отъ Министра Юстиціи Щегловитова, чувствовалось особенно сильно у насъ въ Закавказьи при Старшемъ Предсѣдателѣ

Палаты Лагодѣ и, въ частности, въ Баку при ставленникѣ послѣдняго — Предсѣдателѣ Суда Кудрявцевѣ, который оказывалъ явное давленіе на весь подчиненный ему составъ Суда и совершенно не выносилъ адвокатуру, какъ излишній, по его мнѣнію, институтъ въ дѣлахъ уголовныхъ. Смѣнившій за годъ до войны Лагоду, на мѣстѣ Старшаго Предсѣдателя Тифлисской Судебной Палаты, сенаторъ Ал. Ал. Чебышевъ, человѣкъ просвѣщенный, либеральный (но безъ вмѣшательства въ какую бы то ни было политику), образованный юристъ и судья въ духѣ Судебныхъ Уставовъ 1864 года, всячески въ порядкѣ судебнаго надзора одергивалъ г. Кудрявцева, но послѣдній, пользуясь заступничествомъ Петрограда, оставался до самой революціи на мѣстѣ, пока не былъ уволенъ Керенскимъ, вслѣдствіе единогласнаго ходатайства адвокатуры, Городской Думы и разныхъ общественныхъ организацій.

Назначенъ былъ Исполнительнымъ Комитетомъ на должность комиссара при Судѣ упомянутый уже выше присяжный повѣренный Я. Н. Смирновъ; послѣдній занялъ по отношенію къ судебному вѣдомству совершенно неподходящую позицію и позволялъ себѣ вмѣшиваться въ его жизнь и дѣйствія; адвокатура вынуждена была привлечь г. Смирнова къ отвѣту передъ своимъ Общимъ Собраніемъ и послѣ очень бурнаго засѣданія было признано, что представителю сословія адвокатуры вообще не вмѣстно занимать подобную должность, и послѣ этого и самая должность эта была упразднена.

Бакинская адвокатура, довольно значительная численно (свыше 150 человѣкъ, считая и помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ), состояла главнымъ образомъ изъ армянъ и евреевъ (частью крещеныхъ); изъ остальныхъ національностей было десятка два русскихъ и по нѣсколько человѣкъ мусульманъ, поляковъ и другихъ.

Съ первыхъ же дней революціи помощники присяжныхъ повѣренныхъ и частные повѣренные предъявили требованіе объ уравненіи ихъ въ сословныхъ правахъ со старшими членами сословія и осуществили это требованіе, въ такъ-называемомъ, въ то время обычномъ, «революціонномъ порядкѣ».

Общее полѣвѣніе сказалось и въ нашей окраинной адвокатурѣ, причемъ демагогія и политиканство, находившія сочувствіе въ болѣе молодой части сословія, въ значительной степени измѣнили къ худшему общую физіономію сословія и его сословной жизни.

Какъ-то сразу стало черезчуръ много «соціалистовъ». Даже и въ чиновничествѣ проявилась та же тенденція.

Повѣтріе, охватившее всякіе виды и роды профессіональной дѣятельности, къ созданію всякихъ «союзовъ», захватило и чиновничество, которое организовало тоже «профессіональные» союзы, причемъ, главную роль въ этихъ союзахъ играли наиболѣе лѣвые изъ «мартовскихъ» соціалистовъ. Эти чиновничьи «союзы» объединяли чиновниковъ всякихъ ранговъ и положеній, причемъ, понятно, многіе изъ нихъ участвовали не по своей охотѣ.

И изъ всѣхъ вѣдомствъ, объ одномъ — судебномъ можно по совѣсти сказать, что оно, пріявъ, въ своемъ большинствѣ, революцію какъ освобожденіе отъ тяготѣвшаго надъ нимъ въ послѣднія тридцать лѣтъ гнета и насилія надъ его «судейской» совѣстью, искренно взялось служить Временному Правительству и Родинѣ, ставъ на почву чистой законности. И въ то время, какъ во многихъ вѣдомствахъ можно было замѣтить, что чиновничество пустилось въ политику, судебное вѣдомство опредѣленно отъ этой политики уклонилось. Въ такой твердой позиціи судебнаго вѣдомства значительную роль

сыгралъ тогдашній Прокуроръ Суда въ Баку Аф. Юл. Литвиновичъ (крымчакъ, сынъ священника). Очень неглупый человѣкъ, прямой, выдержанный, прекрасный юристъ и строгій законникъ, доброй души и не лишенный чувства общественности, Литвиновичъ совершенно не былъ способенъ ни на какіе компромиссы и сдѣлки съ совѣстью, что онъ впослѣдствіи не разъ и доказалъ. Большой авторитетъ, которымъ онъ пользовался въ городѣ, давалъ ему возможность не разъ предотвращать тѣ или другія безтактности или явныя нелѣпости, которыя безъ его своевременнаго вмѣшательства были бы совершены неискусными въ дѣлѣ управленія новоявленными властями; онъ смѣло повелъ борьбу съ намѣтившеюся во всѣхъ проявленіяхъ тогдашней жизни тенденціей къ «углубленію завоеваній революціи» и всѣмъ и вся напоминалъ, что есть законная власть — Временное Правительство — есть законы, исполнять которые нужно.

Для объединенія власти въ Закавказьи Временное Правительство создало въ г. Тифлисѣ органъ Центральной Краевой власти въ лицѣ Особаго Закавказскаго Комитета (Озакомъ), въ составѣ: В. А. Харламова — Предсѣдателя, и А. Чхенкели, М. И. Пападжанова и М. Джафарова — трехъ членовъ.

По національности и партійной принадлежности лица эти были:

Харламовъ — русскій, казакъ, к.-д.

Чхенкели — грузинъ, с.-д. меньшевикъ.

Пападжановъ — армянинъ, правый к.-д., впослѣдствіи членъ армян. нац. демокр. партіи; и

Джафаровъ — татаринъ, безпартійный, впослѣдствіи видный членъ партіи «Муссаватъ».

Физіономія первыхъ трехъ болѣе или менѣе извѣстна по дѣятельности ихъ въ Государственной Думѣ. Послѣдній — Мемедъ Джафаровъ — абсолютное ничтожество; хотя онъ и принадлежалъ къ сословію Бакинской адвокатуры, могу сказать по совѣсти, что до выборовъ его въ Государственную Думу, куда онъ проникъ вмѣстѣ съ М. Пападжановымъ (одинъ отъ татаръ, другой отъ армянъ), я о немъ никогда не слыхалъ и даже не подозрѣвалъ объ его существованіи.

Особый Закавказскій Комитетъ, просуществовавшій нѣсколько мѣсяцевъ, съ первыхъ же дней его появленія не создалъ себѣ никакого авторитета, погрязъ въ ворохѣ всякихъ бумагъ и утонулъ въ толпѣ просителей и челобитчиковъ, во всевозможныхъ разслѣдованіяхъ и т. д.

Въ томъ же самомъ дворцѣ (бывшемъ Кавказскихъ Намѣстниковъ), гдѣ жилъ и работалъ Особый Закавказскій Комитетъ, вскорѣ обосновался Совдепъ, который, какъ и его старшій собратъ — Совдепъ Петроградскій — оспаривалъ у представителей Временнаго Правительства власть, и съ большимъ успѣхомъ. Огромныя залы и анфилады парадныхъ и служебныхъ комнатъ были полны всякихъ «товарищей», стѣны внутри дворца пестрѣли всякими плакатами и прокламаціями.

Близко съ дѣятельностью «Озакома» мнѣ познакомиться не пришлось, но, побывавъ раза два въ Тифлисѣ по дѣламъ въ «Озакомѣ» и убѣдившись, что онъ существуетъ лишь номинально, я ушелъ изъ дворца со стѣсненнымъ сердцемъ, вспоминая, что еще при недавнемъ его хозяинѣ — Намѣстникѣ гр. И. И. Воронцовѣ-Дашковѣ — въ этомъ же дворцѣ можно было встрѣтить и болѣе участливое къ дѣлу отношеніе и, во всякомъ случаѣ, болѣе разумное его разрѣшеніе.

IV

Оглядываясь на пережитое, ничѣмъ инымъ не можешь объяснить этого безудержнаго и все прогрессировавшаго полѣвѣнія нашей общественности, не говоря о широкихъ массахъ населенія, какъ только разнузданностью опредѣленной противугосударственной пропаганды, чувствовавшей, при полномъ параличѣ власти, свою полную безнаказанность.

Желаніе идти въ ногу съ революціей, опасеніе какъ бы не прослыть реакціонеромъ, толкало многихъ въ ряды соціалистическихъ партій, и соціалистовъ въ мартѣ оказалось столько, что нужно было изумляться, какъ это могъ столько лѣтъ существовать прежній, только что свергнутый строй. Баку съ его огромнымъ промысловымъ и заводскимъ райономъ, съ его обширнымъ портомъ и огромнымъ флотомъ, издавна былъ очагомъ и политическаго и соціальнаго движенія. Создавшіяся послѣ февральской революціи условія и представившаяся возможность съ первыхъ же дней дали яркую картину расцвѣта соціалистическихъ партій.

Появилась обширная и хорошо субсидируемая соціалистическая пресса, которая занималась тѣмъ же, чѣмъ занимались ея столичные собратья, или подрывомъ Временнаго Правительства, или углубленіемъ завоеваній революціи. Заработали гласно политическія партіи, всевозможные союзы и комитеты. И что характерно: — въ начинаніяхъ, не имѣвшихъ ничего въ сущности политическаго, не могли обойтись безъ этой же политики, безъ резолюцій, безъ критики дѣятельности Временнаго Правительства. При разнохарактерности населенія, состоящаго изъ цѣлаго ряда всякихъ національностей, на собраніяхъ, гдѣ не всегда всѣ даже понимали другъ друга, принимались опредѣленныя, заранѣе подготовленныя, резолюціи, большей частью ярко пораженческаго характера. И соц.-рев. и соц.-дем. положительно изощрялись другъ передъ другомъ въ лѣвизнѣ своего поведенія. Ярко оборонческую позицію заняли «плехановцы» (группа «единство») и персонально нѣкоторые соц.-революціонеры. Зашевелились и наши «кадетскіе» круги. Но и здѣсь, подъ вліяніемъ вѣянія революціи, не все было благополучно. Почти единогласно принятъ былъ Городскимъ Комитетомъ партіи «Народной Свободы» тезисъ «о республикѣ» и лишь двое, трое горячо возражали, что до Учредительнаго Собранія, которое одно должно рѣшить вопросъ о формѣ государственнаго устройства Россіи, партія «Народной Свободы» должна оставить этотъ вопросъ открытымъ. На одномъ изъ первыхъ засѣданій Комитета при обсужденіи вопроса объ «автономіи» окраинъ двое изъ членовъ Комитета «изъ старѣйшихъ» К. А. Ирецкій (бывшій много лѣтъ городскимъ головой) и кн. І. І. Дадіяни (горный инженеръ) заявили о своемъ уходѣ изъ партіи: Ирецкій заявилъ, что онъ — лѣвѣе насъ и примкнулъ къ группѣ «Единство», а кн. Дадіяни заявилъ, что онъ — грузинскій націоналъ-федералистъ.

Наша кадетская партія, учитывая политическую ситуацію и тенденцію общаго полѣвѣнія въ странѣ, рѣшила выступить активно и вести пропаганду нашихъ идей, какъ устную, такъ и печатную. Торгово-промышленные круги насъ дѣятельно поддерживали, давъ всѣ необходимыя матеріальныя средства. Мы не только выписывали изъ центра (Москвы, главнымъ образомъ) огромное количество партійной литературы, но и выпускали свои брошюры, раздавая большинство этой литературы совершенно безплатно, и создали тогда же свой печатный органъ — ежедневную газету «Народная Свобода», пріобрѣвшую весьма скоро большой тиражъ, благодаря тому, что въ кадетскихъ кругахъ нашлись порядочныя публицистическія и литературныя силы. На чисто кадетской плат-

формѣ стояла и одна изъ лучшихъ бакинскихъ газетъ — газета «Баку», которая впослѣдствіи перетерпѣла много мытарствъ; въ мартѣ мѣсяцѣ 1918 года ее закрыли большевики, націонализировавъ лучшую въ городѣ типографію, принадлежавшую газетѣ «Баку» (ея редактору-издателю); она пыталась выходить въ концѣ іюля 1918 г. послѣ паденія въ Баку большевиковъ, но въ сентябрѣ, послѣ взятія Баку турками, типографія была окончательно реквизирована Азербайджанскимъ правительствомъ и въ ней стала печататься газета «Азербайджанъ» — оффиціальная правительственная газета.

Пропаганда кадетскихъ идей дѣятельно шла и устная. Наши ораторы являлись на всѣ митинги, устраиваемые лѣвыми; устраивались и партійные доклады и митинги, на которые, конечно, являлись и оппоненты изъ лѣвыхъ и, правду сказать, эти лѣвые рѣдко (вѣрнѣе — никогда) выходили съ честью изъ этихъ боевъ; но опредѣленная демагогія, бросаніе въ массы многообѣщающихъ лозунговъ дѣлали свое дѣло въ средѣ несознательныхъ, и часто положеніе нашихъ партійныхъ ораторовъ бывало труднымъ даже въ смыслѣ личной безопасности. Помню, какъ однажды въ апрѣлѣ 1917 г. наши партійные товарищи еле-еле унесли, что называется, ноги съ одного изъ многолюдныхъ митинговъ въ заводскомъ районѣ послѣ неудачной реплики (личнаго характера), сорвавшейся у одного изъ нашихъ ораторовъ противъ одного изъ тогдашнихъ вождей соц.-революціонеровъ, пользовавшагося большимъ вліяніемъ среди рабочихъ. Кстати, этотъ соц.-революціонеръ, прис. повѣр. Наджаровъ, впослѣдствіи настолько самъ поправѣлъ, что уже въ іюлѣ 1917 г. сталъ ярымъ оборонцемъ, а впослѣдствіи работалъ въ Добровольческой Арміи и въ защиту ея идей, оставшись въ ней до начала 1920 г., до ея распада. Лѣтомъ 1920 г. этотъ бывшій соц.-революціонеръ и несомнѣнный русскій патріотъ никогда не раздѣлявшій ни программы, ни идей армянской партіи «Дашнакцутюнъ» былъ разстрѣлянъ большевиками за принадлежность именно къ этой партіи.

Митинги и собранія въ заводскомъ и промысловомъ районахъ, расположенныхъ довольно далеко отъ города, доставляли намъ всего больше хлопотъ; происки нашихъ противниковъ доходили до того, что автомобиль или извозчики, на которыхъ пріѣзжали наши представители, угонялись и приходилось, порой, поздней ночью возвращаться пѣшкомъ. Благодаря оффиціальному вступленію въ партію офицеровъ, намъ удалось наладить связь съ кавказскимъ фронтомъ и снабжать его партійной литературой. Происходили собесѣдованія и въ казармахъ.

Къ этому же времени относится и организація партіей «Народной Свободы» курсовъ грамотности, первоначальныхъ знаній и прикладныхъ ремеслъ. Курсы эти были вечерніе и разсчитаны были, главнымъ образомъ, на прислугу, городскихъ низшихъ служащихъ; курсы были безпартійные, никакой опредѣленной политической пропаганды не велось, и мы разсчитывали лишь на то, что, быть можетъ, хоть сколько нибудь сдержимъ безуміе полѣвѣнія, возбуждаемаго безудержной и циничной демагогіей, въ особенности среди наименѣе сознательныхъ элементовъ городского населенія. Курсы посѣщались очень охотно, число слушателей порой было очень велико, и *просуществовали* они до марта 1918 г., до перваго въ Баку большевистскаго переворота.

Большевики оффиціально не выступали еще нигдѣ; оффиціально они стали появляться лишь съ начала сентября.

Очень яркой фигурой среди кадетскихъ ораторовъ въ Баку былъ прис. повѣр. Мих. Флор. Подшибякинъ (къ счастью, онъ сейчасъ внѣ предѣловъ

досягаемости большевиковъ). Человѣкъ большого темперамента, прекрасный и умный ораторъ, умѣвшій заставить себя слушать, съ огромной политической подготовкой и въ особенности прекрасно знавшій всю подоплеку соціалистовъ и ихъ слабыя мѣста, М. Подшибякинъ билъ своихъ противниковъ обыкновенно ихъ же собственнымъ оружіемъ: ихъ резолюціями, программами, партійными постановленіями и т. д.; онъ былъ положительно неотразимъ въ особенности въ своихъ репликахъ и сплошь да рядомъ его политическіе противники (соціалисты всякихъ оттѣнковъ) терпѣли фіаско въ заранѣе подготовленныхъ ими же собраніяхъ и уходили подъ свистъ тѣхъ самыхъ «товарищей», которые имъ только что рукоплескали.

Въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, подъ лозунгомъ углубленія и закрѣпленія завоеваній революціи, соціалисты, видѣвшіе въ русской революціи элементы соціальной революціи, дѣятельно занялись организаціей широкихъ массъ, вѣрнѣе общественныхъ низовъ. Въ виду того, что въ организуемыхъ ими массахъ, въ большинствѣ своемъ совершенно несознательныхъ, не было собственныхъ руководителей, массы эти оказались всецѣло во власти демагоговъ, поставляемыхъ щедро соціалистическими партіями. Существовавшіе до того профессіональные союзы рабочихъ моряковъ, судоводителей, обогатились новыми союзами типографскихъ рабочихъ, домашней прислуги, приказчиковъ и проч. Объединяемые этими союзами ихъ члены не всегда съ охотою шли въ союзы и подчасъ съ большой неохотой подчинялись власти главарей своихъ коллективовъ. Припоминаются мнѣ и чистые курьезы въ этомъ отношеніи: такъ, среди курьеровъ Окружного Суда мало было охотниковъ вступить въ члены какого-то профессіональнаго союза, но, благодаря доносамъ со стороны нѣкоторыхъ изъ ихъ числа, всѣ остальные, опасаясь репрессій, вынуждены были вступить въ союзъ, что и отразилось тотчасъ же на внутренней жизни Суда, гдѣ не стало прежняго порядка и чистоты: лично, у насъ дома, и у многихъ нашихъ знакомыхъ, и намъ, и имъ приходилось помогать прислугѣ спасаться отъ назойливаго контроля профессіональнаго союза, проявлявшаго непрошенное вмѣшательство въ ихъ личную жизнь. Среди членовъ этихъ союзовъ было много протестующихъ противъ новыхъ порядковъ, но заявлять эти протесты и выражать такъ или иначе свое несочувствіе было далеко не безопасно, ибо нерѣдко были и случаи насилій надъ протестантами и не сочувствующими.

Одновременно съ этимъ все увеличивающимся движеніемъ начиналось все большее ухудшеніе въ заводской, промышленной, транспортной и другихъ отрасляхъ хозяйственной жизни страны.

Митингованіе, отлыниваніе отъ работы, забастовки по самымъ несущественнымъ поводамъ — вотъ характерная черта момента. И наряду съ этимъ — фейерверкъ трескучихъ фразъ о свободѣ, власти народа, сознательности (?) народныхъ массъ и т. д.

Аппарата власти у насъ не было; или, вѣрнѣе сказать, у насъ, въ Баку, весьма скоро создался аппаратъ, содѣйствовавшій лишь планомѣрному углубленію дезорганизаціи всей жизни. Аппаратъ этотъ именовался — Исполнительнымъ Комитетомъ Общественныхъ организацій (Исполкомъ).

Какъ и во всемъ Закавказьи, и въ Бакинской губерніи не было земскихъ учрежденій. Поэтому не было и той организованной общественности, на которую предполагало опереться Временное Правительство, уничтожая прежнее административное управленіе губерніей. Было у насъ, правда, въ Баку Городское Общественное Управленіе — Городская Дума и Управа. Но противъ этихъ

учрежденій лѣвые повели ожесточенную травлю, указывая, главнымъ образомъ, на то, что это — учрежденія цензовыя, не отвѣчающія новымъ демократическимъ принципамъ. Началась самая безшабашная травля и дѣятельная публичная агитація за уничтоженіе этихъ учрежденій и за созданіе новаго органа — Исполнительнаго Комитета Общественныхъ Организацій. Необходимо сказать, что городъ Баку, городъ богатый, центръ огромнаго промышленнаго района, населенный къ тому же представителями трехъ доминирующихъ національностей — русской, татарской и армянской, имѣлъ въ своемъ городскомъ самоуправленіи много весьма дѣльныхъ людей, изъ коихъ многіе прекрасно были освѣдомлены съ дѣйствительными нуждами этого большого города, растущаго съ американскою, прямо сказочною, быстротою. Правда, эти люди были дѣйствительно все больше цензовики, понимавшіе стоимость денегъ.

И когда на площадяхъ и торжищахъ людей этихъ стали распинать какіе-то политическіе проходимцы, люди безъ роду, безъ племени, выкинутые совершенно случайно наверхъ волною всероссійской «смуты», эти старые городскіе дѣятели стали опредѣленно отходить въ сторону, не желая компрометтировать своихъ именъ въ неминуемо надвигавшейся разрухѣ огромнаго городского хозяйства, къ которому жадно тянулись цѣпкія руки разныхъ политическихъ parvenus.

Л. Бычъ, ставшій съ первыхъ дней революціи «мартовскимъ» соціалистомъ, опредѣленно переметнулся въ ихъ сторону и, поддержанный ими, выдвинулся на мѣсто перваго предсѣдателя Исполкома.

Не вспомню сейчасъ ни послѣдовательной исторіи этого рокового для нашего города учрежденія, ни детальной его организаціи. Да и кто въ то время думалъ о томъ, что все пережитое станетъ когда-либо исторіей. Полагаю, что и у насъ, въ Баку, это учрежденіе проводилось по трафарету, изготовленному заранѣе въ подпольныхъ химическихъ лабораторіяхъ соціалистовъ.

Въ этотъ Исполнительный Комитетъ Общественныхъ Организацій въ весьма незначительномъ числѣ вошли гласные прежней Думы; большинство же составляли представители совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, разныхъ профессіональныхъ организацій и союзовъ, представители политическихъ партій. Не безъ большого труда удалось Торгово-Промышленному союзу и кадетамъ получить нѣсколько мѣстъ.

Особый Закавказскій Комитетъ (мы говорили о немъ выше) подъ давленіемъ соціалистовъ далъ свое благословеніе, и Исполкомъ принялся дѣйствовать. Отмѣчу здѣсь, что съ первыхъ дней основанія этого Исполкома однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ его былъ Степанъ Шаумянъ, большевикъ, впослѣдствіи предсѣдатель Бакинскаго Совнаркома.

Съ легкой руки Исполкома началась дезорганизація городского хозяйства, а главнѣйшимъ образомъ дезорганизація общественной жизни, ибо Исполкомъ вмѣшивался во всѣ мелочи послѣдней, а царившіе въ немъ соціалисты строили ее на свой ладъ.

V

Если не ошибаюсь, въ концѣ апрѣля или первыхъ числахъ мая 1917 года, въ Баку происходилъ первый въ Россіи «Всемусульманскій» политическій съѣздъ.

Мнѣ пришлось быть оффиціально на этомъ съѣздѣ для принесенія ему привѣтствія отъ Комитета партіи «Народной Свободы», привѣтствовавшаго въ выраженіяхъ весьма сдержанныхъ и корректныхъ первое проявленіе въ мусульманскихъ массахъ «здороваго» національнаго чувства и выражавшаго пожеланіе, чтобы въ будущихъ судьбахъ Россіи и мусульмане братски работали надъ обновленіемъ «общей» Родины. Привѣтствіе было принято довольно холодно. Чувствовалось, что за кулисами Съѣзда что-то происходитъ, что-то таится.

На Съѣздѣ, весьма многолюдномъ, происходившемъ въ огромномъ залѣ дома Мусульманскаго благотворительнаго Общества, выстроеннаго Бакинскимъ архи-милліонеромъ Мусой Нагіевымъ (домъ этотъ въ мартѣ 1918 года былъ разнесенъ и сожженъ артиллеріей большевиковъ), предсѣдательствовалъ присяжный повѣренный Али Мардашъ бекъ Топчибашевъ, членъ 1-й Государственной Думы, выборжецъ. Рѣчи произносились на русскомъ и татарскомъ языкахъ и въ нужныхъ случаяхъ переводились. Особеннымъ успѣхомъ пользовались рѣчи соціалистовъ и мусульманъ-націоналистовъ и, въ особенности, подчеркивалось, что отнынѣ всякій, входившій въ составъ Россіи, народъ имѣетъ право на національное «самоопредѣленіе». Были тутъ и представители Дагестана, Волжскихъ татаръ, киргизовъ, калмыковъ и невѣсть еще кого. Повидимому, постарались придать Съѣзду наиболѣе импозантный видъ.

Какъ въ рѣчи Предсѣдателя Съѣзда, такъ и въ рѣчахъ ораторовъ многократно и сугубо подчеркивалось, что наконецъ-де пало самодержавіе, устраненъ тиранъ и деспотъ, и народы Россіи могутъ зажить свободною жизнью; что въ начавшейся политической жизни огромной страны, носящей коллективное имя «Россіи», сейчасъ торжествуютъ тѣ политическіе круги, которые всегда стояли за истинную свободу и раскрѣпощеніе народныхъ массъ и которые сейчасъ имѣютъ право свободно называть себя соціалистами. Въ заявленіяхъ нѣкоторыхъ ораторовъ звучали предостерегающія нотки — не довѣряться тѣмъ политическимъ теченіямъ, которыя, именуя себя «демократическими», на самомъ дѣлѣ не имѣютъ ничего общаго съ народными чаяніями и являются замаскированными имперіалистами, посягающими на цѣлость и благоденствіе «братской» Турціи; при этихъ словахъ послышались крики «долой Милюкова и кадетъ».

Среди привѣтствій на Съѣздѣ впервые прозвучало слово «Муссаватъ»; кто-то изъ членовъ Съѣзда привѣтствовалъ его отъ имени «Тюркской націоналистической партіи «Муссаватъ».

Много говорилось объ объединеніи всѣхъ мусульманъ Россіи, которыхъ ораторы насчитывали до 35—40 милліоновъ (на самомъ дѣлѣ ихъ было въ то время въ Россіи около 22—24 милліоновъ); о необходимости ихъ объединенія политическаго и территоріальнаго; о сліяніи ихъ съ мусульманами Турціи, Персіи и Индіи.

Намѣчалась большая политическая программа, явно клонившаяся къ отдѣленію мусульманства отъ Россіи, къ сепаратизму, который нѣсколько времени спустя А. М.-б. Топчибашевъ взялся защищать передъ нашими бывшими союзниками и передъ вершителями судебъ міра на Версальской Конференціи.

Все то, что мнѣ пришлось услышать на Съѣздѣ, такъ было неожиданно и странно для меня, прожившаго болѣе двадцати лѣтъ въ Баку и въ Закавказьи, что я приглядывался все внимательнѣе къ составу Съѣзда и сдѣлалъ кой-какія наблюденія, показавшіяся мнѣ не безынтересными, именно: среди присутствующей публики незначительная лишь часть проявляла себя активно;

это были или совершенно незнакомыя мнѣ лица, очевидно спеціально къ данному случаю явившіяся и игравшія тѣ роли, кои были имъ предназначены, или же, наоборотъ, лица, мнѣ черезчуръ хорошо знакомыя и извѣстныя.

Первыя были соціалистическіе подголоски, многихъ изъ которыхъ пришлось впослѣдствіи встрѣтить и въ рядахъ большевиковъ и крайней соціалистической мусульманской партіи «Гюмметъ». Вторыя — будущіе политическіе дѣятели Азербайджана и въ ихъ числѣ: Топчибашевъ; Ханъ Хойскій, присяжный повѣренный въ Баку (первый Предсѣдатель Совѣта Министровъ Азербайджанской республики; убитъ въ Тифлисѣ террористомъ-большевикомъ); М. Г. Гаджинскій (инженеръ, членъ Городской Управы — впослѣдствіи замѣститель Предсѣдателя и Министръ Иностранныхъ Дѣлъ той же республики и еще позже въ 1920—21 тг. народный комиссаръ при большевикахъ); Б. Х. Джеваншировъ (инженеръ, представитель крупнѣйшихъ нефтяныхъ фирмъ — впослѣдствіи министръ Внутреннихъ Дѣлъ той же республики; убитъ въ іюлѣ 1921 г. въ Константинополѣ арменіномъ-террористомъ Торлакіаномъ); Н. Б. Усуббековъ (учитель, впослѣдствіи Предсѣдатель Совѣта Министровъ той же республики) и еще десятка полтора менѣе видныхъ лицъ изъ числа татарской интеллигенціи. Представители этой второй группы впослѣдствіи являлись видными вождями въ партіи «Муссаватъ», которая вела борьбу за власть, и въ Парламентѣ Азербайджана, и въ странѣ, съ мусульманскими соціалистами.

Отчетъ о Съѣздѣ, переданный мною въ очередномъ засѣданіи Комитета партіи «Народной Свободы», произвелъ очень сильное впечатлѣніе и на Комитетъ. Большинство Комитета, знакомое съ настроеніемъ подлинныхъ мусульманскихъ народныхъ массъ, вовсе не настроенныхъ шовинистически противъ Россіи и русскихъ, скорѣе расположенныхъ къ Россіи, которой въ сущности были обязаны и своимъ благополучіемъ, и безопасностью, нашло необходимымъ принять кое-какія мѣры. Комитетъ, учитывая все растущее полѣвѣніе и полагая, что можно было бы договориться съ мусульманами для совмѣстной борьбы противъ лѣвыхъ, выдѣлилъ Комиссію для переговоровъ съ вождями мусульманъ. Но, странное дѣло, даже въ лицѣ Топчибашева, Хана-Хойскаго и нѣкоторыхъ другихъ, оффиціально состоявшихъ раньше въ партіи «ка-де», Комиссія встрѣтила такую массу возраженій противъ программы партіи, что послѣ двухъ-трехъ засѣданій, пришлось отбросить всякую мысль договориться съ татарами. А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Кавказскомъ Сеймѣ пришлось выслушать рѣчи татарскихъ представителей, дышавшихъ ненавистью къ Россіи и недвусмысленно намекавшихъ на будущій союзъ Закавказскихъ татаръ съ Турціей, съ которой Азербайджанъ въ 1918 году, исполняя приказанія Германіи, собирался окончательно соединиться, отдѣлившись отъ Россіи.

VI

Временное Правительство въ самомъ началѣ своей дѣятельности издало законъ о Городскомъ Самоуправленіи, и въ соотвѣтствіи съ этимъ закономъ должны были быть произведены выборы сначала въ Думы районныя или участковыя, а затѣмъ и выборы въ Городскія Думы.

У насъ, въ Баку, выборы въ районныя Думы произведены были въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, а выборы въ Городскую Думу произошли лишь въ сентябрѣ, почти

одновременно съ выборами въ Учредительное Собраніе. И эти первые выборы не только послужили яркимъ предсказаніемъ того, что нужно было ожидать отъ выборовъ послѣдующихъ, но и дали рядъ доказательствъ полнѣйшей неразборчивости г. г. соціалистовъ въ пріемахъ и средствахъ выборной борьбы.

Прежде всего о выборныхъ спискахъ: въ то время какъ кадеты и умѣренные избиратели выставляли въ своихъ спискахъ кандидатовъ изъ числа горожанъ, знающихъ обывательскія нужды своего района и могущихъ дѣйствительно поработать для своихъ согражданъ въ дѣлѣ обезпеченія ихъ все болѣе обострявшихся нуждъ, выставляя имена всѣмъ извѣстныя и пользовавшіяся общимъ признаніемъ, — г. г. соціалисты, смотрѣвшіе и на эти выборы, какъ на одно изъ средствъ агитаціи для цѣлей углубленія революціи, выставляли, съ своей стороны, демагоговъ, болтуновъ и людей, явно не способныхъ ни къ какой организаціонной работѣ, кромѣ одной пропаганды. На предвыборныхъ собраніяхъ, полемизируя со своими противниками, защитники соціалистическихъ списковъ громили буржуевъ, прежнихъ цензовиковъ и призывали массы передавать всякую степень власти и общественной дѣятельности въ руки истинныхъ защитниковъ народныхъ интересовъ, сирѣчь соціалистовъ. Въ тѣхъ изъ районовъ, гдѣ соціалисты разсчитывали на выборахъ встрѣтить серіозную оппозицію, они прибѣгали къ подлогамъ: по результатамъ подсчетовъ оказалось, что избирательныхъ записокъ подано было больше, чѣмъ было выборщиковъ въ избирательномъ собраніи. Жалобы со стороны избирателей на всѣ неправильности по выборамъ не привели ровно ни къ чему, ибо Исполкомъ не былъ совершенно настроенъ къ удовлетворенію жалобъ, умалявшихъ шансы г. г. соціалистовъ. Районныя Думы оказались почти сплошь изъ соціалистовъ. Интересъ къ нимъ очень скоро прошелъ, такъ какъ углубленіе революціи шло своимъ чередомъ и на очереди были болѣе захватывающіе моменты политической борьбы и нарастали болѣе широкія возможности къ захвату власти.

Въ Баку до войны изъ воинскихъ частей былъ расположенъ всего лишь одинъ пѣхотный полкъ (Сальянскій), съ уходомъ котораго на войну военный элементъ былъ представленъ исключительно Каспійской военной флотиліей и ея береговымъ экипажемъ. Баиловъ мысъ (часть города), гдѣ расположены были военный портъ, арсеналы и доки военнаго флота, казармы морского вѣдомства и цѣлый рядъ военно-морскихъ учрежденій, — всегда представлялъ собою обособленную часть города, жившую своей жизнью. Какъ и вездѣ во флотѣ, такъ и во флотѣ Каспійскомъ, революція нашла наиболѣе горючій матеріалъ. Съ первыхъ же дней на Баиловѣ образовался свой органъ — Центрокаспій, представлявшій собою тотъ же, обычный въ тѣ дни, Совдепъ, состоявшій изъ представителей матросовъ и рабочихъ порта и арсеналовъ. Предсѣдателемъ Центрокаспія оказался избранъ врачъ (морской) Туркія (грузинъ), объявившій себя соц.-революціонеромъ; огромнымъ вліяніемъ пользовался также уже названный нами выше соц.-рев. Наджаровъ. Положеніе морскихъ офицеровъ по началу было очень неопредѣленное и офицеры были, что называется, на чеку. Была организована какая-то слѣдственная комиссія, отрѣшившая отъ командованія цѣлый рядъ офицеровъ; нѣкоторые изъ нихъ, и въ томъ числѣ и начальникъ флотиліи адмиралъ (фамилію не помню), были арестованы и подъ конвоемъ отосланы въ Петроградъ для суда надъ ними. Къ счастію, эксцессовъ не было. Наиболѣе лѣвыми по настроенію являлись рабочіе военнаго порта и арсеналовъ, куда проникли пропагандисты-большевики, и это очень тревожило Туркію и Наджарова, понимавшихъ, что полѣвѣніе матросской массы

приведетъ къ анархическимъ дѣйствіямъ, а дѣйствія эти, при наличности только у флота артиллеріи и довольно сильной, — могли представлять непосредственную угрозу и самому городу. Другая морская часть — морская авіаціонная школа, созданная во время войны и имѣвшая своимъ назначеніемъ служить авіаціонной базой для сборки и провѣрки боевыхъ гидроплановъ, — была настроена весьма умѣренно, и въ ней «кадеты» пользовались опредѣленнымъ политическимъ вліяніемъ. Этой авіаціонной школы бывшіе въ Баку лѣвые элементы опредѣленно побаивались, понимая боевое значеніе авіаціи, тѣмъ болѣе, что къ этому времени школа обладала большимъ количествомъ вполнѣ годныхъ боевыхъ гидроплановъ, бомбъ и богатымъ оборудованіемъ.

Довольно индиферентно по началу держался и запасный пѣхотный полкъ, посылавшій пополненіе въ дѣйствующую армію. Уже въ маѣ мѣсяцѣ дезорганизація стала все болѣе проявляться во флотѣ. Все въ странѣ стремилось къ власти, и это настроеніе заражало все болѣе и болѣе широкіе круги. Власть у болѣе умѣренныхъ уходила изъ рукъ. Въ концѣ мая, одинъ изъ чиновниковъ морского вѣдомства, занимавшій довольно видное мѣсто, черезъ жену свою обратился ко мнѣ за защитой. Морская слѣдственная комиссія обвиняла его въ рядѣ злоупотребленій, матросы были противъ него очень настроены, и, по требованію послѣднихъ, онъ содержался подъ стражей. Знакомясь съ его дѣломъ, я установилъ два факта: совершенную вздорность всѣхъ предъявленныхъ къ нему обвиненій, которыя къ тому же должны были быть направлены по адресу другого лица, и, во вторыхъ, что ожесточеніе значительно полѣвѣвшихъ къ тому времени матросскихъ массъ внушало серіозныя опасенія возможности какого-либо эксцесса. Послѣ ряда переговоровъ съ членами морской слѣдственной комиссіи и Центрокаспія, я добился освобожденія моего кліента изъ-подъ стражи и постановленія о препровожденіи его для дальнѣйшаго слѣдствія въ Петроградъ, куда онъ и выѣхалъ немедленно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, при изученіи дѣла я наткнулся въ дѣлахъ комиссіи на такую массу подлоговъ, явныхъ измышленій и проч., причемъ рядъ постановленій, основанныхъ на этихъ подлогахъ, имѣлъ подъ собою авторитетныя по тогдашнему времени подписи (въ томъ числѣ и доктора Туркія), что я счелъ своимъ долгомъ разсказать всю эту исторію въ печати, назвавъ всѣ имена полностью и названнымъ мною лицамъ поставилъ вопросъ — можно ли всю ихъ дѣятельность квалифицировать чѣмъ-либо инымъ, чѣмъ словомъ «подлогъ». Поднялась страшнѣйшая буря: матросы потребовали моего ареста, но, встрѣтивъ отпоръ у Прокурора Суда и у Исполкома, Центрокаспій постановилъ принять мѣры къ тому, чтобы я не могъ выѣхать никуда изъ города. Вмѣстѣ съ тѣмъ, докторомъ Туркія (однимъ) возбуждено было противъ меня обвиненіе въ клеветѣ въ печати. Давъ всѣ свои объясненія Судебному слѣдователю и потребовавъ провѣрки путемъ слѣдствія всѣхъ представленныхъ мною документовъ и другихъ доказательствъ, я черезъ Наджарова далъ знать въ морскіе круги, что такого-то числа я уѣзжаю въ Москву на операцію, которую, по совѣту врачей, мнѣ давно уже нужно было сдѣлать. И въ назначенный мною день мы спокойно уѣхали съ женой въ Москву, а оттуда, послѣ операціи, въ Пятигорскъ. Вернулся я въ Баку лишь въ первыхъ числахъ сентября.

VII

По пріѣздѣ я засталъ нашъ партійный кадетскій комитетъ въ разгарѣ работы по подготовкѣ къ выборамъ въ Городскую Думу. Будущей Думѣ, которая должна была придти на смѣну злосчастному Исполнительному Комитету Общественныхъ организацій, находившемуся уже всецѣло въ рукахъ соціалистовъ, придавалось большое значеніе всѣми умѣренными слоями демократіи.

Картина выборовъ въ Баку осложнялась двумя привходящими обстоятельствами: съ одной стороны, органомъ, наблюдавшимъ за производствомъ выборовъ и правильностью таковыхъ былъ все тотъ же пресловутый «Исполкомъ», съ другой стороны, кромѣ чисто политической борьбы партій, предвидѣлась еще и борьба національныхъ вліяній, что, въ свою очередь, значительно спутывало всѣ предварительные расчеты. Что за нами, кадетами, не пойдутъ татары, это мы учитывали уже заранѣе. Но намъ пришлось считаться и съ тѣмъ фактомъ, что и многіе армяне ушли изъ нашихъ рядовъ, причемъ послѣдніе, не считая для себя возможнымъ голосовать съ армянской партіей «Дашнакцутюнъ» (партіей армянскихъ націоналистовъ-революціонеровъ, слѣдовательно соціалистической), организовали новую партію «армянскую національно-демократическую», которую въ общежитіи называли «армянской кадетской» партіей.

Но, и кромѣ этихъ привходящихъ обстоятельствъ, появились на горизонтѣ новыя тучи. Въ связи съ неудачей, постигшей Корниловское выступленіе, подняли голову и большевики, почуявшіе, что провалъ Корнилова даетъ имъ лишній козырь для вящаго революціонизированія солдатскихъ массъ, которое уже стало проникать съ нашего Кавказскаго и, главное, Персидскаго фронтовъ, проходя дальше въ Россію.

Такимъ образомъ приходилось предвидѣть, что бороться будутъ не четыре-пять списковъ, а много больше: ихъ оказалось (если не ошибаюсь) двѣнадцать или тринадцать. Вотъ эти списки:

1) соц.-демократы меньшевики.
2) соц.-демократы большевики.
3) группа «Единство».
4) соціалъ-революціонеры.
5) партія «Народной Свободы» (к.-д.).
6) группа «Русскаго нац.-демократическаго Общества».
7) еврейская партія.
8) группа чиновниковъ.
9) армянская нац.-демократія.
10) армянская національно-революціонная партія «Дашнакцутюнъ»
11) мусульманская партія «Муссаватъ».
12) партія «Мусульманство въ Россіи» (Иттихадъ).
13) мусульманская партія «Гюмметъ» (большевики).

Мусульманскія партіи, понятно, не могли получить ничьихъ голосовъ, кромѣ голосовъ самихъ мусульманъ. И, несмотря на то, что еще весною на «Всемусульманскомъ Съѣздѣ» выяснилась сепаратистская позиція татаръ, все же часть изъ нихъ голосовала и за соц.-дем., соц.-рев., и даже нѣсколько десятковъ голосовъ было подано и за насъ, кадетъ.

Что представляли собою эти три мусульманскія партіи?

Отвѣтить на этотъ вопросъ исчерпывающимъ образомъ я не могу по недостатку въ моемъ распоряженіи матеріаловъ, но все же попытаюсь дать имъ нѣкоторую характеристику. — Партія «Гюмметъ», наименѣе вліятельная и самая малочисленная, представляла собою группу татаръ-большевиковъ, руководимую д-ромъ Нариманомъ, теперешнимъ Предсѣдателемъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ большевистской Азербайджанской республики (съ апрѣля 1920 года). Эта группа не слилась съ партіей «большевиковъ» изъ чисто тактическихъ соображеній, такъ какъ увлечь татарскія массы на путь коммунизма могли только свои же большевики-мусульмане. — Партія «Мусульманство въ Россіи» (программа ея неясна мнѣ и по сейчасъ) очень многочисленная, руководимая, съ одной стороны, д-ромъ Кара-беемъ-Карабековымъ*, съ другой стороны возглавлялась главарями элементовъ неспокойныхъ, по мѣстному именуемыхъ «кочи» (это означаетъ головорѣзы); по заявленію ихъ противниковъ-муссаватистовъ, партія «Мусульманство въ Россіи» — партія реакціонная, клерикальная и ультра-буржуазная. Вотъ и разберитесь, что это за партія и въ чемъ ея сущность.

Наиболѣе вліятельною была партія «Муссаватъ». Вождями ея являлся весь цвѣтъ татарской интеллигенціи, крупной буржуазіи и помѣщичьяго класса. Вліяніе ея несомнѣнно зиждилось на косности татарскихъ массъ и первобытномъ ихъ укладѣ, при которомъ массы всегда руководились людьми сильными имущественно или обладающими исключительнымъ общественнымъ или служебнымъ положеніемъ. Руководство массами происходило не въ силу раздѣленія этими массами идей, исповѣдуемыхъ вождями, а въ силу того, что вожди приказывали то или другое, обязательное къ исполненію. Партія «Муссаватъ», отмежевываясь отъ Россіи и принимая своимъ основнымъ тезисомъ принципъ «самоопредѣленія» народовъ, опредѣленно вела за собою татарскія массы къ полному разрыву съ Россіей; вмѣстѣ съ тѣмъ она опредѣленно тянулась къ связи съ Турціей.

Политическая программа ея въ вопросахъ внутренняго устройства страны, т. е. въ вопросахъ аграрномъ, рабочемъ, народнаго образованія и т. д. представляла собою смѣшеніе разныхъ соціалистическихъ программъ, что и давало право вождямъ партіи говорить, что партія «Муссаватъ» — соціалистическая. Но уже и въ Городской Думѣ, а впослѣдствіи въ Азербайджанскомъ Парламентѣ, мусульмане-соціалисты не безъ основаній упрекали и партію, и первое «Муссаватское Правительство» Хана-Хойскаго въ томъ, что ни сама партія, ни тѣмъ болѣе Правительство Хана-Хойскаго, не имѣютъ ничего общаго съ соціализмомъ и что послѣдній въ ихъ программѣ являлся на самомъ дѣлѣ вывѣской, прикрывавшей совершенно иную сущность. Многихъ изъ дѣятелей партіи «Муссаватъ» я зналъ лично и могу сказать, что это были типичные представители буржуазно-демократической доктрины. Они улыбались, когда приходилось имъ указывать на то, что они — не соціалисты, а октябристы, и говорили, съ глазу на глазъ, что

---

* Кара-бей-Карабековъ подозрѣвался въ службѣ въ охранкѣ; затѣмъ эмигрировалъ въ Турцію, такъ какъ подозрѣвался въ 1906 году въ похищеніи архи-милліонера Мусы Нагіева и подлежалъ аресту; въ Турціи работалъ вмѣстѣ въ партіей «Единеніе и прогрессъ», но за какія то продѣлки былъ исключенъ и долженъ былъ бѣжать; появился передъ войною 1914 года и пошелъ въ качествѣ врача на войну съ «Дикой» дивизіей. Послѣ революціи вновь вернулся въ Баку. Человѣкъ очень способный, прекрасный ораторъ и очень искусный политическій интриганъ. Боролся съ партіей «Муссаватъ». Послѣ прихода большевиковъ въ 1920 году былъ у нихъ Народнымъ Коммиссаромъ.

другого сейчасъ они ничего сдѣлать не могутъ, чтобы не дать противъ себя соціалистамъ лишняго оружія въ руки, какъ самимъ назваться соціалистами. — Что же это за партія? Отвѣчу, что собственно партіи никакой и не было, да и быть не могло, при той еще бо́льшей пропасти, которая отдѣляла главарей партіи отъ руководимыхъ ими массъ, чѣмъ та пропасть, которая отдѣляла русскую интеллигенцію отъ русскаго крестьянства и вообще народныхъ массъ.

Русская революція (вѣрнѣе «смута»), внеся дезорганизацію въ огромной странѣ, создала условія, наиболѣе льготныя для «политическаго авантюризма». Развѣ при другихъ условіяхъ среднихъ способностей адвокатъ, какимъ былъ покойный Фатали Ханъ Хойскій, или совершенно бездарный учитель Насибъбекъ Усуббековъ могли бы даже въ мечтахъ своихъ возвыситься до положенія «премьеръ-министровъ», правда крошечныхъ, но все же, хоть на время суверенныхъ государствъ, обмѣниваться телеграммами съ «самимъ» Вильсономъ или Клемансо и Ллойдъ Джорджемъ. И, это — еще лучшіе изъ представителей политическаго авантюризма. А сколькимъ изъ нихъ улыбалась лишь мысль, сѣвъ на министерскія, губернаторскія и иныя кресла, пожить всласть за чужой счетъ, навороваться и т. д.

Партія «Муссаватъ» это — одна, двѣ, много три сотни авантюристовъ и дѣльцовъ на верху, а внизу конгломератъ татарскихъ народныхъ массъ, привыкшихъ по указкѣ испоконъ вѣковъ дѣлать то, что прикажетъ ханъ, бекъ, губернаторъ, начальникъ и т. д.

Переходя къ партіямъ армянскимъ, я не останавливаюсь на «армянской національно.-демократической партіи», ибо физіономія ея въ достаточной степени уже ясна изъ сказаннаго выше.

Чисто національной и могущественной въ армянскихъ народныхъ массахъ является «армянская революціонная партія Дашнакцутюнъ». Партія эта создалась нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ въ Турціи подъ вліяніемъ тѣхъ ужасовъ и систематическихъ избіеній армянъ, которые угрожали полнымъ физическимъ истребленіемъ армянской націи въ Турціи. Партія поставила своей задачей спасеніе армянскаго народа и встала на путь революціонной борьбы съ турецкимъ правительствомъ и властью Султановъ. До 1907 года партія эта не вела въ Россіи никакой работы, привлекая армянскія массы въ Россіи лишь къ помощи въ борьбѣ ея въ Турціи. Но послѣ Вѣнскаго ея Съѣзда въ 1908 году подъ вліяніемъ безудержно прогрессировавшей въ Россіи реакціи и недовольная отношеніемъ Россійскаго Правительства къ дѣлу ея борьбы въ Турціи, партія «Дашнакцутюнъ» заявила, что, видя въ Россійскомъ Правительствѣ врага, имѣющаго возможность и власть улучшить положеніе армянъ въ Турціи и спасти ихъ отъ полнаго уничтоженія, она будетъ въ Россіи бороться съ правительственною властью до полнаго ея паденія, почему и примкнула къ партіи русскихъ соц.-революціонеровъ, не сливаясь съ нею, однако, и сохраняя свою націоналистическую сущность.

Послѣ паденія прежняго режима, съ началомъ русской революціи, когда все болѣе выяснялась возможность обособленія ея окраинъ, передъ партіей встала другая забота — борьба въ предѣлахъ бывшей Россіи за сохраненіе армянскаго народа отъ истребленія его тюркскими народами Россіи.

За армянскіе списки голосовали понятно только армяне, но все же часть армянъ голосовала и за соц.-дем., соц.-рев. и за кадетовъ (большинство); нѣсколько армянскихъ голосовъ подано и за «Плехановцевъ» («Единство»). Часть голосовъ, которые могли быть поданы за насъ, были поданы по списку еврей-

скому и по списку группы «руск. нац.-демокр. общества», какъ равно мы потеряли и всѣ голоса, поданные по списку «чиновниковъ», а также и всѣ голоса армянъ, голосовавшихъ по списку «армянск. нац.-демокр. партіи».

Кромѣ Городского (центр.) Комитета партіи «Народной Свободы» были организованы и рядъ районныхъ Комитетовъ, а въ нѣкоторыхъ районахъ, гдѣ предстояла особенно сильная борьба и по два Комитета, а также была организована и женская кадетская группа. Была произведена довольно тщательная регистрація членовъ партіи и сочувствующихъ ей при помощи многочисленныхъ платныхъ сотрудниковъ изъ учащейся молодежи обоего пола. Энергично раздавалась партійная литература, спеціально касавшаяся вопросовъ, связанныхъ съ городскимъ хозяйствомъ и самоуправленіемъ. Не менѣе энергично работала и газета «Народная Свобода».

Наша партія побила всѣ рекорды — на собраніяхъ и докладахъ, и митингахъ, въ особенности при выступленіяхъ М. Подшибякина и нѣкоторыхъ другихъ. Нерѣдки были случаи, когда въ одинъ и тотъ же день кадеты объявляли два-три митинга въ разныхъ концахъ города и вездѣ было полно.

Въ періодъ предвыборной агитаціи, во время выборовъ въ Городскую Думу, впервые оффиціально выступили большевики, считавшіе своимъ долгомъ являться положительно на всѣ наши публичныя выступленія. Здѣсь впервые увидѣли мы разнузданнаго «хама», того бунтаря, который шелъ уничтожать всю прежнюю Русь ради вящаго торжества «Интернаціонала», и услышали тѣ демагогическія рѣчи, которыя цинично звали ниспровергать все святое и дерзать на все — семью, вѣру, собственность, государство — ради равенства и счастья всѣхъ.

Задумались поневолѣ и соціалисты, и все чаще и чаще стали выступать и они въ качествѣ оппонентовъ ораторамъ изъ большевиковъ. Скажу по правдѣ, что выступленія соціалистовъ противъ большевиковъ были всегда неудачны, ибо большевики легко били ихъ на томъ, что они или не соціалисты вовсе, такъ какъ двухъ соціализмовъ нѣтъ, или же, что они — просто демагоги, скрывающіе свою политическую сущность.

Но были районы (заводской, напр.), куда намъ нечего было и соваться; насъ ожидалъ въ лучшемъ случаѣ моральный провалъ, а порою и хуже.

Соціалисты, добиваясь какъ можно больше провести своихъ въ Городскую Думу, провели, несмотря на довольно сильную оппозицію въ Исполкомѣ, проектъ о присоединеніи къ городу и всей промысловой площади, опредѣленно разсчитывая, что все промысловое рабочее населеніе подастъ голоса за нихъ. Но проэктъ этотъ былъ отклоненъ Закавказскимъ Комитетомъ.

Зато большевики добились другого: уже по окончаніи городскихъ выборовъ для какихъ-то проходившихъ мимо города дезорганизованныхъ воинскихъ частей были поставлены урны, которыя оказались переполненными большевистскими бюллетенями, благодаря чему и большевикамъ удалось по своему списку провести въ Думу нѣсколько гласныхъ. Не будь этого, пожалуй большевики и не были бы вовсе представлены въ Бакинской Городской Думѣ.

Результаты выборовъ, если память мнѣ не измѣняетъ, оказались слѣдующіе:

1)	Соц.-револ.	19 гласн.
2)	Соц.-дем. меньшевики	17 ,,
3)	Дашнаки	16 ,,
4)	Муссаватъ	16 ,,
5)	Мусульмане въ Россіи	12 ,,
6)	Соц.-дем. большевики	9 ,,
7)	Партія «Народной Свободы»	8 ,,
8)	Единство	3 ,,
9)	Евреи	3 ,,
10)	Армян. нац.-дем.	3 ,,
11)	Русск. нац.-дем.	2 ,,
		108 гласн.

Партіи эти въ Думѣ расположились такъ, считая слѣва на право:

1) Большевики.
2) Меньшевики.
3) Соц.-револ.
4) Дашнаки .
5) Муссаватъ.
6) Мусульмане въ Россіи.
7) Единство.
8) Ка-де.
9) Евреи.
10) Армян. ка-де.
11) Русск. нац.-дем.

Въ новой «демократической» Думѣ не оказалось центра, ибо дашнаки (армяне) и обѣ мусульманскія партіи относились другъ къ другу съ нескрываемымъ недовѣріемъ; лѣвое крыло, хотя и болѣе сплоченное, испытывало также опредѣленныя тренія. И наиболѣе сплоченнымъ, хотя и весьма малочисленнымъ, представлялось правое крыло, начиная отъ «Единства» и кончая русск. нац.-демократами — всего 19 гласныхъ.

Пройдя въ Думу 3-имъ или 4-ымъ по нашему списку, я, по тактическимъ соображеніямъ, ушелъ изъ числа гласныхъ, такъ какъ на мнѣ продолжало тяготѣть возбужденное д-ромъ Туркія обвиненіе въ клеветѣ, а самое дѣло продолжало лежать у Судебнаго Слѣдователя за невозможностью кого-то допросить или осмотрѣть какой-то документъ.

Началась и работа по выборамъ въ Учредительное Собраніе. Шансы на то, чтобы провести отъ партіи ка-де хотя бы одного члена, — были минимальные. Мы не могли разсчитывать ни на татаръ, ни на грузинъ, ни на армянъ, выставившихъ по нѣсколько національныхъ списковъ. Еще изъ числа армянъ нѣкоторые могли подать свои голоса за нашъ списокъ. Трудно было разсчитывать и на разлагавшійся уже Кавказскій фронтъ, гдѣ у насъ не было орга-

низацій *. Безнадежнымъ представлялось строить расчеты на сочувствіе къ идеямъ партіи со стороны русскаго крестьянства въ Закавказьи и среди сектантовъ; мы имѣли свѣдѣнія, что и крестьянство и сектанты уже распропагандированы соціалистами. — Оставалось разсчитывать лишь на тѣ голоса, которые были получены партіей при выборахъ въ Городскія Думы въ Тифлисѣ, Баку, Эривани, Батумѣ, Елизаветполѣ и нѣкоторыхъ другихъ.

Тѣмъ не менѣе и Областной Комитетъ (объединявшій все Закавказье), и Комитеты Бакинскій и Тифлисскій сдѣлали все для мобилизаціи своихъ избирателей.

Не остановились передъ приглашеніемъ интересныхъ лекторовъ изъ центра, мѣнялись своими лекторами; устраивали митинги во всѣхъ крупныхъ желѣзнодорожныхъ центрахъ по линіямъ желѣзныхъ дорогъ; разослали пропагандистовъ съ литературой куда только могли и, въ особенности, въ такіе города и поселки, гдѣ не было городскихъ выборовъ.

Избирательный метръ опредѣлился въ 40 т. голосовъ; за кадетскій списокъ подано было около 36 т. голосовъ, благодаря чему мы и не провели ни одного кандидата отъ Закавказья.

Первыми по Закавказью въ спискѣ нашемъ состояли: М. Фл. Подшибякинъ, о которомъ мы уже говорили, и Ю. Ф. Семеновъ — Предсѣдатель Областного Комитета партіи.

VIII

Уже въ октябрѣ мѣсяцѣ проходившія черезъ Баку, моремъ изъ Персіи, и черезъ узловую ст. Баладжары (по шоссе 8 верстъ отъ Баку) съ Кавказскаго турецкаго фронта, а также и шедшія изъ Туркестана черезъ Красноводскъ—Баку, воинскія части, представляли собою въ большинствѣ разложившіяся солдатскія массы, съ оружіемъ въ рукахъ стремившіяся къ себѣ на родину въ центральную Россію. Въ ноябрѣ развалъ фронта уже вполнѣ обозначился, и мужественный старикъ ген. М. А. Пржевальскій, герой Сарыкамыша и Эрзерума, стоявшій въ то время во главѣ командованія Кавказской арміей, уже не могъ ничего подѣлать.

Создавшійся къ тому времени Закавказскій Комитетъ, во главѣ съ Е. П. Гегечкори, распорядился закрыть для уходившихъ съ фронта войскъ г. Тифлисъ, опасаясь разграбленія его и богатѣйшихъ военныхъ запасовъ, въ немъ сосредоточенныхъ, солдатскими бандами; для этой цѣли узловая станція Навтлугъ (въ 5—6 верстахъ отъ Тифлиса), черезъ которую шло раньше сообщеніе съ фронтомъ какъ изъ Тифлиса, такъ и изъ центра Россіи, была закрыта и узловая станція была перенесена въ Каралзы, кажется, или еще дальше — однимъ словомъ, верстъ за 40—50 отъ города Тифлиса, благодаря чему воинскія части по желѣзной дорогѣ слѣдовали въ Россію, минуя Тифлисъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ же Комитетъ, учитывая и послѣдствія переворота, свергшаго Временное Правительство и давшаго власть большевикамъ, и развалъ фронта, и совершенное обнаженіе государственныхъ границъ, постановилъ разрѣшить формированіе національныхъ частей. Армяне и грузины, отбывшіе

* И тѣмъ не менѣе за списокъ ка-де было подано на фронтѣ около 2—3 тысячъ голосовъ.

воинскую повинность въ Россіи на общемъ основаніи, имѣли въ своей средѣ не мало кадровыхъ солдатъ и много офицеровъ, среди которыхъ было много весьма дѣльныхъ.

Въ иномъ совершенно положеніи оказались Закавказскіе татары, взамѣнъ личнаго отбыванія воинской повинности платившіе воинскій налогъ и имѣвшіе въ составѣ россійской арміи очень немного представителей среди офицерства.

Тифлисскіе интендантскіе арсеналы и склады заключали въ себѣ колоссальнѣйшіе запасы оружія, обмундированія, провіанта, фуража, всякаго снаряженія и т. д., разсчитанные на милліонную армію. Было, слѣдовательно, чѣмъ и вооружить и снабдить вновь формируемыя національныя воинскія части всѣхъ родовъ оружія, какъ армянамъ, такъ и грузинамъ, не говоря уже о томъ, что оружіе имѣлось при себѣ у каждаго изъ возвращавшихся къ себѣ на родину со всѣхъ фронтовъ воиновъ — грузинъ и армянъ.

Разрѣшено было и русскому населенію Закавказья формированіе особаго русскаго корпуса, во главѣ котораго сталъ, если не ошибаюсь, ген. Левандовскій.

Татарамъ въ выдачѣ оружія было или вовсе отказано, или же выдача такового была только обѣщана въ будущемъ, да и то въ незначительномъ количествѣ. Однако, и татары приступили тоже къ формированію національныхъ воинскихъ частей, которымъ оружіе и снаряженіе нужно было имѣть во что бы то ни стало. И на этой именно почвѣ разыгрались ужасающія кровавыя событія, извѣстныя подъ именемъ Шамхорскихъ событій.

Лица, стоявшія къ этимъ событіямъ ближе, прольютъ когда-нибудь на всю эту, поистинѣ, кошмарную исторію полный свѣтъ.

По почину ли самихъ татаръ (кого-либо изъ ихъ главарей), по указкѣ ли изъ Тифлиса, прилегающему къ линіи желѣзной дороги Тифлисъ—Баку, татарскому населенію дано было кѣмъ-то понять, что можно отнять оружіе у проходящихъ съ фронта русскихъ воинскихъ частей*. И, вотъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней на желѣзнодорожныхъ станціяхъ въ районѣ гор. Елизаветполя (въ особенности у ст. Шамхоръ, Далляръ, Даль-Маметлы и др.) на проходившіе воинскіе эшелоны произведенъ былъ, по преимуществу въ ночное время, рядъ нападеній татарскими вооруженными бандами. Поѣзда обычно тѣмъ или инымъ путемъ останавливались (даже путемъ подготовленныхъ заранѣе крушеній) и сонные, ничего не понимавшіе солдаты разстрѣливались и ограблялись. Въ то же время слѣдующіе эшелоны, ничего не знавшіе о томъ, что происходитъ впереди, продвигались впередъ и съ ними продѣлывалось то же самое.

Такъ продолжалось нѣсколько дней, пока, наконецъ, объ учиненныхъ татарами звѣрствахъ не дошла вѣсть по линіи въ сторону къ фронту. Эвакуировавшіяся съ фронта части хотѣли было измѣнить направленіе и пробиваться черезъ Тифлисъ на Батумъ, но ихъ не допустили въ сторону къ Тифлису бронепоѣзда, охранявшіе этотъ участокъ пути.

Вынужденные двигаться въ ту же сторону, то-есть на Елизаветполь—Баку, воинскія части, озлобленныя участью своихъ боевыхъ товарищей, пошли дальше

---

* Широкіе общественные круги связываютъ съ Шамхорскими событіями имя грузина полковника кн. Л. Магалова, стоявшаго со своимъ татарскимъ полкомъ «Дикой» дивизіи около города Елизаветполя, невдалекѣ отъ мѣста избіенія русскихъ воинскихъ частей.

уже какъ по вражеской странѣ, сметая по всему пути все татарское населеніе, принимавшее и не принимавшее участіе въ кровавыхъ Шамхорскихъ и иныхъ нападеніяхъ. Мѣстами войска шли боевымъ порядкомъ, громя все изъ орудій и пулеметовъ. Въ результатѣ было дѣйствительно разгромлено уходившими съ фронта войсками много цвѣтущихъ ауловъ, поселковъ и мѣстечекъ.

Далекую отъ истины информацію по этому предмету даетъ В. Станкевичъ (Судьбы народовъ Россіи, стр. 245), говоря, что «русская озлобленная и дезорганизованная армія катилась съ фронта, грабя и громя, главнымъ образомъ, мусульманское населеніе (по даннымъ мусульманъ при этомъ было разрушено до тла около 200 мусульманскихъ селеній)». Кромѣ мусульманскихъ селеній, ни одно селеніе другихъ національностей тронуто не было; цифра разрушенныхъ селеній мусульманъ безусловно преувеличена, ибо всякому, кто знаетъ Закавказье, ясно, что на 5—10 верстъ по обѣ стороны желѣзнодорожнаго пути, даже если считать весь путь отъ Баку до Тифлиса, расположено лишь нѣсколько десятковъ татарскихъ селеній.

Одна изъ воинскихъ частей, понесшихъ при столкновеніи съ татарами въ пути большія потери, привезла своихъ убитыхъ въ Баку, гдѣ и похоронила ихъ на кладбищѣ. Похороны соціалистическими организаціями были обставлены съ большой помпой и произвели на татарское населеніе весьма угрожающее впечатлѣніе; и въ татарскихъ частяхъ города ожидали эксцессовъ, которые, къ счастью, не имѣли мѣста. Настроеніе въ городѣ во всякомъ случаѣ было тревожное и ждали погрома татаръ.

Въ связи съ нароставшимъ все болѣе національнымъ разъединеніемъ, жизнь въ Закавказьи все болѣе усложнялась. Наростало недовѣріе татаръ къ армянамъ и обратно; ухудшались отношенія къ русскимъ со стороны и татаръ, и грузинъ. Передвиженіе по краю представителей одной національности въ мѣстахъ, населенныхъ другой національностью, недружелюбно или враждебно настроенной (какъ напр., армянъ черезъ татарскія провинціи), было не только затруднительно, но и опасно. Въ Баку скопилось около 8.000 армянъ-солдатъ, вернувшихся съ европейскихъ фронтовъ войны съ оружіемъ въ рукахъ. Слѣдовать одиночнымъ порядкомъ они опасались, такъ какъ имъ угрожала опасность отъ вооруженнаго татарскаго населенія; пропустить же ихъ эшелонами и въ видѣ воинскихъ частей не соглашалось татарское населеніе, опасаясь въ свою очередь эксцессовъ.

Населеніе, кромѣ русскаго, лихорадочно вооружалось въ ожиданіи какихъ-то грядущихъ событій.

Озлобленіе татаръ, вызванное въ нихъ тѣми потерями, которыя понесло татарское населеніе въ результатѣ Шамхорскихъ событій, вылилось въ такъ-называемыя Муганскія столкновенія: Муганская степь, расположенная въ нижнемъ теченіи рѣкъ Куры и Аракса и сѣверной части Ленкоранскаго уѣзда, до того совершенно безплодная и кишѣвшая всякими гадами, въ теченіе послѣднихъ 40—50 лѣтъ, съ поселеніемъ на ней русскихъ, но большей части сектантовъ (главнымъ образомъ, молоканъ) и съ устройствомъ на ней ирригаціи, расцвѣла и превратилась въ одну изъ плодороднѣйшихъ и богатѣйшихъ мѣстностей не только Закавказья, но и всей Россійской Имперіи. Появились богатѣйшія поселенія подчасъ съ населеніемъ, доходившимъ до нѣсколькихъ тысячъ

человѣкъ. Хлопокъ, клещевина, клеверъ, всякіе хлѣба, съ одной стороны, рыбные промыслы, съ другой, давали трудолюбивому русскому населенію (и сектантамъ, и православнымъ) огромные излишки, сверхъ необходимаго на прожитокъ. Населеніе богатѣло и примѣромъ своимъ будило къ подражанію и косное татарское населеніе, которое начинало перенимать у русскихъ ихъ способы обработки. Отношенія между населеніемъ русскимъ и татарскимъ не оставляли желать лучшаго; татары нѣсколько побаивались русскихъ, помня, какъ нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ только-что поселившіеся русскіе переселенцы жестоко расплачивались съ окрестнымъ туземнымъ населеніемъ за всякое причиняемое ему зло (кражи, угонъ скота, разбои, убійства). — И русскіе, и татары жили мирно и добрососѣдски. Правда, порою приходилось слышать отъ ярыхъ націоналистовъ татаръ, что русское правительство неправильно заселило богатѣйшую Муганскую степь русскими выходцами и лишило туземное населеніе этихъ богатѣйшихъ земель (къ слову сказать, въ теченіе столѣтій остававшихся незапаханными и безплодными).

Съ началомъ революціи и по мѣрѣ все большаго ея углубленія и соотвѣтственнаго ослабленія русской власти, татарскіе націоналисты стали все громче подымать свой голосъ. Лозунгъ — «Закавказье для Кавказцевъ» рѣшалъ по ихъ мнѣнію всѣ вопросы о дальнѣйшемъ существованіи русскаго населенія въ Закавказьи. Все чаще (даже и въ прессѣ) раздавались голоса, что русскимъ пора уходить изъ Закавказья, уступивъ насиженныя ими мѣста природнымъ ихъ владѣльцамъ-татарамъ.

Въ концѣ декабря 1917 года, точно по приказу, начался разгромъ татарскими вооруженными бандами цвѣтущей верхней Мугани. Было разгромлено до 30-ти богатѣйшихъ селеній; разгромъ этотъ начался такъ неожиданно, что русское населеніе не оказало почти никакого сопротивленія. Но уже Средняя и Нижняя Мугань не только подготовились къ защитѣ, но и сами, въ свою очередь, истребили всѣ тѣ татарскія поселенія, которыя находились или въ ближайшемъ ихъ сосѣдствѣ, или вклинивались въ полосу русскаго поселенія. — Мугань стала вооруженнымъ станомъ въ особенности послѣ возвращенія съ фронта солдатъ, уроженцевъ Мугани.

Та же приблизительно картина наблюдалась и въ частяхъ Геокчайскаго и, въ особенности, Шемахинскаго уѣздовъ, гдѣ также имѣлось много русскихъ поселеній. Этому русскому сельскому населенію не на кого было опереться съ паденіемъ русской національной власти. Власть же Кавказская — Закавказскій Комитетъ — была занята своими внутренними и внѣшними національными дѣлами и ей было не до защиты чуждаго ей въ этотъ моментъ русскаго населенія. Передъ Кавказской Властью вставали, съ одной стороны, грозный призракъ торжествующаго русскаго большевизма, съ другой — реальная угроза со стороны Турціи.

Народившееся въ Баку безпартійное (въ него входили персонально правые эс-эры, кадеты и правыя политическія группы) «Русское Національно-Демократическое Общество» (выставившее свой списокъ и на городскихъ выборахъ въ Баку) энергично взялось за дѣло помощи бѣдствующему русскому населенію. Правильно считая, что въ переживаемой эпохѣ всѣ вопросы и политическаго, и физическаго существованія рѣшаются реальной силой, «Русское Нац.-Демокр. Общество» вступило въ ближайшее соглашеніе съ командованіемъ русскаго «національнаго» корпуса въ Тифлисѣ и провело на Мугани формированіе нѣ-

сколькихъ русскихъ пѣхотныхъ полковъ и артиллеріи, и дѣятельно снабжало русское населеніе оружіемъ и патронами, собирая на это необходимыя денежныя средства.

Отношенія армянъ и татаръ послѣ событій 1905—1906 гг., когда междуусобная ихъ вражда дошла до открытаго столкновенія, сопровождавшагося взаимными массовыми избіеніями, были испорчены въ конецъ.

Бывъ свидѣтелемъ этихъ столкновеній, могу сказать съ полной увѣренностью, что они были инспирированы русской правительственной властью, воспользовавшейся существовавшимъ втайнѣ антагонизмомъ этихъ двухъ народностей, хотя и не проявлявшимся до того внѣшнимъ образомъ, но находившимъ себѣ опредѣленное объясненіе въ симпатіяхъ армянъ и мусульманъ русскихъ къ своимъ зарубежнымъ единоплеменникамъ въ Турціи. Баку и его районъ въ 1905 году, во время первой русской революціи, представлялъ серіозный политическій очагъ, и русское правительство созданіемъ этой національной междуусобной распри ликвидировало нароставшее политическое движеніе, запугавъ населеніе призракомъ гражданской войны.

Случайно на меня выпала тяжелая обязанность быть защитникомъ во всѣхъ положительно дѣлахъ объ армяно-татарскихъ столкновеніяхъ, разбиравшихся военными судами съ примѣненіемъ законовъ военнаго времени. И ни въ одномъ изъ этихъ дѣлъ не удалось доискаться до истинныхъ причинъ этихъ столкновеній и до именъ дѣйствительныхъ ихъ вдохновителей. И лишь въ процессѣ объ убійствѣ Бакинскаго губернатора кн. Накашидзе, убитаго бомбой (защищалъ вмѣстѣ со мной и присяжный повѣренный А. С. Зарудный), брошенной армянскими террористами, удалось пролить свѣтъ на роль кн. Накашидзе и вообще русской администраціи въ дѣлѣ организаціи этихъ погромовъ, причемъ администрація опредѣленно инспирировала татаръ на эти погромы, снабжая ихъ и оружіемъ.

Отношенія армянъ и татаръ съ 1905—1906 гг. были испорчены и, хотя внѣшнимъ образомъ и не проявлялись ни въ чемъ, но взаимное недовѣріе и подозрительность проявлялись весьма рѣзко.

И чѣмъ больше проявлялся сепаратизмъ татаръ, тѣмъ болѣе въ широкихъ армянскихъ массахъ (не говоря уже объ интеллигенціи и вообще о верхахъ) преобладала чисто русская оріентація по мѣрѣ все большаго углубленія всероссійской «смуты». Въ армянахъ властно говорилъ инстинктъ самосохраненія, подсказывавшій имъ, что изолированность ихъ территоріальнаго разселенія угрожаетъ имъ смертельной опасностью отъ окружавшихъ ихъ тѣснымъ кольцомъ мусульманскихъ народностей, не сулившихъ имъ, судя по примѣру ихъ турецкихъ зарубежныхъ братьевъ, ничего хорошаго въ будущемъ. Это именно психологическое состояніе армянъ объясняетъ и ихъ склонность идти даже съ большевиками. Армяне откровенно говорили: «мы съ русскими, будь они даже и большевики».

Привыкнувъ издавна къ борьбѣ за свое физическое существованіе, армяне дѣятельно готовились къ событіямъ, надвигавшимся съ очевидной неизбѣжностью.

IX

При изложеніи исторіи выборовъ въ Городскую Думу намъ пришлось упоминать, что большевики къ этому времени уже объявились оффиціально въ ряду другихъ политическихъ партій.

Въ Баку существовалъ совершенно открыто рядъ большевистскихъ организацій и въ городѣ было опредѣленно извѣстно, что у нихъ имѣется свой штабъ и что они дѣятельно подготовляются къ выступленію.

Фракція большевиковъ въ Городской Думѣ, пользуясь разбродомъ соціалистическихъ силъ, вела соціалистовъ за собой по пути максимализма. Со дня на день постановленія Городской Думы становились все болѣе демагогическими. Истинные интересы городского хозяйства, до которыхъ соціалистамъ всѣхъ оттѣнковъ не было никакого дѣла (ибо имъ, пришлымъ людямъ, интересы плательщиковъ и демократическихъ слоевъ населенія были чужды), были принесены въ жертву цѣлямъ усиленія соціалистами своего политическаго вліянія. Расшатанные революціей городскіе финансы расшатывались еще больше путемъ широкой выдачи денегъ изъ городского сундука на удовлетвореніе самыхъ несуразныхъ требованій городскихъ служащихъ и рабочихъ. Изъ той же городской кассы выдавались деньги и бастующимъ рабочимъ промысловаго района (къ городу не принадлежавшаго), и морякамъ торговаго флота и пр., и пр. Не хватавшія на всѣ эти операціи средства извлекались сначала путемъ учета въ Банкахъ краткосрочныхъ обязательствъ Городской Управы, а когда изсякъ и этотъ источникъ (банки перестали вѣрить), Городская Дума приступила къ печатанію своихъ собственныхъ денегъ — бакинскихъ «бонъ».

Подъ вліяніемъ соціалистовъ, шедшихъ послушно за большевиками, Городское самоуправленіе вмѣшивалось положительно во всѣ сферы жизни горожанъ. При этомъ преслѣдовалась одна лишь опредѣленная цѣль: всѣ мѣропріятія имѣли цѣлью привлеченіе пролетарскихъ массъ подъ эгиду соціалистическихъ группъ и, въ частности, большевиковъ, обѣщавшихъ массамъ больше другихъ. Въ сущности проводилась самая беззастѣнчивая демагогія. Вмѣстѣ съ тѣмъ большевики очень ревностно слѣдили за дѣятельностью тѣхъ группъ и партій, которыя продолжали съ ними идейную борьбу.

Помню, между прочимъ, такой инцидентъ: Комитетъ партіи «Народной Свободы» выпустилъ анонимную листовку (не помню, кто былъ ея авторомъ), въ которой очень хлестко и мѣтко характеризовалась разрушительная и явно антигосударственная работа большевиковъ. Появилась эта листовка, кажется, въ первыхъ числахъ января 1918 г.; она произвела очень сильное впечатлѣніе и буквально расхватывалась повсюду.

Прошло нѣсколько дней и, вдругъ, какъ то поутру въ помѣщеніе Комитета явилась боевая дружина большевиковъ и, несмотря на протесты дежурнаго члена Комитета и служащихъ, ею былъ произведенъ обыскъ, причемъ большевикъ тов. Джапаридзе,* руководившій обыскомъ, заявилъ, что они ищутъ доказательствъ, что такъ не поправившаяся имъ листовка напечатана у насъ. И, хотя обыскъ не далъ никакихъ результатовъ, было заявлено, что дѣятельность наша находится подъ наблюденіемъ.

---

* Этотъ самый Джапаридзе былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ комиссаровъ большевистскаго правительства, продержавшагося въ Баку съ Апрѣля по Іюль. Въ Августѣ 1918 г. онъ былъ разстрѣлянъ англичанами въ Закаспіи.

Налеты большевиковъ, преслѣдовавшихъ цѣли (по ихъ словамъ) борьбы съ контръ-революціей, становились все чаще. И все же многіе изъ русскихъ общественныхъ дѣятелей (не скрою, что и я былъ въ ихъ числѣ) не допускали не только мысли, чтобы выступленіе большевиковъ въ Баку и захватъ ими власти оказался возможнымъ, но даже не допускали самой возможности подобнаго выступленія. При наличности двухъ компактныхъ національныхъ массъ — армянъ и татаръ, въ большинствѣ своемъ настроенныхъ буржуазно, большевикамъ, полагали мы, не на кого было бы опереться въ населеніи.

Одновременно съ этимъ, въ группѣ горожанъ, не соціалистовъ, учитывавшихъ, что усиливавшійся развалъ городского хозяйства и управленія приведетъ къ катастрофѣ, которая поразитъ одинаково всѣ классы населенія и съ особой силой отразится на бѣднѣйшемъ населеніи, возникла мысль объ организаціи самопомощи населенія. Во главѣ этой организаціи стали уже названные мною присяжные повѣренные А. К. Леонтовичъ и Я. Н. Смирновъ и одинъ изъ старѣйшихъ горожанъ — прис. повѣр. М. Я. Шоръ.

Предположенная организація — «Центродомъ» должна была объединить стройную систему «домовыхъ Комитетовъ», на которую возлагалось осуществить все то, что въ сущности входило въ ближайшія задачи Городского Самоуправленія и, прежде всего, охрана безопасности гражданъ.

Домовые Комитеты и ихъ объединенія — участковые, районные и «Центральный» домовые Комитеты брали на себя исполненіе цѣлаго ряда функцій и обязанностей, которыхъ въ то время не несъ никто: регистрація населенія, наблюденіе за чистотой и порядкомъ въ домахъ и на улицахъ, охрана безопасности въ домахъ и на улицахъ, въ особенности въ ночное время, борьба съ огнемъ и т. д. Къ образовавшейся иниціативной группѣ въ самое короткое время примкнулъ рядъ энергичныхъ людей, безъ различія партій, и этой значительно расширенной группѣ удалось добиться согласія Городского Самоуправленія на утвержденіе всего плана предположенной организаціи и разрѣшено было приступить къ открытію дѣйствій. Черезъ двѣ-три недѣли были произведены выборы, и у насъ въ городѣ появилась мощная и принесшая огромную пользу впослѣдствіи организація «Центродомъ».

Чѣмъ ниже падала дѣятельность Городского Самоуправленія и его органовъ, тѣмъ болѣе всѣ нормальныя функціи и Управы, и Думы переходили къ «Центродому» и его органамъ. Весьма скоро жизнь заставила «Центродомъ» взять на себя и всѣ заботы о питаніи населенія, о снабженіи его предметами первой необходимости, заботы по борьбѣ съ эпидеміями и проч.

Душою «Центродома» съ самаго же начала былъ упомянутый А. К. Леонтовичъ, который безсмѣнно до іюля 1919 года оставался Предсѣдателемъ «Центральнаго Домового Комитета». Забросивъ свою профессіональную дѣятельность и всѣ свои личныя (многочисленныя) дѣла, покойный нынѣ, А. Леонтовичъ весь отдался созданному имъ дѣлу, сумѣвъ привлечь къ нему интересъ во всѣхъ слояхъ населенія, многонаціональнаго и разноязычнаго. Если близкіе люди въ шутку звали его «Центродомъ», то многіе изъ числа населенія звали его такъ совершенно въ серьезъ, до того личность его была не отдѣлима отъ его дѣятельности.

И какихъ только «Центродомъ» не имѣлъ органовъ: пекарни, потребительные кооперативы, закупочныя организаціи, больницы, дѣтскіе пріюты, образовательные курсы и т. д. Буквально, не было той выдвигаемой жизнью нужды или потребности, на которую бы ни откликнулся «Центродомъ».

Дѣятельность эта осуществлялась и при большевикахъ, въ дни осады турокъ, при владычествѣ турокъ, при англичанахъ, при Азербайджанскомъ Правительствѣ.

Отсутствовавшій съ іюля 1919 года по мартъ 1920 года А. К. Леонтовичъ въ апрѣлѣ 1920 года въ первые же дни занятія г. Баку большевиками былъ ими арестованъ и въ ту же ночь разстрѣлянъ въ тюрьмѣ, какъ контръ-революціонеръ и «деникинецъ».

Чтобы закончить характеристику личности А. К. Леонтовича, много поработавшаго на общественной нивѣ, скажу еще: Когда въ мартѣ мѣсяцѣ 1918 года въ городѣ произошло вооруженное выступленіе «большевиковъ» и выяснилось, что татары не удержатся, А. Леонтовичъ, жившій въ наиболѣе угрожаемой части города въ армянскомъ домѣ, несмотря на просьбы всѣхъ его близкихъ, не хотѣлъ уйти изъ дома, въ которомъ жилъ, ссылаясь на то, что уходъ его изъ дома произведетъ деморализирующее впечатлѣніе на сосѣдей и на околотокъ; онъ ушелъ изъ дома только тогда, когда домъ, подожженный татарами, былъ уже весь въ пламени и, выбѣжавъ на улицу съ женою и трехлѣтнимъ единственнымъ сыномъ, попалъ подъ уличный обстрѣлъ и на его глазахъ былъ убитъ пулей въ сердце его ребенокъ и разрывной пулей тяжело ранена была его жена.

X

Баку и его нефтепромышленный районъ съ его колоссальными запасами нефтяного топлива, безъ котораго должны были стать въ Россіи вся промышленность, желѣзнодорожное и пароходное движеніе, поставили передъ новымъ властелиномъ Россіи — большевиками — неотложную задачу захвата Баку. Навигація въ Баку начинается обыкновенно въ началѣ марта, ибо къ этому времени обычно очищается отъ льда устье рѣки Волги и рейдъ.

Приближеніе момента выступленія большевиковъ опредѣленно чувствовалось всѣми слоями населенія. Большевики и не думали вовсе скрывать свои намѣренія. Всякими правдами и неправдами у приходившихъ воинскихъ частей отбиралась та или другая часть оружія (въ особенности пулеметы) и снаряженіе; была задержана матеріальная часть нѣсколькихъ батарей. Каспійскій флотъ былъ весь распропагандированъ.

Къ моменту готовившагося выступленія большевиковъ, въ городѣ были задержаны, при содѣйствіи желѣзнодорожниковъ, нѣсколько воинскихъ пѣхотныхъ частей, шедшихъ съ фронта.

Одна лишь морская авіаціонная школа не только не раздѣляла плана большевиковъ, но и была опредѣленно настроена противъ этого выступленія, что до извѣстной степени смущало большевиковъ.

Силъ для овладѣнія въ городѣ властью было достаточно. И тѣмъ не менѣе, если бы и армяне, и мусульмане оказали большевикамъ совмѣстно энергичное сопротивленіе, попытка большевиковъ имъ бы навѣрное не удалась. И большевики это отлично учитывали и потому всѣ свои усилія направили на то, чтобы расколоть возможный союзъ этихъ двухъ національностей.

Изъ разсказаннаго выше видно, что поводовъ къ взаимному недовѣрію и даже къ непріязни было достаточно. И тѣмъ не менѣе наиболѣе умѣренно настроенные вожди обѣихъ національностей и люди изъ ихъ среды, смотрѣвшіе

въ даль и оцѣнивавшіе возможныя послѣдствія надвигавшихся событій, старались искренно повліять на элементы, наиболѣе возбудимые.

Изъ числа русскихъ всѣ тѣ общественные дѣятели, которые пользовались какимъ бы то ни было вліяніемъ среди армянъ и татаръ, энергично работали надъ тѣмъ, чтобы какъ-нибудь поддержать общій фронтъ противъ большевиковъ. Происходили неоднократно свиданія руководителей той и другой національностей — Армянскаго и Мусульманскаго Національныхъ Комитетовъ.

Наканунѣ выступленія большевиковъ, вечеромъ 24-го марта 1918 года (по ст. ст.), я былъ на засѣданіи Городской Думы. Часовъ около 7-ми вечера по телефону дали знать, что на Петровской Набережной происходитъ вооруженное столкновеніе между большевиками-матросами и производившимъ погрузку въ Ленкорань эшелономъ «Дикой» дивизіи подъ командой корнета Али Асадуллаева. Засѣданіе Думы было прервано и въ результатѣ краткаго совѣщанія бывшіе на лицо представители армянъ, татаръ и нѣкоторые русскіе отправились къ большевикамъ и на мѣсто столкновенія, и, казалось, все было приведено къ спокойствію. Но, выйдя изъ зданія Думы, я увидѣлъ на улицѣ густыя толпы татаръ, вооруженныхъ до зубовъ, спѣшившія изъ всѣхъ нагорныхъ татарскихъ частей къ мѣсту бывшаго столкновенія.

На улицахъ было неспокойно, и я прошелъ по близости къ одному пріятелю-татарину, у котораго остался ночевать. Около 11 часовъ вечера намъ позвонили по телефону, что инцидентъ улаженъ, причемъ татарская воинская часть временно сдала оружіе матросамъ-большевикамъ.

Такъ какъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ Армянскій Національный Комитетъ категорически завѣрилъ, что, въ случаѣ какого-либо столкновенія между татарами и большевиками, армяне останутся нейтральными, то можно было надѣяться, что все обойдется благополучно.

На другой день, поутру, возвращаясь къ себѣ домой, я почти совсѣмъ успокоился: на улицахъ все было спокойно, хотя малолюдно и лишь поражало отсутствіе извозчиковъ. При переговорахъ по телефону отовсюду получались успокоительныя сообщенія.

Но около 4-хъ часовъ дня мнѣ позвонилъ по телефону А. К. Леонтовичъ и сообщилъ, что сейчасъ происходятъ горячіе переговоры на Баиловѣ (морская территорія) между большевиками и представителями татаръ, потребовавшими возвращенія оружія, отобраннаго наканунѣ вечеромъ у всадниковъ «Дикой» дивизіи; что переговоры эти врядъ ли приведутъ къ благополучному концу; и что перемиріе, если дѣло не закончится миролюбиво, кончается въ 5 час. дня.

Я жилъ въ центральной части города, въ большинствѣ населенной армянами, причемъ изъ оконъ моей квартиры открывался съ двухъ сторонъ видъ почти на весь городъ и рейдъ.

Около 5 часовъ дня загремѣли первые орудійные выстрѣлы судовъ Каспійскаго флота, отошедшаго нѣсколько вглубь рейда. Дымки разрывовъ ясно были видны въ нагорной части города, густо населенной татарами. Вскорѣ затрещали пулеметы въ разныхъ сторонахъ и одновременно послышалась сильная ружейная стрѣльба. Орудійная канонада все усиливалась.

Населеніе попряталось по домамъ; зашедшіе къ намъ, еще до начала открытія военныхъ дѣйствій, знакомые остались у насъ, не рискнувъ добираться уже до дому.

Въ теченіе 4-хъ дней въ городѣ былъ буквально адъ. Къ счастью телефонъ продолжалъ дѣйствовать, и это была наша единственная связь съ людьми близкими. Ежеминутно получались самыя разнообразныя сообщенія.

По началу татары имѣли успѣхъ; говорили, что у нихъ была артиллерія, и что она наноситъ большой уронъ большевикамъ. Но уже на второй день стало ясно, что татарамъ не устоять въ неравной борьбѣ.

Армянскій Національный Комитетъ съ своей стороны, принималъ мѣры къ тому, чтобы сдержать армянскія массы отъ участія въ столкновеніи. Но Комитетъ партіи «Дашнакцутюнъ» рѣшилъ принять активное участіе въ борьбѣ и «Дашнакцакане» повели наступленіе на татарскія позиціи; къ нимъ примкнули и армяне-солдаты, томившіеся уже нѣсколько мѣсяцевъ въ городѣ и не имѣвшіе возможности, по указаннымъ выше причинамъ, добраться къ себѣ домой.

Озлобленіе съ обѣихъ сторонъ все усиливалось; большевистско-татарское столкновеніе начинало пріобрѣтать характеръ національнаго столкновенія, причемъ противъ татаръ, кромѣ большевиковъ, выступали все бо́льшія массы армянъ.

Огонь судовой артиллеріи становился все сильнѣе и разрушительнѣе; артиллерія большевиковъ била на выборъ; одинъ за другимъ сносились зданія, особенно дорогія въ глазахъ мусульманъ: большая мечеть «Джума», домъ мусульманскаго благотворительнаго общества, редакція и типографія старинѣйшей газеты «Каспій» (татарофильской, но выходившей на русскомъ языкѣ), дома богачей-татаръ. Начались пожары. Положеніе татаръ все ухудшалось и, наконецъ, они дрогнули: начался массовой исходъ татаръ изъ города въ окрестности.

Несчастное населеніе татарскихъ частей города, бросая имущество на произволъ судьбы, спѣшило уйти изъ-подъ убійственнаго огня артиллеріи и пулеметовъ и скрыться гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ.

Начались попытки къ прекращенію дальнѣйшаго кровопролитія, переговоры тянулись безъ конца, ибо большевики требовали сдачи безъ всякихъ условій съ выдачей всего оружія и извѣстнаго числа заложниковъ. *

На третій день мы получили тревожныя свѣдѣнія о несчастной судьбѣ брата моей жены, А. К. Леонтовича, а черезъ часъ къ намъ домой были привезены самъ обезумѣвшій отъ горя А. Леонтовичъ, тяжело раненая разрывной пулей навылетъ въ грудь его жена и трупъ ихъ трехлѣтняго единственнаго сына.

29-го марта по телефону я получилъ сообщеніе, что военныя дѣйствія будутъ прекращены, такъ какъ достигнуто соглашеніе между враждебными сторонами. И, дѣйствительно, огонь сталъ стихать и часамъ къ 2-мъ въ городѣ все какъ-то сразу затихло. Вмѣстѣ съ тѣмъ стало извѣстно, что въ городѣ образовалась большевистская власть и во главѣ ея сталъ Степанъ Шаумянъ, назначенный Верховнымъ Комиссаромъ всего Кавказа приказомъ изъ Москвы. Въ тотъ же день большевиками было объявлено въ Баку осадное положеніе

---

* На рѣшеніе большевиковъ о прекращеніи дальнѣйшихъ боевыхъ противъ татаръ дѣйствій повліяло не столько ненужность дальнѣйшаго кровопролитія, сколько категорическое заявленіе двухъ пѣхотныхъ русскихъ полковъ, при возвращеніи съ фронта умышленно задержанныхъ большевиками въ городѣ — полки эти, не принимавшіе никакого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ большевиковъ, категорически заявили, что, если большевики не прекратятъ дальнѣйшаго кровопролитія, то полки эти немедленно сами выступятъ противъ большевиковъ. Угроза эта была весьма серіозной, ибо эти два полка боевого состава представляли свыше 8000 человѣкъ бойцовъ.

и городъ былъ подчиненъ Коменданту прапорщику Авакіяну, извѣстному своей предшествующей дѣятельностью по разложенію воинскихъ частей.*

На другой же день Комитетъ партіи «Народной Свободы» имѣлъ конспиративное засѣданіе, на которомъ рѣшено было временно пріостановить дѣятельность и принять мѣры къ сокрытію всѣхъ дѣлъ Комитета и документовъ.

Мнѣ не разъ пришлось слышать впослѣдствіи отзывы, что въ «мартовскіе дни» 1918 года армяне безпощадно истребляли татаръ. Справедливость заставляетъ меня сказать, что это — далеко не вѣрно.

Въ результатѣ уличныхъ боевъ погибло не мало и армянъ и среди нихъ много выдающихся людей, какъ, напримѣръ, д-ръ Леонъ Атабекянъ, одинъ изъ лидеровъ эс-эровъ, сынъ другого виднаго общественнаго дѣятеля и члена армянскаго Національнаго Комитета Г. Б. Теръ-Микелянца, боевой офицеръ, пробывшій всю войну на фронтѣ, и много другихъ, коихъ сейчасъ не вспомню. Около 3.000 татаръ было спасено армянами и интернировано на время событій въ огромномъ театрѣ бр. Маиловыхъ, гдѣ ихъ все время поили и кормили. Среди спасенныхъ армянами татаръ было много представителей буржуазіи и общественныхъ дѣятелей и даже такой явный армянофобъ, какъ инженеръ Бейбутъ-Ханъ Джеванширъ, одинъ изъ организаторовъ и руководителей массового избіенія армянъ въ сентябрьскіе дни того же года, послѣ взятія Баку турками и азербайджанцами.

Кто первый началъ военныя дѣйствія въ памятные «мартовскіе» дни? Мнѣ лично доискаться этого не удалось и знаютъ это лишь тѣ, кто стоялъ въ то время во главѣ событій, но полагаю, что обѣ стороны — и большевики, и татары — шли одинаково неудержимо навстрѣчу событіямъ.

Надо при этомъ имѣть въ виду, что партія «Муссаватъ», послѣ національнаго разграниченія Закавказья (но еще до оффиціальнаго отторженія Закавказскихъ республикъ отъ Россіи, послѣдовавшаго мѣсяцемъ позже), считала Баку своею національною вотчиной и стремилась занять въ Баку доминирующее положеніе. Къ этому же стремились и большевики въ силу указанныхъ уже выше причинъ. Армяне въ большинствѣ тяготѣли къ Россіи и характерно, что даже у насъ, въ кадетскомъ комитетѣ правовѣрные кадеты изъ армянъ стояли на той точкѣ зрѣнія, что на Кавказѣ большевики дѣлаютъ «русское» дѣло. Русскіе рабочіе стояли въ то время въ большинствѣ уже на большевистской платформѣ; остальное же русское населеніе, явно не сочувствовавшее большевизму, не представляло собой никакой дѣйственной силы.

Какъ велики были потери, понесенныя татарами во время «мартовскихъ» дней? Оффиціальнаго ихъ подсчета никогда не было сдѣлано, да это и вообще представлялось бы невозможнымъ. Сами татары на первыхъ порахъ называли цифру убитыхъ и раненыхъ въ 6.000 человѣкъ; думаю, что цифра эта подъ вліяніемъ перенесенныхъ ужасовъ и страха была преувеличена. Поэтому цифры, называвшіяся впослѣдствіи — 15, 20 и болѣе тысячъ, — явно фантастическія.

---

* Авакіянъ — недоучившійся студентъ, офицеръ военнаго времени, все время скрывавшійся въ тылу; кокаинистъ и неврастеникъ; разстрѣлянъ въ числѣ 26-ти большевистскихъ Бакинскихъ главарей въ августѣ мѣсяцѣ 1918 г. англичанами въ Закаспійскомъ краѣ

Во всякомъ случаѣ, необходимо отмѣтить, — что и со стороны татаръ, и со стороны армянъ было проявлено много случаевъ звѣрствъ: не только убивали, но и надругались надъ своими жертвами и тѣ, и другіе.

XI

Исходъ татаръ, начавшійся еще въ самые дни «мартовскихъ» событій, обратился въ поголовное бѣгство. Татары, спасшіе свою жизнь, боялись за свою свободу, ибо большевики принялись массами арестовывать татаръ (больше — по доносамъ) и, въ особенности, всѣхъ тѣхъ, которые хоть сколько-нибудь возвышались надъ уровнемъ пролетарскихъ классовъ; обвиненія, если и предъявлялись, то — или въ контръ-революціонности или въ принадлежности къ «бекско-ханской» партіи «Муссаватъ».

Немедленно-же начались (для насъ это было еще вновь) политическіе и соціальные эксперименты, составляющіе систему большевистскаго государственнаго управленія: подъ лозунгомъ конфискаціи буржуазныхъ капиталовъ были закрыты и ограблены банки вмѣстѣ съ ихъ сейфами; произведена реквизиція товаровъ въ магазинахъ и на складахъ.

Мѣры эти тотчасъ же привели къ фактическому уничтоженію всякой торговли, закрытію базаровъ и къ исчезновенію съ рынка товаровъ и съѣстныхъ продуктовъ. Все бралось на учетъ и подлежало распредѣленію.

Началась реквизиція квартиръ, помѣщеній и домовъ. На мѣсто учрежденій и организацій, существовавшихъ до того, создавался неимовѣрно сложный аппаратъ многочисленныхъ коллегіальныхъ учрежденій съ огромнымъ штатомъ служащихъ «товарищей».

Большевистскія учрежденія заполнялись людьми въ большинствѣ малограмотными, не понимавшими того дѣла, къ которому они приставлены, исписывалась масса бумаги, отдавались безсмысленныя и жестокія распоряженія, и все это злое дѣло оправдывалось какимъ-то революціоннымъ правосознаніемъ и прочими соціалистическими бреднями.

Проведя на первыхъ же порахъ выборы въ Совѣтъ раб. солд. и матросскихъ депутатовъ, куда, понятно, на первыхъ же порахъ прошло большинство делегатовъ-большевиковъ, Верховный Комиссаръ Ст. Шаумянъ сорганизовалъ при себѣ Исполнительный Комитетъ, члены котораго являлись Народными Комиссарами по отдѣльнымъ отраслямъ управленія.

Затѣмъ было приступлено къ организаціи этихъ отдѣльныхъ Комиссаріатовъ.

Кто же были эти Комиссары?

Народное просвѣщеніе было вручено нѣкоей Колесниковой, сельской учительницѣ, вся заслуга которой передъ революціей заключалась въ довольно продолжительномъ тюремномъ стажѣ. Психопатка, малограмотная, вздорная, съ очень тяжелымъ характеромъ, особа эта принялась за коренную ломку всѣхъ школъ и учебныхъ заведеній (было много спеціальныхъ) и на первыхъ же порахъ окончательно запутала все дѣло народнаго образованія.

Какъ на одинъ изъ примѣровъ ея безтолковой дѣятельности укажу на слѣдующее: ей, Колесниковой, захотѣлось облагодѣтельствовать пролетарскія массы открытіемъ цѣлой системы библіотекъ, приблизивъ ихъ къ самому населенію. Для этого нѣсколько богатѣйшихъ и прекрасно поставленныхъ библіотекъ (Городского Самоуправленія и, въ особенности, Общественнаго Собранія —

частнаго клуба) со многими десятками тысячъ томовъ были свезены въ одно мѣсто, откуда безъ всякой системы книги эти (разрозненныя изданія, вперемѣшку и безъ всякаго разбора) были арифметически, счетомъ, разбиты между нѣсколькими десятками пролетарскихъ библіотекъ. Нечего и говорить, что большинство книгъ «товарищами» были раскрадены и впослѣдствіи появились въ видѣ товара на базарахъ.

Колесникова добивалась отъ учительскаго персонала того, чтобы онъ проникся пролетарскимъ міросозерцаніемъ.

Созвавъ собраніе всѣхъ педагоговъ, Колесникова повела къ нимъ рѣчь въ такомъ тонѣ, который оказался совершенно непріемлемымъ для людей интеллигентныхъ, а засимъ предложила собранію принять какую-то дикую резолюцію. Педагоги въ рядѣ рѣчей отчитали Колесникову, а когда ею были призваны въ собраніе красноармейцы для подавленія «бунта», то собраніе разошлось, заявивъ протестъ.

Комиссаръ воднаго транспорта, тоже имѣвшій продолжительный тюремный стажъ при старомъ режимѣ (фамиліи его не помню), уже черезъ мѣсяцъ проворовался и, хапнувъ 3.000.000 николаевскихъ рублей, съ ними бѣжалъ, но былъ гдѣ-то около Астрахани задержанъ и выведенъ «въ расходъ».

Комиссаръ финансовъ (фамиліи также не помню), мелкій чиновникъ Бакинскаго Казначейства, сразу ставшій большевикомъ, былъ изобличенъ въ мелкой взяткѣ (нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, бакинскими бонами) и также выведенъ «въ расходъ».

Мнѣ болѣе извѣстна дѣятельность Комиссаріата Юстиціи. Во главѣ его былъ поставленъ нѣкто Карпіанъ *, столичный помощникъ присяжнаго повѣреннаго, никогда не занимавшійся судебной практикой и имѣвшій завидное, съ точки зрѣнія революціонера, тюремное прошлое.

Мало свѣдующій въ юриспруденціи, основательно имъ позабытой съ университетской скамьи, Карпіанъ получилъ себѣ въ коллеги, или же самъ себѣ пригласилъ, какого то темнаго дѣльца, татарина, состоявшаго при одномъ изъ мѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ въ качествѣ переводчика и маклера, приводившаго своему патрону съ улицы кліентовъ; и этотъ господинъ являлся главнымъ совѣтчикомъ «тов.» Карпіана.

Въ то время какъ всѣ отрасли управленія были уже реорганизованы большевиками, Карпіанъ, создавъ рядъ слѣдственныхъ, военнослѣдственныхъ и чрезвычайныхъ слѣдственныхъ комиссій, положительно не зналъ, что ему дѣлать съ Окружнымъ Судомъ и остальными судебными учрежденіями. Оставить эти Суды нетронутыми и предоставить имъ функціонировать дальше было бы ересью съ большевистской точки зрѣнія, ибо у нихъ должно было быть все по новому, вплоть до названія.

Въ концѣ концовъ было рѣшено Карпіаномъ переименовать Окружный Судъ въ Народный Окружный Судъ, уничтоживъ совершенно Гражданскія Отдѣленія Суда, а мировыхъ судей переименовать въ народныхъ судей, придавъ всѣмъ этимъ судамъ (какъ Окружному коллегіальному, такъ и единоличнымъ) народныхъ засѣдателей, избираемыхъ Совѣтомъ раб., сол. и матросскихъ депутатовъ изъ «товарищей» съ опредѣленнымъ пролетарскимъ правосознаніемъ.

---

* Нынѣ (въ 1921—22 гг.) состоитъ на службѣ въ большевистскомъ Внѣшторгѣ въ Константинополѣ.

Прокурорскій надзоръ было рѣшено уничтожить, а обвиненіе передъ судомъ сдѣлать свободнымъ дѣломъ всякаго гражданина, какъ будто задачи прокуратуры ограничивались однимъ публичнымъ обвиненіемъ передъ судомъ.

Назначенный Карніаномъ Предсѣдателемъ Слѣдственной Комиссіи нѣкто Теръ-Оганіанъ, лѣвый с. р., помощникъ присяжнаго повѣреннаго, никогда не занимавшійся практикой, обратился ко мнѣ съ просьбой помочь имъ моими знаніями. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи написать вмѣсто проэкта судебной реформы самый злой памфлетъ, придавъ ему самый корректный видъ дѣловой записки, обильно снабженной ссылками на литературу по затронутымъ вопросамъ.

Карніанъ пожелалъ со мной познакомиться и побесѣдовать. При единственномъ моемъ свиданіи съ нимъ я еще рѣзче высказалъ ему мою точку зрѣнія и предсказалъ ему, что уже черезъ мѣсяцъ они (большевики) не будутъ знать, что имъ дѣлать со своими судебными учрежденіями и съ распложенными ими дѣлами. Разумѣется, отъ всякихъ предложеній, сдѣланныхъ мнѣ Карніаномъ, я отказался.

Военно-Слѣдственная Комиссія со своимъ Предсѣдателемъ тов. Кожемякой (малограмотнымъ слесаремъ) занялась изслѣдованіемъ «Муссаватскаго» бунта; такъ квалифицировались съ точки зрѣнія большевиковъ «мартовскіе» дни. Въ этой Комиссіи почти ничего не писали, а больше дѣйствовали: хватали людей, сажали въ тюрьмы и разстрѣливали.

Лично мнѣ пришлось много разъ по дѣламъ моихъ кліентовъ обращаться въ Слѣдственную Комиссію, гдѣ Предсѣдателемъ былъ Теръ-Оганіанъ, уже упомянутый мною выше. Среди 15—20 слѣдователей, ее составлявшихъ, было не болѣе двухъ-трехъ юристовъ, да и то безъ всякаго стажа; недоучившіеся студенты (медики, ветеринары, математики), писцы изъ судебныхъ канцелярій, два-три письмоводителя, служившихъ у присяжныхъ повѣренныхъ — вотъ составъ этихъ слѣдователей.

Принимались къ производству всякія жалобы, даже чисто гражданскаго характера; дѣла нагромождались сотнями и тысячами.

Главное затрудненіе Комиссіи состояло въ томъ, что никто не зналъ въ какой моментъ счесть дѣло законченнымъ и что съ законченнымъ дѣломъ сдѣлать дальше.

Прошло около трехъ мѣсяцевъ, пока Карніанъ додумался создать коллегію изъ всѣхъ слѣдователей (общее ихъ собраніе), которая должна была изображать изъ себя обвинительную камеру.

Можно себѣ представить, что дѣлалось только въ этомъ учрежденіи!

По мысли Карніана всѣ дѣла, прошедшія черезъ обвинительную камеру, должны были поступать въ Народн. Окружн. Судъ на разсмотрѣніе и для сужденія. Но за время царствованія большевиковъ (апрѣль — іюль) ни одно дѣло не только не было разсмотрѣно, но даже не поступило въ судъ.

Народные судьи также не были назначены по недостатку подходящихъ людей.

Карніанъ занялся совращеніемъ членовъ магистратуры и чиновъ прокуратуры на службу совѣтской власти.

Положеніе чиновъ судебнаго вѣдомства, матеріально и при прежнемъ режимѣ не обезпеченнаго, было ужасное; и тѣмъ не менѣе не болѣе половины изъ состава магистратуры соблазнились на призывъ Карніана. Прокуратура же во главѣ съ своимъ Прокуроромъ А. Ю. Литвиновичемъ категорически отказалась работать у большевиковъ и всѣ они оказались за бортомъ.

Не могу не отмѣтить здѣсь трогательнаго отношенія А. Литвиновича къ своимъ товарищамъ; онъ дѣлился съ ними буквально послѣднимъ; бѣгалъ по городу и искалъ пристроить куда-нибудь своихъ бывшихъ товарищей, въ особенности семейныхъ, что, благодаря его большой популярности и незапятнанной репутаціи, ему не рѣдко и удавалось.

Большую услугу этимъ потерпѣвшимъ кораблекрушеніе членамъ судебной семьи оказалъ «Центродомъ» и его Предсѣдатель А. Леонтовичъ, устроившіе многихъ на службу по многочисленнымъ учрежденіямъ «Центродома». Тамъ же въ концѣ концовъ пріютился и самъ А. Литвиновичъ.

Изъ числа комиссаровъ нѣкоторое исключеніе составлялъ А. Джапаридзе, которому ввѣрено было два вѣдомства: внутреннія дѣла и продовольствіе.

Первая изъ этихъ отраслей управленія, при условіи коллегіальности созданныхъ учрежденій и, главное, при режимѣ диктатуры одного класса (пролетаріата) надъ всѣми другими, скоро дала себя почувствовать всему населенію.

Печать на первыхъ же порахъ была задушена, причемъ типографіи были націонализированы, какъ и вся бумага.

Издавались въ изобиліи декреты, коими обыватель окончательно ущемлялся.

Дѣло продовольствія день отъ дня становилось все хуже и угрожало катастрофой.

Во-первыхъ, всѣ окрестныя селенія (татарскія) совершенно прекратили подвозъ и городъ остался безъ овощей, молока, яицъ, живности и т. д. Путь на хлѣбную Кубань и въ Ставропольскую губ. былъ отрѣзанъ, такъ какъ весь Дагестанъ былъ не только опредѣленно настроенъ противъ большевиковъ за ихъ жестокость въ отношеніи мусульманъ, но изъ Дагестана доходили тревожныя свѣдѣнія, что оттуда угрожаетъ большевикамъ первый ударъ.

Не приходилось, далѣе, большевикамъ разсчитывать и на богатую всегда хлѣбомъ Мугань: отношенія русскаго населенія Мугани къ мусульманамъ Мугани были до того обострены, что тамъ ежеминутно можно было ожидать возникновенія столкновеній; кромѣ того русскіе поселенцы не дали бы хлѣба иначе, какъ за деньги или за товары, и объ реквизиціяхъ нечего было и думать.

Голодъ въ Баку былъ, что называется, на носу. И комиссаръ А. Джапаридзе сумѣлъ на время отказаться отъ своихъ большевистскихъ доктринъ, понимая, что голодъ можетъ легко привести большевиковъ къ паденію ихъ власти. Онъ обратился къ Центродому и, въ частности, къ А. Леонтовичу; послѣднему удалось убѣдить А. Джапаридзе не только не разрушать организаціи Центродома, организаціи аполитичной, но, наоборотъ, организаціей этой воспользоваться какъ готовымъ аппаратомъ для распредѣленія продуктовъ среди населенія и, мало того, поручить тому же «Центродому» производство закупочныхъ операцій. Не безъ большой борьбы со своими «товарищами» Джапаридзе удалось отстоять «Центродомъ» и въ Исполнительномъ Комитетѣ и въ Совдепѣ.

И, хотя вопросъ продовольствія все же стоялъ очень остро въ теченіе всего времени владычества большевиковъ, однако, все же «Центродомъ» оказалъ населенію незабываемыя услуги.

Вообще Джапаридзе оказался наиболѣе творческимъ и гибкимъ изъ всѣхъ главарей большевиковъ. Достаточно вспомнить его проектъ полученія хлѣба изъ Терской области морскимъ путемъ съ постройкой желѣзно-дорожной вѣтки къ Старотеречной (пристань на западномъ побережьи Каспія), благодаря чему можно было миновать Петровскъ-Дагестанскій и Кубинскій уѣздъ, находившіеся въ рукахъ Дагестанцевъ и татаръ. Къ постройкѣ этой вѣтки, которая

должна была соединить Каспій съ Моздокомъ и Кизляромъ для выкачиванія хлѣба съ Сѣвернаго Кавказа, было приступлено, но она не была закончена до паденія власти большевиковъ.

А. Джапаридзе окончилъ свои дни также, какъ и большинство Бакинскихъ комиссаровъ; въ августѣ мѣсяцѣ, когда комиссары вынуждены были бѣжать и прибыли въ Красноводскъ, тамъ они были всѣ задержаны по распоряженію Правительства Закаспійской Области, состоявшаго изъ правыхъ эсэровъ и меньшевиковъ, и, по требованію англичанъ (ген. Мадисона), были переданы въ руки англичанъ, которые и разстрѣляли ихъ всѣхъ въ пустынѣ, верстахъ въ ста отъ гор. Красноводска.

XII

Съ первыхъ же дней захвата ими власти въ Баку, большевики повели усиленную агитацію противъ татаръ, имѣя главнымъ образомъ въ виду партію «Муссаватъ», по ихъ, большевиковъ, опредѣленію, бекско-ханскую феодальную организацію; и на митингахъ, и въ печати, и въ многочисленныхъ прокламаціяхъ большевики призывали рабочихъ и крестьянъ къ сверженію ига татарской буржуазіи, капиталистовъ и помѣщиковъ.

Пропаганда эта въ нѣкоторыхъ районахъ Елизаветпольской губерніи привела къ кровавымъ расправамъ татарскаго крестьянства надъ своими помѣщиками.

Вмѣстѣ съ тѣмъ большевики проповѣдывали походъ дальше, вглубь Закавказья, занятіе не только татарскихъ провинцій, но и всей Грузіи.

Въ Баку стали прибывать черезъ Астрахань моремъ артиллерія, пулеметы, воинскія части и все необходимое для веденія военныхъ дѣйствій. Одновременно шла и усиленная мобилизація среди христіанскаго населенія, главнымъ образомъ гор. Баку и его промысловаго района; выдача усиленныхъ пайковъ не только самимъ красноармейцамъ, но и ихъ семьямъ, а также и снабженіе семей мобилизованныхъ всѣмъ необходимымъ, привлекло въ ряды арміи массу людей, въ большинствѣ безъ всякой военной подготовки.

Начался походъ вдоль линіи Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ на Тифлисъ; въ то же время часть отрядовъ направлена была въ Шемахинскій и Геокчайскій уѣзды. Продвиженіе по линіи желѣзной дороги шло почти безъ боевъ до ст. Евлахъ, гдѣ большевикамъ преградила путь рѣка Кура, широкая, быстрая, и глубокая въ этомъ мѣстѣ, съ единственной переправой по желѣзно-дорожному мосту.

Въ предѣлахъ Шемахинскаго и Геокчайскаго уѣздовъ, гдѣ большинство населенія составляли татары, большевики встрѣтили отчаянное сопротивленіе, организованное командированнымъ изъ Елизаветполя, гдѣ, въ то время уже собралось Учредительное Собраніе будущей Азербайджанской республики, членомъ первой Государственной Думы Исмаилъ Ханомъ Зіатхановымъ (к.-д.) *.

Русское населеніе этихъ уѣздовъ (главнымъ образомъ молокане), уже потерпѣвшее передъ тѣмъ отъ безчинствъ татаръ въ связи съ Шамхорскими событіями, и, въ особенности, населеніе армянское, издавна враждовавшее (еще съ 1905 — 1906 г.г.) съ татарами, присоединились къ большевикамъ. Въ резуль-

* Разстрѣлянъ большевиками въ 1920 г. во время подавленія возстанія въ г. Елизаветполѣ.

татѣ двухмѣсячной борьбы, ведшейся съ перемѣннымъ успѣхомъ, почти всѣ татарскія селенія, большинство армянскихъ и цвѣтущій городъ Шемаха, съ 30-ти тысячнымъ населеніемъ, оказались уничтоженными до тла. Отъ всей Шемахи осталась одна русская церковь, да и то полуразрушенная.

Большевики, имѣя въ своемъ распоряженіи артиллерію и неимовѣрное количество снарядовъ, вынудили Зіатханова къ отступленію.

Но по линіи желѣзной дороги большевики, дойдя до ст. Евлахъ, дальше не могли развить своего наступленія и, въ концѣ концовъ, были даже вынуждены отойти къ станціи Кюрдамиръ, дававшей имъ болѣе выгодное стратегическое положеніе, такъ какъ лѣвый флангъ ихъ прикрывался рѣкой Курой и рядомъ болотъ.

Въ это же самое время со стороны Дагестана началось наступленіе двухъ Дагестанскихъ конныхъ полковъ съ 3 или 4 орудіями подъ командой ген. Б. П. Лазарева.

Дагестанцы не дошли до Баку всего 25 — 30 верстъ. Большевики двинули противъ нихъ свои лучшія силы (между прочимъ матросовъ) съ многочисленной артиллеріей. Два орудія у Дагестанцевъ были подбиты и они начали поспѣшно отступать.

Большевики въ своей прессѣ (а другой не было) трубили о своихъ побѣдахъ. Между тѣмъ, дѣла ихъ на главномъ фронтѣ, на Тифлисскомъ направленіи, шли не важно. Плохо обмундированные и снабженные красноармейцы, страдая отъ жары и не имѣя хорошей питьевой воды, все время дѣйствовали въ мѣстности, изобилующей комарами и москитами; началось массовое заболѣваніе маляріей и стало развиваться повальное дезертирство, ибо въ войскахъ дисциплины не было никакой и таковая замѣнялась революціоннымъ сознаніемъ.

На главномъ фронтѣ появились турецкія регулярныя части, медленно, но вѣрно, продвигавшіяся впередъ.

Въ началѣ мая 1918 г. и Грузія, и Азербайджанъ (а слѣдомъ за ними вынуждена была къ тому и Арменія) объявили о своемъ отдѣленіи отъ Россіи и объявили себя независимыми и суверенными государствами.

Въ то же время Азербайджанъ (или Елизаветпольская и Бакинская губерніи) заключилъ военный союзъ съ Турціей и на помощь къ нему пришелъ ген. Халилъ-Паша (братъ Энвера), съ двумя или тремя пѣхотными дивизіями. Въ Елизаветполѣ (Ганжѣ, по татарскому именованію) началось формированіе новыхъ воинскихъ частей (татарскихъ), главнымъ образомъ конныхъ, подъ руководствомъ турецкихъ офицеровъ и бывшихъ русскихъ, изъ числа татаръ и грузинъ.

Уже къ концу іюня турецко-азербайджанская армія подъ командой Мурсала-Паши сильно потѣснила большевиковъ и, въ сущности, обложила Баку со всѣхъ сторонъ. Баку, для защиты его отъ наступавшихъ на него турокъ, представлялъ исключительно выгодныя условія обороны. Подступы къ нему съ юга и юго-запада находились подъ обстрѣломъ тяжелой судовой артиллеріи Каспійскаго флота. Съ юго-запада и запада ближайшія, окаймляющія Баку возвышенности (Ясамальскій хребетъ), круто, почти отвѣсно падающія въ сторону наступающаго, усиливаются, съ точки зрѣнія обороны, глубокимъ ущельемъ (Ясамальскимъ), также обстрѣливаемымъ анфиладнымъ огнемъ съ моря. Наиболѣе уязвимой частью обороны гор. Баку была сѣверная сторона, т. е. Апшеронскій полуостровъ, густо населенный исключительно татарскимъ населеніемъ. Но и съ этой сѣверной стороны, при условіи, что линія обороны была бы надлежащимъ образомъ оборудована и укрѣплена до ст. Хурдаланъ и

Зоратъ (по желѣзной дорогѣ къ Петровску), при надлежащемъ содѣйствіи со стороны флота, не угрожало непосредственной опасностью, ибо наступающій долженъ былъ пройти около 15 — 20 верстъ по совершенно открытой мѣстности подъ огнемъ бьющей по немъ артиллеріи противника.

Населеніе съ момента воцаренія большевиковъ, переносившее всякія невзгоды, начинало высказывать явное неудовольствіе противъ большевиковъ.

Въ Совдепѣ все сильнѣе раздавались голоса о необходимости прибѣгнуть къ чьей нибудь посторонней помощи. Недовольные начавшейся противъ нихъ со стороны большевиковъ травлей, армяне — «Дашнакцаканы», которыхъ большевики обвиняли въ томъ, что партія «Дашнакцутюнъ» преслѣдуетъ не интернаціональную, а исключительно — національную и, слѣдовательно, имперіалистическую политику, не стѣсняясь выступали открыто противъ большевиковъ.

Явное осужденіе неуспѣховъ на фронтѣ и бездарной политики большевиковъ высказывали союзъ «Солдатъ-фронтовиковъ» и большинство моряковъ Каспійскаго флота, организовавшихъ къ тому времени руководящій органъ «Центрофлотъ», въ рукахъ котораго находилось могущественнѣйшее средство обороны Баку — флотъ съ его судовой артиллеріей.

Сильное недовольство противъ большевиковъ наростало и среди рабочихъ массъ на заводахъ и на промыслахъ. Оффиціально большевиками распущенные армянскій національный совѣтъ и комитетъ партіи «Дашнакцутюнъ» ясно представляли себѣ тѣ послѣдствія, которыя угрожаютъ армянскому населенію (скопившемуся въ Баку) въ случаѣ взятія послѣдняго турками и озлобленнымъ татарскимъ населеніемъ.

Одинъ изъ членовъ армянскаго національнаго совѣта, прис. повѣр. С. Арс. Теръ-Газаровъ былъ командированъ въ Энзели, въ Персію, къ ген. Данстервилю, командовавшему англійскими войсками въ Персіи, для переговоровъ о приглашеніи англичанъ для защиты Баку. И, несмотря на сильную оппозицію большевиковъ, послѣ ряда шумныхъ и безконечно длинныхъ засѣданій, Совѣтъ рабочихъ, солдатскихъ и матросскихъ депутатовъ незначительнымъ, правда, большинствомъ рѣшилъ пригласить англичанъ и, въ первую голову, состоявшаго у нихъ на службѣ войскового старшину Л. Ф. Бичерахова, который вслѣдъ за тѣмъ, высадившись къ югу отъ Баку у ст. Аляты, съ своимъ отрядомъ изъ 18 сотенъ (кажется) Кубанцевъ и Терцовъ съ двумя батареями, 4-мя аэропланами и броневыми автомобилями тотчасъ же потѣснилъ правый флангъ турокъ за ст. Кюрдамиръ. Но, продержавшись около недѣли на фронтѣ и понеся въ результатѣ горячихъ боевъ съ турками и съ полками «Дикой» дивизіи значительныя потери, не поддержанный «красной» арміей Л. Ф. Бичераховъ внезапно отошелъ къ Баку, остановившись со всѣмъ своимъ отрядомъ, посаженнымъ въ вагоны, у ст. Баладжары.

Въ тотъ моментъ, когда турки, воспользовавшись отходомъ отряда Бичерахова, начали свое первое непосредственное наступленіе на Баку, Л. Ф. Бичераховъ ушелъ со своимъ отрядомъ къ сѣверу по желѣзной дорогѣ къ Петровску, посылая по своему полевому радіо-телеграфу въ Баку телеграмму, приглашая защитниковъ Баку держаться и обнадеживая своею дальнѣйшею помощью.

За нѣсколько дней до ухода Бичераховскаго отряда, въ гор. Баку изъ Астрахани, моремъ, прибылъ отрядъ товарища Петрова; въ составѣ этого отряда была хорошая артиллерія и въ особенности дивизіонъ полевой тяжелой артиллеріи — гаубицы и мортиры. Приходъ отряда Петрова окрылилъ надежды

большевиковъ удержаться и на внѣшнемъ и на внутреннемъ фронтѣ, т. е. удержаться у власти.

С. Шаумянъ и Исполнительный комитетъ распустили Совдепъ и назначили новые выборы, причемъ самые выборы сопровождались внушительной демонстраціей — дефилированіемъ по городу и заводскому району отряда Петрова. Но выборы не оправдали надеждъ большевиковъ; въ огромномъ большинствѣ во всѣхъ районахъ прошли соц.-рев., эсъ-деки и даже безпартійные. Такого провала не ожидали даже и большевики. Большевики окончательно потеряли власть и должны были уйти.

Жуткую ночь пережило населеніе осажденнаго турками гор. Баку (кажется 28 или 29 іюля): большевики рѣшили уйти въ Астрахань, забравъ съ собою по возможности все вооруженіе, наличность казначейства и запасы; во всемъ городѣ огни были потушены и большевистскимъ комендантомъ былъ отданъ приказъ, что всякій, появившійся послѣ 8 час. вечера на улицахъ безъ разрѣшенія, будетъ на мѣстѣ разстрѣлянъ; всю ночь по всѣмъ улицамъ грохотали грузовики, фургоны, повозки; скакали во всѣхъ направленіяхъ конные ординарцы. Въ то же самое время какими то путями проникали въ дома слухи о томъ, что съ фронта ушли его защитники и очищено отъ войска наиболѣе уязвимое для города мѣсто — Баладжарскій фронтъ.

Знай только турки истинное положеніе вещей, они легко могли бы взять Баку въ ту же ночь.

По утру у Петровской набережной и на рейдѣ Бакинской бухты стояли готовые къ отходу полтора десятка спѣшно погруженныхъ большевиками пароходовъ. Пароходы не отходили, какъ оказалось, потому, что между большевиками и «Центрофлотомъ» происходили рѣзкія препирательства: большевики требовали свободнаго ихъ пропуска, въ то время какъ «Центрофлотъ» настаивалъ на возвращеніи всего захваченнаго и увозимаго большевиками, угрожая въ противномъ случаѣ потопить большевиковъ. Пока тянулись эти переговоры часть большевистскихъ судовъ ушла въ море, но ихъ у о. Жилаго (часахъ въ 4-хъ хода отъ Баку) нагнали два быстроходныхъ военныхъ судна «Карсъ» и «Ардаганъ» и принудили, подъ угрозой открытія огня и потопленія въ открытомъ морѣ, вернуться обратно. Бѣжать удалось только одному пароходу, на которомъ находились всѣ комиссары и главари большевиковъ, причемъ въ виду случившейся на немъ аваріи и опасенія, что онъ не дойдетъ до Астрахани, пароходъ этотъ повернулъ въ Красноводскъ, гдѣ всѣ большевики, съ С. Шаумяномъ во главѣ, были задержаны, переданы англичанамъ и ими разстрѣляны.

XIII

Власть въ Баку перешла къ «Диктатурѣ Центрофлота», состоявшей изъ пяти лицъ: трехъ морскихъ офицеровъ и двухъ матросовъ.

Одержанная ими побѣда надъ большевиками, выразившаяся въ особенности въ отобраніи у нихъ столь необходимыхъ для продолженія защиты Баку артиллеріи и всякаго вооруженія, вызвала общій подъемъ настроенія въ населеніи.

31-го іюля турки начали приступъ на ближайшія къ Баку позиціи; наступленіе на Баладжарскомъ фронтѣ наскоро собранными частями было отбито

съ огромными потерями для турокъ, которые на открытой совершенно площади разстрѣливались изъ пулеметовъ и орудій. Но къ вечеру дано было знать, что нѣсколько турецкихъ батальоновъ повели наступленіе по Ясамальской долинѣ и что, поднимаясь по отвѣсной почти горѣ, они движутся въ сторону кладбища. Займи турки кладбище съ ея господствующей надъ всѣмъ городомъ высотой и успѣй они тамъ поставить орудія, эвакуація города была бы неминуемой.

Сосредоточеннымъ огнемъ «Карса» и «Ардагана» и спѣшно поставленной почти въ центрѣ города 8-орудійной батареей гаубицъ и мортиръ Петрова, развившей ураганный огонь, турки были остановлены, и бросившіеся въ отчаянную атаку матросы и нѣсколько русскихъ и армянскихъ ротъ уничтожили цѣликомъ прорвавшійся почти въ самый городъ турецкій баталіонъ.

1-го августа прибылъ въ Баку со своимъ штабомъ генералъ Данстервиль и послѣ того въ теченіе нѣсколькихъ дней прибыло около 1000 англичанъ съ довольно многочисленной артиллеріей.

Подъемъ у населенія былъ несомнѣнно очень большой, но не было главнаго — не было вождя.

Англійскій генералъ Данстервиль, какъ человѣкъ военный и боевой офицеръ, имѣвшій подъ своей командой, хотя и не большой отрядъ, но состоящій изъ настоящихъ кадровыхъ солдатъ, претендовалъ на руководство командованіемъ и обороной. У «Центрофлота» не было ни одного выдающагося боевого офицера; назначенный имъ начальникъ обороны генералъ Д. — былъ полнѣйшая бездарность. Единственный человѣкъ въ городѣ, способный взять на себя руководство обороной, былъ ген. Я. Г. Багратуни, офицеръ генеральнаго штаба, но онъ былъ инвалидомъ (ему отняли за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ ноги, раненыя при покушеніи на него какого-то террориста), а главное-онъ былъ армянинъ, что было непріемлемо для русскихъ моряковъ и солдатъ, защищавшихъ послѣдній оплотъ Россіи на Кавказѣ.

Англичане стали осуществлять свой планъ защиты Баку. Строили батареи, ставили привезенныя ими морскія дальнобойныя орудія, устраивали проволочныя загражденія, высылали на нужные пункты своихъ солдатъ и броневики и дрались отлично.

Интеллигенція и органы «Центродома», съ тѣмъ же неутомимымъ А. Леонтовичемъ, горячо работали въ тылу, снабжая фронтъ по возможности всѣмъ, даже водою, которая подвозилась прямо подъ огнемъ.

Но не было одного общаго фронта; начиналось дезертирство и, что особенно удручало ген. Багратуни, дезертирство наблюдалось всего больше среди армянъ, которые должны были понимать, что именно имъ, армянамъ, угрожаетъ главная опасность въ случаѣ взятія Баку турками и озлобленными татарскими бандами.

Съ первыхъ чиселъ августа начальнику турецкой артиллеріи генералу отъ артиллеріи русской службы Шихлинскому (выдающемуся артиллеристу, бывшему профессору академіи) удалось установить весьма скрытно двѣ батареи полевыхъ пушекъ, которыя взяли подъ обстрѣлъ весь городъ. Матеріальный вредъ, причиняемый обстрѣломъ, былъ въ сущности ничтоженъ, ввиду малаго калибра снарядовъ; но моральное впечатлѣніе отъ этого постояннаго разрыва снарядовъ, отъ свиста разлетающихся шрапнелей и осколковъ — было весьма значительнымъ, и населеніе настраивалось панически.

Въ городѣ у непріятеля были безъ всякаго сомнѣнія свои люди, — агенты и шпіоны. Шло изъ города корректированіе стрѣльбы непріятельской артил-

леріи ибо съ каждымъ днемъ пристрѣлка къ опредѣленнымъ цѣлямъ улучшалась. Обстрѣливались, главнымъ образомъ, армянскія зданія — домъ, гдѣ жилъ ген. Багратуни, зданіе Армянскаго Благотворительнаго О-ва, Епископскій домъ; обстрѣливались помѣщеніе Совдепа, гост. «Европа», гдѣ помѣщались ген. Данстервиль и англійскій штабъ, и т. д.

Расколъ между англійскимъ командованіемъ и русскими, въ связи съ вопросами о дальнѣйшей защитѣ Баку, все углублялся.

Англійское командованіе предлагало принять экстренныя мѣры къ борьбѣ съ дезертирствомъ и настаивало на томъ, чтобы на фронтѣ дрались не одни англичане.

Ген. Багратуни предложилъ мнѣ разработать ему положеніе о военныхъ и военно-полевыхъ судахъ, объ организаціи военно-судной части «Кавказской арміи» и предложилъ мнѣ занять мѣсто Начальника военно-суднаго управленія и Предсѣдателя Военно-Окружнаго суда Арміи. Былъ намѣченъ составъ и Управленія и Военно-Окружнаго Суда и Военно-Прокурорскаго надзора.

За два дня до паденія Баку ген. Багратуни былъ подписанъ и соотвѣтствующій приказъ, а мною были подписаны приказы о назначеніяхъ.

Между тѣмъ нажимъ противника на Баку становился все сильнѣе и ожесточеннѣе. Мурсалъ-Паша дважды обратился съ письмами на имя Армянскаго Національнаго Комитета съ предложеніемъ прекратить дальнѣйшее безплодное сопротивленіе и сдать городъ безъ боя, обѣщая за это принять мѣры къ тому, чтобы населеніе города и, въ томъ числѣ, армяне были пощажены. Эти предложенія были оставлены безъ отвѣта.

За день до паденія Баку по городу разнесся слухъ, что англичане уходятъ. Слухъ этотъ раскрылъ глаза даже и тѣмъ, кто еще надѣялся на какое-либо чудо.

31-го августа утромъ англичане погрузились на суда и въ то же утро они ушли въ море, направляясь въ Персію.

Вслѣдъ за англичанами стали уходить и остальные защитники Баку и изъ армянъ тѣ, кто только могли попасть на переполненные и безъ того пароходы.

Въ сущности фронта уже не было и турки могли бы уже овладѣть городомъ. Но въ расчетъ турокъ, видимо, входило, чтобы въ городѣ осталось какъ можно менѣе бойцовъ, опасаясь уличныхъ боевъ.

Ужасную ночь на 1-ое сентября перенесло несчастное населеніе мирнаго города Баку, неожиданно ставшаго фронтомъ ряда длительныхъ военныхъ дѣйствій; во всѣхъ домахъ была усилена домовая охрана, организованная «Центродомомъ». Всѣ ждали ужаснаго завтрашняго утра. Но, что должны были испытывать армяне, ожидавшіе заранѣе имъ объявленной расплаты за «Мартовскіе дни»!

Около 9-ти часовъ утра, въ то время, когда фронтъ молчалъ, въ разныхъ частяхъ города послышалась перестрѣлка, которая шла, все усиливаясь; по телефону передавали объ ужасающихъ сценахъ, разыгрывавшихся въ армянскихъ частяхъ города, куда уже ворвались банды сельчанъ-татаръ, разыскивавшія армянъ и безжалостно избивавшія мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Раздались орудійные выстрѣлы; это — турки обстрѣливали продолжавшуюся въ порту эвакуацію и отходившіе изъ Баку послѣдніе пароходы.

Около 11-ти часовъ утра въ городъ вступили первыя турецкія воинскія части — какой то курдскій полкъ; солдаты этого полка врывались въ дома и, между прочимъ, ворвались въ домъ, въ которомъ мы временно нашли пріютъ (мы ушли изъ своей квартиры, находившейся въ армянскомъ домѣ). Предсѣдатель

домоваго комитета, еврей-врачъ вступилъ въ переговоры съ мародерами и откупился отъ грабежей отдѣльныхъ квартирантовъ, выдавъ мародерамъ какую-то сумму, впослѣдствіи распредѣленную между всѣми жильцами, что, впрочемъ не избавило квартирантовъ еще и отъ отдѣльныхъ поборовъ тѣхъ же мародеровъ; къ мародерамъ-туркамъ вскорѣ пристали и разные хулиганы, какъ татары, такъ и русскіе, причемъ въ одномъ изъ нихъ я узналъ одного матроса, игравшаго роль у большевиковъ.

Около 2-хъ часовъ дня въ городѣ появились турецкіе патрули съ офицерами, были разставлены посты и нѣсколько пойманныхъ ими мародеровъ-турокъ были на мѣстѣ разстрѣляны или повѣшены.

Стрѣльба въ армянскихъ частяхъ продолжалась, въ особенности въ Армянкендѣ, исключительно населенномъ и раньше армянами и гдѣ за время осады скопилось нѣсколько десятковъ тысячъ армянъ-бѣженцевъ, по большей части бѣдноты. Вся эта масса людей была безжалостно уничтожена татарскими бандами, пришедшими изъ окрестныхъ селеній. Сведены были и личные счеты.

Кровавая расправа съ армянами продолжалась въ теченіи четырехъ — пяти дней, несмотря даже и на то, что уже на второй день взятія Баку турками прибыло въ Баку все Азербайджанское Правительство и расположился штабъ Мурсала-Паши. Слышанныя нами впослѣдствіи заявленія Азербайджанскаго правительства, что оно не въ силахъ было что-либо сдѣлать съ разбушевавшейся народной массой — явная ложь, ибо достаточно было окрика власти, сопровождавшагося разстрѣломъ нѣсколькихъ татаръ, какъ массовыя безчинства и звѣрства прекратились мгновенно.

Никто, кромѣ армянъ, въ Баку лично не пострадалъ; изъ русскихъ были ограбленные въ первые дни, было нѣсколько случаевъ изнасилованія женщинъ, но ни одного убитаго.

Впослѣдствіи пришлось узнать о слѣдующемъ эпизодѣ, сопровождавшемъ взятіе Баку турками: на той части фронта, гдѣ былъ сосредоточенъ главный ударъ турокъ, 1-го сентября часамъ къ 9-ти утра оставалось нѣсколько десятковъ защитниковъ подъ командой армянина, инженера Евангулова (с.-р.). Видя безплодность дальнѣйшей борьбы, Евангуловъ съ привязаннымъ къ штыку ружья бѣлымъ платкомъ самоотверженно пошелъ навстрѣчу туркамъ и, дойдя до ставки Мурсалъ-Паши, заявилъ ему, что сдаетъ ему городъ и проситъ пощады населенію, безъ различія національностей. Мурсалъ-Паша приказалъ дать Евангулову охрану, которая и не покидала его въ теченіе всего того времени, что турки владѣли городомъ, т. е. до 17-го ноября 1918 года.

Кажется, 3-го или 4-го сентября по телефону обратились ко мнѣ нѣсколько армянскихъ общественныхъ дѣятелей съ просьбой съѣздить на рейдъ, гдѣ, по свѣдѣніямъ армянъ, за о. Наргенъ (верстахъ въ 10 отъ Баку) стоятъ нѣсколько пароходовъ съ армянами бѣженцами; существовало предположеніе, что пароходы эти терпятъ аварію и нужно было имъ подать срочную помощь; мнѣ было сообщено, что съ такою же просьбой армяне обратились къ присяжному повѣренному Я. Н. Смирнову (о немъ уже упоминалось), который согласился исполнить просьбу армянъ.

Получивъ отъ М. Г. Гаджинскаго, исполнявшаго до пріѣзда Хана Хойскаго обязанности Предсѣдателя Совѣта Министровъ, надлежащее разрѣшеніе на по-

ѣздку, я вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ отъ него же порученіе уговорить армянъ, которые окажутся на пароходахъ, вернуться въ городъ, пообѣщавъ имъ полную безопасность; вмѣстѣ съ тѣмъ я заручился и обѣщаніемъ того же Гаджинскаго, что, если армяне меня не послушаютъ и вернуться откажутся, то Правительство дастъ на пароходы все, что понадобится.

Переговоривъ часовъ около 7-ми вечера съ Я. Смирновымъ о времени выѣзда, я не мало былъ удивленъ, когда часовъ въ 12-ть ночи онъ мнѣ позвонилъ по телефону о томъ, что онъ отъ поѣздки отказывается, такъ какъ поѣздка эта не безопасна, а онъ — человѣкъ семейный; я могъ ему отвѣтить только, что я въ одинаковомъ съ нимъ положеніи, но все же поѣду.

Утромъ, прибывъ на указанную мнѣ пристань, я засталъ тамъ турецкаго офицера и еще двухъ господъ, оказавшихся военными агентами германскимъ и венгерскимъ.

Я никогда не забуду той картины, которую мнѣ пришлось увидѣть, отойдя на баркасѣ отъ пристани: всегда кипѣвшая пароходами огромная водная площадь порта и рейда, съ береговой полосой въ 20 верстъ, теперь была совершенно пуста и мертва; весь буквально флотъ ушелъ, по рейду во всѣхъ направленіяхъ плавали брошенные при спѣшномъ отходѣ вещи и домашній скарбъ и, среди нихъ, нѣсколько сотъ труповъ утонувшихъ; какъ впослѣдствіи оказалось, нѣкоторые сорвались при посадкѣ, а многіе были сброшены обезумѣвшими людьми, искавшими спасенія въ бѣгствѣ и переполнившими пароходы сверхъ мѣры.

По этой картинѣ, не видѣвъ самой эвакуаціи, можно было судить, что за ужасы должны были разыграться.

По пути я разговорился съ германскимъ офицеромъ, оказавшимся капитаномъ генеральнаго штаба, пруссакомъ; узнавъ, что я по политическимъ убѣжденіямъ — кадетъ, онъ сталъ передо мною развивать мысль о томъ, что партія наша поступаетъ неправильно, стоя на точкѣ зрѣнія вѣрности союзникамъ и не слѣдуя примѣру П. Н. Милюкова, который опредѣленно держится германской оріентаціи; что побѣда Германіи надъ Антантой — несомнѣнна и что мы, кадеты — цвѣтъ націи, ея мозгъ, несемъ въ будущемъ передъ страной огромную отвѣтственность за неправильность нашей политики.

Подходя къ о. Наргену мы увидѣли верстахъ въ 5-ти за нимъ эскадру изъ 10—12 судовъ, среди которыхъ я сейчасъ же узналъ «Карсъ» и «Ардаганъ» — военныя суда Каспійскаго флота. Когда мы подошли къ «Карсу», на которомъ былъ поднятъ флагъ Командующаго Флотомъ, то на палубѣ я встрѣтился съ сотникомъ Воскресенскимъ, офицеромъ отряда Бичерахова, его правой рукой. Отъ Воскресенскаго я тутъ же узналъ, что никакихъ пароходовъ съ бѣженцами нѣтъ, что всѣ эти пароходы ушли въ Петровскъ къ Бичерахову, а что здѣсь стоитъ только боевой Каспійскій флотъ съ нѣкоторыми вспомогательными судами; что задачей флота является, во-первыхъ, блокада Баку, и, во-вторыхъ, бомбардировка Баку, если только турки и азербайджанцы осмѣлятся обижать русское населеніе Баку.

Изъ разговоровъ (происходившихъ въ моемъ присутствіи) Воскресенскаго съ офицерами турецкимъ, германскимъ и венгерскимъ выяснилось, что послѣдніе, очевидно съ вѣдома Азербайджанскаго Правительства, явились къ Воскресенскому для переговоровъ о разрѣшеніи эвакуировать съ о. Наргена содержавшихся на немъ турецкихъ, германскихъ и австро-венгерскихъ плѣнныхъ, что-то около 3.000 человѣкъ. Воскресенскій, которому я успѣлъ сообщить, что въ Баку

организовался временный Русскій Національный Комитетъ, во главѣ съ М. Подшибякинымъ, А. Леонтовичемъ, А. Литвиновичемъ, мною и друг., и что мы взяли на себя защиту интересовъ русскаго населенія въ городѣ, отвѣтилъ этимъ офицерамъ, что со своей стороны и онъ, Воскресенскій, имѣетъ предъявить рядъ требованій, которыя онъ формулируетъ, побывавши въ Баку и узнавъ тамъ нужды русскаго населенія. Я условился съ Воскресенскимъ, что черезъ два дня онъ будетъ въ Баку и что онъ побываетъ у насъ въ комитетѣ.

Пока Воскресенскій угощалъ въ каютъ-кампаніи иностранцевъ, я успѣлъ на палубѣ переговорить съ командой «Карса» и съ представителями командъ другихъ судовъ, которые были срочно вызваны для этой цѣли на «Карсъ». Мнѣ удалось успокоить матросовъ, что въ Баку русскимъ людямъ не угрожаетъ непосредственной опасности; что поэтому, совершенно излишне и даже прямо для русскихъ интересовъ вредно, если флотъ предприметъ насильственныя дѣйствія противъ города, гдѣ могутъ погибнуть отъ этихъ же дѣйствій и многіе изъ русскихъ. Передавъ также и матросамъ объ организаціи русскаго національнаго комитета, мнѣ видимо удалось успокоить команды тѣмъ, что все же кто-то о русскомъ населеніи заботится. Меня крайне тронуло, что, прощаясь со мною, матросы просили передать ихъ привѣтъ членамъ нашего комитета и прокричали ему громкое «ура».

Побывавъ на судахъ флота, гдѣ я почувствовалъ себя снова русскимъ, мнѣ особенно тяжело было возвращаться въ Баку, гдѣ приходилось впервые видѣть и ощущать ежеминутное попираніе нашего русскаго національнаго чувства.

Точнаго подсчета числа жертвъ, понесенныхъ армянскимъ народомъ въ ужасные кошмарные «сентябрьскіе» дни въ Баку, сдѣлать невозможно. Городской обозъ и обозъ, мобилизованный все тѣмъ же «Центродомомъ», вывезли больше 20.000 труповъ въ предназначенное для сбора ихъ мѣсто, гдѣ потомъ они подвергались массовому погребенію. А сколько труповъ было похоронено самими родными убитыхъ, сколько было случайно открыто потомъ.

Но, что представило еще большій трудъ и безконечныя заботы — это подобрать на улицахъ нѣсколько тысячъ малютокъ сиротъ (начиная отъ грудныхъ), оставшихся безъ родителей послѣ этихъ массовыхъ убійствъ. Самъ всего нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ перенесшій глубокое горе А. Леонтовичъ день и ночь, буквально, работалъ съ другимъ другомъ дѣтей — д-ромъ Гиндесомъ для того, чтобы какъ-нибудь пріютить и устроить эту массу несчастныхъ дѣтей.

Забитые всѣмъ свалившимся на ихъ головы несчастіемъ, армяне и не способны были сами себѣ помочь, да и чувствовали, что всякая ихъ просьба встрѣчается новою властью или неохотно, или явно недружелюбно. И потому, содѣйствіе такой организаціи, какъ «Центродомъ», оказалось во многомъ для нихъ спасительнымъ.

Вынужденъ, правды ради, сказать, что въ «сентябрьскіе» дни многіе изъ армянъ были спасены заступничествомъ или помощью татаръ. Но размѣры бѣдствій, понесенныхъ тѣми и другими, татарами и армянами въ злосчастномъ для нихъ 1918 году, были далеко не соразмѣрны.

XIV

2-го сентября днемъ прибыло изъ Елизаветполя (Ганжи) Азербайджанское правительство, кромѣ премьера Фатали Хана Хойскаго. Министры въ сопровожденіи турецкихъ офицеровъ, одинъ за другимъ, на автомобиляхъ проѣхали по главнымъ улицамъ, привѣтствуемые толпами татаръ, въ большомъ числѣ вновь появившихся въ городѣ и державшихъ себя, какъ побѣдители.

Еще за нѣсколько дней до паденія города у моихъ друзей и у меня возникала мысль о необходимости созданія какой-либо организаціи, которая должна была взять на себя иниціативу въ дѣлѣ защиты интересовъ гражданъ русской національности, коимъ, мы это ясно предвидѣли, предстояло вскорѣ въ русскомъ городѣ Баку, созданномъ главнымъ образомъ на русскія деньги, играть роль иностранцевъ.

Мы собрались 2-го сентября у одного изъ нашихъ единомышленниковъ въ числѣ 12—15 человѣкъ и послѣ продолжительнаго обсужденія рѣшили, назвавъ себя Временнымъ Русскимъ Національнымъ Комитетомъ, приступить къ дѣятельности.

Выдвигавшіяся передъ нами жизнью неотложныя задачи сводились къ слѣдующему:

1) матеріальная помощь нуждающимся русскимъ людямъ; остались инвалиды, жены безъ мужей и въ особенности съ дѣтьми; ограбленные турками и азербайджанцами (таковыхъ сравнительно мало) — всѣ эти категоріи гражданъ русской національности нуждались въ первоначальной матеріальной помощи;

2) забота о русскихъ сиротахъ, а таковыхъ осталось не мало, ибо во время спѣшнаго отхода пароходовъ, при эвакуаціи, не мало было случаевъ, что родители, оставивъ дѣтей дома, не имѣли уже возможности подъ обстрѣломъ турокъ вернуться домой за дѣтьми; не мало дѣтей въ суматохѣ было потеряно;

3) защита личныхъ и имущественныхъ интересовъ русскихъ гражданъ, которымъ причиненъ былъ тотъ или иной вредъ;

4) выдача удостовѣреній личности, такъ какъ у многихъ оказались уничтоженными или потерянными виды на жительство;

5) защита политическихъ правъ русскихъ гражданъ на правахъ иностранцевъ, и т. д.

Выбравъ Временный Комитетъ изъ числа 5-ти лицъ (Предсѣдателемъ М. Ф. Подшибякина, товарищемъ предсѣдателя — меня), послѣднему было поручено завтра же повидаться съ членами Азербайджанскаго правительства, подать ему краткое заявленіе о нашемъ существованіи съ изложеніемъ предположенной нами программы дѣятельности и потребовать нашего признанія.

На другой день утромъ мы были приняты Мамедъ Гассаномъ Гаджинскимъ (инженеръ-технологъ, членъ Бакинской Городской Управы стараго состава), замѣстителемъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, въ присутствіи еще нѣсколькихъ министровъ. Пріемъ былъ намъ оказанъ самый любезный, и мы наслушались всяческихъ увѣреній въ томъ, что русское населеніе не было никогда врагомъ татаръ и мусульманства вообще; что мы — русскіе люди — ихъ учителя; что въ новой республикѣ русскимъ людямъ будетъ житься лучше, чѣмъ гдѣ-либо въ Закавказьи и даже въ Россіи; что все будетъ сдѣлано для того, чтобы русское населеніе осталось на мѣстѣ.

Всѣ эти хорошія обѣщанія сопровождались увѣреніями, что вѣдь мы — члены Комитета прекрасно и давно знаемъ всѣхъ ихъ, членовъ Правительства, и что всѣ мы — другъ другу не чужіе.

Однако, тотъ пунктъ программы, гдѣ говорилось о защитѣ политическихъ правъ гражданъ русской національности на правахъ иностранцевъ, видимо не особенно понравился новымъ властителямъ, и намъ было отвѣчено, что правительство не потерпитъ у себя никакой національной политической организаціи. Дабы не создавать себѣ затрудненій на первыхъ порахъ, мы не стали спорить, и тутъ же получили легализацію.

Намъ важно было сейчасъ же начать дѣйствовать: имѣть возможность оповѣстить населеніе о своемъ существованіи, легально собирать необходимыя денежныя средства, открыть оффиціально дверь нанятаго нами помѣщенія и начать пріемъ людей, которымъ была бы нужна наша помощь.

Не прошло и двухъ-трехъ дней, какъ мы одержали новую побѣду — намъ предоставлено было право и политическаго представительства.

Началось съ того, что само Азербайджанское правительство возбудило вопросъ объ участіи нашихъ представителей въ Комиссіи, которую предполагалось послать на Мугань для того, чтобы, какъ выражались Азербайджанцы, безболѣзненно включить русскую Мугань въ предѣлы Республики, ибо въ противномъ случаѣ предполагалось покорить Мугань, двинувъ туда воинскія части, конечно, турецкія. Мы воспользовались этимъ предлогомъ для того, чтобы поставить Азербайджанскому правительству на видъ его отказъ въ предоставленіи Комитету политическихъ правъ. Намъ обѣщали подумать; мы тоже обѣщали подумать съ своей стороны. Дня черезъ два-три пріѣхалъ Воскресенскій, повидался съ нами и былъ введенъ нами въ курсъ нашихъ переговоровъ съ правительствомъ; нами было рѣшено, что поѣхать на Мугань кому-либо изъ членовъ Комитета необходимо, но, конечно, съ цѣлями, ничего общаго съ планами Азербайджанцевъ не имѣющими; что надобно постараться оттянуть и самую поѣздку какъ можно дольше и вернуться изъ поѣздки какъ можно позже, чтобы выгадать срокъ.

Оказалось, что Воскресенскій пріѣхалъ для урегулированія вопроса о военно-плѣнныхъ; мы условились, что онъ съ своей стороны предъявитъ требованія о возвратѣ всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ во время обороны Баку русскихъ солдатъ, о свободномъ выѣздѣ всѣхъ русскихъ, кои пожелаютъ выѣхать, и, въ особенности семей и женъ моряковъ флота и всѣхъ ушедшихъ изъ Баку во время эвакуаціи, причемъ Воскресенскій долженъ былъ потребовать, чтобы исполненіе всѣхъ этихъ мѣропріятій должно было бы войти въ компетенцію Русскаго Національнаго Комитета.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, на нужды Комитета имъ, Воскресенскимъ, по распоряженію Бичерахова было передано намъ 200.000 рублей николаевскими и керенскими деньгами.

Азербайджанское Правительство (не безъ давленія на него со стороны турокъ и ихъ союзниковъ, заинтересованныхъ въ освобожденіи нѣсколькихъ тысячъ плѣнныхъ, иначе говоря, кадровыхъ солдатъ и офицеровъ) стало вдругъ крайне уступчивымъ и выдало намъ оффиціальное удостовѣреніе, признающее, что Временный Русскій Національный Комитетъ является организаціей національно-политической, дѣйствующей на основаніи заявленной правительству программы.

Комитетъ командировалъ на Мугань своего Предсѣдателя М. Ф. Подшибякина, поручивъ ему ознакомиться съ положеніемъ русскаго населенія, информировать его о происшедшемъ въ Баку и Закавказьи и о видахъ на будущее.

Порученіе это М. Подшибякинымъ было выполнено блестяще и докладъ его (объ этомъ дальше) значительно помогъ въ дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ Комитета.

Не прошло и нѣсколькихъ дней со дня нашей легализаціи, какъ мы были буквально завалены всевозможными просьбами, а наплывъ просителей и лицъ, имѣвшихъ къ Комитету какое-либо дѣло, превысилъ всякія ожиданія. Мы принялись за увеличеніе личнаго состава Комитета путемъ кооптаціи новыхъ членовъ изъ числа наиболѣе энергичныхъ и работоспособныхъ русскихъ людей, имѣвшихъ авторитетъ во всѣхъ слояхъ населенія; не было недостатка и въ лицахъ, предлагавшихъ свой безвозмездный трудъ. Всѣ члены Комитета, понятно, работали безвозмездно. И, несмотря на то, что насъ было уже двадцать человѣкъ, работы было на всѣхъ.

Было принято нами за правило, каждому просившему о пособіи — дать хотя что-нибудь; отказывали крайне рѣдко — въ случаяхъ явнаго шантажа; зато, въ случаяхъ дѣйствительной нужды, старались оказывать щедрую помощь: такъ практиковалось, напримѣръ, при родахъ, при похоронахъ, тяжкихъ болѣзняхъ и т. д.

Съ первыхъ же дней была заведена регистрація безработныхъ и начало функціонировать бюро труда, къ которому весьма скоро намъ удалось привлечь интересъ и со стороны промышленности и всякихъ предпринимателей. Въ числѣ членовъ Комитета былъ, понятно, и нашъ уважаемый согражданинъ А. К. Леонтовичъ, предсѣдатель «Центродома» и, благодаря его содѣйствію, мы имѣли широкую помощь со стороны этого учрежденія.

Огромную работу намъ создавала выдача національныхъ паспортовъ, ибо, какъ мы ни старались облегчить самый порядокъ выдачи ихъ, все же соблюденіе минимальныхъ формальностей для обезпеченія достовѣрности включаемыхъ въ паспортъ свѣдѣній было необходимо. Я не помню случая, чтобы къ намъ поступило хотя бы одно указаніе, чтобы паспортъ былъ выданъ не тому лицу, которое было названо въ паспортѣ.

А, между тѣмъ, вскорѣ само Азербайджанское правительство и власти, найдя, что такой способъ избавляетъ ихъ отъ массы хлопотъ и работы, стали требовать отъ всѣхъ русскихъ представленія обязательно паспортовъ, выданныхъ Національнымъ Комитетомъ. То же самое было и впослѣдствіи при англійской оккупаціи. Наряду съ текущей работой бывали случаи, гдѣ требовалась не разъ провѣрка разныхъ обстоятельствъ (напримѣръ при удовлетвореніи нѣкоторыхъ просьбъ) или собраніе свѣдѣній на мѣстахъ членами Комитета. Сверхъ этого, чтобы наладить всю эту многообразную работу и выработать опредѣленные пріемы, а также и для разрѣшенія общихъ вопросовъ, Комитетъ собирался три разъ въ недѣлю по вечерамъ и засиживался иногда далеко за полночь.

Удалось Комитету благополучно справиться съ работой сначала по регистраціи, составленію списковъ и вѣдомостей, а затѣмъ и по эвакуаціи изъ Баку женъ и семействъ командъ судовъ, ушедшихъ изъ Баку, семей эвакуировавшихся и освобожденныхъ, по требованію Воскресенскаго, русскихъ военнопленныхъ.

Комитету вскорѣ пришлось стать и почтовымъ учрежденіемъ, ибо Комитетъ, понятно, имѣлъ гораздо большія возможности вступать въ сношенія съ такими мѣстностями, куда почты не было, какъ напримѣръ, Петровскъ, Красноводскъ, Ленькорань, Мугань и т. д., чѣмъ отдѣльныя лица.

Выдача паспортовъ и почтовыя сношенія производились за плату (явно неимущіе освобождались) и поступавшіе, довольно значительные, доходы давали возможность расширять оказаніе нами помощи.

Русскія фирмы и вообще русское достаточное населеніе широко шло навстрѣчу нараставшимъ потребностямъ русскаго Національнаго Комитета. Были весьма значительныя пожертвованія.

Этотъ первый періодъ дѣятельности нашего Комитета я опредѣляю съ 3-го сентября по 17-ое октября 1918 года. Этотъ первый періодъ былъ главнымъ образомъ періодомъ дѣятельности благотворительной и оказанія всякихъ видовъ помощи отдѣльнымъ нуждавшимся лицамъ русской національности и тѣмъ подготовительнымъ періодомъ къ слѣдующимъ эпохамъ нашей дѣятельности, когда и гдѣ Комитетъ выступилъ уже въ своей настоящей дѣятельности — въ качествѣ выразителя нуждъ и потребностей всей русской національности и защитника національныхъ стремленій русскихъ въ Закавказьи, русскимъ голосомъ въ оторванной отъ Родины окраинѣ.

То обстоятельство, что дѣятельность Комитета должна будетъ неминуемо развернуться и что самый Комитетъ вскорѣ приметъ характеръ представительства политическаго, но не партійнаго, а національнаго характера, стало для насъ очевиднымъ по возвращеніи М. Подшибякина изъ его поѣздки по Мугани.

Изъ доклада его намъ стало ясно, что русская Мугань съ почти 100-тысячнымъ населеніемъ, обезпеченнымъ и хлѣбомъ и всякимъ продовольствіемъ, населенная крѣпкимъ русскимъ крестьянствомъ, хорошо вооруженнымъ, можетъ стать въ будущемъ базой, на которую сможетъ опереться здоровая русская государственность въ разрѣшеніи нѣкоторыхъ чисто-русскихъ вопросовъ въ краѣ и, въ частности, въ вопросѣ о владѣніи Баку.

По наблюденіямъ М. Подшибякина на Мугани было около 10—12 тысячъ кадровыхъ солдатъ; было достаточно оружія, артиллеріи и пулеметовъ; недостатокъ былъ въ снарядахъ, патронахъ и офицерскомъ составѣ.

Мугань не выдержала бы серьезнаго наступленія турецкихъ регулярныхъ войскъ, но во всякомъ случаѣ отчаянно бы защищалась; наступленіе же Азербайджанскихъ войсковыхъ частей, недавно сформированныхъ, было ей совершенно не страшно. Обстоятельства эти, видимо, хорошо учитывались и Азербайджанскимъ правительствомъ, которое хотѣло покончить съ Муганью, пока турецкія войска находились въ Баку.

Цѣлью Азербайджанскаго правительства было разореніе Мугани, что заставило бы русское населеніе уйти оттуда, и Мугань стала бы свободной для заселенія на ней татаръ и ихъ тюркскихъ сородичей.

Важно, поэтому, было оттянуть время предполагаемаго покоренія Мугани. Но, даже и въ этомъ случаѣ, на Мугани не все было благополучно. Съ возвращеніемъ солдатъ съ фронтовъ на Мугань проникла и большевистская зараза.

Старики жаловались на молодежь за ея настроеніе и поведеніе; идеи коммунизма, проповѣдуемыя большею частью молодежи, въ связи съ пьянствомъ, развратомъ, легкимъ отношеніемъ къ собственности, повальной лѣнью, нару-

шили тотъ старинный укладъ жизни, который вмѣстѣ съ трудолюбіемъ, обезпечили Муганскому крестьянству его выдающееся довольство и сытость.

И для Комитета стало ясно, что такіе вопросы, какъ русскій Муганскій, потребуютъ иной совершенно дѣятельности Комитета. Пока что, всѣ ссобщенныя намъ М. Подшибякинымъ свѣдѣнія были переданы Воскресенскому для освѣдомленія Л. Бичерахова.

Съ приходомъ турокъ и татаръ ожили базары и появились на рынкѣ хорошій и сравнительно дешевый хлѣбъ, мясо, баранина, овощи, зелень, фрукты и т. д., ибо тотчасъ же начался подвозъ какъ изъ окрестныхъ деревень, такъ и изъ Елизаветпольской губерніи. Постепенно стали открываться лавки и магазины. Азербайджанское правительство прилагало особыя усилія къ тому, чтобы внѣшній видъ жизни какъ можно болѣе напоминалъ прежнюю довольную жизнь довоеннаго времени.

Турецкія военныя власти очень мало вмѣшивались во внутреннюю жизнь Баку и въ дѣло административнаго управленія. И когда приходилось кому-либо обращаться къ Мурсалу-Пашѣ съ тѣми или другими жалобами на неправильныя дѣйствія или притѣсненія Азербайджанскихъ властей, то и Мурсалъ-Паша, и другіе военные начальники категорически заявляли, что они совершенно не вмѣшиваются въ дѣло управленія, ибо ихъ дѣло — чисто военное, и поддерживать внѣшній въ городѣ порядокъ они будутъ лишь до тѣхъ поръ, пока въ городѣ и въ оккупированныхъ ими мѣстахъ дѣйствуетъ военное положеніе; что ихъ главная забота — сохраненіе дисциплины въ войскахъ — дѣло вообще не легкое, когда войска находятся внѣ сферы боевыхъ дѣйствіи и находятся въ близкомъ соприкосновеніи съ населеніемъ.

И дѣйствительно, турецкія военныя власти круто расправлялись со своими солдатами, обижавшими такъ или иначе мирное населеніе, не останавливаясь передъ разстрѣломъ и повѣшеніемъ виновныхъ.

Были приняты энергичныя мѣры къ разоруженію населенія, причемъ здѣсь, конечно, имѣлись въ виду, главнымъ образомъ, армяне и, отчасти, русскіе.

Съ внѣшней стороны жизнь начинала какъ будто входить въ колею и налаживаться.

Постепенно турецкія воинскія части стали незамѣтно (большею частью по ночамъ) выводиться изъ Баку; такъ какъ повсюду въ учрежденіяхъ (въ томъ числѣ на желѣзной дорогѣ) большинство служащихъ были русскіе, то къ намъ, въ Русскій Національный Комитетъ, поступали довольно подробныя свѣдѣнія обо всѣхъ передвиженіяхъ войскъ, о чемъ мы немедленно сообщали Воскресенскому. Стало выясняться, что турки предприняли наступленіе на сѣверъ — къ Дербенту и къ Петровску. Занятіемъ послѣдняго турки достигали того, что единственная (кромѣ Баку) морская база переходитъ къ нимъ въ руки и становились возможными операціи на югъ — черезъ Персію на помощь Мессопотамскому ихъ фронту, находившемуся въ то время въ критическомъ положеніи. Имѣлись свѣдѣнія, что къ тому же времени Германія высадила въ Поти двѣ дивизіи для тѣхъ же цѣлей.

Продвиженіе турокъ на сѣверъ — къ Петровску шло очень энергично и въ началѣ октября турки подошли къ Петровску, который защищался отрядомъ Бичерахова и тѣми русскими и армянскими частями, которыя наспѣхъ эвакуировались изъ Баку наканунѣ и въ день его паденія.

Л. Бичераховъ, принявъ на себя общее командованіе арміей и флотомъ, защищавшими Петровскъ и прегражданшими прорывъ турокъ далѣе, на Сѣверный Кавказъ, сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ и во главѣ эс-эро-меньшевистскаго правительства, извѣстнаго подъ именемъ Прикаспійскаго правительства, поставившаго своей задачей вооруженную борьбу съ большевиками, и для этой цѣли объединявшаго всѣ прилегающія къ Каспійскому морю русскія провинціи: Сѣверный Кавказъ (Терскую область), Ставропольскую губ., Закаспійскую республику и Муганскую республику. Изъ этихъ республикъ — Закаспійская уже вела борьбу съ большевиками при содѣйствіи англичанъ подъ командой генерала Малисона.

Въ задачи ген. Малисона входило не пропустить на тотъ же Мессопотамскій фронтъ сражавшихся со стороны Туркестана въ рядахъ большевиковъ свыше десяти тысячъ мадьяръ и нѣмцевъ (австрійцевъ) — военноплѣнныхъ, уже три или четыре года интернированныхъ въ Туркестанѣ и во что бы то ни стало стремившихся къ себѣ на родину. *

Въ задачи этого Прикаспійскаго Правительства входило отобраніе Баку у турокъ и Азербайджанцевъ.

Несмотря на то, что по спискамъ Л. Бичераховъ имѣлъ у себя подъ командой довольно значительную армію, большинство дезертировало и на фронтъ не являлось, митинговало, и борьба съ численно меньшимъ противникомъ, турками, Л. Бичераховымъ была проиграна, и онъ долженъ былъ и со своими войсками и съ Правительствомъ эвакуироваться и, посадивъ все это на пароходы, подъ давленіемъ турокъ оставилъ Петровскъ и ушелъ на югъ отъ Баку около Ленкорани, остановившись за островомъ Сара.

Но, если турки знали, что имъ дѣлать,то всего меньше знало Азербайджанское Правительство, что дѣлать ему въ отношеніи управленія занятымъ имъ Баку и тѣми областями, на которыя оно распространяло суверенитетъ своей «новоявленной» республики.

Двѣ задачи только были ему, повидимому, ясны: углубленіе борьбы съ армянами и насажденіе своего націонализма.

Начну съ послѣдняго. Національное Собраніе, въ апрѣлѣ или въ маѣ 1918 года объявившее объ отдѣленіи отъ Россіи двухъ ея губерній — Бакинской и

---

* Еще въ бытность у насъ большевиковъ мнѣ пришлось случайно (благодаря одному пріятелю) ознакомиться съ очень интересными документами, перехваченными большевиками: оказалось, что у остававшихся въ Тегеранѣ во время «великой войны» австрійскихъ дипломатическихъ агентовъ, при содѣйствіи оффиціальныхъ представителей нѣкоторыхъ нейтральныхъ державъ, симпатіи коихъ были на сторонѣ Германіи и центральныхъ державъ, былъ разработанъ очень подробный планъ сосредоточенія, незначительными партіями, военно-плѣнныхъ изъ Туркестана въ береговой Каспійской полосѣ Персіи; здѣсь эти военно-плѣнные по мѣрѣ ихъ прибытія должны были формироваться въ воинскія части, которыя должны были послужить къ созданію или новаго фронта противъ русскаго Кавказско-Персидскаго (фронтъ ген.Баратова) фронта или же выйти на фронтъ Мессопотамскій, для англичанъ особенно трудный. Все необходимое вооруженіе, снаряженіе и обмундированіе были заранѣе подготовлены.

Для тѣхъ же цѣлей служилъ и значительный отрядъ персидскаго авантюриста Кучукъ-Хана, вооруженный и инструктируемый германскими и австрійскими офицерами и содержавшійся на германскія деньги.

Этотъ Кучукъ-Ханъ еще во время войны доставлялъ не мало хлопотъ и русскимъ войскамъ.

Елизаветпольской и объ образованіи самостоятельнаго государства — Азербайджанской республики съ главнымъ городомъ Баку, составилось путемъ выдѣленія изъ числа депутатовъ Закавказскаго Сейма* всѣхъ депутатовъ мусульманъ (ихъ было, кажется, всего 42), причемъ, такъ какъ въ депутаты отъ мусульманъ попали и депутаты отъ мусульманъ Батумской области, Аджаріи, Эриванской губерніи и другихъ мѣстъ, то и эти, никакого отношенія къ территоріи «новоявленнаго» государства не имѣвшіе, люди попали въ число его законодателей.

Чтобы ясно себѣ представить, кто былъ авторомъ зарожденія идеи этого новаго государства и какія именно преслѣдовались при этомъ цѣли, необходимо себѣ ясно представить, что представляла собою эта новая республика въ свѣтѣ исторіи.

Никогда объ эти губерніи не составляли единаго политическаго тѣла. Никогда онѣ не носили и какого-либо общаго названія, а тѣмъ болѣе названія «Азербайджанъ».

Подъ этимъ именно названіемъ извѣстна одна изъ сѣверныхъ провинцій современной Персіи, каковая провинція составляетъ часть южной границы Закавказья, прилегая отчасти къ губерніи Бакинской, ко всей Елизаветпольской и частью къ Эриванской губерніи.

Присвоеніе себѣ этимъ новымъ государствомъ географическаго термина, относящагося къ части другого государства и къ иной совершенно мѣстности, явилось одной изъ главныхъ причинъ, почему Персія долгое время не хотѣла признавать этой новой республики и вступать съ нею въ какія-бы то ни было дипломатическія сношенія.

На самомъ же дѣлѣ территорія двухъ губерній (Бакинской, прежде носившей названіе Прикаспійской, а затѣмъ Шемахинской и Елизаветпольской), названныхъ совершенно произвольно «Азербайджанской республикой», составляла когда-то рядъ вассальныхъ провинцій, принадлежавшихъ Персіи и распадавшихся на рядъ зависимыхъ отъ Персіи ханствъ: Кубинское, Бакинское, Ленкоранское (Талышинское), Ширванское (Шемахинское), Шекинское (Нухинское), Карабахское (Шушинское) и Ганжинское (впослѣдствіи Елизаветполь).

Всѣ эти ханства постепенно, на протяженіи ряда лѣтъ и въ результатѣ долгихъ войнъ Россіи съ Персіей, по мирнымъ договорамъ и трактатамъ (какъ равно и ханство Эриванское) перешли во владѣніе Россіи.

Всѣ эти полунезависимыя дикія государства, доставлявшія много безпокойствъ и самой Россіи и вошедшей въ началѣ XIX вѣка въ ея составъ Грузіи, неоднократно грабили и своихъ сосѣдей и свою метрополію Персію и не только ничѣмъ не были между собою связаны, но нерѣдко враждовали и воевали другъ съ другомъ.

Ясно, что при этихъ условіяхъ искать историческаго оправданія вновь народившемуся государству было бы невозможно, а еще менѣе было основаній окрестить его непринадлежащимъ ему именемъ.

Зарожденіе этого новаго государства на широкомъ пространствѣ ослабшей послѣ войны и разваливаемой большевиками Россіи объясняется тѣмъ, что задачи чисто-военныя Германіи и Турціи совпали и съ ростомъ панисламизма и пантура-

---

* Закавказскій Сеймъ получился изъ сложенія членовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія съ прибавленіемъ къ нимъ 3-хъ-кратнаго увеличенія числа депутатовъ, проведенныхъ по каждому партійному списку; благодаря этому и партія ка-де получила два мѣста, и представителями ея являлись М. Подшибякинъ и Ю. Семеновъ, первые два по списку.

низма, съ одной стороны, и съ удобнѣйшей для всякихъ сепаратистскихъ достиженій новой идеологіей, провозглашенной сначала В. Вильсономъ, а затѣмъ и Петроградскимъ Совдепомъ, именно пресловутой формулой — «самоопредѣленія народностей», — съ другой.

Турціи, находившейся въ орбитѣ всемогущества Германіи, мерещилась одна огромная держава въ составѣ до-военной Турціи, Кавказа и Закавказья, нижняго Поволожья, Закаспія, Туркестана (съ Хивой и Бухарой), Персіи и т. д.

Тюркскимъ націоналистамъ, въ большинствѣ политическимъ авантюристамъ вродѣ Энверъ-Паши или доморощенныхъ политиковъ, вродѣ Топчибашева, покойнаго Хана Хойскаго и др., рисовались заманчивыя перспективы поиграть въ государственныхъ людей того или другого масштаба.

Въ созданіи Азербайджанской республики активную (при помощи турокъ) роль играли главари партіи «Муссаватъ», именовавшей себя «тюркской партіей Муссаватъ». Это они провозглашали тѣ или другіе политическіе акты. Народъ же молчалъ; и лишь когда доходило дѣло до бесѣдъ «по душамъ», то приходилось слышать характерныя заявленія, вродѣ слѣдующихъ: «Республика-это ничего: и Азербайджанъ — это тоже ничего; но надо, чтобы все было, какъ при Николаѣ».

Въ массѣ своей татарское населеніе Закавказья, какъ осѣдлое, занимавшееся земледѣліемъ и садоводствомъ, такъ и полукочевое, пастушеское, не имѣя совершенно рабочаго класса, было глубоко консервативнымъ; оно опредѣленно льнуло къ власти крѣпкой и притомъ власти по національности ей посторонней — власти россійской, такъ какъ изъ практики оно хорошо знало, что власть, осуществляемая представителями изъ числа своихъ же татаръ, всего чаще выражалась въ грубѣйшемъ произволѣ, въ сведеніи счетовъ съ врагами и т. д. Къ русской власти татарское населеніе не только привыкло, но и сжилось съ нею; не имѣя корней въ населеніи, русскіе представители власти (мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, администрацію) имѣли гораздо меньше шансовъ злоупотреблять властью безнаказанно.

Еще весною 1918 года сконструировавшееся Азербайджанское Правительство одной изъ очередныхъ задачъ поставило себѣ націонализированіе органовъ власти. Задача эта, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго, оказалась Азербайджану совершенно непосильной. Тѣмъ не менѣе тенденціи къ искорененію русскаго духа не скрывали, несмотря на всякія увѣренія въ противномъ.

За то армянству была объявлена опредѣленно война. Не скрывали вовсе, что никакая армянская самодѣятельность, ни конкуренція въ какой-бы то ни было отрасли дѣятельности не будетъ терпима.

Нѣкоторые шовинисты, какъ напримѣръ, докторъ Хосровъ бекъ Султановъ (министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ) и др. открыто говорили, что въ Азербайджанѣ или вовсе не будетъ армянъ, или же они будутъ на положеніи турецкой райи (существъ безправныхъ); «армянамъ у насъ дѣлать нечего, пусть уходятъ къ себѣ», говорили господа изъ числа ярыхъ націоналистовъ.

На первыхъ же порахъ началось расхищеніе армянскихъ имуществъ, даже не національныхъ (учрежденій благотворительныхъ и др.), а частныхъ. Новый огромный театръ бр. Манловыхъ объявленъ государственной собственностью безъ всякаго вознагражденія владѣльцевъ. Лучшая въ городѣ типографія Хр. А. Веришева объявлена государственной собственностью, также безъ вознагражденія владѣльца. Примѣровъ, подобныхъ приведеннымъ, мы могли бы назвать очень много. Расхищались торговыя и промышленныя предпріятія, принадлежав-

шія армянамъ, и не только тѣ, которыя въ дѣйствительности остались безъ владѣльцевъ и управляющихъ изъ армянъ, бѣжавшихъ изъ опасенія насилій, ожидавшихся при взятіи города, но и владѣльцы коихъ были на лицо.

Мнѣ лично пришлось вступиться за имущество одной фирмы: предпріятіе очень крупное, по существу русское, такъ какъ большинство акцій принадлежало русскимъ волжскимъ купцамъ, было представлено директоромъ-распорядителемъ армяниномъ, бѣжавшимъ изъ Баку въ ночь на 1-ое сентября. Захвативъ всѣ соотвѣтствующіе случаю документы, я поѣхалъ къ Б. Х. Джеванширу, министру внутреннихъ дѣлъ, а также торговли и промышленности, и заявилъ ему требованіе о принятіи мѣръ къ охранѣ многомилліоннаго имущества (складовъ, пристаней, судовъ и проч.). Б. Х. Джеванширъ, выслушавъ отъ меня, что крупнымъ акціонеромъ является коммерціи совѣтникъ И. Ф. Скрѣпинскій, отказалъ мнѣ въ моемъ ходатайствѣ на томъ основаніи, что Скрѣпинскій заинтересованъ во многихъ армянскихъ дѣлахъ и является другомъ армянъ, а потому-де «Азербайджанское Правительство не можетъ оказать ему никакого содѣйствія». Я привожу этотъ случай, какъ яркій примѣръ того отношенія, которое существовало у руководителей политики новоявленнаго «Азербайджана» къ армянамъ.

Квартиры богатыхъ, по преимуществу, армянъ реквизировались со всею обстановкою подъ квартиры министровъ и другихъ высшихъ чиновниковъ правительства.

Въ сущности со стороны татаръ — представителей власти къ армянамъ и ихъ имуществу былъ проявленъ чисто большевистскій пріемъ. Но еще ужаснѣе были тѣ пріемы, къ которымъ стали прибѣгать татарскія власти въ дѣлѣ персональнаго уничтоженія армянскихъ буржуазіи и интеллигенціи.

Массовыя избіенія армянъ, производившіяся чернью, никѣмъ не сдерживаемой, въ первые дни занятія Баку (первые дни сентября 1918 г.), оффиціально прекратились въ результатѣ цѣлаго ряда выступленій и мѣстныхъ иностранныхъ консуловъ, и общественныхъ дѣятелей другихъ національностей (русскихъ, евреевъ) и подъ вліяніемъ свѣдѣній, полученныхъ изъ Тифлиса, о происшедшихъ тамъ общественныхъ выступленіяхъ (въ томъ числѣ Городской Думы).

Одинъ за другимъ, по одиночкѣ, стали безслѣдно пропадать то тотъ, то другой изъ видныхъ армянъ: ушелъ изъ дому и не вернулся давнишній городской дѣятель Д. Д. Арутюновъ (замѣститель Городского Головы и Членъ Управы), доктора Т. Захаріанъ и Агамирзовъ (имѣвшій исключительно татарскую практику), инженеръ С. Амировъ и многіе др. И все это были видные люди, буквально извѣстные всему городу.

Въ частности, будучи связанъ личной дружбой съ С. Амировымъ (товарищемъ по кадетской партіи), я предпринялъ дѣятельные его розыски: министръ внутреннихъ дѣлъ Б. Х. Джеванширъ, у котораго я былъ лично, отозвался полнымъ незнаніемъ и посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ министру юстиціи, а когда и послѣдній отозвался тѣмъ же, то Б. Х. Джеванширъ сказалъ мнѣ, что не сомнѣвается, что все должно быть извѣстно турецкимъ военнымъ властямъ. Мурсалъ Паша, къ которому я обратился вмѣстѣ съ покойнымъ А. Леонтовичемъ, выслушавши насъ, просилъ насъ ему повѣрить, что ни онъ, ни другія турецкія военныя власти, рѣшительно не при чемъ, и совѣтовалъ не вѣрить Азербайджанцамъ, взявшимъ за привычку приписывать все, что имъ не выгодно, туркамъ. Нѣсколько времени спустя, удалось узнать, что С. Амировъ арестованъ и сидитъ въ арестантской у начальника политической полиціи Бога-Эддинъ-Бея

(турецкаго офицера, поступившаго на службу къ Азербайджану и являвшемуся правой рукой вышеупомянутаго Джеванширa). На этотъ разъ Б. Х. Джеванширъ, не имѣя уже возможности отрицать предо мною и А. Леонтовичемъ своего близкаго отношенія къ аресту С. Амирова, перейдя на дружескій тонъ, замѣтилъ намъ: «И чего Вы, русскіе, мѣшаетесь въ армянскія дѣла», и пообѣщалъ принять мѣры къ выясненію причинъ ареста Амирова. Однако, черезъ нѣсколько дней намъ было сообщено, что Амировъ и остальные съ нимъ содержавшіеся армяне разстрѣляны.

Проѣздъ армянъ по линіи желѣзной дороги былъ не безопасенъ; армянъ снимали съ поѣздовъ, вытаскивали изъ вагоновъ и разстрѣливали. Много армянъ было вывезено изъ Баку въ другія мѣстности Азербайджана и или заключены въ тюрьмы, или посланы на принудительныя работы въ нездоровыя мѣстности.

Армяне были совершенно забиты; разсчитывать на свое національное представительство они не могли. Большинство сидѣло у себя по домамъ или же, кто могъ, старались выѣхать куда нибудь изъ Баку.

Изъ приведеннаго выше видно, что представители другихъ національностей также мало чѣмъ могли имъ помочь.

Торжествовавшій свою побѣду мало-культурный націонализмъ Азербайджана создавалъ тяжелую, отравленную атмосферу.

XV

Съ большимъ трудомъ проникали къ намъ въ Баку извѣстія о томъ, что дѣлалось не только въ Россіи, но и на Западѣ. О начавшемся Освободительномъ движеніи во главѣ съ генераломъ Корниловымъ и Алексѣевымъ мы имѣли самыя смутныя представленія; ничего не знали ни о геройской смерти генерала Корнилова, ни объ одержанныхъ Добровольческой Арміей побѣдахъ и занятіи Екатеринодара, ни о смерти тяжко больного генерала Алексѣева.

Единственной газетой, изъ которой мы могли хоть что нибудь узнать, была «Азербайджанъ», оффиціальная газета, печатавшаяся на русскомъ языкѣ. Ни туркамъ, ни правительству Азербайджанской республики, вовсе не интересно было, чтобы населенію было извѣстно истинное положеніе въ мірѣ.

Но, тѣмъ не менѣе, все же какими-то невѣдомыми путями проникали свѣдѣнія о начавшемся разгромѣ Германіи и о томъ, что Турція на послѣднемъ изъ своихъ фронтовъ, на Мессопотамскомъ, терпитъ пораженіе за пораженіемъ. Эти свѣдѣнія поселяли въ русскихъ и армянскихъ массахъ надежды на измѣненіе къ лучшему ихъ положенія въ Азербайджанѣ. Появилась надежда на скорый уходъ турокъ изъ Баку и на занятіе его союзниками. Симптоматичнымъ являлось и заявленіе оффиціоза — газеты «Азербайджанъ» о томъ, что англичане, въ лицѣ новаго командующаго англійскими силами въ Персіи, генерала Томсона (на мѣсто уволеннаго генерала Данстервиля), признали якобы Азербайджанскую республику.

За нѣсколько дней до прихода союзниковъ (17 ноября 1918 г.) въ Баку, по городу разнесся слухъ, что англичанами предъявленъ турецкому главному командованію, въ лицѣ Халила-Паши и Мурсала-Паши, ультиматумъ объ очищеніи Баку въ теченіе двухъ сутокъ и о полномъ очищеніи всего Закавказья.

Первыми оставили Баку нѣмецкая и австрійская военныя миссіи. Приблизительно черезъ день стали уходить изъ Баку и турки; изъ Баладжаръ (узловой

желѣзно-дорожный пунктъ верстахъ въ 10-ти отъ Баку) сообщали, что одни за другимъ проходятъ съ сѣвера (отъ Петровска) эшелоны съ турецкими войсками въ сторону Тифлиса и Батума.

Турки, уходя, вывозили изъ Баку и изъ страны буквально все, что только могли вывезти: вывозили захваченную ими военную добычу, всякіе матеріалы, цѣнную мебель, мануфактуру, отобранный у населенія (главнымъ образомъ русскаго) хлѣбъ, и т. д.

За день или за два до прихода союзниковъ скрылся изъ города и Азербайджанскій «палачъ», названный уже Бога-Эддинъ-Бей.

Положеніе Азербайджанскаго Правительства было скомпрометировано и съ нимъ никто не хотѣлъ считаться.

16-го ноября вечеромъ въ городѣ стало извѣстно, что на утро въ городъ прибываетъ со своимъ штабомъ генералъ Томсонъ, въ качествѣ главы союзныхъ войскъ. Рѣшено было, что всѣ общественныя организаціи будутъ участвовать во встрѣчѣ генерала Томсона и союзниковъ. Уже съ 9-ти часовъ утра Русскій національный Комитетъ почти въ полномъ составѣ ожидалъ прибытія союзниковъ на пристани. Изъ представителей Азербайджанскаго Правительства, если не ошибаюсь, было только двое: Б. Х. Джеванширъ (министръ внутреннихъ дѣлъ) и Таги-бекъ Сафаръ Аліевъ (товарищъ министра торговли и промышленности); видъ у этихъ господъ былъ сконфуженный. Собравшимися отмѣчалось, что не прибыли ни премьеръ министръ Фатали-Ханъ Хойскій, ни его замѣститель М. Г. Гаджинскій. По распоряженію Джеваншира на флагъ-штокѣ, на концѣ пристани, былъ поднятъ Азербайджанскій національный флагъ, недавно только изобрѣтенный.

День былъ сѣрый, хотя и теплый; изрѣдка накрапывалъ дождь.

Около 10-ти час. утра на горизонтѣ со стороны Персіи показался рядъ дымковъ; количество ихъ замѣтно все увеличивалось по мѣрѣ приближенія эскадры къ берегу.

Выглянуло солнце. Суда стали вырисовываться все яснѣе. Впереди, въ головѣ кильватерной колонны, шелъ пароходъ «Президентъ Крюгеръ» подъ нѣсколькими флагами.

И велики были восторгъ и національное удовлетвореніе насъ, русскихъ, когда мы увидѣли красовавшіеся на трехъ мачтахъ сѣверо-американскій, англійскій и французскій флаги союзниковъ и на кормѣ нашъ «родной» Андреевскій флагъ.

Подошелъ и ошвартовался «Крюгеръ», а за нимъ у разныхъ пристаней стали ошвартовываться и остальныя суда экскадры.

Генералъ Томсонъ, въ сопровожденіи французскаго и американскаго военныхъ агентовъ, сошелъ на пристань. Начались представленія: очень сухо отвѣтилъ генералъ Томсонъ на привѣтствіе Азербайджанскаго правительства и тутъ же, обративъ вниманіе на поднятый Азербайджанскій флагъ, приказалъ его немедленно спустить, что и было исполнено къ конфузу азербайджанцевъ и къ общему удовольствію всѣхъ остальныхъ.

Вслѣдъ за азербайджанцами просунулся впередъ совершенно неожиданно нѣкій полковникъ Олонгренъ (бывшій раньше, до революціи, въ Баку помощникомъ градоначальника) и, привѣтствуя генерала Томсона, сталъ возносить хвалу «молодой и милой» Азербайджанской республикѣ, мирно пріютившей подъ своею сѣнью русское офицерство. Насъ, русскихъ, въ особенности шокировало это заявленіе, и многіе изъ членовъ Русскаго Національнаго Комитета тутъ же обратились къ г. Олонгрену за объясненіями.

Съ краткимъ и глубоко прочувствованнымъ словомъ отъ имени Русскаго Національнаго Комитета и всего русскаго населенія обратился къ генералу Томсону предсѣдатель Комитета М. Ф. Подшибякинъ. Въ отвѣтъ на это привѣтствіе генералъ Томсонъ произнесъ приблизительно слѣдующій историческій отвѣтъ: «Великая война окончена полной побѣдой Антанты. Я пришелъ какъ ея представитель сюда, въ Баку, въ предѣлы Россіи въ ея границахъ до войны 1914 г., на русскую землю, на Кавказъ, принадлежащій Россіи отъ моря Каспійскаго и до Чернаго Моря. Я еще встрѣчусь съ представителями русскаго народа».

И, словно въ подтвержденіе только что сказанныхъ словъ, надъ нами стали проноситься гидропланы, сбрасывавшіе прокламацію, гдѣ за подписью генерала Томсона говорилось то же самое отъ имени всѣхъ союзниковъ Россіи.

Рѣчь Томсона произвела огромное впечатлѣніе на присутствующихъ, и короткое время спустя, какъ и содержаніе прокламаціи, она стала достояніемъ города.

Такъ какъ намъ дали знать, что вмѣстѣ съ союзниками въ Баку вернулся и Л. Бичераховъ со всѣми войсками, участвовавшими въ защитѣ Баку отъ турокъ и азербайджанцевъ, то Русскій Національный Комитетъ отправился на Петровскую пристань для принесенія привѣтствія и Л. Бичерахову.

У Л. Бичерахова мы встрѣтили, кромѣ него самого и его штаба, также представителей Прикаспійскаго правительства, въ томъ числѣ и Г. А. Наджарова (прис. повѣр., праваго эсера, о которомъ мы уже упоминали раньше). И, если совершенно опредѣленно звучало заявленіе генерала Томсона, то объясненія и Л. Бичерахова, и его товарищей по Прикаспійскому правительству о будущихъ ихъ задачахъ какъ въ Баку, такъ и въ русскомъ вопросѣ вообще, отличались неопредѣленностью, сумбурностью и даже какимъ то умолчаніемъ. Поэтому мы охотно приняли предложеніе членовъ Прикаспійскаго правительства собраться тотчасъ же вмѣстѣ для обсужденія политическаго положенія.

Въ часъ дня у насъ, въ Комитетѣ, собрались какъ члены нашего Комитета, такъ и члены Прикаспійскаго правительства.

Большинство явившихся къ намъ были соціалисты, причемъ нѣсколько человѣкъ армянъ.

Изъ разговоровъ выяснилось приблизительно слѣдующее: Прикаспійское правительство считаетъ г. Баку входящимъ въ территорію союза представляемыхъ имъ республикъ. Нѣтъ никакого Азербайджана, а есть только Россія. Власть Азербайджана должна быть свергнута и замѣнена властью Прикаспійскаго правительства, возглавляемаго Л. Бичераховымъ, стоящимъ во главѣ отряда въ 8 — 10 тысячъ человѣкъ, прекрасно вооруженныхъ, и обладающаго сильнымъ флотомъ. Задачи правительства: продолженіе вооруженной борьбы съ большевиками и строительство новой демократической Россіи на принципахъ программы, провозглашенной Директоріей (Уфимской) и Комитетомъ членовъ Учредительнаго Собранія.

Намъ стало вполнѣ ясно, что, несмотря на присутствіе союзниковъ, готовится coup d'état, послѣдствій котораго мы имѣли серьезныя основанія опасаться. такъ какъ большинство силъ, бывшихъ у Л. Бичерахова, составляли армяне, враждебно настроенные противъ татаръ и явно искавшіе реванша за кровавые сентябрьскіе дни.

Разговоры между нами, происходившіе къ тому же экспромптомъ, не привели ни къ какимъ рѣшеніямъ, но все же выяснили рѣзкое расхожденіе Комитета съ точкой зрѣнія представителей Прикаспійскаго правительства.

Въ тотъ же день вечеромъ Комитетъ рѣшилъ экстренно собраться для опредѣленнаго рѣшенія по поводу создавшагося въ Баку политическаго положенія.

Часовъ около пяти вечера къ генералу Томсону были вызваны президіумъ Русскаго Національнаго Комитета (М. Ф. Подшибякинъ, я и Я. Н. Смирновъ) и Предсѣдатель «Центродома» А. К. Леонтовичъ.

Въ продолжительной бесѣдѣ съ нами генералъ Томсонъ выяснилъ намъ, что онъ, Томсонъ, является лишь Генералъ-Губернаторомъ Баку и зоны оккупаціи союзниковъ, каковая будетъ расширяться постепенно по мѣрѣ надобности; что задачею союзныхъ войскъ является лишь содѣйствіе поддержанію внутренняго порядка и спокойствія въ странѣ; но, что и самый порядокъ и внутреннее управленіе должны быть дѣломъ самого населенія, въ лицѣ наиболѣе государственно-настроенныхъ его элементовъ; что никакихъ проявленій національнаго антагонизма и національныхъ столкновеній допущено не будетъ. Имѣя въ виду, что въ той области, которая названа Азербайджаномъ, живутъ три народности: татары, армяне и русскіе, онъ, Томсонъ, отъ лица союзниковъ, предлагаетъ этимъ тремъ національностямъ договориться между собою объ установленіи такого порядка, который устранилъ бы необходимость вмѣшательства союзниковъ и который существовалъ бы до разрѣшенія Мирной конференціей всѣхъ міровыхъ вопросовъ, выдвинутыхъ войною.

Поясняя свою мысль, генералъ Томсонъ указалъ, что рѣчь идетъ лишь о временномъ самоуправленіи, основанномъ на сотрудничествѣ мирно-настроенныхъ, государственно-мыслящихъ элементовъ всѣхъ трехъ національностей. Что касается той формы, въ которую эта новая мѣстная власть выльется, то генералъ Томсонъ заранѣе обѣщалъ, что никакихъ препятствій въ этомъ отношеніи съ его стороны не будетъ.

Бесѣда съ генераломъ Томсономъ произвела на насъ весьма благопріятное впечатлѣніе.

Въ тотъ же день мнѣ пришлось видѣться съ полк. Шарди̇ньи (французскимъ военнымъ представителемъ), который мнѣ подчеркнулъ особенно благожелательное отношеніе Франціи къ Россіи и русскимъ.

На другой день послѣ прибытія генерала Томсона, по требованію послѣдняго, Азербайджанское правительство напечатало въ газетѣ «Азербайджанъ» оффиціальное разъясненіе о томъ, что появившееся ранѣе того въ той же газетѣ сообщеніе о признаніи Азербайджанской республики генераломъ Томсономъ и союзниками — ложно.

Я забылъ упомянуть, что дня за два — за три до прихода союзниковъ прибылъ въ Баку изъ форта Александровска (на сѣверо-восточномъ побережьи Каспійскаго моря) на спеціальномъ пароходѣ представитель Уфимскаго правительства, профессоръ Казанскаго университета, фамилію котораго я забылъ. Цѣль его прибытія, да и степень его полномочій намъ были не совсѣмъ ясны и Русскій Національный Комитетъ уклонился отъ какой-либо солидарной съ нимъ работы.

Лишь впослѣдствіи выяснилось для насъ, что этотъ представитель былъ въ курсѣ готовившагося въ пользу адмирала Колчака переворота. Господинъ этотъ не сыгралъ никакой значительной роли въ нашей жизни.

Уже въ день прибытія Л. Бичерахова и его отряда, въ городѣ (въ татарской его средѣ) создалось тревожное настроеніе и было получено сообщеніе объ имѣвшихъ мѣсто въ разныхъ концахъ города эксцессахъ, къ счастью окончившихся безъ человѣческихъ жертвъ.

Въ тотъ же день вечеромъ Комитетомъ были приняты два рѣшенія.

1) вступить въ переговоры съ представителями армянъ и татаръ (но не съ представителями Азербайджанскаго правительства) объ организаціи общей власти на платформѣ, предложенной генераломъ Томсономъ; и

2) не разрывая окончательно съ Л. Бичераховымъ и Прикаспійскимъ правительствомъ, поддерживать съ ними связь лишь въ цѣляхъ информаціи.

На завтра начались дѣятельные переговоры нашего Комитета съ наиболѣе видными общественными дѣятелями изъ армянъ и татаръ, причемъ лейтъ-мотивомъ въ этихъ переговорахъ съ нашей стороны было заявленіе, что всѣ мы, безъ различія національностей, должны стремиться къ продолженію борьбы съ большевиками до возсозданія, на федеративныхъ или иныхъ началахъ, Россійскаго государства въ предѣлахъ до 1914 года съ обще-государственною властью, построенной на демократическихъ началахъ.

Со стороны армянъ мы встрѣтили полное содѣйствіе, причемъ имъ было выражено согласіе встрѣтиться у насъ въ Комитетѣ съ представителями татаръ, обѣщая намъ заранѣе всяческую поддержку. Татары, не безъ оговорокъ, также изъявили согласіе прислать къ намъ своихъ делегатовъ. Число делегатовъ было опредѣлено съ каждой стороны по 5-ти человѣкъ.

На другой день вечеромъ всѣ делегаты сошлись у насъ въ Комитетѣ. Отъ татаръ пришли слѣдующія лица:

1) Ахмедъ бей Агаевъ, уроженецъ г. Шуши, журналистъ, много лѣтъ работавшій въ русской газетѣ «Каспій», основанной Н. Соколинскимъ; ярый туркофилъ, А. Агаевъ въ началѣ XX столѣтія бѣжалъ въ Турцію, перешелъ въ турецкое подданство, работалъ въ тамошнихъ газетахъ и былъ избранъ въ Турецкій парламентъ; членъ партіи «Единеніе и прогрессъ».

А. Агаевъ — человѣкъ европейски образованный, получившій образованіе во Франціи, былъ ярымъ турецкимъ націоналистомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ недюжинныхъ дипломатическихъ способностей;

2) Асадулла Ахмедовъ — одинъ изъ старѣйшихъ гласныхъ въ Баку; человѣкъ умный, выдержанный, пользовавшійся уваженіемъ не только среди своихъ, но и среди армянъ и русскихъ, въ политическомъ отношеніи взглядовъ весьма умѣренныхъ;

3) докторъ Абузаръ бекъ Рзаевъ; ярый націоналистъ, безпартійный;

4) Тагибекъ Сафараліевъ, инженеръ, крупный нефтепромышленникъ, товарищъ министра торговли и промышленности въ Азербайджанскомъ правительствѣ; человѣкъ очень недалекій, пользовавшійся въ городѣ Баку среди татаръ большимъ вліяніемъ, благодаря обширнымъ связямъ своего дяди, одного изъ старѣйшихъ въ Баку общественныхъ и городскихъ дѣятелей, имѣвшаго въ Баку большую партію приверженцевъ-кліентовъ; и

5) докторъ Хосровъ бекъ Султановъ; по происхожденію изъ курдовъ Эриванской губерніи или Карсской области; министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ въ Азербайджанскомъ правительствѣ; человѣкъ хитрый, большой интриганъ (мы съ нимъ еще не разъ встрѣтимся впослѣдствіи).

Армяне прислали своихъ наилучшихъ представителей, делегированныхъ Армянскимъ Національнымъ Комитетомъ.

Я ихъ не перечисляю, такъ какъ центръ тяжести въ интересовавшемъ насъ вопросѣ лежалъ не въ нихъ, а въ татарахъ.

Благодаря откровенному, подкупавшему своею искренностью, заявленію А. б. Агаева, переговоры наши закончились весьма скоро.

Агаевъ заявилъ приблизительно слѣдующее: любя свой народъ и будучи убѣжденнымъ націоналистомъ, въ русской реакціи, усиливавшейся годъ отъ году, онъ видѣлъ серьезное препятствіе осуществленію національныхъ чаяній своего народа и будущее его связывалъ съ усиленіемъ вліянія братской Турціи. Но сегодня, когда Турція разгромлена, а ставка ея на Германію оказалась битой; когда, наоборотъ, въ Россіи, благодаря революціи, свергнутъ старый самодержавный и реакціонный режимъ, народамъ Закавказья и, въ частности, татарамъ, необходимо опираться на Россію и искать точекъ соприкосновенія съ нею. Намъ, Закавказскимъ татарамъ, надо опереться на одного изъ двухъ сосѣдей: или на Турцію, или на Россію, говорилъ дальше Агаевъ, и, разъ Турціи нѣтъ, надо искать связи съ Россіей, культура которой къ тому же выше турецкой.

На совѣщаніи, поэтому, безъ особыхъ преній была принята резолюція, признававшая, что въ территоріальныхъ предѣлахъ Россіи, въ границахъ ея до 1914 года, на Всероссійскомъ Учредительномъ Собраніи будутъ опредѣлены сущность и предѣлы національныхъ автономій, если этотъ вопросъ не получитъ разрѣшенія до того на Мирной конференціи въ Версалѣ.

О состоявшейся резолюціи было доведено до свѣдѣнія генерала Томсона. Однако, черезъ два дня М. Ф. Подшибякинъ былъ увѣдомленъ изъ татарскихъ кругобъ, что упомянутая резолюція встрѣчена была въ правящихъ кругахъ Азербайджана не только холодно, но и явно недоброжелательно, и что А. б. Агаевъ, оказавшій большое содѣйствіе ея принятію, разсорившись съ татарскими политическими и общественными кругами, долженъ былъ срочно покинуть Баку и выѣхалъ совсѣмъ изъ города въ Ганжу (Елизаветполь).

Начатые переговоры прервались. Представитель Русскаго Національнаго Комитета, повидавшись съ генераломъ Томсономъ, выразилъ все же свое согласіе сдѣлать еще одну попытку сойтись съ татарами, зная тѣмъ болѣе, что подобное соглашеніе въ значительной степени облегчитъ и положеніе армянъ.

XVI

Переговоры о конструкціи мѣстной власти продолжались. Было еще два или три засѣданія, происходившихъ на нейтральной почвѣ; составъ представителей-татаръ каждый-разъ мѣнялся, причемъ, помнится, принималъ участіе въ нихъ со стороны татаръ все время безсмѣнно Мирза Асадуллаевъ, богатый нефтепромышленникъ, бывшій въ очень близкихъ отношеніяхъ съ полковникомъ Стоксомъ, начальникомъ штаба ген. Томсона, яркимъ руссофобомъ, сыгравшимъ впослѣдствіи видную роль въ дѣлахъ русскаго населенія и въ русскомъ вопросѣ на Кавказѣ вообще.

Во время этихъ переговоровъ татары опредѣленно открещивались отъ обсужденія принципіальныхъ вопросовъ и сводили всѣ разговоры къ разрѣшенію вопросовъ практическихъ — пойдемъ ли мы, представители русской національности, въ составъ Азербайджанскаго правительства и пошлемъ ли мы своихъ представителей въ Парламентъ — или же нѣтъ?

Въ Русскомъ Національномъ Комитетѣ было незначительное меньшинство въ его составѣ, которое стояло на той точкѣ зрѣнія, что такое вхожденіе необходимо. Но Комитетомъ (значительнымъ большинствомъ) вопросы эти были разрѣшены отрицательно и по принципіальнымъ, и по чисто утилитарнымъ практическимъ соображеніямъ.

По принципіальнымъ — мы могли пойти на совмѣстную съ инородцами работу лишь при условіи, если они откажутся отъ своей сепаратистской точки зрѣнія и признаютъ, что будущія ихъ судьбы связаны неразрывно и съ судьбами Россіи и русскаго народа. По практическимъ же соображеніямъ — работа совмѣстная и въ правительствѣ, и въ парламентѣ тѣмъ самымъ предполагала съ нашей стороны молчаливое признаніе совершившагося факта отдѣленія Азербайджана отъ Россіи со всѣми отсюда вытекающими выводами.

Мы не могли не учитывать того, что политическій авантюризмъ подвинетъ вершителей судебъ Азербайджана добиваться у Европы признанія независимости Азербайджанской республики. И, въ этомъ случаѣ, самымъ фактомъ вхожденія представителей Россійской Національной Организаціи въ правительство и въ парламентъ, мы давали лишній козырь въ руки для достиженія той самой независимости Азербайджана, которой мы никакъ признать не могли.

Необходимо отмѣтить, что представители Армянъ были съ нами совершенно солидарны.

Прошло въ безрезультатныхъ переговорахъ около двухъ недѣль; соглашенія, повидимому, достичь было нельзя. Представители нашего Комитета имѣли бесѣду съ генераломъ Томсономъ, причемъ имъ самимъ была предложена намъ компромиссная резолюція (соглашеніе). Точнаго ея текста не помню, но наша позиція становилась, въ случаѣ ея принятія, значительно слабѣе.

Обсужденная въ тотъ же вечеръ въ Комитетѣ, предложенная генераломъ Томсономъ резолюція была отвергнута огромнымъ большинствомъ голосовъ.

Когда мы на другой день доложили генералу Томсону рѣшеніе Комитета, то здѣсь между генераломъ Томсономъ и представителями Комитета разыгралась довольно бурная сцена. На упреки генерала Томсона въ несговорчивости нашей и въ совершенномъ непониманіи политической обстановки, заключающемся въ томъ, что мы не принимаемъ совершенно въ соображеніе, что Россіи сейчасъ нѣтъ и неизвѣстно — когда-то она будетъ, генералу Томсону было резонно указано, что и въ своей первой прокламаціи и въ своихъ первыхъ съ нами бесѣдахъ онъ, ген. Томсонъ, исходилъ изъ утвержденія, что Россія существуетъ и что Кавказъ составляетъ неотъемлемую ея часть и что даже въ своей вчерашней резолюціи онъ, ген. Томсонъ, признавалъ необходимость подчеркнуть будущую связь Россіи и Кавказа.

Указывая намъ на нашу несговорчивость, ген. Томсонъ заявилъ, между прочимъ, что далеко не всѣ русскіе люди, по его свѣдѣніямъ, стоятъ на точкѣ зрѣнія Комитета и что онъ прислушивается также и къ голосамъ этихъ русскихъ людей.

Разрывъ Комитета съ генераломъ Томсономъ сталъ совершившимся фактомъ.

Около этого времени Комитетъ рѣшилъ обзавестись своимъ печатнымъ органомъ и приступить къ изданію своей газеты «Единая Россія».

Однимъ изъ мотивовъ къ изданію газеты Комитетомъ являлась не только необходимость широкой пропаганды имъ своихъ идей, но, главное, желаніе представить всю дѣятельность Комитета на судъ общественнаго мнѣнія. Русскіе промышленные и буржуазные круги щедро пришли на помощь Комитету и газета съ первыхъ же дней была вполнѣ обезпечена матеріально.

Газета «Единая Россія» — органъ «Русскаго Національнаго Комитета въ Баку» съ первыхъ же дней стала пользоваться широкими симпатіями публики, тиражъ ея день отъ дня повышался и на исходѣ третьяго мѣсяца тиражъ

«Единой Россіи» превышалъ тиражъ всѣхъ въ совокупности остальныхъ издававшихся въ городѣ Баку газетъ, а ихъ издавалось около десятка.

Съ перваго же дня своего выхода «Единая Россія» сдѣлалась объектомъ злѣйшихъ на нее нападокъ Азербайджанскаго оффиціоза — газеты «Азербайджанъ», что послужило намъ явнымъ доказательствомъ того, что разъ съ нашей газетой вынуждены считаться наши принципіальные противники — Азербайджанскіе политическіе авантюристы, то, слѣдовательно, газета наша стоитъ на правильномъ пути, выступая опредѣленно за русскую государственную національную идею. Комитетъ на страницахъ «Единой Россіи» знакомилъ общественные круги со всею своею дѣятельностью. И въ первыхъ же номерахъ мы напечатали всю исторію переговоровъ Комитета съ ген. Томсонъ со всѣми къ нимъ относившимися документами.

Тотъ, кто работалъ идейно въ печати, знаетъ, какъ окрыляетъ работу сочувствіе читателя. Цѣлые дни нашъ редакціонный кабинетъ былъ полонъ самыхъ разнообразныхъ посѣтителей, приходившихъ къ намъ подѣлиться своими мыслями или впечатлѣніями отъ той или другой статьи, того или другого выступленія Комитета; общіе отзывы доказывали намъ, что русскіе круги вполнѣ удовлетворены постановкой русскаго національнаго дѣла и въ Комитетѣ, и въ нашей газетѣ.

На Русскій Національный Комитетъ шли наладки съ двухъ сторонъ: со стороны тѣхъ общественныхъ круговъ, которые поддерживали Прикаспійское Правительство, главнымъ образомъ, эс-эровъ, а впослѣдствіи со стороны большевиствующихъ кружковъ, продолжавшихъ свою агитацію, втихомолку, среди рабочихъ, флота и солдатъ Бичераховскаго отряда; и, во-вторыхъ, со стороны русской группы, состоявшей всего изъ двадцати съ чѣмъ-то человѣкъ и называвшей себя «Славяно-Русскимъ Обществомъ».

Когда генералъ Томсонъ впервые намекнулъ намъ на существованіе какой-то группы русскихъ, болѣе покладистой, чѣмъ мы — Русскій Національный Комитетъ, мы еще не знали, что рѣчь идетъ о «Славяно-Руссахъ», какъ звали мы ихъ впослѣдствіи.

Въ одно изъ засѣданій Комитета, когда шло обсужденіе ряда серьезныхъ вопросовъ о нашей тактикѣ, съ разрѣшенія нашего Предсѣдателя былъ допущенъ нѣкто М. Виноградовъ, именовавшій себя профессоромъ, желавшій сдѣлать Комитету какой-то докладъ. Передъ нами появился здоровенный, то, что называется, ражій дѣтина, въ поддевкѣ, съ огромной рыжей бородой и съ типичными ухватками «молодца» изъ чайной русскаго народа. Это и былъ профессоръ Виноградовъ.

Господинъ этотъ сталъ убѣждать насъ въ томъ, что переживаемый моментъ усиленно требуетъ для блага русскаго дѣла тѣсной связи русскаго населенія съ мусульманствомъ вообще, и приглашалъ насъ, измѣнить наше отношеніе къ Азербайджану и для доказательства измѣненія нашего отношенія командировать своихъ делегатовъ для привѣтствія открывающагося завтра Парламента.

Изъ разспросовъ этого господина и изъ представленнаго имъ, по нашему требованію, устава, выяснилось, что «Славяно-Русское Общество», зарегистрированное нѣсколько дней тому назадъ въ городѣ Тифлисѣ Окружнымъ Судомъ, имѣетъ своею цѣлью сплоченіе славянъ вообще, въ томъ числѣ и русскихъ, съ народами Закавказья. Не въ мѣру развязный г. Виноградовъ не имѣлъ никакого успѣха среди членовъ нашего Комитета, и Комитетъ въ соотвѣтствіи съ приня-

тою имъ уже линіей поведенія категорически отклонилъ предложеніе о привѣтствованіи открывающагося Парламента.

На другой же день стало извѣстно, что г. Виноградовъ не только привѣтствовалъ Парламентъ отъ имени русскаго населенія Азербайджана, но и имѣлъ наглость заявить, что истиннымъ представителемъ русскаго населенія является «Славяно-русское Общество» и что другія организаціи, говорящія отъ имени русскаго народа, никѣмъ на то не уполномочены.

Изъ собранныхъ нами свѣдѣній оказалось слѣдующее: когда еще въ самомъ началѣ переговоровъ нашихъ съ татарами выяснилась для нихъ наша точка зрѣнія, татары (вѣрнѣе, представители Азербайджанскаго политическаго авантюризма) нашли необходимымъ прибѣгнуть къ фальсификаціи русскаго представительства. Для этой цѣли Х.-б. Султановъ, министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, подговорилъ 28 человѣкъ русскихъ и поляковъ, по большей части чиновниковъ изъ Тифлиса, оставшихся въ Грузіи безъ мѣста, въ виду проведенной тамъ націонализаціи правительственной службы, создать общество, преслѣдующее политическія цѣли, причемъ Султановъ пообѣщалъ этимъ господамъ за ихъ содѣйствіе планамъ Азербайджанскаго правительства всякія богатыя милости. Наиболѣе активную роль среди г. г. «славяно-руссовъ» играли: полякъ, купецъ Лизгаръ (побочный сынъ покойнаго бакинскаго милліонера И. К. Рыльскаго, крупнаго нефтепромышленника), получившій мѣсто министра продовольствія въ Азербайджанскомъ правительствѣ; именующій себя профессоромъ М. Виноградовъ, на самомъ дѣлѣ землемѣръ при бывшемъ межевомъ Департаментѣ Тифлисской Судебной Палаты и преподаватель черченія при землемѣрномъ училищѣ, человѣкъ со скандальнымъ прошлымъ, дважды уволенный со службы за ложные доносы; полк. Олонгренъ, уже названный нами выше, во время владычества въ Баку турокъ кормившійся около нихъ и состоявшій на содержаніи и у Азербайджанскаго Правительства; свящ. Кравцовъ, исключенный изъ состава Русскаго Національнаго Комитета за свою хвалебную рѣчь-привѣтствіе, произнесенную имъ въ Соборѣ по адресу присутствовавшаго турецкаго главнокомандующаго Халила-Паши; бывш. товар. прокурора Захарьинъ во время войны состоявшій въ Тифлиссѣ въ военно-прокурорскомъ надзорѣ и отлученный своими товарищами отъ общенія за грязные доносы; и т. д. — Вотъ, та публика, которою полагали возможнымъ подмѣнить русское представительство, столь необходимое въ глазахъ ген. Томсона для демонстраціи, гдѣ и когда нужно, трогательнаго единенія трехъ господствующихъ въ Азербайджанѣ національностей.

«Славяно-руссы» опредѣленно говорили, что, если ихъ группа и немногочисленна, то также немногочисленна и группа Русскаго Національнаго Комитета; организація его, не выборная, и, слѣдовательно, не основывается на признаніи ея со стороны широкихъ національныхъ массъ. Тотъ-же самый аргументъ, отсутствіе выборнаго широко-демократическаго начала въ организаціи Комитета, выдвигали и наши враги слѣва, явные и тайные большевики.

Не признавая по условіямъ момента возможнымъ прибѣгнуть къ организаціи широкихъ выборовъ, Комитетъ рѣшилъ реконструироваться, причемъ обратился къ единственно возможному средству — кооптаціи. Было рѣшено вступить въ соглашеніе съ русскими политическими партіями и представителями крупныхъ общественныхъ, политическихъ и иныхъ организацій, причемъ рѣшено было предоставить всѣмъ этимъ организаціямъ въ Русскомъ Національномъ Совѣ-

тѣ (такъ должно было именоваться впредь представительство русской національности) столько мѣстъ, сколько они пожелаютъ.

Изъ политическихъ партій приняли участіе: меньшевики и кадеты, приславшіе по три делегата, с-ры же уклонились. Примкнуло и «Русское демократическое Общество», представлявшее организацію въ 12.000 человѣкъ и въ составъ Совѣта вошло цѣликомъ все Правленіе этого Общества.

Прислали своихъ представителей: Союзъ офицеровъ, православные приходы, всѣ молоканскія общины, Союзъ учителей, Союзъ чиновниковъ и т. д. Вступили въ Совѣтъ и нѣкоторыя рабочія организаціи, а также вошли всѣ русскіе гласные возстановленной Городской Думы, кромѣ гласныхъ эс-еровъ.

Въ соотвѣтствіи съ результатами кооптаціи составъ Совѣта увеличился до 70 человѣкъ, вслѣдствіе чего явилась необходимость выдѣлить для текущей работы «малый» Совѣтъ изъ 12-ти человѣкъ. Были произведены выборы президіума, причемъ предсѣдателемъ были вновь избраны М. Ф. Подшибякинъ и товар. предсѣдателя — я и Я. Смирновъ. Совѣтомъ были выработаны наказъ и инструкція для дѣятельности его органовъ.

Результаты произведенной Комитетомъ кооптаціи подтвердили увѣренность нашу, что въ своей политической и общественной дѣятельности мы имѣемъ за собою опредѣленное сочувствіе огромнаго большинства русскаго населенія.

Эта наша увѣренность не замедлила найти себѣ подтвержденіе и въ организаціи многочисленныхъ провинціальныхъ отдѣленій нашего Совѣта на Мугани, въ Шемахинскомъ уѣздѣ, въ Ленкорани, Дербентѣ, Петровскѣ, Елизаветполѣ и другихъ мѣстахъ.

Наша газета «Единая Россія» (первая подъ этимъ названіемъ газета на пространствѣ бывшей Россійской Имперіи была именно наша) могла теперь гораздо авторитетнѣе выступать выразительницей дѣйствительнаго русскаго общественнаго мнѣнія. Газета имѣла свою типографію и значительный запасъ бумаги, имѣла и средства, а тиражъ одинъ уже обезпечивалъ всѣ расходы по изданію. Во главѣ газеты стояла редакціонная коллегія съ талантливымъ М. Подшибякинымъ; его обзоры печати читались съ захватывающимъ интересомъ. Серіозныя передовыя статьи, не дававшія спокойно почивать на лаврахъ ни Азербайджанцамъ, ни англичанамъ, съ ихъ обычной двойственной политикой, принадлежали перу образованнаго и вдумчиваго Д., котораго я, къ сожалѣнію, лишенъ возможности назвать сейчасъ.

Вся техническая часть газеты сосредоточивалась тутъ же въ помѣщеніи Совѣта. Богато (насколько это только было возможно по тогдашнимъ обстоятельствамъ) была поставлена информаціонная часть: офицерство, проѣзжавшее черезъ Баку; представители Закаспійскаго Края, Уральскаго и Оренбургскаго Казачества; делегаты отъ правительства Колчака; случайные проѣзжіе; ходоки отъ крестьянства; русское чиновничество, служившее въ Азербайджанскихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, — всѣ несли намъ въ газету свою лепту.

Среди сотрудниковъ не могу не вспомнить А. А. Осберга, русскаго по происхожденію, майора (commandant) французской службы, состоявшаго въ штабѣ союзниковъ и бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ нашего Совѣта. А. Осбергу мы много обязаны за его информацію о видахъ Союзническаго Командованія и его перу принадлежатъ многія интересныя статьи по ряду вопросовъ.

Не забуду инцидента, происшедшаго лично со мною: полк. Олонгренъ, личность котораго и его некрасивое поведеніе въ сношеніяхъ съ турками и Азербайджанцами, недостойное званія русскаго офицера, были подробно освѣ-

щены газетой, во время моего дежурства въ редакціи, явился въ редакціонный кабинетъ и заявилъ, что если газетой не будетъ прекращена травля его, Олонгрена, то онъ застрѣлитъ лично меня. На завтра инцидентъ былъ оглашенъ газетой, но полк. Олонгренъ, конечно, и не думалъ реагировать на это новое сообщеніе о его личности.

XVII

Азербайджанское Правительство тѣмъ временемъ насаждало свои органы власти.

Былъ заведенъ рядъ министерствъ, учреждены и органы мѣстнаго управленія. Никакого творчества проявлено не было и, пожалуй, это — было лучшее, что могли сдѣлать господа правители, не имѣвшіе никакого опыта въ управленіи, какъ по просту возстановить прежде существовавшіе при русскомъ правительствѣ органы власти.

Были возстановлены Бакинскій и Елизаветпольскій (называвшійся уже Ганжинскій) окружные суды и судебно-мировые округи и Прокурорскіе надзоры; обѣ губерніи управлялись губернаторами и уѣздными начальниками, какъ и встарь; возстановлены были Казенныя Палаты и Казначейства, контрольная палата, податная инспекція и т. д. и т. д. Существенная разница съ прежними русскими государственными учрежденіями заключалась въ томъ, что качественно личный составъ этихъ учрежденій былъ значительно хуже, что объяснялось тѣмъ, главное, что многіе изъ русскихъ чиновниковъ уже успѣли выѣхать въ предѣлы Россіи, а другіе опредѣленно отказывались служить у Азербайджана.

Незначительная у татаръ интеллигенція порасхватала уже всѣ сколько нибудь интересныя должности: министровъ, ихъ товарищей, директоровъ департаментовъ, членовъ Парламента, губернаторовъ и т. д. До чего ничтожно было число лицъ, изъ коихъ приходилось производить выборъ людей на тѣ или другія должности, видно изъ того, что мало способный податной инспекторъ попалъ въ министры финансовъ (Амирджановъ). На должности же поскромнѣе некого было и назначать: на мѣсто мировыхъ судей назначались бывшіе судебные пристава и переводчики, служившіе въ судебныхъ учрежденіяхъ. Въ особенности же ухудшился составъ въ администраціи и полиціи, гдѣ произволъ и взяточничество свили себѣ прочное гнѣздо. Изъ провинціи доходили самыя невозможныя, ужасныя вѣсти о произволѣ мѣстныхъ сатраповъ надъ бѣднымъ населеніемъ, которое все чаще и чаще вспоминало времена Русской Имперской власти.

Посылавшіяся изъ центра, то-есть изъ Баку, ревизіи не приводили обыкновенно ни къ чему, ибо ревизующіе были подъ стать ревизуемымъ.

Газета «Единая Россія» отводила широкое мѣсто критикѣ новой власти и ея дѣйствій, кладя въ основу строго провѣренные факты, недостатка въ коихъ никогда не было.

Хорошо помню, какъ изъ Кубинскаго уѣзда, гдѣ царькомъ былъ братъ премьеръ-министра, занимавшій скромную должность Уѣзднаго Начальника, раздавалось общее требованіе со стороны татарскаго населенія прислать на ревизію Члена Окружнаго Суда и непремѣнно русскаго. Недовѣріе къ власти было полное.

И, несмотря на то, что дѣло управленія въ Азербайджанѣ шло изъ рукъ вонъ плохо, Азербайджанское правительство задумало проводить въ жизнь націонализацію и управленія, и школы. Давалось это дѣло Азербайджанскому

Правительству нелегко. Обойтись вовсе безъ сотрудничества русскихъ чиновниковъ нельзя было никакъ, ибо можно ли было сравнить какого нибудь вчерашняго репортера Талышханова въ роли директора канцеляріи Министра внутреннихъ дѣлъ съ бывшимъ градоначальникомъ или бывшимъ губернаторомъ, которымъ, понятно, и всѣ книги въ руки. Въ силу этого, все дѣлопроизводство велось по-прежнему на русскомъ языкѣ. Терпя это положеніе, Азербайджанское правительство грозно назначало сроки, къ которымъ все дѣлопроизводство должно было перейти на тюркскій языкъ и обязывало желающихъ оставаться на службѣ обязательно изучить новый государственный языкъ. Но сроки эти все отдалялись и отдалялись.

За школы, однако, принялись въ серьезъ: многія изъ учебныхъ заведеній были закрыты, въ другихъ для преподаванія на русскомъ языкѣ, были закрыты младшіе классы и обученіе всѣмъ предметамъ должно было производиться въ этихъ классахъ на государственномъ языкѣ.

Передъ русской частью населенія вставала тяжелая задача воспитанія и обученія русскихъ дѣтей и юношества.

И Русскій Національный Совѣтъ и «Единая Россія» вели ожесточенную борьбу за попираемыя элементарныя права русскаго населенія.

Наряду съ этимъ въ Баку открывался университетъ, въ которомъ некому было преподавать изъ числа татаръ, такъ какъ учеными они совершенно не блещутъ. Да, съ другой стороны, некому почти было и учиться, ибо среди татарскаго юношества весьма незначительный процентъ прошедшихъ среднюю школу.

Но могъ ли отставать Азербайджанъ отъ Грузіи, имѣвшей университетъ въ своей столицѣ Тифлисѣ, и не имѣть въ своемъ столичномъ Баку таковой же?

Злосчастная манія величія этихъ микроскопическихъ государствъ, не вызванныхъ къ жизни естественнымъ внутреннимъ ростомъ, а созданныхъ искусственно исключительнымъ желаніемъ группы политическихъ авантюристовъ поиграть ту роль, къ которой ихъ никогда не готовили ни природныя способности, ни надлежащая жизненная подготовка, вызывала лишь на грустныя размышленія.

Какая то сплошная хлестаковщина съ тридцатью тысячами курьеровъ!

И, несмотря на то, что всѣ эти начинанія заранѣе были обречены, все же производились поиски профессоровъ (конечно, русскихъ), пріискивалось помѣщеніе и т. д.

Правительство озабочено было проведеніемъ скорѣйшихъ выборовъ въ Парламентъ, такъ какъ считало неудобнымъ править далѣе, не опираясь на народное представительство *.

Пользуясь своею властью, Правительство, опиравшееся на партію «Муссаватъ», провело въ Парламентъ значительное число представителей партіи «Муссаватъ». По городу Баку и по уѣзду прошло много безпартійныхъ, что въ сущности означало людей съ явнымъ буржуазнымъ міровоззрѣніемъ. Появились и соціалисты (ей Богу, не разберешь — эс-еры, или эс-деки) и, наконецъ, «Гюмметисты» (большевики). Вопросъ о представительствѣ національныхъ меньшинствъ былъ разрѣшенъ такъ: русскимъ и армянамъ было предложено прислать по 5 депутатовъ, евреямъ — 2 или 3 (не помню) и грузинамъ и полякамъ — по одному. Имена депутатовъ представителей этихъ меньшинствъ должны были

* Первое правительство Азербайджана было выбрано Національнымъ Собраніемъ, составившимся изъ всѣхъ мусульманъ, входившихъ въ составъ Закавказскаго Сейма.

быть сообщены непосредственно Парламенту соотвѣтствующими національными Комитетами.

Русскій Національный Совѣтъ на предложеніе, ему сдѣланное, отвѣтилъ категорическимъ отказомъ по мотивамъ, указаннымъ раньше, и свое мотивированное постановленіе огласилъ въ «Единой Россіи». Армяне, стоявшіе вначалѣ на одной точкѣ зрѣнія съ нами, вынуждены были обстоятельствами, и главное, чтобы еще болѣе не раздражать противъ себя татаръ, войти въ Парламентъ.

Появленію въ составѣ членовъ Парламента «Гюмметистовъ», то-есть большевиковъ, Азербайджанское Правительство обязано было исключительно самому себѣ, ибо дефекты всей системы управленія доставляли богатѣйшій матеріалъ для агитаціонной пропаганды.

Правительство Ф. хана Хойскаго осталось у власти, лишь нѣсколько измѣнившись въ своемъ составѣ, причемъ существенно отмѣтить, что въ правительствѣ этомъ появилось два «Славяно-русса» — полякъ Лизгаръ (министръ продовольствія), скоро проворовавшійся и вынужденный со скандаломъ уйти и еще какой то русскій (фамиліи не помню), получившій портфель министра народнаго здравія.

На скамьяхъ Парламента возсѣло пять членовъ изъ «славяно-руссовъ», долженствовавшихъ въ глазахъ иностранцевъ (главнымъ образомъ ген. Томсона) демонстрировать трогательное единеніе русскихъ съ азербайджанцами. Конечно, возсѣли тѣ самые, о которыхъ мы упоминали выше, какъ о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ среди фальсификаторовъ представительства русской національной мысли, а именно: г. г. Лизгаръ, Виноградовъ, Олонгренъ, о. Кравцовъ, Захарьинъ. Чтобы не возвращаться къ этому послѣ, скажу, что голосами этихъ господъ были разрѣшены такіе, между прочимъ, вопросы:

1) О выдачѣ субсидій въ 15 милліоновъ рублей (если память мнѣ не измѣняетъ въ отношеніи цифры) Горско-Дагестанскому правительству на вооруженную борьбу съ Добровольческой Арміей;

2) Объ организаціи при Парламентѣ бюро по формированію добровольческихъ отрядовъ для борьбы противъ Добровольческой арміи;

3) Объ обсужденіи контингента арміи.

Если вспомнить, что въ то время ни о какой борьбѣ съ большевиками не было даже и рѣчи, то естественно, что армія эта могла понадобиться опять таки для борьбы противъ той же Добровольческой арміи, тѣмъ болѣе, что Азербайджанъ въ то время не скрывалъ лелѣемаго имъ плана инкорпорированія въ свои государственные предѣлы и всего Дагестана.

Какъ ни оцѣнивать сегодня Добровольческое движеніе, но не можетъ быть двухъ мнѣній, что это антибольшевистское движеніе было несомнѣнно національнымъ. И сидѣвшіе въ Азербайджанскомъ Парламентѣ наймиты и бутербродники, выступавшіе безъ всякаго на то права отъ имени русской національности, дѣлали свое гнусное, измѣнническое дѣло противъ самой Россіи.

Но и созывъ Парламента и участіе его въ дѣлахъ управленія страною нисколько не улучшили положенія дѣлъ въ Азербайджанѣ.

Газета наша чуть ли не ежедневно отмѣчала факты вопіющаго безправія, отъ котораго страдали народныя массы.

Ввиду доходившихъ изъ провинціи, изъ мѣстъ, населенныхъ русскимъ населеніемъ, воплей о произволѣ Азербайджанскихъ властей, Русскій Національный Совѣтъ нашелъ необходимымъ вмѣшаться и довелъ до свѣдѣнія ген. Томсона о собранныхъ Совѣтомъ фактическихъ справкахъ:

Въ сѣверо-восточной части Шемахинскаго уѣзда, населенной по преимуществу молоканами, русское населеніе подвергалось повально ограбленію со стороны татарскаго населенія, предводимаго доморощенными администраторами изъ татаръ-же; у населенія отбирался хлѣбъ, скотъ, земледѣльческія орудія, домашнее имущество. Мало того, татары цѣлыми толпами врывались въ русскія селенія, выгоняли коренное русское населеніе изъ домовъ и занимали эти дома сами.

То же доносили и съ Мугани, и изъ Кубинскаго уѣзда.

Запрошенныя Азербайджанское правительство и администрація сообщали англичанамъ, что свѣдѣнія, доставленныя Русскимъ Національнымъ Совѣтомъ преувеличены; что въ указанныхъ мѣстахъ существуютъ де тренія между національностями русской и татарской и что татарское населеніе повсюду голодаетъ и терпитъ нужду, и что, поэтому, молъ, администрація принимаетъ свои необходимыя мѣры.

Русскій Національный Совѣтъ, мало довѣряя разслѣдованію, которое было бы произведено при участіи однихъ Азербайджанцевъ, настояло на томъ, чтобы въ этихъ разслѣдованіяхъ принимали участіе и оффиціально командированные Русскимъ Національнымъ Совѣтомъ его представители.

И разслѣдованія эти воочію подтвердили не только справедливость всѣхъ жалобъ, но и выяснили, что съ очевиднаго благословенія Азербайджанскаго правительства принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы заставить коренное русское населеніе подняться съ насиженныхъ мѣстъ, политыхъ кровью и потомъ отцовъ и дѣдовъ, и уйти вовсе изъ Азербайджана. Подъ предлогомъ того, что всѣ татарскія селенія и кочевки были разорены въ предшествовавшій періодъ гражданской войны (во время владычества въ Баку большевиковъ) и что у татарскаго населенія не осталось ни хлѣба, ни обиталищъ, татары, съ вѣдома администраціи, занимали русскія деревни, грабили русское населеніе и т. д. Русское населеніе было доведено до послѣдней степени отчаянія, ибо въ результатѣ жалобъ жалобщики подвергались лишенію свободы, истязаніямъ, побоямъ и были случаи (зарегистрированные), когда жалобщики и безслѣдно исчезали.

Результаты разслѣдованій, произведенныхъ смѣшанными комиссіями изъ англичанъ, татаръ и представителей Русскаго Національнаго Совѣта были доложены ген. Томсону, но ни къ какимъ особеннымъ результатамъ не привели. Повидимому, Азербайджанцамъ было кое-что поставлено на видъ и на первое время наступило нѣкоторое затишье.

Зная хорошо обстановку на мѣстахъ и учитывая общій политическій сдвигъ налѣво и нѣкоторую повышенность въ обостреніи и самаго національнаго чувства, Совѣтъ черезъ свои мѣстные органы рекомендовалъ русскому сельскому населенію большую сдержанность въ сосѣдскихъ и межнаціональныхъ отношеніяхъ, рекомендуя улаживать недоразумѣнія путемъ сговора съ татарами тѣмъ болѣе, что русское сельское населеніе въ Азербайджанѣ поголовно говоритъ по татарски.

Все же столкновенія продолжались, и не по винѣ русскаго населенія, и во многихъ мѣстахъ началась тяга на сѣверъ, въ Россію.

То же самое явленіе наблюдалось и въ Грузіи и въ Эриванской губерніи по доходившимъ до насъ свѣдѣніямъ. Вездѣ, однимъ словомъ, въ Закавказьи, гдѣ національный шовинизмъ толкалъ народныя массы на исключительное предпочтеніе интересовъ господствующей національности, объявившей себя державной, результаты получались одни и тѣ же.

Ближайшее уже будущее повсюду доказало, что отдѣлившіяся, порвавшія свою связь съ Россіей, Кавказскія окраины безъ Россіи, безъ ея языка и ея культуры жить не могутъ и что все ихъ государственное дѣланіе на самомъ дѣлѣ ничего серіознаго не представляетъ и подлинный народъ отъ всей этой политики и игры въ государственность только страдаетъ.

Въ связи съ тенденціей къ націонализаціи, правительство Азербайджана, никѣмъ къ тому времени не признанное еще даже de facto, поторопилось изданіемъ «закона о подданствѣ». Законъ этотъ, какъ и все, впрочемъ, въ этой странѣ, былъ крайне неудачнымъ и по существу и по формѣ. И хотя я былъ въ нашемъ Совѣтѣ докладчикомъ по поводу этого закона о подданствѣ, но сути его сейчасъ не помню.

Русскій Національный Совѣтъ не только подвергъ законъ жесточайшей критикѣ, но и призывалъ русское населеніе закону этому не подчиняться. Кажется, и сверху отъ союзниковъ были тоже даны соотвѣтствующія указанія и, въ концѣ концовъ, законъ этотъ былъ положенъ подъ сукно.

Намъ приходилось не разъ въ частной бесѣдѣ затрогивать вопросъ о томъ, къ чему, въ сущности, приведетъ политика авантюризма самый Азербайджанъ. Бесѣдовать приходилось и съ людьми, политику эту именно дѣлавшими и проводившими. Приходилось указывать на то, главное, что у Азербайджана нѣтъ положительно никакой культуры: нѣтъ науки и ученыхъ, нѣтъ искусства, нѣтъ знающихъ людей, нѣтъ спеціалистовъ, не говоря уже о полномъ отсутствіи государственнаго навыка. И на все это приходилось слышать въ отвѣтъ: или, что ошибки могутъ быть вездѣ и что онѣ исправимы; или, что — чаще, что населеніе Азербайджана безъ россійской опеки скорѣе разовьется, а потому и нѣтъ надобности въ дальнѣйшей связи съ Россіей, которая если и будетъ возстановлена въ будущемъ, то на новыхъ началахъ.

XVIII

Лишь спустя двѣ-три недѣли послѣ прихода въ Баку союзниковъ, до насъ стали доходить болѣе или менѣе достовѣрныя и подробныя свѣдѣнія о происходившемъ въ Россіи и въ частности, о вооруженной борьбѣ армій Деникина и Колчака съ большевиками.

Въ началѣ лѣта 1918 года нашъ Комитетъ партіи «Народной Свободы» сдѣлалъ попытку получить информацію относительно положенія въ Россіи и связаться съ Центральнымъ Комитетомъ партіи въ Москвѣ; одинъ изъ членовъ нашего комитета побывалъ по своимъ дѣламъ на Волгѣ и въ Москвѣ, но свидѣться ему съ кѣмъ либо изъ Членовъ Центральнаго Комитета не удалось; другой членъ Комитета, спеціально для этой цѣли командированный и вернувшійся обратно съ большимъ трудомъ, неоднократно рисковавшій жизнью во время этой экскурсіи, побывалъ въ Кіевѣ, Харьковѣ и Москвѣ и вернулся по Волгѣ черезъ Астрахань; онъ привезъ намъ далеко не утѣшительныя свѣдѣнія: о германской орієнтаціи П. Н. Милюкова, о преслѣдованіяхъ ка-де въ Москвѣ, гдѣ члены нашей партіи и, въ особенности, Члены Центральнаго

Комитета вынуждены были уйти въ подполье, разсказалъ, что съ большими затрудненіями ему довелось повидаться кое съ кѣмъ въ Москвѣ, но попасть на засѣданіе Центральнаго Комитета не удалось, такъ какъ послѣднія происходили при условіяхъ полной конспиративности. Въ общемъ свѣдѣнія были далеко не утѣшительныя.

Наиболѣе полныя свѣдѣнія какъ объ отношеніи союзниковъ къ русскому вопросу, такъ и объ обстоятельствахъ борьбы съ большевиками Деникина и Колчака мы имѣли отъ нашего сочлена по Русскому Національному Совѣту, Ал. Адол. Осберга, русскаго по происхожденію, офицера французской службы. Отъ А. Осберга мы не только имѣли свѣдѣнія о самыхъ обстоятельствахъ борьбы Добровольческой Арміи и армій адмирала Колчака, но и о лозунгахъ этой борьбы. Къ этому-же времени относится и прибытіе въ Баку представителей адмирала Колчака (лейтенанта N.), Уральскаго казачьяго войска и генерала Толстова. Хотя, правда, всѣ эти свѣдѣнія не представлялись исчерпывающими, тѣмъ не менѣе для Русскаго Національнаго Совѣта стали выясняться и позиціи борющихся противъ большевиковъ силъ и ихъ національный лозунгъ.

Существованіе въ Баку отряда Л. Бичерахова и Прикаспійскаго Правительства и работа соціалистическихъ элементовъ, въ него входившихъ, поставили передъ Русскимъ Національнымъ Совѣтомъ на первую очередь вопросъ о принципахъ и методахъ нашей борьбы за русское дѣло и на окраинѣ и, въ частности, въ Азербайджанѣ.

Л. Бичераховъ, коего политическій авантюризмъ и желаніе сыграть во что бы то ни стало видную политическую роль, становились для насъ все яснѣе, вмѣстѣ со своимъ правительствомъ, состоявшимъ почти сплошь изъ соціалистовъ (эс-эровъ, какъ Сако Саакіанъ Мехралевъ, Наджаровъ и др.), въ томъ числѣ изъ многихъ армянъ, занимали для насъ позицію явно непріемлемую. Политика эта, провозглашавшая сохраненіе «завоеваній революціи» и дальнѣйшее ея углубленіе, высказывалась за самую широкую демократизацію управленія, упуская совершенно изъ виду, что борьба съ большевиками и большевизмомъ еще не закончена. Созванное Л. Бичераховымъ въ Баку Демократическое Совѣщаніе, превратившееся въ пустую соціалистическую говорильню, въ какой-то перманентный политическій митингъ, въ которомъ съ каждымъ днемъ все больше преобладали крайнія теченія и чувствовалось нароставшее вліяніе большевиковъ, опредѣленно насъ безпокоило. Въ работѣ этого совѣщанія совершенно не чувствовалось сознанія, что единственная задача момента — созданіе единаго противубольшевистскаго фронта. Большевики для этихъ господъ были все же соціалистами, а не, прежде всего, врагами Россіи, ея разрушителями. Опираясь на войсковыя части, въ большинствѣ состоявшія изъ армянъ, Прикаспійское правительство, состоявшее въ большинствѣ также изъ армянъ, прикрываясь лозунгами демократизма, на самомъ дѣлѣ добивалось реванша татарамъ за «сентябрьскую» рѣзню, хотя, понятно, открыто этого не высказывало.

Русскій Національный Совѣтъ не принималъ въ этомъ Совѣщаніи никакого участія и, если нѣкоторые изъ его членовъ бывали на его засѣданіяхъ съ цѣлью информаціи, то являлись туда лишь въ качествѣ представителей политическихъ партій и, главнымъ образомъ, ка-де. Л. Бичераховъ, преслѣдуя свою линію — сыграть яркую политическую роль въ будущихъ судьбахъ Россіи, добился производства его адмираломъ Колчакомъ въ генералы съ назначеніемъ его Главнокомандующимъ войсками на Кавказѣ и на Каспіи. За этимъ

признаніемъ ѣздилъ въ Оренбургъ В. Ф. Минорскій (секретарь Миссіи нашей въ Тегеранѣ, откуда г. Минорскій сносился съ правительствомъ адмирала Колчака по прямому проводу. Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ? — неизвѣстно. Признаніемъ своей подчиненности генералу А. И. Деникину и вхожденіемъ отряда его въ составъ Добровольческой арміи Л. Бичераховъ, однако, не торопился.

Во второй половинѣ ноября Русскій Національный Совѣтъ поставилъ на очередь разрѣшеніе вопроса объ отношеніи своемъ къ борьбѣ за освободительное движеніе. Принятая Совѣтомъ, послѣ обсужденія этого вопроса въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, резолюція имѣла рѣшающее значеніе для всей его дѣятельности въ будущемъ, составивъ его политическую хартію, на другой же день опубликованную въ газетѣ «Единая Россія». Къ сожалѣнію, мнѣ приходится возстанавливать эту резолюцію лишь по памяти.

Въ основаніе ея положены были слѣдующіе принципы:

1) Единая, недѣлимая и Великая Россія въ территоріальныхъ предѣлахъ, существовавшихъ до войны 1914 года, исключая Польшу;

2) Созывъ Учредительнаго Собранія, Всероссійскаго, для установленія формы государственнаго устройства;

3) Широкая автономія (національно-культурная) окраинъ и тѣхъ отдѣльныхъ частей Россіи, гдѣ подобная автономія вызывается дѣйствительными потребностями народныхъ массъ, ихъ населяющихъ;

4) Борьба съ узурпаторами власти — большевиками; и

5) Сотрудничество въ этой борьбѣ со всѣми тѣми силами, которыя опредѣленно стремятся къ достиженію указанныхъ выше задачъ.

Для Л. Бичерахова и его Прикаспійскаго Правительства стало очевиднымъ, что намъ съ ними не по пути и между ними и Русскимъ Національнымъ Совѣтомъ началось опредѣленное расхожденіе.

Не сумѣю сказать навѣрное, но полагаю, что принятая Русскимъ Національнымъ Совѣтомъ, приведенная выше резолюція, оказала опредѣленное воздѣйствіе и на генерала Томсона и на союзниковъ, главнымъ образомъ англичанъ.

Существованіе въ Баку одновременно съ властью Азербайджанскаго Правительства и оккупаціонною властью союзниковъ еще какой-то (правда, весьма эфемерной) третьей власти — Л. Бичерахова и его правительства и, въ особенности, нахожденіе въ Баку значительной вооруженной силы — арміи и флота — признававшей авторитетъ лишь одного Л. Бичерахова, представляло для ген. Томсона и его штаба рядъ неудобствъ и даже явную опасность, ибо англійскихъ войскъ въ Баку на самомъ дѣлѣ для какихъ либо серьезныхъ дѣйствій было совершенно недостаточно. Кромѣ того, дисциплина и въ арміи, и во флотѣ, подчиненныхъ Л. Бичерахову, почти отсутствовала и, въ сущности, все подчиненіе ихъ Л. Бичерахову, строилось на опредѣленномъ потаканіи разнузданнымъ инстинктамъ этой орды ландскнехтовъ. Во главѣ флота стоялъ уже упомянутый выше сотникъ Воскресенскій, теперь произведенный Л. Бичераховымъ въ полковники. Этотъ Воскресенскій былъ типичный авантюристъ; до войны онъ состоялъ на службѣ въ полиціи и одно время занималъ должность помощника полицейскаго пристава на промысловой площади около Баку; попавъ во время войны въ отрядъ Л. Бичерахова, дѣйствовавшій на Мессопотамскомъ фронтѣ вмѣстѣ съ англичанами противъ турокъ, Воскресенскій сталъ близкимъ къ Л. Бичерахову человѣкомъ. Пьяный съ утра до вечера, не безъ хитрости и сметки, Воскресенскій умѣлъ подлаживаться къ людямъ и

умѣлъ вліять на массы, потакая ихъ самымъ низменнымъ инстинктамъ. Все вліяніе его во флотѣ было построено на томъ, что онъ приблизилъ къ своей особѣ человѣкъ 25—30 изъ числа матросовъ и офицеровъ, изъ числа тѣхъ, 50, которые могли дѣйствовать и вліять на массы матросовъ и прочихъ служащихъ флота, людей рѣшительныхъ; всѣ эти люди имѣли къ Воскресенскому невозбранный входъ въ любое время и проводили почти все свое время въ безконечныхъ пьяныхъ оргіяхъ съ Воскресенскимъ.

Основной отрядъ Л. Бичерахова, состоявшій изъ Кубанскихъ и Терскихъ казачьихъ частей, во время Великой войны состоялъ на полномъ иждивеніи и содержаніи англичанъ, платившихъ также и жалованіе, какъ нижнимъ чинамъ, такъ и командному составу, выдавая на этотъ предметъ Л. Бичерахову значительныя суммы англійскимъ золотомъ.

Рѣшивъ ликвидировать Л. Бичерахова и его отрядъ, ген. Томсонъ заявилъ Л. Бичерахову, что англійское правительство закрыло кредиты на содержаніе его и его отряда. Мѣра эта вызвала ропотъ въ арміи и флотѣ Л. Бичерахова, и англичане, опасаясь, что это можетъ привести къ какимъ либо нежелательнымъ послѣдствіямъ, рѣшились на крайнюю мѣру — рѣшили ликвидировать самого Л. Бичерахова. Ему предложено было сдать командованіе и выѣхать изъ Баку, причемъ для того, чтобы позолотить пилюлю и устранить причины къ агитаціи, Л. Бичерахову, еще во время войны произведенному Англійскимъ Королемъ Георгомъ V въ генералы англійской службы и награжденному высшими боевыми англійскими орденами, было объявлено, что онъ имѣетъ отправиться въ Лондонъ, для представленія Англійскому Королю.

Л. Бичераховъ, имѣвшій на рукахъ весьма большія суммы, передъ своимъ отъѣздомъ созвалъ особую комиссію, которой онъ и поручилъ распредѣлить тѣ суммы, которыя Л. Бичераховъ ассигновалъ на русскія общественныя и политическія дѣла. Суммы эти были предназначены, между прочимъ, на русскую печать, на воспитаніе и образованіе русскихъ дѣтей, Центродому, Русскому Національному Совѣту, Армянскому Національному Совѣту и т. д. Суммы были довольно значительныя, въ общемъ на нѣсколько милліоновъ рублей, что по тогдашнему курсу составляло сумму весьма значительную. Не забыли себя при распредѣленіи этихъ суммъ соціалисты, отваливъ себѣ самые большіе куши, какъ на свою печать, такъ и персонально для политическихъ цѣлей.

Въ одинъ прекрасный вечеръ Л. Бичерахову былъ поданъ англичанами экстренный поѣздъ, и подъ ихъ охраной онъ былъ увезенъ въ Тифлисъ и дальше на Батумъ.

Командующимъ Кавказской арміей былъ назначенъ ген. А. И. Деникинымъ генералъ М. А. Пржевальскій, герой Сарыкамыша и Эрзерума.

Съ отъѣздомъ Л. Бичерахова роль Прикаспійскаго правительства и демократическаго совѣщанія сошли на нѣтъ.

Остались на лицо: съ одной стороны, Русскій Національный Совѣтъ, стоявшій на чисто государственной россійской точкѣ зрѣнія, и, съ другой, соціалисты съ очевиднымъ уклономъ влѣво.

XIX

Вскорѣ послѣ отъѣзда Л. Бичерахова прибыли въ Баку ген. М. А. Пржевальскій съ начальникомъ его штаба ген. Г. П. Лазаревымъ (тѣмъ самымъ,

который въ началѣ лѣта 1918 года наступалъ со стороны Дагестана противъ большевиковъ, бывшихъ въ Баку) и ген. отъ кавалеріи Ив. Георг. Эрдели, назначенный Главнокомандующимъ Добровольческой арміи А. И. Деникинымъ состоять при союзникахъ на Кавказѣ въ качествѣ его Главноуполномоченнаго; при послѣднемъ состоялъ въ качествѣ военнаго агента отъ Добровольческой арміи полк. М. П. Лазаревъ (несмотря на сходство въ отчествѣ, не родственникъ ген. Лазарева).

Кто изъ нихъ пріѣхалъ раньше — Эрдели или Пржевальскій — не помню.

Съ перваго же свиданія членовъ Президіума Русскаго Національнаго Совѣта, какъ съ Эрдели, такъ и съ Пржевальскимъ, у насъ создалась съ ними самая тѣснѣйшая связь.

Одною изъ главныхъ задачъ, порученныхъ ген. Эрдели, было принятіе всѣхъ мѣръ къ мобилизаціи всѣхъ военныхъ матеріальныхъ средствъ, принадлежавшихъ бывшей русской арміи и находившихся въ Закавказьи, и наравнѣ съ этимъ и мобилизація русскаго офицерства и годнаго для борьбы съ большевиками людского матеріала.

Русскій Національный Совѣтъ, въ полномъ соотвѣтствіи со своей программой, пришелъ широко на помощь ген. Эрдели, предоставивъ послѣднему въ распоряженіе какъ самого себя, такъ и свои органы (въ томъ числѣ и газету) и во многихъ случаяхъ и денежныя средства, какъ заимообразно, такъ и безвозвратно.

Изъ ближайшихъ бесѣдъ съ ген. Эрдели выяснилось, что Русскій Національный Совѣтъ стоитъ во многомъ весьма близко къ той политической платформѣ, на которой стоитъ и Добровольческая армія и ген. Деникинъ.

Выяснивъ себѣ цѣли и задачи, а также дѣятельность Русскаго Національнаго Совѣта, ген. Эрдели отнесся совершенно отрицательно къ дѣятельности Славяно-Русскаго Общества, въ дальнѣйшемъ совершенно отмежевался отъ нихъ и пересталъ принимать ихъ представителей.

Вскорѣ было получено на имя Русскаго Національнаго Совѣта привѣтствіе отъ ген. Деникина, сообщавшаго, что онъ вполнѣ одобряетъ нашу національную позицію въ дѣлѣ защиты русской идеи и русскихъ интересовъ на окраинѣ.

Одна изъ труднѣйшихъ задачъ, стоявшихъ передъ ген. Эрдели, заключалась въ ликвидаціи Бичераховскаго отряда и его флота.

Къ этому именно времени въ Баку были уже получены свѣдѣнія о совершенномъ разгромѣ Добровольческой арміей на Сѣверномъ Кавказѣ XI-ой и XII-ой большевистскихъ армій и о совершенномъ очищеніи Сѣвернаго Кавказа отъ большевиковъ, остатки которыхъ отходили на Царицынъ и Астрахань, о занятіи Минеральныхъ Водъ, Грознаго и Петровска, который становился морской базой Добровольческаго флота, созданіе котораго было уже начато.

Воинскія части отряда Бичерахова были распущены и начата была правильная мобилизація новыхъ воинскихъ частей, которыя должны были составить Петровскій отрядъ Добровольческой арміи, подъ командованіемъ генерала Пржевальскаго.

Операція эта, производившаяся на глазахъ у англійскаго командованія, прошла въ общемъ безболѣзненно; англичане настаивали лишь на томъ, чтобы части эти не задерживались въ Баку и немедленно отправлялись дальше.

Дѣло не обходилось все же безъ треній съ союзниками, и я помню, какъ въ одинъ прекрасный день англичанами былъ отданъ приказъ о немедленномъ выводѣ изъ Баку всѣхъ вооруженныхъ частей.

Отсутствіе искренности въ отношеніяхъ англичанъ къ Россіи и, въ частности, къ Деникину и Добровольческой арміи, кромѣ ихъ всегда и во всемъ двойственной политики, объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что у насъ въ Закавказьи, и въ частности и въ Баку, политика эта дѣлалась англійскими военными людьми, прошедшими свою службу въ колоніяхъ и, въ особенности, въ Индіи, гдѣ ненависть къ русскимъ и убѣжденіе въ грозящей Индіи со стороны Россіи опасности, были основой дѣятельности ген. Томсона, и полковники Стоксъ и Шатлевортъ были яркими представителями людей этой именно школы. Противуположность имъ составлялъ полк. Раулинсонъ (прекрасно говорившій по-русски), находившійся въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и всячески облегчавшій задачи Добровольческой Арміи въ весьма трудныхъ сношеніяхъ ея съ существовавшимъ тогда Горскимъ правительствомъ, имѣвшимъ резиденцію въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ.

Какъ-никакъ, все же задачи по ликвидаціи Бичераховскаго отряда и по проведенію новой мобилизаціи были осуществлены. Удалось спасти для дѣла борьбы съ большевиками и часть матеріальной части, то-есть воинскаго снаряженія и обмундированія.

Значительно труднѣе представлялся вопросъ о ликвидаціи Бичераховскаго флота, во главѣ котораго стоялъ попрежнему Воскресенскій. Ликвидація флота представляла ту опасность, что суда были вооружены и артиллеріей, и пулеметами; слѣдовательно, окажи флотъ противодѣйствіе, дѣло неминуемо должно было закончиться вооруженнымъ столкновеніемъ.

Генералъ Томсонъ, учитывая все это, предложилъ генералу Эрдели самому разоружить суда и ликвидировать флотъ. Но ген. Эрдели категорически отклонилъ какое бы то ни было участіе какъ свое, такъ и какихъ бы то ни было русскихъ военныхъ силъ и русскаго командованія во всемъ этомъ дѣлѣ, понимая, что весь одіумъ этого дѣла долженъ былъ отразиться на престижѣ русскаго имени и лишить Добровольческую армію явныхъ симпатій значительнаго большинства русскаго населенія.

И англичане вынуждены были сами разоружить суда и ликвидировать флотилію. Подробностей уже не помню, но только ночью команды со всѣхъ судовъ, подъ угрозою открытія по нимъ огня изъ орудій и пулеметовъ, были англичанами сняты и на всѣхъ судахъ была поставлена англійская охрана.

По требованію ген. Эрдели всѣ суда, входившія въ составъ флота, были отведены англичанами въ Петровскъ, сданы Добровольческой арміи и на нихъ, наконецъ, былъ поднятъ русскій, андреевскій флагъ.

Около этого времени прибылъ изъ Красноводска военный представитель Закаспійскаго Правительства В. Ф. Гнѣсинъ (капитанъ) съ докладомъ къ генералу Эрдели о положеніи на Закаспійскомъ фронтѣ, куда ген. Эрдели вскорѣ и выѣхалъ въ сопровожденіи ген. Лазарева, получившаго впослѣдствіи назначеніе на должность начальника штаба этого фронта. Ген. Эрдели пробылъ въ Закаспіи около 2-хъ недѣль и вернулся оттуда съ опредѣленнымъ выводомъ о томъ, что поддержать этотъ фронтъ необходимо во что бы то ни стало, такъ какъ съ потерей Закаспійскаго края и Красноводска создавалась угроза со стороны большевиковъ всему Кавказу и, слѣдовательно, Добровольческой арміи при дальнѣйшемъ наступленіи ея на сѣверъ. Большевики, имѣя въ Астрахани и въ устьяхъ Волги флотъ, въ случаѣ занятія Красноводска легко могли производить какія угодно переброски войскъ и рискнуть даже на операціи въ тылу Добровольческой арміи на Кавказѣ.

Изъ многочисленныхъ нашихъ бесѣдъ съ ген. Эрдели выяснилось, что миссія его въ Закавказьи имѣла главною цѣлью — собираніе русской антибольшевистской силы и всѣхъ тѣхъ огромныхъ военныхъ запасовъ и вооруженія, которые принадлежали россійской арміи. Часть этого боевого инвентаря находилась на бывшемъ Персидскомъ фронтѣ, часть въ Баку, но самая значительная часть въ предѣлахъ Грузіи и, въ особенности, въ Тифлисѣ; о спасеніи этой послѣдней и, несомнѣнно, главной части, нечего было и думать, ибо всѣмъ этимъ успѣли уже завладѣть еще Закавказскій Сеймъ, а затѣмъ Грузія, основавшая всю свою финансовую систему на распродажѣ доставшагося ей русскаго государственнаго имущества.

Генераломъ Эрдели были приняты мѣры и къ выясненію военнаго положенія на Мугани, откуда разсчитывали, если удастся, вывести какъ можно болѣе кадровыхъ солдатъ. Мысль эту, однако, пришлось оставить, ибо, во-первыхъ, населеніе Мугани, опасаясь за свою судьбу въ будущемъ, не хотѣло отпускать никого изъ тѣхъ, на помощь которыхъ естественно могло разсчитывать при возможныхъ въ будущемъ столкновеніяхъ, и, во-вторыхъ, намѣчавшаяся еще при посѣщеніи Мугани М. Подшибякинымъ (см. гл. XIV) большевистская пропаганда развивалась чѣмъ дальше, тѣмъ больше; приходилось быть поэтому на-сторожѣ при вербовкѣ укомплектованій съ Мугани.

Въ этихъ бесѣдахъ нашихъ (членовъ Русскаго Національнаго Совѣта) съ ген. Эрдели приходилось касаться и вопроса о дальнѣйшихъ перспективахъ въ борьбѣ съ большевиками. Ген. Эрдели совѣтовалъ не увлекаться тѣмъ, что Добровольческая армія одерживаетъ сейчасъ побѣды надъ большевиками; военное счастье — вещь капризная, въ особенности же въ войнѣ гражданской; ген. Эрдели тревожила и перспектива ряда грядущихъ бунтовъ по всему широкому пространству Россіи; по его словамъ, ихъ будетъ еще сколько угодно, пока удастся окончательно успокоить страну, даже уже освобожденную отъ власти большевиковъ; страна и ея населеніе отвыкли отъ власти, отъ порядка (это говорилось еще въ началѣ 1919 года), все развращено, отвыкло отъ работы и для успокоенія страны нужна будетъ желѣзная дисциплина въ теченіе ряда лѣтъ; страна разорена и войной, и смутой, и надъ ней уже виситъ призракъ голода; та власть, которая придетъ на смѣну большевикамъ, должна будетъ дать не только миръ и порядокъ, но и хлѣбъ. Предстоитъ долгая, возможно, что въ теченіе ряда лѣтъ, борьба за установленіе порядка въ странѣ, при наличности котораго только и возможенъ будетъ созывъ Учредительнаго Собранія. Но, и вслушиваясь въ эти грозныя предсказанія, все же хотѣлось намъ, русскимъ людямъ, вѣрить въ то, что мы уже на правильномъ историческомъ пути и что мы идемъ къ освобожденію, подлинному и прочному, нашей Родины отъ того навожденія, которое внесено въ нее интернаціональными разбойниками.

Настроеніе, созданное послѣдними побѣдами Добровольческой арміи надъ большевиками, та работа, которая производилась на нашихъ глазахъ по собиранію русской національной силы — все это еще болѣе поднимало жажду дѣятельности Русскаго Національнаго Совѣта. Тотъ контактъ, который создавался все тѣснѣе между нами, представителями русской національной мысли на окраинѣ и тѣмъ національнымъ движеніемъ, которое возглавлялось Добровольческой арміей и ея вождями, давалъ еще большій смыслъ нашей работѣ, побуждая насъ, не останавливаться ни передъ какою работою, такъ или иначе

имѣвшей отношеніе къ достиженію нашей конечной цѣли — освобожденію Родины отъ насильниковъ.

Помѣщеніе Совѣта было постоянно полно: здѣсь можно было встрѣтить офицеровъ, ѣдущихъ на тотъ или другой фронтъ; или же офицеровъ, наводящихъ у насъ ту или другую справку; матросовъ и нижнихъ чиновъ, которымъ мы устраивали безплатные проѣзды и выдавали пособія на дорогу; всякихъ доброжелателей нашихъ, считавшихъ своимъ долгомъ обязательно доставить намъ ту или другую информацію; курьеровъ, привозившихъ срочныя свѣдѣнія съ разныхъ концовъ антибольшевистскаго боевого фронта. Попадали къ намъ иногда и большевики, но какъ то всегда, при разспросахъ, удавалось выяснить физіономію подобнаго субъекта, и господа эти уходили, иногда даже и не скрывая, кто они такіе.

Газета «Единая Россія», имѣвшая богатый информаціонный матеріалъ какъ по вопросамъ Кавказской жизни, такъ и въ отношеніи того, что происходитъ на фронтахъ борьбы съ большевиками, пріобрѣтала все большее значеніе и не только въ Баку, но и далеко за его предѣлами и, въ томъ числѣ, и въ самой Добровольческой арміи.

Необходимо отмѣтить также и то, что газета «Единая Россія» и высказываемые ею взгляды имѣли опредѣленное вліяніе и на нѣкоторые татарскіе круги.

Среди группы татаръ, именовавшихъ себя «безпартійными», были лица, которыя въ совершенно частныхъ бесѣдахъ при встрѣчахъ съ нѣкоторыми изъ членовъ Русскаго Національнаго Совѣта поднимали вопросы о томъ, — каковы цѣли Добровольческой арміи, какую позицію вожди ея займутъ, въ случаѣ успѣха въ борьбѣ съ большевиками, по отношенію къ окраинамъ и инородцамъ, и т. д. Явно проглядывалъ интересъ къ созданію какого либо общаго языка съ Россіей будущаго и съ русскими.

Для того, чтобы яснѣе себѣ представить, что именно представляла собою эта группа татаръ и каковы были ея стремленія, необходимо имѣть въ виду слѣдующее: независимость Азербайджана была провозглашена въ концѣ апрѣля 1918 года въ городѣ Елизаветполѣ; тамъ же было создано и избрано Правительство республики. При этомъ Бакинцы, въ то время находившіеся въ изгнаніи послѣ «мартовскихъ» дней, составляли меньшинство; Елизаветпольцы не только подавляли ихъ численно, но и были у себя дома; поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что большинство и въ Правительствѣ республики и въ составѣ высшей администраціи составляли Елизаветпольцы и вообще уроженцы этой губерніи.

И, когда Азербайджанское правительство послѣ взятія Баку обосновалось въ Баку. то коренные Бакинцы были явно недовольны такимъ оборотомъ вещей. Если среди Елизаветпольцевъ видную роль играли по большей части беки и ханы, иначе говоря дворянство, то въ Баку, торговомъ и промышленномъ центрѣ, имѣющемъ міровое значеніе, наиболѣе вліятельными среди татаръ являлись представители капитала и промышленности, буржуазія, а также и интеллигенція, вообще среди татаръ очень немногочисленная.

Бакинцы оказались въ большинствѣ, за рѣдкими исключеніями, совершенно не у дѣла. Имъ, Бакинцамъ, привыкшимъ смотрѣть на всѣхъ остальныхъ татаръ Закавказья, какъ на людей, въ матеріальномъ отношеніи стоящихъ далеко ниже ихъ и даже во многихъ случаяхъ отъ нихъ, бакинцевъ, зависимыхъ, было нестерпимо видѣть, что и властью, и почетомъ пользуются не они,

а другіе, къ тому же пришельцы въ ихъ родномъ городѣ. Это недовольство среди бакинцевъ росло все сильнѣе и скоро вылилось въ форму опредѣленнаго политическаго сговора — создалась партія.

Партія эта прекрасно понимала, что назваться ей попросту «бакинцами» — неудобно, а потому эта партія, опредѣленно заявлявшая, что она не раздѣляетъ ни одной изъ программъ существующихъ мусульманскихъ партій (Муссаватъ, Иттихадъ и Гюмметъ), назвала себя группой «безпартійныхъ», утверждая вмѣстѣ съ тѣмъ, что она держится либерально-прогрессивныхъ взглядовъ.

Лица, входившія въ эту группу, являлись лицами весьма вліятельными въ Баку, такъ какъ, происходя изъ уроженцевъ или самаго Баку, или ближайшихъ къ нему селеній, они имѣли значительное родство и массу зависимыхъ отъ нихъ лицъ, что вмѣстѣ съ ихъ богатствомъ, придавало имъ вѣсъ и значеніе и въ глазахъ самого Азербайджанскаго правительства.

Съ этой именно группой лицъ и возникли упомянутые выше разговоры, которые вскорѣ привели Русскій Національный Совѣтъ къ мысли о томъ, что можно было бы попробовать наладить какую-нибудь связь съ «безпартійными» въ дальнѣйшей борьбѣ противъ большевиковъ.

Среди этой группы лидеръ ея Г. М., человѣкъ, хотя и не получившій никакого образованія, но выдающагося ума и рѣдкихъ способностей, высказалъ желаніе, познакомиться въ частной обстановкѣ съ представителями Добровольческой арміи и побесѣдовать съ ними.

Г. М. пригласилъ къ себѣ на ужинъ президіумъ Русскаго Національнаго Совѣта и генераловъ Эрдели и Лазарева; присутствовало человѣкъ до 25-ти татаръ изъ числа наиболѣе вліятельныхъ.

Какъ до ужина, такъ и послѣ ужина, происходила оживленная бесѣда, въ которой ген. Эрдели удалось вполнѣ исчерпывающе выяснить задачи, преслѣдуемыя Добровольческой арміей, ставящей себѣ первой цѣлью уничтоженіе власти большевиковъ, и послѣдующей — предоставленіе всему русскому народу, въ составѣ всѣхъ національностей, населяющихъ Россію, разрѣшить во Всероссійскомъ Учредительномъ Собраніи вопросъ о формѣ государственнаго устройства и о власти.

Встрѣча ген. Эрдели съ группой «безпартійныхъ» татаръ, хотя и не имѣла непосредственныхъ реальныхъ результатовъ, но повидимому все же произвела опредѣленное впечатлѣніе, ибо впослѣдствіи въ разговорахъ со многими лицами изъ этой группы приходилось констатировать, что эта группа, учитывая и слабость государственной организаціи Азербайджана, бездарность стоящаго во главѣ ея правительства, растущую агитацію большевизма и конечныя послѣдствія всей совокупности этихъ обстоятельствъ, ищетъ путей къ тому, чтобы опереться на какую-нибудь другую власть, представляющую болѣе гарантій уцѣлѣть отъ несомнѣнно надвигавшагося большевизма.

XX

Въ февралѣ 1919 года прибылъ къ намъ въ Закавказье и, въ частности, въ Баку, докторъ (фамиліи его не помню), членъ Учредительнаго Собранія, делегированный къ намъ «Юго-Восточнымъ Бюро Членовъ Учредительнаго Собранія». Господинъ этотъ, рекомендовавшій себя правымъ эс-эромъ, прочелъ свой докладъ у насъ въ Русскомъ Національномъ Совѣтѣ, въ Комитетѣ

партіи Народной Свободы и еще въ нѣсколькихъ организаціяхъ. Ни у насъ, въ Совѣтѣ, ни у кадетъ, онъ никакого успѣха не имѣлъ, такъ какъ въ сущности ничего новаго къ программѣ Уфимскаго правительства онъ не прибавилъ, а аргументы его не гармонировали съ тѣмъ несомнѣнно національнымъ, русскимъ настроеніемъ, которымъ проникнуты были мы. На очередь выдвигалась, прежде всего, защита «завоеваній революціи», тогда, какъ нашимъ лозунгомъ было — спасеніе Родины отъ большевиковъ и доведеніе страны до выборовъ въ новое Учредительное Собраніе. Несомнѣнный успѣхъ онъ имѣлъ только въ нѣкоторыхъ кругахъ, примыкавшихъ къ пресловутому «Демократическому Совѣщанію» (Бичераховскому); пробылъ онъ въ Баку недолго и уѣхалъ въ Тифлисъ.

Изъ Тифлиса и вообще изъ Грузіи до насъ доходили очень печальныя вѣсти о положеніи тамъ русскаго дѣла и русскихъ людей.

Націонализація всего строя, всѣхъ учрежденій, всего управленія производились съ гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ нашемъ Азербайджанѣ, что объясняется, конечно, тѣмъ главнымъ образомъ, что грузины въ общей массѣ гораздо болѣе культурны, чѣмъ татары: грамотность стоитъ у нихъ очень высоко, образованныхъ людей достаточно, благодаря чему и явилась возможность въ дѣйствительности осуществить націонализацію управленія во многихъ его отрасляхъ. Былъ изданъ также и законъ о подданствѣ, правда тоже очень неудачный, подвергшійся въ концѣ концовъ столь рѣзкой критикѣ со стороны русскихъ круговъ, что Правительство Гегечкори вынуждено было взять этотъ законъ обратно. Русскіе служащіе и чиновники повсюду увольнялись за незнаніемъ грузинскаго языка; русскимъ на каждомъ шагу чинились всякія препятствія; шло повальное преслѣдованіе русскаго офицерства, котораго въ Грузіи было не мало (около 15.000 человѣкъ, а можетъ быть и больше), ибо въ былое время въ Тифлисѣ помѣщались всѣ штабы Кавказской арміи, всѣ центральныя военныя учрежденія и т. д.

Всего труднѣе давалась Грузинскому Правительству націонализація суда и судебныхъ учрежденій; учрежденія на самомъ дѣлѣ остались тѣ же, что были и при Россійскомъ правительствѣ, но не было ни своего законодательства, ни подготовленнаго кадра судебныхъ дѣятелей; пришлось остаться при Россійскихъ законахъ, которые нельзя же было сразу перевести на грузинскій языкъ; пришлось пригласить, ввиду недостаточнаго числа своихъ, на службу рядъ русскихъ судебныхъ дѣятелей; и, наконецъ, наряду съ грузинскимъ, пришлось въ судопроизводствѣ допустить и русскій языкъ.

Свободной русской, національной прессы не было. Наша газета «Единая Россія», имѣвшая большой спросъ въ Тифлисѣ, отбиралась у разносчиковъ на улицахъ и продажа и распространеніе ея Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ были воспрещены, что, однако, все же не могло намъ помѣшать наладить доставку нашей газеты въ Тифлисъ друзьямъ и черезъ нихъ широкое ея распространеніе. Газета «Единая Россія», чутко слѣдившая за судьбами русскаго дѣла и русскихъ гражданъ, оставшихся въ Грузіи, была бѣльмомъ на глазу для шовинистическаго грузинскаго правительства. Нашлись среди русскихъ нѣсколько ренегатовъ, которые продали свое перо для борьбы противъ Россіи и всего русскаго. Въ числѣ этихъ господъ на первомъ мѣстѣ стоялъ публицистъ изъ «Новаго Времени» В. П. Опочининъ. Въ своихъ статьяхъ въ издававшихся въ Тифлисѣ на русскомъ языкѣ соціалистическихъ газетахъ (названій, къ сожалѣнію, не помню) господинъ этотъ доходилъ до такого ци-

низма въ оцѣнкѣ прежней политики Россіи въ отношеніи окраинъ (Закавказья), въ огульномъ отрицаніи даже культурнаго вліянія Россіи и ея интеллигенціи, въ клеветѣ и измышленіяхъ на происходившее въ это время освободительное движеніе противъ тиранніи большевиковъ, что приходилось только изумляться, какъ могъ русскій человѣкъ такъ забыть, что онъ прежде всего — русскій.

И въ Тифлисѣ, какъ и у насъ въ Баку, безправное положеніе русскаго населенія вызвало къ жизни учрежденіе, аналогичное нашему и носившее тоже названіе — Русскій Національный Совѣтъ (Тифлисскій).

Какъ видно изъ изложеннаго выше, въ Баку Русскій Національный Совѣтъ зародился совершенно независимо и самостоятельно и при обстоятельствахъ, когда Баку уже въ теченіе болѣе полугода (февраль—сентябрь 1918 года) не имѣлъ никакой связи съ Тифлисомъ. Повидимому, Тифлисскій Совѣтъ создался раньше (въ началѣ 1918 года), но о дѣятельности его намъ положительно ничего не было извѣстно; первыя о немъ свѣдѣнія были получены нами въ декабрѣ 1918 года отъ Ю. Ф. Семенова*, пріѣхавшаго тогда по нашему приглашенію для переговоровъ по вопросу о редактированіи имъ нашей газеты «Единая Россія».

Насколько помнится, Тифлисскій Русскій Національный Совѣтъ былъ организованъ путемъ сговора политическихъ партій, причемъ вошли въ него представители соціалистовъ (с.-д. и с.-р.) и кадетовъ; послѣднихъ въ Совѣтѣ было нѣсколько меньше, но удѣльный ихъ вѣсъ былъ значительнѣе. Имѣя въ виду, что Совѣтъ дѣйствовалъ въ государствѣ, гдѣ власть принадлежала соціалистамъ (с.-д. меньшевикамъ), сдвигъ Совѣта влѣво и отсутствіе въ немъ той національной сущности, которой отличался нашъ Русскій Національный Совѣтъ (въ Баку), были очевидны.

Территоріальное вліяніе Бакинскаго Совѣта было значительно большимъ, чѣмъ вліяніе Совѣта Тифлисскаго; такъ, напримѣръ, Елизаветпольскій отдѣлъ (Елизаветполь всего въ 3—4 часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Тифлиса, тогда какъ отъ Баку въ 10—11 часахъ ѣзды) подчинялся Бакинскому, а не Тифлисскому Совѣту, не говоря уже объ остальныхъ, ближайшихъ къ Баку.

Въ составъ Совѣта въ Баку изъ соціалистовъ входило нѣсколько человѣкъ соц.-дем. (меньшевиковъ), делегированныхъ партіей. Весьма значительнымъ было участіе въ немъ представителей партіи «Народной Свободы», входившей, кромѣ того, и оффиціально въ составъ Совѣта въ лицѣ своихъ делегатовъ. И долженъ засвидѣтельствовать, что тѣ изъ соціалистовъ, которые состояли членами Бакинскаго Совѣта, совершенно отказывались отъ своей привычной узко-классовой позиціи и стояли на позиціи національной, патріотической.

Выходило на самомъ дѣлѣ, что въ двухъ сосѣднихъ, объявившихъ себя отдѣлившимися отъ Россіи государствахъ — въ Грузіи и въ Азербайджанѣ, Русскіе Національные Совѣты, органы русской національной идеи, ведутъ совершенно разную политику и по отношенію къ мѣстной правительственной власти, и по отношенію къ національнымъ задачамъ.

Въ то время, какъ нашъ Совѣтъ за все время его существованія не взялъ ни одной копѣйки на нужды русскихъ людей отъ правительства Азербайджана, Тифлисскій Совѣтъ неоднократно пользовался широкой денежной помощью Гру-

---

* Бывшій предсѣдатель Областного Комитета партіи Народной Свободы, Товарищъ Предсѣдателя Тифлисскаго Русскаго Національнаго Совѣта.

зинскаго правительства, что, конечно, не могло не отразиться на его самостоятельности.

Мы (Бакинскій Совѣтъ) всегда стояли за вооруженную борьбу съ большевиками и потому привѣтствовали зарожденіе и дальнѣйшее развитіе этой дѣйственной борьбы, въ лицѣ Добровольческой арміи; Тифлисскій Совѣтъ, если и не шелъ противъ арміи и ея командованія, то во всякомъ случаѣ не тяготѣлъ къ ней совершенно.

Одновременное существованіе двухъ Совѣтовъ, стоявшихъ на разныхъ платформахъ, представлялось во многихъ отношеніяхъ неудобнымъ.

Мысль объ организаціи какого-то центральнаго органа, который долженъ былъ бы представить собою волю и настроеніе большинства русскаго населенія, еще оставшагося къ тому времени въ Закавказьи, затронута была и въ русской печати. Бакинскій Совѣтъ сознавалъ, что надобно что-то сдѣлать, на что-то рѣшиться, и все болѣе стала выясняться необходимость Краевого съѣзда делегатовъ отъ русскаго населенія всего Закавказья.

Кажется, въ началѣ марта къ намъ въ Баку прибыла делегація отъ Тифлисскаго Русскаго Національнаго Совѣта въ числѣ (помнится) пяти человѣкъ, изъ коихъ четверо были соціалисты и одинъ кадетъ; изъ числа соціалистовъ помню офицера Стрѣлковскаго и молоканина Кутукова (оба меньшевики), остальныхъ не помню. Делегаціей этой было предложено нашему Совѣту произвести не только перевыборы нашего Совѣта путемъ производства широкихъ выборовъ, но и произвести такіе же выборы на общій Съѣздъ.

Ни на одно изъ этихъ предложеній Бакинскій Совѣтъ не далъ согласія.

Какъ мы уже указывали выше, Бакинскій Совѣтъ, включавшій въ себя и представительство отъ всѣхъ политическихъ партій (кромѣ большевиковъ и эс-эровъ), ряда общественныхъ организацій (всѣ городскіе гласные, православныя и сектантскія общины), профессіональныхъ организацій, союзовъ и т. д., объединялъ на самомъ дѣлѣ наиболѣе значительную часть многочисленнаго русскаго населенія города Баку и его района (всего Азербайджана), настроеннаго національно-государственно. На критику принципа организаціи нашего Совѣта путемъ кооптаціи, раздававшуюся иногда со страницъ эс-эровскихъ и большевистскихъ русскихъ газетъ, издававшихся въ Баку, нашъ органъ «Единая Россія» — отъ имени Совѣта заявлялъ неизмѣнно, что всякая партія и организація, исключая большевиковъ, будутъ кооптированы Совѣтомъ, если заявятъ о томъ свое желаніе

Въ результатѣ ряда засѣданій нашего Совѣта совмѣстно съ делегатами Тифлисскаго Совѣта, мы пришли къ соглашенію, что Баку пошлетъ на Съѣздъ опредѣленное число делегатовъ какъ отъ самаго Совѣта, такъ и отъ политическихъ партій, общественныхъ и профессіональныхъ организацій; выборы же по Азербайджану среди русскаго населенія будутъ произведены лишь въ деревняхъ и селахъ. Кромѣ того, помнится, нашимъ Совѣтомъ была оказана весьма значительная денежная помощь Тифлисскому Совѣту.

Число делегатовъ отъ Баку, ввиду значительности русскаго его населенія, было весьма значительнымъ.

Съѣздъ этотъ нѣсколько разъ откладывался и, наконецъ, состоялся въ маѣ 1919 года, но объ этомъ Съѣздѣ будетъ сказано дальше.

Вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Баку ген. Эрдели, выѣхалъ изъ Баку и ген. Томсонъ и большинство его штаба, ибо Союзное Командованіе на Кавказѣ по рѣшенію Антанты было сосредоточено въ Тифлисѣ.

Азербайджанское правительство, освободившееся отъ постоянной опеки (правда очень къ нему мягкой) Союзниковъ, распоясалось во-всю.

XXI

На мѣсто ушедшихъ изъ Баку англійскихъ войскъ въ него стали вступать новь сформированныя Азербайджанскія части; если не обманываетъ меня память, пришли въ Баку одинъ пѣхотный полкъ, двѣ конныя сотни и 4-хъ орудійная батарея. Войска эти, дефилировавшія по городу съ хоромъ музыки, производили довольно комичное впечатлѣніе: солдаты были разныхъ возрастовъ отъ мальчишекъ до глубокихъ стариковъ, плохо одѣтые и еще хуже обутые, безъ всякой военной выправки, они даже и шли не въ ногу; кавалерія на плохенькихъ, не убранныхъ лошадяхъ и также плохо одѣтая и не съѣзженная. Внѣшній видъ этихъ войскъ даже на татаръ производилъ крайне невыгодное впечатлѣніе.

Газеты были полны воинственныхъ выкриковъ, и тонъ ихъ былъ опредѣленно-шовинистическій и явно-угрожающій по адресу сосѣдей.

Къ тому же времени относится и прибытіе въ Баку представителей Горскаго Правительства Дагестана: Тапы Чермоева, Коцева, Ах. Цаликова, А. Кантеміра (Кантемирова) и др. Господа эти, сами себя выбравшіе и создавшіе государственную власть отъ имени не существовавшаго государства Горской республики и вынужденные, вслѣдствіе враждебнаго настроенія къ нимъ народныхъ массъ, покинуть предѣлы Дагестана и территорію Горскихъ народностей, вступили въ соглашеніе съ Правительствомъ Азербайджана, ведя опредѣленную агрессивную политику противъ Добровольческой арміи. Азербайджанское правительство выдавало имъ деньги и на агитацію, и на ихъ собственное существованіе, а Азербайджанскій Парламентъ ассигновалъ кредиты на созданіе Горскихъ добровольческихъ отрядовъ, которые должны были вступить въ борьбу съ арміями А. И. Деникина.

Намѣчавшаяся со стороны Азербайджана враждебность по отношенію къ задачамъ Добровольческаго командованія и склонность его къ включенію Дагестана въ свою орбиту и рождавшаяся отсюда опасность для ближайшаго къ Закавказью тыла Добровольческой арміи была парализована распоряженіями союзниковъ о томъ, что границей Азербайджана на сѣверѣ является рѣка Самуръ, за которой начиналась уже зона вліянія Добровольческой арміи и такимъ образомъ г. г. Дербентъ и Петровскъ-Дагестанскій со всей прибрежной полосой Каспійскаго моря отошли къ Добровольческой арміи, что для послѣдней составляло не маловажную услугу, такъ какъ Петровскъ являлся базой для возрождавшагося Добровольческаго флота, который долженъ былъ сыграть не послѣднюю роль въ дѣлѣ предполагавшагося овладѣнія Астраханью и въ борьбѣ съ большевиками.

Тотъ имперіализмъ, который является отличительной чертой внѣшней политики всѣхъ государственныхъ новообразованій, возникшихъ на пространствѣ бывшей могущественной Россіи, толкнувшій Грузію на овладѣніе Самурзаканью и Абхазіей съ г. г. Сухумомъ и Сочи, несмотря на то, что ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ народъ Грузіи не имѣлъ тамъ никакихъ интересовъ и грузины составляли тамъ лишь незначительное меньшинство, толкнулъ и Азербайджанъ на предъявленіе Грузіи требованія о включеніи въ территорію Азер-

байджана Закатальскаго округа, на который Азербайджанъ не имѣлъ положительно никакихъ правъ: Закатальскій округъ, расположенный на южномъ склонѣ Главнаго Кавказскаго хребта, населенный лезгинами, издавна въ административномъ отношеніи былъ присоединенъ къ Тифлисской губерніи, составляя тѣмъ не менѣе отдѣльную ея часть, находившуюся въ административномъ отношеніи въ подчиненіи Главнаго Кавказскаго военнаго командованія; такимъ образомъ, Закатальскій округъ не входилъ ни въ составъ Дагестана, ни въ составъ Грузіи; тѣмъ менѣе было основаній считать его частью никогда не существовавшаго исторически Азербайджана.

Притязанія Азербайджана на Закатальскій округъ покоились съ одной стороны, на томъ, что населеніе его составляли, главнымъ образомъ, мусульмане и, съ другой стороны, что это населеніе были лезгины, то-есть одна изъ народностей, населявшихъ Дагестанъ.

На примѣрѣ притязаній Азербайджана на Закатальскій округъ наглядно вырисовывается то вліяніе, которое играла Турція въ политикѣ Азербайджана. Турція опредѣленно толкала Азербайджанъ не только на полное отдѣленіе отъ Россіи, но и на выполненіе болѣе широкаго плана централизаціи всѣхъ окраинъ, населенныхъ мусульманами, въ одно государственное тѣло, обособленное отъ Россіи и союзное съ Турціей.

Притязанія Азербайджана на Закатальскій округъ привели къ обостренію отношеній съ Грузіей. Началась таможенная война, крайне тягостная для бѣдной во всѣхъ отношеніяхъ Грузіи, вынужденной ввозить къ себѣ чуть ли не всѣ предметы первой необходимости и, въ первую голову, Бакинскую нефть и керосинъ, и хлѣбъ съ Сѣвернаго Кавказа, шедшій черезъ Баку.

Къ границамъ Грузіи начала стягиваться Азербайджанская армія. Газеты подняли ожесточенную травлю на все грузинское и со дня на день ожидался отъѣздъ изъ Баку грузинской миссіи. Война была неизбѣжна, и лишь вмѣшательство Союзниковъ этому помѣшало, и пылъ воинственно настроенныхъ Азербайджанцевъ былъ ими въ должной мѣрѣ охлажденъ.

Въ то же время внутреннія дѣла Азербайджана съ каждымъ днемъ шли все хуже и хуже.

Страшное взяточничество было развито во всѣхъ учрежденіяхъ, какъ мѣстныхъ, такъ и центральныхъ правительственныхъ органовъ. За опредѣленную плату тому или другому всесильному чиновнику, вплоть до министра, можно было добиться всего, несмотря на тѣ или другія существовавшія запрещенія. Всякій дорвавшійся до власти, чувствуя опредѣленно всю эфемерность новаго строя и его недолговѣчность, торопился воспользоваться своимъ положеніемъ для того, чтобы поживиться и какъ можно скорѣе разбогатѣть.

На почвѣ этой вакханаліи разыгрался политическій скандалъ, стоившій кабинету Хана-Хойскаго своего политическаго положенія и вызвавшій его отставку. Инцидентъ, вызвавшій паденіе кабинета настолько характеренъ и пикантенъ, что стоитъ разсказать его подробнѣе:

Одною изъ главныхъ статей дохода въ бюджетѣ Азербайджана была нефть, добываемая на Бакинскихъ промыслахъ. Какъ самая нефть, такъ и продукты ея переработки на заводахъ (керосинъ, бензинъ, масла и проч.), были національзированы, причемъ собственникамъ нефти и нефтяныхъ продуктовъ казною выплачивалась опредѣленная цѣна; распорядителемъ же товаровъ являлось само государство, причемъ фактически распоряженіе это было сосредоточено въ рукахъ министра торговли и промышленности, которымъ въ то время состоялъ

уже названный нами выше Мирза Асадуллаевъ, участвовавшій со стороны татаръ въ переговорахъ съ Русскимъ Національнымъ Совѣтомъ. Мирза Асадуллаевъ, самъ по себѣ богатый человѣкъ, одинъ изъ сонаслѣдниковъ огромнаго нефтяного предпріятія, не устоялъ передъ искушеніемъ сразу разбогатѣть и въ качествѣ министра утвердилъ сдѣлку о продажѣ нѣкоему А. Хоштарія, крупному и ловкому финансовому дѣльцу (грузину) всего количества нефти и нефтяныхъ продуктовъ для вывоза ихъ заграницу; сдѣлка была заключена на продолжительный срокъ и по цѣнамъ, явно выгоднымъ для А. Хоштарія. На поднявшіеся вокругъ этой сдѣлки нареканія и толки М. Асадуллаевъ отвѣчалъ, что контрагентъ А. Хоштарія представляется исключительно выгоднымъ.

Группа «безпартійныхъ», о которой мы говорили уже выше, опредѣленно недовольная преобладающимъ вліяніемъ въ правительствѣ Елизаветпольцевъ, людей для Баку пришлыхъ, не успокоилась этими объявленіями М. Асадуллаева и, благодаря нескромности одного изъ друзей послѣдняго, дошла до существованія тайнаго договора между А. Хоштарія и самимъ министромъ М. Асадуллаевымъ о распредѣленіи между ними всѣхъ выгодъ отъ заключеннаго А. Хоштарія съ Азербайджанскимъ правительствомъ договора. Одинъ изъ лидеровъ группы «безпартійныхъ», весьма вліятельный среди Бакинцевъ Г. М-въ, получилъ отъ самого министра М. Асадуллаева нотаріальную копію съ договора его съ А. Хоштарія, такъ какъ Г. М-въ обнадежилъ его, что исторія не получитъ дальнѣйшей огласки лишь въ случаѣ принятія его, Г. М-ва, въ участники дѣла. Одураченный М. Асадуллаевъ далъ, такимъ образомъ, самъ противъ себя оружіе въ руки.

Кампанія, ведшаяся въ Парламентѣ противъ правительства Хана-Хойскаго и сводившаяся къ убійственной критикѣ дѣйствій правительства и администраціи, разбивалась объ соображеніе, что всякое другое правительство, которое стало бы на смѣну существующему, при дѣйствовавшемъ аппаратѣ власти, не смогло бы ни въ чемъ измѣнить къ лучшему господствовавшіе въ странѣ порядки — единственно это заставляло Парламентъ поддерживать существующій кабинетъ.

Группа «безпартійныхъ», добившись полученія такого изобличающаго документа, какъ нотаріальная копія договора А. Хоштарія съ М. Асадуллаевымъ торжественно вручили этотъ документъ фракціи «соціалистовъ» и кабинетъ Хана-Хойскаго вынужденъ былъ подать въ отставку. На смѣну правительства Хана-Хойскаго пришелъ кабинетъ Насибъ бека Усуббекова, въ который вошли уже и соціалисты.

Насколько вообще Азербайджанъ былъ бѣденъ людьми, видно изъ того, что въ этомъ кабинетѣ игралъ яркую роль сначала въ качествѣ министра труда, а впослѣдствіи министра юстиціи нѣкто Сафикюрдскій, бездарнѣйшій изъ помощниковъ присяжнаго повѣреннаго въ г. Елизаветполѣ, типичнѣйшій демагогъ изъ «мартовскихъ» соціалистовъ. — Наиболѣе отвѣтственную работу во всѣхъ законодательныхъ работахъ Азербайджанскаго Парламента несъ Бакинскій присяжный повѣренный С. А. Воисовичъ, полякъ, представитель одного изъ національныхъ меньшинствъ, именно польскаго.

Своихъ мало-мальски грамотныхъ людей среди татаръ Азербайджана не было, если не считать ген. отъ артиллеріи (русской службы) Мехмандарова, военнаго министра. Однако, популярность Мехмандарова въ значительной степени упала послѣ его заявленій въ Парламентѣ о томъ, что вся Азербайджанская армія, числившаяся въ составѣ до 50.000 человѣкъ, не выдержитъ натиска не то что одного русскаго пѣхотнаго полка, но даже одной конной части —

казачьяго полка, напримѣръ; Мехмандаровъ доказывалъ Парламенту, что созданіе арміи требуетъ долголѣтней работы, а боевыя ея качества создаются лишь въ результатѣ ряда войнъ, да и то побѣдоносныхъ. И, потому, Мехмандаровъ не рекомендовалъ Азербайджану задираться съ Добровольческой арміей, которая, какъ и всякая другая русская военная сила, прекратитъ независимость Азербайджана въ томъ моментѣ, когда этого захочетъ или признаетъ нужнымъ. Будучи націоналистомъ и любя свой народъ, Мехмандаровъ тѣмъ не менѣе рекомендовалъ оріентироватся на Россію, а не на Турцію, дни которой, по его мнѣнію, были сочтены; не придавалъ онъ большого значенія и признанію Азербайджана de jure даже и со стороны союзниковъ, указывая, что это признаніе нуждается главнѣйше въ санкціи со стороны будущей Россіи.

Повальное дезертирство, царствовавшее въ рядахъ вновь формируемой Азербайджанской арміи, доходило до такихъ размѣровъ, что изъ частей, введенныхъ въ Баку, въ теченіе мѣсяца не осталось на лицо и 10% состава; дезертиры уносили съ собою обмундированіе и вооруженіе. Понадобилось создать военно-судебную часть и для этой цѣли Мехмандаровымъ были приглашены русскіе военные юристы, оставшіеся не у дѣлъ, а законы примѣнялись, за отсутствіемъ своихъ (таковыхъ не было), русскіе (XXII и XXIV книги Св. Военныхъ Постановленій).

Невозможность создать наново все свое и необходимость прибѣгать къ прежнимъ русскимъ образцамъ, будь то порядки, навыки, правила или законы; отсутствіе нужныхъ кадровъ подготовленныхъ для государственной или административной работы людей и неизбѣжность, въ силу этого, прибѣгать къ работѣ бывшихъ прежде на россійской службѣ чиновниковъ и служебныхъ спеціалистовъ — приводили къ тому, что цѣлыя учрежденія (напримѣръ, Рыбное Управленіе, Контрольная и Казенная Палаты) были возстановлены цѣликомъ, въ прежнемъ ихъ составѣ, а многія другія были въ большинствѣ заполнены русскими чиновниками. При этомъ татары говорили намъ, русскимъ, что они очень насъ любятъ и не только не дѣлаютъ никакой разницы между своими и русскими, но даже предпочитаютъ русскихъ своимъ, а потому-де намъ, русскимъ, нечего тревожиться за свою судьбу.

XXII

Но, такъ ли это было на самомъ дѣлѣ?

На самомъ дѣлѣ, заигрыванія съ русскими людьми имѣли мѣсто только тогда, когда безъ насъ, русскихъ, обойтись не было никакой возможности, и это съ каждымъ днемъ становилось яснѣе.

Въ средѣ татаръ, оппозиціонно настроенныхъ къ правительству Азербайджана, даже и не скрывали своего отрицательнаго отношенія къ самой идеѣ отдѣленія Азербайджана отъ Россіи, а нѣкоторые имѣли мужество заявлять, что предпочитаютъ приходъ, какъ они говорили, Деникина.

Опредѣленно усиливалась среди татарскихъ низовъ и пропаганда идей большевизма, успѣхъ которой строился на недочетахъ управленія и на выпадахъ противъ націоналистической политики правительства Азербайджана. Русскій Національный Совѣтъ въ Баку не могъ пройти мимо вопроса объ отношеніи русскихъ чиновниковъ и служащихъ къ службѣ у Азербайджанскаго правительства.

Въ принципѣ Совѣтомъ вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ такъ: служба на тѣхъ ступеняхъ служебной іерархіи, гдѣ служащій не осуществлялъ какихъ либо самостоятельныхъ правительственныхъ функцій, допускалась, однако, при условіи, чтобы отправляемыя обязанности не заключали въ себѣ чего либо приносящаго опредѣленный вредъ или ущербъ русской идеѣ или русскому дѣлу. Занятіе же такихъ отвѣтственныхъ должностей, гдѣ могла быть проводима опредѣленная азербайджанская національстическая программа, признавалось Совѣтомъ совершенно нежелательнымъ. Поощрялось безусловно занятіе всѣхъ должностей въ бывшихъ русскихъ учрежденіяхъ въ цѣляхъ сохраненія ихъ для будущей Россіи, а также въ учрежденіяхъ общеполезныхъ или необходимыхъ всему населенію (водопроводъ, желѣзныя дороги и т. п.). Постановленія Совѣта, широко распространяемыя среди русскаго населенія, имѣли лишь моральную силу. И могу засвидѣтельствовать, что не разъ къ намъ въ президіумъ или къ дежурнымъ членамъ Совѣта приходили русскіе люди посовѣтоваться — принять ли ту или другую предлагаемую должность, или ту или другую работу. Помнится, какъ то разъ обратились къ намъ два спеціалиста-инженера за разрѣшеніемъ ихъ сомнѣнія: эти инженеры были единственными въ Баку спеціалистами по сборкѣ и провѣркѣ артиллерійскихъ орудій, и имъ было получено предложеніе Азербайджанцевъ собрать и исправить доставшіяся имъ артиллерійскія орудія, за что этимъ инженерамъ было предложено огромное вознагражденіе; предложеніе это послѣ бесѣды съ членами Совѣта было инженерами отклонено и орудія остались не исправленными. Не помню случая, когда бы мнѣніе, высказанное Совѣтомъ, осталось бы не выполненнымъ, за исключеніемъ случая съ однимъ изъ членовъ Совѣта, принявшимъ должность юрисконсульта Совѣта министровъ и не оставившаго этой должности, несмотря на сдѣланное ему Совѣтомъ разъясненіе; понятно, что одновременно съ этимъ онъ вышелъ изъ состава Совѣта.

Націонализація управленія и школы продолжалась. Въ особенности тяжело было положеніе школы. Русскія учебныя заведенія, бывшія правительственныя, или закрывались вовсе съ отобраніемъ при этомъ зданій*, или же создавались такія условія, при которыхъ оставленіе дѣтей въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ было безцѣльнымъ, или же пребываніе дѣтей было связано съ оскорбленіемъ національнаго ихъ чувства; изъ программы такихъ, напримѣръ, предметовъ, какъ географія и исторія, было совершенно исключено преподаваніе русскихъ географіи и исторіи.

Приходилось русскому населенію и русскому обществу самимъ озаботиться созданіемъ частныхъ учебныхъ заведеній какъ начальныхъ, такъ и среднихъ. Въ этомъ дѣлѣ была проявлена и частная иниціатива и иниціатива со стороны Русскаго Національнаго Совѣта, причемъ послѣднимъ было возбуждено соотвѣтствующее ходатайство объ отпускѣ денежныхъ средствъ и передъ Главнокомандующимъ А. И. Деникинымъ. Какъ было разрѣшено это ходатайство Ставкой и Особымъ Совѣщаніемъ — не знаю.

Послѣ ухода изъ Баку англичанъ отношенія Совѣта и Азербайджанскаго правительства, никогда не отличавшіяся искренностью, опредѣленно стали портиться. Наша газета «Единая Россія», не замалчивавшая ни одного отрицательнаго факта, какъ въ дѣятельности самого правительства, такъ и азербайджанской

---

* Такъ, было закрыто женское учебное заведеніе Св. Нины, принадлежавшее, какъ частная собственность, одной просвѣтительной организаціи на Кавказѣ.

администраціи, причемъ каждое сообщеніе предварительно провѣрялось тщательнѣйшимъ образомъ, стала прибѣжищемъ и для всѣхъ тѣхъ изъ числа татаръ, которые не могли найти права и справедливости; намъ неоднократно приходилось печатать «письма въ редакцію», исходившія отъ татаръ большею частью изъ глухой провинціи. И не разъ парламентская оппозиція базировалась въ своихъ запросахъ правительству исключительно на сообщеніяхъ нашей газеты.

Явно враждебная самостійнымъ стремленіямъ Азербайджанцевъ наша газета тѣмъ не менѣе продолжала выходить безпрепятственно исключительно по той причинѣ, что закрытіемъ нашей газеты Азербайджанское правительство опасалось навлечь на себя неудовольствіе Добровольческаго командованія. Русскій Національный Совѣтъ учитывался какъ опредѣленная политическая сила не только нашими идейными врагами — Азербайджаномъ, съ одной стороны, и большевиками, съ другой, но и всѣми тѣми, кто съ уходомъ Россіи изъ Баку опредѣленно чувствовалъ себя въ положеніи покинутаго и обездоленнаго. Неоднократно къ нашему заступничеству прибѣгали и армяне, въ особенности, и представители другихъ національностей. И мы дѣлали то, что могли и главнымъ образомъ черезъ нашу прессу. Неоднократно были случаи обращенія къ намъ за полученіемъ національныхъ паспортовъ, въ выдачѣ коихъ, однако, мы отказывали всѣмъ лицамъ, не принадлежащимъ къ одной изъ русскихъ національностей, не желая дать какого либо повода Азербайджанскому правительству обвинить насъ въ превышеніи предоставленныхъ намъ правительствомъ правъ. Когда Добровольческимъ командованіемъ былъ установленъ порядокъ пропуска изъ Азербайджана въ предѣлы территоріи, занятой Добровольческой арміей, по удостовѣреніямъ нашимъ о благонадежности въ отношеніи непринадлежности даннаго лица къ большевикамъ, то въ выдачѣ этихъ удостовѣреній мы не отказывали и лицамъ другихъ національностей.

Помнится мнѣ и такой случай: во время возникновенія осложненій между Азербайджаномъ и частью Карабаха (Шушинскій и Зангезурскій уѣзды, бывшей Елизаветпольской губ.), гдѣ Азербайджанъ настаивалъ ввести свою власть, причемъ въ противномъ случаѣ угрожалъ репрессіями, къ намъ, въ Совѣтъ, явилась депутація изъ нѣсколькихъ человѣкъ армянъ, общественныхъ дѣятелей (среди нихъ — Шушинскій городской голова), которая заявила, что свыше полутораста тысячъ армянъ, тамъ проживающихъ, не желая присоединиться къ Арменіи и считая себя искони русскими подданными, обращаются къ заступничеству нашего Совѣта и просятъ о принятіи мѣръ къ предотвращенію угрожающихъ имъ бѣдъ.

Понятно, что мы ничего иного сдѣлать не могли, какъ направить просьбу эту Союзникамъ въ Тифлисъ и къ А. И. Деникину въ Екатеринодаръ. Деникинъ врядъ ли могъ что-либо сдѣлать, союзники же (англичане) не сдѣлали ровно ничего, ибо въ это время они уже стояли на точкѣ зрѣнія выгодности для нихъ существованія отдѣльныхъ Закавказскихъ республикъ, имѣвшихъ къ тому же лишь видимость государственности и не обладавшихъ никакой реальной властью, что давало имъ (англичанамъ) полную возможность дѣлать въ Закавказьи все, что имъ угодно, не стѣсняясь признанными ими же самими суверенитетами этихъ крошечныхъ государствъ.

Въ бытность мою въ Тегеранѣ (съ апрѣля по іюль 1919 года), куда я былъ вызванъ однимъ изъ моихъ русскихъ кліентовъ для содѣйствія ему въ заключеніи имъ договора съ Персіей объ одной концессіи, издавна принадлежавшей русскимъ подданнымъ и сохраненіе коей представляло огромный интересъ и для

будущей Россіи*, мнѣ пришлось прочесть въ Тегеранѣ о закрытіи Азербайджанскимъ правительствомъ ненавистной ему нашей газеты «Единая Россія», послѣдовавшемъ въ результатѣ оглашенія газетой какихъ-то свѣдѣній о тайныхъ сношеніяхъ Азербайджана съ Турціей. Вышедшая на другой же день газета «Россія» должна была по требованію властей снять и аншлагъ «органъ Русскаго Національнаго Совѣта».

По возвращеніи моемъ (въ концѣ іюля 1919 года) въ Баку, мнѣ и женѣ моей пришлось на самихъ себѣ испытать, что въ Баку многое уже измѣнилось. Начать съ того, что меня, почти что коренного жителя Баку, старожила, подвергли такимъ таможеннымъ придиркамъ, какихъ я никогда не испытывалъ нигдѣ заграницей, гдѣ я бывалъ много разъ; прибывшіе же съ нами изъ Персіи на томъ же пароходѣ татары не подвергались даже и осмотру. Намъ стало ясно, что дѣлается это съ нами исключительно потому, что мы — русскіе.

Отъ товарищей по Совѣту пришлось узнать много тяжелаго. Очередной задачей Совѣта — была борьба съ Азербайджанскимъ правительствомъ изъ-за преслѣдованія русскаго офицерства, находившагося въ Азербайджанѣ или прибывшаго туда по какимъ либо поводамъ.

Многіе русскіе офицеры сидѣли по тюрьмамъ въ Баку и въ Ганжѣ (Елизаветполѣ) по обвиненію въ шпіонажѣ и въ службѣ въ добровольческой контръразвѣдкѣ. Совѣтъ не только дѣятельно отстаивалъ свободу этихъ офицеровъ, но и поддерживалъ матеріально какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ семьи. Вмѣстѣ съ другимъ членомъ Совѣта мнѣ пришлось побывать и у Азербайджанскаго военнаго министра, генерала отъ артиллеріи Мехмандарова. И этотъ бывшій русскій генералъ, украшенный двумя георгіевскими крестами и съ честью командовавшій однимъ изъ русскихъ корпусовъ на германскомъ фронтѣ, пытался серьезно насъ увѣрить въ томъ, что въ дѣйствіяхъ русскаго офицера, хотя бы и дѣйствовавшаго въ интересахъ Добровольческой арміи съ цѣлью собранія свѣдѣній о военной готовности Азербайджана, имѣется составъ преступленія «измѣны», караемый по Уголовному Уложенію. Напрасно старались мы убѣдить генерала Мехмандарова въ томъ, что русскіе офицеры могли бы быть обвиняемы въ измѣнѣ, если бы дѣйствовали противъ интересовъ Добровольческой русской арміи, и что въ этомъ случаѣ инициатива преслѣдованія могла принадлежать только русскому командованію, а не Азербайджанскому; что въ Уголовномъ Уложеніи, законѣ русскомъ, не имѣется преступленія — измѣны противъ Азербайджана, а противъ Родины, — то-есть Россіи.

Генералъ Мехмандаровъ заявилъ, что Уголовное Уложеніе уже введено въ дѣйствіе и въ Азербайджанѣ, но съ тѣмъ, что законъ надо понимать такъ: — вездѣ, гдѣ говорится о Россіи, надо подразумѣвать Азербайджанъ; противъ подобнаго генеральскаго аргумента мы тутъ же выдвинули, понятно, цѣлый рядъ аргументовъ правового порядка, коими ген. Мехмандаровъ немало былъ смущенъ. Мы не могли не обратить его вниманія и на то, что русскіе офицеры имѣли полное основаніе надѣяться на безпристрастіе Азербайджанской военной юстиціи, разъ таковая находилась въ рукахъ русскаго же стараго офицера, каковымъ является онъ самъ, генералъ Мехмандаровъ.

---

* Аренда права рыбнаго лова по всему Персидскому побережью Каспійскаго моря, что представляло и огромный государственный интересъ, закрѣпощая за Россіей и самыя Персидскія морскія воды и береговую территорію.

Тогда же я узналъ и о результатахъ Русскаго съѣзда въ Тифлисѣ: на съѣздъ этотъ съѣхалось съ разныхъ концовъ Закавказья около полутораста (кажется) русскихъ делегатовъ. Предсѣдательствовалъ на Съѣздѣ с.-р. Лебедевъ. Соціалисты изъ Тифлисскаго Русскаго Національнаго Совѣта уже во время выборовъ на мѣстахъ развили сильную агитацію, причемъ главной задачей являлось доказать, что только они одни стоятъ на защитѣ права народа и «завоеваній революціи», на которую, яко бы, посягаютъ «кадеты-деникинцы» изъ Баку, несущіе вмѣстѣ съ поддерживаемой ими Добровольческой арміей новое рабство широкимъ народнымъ низамъ. Соціалисты разсчитывали имѣть на Съѣздѣ внушительное количество голосовъ.

Съѣздъ открылся рядомъ привѣтствій, въ томъ числѣ и отъ Грузинскаго правительства, приславшаго на Съѣздъ одного изъ своихъ представителей, который пообѣщалъ отъ имени своего правительства субсидіи что-то въ милліонъ рублей. (Если вспомнить, что Грузія присвоила русскаго казеннаго имущества на многія сотни милліоновъ полноцѣнныхъ рублей, то что значитъ эта подачка русскимъ людямъ въ милліонъ рублей грузинскими бонами!)

Нѣсколько дней ушло на споры по вопросу — считать ли Съѣздъ правомочнымъ, при составѣ собравшихся, или нѣтъ, на разрѣшеніе вопросовъ, подлежавшихъ его обсужденію. Во время этихъ дебатовъ лидеры кадетовъ М. Подшибякинъ, Ю. Семеновъ и другіе, коихъ назвать сейчасъ, къ сожалѣнію, не могу, оказали замѣтное вліяніе на делегатовъ Съѣзда, которые стали перестраиваться въ нежелательномъ для гг. соціалистовъ порядкѣ. Тогда Президіумъ Съѣзда поставилъ на очередь вопросъ о правильности мандатовъ, представленныхъ делегатами, и, признавъ недостаточность мандатовъ делегатовъ Бакинской группы, какъ не выбранныхъ въ порядкѣ, указанномъ въ Положеніи о выборахъ, изданномъ Тифлисскимъ Русскимъ Національнымъ Совѣтомъ (несмотря на состоявшееся уже по этому предмету въ Баку соглашеніе), исключилъ всю эту группу, что-то свыше 30-ти делегатовъ, особенно имъ, соціалистамъ, опасныхъ; тогда со Съѣзда ушелъ еще цѣлый рядъ делегатовъ, въ томъ числѣ и правыхъ организацій, и на Съѣздѣ осталось что-то около 70—80 делегатовъ, возглавляемыхъ соціалистами Лебедевымъ (эс-эромъ) и Стрѣлковскимъ (эс-декомъ), послѣ чего Съѣздъ объявилъ себя Первымъ русскимъ рабоче-крестьянскимъ Съѣздомъ, принявшимъ, между прочимъ, и упомянутый выше милліонъ отъ Грузинскаго правительства.

Я не могъ выдержать въ Баку болѣе нѣсколькихъ дней, до того тяжела была политическая атмосфера для насъ, русскихъ людей, и съ радостью я принялъ отъ Совѣта порученіе къ А. И. Деникину и къ Особому Совѣщанію по цѣлому ряду нашихъ русскихъ національныхъ дѣлъ. Въ первыхъ числахъ августа 1919 года, въ самый разгаръ побѣдоноснаго движенія Добровольческой арміи на сѣверъ, я выѣхалъ съ женою изъ Баку, совершенно не предполагая въ тотъ моментъ, что мы уже болѣе не вернемся въ Баку. Нѣсколькими днями раньше нашего возвращенія въ Баку изъ Персіи выѣхалъ на Сѣверный Кавказъ и А. К. Леонтовичъ, сложившій съ себя полномочія Предсѣдателя Центродома и избранный единогласно тутъ же его почетнымъ предсѣдателемъ во вниманіе къ заслугамъ, оказаннымъ имъ населенію города Баку безъ различія національностей.

Нѣсколько недѣль спустя (недѣли двѣ-три) товарищи мои по Совѣту сообщили мнѣ о томъ, что министръ юстиціи Азербайджанскаго правительства издалъ обязательное постановленіе о томъ, что всѣ присяжные повѣренные, про-

живающіе въ Азербайджанѣ и не состоящіе въ его подданствѣ, буде желаютъ впредь пользоваться своими сословными и профессіональными правами, должны быть заново приняты въ сословіе Азербайджанской Судебной Палатой. Для юристовъ смыслъ этого дикаго распоряженія былъ ясенъ: всѣ неугодные Азербайджанскому правительству члены сословія могли быть не приняты Судебной Палатой по такъ-называемымъ основаніямъ «не формальнымъ».

И такъ какъ въ составѣ Русскаго Національнаго Совѣта былъ цѣлый рядъ адвокатовъ и, притомъ, для Азербайджанцевъ совершенно не пріемлемыхъ (однимъ изъ нихъ явился и я), то для насъ было ясно, что затѣя министра юстиціи имѣла въ виду лишить насъ нашего адвокатскаго званія со всѣми отсюда вытекающими послѣдствіями.

Я не удержался и изъ Ессентуковъ, гдѣ я въ то время лѣчился, написалъ и съ вѣрною оказіей послалъ министру юстиціи рѣзкую отповѣдь, въ коей не только изобличалъ его въ грубомъ невѣжествѣ и забвеніи элементарныхъ нормъ права, но и заявлялъ ему въ самой категорической формѣ, что не признаю за нимъ даже и права именоваться министромъ государства, еще и не признаннаго de jure въ порядкѣ, установленномъ нормами международнаго права, и тѣмъ болѣе государства, отдѣлившагося отъ Россіи безъ ея на то согласія. Это мое письмо, оказывается, произвело впечатлѣніе разрывного снаряда, и Азербайджанское правительство отвѣтило на него постановленіемъ — «считать меня изгнаннымъ навсегда изъ предѣловъ Азербайджана съ полной конфискаціей моего имущества».

Связь моя съ Закавказьемъ оказалась, такимъ образомъ, окончательно прерванной.

Уѣзжая, я оставилъ свою квартиру въ распоряженіи военнаго агента Добровольческой арміи полк. генеральнаго штаба Палицына, который въ ней и поселился и давалъ въ ней пріютъ многимъ изъ офицеровъ Русской арміи, въ томъ числѣ и генералу отъ инфантеріи Н. Н. Баратову, чрезвычайному послу А. И. Деникина въ Закавказьи.

На этомъ, собственно, заканчиваются личныя мои переживанія, относящіяся къ развитію русской «смуты» въ Закавказьи, но мнѣ представляется важнымъ сообщить еще о нѣкоторыхъ эпизодахъ изъ послѣдующаго, имѣющихъ нѣкоторый историческій интересъ.

XXIII

Съ какимъ нетерпѣніемъ жаждали мы съ женой пріѣхать, наконецъ, въ Петровскъ-Дагестанскій и вступить на территорію, занятую прочно Добровольческой арміей.

Вмѣсто обычнаго суточнаго перехода отъ Баку до Петровска мы, благодаря штурму, пришли лишь на четвертый день къ вечеру.

Петровскъ производилъ впечатлѣніе большой морской военной базы и вообще военнаго центра. Масса солдатъ и матросовъ, недурно одѣтыхъ и, повидимому, дисциплинированныхъ; много офицерства всякаго рода оружія и, въ особенности, моряковъ.

Насъ обѣщали отправить по желѣзной дорогѣ, благодаря документамъ, даннымъ мнѣ Русскимъ Національнымъ Совѣтомъ, на другой день утромъ, и мы вернулись ночевать на пароходъ.

Здѣсь ждало насъ первое разочарованіе: часовъ около девяти вечера въ каютъ-кампанію ввалилась ватага пьяныхъ офицеровъ, въ томъ числѣ нѣсколько моряковъ; большая ихъ часть, какъ оказалось впослѣдствіи, принадлежала къ составу Петровской контръ-развѣдки и какихъ-то тыловыхъ штабовъ. Господа эти потребовали, чтобы каютъ-кампанія была очищена для нихъ и чтобы имъ немедленно подано было вино; грубая ругань и оскорбленія посыпались въ отвѣтъ на просьбы капитана парохода и мои удалиться съ парохода и дать намъ всѣмъ возможность отдохнуть послѣ утомительнаго морского перехода; послышались крики, что мы — большевики и жиды и что мы будемъ немедленно арестованы. Безобразіе это прекратилось лишь тогда, когда я вернулся на пароходъ въ сопровожденіи комендантскаго плацъ-адъютанта, который удалилъ безобразниковъ.

На насъ вся эта сцена произвела угнетающее впечатлѣніе, въ особенности въ связи съ тѣмъ, что тогда же пришлось услышать отъ многихъ о безобразіяхъ, творимыхъ добровольческими офицерами и властями въ тылу арміи. Явленіе, которое пришлось наблюдать повсюду въ тылу арміи, — неимовѣрное переполненіе этого тыла фланирующимъ и ничего не дѣлающимъ, абсолютно здоровымъ офицерствомъ: группа Минеральныхъ Водъ (Кисловодскъ, Пятигорскъ и Ессентуки) и самый Ростовъ, гдѣ я прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ, были полны офицерствомъ, пьянствующимъ, безобразничающимъ и ничего рѣшительно не дѣлавшимъ.

Связь съ Баку и съ Русскимъ Національнымъ Совѣтомъ я поддерживалъ черезъ пароходныя Конторы въ Петровскѣ довольно аккуратно.

Информація по поводу происходившаго въ Баку и въ Закавказьи была довольно слабая, и я дѣятельно принялся за работу по информаціи какъ въ печати, такъ и въ политическихъ организаціяхъ. Будучи избранъ членомъ Кисловодской (а затѣмъ и Ростовской) группы Всероссійскаго Національнаго Центра, мнѣ пришлось сдѣлать какъ въ Кисловодскѣ, такъ и въ Ростовѣ нѣсколько докладовъ о положеніи въ Азербайджанѣ и въ Персіи.

Въ началѣ сентября (1919 года) мнѣ и покойному А. К. Леонтовичу пришлось присутствовать у генерала Эрдели (въ Пятигорскѣ) на докладѣ нѣкоего г. Фальборка, именовавшаго себя «профессоромъ», но на самомъ дѣлѣ не имѣвшаго никакого отношенія къ ученому міру. Этотъ господинъ игралъ въ верхахъ Добровольческаго Командованія и кругахъ Особаго Совѣщанія какую-то странную роль; онъ кого-то информировалъ о положеніи на окраинахъ, ему оказывали особое содѣйствіе во время его поѣздокъ по Закаспію и Закавказью и, видимо, были склонны прислушиваться къ тому, что г-нъ Фальборкъ изрекалъ. Вышеупомянутый докладъ, на который попали А. Леонтовичъ и я по спеціальному приглашенію ген. Эрдели, былъ предназначенъ для чиновъ штаба генерала Эрдели въ цѣляхъ освѣдомленія ихъ съ тѣмъ, что дѣлается въ мусульманскихъ массахъ на нашихъ южныхъ окраинахъ.

И то, что мнѣ пришлось услышать отъ г. Фальборка, такъ существенно расходилось съ тѣмъ, что пришлось видѣть намъ самимъ въ теченіи двухъ съ лишнимъ лѣтъ и съ тѣми впечатлѣніями, которыя были получены нами, что и А. Леонтовичъ, и я не могли удержаться отъ рѣзкой критики всего выслушаннаго доклада, сущность котораго сводилась къ слѣдующему:

Мусульманство во всемъ мірѣ имѣетъ огромное число послѣдователей; въ мусульманствѣ наблюдаются объединительныя теченія, угрожающія вы-

литься въ мощную всемусульманскую организацію; и такъ какъ Россія въ число своихъ подданныхъ включаетъ до 30-ти милліоновъ мусульманъ, то Россія должна въ этомъ движеніи сыграть руководящую роль, замѣнивъ собою Германію, которая мѣтила встать во главѣ мусульманскаго міра; Россія должна привлечь къ себѣ симпатіи этого міра, всячески идти навстрѣчу стремленіямъ мусульманъ къ объединенію, и однимъ изъ практическихъ путей къ достиженію Россіей симпатій со стороны мусульманъ должно быть — объявленіе въ Россіи наряду съ православіемъ господствующей религіей и ученіе Магомета. Дальше, кажется, уже и идти некуда!

Съ г. Фальборкомъ, на котораго я, повидимому, произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе, мнѣ пришлось еще разъ встрѣтиться, кажется, въ ноябрѣ 1919 г., въ Ростовѣ на Дону. Оказывается, что къ тому времени г. Фальборку удалось создать какое-то «Общество охраны окраинъ Россіи», гдѣ Фальборкъ игралъ роль предсѣдателя, а однимъ изъ членовъ этого Общества состоялъ уже упомянутый выше г. Виноградовъ, также именовавшій себя профессоромъ, бывшій членъ «Славяно-русскаго Общества» и членъ Азербайджанскаго Парламента; оба эти господина (Фальборкъ и Виноградовъ) энергично протестовали противъ принятія меня въ члены «Общества охраны окраинъ Россіи», куда нѣкоторые друзья мои хотѣли меня провести, какъ старожила Закавказья.

Кстати, о М. Виноградовѣ, — въ бытность мою въ предѣлахъ Добровольческой арміи мнѣ пришлось получить вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что онъ занимался шпіонажемъ въ пользу Азербайджана; всѣ эти свѣдѣнія тогда же были переданы мною ген. Эрдели. Я былъ, поэтому, не мало удивленъ, когда не только увидѣлъ М. Виноградова въ Ростовѣ, но и удостовѣрился лично, что онъ состоитъ на службѣ въ Министерствѣ Земледѣлія.

Не менѣе былъ я удивленъ и тѣмъ, что заслужившій не меньшую отрицательную извѣстность среди русскихъ людей въ Баку — полк. Олонгренъ (также членъ «Славяно-русскаго Общества» и членъ Азербайджанскаго парламента) также устроился въ администраціи въ предѣлахъ Добровольческой арміи, занимая должность начальника губернской стражи. Эти «оборотни» пристроились, благодаря оказавшимся у нихъ связямъ, въ той самой Добровольческой арміи, противъ которой они раньше сами же и работали, и агитировали; какъ я указывалъ выше, и тотъ, и другой вотировали за кредиты на расходы Горской республики на ея борьбу съ А. И. Деникинымъ и съ Добровольческой арміей. Можно ли было отъ подобныхъ людей ожидать жертвеннаго подвига? Несомнѣнно, что присутствіе подобныхъ людей въ станѣ «анти-большевистскаго» движенія было одной изъ многихъ и, думаю, не послѣдней причиной его крушенія.

Я переѣхалъ въ началѣ сентября въ Ростовъ въ связи съ тѣмъ, что мнѣ приходилось проводить въ Особомъ Совѣщаніи и въ разныхъ министерствахъ рядъ ходатайствъ нашего Русскаго Національнаго Совѣта. Во всѣхъ учрежденіяхъ, начиная съ Особаго Совѣщанія и министерствъ, царили удручающій бюрократизмъ и рутина. Повсюду было огромное количество чиновниковъ, исписывалась масса бумаги — живого же дѣла не было видно.

На свѣжаго человѣка, какъ я, все это производило гнетущее, тяжелое впечатлѣніе.

Нездоровая атмосфера спекуляціи и взяточничества висѣли надъ всѣмъ аппаратомъ власти. Слухи, сплетни, чудовищный вымыселъ совершенно затемняли дѣйствительную картину развертывавшихся событій и придавали повсе-

дневности какой-то тревожный характеръ. Руки сами собой опускались, ибо утрачивалась надежда на то, чтобы можно было вообще что-нибудь сдѣлать, чему-то хоть сколько-нибудь помочь.

Прежде всего, чувствовалось, что аппаратъ власти въ дѣлѣ гражданскаго управленія не соразмѣренъ ни съ территоріей, занятой Добровольческой арміей, ни съ размахомъ той борьбы, которая велась на фронтѣ.

Вмѣсто организаціи побѣды и принятія мудрыхъ мѣръ къ предупрежденію тѣхъ бѣдствій, которыя необходимо предвидѣть при перемѣнчивости «военнаго счастья», тылъ, неимовѣрно разросшійся, поглощалъ все свое вниманіе предположеніями о будущихъ судьбахъ покоренной и отнятой у большевиковъ Россіи.

Во время сентябрьскихъ боевъ подъ Царицынымъ мнѣ пришлось побывать въ Царицынѣ, куда я ѣздилъ вмѣстѣ съ ген. Эрдели, предложившимъ мнѣ проѣхать въ его поѣздѣ. Я впервые видѣлъ тогда ген. Врангеля, и онъ произвелъ на меня лично очень глубокое впечатлѣніе. Бои были тяжелые и происходили они подъ самымъ городомъ, полусожженнымъ, полуразрушеннымъ. И тѣмъ не менѣе, глядя на ген. Врангеля и видя отношеніе къ нему окружающихъ и подчиненныхъ, чувствовалось, что Царицынъ находится въ надежныхъ рукахъ и что не взять его большевикамъ.

Мнѣ, не военному человѣку, стало ясно, что ударъ по Совѣтской Россіи долженъ былъ вестись отсюда по Волгѣ, которая къ тому же такъ была нужна будущей Россіи, освобожденной отъ большевиковъ, какъ и побѣдоносно наступающей противъ нихъ арміи. Мнѣ, просидѣвшему два съ лишнимъ года въ Баку, стало воочію ясно, насколько необходимо пробить Волгу до Каспійскаго моря — взятіемъ Астрахани, лежавшей у ген. Врангеля въ тылу. И въ бытность мою въ Ростовѣ я изготовилъ докладъ на имя Главнаго Командованія по предмету необходимости овладѣнія Астраханью во что бы то ни стало. Мнѣ не посовѣтовали соваться съ этимъ докладомъ ни въ Ставку, ни въ Особое Совѣщаніе и посовѣтовали прочесть его въ Національномъ Центрѣ, указывая, что президіумъ Центра, пользующійся вліяніемъ у А. И. Деникина, скорѣе сможетъ что-либо сдѣлать. Докладъ мой не состоялся въ назначенный день за неприбытіемъ достаточнаго числа членовъ, не состоялся и во второй разъ по той же причинѣ, несмотря на широкую публикацію, и состоялся лишь въ послѣднихъ числахъ ноября, когда Добровольческая армія уже безудержно катилась отъ Харькова.

Не имѣла никакого успѣха и моя попытка созданія какого-либо органа изъ общественныхъ дѣятелей и освѣдомленныхъ людей для изученія вопросовъ о судьбѣ русскаго дѣла въ Закавказьи. Благодаря участію нѣкоторыхъ моихъ друзей, мнѣ удалось познакомиться съ членомъ Государственной Думы В. А. Степановымъ, также уроженцемъ Закавказья, и я подалъ ему свой докладъ, сводившійся, главнымъ образомъ, къ тому, что проектируемый органъ (названный имъ «Совѣщаніе по Кавказскимъ дѣламъ») долженъ былъ сосредоточить въ себѣ всю полноту тѣхъ свѣдѣній, которыя были разбросаны по разнымъ министерствамъ, объединить всю информацію и разрабатывать необходимыя мѣропріятія и планъ политики на этой окраинѣ. В. А. Степановъ, горячо взявшійся за осуществленіе этой идеи, недѣли черезъ двѣ, при встрѣчѣ со мною, сказалъ мнѣ, что событія на фронтѣ врядъ ли позволятъ разсчитывать на осуществленіе моего проекта.

«Если случится чудо и мы удержимся, тогда и поговоримъ», были послѣднія слова, сказанныя мнѣ В. А. Степановымъ. Настроеніе въ Ростовѣ было ужасное, близкое къ паникѣ. Съ фронта каждый день доходили ужасныя вѣсти — фронтъ неудержимо катился назадъ.

Припоминается мнѣ еще одинъ эпизодъ изъ Ростовскаго періода моей жизни. Въ началѣ октября, не знаю, по чьему именно совѣту, ко мнѣ обратился кн. Л. Магаловъ (полковникъ, въ то время генералъ грузинскаго производства), тотъ самый Магаловъ, имя коего связывалось съ кошмарными «шамхорскими» событіями (см. гл. VIII). Магаловъ объяснилъ мнѣ, что онъ не можетъ добиться принятія его ни А. И. Деникинымъ, ни генералами Романовскимъ и Лукомскимъ; а, между тѣмъ, по словамъ Магалова, онъ пріѣхалъ съ предложеніемъ, которое должно было бы живо заинтересовать Главное Командованіе Добровольческой арміи. За нимъ, Магаловымъ, стоятъ яко-бы до 30-ти тысячъ грузинъ, офицеровъ и солдатъ, которые пойдутъ за нимъ всюду, куда онъ ихъ поведетъ. Воспользоваться этимъ кадромъ живой силы для борьбы съ большевиками необходимо; однако, учитывая натянутыя отношенія, создавшіяся у А. И. Деникина съ Грузинскимъ правительствомъ, нельзя и думать о какихъ либо формированіяхъ на территоріи Грузіи; необходимо всю эту массу людей перебросить на сѣверный Кавказъ (черезъ хребетъ) и начать формированіе готовыхъ воинскихъ частей, главное конницы и конной артиллеріи, около Владикавказа. Въ разговорѣ со мною Магаловъ какъ бы конфиденціально добавлялъ мнѣ, что и Грузинское правительство съ Н. Жорданія и Е. П. Гегечкори за осуществленіе этого проекта и благословляютъ Магалова на это дѣло, ибо они яко бы сознаютъ необходимость побѣды надъ большевиками, и вмѣстѣ съ тѣмъ считаютъ, что Грузія, хотя бы и не офиціально, не открыто, учитывая свои будущія отношенія съ анти-большевистской Россіей, должна что-то сдѣлать для сверженія ига большевиковъ.

На поставленный мною Магалову прямо вопросъ — что же ему нужно и чѣмъ я могу быть ему полезенъ, Магаловъ мнѣ сказалъ, что на переброску указаннаго выше количества людей ему нужно 30 милліоновъ рублей (сумма даже по тогдашнимъ временамъ огромная); что же касается меня, то я долженъ ему посодѣйствовать получить аудіенцію.

Я повидался съ Начальникомъ Генеральнаго Штаба, генераломъ Вязьмитиновымъ, и узналъ отъ него, что Магаловъ уже у него былъ и что затѣя его ему извѣстна и что лично онъ, генералъ Вязьмитиновъ, серьезнаго значенія словамъ Магалова не придаетъ.

Я разсказалъ объ этомъ эпизодѣ, какъ очень характерномъ: кто только ни являлся въ Добровольческую армію съ тѣми или иными предложеніями, въ особенности же съ такими, въ основѣ которыхъ лежала возможность заполучить ту или другую крупную сумму денегъ! Я весьма сомнѣваюсь, чтобы о затѣѣ Магалова было что-либо извѣстно Гегечкори, Жорданія или еще кому-либо изъ состава правительства Грузіи.

Лично мнѣ, человѣку гражданскому и общественному дѣятелю, нечего уже было дѣлать въ Ростовѣ, гдѣ со дня на день яснѣе становились агонія арміи и развалъ фронта. Однако, выбраться изъ Ростова было далеко не такъ легко, въ особенности человѣку, не располагавшему лишними деньгами. Жена моя и родные оставались въ Кисловодскѣ, а времена были такія, когда, разставшись съ родными на время, легко было и вовсе ихъ потерять. Доставъ около 9—10 декабря билетъ на Кисловодскъ послѣ неимовѣрныхъ хлопотъ и запла-

тивъ кому-то черезъ комиссіонера большія для меня деньги, я выѣхать, однако, не смогъ, такъ какъ всѣ поѣзда оказались отмѣнены вслѣдствіе сплошного движенія отходившихъ, подъ натискомъ «красныхъ», воинскихъ эшелоновъ. И такъ какъ никому не было въ точности извѣстно, когда именно пойдутъ поѣзда, то я въ день два раза бѣгалъ черезъ весь городъ на вокзалъ и обратно. Погода, какъ нарочно, стояла ужасная: то хлопьями валилъ снѣгъ, то начиналась оттепель, то начинало сильно морозить. Я безуспѣшно пробѣгалъ дней восемь-девять и конца этому видно не было.

На мое счастье, у знакомыхъ я встрѣтился съ выборнымъ Астраханскимъ наказнымъ атаманомъ Ляховымъ (по профессіи присяжнымъ повѣреннымъ), съ которымъ я былъ знакомъ и раньше; благодаря любезности Ляхова, взявшаго меня съ собой въ вагонъ, я наконецъ выѣхалъ изъ Ростова и послѣ цѣлаго ряда мытарствъ (то насъ держали неизвѣстно почему на станціяхъ, то не давали паровоза) черезъ два дня добрался къ семьѣ.

XXIV

На группахъ Минеральныхъ Водъ, то-есть въ Кисловодскѣ, Ессентукахъ и Пятигорскѣ, гдѣ скопилось, съ одной стороны, значительное количество раненыхъ и часть изъ нихъ съ семьями, а съ другой стороны, компактная масса русскихъ буржуазіи и аристократіи, я засталъ полнѣйшее смятеніе. Вездѣ и у всѣхъ былъ одинъ разговоръ — куда и какъ бѣжать.

Въ улучшеніе боевой обстановки никакой и ни у кого вѣры не было и всѣ думали лишь о спасеніи. Бѣжали кто черезъ Владикавказъ и горы на Тифлисъ, кто — на Новороссійскъ. Съ каждымъ днемъ возможность выѣзда затруднялась, какъ по недостатку поѣздныхъ составовъ, такъ и потому, что магистраль на Екатеринодаръ и Ростовъ была забита составами воинскихъ эшелоновъ и всевозможныхъ поѣздовъ особаго назначенія. Эвакуація изъ Ростова была въ полномъ разгарѣ, причемъ происходила она въ условіяхъ катастрофическихъ.

Никакого порядка въ эвакуаціи населенія группы Минеральныхъ Водъ также не было. Выѣхать можно было лишь при особенно счастливыхъ данныхъ, по протекціи, или за колоссальныя взятки.

Черезъ день или два я съѣздилъ къ ген. Эрдели въ Пятигорскъ посовѣтоваться съ нимъ, что мнѣ дѣлать лично съ собой и семьей. Отъ ген. Эрдели я услышалъ опредѣленное заявленіе, что положеніе — катастрофическое и спасти это положеніе уже ничто не сможетъ; что черезъ мѣсяцъ — два, самое большое — весь Сѣверный Кавказъ будетъ въ рукахъ большевиковъ, а потому тѣмъ, кому выѣхать нужно (то-есть тѣмъ, кому угрожаетъ неминуемый разстрѣлъ), лучше выѣзжать сейчасъ. Въ частности мнѣ ген. Эрдели посовѣтовалъ уѣхать немедленно и посовѣтовалъ сдѣлать это также и тѣмъ изъ моихъ друзей, кто былъ скомпрометированъ въ глазахъ большевиковъ. Ген. Эрдели предоставилъ въ мое распоряженіе изъ своего личнаго поѣзда большой классный вагонъ II класса и предложилъ мнѣ дать ему списокъ всѣхъ тѣхъ, которые поѣдутъ со мною.

Не скрою, что всѣ приготовленія къ отъѣзду мы по необходимости дѣлали въ глубочайшей тайнѣ, и 5-го января (ст. ст.) вечеромъ я самъ пригналъ въ Кисловодскъ данный мнѣ вагонъ, почью произвелъ посадку всѣхъ тѣхъ,

которые должны были ѣхать со мною, и утромъ, съ первымъ дачнымъ поѣздомъ, мы ушли въ сторону станціи Минеральныя Воды на Петровскъ.

Лично я выбралъ направленіе на Петровскъ и дальше въ Персію потому, что ясно представлялъ себѣ путь на Новороссійскъ и далѣе — или за границу, или въ Крымъ — невозможнымъ, какъ вслѣдствіе отсутствія необходимыхъ для существованія денежныхъ средствъ, такъ и потому, что Новороссійскъ не могъ пропустить всего того людского потока, который въ него отовсюду стремился.

Я не могъ направиться и въ Закавказье — Азербайджанъ и Грузію, что должно быть ясно изъ всего уже разсказаннаго мною. Оставался Петровскъ и послѣднее прибѣжище — Персія, съ которой я былъ хорошо уже и раньше знакомъ.

Часть нашихъ спутниковъ держала то же направленіе, что и я; остальные пробирались черезъ Петровскъ въ Баку и дальше.

Приблизительно дней за десять до нашего отъѣзда изъ Кисловодска въ домѣ одного изъ гласныхъ города Ростова на Дону и виднаго общественнаго дѣятеля собрались, по приглашенію, человѣкъ двадцать общественныхъ и финансовыхъ дѣятелей. О цѣли собранія намъ предварительно ничего не было сообщено. Здѣсь мы встрѣтились (лично я — впервые) съ г. Тверскимъ, бывшимъ прокуроромъ Московскаго Окружнаго Суда и впослѣдствіи Саратовскимъ губернаторомъ, если не ошибаюсь. О Тверскомъ въ бытность мою въ Ростовѣ осенью 1919 года мнѣ пришлось слышать какъ объ одномъ изъ наиболѣе энергичныхъ дѣятелей министерства внутреннихъ дѣлъ въ правительствѣ А. И. Деникина; въ послѣднее же время говорили о большой близости Тверского къ ген. Врангелю.

Тверской, оговорившись, что бесѣдуетъ съ нами частнымъ образомъ и чисто-конфиденціально, повелъ рѣчь о томъ, что звѣзда А. И. Деникина закатывается; что дѣло, начатое Добровольческой арміей, проиграно безвозвратно и, врядъ ли, дѣло борьбы съ большевиками можетъ быть продолжено, если во главѣ его останутся тѣ же лица, которыя возглавляли его до сихъ поръ. Но борьба все же не безнадежна, если у борющихся будетъ новый вождь, въ котораго будетъ вѣра; что такой вождь имѣется и выдвинутъ онъ въ процессѣ самой борьбы съ большевиками; что за этимъ вождемъ пойдутъ и войска, и казаки, и народныя массы.

И когда однимъ изъ присутствующихъ было названо имя барона П. Н. Врангеля, то Тверской сказалъ, что именно его онъ и имѣлъ въ виду, говоря о вождѣ. Оговорившись, что самъ ген. Врангель не при чемъ во всей бесѣдѣ, имъ, Тверскимъ, затѣянной, Тверской вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ насъ высказаться о томъ, что мы думаемъ о кандидатурѣ ген. Врангеля и полагаемъ ли мы, что общественность пойдетъ за ген. Врангелемъ и что финансовые круги дадутъ ему свою поддержку.

Отвѣтъ нашъ, почти единогласный, — былъ отрицательный и не потому, что личность самого ген. Врангеля заключала въ себѣ какія либо качества, не внушавшія вѣры въ его патріотизмъ и въ его готовность пойти на жертву. Наоборотъ, всѣми были подчеркнуты исключительныя личныя качества генерала Врангеля; но, указывалось на то, что въ переживаемый моментъ, когда въ сущности армія уже агонизируетъ, то и ген. Врангель врядъ ли, при всей его личной храбрости и выдающихся талантахъ полководца, сможетъ что-либо сдѣлать. А, далѣе, выдвигалось соображеніе и о томъ, что дальнѣйшая борьба

съ большевиками должна быть ведена подъ такими лозунгами, притомъ при безусловно честномъ проведеніи ихъ въ жизнь, которые могли бы привлечь къ новой, въ сущности, борьбѣ широкія народныя массы и, прежде всего, крестьянство.

Разговоръ съ Тверскимъ дальнѣйшихъ слѣдствій не имѣлъ. Поскольку ген. Врангель былъ посвященъ въ затѣю г. Тверского — не знаю, но Тверской это категорически отрицалъ.

Самъ ген. Врангель въ тѣ дни пріѣзжалъ на нѣсколько дней въ Кисловодскъ.

Прибывъ около 12 часовъ дня на ст. Минеральныя Воды, откуда насъ должны были отправить съ первымъ отходящимъ любымъ поѣздомъ, мы застали на этой большой станціи полное смятеніе и самые разнообразные толки.

Военное начальство, ген. К., заявляло, что не ручается за безопасность нашего проѣзда, ибо возможно, что сообщенія съ Петровскомъ черезъ Моздокъ уже нѣтъ, такъ какъ большевики заняли уже Кизляръ и ведутъ наступленіе на Червленную-узловую, куда сейчасъ идутъ на помощь казачьи части съ Терскимъ атаманомъ во главѣ; что не лучше положеніе и на самой станціи Минеральныя Воды, гдѣ, несмотря на присутствіе двухъ эскадроновъ кавалеріи (не надежныхъ), ежеминутно ожидаютъ выступленія мѣстныхъ большевиковъ.

Приблизительно черезъ часъ насъ прицѣпили дѣйствительно къ воинскому поѣзду, и мы пошли на авось.

Ночью мы прошли ст. Моздокъ, гдѣ насъ прицѣпили къ другому поѣзду, въ составѣ котораго шло десять вагоновъ артиллерійскихъ снарядовъ для Петровска. Мы шли, все болѣе и болѣе задерживаясь на станціяхъ, чѣмъ ближе мы подходили къ Червленной-узловой. На послѣднемъ разъѣздѣ насъ задержали довольно основательно, причемъ отъ коменданта разъѣзда я узналъ, что бои идутъ верстахъ въ 8—10 отъ самой станціи Червленной-узловой. Лишь благодаря тому, что я везъ секретныя бумаги на имя Командующаго Петровскимъ отрядомъ и на имя Командующаго Каспійскимъ Флотомъ и что въ составѣ поѣзда были вагоны со снарядами, насъ протолкнули наконецъ въ Червленную. По серьезному настроенію, господствовавшему на станціи среди военныхъ, было ясно видно, что мы попали въ самую гущу боевой обстановки; свѣдѣнія все же были скорѣе успокоительныя, ибо говорили, что съ подходомъ резервовъ (терскихъ казаковъ) красныхъ отогнали и они отходятъ назадъ.

Но тутъ явилось другое препятствіе: машинистъ заявилъ, что онъ дальше не повезетъ поѣзда и уходитъ черезъ Гудермесъ въ депо, въ Грозный. Сложились и дали машинисту огромную взятку, послѣ чего онъ согласился идти немедленно до Петровска. Уже передъ выходомъ комендантъ станціи сообщилъ мнѣ по секрету, что за Гудермесомъ и до Хасавъ-Юрта, по его свѣдѣніямъ, испорчено бандами большевиковъ-горцевъ полотно желѣзной дороги. Несмотря на это и на наступившую уже темноту и валившій хлопьями снѣгъ, мы двинулись дальше и, слава Богу, въ 7 часовъ утра пришли благополучно въ Петровскъ. Путешествія этого я никогда не забуду, въ особенности потому, что, не желая поднимать паники среди сорока съ лишнимъ пассажировъ нашего вагона, я никому не сообщалъ обо всѣхъ угрожавшихъ намъ опасностяхъ и переживалъ все это одинъ.

Въ Петровскѣ мы встрѣтились съ выѣхавшимъ недѣли за двѣ до насъ въ Петровскъ неутомимымъ А. К. Леонтовичемъ, который, не успѣвъ пріѣхать туда, уже и тамъ взялся вновь за общественную работу и былъ единогласно избранъ директоромъ-распорядителемъ Городского Кооператива.

XXV

Въ Петровскѣ, гдѣ я пробылъ всего лишь нѣсколько дней, настроеніе было весьма подавленное въ связи съ выясняющимся разваломъ Добровольческой арміи. До открытія навигаціи на 12-ти футовомъ Астраханскомъ рейдѣ, то-есть до конца марта по старому стилю, Петровску не угрожала непосредственная опасность отъ сосредоточеннаго въ Астрахани и въ устьѣ Волги «краснаго» флота. Но, съ открытіемъ навигаціи, «красный» флотъ, по имѣвшимся у командованія свѣдѣніямъ, отремонтированный заново и значительно усиленный переводомъ изъ Балтійскаго флота по Волгѣ, въ концѣ прошлой навигаціи, большого количества мореходныхъ миноносцевъ, вооруженныхъ сильной и дальнобойной артиллеріей, представлялъ для Петровска настолько реальную угрозу, что вопросъ объ эвакуаціи Петровска долженъ былъ быть разрѣшенъ до срока выхода въ море «краснаго» флота. И хотя у Добровольческой арміи имѣлось значительное количество кораблей, вооруженныхъ артиллеріей даже болѣе сильной, чѣмъ у большевиковъ, но всѣ рѣшительно суда Добровольческаго флота нуждались въ капитальномъ ремонтѣ. Однако, ремонтъ этотъ могъ быть произведенъ только въ Баку, гдѣ имѣлись и доки и всѣ необходимыя средства и части, но Азербайджанъ категорически отказывалъ Добровольческому Командованію въ соотвѣтствующемъ разрѣшеніи. Безъ производства же необходимаго ремонта многіе изъ наиболѣе сильныхъ, въ боевомъ отношеніи, судовъ не могли даже передвигаться самостоятельно.

Между Командующимъ флотомъ, адм. Сергѣевымъ, и командующимъ Петровскимъ укрѣпленнымъ райономъ, ген. Рудневымъ, шла борьба за власть и отношенія были натянуты до крайности.

Существовало и взаимное недовольство между арміей и флотомъ, какой то антагонизмъ интересовъ. Не было представителя высшей военной власти, который пользовался бы достаточнымъ авторитетомъ и былъ бы снабженъ такой степенью власти, что заставилъ бы подчиниться себѣ и того и другого — и Сергѣева и Руднева. Прямой начальникъ Руднева, генералъ Драценко, этимъ авторитетомъ не являлся, генералъ же Эрдели, Главнокомандующій всѣмъ Кавказскимъ фронтомъ, подчинявшій себѣ и флотъ, былъ далеко въ Пятигорскѣ, откуда руководить чѣмъ бы то ни было, да еще имѣя въ виду то, что происходило у него подъ бокомъ, было невозможно.

Даже намъ, штатскимъ людямъ, было ясно, что надобно было заблаговременно думать о ликвидаціи дальнѣйшей борьбы на западномъ побережьи Каспія и озаботиться спасеніемъ того, что можно было еще спасти какъ изъ живой силы, такъ и изъ имущества арміи и флота. Кромѣ того, представлялось яснымъ, что надобно заблаговременно подумать о спасеніи всѣхъ тѣхъ, которые, попадись они въ руки большевикамъ, были бы безжалостно уничтожены, выведены въ расходъ; надобно было подумать о семьяхъ бойцовъ и о тѣхъ, изъ числа гражданскаго населенія, которымъ въ рукахъ большевиковъ равнымъ образомъ угрожала бы смерть.

Возможны были только два исхода: или проникнуть на территорію Азербайджана или на территорію Персіи, гдѣ и въ томъ и въ другомъ случаѣ, угрожало бы разореніе и интернированіе. Не было никакихъ надеждъ на то, чтобы можно было защищать Петровскъ, не владѣя моремъ, съ одной стороны, ни достаточной территоріей, которая могла бы обезпечить продовольствіе арміи. флота и гражданскаго населенія, съ другой стороны.

Оставалось одно — уходить и уходить какъ можно скорѣе, пока не поздно.

По мысли А. К. Леонтовича, необходимо было создать денежный фондъ въ иностранной валютѣ, чтобы этимъ фондомъ хотя бы на первое время обезпечить (на мѣсяцъ, два, три, въ зависимости отъ размѣра фонда) остатки арміи и флота. И такъ какъ изъ двухъ рынковъ (Бакинскаго и Персидскаго) только Персидскій рынокъ, крайне нуждавшійся въ цѣломъ рядѣ товаровъ, могъ дать эту иностранную валюту, то необходимо было дѣятельно взяться за вывозъ всего, что только можно было вывезти изъ Петровска въ Персію, и за ликвидацію на валюту всего вывезеннаго.

Представлялись нѣкоторыя опасенія за судьбу вывозимыхъ въ Персію товаровъ. ибо извѣстно, что Персидское правительство заявляло, что имѣетъ какія то претензіи къ Россіи за убытки, причиненные Персіи военными дѣйствіями экспедиціоннаго корпуса ген. Баратова во время Великой войны. Въ связи съ этимъ допускалась возможность, что Персидское правительство захочетъ наложить руку на привозимые въ Персію товары и имущество, какъ принадлежащіе одной изъ борющихся въ Россіи силъ; то-есть въ конечномъ счетѣ Россіи.

Поэтому необходимо было создать фикцію принадлежности всего этого имущества частнымъ лицамъ.

Генералу Эрдели была послана телеграмма и вслѣдъ затѣмъ подробная докладная записка, гдѣ исчерпывающе излагалось все создавшееся положеніе. И телеграмма и докладная записка посланы были отъ имени группы общественныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ и отъ имени А. Леонтовича и меня.

Я съ женой уѣхалъ въ Персію въ г. Энзели (на берегу Каспійскаго моря). Изъ Энзели я держалъ связь съ Петровскомъ и, пользуясь каждымъ отходящимъ пароходомъ, информировалъ оставшагося въ Петровскѣ А. Леонтовича о цѣнахъ на разные товары въ Персіи и о возможностяхъ реализаціи задуманнаго плана созданія валютнаго фонда для нуждъ отходящихъ арміи и флота.

Въ концѣ февраля (ст. ст.) я выѣхалъ по вызову А. Леонтовича въ Петровскъ и здѣсь, пробывъ около двухъ недѣль, я узналъ о томъ, что, хотя и съ большимъ опозданіемъ во времени, рѣшено экстренно вывезти изъ Петровска все, что только возможно; что все вывозимое будетъ высылаться отъ имени и на имя А. Леонтовича; что реализація всего вывозимаго будетъ произведена Учетно-Ссуднымъ Банкомъ въ Персіи (на самомъ дѣлѣ отдѣленіемъ Государственнаго Банка), учрежденія коего еще сохранились, на основаніи заявленій о томъ А. Леонтовича, выдавшаго ген. Драценко и адм. Сергѣеву нотаріальную подписку о томъ, что всѣ вырученныя суммы изъ Банка поступаютъ въ ихъ распоряженіе и А. Леонтовичъ отъ нихъ въ ихъ пользу отказывается. Для совершенія необходимыхъ отъ имени А. Леонтовича въ Энзели формальностей я, по его просьбѣ, получилъ отъ него довѣренность.

Я полагаю, что, если бы эта операція начата была своевременно и осуществлялась бы безъ задержки, то очень и очень многое могло бы быть сдѣлано, и положеніе эвакуировавшихся въ концѣ концовъ въ Энзели частей Каспій-

скаго Добровольческаго флота и арміи было бы значительно лучше, чѣмъ въ какомъ онѣ очутились въ концѣ концовъ.

Въ Петровскѣ начиналась агонія арміи, хотя большевиковъ еще и близко не было.

Ген. Драценко былъ изданъ приказъ о демобилизаціи арміи, причемъ приглашались оставаться въ арміи только тѣ, кто этого пожелаютъ добровольно. Такой же приказъ по флоту изданъ былъ и адм. Сергѣевымъ.

Изъ арміи ушла значительная часть солдатъ, изъ флота-же сравнительно незначительная часть матросовъ. Не могу не отмѣтить, что во время ухода и солдатъ и матросовъ не мало было случаевъ самаго трогательнаго прощанія уходившихъ со своими офицерами; доходило до слезъ.

Существовавшіе и раньше пелады и недоразумѣнія между моряками и армейскими еще болѣе усилились, какъ только сталъ осуществляться вывозъ имущества въ Энзели. И та, и другая группа боялись быть обманутыми другой стороной. Всѣ эти тренія естественно не шли на пользу дѣлу, а только его тормазили.

Все агонизировало, спайка была нарушена, вѣры въ дѣло и въ вождей не осталось.

Во время пребыванія моего въ Петровскѣ прибыло туда нѣсколько пароходовъ съ остатками Уральской арміи, доблестно дравшейся болѣе двухъ лѣтъ съ большевиками у себя на родинѣ и ушедшей оттуда подъ давленіемъ численнаго превосходства «красныхъ». Большинство доставленныхъ уральцевъ было въ ужасномъ состояніи: обмороженные поголовно, многіе уже полутрупы, съ омертвѣвшими или же отвалившимися конечностями. Картина, которую мнѣ пришлось видѣть при выгрузкѣ этихъ несчастныхъ, не поддается никакому описанію.

То обстоятельство, что фронтъ Уральцевъ, не будучи достаточно поддержанъ ген. Деникинымъ и союзниками, рухнетъ, было ясно еще лѣтомъ 1919 года, когда единственною связью между Добровольческой арміей и Уральской арміей были крайне недостаточныя сообщенія черезъ Каспійское море. Позднею же осенью и, въ особенности, зимою связь эта должна была совершенно оборваться, и тогда весь уральскій фронтъ оставался предоставленнымъ собственной судьбѣ. Многіе изъ начальниковъ отдѣльныхъ частей и старыхъ казаковъ, предвидя необходимость уходить съ фронта и вовсе изъ области, такъ какъ казачество не мирилось съ мыслью о возможности признанія власти Совѣтовъ, совѣтовали Ген. Толстову заблаговременно подготовить этапы по линіи отхода, снабдивъ ихъ продовольствіемъ и топливомъ, такъ какъ единственный путь отступленія лежалъ въ сторону Форта-Александровска, къ Каспійскому морю, проходя на протяженіи болѣе 1000 верстъ по безлюдной песчаной пустынѣ.

Толстовъ на всѣ эти представленія и совѣты заявлялъ, что онъ обо всемъ уже подумалъ и все имъ, Толстовымъ, подготовлено. Когда же пришлось на самомъ дѣлѣ уходить, оказалось, что Толстовымъ не сдѣлано было рѣшительно ничего, и несчастные Уральцы, гонимые злою судьбой, должны были двинуться въ снѣжную стужу при 20^0 морозахъ, безъ топлива и достаточнаго продовольствія; больше половины Уральцевъ дорогою погибло, а большинство дошедшихъ до моря осталось калѣками на всю жизнь.

Все, однимъ словомъ, что въ этотъ мой послѣдній пріѣздъ въ Петровскъ мнѣ пришлось увидѣть, ясно свидѣтельствовало о полномъ крушеніи борьбы «бѣлыхъ» съ «красными».

Я уѣхалъ въ половинѣ марта, а уже въ послѣднихъ числахъ марта изъ Петровска ушли флотъ и остатки войскъ. Часть ихъ пришла въ Энзели, другая, почему то, ушла въ Баку.

Въ послѣднихъ числахъ марта 1920 года большевики заняли Петровскъ, въ апрѣлѣ они заняли безъ единаго выстрѣла Баку.

По свѣдѣніямъ, доходившимъ въ Персію, большевики расправились крайне жестоко въ Азербайджанѣ не только съ партизанами бѣлаго, деникинскаго, движенія, коихъ они тамъ застали, но и съ національнымъ азербайджанскимъ движеніемъ, поставивъ себѣ цѣлью его коренное уничтоженіе.

Во время подавленія возстанія въ г. Елизаветполѣ въ маѣ 1920 года погибло въ общемъ до 40.000 мусульманъ, съ которыми звѣрски расправлялись большевики.

XXVI

Закончивъ изложеніе моихъ «Воспоминаній», мнѣ все же хочется остановиться еще и на тѣхъ выводахъ, къ которымъ пришелъ я, какъ одинъ изъ пережившихъ описанныя событія.

Революція 1917 года, разрушивъ прежній аппаратъ государственной русской власти и не создавъ власти другой, достаточно авторитетной и сильной, въ сущности создала лишь условія полнѣйшей свободы не столько для разумнаго государственнаго строительства, сколько для полнаго произвола и не только въ области проповѣди какихъ бы то ни было идей, но и въ области всякихъ начинаній и дерзаній.

Были ли въ Закавказьѣ для населявшихъ его народностей достаточныя основанія для проявленія національныхъ стремленій и той или иной формы «самостійности»?

Полагаю, что — нѣтъ.

Дѣло въ томъ, что Закавказье съ его тремя главными господствующими народностями — грузинами, армянами и татарами не представляетъ собою территоріи, гдѣ бы каждая изъ этихъ народностей представляла собою компактную массу населенія одной національности, обладающей опредѣленной территоріей.

Такъ, татары составляютъ значительную часть населенія провинцій, считающихся населенными армянами; въ свою очередь, армяне составляютъ значительный процентъ населенія провинцій, почитающихся татарскими; провинціи Грузіи населены въ нѣкоторыхъ частяхъ, притомъ въ значительной степени, и мусульманами (татарами, турками, аджарцами) и армянами, а также осетинами. На ряду съ этимъ, во всѣхъ этихъ провинціяхъ имѣются и значительныя массы русскаго сельскаго населенія.

Чрезвычайная національная черезполосность еще во времена намѣстничества графа И. И. Воронцова-Дашкова вызвала огромныя затрудненія при разрѣшеніи вопроса о введеніи въ Закавказьѣ земскихъ учрежденій, представляя рядъ препятствій къ созданію такихъ административныхъ единицъ, которыя обезпечили бы наилучшимъ образомъ невозможность поглощенія одною національностью другой въ будущихъ земскихъ учрежденіяхъ. Та же національная черезполосность поставила и передъ новыми Закавказскими государственными образованіями тяжелый вопросъ о новомъ подданствѣ — вопросъ особенно тяжелый въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отнынѣ, съ образованіемъ новаго государства, для значительнаго числа населенія, принадлежащаго къ національности не господствующей,

возникалъ вопросъ о будущемъ подчиненіи ихъ представителямъ національности господствующей. Всѣ эти вопросы, не возникавшіе раньше при существованіи одной общей россійской государственной власти, одинаковой для всѣхъ, не замедлили сказаться со всею своею остротою, едва возникъ въ Закавказьѣ вопросъ о созданіи новыхъ національныхъ государствъ, заявившихъ о своей полной самостоятельности и о своемъ совершенномъ отдѣленіи отъ Россіи.

Тѣмъ не менѣе, это «самостійное» движеніе должно было все же возникнуть уже по тому одному, что оно диктовалось изъ самаго центра, изъ тѣхъ политическихъ органовъ Россіи, которые играли въ нашей революціи руководящую роль.

Петроградскій Совдепъ, провозгласившій принципъ «самоопредѣленія народностей», навязанный имъ и слабому Временному Правительству, сыгралъ въ этомъ отношеніи огромную и роковую роль. Представители политическаго авантюризма разныхъ народностей Закавказья, учитывая слабость центральной власти, почувствовали почву подъ ногами, ибо созданіе новыхъ государствъ представляло для нихъ широкія перспективы удовлетворенія личнаго тщеславія и честолюбія, не говоря уже о другихъ возможностяхъ наилучшаго устроенія личнаго благополучія.

Была еще и другая причина къ государственному обособленію отъ Россіи, къ уничтоженію былой связи. Причина эта заключалась въ эгоистическомъ стремленіи, разорвавъ съ Россіей былую государственную связь, застраховать себя отъ естественныхъ послѣдствій того процесса политическаго распада, который уже ярко намѣчался въ Россіи, застраховать себя отъ большевизма и грядущаго съ нимъ неминуемаго экономическаго развала.

Будущее, недалекое будущее показало, насколько эфемерны были политическія предвидѣнія руководителей этихъ новоявленныхъ государственныхъ образованій. Когда пришелъ необходимый, съ точки зрѣнія Совѣтскаго правительства, моментъ, всѣ эти новыя государства были сметены грубою рукой новыхъ вандаловъ и эфемерныя государства Закавказья, разсчитывавшія на поддержку ихъ Европой, перестали существовать, не проявивъ не только героизма въ защитѣ своей самостоятельности, но даже не сдѣлавъ какихъ либо серьезныхъ къ тому попытокъ.

Тѣмъ не менѣе въ обстоятельствахъ провозглашенія своей самостоятельности каждою изъ главныхъ Закавказскихъ народностей и въ тѣхъ побужденіяхъ, которыя ими руководили, были несомнѣнныя и глубокія различія.

Армяне въ теченіе всего процесса русской революціи не скрывали своей приверженности къ Россіи, видя въ ней естественную и единственную защитницу отъ полнаго ихъ физическаго истребленія. И въ этомъ ихъ инстинктѣ самосохраненія лежитъ и объясненіе непротивленчества армянъ русскому большевизму и порою даже фактическаго ихъ сотрудничества съ большевиками. Армяне откровенно и многократно заявляли: «Только съ Россіей, хотя бы и большевистской. чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было противъ Россіи» и «лучше большевики, они все же русскіе, чѣмъ турки».

Маленькая, безплодная Арменія, съ немногочисленнымъ, менѣе 2-хъ милліоновъ, населеніемъ, со всѣхъ сторонъ стиснутая магометанскимъ міромъ, бывъ оторвана отъ Россіи провозглашеніемъ Азербайджаномъ своей самостоятельности, вынуждена была заявить и о своей самостоятельности въ разсчетѣ на могущественную поддержку Антанты и Америки, надѣясь, что эти послѣднія не дадутъ ей окончательно погибнуть. Но, какъ только палъ Азербайджанъ, ставъ

въ апрѣлѣ 1920 года легкой добычей Совѣтской Россіи, въ Арменіи тотчасъ происходитъ большевистскій переворотъ.

Гораздо сложнѣе вопросъ о причинахъ, побудившихъ Грузію къ объявленію своей самостоятельности. Идеи сепаратизма процвѣтали среди части грузинской интеллигенціи и руководящихъ политическихъ круговъ Грузіи еще до войны 1914 года. И сколько бы ни отнѣкивались грузины отъ того, что часть ихъ руководителей вели тайные переговоры съ Турціей по поводу союза между Турціей и Грузіей противъ Россіи во время войны, но это — несомнѣнный фактъ, установленный документально въ самой же грузинской прессѣ. Въ средѣ грузинской интеллигенціи еще за много лѣтъ до войны 1914 года, во время празднованія столѣтняго юбилея присоединенія Грузіи къ Россіи, раздавались уже голоса, что Россія вѣроломно попрала права грузинскаго народа, установленныя актомъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи.

Поставленная весною 1918 года передъ угрозой продвиженія на ея территорію турецкихъ полчищъ, Грузія объявила свою самостоятельность и независимость отъ Россіи и оперлась на Германію, опасаясь, что оставшись нераздѣльной частью Россіи, она попадетъ подъ послѣдствія невыгоднаго для нея истолкованія Брестскаго договора.

Но наиболѣе серьезною изъ причинъ, обусловившихъ отдѣленіе ея отъ Россіи и провозглашеніе Грузіей своей самостоятельности, была идеологія самой сильной въ Грузіи политической партіи — соц.-дем. меньшевиковъ; послѣдніе считали, что объявленіемъ Грузіей своей независимости и установленіемъ въ ней политической власти соц.-дем. меньшевиковъ, Грузіи удастся избѣгнуть общей съ Россіей участи. Планъ ихъ казался имъ осуществленнымъ, когда самостоятельность Грузіи была признана и Совѣтской властью, силу и значеніе обязательствъ коей они, однако, переоцѣнили, въ чемъ имъ и пришлось убѣдиться уже въ февралѣ 1921 года, когда большевики открытою силою заняли Грузію и ввели въ ней свою власть.

Но, если и у Арменіи и у Грузіи могли существовать тѣ или другія, болѣе или менѣе основательныя, побудительныя причины къ отложенію отъ Россіи и къ объявленію своей независимости и самостоятельности, то никакихъ, рѣшительно, достойныхъ уваженія причинъ поступить по примѣру Грузіи и Арменіи не было, да и не могло быть, у азербайджанскихъ татаръ.

Необходимо помнить, что въ составъ территоріи Азербайджана вошли двѣ губерніи: Елизаветпольская и Бакинская съ населеніемъ крайне смѣшаннымъ, большинство котораго, правда, составляли татары.

Наиболѣе культурнымъ представлялось сельское хозяйство, бывшее въ рукахъ русскихъ и армянъ. Въ рукахъ армянъ было виноградарство и садоводство; въ рукахъ русскихъ поселенцевъ — хлопководство и высокія сельско-хозяйственныя культуры.

Имѣвшій міровое экономическое и промышленное значеніе, гор. Баку, съ его нефтянымъ промысловымъ раіономъ (90% коего принадлежали русскимъ фирмамъ), созданъ исключительно русскими руками и на русскія деньги и абсолютное большинство его населенія — христіанское и главная масса — русская, не говоря уже объ интеллигенціи.

О значеніи Баку и его нефтяныхъ промысловъ въ общемъ государственномъ хозяйствѣ Россіи говорить, врядъ ли, много нужно, ибо всѣмъ хорошо извѣстно, что и значительная часть русской промышленности и русскаго транспорта были главными потребителями бакинской нефти и ея продуктовъ.

Татарское населеніе, какъ гор. Баку, такъ и упомянутыхъ двухъ губерній, составившихъ государственную территорію «Азербайджанской Республики» не имѣло положительно никакихъ основаній быть болѣе недовольнымъ прежней политикой русской государственной власти, чѣмъ, скажемъ, коренное населеніе другихъ окраинъ Россіи. Лично проживъ въ татарами около 25 лѣтъ, могу сказать, что мнѣ не приходилось ни наблюдать, ни слышать въ массахъ татарскаго населенія какихъ либо выраженій ихъ недовольства именно русскою властью и политикою русскаго правительства, которое, въ особенности въ послѣдніе годы, сдѣлало много для окончательнаго раскрѣпощенія татарскихъ массъ отъ остававшихся еще пережитковъ феодализма.

Заявленіе о томъ, что татары Закавказья были не довольны (считали себя обиженными) тѣмъ, что были освобождены отъ личнаго выполненія воинской повинности — явная ложь, и могу, наоборотъ, засвидѣтельствовать, что введеніе этой повинности Азербайджанскимъ правительствомъ было встрѣчено населеніемъ съ крайнимъ недовольствомъ.

Не было у азербайджанскихъ татаръ и основаній, какъ у Грузіи и Арменіи, ревновать къ своему историческому прошлому, ибо никогда не существовало въ исторіи государства, объединявшаго татарское населеніе, той территоріи, которая была объединена въ 1918 году въ самостоятельную и независимую Азербайджанскую Республику; территорія эта и народъ ее населявшій, до включенія ихъ въ составъ Россійской Имперіи, представляли цѣлый рядъ отдѣльныхъ вассальныхъ провинцій Персіи, отъ которой перешли къ Россіи въ результатѣ ряда неудачныхъ для Персіи войнъ, на основаніи законныхъ актовъ — международныхъ трактатовъ.

Необходимо отмѣтить и еще одну, весьма важную, подробность въ прошломъ азербайджанскихъ татаръ: у нихъ въ прошломъ никогда не замѣчалось какихъ либо симпатій или тяготѣнія къ туркамъ и къ Турціи. Въ то время, какъ среди части горцевъ Дагестана тяготѣніе къ Турціи претворилось въ 1877—78 г. г., во время Русско-Турецкой войны, въ возстаніе на побережьи Каспійскаго моря, азербайджанскіе татары, во время безконечныхъ въ XIX столѣтіи войнъ Россіи съ Турціей. оставались всегда лойяльными по отношенію къ Россіи. Объясненіе этому факту нужно искать въ религіозной нетерпимости шіитовъ-татаръ къ суннитамъ-туркамъ, нетерпимости весьма сильной, въ особенности, если имѣть въ виду низкій уровень культуры азербайджанскихъ татаръ.

Но уже за время Великой Войны мнѣ лично пришлось наблюдать среди близкихъ мнѣ знакомыхъ татаръ обостреніе у нихъ чувства интереса къ Турціи и къ Германіи и явныя симпатіи ихъ къ послѣднимъ. Среди части азербайджанскихъ татаръ было весьма распространено убѣжденіе въ конечной побѣдѣ центральныхъ державъ, то-есть въ побѣдѣ Германіи и Турціи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Германія много поработала не только въ дѣлѣ самаго созданія этихъ симпатій, но и вообще въ планы ея входило наиболѣе широкое насажденіе и распространеніе идей пантюркизма и пантуранизма.

И Англія и Россія, наиболѣе опасные для Германіи, да и для Турціи, противники, насчитывали въ числѣ своихъ подданныхъ многіе милліоны магометанъ, а потому созданіе въ колоніяхъ Англіи и въ предѣлахъ Россіи серьезнаго всемусульманскаго движенія явно входило въ задачи Германіи, которой усиленіе Турціи не угрожало рѣшительно ничѣмъ.

Сепаратизмъ Азербайджана былъ насажденъ опытною рукою турокъ, разжегшихъ честолюбивые замыслы представителей мѣстнаго

политическаго авантюризма, для которыхъ внутреннее крушеніе Россіи и ея временное, надѣемся, ослабленіе представляли столь благопріятныя обстоятельства.

Развѣ могли среднихъ способностей юристы, ничѣмъ не выдававшіеся раньше въ своей профессіи врачи, захудалые учителя и т. д., мечтать играть сколько нибудь выдающуюся роль какъ въ Русской революціи, такъ и въ будущей демократической Россіи? И иныя совершенно возможности открывались передъ этими политическими авантюристами въ условіяхъ самостоятельнаго существованія, то-есть при условіи отдѣленія отъ Россіи.

Правители Азербайджана продѣланнымъ ими опытомъ государственнаго управленія не убѣдили и Западную Европу въ правотѣ своего дѣла и не смогли никому вселить мысли о серьезности своихъ начинаній. Азербайджанъ и по сей день никѣмъ не признанъ за государство, въ то время какъ Арменія и Грузія, нынѣ самостоятельно уже не существующія, признаны Европой.

Но, къ счастью и для самаго Азербайджана, и для будущей Россіи, сепаратизмъ Азербайджана — весьма не глубокъ.

А кратковременное пребываніе въ Баку и въ Азербайджанѣ турокъ оставило въ населеніи самую печальную о нихъ память.

Вотъ почему я полагаю, что возсоединеніе Россіи и Закавказья, съ прекращеніемъ смуты внутри самой Россіи, есть дѣло недалекаго затѣмъ будущаго.

Приблизительно до начала XX столѣтія Закавказье содержалось за счетъ центра, то-есть, иначе говоря, за счетъ русскаго крестьянина. Лишь съ начала 1900-хъ годовъ Закавказье, въ особенности благодаря бакинской нефтепромышленности, стало себя окупать, не считая, конечно, тѣхъ колоссальныхъ тратъ, которыя сдѣланы были Россіей на пути сообщенія, всевозможныя сооруженія, ирригацію, созданіе ряда новыхъ культуръ и т. д.

И всего того, что создано было Россіей и ея денежными средствами въ Закавказьѣ, было такъ много, что за пять лѣтъ революціи Закавказье смогло самостоятельно просуществовать: Азербайджанъ — за счетъ той нефти, которую онъ собиралъ, пользуясь до того созданною промышленностью, а Грузія — за счетъ того огромнаго военнаго имущества и всякихъ запасовъ (сахара, провіанта, обмундированія, машинъ, автомобилей и т. д.), которые были собраны въ Тифлисѣ и др. мѣстахъ, составлявшихъ базы всего Кавказскаго фронта, какъ равно и за счетъ огромнаго государственнаго имущества, принадлежавшаго Россіи. Но остатки русскаго достоянія приходятъ, если уже не пришли, въ Закавказьѣ къ концу. Разсчетъ на иностранцевъ оказался весьма ненадеженъ, ибо послѣдніе готовы придти и вложить свои капиталы въ промышленность или торговлю, но для того лишь, чтобы на этомъ нажить. Предположить, чтобы какая бы то ни было иностранная держава взялась расходовать свои народныя средства на созданіе изъ Закавказья колоніи — болѣе чѣмъ наивно, въ особенности, имѣя въ виду, что возродившаяся Россія такого хозяйничанья у себя подъ бокомъ не потерпитъ.

Въ силу всего этого, возстановленіе промышленности и экономической, а также государственной жизни въ Закавказьѣ несомнѣнно явится въ будущемъ дѣломъ Россіи.

Экономическое тяготѣніе Закавказья къ Россіи неминуемо и естественно, а оздоровленная государственность Россіи найдетъ безболѣзненные и вполнѣ пріемлемые для этой своей окраины пути для возсоединенія ея съ центромъ.

Январь—Мартъ, 1922 г.

Изъ прошлаго провинціальнаго интеллигента

Н. Плешко

Въ томъ, что я пишу, нѣтъ ничего выдуманнаго. Все это было въ дѣйствительности. Это сама жизнь. «Я беру кусокъ жизни и не лѣплю изъ нея ничего, а преподношу этотъ кусокъ въ сыромъ видѣ». Мнѣ долго не приходило въ голову написать то, что я называю «изъ прошлаго провинціальнаго интеллигента». Мнѣ казалось, что почти всѣ наши современники имѣютъ такъ много въ прошломъ, такъ много перенесли и испытали, что мои воспоминанія будутъ блѣдными, неинтересными и ненужными. Прошло много времени, пока я взялся за перо. Сдѣлать это меня убѣдили мои знакомые, которыхъ я занималъ въ тоскливые вечера изгнанія своими «разсказами изъ прошлаго». Многое изъ прошлаго я забылъ, разсказъ мой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ будетъ касаться не только эпохи большевизма, онъ не всегда будетъ сохранять хронологическую послѣдовательность и иногда будетъ носить характеръ отрывка, не имѣющаго связи съ прошлымъ, но это меня не смущаетъ, ибо повторяю, я намѣренъ преподнести свои воспоминанія въ формѣ сырого, необработаннаго «куска жизни». Я ничего не прикрасилъ и записалъ лишь все то, что пережилъ, все то, что остановило мое вниманіе, что оставило слѣдъ въ моемъ умѣ и сердцѣ и что я не забылъ.

«Николай Оберемокъ»

Разсказъ о Николаѣ Оберемкѣ относится къ 1914 году. Я былъ назначенъ Товарищемъ Прокурора С-го Окружнаго Суда, но еще не сдалъ своихъ дѣлъ по должности Судебнаго Слѣдователя. 27 апрѣля я получилъ отъ Полиціи увѣдомленіе о томъ, что въ трехъ верстахъ отъ м. Златополя, гдѣ я проживалъ по обязанностямъ своей службы, на одномъ изъ хуторовъ совершено убійство — убита молодая, красивая женщина, жена запаснаго военнаго фельдшера, находящагося въ г. Львовѣ, и ея двоюродная сестра — 11-лѣтняя дѣвочка, исполнявшая роль няни при двухъ малолѣтнихъ дѣтяхъ. Отправившись въ тотъ же день къ мѣсту преступленія, я увидѣлъ слѣдующую картину: окно дома, гдѣ было совершено убійство, оказалось вырваннымъ вмѣстѣ съ рамой. Убитые лежали на полу между «палатями» и печкой и названнымъ окномъ, черезъ которое, повидимому, проникли убійцы. Одна изъ убитыхъ, — жена фельдшера, лежала лицомъ внизъ, и

была лишена жизни путемъ удушенія при посредствѣ краснаго шерстяного пояса, который носятъ обыкновенно крестьянки; другая же лежала на трупѣ первой, лицомъ вверхъ, причемъ на лицѣ покойной зіяло нѣсколько ранъ, происхожденіе которыхъ могло опредѣлить лишь судебно-медицинское вскрытіе. Изъ опроса свидѣтелей на мѣстѣ я выяснилъ, что убійство было совершено съ цѣлью грабежа подъ вліяніемъ слуховъ о томъ, что покойная въ послѣднее время сказочно разбогатѣла, получая отъ своего мужа, находящагося въ Галиціи, очень много денегъ и цѣнныхъ вещей. Дѣйствительно, обстановка дома, гдѣ проживала покойная, не была похожа на обстановку обыкновенной, хотя бы зажиточной крестьянской семьи — стѣны были украшены прекрасными картинами и дорогими коврами, на комодѣ оказалось нѣсколько изящныхъ фарфоровыхъ статуэтокъ, которыя сами какъ бы говорили, что попали сюда по недоразумѣнію, будучи занесены изъ богатыхъ австрійскихъ домовъ вихремъ алчности, разнузданности и неуваженія къ чужой собственности, порожденнымъ кровавымъ кошмаромъ насилія — именуемаго войной, поднявшагося въ «завоеванныхъ мѣстахъ» и пронесшагося затѣмъ позже въ Россіи свирѣпымъ ураганомъ подъ лозунгомъ «грабь награбленное».

Никакихъ вещественныхъ доказательствъ, которые могли бы хоть немного приподнять таинственную завѣсу надъ только что разыгравшейся драмой, обнаружено не было. Перечитывая старыя письма, оказавшіяся въ одномъ изъ ящиковъ въ домѣ покойной, я натолкнулся на письмо, полученное покойной отъ мужа изъ Львова и датированное 7 апрѣля, которое остановило мое вниманіе и очень заинтересовало. Въ этомъ письмѣ корреспондентъ жаловался на душевную тяжесть и постоянный гнетъ и тревогу подъ вліяніемъ видѣннаго имъ сна. Ему снилось, что во дворѣ его дома стоятъ два гроба, а въ саду, гдѣ его братъ копалъ колодецъ, находился третій гробъ. Въ первомъ гробу лежала его жена, а во второмъ ея двоюродная сестра. Очертанія третьяго гроба ему долго не были ясны. Лишь только тогда, когда братъ его вырылъ колодецъ и «потекла чистая, свѣтлая вода» передъ нимъ съ ясностью выяснились очертанія третьяго гроба. Гробъ этотъ былъ чернаго цвѣта въ противоположность первымъ двумъ бѣлымъ гробамъ. Въ гробу этомъ лежалъ молодой человѣкъ, ему совершенно незнакомый.

Прочтя это письмо, я былъ пораженъ. Какъ могъ присниться такой страшный, такой вѣщій сонъ за 20 дней до убійства. Гдѣ разгадка этому? Скажу впередъ, разгадки этой я не нашелъ и впослѣдствіи. Сонъ съ поразительной точностью предсказалъ первую часть драмы, — смерть двухъ покоившихся въ бѣлыхъ гробахъ. Кто же тотъ, кому готовила судьба «вѣчное упокоеніе» въ черномъ гробу? Фантазія моя подсказывала мнѣ, что третій гробъ, черный гробъ долженъ принадлежать тому, на рукахъ кого кровь погибшихъ. Внутренній голосъ шепталъ мнѣ, что убійца будетъ найденъ, и такъ какъ дѣла объ убійствахъ, ввиду войны въ той мѣстности, гдѣ происходило описываемое, подсудны были военнымъ судамъ, то преступникъ будетъ казненъ и, такимъ образомъ, исполнится предсказаніе сна и по поводу финала этой драмы. Дѣйствительно, сонъ исполнился и во второй части, но нѣсколько иначе, чѣмъ я предполагалъ, иначе, чѣмъ диктовала мнѣ моя «логика», если, конечно, допустимо вообще говорить о логикѣ въ подобныхъ вещахъ. Однако, не буду забѣгать впередъ.

Прошло дня три. Слѣдствіе не подвинулось ни на іоту. Убійца оставался необнаруженнымъ. Всѣ попытки мои напасть на слѣдъ преступника оказывались тщетными. Онъ не оставилъ никакого слѣда. Пробовалъ я допрашивать

одного изъ свидѣтелей убійства — 3-лѣтняго сына покойной (другому ея ребенку было всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ), но изъ этого ничего не вышло. Испуганный мальчикъ, къ тому же плохо развитой, едва говорилъ и я ничего отъ него не добился.

Наконецъ, на третій день послѣ убійства у меня мелькнула надежда. Мнѣ доложили, что на полицейскомъ дознаніи, при допросѣ по моему распоряженію урядникомъ одного изъ арестантовъ, работавшихъ на казенныхъ работахъ въ имѣніи гр. Бобринскаго, вблизи котораго находились названные хутора, гдѣ было совершено убійство, арестантъ этотъ показалъ, что дня за два до убійства къ нему приходилъ его знакомый, мѣстный парень, «Николай Оберемокъ», работавшій на кирпичномъ заводѣ, и выражался такъ: «ахъ, жаль, братъ Ванька, что ты въ тюрьмѣ, а то мы надѣлали-бъ съ тобою хорошихъ дѣлъ». Оберемокъ былъ взятъ сейчасъ же подъ негласный надзоръ полиціи и вскорѣ было замѣчено, что онъ нѣсколько разъ заходилъ въ казармы, гдѣ помѣщались арестанты, и о чемъ то разговаривалъ съ «Ванькой». Будучи спрошенъ по поводу этихъ посѣщеній «Ванька» сознался, что Оберемокъ приходилъ къ нему и спрашивалъ совѣта, какъ бы ему «спастись отъ собаки-ищейки», о прибытіи которой носился въ деревнѣ слухъ, причемъ «Ванька», прося вознагражденіе въ суммѣ 25 рублей, обѣщалъ вывести Оберемка «на свѣжую воду». Получивъ обѣщаніе о вознагражденіи, «Ванька» заявилъ, что въ три часа дня у него будетъ совѣщаніе съ Оберемкомъ въ экономической банѣ. Въ назначенное время урядникъ съ двумя понятыми, пробравшись въ баню и спрятавшись подъ полками стали ожидать Оберемка и Ваньку. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого въ баню явился сначала «Ванька», а за нимъ Оберемокъ и между ними произошелъ такой разговоръ: «ну, что принесъ то, что обѣщалъ», спросилъ Оберемокъ. «Да», отвѣтилъ Ванька, «но я боюсь, что это для тебя будетъ очень дорого, стоитъ — 1 руб. 20 коп.». «Ничего, отвѣтилъ первый, я готовъ заплатить и 3 руб. лишь бы помогло противъ этой проклятой собаки, а то пропадешь». — «Ну, хорошо, разсказывай, какъ и съ кѣмъ ты убивалъ, а я буду тебя мазать. Эта мазь, ежели ею вымазаться, отбиваетъ нюхъ у собаки». Послѣ этихъ словъ Оберемокъ, совершенно успокоившись, нисколько не стѣсняясь, нарисовалъ своему «другу» полную картину убійства, назвавъ своихъ двухъ соучастниковъ.

На вопросъ же «Ваньки», гдѣ его одежда, въ которой онъ совершилъ убійство, Оберемокъ сказалъ, что таковая находится въ домѣ его матери.

Послѣ того, какъ Оберемокъ и «Ванька» покинули баню, послѣдній былъ немедленно арестованъ. При производствѣ обыска въ домѣ его матери была найдена его одежда со слѣдами крови.

Однако, Оберемокъ, не допуская мысли, что онъ можетъ быть преданъ своимъ пріятелемъ, ни за что не хотѣлъ сознаваться, ломался и, принявъ вызывающій тонъ, сталъ кричать и браниться. Смирился же онъ лишь только тогда, когда ему задали вопросъ, почему у него вся одежда и даже тѣло покрыты большими жирными пятнами. Повидимому, онъ догадался, что мазь «противъ собаки», изобрѣтенная «Ванькой» — есть средство, къ которому тотъ прибѣгъ, предавая его въ руки полиціи.

Когда Оберемокъ былъ приведенъ ко мнѣ, я задалъ ему вопросъ о виновности, но онъ отвѣтилъ, что не виновенъ и арестованъ «фараонами» (такъ назвалъ онъ полицію) «безвинно», причемъ онъ выразилъ увѣренность, что я, какъ «гуманная судейская власть», разберу его дѣло и немедленно освобожу его изъ-подъ стражи, такъ какъ для него, какъ для человѣка, собирающагося вступить

добровольцемъ въ ряды войскъ, «борющихся за миръ всего міра», самая мысль о томъ что онъ можетъ обвиняться въ убійствѣ беззащитныхъ женщинъ и притомъ съ цѣлью грабежа прямо таки оскорбительна. Оберемокъ говорилъ такимъ убѣдительнымъ, искреннимъ, спокойнымъ тономъ, такъ ясно и открыто смотрѣлъ мнѣ въ глаза, что если бы я не зналъ обстоятельствъ дѣла, то, пожалуй, повѣрилъ бы въ его невинность.

Видя, что его краснорѣчіе на меня не дѣйствуетъ, онъ вдругъ замолчалъ и опустилъ голову, затѣмъ быстро ее поднялъ и, видимо, рѣшившись, произнесъ со злобой: «А, вотъ какъ, крови моей захотѣли, нате, пейте ее. Развяжите мнѣ руки. Я буду говорить». Когда по моему приказанію ему развязали руки, онъ быстро направился къ столу, за которымъ сидѣлъ я съ приставомъ, и подойдя къ послѣднему, произнесъ: «рубите мнѣ голову, я убилъ ее». Затѣмъ Оберемокъ сознался во всемъ, подробно нарисовалъ мнѣ картину убійства, сказалъ, что убійство онъ совершилъ вмѣстѣ съ Иваномъ Пьяныхъ и Николаемъ Гулей, жителями сосѣдняго села Б... Говоря, Оберемокъ все время посмѣивался и съ такимъ цинизмомъ расписывалъ мученія, которымъ онъ подвергалъ своихъ жертвъ, что мнѣ просто стало противно и къ концу допроса я его возненавидѣлъ. Вспоминая теперь иногда громадную фигуру Оберемка, его медвѣжьи лапы, его цинизмъ и смѣхъ, я начинаю понимать откуда берутся у Дзержинскаго кадры его палачей. Очевидно, убійство — это ихъ потребность.

По его словамъ дѣло было такъ. Сговорившись на преступленіе, онъ вмѣстѣ съ Иваномъ Пьяныхъ и Николаемъ Гулей, отправился ночью въ указанное время къ дому покойной. Ночь была вѣтренная, темная, глухая. Лишь жалобно скрипѣли деревья въ саду отъ вѣтра. Подойдя къ хатѣ соучастники заколебались. Кто первый войдетъ въ хату? Тогда Оберемокъ, чтобы пресѣчь нерѣшительность своихъ товарищей, ударилъ находившейся у него въ рукахъ желѣзной палкой въ стекло окна, разбилъ его и быстро захвативъ рукояткой этой палки перекладину рамы, вырвалъ ее съ мѣста, а затѣмъ такъ же быстро вскочилъ въ хату. За нимъ послѣдовали его соучастники. Несмотря на поднятый ими шумъ, звонъ разбитаго стекла и трескъ попавшихъ подъ ноги молочныхъ кувшиновъ, стоявшихъ у окна, въ хатѣ оставалось все спокойно. Очевидно, люди находившіеся въ хатѣ потеряли отъ страха способность кричать и даже встать съ своего мѣста. Женщина спала на печкѣ, а дѣвочка на полатяхъ. Подойдя къ первой и заставя ее встать, преступники, обвязавъ ей шею ея же краснымъ поясомъ, стали водить свою жертву по хатѣ, состоявшей изъ двухъ комнатъ, требуя, чтобы она показала спрятанныя ею цѣнности и деньги. Женщина повиновалась, но, словно окаменѣвъ, молчала, тупо наблюдая за происходившимъ. Не добившись отъ нея ничего, не смотря на причиняемые побои, преступники озлобленные «ея упрямствомъ», повалили ее на полъ и Оберемокъ сталъ топтать ея пальцы своими ногами, обутыми въ подкованные желѣзомъ сапоги. Не выдержавъ этой картины, Гуля вылѣзъ изъ хаты, сказавъ товарищамъ, что онъ будетъ стеречь у окна. Въ то время, когда Оберемокъ мучилъ женщину, она тихо сказала: «Коля, тебѣ не стыдно?». Эти слова рѣшили ея участь. Преступники поняли, что женщина знаетъ ихъ, а потому тутъ же рѣшили «покончить съ ней». Пьяныхъ взялъ одинъ конецъ пояса, завязаннаго на шеѣ ихъ жертвы, а Оберемокъ другой и, потянувъ ихъ, они безъ труда задушили ее. Все это происходило при свѣтѣ, такъ какъ преступники, разыскивая деньги, зажгли лампу, на глазахъ 11-лѣтней дѣвочки, которая, взявъ на руки грудного ребенка и закутавъ его, смотрѣла на все происходившее широкими, полными ужаса

глазами. «Любопытно было видѣть, какъ эта дѣвченка смотрѣла на насъ, глаза у ней стали, какъ у совы круглые, прямо смѣхъ», — говорилъ Оберемокъ. Когда была убита женщина, Оберемокъ подошелъ къ дѣвочкѣ. Онъ приказалъ ей положить ребенка и снять платокъ, и когда она все это покорно исполнила, Оберемокъ схватилъ ее руками за шею и сталъ душить. «Да развѣ ее задушишь», говорилъ Оберемокъ, смѣясь, «шея у нея тоненькая, какъ у цыпленка. Тогда я взялъ ее за ноги и ударилъ объ полъ головой. Я думалъ, ну, теперь конецъ. Однако, между прочимъ, можете себѣ представить, Ваше Благородіе, дѣвченка то не сдохла — она шевелилась. И померла лишь только тогда, когда я сталъ топтать ея голову ногами» . . .

Все было кончено. Оставаться въ хатѣ не было нужды. Нужно было уходить. И вотъ, когда убійцы собрались вылѣзти въ окно, они замѣтили, что на печкѣ, гдѣ спала покойная, что-то «шевелится». Оказалось, что это 3-лѣтній сынъ покойной поднялъ голову и смотритъ. Очевидно, несчастный мальчикъ видѣлъ все. Оберемокъ предложилъ убить и ребенка, но Пьяныхъ, проявляя почему-то великодушіе, сказалъ: «чортъ съ нимъ». Послѣ этого убійцы, выйдя черезъ окно, скрылись въ ночной темнотѣ. Когда они подходили къ своей деревнѣ, Пьяныхъ замѣтилъ, что Оберемокъ несетъ взятыя въ хатѣ убитыхъ ножницы и топорикъ. Онъ велѣлъ ему бросить эти вещи, а также и желѣзную его палку въ озеро. Впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ веденіи предварительнаго слѣдствія, вода изъ озера была выпущена, и вещи эти были оттуда извлечены и пріобщены къ дѣлу въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ.

При судебно-медицинскомъ вскрытіи труповъ оказалось, что все лицо убитой дѣвочки изрѣшетено какимъ-то острымъ орудіемъ — были пробиты хрящи носа, выколоты глаза и т. д.

Допрошенный по этому поводу Оберемокъ объяснилъ, что онъ «для смѣха» послѣ смерти дѣвочки «долбилъ» ея лицо своей желѣзной палкой.

Допросивъ Оберемка и препроводивъ его въ тюрьму, я отправился въ деревню Б. . . съ цѣлью ареста Пьяныхъ и Гули и для производства въ ихъ домахъ обысковъ. Пьяныхъ дома не оказался, онъ отправился вмѣстѣ со своей сожительницей въ церковь. Произведенный въ его домѣ обыскъ не далъ никакого результата. Въ то время, когда я производилъ въ домѣ Пьяныхъ обыскъ, туда привели задержаннаго Гулю.

Сначала Гуля отрицалъ свое участіе въ убійствѣ и утверждалъ, что въ ночь убійства онъ былъ у своей знакомой «дѣвки». Когда же я приказалъ пригласить эту «дѣвку», Гуля страшно заволновался, сталъ просить не безпокоить ее и все обѣщалъ разсказать. Очевидно, ему было стыдно смотрѣть въ глаза своей невѣстѣ. Послѣ этого Гуля не сталъ больше запираться и чистосердечно разсказалъ все о своемъ участіи въ убійствѣ, причемъ разсказъ его вполнѣ совпалъ съ разсказомъ Оберемка. Гуля держался скромно и спокойно. Окончивъ свое показаніе, которое, повидимому, самого его очень волновало, Гуля, какъ бы въ изнеможеніи, опустился на землю и поникъ головой въ тяжеломъ раздумьи, съ полной покорностью своей судьбѣ. Послѣ допроса Гули всѣ случайные слушатели его разсказа разошлись, и возлѣ хаты Пьяныхъ остался я, полицейскій приставъ, переодѣтый стражникъ Шумило и почтенный старикъ съ лицомъ святого — мѣстный староста. Я сидѣлъ за столомъ возлѣ хаты и записывалъ показаніе Гули. Вдругъ у меня явился вопросъ, который я выпустилъ изъ виду при допросѣ, вопросъ о деньгахъ, взятыхъ у убитой. Я задалъ этотъ вопросъ Гулѣ. Онъ отвѣтилъ, что денегъ они не нашли. И когда я высказалъ предполо-

женіе, что деньги, можетъ быть, спрятаны у «дѣвки» и выразилъ намѣреніе пригласить ее для допроса, Гуля снова заволновался и, вскочивъ на ноги, бросился бѣжать по свѣже-вспаханному огороду къ улицѣ, съ очевиднымъ намѣреніемъ скрыться. Въ этотъ моментъ, что-то словно застлало мое сознаніе, я забылъ, что я слѣдователь, что не моя обязанность ловить преступниковъ. Единственное чувство, владѣвшее мною въ тотъ мигъ, это упорное желаніе не упустить преступника. Мало отдавая себѣ отчетъ въ томъ, что я дѣлаю, я бросился вмѣстѣ съ приставомъ и стражникомъ Шумило въ погоню за убѣгавшимъ. Я бѣжалъ въ серединѣ и видѣлъ, что приставъ, съ блѣднымъ лицомъ, на ходу сбрасываетъ свое пальто, мѣшавшее его бѣгу, въ то время, какъ Шумило тщетно старается вытащить изъ кармана своихъ брюкъ, запутавшійся въ шнурѣ «наганъ». Почти не сознавая, что я дѣлаю, я выхватилъ, находившійся у меня въ карманѣ «браунингъ» и произвелъ въ убѣгавшаго выстрѣлъ. Судя по поднявшейся пыли, пуля ударила въ землю впереди бѣгущаго. Я выстрѣлилъ снова и промахнулся вторично. Послѣ второго выстрѣла, Гуля вдругъ остановился, повернулся и бѣгомъ направился намъ на встрѣчу. Мы остановились въ напряженно-тревожномъ ожиданіи, не зная намѣренія преступника. Хотѣлъ ли онъ сопротивляться или рѣшилъ прорвать нашу цѣпь, чтобы затѣмъ скрыться въ садахъ, мы не знали. Пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, Гуля совершенно неожиданно бросился въ сторону и добѣжавъ въ нѣсколько шаговъ до колодца, котораго мы раньше не замѣтили, вскочилъ на его срубъ и прыгнулъ въ воду. Это было такъ неожиданно, что въ первую минуту мы остолбенѣли, но вслѣдъ за этимъ бросились искать багры и веревки. Попытки наши спасти Гулю не увѣнчались успѣхомъ, несмотря даже на выдающуюся храбрость Шумило, который, обвязавъ себя веревкой, спустился вслѣдъ за Гулей и пытался зацѣпить за его рубаху багромъ, эти попытки ни къ чему не привели, такъ какъ Гуля отрывалъ руками крючекъ багра отъ своей рубахи и снова погружался въ воду. Минутъ черезъ десять его, однако, вытащили, но вытащили уже трупъ. Сонъ исполнился и во второй части. Третій гробъ, черный гробъ былъ гробъ преступника.

Въ тотъ моментъ, когда вытащили трупъ Гули, къ колодцу, пробираясь черезъ густую толпу собравшихся въ одну минуту сельчанъ, подбѣжалъ со страшнымъ крикомъ его отецъ. Увидя мертваго сына, онъ сначала бросился къ его трупу, а затѣмъ ко мнѣ и приставу. «Развѣ такъ можно, господа начальство, кричалъ онъ, запугали ни въ чемъ неповинное дитя, вотъ онъ и утопился отъ страха. Кто теперь мнѣ за него заплатитъ». Появленіе старика, его безумный видъ, его отчаяніе, его неистовые крики ударили по первамъ толпы. Она была на сторонѣ Гули-отца. Я слышалъ въ толпѣ негодующіе возгласы, я видѣлъ суровыя лица, со злобой смотрѣвшія на насъ. Кольцо народа, въ которомъ мы очутились, все болѣе и болѣе сжималось. Наше положеніе съ каждой секундой становилось страшнѣй и опаснѣй. Приставъ, обыкновенно очень хвастливый, властный крикунъ и «мордобой», стоялъ весь блѣдный, опустивъ глаза. Тогда я какъ-то неожиданно очутился спасителемъ положенія. Нервы мои были приподняты до нельзя, я былъ золъ на убійцъ, меня возмущала толпа — какъ можетъ она такъ быстро забыть злодѣяніе, неужели она идейно съ убійцами, въ ней даже нѣтъ чувства самосохраненія и полное равнодушіе къ погибшимъ. Разнообразіе всѣхъ этихъ мыслей и чувствъ заставило меня дѣйствовать, сознаюсь, почти безсознательно. Я закричалъ во всю силу своихъ легкихъ: «Молчать. Староста, иди сюда. Скажи имъ, сказалъ я какъ можно громче,

ты вѣдь былъ свидѣтелемъ того, какъ сознавался Гуля». Староста вышелъ медленно изъ толпы и спокойно поглаживая свою сѣдую бороду, обратился къ старику Гулѣ: «Нѣтъ, Корнѣичъ, ты это напрасно. Грѣха нечего тантъ, сынка твоего никто не пугалъ. Онъ самъ все разсказалъ чистосердечно». И староста не торопясь сталъ передавать содержаніе показанія Гули, рисуя своимъ корявымъ языкомъ картину убійства и страданія погибшихъ. Его спокойный тонъ, которымъ велся разсказъ, его рѣчь, столь понятная толпѣ, слушавшей съ напряженнымъ вниманіемъ, сразу повернула ея настроеніе. Какъ только онъ смолкъ, толпа загудѣла, послышались возгласы: «ну, и люди пошли, звѣри. Женщинъ убиваетъ, а ты имъ и слова не скажи. Собакѣ собачья смерть. Да, что вы молчите, кидайте и батьку въ колодецъ. Яблоко отъ яблони не далеко падаетъ».

Я побѣдилъ. Путь былъ свободенъ. Теперь толпа почтительно разступалась передъ нами. Я прошелъ на улицу къ своему экипажу. Тамъ меня ждала радость: привезли третьяго и послѣдняго виновника преступленія — Пьяныхъ.

Слѣдствіе было поставлено на рельсы. Главное было сдѣлано. Оставались лишь детали.

Заканчивая свой разсказъ, я скажу нѣсколько словъ о Пьяныхъ. Пьяныхъ единственный изъ трехъ преступниковъ, уже судился ранѣе и былъ лишенъ за разбой правъ состоянія. Отбывъ наказаніе за разбой и судившись ранѣе нѣсколько разъ за кражи, онъ, сойдясь съ теперешней своей сожительницей, жилъ въ теченіи 5 лѣтъ, какъ честный человѣкъ, былъ очень трудолюбивъ и пользовался среди своихъ односельчанъ хорошей репутаціей.

Любопытно, что этотъ человѣкъ, совершившій столь жестокое убійство, при разставаніи со своей сожительницей, когда его отправляли въ тюрьму, проявилъ такія трогательныя чувства привязанности и глубокой любви, которыя предполагать въ немъ было никакъ нельзя. Онъ плакалъ навзрыдъ, какъ ребенокъ, цѣловалъ любимую женщину, и его съ трудомъ оторвали отъ нея. Все время онъ просилъ у нея прощенія за то, что заставляетъ ее страдать, и благодаря своему преступленію оставляетъ ее одну.

Странная судьба и этой женщины: отецъ ея и два первыхъ мужа были судимы и сосланы въ каторжныя работы за убійство.

Послѣ Февральской Революціи.

Начало семнадцатаго года. Я въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ. Атмосфера тамъ, какъ и во всей Россіи, напряженная; въ обществѣ, подъ вліяніемъ нашихъ военныхъ неудачъ, душевная подавленность, глухое недовольство правительствомъ, которое обвиняютъ въ измѣнѣ; увеличивающееся къ тому времени дезертирство изъ войскъ быстро повышало преступность, упавшую было очень въ началѣ войны. Чувствуется, что такъ продолжаться не можетъ. Нужна гроза, которая бы освѣжила атмосферу, нужно что то, что могло бы дать новыя силы для борьбы, необходимо влить бодрость въ души уставшихъ и упавшихъ духомъ. Въ то время лозунгъ «все для войны» еще не сталъ гаснуть. Ради побѣды надъ врагомъ готовы были жертвовать многимъ. Но вотъ свершилось. Февральскій переворотъ, упавшій такъ неожиданно на головы гражданъ, не испугалъ. Всѣ вѣрили, что теперь успѣхъ въ борьбѣ обезпеченъ. Вѣдь только

это настроеніе всей Россіи отъ столицъ до глухихъ угловъ провинціи дало силы Думѣ въ ея борьбѣ съ правительствомъ. Была глубокая увѣренность въ томъ, что Временное Правительство достаточно сильно, чтобы удержать настроеніе гражданъ въ руслѣ стремленія воевать до побѣднаго конца. Но прошло очень мало времени и въ душу стали закрадываться смутныя опасенія, «что смѣна шоффера», какъ тогда говорили, можетъ стоить Россіи очень дорого. Сразу же стала чувствоваться слабость правительства, не сумѣвшаго поднять настроеніе народа для творчества, самоограниченія, выдержки и терпѣнія, столь необходимыхъ во время войны. Толпа поняла свободу въ смыслѣ права на разрушеніе. И первой, подъ ударами никѣмъ не обуздываемой жаждой разрушенія, пала полиція, — то-есть власть исполнительная. Я не беру на себя задачи защищать до-революціонную полицію, но не могу удержаться отъ упрека по адресу правительства, которое такъ легко отказалось отъ органа, хотя далеко и несовершеннаго, но который, какъ охранитель порядка, былъ необходимъ, въ особенности же въ то время, когда такъ повысилась преступность, когда страна кишѣла шпіонами и пораженцами всѣхъ видовъ. Пала полиція — органъ охраны и исполненія, взамѣнъ не было ничего создано, и центральная власть осталась безъ связи со страной, попавшей сейчасъ же въ руки преступниковъ и хулигановъ. Замѣнить полицію вновь возникшая милиція, конечно, не могла. Въ милицію бросились служить всѣ, кому не лѣнь, кто матеріально нуждался, кто захотѣлъ хотя бы маленькой власти. Какъ будто вся дѣятельность полиціи, имѣвшей, конечно, много своихъ недостатковъ сводилась только къ «тащить и не пущать». О необходимости въ борьбѣ съ преступностью опытности, навыка, дисциплины тогда не думали. Народъ творилъ съ молчаливаго согласія совѣтовъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ «свою волю», а правительство было безсильно. На мѣстѣ пристава, въ роли Начальника Милиціи вы могли видѣть тогда частнаго повѣреннаго, сельскаго писаря, студента и даже гимназиста. И результаты всего этого не замедлили сказаться очень быстро. Преступность увеличивалась, количество уголовныхъ дѣлъ стало расти, работа слѣдственной власти затормазилась, такъ какъ розыскной органъ, исполнительный органъ пересталъ существовать. Просто опускались руки. Нерѣдко судебный слѣдователь, посылая повѣстку о вызовѣ свидѣтелей, получалъ ее обратно, съ такого рода надписями: «начальникъ милиціи такого-то участка возвращаетъ повѣстку безъ исполненія, вслѣдствіе того, что никто изъ милиціонеровъ не согласился вручить таковую свидѣтелю, такъ какъ послѣдній проживаетъ въ очень далекой улицѣ города и при томъ очень грязной». Или: «Исполнительный Комитетъ такого-то села увѣдомляетъ гражданина слѣдователя, что повѣстка такому-то не вручена, такъ какъ комитетъ находитъ, что явка этого лица для допроса въ качествѣ свидѣтеля излишня, такъ какъ онъ по дѣлу ничего не знаетъ».

А то, однажды, получаю отъ милиціи дознаніе. Читаю и не вѣрю глазамъ: «Постановленіе начальника милиціи: «я, революціонный начальникъ милиціи такого-то района, допрашивалъ сего числа гражданина такого-то села въ качествѣ обвиняемаго въ кражѣ, но послѣдній виновнымъ себя не призналъ. Считая, что лучшее доказательство виновности — это собственное сознаніе, каковое обвиняемый отказывается дать, я нашелъ цѣлесообразнымъ подвергнуть его пыткѣ, для чего мною тогда же было приказано принести соломы, запалить ее и жечь обвиняемому пятки». Подпись начальника милиціи. И далѣе приписка: «пытка дала прекрасные результаты — обвиняемый сознался».

Такъ дѣйствовалъ самообразовавшійся революціоннымъ путемъ органъ власти. Но правительство? Что дѣлалъ въ это время Министръ Юстиціи А. Ф. Керенскій, какимъ творчествомъ онъ занимался? Онъ говорилъ рѣчи. Объ этомъ знаютъ всѣ. Я же буду говорить лишь о тѣхъ рѣчахъ его, которыя были обращены къ судебному вѣдомству и о впечатлѣніи производимомъ ими на армію Министерства Юстиціи — насъ провинціальныхъ чиновниковъ этого вѣдомства. Всякій, жившій въ провинціи въ то время, очень хорошо знаетъ, съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидались тамъ тогда газеты, съ какимъ нервнымъ напряженіемъ слѣдили за невѣрными слабыми шагами правительства, съ какой надеждой ловилось слово «власть имущихъ». И вотъ однажды читаемъ: «Посѣщеніе Министра Юстиціи А. Ф. Керенскаго Судебной Палаты». Оказывается, Министръ Юстиціи, войдя въ зданіе Судебной Палаты, началъ здороваться съ курьерами, протягивая имъ руку и отказываясь протянуть ее почтеннымъ, заслуженнымъ судебнымъ дѣятелямъ. Затѣмъ, вскочилъ на столъ и произнесъ рѣчь, въ которой не постѣснялся вылить на все судебное вѣдомство огуломъ ушаты грязи и клеветы, обвиняя чиновъ этого вѣдомства въ «лицепріятствѣ», угодничествѣ и чуть ли не взяточничествѣ. Легко можно было представить какое впечатлѣніе произвела на насъ эта рѣчь. Читать все это было больно до слезъ. За что эти оскорбленія? Вѣдь всякому русскому интеллигенту, который хоть немного былъ знакомъ съ судебнымъ вѣдомствомъ, было ясно, что то, что говорилъ, съ позволенія сказать, Министръ Юстиціи, была ложь. Я прослужилъ въ этомъ вѣдомствѣ 10 лѣтъ и, если мнѣ не суждено болѣе отдавать свои силы и свои знанія Россіи на этомъ поприщѣ, я все же буду всегда вспоминать съ гордостью это время. Я могу гордиться интеллигентностью и порядочностью своей среды юристовъ, ея высокимъ нравственнымъ уровнемъ, ея глубокимъ пониманіемъ своей тяжелой задачи служенія правосудію. Читая рѣчь Керенскаго, я дрожалъ отъ негодованія. Каково же было читать эту рѣчь тѣмъ изъ моихъ товарищей, кто посѣдѣлъ на службѣ у Ѳемиды, кто отдалъ свои лучшіе годы и силы молодости, а иногда и свое сердце въ борьбѣ по охраненію правъ въ «безправной странѣ». Процессы Ющинскаго, дѣло о Мултановскомъ убійствѣ не могли, конечно, служить матеріаломъ для обвиненія всего вѣдомства огуломъ, ибо эти и подобные имъ процессы, порожденные политическими соображеніями «высшихъ государственныхъ лицъ», всегда встрѣчались въ общей массѣ судебныхъ дѣятелей неодобреніемъ и самой суровой критикой. Вся армія же судебнаго вѣдомства всегда была чужда какой-либо политики въ дѣлѣ правосудія, свято храня въ сердцѣ своемъ завѣты первыхъ творцовъ судебныхъ уставовъ и служа имъ «не за страхъ, а за совѣсть».

Такъ для чего же эта пощечина? Очевидно, это просто походъ противъ судебнаго вѣдомства вообще. «Воля народа» разрушила административный аппаратъ — Министръ Юстиціи идетъ войной на судебное вѣдомство. Съ кѣмъ же намѣрено работать правительство? Черезъ кого оно намѣрено проводить въ жизнь свои мѣропріятія? Наивно думать, что это можно сдѣлать черезъ вновь возникшія революціонныя организаціи, таившія уже въ своемъ существѣ зачатки анархіи. Было больно не лично за себя, страдали не за корпорацію, а было больно и страшно за Россію.

Вотъ тѣ невеселыя мысли и чувства, владѣвшія нами тогда.

Дѣйствительно, послѣ этого знаменательнаго выступленія г. Керенскаго, посыпались телеграммы съ предложеніемъ подать въ отставку цѣлому ряду видныхъ судебныхъ дѣятелей.

Слѣдуетъ обратить при этомъ вниманіе, что Министръ Юстиціи былъ «очень не умѣренъ въ произволѣ», какъ выразился о немъ одинъ изъ судебныхъ дѣятелей. Лица судебнаго вѣдомства удалялись со службы безъ суда, безъ опредѣленія Сената, какъ то требовалось закономъ, а исключительно единоличной властью г. Министра, начавшаго дѣятельность свою съ попранія закона. Оказалось, что было нельзя Щегловитову, то стало совершенно возможно Керенскому.

Уходили старые, опытные судьи и прекрасные юристы, и приходили на смѣну выскочки, бездарности, близкіе г. Керенскому. Какъ будто бы для Временнаго Правительства была «большой роскошью» имѣть хорошихъ чиновниковъ и какъ будто бы люди дѣла были ему не нужны. Нѣтъ, Временному Правительству такіе люди нужны были, они не были нужны самовластію г. Керенскаго, не терпѣвшему независимости мнѣнія и совѣсти, и вмѣстѣ съ тѣмъ нужны были ему, какъ умилостивляющія жертвы, приносимыя г. Керенскимъ «Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ». Это, такъ сказать, отдѣлъ административныхъ распоряженій. А вотъ вамъ и творчество. Я до сихъ поръ не могу забыть нѣкоторыхъ циркуляровъ по Министерству Юстиціи, подписанныхъ Керенскимъ. Что это — полное ли незнаніе жизни, или же сознательное создаваніе почвы для прихода большевиковъ? Получаемъ какъ-то срочно для исполненія циркуляръ. Содержаніе его сводилось къ ниже цитируемой выпискѣ: «тѣ изъ заключенныхъ въ тюрьмахъ, которые изъявятъ желаніе искупить свой грѣхъ и заслужить прощеніе на поляхъ брани, немедленно подлежатъ передачѣ подлежащему воинскому начальнику для направленія таковыхъ въ войска».

Какъ только этотъ циркуляръ сталъ извѣстенъ въ тюрьмахъ, почти всѣ арестанты изъявили желаніе «пролить кровь за революцію». Конечно, всѣ эти лица, согласно указанному циркуляру, были освобождены, и, само собой разумѣется, попавъ на волю, они занялись не «искупленіемъ грѣха», а подготовленіемъ почвы для большевиковъ.

Когда были освобождены мужчины, женщины-арестантки заявили протестъ. Онѣ, молъ, тоже хотятъ «искупить свой грѣхъ». По этому поводу было запрошено Министерство, которое, нисколько не задумавшись, разъяснило, что дѣйствіе указаннаго циркуляра распространяется и на женщинъ, при чемъ послѣднія подлежали зачисленію въ сестры милосердія. Всякій, хоть немного знакомый съ тюремными сидѣлицами-женщинами, можетъ легко себѣ представить этихъ сестеръ милосердія — «милосердія» г. Керенскаго, и безъ труда пойметъ, какой цѣнный матеріалъ онѣ представляютъ для арміи.

Хороши оказались также циркуляры и по главному тюремному управленію; ну, вотъ, хотя бы циркуляръ, лишавшій права надѣвать на буйныхъ арестантовъ, отказывающихся исполнять тюремныя правила, кандалы и заключать ихъ въ видѣ наказанія въ карцеръ, изъ тѣхъ соображеній, что эти «мѣры лишь озлобляютъ, а не исправляютъ», почему во всѣхъ этихъ случаяхъ рекомендовалось прибѣгать лишь къ уговорамъ и апелляціи къ совѣсти совершившихъ проступокъ. Въ результатѣ этихъ циркуляровъ, арестанты, главный контингентъ которыхъ составился изъ быстро возвратившихся въ тюрьму «добровольцевъ», желавшихъ «искупить свой грѣхъ» и глотнувшихъ на свободѣ революціоннаго воздуха, отказались совершенно повиноваться тюремной власти, очевидно потому, что не всѣ начальники тюремъ и тюремные надзиратели

были одарены ораторскими дарованіями и не могли убѣдить безчинствующихъ и вызвать пламенными своими рѣчами слезы раскаянія.

Помню, довелось мнѣ въ это время явиться по обязанностямъ службы въ одну изъ тюремъ прифронтовой полосы. Въ тюрьмѣ этой дѣлалось что-то невообразимое: стражъ-привратникъ не былъ вооруженъ, арестантскія камеры не запирались, и арестанты свободно расхаживали другъ къ другу въ гости, и, при желаніи, легко, конечно, могли сговариваться, какъ давать показанія у слѣдователя и на судѣ; арестанты сидѣли на окнахъ и вели разговоры съ прохожими, завели сапожные и перочинные ножи, играли открыто въ карты и т. п. Когда я выразилъ начальнику тюрьмы свое возмущеніе по поводу существующихъ у него въ тюрьмѣ порядковъ, онъ отвѣтилъ, что «такова воля арестантовъ», заявляющихъ, что всякія стѣснительныя мѣры «унижаютъ ихъ достоинство». «Да, это ничего», прибавилъ онъ въ видѣ утѣшенія, «вотъ въ Ж—ой тюрьмѣ арестанты на дняхъ праздновали въ тюрьмѣ свадьбу со спиртными напитками». Легко допускаю, что это дѣйствительно было такъ, и начальникъ тюрьмы не очень удалился отъ истины. Благодаря моему настоянію двери арестантскихъ камеръ все же съ тѣхъ поръ стали запираться. Въ остальномъ же прежній порядокъ сохранился.

Мое распоряженіе о закрытіи камеръ естественно вызвало сильное неудовольствіе арестантовъ.

Наблюдая по обязанности своей службы за тюрьмой, я долженъ былъ по закону посѣщать ее не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ, но посѣщалъ я ее гораздо чаще. Но, Боже, сколько мнѣ это стоило. Я приходилъ въ тюрьму, заходилъ въ камеры вмѣстѣ съ начальникомъ тюрьмы и однимъ изъ тюремныхъ надзирателей, быстро, кое-какъ, насколько позволяла обстановка, опрашивалъ арестантовъ, которые держались со мною съ глазу на глазъ относительно спокойно, а какъ только я двигался къ двери и скрывался за ней въ корридорѣ, вслѣдъ мнѣ неслись изъ камеръ невѣроятные крики, стукъ и площадная брань. Та же картина повторялась и въ слѣдующей камерѣ, и, когда я, произведя осмотръ, выходилъ изъ тюрьмы, вся тюрьма гудѣла, стонала и положительно тонула въ морѣ матерной брани.

Прошло немного времени, въ тюрьмѣ произошелъ бунтъ. Арестанты потребовали открытія камеръ, ворвались въ контору тюрьмы, вооружились хранившимися тамъ винтовками, и, убивъ двухъ надзирателей, бѣжали, въ количествѣ 12 человѣкъ.

Узнавъ о случившемся, я далъ знать милиціи и вслѣдъ за тѣмъ немедленно же явился самъ въ тюрьму. Тамъ я засталъ уже начальника милиціи и уѣзднаго комиссара. Послѣдній стоялъ въ одной изъ камеръ и, называя арестантовъ «товарищами», укорялъ ихъ, призывая къ «революціонной совѣсти». Арестанты же его не слушали, хохотали и ругали со всей силою арестантскаго жаргона. Наконецъ мнѣ это надоѣло и, каюсь, я, призванный охранять законъ, тогда его нарушилъ. Я велѣлъ арестантамъ замолчать, а двухъ особенно выдѣлявшихся своею наглостью отправить въ карцеръ, и, когда они и тамъ продолжали буйствовать, приказалъ одѣть на нихъ кандалы. Послѣ этого въ тюрьмѣ былъ произведенъ обыскъ, были отобраны ножи, карты и прочіе, запрещенные тюремнымъ уставомъ, предметы. О своихъ распоряженіяхъ я, по возвращеніи изъ тюрьмы, немедленно доложилъ прокурору суда, который, вообще будучи человѣкомъ рѣшительнымъ, умнымъ, независимымъ и

смѣлымъ, распоряженіе мое не отмѣнилъ, поставивъ меня въ извѣстность, однако, что все мною сдѣланное лежитъ на моей личной отвѣтственности.

Съ тѣхъ поръ тюрьма успокоилась.

Большевики

I

Вскорѣ послѣ Тарнопольскаго прорыва, я былъ переведенъ изъ г. С—ба въ г. Ровно. Всякій помнитъ, что творилось тогда на желѣзныхъ дорогахъ. Толпы солдатъ, бросивъ фронтъ, шли домой, «дѣлить панскую земельку». Они наводняли вокзалы, набивались въ вагоны, какъ «сельди въ бочку», стояли на площадкахъ, буферахъ, подножкахъ, влѣзали на крыши вагоновъ. Попасть въ вагонъ обыкновеннымъ путемъ — черезъ двери, было немыслимо, а приходилось влѣзать черезъ окно. Везти въ такихъ условіяхъ жену и маленькаго сына было невозможно, и я къ мѣсту новой службы уѣхалъ одинъ. Городъ Ровно находился недалеко отъ фронта, и тамъ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, чувствовалось гніеніе арміи, распадъ одной изъ величайшихъ армій въ мірѣ. Жуткая это была картина. День и ночь проходили черезъ Ровно воинскія части, направляясь въ глубь страны; офицеры въ одиночку и кучками пробирались домой, такъ какъ на фронтѣ имъ нечего было дѣлать.

Съ тяжелымъ чувствомъ наблюдалъ я, какъ тянулись, казалось, нескончаемой вереницей, словно стаи журавлей, казаки, вызванные съ фронта генераломъ Калединымъ на Донъ, за ними прошли какія-то кавалерійскія части безъ офицеровъ во главѣ, съ красными лентами въ петличкахъ обмызганныхъ шинелей, безъ погонъ, на изможденныхъ, запущенныхъ лошадяхъ. За ними повалили стада пѣхотныхъ солдатъ, пьяныхъ, озлобленныхъ, буйныхъ и дикихъ, потерявшихъ всякое представленіе о воинской дисциплинѣ, отчасти еще сохранившейся въ кавалеріи.

Я жилъ въ домѣ, окна котораго выходили на площадь, расположенную передъ бывшимъ винокуреннымъ заводомъ. Во время войны весь спиртъ былъ выпущенъ, а самъ заводъ сгорѣлъ. Теперь я наблюдалъ, какъ толпы мѣстныхъ жителей и проходящихъ солдатъ являлись на эту площадь и рыли для перегонки глину, въ которой задержался выпущенный спиртъ. Обыкновенно когда собиралась большая толпа, пріѣзжалъ броневикъ и открывалъ по толпѣ стрѣльбу изъ пулеметовъ, но и къ этому всѣ уже привыкли и мало обращали вниманія, продолжая свое дѣло добыванія водки, ради которой толпа была готова отдать жизнь. На дворѣ стояла слякоть, было хмуро, сѣро, пасмурно. Дни тянулись медленно. Всюду пьяные крики, брань, стрѣльба. Городъ замеръ. Жители, опасаясь солдатской пьяной толпы, не выходили на улицу. Грабежи, разбой и убійства стали обычнымъ явленіемъ. Сидѣть вечеромъ при лампѣ, въ комнатѣ, обращенной окнами на улицу, было немыслимо, ибо каждую минуту могла залетѣть «на огонекъ» пуля какого-либо пьянаго товарища, забавлявшагося страхомъ «буржуя».

Но вотъ солдатская масса схлынула. Съ фронта пошли безхозяйныя лошади. Товарищи бросили ихъ на произволъ судьбы и онѣ пошли табунами на жилье въ надеждѣ, найти кормъ. Ужасно тяжело было смотрѣть на этихъ бѣдныхъ, худыхъ, голодныхъ животныхъ. Они заходили въ деревни, понуро

останавливались у воротъ домовъ, но хозяева выбѣгали на улицу и гнали ихъ палками, — тогда ни у кого не было кормовъ и лошадей никто не хотѣлъ брать и даромъ. И онѣ медленно отходили, печальныя, и брели все дальше и дальше. Шли онѣ табунами и въ одиночку, больныя и слабыя отъ голода и изнуренія, не находя себѣ корма на мерзлой землѣ, падая и умирая въ полѣ и на улицахъ на глазахъ равнодушной толпы. Трупы ихъ валялись всюду и съ наступленіемъ весны стали разлагаться, заражая зловоніемъ воздухъ. Никто не заботился зарывать трупы. Было не до нихъ — всѣ митинговали.

Потомъ пришли украинцы. Городъ то и дѣло сталъ переходить изъ рукъ въ руки — то украинцевъ, то большевиковъ, старавшихся удержать городъ. Сегодня просыпаетесь вы, выходите на улицу, вамъ навстрѣчу попадаются гайдамаки, сѣчевые стрѣльцы или просто обыкновенные растерзанныя фигуры солдатъ, именующихъ себя почему-то украинцами, а завтра вы просыпаетесь въ царствѣ ревкомовъ, реввоенсовѣтовъ и т. д. Но, въ сущности, разницы между тѣми и другими не было большой — и тѣ, и другіе производили по ночамъ обыски въ домахъ, грабили, убивали и насильничали въ одинаковой мѣрѣ. Населеніе было запугано, пришиблено и обобрано. Судейская власть была безсильна. Насъ какъ будто бы признавали и украинцы, и большевики, но въ то же время съ нами нисколько не считались. Но вотъ въ воздухѣ начали носиться сначала не ясные, а потомъ все болѣе и болѣе настойчивые слухи о приближеніи нѣмцевъ, двинувшихъ свои войска на помощь «Украинѣ въ борьбѣ ея съ москалями-большевиками». И какъ ни печально сознаться, слухи эти встрѣчались въ большинствѣ случаевъ съ чувствомъ скрытаго удовлетворенія. Всѣ такъ устали отъ произвола и насилія, что готовы были съ радостью пріять миръ и спокойствіе хотя бы изъ рукъ нѣмецкаго вахмистра. Но вотъ, когда наступилъ этотъ день, кто-то какъ бы сжалъ сердце холодной рукой. Я стоялъ на тротуарѣ въ молчаливой толпѣ народа и смотрѣлъ, какъ они шли стройными, тяжелыми рядами, увѣренные въ своей мощи. Сначала прошла кавалерія, блистая чистотой амуниціи и сбруи на прекрасныхъ, холеныхъ лошадяхъ съ упитанными самодовольными офицерами впереди. За ними, громыхая, прошла въ образцовомъ порядкѣ артиллерія, а тамъ тяжелая медлительная пѣхота и аккуратные обозы. Они идутъ спасать насъ отъ насъ же самихъ, вчерашніе наши враги, ставшіе по милости измѣнниковъ и предателей нашими друзьями. Я смотрѣлъ на нихъ и чувствовалъ, какъ что-то комкомъ подступало къ горлу и слезы катились у меня изъ глазъ. Я не вытиралъ ихъ, я не стыдился ихъ, вѣдь плакалъ я тогда о Великой Россіи, не знавшей ни «самостійной» Украины, ни множества возникшихъ самостоятельныхъ республикъ съ авантюристами и проходимцами во главѣ, строившими свое благополучіе на народной темнотѣ и несчастьи своей Родины.

Съ приходомъ нѣмцевъ окончилась боязнь за жизнь, за имущество, но началась мука нравственная оскорбленнаго національнаго достоинства. Къ этому времени присоединилась еще тревога за семью, которая осталась тамъ, гдѣ царили большевики. Я получилъ случайно, съ оказіей, письмо отъ жены, что она съ ребенкомъ оказалась безъ денегъ, безъ хлѣба, въ постоянной тревогѣ за завтрашній день и въ постоянномъ опасеніи разгрома со стороны солдатъ стоявшаго въ С—бѣ артиллерійскаго дивизіона, объявившихъ себя «демобилизованными» и проводящихъ время въ постоянномъ пьянствѣ и безцеремонномъ неудержимомъ разгулѣ. Это письмо побудило меня ѣхать немедленно къ семьѣ, хотя бы съ этимъ путешествіемъ былъ сопряженъ боль-

шой рискъ въ виду необходимости пробираться черезъ «фронтъ». Получивъ отпускъ, я двинулся въ путь. Отъ этого рѣшенія меня не могли остановить ни уговоры товарищей, ни свѣдѣнія о томъ, что нѣмцы, занявъ Кіевъ и приближаясь къ Гомелю, черезъ который мнѣ нужно было ѣхать, движутся къ С—бу, лежавшему почти на границѣ демаркаціонной линіи, установленной украинской и большевистской властью.

Поѣздка отъ Ровно до Гомеля, хотя и была трудна и продолжалась вмѣсто однѣхъ сутокъ 7 дней, но въ виду того, что въ пути со мной не случилось ничего болѣе или менѣе интереснаго и необыденнаго, я начну описаніе своего путешествія прямо съ момента прибытія въ Гомель.

Пріѣхалъ я въ Гомель вечеромъ. Гомельскій вокзалъ обыкновенно очень людный и оживленный, былъ оживленъ по прежнему, но жизнь эта была не жизнью спокойной суеты мирнаго времени, царящей обычно по большимъ станціямъ, а жизнь военнаго лагеря во время войны. Тутъ на вокзалѣ узналъ я, что фронтъ, черезъ который долженъ былъ я пробираться, лежитъ гдѣ-то недалеко отъ Гомеля. Полагая, что сообщеніе съ той стороной безусловно существуетъ, я рѣшилъ ждать утра, чтобы съ наступленіемъ его обратиться за содѣйствіемъ по переходу фронта къ евреямъ, которые, какъ коммерческіе люди, конечно въ курсѣ этого вопроса.

Истомленный продолжительнымъ путешествіемъ, полнымъ всякихъ неудобствъ и лишеній, я, добывъ себѣ съ трудомъ стулъ у стола, усѣлся на него, положилъ голову на руки и незамѣтно для себя уснулъ крѣпкимъ сномъ.

Проснулся я почти на разсвѣтѣ отъ того, что почувствовалъ, какъ кто-то осторожно трясетъ меня за плечо. Съ трудомъ открываю глаза и вижу передъ собой какого-то маленькаго, рыженькаго человѣчка, который что-то мнѣ говоритъ. Долго ничего не могу понять. Потомъ уясняю себѣ, что стоящій передо мною незнакомецъ спрашиваетъ меня, не ѣду ли я въ С—бъ. Оказывается, что разбудившій меня житель г. Н., былъ какъ-то присяжнымъ засѣдателемъ по дѣлу, по которому я обвинялъ въ Н., и увидѣвъ меня на вокзалѣ, узналъ и рѣшилъ предложить мнѣ себя въ спутники при переходѣ фронта. Онъ сообщилъ мнѣ, что проѣхать къ м. З., лежащее за фронтомъ, можно кружнымъ путемъ, черезъ станцію Тереховку, куда черезъ полчаса идетъ поѣздъ. Обрадовавшись такому предложенію, я, взявъ свой чемоданчикъ, послѣдовалъ за своимъ спутникомъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже въ вагонѣ. Тамъ кромѣ насъ оказался какой-то молодой человѣкъ въ формѣ желѣзнодорожнаго кондуктора и пожилая женщина-старообрядка. Скоро между нами завязался разговоръ, причемъ спутники мои, узнавъ, что я ѣду въ С—бъ, стали усиленно уговаривать меня отказаться отъ своего намѣренія, по ихъ словамъ, очень опаснаго и безнадежнаго. Они говорили, что большевики, отступая отъ Кіева послѣ кровавыхъ дней, очень озлоблены и кровожадны. Они очень подозрительны и во всякомъ человѣкѣ, пытающемся перейти фронтъ, видятъ шпіона. И если я попадусь имъ въ руки, меня ждетъ вѣрная смерть. Конечно, разговоры эти очень подѣйствовали на мои нервы, но все же я заявилъ, что отъ своего рѣшенія не откажусь и «попытаю счастья». Спутница моя, повидимому очень добрая, жалостливая женщина, долго смотрѣла на меня, затѣмъ стала плакать и причитать: «охъ, голубчикъ ты мой, какъ мнѣ тебя жалко, пропадешь ты даромъ и жены не увидишь. Что ты надумалъ такое, жена тюя наплачется еще. У меня самой большевики эти проклятые все

имущество растащили, едва живую выпустили. Ты бы хоть пуговицы эти блестящія съ орлами и коронами снялъ. Все лучше. Подумаютъ, что ты не чиновникъ, а учитель сельскій, а ихъ-то они не такъ притѣсняютъ». Этотъ совѣтъ мнѣ показался основательнымъ; я тамъ же въ вагонѣ, при помощи моей спутницы обрѣзалъ съ форменнаго пальто моего пуговицы и снялъ съ фуражки арматуру. Но вотъ и Тереховка, мы у цѣли. Прощаемся съ нашими доброжелательными спутниками, причемъ спутница моя, все время утирая слезы, благословила меня, когда я выходилъ изъ вагона.

Прошли м. Тереховку, минули нѣмецкую заставу и вышли въ поле. Гдѣ-то далеко, далеко слышалась артиллерійская стрѣльба, все время увеличивающаяся и становившаяся все громче и отчетливѣй по мѣрѣ того, какъ мы шли дальше. Попытки наши достать во встрѣчавшихся намъ деревняхъ лошадей не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ хозяева ихъ — крестьяне, пугливо прислушиваясь къ гулу орудій, предпочитали въ «такое время» быть дома. Въ одномъ селѣ мы разговорились съ кучкой крестьянъ, толпившихся у колодца и обсуждавшихъ событія дня. Они все время вздыхали, почесывали головы и тихо разговаривали: «вишь ты, нѣмецъ-то хитрый, обошелъ кругомъ. Какъ братались съ нашими — друзья были, а какъ наши ушли — они наступать. Не иначе, братцы, что это помѣщики кушили ихъ и ведутъ — небось за землю напугались, какъ наши-то ребята съ фронта съ винтовками пришли». Въ этой деревнѣ намъ посчастливилось: какой-то «отчаянной жисти человѣкъ», какъ онъ самъ себя называлъ, согласился отвезти насъ въ З. Мы усѣлись въ телѣгу и двинулись въ путь. Миновавъ какую-то полуразрушенную помѣщичью усадьбу, по поводу которой возница нашъ объяснилъ намъ, что въ ней на дняхъ какіе-то проходящіе солдаты убили «барина» и его жену, и трупы ихъ бросили въ рѣку, мы, проѣхавъ плотину, стали приближаться къ маленькому лѣску. Когда мы подъѣхали къ лѣсу, оттуда выскочили три солдатскихъ фигуры съ винтовками въ рукахъ и направились къ намъ. Мы со своимъ спутникомъ тревожно переглянулись и стали готовиться ко всякимъ непріятностямъ. Поровнявшись съ нашей телѣгой, солдаты остановили лошадей и, подойдя къ намъ, потребовали наши документы.

Взявъ мой паспортъ, въ которомъ я значился Товарищемъ Прокурора, одинъ изъ солдатъ долго его разсматривалъ, читая по складамъ, и затѣмъ молча его возвратилъ. Затѣмъ спросилъ, есть ли у насъ оружіе. Я отвѣтилъ утвердительно и вручилъ имъ свой «браунингъ». Разстаться съ револьверомъ мнѣ было очень жаль, и я сталъ просить возвратить мнѣ его обратно. Одинъ изъ солдатъ, тотъ самый, который разсматривалъ мой паспортъ — сталъ на мою сторону и сказалъ: «давайте, отдадимъ ему револьверъ, онъ не буржуй, а свой человѣкъ, вѣдь въ паспортѣ сказано, что онъ товарищъ. Да и къ тому же и человѣка сразу видать, онъ не сталъ запираться, а сразу предъявилъ оружіе». Два же другихъ начали ему возражать и заявили, что сдѣлать это безъ согласія начальства нельзя. Потомъ они закурили, поговорили съ нами нѣсколько минутъ и, отпустивъ насъ съ миромъ, пошли въ лѣсъ и скоро въ немъ скрылись. Радуясь, что все окончилось такъ благополучно, мы двинулись дальше.

Вскорѣ, миновавъ лѣсъ, мы встрѣтили какого-то всадника, ѣхавшаго намъ навстрѣчу шагомъ на маленькой лошади съ громаднымъ до смѣшного животомъ. Несмотря на сильный холодъ, на всадникѣ была лишь одна лѣтняя накидка, на головѣ его надѣта была жокейская фуражка; старыя, истрепанныя

до бахромы брюки забрались отъ верховой ѣзды вверхъ и изъ-подъ нихъ выглядывали бѣлые чулки. На ногахъ были калоши. Онъ былъ не бритъ, длинные его волосы космами висѣли изъ-подъ жокейки, на горбатомъ большомъ носу торчало пенснэ. Черезъ плечо всадника неловко болталась старая шашка, а въ петлицѣ красовался громадный красный бантъ. Не будь при всадникѣ шашки, его можно было бы принять за экстерна изъ тѣхъ молодыхъ евреевъ, которые вѣчно держатъ при гимназіяхъ экзамены за 8 классовъ или же на званіе провизора.

Поровнявшись съ нами, всадникъ остановилъ лошадь и отрывисто спросилъ: «что за люди?» Догадавшись, что мы имѣемъ дѣло съ военнымъ начальствомъ, мы протянули ему свои документы. Онъ, молча, просмотрѣлъ ихъ и возвратилъ обратно. «Можете ѣхать», сказалъ онъ, и тронулъ свою лошадь. Я рѣшилъ «попытать счастья» и сталъ объяснять ему, что у меня только-что какіе-то солдаты отобрали револьверъ, который мнѣ дорогъ и не можетъ ли онъ оказать содѣйствіе по возвращенію мнѣ револьвера. Выслушавъ меня, всадникъ произнесъ: «А, знаю, то вѣроятно револьверъ отобрали у Васъ мои молодцы-партизаны. Я возвращу Вамъ его. Револьверъ завтра будетъ доставленъ въ Н. и Вы можете получить его у Начальника Штаба первой арміи товарища Овсянникова, находящагося въ Н. Скажите ему, что Вы явились отъ военнаго комиссара Гомельскаго района Бахтина. Бахтинъ — это я», ткнулъ онъ себя въ грудь и, приложившись къ фуражкѣ, отъѣхалъ. Къ вечеру мы благополучно добрались до З., гдѣ, переночевавъ на грязномъ полу постоялаго двора, переполненнаго солдатами, я, на другой день утромъ, поѣздомъ отправился дальше, оставивъ спутника своего въ З. у какихъ-то его родственниковъ. Черезъ нѣсколько часовъ я былъ въ Н., но такъ какъ оказалось, что поѣздъ дальше на ст. «Унечу», черезъ которую я долженъ былъ ѣхать въ С—бъ, идетъ черезъ два часа, я рѣшилъ отправиться къ товарищу Овсянникову. Мнѣ сказали, что штабъ помѣщается въ вагонѣ поѣзда, стоявшаго тутъ же у станціи.

Войдя въ штабной вагонъ, я увидѣлъ въ одномъ изъ купэ высокаго бритаго мужчину, съ наружностью актера. На немъ была сѣрая шинель безъ погонъ и фуражка безъ кокарды. Держался онъ важно и властно. Его окружали нѣсколько человѣкъ солдатъ и матросовъ, которымъ онъ что-то объяснялъ. Догадавшись, что это и есть товарищъ Овсянниковъ, я направился къ нему. «Вы товарищъ Овсянниковъ?» спросилъ я. «Да», отвѣтилъ онъ, «Вы кто такой?» Не желая назвать себя, я, не замѣчая вопроса, продолжалъ: «Я къ Вамъ отъ комиссара Гомельскаго района Бахтина». Это, сверхъ ожиданія, не произвело на Овсянникова никакого впечатлѣнія, и онъ рѣзко сказалъ: «Я Васъ спрашиваю, кто Вы?» Пришлось отрекомендоваться. Когда я сказалъ, что я Товарищъ Прокурора, Овсянниковъ оборвалъ меня: «Товарища прокурора теперь не существуетъ. Подождите. Я занятъ. Нѣмцы въ «Закопаты». Фронтъ ждетъ моихъ распоряженій». Встрѣтивъ такой нелюбезный пріемъ и опасаясь худшаго, я вышелъ и больше къ Овсянникову не пошелъ. Вскорѣ на станціи поднялась суета и, насколько я могъ выяснить изъ разспросовъ, причина ея была въ томъ, что фронтъ не удержался и нѣмцы приближались къ Н. Очевидно, это была правда, такъ какъ штабной поѣздъ послѣ этого черезъ нѣсколько минутъ отошелъ въ сторону Унечи. Вслѣдъ за нимъ отошелъ и этапный поѣздъ, которымъ я доѣхалъ до Унечи. Пріѣхавъ туда, я почувствовалъ себя дома. До С—ба оставалось всего лишь 30 верстъ.

Войдя въ вокзалъ, я не узналъ знакомой комнаты: столы были безъ скатертей, полъ заплеванъ и загаженъ, листья искусственныхъ пальмъ, которыя буфетчикъ очевидно не успѣлъ убрать, были оборваны и отъ пальмъ остались одни остовы. Всюду на скамьяхъ и на столахъ сидѣли и лежали сѣрыя солдатскія фигуры, валялись винтовки, мѣшки. Всякій, кому доводилось бывать въ «зонѣ» пребыванія большевистскихъ «войскъ», особенно вскорѣ послѣ ихъ воцаренія, легко представитъ себѣ ту картину «мерзости и запустѣнія», которую я увидѣлъ. Закусывая у буфетной стойки и разговаривая съ знакомымъ буфетчикомъ, я узналъ отъ него много интересныхъ новостей. Оказывается, что со времени прихода большевиковъ въ С—бъ тамъ произошло много перемѣнъ. Окружный Судъ былъ замѣненъ трибуналомъ, судьи разогнаны, лица прокурорскаго надзора арестованы. Слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ, имѣвшій лошадь, сдѣлался ломовымъ извозчикомъ. Въ городѣ исчезъ хлѣбъ и началась страшная дороговизна.

Во время нашего разговора къ намъ подошелъ какой-то желѣзнодорожникъ, который, принявъ участіе въ разговорѣ, разсказалъ намъ, что онъ точно такъ же, какъ и я, ѣдетъ въ С—бъ къ семьѣ и отъ Гомеля шелъ до З. пѣшкомъ.

Отъ буфетчика я направился къ начальнику станціи. Начальникъ станціи сообщилъ мнѣ, что поѣздъ въ С—бъ идетъ только завтра утромъ и предложилъ мнѣ переночевать у него въ служебномъ кабинетѣ. Поблагодаривъ за эту любезность, я пошелъ въ мѣстечко, чтобы переговорить тамъ по телефону со С—бомъ и сообщить своей семьѣ о моемъ пріѣздѣ. По дорогѣ я встрѣтился со своимъ знакомымъ мѣстнымъ лавочникомъ — Даненбергомъ, который совѣтовалъ мнѣ во избѣжаніе непріятностей не попадаться на глаза шмыгавшимъ всюду по мѣстечку матросамъ.

Переговоривъ по телефону, я возвратился въ кабинетъ начальника станціи. Входъ въ кабинетъ былъ изъ телеграфной комнаты, а окна и двери на перронъ были закрыты глухими ставнями и поэтому я чувствовалъ себя тамъ почти въ безопасности, тѣмъ болѣе, что на станціи и въ мѣстечкѣ меня видѣли очень немногіе. Начальникъ станціи разсказалъ мнѣ, что большевистскими войсками, стоявшими на Унечѣ, командуетъ бывшій мѣстный агрономъ Шимановскій, ставшій со времени переворота «большимъ лицомъ». Служа въ С—бѣ, я хорошо зналъ Шимановскаго. При мнѣ Шимановскій былъ М—кимъ агрономомъ и, какъ я слышалъ, состоялъ представителемъ какой-то Нѣмецко-Норвежской компаніи. Одно время онъ добивался быть избраннымъ въ Государственную Думу, но это ему не удалось. Во время войны онъ работалъ въ Земскомъ Союзѣ. Въ результатѣ этой «работы» у него появился хуторъ, и онъ сталъ разъѣзжать на собственныхъ прекрасныхъ лошадяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ о немъ возникло у Судебнаго Слѣдователя С—го Окружнаго Суда дѣло по обвиненію его въ какихъ-то подлогахъ и злоупотребленіяхъ при покупкѣ скота для арміи. Послѣ большевистскаго переворота Шимановскій, во главѣ съ какой-то бандой солдатъ, пытался отобрать у Слѣдователя «дѣло» о себѣ, но попытка эта окончилась ничѣмъ, такъ какъ Слѣдователь, увѣдомленный кѣмъ-то о намѣреніи Шимановскаго, зарылъ «дѣло» въ землю и при обыскѣ, произведенномъ у него Шимановскимъ, обнаружить «дѣло» не удалось.

Начальникъ станціи разсказалъ мнѣ тогда, что послѣ моего отъѣзда изъ С—ба въ Ровно, Шимановскій старался образовать изъ четырехъ сѣверныхъ уѣздовъ Черниговской губерніи самостоятельную республику, желая стать во главѣ ея въ качествѣ президента и даже выпустилъ свои деньги, пріемъ ко-

торыхъ для населенія этихъ уѣздовъ былъ обязателенъ. Самъ же онъ на свои деньги сталъ пріобрѣтать «романовскія» и на этой комбинаціи нажилъ нѣсколько милліоновъ. По словамъ начальника станціи, теперь Шимановскій уѣхалъ по дѣламъ въ г. М., а его замѣстителемъ на Унечи остался матросъ Александръ Ивановичъ Картавенко. Служба его, начальника станціи, при большевикахъ — сущая каторга, за каждый промахъ, по самому ничтожному поводу, по нелѣпому доносу рискуешь быть разстрѣляннымъ. Разстрѣлы на Унечѣ обычное явленіе и происходятъ почти каждый день. Изъ начальства свирѣпствуетъ особенно бывшая папиросница изъ п. К. — Хавкина, которой боятся даже китайцы и матросы.

Разсказавъ все это, начальникъ станціи вышелъ изъ кабинета по служебному дѣлу, а я, оставшись одинъ, взялъ книгу и сталъ читать. Вскорѣ начальникъ станціи возвратился. Взглянувъ на него, я прочелъ на его лицѣ какую-то тревогу. На мой вопросъ, что случилось, онъ сокрушенно махнулъ рукой и сказалъ: «знаете, вѣдь Шимановскаго убили въ М. Сейчасъ прискакалъ одинъ изъ его охраны и сообщилъ объ этомъ Картавенко, и тотъ вызываетъ по телефону изъ Брянска артиллерію, чтобы «снести съ лица земли М.». На станціи ходятъ слухи, что Шимановскаго убили изъ засады какіе-то офицеры и чиновники. Вся станція на ногахъ — идутъ поиски убійцъ».

Сообщеніе это начало смутно тревожить меня. И дѣйствительно, какъ оказалось потомъ, опасенія мои были не напрасны. Не прошло послѣ этого и четверть часа, какъ въ кабинетъ начальника станціи открылась дверь и туда, въ сопрожденіи двухъ вооруженныхъ винтовками солдатъ, вошелъ какой-то молодой человѣкъ, съ шашкой наголо и, обращаясь къ начальнику станціи, спросилъ: «товарищъ Плешко здѣсь?» Я поднялся и назвалъ себя. «Слѣдуйте за мной», произнесъ молодой человѣкъ отрывисто. Ничего не понимая, но съ тяжестью въ сердцѣ, пошелъ я за нимъ, подъ конвоемъ двухъ его спутниковъ. «Скажите, пожалуйста, куда мы идемъ?» задалъ я вопросъ, когда мы вышли на перронъ. «Не безпокойтесь», отвѣтилъ молодой человѣкъ, «здѣсь нѣкоторое недоразумѣніе, которое надо выяснить».

Меня провели черезъ пути и ввели въ какой-то ярко освѣщенный вагонъ. Въ вагонѣ оказалась какая-то походная канцелярія. Тамъ толпилось нѣсколько человѣкъ солдатъ и матросовъ. Въ дальнемъ концѣ отъ входа стоялъ столъ, за которымъ сидѣлъ молодой блондинъ лѣтъ 22—25. На немъ была надѣта кожаная куртка, изъ-подъ которой выглядывала матросская рубаха. На боку у него висѣла сабля, черезъ плечо шла пулеметная лента, пальцы рукъ были украшены брилліантовыми перстнями и кольцами. Меня подвели къ нему. Онъ всталъ, протянулъ мнѣ руку и, отрекомендовавшись начальникомъ штаба, предложилъ мнѣ сѣсть. «Вы бывшій слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ?» спросилъ онъ. Я отвѣтилъ отрицательно. «Что Вы дѣлаете на Унечѣ?» Я объяснилъ, что на Унечѣ нахожусь проѣздомъ въ С—бъ. «Вы товарища Данепберга знаете?» — «Да». — «Почему онъ говоритъ, что Вы вотъ уже нѣсколько дней живете на Унечѣ, все время переодѣваетесь изъ одного костюма въ другой и два раза неизвѣстно куда отлучались со станціи?»

Понимая, что меня впутываютъ въ какую-то «грязную исторію» и смутно догадываясь, что допросъ мой находится въ связи съ только-что происшедшимъ убійствомъ Шимановскаго, я, стараясь не волноваться, подробно разсказалъ о своемъ путешествіи.

Послѣ этого «начальникъ штаба», просмотрѣвъ мой паспортъ и отойдя въ сторону, сталъ совѣтоваться со своими товарищами, а затѣмъ, возвратившись ко мнѣ, сказалъ: «извините, товарищъ, Вы арестованы по недоразумѣнію, можете идти спать спокойно».

Я возвратился въ кабинетъ начальника станціи и разсказалъ ему обо всемъ происшедшемъ. Только тогда, когда я увидѣлъ, какой эффектъ произвелъ на него мой разсказъ, я понялъ со всей ясностью ту опасность, какой я подвергался, вѣдь меня могли обвинить въ убійствѣ Шимановскаго, а это не шутка. Испугъ начальника станціи, изобразившійся у него на лицѣ, быстро заразилъ и меня. У меня задрожали ноги и голосъ сталъ прерываться отъ волненія, какъ будто бы легкимъ моимъ не хватало воздуха. Не успѣлъ я еще успокоиться, какъ дверь снова съ трескомъ распахнулась и въ кабинетъ буквально ворвались со страшнымъ шумомъ и площадной бранью два солдата съ револьверами въ рукахъ, которые, направившись прямо ко мнѣ и приложивъ револьверы къ моимъ вискамъ, потребовали, чтобы я поднялъ руки. Когда я это исполнилъ, одинъ изъ нихъ быстро сталъ шарить въ моихъ карманахъ, пощупалъ сапоги, посмотрѣлъ въ мою фуражку и заявилъ, что я арестованъ и долженъ идти за ними. «Позвольте, товарищи», началъ я, «здѣсь какая-то ошибка. Дѣло очевидно опять идетъ о М. Это недоразумѣніе, оно уже выяснилось, я былъ у начальника штаба...», но одинъ изъ солдатъ грубо оборвалъ меня, крикнувъ: «самъ понимаешь, въ чемъ дѣло. Нечего, нечего тутъ прохлаждаться. Иди, не разговаривай, это тебѣ не судъ», и съ этими словами онъ толкнулъ меня больно въ шею. Я принужденъ былъ повиноваться и съ тяжелымъ чувствомъ вышелъ на перронъ. Мысли съ быстротой неслись въ моей головѣ. Очевидно, въ мое отсутствіе меня обвинили въ убійствѣ и теперь ведутъ къ разстрѣлу. Не пытаться ли бѣжать? На перронѣ было совершенно темно, лишь кое-гдѣ по путямъ мерцали огоньки, моросилъ дождь, было сыро и холодно.

«Куда вы меня ведете?» задалъ я вопросъ. «Молчать, стерва, узнаешь», крикнули мои стражи. Грубый тонъ отвѣта и брань конвоировъ, не спускавшихъ съ моей головы дула револьверовъ, еще болѣе убѣдили меня въ мысли, что меня ведутъ на разстрѣлъ. Но вотъ, слава Богу, обстановка начинаетъ проясняться — я вижу, что меня ведутъ къ тому же «штабному вагону».

Войдя въ вагонъ, я обратился къ бывшимъ тамъ «товарищамъ» со словами: «товарищи, что это за безобразіе, меня уже арестовывали, начальникъ штаба меня освободилъ, а теперь меня арестовали снова. Этакъ вы будете водить меня всю ночь». Одинъ изъ присутствующихъ отвѣтилъ мнѣ, что начальника штаба сейчасъ нѣтъ, «онъ кушаетъ», но что онъ скоро долженъ прійти и что мнѣ нечего безпокоиться, такъ какъ меня, очевидно, арестовали по ошибкѣ. Повидимому, дѣло здѣсь въ томъ, что распоряженіе объ моемъ арестѣ было дано тремъ отрядамъ и вотъ теперь второй отрядъ, не зная, что я былъ уже арестованъ и освобожденъ, арестовалъ меня вторично. Это объясненіе нѣсколько меня успокоило и я, сѣвъ на стулъ, сталъ ждать начальника штаба. Прошло нѣкоторое время и между мною и присутствующими завязался даже разговоръ. Ко мнѣ относились явно благожелательно и ничто не предвѣщало бѣды.

Во время нашего мирнаго разговора, въ вагонъ вдругъ вошелъ какой-то солдатъ, высокій и худой, съ красной, очевидно отъ пьянства, физіономіей и, подойдя ко мнѣ, сиплымъ голосомъ закричалъ: «стать, по какимъ такимъ дѣламъ ты ѣздилъ въ М.? Я тебѣ покажу «кузькину мать», буржуяка несчастная». Я

всталъ и отвѣтилъ, какъ можно спокойнѣй, что въ М. я не былъ и что вообще здѣсь просто недоразумѣніе, такъ какъ я былъ уже у начальника штаба и онъ, убѣдившись въ неосновательности моего ареста, освободилъ меня изъ-подъ стражи. «Что ты тычешь мнѣ начальника штаба, я начальникъ отряда и хорошо самъ все понимаю. Лобанова знаешь? Такъ это я», снова заоралъ солдатъ. Я принужденъ былъ умолкнуть. Затѣмъ Лобановъ направился къ столу, порылся тамъ въ какихъ-то бумагахъ и потомъ, повидимому, нѣсколько успокоившись, поманилъ меня пальцемъ и произнесъ: «ну, бреши, кобель, а мы послушаемъ, а потомъ разсудимъ: виноватъ ты, али нѣтъ». Я подошелъ къ Лобанову и снова началъ разсказывать ему о своемъ путешествіи. Когда я кончилъ, Лобановъ спросилъ отрывисто: «паспортъ есть», я, молча, протянулъ ему свой паспортъ и вмѣстѣ съ нимъ проѣздной билетъ отъ Ровно до Унечи, какъ доказательство справедливости моихъ словъ. Заглянувъ въ паспортъ, Лобановъ протяжно свистнулъ: «Ну то то и есть, о чемъ же тутъ разговаривать. Эхъ, вы, Щегловитовскіе слуги», заговорилъ онъ, «ты знаешь, кто былъ Щегловитовъ для Россіи», продолжалъ онъ, «онъ былъ катъ, насильникъ и кровопійца». Повидимому, поговорить Лобановъ любилъ, такъ какъ на эту тему онъ говорилъ очень долго и, наконецъ, закончилъ совершенно неожиданно такъ: «ты думаешь, что теперь Вамъ Щегловитовское правосудіе, когда карали за вину, предусмотрѣнную Вами же самими написанными статьями закона, нѣтъ, братъ, теперь не такое правосудіе, теперь могу осудить и поставить къ стѣнкѣ за то только, что ты буржуй и контръ-революціонеръ. Это самое лучшее доказательство вины». Можетъ быть, Лобановъ продолжалъ бы свою рѣчь и дальше, но въ этотъ моментъ въ вагонъ ввели подъ конвоемъ того самаго желѣзнодорожника, съ которымъ я разговаривалъ у буфета.

«А вотъ и еще», закричалъ Лобановъ. «Ты знаешь этого человѣка?» — указывая на меня, спросилъ Лобановъ желѣзнодорожника, «нѣтъ» — послѣдовалъ отвѣтъ. «А ты?» «Я тоже не знаю, сказалъ я. Мы только сегодня встрѣчались съ нимъ у буфета на вокзалѣ». — «Такъ-съ», протянулъ Лобановъ, сощуривъ глаза. «Ты куда ѣдешь?» «Въ С-бъ», отвѣтилъ желѣзнодорожникъ. «А ты?» Я сказалъ, что я уже говорилъ, что я ѣду въ С-бъ къ семьѣ. «Ну о чемъ же тутъ разговаривать. Ясно все. Соучастники. Разстрѣлять, произнесъ Лобановъ. У меня потемнѣло въ глазахъ. Я даже не совсѣмъ понялъ въ чемъ дѣло и ждалъ до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ конвойныхъ взялъ меня за плечо и толкнулъ къ выходу. Въ этотъ моментъ кто-то изъ присутствующихъ замѣтилъ: «Товарищъ Лобановъ, здѣсь ошибка. Этотъ товарищъ, указалъ онъ на желѣзнодорожника, не виновенъ, я его знаю». Лобановъ задумался. «Ну, вотъ что, сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ раздумья, чтобы имъ не валяться на полу, пусть переночуютъ, а завтра сдѣлаете тщательный обыскъ и коли что разстрѣляемъ».

Насъ вывели на перронъ. Ночь стала еще глуше, огоньки на путяхъ едва мерцали; тоскливо сжималось сердце, на душѣ была какая-то муть. Къ этому присоединилась еще физическая слабость во всемъ тѣлѣ. Ноги передвигались съ трудомъ. Мысль работала тупо и вяло. Сознанія нависшей смертельной опасности, пожалуй, не было. Шли молча. Наконецъ, остановились у какого-то вагона на запасныхъ путяхъ. Наши конвоиры долго будили караульныхъ (оказалось, что въ этомъ же вагонѣ помѣщается караульная команда). Тѣ не хотѣли насъ принимать, бранили матерно свое начальство, не дающее имъ покоя, ругали насъ и выражали удивленіе, что съ нами, съ «буржуями возятся». Наконецъ, вышелъ караульный начальникъ и велѣлъ помѣстить насъ въ свободномъ купэ этого

же вагона. Насъ ввели туда и предоставили возможность усѣсться на проволочную сѣтку, оставшуюся отъ когда-то прекраснаго дивана перваго класса. Дверь не заперли, но зато въ корридорѣ на скамьѣ противъ двери нашего купэ усѣлся солдатъ съ винтовкой, который не спускалъ съ насъ глазъ и слѣдилъ за каждымъ нашимъ движеніемъ. Мы усѣлись и стали тихо разговаривать о случившемся. Затѣмъ замолчали, отдавшись каждый своимъ думамъ. Мой товарищъ забился въ уголъ и, кажется, даже заснулъ. Что наступилъ конецъ, что черезъ нѣсколько часовъ мы будемъ трупами, не вѣрилось. Казалось, что все это только недоразумѣніе. Ужъ слишкомъ глупо, все это было. Неужели же нѣтъ надежды? Но гдѣ она? Бѣжать, но какъ? Разбить окно и выброситься было слишкомъ опасно. Броситься на часового, вырвать у него винтовку и бѣжать, но удастся ли все это сдѣлать, пока не проснется команда; а нѣтъ ли второго караула у вагона? Ну, хорошо, побѣгъ удастся, но гдѣ скрыться? Вокругъ большевики. Вѣдь былъ уже почти у цѣли, у «порога дома», могъ завтра увидѣть жену, сына, по которымъ такъ изболѣло сердце, и вотъ вмѣсто этого — смерть. Я закрывалъ глаза и видѣлъ себя мысленно уже мертвымъ, брошеннымъ гдѣ-нибудь у откоса въ грязи. Представлялъ горе жены. Холодный комъ ужаса подкатывался порой къ сердцу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ надежда на жизнь не покидала. Пожалуй, даже увѣренность въ томъ, что я буду жить была сильнѣе. Мелькнула мысль о Картавенко. Нужно во что бы то ни стало повидать его. Можетъ быть, въ немъ спасеніе. Но вслѣдъ за тѣмъ, я вспомнилъ, что у меня въ карманѣ лежатъ «посвидченья», выданныя нѣмецко-украинской властью на право ношенія оружія, право проѣзда въ С-бъ и право хожденія по г. Ровно послѣ 10 час. вечера. Я слышалъ, что въ Кіевѣ большевики безъ всякаго сожалѣнія разстрѣливали всякаго, у кого находили подобные документы. Что дѣлать? Отъ нихъ нужно отдѣлаться непремѣнно. Но какъ? Солдатъ сидитъ у входа и все время смотритъ. Выбросить — найдутъ и тогда, конечно, пощады не будетъ. И вотъ я рѣшаю ихъ съѣсть. «Посвидченья» эти лежали у меня въ боковомъ карманѣ пальто, подъ пачкой книгъ безъ переплета. Нужно вынуть сначала книги. Но не успѣлъ я положить книги на столъ, какъ солдатъ, караулившій насъ, быстро поднялся и потребовалъ отдать ихъ ему. Просмотрѣвъ книги (это были томики разсказовъ Короленко), онъ возвратилъ мнѣ ихъ. «Это читать можете», милостиво разрѣшилъ онъ мнѣ. Я сдѣлалъ видъ, что читаю и вмѣстѣ съ тѣмъ одной рукой сталъ незамѣтно отрывать въ карманѣ кусочки отъ «посвидченій» и раскатывая ихъ въ маленькіе шарики, класть незамѣтно въ ротъ, жевать ихъ и глотать. Это было очень трудно. Бумага не разжевывалась и плохо глоталась. Попробовалъ я жеваные шарики бросать на полъ, но, едва замѣтные на грязномъ полу, они пугали меня несказанно. Мнѣ казалось, что шарики эти всѣ видятъ. Будетъ лишняя улика. Можетъ быть, это излишняя предосторожность и мои опасенія кажутся теперь смѣшными, но нужно вспомнить тогдашное мое душевное состояніе, чтобы понять меня...

Ѣлъ я «посвидченья» очень долго. Но когда съѣлъ, стало покойнѣе, и я завелъ разговоръ съ караульнымъ. Онъ восхищался современнымъ строемъ, восхвалялъ Шимановскаго, какъ революціоннаго вождя, выражалъ глубокое сожалѣніе по поводу его смерти и заявлялъ, что за его смерть «жиды и мужики», его убившіе, понесутъ тяжкую и заслуженную кару. Отъ него я узналъ, что Лобановъ отправился съ карательной экспедиціей въ г. М., и что его въ настоящее время замѣняетъ Картавенко. Это послѣднее сообщеніе очень ободрило меня и моего товарища по несчастью, который въ это время тоже принялъ участье въ разговорѣ.

Время отъ времени изъ караульнаго помѣщенія выходили, зѣвая, потягиваясь и почесываясь, товарищи и принимали участіе въ нашихъ разговорахъ; они обѣщали «изничтожить до тла, до корня» всѣхъ буржуевъ; грозили, что утромъ они «пустятъ кровь» тѣмъ, кто убилъ Шимановскаго, тѣмъ, кто вообще противится новой власти, при которой «всѣ равны, всѣ будутъ ѣздить въ вагонахъ третьяго класса» и что вагоновъ съ «мягкими подушками» и въ поминѣ не будетъ. У меня нѣтъ словъ, чтобы передать всю дикость, нелѣпость и кровожадность мыслей, высказанныхъ ими въ томъ разговорѣ.

Около четырехъ часовъ ночи, нашъ караульный былъ смѣненъ другимъ и разговоры прекратились, такъ какъ новый стражъ оказался человѣкомъ молчаливымъ и мрачнымъ и при попыткѣ моей заговорить съ нимъ, онъ оборвалъ меня, выбранивъ матерно и заявивъ, что ему, какъ истому пролетарію, бывшему шахтеру «не идетъ разговаривать съ современными паріями — проклятыми буржуями». Мы замолчали.

Въ шесть часовъ намъ въ купэ привели еще двухъ арестованныхъ — одного человѣка пожилого, степеннаго и спокойнаго крестьянина и другого парня лѣтъ 18, съ бѣльмомъ на глазу.

Новые заключенные объяснили намъ, что они были въ М. въ то время, когда толпа, передъ которой Шимановскій держалъ рѣчь, растерзала его. Послѣ убійства всѣ перетрусили и рѣшили послать делегацію на Унечу къ большевикамъ, чтобы «объяснить имъ все дѣло», но отправиться съ такимъ щекотливымъ порученіемъ желающихъ не нашлось. «И вотъ тогда мы съ дядькой», разсказывалъ молодой парень, «вызвались пойти, вѣдь не звѣри же эти самые большевики, они должны понять, что не прикажи Шимановскій стрѣлять по толпѣ, которая прерывала его рѣчь неодобрительными возгласами, онъ былъ бы цѣлъ и невредимъ». Не успѣли они прибыть на Унечу, какъ были арестованы «якимсь» Лобановымъ. «А вы за что сидите?», спросили вновь прибывшіе меня. Я отвѣтилъ, что этого я и самъ не знаю. «Какъ же ты не знаешь, сукинъ сынъ, прервалъ меня караульный, ты же сидишь за убійство Шимановскаго». Эти слова вызвали протестъ и даже смѣхъ со стороны прибывшихъ. «Грѣхъ вамъ, дядько, такъ говорить», сказалъ молодой, «ихъ тамъ не было». «А если не было, то не о чемъ и говорить, не можетъ того быть, чтобы разстрѣляли безвиннаго человѣка», отозвался какъ-то смутившись нашъ суровый стражъ. Мы замолчали снова.

Стало свѣтать. И странное дѣло, безпокойство наше съ разсвѣтомъ стало усиливаться.

Наконецъ, около семи часовъ утра вагонъ качнулся, кто-то вошелъ въ него и раздались по корридору шаги и бряцанье оружія. Мы насторожились, сердце сжалось тревогой; но вотъ шаги ближе и къ намъ въ купэ вошелъ... Картавенко. «Веди», сказалъ онъ пришедшимъ съ нимъ тремъ солдатамъ, указывая на молодого крестьянина. Когда его выводили изъ купэ, Картавенко уступилъ ему дорогу и задержался у нашей двери. Я воспользовался этой минутой и обратился къ нему съ просьбой разъяснить недоразумѣніе — почему онъ меня освободилъ, не найдя меня ни въ чемъ виновнымъ, а теперь вотъ меня снова арестовали и, въ чемъ обвиняютъ, мнѣ не извѣстно. Картавенко посмотрѣлъ на меня, помолчалъ и сказалъ: «что же дѣлать, я освободилъ, а товарищъ Лобановъ приказалъ арестовать. Не идти же мнѣ вмѣсто Васъ подъ разстрѣлъ», и онъ направился къ выходу, но затѣмъ вдругъ вернулся и сказалъ: «а впрочемъ, я еще съ Вами поговорю». Его слова немного насъ успокоили и мы стали ждать.

Но когда конвой явился за другимъ крестьяниномъ, безпокойство охватило насъ съ новой силой. На наши вопросы куда повели арестованныхъ, конвойные посмѣивались, стучали ружьями и отвѣчали: «а вотъ сами узнаете скоро, дождетесь, куда торопитесь, не на свадьбу». Эти слова, казавшіяся намъ полными загадочнаго смысла и скрытой угрозы, заставили насъ поблѣднѣть отъ страха. Я съ трудомъ удерживалъ дрожь во всемъ тѣлѣ, какой-то холодокъ стоялъ подъ сердцемъ, я чувствовалъ это просто физически. Это была самая страшная, самая ужасная минута нашего томленія.

Но вотъ опять шаги, я узнаю ихъ, это шаги Картавенко. Дѣйствительно, это оказался онъ. «Ну, вотъ что, товарищи, на мой рискъ, идите домой», произнесъ онъ лаконически, повернулся и быстро вышелъ. Черезъ минуту мы были на свободѣ.

Вскорѣ подошелъ поѣздъ, который долженъ былъ отвезти меня въ С-бъ. Изъ него волнуясь и спѣша высыпала толпа пассажировъ, которые, повидимому, были чѣмъ-то встревожены.

Я подошелъ къ группѣ стоявшихъ пассажировъ, которые о чемъ-то оживленно бесѣдовали между собою, по временамъ указывая вдаль по направленію, виднѣвшагося за поворотомъ пути, лѣска. Въ этой группѣ оказался мой знакомый изъ С—бъ. «О чемъ Вы говорите, что случилось?» спросилъ я. «Да вотъ, видите лѣсокъ, отвѣтилъ онъ, тамъ лежатъ два трупа, проѣзжая мы видѣли ихъ изъ оконъ вагона. Ихъ сегодня разстрѣляли на разсвѣтѣ. Одинъ, говорятъ, бросился бѣжать, въ него дали залпъ, онъ упалъ, но оказывается его не убили, а лишь повредили позвонокъ и онъ поползъ, но его догнали и добили прикладами».

Когда поѣздъ нашъ подходилъ къ лѣску, пассажиры бросились къ окнамъ. Я тоже подошелъ къ окну. На насыпи, у самаго полотна, лежало два трупа, на груди которыхъ бѣлѣлись какія-то записки. Я взглянулъ. Все поплыло у меня передъ глазами — это были тѣ, кто раздѣлялъ сегодня ночью наше заключеніе, кто такъ недавно наивно думалъ: «вѣдь, не звѣри же эти большевики». Вѣдь и я могъ быть сейчасъ вмѣстѣ съ ними. Смерть отъ меня была такъ близка...

Говорятъ, что приговоренные къ смерти наканунѣ казни очень крѣпко спятъ. Такъ ли это или нѣтъ, не знаю. Я лично эту ночь не могъ сомкнутъ глазъ ни на минуту. Но зато теперь, когда я взглянулъ на трупы, страшная слабость овладѣла мной, я опустился на скамейку и немедленно, самъ даже не замѣтивъ, заснулъ, сидя, крѣпкимъ сномъ.

Впослѣдствіи, живя въ С—бѣ до прихода нѣмцевъ, я слышалъ, что одинъ изъ разстрѣлянныхъ былъ признанъ не виновнымъ и женѣ его въ видѣ вознагражденія было выдано 5.000 руб.

II

Безпрерывно слышна орудійная канонада. То ближе, то дальше. Мы уже даже привыкли къ ней. Однако, чувствуется, что власть гетмана на закатѣ. Идетъ борьба его войскъ съ войсками Петлюры, обложившими Кіевъ.

Помню, сижу однажды утромъ въ гостиницѣ «Грандъ-Отель», гдѣ помѣщалась контръ-развѣдка и, какъ наблюдающій за слѣдствіемъ Товарищъ Прокурора. присутствую при допросѣ Судебнымъ Слѣдователемъ ряда свидѣтелей по дѣлу о разбойномъ нападеніи на Купеческій Банкъ, въ которомъ обвиняются бывш. Камергеръ Двора Его Императорскаго Величества, чиновникъ 5 класса при

Финляндскомъ Генералъ-Губернаторѣ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Ш, Начальникъ 6-ой дружины обороны г. Кіева и рядъ видныхъ офицеровъ. Таково время. Вдругъ тревога. Служащіе контръ-развѣдки забѣгали, заволновались и скоро въ контръ-развѣдкѣ не осталось ни души: убѣжали конвойные, свидѣтели, обвиняемые. Оказывается, въ Кіевъ входятъ Петлюровцы. Мы со Слѣдователемъ вышли на улицу. Тамъ суета. Снуютъ автомобили, бѣгутъ офицеры съ блѣдными лицами, тянутся какіе-то обозы, солдаты кучками спѣшатъ куда-то. Канонада стихла. И лишь вдали стрекочетъ гдѣ-то пулеметъ.

Но вотъ и побѣдители. Показались верховые въ бѣлыхъ шапкахъ съ кистями, за ними идетъ стройными рядами пѣхота, въ нѣмецкихъ каскахъ. На душѣ неспокойно. Грустно. Идутъ «самостійники». Это похуже гетмана. При немъ была хоть видимость власти. И хотѣлось думать, что власть его временная, что онъ играетъ какую-то хитрую роль на пользу Россіи и что наступитъ, конечно, день, когда, проснувшись, мы увидимъ, вмѣсто «желто-блакитнаго» знамени, нашъ родной національный флагъ. Съ приходомъ же Петлюровцевъ эта, быть можетъ фантастическая надежда, гнѣздившаяся у многихъ въ душѣ, отпала.

Они пришли, и надъ Кіевомъ нависли потемки. Жизнь стала тревожной, напряженной. На улицахъ трупы растерзанныхъ офицеровъ. Ни одна ночь не проходитъ безъ убійства. Во многихъ домахъ обыски. Произволъ и разстрѣлы безъ конца. Я знаю, что тяжесть атмосферы владычества этой власти, заставляла многихъ мечтать о большевикахъ — тѣ, по крайней мѣрѣ, свои, русскіе.

Наконецъ, принялись и за насъ. До сихъ поръ суду удавалось сохранить право вести переписку и разбирать дѣла на русскомъ языкѣ. Украинизація къ суду не прививалась. Съ приходомъ же новой власти начался нажимъ въ этомъ направленіи. Мы боролись, насколько могли. Впереди другихъ боролся прокурорскій надзоръ. Помню, изъ состава прокурорскаго надзора было командировано нѣсколько человѣкъ Товарищей Прокурора въ Комиссію по разслѣдованію дѣятельности офицеровъ, служившихъ русскому національному дѣлу. Назначенные въ Комиссію отказались ее посѣщать. Были командированы другіе, но и тѣ поступили такъ же. И, въ концѣ концовъ, Комиссія эта осталась безъ лицъ прокурорскаго надзора, такъ какъ Кіевскій Прокурорскій надзоръ, пригрозивъ коллективной отставкой, принудилъ власть отказаться отъ его участія въ подобнаго рода дѣлахъ. Однако, бывало и не безъ курьезовъ.

Однажды, я былъ командированъ въ Радомысльскій съѣздъ мировыхъ судей для дачи «заключеній». Входимъ въ засѣданіе. И что же. Предсѣдатель началъ вести его на украинской «мовѣ», на такой же «мовѣ» члены суда дѣлали доклады, защитники заговорили по украински. Мое мѣсто находилось вблизи публики, состоявшей главнымъ образомъ изъ крестьянъ и поэтому до меня иногда долетали обрывки ихъ разговоровъ. Когда началась «мова», я вижу, какъ вытянулись лица крестьянъ, и они въ недоумѣніи стали переглядываться другъ съ другомъ, а одинъ изъ нихъ, нагибаясь къ сосѣду сказалъ: «Петро, а Петро, что это паны показились, чи що?»

Но вотъ канонада снова. Приближаются большевики. Опять тревога. Но падающей власти не жаль. Однако, многіе спѣшатъ уѣхать въ Одессу. Въ числѣ уѣзжающихъ и мой братъ. Онъ долго уговаривалъ меня ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, но я рѣшилъ остаться. Говорятъ, большевики уже не тѣ. Чего же ихъ бояться?

Они эволюціонировали. И я остался. Послѣдній день власти Петлюры, — послѣдній аккордъ — галиційскія части окружили «присутственныя мѣста», ограбили казначейство и ушли. Слѣдомъ за ними явились большевистскіе разъѣзды. Новыя лица. Верховые съ громадными красными бантами, пьяные, съ торчащими лихо изъ-подъ сбитыхъ на бекрень шапокъ волосами.

Пришли большевики и, можете себѣ представить, стало легче дышать. Они писали декреты, митинговали, но на первыхъ порахъ никакихъ притѣсненій не было; прекратились и безсмысленные разстрѣлы, процвѣтавшіе такъ при Петлюровцахъ. Населеніе вздохнуло свободнѣе. И, когда большевики рубили на Софіевской площади деревянную колонну, поставленную Петлюрой, какъ эмблему «самостійной Украины», я видѣлъ, какъ въ толпѣ при этомъ присутствующей, крестились: «слава Богу, пришли свои. Конецъ этимъ нѣмецкимъ выдумкамъ» (здѣсь имѣлась въ виду петлюровская авантюра). Почему-то народъ съ первыхъ же дней возненавидѣлъ эту башню и далъ ей неприличное, неудобо-печатное названіе. Шли дни. Судъ прекратилъ свое существованіе. И я очутился «на подножномъ корму». Жалованье прекратилось, къ большевикамъ на службу я поступать не хотѣлъ, и приходилось для своего пропитанія заниматься «чѣмъ Богъ пошлетъ». Я занялся тѣмъ, что покупая дрожжи, мыло, табакъ, конфекты на фабрикахъ, разносилъ все это по магазинамъ и продавалъ. Этимъ я зарабатывалъ недурно, во всякомъ случаѣ, мнѣ съ сыномъ на жизнь хватало. Но вотъ «свои» стали выпускать когти, посыпались декреты болѣе суровые, начали націонализировать фабрики, торговля пришла въ упадокъ. Жить стало труднѣе. Пришлось заняться другимъ дѣломъ — скупкой старыхъ вещей и перепродажей ихъ на базарѣ. Однако, и это занятіе скоро сдѣлалось очень рискованнымъ, такъ какъ на базарахъ начались облавы и обыски. Въ одинъ несчастный день мы могли остаться и безъ товара, и безъ денегъ, которые большевики безъ всякихъ разговоровъ отбирали «у торговцевъ». Заработка намъ уже не хватало на жизнь. Приходилось распродавать собственныя вещи. А тутъ еще нужно было «ловчиться». — Вышелъ декретъ по которому всѣ буржуи подлежали призыву на работы въ лѣсу. Что было дѣлать? Уйди я на работы, мой 8-ми лѣтній сынъ остался бы и безъ хлѣба, и безъ призора, такъ какъ его мать, а моя жена незадолго до этого времени погибла отъ тифа.

Такъ какъ декретъ этотъ не распространялся на студентовъ, я поспѣшилъ поступить въ университетъ, на первый курсъ математическаго факультета. Но оказалось, что студенты, освобождаясь отъ трудовой повинности, подлежали призыву въ войска; и вотъ мнѣ снова пришлось изыскивать «способы спасенія». Къ этому времени начались обыски, аресты, выселеніе изъ квартиръ. Мы перестали чувствовать уже свою безопасность, такъ какъ неосторожный взглядъ, неосторожное слово, могло привести васъ въ чрезвычайку. Поступившимъ на совѣтскую службу было легче — они имѣли документъ, который до извѣстной степени давалъ имъ надежду на то, что ихъ не захватятъ во время уличной облавы. Наконецъ, ввели карточную систему и въ результатѣ хлѣбъ почти исчезъ. Бѣгая цѣлый день безъ устали, я своей торговлей едва зарабатывалъ, чтобы прокормить своего сына. Самъ же я, бывали дни, когда питался оставшейся у меня въ запасѣ мукой, разведенной въ водѣ. Было очень тяжело, но я не сдавался и на службу къ большевикамъ не шелъ.

Но вотъ вышелъ декретъ, по которому всѣ юристы, не состоящіе на совѣтской службѣ, подлежали мобилизаціи въ большевистскіе суды, на должности народныхъ слѣдователей, народныхъ судей и т. д., причемъ уклоняющемуся

грозилось преданіемъ революціонному трибуналу. Служить у большевиковъ вообще было тяжко, служить же въ ихъ судѣ была мука. Свято любя судебные уставы Александра II, я полагалъ служеніе Ѳемидѣ только на основѣ этого совершеннаго творенія юридической мысли. Возвратиться же въ храмъ ея осквернённый и загаженный творчествомъ товарищей Стучекъ и К-о было выше моихъ силъ. Нужно было найти выходъ, и я сталъ искать его. Съ одной стороны измученный постоянной тревогой за завтрашній день, тяжкія матеріальныя условія и боязнь сдѣлаться «совѣтскимъ судьей» вынудили меня искать «нейтральнаго мѣста». Къ счастью, мнѣ скоро удалось устроиться чиновникомъ для порученій въ «Пленбеже», учрежденіи, вѣдавшемъ отправку, пріемъ и кормленіе военноплѣнныхъ и бѣженцевъ. Это избавило меня отъ «мобилизаціи юристовъ».

Первое время по поступленіи на службу я вздохнулъ свободнѣе: у меня былъ документъ совѣтскаго служащаго и я сталъ получать паекъ. Работы не было буквально никакой, какъ, впрочемъ, и у большинства совѣтскихъ чиновниковъ.

Однако, мое благополучіе продолжалось недолго. Дѣло въ томъ, что вскорѣ послѣ моего поступленія на службу въ «Пленбежъ», тамъ началась борьба между начальникомъ его г. Ш. — старымъ земскимъ дѣятелемъ и комиссаромъ «Пленбежа» (фамилія его улетучилась), который находилъ, что Ш. недостаточно преданъ революціи, слишкомъ строгъ съ рабочими, которые, кстати сказать, буквально ничего не хотѣли дѣлать, заботясь лишь о пайкахъ и «прибавкахъ» во всѣхъ видахъ. На сторонѣ комиссара, какъ болѣе сильнаго, было большинство служащихъ, старавшихся заслужить его расположеніе. Борьба эта окончилась, конечно, удаленіемъ Ш. отъ должности.

Находя этотъ актъ несправедливымъ и считая Ш. прекраснымъ работникомъ, я вмѣстѣ съ небольшой группой служащихъ, раздѣлявшихъ мое мнѣніе, написалъ Ш., по поводу его ухода, привѣтственный адресъ, подъ которымъ подписалось около 20 человѣкъ. Объ этомъ адресѣ сейчасъ же сдѣлалось извѣстно комиссару, и отъ насъ потребовали, чтобы мы взяли отъ Ш. свой адресъ обратно и присоединились къ резолюціи большинства, осуждавшей дѣятельность Ш. и выражавшей ему порицаніе. Большинство подписавшихъ адресъ Ш. сняло свои подписи, но я и еще 6 человѣкъ, а въ томъ числѣ и В. И. Сухомлинъ, правый «соціалистъ-революціонеръ», осужденный лѣтъ 20 тому назадъ по дѣлу Лопатина въ каторжныя работы и амнистированный при Временномъ Правительствѣ, отказались, конечно, это сдѣлать и были немедленно уволены со службы. Вскорѣ я узналъ, что обо мнѣ и о Сухомлинѣ сообщено въ Че-ка. Нужно было спасаться. Выѣздъ изъ Кіева безъ соотвѣтствующихъ документовъ былъ невозможенъ. Къ счастью, у Сухомлина оказался знакомый Н. К. Линиченко, предсѣдатель «Украинскаго Червонаго Креста»*. Мы направились къ нему и напрямикъ объяснили, что намъ необходимо выѣхать изъ Кіева. Линиченко принялъ въ насъ участіе и предложилъ намъ отвезти въ Полтаву — пробравшись черезъ фронтъ — три милліона въ распоряженіе В. Г. Короленко, состоявшаго Предсѣдателемъ «Всероссійской лиги спасенія дѣтей». Несмотря на рискованность этого порученія, мы съ благодарностью приняли это предложеніе. Черезъ нѣсколько дней, я, Сухомлинъ и присяжный повѣренный прапорщикъ Федорченко, уклонявшійся отъ большевистской мобилизаціи, выѣхали изъ Кіева.

---

* Украинскій Красный Крестъ.

Какъ оказалось впослѣдствіи, черезъ нѣсколько часовъ послѣ моего отъѣзда изъ Кіева, ко мнѣ на квартиру, съ цѣлью ареста, явились матросы изъ Че-ка, но, къ счастью, я былъ уже далеко. Всѣ же мои товарищи по должности въ прокурорскомъ надзорѣ, арестованные въ тотъ день, когда за мной являлись изъ Чека, были разстрѣляны и несомнѣнно меня постигла бы та же участь, если бы я оказался дома.

Имѣя разрѣшеніе на проѣздъ и всякія «хранительныя грамоты», мы едва попали въ теплушку, набитую исключительно красноармейцами, которые неистово ругались, толкались, плевались, бросали шелуху отъ подсолнуховъ на полъ и т. п. На первой же станціи, гдѣ садились новые пассажиры, насъ, какъ «штатскихъ», хотя и имѣвшихъ на рукахъ повязки Краснаго Креста, хотѣли выбросить изъ вагона, и лишь краснорѣчіе Сухомлина и упоминаніе его о томъ, что онъ бывшій народоволецъ, проведшій почти всю свою жизнь за свои политическія убѣжденія на каторгѣ и въ изгнаніи, спасло насъ. Въ дорогѣ мы получили свѣдѣнія, что добровольцы заняли Лубны, куда, въ сущности говоря, мы и должны были вначалѣ пріѣхать, чтобы, встрѣтившись тамъ съ Уполномоченнымъ «Червонаго Креста» — С., отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ Полтаву.

Пріѣхавъ, не помню, на какую-то станцію, мы узнали, что дальше поѣзда не идутъ, такъ какъ всѣ пути отъ ст. «Гребенки» забиты отступающими эшелонами и что до «Гребенки» можно добраться лишь лошадьми; получить же лошадей было невозможно. Что было дѣлать? Мы въ унынiи усѣлись на станціи и стали размышлять, какъ быть дальше. Въ такомъ же положеніи очутился и одинъ изъ нашихъ попутчиковъ, съ которымъ мы познакомились въ дорогѣ — бывшій офицеръ, а нынѣ «совработникъ» совѣтскаго имѣнія. «Знаете», сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ раздумья, «я нашелъ выходъ. Я хорошо знаю комиссара мѣстечка, расположеннаго у этой станціи, и попытаюсь дѣйствовать черезъ него. Комиссаръ этотъ — матросъ Черноморскаго флота, славящійся своей силой и жестокостью, но человѣкъ глуповатый, авось я его обману». Съ этими словами спутникъ нашъ направился къ телефонной будкѣ и вызвалъ Исполнительный Комитетъ. Мы съ тревогой наблюдали за нимъ. А вдругъ онъ коммунистъ, рѣшившій насъ предать. Черезъ нѣсколько минутъ ему отвѣтили, и мы услышали, какъ онъ сказалъ: «попросите немедленно пріѣхать на станцію комиссара, есть важное дѣло». Тревога наша усилилась и мы съ безпокойствомъ наблюдали, какъ спутникъ нашъ, заложивъ руки въ карманы и посвистывая, ходилъ по вокзалу.

Приблизительно черезъ полчаса, стоя у вокзала, мы увидѣли, что къ намъ приближается какая-то группа всадниковъ, имѣвшихъ во главѣ матроса громаднаго роста, ѣхавшаго верхомъ на бѣлой лошади. Подъѣхавъ къ станціи, матросъ соскочилъ съ лошади и, подойдя къ намъ, спросилъ: «Кто меня вызывалъ, по какому дѣлу?» — «Это я вызывалъ Васъ, товарищъ комиссаръ», произнесъ нашъ спутникъ, приближаясь къ матросу, «дѣло въ томъ, что мы, то-есть я и товарищи доктора ѣдутъ въ Лубны по срочному дѣлу эвакуаціи госпиталей, а поѣзда, оказалось, дальше не идутъ. Такъ вотъ, мы, зная Васъ, какъ прекраснаго, распорядительнаго, энергичнаго и строгаго администратора, у котораго управлять должны были поучиться прежніе губернаторы, рѣшили обратиться къ Вамъ съ просьбой помочь намъ достать лошадей». Эти слова лести очень понравились комиссару и онъ, самодовольно улыбнувшись, спросилъ: «Неужели меня знаютъ? Да, Вы не ошиблись, я человѣкъ строгій,

чуть что — къ стѣнкѣ, но зато у меня и порядокъ. Лошади у Васъ будутъ». И съ этими словами комиссаръ подошелъ къ телефону и, снявъ трубку, вызвалъ какую-то «Черноярскую экономію», и когда ему отвѣтили, онъ сказалъ: «чтобы черезъ часъ на станціи были двѣ подводы. Поняли. То-то. А то знаете меня — къ стѣнкѣ». И повѣсилъ трубку. Затѣмъ, подойдя къ намъ снова, онъ сталъ жаловаться на сильный кашель и просилъ его полечить. В. И. Сухомлинъ не растерялся, посмотрѣлъ его языкъ, пощупалъ пульсъ, разспросилъ о признакахъ болѣзни, потомъ преспокойно залѣзъ въ карманъ и вынувъ оттуда какіе-то порошки, какъ я узналъ потомъ, аспирина, вручилъ ихъ комиссару, заявивъ, что отъ этихъ порошковъ болѣзнь его, «какъ рукой сниметъ». Поблагодаривъ В. И. Сухомлина и поговоривъ съ нами еще нѣсколько минутъ, комиссаръ извинился, что не можетъ дольше побыть съ нами, такъ какъ у него, въ виду приближенія «кадетъ»*, масса работы, и, пожавъ намъ крѣпко руки, направился къ своей лошади, но затѣмъ вдругъ повернулся и спросилъ: «позвольте, а гдѣ Вы намѣрены ждать лошадей, тутъ Вамъ на станціи неудобно. Пожалуйте за мной».

Черезъ нѣсколько секундъ мы входили въ какой-то постоялый дворъ. Хозяинъ его — еврей встрѣтилъ насъ низкими поклонами. Комиссаръ приказалъ ему дать намъ «безплатно два номера исполнительнаго комитета» и накормить, «а то знаете меня», добавилъ онъ. Послѣ этого онъ усѣлся на свою лошадь и уѣхалъ.

Чѣмъ объяснить, что онъ не поинтересовался посмотрѣть наши документы, я и до сихъ поръ не могу понять.

Прекрасно отдохнувъ и закусивъ, мы сѣли на подводы «Черноярской экономіи» и благополучно доѣхали до ст. Гребенки. «Гребенки» оказались набиты отступающими эшелонами войскъ, обозами, бѣженцами. Все это двигалось походнымъ порядкомъ, такъ какъ желѣзнодорожное сообщеніе почему-то прекратилось. Мѣстные жители, запуганные настоящей властью, но и съ тревогой ждущіе новой, попрятались по домамъ и выходили изъ нихъ лишь въ случаѣ крайней нужды. Всѣ двери, всѣ окна были на запорѣ. Торговля умерла. Достать какую-либо пищу было буквально невозможно ни за какія деньги. И стыдно сознаться, что я, представитель закона, живя три дня въ «Гребенкахъ», питался картошкой, которую мы крали въ сосѣднихъ огородахъ.

Послѣ продолжительныхъ поисковъ пристанища, мы, наконецъ, съ большимъ трудомъ и за большія деньги уговорили одного изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ пріютить насъ на нѣсколько дней. Устроившись кое-какъ, мы отправились къ коменданту станціи въ намѣреніи просить оказать намъ содѣйствіе къ дальнѣйшему нашему путешествію. Комендантъ — юноша лѣтъ 20, въ формѣ какого-то техническаго учебнаго заведенія, принялъ насъ очень сухо и, выслушавъ нашу просьбу и посмотрѣвъ документы, заявилъ: «что Вы мнѣ суете какую-то «всероссійскую лигу», Вы еще захотите проѣхать по документамъ Всероссійскаго Земскаго Союза. Дайте мнѣ удостовѣреніе о томъ, что Вы — коммунисты, тогда другое дѣло». Мы начали его уговаривать, но кончилось это тѣмъ, что онъ прогналъ насъ и пригрозилъ тѣмъ, что отправитъ насъ въ «политическій отдѣлъ полевого штаба» на ст. «Лазорьки», гдѣ насъ «могутъ или отпустить далѣе, или разстрѣлять». Такъ какъ перспектива быть отправленными въ политическій отдѣлъ намъ не улыбалась, то мы рѣшили

* Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ звали добровольцевъ.

никому не показываться на глаза, сидѣть смирно въ своей комнатушкѣ и ждать прихода добровольцевъ. Прошло два дня или три. За это время въ сторону Лубенъ не отошло ни только поѣзда, но даже и паровоза, съ которымъ мы могли бы кое-какъ проѣхать. Наконецъ, какъ-то ночью, я услышалъ паровозный гудокъ и что-то меня словно толкнуло, что это поѣздъ, идущій въ сторону Лубенъ. Руководимый предчувствіемъ, я разбудилъ своихъ товарищей и, высказавъ имъ свои предположенія, предложилъ «попытать счастья». Они согласились со мной. Черезъ нѣсколько минутъ мы, захвативъ свои вещи, двинулись на станцію. Придя туда, мы увидѣли, что на путяхъ въ сторону Лубенъ стоитъ паровозъ и двѣ теплушки. Подойдя къ паровозу и узнавъ, что этотъ составъ дѣйствительно идетъ въ Лубны, мы стали просить машиниста, взять насъ съ собой, но онъ рѣшительно намъ въ этомъ отказалъ, а когда мы пообѣщали ему хорошо заплатить, онъ пришелъ въ ярость, сталъ кричать, бранить насъ и угрожать, немедленно отправить насъ къ коменданту. Уныло отошли мы отъ паровоза, но все же не хотѣли терять надежды на успѣхъ. Подойдя къ теплушкамъ и услышавъ тамъ кашель, мы стали просить, впустить насъ. Оттуда намъ отвѣтили, что это теплушка съ тифозными больными, и, когда мы заявили, что это насъ не страшитъ, насъ, наконецъ, согласились впустить. Забравшись въ вагонъ, оказавшійся, судя по неубранному навозу, вагономъ для скота, мы увидѣли въ одномъ углу его человѣка 4 или 5 солдатъ, лежавшихъ на соломѣ. Забившись въ другой уголъ, мы стали ждать. Время тянулось необычайно медленно. Мы очень опасались, что вагоны эти передъ отправленіемъ будутъ провѣрять и обнаружатъ въ нихъ наше присутствіе. Однако, этого, слава Богу, не случилось. Правда, поѣздъ стоялъ очень долго, и это стоило намъ много нервовъ. Отправился онъ лишь на разсвѣтѣ. На слѣдующей станціи къ нашему поѣзду прицѣпили еще нѣсколько вагоновъ, и въ такомъ составѣ мы прибыли на ст. «Лазорьки» — самое страшное мѣсто нашей остановки, мѣстонахожденіе «политическаго отдѣла», гдѣ, какъ мы совершенно основательно предполагали, будетъ производиться контроль. Наши опасенія оправдались. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ нашего прибытія на станцію, мы услышали, какъ съ шумомъ отодвигаются двери теплушки и чей-то голосъ спрашиваетъ: «ваши документы, ваши документы, нельзя, выходите, взять» и т. п. Наконецъ очередь дошла и до нашего вагона — дверь съ шумомъ отодвинулась и въ вагонъ заглянуло нѣсколько человѣкъ, но увидѣвъ на нашихъ рукавахъ пальто повязки Краснаго Креста, закрыли двери, сказавъ: «дальше, это санитарка». Мы облегченно вздохнули. Намъ положительно везло. Черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ тронулся дальше. До Лубенъ оставалась еще одна станція — «Вилы». На этой станціи намъ пришлось снова превратиться въ докторовъ. Дѣло въ томъ, что по прибытіи туда поѣзда, къ намъ въ вагонъ принесли только-что раненаго въ животъ красноармейца и просили, его осмотрѣть. Что было дѣлать? Но В. И. Сухомлинъ нашелся и на этотъ разъ. Онъ спросилъ, дѣлали ли больному перевязку, и, получивъ отвѣтъ, что перевязка сдѣлана сейчасъ же послѣ ранения фельдшеромъ, заявилъ, что онъ не будетъ безпокоить больного, а осмотритъ и сдѣлаетъ все, что нужно по прибытіи въ Лубны.

Но вотъ и Лубны. Станція пуста. Кое-гдѣ сожженныя станціонныя постройки. Гдѣ-то вдали не часто гукаетъ орудіе. Мы вышли изъ вагона и, минуя станцію, прошли боковой калиткой въ городъ. Кругомъ ни души — словно все вымерло. Тихо и безлюдно и дальше на улицахъ. Кто здѣсь,

свои ли, большевики ли, или въ городѣ ни тѣхъ, ни другихъ нѣтъ? Я совѣтовалъ своимъ спутникамъ зайти въ какой-либо ближайшій домъ, чтобы тамъ разспросить обо всемъ и оріентироваться въ обстановкѣ, но В. И. Сухомлинъ ни за что съ этимъ не соглашался и велъ насъ въ какую-то гостиницу, въ которой онъ былъ лѣтъ 20 тому назадъ. Но вотъ, наконецъ, навстрѣчу намъ попался какой-то молодой еврей съ блѣднымъ, напуганнымъ лицомъ, спѣшившій, по его словамъ, на станцію для того, чтобы попытаться куда-либо уѣхать Онъ сообщилъ намъ, что въ городѣ ни бѣлыхъ, ни красныхъ нѣтъ, что третьяго дня городъ былъ занятъ передовыми частями добровольцевъ, которые, ограбивъ еврейское населеніе, были вчера выбиты большевиками изъ города. Отъ него же мы узнали, что штабъ послѣднихъ находится на станціи. Распрощавшись съ этимъ евреемъ, мы пошли дальше, но не успѣвъ свернуть въ слѣдующую улицу, увидѣли ѣдущаго навстрѣчу намъ на прекрасной лошади пожилого, судя по его одеждѣ, донского казака. Подъѣхавъ къ намъ, казакъ остановилъ лошадь и вынувъ изъ кобуры револьверъ, приказалъ намъ вернуться назадъ. Не зная, кто передъ нами, мы рѣшили выждать и покорно пошли обратно подъ конвоемъ казака. На нашъ вопросъ, куда онъ насъ ведетъ, казакъ отвѣтилъ: «ну, ну, нечего тамъ, ступайте, ступайте», и недвусмысленно потрясъ револьвером.

Пройдя немного, мы встрѣтили двуколку, на которой ѣхало человѣкъ 5—6 солдатъ растерзаннаго и дикаго вида, увидѣвъ которыхъ, казакъ приказалъ имъ поворотить и сопровождать насъ, причемъ солдатъ этихъ онъ назвалъ «товарищами». Узнавъ, что мы въ рукахъ красныхъ и предпочитая имѣть дѣло съ ихъ начальствомъ, мы начали просить ихъ отвезти насъ либо въ исполнительный комитетъ, либо въ штабъ. Выслушавъ нашу просьбу, конвоиры стали хохотать, осыпать градомъ брани и заявлять, что у нихъ есть свой штабъ, «штабъ Духонина», при чемъ одинъ изъ нихъ, глядя съ насмѣшкой на В. И. Сухомлина, сказалъ: «что, попались, Ваше Превосходительство, не любишь небось этого, а шкуру съ людей драть любилъ». В. И. Сухомлинъ, видя, что его принимаютъ за какого-то генерала, сталъ доказывать, что генераломъ онъ никогда не былъ, что онъ самъ пострадалъ за народъ, и т. п. Однако, на этотъ разъ излюбленный имъ пріемъ не оказалъ никакого дѣйствія, такъ какъ солдатъ грубо прервалъ его: «будетъ, будетъ очки втирать, я вѣдь у тебя въ бригадѣ служилъ, сукинъ сынъ». Оставалось покориться судьбѣ и ждать. Особенно плохо себя чувствовалъ я. Дѣло въ томъ, что, отправляясь въ путешествіе, В. И. Сухомлинъ предупреждалъ, чтобы мы не брали съ собой никакихъ могущихъ насъ скомпрометировать документовъ. Однако, я не послушалъ его и тайкомъ отъ него захватилъ свой паспортъ Товарища Прокурора, разсчитывая на то, что онъ можетъ очень мнѣ пригодиться при встрѣчѣ съ бѣлыми. Что мнѣ было теперь съ нимъ дѣлать? При обыскѣ его обнаружатъ, и дѣло можетъ принять очень плохой оборотъ. Я думалъ сначала бросить его, но это было слишкомъ рискованно, и эту мысль пришлось оставить. Идя и разговаривая между собой о томъ, какъ мы неосторожно попались, мы выражали больше всего опасеніе, что солдаты произведутъ безъ своего начальства у насъ обыскъ, найдутъ деньги и, желая ими воспользоваться, покончатъ съ нами. Гдѣ свидѣтели, попробуй-ка найти виновныхъ! Сегодня они здѣсь, а завтра за 30—40 верстъ отсюда. Это было страшнѣе всего. Было рѣшено, во что бы то ни стало, добиться того, чтобы насъ отвели въ штабъ, и вотъ, когда мы дошли до вокзала, мы остановились

и сказали, что дальше мы не двинемся съ мѣста. Однако, это помогло очень мало, такъ какъ солдаты, соскочивъ съ двуколки, стали насъ бранить и подталкивать довольно сильно винтовками. Въ это время казакъ, насъ задержавшій, отдѣлился отъ нашей группы и направился къ вокзалу. Смутно, инстинктивно догадываясь, что имѣть дѣло съ казакомъ лучше, чѣмъ съ остальной бандой, мы стали кричать ему и просить насъ не покидать. Это довѣріе, повидимому, казаку понравилось, такъ какъ онъ уже болѣе дружелюбно крикнулъ намъ, чтобы мы не безпокоились, такъ какъ онъ сейчасъ вернется. Двинулись дальше. Вышли въ поле. Куда насъ ведутъ? Но вотъ слышимъ сзади топотъ лошади. Оглядываемся — нашъ казакъ скачетъ за нами, машетъ и кричитъ солдатамъ, чтобы они поворачивали обратно. Когда мы приблизились къ вокзалу, насъ окружила толпа солдатъ, кричавшая: «что тутъ разговаривать, и такъ видно, что офицеры; они здѣсь были, да вотъ проспали и не успѣли удрать со своими». Два или три изъ нихъ кричали больше всѣхъ и божились, что они насъ опознаютъ и что мы дѣйствительно были вчера въ Лубнахъ съ бѣлыми. Среди этого крика и брани насъ повели на вокзалъ. Когда я входилъ послѣднимъ въ дверь вокзала, стоявшій тутъ же казакъ, насъ задержавшій, нагнувшись ко мнѣ, прошепталъ: «не бойтесь, я такой же, какъ и Вы. Господи, когда же этому конецъ, когда же это кончится, надоѣло смерть какъ!» Я взглянулъ на него съ благодарностью и уже веселѣе поспѣшилъ за товарищами.

На вокзалѣ насъ встрѣтилъ молодой человѣкъ во френчѣ и желтыхъ гетрахъ съ шашкой черезъ плечо. Онъ отрекомендовался комиссаромъ Скорняковымъ и вѣжливо протянулъ намъ руку. В. И. Сухомлинъ въ свою очередь назвалъ себя и сказалъ, что онъ «старый народоволецъ», что онъ и мы, его товарищи, желаемъ переговорить съ комиссаромъ наединѣ, такъ какъ у насъ есть «секретное дѣло». Скорняковъ ввелъ насъ въ какую-то комнату, въ которой находилось нѣсколько человѣкъ солдатъ, и попросилъ ихъ выйти. Солдаты, хотя и неохотно, и ворча, повиновались и вышли. Скорняковъ предложилъ намъ сѣсть и, просмотрѣвъ наши документы и выслушавъ В. И. Сухомлина, сказалъ, что пойдетъ посовѣтоваться съ командующимъ отряда т. Забалуевымъ и его начальникомъ штаба т. Загорскимъ.

Во время отсутствія Скорнякова, въ комнату, въ которой мы находились, вошелъ какой-то солдатъ, повидимому писарь, и, роясь въ бумагахъ, сталъ съ нами разговаривать, причемъ мы узнали отъ него, что Забалуевъ — бывшій рабочій, командуетъ теперь кавалерійской частью, а Загорскій — бывшій прапорщикъ, его ближайшій другъ и правая рука.

Черезъ нѣсколько минутъ вернулся Скорняковъ. Вмѣстѣ съ нимъ пришли Забалуевъ и Загорскій. Первый, — худой, высокаго роста мужчина, лѣтъ 35, съ заломленной лихо на затылокъ папахой, изъ-подъ которой выбивалась прядь рыжихъ волосъ, какъ у донского казака, былъ мраченъ и молчаливъ. Второй же — маленькій, щупленькій, рыженькій, прыщеватый, очень подвижной и говорливый. И тотъ, и другой вѣжливо поздоровались съ нами и сѣли. В. И. Сухомлинъ снова предъявилъ имъ наши документы, объяснилъ, что мы веземъ въ Полтаву деньги, что въ Лубнахъ должны встрѣтить своего уполномоченнаго, но не знаемъ, эвакуировался онъ или нѣтъ, и что вотъ теперь задержавшіе насъ красноармейцы свидѣтельствуютъ ложно, что мы будто бы бывшіе офицеры и что при этихъ условіяхъ намъ держать при себѣ деньги рискованно. Поэтому онъ проситъ принять деньги на

храненіе и выдать намъ въ этомъ расписку, чтобы впослѣдствіи на насъ не было нареканій и обвиненій въ томъ, что мы эти деньги присвоили. Выслушавъ насъ, Забалуевъ и Скорняковъ изъявили желаніе принять деньги и хранить ихъ въ полковомъ сундукѣ до тѣхъ поръ, пока мы не разыщемъ своего уполномоченнаго и не явимся вмѣстѣ съ нимъ въ штабъ. Однако, этому воспротивился Загорскій, сказавшій: «Вы разсуждаете, какъ штатскіе люди, а я буду говорить, какъ военный. Взять деньги въ полковой сундукъ неудобно, такъ какъ возлѣ него нужно ставить часового; затѣмъ неизвѣстно, долго ли мы пробудемъ въ Лубнахъ. Лучше всего отправить ихъ (насъ) въ «Лазорьки» въ политическій отдѣлъ». Услышавъ это, мы стали просить этого не дѣлать, такъ какъ это удалило бы насъ отъ цѣли нашего путешествія. Въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ разговоровъ, было рѣшено, что наши чемоданы съ деньгами останутся въ этой же комнатѣ, я останусь ихъ охранять, а Сухомлинъ и Федорченко, получивъ разрѣшеніе на въѣздъ въ Лубны, отправятся разыскивать Уполномоченнаго С.

Не прошло получаса послѣ того, что мои спутники отправились въ городъ, какъ началась сильнѣйшая артиллерійская стрѣльба. На станціи засуетились, забѣгали. Вмѣстѣ съ другими я вышелъ на перронъ, тамъ стоялъ готовый къ отправленію бронепоѣздъ. Изъ разспросовъ я выяснилъ, что бѣлые изъ-за рѣки Сулы обстрѣливаютъ станцію. Канонада все усиливалась и усиливалась. Скоро на станціи почти не осталось живой души. Сидѣть одному въ комнатѣ, когда вблизи падали снаряды, было очень жутко. Особенно мучительное чувство страха испыталъ я, когда отъ упавшаго почти противъ дверей станціи снаряда задрожали стѣны и посыпались стекла выбитыхъ оконъ. Въ такомъ состояніи время идетъ «черепашьимъ шагомъ», и мнѣ начало уже казаться, что я никогда не дождусь моихъ спутниковъ. Напуганное воображеніе рисовало мнѣ, что они арестованы или даже уже убиты. Я сталъ помышлять, какъ бы и мнѣ скрыться со станціи, но чемоданъ съ деньгами, который я приставленъ былъ охранять, крѣпко держалъ меня незримыми узами, парализуя мою рѣшимость бросить все и бѣжать. Но вотъ въ тотъ моментъ, когда я, прождавъ часа три, потерялъ всякую надежду на то, что поѣздка наша можетъ кончиться благополучно, вдругъ открылись двери и я съ радостью увидѣлъ В. И. Сухомлина и Уполномоченнаго С. Собрать чемоданы и вынести ихъ на извозчика, даннаго С. комендантомъ города, было, конечно, дѣломъ нѣсколькихъ минутъ.

Жили мы въ Лубнахъ дня три. Въ городъ почти не выходили и все ждали, вотъ придутъ наши. Но бѣлыхъ все не было. Всѣ эти три дня мы жили подъ обстрѣломъ. Сзади нашего дома, въ саду стояла батарея большевиковъ, обстрѣливавшая бѣлыхъ, стоявшихъ за Сулой. Тѣ же въ свою очередь время отъ времени посылали свои «гостинцы» большевикамъ. Снаряды съ шумомъ и визгомъ носились черезъ нашъ домъ. Говорятъ, что къ орудійной стрѣльбѣ можно привыкнуть. Что касается меня, то, грѣшный человѣкъ, долженъ сознаться, за все это время я къ ней не привыкъ. Безпрерывный грохотъ, дребезжаніе стеколъ въ окнахъ, ожиданіе отвѣтнаго выстрѣла страшно напрягали нервы, въ ушахъ стоялъ безпрерывный шумъ, болѣла голова, словно по ней били чѣмъ-то тяжелымъ. Наконецъ, на третій день вечеромъ канонада стихла. Это было неожиданно, очень хотѣлось знать, въ чемъ дѣло, но было поздно и выходить на улицу опасно. Тихо было и всю ночь. На другой день, рано утромъ, кто-то изъ насъ пробрался въ городъ

и принесъ тревожно-радостную вѣсть: «кажется, въ городѣ наши войска». Дѣйствительно, спустя полчаса послѣ этого къ намъ въ домъ явились два ингуша. Войдя въ домъ, они, ни слова не говоря, не здороваясь и не снимая фуражекъ, прошли по всѣмъ комнатамъ, что-то посмотрѣли и затѣмъ спросивъ: «коммунистовъ нѣтъ, жидовъ нѣтъ, хозяинъ не жидъ?» — и, получивъ на эти вопросы отрицательные отвѣты, удалились. Какъ бы то ни было, въ городѣ были наши. Городъ ожилъ, на базарѣ бойко торговали, цѣны на продукты, по сравненію съ Кіевскими, были невысокія, и мы, наголодавшись за это время, съ радостью набросились на всѣ эти «земныя блага» въ видѣ бѣлаго хлѣба, сала и т. п. Въ городѣ мы узнали, что большевики, уходя, разстрѣляли въ близъ лежащемъ монастырѣ 18 престарѣлыхъ монаховъ. Вмѣстѣ съ многочисленной толпой мы отправились къ монастырю. Стоя въ часовенкѣ, гдѣ рядышкомъ, еще не положенные въ гробы, лежали семидесятилѣтніе старцы — звѣрски замученные большевиками, вдыхая запахъ ладана, носившійся въ воздухѣ, и слушая тихія, невнятныя слова молитвы, которыя читались надъ покойниками, невольно думалось, для чего эти жертвы, кому понадобилась ихъ кровь, какой вредъ и кому могли причинить эти старцы, давно покинувшіе суетный міръ съ его неправдой и страстями. Было тоскливо и смутно на душѣ. Неужели для счастья человѣчества нужно такое море крови и океанъ слезъ? И если это такъ, то не лучше ли отказаться отъ будущаго благополучія? Надъ покойниками никто изъ родственниковъ не плакалъ, очевидно, они пережили всѣхъ своихъ родственниковъ и были въ мірѣ совершенно одиноки, ужъ слишкомъ много имъ было лѣтъ. Зато, вмѣсто близкихъ, плакала толпа. Тихо катились слезы по опущеннымъ долу лицамъ. Было торжественно тихо. И лишь на полянкѣ у монастырскихъ стѣнъ толпа гудѣла и волновалась: «Кому, какъ не жидамъ, понадобились они. У, проклятые. Передушить бы ихъ всѣхъ. Небось, своихъ не мучаютъ. Почему ни одного ни цадика, ни раввина нѣтъ убитаго. Будь они прокляты, христопродавцы. Вишь ты, монахи имъ понадобились. Потопить бы ихъ до одного». Мы стояли и со смущенной душой слушали эти слова, полныя злобы и ненависти. В. И. Сухомлинъ не выдержалъ и вступилъ въ разговоръ: «Почему же во всемъ евреи виноваты, мы и сами хороши», началъ онъ, «вѣдь большевики есть и не евреи. Тамъ и русскіе, и поляки, и китайцы, и латыши. Большевики — интернаціоналисты». Толпа слушала, молча. Было явно, что сочувствіе не на его сторонѣ. «Такъ, такъ», началъ одинъ изъ толпы, «значитъ, жидки тутъ не причемъ, вотъ вы значитъ изъ какихъ? а вы кто будете, господинъ? Что за заступники жидовскіе? Бей ихъ сукиныхъ сыновъ». Толпа загудѣла и какъ-то нерѣшительно надвинулась на насъ и, конечно, намъ бы пришлось очень плохо, если бы въ этотъ моментъ вниманіе толпы не было отвлечено прошедшимъ мимо человѣкомъ въ штатскомъ костюмѣ, съ длинными сѣдыми волосами и бородой. «Смотрите, смотрите», послышались голоса, «это батюшка, его тоже повели на разстрѣлъ, но пули въ него не попали, онъ упалъ вмѣстѣ съ другими и притворился мертвымъ. Такъ только и спасся». И толпа повалила за священникомъ, позабывъ о нашемъ существованіи.

При возвращеніи изъ монастыря съ нами произошелъ небольшой курьезъ. Пройдя версты двѣ, мы встрѣтили верхового казака. Онъ потребовалъ наши документы. Я далъ ему паспортъ Товарища Прокурора. Взглянувъ на него и прочтя «товарищъ», казакъ нахмурился, взглянулъ на меня и сказалъ: «а, такъ ты товарищъ, теперь время ваше прошло, товарищей нынѣ не по-

лагается». Съ большимъ трудомъ втолковали мы ему, что «товарищи прокурора» существовали и при царѣ, что должность эта не большевистская. Неохотно, сомнѣваясь, онъ все же отпустилъ насъ — очевидно, спѣшилъ куда-то и ему было не до насъ.

Черезъ нѣсколько дней мы выѣхали въ Полтаву.

Живя въ «станѣ бѣлыхъ», разъѣзжая въ теплушкахъ, бродя по деревнямъ, я присматривался къ «новой власти».

Стройно тянулись ея воинскія части. Лошади сытыя. Орудія въ порядкѣ. Прекрасное обмундированіе. Блестящая дисциплина. Всюду привѣтливое, доброжелательное отношеніе «власти». Въ сердцѣ была радость. Хотѣлось думать, что это новая эра въ жизни Россіи, что минулъ періодъ лихолѣтья, что тамъ дальше на путяхъ къ Москвѣ льется послѣдняя братская кровь, что окончены муки голода, холода и безправія, что снова есть у насъ Родина, имя которой Великая Россія. Такъ говорило чувство, но разумъ порою шепталъ другое. Сомнѣнія подтачивали радость, гасили надежду. Много, слишкомъ много происходило такого, что омрачало окружающее. На долженствующемъ быть бѣлоснѣжнымъ знамени «добровольцевъ», обнажившихъ мечъ для борьбы за Родину, вѣру, истинную свободу и счастье будущаго, было много темныхъ пятенъ. Чувствовалось, что высшая власть, несомнѣнно одушевленная лучшими настроеніями, глубокимъ патріотизмомъ и преданной любовью къ несчастной Родинѣ, безсильна справиться съ «примазавшимися» къ ней темными силами, захватившими въ «крестовый походъ» слишкомъ много пищи для питанія большевизма.

Довелось мнѣ какъ-то въ полѣ встрѣтиться съ тремя пожилыми крестьянами. Я былъ не въ формѣ и принять меня за начальство было нельзя. Быть можетъ, поэтому мнѣ удалось разговориться съ ними. Заговорили о большевикахъ; крестьяне бранили ихъ, возмущались поборами, произволомъ, насиліемъ. Въ это время вдали показались, приближаясь къ намъ, какія-то кавалерійскія части. «А это какъ, лучше большевиковъ?» спросилъ я. «Эти-то?», крестьяне замялись и пытливо посмотрѣли на меня. «Эти, что же, ничего». Потомъ, словно рѣшившись, одинъ изъ нихъ сказалъ: «Извѣстное дѣло, это власть, а все-таки и они творятъ не приведи Богъ что. Тѣ хоть большевики были, что съ нихъ спросишь, ни Царя, ни Бога не признавали. А этимъ поступать такъ не годится. Ну, только и отъ нихъ бѣдному человѣку не житье. Намедни вотъ у сосѣда свинью свели, а у другого сѣно забрали. Денегъ не платятъ, а спросить боязно. Не повѣрите, у меня самого съ ногъ сапоги сняли, такъ въ деревню босой и пришелъ. Одинъ срамъ. Особенно эти какъ ихъ, ишгуши, что ли, называются. Отъ нихъ людямъ прямо житья нѣтъ». Мнѣ стало неловко и я промолчалъ. Замолчали и крестьяне. Затѣмъ, послѣ нѣкоторой паузы одинъ изъ моихъ собесѣдниковъ задалъ мнѣ вопросъ: «А скажите, господинъ, можетъ Петлюра этотъ и не совсѣмъ разбойникъ, якъ о немъ пишутъ въ газетахъ». И въ самомъ вопросѣ и въ тонѣ какимъ былъ заданъ этотъ вопросъ я почувствовалъ скрытую симпатію къ «этому Петлюрѣ», который еще не пришелъ (вѣдь фактически власть Петлюры распространялась только на Кіевъ). Видѣли большевиковъ, увидѣли добровольцевъ, а Петлюру еще не видали. Не несетъ ли этотъ самый Петлюра мира, спокойствіе и лучшую жизнь. Чувствовалось, что мысль уставшаго населенія ищетъ новой власти, власти безъ насилія, произвола, власти, которая можетъ дать законность

и порядокъ. И вотъ мысль эта наталкивается на Петлюру, враждебнаго новой власти добровольцевъ, не удовлетворявшихъ настроенія массъ.

Другой разъ ѣду въ поѣздѣ, идущемъ въ Кіевъ. Вагоны «биткомъ набиты» кіевлянами, освободившимися отъ большевистскаго плѣненія и хлынувшими за продовольствіемъ въ Полтавскую губернію. Всюду мѣшки съ картофелемъ, мукой, хлѣбомъ. Пассажиры усталые, но довольные результатомъ поѣздки, возвращаются въ Кіевъ. Бранятъ большевиковъ, разсказываютъ про ихъ звѣрства, описываютъ картину, обнаруженную въ чрезвычайкахъ послѣ ухода большевиковъ изъ Кіева. Вообще настроеніе среди нихъ царило самое противобольшевистское. Но вотъ доѣзжаемъ до какой-то, не помню названія, станціи. Вдругъ суета, крики. Въ чемъ дѣло? Оказывается, явилась какая-то казачья часть. Теперь очищаютъ для себя вагонъ и безъ церемоніи выбрасываютъ ѣхавшихъ въ немъ пассажировъ. Несчастные покорно покидаютъ вагонъ, хотя найти мѣсто въ другихъ вагонахъ буквально невозможно, и имъ, очевидно, придется ждать слѣдующаго поѣзда. Вслѣдъ за ними летитъ ихъ багажъ. Хлѣбъ бросается прямо въ грязь, мѣшки съ сплой швыряютъ на перронъ. Одинъ изъ упавшихъ мѣшковъ лопнулъ, и изъ него сыплется мука. Несчастный хозяинъ его, по виду рабочій, съ растеряннымъ видомъ стоитъ надъ нимъ, не зная, что дѣлать, вѣдь въ этотъ мѣшокъ имъ вложено почти все его мѣсячное содержаніе, а казаки хохочутъ. Казачій офицеръ, молодой человѣкъ, съ серьгой въ одномъ ухѣ, подошелъ къ рабочему и сталъ кричать, чтобы тотъ немедленно «убирался вонъ». И когда рабочій возразилъ, что онъ не можетъ уйти, не собравъ муки, офицеръ сталъ хлестать его нагайкой. Нужно сказать, что и дальше, на слѣдующихъ станціяхъ офицеръ этотъ творилъ что-то ужасное. На одной изъ станцій, черезъ которую мы проѣзжали, онъ, увидя, что какой-то старикъ-крестьянинъ взгромоздился съ двумя мѣшками муки на буфера вагона, велѣлъ своимъ казакамъ арестовать этого крестьянина и «всыпать горячихъ», а когда тотъ началъ умолять этого не дѣлать, офицеръ «сжалился» и ограничился лишь тѣмъ, что приказалъ отобрать муку и отнести ее въ свой вагонъ, заявивъ, что «все равно мука эта везется для спекуляціи». Крестьянинъ сталъ плакать и публика сложившись уплатила ему стоимость погибшей муки. На третьей станціи тотъ же офицеръ, увидѣвъ молодого парня въ солдатской шинели, стоявшаго на перронѣ и ковырявшаго самымъ мирнымъ образомъ въ своемъ носу, подошелъ къ нему и заоралъ: «чего стоишь, почему не поступаешь въ Добровольческую Армію, большевиковъ ждешь, сукинъ сынъ? Мало васъ били, хамово отродье» и съ этими словами онъ сталъ бить парня по лицу рукояткой нагайки.

Смотря на это, пассажиры пріумолкли, прекратились похвалы по адресу добровольцевъ, чувствовалась какая-то растерянность. Въ то время, о которомъ я говорю, евреи перестали ѣздить въ поѣздахъ, такъ какъ за ними устраивалась настоящая погоня; травили, какъ зайцевъ; заводили въ воинскіе поѣзда, обирали и избивали. Я былъ свидѣтелемъ, какъ какой-то офицеръ, провѣряя документы въ вагонѣ, долго допытывался у одного пассажира, еврей онъ или русскій. И когда тотъ сталъ увѣрять, что онъ не еврей, офицеръ сказалъ «не можетъ быть, рожа больно жидовская, хотя документъ и въ порядкѣ». Впрочемъ, онъ ограничился только этимъ замѣчаніемъ и ушелъ далѣе, оставивъ пассажира въ покоѣ.

На смѣну большевистской пропагандѣ, поставленной, долженъ сознаться, на большую высоту, въ виду того, что къ этому дѣлу ими были привлечены, лучшіе спеціалисты по пропагандѣ, пришелъ злополучный «Освагъ».

Живя въ Полтавской губерніи, я видѣлъ, какъ съ аэроплановъ разбрасывали въ цѣляхъ пропаганды испорченныя совѣтскія деньги.

До чего бездаренъ этотъ способъ пропаганды, легко убѣдиться, взглянувъ на помѣщенный образецъ разбрасываемыхъ денегъ; (см. прил. фототипію.)

По приходѣ добровольцевъ въ Кіевъ одинъ знакомый мой — молодой человѣкъ, выгнанный за тупоуміе и неспособность изъ всѣхъ учебныхъ заведеній, не умѣвшій правильно писать по русски, съ цѣлью уклониться отъ вступленія въ ряды войскъ, поступилъ въ «Осваг» и, какъ говорятъ, былъ тамъ на прекрасномъ счету.

Исходъ

Въ Кіевѣ Добровольческая Армія. Но не долго красавецъ Юга пользовался миромъ, не долго отдыхалъ онъ отъ борьбы, кипѣнія національныхъ и политическихъ страстей. Не долго Кіевляне наслаждались спокойной, нормальной жизнью, безъ страха и опасенія за завтрашній день. Гдѣ-то сначала далеко, далеко, а затѣмъ все ближе и ближе заревѣли орудія. Снова надъ Кіевомъ нависли темныя тучи опасности. Говорятъ, на Ирпинѣ добровольцы сдерживаютъ натискъ большевиковъ, идущихъ отъ Одессы и стремящихся прорвать фронтъ добровольцевъ съ цѣлью присоединиться къ своимъ войскамъ, отступающимъ къ Москвѣ. Однако, не хочется вѣрить, что опасность близка. Хочется вѣрить въ силу новой власти. И ей вѣрятъ. Смутно носятся слухи о возстаніяхъ кругомъ, о кровавыхъ еврейскихъ погромахъ, происходящихъ въ разныхъ мѣстахъ Юга. Жизнь въ Кіевѣ течетъ тихо и спокойно и спокойствія этого не будитъ даже несмолкающая канонада, висящая надъ Кіевомъ. И лишь въ немногихъ кругахъ зловѣще шепталось о слабости Добровольческой Арміи и возможности паденія Кіева. Даже перваго октября съ утра населеніе не испытывало сильной тревоги. Оно вѣрило объявленіямъ, которыя раскленвались по улицамъ отъ имени Кіевскаго Губернатора, призывавшаго къ спокойствію и утверждавшаго, что Кіевъ внѣ опасности. А въ двѣнадцать часовъ дня застрекотали пулеметы — предвѣстники близкой кровавой борьбы и населеніе потокомъ хлынуло за Днѣпръ, спасаясь отъ большевиковъ. Власть обманула населеніе, предпочитая прибѣгнуть къ излюбленному способу утвержденія: «все обстоитъ благополучно», нежели дать понять, что опасность близка, какъ сдѣлалъ это Ген. Врангель въ Крыму. Впослѣдствіи злые языки утверждали, что объявленіе Кіевскаго Губернатора объ отсутствіи для Кіева угрозы со стороны большевиковъ, онъ подписывалъ, садясь въ автомобиль, который долженъ былъ отвезти его за Днѣпръ.

Всѣ эти три дня пребыванія въ Кіевѣ большевиковъ, мы сидѣли въ дачномъ поселкѣ «Дарница», съ тревогой слушая гулъ орудія, полные заботы о близкихъ, не успѣвшихъ, благодаря спѣшности эвакуаціи уйти своевременно изъ Кіева.

Но, слава Богу, минули эти дни, и мы возвратились въ Кіевъ, вновь израненный, со слѣдами недавней борьбы. Снова на нѣкоторыхъ домахъ зіяли темныя пробоины снарядовъ, печально свисали къ землѣ оборванные телеграфные и телефонные провода, жутко глядѣли срѣзанныя снарядами деревья многочисленныхъ садовъ Кіева.

Буря пронеслась, но слѣды ея остались; потянулись похоронныя процессіи павшихъ при защитѣ Кіева, и населеніе его не могло уже вернуть прежняго

душевнаго спокойствія, перестало вѣрить власти, и мысль о томъ, что опасность паденія Кіева допустима и возможна его эвакуація, уже не покидала. Нѣкоторые даже держали на готовѣ чемоданы. Но, какъ всегда бываетъ, грозныя событія наступили все-таки неожиданно, заставъ многихъ врасплохъ.

Большевики подтянули войска и къ угрозѣ отъ Ирпеня присоединилась угроза со стороны Днѣпра. Начались всевозможныя совѣщанія, сталъ вырабатываться планъ эвакуаціи. Всѣ, кто могъ, спѣшили уѣхать, пользуясь для этого всякими возможностями. А уѣхать изъ Кіева было очень трудно — желающихъ его покинуть были десятки тысячъ, вѣрнѣе — объ этомъ мечтали почти всѣ, а подвижного состава было недостаточно. Власть же въ это время думала не о томъ, чтобы предоставить эту возможность населенію, а о томъ, чтобы спастись самой. Военная власть, увѣряя, что все обстоитъ благополучно, въ то же время готовила для себя вагоны, а гражданская власть, не вѣря ей, изыскивала для себя способъ бѣгства. Въ нужный моментъ даже Губернатору не нашлось вагона болѣе или менѣе приличнаго и онъ уѣхалъ изъ Кіева въ арестантскомъ вагонѣ съ рѣшетками. Лицамъ же Прокурорскаго Надзора и магистратуры Судебной Палаты и Суда, которымъ несомнѣнно грозила большая опасность, въ поѣздахъ мѣста такъ и не нашлось и они принуждены были уйти изъ Кіева пѣшкомъ. Я оказался счастливѣе моихъ товарищей — у меня нашелся знакомый полковникъ, командиръ огнесклада, имѣвшій свой поѣздъ, предложившій мнѣ мѣсто съ семьей въ своемъ вагонѣ. И вотъ, когда дни паденія Кіева стали считать часами, я переселился въ его вагонъ. Однако, мы уѣхали не сразу — командиръ никакъ не могъ достать для своего поѣзда (имѣвшаго, конечно, чрезвычайное значеніе, такъ какъ въ немъ находились снаряды, питавшіе почти всю армію, стоявшую у Кіева) свободнаго паровоза и у насъ былъ рискъ, что мы такъ и не выѣдемъ изъ Кіева. Мы оставались на станціи около двухъ дней, пока, наконецъ, не получили паровозъ. Кстати, не могу не упомянуть объ очень характерномъ эпизодѣ. Рядомъ съ нашимъ поѣздомъ стоялъ поѣздъ какого-то военнаго учрежденія. Командиръ этого поѣзда полковникъ Ж. вмѣсто того, чтобы заботиться о томъ, чтобы раздобыть паровозъ и вывезти ввѣренныхъ его попеченію людей, все это время пьянствовалъ безъ просыпу, въ его вагонѣ безпрерывно слышалось пѣніе и звуки военнаго оркестра, игравшаго «Боже, Царя храни». Мы уѣхали, а поѣздъ, о которомъ я говорю, попалъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ руки большевиковъ. Самъ полковникъ Ж. въ виду большевиковъ успѣлъ сѣсть въ автомобиль и бѣжать, бросивъ все на произволъ судьбы.

Поѣздъ нашъ идетъ медленно вслѣдъ за другими многочисленными эшелонами. А сзади тянутся другіе, и кажется имъ нѣтъ конца. На ст. «Постъ-Волынскій» — насъ почему-то задерживаютъ и ставятъ въ тупикъ. Мы ждемъ, а мимо насъ ползутъ перегруженные многочисленные эшелоны, по путямъ тянутся толпы вооруженныхъ и невооруженныхъ людей, которые не попавъ въ вагоны, несмотря на сильную стужу, предпочли уйти изъ Кіева, рискуя лучше погибнуть отъ холода, голода и истощенія, нежели остаться у большевиковъ. Вотъ какой-то человѣкъ, надрываясь, везетъ по снѣгу сапочки со своимъ скарбомъ, а за нимъ тихо плетется его жена, ведущая за руку маленькую дѣвочку. И такихъ много. А вдали по дорогѣ нескончаемой вереницей тянутся артиллерія, обозы, кое-гдѣ мелькаютъ кавалерійскія части. На станціи крики, суета, безтолковая команда. При каждой остановкѣ поѣздовъ къ нимъ катится лава пѣшеходовъ, умоляющихъ впустить ихъ въ поѣздъ, но обычно просьбы ихъ почему-то от-

клоняютъ съ эгоизмомъ животныхъ, думающихъ только о своей шкурѣ. Всюду брань, проклятія. Настроеніе самое подавленное. Въ сторонѣ Кіева неумолчно гудятъ пушки. Это волнуетъ, заставляя въ животномъ страхѣ стремиться впередъ, все впередъ. А тутъ еще, неизвѣстно кѣмъ рожденные, носятся вздорные слухи о томъ, что кавалерія Буденнаго обошла Кіевъ и насъ могутъ отрѣзать. Съ нетерпѣніемъ ждемъ, когда двинемся дальше. Часы тянутся медленно, какъ осенніе дождливые дни. Поѣзда все идутъ и идутъ, а мы стоимъ. Почему насъ не пропускаютъ, — неизвѣстно. Наконецъ выясняется, что проходятъ тѣ эшелоны, командиры которыхъ оказывались болѣе настойчивыми и не останавливались передъ угрозами оружіемъ при требованіи отправить поѣздъ дальше.

И вотъ нашъ полковникъ, взявъ съ собой человѣкъ 20 солдатъ и пулеметъ, отправился на станцію. Этотъ способъ подѣйствовалъ, и мы тронулись. Шли очень медленно. Почти на каждой станціи, чтобы «протолкнуть поѣздъ», приходилось прибѣгать либо къ оружію, либо давать взятки желѣзнодорожной администраціи.

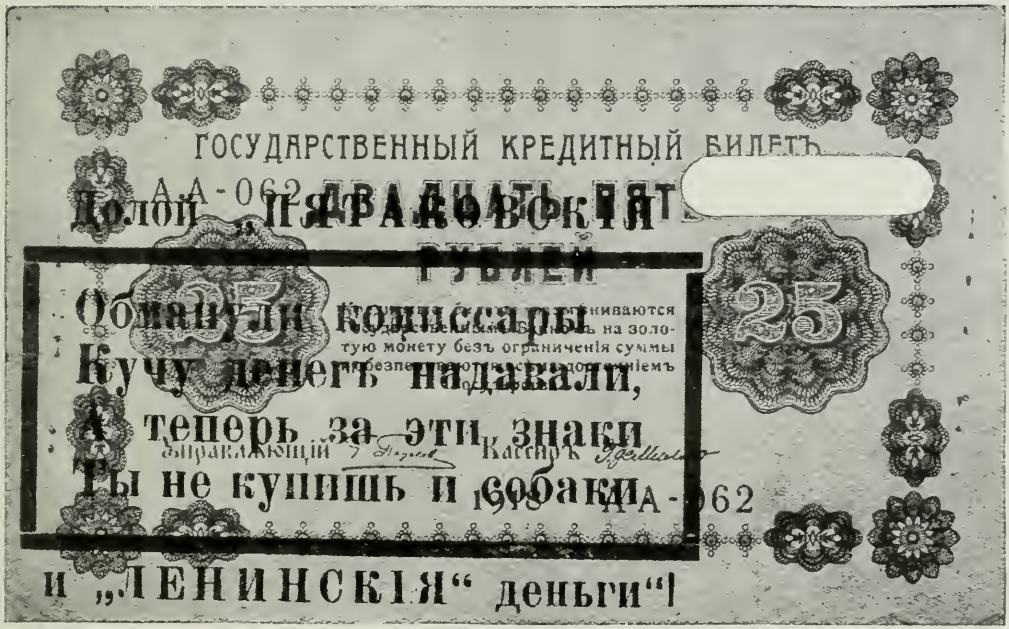
Достать продовольствіе на станціяхъ можно было либо въ обмѣнъ на какія-нибудь вещи, либо на «царскія» деньги», а онѣ были не у многихъ.

Быть можетъ, благодаря тому, что мы ѣхали въ офицерскомъ вагонѣ, мы не заболѣли свирѣпствующимъ тогда тифомъ. Въ другихъ же поѣздахъ, гдѣ люди ѣхали въ зараженныхъ теплушкахъ, смерть собирала обильную жатву, люди заболѣвали десятками. Тамъ же въ вагонѣ они умирали, и на ближайшей станціи трупы ихъ зарывали тутъ же у полотна. Однако, эта жуткая картина никого не трогала — всѣ привыкли и были поглощены лишь одною мыслью: спасти себя. Одна изъ встрѣтившихся намъ на пути станцій, не помню ея названія, оказалась вся завалена тифозными больными, лежавшими на полу вперемежку съ уже умершими.

А тутъ еще неугасающіе, тревожные пугающіе слухи — тамъ впереди повстанецъ Шепель занялъ станцію, черезъ которую мы должны проѣзжать, а здѣсь только вчера былъ повстанецъ Шуба и т. д. Пріѣхавъ на ст. Фастовъ, мы услышали близкую пулеметную стрѣльбу; оказалось, что наступаютъ повстанцы. Нужно было во что бы то ни стало убираться во-свояси. Но сдѣлать это было нельзя, — впереди гдѣ-то крушеніе и тамъ убираютъ путь. Ко всему этому, очевидно, съ цѣлью взорвать нашъ поѣздъ со снарядами, злоумышленники подожгли рядомъ стоявшій вагонъ, и огонь угрожалъ нашему поѣзду. Каждую минуту мы могли взлетѣть на воздухъ. Но, слава Богу, нашъ паровозъ, ходившій за водой, быстро возвратился и отвелъ насъ на безопасное мѣсто. Жуткія были это минуты. Зловѣще пылаетъ пламя горящаго вагона, крики, брань, угрозы, а тамъ за станціей въ темнотѣ ночи близко трещатъ пулеметы.

Нѣсколько разъ въ пути мы получали свѣдѣнія, что гдѣ-то впереди засѣла банда мѣстныхъ большевиковъ, обстрѣливающихъ поѣзда. Въ этихъ случаяхъ впередъ на паровозѣ посылалась команда съ пулеметовъ. Происходилъ короткій бой, большевиковъ выбивали и только тогда поѣздъ шелъ дальше. Однако, эти предосторожности не всегда помогали и насъ все-таки въ двухъ мѣстахъ обстрѣляли, но, къ счастью, ни убитыхъ, ни раненыхъ у насъ въ поѣздѣ не оказалось.

Въ дорогѣ я узналъ, что въ Виннцѣ погибъ отъ тифа мой братъ, мой сверстникъ и лучшій другъ, и товарищъ. Можете судить о моемъ настроеніи, владѣвшемъ мною тогда.


ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КРЕДИТНЫЙ БИЛЕТЪ
Долой „ПЯТАКОВСКІЯ“
Обманули комиссары
Кучу денегъ надавали,
А теперь за эти знаки
Ты не купишь и собаки
и „ЛЕНИНСКІЯ“ деньги“!

Къ стр. 230.

И вотъ, помимо личныхъ настроеній, атмосфера окружающей обстановки каждую минуту заставляла все больше и больше приходить къ убѣжденію, что это не временная неудача, что это не отступленіе до новыхъ позицій, до новой улыбки военной фортуны, а гибель святого дѣла спасенія Родины. Чувствовалось, что свѣча надежды, зажженная незабвенной памяти Ген. Алексѣевымъ на берегахъ Дона и освѣтившая на мигъ сумерки русской дѣйствительности, уже догорѣла и каждую минуту готова погаснуть. Очевидно, такое же сознаніе, что ставка бита, была и у окружавшихъ меня офицеровъ огнесклада. И среди веселья и удалыхъ пѣсенъ, распѣваемыхъ ими, скрывалось уже полное отсутствіе надежды. Почти каждый изъ нихъ старался «запастись на черный день». И, Боже, что здѣсь творилось! По пути захватывались цѣлые вагоны съ сахаромъ, спиртомъ и керосиномъ, а иногда устраивались просто-таки набѣги на сахарные заводы, и все это распродавалось на слѣдующихъ станціяхъ. Къ чести нашего начальника эшелона — полковника, насъ пріютившаго, стараго офицера, воспитаннаго въ лучшихъ традиціяхъ, нужно сказать, что онъ повидимому не принималъ участія въ этихъ аферахъ, но несомнѣнно, онъ повиненъ въ томъ, что смотрѣлъ сквозь пальцы на то, что творили его подчиненные-офицеры. Особенно отличалась молодежь, она была неизлѣчимо больна недугомъ спекуляціи. Я видѣлъ часто, какъ собравшись вечеромъ въ общей столовой послѣ «трудового дня», они, не стѣсняясь, считали свои милліоны. А какія при этомъ высказывались убѣжденія — страшно вспомнить. Понятія морали, нравственности или просто человѣчности здѣсь отсутствовали. Очевидно, большевизмъ, какъ отрицаніе права, справедливости, закона и даже, скажу, патріотизма въ лучшемъ смыслѣ этого слова, основательно пустилъ свои корни и въ «станѣ бѣлыхъ» и отравилъ его своимъ зловоннымъ ядомъ. И люди, называвшіе себя бѣлыми, въ дѣйствительности, сами не подозрѣвая того, были красными изъ красныхъ. Это тлетворное вліяніе не прошло мимо и дѣтей: я былъ свидѣтелемъ, какъ 15-лѣтній кадетъ «Вовочка», прикомандированный къ нашему огнескладу, играя въ азартныя игры, ставилъ въ банкъ по 20 — 30 тысячъ. Откуда могли быть такія деньги у мальчика? Очевидно, въ этомъ обогащеніи играли не малую роль его таинственныя экскурсіи съ солдатами по ночамъ въ еврейскія мѣстечки при нашихъ остановкахъ на станціяхъ. Наконецъ, послѣ двадцатидневнаго путешествія, мы прибыли въ Одессу.

Одесса, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась переполненной до нельзя.

Остановились мы въ зданіи судебныхъ установленій. Тамъ уже ютилось нѣсколько десятковъ человѣкъ судейскихъ разныхъ судовъ, прибывшихъ въ Одессу раньше насъ. Спали кое-какъ на скамьяхъ, столахъ, всѣ вмѣстѣ, женщины, дѣти, мужчины. Зданіе не отапливалось и люди не раздѣвались, а, благодаря отсутствію воды, и не мылись. Появились вши, сильно мучившіе людей. Вскорѣ начались заболѣванія тифомъ. Часто случалось, что больной, котораго не сразу удавалось помѣстить, за отсутствіемъ мѣста, въ больницу, оставался вмѣстѣ съ здоровыми нѣсколько дней. Опасеніе заболѣть съ одной стороны, съ другой невыносимыя условія обстановки вынудили напречь всю энергію, чтобы найти комнату. Это было очень трудно, такъ какъ квартиры и комнаты были безумно дороги и къ тому же хозяева, узнавъ, что вы пріѣзжій, отказывались сдавать комнаты, боясь заразы. Совершенно случайно я встрѣтилъ знакомаго, который пріютилъ меня у себя. Трудно передать то ощущеніе чисто животной радости, когда мы, вымывшись и переодѣвшись, оказались въ относительно теплой комнатѣ, обогрѣваемой обыкновеннымъ «примусомъ». Это временное

благополучіе заслонило на нѣкоторое время всѣ событія текущихъ дней и надвигающуюся «красную опасность». Во время пребыванія въ Одессѣ, я похоронилъ двухъ лучшихъ своихъ друзей и зятя, заразившихся въ дорогѣ и погибшихъ отъ тифа. Смерть зятя особенно была тяжела для меня, такъ какъ его жена, а моя сестра, выѣхавшая изъ Кіева, но оставшаяся по дорогѣ въ Умани вслѣдствіе болѣзни дочери, обрекалась изъ-за отсутствія средствъ со своими 4-мя малолѣтними дѣтьми на вѣрную смерть отъ голода.

Чѣмъ дальше, тѣмъ становилось очевиднѣй, что Одесса не уцѣлѣетъ. Всякій понималъ, что не спасутъ ее ни Шиллингъ, на котораго возлагали сначала такъ много надеждъ, ни нѣмецкая самооборона, ни «священные отряды». Войскъ, настоящихъ войскъ уже не было. Были совершенно деморализованныя банды вооруженныхъ людей.

Ходить вечеромъ по улицамъ сдѣлалось невозможнымъ, такъ какъ вы рисковали быть ограбленнымъ и даже убитымъ. Грабили въ большинствѣ случаевъ военные и часто офицеры, «запасавшіеся копейкой на черный день». Всевозможныя развѣдки и контръ-развѣдки неистовствовали, открыто занимались вымогательствомъ и грабежами, причемъ жертвой обыкновенно становились богатые люди, а особенно евреи.

Нужно было подумать о спасеніи. Я рѣшилъ, что «лучше быть погонщикомъ муловъ на этомъ свѣтѣ, нежели царемъ на томъ». Лучше голодать и терпѣть лишенія за-границей, нежели остаться въ «лонѣ» творцовъ «новой жизни» — Ленина и Троцкаго. У меня былъ товарищъ, состоявшій начальникомъ одного изъ такихъ учрежденій, которое имѣло большое основаніе разсчитывать быть вывезеннымъ изъ Одессы. Онъ обѣщалъ взять меня съ семьей на пароходъ.

Между тѣмъ жизнь становилась все тревожнѣе и напряженнѣй, все ниже и ниже опускались темныя тучи опасности. То тутъ, то тамъ банды мѣстныхъ большевиковъ разстрѣливали на улицахъ офицеровъ.

24 января съ вечера было особенно тревожно; говорили, что Шиллингъ уже перебрался на пароходъ, что нѣсколько пароходовъ съ бѣженцами уже ушло въ Крымъ, на окраинахъ слышалась стрѣльба изъ пулеметовъ. Гдѣ-то, казалось, еще далеко слышны раскаты орудійной стрѣльбы. Ночь провели тревожно. На другой день рано утромъ, я отправился къ своему товарищу, чтобы узнать, когда можно разсчитывать уѣхать. Я встрѣтилъ его по дорогѣ, онъ въ автомобилѣ съ семьей мчался уже въ гавань и на ходу успѣлъ лишь крикнуть, чтобы я, не теряя времени, пробирался туда же. Я, конечно, немедленно бросился домой. Уложиться было дѣломъ буквально нѣсколькихъ секундъ. Однако, когда мы съ женой* и сыномъ вышли на улицу, въ городѣ была уже полная тревога. Всюду слышалась частая пулеметная и ружейная стрѣльба, пѣшеходы съ разстроенными, блѣдными лицами спѣшили по домамъ, другіе съ вещами на плечахъ стремились въ портъ. Туда же неслись какіе-то запоздалые обозы. Спѣша, задыхаясь отъ тяжести вещей и опасенія, что мы придемъ слишкомъ поздно, неслись мы по улицамъ. Наконецъ, вотъ уже портъ, мы у цѣли. Тамъ было какъ-то спокойнѣй и тише. Тревога города еще не достигла сюда, а, можетъ быть, въ виду пароходовъ люди чувствовали себя въ большей безопасности. Тутъ оказалось, что обѣщаннаго товарищу моему парохода нѣтъ. Начальство надуло его. Вдругъ въ то время, когда мы обсуждали, какъ намъ поступить дальше, близко и совершенно неожиданно застрочилъ

---

* Я женился второй разъ.

пулеметъ. Раздались крики, что стрѣляютъ по публикѣ, набившейся въ портъ. Публика, охваченная паникой, ничего не соображая, бросая свои вещи, теряя дѣтей, хлынула съ криками о спасеніи къ стоявшимъ у пристани нѣсколькимъ пароходамъ. Однако, попасть на нихъ удалось не многимъ счастливцамъ, такъ какъ пароходы и безъ того были нагружены народомъ. Я съ женой и сыномъ былъ также подхваченъ потокомъ человѣческихъ тѣлъ и занесенъ на какую-то баржу. Во время паники, я былъ оттертъ толпой отъ жены и попалъ на баржу въ числѣ послѣднихъ. Замедли моментъ и я могъ бы быть разлученъ съ женой и сыномъ на очень долго, если не на всегда, ибо только что я ступилъ на баржу, какъ были сняты сходни и обрублены канаты, на которыхъ она держалась у берега. Въ это время стоявшіе у пристани пароходы одинъ за другимъ стали сниматься съ якоря и медленно уходить въ море, скрываясь скоро за моломъ. Попали мы, какъ оказалось потомъ, на баржу «Зворона», которую долженъ былъ буксировать маленькій колесный пароходикъ «Мэри», стоявшій тутъ же рядомъ съ «Звороной». Пароходы уходили, а мы оторвавшись отъ берега, безпомощно качались по волнамъ, не имѣя возможности уйти хотя бы на внѣшній рейдъ, такъ какъ «Мэри» была «холодна» — котлы ея не работали за неимѣніемъ топлива. Несмотря на вопли и крики, несшіеся со «Звороны» и «Мэри» ни одинъ изъ пароходовъ не взялъ насъ на буксиръ, спасаясь отъ выстрѣловъ. Всѣ ушли, а мы остались одни. Я думаю, что если бы съ нами рядомъ не стоялъ также съ холодными котлами громадный пароходъ «Донъ», то не прошло бы и нѣсколько часовъ, какъ наша баржа была бы захвачена мѣстными большевиками, кишѣвшими въ порту и мы были бы всѣ ограблены и перебиты. Но, къ счастью, «Донъ» имѣлъ на своемъ борту нѣсколько пулеметовъ и все время отстрѣливался, прикрывая своимъ огнемъ и насъ. Послѣ долгаго ожиданія, было рѣшено послать шлюпку къ французскому или англійскому командованію съ просьбой спасти насъ. Время шло, посланные не возвращались и спасеніе не приходило. Но вотъ, наконецъ, передъ вечеромъ на горизонтѣ показался дымокъ, все ближе и ближе. Идетъ какое-то судно. Всѣ съ трепетомъ и нетерпѣніемъ ждутъ его. Вотъ оно уже близко. Его привѣтствуютъ криками радости и умоляютъ скорѣе взять на буксиръ, но судно не обращая вниманія на крики, мѣняетъ направленіе и подходитъ къ «Дону». Вскорѣ «Донъ» — нашъ защитникъ оказался взятымъ на буксиръ и двинулся въ море. Съ нимъ ушла и теплившаяся до сихъ поръ надежда на спасеніе. И дѣйствительно, лишь только «Донъ» скрылся изъ виду, стрѣльба съ берега сейчасъ же усилилась. Несмотря на то, что на «Звороне» находилось нѣсколько десятковъ человѣкъ военныхъ, вооруженныхъ винтовками, никто не думалъ объ отраженіи нападенія, а напротивъ, всѣ будто ошалѣвъ, бросая винтовки, переодѣваясь въ штатское платье, ползали по полу, не смѣя поднять головы, набились въ трюмъ, съ легкимъ сердцемъ предоставляя женщинамъ и дѣтямъ оставаться на верху. Немногіе голоса смѣлыхъ людей тонули въ общемъ морѣ трусости, подлости и самаго отвратительнаго вида шкурничества. Я не знаю, чѣмъ объяснить со стороны военныхъ проявленіе такого малодушія, но допускаю, что объясненіе этому можетъ быть найдено въ специфическомъ подборѣ публики вообще и военныхъ въ частности, — на «Звороне» оказались «Освагъ», уголовно-розыскныя управленія и нѣсколько контръ-развѣдокъ.

Съ трудомъ удалось, наконецъ, положить на верху по борту человѣкъ 20—30 вооруженныхъ, отстрѣливавшихся и не дававшихъ возможности хулиганамъ съ берега приблизиться по льду къ баржѣ и завладѣть ею. Нѣсколько

человѣкъ изъ находившихся на палубѣ было уже ранено, а помощь все не приходила. Положеніе становилось все опаснѣе и опаснѣе, такъ какъ къ пулеметамъ, стрѣлявшимъ по нашей баржѣ, вскорѣ присоединились орудія. Два снаряда упали отъ нашей баржи очень близко, — одинъ, не долетѣвъ, врѣзался въ ледъ шаговъ въ 30 отъ насъ, а другой угодилъ въ какой-то пакгаузъ на берегу. Достаточно было, чтобы одинъ изъ нихъ залетѣлъ на «Зворону» и мы всѣ, конечно, немедленно бы отправились на дно «въ гости къ рыбамъ». Къ счастью для насъ, вскорѣ наступили сумерки, и стрѣльба прекратилась. Въ теченіи ночи нужно было во что бы то ни стало либо уйти хотя бы на внѣшній рейдъ, либо, приставъ къ берегу, разбрестись по городу и тамъ «разсосаться» или же присоединиться къ войскамъ и обозамъ, шедшимъ на Румынію. Въ противномъ случаѣ съ наступленіемъ утра насъ безъ сомнѣнія или потопили бы, или же взяли живьемъ; и не трудно угадать, что насъ ждало бы въ послѣднемъ случаѣ, если принять во вниманіе составъ нашей публики. Однако, пассажиры, словно оцѣпенѣвъ, не двигались съ мѣста и покорно ждали своей участи. Нѣкоторые даже высказывали мысль о необходимости «сдаться» большевикамъ, такъ какъ спасенія ждать не откуда. Другіе же предлагали то же, но въ болѣе мягкой формѣ — они настаивали на томъ, что мы не должны обороняться, чтобы «не раздражать большевиковъ», которые могутъ насъ еще и помиловать. Третьи же покорно ждали, изрѣдка крестясь. Большинство потеряло волю и не было въ состояніи работать и проявить иниціативу и энергію. Это были не люди, а просто стадо, охваченное смертельнымъ ужасомъ. Къ счастью, среди этой безвольной толпы нашлось нѣсколько человѣкъ, не потерявшихъ голову. На берегъ, подъ покровомъ ночи, были послана лодка, которая захватила тамъ валявшіеся на берегу два боченка подсолнечнаго масла, съ помощью котораго удалось растопить котлы машины «Мэри» и поддерживать горѣніе, бросая въ топку какую-то, оказавшуюся на баржѣ въ числѣ груза мебель. Вскорѣ машина начала работать. Пароходъ ожилъ. И трудно передать, какой райской музыкой показался пассажирамъ шумъ машины. Всѣ ожили и ждали. Прошло нѣсколько часовъ и вотъ мы почти на разсвѣтѣ тихо тронулись. За ночь морозъ и вѣтеръ усилились и когда мы вышли изъ порта въ море, началось волненіе, баржу нашу стало валять и швырять во всѣ стороны. Явилось новое опасеніе, что мы утонемъ. Тревога охватила всѣхъ снова. Но что это? Мы идемъ все тише и тише. Наконецъ стали совсѣмъ. Оказалось, что мы замерзли во льду и «Мэри» не въ силахъ везти насъ дальше. Всѣ высыпали на палубу. Надъ нами стояли сѣро-свинцовыя тучи, утро было хмурое, рѣзкій вѣтеръ сбивалъ съ ногъ, отъ мороза коченѣли руки, стыло тѣло. Все пространство вокругъ нашихъ суденышекъ покрыто льдомъ. Вдали виднѣется Одесса. Нѣкоторые говорятъ, что они различаютъ рѣющіе надъ ней красные флаги. Пройдетъ еще нѣсколько часовъ, ледъ окрѣпнетъ и тогда большевики легко пройдутъ по немъ къ нашей баржѣ. Всѣ, кто могъ, отмораживая лицо и руки, тянули канаты, помогая «Мэри», но все тщетно. «Мэри» недостаточно сильна и не можетъ вытянуть насъ изо льда. И вотъ тогда было рѣшено, что «Мэри» одна пробьется черезъ ледъ и постарается найти какое-либо судно, чтобы сообщить ему о нашемъ бѣдственномъ положеніи. Но тутъ явилось опасеніе, что «Мэри» уйдетъ и не вернется къ «Воронѣ». Люди ожесточились и перестали довѣрять другъ другу. Поэтому поступили такъ: нѣсколько вооруженныхъ человѣкъ съ «Вороны», оставившихъ на ней свои семьи и вещи, пересѣли на «Мэри» съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности заставить командира ея вернуться назадъ. «Мэри» ушла,

а мы, запасшись терпѣніемъ, стали ждать. На этотъ разъ намъ пришлось ждать недолго. Не болѣе чѣмъ часа черезъ два къ намъ подошелъ какой-то французскій катеръ, которому «Мэри» сообщила о нашемъ положеніи, и, забравъ съ «Звороны» въ нѣсколько очередей пассажировъ, перевезъ на болгарскій пароходъ «Царь Фердинандъ». Черезъ сутки мы были уже въ Варнѣ. Впослѣдствіи я узналъ, что «Зворона» и «Мэри» погибли отъ бури, свирѣпствовавшей въ то время, когда мы шли на «Фердинандѣ» въ Варну.

Въ «хорошіе дни» у меня было кромѣ приличнаго жалованья по службѣ недурное состояніе и тогда мнѣ казалось, что на одно жалованье, не имѣя личныхъ средствъ, жить нельзя. Большевики отняли у меня сначала средства, а потомъ и жалованье, но я жилъ. Наконецъ, «волею судебъ» я, не имѣя ни «валюты», ни драгоцѣнностей, попалъ заграницу, и... вотъ, все-таки живу. Въ Варнѣ я писалъ въ русской газетѣ, служилъ на папиросной фабрикѣ, на мельницѣ. Жена служила въ русской гимназіи, и мы жили, и жили даже не плохо, можетъ быть, лучше многихъ другихъ русскихъ.

Живя въ Варнѣ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили мы за Крымомъ, гдѣ тогда еще не умерла національная идея, гдѣ теплилась, хотя и слабо, надежда на «воскресеніе», гдѣ билось еще чуть слышно, но билось русское сердце.

Оставаться дольше за границей и быть «нейтральнымъ», молчаливымъ свидѣтелемъ въ тотъ моментъ, когда тамъ шла борьба не на жизнь, а на смерть за спасеніе Родины, я не могъ. Мнѣ казалось, что и я со своими слабыми силами и скромными знаніями могу быть полезнымъ тамъ. И я поѣхалъ въ Крымъ.

Въ Крыму я пробылъ недолго. Прорывъ у Перекопа, — власть зашаталась, и я снова на кораблѣ, снова бѣгу за-границу, на этотъ разъ на долго, если не на всю жизнь. Всѣ, кто могъ, въ смертельномъ ужасѣ бѣжали отъ «таинственнаго незнакомца». Бѣжали отъ ужаса пытокъ, непередаваемаго душевнаго гнета, царящаго ужаса, страданій голода и невиданныхъ униженій.

На пароходѣ «Сіамъ», на которомъ мы шли въ Константинополь, мы голодали, не спали вслѣдствіе тѣсноты много дней, но были счастливы, что уѣхали.

Въ Константинополѣ насъ очень долго держали на рейдѣ, а потомъ отдѣлили всѣхъ невоенныхъ, пересадили на какое-то небольшое суденышко и повезли въ Санъ-Стефано. Шелъ мелкій дождь, который, чѣмъ дальше, тѣмъ больше усиливался, и когда мы остановились у Санъ-Стефано, шелъ настоящій ливень. Суденышко, на которомъ мы находились, не имѣло крыши, и дождь мочилъ насъ не переставая. Подъ проливнымъ дождемъ стояли мы, промокшіе и промерзшіе до костей всю ночь, и лишь утромъ насъ стали высаживать. А дождь все не переставалъ. А затѣмъ мы очутились въ мѣстѣ нашего новаго жительства — въ знаменитыхъ Санъ-Стефанскихъ лагеряхъ.

Представьте себѣ громадный плацъ, окруженный колючей проволокой, охраняемый черными бдительными стражами; весь плацъ этотъ покрытъ черной липкой грязью. На немъ раскинуты деревянные бараки, нѣкоторые безъ крышъ, и всѣ почти безъ стеколъ, вмѣсто которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виситъ лоскутами грязная мокрая бумага. Всюду въ грязи валяются вещи, корзины, портплэды, чемоданы и другой скарбъ бѣженцевъ, толпы которыхъ копошатся всюду, какъ муравьи. Нѣкоторымъ изъ нихъ удалось укрыться отъ дождя подъ навѣсомъ для скота, и они, словно стадо, толкутся тамъ въ ожиданіи, когда имъ отведутъ мѣсто для отдыха. Съ трудомъ протискиваемся подъ на-

вѣсъ, становимся въ очередь и терпѣливо ждемъ. Черезъ нѣсколько часовъ утомительнаго стоянія, получаемъ какой-то билетикъ. Оказывается, это ордеръ на постель въ баракѣ. Вмѣстѣ съ другими бѣжимъ по грязи къ указанному бараку, чтобы захватить получше мѣсто. Предоставленный намъ баракъ оказался нѣсколько лучше остальныхъ. Правда, въ немъ, какъ и въ другихъ, нѣтъ стеколъ, нѣтъ печей, крыша его протекаетъ, земляной полъ покрытъ такой же липкой грязью, какъ и плацъ, но здѣсь по крайней мѣрѣ есть кровати и соломенные матрацы лежатъ не прямо на полу. Всѣ наши вещи промокли — нѣтъ, что называется, сухой нитки. Переодѣться не во что и негдѣ. И вотъ потянулись дни нашихъ мученій въ Санъ-Стефано. Переодѣться мы не могли, бѣлье гнило, умыться нельзя — нѣтъ воды, достать кипятокъ удавалось съ трудомъ лишь разъ въ сутки. У насъ завелись вши. И если вши эти согрѣвали въ плѣну Пьера Безухова, и онъ даже ихъ полюбилъ, то сказать этого про себя я не могу — вши мучили меня безгранично, постоянный зудъ и сознаніе присутствія у себя на тѣлѣ этихъ насѣкомыхъ, разстраивали нервы до нельзя, не давали спать. Разрѣшеніе на выходъ изъ лагерей давалось очень немногимъ счастливцамъ. Наконецъ, съ большимъ трудомъ такое разрѣшеніе удалось получить и мнѣ. Рѣшилъ ѣхать въ Константинополь, добиваться возможности уѣхать въ Сербію, которая казалась тогда «обѣтованной страной».

Когда я очутился въ Константинополѣ, городѣ, ставшемъ городомъ русскаго горя, голода, нищеты, униженій, позора и паденія нашихъ несчастныхъ женщинъ, я понялъ, что здѣсь оставаться дальше нельзя. Холодное дыханіе смерти чувствовалось кругомъ, призракъ голодной смерти виталъ всюду. Онъ носился надъ толпами бѣдныхъ голодныхъ, измученныхъ русскихъ людей, наводнявшихъ дворъ русскаго посольства, онъ стоялъ за спиной тѣхъ, кто растерянно толокся на улицѣ «Пера», онъ слѣдовалъ за вами въ бани, гдѣ, не имѣя пріюта, ночевали многіе русскіе, онъ смотрѣлъ на васъ изъ каждаго двора по улицѣ «Bey Oglou», мѣста позорныхъ прогулокъ нашихъ сестеръ и дочерей, принужденныхъ изъ-за куска хлѣба продавать свое тѣло. Нужно было во что бы то ни стало бѣжать отсюда, изъ этой холодной, чуждой, занятой интернаціональной толпы, этого «современнаго Вавилона».

Я направился въ посольство. Мнѣ сказали тамъ, что выдачей разрѣшеній на проѣздъ въ Сербію вѣдаетъ какой-то генералъ. Я съ трудомъ добился свиданія съ его адъютантомъ. Выслушавъ меня, адъютантъ, взглянувъ на часы, заявилъ, что пріемъ у генерала до 3 часовъ, а сейчасъ уже четверть четвертаго, и поэтому доложить обо мнѣ генералу онъ не можетъ. Я возразилъ ему, что въ такое время ограничивать пріемъ опредѣленными часами едва ли допустимо и что явиться раньше въ посольство я не могу, такъ какъ живу въ лагеряхъ Санъ-Стефано. Адъютантъ пожалъ плечами и со словами: «Ну, хорошо, я доложу», скрылся въ генеральскую комнату. Приблизительно минутъ черезъ двадцать онъ вышелъ оттуда и, подойдя ко мнѣ, сказалъ съ язвительной улыбкой: «Я докладывалъ генералу, и онъ, узнавъ, что Вы изъ лагеря, предлагаетъ Вамъ немедленно отправиться къ французскому командованію, которое водворитъ Васъ обратно, такъ какъ выѣздъ изъ лагеря запрещенъ». На это я замѣтилъ, что столь остроумный отвѣтъ былъ бы, пожалуй, умѣстенъ, если бы у меня на выѣздъ изъ лагеря не было соотвѣтствующаго разрѣшенія, и поэтому я прошу меня принять. Адъютантъ ушелъ и очень скоро появился въ сопровожденіи какого-то полковника. Послѣдній, разспросивъ меня, заявилъ, что сейчасъ доложитъ обо мнѣ генералу. Черезъ небольшой проме-

жутокъ времени меня пригласили въ кабинетъ генерала. Судя по любезному пріему, я начинаю думать, что всѣ предшествующіе переговоры съ адъютантомъ велись безъ вѣдома генерала. Генералъ, кажется Половцевъ, оказался очень предупредительнымъ человѣкомъ. Онъ, узнавъ о моемъ желаніи, далъ мнѣ бумагу къ лейтенанту Скворцову, вѣдавшему посадкой на пароходы, идущіе въ Сербію.

Я немедленно отправился къ Скворцову. Оказалось, что послѣдній принимаетъ на пароходѣ «Вальдекъ Руссо», стоявшемъ далеко на рейдѣ. Не имѣя денегъ, чтобы нанять катеръ для поѣздки на «Вальдекъ Руссо», я былъ поставленъ въ очень затруднительное положеніе. Наконецъ, какъ-то дежуря у пристани, я увидѣлъ, что какой-то польскій офицеръ садится въ катеръ, чтобы ѣхать на «Вальдекъ Руссо». Я попросилъ его, взять меня съ собой. И такимъ путемъ я попалъ къ Скворцову. Скворцовъ заявилъ мнѣ, что «никакихъ пароходовъ въ Сербію въ ближайшемъ времени не предвидится». Когда же я замѣтилъ, что по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, въ ближайшее время долженъ уйти пароходъ «Виттимъ», Скворцовъ сказалъ, что на этотъ пароходъ можно попасть только съ разрѣшенія генерала Ермакова.

Генералъ Ермаковъ, повидимому, заваленный работой, едва меня выслушалъ и отвѣтилъ на мою просьбу, что попасть на пароходъ «Виттимъ» можно только съ согласія начальника штаба командующаго флотомъ. Оказывается, канцелярія послѣдняго помѣщается на дредноутѣ «Корниловъ». Ѣду туда, но начальникъ штаба «не принимаетъ». Наконецъ, отчаявшись совершенно добиться чего-либо, я шелъ какъ-то по лѣстницѣ въ посольствѣ. Вдругъ мнѣ бросилась въ глаза визитная карточка: «М. П. Шатиловъ». Я рѣшился на крайнее средство. Долго не думая, я позвонилъ у этихъ дверей. Мнѣ открыла дверь какая-то пожилая дама. «Что Вамъ угодно?» — «Я желаю видѣть г-жу Шатилову», отвѣтилъ я. — «Вамъ угодно видѣть какую-же Шатилову, старую или молодую?» — «Мнѣ все равно, я хочу видѣть ту, которая можетъ мнѣ помочь». Меня пригласили войти, и я изложилъ свое дѣло. Оказалось, что разговоръ этотъ я велъ съ матерью генерала Шатилова, начальника штаба генерала Врангеля. Марья Петровна, выслушавъ меня, изъявила полную готовность помочь мнѣ, и сказала, что сама она для меня сдѣлать ничего не можетъ, но можетъ написать своей дочери, Софіи Федоровнѣ, которая живетъ вмѣстѣ съ мужемъ, генераломъ Шатиловымъ, на кораблѣ «Александръ Михайловичъ». Поблагодаривъ Марію Петровну, я, не чувствуя подъ собой ногъ отъ радости, спускался по лѣстницѣ съ письмомъ къ Софіи Федоровнѣ, заранѣе убѣжденный въ успѣхѣ своего дѣла.

На другой день я былъ уже на «Александрѣ Михайловичѣ».

Софія Федоровна приняла меня очень мило и сердечно и обѣщала сдѣлать все, что можно. Оставивъ меня у себя въ каютѣ, она сейчасъ же отправилась хлопотать на «Корнилова», стоявшаго тутъ же рядомъ съ «Александромъ Михайловичемъ». Черезъ нѣсколько минутъ послѣ ея ухода, въ каюту, гдѣ я ждалъ, явился какой-то полковникъ, къ которому я въ канцеляріи начальника штаба командующаго флотомъ уже нѣсколько разъ обращался съ просьбой дать мнѣ разрѣшеніе на проѣздъ въ Сербію, и который мнѣ въ этомъ отказалъ, почти не захотѣвъ со мной разговаривать. Увидѣвъ меня, онъ съ улыбкой во все лицо спросилъ: «скажите, это Вы хотите проѣхать въ Сербію? Боже мой, почему же Вы сразу не обратились ко мнѣ? Къ чему по такимъ пустякамъ было обращаться къ Софіи Федоровнѣ и безпокоить ее. Идемте, голубчикъ,

я Вамъ сейчасъ же все устрою». На это я не нашелъ нужнымъ что-либо ему отвѣтить, и онъ, взявъ меня подъ руку, повелъ въ канцелярію начальника штаба командующаго флотомъ.

Не болѣе, чѣмъ черезъ десять минутъ разрѣшеніе на посадку на пароходъ «Владиміръ», отправлявшійся въ Сербію, было у меня въ карманѣ.

Такъ кончились мои продолжительныя мытарства и хлопоты. И пожалуй, не приди мнѣ на помощь Софія Федоровна, я и до сихъ поръ былъ бы въ Константинополѣ, а, можетъ быть, погибъ бы уже отъ голода. Услуги, оказанной мнѣ Софіей Федоровной, я никогда не забуду и всегда буду вспоминать эту отзывчивую къ чужому несчастью женщину съ чувствомъ теплоты и признательности. Оказывается, что Софія Федоровна помогла не мнѣ одному. Многіе, нуждающіеся въ чемъ-либо, ищутъ ея помощи, и она всегда охотно идетъ на встрѣчу этимъ просьбамъ. Пользуясь своимъ положеніемъ жены начальника штаба, она не разъ многихъ выручала изъ бѣды, помогая выпутаться изъ сѣти безсердечія, холодности, черствости и крайняго бюрократизма тѣхъ, кто обязанъ былъ, хотя бы на чужбинѣ, не забывать, что мы всѣ граждане одной Родины и что всѣ мы «зарубежные жители» въ одинаковой мѣрѣ боролись за ея счастье.

При мнѣ Софія Федоровна помогла какому-то молодому слѣпому офицеру, потерявшему зрѣніе во время гражданской войны и котораго, хотя онъ былъ совершенно безпомощенъ, врачъ, не знаю ужъ по какимъ причинамъ, хотѣлъ выписать изъ лазарета въ лагерь для бѣженцевъ.

Тогда же она устроила двухъ сиротъ, потерявшихъ своихъ родителей, погибшихъ отъ тифа.

Заключеніе

Теперь я живу въ Сербіи, въ маленькомъ, захолустномъ городкѣ. Живу въ теплѣ, сытъ и одѣтъ. Постепенно «обрастаю жиромъ» и жизнь въ Совдепіи представляется мнѣ какимъ-то тяжелымъ сномъ, мучительнымъ кошмаромъ. Всѣ заботы, всѣ горести, все, что волновало, мучило меня, отходитъ вдаль, покрывается туманомъ и постепенно тускнѣетъ и забывается. Но не можетъ только время поглотить моей громадной тоски по моей несчастной, но все же великой Родинѣ. И сердце мое рвется туда, гдѣ, быть можетъ, возвратившись когда-либо, я найду (а можетъ быть, и не найду) лишь дорогія могилы родныхъ и близкихъ друзей. Но не то страшитъ меня, что, попавъ въ Россію, я, подобно Потоку-Богатырю, проснувшемуся послѣ долгаго сна, окажусь въ чужой обстановкѣ, одинокій, не понятый и не понимающій происходящаго вокругъ. Страшитъ меня будущее Россіи съ ея новымъ поколѣніемъ, воспитаннымъ въ коммунистической школѣ, гдѣ воспитываются дѣти не на основахъ любви къ Родинѣ, на началахъ права, справедливости, любви къ Богу и ближнему, а на основахъ новой «коммунистической, интернаціональной морали», по которой нужно отрицать Родину, не признавать Бога, допустимо доносить на «контръ-революціонныхъ» родителей, а если нужно, то и убивать ихъ во имя коммунистическихъ достиженій...

Но довольно объ этомъ, это будущее, а записки мои озаглавлены: «Изъ прошлаго»...

Сербія. 20. XII. 21 г.

Документы

Отчетъ о командировкѣ изъ Добровольческой Арміи въ Сибирь въ 1918 году*

(составленъ въ февралѣ—мартѣ 1919 года, представленъ генералу Деникину въ апрѣлѣ того же года)

Вступленіе

Съ 1914 по май 1917 года я участвовалъ въ войнѣ, но послѣ революціи 1917 года былъ вынужденъ отстраниться отъ активной дѣятельности, перейдя на положеніе состоящаго въ резервѣ — скаго военнаго округа. Въ концѣ августа, вслѣдъ за выступленіемъ генерала Корнилова, которое я понималъ, какъ попытку остановить угрозу надвигавшагося германо-большевизма, я прибылъ въ гор. Могилевъ съ предложеніемъ своихъ услугъ, но, за ликвидаціей выступленія, предложеніе осталось неиспользованнымъ. Въ первой половинѣ ноября, послѣ торжества большевизма въ столицахъ, я поспѣшилъ удалиться на югъ Россіи, гдѣ намѣчалось образованіе Юго-Восточнаго союза, враждебнаго власти «Народныхъ Комиссаровъ»; въ Новочеркасскѣ засталъ Мих. Вас. Алексѣева, занятаго организаціей силъ для продолженія борьбы съ той же властью и былъ записанъ въ учрежденный имъ тайный «Союзъ защиты родины и свободы».

Возложеніе порученія

Съ прибытіемъ на Донъ ген. Корнилова съ его штабомъ и образованіемъ политической организаціи, возглавляемой М. В. Алексѣевымъ, съ участіемъ А. М. Каледина, Л. Г. Корнилова и другихъ видныхъ политическихъ дѣятелей, на повторную просьбу о предоставленіи мнѣ возможности принять активное участіе въ выполненіи задачъ организаціи и по полученіи отъ меня утвердительнаго отвѣта на вопросъ о согласіи принять на себя порученіе военно-политическаго характера, мнѣ въ январѣ 1918 года было предложено отправиться въ Сибирь для выполненія опредѣленной задачи.

Руководящія указанія

Инструкціи, которыми я былъ снабженъ для руководства въ предстоящей мнѣ дѣятельности, полученныя большею частью настолько поздно, что по невозможности далѣе откладывать отъѣздъ, не оставалось времени для полученія необходимыхъ по нимъ разъясненій, страдали нѣкоторыми недочетами, въ томъ числѣ противорѣчіями** по существу, зависѣвшими, повидимому, отъ несогласованности взглядовъ на цѣль командировки, — съ одной стороны штаба Добровольческой Арміи ген. Корнилова, съ другой «политическаго отдѣла», переименованнаго около этого времени въ «военно-гражданское управленіе», дѣятельность котораго направлялъ лично ген. Алексѣевъ.

---

* Во избѣжаніе возможныхъ послѣдствій для дѣйствующихъ лицъ настоящаго отчета или для ихъ семействъ и родственниковъ, оставшихся въ совѣтской Россіи, пришлось, къ сожалѣнію, передъ выпускомъ его въ печать, большинство фамилій замѣнить произвольными буквами (не иниціалами).

** Личныя качества моего ближайшаго сотрудника и его готовность считаться съ моими указаніями помогли устранить много шероховатостей въ общей работѣ, которыя могли возникнуть въ результатѣ дефектовъ инструкцій.

Повидимому, инициатива командированія меня въ Сибирь исходила отъ Л. Г. Корнилова, причемъ въ выборѣ имъ именно этого раіона играли роль связи, которыя Л. Г. издавна тамъ имѣлъ, какъ уроженецъ Сибирскаго казачьяго войска, и свѣдѣнія, полученныя отъ вернувшагося недавно изъ командировки въ гор. Омскъ приближеннаго къ ген. Корнилову лица, г. Х., о томъ особомъ обаяніи, которымъ пользуется въ Западной Сибири имя Лавра Георгіевича. Генералъ Алексѣевъ, насколько можно было судить по его личнымъ отзывамъ, не вполнѣ сочувствовалъ командировкѣ въ столь отдаленный раіонъ, гдѣ даже благопріятный результатъ работы не могъ оказать вліянія на судьбу ближайшихъ начинаній Добровольческой Арміи. Генералъ Корниловъ, напротивъ, смотрѣлъ на вопросъ шире, учитывая, кромѣ своего личнаго престижа въ Сибири, также и важность заблаговременнаго захвата богатѣйшей продовольственной базы, какую представляетъ Степной край, если и не для непосредственной эксплоатаціи Добровольческою Арміей, то хотя бы для лишенія противника возможности пользоваться ею, какъ единственнымъ остающимся въ его распоряженіи источникомъ для продовольствованія арміи — при условіи если бы удалось отстоять отъ его захвата хлѣбородные раіоны южной Россіи.

Правда, что обстановка складывалась въ это время не въ пользу послѣдняго предположенія, т. к. къ концу января и началу февраля ст. ст. перевѣсъ въ борьбѣ явно склонялся на сторону «совѣтскихъ» войскъ. Малочисленная Добровольческая Армія была окружена тѣснымъ кольцомъ противника, Донское казачество повально заражено большевизмомъ, и дни Новочеркасска можно было признать сочтенными, въ то время какъ Украина наводнялась съ запада нѣмцами, съ сѣвера красными, а Терская и Кубанская области — сорвавшейся съ своихъ позицій бывшей Кавказской арміей. Держался еще, подъ артиллерійскимъ огнемъ противника, Ростовъ на Дону, но работа въ немъ штаба Добровольческой Арміи при этихъ условіяхъ не могла протекать спокойно и планомѣрно, что, вѣроятно, и оказало вліяніе на качество наставленій, которыми я былъ снабженъ. Составленныя наспѣхъ, инструкціи штаба страдали, во первыхъ, излишне подробною регламентаціей, заключая въ себѣ требованія, явно невыполнимыя при условіяхъ сибирской обстановки, а во вторыхъ, черезчуръ стѣсняли самостоятельность исполнителя, не учитывая трудности поддержанія связи на огромномъ разстояніи между Дономъ и Сибирью, черезъ обширныя территоріи, находящіяся подъ властью большевиковъ. На сдѣланное мною по поводу этихъ недочетовъ заявленіе исполнявшему должность начальника штаба, ген. Романовскому, послѣдній пояснилъ, что инструкціями надлежитъ руководствоваться «по мѣрѣ возможности», проявляя въ нужныхъ случаяхъ инициативу.

Въ окончательномъ видѣ, по даннымъ письменнымъ инструкціямъ, дополненнымъ личными указаніями Л. Г. Корнилова, моя задача сводилась къ тому, чтобы сгруппировать и сорганизовать на мѣстахъ элементы, одушевленные идеей борьбы съ германо-большевизмомъ, произвести учетъ живой силы, могущей принять вооруженное участіе въ этой борьбѣ, разрѣшить вопросы ея снабженія, а также дѣйствія ея въ тѣсной связи съ политическими группами, которыя, въ случаѣ сверженія совѣтской власти, могли бы принять на себя задачи управленія. Въ качествѣ способовъ указывались: агитація въ войскахъ, распространеніе тайной литературы, поддержка періодическихъ изданій, враждебныхъ совѣтской власти и т. п. Возглавляемый мною «Сибирскій отдѣлъ Союза защиты родины и свободы» долженъ былъ состоять изъ двухъ подотдѣловъ — военнаго и политическаго; во главѣ каждаго — особый Помощникъ начальника отдѣла, причемъ допускалось совмѣщеніе въ одномъ лицѣ начальника и помощника по военной части; выборъ лицъ на должности помощниковъ предоставлялся начальнику отдѣла. На помощника по политической части, между прочимъ, опредѣленно возлагалась обязанность изыскивать на мѣстахъ необходимыя для операцій отдѣла денежныя средства. Постояннаго мѣстопребыванія отдѣлу не указывалось; первыя его операціи естественно намѣчались въ Омскѣ и Томскѣ, въ дальнѣйшемъ предоставлялось работу распространять на востокъ до Харбина и Владивостока включительно. Относительно Томска имѣлись смутныя свѣдѣнія объ образованіи тамъ какого то «Сибирскаго», небольшевицкаго,

правительства *, возглавляемаго Г. Н. Потанинымъ, съ которымъ указывалось войти въ контактъ, для чего генералъ Корниловъ снабдилъ меня собственноручнымъ письмомъ къ этому извѣстному ученому и общественному дѣятелю Сибири; такія же письма Л. Г. далъ мнѣ для передачи въ Омскѣ гг. У. и Z. Отъ генерала же Корнилова я получилъ, для руководства политическую программу общегосударственнаго характера за его личною подписью.

Военно-гражданское управленіе снабдило меня «Наказомъ»** (никѣмъ не подписаннымъ, — какъ и большинство документовъ, полученныхъ изъ штаба), въ которомъ возглавляемой мною миссіи присваивалось наименованіе «Делегаціи въ Сибирь». Задачи, возложенныя на делегацію по «Наказу» имѣли болѣе широкій характеръ, нежели тѣ, которыя опредѣлялись инструкціями штаба: такъ, между прочимъ, ей вмѣнялось въ обязанность войти въ соглашеніе «съ краевымъ правительствомъ по вопросу о формированіи добровольческихъ частей и взаимной поддержкѣ», и «заключить съ нимъ договоръ для совмѣстныхъ дѣйствій по возсозданію Россіи». Такимъ образомъ, на начальника делегаціи возлагалась роль уполномоченнаго политической организаціи генерала Алексѣева при предполагаемомъ Сибирскомъ Правительствѣ, безъ снабженія его, однако, формальнымъ актомъ, удостовѣряющимъ право явиться въ качествѣ такого представителя. На сдѣланное мною по этому поводу заявленіе начальнику в.-гр. управленія полк. Лебедеву, послѣдній пояснилъ, что наличіе на бумагахъ подписей главныхъ дѣятелей организаціи не допускается по соображеніямъ конспираціи.

По инструкціямъ военно-гражданскаго управленія, его «представителю» въ делегаціи, подъ каковымъ подразумѣвался помощникъ начальника по политической части, отводилась болѣе самостоятельная роль, чѣмъ опредѣлялось инструкціями штаба для того же должностного лица, которое, повидимому, разсматривалось, какъ подчиненное начальнику делегаціи; разъяснить это противорѣчіе въ руководящихъ указаніяхъ, полученныхъ изъ двухъ учрежденій, не представлялось возможнымъ, такъ какъ назначеніе мнѣ пріема у полк. Лебедева и выдача бумагъ изъ военногражданскаго управленія затянулись до вечера 7 февраля, между тѣмъ, откладывать далѣе отъѣздъ изъ Ростова было невозможно, ввиду угрозы быть отрѣзаннымъ отъ Новочеркасска, гдѣ у меня производились приготовленія по снаряженію въ командировку.

Другимъ крупнымъ противорѣчіемъ въ тѣхъ же указаніяхъ являлось то, что въ инструкціяхъ военно-гражданскаго управленія отсутствовалъ пунктъ, спеціально обязывающій помощника по политической части изыскивать на мѣстахъ денежные рессурсы. Объ этомъ я узналъ, впрочемъ, много времени спустя, такъ какъ ознакомиться съ инструкціями, данными моему помощнику, тогда не пришлось, ввиду врученія ихъ ему послѣ моего отъѣзда изъ Ростова.

Мое личное свиданіе съ полковникомъ Лебедевымъ ничего не дало въ отношеніи полученія разъясненій по интересующимъ меня вопросамъ; такъ, на просьбу назвать наиболѣе видныхъ политическихъ дѣятелей, вошедшихъ въ составъ организаціи ген. Алексѣева и опредѣлить хотя бы въ общихъ чертахъ ея политическую программу, для того, чтобы я могъ освѣдомить своихъ будущихъ политическихъ собесѣдниковъ въ Сибири, отъ имени кого и во имя чего работаетъ возглавляемая мною делегація, полк. Лебедевъ отвѣтилъ отказомъ, ссылаясь на необходимость соблюденія тайны. Это и побудило меня, по совѣту Х., обратиться къ ген. Корнилову, который, какъ сказано выше, далъ мнѣ соотвѣтствующій документъ (см. Прил. № 2), причемъ, однако, осталось невыясненнымъ, представлялъ ли онъ личное мнѣніе ген. Корнилова или политическое credo всей организаціи. О личномъ составѣ послѣдней я имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ частныхъ источниковъ и въ результатѣ немногочисленныхъ случайныхъ встрѣчъ;

---

* О существованіи Сибирскаго правительства, если не считать фантастическихъ газетныхъ свѣдѣній, имѣлось, въ сущности, только единственное указаніе въ формѣ полученной случайно копіи соглашенія его съ правительствомъ Украины о выводѣ съ фронта и пропускѣ въ Сибирь Сибирскихъ войскъ, входившихъ въ составъ дѣйствующихъ армій.

** См. Приложеніе № 1.

отсутствіе формальнаго полномочія до нѣкоторой степени возмѣщалось наличіемъ того же документа за подписью и печатью Л. Г. Корнилова и удостовѣреніемъ за подписью и печатью начальника штаба, что я командированъ въ Западную Сибирь «для вербовки добровольцевъ» въ Добровольческую Армію и «организаціи на мѣстахъ» (см. Прил. № 3.)

Снабженіе денежными средствами

Крайне неудовлетворительно былъ рѣшенъ вопросъ финансированія ввѣренной мнѣ делегаціи. Вѣроятно, исходя изъ опыта функціонированія уже дѣйствующихъ въ Европейской Россіи отдѣловъ, имѣвшихъ возможность поддерживать съ штабомъ частую связь, была отпущена въ качествѣ аванса на всѣ расходы, считая и личное содержаніе большинства членовъ делегаціи, ничтожная сумма въ 6880 рубл. Только благодаря настоятельной личной просьбѣ удалось получить еще 25 000 рубл. изъ какого то особаго фонда, находившагося въ непосредственномъ распоряженіи ген. Корнилова. Кромѣ того помощнику по политической части было обѣщано выдать на руки авансъ въ 15 000 рублей, на расходы по спеціальности, но въ дѣйствительности онъ получилъ только 6000 р., которыми покрылся расходъ на его личное содержаніе за нѣсколько мѣсяцевъ. Остальные 9000 р. должны были быть досланы въ Омскъ, но въ дѣйствительности вовсе не поступили.

Личный составъ делегаціи

Вопросъ о личномъ составѣ делегаціи разрѣшился слѣдующимъ образомъ:

Выборъ двухъ помощниковъ былъ предоставленъ мнѣ, но т. к. среди лицъ, въ кругу которыхъ мнѣ приходилось вращаться въ Новочеркасскѣ и Ростовѣ, не оказалось такихъ, которыя мнѣ были бы хорошо знакомы, выборъ былъ затруднителенъ, почему я рѣшилъ, обязанности помощника по военной части на первое время принять на себя, а помощника по политической части просилъ назначить по усмотрѣнію военно-гражданскаго управленія. Послѣднее отъ этого предложенія сначала уклонилось, почему я принужденъ былъ самъ приняться за поиски сотрудника, но опредѣленнаго результата не достигъ, пока въ послѣднюю минуту не оказалось, что военно-гражданское управленіе подыскало кандидата въ лицѣ г. А., который и былъ представленъ мнѣ 7 февраля, наканунѣ моего отъѣзда изъ Ростова. Впечатлѣніе, произведенное на меня А., оказалось благопріятнымъ, такъ-же какъ и полученныя о немъ свѣдѣнія, изъ которыхъ выяснялось, что А. по предыдущей дѣятельности имѣетъ связи въ Сибири, почему я изъявилъ свое согласіе на его назначеніе.

Для сотрудничества по военной части, но безъ облеченія оффиціально званіемъ помощника, былъ назначенъ въ мое распоряженіе, по желанію Л. Г. Корнилова, упоминавшійся выше Х.

Обиліе выданныхъ для руководства бумагъ въ видѣ наказа, инструкцій и перечней различныхъ свѣдѣній мелочного характера, которыя делегаціи поставлялось въ обязанность собирать и т. п., а также объемистой литературы въ формѣ воззваній къ населенію и проч., не говоря уже о такихъ документахъ, какъ секретные ключи для шифрованія, политическая программа за подписью генерала Корнилова и удостовѣреніе за печатью штаба, обязывало принять дѣйствительныя мѣры къ тому, чтобы все это, въ случаѣ весьма возможныхъ въ пути и на мѣстахъ обысковъ, — не могло быть обнаружено. Кромѣ того необходимо было обезпечить сохранность денежныхъ суммъ делегаціи отъ возможныхъ конфискацій, широко практиковавшихся въ то время совѣтскими властями, и простыхъ кражъ, представлявшихъ заурядное явленіе при томъ хаосѣ, среди котораго приходилось совершать переѣзды по желѣзнымъ дорогамъ.

Принимая все это во вниманіе, было рѣшено большую часть бумагъ, не имѣющихъ значенія документовъ, везти съ собой зашифрованными особымъ секретнымъ ключемъ, извѣстнымъ мнѣ одному и сохраняемымъ мнемоническимъ способомъ, безъ какого либо письменнаго слѣда. Зашифрованный текстъ былъ переписанъ на мягкую ткань, которая подшита подъ подкладку различныхъ предметовъ одежды и снаряженія. Секретные шифры, полученные изъ штаба и военно-гражданскаго управленія, были скрыты такимъ же способомъ. Ввиду удобства принадлежностей женскаго костюма для вышеуказанной цѣли и исходя изъ соображенія, что женщины вообще навлекаютъ на себя меньше

подозрѣній, было рѣшено для сохраненія на время пути денегъ и всего, что въ глазахъ большевицкихъ властей могло бы получить характеръ улики, пригласить на службу въ делегацію двухъ довѣренныхъ женщинъ, согласившихся подвергнуться послѣдствіямъ возможнаго задержанія ихъ съ поличнымъ, съ тѣмъ, чтобы избавить отъ такого риска отвѣтственныхъ чиновъ делегаціи, — обезпечивая послѣднимъ возможность продолженія работы. На этихъ же женщинъ была возложена работа по зашифрованію и перепискѣ бумагъ и прочія обязанности обыкновенныхъ переписчицъ.

Чтобы покончить съ вопросомъ о личномъ составѣ, остается еще упомянуть, что г-номъ А. былъ приглашенъ на службу офицеръ въ качествѣ секретаря, который долженъ былъ явиться къ опредѣленному сроку въ Новочеркасскъ, но на самомъ дѣлѣ не прибылъ, вѣроятно, изъ за задержки въ пути военными дѣйствіями, разыгравшимися въ раіонѣ Ростова и Новочеркасска въ періодъ 9—12 февраля ст. ст. Самъ А. прибылъ въ Новочеркасскъ 10 февраля, сдѣлавъ часть пути пѣшкомъ съ войсками отходившей отъ Ростова Добровольческой Арміи.

Начальникъ делегаціи, состоящій въ его распоряженіи Х. и одна изъ служащихъ, штабомъ Добровольческой Арміи были снабжены подложными видами на жительство — первый на имя екатеринославскаго гражданина Фадѣева, второй — Б., третья — сестры милосердія В.; другая служащая по паспорту значилась драматической артисткой. Менѣе удачно разрѣшился вопросъ объ удостовѣреніи личности для г. А., которому, за недостаткомъ времени для выправки другого подходящаго документа, пришлось удовольствоваться своей старой паспортной книжкой.

Приготовленія къ отъѣзду

Указанные сборы въ командировку производились начиная съ 8 февраля въ Новочеркасскѣ, гдѣ я уже перешелъ на нелегальное положеніе, оффиціально заявивъ въ комендантское управленіе о своемъ выѣздѣ къ мѣсту служенія (до этого я числился въ отпуску, просроченномъ по болѣзни), а въ дѣйствительности, — оставшись въ одной изъ гостиницъ Новочеркасска подъ именемъ гражданина Фадѣева, — комиссіонера по торговымъ дѣламъ, задержаннаго на Дону военными дѣйствіями.

Хотя А. и присоединился 10 февраля къ остальному составу делегаціи, однако, выѣхать тотчасъ же не представлялось возможнымъ, т. к. желѣзныя дороги, ведущія изъ Новочеркасска были перехвачены и испорчены большевиками, а всѣ лошади въ разгонѣ по причинѣ эвакуаціи изъ города правительственныхъ учрежденій и выѣзда множества частныхъ лицъ; необходимо было также предварительно зашифровать и зашить въ одежду привезенныя г-номъ А. бумаги. Самый проѣздъ по грунтовымъ дорогамъ (предположительно намѣчался маршрутъ Новочеркасскъ — ст. Поворино) по имѣвшимся свѣдѣніямъ представлялся необезпеченнымъ, ввиду перспективы пересѣчь боевой фронтъ и риска подвергнуться грабежамъ и насиліямъ со стороны разнузданнаго населенія. Въ лучшемъ случаѣ пришлось бы переплатить огромную сумму за лошадей и подводы и въ результатѣ очутиться подъ сильнымъ подозрѣніемъ на какой нибудь жел. дорожной станціи въ тылу совѣтскихъ войскъ.

Занятіе Новочеркасска большевиками

Пока шли послѣднія приготовленія къ отъѣзду, къ вечеру 12 февраля довольно неожиданно вступилъ въ Новочеркасскъ, при громкихъ привѣтствіяхъ городской черни, авангардъ совѣтской арміи подъ начальствомъ бывшаго войскового старшины Голубова. На слѣдующій день подошли и главныя силы. Началась обычная въ такихъ случаяхъ кровавая вакханалія. Чины делегаціи, уже успѣвшіе подготовить соотвѣтствующую инсценировку и надежно скрыть почти все, что могло ихъ уличить, не имѣли особеннаго основанія къ опасеніямъ. Единственная улика, которая ко времени прихода большевиковъ не была удалена, являлась въ видѣ громоздкаго тюка, до полупуда вѣсомъ, съ литературой Добровольческой Арміи въ формѣ листковъ, прокламацій, приглашеній записываться на службу и т. п., которые были навязаны мнѣ штабомъ, несмотря на безполезность въ Сибири этого литературнаго багажа и явную опасность возки его съ собою на протяженіи многихъ тысячъ верстъ. Для скрытія его былъ заказанъ чемоданъ съ двойнымъ дномъ, внутри котораго предполагалось помѣстить по одному

экземпляру каждаго изданія въ качествѣ образца. Но ко времени вступленія большевиковъ чемоданъ не былъ готовъ, что понудило принять мѣры къ немедленному уничтоженію компрометирующаго тюка. Черезъ 20—30 минутъ послѣ этого дѣйствительно нагрянуло въ гостиницу съ обыскомъ большевицкое начальство въ лицѣ «Помощника командующаго войсками Пугачевскаго (?) района», которому, также какъ и Голубову, были отведены помѣщенія въ той же гостиницѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ со мною.

На требованіе о выдачѣ оружія мною былъ предъявленъ карманный револьверъ, послѣ чего произведенъ опросъ и поверхностный осмотръ занимаемаго помѣщенія и вещей, который повидимому не внушилъ подозрѣній.

Это настроеніе, равно какъ и близкое сосѣдство, я постарался использовать, держа себя впредь въ присутствіи большевицкихъ главарей съ полной непринужденностью и стараясь путемъ бесѣдъ добыть нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя могли бы представить интересъ для штаба Добровольческой Арміи. Такимъ способомъ удалось кое что узнать, но доставить полученныя свѣдѣнія, за отсутствіемъ средствъ связи, не пришлось.

Съ занятіемъ большевиками Новочеркасска постепенно возстанавливалось желѣзнодорожное сообщеніе по сходящимся къ нему линіямъ, что открывало для делегаціи непрерывный путь до Сибири, заставивъ окончательно отказаться отъ предположенія выѣхать на лошадяхъ. Но правильное пассажирское движеніе открылось только около 20 февраля, а затѣмъ, ввиду послѣдовавшаго запрещенія выѣзда безъ разрѣшенія властей, пришлось потерять еще нѣсколько дней на хожденіе за полученіемъ соотвѣтствующаго «пропуска», для чего надлежало явиться лично въ канцелярію «совдепа», помѣстившуюся въ зданіи Судебныхъ Установленій.

Проживъ въ Новочеркасскѣ всего около трехъ мѣсяцевъ, уединенно, на одной изъ окраинъ города и удачно измѣнивъ ко времени прихода большевиковъ свою наружность, я лично мало рисковалъ быть узнаннымъ кѣмъ либо изъ толпы, ежедневно, со времени начала выдачи пропусковъ, густо наполнявшей обширныя помѣщенія зданія Судебныхъ Установленій. Въ иномъ положеніи былъ Х., который, при довольно характерной наружности и въ результатѣ своей предыдущей дѣятельности въ Новочеркасскѣ, приводившей его въ соприкосновеніе съ довольно широкими кругами населенія, рисковалъ встрѣчами, которыя могли имѣть для него, какъ лица завѣдомо приближеннаго къ Л. Г. Корнилову, роковой исходъ. Подъ вліяніемъ такихъ опасеній онъ сначала рѣшилъ было пуститься въ путь безъ пропуска, но полученныя свѣдѣнія о печальной судьбѣ нѣкоторыхъ лицъ, выѣхавшихъ подобнымъ образомъ, заставили отказаться отъ такого намѣренія. Приходилось идти на рискъ личной явки въ совдепъ, но подъ вліяніемъ продолжавшихся опасеній это откладывалось со дня на день, пока мною 24 февраля, ввиду назначеннаго на слѣдующій день выѣзда делегаціи изъ Новочеркасска, не было отдано категорическое на этотъ предметъ распоряженіе. Но получить пропускъ въ тотъ же день оказалось невозможнымъ за многолюдствомъ, а на слѣдующій день, 25 февраля, когда члены делегаціи уже садились въ поѣздъ, поджидая Х., послѣдній прибылъ съ заявленіемъ, что пропуска получить ему опять не удалось, т. к. по случаю воскреснаго дня въ совдепѣ не было присутствія. Было рѣшено, что онъ пойдетъ за пропускомъ на слѣдующій день, и по полученіи его тотчасъ же выѣдетъ вслѣдъ за делегаціей, догнавъ ее въ Самарѣ, гдѣ предполагалась остановка на нѣсколько дней.

Отъѣздъ въ командировку

Остальные члены делегаціи выѣхали 25 февраля ст. ст., направляясь на Царицынъ, т. к. кратчайшій путь по Воронежской линіи, на Лиски, былъ еще закрытъ для частнаго пользованія.

Ѣзда по жел. дорогамъ представляла въ описываемое время чрезвычайныя неудобства. Вплоть до Челябинска делегаціи не пришлось видѣть вагоновъ 1-го или 2-го класса, даже попасть въ вагонъ 3-го класса можно было почитать за особое счастье, такъ какъ Ѣзда въ этихъ вагонахъ являлась исключительной привилегіей самодовольной толпы «товарищей», возвращавшихся съ фронта. Набивались до отказа вагоны и теплушки; получить мѣсто для сидѣнія часто оказывалось возможнымъ только на

вторыя или третьи сутки послѣ посадки. Въ долгія зимнія ночи вагоны скудно освѣщались средствами пассажировъ, а чаще погружались въ полный мракъ. Вопросъ питанія представлялъ иногда большія затрудненія. При этихъ условіяхъ, а особенно во время хаотической посадки въ вагоны, часто принимавшей характеръ рукопашнаго боя, приходилось зорко слѣдить за своимъ багажомъ и одеждой, которые заключали въ себѣ, какъ сказано выше, предметы особаго для делегаціи значенія; по этой причинѣ были установлены негласныя дежурства и при малѣйшей возможности члены делегаціи размѣщались группами въ 2—3 человѣка.

При такомъ способѣ передвиженія крайнее утомленіе заставляло иногда останавливаться для отдыха въ попутныхъ пунктахъ, преимущественно такихъ, въ которыхъ предстояла пересадка; съ этой цѣлью делегація останавливалась на короткое время въ Царицынѣ, Пензѣ и Челябинскѣ, кромѣ того, до Омска предстояло еще выполнить служебное порученіе въ Самарѣ, требовавшее болѣе продолжительной остановки, почему пунктъ этотъ и былъ назначенъ г-ну Х. для присоединенія къ делегаціи.

Пребываніе въ Самарѣ

Порученіе, которое надлежало выполнить въ Самарѣ, имѣло попутный характеръ и было дано мнѣ генераломъ Романовскимъ на словахъ, на скорую руку, въ одинъ изъ послѣднихъ дней пребыванія въ Ростовѣ. Оно заключалось въ томъ, чтобы разыскать въ Самарѣ штабсъ-капитана Г., командированнаго туда штабомъ Добровольческой Арміи для тайной развѣдки, съ его помощью завязать связи съ мѣстными политическими и финансовыми дѣятелями и по соглашенію избрать изъ нихъ подходящаго для роли начальника мѣстнаго отдѣла союза; объ избранномъ кандидатѣ сообщить штабу. Однако, задерживаться ради этого порученія, если бы не удалось его скоро исполнить — не рекомендовалось. О шт.-капитанѣ Г. была дана справка, что онъ проживаетъ въ гост. «Россія» подъ настоящей фамиліею, скрывая только свое офицерское званіе. И. д. Начальника штаба добавилъ, что не желая обременять меня мелочами, онъ прикажетъ штабу сообщить непосредственно Х. нѣкоторыя дополнительныя данныя о Самарѣ, а также вручить ему перечень свѣдѣній, которыя желательно оттуда доставить. Полученіе такого перечня Х. дѣйствительно подтвердилъ, но подробностей даннаго ему порученія, за краткостью нашихъ свиданій въ Новочеркасскѣ, доложить не успѣлъ.

По расчету времени, ввиду остановокъ делегаціи въ Царицынѣ и Пензѣ, онъ могъ прибыть въ Самару раньше насъ, но, пріѣхавъ туда 4 марта ст. ст., я не нашелъ его по условленному между нами адресу. Такой же отрицательный результатъ имѣли и розыски штабсъ-капитана Г. Въ гостиницѣ «Россія», типа плохенькихъ провинціальныхъ «номеровъ», швейцаръ заявилъ, что лицо съ фамиліей, похожей на ту, которую я назвалъ, какъ будто бы дѣйствительно проживало въ ней, но должно быть выбыло и неизвѣстно куда. Списка постояльцевъ за прежнее время въ гостиницѣ не нашлось. Изъ адреснаго стола мнѣ дали справку о трехъ проживавшихъ въ Самарѣ Г. и нѣсколькихъ лицахъ съ однозвучными фамиліями, но ни одно изъ нихъ не оказалось тѣмъ, которое я искалъ. Попытка завязать связи помимо Г. успѣхомъ не увѣнчалась, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было точекъ соприкосновенія. Кромѣ того, повидимому, въ результатѣ установившагося въ Самарѣ террористическаго режима, наиболѣе видные политическіе и финансовые дѣятели, въ томъ числѣ и извѣстный всему Поволжью Башкировъ, еще раньше успѣли спастись бѣгствомъ; менѣе крупные дѣятели не подавали признаковъ жизни.

Лучшія общественныя зданія и богатые особняки города оказались занятыми многочисленными анархическими организаціями, которыя повидимому оспаривали здѣсь власть у большевиковъ. При такихъ условіяхъ нельзя было разсчитывать организовать что нибудь въ короткое время, почему послѣ шестидневнаго пребыванія въ Самарѣ, прошедшаго въ вышеупомянутыхъ попыткахъ и тщетномъ ожиданіи пріѣзда Х., было рѣшено продолжать путь въ Сибирь.

Путевыя впечатлѣнія

Въ пути между Самарой и Омскомъ, также какъ и раньше до Самары, приходя, при тѣсномъ сосѣдствѣ въ вагонахъ, въ близкое соприкосновеніе съ пассажирами изъ пролетаріата, делегація имѣла много

случаевъ отмѣтить въ общемъ недружелюбное и часто ироническое отношеніе большинства къ совѣтской власти, по мотивамъ, однако, не столько идейнаго, сколько чисто практическаго свойства.

Прибытіе въ Омскъ

29-го марта нов. стиля* делегація прибыла въ Омскъ, гдѣ выяснилось, что въ квартирѣ Х., которую онъ здѣсь оставилъ за собой со времени послѣдняго посѣщенія Омска и которой предполагалось воспользоваться, — только что, по распоряженію совдепа, былъ произведенъ строжайшій обыскъ, сопровождавшійся разгромомъ имущества и обстановки. Съ большимъ трудомъ удалось найти другое помѣщеніе, т. к. Омскъ въ то время былъ уже переполненъ пришлымъ населеніемъ, а гостиницы, по обыкновенію, заняты подъ разныя совѣтскія учрежденія. Зато вопросъ о завязкѣ здѣсь сношеній могъ рѣшиться болѣе благопріятно благодаря полученнымъ рекомендательнымъ письмамъ и знакомствамъ г-на А.

Завязка сношеній

Первымъ изъ лицъ, къ которымъ у меня имѣлись такія рекомендаціи, удалось разыскать инженера NN., который былъ указанъ мнѣ однимъ изъ членовъ нашей организаціи, М. М. Федоровымъ, какъ лицо, могущее ввести меня въ торгово-промышленные круги Омска. По передачѣ ему письма г. Федорова, г. NN. принялъ меня довольно привѣтливо, но заявилъ, что онъ отъ политики въ настоящее время совершенно отстранился, для содѣйствія же мнѣ въ возложенномъ на меня порученіи, познакомитъ меня съ виднымъ представителемъ партіи народной свободы, К., а также со своимъ родственникомъ Д., офицеромъ, оставшимся съ конспиративной цѣлью на службѣ у большевиковъ. Первое изъ этихъ знакомствъ, однако, не состоялось, вслѣдствіе отказа г. К. прибыть на условленное свиданіе подъ предлогомъ сомнѣній въ подлинности письма г. Федорова и моей личности, въ дѣйствительности же, какъ можно было предполагать, изъ боязни скомпрометировать себя передъ мѣстной совѣтской властью**.

Выбытіе Х. изъ состава делегаціи

Нѣсколько дней спустя послѣ прибытія въ Омскъ были получены вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія (изъ московскихъ оффиціальныхъ «Извѣстій») о состоявшемся арестѣ г-на Х., большевицкими властями въ Москвѣ. Какимъ образомъ онъ очутился въ Москвѣ, осталось невыясненнымъ.

Характеристика большевицкаго режима въ Сибири

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію, считаю необходимымъ остановиться на нѣкоторыхъ особенностяхъ совѣтской власти въ Сибири, которая, установившись здѣсь позднѣе, чѣмъ въ большинствѣ центровъ Европ. Россіи, и преслѣдуя ту же основную цѣль — осуществить на дѣлѣ диктатуру пролетаріата, — проявлялась однако въ нѣсколько иныхъ формахъ, нежели по ту сторону Урала. Сибирскіе совдепы, — не уступая россійскимъ въ отношеніи твердости и опредѣленности задачъ управленія, озабоченные въ одинаковой степени своимъ самосохраненіемъ, для чего окружали себя сѣтью органовъ тайнаго розыска и «борьбы съ контръ-революціей», на первое время избѣгали примѣненія крайнихъ террористическихъ пріемовъ управленія, обычныхъ въ то время въ Евр. Россіи и, считаясь съ народными настроеніями, старались ставить преграды самочиннымъ дѣйствіямъ разныхъ «карательныхъ» — матросскихъ и иныхъ — отрядовъ. «Красная гвардія» въ Сибири была немногочисленна и, повидимому, не считалась надежной, взамѣнъ чего главари большевизма въ Сибири стремились создать себѣ опору въ лицѣ многочисленныхъ, одѣтыхъ въ русскую военную форму, «интернаціональныхъ» отрядовъ, изъ плѣнныхъ нѣмцевъ и мадьяръ. При обиліи военно-плѣнныхъ въ Сибири и щедромъ ассигнованіи средствъ на содержаніе составленныхъ изъ нихъ отрядовъ, комплектованіе послѣднихъ не встрѣчало затрудненій.

---

* Въ дальнѣйшемъ всѣ числа по новому стилю.

** Несостоявшееся знакомство съ г. К. косвенно имѣло для дѣла делегаціи отрицательный результатъ, такъ какъ вслѣдствіе допущенной г. г. NN и К. нескромности при обсужденіи предъявленнаго мною письма, моя настоящая фамилія и принятый псевдонимъ сдѣлались вскорѣ достояніемъ гласности среди мѣстнаго буржуазнаго общества, откуда свѣдѣнія эти легко могли проникнуть въ совѣтскіе круги, что ставило въ тяжелыя условія послѣдующую работу делегаціи.

Зависимость мѣстныхъ совѣтовъ отъ московскаго «совнаркома» имѣла скорѣе номинальное, чѣмъ реальное, значеніе, не особенно ощущалась также въ Омскѣ зависимость отъ «Центросибири», организовавшейся гдѣ то въ Томскѣ или Иркутскѣ, въ качествѣ органа, объединяющаго рабоче-крестьянскую власть во всей Сибири.

Указанными особенностями мѣстнаго большевицкаго режима можно объяснить слабость репрессій въ отношеніи завѣдомыхъ враговъ совѣтской власти въ Омскѣ въ лицѣ, напр., Е. и оффиціальнаго лидера партіи нар. свободы адвоката Жардецкаго, изъ коихъ первый, состоя подъ слѣдствіемъ революціоннаго трибунала, продолжалъ проживать въ своемъ домѣ, сохранивъ относительную свободу внѣшнихъ сношеній*, а второй, поднявшій въ январѣ юнкеровъ военнаго училища на возстаніе противъ совдепа и захваченный чуть-ли не съ поличнымъ, сохранилъ тѣмъ не менѣе жизнь, содержась со времени ликвидаціи возстанія въ мѣстной тюрьмѣ подъ слѣдствіемъ, затянувшимся на нѣсколько мѣсяцевъ.

Неудача первыхъ шаговъ въ Омскѣ

Черезъ знакомыхъ г-на А. делегація познакомилась съ временнымъ замѣстителемъ г. Жардецкаго въ лидерствѣ кадетской партіи, г. Ж., но этотъ дѣятель, такъ-же какъ и вышеупомянутый его коллега по партіи г. К., оказался несклоннымъ къ активной работѣ противъ большевиковъ, ссылаясь на директивы центральнаго комитета партіи и на безнадежность вообще, по его мнѣнію, выступленій противъ совѣтской власти безъ поддержки со стороны союзныхъ державъ, въ частности Японіи, почему г. Ж. рекомендовалъ возможно скорѣе выѣхать на Дальній Востокъ, гдѣ по его свѣдѣніямъ будто бы велась подготовка къ предстоящей интервенціи союзниковъ.

Такимъ образомъ первые шаги въ Омскѣ возбуждали сомнѣнія относительно возможности опереться въ работѣ на солидныя политическія группы и достигнуть хорошихъ результатовъ въ отношеніи организаціи мѣстныхъ силъ; одновременно изъ тѣхъ же источниковъ получались отрицательныя свѣдѣнія и относительно существованія въ Омскѣ болѣе или менѣе прочно организованныхъ тайныхъ отрядовъ, имѣющихъ задачей вооруженную борьбу противъ большевиковъ. Говорили о летучемъ казачьемъ отрядѣ нѣкоего шт.-ротмистра Анненкова, который — получая небольшую поддержку отъ мѣстныхъ капиталистовъ, — послѣ похищенія имъ изъ собора знамени Ермака Тимофеевича, будто держится гдѣ то въ степи, не проявляя активной дѣятельности; по слухамъ имѣлись еще какіе то влачащіе жалкое существованіе не казачьи офицерскіе отряды съ эс-эровской окраской и др.

Перемѣна въ положеніи

Къ счастью, однако, дальнѣйшія изысканія, произведенныя делегаціей, не подтвердили первоначально полученныхъ свѣдѣній. Значительную помощь въ этомъ отношеніи оказали гг. У. и Z., къ которымъ я имѣлъ письма отъ Л. Г. Корнилова.

Первый ввелъ делегацію въ тайный кружокъ политическихъ дѣятелей, хотя принадлежащихъ къ партіи ка-де, но относившихся далеко не столь индиферентно къ вопросу объ активной борьбѣ противъ большевизма, какъ другіе представители той же партіи; второй помогъ установленію сношеній делегаціи съ нѣсколькими лицами, стоявшими во главѣ одной изъ наиболѣе значительныхъ офицерскихъ тайныхъ организацій.

Донесенія въ Штабъ добровольческой Арміи

Подробное донесеніе о послѣдовавшей въ результатѣ этихъ связей работѣ делегаціи въ Омскѣ было въ свое время отправлено съ особымъ курьеромъ, о судьбѣ котораго, равно какъ и посланнаго съ нимъ донесенія, съ тѣхъ поръ не имѣется никакихъ свѣдѣній.

Принимая во вниманіе важность установленія на первыхъ же порахъ возможно прочной связи со штабомъ Добровольческой Арміи, делегація еще въ Новочеркасскѣ была озабочена вопросомъ обезпеченія себя надежнымъ курьеромъ, который доставилъ бы первыя донесенія, причемъ признавалось необходимымъ, чтобы

---

* Е. былъ посѣщенъ мною и г-номъ А. въ одинъ изъ первыхъ дней пребыванія въ Омскѣ.

лицо это было мѣстнымъ уроженцемъ, такъ какъ при установившемся на Дону большевицкомъ режимѣ и продолжающихся на юго-востокѣ Россіи военныхъ дѣйствіяхъ, миссія по доставкѣ секретнаго донесенія въ неизвѣстно гдѣ находящійся штабъ Д. А. едва-ли могла-бы съ успѣхомъ быть выполнена лицомъ, не знающимъ въ совершенствѣ мѣстныхъ условій.

По изложеннымъ соображеніямъ былъ приглашенъ для выполненія порученія по доставкѣ донесеній изъ Омска бывшій командиръ одного изъ Донскихъ казачьихъ полковъ, природный казакъ, полковникъ З., извѣстный г-ну А. по совмѣстной съ нимъ службѣ на фронтѣ. Ему было предложено выѣхать съ Дона съ такимъ расчетомъ, чтобы прибыть къ делегаціи въ половинѣ апрѣля. Полк. З. къ назначенному сроку дѣйствительно прибылъ въ Омскъ, откуда выѣхалъ обратно 25 апрѣля, съ донесеніями моимъ и А., представлявшими въ общей сложности довольно объемистую, частью зашифрованную рукопись на кускахъ ткани, зашитыхъ въ одежду полк. З.

Ввиду вѣроятной утраты этихъ донесеній (копій съ конхъ, изъ предосторожности, не оставлялось), но принимая съ другой стороны во вниманіе, что большинство свѣдѣній, сообщенныхъ изъ Омска, теперь уже не представляетъ интереса, я въ настоящемъ отчетѣ ограничусь краткимъ очеркомъ фактовъ, послужившихъ предметомъ посланныхъ изъ Омска донесеній.

Развитіе работы делегаціи

Главными дѣятелями въ вышеупомянутомъ кружкѣ, въ который ввелъ меня У., были Л. и М. Большинство извѣстныхъ мнѣ членовъ кружка Л. признавали себя принадлежащими къ правому крылу партіи народной свободы и не скрывали своихъ симпатій къ монархическому образу правленія, но ближайшей задачей ставили не реставрацію монархіи, а возстановленіе цѣлости и мощи Россіи. Программа дѣятельности кружка ко времени моего пріѣзда въ Омскъ только начала вырабатываться, почему делегація имѣла возможность принять въ этой работѣ непосредственное участіе.

Послѣ ряда совѣщаній, состоявшихся конспиративно у Л. и М., послѣ которыхъ кружокъ согласился программу ген. Корнилова, за небольшими исключеніями, положить въ основаніе своей дальнѣйшей политической дѣятельности, было рѣшено войти въ ближайшія сношенія съ мѣстными боевыми отрядами, обезпечить имъ притокъ опредѣленныхъ денежныхъ средствъ и придать устройство, соотвѣтствующее требованіямъ нормальной военной организаціи.

На этомъ пути ожидались большія затрудненія, т. к. по свѣдѣніямъ кружка составъ отрядовъ былъ большею частью соціалистическій и потому едва ли склонный къ примѣненію началъ единоличнаго командованія, строгой дисциплины и т. п., съ другой стороны мѣстнымъ казачьимъ организаціямъ приписывались недостатки иного рода, дѣлавшіе ихъ также малопригодными въ качествѣ опоры будущей власти, а именно нѣкоторая моральная распущенность, неразборчивость въ средствахъ*, стремленіе руководствоваться больше честолюбивыми побужденіями своихъ атамановъ, чѣмъ сознаніемъ гражданскаго долга и т. п.

Ознакомленіе съ боевыми организаціями

Все это обязывало принять мѣры къ подробному обслѣдованію омскихъ военныхъ организацій съ тѣмъ, чтобы опредѣлить изъ нихъ тѣ, которыя дѣйствительно стоило бы поддержать матеріально и объединить ихъ между собою и съ кружкомъ Л., какъ единственной въ Омскѣ политической организаціей, которая въ случаѣ переворота могла бы на первое время принять на себя, съ надеждой на успѣхъ, задачи твердой правительственной власти.

Какъ было упомянуто, делегація при посредствѣ г. Z. уже завязала сношенія съ одной изъ такихъ военныхъ организацій; благодаря содѣйствію г. Д. (родственника инженера N. N.), оказалось возможнымъ вступить въ близкое личное общеніе съ фактическимъ руководителемъ этой организаціи, капитаномъ Н. Послѣдній произвелъ

---

* Между прочимъ, ссылались на недавно бывшій случай растраты крупной суммы, полученной начальникомъ одной изъ организацій отъ мѣстныхъ коммерсантовъ.

хорошее впечатлѣніе, но оказалось, что юридически организація, насчитывающая нѣсколько сотъ офицеровъ, подчиняется не ему какъ единоличному начальнику, а штабу, въ который кромѣ офицеровъ входятъ и гражданскія лица, а именно, представители кооперації. Такое коллективное начало управленія являлось будто бы уступкой взглядамъ нѣкоторыхъ общественныхъ группъ, поддерживающихъ организацію матеріально.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ капитаномъ Н. и подтвердившимся изъ другихъ источниковъ, большинство офицеровъ, принадлежащихъ къ организаціи, однако, отнюдь не признавали себя соціалистами и вообще стояли внѣ какихъ бы то ни было политическихъ партій. Имѣлся выработанный въ общихъ чертахъ планъ боевыхъ дѣйствій, предусматривающій нѣсколько случаевъ. Средства существованія, получаемыя частью отъ кооперативовъ, частью отъ комерсантовъ изъ числа менѣе крупныхъ, скудны и въ дальнѣйшемъ предвидится ихъ истощеніе. Оружія на лицо немного, но запасъ его постепенно пополняется путемъ похищенія, тайной покупки у красноармейцевъ (такимъ способомъ пріобрѣтенъ даже пулеметъ) и т. п. Захватъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ предполагается произвести къ моменту выступленія, при содѣйствіи Д. Однако, не имѣется спеціалистовъ для управленія артиллеріею въ бою, почему просятъ содѣйствія делегаціи къ подысканію такихъ лицъ.

Установленіе единоличнаго командованія

При послѣдующемъ ознакомленіи съ подробностями устройства, состава и задачъ той же организаціи выяснилось, что послѣдняя готова подчиниться руководительству группы, которая приметъ на себя осуществленіе временной государственной власти на основѣ программы ген. Корнилова, а также согласна признать единоличную власть военнаго начальника, который будетъ поставленъ мною, съ другой стороны кружокъ Л. обѣщалъ рѣшить въ положительномъ смыслѣ вопросъ о финансированіи отряда капитана Н. при условіи переустройства его на началахъ нормальной организаціи, причемъ признавалось желательнымъ во главѣ поставить авторитетное лицо, которое подъ своею властью могло бы объединить и другія, преимущественно казачьи, организаціи. Въ качествѣ кандидата на этотъ постъ былъ названъ полковникъ Сибирскаго казачьяго войска П. П. Ивановъ, который еще раньше былъ рекомендованъ мнѣ г-номъ У., какъ лицо, пользующееся большимъ вліяніемъ среди казачества и имѣющее обширный административный опытъ. Меня просили лично познакомиться съ полк. Ивановымъ, проживавшимъ въ то время въ Петропавловскѣ, и если впечатлѣніе отъ знакомства и другія свѣдѣнія, которыя удастся получить, будутъ благопріятны, предложить ему, переѣхавъ на жительство въ Омскъ, принять на себя обязанности общаго начальника надъ всѣми военными организаціями Омска и Петропавловска.

Съ указанной цѣлью я около половины апрѣля совершилъ поѣздку въ Петропавловскъ, воспользовавшись ею кстати, чтобы замести свои слѣды въ Омскѣ, гдѣ неблагопріятно сложившаяся въ отношеніи конспираціи обстановка обязывала принять мѣры предосторожности. Въ результатѣ знакомства съ полк. Ивановымъ, заканчивавшимъ въ это время расформированіе Сибирской казачьей дивизіи, которой онъ командовалъ на фронтѣ, я заручился его согласіемъ на сдѣланное предложеніе, но съ тѣмъ, что на первое время, впредь до окончанія расформированія дивизіи, онъ останется жить въ Петропавловскѣ, чтобы не возбудить подозрѣній.

Въ то же время, въ предвидѣніи отъѣзда делегаціи въ Иркутскъ и далѣе на востокъ, что должно было еще болѣе затруднить связь со штабомъ Д. А., я призналъ полезнымъ оставить полковника Иванова въ Омскомъ раіонѣ въ качествѣ начальника мѣстнаго военнаго подотдѣла ввѣренной мнѣ делегаціи, съ предоставленіемъ права непосредственнаго сношенія съ штабомъ, снабдивъ его соотвѣтствующей инструкціей.

Отношеніе Сибирскихъ казаковъ къ большевизму

Дальнѣйшая совмѣстная работа делегаціи съ кружкомъ Л. происходила при ближайшемъ участіи П. П. Иванова, который съ этой цѣлью, по моему приглашенію, пріѣзжалъ въ Омскъ.

Для объясненія вліянія, которое выборъ полк. Иванова оказалъ на дальнѣйшія событія въ Омскѣ, необходимо въ нѣсколькихъ сло-

вахъ очертить настроенія, существовавшія въ то время въ Сибирскомъ казачьемъ войскѣ и его отношеніе къ большевизму.

Подобно тому, какъ и въ другихъ казачьихъ войскахъ, проводникомъ идей большевизма въ войско оказалась, главнымъ образомъ, молодежь, вернувшаяся съ фронта въ составѣ строевыхъ частей. Обольщенные заманчивыми обѣщаніями земли, воли, раздѣла имуществъ и т. п., молодые казаки, по возвращеніи на родину, хотя и недружелюбно встрѣченные своими «стариками», тѣмъ не менѣе нашли тотчасъ же моральную поддержку со стороны столь же развращенныхъ пропагандой солдатъ и казаковъ тыловыхъ частей и учрежденій, городской черни, казачьей голытьбы, крестьянъ-новоселовъ, съ завистью смотрѣвшихъ на благосостояніе старыхъ казачьихъ хозяйствъ, и т. п. Былъ поставленъ на очередь вопросъ о созывѣ круга, который долженъ былъ, въ предѣлахъ войсковой территоріи, практически осуществить чаянія пролетаріата, связанныя съ большевицкой программой.

Кругъ состоялся раннею весною 1918 года, и ввѣренная мнѣ делегація еще успѣла захватить его послѣднія засѣданія. Подъ давленіемъ казаковъ-фронтовиковъ, къ участію въ кругѣ были допущены делегаты существовавшихъ ранѣе, но ко времени созыва круга уже расформированныхъ казачьихъ частей, представители иногороднаго населенія («разночинцы») и другіе элементы, не имѣвшіе на это никакого права, что, однако, дало лѣвымъ теченіямъ въ кругѣ лишь небольшой перевѣсъ. Въ результатѣ, хотя и были вынесены постановленія коммунистическаго характера, вродѣ соціализаціи земли, нормированія инвентаря хозяйствъ и т. п., но, благодаря искусно проведеннымъ представителями оппозиціи поправкамъ, большинство основныхъ положеній сводилось почти къ нулю или обрекалось съ теченіемъ времени естественной смерти.

Впрочемъ, войсковое правительство было упразднено и административное управленіе войскомъ, до мелкихъ единицъ включительно, построено на коллективныхъ началахъ, но и эти мѣры привели скорѣе къ результатамъ обратнымъ тѣмъ, на которые разсчитывали ихъ иниціаторы, т. к. смѣщеніе не пользовавшихся популярностью войскового атамана Копѣйкина и нѣкоторыхъ членовъ правительства съ замѣной ихъ лишенными всякаго значенія «коллективами», открыло пути для вліянія другихъ, болѣе энергичныхъ дѣятелей въ родѣ П. П. Иванова, которые, во имя оказанія дружнаго отпора вреднымъ повшествамъ, сумѣли сплотить вокругъ себя многочисленный классъ домовитыхъ казаковъ-хозяевъ и этимъ парализовать вліяніе въ станицахъ молодежи и голытьбы. Такъ еще въ періодъ работы делегаціи въ Омскѣ, мнѣ при посѣщеніи Петропавловска пришлось наблюдать то, почти независимое, положеніе, которое занимала въ отношеніи городскихъ совѣтскихъ властей примыкающая къ городу богатая казачья станица, фактически руководимая П. П. Ивановымъ, хотя наружно и державшимся въ сторонѣ.

Объединеніе организацій

При указанномъ значеніи, которое имѣлъ въ войскѣ этотъ штабъ-офицеръ, вопросъ о подчиненіи ему казачьихъ боевыхъ организацій рѣшался самъ собою, а признаніе его своимъ начальникомъ офицерскими не казачьими отрядами, такимъ образомъ, фактически объединяло всѣ вооруженныя силы Омска и ближайшаго къ нему раіона, поставившія себѣ цѣлью борьбу съ большевизмомъ (см. Прил. 4).

Вопросъ финансированія организацій съ назначеніемъ полковника Иванова также получилъ благопріятное разрѣшеніе, такъ какъ, вслѣдъ за выраженнымъ имъ согласіемъ подчиниться политическому руководительству кружка Л., были изысканы средства для содержанія подчиненныхъ ему отрядовъ, съ назначеніемъ опредѣленнаго ежемѣсячнаго бюджета въ довольно крупной суммѣ.

Разработка плана дѣйствій

Этотъ бюджетъ, первые взносы по которому были немедленно сдѣланы, давалъ возможность довести численность отрядовъ до цифры, необходимой для выполненія плана, окончательно разработаннаго при содѣйствіи полковн. Иванова и одобреннаго мною. Планъ предусматривалъ одновременное выступленіе по соглашенію съ организаціями другихъ городовъ Сибири и долженъ былъ имѣть характеръ нечаяннаго нападенія на военныя и гражданскія совѣтскія учрежденія, причемъ всѣ роли были точно предусмотрѣны и распредѣлены;

самостоятельное выступленіе допускалось только какъ мѣра необходимой самообороны, въ случаѣ, если бы были получены достовѣрныя свѣдѣнія о намѣреніи большевиковъ привести въ исполненіе предложенія, сдѣланныя нѣкоторыми членами совдепа, о поголовномъ истребленіи офицерства и буржуазіи. Чтобы быть объ этомъ своевременно предупрежденнымъ, въ совдепѣ содержалась тайная агентура.

Вопросъ объ управленіи артиллеріею не получилъ пока удовлетворительнаго разрѣшенія за отсутствіемъ въ Омскѣ подходящихъ спеціалистовъ, почему было рѣшено такихъ подыскать и командировать изъ Томска или Иркутска; такимъ же образомъ предполагалось привлечь и офицеровъ генеральнаго штаба, которыхъ въ Омскѣ не оказалось.

Работа въ послѣдніе дни пребыванія въ Омскѣ

Политическая работа делегаціи въ Омскѣ въ послѣднихъ числахъ апрѣля заключалась въ совмѣстномъ съ кружкомъ Л. вырѣшеніи вопроса объ организаціи на первое время по сверженіи большевиковъ правительственной власти. Съ этой цѣлью были распредѣлены между мѣстными дѣятелями портфели предполагаемаго временнаго правительства, съ участіемъ въ немъ и небольшого процента умѣренныхъ соціалистовъ въ менѣе отвѣтственныхъ роляхъ.

На первое время намѣчалось установленіе военной диктатуры, съ П. П. Ивановымъ во главѣ. Выработанъ планъ правительственныхъ мѣропріятій, подлежащихъ приведенію въ исполненіе немедленно по вступленіи во власть, причемъ, между прочимъ, особенное вниманіе удѣлялось вопросамъ продовольственному и о безработныхъ, число коихъ въ одномъ Омскѣ доходило до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Рѣшено привлечь ихъ къ обмолоткѣ хлѣба, накопившагося въ крупныхъ хозяйствахъ Степного края за нѣсколько лѣтъ. Общее количество хлѣбныхъ запасовъ Края исчислялось въ 150 милліоновъ пудовъ, часть этого запаса предполагалось свезти къ жел. дорогѣ, чтобы имѣть возможность быстро двинуть его въ Евр. Россію для нуждъ населенія и Добровольческой Арміи въ случаѣ расширенія раіона дѣйствія послѣдней.

Принимая во вниманіе исключительное значеніе Западной Сибири, какъ базы для операцій, направленныхъ къ освобожденію Евр. Россіи отъ германо-большевизма, и обаяніе, которымъ пользуется здѣсь имя генерала Л. Г. Корнилова, члены кружка высказывали горячія пожеланія, чтобы дѣло организаціи здѣсь очага возстанія принялъ на себя лично Лавръ Георгіевичъ, что и просили меня передать ему отъ ихъ лица въ ближайшемъ донесеніи.

На принятіе на себя государственной власти омская политическая организація смотрѣла какъ на временную мѣру, необходимую для избѣжанія анархіи на первыхъ порахъ по сверженіи большевизма, впослѣдствіи же имѣлось ввиду, въ случаѣ образованія гдѣ либо въ Сибири или на Дальнемъ Востокѣ другой, однородной, власти, но съ болѣе обширной территоріальной компетенціей, немедленно уступить ей принятыя на себя полномочія. О существованіи такого правительства или возможнаго его появленія имѣлись, впрочемъ, только смутные слухи, основанные на газетныхъ и другихъ извѣстіяхъ о нахожденіи на Дальнемъ Востокѣ русскихъ политическихъ дѣятелей и о формированіи въ полосѣ отчужденія Китайской Восточной жел. дороги добровольческихъ отрядовъ. Предполагалось также, что въ образованіи такого правительства, которое могло бы аннулировать брестское предательство, должны быть заинтересованы союзныя державы, вмѣшательство которыхъ такимъ образомъ признавалось вѣроятнымъ. Происшедшая въ началѣ апрѣля высадка небольшого японскаго десанта во Владивостокѣ, казалось, подтверждала приписываемое союзникамъ намѣреніе.

По этимъ соображеніямъ, омскіе общественные дѣятели признавали крайне желательнымъ поѣздку ввѣренной мнѣ делегаціи на Дальній Востокъ, съ тѣмъ, чтобы по возможности ускорить тамъ нарожденіе ожидаемой власти, освѣдомить ее о положеніи на Дону и въ Зап. Сибири, установить прочную связь и содѣйствовать полученію поддержки отъ союзниковъ. Хотя съ другой стороны признавалось полезнымъ продолженіе работы делегаціи въ Омскѣ, однако, принимая во вниманіе, что здѣсь дѣло уже болѣе или менѣе наладилось, общее мнѣніе болѣе склонялось къ скорѣйшему отъѣзду

делегаціи на Д. Востокъ съ тѣмъ, чтобы она задержалась въ попутныхъ центрахъ не долѣе того, сколько нужно для нѣкотораго упорядоченія военныхъ организацій; предполагалось, что въ теченіе этого времени обстановка въ Омскѣ разъяснится настолько, чтобы можно было безошибочно рѣшить вопросъ о продолженіи пути или возвращеніи въ Омскъ; послѣднее допускалось только въ видѣ маловѣроятнаго предположенія, въ зависимости отъ какихъ либо чрезвычайныхъ обстоятельствъ, наприм., внезапной вспышки возстанія и т. д.

Для участія въ поѣздкѣ на Д. В. предполагалось привлечь еще одного — двухъ общественныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ бывшаго члена государственной думы И., которому и было послано соотвѣтствующее приглашеніе по мѣсту его жительства. И. долженъ былъ выѣхать съ такимъ расчетомъ, чтобы прибыть въ Харбинъ приблизительно въ одно время съ ввѣренной мнѣ делегаціей.

Полученіе свѣдѣній объ образованіи на Д. В. правительства

За 2—3 дня до предполагаемаго отъѣзда изъ Омска, слухи объ образованіи на Д. В. правительства и предстоящемъ вмѣшательствѣ союзниковъ получили неожиданно болѣе опредѣленныя формы, придавшія имъ нѣкоторое правдоподобіе. Эти новыя свѣдѣнія были привезены двумя прибывшими изъ Томска офицерами, которые свой пріѣздъ объясняли порученіемъ, полученнымъ отъ военнаго министра, образовавшагося въ Харбинѣ «Сибирскаго правительства»: порученіе заключалось въ томъ, чтобы собрать свѣдѣнія объ омскихъ военныхъ организаціяхъ и объявить имъ о принятіи ихъ военнымъ министромъ подъ свое начальство.

Со словъ этихъ офицеровъ, при свиданіи ихъ со мною и съ г. А., обстановка на Д. Востокѣ рисовалась въ слѣдующемъ видѣ.

Сибирское правительство, нынѣ объявившееся въ Харбинѣ, избрано въ январѣ 1918 года въ Томскѣ областной сибирской думой, которая вслѣдъ за тѣмъ, подъ вліяніемъ преслѣдованій со стороны большевиковъ, временно прекратила свою работу. Лица, выбранныя въ составъ правительства, выѣхавъ тайно изъ Томска, собрались въ Харбинѣ, гдѣ подъ предсѣдательствомъ П. Я. Дербера, приступили къ исполненію своихъ обязанностей, получивъ признаніе со стороны широкихъ общественныхъ круговъ русскаго Дальняго Востока. По партійной принадлежности министры — государственномыслящіе соціалисты, но такой односторонній составъ признается ими самими нежелательнымъ, почему кабинетъ преобразовывается на коалиціонныхъ началахъ, съ участіемъ несоціалистическихъ элементовъ; въ качествѣ представителей таковыхъ приглашенъ генералъ Д. Л. Хорватъ, извѣстный финансовый дѣятель А. И. Путиловъ и др., причемъ и предсѣдательство можетъ перейти къ другому лицу. Возможно, что такое преобразованіе уже состоялось.

Правительство хотя и именуется Сибирскимъ, но за отсутствіемъ въ Россіи общегосударственной власти исполняетъ временно функціи правительства всероссійскаго и какъ таковое находится въ сношеніяхъ съ союзными державами, отъ которыхъ будто-бы уже получило признаніе. Тѣ же союзники субсидируютъ его, что дало ему возможность сформировать въ полосѣ отчужденія Кит. В. жел. дороги корпусъ войскъ, численностью болѣе 20 тысячъ человѣкъ, вполнѣ готовыхъ къ дѣйствію, подъ командой генерала-отъ-кавалеріи Плѣшкова; въ ближайшемъ будущемъ ожидается подчиненіе послѣднему и автономнаго отряда атамана Семенова, сформировавшагося у границъ Забайкалья. Офицерскія организаціи въ Читѣ, Иркутскѣ, Красноярскѣ, Томскѣ и др. городахъ Сибири признаютъ власть военнаго министра Сибирскаго Правительства и содержатся на отпускаемыя имъ средства. Къ сожалѣнію доставка послѣднихъ изъ Харбина сопряжена со значительными затрудненіями, почему приходится прибѣгать къ заимствованію у мѣстныхъ капиталистовъ.

Вопросъ объ интервенціи союзниковъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ; начнется она съ наступленіемъ благопріятнаго для операцій въ Сибири времени года, т. е. около 1 іюня, причемъ корпусъ генерала Плѣшкова явится въ роли авангарда союзныхъ силъ, которыя числомъ до 100 тысячъ человѣкъ уже сосредоточиваются въ тихоокеанскихъ портахъ.

Военнымъ министромъ въ кабинетѣ Дербера состоитъ подполковникъ А. А. Краковецкій, занимавшій въ 1917 году постъ Командующаго войсками Иркутскаго военнаго округа*; докладчикъ г. О. (раздѣлявшій съ Краковецкимъ при царскомъ правительствѣ ссылку въ каторжныя работы), является нынѣ его уполномоченнымъ по управленію военными организаціями Сибири, съ резиденціей въ Томскѣ, имѣющемъ вполнѣ обезпеченную связь съ Харбиномъ, откуда и получены вышеуказанныя свѣдѣнія изъ первоисточника.

Значеніе полученныхъ свѣдѣній

Таковы были свѣдѣнія, сообщенныя г-номъ О. Заключая въ себѣ подробности, уже извѣстныя изъ другихъ источниковъ, а также и такія, которыя при существовавшемъ въ то время порядкѣ сношеній и отсутствіи регулярныхъ телеграфныхъ извѣстій провѣрить не представлялось возможнымъ, свѣдѣнія эти казались въ общемъ правдоподобными, тѣмъ болѣе, что самъ докладчикъ не уклонялся отъ фактической провѣрки ихъ, поддерживая делегацію въ ея намѣреніи отправиться на Д. Востокъ, куда, по его словамъ, онъ самъ предполагалъ выѣхать въ ближайшемъ будущемъ. Во всякомъ случаѣ становилось очевиднымъ, что на Д. В. назрѣваютъ важныя событія и что делегація могла скорѣе всего найти тамъ то «краевое правительство» — будь то Дербероское или иное — съ которымъ Наказъ обязывалъ его вступить въ сношенія; при этихъ условіяхъ вопросъ о скоромъ отъѣздѣ на востокъ становился еще болѣе настоятельнымъ.

Въ кружкѣ Л. къ свѣдѣніямъ, привезеннымъ изъ Томска, отнеслись сдержанно. Въ частности, что касалось личности главы сибирскаго правительства П. Я. Дербера, хорошо извѣстной въ Омскѣ съ отрицательной стороны, высказывалось предположеніе, что имя это едва-ли могло способствовать всеобщему признанію возглавляемой его носителемъ организаціи.

Окончаніе работы въ Омскѣ

Считая свою задачу въ Омскѣ послѣ четырехнедѣльнаго тамъ пребыванія временно законченной**, делегація, по принятіи надлежащихъ мѣръ для связи съ полк. Ивановымъ и кружкомъ Л., выѣхала въ Томскъ. Несмотря на то, что по свѣдѣніямъ нашей тайной агентуры совдепу было извѣстно о прибытіи въ Омскъ какого-то агитатора — «корниловца», пропуски для проѣзда были выданы безпрепятственно, что открывало для будущаго успокоительныя перспективы.

Работа въ Томскѣ

Въ Томскѣ, куда делегація прибыла 28 апрѣля, не предполагалось долго задерживаться, ограничиваясь задачами сбора свѣдѣній о мѣстныхъ военныхъ организаціяхъ и установленія связи съ потанинскимъ кружкомъ, который по своему крупному общественному значенію долженъ былъ сыграть извѣстную роль при всякихъ перемѣнахъ власти въ Сибири.

Изъ военныхъ организацій я ознакомился прежде всего съ той, которая, по словамъ О., состояла въ подчиненіи военнаго министра Краковецкаго; личный составъ ея штаба, представленный мнѣ г-номъ О., прибывшимъ въ Томскъ раньше меня, по своему наружному виду, дисциплинированности и дѣловитости произвелъ отличное впечатлѣніе. Одновременно я познакомился съ подполковникомъ артиллеріи А. И. Гришинымъ, только что приглашеннымъ О. на должность начальника штаба по всѣмъ организаціямъ Сибири къ западу отъ Байкала; до этого онъ состоялъ въ одной изъ военныхъ организацій Новониколаевска. Его же О. предполагалъ оставить въ качествѣ своего замѣстителя на время намѣченной поѣздки на Д. В.***.

---

* Послѣ установленія въ Евр. Россіи большевицкаго режима подполковникъ Краковецкій былъ командированъ на Украину въ качествѣ уполномоченнаго временнаго Сибирскаго правительства для заключенія договора по пропуску черезъ территорію Украины сибирскихъ войскъ.

** Неудовлетворительно рѣшеннымъ оказался въ Омскѣ вопросъ о вліяніи на мѣстную, прессу — съ одной стороны, вслѣдствіи уклончиваго отношенія редакцій мѣстныхъ оппозиціонныхъ органовъ, руководимыхъ соціалистами, а съ другой, по недостатку у делегаціи денежныхъ средствъ для широкаго субсидированія враждебныхъ большевицкому режиму газетъ.

*** Для характеристики отношеній О. ко ввѣренной мнѣ делегаціи, можно отмѣтить, что въ Омскѣ, держа себя въ отношеніи меня наружно весьма почтительно и, вѣроятно,

Г. Н. Потанинъ, котораго я посѣтилъ въ первый же день пребыванія въ Томскѣ, оказался дряхлымъ старцемъ, съ слабыми остатками зрѣнія и слуха, живущимъ въ крайне тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ. Письмо Л. Г. Корнилова, которое я ему привезъ, мнѣ пришлось самому прочесть Григорію Николаевичу вслухъ, послѣ чего онъ, заявивъ, что по старости уже не принимаетъ личнаго участія въ политикѣ, пригласилъ своего сосѣда А. Н. Гаттенбергера, рекомендовавъ мнѣ послѣдняго какъ общественнаго дѣятеля и вполнѣ довѣренное лицо, замѣщающее его въ кружкѣ, названномъ его именемъ. Г. Гаттенбергеръ назначилъ мнѣ дѣловое свиданіе, къ которому обѣщалъ пригласить еще нѣсколькихъ лицъ.

Свиданіе состоялось въ тотъ же день при участіи, кромѣ г. Гаттенбергера, меня и А., еще г. Р., хорошо извѣстнаго всей Сибири, а также офицера С., представленнаго мнѣ въ качествѣ начальника наиболѣе крупной изъ мѣстныхъ военныхъ организацій.

Новыя свѣдѣнія о Сибирскомъ правительствѣ

Бесѣда съ названными лицами дала богатый матеріалъ, провѣренный впослѣдствіи изъ другихъ источниковъ, для сужденія о характерѣ политической организаціи, возглавляемой П. Я. Дерберомъ и принявшей наименованіе «Правительства Автономной Сибири», а также о военныхъ организаціяхъ различныхъ типовъ, существовавшихъ въ то время въ Сибири. Содержаніе этихъ данныхъ было въ свое время сообщено въ донесеніи, отправленномъ въ штабъ Д. А. около половины мая изъ Иркутска; ввиду отсутствія свѣдѣній о полученіи этого донесенія и непмѣнія копіи привожу здѣсь на память краткое изъ него извлеченіе.

Дерберовское правительство явилось дѣйствительно продуктомъ Сибирской областной думы, избравшей его въ тайномъ ночномъ засѣданіи, въ которомъ участвовало менѣе половины законнаго кворума членовъ; сама же дума была созвана на основаніи акта, хотя и подписаннаго бывшимъ главою временнаго сибирскаго правительства Г. Н. Потанинымъ, однако, немедленно вслѣдъ за симъ имъ же опороченнаго путемъ офиціальнаго заявленія, въ которомъ значилось, что подпись на указанномъ актѣ исторгнута у него, пользуясь его старостью и слабостью зрѣнія, почему онъ отъ нея отказывается, выходя одновременно изъ состава правительства и отстраняясь впредь отъ всякаго участія въ политикѣ. Опубликованный актъ, однако, остался въ силѣ, узаконивъ въ качествѣ представительнаго органа Сибири думу, «отъ народныхъ соціалистовъ до большевиковъ включительно».

При указанныхъ условіяхъ своего происхожденія, правительство, возглавляемое г. Дерберомъ, нынѣ собравшееся въ неполномъ составѣ въ Харбинѣ, по мнѣнію моихъ томскихъ собесѣдниковъ, едва ли можетъ разсчитывать на всеобщее признаніе, но по свойству характера своего главы и большинства членовъ оно, повидимому, предполагаетъ утвердить свою власть явочнымъ порядкомъ, посредствомъ извѣстныхъ политическихъ пріемовъ, одинъ изъ коихъ заключается, напримѣръ, въ томъ, чтобы въ каждомъ данномъ пунктѣ, пользуясь невозможностью, при существующихъ условіяхъ, скорой провѣрки, распространять чрезъ посредство ловкихъ агентовъ свѣдѣнія о силѣ и значеніи, которое правительство будто бы уже пріобрѣло въ другихъ мѣстахъ, съ тѣмъ, чтобы этимъ повліять на признанія его въ данномъ пунктѣ. Такой же пріемъ примѣняется и для приведенія въ подчиненіе военныхъ организацій. Въ дѣйствительности зависимыми отъ подполк. Краковецкаго являются только тѣ изъ офицерскихъ отрядовъ, во главѣ которыхъ сумѣли стать соціалистическія, преимущественно, эс-эровскія, группы дѣ-

Свѣдѣнія о военныхъ организаціяхъ

убѣдившись въ значеніи, которое делегація успѣла тамъ пріобрѣсти, онъ воздерживался отъ всего, что могло бы привести къ коллизіи распоряженій, ограничивая свою задачу, чисто информаціонными рамками. Въ Томскѣ, продолжая оказывать знаки внѣшняго вниманія, онъ, напротивъ, старался держать себя независимо, не отказываясь, однако, отъ согласованія своихъ распоряженій съ взглядами делегаціи. Такъ, между прочимъ, въ одинъ изъ слѣдующихъ дней онъ спросилъ, одобряю ли я выборъ имъ подполк. Гришина въ начальники своего штаба, на что я отвѣтилъ уклончиво, замѣтивъ, что по первому знакомству подполк. Гришинъ производитъ благопріятное впечатлѣніе.

ятелей, но на ряду съ такими отрядами существуютъ и другіе, не уступающіе первымъ въ численности, признающіе себя безпартійными и не только не признающіе сибирскаго правительства и его военнаго министра, но часто не знающіе и объ ихъ существованіи. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ организація, представляемая С., наиболѣе крупная изъ существующихъ въ Томскѣ, субсидируемая мѣстными комерсантами и частью образовавшимся въ Харбинѣ «Дальневосточнымъ комитетомъ», ничего общаго съ Сибирскимъ правительствомъ не имѣющимъ. Здѣшняя эс-эровская офицерская организація, также довольно многочисленная, номинально содержится на средства, отпускаемыя подполк. Краковецкимъ, въ дѣйствительности же питается подачками мѣстныхъ кооперативовъ и обыкновенно испытываетъ острую нужду въ деньгахъ. Во главѣ ея стоитъ вовсе не тотъ «штабъ», который былъ мнѣ представленъ, являющійся продуктомъ искусной инсценировки, а соціалистическій «коллективъ», въ которомъ, кромѣ нѣсколькихъ молодыхъ офицеровъ, участвуютъ рабочіе и другія лица, съ военнымъ дѣломъ ничего общаго не имѣющія. Въ смыслѣ снабженія обѣ организаціи обставлены слабо, но количество оружія постепенно возрастаетъ, а въ случаѣ сліянія обѣихъ организацій въ одну, вопросъ снабженія улучшится такъ какъ недостатки одной частью возмѣстятся избытками другой. Большинство офицеровъ эс-эровской организаціи вовсе не являются правовѣрными соціалистами, а въ организацію попали случайно, ища какой-нибудь точки опоры.

Направленіе работы томскихъ организацій

Въ результатѣ полученныхъ свѣдѣній, убѣдившись, что программа потанинскаго кружка чужда идеѣ сепаратизма, которая ей, по слухамъ, приписывалась и близка къ корниловской и также что безпартійная офицерская организація охотно пойдетъ на сліяніе съ такъ называемой эсэровской, — делегація остальное время пребыванія въ Томскѣ провела въ переговорахъ съ подполк. Гришинымъ, (оказавшимся лицомъ, обладающимъ здравыми военными понятіями) по вопросамъ о сближеніи обѣихъ организацій между собою, объ обмѣнѣ излишествующими предметами вооруженія и снаряженія, о выработкѣ общаго плана дѣйствій и т. п. съ тѣмъ, чтобы работа вообще велась въ направленіи полнаго сліянія организацій подъ единоличнымъ командованіемъ и при политическомъ руководительствѣ кружка Г. Н. Потанина.

Отъѣздъ въ Иркутскъ

Заручившись по важнѣйшимъ пунктамъ намѣченной работы согласіемъ представителей обѣихъ организацій и обѣщаніемъ содѣйствія А. Н. Гаттенбергера, я призналъ возможнымъ этимъ результатомъ удовлетвориться. Въ ночь на 1 мая делегація выѣхала въ Иркутскъ, куда прибыла въ Страстную Субботу, 4 мая н. ст.

Планъ работы въ Иркутскѣ

Приступая къ выполненію своей задачи въ Иркутскѣ, делегація имѣла возможность использовать опытъ предыдущей работы въ двухъ крупныхъ центрахъ Сибири съ тѣмъ, чтобы избѣжать сдѣланныхъ тамъ ошибокъ и съ самаго начала поставить себѣ опредѣленныя частныя цѣли.

Одна изъ этихъ ошибокъ заключалась въ томъ, что делегація, ища ощупью точекъ опоры среди мѣстныхъ политическихъ дѣятелей, безъ пользы для дѣла обнаруживала себя въ данномъ пунктѣ, затрудняя этимъ дальнѣйшую работу, почему планъ дѣйствій въ Иркутскѣ намѣчался такимъ образомъ, чтобы сначала искать точекъ соприкосновенія съ военными организаціями и только по выясненіи вопроса объ ихъ отношеніяхъ къ политическимъ группамъ, входить въ сношенія съ тѣми изъ послѣднихъ, которыя могли бы оказаться полезными въ смыслѣ финансированія боевыхъ отрядовъ и подчиненія ихъ политическому руководству, основанному на здравыхъ государственныхъ началахъ.

Завязка сношеній съ военной организаціей

По этимъ соображеніямъ, по прибытіи въ Иркутскъ, по явкѣ, полученной отъ О. (который путь отъ Томска до Иркутска совершилъ вмѣстѣ съ делегаціей, но, не останавливаясь въ послѣднемъ, продолжалъ путь на востокъ), было приступлено къ розыску указанной имъ военной организаціи, однако, оказалось, что конспиративнаго имени представителя подполк. Краковецкаго еще недостаточно, чтобы сразу открыть делегаціи доступъ въ нѣдра этого сообщества, работавшаго, повидимому, въ условіяхъ строжайшей тайны.

Такъ обстояло дѣло въ отношеніи собственно «коллектива», возглавляющаго мѣстную офицерскую организацію, но случай помогъ завязать знакомство съ однимъ изъ хорошо освѣдомленныхъ офицеровъ строевого состава, съ которымъ и состоялось нѣсколько тайныхъ свиданій на мѣстномъ кладбищѣ. Однако, это не могло замѣнить личныхъ дѣловыхъ сношеній съ отвѣтственными руководителями организаціи, которые все еще не открывали свое инкогнито; наконецъ, послѣ ряда предварительныхъ свиданій съ отдѣльными лицами, скрывавшимися подъ разными кличками, недовѣріе повидимому разсѣялось и дней 5—6 спустя по прибытіи въ Иркутскъ я и А. были введены, на правахъ довѣренныхъ лицъ, въ самый «коллективъ», возглавляемый молодымъ прапорщикомъ Т., членами коего состояли такіе же прапорщики Ф., Ц. и другіе, не говоря о нѣкоторыхъ членахъ гражданскаго званія, съ которыми, вѣроятно, насъ не сочли нужнымъ знакомить, но существованіе коихъ устанавливалось несомнѣнными признаками.

Расширеніе круга знакомствъ

Свои свиданія на кладбищѣ мы отъ коллектива утаили, какъ то было условлено съ тамошнимъ собесѣдникомъ, но поддерживая хорошія отношенія съ новыми знакомыми, въ то же время не пренебрегали и старымъ знакомствомъ и другими, явившимися его послѣдствіемъ, имѣя такимъ образомъ возможность провѣрять свѣдѣнія, получавшіяся отъ членовъ коллектива. Такими полезными сторонними информаторами оказались бывшій начальникъ той же организаціи Ч. и членъ ея, Ш., оставшійся на службѣ при большевикахъ.

Совмѣстная работа съ военной организаціей

Начались частыя свиданія съ представителями коллектива, во время которыхъ делегація старалась проводить начала своей программы, встрѣтившія въ общемъ благосклонный пріемъ. Въ то же время обстановка въ Забайкальѣ складывалась такимъ образомъ, что требовала воздѣйствія на организацію и въ другомъ смыслѣ, а именно въ отношеніи оказанія ею оперативнаго содѣйствія отряду атамана Семенова, который съ начала мая успѣшно наступалъ отъ ст. Манчьжуріи къ Читѣ и, судя по имѣющимся даннымъ, — между прочимъ паникѣ, которая обуяла большевиковъ въ тылу и приготовленіемъ къ эвакуаціи Иркутска, — въ скоромъ времени могъ появиться у восточныхъ береговъ Байкала.

Принимая во вниманіе, что при сильномъ натискѣ съ востока красные могли разрушить тунели Кругобайкальской жел. дороги, и, угнавъ плоучія средства съ восточнаго берега Байкала къ Иркутску, такимъ образомъ принудить Семенова искать обходныхъ путей черезъ трудно доступный горный раіонъ къ югу отъ Байкала или черезъ Монголію — содѣйствіе атаману должно было выразиться въ парализованіи такого образа дѣйствій противника, руководство операціями котораго находилось въ опытныхъ рукахъ приглашеннаго большевиками на службу генерала русскаго генеральнаго штаба барона А. А. Таубе.

Руководители иркутской военной организаціи и въ этомъ отношеніи пошли навстрѣчу моимъ указаніямъ, выработавъ планъ дѣйствій, въ который входили — и быстрый захватъ въ нужный моментъ, при содѣйствіи преданныхъ желѣзнодорожниковъ, кругобайкальскихъ туннелей, съ цѣлью предотвращенія ихъ взрыва и овладѣніе пароходами, плавающими по Байкалу и Ангарѣ; въ качествѣ вспомогательныхъ мѣръ въ томъ же планѣ намѣчались: производство крушеній поѣздовъ съ эшелонами красныхъ, направляемыми на Забайкальскій фронтъ, усиленіе развѣдки въ тылу большевиковъ, мѣры по улучшенію связи съ атаманомъ Семеновымъ и тайной агентуры въ совдепахъ, агитація среди жел.-дор. служащихъ и рабочихъ съ цѣлью вызвать забастовку и т. п.

Денежный вопросъ въ Иркутскѣ

Къ сожалѣнію, намѣченныя мѣропріятія, часть коихъ уже энергично проводилась въ жизнь, встрѣчали препятствіе къ ихъ осуществленію полностью въ отсутствіи необходимыхъ денежныхъ средствъ. Отъ своего номинальнаго главы, А. А. Краковецкаго, организація получила, кажется, только одинъ разъ небольшую сумму, уже давно разошедшуюся на насущныя нужды; мѣстныя общественныя организаціи, враждебныя большевикамъ, могли оказать лишь слабую денежную поддержку; торгово-промышленный классъ, въ лицѣ

своихъ наиболѣе видныхъ представителей Второва, Посохина и др. состоялъ «въ бѣгахъ», оставшіяся второстепенныя коммерческія силы, опасаясь возмездія со стороны свирѣпаго мѣстнаго комитета по борьбѣ съ контръ-революціей, а главное, не предвидя добра отъ субсидированія партійной, эс-эровской организаціи, къ просьбамъ о помощи оставались глухи.

Если бы делегація располагала собственными денежными средствами въ суммѣ хотя бы сотни тысячъ рублей, то взявъ на себя удовлетвореніе насущнѣйшихъ нуждъ иркутской военной организаціи, она пріобрѣла бы значеніе дѣйствительнаго хозяина и распорядителя всѣми анти-большевицкими элементами не только здѣсь, но и въ обширномъ районѣ, на который распространялось вліяніе Иркутска. Несомнѣнно, что это сильно подняло бы также престижъ делегаціи и представляемой ею политической организаціи М. В. Алексѣева въ глазахъ торгово-промышленнаго класса, который по свойственной ему психологіи въ денежной обезпеченности организаціи усматривалъ бы признакъ реальной силы. Предвидя это, я въ донесеніи, посланномъ еще изъ Омска, настоятельно просилъ выслать мнѣ въ Иркутскъ 100 000 рублей, съ тѣмъ, чтобы дать делегаціи возможность хотя бы на первое время стать въ независимое отъ мѣстныхъ источниковъ положеніе. Удовлетвореніе моей просьбы, казалось, не должно бы встрѣтить препятствій, т. к. по имѣвшимся у делегаціи свѣдѣніямъ, организація располагала въ то время крупными денежными средствами.

Отвѣта на это представленіе, какъ и на всѣ остальныя, я не получилъ, почему поневолѣ пришлось явиться передъ мѣстными купцами въ роли просителя. Однако, здѣсь въ полуразрушенномъ*, разоренномъ и оставленномъ наиболѣе богатыми жителями Иркутскѣ, эта роль являлась гораздо менѣе благодарной, чѣмъ въ сравнительно уцѣлѣвшемъ Омскѣ, гдѣ кромѣ того торгово-промышленный классъ былъ представленъ лицами съ болѣе широкимъ въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ кругозоромъ.

Но если и можно было ожидать денежной поддержки со стороны иркутскихъ коммерсантовъ, то лишь при условіи формальнаго отказа мѣстной военной организаціи отъ ея эс-эровскаго ярлыка, почему оказалось необходимымъ прежде всего выяснить, насколько дѣйствительно партійна эта организація и каково ея отношеніе къ политическимъ партіямъ, а также къ другимъ военнымъ организаціямъ, образовавшимся въ Иркутскѣ.

Слабый притокъ силъ въ боевыя организаціи

По поводу послѣднихъ оказалось, что несмотря на значительную цифру проживавшаго въ то время въ Иркутскѣ офицерства, ряды котораго все пополнялись вновь прибывавшими, стремившимися на Д. В., но туда не пропущенными — военныя организаціи въ Иркутскѣ были сравнительно малочисленны, главнымъ образомъ по причинѣ скудости средствъ, при которыхъ, напримѣръ, рядовому офицеру возможно было платить не болѣе 100 рубл. въ мѣсяцъ, между тѣмъ какъ въ Омскѣ былъ установленъ наименьшій окладъ въ 250 рубл. Не безъ вліянія на слабый притокъ силъ въ боевыя военныя организаціи былъ, вѣроятно, и болѣе суровый режимъ, установленный въ Иркутскѣ въ отношеніи «контръ-революціи». Массы офицеровъ искали себѣ заработковъ въ разнообразнѣйшихъ профессіяхъ, въ томъ числѣ самыхъ тяжелыхъ видахъ физическаго труда, оставаясь внѣ существующихъ организацій. Изъ числа послѣднихъ наиболѣе значительной (до 400 чел.) и, можно сказать, единственной, заслуживающей вниманія, была та, во главѣ которой стоялъ прапорщикъ Т. со своимъ «коллективомъ»; въ Иркутскѣ не было и подобія самостоятельной безпартійной организаціи силою въ 800 офицеровъ, которая была обнаружена въ Томскѣ; здѣсь, въ Иркутскѣ, элементы, сторонившіеся отъ соціалистовъ, успѣли сложиться только въ небольшія ячейки, крайне перемѣннаго состава, которыя не имѣли данныхъ для развитія въ болѣе крупные организмы, почему въ концѣ концовъ, естественно, должны были слиться съ организаціей Т.

* Иркутскъ въ декабрѣ 1917 г. былъ ареной ожесточенныхъ боевъ, съ участіемъ артиллеріи, между большевиками и юнкерами, въ результатѣ чего значительная часть города обращена въ развалины.

Политическая окраска военной организаціи

Во главѣ послѣдней, еще за нѣсколько недѣль до моего прибытія въ Иркутскъ, стоялъ энергичный и немного нервный Ч., съ которымъ, какъ упоминалось, делегація познакомилась съ первыхъ же дней пребыванія въ Иркутскѣ. По его словамъ ушелъ онъ съ этого поста изъ-за расхожденія во взглядахъ съ состоявшимъ при немъ тѣмъ же коллективомъ. Однако, объясненія Ч. по этому поводу казались нѣсколько туманными и, вообще, о коллективѣ онъ отзывался безъ порицанія, говоря, что со времени его ухода многое измѣнилось къ лучшему.

Что касается политической окраски организаціи, о которой идетъ рѣчь, то, хотя она въ мѣстныхъ антибольшевицкихъ кругахъ и трактовалась какъ эс-эровская и руководители ея, по происхожденію, несомнѣнно являлись типичными представителями этой партіи, однако, сами они во многихъ случаяхъ заявляли о состоявшемся выходѣ ихъ изъ партіи и о безпартійности возглавляемой ими организаціи; къ атаману Семенову, который не въ однихъ только большевицкихъ кругахъ признавался монархистомъ или реакціонеромъ, относились безъ предубѣжденія, не отказываясь отъ открытаго сотрудничества съ нимъ; съ соціалистами, какъ видно будетъ дальше, не стѣснялись иногда входить въ острыя отношенія.

Знакомство съ политическими дѣятелями

Таковы были свѣдѣнія, почерпнутыя главнымъ образомъ изъ личныхъ сношеній съ Т. и его товарищами; свѣдѣнія эти были подвергнуты повѣркѣ путемъ опроса посторонних организаціи лицъ. Изъ политическихъ дѣятелей, съ которыми делегаціи пришлось войти въ сношенія, заслуживаютъ упоминанія присяжный повѣренный Щ. и членъ партіи к.-д. Ъ...., изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей Иркутска. Для делегаціи онъ былъ особенно полезенъ ввиду своихъ связей съ торгово-промышленнымъ классомъ*.

Знакомство съ Щ., хотя онъ, по извѣстнымъ мотивамъ, и отказался отъ непосредственнаго участія въ работѣ по активной борьбѣ съ большевизмомъ, принесло пользу въ отношеніи всесторонней информаціи о мѣстныхъ дѣлахъ и оказаннаго имъ содѣйствія къ установленію связи съ торгово-промышленниками. Представитель послѣднихъ г. Ы., приглашенный на одно изъ совѣщаній делегаціи съ гг. Щ. и Ъ., освѣдомившись о характерѣ организаціи, возглавляемой коллективомъ Т., причемъ, между прочимъ, было доведено до его свѣдѣнія, что по произведенной анкетѣ не болѣе 8—10 офицеровъ этой организаціи признали себя соціалистами, заявилъ о готовности торгово-промышленнаго класса оказать организаціи посильную денежную помощь при условіи, если она приметъ на себя нѣкоторыя обязательства, касающіяся ея программы и порядка управленія ею. Подробности этихъ обязательствъ предоставлялось выработать ввѣренной мнѣ делегаціи совмѣстно съ политическими дѣятелями Иркутска.

Финансированіе военной организаціи

Не останавливаясь на происходившихъ по этому поводу переговорахъ, о чемъ въ свое время было подробно донесено, считаю достаточнымъ здѣсь резюмировать результатъ работы делегаціи, выразившійся въ томъ, что, подобно тому, какъ имѣло мѣсто въ Омскѣ, удалось обезпечить, хотя въ значительно болѣе скромныхъ размѣрахъ, денежную помощь организаціи, выразившуюся на первое время въ единовременномъ взносѣ въ 35 000 рублей. Сумма эта была передана Т. лично мною въ присутствіи гг. А., Ш., Ъ., Ѣ. и др., причемъ условіемъ вручения перваго взноса ея было предварительное заявленіе получателя въ присутствіи поименованныхъ лицъ, что организація отказывается впредь отъ какой бы то ни было партійной принадлежности и политической дѣятельности, подчиняется въ военномъ отношеніи поставленному мною начальнику въ лицѣ полковника Ѣ., а въ политическомъ отношеніи обязуется руководствоваться указаніями

* Мнѣ лично г. Ъ. оказалъ большую услугу въ томъ отношеніи, что пріютилъ, несмотря на рискъ, у себя на квартирѣ, когда около половины мая по агентурнымъ даннымъ выяснилось, что мѣстный совдепъ близокъ къ тому, чтобы напасть на мои слѣды. Это обстоятельство вынудило меня выписаться изъ Иркутска подъ старой фамиліей и прописаться подъ новой, воспользовавшись припасеннымъ на всякій случай паспортомъ на имя мѣщанина . . .

группы лицъ подъ предсѣдательствомъ г-на Ъ., принявшей программу Л. Г. Корнилова за основу своей политической работы.

Характеристика полковника Ѣ

Вновь назначенный начальникъ организаціи полковникъ Ѣ., опытный строевой штабъ-офицеръ, командовавшій на войнѣ однимъ изъ сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ, представлялъ всѣ гарантіи, что управленіе организаціей и работа по дальнѣйшему ея усовершенствованію вестись будутъ въ духѣ началъ, на которыхъ строилась наша армія въ дореволюціонное время. Между прочимъ, ему было вмѣнено въ обязанность принять подъ свое начальство также и офицерскія организаціи ближайшихъ уѣздныхъ городовъ Иркутской губерніи, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ Нижнеудинская, представляли довольно внушительную силу. Организаціи эти, косвенно признававшія свою зависимость отъ коллектива Т., были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ иркутской организаціей и играли нѣкоторую роль въ планѣ послѣдней, принявъ на себя обязательство, въ случаѣ выступленія въ Иркутскѣ, не пропускать туда эшелоновъ съ подкрѣпленіями идущими къ большевикамъ.

Характеристика работы дѣятелей коллектива

Выше я уже имѣлъ случай отмѣтить ту достойную поощренія энергичную дѣятельность, которую во многихъ случаяхъ проявляли члены коллектива Т. Въ рамки этой дѣятельности входило, кромѣ чисто военнаго управленія, также и кипучая политическая работа, заключавшаяся въ поддержаніи, путемъ агитаціи, антибольшевицкаго настроенія среди жел.-дор. рабочихъ, въ вербовкѣ себѣ въ ихъ средѣ активныхъ сотрудниковъ, распространеніи, насколько позволяли скудныя средства организаціи, листковъ и воззваній и т. п.

Для характеристики содержанія этой литературы, считаю полезнымъ остановиться на одномъ изъ такихъ воззваній, выпущенномъ во время пребыванія делегаціи въ Иркутскѣ съ ея вѣдома и подъ ея редакціей. Прокламація, о которой идетъ рѣчь, являлась отвѣтомъ на таковую же, выпущенную мѣстными военно-плѣнными *, въ которыхъ послѣдніе, опровергая обвиненіе ихъ такъ называемыми «семеновцами» въ работѣ на пользу германскаго имперіализма, выражали свою преданность идеѣ интернаціонала, которая будто бы является единственной побудительной причиной, заставляющей ихъ сражаться въ рядахъ красной арміи. Отвѣтъ, выпущенный прапорщикомъ Т., въ который г-номъ А. были внесены не существенныя поправки, заключалъ въ себѣ настолько рѣзкую, — въ духѣ истиннаго пониманія началъ государственности и патріотизма, — отповѣдь идеямъ, высказаннымъ въ прокламаціи военно-плѣнныхъ, что вся соціалистическая печать Иркутска не преминула ополчиться на авторовъ воззванія, обвиняя ихъ въ черносотенствѣ и т. п.

Во вниманіе къ ревностной работѣ извѣстныхъ делегаціи членовъ бывшаго коллектива на пользу организаціи, а также въ видахъ использованія ихъ знакомства съ бытомъ и нуждами послѣдней, по соглашенію моему съ полк. Ѣ., было рѣшено привлечь нѣкоторыхъ изъ нихъ къ работѣ въ штабѣ, который новый начальникъ организаціи долженъ былъ сформировать въ кратчайшій срокъ.

Планъ боевыхъ дѣйствій

Планъ боевыхъ дѣйствій, по вступленіи полк. Ѣ. въ командованіе и въ результатѣ происшедшихъ перемѣнъ въ обстановкѣ, подвергся переработкѣ и былъ окончательно утвержденъ мною непосредственно передъ выѣздомъ изъ Иркутска. Въ качествѣ способа дѣйствій оставалось по прежнему нечаянное нападеніе, съ захватомъ недостающаго оружія. Для вѣрности успѣха, по сдѣланнымъ исчисленіямъ, требовалась сила около 1000 человѣкъ, но, ввиду невозможности найти въ Иркутскѣ средства для содержанія отряда такой численности, меня просили изыскать необходимыя суммы на Дальнемъ Востокѣ, что я и обѣщалъ сдѣлать по возможности, условившись также относительно способа быстраго перевода въ Иркутскъ ожидаемыхъ къ полученію денегъ.

Содѣйствіе атаману Семенову въ форсированіи оборонительной линіи Байкала, въ планѣ, по прежнему, имѣлось въ виду принципіально, но подробности исполненія

* Иркутскъ съ перваго-же взгляда поражалъ своимъ обиліемъ военно-плѣнныхъ, особенно германцевъ (которые въ другихъ городахъ уступали первенство австро-венгерцамъ), а также той развязностью, съ которой они держали себя въ публичныхъ мѣстахъ.

подлежали выработкѣ послѣ тщательнаго производства развѣдокъ и установленія прочной связи съ атаманомъ, пользуясь отсрочкой, которую предоставлялъ состоявшійся отходъ его отряда, послѣ испытанныхъ неудачъ, къ границамъ Манчьжуріи.

Донесенія въ штабъ Д. А.

Заканчивая очеркъ пребыванія делегаціи въ Иркутскѣ, продолжавшагося три недѣли съ 4 по 25 мая, — считаю необходимымъ оговорить, что изъ Иркутска донесенія въ штабъ Д. А. посылались дважды — первый разъ около 15 мая съ тремя артиллерійскими офицерами, командированными въ Омскъ на усиленіе тамошней организаціи недостающими спеціалистами*, второй — съ женщиной-курьеромъ, г-жей Ь., которая должна была выѣхать изъ Иркутска два дня спустя послѣ отъѣзда делегаціи. Изъ Омска оба донесенія подлежали переотправкѣ попеченіемъ полк. Иванова, что, по докладу послѣдняго, и было имъ въ свое время исполнено, причемъ въ качествѣ курьеровъ посылались надежные офицеры. Извѣстно также, что донесеніе, которое везла г-жа Ь. сильно запоздало прибытіемъ въ Омскъ (болѣе мѣсяца) ввиду разыгравшихся въ концѣ мая и началѣ іюня на участкѣ жел. дороги Новониколаевскъ—Нижнеудинскъ военныхъ событій, прекратившихъ по ней сообщеніе.

Связь съ Омскомъ

Ожидаемыхъ донесеній изъ Омска и Томска делегація, вѣроятно, по причинѣ дефектовъ связи, также не получила, за исключеніемъ краткаго телеграфнаго сообщенія изъ Омска, въ которомъ условнымъ языкомъ сообщалось, что какія то обстоятельства задержали г. П. въ Западной Сибири и что препятствій къ продолженію делегаціей пути на Д. Востокъ не встрѣчается.

Обезпеченіе проѣзда на Д. В.

Ранѣе выѣзда изъ Иркутска, принимая во вниманіе условія полученія отъ мѣстнаго совдепа пропусковъ на Д. В. и тѣ драконовскія мѣры, которыя были установлены большевиками на пропускномъ пунктѣ на ст. Слюдянка (Кругобайкальской линіи), съ цѣлью пресѣченія дальнѣйшаго пути всѣмъ, внушающимъ малѣйшее подозрѣніе въ принадлежности къ офицерскому составу прежней арміи, необходимо было тщательно обдумать соотвѣтствующія мѣры предосторожности.

Особенно приходилось опасаться свирѣпствовавшаго на ст. Слюдянка комиссара Дашкова, слава о которомъ — въ извѣстномъ смыслѣ — гремѣла по всей Сибири, начиная съ Челябинска. По этимъ соображеніямъ, ввиду выяснившейся на практикѣ безполезности многихъ изъ полученныхъ делегаціей бумагъ съ руководящими указаніями, большая часть коихъ, къ тому же была извѣстна на память, значительное количество ихъ было передъ отъѣздомъ уничтожено. Все остальное, въ томъ числѣ «Наказъ делегаціи въ Сибирь», ключи для шифрованія, программа ген. Корнилова, удостовѣреніе личности, деньги, — спрятано надежно на служащихъ делегаціи. Для проѣзда выбранъ поѣздъ, который проходитъ Слюдянку глубокой ночью, — въ расчетѣ на меньшую внимательность чиновъ охраны въ это время сутокъ.

Благодаря перечисленнымъ и другимъ принятымъ мѣрамъ**, а главнымъ образомъ, вѣроятно, немолодому возрасту моему и г. А., делегаціи удалось, — несмотря на произведенный обыскъ, — избѣжать опасностей, которыя могли грозить ей на ст. Слюдянка. Дальнѣйшее путешествіе на Дальній Востокъ послѣ этого являлось уже почти обезпеченнымъ.

Маршрутъ дальнѣйшаго слѣдованія

Для слѣдованія изъ Иркутска въ Харбинъ былъ избранъ кружный маршрутъ Чита—Срѣтенскъ—Благовѣщенскъ—Хабаровскъ—Никольскъ-Уссурійскій, такъ какъ прямой путь черезъ ст. Манчьжурія и по Китайской Вост. жел. дорогѣ былъ недоступенъ по случаю военныхъ дѣйствій въ юго-восточной части Забайкалья. При этомъ крайняя пере-

---

* См. стр. 255. Командировать офицеровъ генер. штаба не оказалось возможнымъ ни изъ Томска, ни изъ Иркутска.

** Между прочимъ косвенной уликой въ случаѣ обыска могли явиться различные денежные расчеты, съ оправдательными документами по расходованію казенныхъ авансовъ. Чтобы избавиться отъ нихъ на время, они были отправлены заказными письмами во Владивостокъ, что повело къ утратѣ части ихъ по неисправности почты.

груженность поѣздовъ и задержки въ движеніи по еще не вполнѣ законченной постройкой и бѣдной подвижнымъ составомъ Амурской жел. дорогѣ побудила предпочесть водный путь по Шилкѣ и Амуру, по которымъ въ это время года предположительно уже должны были совершаться пароходные рейсы, обычно начинающіеся въ первыхъ числахъ мая ст. ст., — если тому не препятствуетъ мелководье на Шилкѣ*.

Настроеніе въ Забайкальѣ

Остановки въ Читѣ въ продолженіи одного дня, а въ Срѣтенскѣ, въ ожиданіи парохода, съ 28 по 31 мая, дали возможность нѣсколько ознакомиться съ общественнымъ настроеніемъ въ тылу большевицкаго, противосеменовскаго фронта, которое въ общемъ оказалось смѣшаннымъ, въ значительной степени подавленнымъ, но съ перевѣсомъ антибольшевицкихъ теченій. Однако, среди представителей казачьяго населенія вообще не наблюдалось симпатій къ атаману, Семенову. Разсказывали, что включенные Семеновымъ въ составъ его отряда казачьи части показали себя не особенно устойчивыми въ бою, а нѣкоторыя цѣликомъ передавались на сторону большевиковъ, что собственно и было причиной неудачи его такъ блестяще начатаго, майскаго наступленія. Результатъ возможнаго новаго наступленія оцѣнивался исключительно съ экономической точки зрѣнія, какъ могущій, въ случаѣ успѣха, открыть двери изъ обильной Манчьжуріи въ голодное Забайкалье.

Въ послѣдній день пребыванія въ Срѣтенскѣ члены делегаціи подверглись новому обыску, въ номерахъ гостиницы. Обыскъ и сопровождавшій его опросъ имѣли, впрочемъ, довольно поверхностный характеръ и производили впечатлѣніе, какъ будто это дѣлается только «для очистки совѣсти». Ничего уличающаго найдено не было и 31 мая делегація благополучно отплыла въ Благовѣщенскъ.

Остановка въ Благовѣщенскѣ

Перемѣна въ Благовѣщенскѣ парохода вызвала остановку въ этомъ городѣ на двое сутокъ (съ 5 по 7 іюня), которая была использована для ознакомленія, по разспросамъ, съ событіями, отдавшими городъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, окончательно во власть большевиковъ, и для посѣщенія расположеннаго на Амурѣ противъ Благовѣщенска Сахаляна, бойкаго китайскаго торговаго мѣстечка, имѣвшаго въ то время значеніе убѣжища для благовѣщенскихъ элементовъ, спасавшихся отъ преслѣдованій совѣтской власти. Съ цѣлью затрудненія сношеній ихъ съ Благовѣщенскомъ, грознымъ предсѣдателемъ мѣстнаго совдепа Мухинымъ были, между прочимъ, установлены строжайшія правила для пропуска на китайскій берегъ, причемъ мужчинамъ такіе пропуски выдавались не иначе, какъ въ случаяхъ исключительной надобности и самимъ Мухинымъ лично. Къ счастью, послѣдній, въ дни пребыванія делегаціи въ Благовѣщенскѣ, оказался настолько поглощеннымъ политической борьбой съ засѣдавшимъ въ это же время въ городѣ строптивымъ крестьянскимъ съѣздомъ, что выдачу пропусковъ довѣрилъ своему болѣе покладистому помощнику, котораго, съ помощью предъявленныхъ подложныхъ удостовѣреній какихъ то томскихъ кооперативовъ мнѣ и А., удалось убѣдить въ необходимости отпустить насъ въ Сахалянъ будто бы для закупокъ товара.

Поѣздка, впрочемъ, не дала особенно интересныхъ свѣдѣній, такъ какъ главные дѣятели январскаго выступленія, въ томъ числѣ атаманъ Амурскаго войска Гамовъ (изъ народныхъ учителей), довольно легкомысленно поднявшій возстаніе противъ большевиковъ, оказались въ отъѣздѣ; выяснилось, что собравшіеся въ Сахалянѣ офицеры еще не успѣли сорганизоваться и по недостатку средствъ испытываютъ лишенія; отношеніе китайскихъ властей къ нимъ не враждебное, но имѣвшееся оружіе отобрано подъ предлогомъ опасенія, что присутствіе вооруженнаго отряда можетъ повести къ

---

* Въ сущности, делегація направилась въ Срѣтенскъ на удачу, т. к. ни въ Иркутскѣ, ни даже въ Читѣ не оказалось не только признаковъ какого-либо расписанія движенія пароходовъ по Шилкѣ и Амуру, но даже свѣдѣній о томъ, что такое движеніе —грузовое или пассажирское — вообще открылось. Это можетъ служить лучшей характеристикой хозяйственныхъ порядковъ у большевиковъ, которые, съ захватомъ въ январѣ 1918 г. власти въ Благовѣщенскѣ, поспѣшили «національзировать» частныя пароходныя предпріятія Амурскаго бассейна, но не сочли нужнымъ принять элементарнѣйшія мѣры для привлеченія грузовъ и пассажировъ на захваченныя линіи.

переброскѣ военныхъ дѣйствій на китайскую территорію. — По разспросамъ и наблюденіямъ въ самомъ Благовѣщенскѣ выяснилось, что послѣ подавленія возстанія буржуазный классъ Благовѣщенска и всѣ внушавшіе подозрѣніе въ участіи въ выступленіи, подверглись безпощаднымъ преслѣдованіямъ, въ результатѣ чего городъ значительно пострадалъ и опустѣлъ, а наиболѣе крупныя торговыя предпріятія націонализированы. Отношеніе населенія къ зачинщикамъ возстанія, не сумѣвшимъ проявить необходимыхъ для успѣха его качествъ, отрицательное. Сверженіе большевицкой власти впредь мыслится не иначе, какъ при активной поддержкѣ какой нибудь внѣшней силы. Состоявшійся въ городѣ «съѣздъ трудящихся», — преимущественно крестьянъ — сначала доставилъ властямъ много хлопотъ, но обычными пріемами враждебныя совдепу выступленія удалось постепенно свести на нѣтъ и даже добиться выбора Ленина и Троцкаго въ почетные предсѣдатели съѣзда.

Слухи о выступленіи чехословаковъ

Еще въ Читѣ и Срѣтенскѣ, а въ болѣе опредѣленной формѣ въ Благовѣщенскѣ, до делегаціи дошли слухи о состоявшихся въ послѣднихъ числахъ мая, на значительномъ протяженіи Сибирской желѣзной дороги, боевыхъ столкновеніяхъ между совѣтскими войсками съ одной стороны и слѣдовавшими по жел. дорогѣ въ восточномъ направленіи эшелонами чехо-словацкаго корпуса, въ другой.

Несмотря на старанія совѣтской цензуры умалить значеніе этихъ событій и по возможности скрыть ихъ отъ общества, слухи объ одержанныхъ чехо-словаками успѣхахъ возникали все чаще и чаще. Досадное впечатлѣніе произвело объявленное официальное сообщеніе о заключенномъ между враждующими сторонами, при посредничествѣ французскаго консула въ Иркутскѣ Буржуа, и др. иностранцевъ, — перемиріи по 10-е іюня.

г. Хабаровскъ

Въ Хабаровскѣ совѣтская власть утвердилась нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ безъ тѣхъ глубокихъ потрясеній, которыми водвореніе ея сопровождалось въ Благовѣщенскѣ и особенно въ Иркутскѣ. Вѣроятно, по этой причинѣ городъ, въ который делегація прибыла утромъ 10 іюня, при бѣгломъ осмотрѣ не производилъ впечатлѣнія запустѣнія, наблюдавшагося въ двухъ другихъ названныхъ центрахъ. Торговыхъ предпріятій совдепъ, руководимый здѣсь Краснощековымъ (онъ же Тобельсонъ), не успѣлъ націонализировать, и магазины производили впечатлѣніе наполненности, сравнительно съ тѣмъ безтоварьемъ, которое наблюдалось въ Иркутскѣ и особенно въ Омскѣ.

Въ Хабаровскѣ, какъ оказалось, не были также установлены тѣ стѣснительныя правила для полученія права на выѣздъ, повсемѣстно установленныя совдепами въ Сибири и часто поражавшія своею безсмысленностью*.

Послѣ пребыванія въ Хабаровскѣ всего нѣсколько часовъ, делегація, освѣдомившись о закрытіи пути Никольскъ-Уссурійскій—Харбинъ въ районѣ станціи Пограничной, выѣхала по ж. дорогѣ во Владивостокъ.

Встрѣча съ чехословаками

Во время пути, на одной изъ станціи, былъ встрѣченъ подъ видомъ санитарнаго поѣзда чехо-словацкій воинскій эшелонъ, человѣкъ въ 150 до 200. На разспросы пассажировъ о назначеніи эшелона, нѣкоторые изъ офицеровъ объяснили, что эшелонъ направлялся во Владивостокъ, но, узнавъ о событіяхъ въ Сибири, офицеры и солдаты по собственной иниціативѣ рѣшили повернуть обратно, чтобы идти на выручку своимъ братьямъ, причемъ они не

---

* Только единственный разъ при полученіи «пропусковъ», а именно въ Иркутскѣ, пришлось видѣть, что должностное лицо, выдававшее пропуски, тщательно осматривало предъявленные виды на жительство и справлялось по какому то списку, очевидно заключавшему фамиліи лицъ, не подлежащихъ выпуску. Также только одинъ разъ, а именно въ Челябинскѣ, случилось наблюдать извлеченіе совдепомъ дохода изъ выдачи пропусковъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ крайне стѣснительная для обывателей обязанность выбирать пропуски являлась чистѣйшей формальностью, установленіе которой было бы совершенно непонятно, если не признать правильность объясненія, часто слышаннаго въ толпѣ, что это дѣлается «чтобы показать свою власть».

сомнѣваются, что ихъ примѣру послѣдуетъ и чехо-словацкая дивизія, уже собравшаяся во Владивостокѣ.

Неудача попытокъ вступить въ сношенія съ чехо-словаками

Эта встрѣча съ чехо-словаками, сыгравшими такую крупную роль въ сверженіи въ Сибири совѣтской власти, была для делегаціи не первой. Еще въ бытность въ Омскѣ, около половины апрѣля, были получены свѣдѣнія о слѣдованіи съ юга Россіи, многими десятками эшелоновъ, чехо-словацкаго корпуса тысячъ въ 60, сформированнаго въ 1917 году въ Россіи и съ разрѣшенія «совнаркома» направляемаго во Владивостокъ, для перевозки на французскій фронтъ. Естественно явилось предположеніе о возможности использованія этой силы для борьбы съ большевиками. Хотя еще до выѣзда въ Сибирь у делегаціи имѣлись свѣдѣнія, что генералъ Алексѣевъ безуспѣшно пытался получить для Добровольческой Арміи нѣкоторую косвенную поддержку отъ чехо-словацкаго корпуса, находившагося въ то время въ раіонѣ Кіева, въ Омскѣ делегаціей были сдѣланы шаги вступленія въ сношенія съ проходящими эшелонами. Попытки не удались ввиду отсутствія желанія у другой стороны выйти изъ своего состоянія строгаго нейтралитета въ отношеніи русскихъ «внутреннихъ дѣлъ».

Несмотря на неискренность совѣтскихъ властей въ отношеніи чехословацкихъ войскъ, питаемую тайной боязнью, что послѣднія могутъ обратить противъ нихъ свое оружіе, и чинимыя чехо-словакамъ, подъ вліяніемъ этого страха, (а можетъ быть и директивъ изъ Берлина) препятствія на пути ихъ слѣдованія изъ Пензы во Владивостокъ, чехо-словацкое военное начальство неизмѣнно и демонстративно продолжало держаться политики нейтралитета, упорно отказываясь отъ вступленія съ русскими въ какія бы то ни было сношенія по дѣламъ нашей внутренней политики*.

Слѣдуя по Сибирской жел. дорогѣ делегаціи приходилось иногда обгонять задержанные на станціяхъ чешскіе эшелоны и видѣть ихъ томящихся отъ бездѣйствія и скуки, крайне озлобленныхъ за чинимыя имъ задержки людей, но тѣмъ не менѣе при вступленіи съ послѣдними въ разговоръ они неизмѣнно повторяли, повидимому, затверженную формулу о невмѣшательствѣ въ русскія дѣла.

Вооруженное выступленіе чехословаковъ въ Сибири

Будь совѣтскія власти въ Сибири дальновиднѣе, онѣ поспѣшили бы въ интересахъ самосохраненія поскорѣе доставить чеховъ во Владивостокъ, отнюдь не оставляя этого опаснаго горючаго матеріала раскинутымъ по всей странѣ, тѣмъ болѣе, что совдепы, слѣдившіе черезъ своихъ агентовъ за каждымъ шагомъ чехо-словаковъ, не могли не знать, что, несмотря на официальное разоруженіе, эшелоны сохранили нѣкоторое количество винтовокъ, пулеметовъ и ручныхъ гранатъ. Но повидимому покорность велѣніямъ изъ Берлина настолько затмевала ихъ здравый смыслъ, что «Центро-Сибирь» и подчиненные ей органы сочли возможнымъ принять къ исполненію полученный въ концѣ мая приказъ Троцкаго, коимъ указывалось окончательно обезоружить и задержать чехо-словацкій корпусъ, съ интернированіемъ солдатъ на мѣстахъ и изолированіемъ офицеровъ въ особыхъ концентраціонныхъ лагеряхъ. О существованіи такого приказа делегаціи, впрочемъ, стало извѣстно много позднѣе, почему выступленіе чеховъ въ Сибири сначала представлялось не совсѣмъ понятнымъ послѣ слышанныхъ столько разъ увѣреній въ «нейтралитетѣ»; самый ходъ событій, ввиду скудости извѣстій, тщательно просѣиваемыхъ цензурой, также казался неяснымъ въ теченіе первыхъ недѣль послѣ выступленія.

Впослѣдствіи уже выяснилось, что приказъ Троцкаго, который, повидимому, чехословакамъ мѣстами сталъ извѣстенъ ранѣе, чѣмъ было приступлено къ его исполненію, въ другихъ же случаяхъ начатъ исполненіемъ безъ необходимой твердости и самоувѣренности, явился каплей, которая переполнила чашу долготерпѣнія чехо-словаковъ,

---

* Послѣ ликвидаціи большевизма чехи тотчасъ же отказались отъ нейтралитета, весьма назойливо вмѣшиваясь въ русскія внутреннія дѣла, главнымъ образомъ въ смыслѣ оказанія поддержки соціалистическимъ элементамъ

заставивъ ихъ выступить активно, съ оружіемъ въ рукахъ. Однако, результатъ этого выступленія первоначально представился сомнительнымъ, ввиду недостатка у чеховъ оружія и разброски ихъ, въ числѣ не болѣе 10—15 тысячъ человѣкъ, вдоль всей Сибирской магистрали западнѣе Байкала, т. к. первые эшелоны уже успѣли подтянуться къ Владивостоку, а главныя силы корпуса еще не выходили изъ Евр. Россіи, — въ то время какъ совѣтскія войска въ раіонѣ той же магистрали превосходили чеховъ числомъ въ нѣсколько разъ.

Первые шаги во Владивостокѣ

Свѣдѣнія о всѣхъ этихъ событіяхъ на Дальній Востокъ поступали съ большимъ запозданіемъ. Въ теченіе недѣли, съ 11 по 18 іюня, которую делегація провела во Владивостокѣ, не было получено сколько нибудь опредѣленныхъ свѣдѣній, что произошло въ Сибири послѣ истеченія срока заключеннаго по 10-е іюня перемирія*.

Хорошо мнѣ знакомый мѣстный англійскій консулъ, г. Ходсонъ (Hodgson), у котораго я разсчитывалъ информироваться, только могъ сообщить мнѣ свои основанныя на слухахъ предположенія, сводившіяся къ тому, что чехо-словаки продолжаютъ въ Сибири бороться и что положеніе ихъ тяжелое; это обстоятельство, вѣроятно, ускоритъ военную интервенцію, по поводу которой пока еще ведутся переговоры между державами. Возможно, по мнѣнію г. Ходсона, что по этимъ соображеніямъ и подъ предлогомъ отсутствія въ Тихомъ океанѣ соотвѣтствующаго тоннажа, будетъ временно задержана во Владивостокѣ собравшаяся тамъ чехо-словацкая дивизія.

Отсутствіе признаковъ близости интервенціи

Однако, эта дивизія, на которую по предположеніямъ консула могла выпасть роль осуществленія военнаго вмѣшательства державъ, занятая разными національными празднествами и спортивными состязаніями, по моимъ наблюденіямъ, совершенно не имѣла вида части, готовящейся къ выступленію въ походъ.

Вооруженныя силы союзниковъ во Владивостокѣ въ то время были представлены нѣсколькими крейсерами и устарѣвшими броненосцами на рейдѣ, съ которыхъ спускались небольшія команды для охраны консульствъ и патрулированія по городу.

Ликвидація военной организаціи

Мѣстный совдепъ, опасаясь, вѣроятно, подъ вліяніемъ событій въ Сибири возможнаго выступленія военной организаціи, за нѣсколько дней до прибытія во Владивостокъ ввѣренной мнѣ делегаціи заключилъ въ тюрьму наиболѣе видныхъ изъ проживавшихъ здѣсь офицеровъ, которые предположительно и по свѣдѣніямъ совѣтской агентуры являлись главарями организаціи; въ числѣ ихъ оказался и дѣйствительный руководитель послѣдней полковникъ Э., надъ которымъ назначили слѣдствіе, и другіе участники. Союзные представители во Владивостокѣ, хорошо освѣдомленные о существованіи офицерской организаціи и поддерживавшіе съ ней тайныя сношенія, на произведенные аресты реагировали только въ томъ смыслѣ, что «по соображеніямъ гуманности» просили совдепъ о примѣненіи къ заключеннымъ болѣе мягкаго режима. Организація, лишенная своихъ наиболѣе энергичныхъ дѣятелей, угрожаемая терроромъ большевиковъ, временно замерла.

Трудность условій работы во Владивостокѣ

Такимъ образомъ, по наблюденіямъ, за время съ 11 по 18 іюня ничто не предвѣщало скораго наступленія во Владивостокѣ какихъ нибудь рѣшительныхъ событій. Между тѣмъ работа въ этомъ городѣ для меня была обставлена болѣе трудными условіями, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ остальной Сибири, такъ какъ здѣсь, въ прежнее время, я прожилъ въ общей сложности около десяти лѣтъ, входя въ соприкосновеніе съ широкими слоями мѣстнаго населенія. Неожиданныя и нежелательныя встрѣчи при этомъ условіи могли случаться ежедневно, въ чемъ и пришлось убѣдиться въ первые же дни пребыванія въ городѣ, когда за непахожденіемъ помѣщенія, делегація была принуждена ютиться въ залѣ 1 класса мѣстнаго жел. дор. вокзала**.

---

* См. стр. 266.

** Послѣдніе дни пребыванія во Владивостокѣ, благодаря содѣйствію г. Ходсона, удалось прожить въ полной безопасности въ квартирѣ одного изъ его соотечественниковъ.

Также проходя по улицамъ, чего нельзя было избѣжать, мнѣ то и дѣло приходилось сталкиваться лицомъ къ лицу съ людьми, которые съ удивленіемъ вглядывались въ меня, какъ будто что-то припоминая, и далеко не во всѣхъ такихъ случаяхъ можно было разсчитывать на скромность встрѣченнаго и его благожелательное отношеніе. Предсѣдатель совдепа, бывшій студентъ Сухановъ оказался сыномъ моего стараго знакомаго и въ прежнее время могъ часто видѣть меня въ домѣ своихъ родителей.

Формированіе въ Харбинѣ новой государственной власти

Вмѣстѣ съ тѣмъ во Владивостокѣ не оказалось и того правительства, которое делегація искала на Д. В. съ цѣлью вступленія съ нимъ въ сношенія. Собранныя въ этомъ отношеніи справки подтвердили фактическое существованіе сибирскаго, дерберовскаго правительства въ Харбинѣ, но также указывали на производящіяся тамъ попытки образовать другую, болѣе жизнеспособную, государственную власть, которая бы могла принять на себя задачу возстановленія Россіи. Стремленія эти, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, сосредоточивались главнымъ образомъ въ «Дальневосточномъ комитетѣ» и около личности управляющаго Кит. Вост. жел. дорогой генералъ-лейтенанта Хорвата.

Отъѣздъ изъ Владивостока

Таковы были свѣдѣнія, полученныя во Владивостокѣ отъ нѣкоторыхъ лицъ, принадлежавшихъ преимущественно къ числу близкихъ знакомыхъ по прежнему времени, которымъ я счелъ возможнымъ открыться. Данныя эти указывали на необходимость не откладывать отъѣзда въ Харбинъ, но жел. дор. сообщеніе съ послѣднимъ оказалось прерваннымъ вслѣдствіе существованія близъ государственной границы боевого фронта большевиковъ, обращеннаго противъ отряда атамана Калмыкова; такимъ образомъ для поѣздки въ Харбинъ оставался только кружный путь моремъ черезъ Японію или Корею и далѣе на Мукденъ—Харбинъ. Однако, чтобы воспользоваться имъ надлежало предварительно получить разрѣшеніе на выѣздъ, что при необходимости, по дѣйствовавшему порядку, лично явиться за паспортомъ въ совдепъ и подвергнуться тамъ опросу о причинахъ вызывающихъ надобность отъѣзда за границу, для меня, по изложеннымъ выше причинамъ, представлялось довольно рискованнымъ.

Этой процедуры удалось избѣжать благодаря содѣйствію одного изъ моихъ знакомыхъ, который устроилъ мнѣ и А. тайный отъѣздъ на японскомъ грузовомъ пароходѣ Саніо-Мару, безъ паспорта и разрѣшенія совдепа. Маршрутъ поѣздки былъ намѣченъ слѣдующій: моремъ изъ Владивостока въ корейскій портъ Гензанъ, далѣе по жел. дорогѣ черезъ Сеулъ, Антунь и Мукденъ въ Харбинъ. Ввиду дороговизны заграничнаго пути*, служащіе были оставлены во Владивостокѣ впредь до открытія жел. дорожнаго сообщенія.

Свѣдѣнія, собранныя во Владивостокѣ

Недѣльное пребываніе во Владивостокѣ въ общемъ дало немного матеріала въ отношеніи разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, ради которыхъ делегація прибыла на Дальній Востокъ; въ частности, по вопросу о военной интервенціи союзниковъ, которой съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали въ Сибири, пришлось убѣдиться, что еще нѣтъ особенныхъ данныхъ къ тому, чтобы считать ее близкой и неизбѣжной. Выше было приведено мнѣніе по этому поводу англійскаго консула; японскій консулъ въ бесѣдѣ по тому же вопросу выразился еще болѣе сдержанно, заявивъ, что онъ не имѣетъ свѣдѣній о намѣреніи своего правительства принять участіе въ интервенціи, несмотря на то, что вмѣшательство въ русскія дѣла (съ цѣлью противодѣйствія планамъ Германіи относительно Д. Востока) предусмотрѣно въ опубликованномъ въ газетахъ японо-китайскомъ соглашеніи, офиціальный текстъ коего имъ, консуломъ, впрочемъ, еще не полученъ. Присутствіе во Владивостокѣ вооруженныхъ силъ союзниковъ, ихъ представителями офиціально истолковывалось исключительно какъ мѣра, направленная во

---

* За нѣсколько дней до прибытія делегаціи во Владивостокъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ событій въ Сибири, произошло рѣзкое паденіе курса рубля, съ 3 рублей съ небольшимъ за японскую іену, до 6 слишкомъ рублей за ту же единицу (1 іена = 0,98 золот. рубля)

первыхъ, къ недопущенію вывоза изъ Владивостока сосредоточеннаго въ его порту огромнаго имущества, которое могло бы послужить на пользу Германіи, а во вторыхъ, — къ защитѣ жизни и имущества иностранныхъ подданныхъ, угрожаемыхъ народными волненіями; послѣдній мотивъ оставался въ силѣ и въ случаѣ болѣе крупнаго сравнительно съ ежедневнымъ нарядомъ десанта, который предполагалось высадить, если бы въ городѣ вспыхнуло вооруженное возстаніе. Однако, неофиціально, въ болѣе интимныхъ разговорахъ, вполголоса сообщалось, что въ этомъ случаѣ, подъ видомъ защиты иностранцевъ, было бы все таки оказано нѣкоторое благопріятствованіе врагамъ совѣтской власти.

Напротивъ, отношеніе къ послѣдней со стороны иностранныхъ консуловъ и военныхъ начальниковъ было только сухо официальное, что же касается дѣятелей совдепа, то они иностранцамъ отвѣчали довольно откровенной ненавистью, неустанно ища случая уличить ихъ въ сношеніяхъ съ «контръ-революціонерами».

Въ общемъ мѣстный совдепъ, руководимый осторожнымъ К. А. Сухановымъ, мало стѣснялся присутствія вооруженныхъ силъ союзниковъ, дѣйствуя по обычнымъ большевицкимъ трафаретамъ и избѣгая лишь слишкомъ рѣзкихъ мѣръ, которыя могли бы вызвать протестъ по гуманитарнымъ соображеніямъ. Однако, ввиду недавняго сравнительно функціонированія во Владивостокѣ совѣтской власти, которая только въ мартѣ 1918 г. окончательно утвердилась, послѣ разгона областного земскаго собранія и городской думы, здѣсь многое изъ «буржуазнаго» и «капиталистическаго» строя жизни, уже давно упраздненное въ центральной совдепіи, продолжало пока оставаться въ неприкосновенности, въ томъ числѣ, напримѣръ, функціонированіе судебныхъ учрежденій, къ закрытію коихъ было только что приступлено. Въ общемъ совѣтскій режимъ не успѣлъ еще особенно сильно отразиться на мѣстной общественной жизни, которая продолжала сохранять свойственныя ей внѣшнія формы и оживленіе.

Условной телеграммой въ Иркутскъ, на имя г. Ъ., передъ отъѣздомъ кратко сообщено о результатахъ посѣщенія Владивостока; между прочимъ и о томъ, что денегъ для иркутской организаціи здѣсь добыть не удалось и что делегація постарается сдѣлать это въ Харбинѣ*.

Путевыя впечатлѣнія

Въ Харбинъ мы прибыли 24-го іюня**. Въ пути, продолжавшемся 5 дней, при остановкѣ въ теченіе около сутокъ въ Сеулѣ, пришлось отмѣтить — правда по бѣгломъ осмотрѣ — значительные успѣхи въ культурномъ отношеніи, сдѣланные посѣщенными мѣстами, со времени предыдущаго знакомства съ ними, относящагося къ періоду до русско-японской войны. Особенно поражалъ въ этомъ отношеніи городъ Сеулъ.

Японскія желѣзныя дороги, принадлежащія двумъ обществамъ, Корейскому и Южно-Манчьжурскому, оказались въ блестящемъ состояніи. Въ Манчьжуріи замѣчена эксплоатація на широкую ногу естественныхъ богатствъ, въ томъ числѣ, напримѣръ, залежей каменнаго угля въ раіонѣ мѣстечка Беньсиху, пріобрѣвшаго печальную извѣстность со времени шахэйскаго наступленія нашей Манчьжурской арміи въ сентябрѣ 1904 г. Станціи нашей бывшей южно-манчьжурской вѣтки и поселки въ полосѣ отчужденія, какъ напримѣръ у станціи Мукденъ, преобразились до неузнаваемости. Разница въ состояніи желѣзныхъ дорогъ японскихъ и нашихъ особенно бросалась въ глаза при пересадкѣ на станціи Чанчунъ (Куанченцзы) и производила удручающее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что Кит. Вост. жел. дорога, сравнительно съ сибирскими, а особенно россійскими, могла считаться выдающеюся по своему благоустройству.

Присутствіе въ предѣлахъ японской концессіи охраны замѣчалось повсюду, но нигдѣ не приходилось видѣть скопленія войскъ или подвижного состава, которое указывало бы на предстоящія воинскія перевозки.

---

* Изъ Харбина въ началѣ іюля переведены 50 000 рублей, полученные отъ ген. Хорвата.

** Днемъ 7—8 спустя къ намъ присоединились оставленные во Владивостокѣ служащіе, которые по собственной иниціативѣ выѣхали по желѣзной дорогѣ и съ большими трудностями, пройдя болѣе 100 верстъ пѣшкомъ, пробрались черезъ большевицкій фронтъ, на станцію Пограничную, гдѣ находился штабъ отряда атамана Калмыкова.

Сводка предыдущихъ свѣдѣній

Приступая къ описанію пребыванія делегаціи въ Харбинѣ, считаю необходимымъ предпослать ему небольшой очеркъ, резюмирующій данныя, собранныя во время предыдущей работы делегаціи въ Сибири, и опредѣляющій послѣдующіе этапы ея дѣятельности, какъ они въ то время намѣчались.

Ко времени чехо-словацкаго выступленія въ маѣ 1918 г. положеніе въ Сибири было таково, что не давало основаній надѣяться на возможность сверженія большевицкой власти безъ помощи извнѣ.

Офицерскія организаціи, не насчитывающія въ каждомъ изъ крупныхъ центровъ и тысячи бойцовъ (единственное исключеніе представлялъ Томскъ, съ 1500 челов.) и двухъ-трехъ сотенъ во второстепенныхъ городахъ, плохо вооруженныя и снабженныя, лишенныя твердаго руководства испытанныхъ боевыхъ начальниковъ, подверженныя тлетворному вліянію политическихъ партій, скудно обставленныя въ отношеніи удовлетворенія насущныхъ матеріальныхъ потребностей, ежечасно угрожаемыя предательствомъ своихъ сочленовъ*, — при такомъ состояніи не могли считаться надежной боевой силой, способной къ веденію систематичной и упорной борьбы съ совѣтскими войсками, во много разъ превосходившими ихъ числомъ и богато снабженными пулеметами и артиллеріей. Значительная часть красной арміи къ тому же состояла изъ хорошо организованныхъ военно-плѣнныхъ мадьяръ и германцевъ, которые въ боевомъ отношеніи представляли надежную силу, болѣе чѣмъ уравновѣшивавшую малую боевую годность красныхъ русскихъ частей.

Единственно чего можно было ожидать отъ офицерскихъ организацій — это временнаго захвата власти въ мѣстѣ своего постояннаго квартированія путемъ нечаяннаго нападенія; продолжительность удержанія власти въ каждомъ данномъ случаѣ зависѣла отъ близости расположенія другихъ совѣтскихъ войскъ, отъ успѣха мѣръ по перерыву для послѣднихъ желѣзнодорожнаго сообщенія и отъ одновременности выступленія военныхъ организацій въ другихъ пунктахъ; но второе условіе требовало наличія достаточнаго количества взрывчатыхъ веществъ и подготовленныхъ спеціалистовъ, что не вездѣ имѣлось, а третье — являлось трудно осуществимымъ по дефектамъ связи и отсутствію единой высшей власти, которая имѣла бы возможность требовать безпрекословнаго повиновенія. Во всякомъ случаѣ, даже при наилучшихъ условіяхъ, офицерскія организаціи въ большинствѣ крупныхъ центровъ не могли разсчитывать удержать захваченную власть долѣе 1—2 недѣль, послѣ чего неминуемо должна была наступить реакція.

Не лучше обстояло дѣло и въ отношеніи политической подготовки. Преобладающее значеніе въ этомъ отношеніи принадлежало городамъ, въ которыхъ, однако, враждебные большевизму элементы ни числомъ, ни по своей организаціи не представляли силы, которая могла бы съ успѣхомъ выступить противъ совѣтской власти, поддерживаемой большинствомъ пролетаріата, — все еще обольщеннаго тѣми матеріальными благами, которыя доставило ему торжество большевизма. Какъ неоднократно упоминалось, партія народной свободы принципіально отказывалась отъ активной борьбы и только отдѣльныя личности изъ ея состава, принадлежащія къ наиболѣе энергичнымъ ея представителямъ, сочли возможнымъ пренебречь директивами своего центральнаго комитета, фиктивно выйдя для этого изъ партіи. Эти лица, съ участіемъ уцѣлѣвшихъ представителей торгово-промышленнаго класса, самоотверженно работали по оказанію поддержки военнымъ организаціямъ, но средства ихъ были ограничены и они не создавали себѣ иллюзій относительно возможности обойтись безъ помощи извнѣ, разсматривая мѣстную боевую силу только какъ вспомогательную въ отношеніи арміи, ожидаемой съ востока. Своей работы они не ограничивали городами, ведя агитацію также среди крестьянства и казачества, но хотя здѣсь, особенно среди послѣдняго, настроеніе большинства и не было благопріятно совѣтской власти, однако, по пассивности этихъ массъ онѣ не могли сыграть роли въ установленіи того или другого режима въ большихъ городахъ.

---

* О такихъ случаяхъ приходилось слышать въ каждомъ изъ посѣщенныхъ городовъ.

Обособленно отъ другихъ общественныхъ группъ стояли такъ называемые «фронтовики», къ которымъ примыкали «союзы увѣчныхъ воиновъ». Число фронтовиковъ было не велико, т. к. большинство солдатъ, вернувшихся съ войны, успѣло уже раствориться въ общей массѣ населенія; союзы фронтовиковъ въ большихъ городахъ насчитывали по нѣсколько сотъ — рѣдко до тысячи — членовъ. Отношеніе ихъ къ большевизму было большею частью отрицательное, но не по идейнымъ соображеніямъ, а главнымъ образомъ изъ оппозиціи предположеніямъ большевицкой власти принудительно привлечь ихъ къ службѣ въ красной арміи и крутымъ мѣрамъ, которыя проводились тою же властью для искорененія спекуляціи, — «мѣшечничества» — составлявшаго излюбленное занятіе фронтовиковъ и увѣчныхъ; съ другой стороны, имѣя на совѣсти тяжкія преступленія въ отношеніи офицеровъ прежней арміи и считая дѣломъ чести наружно поддерживать свой «пролетарскій» обликъ, тѣ же фронтовики — въ массѣ разбогатѣвшіе, излѣнившіеся и разнузданные, въ большинствѣ чуждались общенія съ офицерскими организаціями и буржуазными элементами, которые отвѣчали имъ такимъ же недовѣріемъ, далеко не лишеннымъ основаній, такъ какъ, напримѣръ, въ случаяхъ, когда фронтовики участвовали въ тайныхъ организаціяхъ, они нерѣдко оказывались предателями.

Кромѣ перечисленныхъ элементовъ, совѣтская власть въ Сибири имѣла еще довольно многочисленныхъ враговъ въ лицѣ соціалистовъ умѣренныхъ толковъ, игравшихъ преобладающую роль въ богатыхъ и вліятельныхъ сибирскихъ кооперативахъ; но сомнѣніе, основанное на опытѣ всей русской революціи, относительно способности вообще соціалистическихъ партій съ успѣхомъ участвовать въ государственномъ строительствѣ, равно какъ и роль, которую въ концѣ 1917 года сыграли сибирскіе соціалисты въ отношеніи созданія условій, содѣйствовавшихъ побѣдѣ большевизма, исключали для несоціалистическихъ элементовъ возможность тѣснаго сотрудничества съ ними, основаннаго на взаимномъ довѣріи.

При указанныхъ условіяхъ освобожденіе Россіи отъ совѣтской власти, которое во избѣжаніе окончательнаго разрушенія государства не могло быть откладываемо на долгій срокъ, мыслилось не иначе какъ путемъ воздѣйствія нѣкоторой внѣшней силы, послѣднюю же представляли себѣ въ видѣ союзной арміи, высаженной во Владивостокѣ, или русскихъ добровольческихъ войскъ, сформированныхъ при содѣйствіи союзниковъ въ Манчьжуріи. Тамъ же на Дальнемъ Востокѣ естественно ожидалось и образованіе временнаго россійскаго правительства, которое, подвигаясь подъ прикрытіемъ вооруженной силы на западъ, постепенно утверждало бы свое господство въ странѣ.

Отношеніе къ вопросу объ интервенціи

Ввѣренная мнѣ делегація должна была по возможности ускорить процессъ образованія этого правительства и его выступленія въ качествѣ активнаго фактора, поддержаннаго силой оружія, почему политическіе дѣятели западной и центральной Сибири и торопили нашъ отъѣздъ на Дальній Востокъ. Однако, ко времени выѣзда делегаціи съ Дона вопросъ о союзнической интервенціи въ широкихъ размѣрахъ еще не подымался и никакихъ указаній по этому поводу въ данныхъ мнѣ инструкціяхъ не было: ожидать, что такія указанія могли послѣдовать дополнительно, при существующихъ условіяхъ связи, не приходилось. По этимъ соображеніямъ вопросъ объ отношеніи делегаціи къ иностранному вмѣшательству надлежало рѣшить самостоятельно на основаніи данныхъ обстановки.

Послѣ обсужденія этого вопроса еще въ пути отъ Срѣтенска до Хабаровска, мы съ г. А. пришли къ заключенію, что по существу задачъ, которыя поставилъ себѣ учрежденный М. В. Алексѣевымъ союзъ, въ число коихъ входило и возобновленіе, въ сотрудничествѣ съ союзными державами, борьбы противъ Германіи, идея военной интервенціи союзниковъ, предпринимаемой во имя возстановленія русскаго, противогерманскаго фронта, упраздненнаго большевиками, не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что давало бы основаніе противодѣйствовать ея осуществленію. Возможность неблагопріятныхъ послѣдствій такой интервенціи въ смыслѣ ущерба крупнымъ государственнымъ интересамъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ и въ Сибири исклю-

чалась по соображеніямъ о несомнѣнномъ существованіи взаимнаго соперничества* державъ, что же касается менѣе существенныхъ компенсацій, которыя пришлось бы предоставить за оказанную помощь, то онѣ окупались бы во много разъ возстановленіемъ единства и цѣлости Россіи.

Опредѣливъ свое отношеніе къ вопросу о военной интервенціи союзниковъ, делегаціи оставалось такимъ образомъ, по прибытіи въ Харбинъ, сдѣлать выборъ между тѣми или другими организаціями, претендующими на государственную власть, и предложить свое сотрудничество той изъ нихъ, которая по задачамъ и программѣ оказалась бы наиболѣе близкой къ «Союзу защиты родины и свободы», стремясь къ скорѣйшему осуществленію плана о постепенномъ распространеніи власти съ Дальняго Востока въ Сибирь и далѣе вглубь Европейской Россіи, на сліяніе съ организаціей ген. Алексѣева.

Характеристика Сибирскаго правительства

Въ предыдущемъ изложеніи приходилось уже неоднократно упоминать объ организаціи, присвоившей себѣ наименованіе «Правительства Автономной Сибири», фактическое существованіе которой на Д. В. несомнѣнно устанавливалось. Однако, попутно отмѣчалось также, что первоначальныя, полученныя въ Омскѣ, свѣдѣнія о сибирскомъ правительствѣ, рисовавшія его въ извѣстномъ ореолѣ, постепенно тускнѣли по мѣрѣ продвиженія делегаціи съ запада на востокъ. Такъ постепенно отпадали приписанные ему атрибуты будто бы состоявшагося признанія его широкими кругами населенія и союзными державами и обладанія большими денежными ресурсами; во Владивостокѣ уже опредѣленно выяснилось, что попытка дерберовской организаціи войти въ коалицію съ цензовыми элементами не имѣла никакого успѣха ни въ Харбинѣ, ни во Владивостокѣ и что расположенныя въ районѣ Кит. Вост. жел. дороги войска, дѣйствительно состоявшія до послѣдняго времени подъ начальствомъ генерала Пѣшкова, ни въ малѣйшей степени не подчиняются военному министру Сибирскаго Правительства подполк. Краковецкому.

Былъ ли г. О. искрененъ, когда распространялъ въ Омскѣ свѣдѣнія о пославшемъ его правительствѣ — или нѣтъ — это не могло измѣнить неизбѣжнаго вывода изъ вышеизложеннаго, что для распространенія своего вліянія эта организація прибѣгаетъ къ пріемамъ, не свидѣтельствующимъ о ея дѣйствительной политической силѣ и внутреннемъ достоинствѣ.

Все это подтвердилось въ первые же дни пребыванія въ Харбинѣ, гдѣ дополнительно выяснено, что опору дерберовскаго правительства составляютъ только соціалистическіе, преимущественно эс-эровскіе, круги и что хотя оно заявляло о готовности исключить изъ своей программы пункты, которые могли составить препятствіе къ соглашенію съ цензовыми элементами, но соглашеніе — по отсутствію довѣрія не только къ программѣ, но и къ персональнымъ качествамъ членовъ дерберовской организаціи, — не состоялось.

Подготовка выступленія генерала Хорвата

Въ то же время въ Харбинѣ нарождалось другое правительство, вызванное къ жизни по иниціативѣ мѣстныхъ общественныхъ круговъ, во главѣ съ «Дальневосточнымъ комитетомъ активной защиты родины», образовавшимся здѣсь, подъ предсѣдательствомъ присяжнаго повѣреннаго В. А. Александрова, послѣ торжества большевизма въ Сибири. Комитетъ, въ составъ котораго вошли многіе видные политическіе и общественные дѣятели Сибири, представители крупной промышленности, интеллигентнаго труда, а также небольшое число делегатовъ отъ подобныхъ же организацій Евр. Россіи, убѣдившись въ безуспѣшности попытокъ соглашенія съ дерберовской организаціей, пришелъ къ заключенію, что при современномъ состояніи Россіи только единоличная власть можетъ вывести страну изъ состоянія разрухи и анархіи, въ которую ее ввергли соціалистическіе опыты послѣдняго года.

* Примѣръ такого взаимно нейтрализующагося соперничества пришлось наблюдать во время военной интервенціи державъ въ Китаѣ въ 1900—1901 гг. и послѣдовавшихъ за нею событій.

Въ качествѣ носителя такой власти выдвигался генералъ-лейтенантъ Дмитрій Леонидовичъ Хорватъ, который, стоя въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ во главѣ управленія Китайской Восточной жел. дороги и осуществляя въ полосѣ ея отчужденія гражданскую власть, (въ послѣднее время, къ качествѣ Комиссара Временнаго Правительства Керенскаго) пріобрѣлъ не только на Дальнемъ Востокѣ, но и далеко за предѣлами его, репутацію дѣятеля, способнаго къ выполненію государственныхъ задачъ широкаго масштаба. Сформированныя иждивеніемъ ген. Хорвата въ полосѣ отчужденія войска, признававшія его своимъ начальникомъ, являлись готовой опорой для новой власти, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи воспринята единственнымъ оставшимся при исполненіи своихъ обязанностей представителемъ законнаго и признаннаго союзниками правительства, имѣла, казалось, и формальное основаніе разсчитывать на признаніе со стороны державъ и значительной части населенія.

Дальневосточный комитетъ

Вскорѣ послѣ прибытія въ Харбинъ и пріема у Д. Л. Хорвата делегація была приглашена въ пленарное засѣданіе Дальне-Восточнаго комитета, въ которомъ послѣ докладовъ о работѣ делегаціи въ Сибири, я и мой помощникъ явились предметомъ горячихъ овацій комитета. При обсужденіи плана дальнѣйшей работы выяснилось, что политическая программа комитета, которая должны была лечь въ основаніе дѣятельности вновь создаваемаго правительства, по существу однородна съ корниловской, равнымъ образомъ не было расхожденія и въ ближайшихъ задачахъ, намѣченныхъ къ исполненію, что открывало возможность совмѣстной работы делегаціи съ будущимъ правительствомъ ген. Хорвата. Послѣднее должно было образоваться въ составѣ «Временнаго Правителя» Д. Л. Хорвата съ безпартійнымъ «Дѣловымъ Кабинетомъ» при немъ, состоящимъ изъ членовъ, управляющихъ отдѣльными вѣдомствами; всѣ постановленія кабинета подлежали утвержденію Временнаго Правителя.

Вступленіе въ составъ правительства Хорвата

Получивъ предложеніе генерала Хорвата вступить въ составъ Дѣлового Кабинета, причемъ предложеніе это помимо соображеній личнаго свойства, мотивировалось желаніемъ, путемъ привлеченія элементовъ, принадлежащихъ къ всероссійской политической организаціи М. В. Алексѣева, придать своему правительству болѣе универсальный характеръ, — г. А. и я, полагая, что такимъ способомъ наилучшимъ способомъ разрѣшится вопросъ о совмѣстной работѣ, — дали свое согласіе, при условіи, однако, испрошенія на то, при первой возможности, разрѣшенія М. В. Алексѣева, а также внесенія въ программу новаго правительства нѣкоторыхъ измѣненій, съ цѣлью болѣе полнаго согласованія съ программой Л. Г. Корнилова, на что возраженій не послѣдовало. Кромѣ того, по собственной иниціативѣ, ген. Хорватъ обязался, въ случаѣ установленія соприкосновенія съ организаціей М. В. Алексѣева, тотчасъ же уступить принятую на себя власть главѣ организаціи или другому лицу съ извѣстнымъ именемъ, изъ ея состава, которое будетъ для этой цѣли выдвинуто.

Положеніе вопроса объ интервенціи

Сношенія съ мѣстными военными представителями и консулами союзныхъ державъ, а равно, свѣдѣнія, собранныя во время поѣздокъ, недавно предпринятыхъ Д. Л. Хорватомъ въ Пекинъ и Токіо, давали основаніе надѣяться на благожелательное отношеніе державъ ко вновь зарождающейся власти. Вопросъ о союзнической интервенціи въ Сибири, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, все еще находился въ стадіи переговоровъ между державами, причемъ, однако, принималъ уже болѣе опредѣленныя формы и казался близкимъ къ разрѣшенію въ положительномъ смыслѣ; между прочимъ, мнѣніе о необходимости этой интервенціи раздѣлялось здѣсь всѣмъ почти русскимъ населеніемъ, кромѣ большевиковъ и примыкающихъ къ нимъ соціалистовъ крайняго лѣваго крыла; соотвѣтствующія резолюціи, съ просьбой о немедленномъ вмѣшательствѣ, были вынесены на многолюдныхъ собраніяхъ различныхъ общественныхъ группъ и сообщены консуламъ для передачи соотвѣтствующимъ правительствамъ. Въ принятіи этихъ резолюцій, кромѣ соображеній обще-политическаго характера, сыграли нѣкоторую роль и получавшіяся изъ Сибири отрывочныя и по прежнему сбивчивыя свѣдѣнія, которыя свидѣтельствовали о жестокихъ репрес-

Отголоски свѣдѣній изъ Сибири

сіяхъ совѣтской власти въ отношеніи враждебныхъ ей элементовъ, неудачно воспользовавшихся выступленіемъ чехо-словаковъ*; съ другой стороны войска, сформированныя въ полосѣ отчужденія, оказались еще настолько слабыми числомъ (не болѣе $2^1/_2$—3 тысячъ бойцовъ) и съ такими дефектами въ организаціи, что не давали права основывать на нихъ надежду на успѣхъ въ борьбѣ съ большевизмомъ въ Сибири.

Между тѣмъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, съ запада были получены болѣе утѣшительныя свѣдѣнія, изъ которыхъ явствовало, что въ наиболѣе крупныхъ изъ центровъ Сибири совѣтская власть, повидимому, дѣйствительно пала подъ ударами чехословаковъ и примкнувшихъ къ нимъ офицерскихъ организацій, что военныя дѣйствія приближаются къ раіону Урала и что въ Томскѣ образовалась временная власть подъ названіемъ «эмисаріата Сибирскаго правительства». Въ качествѣ военнаго дѣятеля въ телеграммахъ упоминалось имя полковника Гришина-Алмазова, въ которомъ делегація узнала своего томскаго знакомаго, подполковника А. Н. Гришина, сумѣвшаго, благодаря своимъ личнымъ качествамъ и роли, которую сыграла въ переворотѣ Томская военная организація, въ короткое время выдвинуться въ качествѣ одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ возстанія. Тотчасъ же, ввиду отсутствія прямого телеграфнаго сообщенія, была сдѣлана попытка связаться съ полк. Гришинымъ (см. Прил. 5), а также съ полковниками Ивановымъ (см. Прил. 6), въ Омскѣ и Ѣ. въ Иркутскѣ (см. Прил. 7) кружнымъ путемъ, а именно китайскимъ телеграфомъ черезъ Пекинъ и Чугучакъ, для чего тремъ названнымъ лицамъ посланы телеграммы объ образованіи правительства генерала Хорвата и о сліяніи съ нимъ ввѣренной мнѣ делегаціи, а также съ выраженіемъ увѣренности въ дальнѣйшемъ дружномъ сотрудничествѣ адресатовъ съ вновь образовавшейся властью.

Отвѣты на эти телеграммы, посланныя въ началѣ іюля, поступили много времени спустя (см. Прил. 8, 9) (отъ одного до полутора мѣсяцевъ)**, а пока приходилось съ прискорбіемъ констатировать, ввиду полнаго перерыва связи съ Сибирью черезъ Забайкалье, временную потерю для делегаціи возможности вліять на событія, развивающіяся въ раіонѣ ея недавней работы.

Декларація генерала Хорвата

29-го іюня 1918 г. чехо-словаки, внезапнымъ выступленіемъ, подготовлявшимся въ строжайшей тайнѣ, покончили съ совѣтской властью во Владивостокѣ. Ввиду перерыва прямого телеграфнаго сообщенія, достовѣрныя свѣдѣнія объ этомъ въ Харбинѣ были получены только 3—4 іюля. Генералъ Хорватъ рѣшилъ послѣ этого не медлить своимъ провозглашеніемъ, но необходимость сдѣлать это на русской территоріи заставила выждать результатовъ наступленія отряда, направленнаго отъ станціи Пограничной въ предѣлы Приморской области; получивъ свѣдѣніе о занятіи этимъ отрядомъ казачьей станицы Гродековой, ген. Хорватъ выѣхалъ туда съ Дѣловымъ Кабинетомъ, гдѣ 9.го іюля и состоялось офиціальное объявленіе о принятіи имъ на себя государственной власти***.

Выступленіе дербероской организаціи

Однако, такой же актъ былъ выпущенъ значительно раньше Сибирскимъ Правительствомъ Дербера, успѣвшимъ ко времени выступленія чехо-словаковъ конспиративно собраться во Владивостокѣ, гдѣ оно тотчасъ же и использовало совершившійся переворотъ, встрѣтивъ въ своемъ выступленіи поддержку со стороны чехо-словаковъ**** и соціалисти-

* Такое неудачное возстаніе офицерской организаціи дѣйствительно случилось въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Иркутскѣ, въ результатѣ чего главные дѣятели выступленія, въ томъ числѣ и полк. Ѣ, были принуждены бѣжать въ тайгу.

** О роли полковника Иванова и Омской военной организаціи въ переворотѣ долгое время не было никакихъ свѣдѣній, пока не выяснилось, наконецъ, что организація приняла выдающееся побѣдоносное участіе въ бою у станціи Маріановки (къ западу отъ Омска) и что полк. Ивановъ избранъ въ войсковые атаманы Сибирск. казачьяго войска (см. Прил. 4).

*** По принадлежности къ партіямъ Дѣловой кабинетъ имѣлъ слѣдующій составъ: трое безпартійныхъ, двое — партіи народной свободы, два народныхъ соціалиста, изъ коихъ одинъ потанинскаго кружка.

**** Чехо-словаки въ массѣ и въ лицѣ своего «національнаго совѣта» во Владивостокѣ открыто симпатизировали русскимъ соціалистамъ, почему является болѣе чѣмъ вѣроят-

ческихъ элементовъ въ лицѣ возстановленныхъ областного земскаго собранія и городской думы.

Со вступленіемъ моимъ и А. въ Дѣловой Кабинетъ, возглавляемая мною делегація, какъ таковая, прекратила свое существованіе, но такъ какъ участіе въ правительствѣ генерала Хорвата разсматривалось нами какъ естественное продолженіе работы делегаціи, считаю необходимымъ вкратцѣ изложить послѣдующія событія*.

Отношеніе союзныхъ державъ

Выступленіе чехо-словаковъ во Владивостокѣ явилось началомъ военной интервенціи союзниковъ, офиціально мотивированной необходимостью оказать помощь чехо-словакамъ въ Сибири въ ихъ неравной борьбѣ съ совѣтскими, германо-мадьярскими войсками. Правительство генерала Хорвата, хотя и энергично поддержанное несоціалистическими кругами Приморской области, не встрѣтило ожидаемой поддержки со стороны союзныхъ державъ, что съ самаго начала обрекло его на безплодное политическое единоборство съ правительствомъ Дербера. При этомъ политика державъ, сознательно или случайно, — но въ своей равнодѣйствующей была, повидимому, направлена къ взаимному парализованію этихъ двухъ политическихъ силъ, не давая ни одной изъ нихъ рѣшительнаго преобладанія.

Упустивъ въ Харбинѣ, гдѣ онъ въ свое время былъ полнымъ хозяиномъ, моментъ для ликвидаціи дербероской организаціи, Д. Л. Хорватъ, несмотря на то, что реальная сила и теперь была на его сторонѣ, былъ лишенъ возможности сдѣлать это во Владивостокѣ, такъ какъ союзное командованіе не допускало примѣненія открытой силы въ политической борьбѣ. Въ то же время, не располагая источниками государственныхъ доходовъ и возможностью заключить внѣшній заемъ, онъ не имѣлъ необходимыхъ средствъ для доведенія подчиненныхъ ему войскъ до состоянія, при которомъ они могли бы принять участіе въ борьбѣ на фронтѣ. При этихъ условіяхъ зависимость отъ ген. Хорвата отрядовъ казачьихъ атамановъ Семенова, Калмыкова, а впослѣдствіи и Гамова, взятыхъ иностранцами подъ свое покровительство и открыто поощряемыхъ ими къ обособленію, постепенно слабѣла, пока, наконецъ, не исчезла вовсе, выродившись въ уродливый сепаратизмъ, извѣстный подъ названіемъ «атаманства».

Образованіе твердой власти въ Западной Сибири

Между тѣмъ, въ западной и центральной Сибири, въ продолженіе около трехъ мѣсяцевъ почти совершенно отрѣзанной отъ Дальняго Востока, военныя событія шли своимъ чередомъ въ направленіи успѣшнаго развитія наступленія чехо-словаковъ и добровольческихъ сибирскихъ войскъ (образовавшихся изъ бывшихъ офицерскихъ организацій) за Уралъ, соединенія тамъ съ такъ называемой Народной Арміей, дѣйствовавшей въ раіонѣ средняго Поволжья, и окончательнаго утвержденія въ раіонѣ Иркутска и Байкала (причемъ туннели Кругобайкальской дороги удалось уберечь отъ разрушенія).

Параллельно съ этимъ укрѣплялась внутри страны вновь образовавшаяся власть, смѣнившая соціалистическій «эмисаріатъ» первыхъ недѣль по сверженіи большевизма и принявшая наименованіе «Временнаго Правительства Сибири», въ составѣ «Совѣта министровъ» (изъ 5—6 членовъ) подъ предсѣдательствомъ П. В. Вологодскаго, съ состоящимъ при немъ «Административнымъ Совѣтомъ» изъ управляющихъ отдѣльными вѣдомствами. Все болѣе и болѣе обнаруживался твердый государственный курсъ, принятый этой организаціей, избравшей своей резиденціей г. Омскъ, причемъ, несмотря на свое происхожденіе отъ Сибирской областной думы, совѣтъ министровъ, — первоначально сформированный изъ лицъ, избранныхъ въ томъ же январскомъ почиомъ засѣданіи думы, но не послѣдовавшихъ за г. Дербероиъ на Дальній Востокъ, — сумѣлъ съ теченіемъ времени, при поддержкѣ административнаго совѣта, стать въ вполнѣ

нымъ, что соціалистическое дербероское правительство было предупреждено ими о предстоящемъ выступленіи во Владивостокѣ.

* Болѣе подробно событія эти изложены въ запискѣ подъ заглавіемъ: «Генералъ-Лейтенантъ Д. Л. Хорватъ и политика державъ на Дальнемъ Востокѣ въ 1918 году». (См. Прил. 18.)

независимое отъ думы положеніе, распустивъ ее и изъявъ изъ своей среды негосударственно-мыслящіе элементы.

Сила новаго правительства выразилась, между прочимъ, въ проведеніи такихъ мѣръ, какъ призывъ въ войска, на основаніи устава о воинской повинности, младшихъ возрастныхъ классовъ населенія, что положило начало формированію на нормальныхъ началахъ вооруженной силы, съ изъятіемъ изъ обихода послѣдней всѣхъ нововведеній, установленныхъ послѣ революціи 1917 г. Командиромъ вновь сформированнаго Омскаго армейскаго корпуса, назначенъ полковникъ Ивановъ, съ производствомъ въ генералъ-маіоры; повышенный въ этотъ же чинъ А. И. Гришинъ занялъ постъ управляющаго военнымъ министерствомъ*.

Объединеніе власти въ Сибири и на Д. В.

Мѣсяца три спустя послѣ начала выступленія чехо-словаковъ въ Сибири, власть правительства П. В. Вологодскаго можно было считать вполнѣ упрочившеюся въ обширномъ раіонѣ Сибири къ западу отъ Байкала; къ этому же времени — концу августа — состоялось, наконецъ, и очищеніе отъ большевиковъ Забайкалья, что возстанавливало связь Сибири съ Дальнимъ Востокомъ.

Ближайшимъ результатомъ этого соединенія явился пріѣздъ во Владивостокъ, во второй половинѣ сентября, делегаціи отъ Омскаго правительства, съ предсѣдателемъ совѣта министровъ во главѣ, съ цѣлью объединенія государственной власти на всемъ пространствѣ территоріи, очищенной отъ власти большевиковъ. Послѣдовала немедленная ликвидація дерберовскаго правительства (состоявшаго послѣднее время подъ предсѣдательствомъ И. А. Лаврова); съ Д. Л. Хорватомъ заключено соглашеніе, на основаніи котораго онъ призналъ власть Сибирскаго Правительства и, будучи включенъ въ число членовъ совѣта министровъ, оставленъ во главѣ управленія дальневосточныхъ областей, въ качествѣ Верховнаго уполномоченнаго Сибирскаго правительства. Вступленіе ген. Хорвата въ новую должность состоялось въ ноябрѣ 1918 г., но эта перемѣна мало повліяла на существовавшее на Д. В. многовластіе, т. к. при наличіи «атаманства», Забайкальская и Амурская области и территорія Уссур. каз. войска, съ гор. Хабаровскомъ включительно, продолжали фактически оставаться въ безконтрольномъ распоряженіи атамановъ Семенова, Гамова и Калмыкова.

Къ этому времени выяснилось также, что надежды, которыя возлагались на интервенцію союзниковъ, въ значительной мѣрѣ не оправдались. Въ оперативномъ отношеніи интервенція дала только очищеніе отъ большевиковъ и военно-плѣнныхъ Приморской и Амурской областей, въ остальномъ — имѣла результатомъ занятіе небольшими гарнизонами главныхъ центровъ Сибири для поддержанія порядка и нѣкоторую помощь въ отношеніи снабженія дѣйствующихъ армій. Въ самой борьбѣ на фронтѣ изъ иностранцевъ участвовали только чехо-словаки, но къ началу 1919 года и это участіе прекратилось.

Неблагопріятныя условія для продолженія работы делегаціи

Состоявшееся объединеніе государственной власти въ Сибири, казалось, могло служить основаніемъ къ возобновленію самостоятельной дѣятельности делегаціи, командированной ген. Алексѣевымъ въ Сибирь, такъ какъ данный ей наказъ предусматривалъ возможность выступленія ея главы въ качествѣ представителя организаціи М. В. Алексѣева при Сибирскомъ Правительствѣ. Однако, отсутствіе для этого формальнаго полномочія**, а главное, полная потеря связи съ организаціей, при прошедшемъ со времени командированія 8—9 мѣсячномъ промежуткѣ, въ теченіе котораго обстановка на югѣ Россіи могла значительно измѣниться, заставили усумниться въ пользѣ такого выступленія, въ результатѣ чего возобновленія самостоятельной дѣятельности делегаціи не послѣдовало.

---

* По установившейся послѣ свержения большевиковъ практикѣ, эти лица къ своимъ настоящимъ фамиліямъ присоединили нелегальныя, подъ которыми они проживали при совѣтской власти, откуда получились двойныя фамиліи Иванова-Ринова, Гришина-Алмазова и пр.

** См. стр. 245.

Попытка установленія связи съ штабомъ Д. А.

По поводу вопроса о связи съ своею организаціею считаю необходимымъ перечислить попытки, которыя были сдѣланы въ этомъ отношеніи послѣ отъѣзда делегаціи изъ Иркутска, откуда были посланы послѣднія письменныя донесенія.

1) Въ концѣ сентября, во Владивостокѣ, освѣдомившись, что великобританское правительство имѣетъ черезъ Персію связь съ организаціей ген. Алексѣева, причемъ будто бы послѣдовалъ запросъ изъ Лондона мѣстной англійской военной миссіи, не признается ли ею своевременнымъ прибытіе въ Сибирь ген. Корнилова, я обратился къ главѣ миссіи ген. Ноксу съ просьбой, о передачѣ отъ меня телеграммы на имя ген. Корнилова*. Ген. Ноксъ, подтвердивъ полученіе изъ Лондона вышеозначеннаго запроса, принялъ отъ меня телеграмму (см. Прил. 10) для передачи по назначенію.

2) Въ послѣднихъ числахъ того же сентября мѣсяца, основываясь на газетныхъ извѣстіяхъ, по которымъ М. В. Алексѣевъ будто бы фактически вступилъ въ образовавшееся въ Уфѣ Всероссійское Правительство, я послалъ ему по правительственному телеграфу служебную депешу въ 600 слишкомъ словъ (см. Прил. 11) съ краткимъ очеркомъ всей работы делегаціи въ Сибири и съ испрошеніемъ инструкцій.

3) Около этого же времени, по совѣту прибывшаго изъ Самары офицера генеральнаго штаба, я телеграфировалъ туда генералъ-квартирмейстеру Приволжскаго фронта краткія свѣдѣнія о делегаціи съ просьбой переслать ихъ въ штабъ Д. А. Нѣсколько дней спустя было получено извѣстіе объ оставленіи Самары, состоявшемся, вѣроятно, раньше чѣмъ туда дошла моя телеграмма.

4) Освѣдомившись, что свѣдѣнія о прибытіи генерала Алексѣева въ Уфу не вѣрны, я телеграфировалъ туда Начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго ген. Розанову просьбу получить съ телеграфа мои депеши на имя генерала Алексѣева (см. п. 2) и переслать ихъ по назначенію. Впослѣдствіи я узналъ, что за послѣдовавшимъ перемѣщеніемъ штаба Верх. Главнокомандующаго изъ Уфы въ Омскъ, ген. Розановъ моей просьбы исполнить не успѣлъ.

5) 10-го ноября, узнавъ о прибытіи въ Омскъ бывшаго начальника военно-гражданскаго управленія въ Ростовѣ на Дону, полк. Лебедева, я телеграфировалъ ему объ отсутствіи у меня связи съ Дономъ и просилъ сообщить имѣющіяся оттуда свѣдѣнія (см. Прил. 12). Отвѣта на эту телеграмму я не получилъ, но впослѣдствіи, при личномъ свиданіи съ полк. Лебедевымъ, узналъ, что онъ выѣхалъ съ Дона недѣли двѣ спустя послѣ меня и о современномъ положеніи тамъ не освѣдомленъ.

6) Послѣ занятія Константинополя союзными войсками, что открывало имъ связь съ штабомъ Добровольческой Арміи, я обратился къ начальнику французской военной миссіи во Владивостокѣ ген. Парису съ просьбой принять отъ меня и отправить черезъ Парижъ телеграмму ген. Алексѣеву или его замѣстителю. Телеграмма (см. Прил. 13) была любезно принята и отправлена 13 ноября, а мѣсяца черезъ полтора послѣ этого еще повторена на имя генерала Деникина, однако, къ 10 февраля, дню моего отъѣзда изъ Владивостока, отвѣта не было получено.

7) Въ бытность въ началѣ января с. г. въ Омскѣ, узнавъ, что съ Добровольческой Арміей установлена связь по линіи Омскъ—Оренбургъ—Уральскъ—Гурьевъ и т. д. и что туда выѣзжаетъ на дняхъ въ качествѣ курьеровъ нѣсколько офицеровъ, я одному изъ нихъ, вручилъ для представленія по принадлежности официальное письмо на имя генерала Деникина отъ 12 января № 12 съ приложеніемъ копіи телеграммы, посланной въ сентябрѣ въ Уфу на имя генерала Алексѣева.

Неоправданіе расчета, связаннаго съ поѣздкой на Д. В.

Итакъ, несмотря на всѣ попытки, связь съ своей организаціей возстановить не удалось, а изъ предыдущаго изложенія видно, что вслѣдствіе неожиданнаго выступленія въ западной и центральной Сибири чехословаковъ, при крайней скудости первоначальныхъ свѣдѣній о его ходѣ и результатѣ, делегація въ теченіе трехъ мѣсяцевъ

---

* Достовѣрныя свѣдѣнія о смерти генераловъ Корнилова и Алексѣева были получены только въ ноябрѣ.

разгара событій оказалась изолированной именно отъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ была сосредоточена ея предыдущая работа по организаціи вооруженнаго возстанія противъ большевиковъ.

Вмѣсто ожидаемаго зарожденія будущей власти на востокѣ и дальнѣйшаго побѣднаго шествія, — «наростанія» — отъ окраины къ центру, при дѣятельномъ сотрудничествѣ ввѣренной мнѣ делегаціи, — какъ представляли себѣ картину освобожденія отъ большевизма политическіе дѣятели Сибири, произошло обратное, и именно сверженіе совѣтскаго ига и послѣдующее наростаніе власти отъ центра къ окраинамъ, безъ непосредственнаго участія въ этомъ командированной ген. Алексѣевымъ делегаціи, обреченной на пассивную роль зрительницы событій.

Краткій очеркъ послѣдующихъ событій въ Сибири и современнаго положенія

Заканчивая настоящій отчетъ, считаю необходимымъ дополнить его краткимъ очеркомъ послѣдующихъ событій, совершившихся въ Сибири по день моего отъѣзда изъ Владивостока, а также характеристикой современнаго состоянія этой окраины съ точки зрѣнія значенія ея, какъ одного изъ очаговъ, откуда можетъ идти дальнѣйшее освобожденіе Россіи отъ большевицкаго засилія.

Еще въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ, одновременно съ совѣщаніями, происходившими во Владивостокѣ по вопросу объединенія власти на Д. В., состоялось въ г. Уфѣ собраніе делегатовъ различныхъ мѣстныхъ правительствъ, возникшихъ въ освобожденномъ отъ большевиковъ раіонѣ. Цѣлью собранія, принявшаго названіе Государственнаго Совѣщанія, было заключеніе соглашенія относительно образованія единаго Всероссійскаго правительства. Освобожденный первоначально раіонъ представлялъ обширное пространство до Казани, Симбирска и Самары включительно, причемъ въ послѣднемъ городѣ роль правительственной власти игралъ т. наз. Комитетъ Учредительнаго Собранія, выбранный изъ наличнаго состава собравшихся тамъ членовъ этого учрежденія подъ названіемъ «осколковъ Учредительнаго Собранія». Комитетъ, въ которомъ, разумѣется, подавляющимъ большинствомъ располагала партія соціалистовъ-революціонеровъ, опирался на сформировавшуюся въ среднемъ Поволжьи «Народную армію», организованную на революціонныхъ началахъ. Другими правительствами, приславшими своихъ делегатовъ въ Уфу, были Сибирское, Уральское (образовавшееся въ Екатеринбургѣ), казачьи войсковыя правительства и еще нѣсколько менѣе значительныхъ.

Результатомъ совѣщаній явилось образованіе «директоріи» изъ пяти членовъ, въ томъ числѣ трое изъ состава Комитета Учредительнаго Собранія, а именно эс-эры Авксентьевъ и Зензиновъ и кадетъ Виноградовъ, и двое безпартійныхъ — Верховный Главнокомандующій генералъ Болдыревъ и П. В. Вологодскій.

Нѣсколько раньше образованія директоріи, въ результатѣ активнаго выступленія въ Омскѣ мѣстныхъ политическихъ группъ и нѣкоторыхъ членовъ административнаго совѣта во главѣ съ министромъ финансовъ Иваномъ Адріановичемъ Михайловымъ произошло распаденіе сибирской «пятерки», изъ состава которой три члена, а именно соціалисты Крутовскій, Шатиловъ и Пашутинскій принуждены были вовсе выйти, а четвертый — П. В. Вологодскій выбылъ вслѣдствіе избранія въ составъ директоріи.

Послѣдняя, ввиду происшедшей тѣмъ временемъ потери значительной части территоріи за Ураломъ, отвоеванной красными (начиная съ Казани, Симбирска и Самары) и въ результатѣ вліянія сибирскихъ политическихъ организацій, признала соотвѣтственнымъ свою резиденцію перенести въ Омскъ, причемъ естественно, бывшій административный совѣтъ, какъ готовый правительственный аппаратъ, остался при всероссійской директоріи въ качествѣ совѣта министровъ, перемѣнивъ лишь незначительно свой составъ. Въ новомъ совѣтѣ на посту военно-морского министра оказался прибывшій незадолго до этого въ Омскъ адмиралъ Колчакъ, замѣнившій генерала Иванова-Ринова, который въ сентябрѣ смѣнилъ на этомъ посту А. Н. Гришина-Алмазова; министромъ путей сообщенія назначенъ Л. А. Уструговъ (занимавшій тотъ же постъ въ Дѣловомъ Кабинетѣ Д. Л. Хорвата), а министромъ внутреннихъ дѣлъ А. Н. Гаттенбергеръ, о которомъ упоминалось въ предыдущемъ изложеніи, какъ замѣстителѣ Г. Н. Потанина.

Однако, вскорѣ по прибытіи въ Омскъ всероссійской «пятерки» выяснилось, что она не пользуется довѣріемъ вліятельныхъ круговъ Сибири и не имѣетъ внутри себя данныхъ, которые обезпечивали бы ей возможность плодотворной работы въ будущемъ. Члены-соціалисты, несмотря на увѣренія, что они вполнѣ отрѣшились отъ заблужденій временъ Керенскаго, оказались на самомъ дѣлѣ не въ силахъ стать въ положеніе, независимое отъ вліявій своей партіи и осколковъ Учредительнаго Собранія; послѣдніе, преслѣдуемые своей обычной маніей страха передъ призракомъ «контръ-революціи», и, вѣроятно, усматривая въ организаціи сибирской арміи на началахъ единоличнаго командованія и строгой дисциплины подготовку орудія реакціи, принялись за привычную работу моральнаго разложенія войскъ по испытаннымъ рецептамъ 1917 года. Львиная доля этой работы принадлежала извѣстному В. Н. Чернову съ нѣсколькими товарищами, которые и были захвачены съ поличнымъ, причемъ обнаружилось, что указанная агитація въ войскахъ производилась не безъ вѣдома гг. Авксентьева и Зензинова.

Внутри директоріи въ это же время между ея правыми и лѣвыми членами обнаруживались серьезныя тренія, тормозившія продуктивную работу; кадетъ Виноградовъ оказался недостаточно рѣшительнымъ, чтобы дать отпоръ соціалистическимъ тенденціямъ лѣваго крыла. Все это вызвало глубокое недовольство жаждавшихъ установленія твердаго порядка мѣстныхъ общественныхъ силъ, объединившихся тѣмъ временемъ, подъ предсѣдательствомъ г. Жардецкаго*, въ прочный союзъ, получившій названіе омскаго «политическаго блока», въ который вошли представители всѣхъ общественныхъ и политическихъ организацій Западной Сибири до соціалистовъ праваго крыла включительно.

Результатомъ неоправдавшихся надеждъ на всероссійскую директорію явился государственный переворотъ, совершившійся въ Омскѣ 18 ноября 1918 г., въ результатѣ котораго директорія оказалась ликвидированной съ замѣной ея единоличной властью Всероссійскаго Верховнаго Правителя, адмирала Александра Васильевича Колчака.

Власть Верховнаго Правителя

Признаніе власти Верховнаго Правителя на всемъ пространствѣ Сибири (включая и Д. В.) встрѣтило препятствія только со стороны атамана Семенова, полновластнаго, — хотя и безъ офиціальнаго титула, — распорядителя судьбами Забайкалья, имѣющаго вліяніе также на Амурское и Уссурійское казачьи войска, въ отношеніи которыхъ онъ присвоилъ себѣ прерогативы «Походнаго Атамана». На почвѣ непризнанія власти Верховнаго Правителя возникъ между А. В. Колчакомъ и подполковникомъ Семеновымъ острый конфликтъ, который ко времени моего отъѣзда изъ Владивостока еще не былъ ликвидированъ; закулисное участіе въ этомъ конфликтѣ одной изъ союзныхъ державъ, повидимому поставившей себѣ цѣлью поддерживать русскій Дальній Востокъ въ состояніи если не анархіи, то по меньшей мѣрѣ многовластія, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Въ остальныхъ частяхъ территоріи, находящейся подъ управленіемъ всероссійскаго правительства, особенно Западной Сибири, гдѣ А. В. Колчакъ, весьма популярный въ офицерской средѣ, имѣетъ также сильную поддержку въ лицѣ политическаго блока, власть его можно считать упрочившеюся. По личнымъ моимъ впечатлѣніямъ, вынесеннымъ отъ посѣщенія Омска съ 5 по 21 января 1919 г., Верховный Правитель и состоящій при немъ совѣтъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ П. В. Вологодскаго, дружно работаютъ въ направленіи возстановленія нормальной государственной жизни и продолженія вооруженной борьбы съ московскимъ комиссародержавіемъ; къ сожалѣнію ресурсы правительства А. В. Колчака, какъ въ отношеніи людского матеріала, такъ главнымъ образомъ финансовыхъ средствъ **, не соотвѣтствуютъ широтѣ задачъ, которыя властно выдвигаются моментомъ; нѣкоторая помощь, но только по снабженію войскъ, оказывается союзными державами, изъ коихъ отношеніе Англіи и Франціи къ новой власти можно считать благожелательнымъ, остальныхъ — сдержаннымъ.

---

* См. стр. 251 и приложенія №№ 14—17.

** Захваченный въ Казани золотой запасъ, цѣнностью около 700 000 000 рублей зол., своевременно вывезенный въ Омскъ, оказалъ въ этомъ отношеніи значительную помощь

Внутри страны мѣропріятія правительственной власти по прежнему не встрѣчаютъ препятствій, за исключеніемъ небольшого раіона по обѣ стороны желѣзной дороги между Красноярскомъ и Канскомъ, гдѣ въ разстояніи 50—100 верстъ отъ дороги, въ труднодоступной таежной мѣстности имѣется нѣсколько большевицкихъ гнѣздъ, продолжающихъ оказывать вооруженное сопротивленіе.

Огромное вліяніе на хозяйственную жизнь Сибири ожидается отъ установившагося съ января с. г. новаго порядка въ управленіи желѣзными дорогами, которыя, по соглашенію съ союзными державами, всѣ (включая и Кит. В. ж. д.) поступили въ распоряженіе особаго междусоюзнаго комитета подъ предсѣдательствомъ министра путей сообщенія Устругова, въ составѣ представителей Англіи, Франціи, Японіи и Соединенныхъ Штатовъ Америки, по одному отъ каждой державы; техническая эксплоатація ввѣряется управленію американскихъ инженеровъ съ г. Стивенсомъ во главѣ. Ближайшимъ результатомъ новаго порядка долженъ явиться притокъ изъ Америки заготовленнаго тамъ въ большомъ количествѣ для нашихъ дорогъ подвижного состава, главнымъ образомъ паровозовъ, а также необходимыхъ станковъ и матеріаловъ, для возстановленія работы полнымъ ходомъ ж.-д. мастерскихъ; ожидается также увеличеніе производительности личнаго труда, подъ вліяніемъ мѣръ понужденія въ отношеніи сильно распустившейся морально массы низшихъ служащихъ и рабочихъ. Разсчитываютъ, что въ результатѣ вновь устанавливаемаго порядка уже по прошествіи немногихъ мѣсяцевъ сильно пониженная провозоспособность сибирскихъ желѣзныхъ дорогъ поднимется до нормъ, отвѣчающихъ потребностямъ товарообмѣна и нуждамъ сражающейся на фронтѣ арміи.

Вооруженныя силы.

Послѣдняя, насчитывающая въ своихъ рядахъ свыше 100 тысячъ бойцовъ и располагающая резервами, которые въ концу мая могутъ довести ее до 150 тысячъ*, состояла къ февралю с. г., не считая мелкихъ группировокъ, изъ трехъ частныхъ армій: «Сибирской» генерала Гайды, «Западной» генерала Ханжина и «Юго-Западной» генерала Дутова, изъ коихъ первая оперировала отъ Екатеринбурга на Пермь и Вятку, а вторая и третья соотвѣтственно отъ Челябинска и Оренбурга на Самару. Дѣйствія Сибирской арміи были удачны и увѣнчались взятіемъ въ декабрѣ г. Перми съ нанесеніемъ краснымъ сильнаго пораженія; Западная армія сформировалась послѣ потери, въ концѣ декабря, г. Уфы и къ февралю занимала выжидательное положеніе на фронтѣ верстъ 60 восточнѣе Уфы; Юго-Западная, понеся рядъ неудачъ, къ концу января потеряла Оренбургъ, лишившись такимъ образомъ своей операціонной базы, съ предоставленіемъ противнику возможности возстановить давно утраченную связь съ Ташкентомъ, въ то время какъ мы потеряли только что налаженную связь съ Добровольческой Арміей черезъ Уральскъ и Гурьевъ. Повидимому, подобную же неудачу испытала и крайняя лѣвофланговая группа общаго стратегическаго фронта въ раіонѣ г. Уральска, но точныхъ свѣдѣній объ этомъ во Владивостокѣ къ началу февраля не было получено. Кромѣ главнаго, такъ называемаго Западнаго, фронта, есть еще второстепенный, обращенный на югъ въ сторону Семирѣчья; здѣсь, имѣя базой Семипалатинскъ, дѣйствуетъ съ перемѣннымъ успѣхомъ 2-й Степной Корпусъ слабаго состава и небольшіе отдѣльные отряды.

Всѣ дѣйствующія арміи и отдѣльныя группы подчиняются Верховному Главнокомандующему, адмиралу Колчаку, замѣнившему въ этой должности, одновременно съ переворотомъ 18 ноября, удалившагося отъ дѣлъ ген. Болдырева; штабъ Верховнаго Главнокомандующаго, начальникомъ котораго съ того же времени состоитъ генералъ-маіоръ Лебедевъ (бывшій начальникъ военно-гражданскаго управленія въ Ростовѣ на Дону), расположенъ въ Омскѣ. Въ должности военнаго министра, адмирала Колчака, вскорѣ послѣ переворота, смѣнилъ генералъ-маіоръ Н. А. Степановъ.

Свѣдѣнія, собранныя относительно дисциплины, настроенія и боевой годности войскъ, сражающихся на фронтѣ, были вообще вполнѣ удовлетворительны; многія

* Развить ее до большей численности препятствуетъ не столько финансовое положеніе, сколько нежеланіе включать въ армію старшіе возрастные классы населенія, развращенные службою въ войскахъ въ революціонное время.

части, особенно Сибирской арміи, проявили даже блестящія боевыя качества, ставящія ихъ въ уровень съ лучшими полками прежней императорской арміи. Много слабѣе оказались вступившіе въ составъ общаго фронта полки бывшей Народной арміи, постепенно ликвидируемые; равнымъ образомъ казачьи части нерѣдко оказывались не на высотѣ предъявляемыхъ имъ боевыхъ задачъ. Изъ инородческихъ частей хорошую репутацію на фронтѣ пріобрѣли башкирскіе полки.

Игравшіе еще не такъ давно преобладающую и, кстати сказать, не всегда полезную для общихъ интересовъ роль на западномъ фронтѣ, организованныя на началахъ «революціонной» дисциплины, чехо-словацкія войска, понеся большія потери въ первыхъ бояхъ, а также за счетъ слишкомъ расточительнаго комплектованія различныхъ тыловыхъ учрежденій, къ концу января с. г. окончательно разложились, отказываясь отъ участія въ бояхъ, почему уведены съ фронта въ глубокій тылъ. Здѣсь эти баловни союзнаго командованія, роскошно, до мелочей, обставленные въ отношеніи удовлетворенія всѣхъ матеріальныхъ потребностей, должны были нести необременительную гарнизонную и т. п. службу.

Въ то же время положеніе нашей арміи на фронтѣ въ отношеніи снабженія къ началу 1919 года продолжало оставаться въ крайне неудовлетворительномъ положеніи. Недостатокъ матеріальной части артиллеріи имѣлъ въ результатѣ состояніе ея при войскахъ въ количествѣ не болѣе $^1/_5$ даже тѣхъ нормъ, которыя были приняты до войны 1914 года. Отсутствіе достаточнаго количества теплой одежды приводило къ большимъ потерямъ больными и обмороженными. Недостатокъ ручного оружія сильно ощущался въ запасныхъ и тыловыхъ частяхъ.

Предположенія относительно дальнѣйшихъ дѣйствій, насколько удалось выяснить до паденія Оренбурга, заключались въ слѣдующемъ: въ теченіе зимняго періода, исправивъ, насколько возможно, недочеты въ организаціи и снабженіи войскъ, подготовить для дѣйствующихъ армій подкрѣпленія, которыя влить въ нихъ къ концу мая, усиливъ главнымъ образомъ южную часть западнаго фронта, съ цѣлью перехода въ рѣшительное наступленіе на участокъ средняго Поволжья Самара—Саратовъ*.

Для облегченія предполагаемой переброски войскъ въ раіонъ Оренбурга и Уральска производились спѣшныя работы по окончанію жел. дороги Троицкъ—Орскъ—Оренбургъ и по оборудованію этапныхъ линій.

Послѣдовали-ли въ этомъ планѣ, съ паденіемъ Оренбурга, какія либо частныя измѣненія, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ, по личному заявленію мнѣ Верховнаго Главнокомандующаго, сдѣланному въ январѣ с. г., когда положеніе Оренбурга уже внушало серьезныя опасенія, главной стратегической задачей остается во всякомъ случаѣ утвержденіе въ среднемъ Поволжьи, съ установленіемъ тамъ непосредственнаго соприкосновенія съ Добровольческой Арміей. Отъ послѣдней ожидается, что она сосредоточитъ свои усилія въ направленіи Камышина и Царицына.

Силы противника.

Силы противника, развернутыя противъ армій западнаго фронта, опредѣляются въ 200—250 тыс. бойцовъ, снабженныхъ многочисленной артиллеріей. Руководство операціями красной арміи за послѣдніе мѣсяцы, повидимому, отъ бывшихъ самоучекъ-товарищей перешло въ руки опытныхъ спеціалистовъ, въ числѣ коихъ называютъ имена, пользовавшіяся извѣстностью въ нашемъ прежнемъ генеральномъ штабѣ. Независимо такого улучшенія въ отношеніи руководства операціями, красная армія, насчитывающая въ своемъ составѣ не мало доброкачественныхъ инородческихъ элементовъ, со времени лѣтней кампаніи сдѣлала немаловажные успѣхи въ смыслѣ упорядоченія организаціи, поднятія дисциплины и снабженія удовлетворительнымъ составомъ младшихъ начальниковъ изъ числа бывшихъ офицеровъ, повидимому уже не отказывающихся въ массѣ служить у большевиковъ.

---

* Впослѣдствіи выяснилось, что переходъ въ наступленіе состоялся значительно раньше, очевидно, до окончанія намѣченныхъ организаціонныхъ мѣропріятій. Объ этомъ я узналъ изъ газетъ въ порту Коломбо, на пути между Владивостокомъ и Европой.

Виды на будущее.

При этихъ условіяхъ и принимая во вниманіе, что сила большевицкаго владычества опирается на ресурсы сплошного стомилліоннаго населенія центральной Россіи, въ то время какъ противники совѣтской власти оперируютъ на слабонаселенныхъ окраинахъ, имѣя преимущество только въ обиліи средствъ продовольствія и сравнительной свободѣ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, — приходится придти къ заключенію, что борьба можетъ принять упорный и затяжной характеръ, если не произойдетъ внутри Россіи какихъ нибудь неожиданныхъ событій, которыя приведутъ къ самовзрыву предпріятія Ленина и Троцкаго, или къ окончательному изсякновенію у нихъ средствъ для питанія населенія и арміи (признаковъ чего пока еще не наблюдается), или, наконецъ, если, противъ ожиданія, не послѣдуетъ со стороны союзниковъ дѣйствительно реальная помощь въ борьбѣ противъ большевизма, вмѣсто системы осторожныхъ и незначительныхъ подачекъ, которую они практиковали до сихъ поръ.

Союзники въ Сибири.

Нѣкоторую, хотя слабую, надежду, скорѣе намекъ, въ послѣднемъ отношеніи даетъ состоявшееся въ январѣ с. г. въ Омскѣ между адмираломъ Колчакомъ и французскимъ генераломъ Жанненомъ соглашеніе, по которому послѣдній, оставаясь главнымъ начальникомъ всѣхъ союзныхъ вооруженныхъ силъ, находящихся въ Сибири, принялъ на себя обязанности помощника россійскаго Верховнаго Главнокомандующаго по командованію иностранными контингентами, имѣя въ качествѣ органа управленія особый штабъ смѣшаннаго состава, дѣйствующій въ непосредственномъ контактѣ со штабомъ Верховнаго Главнокомандующаго. Но возможно также допустить, что подъ вліяніемъ опредѣленныхъ директивъ союзныхъ правительствъ, повидимому, вполнѣ подпавшихъ вліянію ультрадемократическихъ теченій въ своихъ странахъ, этотъ шагъ, продиктованный, можетъ быть, личными побужденіями союзнаго генерала и его ближайшихъ сотрудниковъ, обратится въ простую административную мѣру, лишенную оперативнаго содержанія.

Во всякомъ случаѣ въ отношеніи заграничнаго снабженія нашей арміи, находящагося въ Сибири въ рукахъ англійскаго генерала Нокса, можно ожидать въ ближайшемъ будущемъ нѣкотораго улучшенія, т. к. увеличившееся нынѣ количество тоннажа въ Тихомъ океанѣ, въ связи съ ожидаемымъ повышеніемъ провозоспособности Сибирской магистрали, дадутъ, вѣроятно, возможность доставить нашей арміи запасы обмундированія и другихъ предметовъ снабженія, которые англійскимъ правительствомъ сосредоточены въ тихоокеанскихъ портахъ Канады. Въ отношеніи ручного оружія ожидается поступленіе въ скоромъ времени значительнаго количества трехлинейныхъ винтовокъ съ патронами, изготовленныхъ въ Америкѣ по прежнимъ заказамъ.

Относительно численности союзныхъ войскъ въ Сибири вполнѣ точныхъ свѣдѣній нѣтъ; извѣстно только, что японцами были выставлены три дивизіи (3-я, 7-я и 12-я), но часть окупаціонной арміи подлежала обратной перевозкѣ въ Японію; главную массу своихъ войскъ японцы держатъ въ дальне-восточныхъ областяхъ и въ полосѣ отчужденія Кит. Вост. ж. д.; но японскія военныя миссіи, представленныя многочисленными офицерами генеральнаго штаба, имѣются во всѣхъ большихъ центрахъ Сибири. Вторыми по численности послѣ японскихъ войскъ являются американскія, насчитывающія до 7 тысячъ человѣкъ; у американцевъ наблюдается тенденція къ совмѣстному квартированію съ японцами. Стремленіе на западъ обнаруживаютъ только англичане, которые, нѣсколько уступая въ числѣ американцамъ, въ составѣ преимущественно канадскихъ войскъ, проникли до Омска и даже Челябинска включительно.

Кромѣ трехъ перечисленныхъ главныхъ контингентовъ, осуществляющихъ союзническую интервенцію, имѣются слабыя части французской колоніальной пѣхоты (преимущественно аннамиты) и небольшое количество итальянскихъ войскъ.

Положеніе на Д. В.

Ко времени моего отъѣзда изъ Владивостока положеніе на Дальнемъ Востокѣ внушало нѣкоторыя опасенія ввиду непрекращающихся происковъ Японіи, направленныхъ къ поддержанію нашихъ дальневосточныхъ областей въ состояніи безвластія, облегчающаго проведеніе названной державой выгодныхъ ей мѣропріятій политическаго и экономическаго характера.

По мнѣнію Верховнаго Правителя адмирала Колчака, лично имъ мнѣ высказанному, положеніе это едва ли обѣщаетъ улучшеніе въ ближайшемъ будущемъ, такъ какъ другіе союзники, не располагая на Д. В. реальной силой, которая могла бы сколько нибудь уравновѣсить огромные ресурсы Японіи, будутъ, даже при желаніи помочь намъ, лишены возможности сдѣлать что нибудь большее, чѣмъ безплодное дипломатическое воздѣйствіе; въ частности, Англія, повидимому, изъ всѣхъ державъ наиболѣе доброжелательно къ намъ настроенная, однако, едва-ли будетъ склонна изъ за насъ вступать въ серьезный конфликтъ съ Японіей, — своей естественной союзницей въ назрѣваемомъ міровомъ соперничествѣ между нею и Соединенными Штатами.

Въ бесѣдѣ на ту же тему въ Токіо съ хорошо освѣдомленнымъ лицомъ, которое я посѣтилъ проѣздомъ черезъ Японію, мой собесѣдникъ, какъ и А. В. Колчакъ, высказался о нашемъ положеніи на Д. В. довольно пессимистически, говоря, что политика японскаго правительства внушаетъ ему основательныя сомнѣнія въ ея искренности, несмотря на всѣ увѣренія въ дружбѣ и безкорыстіи и такія, принимаемыя для нашего успокоенія мѣры, какъ, напримѣръ, отозваніе изъ Сибири нѣкоторыхъ черезчуръ ретивыхъ агентовъ, вродѣ генерала Накажима, истиннаго злого генія Россіи на Д. В.

Возвращеніе въ Европейскую Россію.

Въ началѣ текущаго года возстановилось морское сообщеніе между Владивостокомъ и Европой; считая свою задачу въ Сибири временно законченной*, я рѣшилъ воспользоваться вновь открывшимся путемъ для возвращенія въ Европейскую Россію, — съ цѣлью представленія отчета по командировкѣ, въ которую былъ посланъ около года тому назадъ. Получивъ по постановленію Совѣта Министровъ отъ 14 января необходимыя на проѣздъ средства, я, съ разрѣшенія генерала Хорвата, отплылъ 10 февраля въ Европу.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 1.

НАКАЗЪ ДЕЛЕГАЦІИ ВЪ СИБИРЬ.

Секретно.

I. Завязать сношенія съ Краевымъ правительствомъ. Выяснить его составъ и направленіе. При возможности войти съ нимъ въ соглашеніе по вопросу о формированіи добровольческихъ частей и взаимной поддержкѣ.

II. Широко развить пропаганду идей добровольческой арміи путемъ соглашенія съ мѣстными органами печати и изданія отдѣльныхъ брошюръ и листковъ.

III. При посредствѣ Краевого правительства или путемъ частнаго соглашенія съ желѣзнодорожной администраціей въ первую очередь организовать охрану желѣзной дороги.

IV. Учесть всѣ имѣющіеся запасы продовольствія и, при возможности, сосредоточивать ихъ въ близкихъ къ желѣзной дорогѣ пунктахъ, дабы въ любой моментъ можно было бы вывезти ихъ въ направленіи по указанію штаба.

V. По возможности объединить работу всѣхъ организацій, по цѣли своей сходныхъ съ нашей цѣлью, какъ въ центрѣ, такъ и путемъ разсылки своихъ агентовъ во всѣ наиболѣе важные пункты Сибири.

VI. На мѣстахъ желательно проведеніе въ жизнь прилагаемой при семъ инструкціи.

VII. При наличіи правительства, по составу своему могущаго не только разрѣшить работу делегаціи, но и желающаго помочь ей, всѣ мѣропріятія проводить черезъ его посредство, всячески поддерживая краевую власть, а при возможности заключить съ ней договоръ для совмѣстныхъ дѣйствій по возсозданію Россіи.

VIII. При правительствѣ равнодушномъ или враждебномъ намъ, ту же работу производить тайно, путемъ организаціи цѣлаго ряда ячеекъ во многихъ пунктахъ, объединяя ихъ общимъ руководствомъ.

---

* См. стр. 277.

IX. Возможно чаще и подробнѣе информировать штабъ, какъ о мѣропріятіяхъ краевого правительства, такъ и по прилагаемому къ сему перечню наиболѣе важныхъ свѣдѣній.

X. По возможности установить непосредственныя связи съ сосѣдними съ Сибирью городами для информаціи ихъ и полученія необходимыхъ свѣдѣній.

XI. Обезпеченіе безпрепятственнаго сквознаго пути по жел. дорожной линіи Владивостокъ—Омскъ и далѣе на Челябинскъ и Екатеринбургъ.

(безъ подписи.)

ПРИЛОЖЕНІЕ № 2.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ГЕН. КОРНИЛОВА.

Преступное легкомысліе, либо сознательное предательство людей, вознесенныхъ къ власти стихійной революціонной волной, привело страну въ состояніе полной дезорганизаціи и анархіи. То что предсказывалъ ген. Корниловъ въ первые дни освободительнаго движенія, съ чѣмъ онъ рыцарски боролся, какъ горячій русскій патріотъ, наконецъ совершилось: — Россія оказалась въ рукахъ политическихъ авантюристовъ, дѣлающихъ подъ флагомъ соціальной революціи — велико-германское дѣло разрушенія боевой мощи страны. Играя съ одной стороны на низменныхъ инстинктахъ темныхъ народныхъ массъ, съ другой — на моральной и физической усталости широкихъ слоевъ русскаго общества, вызванной тяжелой четырехлѣтней войной, такъ называемый «Совѣтъ народныхъ комиссаровъ» — утвердилъ у насъ деспотическую диктатуру черни, несущую гибель всѣмъ культурно-историческимъ завоеваніямъ страны.

Печальный опытъ революціи показалъ полную несостоятельность власти, созданной представителями различныхъ нынѣшнихъ политическихъ партій, слишкомъ связанныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ мертвою буквой программы. Какъ въ рядахъ партійной демократіи, взявшей на себя иниціативу управленія страной, такъ и въ противоположномъ лагерѣ, вслѣдствіе этого не могло быть достаточной увѣренности и твердости въ опредѣленіи своей линіи поведенія. Въ результатѣ пожаръ анархіи, вспыхнувшій въ центрахъ и перекинувшійся въ армію и на окраины, неизбѣжно сметалъ всѣ политическія комбинаціи, выдвигаемыя сторонами и привелъ наконецъ къ господству германо-большевизма. Поэтому ген. Корниловъ, вступая снова на арену политической борьбы, во имя спасенія Россіи и чести націи, ставитъ своей ближайшей задачей сокрушеніе большевистскаго самодержавія и замѣну его такимъ образомъ правленія, который обезпечивалъ бы въ странѣ порядокъ, возстановилъ бы попранныя права гражданства и, закрѣпивъ цѣлесообразныя завоеванія революціи, вывелъ бы Россію на свѣтлый путь свободы и прочнаго почетнаго мира, столь необходимаго для культурно-экономическаго прогресса государства.

Такой образъ правленія ген. Корниловъ видитъ въ созданіи въ странѣ временной сильной верховной власти изъ государственно-мыслящихъ людей, для коихъ интересы родины стоятъ безспорно выше вопросовъ преуспѣянія ихъ партійной политики, и которые въ своихъ дѣйствіяхъ руководились бы исключительно искреннѣй любовью къ родинѣ и горячимъ самоотверженнымъ стремленіемъ спасти ее отъ неизбѣжной гибели. Низвергнувъ гибельную диктатуру черни и оперевшись на всѣ здоровые національно-демократическіе элементы народа, эта власть должна прежде всего всѣ свои усилія направить къ подавленію анархіи и возрожденію арміи, и урегулированію транспорта, и поднятію производительныхъ силъ страны.

Общія основы Корниловской программы таковы.

1. Возстановленіе правъ гражданина: всѣ граждане Россіи равны передъ закономъ, безъ различія пола и національности; уничтоженіе классовыхъ привилегій, сохраненіе неприкосновенности личности и жилища, свобода передвиженій, мѣстожительства и проч.

2. Возстановленіе въ полномъ объемѣ свободы слова и печати.
3. Возстановленіе свободы промышленности и торговли, отмѣна націонализаціи частныхъ финансовыхъ предпріятій.
4. Возстановленіе права собственности.
5. Возстановленіе русской арміи на началахъ подлинной военной дисциплины. Армія должна формироваться на добровольческихъ началахъ, (по принципу англійской арміи) безъ комитетовъ, комисаровъ и выборныхъ должностей.
6. Полное исполненіе всѣхъ принятыхъ Россіей союзныхъ обязательствъ международныхъ договоровъ. Война должна бывъ доведена до конца въ тѣсномъ единеніи съ нашими союзниками. Миръ долженъ быть заключенъ всеобщій и почетный, на демократическихъ принципахъ, т. е. съ правомъ на самоопредѣленіе порабощенныхъ народовъ.
7. Въ Россіи вводится всеобщее обязательное начальное образованіе съ широкой мѣстной автономіей школы.
8. Сорванное большевиками Учредительное Собраніе должно быть созвано вновь. Выборы въ Учредительное Собраніе должны быть произведены свободно, безъ давленія на народную волю и во всей странѣ. Личность народныхъ избранниковъ священна и неприкосновенна.
9. Правительство, созданное по программѣ ген. Корнилова, отвѣтственно въ своихъ дѣйствіяхъ только передъ Учредительнымъ Собраніемъ, коему оно и передастъ всю полноту государственно-законодательной власти. Учредительное Собраніе, какъ единственный хозяинъ земли русской, должно выработать основные законы русской конституціи и окончательно сконструировать государственный строй.
10. Церковь должна получить полную автономію въ дѣлахъ религіи. Государственная опека надъ дѣлами религіи устраняется. Свобода вѣроисповѣданій осуществляется въ полной мѣрѣ.
11. Сложный аграрный вопросъ представляется на разрѣшеніе Учредительнаго Собранія. До разработки послѣднимъ въ окончательной формѣ земельнаго вопроса и изданія соотвѣтствующихъ законовъ, — всякаго рода захватно-анархическія дѣйствія гражданъ признаются недопустимыми.
12. Всѣ граждане равны передъ судомъ. Смертная казнь остается въ силѣ, но примѣняется только въ случаяхъ тягчайшихъ государственныхъ преступленій.
13. За рабочими сохраняются всѣ политико-экономическія завоеванія революціи въ области нормировки труда, свободы рабочихъ союзовъ, собраній и стачекъ, за исключеніемъ насильственной соціализаціи предпріятій и рабочаго контроля, ведущаго къ гибели отечественную промышленность.
14. Генералъ Корниловъ признаетъ за отдѣльными народностями, входящими въ составъ Россіи право на широкую мѣстную автономію, при условіи, однако, сохраненія государственнаго единства. Польша, Украина и Финляндія, образовавшіяся въ отдѣльныя національно-государственныя единицы, должны быть широко поддержаны правительствомъ Россіи въ ихъ стремленіяхъ къ государственному возрожденію, дабы этимъ еще болѣе спаять вѣчный и несокрушимый союзъ братскихъ народовъ.

Генералъ Корниловъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 3.

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Дано сіе N. въ томъ, что онъ командируется Штабомъ Добровольческой Арміи въ города Западной Сибири для организаціи на мѣстахъ и вербовки добровольцевъ въ Добровольческую Армію.

Что подписью съ приложеніемъ казенной печати удостовѣряется.

1 февраля 1918 г. За Начальника Штаба
г. Ростовъ на Д. № 162. Генералъ-Маіоръ Романовскій.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 4.

Командующій войсками
Пріамурскаго
Военнаго Округа
7 февраля 1919 г.

Верховному Главнокомандующему
Южной Арміей, Генералу Деникину.

No. 250.

N. прибылъ въ Западную Сибирь съ порученіемъ отъ Генераловъ Алексѣева и Корнилова, весною 1918 года. Порученіе заключалось въ томъ, чтобы организовать и связать дѣйствовавшія противъ большевиковъ въ Сибири боевыя дружины. N. вдохновилъ всѣхъ насъ, составившихъ боевыя офицерскія и казачьи организаціи, какъ посланецъ Генераловъ Алексѣева и Корнилова. Въ результатѣ, получивъ полномочія отъ N., я объединилъ организаціи всей Степной Сибири. Въ концѣ мая и началѣ іюля нашими организаціями, частью самостоятельно, частью при совмѣстной работѣ съ чехо-словаками, была свергнута большевистская власть: 1) по Сѣв. ж. д. Барабинскъ—Омскъ—Ишимъ 2) по Сибирской ж. д. Омскъ—Петропавловскъ Курганъ 3) по р. Иртышу—Тобольскъ—Тара—Омскъ—Павлодаръ—Семипалатинскъ—Устькаменногорскъ—Зайсанъ 4) въ Алтайской губ. — Барнаулъ—Бійскъ и 5) въ Семирѣчьи—вся сѣверная часть, т. е. Лепсинскій уѣздъ и сѣверная часть Копальскаго. Затѣмъ дивизія изъ офицерскихъ полковъ силою не болѣе 1100 штыковъ при 12 орудіяхъ и при поддержкѣ не болѣе 1500 штыковъ чехо-словаковъ, развивая смѣлыя до дерзости операціи, овладѣли городами: Ялуторовскъ, Тюмень и Ирбитъ. Нынѣ Сибиркія ячейки послужили для формированія частей Сибирской Арміи въ составѣ 5 корпусовъ съ соотвѣтствующей артиллеріей, изъ коихъ всѣ состоятъ изъ 8-ми стрѣлковыхъ полковъ, а 2 сверхъ того имѣютъ еще и по 1-ой кадровой бригадѣ, 2-хъ сформированныхъ отдѣльныхъ стрѣлковыхъ дивизій, 2-хъ казачьихъ дивизій, 4-хъ казачьихъ полковъ и 9 сотенъ, сведенныхъ въ 3 дивизіона. Кромѣ того формируется стрѣлковая дивизія, казачья бригада, артиллерійскія и инженерныя части на Дальнемъ Востокѣ. Въ составѣ дѣйствующихъ корпусовъ сформированы техническія и спеціальныя части. Ощущается недостатокъ обмундированія, снаряженія вооруженія и денежныхъ средствъ.

Подл. подп. Генералъ-Маіоръ Ивановъ-Риновъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 5.

Телеграмма.

Новониколаевскъ Полковнику Гришину-Алмазову.

На дальномъ Востокѣ Генералъ Хорватъ образовалъ на русской территоріи государственную власть, въ составъ которой вошли объединившіеся на дѣловой безпартійной программѣ общественные дѣятели Сибири и Европейской Россіи, томъ числѣ и возглавляемая мною миссія. Въ составъ правительства будутъ привлечены и другіе пользующіеся довѣріемъ населенія лица, по мѣрѣ освобожденія Русской территоріи отъ большевиковъ. Сформировавшаяся власть прежде всего озабочена возсозданіемъ былой мощи страны на основахъ строгой дисциплины и непричастности арміи къ политикѣ.

Боевыя организаціи Сибири должны послужить кадромъ для дальнѣйшихъ формированій. Ознакомившись съ Вами при нашемъ свиданіи въ Томскѣ, я убѣжденъ, что оставаясь вѣрнымъ идеѣ спасенія родины отъ анархіи, Вы попрежнему будете ставить благо родины выше интересовъ партійной политики и посвятите свои силы общему дѣлу возсозданія арміи.

Ожидаю Вашего сотрудничества и прошу незамедлительнаго отвѣта.

Харбинъ 13 іюля. N.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 6.

Телеграмма.

Омскъ Полковнику Иванову.

На дальнемъ Востокѣ Генералъ Хорватъ образовалъ на русской территоріи государственную власть, въ составъ которой вошли объединившіеся на дѣловой безпартійной программѣ общественные дѣятели Сибири и Европейской Россіи томъ числѣ и возглавляемая мною миссія. Въ составъ правительства будутъ привлечены и другіе пользующіеся довѣріемъ населенія лица, по мѣрѣ освобожденія Русской территоріи отъ большевиковъ. Сформировавшаяся власть прежде всего озабочена возсозданіемъ былой мощи страны на основахъ строгой дисциплины и непричастности арміи къ политикѣ. Боевыя организаціи Сибири должны послужить кадромъ для дальнѣйшихъ формированій.

Ожидаю Вашего сотрудничества и прошу незамедлительнаго отвѣта.

Харбинъ 13 іюля. N.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 7.

Телеграмма.

Иркутскъ для передачи Ѣ.

Сформировалось безпартійное правительство генерала Хорвата, которое вошла и возглавляемая мною миссія. Объявившись на русской территоріи правительство приступило возсозданію боевыхъ силъ, составъ коихъ имѣютъ войти и организованные Сибири боевые отряды. Для нуждъ Иркутской организаціи случаѣ сохраненія ею своей безпартійной позиціи переводятся пятьдесятъ тысячъ рублей отправка коихъ до сего времени тормазилась неопредѣленностью обстановки Сибири послѣ выступленія чехословаковъ телеграфируйте Харбинъ положеніе дѣлъ.

Пограничная 11 іюля 1918 года. N.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 8.

Телеграмма Консула въ Чугучакѣ въ Россійскую Миссію въ Пекинѣ

$^{16}/_{29}$ Августа 1918 года № 23

Командиръ Степного Корпуса Войсковой Атаманъ Сибирскаго войска Генералъ-Маіоръ Ивановъ проситъ Васъ передать N. слѣдующую телеграмму: горячо привѣтствуя Васъ безмѣрно радъ тому, что Вы избѣжали смертныхъ опасностей на пользу дорогой родины. Мы заняты формированіемъ арміи на началахъ строгой дисциплины и единства воли командованія. Казачьи и добровольческіе полки Западной Сибири и Урала успѣшно дерутся съ цѣлью овладѣть Камою отъ верха до Чистополя, Волгою отъ Казани до Хвалынска и отъ Царицына до Астрахани.

Съ нетерпѣніемъ ждемъ паденія Читы послѣ того какъ войска овладѣли Байкаломъ, сохранивъ тоннели. Горячо вѣримъ въ близкій часъ соединенія съ Вами. Въ Челябинскѣ собралось Государственное совѣщаніе для конструированія Россійской власти. Отсрочка угрожаетъ гибелью, вынуждая немедленно къ созданію органа верховнаго государственнаго управленія.

No. 370 Генералъ-Маіоръ Ивановъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 9.

Телеграмма Россійскаго Посланника въ Пекинѣ на имя Чиновника по Дипломатической Части въ Приамурскомъ Краѣ отъ 5-го сентября 1918 г. № 780.

Передайте N. слѣдующую телеграмму Генерала Гришина-Алмазова, полученную чрезъ Кобдо 22 августа 17 часовъ въ Ургѣ, переданной послѣдней сюда: «Я и ввѣрен-

ныя мнѣ войска Сибирской Арміи всегда готовы служить дѣлу возрожденія Россіи. Не сомнѣваюсь, что Сибирское Временное Правительство, находящееся въ настоящее время въ Омскѣ, объединяющее всю Сибирь и часть Европейской Россіи съ Туркестаномъ отъ Екатеринбурга до Верхнеудинска включительно, встрѣтится дружелюбно Генераломъ Хорватомъ съ тѣмъ чтобы придти къ общему согласію на благо нашей родины. Ввѣренная мнѣ Сибирская Армія съ объявленіемъ призыва 1919 и 1920 годовъ переходитъ отъ добровольческой къ постоянной. Организація и дисциплина Сибирской Арміи проведены безъ всякихъ уклоненій отъ принциповъ, диктуемыхъ непреложными выводами военной науки. Наша Правительственная Армія внѣпартійна, она совершенно неполитична, нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ комитетчины, ни комисарства, начальники обладаютъ полнотой власти, въ томъ числѣ дисциплинарной. Привѣтствую Васъ и войска Дальняго Востока отъ имени моего и ввѣренной мнѣ Сибирской Арміи. Да поможетъ намъ Богъ соединиться возможно скорѣе и идти продолжать великое дѣло возсозданія единой и нераздѣльной Россіи.

Кудашевъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 10.

Записка ген. Ноксу, для передачи
по телеграфу Ген. Корнилову.

N и А. исполняя возложенное порученіе въ Сибири и достигнувъ благопріятныхъ результатовъ въ концѣ іюня прибыли Дальній Востокъ гдѣ согласно даннаго наказа вступили контактъ съ правительствомъ Хорвата какъ преслѣдующимъ однородныя задачи временно войдя въ составъ его. Изъ Сибири посылались донесенія, на которыя отвѣта не послѣдовало. Испрашиваютъ указаній относительно дальнѣйшаго направленія дѣятельности

ПРИЛОЖЕНІЕ № 11.

УФА ГЕНЕРАЛУ АЛЕКСѢЕВУ.

Освѣдомившись Вашемъ прибытіи Уфу и не имѣя увѣренности что посланныя донесенія достигли назначенія представляю нижеслѣдующій краткій очеркъ дѣятельности делегаціи въ Сибирь главѣ которой я былъ поставленъ Вами. Изъ Новочеркасска выѣхалъ 10 марта нов. стиля вмѣстѣ начальникомъ политическаго отдѣла А. и двумя служащими. Вслѣдствіе неприбытія Самару назначеннаго мое распоряженіе но слѣдовавшаго отдѣльно Х. который штабомъ былъ снабженъ явками а также неразысканіе несмотря на тщательные поиски представителя штаба въ Самарѣ Г. завязать сношенія теченіи шестидневнаго пребыванія не удалось. Не считая возможнымъ далѣе задерживаться ради второстепенной задачи выѣхалъ Омскъ куда прибылъ 29 марта здѣсь получилъ свѣдѣнія что Х. арестованъ большевиками Москвѣ. Омскѣ пробылъ до 27 апрѣля оттуда было послано нарочнымъ подробное донесеніе. Работа Омскѣ была затруднена тѣмъ что благодаря нескромности одного изъ лицъ которому имѣлъ рекомендацію мое инкогнито стало достояніемъ гласности что заставило до крайности усилить конспиративность ущербъ производительности работы однако удалось установить контактъ политическими группами сооргапизовать взаимодѣйствіе ихъ съ боевыми отрядами Омска Петропавловска объединить ихъ на общей безпартійной программѣ обезпечить притокъ средствъ торгово-промышленныхъ круговъ поставить главѣ объединенныхъ военныхъ организацій опытнаго начальника послѣ переворота получившаго высокій постъ составѣ сибирской военной администраціи. Дальнѣйшая работа намѣчалась Иркутскѣ дорогой делегація останавливалась три дня Томскѣ гдѣ былъ установленъ контактъ потанинскимъ кружкомъ и даны общія директивы для согласованія работы военныхъ организацій. Пребываніе Иркутскѣ

продолжалось 4 по 25 мая оттуда послано два донесенія работа велась томъ направленіи какъ Омскѣ дала хорошіе результаты смыслѣ согласованія разрозненныхъ усилій различныхъ группъ признанія военными принципа безпартійности и замѣны коллективнаго начала командованія единоличнымъ въ лицѣ боевого начальника который послѣ переворота остался Иркутскѣ высокомъ отвѣтственномъ посту. Однако вопросъ финансированія боевыхъ отрядовъ Иркутскѣ рѣшился менѣе благопріятно вслѣдствіе разгона крупныхъ торговопромышленныхъ дѣятелей и отсутствія у самой делегаціи достаточныхъ денежныхъ средствъ. Для выполненія задачи указанной Наказомъ о поискѣ и вступленіи контактъ краевымъ правительствомъ предстояло выѣхать далѣе востокъ такъ какъ избранная январѣ областной думой Томскѣ группа лицъ именовавшихъ себя сибирскимъ правительствомъ по полученнымъ свѣдѣніямъ организовывалась Харбинѣ. Крайнія строгости установленныя совдепами для контроля лицъ слѣдующихъ изъ Иркутска дальній востокъ заставили принять особыя мѣры предосторожности смыслѣ тщательнаго пересмотра багажа и взятой собой литературы причемъ послѣдней пришлось значительной мѣрѣ пожертвовать. Невозможность проникнуть черезъ боевые фронты раіонѣ станціи Маньчжурія принудили избрать кружный маршрутъ Срѣтенскъ Благовѣщенскъ Хабаровскъ. Благовѣщенскѣ остановились двое сутокъ знакомясь обстановкой на мѣстѣ и китайскомъ Сахалянѣ. Изъ Никольска Уссурійскаго виду закрытія пути на Пограничную делегація направилась Владивостокъ гдѣ пробыла 11 до 18 Іюня здѣсь получены свѣдѣнія подтвердившія имѣвшіяся уже данныя о безпочвенности и недѣеспособности дальневосточной группы сибирскаго правительства. Совпавшія прибытіемъ делегаціи строгія репрессіи совдепа отношеніи главныхъ дѣятелей мѣстныхъ военныхъ организацій связи особыми условіями Владивостока гдѣ меня могли узнать и выдать многія лица которыми я соприкасался раньше живя на Дальнемъ Востокѣ диктовали поведеніи здѣсь большую осторожность почему работа ограничилась информированіемъ у небольшого круга надежныхъ знакомыхъ а выѣздъ морскимъ путемъ произведенъ тайно при содѣйствіи одного изъ иностранныхъ консуловъ. Прослѣдовавъ черезъ Гензанъ Сеулъ Мукденъ прибыли 25 іюля Харбинъ гдѣ будучи поставлены необходимость временно прекратить работу делегаціи я и А. предложенію Хорвата согласились принять назначеніе въ формировавшееся имъ правительство которое по программѣ и задачамъ являлось почти тождественнымъ съ возглавляемой Вами организаціей въ то время какъ дальневосточное сибирское правительство не являло никакихъ гарантій плодотворной работы въ направленіи возстановленія боевой мощи Россіи. Вступленіе составъ правительства Хорвата было обусловлено полученіемъ какъ только откроется телеграфная связь Вашего согласія по поводу чего и испрашиваю указаній. Въ заключеніе считаю необходимымъ донести выдающихся заслугахъ по дѣятельности составѣ делегаціи моего ближайшаго сотрудника А. на долю котораго выпала главная тяжесть военно-политической работы въ западной и центральной Сибири связанная съ необходимостью напряженнѣйшаго труда и ежечасной опасностью которая усугублялась тѣмъ что онъ проживалъ подъ настоящей фамиліей и какъ служившій ранѣе Сибири почти вездѣ рисковалъ быть узнаннымъ почему ходатайствую о разрѣшеніи представить его наградѣ какъ за военное отличіе. Особыя условія въ которыхъ находилась делегація во время ея работы въ Сибири и крайне тягостныхъ передвиженій а также рядъ неблагопріятныхъ случайностей и отсутствіе возможности пополнить запасъ средствъ привели почти полному израсходованію отпущенныхъ денежныхъ авансовъ. Прошу если имѣются свѣдѣнія сообщить судьбѣ Новочеркасска

N.

28 сентября
1918 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 12.

Омскъ Штаверхъ Полковнику Генеральнаго Штаба Лебедеву

Освѣдомившись Вашемъ пріѣздѣ Сибирь сообщаю я и А. выполняя возложенное порученіе прибыли лѣтомъ Дальній Востокъ гдѣ пока остаемся ожиданіи указаній посланъ

цѣлый рядъ донесеній на которыя никакого отвѣта не получено послѣднее донесеніе было послано сентябрѣ телеграфомъ въ Уфу гдѣ предполагалъ Алексѣева узнавъ что его тамъ нѣтъ телеграфировалъ Розанову просьбу телеграмму переслать мѣсту нахожденія. Прошу телеграфировать имѣющіяся свѣдѣнія и если есть указанія для ввѣренной мнѣ делегаціи

10 ноября. 1918 г 146 N.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 13.

Записка ген. Парису для передачи по телеграфу.

N. проситъ передать генералу Алексѣеву или замѣстителю что исполняя порученіе N. A. прибыли Дальній Востокъ гдѣ остаются ожиданіи указаній. Изъ Сибири посланъ рядъ донесеній курьерами по открытіи сообщенія Уфой сентябрѣ послана подробная телеграмма для передачи Алексѣеву также телеграфировано кратко черезъ Лондонъ ни на одно донесеніе отвѣта не получено N. проситъ оказать матеріальную помощь его семьѣ сообщить ей что онъ Владивостокѣ благополучно.

13 ноября 1918 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 14.

Изъ Омска отъ 7 сентября 1918

Харбинъ N. мѣсту нахожденія.

Группа извѣстныхъ Вамъ лицъ горячо привѣтствуя Васъ Вашихъ спутниковъ долгомъ опасномъ тяжеломъ пути за Ваше единеніе генераломъ Хорватомъ и его сотрудниками мы выражаемъ твердую увѣренность часъ объединенія нашихъ силъ Вашими близокъ положеніе здѣсь доложитъ нашъ курьеръ прибытіе всѣхъ васъ Омскъ нашему убѣжденію усилитъ ускоритъ процесъ скрѣпленія элементовъ стоящихъ платформѣ Единая Россія

М Л.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 15.

Омскъ М.

Высоко цѣня помощь и поддержку оказанныя мнѣ Омскѣ при выполненіи порученія возложеннаго на меня и моихъ спутниковъ генераломъ Алексѣевымъ отъ лица Дѣлового Кабинета Генерала Хорвата себя лично благодарю Васъ и всѣхъ лицъ приславшихъ намъ привѣтствіе Взаимно надѣемся скорѣйшее объединеніе вокругъ единой твердой русской власти всѣхъ государственно мыслящихъ людей

66 N.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 16.

Телеграмма изъ Омска на имя N полученная въ Харбинѣ 28-го августа (10 сентября) черезъ дипломатическаго агента въ Монголіи.

Въ цѣляхъ правильнаго информированія Васъ о происходящихъ въ настоящее время въ Россіи и Сибири событіяхъ позволяемъ себѣ поставить Васъ въ извѣстность о томъ отношеніи, какое сейчасъ наблюдается въ разныхъ общественныхъ и политическихъ кругахъ въ Россіи и Сибири къ этимъ событіямъ.

Возникающія мѣстныя временныя правительства въ освобожденныхъ отъ большевиковъ областяхъ признаются всѣми, начиная отъ праваго соціалистическаго объединенія до монархистовъ включительно, какъ законныя, поскольку они руководствуются общегосударственными законами или законами издаваемыми ими самими, если эти законы вызваны неотложными мѣстными нуждами и не противорѣчатъ общегосударственнымъ и если эти правительства не имѣютъ въ себѣ препятствій къ организаціи обще-россійской власти.

Соціалистическія партіи, начиная отъ эс-эровскаго центра и влѣво къ оцѣнкѣ дѣятельности персональнаго состава временныхъ правительствъ подходятъ съ точки зрѣнія, поскольку эти правительства стремятся закрѣпить прежде всего завоеванія революціи въ странѣ, которую мыслятъ какъ федеративную республику; противоположное объединеніе, куда входятъ эс-эры (правые), народные соціалисты, Единство и далѣе вправо, оцѣниваютъ временныя правительства съ точки зрѣнія готовности во что бы то ни стало прежде всего, возсоздать государство, для чего считаютъ необходимымъ реальное вмѣшательство союзниковъ немедленно.

По вопросу объ образованіи Всероссійской государственной власти между этими различными объединеніями лежитъ глубокая пропасть.

Первую точку зрѣнія поддерживаетъ Самарскій комитетъ членовъ Учредительнаго Собранія, Сибирская областная дума и отчасти національныя, нынѣ появившіяся, правительства Киргизъ, Татаръ и Башкировъ, вторую — Сибирское Правительство и казачьи войска, которыя тоже возглавляются своими правительствами.

Бывшее въ Челябинскѣ 25-го августа вторичное совѣщаніе разныхъ правительствъ и партій, пытавшееся примирить эти два теченія, оказалось безрезультатнымъ; теперь оно перенесено въ Уфу на 1-ое сентября.

Можно съ увѣренностью утверждать, что и оно закончится такъ же безрезультатно и возможно даже формальнымъ разрывомъ, ибо Самарскій Комитетъ не мыслитъ будущее Всероссійское Правительство безъ контроля надъ нимъ осколковъ Учредительнаго Собранія прошлогодняго созыва; государственно мыслящіе элементы общества и партіи отъ народныхъ соціалистовъ и Единства вправо совершенно не признаютъ этого Учредительнаго Собранія и Сибирскую Думу и мыслятъ будущую власть только на принципахъ диктатуры — пока еще не выяснено, единоличной или коллективной; торгово-промышленный и домовладѣльческій съѣздъ Сибири и Урала также партія ка-де склонны къ единоличной.

Въ Сибирскую Думу цензовые элементы и партія ка-де постановили не идти и вообще ее не признаютъ.

Правительство Генерала Хорвата встрѣчаетъ единодушное одобреніе всѣхъ государственно мыслящихъ круговъ до праваго соціальнаго блока включительно.

Можно полагать, что Западно-Сибирское Правительство пойдетъ навстрѣчу генералу Хорвату.

Владивостокское Дерберовское правительство не встрѣчаетъ абсолютно никакого сочувствія и признанія не получитъ.

Все общественное крестьянство жаждетъ только порядка, оно устало, рабочіе все еще разжигаются интернаціоналистами, хотя держатся пассивно.

Желательно возможно скорѣе продвиженія васъ на западъ, иначе все можетъ погибнуть въ междуусобныхъ спорахъ.

До сихъ поръ нѣтъ яснаго отношенія союзниковъ къ нашимъ внутреннимъ и внѣшнимъ дѣламъ, между тѣмъ какъ ихъ слово будетъ рѣшающимъ, ибо безъ крайне спѣшной поддержки насъ снаряженіемъ, вооруженіемъ и товарами извнѣ никакое правительство не удержится.

Надѣемся что генералу Хорвату удалось получить принципіальное согласіе союзниковъ на помощь и Государство будетъ спасено, иначе наступитъ анархія.

Члены союза возрожденія Россіи

М и (?)

ПРИЛОЖЕНІЕ № 17.

Омскъ М

Телеграмму Вашу о происходящихъ Россіи Сибири политическихъ событіяхъ получилъ приношу глубокую благодарность за информацію которая здѣсь оказалась весьма кстати. Спѣшу сообщить Вамъ состоявшемся между правительствами Хорвата и Вологодскаго полномъ соглашеніи по вопросу объ объединеніи власти что надо надѣяться не замедлить оказать благотворное вліяніе на всю политическую обстановку Дальняго Востока.

16 сент. 1918 г. N.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 18.

Записка о Генералъ-Лейтенантѣ Д. Л. Хорватѣ и политикѣ державъ на Дальнемъ Востокѣ въ 1918 году *.

Къ концу іюня мѣсяца 1918 г. на нашемъ Дальнемъ Востокѣ стали обнаруживаться признаки близкаго паденія совѣтскаго режима. Въ Сибири въ это время, при участіи чехословацкихъ эшелоновъ, слѣдовавшихъ въ восточномъ направленіи, власть большевиковъ уже была отчасти свергнута, но борьба еще продолжалась. Во Владивостокѣ чехи, благополучно успѣвшіе проскочить туда изъ Сибири въ числѣ нѣсколькихъ полковъ, держали себя наружно спокойно, но начальство ихъ, въ лицѣ русскаго генерала Д., повидимому къ чему то готовилось. Однако подготовка велась настолько конспиративно, что ничего опредѣленнаго относительно возможнаго вооруженнаго выступленія, ни во Владивостокѣ, ни въ Харбинѣ, извѣстно не было. О немъ ничего не знали наканунѣ выступленія и тѣ общественные круги, которые въ послѣдніе мѣсяцы подготовляли вооруженное возстаніе противъ большевиковъ. (Работа эта во Владивостокѣ велась не только съ вѣдома, но и при содѣйствіи, нѣкоторыхъ изъ иностранныхъ консуловъ.)

Въ это время наиболѣе видные дѣятели Владивостокской боевой организаціи, заключенные большевиками въ началѣ іюня въ тюрьму, ожидали тамъ своей участи, которая для большинства изъ нихъ могла сложиться крайне трагически. Состоявшееся, наконецъ, 29 іюня** вооруженное выступленіе чехословаковъ, предпринятое подъ флагомъ оказанія помощи своимъ сородичамъ, якобы ведущимъ неравную борьбу въ Сибири, въ нѣсколько часовъ свергло власть владивостокскаго совдепа и спасло жизнь узникамъ. Русская боевая организація, хотя и устраненная чехами отъ активной роли, успѣла однако быстро изготовиться и принять участіе въ бою. Послѣ очищенія отъ большевиковъ Владивостока, чехи продолжали наступленіе и къ 5 іюля заняли Никольскъ-Уссурійскій.

Создавшееся въ результатѣ этихъ событій положеніе, при которомъ русская правительственная власть во Владивостокѣ оказалась вакантной, было ловко использовано группой лицъ, именовавшей себя «Правительствомъ Автономной Сибири» (кратко — Сибирское правительство), которая, претендуя на государственную власть въ силу состоявшагося будто-бы въ январѣ 1918 г. избранія ея членовъ Областной Сибирской Думой (отъ участія въ которой были устранены всѣ элементы правѣе соціалистовъ), — послѣ долгихъ скитаній и тщетныхъ попытокъ найти точки опоры въ полосѣ отчужденія Китайской Восточной желѣзной дороги, — къ 29 іюня, повидимому не безъ предупрежденія со стороны чеховъ, оказалась во Владивостокѣ, гдѣ тотчасъ поспѣшила возглавить переворотъ, объявивъ себя правительствомъ въ раіонѣ, освобожденномъ отъ большевиковъ***.

* Эта записка была, въ дополненіе къ личному докладу, представлена въ концѣ 1918 г. Предсѣдателю Совѣта Министровъ Всероссійскаго Верховнаго Правителя, адмирала А. В. Колчака; другой экземпляръ ея былъ представленъ генералу А. И. Деникину при отчетѣ о Командировкѣ въ Сибирь. Подстрочныя примѣчанія прибавлены впослѣдствіи.

** Всѣ числа по новому стилю.

*** Эта группа состояла изъ 6—8 лицъ, т. е. не болѣе одной трети всего состава, избраннаго Думой. Остальныя двѣ трети послѣ ликвидаціи Думы, разсѣялись по раз-

Будучи по происхожденію и по существу организаціей чисто партійнаго, соціалистическаго, характера, названная группа встрѣтила поддержку со стороны единомышленныхъ съ нею колективовъ, въ лицѣ городской думы и областного земскаго собранія, — въ свое время разогнанныхъ большевиками, а послѣ переворота 29 іюня возстановленныхъ. Не встрѣтивъ, однако, никакого сочувствія со стороны цензовыхъ элементовъ и военныхъ круговъ Владивостока, Сибирское правительство, возглавленное П. Я. Дербером, сочло за лучшее, — оставляя за собой роль вдохновителя, — передать официальныя функціи государственной власти покорному ему областному земству, которое, хотя и не будучи правомочнымъ для принятія на себя этихъ функцій, взамѣнъ того, какъ избранное въ 1917 году по «четыреххвосткѣ» отъ всего населенія области, могло больше претендовать на ореолъ «всенароднаго» избранія. Консулы союзныхъ державъ, лишь крайне поверхностно знакомые съ подлинной русской жизнью, но озабоченные скорѣйшимъ созданіемъ обстановки, благопріятной для предстоящей военной интервенціи въ Сибири, поспѣшили санкціонировать совершившійся фактъ, признавъ областную земскую управу, возглавляемую бывшимъ политическимъ эмигрантомъ Медвѣдевымъ, законною мѣстною властью на освобожденной отъ большевиковъ территоріи и вступивъ съ нею въ дѣловыя сношенія.

Тому же земству «консульскимъ корпусомъ» разрѣшено принять въ свое вѣдѣніе и находящіяся во Владивостокѣ русскія вооруженныя силы (бывшую боевую организацію). При этомъ, вѣроятно, подъ закулиснымъ вліяніемъ Дербероскаго правительства, имѣвшаго вѣскія основанія опасаться появленія на сцену другихъ вооруженныхъ силъ, несклонныхъ играть ему въ руку, было постановлено владивостокскія войска признать единственной легальной русской военной силой. Путемъ хитросплетенныхъ интригъ добились и того, что во главѣ этихъ войскъ, вмѣсто энергичнаго и несклоннаго къ компромиссамъ лица, возглавлявшаго тайную военную организацію и только что освобожденнаго изъ тюрьмы, былъ поставленъ мало извѣстный въ военныхъ кругахъ, но болѣе покладистый полковникъ Толстовъ — человѣкъ безъ твердыхъ убѣжденій и незначительный по характеру.

Пока указанныя событія происходили во Владивостокѣ, въ Харбинѣ назрѣвало выступленіе генерала Хорвата.

Являясь убѣжищемъ, куда спасались отъ большевицкаго терора многіе энергичные офицеры и видные общественные дѣятели, Харбинъ еще съ зимы 1917—1918 гг. оказался центромъ, въ которомъ, подъ руководствомъ Управляющаго К. В. желѣзной дорогой, генерала Хорвата, велась подготовка къ сверженію въ Россіи совѣтской власти. Здѣсь собирались, вооружались и снабжались офицерскіе и добровольческіе отряды, тутъ-же велось обсужденіе вопроса о конструированіи будущей всероссійской власти. Въ числѣ разныхъ попытокъ въ этомъ направленіи, дѣлались и шаги для соглашенія съ дербероской группой, имѣвшіе цѣлью достигнуть коалиціи послѣдней съ цензовыми элементами, но программныя разногласія и сомнѣнія въ моральной доброкачественности наличнаго состава «Сибирскаго правительства» мѣшали намѣчавшемуся соглашенію. Одной изъ второстепенныхъ причинъ этой неудачи былъ также и образъ дѣйствій дербероцевъ, которые, не будучи повидимому въ силахъ отрѣшиться отъ пріемовъ партійной борьбы, самымъ беззастѣнчивымъ образомъ агитировали среди низшихъ жел.-дор. служащихъ и рабочихъ противъ ген. Хорвата, подстрекая ихъ къ неповиновенію его распоряженіямъ, какъ начальника дороги, въ то самое время, когда вели съ нимъ переговоры о коалиціи.

Нельзя не признать большой политической ошибкой со стороны бывшаго управляющаго К. В. желѣзной дорогой, что послѣ выясненія непримиримости позиціи, занятой въ отношеніи него дербероской организаціей, онъ не принялъ мѣръ къ ея ликвидаціи или, хотя-бы, къ невыпуску ея изъ Харбина. Будь это сдѣлано своевременно, была бы устранена возможность появленія ея въ концѣ іюня во Владивостокѣ, гдѣ дербероцы, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, сыграли крайне отрицательную роль въ отношеніи установленія на Дальнемъ Востокѣ твердой государственной власти.

нымъ городамъ Сибири, проживая въ нихъ, при большевикахъ, на нелегальномъ положеніи. Изъ нихъ образовалось впослѣдствіи Врем. Сибирское правительство въ Омскѣ.

Въ концѣ концовъ общественные круги полосы отчужденія, руководимые «Дальневосточнымъ Комитетомъ» склонились къ убѣжденію, что будущее правительство въ Россіи должно быть организовано на началахъ единоличной власти, въ качествѣ же носителя этой власти на первое время намѣчался Дмитрій Леонидовичъ Хорватъ.

Этотъ извѣстный и за предѣлами Дальняго Востока дѣятель, свыше 15 лѣтъ состоявшій на отвѣтственномъ посту управляющаго Китайской Восточной желѣзной дорогой, искусившійся въ сношеніяхъ съ иностранцами, сумѣвшій поддержать порядокъ и твердую власть въ полосѣ отчужденія дороги въ то время, какъ въ Россіи свирѣпствовали анархія и комиссародержавіе, — естественно самой судьбой намѣчался въ высшіе руководители государственной жизни Россіи на Д. Востокѣ. Не смотря на природную скромность и полное отсутствіе честолюбивыхъ стремленій, Д. Л. Хорватъ, побуждаемый мѣстными политическими группами, а также приглашеніями изъ Россіи принять на себя полноту власти, обнадеженный иностранными представителями въ Харбинѣ, что его выступленіе въ качествѣ главы правительства встрѣтитъ со стороны союзныхъ державъ сочувствіе и поддержку, — рѣшилъ, наконецъ, объявить себя, одновременно съ началомъ союзнической интервенціи, единоличнымъ временнымъ правителемъ, но признавая необходимымъ сдѣлать это на русской территоріи, ожидалъ результатовъ наступленія подчиненныхъ ему отрядовъ, направленныхъ въ Забайкалье и въ Южно-Уссурійскій край.

Существованіе въ раіонѣ станцій Пограничной и Гродеково «боевого фронта» уже давно прервало прямое сообщеніе Харбина съ Владивостокомъ. Телеграфныя и почтовыя сношенія между этими городами велись черезъ Корею и Японію съ большими задержками. О происшедшемъ 29 іюня переворотѣ, въ Харбинѣ въ теченіи нѣсколькихъ дней ничего не знали. Къ 2—3 іюля было обнаружено исчезновеніе дербероской группы, а одинъ изъ представителей ея, «военный министръ» Краковецкій, задержавшійся отъѣздомъ, въ откровенной бесѣдѣ съ двумя прибывшими въ Харбинъ представителями организаціи генерала М. В. Алексѣева (Добровольческой арміи) безъ обиняковъ заявилъ, что его коллеги выѣхали кружнымъ путемъ во Владивостокъ, съ цѣлью объявить себя, одновременно съ началомъ выступленія союзниковъ, законнымъ правительствомъ Сибири и вступить въ отправленіе своихъ функцій.

Когда объ этомъ стало извѣстно Д. Л. Хорвату, что совпало съ появленіемъ первыхъ слуховъ о выступленіи во Владивостокѣ чехо-словаковъ, онъ поспѣшилъ послать генералу Д. телеграмму съ предупрежденіемъ, что дербероская организація можетъ попытаться использовать сверженіе чехами совдепа для того, чтобы захватить власть въ свои руки. Какъ выяснилось впослѣдствіи, телеграмма эта не была доставлена, вѣроятно благодаря своевременно установленной цензурѣ.

4 іюля въ Харбинѣ были получены первыя достовѣрныя свѣдѣнія о событіяхъ въ Приморской области. Немедленно рѣшено использовать отвлеченіе силъ большевиковъ, чтобы дѣйствовавшій отъ станціи Пограничной отрядъ продвинуть къ Никольску-Уссурійскому, съ цѣлью, захвативъ послѣдній, отрѣзать краснымъ путь отступленія отъ Владивостока. Наступленіе повелъ авангардъ подъ начальствомъ есаула Калмыкова; за нимъ вслѣдъ наступали главныя силы «Россійскихъ войскъ» подъ командой генерала Хрещатицкаго.

Тѣмъ временемъ Хорватъ окончательно сформировалъ свой кабинетъ, присвоивъ ему наименованіе «Дѣлового Кабинета Временнаго Правителя»; въ составъ его вошли главнымъ образомъ сибиряки, изъ извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, а именно С. В. Востротинъ, С. А. Таскинъ (оба — члены Государственной Думы) Л. А. Уструговъ, А. М. Окороковъ и М. О. Курскій, а изъ несибиряковъ В. Е. Флугъ и В. А. Глухаревъ. О предстоящемъ провозглашеніи себя Правителемъ и образованіи кабинета ген. Хорватомъ 5 іюня посланы телеграммы россійскимъ представителямъ въ Пекинѣ, Токіо, Вашингтонѣ, Лондонѣ, Парижѣ и Римѣ, для доведенія до свѣдѣнія союзныхъ правительствъ, съ просьбою о признаніи державами и объ оказаніи поддержки. Вслѣдъ за этимъ, по освѣдомленіи о занятіи ген. Хрещатицкимъ участка русской территоріи, Вр. Правитель и Дѣловой кабинетъ выѣхали на станцію Гродеково (при одноименной казачьей станицѣ),

гдѣ 9 іюля, т. е. десять дней спустя послѣ сверженія во Владивостокѣ совѣтской власти, состоялась офиціальная декларація о вступленіи въ функціи государственной власти. Объявленная одновременно политическая программа Вр. Правителя, отмѣняя всѣ законы и распоряженія совѣтской власти и подтверждая свободы, которыя дала революція, главной цѣлью предстоящей дѣятельности ставила возстановленіе въ странѣ твердаго порядка и доведеніе ея до Учредительнаго Собранія.

Промедленіе въ выступленіи Вр. Правителя, зависѣвшее, какъ видно изъ предыдущаго, частью отъ причинъ неустранимыхъ, но главнымъ образомъ отъ плохой информаціи и недостаточной рѣшительности дѣйствій, оказало пагубное вліяніе на успѣхъ дальнѣйшихъ начинаній новой власти, такъ какъ въ то время, когда она только заявляла о своемъ существованіи и притомъ вдали отъ болѣе или менѣе крупныхъ центровъ края, другой претендентъ на власть въ лицѣ «Правительства Автономной Сибири», будучи уже до извѣстной степени хозяиномъ во Владивостокѣ и Никольскѣ, успѣлъ въ значительной степени укрѣпить свое положеніе и путемъ ловко пущенныхъ черезъ печать и молву обвиненій «хорватовцевъ» въ монархизмѣ, черносотенствѣ и т. п. сильно подорвать Вр. Правителя и Дѣловой Кабинетъ, — не только въ мнѣніи многочисленныхъ группъ мѣстнаго населенія, но и среди представителей союзныхъ державъ во Владивостокѣ.

Если первое — при повальной болѣзни, называемой «боязнью контръ-революціи», которой заболѣла такъ называемая «демократическая» Россія послѣ 2 марта 1917 года, — не должно вызывать удивленія, то второе, т. е. подрывъ хорватовскаго предпріятія во мнѣніи иностранцевъ, представляется явленіемъ болѣе сложнымъ и требующимъ спеціальнаго поясненія.

Дѣло въ томъ, что чехо-словаки, которымъ Сибирь была обязана сверженіемъ большевицкаго режима, подверглись въ Россіи въ 1917 г. сильной соціалистической пропагандѣ, которая упала на благопріятную почву, т. к. комплектуясь главнымъ образомъ изъ состава военноплѣнныхъ нижнихъ чиновъ, при небольшомъ лишь процентѣ офицеровъ постоянной службы, чехо-словацкіе полки представляли сплошь демократическую массу, еще на родинѣ подготовленную для воспріятія соціалистическихъ идей. Большевизмъ также оказалъ на нихъ свою долю вліянія, что выразилось въ снятіи погонъ, пренебреженіи къ отданію чести, симпатіяхъ къ выборному началу при замѣщеніи должностей въ войскахъ и т. п. Можно съ увѣренностью сказать, что столь ярко выразившаяся ненависть чехо-словаковъ къ большевикамъ далеко не имѣла объектомъ большевизмъ, какъ политическое ученіе. Вражда ихъ была направлена исключительно противъ русской совѣтской власти, которая, взявъ на себя неблагодарную роль приспѣшника Германіи и опираясь въ значительной степени на штыки заклятыхъ враговъ чеховъ, — военноплѣнныхъ изъ мадьяръ, — сразу заняла непріязненную въ отношеніи чеховъ позицію, насильно задерживая ихъ въ негостепріимной Сибири и этимъ препятствуя ихъ естественному стремленію къ сближенію съ далекой родиной. Небольшевицкіе соціалистическіе круги Россіи чехо-словакамъ сочувствовали не только какъ предполагаемымъ избавителямъ отъ совѣтскаго ига, но и какъ партійнымъ единомышленникамъ и симпатія эта была взаимна.

При этихъ условіяхъ чехо-словакамъ не могли быть симпатичны русскіе боевые отряды, составленные изъ бывшихъ офицеровъ, которые въ большинствѣ явно жаждали возвращенія къ старому режиму, — если не въ смыслѣ формы правленія, то, во всякомъ случаѣ, въ отношеніи возстановленія дореволюціоннаго воинскаго обихода, съ присущими ему строгой дисциплиной, твердымъ внутреннимъ порядкомъ, ношеніемъ внѣшнихъ воинскихъ отличій и т. п. Неоднократно приходилось слышать отъ чешскихъ начальниковъ, что ихъ подчиненные подозрительно смотрятъ на русскіе отряды, въ которыхъ мелькаютъ блестящіе офицерскіе погоны, и неохотно сражаются съ ними рядомъ, приписывая имъ скрытыя стремленія къ возстановленію Царской власти. Послѣдняя же въ глазахъ чеховъ, по словамъ тѣхъ же начальниковъ, дискредитировала себя тѣмъ, что, будто-бы, косо смотрѣла на военноплѣнныхъ чехословацкаго происхожденія, не достаточно охотно идя на встрѣчу ихъ стремленію къ образованію боевыхъ единицъ для борьбы со своимъ законнымъ государемъ.

Между тѣмъ, первое осуществленіе интервенціи союзниковъ выпало именно на чешскія войска и, только нѣсколько недѣль спустя послѣ ихъ выступленія во Владивостокѣ. туда стали прибывать слабыя подкрѣпленія изъ англичанъ, французовъ и японцевъ. Въ теченіе первыхъ недѣль послѣ переворота чехи безраздѣльно господствовали во Владивостокѣ, безъ всякаго стѣсненія вмѣшиваясь въ наши гражданскіе распорядки и, только для вида, прикрывая такое вмѣшательство своими военными интересами. Первоначально и самая интервенція официально имѣла задачей выручку чехословацкихъ войскъ, тѣснимыхъ большевиками въ Сибири.

При очерченныхъ условіяхъ становится понятнымъ, почему консулы союзныхъ державъ во Владивостокѣ, на которыхъ, въ силу особыхъ обстоятельствъ (между прочимъ — недостаточной подготовки союзниками своего выступленія въ Сибири), выпала совершенно несвойственная ихъ прямымъ обязанностямъ роль дипломатическихъ представителей, легко подпали вліянію чехословаковъ въ отношеніи усвоенія точки зрѣнія послѣднихъ на разыгравшіяся событія, а также на значеніе органовъ мнимаго русскаго «народоправства», оказавшихся къ моменту переворота во Владивостокѣ.

Все это могло-бы, конечно, сложиться иначе, если-бы среди консуловъ оказались лица съ болѣе высокимъ умственнымъ уровнемъ и умѣющіе лучше разбираться въ явленіяхъ русской общественной жизни, но этого какъ разъ не случилось, да и трудно было этого ожидать, когда всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ одна изъ союзныхъ державъ* готова была Ленина и Троцкаго признать истинными избранниками русскаго народа.

Естественно, что при такихъ условіяхъ появленіе на сценѣ полторы недѣли спустя послѣ переворота какого-то «Правителя», заранѣе опороченнаго соціалистической печатью въ качествѣ «диктатора» и предтечи будущаго монарха, пугая возможностью новой гражданской войны и внося вмѣстѣ съ тѣмъ путаницу въ налаживающійся уже порядокъ взаимныхъ отношеній (при которыхъ русская власть была «на посылкахъ» у иностранцевъ), — такое появленіе представителя суверенитета Россіи не могло казаться желательнымъ гг. консуламъ, что и не замедлило отразиться въ ихъ донесеніяхъ своимъ правительствамъ и въ ихъ распоряженіяхъ. Въ результатѣ всего этого произошло слѣдующее:

1. Когда авангардъ ген. Хрещатицкаго подошелъ къ станціи Голенки, верстъ 30 не доходя Никольска-Уссурійскаго, жел. дорога впереди его оказалась разобранной, а чехословаки встрѣтили русскія войска въ боевомъ порядкѣ. Ихъ заставы отказались пропустить въ Никольскъ даже отдѣльныхъ чиновъ нашего авангарда. Словесныя объясненія ни къ чему не привели. Посланное въ Никольскъ, черезъ старшаго чешскаго начальника, официальное письмо отъ ген. Хрещатицкаго генералу Д. содержавшее предложеніе совмѣстныхъ дѣйствій противъ германо-большевиковъ, съ откровеннымъ перечисленіемъ нашихъ частей, которыя могли бы принять участіе въ наступленіи, не было принято адресатомъ и вернулось нераспечатаннымъ. Съ трудомъ удалось получить разрѣшеніе на пропускъ русскаго штабъ-офицера, для переговоровъ во Владивостокъ. На Россійскія войска, которыя вступили на родную территорію, одушевленныя самымъ горячимъ желаніемъ возможно скорѣе вступить въ бой съ предателями Россіи, такой пріемъ со стороны братьевъ-славянъ естественно долженъ былъ подѣйствовать, какъ ушатъ холодной воды на голову.

2. Консульскій корпусъ во Владивостокѣ на общемъ собраніи постановилъ: просить свои правительства о предложеніи ген. Хорвату немедленно отозвать его войска въ предѣлы полосы отчужденія К. В. жел. дороги, а самому ему обратиться къ исполненію обязанностей Директора той-же дороги.

Въ это время Правитель, естественно стремясь къ тому, чтобы стать въ болѣе благопріятныя условія для осуществленія своей власти, велъ переговоры съ командующимъ чехо-словацкими войсками о допущеніи Россійскихъ войскъ въ Никольскъ, для дальнѣйшаго продвиженія части ихъ на боевой фронтъ противъ Хабаровска. Генералъ Д., не настаивая на требованіи объ отводѣ войскъ — согласно постановленія консуловъ —

---

* Соединенные Штаты С. А.

за границу, не соглашался однако на вступленіе ихъ въ Никольскъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что это, будто бы, могло повести къ междуусобіямъ и тѣмъ усложнить положеніе въ тылу чехо-словаковъ, оперирующихъ на Хабаровскъ. Генералъ отказался также и отъ содѣйствія Россійскихъ войскъ въ этой операціи, несмотря на тяжелое положеніе его отряда, выдвинувшагося отъ Никольска къ Спасскому, не имѣя достаточной артиллеріи.

Послѣ переговоровъ, длившихся недѣли три, причемъ чешскій начальникъ, ведя переговоры съ Вр. Правителемъ, въ то же время сепаратно договаривался съ подчиненнымъ Правителю есауломъ Калмыковымъ, было рѣшено въ число войскъ, дѣйствующихъ въ Хабаровскомъ направленіи, включить только отрядъ Калмыкова.

Этотъ послѣдній, считавшійся, на основаніи какого-то сомнительнаго избранія, атаманомъ Уссурійскаго казачьяго войска, велъ себя уже тогда довольно двусмысленно, наружно подчиняясь генералу Хорвату, но въ то же время почти открыто заявляя о своей «автономіи» и, въ качествѣ представителя казачьей «демократіи», поддерживая сношенія также и съ владивостокскимъ Сибирскимъ правительствомъ.

Отъ предложенной Вр. Правителемъ генералу Д. тяжелой и легкой артиллеріи послѣдній вторично отказался, за что и былъ въ скоромъ времени наказанъ разгромомъ, понесеннымъ отъ превосходившихъ его количествомъ артиллеріи красныхъ. Послѣдствіемъ этого пораженія былъ отходъ его отряда на 3—4 перехода назадъ. Прибывшими подкрѣпленіями союзниковъ положеніе было возстановлено, послѣ чего, по смѣнѣ чеховъ японцами, продолжалось наступленіе на Хабаровскъ, который и былъ занятъ въ началѣ сентября.

Участіе въ этомъ наступленіи опредѣлило дальнѣйшую карьеру Калмыкова, который, несмотря на понесенное его отрядомъ въ началѣ наступленія сильное пораженіе, съ потерей данной ему союзниками артиллеріи, вскорѣ почему-то сталъ баловнемъ японцевъ, отъ которыхъ получалъ средства на содержаніе своего отряда. По занятіи Хабаровска это покровительство японцевъ было имъ использовано въ полной мѣрѣ для углубленія своей автономіи, которую онъ довелъ до степени непризнанія какой бы то ни было власти и необузданнаго произвола, какъ въ отношеніи мирнаго населенія, такъ и правительственныхъ учрежденій, какимъ-то образомъ уцѣлѣвшихъ во время господства совѣтовъ.

Чехи тѣмъ временемъ были переброшены на Забайкальскій фронтъ, гдѣ большевики, нѣсколько разъ сумѣвшіе парализовать наступательныя попытки атамана Семенова, въ концѣ концовъ сами перешли въ рѣшительное наступленіе, принудивъ Семенова къ отходу на китайскую территорію.

Атаманъ Семеновъ, оказывая подобно Калмыкову знаки наружнаго уваженія Вр. Правителю*, по существу такъ-же мало признавалъ его власть, находясь все время въ оживленныхъ сношеніяхъ съ дерберовскимъ правительствомъ и получая средства на содержаніе своего отряда непосредственно отъ иностранцевъ — сначала французовъ, потомъ японцевъ. Предпринятыя попытки побудить союзниковъ средства на содержаніе отряда Семенова асигновывать черезъ ген. Хорвата, потерпѣли полную неудачу.

Окончательный выходъ Семенова изъ подчиненія Вр. Правителю произошелъ, впрочемъ, нѣсколько позже, а именно въ концѣ августа, когда по установленіи связи Забайкалья съ Западной Сибирью, Семеновъ, недавно передъ тѣмъ расписавшійся на приказѣ Вр. Правителя о его производствѣ въ полковники, не постѣснялся принять отъ Сибирскаго (Омскаго) правительства должность командира корпуса, безъ испрошенія на то согласія ген. Хорвата.

Такъ, въ атмосферѣ сибирскаго многовластія и съ благословенія невѣдавшихъ, что творятъ, иностранцевъ, пышно расцвѣло на Дальнемъ Востокѣ «атаманство».

Пока происходила подготовка союзниками операціи на Хабаровскъ, обѣ претендовавшія на власть на Д. Востокѣ организаціи продолжали существовать рядомъ, взаимно одна другую парализуя. Въ составѣ Сибирскаго правительства произошли нѣко-

---

* Особенно, пока онъ получалъ отъ ген. Хорвата деньги на содержаніе своего отряда.

торыя перемѣны, повидимому въ цѣляхъ большей пріемлемости для извѣстныхъ круговъ населенія; такъ, между прочимъ, П. Я. Дербер, сохраняя портфель иностранныхъ дѣлъ, предсѣдательство въ совѣтѣ передалъ И. А. Лаврову.

Въ началѣ августа Вр. Правитель рѣшилъ свою резиденцію изъ Гродекова перенести во Владивостокъ, гдѣ онъ имѣлъ сильную поддержку въ несоціалистической части населенія. Ввиду бывшихъ попытокъ ареста и насильственнаго удаленія пріѣзжавшихъ туда раньше членовъ Дѣлового кабинета, ген. Хорватъ прибылъ съ конвоемъ изъ нѣсколькихъ десятковъ офицеровъ, но по требованію союзниковъ былъ тотчасъ-же принужденъ этотъ почетный эскортъ отправить обратно въ Гродеково, гдѣ находились главныя силы его отряда*.

Такимъ образомъ прежняя предвзятость въ отношеніи Д. Л. Хорвата продолжала существовать въ полной мѣрѣ. Ожидать при этомъ условіи, чтобы благопріятно рѣшился вопросъ о признаніи его власти державами, очевидно, не приходилось. Донесенія владивостокскихъ консуловъ произвели свое дѣйствіе на подлежащія правительства, а также на акредитованныхъ при нихъ русскихъ представителей; въ Пекинѣ, благодаря искусной подготовкѣ агентами Дербера, наша миссія стала даже на почву полупризнанія Сибирскаго правительства, титулуя Лаврова и Дербера, въ сношеніяхъ съ ними, полными присвоенными ими себѣ званіями, чѣмъ сильно поддерживала ихъ престижъ въ нѣкоторыхъ слояхъ владивостокскаго населенія. Послѣднему въ то же время усиленно внушалось дербероцами, что образовавшееся въ Омскѣ «Временное Сибирское правительство» (которое въ это время съ успѣхомъ насаждало власть въ Западной Сибири, отдѣленной отъ Дальняго Востока Забайкальской «пробкой», еще занятой большевиками) есть не болѣе какъ филіальное отдѣленіе подлиннаго «Правительства Автономной Сибири», пребывающаго во Владивостокѣ.

Въ то же время отношеніе Пекинской миссіи къ Вр. Правителю было болѣе, чѣмъ сдержаннымъ. По нѣкоторымъ признакамъ можно было даже предполагать скрытое противодѣйствіе. Такъ, напр., отправленныя ген. Хорватомъ 5 іюля въ Лондонъ, Парижъ и Римъ шифрованныя телеграммы (съ извѣщеніемъ о принятіи на себя власти), которыя по условіямъ военной цензуры союзниковъ не могли быть адресованы непосредственно, а были направлены въ Пекинъ посланнику съ просьбой передать ихъ по назначенію, — въ дѣйствительности еще дней 8—10 спустя оказались не отправленными и по поводу ихъ поступилъ только запросъ къ Д.Л., слѣдуетъ ли отправлять ихъ ввиду измѣнившейся(?) обстановки. Благодаря этой задержкѣ первая информація о шагѣ, предпринятомъ Хорватомъ, нашими послами въ Англіи, Франціи и Италіи была получена изъ вторыхъ рукъ и въ тенденціозномъ освѣщеніи. Неудивительно послѣ того, что вмѣсто ожидаемой поддержки передъ союзными державами, отъ пословъ стали поступать плохо замаскированные совѣты о сложеніи власти, прикрывавшіеся сѣтованіями на тему о пагубности страсти русскихъ людей къ розни и раздорамъ, о недопустимости, чтобы иностранцы давали намъ, русскимъ, уроки патріотизма, и т. п.

Вскорѣ послѣ того было получено извѣстіе, что во Владивостокъ, гдѣ политика державъ была по прежнему въ неумѣлыхъ рукахъ консуловъ, выѣзжаютъ изъ Пекина черезъ Харбинъ два дипломатическихъ представителя Англіи и Франціи (гг. Ольстонъ и графъ Мартель) съ особымъ порученіемъ къ ген. Хорвату. По первымъ свѣдѣніямъ порученіе должно было носить характеръ дружественнаго совѣта ликвидироваться въ пользу Сибирскаго правительства. Но подъ вліяніемъ-ли информаціи отъ харбинскихъ консуловъ (вообще освѣдомленныхъ лучше своихъ владивостокскихъ колегъ и державшихся болѣе безпристрастной позиціи), или по какимъ-либо инымъ причинамъ, — но по прибытіи, въ первой половинѣ августа, во Владивостокъ, они свою миссію объяснили порученіемъ посовѣтовать ген. Хорвату вступить въ соглашеніе съ Лавровскимъ правительствомъ на предметъ образованія единой власти и, въ случаѣ согласія, предложить свое посредничество въ имѣющихъ произойти по этому поводу переговорахъ.

---

* Около $2^1/_2$ тысячъ человѣкъ.

Почва къ такимъ переговорамъ оказалась уже нѣсколько подготовленной неофиціальными попытками, предпринятыми отдѣльными представителями обѣихъ организацій съ цѣлью достигнуть соглашенія; непосредственно передъ появленіемъ пекинскихъ дипломатовъ было получено офиціальное заявленіе И. А. Лаврова, переданное черезъ японскаго консула, съ предложеніемъ вступить въ переговоры съ Дѣловымъ кабинетомъ. Ввиду изъявленнаго согласія состоялось нѣсколько совѣщаній, которыя однако обнаружили почти непримиримыя разногласія въ взаимныхъ позиціяхъ делегатовъ обѣихъ организацій; переговоры внезапно прервались 24 августа вслѣдствіе письменнаго заявленія г. Лаврова о невозможности ихъ продолжать по причинѣ совершеннаго, будто-бы, противоположной стороной акта «вѣроломства» въ отношеніи Сибирскаго правительства.

Событія, послужившія основаніемъ къ такому заявленію, заключались въ слѣдующемъ.

Владивостокская боевая организація, послѣ переворота 29 іюня переименованная въ «войска Приморской области», подчиненныя полковнику Толстову, въ дѣйствительности продолжала состоять изъ 400—500 человѣкъ офицеровъ и учащейся молодежи, сведенныхъ въ слабо организованныя воинскія части, которыя носили однако внушительныя названія «Сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ». Изъ двухъ такихъ полковъ, квартировавшихъ во Владивостокѣ, одинъ, состоявшій подъ начальствомъ боевого полковника Смирнова, былъ единственной частью, по своей организаціи и численности заслуживавшей до извѣстной степени присвоеннаго ей названія.

Чины этого полка, какъ и вообще офицеры гарнизона, въ подавляющемъ большинствѣ тяготились своимъ необычнымъ подчиненіемъ земской управѣ, возглавляемой бывшимъ политическимъ эмигрантомъ. Предвзятая точка зрѣнія этихъ «земцевъ» на Вр. Правителя, какъ врага народоправства, также не могла раздѣляться офицерами, въ глазахъ которыхъ ген. Хорватъ являлся патріотомъ, вокругъ котораго въ большевицкое время группировалось все враждебное совѣтской власти и отъ котораго отчасти получались и средства на содержаніе самой тайной организаціи.

При такомъ настроеніи офицеровъ вопросъ объ объединеніи такъ наз. Россійскихъ войскъ ген. Хорвата съ войсками, подчиненными полк. Толстову, естественно долженъ былъ стать на ближайшую очередь, а именно, въ формѣ подчиненія общему старшему начальнику. Въ качествѣ такового, на состоявшихся во Владивостокѣ совѣщаніяхъ представителей обѣихъ военныхъ группъ, былъ выдвинутъ старшій изъ наличныхъ боевыхъ генераловъ, главнокомандующій Россійскими войсками генералъ Плѣшковъ, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ командуя I Сибирскимъ армейскимъ корпусомъ, квартировавшимъ въ Уссурійскомъ краѣ, былъ хорошо извѣстенъ большинству офицеровъ, а въ войну 1914—1917 гг., командуя тѣмъ же корпусомъ, пользовался выдающейся боевой репутаціей.

Полк. Толстовъ принципіально не возражалъ противъ такой постановки вопроса, но въ ту минуту, когда это должно было стать совершившимся фактомъ и ген. Плѣшковъ, прибывъ во Владивостокъ, отдалъ 23 августа приказъ съ объявленіемъ о своемъ вступленіи въ командованіе и съ предписаніемъ старшимъ начальникамъ прибыть къ нему для представленія, Толстовъ оказался единственнымъ уклонившимся отъ исполненія этого, основаннаго на точномъ смыслѣ воинскаго устава, распоряженія, за что и былъ отрѣшенъ отъ должности командующаго войсками.

Въ насыщенной міазмами политической атмосферѣ Д. Востока изложенный, простой самъ по себѣ, фактъ, въ которомъ выразилось естественное стремленіе офицерства къ возрожденію единой русской арміи и о которомъ были даже предупреждены нѣкоторые изъ иностранныхъ представителей, получилъ такое толкованіе, которое совершенно извратило его истинный смыслъ и стало источникомъ новыхъ осложненій.

Необычайное волненіе охватило прежде всего областную земскую управу, руководимую Медвѣдевымъ. Присвоивъ себѣ явочнымъ порядкомъ, съ благословенія невѣжественныхъ въ русскихъ законахъ иностранцевъ, прерогативы правительственной власти, управа въ подчиненіи ей войскъ, хотя бы только номинальномъ, усматривала одинъ изъ почетнѣйшихъ атрибутовъ этой власти и вдругъ, однимъ почеркомъ пера

«хорватовскаго» генерала, передъ всѣмъ синклитомъ союзниковъ, воочію обнаружились вся эфемерность притязаній управы на господство и явное отвращеніе военныхъ къ подчиненію подобнымъ соціалистическимъ колективамъ.

Волненіе земской управы передалось городскому самоуправленію, возглавляемому, такимъ же, какъ Медвѣдевъ, политическимъ эмигрантомъ Агаревымъ, а затѣмъ и вдохновлявшему оба эти учрежденія Лавровскому правительству, которое, потерявъ всякое самообладаніе и забывъ, что официально войска Приморской области подчинялись вовсе не ему, а земской управѣ, поспѣшило заявить Дѣловому кабинету, что усматривая въ происшедшемъ актъ вѣроломства въ отношеніи себя, оно прерываетъ съ нимъ переговоры.

Оскорбленныя въ своихъ сокровенныхъ чувствахъ всѣ три организаціи, съ энергіей свойственной подпольнымъ дѣятелямъ временъ стараго режима, поспѣшили прибѣгнуть къ обычнымъ въ такихъ случаяхъ демагогическимъ пріемамъ, чтобы попытаться инсценировать взрывъ общественнаго негодованія противъ авторовъ новаго, якобы, «государственнаго переворота».

Листки соотвѣтствующаго содержанія съ удивительной быстротой отпечатанные въ земской типографіи, съ 24 августа стали въ огромномъ количествѣ распространяться по всему городу. Въ толпахъ празднаго люда, привлеченныхъ къ зданію земской управы раздаваемыми изъ оконъ хлесткими прокламаціями, появились ораторы, которые разъясняли происшедшія событія въ такомъ смыслѣ, что будто-бы Хорватъ ввелъ тайно въ городъ значительный вооруженный отрядъ, который захвативъ ночью зданіе штаба войскъ, угрозой оружія заставилъ старшихъ начальниковъ подчиниться приказу ген. Плѣшкова. Эту завѣдомую ложь не постыдились, впрочемъ, воспроизвести и на печатномъ станкѣ, приписывая Вр. Правителю, въ качествѣ скрытаго мотива, намѣреніе арестовать членовъ управы и Сибирскаго правительства, захватить банкъ, казначейство и т. п.

Такая агитація происходила весь день 24 августа, но еще въ ночь съ 23-го на 24-ое члены управы и Сиб. правительства не постѣснялись поднять съ постелей иностранныхъ представителей, взывая къ ихъ помощи во имя спасенія народоправства и избѣжанія грозящей, будто-бы, новой гражданской войны.

Работа политическихъ противниковъ Вр. Правителя велась въ указанные дни настолько систематично, самая же подготовка къ ней была произведена такъ быстро, что невольно закрадывалось подозрѣніе, не представляетъ ли вся эта шумиха искусно проведенную гг. Толстовымъ и Медвѣдевымъ, по заранѣе разработанному плану, провокацію, направленную къ ликвидаціи, съ помощью иностранцевъ, хорватовскаго предпріятія. Хотя двусмысленное поведеніе во всемъ инцидентѣ Толстова отчасти подтверждаетъ такое подозрѣніе, но съ другой стороны ему противорѣчитъ обнаруженная врагами Хорвата, въ первыя минуты послѣ изданія приказа Плѣшкова, растерянность. Несомнѣнно одно, что они быстро спохватились и постарались происшедшее обратить въ свою пользу.

Наоборотъ, у хорватовцевъ ничего не оказалось готовымъ для оказанія отпора произведенному на нихъ натиску. Если это не дѣлаетъ чести политической прозорливости членовъ Дѣлового Кабинета, то во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ, насколько они были далеки отъ того, чтобы приписывать политическое значеніе шагу ген. Плѣшкова. Какъ бы то ни было, но въ теченіе первыхъ сутокъ послѣ изданія приказа, факты освѣщались массѣ лишь съ одной стороны. Только къ 25 августа, ввиду состоявшагося взятія земской управой подъ свой контроль всѣхъ типографій, могли появиться листки съ опроверженіями. Однако, тщетны были увѣренія въ этихъ листкахъ, что ни одного солдата въ Владивостокъ введено не было, что никакого вооруженнаго захвата штаба не произведено, что на госуд. банкъ и на казначейство никто не покушался и что послѣ перемѣны подчиненія эти учрежденія продолжали охраняться тѣми же караулами, которые были выставлены при Толстовѣ. Все это оказалось, во-первыхъ запоздалымъ, а во-вторыхъ, находило и мало читателей, такъ какъ расклеиваемыя объявленія тотчасъ же срывались покорной Медвѣдеву милиціей, а автомобиль, съ котораго тѣ же объявленія разбрасывались, очутился въ скоромъ времени въ тюрьмѣ, вмѣстѣ со своими пассажирами.

Такимъ же образомъ и прибывшіе къ консуламъ съ разъясненіями члены Дѣлового кабинета встрѣтили со стороны иностранныхъ представителей, уже извѣстнымъ образомъ настроенныхъ, сдержанное, а частью и недовѣрчивое отношеніе. Между тѣмъ земцы, ссылаясь на происходящіе на улицахъ «митинги негодованія», какъ окрестили сборища празднаго народа передъ зданіемъ земской управы, требовали отъ консульскаго корпуса принятія немедленныхъ мѣръ для предупрежденія кровопролитія и для ликвидаціи «переворота».

Представители державъ, несмотря на присутствіе въ ихъ средѣ двухъ настоящихъ дипломатовъ (гг. Ольстона и гр. Мартеля), не взирая на явную нелѣпость преподнесенной имъ басни о произведенномъ двумя-тремя сотнями плохо вооруженныхъ русскихъ офицеровъ переворотѣ въ городѣ, охраняемомъ многотысячнымъ союзнымъ гарнизономъ и десяткомъ крупныхъ боевыхъ кораблей, не сочли нужнымъ подробнѣе обслѣдовать подлежащіе ихъ обсужденію факты и, немедленно собравшись, вынесли постановленіе о разоруженіи войскъ, признавшихъ своимъ начальникомъ ген. Плѣшкова, мотивируя такое рѣшеніе тѣмъ, что на основаніи постановленія принятаго послѣ 29 іюня, единственно легальной русской вооруженной силой могли признаваться только войска, подчиняющіяся земству. Выработка подробностей приведенія въ исполненіе этого постановленія поручалась совѣту союзнаго командованія.

Надо полагать, что неприбытіе, на назначенное по этому вопросу засѣданіе совѣта, большинства старшихъ представителей союзныхъ армій едва-ли было случайнымъ. Тѣмъ не менѣе, оказавшійся, какъ старшій изъ наличныхъ, въ роли предсѣдателя японскій генералъ Накажима, счелъ возможнымъ рѣшеніе консуловъ заслушать, въ результатѣ чего явилось постановленіе, разоруженіе произвести немедленно, поручивъ эту операцію японскимъ и китайскимъ контингентамъ.

Этотъ позоръ дѣйствительно состоялся вечеромъ 25 августа, къ великому ликованію тѣхъ, равнодушныхъ къ вопросу національной чести, русскихъ гражданъ, которые были его виновниками. Но вслѣдъ за этимъ, поруганное народное чувство среди болѣе чуткой части владивостокскаго населенія выразилось въ такихъ формахъ, которыя заставили иностранныхъ резидентовъ призадуматься относительно цѣлесообразности столь поспѣшно принятой ими мѣры. Явились предположенія о ея пересмотрѣ.

Окончательный толчокъ этимъ сомнѣніямъ дало прибытіе во Владивостокъ облеченнаго особыми полномочіями англійскаго генерала Нокса, въ результатѣ чего, около половины сентября, русскому отряду, при подобающей обстановкѣ, было возвращено отобранное у него оружіе.

Этой запоздалой реабилитаціей, однако, не могли быть вполнѣ сглажены слѣды тяжкаго оскорбленія, нанесеннаго русской арміи, тѣмъ болѣе, что возвращеніе оружія было обусловлено немедленнымъ удаленіемъ отряда изъ Владивостока въ полосу отчужденія К. В. ж. дороги.

Пока во Владивостокѣ происходили описанныя событія, въ Забайкальѣ состоялось давно желанное соединеніе отрядовъ, дѣйствовавшихъ противъ красныхъ съ двухъ сторонъ, что установило прямую связь Д. Востока съ внутренней Сибирью. Еще незадолго до установленія этого сообщенія, глава омскаго Сибирскаго правительства, П. В. Вологодскій, уже далъ понять лавровско-дербероской организаціи, что омское правительство далеко отъ мысли считать себя какимъ-то филіальнымъ отдѣленіемъ этой организаціи, что, напротивъ, оно, какъ во внутреннихъ такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ, смотритъ на себя какъ на единственнаго выразителя нуждъ Сибири и рекомендуетъ владивостокскому правительству отъ вмѣшательства въ эти дѣла воздержаться. Телеграмма объ этомъ, проскользнувшая въ дальневосточныя газеты, была для дербероцевъ первымъ ударомъ съ запада и тѣмъ болѣе чувствительнымъ, что ими только что (вѣроятно подъ вліяніемъ удачнаго для нихъ оборота дѣла о подчиненіи войскъ ген. Плѣшкову) было объявлено обратное воспріятіе полноты власти, два мѣсяца тому назадъ номинально уступленной земству.

Послѣ возстановленія въ Забайкальѣ сплошного желѣзнодорожнаго пути, во Владивостокъ прибыла особая делегація омскаго правительства, съ предсѣдателемъ

совѣта министровъ во главѣ, имѣя задачей установленіе на Д. Востокѣ единовластія, для чего предполагалось вступить въ соглашеніе съ Вр. Правителемъ. Но до начала переговоровъ объ этомъ необходимо было упразднить лавровско-дербероскую организацію, что и было сдѣлано П. В. Вологодскимъ въ теченіи немногихъ дней *, причемъ не только не произошло сліянія владивостокскаго «Правительства Автономной Сибири» съ его мнимымъ омскимъ «филіаломъ», но ни одному изъ дербероцевъ не было даже предложено портфеля въ составѣ послѣдняго. Едва-ли эта операція протекла бы такъ безболѣзненно, если бы у дербероской организаціи не было на Д. Востокѣ конкурента на власть въ лицѣ Д. Л. Хорвата.

Быстрая ликвидація правительства И. А. Лаврова должна была воочію показать иностраннымъ дипломатамъ все моральное и политическое ничтожество этой организаціи, на соглашеніе съ которой они такъ усиленно толкали ген. Хорвата. Въ то же время твердый курсъ политики правительства г. Вологодскаго, выяснившееся его значеніе на территоріи Сибири, обнаруженное имъ намѣреніе искать путей соглашенія съ Вр. Правителемъ, съ которымъ существеннаго расхожденія въ политическихъ программахъ не было, — все это должно бы было указать союзнымъ правительствамъ, что въ Сибири, включая и Д. Востокъ, нарождается власть, которая, при разумной съ ихъ стороны поддержкѣ, въ состояніи будетъ обезпечить огромной части Россійскаго государства освобожденной отъ деспотіи большевиковъ, твердый порядокъ и активную роль въ продолжающейся борьбѣ съ германской коалиціей. Въ качествѣ дипломатическихъ представителей на Д. В. державы въ это время (сентябрь 1918 года) имѣли уже полномочныхъ комиссаровъ, отъ которыхъ можно было ожидать отказа отъ господствовавшихъ доселѣ предвзятыхъ взглядовъ и робкихъ компромиссныхъ рѣшеній, основанныхъ на рутинномъ «невмѣшательствѣ во внутреннія дѣла».

Можно съ увѣренностью сказать, что если бы тогда же державы опредѣленно заявили, что соглашеніе Вологодскаго съ Хорватомъ будетъ имѣть непосредственнымъ результатомъ признаніе de jure Временнаго Сибирскаго правительства и оказаніе ему немедленной и дѣйствительной поддержки, вопросъ объ установленіи въ Сибири единой твердой власти былъ-бы рѣшенъ окончательно и безъ всякаго отношенія къ «Всероссійскому» правительству, нарождавшемуся въ тѣ дни въ Уфѣ и вопросъ о которомъ могъ быть отложенъ до выясненія его характера и жизнеспособности. Передъ фактомъ признанія державами Врем. Сибирскаго правительства и его Верховнаго уполномоченнаго на Д. В. въ лицѣ ген. Хорвата, были бы принуждены преклониться и взлелѣянные державами «атаманы», которые среди хаоса мѣстныхъ дѣлъ все болѣе и болѣе углубляли свою автономію.

Ничего подобнаго, однако, не случилось и все ограничилось весьма неопредѣленными словесными обѣщаніями, данными Д. Л. Хорвату на случай, буде его соглашеніе съ П. В. Вологодскимъ состоится. Соглашеніе состоялось, но все осталось по старому. «Верховному Уполномоченному», какъ и раньше Временному правителю, предоставлялось, безъ достаточной и сколько-нибудь организованной воинской силы, безъ опредѣленныхъ денежныхъ ресурсовъ, безъ какихъ-либо иныхъ средствъ для обузданія произвола и неповиновенія атамановъ, кромѣ силы словеснаго убѣжденія (примѣненіе мѣръ принужденія союзниками безусловно не допускалось), — насаждать свою власть и водворять порядокъ и законность въ обширномъ, ввѣренномъ его управленію краѣ. Даже относительно тѣхъ незначительныхъ вооруженныхъ силъ, которыми располагалъ бывшій Вр. Правитель и которыя, давая хоть небольшую опору власти, въ то же время могли служить кадрами для будущихъ регулярныхъ формированій, союзниками неоднократно дѣлались заявленія о необходимости, или ихъ расформированія, или отправленія

---

* Въ объясненіе того на первый взглядъ страннаго факта, что дербероское правительство, такъ упорно сопротивлявшееся Хорвату, съ такой легкостью уступило Вологодскому, можно привести то, что Омское правительство уже успѣло создать себѣ прочную опору во всей Сибири (кромѣ дальневосточныхъ областей), а главное, что оно было фактически признано главными силами чехословацкихъ войскъ, дѣйствовавшими солидарно съ нимъ не только въ Сибири, но и по ту сторону Урала.

на фронтъ за Уралъ. Между тѣмъ, въ пребывающемъ въ анархіи краѣ, при моральномъ растлѣніи населенія — результатѣ соціалистическихъ надъ нимъ экспериментовъ, — при сохраненіи во многихъ мѣстахъ отдѣльныхъ большевицкихъ гнѣздъ, при ненадежной и малочисленной милиціи, очевидно, не одинъ Д. Л. Хорватъ, но и никакая другая власть не могла бы обойтись безъ подчиненной ей вооруженной силы.

При этихъ условіяхъ предложеніе одной изъ державъ, сдѣланное еще въ бытность ген. Хорвата Вр. Правителемъ, о принятіи ею на себя формированія и содержанія русскихъ регулярныхъ войскъ на Д. Востокѣ въ числѣ отъ 10 до 20 тысячъ человѣкъ, притомъ безъ какихъ бы то ни было компенсацій, которыя могли бы умалить суверенитетъ Россіи, естественно должно было быть встрѣчено сочувственно *.

Не предрѣшая того, какъ посмотритъ на этотъ вопросъ центральное правительство, рѣшенію котораго онъ будетъ подлежать, нельзя не замѣтить, что претензіи представителей другихъ союзныхъ армій на то, что они, будто бы, были устранены отъ участія въ переговорахъ по этому поводу, едва-ли могутъ быть признаны уважительными, такъ какъ при недоброжелательномъ и недовѣрчивомъ отношеніи, которое эти представители съ самаго начала проявили къ ген. Хорвату и подчиненнымъ ему войскамъ, нельзя ожидать, чтобы переговоры съ ними по поводу возсозданія русской арміи и сотрудничество на этой почвѣ съ нынѣшнимъ Верховнымъ уполномоченнымъ правительства на Д. В. могли оказаться плодотворными.

Для иллюстраціи этихъ отношеній можно привести слѣдующій случай. Одинъ изъ высокихъ представителей союзныхъ армій, снабженный отъ своего правительства особыми полномочіями, по прибытіи во Владивостокъ не счелъ нужнымъ ознакомить со своими предположеніями по возсозданію русской арміи мѣстную власть, хотя не получившую признанія отъ его правительства, но все же имѣющую нѣкоторое значеніе въ Краѣ и обладающую органами, между прочимъ, и для военнаго управленія. Тотъ же представитель, въ бесѣдѣ съ однимъ изъ сотрудниковъ ген. Хорвата, который прибылъ къ нему для выясненія вопроса о включеніи подчиненныхъ Вр. Правителю войскъ въ циклъ предстоящихъ формированій, встрѣтилъ въ этомъ отношеніи настойчивый отпоръ, мотивируемый тѣмъ, что «хорватовскія» войска, хотя и обладаютъ нѣкоторой организаціей, дѣлающей ихъ пригодными въ качествѣ готовыхъ кадровъ, не могутъ, однако, быть использованы въ указанномъ смыслѣ по причинѣ ихъ «партійности», при наличіи которой они не признаются достаточно надежными, чтобы войти въ составъ будущей всероссійской арміи.

Какими признаками должны обладать войска для отнесенія ихъ къ категоріи «безпартійныхъ», иностранный генералъ не объяснилъ, но если, какъ надо думать, партійность опредѣляется не тѣмъ, что войска вообще подчиняются какому либо изъ мѣстныхъ правительствъ (безъ чего едва ли возможно мыслить существованіе вооруженной силы), а свойствомъ политической программы даннаго правительства, то справедливость должна бы подсказать, что за критерій для такой классификаціи должны бы быть приняты офиціально объявленныя программы, а не тѣ скрытыя побужденія, которыя той или другой власти приписываются ея политическими противниками.

Примѣчаніе. Настоящая записка составлена исключительно по памяти, почему въ ней могутъ встрѣтиться нѣкоторыя фактическія неточности, не вліяющія, однако, на общее освѣщеніе событій и выводы изъ нихъ.

Декабрь 1918 г. Подлинную подписалъ N.

---

* Здѣсь рѣчь идетъ о предложеніи, сдѣланномъ «сепаратно» Японіей, которое встрѣтило весьма отрицательное отношеніе не только со стороны всегдашней соперницы ея — Америки, а также Франціи, но и со стороны давнишней офиціальной союзницы Японіи — Англіи, которая въ это время носилась съ какими-то своими проектами формированій на Д. Востокѣ, изъ которыхъ, конечно, ничего не вышло. Японское предложеніе, весьма заманчивое съ внѣшней стороны, осталось безъ послѣдствій, частью по причинѣ указаннаго соперничества между державами, по главнымъ образомъ по тому, что скрытые мотивы, которые можно было подозрѣвать въ предложеніи Японіи, не внушали къ себѣ довѣрія, между тѣмъ какъ «безкорыстіе» и «искренность» прочихъ союзниковъ въ то время еще не возбуждали сомнѣній.

Содержаніе

Паденіе Сѣверной области — Борисъ Соколовъ 5

Воспоминанія о революціи въ Закавказьи (1917—1920 г. г.) — Б. Байкова 91

Изъ прошлаго провинціальнаго интеллигента — Н. Плешко 195

Документы

Отчетъ о командировкѣ изъ Добровольческой Арміи въ Сибирь въ 1918 году 243

СОДЕРЖАНІЕ ВЫШЕДШИХЪ ВЪ СВѢТЪ ТОМОВЪ АРХИВА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ТОМЪ I.

Задачи Архива. — В. Д. Набоковъ, Временное Правительство. — П. Красновъ, На внутреннемъ фронтѣ. — Р. Донской, Отъ Москвы до Берлина въ 1920 г. — С. Вороновъ, Петроградъ — Вятка въ 1919—1920 гг. — Н. Неклюдовъ, Предсказаніе русской революціи.

Документы и письма.

К. Крамаржъ, Основы Конституціи Россійскаго Государства. — Докладъ начальнику операціоннаго отдѣленія германскаго восточнаго фронта о положеніи дѣлъ на Украйнѣ въ мартѣ 1918 г. — Образованіе сѣверо-западнаго правительства (Докладъ Карташева, Кузьмина-Караваева и Суворова). — Письмо ген. Гофа генералу Юденичу.

Изъ частной переписки.

Послѣдніе дни Леонида Андреева. — Описаніе польскаго отступленія въ августѣ 1920 г.

ТОМЪ II.

Къ исторіи Манифеста 17 октября (Записки Н. И. Вуича и кн. Н. Д. Оболенскаго). — Ген. А. С. Лукомскій, Изъ воспоминаній. — А. Дроздовъ, Интеллигенція на Дону. — Р. Гуль, Кіевская эпопея. — Ф. Штейнманъ, Отступленіе отъ Одессы. — І. Рапопортъ, Полтора года въ совѣтскомъ Главкѣ. — О. Чернинъ, Брестъ-Литовскъ.

Документы и дневники.

Журналъ засѣданія Совѣта Министровъ Крымскаго Краевого Правительства 16 апр. 1919 г. — Изъ секретнаго доклада. — С. В. Милицынъ, Изъ моей тетради. — Бар. Фрейтагъ фонъ-Лорингофенъ, Изъ дневника.

ТОМЪ III.

С. Добровольскій, Борьба за возрожденіе Россіи въ сѣверной области. — М. Смильгъ-Бенаріо, На совѣтской службѣ. — А. Левинсонъ, Поѣздка изъ Петербурга въ Сибирь въ январѣ 1920 г. — Л. Л—ой, Очерки жизни въ Кіевѣ въ 1919—1920 гг. — Г. Игренсвъ, Екатеринославскія воспоминанія.

Документы.

Документы къ «Воспоминаніямъ» ген. Лукомскаго. — Меморандумъ Эстонскаго Правительства.

ТОМЪ IV.

А. Блокъ, Послѣдніе дни стараго режима. — А. Демьяновъ, Моя служба при Временномъ Правительствѣ. — А. Синегубъ, Защита Зимняго Дворца. — Бар. М. Д. Врангель, Моя жизнь въ Совѣтскомъ Раю. — Р. Донской Изъ Москвы до Берлина въ 1920 г. (Продолженіе.)

Документы и дневники.

Организація власти на югѣ Россіи въ періодъ гражданской войны. — А. В. — Дневникъ обывателя.

ТОМЪ V.

А. А. Валентиновъ, Крымская эпопея. — Ген. А. С. Лукомскій, Изъ воспоминаній. — П. Красновъ, Всевеликое Войско Донское. — Ген. Филимоновъ, Разгромъ Кубанской Рады.

Документы.

Письмо Вел. Кн. Александра Михайловича къ Николаю II. — Записка, составленная въ кружкѣ Римскаго-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицынымъ 6 ноября 1916 г. — Показанія Н. А. Маклакова о письмѣ Николаю II. — Денежные документы генерала Алексѣева. — Документы къ воспоминаніямъ ген. Филимонова.

ТОМЪ VI.

М. В. Родзянко, Госуд. Дума и февральская революція. — Ген. А. С. Лукомскій, Изъ воспоминаній. — А. А. Гольденвейзеръ, Изъ Кіевскихъ воспоминаній. — А. Гуровичъ, Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства.

Документы.

Послѣдній всеподданнѣйшій докладъ М. В. Родзянки. — Докладъ Центральнаго Комитета Россійскаго Краснаго Креста.

ТОМЪ VII.

Бар. Б. Э. Нольде, В. Д. Набоковъ въ 1917 г. — С. А. Кореневъ, Чрезвычайная Коммиссія по дѣламъ о бывшихъ министрахъ. — А. С. Демьяновъ, Записки о подпольномъ Временномъ Правительствѣ. — Н. Вороновичъ, Межъ двухъ огней. — Б. Казановичъ, Поѣздка изъ Добровольческой Арміи въ «Красную Москву». — Г. Вилліамъ, Побѣжденные. — С. Кобяковъ, Красный судъ.

Документы.

Ставка 25—26 октября 1917 г. — Документы къ воспоминаніямъ Н. Вороновича.

ТОМЪ VIII.

С. В. Завадскій, На великомъ изломѣ. — С. Ан—скій, Послѣ переворота 25 октября 1917 г. — Н. Мейеръ, Служба въ комиссаріатѣ юстиціи и народномъ судѣ. — В. Красновъ, Изъ воспоминаній о 1917—1920 гг. — Герцогъ Г. Лейхтенбергскій, Какъ началась «Южная Армія». — Денежные знаки революціи и гражданской войны.

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ

625087
Arkhiv Russkoi Revolyutsii.
v. 9 (1923)
P
HSlav
A

NAME OF BORROWER
DATE

University of Toron
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

Bibliothèque "LE PAON"
N° 255
MEUDON-VAL-FLEURY

№ 255 обрезать

Digitized by the Internet Archive
in 2009 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/arkhivrusskoirev10gess

Archive Russkoi Revolutsii
P
HSlav
n

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

И. В. ГЕССЕНОМЪ

X

БЕРЛИНЪ 1923

625088
9.12.55

Copyright 1923 by Slowo-Verlag, Berlin
Всѣ права, въ томъ числѣ и право изданія на другихъ языкахъ, принадлежатъ
Издательству «СЛОВО»

Пять лѣтъ въ Совѣтской Россіи

(Обрывки воспоминаній и замѣтки)

А. С. Изгоева

I

ПЕТРОГРАДЪ 1917–1918 г. г.

16 ноября 1922 года. Въ два часа дня иду по Бассейной нанимать тачечника для перевозки вещей на пароходъ «Preussen».

– На набережную на Васильевскомъ Островѣ у Николаевскаго моста. Сколько?

– На иностранный. Знаю. Положите 15 милліоновъ . . .

Для очистки совѣсти говорю: дорого, предлагаю 10, 12. Тачечникъ даже не споритъ, до того вяло я торгуюсь.

Дорого? Конечно. Третья часть моего послѣдняго мѣсячнаго жалованья по должности научнаго сотрудника Росс. Публ. Библіотеки. А въ то же время меньше пуда хлѣба, 1 р 20 к. золотомъ. Одинъ рейсъ тачечника равенъ десяти днямъ труда научнаго сотрудника. Вспоминаю «развернутую форму цѣнности» на первыхъ страницахъ Марксова «Капитала». Революція. Шагу нельзя ступить, чтобы не увидать или не почувствовать ея.

Грузитъ тачечникъ наши два чемодана, два узла, дамскую шляпную коробку.

– Позвольте спросить: вы доброй волею или по приказанію?

– Высылаютъ за-границу вмѣстѣ со многими другими профессорами и литераторами.

– Слыхалъ. Вотъ и Марья Николаевна Стоюнина, божья старушка, на старости лѣтъ уѣзжаетъ. Мнѣ многіе извѣстны. Раньше сторожемъ въ гимназіи Г-а служилъ. Только, сами знаете, по школьному дѣлу на жалованье не проживешь. А вотъ съ тачкой поѣду – семья два дня сыта. Мнѣ много не надо. Коней, слава Богу, убавилось, людямъ – доходъ. Только что же они все-таки дѣлаютъ? Всѣхъ умныхъ людей, кого въ тюрьму, кого въ Сибирь, кого за границу. А въ Россіи кто же останется? одно, значитъ, неученое мужичье, чтобы легче командовать . . .

Хотя тачечникъ и не возбуждаетъ во мнѣ недовѣрія, но въ Совѣтской Республикѣ повсюду такъ много провокаторской швали, что всегда сверлитъ мысль: а, вдругъ, изливаешь свои чувства передъ какимъ-либо поштучнымъ агентикомъ изъ Чеки? Отвѣчаю суховато:

— Ну, всѣхъ — не всѣхъ, умныхъ-то людей въ Россіи не мало останется, да и глупые постепенно поумнѣютъ.

— Это вѣрно. Шалый былъ народъ, а теперь понимать сталъ.

Тачечникъ, разогрѣвшись, скидываетъ пальто на телѣжку и везетъ ее по ухабистой мостовой. Я иду по тротуару. Обмѣнъ мнѣній прекращается.

Къ нашему отъѣзду ноябрь подобрался. Съ недѣлю назадъ начались морозы въ перемежку съ мокрыми снѣжными вьюгами, со слякотью и туманомъ. Затѣмъ на день сильная оттепель и вотъ уже три дня, какъ прояснилось небо и легкимъ морозцемъ сковало жидковатую грязь. Солнце свѣтитъ, хоть не грѣетъ, но играетъ и на Адмиралтейской иглѣ, и на куполахъ. На Невскомъ, куда сворачиваемъ съ Михайловской, насъ встрѣчаютъ военной музыкой. Идетъ отрядъ пѣхоты. Красноармейцы въ новой формѣ съ сѣрыми шишаками на шлемахъ, съ тремя широкими голубыми нашивками на груди у каждой полы сѣрой шинели. Оркестръ играетъ старый русскій маршъ. Когда онъ смолкаетъ, красноармейцы поютъ на мотивъ старой русской солдатской пѣсни. Съ особой любовью и душевнымъ благожелательствомъ всматриваюсь въ ихъ лица. Въ послѣдній разъ, надолго, быть можетъ и навсегда, вижу я этотъ зародышъ новой старой арміи. Коммунистическая власть меня выгоняетъ изъ отечества. Но да будутъ благословенны русскіе солдаты! Пусть растутъ, крѣпнутъ, множатся! Придетъ время — они обрѣтутъ настоящихъ вождей и на нихъ возсоздастся Великая Россія. Идутъ въ ногу, стройно, твердо. Замѣтна дисциплина и выучка. Лица молодыя, здоровыя, свѣжія. Ни угнетенности, ни злобы не видать. Глядятъ ясно, непринужденно. Помогай имъ Богъ! Господи, спаси Россію!

У Александровскаго сада. На-право Зимній Дворецъ. Нѣтъ старой рѣшетки съ золотыми орлами. Пожалуй, такъ оно лучше. Къ рѣкѣ тянется небольшая красивая аллея. Правѣе - садъ съ неубранными слѣдами разрушенія и непорядка, а тамъ прямо — стройныя линіи такого громаднаго, строгаго, благороднаго зданія. Въ свое время мы жестоко били эту Императорскую Россію, и за дѣло и безъ дѣла. Но, вѣдь, она дала намъ С.-Петербургъ, построила Зимній Дворецъ, Адмиралтейство, арку Главнаго Штаба, охранила Дворцовую площадь съ Александровской колонной. Пусть это не столько Романовы, сколько Голштейнъ-Готторпскіе или Ангальтъ-Цербтскіе, но какъ много отъ нихъ осталось неистребимой красоты и благородства, если не въ людяхъ, то хоть въ зданіяхъ!

Оставляя Зимній Дворецъ на-право, я сворачиваю на-лѣво и прохожу мимо дома: Гороховая, 2. На-право то, что было; на-лѣво то, что есть. Предѣлъ лѣвыхъ устремленій русской интеллигенціи.

Три мѣсяца тому назадъ, въ семь часовъ прекраснаго августовскаго утра, когда солнце богато поливало своими лучами и Александровскій садъ и всю Дворцовую полощадь, гнали насъ подъ конвоемъ изъ этого зданія петербургской чрезвычайки въ Домъ предварительнаго заключенія на Шпалерной. Сосѣдями моими были проф. Л. П. Карсавинъ и А. Б. Петрищевъ. Послѣ восьмидневнаго пребыванія въ грязномъ и подломъ сараѣ Чрезвычайки, съ какой радостью вдыхали мы чистый воздухъ ранняго утра! На Дворцовой площади, подъ жаркими еще лучами старѣющаго къ осени солнца, мы обнажили головы, не то отъ жары, не то отъ чувства умиленія передъ раскрывшейся гордой красотой Святого Петрограда. Рѣдкіе прохожіе смотрѣли съ чувствомъ участія и страха на эту толпу окруженныхъ конвоемъ людей, такъ мало похожихъ на убійцъ, воровъ и мошенниковъ... Мнѣ и въ голову не приходило тогда, что черезъ три мѣсяца, уже физически свободный, но душевно болѣе подавленный, я буду проходить мимо Гороховой

и Исаакія, направляясь на германскій пароходъ, который увезетъ меня въ изгнаніе. Концентраціонный лагерь, снѣга Сибири и Архангельска, глухія кочевья Оренбургской губерніи или Киркрая – все, что угодно, только не прекрасныя мостовыя Берлина, залитыя электричествомъ, съ давящей стремительностью тяжелыхъ автомобилей, звонками трамваевъ и велосипедистовъ...

* *
*

Попросилъ тачечника поѣхать мимо памятника Петру Великому: крюкъ небольшой. Иностранцы пожмутъ плечами, французы придутъ въ негодованіе, когда услышатъ, что это – лучшій памятникъ въ Европѣ, построенный иноземцемъ на русской почвѣ и снабженный обрусѣвшей нѣмкой латино-русской надписью. Памятника, который больше говорилъ бы моему уму и сердцу, я не видалъ на площадяхъ ни Парижа, ни Берлина.

Отъ Фальконета какъ-то само собой мысль потянулась къ Паоло Трубецкому, объятальянившемуся русскому. У Невы – начало, тамъ, у Николаевскаго вокзала – конецъ Императорской Россіи. Здѣсь взлетъ въ высь, стремленіе къ морю, порывъ на западъ, презрѣніе къ шипящей, извивающейся змѣѣ. А тамъ – дородный отъѣвшійся урядникъ стянулъ поводья своей упрямой, озлобленной кобылы, давитъ ее своей тяжестью и своей волей, направляя на великій Сибирскій путь, приведшій къ манчьжурскому пораженію. Памятника Петру коммунисты не тронули. Они его даже оберегали и время отъ времени не прочь были родными съ нимъ счесться. Въ Петрѣ Великомъ было, дѣйствительно, не мало отъ большевика. Но къ сожалѣнію, въ коммунистахъ почти ничего нѣтъ отъ Петра. Петръ не только разрушалъ, онъ и строилъ, и результаты его стройки держатся доселѣ. Что построили коммунисты? Петръ говорилъ: а о Петрѣ вѣдайте, ему жизнь не дорога, была бы жива Россія! Коммунисты говорятъ: намъ Россія не дорога, былъ бы живъ интернаціоналъ! Тутъ непроходимая пропасть.

Памятникъ Александру III коммунисты сначала забили досками и соорудили на немъ балаганъ, съ подмостковъ котораго по революціоннымъ праздникамъ коммунистическіе шуты ублажали лускающую сѣмячки толпу.

Глупые люди не поняли глубокаго національно-революціоннаго смысла, безсознательно отлитаго П. Трубецкимъ въ его статуѣ. Точно исполняя тайное желаніе Маріи Федоровны, они укрыли его отъ глазъ народа и превратили въ символъ своей революціонной пошлости, лишь отдаленно напомнившій расправу татаръ надъ русскими князьями. Когда имъ все это разъяснили, коммунисты сняли свой балаганъ съ памятника, испакостивъ его глупыми стихами бѣднаго, пьянаго Демьяна. И воздвигнутъ теперь на Площади Революціи памятникъ коммунистической заборной литературы, тамъ, гдѣ раньше, на площади Знаменья, стоялъ обличительный памятникъ Александру III.

* *
*

Дальше бѣжитъ мысль... Завернувъ угломъ съ площади, такой же прямой лентой, какъ и Новый, стелется Старый Невскій, приводя въ широкія ворота Александро-Невской Лавры. До могилы памятна будетъ мнѣ эта прекрасная дорога, мой крестный путь. Еще сегодня я былъ тамъ, на могилѣ моей дочери, одной изъ

безвѣстныхъ жертвъ русской революціи. Ее убила на восемнадцатомъ году жизни не пуля чекиста и даже не сыпная вошь сосѣдки по арестантской нарѣ. Были еще болѣе прозаическіе способы убивать. У нея не было ни галошъ, ни цѣлыхъ ботинокъ, и она постоянно промачивала ноги. Въ квартирѣ было 4 градуса мороза и, помогая матери, она таскала тяжелыя бревна вмѣсто отца, мыкавшагося въ то время по коммунистическимъ тюрьмамъ. Питалась тогдашнимъ россійскимъ хлѣбомъ и пшенной размазней. Хрупкій организмъ надломился. Легкая простуда свалила ее въ концѣ января и черезъ десять дней убила . . .

Она собиралась ѣхать въ Москву «хлопотать» за отца. Я ждалъ ее, мое сокровище на землѣ, которой не видѣлъ уже болѣе года, съ той памятной ноябрьской ночи, когда подъ громъ юденическихъ пушекъ, она одна съ матерью, какимъ-то чудомъ и милостью добродушнаго конвоира пробравшись на вокзалъ, мерзла, провожая меня, увозимаго въ Москву въ арестантскомъ вагонѣ.

Теперь она, получивъ отпускъ, — въ Сов. Россіи всѣ вынуждены были служить, даже дѣти, забросивъ ученье, — собиралась навѣстить меня. Я ждалъ ее со дня на день. Вмѣсто того пришло письмо. Ничего страшнаго еще не было въ этомъ письмѣ: Нюся немного простудилась и отложила отъѣздъ. Но сердце уже забило тревогу. Слѣдующее письмо ее удвоило. Я написалъ Дзержинскому, прося освободить меня на-время, на мѣсяцъ, подъ честное слово, чувствуя, что надъ многострадальной семьей моей нависаетъ гроза. Спасибо Е. А. Пѣшковой и Винаверу изъ Краснаго Креста: они много помогли мнѣ. Спасибо Е. Д. Кусковой и Н. М. Кишкину, тогда вольнымъ гражданамъ Р. С. Ф. С. Р.: они дали свое поручительство, что я сдержу слово и вернусь . . .

Письма доходили не скоро изъ Петрограда въ московскій Ивановскій лагерь, черезъ шесть-восемь дней. Я чувствовалъ, что идетъ на меня самое страшное изо всего перенесеннаго мною. Я сознавалъ, что меня скоро отпустятъ — пусть на время — изъ посытлой тюрьмы, что я увижу жену и дѣтей. Но я молился: Господи, если дочь моя своими страданіями, своею смертью покупаетъ для меня свободу, не надо, Господи, оставь меня тутъ, дай мнѣ смерть, но сохрани жизнь моему ребенку! Ловя минуты одиночества, я, старый, сѣдой человѣкъ, плакалъ тяжелыми слезами, безсильный что-либо сдѣлать, духовными очами слѣдя за агоніей ребенка . . .

Пришла бумага. Съ вещами вытребовали меня на Лубянку въ В. Ч. К. Тамъ долго не держали, взяли подписку, что обязуюсь вернуться черезъ мѣсяцъ, и отпустили. Въ тотъ же вечеръ я получилъ возможность уѣхать въ Петроградъ. Добрые люди помогли, случайности благопріятствовали.

Раннимъ февральскимъ утромъ, еще въ темнотѣ, шелъ я съ узломъ на спинѣ по Суворовскому проспекту, съ глухой тоской на сердцѣ, со слабой надеждой въ умѣ. Парадныя двери въ Сов. Россіи уже давно не открывались. Подымаюсь по черной лѣстницѣ: звоню, стучу — долго, очень долго. Уже не слышу, какъ раньше, біенія своего сердца. Только холодный потъ буквально льется изъ подъ шапки и совсѣмъ застлалъ мои очки. Вдругъ слышу слабый голосъ:

— Кто тамъ?

— Я, Галочка.

Дверь, наконецъ, открылась . . .

— Что съ Нюсей?

— Третьяго дня похоронили. Соня больна тифомъ. Я тоже съ постели.

И повалилась въ слезахъ, безъ сознанія, на полъ . . . Не помню, какъ довелъ ее до кровати. Старшая дочь горѣла, но меня узнала, смогла даже сказать:

— Папа, не цѣлуй меня, я захватила сыпнякъ . . .

Воды въ квартирѣ не было: всѣ краны замерзли и трубы полопались. Уборныя не дѣйствовали. На кухнѣ и въ комнатахъ валялись огромныя обмерзлыя колоды, которыя жена съ дѣтьми какъ-то ухитрились втащить въ квартиру. Проклятыя колоды! Жена безъ ужаса не могла на нихъ смотрѣть, приписывая имъ смерть ребенка. Домъ Литераторовъ скоро послалъ людей, которые ихъ распилили и раскололи. Воду давали сосѣди.

Въ тотъ же день пошелъ по Старому Невскому въ Александро-Невскую Лавру. Провожала сосѣдка, помогавшая хоронить. Она указала и могилку. Жена и старшая дочь слегли, вернувшись съ похоронъ. У дочери температура поднялась уже за 40°.

Противъ Собора, на свободной полянѣ, подъ старой широковѣтвистой березой, вблизи дороги указала мнѣ сосѣдка свѣжую могилку, отмѣченную небольшимъ рукодѣльнымъ крестомъ. Кругомъ былъ снѣгъ, мѣстами глубокій. На могильномъ холмикѣ чернѣли еще комья замерзшей земли. Съ той поры и началось мое хожденіе по Старому Невскому. Сначала одинъ, потомъ семьей. Всей семьей и могилку весной убрали и водрузили на ней настоящій крестъ. Крестъ стоилъ тогда безумныхъ денегъ, и соорудила его фабрика того предпріятія, на которомъ служила покойная. Жена выкрасила его бѣлой масляной краской, я сдѣлалъ на жестяной дощечкѣ надпись. Въ нашей квартирѣ этотъ крестъ высохъ. На своихъ плечахъ отнесли мы его на кладбище и тамъ закопали на аршинъ въ землю въ головахъ у могилки, на которой выздоровѣвшая дочь развела цвѣты. Все это было уже позже, въ маѣ 1921 г.

Февраль и начало марта ушли на уходъ за больными. Къ счастью, ихъ удалось выходить. Добрые люди помогли. Не оскудѣла еще ими русская земля. Въ какихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ я себя ни припоминаю — а много ихъ было, всякихъ — всегда находился добрый человѣкъ, помогавшій и совѣтомъ, и дѣломъ... Къ тому времени, когда я, выполняя данную подписку, собрался въ обратный путь, во Всероссійскую Чрезвычайку, дочь уже могла сидѣть на кровати, а жена была почти здорова. Въ Москвѣ меня держали недолго и скоро освободили по какой-то спеціальной амнистіи 18 марта 1921 г., не то въ память пятидесятилѣтія Парижской Коммуны, не то по случаю взятія мятежнаго Кронштадта.

Не внялъ Господь моей молитвѣ въ Ивановскомъ лагерѣ, прежде—монастырѣ. Смертью своей дочь моя дала мнѣ свободу. Не мнѣ судить пути Господни. Вѣроятно, не полна еще моя чаша, что-то предстоитъ еще сдѣлать здѣсь на землѣ, для чего-то надо жить . . .

* *
*

Мы подошли къ пароходу, когда воздухъ уже подернулся легкимъ осеннимъ сумракомъ. На берегу толпилось много народу, главнымъ образомъ, молодежи. Тачечникъ помогъ перенести багажъ на баржу, служившую таможенной передней къ пароходу. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ и споровъ удалось втянуть вещи въ отдѣленіе для таможеннаго осмотра.

Пассажиры прошли въ теплую комнату, и потянулись мучительные, тягостные, нудные, длинные часы ожиданія развязки, когда душевная усталость точно убиваетъ боль отъ разлуки съ близкими и дорогими людьми.

Приходили друзья и знакомые прощаться. Цѣловались, жали руки, печально смотрѣли въ глаза и говорили:

– Не знаю, жалѣть Васъ или завидовать? Кому хуже, высылаемымъ или остающимся? Мы безъ Васъ совсѣмъ осиротѣемъ и потонемъ въ болотѣ. Теперь только чувствуешь, какъ важно было для насъ, что Вы, послѣдніе, еще тутъ жили...

Отвѣчаешь имъ, почти какъ тачечнику:

– Какіе мы послѣдніе! Не перевелись еще люди въ Россіи...

Приходили большими группами студенты прощаться съ профессорами. Приносили цвѣты ихъ женамъ, помогали переносить вещи. Вьющейся, длинной, колеблющейся разноцвѣтной лентой потянулись сквозь публику, точно гусиный выводокъ, сотни полторы молодыхъ, возбужденныхъ отъ холодка, отъ волненія женскихъ лицъ. Студентки, ученицы Стоюнинской гимназіи, пришли проститься съ Маріей Николаевной, сопровождавшей въ изгнаніе своего зятя проф. Н. О. Лосскаго.

Часовъ до одиннадцати вечера гудѣлъ берегъ отъ оживленнаго прибоя молодежи, смѣнявшей другъ друга.

Каждое прощанье заканчивалось словами:

– Мы говоримъ Вамъ не «прощайте!», а «до-свиданья»!..

Я старался прислушаться, что отвѣчала моя душа. Въ ней не было ощущенія похоронъ, но не слыхалъ я и бодрыхъ звуковъ радостной надежды. Громада – Петербургъ со всей его культурой и государственнымъ строемъ, – песчинка въ сравненіи съ вставшей на дыбы Россіей. Интеллигенція – песчинка въ сравненіи съ громадой Петербурга и разрушающихся русскихъ городовъ. Мы – небольшая часть интеллигенціи, старавшаяся поддержать ту искру, изъ которой «возгорится пламя».

Опять Пушкинъ! Нельзя жить ни въ С. Петербургѣ, ни въ Петроградѣ, не зная и не любя Пушкина.

* *
*

Давно уже началась посадка. Вызываемый, съ семьей и документами, проходилъ въ сосѣднее помѣщеніе, тамъ его допрашивали, осматривали и затѣмъ онъ безвозвратно поглощался пароходомъ. Остававшіеся въ ожидальной только спустя болѣе или менѣе продолжительное время видѣли черезъ окно, какъ по трапу передвигались силуэты людей съ вещами...

Въ половинѣ двѣнадцатаго ночи вызвали и меня съ женой. За столомъ съ бумагами сидѣли двое русскихъ и одинъ нѣмецъ. Сдѣлавъ какія-то отмѣтки на листѣ, спросивъ о возрастѣ и еще о чемъ-то, меня передали красивому юношѣ въ чекистской формѣ. Изысканно вѣжливо онъ провелъ руками по моему пиджаку и брюкамъ, для приличія вынулъ изъ бокового кармана пакетикъ, оказавшійся пачкой папиросъ и положилъ его обратно.

– Сколько у васъ съ собой денегъ?

Я сказалъ и вынулъ мой бумажникъ. Чекистъ не сталъ даже смотрѣть. Одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ русскихъ оторвалъ клочокъ бумажки, написалъ два слова и передалъ чекисту.

– Будьте добры пойти на осмотръ вещей.

Мы прошли въ помѣщеніе, куда, часовъ семь тому назадъ, я не безъ труда втащилъ мои вещи. Мой спутникъ подозвалъ одного чиновника и передалъ ему клочокъ бумажки. Тотъ взялъ, посмотрѣлъ и удивленно спросилъ:

– Какъ это понимать?

Чекистъ нагнулся къ его уху и что-то прошепталъ. Меня эта сцена чрезвычайно заинтересовала. Поглядимъ, каковъ будетъ осмотръ...

Узлы были развязаны и чемоданы мною раскрыты. Руки надсмотрщиковъ рылись въ вещахъ, но они ничего оттуда не вынули, и глаза ихъ ни на что не смотрѣли. Осмотръ происходилъ, и, въ сущности, его не было. На то, чтобы снова завязать узлы и привести въ порядокъ чемоданы, у меня ушло больше времени, чѣмъ на весь осмотръ.

А сколько дней до отъѣзда пропало у меня на бѣганье по учрежденіямъ, на хлопоты за полученіемъ десятка разрѣшительныхъ бумагъ, на составленіе и засвидѣтельствованіе копій! Сколько силъ наши представители ухлопали на переговоры съ Г. П. У., управляющими таможней, финансовой частью, на сношенія съ Москвой, съ цензурой! Борьба шла изъ за лишней простыни, изъ-за лишняго золотника золотыхъ вещей. Все это казалось настолько серьезнымъ, что я не взялъ многихъ необходимыхъ вещей, своевременно не занесенныхъ въ списки. О книгахъ, рукописяхъ и замѣткахъ нечего и говорить. Памятуя, сколько этого, цѣннаго для меня одного, матеріала, погибло при прошедшихъ обыскахъ, арестахъ и этапныхъ путешествіяхъ, я не взялъ съ собой ничего. А можно было все вывезти...

Разсказывали, что этотъ день былъ, вообще, легкимъ для всѣхъ пассажировъ. Не только у административно-высылаемыхъ заграницу ничего не отобрали, но и у «штатскихъ» взяли лишь банку икры у одной дамы и кольцо съ камнями у другой. Не всегда, говорятъ, такъ бываетъ...

У меня сложилось впечатлѣніе, что были даны особыя указанія не чинить намъ никакихъ притѣсненій. Совѣтская власть точно хотѣла подчеркнутой вѣжливостью украсить наше разставаніе съ родиной и тѣмъ—облегчить или отяготить наши послѣднія минуты.

Противорѣчива душа человѣческая. Я лично эту подчеркнутую мягкость властей почувствовалъ какъ горечь. Высылаютъ безъ злобы. Это хуже, меньше шансовъ на скорое возвращеніе...

* *
*

Послѣ «посадки» мы еще нѣсколько часовъ оставались въ Петроградѣ и двинулись только на разсвѣтѣ. Десятка два людей успѣли прибѣжать, — трамваи еще не ходили, — чтобы крикнуть намъ съ пристани послѣднее «прости». Солнце освѣтило для насъ отходящую столицу и еще часъ, другой мы могли жадно вбирать въ себя послѣднія впечатлѣнія.

Затѣмъ долго плыли мы по водному кладбищу былой русской силы, русскаго богатства, русской славы. Суда, коммерческія и военныя, превращенныя въ желѣзный ломъ, не дымящія фабричныя трубы, не работающіе краны, полуразобранные лѣса у недоконченныхъ построекъ, пустые доки, заброшенныя баржи, пустые склады...

Подходимъ къ Кронштадту и его фортамъ, теперь игрушечнымъ для современнаго морского артиллерійскаго огня.

Толбухинъ маякъ. Сторожевыя военныя суда: русское и эстонское. Сосѣдняя независимая держава.

Какой-то пароходикъ подходитъ къ нашему «Preussen». Высланные пробуютъ шутить:

— Пароходикъ отъ «Чеки» съ приказаніемъ вернуть всѣхъ обратно до новаго распоряженія . . .

Нѣтъ, новыхъ распоряженій не послѣдовало. Пароходикъ снялъ только лоцмана. Мы въ открытомъ морѣ. Внѣ досягаемости для Госполитуправленія Р. С. Ф. С. Р., но и внѣ Россіи . . .

* *
*

Несмотря на середину ноября (1922 г.), погода была на рѣдкость хороша. Ни снѣга, ни дождя. Почти не качало. За эти три дня тихой морской прогулки я могъ вспомнить и продумать пять лѣтъ моей жизни въ коммунистическомъ раю, почти шесть лѣтъ революціи. Обрывки этихъ воспоминаній и мыслей я и пытаюсь нынѣ записать на этихъ страницахъ.

* *
*

Не видавшіе станутъ отрицать, а многіе изъ видѣвшихъ будутъ теперь спорить, что въ самомъ началѣ революціи были дни всеобщаго энтузіазма, необыкновеннаго подъема, подлиннаго сліянія всѣхъ въ одну душу. Вотъ и ген. Деникинъ, подобравшій знамя, выпавшее изъ мужественныхъ рукъ ген. Корнилова, пишетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ: «Праздничные дни трогательнаго, радостнаго единенія между офицерствомъ и солдатами быстро отлетѣли, замѣнившись тяжелыми, нудными буднями. Но, вѣдь, они были, эти радостные дни... Сразу отпали какъ-то сами собой всѣ наносные, устарѣлые пріемы, вносившіе элементъ раздраженія въ солдатскую среду; офицерство какъ-то подтянулось, сдѣлалось серьезнѣе и трудолюбивѣе.»

Было, только длилось все это очень и очень недолго. Я, человѣкъ типа болѣе разсудочнаго, чѣмъ волевого или сантиментальнаго, тоже пережилъ эти чувства, только на мигъ еще болѣе короткій, чѣмъ другіе. Съ 1905 года у меня создалось вполнѣ опредѣленное представленіе о характерѣ русской революціи, которую я считалъ, къ несчастью, неизбѣжной, какъ только «внѣшній толчокъ» освободитъ связанныя силы. Такимъ «внѣшнимъ толчкомъ» и явилась война.

Часто спрашивалъ я себя: въ чемъ секретъ этого очарованія революціи, этого длящагося одну минуту всеобщаго энтузіазма? Революція — это освобожденіе отъ внѣшнихъ путъ. Въ этихъ путахъ есть, очевидно, нѣчто такое, что дѣйствительно изжито всѣмъ народомъ, превзойдено имъ въ своемъ духѣ, можетъ и должно быть сброшено. Но освобожденіе чрезвычайно быстро переходитъ за эти предѣлы. Освобождая себя отъ внѣшнихъ цѣпей и страха, человѣкъ уже не находитъ никакихъ сдержекъ въ своей душѣ. Энтузіазмъ, объединявшій всѣхъ, исчезаетъ. Одни попадаютъ во власть темныхъ силъ и служатъ имъ болѣе или менѣе изступленно. Другихъ гнететъ реакція, чувства раскаянія, мести и гнѣва.

Но какое-то святое зерно успѣло побывать въ душахъ всѣхъ. Я видѣлъ это на улицахъ Петрограда въ тѣ три-четыре дня, пока еще его тротуары и снѣжные сугробы не были заплеваны сѣмячками.

Коренное различіе между политическими революціями и религіозными движеніями въ томъ, что послѣднія, обусловленныя въ извѣстной долѣ тоже земными причинами, обращаются къ вѣчному въ душѣ человѣка. Ихъ освободительное

вліяніе на человѣческую душу длится поэтому и за предѣлами кратковременной спазмы энтузіазма. Освободительное вѣяніе революціи гаснетъ вслѣдъ за этимъ мигомъ. Поэтому-то такъ необъятно велико по сравненію со всѣми революціями міра воздѣйствіе христіанства на души милліардовъ человѣческихъ существъ.

* * *

Энтузіазмъ, несомнѣнно царившій въ столицѣ въ февральско-мартовскіе дни 1917 г., спустя восемь мѣсяцевъ, въ концѣ октября, не ощущался никѣмъ, кромѣ тѣсной группы лицъ, спасшихъ себя захватомъ власти. Незнакомые люди не поздравляли другъ друга и не цѣловались на улицахъ. И если въ преддверіи весны 17-го года «всѣ были пьяны отъ восторга и не единый — отъ вина», то осенью не единый не былъ пьянъ отъ восторга и очень многіе — отъ вина. Было даже немало пьяныхъ, утонувшихъ въ винныхъ погребахъ, затопленныхъ водой. А сколько разстрѣлянныхъ новой властью!?

На большевиковъ въ октябрьскіе дни смотрѣли, какъ на захватчиковъ — авантюристовъ, царствіе которыхъ будутъ считать, если не недѣлями, то мѣсяцами. Пожалуй, такъ думало и большинство самихъ захватчиковъ, съ тоской смотрѣвшихъ на себя, какъ на обреченныхъ людей. Нынѣшнему петроградскому диктатору Зиновьеву пришлось испытать почти то же, что, по словамъ С. М. Соловьева, случилось со вторымъ Лже-Димитріемъ въ Стародубѣ. Пойманный крестьянами, онъ никакъ не хотѣлъ признаваться, что онъ — царь. Крестьяне пригрозили пыткой. Тогда Лже-Димитрій выхватилъ у одного палку и закричалъ: Ахъ, вы, с . . . с . . ., я вамъ покажу, какой я царь! Мужики повалились въ ноги . . . Зиновьева, какъ и Луначарскаго, солдаты штыками заставили взять обратно свою отставку. Зиновьеву, какъ и множеству другихъ, пришлось повторить знаменитыя слова: я — ихъ вождь и долженъ слѣдовать за ними. Другое дѣло — Ленинъ. Этотъ смотрѣлъ въ одну точку и видѣлъ яснѣе. Для него съ самаго начала соціализмъ, война и остальное были только средствомъ для овладѣнія властью и удержанія ея...

Я цѣнилъ шансы большевиковъ съ первыхъ же дней гораздо выше, чѣмъ даже они сами. Почти всѣ революціонеры проповѣдовали большевизмъ, не рѣшаясь осуществлять его. Было ясно, что тѣ большевики, которые на это рѣшатся, окажутся сильнѣе всѣхъ.

Газета «Рѣчь», попытавшаяся выходить послѣ большевистскаго переворота, была вскорѣ закрыта, какъ и вся не-коммунистическая пресса. Сразу покончить со свободой печати большевики не рѣшились. Черезъ нѣкоторое время намъ было дано знать, что мы можемъ возобновить изданіе. Политическаго руководителя «Рѣчи» — П. Н. Милюкова уже не было въ Петроградѣ. Мы стали выпускать «Нашъ Вѣкъ». Газета не находилась ни въ какой связи съ Центральнымъ Комитетомъ конституціонно-демократической партіи, уже раскалывавшейся въ то время по оріентаціямъ. Несмотря на это, несмотря даже на дѣлаемыя въ такомъ смыслѣ заявленія, газету упорно продолжали именовать кадетскимъ оффиціозомъ и въ ея статьяхъ видѣть настоящее отраженіе кадетской мысли. Большинство членовъ Центр. Комитета, проживавшихъ въ Москвѣ и крѣпко державшихся союзнической оріентаціи, были этимъ чрезвычайно недовольны. Основное ядро редакціи состояло изъ І. В. Гессена, редактировавшаго газету съ большими перерывами, но въ работахъ Ц. К. участія не принимавшаго, М. И. Ганфмана, замѣнявшаго отсутствовавшихъ редакторовъ П. Н. Милюкова и І. В. Гессена,

не состоявшаго даже членомъ к.-д. партіи, Д. В. Философова – тоже не кадета, наконецъ, К. Н. Соколова и меня. Мы двое были членами Центр. Комитета, его праваго крыла, но не имѣли въ партіи вліянія, какъ люди, не отражавшіе господствующихъ взглядовъ. Несмотря на это, когда говорили о кадетскихъ взглядахъ, ссылались только на «Нашъ Вѣкъ.» Ничего съ этимъ нельзя было подѣлать! Курьезный случай, свидѣтельствующій, какъ трудно бороться съ общественнымъ предразсудкомъ, превратившимся въ традицію. М. И. Ганфманъ неоднократно жаловался мнѣ:

– Ни о чемъ нельзя писать. Напишешь, – сейчасъ и подхватятъ: вотъ какъ думаютъ кадеты, а кадеты тутъ не при чемъ.

Любопытно, что когда появился «Нашъ Вѣкъ», большевистскія власти высказывали недовольство, почему газета не назвалась снова «Рѣчью».

* *
*

Уже съ апрѣля 1917 г., когда темный Линде вызвалъ Финляндскій полкъ требовать отставки П. Н. Милюкова, а командующій войсками округа ген. Корниловъ лишенъ былъ Совѣтомъ права распоряжаться солдатами, для меня стало очевидно, что пришествіе большевиковъ только вопросъ времени. Правда, кадеты сдѣлали тогда попытку выйти на улицу и позвать ее за собой. Помню, какъ мы въ нашемъ прекрасномъ тогда помѣщеніи на Французской Набережной готовили наши зеленыя знамена и плакаты. Множество самоотверженной молодежи обоего пола откликнулись на зовъ. Скромная наша манифестація, тотчасъ же по выходѣ на Литейный, стала обрастать толпами народа, восторженно привѣтствовавшими патріотическіе лозунги. Тогда борьба была еще возможна съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ. Только нельзя было ее вести рука объ руку съ соціалистами изъ Совѣта Раб. и Солд. Деп.

Въ рядахъ Врем. правительства это понималъ едва ли не одинъ лишь П. Н. Милюковъ, противъ котораго велъ тонкую интригу Н. В. Некрасовъ, еще не вышедшій изъ Центр. Комитета партіи. Все, что было во Врем. Правительствѣ правѣе кадетъ, съ кн. Г. Е. Львовымъ во главѣ, льнуло къ соціалистамъ изъ Совѣта, чувствуя свое безсиліе. Въ самой кадетской партіи П. Н. Милюковъ не встрѣтилъ поддержки. Въ рѣшающемъ голосованіи Центральнаго Комитета 18 человѣкъ противъ 10 высказались за то, чтобы не настаивать на оставленіи за П. Н. Милюковымъ портфеля министра иностранныхъ дѣлъ.

Интрига Н. В. Некрасова увѣнчалась успѣхомъ: партія предала своего вождя. Долженъ сказать, что тутъ игралъ роль не только страхъ порвать съ соціалистами, казавшимися тогда силой, но и сознательное недовольство многихъ политической линіей П. Н. Милюкова. В. Д. Набоковъ и нѣкоторые другіе, среди нихъ и очень вліятельныя лица, офиціально стоя на союзнической платформѣ, сознавали уже въ то время непосильность для страны продолженія войны, не дѣлая изъ этого пока логическаго вывода.

Я очень ясно помню тогдашнее положеніе. Конецъ апрѣля глубоко врѣзался въ мое сознаніе, такъ какъ тогда я понялъ неотвратимость пришествія большевиковъ. Я былъ въ числѣ десяти, настаивавшихъ на немедленномъ и полномъ уходѣ всѣхъ кадетовъ изъ всѣхъ министерствъ. Если огромное большинство русской интеллигенціи продолжаетъ пребывать въ духовномъ плѣну у соціалистовъ и одолѣть это настроеніе нѣтъ силъ, то не остается ничего другого, какъ поставить соціалистовъ у власти. Безъ тяжелаго предметнаго урока страна, очевидно, не

обойдется. Чѣмъ скорѣе онъ придетъ, тѣмъ лучше для Россіи: скорѣе закончится, сохранится больше нетронутыхъ силъ. Вреднѣе всего мнѣ казалась коалиція съ соціалистами. Страна испытала бы тогда весь вредъ соціалистическаго правленія, не осознавъ политическаго урока. Соціалисты мастерски прикрывались бы буржуазными министрами, продолжая свое дѣло разрушенія и обвиняя буржуазію и кадетъ въ его результатахъ. У нихъ всегда оставался бы доводъ: это отъ того, что эгоистическая буржуазія не пріемлетъ соціалистической программы и саботируетъ ея осуществленіе.

Мнѣ казалось, что уходъ П. Н. Милюкова долженъ повлечь за собой отставку всѣхъ буржуазныхъ министровъ и образованіе безпримѣснаго соціалистическаго кабинета. А въ соціалистической средѣ — я въ этомъ никогда не сомнѣвался, и въ 1907 г. говорилъ это въ полемикѣ съ Г. В. Плехановымъ, а въ 1911—1913 г. г. въ спорахъ съ А. Н. Потресовымъ — очень скоро взяли бы верхъ большевики. Я и теперь держусь того мнѣнія, что этотъ путь былъ единственно правильный. Конечно, и онъ обрекалъ Россію почти на тѣ же страданія, какія начались для нея съ октября. Но я убѣжденъ, что Россіи было бы гораздо лучше пережить господство соціалистовъ и большевиковъ безъ этого ужаснаго, гнилого коалиціоннаго промежутка, когда такъ безславно погибли наши и прогрессивно-либеральные общественные круги и соціалисты — не большевики.

Когда произошло знаменитое голосованіе Центральнаго Комитета, предавшее П. Н. Милюкова и открывшее эру «коалицій», я думалъ: послѣ первой революціи, въ 1909 году, семь авторовъ въ сборникѣ «Вѣхи» выступили со словомъ предостереженія, указавъ ясно, куда ведутъ страну господствующія интеллигентскія настроенія. Книгу объявили реакціонной злостной клеветой и во главѣ похода противъ насъ былъ П. Н. Милюковъ. Теперь П. Н. Милюкова поддерживаютъ «вѣхисты», патріоты и государственники, но преобладающее большинство либеральной интеллигенціи, имъ же воспитанное, идетъ противъ него, психически безоружное противъ революціонеровъ-соціалистовъ.

Когда черезъ нѣсколько дней послѣ нашей апрѣльской, первой кадетской уличной манифестаціи, ко мнѣ обратилась съ недоумѣнными упреками кадетская молодежь: «какъ? неужели партія оставляетъ Павла Николаевича и кадеты не уйдутъ изъ правительства?», я чувствовалъ себя чрезвычайно смущеннымъ. Что могъ я имъ сказать?! Надъ Россіей повисъ рокъ и пусть скорѣй придутъ большевики... У кадетской партіи не оказалось достаточно самостоятельной духовной силы. Идейно она была въ плѣну у соціалистовъ. Надо было готовиться къ тому, чтобы хоть съ достоинствомъ принять расплату. «Въ политикѣ нѣтъ мести, а есть послѣдствія» — сказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей П. А. Столыпинъ.

Въ концѣ апрѣля кадетская партія была разбита на-голову. Морально она получила ударъ, отъ котораго уже никогда не могла оправиться. Государственномыслящіе элементы русскаго общества лишились своего вождя. Никакой другой силы, кромѣ кадетовъ, не было. Кадеты же завязли въ тинѣ соглашеній съ соціалистами и никакого порыва ни вызвать въ странѣ, ни собрать вокругъ себя не могли. Министры-кадеты, посылаемые въ соціалистическія министерства, А. И. Шингаревъ, Ф. Ф. Кокошкинъ, А. В. Карташевъ — все это «жертвы вечернія». Ген. Корнилова окружили Завойко, Аладьинъ и другіе незнакомцы...

* *
*

Былъ жаркій іюньскій вечеръ. Въ одной изъ комнатъ кадетскаго клуба у раскрытаго балкона съ чуднымъ видомъ на царственную Неву, передъ которой парижская Сена кажется скромной, домовитой провинціалкой, мы сидѣли съ А. Н. Рутценомъ и въ ожиданіи остальныхъ членовъ Ц. К. бесѣдовали о дѣлахъ текущихъ.

— Что будетъ дальше? какъ по вашему мнѣнію? Вы пророчествуете иногда не дурно.

— Теперь уже не надо быть пророкомъ. Надо только ясно видѣть. Революціи, когда удалось раскачать массы, имѣютъ свои законы. Теперь придутъ соціалисты, за ними большевики, погонятъ насъ отсюда, объявятъ терроръ, перевѣшаютъ тысячи людей и приведутъ за собой диктатора. Такъ всегда кончаются революціи, если странѣ, на которую онѣ обрушились, не суждено погибнуть...

* *
*

Наступилъ день 3 іюля — первой попытки большевиковъ къ захвату власти подъ флагомъ «вся власть совѣтамъ.» Наканунѣ ушли изъ министерства министры-кадеты изъ за оборудованнаго Н. В. Некрасовымъ за ихъ спинами «универсала» объ автономіи Украины даже безъ точнаго опредѣленія границъ этого государственнаго новообразованія. Министръ В. М. Черновъ привѣтствовалъ ихъ уходъ словами «скатертью дорога», а въ это же время, поднося къ его носу кулакъ, рабочій большевикъ ему кричалъ: «принимай, с. с., власть, когда даютъ...» Та же «стародубская» сцена, что позднѣе съ Зиновьевымъ и Луначарскимъ...

Партійная дѣятельность съ іюля по октябрь оставила по себѣ слабое впечатлѣніе. Подготовка къ Учредительному Собранію, вѣры въ которое уже не было. Ежедневные удары съ фронта, свидѣтельствующіе о все большемъ и большемъ распаденіи нашей военной силы. Необходимость въ газетѣ все это нѣсколько сглаживать, ослаблять въ виду готовящагося наступленія. А въ Центральный Комитетъ являлись офицеры, въ томъ числѣ и предсѣдатель офицерскаго союза Новосильцевъ, и предостерегали: наступленіе невозможно, оно обречено на неудачу и кончится лишь тѣмъ, что будутъ перебиты лучшія части офицерства и солдатъ. Но «коалиція» была заключена на платформѣ наступленія. «Наступленіе» было тѣмъ трамплиномъ, съ котораго собирался прыгнуть Керенскій. Около же этого времени, если не ошибаюсь, и Троцкій усмотрѣлъ въ Керенскомъ «математическую точку русскаго бонапартизма»... Приходилось всячески поддерживать Керенскаго. Иногда мелькала надежда: а вдругъ?... Особенно громко заговорила она, когда пришли извѣстія о первыхъ успѣхахъ 18 іюня. Какъ-то сами собой начались народныя манифестаціи и кадетскіе зеленые плакаты снова появились на улицахъ Петрограда. Послѣдніе радостные петроградскіе дни... Длились они не долго, смѣнившись вѣстями о разгромѣ, о Тарнопольскомъ и Калушскомъ позорѣ. Громко прозвучалъ голосъ ген. Корнилова, слѣва котораго сталъ военный министръ Б. Савинковъ, а справа — комиссаръ Филоненко.

На авансценѣ металась истерическая фигура А. Ф. Керенскаго. Въ Центральномъ Комитетѣ все чаще и чаще обсуждались различныя министерскія комбинаціи. Основное разногласіе, по прежнему, сводилось къ принципіальному расхожденію во взглядѣ на коалицію съ соціалистами. Число противниковъ коалиціи уменьшалось по мѣрѣ того... какъ яснѣе и яснѣе вырисовывался вредъ коалиціи. Объяснялся этотъ парадоксъ очень просто. Дѣло было сдѣлано. Возврата назадъ

уже не существовало. Коалиція связала партію и внѣ коалиціи уже не представлялось возможности политической дѣятельности. Вино было раскупорено, его надо было пить.

За сотрудничество съ соціалистами особенно стояла «Москва» и «провинція». Лидеромъ этой части партіи являлся Н. М. Кишкинъ, уже въ то время разсчитывавшій убѣдить Керенскаго перебраться съ правительствомъ въ Москву, чтобы, высвободившись изъ подъ вліянія Совѣтовъ, сдѣлать послѣднюю попытку оздоровленія демократической Россіи. Московское направленіе считалось въ партіи болѣе «лѣвымъ». Въ немъ видѣли и выраженіе голоса «провинціи», черноземной Руси. Все это были иллюзіи. Московское направленіе также не имѣло за собой никакой силы, кромѣ отдѣльныхъ лицъ, разсчитывавшихъ заговорить или обойти стихію. А она шла своимъ путемъ.

Кстати. Соціалисты и большевики вели въ то время агитацію противъ кадетъ, какъ партіи не только буржуазной, что, конечно, справедливо, но и капиталистической, что было полной неправдой. «Долой министровъ-капиталистовъ!» — кричала толпа, требуя отставки Шингарева и Кокошкина. Къ сожалѣнію, между капиталистами и кадетами связи не было. Ея не образовалось до революціи. Только лѣтомъ начались попытки болѣе тѣснаго сближенія, и представители московской торгово-промышленной группы изрѣдка появлялись въ засѣданіяхъ Центр. Комитета. Партія, какъ была, такъ и осталась до самаго конца интеллигентской. Она встрѣтила живой откликъ въ мелкой и средней городской буржуазіи, осторожно обошла капиталистическіе верхи и не смогла сдѣлать себѣ опоры изъ крестьянъ-собственниковъ. Между тѣмъ, только оттуда она могла почерпнуть настоящую силу.

Въ свое время я былъ, пожалуй, единственнымъ человѣкомъ въ партіи, рѣшавшимся утверждать, что «столыпинскіе хуторяне» должны быть сдѣланы партійнымъ фундаментомъ. Высказываніе этой ереси причинило мнѣ не мало непріятныхъ минутъ и не разъ заставляло подумывать объ уходѣ изъ партіи. Ошибка была не въ самой мысли — нынче нѣтъ кадета, который бы ея не раздѣлялъ, — а въ допустимости иллюзій, что наличный составъ верховъ партіи, подбиравшихся долгимъ историческимъ процессомъ, способенъ эту мысль осуществить. Съ этой точки зрѣнія я признаю правильными упреки соціалистовъ въ отсутствіи у кадетъ достаточной «демократичности». Да, было много «барскаго» въ хорошемъ и въ дурномъ смыслѣ слова.

* *
*

Корниловскіе дни я провелъ въ Эстляндской губерніи, куда ѣздилъ за семьей въ виду упорныхъ слуховъ о предстоящемъ занятіи края нѣмцами. Въ маленькомъ эстонскомъ городкѣ Гапсалѣ я могъ наблюдать, какъ революція, довершая дѣло войны, расшатывала государственныя скрѣпы Россіи и подготовляла мѣстные сепаратизмы.

Съ 1910 г. ежегодно мы проводили по нѣсколько лѣтнихъ недѣль въ этомъ чистенькомъ эстонскомъ городкѣ, и я могъ слѣдить за кривой народныхъ настроеній. Эстонцы относились къ русской власти и къ русскимъ вполнѣ лойяльно, да и власть и русское населеніе ничѣмъ вражды эстонцевъ къ себѣ не вызывали. Только на желѣзныхъ дорогахъ преобладали русскіе, но во всѣхъ другихъ учрежденіяхъ было очень много чиновниковъ-эстонцевъ и эстонскій крестьянинъ и на

почтѣ, и у воинскаго начальника, и въ казначействѣ, и у нотаріуса могъ объясняться на своемъ языкѣ. Русская власть являлась народу въ демократическомъ облаченіи защитника отъ нѣмецкихъ бароновъ. Эстонскія газеты, общества, научно-литературныя и спортивныя, политическія партіи, митинги — все это въ довольно широкихъ, по нынѣшнему, размѣрахъ было доступно эстонцамъ. Количество русскихъ въ краѣ медленно, но постепенно росло: они занимались ремеслами и кое-какой торговлей. Часть эстонцевъ исповѣдовала православную вѣру и въ Гапсальскомъ соборѣ шла двойная служба: на славянскомъ и на эстонскомъ языкахъ.

При объявленіи войны всѣ симпатіи эстонскаго населенія были на сторонѣ Россіи. Кое-гдѣ начинались даже преслѣдованія нѣмцевъ, на почвѣ шпіономаніи. Надо отдать справедливость тогдашнему эстляндскому губернатору — онъ сдерживалъ эти проявленія національной вражды къ нѣмцамъ, выражавшейся у эстонцевъ вообще значительно слабѣе, чѣмъ у латышей.

Но военныя пораженія, съ одной стороны, начинавшійся еще до революціи распадъ арміи, съ другой, дѣлали свое дѣло. Въ 1916 году я видѣлъ уже явные признаки недовольства населенія русскими солдатами. Кражи въ Эстляндіи были явленіемъ очень рѣдкимъ. Въ Гапсалѣ еще въ 1912–1913 годахъ — не повѣрятъ! — можно было всей семьей уйти изъ дому, не заперевъ дверей. Наши солдаты быстро отучили отъ этого. Они крали картошку и овощи съ огородовъ, обирали фруктовые сады, растаскивали заборы на топливо. Они не только брали для собственныхъ нуждъ, но ломали и разрушали все, точно для процесса разрушенія, чтобы ни себѣ и ни другимъ. Занятые ими для постоя дома они оставляли въ ужасномъ видѣ, приводившемъ эстонцевъ въ отчаяніе. Дома превращались въ сплошные клоповники съ выломанными рамами, сожженными дверьми, разрушенными полами и печами.

— Почему — жаловалась мнѣ одна эстонка — русскій солдатъ не можетъ перепилить полѣно, а старается разбить печь, чтобы оно влѣзло?

Въ 1917 г. во время революціи, когда дисциплина рѣзко пала и офицеры лишились своего вліянія, эстонское населеніе стало прямо панически бояться русской арміи, своей защитницы. Слонявшіяся толпы солдатъ съ разстегнутыми воротами рубахъ, съ шинелями въ накидку, поплевывающихъ вокругъ себя неизбѣжными сѣмечками, наводили страхъ. Жители запирались на запоры, старались сидѣть дома послѣ сумерекъ, не выпускали однѣхъ дѣвочекъ. Каждую ночь происходили кражи, слышались по ночамъ крики, раздавались выстрѣлы. Въ тихомъ эстонскомъ городкѣ, въ которомъ убійство служило предметомъ многолѣтнихъ толковъ и воспоминаній, оно сдѣлалось явленіемъ обычнымъ, грозившимъ каждому. Въ іюлѣ и августѣ 1917 г. населеніе Гапсаля, какъ и всей Эстляндской губерніи, опредѣленно и нетерпѣливо ждало прихода нѣмцевъ, какъ избавителей, и создавало отряды самообороны, ячейки эстонскихъ войскъ.

Ген. Корниловъ былъ самымъ популярнымъ генераломъ... среди мирнаго населенія, но не среди войскъ, по крайней мѣрѣ тыловыхъ, которыхъ я наблюдалъ. Гапсальскіе солдаты его ненавидѣли, но и боялись. Боязнь, впрочемъ, скоро прошла, какъ только Керенскій и Совѣты объявили генерала измѣнникомъ. Притихшіе на минуту солдаты встрепенулись, пошли митинги, по адресу генераловъ и офицеровъ неслась ожесточенная брань. Никогда не забуду, что переживали въ то время офицеры, жившіе въ Гапсалѣ иногда съ семьями. Жены ихъ, на ряду съ мѣстными обывателями, молили Бога о скорѣйшемъ пришествіи нѣмцевъ. Занятіе острововъ возвѣщалось ежедневно. Нѣмцы заставили, однако, эстонцевъ подождать еще пять недѣль.

Мы выѣхали за день до разрушенія пути правительствомъ въ виду выступленія ген. Корнилова. Нашъ поѣздъ проскочилъ въ Петроградъ послѣднимъ, зато мы лишились всего бѣлья и платьевъ, украденныхъ желѣзнодорожниками по прибытіи багажа въ Петроградъ. Желѣзнодорожники тогда совершенно перестали стѣсняться, и кражи багажа сдѣлались заурядъ-нымъ явленіемъ. Впрочемъ, черезъ годъ, уже при большевикахъ, въ маѣ или іюнѣ 1918 г., за чемоданъ и корзину мнѣ были выданы 200 рублей керенками при соотвѣтствующей перепискѣ. Какъ долго еще, несмотря на «реформы» Некрасова, на политическіе перевороты, продолжалъ работать почти прежнимъ темпомъ и порядкомъ старый технико-бюрократическій желѣзнодорожный аппаратъ! Долго надо было трудиться, чтобы разбить его до конца. Много усилій надо было для того, чтобы даже четыре года воевавшую Россію довести до голодовокъ и людоѣдства...

* *
*

Насыщенный эстляндскими впечатлѣніями, я пріѣхалъ въ Петроградъ съ совершенно опредѣленнымъ мнѣніемъ о выступленіи ген. Корнилова. Оно совпало съ мнѣніемъ большинства членовъ партіи. Всѣ высоко цѣнили личность ген. Корнилова, но считали его попытку осужденной на неуспѣхъ. Нѣкоторые думали, что дѣло кончилось бы иначе, если бы «струсившіе» Керенскій и Савинковъ не «предали» спровоцированнаго ими генерала. Среди части либеральной интеллигенціи съ большимъ довѣріемъ относились къ слухамъ, будто Керенскій и Савинковъ знали о планахъ ген. Корнилова, сочувствовали ему, подталкивали даже, пока Гоцъ, Церетели и другіе руководители Совѣта не принудили Керенскаго объявить генерала измѣнникомъ.

Послѣ неудачи Корниловскаго движенія началась агонія Временнаго Правительства. Не знаю, насколько вѣрны слухи, будто крайніе правые помогали большевикамъ его низвергнуть. Достовѣрно, что очень много бывшихъ полицейскихъ, жандармовъ и тайныхъ агентовъ вошли въ ряды большевиковъ. Несомнѣнно также, что съ того времени въ кругахъ правыхъ и умѣренныхъ начали крѣпнуть нѣмецкія симпатіи и желаніе мира, хотя бы сепаратнаго. Въ печати много писалось о позорѣ и низости сепаратнаго мира. Эта фраза сдѣлалась трафаретомъ для всѣхъ выступленій ораторовъ, отъ правыхъ до совѣтскихъ соціалистовъ. Но на самомъ дѣлѣ — надо признать это — тутъ было не мало благочестивой лжи. Въ частныхъ бесѣдахъ у многихъ проглядывала тоска по нѣмцамъ, водворяющимъ порядокъ. Всѣ жаждали мира. Иногда повторяли злыя слова, что союзники готовы воевать до послѣдней капли крови русскаго солдата.

Отъ недавняго еще восторга передъ Керенскимъ не осталось и слѣда. И справа, и слѣва, и въ центрѣ — его либо ненавидѣли, либо презирали. Въ народѣ пользовались большимъ успѣхомъ пущенные съ обоихъ крайнихъ фланговъ разсказы, сколько милліоновъ Керенскій получилъ отъ союзниковъ за наступленіе. Обывательскую массу особенно раздражало, что Керенскій поселился въ Зимнемъ Дворцѣ, спитъ въ царской кровати и проч. Интеллигентскіе круги, близкіе къ правительству, язвительно называли А. Ф. Керенскаго новой Александрой Федоровной, намекая на его чисто женскую истеричность. Военные ненавидѣли его за ген. Корнилова и другихъ «быховскихъ» узниковъ.

3 Сентября, явно предвосхищая волю Учр. Собранія, Керенскій объявилъ Россію республикой. На это никто не обратилъ никакого вниманія. Черезъ два

дня послѣ этого, впервые, Петроградскій Совѣтъ р. и с. д. принялъ предложенную большевиками резолюцію. А еще черезъ 10 дней тотъ же Совѣтъ избралъ своимъ предсѣдателемъ услужливо выпущеннаго Керенскимъ изъ тюрьмы Л. Троцкаго. Чхеидзе и Церетели поѣхали къ себѣ на родину, чтобы тамъ, цѣною предательства, основать самостоятельное государство, въ которомъ русскіе были сдѣланы гражданами второго разряда.

Режимъ погибалъ при всеобщемъ къ нему отвращеніи. Ясно было, что никто пальцемъ не шевельнетъ въ его защиту, а Керенскій продолжалъ успокаивать близко стоявшихъ къ нему Н. М. Кишкина и В. Д. Набокова, что всѣ мѣры приняты и онъ ждетъ выступленія большевиковъ, чтобы рѣшительно съ ними расправиться. Когда Н. М. Кишкинъ и В. Д. Набоковъ передавали Центр. Комитету партіи эту информацію, большинство только пожимало плечами. Кого Богъ захочетъ погубить, у того сначала отыметъ разумъ. Слѣпой поводырь тянулъ за собой въ яму другихъ, всю Россію.

Характерная подробность! Вскорѣ послѣ разгрома Корнилова, большевики устроили такое откровенное и назойливое шпіонство за Клубомъ партіи народной свободы на Французской набережной, что пришлось прекратить открытое устройство тамъ засѣданій Центр. Комитета. Мы собирались въ разныхъ мѣстахъ полуконспиративно, памятуя, что и во время бунта 3 іюля большевики одной изъ первыхъ мѣръ ставили захватъ кадетскаго центра.

* *
*

Захватъ власти большевиками 25 октября въ первые дни на широкіе круги петроградскаго населенія не произвелъ никакого впечатлѣнія. Мнѣ всегда припоминался этотъ фактъ, когда я читалъ въ документахъ временъ Французской Революціи свидѣтельства, что въ день казни Людовика XVI три четверти Парижа не знало объ этомъ событіи. Впрочемъ, когда лѣтомъ 1918 г. въ московскихъ газетахъ появились извѣстія о разстрѣлѣ Николая II, русское общество отнеслось и къ этому совершенно равнодушно. Обстрѣлъ Зимняго Дворца съ «Авроры», засѣданіе гор. думы, попытка гласныхъ ночью двинуться ко Дворцу — все это задѣвало очень тѣсный кругъ людей.

Въ слѣдующіе за 25-мъ октября дни, въ связи съ разгромомъ винныхъ лавокъ, обиліемъ пьяныхъ на улицахъ, стрѣльбой и опасеніемъ погромовъ, настроеніе стало болѣе возбужденнымъ. Слухи о движеніяхъ на большевиковъ Керенскаго, Савинкова, Краснова живо подхватывались населеніемъ, въ огромной массѣ враждебнымъ захватчикамъ. Къ нимъ относились полу-иронически. Передавались забавные разсказы, какъ ихъ встрѣчали въ министерствахъ, какъ организовывали они тамъ работу при помощи курьеровъ и швейцаровъ въ виду саботажа остальныхъ чиновниковъ. Мало кто вѣрилъ, что эта оперетка продлится болѣе двухъ-трехъ недѣль. Многіе изъ захватчиковъ сами были на смерть перепуганы тѣмъ, что сдѣлали. Зиновьевъ, Луначарскій, Рыковъ, Милютинъ и др. пользовались первымъ попавшимся случаемъ, чтобы, ссылаясь на разногласія съ большинствомъ своего Центр. Комитета, уклониться отъ власти и отвѣтственности. Не дрогнули Ленинъ, Троцкій, нѣсколько рядовыхъ военныхъ, входившихъ въ составъ Военно-Революціоннаго комитета.

Я не раздѣлялъ всеобщаго оптимизма, такъ какъ давно считалъ неизбѣжнымъ пришествіе большевиковъ. Въ первые же дни, помню, обратилъ вниманіе на то,

что большевикамъ удалось охранить общественный порядокъ и обезпечить снабженіе горожанъ хлѣбомъ. Они безпощадно разстрѣливали пьяныхъ и мародеровъ, героически уничтожали склады водки и винъ и добились того, что октябрьскія событія вначалѣ не сопровождались въ городѣ какими-либо чрезвычайными безчинствами, грабежами и убійствами. Зато въ провинціи и, особенно, въ арміи отголосокъ получился ужасный. Занятые борьбой съ разгромами винныхъ лавокъ, дипломатіей со съѣздами совѣтовъ, и въ особенности съ крестьянскимъ, гдѣ Ленинъ умѣло использовалъ лѣвыхъ эсъ-эровъ, большевики въ первые дни не могли организовать систематическаго преслѣдованія своихъ политическихъ противниковъ.

Движеніе Керенскаго на столицу скоро закончилось позорнымъ крахомъ. Казаки держали нейтралитетъ. Слабыя попытки юнкеровъ, преданныхъ на закланіе, были безъ труда подавлены большевиками. Уличное спокойствіе въ Петроградѣ возстановилось. По мѣрѣ того, какъ милитарно большевики укрѣплялись, усиливались и политическія преслѣдованія. Раньше всего члены Центральнаго Комитета партіи народной свободы были объявлены «врагами народа» и находящимися «внѣ закона». По смыслу воззваній каждый могъ насъ безнаказанно убить. П. Н. Милюковъ и нѣкоторые другіе лидеры выѣхали изъ Петрограда. Наши министры еще сидѣли въ тюрьмѣ, хотя министры-соціалисты и были освобождены. Но засѣданія Центр. Комитета еще не прекратились. Они только стали совершенно конспиративными. Въ какой мѣрѣ, однако, мы не ясно понимали еще положеніе вещей, видно изъ того, что на каждомъ изъ этихъ конспиративныхъ засѣданій присутствовалъ секретарь, составлявшій обширные протоколы. Эти протоколы переписывались нашими барышнями и въ декабрѣ чуть-чуть не вызвали катастрофу. Въ то время А. И. Шингаревъ былъ уже арестованъ и сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости. Наши партійныя барышни имѣли возможность посѣщать его, приносить ему передачи, ѣду, цвѣты. Одна изъ нихъ, дочь виднаго профессора-экономиста, передала какъ-то А. И. Шингареву по ошибкѣ вмѣсто пирога довольно толстую пачку протоколовъ, тоже завязанную въ бумагу. Стража, развернувъ этотъ «пирогъ», передала его не арестанту, а крѣпостному начальству. Вѣроятно, въ протоколахъ этихъ ничего криминальнаго не оказалось, такъ какъ никакихъ результатовъ весь инцидентъ не имѣлъ. Намъ всѣмъ пришлось, однако, пережить очень непріятныя минуты, а виновница «недоразумѣнія» была близка къ нервному разстройству, когда вскорѣ въ совѣтскихъ «Извѣстіяхъ» появилась глухая замѣтка, что въ руки властей попали документы, уличающіе кадетовъ... «Извѣстія» и «Правда» неоднократно печатали такого рода торжественныя сообщенія объ уличающихъ кадетскую партію документахъ. Все это оказывалось сущимъ вздоромъ — о кн. Кекуатовой, къ кадетамъ отношенія не имѣвшей, о черносотенномъ приватъ-доцентѣ Г., нелѣпыя измышленія о подкупѣ кадетами пьяницъ для разгрома винныхъ лавокъ и т. д.

Члены Ц. К. продолжали еще работать тайно, а городскія партійныя учрежденія дѣйствовали даже открыто, хотя въ отдѣльныхъ районахъ мѣстные совдеп въ порядкѣ полу-разбойничьихъ набѣговъ и громили ихъ, уничтожая литературу, захватывая, какъ добычу, пишущія машинки и мебель. Не былъ формально закрытъ и партійный клубъ на Французской набережной. Къ общей ликвидаціи партійныхъ учрежденій большевики, повидимому, еще не рѣшались приступить. Предстояли, вѣдь, выборы въ Учред. Собраніе, а однимъ изъ поводовъ къ низверженію «Временнаго Правительства» большевики въ началѣ выставляли обвиненіе въ затягиваніи созыва «Учредилки».

Моя работа носила, главнымъ образомъ, характеръ литературный. Выходила подъ разными названіями «Рѣчь». Существовало при Центр. Комитетѣ «литературное бюро» для снабженія статьями провинціальныхъ газетъ. Передъ самыми выборами въ Петроградѣ, среди всеобщаго молчанія, такъ какъ большевики къ этому моменту закрыли всѣ газеты, мнѣ съ А. В. Тырковой удалось выпустить три номера боевой газеты «Борьба». Появленіе ея произвело на улицахъ большой эффектъ. Большевики гонялись за продавцами, рвали и уничтожали газеты, арестовывали мальчишекъ. Но до того еще плохо была у нихъ организована полицейская часть, что только послѣ выхода третьяго номера, они разузнали, гдѣ газета печатается. Когда отрядъ красноармейцевъ съ парадного входа заходилъ въ помѣщеніе съ ордеромъ на закрытіе газеты и арестъ редакторовъ, я — по черному успѣлъ еще уйти изъ типографіи. Полицейскому искусству г. г. большевики научились довольно скоро. При дальнѣйшихъ обыскахъ и арестахъ они всегда прежде всего справлялись у домового уполномоченнаго, сколько въ домѣ выходовъ и спѣшили занять стражей всѣ. Но даже петроградскимъ чекистамъ потребовалось два года, чтобы догадаться о необходимости останавливать автомобиль за одинъ-два квартала до мѣста обыска. Гудѣніе автомобиля среди жуткой тишины петроградскихъ улицъ неоднократно предупреждало намѣченныя жертвы, спѣшившія принять необходимыя мѣры.

Наблюдалъ я, какъ большевики практически обучались искусству «полиціи прессы».

И тутъ, какъ во множествѣ другихъ случаевъ, они довольно скоро догадались, что лучше царскихъ учрежденій не выдумаешь. Володарскій, Лисовскій, Харитоновъ на разные лады копировали начальниковъ Управленія по дѣламъ печати Феоктистова, Соловьева, съ разной степенью наглости и невѣжества. Они пытались возстановить даже знаменитую 144-ую статью сначала въ видѣ совѣта не касаться того или другого вопроса, а затѣмъ и прямого приказа. Даже соловьевская мысль о назначеніи редакторовъ была воспринята коммунистическимъ начальствомъ. Штрафы во все увеличивающемся размѣрѣ стали однимъ изъ любимыхъ орудій воздѣйствія на печать. Коммунистическіе цензора очень быстро сообразили и то, что надо бороться съ «духомъ» газеты, съ «подборомъ» фактовъ, съ «тономъ» отношенія къ новой власти. Можно было и порицать, но это должно было дѣлаться съ оттѣнкомъ уваженія, а, главнымъ образомъ, безъ скрытой подоплеки: «мы» и «они». У коммунистовъ-интернаціоналистовъ самое страстное желаніе сводилось къ тому, чтобы враждебная имъ печать обращалась съ ними, какъ съ властью національной. Первый десятитысячный штрафъ (тогда еще очень большая сумма) наложенъ былъ на «Нашъ Вѣкъ» за мою передовицу, въ которой говорилось, что коммунистическія мѣропріятія по домовладѣнію приведутъ только къ единственному результату, къ замѣнѣ русскихъ домовладѣльцевъ иностранными капиталистами.

Такъ какъ въ этомъ, важнѣйшемъ для коммунистовъ, пунктѣ имъ не удавалось поработить печать, продолжавшую намеками и тономъ, подчеркиваніемъ интернаціоналистской словесности вождей, отрицать за коммунистической властью характеръ національной, то ни о какомъ длительномъ существованіи независимой печати не могло быть и рѣчи. Десятитысячные штрафы смѣнились стотысячными. Монополизаціей объявленій, вмѣшательствомъ въ снабженіе изданій бумагой, давленіемъ типографскихъ рабочихъ было сдѣлано невозможнымъ появленіе новыхъ газетъ. Старыя закрывались одна за другой. Но нѣкоторыя все-таки держались и, несмотря на отсутствіе доходовъ отъ объявленій, существовали только розничной продажей. Обыватель платилъ въ четыре-пять разъ дороже,

но не желалъ брать въ руки коммунистической газеты. Послѣдняя не могла выдержать конкурренціи ни съ какой, даже самой скверной газетой, но носившей хотя бы обликъ независимости. Было какъ-то время, когда большевики закрыли всѣ газеты, кромѣ «Петербургской Газеты», въ которой нѣкій художникъ Ѳома Райлянъ съ большимъ цинизмомъ и наглостью, подѣлываясь подъ коммунистическій стиль, восхваляя Ленина и Троцкаго, ругательски ругая Керенскаго и Милюкова, проводилъ, въ сущности, черносотенныя и антисемитскія идейки. Газетка сразу побила рекордъ и стала далеко впереди всѣхъ совѣтскихъ изданій. Коммунистическія власти, испугавшись, прихлопнули и ее.

«Теченія» среди правящихъ коммунистическихъ круговъ мѣнялись очень часто. Временами, когда властямъ грозила какая либо особая опасность, они прикрывали всю некоммунистическую печать, но сначала «временно». Затѣмъ, когда эта власть, болѣе чѣмъ всякая другая склонная къ паникѣ, нѣсколько «отходила», она разрѣшала тѣ или иныя изданія. Но какія? Тутъ-то и шла борьба мнѣній. Одни стояли за разрѣшеніе печати бульварной, безпринципной и порнографической, но безпартійной и аполитичной. Другіе, наоборотъ, стояли за необходимость оставленія только «серьезной политической печати» съ полнымъ упраздненіемъ бульварной. Была, напр., недѣля или двѣ, когда въ Петроградѣ выходилъ одинъ кадетскій «Нашъ Вѣкъ», всѣ другія изданія были закрыты, и коммунисты очень гордились своимъ либерализмомъ ... Этотъ «либерализмъ» былъ таковъ, что нашъ редакторъ М. И. Ганфманъ, чрезвычайно выдержанный и осторожный человѣкъ, прекрасно изучившій «духъ» всѣхъ безчисленныхъ цензурныхъ режимовъ въ Россіи съ 90-хъ годовъ XIX вѣка, неоднократно вздыхалъ: хоть бы закрыли ... Коммунистическій «либерализмъ» не выдержалъ переворота, произведеннаго гетманомъ Скоропадскимъ на Украинѣ. Снова вся газетная печать была закрыта. Затѣмъ, недѣли черезъ двѣ новый припадокъ либерализма. «Нашъ Вѣкъ» снова появился въ свѣтъ, пока, въ началѣ августа, испуганная коммунистическая рука не придавила его окончательно. Нѣкоторое время пытались выходить еще разные журналы и журнальчики. Овладѣвъ типографіями, совѣтская власть добралась и до нихъ. Съ конца 1918 до средины 1921 г. въ Россіи царилъ полный коммунистическій рай: кромѣ коммунистической – періодической печати никакой. И такъ она надоѣла и опротивѣла даже самимъ коммунистамъ, что и тѣ были рады, когда вмѣстѣ съ «Нэпомъ» стало воскресать подобіе независимой печати, хотя бы въ видѣ чисто-литературныхъ журнальчиковъ. Первый блинъ, впрочемъ, вышелъ комомъ. Получено было разрѣшеніе на выпускъ еженедѣльной «Литературной Газеты.» Но какой-то типографскій шпіонъ доставилъ корректурныя гранки предполагавшагося перваго номера въ Чеку. Тамъ прочли передовицу о Дельвиговской «Литературной Газетѣ», не выдержавшей гнета Николая I, усмотрѣли въ ней недозволительные намеки и послали отрядъ чекистовъ съ приказомъ разбить стереотипы, уничтожить матрицы и отобрать разрѣшеніе на выпускъ. Такъ «Литературная Газета» и не вышла.

Русскіе литераторы живучи. Они еще понизили свой тонъ, перешли на языкъ Николаевской прессы временъ Бутурлинскаго Комитета, стали сводить все на беллетристику и литературную критику. Коммунисты ввели прямую предварительную цензуру. Нѣсколько журналовъ все-таки появились на свѣтъ Божій, пока въ августѣ 1922 г. не было принято рѣшеніе всю старую литературу и вообще всѣхъ писателей, не вѣрующихъ въ Маркса и его «Капиталъ», выслать за-границу.

* *
*

Съ окончаніемъ выборовъ въ Учр. Собраніе большевики прикончили и послѣдніе остатки открытой политической дѣятельности въ Петроградѣ. Центральный партійный клубъ и районныя отдѣленія были закрыты, разгромлены. Имущество расхищено. Нахожденіе при обыскахъ партійнаго кадетскаго билета становилось уже дѣломъ опаснымъ. Всѣ сколько-нибудь замѣтные кадеты вынуждены были скрываться, не ночевать дома. Выходилъ только время отъ времени «Нашъ Вѣкъ», при чемъ періоды закрытія, чередовавшіеся съ періодами выхода газеты въ свѣтъ, становились все длиннѣе. И все-таки партійные работники находили возможность иногда выступать, читая лекціи, доклады, безъ подчеркиванія партійной марки.

Мы вошли въ стадію похоронъ. Хоронили Г. В. Плеханова, хоронили Учредительное Собраніе, легальную политическую работу, Кокошкина и Шингарева, хоронили Россію — послѣ Брестскаго мирнаго договора...

На похоронахъ Г. В. Плеханова рядомъ со мной, несшимъ зеленый кадетскій вѣнокъ, шла маленькая депутація отъ Союза Михаила Архангела, обращавшая на себя всеобщее вниманіе. Двое юношей сложивъ стуломъ кисти своихъ рукъ, несли небольшой крестъ, красиво перевитый зеленымъ плющомъ. На крестѣ надпись:

Русь диктовала-бъ миръ своимъ врагамъ въ Берлинѣ,
Когда-бъ народъ нашъ шелъ путемъ, указаннымъ тобой.
В. Пуришкевичъ.

За двумя юношами съ крестомъ шла еще пара смѣнщиковъ.

Красныхъ вѣнковъ, красныхъ лентъ, красныхъ цвѣтовъ и красныхъ знаменъ на похоронахъ было очень много. Нѣсколько зеленыхъ кадетскихъ вѣнковъ и флаговъ тонули въ этомъ красномъ морѣ. Но рабочихъ не было на похоронахъ отца русской соціалъ-демократіи. Рабочіе не пришли демонстративно. Приказъ коммунистовъ оказалъ поразительное дѣйствіе. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по приказу тѣхъ же коммунистическихъ вождей на похоронахъ Володарскаго были не только войска всѣхъ родовъ оружія, чуть ли не весь петроградскій гарнизонъ, но и многія десятки тысячъ рабочихъ пришли проводить трупъ молодого, никому неизвѣстнаго еврея, съ годъ тому назадъ прибывшаго изъ Америки. Когда я слышалъ разговоры о классовомъ самосознаніи русскаго пролетаріата, я всегда припоминалъ врѣзавшееся въ мой мозгъ сопоставленіе двухъ похоронъ. Обо многомъ свидѣтельствуетъ оно, давая яркіе штрихи для характеристики психологіи русскаго рабочаго, но о классовомъ самосознаніи во всякомъ случаѣ не говоритъ.

Еще болѣе печальной вышла январьская демонстрація въ честь Учредительнаго Собранія. Люди дѣлали видъ, что не то торжествуютъ, радуются и привѣтствуютъ «сбывшуюся, наконецъ, столѣтнюю мечту русской интеллигенціи», не то «готовятся къ бою», а на самомъ дѣлѣ хоронили... идею Учредительнаго Собранія по всеобщему, прямому, равному и тайному.

Не безъ большихъ усилій удалось собрать со всего Петрограда 50–60 тысячъ человѣкъ, рѣшившихся шествовать по петроградскимъ улицамъ, несмотря на угрозу большевистскихъ штыковъ и пулеметовъ. Среди этихъ демонстрантовъ было тысячъ десять и рабочихъ, выступавшихъ въ разныхъ мѣстахъ. Но основную массу вышедшихъ на улицу людей составляла интеллигенція, студенчество разныхъ школъ. Не знаю, какъ держали бы себя эти совершенно безоружные демонстранты, если бы сбылись упорные толки о готовившемся на то же время вооруженномъ выступленіи соціалистовъ-революціонеровъ «для поддержки Учредительнаго Собранія». Хотя назывались и имена полковъ, будто бы рѣшившихъ «выступить», и названія заводовъ, уже выславшихъ свои боевыя дружины, я отлично

помню, какъ за всѣ четыре часа, проведенные въ рядахъ манифестантовъ, у меня ни на одну минуту не было сомнѣнія, что ничего не будетъ, что это только торжественные похороны по первому разряду. Въ толпѣ не чувствовалось ни малѣйшаго энтузіазма. Огонь жертвеннаго самозакланія не вѣялъ надъ толпой, хотя въ двухъ-трехъ мѣстахъ встрѣча ея съ большевистскими отрядами сопровождалась стрѣльбой съ убитыми и ранеными. За «Учредительное Собраніе» не хотѣли умирать. Эта идея не была идеей—силой. Когда раннимъ утромъ слѣдующаго дня В. М. Черновъ по приказу матроса Желѣзнякова послушно покинулъ предсѣдательское мѣсто и, сопровождаемый остальными депутатами, пошелъ въ ночной темнотѣ бродить по петроградскимъ сугробамъ, отыскивая, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ, онъ наложилъ лишь послѣдній штрихъ на картину.

Столѣтняя мечта нѣсколькихъ поколѣній интеллигенціи. Что съ нею сталось! Въ какомъ видѣ она осуществилась! И не было возможности въ утѣшеніе себѣ сослаться даже на какого-либо Столыпина. Все сдѣлали кронштадтскіе матросы, тѣ, которые въ 1905 и 1906 годахъ умирали за Учредительное Собраніе. Знали ли они тогда, за что умирали?

* * *

Раннимъ утромъ на слѣдующій день я вышелъ прогуляться. Помѣщеніе редакціи было недалеко и какъ-то незамѣтно я очутился на ул. Жуковскаго. Неожиданно на встрѣчу попадается замѣщавшій редактора М. И. Ганфманъ. На немъ лица нѣтъ.

— Идемте вмѣстѣ. Кажется, случилось большое несчастье.

— Въ чемъ дѣло?

— Сторожъ изъ Маріинской больницы только что прибѣжалъ въ редакцію и говоритъ, что тамъ ночью убили министровъ-кадетъ. Мнѣ дали знать.

М. И. Ганфманъ жилъ въ двухъ шагахъ отъ редакціи, Маріинская больница помѣщается тутъ же. Черезъ минуту мы уже были въ больницѣ и узнали отъ сестры, что ночью, когда недавно перевезенные А. И. Шингаревъ и Ф. Ф. Кокошкинъ уже спали, въ больницу ворвалось нѣсколько вооруженныхъ людей, прошли къ нимъ въ комнаты, взявъ фонари, и выстрѣлами изъ револьверовъ убили обоихъ. Насъ повели въ мертвецкую, куда уже снесли голые трупы. Они не были еще ничѣмъ прикрыты. Лицо Ф. Ф. Кокошкина было спокойно: его убили во время сна. А. И. Шингаревъ, видимо, мучился. Это убійство двухъ членовъ Учредительнаго Собранія довершало картину убійства самого учрежденія, долженствовавшаго воплощать народную волю.

Вернувшись въ редакцію, мы вызвали, кого могли. Прежде всего, кажется, гр. Панину. Трупы убитыхъ были обмыты, одѣты, перенесены въ часовню. Вѣсть о преступленіи быстро распространилась по городу. Часовъ съ девяти въ часовнѣ и около больницы толпился народъ. Тутъ же шныряли разные подозрительные субъекты, подслушивавшіе разговоры и агитировавшіе въ кучкахъ:

— Чего жалѣть! Двухъ буржуевъ убили. Всѣхъ бы ихъ такъ. Помогали Керенскому воровать и Россію вмѣстѣ продавали. Шингаревъ, министръ финансовъ, одинъ двѣнадцать милліоновъ взялъ...

Когда матросу стали возражать, что всѣ эти розсказни лживы, что убитые были бѣдные труженники, что Шингаревъ напр. съ большой семьей жилъ на Монетной въ 5 этажѣ въ квартирѣ изъ 4-хъ маленькихъ комнатъ, агитаторъ, точно одержимый, сталъ кричать:

— Извѣстно, прикидывался бѣднымъ, чтобы людей морочить. Знаемъ мы васъ. И вы такіе же, капиталиста-министра защищаете. Всѣхъ васъ кадетовъ давно пора въ штабъ Духонина. Объявлены внѣ закона пролетарской власти, значитъ, есть за что. Тоже у насъ на верху не глупѣе васъ люди сидятъ...

Онъ находилъ въ кучкахъ сочувствующихъ. Спорить съ нимъ становилось небезопасно. Всматривался я въ эти горящіе ненавистью глаза. Слушалъ эти слова, казалось бы красныя по звукамъ, по столь черныя по содержанію. Вспоминалъ мягкій образъ покойника, типичнаго русскаго земскаго врача-безсребренника и народника, во-истину жизнь и душу свою полагавшаго за темный народъ, который за это платитъ ему ненавистью и безсмысленной клеветой. Матросъ на вопросы въ концѣ концовъ отвѣтилъ, что 12 милліоновъ Шингаревъ взялъ отъ союзниковъ за содѣйствіе Керенскому въ устройствѣ наступленія...

Непосредственные виновники убійства были тотчасъ же обнаружены и нѣкоторые изъ нихъ даже посажены въ тюрьму. Ленинъ на первыхъ порахъ забилъ тревогу и началъ настаивать на «правосудіи». Но онъ не долго поролъ горячку. Были пущены въ ходъ какія-то пружины, и дѣло совершенно заглохло. Арестованныхъ, непосредственныхъ убійцъ, скоро выпустили. Вдохновителей искать перестали. Тѣ и другіе продолжаютъ и по сію пору служить въ чрезвычайкахъ и не разъ еще обагряли свои руки человѣческой кровью. Темные слухи продолжаютъ и по сіе время утверждать, что неизвѣстно, съ чьей стороны, съ лѣвой или съ правой, шло подстрекательство къ убійству. Какъ бы то ни было, коммунисты лишились права попрекать старую власть убійствами Герценштейна и Іоллоса. Не только предательскимъ характеромъ убійства больныхъ людей въ больницѣ, но и цинизмомъ неправосудія и безнаказанности убійцъ правительство Ленина еще на зарѣ своей туманной юности побило всѣ рекорды.

Понятно, въ какой сгущенной атмосферѣ происходили похороны убитыхъ. Нѣсколько тысячъ человѣкъ да духовенство съ епископомъ во главѣ рѣшились проводить покойниковъ до Александро-Невской Лавры и отдать имъ послѣдній долгъ, несмотря на тревожные слухи о предстоящемъ нападеніи на процессію. Слухи не оправдались. Порядокъ все время соблюдался образцовый. Очевидно, власти никакого погрома не желали. Съ 1905 года я имѣлъ возможность неоднократно наблюдать наши уличные безпорядки и пришелъ къ глубокому убѣжденію, что принять сколько-нибудь большіе размѣры они могутъ только при попустительствѣ властей.

Сейчасъ же послѣ похоронъ убитыхъ мы стали готовить сборникъ, посвященный памяти Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева. Но выпустить въ свѣтъ удалось только «Дневникъ А. И. Шингарева», начатый имъ въ Петропавловской крѣпости. Большинство статей для сборника были написаны, отправлены въ Москву, тамъ поступили въ наборъ, но книга, вслѣдствіе разгрома «національзированной» типографіи, появиться не могла.

* *
*

Послѣ убійства Шингарева и Кокошкина жить партійнымъ людямъ стало еще труднѣе. Видные кадеты спѣшно разъѣзжались. Кто оставался, долженъ былъ прятаться и гримироваться. Ф. И. Родичевъ, напр., принявъ обличье бѣднаго мѣщанина съ густой окладистой бородой, живя непрописанный, съ юморомъ разсказывалъ намъ, какъ онъ въ такомъ видѣ попалъ ночью въ комендатуру

и выскользнулъ оттуда только благодаря благодушію безграмотнаго помощника коменданта. Тотъ размышлялъ, не отправить ли ему арестанта на Гороховую, но рѣшилъ отпустить домой: простой, повидимому, человѣкъ...

Начались мирные переговоры. Въ тотъ моментъ, когда Троцкій сдѣлалъ свой жестъ: войны не вести, мира не заключать, въ Петроградѣ ждали пришествія нѣмцевъ и встрѣтили бы ихъ какъ избавителей. Симпатіи къ союзникамъ уступали мѣсто все рѣзче обозначавшемуся нѣмцепоклонству. Помню, какое впечатлѣніе производили разсказы о томъ, какъ Полоцкъ былъ взятъ взводомъ нѣмецкихъ солдатъ съ однорукимъ капитаномъ во главѣ, какъ тысячные отряды красногвардейцевъ бѣжали подъ натискомъ одного нѣмецкаго эскадрона и т. д. Въ печати, гдѣ только возможно было по внѣшнимъ условіямъ, еще продолжали говорить о національномъ позорѣ, о гибели родины, о патріотизмѣ. Но я беру на себя смѣлость утверждать, что кромѣ небольшихъ группъ офицерства и высоко развитой интеллигенціи, никто въ дѣйствительности этихъ чувствъ не испытывалъ. Можно, поэтому, себѣ представить, какъ мало популярны были всѣ попытки, прямо или косвенно имѣвшія въ виду возобновленіе войны съ нѣмцами. Русскій народъ не желалъ больше съ ними воевать, хотя и нашелъ еще въ себѣ силы для междоусобной братоубійственной войны. Какъ ни тяжело это для національнаго достоинства, но ни одинъ правдивый лѣтописецъ начала 1918 г., по крайней мѣрѣ изъ жившихъ тогда въ Петроградѣ, не станетъ отрицать господства въ немъ подобныхъ настроеній.

Къ большевикамъ по прежнему, несмотря на постепенное прекращеніе чиновничьяго саботажа, петроградцы относились съ ненавистью и презрѣніемъ. О власти говорили не иначе, какъ «они». Что тамъ еще «они» выкинули, что выдумали, какое новое злодѣйство совершили? А «они», склонные къ паникѣ и истерикѣ, сами не вѣря, что еще существуютъ, и недоумѣвая, почему это происходитъ, неслись куда-то въ неизвѣстное, повѣривъ въ Ленина и слѣдуя за каждымъ мановеніемъ его руки.

То, о чемъ съ 40-хъ годовъ мечтали славянофилы, чего требовалъ И. С. Аксаковъ въ 1881 г. и что рекомендовалъ въ своихъ первыхъ, еще марксистскихъ, статьяхъ въ «Новомъ Словѣ» 1897 г. П. Б. Струве, чего при всемъ своемъ желаніи не могли осуществить Н. М. Кишкинъ и А. Ф. Керенскій въ сентябрѣ—октябрѣ 1917 г., — то почти безъ затрудненій провели Ленинъ и Троцкій въ 1918 году. Они вернулись, какъ звалъ Ив. Аксаковъ, «домой», перенесли столицу изъ Петрограда въ Москву.

Исторія, вообще, не скупа на шутки. Если соціалистамъ она поднесла подарокъ въ видѣ Ленинскаго коммунистическаго государства, то и славянофиловъ она не обидѣла, давъ имъ изъ рукъ того же Ленина и возвращеніе въ «первопрестольную» и торжество древняго исконно-русскаго земско-соборнаго начала надъ гнилымъ западно-европейскимъ конституціоннымъ парламентаризмомъ.

Перенесеніе столицы не вызвало головокружительнаго потрясенія. Все обошлось гораздо спокойнѣе, чѣмъ ожидали. Совѣтскія учрежденія уже въ Петроградѣ привыкли къ постояннымъ переѣздамъ. Переселяться изъ одной квартиры въ другую, не всегда даже успѣвая мѣнять вывѣски соотвѣтственно перемѣнѣ названія, — было однимъ изъ ихъ любимѣйшихъ занятій. Ни особыхъ традицій, ни архивовъ они не накопили. Новое чиновничество было легко-подвижнымъ, старое — частью исчезло, частью притаилось. Освободившіяся за отъѣздомъ въ Москву учрежденія были тотчасъ же, даже въ избыткѣ, возмѣщены другими, дѣйствовавшими въ предѣлахъ то Сѣверной Коммуны, то Петрограда. Чиновничьей безработицы переводъ народныхъ комиссаріатовъ въ Москву не вызвалъ, и все обошлось благополучно.

Разжалованный Петроградъ былъ возглавленъ Зиновьевымъ и сдѣланъ центромъ Сѣверной области или Коммуны. Онъ очутился приблизительно въ такомъ же положеніи, какъ Москва при генералъ-губернаторѣ вел. кн. Сергѣѣ Александровичѣ. Центральные законы дѣйствовали на территоріи Петрограда только съ дозволенія мѣстнаго градоправителя. Что же касается московскаго всероссійскаго начальства, то оно въ Петроградѣ власти вовсе не имѣло. «Намъ Москва не указъ» — отъ зиновьевскихъ чиновниковъ не разъ приходилось слышать такія слова. Петроградъ развивалъ свое коммунистическое законодательство, строилъ свое соціалистическое общество. Онъ, такъ сказать, шелъ впереди и былъ реалистичнѣе. Въ Москвѣ бредили всероссійскимъ учетомъ, сочиняли планы, въ силу которыхъ вся страна работала бы по указкѣ изъ Москвы, въ Москву присылала бы всѣ продукты своего труда и изъ Москвы получала бы слѣдуемую каждой мѣстности долю. Въ Петроградѣ смотрѣли на дѣло трезвѣе: надо брать откуда только можно, а свой соціализмъ проявлять при распредѣленіи, ущемляя буржуя. Петроградъ первый ввелъ распредѣленіе хлѣба «по категоріямъ», при чемъ Зиновьевъ старался лишь какъ можно сильнѣе подчеркнуть то, что было оскорбительнаго въ этой мѣрѣ. Такъ, установивъ 4-ую категорію гражданъ и пообѣщавъ выдавать сй по 1/8 фунта хлѣба на два дня, Зиновьевъ прибавилъ въ своей рѣчи: мы сдѣлали это для того, чтобы они не забыли запаха хлѣба. Всеобщая трудовая повинность нигдѣ не осуществлялась съ такой безсмысленностью и садизмомъ, какъ въ Петроградѣ. Тамъ иностранцы могли любоваться, какъ пьянистки и скрипачки изъ консерваторіи портили себѣ пальцы за непосильнымъ для нихъ трудомъ скалыванія льда съ тротуаровъ. Въ Петроградѣ въ день или наканунѣ какого-то революціоннаго празднества сотни «буржуевъ» были согнаны въ казармы для уборки конскаго и человѣческаго навоза подъ торжествующее гоготаніе солдатъ.

Всѣ эти мѣры однородны и продиктованы были однимъ желаніемъ демагогически поиграть на темнотѣ и злобѣ народной массы, злорадствующей надъ униженіями тѣхъ, кого вчера еще она считала выше себя.

Петроградскіе заводы дали коммунистической партіи численно наибольшіе и качественно наилучшіе ея пролетарскіе кадры. Петроградъ разсылалъ во всѣ стороны боевые и продовольственные отряды, для борьбы съ бѣлыми и для отбиранія у крестьянъ хлѣба. Что же касается производства, то объ этомъ много говорили, но ровно ничего не дѣлали. Кромѣ производства зажигалокъ изъ пустыхъ патроновъ, петроградская промышленность за коммунистическій періодъ ничѣмъ не обогатилась. Да и зажигалки рабочіе готовили крадучись, на вольный рынокъ, изъ ворованнаго казеннаго матеріала, а вовсе не во исполненіе всероссійскаго производственнаго плана, сочиняемаго Лурье-Ларинымъ.

Зато въ ущемленіи «буржуя», въ издѣвательствѣ надъ каждымъ образованнымъ, сморкавшимся въ платокъ и избѣгавшимъ матерщины, человѣкомъ Петроградъ шелъ впереди, указывая пути и Москвѣ, и всей Россіи. Впрочемъ, дороги были проложены еще раньше... законодательствомъ о евреяхъ. Когда коммунисты стали «строить» свои «домкомбеды», пріемы въ низшія, среднія и высшія школы, нормировку квартирной платы, и т. п., они взяли ограничительныя нормы противъ евреевъ и примѣнили ихъ ко всѣмъ «буржуямъ» въ самомъ распространительномъ и произвольномъ толкованіи слова. «Буржуй», какъ извѣстно, не могъ быть предсѣдателемъ домового комитета, а въ члены комитета допускался по проценту, какъ и въ школы. Квартирная плата съ «буржуя» бралась въ размѣрѣ отъ двухъ до десяти разъ большемъ, чѣмъ съ пролетаріевъ и совработниковъ.

Такъ же облагались дѣти «буржуевъ» въ школахъ. Для «буржуя» существовали спеціальные налоги и повинности. А главное, онъ былъ вообще существомъ, не пользовавшимся прямой защитой закона. Законъ примѣнялся къ нему лишь поскольку данный буржуй признавался полезнымъ для совѣтскаго государства, а признаніе этой полезности могло быть оспорено каждымъ учрежденіемъ и взято обратно въ каждую минуту. Въ этомъ же административномъ произволѣ заключалась, какъ извѣстно, сущность и русскаго законодательства о евреяхъ.

Таково было направленіе петроградскаго законодательства до самаго послѣдняго момента, т. е. и при «Нэтѣ». Можно легко себѣ представить, что было вначалѣ, въ 1918–1919 годахъ. Постепенно, по мѣрѣ того, какъ укрѣплялась большевистская власть, ихъ органы политическаго сыска усиливались старыми безработными царскими агентами, ознакомившими коммунистовъ съ прогрессивной техникой дѣла. У большевиковъ въ Че-кѣ появились карточки, схемы, фишки. Увеличивался кругъ людей, подпадавшихъ подъ систематическое наблюденіе. Становилось очевиднымъ, что мое свободное проживаніе въ Петроградѣ подходитъ къ концу. Кругъ знакомыхъ, оставшихся здѣсь, все рѣдѣлъ и рѣдѣлъ.

Всякій разъ, когда въ коммунистическихъ газетахъ появлялось сообщеніе о раскрытіи новаго «кадетскаго заговора», встрѣчавшіеся со мной на улицѣ спрашивали:

– Какъ, вы еще здѣсь? Это неблагоразумно...

Я и самъ сознавалъ, что неблагоразумно. Но ѣхать за-границу, а оттуда куда-либо въ свободную Россію не было денегъ. Было и другое ощущеніе: я уже давно разочаровался въ союзникахъ, былъ убѣжденъ, что до Россіи имъ мало дѣла и – даже болѣе – сильная Россія кое-кому уже мѣшала. Если бы я былъ каменщикомъ или дровосѣкомъ, я могъ бы добывать себѣ хлѣбъ внѣ всякой политики. Для журналиста это немыслимо. Значитъ, пойти къ кому-либо на службу... Было тяжело. Рѣшиться на это я не могъ.

Благодаря вмѣшательству нѣмцевъ, Сов. власть офиціально находилась въ мирныхъ или полу-мирныхъ отношеніяхъ къ Украинской Державѣ гетмана Скоропадскаго. Жена моя–природная малороссіянка, дѣти родились въ Одессѣ – всѣ основанія для переѣзда на Югъ, гдѣ живутъ и родители жены. Надо ѣхать. Но это оказалось не такъ просто. Набережная у Украинскаго Консульства всегда переполнена многосотенными очередями, выстраивающимися съ 7 часовъ утра. Не мало и хорошихъ, и дождливыхъ, и холодныхъ утръ провелъ и я въ этихъ очередяхъ. Приносилъ украинскимъ властямъ и документы (все больше копіи, оставляя подлинники у себя на рукахъ, на всякій случай), и фотографическія карточки, платилъ деньги. Всего имъ было мало. Каждый разъ они находили, что еще чего-то не хватаетъ, и я снова долженъ былъ продѣлывать очередную кампанію, сперва на набережной, затѣмъ у дверей, послѣ во дворѣ и, наконецъ, въ самомъ помѣщеніи. Мнѣ такъ и не удалось собрать всѣ нужные документы и я это дѣло бросилъ.

* *
*

Наступалъ ноябрь 1918 г. по новому стилю. 7-го предполагалось съ особой торжественностью отпраздновать первую годовщину октябрьской революціи.

Программа была объявлена уже за недѣлю. На улицахъ – манифестаціи, шествія, иллюминаціи, передвижные театры подъ открытымъ небомъ, музыка, танцы, фейерверкъ. Митинги. Торжество на Марсовомъ полѣ съ рѣчами на моги-

лахъ жертвъ революціи. Но главное не тутъ. Главное, о чемъ писали въ совѣтскихъ газетахъ и говорили въ публикѣ, сводилось къ тому, что на этотъ день гражданамъ будетъ выдано кромѣ нормальной порціи въ 1/4 или въ 1/2 ф. чернаго хлѣба еще по... бѣлой булкѣ. Въ газетахъ былъ рядъ противорѣчивыхъ сообщеній о томъ, граждане какихъ категорій получатъ эту булку. Сначала сообщалось, что она будетъ выдана только ѣдокамъ 1-ой и 2-ой категоріи. Затѣмъ прибавили, что и гражданамъ третьей категоріи булка будетъ выдана, только позже и изъ муки худшаго качества. «Буржуи» 4-ой категоріи булки не получатъ. Солдатамъ она будетъ выдаваться въ казармахъ. О качествѣ булки говорили одни, что она напомнитъ старую пятикопѣечную французскую булку, другіе — что это будетъ старый ситный хлѣбъ съ изюмомъ. Пусть читатель не подумаетъ, что я шаржирую. Нѣтъ, совѣтскіе граждане уже въ то время въ такой мѣрѣ были ошарашены свалившимся на ихъ голову соціалистическимъ строительствомъ и голодовкой, что объ этой «бѣлой булкѣ», дѣйствительно, говорили днями, старательно комментируя всѣ свѣдѣнія совѣтской печати...

Городъ украшался, конечно, въ красный цвѣтъ. Все было затянуто красными полотнами. Футуристы выставили какіе-то плакаты: ноги шли отдѣльно, голова оставалась позади, руки, тоже независимо отъ туловища, болтались гдѣ-то на верху. Было красиво и красно. Особенно запомнился мнѣ огромный красный колпакъ, надѣтый на думскую каланчу: точь въ точь какъ у клоуновъ въ циркѣ. Колпакъ съ широкими полями, только все въ огромныхъ размѣрахъ.

Полюбоваться самимъ празднествомъ мнѣ не удалось. Въ ночь на 5-ое ноября къ дому подъѣхалъ автомобиль. Минуты черезъ три у меня уже были гости: студентъ-психоневрологъ, два-три комиссара изъ матросовъ, четверо солдатъ. Начали рыться въ бумагахъ, которыхъ у меня было не мало: рукописи, корректуры, оттиски журнальныхъ статей.

Ревностный студентъ отбираетъ все и откладываетъ въ сторону. Набралась уже цѣлая гора.

— Что вамъ собственно надо? Вѣдь это, большею частью, авторскіе оттиски статей, напечатанныхъ лѣтъ 10—15 тому назадъ, а то и раньше.

— Они намъ и нужны. Вы, вѣдь, писатель и мы хотимъ ознакомиться съ вашей литературной физіономіей.

— Въ первый разъ слышу, чтобы для этой цѣли надо было ночью пріѣзжать въ квартиру, подымать на ноги всю семью, производить обыскъ и грозить арестомъ. Гораздо проще пойти въ Публ. Библіотеку, взять старые журналы и газеты и прочесть, что я писалъ.

Студентъ завялъ: мы—люди маленькіе, дѣлаемъ, что намъ приказали.

— А я думалъ, что въ соціалистическомъ государствѣ нѣтъ ни большихъ, ни малыхъ людей и каждый поступаетъ по своему разумѣнію.

Студентъ разсердился: я пріѣхалъ не выслушивать ваши насмѣшки, а обыскать и арестовать васъ...

— Дѣлайте зачѣмъ пріѣхали...

Обыскъ длился часа три. Затѣмъ мнѣ предложили одѣться и слѣдовать въ комендатуру. Одинъ изъ комиссаровъ успокоилъ жену: завтра же выпустятъ, не стоитъ и подушки съ собою брать.

Меня отвезли, дѣйствительно, въ комендатуру Суворовскаго района, провели по ряду просторныхъ свѣтлыхъ комнатъ въ подвальный этажъ, гдѣ и помѣстили въ темной, безъ всякой мебели, безъ оконъ, длинной и узкой комнатѣ, служившей когда-то барской кладовой при кухнѣ. Тутъ же рядомъ была и эта кухня, хотя

и расположенная въ полуподвалѣ, но съ окнами, свѣтлая и большая. Пустая кухня была заперта, а насъ все время держали, никуда не выпуская, въ кладовой, пока, наконецъ, сгрудившіеся въ ней 40 человѣкъ, почти задыхавшіеся, не стали шумѣть и требовать коменданта.

Наконецъ, явился и комендантъ, простой солдатъ. Послѣдовала сначала маленькая перепалка съ употребленіемъ крѣпкихъ словъ:

– Какая еще кухня! Гдѣ кухня? Что еще врете?

Его ткнули носомъ въ запертую кухню. Онъ почесалъ затылокъ и сдался:

– Ну, ладно, прикажу поискать ключи. Ежели найдутъ, открою . . . Полчаса искали ключи. Нашли. Къ разсвѣту мы размѣстились на полу обширной барской кухни и людской. Мы уже ознакомились другъ съ другомъ и поняли, почему были арестованы. Арестовывали по спискамъ кандидатовъ въ гласные петроградскихъ районныхъ городскихъ думъ 1917 г. Это были первые выборы по всеобщему, прямому, равному, тайному голосованію. Передъ выборами велась агитація. Партіи, желая блеснуть, выставляли, какъ говорилось, для «окраски списковъ», имена и своихъ знаменитостей и просто безпартійныхъ, но очень популярныхъ спеціалистовъ. Большевики тоже принимали участіе въ выборахъ, а теперь превратили ихъ въ западню. Взяли афиши отъ партій народной свободы, трудовиковъ и соціалистовъ-революціонеровъ и, воспользовавшись указанными тамъ адресами кандидатовъ, произвели повальные обыски и аресты. Было, правда, нѣсколько человѣкъ, ни въ какихъ спискахъ никогда не значившихся. Но это видимое исключеніе только подтвердило правило. Такъ, дворникъ, убивавшійся, что у него осталось дома безъ матери шестеро ребятъ, оказался братомъ «кандидата», давно уѣхавшаго въ деревню. Одна изъ забранныхъ женщинъ была опредѣленно взята вмѣсто умершаго брата – «кандидата», взята «впредь до выясненія справедливости ея словъ». Наконецъ, горничная, долгое время не понимавшая, за что же ее взяли, вспомнила, что дѣйствительно какъ то лѣтомъ въ прошедшемъ году господа записали ее въ какой-то «трудовицкій списокъ». Эта случайно обнаружившаяся, маленькая тайна созиданія демократическихъ кандидатуръ партіи трудовиковъ встрѣчена была не безъ язвительныхъ насмѣшекъ. Были, понятно, и простые случаи чисто пошехонскихъ недоразумѣній. Такъ пѣкто Ш., вышедшій проводить своего отца, былъ въ комендатурѣ задержанъ, и, пока судъ да дѣло, просидѣлъ три недѣли вмѣстѣ съ нами. Когда его, наконецъ, освободили, слѣдователь не счелъ даже нужнымъ извиниться. Еще бы: могло быть и хуже.

Изъ арестованныхъ мало кто догадался взять съ собой постель и пищу. Поэтому уже съ утра родственники и знакомые стали осаждать комендатуру. Осада увѣнчалась успѣхомъ. Сперва разрѣшили передачи, затѣмъ свиданія на разстояніи, а потомъ и на лѣстницѣ, ведущей въ подвалъ. Стражи, получивъ кое-что изъ продуктовъ, совсѣмъ размякли. Мы узнали, что въ городѣ произведены массовые аресты гласныхъ. Коммунисты боятся возстанія, а потому рѣшили изъять всѣхъ лицъ, которыя могли бы возглавить мятежную попытку и создать органъ городского самоуправленія. Какъ только праздники пройдутъ спокойно, насъ немедленно выпустятъ. Среди арестованныхъ много академиковъ, профессоровъ, врачей, богатыхъ купцовъ, инженеровъ, много лицъ, нынѣ занимающихъ видные посты на совѣтской службѣ. Аресты вызвали въ городѣ большое волненіе. Въ Че-кѣ успокаиваютъ, говорятъ, что очень скоро выпустятъ.

Вечеромъ насъ подъ слабымъ конвоемъ отправили въ б. Военную Тюрьму, что на Нижегородской ул. Тюрьма оказалась уже переименованной въ какое-то исправительно-трудовое учрежденіе, при чемъ тюремные надзиратели тоже полу-

чили какое-то сантиментальпо-благодушное названіе, чуть ли не воспитателей. По существу же во главѣ тюремной администраціи остались старые служащіе, поддерживавшіе прежніе порядки, но про себя рѣшившіе, что особенно усердствовать не стоитъ, и за подачки охотно дѣлавшіе разныя поблажки. Но бывали минуты, когда старшему надзирателю, не то спьяна, не то по какому-то нагоняю, приходило на умъ навести порядокъ. Камеры тогда запирались на ключъ; по гулкимъ корридорамъ, выстроеннымъ изъ одного желѣза, неслась густая скверная ругань, бряцало оружіе, щелкали затворы. Затѣмъ воцарялось тяжелое молчаніе. Публика вначалѣ была, большею частью, интеллигентная и предпочитала въ такія минуты со стражей не говорить. Проходило часа два-три и снова открывались камеры, заключенные ходили другъ къ другу въ гости, даже въ другіе этажи. Три раза въ недѣлю намъ приносили передачи. Мы могли писать и получать письма. Кромѣ офиціальныхъ сношеній были и неофиціальныя. Словомъ въ первыя двѣ-три недѣли пребываніе въ Военной Тюрьмѣ напоминало жизнь въ гостиницѣ . . . для тѣхъ, у кого были средства получать съ воли, что ему было надо. Страдали не заключенные, а ихъ родные, вырывавшіе кусокъ у дѣтей, чтобы отнести томившемуся въ бездѣльи отцу.

Не успѣли насъ привести въ тюрьму, какъ уже начали освобождать. Первыми были освобождены, насколько я помню, В. В. Водовозовъ и М. Я. Пергаментъ. Всѣхъ арестованныхъ «по списку гласныхъ» въ тюрьмѣ на Нижегородской улицѣ было 212 человѣкъ. Изъ нихъ, какъ я уже сказалъ, далеко не всѣ были членами тѣхъ партій, по спискамъ которыхъ они шли. Было много видныхъ спеціалистовъ, врачей, педагоговъ, подрядчиковъ, купцовъ, инженеровъ, техниковъ, археологовъ, строителей, очень цѣнныхъ для развитія и поддержанія городского хозяйства, но совершенно не интересовавшихся политикой.

На нихъ арестъ произвелъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе.

– Спасибо, научили. Нѣтъ, теперь уже меня ни на какіе выборы калачомъ не заманишь. Довольно! Показали намъ, что значатъ выборы . . .

Походило на самомъ дѣлѣ на то, будто крайніе правые, которые, по обывательской легендѣ, все время незримо работали за спиной большевиковъ, дали имъ заданіе отбить у нашей либеральной интеллигенціи охоту соваться въ общественныя дѣла. Избыткомъ гражданскаго мужества всѣ эти хорошіе спеціалисты, но смирные люди, никогда не отличались. А тутъ большевики имъ показали, что согласіе дать свое имя на помѣщеніе въ спискѣ кандидатовъ въ гласные вовсе не такая законная и невинная вещь, какъ казалось. Они даже въ гласные не прошли, а въ тюрьму попали и, что дальше будетъ, неизвѣстно.

То и дѣло приходилось слышать такія рѣчи: «Ну, я понимаю, взяли Васъ или Н. Н. Вы – видные кадеты, писали, говорили противъ большевиковъ. Но меня то за что? Я вѣдь ни слова не сказалъ и не написалъ. Только что далъ свое имя въ списокъ. Теперь ужъ, шалишь, умнѣе буду . . .»

* *
*

Первую годовщину октябрьской революціи мы провели въ тюрьмѣ. Если память мнѣ не измѣняетъ, совѣтская власть и намъ даже выдала по знаменитой бѣлой (точнѣе сѣрой) булкѣ, о которой недѣлю говорилъ «весь Петроградъ». Вообще же кормили очень плохо. Хлѣба давали по полу-фунта, иногда три четверти. Супъ былъ пустой, безъ гороха – его выбирали себѣ надзиратели на кашу, съ селедочными головками, но безъ селедочнаго мяса. Давали зато кофе-суррогатъ

и сахару. Безъ передачъ нельзя было прожить и недѣли. Несчастныхъ, не имѣвшихъ передачъ, было не мало. Ихъ кормили болѣе состоятельные арестанты. Въ тюрьмѣ было чисто. Давали хорошій кипятокъ. Не было скученности: жили по одному, по-двое въ камерахъ, при возможности гулять по корридору. Желающіе вызывались на работы на чистомъ воздухѣ. Въ сущности, это былъ видъ прогулки. За недостаткомъ пилъ, колуновъ и лопатъ — работы по пилкѣ и носкѣ дровъ или по уборкѣ огорода хватало только на десятую часть желавшихъ. Библіотеки въ тюрьмѣ не было, церковь разорена и забита, но книги можно было получать изъ дому и возвращать ихъ обратно, а протоіерею Чельцову не препятствовали устраивать у себя въ камерахъ богослуженія для желающихъ.

Дня черезъ два пріѣхали въ тюрьму цѣлымъ табункомъ слѣдователи изъ Чеки. Камеры заперли и начались вызовы на допросъ. Слѣдователи были разные: рабочій, матросъ, интеллигентъ, полуинтеллигентъ. Одни допрашивали очень вѣжливо, не безъ язвительности, другіе—грубо, ругались и кричали. Было тутъ, какъ и въ старой Россіи, когда полиція вѣжливо разговаривала съ образованными и била по мордѣ простонародье. Слѣдователи-коммунисты позволяли себѣ еще кричать и на купцовъ, но передъ державшимъ себя съ достоинствомъ интеллигентомъ какъ то никли и пассовали.

Меня допрашивалъ слѣдователь Отто, изъ латышей, вѣроятно, съ среднимъ образованіемъ. Допросъ носилъ характеръ формальный. Изъ лежавшаго предъ нимъ «дѣла» Отто зналъ, что я — членъ Центр. Комитета к-д. партіи, сотрудничалъ въ «Рѣчи» и «Русской Мысли». Я не отрицалъ. Онъ спросилъ, было, у меня, каковы планы к-д-ской партіи и что я думаю о бѣлой арміи. Я отвѣчалъ, что, живя въ Сов. Россіи и читая только совѣтскія газеты, я не имѣю достаточно матеріала для отвѣта на эти вопросы. Онъ попытался еще спросить меня, какой я держусь «оріентаціи», но получивъ отвѣтъ: «русской», возразилъ: такой не существуетъ. — «Если я ея держусь, значитъ, для меня она существуетъ . . .»

Давъ мнѣ подписать краткій протоколъ, Отто сдѣлалъ на повѣсткѣ какой-то значекъ, позвалъ надзирателя и, сказавъ ему: «проводите», обратился ко мнѣ: о результатахъ скоро узнаете. Въ это время въ камеру зашли другіе слѣдователи, собиравшіеся уѣзжать, и одинъ изъ нихъ, высокій, въ папахѣ, указывая на меня пальцемъ, сказалъ: «Когда эти будутъ у власти, а мы въ тюрьмѣ, они, чорта съ два, къ намъ сюда не пріѣдутъ, а къ себѣ съ конвоемъ потянутъ».

Каждый день выпускали по нѣсколько человѣкъ. Ѣздили слѣдователи. Допрашивали недопрошенныхъ, а сидѣвшихъ купцовъ почему-то допрашивали по два и по три раза. Они нѣсколько волновались и тайкомъ признавались, что нажали, гдѣ слѣдуетъ, винты. Отпустили и ихъ. Изъ всей компаніи въ 212 человѣкъ, оставалось въ тюрьмѣ всего только 31 человѣкъ, преимущественно изъ бѣдняковъ-интеллигентовъ. Начали приводить въ тюрьму новыхъ сидѣльцевъ. Привели нѣсколько юныхъ морскихъ офицеровъ, компанію интеллигентовъ, взятыхъ за карточной игрой, большую группу крестьянъ Ново-Ладожскаго уѣзда, обвиняемыхъ въ бунтѣ, нѣсколькихъ студентовъ изъ студенческаго сельско-хозяйственнаго кооператива подъ Лугой, ставшихъ жертвою доноса, рабочихъ эсъэровъ и анархистовъ, кронштадтскаго анархиста Блейхмана, когда-то призывавшаго матросовъ «вспарывать животы офицерамъ», группу просто уголовныхъ преступниковъ.

Составъ тюрьмы рѣзко измѣнился. Стали мѣняться и порядки. Казенная пища была плоха по-прежнему, но строгости усиливались. Стража или воспитатели ругались гораздо чаще и рѣзче. Запрещено было ходить изъ одного этажа въ

другой. Мы всѣ, первые засельники по дѣлу «гласныхъ», сгруппировались въ четвертомъ, самомъ верхнемъ этажѣ и пользовались еще нѣкоторыми льготами. Но въ другихъ корридорахъ начинали уже на цѣлые дни запирать камеры, постепенно переводя арестованныхъ на настоящій режимъ одиночнаго заключенія.

«Результаты» допроса мнѣ все оставались неизвѣстными. А слухи ползли нехорошіе. Женѣ и хлопотавшимъ обо мнѣ отвѣчали, что не сегодня-завтра выпустятъ, а стороной меня извѣщали, что вышлютъ куда-то на сѣверъ, за Вологду. Изъ 212 арестованныхъ осталось всего четверо: я, одинъ очень богатый хлѣботорговецъ Г., бѣднякъ учитель А. и техникъ Ф., у котораго при обыскѣ конфисковано было 25 т. рублей царскими деньгами.

Былъ уже декабрь. Стояли морозы. Однажды, въ обѣдъ, вмѣсто обычной жидкой бурды, намъ дали густой супъ изъ чечевицы. И по тюрьмѣ поползли слухи: сегодня высылаютъ... Хлѣботорговецъ, у котораго были конспиративныя сношенія съ волей, шепнулъ мнѣ, что надо готовиться къ отъѣзду, повидимому, въ Вологду. У меня было теплое пальто съ башлыкомъ, но не было теплой обуви. Сообщить домой — поздно: ближайшая передача чрезъ два дня. Но мнѣ еще что! У меня хоть башлыкъ и пальто, а у другихъ, кромѣ лѣтняго пальто, буквально ничего нѣтъ. Неужели и ихъ погонятъ въ такомъ видѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ Архангельскую губернію?

Погнали... Почти все населеніе тюрьмы, отъ 16-ти-лѣтняго «красноармейца» П., отпустившаго изъ подъ ареста какого-то заключеннаго, до семидесятилѣтняго беззубаго старика изъ новоладожскихъ крестьянъ, людей явно больныхъ, туберкулезныхъ, въ томъ числѣ и анархиста Блейхмана, отправляли, какъ «буржуевъ», на окопныя работы по Архангельско-Вологодской жел. дорогѣ. Освободили только одного «пролетарія»... милліонера-хлѣботорговца. Его вызвали, прочли ему жестокій приговоръ, что онъ собственно подлежитъ разстрѣлу, но впредь до выясненія освобождается на поруки для исполненія обязательныхъ работъ, которыя будутъ указаны совѣтской властью. Конечно, это стоило не дешево.

Вечеромъ меня вызвали въ контору тюрьмы. Лицо, собиравшее мои бумаги и записывавшее мои отвѣты, вдругъ ровнымъ голосомъ сказало: направо, въ будкѣ телефонъ. Я не заставилъ себя просить, осторожно зашелъ въ будку, быстро вызвалъ жену, къ счастью оказавшуюся дома, и успѣлъ сказать: сегодня къ ночи съ Николаевскаго вокзала въ Вологду...

II

ВЪ ССЫЛКѢ НА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ДОРОГѢ

Отъ тюрьмы на Нижегородской, черезъ весь городъ, въ морозъ, съ вещами на спинѣ, пѣшкомъ по снѣгу и ухабамъ, въ темнотѣ неосвѣщавшихся улицъ, гнали насъ на Николаевскій вокзалъ часа два. А въ это время моя жена и еще человѣкъ пять, случайно узнавшихъ объ отправкѣ близкихъ имъ людей въ Вологду, метались по огромному вокзалу и по путямъ въ поискахъ вагоновъ, въ которыхъ насъ повезутъ. Уже позднѣе, когда я вернулся, жена разсказала мнѣ, какъ съ валенками и хлѣбомъ въ рукахъ она бѣгала по рельсамъ, перелѣзала черезъ заборы, спотыкалась, падала, оцарапала лицо и руки, упрашивала солдатъ, получая отъ нихъ ругательства и толчки, пока, наконецъ, какой-то желѣзнодорожникъ не сжалился надъ нею. Прежде всего онъ провелъ ее въ будку, гдѣ она нѣсколько

успокоилась и обогрѣлась, а затѣмъ указалъ на мѣсто, гдѣ собирался составъ вологодскаго поѣзда. Оставалось только слѣдить за его передвиженіями т. е. бѣгать за нимъ по рельсамъ. Богъ, видно, миловалъ, не попала подъ вагоны и даже имѣла возможность видѣть, какъ провели меня для посадки. Проститься, конечно, не позволили, но валенки и хлѣбъ для передачи мнѣ взяли, а затѣмъ всѣхъ провожавшихъ прогнали прикладами...

Въ товарномъ вагонѣ были настланы въ два ряда доски. Считая съ поломъ, получалось три этажа, на которыхъ и размѣстилось человѣкъ 45. Въ вагонѣ, куда попалъ я съ учителемъ А., помѣщались еще ново-ладожскіе крестьяне, группа рабочихъ анархистовъ и просто хулигановъ, группа офицеровъ съ Клейгельсомъ, сыномъ бывшаго градоначальника. Сопровождать насъ назначенъ былъ особый комиссаръ изъ полуинтеллигентовъ-канцеляристовъ, человѣкъ съ недурно привѣшеннымъ языкомъ. Вагонъ чрезвычайно быстро «соргапизовался»: выбранъ былъ староста и его помощники. Староста былъ указанъ новоладожцами, но не изъ крестьянъ, а какой-то очень толковый и чрезвычайно практичный, бывалый господинъ, напоминавшій скрывающаго свое званіе прапорщика запаса изъ мелкихъ техниковъ. Въ помощь ему выбрали двухъ раздатчиковъ. На вагонъ полагалось по два конвойныхъ. Одинъ долженъ былъ всегда сидѣть въ вагонѣ, другой провожалъ арестованныхъ, когда имъ надо было отлучиться по нуждѣ или за покупками. Старосты пяти вагоновъ составили совѣтъ при комиссарѣ и пошли добывать провизію на дорогу. Если память мнѣ не измѣняетъ, вагонные старосты избрали изъ своей среды главнаго, вручивъ эту должность инженеру Л., племяннику одного изъ послѣднихъ Президентовъ Вольно-Экономическаго Общества.

Выгоды «организованности» сказались очень быстро. Прежде всего принесли въ вагонъ хлѣбъ, воблу и сахаръ, полагавшіеся намъ отъ казны по разсчету изъ двухъ дней пути. Затѣмъ нашъ вагонный староста гдѣ-то промыслилъ топоръ. Послѣ мы слышали, какъ возлѣ поѣзда бѣгала голосившая сторожиха и Христомъ-Богомъ молила возвратить топоръ. Какъ ни жалко намъ было плакавшей бабы, но своя рубашка ближе къ тѣлу. Всѣ предчувствовали, что безъ топора мы погибнемъ съ холоду и потому и знавшіе тайну топора, упорно ее хранили, не поддаваясь ни чувствительности, ни голосу совѣсти.

Нашъ вагонъ когда-то представлялъ собой теплушку. Отъ этого времени осталась труба, идущая черезъ вагонъ, но печка исчезла. Созрѣлъ планъ вернуть ее такимъ же путемъ, какъ она пропала. По соглашенію съ конвойнымъ на ближайшей станціи была отряжена небольшая экспедиція изъ молодежи, скоро вернувшаяся съ добычей. Силами вагонныхъ техниковъ украденная печь была прилажена къ остававшейся трубѣ. На станціяхъ мы помогали раскрадывать казенныя желѣзнодорожныя дрова и до Вологды ѣхали прекрасно: топили и варили, сколько надо было, и цѣлый день пили чай...

Комиссаръ по очереди навѣщалъ вагоны. Былъ веселъ и словоохотливъ (много времени спустя я узналъ, что онъ былъ преданъ суду за хищеніе продуктовъ у одной изъ порученныхъ ему партій!). Намъ онъ говорилъ то же самое, что и другимъ:

— Васъ отправляютъ по «мобилизаціи буржуевъ, враждебныхъ совѣтской власти». Ѣдете въ Вологду. Васъ или тамъ оставятъ, или отправятъ по близости. Арестантами вы считаетесь только до Вологды. Тамъ будете на положеніи рабочихъ. Станете получать паекъ: 1½ ф. хлѣба, сахару, муки, масла, крупы, чаю, соли, казенный обѣдъ кромѣ того. Рабочій день 8 часовъ, въ Сов. Россіи нигдѣ больше не работаютъ. Жить можно будетъ и на вольныхъ квартирахъ.

Одежду, обувь, все, что кому надо, все казна дастъ. Мѣсяцъ работы считается за годъ. Отработасте положенный вамъ срокъ – кому три, кому пять лѣтъ т. е. мѣсяцевъ и станете уже не буржуи, а полноправные граждане Совѣтской Республики. Всѣ права. Хоть на мѣсто Ленина васъ выбирай, и на это у васъ полное право...

Арестанты слушали, развѣсивъ уши. Удивительно довѣрчивы русскіе люди. Въ вагонѣ было не мало образованныхъ людей, казалось бы, недурно знающихъ, какъ живется и что дѣлается въ Совдепіи. И тѣмъ не менѣе, даже они склонны были вѣрить росказнямъ комиссара. «Ну, конечно, онъ преувеличиваетъ, но если и половина – правда, то и тогда не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Можно будетъ жить и на «работахъ». Особенно привлекала возможность жить на вольныхъ квартирахъ.

На третьи сутки поѣздъ прибылъ въ Вологду. Тамъ насъ постигли первыя разочарованія. Вмѣсто горячаго обѣда и теплой квартиры, которые насъ, по словамъ комиссара, должны были тамъ ждать по его телеграммѣ, намъ пришлось не менѣе трехъ часовъ съ вещами слоняться взадъ и впередъ по городу. Одно учрежденіе отсылало насъ къ другому. Никто не хотѣлъ насъ принимать. Все чаще слышались слова: «веди ихъ въ тюрьму.» Наконецъ, послѣ того, какъ мы четыре раза взадъ и впередъ колесили по однѣмъ и тѣмъ же улицамъ, комиссаръ привелъ насъ къ большому бѣлому каменному зданію, гдѣ и сдалъ по перекличкѣ на улицѣ очень свирѣпому конвою. Немедленно послѣ этого комиссаръ исчезъ – только мы его и видѣли.

Конвой съ матерной бранью и прикладами погналъ насъ въ зданіе реальнаго училища, хотя мы и не думали, конечно, отказываться туда идти. Огромные высокіе свѣтлые классы были, какъ полками въ магазинѣ, перегорожены трехъ-ярусными нарами. Но, Боже мой, во что было превращено прекрасное зданіе Реальнаго Училища, служившее этапомъ для арестантскихъ и воинскихъ командъ! Клопы и тараканы ходили стадами днемъ. На нарахъ, на полу, на окнахъ валялись остатки пищи, не убиравшіеся, видимо, мѣсяцами. Выбиты не только стекла, но и многія рамы. Въ стѣнахъ выколупаны отъ масляной краски огромныя плѣши. Гдѣ только можно, пахабныя надписи и рисунки. Водопроводъ нигдѣ не дѣйствуетъ. Краны сломаны. Когда по настилу изъ досокъ мы прошли въ мѣсто, называвшееся внутренней уборной, пришлось съ позоромъ ретироваться. Застойное озеро на полу заливало уже доски, а кое-гдѣ въ этомъ озерѣ торчали сопки вышиною въ аршинъ. Пришлось упрашивать конвой выпускать на улицу. Съ бранью конвойные собирали отрядъ и съ ожесточеніемъ «гнали»: «еще растеряешь васъ, сволочей, а послѣ отвѣчай за васъ...»

Кромѣ голыхъ стѣнъ и наръ на этапѣ намъ ничего не предложили. На вопросъ объ обѣдѣ конвойные отвѣчали: «Сейчасъ въ первѣйшемъ ресторанѣ вамъ закажемъ обѣдъ изъ трехъ блюдъ, а вы пока своимъ закусите». Но среди нашихъ «буржуевъ» недаромъ было много и «рабоче-крестьянскаго» элемента. Онъ умѣлъ говорить съ конвоемъ на понятномъ для него языкѣ. Скоро послышалось:

– Ироды вы, душегубы, хоть кипятку то дайте, с. с., либо позвольте самимъ на свои деньги за чаемъ сходить!

Послѣ долгаго переругиванія первая брешь была пробита, и человѣкъ десять заключенныхъ съ конвойными получили возможность пойти въ близлежащую чайную за кипяткомъ.

Дальше пошло дѣло все легче и легче. Сначала осторожно, а затѣмъ все смѣлѣе заглядывали къ намъ фигуры въ сѣрыхъ солдатскихъ шинеляхъ, предлагавшіе «на промѣнъ». Мѣняли все: хлѣбъ, сахаръ, папахи, валенки, рукавицы,

шинели. Самыми ходкими «деньгами» были папиросы и табакъ; охотно брали портмонэ, изъ рукъ рвали, если кто продавалъ, часы либо штатскій костюмъ. Не отказывались и отъ денегъ, но брали ихъ неохотно. Арестантскій этапъ превратился въ толкучку.

Около четырехъ часовъ, когда уже вечерѣло, смѣнился караулъ и стало совсѣмъ хорошо. Конвойные уже сами предлагали проводить въ городъ, въ лавочку, конечно — за нѣкоторую мзду. Мнѣ попался удивительно душевный парень изъ какой-то особой, носившей чуть ли не названіе «коммунистической», роты. Онъ не только свелъ меня на почту и далъ возможность отправить домой открытку и телеграмму, но и затащилъ меня къ себѣ въ гости въ казарму, угостилъ кашей, сладкимъ чаемъ и хлѣбомъ. Я впервые увидалъ тутъ, какъ живутъ привиллегированные красноармейцы. Эти помѣщались хорошо. У каждаго была своя кровать со столикомъ, въ который складывались продукты. На пищу красноармеецъ не жаловался. Когда я сидѣлъ у него въ гостяхъ, на кровати, казарма стала заполняться женщинами. Оказалось, что сегодня устраивается балъ, что балы, вообще, бываютъ не рѣдко, а женщины въ казармѣ постоянныя гостьи.

Доволенъ ли былъ красноармеецъ такими «свободами»? Нѣтъ. Ему казалось, что все это не настоящее, не серьезное, а потому и не прочное. «Свобода то оно свобода, да кто еще знаетъ, какъ оно обернется; продажныхъ шкуръ много, доносятъ; при томъ, если я коммунистъ, развѣ долженъ я крестьянина разорять, а мы ихъ потрошимъ здорово. Ну и они насъ не любятъ. Въ одиночку не встрѣчайся. Коммуниста непремѣнно убьютъ».

Предчувствія не обманули моего пріятеля. Обернулось не очень хорошо. Вскорѣ, сидя въ арестантскомъ вагонѣ на станціи Плесецкой, я узналъ, что вся вологодская «рота коммунистовъ» за послабленія арестованнымъ буржуямъ была предана суду и раскассирована.

Конвоиръ доставилъ меня къ семи часамъ на этапъ. Тамъ мы заночевали. Пробовалъ я было заснуть, конечно, въ одеждѣ и въ пальто, но аттаки клоповъ были столь стремительны и жестоки, что ночь пришлось бодрствовать. Утромъ кипятокъ снова пришлось покупать на собственныя деньги въ чайной. Но въ 11 часовъ намъ дали хлѣба и гороховаго супа. Не успѣли мы, однако, приняться за ѣду, какъ по камерамъ забѣгали конвойные: «Живо! со-би-райсь! Черезъ пять минутъ выступать!»

Бросили ѣду. Опорожнили котелки. Стали спѣшно собирать и укладывать вещи. Второпяхъ, конечно, кое-что и растеряли. А конвойные все подгоняли, скверно ругаясь и угрожая прикладами. Высыпали на улицу и построились въ ожиданіи провѣрки. Ждемъ четверть часа, никого нѣтъ. Разстраиваемъ ряды. Съ бранью велятъ вновь построиться. Опять ждемъ... Черезъ полчаса является начальство. Перекличка. Счетъ. Краткое внушительное слово: если кто изъ этой буржуйной сволочи вздумаетъ бѣжать или не повиноваться, немедленно стрѣлять; за побѣгъ кромѣ того отвѣчаетъ вся партія, потому смотрите другъ за другомъ сами, если хотите (такъ васъ и такъ!) остаться живы. Мы уже обстрѣлены и потому коммунистическая словесность на насъ не производитъ особаго впечатлѣнія.

Ведутъ на вокзалъ. Но поѣзда еще нѣтъ. Проходитъ длинныхъ четыре часа, пока подаютъ составъ и начинается посадка. Это время мы слоняемся по вокзалу. Конвой уже давно размякъ. Мы устали и замерзли. Танцуемъ съ ноги на ногу. Къ чему надо было «гнать» насъ съ такой спѣшкой, не давъ и поѣсть! Система. Вскорѣ я убѣдился, что это излюбленный пріемъ: надо бить арестованнаго по головѣ, не давая ему опомниться, чтобы онъ все дѣлалъ быстро, по военному, а

затѣмъ тянуть изъ него жилы. Для чего? Такъ. Говорятъ, система эта заимствована у стараго порядка и имѣетъ подъ собой солидныя психологическія основанія, какъ средство управленія массами.

Повезли на сѣверъ. Везли долго. Почти полныхъ двое сутокъ ѣхали мы до станціи Плесецкой, гдѣ были штабы VII арміи. Тамъ мы видѣли кое-кого изъ старыхъ ссыльныхъ, уже выбившихся въ люди и занявшихъ тѣ или иные посты при армейскихъ учрежденіяхъ. Они нѣсколько ознакомили насъ съ тѣмъ, что намъ предстоитъ. Посылаютъ по двумъ направленіямъ: или въ Емцы, или на деревню Кочмасъ (можетъ быть, немного перевралъ названіе). И тамъ, и тутъ фронтъ, на которомъ уже начинаются бои, а до весны ожидается серьезное наступленіе англо-американо-архангельско-бѣлогвардейскихъ войскъ. Въ Емцахъ очень скверныя условія жизни, зато туда доставятъ прямо по желѣзной дорогѣ. Въ Кочмасѣ немного лучше, но надо идти пѣшкомъ съ вещами 29 верстъ; подводъ не даютъ, половина людей, пока дойдетъ, замерзнетъ.

Сидѣли мы въ вагонахъ подъ карауломъ и ждали, кого куда пошлютъ. Вызывали насъ во врачебную комиссію на освидѣтельствованіе. Была тяжелая и оскорбительная комедія. Врачи изъ ссыльныхъ трепетали какъ осиновый листъ передъ ассистентами изъ коммунистовъ. Помню осмотръ одного діакона:

— Ну, раздѣвайся, жеребячья порода! Показывай твои болѣзни. Чѣмъ дѣвокъ портилъ, сифилисомъ или триппероМъ?

Врачъ молчалъ, пока, видимо важный, членъ комиссіи изощрялъ свое остроуміе. Другой членъ взглянулъ на насъ, распозналъ сквозь нашу хулиганскую внѣшность интеллигентское обличье, толкнулъ товарища и сказалъ:

— Перестань, не валяй дурака.

Дьякона признали «годнымъ». Но были и такіе, которыхъ и эта комиссія вынуждена была забраковать. Семидесятилѣтній старикъ изъ крестьянъ, нѣсколько чахоточныхъ, въ томъ числѣ и Блейхманъ, нѣсколько человѣкъ съ температурой выше 39° были изъяты изъ партіи и отосланы въ околодокъ. Развѣ не ясно было, что это слѣдовало сдѣлать уже въ Петроградѣ и въ Вологдѣ, гдѣ къ намъ тоже заходилъ врачъ, опрашивавшій, кто на что жалуется. Ему указали на лихорадящихъ, у которыхъ, повидимому, начинался тифъ. Врачъ сказалъ: приму мѣры, но больные послѣдовали съ нами до Плесецкой. Впослѣдствіи врачи въ разговорѣ со мной оправдывались, что они были буквально терроризированы военно-коммунистическими властями, грозившими разстрѣломъ за каждаго оставленнаго «буржуя», который окажется «не опасно больнымъ».

Меня комиссія спросила: Что у васъ? Я отвѣчалъ:

— Мнѣ пятидесятый годъ. Всю жизнь я занимался только умственнымъ трудомъ и къ окопнымъ работамъ не способенъ. Я почти слѣпъ и, если лишусь очковъ, то въ двухъ шагахъ ничего не увижу, да и въ очкахъ вижу плохо.

— Параграфъ о зрѣніи отмѣненъ. Грыжей не страдаете?

— Нѣтъ.

Написали: годенъ. А въ то же время во всѣхъ канцеляріяхъ отъ Вологды до Плесецкой и Емцовъ, какъ и въ доброе старое время, укрывались сотни здоровеннѣйшихъ верзилъ не умѣющихъ грамотно написать ни строки. Происходила соціальная революція: литераторы, учителя и чиновники рыли окопы, дворники, рабочіе и бойкіе купеческіе сынки писали и учили.

По дорогѣ отъ Петрограда до Вологды и въ самой Вологдѣ можно было еще купить хлѣба и кое-что изъ продуктовъ. Отъ Вологды стало совсѣмъ худо. Фронтъ все объѣлъ. За деньги достать хлѣба совсѣмъ нельзя было. Мѣняли только

на табакъ, да и то боясь, какъ бы не увидали солдаты или чекисты и не отняли бы хлѣбъ даромъ. Мы еще не «работали», а потому намъ давали только по фунту хлѣба на день безъ горячаго приварка. Начинался голодъ. Многіе изъ насъ ходили подъ вагонами и собирали выброшенныя поварами гнилыя, промерзшія картофелины и другіе объѣдки. Мнѣ — я помню — какой-то красный командиръ подалъ кусокъ хлѣба. Это была первая милостыня, которую я взялъ Христа ради. На старости лѣтъ научили меня коммунисты нищенствовать...

Изъ этой мерзлой картошки арестованные, какъ имъ совѣтовали, сдѣлали «пюре». Говорили, что ѣсть «пюре» безопаснѣе, чѣмъ не тертую картошку. Предосторожность не помогла. Той же ночью всѣ полакомившіеся этимъ «пюре», были жестоко наказаны. Дизентерія, впрочемъ, пришла позднѣе, въ Емцахъ...

* *
*

На Плесецкой мы пробыли дня три. Часть партіи отдѣлили куда-то, кажется, дѣйствительно въ Кочмасъ, а остальныхъ повезли на 426-ую версту, за полустанкомъ Емцы. Пріѣхали мы вечеромъ. Было уже темно и я совершенно не видѣлъ мѣстности, гдѣ мы остановились. Выгрузивши и пересчитавши, насъ повели куда-то по узкой дорогѣ. Изъ присланной партіи четыре-пять человѣкъ взяли меня подъ свое покровительство и сдѣлались моими нянъками, иногда буквально водившими меня подъ руки. Къ сожалѣнію, проклятыя условія современности таковы, что я даже теперь, спустя 4 года, не могу вполнѣ откровенно говорить о тѣхъ людяхъ, которымъ я обязанъ спасеніемъ въ эти тяжкія минуты моей жизни. Но ихъ образы я сохранилъ въ своей душѣ и, если они находятся внѣ предѣловъ досягаемости совѣтской власти и мои строки дойдутъ до нихъ, пусть примутъ ихъ какъ горячую дань моей благодарности. Безъ ихъ содѣйствія, меня давно бы уже не было въ живыхъ. Это были: учитель А., высланный со мной изъ Петрограда по дѣлу гласныхъ, эстонецъ Э., два молодыхъ морскихъ офицера Щ. и Д. и инженеръ Л.

Эстонецъ Э. былъ натурой интересной. Человѣкъ большого роста, огромной физической силы, сильныхъ страстей и въ то же время чрезвычайной выдержки. Сынъ богатаго крестьянина, онъ получилъ небольшое образованіе, занимался въ Петроградѣ до революціи торговлей и жилъ, видимо, хорошо. Вмѣстѣ съ нимъ попалъ въ ссылку его соотечественникъ, бывшій его большой пріятель, представлявшій, какъ это бываетъ нерѣдко, разительную противоположность. Скорѣе низкаго роста, слабосильный, пріятель Э., — фамилію котораго я забылъ, производилъ впечатлѣніе человѣка очень умнаго и хитраго, гораздо болѣе образованнаго и интеллигентнаго. Онъ умѣлъ и любилъ поговорить на политическія темы, тогда какъ Э. изъяснялся по русски не безъ труда и говорилъ мало. Оба пріятеля служили въ Че-ка слѣдователями по дѣламъ спекулятивнымъ. Оба обратили эту службу въ доходный промыселъ. Вмѣстѣ попались и, переживъ на Гороховой непередаваемыя сцены «примѣрнаго разстрѣла», очутились въ тюрьмѣ на Нижегородской. Но тутъ начали обнаруживаться и нѣкоторыя различія. Жена Э. послѣ его ареста оказалась почти безъ средствъ и, кажется, не особенно интересовалась своимъ супругомъ. А жена пріятеля Э. имѣла въ рукахъ очень большія деньги и энергично хлопотала за своего мужа. Въ неповоротливомъ мозгу Э. сталъ тяжело шевелиться вопросъ: почему это такъ случилось? Въ душу, очевидно, запали тяжкія подозрѣнія. Дальше — больше. Въ тюрьму они попали вмѣстѣ

и въ ссылку пошли вмѣстѣ, но уже въ Плесецкой пріятель Э-а отъ него оторвался и судьба его явно пошла по другимъ рельсамъ. Э. сознавалъ, что его пріятель использовалъ его, какъ грубую физическую силу, обманулъ, а теперь и предалъ и выкарабкивается самъ, предоставляя ему тонуть. «Убить его надо» – сказалъ онъ мнѣ однажды, и это не были пустыя слова.

Окружающее его русское простонародье Э. не любилъ за грязь, скверную ругань (онъ съ большой любовью и почтительностью говорилъ о своихъ родителяхъ), за «необразованность». Большевики произвели на него чрезвычайно сильное впечатлѣніе и подавили его психику. «Русскому народу – нерѣдко говаривалъ онъ мнѣ – только такое правительство и нужно. Другое съ нимъ не справится. Вы думаете, народъ васъ уважаетъ. Нѣтъ, онъ надъ вами смѣется, а большевика уважаетъ. Большевикъ его каждую минуту застрѣлить можетъ. Я помню, какъ онъ меня застрѣлить хотѣлъ. Они иногда правильно хотятъ – и мы имъ должны подчиняться», – неожиданно заканчивалъ Э. свою мысль.

Этотъ человѣкъ почувствовалъ ко мнѣ какую-то симпатію, совершенно безкорыстную. Онъ помогалъ мнѣ, какъ только могъ. Когда надо было взбираться въ вагонъ, подымавшійся на полтора аршина надъ насыпью, и я никакъ не могъ подтянуться на своихъ слабыхъ локтяхъ, онъ подталкивалъ меня и всаживалъ въ вагонъ своими могучими руками. Когда одинъ арестантъ изъ хулигановъ укралъ у меня казенную мотыку и мнѣ грозили непріятности, Э. заставилъ его угрозой переломать ребра вернуть украденное.

Какъ то я прямо спросилъ его:

– Вы человѣкъ сильный, любите и уважаете только силу, почему же вы помогаете и заботитесь обо мнѣ, воплощенной и ненужной слабости?

Онъ отвѣтилъ:

– Силы то у меня самого много. Мнѣ тоже иногда хочется умъ и правду видѣть. Вы думаете, что человѣкъ можетъ жить только какъ грязная свинья или голодная собака? Если бы не было образованныхъ, хоть слабыхъ, но честныхъ, совсѣмъ скучно было бы. А власти вамъ давать нельзя. Вы ничего не умѣете...

Э., человѣкъ очень аккуратный и обстоятельный, вывезъ съ собой немного продуктовъ, тѣмъ болѣе, что аппетитъ у него, сообразно комплекціи, былъ большой. Но припасовъ хватило только до Плесецкой. Въ лагерномъ баракѣ на 426-ой верстѣ, Э. уже сильно голодалъ и таялъ на моихъ глазахъ. Вообще, условія жизни были таковы, что обрекали всѣхъ насъ на медленную, но вѣрную смерть.

Вытянутое, узкое, низкое, темное днемъ и ночью, деревянное зданіе, безъ оконъ, съ дверью на одномъ концѣ и печкой – на другомъ. По обѣ стороны, у мокрыхъ стѣнъ – нары, посрединѣ – узкій столъ. Населеніе такъ густо, что при распредѣленіи мѣстъ буквально отмѣривали каждому его 8 вершковъ. Изъ-за каждаго лишне захваченнаго полу-вершка шли уже споры и даже драки. Спать надо было не раздѣваясь. Всѣ вещи, вообще, приходилось на ночь прятать подъ себя, такъ какъ крали немилосердно. Днемъ, когда вся партія отправлялась на работы, вещи въ запертомъ или завязанномъ видѣ оставлялись на отвѣтственности старосты и очереднаго дневальнаго. Ихъ надзоръ отъ кражъ не спасалъ. Кражи, вообще, служили источникомъ постоянныхъ ссоръ. Для освѣщенія служила лучина. Ее долженъ былъ нащепать дневальный въ такомъ количествѣ, чтобы хватило на утро, когда завтракали передъ отъѣздомъ на работы, и на вечеръ, когда обѣдали послѣ возвращенія съ работъ. Такъ какъ приготовить такое огромное количество лучины одинъ дневальный, обремененный и другими работами, никогда не могъ, то его всегда ругательски ругали. Дневальный послѣ отъѣзда

партіи долженъ былъ вымести камеру, наколоть и принести дрова, поддерживать огонь въ печи, нащепать лучину и помочь старостѣ доставить продукты.

Продукты (хлѣбъ, сахаръ, иногда чай, рыба и мыло) выдавались старостѣ каждаго барака по списку и дѣлились выбранными раздатчиками изъ арестантовъ по возвращеніи ихъ съ работъ. И старосту и раздатчиковъ обвиняли почти всегда въ кражахъ и мошенничествѣ, хотя заранѣе заготовленныя порціи раздавались по жребію. Староста долженъ былъ слѣдить за порядкомъ и всѣхъ подымать въ 6 ч. утра. Всѣ, исключая старосты и одного дневальнаго, должны были ежедневно, не исключая ни воскресенья, ни Рождества, ни Новаго Года, отправлятся на работы. Чувствовавшій себя больнымъ отправлялся старостой по запискѣ въ околодокъ въ $6^1/_4$ ч. утра. Если фельдшеръ признавалъ его больнымъ, онъ могъ остаться въ лагерѣ, но получалъ третью часть хлѣбнаго пайка и долженъ былъ все время лежать въ баракѣ, не выходя во дворъ. Бѣда, ежели кто изъ начальства замѣтитъ такого «лодыря» во дворѣ. Если же фельдшеръ не признавалъ его больнымъ, онъ, сломя голову, долженъ былъ бѣжать къ полотну, гдѣ въ 7 ч., передъ поѣздомъ уже выстраивались арестанты по баракамъ или, какъ говорили, «по ротамъ.» Такой неудачный больной лишался завтрака, — большею частью супа изъ селедки даже безъ крупы — который раздавался въ $6^1/_2$ ч. утра. Безъ десяти минутъ семь мы должны были уже выходить къ полотну, имѣя на завтракъ не болѣе 15 минутъ. Завтракъ раздавался, смотря по представляемой посудѣ: на одного, на двухъ, на трехъ.

Хлѣба давали по $1^1/_2$ фунта на человѣка съ малымъ недовѣсомъ. Сахару около 4 золотниковъ. Рыбы, сухой воблы или селедки, въ среднемъ по полу-фунту въ день. По пріѣздѣ съ работъ, между 7 и 8 часами вечера давался «обѣдъ», т. е. то же самое варево, что и утромъ, за исключеніемъ праздниковъ, когда вмѣсто супа давалась жидкая пшенная каша. Раціонъ въ общемъ былъ значительно меньше красноармейскаго: почти совершенно отсутствовали жиры. Его не хватало бы для поддержанія силъ и при сидячемъ образѣ жизни въ теплой тюрьмѣ. Мы же проводили все время, съ 7 часовъ утра до 7–8 ч. вечера, на морозѣ, за работой или въ холодныхъ вагонахъ и, конечно, выдаваемая намъ пища не составляла и половины того, чего требовалъ организмъ. Даже я испытывалъ чувство голода. Что же переживали болѣе молодые и здоровые, напр. Э., который на волѣ ежедневно потреблялъ одного хлѣба не менѣе 3 фунтовъ? Огромное большинство арестантовъ постоянно испытывали острое чувство голода, и всѣ мысли ихъ были поглощены заботой, какъ бы чего найти съѣстного. Посылокъ по близости не было никакихъ. Оставалось красть либо въ казенныхъ складахъ и кухняхъ, либо у болѣе счастливыхъ товарищей, получившихъ какія-нибудь посылки. Посылки, особенно со съѣстнымъ, рѣдко доходили въ цѣломъ видѣ. Сначала содержаніе ихъ въ порядкѣ надзора просматривалось на почтѣ, затѣмъ въ штабныхъ учрежденіяхъ VII арміи, потомъ лагернымъ начальствомъ и, наконецъ, сожителями по бараку въ порядкѣ простой кражи.

Э. таялъ на моихъ глазахъ. Въ теченіе недѣли, которую я провелъ съ нимъ въ баракѣ, онъ потерялъ не менѣе 15 фунтовъ вѣсу. Охватившее его сначала возбужденіе начинало уже смѣняться апатіей...

Составъ арестованныхъ былъ очень смѣшанный, съ большой дозой уголовнаго элемента, не только воровъ, но и разбойниковъ и убійцъ. Нравы были дикіе. Одно изъ самыхъ сильныхъ впечатлѣній произвела на меня сценка, которую я наблюдалъ въ первую же ночь. Черезъ трехъ человѣкъ отъ меня возилась пара педерастовъ за своимъ дѣломъ. Сосѣди объяснили мнѣ, что хулиганы пригро-

зили имъ ножомъ, если они вздумаютъ протестовать. Сказали старостѣ: онъ разъединилъ парочку. Это не помогло.

Помню другую ночь, дня черезъ три послѣ того, какъ я поѣлъ выданной вяленой рыбы. Ночью я почувствовалъ, что у меня во рту что-то шевелится — и вытащилъ червя съ полъ-вершка величиной.

Другое сильное впечатлѣніе было вечеромъ, въ первый же день послѣ возвращенія съ работъ. Мои неподбитыя валенки не выдержали первой же прогулки по лѣсному бурелому. Я пробилъ ихъ о какой-то сукъ и они порядкомъ намокли отъ набравшагося снѣга. Вернувшись къ вечеру въ баракъ, я разулся и, замѣтивъ, что у печки есть свободное мѣсто, присѣлъ, какъ и другой арестантъ, на корточки и сталъ сушить передъ огнемъ валенокъ. Вдругъ, ко мнѣ подошелъ одинъ здоровенный верзила, толкнулъ меня такъ, что я покатился на полъ и занялъ мое мѣсто передъ каминомъ. За меня, было, заступились двое, но верзила имъ отвѣтилъ:

— Подите вы съ вашимъ бариномъ къ...

Долженъ прибавить, что это былъ первый и послѣдній разъ, когда меня обидѣлъ въ камерѣ свой братъ арестантъ. Обыкновенно относились ко мнѣ хорошо, по человѣчески. Но ругань въ баракѣ не прекращалась и драки были ежедневно.

Въ чемъ же состояли наши работы?

Насъ привезли на 426-ую версту вечеромъ, когда было темно и я не могъ даже разсмотрѣть мѣстности, въ которой расположенъ нашъ «лагерь принудительныхъ работъ». Когда на слѣдующій день въ 6¼ часовъ утра мы пошли за завтракомъ, я тоже ничего не видѣлъ кругомъ и слѣпо шелъ за товарищами гуськомъ на огонекъ у вагона-кухни. Возвращаясь обратно, я споткнулся въ темнотѣ и пролилъ часть драгоцѣнной жидкости. Въ 7 часовъ, когда насъ посадили въ вагонъ, было также темно. Вагонъ былъ съ нарами, но холодный, безъ печки. Во всемъ поѣздѣ на пять крытыхъ товарныхъ вагоновъ было только двѣ теплушки съ печами. Раза три эстонецъ или какой-либо другой пріятель вталкивали меня туда, но, большею частью, теплушки брались съ бою болѣе сильными и болѣе близко къ нимъ выстроенными «ротами», а остальнымъ приходилось кататься въ холодныхъ товарныхъ вагонахъ.

Да, это было «катанье», которое мы, не попавшіе въ теплушку, проклинали отъ всей души. Пятнадцать верстъ въ декабрьскую стужу насъ везли не менѣе 3-хъ часовъ. Считалось, что нашъ рабочій день длится 8 часовъ, съ 8 часовъ утра до 4 вечера, когда уже спускались сумерки. Но на самомъ дѣлѣ на подвозъ насъ къ мѣсту работъ на 441 верстѣ уходилъ не часъ, а три часа. Шабашили мы ровно въ 4 часа, но везли насъ обратно ни разу не меньше трехъ часовъ. Такъ что, хотя мы «работали» всего 6 часовъ, но вмѣстѣ съ дорогой времени у насъ уходило 12 и 13 часовъ. Провезутъ насъ три версты, остановятъ поѣздъ, еще — двѣ, затѣмъ обратно подадутъ, опять стоятъ, а мы мерзнемъ и ругаемся. Дровъ возлѣ дороги было достаточно. Когда становилось невмоготу, набирали полѣньевъ, что потоньше, кололи ихъ казенными кирками и саперными лопатами и жгли прямо на полу вагона. Окутывало такимъ злымъ, ѣдучимъ дымомъ, что глаза не высыхали отъ слезъ. Приходилось широко раздвигать двери вагоновъ, чтобы не задохнуться отъ дыму. Все же теплѣе, чѣмъ только переминаться съ ноги на ногу.

Пріѣхали наконецъ. Насъ выгружаютъ и разбиваютъ на шестерки. Большею частью съ мѣста выгрузки мы должны были по лѣснымъ «тропкамъ» пройти на позиціи, полторы-двѣ версты, и снести то, что полагалось. Носили мы, главнымъ образомъ, мотки колючей проволоки, иногда доски для колодцевъ и блокгаузовъ. На шестерку выдавался мотокъ проволоки пуда въ три и длинная жердь. Жердь

продѣвалась сквозь мотокъ, и два человѣка, положивъ концы на плечи, несли ее по узенькой тропкѣ, идя гуськомъ за проводникомъ, безъ котораго въ этой чащѣ нѣтъ возможности найти надлежащія «тропки». Двое человѣкъ несутъ, четверо ихъ поочередно смѣняютъ.

Шестерки сбивались на-скоро, безо всякой системы. Въ одну набирались все сильные, какъ на подборъ, въ другую — самые слабые. Горько мнѣ было и совѣстно передъ арестантами, въ шестерку которыхъ я попалъ... Храбро положилъ я конецъ жерди на плечо и пошелъ. Пронесъ мотокъ саженей десять — и упалъ. На ровномъ мѣстѣ ноги скользили, въ снѣгу увязали, о корни и суки постоянно спотыкались. Приходилось снова подымать мотокъ съ земли — лишній и большой трудъ, не говоря уже о томъ, что, падая, тянешь за собой товарища и подвергаешь его опасности жестоко разбиться. Меня смѣнили. Спасибо, даже не ругались. Попробовалъ я послѣ еще разъ понести жердь. Прошелъ немного дольше, но результатъ тотъ же.

— Нѣтъ, отецъ (такъ называли меня арестанты и красноармейцы изъ народа), не для тебя это дѣло. Скажемъ уже десятнику, дастъ тебѣ, что полегче.

Десятникъ внимательнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на меня: не притворяюсь ли?

— Ну, хорошо, ставить его на жерди, скобы и гвозди.

Это было легче. Набиралъ я въ дырявый мѣшокъ скобъ и гвоздей, разсовывалъ по карманамъ, которые, конечно, немилосердно отъ этого рвались, но все-же было легче, а, главное, по силамъ. Носилъ и доски. Съ этимъ справлялся.

По приходѣ на позиціи, десятники распредѣляли насъ на разныя работы. Одни копали землю для окоповъ, блиндажей или колодцевъ, другіе — рубили деревья и обтесывали колья, третьи — забивали эти колья въ землю, четвертые — разматывали колючую проволоку и переплетали ею построенные загородки и частоколы. Мнѣ приходилось дѣлать все, кромѣ закладки и обшивки колодцевъ.

Грѣшно жаловаться на обремененіе работой. Десятники изъ молодыхъ саперовъ — славные, хорошіе юноши — относились ко мнѣ болѣе, чѣмъ терпимо. «Ну, какой ты, отецъ, намъ работникъ — сказалъ одинъ, видя, съ какимъ трудомъ подымаю я выше головы тяжелый деревянный молотъ, чтобы вбивать имъ въ землю непослушный колъ, входившій у меня только въ снѣгъ, — пойди лучше въ лѣсъ, посиди.

Я пошелъ. Сѣлъ на пень, оглянулся и душа моя радостно застыла отъ этой торжественной красоты и спокойствія вѣковѣчныхъ архангельскихъ лѣсовъ. Я сразу узналъ мѣстность, гдѣ нахожусь. Да, это тѣ самые лѣса, которые воспѣлъ А. Чапыгинъ въ своей замѣчательной повѣсти «Бѣлый скитъ», до сихъ поръ не оцѣненной въ нашей литературѣ. Вотъ передо мной эти гиганты, живые, осыпанные снѣгомъ, тянущіеся верхушками въ небо, и мертвые, на двадцать саженей перегородившіе всѣ дороги. Ходить по этимъ лѣсамъ можно только по тропкамъ, зная при томъ, куда какая тропка приведетъ. Собьешься, заблудишься, не выберешься вовѣкъ и попадешь либо медвѣдю, либо бѣлому сну въ лапы. Оступишься въ снѣгъ, сбоку дороги — хватайся сейчасъ за дерево: снѣгъ глубокъ, провалишься — не выбраться. На деревьяхъ бѣлки прыгаютъ, снѣгомъ тебя порошатъ, птицы различными голосами перекликаются. Издали доносятся удары топоровъ и молотовъ: наши работаютъ.

Вдругъ раздался выстрѣлъ, орудійный, черезъ минуты три за нимъ — другой, еще и еще. Послышалась и ружейная стрѣльба, тоже не очень частая. Въ первый день я не могъ ясно разобраться, съ какой стороны выстрѣлы. Перестрѣлка

длилась около часа. Раненыхъ я ни разу не видѣлъ, хотя однажды очень близко отъ насъ зарылся въ снѣгъ подъ деревомъ на пригоркѣ трехъ-дюймовый снарядъ. Ходили его смотрѣть. Непріятно было, когда однажды насъ обстрѣляли ружейнымъ огнемъ на работѣ у блиндажа вблизи насыпи. Велѣли залечь. Затѣмъ прошли въ блокгаузъ, отсиживались тамъ вмѣстѣ съ взводомъ красноармейцевъ, которые ругали и коммунистовъ, и бѣлыхъ, и пѣли циничныя и кощунственныя пѣсни.

Я, конечно, былъ не работникъ. Но и другіе, долженъ правду сказать, работали не очень много и не очень усердно. И подневольные рабочіе, и командируемые на работы и для надзора красноармейцы и вольные начальники, всѣ относились къ работѣ какъ-то скептически и равнодушно. Строили колодецъ и смѣялись: «а воды то, вѣдь, тутъ нѣтъ, давно пора въ другомъ мѣстѣ рыть, да вотъ товарищъ Сергѣй упрямится». Рыли яму для блиндажа и говорили: «къ концу кампаніи будетъ готово». Про наши проволочныя загражденія всѣ въ одинъ голосъ утверждали: «весной, первымъ же потокомъ все снесетъ».

Очень часто различныя группы рабочихъ и солдатъ подходили къ костру погрѣться, вскипятить чайку. Завязывались разговоры. Меня особенно интересовало отношеніе красноармейцевъ къ бѣлымъ, какъ преломляется въ ихъ сознаніи междоусобная война. Общее впечатлѣніе было такое. Тѣ, что попроще, взятые отъ сохи или мало тронутые пропагандой, не вѣрили въ побѣду красныхъ.

— Гдѣ ужъ намъ! Какъ перейдутъ въ наступленіе, всю эту работу вашу снесутъ и насъ вмѣстѣ съ нею. Развѣ у насъ что настоящее? Государство, офицеры — все второй сортъ. Видѣлъ я американца: пальто мѣховое, теплое, короткое, ноги свободны, рукамъ легко, ружьецо у него игрушка, не какъ у насъ, на веревкѣ, бинокль, карта. Все у него есть, знаетъ, гдѣ находится, противъ кого воюетъ. Дѣйствуютъ они обходами. Мы вотъ тутъ работаемъ, а «онъ», можетъ быть, уже за тридцать верстъ насъ обошелъ, а завтра окружитъ и готово: сдавайся.

Полу-интеллигентные и распропагандированная молодежь изъ города и деревни на это горячо возражала:

— Не такъ ужъ это страшно. Конечно, если бы воевали съ нами англичане и американцы, намъ, словъ нѣтъ, противъ нихъ не устоять. Но ихъ мало, они только приданы бѣлымъ для твердости. А съ бѣлыми мы справимся. Офицеры ихъ лучше нашихъ, безъ спору, только они — господа, живутъ отъ своихъ солдатъ особо, ѣдятъ и пьютъ по особому. Пока бѣлый у офицера на глазахъ, онъ еще годенъ, а какъ одинъ остался, нашъ его голыми руками беретъ. «Ты» — говоритъ — «съ чего это вздумалъ — золотые погоны защищать? думаешь, тебѣ нашьютъ, князей и графовъ мало осталось?» Какая у бѣлыхъ сила, если одинъ нашъ агитаторъ можетъ у нихъ цѣлый батальонъ испортить. Возьмутъ, свяжутъ офицеровъ и намъ же ихъ и выволокутъ...

Наконецъ, одинъ изъ полукомандиаго состава сказалъ мнѣ какъ-то слова, въ первой части оказавшіяся пророческими:

— А я вамъ скажу, кончится такъ: мы — возьмемъ Архангельскъ, а «они» — Плесецкую. Неразбериха. Гражданская война.

Насколько я тогда понялъ, онъ своими словами хотѣлъ оттѣнить господствовавшій въ то время способъ веденія войны глубокими обходами.

Довольно часто въ разговорахъ слышались звуки ненависти и мести за родныхъ, за жестокости надъ товарищами. Тутъ было много сумбуру, но много и просто темнаго. Среди красныхъ было не мало и перекрашенныхъ, которые, вѣроятно, энергіей брани старались застраховать себя отъ подозрѣній. Такъ, во

время одной изъ «работъ» я около часу слушалъ у костра горячія рѣчи нѣкоего Б., въ прошломъ несомнѣнно офицера, разжалованнаго, какъ онъ говорилъ, въ рядовые во время войны. Онъ все собирался взять Архангельскъ и изощрялся въ придумываніи казней, которымъ подвергнетъ населеніе, вырѣзавшее какой-то отрядъ революціонеровъ, и одного офицера, еще въ царское время предавшаго его брата, будто бы устроившаго заговоръ въ Академіи Ген. Штаба. Послѣднее мнѣ показалось явнымъ вымысломъ, разсчитаннымъ на невѣжество слушателей. Заломивъ на затылокъ высокую черную смушковую папаху, распахнувъ полы шинели, Б. ораторствовалъ: — «Войду въ городъ, соберу буржуевъ, самыхъ жирныхъ, самыхъ чистыхъ, самыхъ, голубчики мои, образованныхъ. Построю ихъ въ рядъ. За то, скажу я имъ, господа мои хорошіе, что вы возстали противъ народа и предательски вырѣзали моихъ товарищей, назначаю я вамъ наказаніе. Пятый изъ васъ будетъ разстрѣлянъ. Четвертый изъ оставшихся — повѣшенъ. Третьяго изъ остающихся пристрѣлю я самъ. Послѣднихъ, такъ и быть, помилую, возьму съ нихъ выкупъ по милліону рублей кругомъ за всѣхъ, и за казненныхъ тоже, а затѣмъ пошлю на работы. Ну, а съ офицеромъ-предателемъ у меня другой разговоръ будетъ...»

Слушалъ я Б. и не могъ понять, кто онъ собственно, красный или только прикидывающійся имъ, черный. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ рѣчи его, совершенно невыносимыя для интеллигентнаго сознанія, вызывали въ рядовыхъ красноармейцахъ скверныя и злыя, кровожадныя чувства.

Всѣ признавали, что въ Россіи плохо и такъ продолжаться не можетъ. Нѣкоторые предлагали «не шебаршить», а прямо пойти къ иностранцамъ въ науку: все одно этого не избыть ни краснымъ, ни бѣлымъ, а за науку, конечно, платятъ. Раздавались и другіе голоса. Такъ впервые здѣсь, у костра, на 441-ой верстѣ услыхалъ я изъ устъ одного красноармейца: «дайте намъ только съ бѣлыми справиться, а тамъ объявимъ и всеобщую, прямую, равную борьбу противъ воши». Впослѣдствіи схожія фразы я читалъ въ совѣтскихъ газетахъ и вычиталъ ли се красноармеецъ оттуда или своимъ умомъ дошелъ — не знаю.

* *
*

Я не очень-то много вбилъ кольевъ въ землю и еще меньше намоталъ проволоки. Десятники и присматривавшіе за нами красноармейцы на меня не очень насѣдали и не особенно гнали на работу. Они видѣли, что я не уклоняюсь и не лодырничаю, а, дѣйствительно, не могу и не умѣю. Но все-таки разсчитывать на постоянное снисхожденіе стражи было рискованно. Надо было добиться какой-либо другой работы, для меня посильной. Въ это время насъ уже опрашивали о спеціальности. Мастеровыхъ, слесаря и сапожника, уже взяли куда-то отъ насъ на постоянныя работы. Большое впечатлѣніе произвело извѣстіе, что двухъ бывшихъ офицеровъ-кавалеристовъ взяли на станцію Плесецкую на конюшни для ухода за лошадьми. О положеніи «конюховъ» отзывались хорошо и всѣ въ нашемъ лагерѣ, причастные къ кавалеріи или къ конной артиллеріи, мечтали пристроиться на конюшнѣ. Рѣшилъ и я искать себѣ подходящей спеціальности: если первые, самые тяжелые, дни выжилъ, значитъ, надо жить и дальше.

Я посовѣтовался со старостой. Онъ говорилъ, что сдѣлать что-либо трудно. На канцелярскія работы есть приказъ неблагонадежныхъ интеллигентовъ не назначать. Есть работы внутри лагеря по уборкѣ, по завѣдыванію кубомъ, баней,

на кухнѣ. Назначеніе туда зависитъ отъ начальника. Староста посовѣтовалъ сходить завтра утромъ въ околодокъ, сказаться больнымъ, тогда оставятъ въ лагерѣ на день и можно будетъ присмотрѣть какую-либо работу. Четыре дня я уже былъ въ лагерѣ и до сихъ поръ не зналъ, гдѣ нахожусь. Уѣзжалъ на работы, когда было темно, и пріѣзжалъ обратно, когда уже ничего не могъ разсмотрѣть. Не могъ даже одинъ за водой сходить, такъ какъ не видалъ, гдѣ колодецъ. Мои попытки ночныхъ рекогносцировокъ для ознакомленія съ мѣстностью кончались тѣмъ, что попадалъ въ сугробъ и спѣшилъ по своимъ слѣдамъ выбраться обратно на дорогу. Это могло кончиться печально: стоило мнѣ, не зная дороги, забраться куда-либо въ сторону и караульный, заподозривъ бѣглаго, сталъ бы стрѣлять... Все вмѣстѣ взятое создало во мнѣ рѣшеніе непремѣнно остаться завтра въ лагерѣ. Странное психическое состояніе: когда я это рѣшилъ, я почувствовалъ, что не могу завтра ѣхать на работы и, что бы ни случилось, не поѣду...

На утро отправился вмѣстѣ съ другими кандидатами въ больные въ околодокъ. По очереди прошелъ къ фельдшеру, молодому симпатичному человѣку. Не обратилъ должнаго вниманія, что кромѣ фельдшера и его помощника въ комнатѣ былъ еще одинъ человѣкъ. Фельдшеръ ко мнѣ: «Что болитъ?» Я простодушно разсказалъ ему все, какъ есть, близорукъ, ничего не вижу, до сихъ поръ не знаю мѣста, гдѣ живу, работа на позиціяхъ для меня непосильна, отъ работы не уклоняюсь, но прошу дать, что по силамъ...

— Это меня не касается — прервалъ меня фельдшеръ. По этимъ причинамъ я не могу освобождать отъ работъ. Проситесь черезъ начальника лагеря на комиссію. Сегодня у васъ что болитъ? Голова?

— Голова у меня всегда тутъ болитъ.

Взялъ за руку, нашелъ пульсъ, сосчиталъ:

— Здоровы, ничего не могу сдѣлать. Сегодня должны ѣхать на работы.

— Я ѣхать не могу. У меня силъ нѣтъ.

— Должны.

Я почувствовалъ, что на меня что-то нашло. Вотъ ѣздилъ же четыре дня и ничего, а тутъ такое ощущеніе, что если силой потащутъ, и то не поѣду. Вмѣсто того, чтобы бѣжать къ полотну желѣзной дороги строиться, я ощупью побрелъ обратно, отыскивая помѣщеніе четвертой роты.

Свистнулъ поѣздъ, партія отъѣхала. Вернулся сдававшій ее староста. Ко мнѣ: что вы надѣлали? васъ, вѣдь, нѣтъ въ спискѣ оставленныхъ фельдшеромъ? Первый случай прямого неповиновенія, можетъ выйти скверная исторія. Я отвѣчалъ, что ѣхать психически не могъ, будь что будетъ, мнѣ все равно.

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ я, къ сожалѣнію, долженъ кое-что опустить, не зная, гдѣ теперь люди, такъ или иначе принимавшіе участіе въ моей судьбѣ. Долженъ сказать, что старостѣ и еще нѣсколькимъ лицамъ удалось предотвратить отдачу меня подъ военно-полевой судъ. Меня призвало къ себѣ начальство лагеря и спросило:

— Въ чемъ собственно дѣло?

— Ѣхать вмѣстѣ съ остальными арестантами, молодыми и сильными людьми, я, старикъ, не могу, даже если меня и не будутъ принуждать работать. Не пикникъ же это для меня. А отъ посильной работы не отказываюсь.

— Хотите взять завѣдываніе кубомъ?

— Попробую.

Попробовалъ и увидалъ, что поступилъ легкомысленно. Во дворѣ стояла маленькая будка съ печкой и вмазаннымъ въ нее пятиведернымъ котломъ. Три

раза въ день надо было согрѣть по два куба и прослѣдить за раздачей приходящимъ кипятку. Дневная раздача, когда три четверти лагеря уѣзжали на работу, особыхъ трудностей не представляла, но утренняя и вечерняя были много сложнѣе.

Назначили мнѣ помощника, и сталъ я готовить съ ночи кубъ на утро. Принесъ не безъ труда, но благополучно, пять ведеръ воды, накололъ дровъ, нащепалъ лучины для освѣщенія и растопки. Закончилъ работу, хочу уходить, помощникъ, коловшій дрова, и говоритъ: такъ бросить кубъ нельзя, къ утру ни дровъ, ни лучины не найдемъ, даже холодную воду изъ куба выцѣдятъ. Правильно. Надо запереть. Смотритель говоритъ, что казеннаго замка у него нѣтъ, какъ нѣтъ и спичекъ. Бросился по лагерю добывать и то, и другое. На что-то вымѣнялъ. Заперли кубъ. Всталъ въ четыре часа утра. Помощникъ мой еще не приходилъ. Сталъ растапливать кубъ. Не безъ труда, но удалось: горитъ хорошо. Только опять старая бѣда: потѣютъ у меня стекла очковъ — ничего не вижу, а сниму ихъ — тоже ничего не вижу. Все-таки вскипаетъ у меня кубъ, а помощника нѣтъ, какъ нѣтъ. Идти за нимъ не хочется: скажетъ, не смогъ самъ съ дѣломъ справиться. Стали на дымокъ ко мнѣ заходить отдѣльные, рано проснувшіеся, арестанты. Тутъ я сдѣлалъ грубѣйшую ошибку. Наканунѣ мнѣ техники дѣла никто толкомъ не объяснилъ. Мнѣ бы надо запереть кубъ, сходить оповѣстить всѣ «роты», что кипятокъ готовъ, буду скоро раздавать, а я вмѣсто того прямо далъ первымъ пришедшимъ. Тѣ разнесли по «ротамъ»: кипятокъ даютъ. Заключенные бросились къ кубу. Я — одинъ. А раздавать воду надо осторожно, чтобы кубъ не опустѣлъ, не то распаяется — и тогда «крышка». Толпа набилась въ кипятильникъ и не хотѣла уходить. Мнѣ надо было обязательно его закрыть, чтобы пойти за водой. Началась перебранка. Толпѣ, видимо, доставляло удовольствіе поиздѣваться надъ интеллигентомъ:

— Наливай, глазастый чортъ, а то самъ нацѣжу!

— Очки напялилъ, такъ и командуешь!

— Ежели не за свое дѣло взялся, такъ молчи!

Я уже отлично понималъ, что взялся не за свое дѣло. Положеніе было критическое. Въ это время появился мой помощникъ изъ питерскихъ рабочихъ, медлившій приходомъ, видимо, не безъ психологическихъ расчетовъ. Онъ крѣпко выругался, схватилъ одного арестанта за шиворотъ, выкинулъ изъ кипятильника, вытѣснилъ остальныхъ. Для приличія они ругались, но своему брату уступили. Мы заперли кубъ, наносили воды и черезъ десять минутъ снова раздавали воду. Но какъ-только рабочій поѣздъ отошелъ, я явился къ начальству съ рапортомъ:

— Кипятильщикомъ быть не способенъ, прошу назначить другого.

Къ удивленію моему я встрѣтилъ очень хорошій пріемъ:

— Какой вы кипятильщикъ! Развѣ справиться вамъ съ этимъ народомъ! Хорошо еще, что кубъ не распаяли. Ну, мы вамъ нашли подходящую работу. Явитесь къ фельдшеру...

Смѣшно немного теперь обо всемъ этомъ вспоминать. Но неудача съ кубомъ такъ придавила мой духъ сознаніемъ моей непригодности къ этой суровой жизни, что я ничего не ждалъ и отъ бесѣды съ фельдшеромъ. Опять какая-нибудь тщетная попытка, новый конфузъ, новое отчаяніе. Вспомнились за тысячу верстъ оставшіяся жена и дѣти, которыя пьютъ свою чашу въ холодномъ и голодномъ Петроградѣ. Двадцать пять лѣтъ писалъ, училъ другихъ, — а теперь съ кубомъ и толпой арестантовъ справиться не можешь. Нужны ли такіе люди? Имѣютъ ли право существовать?

Завѣдываніе кубомъ передано было моему товарищу. Онъ нашелъ себѣ помощника изъ своей среды и дѣло у нихъ пошло. Потихоньку они начали поторговывать кипяткомъ для постирушекъ (это было строго запрещено), оказывали услуги кухоннымъ людямъ и начальству — и стали сыты. Встрѣтивъ меня какъ-то послѣ этой исторіи, мой помощникъ полу-признался, что не безъ намѣренія оставилъ меня съ толпой одного глазъ-на глазъ: «увидали вы, какіе это люди, и не захотѣли, правильно, съ ними возиться».

Пошелъ къ фельдшеру. Тутъ уже все перемѣнилось. И теперь не могу безъ чувства горячей благодарности вспомнить этого хорошаго русскаго молодого человѣка и двухъ его санитаровъ тоже изъ ссыльныхъ. Одного изъ нихъ, г. Б—ра я встрѣтилъ недавно въ Берлинѣ и въ его красиво меблированной столовой за хорошимъ обѣдомъ мы вспоминали дни и ночи, проведенные въ лагерѣ на 426-ой верстѣ. Тамъ наше знакомство началось съ того, что, конфузливо протягивая мнѣ горшокъ съ остатками пшенной каши, онъ сказалъ: «можетъ быть, не побрезгуете, теперь какъ разъ мы уже пообѣдали и ничего у насъ больше не осталось...» Надо ли добавлять, что я не побрезговалъ и вычистилъ горшокъ такъ, что его почти и мыть не надо было.

— Вы на меня, должно быть, разсердились, что я васъ тогда не оставилъ — сказалъ мнѣ фельдшеръ. Не могъ я этого сдѣлать. Тутъ шпикъ сидѣлъ, вы не замѣтили. И безъ того всякій день доносы. Коменданта лагеря уже смѣщаютъ, пока останется его помощникъ, хорошій человѣкъ...

Узнавъ объ условіяхъ жизни въ баракѣ, фельдшеръ предложилъ переселить меня къ себѣ въ комнату при околодкѣ. — «Конечно — сказалъ онъ — клоповъ и у насъ достаточно — съ потолка падаютъ; лучше, поэтому, спать на полу, а не на скамьѣ, — есть и мыши, но все-таки будетъ вамъ лучше». Понятно, съ какой благодарностью я принялъ предложеніе. Часа черезъ три я со всѣми вещами перебрался уже въ околодокъ. Въ первый разъ въ теченіе десяти дней я получилъ возможность раздѣться и хоть немного почистить себя отъ облѣпившихъ меня насѣкомыхъ. Вечеромъ ждала меня другая величайшая радость: фельдшеръ пригласилъ меня въ баню, вытопленную для красноармейцевъ...

Ночью, однако, на новомъ мѣстѣ спалось плохо. Уложили меня для почета на единственной кровати въ передней, служившей одновременно и кухней. По бревенчатымъ стѣнамъ были развѣшаны кастрюли и кружки. Едва я легъ, раздѣвшись и прикрывшись пальто, какъ почувствовалъ, что по лицу кто-то ползаетъ, а по ногамъ — бѣгаетъ. Я былъ аттакованъ клопами, падавшими съ потолка, и мышами, осторожно спускавшимися по стѣнкамъ, вычищавшими кастрюльки и шуршащими тамъ. Всталъ тихонько, чтобы не будить другихъ, одѣлся и часть ночи провелъ, сидя на стулѣ, наблюдая по звукамъ тихую, осторожную ночную жизнь крысъ и мышей. На слѣдующій день, извинившись, я легъ на полу и спалъ всю ночь, какъ убитый. На третью ночь спалъ совсѣмъ нормально, все время проникнутый чувствомъ глубокой благодарности къ фельдшеру и его товарищамъ, избавившимъ меня отъ жизни въ баракѣ.

Тѣмъ временемъ нашлась для меня и подходящая работа. Въ нашемъ лагерѣ былъ лишь околодокъ для амбулаторнаго пріема. Чуть только человѣкъ заболѣвалъ серьезнѣе, приходилось: или отправлять его въ нетопленомъ скотскомъ вагонѣ на Плесецкую, или оставлять въ баракѣ, рискуя, что онъ заразитъ всю «роту». Рѣшено было, поэтому, устроить нѣчто въ родѣ пріемнаго покоя для сомнительныхъ, человѣкъ на 8, на 10. На окраинѣ лагеря стоялъ полуразвалившійся домикъ съ топкой. Печники въ лагерѣ были и печь можно было поправить. Въ домѣ съ

мѣсяцъ тому назадъ жили солдаты. Можно себѣ представить, въ какомъ онъ стоялъ видѣ. Мнѣ было поручено привести его въ порядокъ, вымести, вымыть, оборудовать и сдѣлаться, такъ сказать, смотрителемъ зданія будущаго пріемнаго покоя. Съ утра до вечера возился я тамъ. Никто меня не понукалъ. Не приходилось никуда спѣшить; дѣлалъ я то, что могъ и какъ могъ, но работалъ по совѣсти, очищая этотъ хлѣвъ отъ неимовѣрной грязи. Усилія мои увѣнчивались успѣхомъ. Стали уже чинить печку. На санкахъ возилъ я къ дому огромныя сосновыя колоды въ два-обхвата изъ прекраснаго строевого архангельскаго лѣса, истреблявшагося здѣсь на дрова. Мнѣ дали колунъ и научили колоть эти, съ виду столь страшныя, но на самомъ дѣлѣ легко колющіяся колоды: надо только умѣть выбрать линію для удара. У меня уже появилось небольшое хозяйство: съ полъсажени дровъ, нѣсколько табуретовъ, даже маленькій ночничекъ изъ бутылки съ драгоцѣнной жидкостью-керосиномъ. Когда печники кончили свою работу, я досталъ горячей воды и вымылъ хибарку. Наконецъ, затопилъ печь — и вся хижина наполнилась дымомъ. Пришли еще разъ печники и побѣдили: на другой день въ печкѣ весело трещали дрова, а въ избѣ становилось такъ тепло, что я скинулъ пальто...

Въ этотъ моментъ моего торжества меня позвали въ околодокъ. Фельдшера я засталъ въ большой тревогѣ. Коменданта лагеря убирали, помощника фельдшера переводили куда-то и, кромѣ того, только что получена телефонограмма, чтобы меня и одного прис. повѣреннаго Р. съ первымъ же поѣздомъ доставить на станцію Плесецкую. Въ чемъ дѣло? Не иначе, какъ доносъ. То, что въ телефонограммѣ ни слова не говорилось о вещахъ, толковалось одними оптимистически: значитъ, пустяки! Другіе же покачивали головами: безъ вещей хуже... Я сначала подумалъ, было, не на судъ ли за самовольный отказъ поѣхать на работы? Но одновременность вызова со мной и петроградскаго адвоката заставляла думать: не изъ Петрограда ли вѣсти? Только почему тогда «безъ вещей»?

Снарядили меня въ дорогу, дали съ собой хлѣба и пошелъ я въ контору. Оттуда дали мнѣ съ адвокатомъ Р. конвоира и отправили въ вагонъ. Везли долго. Было холодно и тоскливо. Что впереди?

* * *

Впереди оказался арестантскій вагонъ. Пожалуй, это было самое лучшее помѣщеніе, которое я имѣлъ за послѣднія двѣ—три недѣли. Старый царскій арестантскій вагонъ III класса, съ рѣшетками, но освѣщенный, со скамьей, на которой можно было вытянуться. Заключенныхъ вначалѣ было немного, и въ моемъ распоряженіи оказалась цѣлая скамья. Рядомъ со мной помѣщалась крестьянка среднихъ лѣтъ, у которой на лицѣ все время стояли слезы.

— Что у тебя, тетушка? — спросилъ я ее.

— Дѣтушки у меня малыи — пѣвучимъ говоромъ заговорила она. — Трое ихъ, самой старшей девять лѣтъ, младшему — два года. Одни остались, какъ есть, одни, безъ единаго человѣка. Мужа сначала арестовали, теперь, значитъ, меня. Все хозяйство, лошади, коровки съ малыми дѣтьми бросила, а кругомъ только непріятели.

— Какіе непріятели?

— Смута у насъ такая пошла — шептала она сквозь слезы. Вражда началась. Одни говорятъ: мы — красные, а вы, что побогаче, — бѣлые и слѣдуетъ у васъ —

хозяйство отнять за помощь бѣлымъ и англичанамъ. На мужа довели, что онъ бѣлымъ подводы давалъ, а какъ онъ могъ не дать, когда ружьемъ заставили. Взяли его, а черезъ недѣлю пріѣхали за мной: ты, говорятъ, бѣлымъ сигналы показывала. А это уже сосѣди, красные, видя, что хозяйство при мнѣ, на меня выдумали. Я плачу: на кого же я дѣтокъ брошу? Они отвѣчаютъ: на кого хочешь, намъ дѣти твои не нужны, мы съ дѣтьми не воюемъ. Вотъ и не знаю я теперь, что съ дѣтушками моими. Обидятъ ихъ сосѣди, сведутъ послѣднюю корову. Чуетъ мое сердце... — и она заплакала навзрыдъ.

Я попробовалъ утѣшать. Но что могъ я сказать на это безмѣрное материнское горе! Гражданская война глянула на меня своими бездонными, злыми глазами.

Черезъ нѣкоторое время крестьянка совсѣмъ тихимъ подавленнымъ голосомъ зашептала:

— А какъ, вы не слыхали, не пойдутъ сюда англичане большими силами? А то, что дѣлаютъ? Придетъ небольшой отрядъ, постоитъ, уйдетъ, а затѣмъ красные и начинаютъ доказывать: этотъ помогалъ, этотъ сочувствуетъ. Сколько народу зря загубили! Когда, наконецъ, Господь Богъ насъ помилуетъ!..

Вагонъ мало по малу заполнялся. Появленіе одного высокаго, сильнаго человѣка въ полушубкѣ и папахѣ, по виду рабочаго, вызвало большой эффектъ въ группѣ сидѣвшихъ крестьянъ-маслодѣловъ:

— А Степка — комиссаръ! Коммунистъ! И ты тутъ очутился! Пришелъ и твой чередъ! Грабилъ ты насъ, мучилъ, сюда, мерзавецъ, засадилъ, а теперь съ нами посидѣть пришелъ. Посиди! Поѣшь нашу хлѣбъ-соль. мы тебѣ покажемъ! Помнишь, какъ ты у меня боченокъ масла укралъ. Налогъ, говоришь, на армію, а почему масло у твоей стервы оказалось?...

Степанъ сначала былъ оглушенъ, но скоро оправился:

— Если вы, бѣлогвардейская сволочь, ко мнѣ приставать станете, такъ я начальнику охраны скажу, онъ васъ мигомъ успокоитъ. Я арестованъ по недоразумѣнію. Мнѣ самъ слѣдователь сказалъ, что завтра выпуститъ.

— И мы по недоразумѣнію, по твоему доносу. И намъ сказалъ, что выпуститъ. Всѣмъ такъ говоритъ...

Перебранка продолжалась еще съ полъ-часа, постепенно спадая съ тона. А черезъ часъ я, къ величайшему изумленію, наблюдалъ, какъ комиссаръ и его жертвы уже довольно мирно бесѣдовали и готовились вмѣстѣ пить чай...

Прошла ночь въ вагонѣ. Арестантовъ приводили и уводили, а о насъ точно забыли. На утро мы напомнили о себѣ. Въ отвѣтъ узнали, что выписалъ насъ слѣдователь со странной фамиліей Самодѣдъ. Но Самодѣдъ уѣхалъ въ деревню Кочмасъ для дознанія объ обстрѣлѣ партіи арестантовъ (изъ прибывшихъ одновременно съ нами), потерявшей много народу убитыми и ранеными. Самодѣда все нѣтъ и нѣтъ, а безъ него съ нами ничего сдѣлать не могутъ.

Еще одинъ день въ арестантскомъ вагонѣ. Вечеромъ приходитъ юноша, видимо, изъ служащихъ въ канцеляріи, и тихо, стоя возлѣ меня, говоритъ:

— Вы писатель? Вы не бойтесь. Васъ освободятъ. Есть уже телеграмма. Отправятъ въ Петроградъ. Ваши вещи выписали съ Плесецкой.

Прошло, однако, болѣе сутокъ, пока меня съ прис. повѣреннымъ Р. позвали куда-то, что-то записали, выдали намъ вещи и, вызвавъ двухъ конвойныхъ красноармейцевъ, заявили, что мы отправляемся при пакетѣ въ Вологду въ распоряженіе предсѣдателя военно-революціоннаго трибунала. Самодѣда мы такъ и не дождались. Онъ застрялъ въ Кочмасѣ.

Прежде всего насъ поразила та почти любовная радость, съ которой насъ встрѣтили конвойные. Загадка скоро разъяснилась. Фронтъ всѣмъ до того осточертѣлъ, что люди только и мечтали, хоть не надолго, вырваться отсюда домой на побывку. Сопровожденіе арестованныхъ считалось лучшимъ видомъ отпуска, особенно, если нѣтъ опасности, что арестованные сбѣгутъ. Наши конвойные были изъ подъ Вологды. Мы, какъ они сразу поняли, арестанты смирные и благонадежные: лучшихъ не найти. Поэтому они прониклись къ намъ самой теплой симпатіей и дѣлали все возможное, чтобы превратить отправку насъ въ Вологду почти въ увеселительную поѣздку. Получилась какая-то шутовская гримаса на трагическомъ лицѣ гражданской войны.

Еще до сформированія поѣзда наши конвоиры ввели насъ въ вагонъ перваго класса, заняли четырехмѣстное купэ и заперли его изнутри. Мы расположились внизу на неотодранномъ еще бархатномъ диванѣ, а наши конвоиры на-верху. Когда поѣздъ подали на станцію, всѣ вагоны очень быстро переполнились пассажирами. Въ наше купэ то и дѣло ломились стоявшіе въ корридорѣ люди, но всѣ получали энергичный отвѣтъ:

— Сюда нельзя. Веземъ важныхъ политическихъ преступниковъ. Никого не велѣно пускать.

А когда пассажиры становились черезчуръ настойчивы, конвоиры прибавляли:

— Не ломись. Стрѣлять будемъ. Приказъ имѣемъ — никого къ арестованнымъ не пускать.

Конвоиры поили насъ чаемъ, покупали на дорогѣ молока, угостили даже ватрушками, которыми сами запаслись на дорогу.

Такъ проѣхали мы полторы сутокъ. Съ 1916 года никогда я не путешествовалъ съ большими удобствами. Въ Вологдѣ на имѣвшіяся у насъ деньги мы наняли извощика и вмѣстѣ съ конвоирами отправились разыскивать Предсѣдателя Военно-Революціоннаго Трибунала. На нашъ стукъ въ дверь съ соотвѣтствующей надписью въ корридоръ вышелъ человѣкъ лѣтъ 30, безъ пиджака, въ подтяжкахъ, съ разстегнутымъ воротомъ синей мятой ночной рубахи:

— Кого надо?

— Предсѣдателя Военно-Революціоннаго Трибунала.

— Я самъ. Арестованныхъ съ Плесецкой привезли? Сдавай.

Въ двѣ минуты мы были «сданы». Конвойные, дружески съ нами распрощавшись быстро ушли, а насъ предсѣдатель повелъ въ какую-то комнату, зажегъ огонь, велѣлъ сѣсть, буркнувъ:

— Сейчасъ придетъ секретарь, напишетъ...

Минутъ черезъ двадцать пришелъ секретарь, читалъ нашъ пакетъ, ходилъ нѣсколько разъ совѣтоваться съ предсѣдателемъ. Тотъ вышелъ въ прежнемъ костюмѣ и вмѣстѣ они сочинили и выдали намъ по двѣ записочки. Въ одной удостовѣрялось, что такой-то являлся въ Трибуналъ и былъ имъ освобожденъ отъ принудительныхъ работъ. Въ другой заключался пропускъ на проѣздъ въ Петроградъ «по распоряженію В. Ч. К». Я тотчасъ же замѣтилъ, что ни въ одной бумажкѣ ничего не говорится объ обязательности для насъ по пріѣздѣ куда-либо явиться и, по соглашенію съ Р., мы рѣшили этого вопроса не углублять и ни о чемъ предсѣдателя не спрашивать. Точно не помню, но какъ будто онъ, отдавая намъ бумажки, сказалъ: «По прибытіи, явитесь въ В. Ч. К».

— Куда намъ теперь?

— На вокзалъ. Берите билеты и поѣзжайте.

Итакъ, мы уже свободные граждане на улицахъ Вологды... Намъ стоитъ только взять билеты и мы можемъ послѣ-завтра быть дома. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ для этого денегъ...

* *
*

Я до сихъ поръ точно не знаю, что въ это время происходило въ Петроградѣ и въ результатѣ какихъ вліяній Самодѣдъ получилъ телеграмму объ отправкѣ насъ въ Вологду. Нужно сказать, что вообще эта петроградская выдумка, «посылка буржуевъ на окопныя работы» вызвала большой шумъ. Въ Петроградѣ все дѣло очень быстро попало въ руки теплой компаніи жуликовъ, освобождавшихъ за деньги подлинныхъ «буржуевъ» и посылавшихъ на вѣрную смерть бѣдняковъ изъ интеллигенціи, учащейся молодежи, рабочихъ, мѣщанъ. Военныя власти постоянно жаловались, что имъ посылаютъ людей, для работъ совершенно негодныхъ, стариковъ и дѣтей, больныхъ, одѣтыхъ по-лѣтнему. Помимо трагедіи въ Кочмасѣ, присланные на работу заболѣвали массами и изъ нихъ многіе умирали. Сильное впечатлѣніе произвела, напримѣръ, смерть студента Л., брата одного близкаго сотрудника А. Луначарскаго. Съ этимъ симпатичнымъ юношей я познакомился довольно близко. Онъ былъ однимъ изъ членовъ сельско-хозяйственной коммуны, устроенной петроградскими студентами подъ Лугой для снабженія картошкой и овощами своего кооператива.

Студентъ съ увлеченіемъ разсказывалъ о своемъ дѣлѣ. Онъ, дѣйствительно, полюбилъ сельско-хозяйственный трудъ и былъ очень доволенъ жизнью въ коммунѣ, хотя и признавалъ, что коммунистическіе пріемы организаціи труда себя не оправдали. Кто-то изъ сосѣднихъ крестьянъ, недовольный тѣмъ, что коммуна заняла 40 десятинъ земли, на которыя онъ разсчитъ валъ, послалъ доносъ въ мѣстную Че-ку, что коммуна разводитъ среди крестьянъ «контръ-революцію». При всей вздорности доноса, чекисты въ виду тревожнаго настроенія крестьянъ «на всякій случай», въ августѣ, передъ самой уборкой урожая, разгромили «коммуну», арестовавъ всѣхъ ея вожаковъ, т. е. всю администрацію. Арестованныхъ переслали въ Питеръ. Че-ка помѣстила ихъ въ военную тюрьму на Нижегородской, а оттуда они механически попали въ списокъ высылаемыхъ на принудительныя работы. Все это безо всякаго суда и разслѣдованія. Кто-то составлялъ списки, внесъ тѣ или другія имена арестованныхъ — и готово.

Братъ Л. черезъ Луначарскаго добился распоряженія объ экстренномъ пересмотрѣ дѣла студентовъ. Но въ тотъ самый день, когда распоряженіе состоялось, студентовъ со всей нашей партіей отправили на 426-ую версту. Тогда — разсказывали мнѣ — Луначарскій попросилъ одного своего знакомаго, виднаго военнаго, спеціально проѣхать отъ Плесецкой на Емцы, передать студенту посылку и узнать, что тамъ дѣлается. Двое посланцевъ отъ Луначарскаго, дѣйствительно, еще при мнѣ пріѣзжали на полустанокъ Емцы. Студентъ получилъ отъ брата посылку и письмо, извѣстіями котораго дѣлился съ нами. Но повидать лично ни одного изъ посланцевъ Л–у не позволили. Въ тотъ же вечеръ, впрочемъ, у него температура уже поднялась до 40, а дня черезъ три онъ скончался отъ воспаленія легкихъ, осложнившагося воспаленіемъ мозга...

Какъ я уже описывалъ, условія жизни на «работахъ» были таковы, что просто въ силу одного факта постояннаго недоѣданія и вѣчной вшивости, арестанты обречены были на смерть. Но здоровые молодые люди все-таки не сдавались. Всячески старались выбиться, кто въ конюхи, кто въ санитары, кто въ кубовщики

или мастеровые. Заболѣвшихъ отправляли на ст. Плесецкую, гдѣ была больничка и гдѣ кормили нѣсколько лучше и не заставляли работать. У насъ же въ лагерѣ, на 426-ой верстѣ, записанный больнымъ и не отправившійся на работы вмѣсто 1½ фунта хлѣба получалъ всего ½ фунта на день.

Въ теченіе первыхъ двухъ недѣль около 25% подневольнаго населенія лагеря свалились съ ногъ. Высланные вмѣстѣ со мной, напр. учитель А. и техникъ Ф. въ безсознательномъ состояніи были отвезены сначала на Плесецкую, затѣмъ въ Вологду, гдѣ около двухъ мѣсяцевъ пролежали въ больницѣ. Чѣмъ бы завершился весь опытъ, сказать трудно, такъ какъ вмѣшались чрезвычайныя обстоятельства. Англо-американо-архангельскія бѣлыя войска рѣшили перейти въ наступленіе, безъ всякаго труда прошли черезъ тѣ окопы и проволочныя загражденія на 441-и верстѣ, на которыхъ я работалъ, взяли и сожгли и полустанокъ Емцы, и нашъ лагерь на 426-ой верстѣ, и даже станцію Плесецкую. Обо всемъ этомъ я узналъ, уже будучи на свободѣ. Что сталось съ большинствомъ моихъ сотоварищей по этимъ гиблымъ мѣстамъ, не знаю и по сей день...

За меня хлопотали литературныя организаціи Петрограда и М. Горькій. Обращались къ Зиновьеву, Ленину, Стасовой, Яковлевой, которая тогда фактически стояла во главѣ петроградской Че-ки. Нѣкоторое время меня, вообще, не могли найти, такъ какъ петроградская Че-ка отрицала самый фактъ моей высылки въ Вологду и на фронтъ. Оказалось, что распорядилась самостоятельно комиссія, составлявшая списки высылаемыхъ. Разсказывали мнѣ, что Яковлева, узнавъ объ этомъ, была крайне недовольна, такъ какъ я, въ качествѣ члена Центральнаго Комитета к.-д. партіи, подлежалъ отсылкѣ заложникомъ въ Москву.

Мое «освобожденіе» или точнѣе пребываніе на свободѣ съ января по августъ 1919 года объяснялось, какъ выяснилось позднѣе, простымъ недоразумѣніемъ, чрезвычайно характернымъ для тогдашней коммунистической администраціи. Мои друзья хлопотали о моемъ возвращеніи въ Петроградъ. Яковлева имъ обѣщала и вытребовала меня съ архангельской дороги... для отправки заложникомъ въ Москву. Предсѣдатель вологодскаго Военно-Революціоннаго трибунала отправилъ меня въ Петроградъ безъ конвоя и безъ письменнаго распоряженія о явкѣ въ Че-ку. Пріѣхавъ въ Петроградъ и зайдя къ М. Горькому поблагодарить его за хлопоты, я спросилъ его, какъ онъ думаетъ, надо ли мнѣ являться на Гороховую. Онъ далъ мнѣ благоразумный совѣтъ безъ спеціальнаго приглашенія въ это учрежденіе не ходить. Я такъ и сдѣлалъ, пожертвовавъ взятыми у меня при обыскѣ рукописями, письмами, портфелями и документами. Нѣчто въ родѣ вида на жительство мнѣ удалось получить безо всякаго участія въ этомъ дѣлѣ заведенія на Гороховой.

Благодаря этому я получилъ возможность около семи съ половиной мѣсяцевъ пробыть въ 1919 году въ кругу своей семьи и наблюдать въ Петроградѣ строительство коммунизма за это время. Прежде всего докончу разсказъ о томъ, какъ я попалъ домой...

* *
*

Выйдя отъ предсѣдателя Военно-Революціоннаго Трибунала въ темный декабрьскій вечеръ, мы съ Р. очутились на улицѣ совершенно незнакомаго города, безъ денегъ, безъ ночлега. Но это насъ мало смущало: впереди, хотя и далеко, маячили огни родного дома и энергіи было достаточно.

Я зналъ, что въ Вологдѣ жили нѣкоторые видные общественные дѣятели кадетскаго и меньшевистскаго толка, знавшіе меня хотя бы по печати, которые не откажутся намъ помочь. Но я понималъ, что едва ли они остались въ городѣ, сдѣлавшемся штабъ-квартирой большевистскихъ войскъ. Однако, я рѣшилъ попытать счастья. Остановивъ одного изъ рѣдкихъ вечернихъ прохожихъ, интеллигентнаго обывателя, я спросилъ его, не можетъ ли онъ указать мнѣ, какъ пройти къ М., Т. или В. Онъ съ недоумѣніемъ, не безъ тревоги, внимательно посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Я съ ними незнакомъ. Слыхалъ, что никого изъ нихъ тутъ давно нѣтъ. У прохожихъ лучше не спрашивать...

Я понялъ, что путь мой къ добру не поведетъ (двое изъ моихъ знакомыхъ, какъ я узналъ позднѣе, въ то время уже были арестованы). Тогда Р. вспомнилъ, что въ Вологдѣ жила его знакомая, когда-то очень извѣстная филантропка С., собиравшаяся уѣзжать, но, можетъ быть, еще не уѣхавшая. Во всякомъ случаѣ мы рѣшили найти ея квартиру. Кто-нибудь тамъ да остался. Этотъ «кто-нибудь» и послужитъ путеводной нитью для дальнѣйшихъ поисковъ.

Нашли. Р. пошелъ на развѣдки. Я остался на улицѣ съ вещами на спинѣ. Присѣлъ на крыльцо дома и сталъ ждать. Помню, на душѣ у меня было совершенно спокойно: ни на минуту не покидала увѣренность, что сегодня же буду въ поѣздѣ, а послѣ-завтра утромъ у своихъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ выбѣжала дѣвушка и попросила меня зайти. Мой спутникъ Р. уже преобразился: ему дали умыться и онъ даже пристегивалъ къ чистой рубашкѣ крахмальный воротничекъ. Я очень извинялся за свой неприличный видъ, просилъ, чтобы мнѣ позволили умыться на кухнѣ, искренно боясь, какъ бы не занести въ благодарность великодушной женщинѣ насѣкомыхъ въ ея спальню, гдѣ стоялъ умывальникъ.

Видъ у меня, должно быть, и на самомъ дѣлѣ былъ ужасный, если одинъ изъ знакомыхъ г.-жи С., извѣщенный о нашемъ прибытіи, когда я былъ ему представленъ, не удержался отъ своеобразнаго комплимента:

— И такого человѣка превратили въ хулигана!...

Онъ нѣсколько смутился, замѣтивъ улыбку на моемъ лицѣ.

Насъ накормили, напоили, дали денегъ, всякой снѣди на дорогу, въ томъ числѣ и вологодскаго масла въ подарокъ семьямъ въ голодный Петроградъ... Изъ разсказовъ за ужиномъ мы узнали о безчинствахъ, которыя дѣлались большевиками въ Вологдѣ: всѣхъ наиболѣе почтенныхъ въ городѣ лицъ, въ томъ числѣ духовныхъ лицъ разныхъ исповѣданій, не исключая и еврейскаго раввина, они направили на золотарныя работы. Но такъ какъ къ «коммунистическому строительству» вологодскіе коммунисты по какимъ-то причинамъ еще не приступили, то жизнь въ Вологдѣ сравнительно съ умиравшимъ Петроградомъ, несмотря на близость фронта, казалась раемъ. Петроградцы массами, не взирая на всѣ рогатки и запрещенія, наѣзжали на Вологду и, не останавливаясь ни передъ какими деньгами, вывозили всѣ продукты. Цѣны безумно росли. Населеніе негодовало. Пользуясь этимъ, на желѣзной дорогѣ свирѣпствовали и безчинствовали заградительные отряды съ большой пользой для себя, но безъ какого-либо вліянія на ростъ цѣнъ.

О желѣзнодорожномъ движеніи мы услыхали не очень пріятныя вещи. Большевики, правда, уже уничтожили безплатное катаніе людей въ сѣрыхъ шинеляхъ, бывшее въ такой модѣ до половины 1918 года. Но всѣ поѣзда буквально штурмуются мѣшечниками, сильными, рослыми, по солдатски одѣтыми людьми съ

пятипудовыми мѣшками за спиной. Частные пассажиры могутъ попасть только въ спеціальные вагоны, если имѣютъ какія-либо значительныя командировки или вліятельныя военныя знакомства.

Поѣздъ отходилъ въ 12 ч. ночи и намъ, несмотря на всѣ уговариванія переночевать, хотѣлось выѣхать сегодня.

– Попытайтесь – сказала радушная хозяйка – если не удастся, вернетесь, завтра похлопочемъ...

Мы попытались и съ огромными трудностями, нанявъ за большія деньги носильщика, были имъ втолкнуты въ какой-то разбитый зеленый вагонъ. Если отъ Плесецкой до Вологды мы въ качествѣ арестантовъ ѣхали съ величайшими удобствами въ купэ перваго класса, то теперь мы, какъ свободные россійскіе граждане, съ билетами 1-го класса, простояли часа три около уборной въ вагонѣ III класса, пока не пробились въ корридоръ и не усѣлись въ проходѣ между скамьями на своихъ вещахъ. Но мы должны были все-таки благодарить Бога, такъ какъ за нами всегда стоялъ еще большой хвостъ постепенно напиравшихъ людей. То и дѣло слышались жалобные голоса:

– Пустите, Бога ради, погрѣться. Ноги совсѣмъ застыли, стоять не могу больше...

Въ такой обстановкѣ мы ѣхали почти полторы сутокъ до Петрограда. Но мы ѣхали къ себѣ, домой, къ семьямъ – и доѣхали, наконецъ. Все было забыто. Одна мысль: что встрѣтитъ насъ дома?

Пройдя уже на вокзалѣ какой-то послѣдній таможенный осмотръ, мы очутились, наконецъ, на Маломъ Невскомъ. Извощиковъ уже не было. Ихъ мѣсто заняли мальчишки съ санками, запрашивавшіе большія цѣны.

До моей квартиры было близко.

Минутъ черезъ 25 я былъ уже у своихъ...

* *
*

Въ ночь на 5 Ноября 1918 г. я былъ арестованъ. Утромъ 6-го января 1919 г. нов. стиля вернулся домой. 6-ое января нов. стиля – 24-ое Декабря по старому т. с. Сочельникъ. Я вернулся въ свою семью въ Сочельникъ и вечеромъ, придя изъ церкви, мы вчетверомъ сидѣли за кутьей и въ разбивку радостно дѣлились впечатлѣніями о пережитомъ. Невольно, вся исторія моего перваго ареста и первой ссылки окрасилась въ цвѣта рождественскаго разсказа...

Впереди меня ждали новыя испытанія. Они закончились уже не рождественскимъ разсказомъ въ духѣ Диккенса, а подлинной трагедіей, разрушившей семью и совершенно обезцѣнившей для меня остатки моихъ дней.

Записки бѣлогвардейца

Лейтенанта N. N.

Революція 27-го Февраля застала меня въ Петроградѣ на работѣ въ одномъ изъ штабовъ. То, что мы всѣ въ это время переживали напряженное состояніе, что всѣми чувствовалась надвигающаяся буря, говорить не приходится. За 16-ый и начало 17-го года, когда чувствовалось, что война затягивается, и видно было, что настроеніе всей Россіи, въ особенности тыла, становится все болѣе и болѣе ненадежнымъ, приходилось опасаться, что нервы народа не выдержатъ до побѣдоноснаго конца и война будетъ проиграна. Это же, казалось, неминуемо поведетъ къ революціи, съ которой уже справиться будетъ нельзя, ибо тѣ вооруженные милліоны, которые стояли на фронтѣ, направляясь по домамъ, сметутъ все на своемъ пути. Но все же, что революція приметъ такіе размѣры, такую фантастическую картину ужаса и развала, почти никто изъ окружающихъ меня и я самъ не понимали.

Есть много людей, забывшихъ это время и говорящихъ теперь, что они это сознавали, предвидѣли, но я долженъ сказать, что будучи въ центрѣ работы, имѣя возможность читать многое изъ поступавшихъ донесеній секретныхъ развѣдокъ, могу удостовѣрить, что получившагося и, именно, въ такихъ размѣрахъ не предугадывалъ никто.

Несмотря на утомленіе войной, все же мысли страны были на фронтѣ, и она искала лишь виновниковъ въ неудачахъ и переносимыхъ ею тягостяхъ, подозрѣвая на каждомъ шагу измѣну.

Подъ этимъ лозунгомъ и началась революція.

Сейчасъ есть голоса, недоумѣвающіе, какъ это рабочіе, сидящіе у большевиковъ безъ хлѣба, молчатъ, а въ 17 году не удовлетворялись получаемымъ $1^1/_2$ фунтовымъ пайкомъ. Но, вѣдь, это происходитъ отъ психологіи; тамъ былъ кто-то отвѣтственнымъ, а теперь такового нѣтъ, или вѣрнѣе всѣ видятъ, что неоткуда его достать, такъ какъ всѣ такъ или иначе причастны къ власти, что ими и сознается.

А что дѣло съ продовольствіемъ было ужъ и тогда затруднено, для выясненія этого надо только вспомнить поѣздки министра земледѣлія Риттиха въ Январѣ и Февралѣ 1917-го года въ Поволжье за хлѣбомъ: безъ экстренныхъ мѣръ продовольственный вопросъ грозилъ арміи катастрофой. Нужно вспомнить хвосты, стоящіе въ Петроградѣ въ очередяхъ, нужно вспомнить съѣзды уполномоченныхъ по продовольствію

съ мѣстъ, обсуждавшихъ критическое положеніе въ связи съ разрухой транспорта. Можно еще указать на телеграммы командующаго Черноморскимъ флотомъ адмирала Колчака, гласящія, что имъ отпускается на нужды заводовъ города Николаева уголь изъ запасовъ боевого флота, ибо иначе заводы остановятся, что вызоветъ несомнѣнно безпорядки, почему требуется немедленная срочная доставка угля для пополненія запасовъ флота и обезпеченія заводовъ. Однако, за разрушеніемъ транспорта этого сдѣлать не представлялось возможнымъ. Я и потомъ слыхалъ отъ людей, работавшихъ въ центрѣ, что наладить доставку продовольствія и снабженія къ лѣту 17-го года не представлялось возможнымъ, аппаратъ началъ сдавать. Однимъ словомъ, тылъ въ этотъ моментъ оказался несостоятельнымъ и обезпечить фронта не могъ.

Начавшіяся, сперва мѣстами, уличныя выступленія 22—26 Февраля, вылившіяся затѣмъ въ болѣе опредѣленныя формы, проходили подъ національными лозунгами, лозунгами борьбы съ измѣной и т. д. Появившіяся мѣстами на окраинахъ города шествія рабочихъ съ плакатами «да здравствуетъ миръ» были одиночны и звучали какимъ то диссонансомъ среди общаго хора раздававшагося кругомъ.

Въ военной средѣ, люди, понимавшіе до извѣстной степени обстановку, испугались появившагося приказа № 1, подписаннаго Петроградскимъ Совѣтомъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Этотъ приказъ, шедшій снизу, былъ зловѣщимъ признакомъ, что почва изъ подъ ногъ арміи вырвана, и въ его тонѣ сразу почувствовалась рознь между солдатомъ и офицеромъ. Я сказалъ бы, что эта пропасть была искусственно углублена и внушена извнѣ, ибо люди, относившіеся раньше довѣрчиво, сразу послѣ этого преобразились. Вѣдь ясно, что не солдату показалось страшнымъ съ первыхъ же дней революціи призракъ контръ-революціи, таившейся въ офицерской средѣ, а, именно, партійнымъ дѣятелямъ надо было углубить революцію и внушить чувство недовѣрія.

Но въ общемъ, ни массы, ни большинство интеллигенціи не понимали обстановки. Много руководящихъ лицъ начали съ мѣста приспособляться, считая, что основной задачей остается веденіе войны, и, не отдавая себѣ отчета въ налетѣвшемъ вихрѣ событій, старались, не думая о своемъ личномъ достоинствѣ, вести дѣло лишь такъ, чтобы не повредить работѣ фронта. Но, конечно, были и исключенія, кое-кто и отдавалъ себѣ отчетъ. Такъ, я лично слыхалъ фразу В. А. Маклакова, когда я случайно былъ въ Государственной Думѣ по дѣламъ штаба, на 3 или 4 день революціи, еще до момента составленія кабинета Временнаго Правительства; Маклаковъ говорилъ, что теперь все пропало, власть удержать никому не удастся.

Крайніе правые сразу стали на точку зрѣнія афоризма, что чѣмъ хуже, тѣмъ лучше; и въ теченіе первыхъ 6-ти мѣсяцевъ революціи дожидались съ нетерпѣніемъ большевизма и часто голосовали за ихъ вождей, ища въ этомъ исхода изъ создавшагося положенія; они разсчитывали на кратковременное существованіе большевиковъ и были увѣрены, что массы такъ преданы монархической идеѣ, что тотчасъ же пожелаютъ имѣть хозяина, который и возстановитъ весь старый строй.

Часть военныхъ, стоявшихъ ближе къ военной развѣдкѣ, учитывала работу нѣмецкихъ агентовъ въ первые дни революціи (напримѣръ, убійство

лучшихъ спеціалистовъ-офицеровъ въ Кронштадтѣ, разгромъ контръразвѣдочныхъ отдѣленій, помѣщавшихся по частнымъ квартирамъ въ Петроградѣ и т. д.), понимала серьезную опасность положенія для войны и прятала всѣ секретные документы и военные матеріалы отъ различныхъ обысковъ, производимыхъ группами солдатъ, среди которыхъ, по имѣвшимся даннымъ, могли быть и непріятельскіе агенты.

Черезъ короткій промежутокъ времени послѣ совершившагося переворота, я, какъ работавшій раньше въ провинціи, былъ командированъ (согласно просьбы У. Земскаго Собранія) въ одну изъ черноземныхъ губерній средней Россіи, гдѣ я принялъ участіе въ происходящей тамъ административной и продовольственной работахъ въ теченіе $2^1/_2$ мѣсяцевъ, какъ комиссаръ Временнаго Правительства и предсѣдатель продовольственной управы. Будучи и раньше близко знакомъ съ работой на мѣстахъ, выросши въ деревнѣ и не потерявши связи съ провинціей и во время войны, мнѣ, по пріѣздѣ туда, пришлось сразу окунуться во всѣ частности жизни.

Первый мѣсяцъ революціи проходилъ въ деревнѣ исключительно подъ тѣми же лозунгами, какъ и въ центрѣ. Крестьянство почти всюду встрѣтило переворотъ совершенно спокойно. Я не знаю ни одного эксцесса за это время. Не будучи подготовленнымъ къ нему, оно и встрѣтило, и отнеслось къ нему съ осторожностью.

Въ мѣстныхъ уѣздныхъ городахъ, гдѣ происходили различныя собранія горожанъ, выносились единогласно патріотическія резолюціи, дѣлались крупные сборы какъ денежные, такъ и хлѣбомъ для поддержки фронта, организовывались комитеты и учреждалась милиція вмѣсто бѣжавшихъ полицейскихъ чиновъ, бросившихъ власть и оружіе. На эти должности выбирались почти вездѣ люди изъ буржуазныхъ слоевъ. Всѣ стремились лишь къ одному — удержать порядокъ.

Происшедшіе кое-гдѣ небольшіе безпорядки, вродѣ разгрома лавокъ, носили чисто хулиганскій характеръ.

Но уже въ это время начали появляться на сцену люди съ демагогическими пріемами, бывшіе до того въ тѣни, причемъ, большинство изъ нихъ были почти всегда лица съ весьма сомнительной прошлой репутаціей. Объявляли они себя въ большинствѣ случаевъ соціалистами-революціонерами, хотя было ясно, что они ни о программѣ этой партіи, ни о работѣ ея никогда не слыхали.

Въ этомъ отношеніи вскорѣ большую роль въ уѣздахъ начали играть появившіеся изъ окраинъ люди, сосланные въ свое время за участіе въ политическихъ партіяхъ. Они, прошедшіе извѣстный стажъ подпольной работы и политической ссылки, немедленно начали организовывать и руководить политической жизнью на мѣстахъ. Въ конечномъ итогѣ эти руководители, бывшіе преимущественно эс-эрами, принуждены были черезъ годъ уйти отъ дѣла, уступивъ мѣсто въ провинціи вновь народившимся дѣятелямъ, — вернувшимся распропагандированнымъ солдатамъ, которые, усиливая анархію, углубляли революцію все дальше и дальше, разрушая всякую устойчивость власти.

Въ губернскихъ городахъ и въ болѣе крупныхъ мѣстахъ движеніе послѣ переворота сразу приняло болѣе организованный характеръ, во главѣ его стала отчасти мѣстная интеллигенція преимущественно изъ

адвокатскаго міра, а толпа, предводительствуемая рабочими полуинтеллигентскаго вида, начала предъявлять требованія преимущественно экономическаго характера, въ которыхъ чувствовалась извѣстная программа.

Но все же надо опредѣленно сказать, что въ уѣздахъ и въ деревнѣ первые 2—3 мѣсяца ожидали указаній изъ центра, и первый составъ Временнаго Правительства совершилъ неисправимую историческую ошибку, не попытавшись сразу взять болѣе опредѣленный курсъ, давая указанія сверху, а не дожидаясь, чтобы вся власть внизу конструировалась по случайнымъ, самымъ разнообразнымъ признакамъ. Привычка работать, слушать ближайшія инстанціи была настолько вкоренившейся, что часто одна лишь телеграмма министерства или губернскаго комиссара мѣняла все дѣло. Кромѣ того, играла роль и боязнь быть обвиненнымъ въ допущеніи анархіи.

Въ концѣ Марта, циркуляромъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, было дано указаніе о демократизаціи земскихъ собраній. (О городскихъ думахъ не говорилось, ибо предполагалось, что онѣ должны быть переизбраны на основаніи четырехвостки въ самое ближайшее послѣ переворота время.) Но какъ должна была производиться эта демократизація собраній, на какихъ основаніяхъ, что считать демократіей, на это центръ не далъ никакихъ руководящихъ указаній. И потому, волей неволей, пришлось въ жизни весьма быстро столкнуться съ этимъ вопросомъ. Тогда то и начались потоки рѣчей и словъ въ различныхъ исполнительныхъ комитетахъ, ихъ бюро, съѣздахъ комитетовъ и т. д. Всякому руководителю хотѣлось тѣмъ или инымъ способомъ пролѣзть въ земское собраніе, а многихъ крестьянъ, какъ это бывало и раньше, тянуло попасть въ члены управы, чтобы сѣсть на платное мѣсто.

На мѣстахъ получилась страшная неразбериха, всякій считалъ, что лишь онъ является нужнымъ демократомъ, хотя бы онъ никакого отношенія не имѣлъ къ данной мѣстности и данному земству. Но это былъ способъ имѣть вліяніе, быть ближе къ денежному сундуку.

Одни настаивали, что должны быть введены 100% гласныхъ изъ числа уѣзднаго Исполнительнаго Комитета, другіе настаивали, что весь Комитетъ, какъ выразитель подлинной демократической части населенія, долженъ войти; кое кто полагалъ, что для демократизаціи земства достаточно его пополнить 100% земскихъ служащихъ, какъ не имѣвшихъ до того голоса, а Исполнительный Комитетъ, какъ власть, тутъ не при чемъ. Словомъ рецептовъ и желаній было много. Изъ-за этого созывъ собранія откладывался, собранія срывались; кто обращался за разъясненіемъ къ губернскому комиссару, кто къ Губернскому Исполнительному Комитету, а кто и прямо въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, которое въ отвѣтъ на эти попытки грозило закрыть кредитъ въ казначействѣ. Мѣстами вопросъ этотъ такъ и не получилъ разрѣшенія и только уходъ Кн. Львова въ Іюлѣ развязалъ руки на мѣстахъ, и Исполкомы, почувствовавъ неограниченную свободу, силой разогнали Управы, выбравъ на ихъ мѣсто своихъ людей.

Деревня за первые 2—3 мѣсяца, гдѣ мнѣ часто приходилось бывать на сходахъ, или какъ тогда ихъ начали называть — собраніяхъ, предъявляла мнѣ требованія на землю, пользованіе лѣсами, лугами и пастбищами, требовали кое-какихъ измѣненій въ общемъ укладѣ жизни, но это почти вездѣ

происходило безъ грубыхъ насилій и, если иногда и чувствовалась скрытая угроза, то она явно не проявлялась; слишкомъ еще вліяли старые устои. Вообще, вездѣ можно было услышать фразы, что «мы грабить не хотимъ, а желаемъ получить по согласію», и т. д. Въ этомъ отношеніи, конечно, имѣло большое значеніе то, что власть сначала попала въ руки болѣе сознательныхъ, уравновѣшенныхъ, буржуазно-настроенныхъ людей и демагогамъ рѣдко давали ходъ. Но появившіеся черезъ мѣсяцъ два партійныхъ эс-эра, начавшіе объѣздъ и пропаганду, предъявляя заранѣе выработанную программу, сильно двинули движеніе впередъ. Однако, я повторяю, въ началѣ шли только разговоры о землѣ, о принятіи на учетъ имѣющагося хлѣбнаго запаса и раздачи его неимущимъ, и только иногда поднимали вопросъ объ инвентарѣ и почти никогда не касались домашней обстановки, признавая опредѣленно, что это крестьянъ не касается.

Это настроеніе продолжалось приблизительно до мая — іюня мѣсяца, послѣ чего сталъ замѣтенъ рѣзкій поворотъ, появилась тенденція спорить съ губернскими установленіями, вершить дѣла по своему усмотрѣнію, отдавать власть исключительно соціалистамъ, которые разъѣзжали по всѣмъ селеніямъ, агитируя, если не за прямое неподчиненіе властямъ, то критикуя лицъ, стоящихъ близко къ ней и, въ особенности, борясь съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Все это сыграло большую роль въ развитіи анархіи; въ особенности роковую роль сыграла позиція, занятая Черновымъ и, затѣмъ, и всѣмъ кабинетомъ Керенскаго, за время власти котораго — лозунгъ «полноты власти на мѣстахъ» фактически осуществился. Поэтому, переходъ управленія въ руки большевиковъ практически на мѣстахъ, и, въ особенности, въ деревнѣ, совершенно не почувствовался, ибо главное въ отношеніи уравненія всѣхъ и разоренія всѣхъ уже было сдѣлано и господствовала настоящая анархія. Результатъ перехода отъ весенняго, сравнительно тихаго періода, началъ сказываться къ концу Августа, а затѣмъ и осенью 17-го года, когда вся черноземная полоса запылала, шли погромы и осуществлялся идеалъ Чернова — «сравнять помѣщичьи усадьбы съ землей».

Однако, за это переходное время, въ теченіе лѣта, въ сознаніи народа признавалось право собственниковъ (въ какихъ то предѣлахъ) на землю, которое будетъ точно опредѣлено Учредительнымъ Собраніемъ. Это подтверждается тѣмъ, что большинствомъ землевладѣльцевъ были засѣяны безпрепятственно съ осени 1917 года озимые хлѣба, право на которые въ сознаніи крестьянъ они потеряли лишь въ 18 году.

Стараніе партійныхъ руководителей къ организаціи на мѣстахъ массъ несомнѣнно сыграло свою роль. Созывъ различныхъ губернскихъ и уѣздныхъ крестьянскихъ съѣздовъ, на которые въ большинствѣ случаевъ ѣздила лишь молодежь или крикуны, дѣйствовалъ какъ средство пропаганды. Болѣе умѣренное крестьянство, зажиточные и крѣпкіе хозяева избѣгали ѣздить на эти съѣзды, ибо съ одной стороны имъ, какъ хозяйственнымъ людямъ, было жаль терять время, а съ другой стороны, они и не особенно довѣряли устанавливающимся порядкамъ и побаивались отвѣтственности. По послѣднему мотиву многіе изъ нихъ и въ послѣдующее время, когда мѣстные сельскіе комитеты или совѣты устраивали аукціоны на все помѣщичье хозяйство, не брали для себя ничего. Деревня жила надеждой на Учредительное Собраніе, ожиданіе его созыва успо-

каивало, а когда подошли выборы, то вездѣ они были произведены съ большимъ вниманіемъ и интересомъ. Но до чего народъ все же не былъ подготовленъ къ четыреххвостной системѣ выборовъ, видно изъ того, какъ серьезно спрашивала одна старуха передъ выборами мѣстнаго земскаго врача, что, правда-ли, тѣхъ, кто будетъ подавать за кадетскій списокъ, будутъ арестовывать или даже ссылать. Въ данномъ случаѣ агитаторы и мѣстные демагоги не стѣснялись въ средствахъ для достиженія цѣли, и злоупотребленія самаго наглаго свойства примѣнялись постоянно.

Но, конечно, послѣ первыхъ мѣсяцевъ революціи, когда надъ крестьянами не оказалось никакой власти, а своихъ выборныхъ они легко могли безъ всякихъ формальностей смѣнять, положеніе стало обостряться и толпа, почувствовавъ безнаказанность, стала проявлять грубость, постоянно вмѣшиваться во все, опекать черезъ свои комитеты землевладѣльцевъ и кончилось тѣмъ, что начали слѣдить, чтобы не расхищалось «народное добро», т. е. стали запрещать распоряжаться своимъ имуществомъ.

Если въ первые дни революціи крестьянство не слишкомъ рѣзко проявляло себя въ сферѣ соціальныхъ отношеній, не будучи увѣреннымъ, во что все это выльется, то по отношенію къ мѣстнымъ интеллигентнымъ силамъ, сельскому учительскому персоналу и духовенству, оно сразу стало проявлять свое неуваженіе. Своимъ грубымъ отношеніемъ крестьянство сразу оттолкнуло отъ себя почти безъ исключенія всѣхъ учителей, которые сразу же оказались не у дѣлъ. А ужъ кому, казалось бы, ближе жизнь деревни со всѣми ея нуждами и психологіей, какъ не сельскому учителю и учительницѣ, знающимъ поголовно всѣхъ мѣстныхъ жителей, составъ ихъ семей и не могущихъ въ то же время вызывать чувство зависти своей убогой, по истинѣ, жизнью. Я не имѣю въ виду здѣсь молоденькихъ барышень, прямо со школьной скамьи попавшихъ въ глушь, въ медвѣжьи углы и потому подавленныхъ обстановкой и чувствующихъ себя безпомощными.

Я помню, какъ на одномъ изъ съѣздовъ учителей, учительницъ и священниковъ, собранныхъ земствомъ въ маѣ 1917 года въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ, было заявлено масса жалобъ учительницъ объ ихъ беззащитности и просьба оградить ихъ отъ грубости и вмѣшательствъ въ ихъ частную жизнь. Онѣ опредѣленно говорили, что комитетъ, почувствовавъ себя хозяиномъ, распоряжался школьными зданіями для устройствъ сельскихъ собраній и засѣданій безъ всякихъ стѣсненій, являясь и въ классное, и, вообще, въ любое время и мѣшая занятіямъ. Приходили и по вечерамъ, стучались упорно къ нимъ, вваливаясь въ ихъ частныя квартиры, требуя различныя объясненія въ ихъ дѣятельности, упрекая въ нерадивости, по ихъ мнѣнію, въ школьныхъ занятіяхъ, указывая на неуспѣхъ своихъ дѣтей въ ученіи, обвиняя ихъ въ пристрастіи, и сводя личные счеты.

Это было послѣ $2^1/_2$ мѣсяцевъ революціи, а соберись съѣзды немного ранѣе, мѣсяца за $1^1/_2$ до этого, когда еще переживались медовые мѣсяцы свободы, нареканій и жалобъ такого рода, конечно, не было бы. Трудно себѣ и представить, до чего недооцѣнивалась грубость и дикость среды, даже людьми близко стоявшими къ народу.

Такое же отношеніе было и къ духовенству. Не пострадали въ большинствѣ случаевъ лишь священники, не проявлявшіе совершенно интереса къ общественнымъ дѣламъ, или люди взявшіе заискивающій передъ крестьянами тонъ, хотя и это, въ конечномъ итогѣ, мало помогало. Случаевъ требованія крестьянами увольненій изъ прихода священника было очень много. Дѣло дошло до того, что священники начали организовываться и бойкотировать тѣ приходы, откуда насильственно были удалены священники прихожанами.

Что касается отношенія къ войнѣ, то первые мѣсяцы послѣ революціи всѣ относились къ ней съ большимъ интересомъ, считали, что ее нужно довести до конца, ловили дезертировъ и, арестованными отправляли ихъ по этапу къ военнымъ властямъ, и если война крестьянамъ и надоѣла и казалась тяжелой, то все же лозунгъ «до побѣднаго конца» пользовался популярностью. Воззваніе Шингарева о доставкѣ продовольствія для арміи читалось вездѣ со вниманіемъ и вызывало сочувствіе.

Первыми занесшими въ деревню мысль о необходимости или желаніи прекратить войну были солдаты, и я вновь удостовѣряю, что въ средней черноземной полосѣ Россіи, эти разговоры среди крестьянъ успѣхомъ не пользовались и только постепенно, послѣ 5—6 мѣсяцевъ, крестьяне начали воспринимать мысль, что такъ воевать дальше нельзя. Но я неоднократно слыхалъ фразу еще и въ концѣ лѣта 17 года, что сперва надо кончить съ однимъ дѣломъ т. е. войной, а затѣмъ ужъ браться и за уравненіе землей и устраивать жизнь на свободныхъ началахъ.

Большевистскій переворотъ, какъ я уже указывалъ, въ средней Россіи долго не ощущался. Большевизмъ въ деревнѣ началъ проявляться болѣе наглядно къ самому концу декабря 17 года и началу января 18 г., когда пришедшіе къ этому времени солдаты съ фронта, распропагандированные большевистскими агентами до послѣдней степени, стали выступать, открыто называя себя «большевиками», что считалось до того въ деревнѣ позорнымъ. Вернувшіеся съ фронта солдаты начали предъявлять свои права на раздѣленную безъ нихъ добычу, грозили отнятіемъ у болѣе зажиточныхъ и успѣвшихъ пріобрѣсти за это время имущество; одновременно приступили къ организаціи своихъ «сельскихъ солдатскихъ совѣтовъ», начали сноситься съ сосѣдними селами и, вообще, проявлять себя дѣятельно, иногда и безпокойно. Они въ большинствѣ случаевъ прошли въ слѣдующій періодъ движенія и въ комитеты бѣдноты, несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ жили съ своими семьями не въ раздѣлѣ, и отцы ихъ часто были одними изъ самыхъ богатыхъ въ селѣ. Солдаты же внесли извѣстную организацію, воспринятую ими въ войсковыхъ частяхъ, избирались на различные съѣзды, куда крестьяне ихъ охотно пускали. Но это уже относится болѣе къ первой половинѣ 18 года.

Характернымъ явленіемъ за первую зиму большевистскаго владычества было крайне развитое мѣшечничество. Крестьяне, переодѣвшись въ солдатскую форму, загружали всѣ вагоны, увозя изъ хлѣбныхъ мѣстъ самогонку, разграбленный спиртъ съ винокуренныхъ заводовъ, а иногда и просто хлѣбъ и продовольствіе, везя все это въ Москву или болѣе сѣверныя губерніи, получая въ обмѣнъ мануфактуру или выручая сравнительно по тому времени большія деньги. Борясь съ этимъ явленіемъ и вообще съ продовольственной разрухой, совѣтское правительство начало обра-

зовывать продовольственные отряды, изъ которыхъ впослѣдствіи были выдѣлены, такъ называемые, заградительные, цѣлью созданія которыхъ было содѣйствіе реквизиціямъ, а также и обыскамъ въ поѣздахъ. Отряды эти родились изъ «красной гвардіи» и, благодаря своей энергичной дѣятельности, пріобрѣли страшную ненависть со стороны крестьянъ. Ненависть эта была до того сильна, что весной 1918 года, крестьянскіе сходы выносили приговоры о лишеніи земельнаго надѣла тѣхъ семей, члены которыхъ состояли на службѣ въ «красной гвардіи». Надо отдать справедливость, что въ отряды эти шли хулиганы и вообще отбросы молодого крестьянства, и вели себя весьма вызывающе. «Красную армію», образованіе которой относится къ веснѣ и лѣту 18 года, долго смѣшивали съ «красной гвардіей» и въ ней крестьянство долго видѣло продовольственные отряды и потому относилось враждебно; къ тому же, усвоивъ принципъ «власти на мѣстахъ», крестьянство не хотѣло никому подчиняться. Я помню, какъ я присутствовалъ на одномъ изъ сельскихъ сходовъ въ Августѣ 18 года, когда обсуждался вопросъ о мобилизаціи одного года кавалеріи и артиллеріи для красной арміи. Молодыхъ людей, подлежащихъ призыву, было всего двое, и они, сговорившись со своими товарищами, просили сельскій сходъ дать имъ удостовѣреніе на разрѣшеніе не идти въ городъ, полагая, что власть не на столько крѣпка и авторитетна, что ея приказанія нужно исполнять. Сходъ, который безусловно весь сочувствовалъ своимъ односельчанамъ, высказывался, что, если идти, такъ всѣмъ достигшимъ 40 лѣтняго возраста, разсчитывая, что такая постановка вопроса испугаетъ власть, и только послѣ долгаго обсужденія присоединился къ голосу одного солиднаго крестьянина, заявившаго, что все это неисполнимо, а поддерживать призываемыхъ и дать свою подпись на приговорѣ онъ отказывается, ибо противъ пулеметовъ, которые вѣроятно явятся съ карательнымъ отрядомъ, онъ голыми руками сражаться не будетъ, подписавшись же на приговорѣ, онъ обязуется поддержать призываемыхъ.

Какъ на проявленіе психологіи подчиненія, я могу указать и на рѣшеніе другого схода, на которомъ во избѣжаніе реквизиціи хлѣба, было постановлено добровольно обложить каждую душу небольшимъ количествомъ пудовъ, разсчитывая, что этимъ они откупятся отъ присылки продовольственнаго отряда.

Это приспособленіе къ новой центральной власти, отнявшей самодѣятельность «власти на мѣстахъ», проходитъ яркой чертой въ психологіи массъ народа, который не вѣрилъ въ ея устойчивость.

Сельскіе комитеты бѣдноты, а передъ этимъ «красная гвардія», пополнялись изъ хулиганствующей молодежи. Печать какъ то мало сейчасъ обращаетъ вниманіе на явленіе, называемое раньше «хулиганствомъ» и которое въ свое время, съ 1910—14 годъ тревожило правительство и общественное мнѣніе. Это явленіе еще въ то время требовало примѣненій особыхъ мѣръ въ борьбѣ съ нимъ и изученіе этой крайне вредной, безнравственной черты въ жизни нашей молодежи. Я помню, какъ тогда еще въ юридической литературѣ появлялись статьи, стремившіяся опредѣлить и формулировать это новое понятіе. И теперь, оглядываясь на все это время, несомнѣнно приходится признать глубокую духовную связь хулиганства съ большевизмомъ среди массъ. Какъ то,

такъ и другое, питалось отсутствіемъ нравственныхъ устоевъ, стремленіемъ къ разрушенію и проявленію самыхъ дикихъ, необузданныхъ инстинктовъ, и бороться съ ними уже было трудно и тогда.

НАЧАЛО БѢЛАГО ДВИЖЕНІЯ

Революція, начавшаяся подъ національнымъ лозунгомъ, была принята почти всѣмъ русскимъ народомъ, какъ военнымъ такъ и гражданскимъ населеніемъ, какъ надежда на доведеніе войны до успѣшнаго конца. Однако, вмѣшавшійся интернаціональный соціалистическій элементъ, раздувшій классовый антагонизмъ, а съ другой стороны, паденіе дисциплины и всякихъ тормозящихъ центровъ началъ усиленно разлагать спайку и единство, съ которыми только было возможно продолжать вооруженную борьбу съ противникомъ.

Офицерство, начиная съ командующихъ и кончая самыми молодыми офицерами, почти безъ исключенія подчинилось совершившемуся перевороту, понимая, что всякій раздоръ или несогласіе, выявленные въ его рядахъ, будетъ имѣть самое пагубное вліяніе на фронтъ. Это, конечно, понималось и многими другими, но боязнь, что революція отъ этого можетъ пострадать, недостаточно углубиться, заставляла русскихъ партійныхъ дѣятелей, выросшихъ преимущественно за границей и чуждыхъ русскому народу, — рѣшить, что революція выше фронтовыхъ дѣлъ, почему все вниманіе и было направлено на укрѣпленіе позицій для достиженія лелѣянныхъ ими идеаловъ. О разлагавшихъ родину съ спеціальными намѣреніями нечего и упоминать. Благодаря этому, получилось совершенно недопустимое положеніе: все офицерство упорно оставалось на фронтѣ и своихъ мѣстахъ, въ тылу же толпы разнузданныхъ солдатъ расправлялись съ ихъ товарищами, а крестьяне оскорбляли и грабили ихъ родныхъ, всячески издѣваясь надъ ними. Положеніе офицерства вслѣдствіе этого становилось подчасъ невозможнымъ. При этомъ, негдѣ было искать защиты, ибо зачастую власть въ лицѣ комитетовъ была источникомъ всего этого, но долгъ передъ родиной, какъ онъ понимался большинствомъ, заставлялъ все съ горечью переносить. Это бывало иногда поистинѣ трагедіей! И въ итогѣ, на душѣ у офицеровъ накоплялась злоба противъ революціонныхъ массъ, и противъ правительства, играющаго, какъ иногда казалось, двойную игру, и противъ комитетовъ, поощрявшихъ это, — злоба, обострявшаяся еще тѣмъ, что ясно было, что все идетъ къ разрушенію, что родина гибнетъ.

Неудавшееся выступленіе Корнилова показало, что гражданская война неизбѣжна, и, какъ только паденіе Риги выяснило, что фронтъ фактически не существуетъ, что война, объединяющая и заставляющая офицерство честно сидѣть на своихъ постахъ, окончена, невольно началось бѣлое движеніе. Оно началось безъ общаго предварительнаго сговора, все потянулось на Донъ, на Кубань, гдѣ положеніе казалось болѣе надежнымъ. Къ этому же времени большевики, захватившіе силой власть въ руки, оттолкнули отъ себя и чиновничество.

Одновременно съ концентрированіемъ военныхъ на Дону, начались организовываться контръ-революціонные центры и ячейки по всей Россіи.

Отсутствіе опыта въ подпольной работѣ осложнялось природной мягкотѣлостью и скупостью буржуазіи, не отдававшей себѣ отчета въ происходящемъ, и упорно цѣплявшейся за остатки своего имущества и капитала; организаціонное дѣло шло весьма туго. Приходилось начинать все съ азовъ, устанавливать между ячейками связь, находить ихъ, объединять платформами и т. д.

Сейчасъ не время касаться этой работы въ полной ея мѣрѣ, но надо засвидѣтельствовать, что много людей, несмотря на всѣ затрудненія, честно выполняли свой долгъ передъ родиной, какъ они его понимали, стараясь находить общій языкъ, откидывая партійныя разногласія, ставя родину выше всего, выше революціи, своихъ кастовыхъ интересовъ или какого либо отвлеченнаго лозунга. Много теперь изъ этихъ честныхъ сыновъ Россіи погибло, но придетъ время, когда имъ будетъ воздано по заслугамъ.

Полный недостатокъ средствъ очень осложнялъ работу. Благодаря этому активныя части организацій, состоящія изъ вооруженныхъ людей, не могли долго выдерживать и дождаться момента выступленія, ибо, за отсутствіемъ средствъ, люди принуждены были расходиться, ища себѣ заработка на сторонѣ. Правда, они старались совмѣстить свою платную работу съ борьбой съ большевизмомъ, но это, конечно, удавалось рѣдко.

Мнѣ пришлось принять участіе въ этихъ организаціяхъ совершенно случайно. Все мало-мальски живое, активное и не настроенное демагогически не могло спокойно мириться съ окружающей обстановкой, когда всякій, такъ называемый, «революціонный солдатъ», а въ сущности просто разнузданный, потерявшій человѣческій обликъ вооруженный типъ былъ воленъ надъ вами, вашей честью и близкими. Такъ, организаціи создавались не по письменной, обдуманной программѣ или уставу, а просто образовывались вездѣ, гдѣ приходилось; и въ столицахъ, и въ большихъ городахъ, и въ малыхъ, и даже въ захолустныхъ мѣстечкахъ были свои ячейки, состоящія изъ людей или видящихъ гибель всего цѣннаго кругомъ, или пострадавшихъ тѣмъ или инымъ способомъ отъ революціи и потому не могущихъ ею восторгаться.

Группировка происходила вездѣ по двумъ главнымъ признакамъ: съ одной стороны, общественные элементы, болѣе знакомые съ политическими вопросами, а съ другой — военные круги, гдѣ находились люди, стоявшіе ближе къ оружію, къ возможности оказывать сопротивленіе насильникамъ, узурпировавшимъ власть и разрушавшимъ родину. Были, конечно, люди и изъ указанныхъ категорій, не принимавшіе участіе въ этомъ движеніи, но это происходило по какимъ либо чисто индивидуальнымъ причинамъ.

Какъ бы то ни было, ячейки организацій возникали къ зимѣ 1917 года повсемѣстно. Въ мелкихъ центрахъ политическія и военныя составляли одно цѣлое, въ крупныхъ же образовывались раздѣльно и только лишь съ теченіемъ времени переходили на совмѣстную координированную работу.

Я былъ въ январѣ 1918 года проѣздомъ въ Москвѣ и, уже принимая въ то время близкое участіе въ работѣ одной изъ провинціальныхъ ячеекъ Поволжья, разыскалъ въ Москвѣ людей, которые, по моимъ соображеніямъ,

должны были сочувствовать переживаемому нами и потому не сидѣть со сложенными руками.

Найдя интересующихъ меня людей, я увидалъ, что они, отбросивъ тогда всякую партійность, уже признали, какъ единственное государственное начало — Добровольческую армію, начавшую тогда свою дѣятельность на Дону, и старались направлять свою дѣятельность въ соотвѣтствіи съ ея.

Мнѣ было дано порученіе, какъ ѣхавшему въ Петроградъ и знакомому по войнѣ съ нѣкоторыми центральными учрежденіями, связаться съ ними. Это было мной исполнено, но тогда Петроградъ уже работалъ самостоятельно и потому практически это имѣло мало значенія. По возвращеніи черезъ довольно короткій промежутокъ времени въ Москву, я былъ посланъ однимъ изъ крупныхъ политическихъ объединеній, начавшимъ тогда принимать болѣе опредѣленныя формы, въ Среднее Поволжье, куда въ теченіе марта 18 года и съѣздилъ, побывавъ въ Самарѣ, Саратовѣ и Пензѣ.

Вездѣ въ этихъ мѣстахъ ячейки нашлись, но носили онѣ различный характеръ. Такъ, напримѣръ, въ Саратовѣ была хорошая военная организація, и, начнись тогда, какъ многіе и ожидали, возстанія въ столицахъ или приблизься части генерала Алексѣева съ Дона, эта ячейка могла бы сыграть серьезную роль, захвативъ въ свои руки городъ Саратовъ, который тогда игралъ для большевиковъ серьезную роль, какъ база въ ихъ борьбѣ съ Уральскими казаками, не признавшими до того времени власти коммунистовъ.

Эта же группа держала связь съ Ураломъ.

Въ Самарѣ политическая организація, которую мнѣ пришлось нащупать, была близка къ мѣстнымъ соціалистическимъ кругамъ и впослѣдствіи, при обстрѣлѣ Самары лѣтомъ 1918 году, эта организація выявилась, оказавъ при занятіи города помощь въ борьбѣ съ мѣстными красными войсками.

Въ Самару я попалъ въ моментъ выступленія анархистовъ, матросовъ и мѣстныхъ извозчиковъ противъ совѣтовъ. Это оригинальное соединеніе произошло вслѣдствіе того, что извозчики, предъявившіе экономическія требованія къ власти, были поддержаны матросами, находящимися въ городѣ и на Волжскихъ пароходахъ, а также анархистами, игравшими почти вездѣ въ это время по городамъ довольно серьезную роль. Это вообще былъ моментъ анархіи, совѣты устанавливали свою власть, въ городахъ происходили налеты различныхъ бандъ, дѣйствовала еще самоохрана изъ городскихъ жителей; власть же большевиковъ проявлялась въ требованіи съ обывателей контрибуцій и въ арестахъ обывателей за ея неуплату.

Изъ Самары я проѣхалъ въ Пензу. Пенза въ ту пору производила съ виду болѣе спокойное впечатлѣніе. Эс-эровскіе и другіе комитеты временъ послѣдняго періода власти Временнаго Правительства были замѣнены совѣтами лишь въ январѣ мѣсяцѣ и притомъ это произведено было большевиками такъ несмѣло, что власть ихъ, казалось, будетъ весьма недолговѣчной. Кромѣ этого, мѣстный губернскій комиссаръ по фамиліи Кураевъ, повидимому, болѣе идейный человѣкъ, чѣмъ какіе встрѣчались въ другихъ городахъ, оказался довольно культурнымъ и дикостей проявлялось значительно менѣе.

А это клало извѣстный отпечатокъ на весь городъ.

За то въ слѣдующій періодъ, къ осени того же года, говорятъ, этой мѣстности пришлось перенести всѣ ужасы жестокаго террора, проявленнаго предсѣдательницей чрезвычайной комиссіи, видимо извращенной садисткой, еврейкой по фамиліи, кажется, Бошъ. Она такъ звѣрствовала, что самъ Троцкій обратилъ на нее вниманіе и отозвалъ ее оттуда.

Пензенскій кружокъ оказался довольно незначительнымъ и особенно страдалъ изъ за отсутствія денежныхъ средствъ, но имѣлъ хорошія связи съ окружающими губерніями, организовалъ въ свое время ячейки, помѣщая ихъ въ различные продовольственные отряды и части милиціи, имѣлъ связь съ крѣпкими крестьянами. При наступленіи арміи съ Дона эта мѣстность должна была играть роль плацдарма передъ Волгой и казачьими войсками, кои въ Оренбургѣ организовывалъ атаманъ Дутовъ, а на Уралѣ генералъ Мартыновъ, мобилизовавшій своихъ казаковъ, и не допустившій туда большевиковъ.

Однимъ словомъ, работа вездѣ шла, и она могла бы принести существенную помощь, если бы добровольческая армія была въ состояніи перейти въ наступленіе. Однако, этого не произошло, деньги, которыя обѣщали дать французы, даны не были.

Путешествіе, которое мнѣ тогда пришлось совершить по желѣзнымъ дорогамъ, было почти невообразимымъ. Не говоря уже о разбитыхъ окнахъ и дверяхъ, опозданіи поѣздовъ на $^1/_2$ сутокъ и болѣе, страшномъ холодѣ въ теплушкахъ вслѣдствіе отсутствія печей и дровъ, что то неописуемое творилось изъ за огромнаго наплыва пассажировъ.

По направленію къ Волгѣ тянулись тогда солдаты съ Кавказскаго фронта. Вслѣдствіе дальности разстоянія, непровозоспособности желѣзныхъ дорогъ по Кавказу, они отъ Батума и Трапезунда ѣхали до Новороссійска моремъ. Выгрузившись тамъ, имъ приходилось или дожидаться безъ конца очереди, или проѣзжать съ неимовѣрными трудностями черезъ мѣста, гдѣ шли бои казаковъ съ красной гвардіей. Путь у Ростова тогда былъ мѣстами разрушенъ и потому возвращающимся домой солдатамъ приходилось ѣхать окружнымъ путемъ черезъ Царицынъ, что ихъ очень задерживало.

Настроеніе солдатъ, я бы сказалъ, было довольно спокойное и не столь большевистское, какъ у солдатъ съ западнаго фронта. Но разсказы ихъ о распродажѣ полкового и казеннаго имущества и запасовъ съ присвоеніемъ денегъ въ свою пользу — были по истинѣ потрясающими. Между прочимъ, они говорили, какъ они погрузили на пароходъ гдѣ то на Анатолійскомъ берегу нѣсколько тысячъ пудовъ муки и сахару изъ своихъ полковыхъ запасовъ для продажи ихъ въ Россіи, гдѣ цѣна на эти продукты была выше, и по уговору съ матросами военнаго транспорта, на которомъ они шли, грузъ долженъ былъ быть между ними подѣленъ. Однако, когда они дошли до мѣста назначенія, матросы отказались признать договоръ и, высадивъ солдатъ на берегъ, груза имъ не выдали, а увезли его куда то еще въ другое мѣсто, гдѣ думали получить еще большую прибыль.

Часть уцѣлѣвшихъ винтовокъ, которыя по приказанію Троцкаго должны были быть оставлены на рукахъ солдатъ, продавались ими на узловыхъ станціяхъ. Покупатели находились, плата въ это время колебалась отъ 25 до 40 рублей за штуку. Настроеніе, повторяю, у большинства

солдатъ, въ особенности, у запасныхъ, было довольно миролюбивое и стремились они лишь домой.

Зато, попавъ случайно въ вагонъ 4-го класса, который былъ полонъ возвращающимися делегатами съ крестьянскаго съѣзда, я получилъ совершенно другое впечатлѣніе. Это было что то невозможное! Видно было, что люди наэлектризованы до послѣдней степени руководителями съѣзда и возвращаются они какъ настоящіе разсадники большевизма.

У этихъ людей все спуталось въ головѣ, для нихъ всѣ міровые вопросы были ясны и рѣшались они весьма просто. Съ этими надо было быть осторожнымъ, ибо неудачная фраза могла повести къ тому, чтобы быть выкинутымъ, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, за дверь вагона.

Въ это время проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ разрѣшался еще безпрепятственно. Билеты выдавались свободно, мѣшечники преслѣдовались мало, и ими, и солдатами поѣзда были переполнены. Тогда только впервые появилась на станціяхъ желѣзно-дорожная милиція, старавшаяся проявлять свою дѣятельность, не давая публикѣ спать на вокзалахъ и т. д. Но мѣстами уже началось воспрещеніе вывоза съѣстныхъ припасовъ въ багажѣ и требовалось имѣть разрѣшеніе отъ станціоннаго продовольственнаго комиссара.

Въ своихъ разъѣздахъ въ концѣ марта мѣсяца я столкнулся по линіи Рязано-Уральской желѣзной дороги съ чехо-словацкими войсками, тянувшимися черезъ Самару на Востокъ. Видъ былъ у нихъ хорошій, дисциплинированный, и они разительно отличались отъ растерзанныхъ нашихъ солдатъ, оставшихся еще до того времени по гарнизонамъ.

По дорогѣ и на станціяхъ я слыхалъ, что появленіе ихъ въ этихъ мѣстахъ произвело на мѣстныхъ крестьянъ потрясающее впечатлѣніе и тотчасъ же разнесся слухъ, что пришли нѣмцы для возстановленія порядка. Это сразу сбавило у всѣхъ тонъ.

Нѣкоторыя мѣстныя организаціи пытались войти въ контактъ тогда же, еще въ мартѣ мѣсяцѣ, съ чешскимъ командованіемъ и начальникомъ ихъ корпуса генераломъ русской службы — Шохоръ-Троцкимъ, но изъ этого ничего не вышло, ибо чехи отказывались отъ переговоровъ, ссылаясь на объявленный ими нейтралитетъ и на то, что они находятся въ зависимости отъ французскаго правительства, которое предполагаетъ ихъ отправить на западный фронтъ во Францію. На роли чехо-словаковъ я еще остановлюсь дальше.

Вернувшись въ Москву, я доложилъ Комитету организацій о мною видѣнномъ и сдѣланномъ.

Въ политическихъ кругахъ раздавались тогда разсужденія объ оріентаціяхъ, т. е. на чью помощь надо Россіи базироваться (Антанты или Германіи) для возстановленія государственности въ странѣ, ибо ясно ужъ тогда стало, что русскимъ внутреннимъ силамъ съ этимъ справиться нѣтъ возможности.

Надѣявшіеся на помощь Германіи, какъ въ виду ея географической близости, такъ и въ виду ея нужды въ нашемъ сырьѣ, называли себя «реальными политиками» и считали необходимымъ завести съ ней переговоры или во всякомъ случаѣ прозондировать эту возможность (это фактически и было сдѣлано). Они считали, что германскія войска, стоявшія тогда въ Псковѣ и подъ Смоленскомъ, могутъ легко, съ силой одного лишь корпуса, подойти

къ обѣимъ столицамъ и помочь водворить твердую власть. Но для этого нужно было, чтобы Берлинъ порвалъ съ большевиками и понялъ, что ему не по пути съ ними, а надо мириться и искать сближенія съ русскими государственными элементами. При этомъ Германія должна была опредѣленно признать, какъ базу, слѣдующія условія: 1) оказаніе реальной помощи въ сверженіи большевистской власти, 2) полное аннулированіе Брестъ-Литовскаго мира и 3) предоставленіе Россіи самой установить себѣ образъ правленія.

Необходимость обратиться къ помощи Германіи политическіе дѣятели видѣли въ томъ, что веденные до того времени переговоры съ Антантой реальныхъ успѣховъ не достигали, главнымъ образомъ, оттого, что Антанта не понимала сущности большевизма и, напримѣръ, представитель С. А. Штатовъ — сэръ Фрэнсисъ давалъ своему правительству такую картину о положеніи Россіи, что ясно было, что онъ совершенно не отдаетъ себѣ отчета въ происходящемъ. Это вліяло и на рѣшеніе Франціи придти на помощь генералу Алексѣеву денежной субсидіей, что тормозило дѣло съ организаціей Добровольческой Арміи, и заставляло только по напрасну терять время.

Противники же этой постановки вопроса исходили изъ того мнѣнія, что Антанта продолжала быть нашей союзницей и что вести дѣло съ Германіей, заставившей принять позорныя условія Брестъ-Литовскаго мира — невозможно, и порывать съ Антантой для Германіи, искренности желанія которой возстановить Россію нельзя было вѣрить, было бы нецѣлесообразно.

Вопросъ оставался въ стадіи «академическихъ разсужденій» и обострился болѣе къ началу лѣта того же года, къ какому времени и относится знаменитое письмо Милюкова, написанное имъ изъ Украйны. Разногласіе между членами организацій повело къ выходу группы лицъ, присвоившихъ себѣ названіе «Національнаго центра». Не касаясь политической платформы этихъ группъ или объединеній, могу лишь указать, что они шли подъ лозунгомъ неизбѣжности активнаго, насильственнаго сверженія коммунистической, террористической власти Совѣтовъ.

Москва обвиняла нѣмецкихъ дипломатовъ, не желавшихъ идти на переговоры съ анти-большевистскими элементами.

Подѣлившись добытымъ мной, я разсказалъ о появившемся чехословацкомъ корпусѣ, и тутъ же начались попытки договориться съ французами, которые, однако, что то медлили, обѣщали снестись съ Парижемъ и т. д. Въ общемъ, въ тотъ моментъ мы не смогли добиться ничего реальнаго.

А жаль! Уже въ это время чехи могли сыграть роль, а этимъ выиграно было бы 2 мѣсяца, а за 2 мѣсяца красная армія, съ легкой руки генерала Шварца, положившаго ея основаніе, сдѣлала много успѣховъ. Намъ казалось тогда заманчивымъ остановить чеховъ, появившихся головнымъ своимъ эшелономъ въ Самарѣ, захватить въ свои руки губерніи (Самарскую, Пензенскую Саратовскую и часть Симбирской) и положить этимъ начало помощи Донской арміи, опираясь на Заволжье съ ея Уральскими и Оренбургскими казаками. Прельщало насъ еще то, что въ Пензѣ, ввиду угрозы нѣмцевъ Петрограду, была эвакуирована часть Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, а имѣть сразу аппаратъ, печатающій

деньги, и получить заготовленный уже запасъ было болѣе чѣмъ важно, и, главное, легко осуществимо: развернуться можно было бы шутя.

Однако, все это разбилось о непониманіе обстановки союзниками, да и наши круги дѣйствовали не достаточно энергично, не дерзали, — чѣмъ такъ сильны всегда большевики.

Къ концу апрѣля я уѣхалъ изъ Москвы и поселился у своихъ родственниковъ въ имѣніи Саратовской губерніи, гдѣ, хотя все уже было давно отобрано крестьянами, но была возможность оставаться жить въ домѣ и гдѣ хозяева обрабатывали землю своими руками. Для хозяйства было оставлено еще старымъ комитетомъ 2 лошади, телѣга безъ колесъ и одинъ большой экипажъ. Остальное все было продано, кончая послѣдней курицей, еще при Черновѣ съ аукціона сельскимъ комитетомъ на глазахъ у хозяевъ; деньги же подѣлены между крестьянами. Въ домѣ на имущество была составлена опись, часть обстановки снесена въ отдѣльное помѣщеніе и на двери наложена печать, дабы нельзя было расхитить «народнаго достоянія». Но жить пока все же разрѣшалось. Не желая служить у большевиковъ и принимать участіе въ ихъ работѣ, я предпочиталъ лучше заниматься личнымъ трудомъ и обрабатывать своими руками землю.

Мужчинъ въ домѣ не было и потому моя помощь была кстати, тѣмъ болѣе, что я сельское хозяйство зналъ хорошо. Временами я уѣзжалъ въ одинъ изъ ближайшихъ городовъ, почему имѣлъ возможность наблюдать за происходящимъ по линіямъ желѣзныхъ дорогъ и слѣдить за работой нашихъ организацій, принимая въ нихъ посильное участіе. Газеты въ то время приходили довольно аккуратно.

Деревня въ это время повсемѣстно додѣливала растащенное, нажитое не однимъ поколѣніемъ добро, но оставшихся единичныхъ къ этому времени помѣщиковъ не трогала, не являлась, какъ это было въ предшествующій періодъ, и днемъ, и ночью съ требованіями, и переходила въ лицѣ своихъ комбѣдовъ и комитетовъ на борьбу съ такъ называемыми кулаками и болѣе зажиточнымъ крестьянствомъ.

На отношеніе ко мнѣ крестьянства я жаловаться не могу, они видѣли, что я справляюсь съ полевыми работами удовлетворительно и потому обвиненій въ дармоѣдствѣ не заслуживаю. Но лучше расположенные крестьяне побаивались обвиненія со стороны своихъ руководителей, а также и уѣзднаго начальства въ дружбѣ съ помѣщиками, почему не препятствовали проявленію въ нѣкоторыхъ случаяхъ опеки выражавшейся въ разслѣдованіи, зачѣмъ пошла лошадь на станцію безъ разрѣшенія сельскаго совѣта, а также въ требованіи отвода мнѣ земли по жребію наравнѣ со всѣми односельчанами и при томъ непремѣнно въ разныхъ участкахъ, по лоскутамъ. Это все, конечно, надоѣдало, тѣмъ болѣе, что при безтолковости, на ожиданіе рѣшенія уходило масса времени. Вообще, кому не приходилось имѣть дѣло съ общиннымъ хозяйствомъ, тотъ не можетъ понять, что это за нелѣпая и стѣснительная на каждомъ шагу зависимость.

Красноармейцы въ село наѣзжали рѣдко, но успѣли надоѣсть и тогда ужъ крестьянству, какъ вообще и все совѣтское правительство, почему не рѣдко можно было услышать чаянія и ожиданія прихода чеховъ или Дутова, о которыхъ въ этихъ мѣстахъ доходили слухи.

* * *

Перехожу теперь къ описанію образованія восточнаго фронта, сыгравшаго затѣмъ такую серьезную роль во всемъ анти-большевистскомъ движеніи въ Россіи.

Моментомъ образованія восточно-большевистскаго фронта является занятіе чехо-словаками средней Волги съ городами Сызранью, Самарой, Уфой, когда былъ отрѣзанъ востокъ отъ цѣнтра Россіи. Эти событія относятся къ началу іюня мѣсяца 1918 года. Они имѣли огромное значеніе въ томъ отношеніи, что способствовали развитію борьбы съ большевиками въ отрѣзанныхъ отъ центра Россіи раіонахъ; и накоплявшіяся до этого анти-большевистскія силы въ Сибири получили возможность вылиться въ формы, годныя для борьбы съ большевизмомъ.

Появленіе чехо-словацкихъ войскъ въ Приволжскихъ губерніяхъ относится, какъ я уже указывалъ, къ первой половинѣ марта 18 года и появленіе ихъ въ этой мѣстности объясняется осуществленіемъ договора ихъ командиаго состава съ совѣтской властью, по которому чехо-словацкій корпусъ, начало формированія котораго относится еще къ дореволюціонному періоду и насчитывавшій при появленіи его на Волгѣ до 60 000 человѣкъ, долженъ былъ быть эвакуированъ въ Чехію черезъ Сибирь.

По первоначальному плану, эвакуація должна была быть произведена черезъ Архангельскъ, по какія то осложненія, а, можетъ быть, и всегдашняя путанность и нерѣшительность въ союзническихъ дѣйствіяхъ помѣшали приведенію этого плана въ исполненіе, почему чехи изъ предѣловъ Украйны были направлены къ Волгѣ. Эвакуація производилась съ большими затрудненіями, какъ изъ за возникновенія различныхъ препятствій, чинимыхъ чехамъ комиссарами, требовавшими отдачи оружія, снаряженія, аэроплановъ и т. д., такъ и вслѣдствіе малой пропускной способности желѣзныхъ дорогъ, которыя, какъ напр. Самаро-Златоустовская, могли пропускать лишь по 1 эшелону въ сутки.

Однако, не смотря на все это, чехи постепенно продвигались и къ 20 числамъ мая по новому стилю головные эшелоны уже достигали Челябинска, хвостъ же ихъ подходилъ къ городу Балашову, стоящему на Ряз. Уральской жел дор. Независимо отъ этого, небольшой отрядъ находился въ Забайкальѣ.

Но къ этому времени отношеніе совѣтской власти къ чехамъ, по настоянію германскаго посла въ Москвѣ гр. Мирбаха, стало проявляться все въ болѣе и болѣе настойчивомъ требованіи пріостановки ихъ передвиженія и разоруженія. Повидимому, Мирбахъ, по указанію изъ Берлина, долженъ былъ препятствовать усиленію союзной арміи чехо-словацкимъ корпусомъ и потому задачей его было остановить корпусъ въ предѣлахъ Россіи, разоружить его, а личный составъ перевести на положеніе военно-плѣнныхъ. Уступчивость чеховъ, проявленная ими въ началѣ весны въ центральныхъ губерніяхъ и приведшая къ отдачѣ части своего оружія, прекратилась, и они стали выказывать явное желаніе не подчиняться.

Тогда изъ Москвы было отдано распоряженіе отобрать оружіе силой, и въ городѣ Пензѣ, гдѣ въ это время ихъ находилось около 4 тысячъ, послѣ безрезультатныхъ уговоровъ мѣстнаго комиссара, былъ посланъ большевиками отрядъ мадьяръ для приведенія московскаго приказа въ исполненіе. Послѣднее обстоятельство страшно возмутило чеховъ, появленіе мадьяръ оскорбило ихъ національное достоинство, и солдаты

потребовали у своего командованія дать отпоръ. 20-го мая большевики открыли изъ орудій огонь по поѣздамъ, чехи же начали подтягивать свои отставшіе эшелоны, выдержавшіе за это время тоже бой около ст. Ртищево Рязанско-Уральской жел. дороги. Не надѣясь удержать городъ въ своихъ рукахъ, ввиду высылки краснымъ командованіемъ изъ Москвы тяжелой артиллеріи и войскъ, они черезъ 3 дня оставили Пензу и ушли на востокъ, гдѣ въ это время шли бои у Самары и Уфы.

Создавшееся положеніе вызвало у большевистскихъ комиссаровъ страшную панику. Они, какъ мнѣ говорили очевидцы, видимо, совершенно не ожидали быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій со стороны чешскаго командованія, а также не предвидѣли и не разсчитали неспособности своихъ частей оказывать сопротивленіе; небоеспособность же ихъ дѣйствительно оказалось феноменальной. Потери чеховъ за этотъ бой выразились что то цифрой около полутора десятка, тогда какъ у красныхъ она достигала болѣе полутораста человѣкъ, въ числѣ коихъ попалось и нѣсколько комиссаровъ.

Мѣстный совѣтъ обратился съ воззваніемъ за помощью къ населенію, призывая его стать на защиту крестьянскаго и рабочаго правительства.

Но отношеніе крестьянъ было самое отрицательное или въ лучшемъ случаѣ — выжидательное. Часть селъ просто отказалась дать помощь, часть же, послѣ долгихъ обсужденій, рѣшила послать ходоковъ узнать, какъ обстоитъ на самомъ дѣлѣ дѣло. Испугали еще крестьянъ прибѣжавшіе изъ города односельчане, служившіе въ красной арміи, дезертировавшіе во время паники и разсказывавшіе различные ужасы о происшедшемъ боѣ: будто бы, часть города сравнена съ землей и т. д. Комиссаровъ, удиравшихъ на поѣздахъ, провожали по дорогѣ на станціяхъ со свистомъ и улюлюканіемъ.

То, что дѣлалось въ освобожденныхъ чехами городахъ, какъ напр. въ Пензѣ, Сердобскѣ, Кузнецкѣ, Сызрани нельзя себѣ и представить. Всѣ облегченно вздохнули, чувствовали себя какъ на Свѣтломъ Праздникѣ.

Въ городахъ собрались немедленно думы выборовъ временъ Керенскаго. Но въ Пензѣ, напримѣръ, открыто взять на себя власть опасались, ограничиваясь лишь спеціальной работой, организаціей продовольственной помощи или милиціи, словомъ той, безъ которой обойтись нельзя было. Это происходило оттого, что чехи предупредили, что они оставаться въ городѣ не предполагаютъ изъ за военныхъ соображеній, но думаютъ все же скоро вернуться. Однако, побывать имъ въ этой мѣстности больше не было суждено.

Отойдя по Сызрано-Вяземской жел. дорогѣ по направленію на Сызрань, которая въ это время уже была въ ихъ рукахъ, они остановились примѣрно верстахъ въ 70 отъ Волги.

Самара, получивъ соотвѣтствующее распоряженіе изъ Москвы объ обезоруженіи чешскаго корпуса, пробовала тоже сопротивляться, но гарнизонъ ея былъ на голову разбитъ. Чехи начали обстрѣливать городъ, затѣмъ, сдѣлавъ видъ, что отступаютъ, неожиданно отрѣзали красныхъ отъ города и загнали ихъ въ рѣчку Самарку. Поднявшееся въ это время въ Самарѣ возстаніе помогло освобожденію города. Часть комиссаровъ была растерзана разсвирѣпѣвшей толпой, при чемъ ловили и спасшихся изъ воды красныхъ, вбѣгавшихъ въ городъ голыми.

Зато въ городахъ, оставленныхъ чехами, водворившимися назадъ большевиками былъ учиненъ судъ и расправа надъ всѣми горожанами, такъ или иначе проявившими симпатію къ чехамъ. Такъ, напримѣръ, буфетчикъ одного изъ вокзаловъ въ Пензѣ отсидѣлъ подъ арестомъ болѣе 2-хъ мѣсяцевъ за то, что далъ какому то чеху напиться чаю. Павшіе во время боя красноармейцы были торжественно похоронены, какъ жертвы контръ-революціи, при чемъ жители подъ угрозой обвиненія въ сочувствіи чехамъ должны были присутствовать на этомъ торжествѣ.

Послѣ освобожденія Самары отъ большевиковъ, тамъ начала организовываться народная армія, мобилизуя офицеровъ и призывая добровольцевъ. Приблизительно черезъ мѣсяцъ палъ Симбирскъ, а вскорѣ и Рязань. Внизъ по Волгѣ очищенъ былъ Хвалынскъ, а также и Вольскъ, въ которомъ при приближеніи бѣлыхъ произошло офицерское возстаніе. Въ теченіе лѣта были полностью очищены мѣстности къ востоку отъ Самары, взята Уфа, Екатеринбургъ, Челябинскъ. Одновременно шли бои и въ Западной Сибири, и въ Забайкальи, и на Дальнемъ Востокѣ. Въ особенности стоило много трудовъ очищеніе отъ красныхъ Байкальскаго раіона, гдѣ, благодаря горной мѣстности, они долго оказывали сопротивленіе, сильно разрушивъ Кругобайкальскую жел. дорогу. Все же, къ концу августа желѣзная дорога была отъ красныхъ очищена и Владивостокъ съ Самарой соединился.

Какъ я указалъ выше, я жилъ въ это время въ деревнѣ. Жилось тамъ сравнительно спокойно и разсчитывали на скорое приближеніе чеховъ, къ чему было полное основаніе, ибо красные отскакивали съ невѣроятной легкостью и быстротой, оставляя нейтральную зону въ 50 и болѣе верстъ.

Какъ то въ іюлѣ мѣсяцѣ красная печать оповѣстила, что большевиками взята Сызрань, черезъ 2 дня появилось по Сызранской ж. д. много раненыхъ и оказалось, что чехи, заманивъ большевиковъ, вновь перешли въ небольшое наступленіе, при которомъ Кузнецкъ, находившійся на полъ-пути между Сызранью и Пензой, былъ красными очищенъ, хотя чехи и не думали къ нему подходить. Пенза же стала экстренно эвакуироваться, для чего большевики пользовались ночами, въ теченіе которыхъ выходъ на улицу запрещался.

Бои конечно шли преимущественно по линіямъ жел. дорогъ, фронтъ же обозначался лишь развѣдочными отрядами, какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Внутренняя политика совѣтовъ къ этому времени выражалась въ учрежденіи по деревнямъ комитетовъ бѣдноты, въ стремленіи черезъ продовольственные комитеты получить оставшійся отъ помѣщиковъ хлѣбъ, въ реквизиціяхъ у городского населенія продовольственныхъ запасовъ. Въ составы комитетовъ бѣдноты, однако, не попадали одни лишь бѣдняки, какъ это проектировалось декретами, крестьяне ухитрялись зачастую ставить туда средняковъ. Вообще же, власть чувствовала себя, по крайней мѣрѣ въ прифронтовой полосѣ, весьма не прочно. Изъ городовъ и со станцій эвакуированы были всѣ запасы и подвижной составъ, а комиссары въ городахъ неоднократно были на готовѣ къ бѣгству, для чего всегда держались паровозы подъ парами.

Однако, видя, что чехи не наступаютъ, что донская армія, взявъ Новохоперскъ, на Балашовъ не двигается, большевики постепенно начали

успокаиваться и чувствовать себя увѣреннѣе и къ концу іюля стали появляться симптомы болѣе аггресивной дѣятельности, и въ связи съ этимъ по городамъ Россіи начались требованія различныхъ регистрацій, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, между прочимъ, судейскихъ чиновъ; была также объявлена офицерская мобилизація.

Таковы были, повидимому, заданія изъ центра.

Все это кончилось появленіемъ по всѣмъ уѣзднымъ городамъ особыхъ чрезвычайныхъ комиссій по борьбѣ съ контръ-революціей, состоявшихъ изъ петроградскихъ и московскихъ рабочихъ. Въ томъ уѣздѣ, гдѣ я былъ, во главѣ ея стоялъ мѣстный молодой еврей, а въ помощь ему даны были два петроградскихъ рабочихъ. Пріѣхавъ на мѣсто, эта комиссія сразу произвела аресты самыхъ видныхъ людей въ городѣ, при чемъ въ началѣ ограничивались только задержаніемъ болѣе извѣстныхъ своей предыдущей дѣятельностью на общественномъ поприщѣ и потому, повидимому, казавшихся имъ болѣе строптивыми.

Это происходило до ранения Ленина и убійства Урицкаго. Эти два эпизода узаконили борьбу съ контръ-революціей, и тутъ же съ объявленіемъ террора началась вакханалія, не поддающаяся описанію и казавшаяся въ то время мирному русскому обывателю невыносимой. Въ городахъ хватали въ ночь по нѣсколько десятковъ человѣкъ сразу, преимущественно офицеровъ, чиновниковъ, промышленниковъ; на мѣста же была разослана телеграмма съ приказомъ волостнымъ совѣтамъ немедленно арестовать всѣхъ б. офицеровъ, помѣщиковъ, кулаковъ, б. полицейскихъ чиновъ, священниковъ и вообще всѣхъ контръ-революціонеровъ съ угрозой въ случаѣ неисполненія этого приказа — предать составы волостныхъ совѣтовъ суду трибуналовъ. Фраза, упоминающая о контръ-революціонерахъ, могла трактоваться весьма свободно и подъ это понятіе могъ подойти всякій и каждый, и потому ждать добра не приходилось.

Я лично въ это время былъ уже на чеку, чуть не попался за нѣкоторое время до этого на одной изъ станцій жел. дороги, гдѣ былъ случайно проѣздомъ и избѣгъ ареста лишь благодаря пьяному комиссару изъ мѣстныхъ хулигановъ, который, вмѣсто того чтобы задержать меня сразу, какъ это вѣроятно ему полагалось, пошелъ съ кѣмъ то совѣтоваться и сноситься по телеграфу, какъ со мной поступить. Я воспользовался удобнымъ моментомъ и скрылся со станціи.

Мѣры предосторожности были не излишни; черезъ нѣсколько дней послѣ инцидента на станціи, примѣрно дней черезъ 7—8 (это было 25 августа по старому стилю), къ усадьбѣ, въ которой я жилъ, подъѣхали неожиданно вечеромъ двое членовъ мѣстнаго волостного совѣта съ цѣлью меня арестовать. Сообразивъ, что ихъ пріѣздъ не спроста, я выскочилъ въ садъ черезъ окно. Узнавъ, что я въ отсутствіи, одинъ изъ совдепщиковъ высказалъ извѣстное удовлетвореніе по этому поводу: дескать, имъ самимъ непріятно участвовать въ такомъ «конфузномъ дѣлѣ», но должны подчиняться, боясь отвѣтственности. И они отправились арестовывать другихъ лицъ, кои значились у нихъ въ спискахъ.

Оставаться нельзя было, все равно, мое присутствіе было бы обнаружено кѣмъ-нибудь изъ сельской молодежи большевистскаго толка, находящихся въ связи съ уѣзднымъ совѣтомъ.

Какъ оказалось впослѣдствіи, вся первая партія арестованныхъ въ уѣздномъ городѣ была звѣрски собственноручно разстрѣляна пріѣхавшей комиссіей; и у меня не было никакихъ основаній дѣлать себѣ иллюзій, что мнѣ удалось бы выскочить изъ этой исторіи.

Что касается арестованныхъ сельскихъ кулаковъ, то за нихъ повсемѣстно начали заступаться мѣстные сходы, которые выносили удостовѣрительные приговоры, что эти люди не являются кулаками и паразитами; словомъ, появилась защита въ своихъ же кругахъ, которая въ большинствѣ случаевъ и увѣнчивалась успѣхомъ благодаря тому, что списки контръреволюціонеровъ въ концѣ концовъ составлялись своей же волостью, гдѣ сидѣли, конечно, свои люди. При этомъ нужно отмѣтить, что чѣмъ дальная деревня находилась дальше отъ своего уѣзднаго города или мѣстечка, гдѣ хозяйничали пріѣзжіе коммунисты, тѣмъ волостная власть была мягче, менѣе подчинялась.

Теперь мнѣ оставалось рѣшить вопросъ, куда идти? У меня былъ фальшивый паспортъ, приготовленный на всякій случай заранѣе и до 600 рублей въ карманѣ, но это была слишкомъ небольшая сумма, чтобы на нее можно было долго продержаться. Я рѣшился перейти въ другой уѣздъ, гдѣ у меня былъ знакомый священникъ и гдѣ меня не знали. Я все время придерживался того взгляда, что организаціи разсыпаться не слѣдуетъ: мы несравненно больше могли принести пользы, поддержавъ наступленіе внутреннимъ возстаніемъ, и, будучи въ связи съ жел.-дорожниками, могли захватить подвижной составъ и не дать вывезти запасы изъ этого района, а тутъ мѣстами были запасы нефти, которые были очень нужны и для населенія.

Рѣшивъ двигаться, я взялъ смѣну бѣлья въ солдатскій мѣшокъ за спину и отправился въ путь.

Проживъ 2 дня въ безопасности въ другомъ уѣздѣ, я убѣдился, что ничего хорошаго не выясняется; начали появляться изъ мѣстнаго уѣзднаго города спасавшіеся отъ пріѣхавшей тоже и туда чрезвычайной комиссіи.

Бѣжали люди самыхъ различныхъ профессій: были учителя — служившіе на войнѣ прапорщиками, были лавочники, бѣжали купцы, чиновники, быв. полицейскіе, агрономы и другіе интеллигентные и полуинтеллигентные люди. Все это стремилось либо къ чехамъ, либо въ болѣе глухія мѣста въ надеждѣ пережить первый шквалъ.

Убѣдившись, что есть арестованные и среди близкихъ мнѣ по конспиративной работѣ людей, что организація разгромлена и что фактически дѣло наше пропало и помощи оказать нельзя, я, увѣдомивъ друзей, рѣшился идти къ чехамъ, фронтъ которыхъ былъ отъ меня по прямой линіи верстахъ въ 350. Направившись на востокъ, я шелъ въ полной увѣренности, что иду не надолго; все такъ говорило за успѣхъ бѣлаго дѣла, всѣмъ такъ ненавистенъ былъ красный режимъ и такимъ безсмысленнымъ и уродливымъ онъ казался по своему существу и основаніямъ, что тянуть его, казалось, нѣтъ никакой возможности. Да и логика, и обѣщанія союзниковъ о необходимости возстановить на Волгѣ противонѣмецкій фронтъ въ виду связи Германіи съ большевиками были такъ убѣдительны.

Однако, всѣ надежды обманули.

Сперва я шелъ по довольно знакомой мнѣ мѣстности, заходя къ извѣстнымъ мнѣ хуторянамъ, мелкимъ землевладѣльцамъ, мельникамъ,

которые давали мнѣ рекомендаціи и направляли къ своимъ роднымъ и пріятелямъ. Тогда большинство изъ нихъ еще сидѣло на мѣстахъ, но впослѣдствіи много и изъ нихъ погибло, сидя въ тюрьмахъ за неуплату контрибуцій. Всѣ эти люди входили въ мое положеніе, способствовали всѣми силами, давали совѣты, указанія. Мѣстность, по которой я шелъ, была довольно глухой, я избѣгалъ большихъ дорогъ, проѣзжихъ или торговыхъ селъ, хотя это, конечно, удлиняло значительно путь, но зато давало возможность идти, гдѣ терроръ еще не успѣлъ проявиться. По дорогѣ мнѣ называли и другихъ лицъ, бѣжавшихъ тѣми же днями по тому же направленію.

Общее мое впечатлѣніе отъ соприкосновенія не только съ сельской буржуазіей, но и вообще съ населеніемъ, попадавшимся мнѣ по дорогамъ и селамъ, выражалось въ опредѣленномъ недовольствѣ совѣтскимъ режимомъ. То, что власть перешла въ руки болѣе бѣдныхъ крестьянъ и молодежи, вызывало извѣстный протестъ. Вѣдь въ большинствѣ случаевъ бѣдными въ селахъ являются неудачники въ хозяйствѣ или пьяницы и лодари. Неудачники вслѣдствіи несчастій не являются подходящими для руководства совѣтами, въ большинствѣ случаевъ они тихіе и скромные мужики. Плохой же хозяинъ, лодырь, уваженіемъ села не пользуется, хотя временно онъ и можетъ выплыть на поверхность.

Ближе къ фронту, можно было услышать разговоры о различныхъ боевыхъ дѣйствіяхъ; населеніе было въ курсѣ дѣла происходящихъ столкновеній, знало линію фронта.

Тутъ пришлось услышать много разсказовъ о преслѣдованіи священниковъ со стороны красныхъ, въ связи съ борьбой и преслѣдованіемъ лицъ, сочувствующихъ бѣлогвардейцамъ. Эти разсказы имѣли повидимому одни и тѣ же основанія и молва шла изъ устъ въ уста, повторяя тѣ же случаи. У меня еще и сейчасъ на памяти разсказъ, какъ къ діакону какого то села близъ ст. Барышъ Моск. Казанской жел. дороги пришли вечеромъ какіе то люди и, назвавшись бѣлыми, попросились у него переночевать. Діаконъ этотъ, узнавъ, что его гости бѣлые, съ удовольствіемъ впустилъ къ себѣ, началъ угощать, сказавъ, что для нихъ у него хватитъ провизіи хоть на цѣлую недѣлю. Черезъ нѣкоторое время вновь послышался въ окно стукъ и, опасаясь за своихъ гостей, діаконъ спряталъ ихъ подъ полъ. Отъ пришедшихъ онъ скрылъ присутствіе находящейся компаніи, но тѣ вдругъ появились и заявили, что они красные и тутъ же, выведя на дворъ діакона, разстрѣляли его за сочувствіе бѣлогвардейцамъ.

Пройти эти 350 верстъ пришлось по Пензенской и Симбирской губерніямъ. У линіи фронта мнѣ стали попадаться подводы, а иногда и цѣлые обозы, шедшіе изъ Сызрани и обратно съ товаромъ и продовольствіемъ. Въ Сызрань везли преимущественно табакъ, производства котораго на Волгѣ нѣтъ, а обратно везли изъ чехословацкаго района соль и керосинъ, въ которомъ тутъ ощущался острый недостатокъ. Къ этому времени, т. е. къ началу сентября по ст. ст., пропускъ черезъ фронтъ былъ свободенъ.

Однако, когда я подошелъ къ линіи, положеніе неожиданно обострилось. Еще по дорогѣ я услыхалъ разговоры о полученныхъ въ волостяхъ свѣдѣньяхъ, что Симбирскъ и Казань пали и, хотя это извѣстіе казалось невѣроятнымъ въ силу тѣхъ надеждъ, которыя возлагались на чеховъ, тѣмъ не менѣе приходилось вѣрить.

Послѣднюю часть пути я шелъ съ попутчиками, какими то рязанскими мужиками и бабой, пробиравшимися въ Сибирь къ родственникамъ, ближе къ хлѣбу. Одинъ изъ нихъ старикъ, прожившій въ Петроградѣ въ качествѣ приказчика въ зеленной на Сѣнной площади и купившій послѣ долгихъ лѣтъ упорнаго труда гдѣ то домъ за Вырицой, никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что большевики реквизировали у него этотъ домъ, а его изъ него выгнали. Съ этими спутниками мы случайно встрѣтились по дорогѣ и наняли шедшую въ Сызрань за солью подводу съ тѣмъ, чтобы иногда подсаживаться на телѣгу, но по пескамъ и въ гору былъ уговоръ идти пѣшкомъ.

За нѣсколько десятковъ верстъ до послѣдней деревни, находившейся въ то время въ рукахъ красныхъ, мы справлялись у встрѣчающихся относительно возможности проѣхать въ Сызрань и получали неизмѣнный отвѣтъ, «идите смѣло, никакой задержки по пути нѣтъ».

Однако, при въѣздѣ въ это послѣднее село, за которымъ уже въ 12 верстахъ находились чехи, насъ неожиданно задержалъ разъѣздъ, только что въѣхавшій въ деревню. Послѣ короткаго разговора, осмотра паспортовъ, убѣдившись, что оружія нѣтъ, задержавшій насъ рослый красноармеецъ, повидимому латышъ, разрѣшилъ идти дальше.

Обрадовавшись, мы всѣ усѣлись на подводу и поѣхали рысью, надѣясь до ночи проскочить фронтъ.

Но не тутъ то было.

При поворотѣ въ переулокъ, мы увидали, какъ какія то тѣни замелькали въ окнѣ углового дома и затѣмъ выбѣжавшій на дорогу красноармеецъ приказалъ намъ вслѣдъ остановиться.

Пришлось подчиниться, ибо чувствовалось, что шутить не будутъ. Тогда подошли къ намъ человѣкъ пять вооруженныхъ «товарищей», и одинъ изъ нихъ въ бѣлой папахѣ, на видъ совершенно молодой, съ удивительно ясными голубыми глазами, принялся насъ допрашивать, откуда и куда ѣдемъ, зачѣмъ, кто мы такіе и. т. д. Послѣ предварительнаго допроса, который онъ велъ въ весьма повышенномъ, совершенно не шедшимъ къ его дѣтскому облику, тонѣ, насъ повели въ угловую избу, гдѣ находился штабъ. Тамъ сидѣло и стояло человѣкъ 8—10 красноармейцевъ и ихъ начальникъ, въ гусарскихъ красныхъ чакчирахъ, началъ выслушивать докладъ насъ приведшаго. Въ докладѣ упоминалось, что въ виду полученнаго 2 дня тому назадъ приказа о запрещеніи проѣзда черезъ фронтъ, насъ надлежитъ отправить въ ближайшій штабъ отряда, находившійся въ 50 верстахъ на станціи жел. дороги, лошадь у возчика реквизировать для нуждъ арміи, телѣгу же пусть подводчикъ везетъ на себѣ. При этомъ телѣга называлась все время «повозкой», что показывало, что говорившіе были не изъ этой мѣстности. Начальникъ, однако, не долго нами занимался, его отвлекли вопросами фуража для лошадей, который реквизировался у крестьянъ для только что пріѣхавшаго отряда. Оказалось, что этотъ разъѣздъ въѣхалъ въ село всего за часъ до нашего появленія.

Вмѣсто начальника принялся за насъ матросъ, важно развалившійся и начавшій весь допросъ сначала. Въ концѣ концовъ, не вынеся никакой резолюціи, человѣка четыре пошли обыскивать телѣгу и наши вещи.

Я имъ говорилъ, что ѣду къ семьѣ, находящейся за Волгой, показывалъ паспортъ и удостовѣреніе отъ какой то мастерской, гдѣ раньше я будто служилъ, при чемъ доказывалъ неосновательность нашей задержки, убѣждалъ, что запрещеніемъ проѣзда черезъ фронтъ они подрываютъ отношеніе къ совѣтской власти, ибо при недостаткѣ соли и керосина это запрещеніе будетъ учитываться съ недоброжелательствомъ.

Такіе разговоры были мыслимы еще въ то время!

Доводы мои въ концѣ концовъ подѣйствовали на бѣлокураго, и онъ отступился, сказавъ, что съ его стороны препятствій къ нашему пропуску нѣтъ, и онъ рѣшеніе передаетъ на усмотрѣніе товарищей. Тогда подошелъ къ намъ второй и началъ обыскъ снова, при чемъ снялъ съ меня куртку, обшарилъ карманы, выворотилъ кошелекъ, ощупалъ всего, однако, не взялъ ничего, на что онъ съ гордостью указывалъ.

Во время этого обыска слышно было, какъ одинъ изъ красноармейцевъ говорилъ другому: а, можетъ быть, и правда, что пролетарій, отпустимъ ихъ. Они вообще на меня, какъ на самаго молодого, обращали вниманіе больше. А, можетъ быть, и физіономія моя казалась имъ болѣе подозрительной.

Въ итогѣ, на четвертомъ допрашивающемъ насъ, было рѣшено въ виду поздняго времени задержать, а утромъ уже рѣшить, что дѣлать съ нами. Послѣ этого отвели насъ въ избу какого то чувашина (село оказалось чувашскимъ), гдѣ и предложили расположиться. Караульнаго не приставили, а только съ вечера раза два къ намъ понавѣдались.

Вскорѣ послѣ того какъ стемнѣло, стало слышно пѣніе со стороны штабной избы, стали раздаваться выстрѣлы, бѣшеный лай собакъ. Оказалось, красноармейцы достали самогонки и загуляли. Пѣніе продолжалось довольно долго и только начавшійся дождь загналъ гуляющую публику по избамъ.

Мнѣ, конечно, было не до сна.

Къ утру когда еще было совершенно темно, часа, вѣроятно, въ четыре, я разбудилъ своихъ спутниковъ и сталъ доказывать имъ необходимость немедленно трогаться дальше. Возница, боявшійся реквизиціи лошади, присоединился ко мнѣ и всѣ согласились.

Во избѣжаніе задержки у штаба мы рѣшили проѣхать задами, а ввиду незнанія дороги я началъ уговаривать нашего хозяина, явно несочувствовавшаго краснымъ, проводить насъ до лѣса, начинавшагося верстахъ въ четырехъ отъ села. Однако, боязнь отвѣтственности заставила его наотрѣзъ отказать.

Ощущеніе сырости, незнаніе мѣстности, возможность быть вновь задержаннымъ патрулями красныхъ, было весьма непріятно. Въ каждомъ кустѣ, каждой точкѣ чернѣющейся на начинающемся свѣтиться горизонтѣ, чудился верховой.

Лошадь мы гнали, насколько могли, но, благодаря грязи, пришлось все же идти пѣшкомъ. Черезъ нѣкоторое время, уже недалеко отъ лѣса, мы нагнали какія то подводы. Это оказался довольно большой обозъ, шедшій съ бѣженцами изъ гор. Кузнецка Саратовской губерніи, откуда они бѣжали со своимъ скарбомъ ввиду происшедшаго налета на городъ анархистовъ, сопровождавшагося страшно кровавой бойней.

Всѣ эти бѣженцы стремились на востокъ, думая найти убѣжище и безопасность у чеховъ.

Узнавъ отъ насъ, что мы вырвались отъ краснаго разъѣзда, весь этотъ обозъ, растянувшійся на порядочное разстояніе, всполошился, дремавшіе люди встрепенулись и, въ испугѣ повторяя «красные, красные», начали стегать лошадей; пассажиры спѣшились и бѣжали рядомъ съ телѣгами. Картина была до того курьезная, что, не смотря на довольно серьезное положеніе, безъ смѣха нельзя было смотрѣть на эту растянувшуюся по дорогѣ ленту лошадей телѣгъ и бѣгущихъ, съ поднятыми на голову подолами отъ шедшаго довольно сильнаго дождя, людей.

Какъ вся эта компанія проскочила мимо заставъ, одинъ Богъ знаетъ. Вѣроятно, загулявшіе съ вечера красноармейцы подъ утро крѣпко заснули и прозѣвали обозъ.

Добравшись до лѣса, тянувшагося до села, занятаго по слухамъ чехами, верстъ на шесть, мы вздохнули свободнѣе. Тутъ уже легче намъ было спастись, свернувши въ нужный моментъ съ дороги въ чащу. Однако, опасенія оказались напрасными и мы никакихъ разъѣздовъ или дозоровъ болѣе не встрѣчали.

Въ деревнѣ, находящейся на чешской сторонѣ, тоже никакихъ дозоровъ не оказалось и только уже дальше, верстахъ въ 25 за этимъ селомъ, намъ попались двое верховыхъ съ бѣлой повязкой на рукавѣ, принадлежавшихъ къ составу народной арміи, собственно же чеховъ не было въ этомъ раіонѣ совсѣмъ.

Приближаясь къ Сызрани, мы видѣли въ сторонѣ линіи желѣзной дороги, какъ вышедшій броневой или просто вооруженный поѣздъ обстрѣливалъ шедшій на встрѣчу паровозъ красныхъ. Какихъ нибудь частей войскъ мы не встрѣчали по дорогѣ совершенно.

Впечатлѣніе было такое, что идетъ споръ за обладаніе полотномъ желѣзной дороги и занятіе или оставленіе деревень происходило исключительно по этимъ соображеніямъ. Населеніе къ бѣлымъ или, какъ оно говорило, къ «чекамъ» было благожелательно и только мѣстами говорили, что бѣлые уже нѣсколько мѣсяцевъ не платятъ добровольцамъ жалованія. За то указывалось на обиліе на Волгѣ продуктовъ, бѣлаго хлѣба, на свободную торговлю, и послѣдняя, въ особенности, казалась населенію цѣнной.

Такимъ образомъ, я добрался на 12 день на Волгу. Это было 6 сентября по старому стилю.

При въѣздѣ у насъ спросили документы, но это дѣлалось болѣе для формальности.

Вообще картина представлялась отнюдь не боевой, и жизнь во всемъ этомъ раіонѣ имѣла самый мирный, безразличный характеръ.

У БѢЛЫХЪ

Если прилегающая мѣстность къ Сызрани не была занята войсковыми частями и не имѣла вида театра военныхъ дѣйствій, то самъ городъ Сызрань былъ настоящимъ военнымъ лагеремъ.

Вся власть, какъ въ городѣ, такъ и на станціи желѣзной дороги, была въ рукахъ чехо-словаковъ, образовавшихъ свои штабы, комен-

датуры, контръ-развѣдки. Русскія части были въ этотъ моментъ на фронтѣ и жизнь населенія руководилась чехами.

Порядокъ въ городѣ былъ сравнительно хорошій, т. е. никакихъ, поражающихъ глаза, ненормальностей или уклоненій отъ общаго типа прежней жизни русскихъ городовъ замѣтно не было. Въ магазинахъ товары были, продажа съѣстными продуктами шла вездѣ. На базарѣ на площади, въ лавкахъ по городу, можно было видѣть и бѣлый хлѣбъ, и сливочное масло и при томъ по весьма недорогимъ цѣнамъ. Урожай 1918 года былъ очень хорошій и потому недостатка продуктовъ при свободной торговлѣ не было.

Ощущеніе возможности ходить, свободно ходить по городу, быть равноправнымъ съ другими гражданами, послѣ порядковъ Совдепіи, было исключительно пріятное, и кто не пережилъ этого контраста между моральной подавленностью и внѣшней, хотя бы, свободой передвиженія по городу, соединенной съ чувствомъ защиты и возможностью искать ее у властей, вѣроятно, не пойметъ переживаемаго мной въ тотъ моментъ.

Но въ это время населеніе уже переживало непріятные дни, такъ какъ послѣ паденія Казани, Симбирска, Хвалынска фронтъ сталъ постепенно приближаться и къ Сызрани. Появились слухи о продвиженіи красныхъ на степномъ берегу Волги, въ предѣлахъ Николаевскаго уѣзда. Рѣчная Волжская флотилія вела въ эти дни бои съ красными пароходами всего въ 30—70 верстахъ по рѣкѣ къ низу и, въ виду серьезности положенія, было отдано распоряженіе рыть окопы вокругъ Сызрани. Для этой цѣли было мобилизовано населеніе, и можно было видѣть лавочниковъ и мѣстныхъ буржуевъ, нанимающихъ для работы за себя охотниковъ изъ чернорабочаго люда, на что стояла цѣна около 12 рублей за день.

Сдавать Сызрань врагу, видимо, въ разсчетъ чеховъ не входило и потому принимались мѣры для ея удержанія.

Сызрань, какъ охранявшая подступы къ Александровскому желѣзнодорожному мосту черезъ Волгу, имѣла большое значеніе, такъ какъ съ отдачей его, невозможно было бы удержать Самары и вообще всего лѣваго берега.

Однако, слухи о неудачахъ ползли, съ Волги передавали о происходящихъ перестрѣлкахъ пароходовъ и по наименованіямъ селъ было видно, что красные имѣютъ успѣхъ. Населеніе, т. е. та часть его, которая не желала оставаться въ рукахъ красныхъ, стала собираться за Волгу.

Въ первый же день своего пріѣзда въ Сызрань, я случайно встрѣтилъ въ чешской контръ-развѣдкѣ двухъ своихъ пріятелей изъ анти-большевистской организаціи, бѣжавшихъ, какъ оказалось, отъ арестовъ въ тѣ же дни, что и я.

Въ виду нахожденія штабовъ и центра власти въ Самарѣ мы втроемъ рѣшили двинуться туда. Пришлось брать у чеховъ пропускъ на проѣздъ и, получивъ его, мы отправились на пароходную пристань, гдѣ очередного парохода пришлось ждать ровно сутки, ибо на только что ушедшій мы опоздали.

Волга представляла изъ себя тихое зрѣлище; и кто ее помнилъ по экскурсіямъ довоеннаго времени, дававшимъ такое наслажденіе и отдыхъ всѣмъ городскимъ жителямъ, теперь не узналъ бы ея. Она была совершенно мертва. У пристаней стояло нѣсколько маленькихъ буксировъ и съ

десятокъ баржей. Часть баржей, пришедшихъ при насъ съ верху, была полна бѣженцами западныхъ губерній, попавшихъ еще на Волгу въ теченіе 15—16 г.г. На эти баржи они были посажены не то въ Казани, не то въ Симбирскѣ еще при весеннемъ владычествѣ большевиковъ для отправки ихъ на родину, а ввиду мѣшавшаго по дорогѣ фронта, ихъ направили на Саратовъ, откуда, якобы, они должны были ѣхать по жел. дор. дальше. Судьбы этихъ несчастныхъ я не знаю, но видъ ихъ и положеніе было ужасное, болѣе чѣмъ тяжелое.

7-го вечеромъ я со своими спутниками попалъ на шедшій вверхъ пароходъ и 8-го сентября по старому стилю мы добрались до Самары.

Самара кипѣла народомъ. Мѣста, гдѣ можно было бы остановиться, абсолютно не было. Гостинницы были всѣ переполнены. Въ конечномъ итогѣ, послѣ долгихъ скитаній, случайно, въ одной изъ грязныхъ, находящихся на берегу Волги у пристаней гостинницъ, намъ сказали, что мѣсто можно найти на пароходахъ, находящихся въ распоряженіи комендатуры рѣчной флотиліи.

Отправившись на пароходъ «Харьковъ», стоявшій у пристани «Кавказъ и Меркурій», я нашелъ штабъ боевой флотиліи; тамъ я встрѣтился со знакомыми моряками, тутъ же давшими намъ пріютъ на одномъ изъ пароходовъ, гдѣ мы и прожили до момента эвакуаціи Самары. Вскорѣ насъ зачислили въ списки флотиліи, давъ мнѣ напр. работу по службѣ связи съ береговыми учрежденіями и штабомъ сухопутныхъ войскъ, гдѣ у меня оказались сотрудники по анти-большевистской работѣ.

Военное Управленіе области было раздѣлено между чехо-словацкимъ командованіемъ (державшимъ въ своихъ рукахъ главное командованіе и управленіе по оперативной части, желѣзнодорожное сообщеніе съ телеграфомъ) и штабомъ народной арміи.

Народная армія была организована на добровольческихъ началахъ, при чемъ обязательность службы была объявлена на 3 мѣсяца. Офицерство было мобилизовано. Во главѣ народной арміи стоялъ полковникъ Галкинъ, находящійся до освобожденія Самары въ конспиративной организаціи, поднявшей при приближеніи чехо-словаковъ возстаніе.

Части, входящія въ составъ народной арміи и находящіяся на фронтѣ, состояли изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ отрядовъ или группъ. Во главѣ этихъ отдѣльныхъ группъ въ теченіе лѣта и осени 1918 года между прочими находились: полковникъ генеральнаго штаба Махинъ, тяготѣвшій къ эс-эрамъ и командовавшій отрядомъ, оперировавшимъ къ югу и юго-востоку отъ Самары; затѣмъ, капитанъ Степановъ, оперировавшій подъ Казанью; подполковникъ ген. штаба Каппель на Бугульминской жел. дор.; Волжской флотиліей командовалъ мичманъ Ершовъ, Камской — капитанъ 2-го ранга Феодосьевъ; были еще отдѣльныя части Ижевскаго и Воткинскаго заводовъ. Самой популярной частью изъ вышеназванныхъ былъ безспорно отрядъ Каппеля. Каппелевцы признавались всѣми самой стойкой и цѣльной частью, они позже безъ перерыва защищали позиціи вплоть до паденія Уфы при необычайно тяжелыхъ условіяхъ, почти раздѣтыми при сильныхъ морозахъ, и своимъ поведеніемъ внесли не одну красивую страницу въ борьбу за освобожденіе родины.

Вообще почти всѣ, какъ стоящіе во главѣ боевыхъ частей, такъ и сами части вели себя съ большой доблестью.

Во главѣ чехо-словаковъ стоялъ полковникъ Чечекъ который и считался главнокомандующимъ всѣми военными силами.

Къ моменту борьбы, въ которой я принялъ участіе, начался періодъ неудачъ. Занявъ на сѣверѣ Казань и Симбирскъ, а на югѣ Хвалынскъ, красные перешли за Волгу и своимъ движеніемъ на Николаевскъ и Самару обнаруживали стремленіе перерѣзать Самаро-Златоустовскую линію желѣзной дороги, отрѣзавъ Самару.

Одновременно красные двигались отъ Симбирска по правому берегу Волги, угрожая отрѣзать Сызрань, а съ сѣвера изъ Казанскаго раіона отъ Чистополя нажимали на ст. Нурлаты — Бугульминской жел. дороги.

Народная армія оказалась не стойкой, частью изъ за плохого обмундированія и полнаго недостатка снаряженія, пополнявшагося исключительно отбираніемъ его отъ красныхъ въ бою, частью же благодаря неспайкѣ фронтовыхъ отрядовъ, формировавшихся по случайнымъ признакамъ, съ пріемами временъ Керенскаго, что, конечно, устойчивости и боеспособности не давало.

Вслѣдствіе этого, несмотря на весьма низкое состояніе тогда красной арміи, бывшей лишь въ стадіи формированія, все же преимущество оказалось на сторонѣ послѣдней.

Чехо-словацкій корпусъ, проявившій столько доблести въ началѣ лѣта, къ этому времени началъ проявлять усталость; въ существовавшихъ у нихъ при частяхъ комитетахъ появилось разложеніе, начали учащаться случаи неподчиненія боевымъ приказаніямъ, стали обнаруживаться разговоры объ усталости, о нежеланіи воевать за Россію, что является обязанностью самихъ русскихъ и т. д.

Колоссальную роль въ этомъ отношеніи сыграла неустойчивая, колеблющаяся политика Антанты. Съ одной стороны, все говорило, что союзники рѣшили поддержать антибольшевистское движеніе, какъ продолженіе борьбы съ Германіей, и потому поддержка руководителей и лояльныхъ элементовъ, не допускающихъ пріятіе позорнаго Брестъ-Литовскаго договора, казалась и естественной, и логичной. При этомъ такіе факты, какъ работа французскаго консула (Гине) въ Самарѣ, позиція англичанъ (сэра Эліота, Нокса) и японцевъ во Владивостокѣ и на Дальнемъ Востокѣ, высадка десанта на Мурманѣ, поддержка арміи ген. Алексѣева, говорили за желаніе союзниковъ оказывать помощь въ этой борьбѣ, и потому распространявшіеся по городу слухи, какъ напримѣръ, слухъ объ ожидаемомъ на дняхъ прибытіи тяжелой артиллеріи, снаряженія и т. д. вызывали вполнѣ естественныя надежды, создавая извѣстные разсчеты на эту, казалось, законную въ общемъ дѣлѣ, поддержку.

Одновременно съ этимъ, явное покровительство и имѣющіяся данныя объ активной роли Германіи въ лицѣ гр. Мирбаха, въ связи съ проявленнымъ имъ весной отношеніемъ при разоруженіи чеховъ опредѣленно дѣлило и идеологическую и практическую сторону дѣла на двѣ части: анти-большевистскую съ союзниками, съ одной стороны, и германо-большевистскую, съ другой.

Эта сторона дѣла очень важна и можно видѣть, какъ она проходитъ красной чертой во всемъ послѣдующемъ періодѣ, вплоть до 1920 года.

До чего помощь Германіи большевикамъ считалась безспорнымъ фактомъ, видно хотя бы изъ того, что моментъ происшедшей революціи

въ Германіи, въ ноябрѣ 1918 года, учитывался всѣми дѣятелями бѣлаго движенія и печатью какъ скорый разгромъ красной арміи, остающейся безъ нѣмецкой помощи. Однако, проявленный уже тутъ явный разбродъ мысли и многогранная политика союзниковъ, считавшихъ себя окончательно застрахованными отъ нѣмцевъ, привела къ тому печальному положенію, въ которомъ оказалась Европа въ періодъ послѣ Версальскаго договора, къ гибели столькихъ русскихъ людей и культурныхъ силъ, къ обезкровленію на долго Россіи.

Это положеніе всецѣло отразилось на чехо-словакахъ, уронило сперва ихъ боеспособность и привело ихъ затѣмъ въ такое состояніе, которое вызвало презрѣніе и негодованіе среди русскихъ въ Сибири и Владивостокѣ. Между тѣмъ, лѣтомъ 18 г. отношеніе къ нимъ было болѣе чѣмъ восторженное и благодарное.

Что касается времени, о которомъ я говорю, то поколебавшаяся дисциплина среди чеховъ привела къ преждевременному оставленію Ставропольскаго раіона (къ сѣверу отъ города Самары), что немедленно отразилось на общемъ положеніи фронта и, въ частности, Самары.

До чего дисциплина поколебалась и до какой степени разложеніе стало прогрессировать, видно изъ того факта, что полковникъ Швецъ, командиръ одной изъ чешскихъ боевыхъ группъ, не перенесъ создавшагося положенія и, незадолго до оставленія Уфы, кончилъ самоубійствомъ. Фактъ этотъ произошелъ въ серьезный моментъ, когда приказаніе его не было исполнено подчиненной ему частью во время сраженія и онъ тутъ же, не выходя изъ вагона, гдѣ находился его штабъ, пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Швецъ считался однимъ изъ выдающихся и лучшихъ чехо-словацкихъ военноначальниковъ.

Говоря объ общемъ положеніи дѣла на волжскомъ фронтѣ, нужно указать, что, при занятіи чехо-словаками Самары, бывшіе въ это время тамъ члены Учредительнаго Собранія Брушвитъ, Вольскій, Фортунатовъ и др. взяли гражданскую власть въ свои руки. Въ скоромъ времени примкнули къ нимъ и другіе ихъ товарищи, выдѣлившіе изъ себя Комитетъ, получившій сокращенное названіе «Комучъ», члены котораго и подѣлили между собой министерскіе портфели. Не останавливаясь на томъ, какъ у нихъ шла работа по управленію области, могу лишь указать, что напр. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ завѣдовалъ Климушкинъ, бывшій въ свое время волостнымъ писаремъ и, конечно, оказавшійся совершенно не подготовленнымъ ко взятымъ на себя обязанностямъ. Что это такъ, видно изъ того, что, несмотря на всю его развязность, ему пришлось обратиться къ бывшему Самарскому губернатору, проживавшему тамъ (кн. Голицыну) за частичными указаніями для дѣлъ, въ которыхъ Климушкинъ запутался.

Само собой понятно, что направленіе «Комуча» было совершенно соціалистическое, ибо почти всѣ члены Учредительнаго Собранія не большевики принадлежали къ партіи эс-эровъ. Знаменательно при этомъ, что одновременно съ Комучемъ существовалъ въ городѣ «Совѣтъ Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ».

Изъ состава учредильщиковъ главное участіе принимали: Вольскій (прис. повѣренный изъ Твери), Фортунатовъ и Климушкинъ отъ Самары (первый штабсъ-капитанъ), Авксентьевъ (отъ Пензы), Лебедевъ (б. Морской

министръ временъ Керенскаго), Брушвитъ, Федоровичъ и кое-кто другіе, фамиліи которыхъ сейчасъ не помню. Лебедевъ больше разъѣзжалъ по фронту. Отличался еще нѣкій Мейстрахъ, выступавшій въ Самарѣ по сбору денегъ на нужды анти-большевистской работы. Этотъ Мейстрахъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ теченіе слѣдующаго лѣта (1919 г.) онъ уже при большевикахъ занимался усиленной критикой работы Комуча, писалъ ярыя статьи въ Самарской красной печати въ защиту совѣтской власти, однимъ словомъ, продался ей совсѣмъ, принеся повинную за свою дѣятельность.

Викторъ Черновъ появился только къ концу августа и, конечно, былъ принятъ учредилкой нескончаемыми овраціями, занявъ мѣсто предсѣдателя. Общее число учредильщиковъ къ этому времени, если не ошибаюсь, достигало 70.

Какъ велось дѣло, а также всѣ тонкости, тренія и отдѣльные эпизоды, довольно трудно теперь вспомнить. Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ, событія же слишкомъ быстро мѣнялись, причемъ они развертывались около фронта и потому услѣдить за всѣмъ было очень трудно.

Однако, какъ на характерный фактъ отношенія гражданской власти къ военной, можно указать на то, что при начальникѣ штаба народной арміи полковникѣ Галкинѣ былъ приставленъ въ качествѣ его помощника (по крайней мѣрѣ, такъ говорили среди военныхъ) нѣкій поручикъ Взоровъ, партійный с. р. (мало похожій съ виду на офицера), на обязанности котораго лежалъ надзоръ за работой Галкина и чиновъ его штаба и не допущеніе проявленія контръ-революціи въ командованіи. Онъ ни минуты не оставлялъ Галкина одного, и, даже при пріемахъ постороннихъ, фигура Взорова неотступно слѣдовала по пятамъ Галкина, обходившаго пріемную залу.

Насколько позиція учредильщиковъ сдѣлалась среди военныхъ непопулярной, видно изъ того, что многіе изъ офицеровъ въ прилегающихъ къ Волгѣ мѣстностяхъ (я слыхалъ это незадолго до бѣгства своего къ чехамъ), предпочитали идти на югъ въ добровольческую армію, не смотря на ея отдаленность, а не въ народную, въ надежность которой не вѣрили, усматривая въ общемъ курсѣ политики опредѣленное партійное теченіе.

Въ началѣ, по освобожденіи Самары, какъ говорили, этого не было замѣтно, но чѣмъ дальше, тѣмъ нагляднѣе начала проскальзывать та тенденціозность, которую особенно ярко проводилъ предсѣдатель комитета учредительнаго собранія — Вольскій въ своихъ крикливыхъ, полныхъ демагогіи воззваніяхъ.

Въ конечномъ итогѣ, крѣпкой арміи создать не удалось, чехо-словакамъ сражаться надоѣло и, вмѣсто движенія на Москву (на чемъ настаивали въ своихъ сношеніяхъ агенты Антанты), начался общій отходъ, рядъ неудачъ. Сперва пали Симбирскъ и Казань, немного погодя отдали Вольскъ и Хвалынскъ, затѣмъ стали очищать Сызранскій раіонъ, а потомъ Самарскую и Уфимскую губернію. Такъ блистательно начатая операція, на которую возлагали надежды мыслящіе, остававшіеся въ Россіи круги, постепенно начала сходить на нѣтъ. Единственный отрядъ крѣпко державшійся, и отступавшій шагъ за шагомъ съ боемъ — былъ отрядъ доблестнаго полковника Каппеля.

Справедливость требуетъ, однако, сказать, что въ теченіе лѣта, какъ отряды чеховъ, такъ и народной арміи проявляли чудеса храбрости и

самоотверженія. Но общая обстановка въ связи съ неоказаніемъ помощи союзниками, неправильной позиціей партійныхъ руководителей, не сумѣвшихъ поддержать главную опору арміи — офицеровъ и не полученіемъ съ другой стороны серьезной, длительной помощи и сочувствія у крестьянства, дала возможность большевикамъ не только занять Приволжскій районъ, но даже продвинуть свой фронтъ на 60 верстъ за Уфу.

Отношеніе населенія къ бѣлому движенію я бы охарактеризовалъ такъ: наступающія, освободительныя части встрѣчались вездѣ восторженно. Городское населеніе — мѣщанская, чиновничья часть его, пригородъ чаяли получить усиленное продовольствіе, свободную торговлю, извѣстный порядокъ стараго уклада, личную безопасность. Однако, невозможность удовлетворить всѣ эти чаянія и надежды дѣлало городское населеніе пассивнымъ къ борьбѣ.

Крестьянское населеніе въ своей массѣ относилось съ мѣста болѣе инертно, какъ вообще болѣе недовѣрчивое, менѣе къ тому времени пострадавшее отъ краснаго режима, чѣмъ городское, и, кромѣ того, боявшееся до извѣстной степени отвѣтственности за учиненные имъ грабежи и самовольство. Не малую роль, конечно, играли и репрессіи, производимыя красными въ случаѣ ихъ успѣха. Кромѣ того въ Самарскихъ степяхъ, большевики къ тому времени своей власти вполнѣ проявить еще не успѣли, а степное населеніе, какъ я буду имѣть еще случай указать впослѣдствіи, до извѣстной степени всегда было склонно къ анархіи или, вѣрнѣе, нежеланію подчиняться властямъ.

Если меня спросили бы, въ чемъ разница между народной и красной арміями, и почему въ то время, въ первый періодъ борьбы, преимущество оказалось у красныхъ, я бы кромѣ вышеуказанныхъ причинъ указалъ бы на слѣдующее: преимущество красной арміи заключалось въ томъ, что она опиралась, какъ ни какъ, на нѣкоторыя организованныя части (напр. латышскія, красногвардейскія, матросскія и другія), либо не потерявшія офицерскій кадръ, либо уже испытанныя, спѣвшіяся въ своихъ дѣлахъ, состоявшія изъ фанатичныхъ, искренно увлекающихся, распропагандированныхъ людей оказывающихъ потому огромное сопротивленіе. Кромѣ того, эти части, какъ ни какъ, были хорошо снабжены и экипированы.

Народная армія этихъ свойствъ не имѣла. Достаточно указать на различную идеологію ея элементовъ, не понимавшихъ военнаго духа, не дававшихъ возможности спаяться, а затѣмъ и на отсутствіе, какъ административнаго аппарата, такъ и воинскаго снаряженія, въ особенности, винтовокъ. Кромѣ того, большевики принуждали выполнять намѣченное, не стѣсняясь средствами, здѣсь же думали о правахъ, демократическихъ требованіяхъ, искали поддержки у людей мягкихъ по своему существу. Послѣднее относится ко всему бѣлому движенію, за весь періодъ этихъ 2 лѣтъ.

Народная армія держалась пока были чехо-словаки, служившіе извѣстной канвой, но какъ только сдали они, то все остальное, руководимое партійностью, неопытными людьми — начало распадаться. А условія начала борьбы, въ первой ея стадіи, были во всѣхъ отношеніяхъ весьма благопріятны. При всемъ этомъ, среди руководителей и въ управленіи бѣлыхъ было много авантюристовъ, а также людей, стремящихся вводить немедленно порядки и нормы правового уклада, что, конечно, послѣ пережитого было невозможно

Въ лучшемъ положеніи была Сибирская армія, заслоненная отъ Москвы Волжскимъ фронтомъ; она вела у себя борьбу не всѣми кадрами сразу, почему смогла сорганизовать ядро, удержавшее въ итогѣ красныхъ на Уралѣ, и даже взять къ веснѣ 1919 года инициативу въ свои руки. Разложилась она лишь послѣ затяжки гражданской войны, вслѣдствіе атаманческихъ тенденцій, руководящихся лишь мѣстными цѣлями, а также эсэровской большевистской разрушительной работы въ тылу, по всей необъятной Сибири.

Казачьи войска, какъ болѣе однородныя, оказались болѣе способными для борьбы, и городъ Уральскъ, напримѣръ, гордился, что онъ не зналъ большевистскаго режима и системы вплоть до весны 1919 года, то есть $1^1/_2$ года послѣ 25 октября. Но отсутствіе снаряженія погубило и его.

Вернемся, однако, къ описываемому мною времени.

Дѣла Волжскаго фронта, какъ я упоминалъ, стали къ этому времени все ухудшаться. Въ послѣднихъ числахъ сентября по н. ст. пала Сызрань и, несмотря на уничтоженіе одного ихъ пролетовъ Александровскаго, желѣзнодорожнаго моста, наступленіе большевиковъ развивалось, въ результатѣ чего, въ первыхъ числахъ октября, рѣшено было оставить Самару.

Я былъ по эвакуаціи штаба рѣчной флотиліи оставленъ для связи штаба арміи съ пароходами, державшими линію фронта вверхъ и внизъ по Волгѣ. Въ городѣ въ это время уже чувствовалось нервное напряженіе, появились кучки шушукающихся, ночью раздавались по улицамъ выстрѣлы, а затѣмъ уже начались грабежи складовъ пристаней на Волгѣ, оставшихся къ этому времени безъ хозяевъ.

6-го октября, въ воскресенье, остатки войскъ двинулись по направленію ст. Кинель, находящейся въ 40 верстахъ къ востоку отъ Самары. Къ вечеру сложился и штабъ народной арміи, передавъ защиту города полковнику Махину, только что вернувшемуся съ южной линіи фронта.

Грохотъ орудій въ этотъ великолѣпный лѣтній день, отдѣльныя части съ обозами, тянувшіяся по улицамъ города, которыя были полны народа, усиливали напряженность момента. Но радости на лицахъ я не видалъ. Чувствовалась у большинства тревога, какъ отъ неизвѣстности, такъ и отъ связанныхъ съ перемѣной хозяевъ неизбѣжныхъ репрессій.

Придя на вокзалъ, откуда долженъ былъ отправляться штабъ арміи, я увидѣлъ полную невозможность эвакуироваться съ нимъ. Тогда я рѣшилъ уговорить нѣсколько офицеровъ, не попадавшихъ тоже на поѣздъ, идти самостоятельно по большой дорогѣ догонять свои части. Мнѣ, прошедшему передъ этимъ почти что 400 верстъ, это путешествіе казалось пустяшнымъ, тѣмъ болѣе, что дивная погода способствовала этой прогулкѣ.

Взявъ винтовку и мѣшокъ со смѣной бѣлья за плечи, мы двинулись въ путь. Настроеніе было хорошее, вѣрилось въ правоту дѣла, рисовалось, что все происходящее плодъ какого то недоразумѣнія, и лишь тревожила оттяжка освобожденія Россіи, гдѣ томились несчастные оставшіеся подъ игомъ негодяевъ и грабителей, калѣчившихъ страну во имя своихъ интернаціональныхъ экспериментовъ.

Пройдя Бугурусланскимъ трактомъ верстъ 15, мы подошли къ полотну Самаро-Златоустовской жел. дороги, по которой проходили каждые $^1/_4$ часа эшелоны изъ Самары.

Желѣзно-дорожное сообщеніе было, какъ я указывалъ выше, въ рукахъ чеховъ и потому, естественно, они заботились сперва объ эвакуаціи своихъ, отстраняя и мало интересуясь нуждами русскихъ. Въ особенности трудно было жителямъ, стремящимся къ выѣзду и не могущимъ получить мѣста въ поѣздахъ и потому принужденнымъ выбираться изъ Самары самыми разнообразными способами. Но интересно было то, что настроеніе бѣженцевъ было такое, что будто они оставляютъ насиженныя мѣста на 2—3 недѣли и потому большинство ѣхало налегкѣ. Я знаю людей, зимовавшихъ затѣмъ въ Сибири, оставившихъ даже теплую одежду дома, и бѣдствовавшихъ потомъ отъ холода.

Но сравнительно жители Самары и Сызрани все же эвакуировались съ большимъ удобствомъ, чѣмъ, напримѣръ, жители Казани, которымъ пришлось бросить городъ неожиданно въ теченіе 2-хъ часовъ и бѣжать пѣшкомъ, ибо другого сообщенія ни водой, ни желѣзной дорогой, не было. Однихъ бѣженцевъ изъ Казани, по большевистскимъ свѣдѣніямъ, насчитывалось 78 тысячъ. Путь, какъ говорятъ, между Казанью и Лаишевымъ (на Камѣ) представлялъ изъ себя черную ленту отъ массы людей тянувшихся по дорогѣ. Бѣдствовали эти люди ужасно, ибо хлѣба или, вообще, питанія получить въ селахъ почти было нельзя. Отъ Лаишева ихъ везли на баржахъ до Уфы, что также принесло много горя, но страхъ передъ властью красныхъ, уже разъ пережитой, гналъ этихъ несчастныхъ, хоть на край свѣта.

Добравшись 7-го до Кинели, я разыскалъ эшелонъ Волжской флотиліи и кое какъ пристроился къ нему. Движеніе по жел. дорогѣ было трудное; недоставало паровозовъ и потому всякій эшелонъ, заполучившій таковой, тутъ же и ставилъ на него часовыхъ съ винтовками, дабы не завладѣлъ имъ кто либо другой.

Эвакуація вообще дѣло трудное, а тутъ при плохо функціонирующемъ аппаратѣ, массѣ хозяевъ, недостаткѣ всего, дѣло шло изъ рукъ вонъ плохо и, кромѣ того, каждая часть стремилась захватить, какъ можно болѣе вагоновъ, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ не принимать къ себѣ постороннихъ. Въ вагонахъ можно было напр. видѣть жел. дорожныхъ служащихъ вывезшихъ изъ Сызрани все свое имущество, вплоть до рогатаго скота, — рядомъ же военныя части оставались безъ мѣста.

Чехи въ этомъ отношеніи побили рекордъ. Они захватили подвижной составъ, расположились жить въ немъ съ большимъ комфортомъ, поставили кровати съ пружинными матрацами и такъ прочно засѣли въ нихъ, что и въ слѣдующій періодъ не оставили вагоновъ, загромоздивъ, въ особенности въ теченіе слѣдующей зимы, всѣ станціи Сибирской желѣзной дороги своими эшелонами, и не уступая недостающаго для транспорта подвижного состава. Ихъ эшелоны можно было узнать по различнымъ украшеніямъ и эмблемамъ, вывѣшеннымъ на дверяхъ теплушекъ. Вели они себя, конечно, полными хозяевами.

Эшелонъ флотиліи, въ который я попалъ, двигался съ трудомъ. На всѣхъ станціяхъ были постоянныя задержки. То пропускали какой-либо спеціальный поѣздъ, то еще что-либо мѣшало. Въ итогѣ съ большимъ трудомъ добрались мы на 12-й день до Челябинска. Тутъ начались хлопоты о пропускѣ эшелона въ другое царство, въ Сибирь. Что это совсѣмъ другой раіонъ, что это чужое владѣніе, не входящее въ составъ

Самарской области, говорило все. Офицерство на станціяхъ и въ эшелонахъ мечтало уѣхать въ Западную Сибирь, гдѣ, какъ имъ казалось, нѣтъ партійнаго начала, гдѣ крѣпка работа практическаго Сибирскаго Правительства. Поднимало духъ въ средѣ моряковъ, въ которой я былъ, свѣдѣніе о пріѣздѣ съ Дальняго Востока въ Омскъ адмирала Колчака.

Но общій выводъ былъ тотъ, что Самарскія неудачи надо приписывать исключительно тенденціозному веденію дѣлъ и партійному составу с. р. правительства, рѣшившему скорѣе предать дѣло, чѣмъ отступить отъ своихъ соціалистическихъ идеаловъ.

Всей подоплеки, конечно, никто не зналъ и общая обстановка была неясна, въ особенности нашему брату, жившему и питавшемуся слухами, а не подлинными данными, но всѣмъ военнымъ казалось, что давно желаемому и требуемому природой вещей — установленію твердой власти сознательно мѣшаетъ курсъ партіи Чернова, предавшей въ свое время и Корнилова, и всю Россію. Пусть это былъ психозъ, несоотвѣтствіе дѣйствительности, но оно характерно съ той точки зрѣнія, что вѣдь одни военные кадры могли противостоять краснымъ: они являлись реальной силой и неумѣніе на нихъ опереться лежитъ на отвѣтственности «Комуча». Однимъ словомъ, у всѣхъ была вѣра въ Сибирь и стремленіе попасть въ тѣ ряды, гдѣ рисовалось нѣчто другое, сильное, могучее, идущее по пути спасенія родины. Въ это время Сибирская армія не только не сдала, какъ народная, а наоборотъ вела бои съ успѣхомъ, да и видъ ея частей формировавшихся и обучавшихся повсемѣстно, начиная съ Челябинска, невольно бодрилъ, говоря объ успѣхѣ и правильности взятой линіи.

Здѣсь приходится немного остановиться на окончившемся къ этому времени Уфимскомъ совѣщаніи.

Не пытаясь дать подробной картины политическаго положенія, предшествовавшаго этому этапу историческихъ событій, я остановлюсь лишь вкратцѣ на образованіи власти Временнаго Правительства или, какъ ее называли, Директоріи.

Какъ извѣстно, одновременно съ образованіемъ правительства изъ членовъ Учредительнаго Собранія въ Самарѣ, возникло самостоятельное Западно-Сибирское правительство въ Омскѣ, Дербердское и Хорватское на Дальнемъ Востокѣ, казачьи — на своихъ войсковыхъ земляхъ.

Въ Западной Сибири было создано многое въ смыслѣ укрѣпленія государственныхъ началъ въ теченіе перваго лѣтняго періода: правительство успѣло сорганизоваться изъ людей дѣла и взяться за него твердо. Вологодскій, ставшій во главѣ его, Михайловъ, Гришинъ-Алмазовъ, Бѣловъ и другіе, работая настойчиво, сумѣли создать крѣпкую армію, освободившую Сибирь до Байкала, и въ то время, какъ Народная армія уже стала разлагаться, Сибирская была только на пути къ своему развитію.

Во всякомъ случаѣ, на Волгѣ изъ приходящихъ газетъ, а также по слухамъ чувствовалось, что именно въ Сибири растетъ нѣчто здоровое и надежное. Отношенія между Самарскимъ и этими правительствами были не особенно дружныя; центры дѣятельности были отдалены и между областями чуть ли ни была таможенная граница (въ Челябинскѣ).

Однако, къ концу лѣта стало яснымъ, что нѣсколько правительствъ существовать рядомъ не могутъ, тѣмъ болѣе, что Владивостокъ являлся единственной для всѣхъ базой питанія, и потому надо было искать какого-нибудь начала для сближенія и общей работы. Это совпало съ очищеніемъ отъ красныхъ всей Сибирской линіи до Тихаго океана включительно. Послѣ долгихъ переговоровъ рѣшено было созвать совѣщаніе въ Уфѣ. Конструкція его сейчасъ у меня ускользаетъ, но, насколько помню, на немъ участвовали представители всѣхъ почти правительствъ, какъ казачьихъ, такъ и другихъ, представители политическихъ партій и національностей, члены профессіональныхъ союзовъ, учредиловцы, промышленники и союзъ землевладѣльцевъ. Въ итогѣ, была выбрана Директорія изъ 5 членовъ и столько же къ ней замѣстителей. Это были: ген. Алексѣевъ, Чайковскій, Астровъ, Авксентьевъ, Вологодскій и кандидаты: ген. Болдыревъ, Виноградовъ, Аргуновъ, Зензиновъ, проф. Сапожниковъ. Директорія должна была осуществить верховную власть во всей освобожденной области. Къ исполненію должности вступили: проф. Виноградовъ (кадетъ, чл. 3-й и 4-й думы), Авксентьевъ (с. р., бывшій министръ внутр. дѣлъ при Керенскомъ), Зензиновъ и Аргуновъ (оба с. р.), ген. Болдыревъ. Послѣдній принялъ званіе главнокомандующаго всѣми вооруженными силами, взявъ къ себѣ начальникомъ штаба ген. Розанова. Резиденціей сперва намѣчался Екатеринбургъ, однако, неудачи на фронтѣ и отходъ народной арміи принудилъ переѣхать въ Омскъ, хотя это и не соотвѣтствовало желанію директоріи.

22-го октября эшелонъ флотиліи, въ которомъ я находился, прибылъ въ Омскъ. Путь отъ Челябинска до Омска былъ пройденъ нами въ теченіе $2^1/_2$ сутокъ, т.-е. въ 5 разъ быстрѣе предыдущаго равнаго съ нимъ разстоянія. Желѣзнодорожный путь оказался свободнымъ и у всѣхъ отлегло на сердцѣ. Казалось, что первая трудная часть пройдена, что мы вступили во второй фазисъ и окрѣпшей Сибири суждено стать источникомъ возрожденія родины. Какъ ни тяжело теперь вспоминать все прожитое и пройденное за эти 2 года, тѣмъ не менѣе Сибирскій періодъ, казалось, давалъ такія опредѣленныя надежды на возстановленіе нормальной, человѣческой жизни въ Россіи, что и сейчасъ вспоминаешь съ теплымъ чувствомъ это время.

Путь до Омска былъ пройденъ нами быстро и лишь была задержка въ Куломзинѣ (послѣдней станціи передъ Омскомъ), которая, ввиду переполненія тогда уже Омска, пропуска не давала.

Омскъ видомъ войсковыхъ частей производилъ хорошее впечатлѣніе. Можно было видѣть вездѣ по улицамъ города марширующихъ солдатъ, которые выправкой и молодцеватымъ своимъ видомъ говорили о дисциплинѣ и возрожденіи боевой силы, безъ которой явно въ это время Россія возродиться не могла. Это, впрочемъ, относится и къ другимъ городамъ, какъ напр., Челябинску, Кургану, Петропавловску, гдѣ вездѣ шло интенсивное обученіе. По даннымъ штаба Сибирской арміи къ тому времени подъ ружьемъ насчитывалось 105 тысячъ солдатъ и около 5 тысячъ офицеровъ. Эта армія формировалась въ теченіе лѣта 1918 года въ западной Сибири, имѣя первоначально (до Омска) штабъ формированія въ Новониколаевскѣ, состояла изъ 2-хъ призывныхъ возрастовъ и была, въ полномъ смыслѣ этого слова, на высотѣ. По освобожденіи своего края, въ

слѣдующій періодъ, она перешла въ наступленіе и къ Рождеству заняла Пермь, гдѣ взяла въ плѣнъ болѣе 30.000 человѣкъ и огромную военную добычу на заводахъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ, при общемъ наступленіи, она продвинулась впередъ, достигнувъ въ конечномъ итогѣ города Глазова Вятской губерніи, и только уже послѣ постигшихъ неудачъ всей восточной арміи, стала отходить назадъ.

Организація Сибирской арміи была построена на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ народной, и въ значительной степени болѣе походила на регулярную. Сибирская армія была очень хороша, пока она состояла изъ однихъ лишь молодыхъ возрастовъ, не бывшихъ раньше на призывѣ, и ея успѣхи подъ Пермью были сказочны. Но тогда уже вопросъ о необходимости пополнять ее, ввиду предстоящихъ задачъ, началъ безпокоить правительство и ясно вырисовывалась опасность, что пополненіе новыми контингентами изъ лицъ болѣе старшихъ возрастовъ, принимавшихъ участіе въ Германской войнѣ, пережившихъ Керенщину и потому въ большей своей массѣ деморализованныхъ, можетъ испортить дѣло.

Для смягченія этого, молодымъ Сибирскимъ генераломъ Пепеляевымъ, героемъ взятія Перми, былъ поднятъ вопросъ о призывѣ сперва сибирской интеллигенціи для составленія изъ нея извѣстной основы, которую можно было бы, въ ближайшемъ будущемъ, пополнить мобилизованными солдатами. Вопросъ этотъ возникъ при участіи общественныхъ круговъ. Онъ былъ обсужденъ всѣми политическими группами, имѣвшимися въ то время въ Омскѣ, послѣ чего былъ внесенъ въ Совѣтъ Министровъ, гдѣ и прошелъ. Однако, этотъ планъ въ жизнь не претворился, вслѣдствіе опозданія прибытія обмундированія отъ союзниковъ, а также полученія свѣдѣній о намѣреніи красныхъ перейти въ наступленіе. Послѣднее же обстоятельство было весьма серьезно, ибо при гражданской войнѣ инициатива играетъ несомнѣнно роль гораздо болѣе серьезную, чѣмъ въ обыкновенной, что и слѣдовало учитывать, даже при сознаніи, что своя армія къ этому не готова.

Походъ, какъ извѣстно, начатъ былъ блестяще. Армія, пройдя болѣе 400 верстъ въ теченіе мѣсяца, находилась въ 60 верстахъ отъ Самары и только весенній разливъ заставилъ ее остановиться. Послѣднее обстоятельство ее и погубило, ибо краснымъ удалось, сдѣлавъ отчаянное усиліе, собрать ударныя части со всей Россіи — прорвать фронтъ къ Сѣверу-западу отъ Оренбурга и, вырвавъ инициативу, остановить дальнѣйшее наступленіе всей огромной арміи, насчитывавшей нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ.

Жизнь въ Омскѣ къ моменту моего туда пріѣзда была не дорога; продукты были въ изобиліи. (Цѣны примѣрно стояли такія: пшеничный хлѣбъ менѣе рубля за фунтъ, масло $3^1/_2$ — 4 рубля за фунтъ, обѣдъ въ ресторанахъ съ неограниченнымъ количествомъ хлѣба 4—5 рублей). Зато съ квартирами было болѣе, чѣмъ трудно. Городъ, вмѣщавшій въ мирное время немного болѣе 100 тысячъ жителей, долженъ былъ принять бѣженцевъ количествомъ превышающимъ 500, и потому буквально нельзя было найти себѣ мѣста. Даже сама директорія, какъ и иностранныя миссіи, помѣщалась въ вагонахъ. Мнѣ пришлось поселиться въ вагонѣ адмирала Колчака, только что пріѣхавшаго съ Востока.

Послѣ переѣзда директоріи въ Омскъ, что произошло, какъ я говорилъ, въ десятыхъ числахъ октября, отношеніе ея къ Сибирскому правительству создались довольно странныя и были мало урегулированы; все время чувствовалось, что роль директоріи какая то вымученная, неестественная. Авторитета власти у нея не было, дѣловитости тоже. Искать объясненія этого надо въ искусственномъ ея созданіи, вынужденномъ компромиссѣ. Надо отмѣтить, что Сибирскіе представители на Уфимскомъ Совѣщаніи порывались неоднократно уѣхать, предвидя, что реальныхъ и полезныхъ результатовъ достигнуто не будетъ. Слишкомъ разно представляли себѣ разрѣшеніе вопросовъ дѣловые сибиряки и, искушенные въ программахъ, члены учредительнаго собранія. Даже главнокомандующій генералъ Болдыревъ и его штабъ не чувствовали себя хозяевами въ своемъ дѣлѣ. Однимъ словомъ, вся обстановка сложилась неблагопріятно и въ скоромъ времени въ поискахъ выхода изъ создавшагося положенія, а именно, въ 25 числахъ октября, былъ поднятъ вопросъ о реорганизаціи правительства.

Тутъ начинаетъ фигурировать имя адмирала Колчака. Колчакъ появился въ Омскѣ незадолго передъ тѣмъ, проѣздомъ изъ Японіи въ Евр. Россію. Во время остановки своей въ Омскѣ, онъ былъ приглашенъ мѣстными кадетами, съ предсѣдателемъ комитета нѣкимъ Жардецкимъ во главѣ, а также и другими близкими къ нимъ кругами для обсужденія общаго политическаго положенія. Въ конечномъ итогѣ правительствомъ было предложено Колчаку занять сперва постъ морского министра, а черезъ нѣсколько дней и военнаго. Переговоры эти затянулись въ связи съ общей реконструкціей кабинета болѣе, чѣмъ на двѣ недѣли. Вопросъ осложнился тѣмъ, что Колчакъ высказался категорически противъ сохраненія с. р. Роговскимъ должности товарища министра внутреннихъ дѣлъ по завѣдыванію полиціей, находя, что Роговскій, какъ членъ партійнаго комитета, не долженъ занимать этой должности, ибо вооруженная сила, каковой является полиція, должна непремѣнно быть въ нейтральныхъ, а не партійныхъ рукахъ. Этотъ фактъ я могу лично удостовѣрить, такъ какъ случайно мнѣ пришлось помогать въ концѣ октября переписывать указанные имъ доводы въ секретномъ письмѣ, адресованномъ на имя генерала Болдырева. Послѣ долгихъ переговоровъ, удалось убѣдить Колчака принять портфели военнаго и морского министра, оставивъ с. р. Роговскаго на мѣстѣ. Его вступленіе въ составъ кабинета, какъ и назначеніе инженера Устругова на должность министра путей сообщенія, считались весьма желательными въ цѣляхъ поднятія извѣстными именами престижа сибирскаго правительства за границей. Въ составъ правительства усиленно приглашался на постъ министра иностранныхъ дѣлъ и кн. Кудашевъ, нашъ посолъ въ Пекинѣ, а также Щепкинъ, совѣтникъ посольства въ Токіо. Однако, эти приглашенія не увѣнчались успѣхомъ, ибо дипломаты наши предпочитали безъ риска, съ комфортомъ, сидѣть въ посольскихъ домахъ.

Такимъ образомъ, было переформировано Сибирское правительство и 6-го ноября оно въ обновленномъ составѣ вступило въ исполненіе обязанностей, имѣя надъ собой въ качествѣ верховной власти — директорію.

Во время существованія директоріи было много толковъ, какъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ и въ печати о созывѣ Сибирской об-

ластной думы. Въ конечномъ итогѣ ея работа была признана вредной и было принято компромиссное рѣшеніе о созывѣ ея для объявленія объ ея роспускѣ. Произвести это долженъ былъ предсѣдатель директоріи Авксентьевъ, что и было имъ исполнено въ Томскѣ, кажется, въ концѣ октября, послѣ чего областная дума и не собиралась. Я нарочно объ этомъ упоминаю, ибо въ печати попадаются указанія, что якобы она была распущена Колчакомъ, между тѣмъ, этотъ фактъ произошелъ еще во время директоріи, и кажется, въ тотъ періодъ, когда еще Колчакъ въ составъ кабинета совсѣмъ и не входилъ.

Отношеніе сибирскаго правительства къ директоріи было неясное, но чувствовалось опредѣленно, что искусственное созданіе всей этой комбинаціи тормозитъ созидательную работу. Политика директоріи по отношенію къ лѣвымъ теченіямъ, появлявшимся въ арміи, была явно нерѣшительна, чуть ли не благожелательна. Это отношеніе во всѣхъ кругахъ, мечтавшихъ объ укрѣпленіи и созданіи арміи (что было вообще лейтъ-мотивомъ), вызывало недовольство. Конечно, проявлялось оно болѣе ярко въ военныхъ сферахъ, но и общественные круги опредѣленно выражали свое недовольство, объясняя себѣ подобное поведеніе вр. правительства зависимостью нѣкоторыхъ изъ его членовъ (какъ Зензинова, Авксентьева) отъ партіи с.-р., въ комитетъ которыхъ они входили. Это показываетъ до какой степени вышеупомянутыя лица не отвѣчали моменту. Взявъ на себя такое отвѣтственное дѣло, они не сочли даже нужнымъ хоть на время снять съ себя партійную зависимость. Между тѣмъ, слухи и газеты приходившіе въ Омскъ изъ Екатеринбурга, гдѣ основался Комитетъ Учредительнаго Собранія, говорили опредѣленно о недружелюбномъ его отношеніи къ Омску. Мало того, комитетъ с. р. выпустилъ въ 20 числахъ октября листовки съ призывомъ къ вооруженной борьбѣ и созданію особыхъ с. р. военныхъ частей, какъ для охраны своихъ комитетовъ, такъ и вообще для созданія своихъ военныхъ ячеекъ, т.-е., другими словами, среди антибольшевистскихъ войскъ создавалось разслоеніе въ то время, когда война съ красными еще не была окончена. И на это директорія не только не реагировала, но продолжала сноситься съ Екатеринбургомъ и давать отчетъ о своей дѣятельности центральному комитету партіи с.-р.

Тогда даже самымъ лояльнымъ элементамъ казалось, что дальше идти некуда.

Въ результатѣ, въ ночь на 18 ноября три члена директоріи — Авксентьевъ, Зензиновъ и Аргуновъ, а также тов. министра внутрен. дѣлъ Роговскій были группой офицеровъ во главѣ съ казаками Волковымъ, Красильниковымъ и Катанаевымъ неожиданно арестованы. Молва говорила, что за ихъ спиной якобы принималъ дѣятельное участіе въ арестѣ министръ финансовъ — Михайловъ.

Тотчасъ же, по полученію свѣдѣній о совершившемся, собрался совѣтъ министровъ и, ввиду создавшагося остраго положенія и боязни эксцессовъ въ эту трудную минуту, рѣшилъ, взявъ всю полноту власти въ свои руки, передать ее затѣмъ въ руки военнаго, который только одинъ могъ поддержать порядокъ. Намѣченныхъ кандидатовъ оказалось двое: генералъ Болдыревъ и вице-адмиралъ Колчакъ. Первый получилъ, однако, лишь одинъ голосъ, почему Колчаку была вручена верховная

власть, которую онъ принялъ послѣ блестящей патріотической рѣчи, произведшей огромное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ.

Арестованныхъ чиновъ директоріи Колчакъ хотѣлъ тутъ же выпустить на свободу, взявъ лишь обязательство съ нихъ о немедленномъ выѣздѣ изъ предѣловъ Сибири, на что, однако, арестованные не согласились, боясь эксцессовъ со стороны военныхъ, настроеніе которыхъ было повышено. Черезъ нѣсколько дней, арестованные подъ иностранной охраной были вывезены въ Китай. Какъ говорятъ, Колчакомъ было имъ ассигновано по 75 тысячъ рублей на дорогу каждому, что по тогдашнему курсу составляло солидную сумму и на иностранную валюту.

Колчакъ, считая недопустимымъ покушеніе на верховную власть, предалъ офицеровъ, произведшихъ «coup d'état», — военному суду, который, однако, вынесъ имъ оправдательный приговоръ.

Конечно, во всемъ этомъ было много неестественнаго, явно несообразнаго и логически непослѣдовательнаго, но не нужно забывать той нервозности, окружающей центръ политической жизни, того недовѣрія, которымъ были проникнуты многіе борющіеся съ большевизмомъ въ то время, и опасеній предательства со стороны лицъ, допустившихъ Ленина, почти безъ сопротивленія, къ власти.

Верховнымъ Правителемъ Колчакъ признанъ былъ окраинами не сразу. Атаманъ Дутовъ, командующій Пріамурскимъ корпусомъ на Дальнемъ Востокѣ, генералъ Ивановъ-Риновъ, атаманъ Анненковъ ему подчинились, генералъ Хорватъ, находившійся въ Харбинѣ, тоже его призналъ, выговоривъ лишь себѣ автономное положеніе и названіе Верховнаго уполномоченнаго. Но атаманъ Семеновъ и Калмыковъ долго боролись противъ его власти, не желая признавать его, и лишь къ лѣту 1919 года этотъ вопросъ уладился, но, конечно, это принесло не мало вреда ходу послѣдующей борьбы. Въ Читѣ была выпущена спеціальная брошюра (изд. русск. патріотовъ) подъ заглавіемъ «Адм. Колчакъ и атаманъ Семеновъ». Одна изъ статей этой брошюры говоритъ объ отношеніи къ Омску. Она озаглавлена «Что дѣлать съ Колчакомъ?» и гласитъ: «Граждане! Теперь тяжелый политическій моментъ и не такимъ грязнымъ и больнымъ людямъ, какъ адмиралу Колчаку, быть нашимъ Верховнымъ Правителемъ . . . Долой его! Самъ Колчакъ — это олицетвореніе честолюбія — добровольно не уйдетъ, нужно его убрать . . . Помните граждане, что съ появленіемъ у власти Колчака большевизмъ уже поднимаетъ голову . . .»

Конечно, такое отношеніе къ центральной власти служить къ ея укрѣпленію не могло.

Само собой понятно, что Колчака не призналъ и комитетъ учредительнаго собранія, но фактически тогда ни территоріи, ни организованнаго аппарата, ни военной силы въ его распоряженіи не было и потому сопротивленіе комитетъ оказывалъ лишь прокламаціями, призывающими къ возстанію.

Структура управленія сложилась слѣдующимъ образомъ: верховная власть была въ рукахъ Верховнаго правителя адмирала Колчака (онъ же былъ и верховнымъ главнокомандующимъ) исполнительная власть оставалась у совѣта министровъ, постановленія котораго утверждались верх. правителемъ. Наложеніе имъ «вето» въ теченіе зимы 18—19 г. было всего лишь 2 раза. Всѣ законоположенія, ассигновки и высшія персо-

нальныя назначенія (кромѣ боевыхъ) проходили черезъ Совѣтъ министровъ. Центръ государственнаго аппарата, нужно сказать, дѣйствовалъ хорошо, конституціонныя гарантіи были на лицо, но на мѣстахъ вліяніе центра чувствовалось слабо; тамъ царилъ произволъ и дѣло абсолютно налажено не было.

Совѣтъ министровъ въ теченіе зимы 18—19 г. былъ съ небольшими измѣненіями слѣдующій: Предсѣдатель совѣта министровъ, онъ же министръ иностран. дѣлъ — П. Вологодскій (быв. с. р., сибирякъ), министръ внутрен. дѣлъ — Гаттенбергъ (безпартійный, быв. страховой агентъ, мировой судья выборовъ 17 г.), министръ финансовъ — Михайловъ (секретарь Шингарева), земледѣлія — Петровъ (безпарт., сибирякъ), мин. продовольствія — Зефировъ (безп., сибирякъ), мин. путей сообщенія — Уструговъ (безп.), юстиціи — Старынкевичъ (бывш. с. р.), государ. контролеръ — Красновъ (соціалистъ), мин. труда — Шумиловскій (с. д.), мин. почтъ и телегр. — Щеслинскій (н. с.), военн. министръ — ген. Степановъ, морск. мин. — адмиралъ Смирновъ. Управляющій дѣлами сов. министровъ — Тальбергъ (к. д.). Изъ сотрудниковъ, игравшихъ болѣе видную роль, можно назвать: доктора медицины изъ Томска — Граціанова (парт. с. д.), — тов. министра внутрен. дѣлъ по завѣдыванію мѣстнымъ самоуправленіемъ, ген. Хорошкина, пом. воен. министра по казачьимъ дѣламъ (с. р.), Мельшикова, тов. мин. продовольствія (октябристъ, членъ 3-й думы); Киндякова, завѣд. конозаводствомъ (окт., членъ 3-й думы), проф. Гинса и Сукина, тов. мин. иностран. дѣлъ, Пепеляева, тов. мин. внутр. дѣлъ (к. д.).

Какъ видно изъ перечисленныхъ лицъ, составъ правительства былъ весьма разнороденъ, какъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, такъ и по прежней дѣятельности. При этомъ надо учитывать, что въ Сибири существовало стремленіе къ самостоятельности, и, хотя оно было весьма незначительное, но все же извѣстное вліяніе оно имѣло.

Для выполненія высшей судебной власти и надзора за закономѣрностью дѣятельности правительства, былъ въ январѣ мѣсяцѣ учрежденъ Сенатъ. На его открытіи адмираломъ Колчакомъ и составомъ правительства была принесена торжественная присяга въ вѣрности родинѣ.

Для освѣщенія положенія, возстановленія экономической жизни и разсмотрѣнія различныхъ вопросовъ, въ области создано было экономическое совѣщаніе, состоявшее изъ правительственныхъ лицъ, представителей промышленныхъ группъ и кооперативовъ. Въ этой работѣ, въ качествѣ замѣстителя предсѣдателя совѣщанія, принималъ участіе быв. государственный контролеръ царскаго правительства — С. С. Феодосьевъ.

На Востокѣ, какъ упоминалось выше, былъ верховный уполномоченный правительства — ген. Хорватъ. При немъ былъ особый Совѣтъ. Хорватъ, какъ извѣстно, игралъ огромную роль на Д. Востокѣ, пользовался большой силой и въ особенности въ началѣ, послѣ переворота 18 ноября, выставлялся группой лицъ, считавшихъ Колчака слишкомъ умѣреннымъ, — въ качествѣ его замѣстителя. Репутаціей онъ пользовался опредѣленно крайне правой; работалъ въ контактѣ съ атаманомъ Семеновымъ и пользовался поддержкой японскихъ круговъ.

При объединеніи власти въ Омскѣ, ввиду всего этого, пришлось встрѣтиться съ этимъ весьма серьезнымъ фактомъ, что Владивостокъ

находился подъ вліяніемъ Хорвата, а онъ былъ нашимъ единственнымъ портомъ съ большимъ количествомъ складовъ самыхъ различныхъ техническихъ и матерьяльныхъ припасовъ, ввезенныхъ туда еще во время германской войны. Снабженіе фронта, такимъ образомъ, зависѣло отъ спокойствія Владивостока и вообще Забайкалья.

Самостоятельное управленіе было еще въ Оренбургскомъ и Уральскомъ казачьихъ войскахъ. Управленіемъ вѣдалъ войсковой кругъ изъ выборныхъ отъ станицъ лицъ и выборный же атаманъ. Въ первомъ былъ Дутовъ, во второмъ же они мѣнялись; извѣстны имена Мартынова, Савельева, Толстого. Въ предѣлахъ Уральскаго войска оригинально велась война. Какъ только красные насѣдали, то немедленно призывались всѣ очереди вплоть до стариковъ, но, когда общими усиліями красные изгонялись изъ предѣловъ области, мобилизованные расходились по домамъ, до слѣдующей опасности, когда собирались вновь.

Всѣ эти обстоятельства, сопровождавшія освобожденіе страны отъ большевиковъ, во время которыхъ образовались отдѣльныя мѣстныя правительства, весьма затрудняли развитіе и укрѣпленіе правового государственнаго аппарата, функціонировать которому, основываясь на правѣ и законѣ, было болѣе, чѣмъ трудно. Вѣдь окраины не только не подчинялись признанному ими же Омскому правительству, но даже вступали, какъ напр. атаманъ Семеновъ, въ открытую борьбу, нарушая правильность и планомѣрность политической жизни.

Какъ упоминалось выше, власть на мѣстахъ была поставлена значительно хуже центральной. Правильнѣе сказать: власть центра на мѣстахъ часто совсѣмъ не ощущалась. Представители мѣстной власти вели свою, въ большинствѣ случаевъ крайне вредную, политику. Проявленіе сильной, твердой власти, о которой такъ мечтало населеніе, находившееся подъ игомъ большевиковъ, по освобожденію отъ нихъ области, не ощущалось. Военные отряды, какъ и гражданская власть въ небольшихъ городахъ и мелкихъ мѣстечкахъ, дѣйствовали по своему усмотрѣнію, не руководствуясь ни закономъ, ни часто моральными побужденіями. Съ другой стороны, гдѣ не было твердой военной власти, шла пропаганда большевистскихъ агентовъ; зачастую различные съѣзды кооператоровъ, профессіональныхъ союзовъ, использовывались этими агентами для внесенія раздора и искусственнаго обостренія отношеній.

Вообще, работа по разложенію тыла шла напряженно. Чтобы не быть голословнымъ, я приведу слѣдующій фактъ: Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1919 года въ политехникумѣ въ Москвѣ собранъ былъ митингъ подъ названіемъ «Колчаковщина», устроенный Мартовымъ, состоящимъ якобы въ легальной опозиціи къ совѣтской власти, и, конечно, съ ея разрѣшенія, если не благословенія. На этомъ митингѣ фигурировалъ только что вернувшійся изъ Сибири меньшевикъ «товарищъ» Голосовъ. Изъ его доклада выяснилось, что онъ былъ командированъ въ Сибирь для образованія объединенныхъ центровъ с. д. (повидимому, интернаціоналистовъ). Лозунгомъ была борьба съ Колчакомъ. Работу свою онъ оцѣнивалъ, какъ весьма продуктивную, указывалъ на увеличивающуюся въ Сибири дороговизну, недочеты, недовольство желѣзнодорожниковъ, на запрещеніе митинговъ, стѣсненіе печати и т. д. Все это докладывалось, какъ будто въ Совдепіи всѣ эти свободы имѣлись на лицо.

Результатомъ подобной работы было нѣсколько возстаній за зиму 18—19 г. и поддержка внутреннихъ фронтовъ. Послѣдніе образовывались изъ оставшихся послѣ очищенія Сибири еще въ теченіе лѣта 18 года, красноармейскихъ бандъ. Ихъ уничтоженіемъ никто не интересовался, и потому, въ очень короткій срокъ имъ удалось сконцентрироваться въ нѣсколькихъ мѣстахъ, образовавъ, такъ называемые, фронты. Въ Енисейской губ. они удачно воспользовались имѣвшимися тамъ латышскими выселками и удобствомъ гористой мѣстности при рѣдкости населенія, почему выбить ихъ оттуда къ нужному моменту оказалось не легкимъ дѣломъ. У Благовѣщенска же оперировалъ отрядъ германскихъ военноплѣнныхъ, численностью въ нѣсколько тысячъ человѣкъ подъ командой полковника бар. Таубе; при неудачахъ этотъ отрядъ уходилъ въ Манджурскія степи. Въ мартѣ 19 года ими были вырѣзаны 2 японскихъ роты, численностью болѣе 300 человѣкъ. Затѣмъ, въ самомъ Омскѣ было два большевистскихъ выступленія, одно 20 декабря 18 г. и другое въ концѣ января 19 г.

Мѣстное самоуправленіе въ видѣ земскихъ учрежденій состояло изъ лицъ выбранныхъ еще во времена Керенскаго. Срокъ ихъ полномочій истекалъ къ январю 1919 г.; въ связи съ этимъ естественно возникалъ вопросъ о допустимости назначенія новыхъ выборовъ; возникали сомнѣнія въ цѣлесообразности въ это трудное время заниматься предвыборной кампаніей. Но, такъ какъ съ мѣстъ стали поступать заявленія о желаніи производства новыхъ выборовъ, то, послѣ обсужденія этого вопроса, они были назначены на начало весны 19 года.

Люди, принимавшіе участіе въ политической работѣ, дѣлились на мѣстныхъ жителей и бѣженцевъ изъ Россіи. Послѣдніе появились въ Сибири съ отходомъ народной арміи съ Поволжья, и были преимущественно дѣятелями средне-волжскихъ губерній. Мѣстныя сибирскія группы кромѣ партійныхъ ячеекъ, существовавшихъ въ Сибири еще въ дореволюціонный періодъ, выступали преимущественно въ кооперативныхъ организаціяхъ, а также казачьихъ объединеніяхъ. Группировки, имѣвшія значеніе въ политической жизни страны и выявлявшіяся въ печати, какъ то кадеты, торгово-промышленники и союзъ возрожденія Россіи, группа Единства, несоціалистическое объединеніе, союзъ кооператоровъ, поддерживали тѣсныя между собой сношенія, объединялись въ блоки, ставя всегда задачей поддержку Колчака, заявляя ему свои взгляды на политическое положеніе и указывая на необходимыя коррективы. Вообще, надо отмѣтить, что политическая жизнь въ Сибири кипѣла, и власть не была въ томъ положеніи, въ какомъ она была напр. въ Сѣверо-западной арміи, гдѣ въ правительство попадали неизвѣстные для мѣстнаго населенія имена, а военныя власти чуждались общенія съ какими бы то ни было группами. Но, къ сожалѣнію, недостатокъ въ государственныхъ людяхъ, людяхъ опыта, могущихъ побороть и умѣрить всѣ теченія и желанія, остро чувствовался.

Если Колчакъ, этотъ величайшій патріотъ, безукоризненный человѣкъ, культурный и энергичный дѣятель, стоялъ выше всѣхъ головой, то около него лѣпились всевозможные авантюристы, мелкіе по душѣ людишки, губящіе своимъ вмѣшательствомъ дѣло.

Давая краткую характеристику общаго положенія дѣла въ Сибири съ ноября 18 года по мартъ 19, могу указать, что я лично, кромѣ работы

въ одномъ изъ министерствъ, принималъ участіе въ дѣятельности несоціалистическаго объединенія земскихъ и городскихъ дѣятелей Россіи, которое считало, что оно ведетъ преемственность отъ Московскаго совѣщанія общественныхъ дѣятелей, собиравшихся въ августѣ 17 года.

Это объединеніе было внѣпартійное, но выступало на сцену довольно рѣдко, занимаясь больше подготовительной работой по освѣщенію общаго положенія дѣла и курса политики, стараясь парализовать неожиданныя выступленія и колебанія отдѣльныхъ лицъ, поддерживая вмѣстѣ съ тѣмъ контактъ съ родственными по духу организаціями, разбросанными по Сибири.

Однимъ изъ очень крупныхъ и имѣвшихъ большое значеніе въ Сибири вопросовъ, былъ вопросъ пріятія помощи отъ иностранцевъ. Въ началѣ борьбы съ большевиками ген. Хорватъ и эсаулъ Семеновъ получали поддержку отъ японцевъ и стали вслѣдствіе этого въ огромную зависимость отъ нихъ. Когда принялъ власть Колчакъ, отрицательно относившійся къ алчности японцевъ, проявляемой ими на Востокѣ, ему пришлось тутъ же столкнуться реально съ этимъ вопросомъ и реагировать на него. Положеніе было трудное въ томъ отношеніи, что Соединенные Штаты, а также и Антанта, вообще, боялись пустить въ Сибирь Японію одну, обусловливая помощь Колчаку оказаніемъ ее всѣми державами сразу. Поэтому, завися отъ Антанты и политики нашихъ представителей въ Европѣ, помощи у японцевъ въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, каковую они могли бы дать, — не просили. Эту точку зрѣнія поддерживалъ товарищъ министра иностр. дѣлъ — Сукинъ, что оспаривалось какъ Семеновымъ, такъ и кругами, понимавшими, что союзники своей нерѣшительностью, колебаніями въ оказаніи помощи могутъ погубить все дѣло, ибо однимъ изъ залоговъ успѣха въ первый періодъ русской гражданской войны была быстрота, а отнюдь не длительность военной кампаніи. Но повторяю, благодаря давленію Антанты, помощь Японіи не была использована до максимума, что, конечно, имѣло колоссальное вліяніе на борьбу съ красными.

Что касается экономической жизни Сибири, то, благодаря свободной торговлѣ и имѣвшимся на мѣстахъ продуктамъ, она была сравнительно удовлетворительна, но разстройство транспорта, прогрессировавшее съ каждымъ днемъ нарушало дѣло, и создавшееся въ началѣ осени положеніе, о которомъ я говорилъ, не могло долго держаться. Какъ извѣстно, питаніе арміи военными и техническими матерьялами шло исключительно съ Востока по имѣвшейся въ наличіи одной линіи Великаго Сибирскаго пути. Мануфактура и вообще продукты производства, не вырабатывавшіеся на мѣстахъ, тоже шли оттуда. Благодаря этому, хотя все и было въ наличіи, но не въ той степени, какъ это нужно было населенію, мечтавшему о положеніи 14 года, а кромѣ того спекуляція развивалась катастрофически, поднимая ежедневно стоимость всего. Однимъ словомъ, возстановить экономическую жизнь, въ полномъ смыслѣ этого слова, не удалось и надо въ этомъ искать одну изъ причинъ неустойчивости Правительства. Для урегулированія желѣзнодорожнаго дѣла былъ поднятъ вопросъ объ учрежденіи международной комиссіи подъ предсѣдательствомъ инженера американца Стевенса и при участіи другихъ союзныхъ представителей, но вопросъ этотъ безконечно задерживался. Онъ крайне безпокоилъ

правительство, но сгладить разногласія было весьма трудно. При этомъ желѣзнодорожные служащіе будировали, увеличивая этимъ трудности.

Вотъ, вкратцѣ, общая обстановка въ Сибири въ первые мѣсяцы правленія Колчака.

Что касается военной стороны дѣла, то сибирскія войска были осенью 18 года на правомъ флангѣ фронта, имѣя штабъ сибирской арміи въ Екатеринбургѣ. Войска въ это время были въ великолѣпномъ состояніи, молодые солдаты были выше похвалъ. Арміей этой командовалъ генералъ Гайда, принятый правительствомъ на русскую службу, связанный съ Колчакомъ личными отношеніями, знакомый ему по борьбѣ съ большевиками на Востокѣ. Характеристики ген. Гайды дать не сумѣю, но, видимо, въ немъ преобладало авантюристическое стремленіе надъ всѣми остальными. Ближайшимъ его помощникомъ по военной спеціальности былъ нѣкій полковникъ Богуславскій, бывшій нѣкогда на Кавказѣ и имѣвшій репутацію человѣка выдающихся военныхъ дарованій. Кромѣ Гайды, на сѣверномъ участкѣ славились два молодыхъ генерала — Пепеляевъ и Голицынъ.

Такъ называемая Западная армія (средняя) состояла изъ остатковъ бывшей народной. Неудачи заставляли ее постепенно отходить къ Уральскому хребту, и остановилась она лишь въ 60 верстахъ къ востоку отъ Уфы въ раіонѣ станціи Иглино. Много доблести было проявлено за этотъ періодъ Ижевской и Воткинской бригадами, состоявшими изъ рабочихъ съ заводовъ того же наименованія. Это все были добровольцы, и предшествовавшій красный режимъ сдѣлалъ ихъ ярыми антибольшевиками. Участкомъ этого фронта сперва командовалъ ген. Дитерихсъ, а затѣмъ ген. Ханжинъ. Ко времени весенняго наступленія 19 года, армія эта была пополнена частями изъ сибирскихъ армій (ген. Голицына). Части эти, хотя и были, какъ я указывалъ выше, отмѣнными, но онѣ. вслѣдствіе пополненія ихъ къ этому времени мобилизованными — сибиряками и плѣнными красноармейцами, свою боеспособность скоро потеряли.

Южная группа состояла почти сплошь изъ казачьихъ войскъ — Оренбургскаго и Уральскаго. Группа эта была въ трудномъ положеніи, такъ какъ, послѣ паденія узловой станціи Кинели (октябрь 18 г.), Оренбургъ (вѣрнѣе Орскъ) долженъ былъ снабжаться гужевымъ путемъ, ибо городъ Кустанай, соединенный съ Сибирской магистралью, находился отъ него въ 250 верстахъ, что, конечно, страшно затрудняло положеніе. Уральскъ былъ еще въ худшихъ условіяхъ и, въ сущности говоря, былъ почти совсѣмъ самостоятельнымъ.

Кромѣ этой западной линіи, тянувшейся на 600—700 верстъ, былъ еще отдѣльный Семирѣченскій фронтъ, защищавшій Сибирь отъ Туркестанской Красной арміи. Тамъ сидѣлъ атаманъ Анненковъ съ 30.000 отрядомъ.

Однимъ изъ характерныхъ явленій при борьбѣ съ большевизмомъ является такъ называемая «атаманщина». Явленіе это сопровождаетъ настоящую гражданскую войну и есть естественное слѣдствіе тѣхъ условій, въ которыхъ ведется борьба. Партизанскіе отряды образовываются съ обѣихъ сторонъ и какъ иррегулярныя части естественно притягиваютъ къ себѣ людей, отличающихся извѣстнымъ авантюризмомъ, удалью, давая имъ возможность выявлять свои индивидуальныя ка-

чества. На Востокѣ, гдѣ имѣются до десяти отдѣльныхъ казачьихъ войскъ, это явленіе получило весьма большое развитіе. Поэтому, касаясь антибольшевистской войны, нельзя пройти мимо этого явленія. На дальнемъ Востокѣ самымъ крупнымъ атаманомъ являлся, конечно, Семеновъ, затѣмъ извѣстный Калмыковъ въ Пріамурьѣ, Анненковъ въ Семирѣчьи, Красильниковъ и Волковъ въ Иркутскѣ и еще нѣкоторые другіе. Начальники нѣкоторыхъ отрядовъ старались присваивать себѣ названія и титулы вродѣ «воеводъ» и т. д. Насколько полезны были эти самостоятельные отряды въ началѣ очищенія мѣстностей отъ большевиковъ, настолько же они осложняли при налаживающемся строѣ и государственномъ порядкѣ политическую жизнь. Такъ, напримѣръ, атаманъ Семеновъ долго не признававшій Омска, самостоятельно распоряжался подъ Читой, задерживая военные грузы, предназначавшіеся для фронта, арестовывая пассажировъ, осложняя и безъ того сложное и запутанное положеніе. Другіе, не столь крупные, какъ Калмыковъ, просто въ этотъ періодъ представляли изъ себя разбойниковъ. Совладать съ ними, съ ихъ своевольными шайками и добиться отъ нихъ уваженія къ законности и порядку было почти невозможно.

О чехословацкомъ корпусѣ, игравшемъ въ началѣ бѣлаго движенія на востокѣ преобладающую роль, я говорилъ. Сперва чехи принимали въ борьбѣ активное участіе, но постепенно они начали оттягиваться въ тылъ съ намѣреніемъ отдохнуть и переформироваться, но въ результатѣ совершенно отошли отъ активныхъ дѣйствій. Фактически они оставили фронтъ въ ноябрѣ — декабрѣ 18 года, а съ весны на нихъ была возложена охрана Сибирскаго пути.

Изъ другихъ національныхъ формированій, принимавшихъ активное участіе въ борьбѣ, отмѣчу поляковъ подъ Уфой, а затѣмъ сербовъ. Послѣдніе были все время выше всякой похвалы.

Французскій батальонъ пытался выступить въ декабрѣ подъ Уфой, но, попавъ подъ 30 градусный морозъ, потерявъ большой % замерзшими, принужденъ былъ немедленно ретироваться. Находившіеся еще въ Сибири канадцы (около 5 тысячъ), американцы, англичане и итальянцы участія въ бояхъ не принимали, а служили скорѣе моральной опорой правительству. Японцы были въ Забайкальи, и имѣли постоянныя стычки съ большевиками подъ Благовѣщенскомъ и на Амурѣ. Объ ихъ желаніи или намѣреніи принять активное участіе въ борьбѣ на Уральскомъ фронтѣ говорилось не мало, иногда называли въ правительственныхъ сферахъ чуть ли не точное количество бойцевъ и время ихъ выступленія, но дальше разговоровъ и слуховъ это не шло.

Роль иностранныхъ представителей все время была неясна и вносила все время массу осложненій и затрудненій; стоитъ лишь вспомнить предательскую роль французскаго ген. Жанена.

Останавливаясь на положеніи дѣлъ въ Сибири въ теченіе зимы 1918—1919 г. я не собирался нарисовать этимъ историческаго обзора, а лишь дать общую картину, какъ она рисовалась мнѣ, видавшему и народную армію, и Сибирь, а затѣмъ и сѣверо-западную армію. Мнѣ приходилось въ Омскѣ ежедневно видѣть людей, пріѣзжавшихъ съ самыхъ различныхъ мѣстностей, офицеровъ и чиновниковъ, близко стоявшихъ къ арміи и управленію, соприкасаться съ политическими организаціями и членами

ихъ, интимно и коротко знать людей, бывшихъ близкими къ адмиралу Колчаку. Вся обстановка говоритъ, что было необычайно трудно и сложно установить какой-либо порядокъ по огромному пространству Сибири, дѣлившейся на столько отдѣльныхъ, самостоятельныхъ частей, разрѣшавшихъ вопросы по своимъ индивидуальнымъ особенностямъ, мало заботясь о болѣе далекихъ перспективахъ.

Можно одно лишь сказать, что единственно стоявшимъ на высотѣ — былъ Колчакъ. Я не знаю человѣка, видавшаго его и не проникнувшагося къ нему безграничнымъ уваженіемъ, преклоненіемъ къ его рыцарской личности. Его честность была исключительна. Энергія и желаніе нести съ честью взятый на себя крестъ — были очевидны.

Но есть, видимо, моменты исторіи, когда не въ силахъ одного человѣка преодолѣть окружающаго. Первоначальный моментъ для изгнанія большевиковъ силой былъ нашей мягкой, дряблой интеллигенціей упущенъ; слѣдующій же періодъ еще не наступилъ. Но во всякомъ случаѣ имя А. В. Колчака должно у всѣхъ любящихъ Россію остаться навсегда девизомъ честности и высокаго патріотизма. Онъ не погибъ бы такъ трагически, если кругомъ него было больше людей, дѣйствительно любящихъ родину и ставящихъ ея спасеніе выше всего остального.

14 марта 19 г. я выѣхалъ изъ Омска. На меня было возложено порученіе побывать въ Москвѣ для установленія связи съ находящимися тамъ государственно настроенными группами людей для ознакомленія съ положеніемъ въ Совдепіи, жизнь которой становилась все болѣе и болѣе для Сибири отдаленной.

Отправился въ Совдепію я не одинъ, а вмѣстѣ съ однимъ пріятелемъ, человѣкомъ интеллигентнымъ, бывалымъ, смѣлымъ, на котораго можно было всецѣло положиться. Всякія такія эскапады сопряжены, конечно, съ большимъ рискомъ и обдумать все предпріятіе, предвидѣть всѣ возможности поэтому дѣло довольно сложное. Эта задача тѣмъ болѣе была трудна, что ничего подъ руками не было, помощи оказать почти никто не могъ. Начать хотя бы съ паспорта, отыскиванія адресовъ знакомыхъ, надежныхъ людей, рекомендацій для остановокъ и оріентировокъ по дорогѣ вплоть до самой Москвы — все это лежало на насъ самихъ, ибо различныя развѣдочныя отдѣленія, обыкновенно опытныя во время войны, тутъ оказывались совершенно кустарными, при этомъ и надѣяться на составъ ихъ, быть увѣренными въ отсутствіи предательства почти не было возможности. Приходилось быть сугубо осторожнымъ еще вслѣдствіе того, что всякій лишній разговоръ, посвященіе въ планы новаго лица подвергало возможности быть открытымъ большевистскими агентами, попасть подъ ихъ наблюденіе при переходѣ черезъ фронтъ.

Все это, повторяю, страшно затрудняло подготовительную работу и я безъ преувеличенія скажу, что, рѣшившись принять на себя исполненіе возложеннаго порученія, по крайней мѣрѣ полтора мѣсяца подготовки заставлялъ себя напрягать мысль къ предстоящему путешествію. Вѣдь нужно только вникнуть въ детали этого дѣла, чтобы понять, какъ оно сложно. Не говоря о полной разобщенности съ тѣмъ міромъ, куда я шелъ, и, слѣдовательно, абсолютнаго незнанія обстановки, правилъ порядка передвиженія, предъявленія документовъ и ихъ повѣрки, еще надо было предвидѣть отвѣты на всѣ предлагаемые по пути вопросы, при чемъ

эти отвѣты должны были логически вытекать изъ обстановки и даваемыя объясненія должны были совпадать съ намѣреніемъ продвигаться въ извѣстномъ направленіи и соотвѣтствовать моему облику, профессіи и т. д.

Остановились же на выборѣ меня и моего пріятеля, какъ на людяхъ, знакомыхъ съ штабной работой, а также и потому, что у меня были персональныя связи съ Волгой и Москвой, а у него кое-какія въ другихъ мѣстахъ. Мы не являлись обыкновенными агентами, посылаемыми развѣдочными учрежденіями въ прифронтовой полосѣ съ какимъ либо однимъ опредѣленнымъ заданіемъ, а на насъ возлагалась работа по общему освѣдомленію, изученію, возможно болѣе широкому, положенія вещей, переговоровъ съ компетентными людьми и кругами, авторитетъ которыхъ былъ для Омска несомнѣненъ. Это не значило, конечно, исчерпать все и дать законченную картину, но выводы должны были быть объективными и опираться на матеріалъ, добытый у сознательныхъ круговъ, понимающихъ цѣли правительства въ Омскѣ.

12-го марта, какъ сейчасъ помню — въ среду, передъ отъѣздомъ мы были приняты адмираломъ Колчакомъ для полученія отъ него окончательныхъ указаній.

Адмирала Колчака мнѣ приходилось видѣть и раньше, до Сибирскаго періода, и всегда его личность производила впечатлѣніе сильными, правильными чертами лица, взглядомъ и рѣшительностью во всей его фигурѣ. Въ былое время онъ отличался, какъ, между прочимъ, и многіе изъ моряковъ (вспомните Станюковича), своей малой сдержанностью, распущенностью и горячностью въ рѣчи, но за это время, несмотря на его нервность, люди, близко знававшіе его и раньше, находили въ немъ большую перемѣну. Обвиненіе его теперь въ неустойчивости во мнѣніяхъ, отсутствіи якобы твердости въ рѣшеніяхъ и чуть ли не характера, я объясняю лишь слишкомъ сложной обстановкой, недостаточностью знанія мѣстныхъ народныхъ требованій, съ которыми ему приходилось на каждомъ шагу сталкиваться. Я, напримѣръ, слыхалъ отъ одного изъ близко стоящихъ къ нему людей, что получить объективное освѣщеніе нѣкоторыхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, въ области кооперації или другихъ практическихъ вопросовъ, гдѣ государственныя задачи сталкивались съ мѣстными требованіями, было весьма трудно; если прибавить еще къ этому партійность, отъ которой дѣятели не могли избавиться, то станетъ яснымъ невозможность быть категоричнымъ.

Высказавъ краткія положенія о коньюнктурѣ, онъ намъ далъ порученіе передать благодарность нѣкоторымъ русскимъ кругамъ и группамъ, выразившимъ ему довѣріе и солидарность въ работѣ, а затѣмъ высказалъ программу, которую онъ клалъ въ основу дѣятельности и которая сводилась къ слѣдующему:

Послѣ очищенія Москвы вооруженными силами, единственно въ чемъ онъ видѣлъ возможность освободить страну отъ поработившаго ее ига, должна быть введена твердая военная власть, задача которой сводится къ недопущенію анархіи и введенію порядка, а также къ защитѣ населенія отъ грабежей и произвола. Послѣ водворенія, хотя бы относительнаго, порядка и спокойствія, можно немедленно приступить къ выборамъ въ Учредительное или Національное собраніе, которое и уста-

новитъ образъ Правленія въ государствѣ. При открытіи Собранія, какъ онъ подчеркнулъ, онъ и возглавляемое имъ Правительство немедленно заявятъ о сложеніи съ себя полномочій и тогда уже будетъ дѣло Собранія рѣшить кому передать бразды правленія до окончательнаго установленія рѣшенія о принципахъ государственнаго Верховнаго Управленія. Но до момента открытія собранія, онъ намъ сказалъ, власть передана никому другому быть не можетъ, такъ какъ иначе это немедленно вызоветъ новую гражданскую войну въ странѣ, не успѣвшей еще оправиться отъ первой, и никакіе претенденты допущены не будутъ; персональныя перемѣны въ правительствѣ, конечно, возможны. Тутъ, повидимому, онъ намекалъ на Парижъ, гдѣ въ это время Авксентьевъ и другіе зашевелились и подняли голову. На мой вопросъ, не будутъ ли допущены какіе-либо выборы до паденія Москвы, онъ заявилъ, что до успокоенія страны считаетъ всякіе выборы и связанную съ ними агитацію крайне вредной, такъ какъ она отражается на крѣпости и цѣльности арміи. Его же все стремленіе направлено къ созданію твердой дисциплинированной военной силы, могущей принести спокойствіе и защиту населенію. Онъ прибавилъ еще, что ему нужны честные люди, какъ военные, такъ и гражданскіе, и потому онъ проситъ организаціи, раздѣляющія его программу, направлять къ нему живыя силы, а также освѣщать ему положеніе внутри страны и не терять съ нимъ и его правительствомъ связи.

Въ заключеніе онъ намъ передалъ кое-какія спеціальныя указанія, о которыхъ пока не время еще говорить. Далъ также порученіе проѣхать къ ген. Юденичу и далъ указаніе относительно морского командованія на Балтійскомъ морѣ (назвавъ нѣсколько именъ, какъ адм. Пилкина, Бахирева, Развозова); это видимо его интересовало, онъ уполномочилъ насъ все вышесказанное передать отъ его имени и, пожелавъ счастливаго исполненія, отпустилъ насъ.

Та твердость и сила проявившіяся въ его глазахъ, во время этого разговора, оставили во мнѣ очень сильное впечатлѣніе, заражали своей искренностью, и я ушелъ отъ него съ еще болѣе жгучимъ желаніемъ исполнить взятое на себя дѣло.

Повидавъ передъ отъѣздомъ близкихъ людей и политическихъ друзей, посвященныхъ въ предпринимаемое мной путешествіе, и получивши полномочіе на освѣщеніе общей обстановки нашимъ политическимъ единомышленникамъ, я тронулся въ путь.

Въ это время все кругомъ ликовало.

9-го марта пала Уфа и Чешмы, затѣмъ Бирскъ, Стерлитамакъ и вообще успѣхи на фронтѣ были огромные. Это, конечно, поднимало настроеніе послѣ зимней спячки и воодушевляло всѣхъ участниковъ бѣлаго дѣла, казавшагося такимъ правымъ и справедливымъ.

Успѣхи же эти совпали съ предложеніемъ Лойдъ-Джорджа о Принцевыхъ островахъ, и казалось, что этими побѣдами и успѣхами брошенъ отвѣтъ на его недостойное отношеніе къ Россіи. Однимъ словомъ, чувствовались сила и вѣра въ себя, въ возможность освобожденія Москвы. Попавъ въ вагонъ, пришлось намъ сразу принимать мѣры предосторожности, чтобы своими лицами на станціяхъ не привлекать вниманіе лишнихъ свидѣтелей, съ которыми, можетъ быть, придется еще встрѣтиться и на фронтѣ, почему благоразуміе требовало смѣшаться съ толпой.

Въ вагонѣ третьяго класса, въ который мы попали, ѣхала компанія пьяныхъ офицеровъ, направлявшихся на фронтъ; она вела себя самымъ безобразнымъ образомъ. Не говоря объ ихъ ссорахъ, дракахъ съ пьяными же писаремъ и фельдфебелемъ, часть изъ нихъ еще везла съ собой запасы сахара и другіе предметы, купленные ими по болѣе дешевымъ цѣнамъ въ Манджуріи и Иркутскѣ, съ разсчетомъ перепродать все это по болѣе высокой цѣнѣ на фронтѣ. Словомъ, впечатлѣніе производили они недостойное, не отвѣчающее офицерскому званію, что, конечно, невольно заставляло думать о ненадежности этой опоры для Колчака.

Черезъ двое сутокъ прибыли мы въ Челябинскъ. Въ немногихъ верстахъ отъ него, стояло нѣсколько сотенъ паровозовъ, находившихся въ самомъ печальномъ состояніи. Большинство изъ нихъ были такъ называемые — замерзшіе, т.-е. испорченные выпускомъ изъ котловъ воды въ сильный холодъ, другіе стояли безъ трубъ, были и просто исковерканные. Эти остатки отъ прежнихъ еще боевъ 18 года, или вывезенные изъ-подъ Уфы при ея сдачѣ, представляли изъ себя видъ какого то кладбища, говорившаго о прежнемъ богатствѣ Россіи и указывавшаго на ту колоссальную работу, каковую предстояло произвести, чтобы хоть немного вернуться къ прежнему положенію.

Въ Челябинскѣ я отыскалъ знакомаго мнѣ особоуполномоченнаго Краснаго Креста Западной арміи, князя Голицына (быв. самарскаго губернатора, погибшаго затѣмъ въ большевистской тюрьмѣ отъ тифа), который и помогъ мнѣ двинуться дальше. Работа Кр. Креста шла весьма оживленно, но поражалъ полный недостатокъ всего самаго насущно-необходимаго, какъ медикаментовъ и перевязочныхъ средствъ, такъ и всякаго другого оборудованія.

Пробывъ въ Челябинскѣ нѣсколько дней, съ трудомъ дождавшись возможности двинуться дальше, поѣхали на Уфу черезъ Златоустъ. Въ Уфѣ мы разсчитывали оріентироваться и получить указанія для дальнѣйшаго продвиженія. Насъ все время очень стѣсняло то обстоятельство, что мы должны были избѣгать выявлять свое лицо и цѣль, которую преслѣдовали. Это мѣшало во всѣхъ отношеніяхъ, на каждомъ шагу; тутъ же въ это время шло усиленное передвиженіе на фронтъ военныхъ частей для усиленія и укрѣпленія подвигавшихся весьма быстро впередъ арміи и потому вольныхъ людей, одѣтыхъ при томъ довольно неопрятно, ни одинъ комендантъ поѣзда брать къ себѣ не хотѣлъ. Попадая же въ военный эшелонъ, приходилось слышать упреки, что одни идутъ умирать, въ то время какъ другіе прячутся отъ пуль.

Это хорошее отношеніе къ дѣлу и фронту, конечно, исходило лишь отъ частей, имѣвшихъ военный видъ и отъ молодежи — офицеровъ, бывшихъ все время въ бояхъ. Но зато попавъ въ эшелонъ запасной части, шедшей на пополненіе, пришлось наблюдать совсѣмъ другую картину. Во первыхъ, эти части оказались совсѣмъ раздѣтыми; на нихъ были не сѣрыя солдатскія шинели, какъ на кадровыхъ, а собственныя, толстыя, чуть ли не доморощенныя куртки и пиджаки, самыя разнообразныя шапки и, главное, что было самое скверное, — вмѣсто сапогъ были валенки, раскисавшія отъ начавшейся оттепели и мокроты, а ихъ все время вызывали изъ вагоновъ на самыя различныя погрузки и выгрузки. Какъ выяснилось изъ разговоровъ, это все были запасные изъ различныхъ

раіоновъ Зап. Сибири, только что мобилизованные передъ самымъ наступленіемъ, — безъ какихъ либо предварительныхъ обученій, втягиванія въ военное дѣло, — они были просто посажены на поѣзда и отправлены на фронтъ — сражаться. Это все были люди 25—28 лѣтъ, бывшіе ранѣе на военной службѣ, развращенные за время войны и революціи и потому явно не желавшіе идти воевать. Недовольство ихъ усиливалось еще тѣмъ, что приближалось время весенняго посѣва, а они по принужденію шли сражаться, не зная куда и за что. Вообще, эта картина вселила сразу въ насъ испугъ за начатое наступленіе.

На одной изъ станцій, гдѣ нашъ эшелонъ застрялъ, кажется въ Златоустѣ, мы обратились къ генералъ губернатору этой мѣстности, генералу Вишневскому, перебиравшемуся въ Уфу, и черезъ его помощника П. П. Башилова мы получили мѣсто въ ихъ поѣздѣ. Однако, не дождавшись его отправки, мы устроились на бронированный поѣздъ, шедшій по тому же направленію, который своимъ личнымъ составомъ и хорошимъ настроеніемъ команды опять внушалъ довѣріе.

Вообще, надо было признать, что на ряду съ хорошими испытанными частями были и скверныя, несжившіяся, не имѣвшія того, съ чѣмъ можно было ожидать довершенія дѣла до славнаго конца, избавленія первопрестольной отъ красной нечисти.

Что внушало еще опасеніе, такъ это значительное количество попадавшихся намъ на большихъ станціяхъ — отъ самаго Омска — какихъ то темныхъ личностей съ наглыми лицами, явно не принадлежащихъ къ бѣлымъ частямъ. Особенно подозрительны мнѣ были нѣкоторыя изъ нихъ въ Челябинскѣ, среди которыхъ я увидалъ на толкучкѣ около станціи типы лицъ, дающіе полную увѣренность, что это матросы, только снаружи снявшіе съ своихъ бушлатовъ отличительные знаки, сбросившіе свою одежду и фуражки, и только этимъ отличавшіеся отъ тѣхъ, которыхъ можно было видѣть послѣ революціи по всему Петроградy.

О своихъ наблюденіяхъ мы тутъ же дали знать въ Омскъ для принятія соотвѣтствующихъ мѣръ черезъ Попеляева, завѣдывавшаго тогда полиціей, при чемъ также указали, что по дорогѣ отъ Омска у насъ никто ни разу не провѣрялъ документы и небрежность въ этомъ отношеніи чувствовалась большая. Характерно, какъ мало вообще налажено было дѣло и какъ все велось спустя рукава, что особенно поражало насъ впослѣдствіи при продвиженіи по Совдепіи.

Я забылъ еще упомянуть объ обращеніи денежныхъ знаковъ въ Сибири. Вѣдь тамъ, кромѣ царскихъ, думскихъ, керенокъ, купоновъ отъ займовъ, ходили еще Сибирскіе, выпущенные правительствомъ въ концѣ 18 года. Всѣ эти деньги, напримѣръ въ Омскѣ, котировались до лѣта 1919 г. по одной цѣнѣ и лишь иногда ощущался острый недостатокъ въ размѣнной монетѣ, благодаря чему по ресторанамъ, парикмахерскимъ и т. д. ходили еще свои доморощенные боны, принимавшіеся лишь постоянными посѣтителями. Но по дорогѣ въ вагонѣ, гдѣ то около Кургана, мнѣ пришлось столкнуться съ существованіемъ различной разцѣнки денежныхъ знаковъ, при чемъ сибирскіе, какъ оказалось, котировались ниже думскихъ, которые въ свою очередь шли дешевле царскихъ. За пудъ партіи пшеницы, только что проданной по 22 рубля керенокъ, было

уплочено частью по 25 сибирскихъ, а частью 20 царскими. Это объяснялось близостью фронта, гдѣ керенки ходившія по обѣ его стороны считались болѣе удобными, чѣмъ сибирскія, имѣвшія лишь одностороннее хожденіе. И тутъ большевики, не считавшіеся съ населеніемъ и различными этическими и справедливыми требованіями и просто принуждавшіе къ исполненію своихъ желаній, достигали того, что преимущество было не на сторонѣ бѣлыхъ.

Добравшись до Уфы, мы сдѣлали окончательныя приготовленія для дальнѣйшаго пути, остановились на маршрутѣ и двинулись къ фронту. Намъ приходилось возможно торопиться, чтобы еще по снѣжному пути, до распутицы, перебраться черезъ фронтъ и достигнуть станціи желѣзной дороги, ведущей къ центру Россіи. Положеніе дѣлъ указывало, что намъ предстоитъ подняться къ сѣверу отъ линіи желѣзной дороги на 80—100 верстъ, къ этому надо было прибавить обратный спускъ, плюсъ различныя задержки въ дорогѣ. Я же, по опыту зная, что значитъ мартъ въ степныхъ мѣстахъ Поволжья, надежнымъ снѣжнымъ покровомъ себя не убаюкивалъ.

Уфа только что, двѣ недѣли передъ этимъ, была быстрымъ маршемъ отрѣзана отъ станціи Чешмы (узловой пунктъ на линіи — Самара и Симбирскъ) и взята была, благодаря этому, безъ боя нашими частями, почему и желѣзно-дорожный мостъ черезъ рѣку Бѣлую остался въ порядкѣ. Жизнь въ Уфѣ еще не наладилась, чувствовался во всемъ недостатокъ; базаръ только что начиналъ торговать, рѣдкіе магазины открылись, ибо торговать было почти нечѣмъ. За зиму красными все было очищено, изъ Сибири привозъ еще не наладился, а окружающія деревни начали доставлять лишь съѣстные припасы. Отношеніе населенія было къ намъ благожелательно, за исключеніемъ лишь части рабочихъ, враждебно настроенныхъ къ бѣлымъ, — что объяснялось особымъ бережливымъ отношеніемъ къ нимъ красныхъ. Приходилось наталкиваться и на единичные случаи недоброжелательства и не рабочихъ. Напримѣръ, везшій меня извозчикъ жаловался, что съ уходомъ красныхъ ему стало хуже, такъ какъ при нихъ онъ получалъ $1^1/_2$ фунта хлѣба за 1 р. 20 коп. и сколько-то овса для лошади, теперь же, съ крушеніемъ аппарата красныхъ, выдачи хлѣба нѣтъ, базарныя же цѣны на хлѣбъ были сначала по 8 р. и лишь теперь спали до 4 р. за фунтъ. Правда, за тѣ 3 дня, которые мы пробыли въ Уфѣ, цѣна пала еще, но во всякомъ случаѣ это показывало, что разрѣшеніе свободной торговли съ прекращеніемъ выдачи продуктовъ по карточкамъ не могло удовлетворять ту часть населенія, которая при большевикахъ находилась въ привилегированномъ положеніи, и безъ принятія соотвѣтствующихъ мѣръ даже въ такихъ хлѣбныхъ мѣстахъ, какъ Уфѣ, это вызывало неудовлетворенность, чего упускать изъ вида нельзя было. Между тѣмъ, этотъ вопросъ военное начальство мало интересовалъ, да и обсужденія его я нигдѣ и въ Омскѣ не слыхалъ.

25-го мы двинулись съ эшелономъ дальше на Чешмы, находившіеся въ 40 верстахъ отъ Уфы, куда къ слѣдующему утру и прибыли. Въ эшелонѣ повторилась та же тревожная картина съ запасными, и даже еще въ болѣе рѣзкихъ тонахъ, изъ которой было ясно и нежеланіе и даже нескрываемое, переходящее въ враждебное настроеніе, отношеніе къ властямъ, принуждавшимъ ихъ куда то двигаться.

Въ Чешмахъ мы, послѣ долгихъ хлопотъ и то только благодаря указаніямъ, полученнымъ нами отъ частныхъ лицъ еще въ Уфѣ, въ порядкѣ информаціи, съ трудомъ нашли себѣ за плату возчика, взявшагося насъ доставить верстъ за 15 къ сѣверу. Мѣняя такъ возчиковъ, мы проѣхали болѣе 120 верстъ и на слѣдующій день къ вечеру прибыли въ большое село Бакалы, которое уже считалось на линіи фронта и въ которомъ стояли передовыя части 2-го сибирскаго корпуса. Хотя нашъ путь совершенъ былъ въ полной безопасности, непосредственно за линіей бѣлаго фронта, но опять таки, по тѣмъ же причинамъ, что и раньше, приходилось избѣгать какихъ-либо лишнихъ сношеній съ властями, дабы меньше о себѣ распространяться и меньше касаться причины поѣздки.

Въ деревняхъ, въ избахъ при смѣнахъ лошадей или отдыхѣ, мы говорили лишь, что ѣдемъ къ рѣкѣ Бѣлой для розыска баржей и учета хлѣба, собраннаго красными у пристаней за истекшую зиму.

Татары, у которыхъ мы останавливались, были настроены всѣ поголовно противъ только что ушедшихъ красныхъ, разсказывали о различныхъ хулиганствахъ комиссаровъ, притѣсненіяхъ и съ удовольствіемъ описывали ихъ неожиданное бѣгство при приближеніи бѣлаго фронта. Это настроеніе, по моему глубокому убѣжденію, какъ знающему хорошо характеръ нашего степного земледѣльческаго населенія, было вполнѣ искренно, и я не думаю, чтобы отрицательныя черты бѣлой власти могли бы сыграть въ этомъ раіонѣ слишкомъ большое значеніе. Тутъ же смѣна властей произошла такъ быстро, что тяготы ощущаемыя всегда въ прифронтовой полосѣ, благодаря быстрому движенію армій, перескочили черезъ голову населенія почти несощутимо.

Въ Бакалахъ мы разыскали коменданта, и, открывшись ему, спросили указаній и совѣтовъ, какъ намъ двигаться дальше. Оказалось, что мы избрали правильное направленіе, ибо къ этому моменту красные отскочили въ этомъ мѣстѣ, какъ не находящемся вблизи линіи полотна желѣзной дороги, далеко, и сплошной линіи или деревень, занятыхъ частями, не было. Благодаря этому, передъ Бакалами оказалось пустое пространство и только развѣдка ходила въ нѣкоторые пункты и села, которыхъ приходилось остерегаться.

Выѣздъ изъ Бакаловъ въ сторону красныхъ разрѣшался лишь подводчикамъ и жителямъ ближайшихъ деревень. Поэтому приходилось опять ловчиться, чтобы не возбудить подозрѣнія у подводчиковъ за полученное разрѣшеніе отъ коменданта на выѣздъ изъ села, ибо открыться мѣстнымъ жителямъ, конечно, не было никакой возможности. Подрядивъ подходящаго мальченка доставить насъ верстъ за 15, мы тронулись въ разсчетѣ добраться до небольшого села, гдѣ можно уже было спутать дальнѣйшія карты.

Этотъ переѣздъ и ближайшіе этапы при прохожденіи фронтовой полосы былъ для насъ самымъ серьезнымъ. Съ одной стороны документы бѣлыхъ нужны были для бѣлой развѣдки и заставъ, а съ другой стороны эти же документы при случайномъ столкновеніи съ краснымъ разъѣздомъ губили все дѣло, и мы рисковали головой, какъ шпіоны.

Отличить же красныхъ отъ бѣлыхъ, въ особенности зимой, въ случаѣ неожиданной встрѣчи, было почти невозможно и потому приходилось исподволь, аккуратно разспрашивать населеніе о возможности встрѣтить

кого-либо изъ вооруженныхъ разъѣздовъ, дабы и принять своевременно соотвѣтствующія мѣры. Поэтому, удаляясь отъ линіи фронта, мы постепенно уничтожали документы, разрывая и пуская ихъ лепестки по вѣтру, оставляя лишь самые необходимые, при чемъ держали ихъ все время въ рукахъ, чтобы въ случаѣ опасности успѣть ихъ уничтожить.

Но съ Божьей помощью первое препятствіе мы одолѣли и верстъ черезъ 25 мы убѣдились, что находимся въ нейтральномъ раіонѣ, куда бѣлые еще не дошли, красные же за недѣлю передъ этимъ въ спѣшномъ порядкѣ отступили, грозя населенію по своему возвращенію показать свою силу. Тутъ мы уничтожили всѣ компрометирующія насъ бумаги, оставивъ лишь при себѣ спеціально заготовленныя для Совдепіи.

Послѣ нѣсколькихъ перепряжекъ, мы въѣхали въ большое село, которое оказалось тоже брошеннымъ красными войсками и мѣстными представителями власти, боявшимися отвѣтственности за свою дѣятельность. Такимъ образомъ, село осталось буквально безъ всякой власти и оно отдыхало отъ подводныхъ и другихъ повинностей. Но стоило бы лишь одной изъ воюющихъ сторонъ дойти до такого села, хотя бы единичнымъ разъѣздамъ, какъ сейчасъ же сходъ выставилъ бы и подводы и все другое безъ сопротивленія. Это обстоятельство, именно эта легкая подчиняемость и страхъ за свою шкуру заставлялъ жителей, явно съ отвращеніемъ говорящихъ о большевикахъ, замолкать при входѣ въ избу кого либо посторонняго или сосѣда. Съ нами тоже на первыхъ порахъ въ избѣ, куда насъ привезъ возница, боялись говорить, и лишь успокоеніе извозчика, свыкшагося съ нами за время переѣзда, развязывало языки, что, конечно, еще подкрѣплялось вѣрой въ надежность освобожденія отъ краснаго режима. По словамъ нашихъ хозяевъ, самое страшное для нихъ была мѣстная молодежь, душой преданная большевикамъ и потому считавшая своей обязанностью слѣдить за настроеніемъ населенія, чтобы потомъ выслужиться передъ тѣми же волостными комиссарами, выказавъ свое усердіе и причастность къ дѣлу управленія и къ коммунизму.

Кое-какъ доставъ лошадь, мы двинулись дальше. Не рискнувъ взять съ собой карты мѣстности, приходилось называть лишь болѣе отдаленные крупные пункты, что отдавало насъ во власть ямщиковъ, считавшихъ себя болѣе компетентными и авторитетными въ дѣлѣ безпрепятственнаго передвиженія. Приходилось лишь высказывать желаніе, чтобы везли болѣе глухими селами, гдѣ меньше риску встрѣтить «красноармейцевъ» и въ особенности ихъ штабы, ибо встрѣча съ ними по нашему объясненію, грозила потерей времени, а весна, вступая въ свои права, замѣтно портила санный путь и возможность свободнаго передвиженія.

Ямщики и возчики вполнѣ раздѣляли съ нами желаніе быть дальше отъ военныхъ, старались въ совѣтахъ съ своими сосѣдями и домашними изыскивать болѣе спокойныя мѣста, разспрашивая только что вернувшихся подводчиковъ, отвозившихъ отступающихъ красноармейцевъ. Намъ задавали только вопросъ, имѣются ли совѣтскіе документы и въ порядкѣ ли они, потому что боялись, что при допросѣ не пришлось бы отвѣтить за насъ и имъ самимъ.

Къ вечеру же перваго дня мы попали въ татарское село, откуда ямщикъ брался насъ доставить за 50 верстъ въ село М. уѣзда, гдѣ у него

были знакомые или родственники, и гдѣ онъ помогъ бы намъ оріентироваться для дальнѣйшаго продвиженія. Онъ убѣждалъ насъ положиться на него и не жалѣть денегъ. Поставилъ самоваръ, наладилъ закуску и мы принялись за обсужденіе. Для вящего успѣха мы вытащили приготовленную для подобнаго случая бутылку казенной водки, взятую еще въ Омскѣ, что несомнѣнно должно было поддать духу нашему возницѣ. Моментъ былъ серьезный и нужно было пустить всѣ средства, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи для достиженія успѣха.

Часовъ въ 9 вечера на парѣ добрыхъ коней, запряженныхъ гусемъ, съ колокольчикомъ на дугѣ, подъ неистовый лай собакъ, этой необходимой принадлежности всякаго татарскаго селенія, мы тронулись въ путь. Повезъ насъ ямщикъ дѣйствительно глухими небольшими деревнями. Подъѣхали, наконецъ, къ тому селу, гдѣ предполагалось смѣнить лошадей; оно оказалось довольно большимъ, съ волостнымъ правленіемъ и базаромъ; не доѣзжая до села, ямщикъ рѣшилъ остановиться и подвязалъ колокольчикъ, считая это болѣе осторожнымъ при въѣздѣ въ околицу спящаго, какъ думали, села. Однако, во время этой остановки, мы вдругъ ясно услыхали по морозной ночи впереди, въ селѣ, неистовый собачій лай и затѣмъ нѣсколько громкихъ выстрѣловъ.

Сомнѣнія не было, въ селѣ были красноармейцы.

Я началъ немедленно настаивать на недопустимости въѣзда въ него ночью, безъ предварительной развѣдки, считая, что попасть въ руки шатающейся по улицѣ, можетъ быть, пьяной красноармейской банды было прямо безразсудно. Хотя спутникъ мой и сопротивлялся возвращенію обратно, жалѣя потеряннаго времени, но все же удалось его уговорить вернуться въ ближайшую деревушку къ знакомому ямщика, черемису, дабы у него оріентироваться. Время же было около полночи.

Черемисъ, къ которому мы пріѣхали, разсказалъ, что дѣйствительно въ селѣ стоятъ красные и при томъ штабъ какой то крупной части и ночью ввиду тревожнаго состоянія переживаемаго властями, ѣхать опредѣленно не совѣтовалъ, обѣщая на утро помочь достать лошадь.

Изба нашего хозяина оказалась безобразно грязной и вонючей, но лошади послѣ 50 верстъ быстрой ѣзды, настолько утомились, что благоразуміе требовало ночевать.

Не найдя къ утру смѣны лошадямъ, ибо по селу былъ объявленъ десятникомъ нарядъ на подводы для красноармейцевъ, мы рѣшили вернуться къ татарину ямщику въ исходное положеніе, гдѣ въ переговорахъ и обсудить дальнѣйшій образъ дѣйствія, такъ какъ намъ, по правдѣ сказать, взятое направленіе довѣрія не внушало; мы лѣзли прямо въ раіонъ кишащій войсками и обстановка говорила за необходимость держать курсъ болѣе на западъ, чтобы скорѣе выйти изъ фронтовой полосы. То, что насъ остановилъ лай собакъ, и мы не въѣхали въ село, вѣроятно, спасло насъ, какъ потомъ выяснилось, отъ весьма скверныхъ послѣдствій.

Пріѣхавъ на слѣдующій день на станцію, лежащую на Бугульминскомъ трактѣ, мы рѣшили ѣхать на Чистополь, такъ какъ подъ Бугульмой шли въ это время сильные бои и пропуска туда не было. Здѣсь мы впервые встрѣтили большевистскія власти въ лицѣ пролеткульта, коменданта-матроса и т. д.

Обойдя ихъ и предъявляя документы, мы просили пропуска на Казань; однако, власти посылали насъ изъ одной инстанціи въ другую, никто толкомъ не зналъ, нуженъ ли письменный пропускъ для пути и вообще, чувствовалась большая неувѣренность среди начальства. Кое-какъ мы въ итогѣ получили краткую записку, послѣ чего хозяинъ станціи согласился намъ дать лошадь. Вообще, какъ я и позже неоднократно убѣждался, связи и цѣльности распоряженія у властей абсолютно не было.

Въ «пролеткультѣ», который оказался на гастролѣ тутъ, насъ поразили какія-то служащія тамъ молодыя дѣвицы, одѣтыя во все солдатское и весьма не двусмысленно заговаривавшія съ нами въ тѣсной канцеляріи, въ которую мы попали. Впечатлѣніе отъ всей этой обстановки даже у насъ, бывалыхъ людей, создавалось весьма странное и, я бы сказалъ, отталкивающее.

Между прочимъ, на базарѣ открыто торговали бѣлымъ хлѣбомъ, кренделями и копчеными продуктами по весьма сноснымъ цѣнамъ. Повидимому, въ этомъ глухомъ мѣстѣ, за истекшую зиму власти порядковъ своихъ еще ввести не успѣли, такъ какъ дальше по пути мы нигдѣ ничего подобнаго не встрѣчали.

По дорогѣ, по которой мы ѣхали на Чистополь, пролегающей, кстати сказать, по весьма красивой мѣстности, обсаженной еще кое-гдѣ березами Екатерининскаго времени, остались еще отъ стараго цензового земства — ямскія станціи. Къ этому времени онѣ переходили въ вѣдѣніе уѣздной совѣтской власти и хозяева-ямщики въ одинъ голосъ говорили, что они не дождутся нарушенія съ ними контрактовъ, которые были заключены раньше и которые ихъ заставляютъ все еще выполнять; а хозяйство, между тѣмъ, стало вести невозможно, нельзя достать корма, починить сбрую, подковать лошадь и, вообще, все дѣло выбилось окончательно изъ рукъ, разъѣздовъ же за зиму проѣзжавшихъ делегатовъ, ревизоровъ, комиссаровъ, эмисаровъ было масса.

Проѣхавъ по тракту нѣсколько станцій, мы стали чувствовать уже нѣкоторый надзоръ за проѣзжающими. По селамъ какіе-то молодые люди лѣтъ 18—20, вооруженные винтовками и охотничьими ружьями, насъ останавливали, опрашивали документы и, хотя въ результатѣ не задерживали, но говорили, что по ночамъ ѣздить не полагается и проявляли при этомъ начальствующій тонъ, почему мы въ итогѣ рѣшили добраться до первой же слѣдующей станціи, гдѣ и заночевать. На вопросъ о солдатахъ послѣдній насъ везшій возница заявилъ, что о нихъ ничего не слышно, и мы со спокойной душой подъѣхали къ ямской станціи.

Это было часовъ въ 10—11 вечера, въ ночь на 1-е апрѣля. Ночь эту я до конца своей жизни не забуду.

Едва мы успѣли вылѣзти изъ саней у крыльца ямщика, къ которому насъ все еще по старой ямской традиціи подвезли съ колокольми, какъ вышедшій къ намъ на шумъ новый хозяинъ вполголоса заявилъ съ нескрываемой тревогой, что у него ночуетъ въ избѣ карательный отрядъ, но что, однако, теперь дѣлать нечего, надо входить.

Хозяинъ провелъ насъ сперва въ черную часть избы, гдѣ мы и раздѣлись, послѣ чего спутникъ мой вошелъ въ отдѣленіе, предназначенное

для ночевки, гдѣ расположилось на полу 7 человѣкъ солдатъ, составлявшихъ часть отряда, начальство котораго расположилось въ другомъ концѣ села.

Какъ только мой товарищъ къ нимъ взошелъ, красноармейцы, по его словамъ сразу же, какъ змѣи, подняли головы и тутъ же принялись за разспросы, откуда и куда ѣдемъ, зачѣмъ, по какимъ документамъ, есть ли пропускъ и такъ далѣе.

Немного погодя, вышли и ко мнѣ съ тѣми же разспросами.

Нашъ отвѣтъ, что мы изъ Уфы и служебныхъ документовъ на рукахъ не имѣемъ, имъ не понравился. Одинъ изъ нихъ одѣлся и, повидимому, пошелъ съ докладомъ въ штабъ. Хозяинъ наладилъ было намъ самоваръ и пока мы оставались въ комнатѣ одни, успѣлъ шепнуть, что отрядъ этотъ состоитъ изъ 15 человѣкъ, звѣри, а не люди, ѣдутъ изъ какого то сосѣдняго села, гдѣ расправлялись съ народомъ, не желавшимъ подчиняться ихъ распоряженію по доставкѣ для красноармейцевъ какихъ то продуктовъ. Расправа по его словамъ была самая жестокая, подверглось избіенію много жителей и въ голосѣ его чувствовалось негодованіе.

Вскорѣ ходившій въ штабъ солдатъ вернулся и намъ рѣзкимъ начальствующимъ тономъ сказалъ: «ну, новые товарищи, одѣвайтесь» и подойдя къ винтовкамъ, стоящимъ въ углу, велѣлъ еще двумъ своимъ соратникамъ взять ихъ. Тѣ это и сдѣлали, щелкая затворами. Я спросилъ тогда, далеко ли идти намъ и нужно ли одѣвать полушубокъ.

У меня заработала мысль въ томъ направленіи, что, видимо, поведутъ на разстрѣлъ и потому, если быть безъ теплой одежды, то, въ случаѣ и ранятъ, а не убьютъ, можетъ быть, какъ нибудь уползу, отъ шубы же попавшая въ тѣло шерсть при выстрѣлѣ вызоветъ неминуемое зараженіе. Тутъ я еще вспомнилъ почему то случай съ нѣкимъ прис. повѣр. Малиновскимъ, предсѣдателемъ Симбирской кадетской группы, который, будучи раненымъ во время разстрѣла, уползъ и затѣмъ былъ даже въ Омскѣ оберъ-секретаремъ Сената. Получивъ приказаніе одѣваться, мы одѣлись и вышли. Была метель, дороги не было видно и мы пошли гуськомъ. Впереди шелъ одинъ изъ конвоировъ, за нимъ мой спутникъ, потомъ я, а двое остальныхъ провожатыхъ — сзади. У командовавшаго была отвратительная физіономія; онъ былъ съ рыжей бородой; на видъ было ему лѣтъ 35.

Немного спустя, когда мы шли уже посреди села, вдругъ, одинъ изъ шедшихъ сзади отошелъ въ сторону шаговъ на 25—30 и снялъ съ плечъ винтовку. Сообразивъ, что онъ будетъ стрѣлять, я инстинктивно замедлилъ шагъ, дабы быть на створѣ съ моими провожатыми (товарища же моего закрывалъ своимъ туловищемъ идущій впереди) и такимъ образомъ помѣшалъ стрѣльбѣ. На это оставшійся сзади меня закричалъ, зачѣмъ я отстаю и скинулъ тоже винтовку съ плечъ. Тогда, возвысивъ голосъ, я твердо спросилъ отошедшаго въ сторону: «а что, товарищъ, стрѣлять будешь?», на что получилъ послѣ минутной паузы отвѣтъ: «нѣтъ, не буду». Я со словами «вѣрю вамъ, товарищи», пошелъ дальше.

Вся обстановка и впечатлѣніе до сихъ поръ мнѣ говорятъ, что отошедшій безусловно хотѣлъ стрѣлять, но какъ часто бываетъ — окрикъ измѣнилъ психологію, моментъ былъ упущенъ и дѣло обошлось. По крайней мѣрѣ, онъ надѣлъ вновь ремень винтовки на плечо и присоединился къ намъ. Придя въ избу, гдѣ находился ихъ штабъ, мы застали человѣкъ

5—6 сидящихъ за освѣщеннымъ столомъ. Самый молодой изъ компаніи оказался комиссаромъ-коммунистомъ и начальникомъ отряда. Начался разговоръ съ осмотра документовъ, съ повтореніемъ уже заданныхъ намъ вопросовъ въ первой избѣ. Заинтересовались они въ результатѣ тѣмъ, что мы прошли фронтъ и ѣдемъ изъ Уфы. Помощникъ комиссара, не мальчишка, повидимому изъ прежнихъ полицейскихъ, занялся паспортами, крайне внимательно изучая ихъ, заинтересовался подписями, заподозривъ ихъ фальшивыми, старался сбить насъ переспросомъ фамилій и т. д. Но все это дѣлалось такъ грубо, а съ другой стороны такъ логичны были даваемые нами отвѣты съ мотивировкой о цѣляхъ поѣздки къ своимъ семьямъ, что мы изъ первой части искуса вышли совершенно чистыми. Въ результатѣ комиссару надоѣли эти разспросы, онъ отвлекся нашими разсказами, какъ мы вырвались изъ Уфы, о сдачѣ которой бѣлымъ онъ даже и не зналъ. Поэтому онъ отклонилъ предложенія своего помощника обыскать насъ и арестовать, а началъ снимать съ насъ показанія о бѣлыхъ войскахъ, ихъ расположеніи, наименованіи частей, количествѣ людей и т. д., которыя своей общностью, конечно, существенными и вредными для дѣла быть не могли. Все это онъ внимательно записывалъ, видимо для донесенія. Попутно разспрашивалъ о слухахъ про Колчака, его дѣятельности, вообще интересовался нашими свѣдѣніями о бѣлыхъ.

Въ концѣ концовъ, насъ отпустили, спросили, найдемъ ли дорогу обратно. Кто-то изъ провожающихъ сказалъ: «ну, счастіе ваше, что живы остались, а небось струсили?»

Придя въ избу ямщика, мы расположились было спать, какъ вдругъ появился помощникъ комиссара въ сопровожденіи рыжаго, и еще какого то другого товарища и заявили, чтобы мы показывали всѣ наши вещи, что они произведутъ обыскъ. Вновь потребовали документы. Этотъ обыскъ былъ верхомъ тщательности. Они вывернули абсолютно все, прощупали каждую складку одежды, раздѣли до гола, высыпали чай, сахаръ, табакъ, однимъ словомъ, въ теченіе 3—4 часовъ такъ обыскали нашъ незатѣйливый багажъ, что мы могли быть спокойными послѣ, что чего-либо компрометирующаго на насъ абсолютно нѣтъ. Измучивши насъ вдоволь, отчего заплакала даже съ жалости находящаяся въ сосѣдней комнатѣ хозяйка дома, намъ позволили лечь спать, а мучители ушли.

При обыскѣ у насъ не взяли ничего. Къ счастью, денегъ съ нами было немного, у одного тысячи четыре, у другого около пяти. Это было нами предусмотрѣно, такъ какъ мы понимали, что большое количество денегъ наводило на насъ подозрѣніе, а также и вводило въ искушеніе. Зарились они все на имѣвшуюся у меня $^1/_2$ бутылки коньяку, но, разыгрывая изъ себя честныхъ, неподкупныхъ коммунистовъ, они отбирать ничего не хотѣли. Да думаю и многочисленность ихъ, считая и находившуюся въ комнатѣ ихъ команду, удерживала ихъ отъ конфискаціи.

На утро, чуть свѣтъ, пока еще солдаты спали, мы двинулись дальше. Пока мы собирались, къ намъ вышелъ одинъ изъ красныхъ, съ виду совершенно деревенскій парень, и въ разговорѣ началъ плакаться на судьбу, что эта жизнь ему опротивѣла, что служба его угнетаетъ и онъ ждетъ лишь случая, какъ бы отъ нея избавиться, уйти домой въ деревню. Говорилъ это онъ искреннимъ тономъ, видимо, дѣйствительно эта служба ему опротивѣла.

Пріѣхали на слѣдующую станцію. Нашъ новый хозяинъ принялъ большое участіе въ пережитомъ нами ночью, кляня на чемъ свѣтъ стоитъ карательный отрядъ, передавъ, что солдаты, поступающіе въ него, приносятъ присягу, расписываясь кровью, что не будутъ жалѣть родного отца и мать и т. д., рисуя людей, идущихъ на такого рода службу, какъ самыхъ отъявленныхъ негодяевъ. Характеристику эту по отношенію къ карательнымъ отрядамъ приходилось слышать мнѣ не разъ и впослѣдствіи.

Выяснилось тутъ изъ разговоровъ, что мы находимся всего въ 40 верстахъ отъ того села, въ которое мы было заѣхали наканунѣ ночью, гдѣ, какъ оказалось, стоялъ и штабъ самого карательнаго отряда, дѣйствовавшаго въ ближайшемъ тылу арміи, и стало ясно, что намъ не поздоровилось бы; спасъ насъ прямо таки Богъ.

Послѣдующій путь мы совершили благополучно, ѣхали частью большимъ трактомъ и, хотя рисковали нѣсколько разъ быть обысканными, но это уже относилось къ дѣятельности карательныхъ заставъ, не пропускавшихъ въ Казань продуктовъ. Вся дорога отъ Чистополя была загромождена крестьянскими обозами, перевозившими въ спѣшномъ порядкѣ хлѣбъ съ ссыпныхъ пунктовъ въ степи — къ Волгѣ. Это заставляли дѣлать большевики, опасаясь наступленія Колчака, торопясь вывезти заготовленный ими за зиму хлѣбъ къ пристанямъ какъ Волги, такъ и низовьевъ Камы, разсчитывая успѣть его двинуть, до занятія Волги бѣлыми, въ центральныя губерніи. Оставшіеся склады хлѣба рѣшено было ими сжечь, а не сдавать, для чего былъ заготовленъ керосинъ. Надо при этомъ замѣтить, что, по словамъ крестьянъ, хлѣбъ лежалъ подъ открытымъ небомъ, безъ подстилки, частью покрытый дырявыми брезентами и грозилъ быть сгноеннымъ отъ весенней сырости.

Вообще, хлѣбная заготовка, произведенная красными въ теченіе этой зимы, была сдѣлана въ крупныхъ размѣрахъ, такъ какъ вообще масштабомъ они никогда не стѣсняются. За пудъ ржи платили они съ доставкой отъ 10 до 13 рублей и навезли его огромное количество. Но зимой за недостаткомъ вагоновъ для продвиженія этихъ запасовъ къ центру, они мобилизовали крестьянскія подводы въ такомъ количествѣ, что, напримѣръ, въ Бугульмѣ сосредоточивалось до 9 тысячъ лошадей, занятыхъ исключительно перевозкой хлѣба на Самару. Ввиду же разрушенія желѣзнодорожнаго моста въ Сызрани, они положили рельсы по льду и передвигали вагоны въ ручную. Знающіе Волгу въ этихъ мѣстахъ поймутъ, что за трудъ и какія препятствія имъ пришлось при этомъ преодолѣть, и невольно, несмотря на все презрѣніе, съ которымъ къ нимъ относишься, приходится констатировать ихъ безумную и неутомимую энергію. И не будь она направлена лишь на разрушеніе и переливаніе изъ пустого въ порожнее, она была бы достойна подражанію и со стороны бѣлыхъ.

По дорогѣ мы неоднократно останавливались и ночевали въ избахъ съ возчиками, и нужно сказать, что на большевиковъ всѣ поголовно ворчали. Татарское населеніе относилось еще болѣе опредѣленно отрицательно къ власти, ожидало съ нетерпѣніемъ освобожденія, готово было встрѣчать бѣлыхъ съ распростертыми объятіями, ожидая отъ нихъ облегченія въ экономической жизни, ослабленія режима вмѣшательства въ укладъ ихъ деревенскаго обихода. Но желанія проявить активную

помощь совсѣмъ не было замѣтно; все должно было идти помимо ихъ. И всякой новой, крѣпкой власти они стали бы вновь слушаться съ такимъ же смиреніемъ, какъ и предыдущей, приспосабливаясь лишь къ новымъ требованіямъ и условіямъ. Во всемъ этомъ сквозило, что респрессіи и безразличіе были главнымъ основаніемъ для управленія ими, что большевистская власть великолѣпно и учитывала. Разговоры при этихъ остановкахъ, конечно, были самые разнообразные, касаясь все же почти исключительно условій жизни деревни.

Въ одномъ изъ селъ, примѣрно верстахъ въ 40—50 отъ Казани, я взялъ въ руки христоматію, принесенную изъ школы 12-лѣтнимъ мальчикомъ, сыномъ хозяина избы нашего ночлега. Это оказалась книга изданія 12-го года, гдѣ на первой страницѣ былъ перечисленъ составъ царствующаго дома. Тутъ же зашелъ разговоръ и о мѣстной церкви. Оказалось, что красные какъ-то въ теченіе зимы хотѣли взять на учетъ церковное имущество, съ намѣреніемъ часть его куда-то вывезти, но крестьяне сходомъ вынесли приговоръ о протестѣ, послали въ городъ депутацію и въ результатѣ защитили священника и не подверглись репрессіямъ.

Воспоминанія курьера

Мичмана А. Гефтера

«Еремѣевская ночь»

Кронштадтъ лежалъ въ полутьмѣ, когда пароходъ изъ Петербурга причалилъ къ пристани. Какъ и всегда, онъ, даже въ эти ужасные трагическіе дни начала большевистской власти, производилъ неотразимое, жуткое и величественное впечатлѣніе. Огромный размахъ творческой иниціативы чувствовался на каждомъ шагу. И все какъ въ сказочномъ спящемъ царствѣ! Все замерло и, будучи не въ силахъ очнуться отъ летаргическаго сна, молчаливо переходило въ небытіе, умирало безъ сопротивленія.

Мнѣ, сентиментально настроенному въ этотъ вечеръ, какъ Евгенію въ «Мѣдномъ Всадникѣ», казалось, что за мною слѣдуетъ грозная фигура Петра, только не на конѣ, а въ такомъ видѣ, какъ его изобразилъ Сѣровъ, — на Невской пристани. — Онъ идетъ безъ шляпы съ развѣвающимися волосами, огромными шагами, такъ что свита едва за нимъ поспѣваетъ, гнѣвно стуча дубинкой въ тактъ своему шагу.

Нервы у меня сильно разыгрались. Да и не мудрено. Съ «Красной Колокольни» — въ стихахъ, и съ прочихъ газетныхъ столбцовъ — въ прозѣ, взывали къ мщенію за смерть Урицкаго. Господи, неужели опять будутъ въ Кронштадтѣ лить кровь и мучить людей!

Сейчасъ-же за скверомъ, гдѣ по пути къ Военной Гавани начинались склады досокъ и бревенъ, было совсѣмъ темно. Далеко впереди, тамъ, гдѣ стояли корабли, слабой звѣздочкой свѣтился фонарь. Въ этомъ мѣстѣ было особенно жутко. Я не боялся реальной опасности, я боялся того, что можетъ создать воображеніе; измученные всѣмъ пережитымъ нервы стали плохо служить. — Вдругъ выйдетъ изъ-за груды бревенъ огромная костлявая фигура въ плащѣ и треуголкѣ! Спотыкаясь о протянутые съ судовъ на стѣнку тросы и корабельные канаты, гремя порой по наваленнымъ въ безпорядкѣ желѣзнымъ листамъ, я вскорѣ былъ у цѣли. На темносѣромъ ночномъ небѣ вырисовался высокій и стройный силуэтъ стараго корабля, крейсера «Память Азова». Раньше онъ ходилъ и подъ парусами, и поэтому мачты его, по сравненію съ нынѣшними, были необычайно высоки. Когда покойный Государь былъ еще Наслѣдникомъ, онъ совершалъ на этомъ кораблѣ кругосвѣтное плаваніе.

Сейчасъ «Память Азова» напоминалъ своимъ обликомъ стараго родовитаго вельможу, впавшаго въ ужасную нищету. Онъ былъ грязенъ, некрашенъ,

исцарапанъ во время послѣдняго совершенно невѣроятнаго перехода черезъ ледяныя поля изъ Гельсингфорса въ Кронштадтъ. Свѣтъ получали съ берега, чтобы не тратить угля на освѣщеніе, и теперь, вѣроятно, контактъ былъ прерванъ, такъ какъ на кораблѣ царила абсолютная темнота. Чтобы пробраться на «Азовъ», надо было спуститься на стоявшаго рядомъ «Сибирскаго Стрѣлка», недавно еще блестящаго представителя одного изъ славныхъ дивизіоновъ миноносцевъ. Онъ стоялъ теперь съ развороченнымъ льдами носомъ и снятыми по случаю долговременнаго ремонта трубами. Его пѣсня, какъ и «Памяти Азова», была окончательно спѣта.

Черезъ стоявшую рядомъ баржу, по наскоро сколоченному изъ нестроганнаго дерева трапу, я поднялся на бортъ «Памяти Азова», на которомъ былъ вахтеннымъ начальникомъ. Съ верхней палубы хорошо былъ виденъ мощный и граціозный въ то-же время «Андрей Первозванный», на которомъ было много огней, а подальше — распластанная гигантская масса «Гангута». Пахло сыростью моря, смолой, желѣзомъ, влажный вѣтеръ порой мягко прижимался къ щекѣ, возбуждая сладкую грусть.

Прямо по носу видны были огни «Лѣсныхъ Воротъ», выхода на свободу. — Пора бѣжать! Выработанный планъ будетъ приведенъ въ исполненіе. Я подошелъ къ борту и посмотрѣлъ внизъ. Далеко внизу стоялъ на водѣ, едва покачиваясь, огромный баркасъ. — Онъ выдержитъ какой угодно походъ подъ парусами. О томъ, — куда бѣжать, — это не представлялось мнѣ особенно важнымъ. Нужно выбраться изъ этого ада, передохнуть на свободѣ и приняться за борьбу.

Я подошелъ къ трапу и сталъ спускаться въ кромѣшную тьму.

Всѣ каюты, выходящія въ каютъ-кампанію, были раньше запечатаны, за исключеніемъ двухъ-трехъ, гдѣ жили еще офицеры. Но понемногу, въ эти каюты стали просачиваться матросы, печати срывались, и маленькій уголокъ, гдѣ можно еще было отдохнуть и забыться отъ матросскаго ада, звѣрскихъ голосовъ, дикой ругани, всей этой вакханаліи развалившейся дисциплины, потерялъ свое значеніе.

Баронъ Ф., командиръ корабля, предложилъ мнѣ пустовавшую адмиральскую каюту, куда я и перешелъ, зная, что вообще недолго еще буду оставаться на кораблѣ.

Это было огромное отдѣленіе, изъ большой столовой, кабинетъ-салона и спальни. Лѣтъ 30 назадъ это помѣщеніе занималъ Наслѣдникъ, и каждый предметъ въ немъ говорилъ о прошломъ.

Я ощупью пробрался въ столовую, зажегъ спичку, и съ ея помощью нашелъ аккумуляторный фонарь, прошелъ съ нимъ въ кабинетъ и, поставивъ его на столъ, принялся шагать по каютѣ взадъ и впередъ. Изъ фонаря выходилъ узкій треугольникъ свѣта, подобно маленькому прожектору, раздѣляя темноту на двѣ половины.

Въ открытый иллюминаторъ ритмично врывался шопотъ воды, происходящій отъ едва замѣтнаго покачиванія судна.

«Да, дѣла были очень плохи! Кромѣ убитъ, Локкартъ въ Москвѣ попался со всей организаціей глупѣйшимъ образомъ, а наводненіе потопило моторы въ Гаванскомъ Яхтъ-Клубѣ. Вся активная и положительная сторона дѣла сошла на нѣтъ, а оставшаяся отрицательная, какъ напримѣръ — опасность быть арестованнымъ и преданнымъ мучительной смерти съ предварительными пытками, — оставалась на лицо. Въ 1918 году война съ нѣмцами еще продолжалась, и по

инерціи русское офицерство чувствовало себя еще in statu belli. Ожидался приходъ нѣмцевъ въ Петербургъ, который былъ очень нежелателенъ для союзниковъ, такъ какъ Кронштадтъ былъ бы великолѣпной базой для нѣмцевъ, не говоря уже о единственномъ въ мірѣ дивизіонѣ 26.000 тонныхъ кораблей — «Гангутъ», «Полтава», «Севастополь» и «Петропавловскъ», о минноносцахъ типа «Новикъ», о подводныхъ лодкахъ и прочихъ морскихъ богатствахъ, которыя попали бы въ ихъ руки.

Въ ту пору въ Петербургѣ работала англійская организація, связанная съ русскими морскими и армейскими офицерами, цѣлью которой было продолженіе борьбы съ нѣмцами, противъ большевистской власти. Тѣ, кто работалъ тамъ, были наивно увѣрены, что, отдавъ свои силы, а, можетъ быть, и жизнь борьбѣ союзниковъ противъ нѣмцевъ, — въ случаѣ побѣды надъ ними получатъ изъ рукъ Антанты свою, спасенную изъ большевистскаго хаоса, несчастную родину. Много хорошихъ и смѣлыхъ людей погибло, работая въ этихъ организаціяхъ Антанты, а лучшій изъ нихъ, благородный, смѣлый и образованный Колчакъ, былъ подлымъ образомъ выданъ французомъ, генераломъ Жаненомъ, его убійцамъ.

Теперь, въ моментъ, къ которому относится разсказъ, дѣло обстояло такъ: Локкартъ попался въ Москвѣ самымъ глупымъ образомъ. Говорили, что въ этой исторіи была замѣшана женщина. (Къ слову сказать, въ Россіи женщины во время борьбы съ большевиками играли особенно фатальную роль.) Огромное количество лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ Локкарту, было либо арестовано, либо принуждено было скрываться.

По чьему-то доносу большевики узнали, что въ Британскомъ Посольствѣ есть документы, представлявшіе для нихъ интересъ. Смѣлый англичанинъ, капитанъ Крòми, во время послѣдняго періода войны командовавшій англійскими подводными лодками въ Балтійскомъ морѣ, защищалъ входъ въ Посольство на нижней площадкѣ лѣстницы съ маленькимъ карманнымъ Браунингомъ въ рукахъ. Въ это время, хранившіеся на чердакѣ документы были уничтожены. Большевики ворвались съ чернаго хода, и Крòми былъ убитъ винтовочной пулей въ затылокъ.

Смерть Крòми, раскрытіе организаціи Локкарта сдѣлали существованіе морской организаціи по существу невозможнымъ, а небывалое августовское наводненіе, затопившее подвѣдомственные мнѣ моторы, стоявшіе въ Гаванскомъ Яхтъ-Клубѣ, сводило мою дѣятельность къ нулю.

Въ самомъ Кронштадтѣ было два-три вѣрныхъ матроса, которые служили на моторахъ, и отъ ихъ настроенія зависѣла моя жизнь. Въ пьяномъ видѣ или въ высокомъ коммунистическомъ подъемѣ они могли меня выдать, заслуживъ, быть можетъ, себѣ награду.

Дѣлать въ Петербургѣ было больше нечего, нужно было бѣжать.

Безусловно, кардинальной и общей всѣмъ, участвовавшимъ въ такъ называемыхъ контръ-революціонныхъ организаціяхъ, ошибкой, была ставка на союзниковъ и вѣра въ ихъ помощь, въ случаѣ ихъ побѣды.

Поэтому, то, что въ Петербургѣ дѣло было провалено, казалось, не должно было меня обезкураживать, такъ какъ я собирался работать за-границей, гдѣ должны были концентрироваться силы активныхъ работниковъ. Однако, на душѣ у меня не было увѣренности въ успѣхѣ, чувствовалась подавленность, и надеждъ на будущее было немного.

Но и съ другой стороны, со стороны большевиковъ также не замѣчалось опредѣленнаго руководящаго плана. Пока, они только подняли желѣзныя рѣшетки, за которыми сидѣли звѣри и выпустили ихъ на свободу. И теперь, особенно въ Кронштадтѣ, шелъ кровавый шабашъ.

На счетъ сегодняшней ночи ходили мрачные слухи. Говорили о «Еремѣевской» ночи для всѣхъ офицеровъ. — Месть за смерть Урицкаго.

Перебирая матросовъ «Азова», я не могъ найти кого-либо, кто былъ особенно озлобленъ противъ своего начальства. Былъ, правда, матросъ Ткаченко, котораго, за его необыкновенно громкій голосъ и болтливость, прозвали на кораблѣ Горлопаномъ. Когда меня команда выбрала предсѣдателемъ дисциплинарнаго суда на «Памяти Азова» и я предупредилъ своихъ избирателей, что буду строгъ, Горлопанъ заявилъ, что онъ придетъ на судъ съ дубиной. Но это былъ безвредный человѣкъ. Отношенія между офицерами и командой были въ общемъ хороши. Былъ, однако, непріятный инцидентъ у командира корабля, барона Ф. съ помощникомъ комиссара Кронштадта, нѣкимъ Атласевичемъ изъ-за перископовъ съ англійскихъ подводныхъ лодокъ. Послѣ воцаренія большевиковъ подводная кампанія англійскихъ лодокъ должна была быть ликвидирована. Лодки были выведены къ Грахарѣ и тамъ были взорваны барономъ Ф., который во время войны былъ флагманскимъ штурманомъ у англичанъ-подводниковъ.

Передъ взрывомъ съ лодокъ были сняты цѣнные предметы, а мѣдныя трубы перископовъ были подарены барону Ф. въ личную собственность. Эти трубы въ 1918 году представляли собой большую драгоцѣнность, такъ какъ мѣдь въ то время цѣнилась уже очень высоко.

Къ сожалѣнію, продать ихъ представлялось дѣломъ абсолютно невозможнымъ, такъ какъ тайкомъ вывезти ихъ изъ Кронштадта никогда бы не удалось, а разрѣшенія большевистскія власти не дали-бы. Баронъ Ф. вышелъ изъ этого затрудненія, подаривъ трубы флоту, о чемъ далъ знать куда слѣдуетъ.

Черезъ нѣсколько дней на корабль прибыла комиссія для пріемки трубъ, а съ ней и Атласевичъ, неразвитой и грубый человѣкъ, державшій себя заносчиво и вызывающе.

Баронъ Ф., притворившись, что онъ не знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, въ нѣсколькихъ короткихъ и энергичныхъ морскихъ выраженіяхъ указалъ ему его мѣсто. Завязалось дѣло. Предстоялъ судъ, атмосфера была чрезвычайно сгущена, и барону Ф. было предложено не выѣзжать изъ Кронштадта.

Ему также нужно было бѣжать. Въ случаѣ-же бѣгства командира, должны были бѣжать всѣ, иначе оставшіеся отвѣтили бы за его бѣгство. Поэтому было рѣшено бѣжать барону Ф., лейтенанту С. и мнѣ. Остававшійся прапорщикъ Яковлевъ, бывшій въ дружескихъ, даже товарищескихъ отношеніяхъ съ командой, не былъ посвященъ въ дѣло, а механикъ, милѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, нѣкто Миппеничъ, который всѣхъ называлъ «Касатикомъ», и за это самъ получилъ это прозвище, вышелъ изъ матросской среды и былъ среди команды своимъ и поэтому ничѣмъ не рисковалъ, оставаясь на кораблѣ послѣ бѣгства командира.

Тяжело было оставлять Россію и итти навстрѣчу неизвѣстности, но, съ одной стороны, другого выхода не было, а съ другой, казалось невѣроятнымъ, что нынѣшній хаосъ останется надолго.

Я долго шагалъ по каютѣ. Въ открытый иллюминаторъ была видна знакомая вечерняя картина, и понемногу воспоминанія стали вытѣснять тяжелыя мысли. Шумъ голосовъ за стѣнкой прервалъ потокъ воспоминаній. Зайдя туда, засталъ

у командира нѣсколько офицеровъ съ сосѣднихъ кораблей. Всѣ держались сдержанно, но чувствовалось, что есть какая-то непріятная и большая новость. — По кораблямъ, какъ выяснилось, ходили агенты Чека и по указанію команды выбирали офицеровъ, которыхъ уводили на разстрѣлъ.

Можетъ быть, сейчасъ явятся на «Память Азова».

И въ командирской каютѣ не горѣло электричество, взамѣнъ котораго стоялъ аккумуляторный фонарь. Его свѣтовой треугольникъ упирался въ большую фотографію «Памяти Азова»; въ иллюминаторъ съ сѣраго неба тускло смотрѣлась звѣзда.

Никто изъ присутствующихъ не выражалъ страха. Сухо констатировали факты, называли цифры. Баронъ Ф. не терялъ веселаго и бодраго тона, за который его всѣ любили.

«Сегодня опять получили вмѣсто рыбы перья и хвостъ», сказалъ онъ. «Господи, какъ бы хотѣлось покушать хорошенько мясца!» — Да, у васъ кормежка слабая — отозвался кто-то изъ угла, — у насъ на «Андреѣ» столъ очень сытный.

Въ это время за комодомъ что-то пискнуло, и тяжелое мягкое тѣло провалилось куда-то.

«Теперь она не уйдетъ отъ насъ», торжествующе заявилъ баронъ Ф., «эта проклятая крыса не даетъ мнѣ покоя!» Была организована охота по всѣмъ правиламъ, съ загонщиками и охотниками. Крыса была ранена палашомъ и искала спасенія подъ диваномъ. Туда направили свѣтъ фонаря и, о чудо, — рядомъ съ обезумѣвшей отъ травли крысой подъ диваномъ была обнаружена большая банка съ Corned beef'омъ. Крысѣ немедленно была дарована жизнь за оказаніе существенной услуги въ дѣлѣ добычи провіанта, все содержимое банки съ Corned Beef'омъ было выложено на сковородку, отнесено въ камбузъ, гдѣ и было изжарено на хлопкожарѣ, а затѣмъ, съ большимъ вниманіемъ съѣдено.

Этотъ инцидентъ немного развлекъ публику, но донесшіеся издалека выстрѣлы опять перевели разговоръ на серьезныя темы. Говорили о томъ, что матросы съ «Александра III-го», отправившіеся на рыбную ловлю, вытащили изъ воды вмѣсто рыбы гирлянду труповъ Соловецкихъ монаховъ, связанныхъ другъ съ другомъ у кистей рукъ проволокой, — о двухъ баржахъ заложниковъ, затопленныхъ недалеко отъ Кронштадта и — совсѣмъ потихоньку — о Колчакѣ, собиравшемъ вокругъ себя силы.

Чьи-то громкіе голоса раздались за стѣнкой.

Тамъ остановились какіе-то люди и совѣщались.

Въ каютѣ наступила тишина. Казалось, что смерть тихонько остановилась у двери и ждетъ.

Потомъ голоса смолкли. Очевидно, ушли. Я вышелъ на верхнюю палубу. На фонѣ ночной тишины отчетливо были слышны далекіе выстрѣлы. Каждый выстрѣлъ уносилъ жизнь!

Я прислонился къ кормовому якорю-верпу и задумался. Недавно, пробуя новый моторный катеръ, я проходилъ мимо красавцевъ-кораблей, которыхъ по тайному приказу организаціи надо было потопить въ случаѣ прихода нѣмцевъ. Объ этомъ знало лишь нѣсколько человѣкъ. Какъ тяжело было-бы это сдѣлать, если-бъ пришлось — и, пожалуй, лучше, что катера потоплены наводненіемъ, а организаціи лопнули.

Чего добился несчастный студентъ, Каннегисеръ, убившій Урицкаго? Сколько тысячъ жизней по всей Россіи теперь даютъ отвѣтъ за его смерть, а самъ онъ преданъ утонченной казни. — Какъ найти вѣрный путь къ спасенію родины?

И, мало по малу, тревожная мысль стала просачиваться въ мое сознаніе. — «Anima servilis», какъ опредѣлялъ Петражицкій, котораго я слушалъ въ студенческія времена. — Классъ, неспособный къ сопротивленію! Сколько разъ приходилось видѣть, что сотню арестованныхъ вели три-четыре оборванныхъ мерзавца, не умѣвшихъ даже держать винтовокъ, — вели на смерть, и никто не старался уйти отъ этой смерти, хотя бы изъ инстинкта самосохраненія. Только что крыса, окруженная десяткомъ, для нея — великановъ людей, билась за свою жизнь, геройски бросилась на грудь мичману Н., хотя одна нога ея была уже отрублена палашомъ, а тамъ — безсильные китайцы гонятъ цѣлое стадо, какъ барановъ на смерть! Сколько разъ арестованные отдавали свое оружіе, изъ котораго ихъ тутъ-же убивали! А звѣри, не видя сопротивленія, становятся все жесточе и жесточе. «Да, мы не финны, создавшіе единственный въ мірѣ Schutzkär! Среди насъ есть столько сильныхъ и смѣлыхъ людей, но нѣтъ вѣры другъ въ друга». Мнѣ не хотѣлось возвращаться больше въ командирскую каюту, и я пошелъ къ себѣ, гдѣ еще не скоро уснулъ.

Когда утромъ, вставши пораньше, я поднялся на мостикъ — я увидѣлъ страшное зрѣлище. Откуда то возвращалась толпа матросовъ, несшихъ предметы офицерской одежды и сапоги. Нѣкоторые изъ нихъ были залиты кровью.

Одежду разстрѣлянныхъ въ минувшую ночь офицеровъ несли на продажу.

Сѣверныя воспоминанія

Это было въ 1918 году.

У маленькаго таможеннаго зданія, стоявшаго у пароходной пристани финскаго города Ваза, въ шесть часовъ туманнаго ноябрьскаго утра собралось нѣсколько человѣкъ, ожидавшихъ совершенія таможенныхъ формальностей. Я, бывшій въ группѣ, заинтересовался пароходомъ, который долженъ былъ отвезти всю компанію, состоявшую изъ меня, братьевъ С., бывшихъ гвардейскихъ казаковъ, и жены одного изъ нихъ — въ Швецію, гдѣ въ то время концентрировались силы сѣверной антибольшевистской группы.

Обѣщанный пароходъ представлялъ изъ себя маленькій финскій буксиръ шхернаго типа, — настолько маленькій, что труба его едва возвышалась надъ пристанью. На немъ нужно было пересѣчь Ботническій заливъ въ самомъ его узкомъ мѣстѣ, между Вазой — на финской, и Умеа — на шведской сторонѣ. «Если не будетъ шторма, то весь путь можно будетъ продѣлать часовъ въ 7».

Когда вышли изъ порта и пошли узкими шхерами, плаваніе обѣщало быть прелестнымъ. Буксиръ мчался, какъ на гонкѣ, бороздя своей крѣпкой и широкой грудью совершенно зеркальную поверхность. Но за грядой, гдѣ начинался свободный заливъ, ясно были видны буруны и пестрое отъ бѣляковъ море.

Я стоялъ у низкаго борта, смотря на быстро мчавшуюся вспѣненную воду... — Скорѣй-бы — къ дѣлу! Но, къ сожалѣнію, нѣтъ ясной и выработанной цѣли, а люди, съ которыми придется итти объ руку, мало извѣстны, какъ самостоятельныя иниціативныя единицы. — Вотъ со мною ѣдутъ братья С., — образованные (оба окончили университетъ), смѣлые и честные люди, а старшій братъ С. — даже исключительнаго мужества. Но, что они дадутъ и что могутъ дать?

Въ Стокгольмѣ будутъ люди, которые будутъ руководить движеніемъ и поддерживать его съ матерьяльной стороны. Нити новой организаціи начинались въ Гельсингфорсѣ. Она, повидимому, обладала крупными средствами.

Инженеръ Г., устроившій перевозку изъ Вазы въ Умеа, произвелъ на меня на первыхъ порахъ очень выгодное впечатлѣніе. — Плотный, съ большой головой и крутымъ лбомъ, умно и логично разсуждавшій. Патріотизмъ его не носилъ квасного характера и былъ очень послѣдователенъ.

Надъ нимъ стоялъ англичанинъ Личъ, въ распоряженіи котораго были, казалось, неисчерпаемыя средства. Онъ, какъ говорили, былъ «коммерческимъ совѣтникомъ» при Британскомъ посольствѣ. Про него разсказывали, что, послѣ революціи, онъ скупилъ всѣ большія газеты въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Кромѣ того, онъ принималъ участіе въ одномъ крупномъ товариществѣ на Сѣверѣ Россіи, а именно, на Мурманѣ, гдѣ предполагалось поднять упавшее рыболовство, которое было совершенно забито норвежцами, построить верфи для рыболовныхъ судовъ, склады, расширить Мурманскій портъ и т. п.

Однако, большевики мѣшали Личу въ осуществленіи его плановъ. Ему нужны были руки и мясо, и вотъ, онъ съ инженеромъ Г. образовалъ организацію, занимавшуюся переброской офицеровъ черезъ Швецію на Мурманъ.

Къ этому времени Мурманъ былъ уже занятъ союзниками, — англичанами, французами, американцами, итальянцами и сербами. Оккупаціонная линія опускалась къ югу на половину пути Мурманско-Петроградской желѣзной дороги. Такимъ образомъ, на Сѣверѣ была твердая база, откуда съ помощью иностранцевъ можно было начать борьбу . . . Но что за люди начальники иностранныхъ оккупаціонныхъ отрядовъ, какія у нихъ полномочія, каковы ихъ истинныя намѣренія?

У меня еще свѣжъ былъ въ памяти развалъ Петербургской организаціи, неустойчивость и невыработанность ея плановъ и полное отсутствіе вѣры другъ въ друга ея членовъ. Что было еще худо, — это то, что иностранцы обыкновенно были совершенно неосвѣдомлены о сути дѣла и слушались съ полной вѣрой того, кто говорилъ хорошо на ихъ языкѣ, благодаря чему получилось, что очень часто они, обладая неограниченными возможностями, либо ничего не дѣлали, либо даже вредили дѣлу.

— Между тѣмъ, буксиръ стало сильно покачивать. — Онъ вышелъ изъ шхеръ и теперь шелъ уже заливомъ, на которомъ гуляли частыя и злыя ноябрьскія волны. — Черезъ полчаса буксиръ стало изрядно заливать, и онъ сильно убавилъ ходъ. Небо стало затягивать темными тучами, и вѣтеръ все крѣпчалъ. Въ миляхъ 2-хъ къ западу виднѣлся какой-то низкій островъ. Капитанъ буксира рѣшилъ стать подъ его прикрытіе. Добрались до острова уже съ большимъ трудомъ и съ залитымъ водой машиннымъ отдѣленіемъ.

Въ маленькой бухтѣ было совсѣмъ спокойно.

— Это былъ островъ Вальгрундъ, съ лоцманской станціей и тремя-четырмя фольварками.

Къ ночи вѣтеръ превратился въ настоящую бурю. На слѣдующій день — то же. Выйти въ море не представлялось ни малѣйшей возможности. Такимъ образомъ, намъ пришлось провести на Вальгрундѣ четыре дня. За это время вынужденнаго сидѣнья на лѣсистомъ небольшомъ островѣ, среди бушующаго моря, питаясь здоровыми и вкусными крестьянскими продуктами, мы отдохнули и набрались силъ больше, чѣмъ въ любой санаторіи.

Вечеромъ, при слабомъ свѣтѣ маленькой керосиновой лампочки мы сидѣли въ бревенчатой кухнѣ лоцманскаго домика и вели бесѣды. Много говорили о Личѣ. Младшій С., проведшій съ Л. цѣлый мѣсяцъ въ одномъ отелѣ, въ Гельсингфорсѣ, разсказывалъ много о немъ. — Въ послѣднее время у Лича, по профессіи горнаго инженера, были нефтяные фонтаны въ Трансильваніи. Во время войны онъ какимъ-то образомъ пристроился къ дикой дивизіи. До войны онъ, принимая участіе въ золотоискательныхъ экспедиціяхъ въ Манчьжуріи, побывалъ на Аляскѣ, въ Америкѣ, пережилъ какое-то необыкновенное происшествіе на носившемся въ безпомощномъ состояніи пароходѣ безъ паровъ, въ теченіи 2-хъ недѣль, словомъ, представлялъ изъ себя фигуру незаурядную.

Что было особенно интересно, — это вопросъ, представляетъ-ли Личъ изъ себя самостоятельную величину, входитъ-ли въ какой-либо частный синдикатъ, или является замаскированнымъ представителемъ англійскаго правительства. Но пока, было слишкомъ мало данныхъ, для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ. Однако, если даже онъ и былъ представителемъ правительства, то во всякомъ случаѣ, онъ былъ заинтересованъ и въ рядѣ крупныхъ личныхъ предпріятій.

На четвертый день къ вечеру погода стала утихать и было рѣшено на слѣдующій день утромъ выйти въ море.

Утромъ вѣтеръ сильно спалъ, и, хотя на морѣ было довольно свѣжо, выйти представлялось возможнымъ. Часовъ черезъ 6 открылся шведскій берегъ. Навстрѣчу вышелъ лоцманскій катеръ, который по узкому фарватеру привелъ насъ въ Умеа.

Черезъ сутки, получивъ разрѣшеніе на проѣздъ въ Стокгольмъ, мы выѣхали туда. На одной изъ большихъ узловыхъ станцій, приблизительно на полъ-дорогѣ къ Стокгольму, насъ встрѣтилъ нѣкій В-лярскій, выѣхавшій къ намъ по распоряженію Лича. Передавъ С-ву письмо отъ Лича, В. поѣхалъ дальше къ Хапаранта, пограничной станціи между Швеціей и Финляндіей, куда должны были прибывать члены будущей добровольческой арміи, которой предстояло дѣйствовать на Сѣверѣ.

В. принадлежалъ къ сильно скомпрометированной фамиліи, извѣстной, между прочимъ, печальной исторіей съ брилліантами. Самъ В. провелъ очень бурную молодость. Во время войны онъ былъ летчикомъ, а до войны блуждалъ по свѣту, добывалъ золото и скитался на Камчаткѣ.

На Стокгольмскомъ вокзалѣ мы были встрѣчены княземъ О., также принадлежавшимъ къ организаціи Лича. До революціи онъ занималъ постъ товарища прокурора въ Царствѣ Польскомъ. Въ настоящій моментъ онъ жилъ въ Grand Hôtel Royal. Самъ Личъ занималъ также тамъ помѣщеніе.

Въ 1918 году, благодаря пріѣзду огромнаго количества русскихъ, въ то время бывшихъ со средствами, а многихъ — даже съ очень большими средствами, большіе отели Стокгольма переживали пышный Renaissance.

Русскія деньги размѣнивались чрезвычайно выгодно, на Швецію русскіе смотрѣли какъ на временный этапъ и поэтому не стѣснялись ихъ разбрасывать. Съ другой стороны, шведы также не могли еще себѣ представить, что Россія развалилась и погибла и по инерціи продолжали въ нее вѣрить.

Я нѣсколько разъ ходилъ въ Grand Hôtel съ С., у котораго тамъ бывали дѣловыя встрѣчи. Тамъ кристаллизовалась дѣловая группа финансистовъ.

За короткій мѣсячный періодъ, протекшій со дня бѣгства изъ Кронштадта до прибытія въ Стокгольмъ, я не отвыкъ чувствовать себя связаннымъ съ тѣмъ дѣломъ, которому былъ преданъ въ Петербургѣ. Въ Гельсингфорсѣ сразу при-

шлюсь столкнуться съ эмигрантами. Это были представители аристократіи, начиная съ Великаго князя Кирилла Владиміровича, и плутократіи. Среди нихъ шныряли дѣльцы маленькаго калибра, устраивавшіе займы людямъ съ большими именами, и едва, едва пошевеливались личности новой формаціи, впослѣдствіи достигшей въ своей дѣятельности гигантскихъ размаховъ, — люди, ведущіе сношенія съ Россіей черезъ голову большевиковъ, а иногда — и съ ихъ помощью. Нѣкоторые пытались завязывать торговлю (конечно — контрабандную), другіе посвятили себя опасному промыслу переправки бѣженцевъ черезъ финскую границу, — опасному, главнымъ образомъ, для нихъ самихъ, такъ какъ они находились въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ большевиками, и достаточно было произойти между двумя сторонами простой ссорѣ, дѣло кончалось разстрѣломъ. Такъ, между прочимъ, былъ разстрѣлянъ камергеръ Стояновскій, очень многихъ переправившій за-границу.

Въ 1918 г. бѣженцы, прибывавшіе въ Гельсингфорсъ, останавливались въ «Сосьетѐ Хюзетъ», ни о чемъ на первыхъ порахъ не думая. Необходимо было притти въ себя, отдохнуть, а, главнымъ образомъ, подкормиться. Черезъ нѣкоторое время начинали слегка покучивать, а затѣмъ, соскучившись, понемногу перекочевывали дальше, — въ Стокгольмъ, Копенгагенъ, а тѣ, кто имѣлъ связи — въ Парижъ. Лица, имѣвшія большія деньги, раздѣлились. Часть, какъ Меликовы и Ліанозовъ, осталась въ Гельсингфорсѣ, другая перебралась въ Стокгольмъ.

При этомъ наблюдалось слѣдующее любопытное явленіе. По мѣрѣ увеличенія теченія въ какую-нибудь страну, увеличивались строгости по части выдачи разрѣшеній въѣзда, что только увеличивало общее стремленіе. Казалось, что масса была заражена стаднымъ психозомъ, тѣмъ-же непонятнымъ инстинктомъ передвиженія, что овладѣваетъ вдругъ полевыми мышами или муравьями. Почему бы, казалось, было не оставаться въ Финляндіи, по близости отъ Петербурга, въ особенности въ 1918 году, когда каждую минуту ожидали конца большевиковъ?

Кромѣ того, изъ Гельсингфорса легко было поддерживать связь съ оставшимися въ Петербургѣ родными и близкими, а при помощи контрабандистовъ-финновъ получать оставленныя драгоцѣнности или документы.

Однако же, бѣженцы уходили дальше, уходили съ трудностями, теряя на размѣнѣ, изъ лучшихъ условій — въ худшія. Бѣженская толпа, помимо всего, отличалась крайнимъ легкомысліемъ, и часто можно было наблюдать, какъ люди, пережившіе только что въ Россіи тяжелыя драмы, наполняли кабаре и кафе-шантаны.

Въ общей массѣ не наблюдалось стремленія сомкнуться и итти на борьбу, но этого буквально требовали отъ офицеровъ, изъ которыхъ 99% провели четыре года ужасной войны на поляхъ сраженій.

И это происходило здѣсь, подъ бокомъ финскаго народа, выдѣлившаго изъ себя единственный въ мірѣ Schutz-Càr, то-есть, «бѣлую гвардію». Часто приходилось слышать, какъ родители доказывали, что ихъ сынъ не военный, слѣдовательно, онъ не долженъ итти воевать съ большевиками. Простой, чисто животный инстинктъ защиты своего логовища и семьи не былъ свойственъ этимъ людямъ, а въ это-же время они могли видѣть разводъ караула у дворца на Эспланадной, который производился часто 45—55-лѣтними представителями свободныхъ профессій, докторами, юристами, инженерами, не военными фигурками, подчасъ съ солиднымъ брюшкомъ. Но это были финны. Небольшое число

офицеровъ, находившихся въ то время въ Гельсингфорсѣ было уже взято на учетъ и при первой оказіи должны были быть переправлены въ Швецію, а оттуда — на Мурманъ.

Они-то уже совсѣмъ не знали, к т о ихъ посылаетъ, знали только — з а ч ѣ м ъ и вѣрили въ то, что все будетъ устроено, какъ слѣдуетъ. Безотвѣтные, какъ и при царѣ, они покорно шли, куда приказывали, и во время всѣхъ бывшихъ антибольшевистскихъ авантюръ дали кровавую ниву разстрѣлянныхъ, замученныхъ, растерзанныхъ, — всѣ эти Ивановы и Петровы, не говорившіе на иностранныхъ языкахъ, не имѣвшіе знатныхъ родственниковъ, которые выхлопатывали бы имъ визы въ Парижъ, Лондонъ и Берлинъ, а оставались на мѣстахъ, покинутые сначала — союзниками, а потомъ и своими начальниками...

У С. было свиданіе съ Личемъ въ роскошномъ, мраморомъ облицованномъ кафе Стокгольмскаго Grand Hôtel'я. Въ честь огромнаго количества русскихъ, занимавшихъ чуть не три четверти гигантскаго отеля, прекрасный оркестръ игралъ цыганскіе романсы, а вокругъ — пальмы, фонтаны, мавританскіе мраморные балкончики, запахъ духовъ, масса красивыхъ женщинъ, ищущихъ добычи, дорогія сигары, величественные лакеи . . .

Я за однимъ изъ столиковъ поджидалъ С. — Сегодня онъ долженъ былъ узнать день отправки на Мурманъ. Изъ Гельсингфорса прибыла партія офицеровъ изъ 15 человѣкъ и тоже ждали очереди. Бывшіе въ то время въ Стокгольмѣ моряки ѣхали къ Колчаку. Но это было еще не окончательно рѣшено, и я рѣшилъ ѣхать на Мурманъ. Моряки должны были ѣхать черезъ Канаду, затѣмъ въ Японію, и оттуда — въ Сибирь. Это было очень долгое и дорогое путешествіе. Во главѣ ихъ стоялъ капитанъ 1-го ранга И. И. Ладыженскій. Послѣ разгрома арміи, онъ съ небольшимъ отрядомъ бѣжалъ въ Маньчжурію, гдѣ умеръ отъ тифа.

Мнѣ пришлось ждать С. довольно долго. Очевидно, засѣданіе финансистовъ затянулось. Но возможно, что собраніе было занято и вопросомъ о Юденичѣ. Изъ всѣхъ генераловъ, кандидатура которыхъ выдвигалась, какъ руководителей добровольческой арміей въ Европейской Россіи, безусловно на первомъ мѣстѣ былъ Юденичъ. На всѣхъ буквально гипнотическое вліяніе оказывала фраза, которую всегда про него говорили: «Генералъ, который никогда не зналъ ни одного пораженія».

Пріѣздъ его въ Стокгольмъ устроилъ младшій С. Однако, по пути онъ останавливался въ Гельсингфорсѣ, гдѣ принималъ участіе въ засѣданіяхъ съ тамошними финансистами, возглавляемыми Ліанозовымъ. Тамъ и былъ созданъ планъ кампаніи на Сѣверо-Западномъ фронтѣ, причемъ базой являлся Ревель. Однако, въ первое пребываніе Юденича въ Гельсингфорсѣ, вопросъ этотъ не былъ выработанъ, и генералъ пріѣхалъ въ Стокгольмъ. Его штабъ составлялъ — полковникъ Даниловскій, бывшій во время войны адъютантомъ при одномъ изъ великихъ князей. Онъ обладалъ дивнымъ цвѣтомъ лица и бородой, но на ходъ событій вліянія не оказывалъ. Другимъ спутникомъ Юденича былъ Покатиловъ, штабсъ-капитанъ, очень милый молодой человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ. Я нѣсколько разъ встрѣчался съ Юденичемъ въ Стокгольмѣ. Генералъ держался очень увѣренно, говорилъ, что если ему не будутъ мѣшать, то онъ большевиковъ «раскидаетъ». Если не будутъ мѣшать!

Пришелъ С. — «У русскаго консула Боссе черезъ 2 дня будутъ готовы англійскія (на въѣздъ въ Мурманскій районъ) и транзитныя норвежскія визы».

— Итакъ, вотъ онъ приходитъ, желанный моментъ. До этихъ поръ мнѣ еще не приходилось встрѣчаться съ «оккупаціонными иностранцами», и я былъ преисполненъ радужныхъ надеждъ. — «Изъ Италіи ѣдетъ генералъ Миллеръ, который приметъ на себя командованіе русскими частями. Обоснуется онъ въ Архангельскѣ».

Про Миллера говорили, что онъ очень порядочный человѣкъ; какъ о военной величинѣ, о немъ ничего не говорили, извѣстно только было, что онъ очень интересуется формами. При нынѣшнихъ условіяхъ это было скорѣе противопоказаніемъ. Разсчитывали, однако, на его связи у иностранцевъ. Это было, не надо забывать, — въ 1918 году, когда думали, что иностранцы, кромѣ своего пріѣзда въ Россію съ орудіями, оружіемъ, обозами и Cantine Board'ами будутъ и воевать. При этомъ послѣднемъ условіи Миллеръ, конечно, былъ-бы очень полезенъ, являясь руководителемъ, при которомъ состоитъ штабъ свѣдущихъ русскихъ офицеровъ.

Въ серединѣ декабря я вмѣстѣ съ еще однимъ морякомъ, старшимъ лейтенантомъ фонъ Т., выѣзжалъ на Мурманъ черезъ Швецію и Норвегію, конечнымъ пунктомъ которой являлся Нарвикъ. Изъ Нарвика уже русское судно должно было перевезти насъ на Мурманъ.

Передъ отъѣздомъ Личъ угощалъ С., нынѣ покойнаго графа Шувалова и меня виски.

Графъ П. Шуваловъ, извѣстный среди друзей подъ ласковымъ именемъ «Павлика», представлялъ изъ себя совершеннаго рыцаря, благороднаго, всегда готоваго на самопожертвованіе. У него былъ туберкулезъ берцовой кости, почему его нога всегда была въ желѣзной шинѣ. Это обстоятельство не помѣшало ему продѣлать всю русско-нѣмецкую кампанію въ качествѣ добровольца, а во время большевиковъ дважды ходить въ Петербургъ секретнымъ курьеромъ.

Онъ, между прочимъ, вывезъ княгиню Палѣй, супругу вел. князя Павла Александровича, разстрѣлянную большевиками. Какъ и многіе другіе, Шуваловъ также подпалъ подъ вліяніе Лича и самъ просилъ С. устроить его въ личевскую организацію. Личу было очень лестно имѣть графа Шувалова, но онъ почему-то у Лича не остался.

Впослѣдствіи, мѣсяца черезъ 3, Шуваловъ вернулся въ Гельсингфорсъ, былъ очень полезенъ тамъ своими связями, между прочимъ съ Маннергеймомъ, съ которымъ былъ на «ты», ходилъ въ Петербургъ, откуда привезъ очень цѣнныя свѣдѣнія, такъ какъ бывалъ тамъ повсюду, — въ казармахъ, штабахъ, присутствовалъ даже на партійныхъ засѣданіяхъ, шелъ съ Юденичемъ въ августѣ на Петербургъ и былъ убитъ подъ Краснымъ осколкомъ шальной шрапнели, когда бой уже прекратился. Онъ оставилъ по себѣ самыя лучшія воспоминанія у всѣхъ его знавшихъ, такъ какъ враговъ у него не было.

Виски у Лича было прекраснаго качества, выпито его было изрядно, и поэтому настроеніе у присутствующихъ было оптимистически приподнятое; у всѣхъ была твердая увѣренность въ успѣхѣ, у всѣхъ свѣжо было въ памяти впечатлѣніе о большевистскихъ войскахъ, представлявшихъ изъ себя толпу оборванцевъ, почти несвязанныхъ по виду дисциплиной (1918 годъ!).

Не учитывали совершенно связанности и чисто инстинктивной спаянности народной массы, повинующейся простому физическому закону сцѣпленія однородныхъ частицъ, которой противопоставлены чуждые барскіе элементы, этому закону сцѣпленія однородныхъ частицъ не повинующіеся и настоящимъ чувствомъ патріотизма не обладающіе, — патріотизма, то-есть единственнаго начала

общности, которое могло-бы быть противопоставлено связанности народныхъ массъ, шедшихъ подъ большевистскимъ флагомъ . . .

О Мурманѣ всѣ почему-то думали, какъ объ исключительно холодной странѣ, почему въ дни, предшествующіе отъѣзду, я усиленно экипировался, какъ для поѣздки на сѣверный Полюсъ.

Четыре дня предстояло ѣхать до Vardø, одного изъ самыхъ сѣверныхъ обитаемыхъ пунктовъ Норвегіи, — черезъ Швецію, затѣмъ Гаммерфестъ, мимо Лафотенъ, столь дорогихъ сердцу, благодаря Гамсуновскимъ описаніямъ и тому, что самъ писатель продолжалъ тамъ жить.

Въ Нарвикъ мы прибыли вечеромъ и, въ ожиданіи парохода, снимавшагося утромъ, принуждены были переночевать въ одной изъ крошечныхъ, но уютныхъ норвежскихъ гостинницъ. Тутъ мы впервые увидѣли норвежскій камелекъ, о которомъ съ душевнымъ сокрушеніемъ не разъ вспоминали потомъ на Мурманѣ. Утромъ въ Нарвикъ прибыла догнавшая насъ партія изъ 15-ти офицеровъ. Съ ними шла рота солдатъ, до сихъ поръ бывшая въ шведскихъ концентраціонныхъ лагеряхъ. Солдаты рвались въ Россію и, искренно или нѣтъ, но выражали желаніе драться противъ большевиковъ.

Утромъ они проходили мимо оконъ гостинницы на пароходъ, который долженъ былъ отвезти ихъ въ Вардё, — построившись стройными рядами; слѣва съ боку орломъ шелъ унтеръ-офицеръ, бойко покрикивая порой: «атъ, два, атъ, два». Русскіе всюду самобытны и за-границей обращаютъ на себя вниманіе, если ихъ много, но можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело на норвежскихъ рыбаковъ, молчаливыхъ и медленныхъ, это маленькое русское войско, здѣсь на сѣверѣ Норвегіи, на фонѣ фіорда, жердей для сушки трески, моторныхъ рыболовныхъ ботовъ у синяго, никогда не замерзающаго, благодаря Гольфстрему, океана, сдавленнаго въ этомъ мѣстѣ снѣговыми горами! — Еще болѣе слѣпо, чѣмъ ведшіе ихъ офицеры, шли эти солдаты черезъ неизвѣстныя имъ земли и моря въ родную страну биться съ большевиками, сохранивъ, благодаря плѣну, былую дисциплину и «вѣру въ начальство».

Это былъ прекрасный военный матерьялъ, который, при умѣніи имъ воспользоваться, могъ бы принести большую пользу; но воспользоваться имъ, благодаря послѣдовавшей чудовищной неразберихѣ, не пришлось.

Около 10-ти часовъ утра погрузились на бѣлый, маленькій, сіяющій чистотой пароходъ, «Haakon Adelstein», и пошли по кружевному архипелагу Лафотенъ. Совсѣмъ не чувствовалось, что въ сущности — это океанъ, угрюмый и холодный Сѣверный Океанъ. — Спокойная, синяя вода, только вокругъ — горы покрыты снѣгомъ. И повсюду, обгоняемые пароходомъ, навстрѣчу, наперерѣзъ — рыболовные боты, крѣпкіе, съ круглыми формами, моторные двухмачтовые рыболовные боты. Только въ Средиземномъ японскомъ морѣ приходилось мнѣ видѣть такое количество рыболовныхъ судовъ.

Въ очень узкихъ проходахъ Лафотенъ порой бывало эхо, и тогда звуки двухтактныхъ керосиновыхъ моторовъ слышны были со всѣхъ сторонъ, будто эти «та-та», «та-та» гнали рыбу, какъ загонщики на охотѣ.

Въ Гаммерфестѣ сѣлъ на пароходъ также ѣхавшій на Мурманъ молодой еще совсѣмъ человѣкъ, князь М. Всѣмъ своимъ наружнымъ и внутреннимъ обликомъ онъ напоминалъ Петю Ростова изъ «Войны и Мира». Необыкновенно услужливый, предупредительный, воспитанный и по дѣтски еще веселый, онъ привлекалъ къ себѣ. Онъ свободно владѣлъ иностранными языками, особенно англійскимъ и, приходясь племянникомъ генералу Миллеру, могъ-бы легко

устроиться либо переводчикомъ при какой нибудь иностранной особѣ, либо состоять при штабѣ дядюшки. Онъ, однако, не пожелалъ этого, а пошелъ на передовыя линіи, образовавъ драгунскій отрядъ своего имени.

На «Haakon Adelstein» сѣла въ Hammerfest'ѣ молодая дѣвица, нѣкая Франциска Вагнеръ, направлявшаяся также на Мурманъ. Въ Петербургѣ въ 1918 году среди англичанъ она играла большую роль, такъ какъ являлась единственнымъ связующимъ звеномъ между англичанами, сидящими въ тюрьмахъ и скрывающимися отъ ареста. Первыхъ она кормила, порой на деньги, вырученныя отъ продажи собственныхъ драгоцѣнностей, а вторымъ передавала корреспонденцію и устраивала ихъ бѣгство черезъ границу.

Она омыла трупъ несчастнаго Кроми и была единственнымъ человѣкомъ, провожавшимъ его гробъ на кладбище. Впослѣдствіи она получила отъ англійскаго правительства награду, military medal, но до этого нѣкоторыя докучныя формальности, съ которыми сопряжено полученіе различныхъ разрѣшеній и визъ, для нея не были устранены. Во время ея пребыванія на Мурманѣ съ ней произошелъ трагическій эпизодъ. Она случайно убила англійскаго майора, который самъ ей подалъ револьверъ, будучи увѣренъ, что онъ не заряженъ.

Въ Vardø мы были встрѣчены и. о. русскаго вице-консула, нѣкимъ Розановымъ. До революціи онъ былъ на сѣверѣ капитаномъ коммерческаго судна. Не получая никакого содержанія, онъ занимался по мѣрѣ своихъ силъ спекуляціей, дававшей ему нѣкоторые доходы.

До Мурманска мы шли на могучемъ буксирѣ «Русланъ». Въ его трюмѣ, при довольно плохихъ условіяхъ, помѣщалось воинство. 15 человѣкъ офицеровъ скопилось въ маленькой штурманской рубкѣ, гдѣ невѣроятно страдало отъ морской болѣзни во время перехода по довольно свѣжей волнѣ, черезъ Варангерфіордъ.

Утромъ, около 9-ти часовъ, мы вошли въ глубокій фіордъ, которымъ шли часа два. Это былъ Кольскій заливъ, въ глубинѣ котораго лежали Семеновы острова съ расположеннымъ на нихъ Мурманскомъ.

Показался огромный портъ. На «большомъ рейдѣ» стоялъ стройный пятитрубный крейсеръ, — нашъ Аскольдъ, подъ англійскимъ флагомъ. На немъ держалъ свой флагъ адмиралъ Green. Тамъ-же стоялъ гигантъ-ледоколъ Святогоръ, также подъ англійскимъ флагомъ.

На внутреннемъ рейдѣ стоялъ у самой стѣнки линейный корабль «Чесма» подъ Андреевскимъ флагомъ и два маленькихъ миноносца стараго типа, также подъ Андреевскими флагами.

Большинство буксировъ были подъ иностранными флагами, главнымъ образомъ — подъ англійскими и французскими. Крупные ледоколы, вродѣ «Микулы Селяниновича», «Ильи Муромца», «Соловья Будимировича», были подъ французскими флагами.

Кромѣ этихъ судовъ, стояло еще много норвежскихъ моторныхъ ботовъ и парусныхъ кораблей, изъ которыхъ два поражали своими размѣрами. Это были океанскіе пятимачтовые корабли, «Катанга» и «Лористонъ», огромной грузоподъемности, съ невѣроятно высокими мачтами.

Въ душѣ каждаго моряка живетъ желанье поскитаться по свѣту на парусномъ кораблѣ по волѣ вѣтровъ, и мое сердце забилось при видѣ этихъ парусныхъ красавцевъ.

Въ Кольскомъ заливѣ также сильны приливы и отливы, какъ и въ Ледовитомъ Океанѣ, и достигаютъ высоты 15 футовъ, почему палубы кораблей то воз-

вышаются надъ стѣнкой пристаней, то проваливаются въ пропасть. Во время отлива сваи пристаней обнажаются, а во время прилива — сплошь покрываются водой, но дольше всего остается въ водѣ середина сваи, почему на ней и намерзаетъ maximum льда; вотъ почему во время отлива, сваи, съ намерзшимъ на нихъ льдомъ, похожи на гигантскія, прозрачныя кегли, и весь портъ кажется построеннымъ на ажурныхъ изящныхъ подставкахъ, что, взятое вмѣстѣ съ полумракомъ сѣверной страны, оставляемой солнцемъ на четыре мѣсяца, даетъ сказочный колоритъ.

Размѣры Мурманскаго порта поражали. Размахъ строителя былъ взятъ во всю широту, какъ это подсказывается безпредѣльностью края.

Благодаря близко протекающему Гольфстрему, приблизительно на 100 съ лишнимъ верстъ отъ берега вода не замерзаетъ и представляетъ исключительное удобство для непрерывающагося въ теченіи всего года водянаго сообщенія.

Послѣ перваго удара революціи, весь районъ Мурмана застылъ и погрузился въ мертвый сонъ. Теперь его пытались разбудить. Повсюду видны были огромные склады, рельсовые безконечные пути, на водѣ — безчисленныя сваи и бревна для постройки, пригнанныя изъ Архангельска оленьи нарты съ лопарями, грузовые автомобили, вагонетки, сани и телѣги съ крупными англійскими лошадьми и мулами, русскіе и иностранные матросы и солдаты, рабочіе; въ воздухѣ стоялъ стонъ отъ всевозможныхъ смѣшанныхъ звуковъ, отъ рева сиренъ, пароходныхъ гудковъ и свиста паровозовъ, рычанья грузовиковъ, людскихъ возгласовъ и грохота товарныхъ вагоновъ.

У самой пароходной сходни стоялъ матросъ съ «Чесмы» въ валенкахъ, и съ повязанными башлыкомъ ушами. Онъ небрежно опирался на винтовку, и во всей его позѣ и выраженіи было столько величаваго презрѣнія къ прибывшимъ изъ Норвегіи офицерамъ, что ясно было, что о прежней дисциплинѣ надо было юстараться поскорѣе забыть.

Рядомъ, съ сосѣдняго судна сгружали бидоны съ бензиномъ. И опять, здѣсь, въ манерѣ бросать ящики, какъ попало, «пусть разобьется, пусть вытекаетъ бензинъ», было столько печально знакомаго по недавнему Кронштадтскому прошлому, что сердце сжималось отъ тоскливаго предчувствія.

Никто не встрѣтилъ прибывшихъ, несмотря на то, что объ ихъ отъѣздѣ изъ Vardø было дано знать телеграммой. Только находившійся на англійской полицейской службѣ русскій морякъ провѣрилъ документы.

Фонъ Т. и я пошли въ городъ, разсчитывая встрѣтить знакомыхъ моряковъ, и, дѣйствительно, — съ «Чесмы» спускался лейтенантъ Т. Онъ сообщилъ, что въ получасѣ ходьбы, подъ домомъ морского штаба, стоитъ на рельсахъ салонъ-вагонъ, въ которомъ устроилъ столовую бывшій кокъ «Варяга», котораго звали Мишей. Фамилія его было Невражинъ.

Рѣшили пойти туда похарчить. — Встрѣчавшіеся по дорогѣ дома были выстроены изъ крупныхъ бревенъ, солидно, въ два этажа, повсюду проведено электричество, телефонъ; у маленькаго зданія вокзала перекрещивалось множество желѣзнодорожныхъ путей.

Вода въ заливѣ испарялась, благодаря маленькому ударившему морозу, и бѣлесая густая пелена покачивалась надъ портомъ, какъ театральная декорація.

Пока дошли до вагона-столовой, короткій полярный день уже угасъ, и въ окнахъ свѣтились тусклыя электрическія лампочки. Поваръ Миша оказался здоровеннѣйшимъ матросомъ съ сиплымъ низкимъ басомъ. Онъ былъ очень гордъ своимъ умѣньемъ дѣлать «слойку», то-есть слоеное тѣсто, но мнѣ

показалось, что не это составляло главное основаніе его гордости. — Невражинъ былъ на «Варягѣ» въ то время, какъ разразилась революція. «Варягъ» находился въ Англіи, откуда не уходилъ, такъ какъ были получены изъ Россіи извѣстія о кровавыхъ расправахъ въ Кронштадтѣ. Командиръ крейсера рѣшилъ переждать. Однако, благодаря агитаторамъ, команда узнала о всемъ происходящемъ.

Былъ составленъ заговоръ перебить офицеровъ. Къ счастью, офицерамъ удалось предупредить англійскія власти, и всѣ матросы были посажены въ тюрьму, гдѣ и просидѣли 5 мѣсяцевъ.

Невражинъ о причинѣ такой расправы со стороны англичанъ выражался очень туманно — такъ, по его словамъ, они всѣ были посажены въ тюрьму безвинно. Меня очень интересовало, что именно заставляло его находиться въ станѣ бѣлыхъ, а не перейти на сторону большевиковъ, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ старый кадровый матросъ, очень скоро нашелъ бы себѣ примѣненіе. Невражинъ отвѣчалъ, что примкнуть къ большевикамъ онъ не можетъ, такъ какъ исповѣдуетъ «не убій». Впослѣдствіи, однако, пришлось убѣдиться, что на собраніяхъ Невражинъ держался опредѣленно большевистской программы.

Прислуга въ столовой была невѣроятно груба, развязна и грязна. Когда я сдѣлалъ замѣчаніе, что поданный мнѣ стаканъ чаю безъ блюдца былъ слишкомъ грязенъ, чай былъ вовсе принятъ у меня въ наказаніе.

Вообще, первый день принесъ съ собой много разочарованій. — У вокзала мы слышали, какъ кочегаръ поѣзда ругалъ площадной руганью начальника станціи, сдѣлавшаго ему замѣчаніе, — подъ общій хохотъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, и видно было, что несчастная жертва уже обтерпѣлась. Чувствовалось, что дисциплины въ этомъ краѣ, откуда должно было начаться спасеніе Россіи — нѣтъ, надо было только доискаться причины этого явленія. Немного времени понадобилось, чтобы ее найти. А между тѣмъ, въ Сѣверномъ районѣ было 30.000 боевыхъ иностранныхъ войскъ, англичанъ, побывавшихъ у Соммы, французовъ, бывшихъ подъ Верденомъ, итальянцевъ, — изъ подъ Изонцо!

У нихъ-то была и дисциплина, и довѣріе къ начальству, погнавшему ихъ во мракъ полярной ночи.

Но на первыхъ-же порахъ ясно почувствовалось, что никакой связи между иностранцами и русскими — нѣтъ. Мнѣ не хотѣлось довѣрять своему первому впечатлѣнію, но потомъ оказалось, что оно было совершенно правильно.

Какъ разъ противъ вагона-столовой, на невысокомъ пригоркѣ стоялъ большой одноэтажный домъ. Въ одной половинѣ его помѣщался морской штабъ, гдѣ сидѣлъ начальникъ его, капитанъ 2-го ранга А. А. Зиловъ, а въ другой — вдова контръ-адмирала Кетлинскаго съ двумя дочерьми. Покойный адмиралъ былъ убитъ въ началѣ революціи присланными на Мурманъ отъ большевиковъ убійцами, еще до утвержденія въ Россіи большевизма. Трупъ убитаго зарыли въ саду, передъ окнами дома.

Впослѣдствіи г-жа Кетлинская могла не разъ выѣхать съ Мурмана за-границу, благодаря ея большимъ связямъ съ англичанами и французами, но оставалась, не будучи въ силахъ разстаться съ могилой, для нея дорогой.

Первую ночь фонъ Т. и мнѣ пришлось ночевать въ желѣзно-дорожномъ вагонѣ. При попыткѣ его натопить произошелъ пожаръ, причемъ крышу его разобрали, такъ что ночевать пришлось фактически подъ открытымъ небомъ. Когда на слѣдующій день я познакомился съ представителями власти, то убѣдился, что людей не было, хотя народу было очень много. Въ общемъ, съ русской стороны, Мурманскъ не представлялъ изъ себя военнаго лагеря, и жизнь въ немъ,

благодаря присутствію дамъ, носила городской, а точнѣе — узко-сплетническій, буржуазный характеръ. На каждаго жителя Мурманска выдавался опредѣленный паёкъ, при условіи, если онъ будетъ гдѣ-нибудь служить. Дамы получали такіе-же пайки, слѣдовательно также должны были работать. Подъ работой имѣлась въ виду канцелярщина, благодаря чему Мурманскъ кишѣлъ канцеляріями, а канцеляріи — служащими, въ 75 случаевъ изъ ста совершенно безполезными.

На первыхъ-же порахъ я съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя, что собственно дѣлаютъ въ Мурманскѣ всѣ эти люди, русскіе и иностранцы. — Зачѣмъ строятся пути для вагонетокъ, прямо на затвердѣвшемъ снѣгу, телефонныя будки, безчисленныя барки, амбары изъ волнистаго желѣза, обшитые изнутри деревомъ, зачѣмъ составляются разборные норвежскіе дома, если совсѣмъ не думаютъ о большевикахъ и о томъ, что они могутъ придти. Разговоровъ о нихъ совсѣмъ и не было. Говорили о «другихъ» большевикахъ, тамъ — въ Петербургѣ, въ Москвѣ, вообще — въ Россіи, но не объ этихъ, которые были на разстояніи 200 верстъ. А иностранцы — тѣ пришли сюда какъ на огромный сѣверный пикникъ, причемъ, какъ всегда, — англичане больше другихъ подготовились къ этому пикнику. У нихъ были особыя шапки, парусиновые сапоги съ исландскимъ мохомъ внутри, вѣтронепроницаемыя одежды, рукавицы и чулки, кожаныя безрукавки, и у нихъ былъ Cantine Board, замѣчательнѣйшее изъ всѣхъ учрежденіе на Мурманѣ, — маркитантская лавка, огромнѣйшее помѣщеніе.

Здѣсь были огромные окорока, зашитые въ парусину и залитые въ какую-то эластичную массу — изъ Австраліи, пятифунтовыя банки съ аргентинскимъ коровьимъ масломъ, сушенныя яйца въ порошкѣ, молоко, сыры, паштеты, вина, портеръ, джинъ, виски всѣхъ марокъ, костюмы, обувь, лыжи, — въ общемъ — Мюръ и Мерилизъ на крайнемъ сѣверѣ, и вотъ этотъ-то Мюръ и Мерилизъ поглощалъ 9/10 интересовъ обывателей, а остающуюся десятую братски дѣлили между собой карты, попойки и бабьи сплетни.

Оккупаціонные иностранцы не смѣшивались съ русскими, въ особенности замкнуто держались англичане, менѣе другихъ — итальянцы. Но это совсѣмъ не потому, что эти господа были недовольны пассивностью населенія, а просто потому, что съ нимъ вовсе не считались, какъ не считаются съ дикарями вновь открытыхъ земель. Англичанъ больше всего интересовалъ лѣсъ и мѣха. И то, и другое въ огромныхъ количествахъ вывозилось изъ края. Затѣмъ ихъ интересовалъ портъ. Но тутъ они столкнулись съ французами и американцами, которымъ также нравился Мурманскій портъ. Всѣ они дѣлали «заявки» на участки земли, ближе къ порту. Очень много сдѣлалъ ихъ бывшій французскій посолъ Нюлансъ, котораго въ ноябрѣ 1918 года Шевелевъ увезъ во Францію на яхтѣ «Ярославна». Такъ во время оно охотились за участками въ Калифорніи, но здѣсь дѣло было не такъ рисковано и значительно проще. Среди англійскихъ офицеровъ было много бывшихъ московскихъ и петербургскихъ коми, вродѣ майора Казалеттъ, бывшаго директоромъ у Мюра и Мерилиза въ Москвѣ.

Въ декабрѣ 1918 г. онъ уѣхалъ съ Мурмана, обидѣвшись, что его все не производятъ въ высшій чинъ. Всѣ эти господа были присланы сюда не для войны. Казалось непонятнымъ, къ чему-же артиллерія, обозы съ впряженными мулами и крупными лошадьми, автомобили и пулеметы?

Американцы, — тѣ поступили гораздо проще. Они прислали консула Пирса, который со столбцовъ мѣстной газеты, «Мурманскій Вѣстникъ», обстоятельно и умно заявилъ, что американцы ищутъ сближенія съ русскими, здоровыхъ отношеній и торговли.

— Въ декабрѣ 1918 года въ Архангельскъ прибыло три американскихъ парохода. Всѣ ждали что съ ними придетъ военное снаряженіе, — увы, — это была marchandise, а также предметы спорта, кинематографы, піанино и проч.

Если англичане увѣковѣчили свое имя въ благодарныхъ сердцахъ русскихъ учрежденіемъ Cantin'ы, то американцы сдѣлали это, создавъ въ Мурманскѣ организацію «христіанской молодежи», — У. М. С. А. чрезвычайно жизненную, умную и гуманную.

Объ американцахъ никто не думалъ, какъ о военной силѣ, но они сами мало объ этомъ печалились, хотя даже флотъ ихъ былъ представленъ, правда очень маленькимъ кораблемъ.

Итакъ, американцы тоже не думали о войнѣ серьезно. Правда, въ Архангельскомъ районѣ они что-то пытались сдѣлать подъ Шенкурскомъ, но, послѣ одного печальнаго случая во время «Куринаго праздника», перестали думать о лаврахъ.

— Въ Америкѣ существуетъ день, когда празднуется избавленіе отъ какого-то голода, и въ ознаменованіе благополучія ѣдятъ куръ. Этотъ день называется «Куринымъ праздникомъ». Двѣ недѣли до него не производилось развѣдокъ подъ Шенкурскомъ, а между тѣмъ кругомъ кишѣло большевиками. Очень многіе были изъ Шенкурска родомъ и, часто случалось, что они ночевали дома у себя, пробравшись знакомыми имъ тайными путями. Большевикамъ также было извѣстно про этотъ праздникъ, когда въ американскомъ отрядѣ ожидалось большое пьянство. Извѣстно было большевикамъ не только, гдѣ стоятъ караулы, но даже и кто въ нихъ стоитъ.

Наступилъ праздникъ, а съ нимъ и великое пьянство. Перепившись, воинственные янки рѣшили напасть на большевиковъ и, «Goddam», проучить ихъ хорошенько. А кончилось дѣло тѣмъ, что изъ 80-ти воиновъ вернулось 12, а остальнымъ отряды «топорниковъ» отрубили головы начисто. На сѣверѣ люди хорошо работаютъ топорами.

Послѣ этого эпизода американцы воевали только въ смѣшанныхъ отрядахъ, вмѣстѣ съ русскими, а вскорѣ — и совсѣмъ перестали.

Французскіе офицеры и солдаты были первоклассны, настоящее войско, но они не воевали и не хотѣли воевать. Французы стояли въ Александровскѣ; присылаемое имъ красное вино въ боченкахъ поддерживало ихъ бодрость. За ними шли итальянцы. Главная ихъ сила стояла въ Колѣ, старинномъ городѣ, ведущемъ начало чуть не со времени Іоанна IV. Тамъ медленно и вяло бродили ихъ сонныя фигуры въ пледахъ, напоминая собой войско Наполеона при отступленіи его отъ Москвы по Смоленской дорогѣ.

Но настоящей скотинкой были сербы. Англичане третировали ихъ, какъ вьючный скотъ, и окончательно уже съ ними не считались, а они бы воевали.

Наибольшей самоувѣренностью обладали англичане, наибольшей предпріимчивостью — американцы. Пока англичане и французы дѣлали заявки на участки, испещряли мурманскій планъ красными крестиками, американцы наняли русскихъ рабочихъ и стали вбивать сваи въ морское дно, фактически предрѣшая вопросъ о правѣ собственности. Мало того, они даже вытребовали къ себѣ командира коммерческаго порта, Шнейдера, и спросили его, гдѣ лучше будетъ вбивать. Наглость въ данномъ случаѣ доходила до граціи.

Хотя помѣщенія изъ волнистаго желѣза, обшитыя изнутри деревомъ, были очень хороши, но англичанамъ больше нравились старыя бревенчатыя русскія

постройки, — въ нихъ было теплѣе, такъ-же какъ и въ русскихъ валенкахъ было теплѣе, удобнѣе и легче, чѣмъ въ парусиновыхъ сапогахъ, носившихъ названіе Шакельтоновскихъ, по имени ихъ изобрѣтателя, Шакельтона, полярнаго изслѣдователя. Но въ большихъ бревенчатыхъ домахъ помѣщались русскія учрежденія, школы, техническія конторы съ интернатомъ для служащихъ.

Тогда англичане, если помѣщеніе имъ подходило, водружали на крышѣ свой флагъ, а русскіе могли итти, куда хотѣли. Былъ случай, когда народный учитель, вернувшись домой, не могъ войти къ себѣ въ комнату, такъ какъ передъ дверью стоялъ часовой, а вещи его валялись въ корридорѣ.

Это были первыя впечатлѣнія, полученныя мною объ иностранцахъ, и они были очень тяжелы, главнымъ образомъ по своей неожиданности. Въ Россіи при большевикахъ привыкли ко всему, но здѣсь были англичане «культурные мореплаватели», какъ говорилъ Расплюевъ. Выводить заключенія, однако, было еще слишкомъ рано, надо было узнать дѣловую сторону отношеній, которая, быть можетъ, была такъ значительна, что внѣшнимъ видомъ можно было бы и пренебречь.

Но и эта сторона была не сложна и цинична.

Не много времени понадобилось мнѣ, чтобы постичь ее.

— Мурманскъ являлся промежуточнымъ звеномъ между Европой и Архангельскимъ райономъ, гдѣ шла собственно война съ большевиками. Главнымъ, если не единственнымъ, способомъ сообщенія служили ледоколы, но сѣсть на нихъ нельзя было безъ разрѣшенія «Embarcation office». Въ свою очередь, «Embarcation office» было безсильно безъ распоряженія «Intelligence office», у котораго были двѣ branches, A. и B. Эти вѣтви были не всегда въ гармоніи, поэтому, если русскому офицеру было необходимо поѣхать въ Архангельскъ, или обратно — въ Мурманскъ, то приходилось продѣлать длинную волокиту полученія визъ и разрѣшеній, которая не всегда кончалась положительно.

Такъ получилось, что офицеры-артиллеристы, которые пріѣхали со мной изъ Стокгольма, въ теченіи 3-хъ недѣль не могли выѣхать въ Архангельскъ. Были случаи, что пріѣхавшіе въ Мурманскъ изъ Архангельска члены комиссіи для пріема минъ и артиллеріи, не могли выѣхать обратно, такъ какъ вовсе не получили разрѣшенія отъ «Embarcation office». Такъ, старшій лейтенантъ, К. Неупокоевъ, не могъ вернуться въ Архангельскъ въ теченіи чуть-ли не двухъ мѣсяцевъ, и ему пришлось тайкомъ погрузиться на ледоколъ «Канада», гдѣ онъ двое сутокъ просидѣлъ запертымъ въ капитанской каютѣ. Англичане двое-же сутокъ держали «Канаду» на рейдѣ, такъ какъ до нихъ дошли слухи, что Неупокоевъ все-таки попалъ на ледоколъ.

Былъ еще способъ сообщенія съ Архангельскомъ черезъ Колу, почтовымъ трактомъ на лошадяхъ, но онъ былъ очень продолжителенъ, опасенъ, такъ какъ проходилъ недалеко отъ театра войны, и очень дорогъ.

Шакельтонъ, посланный правительствомъ на Сѣверъ, какъ спеціалистъ по «полярновѣдѣнію», отъ всей души хотѣлъ быть полезенъ и придумывалъ изобрѣтенія, то полярную шапку такой формы, какъ сибирскій малахай, но подъ своимъ именемъ, то вѣтронепроницаемую одежду, въ которой люди зябли, то сообщеніе на собакахъ устроитъ тамъ, гдѣ существуетъ сотни лѣтъ прекрасный почтовый трактъ и бѣгутъ крѣпкія сѣверныя лошади.

Я, относившійся съ уваженіемъ къ имени крупнаго полярнаго изслѣдователя Шакельтона, не могъ себѣ уяснить, что собственно заставляло его принимать участіе въ опереткѣ. Хотѣлъ-ли онъ своими изобрѣтеніями оправдать фактъ

своего присутствія на Мурманѣ, въ то время какъ самъ присматривался къ залежамъ угля и провѣрялъ свѣдѣнія о присутствіи серебра, или присматривался къ рыболовству?

Во всякомъ случаѣ для него все это было не ново, такъ какъ большинство угольныхъ участковъ на Шпицбергенѣ принадлежало ему.

Съ каждымъ днемъ моего пребыванія на Мурманѣ приходилось все больше убѣждаться въ правильности возникшаго предположенія о цѣли прибытія англичанъ. — Они прибыли не для помощи русскимъ, а для овладѣнія богатымъ райономъ. Для нихъ было безразлично, кто такіе русскіе, съ которыми они имѣли дѣло, большевики, или нѣтъ — и тѣ, и другіе должны быть подъ эгидой англійской власти.

Порой, отношенія къ русской власти и русскому достоинству носило характеръ прямого издѣвательства. — Такъ, въ день заключенія перемирія былъ устроенъ парадъ союзныхъ войскъ, были и русскія части. Сыграли всѣ союзные гимны. Вмѣсто русскаго гимна должны были играть «Коль Славенъ», ноты котораго были заранѣе переданы капельмейстеру. Однако, вмѣсто русскаго гимна, англичане сыграли «Казачка».

Надо все-таки сказать и про командира русской части, что онъ не поддержалъ чести; вмѣсто того, чтобы скомандовать своей части «налѣво кругомъ маршъ», онъ продолжалъ стоять на мѣстѣ съ позорной пощечиной.

Когда губернаторъ Мурманскаго района, Ермоловъ, отправился съ визитомъ къ англійскому командующему морскими силами, адмиралу Green'у, на его корабль, бывшій русскій крейсеръ «Аскольдъ», то англичане сочли, что для русскаго губернатора вполнѣ будетъ достаточно штормъ-трала, то-есть веревочной лѣстницы, по которой глубоко сухопутный правитель поднялся съ очень большимъ трудомъ, раза три сорвавшись. Всякій разъ, какъ голова его показывалась надъ бортомъ, англичане играли встрѣчный тушъ, Ермоловъ скатывался внизъ, — музыка прекращалась, — снова показывалась голова, снова тушъ, и такимъ образомъ — раза три. На этотъ разъ англичане очень повеселились.

Фонъ Т. ѣздилъ въ Архангельскъ и возвращался оттуда сухопутьемъ. Нѣсколько станцій отъ Архангельска нужно было проѣхать по желѣзной дорогѣ. Здѣсь онъ видѣлъ, какъ одинъ офицеръ Іоркширскаго полка вытолкалъ въ шею изъ купэ бывшаго тамъ русскаго инженера-путейца, ѣхавшаго по дѣламъ службы, потому что хотѣлъ оставаться тамъ одинъ. Когда обратились за помощью къ коменданту ближайшей станціи, сербскому офицеру, тотъ отказался помочь, говоря, что безсиленъ протестовать противъ дѣйствій англичанъ.

Но и сербамъ приходилось плохо. Англичане сдѣлали изъ нихъ чернорабочихъ и до такихъ аристократическихъ мѣстъ, какъ Мурманскъ, ихъ даже не допускали. Они были на самыхъ крайнихъ позиціяхъ Мурманскаго района и жили въ тяжелыхъ условіяхъ. Продѣлавши тяжелую героическую войну съ великимъ исходомъ изъ родной страны, они были погнаны на крайній сѣверъ подъ лозунгомъ помощи братьямъ-славянамъ, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы помочь сильнымъ союзникамъ расхватать богатый край.

Недовольны были англичанами и итальянцы. Во-первыхъ, ихъ отослали подальше отъ Мурманска, въ Колу, а затѣмъ не дали имъ взять съ собой обозныхъ лошадей и муловъ, говоря, что на Мурманѣ они все получатъ. Но здѣсь имъ ничего не дали, и повозки итальянцамъ пришлось тащить на людяхъ.

Надо отдать справедливость англичанамъ, что попавъ на Мурманъ, они не предавались меланхоліи и не жаловались каждому встрѣчному на то, что ихъ послѣ утомительной войны притащили въ печальный край полярной ночи, какъ это дѣлали французы и итальянцы. — Каждый свободный отъ работы часъ они посвящали лыжамъ и спорту, почему не болѣли цынгой и были бодры. Изъ французовъ «альпійскіе стрѣлки» держались также хорошо, но итальянцы совершенно сдали, такъ что въ декабрѣ 1918 года ихъ начали отправлять на родину.

Вышло, что совсѣмъ незачѣмъ было отправлять итальянцевъ на этотъ сверхъестественный пикникъ, гдѣ довольно много ихъ умерло не отъ руки врага, а отъ цынги и тоски, невольно промѣнявъ каналы Венеціи и ширь неаполитанскаго залива на трагическую тишину Сѣвернаго Полярнаго Круга.

Съ англичанами мнѣ было очень трудно разговаривать по существу, такъ какъ они очень сдержанны и говорятъ неохотно по дѣламъ службы, но въ декабрѣ пріѣхалъ въ Мурманскъ проѣздомъ на Архангельскъ старшій С., у котораго среди здѣшнихъ англичанъ было нѣсколько знакомыхъ по Петербургу. Благодаря ему, я, между прочимъ, познакомился съ начальникомъ «branch A» Intelligence offic'a, нѣкимъ капитаномъ Small'омъ, которому С. рекомендовалъ меня съ лучшей стороны. Впослѣдствіи Small былъ мнѣ очень полезенъ.

Тѣ немногіе англичане, которые раньше жили въ Россіи и любили ее, какъ любятъ ее всѣ иностранцы, прожившіе тамъ хотъ нѣсколько лѣтъ, не понимали своего правительства и сами ощупью старались найти оправданіе и объясненіе его дѣйствіямъ. По ихъ мнѣнію, планъ союзниковъ былъ таковъ: необходимо дать русскимъ, осѣвшимъ въ Мурманскомъ и Архангельскомъ районахъ подъ знаменемъ антибольшевистскаго движенія, возможность передохнуть и выкристаллизоваться въ войско, которое затѣмъ уже, какъ самостоятельная группа, пойдетъ на большевиковъ.

Но при такомъ планѣ нельзя было предполагать, что онъ увѣнчается успѣхомъ, такъ какъ изъ однихъ офицеровъ, которымъ удалось пробраться на Сѣверъ, въ количествѣ 2-хъ, 3-хъ сотенъ, нельзя было набрать войска, слѣдовательно, необходимо было объявить мобилизацію мѣстнаго населенія, то-есть того самаго населенія, которое нѣсколько мѣсяцевъ назадъ было большевиками и на всю жизнь разложено большевистской доктриной. Мобилизованные еще, пожалуй, нѣкоторое время оставались бы въ повиновеніи, пока были бы цѣлы запасы консервовъ, но затѣмъ дѣло должно было-бы окончиться трагедіей, — тѣмъ-же отданіемъ офицерства на растерзаніе дикимъ звѣрямъ, какъ это потомъ случилось съ Колчакомъ, преданнымъ Жаненомъ, и офицерами, преданными французами при эвакуаціи Одессы въ началѣ 1919 года.

— Такъ оно и случилось, дѣйствительно, на Мурманѣ черезъ годъ, въ 1920 году, послѣ того какъ союзники эвакуировали сѣверъ. Ясно, что безъ союзниковъ нѣсколько сотъ офицеровъ не могли разбить большевиковъ и освободить Петербурга.

Неизвѣстно, удалось-бы Маннергейму очистить Финляндію, еслибъ нѣмцы, героически жертвуя своими людьми, не проложили ему пути къ побѣдѣ, оставаясь въ Финляндіи до послѣдняго необходимаго момента.

Однако, и съ такимъ объясненіемъ поведенія англичанъ я не могъ согласиться: еслибъ цѣлью прибытія союзниковъ была только поддержка русскихъ на первыхъ порахъ и доставка провіанта и снаряженія, то незачѣмъ было являться на Сѣверъ 30.000-ой арміи подъ общей командой Ironside'a, можно

было-бы удовлетвориться присылкой въ 10 разъ меньшаго количества, цѣль была-бы достигнута въ той-же степени. — Дѣло было, очевидно, не такъ.

Такъ обстояло дѣло со стороны иностранцевъ, что-же касается русскихъ, то оно представлялось въ такомъ видѣ. Для Мурманскаго района представителемъ власти являлся Ермоловъ, бывшій до революціи въ мѣстныхъ краяхъ земскимъ начальникомъ. Онъ, по виду, въ данный моментъ, былъ либеральнымъ дѣятелемъ и правилъ очень осторожно, стараясь оставаться популярнымъ среди низшихъ слоевъ населенія. Его циркуляры были написаны добрымъ казеннымъ языкомъ прежняго времени, когда начальники губерніи отыгрывались, и передъ властью, и передъ населеніемъ. Однако, чтобы найти новые пути правленія безъ помощи циркуляровъ, ему не хватало ни таланта, ни энергіи. Онъ шелъ по знакомой торной дорогѣ, не будучи личностью исключительной. Но не надо забывать, что дѣйствовать ему приходилось при необыкновенно тяжелыхъ условіяхъ, такъ какъ у настоящихъ носителей власти — иностранцевъ, авторитетомъ онъ не пользовался и былъ связанъ по рукамъ и ногамъ на каждомъ шагу своей дѣятельности. Впослѣдствіи, по оставленіи союзниками края, несчастный былъ повѣшенъ.

Огромнымъ механизмомъ управленія портомъ завѣдывалъ инженеръ-механикъ, лейтенантъ Богатыревъ, молодой человѣкъ безъ особаго административнаго таланта. Всѣ-же служащіе, половина которыхъ состояла изъ бѣженокъ, дѣвицъ и дамъ, какъ того и слѣдовало ожидать, относились и къ дѣламъ, и къ собственной судьбѣ абсолютно безразлично. Это гнетущее безразличіе ко всему на свѣтѣ составляло характернѣйшую черту настроенія загнаннаго на Мурманскъ русскаго, — большею частью, Петербургскаго обывателя.

Совершенно подавленные мракомъ хаоса, царившаго въ Петербургѣ, нравственно и физически замученные — бѣженцы, свившіе себѣ непривѣтливыя и холодныя гнѣзда въ Мурманскѣ, образовали изъ себя тотъ опасный тылъ, боязливый и гнилой, какой не разъ уже сыгралъ въ Россіи свою трагическую роль.

Тамъ, гдѣ стоятъ военныя суда и формируются воинскія части, тамъ не должно быть бѣженцевъ. Но, кромѣ чисто психическаго воздѣйствія своей подавленностью, у пассивной части бѣженцевъ была еще одна отрицательная сторона. — Въ Мурманскѣ было нѣсколько домовъ, поставленныхъ на вполнѣ приличную ногу. Это были дома лицъ, занимавшихъ высшее служебное положеніе, — теплые старые дома, меблированные сравнительно прилично, гдѣ были и гостинная, и столовая, и піанино, гдѣ можно было по человѣчески посидѣть, — не на ящикахъ, а на стульяхъ, безъ валенокъ, снявъ съ себя мѣховыя одежды.

Эти дома стали играть роль клубовъ, съ руководящимъ значеніемъ не только во внутренней, но и во внѣшней политикѣ. Если иностранцы и встрѣчались съ русскими, то только въ такихъ домахъ, и поэтому ихъ мнѣнія — съ одной стороны, и взгляды — съ другой, составлялись на основаніи видѣннаго и слышаннаго тамъ. Въ одномъ домѣ, напримѣръ, бывали англичане, — это былъ домъ съ англійскимъ вліяніемъ, въ другомъ — французы, — съ французскимъ вліяніемъ, въ третьемъ, наконецъ, — итальянцы, но это былъ домъ, увы, безъ вліянія, но за то просто пріятный домъ.

Къ сожалѣнію, англійскій домъ совсѣмъ не думалъ о томъ, чтобы обратить свое вліяніе на общую пользу, не дѣлалъ того и французскій, вліяніе не выходило изъ сферы узкой личной пользы.

Что-же касается вліянія во внѣшней политикѣ, то оно клонилось къ тому, чтобы повредить, но не большевикамъ, тамъ на фронтѣ, а кому-нибудь изъ знакомыхъ здѣсь, въ Мурманскѣ, путемъ прямого или косвеннаго доноса.

Какъ и всегда, руководящую роль играли дамы, мирившіяся, ссорящіяся другъ съ другомъ, вмѣшивающіяся и критикующія служебныя назначенія, называя каждаго, непришедшагося имъ по вкусу, большевикомъ и совершенно сбивая съ толку иностранныя бюро развѣдки. Такими домами, напримѣръ, былъ домъ начальника службы связи, капитана II ранга К. — съ англійскимъ вліяніемъ, инженера С. (нынѣ, по слухамъ убитаго большевиками) — съ французскимъ вліяніемъ.

Иногда травили человѣка просто такъ, безъ оттѣнка личнаго чувства непріязни, а потому что уже очень эффектно все складывалось. Такъ, напримѣръ, въ концѣ затравили одного скромнаго офицера, нѣкоего Москалева, объявивъ его большевикомъ, который, къ тому-же вырабатываетъ взрывчатыя вещества, — только потому, что какая-то любопытная дама нашла на его письменномъ столѣ тротиловую шашку, привезенную имъ съ войны. Сплетня пошла въ отсутствіе М. и окрѣпла такъ, что, когда М. вернулся въ Мурманскъ, никто съ нимъ не хотѣлъ клапяться. Впрочемъ, М. повернулъ дѣло серьезно, подавъ на клеветниковъ въ судъ. Такова была атмосфера Мурманска, откуда должно было начаться спасеніе и «оздоровленіе» Россіи.

Пока я ждалъ назначенія, прошло около мѣсяца. Мнѣ былъ предложенъ постъ коменданта одного изъ пароходовъ, мирно стоящаго въ порту. Это было очень выгодное мѣсто, отъ котораго я отказался. А мобилизація все медлила своимъ объявленіемъ. Повидимому, пока, союзники не думали уходить, по крайней мѣрѣ — англичане. Они и въ дѣйствительности пробыли въ Мурманскомъ районѣ цѣлый годъ. Чѣмъ раньше была бы объявлена мобилизація, тѣмъ больше времени можно было продвигаться подъ защитой англичанъ. Правда, неизвѣстно, какъ бы реагировали бы они на значительное продвиженіе русскихъ впередъ, возможно, что они эвакуировали бы районъ раньше, однако, во всякомъ случаѣ, русскими время пропускалось.

Въ концѣ января 1919 года пріѣхалъ изъ Архангельска подполковникъ генеральнаго штаба Костанди, которому было поручено Миллеромъ провести мобилизацію. К. остановился въ домѣ съ англійскимъ вліяніемъ, гдѣ въ честь его устраивались вечера. Дамы приняли его подъ свое покровительство и помогали ему при составленіи плана мобилизаціи. Впослѣдствіи, послѣ эвакуаціи и краха добровольческой арміи, Костанди умѣлымъ вольтомъ перешелъ на сторону большевиковъ, гдѣ находится и по сіе время.

Изъ всѣхъ «дѣловыхъ» русскихъ обращали на себя вниманіе два человѣка — коммерческій командиръ порта — Шнейдеръ, и завѣдывавшій угольными погрузками полковникъ по адмиралтейству, вышедшій когда-то изъ кондукторовъ флота — Самойловъ, человѣкъ необычайной энергіи и кипучей дѣятельности. Хотя онъ не зналъ англійскаго языка, англичане относились къ нему съ большимъ уваженіемъ.

Мичманъ-же Шнейдеръ былъ полезенъ англичанамъ и какъ командиръ коммерческаго флота, и какъ человѣкъ, свободно владѣвшій англійскимъ языкомъ. Оба они, Самойловъ и Шнейдеръ, были постоянно заняты и дѣйствительно много работали.

Гражданскій инженеръ изъ Архангельска Каретниковъ издавалъ газету «Мурманскій Вѣстникъ», причемъ матерьялъ ему доставлялся изъ союзническаго информаціоннаго бюро печати, во главѣ котораго стоялъ англичанинъ, нѣкто Стокъ, бывшій до войны въ Россіи химикомъ на заводѣ взрывчатыхъ веществъ

Випера. Я бывалъ у Стока, гдѣ мнѣ не разъ приходилось удивляться огромному количеству даромъ потраченнаго труда, энергіи и матерьяла. У Стока были брошюры, напечатанныя на прекрасной мѣловой бумагѣ, излагавшія сущность революціоннаго переворота въ Россіи и опасность большевизма, причемъ, какъ въ прежнее время въ брошюрахъ Богдановича лейтъ-мотивомъ служило вѣрноподданничество и доказывалось, что народъ долженъ жить главнымъ образомъ для Царя, такъ и въ изданныхъ англичанами брошюрахъ говорилось, главнымъ образомъ, о вѣрности союзникамъ, которые уже не ошибутся и дадутъ Россіи именно то, что ей нужно.

Кромѣ брошюръ было еще множество воззваній къ народу аналогичнаго содержанія, календарей, гдѣ были на каждый мѣсяцъ картинки, указывающія, что нужно русскому крестьянину дѣлать въ опредѣленное время, чтобы онъ не ошибся.

Вся эта дребедень была напечатана на превосходной бумагѣ, лучшими сортами красокъ.

Вкратцѣ литература могла сойти подъ общимъ названіемъ «Samowar russe».

Что-же касается Каретникова, то онъ былъ изъ тѣхъ горемыкъ-писателей, мечта которыхъ всю жизнь состоитъ въ томъ, чтобы увидѣть себя «напечатаннымъ». До революціи ему это не удавалось, а въ Мурманскѣ ему необычайно повезло, ибо теперь-то онъ могъ писать сколько угодно, и передовицы, и критическіе отдѣлъ.

При писательской опытности онъ могъ-бы, пожалуй, принести краю извѣстную пользу своей газеткой, такъ какъ населеніе изголодалось по печатному слову, особенно рабочіе, тѣмъ болѣе, что на время пребыванія союзниковъ существованіе ея было обезпечено, но Каретникову это было не по силамъ. Первое время существованія газеты онъ убилъ на споръ съ какимъ-то издателемъ энциклопедическаго словаря и газетная баталія лишала его сна и покоя. Однако, благодаря ему, у Мурманцевъ все-же былъ печатный листокъ.

Изъ дамъ обращала на себя вниманіе вдова адмирала Кетлинская, фанатически, въ память своего мужа, отдавшая себя благотворительности. Она была постоянно въ работѣ, организуя сборы въ пользу школъ, больницъ, бѣдныхъ и настолько заслужила любовь простого народа, что и послѣ прихода большевиковъ не испытала ухудшенія своей участи. Она осталась въ Мурманскѣ, не желая разставаться съ могилой мужа.

Такова, приблизительно, была картина жизни въ Мурманскѣ.

По просьбѣ фонъ Т., уѣхавшаго къ тому времени въ Архангельскъ, я отправился въ Александровскъ, чтобы осмотрѣть тамъ океанографическій музей, которымъ завѣдывалъ приватъ-доцентъ Ланге.

Александровскъ, куда надо было ѣхать Кольской бухтой на пароходикѣ, представлялъ изъ себя на рѣдкость интересный уголокъ. Онъ расположенъ на берегу узкаго фіорда, темносиняя незамерзающая вода котораго представляетъ поразительный контрастъ со снѣговыми горами, его окружающими. Населеніе состоитъ изъ богатырей поморовъ. Избы тамъ выстроены изъ аршинныхъ бревенъ, теплы и помѣстительны. Народъ привѣтливый, но молодежь уже была испорчена большевизмомъ и съ большой лѣнцой.

Океанографическая станція обладала оборудованной для экскурсій двухъмачтовой яхтой, но безъ команды, такъ какъ не было средствъ, и очень приличнымъ двухъэтажнымъ домомъ, бо́льшая часть котораго была занята лабо-

раторнымъ помѣщеніемъ. Къ сожалѣнію, Ланге былъ настолько безъ средствъ, что самъ долженъ былъ топить домъ, колоть и носить дрова, а о такой роскоши, какъ покупка chemicalia, онъ не могъ мечтать. Благодаря этому, большинство препаратовъ начали портиться, новыхъ приготовлять нельзя было, и станція приходила въ упадокъ. Она должна была бы имѣть большое значеніе въ нормальное время въ процессѣ развитія нашего рыболовства и рыбоводства.

Мнѣ пришлось побывать и въ Колѣ, куда надо было ѣхать по желѣзной дорогѣ къ югу отъ Мурманска. Я былъ приглашенъ туда знакомыми офицерами-итальянцами.

Городъ Кола насчитываетъ около 4-хъ столѣтій. Не въ первый разъ уже видитъ онъ союзниковъ. Во время Крымской кампаніи сюда приходилъ англійскій крейсеръ, обстрѣлявшій его. Слѣды выстрѣловъ до сихъ поръ видны на колокольнѣ мѣстной церкви.

Одна древняя старушка помнила англичанъ того времени, когда они, по ея словамъ, «много дѣвушекъ испортили», почему и теперь относилась къ нимъ съ враждой, не понимая, какъ они могли стать нашими союзниками.

Въ Колѣ жилъ богатый поморъ, Чертовъ, съ которымъ мнѣ совѣтовали познакомиться. Когда я пошелъ туда, то былъ пораженъ солидностью постройки двухъэтажнаго каменнаго дома и обширностью двора съ сараями, гдѣ стояли крупные быки (самцы) — олени. Цѣлый рядъ одиночныхъ саней-челноковъ лопарей пріѣхавшихъ къ Чертову по дѣлу загромождалъ дворъ. Самъ Ч. казался патріархомъ, воскресшимъ изъ Іоанновыхъ временъ. За столомъ сидѣло больше 12 собственныхъ дѣтей и столько-же родственниковъ. Всѣ сидѣли чинно, въ абсолютной тишинѣ и ѣли колоссальные пироги съ семгой. Вообще по части стариннаго уюта и гостепріимства Ч. не могъ быть превзойденнымъ.

Говорилъ онъ мало, но умно, и хитро слушалъ. Онъ показалъ мнѣ фотографическую карточку Нюланса съ его собственноручной надписью, гдѣ французскій государственный умъ воздавалъ должное мудрецу изъ Колы.

Какъ ни старался я вывѣдать у Чертова, что онъ думаетъ о союзникахъ, вѣритъ-ли въ нихъ, видитъ-ли въ нихъ спасеніе, Ч. чрезвычайно дипломатически уклонялся отъ вопросовъ.

Въ Колѣ уже пережили большевиковъ до прихода иностранцевъ и, какъ передавали, знаменитые черные жемчуга Чертова при этомъ уменьшились въ количествѣ. (Тамошнія женщины до сихъ поръ носятъ старинные шугаи и кокошники, шитые жемчугомъ).

Время между тѣмъ шло, и мнѣ становилось все яснѣе, что дѣлать въ Мурманскѣ нечего. Пріѣзжавшіе изъ Архангельска разсказывали о чудовищномъ разгулѣ и неразберихѣ въ томъ районѣ. Плановъ не составляли никакихъ, просто прожигали жизнь въ оргіяхъ и кутежахъ. Иностранцы во многихъ изъ нихъ принимали личное участіе, и все опредѣленнѣе вырисовывалась безнадежность положенія. Шенкурскъ былъ позорно сданъ, благодаря предательству союзной части, большевики продвинулись впередъ.

Въ Мурманскѣ поговаривали о мобилизаціи. Но такъ какъ она не могла быть проведена скорѣе, чѣмъ въ 3—4 недѣли, и столько-же времени пришлось бы еще гнить въ Мурманскомъ болотѣ дрязгъ и сплетни, я рѣшилъ выйти хотя на время на свѣжій воздухъ. Я воспользовался предложеніемъ Small'я съѣздить развѣдчикомъ въ Петербургъ, найти связи и познакомиться съ настроеніемъ антибольшевистскихъ круговъ.

Казалось-бы, что мой отъѣздъ никого не касался, однако, скучающая русская колонія приняла извѣстіе объ отъѣздѣ съ живѣйшимъ интересомъ. На фонѣ этого событія объединились доселе враждующіе лагери, и на пленарномъ засѣданіи была вынесена резолюція, что я — большевикъ, возвращающійся въ Петербургъ для того, чтобы предать Мурманцевъ. Хотя дѣло сильно попахивало Щедринымъ, но клевета нашла себѣ ходъ даже у англичанъ, и мнѣ пришлось съ представителемъ другой branch'и маіоромъ Scotch-Léendze повоевать.

Домъ съ англійскимъ вліяніемъ, соединившись съ домомъ съ французскимъ вліяніемъ, такъ инспирировали маіора, что понадобилось вмѣшательство начальника англійскаго штаба, чтобы разрѣшить инцидентъ.

Въ этомъ случаѣ русская часть населенія оказалась на высотѣ защиты Мурманска отъ большевиковъ.

Три мѣсяца: декабрь, январь и февраль 1919 года пришлось мнѣ провести на Мурманѣ. Полярная ночь была побѣждена солнцемъ, и въ серединѣ февраля оно показалось на мгновенье, пообѣщавъ на слѣдующій день дольше оставаться на небосклонѣ, но не было просвѣта въ сознаніи обитателей Мурманска. Попрежнему непонятны союзники, попрежнему бездѣятельны, апатичны и равнодушны ко всему на свѣтѣ, кромѣ собственнаго благополучія, соотечественники.

Я предполагалъ черезъ мѣсяцъ вернуться обратно, но что-то говорило мнѣ, когда я стоялъ на спардекѣ отходящаго парохода, что больше мнѣ не придется увидѣть ни гигантскаго порта, ни англійскихъ солдатъ въ Шакельтоновскихъ шапкахъ, ни русскаго часового, распущеннаго, съ дегенерированнымъ лицомъ, ни этого сѣвернаго солнца, улыбающагося фіордамъ со снѣговыми скалами, отражающимися въ синемъ, незамерзающемъ проливѣ.

На этомъ-же пароходѣ отбывалъ изъ Мурманска начальникъ американскаго морского штаба, Commander Bertholf, уѣзжавшій навсегда. На его мѣсто прибылъ мирный консулъ Pears. — Америка не будетъ воевать въ Россіи!

* * *

Въ Финляндіи

Въ началѣ мая 1919 года я былъ въ Терріокахъ. Только что въ Финскомъ заливѣ прошла главная масса льда, и онъ въ своей сѣверной части былъ совершенно чистъ, только подъ самымъ Кронштадтомъ, съ его южной стороны встрѣчались отдѣльныя льдины. Погода стояла благопріятная, и я хотѣлъ быть первой ласточкой изъ курьеровъ, идущихъ морскимъ путемъ, пока большевики не усилятъ охраны береговъ.

Я сговорился съ двумя контрабандистами-финнами перейти заливъ на маленькой рыбачьей шлюпкѣ, ходкой и легкой.

Пока я управлялся бы со своими дѣлами въ Петербургѣ, финны ждали бы меня на русской сторонѣ. Одинъ изъ нихъ остался-бы тамъ и вернулся бы сухимъ путемъ самостоятельно, а другой долженъ былъ вернуться обратно вмѣстѣ со мной.

Одинъ изъ контрабандистовъ К. былъ человѣкъ лѣтъ 55, съ бородой съ просѣдью. Раньше, онъ служилъ въ придворныхъ лакеяхъ, въ Гатчинскомъ

дворцѣ. Неизвѣстно, что толкнуло его на скользкій и опасный путь контрабандиста. Отъ солидности, которая предполагается въ придворномъ лакеѣ, у него не осталось и слѣда, несмотря на возрастъ. Это былъ ловкій и смѣлый человѣкъ.

К. долженъ былъ быть полезенъ своимъ родствомъ на русской сторонѣ залива и связями съ контрабандистами-матросами. Другой финнъ — Н. — являлся собственникомъ лодки, по профессіи рыбакомъ, по занятію — контрабандистомъ. Онъ былъ на видъ сильнымъ человѣкомъ, и я считалъ свой выборъ удачнымъ, такъ какъ, въ случаѣ отсутствія вѣтра или въ случаѣ бури, пришлось бы сдѣлать подъ веслами не меньше 12 морскихъ миль.

Послѣ перваго свиданія съ контрабандистами должна была пройти недѣля. За это время я предполагалъ, что заливъ совершенно очистится отъ льда. Щетина на щекахъ моихъ, которыхъ я не брилъ уже недѣли двѣ, должна была пріобрѣсти еще болѣе внушительный видъ за это время. Я также шелъ подъ видомъ финна-контрабандиста.

Когда черезъ недѣлю вечеромъ всѣ сошлись у лодки, то я въ вязанной синей рубашкѣ, въ старомъ пиджакѣ съ чужого плеча, въ высокихъ рыбачьихъ сапогахъ и въ рыбачьемъ картузѣ мало чѣмъ отличался отъ своихъ спутниковъ.

Вечеръ отъѣзда былъ мягкій и теплый, — совсѣмъ не для начала финскаго мая. У берега вѣтра не было, но подальше, темнѣла въ лунномъ свѣтѣ полоса ряби, — дулъ бризъ, а его-то и надо было.

Провожать пришелъ бывшій семеновецъ, капитанъ N., еще совсѣмъ молодой человѣкъ по виду. N. отличался чрезвычайнымъ мужествомъ и за минувшую зиму совершилъ семь походовъ на Петербургъ по льду. Послѣдній уже во время начавшагося ледохода. Благодаря работѣ N., Семеновскій полкъ перешелъ къ бѣлымъ, и много народу было спасено. Мнѣ рѣдко приходилось видѣть такихъ сдержанныхъ и спокойно-мужественныхъ людей, какъ N. Къ описываемому времени атмосфера вокругъ него стала сгущаться. — Другая опасность, со стороны тѣхъ, кого онъ считалъ своими. Поползла клевета. Русская колонія произвела N. въ нѣмецкіе шпіоны, такъ какъ въ большевистскіе — было-бы уже слишкомъ явной нелѣпостью. Началась травля, и жизнь для N. сдѣлалась невыносимой. Англичане (для кого собственно и была пущена клевета), какъ всегда въ этихъ случаяхъ, повѣрили, и N. пришлось уѣхать въ Польшу, какъ только его мать и сестра, посаженныя большевиками въ тюрьму за работу сына были освобождены.

. . . Сѣли на весла и быстро пошли впередъ. Черезъ нѣкоторый промежутокъ времени оказалось возможнымъ поставить парусъ, и попутнымъ вѣтромъ лодка понеслась. Ночь была лунная, и на прозрачномъ горизонтѣ четко горѣли огни Кронштадтскихъ фортовъ.

Планъ былъ таковъ. На разсвѣтѣ подойти къ Толбухину маяку и высадиться. У К. были тамъ знакомые матросы, занимавшіеся зимой контрабандой. Подъ щитомъ профессіональной дружбы можно будетъ провести на маякѣ время до вечера, и подъ покровомъ сумерокъ дойти до Малой Ижоры, переночевать тамъ въ домѣ чухонца, родственника К., а утромъ дойти до станціи «Спасательная», сѣсть въ поѣздъ и высадиться на Балтійскомъ вокзалѣ. Я шелъ въ Петербургъ безъ всякихъ документовъ, въ расчетѣ лишь на то, что мнѣ удастся избѣжать контроля. Со стороны Балтійской дороги я не предвидѣлъ опасности, такъ какъ обычный путь курьеровъ былъ черезъ финляндскую границу, и врядъ-ли на южной дорогѣ контроль былъ налаженъ.

Что-же касалось самаго пребыванія въ Петербургѣ, то я поставилъ стрѣлку своего мозгового аппарата на «не думай», не желая терять необходимаго спокойствія. Сидя на рулѣ быстрой парусной шлюпки, идущей веселымъ бризомъ въ лунную ночь, я чувствовалъ себя какъ на оригинальномъ ночномъ пикникѣ, и единственная мысль, которая меня занимала, это о Толбухинѣ маякѣ, котораго нельзя было пропустить, чтобы не сдѣлать лишняго пути. Но въ туманѣ луннаго свѣта его пока еще не было видно.

Между тѣмъ, направленіе на него было взято точно, по компасу. Возможно было, конечно, что шлюпку, безъ киля, съ круглымъ днемъ, сноситъ теченіемъ въ сторону, однако, я разсчитывалъ, что маякъ останется все-же въ предѣлахъ видимости.

Надо прибавить, что Толбухинъ маякъ къ этому времени былъ маякомъ лишь по названію, такъ какъ огня на немъ не держали, почему надо было пройти отъ него очень близко, чтобы увидѣть его башню ночью. Оба финна увѣряли, что, идя какъ разъ по взятому курсу, мы встрѣтимъ маякъ.

Прошло часа два, но маяка все не было видно. Вѣтеръ сильно посвѣжѣлъ и развелъ порядочную волну. Ходу прибавилось. Теперь я уже не сомнѣвался, что маякъ мы пропустили. Однако, ничего не оставалось дѣлать, какъ идти впередъ. На разсвѣтѣ найти маякъ будетъ значительно легче. По волнѣ можно было судить, что мы ушли уже очень далеко отъ финской стороны. На юго-западѣ были видны огни. Я почти не сомнѣвался, что это были огни «Красной Горки». П. утверждалъ, что это — Ораніенбаумъ. Но нелѣпость утвержденія была слишкомъ очевидна. Выходило, что теченіемъ насъ относило въ противоположную сторону и что, слѣдовательно, маякъ мы должны открыть справа, а не слѣва.

Стало разсвѣтать. Волны были настолько велики, что пришлось убавить парусъ. Черезъ минутъ 30 горизонтъ сдѣлался довольно яснымъ, и тогда, миляхъ въ 4—5-ти, далеко позади, къ сѣверу, я увидѣлъ предметъ, который могъ быть и мачтой корабля, и маякомъ.

Обладая очень острымъ зрѣніемъ, я вскорѣ различилъ характерный для Толбухина маяка сдвинутый на бокъ куполъ.

Финны, однако, утверждали, что это идущее въ полъ-вѣтра судно. Однако, я больше не сомнѣвался въ томъ, что я видѣлъ, и приказалъ повернуть обратно. Идти обратно пришлось прямо противъ волны, довольно свѣжей, и выгребать было очень трудно. Когда окончательно разсвѣло пришлось убѣдиться, что мы были на одной высотѣ съ фортомъ «Сѣрая Лошадь», вынесеннымъ впередъ отъ «Красной Горки», непосредственно на траверзѣ деревни «Хярмилева», лежащей въ глубинѣ Капорской губы. Понадобилось около 5-ти часовъ, чтобы выгрести противъ высокой и частой волны къ Толбухину маяку.

За каменной грядой, далеко уходящей въ море, было спокойно. Никто не обратилъ вниманія на прибывшихъ, маякъ казался необитаемымъ. К. пошелъ на развѣдки. Черезъ нѣсколько времени онъ вернулся обратно съ не особенно довольнымъ видомъ. Оказалось, что команда матросовъ перемѣнилась въ полномъ составѣ, и знакомыхъ не нашлось. Онъ назвалъ себя контрабандистомъ и предложилъ подѣлиться выручкой.

Возвращаться на лодку и бѣжать съ маяка было-бы безцѣльно, такъ какъ, несомнѣнно, на маякѣ имѣлись плавучія средства, и усталымъ людямъ не удалось-бы скрыться. Пришлось идти «va banque».

Среди команды нѣсколько человѣкъ оказались чухонцами-карелами, говорящими на томъ-же языкѣ, что и финны.

К. представилъ меня, какъ своего дворника. Боясь, что со мной будутъ говорить по фински, я схватился за щеку, притворяясь, что страдаю отъ зубной боли. Теперь нечего уже было и думать о томъ, чтобы отдохнуть на маякѣ до вечера, атмосфера была слишкомъ напряженная. Высокій матросъ, русскій, показался мнѣ особенно подозрительнымъ. Онъ очень пристально нѣсколько разъ посмотрѣлъ на мои руки, не успѣвшія пріобрѣсти достаточно рыбачьяго вида. Затѣмъ онъ поднялся и вышелъ, но въ дверяхъ остановился и еще разъ пристально посмотрѣлъ на меня.

Дѣло было не въ порядкѣ. Я вышелъ также, чтобы, въ случаѣ, если матросъ предприметъ что-либо, по возможности помѣшать ему въ этомъ. Однако, выйдя изъ помѣщенія, я матроса не увидѣлъ, но зато увидѣлъ готовую къ отплытію большую парусную шлюпку съ поднятымъ парусомъ. Два весла лежали на пристани. Мнѣ очень важно было узнать, когда были принесены весла. Если только что, то, очевидно, собирались уѣзжать, чтобы дать знать на ближайшій фортъ о присутствіи на маякѣ подозрительныхъ незнакомцевъ.

Въ этомъ случаѣ пришлось бы рискнуть и постараться вытащить изъ дна шлюпки пробку, чтобы наполнить ее водой.

На пристани была дѣвочка лѣтъ 6-ти, дочь боцмана. Я спросилъ ее, когда были принесены весла, недавно-ли? — Недавно, отвѣчала дѣвочка. — А когда именно? — Вчера вечеромъ.

Отвѣтъ успокоилъ меня. Въ это время изъ жилого помѣщенія вышелъ К. «Нехорошо, надо ѣхать», — были его слова.

Когда мы были уже въ лодкѣ и отъѣхали довольно далеко отъ маяка, К. разсказалъ, въ чемъ дѣло. — Русскій матросъ пошелъ телефонировать въ Кронштадтъ, чтобы на маякъ былъ присланъ моторный катеръ, такъ какъ прибыли подозрительные люди, но телефонъ оказался испорченнымъ. Это спасло насъ. Чухонцы-матросы защищали прибывшихъ, но помѣшать говорить по телефону не рѣшались. Преслѣдовать-же отъѣхавшихъ на лодкѣ въ одиночку матросъ не могъ.

Усталые отъ тяжелой гребли противъ волны мы медленно подвигались впередъ. Я сталъ держать прямо на берегъ, для того чтобы потомъ пойти на Малую-Ижору параллельно ему, не возбуждая подозрѣнія у патрулей, которые при этомъ курсѣ могли-бы насъ счесть за мѣстныхъ рыбаковъ. Вообще приходилось идти на удачу, такъ какъ на Толбухиномъ маякѣ не удалось узнать, ни — гдѣ ходятъ патрули, ни — когда. Вѣтеръ совершенно спалъ, и море заснуло. Кое-гдѣ попадались тонкія льдины. Неожиданно показался тюлень, и его блестящая черная голова слѣдовала за нами почти до Ижоры.

Показалась широкая песчаная полоса ея берега со множествомъ вытащенныхъ лодокъ. — Увы, было воскресенье, и, если на берегу былъ бы хоть одинъ внимательный часовой, намъ не пришлось бы выйти благополучно. Наша лодка была единственной находящейся на водѣ. Но такого внимательнаго часового на наше счастье не оказалось.

Подтащивъ лодку до мелкаго мѣста, мы оставили стоять ее на якорѣ, а сами перешли по водѣ, перенеся на берегъ сѣти и весла.

Домъ родственника К. стоялъ какъ разъ противъ мѣста нашей высадки и оказался небольшой чрезвычайно старой избой, выстроенной изъ небывало широкихъ бревенъ. Самъ хозяинъ по виду имѣлъ не меньше 80-ти лѣтъ. Приблизительно такого-же возраста была и его жена, женщина съ распухшими, колодообразными ногами, охавшая при каждомъ движеніи. Оба они, казалось,

позеленѣли отъ старости. Кромѣ нихъ былъ еще карликъ съ огромной головой и рѣдкой бородой, сквозь которую просвѣчивала кожа. Всѣ они, въ почернѣвшей отъ копоти избѣ, выстроенной изъ аршинныхъ бревенъ, казались безплотными персонажами «Калевалы».

Но я не могъ больше бороться со сномъ. Я не нашелъ въ себѣ даже силы смыть кровь съ измученныхъ 11-ти часовой греблей рукъ и, пластомъ растянувшись на полу, моментально заснулъ.

Когда я проснулся, были уже сумерки. Какое-то новое лицо находилось въ избѣ и съ любопытствомъ меня разглядывало. Осѣдланная лошадь была видна въ окно. Лицо обладало эмблемами власти, въ видѣ красной звѣзды, серпа и молота. Я съ удовольствіемъ убѣдился, что долгій сонъ успокоилъ нервы и возстановилъ силы. Въ заднемъ карманѣ брюкъ пріятно чувствовалъ тяжесть Маузера. — Въ случаѣ попытки арестовать — немедленно стрѣлять съ самой близкой дистанціи въ комиссара, а затѣмъ бѣжать на холмъ и тамъ скрываться.

Но вновь прибывшій не обнаруживалъ признаковъ враждебныхъ дѣйствій, наоборотъ, его взглядъ былъ чрезвычайно дружелюбенъ и даже заискивающъ. Комиссаръ не былъ изъ породы грабителей, это былъ человѣкъ, интересовавшійся коммерческой стороной большевизма и искавшій «дѣловыхъ» связей. Не была исключена и та возможность, что онъ былъ уже посвященъ финнами въ сущность дѣла и получилъ соотвѣтствующую мзду. Я пересталъ имъ интересоваться и, оставивъ его своимъ гребцамъ-финнамъ, вышелъ на берегъ. Благодаря тому, что онъ былъ очень низменный, чрезвычайно сокращалась перспектива воды, и противолежащіе форты и Кронштадтъ казались совсѣмъ близкими.

— Вотъ фортъ Александра III, вотъ — Меньшикова!

— Сколько разъ я смотрѣлъ на нихъ съ мостика «Памяти Азова»!

Тогда я мечталъ о бѣгствѣ изъ Кронштадта, тогда мнѣ казалось, что, попавъ за границу, я выполню тѣмъ самымъ главную часть программы, а тамъ дѣло пойдетъ само собой, удастся собрать честныхъ и смѣлыхъ людей, найти помощь у союзниковъ и легко и быстро войти побѣдителями въ Петроградъ. Тогда еще жива была въ моей душѣ патетическая шумиха печати о долгѣ Европы передъ культурой, о братствѣ народовъ, съ виду такая безкорыстная и прямая шумиха, но на дѣлѣ — грозный подлогъ! — Прошло только 8 мѣсяцевъ со дня бѣгства изъ Кронштадта, и за это время у меня создались совершенно новыя перспективы и по отношенію къ союзникамъ, и по отношенію къ соотечественникамъ...

Въ Кронштадтѣ и на фортахъ затрепетали огни, на прозрачномъ небѣ нѣжно вырисовался лунный серпъ. Надвигалась ночь. Я вернулся въ душную избу съ никогда не открывавшимися окнами и тучами мухъ. Но долго еще не удавалось мнѣ заснуть. Старикъ разсказывалъ о своихъ планахъ вернуться въ Финляндію, гдѣ онъ родился и гдѣ ему хотѣлось умереть. Голодъ и нищета царили въ его мрачномъ обиталищѣ. Онъ хочетъ поѣсть передъ смертью. Старуха ему печально поддакивала.

Ладони стали нарываться и горѣли, что тоже мѣшало мнѣ заснуть.

Утромъ, съ первымъ поѣздомъ мы, вмѣстѣ съ К., отправились со станціи «Спасательная» въ Петербургъ. Н. долженъ былъ четыре дня ждать насъ на Малой-Ижорѣ.

Поѣздку въ Петербургъ удалось продѣлать благополучно. Документовъ, какъ я и разсчитывалъ, не провѣряли въ дорогѣ. На перронѣ Балтійскаго вокзала я столкнулся съ матросомъ, на ленточкѣ котораго стояла: «Память Азова».

Это былъ кочегаръ съ моего корабля. Однако, маскировка была настолько удачна, что я не былъ узнанъ.

Четыре дня въ Петербургѣ пролетѣли, какъ одинъ, — мнѣ удалось узнать много важнаго относительно Кронштадта. Взятіе его при поддержкѣ англійскаго флота рѣшало бы судьбу Петербурга. Надо было возвращаться и торопиться начинать.

Обратный походъ на Терріоки удалось продѣлать благополучно. К. остался въ Петербургѣ по личнымъ дѣламъ, но зато въ лодкѣ были новые пассажиры — двѣ изящныя дамы въ мѣховыхъ манто съ новыми англійскими чемоданами въ рукахъ. Везти ихъ представлялось довольно рискованнымъ, такъ какъ стиль ихъ одѣяній далеко не подходилъ къ рыбачьей лодкѣ, но я не нашелъ въ себѣ силы отказать имъ, когда К. привелъ ихъ на Балтійскій вокзалъ.

Прямо въ Терріоки намъ все-же не удалось попасть, благодаря противному вѣтру и сильному теченію къ западу. Высадились въ «Пумаля», еще западнѣе форта «Ино», откуда въ телѣгѣ прибыли въ Терріоки.

Въ «Пумаля» солдатами финской морской пѣхоты мы были отведены къ коменданту, штабъ котораго помѣщался на дачѣ П. Н. Милюкова, гдѣ и провели 4 часа, пока комендантъ сносился съ Терріоками и ждалъ распоряженій. Большой кабинетъ ученаго былъ пустъ. Книжные шкафы были открыты и необитаемы.

Въ Терріокахъ были осмотрѣны тюки, привезенные финнами.

Одинъ изъ проживавшихъ тамъ русскихъ офицеровъ, нѣкто А-евскій, просилъ меня привезти ему маленькій пакетъ. Я предложилъ обратиться къ финну, ѣхавшему вмѣстѣ со мной. Въ Петербургѣ, въ день отъѣзда, я встрѣтился съ К., буквально изнывавшимъ подъ тяжестью двухъ тюковъ. Пришлось мнѣ одинъ изъ нихъ взять на себя. Въ вагонъ трамвая насъ не пустили, такъ какъ тюки были слишкомъ велики, пришлось идти пѣшкомъ на Балтійскій вокзалъ, подвергаясь риску быть задержанными милиціей, какъ мѣшечники.

Въ Терріокахъ я поинтересовался, что за вещи были въ тюкахъ, изъ-за которыхъ я рисковалъ собой, и въ Петербургѣ, и въ пути. — Тамъ были костюмы А-евскаго и его жены, ея корсеты и даже — балетныя туфли . . .

Теперь мнѣ приходилось возвращаться на Сѣверъ. Въ Сѣверную операцію мнѣ, однако, что-то плохо вѣрилось. Не говоря уже о томъ, что отъ Мурманска до Петербурга нужно было продѣлать почтенную дистанцію при самыхъ скверныхъ условіяхъ даже въ случаѣ успѣха, необходима была увѣренность въ солдатахъ въ теченіе такого долгаго промежутка времени. Вождя — не было, то-есть такого вождя, вокругъ котораго было бы объединено офицерство, и имя котораго было-бы популярно среди солдатъ. Цѣлый рядъ другихъ сложныхъ вопросовъ былъ еще связанъ съ продвиженіемъ сѣверной арміи, какъ то: доставка фуража, транспортъ, вліяніе мѣстнаго населенія, иногда поставленнаго между двухъ огней — бѣлаго и краснаго, не говоря уже о томъ, что Мурманская армія къ тому времени была еще въ зародышевомъ состояніи и нужно было долго ждать въ томъ случаѣ, когда нельзя было терять ни минуты времени.

Въ Петербургѣ къ тому времени уже имѣлись свѣдѣнія о готовности Кронштадта и Красной Горки перейти къ бѣлымъ. Тогда подъ защитой ихъ орудій даже небольшое войско могло имѣть успѣхъ.

Огромнымъ моральнымъ факторомъ, и для большевиковъ, и для населенія было бы появленіе на Невѣ, въ центрѣ Петербурга кораблей подъ старымъ

флагомъ. Со входомъ англичанъ въ Кронштадтъ была бы рѣшена участь «Красной Горки», и я рѣшилъ переговорить по этому поводу съ англійскимъ военнымъ агентомъ въ Швеціи, маіоромъ С-ломъ.

Во время пребыванія въ Гельсингфорсѣ, въ маѣ 1919 года, мнѣ удалось познакомиться и сойтись съ русскимъ полковникомъ Д-хановымъ, интеллигентнымъ офицеромъ, окончившимъ Михайловскую артиллерійскую академію.

Д-хановъ былъ однимъ изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ организаціи сѣверо-западной арміи. Онъ зналъ о моемъ отъѣздѣ и предлагалъ мнѣ вернуться послѣ поѣздки на Мурманъ обратно въ Гельсингфорсъ, на совмѣстную работу.

Въ указанный періодъ времени настроеніе офицеровъ финновъ было явно на сторонѣ русскихъ. Тогда жива была надежда на совмѣстныя дѣйствія противъ большевиковъ. Большинство, если не всѣ финскіе офицеры, служили раньше въ русской арміи и проявляли по отношенію къ ней живѣйшую симпатію. Исключеніе составляли лишь егеря, служившіе во время войны въ нѣмецкой арміи, но и они желали войны съ большевиками.

Къ С-лу въ Стокгольмъ я ѣхалъ уже съ готовымъ планомъ и разсчитывалъ на то, что мнѣ удастся убѣдить его въ необходимости возвращенія въ Финляндію.

Въ Стокгольмѣ я провелъ 3 недѣли. С-лъ согласился оставить меня пока тутъ, ожидая, какую форму примутъ работы русскихъ въ Гельсингфорсѣ. Ему былъ лично извѣстенъ Д-хановъ, съ которымъ онъ познакомился въ Финляндіи. Кромѣ того, С-лъ ждалъ свѣдѣній изъ Петербурга отъ своихъ.

Черезъ 2 недѣли мнѣ было сообщено, что я могу возвратиться въ Гельсингфорсъ. Для меня это было праздникомъ.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ черезъ Стокгольмъ прослѣдовала партія морскихъ офицеровъ, направляемыхъ въ Архангельскъ на предметъ укомплектованія судовъ, входящихъ въ рѣчныя флотиліи. Но мнѣ было ясно, что судьба большевиковъ должна рѣшиться не подъ Архангельскомъ, а подъ Петербургомъ, съ переходомъ флота на сторону бѣлыхъ, при поддержкѣ англійскихъ кораблей.

За нѣсколько дней до отъѣзда въ Гельсингфорсъ, въ серединѣ іюня въ Стокгольмскихъ газетахъ были помѣщены телеграммы о томъ, что Кронштадтъ сдался.

Потомъ выяснилось, что Кронштадтъ дѣйствительно выбросилъ бѣлые флаги, но англійскій флотъ, стоявшій въ Койвисто, ничѣмъ не реагировалъ на сигналъ. Кронштадтъ дважды выбрасывалъ бѣлые флаги, но оба раза — безрезультатно. Очевидно, у англичанъ были свои планы.

Черезъ недѣлю я выѣхалъ въ Гельсингфорсъ.

Къ этому времени въ Гельсингфорсѣ дѣла обстояли слѣдующимъ образомъ:

Въ «Societets-Huset» сидѣлъ Юденичъ со штабомъ и вырабатывалъ планы наступленія на Петербургъ изъ Ревеля, совмѣстно съ эстонцами. Въ одномъ изъ отелей Brönde сидѣлъ командующій англійскими оккупаціонными силами, генералъ Гофъ, котораго за его исключительное пристрастіе къ танцамъ прозвали «танцующій генералъ» (dancing general). У финско-русской границы были сконцентрированы большія силы финновъ, съ пулеметами и орудіями полевой, а отчасти и крѣпостной артиллеріи. Части были укомплектованы, главнымъ образомъ, Schutzcàr'омъ, то-есть «бѣлой гвардіей». Въ Койвисто стоялъ англійскій флотъ подъ командой адмирала Кована. Таковы были «внѣшнія возможности», что-же касается ихъ содержанія, то повсюду встрѣчались препятствія.

Юденичъ совершенно не интересовался планомъ овладѣнія Кронштадтомъ, у Гофа были свои собственныя соображенія, а финское командованіе не могло

начать наступленія безъ разрѣшенія сейма, который долженъ былъ вотировать кредиты на веденіе войны. Сеймъ же не хотѣлъ войны.

Что-же касается англійскаго флота, насчитывавшаго въ Койвисто до 82 вымпеловъ, то онъ былъ въ абсолютномъ бездѣйствіи, и единственными живыми судами въ немъ были моторныя лодки гидропланнаго типа, тренировавшіяся въ заливѣ.

На слѣдующій день по своемъ пріѣздѣ въ Гельсингфорсъ я явился къ адмиралу Пилкину и просилъ разрѣшенія изложить свой планъ овладѣнія Кронштадтомъ. Адмиралъ сообщилъ, что этотъ планъ занимаетъ уже нѣсколько моряковъ и предложилъ мнѣ побесѣдовать по этому поводу съ ними лично. Одинъ изъ нихъ былъ капитанъ I-го ранга В-кенъ, человѣкъ извѣстный своей исключительной храбростью. Другой былъ капитанъ II-го ранга Б-сcеръ, жившій въ Терріокахъ и находившійся въ контактѣ съ французскимъ командованіемъ. Я отправился къ В-кену. Насколько я могъ понять своего собесѣдника, В-кенъ не очень разсчитывалъ на англичанъ, а, главнымъ образомъ, лишь — на собственныя силы.

Однако, онъ предложилъ мнѣ попытаться сдѣлать что-нибудь и съ помощью англичанъ.

Къ этому времени я сдѣлалъ уже нѣсколько пробѣговъ на гидропланныхъ моторныхъ лодкахъ въ Петербургъ между фортами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и подъ обстрѣломъ, и убѣдился въ ихъ превосходныхъ качествахъ.

— Еслибы можно было дѣйствовать самостоятельно, получивъ эти лодки въ свое полное распоряженіе, то, пользуясь создавшимся настроеніемъ въ средѣ Кронштадтскихъ матросовъ, при совершенно свободномъ входѣ въ Военную Гавань черезъ Лѣсныя Ворота (боны стали заводиться лишь послѣ 18-го августа, послѣ налета англійскихъ лодокъ, окончившагося для Кронштадта пустяками, а для англичанъ — плачевно), человѣкъ 25 моряковъ, проникнувъ въ Кронштадтъ, легко-бы могли поднять недовольныхъ и овладѣть городомъ. Что партіи недовольныхъ были сильны и значительны, объ этомъ свидѣтельствуетъ то, что Кронштадтъ дважды выбрасывалъ бѣлые флаги. Огромнымъ положительнымъ факторомъ въ сторону успѣха предпріятія было присутствіе англійскаго флота, что дѣйствовало на матросовъ устрашающе и многихъ изъ нихъ заставило опомниться.

Необходимое число людей, готовыхъ рискнуть собой при этой попыткѣ, много разъ покрывалось числомъ желающихъ; всѣ необходимыя свѣдѣнія, какъ-то: имена кораблей, готовыхъ перейти, имена комиссаровъ-большевиковъ, съ ихъ характеристикой — все имѣлось на рукахъ, единственное чего не хватало — быстрыхъ моторныхъ лодокъ, и онѣ-то и были у англичанъ.

Казалось, самъ Богъ послалъ эти лодки сюда. При ихъ молніеносной быстротѣ — 40 узловъ, то-есть семьдесятъ верстъ въ часъ, отрядъ могъ влетѣть въ Кронштадтъ, неожиданный, какъ ударъ грома съ яснаго неба, и за кратчайшее время планъ могъ-бы быть выполненнымъ.

Достаточно было-бы нѣсколькимъ англійскимъ кораблямъ подойти въ Кронштадту на предѣлъ видимости, для того, чтобы упрочить за собой захватъ.

Планъ былъ простъ и логиченъ, и я началъ переговоры съ англичанами въ радужной надеждѣ на успѣхъ.

Но меня ожидало разочарованіе.

Мнѣ дали понять, что у англичанъ есть люди, которымъ поручено разработать вопросъ безъ участія русскихъ.

«Моторныя лодки могутъ выйти только съ командиромъ-англичаниномъ, а послѣдній не сможетъ дѣйствовать самостоятельно, безъ разрѣшенія адмирала Кованъ. Насколько-же извѣстно, Кованъ этого разрѣшенія не дастъ».

Я понялъ, что у англичанъ есть свои особые планы, мнѣ недоступные. Понялъ я ихъ только въ августѣ, вернувшись изъ Петербурга, куда я былъ посланъ вывезти сэра Поля Дьюкса.

18-го августа 11 англійскихъ моторовъ ворвались въ Кронштадтскую Военную Гавань.

Это былъ, дѣйствительно, лихой налетъ. 7 моторовъ было потоплено «Гавріиломъ», которымъ командовалъ замѣчательный морякъ и артиллеристъ, Севастьяновъ. Послѣдній не могъ видѣть равнодушно, какъ атакуютъ минами дредноуты, не могъ видѣть ихъ гибели. Очевидцы передавали, что его миноносецъ буквально танцовалъ среди 11-ти англійскихъ моторовъ, и въ короткое время потопилъ семь изъ нихъ. Остальные бѣжали. Результатомъ атаки было поврежденіе дредноута «Петропавловскъ», скоро исправившаго свои поврежденія, да гибель отжившаго свой вѣкъ учебнаго суда «Память Азова», въ котораго мина попала случайно, такъ какъ предназначалась она пловучему доку, стоявшему рядомъ.

Къ чести русскихъ матросовъ «Гавріила», хотя и большевиковъ, надо сказать, что къ разбитому врагу они отнеслись милосердно, подобравъ всѣхъ до одного.

Итакъ, — вотъ каковъ былъ планъ англичанъ. Они предпочли пожертвовать, и своими людьми, и своими лодками, для того, чтобы уничтожить бригаду единственныхъ въ мірѣ по своей однотипности и боевымъ качествамъ русскихъ линейныхъ кораблей, играя на войнѣ съ большевиками. Они не пожелали взять сдающагося имъ Кронштадта, не пожелали воспользоваться работой русскихъ моряковъ, взявшихъ бы Кронштадтъ, не прибѣгая къ потопленію прекрасныхъ кораблей, которые пригодились бы еще Россіи, и, какъ это не въ первый разъ случалось уже съ ними, сдѣлали колоссальную глупость: погубили свои лодки, погубили своихъ людей, сдѣлали совершенно невозможной мирную сдачу Кронштадта, озлобили матросовъ, а, главное, показали, что англичане не страшны и что ихъ можно легко расколотить.

Къ чему было все это? Какое значеніе имѣлъ этотъ налетъ для освобожденія Россіи отъ большевиковъ?

Но все это выяснилось впослѣдствіи, спустя мѣсяцъ послѣ полученія отъ англичанъ отказа дать свои лодки. Пока-же, надо было изобрѣтать что-либо новое. Необходимо было занять Кронштадтъ, пока англичане были еще въ Финскомъ заливѣ.

Былъ созданъ новый планъ: высадки десанта на одномъ изъ фортовъ Кронштадта при поддержкѣ любого англійскаго крейсера. Буксиръ и баржу представлялось возможнымъ достать. Вопросъ былъ лишь въ поддержкѣ корабля. Поддержка эта должна была имѣть чисто моральное значеніе и выразиться — лишь въ громѣ орудійныхъ выстрѣловъ.

Этотъ планъ былъ значительно сложнѣе предыдущаго, требовалъ бо́льшаго количества людей и средствъ.

Полковникъ Д-хановъ и бывшій офицеръ Преображенскаго полка М. взялись за дѣло доставки оружія. Вскорѣ выяснилось, что черезъ финскаго генерала И-уса добыто 20.000 ружей.

Хуже шло дѣло съ поддержкой со стороны англичанъ.

Генералъ Гофъ, являвшійся начальникомъ всѣхъ англійскихъ силъ, былъ очень тугъ на быстрое рѣшеніе вопроса и большею частью — неуловимъ.

Къ этому времени на русско-финской границѣ положеніе было довольно обострено. Большевики ожидали наступленія финновъ, но сами не рѣшались начинать. Обѣ стороны скопили къ іюлю 1919 г. большія силы на границѣ. Со стороны финновъ было много бѣлой гвардіи, и всѣ отвѣтственныя мѣста были заняты ею. У границы стояли блиндированные поѣзда и орудія крѣпостной артиллеріи. Въ свою очередь, финны также не хотѣли начинать наступленія. Необходимо было заставить большевиковъ двинуться первыми.

Всѣ Schutz-Car'исты рвались впередъ. Разгромомъ большевиковъ разрѣшалась бы напряженная атмосфера, царившая въ Финляндіи.

На свои войска финны въ 19-мъ году не особенно полагались. Среди нихъ была сильная пропаганда красныхъ. Schutz-Car являлся единственнымъ объединяющимъ армію элементомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, въ его составъ входили главнымъ образомъ представители свободныхъ профессій, принужденные все свое время отдавать военной службѣ; имъ нужна была рѣшительная война, для того чтобы выйти изъ создавшагося положенія. Къ тому времени финская армія имѣла несомнѣнный перевѣсъ надъ русской и, въ случаѣ, еслибъ былъ созданъ прецедентъ и начались враждебныя дѣйствія, она, перейдя границу, легко-бы овладѣла Петербургомъ.

Но опять, какъ и на Сѣверѣ, на Мурманѣ, такъ и здѣсь происходило что-то непонятное. Опять кто-то путалъ, не разрѣшалъ, подговаривалъ, уговаривалъ, жаловался на то, что правительство не понимаетъ положенія вещей, а, какъ потомъ выяснилось, только издѣвался и надъ финнами и надъ русскими.

Бывшій русскій гвардеецъ Э., теперь финскій офицеръ, долженъ былъ разрубить Гордіевъ узелъ, самостоятельно поведя наступленіе на большевиковъ съ добровольцами. Было рѣшено, что онъ будетъ поддержанъ пулеметами англійскихъ моторныхъ лодокъ. Въ назначенный часъ лодки должны были обстрѣлять Сестрорѣцкъ и прилежащіе районы, а Э. — перейти границу къ сѣверу отъ Райойоки.

Въ началѣ предполагалось вооружить моторныя лодки 75-ти-миллиметровыми орудіями, чтобы обстрѣлять также и номерные форты и навести панику. Но, къ сожалѣнію, легкая конструкція лодокъ не допускала установки орудій.

При выполненіи плана произошло расхожденіе, и каждая часть выполнила свою задачу самостоятельно. Лодки обстрѣляли Сестрорѣцкъ, но результаты обстрѣла остались невыясненными.

Лодка № 7 повредила себѣ винтъ о камень, подойдя слишкомъ близко къ берегу, и надолго вышла изъ строя.

Э. успѣшно перешелъ границу и занялъ пять деревень.

Но этимъ все и окончилось. Большевики остались стоять на своихъ мѣстахъ. Дѣло не вышло. Э. постигли за самовольный переходъ границы большія непріятности по службѣ.

Въ случаѣ войны финновъ съ большевиками облегчался бы значительно вопросъ о дессантѣ, о занятіи Кронштадта и о поддержкѣ корабельными орудіями наступающихъ армій.

Послѣ-же неудачнаго дня наступленія на большевиковъ, вопросъ о дессантѣ стоялъ съ прежней остротой.

Большая военная масса обладаетъ гипнотическимъ вліяніемъ. Казалось-бы очевидной нелѣпостью присутствіе такой силы, какъ англійскій флотъ въ Кой-

вистo, — лишь для простого наблюденія за событіями. Мнѣ твердо вѣрилось, что англійскія силы что-либо предпримутъ.

Изъ бесѣды съ англійскими моряками, стоявшими въ Терріокахъ на гидропланныхъ лодкахъ, я узналъ, что Кронштадтъ будетъ занятъ во что-бы-то ни стало.

Лично мнѣ казалось, что въ данномъ случаѣ играло роль англійское самолюбіе, въ силу котораго Кронштадтъ долженъ былъ быть занятъ англичанами самостоятельно. Возможно, что здѣсь имѣли значеніе и призы. Дѣло въ томъ, что англійскіе моряки получали, кромѣ орденовъ, еще и денежныя награды, по числу экипажа захваченнаго корабля. Имъ, слѣдовательно, было важно захватить русскіе корабли лично, безъ посторонней помощи.

Я очень сошелся съ нѣкоторыми изъ моряковъ, дѣля опасности походовъ вмѣстѣ съ ними. Всѣ они казались мнѣ удивительно милыми и искренними людьми. Такой моментъ, какъ аттака и занятіе Кронштадта, представлялся мнѣ исключительнымъ, и командиръ отряда, лейтенантъ Эгаръ, далъ мнѣ слово, что я буду также взятъ на лодку.

Казалось, что вопросъ о дессантѣ получаетъ все-же благопріятное рѣшеніе. Такъ называемые «политическіе англичане», принимавшіе участіе въ его разрѣшеніи, не видѣли новыхъ препятствій.

Что за жертвы несли-бы въ этомъ случаѣ англичане? Добровольцы состояли изъ русскихъ, баржа и буксиръ должны были быть доставлены не англичанами, и единственнымъ, въ чемъ бы выразилась ихъ забота, это — демонстративный походъ какого-нибудь крейсера и демонстративная-же пальба изъ орудій.

Но вышло иначе. Въ началѣ августа я былъ экстренно вызванъ. Мнѣ было предложено поѣхать курьеромъ въ Петербургъ. Я вначалѣ опѣшилъ. Я былъ увѣренъ, что вызываютъ меня въ связи съ благопріятнымъ рѣшеніемъ вопроса о дессантѣ, поэтому предложеніе отправляться въ Петербургъ было для меня большимъ ударомъ.

Въ предыдущія свиданія я находилъ открытое сочувствіе плану, и вдругъ, сразу, такое рѣзкое измѣненіе отношенія!

Казалось, что до сихъ поръ со мной просто мило играли и лишь теперь, когда меня отправляли въ Петербургъ, заговорили серьезно.

— Уже три недѣли ни одинъ курьеръ не переходилъ границы со стороны Финляндіи. Послѣдній былъ раненъ въ лѣсу на русской сторонѣ, сейчасъ-же по ту сторону Сестры-рѣки. Ему удалось спастись. Но до него курьеры были убиты. Мнѣ предстояло совершить походъ по морю, на моторѣ, съ высадкой подъ Петербургомъ; съ одной стороны, это было проще, но съ другой — пути отступленія были для меня отрѣзаны въ тотъ моментъ, какъ моторъ возвращался въ Финляндію.

Въ бумагѣ, полученной изъ Стокгольма отъ С-ла было сказано, что надо найти «a strong man» для выполненія порученія. Мнѣ льстило съ одной стороны, что былъ избранъ я, но съ другой было невыносимо тяжело уѣзжать отъ развертывающихся событій. Юденичъ къ этому времени (августъ 1919 г.) успѣлъ уже выкристаллизоваться, съ Красной Горкой дѣла шли успѣшно и каждый день могла произойти сдача Кронштадта.

При своемъ послѣднемъ свиданіи съ помощникомъ С-ла въ Гельсингфорсѣ, я получилъ завѣреніе, что экспедиція, на которую я посылаюсь, *необходима для русскаго дѣла, и что Англія никогда не забудетъ ея участниковъ*. При этомъ, Le-M., который разговаривалъ со мной, провелъ на моей груди крестъ.

Въ этотъ-же день я узналъ отъ Эгара, что меня посылаютъ въ Петербургъ вывезти оттуда застрявшаго Paul Dukes'a, впослѣдствіи за свою работу получившаго Sir'a.

Я простился съ капитаномъ Б-ссеромъ, участникомъ въ созданіи плановъ завладѣнія Кронштадтомъ, и выразилъ надежду вернуться черезъ недѣлю, когда снова можно будетъ взяться за дѣло.

Черезъ нѣсколько дней, часовъ въ 9 вечера въ большой столовой новой дачи въ Терріокахъ, занятой иностранными моряками, собралось нѣсколько человѣкъ. Въ послѣдній разъ разсматривалась морская карта той маленькой части Финскаго залива, которая у моряковъ именуется Маркизовой Лужей.

Все было уже много разъ пересмотрѣно и вывѣрено, глубины и опасныя мѣста выучены наизусть, но все хотѣлось бросить еще разъ взглядъ на эти тоненькія карандашныя линіи курсовъ, по которымъ надо держаться, чтобы уцѣлѣть, а не разбиться на бѣшеной скорости, превышающей 70 километровъ въ часъ, или не взлетѣть на воздухъ отъ собственной мины.

Во время обсужденія вопроса нѣсколько разъ вызывали сидѣвшаго въ другой комнатѣ финна-лоцмана, знавшаго, по его словамъ, родныя мѣста, какъ полъ собственной комнаты.

Онъ былъ рыбакомъ и контрабандистомъ.

На столѣ стояло нѣсколько бутылокъ съ коньякомъ и виски, на нихъ никто не обращалъ вниманія. Разговаривали тихо, — какая-то опасная тайна какъ-бы скрывалась по угламъ комнаты.

Предпринималось серьезное дѣло.

Надо было пойти на быстроходномъ моторномъ ботѣ мимо номерныхъ Кронштадтскихъ фортовъ, къ Лахтѣ, спустить на воду яхтенный тузикъ, посадить въ него меня, одѣтаго въ красноармейскую шинель. Я долженъ былъ догрести до Лахтинскихъ тростниковъ и скрываться въ нихъ до утра, а утромъ, когда раздастся свистокъ перваго поѣзда — пойти къ станціи желѣзной дороги, сѣсть въ поѣздъ, пріѣхать въ Петроградъ, отправиться по указанному адресу, встрѣтить тамъ Дьюкса и черезъ недѣлю обратнымъ путемъ добраться до Лахты, сѣсть въ спрятанную въ тростникахъ шлюпку и въ опредѣленный часъ, — въ 12 ч., ночи быть въ одной милѣ разстоянія къ югу отъ Елагинскаго маяка. Къ этому времени долженъ подойти изъ Терріокъ моторъ и, обмѣнявшись свѣтовыми сигналами, снять насъ со шлюпки и забрать обратно въ Финляндію.

Недавно, нѣсколько дней назадъ, былъ сдѣланъ пробный пробѣгъ къ Каменному Острову въ Петроградѣ. Онъ прошелъ вполнѣ благополучно. Правда, изъ одного изъ фортовъ стрѣляли, но при такой скорости, да еще и ночью, эта стрѣльба не представляла особенной опасности.

Время близилось къ одиннадцати часамъ. Въ открытыя окна просилась войти душистая и нѣжная прохлада августовской сыроватой ночи. На сосѣдней дачѣ отчетливо и мягко играли на рояли. Оттуда, съ другой стороны залива, отъ Красной Горки неподвижно повисъ въ воздухѣ, какъ вонзившееся съ размаху въ другой берегъ копье, — лучъ прожектора. Пора было идти. Встали.

— «Сегодня васъ повезетъ Сѣндалъ», сказалъ мнѣ высокій и тонкій морякъ. — «Но, я все-таки провожу васъ до яхтъ-клуба. Совѣтую вамъ выпить на дорогу, сегодня ночью свѣжо на морѣ».

Я нѣсколько разъ уже ходилъ черезъ заливъ при болѣе трудныхъ условіяхъ, а потому предстоящій походъ на 250-сильномъ моторномъ ботѣ въ пріятной компаніи молодого и веселаго народа не казался мнѣ особенно опаснымъ. Третьегодняшній пробѣгъ изъ Терріокъ въ Петроградъ и обратно, когда все обошлось такъ гладко и, главное, — быстро (пробѣгъ былъ сдѣланъ въ 1½ часа, туда и обратно), настраивалъ на очень оптимистическій ладъ. О томъ-же, что будетъ, когда меня спустятъ на воду съ палубы мотора въ маленькомъ тузѣ, я старался не думать, для того, чтобы сохранять душевныя силы.

Итакъ, — еще одинъ прорывъ. Впрочемъ, сегодня начало похода ужасно напоминаетъ скорѣе спортивную эскападу — нѣчто вродѣ гонки моторныхъ ботовъ.

— Идемъ!

— Мы сошли съ террасы, освѣщенной большимъ шаромъ лампы въ бѣломъ полотняномъ абажурѣ и углубились въ темноту сада. Было сыровато и тепло, тѣмъ тепломъ августовской ночи, которое печалитъ, какъ послѣднія минуты милой встрѣчи.

Отъѣзжающихъ было четверо, да провожало столько-же народу. Шли попарно, на большомъ разстояніи одна пара отъ другой. Изрѣдка въ первой парѣ освѣщали дорогу электрическимъ фонаремъ.

Скоро запахло сыростью отъ большой водной поверхности, — море было совсѣмъ близко. Когда вышли изъ подъ навѣса деревьевъ, сразу посвѣтлѣло и далеко-далеко, налѣво, затеплился маленькими и нѣжными золотыми звѣздочками Кронштадтъ. Направо, попрежнему серебрянымъ копьемъ вонзался въ Красную Горку лучъ прожектора. Волны, длинныя и невысокія, набѣгали на отлогій песчаный берегъ, съ шумомъ, напоминающимъ фугу огромнаго скрипичнаго оркестра. Ноги увязали въ глубокомъ песку. На берегу стояла глубокая тишина. Изъ-за поворота открылся огонекъ. Это былъ яхтъ-клубъ и скоро тускло забѣлѣла его длинная стѣна, ограждающая гавань. Въ гавани слегка покачивалось только одно, довольно большое, парусное судно шведскаго типа, да еще какая-то гичка, стоявшая на якорѣ.

Но по другую сторону брейкватера, изъ темноты, порой раздавалось прерывистое рычанье мотора, подобно пофыркиванію гигантскаго коня.

— Тамъ механикъ проворачивалъ моторъ.

Стали прощаться. Молодой и веселый Сòндалъ балагурилъ, садясь въ перевозную шлюпку. Она была такъ мала, что могла взять лишь трехъ человѣкъ. Я остался ждать ея возвращенія.

— Ночь очень хороша, — сказалъ мнѣ высокій морякъ, — ни луны, ни звѣздъ, и очень маленькій вѣтеръ. Я увѣренъ, что Сòндалъ васъ благополучно доставитъ въ ½ часа. Помните-же, что черезъ недѣлю я самъ приду за вами на моторѣ. Не ошибитесь только во времени, помните, что четыре часа разницы между нашимъ и большевистскимъ временемъ. Не забудьте также, что я долженъ получить отъ васъ по свѣтовому телеграфу 3 «т». Чтобы вамъ не скучно было ночью на берегу — вотъ вамъ ваша любимая марка, — и онъ сунулъ мнѣ въ карманъ бутылку.

Перевозная вернулась съ мотора. Надо было садиться. Веселый молодой матросъ, Пейпоръ, который былъ знакомъ мнѣ по послѣднему пробѣгу, привѣтствовалъ меня.

«Счастливаго пути», раздалось съ берега, «до свиданья черезъ недѣлю».

Черезъ нѣсколько минутъ, вдругъ сразу, совсѣмъ близко вырисовался большой и плоскій по виду предметъ. Это былъ выкрашенный въ защитный цвѣтъ моторъ. Моторъ былъ гидропланнаго типа съ лѣстничнымъ днемъ. По мѣрѣ увеличенія скорости, его носъ подымался все выше надъ поверхностью воды, и моторъ уже не шелъ по водѣ, а скользилъ, порой почти отдѣляясь отъ ея поверхности. Получалось нѣчто вродѣ камешка, пущеннаго плашмя по водѣ. Поэтому, въ свѣжую погоду, моторъ бы разбился о воду отъ собственной скорости.

Въ то время, когда перевозная подошла къ борту, механикъ опять пустилъ моторъ, который такъ могуче фыркнулъ, что одинъ изъ сидѣвшихъ въ лодкѣ отъ неожиданности опустился на дно.

«Сегодня мы налегкѣ», сказалъ мнѣ веселый Сондалъ, «нельзя было взять и мину, и тузикъ». Дѣйствительно, въ длинномъ минномъ туннелѣ стоялъ лишь маленькій изящный тузикъ.

Механикъ далъ малый ходъ. Но и этотъ малый былъ 8 узловъ, то-есть 14 верстъ въ часъ, несмотря на то, что моторъ работалъ порывами. Пэйпоръ на перевозной подержался нѣсколько мгновеній съ моторомъ, уцѣпившись за него крюкомъ. Онъ еще разъ хотѣлъ пожелать добраго пути. Затѣмъ моторъ рвануло, и бѣлый верхъ фуражки Пэйпора моментально пропалъ изъ виду. Шли прямо отъ берега, чтобы избѣжать подводныхъ камней. Моторъ шелъ половиннымъ ходомъ, но и этотъ половинный ходъ были добрые 35 километровъ въ часъ. Позади кормы въ водѣ образовалась глубокая яма, а по бортамъ, мчались двѣ высокія стеклянныя стѣны. Весь моторъ дрожалъ мелкой дрожью, какъ-бы отъ чудовищнаго напряженія. Порой, столкнувшись со встрѣчной волной, онъ подлеталъ кверху, будто поднятый со дна моря рукой великана. Сондалъ переложилъ руль право на бортъ, и сразу огни Кронштадта стали расти и приближаться. Я стоялъ въ минномъ туннелѣ, опершись на привязанную шлюпку. Двѣ мысли занимали мое вниманіе. — Правильно-ли полученныя свѣдѣнія о томъ, что за 1-мъ и 2-мъ номерными фортами стоятъ въ дозорѣ угольщики, то-есть миноносцы стараго типа, жгущіе уголь, и, если правда, то что они могутъ сдѣлать мотору. А вторая мысль, — дѣйствительно-ли такъ высоки тростники у Лахты, какъ это утверждалъ лоцманъ Каряляйненъ, что въ нихъ можно легко спрятаться съ лодкой. Отъ этой мысли начинало тихонько посасывать на сердцѣ. Положеніе тогда выйдетъ неважное, если негдѣ будетъ приткнуться у берега. Тѣмъ болѣе, что какъ разъ у Лахты бродятъ большевистскіе патрули.

Но вотъ Сондалъ ставитъ телеграфъ на «полный ходъ». Моторъ подымается на дыбы, бьетъ носомъ по волнѣ такъ, что звенятъ всѣ металлическія части и начинаетъ летѣть надъ водой, глубоко таща въ водѣ конецъ кормы. Волны неистово закрутились позади, низвергаясь въ глубокую яму, которую оставлялъ за собой моторъ, а по бокамъ, съ бортовъ поднялись два урагана. Ливень воды обдавалъ меня. Я набросилъ на себя брезентъ. Направо, со стороны Кронштадта вырвалась изъ темноты короткая молнія, потомъ еще и еще. Начинался обстрѣлъ.

Это была разновидность игры въ кукушку, только обстрѣлъ былъ орудійный, а не изъ револьверовъ.

Сондалъ не мѣнялъ курса. Большевики ошибались, вѣтеръ ихъ обманывалъ, и имъ казалось, что рычанье мотора несется къ Кронштадту, тогда какъ оно шло къ номернымъ фортамъ. Больше нечего было прибавлять скорости. Моторъ изнывалъ отъ хода. Двѣ низкія, черныя линіи фортовъ 4-го и

5-го, между которыми предстояло проскочить, росли на глазахъ и скоро превратились въ грозныя черныя массы.

Тамъ было тихо. Что было за ними? Сторожили-ли угольщики? Сѣндалъ держалъ прямо посерединѣ. На фортахъ было темно, ни одного огонька. Черезъ минуту моторъ поровняется съ ними. — Какая длинная, безконечная минута. Моторъ опять сдѣлалъ прыжокъ, споткнувшись о встрѣчную волну, и съ новой яростью бросился впередъ. На фортахъ темно, и они все еще видны въ профиль.

— Скорѣй-бы увидѣть ихъ en face! Скорѣй-бы быть между ними! А моторъ какъ бы стоитъ на мѣстѣ. Какъ медленно ползутъ навстрѣчу эти черныя массы! Я машинально приподнялся на цыпочки, впившись въ бортъ пальцами, какъ бы стараясь швырнуть моторъ впередъ. Но вотъ мы уже межъ фортовъ, и тогда сдѣлалась замѣтна бѣшеная скорость мотора.

— Форты промелькнули, какъ желѣзнодорожная станція мелькаетъ въ окнахъ курьерскаго поѣзда. Я оглянулся. — Нѣсколько молній изъ двухъ фортовъ перекрестились въ воздухѣ. — Опоздали!

Передъ моторомъ былъ широкій просторъ.

Сѣндалъ сбавилъ половину хода. Немного справа, рѣдкими серебряными огнями затрепеталъ Петроградъ, когда-то родной и милый, а теперъ — вражескій. Прямо по носу былъ огонь Сѣвернаго Елагинскаго маяка, а на лѣво — огоньки Лахты. Скоро будемъ у мѣста. Сѣндалъ перешелъ на малый ходъ. Стало возможнымъ слышать другъ-друга.

Тотчасъ-же на моторѣ сдѣлалось шумно и весело. Пожимали другъ-другу руки, хлопали по плечу. Сѣндалъ бросилъ руль. Машина нѣсколько разъ вздохнула и умолкла. Сдѣлалось тихо. Съ берега донесся свистъ локомотива приморской дороги. Я оглянулся. — На темносѣрой массѣ воды были видны лишь черныя черточки фортовъ. Миноносцевъ не было видно. Подъ Лахтой темными пятнами шли тростники. Какъ далеко были они отъ берега? Темная полоса на берегу могла быть кустарникомъ, и тогда моторъ былъ близко, но эта полоса могла быть и лѣсомъ, тогда онъ былъ отъ берега въ 10 разъ дальше. И, какъ на зло, — ни одного огонька на берегу. Лоцманъ и матросъ спустили по туннелю тузикъ на воду. Онъ легко и плавно сошелъ. Положили весла. Все было готово. Теперь я долженъ былъ начать свою работу. Я пожалъ всѣмъ руки и перелѣзъ въ шлюпку. — Спокойной ночи!

Опять зарычалъ моторъ, но уже не для меня. — «Они» шли къ отдыху, комфорту, а меня ждали тростники и то, что за ними скрывается.

— Уже три недѣли ни одинъ курьеръ не переходилъ благополучно границы. Правда, они шли сухимъ путемъ... Я сдѣлалъ нѣсколько гребковъ впередъ. Моторъ разворачивался по красивой, плавной дугѣ. Оттуда махали фуражками. Затѣмъ моторъ выравнялся и быстро помчался прочь.

Я остался одинъ. Да, вокругъ было удивительно красиво. На горизонтѣ показывалась поздняя луна, порой скрываясь за облаками. Впрочемъ, луна была лишней для меня. Здѣсь, подъ защитой Лисьяго Носа, не было даже ряби, и море напоминало собой огромный заснувшій прудъ. Я гребъ, стараясь безшумно опускать весла. — Кто знаетъ, какъ близко берегъ, а звуки такъ разносятся по водѣ!

Было такъ тихо, что, когда выглядывала изъ-за облаковъ луна, видно было, какъ эти облака отражаются въ водѣ. Вдругъ лодка съ шумомъ зацѣпила за что-то. — Это были едва прикрытые водой тростники — хвощи, которые никогда не растутъ высоко. Это было для меня большимъ ударомъ. Если все

хвощи въ этомъ мѣстѣ, то негдѣ будетъ ни самому скрыться, ни спрятать лодку!

Лодка стала задѣвать все чаще и чаще, и скоро показался большой тростниковый островъ. За нимъ другой, и скоро я былъ въ корридорахъ.

Увы, тростники были не выше аршина. Не больше, чѣмъ въ ½ верстѣ, былъ берегъ. Итакъ, лодку придется бросить. Луна перестала уже скрываться въ облакахъ, а свѣтила полно и ярко. Грести можно было чуть-чуть, такъ чтобы съ берега было трудно судить, движется-ли по водѣ лодка или стоитъ на мѣстѣ. Я передвигался мучительно долго. Можетъ быть съ берега уже наведена на меня винтовка, караулящая каждое мое движеніе? И почему-то мнѣ пришли въ голову приключенія героевъ Майнъ-Рида, когда какой-нибудь Соколиный Глазъ пересѣкаетъ въ челнокѣ рѣку, скрываясь отъ блѣднолицыхъ. Однако, и эта томительная переправа окончилась, и тузъ ткнулся носомъ въ песчаный берегъ, прямо подъ тѣнь какого-то большого дерева, окруженнаго сочной высокой травой. Я выпрыгнулъ на сушу и расправилъ затекшія ноги. Теперь-бы отдохнуть; и, какъ всегда — по выработанной еще предыдущими походами практикѣ, я отбросилъ мысли о томъ, что будетъ дальше, а занялся непосредственнымъ дѣломъ. Надо было повыше подтащить лодку и попытаться скрыть ее въ кустахъ. Но больше, чѣмъ на половину, мнѣ не удалось ее вытащить.

Значитъ, надо было бросить объ этомъ думать. Я вынулъ уключины, снялъ весла и отнесъ ихъ подальше, гдѣ спряталъ въ травѣ.

Оставаться здѣсь, на самомъ берегу, я не счелъ для себя безопаснымъ, такъ какъ по берегу могли ходить патрули, надо было идти въ кусты и тамъ ждать утра, чтобы выйти на Приморскую дорогу и добраться до Петрограда. Я вернулся къ лодкѣ и вынулъ оттуда кожаный портфель съ чертежными инструментами и предписаніями технику В. произвести осмотръ прибрежныхъ укрѣпленій. Это было нѣсколько наивно и разсчитано, конечно, лишь на низшихъ чиновъ охраны.

Сейчасъ-же отъ берега начинался кустарникъ и болотныя кочки. Надо было, однако, набраться силъ къ завтрашнему дню. Я выбралъ мѣсто посуше, снялъ съ себя шинель, положилъ подъ себя и растянулся. Сонъ не приходилъ. Нервы были слишкомъ взбудоражены недавно пережитымъ. Во всемъ тѣлѣ еще чувствовалась ужасная тряска мотора, а потомъ, — этотъ, такой маленькій, но долгій переѣздъ съ мотора на берегъ. — Обязательно необходимо заснуть. Я вспомнилъ о бутылкѣ съ коньякомъ, которая была въ карманѣ шинели. — Она была предусмотрительно откупорена. Я сдѣлалъ нѣсколько глотковъ.

Кругомъ царила невозмутимая тишина. Какъ будто мнѣ было знакомо это мѣсто. — Да, лѣтъ 8 назадъ, когда я былъ еще совсѣмъ молодымъ студентомъ, мы веселой компаніей пріѣзжали на лодкахъ пикникомъ къ часовенкѣ у Лахты. Тогда все было свое кругомъ, и взморье, и Лахта, и Петербургъ, какъ онъ тогда назывался, а теперь все чужое.

Я отпилъ еще немного, легъ, и незамѣтно уснулъ.

На восходѣ солнца меня разбудили птицы. Была прекрасная погода, тихая и теплая. Тѣло было въ сладкой истомѣ, такъ не хотѣлось вставать. Я оглянулся: мѣсто для почевки было удачно выбрано. Кругомъ были кусты, скрывавшіе меня густой стѣной. Сейчасъ идти на станцію было-бы очень подозрительно. Надо подождать до 2-го или 3-го поѣзда, когда ѣдутъ въ городъ служащіе различныхъ учрежденій. Тогда удобно будетъ смѣшаться съ ихъ толпой. Значитъ, можно еще поспать часика 2, и я съ наслажденіемъ заснулъ. Проснулся, когда

солнце начинало уже грѣть. Было 8 часовъ. Я поднялся, взялъ по маленькому компасу направленіе на станцію Раздѣльная и пошелъ отъ одной группы кустовъ къ другой, стараясь избѣгать открытыхъ полянъ. Надо было постараться скорѣй выбраться изъ опасной зоны патрулей.

Линія желѣзной дороги оказалась неожиданно ближе, чѣмъ я думалъ. Я былъ въ сравнительной безопасности. Когда я подошелъ къ Раздѣльной, тамъ было уже довольно много служилаго люда. Но, Боже, какъ она измѣнилась, эта Петербургская публика! Какая тоска въ глазахъ, какія бѣдныя одежды! На меня многіе смотрѣли съ ненавистью, принимая за комиссара, а одна старушка даже громко сказала: «ишь, толстомордый, отъѣлся!» Это обрадовало меня, — значитъ мой видъ не внушалъ опасеній. Я благополучно прибылъ на Приморскій вокзалъ. Маленькое смятеніе было лишь при выходѣ, во время провѣрки агентами чрезвычайки документовъ у публики. Я не особенно надѣялся на сфабрикованныя въ Финляндіи удостовѣренія о принадлежности къ какой-то несуществующей технической комиссіи, а потому предпочелъ пройти другимъ, извѣстнымъ мнѣ ходомъ, черезъ товарное отдѣленіе вокзала.

Итакъ, бо́льшая часть предпріятія была уже выполнена. — Я былъ въ Петербургѣ. Оставалось выполнить порученіе, то-есть найти Дьюкса, передать ему письмо, зашитое въ платьѣ, купить новую лодку, если оставленную на Лахтѣ увели и, если Богъ поможетъ, и будетъ на морѣ тихо, подплыть ровно черезъ недѣлю къ сѣверному Елагинскому маяку въ 12 часовъ ночи и, если также будетъ судьба благопріятствовать, и моторъ благополучно пройдетъ между фортами, сѣсть въ него, для того, чтобы снова черезъ 45 м. быть въ Европѣ, уютѣ, комфортѣ и безопасности... Да, было довольно много «если» на пути!

Дьюкса я встрѣтилъ въ тотъ-же день, правда, не безъ затрудненій, — пароль былъ выговоренъ на англійскій манеръ, тогда какъ имя было французское, что и привело къ взаимному непониманію, довольно скоро уладившемуся. Дьюксъ оказался очень милымъ молодымъ человѣкомъ, хорошо говорившимъ по русски, съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ. Его можно было принять по выговору за латыша, за какового онъ, впрочемъ, себя и выдавалъ.

Въ тотъ-же день Дьюксомъ были посланы на Лахту люди искать лодку. Какъ я и предполагалъ, ее угнали. Надо было заняться покупкой новой. За недѣлю, остававшуюся до rendez-vous, Дьюксъ долженъ былъ привести въ порядокъ свои дѣла, для того, чтобы окончательно распроститься съ Петроградомъ.

Этотъ городъ въ 19 году навѣвалъ тоску невѣроятную. Свобода торговли еще не начиналась, — торговали главнымъ образомъ паштетныя, и вся огромная площадь Петрограда напоминала собой огромный разоренный муравейникъ. Но что поразило меня, — это огромное количество плакатовъ, художественно исполненныхъ, призывавшихъ на борьбу съ бѣлой гвардіей, — видно было, что надъ плакатами работали хорошіе художники, — поразили меня и милиціонерки, сравнительно изящно одѣтыя. Въ томъ году большевикамъ было плохо. Юденичъ продвигался на западѣ, на югѣ — Деникинъ, а Колчакъ былъ еще силенъ на востокѣ. Въ массѣ наблюдалось ожиданіе и тревога.

Вѣрили въ англичанъ, въ союзниковъ, и никто изъ петроградцевъ не былъ бы удивленъ, еслибы въ одно прекрасное утро онъ увидѣлъ весь англійскій флотъ стоящимъ на Невѣ, хотя, какъ извѣстно, въ Неву могутъ войти только миноносцы и легкіе крейсера.

Я всѣ эти дни находился въ тревожно-веселомъ ожиданіи. Я зналъ, что англійскіе аэропланы гвоздятъ уже Кронштадтъ, что онъ непроченъ, зналъ,

какое огромное значеніе имѣло бы для Петрограда паденіе его, зналъ, что въ Койвисто стояла англійская эскадра изъ 82 вымпеловъ, зналъ, что эта эскадра сейчасъ-же вошла-бы въ Кронштадтъ, а часть, и въ Петроградъ, зналъ, какое огромное моральное и матерьяльное значеніе имѣло бы это въ процессѣ сокрушенія большевизма и чувствовалъ себя какъ наканунѣ большого праздника.

Наконецъ, лодка была куплена. При ея покупкѣ нужно было проявить большую осторожность, чтобы не возбудить подозрѣній. Мы нашли одного желѣзнодорожнаго служащаго, бывшаго содержателя трактира въ хорошія времена. Это былъ «сочувствующій». За три мѣшка картофеля онъ пріобрѣлъ у одного рыбака лодку.

Къ сожалѣнію, я не могъ осмотрѣть ее предварительно лично, такъ какъ въ береговую полосу можно было проникнуть лишь вечеромъ. Пришлось повѣрить на слово, что лодка хороша. Единственнымъ непремѣннымъ условіемъ, которое я поставилъ, это было, чтобы лодка не текла.

Въ четыре часа была назначена встрѣча съ Дьюксомъ у Приморскаго вокзала. За недѣлю, проведенную въ Петроградѣ, я совсѣмъ обжился и чувствовалъ себя превосходно, имѣя добытыя черезъ Дьюкса блистательныя большевистскія удостовѣренія.

Мы сошлись на перронѣ, усѣлись въ вагонъ 2-го класса и стали уплетать принесенные Дьюксомъ пироги съ вареньемъ. Окружающіе съ завистью смотрѣли на «комиссаровъ», поѣдающихъ лакомства.

Прибывши на «Раздѣльную», мы отправились въ условленную дачу. Тамъ рѣшено было оставаться до 10-ти часовъ, затѣмъ осторожно пробраться черезъ лѣсъ къ Лисьему Носу, куда должны были подать лодку. 2-хъ часовъ съ избыткомъ должно было хватить на переѣздъ къ Елагинскому маяку для встрѣчи съ моторомъ.

Я вышелъ на крыльцо. Оттуда видна была широкая свинцовая гладь залива, но то мѣсто, гдѣ былъ Кронштадтъ, было заволокнуто густыми непроницаемыми клубами дыма.

Кронштадтъ горѣлъ. — «Очевидно, это дѣло англійскихъ летчиковъ», подумалъ я. Но я ошибался, — на самомъ дѣлѣ это горѣли лѣсные и интендантскіе склады, которые, какъ говорили, были подожжены комиссарами, напутавшими въ отчетности.

Небо на горизонтѣ не было безупречно, можно было ожидать къ ночи непріятностей, въ видѣ штормовыхъ полосокъ. Я не думалъ о томъ, что мнѣ лично что-нибудь можетъ помѣшать выйти въ море, я боялся больше всего, что свѣжая погода помѣшаетъ придти изъ Терріокъ мотору.

Время тянулось довольно медленно. Мнѣ хотѣлось быть скорѣе на водѣ, тамъ я чувствовалъ себя спокойнѣе. Къ 10-ти часамъ сталъ накрапывать дождикъ и вѣтеръ спалъ. Пора было идти. Дьюксъ, я и племянникъ нашего хозяина пошли осторожно черезъ лѣсъ, подальше отъ дороги, гдѣ намъ могли встрѣтиться патрули, а хозяинъ пошелъ прямо на Лисій Носъ, откуда онъ долженъ былъ пригнать къ условленному мѣсту лодку. Минутъ черезъ 20 довольно быстраго хода мы пришли на берегъ моря. Съ этого мѣста не было видно огней Елагинскихъ маяковъ, не было видно и огней Петрограда, только большое Кронштадтское зарево высоко подымалось на небосклонѣ.

Раздались всплески веселъ. Было такъ тихо, что чуть не полъ-часа слышны были они, пока не вырисовалась совсѣмъ близко темная масса лодки. Это былъ

хозяинъ. Мы подошли ближе къ лодкѣ. Я не пришелъ въ восторгъ отъ нея. Это была большая смоленная рыбачая лодка, широкая, съ низкими бортами. Сидѣла она въ водѣ необычайно глубоко, настолько, что я даже заподозрилъ течь. Но при осмотрѣ течи не было обнаружено. Между банками былъ неподвижно укрѣпленъ большой ящикъ, и на него-то я преступно не обратилъ вниманія.

Мы сѣли въ лодку, оттолкнулись отъ берега и сразу пошли хорошимъ ходомъ. Дьюксъ гребъ на первой банкѣ, я гребъ по итальянски, сидя на кормѣ лицомъ къ носу, для того, чтобы легче было править. Черезъ минутъ 5 открылся сѣверный Елагинскій маякъ. Я сталъ держать прямо на него.

На горизонтѣ становилось скверно. И оттуда, изъ подъ тучъ пошелъ свѣжій вѣтеръ. По сторонамъ стали вскипать порой барашки. Но можно было уже держать параллельно берегу, и волны тогда били прямо въ корму, сдѣлавшись попутными.

Вѣтеръ все крѣпчалъ. Это была типичная штормовая полоса, которая скоро проходитъ, но все же успѣваетъ сильно напакостить. Порой, несмотря на то, что шли по попутной волнѣ, волна обдавала спину. — Значитъ, дѣло было не вполнѣ ладно, — лодка слишкомъ глубоко сидѣла. — «Отчего-бы это могло быть», думалъ я, — «два человѣка для такой большой лодки, это форменная пустяковина, лодка должна легко всходить на волну!» Мой взглядъ упалъ на большой ящикъ между банокъ, откуда изрѣдка доносилось бульканье, какъ изъ большой бочки, наполовину наполненной водой. Я бросилъ грести, поднялся съ мѣста и подошелъ къ ящику. — «Какой промахъ! Отчего я не посмотрѣлъ раньше!» — Это былъ огромный рыбный садокъ, наполненный водой. — Финскіе рыбаки не имѣютъ обыкновенно особыхъ садковъ. Въ своихъ лодкахъ они устраиваютъ перегородки, пространство между которыми по возвращеніи съ рыбной ловли наливается водой, куда пускается пойманная рыба. Конечно, когда лодка стоитъ у берега, не страшно налить ее водой хоть до верха. И вотъ лодка была подана съ этимъ безумнымъ грузомъ!

О томъ, чтобы выкачать воду, нечего было и думать. Ея могло быть сто ведеръ, а подъ руками не было даже и черпака. Была какая-то банка изъ подъ консервовъ и, если бы пришлось работать, то понадобилось-бы столько времени, сколько нужно для того, чтобы вычерпать наперстком полную ванну. Я вернулся на мѣсто и сталъ снова грести. — Будь, что будетъ! А вѣтеръ свѣжѣлъ, и теперь уже не брызги, а волны ласкали мою спину.

И, какъ на зло, Елагинскій маякъ былъ уже совсѣмъ близко, не больше мили! Но вотъ одна волна заглянула внутрь лодки и сейчасъ-же вслѣдъ за ней другая и третья. Лодка сѣла еще глубже. Мои ноги были въ водѣ. Но я все еще не могъ рѣшиться повернуть къ берегу, — маякъ былъ такъ близко. Тогда я завелъ внутренній контрольный аппаратъ. — По степени поднятія воды въ лодкѣ, (о чемъ я судилъ по холоду въ своихъ ногахъ), относимой къ разстоянію отъ маяка, я получалъ сужденіе о возможности держаться принятаго курса. Я посмотрѣлъ на фосфорисцирующій циферблатъ своихъ часовъ. Было четверть двѣнадцатаго. Если обоимъ бросить грести, лодка будетъ меньше брать воду, и можно будетъ попробовать откачивать воду фуражками, но моторъ насъ не приметъ съ неуказаннаго мѣста, хотя бы сигналы и были правильны, боясь, что его завлекаютъ въ западню.

Я рѣшилъ идти впередъ. Дьюксъ держался удивительно спокойно. Такъ-же ритмично онъ гребъ теперь, какъ и часъ назадъ, когда намъ еще ничего не угрожало. — Еще одна волна влилась во внутрь; это былъ уже не набѣгъ

волнъ, а методичное размѣренное наполненіе лодки водой. Она была уже мнѣ по колѣно. Черезъ нѣсколько минутъ мы пойдемъ ко дну. Нельзя было больше держаться въ открытомъ мѣстѣ. А маякъ былъ такъ близко!

— «Дьюксъ, я принужденъ отказаться отъ мысли доставить васъ къ указанному мѣсту. Насъ заливаетъ, мы должны повернуть къ берегу!» — «Дѣлайте, какъ будетъ лучше», былъ спокойный отвѣтъ.

Кормовое отдѣленіе такъ глубоко ушло въ воду, что носъ поднялся надъ водой, и Дьюксъ сидѣлъ тамъ, какъ птичка, продолжая по прежнему хладнокровно работать веслами. Я повернулъ къ берегу. Вѣтеръ стихалъ. Если мы успѣемъ настолько подойти къ берегу, чтобы быть подъ защитой Лисьяго Носа, волнъ тамъ уже не будетъ, и мы, можетъ быть, спасемся. Въ этотъ моментъ тотъ-же садокъ, который насъ погубилъ, сталъ насъ выручать. Онъ сыгралъ роль непроницаемой переборки, непозволявшей водѣ перекатываться въ носовое отдѣленіе. Еще нѣсколько волнъ влилось въ лодку. Тогда корма совсѣмъ сравнялась съ водой, уключины были въ ея уровень, и грести стало невозможно, такъ какъ волны вымывали изъ нихъ весла. Тогда я бросилъ грести парой, бросилъ одно весло прочь и сталъ грести однимъ весломъ, стоя по поясъ въ водѣ.

Шансовъ дойти до берега оставалось очень мало. Очевидно, придется добираться до берега вплавь. Я быстро сбросилъ съ себя высокіе сапоги, предложивъ Дьюксу сдѣлать то-же самое. Но Дьюксъ не могъ этого сдѣлать, — онъ былъ въ башмакахъ и обверткахъ, а снимать ихъ не было времени. Едва я положилъ сапоги на кормовую банку, какъ ихъ смыло волной.

Но вотъ волны сразу стали меньше. — Мы были подъ защитой Лисьяго Носа! Черезъ нѣсколько минутъ стало тихо, какъ въ озерѣ.

— Штормовая полоса прошла!

Мы были еще сравнительно недалеко отъ курса, по которому долженъ былъ идти моторъ.

До 12-ти часовъ оставалось 15 минутъ.

Если бы мы могли продержаться на водѣ эти несчастныя 15 минутъ!

Лодка все глубже и глубже садилась. Чтобы выиграть время, я перешелъ на носъ къ Дьюксу и мы оба осторожно, стараясь не дѣлать рѣзкихъ движеній, стали тихонько грести къ берегу. Вода была уже на уровнѣ верхняго края садка, какъ только она перешагнетъ его, лодка уйдетъ подъ воду.

Въ это время показалась луна и освѣтила берегъ. До него было недалеко. Бѣлымъ пятномъ выдѣлялась Лахтинская часовенка. Мы тонули на томъ мѣстѣ, гдѣ 200 съ лишнимъ лѣтъ назадъ Петръ Великій спасалъ погибающихъ. — «Значитъ, здѣсь должна быть отмель, подумалъ я, если-бъ только попасть на нее... Однако, вѣдь дѣло еще далеко не кончено, если даже намъ и удастся добраться до берега. Не наведены-ли на насъ винтовки новаго патруля, который лишь наканунѣ вступилъ, и, по всей вѣроятности, еще бодрствуетъ!»

Во всякомъ случаѣ, если намъ придется погибать, то надо продѣлать это тихонько, чтобы на берегу не услышали.

Мы пожали другъ другу руки.

Носъ все подымался, корма уходила въ воду.

Однако, мы все-же шли впередъ. Но вдругъ сразу, тогда, когда этого совсѣмъ не ожидали, вода съ шумомъ перелилась черезъ садокъ, ворвалась въ носовое отдѣленіе и затопила лодку. И сразу холодная вода приняла насъ въ свои объятья.

Я прекрасно плаваю, поэтому свое весло я отдалъ Дьюксу. Другія два весла исчезли. Бумаги, безъ которыхъ мы не могли бы вернуться въ Петроградъ, были въ нашихъ фуражкахъ

Я плылъ въ шинели, — теперь было уже поздно ее снимать въ водѣ. Пока она не очень затрудняла мои движенья и было даже тепло. Но вдругъ, очень скоро, Дьюксъ пересталъ плыть, — онъ стоялъ. — Мы были на отмели.

Спасшись отъ непосредственно угрожавшей смерти, мы инстинктивно подумали объ удобствахъ. — Въ лодкѣ остался мѣшокъ съ консервами и коньякомъ. Дьюксъ, будучи высокаго роста, свободно дошелъ до лодки, которая въ затопленномъ состояніи была у самой поверхности воды. Онъ погрузился въ воду и сталъ шарить въ ней, но найти мѣшка ему не удалось.

Осторожно, стараясь не шумѣть и не разбрызгивать воду, мы пошли къ берегу. Тамъ было все тихо. Очевидно, все происходившее на морѣ прошло не замѣченнымъ. Я очень пожалѣлъ о пропажѣ сапогъ.

Какъ мнѣ объяснить свой видъ, въ случаѣ, если насъ откроетъ патруль? Оставалось тихонько пробираться чащей лѣса обратно къ Лисьему Носу. До дачи было километровъ 9.

Мы отошли подальше отъ береговой полосы, гдѣ проходила дорога и гдѣ можно было встрѣтить патруль. Я опредѣлился по компасу, взялъ курсъ прямо на Раздѣльную, и мы пошли. Мнѣ съ первыхъ же шаговъ пришлось плохо. Тяжело было идти по лѣсной чащѣ безъ сапогъ въ тонкихъ носкахъ, спотыкаясь о сучья. Черезъ нѣсколько уже минутъ мои ноги были изранены въ кровь, а носки изорваны.

Однако, настроеніе у насъ было превосходное, какъ всегда послѣ большой опасности, которую удалось избѣжать. Когда мы отошли километра три, съ моря донеслось знакомое мнѣ рычанье мотора. — Это мчался за нами изъ Терріокъ моторъ. Эгаръ сдержалъ свое слово! Весь освѣщенный луной, въ высокомъ облакѣ водяной пыли, моторъ пролеталъ, какъ птица, между фортами, быть можетъ, подвергаясь обстрѣлу, — точно, въ назначенное время, чтобы не опоздать на rendez-vous.

У меня забилось сердце. Какимъ роднымъ и близкимъ показался онъ мнѣ! Еслибъ не проклятая штормовая полоса, черезъ нѣсколько минутъ мы были-бы на его палубѣ, а черезъ ¾ часа — въ прекрасной дачѣ въ Терріокахъ, за обильнымъ столомъ, высушенные, обогрѣтые, а я былъ бы героемъ, блестяще выполнившимъ опасное порученіе.

Мы подошли ближе къ берегу и, скрывшись за деревомъ, слѣдили, какъ съ бѣшеной быстротой неслось по водѣ водяное облако, описывая огромную дугу.

— Онъ сворачивалъ къ Елагинскому маяку.

Дьюксъ хотѣлъ сигнализировать, но я удержалъ его. — Моторъ все равно не могъ бы подойти къ берегу изъ-за камней, а, въ то-же время, подвелъ бы себя подъ винтовочный огонь, не говоря о томъ, что и мы выдали бы свое присутствіе.

Мы пошли дальше. Нашъ путь пересѣкалъ довольно широкій ручей. Я попробовалъ палкой его глубину. Было приблизительно по поясъ. Не хотѣлось идти снова въ холодную воду. Мы рѣшили обойти его противъ теченія и перейти въ мелкомъ мѣстѣ. Но дальше начиналось топкое и глубокое мѣсто.

Раздался винтовочный выстрѣлъ. Патруль насъ открылъ.

Тогда быстро, стараясь не шумѣть, мы бросились въ сторону. Позади былъ патруль, кругомъ — болото. Вода доходила до колѣнъ, а мѣстами по поясъ.

Иногда намъ удавалось взобраться на кочку, но она качалась, и мы соскальзывали обратно въ воду. Мы остановились. Надо было переждать. Выстрѣловъ больше не было. Окружаетъ-ли насъ патруль или оставилъ преслѣдованіе?

Мнѣ было тяжело безъ сапогъ. Ноги совсѣмъ окоченѣли. Страшный холодъ пошелъ по всему тѣлу. Тогда Дьюксъ сталъ быстро сгибать и разгибать мои руки, разстегнулъ шинель и гимнастерку, и губами, и дыханьемъ сталъ согрѣвать мою спину и грудь. Онъ возился со мной часа два.

Мало-по малу я сталъ чувствовать свои члены. Можно было пробираться дальше.

Но сколько мы ни шли, кругомъ было болото. Возможно, что, стараясь выбирать мѣста посуше, мы уклонялись отъ прямой и кружили. Приходилось ждать разсвѣта. Мы выбрали большую кочку, сѣли спина къ спинѣ, положили другъ къ другу головы на плечи и моментально уснули.

Насъ разбудили птицы. Солнце еще не всходило, но было свѣтло. Ни откуда не доносилось ни одного звука, который заставлялъ бы думать, что за нами слѣдятъ или что мы окружены.

Я опредѣлился по компасу, и мы опять пошли. Черезъ нѣсколько саженей болото кончалось и начинался лѣсъ. Еслибъ мы это знали ночью!

Мы тихонько шли. Мои ноги были изранены, и одна кровоточила. Когда изрѣдка трещала сухая вѣтка, мы останавливались и ждали, не покажется-ли сѣрая шинель.

Направо, совсѣмъ недалеко выглянула высокая труба; это былъ кирпичный заводъ. Значитъ, Раздѣльная была въ 4-хъ километрахъ. Въ это время я увидѣлъ большой шалашъ изъ срубленныхъ еловыхъ вѣтокъ. Дьюксъ шелъ въ шагахъ 20-ти направо. Я осторожно заглянулъ во-внутрь. Тамъ лежали три солдата и храпѣли. Это былъ ночной патруль.

Выйдя на большую дорогу, идущую параллельно Приморской желѣзной дорогѣ, мы пошли спокойно и быстро. Я только вымазалъ свои носки грязью, чтобы не бросалось въ глаза, что я безъ сапогъ.

Черезъ часъ мы были на нашей дачѣ.

Дьюксъ отправился въ Петроградъ, прямо къ знакомому врачу, а меня вытерли спиртомъ, напоили чаемъ съ малиной и уложили подъ шубами въ постель. Когда черезъ 3 часа я проснулся, я былъ свѣжъ и бодръ.

Я вернулся въ Петроградъ въ большихъ сапогахъ нашего хозяина.

Дьюксъ рѣшилъ поѣхать еще въ Москву, а меня съ большимъ пакетомъ донесеній онъ отправилъ окружнымъ путемъ на Ново-Сокольники, Рѣжицу и Ревель въ Гельсингфорсъ.

Я совершилъ этотъ путь въ 7 дней. Со мной вмѣстѣ шелъ русскій офицеръ, который уже раза 4 продѣлалъ этотъ путь. (Это былъ послѣдній походъ офицера. На слѣдующій разъ онъ былъ разстрѣлянъ). У насъ были прекрасныя бумаги за настоящими подписями и печатями. На одномъ участкѣ намъ пришлось сопровождать ящикъ съ динамитомъ, который направлялся на ст. «Дно», гдѣ въ это время происходилъ бой между бѣлыми и красными.

Нечего и говорить, что въ ящикѣ былъ простой песокъ.

Но слово «динамитъ» играло волшебную роль во время нашего путешествія, и нашъ вагонъ, гдѣ стоялъ ящикъ, былъ пустъ. На станціи «Дно» ящикъ былъ брошенъ.

Отъ ст. «Рѣжица» до озера Лубань, составлявшаго естественную границу между латышами и красными, шли пѣшкомъ. Здѣсь приходилось скрываться, порой въ сараѣ, порой на сѣновалѣ, а гдѣ и просто въ копнѣ сѣна.

Передъ переправой черезъ озеро Лубань насъ ожидало крупное препятствіе. На берегу Лубани была на высокомъ холмѣ вѣтряная мельница, на которой большевики устроили наблюдательный постъ. Это былъ постъ «Квапанъ». Чтобы обойти его, приходилось сдѣлать 17 верстъ по топкому болоту, а одну версту трясиной, изобиловавшей окошечками. Надо было набраться силъ передъ походомъ, но отдохнуть было негдѣ, надо было спѣшить впередъ. Въ маленькой деревушкѣ, неподалеку отъ озера намъ удалось найти одного рыбака, который взялся перевезти насъ черезъ озеро, съ тѣмъ, чтобы ему былъ выхлопотанъ у латышей пропускъ. Ему необходимо было запастись въ Латвіи сапогами.

Въ 6 часовъ вечера мы пошли. Только сознаніе, что мы беремъ послѣднее препятствіе, придавало мнѣ силы совершить этотъ ужасный походъ по топи. Послѣдняя верста была особенно тяжела. Ее шли два часа. Я проваливался въ окошки разъ 20. Послѣдній разъ я уже не хотѣлъ вылѣзать. Было такъ сладко отдохнуть въ этой вязкой тинѣ, успокоиться навсегда. Мои спутники, ушедшіе впередъ, вернулись и вытащили меня.

Въ 1 часъ ночи мы были на песчаномъ берегу Лубани. Кругомъ сухо шумѣли камыши. На озерѣ дулъ сильный вѣтеръ, и гуляли сердитыя волны. Слѣва отъ насъ, верстахъ въ 10 шелъ бой. Свѣтящіяся ракеты освѣщали и безпокоили облачное ночное небо.

Рыбакъ пошелъ искать челнокъ, скрытый въ камышахъ. Черезъ полъ часа онъ вернулся, говоря, что не можетъ его найти. Ясно было, что онъ не рѣшался пересѣкать озеро по 25-ти верстной прямой, втроемъ, въ душегубкѣ. Но ничего не оставалось дѣлать. На зарѣ мы были-бы замѣчены съ Квапана, а возвращаться черезъ трясину у насъ не хватило-бы силъ.

Я послалъ своего спутника съ рыбакомъ отыскивать лодку. Ихъ не было долго, около часу. Когда они вернулись, то выяснилось, что лодка была спрятана неподалеку, шагахъ въ 20, и непонятно было, зачѣмъ рыбакъ уходилъ такъ далеко. Однако, ѣхать все-же нельзя было, такъ какъ рыбакъ не могъ найти веселъ.

Мнѣ надоѣла эта комедія. Я вынулъ револьверъ и предложилъ рыбаку найти весла немедленно. Весла нашлись, а вмѣстѣ съ ними и шестъ, которымъ нужно отталкиваться на небольшихъ глубинахъ.

Мы сѣли въ душегубку и быстро пошли. Волны были почти попутными и гнали легкую лодку съ невѣроятной быстротой. Я правилъ зигзагами, зорко слѣдя за тѣмъ, чтобы волны не заглядывали во-внутрь.

Позади насъ на небѣ стояло сильное зарево. Либо латыши, либо красные подожгли деревню.

Черезъ 2 часа съ небольшимъ мы были у другого берега, и восходъ солнца засталъ насъ въ широкомъ корридорѣ камышей, среди водяныхъ лилій и безчисленныхъ стадъ дикихъ утокъ.

Походъ былъ оконченъ.

Черезъ 2 дня я былъ опять въ Терріокахъ. Нужно было опять идти за Дьюксомъ въ Петроградъ на моторѣ.

Теперь обстоятельства измѣнились, и условія похода были тяжелѣе. — Дѣло въ томъ, что большевики установили рядъ сильныхъ береговыхъ прожекторовъ на Лисьемъ Носѣ, на Красной Горкѣ, въ Кронштадтѣ, на фортѣ Обручева и въ Ораніенбаумѣ.

Весь заливъ былъ въ ихъ свѣтовой власти.

Они были слишкомъ растревожены безчисленными налетами англійскихъ летчиковъ, для того чтобы спокойно спать ночью. Все это лишало Эгара его спокойной увѣренности въ благополучномъ исходѣ похода.

Однако, нужно было отправляться, Дьюксъ ждетъ сегодня ночью въ 12 часовъ у Каменнаго Острова!

Уходя вечеромъ изъ дачи, Эгаръ распорядился, чтобы въ его комнатѣ была поставлена кровать для Дьюкса. Но для судьбы это было слишкомъ дерзкимъ вызовомъ, и она выдрала за уши.

«Знаете, мнѣ ужасно не нравится, какъ работаютъ эти прожектора», сказалъ мнѣ Эгаръ, идя по мягкому сырому песку. — «Если насъ поймаютъ 3 штуки сразу, намъ не уйти. — Имъ чертовски удобно будетъ стрѣлять въ насъ».

Я былъ иного мнѣнія. Кто сможетъ причинить что-либо худое нашему чудному, быстрому, какъ коверъ-самолетъ, мотору! — Другое дѣло — старая смоленная лодка, полная до краевъ водой!

Когда мы вышли въ море, узкой и, какъ казалось, слабой полосой висѣлъ въ воздухѣ одинъ неподвижный лучъ прожектора на Лисьемъ Носу. Но это не былъ безобидный лучъ!

Мы были уже на траверсѣ Сестрорѣцка, когда вдругъ, неподвижно стоявшій лучъ, прыгнулъ, рванулся, и пошелъ метаться по водѣ. Онъ не искалъ въ небѣ, онъ зналъ, что нужно искать на водѣ.

Нѣсколько разъ онъ скользнулъ по мотору, не замѣчая его. И каждый разъ мнѣ хотѣлось смахнуть его рукой, какъ бы прогоняя страшный призракъ. Эгаръ далъ полный ходъ. Моторъ застоналъ и сталъ яростно срѣзать верхушки волнъ. И вдругъ — огромная водяная стѣна всѣхъ цвѣтовъ радуги, ослѣпительно сверкающая, стала съ его лѣваго борта. Глаза не выносили ея ослѣпительнаго блеска. — Мы были пойманы прожекторомъ. И сразу, какъ-бы по условленному знаку, — спереди, сзади и съ праваго борта зажглись гигантскія электрическія солнца. — Насъ накрыли еще три прожектора. Спереди, изъ форта вылетѣла горизонтальная молнія, и низкій отдаленный громъ, мягко сотрясъ воздухъ.

Начинался обстрѣлъ.

Эгаръ на полномъ ходу повернулъ направо.

На нѣсколько мгновеній мы оторвались отъ лучей. Они забѣгали по водѣ, какъ щупальцы марсіянина Уэльса, и снова накрыли моторъ. Эгаръ опять переложилъ руль.

Теперь нечего было думать о томъ, чтобы прорываться между фортами. — Надо было попытаться, оторвавшись отъ лучей прожекторовъ, обойти Кронштадтъ вдоль южнаго берега залива, мимо Ораніенбаума и Стрѣльны, къ Каменному Острову. — Вѣдь Дьюксъ ждалъ насъ!

На сравнительно продолжительное время Эгару удалось оторваться отъ лучей, обманувъ ихъ перемѣной курса. Моторъ былъ между фортомъ Обручева и Толбухинымъ маякомъ. Лучи шарили въ направленіи его прежняго курса.

Моторъ чудесно шелъ впередъ. Его машины работали безупречно. На толчеѣ Толбухина маяка его подбросило такъ сильно, что всѣ были сброшены

съ ногъ, дно, казалось, должно было разлетѣться отъ этого дикаго удара. Но все обошлось благополучно.

Недалеко отъ форта Обручева мы были накрыты прожекторомъ изъ Кронштадта. Онъ казался такимъ близкимъ и буквально ослѣплялъ своимъ сіяньемъ.

Эгаръ бросился въ сторону. Лучъ слѣдовалъ за нами. Эгаръ еще раза два переложилъ руль, но оторваться отъ луча онъ не могъ больше. Лучъ висѣлъ на насъ, какъ борзая на волкѣ. Онъ былъ слишкомъ близко.

Курсъ былъ потерянъ во время этого безпорядочнаго метанья.

Раздался страшный толчокъ, и грохотъ развороченнаго желѣза, сопровождаемый какъ бы звономъ массы разбитаго стекла, послышался съ этимъ ударомъ. Моторъ сталъ, а лучъ прожектора, шедшій съ его быстротой, умчался впередъ. Онъ потерялъ насъ, — на этотъ разъ навсегда. Моторъ сидѣлъ на чемъ-то.

Настала мертвая тишина.

Я ждалъ, что каждую минуту ворвется вода, и мы пойдемъ ко дну. Но этого не происходило. Воды не прибавлялось.

Гдѣ мы были? Я оглядѣлся: огни справа, слѣва и позади.

Это былъ большой Кронштадтскій рейдъ! — Огни Ораніенбаума, форта Александра III и форта Обручева.

Я перешелъ на корму. Моторъ держался самымъ концомъ кормы — на невысокомъ бревенчатомъ брейквартерѣ; какъ скаковой конь, онъ взялъ барьеръ.

Я уперся крюкомъ, и моторъ легко сошелъ на воду. Разбитая часть кормы поднялась надъ водой, въ другомъ мѣстѣ нигдѣ не оказалось пробоины.

Попробовали завести машину. — Не пойдетъ-ли она, не произойдетъ-ли чуда? — Со стартера моторъ не бралъ. Тогда рѣшили пустить въ ручную. Это не шутка пустить въ ручную 250-ти-сильный моторъ. Отчаянье придаетъ силы.

«Попробуйте вы! У васъ силы довольно», обратился ко мнѣ Эгаръ. Но у меня дѣло не пошло. Рѣшили осмотрѣть машину. Завернули въ платокъ электрическій фонарь и пошли въ машину.

Надежды не было. — Машина отъ страшнаго удара была расколота на двѣ части.

Было 12 часовъ ночи. Черезъ 4 часа — разсвѣтъ, а черезъ 4½ мы будемъ сняты большевиками. Очень маленькій кусочекъ жизни оставался на нашу долю. Хотя я и былъ въ англійской морской формѣ, но у меня не было шансовъ остаться неузнаннымъ въ Кронштадтѣ. Очевидно, мнѣ предстояло раздѣлить общую участь потопленныхъ съ баластиной на ногахъ моряковъ. Но и мои спутники сами не ждали ничего хорошаго и, послѣ короткаго совѣщанія, вынесли слѣдующую резолюцію: утромъ, когда придутъ за нами большевики, — взорваться.

На моторѣ былъ динамитный патронъ, — стоило дернуть за рукоятку рычага — произошелъ бы взрывъ.

Мнѣ былъ предложенъ спасательный кругъ, съ которымъ я могъ бы плыть къ берегу, но отъ котораго я отказался.

Въ такіе моменты мною овладѣвало странное спокойствіе и ясность духа. — Въ нашемъ распоряженіи было 4 часа. Я предложилъ лечь спать, хотя бы на два часа, чтобы сберечь силы, которыя, быть можетъ, еще понадобятся для борьбы. И я легъ дѣйствительно, и сладко уснулъ. Я проснулся отъ покачиванія мотора.

Положительно, огни были смѣщены, они были дальше. Я протеръ себѣ глаза. — Неужели произошло чудо? Да, ораніенбаумскіе огни были больше

слѣва и почти перешли на линіи огней форта Александра III. Насъ несло, правда, медленно, но все-же несло.

— Прямо съ юга дулъ сильный вѣтеръ, и съ этимъ вѣтромъ неслось наше спасеніе! Надо было создать парусъ, но передъ этимъ повернуть моторъ носомъ по волнѣ.

Въ нашемъ распоряженіи не было не только весла, но даже простой доски, съ помощью которой можно было бы развернуться.

— Плавучій якорь!

Немедленно было опорожнено съ десятокъ бидоновъ изъ подъ бензина и снова герметически закупорено. На длинномъ концѣ бидоны были заведены съ кормы и, постепенно подтягивая и отпуская конецъ, я добился того, что моторъ развернулся и сталъ, какъ слѣдуетъ, по волнѣ.

Затѣмъ былъ поднятъ съ палубы длинный матъ, то-есть сплетенный изъ веревокъ коверъ, и на двухъ флагштокахъ укрѣпленъ на моторѣ. Получился неказистый, но довольно ёмкій парусъ, съ которымъ моторъ довольно весело пошелъ впередъ.

Восходъ солнца засталъ насъ далеко отъ форта Обручева. Былъ свѣжій, вѣтренный, солнечный день. Далеко, въ миляхъ 3-4 показались вышедшіе на рыбную ловлю финны. Моторъ на волнахъ расшаталъ свои кормовыя пробоины и сталъ давать течь, довольно изрядную. Нервы стали сдавать. Экипажемъ, ни на минуту не сомкнувшимъ глаза, стала овладѣвать усталость.

Минный офицеръ и механикъ трупами лежали на палубѣ.

Я оглянулся. Позади висѣлъ надъ водой фортъ Обручева. Висѣлъ — благодаря утренней рефракціи. Это меня обрадовало, такимъ-же, даже еще въ большей степени страннымъ предметомъ долженъ былъ казаться съ Обручева — моторъ. Кромѣ того, моторъ былъ защитнаго цвѣта, мачты у него не было, значитъ опасенія, что мы будемъ замѣчены — напрасны.

Я успокоился. Нехорошо было только то, что вода все прибывала, несмотря на то, что помпа работала безпрерывно. Но не вѣрилось, что, избѣжавши чудомъ такой опасности, можно будетъ погибнуть днемъ, въ ясную погоду, въ виду рыбаковъ. Небо было ясно, ни одного облачка, но зато оттуда, сверху, насъ ожидалъ сюрпризъ. Какъ показалось мнѣ, со стороны Кронштадта — прямо на насъ летѣлъ аэропланъ.

Я разбудилъ Эгара, дремавшаго надъ рулевымъ колесомъ. Тотъ посмотрѣлъ по указанному направленію, и проклятіе вырвалось у него.

Это было уже слишкомъ. — Полузатопленный моторъ съ разбитыми машинами съ измученными ночной гонкой людьми долженъ былъ принимать бой съ аэропланомъ!

Разбудили спавшихъ на палубѣ. Механически, ничего не выражая на лицахъ, принялись за работу.

Установили Люисовскіе пулеметы, навели ихъ на аэропланъ. Когда онъ поравняется, откроютъ огонь. И вдругъ, чудо! Аэропланъ снижается, оттуда машутъ. И тогда мы ясно увидѣли на крыльяхъ круги союзниковъ. — Это былъ аэропланъ, высланный адмираломъ изъ Койвисто, на поиски пропавшаго мотора. Всѣ стояли на палубѣ, махали фуражками и кричали ура. Приливъ энергіи овладѣлъ всѣми. Вышибли у нѣсколькихъ бидоновъ донья и стали отливать воду въ 8 рукъ. Финнъ-лоцманъ былъ поставленъ на носу съ мегафономъ, Джильми-механикъ махалъ оттуда-же флагомъ. Лодки стали подходить. Но, дойдя до

извѣстнаго разстоянія, онѣ опять стали. Пришлось пригрозить имъ пулеметами, лишь тогда онѣ подошли.

Оказалось, что моторъ былъ принятъ рыбаками за упавшій большевистскій аэропланъ, и они боялись, что ихъ заставятъ везти людей въ Кронштадтъ.

Немедленно, съ одной изъ лодокъ была снята мачта съ парусомъ, самъ моторъ былъ взятъ на буксиръ двумя лодками. Третья лодка подъ парусомъ понеслась къ берегу, чтобы дать знать о случившемся.

Черезъ 2 часа всѣ были на берегу.

Днемъ явилась русская депутація, поздравившая англичанъ со спасеніемъ.

Дьюкса привели сухопутьемъ черезъ недѣлю.

Оказывается, что въ ночь, когда прожекторы гонялись за моторомъ, у Каменнаго Острова его ждала баржа съ пулеметами, и Дьюксъ молилъ Бога, чтобы что-нибудь помѣшало мотору явиться къ назначенному сроку.

Когда 3-го сентября я вернулся въ Гельсингфорсъ, дѣло съ Кронштадтомъ было окончательно погублено безцѣльной атакой лодокъ. Правда, надъ Кронштадтомъ продолжали виться англійскіе летчики, но вреда они никакого ему не причиняли. Позади было и крушеніе подъ Лахтой, и болота и трясины Лубанскаго озера и, въ довершеніе, аварія на Кронштадтскомъ рейдѣ. Нервная система нѣсколько сдала, и я сталъ галлюцинировать: все время передъ глазами качались тростники и плыли лодки. Пришлось отправиться въ санаторію. Къ счастію, это было вызвано сильнымъ общимъ переутомленіемъ и скоро прошло. Мнѣ было ужасно обидно чувствовать себя внѣ строя въ то время, когда такъ скоро должна рѣшиться судьба Петербурга.

Предписанный врачемъ двухмѣсячный срокъ пребыванія въ Санаторіи я сократилъ до двухнедѣльнаго и такимъ образомъ снова вступилъ въ ряды.

Это были пятнадцатыя числа сентября. Англичане ждали мониторовъ для бомбардировки Красной Горки, то-есть той самой крѣпости, которая сама переходила къ бѣлымъ и которую не удалось получить, благодаря эстонско-англійской неразберихѣ.

Ждали двухъ мониторовъ, пришелъ одинъ «Эребусъ» — Пострѣлялъ, и ушелъ. Не хватило снарядовъ. Да и стрѣлялъ съ такой дистанціи, съ которой былъ minimum шансовъ на попаданія. Вообще, особаго стремленія поднять мѣткость своихъ орудій при стрѣльбѣ по большевикамъ у англичанъ не наблюдалось.

Когда впослѣдствіи, а именно 29 октября, большевистскіе миноносцы подошли къ Койвисто, англійскій корабль, «Клеопатра», открылъ огонь, но изъ массы выпущенныхъ снарядовъ было лишь попаданіе осколками снарядовъ въ бакъ одного изъ миноносцевъ.

Баронъ Ф., занимавшій у англичанъ постъ по службѣ связи въ Ревелѣ, разговаривалъ на «Madston'ѣ»* по этому поводу съ англійскимъ артиллеристомъ съ «Клеопатры». Въ отвѣтъ на шутку барона Ф., что англичане не умѣютъ стрѣлять, англичанинъ цинично сказалъ: «а, можетъ быть, мы не хотѣли попадать въ цѣль?»

---

* «Madston» былъ флагманскимъ кораблемъ въ Ревелѣ.

Какъ правильно уже давно предвидѣлъ капитанъ 1-го ранга П. В. В-кенъ, совмѣстная работа съ англичанами не имѣла шансовъ на успѣхъ, такъ какъ стороны преслѣдовали не одинаковыя, а порой даже и прямо противоположныя цѣли.

В-кену удалось раздобыть цѣлый отрядъ быстроходныхъ морскихъ катеровъ, въ количествѣ 12 штукъ. Всѣ они стояли въ разобранномъ видѣ на заводѣ Крогіуса въ Гельсингфорсѣ. Заказаны они были еще до революціи въ Норвегіи для службы связи. Эти катера обладали превосходными морскими качествами, могли принять на палубу каждый до 100 человѣкъ десанта и, благодаря крѣпкой конструкціи, могли быть вооружены 75 мм. орудіями.

Къ сожалѣнію, ихъ не было раньше, — въ противномъ случаѣ, они сыграли бы большую роль въ іюлѣ и августѣ 19 года.

Катера рѣшено было выпускать съ завода очередями. Въ первую очередь должны были быть готовы 4 катера, на одинъ изъ которыхъ, а именно на № 4, былъ назначенъ я. Катера были назначены для совмѣстныхъ дѣйствій съ арміей Юденича, съ моря.

Сборка механизмовъ подвигалась чрезвычайно медленно, гораздо медленнѣе, чѣмъ того требовали обстоятельства. Катеръ № 1 былъ готовъ лишь въ началѣ октября, но приходилось ждать остальныхъ трехъ. Они были готовы въ 20-тыхъ числахъ. При пробѣ скорости на «мѣрянную милю» наилучшій ходъ далъ катеръ № 4. Это очень обрадовало меня, ибо лучшая скорость позволяла быть впереди другихъ катеровъ. Въ концѣ октября катера рѣшили отправить въ Ревель, а оттуда — въ Нарву, для дѣйствій по рѣкѣ Наровѣ. Но предназначались они собственно не для этого, а для атаки фортовъ Кронштадта.

Такъ какъ финны не разрѣшили бы выйти изъ Гельсингфорса отряду русскихъ моторныхъ катеровъ, то необходимо было выйти контрабаднымъ путемъ. Рѣшено было, что катера пойдутъ не подъ своими машинами, а поведетъ ихъ сильный буксиръ. Въ назначенный день погода не очень благопріятствовала, было градусовъ 5 мороза, и на морѣ довольно свѣжо. Однако, не хотѣлось откладывать больше дня отъѣзда. Катера были соединены буксиромъ попарно, буксирный конецъ былъ заведенъ вокругъ корпуса каждаго катера, такъ-называемой «брагой», для крѣпости. Къ сожалѣнію, дальше Эренсгрунда дойти въ этотъ разъ не удалось. Вѣтеръ и волны не позволяли буксиру идти дальше. Пришлось повернуть обратно. Но по попутной, очень свѣжей волнѣ держаться катерамъ въ порядкѣ было очень трудно. — Волны сбивали ихъ въ кучу, со страшной силой бросая другъ на друга. — Руля катера, не обладая собственнымъ ходомъ, не слушались, и почти не представлялось возможнымъ предупредить столкновенія. Первая пара катеровъ пробила другъ другу борты, къ счастью — выше ватерлиніи. Въ очень плачевномъ состояніи катера дотащились уже поздно вечеромъ до Свеаборга, гдѣ пришлось переночевать. Утромъ катера были переведены къ заводу «Соколъ» на ремонтъ. № 4 былъ невредимъ, однако, идти самостоятельно въ Ревель для него не имѣло смысла. Нужно было ждать остальныхъ. Прошло 2 недѣли, пока катера были готовы. Выйти оказалось возможнымъ лишь къ 1-му ноября. Если-бъ катера шли подъ собственными машинами, они бы благополучно дошли и въ первый разъ до Ревеля, нужно было только изобрѣсти что-либо, что бы давало финнамъ формальное право не знать, куда они идутъ.

На этотъ разъ рѣшили идти самостоятельно, но взять сначала курсъ на востокъ въ шхеры, какъ-бы для того, чтобы сдѣлать пробный пробѣгъ, а затѣмъ сразу повернуть на Ревель.

Этимъ значительно удлинялся путь, но зато было много шансовъ на то, что удастся удрать изъ Гельсингфорса. Такъ и вышло. Погода во время похода была свѣжая, при сильномъ морозѣ. Я простоялъ у штурвала 7 часовъ, безпрерывно борясь съ волнами. Но кренъ катеръ держалъ превосходно. Палуба въ рулевой рубкѣ быстро обледенѣла, обкатываемая волнами, тутъ-же замерзавшими Когда клало на бокъ, мнѣ приходилось принимать самыя фантастическія положенія, не выпуская рукоятокъ штурвала. Благодаря большой мускульной работѣ, мнѣ было не только не холодно, но даже настолько жарко, что потъ струился по лбу.

№ 4 шелъ головнымъ. Въ кильватеръ ему шелъ № 3 съ лейтенантомъ Б., а за нимъ № 2, съ капитаномъ 2-го ранга, барономъ К. № 4 несъ на себѣ и В-кена, создателя плана работы моторныхъ катеровъ.

Вскорѣ № 4 долженъ былъ убавить ходъ, такъ какъ, благодаря большому ходу, онъ слишкомъ рыскалъ и зарывался на попутной волнѣ, да и другіе катера стали сильно отставать. Вскорѣ катеръ № 2 съ барономъ К. пропалъ изъ виду. Отыскивать его не представлялось возможнымъ, такъ какъ № 4 не могъ повернуть въ разрѣзъ огромной волнѣ, и заранѣе, еще передъ выходомъ изъ Гельсингфорса, было рѣшено, что каждый командиръ будетъ дѣйствовать «по усмотрѣнію».

Надвигались уже сумерки. Пришлось помѣстить на кормѣ фонарь для облегченія слѣдованія № 3-му. Онъ шелъ позади, миляхъ въ 2-хъ разстоянія.

Солнце недавно опустилось за горизонтъ, окрашенный еще красными лучами заката. Когда я оглядывался, чтобы провѣрить разстояніе между катерами, то невольно любовался удивительно красивыми обводами слѣдующаго за мной катера. Подымаемый высокой волной, онъ скользилъ внизъ съ удваиваемой быстротой, почти на половину зарываясь въ воду.

— Маленькіе, пятидесятитонные катера были единственными русскими кораблями, не носящими краснаго большевистскаго флага. Въ случаѣ удачи — имъ предстояло поднять старый Андреевскій флагъ на остальныхъ.

Но уже остановился Юденичъ въ своемъ продвиженіи къ Петербургу, и надежды на входъ въ него стали сильно колебаться. У меня было неспокойно на сердцѣ. Я зналъ, для какой именно цѣли предназначаются катера. — Они должны были атаковать Кронштадтскіе форты, но не все было въ порядкѣ. Машины катеровъ не были превосходны. На нихъ стояли американскіе моторы «Buffalo» со штампованными частями. Полагаться на нихъ нельзя было. Они могли измѣнить въ любую минуту, какъ и случилось это только что. — Вырвало пробку въ одномъ изъ цилиндровъ, и пожаръ удалось предотвратить лишь благодаря тому, что механикъ, лейтенантъ Ц., моментально выключилъ цилиндръ. Благодаря тому, что катеръ шелъ наполовину подъ водой, пришлось наглухо закрыть машинное отдѣленіе, отчего оно наполнилось бензиновыми парами. Почему взрывъ цилиндра не вызвалъ пожара и почему деревянный, 65 футъ въ длину, катеръ не превратился въ пылающій факелъ, — можно было объяснить лишь чудесной случайностью.

№ 3 черезъ нѣкоторое время также пропалъ изъ виду, когда открылся Вульфъ. Тяжело было думать, что съ катерами случилось несчастіе, но вернуться и искать ихъ не было возможности.

Въ 8 часовъ вечера № 4 вошелъ въ Ревельскую гавань и сталъ рядомъ съ англійскимъ кораблемъ «Madston», на которомъ помѣщался штабъ.

Черезъ полчаса я съ радостью услышалъ знакомое рыканье мотора. Это былъ № 3 съ Б. Не было лишь № 2.

Ночь прошла тревожно. Несмотря на то, что было извѣстно о приходѣ катеровъ, не было приготовлено для офицеровъ помѣщенія, сухого и теплаго, гдѣ можно было-бы отдохнуть отъ тяжелаго перехода. Пришлось спать въ холодной каютѣ катера, насквозь пропитанной бензинными парами.

Ни у кого изъ прибывшихъ не было теплой одежды, такъ какъ было обѣщано, что въ Ревелѣ будетъ выдано офицерское англійское зимнее обмундированіе, но оно исчезло и появилось лишь на эстонскомъ «вшивомъ рынкѣ», гдѣ и продавалось за 2.000 рублей комплектъ. Зато всѣ служащіе канцелярій были въ офицерскихъ «френчахъ», а на вѣшалкахъ ихъ теплыхъ помѣщеній висѣли англійскія пальто на байковыхъ подкладкахъ.

На утро № 4 былъ посланъ къ Вульфу на поиски пропавшаго № 2. Море значительно успокоилось, хотя было еще свѣжо. № 4 по мѣрѣ возможности осмотрѣлъ берега, но ничего не обнаружилъ. Одновременно былъ посланъ аэропланъ съ летчикомъ, лейтенантомъ Б., которому также не удалось ничего обнаружить. Рѣшено было, что К. погибъ.

Однако, черезъ сутки онъ нашелся. — У Кокшхера у него вышла изъ строя одна машина, а скоро и двѣ другія. Онъ потерялъ способность управляться и сталъ игрушкой волнъ. Его несло, какъ щепку, и въ такомъ печальномъ видѣ выбросило на скалы Наргена, гдѣ К. и просидѣлъ сутки. Къ счастью, стало успокаиваться. Вахтенный начальникъ, мичманъ К., сошелъ въ воду и при морозѣ свыше 10 градусовъ, по горло въ водѣ, дошелъ до берега, гдѣ и далъ знать о случившемся. Къ счастью, онъ даже не простудился, какъ слѣдуетъ, принявъ коньяку внутрь.

На слѣдующій день я отправился къ барону Ф., своему бывшему командиру на «Памяти Азова». Ф. служилъ у англичанъ на «Madston'ѣ» офицеромъ связи. Онъ сообщилъ мнѣ мало утѣшительнаго.

— Англичане ликвидируютъ дѣла, и въ Эстоніи, и въ Финляндіи.

Происходило то-же, что и на Мурманѣ. Опять колоссальный пикникъ въ Россію, стоившій такихъ денежныхъ затратъ и жертвъ людьми.

Дѣла Юденича были изъ рукъ вонъ плохи. Онъ быстро отступалъ, почти бѣжалъ изъ Царскаго Села, Павловска, Краснаго Села. Его танки, бывшіе въ ремонтѣ въ Нарвѣ, не могли послѣдніе дни его экспедиціи работать, такъ какъ мостъ черезъ рѣку Нарву не былъ исправленъ, и ихъ нельзя было перевезти на ту сторону. Но не въ танкахъ только было дѣло.

Юденичъ дошелъ только до Царскаго Села, но дальше онъ не могъ продвинуться изъ-за обстрѣла орудій «Севастополя» и «Петропавловска». Царское Село было какъ разъ райономъ достигаемости морскихъ орудій, тѣхъ самыхъ, которыя при добромъ желаніи и пониманіи дѣла могли быть обращены противъ большевиковъ.

Бѣлая армія быстро таяла и разлагалась. Катера же совершили тяжелый переходъ только для того, чтобы присутствовать при ликвидаціи.

Ровно черезъ годъ такая-же участь постигла крошечный героическій корабль «Китобой», подъ командой лейтенанта Ферсмана, ста пятидесяти тоннъ измѣщенія, продѣлавшій удивительный переходъ изъ Ревеля въ Крымъ, черезъ Бискайскій заливъ и Средиземное море, для того, чтобы присутствовать при эвакуаціи въ ея послѣдній день.

Какой-то рокъ нависъ надъ всѣми морскими начинаніями противъ большевиковъ, которыя были логично задуманы, насущно необходимы для успѣха дѣла борьбы съ ними и которымъ всегда что-либо мѣшало осуществиться.

Однако, еще цѣлый мѣсяцъ пришлось провести въ Ревелѣ участникамъ экспедиціи на катерахъ.

Черезъ нѣсколько дней по ихъ прибытіи, пришелъ катеръ № 1, подъ командой лейтенанта Л., въ свѣжую погоду при 15° мороза.

Эстонцамъ катера очень понравились, и они готовы были въ каждый моментъ объявить ихъ своей собственностью. Приходилось думать объ ихъ спасеніи. Было составлено два плана. Одинъ — бѣжать въ Швецію или Данію, а другой — перейти на Балтійскій заводъ, поднять катера на стѣпку, а машины разобрать и перенести въ сарай. Прошелъ 2-ой планъ.

Мнѣ было больше нечего дѣлать въ Ревелѣ.

Среда офицерства, проживавшаго въ городѣ, была глубоко деморализована. Меньшинство занималось коммерческими дѣлами, большинство — картами и кутежами. Обстановка была слишкомъ тяжела для личной жизни, и я рѣшилъ идти въ Европу.

Финскую визу, однако, не представлялось возможнымъ достать, пришлось обратиться къ привычному способу — отправиться контрабанднымъ путемъ.

Подъ видомъ эстонца кочегара на маленькомъ буксирѣ (изъ тѣхъ, что во время войны оперировали въ Рижскомъ заливѣ), я совершилъ послѣдній переходъ изъ Ревеля въ Гельсингфорсъ. Былъ туманный, морозный день. Я съ наслажденіемъ стоялъ на рулѣ, въ послѣдній разъ идя знакомыми мѣстами. Какъ просто было послѣ безпокойнаго бензиноваго мотора на паровомъ буксирѣ, нырявшемъ какъ утка въ высокихъ волнахъ. Вокругъ были минныя поля, почему нужно было строго держаться курса.

Теперь онѣ никому не были нужны, эти мины. Чьи-то другія, не русскія руки очистятъ отъ нихъ заливъ, для спокойнаго прохода иностранныхъ кораблей!

Сумрачно мелькнулъ въ туманѣ Эренсгрундъ. Вскорѣ загорѣлся огонь Грахары, а близко за нимъ — свободный, нарядный Гельсингфорсъ. Онъ прошелъ сквозь красную стихію побѣдителемъ, правда, — при благосклонной помощи нѣмцевъ, но блеснувъ желѣзной выдержкой, дисциплиной и рѣдкимъ патріотизмомъ сыновъ Финляндіи.

Три встрѣчи

(А. В. Колчакъ и Госуд. Дума)

Н. Савича

Въ Ноябрѣ 1907 г. собралась третья Государственная Дума. Настроеніе большинства было повышенное, ярко патріотическое. Однимъ изъ первыхъ актовъ народнаго представительства было образованіе комиссіи по государственной оборонѣ, подъ предсѣдательствомъ А. И. Гучкова, куда вошли наиболѣе дѣятельные, боевые члены фракцій, составлявшихъ большинство Гос. Думы. Названіе комиссіи опредѣляло кругъ ея вѣдѣнія, а ея составъ предопредѣлялъ направленіе работъ всего законодательнаго учрежденія. Конечно, депутаты были либо штатскіе, либо отставные военные, давно отставшіе отъ военнаго и морского дѣла. Поэтому, прежде чѣмъ взять на себя смѣлость серьезныхъ рѣшеній, прежде чѣмъ предопредѣлить свое отношеніе къ ряду вопросовъ очень спеціальныхъ и всегда чрезвычайно отвѣтственныхъ, имъ пришлось много и спѣшно учиться, жадно впитывать въ себя массу свѣдѣній. Правительство Столыпина пошло намъ навстрѣчу. По указанію свыше, военное и морское министерства дѣлали все, чтобы освѣтить поставленные на очередь вопросы членамъ комиссіи, предоставить въ ихъ распоряженіе весь имѣющійся у вѣдомствъ матеріалъ. Въ квартирѣ ген. Редигера (военнаго министра) мы впервые изъ первоисточника узнали о томъ ужасающемъ, поистинѣ катастрофическомъ, положеніи, въ которомъ находилось дѣло матеріальнаго снабженія и техническаго оборудованія арміи — послѣдствія неудачной войны и тяжелаго внутренняго кризиса. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ представлены были проекты постепеннаго возстановленія военной мощи государства, разсчитанные на рядъ извѣстныхъ періодовъ, при чемъ каждый періодъ знаменовалъ опредѣленный, имѣющій самостоятельное крупное значеніе фазисъ развитія военныхъ силъ. Для подробнаго, въ деталяхъ, изученія входящихъ въ эти планы вопросовъ былъ организованъ длинный рядъ засѣданій членовъ комиссіи по оборонѣ съ назначенными министерствомъ чинами вѣдомства. То же самое происходило и въ области изученія положенія морской обороны и плана развитія морскихъ силъ. Докладчиками и свѣдующими лицами выступали молодые офицеры спеціалисты, чаще всего изъ состава Генеральнаго Штаба, военнаго или морского по принадлежности. Занятія шли отдѣльно по обоимъ вѣдомствамъ, но параллельно, т. к. намъ нужно было составить общій планъ финансированія дѣла развитія обороны государства. По морскимъ вопросамъ мы собирались то въ

Таврическомъ Дворцѣ, то въ болѣе тѣсномъ кружкѣ, въ болѣе интимной обстановкѣ, на частныхъ квартирахъ, помнится, у Ю. Н. Милютина и у А. А. Столыпина. Здѣсь офицеры морского штаба могли выступать съ полной откровенностью и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Въ числѣ наиболѣе боевыхъ и спорныхъ тогда вопросовъ было требованіе морского вѣдомства объ отпускѣ суммъ (120 милл.) на постройку четырехъ балтійскихъ дреднаутовъ. Около этого вопроса и въ обществѣ, и въ прессѣ, и въ военной средѣ, и даже среди самихъ моряковъ происходили горячіе споры. Естественно, эта неразбериха мнѣній имѣла живой откликъ среди членовъ законодательныхъ палатъ. Положеніе депутатовъ было трудное. Денегъ было мало, проектъ бюджета былъ сведенъ съ дефицитомъ въ суммѣ около 200 милліоновъ. Поэтому испрашиваемая морскимъ вѣдомствомъ сумма казалась колоссальной. При этомъ же позоръ японской войны, страшный ударъ, нанесенный нашему флоту при Цусимѣ, глубоко уязвили національное чувство общества, возлагавшаго всю отвѣтственность за происшедшее на «шпицъ», на порядки и привычки, прочно гнѣздившіеся въ центральномъ учрежденіи морского министерства и въ его береговыхъ органахъ. Все, казалось, осталось тамъ по прежнему, отвѣтственнѣйшія мѣста продолжали занимать старики или люди, имя коихъ было связано съ недавнимъ не доброй памяти прошлымъ. Единственнымъ новшествомъ былъ организованный адм. Брусиловымъ новый органъ, Морской Генеральный Штабъ. Тутъ собралось все то лучшее изъ молодежи, что смогли выдѣлить уцѣлѣвшіе остатки боевого флота. Тутъ кипѣла жизнь, работала мысль, закладывался фундаментъ возрожденія флота, вырабатывалось пониманіе значенія морской силы, законовъ ея развитія и бытія. Вотъ съ этими то элементами морского вѣдомства намъ и пришлось впервые столкнуться въ ноябрѣ 1907 года. Морское министерство умѣло, когда нужно, показать товаръ лицомъ, пустить пыль въ глаза. Дѣйствительно, первое впечатлѣніе отъ этихъ встрѣчъ было подкупающимъ. И среди этой образованной, убѣжденной, знающей свое ремесло молодежи особенно ярко выдѣлялся молодой, невысокаго роста офицеръ. Его сухое, съ рѣзкими чертами лицо дышало энергіей, его громкій мужественный голосъ, манера говорить, держаться, вся внѣшность — выявляли отличительныя черты его духовнаго склада. волю, настойчивость въ достиженіи, умѣніе распоряжаться, приказывать, вести за собой другихъ, брать на себя отвѣтственность. Его товарищи по Штабу окружали его исключительнымъ уваженіемъ, я бы сказалъ даже, преклоненіемъ; его начальство относилось къ нему съ особымъ довѣріемъ. По крайней мѣрѣ во всѣ для вѣдомства тяжелыя минуты — а такихъ ему пришлось тогда пережить много – начальство всегда выдвигало на первый планъ этого человѣка, какъ лучшаго среди штабныхъ офицеровъ оратора, какъ общепризнаннаго авторитета въ разбиравшихся вопросахъ. Этотъ офицеръ былъ капитанъ 1-го ранга Александръ Васильевичъ Колчакъ. Трудно было найти болѣе блестящаго защитника столь неблагодарной задачи, каковая тогда была возложена морскимъ вѣдомствомъ на Колчака, именно отстоять требованіе объ ассигнованіи суммъ на постройку 4 броненосцевъ. Вся его блестящая эрудиція, знаніе вопроса, ораторскій талантъ, страстная убѣжденность фанатика своего дѣла, все это разбивалось о факты печальной дѣйствительности. Армія была въ буквальномъ смыслѣ раздѣта и лишена оружія (конечно, принимая въ разсчетъ составъ военнаго времени, послѣ мобилизаціи), дефицитъ въ бюджетѣ, пустая государственная казна, все это заставляло насъ относиться съ величайшей осторожностью къ расходованію тѣхъ крохъ, кои мы надѣялись наскрести. Передъ нами было два требованія, двѣ задачи, два плана дѣйствій.

Одинъ былъ представленъ военнымъ вѣдомствомъ и требовалъ отпуска 300 милліоновъ, чтобы сдѣлать нашу армію хотя бы относительно боеспособной, другой — морского министерства, заключавшійся въ постройкѣ 4 кораблей. А если принять во вниманіе, что оздоровленіе, реорганизація береговыхъ учрежденій морского вѣдомства тогда еще ни во что реальное не вылилось, что тамъ все оставалось по старому, всѣ старые привычки, навыки, пороки и даже люди были все тѣ же, что единственная свѣжая струя — морской генеральный штабъ — не успѣлъ еще получить рѣшающей, даже просто значительной, роли въ жизни и работѣ вѣдомства — то выборъ нашъ былъ простъ и рѣшителенъ. Все, что мы могли дать на дѣло обороны, мы рѣшили дать въ первую очередь военному вѣдомству.

На этой почвѣ произошло столкновеніе Гос. Думы съ морскимъ министерствомъ. И въ этомъ вопросѣ вся энергія морского генеральнаго штаба въ цѣломъ и Колчака въ частности, всѣ его дарованія и личное обаяніе не могли измѣнить принятаго рѣшенія. Комиссія по оборонѣ внесла опредѣленное и категорическое рѣшеніе — средства на постройку современнаго броненоснаго флота будутъ даны лишь тогда, когда прекрасныя слова и благія намѣренія морского генеральнаго штаба воплотятся или, по крайней мѣрѣ, начнутъ воплощаться въ дѣло, въ дѣйствительность, въ реальное осуществленіе реорганизаціи и реформы вѣдомства, всѣхъ его техническихъ и береговыхъ органовъ. Сами они, молодые моряки, очень убѣдительно показали и доказали намъ, что надо въ этомъ отношеніи сдѣлать, чего добиваться, каковы должны быть условія, при которыхъ отпущенныя народныя средства пойдутъ дѣйствительно на дѣло развитія мощи государства, а не для кормленія береговыхъ и тыловыхъ учрежденій. То, что такъ блестяще доказывалъ А. В. Колчакъ, нами въ значительной степени было усвоено. Но для момента выводъ нашъ былъ діаметрально противоположный его выводу. Онъ и его товарищи рисовали картину, при которой начнется правильное развитіе морской силы, и для начала этого процесса требовали кредитовъ, говоря, что остальное само собой устроится. Мы требовали, чтобы процессъ реорганизаціи, возрожденія вѣдомства начался немедленно, вылился въ осязаемыя формы, и только тогда мы согласились давать деньги. Колчакъ былъ страстнымъ защитникомъ скорѣйшаго возрожденія флота, онъ буквально сгоралъ отъ нетерпѣнія увидѣть начало этого процесса, онъ вкладывалъ въ созданіе морской силы всю свою душу, всего себя цѣликомъ, былъ въ этомъ вопросѣ фанатикомъ. И естественно съ нимъ происходили наиболѣе жаркія словесныя схватки; чаще всего ему оппонировать приходилось мнѣ. Мы оба — онъ и я — шли къ одной завѣтной цѣли — созданію боевого флота, способнаго выполнить тѣ заданія, кои на него будутъ возложены стратегической обстановкой вѣроятнаго конфликта. Но шли къ этой цѣли мы разными путями и отсюда неизбѣжность остраго конфликта мнѣній. При всемъ томъ наши личныя отношенія ни на одинъ мигъ не помрачались. Онъ былъ для меня авторитетомъ въ его спеціальности, человѣкомъ энергіи и знанія, качествъ столь рѣдкихъ у насъ вообще, а въ его средѣ въ особенности. Весною 1908 года Колчакъ проигралъ бой въ Гос. Думѣ. Но онъ сдѣлалъ свое дѣло. Онъ внесъ горячую свѣжую струю въ вѣдомство, его мысли стали достояніемъ многихъ, его знанія просвѣтили среду его сослуживцевъ и внесли опредѣленность и ясность въ вопросъ реорганизаціи флота. Я долженъ признать, что на мое, напримѣръ, отношеніе къ дѣлу развитія у насъ морской силы (мнѣ пришлось быть докладчикомъ по морской смѣтѣ вплоть до войны, вѣрнѣе, вплоть до революціи), Колчакъ того времени имѣлъ громадное вліяніе. Мнѣ пришлось на первыхъ порахъ съ нимъ бороться, но всѣ его аргументы, всѣ его

взгляды, всѣ его идеи глубоко запали въ душу и въ свое время принесли опредѣленные плоды. Но если таково было вліяніе идей Колчака на его тогдашняго противника, лишь изрѣдка съ нимъ встрѣчавшагося, то можно судить, каково оно было на его сотрудниковъ и соратниковъ по оружію, на его подчиненныхъ и даже на старшихъ чиновъ, съ которыми онъ имѣлъ постоянное, регулярное общеніе. Можно считать несомнѣннымъ, что, когда закладывались основные камни будущей реконструкціи вѣдомства и возстановленія флота, Колчакъ внесъ свой крупный и плодотворный вкладъ въ дѣло, которое ему было такъ дорого.

Прошло много лѣтъ. Колчака давно уже не было подъ шпицемъ, онъ перешелъ въ плавающій флотъ. Многое измѣнилось въ морскомъ вѣдомствѣ. Измѣнились рѣзко въ благопріятную сторону взаимоотношенія между вѣдомствомъ и Г. Думой. Давно замолкли отзвуки былой борьбы. Вѣдомство широко шло навстрѣчу требованіямъ законодательныхъ учрежденій въ дѣлѣ реорганизаціи и реформъ вѣдомства. Подъ шпицемъ сидѣли новые люди, а новые люди — новыя пѣсни. Давно отпущены были колоссальныя средства морскому министерству, о которыхъ ни опо само, ни самые пылкіе его защитники, съ Колчакомъ во главѣ, въ 1907 году не смѣли даже мечтать. Работа шла полнымъ ходомъ. Старые заводы, заново перестроенные, были завалены заказами, спѣшно строились новые заводы и верфи, флотъ много плавалъ, учился, стрѣлялъ. Ясно было, что флотъ усиленно готовится къ войнѣ. Да и въ воздухѣ что то чуялось недоброе. Уже давно, со временъ балканской войны 1912 года, тревожныя вѣсти доходили до насъ изъ Берлина и Вѣны. Было извѣстно, что большая программа германскихъ вооруженій спѣшно заканчивается, что нѣмцы въ тайнѣ завершатъ ее годомъ раньше, чѣмъ то предполагалось, что къ лѣту 1914 года нѣмецкая армія будетъ во всеоружіи. Правда, Австрія не могла поспѣть за своей союзницей, ея программа должна была быть закончена лишь къ концу 1917 года. Но мы то хорошо знали, каковъ былъ размахъ работы, шедшей у насъ. Мы понимали, что отложи сосѣди конфликтъ до 1917 года — вѣроятно, войны не будетъ вовсе. Слишкомъ рискованнымъ предпріятіемъ стало бы тогда нападеніе на Россію. Никогда Россія не работала такъ, какъ въ эти годы, никогда ростъ ея силъ финансовыхъ, экономическихъ, культурныхъ, особенно военныхъ и морскихъ, не шелъ такими гигантскими шагами. И съ замираніемъ сердца мы ждали, используютъ ли сосѣди ближайшіе два года нашей относительной слабости и своего временнаго превосходства и готовности. Ясно, что, если сами мы кое что знали о томъ, что дѣлается за нашимъ рубежемъ, тамъ то уже навѣрное знали превосходно все, что дѣлалось у насъ. Развѣдка у нѣмцевъ была поставлена превосходно. И казалось невѣроятнымъ, что они пропустятъ благопріятный моментъ. А если таково ихъ рѣшеніе, то и срокъ мірового конфликта былъ ясенъ. Что дѣлало наше высшее правительство, мы не знали. Со смертью П. А. Столыпина порвалась связь между властью и народнымъ представительствомъ. Но мы знали, что грозный часъ, быть можетъ, уже близокъ, что наступленіе его зависитъ не отъ насъ и не отъ нашего правительства, что поэтому каждый изъ насъ долженъ быть готовъ исполнить свой долгъ передъ родиной. Зналъ все это прекрасно и плавающій флотъ, и, въ особенности, командующій центръ балтійскаго флота, адм. Эссенъ и его штабъ. Вѣдь на нихъ съ первыхъ дней войны долженъ былъ обрушиться натискъ далеко превосходныхъ силъ противника. Въ серединѣ іюня 1914 года я поѣхалъ въ Ревель съ цѣлью повидать адмирала, осмотрѣть работы по укрѣпленію позицій Наргенъ-Поркалаушъ, присутствовать на стрѣльбахъ флота. Я засталъ тамъ приподнятое настроеніе. Никто не сомнѣвался, что ближайшее будущее можетъ

принести суровыя испытанія, что борьба, разъ она начнется, будетъ роковой, что шансовъ уцѣлѣть въ этой борьбѣ мало, что смерть будетъ глядѣть имъ все время въ глаза. И тѣмъ не менѣе, всѣ были бодры и веселы, всѣ вѣрили въ будущее Россіи и родного флота, всѣ радостно готовились къ подвигу, на который ихъ призоветъ долгъ передъ родиной. Работа кипѣла и по подготовкѣ личнаго состава, и по подготовкѣ театра войны, и, особенно, по разработкѣ основныхъ идей возможной борьбы. Пріятно и радостно было видѣть эту дружную семью, окружающую любимаго и уважаемаго адмирала такою бодрою, такою рѣшительною, такою радостною возможностью жертвеннаго подвига. Среди этого кружка лицъ — мозга нашего балтійскаго флота — я встрѣтилъ, опять на первыхъ роляхъ, капитана 1-го ранга А. В. Колчака. Онъ работалъ больше всѣхъ, былъ душою и мозгомъ оперативнаго отдѣла штаба. И въ дружескихъ интимныхъ бесѣдахъ въ каютѣ адмирала, гдѣ разговаривали и спорили послѣ ѣды офицеры его штаба, обращаясь къ хозяину, какъ къ любимому отцу или старшему уважаемому брату, опять голосъ Колчака звучалъ наиболѣе вѣско, съ его мнѣніемъ больше всего считались, онъ опять пользовался всеобщимъ уваженіемъ и авторитетомъ. Видно было, что имъ гордятся, имъ восхищаются. Эта репутація была вполнѣ заслужена. Тутъ онъ былъ въ своей сферѣ, онъ зналъ, чего онъ хочетъ, зналъ прекрасно людей, своихъ товарищей, начальниковъ и подчиненныхъ, отлично понималъ, что отъ каждаго изъ нихъ можно ожидать. Онъ ставилъ себѣ опредѣленныя, подчасъ очень смѣлыя, но всегда продуманныя цѣли, правильно оцѣнивалъ обстановку и умѣлъ настоять на выполненіи разъ поставленныхъ заданій. Онъ былъ правою рукою адмирала, его ближайшимъ и дѣятельнѣйшимъ помощникомъ. Его роль въ періодъ подготовки балтійскаго флота къ войнѣ была громадна.

Черезъ нѣсколько недѣль началась война. Я былъ прикованъ къ Петрограду, Колчакъ безвыходно жилъ на кораблѣ. Намъ не приходилось встрѣчаться. Но о его работѣ я зналъ, его роль въ войнѣ была мнѣ отлично извѣстна. То, что нашъ слабый матеріально флотъ съ первыхъ дней мобилизаціи все время былъ на высотѣ и на чеку, что всѣ его операціи развертывались по строго опредѣленному плану, доказывало, что тутъ нѣтъ мѣста импровизаціи, что все было предусмотрѣно заранѣе, все продумано, все подготовлено. Чуялась большая, длительная организаціонная работа, видно было, что Эссенъ и его штабъ много и продуктивно работали. Особенно отвѣтственна была, конечно, работа оперативнаго отдѣла штаба и его вдохновителя, капитана Колчака. Затѣмъ Колчакъ всталъ во главѣ минной обороны и здѣсь опять выдвинулся. Поэтому для меня не было сюрпризомъ, когда онъ былъ назначенъ на отвѣтственный постъ командующаго Черноморскимъ флотомъ съ производствомъ въ вице-адмиралы. Онъ уѣхалъ на югъ, гдѣ и оставался вплоть до революціи.

Мнѣ пришлось встрѣтиться съ нимъ еще разъ, правда, мелькомъ, при очень грустной обстановкѣ. Колчакъ пріѣхалъ въ Петроградъ и пришелъ въ Таврическій Дворецъ. Его едва можно было узнать. Это былъ уже другой человѣкъ. Исхудавшій, осунувшійся, видимо, глубоко потрясенный тѣмъ разваломъ, который разложилъ уже балтійскій флотъ и успѣлъ перекинуться въ Черное море. Все, чѣмъ онъ жилъ, надъ чѣмъ онъ работалъ, что такъ любилъ, такъ старательно создавалъ, все разомъ рухнуло, обратилось въ прахъ и разложеніе. Онъ былъ слишкомъ образованный военный морякъ, слишкомъ хорошо зналъ исторію другихъ флотовъ, слишкомъ понималъ сущность морской силы и поэтому отлично отдавалъ себѣ отчетъ, что такой сложный и тонкій организмъ, какимъ является флотъ, не можетъ выдержать, и никогда не выдерживалъ ударовъ революціонной

грозы. Для флота революція — гибель. Я обмѣнялся съ нимъ лишь немногими фразами, мы другъ друга отлично поняли, крѣпко пожали другъ другу руку и поспѣшили разойтись.

Было слишкомъ тяжело на душѣ, какъ на похоронахъ родимой матери.

ДОКУМЕНТЫ

Протоколы допроса адмирала А. В. Колчака

чрезвычайной слѣдственной комиссіей въ Иркутскѣ 21 января — 7 февраля 1920 г.

Вступительныя замѣчанія*

Сдача Омска (14 ноября 1919 года) открываетъ послѣдній періодъ исторіи правленія адмирала Колчака. Катастрофичность паденія Омска была подчеркнута еще тѣмъ, что за нѣсколько дней до этого, 1-го ноября, въ торжественномъ засѣданіи Совѣщанія при начальникѣ добровольческихъ формированій адмиралъ Колчакъ заявилъ, что Омскъ сданъ не будетъ. «Сдача Омска, — сказалъ онъ, — невозможна. Потеря этого центра явилась бы тяжелымъ ударомъ всему дѣлу возрожденія русской государственности, допустить котораго нельзя.» (Газета «Русь», № 96.) И на слѣдующій день сибирскія газеты вышли съ аншлагомъ: «Верховный Правитель адмиралъ Колчакъ заявилъ, что Омскъ сданъ не будетъ». Тогда же, въ первыхъ числахъ ноября, Главнокомандующимъ, вмѣсто ген. Дитерихса, былъ назначенъ ген. Сахаровъ, единственный изъ генераловъ, высказавшійся за возможность обороны Омска.**

Правительство 10 ноября выѣхало изъ Омска въ Иркутскъ, адмиралъ Колчакъ остался при арміи, отступая вмѣстѣ съ ней. 18 ноября Правительство прибыло въ Иркутскъ. Наканунѣ его пріѣзда, въ «Чехо-Словацкомъ дневникѣ» появился меморандумъ, рѣзко нападающій на произволъ и безпорядки. царящіе въ тылу.

ЧЕШСКІЙ МЕМОРАНДУМЪ

«Невыносимое состояніе, въ какомъ находится наша армія, вынуждаетъ насъ обратиться къ союзнымъ державамъ съ просьбой о совѣтѣ, какимъ образомъ чехо-словацкая армія могла бы обезпечить собственную безопасность и свободное возвращеніе на родину, вопросъ о чемъ разрѣшенъ съ согласія всѣхъ союзныхъ державъ.

«Войско наше согласно было охранять магистраль и пути сообщенія въ опредѣленномъ ему районѣ и задачу эту исполняло вполнѣ добросовѣстно.

---

* Вступительныя замѣчанія составлены на основаніи сибирскихъ и дальне-восточныхъ газетъ. Текстъ чешскаго меморандума приводится по книгѣ Г. Гинса: «Сибирь, союзники и Колчакъ», Пекинъ 1921 г. Любопытныя по робности о «Политическомъ Центрѣ» и переговорахъ съ нимъ В. Н. Пепеляева можно найти въ воспоминаніяхъ N.: «Послѣдніе дни Колчаковщины», помѣщенныхъ въ № 2 «Сибирскихъ Огней», Новониколаевск, 1922 г.

** 11-го декабря онъ былъ замѣненъ ген. Каппелемъ.

«Въ настоящій моментъ пребываніе нашего войска на магистрали и охрана ея становятся невозможными просто по причинѣ безцѣльности, равно какъ и вслѣдствіе самыхъ элементарныхъ требованій справедливости и гуманности. Охраняя желѣзную дорогу и поддерживая въ странѣ порядокъ, войско наше вынуждено сохранять то состояніе полнаго произвола и беззаконія, которое здѣсь воцарилось.

«Подъ защитой чехо-словацкихъ штыковъ, мѣстные русскіе военные органы позволяютъ себѣ дѣйствія, передъ которыми ужаснется весь цивилизованный міръ. Выжиганіе деревень, избіеніе мирныхъ русскихъ гражданъ цѣлыми сотнями, разстрѣлы безъ суда представителей демократіи, по простому подозрѣнію въ политической неблагонадежности — составляютъ обычное явленіе, и отвѣтственность за все передъ судомъ народовъ всего міра ложится на насъ: почему мы, имѣя военную силу, не воспротивились этому беззаконію.

«Такая наша пассивность является прямымъ слѣдствіемъ принципа нашего нейтралитета и невмѣшательства во внутреннія русскія дѣла, и она-то есть причина того, что мы, соблюдая полную лойяльность, противъ воли своей становимся соучастниками преступленій. Извѣщая объ этомъ представителей союзныхъ державъ, мы считаемъ необходимымъ, чтобы они всѣми средствами постарались довести до всеобщаго свѣдѣнія народовъ всего міра, въ какомъ морально трагическомъ положеніи очутилась чехо-словацкая армія, и каковы причины этого.

«Мы сами не видимъ иного выхода изъ этого положенія, какъ лишь въ немедленномъ возвращеніи домой изъ этой страны, которая была поручена нашей охранѣ, и въ томъ, чтобы до осуществленія этого возвращенія намъ была предоставлена свобода къ воспрепятствованію безправія и преступленій, съ какой бы стороны они ни исходили.

Иркутскъ, 13 ноября 1919 года.

Б. Павлу, д-ръ Гирса.»

Ударъ, нанесенный этимъ меморандумомъ, былъ тѣмъ болѣе тяжелъ, что Правительство ознакомилось съ нимъ впервые въ печати.

17 ноября во Владивостокѣ вспыхнуло возстаніе ген. Гайда, поддерживаемаго с-рами и сибирскими областниками. Возстаніе было на слѣдующій день подавлено ген. Розановымъ.

Въ послѣдніе дни пребыванія Правительства въ Омскѣ и сейчасъ же по переѣздѣ въ Иркутскъ, три вопроса стояли въ центрѣ его вниманія. Во-первыхъ, вопросъ о новомъ составѣ Правительства, во-вторыхъ, вопросъ о подчиненіи военныхъ властей въ тылу властямъ гражданскимъ, и наконецъ, въ третьихъ, вопросъ о созданіи представительнаго органа, который могъ бы поддержать авторитетъ Правительства и вернуть ему довѣріе широкихъ круговъ населенія. Основныя положенія такого представительнаго органа, который долженъ былъ называться «Государственнымъ Земскимъ Совѣщаніемъ», были выработаны еще въ Омскѣ, и Верховный Правитель въ указѣ, опубликованномъ въ Правительственномъ Вѣстникѣ отъ 16 ноября 1919 года (въ Иркутскѣ), повелѣлъ выборы въ Земское Совѣщаніе произвести не позже 1 января 1920 г

23 ноября адмиралъ Колчакъ подписалъ слѣдующія двѣ грамоты объ отставкѣ Вологодскаго и назначеніи предсѣдателемъ Совѣта Министровъ В. Н. Пепеляева.

ГРАМОТА НА ИМЯ В. Н. ПЕПЕЛЯЕВА

«Викторъ Николаевичъ. Признавъ необходимымъ въ тяжелыхъ условіяхъ, переживаемыхъ страной, образованіе власти гражданской, твердой въ стремленіи къ водворенію правопорядка и проникнутой единой волей въ борьбѣ съ большевизмомъ до окончательнаго его искорененія и въ этихъ цѣляхъ внутренно объединенной, зная вашу несокрушимую энергію, стойкость въ проведеніи мѣропріятій истинно-государственныхъ, я призвалъ васъ на постъ предсѣдателя совѣта министровъ.

Одновременно съ симъ я поручаю вамъ образованіе состава вашихъ сотрудниковъ по управленію страной, отвѣчающаго указаннымъ требованіямъ, и предлагаю представить на мое одобреніе списокъ лицъ, намѣченныхъ Вами на посты членовъ совѣта министровъ. Съ вѣрой въ свѣтлое будущее нашей великой родины призываю всѣхъ ея вѣрныхъ сыновъ сплотиться въ настоящее тяжелое время вокругъ власти, полнымъ моимъ довѣріемъ облеченной.

Дано въ гор. Новониколаевскѣ 23 ноября 1919 года.

Адмиралъ Колчакъ.»

ГРАМОТА НА ИМЯ П. В. ВОЛОГОДСКАГО

«Глубокоуважаемый Петръ Васильевичъ. Въ условіяхъ тягостныхъ, не менѣе чѣмъ нынѣ переживаемыя страной, приняли вы постъ предсѣдателя временнаго сибирскаго правительства лѣтомъ 1918 года. Подъ вашимъ руководствомъ оно объединило весь освобожденный отъ совѣтской власти востокъ, и когда, за распыленіемъ образованнаго на уфимскомъ совѣщаніи всероссійскаго временнаго правительства, я воспріялъ отъ совѣта министровъ, коего вы были предсѣдателемъ, всю полноту верховной власти, вы неизмѣнно облегчали мнѣ вашимъ опытомъ, многообразными занятіями тяжелое бремя правленія, всегда пользуясь неограниченнымъ моимъ довѣріемъ. Нынѣ, когда ваше утомленіе отъ непрерывныхъ тяжкихъ государственныхъ заботъ лишаетъ васъ возможности отдать служенію родинѣ и борьбѣ за нее столь энергіи и силы, какъ вы того желали бы, я, съ сожалѣніемъ разставаясь съ вами, какъ съ предсѣдателемъ совѣта министровъ, считаю своимъ долгомъ высказать вамъ мою признательность за услуги, оказанныя вами родинѣ, и увѣренъ, что и на новомъ посту,* мною вамъ порученномъ, вы будете продолжать служеніе единой, великой, свободной Россіи, отдавая этому служенію въ обстановкѣ спокойной, творческой, необходимой для свѣтлаго будущаго нашей родины, работы весь свой государственный опытъ, всю силу любви великому русскому народу.

Дано въ г. Новониколаевскѣ 23 ноября 1919 года.

Искренно уважающій васъ,
адмиралъ Колчакъ.»

Вновь назначенный В. Н. Пепеляевъ началъ немедленно переговоры о вхожденіи въ кабинетъ представителей оппозиціи. Въ это время оппозиція группировалась вокругъ такъ называемаго «Политическаго Центра», который объединялъ партійныя организаціи с-ровъ и меньшевиковъ и находился въ контактѣ съ земскими и городскими самоуправленіями, большинство гласныхъ которыхъ были соціалистически настроены. Лозунгами Политическаго Центра были: бойкотъ земскаго Совѣщанія, созывъ земскаго Собора, отрѣшеніе адмирала Колчака, преданіе его и его министровъ суду и, наконецъ, миръ съ большевиками. В. Н. Пепеляевъ велъ переговоры съ членомъ Политическаго Центра с-ромъ Волосовымъ, при посредничествѣ Яковлева, занимавшаго должность управляющаго

* П. В. Вологодскій былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи по выборамъ въ Учредительное Собраніе; отъ этой должности онъ отказался въ пользу Н. В. Чайковскаго.

Иркутской губерніей. Переговоры не привели къ желательнымъ результатамъ и въ послѣднихъ числахъ ноября В. Н. Пепеляевымъ былъ организованъ кабинетъ, въ составъ котораго вошли С. Н. Третьяковъ (мин. иностр. дѣлъ и министръ-замѣститель), А. А. Червенъ-Водали (мин. внутр. дѣлъ), Бурышкинъ (мин. финансовъ), ген. Ханжинъ (военный министръ) и др. По сообщенію русскаго телеграфнаго агентства (Рта) программа новаго кабинета въ основныхъ чертахъ сводилась къ слѣдующему: «1. управленіе страной только черезъ министровъ, приглашаемыхъ по выбору Пепеляева и утверждаемыхъ верховнымъ правителемъ; 2. отказъ отъ системы военнаго управленія страной; 3. борьба съ произволомъ и беззаконіемъ, кѣмъ бы они ни чинились; 4. расширеніе правъ государственнаго земскаго совѣщанія; 5. приближеніе власти къ народу, сближеніе съ оппозиціей, объединеніе всѣхъ здоровыхъ силъ страны; 6. сближеніе съ чехо-словаками; 7. всемѣрная поддержка добровольческаго движенія; 8. радикальныя мѣропріятія въ борьбѣ съ кризисомъ продовольствія и снаряженія арміи и населенія; 9. дальнѣйшее сокращеніе вѣдомствъ. Вся программа построена на лозунгѣ борьбы съ большевизмомъ до возрожденія государственно-народныхъ силъ. Въ заключеніе своего доклада Пепеляевъ подчеркнулъ, что главное значеніе онъ придаетъ не перемѣнамъ въ личномъ составѣ совѣта министровъ, а скорѣйшему планомѣрному проведенію программы въ жизнь.»

1 декабря (по сообщенію Рта) состоялось первое засѣданіе новаго кабинета, послѣ котораго В. Н. Пепеляевъ отбылъ въ ставку къ адмиралу Колчаку. Новое правительство въ публичныхъ заявленіяхъ рѣзко подчеркивало, что оно готово сдѣлать все находящееся въ предѣлахъ возможности для удовлетворенія оппозиціонныхъ элементовъ. Въ частности, Правительство измѣнило положеніе о Государственномъ Земскомъ Совѣщаніи въ томъ смыслѣ, что въ составъ его должны были входить только члены по избранію. Въ бесѣдѣ съ представителемъ «Сибирской жизни» въ Томскѣ, В. Н. Пепеляевъ назвалъ имѣющее собраться Земское Совѣщаніе Земскимъ Соборомъ. Однако, настроеніе оппозиціи нисколько не смягчилось и новый кабинетъ былъ встрѣченъ такъ же враждебно, какъ и старый. 25 ноября Иркутская Городская Дума вынесла постановленіе о необходимости образованія единаго соціалистическаго правительства и принятія мѣръ къ окончанію гражданской войны.

Хорошо характеризуютъ политическую обстановку слѣдующія выдержки изъ рѣчи министра-замѣстителя, С. Третьякова, произнесенной 8 декабря 1919 года на з. сѣданіи Государственнаго Экономическаго Совѣщанія въ Иркутскѣ.

«Вы знаете, что взаимоотношенія Ставки и Главнокомандующаго на фронтѣ были не всегда удовлетворительны. Въ этой организаціи было много ошибокъ. Этотъ Гордіевъ узелъ долженъ быть разрубленъ. Скажу открыто: не распутанъ, а разрубленъ... Вопросъ экономики, товарообмѣна, развитія производительныхъ силъ страны — старые, избитые лозунги. Тутъ я буду безпощаденъ. Старая позиція правительства не можетъ продолжаться дальше. То, что дѣлалъ министръ снабженія и продовольствія — скажу прямо — есть величайшее преступленіе по отношенію къ странѣ. Работать такъ нельзя. Это не есть правильная экономическая политика, это есть разореніе, это — развращеніе страны, при которомъ не возможно честному человѣку работать для страны... Вопросы внутренней политики. Предсѣдатель Совѣта Министровъ сказалъ уже, что тамъ, гдѣ существуютъ двѣ власти, — нѣтъ ни одной. Смѣшеніе гражданской и военной власти производитъ хаосъ Мы должны заявить, что въ вопросахъ гражданскаго правленія страной власть военная да подчинится власти гражданской. Только тогда можно будетъ найти выходъ изъ тяжелаго положенія...»

Оппозиціонное настроеніе выразилось на этомъ же засѣданіи въ рѣчи представителя Закупсбыта, Емелина, потребовавшаго «открыто признать необходимость установленія гражданскаго мира на всей территоріи Россіи», а въ обла-

сти внѣшней политики — «полное невмѣшательство иностранцевъ въ наши дѣла, за исключеніемъ того момента, когда такое вмѣшательство понадобилось бы для веденія мирныхъ переговоровъ». А на вопросъ съ мѣста, «съ кѣмъ миръ, съ большевиками?» — Емелинъ отвѣтилъ: «Да, съ большевиками».

Такова была политическая обстановка, создавшаяся въ первой половинѣ декабря 1919 года. Руководимое Политическимъ Центромъ возстаніе вспыхнуло 21 декабря на Черемховскихъ угольныхъ копяхъ и вскорѣ перекинулось на Иркутскъ. Въ ночь съ 21 на 22 былъ поврежденъ мостъ, соединяющій городъ Иркутскъ съ пригородомъ, въ которомъ находился вокзалъ. Союзное командованіе запретило обстрѣливать прилегающія къ вокзалу части города, объявивъ эту зону нейтральной. 24 декабря приказомъ адмирала Колчака, атаманъ Семеновъ былъ назначенъ Главнокомандующимъ всѣми воинскими силами въ тылу, съ подчиненіемъ ему командующихъ военными округами. 25 декабря Правительство обратилось со слѣдующими двумя воззваніями къ населенію и войскамъ:

ОБРАЩЕНІЕ КЪ АРМІИ

Офицеры и солдаты! Враги государства хотятъ соблазнить васъ миромъ. Мира они не дадутъ. Будетъ холодъ, голодъ, будутъ грабежи и звѣрства. Если вы повѣрите прокламаціямъ, вы погубите и всѣхъ тѣхъ, кто честно выполнялъ свой долгъ на фронтѣ, и всѣхъ больныхъ и раненыхъ, которые выполнили свой долгъ и ждутъ заслуженнаго пріюта. Кому могутъ быть сейчасъ полезны возстанія, кромѣ большевикамъ? Неужели вы, какъ Іуда, предадите тѣхъ несчастныхъ, измученныхъ страдальцевъ, которые еще борятся съ большевиками? Нѣтъ, вы не окажетесь измѣнниками! Не сегодня-завтра придутъ силы съ Востока, которыя помогутъ вамъ защитить порядокъ, спасутъ насъ всѣхъ отъ большевизма и отъ голода. Помните, что хлѣбъ идетъ сейчасъ только съ Востока. Правительство выполняетъ свой долгъ и призываетъ васъ честно исполнить присягу.

За предсѣдателя совѣта министровъ
А. Червенъ-Водали.

Военный министръ, генералъ отъ артиллеріи
Ханжинъ.

ОБРАЩЕНІЕ КЪ НАСЕЛЕНІЮ

Правительство новаго состава, принявъ власть въ тяжелые дни военныхъ неудачъ, смѣло, открыто признало ошибки, допущенныя омской властью. Правительство поставило своей задачей утвержденіе законности и порядка въ странѣ, обезпеченіе для населенія всѣхъ гражданскихъ свободъ, снабженіе его продовольствіемъ, предметами первой необходимости. Съ этой цѣлью правительство съ полной искренностью и довѣріемъ призвало къ государственной работѣ представителей городскихъ и земскихъ самоуправленій, всѣхъ круговъ общественности, предлагало имъ войти въ составъ совѣта министровъ. Правительство подготовило также скорѣйшій созывъ земскаго государственнаго совѣщанія, которое должно будетъ явиться выраженіемъ воли и мысли народа и издавать законы. По новому закону въ совѣщаніе войдутъ только выборные члены. Число представителей крестьянскаго и городского населенія удвоено. Но вмѣсто того, чтобы помочь власти въ ея честныхъ стремленіяхъ, часть общества, сочувствуя большевизму, и забывъ долгъ передъ родиной и арміей, организовала смуту, заду-

мала перевороты, расчищающіе путь большевистскимъ бандамъ, ихъ грабежамъ и насиліямъ. Правительство, искренне вѣря въ государственный разумъ населенія, нѣкоторое время не примѣняло жестокихъ мѣръ противъ возставшихъ, ожидая, что они одумаются и не захотятъ быть предателями. Дальнѣйшее развитіе смуты грозитъ невѣроятными бѣдствіями и лишеніями арміи, которая продолжаетъ бороться на фронтѣ, раненымъ и больнымъ, которые тянутся безконечными эшелонами на линію желѣзныхъ дорогъ, женщинамъ и дѣтямъ, которыя ищутъ пріюта, наконецъ, всему населенію, продовольствіе котораго сейчасъ идетъ только съ Востока и которое, конечно, ни во время безпорядковъ, ни, тѣмъ болѣе, въ случаѣ успѣха мятежниковъ, получаться не будетъ. Тѣ, кто мѣшаетъ правительству работать, совершаютъ тягчайшее преступленіе. Открывъ дорогу большевикамъ, погубивъ армію, остановивъ транспортъ, отдать измученную страну еще новымъ тяжелымъ лишеніямъ — это могутъ дѣлать только враги государства и народа. Поэтому правительство, призывая населеніе къ полному спокойствію и подчиненію закону и власти, къ поддержанію порядка и исполненія долга передъ родиной и арміей, твердо заявляетъ, что съ настоящаго момента всякія попытки сопротивленія законной власти будутъ рѣшительно подавляться. Правительство располагаетъ достаточной силой, чтобы прекратить смуту и обезпечить порядокъ. Идущія съ Востока сильныя подкрѣпленія разъ навсегда положатъ конецъ подобнымъ выступленіемъ.

За предсѣдателя совѣта министровъ
мин. внутр. дѣлъ Червенъ-Водали.

Атаманъ Семеновъ снарядилъ карательную экспедицію въ Иркутскъ, подъ командой ген. Скипетрова, которая, однако, союзными войсками къ Иркутску пропущена не была, вслѣдствіе чего атаманъ Семеновъ обратился къ командующему союзными войсками, ген. Жанену, со слѣдующей телеграммой:

«Телеграмма во Владивостокъ изъ Читы, безъ номера, подана 27 декабря. Иркутскъ, командующему союзными силами Западной Сибири генералу Жанену, коп. чехо-штабу, Иркутскъ, комвойсками, ген.-лейт. Артемьеву, нач. гарнизона, генералъ-майору Сычеву, Владивостокъ, командующему союзными силами на Дальнемъ Востокѣ Ооій, генералу Чечекъ, копія полковнику Магамаеву.

Генералы Вагинъ и Сычевъ донесли мнѣ, что вами объявлено нейтральной зоной все Глазковское предмѣстье города Иркутска, гдѣ находятся преступники и измѣнники родины — повстанцы, а когда правительственный командный составъ иркутскаго военнаго округа во имя выполненія лежащаго на немъ служебнаго долга и долга передъ родиной предпринимаетъ мѣры къ подавленію бунта и возстанія, то вы, ваше превосходительство, приказываете чешскимъ войскамъ открыть огонь по правительственнымъ войскамъ, по району, занятому мирнымъ гражданскимъ населеніемъ, которое осталось вѣрнымъ правительству. Разрѣшеніе находиться въ нейтральной зонѣ повстанцамъ, взбунтовавшимся противъ существующаго правительства и неудаленіе ихъ оттуда есть оказаніе имъ поддержки и покровительства, а препятствованіе подавленію возстанія путемъ вооруженнаго воздѣйствія чешскихъ войскъ есть актъ вооруженнаго выступленія союзныхъ войскъ противъ существующихъ законныхъ органовъ россійской государственной власти. Кромѣ этого, я усматриваю, что этимъ распоряженіемъ чешскія войска противопоставляются правительственнымъ войскамъ. Съ чешскими же войсками у меня установлены самыя дружественныя братскія отношенія. Своей предыдущей телеграммой я уже гарантировалъ свободный безпрепятственный проѣздъ на востокъ какъ союзнымъ миссіямъ, такъ и чешскимъ войскамъ. Категорически заявляя, что къ выполненію этого мною будутъ приняты самыя энергичныя мѣры, вновь настоятельно прошу ваше превосходительство или о немедленномъ удаленіи изъ нейтральной зоны повстан-

цевъ, или не чинить препятствій къ выполненію подчиненными мнѣ войсками моего приказа о немедленномъ подавленіи преступнаго бунта и о возстановленіи порядка. Этотъ приказъ отданъ мною во исполненіе повелѣнія верховнаго правителя и верховнаго главнокомандующаго и долженъ быть мною выполненъ, къ чему меня обязываетъ долгъ передъ родиной. Твердо вѣря, что высшій представитель благородной Франціи, неуклонно стоя на принципахъ дружбы Франціи и Россіи, и въ этомъ случаѣ останется вѣрнымъ той героической союзной помощи, которую Франція оказывала своей вѣрной союзницѣ Россіи.

346/II. Главнокомандующій войсками Дальняго Востока и иркутскаго военнаго округа, генералъ-лейтенантъ атаманъ Семеновъ.»

Въ послѣднихъ числахъ декабря министръ-замѣститель Третьяковъ уѣхалъ изъ Иркутска въ Читу, главой Правительства въ Иркутскѣ оставался министръ внутреннихъ дѣлъ А. А. Червенъ-Водали; адмиралъ Колчакъ, вмѣстѣ съ министромъ-предсѣдателемъ В. Н. Пепеляевымъ, были въ Нижнеудинскѣ; связь между Верховнымъ Правителемъ, министромъ-предсѣдателемъ и министрами, остававшимися въ Иркутскѣ, поддерживалась только случайно. 2 января начались переговоры между министрами, оставшимися въ Иркутскѣ, и представителями повстанцевъ. (Протоколы этихъ переговоровъ опубликованы въ Харбинѣ въ 1921 г., подъ заглавіемъ: «Стенографическій отчетъ переговоровъ о сдачѣ власти Омскимъ Правительствомъ Политическому Центру въ присутствіи Высшихъ Комиссаровъ и Высшаго Командованія Союзныхъ Державъ.») Непріемлемымъ требованіемъ Политическаго Центра было выдача адмирала Колчака и его сотрудниковъ для суда надъ ними. Переговоры ни къ чему не привели и ничѣмъ не окончились. 4 января вечеромъ войска Политическаго Центра, т. наз. Сибирская Національная Армія, подъ командой капитана Калашникова, заняли Иркутскъ. Въ тотъ же день въ Нижнеудинскѣ адмиралъ Колчакъ подписалъ свое отреченіе.

УКАЗЪ
ВЕРХОВНАГО ПРАВИТЕЛЯ
4 января 1920 г., городъ Н.-Удинскъ

«Въ виду предрѣшенія мною вопроса о передачѣ Верховной Всероссійской Власти Главнокомандующему вооруженными силами Юга Россіи Генералъ-Лейтенанту Деникину, впредь до полученія его указаній, въ цѣляхъ сохраненія на нашей Россійской Восточной Окраинѣ оплота Государственности на началахъ неразрывнаго единства со всей Россіей:

1. Предоставляю Главнокомандующему вооруженными силами Дальняго Востока и Иркутскаго военнаго округа, Генералъ-Лейтенанту Атаману Семенову всю полноту военной и гражданской власти на всей территоріи Россійской Восточной Окраины, объединенной Россійской Верховной властью.

2. Поручаю Генералъ-Лейтенанту Атаману Семенову образовать органы Государственнаго Управленія въ предѣлахъ распространенія его полноты власти.

Верховный Правитель Адмиралъ Колчакъ.
Предсѣдатель Совѣта Министровъ В. Пепеляевъ.
Директоръ Канцеляріи Верховнаго Правителя
Генералъ-Маіоръ Мартьяновъ.»

5 января адмиралъ Колчакъ распустилъ свою охрану и вмѣстѣ съ В. Н. Пепеляевымъ перешелъ въ поѣздъ союзниковъ, которые гарантировали ему проѣздъ на Востокъ. Поѣздъ шелъ подъ всѣми союзническими флагами. На станціи

Иннокентьевской поѣздъ былъ задержанъ. Адмиралу Колчаку было заявлено, что его дальше не повезутъ, и онъ, вмѣстѣ съ В. Н. Пепеляевымъ, былъ отданъ представителямъ Политическаго Центра.

Для суда надъ адмираломъ Колчакомъ была организована чрезвычайная слѣдственная комиссія, протоколы допроса которой ниже приводятся. 25 января 1920 г. власть въ Иркутскѣ отъ Политическаго Центра перешла къ Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ. 7 февраля адмиралъ Колчакъ и В. Н. Пепеляевъ были казнены.

Печатаемый ниже текстъ точно воспроизводитъ копію протоколовъ допроса. (Протоколы были написаны по новой орѳографіи.) Исправлены лишь не возбуждающія сомнѣній описки переписчицъ. Въ сомнительныхъ случаяхъ поправки вводятся въ квадратныхъ скобкахъ ([ ]). Слова лишнія и искажающія смыслъ вставлены въ остроугольныя скобки (⟨ ⟩). Круглыя скобки, также, какъ и многоточія, обозначающія пропуски, воспроизведены съ копіи протоколовъ.

21 ЯНВАРЯ 1920 Г.

Председатель: Вы присутствуете перед Следственной Комиссией в составе ее Председателя Попова, заместителя председателя В. П. Денике, членов комиссии: Г. Г. Лукьянчикова и Алексеевского для допроса по поводу Вашего задержания. Вы адмирал Колчак?

Адм. Колчак: Да, я адмирал Колчак.

Председатель: Мы предупреждаем Вас, что Вам принадлежит право, как и всякому человеку, опрашиваемому Чрезвычайно-Следственной Комиссией, не давать ответов на те или иные вопросы и вообще не давать ответов. Вам сколько лет?

Адм. Колчак: Я родился в 1873 [1874]* году, мне теперь 46 лет. Родился я в Петрограде на Обуховском заводе. Я женат формально законным браком, имею одного сына в возрасте 9 лет.

Председатель: Вы являлись Верховным Правителем?

Адм. Колчак: Я был Верховным Правителем в Омске Российского Правительства, — его называли Всероссийским, но я лично этого термина не употреблял. Моя жена Софья Федоровна раньше была в Севастополе, а теперь находится во Франции. Переписку с ней я вел через посольство. При ней находится мой сын Ростислав.

Председатель: Здесь добровольно арестовалась г. Тимирева. Какое она имеет отношение к Вам?

Адм. Колчак: Она моя давнишняя знакомая, она находилась в Омске, где работала в моей мастерской по шитью белья и по раздаче его воинским чинам — больным и раненым. Она оставалась в Омске до последних дней и затем, когда я должен был уехать, по военным обстоятельствам, она поехала со мной в поезде. В этом поезде она доехала сюда до того времени, когда я был задержан чехами. Когда я ехал сюда, она захотела разделить участь со мною.

Председатель: Скажите, адмирал, она не является Вашей гражданской женой, мы не имеем право зафиксировать этого?

Адм. Колчак: Нет.

Н. А. Алексеевский: Скажите нам фамилию Вашей жены.

Адм. Колчак: Софья Федоровна Омирова. Я женился в 1904 году, здесь, в Иркутске, в марте месяце. Моя жена уроженка Каменец-Подольской губ. Отец ее был судебным деятелем или членом Каменец-Подольского Суда, он умер давно, я его не видал и не знал. Отец мой, Василий Иванович Колчак, служил в мор-

---

* Въ листовкѣ, выпущенной издательствомъ «Освобожденіе Россіи» въ 1919 г. въ Перми, подъ заглавіемъ: «Адмиралъ Александръ Васильевичъ Колчакъ», приводятся слѣдующія даты: «А. В. Колчакъ родился въ 1874 году, службу свою во флотѣ началъ с 1891 года и в 1894 году былъ произведенъ в мичманы».

Подъ началомъ службы во флотѣ имѣется, повидимому, въ виду поступленіе въ гардемаринскіе классы.

ской артиллерии. Как все морские артиллеристы, он проходил курс в Горном Институте, затем он был на уральском Златоустовском заводе, после того он был приемщиком морского ведомства на Обуховском заводе. Когда он ушел в отставку, в чине генерал-майора, он оставался на этом заводе в качестве инженера или горного техника, там я и родился. Мать моя Ольга Ильинична, урожденная Посхова. Отец ее происходит из дворян Херсонской губ. Мать моя уроженка Одессы и тоже из дворянской семьи. Оба мои родители умерли. Состояния они не имели никакого. Мой отец был служащий офицер. После Севастопольской войны, он был в плену у французов и при возвращении из плена — женился, а затем он служил в артиллерии [....] в Горном Институте. Вся семья моего отца содержалась исключительно только на его заработки. Я православный, до времени поступления в школу я получил семейное воспитание под руководством отца и матери. У меня есть одна сестра Екатерина, была еще одна сестра Любовь, но она умерла в детстве. Сестра моя Екатерина замужем, фамилия ее Крыжановская. Она осталась в России, где она находится в настоящее время, — я не знаю. Жила она в Петрограде, но я не имею о ней никаких сведений с тех пор, как я уехал из России.

Свое образование я начал в 6-й Петроградской Классической Гимназии, где я пробыл до 3-го класса, затем в 1888 [86?] году я поступил в Морской Корпус 12 лет и окончил свое воспитание в Морском Корпусе в 1894 году. В Морской Корпус я перевелся по собственному желанию и по желанию отца. Я был фельдфебелем, шел я все время первым или вторым в своем выпуске, меняясь со своим товарищем, с которым поступил в Корпус, из Корпуса вышел вторым и получил премию адмирала Рикорда. Мне тогда было 19 лет. В корпусе был установлен целый ряд премий для 5 или 6 первых выходящих и они получались по старшинству. По окончании Корпуса, я начал свою службу. По выходе из Корпуса в 1894 году я поступил в Петроградский 7-й флотский экипаж, пробыл там я несколько месяцев до весны 1895 года, когда был назначен помощником вахтенного начальника на только что законченном тогда постройкой и готовящемся к отходу заграницу броненосном крейсере «Рюрик». Затем я пошел в первое мое заграничное плавание. Крейсер «Рюрик» ушел на восток и здесь во Владивостоке я ушел на другой крейсер «Крейсер» в качестве вахтенного начальника в конце 1896 года. На нем я плавал в водах Тихого Океана до 1898 года, когда этот крейсер вернулся в Кронштадт. Это было первое мое большое плавание. В 1898 году, я был произведен в лейтенанты и вернулся уже из этого плавания вахтенным начальником. Во время моего первого плавания, главная задача была чисто строевая, на корабле, но кроме того, я специально работал по океанографии и гидрологии. С этого времени я начал заниматься научными работами, я готовился к Южно-Полярной экспедиции, но занимался этим в свободное время, писал списки, изучал южно-полярные страны, у меня была мечта найти Южно-Полярный Полюс, но я так и не попал в плавание на Южном Океане.

Н. А. Алексеевский: Как протекала Ваша служба по возвращении? Вы поступили в Академию?

Адм. Колчак: Нет, это мне не удалось сделать. Когда я вернулся в мае 1899 [98?] года в Петроград, я затем в декабре ушел опять на восток, уже на линейном корабле — на броненосце «Петропавловск». Лето я проплавал в Морском Кадетском Корпусе на крейсере «Князь Пожарский» и ушел на Дальний Восток.

Когда в 1899 году вернулся в Кронштадт, я встретился там с адмиралом Макаровым, который ходил на «Ермаке» в свою первую Полярную экспедицию.

Я просил его взять меня с собой, но, по служебным обстоятельствам, он не мог этого сделать и «Ермак» ушел без меня. Тогда я решил снова идти на Дальний Восток, полагая, что, может быть, мне удастся попасть в какую нибудь экспедицию — меня очень интересовала северная часть Тихого Океана в гидрологическом отношении. Я хотел попасть на какое нибудь судно, которое уходит для охраны котикового промысла, на Командорские Острова, к Берингову морю, на Камчатку. С адм. Макаровым я очень близко познакомился в эти дни, так как он сам работал много по океанографии.

Тут произошли большие изменения в моем плавании. В сентябре месяце я ушел на «Петропавловске» в Средиземное море, чтобы через Суец пройти на Дальний Восток, и в сентябре я прибыл в Пирей. Здесь я совершенно неожиданно для себя получил предложение барона Толя принять участие в организуемой Академией Наук под его командованием Северо-Полярной экспедиции в качестве гидролога этой экспедиции. Мои работы и некоторые печатные труды обратили на себя внимание барона Толя, ему нужно было трех морских офицеров и из морских офицеров он выбрал меня. Я получил предложение через Академию Наук принять участие в этой экспедиции. Я это предложение принял немедленно, так как оно отвечало моим желаниям, и в декабре месяце Морское министерство меня откомандировало в распоряжение Академии Наук. Из Пирея я уехал в Одессу, затем в Петроград и в январе я явился к барону Толю и поступил в его распоряжение. Мне было предложено кроме гидрологии принять на себя еще должность во второй магнитовой экспедиции, там был специалист по магнитологии Зейберг и мне было предложено, в качестве его помощника, и этим заняться. Для того, чтобы меня подготовить к этой задаче, я был назначен на главную физическую обсерваторию в Петрограде и затем в Павловскую магнитную обсерваторию. Там я три месяца усиленно занимался практическими работами по магнитному делу для изучения магнитизма. Это было в 1900 году. С самого начала я проходил [курс] на Петроградской физической обсерватории, а детально я работал в Павловске. Наконец, экспедиция была снаряжена и она вышла в июле месяце из Петрограда на судне «Заря», которое было оборудовано в Норвегии для полярного плавания строителем «Фрама». Я поехал в Норвегию, где занимался в Христиании у Нансена, который был другом барона Толя. Он научил меня работать по новому методу.

Н. А. Алексеевский: Вы не можете ли сказать, кто из состава этой экспедиции в настоящее время жив и находится в настоящее время с Вами в сношениях?

Адм. Колчак: Теперь все сношения со всеми у меня порвались. Барон Толь погиб вместе с Зейбергом, д-р Вальтер умер, с зоологом Бируля я до войны постоянно поддерживал связь, где теперь Бируля, я не знаю. Затем был еще один большой приятель, товарищ по экспедиции, Волосович, который потом пошел геологом, где он находится теперь — я тоже не знаю. Из офицеров там был Коломийцев, он, кажется, здесь в Иркутске. Виделся я с ним, когда в 1917 году он опять уходил к устью Лены. Экспедиция ушла в 1900 году [на север], где она пробыла до 1902 года. Я все время был в этой экспедиции. Зимовали мы в Таймыре, две зимовки на Ново-Сибирских островах, на острове Котельникове, затем на 3-ий год барон Толь, видя, что нам не удалось пробраться на север от Н.-Сибирских островов, предпринял самую экспедицию. Вместе с Зейбергом и 2-мя каюрами, он отправился на север Сибирских островов, у него была идея расположения большого материка, который он хотел найти, но в этом году состояние льда было

такое, что мы могли проникнуть только к земле Бенета, а дальше не могли. Тогда он решил, что на судне туда не пробраться и он ушел. В виду того, что у нас окончились запасы, он приказал нам пробраться к земле Бенета и занять ее, а, если это не удастся, то идти к устью Лены и вернуться через Сибирь в Петроград, привести все коллекции и начать работать по новой экспедиции. Сам он рассчитывал самостоятельно вернуться на Н.-Сибирские острова, где мы оставили склады. В 1902 году, весною, барон Толь ушел от нас с Зейбергом, с тем, чтобы потом больше не возвращаться: он погиб во время перехода обратно с земли Бенета. Лето мы использовали на попытку пробраться на Север к земле Бенета, но нам не удалось. Состояние льда было еще хуже. Когда мы проходили северную параллель Сибирских островов, нам встречались большие льды, которые не давали нам проникнуть дальше. С окончанием навигации мы пришли к устью Лены и тогда к нам вышел старый пароход «Лена», снял всю экспедицию с устья Тикс[т]и, коллекции были перегружены на «Лену» и мы вернулись в Якутск, затем в Иркутск и в декабре месяце 1902 года мы прибыли в Петроград. На заседании Академии Наук было доложено общее положение работ экспедиции и о положении барона Толя. Его участь чрезвычайно встревожила академию. Действительно, предприятие его было чрезвычайно рискованное, шансов было очень мало, но барон Толь был человек, который верил в свою звезду и в то, что ему все сойдет, и пошел на это предприятие. Академия была чрезвычайно встревожена, и тогда я на заседании поднял вопрос о том, что надо сейчас, немедленно, не откладывая ни одного дня, снаряжать новую экспедицию на Землю Бенета для оказания помощи барону Толю и его спутникам, и так как на «Заре» это сделать было невозможно, был декабрь, а весною надо было быть на Н.-Сибирских островах, чтобы использовать лето — «Заря» была вся сбита — то нужно было оказать быструю и решительную помощь. Тогда я, подумавши, и взвесивши все, что можно было сделать, предложил пробраться на землю Бенета и, если нужно, даже за поисками барона Толя на шлюпках. Предприятие это было такого же порядка, как и предприятие барона Толя, но другого выхода не было, по моему убеждению. Когда я предложил этот план, мои спутники отнеслись чрезвычайно скептически, и говорили, что это такое же безумие, как и шаг барона Толя, но, когда я предложил самому взяться за выполнение этого предприятия, то Академия Наук дала мне средства и согласилась предоставить мне возможность выполнить этот план так, как я нахожу нужным. Академия дала мне полную свободу и обеспечила меня средствами и возможностью это выполнить. Тогда я в январе месяце уехал в Архангельск, где я выбрал себе четырех спутников из мезенских тюлене-промышленников. Со мною согласились идти еще двое из моих матросов из экспедиции — Беличев и Орлов. Когда я приехал на с'езд тюлене-промышленников, они заинтересовались этим делом, выбрали мне 4-х охотников, привыкших в плаванию во льду и я с ними, с двумя матросами и 4-мя тюлене-промышленниками, в декабре выехали обратно в Иркутск для того, чтобы здесь подготовить на Север все необходимое, чтобы немедленно уехать на Н.-Сибирские острова, которые я избрал, как базу; я обратился по телеграфу в Якутск к одному политическому ссыльному П. В. Оленьину, с которым я познакомился. Он занимался изучением Якутского края. Я обратился к нему, чтобы он за время моего отсутствия проехал на Север, подготовил вещи, собак для перехода на Н.-Сибирские острова. Он на это согласился и все это выполнил. Затем из Иркутска я поехал обратно в Якутск, не теряя нигде ни одного дня, как можно скорее из Якутска поехал в Верхоянск,

где меня ожидал Оленьин, который закупил собак, затем на собаках я поехал к устью Тиксти, взял с «Зари» один из хороших китобойных вельботов, на собаках протащил обратно в Устьянск и в начале мая я вместе с своими 6-ью спутниками, Оленьиным и партией местных якутов и тунгузов, которые были, как каюры, с транспортом 160 собак, вышел из Устьянска на остров Котельников. Я перебрался на Н.-Сибирские острова, вышел около мыса Медвежьего, около острова Котельникова. Этот переход на Н.-Сибирские острова я делал в мае месяце. Там началась уже таль, разлив рек. Затем я остался ожидать вскрытия моря. Я оставил запас провизии, больше я не мог с собою взять, как на три месяца, мне надо было прокормить людей, собак и приберегать на обратный путь. Тогда мы разделились, Оленьин с туземцами остались летовать на островах и заниматься охотой для того, чтобы приготовить мяса. Часть собак пришлось убить, часть этой партии с собаками оставалась на летовку на Н.-Сибирских островах, а я с 6-ю спутниками остался на мысе Медвежьем ожидать вскрытие моря и занимался, главным образом, охотой, чтобы прокормить себя. Затем в июле месяце море вскрылось и я на вельботе, который был там подготовлен с 6-ю спутниками, когда тронулся лед от берега, в этот же день и пошли вдоль южного берега Сибирских островов, вдоль Котельникова, направились в Благовещенский пролив, между Новой Сибирью, затем, пробираясь через этот пролив, я вышел на северо-западную часть острова «Новая Сибирь». Это был ближайший пункт, с которого надо было идти в открытый океан на Землю Бенета. Затем передохнув, на Новой Сибири, мы отправились дальше на север. В противоположность предшествующему 1902 году, когда все море в этом месте было забито льдами, я встретил совершенно открытое море, не было даже льда достаточно большого, чтобы можно было вылезть на него и отдохнуть, приходилось сидеть все время в шлюпках, а все время был свежий ветер. Наконец мы добрались до земли Бенета 5 [6] августа, на Преображенье. Этот мыс я назвал мысом Преображенским, [там] я высадился на остров Бенета. Ближайшее же обследование этого берега очень скоро дало нам признаки пребывания там партии барона Толя. Мы нашли груду камней, в которой находилась бутылка с запиской со схематическим планом острова, с указанием, что там находятся документы. Руководствуясь этим, мы очень скоро, в ближайшие дни, пробрались к тому месту, где барон Толь со своей партией находились на этом острове. Там мы нашли коллекции, геологические инструменты, научные, которые были с бароном Толем, а затем и краткий документ, который дал последние сведения о судьбе барона Толя. Он говорил, что барон Толь прибыл в 1902 году летом на остров Бенета, где он в конце концов решился сначала зимовать, так как уже было поздно, а главное, что их чрезвычайно задержало там, это попытка охоты. Они старались там охотиться, чтобы пополнить свои запасы, но сделать [этого] им не удалось. Поэтому барон Толь сначала решил перезимовать, надеясь на весеннюю охоту, и продолжать уже дальнейшее движение весною с наступлением светлого времени, так как в августе уже становится темно. Охота эта была неудачна и в октябре месяце выяснилось, что партия перезимовать не может, что ей придется умереть там с голоду. Тогда в конце ноября 1902 года, барон Толь решился на отчаянное решение — идти на юг, в то время, когда уже наступили полярные ночи, когда температура понижается до 40°, когда море, в сущности говоря, даже в открытых местах не имеет воды, а покрыто льдом, так что двигаться почти совершенно невозможно ни на собаках, ни на шлюпках, ни пешком. В такой обстановке в полярную ночь, он двинулся со своими спутниками на юг. Документ

его кончался такими словами: сегодня отправились на юг, все здоровы, провизии на 14 дней. Партия, конечно, вся погибла. Тогда я увидал, что ее [моя] задача разрешена, что Толь ушел на юг, значит, оставалось сделать последний переход на Сибирских островах и осмотреть все склады, которые были заложены, чтобы узнать, не оставался ли где нибудь барон Толь. Эту задачу выполнил, частью Оленьин. Затем я отправился обратно в августе на Н.-Сибирские острова. Осмотрел по дороге склады, которые были заложены, все было цело, никаких признаков возвращения барона Толя не было. Факт его гибели остался почти несомненным. Через 42 дня плавания на этой шлюпке я вернулся снова к своему первому исходному пункту, около мыса Медвежьего острова Котельникова; был конец [августа] и начало сентября. Там я оставался до замерзания моря, а в октябре я перешел обратно на материк в Устьянск. Все спутники мои остались живы, Оленьин выполнил свою задачу, сохранил собак, без крайних лишений. Мы вернулись все, не потерявши ни одного человека. Оттуда мы, обычным путем, поехали в Верхоянск, а затем в Якутск. Это было уже в 1903[4] году. В декабре месяце я ушел из Устьянска, в январе был в Верхоянске, а затем в конце января прибыл в Якутск, как раз накануне об'явления Русско-Японской войны. С тех пор я с Оленьиным не видался до прошлого года в Харбине, он потом работал на Амуре в золотопромышленной компании.

Н. А. Алексеевский: Он был политический ссыльный или уголовный?

Адм. Колчак: Он был политический ссыльный, он студент Московского Университета. У него была склонность к изысканиям, я бы сказал, к научному авантюризму. Его интересовал край и, когда он получил амнистию, за свою экспедицию, он вернулся обратно из Петрограда в Якутск.

Н. А. Алексеевский: А с другими ссыльными Вы в Якутской области не входили в сношения?

Адм. Колчак: Я встречался с ними в Верхоянске и в Устьянске, но не завязывал сношений, потому что я бывал временно; близко я ни с кем не знакомился, потому что я везде бывал по нескольку дней. Когда я в Якутске получил извещение о том, что случилось нападение на наши корабли в Порт-Артуре и вслед затем известие о том, что Адмирал Макаров назначается командующим флотом в Тихом Океане, я по телеграфу обратился в Академию Наук с просьбой вернуть меня в морское ведомство, и обратился в морское ведомство с просьбой послать меня на Дальний Восток, в Тихоокеанскую Эскадру, для участия в войне. Затем, так как Оленьин был в курсе всех дел экспедиции, я ему мог сдать все дела, людей, заботы о них, ценности многие, научные коллекции, которые он главным образом составил и со всем этим поехал в Петроград для доклада в Академию Наук. А сам я из Иркутска поехал на Дальний Восток. Меня не хотели отпускать, но в конце концов, после некоторых колебаний Президент Академии В. Кн. Константин Константинович, к которому я непосредственно обратился, устроил так, что меня Академия отчислила и передала в ведомство, а тут я получил приказание ехать в Порт-Артур. Тогда я выехал в Иркутск. В Иркутск приехали меня повидать мой отец и моя теперешняя жена. Я ушел женихом, должен был жениться после первой экспедиции, но вторая экспедиция помешала, затем наступила война и я решил, что надо жениться. Здесь в Иркутске я обвенчался со своей женой, после чего, пробывши несколько дней, я уехал вместе со своим другом Беличем, сказавшим, что он пойдет со мною дальше, поморы же вернулись назад. Я прибыл в Порт-Артур примерно в марте месяце или в начале апреля, Макаров тогда еще был жив. Прибывши в Порт-Артур, я явился к адмиралу

Макарову, которого просил о назначении меня на более активную деятельность. Он меня назначил на крейсер «Аскольд», так как по его мнению, мне нужно было немного отдохнуть, пожить в человеческой обстановке на большом судне. Я просил назначить меня на миноносец, но он упорно не хотел назначать меня на минные суда. На этом «Аскольде» я пробыл до гибели адм. Макарова, которая произошла на моих глазах 31 марта. После гибели адм. Макарова, я был назначен на очень короткое время на минный заградитель «Амур», а затем на миноносец «Сердитый», в качестве командира. На этом миноносце, после того, как я вступил в командование, я не рассчитал своих сил, которые уже за все это время были подорваны, я получил очень тяжелое воспаление легких, которое меня заставило слечь в госпиталь. Там я провел около месяца, затем в июле, оправившись от воспаления легких, я снова продолжал командовать миноносцем до осени. К осени у меня снова начали сказываться последствия моего пребывания на крайнем севере, а именно – появились признаки суставного ревматизма.

А. Н. Алексеевский: Значит, Вы в выходе эскадры в июле не участвовали?

Адм. Колчак: Нет, в выходе эскадры я участвовал, я был уже на миноносце, но в боях наш миноносец не участвовал, шел другой отряд, мы только проводили выход эскадры, а затем вернулись, так как мой миноносец должен был оставаться в Порт-Артуре. Затем я осенью видел, что мне становится на миноносце все хуже и хуже. После того как был июльский неудачный бой и прорыв во Владивосток и началась систематическая планомерная осада крепости, центр тяжести всей борьбы перенесся на сухопутный фронт. Здесь последнее время мы уже занимались постановкой, главным образом, мин и заграждений около Порт-Артура и мне удалось, в конце концов, поставить минную банку на подходах к Порт-Артуру, на котором взорвался японский крейсер «Такосадо». Результат пребывания на севере – ревматизм и общее положение дел, при котором центр тяжести войны переносился на сухопутный фронт, заставили меня в сентябре просить назначить меня на сухопутный фронт. Все время я принимал участие в мелких столкновениях и боях во время выходов. Осенью я перешел на сухопутный фронт. Я вступил в крепость, командовал там батареей морских орудий на северо-восточном фронте крепости и на этой батарее я оставался до сдачи Порт-Артура, до последнего дня и едва даже не нарушил мира, потому что мне не дано было знать, что мир заключен. Я жил в Порт-Артуре до 20-х чисел октября [декабря]*, когда крепость пала. Когда была сдача крепости, я уже еле еле ходил, но держался еще, и когда было падение Порт-Артура, мне пришлось лечь в госпиталь, так как у меня развился в очень тяжелой форме суставной ревматизм. Ранен я был легко, так что это меня почти не безпокоило, а ревматизм меня совершенно свалил с ног. Эвакуировали всех, кроме меня, тяжело раненых и больных, я остался лежать в госпитале в Порт-Артуре. В плену японском я пробыл до апреля месяца, когда я начал уже несколько оправляться, оттуда нас отправили в Дальний, а затем в Нагасаки. В Нагасаки партия наших больных и раненых получила очень великодушное предложение японского правительства, переданное французским консулом, о том, что правительство Японии предоставляет нам возможность пользоваться, где мы захотим водами и лечебными учреждениями Японии или же, если мы не желаем оставаться в Японии, вернуться на родину без всяких условий. Мы все предпочли вернуться домой. И я вместе с группой больных и раненых офицеров, через Америку, отправились в Россию. Это было в конце

* Портъ-Артуръ былъ сданъ 20 декабря 1904 г.

апреля 1905 года. Все мы через Америку вернулись в Петроград. В Петрограде меня сначала освидетельствовала комиссия врачей, которая и признала меня совершенным инвалидом, дала мне 4-х месячный отпуск для лечения на водах, где я лечился все лето до осени. С осени я продолжал свою службу, причем на мне лежала обязанность перед Академией Наук дать прежде всего отчет, привести в порядок наблюдения и разработку предшествующей экспедиции, которая была брошена мною, все мои труды по гидрологии и магнитологии, с'емке были брошены, так что я опять поступил в распоряжение Академии Наук и осенью 1906[5] года я занимался в Академии Наук, но уже занимался трудом кабинетным, работал в физической обсерватории и приводил в порядок свои работы. Это относится к периоду моей большой связи с Академией и с Географическим Обществом, с которым я находился в связи. Затем в Географическом Обществе я получил свою высшую научную награду за свои последние экспедиции — Большую Константиновскую золотую медаль. Эта работа продолжалась до января 1906 года. затем я привел, до известной степени, в порядок, и передал в переработку свои научные труды и за эту экспедицию.

В 1906 г., в январе месяце произошли такого рода обстоятельства. После того, как наш флот был уничтожен и совершенно потерял все свое могущество во время несчастной войны, группа офицеров, в числе которых был и я, решила заняться самостоятельной работой с тем, чтобы снова подвинуть дело воссоздания флота и, в конце концов, тем или иным путем, как нибудь стараться в будущем загладить тот наш грех, который выпал на долю флота в эти годы: возродить флот на началах более научных, более систематизированных, чем это было до сих пор. В сущности, единственным светлым деятелем флота был адмирал Макаров, а до этого времени флот был совершенно не подготовлен к войне, и вся деятельность была невоенная, несерьезная. Нашей задачей явилась идея возрождения нашего флота и морского могущества. Группа этих офицеров с разрешения морского министра образовала военно-морской кружок — полуофициальный. Нам было предоставлено в Морской Академии помещение, средства кое-какие Морское министерство дало, так как оно относилось благожелательно к этой работе. Я был в числе основателей этого Военно-Морского кружка в Петрограде, где мы занялись прежде всего разработкой вопроса, как поставить дело воссоздания флота на соответствующих научных и правильных началах. В результате этого, в конце концов мною и членами этого кружка была разработана большая записка, которую мы подали министру по поводу создания Морского Генерального Штаба, т. е. такого органа, который бы ведал специальной подготовкой флота к войне, чего раньше не было; был морской штаб, который ведал личным составом флота и только. В этот кружок входили Щеглов, Римский-Корсаков, Пилкин, затем к этому кружку присоединились очень многие. Я долгое время был председателем этого кружка. К поданной записке отнеслись очень сочувственно и весною 1906 года было решено создать Морской Генеральный Штаб. План этот был одобрен и весною, приблизительно в апреле 1906 года он был осуществлен созданием Морского Генерального Штаба. В этот штаб вошел и я в качестве заведующего Балтийским театром. Я был в то время капитаном 2-го ранга и явился одним из первых, назначенных в этот штаб. С этого времени и начинается период, обнимающий приблизительно 1906, 1907, 1908 гг. Период, если можно так выразиться, борьбы за возрождение флота. В основании всего этого дела морским Генеральным Штабом была выдвинута морская судостроительная програм-

ма, которой до сих пор не было. Постройка судов шла без всякого плана, в зависимости от тех кредитов, которые отпускались на этот предмет, причем доходили до таких абсурдов, что строили не тот корабль, который был нужен, а тот, который отвечал размерам отпущенных на это средств. Благодаря этому получились какие-то фантастические корабли, которые возникали неизвестно зачем. Таким образом, прежде всего была выдвинута планомерная судостроительная программа. Первая работа, которая была выполнена Морским Генеральным Штабом, заключалась в изучении военно-политической обстановки. Это был именно тот период, когда Морской Генеральный Штаб работал совместно с сухопутным. Во главе нашего штаба стоял генерал [адм.] Брусилов, а там генерал Палицын. Это был единственный период, который я знаю, когда оба штаба работали совместно и согласованно. Это — период изучения общей политической обстановки, и еще в 1907 г. мы пришли к совершенно определенному выводу о неизбежности большой Европейской войны. Изучение всей обстановки военно-политической, главным образом, Германской, изучение ее подготовки, ее программы военной и морской и т. д. совершенно определенно и неизбежно указывало нам на эту войну, начало которой мы определяли к 1915 г.; указывало, что эта война должна быть. В связи с этим надо было решить следующий вопрос. Мы знали, что инициатива в этой войне, начало ее будет исходить от Германии, знали, что в 1915 г. она начнет войну. Надо было решить вопрос, как мы должны на это реагировать. После долгого и весьма деятельного изучения, исторического и военно-политического, было решено, как морским, так и сухопутным штабами, что мы будем на стороне противников Германии, что союза с Германией заключить нельзя, и что эта война должна будет решить, в конце концов, вопрос о славянстве — быть или не быть ему в дальнейшем. Были известные группы, которые резко расходились с этой точкой зрения и указывали на необходимость союза с Германией, но та политическая обстановка, которая была положена в основание показывала, что война произойдет с союзом срединных империй. Я хочу только подчеркнуть, что вся эта война была совершенно предвидена, была совершенно предусмотрена. Она не была неожиданной и даже при определении начала ее ошибались только на полгода, да и немцы сами признают, что они начали ее раньше, чем предполагали. Таким образом, в связи с общим политическим положением и была разработана судостроительная программа, долженствовавшая быть законченной к 1915 году. К этому времени относится период чрезвычайно тесных сношений обоих штабов с Госуд. Думой, которая принимала в этом случае большое участие. В этот период 1906–07 гг. различные политические группы, политические организации — все интересовались военными вопросами. Мне приходилось постоянно бывать там в качестве докладчика и эксперта на многих заседаниях. Там часто ставились вопросы о водном и подводном флоте и вообще общество чрезвычайно интересовалось этой войной и военным и морским делом. Этот период был чрезвычайно оживленным в этом смысле. К этому периоду относится чрезвычайно близкая связь между обоими штабами и Госуд. Думой и ее военными комиссиями. В этих военных комиссиях я был в качестве эксперта и присутствовал на всех решительно обсуждениях вопросов, которые касались флота.

Чл. Комиссии Алексеевский: Были ли среди офицеров Морского Ведомства сторонники союза с Германией, хотя бы по соображениям чисто профессиональным, техническим?

Адм. Колчак: Я могу указать на Бернса, который был тогда нашим аген-

том в Германии и который теперь в Советской России (кажется, после Альтфатера, он выполняет обязанности командующего флотом). Он был определенным сторонником союза с Германией, указывая, что разрывать с Германией нельзя, что все вопросы, которые существуют, могут быть разрешены удовлетворительно и что, наоборот, союз с Англией и Францией не сулит России ничего, кроме дальнейших осложнений. Вы, может быть, помните одну книгу военно-политического содержания, сочинение Вандала: там проводилась эта точка зрения о необходимости союза с Германией. Это наделало много шума и разделило общество на 2 лагеря, один германской ориентации, другой союзнической ориентации. Крупными противниками этой точки зрения были адм. Эссен и Непенин. Адм. Эссен был определенно против немцев, хотя и был сам немецкого происхождения. Непенин был также их совершенным противником и ненавидел немцев. Среди крупных представителей морского ведомства не было представителей германской ориентации; большинство склонялось к союзнической ориентации, так как всем было видно, что приготовления Германии к войне идут, было видно, что она готовится к войне, и именно к войне с нами, о чем ясно говорили добытые документы. Конечно, могли быть ошибки, конечно, такие вещи легче говорить пост фактум, но тогда для меня, например, один Трейшке стоил откровения, так как ясно говорил об их отношении. Я думаю, что если у меня и были минуты колебания, то Трейшке их уничтожил. Ведь Трейшке исходил из изучения всей картины, всей исторической стороны этого дела, всей политики Германии.

Чл. Комиссии Алексеевский: Таким образом новому Морскому Генеральному Штабу приходилось составлять программу в смысле борьбы с Германией?

Адм. Колчак: Для того, чтобы выработать программу, надо было иметь определенного противника и определенный срок. Этот срок был фиксирован 1915 г., главный же противник был определен, как Германия. Новая судостроительная программа были принята и представлена в Гос. Думу, но здесь произошли события. Совершенно неожиданно морским министром был назначен Всводский, предшественник Дикова. Тогда у Морского Генерального Штаба явилась большая идея: будучи противниками Германии, мы, в сущности говоря, признавали, что германская военная организация является образцовой, и оба Генеральные Штабы — Сухопутный и Морской стремились к созданию положения Генеральных Штабов, как независимых органов, подчиненных только верховной власти, а не министру; это вызвало смену Палицына, и ясно было по моменту, что смещен будет и Брусилов, но он тогда заболел и умер. Вслед за этим явилась реакция против тенденций, бывших в Морском Генеральном Штабе; министром был назначен Воеводский, который почему то начал борьбу с Гос. Думой, именно на почве этой судостроительной программы. Он старался препятствовать этому и повел борьбу с Гос. Думой в то время, когда дело у нас налаживалось. Между тем, время шло, не ждало, по нашему убеждению, и программу надо было проводить. В конце концов, Воеводским дело было поставлено так, что программа эта остановилась. На многих, для которых эта программа являлась всем смыслом, целью нашего существования, в том числе и на меня, это произвело ужасное впечатление. Я был одним из главных составителей этой программы, большую часть этой программы я писал и разрабатывал, наконец, с этой целью я ездил в Гос. Думу, к Гучкову и др. Чл. Гос. Думы. Я старался это дело сделать возможно быстро, прилагая все усилия, но сделать было ничего нельзя. Тогда я сказал себе, что при таких условиях, когда эта программа Мор-

ского Министерства не сможет быть проведена из за разногласий, которые были для меня непонятны, из за какой то борьбы, которую вел морской министр с Гос. Думой, оставаться в Генеральном Штабе я не могу. Я видел, что с этим ничего нельзя сделать, что дело погибнет и поэтому решил оставить военную работу, и вернуться к прежней научной работе и деятельности. Воеводский, назначенный министром, начал изменять и переделывать эту программу, задерживать вопросы [запросы], которые делались Гос. Думой и которые были необходимы для решения вопросов и т. д. Почему он это делал, было совершенно неизвестно, но вред этим делу был нанесен ужасный. В конце концов, это отразилось тем, что программу не выполнили к сроку, к которому она могла и должна была быть выполнена. В начале эта программа была тем, что было известно под именем «большой программы», затем она распалась на два проекта — большой и малый. Это было делом Воеводского. На меня это подействовало самым печальным образом и я решил, что при таких условиях ничего не удастся сделать и потому решил дальше заниматься академической работой. Я перестал тогда работать над этим делом и начал читать лекции в Морской Академии, которая была образована. Я читал лекции несколько месяцев и решил, что лучше вернуться к научной работе. В это время начальник Главного Гидрографического Управления Вилькицкий, ‹как› я его хорошо знал (так как он был полярный исследователь), который меня хорошо знал и сочувствовал всей моей деятельности, предложил мне организовать экспедицию для исследования Северо-Восточного Морского пути из Атлантического Океана в Северный Океан вдоль берега Сибири. Встретившись и переговорив с ним, я решил заняться этим делом. Находясь в Генштабе, я разработал проект этой экспедиции и подал Вилькицкому. При разработке вопроса, как выполнить эту экспедицию, я на основании всего предшествующего опыта полярного плавания, на основании опыта плавания на севере остановился на организации новой экспедиции на стальных судах ледокольного типа, конечно, не таких, которые могли бы ломать полярный лед, так как опыт Ермака показал, что это невыполнимо и что активная борьба с океанским льдом невозможна. Но опыт показал, что конструировать судно, которое выдержало бы давление льдов вполне возможно, что это затруднений не вызывает и что, конечно, построить стальное судно большой вместимости легко. Я считал необходимым иметь два таких судна, чтобы избежать случайностей, неизбежных в такой экспедиции. В конце концов, в 1908 году Главное Гидрографическое Управление выступило с проектом организации такой экспедиции для изучения вопроса о северном морском пути из Тихого в Атлантический океан кругом северного побережья Сибири. Я, оставаясь пока в штабе, принимал в разработке этого проекта активное участие, все свободное время я работал над этим проектом, ездил на заводы, разрабатывал с инженерами типы этих судов. В этом принимал участие и мой бывший спутник Маттисен. Решено было построить два ледокольных стальных судна, которые были названы: «Таймыр» и «Вайгач». Командиром был назначен Маттисен. Когда это было решено, я просил отчислить меня от Генерального Штаба. Кружок офицеров продолжал функционировать до последнего времени и я продолжал там работать в качестве председателя кружка. Я смотрел на этот кружок, главным образом, как на образовательный, имеющий целью поднять уровень военного образования в офицерской среде. Там делались интересные доклады, производились научные работы и т. д. Решив заняться всецело делом экспедиции, я в 1908 году ушел из Генерального Штаба и всецело посвятил себя наблюдению за постройкой этих су-

дов на Невском судостроительном заводе. В 1909 году суда были спущены и мы осенью ушли на Дальний Восток с тем, чтобы летом 1910 года пройти через Берингов пролив на северную часть полуострова. Я командовал «Вайгачем», «Таймыром» же командовал сначала Маттисен. Это были суда ледокольного типа, идея их состояла в том, чтобы лед не ломал и не давил их. Поэтому, они обладали чрезвычайно сильным корпусом и сравнительно слабыми машинами, так как главный вопрос в данном случае это большой радиус действия, и ледокольного типа суда учитывают эту идею [....] ударов и сжатие льда. Таким образом, во второй половине 1909 года мы ушли на Дальний Восток и через Индийский Океан, Средиземное море, весной 1910 г., прибыли во Владивосток. Так как мы пришли во Владивосток уже поздно, то главным Гидрографическим Управлением была поставлена нам задача пройти в этом году Берингов пролив и обследовать район этого пролива, имея основным пунктом для с'емок и больших астрономических наблюдений мыс Лежнев, и затем вернуться обратно во Владивосток на зимовку и в следующем году идти дальше. Мы ушли из Владивостока и выполнили эту задачу. Вышли за Берингов пролив по направлению к мысу Лежневу. Экспедиция была очень хорошо оборудована для этой цели, в особенности «Вайгач», который был оборудован специально для картографических работ. Я, главным образом, работал по океанографии. Осенью мы вернулись во Владивосток на зимовку и для ремонта с тем, чтобы летом пораньше двинуться на север и продолжать систематическую работу. По прибытии во Владивосток, я получил телеграмму от того же Воеводского, бывшего морским министром, и Начальника Морского Генерального Штаба Кн. Ливена (Ливен был начальником Ген. Штаба после Брусилова) ‹и› [он] несмотря на свое немецкое происхождение был страшным противником немцев. В этих телеграммах Ливен и Воеводский просили меня приехать в Петроград и продолжать мою работу в Морском Генеральном Штабе для скорейшего проведения судостроительной программы. Решено было во что бы то ни стало проводить эту программу и приступить к постройке новых судов. После некоторого колебания, я дал свое согласие на возвращение. В 1910 г. я оставил экспедицию и вернулся. У меня опять явилась надежда, что, может быть, удастся дело направить. Поэтому я вернулся в Морской Ген. Штаб и был назначен на то же место заведывающего Балтийским театром. Меня все это время замещал мой помощник, и я принял дело почти в прежнем состоянии, так как за время моего полугодового отсутствия там ничего не делалось. Я прибыл в Петроград зимой 1910 года и оставался там 1911 г. до весны 1912 года. В Штабе я работал, главным образом, над программой и ее реализацией, установкой типа судов и, вообще, ведал всей подготовкой флота к войне. По этой должности я находился в очень тесной связи с адм. Эссеном и штабом командующего Балтийским флотом, так как мне приходилось постоянно ездить туда. Мне приходилось постоянно ездить на флот, принимать участие в маневрах, рассматривать задания для маневров его и т. д. Таким образом я находился в тесной связи с Балтийским флотом. Та должность, которая в сухопутном ведомстве носит название квартирмейстера, во флоте носит название флаг-капитана по оперативной или хозяйственной части. Таким флаг-капитаном по оперативной части в штабе адм. Эссена был Альтфатер, с которым я находился постоянно в связи по работе по подготовке флота к войне. В 1912 г. адм. Эссен заявил мне, что он хотел бы, чтобы я поступил в действующий флот. Меня самого очень тяготило пребывание на берегу, я чувствовал себя усталым и мне хотелось отдохнуть в обычной строевой службе, где все же было

легче. Я это откровенно высказал, сказал, что главную задачу я выполнил, что дело сделано и что теперь остается только следить технически, чтобы налаженное дело шло дальше. Последнее, что я сделал, это было участие в разработке деталей нового типа огромных крейсеров типа..., но они опоздали. В 1912 г. я ушел из Морского Генерального Штаба и поступил в Минную Дивизию командиром эскадронного миноносца «Уссуриец». Я командовал «Уссурийцем» год, затем был в Либаве, где была база минной дивизии. Через год адм. Эссен пригласил меня быть флаг-капитаном по оперативной части у него в Штабе. При адм. Эссене, который держал свой флаг на броненосном крейсере «Рюрик», состоял в распоряжении один из лучших эскадронных миноносцев «Пограничный». Он состоял в распоряжении адм. Эссена непосредственно, который на нем ходил постоянно по Балтийскому морю. Я, будучи флаг-капитаном в штабе Эссена, в то же время был командиром «Пограничного». Адм. Эссен все это время был то у меня на «Пограничном», то на «Рюрике». В этой должности командира «Пограничного», я оставался год, в должности же флаг-капитана оставался и на войне. В этом году все признаки военно-политической атмосферы чрезвычайно сгустились. Для всех была ясна близость войны. Адм. Эссена чрезвычайно заботила усиленная подготовка со стороны войск. Он всю душу вкладывал для подготовки флота к выполнению программы военных действий, которая существовала на случай разрыва с Германией. На «Пограничном», я оставался год. Затем чрезвычайно серьезные и грозные признаки, которые возникли весной 1914 года относительно войны, заставили адм. Эссена приказать мне сдать «Пограничный» и перейти в его непосредственный штаб на «Рюрик». Несмотря на то, что с весны до начала войны шла подготовка флота к войне, благодаря деятельности Воеводского, мы к войне не были готовы в смысле выполнения намеченной программы. Эта программа начиная с судостроительной, с которой было связано все остальное, была задержана Воеводским на два года. Что касается других причин задержки в выполнении этой программы, то, помимо людей, таких причин было много. Причиной этого была прежде всего самая организация морского министерства и, главным образом, его технических отделов с их страшной канцелярщиной и волокитой в сношениях с заводами, с утверждением чертежей с разрешением всевозможных вопросов, связанных с судостроением. Все это страшно отражалось на деле. Таким образом, одной из причин является также бюрократизм, бывший в этих учреждениях. Это было ужасное место, с которым Генеральный Штаб пытался вести борьбу, но тщетно.

Алексеевский: Помимо этих обстоятельств, лежавших в излишне бюрократическом характере учреждений морского ведомства, и помимо деятельности Воеводского, не было ли и намеренного задерживания этой программы?

Адм. Колчак: Конечно, такие были разговоры, но фактически это трудно было доказать. В морской среде это казалось подозрительным, об этом говорили, но фактически доказать это было невозможно. Об этом шли разговоры в кают-кампаниях, но оффициально сказать об этом я затрудняюсь. К тому же надо иметь в виду, что это общее свойство вооруженной силы, в том числе и строевого флота — обвинять тыл во всех грехах, которые непосредственно отражаются на этой строевой части. Персонально эти разговоры ни к кому не приурочивались. Таким образом, период 1914 г., с начала весны, в Балтийском флоте прошел в усиленной работе, в скорейшем утверждении программ стрельб, подготовке минных учений и т. д., так как война казалась все более и более приближающейся. Перед самым началом войны я был на отряде подводного плавания

в Балтийском флоте. Будучи флаг-капитаном, я ездил часто инспектировать по своей должности в Балтийском порту. Затем меня совершенно срочно потребовал Эссен в Ревель (это было примерно 16 июля), где он заявил, что разрыв с Германией и Австрией почти неминуем и что надо готовиться к выполнению того плана, который мы выработали; этот план базировался на том, чтобы в наиболее узкой части Финского залива, между Наркалаудом и Наргеном выставить сильное минное поле, которое защищалось бы наличными силами флота. Минные же и подводные лодки должны были стараться, если неприятель войдет в Финский залив, пользуясь Балтийским плацдармом, производить аттаки, нападать на противника и мешать его операциям, так как, конечно, силы Балтийского флота, бывшие тогда, конкурировать с Германским флотом не могли. После этих разговоров нужно было немедленно составить инструкции, нужно [было] составить распоряжение, сигналы, так как, хотя не было еще окончательного разрыва, но нужно было сделать решительно все, чтобы не терять ни одного часа, когда нужно будет выставить минные заграждения, составить особый отряд минных заградителей, одним словом, привести в такое состояние, чтобы все могло бы быть выполнено по первому сигналу. Сведения, получавшиеся нами в следующие часы, все более и более сгущали эту атмосферу открытия военных действий. В частности, на «Рюрике» в штабе нашего флота, был громадный под'ем и известие о войне было встречено с громадным энтузиазмом и радостью. Офицеры и команды все с восторгом работали и вообще начало войны был одним из самых счастливых и лучших дней моей службы. Таким образом обстановка складывалась самая серьезная: разрыв с Австрией фактически уже произошел, с Германией, как известно, он произошел позже. Адм. Эссен волновался и указывал, что все кончится тем, что германский флот прорвется в Финский залив, так как высланные в море крейсера, конечно, не удержат его и, не выставив минных заграждений, мы сможем задержать его только на несколько дней. Это обстоятельство его страшно волновало и в одну из поездок он заговорил со мною об этом. Я сказал ему, что надо принять решение и ставить минное поле, каковы бы ни были последствия, так как разрыв ясен, что надо взять на себя постановку поля, так как фактически всякие сношения уже были прерваны. Адм. Эссен согласился с этим. Мы прибыли на «Рюрик» и со всем флотом вышли к Наргену. Было решено с рассветом начинать постановку поля, не ожидая приказания из Петрограда. Вся операция состояла в том, что у Паркалауда был сосредоточен отряд заградителей с 6,000 мин. Они были на противоположном берегу Финского залива, а флот, который прикрывал заградители, сосредоточился у острова Наргена. По плану флот должен был выйти из Наргена, развернуться, а заградители, выйдя с ним, в два приема должны были поставить восемь линий заграждений, после чего они уходили в шхеры, а флот, возвращался в Ревель. Мы решили ставить поле, все равно, не ожидая приказания из Петрограда, но как раз в момент, когда подняли сигнал, начать постановку заграждений, когда показались дымы заградителей и флот снялся и вышел в море, на их прикрытие, в этот момент мы получили радио, условную телеграмму из Морского Штаба: «Молния» — ставьте минные заграждения. — Таким образом, это вышло чрезвычайно удачно. Через несколько часов была получена телеграмма с об'явлением войны. Первые два месяца войны я оставался в должности флаг-капитана. Все это время я работал над всевозможными планами и всякими оперативными заданиями, причем старался, где это было возможно, непосредственно участвовать в их выполнении. Поэтому я постоянно переходил на ту или дру-

гую часть флота, которая выполняла различные задания, утвержденные, конечно, адм. Эссеном, но разработанные мною. Противник оказался против наших ожиданий неактивным, мы ожидали, что жизни нам осталось немного, что если он придет с достаточными силами, то, несмотря на заграждения, он сумеет прорвать их и уничтожить. И в этом случае положение Балтийского флота было бы чрезвычайно тяжелым. Дредноуты у нас еще не были готовы (они только осенью начали выступать). И у нас были только «Рюрик» и «Андрей Первозванный». Все силы заключались в минных судах, так как подводные лодки также еще не были готовы и было только несколько старых. Хотя вся программа была в ходу. Подводные лодки вступили в кампанию уже во время войны, и на дредноутах в первое время плавало по 300–400 рабочих с франко-русского завода. Все выходы в море, которые делал противник, оказывались, против всяких ожиданий, чрезвычайно пассивными, так как, повидимому, немцы были отвлечены английским флотом в Немецком море, и ограничивались только слабым наблюдением за нами. Это давало нам возможность продвинуться дальше и постепенно мы получили возможность не только защищать Рижский залив, но перенести нашу деятельность дальше ‹до Рижского залива› [.....] Прикрывать там вход и развить нашу деятельность в Ботническом заливе на Або..., которые по первоначальному плану, как бы отдавались немцам. Тут оказалось, что мы имеем возможность продвинуться дальше на запад, что немцы не только не предпринимают ничего, но ведут себя очень пассивно, ограничиваясь стрельбой по маякам и редкими демонстративными действиями крейсеров и миноносцев у берегов. Тогда с наступлением зимы, мы решили перейти к более активным действиям в смысле выхода в море и нападениям на противника в открытом море. Для этой цели в море выходили несколько крейсеров, с ними выходил и сам Эссен, но это не давало ничего и обыкновенно мы никого не встречали. И только один раз мы встретили один крейсер, который ушел от нас, будучи более быстроходным. Тогда мы решили перейти к операциям с минными заграждениями уже в водах самого противника – начать заграждать его выходы и фарватер и этим стеснять его. Эта деятельность началась с постановки целого ряда заграждений у германских берегов вдоль побережья Балтийского моря. Это было выполнено целым отрядом крейсеров, в числе которых был крейсер «Рюрик», на котором я сам был лично, когда я пробрался за Борнгольм и прошел до Каколи, где и поставил заграждения как раз на новый 1915 год. Весной 1915 г. я просил Эссена дать мне возможность выполнить самостоятельно одну операцию – заградить Данцигскую бухту и поставить там у входа минные заграждения. Я взял 4 лучших миноносца – типа «Пограничника», временно вступил в командование этим минным отрядом и выполнил эту задачу. Главной трудностью было чрезвычайно суровое время года: в январе месяце там бывают..... Надо было вырваться из Ревеля, пробраться через лед в Финском заливе и пробраться к Данцигской бухте. Эта экспедиция увенчалась успехом и дала положительные результаты в смысле подрыва нескольких немецких судов. Таким образом я продолжал свою деятельность в качестве флаг-капитана, участвуя во всех почти предприятиях. При заграждении Либавы я был на отряде миноносцев и вообще ‹смотрел как› [считал], что, вырабатывая какой нибудь план, надо присутствовать и при его непосредственном выполнении. Адмирал Эссен разделял мою точку зрения и потому я проводил все время, участвуя в отдельных экспедициях, в отдельных предприятиях, боевых столкновениях, а в промежутках работал на «Рюрике», флагманском корабле, или ходил с Эссеном на «Рюрике». Осенью 1915 г.

адмирал Трухачев, командовавший минной дивизией, которая в это время была выдвинута в Рижский залив и защищала его (только перед этим был успешно ликвидирован прорыв немцев в этот залив), во время свежей погоды вывихнул ногу, заболел. Надо было назначить нового командира минной дивизией. Адмирал Эссен предложил мне временно вступить в это командование. Это было в начале сентября. К этому времени мы сосредоточили в Рижском заливе некоторые суда, так что там образовалась целая отдельная группа с линейным кораблем «Слава», там были также заградители, подводные лодки, транспорты, всего в общей сложности, кроме миноносцев, до 50 вымпелов. К этому времени немцы произвели высадку на южном берегу Рижского залива и угрожали непосредственными действиями Риге. Их позиции подошли к Рижскому штранду и были недалеко от Кеммерна. Предполагалось их большая операция на Ригу. В этот момент я был назначен командовать минной дивизией и всеми силами в Рижском заливе, на время [болезни] адмирала Трухачева. Я отправился в Рижский залив и вступил в командование дивизией. В первые же дни я разработал операции против немцев и их левого фланга, находящегося на южном берегу Рижского залива под Ригой. Прежде всего, я прошел в Ригу, чтобы повидаться с командующим 12 армией Радко Дмитриевым, чтобы сговориться относительно общего плана совместных действий на левом фланге немецкой армии. Условившись с ним относительно этого и разработавши детали, я вернулся обратно в Ригу, в Моонзунд, где были сосредоточены главные силы минной дивизии. После этого я вышел на юг Рижского залива. В это время началось наступление немцев, которые взяли Кеммерн и потеснили наши части, выставленные против них. Нами была разработана совместная операция флота и армии, там были выставлены сильные береговые батареи, надо было сбить их и действовать на немецкие войска, занявшие Кеммерн. Эта задача была выполнена, наступление на Ригу остановлено и немцы были выбиты из Кеммерна с громадными потерями. Батареи же их были приведены в молчание. Этим самым, операции немцев были приостановлены, может быть, в будущем они их и выполнили, но во всяком случае, они были на долгое время задержаны. Во время боя, был убит командир «Славы» Вяземский. После этого мной была произведена другая операция: я высадил десант на Рижское побережье в тыл немцам. Правда его пришлось снять, так как он был незначителен, но во всяком случае он привел немцев в панику, так как они совершенно не ожидали высадки этих сил, причем этим десантом был разбит немецкий отряд, прикрывавший эту местность. За эту работу я был представлен Радко-Дмитриевым, которому я подчинялся, как старшему во время операции, к Георгиевскому Кресту, и получил эту высшую боевую награду. В это время я был капитаном первого ранга (в эту должность я был произведен в Либаве в 1911 г.). До Ноября месяца – сентябрь и октябрь, я работал в Рижском заливе. К этому времени адм. Трухачев оправился, ему было снова предложено вступить в командование минной дивизией, и я снова вернулся на «Рюрик». Адм. Эссен тогда уже перенес свой флаг на «Петропавловск», где помещался и штаб. Я приступил к работам по выполнению программы, а также продолжал нести работу флаг-капитана в штабе Эссена. В конце декабря Эссен решил назначить адм. Трухачева командующим бригадой крейсеров, а меня начальником минной дивизии и командующим силами в Рижском заливе. Около 20-х чисел декабря я вступил в командование минной дивизией в Ревеле, как постоянно командующий этой дивизией. Перед моим вступлением в командование, минная дивизия по моему плану выполнила очень удачно минные за-

граждения Виндавы, на которых погибло несколько миноносцев и немецкий крейсер, совершенно не ожидавший, что они в Виндаве могут быть заграждены нашими минами. В этом предприятии мне не пришлось участвовать, но как только я вступил в командование этой дивизией, я решил пользуясь тем, что наступают последние дни декабря, после чего будет очень трудно повторить эту операцию, испросив на это разрешение Эссена, выйти на постановку минного заграждения к Либаве и Мемелю и заградить вход туда. 24-го, в сочельник я вышел из Ревеля с отрядом миноносцев, имея свой флаг на миноносце «Новик», но по выходе из Финского залива попал, повидимому, на неприятельское минное поле. Один из миноносцев взорвался, пришлось его спасать и, таким образом, это предприятие не удалось. Это первое предприятие, которое у меня не увенчалось успехом. Пришлось вернуться, таща за собою полузатопленный миноносец. Затем наступила зима 1915–16 г., чрезвычайно суровая. Была такая масса льда, что о выходе и думать не приходилось. Весной 1916 г., как только состояние льда позволило выйти ледокольным судам через Моонзунд в Рижский залив, я вышел туда из Ревеля, а, как только лед вскрылся, я вызвал минную дивизию и начал в Рижском заливе продолжать свою работу по защите его побережья и по борьбе с береговыми укреплениями Рижского залива и защиты входа в Рижский залив, причем уничтожил один дозорный корабль Виндавы. Тогда же, получивши сведения о выходе из Стокгольма немецких судов с грузом руды под защитой одного вооруженного, как крейсер, коммерческого судна, я с несколькими лучшими миноносцами типа «Новик», под прикрытием отряда крейсеров, под командой адм. Трухачева, вышел к Шведским берегам, ночью напал на караван, рассеял его и потопил конвоирующий его корабль. Это было моим последним делом в Балтике. Затем, не помню по какому делу, я был внезапно вызван из Моонзунда в Ревель, — это было приблизительно в 20-х числах июля [iюня]*. В Ревеле мне совершенно неожиданно была вручена телеграмма из ставки о том, что я назначаюсь командующим Черноморским флотом, с производством в вице-адмиралы.

23 ЯНВАРЯ 1920 г.

А. Н. Алексеевский: В прошлый раз Вы закончили тем, что получили в апреле [iюне] неожиданное производство в вице-адмиралы и телеграмму о назначении Вас Командующим флотом Черного моря.

Адм. Колчак: Получивши это назначение, я вместе с тем получил приказание ехать в ставку для того, чтобы получить секретные инструкции, касающиеся моего назначения и командования в Черном море. Я поехал сперва в Петроград и оттуда в Могилев, где находилась ставка, во главе которой стоял ген. Алексеев, Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего: Верховным Главнокомандующим был бывший государь. По прибытии в Могилев, я явился к ген. Алексееву. Он приблизительно в течение полутора или двух часов подробно и детально инструктировал меня об общем военно-политическом положении на нашем западном фронте. Он детально об'яснил мне все те политические соглашения чисто военного характера, которые существовали между державами в это время, и затем после этого об'яснения сказал, что мне надлежит явиться к государю и получить от него окончательные указания. Указания,

* А. В. Колчакъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы и назначенъ командующимъ флотомъ Чернаго моря 28 iюня 1916 г.

сделанные мне Алексеевым, были повторены и Государем. Они сводились к следующему: назначение меня в Черное море обусловливалось тем, что весною 1917 года предполагалось выполнить так называемую босфорскую операцию, т. е. произвести уже удар на Константинополь. Все это находилось в связи с положением на нашем южном или левом фланге. Это было в начале июля, а осенью, приблизительно в августе, должна была выступить Румыния, и в зависимости от этих действий предполагалось лишь продвижение наших армий вдоль западного берега Черного моря, через пролив на Турцию и на Босфор, или в зависимости от положения предполагалось, что флот должен оказывать содействие этим продвижениям, либо выбросить десант непосредственно на Босфор и флот должен был постараться захватить Босфор. На мой вопрос, почему именно меня вызвали, когда я все время работал в Балтийском флоте, хотя я и занимался вопросом о проливах, они меня интересовали чисто теоретически, — ген. Алексеев сказал, что общее мнение в ставке было таково, что я лично, по своим свойствам, могу выполнить эту операцию успешнее, чем кто либо другой. Затем, после выяснения всех вопросов, я явился к Государю. Он меня принял в саду и очень долго, около часу, меня также инструктировал относительно положения вещей на фронте, главным образом, в связи с выступлением Румынии, которая его чрезвычайно заботила, в виду того, что Румыния, повидимому, не вполне готова, чтобы начать военные действия и ее выступление может не дать благоприятных результатов. Оно заставит только удлинить наш и без того большой фронт левого фланга и нам придется своими войсками занять Румынию и удлинить фронт почти до Дуная. Это явится новой тяжестью, которая ляжет на нашу армию и положительные результаты вряд ли даст. Я спросил относительно босфорской операции. Он сказал, что сейчас говорить об этом трудно, но мы должны подготовляться к ней и разрабатывать два варианта: будущий фронт, наступающий по западному берегу и самостоятельная операция на Босфоре, перевозка десанта и выброска его на Босфор. Тут еще было прибавлено Государем: «я совершенно не сочувствую при настоящем положении выступлению Румынии, я боюсь, что это будет невыгодное предприятие, которое только удлинит наш фронт, но на этом настаивает французское союзное командование: они требуют, чтобы Румыния во что бы то ни стало выступила, они послали в Румынию специальную миссию, боевые припасы, и приходится уступать давлению союзного командования.» Получив эти указания, я уехал в Черное море в тот же вечер. Прибывши в Севастополь, я принял Черноморский флот от вице-адмир. Эбергардта, который меня уже подробно в течение целого дня посвятил в действительное положение Черного моря. Положение в Черном море было таково: главнейшие вопросы, которые тогда стояли, были, во первых, обеспечение безопасности Черноморского побережья от постоянных периодических набегов быстроходных крейсеров «Гебена» и «Бреслау», ставившие в очень опасное положение весь транспорт на Черном Море. А транспорт на Черном море и перевозки имели главное значение для Кавказской армии, потому что подходы к Кавказской армии были чрезвычайно трудны и нужно было бы базироваться на море. Первой задачей было, как наиболее обезопасить и направлять транспорт и обеспечить побережье и порты, главным образом, восточной части Черного моря, откуда шел транспорт для снабжения Кавказской армии, от этих угроз, которые над ними висели в виду постоянных рейдов «Гебена» и «Бреслау». Все это осложнилось еще появлением подводных лодок, которые прошли Босфор. Несколько лодок вошли в Варну — Болгарский порт, а другие выходили из Босфора и начали свою работу, вы-

ражавшуюся в потоплении транспортов. Меры, которые принимались для этого, были явно недостаточны, т. е. конвой транспорта при помощи миноносцев страшно задерживал движение, потому что миноносцев было мало и обеспечить конвоирование этих транспортов было нельзя. Следующей задачей была подготовка к называемой босфорской операции, о которой я сказал раньше. Характерно следующее обстоятельство: в полночь я поднял свой флаг, Эбергардт спустил [свой] и я вступил в командование в Черном море. Через несколько минут после этого — теперь я могу говорить об этом совершенно открыто, тогда этого я не понимал, и думали, что это было исполнено мною случайно, а между тем все это проделывалось совершенно сознательно и определенно — было принято радио, которое было расшифровано, о том, что крейсер «Бреслау» вышел из Босфора в море, — был указан точно час, кажется, 11 час. вечера. Я сейчас же призвал соответствующих чинов своего штаба, разобрал на карте вероятное положение, откуда он может идти, где он может быть, я приказал немедленно выходить своему флагманскому линейному кораблю, поднимать пары на «Императрице Марии», — другой дредноут, к сожалению, выйти не мог, — я взял еще крейсер «Кагул», пять или шесть миноносцев и с рассветом вышел в море. Это было 6 на 7-ое июля. Как раз при выходе, это было очевидно, он всегда это делал, «Бреслау» на Севастополь послал подводную лодку, но эта лодка была замечена с аэроплана, который меня сопровождал, мне удалось увернуться от нее и выйти в открытое море, — это мне подтвердило, что неприятельское судно действительно там находится. В 3 часа дня я действительно заметил на горизонте дым и встретился с «Бреслау». По его положению и курсу я заметил, что он идет на Новороссийск, главную базу, откуда шло питание для нашей Кавказской армии. Увидевши меня, он сейчас же повернул обратно на Босфор, я гнался за ним до темноты, когда наступила тьма и гроза нас разделила. Я имел возможность открыть по нем огонь с предельной дистанции приблизительно 11—12 миль, насколько хватало орудие, но огонь этот действителен не был. Потом я узнал, что на нем было некоторое количество раненых осколками от рвущихся моих снарядов. Я потому подробно останавливаюсь на этом неважном случае, что это был единственный выход крейсеров «Гебена» и «Бреслау» за все время командования мною в Черном море. Потом я принял некоторые меры, которые парализовали их выход, они уже больше не появлялись в Черном море. Затем я вернулся обратно в Севастополь и через несколько дней приступил к выполнению уже серьезного заграждения Босфора минами по известному выработанному плану, как от выхода надводных судов, так и подводных лодок. Эта операция непосредственно под босфорскими укреплениями была выполнена нашими минными судами непосредственно под моим руководством. Я выходил на корабле в это время сам, и Босфор мы заградили настолько прочно, что в конце концов, установивши еще необходимый контроль из постоянного дежурства и наблюдения миноносца, чтобы эти мины не были уничтожены и вытралены и для того, чтобы укреплять снова эти заграждения, мы, в конце концов, совершенно обеспечили свое море от появления неприятельских военных судов. Правда, туркам и немцам удавалось под берегом очищать море от мин и они посылали транспорты очищать от мин Зугулдак. Они нуждались в угле, мы же эти транспорты ловили и уничтожали и это всегда благополучно проходило. Что касается подводных лодок, то с ними борьба была несколько труднее, но и те последние подводные лодки, которые осмеливались подходить к Севастополю, были замечены только в январе 1917 г. Весь транспорт на Черном море совершался так, как и в мирное время. Мин-

ные заграждения, дозорная служба, надлежащим образом организованная, и надлежащим образом развитая радио-связь дали возможность обеспечить нам черноморский бассейн совершенно спокойно от всяких покушений со стороны неприятеля и обеспечить совершенно безопасный транспорт для Кавказской армии. Несколько было сложнее с теми лодками, которые пробирались в Варну, и то часть их удалось пробить при помощи заграждений. Затем в декабре месяце из Константинополя прорвались несколько больших миноносцев в Варну и две канонерских лодки. Эти канонерские лодки были обнаружены крейсером «Кагул», были потоплены недалеко от Босфора, около мыса «Карагалу». Таким образом, в Черном море наступило совершенно спокойное положение, которое дало возможность уже употребить все силы на подготовку большой босфорской операции. По плану этой босфорской операции в мое непосредственное распоряжение поступила одна сухопутная часть, дивизия ударного типа, кадр которой мне был прислан с фронта и командиром ее был назначен один из лучших офицеров Генерального Штаба — ген. Свечин, начал. штаба был назначен полк. ген. штаба Верховский. Эта дивизия готовилась под моим непосредственным наблюдением и должна была быть выброшена первым десантом на неприятельский берег, для того, чтобы сразу на нем обосноваться и обеспечить место высадки для следующих войск, которые должны были идти за ними. Так вся эта подготовка работ шла до наступления государственного переворота в конце февраля месяца. В Черном море, как и для меня, этот переворот был совершенно неожиданный. Обстоятельства, которые застали меня, были следующие. Эта работа по подготовке Босфорской операции должна была окончиться по плану в марте или апреле месяце, но рядом с этим планом шла подготовка и других работ. В августе было выступление Румынии, значит, тогда у меня явилась забота на Дунае: образование флотилии на Дунае, — все это заставило меня принять ряд других военных действий в 1916 г., Босфорская же операция предполагалась весной 1917 г. Ко времени начала 1917 г. выяснилось уже окончательно, что из двух планов может быть приведен в исполнение только один, потому что неудачи на Румынском фронте мешали возможности босфорской операции и возможна была только дессантная операция.

Н. А. Алексеевский: А дивизия Свечина была передана Вам еще до выяснения возможности первого плана?

Адм. Колчак: Да, она тогда только начала серьезно формироваться, нами предполагалось перебросить туда и часть орудий с Севастопольской крепости, там шла подготовка всех материалов и т. д.

Н. А. Алексеевский: Мы подошли к той части Вашей деятельности, которая носит не только профессиональный и технический характер, но и политический. В связи с этим, Комиссия считает необходимым поставить Вам вопросы о Ваших политических взглядах в молодости, в зрелом возрасте и теперь, а также о политических взглядах Вашей семьи.

Адм. Колчак: Моя семья была семья чисто военного характера и военного направления. Я вырос в чисто военной семье. Братья моего отца были моряками, один из них служил на Дальнем Востоке, а другой был морской артиллерист и много плавал. Вырос я под влиянием чисто военной обстановки и военной среды. Большинство знакомых, с которыми я встречался, были люди военные. Какими нибудь политическими задачами и вопросами я почти не интересовался и не занимался. Как я говорил, когда я поступил в корпус, я начал заниматься исключительно военным делом и затем меня увлекали точные научные знания

т. е. математические и физические науки, но науками социального и политического характера я занимался очень мало. Был один период у меня, о котором я могу сказать несколько слов, когда меня интересовали эти вопросы, — это был период моего пребывания в корпусе уже последних старших выпусков, когда я начал работать на Обуховском заводе. Я вырос на этом Обуховском заводе и постоянно на нем бывал. Пребывание на заводе дало мне массу технических знаний: по артиллерийскому делу, по минному делу и т. д., в корпусе мне не нужно было заниматься этими предметами, ибо я был знаком с ними гораздо лучше и более обширно, чем это преподавалось в корпусе, потому что самая обстановка и среда давали мне чрезвычайно много по этой части. Затем я увлекался заводским делом. Было даже такое время, когда приезжал ко мне на завод английский заводчик, известный по пушечному делу Армстронг, мой отец его знал хорошо, и он предлагал, зная мою работу по техническому делу, взять меня в Англию, чтобы я прошел школу там на его заводах и сделался инженером. Но желание плавать и служить в море превозмогли идею сделаться инженером и техником. Близость завода и возможность получить огромные знания меня, молодого человека, увлекали и у меня явилась тогда идея — в свободное время пройти курс заводской техники. Я начал дело с самых первых шагов, т. е. начал изучать слесарное дело и работа на этом заводе сблизила меня с рабочими. У меня было много знакомых рабочих, которые меня обучали, они знали меня и, благодаря этому соприкосновению с ними, работе в мастерских, постоянному общению с ними, меня заинтересовали на некоторое время вопросы политического и социального порядка. Кое что я читал по этому вопросу, долго занимался — не могу сказать изучением — меня тогда интересовал вопрос рабочий, интересовали вопросы заводского хозяйства, вопросы труда и т. д., но я повторяю, что я не изучал этого дела, я с ним знакомился, потому что был в такой среде, где об этом говорили и меня это до известной степени интересовало. Изучением же этих вопросов я не занимался, потому что у меня не хватало времени. Когда я перешел на последние выпуски, где я был занят другим, чисто специальным военно-морским делом, мне пришлось прекратить эти занятия и я больше не занимался этими вопросами. О вопросах политического и социального порядка — сколько я припоминаю, у меня вообще никаких воспоминаний не осталось, в моей семье этими вопросами никто не интересовался и не занимался. Мой отец, как я говорил, был военный, севастополец, вся среда была военная или техники-специалисты Обуховского завода.

Н. А. Алексеевский: Скажите, адмирал, в 1904–05 году, когда Вы участвовали в Русско-Японской войне, Вы, как человек, хорошо знающий морское дело и изучавший в деталях и на практике постановку его в России, не могли не видеть, что наши морские неудачи определились политическими обстоятельствами и в особенности тем, что во главе этого дела стоял Великий Кн. Алексей Александрович и что неудачи морские решили и сухопутную кампанию, — Вы тогда не пришли, как и большинство интелигентного русского общества, к выводу о том, что необходимы политические перемены во что бы то ни стало, хотя бы даже и путем борьбы.

Адм. Колчак: Я считал необходимым уничтожение должности генерал-адмирала и это совершилось как результат войны. Я считал это безусловно необходимым, но главную причину я видел в постановке военного дела у нас во флоте, в отсутствии специальных органов, которые бы занимались подготовкой флота к войне, отсутствии образования, флот не занимался своим делом — вот главная

причина, и из первого об'яснения Вы видите мое отношение к этому вопросу. Я считаю, что политический строй играл в этом случае второстепенную роль. Если бы это дело было поставлено, как следует, то при каком угодно политическом строе вооруженную силу создать можно и она могла бы действовать.

Председатель: Каково было Ваше отношение, адмирал, к Революции 1905 г.?

Адм. Колчак: Мне с нею не пришлось почти сталкиваться. В 1905 г. я был взят в плен, затем я вернулся, я был болен и лечился, а остаток этого времени я был в Академии Наук, где до начала 1906 г. начал работать по созданию Генерального Штаба, так что я как раз в этот период не был в соприкосновении с событиями революции 1906 г. и в политической деятельности участия не принимал.

Председатель: Каково было Ваше идейное отношение к этому делу?

Адм. Колчак: Я этому делу не придавал большого значения. Я считал, что это есть выражение негодования народа за проигранную войну, и считал, что главная задача военная заключается в том, чтобы воссоздать вооруженную силу государства. Я считал своей обязанностью и долгом работать над тем, чтобы исправить то, что нас привело к таким позорным последствиям.

Н. А. Алексеевский: Значит, Вы считали, что техническая профессиональная постановка военно-морского дела была причиной нашего поражения, но что самая постановка была ошибочна, т. е. Вы считали ее как бы добросовестной ошибкой и что она происходила не из условий политического строя, а из условий ошибок?

Адм. Колчак: Я приписывал именно этому, потому что я считал, что политика никакого влияния не могла иметь на морское образование, на военную организацию, — просто у нас настолько не обращалось внимания на живую подготовку во флоте, что это было главною причиной нашего поражения.

Н. А. Алексеевский: Далее, адмирал, позволителен еще вопрос. Ведь, не обращалось внимание потому, что тот, кто должен обращать внимание, не обращал. А кто должен был обращать? Главой всех военных сил России был Император и Императорская фамилия, и династия распределяла между собой все важнейшие роли, а над всеми, как глава военных сил, был Император.

Адм. Колчак: Тут были общие причины, я видел здесь на Востоке, как мы вели боевую подготовку, чем занималось командование, чем занимались командиры. Конечно, общая система была неудовлетворительна.

Н. А. Алексеевский: У нас есть поговорка, что рыба начинает разлагаться с головы. Не приходили ли Вы к убеждению, что именно сверху нет ничего кроме слов в отношении ответственности и руководства?

Адм. Колчак: Я считал, что вина не сверху, а вина была наша, мы ничего не делали.

Председатель Чудновский: Скажите пожалуйста, были ли Вам указания и зависело ли от Вас выполнять определенный план. Я имею все в виду, все командование флота и потому спрашиваю, имели ли Вы какие нибудь указания сверху, что необходимы некоторые перестасовки для того, чтобы восстановить боевую единицу?

Адм. Колчак: Я не помню, я был слишком молодой офицер, чтобы иметь эти указания в тот период.

Председатель Чудновский: Когда Вы говорите, что виновато само командование, то получается впечатление, что командованию была дана определенная задача, которая командованием не выполнялась. Мне это непонятно,

потому что, если Верховное командование дает определенные боевые задачи и эти задачи не выполняются, то командование принимает меры.

Адм. Колчак: Я Вам на это скажу, что причины лежали, как мне они представлялись, в ином: возьмите постановку боевых стрельб, как они тогда были поставлены. Никаких научных оснований для этого не было разработано. Стрельбы производились только для отбывания номера. Инструкции, которые давались свыше, требовали с Вас выполнения боевой подготовки, но сами выполнители, благодаря своему невежеству и своей неподготовленности, не могли выполнить. Из этого ничего не получалось, наш флот стрелять не умел. Но, повторяю, конечно, сверху требовали, чтобы флот стрелял, в этом никакого сомнения быть не может, потому что не могли же исходить сверху другие требования, выполнение же этих требований было никуда негодное, благодаря нашему невежеству. Ведь программы, задачи, инструкции составлялись чрезвычайно резонно и логично и обоснованно, но выполнение их было ужасно, благодаря общему невежеству, отсутствию знаний у наших руководителей, отсутствию подготовленных людей для того, чтобы руководить флотом, потому что к этому времени уже флот представлял из себя такую сложную боевую машину, что он требовал других людей, более воспитанных и подготовленных. Я вспоминаю тот период и период последней войны — ведь ничего похожего не было, здесь, наконец, после этого страшного урока, у нас был флот, отзывы о котором были самые лучшие. Может быть, он был слаб и мал, но отзывы о нем английские адмиралы [давали] самые лестные. Я прямо скажу, что постановка артиллерийского дела у нас в последнюю войну была великолепно разработана и мы прекрасно стреляли. Минное дело у нас стояло, быть может, выше, чем где бы ни было. К нам приезжали учиться, меня американцы после посещения Черноморского флота вызвали к себе для того, чтобы я мог им дать данные о постановке нашего минного дела. Это меня больше всего заботило, и я думаю, что я был прав, потому что, когда после Японской войны группы офицеров взялись честно за свое дело, когда они прежде всего смотрели на то, на что им нужно было смотреть, т. е. на создание органа, который бы занялся подготовкой к войне, — когда у этого маленького кружка явился под'ем знаний и известное добросовестное отношение к своим обязанностям, которое явилось как известный результат событий, тогда мы создали флот, независимо от того, какой был политический строй. Так что я повторяю, что вооруженная сила может быть создана при каком угодно строе, если методы работы и отношение служащих к своему делу будут порядочные, наоборот, при каком угодно строе, если такого отношения не будет, Вы вооруженной силы не создадите.

Н. А. Алексеевский: А не было ли у Вас мысли о том, что удаление В. Кн. Алексея Александровича и устранение от руководства, от постановки боевого дела во флоте и адмиралтействе старых адмиралов было делом не группы молодых энергичных офицеров, которые образовали кружок и содействовали образованию Генерального Штаба, сколько делом общего политического настроения и тех политических перемен, которые создались наличием хотя бы такого учреждения, как Гос. Дума, и наличием общественного контроля?

Адм. Колчак: Несомненно.

Н. А. Алексеевский: Считали ли Вы, адмирал, что переменившиеся политические обстоятельства в значительной степени дали этому возможность?

Адм. Колчак: Конечно, да, хотя, повторяю, оценивая роль генерал-адмирала, которая тогда была, она всегда представлялась для меня совершенной

фикцией, которая не оказывала почти никакого влияния. Алексей Александрович решительно ни во что не входил, я его никогда не видел, и ни в какие дела он, в сущности, не вмешивался. Он имел настолько малое влияние, что по моему, это была чистая синекура. Фактического влияния Алексея Александровича на флот я, находясь во флоте, не чувствовал.

Н. А. Алексеевский: Но, может, Вы смешиваете влияние положительное и отрицательное. Положительного творческого влияния не было, отрицательное влияние было все время, потому что через него происходили все назначения, он представлял, рекомендовал, поддерживал, он создавал органы во флоте, он персонально подбирал лиц, которые, благодаря участию некоторых специалистов, могли составить инструкцию, но о том, как вести практическую стрельбу и проверить, исполняется ли все, что необходимо, или нет, они понятия не имели, и старые адмиралы не были способны даже это оценить.

Адм. Колчак: Несомненно могли быть и эти влияния; то управление флотом, которое было тогда, несомненно имело в этом смысле влияние.

Н. А. Алексеевский: В частности, могли ли быть отправлены эскадры Рождественского и Небогатова, если бы существовал Генеральный Штаб или какое нибудь руководство флотом.

Адм. Колчак: Трудно теперь сказать, но думаю, что они не были бы отправлены.

Н. А. Алексеевский: Таким образом, Вы из неудач войны с Японией не делаете таких политических выводов?

Адм. Колчак: Нет. Вспышку 1905–06 гг. я приписываю исключительно народному негодованию, оскорбленному национальному чувству за проигранную войну, но повторяю, что я, например, приветствовал такое явление, как Гос. Дума, которая внесла значительное облегчение во всей последующей работе по воссозданию флота и армии. Я сам лично был в очень тесном соприкосновении с Гос. Думой, работал там все время в комиссиях, и знаю, насколько положительные результаты дала эта работа.

Н. А. Алексеевский: Таким образом, в Вас неудачи в Японской войне не вызвали никаких сомнений в отношении политического строя, и Вы остались по прежнему монархистом?

Адм. Колчак: Я остался по прежнему.

Н. А. Алексеевский: И, в частности, никаки хсомнений в династии это не вызвало?

Адм. Колчак: Нет, я откровенно должен сказать, что ни в отношении династии, ни в отношении личности Императора это у меня никаких вопросов не вызвало.

Н. А. Алексеевский: Я думаю, что для комиссии было бы очень интересно, чтобы Вы раньше, чем перейдете к рассказу о Вашей деятельности, которая приняла оттенок политический, рассказали бы нам о Ваших личных отношениях к некоторым наиболее видным деятелям прошлого режима: к Императору Николаю, к тем Вел. Князьям, с которыми Вы имели отношения, к некоторым вдохновителям старого режима последнего царствования – Победоносцеву, Плеве, к некоторым министрам, например, к тому министру, который оставался все время при Императоре – барону Фредериксу.

Председатель: Иначе говоря, мирились ли Вы с существованием монархии, являлись ли Вы сторонником ее сохранения, или Японская война и революция 1905–06 гг. внесли изменение в Ваши политические взгляды.

Адм. Колчак: Моя точка зрения была точкой зрения служащего офицера, который этими вопросами не занимался. Я считаю, что при нашей присяге моя обязанность заключается в несении службы так, как эта присяга этого требовала. Я относился к Монархии, как к существующему факту, не критикуя и не вдаваясь в вопросы по существу об изменениях строя; я был занят тем, чем занимался. Как военный, я считал обязанностью выполнять только присягу, которую я принял и этим исчерпывалось все мое отношение. И сколько я припоминаю, в той среде офицеров, где я работал, никогда не возникали и не затрагивались эти вопросы.

Н. А. Алексеевский: Среди военных, как среди всего русского общества, условия и политические события, связанные с династией и в частности с семьей бывшего императора, события последних лет перед Революцией повлияли в значительной степени на разрушение тех симпатий, которые существовали раньше. Военная среда в этом отношении не была чужда этой перемены. В частности появление Распутина, его роль, насколько мне известно, повлияли на изменение отношений к династии и, в частности, к императору Николаю среди военных. Я имею сведения, что и в военно-морской среде существовали такие же настроения. Так вот, захватывали ли Вас эти настроения и в какой степени?

Адм. Колчак: Насколько мы получали эти сведения и, в частности, о распутинской истории, они глубоко возмущали ту среду и меня, и тех, которые об этом деле осведомлялись и получали какие нибудь известия. Я, напр., помню такой случай. В 1912 г., когда я плавал на «Уссурийце», — верно это или нет, — прошел слух, что Распутин собирается из Петрограда прибыть на место стоянки императорской яхты в шхеры и для этого будет дан миноносец. Я помню, со стороны офицеров было такое отношение: что бы там ни было, но я не повезу, пусть меня выгоняют, но я такую фигуру у себя на миноносце не повезу. Это было общее мнение командиров. Но дело в том, что мы в это время плавали, получали такие известия, но на самом деле и [этого] не было, и никого из нас не звали, и никакого Распутина не возили. Эта история глубоко возмущала нас, но непосредственно с ней мы не соприкасались, никто толком не знал, была масса слухов и разговоров.

В. П. Деникe: Мы как будто бы остановились на том, как сложились Ваши воззрения к концу 1906 года. Что же в дальнейшем за этот период времени с 1906 г. по 1917 г. ко времени революции происходили ли изменения Ваших политических воззрений и принимали ли Вы какое нибудь прямое или косвенное участие в политической жизни страны?

Адм. Колчак: Нет. Я не принимал участия, я в это время был занят чисто технической работой, у меня не было времени, я соприкасался с ними, поскольку бывали разговоры.

Н. А. Алексеевский: Здесь уместен один вопрос, который касается вот чего: Вы сначала нам скажите, имели ли Вы личные отношения с бывшим Императором и с выдающимися членами и деятелями династии и, в частности, имели ли Вы хоть одно свидание с Распутиным.

Председатель: Я прибавлю, не изменились ли эти отношения до самой революции 1917 г.

Адм. Колчак: Я никакого участия в политической работе не принимал. Я скажу прежде всего о Государе. Нужно сказать, что до войны — меня выдвинула война — я был слишком маленьким офицером, слишком маленьким человеком, чтобы иметь соприкосновение вообще с какими нибудь высшими кругами,

и потому я непосредственных сношений с ними не мог иметь, по существу. Я не имел ни связей, ни знакомств, ни возможностей бывать в этой среде, среде придворной, среде правительственной. Соприкасался я с отдельными высшими правительственными лицами только тогда, когда я работал в Генеральном Штабе, когда я бывал в Думе, где мне приходилось встречаться с отдельными министрами, а кроме своего прямого начальства я непосредственно не мог ни с кем сталкиваться. Государя я видел в Могилеве, в Ставке, перед этим я видел его, когда он приезжал на смотры во флот. При дворе я никогда не бывал. В 1912 г. я видел Государя и царскую фамилию, когда царская фамилия стояла на рейде «Штандарт» — в шхерах. Туда были вызваны отряды заградителей для постановки пробных заграждений и отряд миноносцев для конвоирования этих заградителей. Я тогда командовал «Пограничным». Туда прибыл Эссен. Мой миноносец состоял в распоряжении Эссена. Характер постановки мин был такой, что заградители шли из строя и сбрасывали мины, но для того, чтобы видеть характер этой постановки, мой миноносец назначен был идти рядом с ними. Вот на мой миноносец прибыл Государь, свита его и адмирал Эссен. Мой миноносец шел рядом с одним из заградителей «Амуром», который ставил мины. Это был случай, когда Государь был у меня на миноносце, но так как я был командиром, стоял на миноносце и управлял им, то не мог с ним разговаривать. Затем после окончания постановки мин я пришел на «Штандарт».

Председатель: Вы уклоняетесь от прямого ответа: были ли Вы монархистом или нет?

Адм. Колчак: Я был монархистом и нисколько не уклоняюсь. Тогда этого вопроса: «каковы у Вас политические [убеждения]», никто не задавал. Я не могу сказать, что монархия это единственная форма, которую я признаю, я считаю себя монархистом и не мог считать себя республиканцем, потому что тогда такого не существовало в природе. До революции 1917 г. я считал себя монархистом. Итак, я был на завтраке на «Штандарте», затем я второй раз видел Императора в Ревеле, когда Государь прибыл на смотр, на крейсер «Россия». Я тогда стоял во фронте, он пришел, обошел фронт, поздоровался с командой и уехал. Никаких других по своему положению я не мог иметь связей. Императрицу я видел единственный раз, когда я был на «Штандарте» — во время завтрака. Из Великих Князей до 1917 г. я встречался в Морской Академии с Кириллом Владимировичем, видел я также Великих Князей, когда были смотры.

Н. А. Алексеевский: С Распутиным Вы ни разу не видались?

Адм. Колчак: Нет ни разу не видал.

А. Н. Алексеевский: В числе вещей у Вас есть икона — золотой складень; там, как будто, есть надпись, что она Вам дана от Императрицы Александры Федоровны, от Распутина и какого то епископа.

Адм. Колчак: У меня есть благословение епископа Омского Сильвестра, которое я от него получил, это маленькая икона в голубом футляре. Эта икона принадлежит ему, он получил ее от каких то почитателей с надписью и, так как у него другой не было, то он мне эту и подарил.

А. Н. Алексеевский: Мы бы хотели, чтоб Вы нам сказали, не касаясь всех событий, какие произошли после февральского переворота, изменились Ваши политические взгляды за это время и какими они представляются в настоящее время?

Председатель: Какова была Ваша общая политическая позиция во время революции?

А. Н. Алексеевский: Если угодно, мы зафиксируем в протоколе, что с высшими представителями прошлого режима личных отношений Вы не имели.

Председатель Чудновский: Мы бы хотели знать в самых общих чертах Ваши политические взгляды во время революции, о подробностях Вашего участия Вы нам расскажете на следующих допросах.

Адм. Колчак: Когда совершился переворот, я получил извещение о событиях в Петрограде и о переходе власти к Государственной Думе непосредственно от Родзянко, который телеграфировал мне об этом. Этот факт я приветствовал всецело. Для меня было ясно, как и раньше, что то правительство, которое существовало предшествующие месяцы, Протопопов и т. д., не в состоянии справиться с задачей ведения войны, и я вначале приветствовал самый факт выступления Государственной Думы, как высшей правительственной власти. Лично у меня с Думой были связи, я знал много членов Гос. Думы, знал, как честных политических деятелей, совершенно доверял им и приветствовал их выступление, так как я лично относился к существующей перед революцией власти отрицательно, считая, что из всего состава министров единственный человек, который работал, это был Морской Министр Григорович. Я приветствовал перемену правительства, считая, что власть будет принадлежать людям, в политической честности которых я не сомневался, которых знал и поэтому мог отнестись только сочувственно к тому, что они приступили к власти. Затем, когда последовал факт отречения Государя, ясно было, что уже монархия наша пала и возвращения назад не будет. Я об этом получил сообщение в Черном море, принял присягу вступившему тогда первому нашему Временному Правительству. Присягу эту я принял по совести, считая это правительство, как единственное правительство, которое необходимо было при тех обстоятельствах признать и первый эту присягу принял. Я считал себя совершенно свободным от всяких обязательств по отношению к монархии и после совершившегося переворота стал на точку зрения, на которой я стоял всегда, что я в конце концов [служу] не той или иной форме правительства, я служу родине своей, которую ставлю выше всего и считаю необходимым признать то правительство, которое об'явило себя тогда во главе Российской власти. Когда совершился переворот, я считал себя свободным от обязательств по отношению к прежней власти. Мое отношение к перевороту и к революции определилось следующим. Я видел, для меня было совершенно ясно уже ко времени этого переворота, что положение на фронте у нас становится все более угрожающим и тяжелым и что война находится в положении весьма неопределенном в смысле исхода ее. Поэтому я приветствую революцию, как возможность рассчитывать на то, что революция внесет энтузиазм, как это и было у меня в Черноморском флоте вначале — в народные массы и даст возможность закончить победоносно эту войну, которую я считал самым главным и самым важным делом, стоящим выше всего, и образа правления, и политических соображений.

Председатель: Как Вы относились к самому существу вопроса свержения монархии и какова была Ваша точка зрения на этот вопрос?

Адм. Колчак: Для меня было ясно, что монархия не в состоянии довести эту войну до конца и должна быть какая то другая форма правления, которая может закончить эту войну.

А. Н. Алексеевский: Не смотрели ли Вы слишком профессионально на этот вопрос?

Адм. Колчак: Я не могу сказать, чтобы я винил монархию и самый строй,

создавший такой порядок; я откровенно не могу сказать, чтобы причиной была монархия, ибо я думаю, что и монархия могла вести войну. При том же положении дела, какое существовало, я видел, что какая нибудь перемена должна быть, и переворот этот я, главным образом, приветствовал, как средство довести войну до счастливого конца.

Н. А. Алексеевский: Но перед Вами должен был встать вопрос о дальнейшем: какая форма государственной власти должна существовать после того, как это будет доведено до конца.

Адм. Колчак: Да, я считал, что этот вопрос должен быть решен каким то представительным учредительным органом, который должен установить форму правления и что этому органу каждый из нас должен будет подчиниться и принять ту форму государственного правления, которую этот орган установит.

Председатель: На какой орган по Вашему мнению могла бы быть возложена эта задача?

Адм. Колчак: Я считаю, что это должна быть воля Учредительного Собрания или Земского Собора. Мне казалось, что это неизбежно должно быть, так как правительство должно было носить временный характер, как оно заявило.

Председатель: Какой образ правления представлялся Вам лично для Вас наиболее желательным?

Адм. Колчак: Я затрудняюсь сказать, потому что я тогда об этом не мог еще думать. Я первый признал Временное Правительство, считал, что как временная форма, оно является при данных условиях желательным, его надо поддерживать всеми силами, что всякое противодействие ему вызвало бы развал в стране, и думал, что сам народ должен установить в Учредительном органе форму правления, и какую бы форму он ни выбрал, я бы подчинился. Я считал, что монархия, вероятно, будет совершенно уничтожена, для меня было ясно, что восстановить прежнюю монархию невозможно, а новую династию в наше время уже не выбирают, я считал, что с этим вопросом уже покончено, и думал, что вероятно, будет установлен какой нибудь республиканский образ правления, и этот республиканский образ правления я считал отвечающим потребностям страны.

А. Н. Алексеевский: Не возникала ли у Вас лично и вообще в офицерской среде мысль, что отречение Николая II произошло не совсем в тех формах, которые бы позволили военным людям считать себя совершенно свободными от обязательств по отношению к монархии. Я предлагаю этот вопрос потому, что Император Вильгельм, когда отрекался, специальным актом освободил военных от верности присяге, данной ему, не возникала ли у Вас о том мысль, что такого рода акт должен был сделать и Император Николай.

Адм. Колчак: Нет, об этом никогда не поднимался вопрос. Я считаю, — что раз Император отрекся, то этим самым он освобождает от всех обязательств, которые существовали по отношению к нему, и когда последовало отречение Михаила Александровича, то тогда было ясно, что с монархией дело было покончено. Я считал необходимым поддерживать временное правительство совершенно независимо от того, какое оно было, так как было время войны, нужно было, чтобы власть существовала. и, как военный, я считал нужным поддерживать ее всеми силами.

24 ЯНВАРЯ 1920 ГОДА.

Адм. Колчак: Прошлый раз, когда я говорил о Черном море, я упустил одно событие, которое, может быть, представляет некоторый интерес. Затем, когда Вы

спросили, с кем из Великих Князей я виделся, я упустил из виду одну подробность. Одно из этих событий был взрыв происшедший 7 ноября на дредноуте «Марии». Что же касается свидания с Великими Князьями, то я упустил из виду, что я виделся с Николаем Николаевичем, который был тогда Главнокомандующим, в Барановичах, куда я ездил из Балтийского моря. Затем я виделся с ним перед Революцией в Батуме.

Алексеевский: Что касается взрыва, то было бы важно, чтобы Вы сказали, чему Вы, после расследования, приписывали взрыв и последовавшую гибель броненосца.

Адм. Колчак: Насколько следствие могло выяснить, насколько это было ясно из всей обстановки, я считал, что злого умысла здесь не было. Подобных взрывов произошел целый ряд и за границей во время войны – в Италии, Германии, Англии. Я приписывал это тем совершенно предусмотренным процессам в массах пороха, которые заготовлялись за время войны. В мирное время эти пороха изготовлялись не в таких количествах, поэтому была более тщательная выделка их на заводах; во время войны, во время усиленной работы на заводах, когда вырабатывались громадные количества этих порохов, не было достаточного технического контроля, и в этих порохах являлись процессы саморазложения, которые могли вызвать взрыв. Другой причиной могла явиться какая нибудь неосторожность, которой, впрочем, не предполагаю. Во всяком случае никаких данных, что это был злой умысел, не было.

Алексеевский: Как относились Вы к Николаю Николаевичу, как Главнокомандующему, и считали ли замену его, как Главнокомандующего, бывшим Императором полезным для войны событием, или вредным?

Адм. Колчак: У Николая Николаевича я был в первый раз в 1915 г., на второй год войны, когда я был послан Адм. Эссеном для доклада ему о положении дел в Балтийском море и о возможности совместных действий с армией на берегах этого моря. Ставка была тогда в Барановичах и я ездил туда. В Барановичах я пробыл 2–3 суток. С Николаем Николаевичем я говорил очень мало и работал, главным образом, по этим вопросам в его штабе. Второй раз я виделся с ним в Батуме. Как раз, первое известие о Революции в Петрограде я получил в Батуме. Николай Николаевич в это время был командующим Кавказской армией, и я был вызван туда для решения вопроса устройства портов побережья, устройства Трапезундского порта, где была главная база снабжения Кавказской армии, и вопросов о перевозках по Черному морю. Я тогда, как и раньше, считал Николая Николаевича самым талантливым из всех лиц Императорской фамилии. Поэтому я считал, что раз уж назначение состоялось из императорской фамилии, то он является единственным лицом, которое, действительно, могло нести обязанности главнокомандующего армией, как человек, все время занимавшийся и близко знакомый с практическим делом и много работавший в этой области. Таким образом, в этом отношении Николай Николаевич являлся единственным в императорской фамилии лицом, авторитет которого признавали и в армии, и везде. Что касается до его смены, то я всегда очень высоко ценил личность генер. Алексеева и считал его, хотя до войны мало встречался с ним, самым выдающимся из наших генералов, самым образованным, самым умным, наиболее подготовленным к широким военным задачам. Поэтому я крайне приветствовал смену Николая Николаевича и вступление государя на путь верховного командования, зная, что начальником штаба будет ген. Алексеев, это для меня являлось гарантией успеха в ведении войны, ибо фактически начальник штаба

верховного командования является главным руководителем всех операций. Поэтому я смотрел на назначение государя, который очень мало занимался военным делом, чтобы руководить им, только как на известное знамя, в том смысле, что верховный глава становится вождем армии. Конечно, он находится в центре управления, но фактически всем управлял Алексеев. Я считал Алексеева в этом случае выше стоящим и более полезным, чем Николай Николаевич. Насколько я помню, Алексеев последнее время был начальником штаба у Николая Николаевича.

Возвращаясь к рассказу о перевороте, должен сказать, что первые сведения о перевороте, происходящем в Петрограде, я получил, находясь в Батуме с двумя минными судами, куда пришел по вызову главнокомандующего Кавказским фронтом Николая Николаевича для решения вопросов о снабжении Кавказской армии морем и, в частности, вопроса об устройстве Трапезундского порта, который мы должны были принять на себя, устройство молов и т. д. С этой целью я прибыл в конце февраля в Батум, пройдя под Анатолийским побережьем и пройдя Трапезунд. Главнокомандующий Кавказской армией прибыл в Батум к этому времени со своим поездом. В течение первого же дня он познакомил меня со своими требованиями и пожеланиями. Мы затем обсуждали вопрос, в какой мере и в какой срок мы в состоянии выполнить их. Вечером на второй день, насколько помню, я получил шифрованную телеграмму из Севастополя от морского министра Григоровича, что в Петрограде происходит восстание войск, что существующая власть дезорганизована и что Комитет Гос. Думы взял на себя функции правительства. Вот содержание этой телеграммы. Насколько помню, последние слова этой телеграммы были успокоительного характера — в настоящее время волнение утихает. Это была первая телеграмма, которую я получил о событиях в Петрограде. Тогда я обратился к начальнику штаба Николая Николаевича ген. Янушкевичу и спросил его, имеет ли он какие нибудь сведения о событиях. Он сказал, что пока у него нет никаких сведений. Тогда я сказал ему: прошу доложить Великому Князю, что я должен идти в Севастополь, что я прошу меня больше не задерживать, так как хотел сейчас же выйти из Севастополя. Янушкевич доложил Великому Князю, который вызвал меня, и спросил телеграмму. Я показал ему телеграмму, он прочел телеграмму, пожал плечами и сказал, что ему ничего неизвестно, но что мне известны его основные пожелания и поэтому он меня не задерживает. Вечером в тот же день я вышел из Батума в Севастополь. По дороге я принял открытое немецкое радио из Константинополя, где была мощная радио-станция, которое рисовало потрясающую картину событий в Петрограде, что в Петрограде происходит Революция, идут страшные бои и кровопролитие. Словом, все эти сведения были сгущены и утрированы, как оказалось впоследствии. Суть, конечно, была справедлива. Но форма и тон, которым излагалось все это, не соответствовали действительности. Радио было немецкое на испорченном русском языке с болгарскими оборотами, очевидно, его передавал какой нибудь болгарин специально по русски с тем, чтобы его приняли все станции. Когда я пришел в Севастополь, то первым вопросом, который я задал начальнику штаба, был вопрос — имеются ли у него какие нибудь сведения о происходящих событиях. Он ответил мне, что никаких сведений у него нет и что он знает только, что в Петрограде происходит какое то восстание войск, что больше ничего он не знает и никаких данных относительно этого не имеет. Вечером я получил телеграмму от Родзянко, в которой он извещал, что правительство пало, что власть перешла к Комитету Государственной Думы и что он просит меня

соблюдать полное спокойствие, что все идет к благу родины, что прежнее правительство, оказавшееся несостоятельным, будет заменено новым и что он просит меня принять меры, чтобы не было никаких осложнений и эксцессов. Вот приблизительное содержание. Вслед за этим был получен целый ряд радио из Константинополя, которые сообщали, что на фронте и в армии происходят бунты, что немцы победоносно подвигаются вперед и что в Балтийском флоте происходит полное восстание и избиение офицеров. Я лично сразу же отнесся к этому Константинопольскому радио, как к совершенно определенной провокации, но препятствовать передаче было совершенно невозможно, так как все радио принимаются на судах дежурными телеграфистами. Тогда я издал приказ, в котором упомянул, что такие радио даются нашим врагом, очевидно, не для того, чтобы сделать для нас что нибудь полезное, и поэтому я обращаюсь ко всем командам с требованием верить только мне, моим сообщениям и что со своей стороны обещаю оповещать их о том, что будет мне известно, и прошу их не придавать никакого значения слухам, и что, если команды будут обращаться в случае каких либо сомнений ко мне, то я буду давать соответствующие раз'яснения. Этот мой приказ сыграл большую роль: команды не верили циркулирующим в то время слухам, оказав мне полное в этом смысле доверие, я со своей стороны сделал так, как обещал: все, что я ни получал, все дальнейшие подробности о происходящих событиях, я немедленно выпускал из штаба и широко распространял для сведения команд в городе. Таким образом, все вздорные сообщения, которые шли и тем и другим путем — и через неприятельское радио и изнутри никакого впечатления не производили, так как считались только с теми данными, которые я сообщал командам. Затем, совершенно неожиданно я получил телеграмму от Алексеева, в которой он сообщал текст телеграммы за подписью главнокомандующего и командующих армиями. Под этой телеграммой подписался Николай Николаевич, ген. Рузский, Эверт, сам Алексеев и, кажется, ген. Щербачев, бывший на юго-западном фронте. В этой телеграмме они предлагали государю отречься от престола. Я сейчас же оповестил всех об этой телеграмме. Вслед за этим получилось извещение, что произошло отречение от верховной власти в лице государя и наследника. Предполагали, что верховную власть возьмет Михаил Александрович. Вскоре и это недоразумение раз'яснилось, когда пришла телеграмма, сообщая об отказе Михаила Александровича. Вслед за этим была получена телеграмма от князя Львова об образовании первого министерства. Получивши эту телеграмму, я сейчас же разослал ее по всем судам, и так как я не мог об'ехать все суда, то собрал команды на моем флагманском судне «Георгий Победоносец»; когда они собрались, я прочел манифест и сказал, что в настоящее время прежней власти не существует, династия, видимо, кончила свое существование и наступает новая эпоха. При этом я обратился к ним и сказал, что каковы бы ни были у нас взгляды, каковы бы ни были наши убеждения, но мы ведем войну и потому мы имеем обязательства не только перед правительством или той властью, которая существует, но мы имеем большие обязательства и перед нашей родиной. Какое бы правительство ни существовало у нас, оно будет продолжать войну и мы будем выполнять свой долг так же, как и до того времени. Затем я указал, что в такое время, как то, в котором мы находимся, правительству будет чрезвычайно трудно и потому я считаю необходимым оказать ему всемерную поддержку, первый стою за это правительство и считаю необходимым в ближайшие дни присягнуть ему на службу. Вот та речь, с которой я обратился к командам. Она произвела, повидимому, чрезвычайно благоприятное

и спокойное впечатление. Среди команд в это время в силу предоставленных правительством прав, возникли комитеты, стали устраиваться митинги. Я бывал несколько раз на этих собраниях и раз'яснял командам то, что происходит, делился с ними своими соображениями относительно того, что будет дальше, но везде неизменно указывал на одно: «покуда война не закончена, я требую, чтобы Вы выполняли свою боевую работу так же, как выполняли раньше, чтобы в этом отношении всеми, начиная с командного состава, и кончая самым младшим матросом, мне была бы оказана помощь, чтобы у меня была уверенность, что каждое мое приказание относящееся до боевых действий флота, будет немедленно выполнено». Мне это обещали, я в этом отношении не могу сделать никаких упреков никому из команды.

Алексеевский: Я хотел бы [поставить] вопрос о Вашем отношении к приказу № 1.

Адм. Колчак: Приказ № 1 был сообщен Царско-Сельской радио-станцией за подписью Совета Рабочих и Солдатских Депутатов; когда на одном из митингов, на котором собралось огромное число свободных от службы команд, меня спросили, как относиться к этому приказу, я сказал, что для меня этот приказ, отданный Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, не является ни законом, ни актом, который следовало бы выполнять, пока он не будет санкционирован правительством, так как в силу настоящего положения Советы Рабочих и Солдатских Депутатов могут собираться в любом месте, в любом городе, и почему в таком случае приказ Петроградского Совета является обязательным, а не обязателен приказ Совета в Одессе или в другом месте. Во всяком случае, я считаю, что этот приказ не имеет для меня никакой силы, и я буду выполнять только те приказы, которые буду получать или от правительства, или от ставки. Команды к этому отнеслись совершенно спокойно и никаких вопросов мне не задавали. Когда пришло от Гучкова известное распоряжение, то оно было проведено в жизнь без возражений с моей стороны.

Алексеевский: Был ли образован Обще-флотский Комитет Совета матросских Депутатов для всего Черноморского флота?

Адм. Колчак: Комитеты были образованы в Севастополе и Одессе и др. портах, согласно предложению правительства. Первое время отношения между мною и Комитетами были таковы, что все постановления Комитета были легализированы. Моим приказом было назначено время выборов лиц в эти Комитеты, в состав которых входили офицеры и команда. Первое время отношения были самые нормальные. Я считал, что в переживаемый момент необходимы такие учреждения, через которые я мог бы сноситься с командами. Больше того, я скажу даже, что в начале эти учреждения вносили известное спокойствие и порядок. Дело было поставлено таким образом, чтобы все постановления Комитета мне докладывались: ко мне являлись периодически несколько раз в неделю либо председатель Комитета, либо его заместитель, приносили постановления Комитета и спрашивали меня, с каким я согласен или какие я считаю неприемлемыми, в силу известных обстоятельств. Некоторое время такой порядок и существовал. С некоторыми постановлениями я соглашался, некоторые предлагал снова пересмотреть, а некоторые считал невозможными для осуществления. Таким образом в этом отношении работа не вызывала никаких трений. Так продолжалось первый месяц. Затем произошло явление такого рода. Рабочие порта также образовали у себя Совет Рабочих Депутатов, но этот Совет не сливался с флотским Комитетом и существовал независимо, слияние произошло

позже, примерно в мае месяце. Нужно сказать, что рабочие Севастопольского порта прямо заявили мне, что они будут поддерживать меня во всех военных работах, что выполнят свои работы так же, как раньше, и даже в начале заявили мне, что они не признают 8-ми часового дня и будут работать, сколько потребуется для военных надобностей флота. Такое заявление установило самое лучшее отношение с рабочими Севастопольского порта, но во всех тех постановлениях, которые касались известных экономических вопросов, которые я мог своею властью разрешить, я всегда шел им навстречу. Обычно ко мне являлся Васильев – Председатель Совета Раб. Деп. Севастопольского порта, и мы с ним очень долго обсуждали эти вопросы; некоторые я удовлетворял, другие направлял в дальнейшую инстанцию–ставку и сообщал правительству. Я был чрезвычайно обеспокоен тем обстоятельством, что, в связи со всеми этими радио, неприятель, предполагая, что у нас во флоте наступил полный развал, может выйти в море неожиданно. Поэтому в ближайшие дни раз'яснив командам, почему я это делаю, и указав на то, что я очень боюсь, что на нас совершенно неожиданно будет произведено нападение, я сделал демонстрацию и вышел с флотом в море. Я показался по обе стороны Босфора в виду берегов, чтобы противник знал, что революция революцией, а если он попробует явиться в Черное море, то встретит там наш флот; это имело повидимому положительные результаты, потому что в связи с этим неприятель никаких активных действий не проявлял: все оставалось так, как раньше. Так продолжалось приблизительно с неделю. Я не скрою, что в этом отношении много способствовал известному порядку и лойяльности, которую проявляли эти учреждения, в отношении меня и командования, начальник штаба ударной дивизии дессанта, который готовился у меня, Верховский, который впоследствии был вызван Керенским в Москву и был затем военным министром. Он был товарищем или заместителем председателя в этом Совете и внес много успокоения, много порядка во всю эту работу. Так продолжалось недели 2–3, затем начали проявляться тенденции несколько худшего порядка: начались прежде всего просьбы об увольнении в отпуск. В отпуск стали проситься целыми массами, так что я не знал, что делать с этим стихийным движением, приходилось чуть ли не выводить некоторые суда из строя. Затем начались различные несогласия с офицерами. Первое заявление мне было сделано по поводу некоторых офицеров с немецкими фамилиями, что немцев надо из'ять всех полностью. На это я ответил, что у нас в России существует масса людей с немецкими фамилиями, которые так же, и, может быть, даже [больше] работали для блага родины, чем люди, носящие русские фамилии, что у нас в России фамилия решительно ничего не значит и удалить офицера только потому, что он носит немецкую фамилию, нет решительно никаких резонов. Я сказал им, если они имеют какие нибудь конкретные факты, определенные поступки, то пусть доложат мне, и мы разберемся, но выгонять людей только за то, что они носят немецкую фамилию, нет решительно никаких оснований. Я указал им на того же адмирала Эссена, Ливена и др. С этим вопросом было быстро покончено и он больше не поднимался. Но вслед за этим начались всевозможные беспорядки с офицерами: требования об удалении их, перемещении и т. д., может быть, некоторые резонные причины здесь и скрывались в известных столкновениях между офицерами и матросами, но большая часть была лишена решительно всякого основания. Я делал в этом отношении, что возможно, что возможно старался улаживать. Боевая готовность флота в это время совершенно не прерывалась: все шло, как шло раньше. Я был настолько убежден в этом, что, разрешая какой нибудь

митинг, знал, что стоит только поднять сигнал, как все, кто нужен на судах, бросят этот митинг и явятся на корабли и пойдут куда угодно. Поэтому у меня была полная уверенность, и с этой стороны я считал себя совершенно спокойным. Так шло все первые несколько недель, пока к нам никто извне не являлся и пока мы оставались сами собой. Затем начался приезд всевозможных депутаций из Балтийского флота. Вместе с этим, к нам хлынула масса самых подозрительных и неопределенных типов, началось проведение совершенно определенной программы, направленной к развалу флота, начали обвинять офицеров в империализме, в обслуживании интересов буржуазии. Был, кажется, праздник подводного плавания, подводниками в числе других знамен было выставлено требование — Босфора и Дарданелл. Вокруг этого была страшная полемика: говорили, что Босфор и Дарданеллы нужны только буржуазии; вообще выставлялись те мотивы, которые выставлялись обычно при борьбе с первым правительством. Тогда уж начали появляться первые признаки развала, который быстро пошел среди команд. Меньше это сказывалось на рабочих; нужно сказать, что рабочие Черноморского флота стояли, если можно так выразиться, выше команд в смысле дисциплины, порядка и организованности. Я прямо докладывал правительству и приписывал улаживание конфликтов спокойствию именно внесенному со стороны рабочих и их органов. Когда под влиянием пропаганды Совет матросских Депутатов поднимал вопрос, что надо требовать ликвидации войны и т. д., рабочие приходили, успокаивали их и вносили известное успокоение своим трезвым спокойным отношением ко всем событиям. В половине апреля, мне стало ясно, что, если дело пойдет таким образом, то несомненно дело кончится тем же, как и в Балтийском флоте, т. е. полным развалом и невозможностью дальше продолжать войну. В половине апреля в Одессу приезжал Гучков, который вызвал меня. В апреле месяце, приблизительно 12–15 числа, я прибыл в Одессу, где Гучкова с большим под'емом демонстративно принимали, как нового военного министра. Гучков был болен, встретившись со мной, он обратился ко мне с вопросом, как у меня дела. Надо сказать, что в Одессе я был на судах, которые там стояли, и у них тоже был сравнительный порядок; на вопрос Гучкова, я сказал, что меня чрезвычайно заботит то направление, тот путь, по которому пошел Черноморский флот под влиянием измен, под влиянием пропаганды и появления неизвестных лиц, бороться с которыми я не могу, так как теперь, под видом свободы, может говорить кто угодно и что угодно. Гучков на это ответил: я надеюсь, что Вам удастся с этим справиться, у Вас до сих пор все шло настолько хорошо, что правительство выражает твердую уверенность, что Вам удастся справиться с этим направлением. Я ответил на это, что до сих пор для того, чтобы справиться с этим, у меня оставалось только одно средство — мое личное влияние, уважение ко мне, мои личные отношения к командам и рабочим, которые, я знаю, доверяют мне и верят. Но это средство является таким средством, которое сегодня есть, а завтра рухнет, и тогда у меня уже не будет никаких средств, так как постановлением правительства я, в сущности, лишен возможности влиять и бороться с этим, если бы и считал необходимым вступить в борьбу. Вот на чем держится пока Черноморский флот, но я считаю почву настолько шаткой, что завтра я, может быть, точки опоры и не буду иметь и тогда я уже не в состоянии буду что либо сделать. До этого времени мне доносили подробно о всех происходящих митингах, о ходе пропаганды, которая шла во флоте, так же как и в армии, но при этом я должен отметить, что за весь это период времени это меня не касалось и личности моей никто не задевал и не затрагивал. Так как Гучков в это время

был болен, то переговорить обо всем он со мной не мог и сказал мне, что в ближайшие дни вызовет меня в Петроград. Около 20-х чисел апреля я был в Петрограде, по вызову князя Львова, для доклада о положении вещей. Кроме того меня вызвал и генерал Алексеев, который приезжал в Петроград для обсуждения общего положения, для чего вызывались все командующие армиями. Перед уходом из Севастополя, я собрал все команды, сообщил им о своем от'езде и спросил их, имеются ли у них какие либо настоятельные нужды и требования, чтобы я мог передать их правительству; заявлений никаких не было сделано, и я уехал.

Алексеевский: Я бы хотел поставить вопрос, ведь за это время во флоте произошли большие события, в том числе большое возмущение матросов в Кронштадте, в результате которого погибло несколько сот офицеров, в том числе и адмирал Непенин. Какое впечатление произвели эти события на флот?

Адм. Колчак: Эти события были в начале марта. Непенин был убит в первые дни революции. В Черноморском флоте эти события не произвели особого впечатления, может быть потому, что сведения об этих событиях [пришли] с большим запозданием. Сначала об этом был только ряд слухов, оффициально же нам об этом никто не сообщал. Я узнал об этом только через неделю. До этого передавалось как слух, что в Балтийском флоте беспорядки, что убит Непенин, убиты офицеры. Может быть, благодаря этому, известия об этом не произвели особого впечатления. Насколько было лойяльно в начале настроение флота, можно видеть из того, что у меня весь флот принял присягу. Для этого все офицеры и судовые команды, свободные от службы, были собраны в одно место. Я первый произнес торжественную присягу на верность новому правительству, которую повторил весь наличный состав. Таким образом около 20-х чисел апреля я приезжал в Петроград. Прежде всего я явился к Гучкову, военному и морскому министру, который все еще продолжал болеть и не выходил из своей квартиры на Мойке и даже принимал меня первый день, лежа в постели. В это время настроение в Балтийском флоте было таково, что [когда] при свидании с офицерами я спросил их о положении вещей, то они ответили мне, что они ожидают на днях повторения того, что было, т. е. нового избиения офицеров. Большую роль в этом играл адмирал Максимов, деятельность которого носила почти преступный характер; он чрезвычайно быстро перекрасился, усвоив какую то скверную демагогическую окраску, и на этом все время вел игру, по существу не имея ничего подобного раньше и будучи, наоборот, убежденным милитаристом в демагогическом направлении. В связи со всеми этими событиями, Максимов не был даже принят Гучковым и вместо него представителем Балтийского флота был начальник штаба капитан 1-го ранга Чернявский. Максимов должен был приехать, как командующий Балтийским флотом, с докладом к Гучкову, но в виду того, что в Гельсингфорсе сгустилась атмосфера, в чем виноват был Максимов, то Гучков заявил, что он не желает видеть Максимова, и тогда с докладом к нему явился начальник штаба Чернявский. Гучков сообщил мне о создавшемся положении, и сообщил, что в Балтийском флоте назревают новые беспорядки, что с Кронштадтом ничего нельзя сделать, причем сказал, что главную вину и ответственность за происходящее в Балтийском флоте — он возлагает на Максимова, что его неприличная работа, направленная в демагогическом духе, привела и приводит к таким последствиям, которые не дают уверенности, что Балтийский флот будет существовать к весне. С моей точки зрения, может быть, вина была не столько Максимова сколько причина крылась в положении нашего флота, стоявшего в Ревеле и Гельсингфорсе. Я

совершенно определенно считал, что главной причиной этих событий была немецкая работа. Гельсингфорс буквально кишел тогда немецкими шпионами и немецкими агентами, так как по самому положению Гельсингфорса, как финского города, контроль и наблюдение над иностранцами были страшно затруднены, ибо фактически отличать немцев от финов или шведов почти не было возможности. Что касается того, что разница в настроении Балтийского и Черноморского флота могла находиться в зависимости от состава офицеров, то я считаю, что это существенного значения не могло иметь, ибо состав офицеров флота выходит из одного источника. Никаких особо привилегированных групп во флоте не существовало, так как офицерство в Балтийском и Черноморском флоте распределялось, главным образом, по месту рождения, южане шли на юг, те же, которые были с севера, шли в Балтику. Поэтому эта сторона никакого влияния на настроение флота иметь не могла. Разницу в настроении я приписываю согласно тем данным, с которыми я познакомился, исключительно работе неприятеля, которому в Балтийском флоте было гораздо легче влиять на настроение команд, чем в изолированном Черноморском флоте, который во первых – почти все время плавал и находился в движении. Балтийский же флот на несколько месяцев находился в портах, когда устанавливалась тесная связь с берегом. Вот главная причина этого явления. Все остальные являются уже несущественными. Затем Гучков выслушал доклад Чернявского о положении дел в Балтике. Чернявский сообщил о выставленном командами требовании, чтобы суда управлялись Комитетами, о том, что командование должно быть на выборных началах и о целом ряде требований относительно офицеров. Было выставлено требование относительно проведения полного выборного начала во флоте, чтобы офицеры могли бы оставаться на судах после санкционирования их командования и целый ряд других требований, о которых Чернявский подробно доложил. Я в свою очередь обрисовал то, что делается у меня на Черном Море; тогда Гучков сказал мне: «я не вижу другого выхода, как назначить Вас командовать Балтийским флотом». Я ответил: «если прикажете, то я сейчас же поеду в Гельсингфорс и подниму свой флаг, но, повторяю, что я считаю, что у меня дело закончится тем же самым, что у меня в Черном море события происходят с некоторым запозданием, но я глубоко убежден, что та система, которая установилась по отношению к нашей вооруженной силе, и те реформы, которые теперь проводятся, неизбежно и неуклонно приведут к развалу нашей вооруженной силы и вызовут те же самые явления, как и в Балтийском флоте». Я указал, что у меня во флоте вовсе не так благополучно, как кажется. Надо сказать, что перед этим правительство прислало мне благодарность и выражение доверия за мою работу в Черноморском флоте. Я указал, что дело обстоит не так благополучно, как кажется со стороны, и просто лишь в силу изолированного положения флота, в силу ряда причин, которых не было в Балтийском флоте, события протекают с задержкой, но я глубоко уверен, что, в конце концов, кончится тем же. Поэтому я сказал Гучкову: «если прикажете, я сейчас же вступлю в командование Балтийским флотом, но вряд ли я смогу помочь и сделать что нибудь». Гучков сказал, что он подумает еще раз и спросил меня: «ведь Вы не откажетесь принять это назначение?» Я сказал, что привык исполнять приказания и что, если прикажут, «я сейчас поеду в Гельсингфорс». На этом кончилось мое первое свидание с Гучковым. Тогда же я получил предложение приехать к Родзянко к завтраку. В разговоре Родзянко высказал оптимистический взгляд относительно положения в Черном море. Я сказал ему, что у меня идет такой же внутренний развал, как и везде; пока—мне

удается сдерживать это движение, действуя на остатки благоразумия, но что в настоящее время уже есть признаки, что это благоразумие исчезает и я нахожусь накануне такого же взрыва, который был в Балтийском флоте, и что совершенно не верю в благополучие, которое чисто внешнего свойства. Родзянко задал вопрос: «что же делать по Вашему мнению?» Я сказал, что [флот] разлагается пропагандой совершенно неизвестных безответственных типов, совершенно неизвестно откуда появившихся, которые ведут совершенно открыто работу против войны и против правительства. Пока меня еще не тронули, и я пользуюсь известным влиянием, которое у меня еще осталось, но, вероятно, на днях это кончится. Я сказал, что ‹и считаю› [не знаю] к кому мне обратиться, кто мог бы помочь мне в этом деле. Родзянко спросил меня, обращался ли я к каким нибудь политическим партиям, чтобы они помогли мне в этом деле. Я сказал, что пока еще не обращался. Родзянко предложил мне проехать к Плеханову и поговорить с ним, может быть он даст совет, даст указания, как лучше поступить в этом деле. Я поехал к Плеханову, изложил ему создавшееся положение и сказал, что надо бороться с совершенно открытой и явной работой разложения, которая ведется, и что поэтому я обращаюсь к нему, как к главе или лицу известному с-д партии с просьбой помочь мне, прославши своих работников, которые могли бы бороться с этой пропагандой разложения, так как другого способа бороться я не вижу в силу создавшегося положения, когда под видом свободы слова проводится все, что угодно. Насильственными же мерами прекратить, в силу постановления правительства, я этого не могу, и, следовательно, — только этот путь бороться с пропагандой. Плеханов сказал мне: «конечно, в Вашем положении, я считаю этот способ единственным, но этот метод является в данном случае ненадежным». Во всяком случае, Плеханов обещал мне содействие в этом направлении, при чем указал, что правительство не управляет событиями, которые оказались сильнее его. «Вы знаете», спросил меня он, «что сегодня должно быть выступление войск, что сегодня около трех часов должны выступить войска с требованием смены части правительства». Это было 21—22 апреля, как раз в этот день, около 4-х часов, было назначено заседание правительства на квартире Гучкова на Мойке. Плеханов заметил, что это выступление будет пробой правительства: раз правительство не будет в состоянии справиться с выступившими против него, то какое же это правительство. По всей вероятности, оно должно будет пасть. «Я лично думаю», сказал Плеханов, «что не так [, как] мы хотели или предполагали, события принимают стихийный характер и в этом случае отдельные лица или отдельные группы могут только до известной степени задерживать или способствовать течению, но я сомневаюсь, чтобы мы могли в ближайшие дни что-нибудь сделать». Вот суть его отношения. Тогда все это выступление базировалось, главным образом, на почве империалистической политики правительства — стремлении получить Босфор и Дарданеллы, что вызвало требование смены Гучкова и Милюкова, как носителей этой тенденции. Плеханов, в разговоре со мной, сказал такую фразу: «отказаться от Дарданелл и Босфора, все равно, что жить с горлом, зажатым чужими руками. Я считаю, что без этого Россия никогда не в состоянии будет жить так, как она хотела бы». От Плеханова я отправился прямо на совещание совета министров, которое происходило на Мойке, в квартире Гучкова. Когда я проезжал по Невскому и Морской, то мне начали попадаться отдельные воинские части: там был Финляндский полк и, насколько помню, Измаиловский. Вся эта демонстрация стекалась на Мариинскую площадь, перед Мариинским дворцом, где обычно заседало правительство. В данном же случае,

демонстранты сделали ошибку, не зная, что из за болезни Гучкова правительство заседает не в Мариинском дворце, а на Мойке. Поэтому демонстрация происходила перед пустым, фактически, Мариинским дворцом. Здесь в присутствии всего правительства, заседавшего под председательством кн. Львова я подробно доложил все, о чем уже упоминал раньше, о положении на Черном море и о том, к чему это, по моему мнению, должно привести. В это время было получено известие об этой демонстрации и о требованиях убрать Гучкова и Милюкова из состава правительства. Как резюме этих разговоров, было сказано, как будто Милюковым: «Мы можем обсуждать здесь и говорить о чем угодно, а, может быть, через несколько времени, мы все инкорпоре будем сидеть в Крестах или в крепости». С разумностью такого взгляда нельзя было не согласиться. Как раз перед концом заседания, прибыл ген. Корнилов, кажется, из Царского Села (я его в первый раз тогда видел). Корнилов сказал, что в городе происходит вооруженная демонстрация войск против правительства, что он располагает достаточными силами, чтобы прекратить это выступление, и, в случае надобности, если бы произошло вооруженное столкновение, у него есть уверенность в возможности подавления этого движения. Поэтому он просил, чтобы правительство санкционировало это и дало возможность немедленно начать действовать. Это послужило поводом к обмену мнениями и дебатам, причем особенно против восставали Львов и Керенский, который заявил, что [«]наша сила заключается в моральном воздействии, в моральном влиянии и применить вооруженную силу значило бы вступить на прежний путь насильственной политики, что я считаю невозможным[»]. На этом заседание закончилось. Но Керенский долго еще беседовал с Корниловым. Затем Керенский обратился ко мне и спросил: «как у Вас в Черном море?» Я сказал, что дело идет все хуже и хуже, сообщил ему, что я был у Плеханова, просил его помощи, и что с своей стороны, я прошу его, так как он имеет связь с политическими партиями, с партией с-р и другими — прислать ко мне опытных руководителей митингов, опытных агитаторов, которые могли бы разбивать тех людей, которые у меня ведут разлагающую флот пропаганду. Керенский обещал мне, что пришлет. На этом совещание закончилось. Вечером я уехал в Псков, где в это время происходил совет командующих армиями, где были Алексеев, Рузский и целый ряд представителей армии – командующих армиями или начальников штаба всего фронта. Картина, выяснившаяся при этом, превзошла все мои худшие ожидания; я совершенно не ожидал, что в армии происходили события, о которых открыто докладывали представители командного состава — братание с немцами, продажа оружия, начавшийся стихийный уход с фронта. Словом, в армии происходил полный развал. Никаких мер, чтобы остановить этот развал и выйти из затруднительного положения, в сущности, никто не мог предложить. Что касается того, что, может быть, возникла мысль, что прекращение войны и есть этот исход, то должен сказать, что общее мнение было таково, что войну продолжать во что бы то ни стало нужно. Отдельных мнений в пользу прекращения войны я не помню, и, наоборот, общее мнение было, что войну прекратить мы не имеем право (возможности). Таким образом, совещание только констатировало факт развала в армии, не выработав никаких мер к борьбе с этим явлением.

Алексеевский: Ведь ген. Рузский после этого ушел в отставку. Не был ли его уход продиктован тем обстоятельством, что он склонялся к мысли, что войну мы не можем вести дальше и остается только заключить мир? Впоследствии эта мысль была определенно формулирована Духониным.

Адм. Колчак: В такой форме это не высказывалось; говорилось только, что при таких условиях вести войну нельзя, но все же продолжать необходимо. У всех был расчет на то, что революция вызовет под'ем в войсках, вызовет чувство патриотизма, желание победы, желание закрепить совершившийся переворот победой на театре военных действий. Я помню, что это было общее мнение людей, знакомых с историей. Взять хотя бы французскую Революцию, которая все победила коалицией. Между тем потом выяснилось, что все старались [использовать] революцию для своих личных целей. Во время же совещания в Пскове, общая точка зрения была такая, что продолжать войну необходимо, что мы связаны такими обязательствами с союзниками, что выход наш из войны вызовет такие последствия, что при этих условиях заключение мира с Германией будет означать полную победу Германии, которая немедленно разобьет союзников и затем продиктует нам свою волю в такой форме, которая вряд ли явится приемлемой.

Алексеевский: Было ли Вам известно тогда или после, что существует такое соглашение, заключенное 9-го сентября 1914 г. между Россией, Францией и Англией, относительно того, что при известных условиях, каждое из этих государств, не смотря на то, что в открытом тексте сказано, что никто не может [заключить] отдельного мира, – может заключить отдельный мир? В отношении России этим условием была революция.

Адм. Колчак: Я в первый раз слышу об этом.

Алексеевский: Слышали ли Вы, что товарищ министра иностранных дел Нератов перед большевистским переворотом увез с собой некоторые документы министерства иностранных дел? Он оставался в министерстве при первом и втором правительстве и был главной работающей силой в министерстве иностранных дел, потому что ни Милюков, ни, в особенности, Терещенко, не были достаточно подготовлены для руководства ведомством иностранных дел. Документ, о котором я говорю, Комиссия в руках [не] имела, но я слышал от лица, заслуживающего доверия, состоявшего [в близких сношениях] с министерством иностранных дел, что такой документ существует. В отношении Франции таким обстоятельством, разрешавшим заключение отдельного мира, являлось взятие Парижа, в отношении Англии высадка германского десанта на островах и у нас – революция.

Адм. Колчак: Я с Нератовым не встречался, и о существовании такого соглашения не слыхал. После совещания в Пскове, было еще одно совещание у Гучкова, где рассматривался документ, известный под именем «Декларации прав солдата». Я вернулся в Петроград вместе с Алексеевым по предложению Гучкова – собраться у него на квартире для обсуждения вопроса о документе, известного под именем «Декларации прав солдата», под председательством Гучкова. Эта декларация вырабатывалась особой [ко]миссией при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов из представителей армии и флота. Доклад по этому поводу делал помощник военного министра, кажется, ген. Маниковский. При начале чтения декларации, [я] сказал: «Я должен доложить, что с выработанным в настоящее время такого рода документом, который предполагается провести в жизнь, я не согласен по существу, но я хотел бы чтобы каждый из присутствующих высказал свои замечания и, может быть, нам удастся внести некоторые поправки и исправления». Тогда Алексеев, который сидел по правую руку Гучкова, когда началось чтение, встал и сказал: «Я, как Главнокомандующий, не могу обсуждать вопроса о том, как окончательно развалить ту армию, которой

я командую. Поэтому обсуждать вопрос я не буду и от дальнейшего участия отказываюсь». После этого, все присутствующие заявили, что присоединяются к мнению командующего и считают бесполезным обсуждать этот документ: раз решено его ввести, пусть вводят, но рассматривать его они не будут. На этом чтение документа и закончилось. Ген. Маниковский говорил: «Я решил сдать доклад только в надежде, что удастся ввести некоторые поправки, удастся смягчить то, что здесь сказано, но раз все считают излишним обсуждать, то больше ничего не могу сделать». Тогда все встали, распрощались и ушли. Я остался еще несколько минут с Гучковым и спросил его, как он решил, должен ли я перейти в Балтику или вернуться в Черное море. Гучков подумал и сказал: «в сущности, это все равно, в таком случае, возвращайтесь в Черное море». На этом кончилось мое пребывание в Петрограде, и я уехал в Черное море.

Алексеевский: В эту поездку в Петроград Вы видели всех представителей временного правительства? Комиссия хотела бы знать Ваше отношение к этому правительству с точки зрения интересов военных и морских, в частности, к наиболее видным его представителям — Львову, Гучкову, Керенскому. Какие недостатки и достоинства видели Вы в этом правительстве?

Адм. Колчак: За время пребывания в Петрограде я убедился, что это правительство состоит из людей искренних и честных, желающих принести возможную пользу родине. Никого из них я не мог заподозрить, чтобы они преследовали личные или корыстные цели. Они искренно хотели спасти положение, но опирались при этом на очень шаткую почву, а именно, на какое то нравственное воздействие на массы, на народ, на войска. Для меня было так же совершенно ясно, что это правительство совершенно бессильно, что единственный орган, который выдвигается и совершенно определился, — Совет Солдатских и Рабочих Депутатов ведет совершенно открыто разрушительную работу в армии и, вообще, в отношении вооруженной силы, открыто выставляет лозунги прекращения войны с Германией и т. д. Правительство бороться с ним совершенно бессильно, хотя бы даже оно располагало силами, так как оно принципиально применять эту силу не хочет, а расчитывает на возможность чисто морального воздействия, и держится методов управления, основанных на чисто моральном воздействии. Такое впечатление на меня произвело правительство. Повидимому, такой точки зрения держалось все правительство, так как разногласий у них не было. Гучков, может быть, и понимал положение, но на меня он произвел впечатление человека, так далеко зашедшего по пути компромиссов, что для него не оставалось другого пути. Он сам говорил, что он больше работать не может и, повидимому, ясно видел, что должен уйти.

Алексеевский: Гучков держался того же мнения, как и выдающиеся генералы, что больше работать нельзя?

Адм. Колчак: Да, к этому времени все пришли к тому убеждению.

Алексеевский: Но это не есть исход — уйти ответственным людям и оставить на второстепенных персонажей ведение дела.

Адм. Колчак: Никто из нас ни от чего не отказывался, но мы ясно видели, что при такой обстановке мы ничего сделать не можем. Если бы нашлись люди, которые могли вы взять это дело, то пусть бы они брали его, но дело в том, что революция не выдвинула таких людей, их не было. Тем не менее, идеи кончить войну у меня никогда не возникало. Я считал, что лучше итти солдатом и выполнить ту роль, которую я найду возможной при данных условиях, но ни у кого из нас мысли об окончании войны не было.

Алексеевский: Что Вы думали тогда и впоследствии о предложении Корнилова сделанном на кв. Гучкова, что [он] обладает достаточной силой, чтобы поставить барьер этому движению, ведшему к прекращению войны? Действительно ли он обладал достаточными силами?

Адм. Колчак: Да, я считаю, что обладал достаточными силами, иначе он не сделал бы это предложение, это человек, отдающий себе отчет в окружающей обстановке и, конечно, в то время это можно было еще сделать.

Алексеевский: Вы, как будто, сказали, что с другой стороны Вы просили указаний для себя. Если бы были даны известные директивы ответственными руководителями, чтобы поставить барьер этому движению физическими репрессиями, считаете ли Вы, что это было бы возможно у Вас на Черном Море?

Адм. Колчак: Да, я считаю, что в это время это было возможно и у меня. В то время у правительства было достаточно дисциплинированных сил, чтобы подавить это движение. Это было мнение среди военных, которое было в частности высказано Корниловым; разделял его и я, так как считал, что в то время [это] было вполне возможно.

Алексеевский: Происшедшие в начале мая перемены в составе правительства, в результате чего было исключение из рядов его представителей буржуазии в лице Гучкова и Милюкова, не вызвали ли надежды на улучшение положения в смысле направления правительственной политики?

Адм. Колчак: Считали, что это есть ухудшение, что дальше все пойдет хуже и хуже.

26-ГО ЯНВАРЯ 1920 ГОДА.

А. Н. Алексеевский: В прошлый раз, адмирал, мы остановились на Вашем возвращении в Черное море после совещания в Пскове.

Адм. Колчак: По возвращении моем в Черное море из Пскова я был в Севастополе и должен сказать, что, находясь в Севастополе, я был не в курсе дел в смысле положения вещей на фронте, и не представлял себе такого потрясающего развала нашего фронта. Для меня стало ясно, что войну, в сущности говоря, надо считать проигранной, и я положительно затруднялся решать, что предпринять для того, чтобы продолжать эту войну. По приезде в Черное море ко мне явилась депутация от солдат Царско-сельского гарнизона, во главе которой стоял унтер-офицер Киселев, который командовал Сербской дружиной. Он был сначала на фронте, а потом в броневой автомобильной роте, он первый в первых числах марта. [...] После представления депутации он остался у меня. Это был человек глубоко убежденный в необходимости этого переворота, он первый выступил и говорил, что он действительно видит теперь, что путь, по которому пошла вся русская революция, ведет нас к гибели: «я был убежденный революционер, сам первый выступил, был ранен во время этого выступления, а теперь я вижу, что фронта у нас почти нет». Обсудивши с ним вместе этот вопрос, я ему сказал, что я тоже пришел к тому же убеждению. По его мнению, единственное средство, может быть, было бы, если бы я открыто заявил здесь в Севастополе о том, что такое положение погубит революцию и всю нашу родину. Тогда я решил поступить таким образом: я собрал все команды свободные в нескольких местах и, как я это делал раньше, совершенно откровенно высказал все то, что я узнал в Петрограде, обрисовал им положение вещей, указал на бессилие правительства, на то, что фронт у нас в настоящее время разваливается совершенно, удастся ли его вос-

становить, неизвестно, и что оказать сопротивление неприятелю будет [не] возможно. Я главным образом базировался на следующем положении: для меня, как человека военного и все время занятого исключительно только своими военными делами, казалось необходимым рассматривать происходящую у нас революцию с точки зрения войны. Для меня казалось совершенно ясным, что в такой громадной войне, в какой мы участвуем, проигрыш этой войны будет проигрышем и революции и всего того, что связано с понятием нашей Родины — России. Я считал, что проигрыш войны обречет нас на невероятную вековую зависимость от Германии, которая к славянству относится так, что ожидать хорошего от такой зависимости, конечно, не приходилось. Суть моего сообщения сводилась, во первых, к обрисовке полной картины, к характеристике Балтийского флота, к характеристике различных частей фронта; я не считал нужным ничего скрывать, изложил все это, что я узнал на Псковском Совете, обрисовав события, которые были в Петрограде, указав, что теперь начинается движение под лозунгом прекращения войны во что бы то ни стало. Тогда последствия от этого произойдут двоякие: во первых — зависимость от Германии, так как мы дадим ей возможность, заключивши с нею какое нибудь соглашение и выведя себя из театра военных действий, разбить союзников на западном фронте; Германия победит и мы попадем в полную от нее зависимость. Германия смотрит на нас, как на навоз для удобрения германских полей, и будет соответствующим образом третировать нас в будущем. Если мы выйдем из концерта согласия держав в этой войне и допустим даже, что Германия будет побеждена, что ей не удастся победа над союзниками, то тогда нам придется иметь дело с союзниками. Я указал, что сантиментальности в политике не существует, что в политике существуют чисто примитивные соображения о выходе из того или иного положения, указал, что с союзниками мы связаны обязательствами, что союзники потратили колоссальные средства для оказания нам помощи и что никогда раньше до 17-го года мы не были так сильны в смысле снаряжения и так подготовлены для окончания войны, что если мы сейчас бросим свое участие и будем в этом направлении что нибудь делать, то несомненно мы вооружим против нас союзников, счет которых будет чрезвычайно тяжелым, наша зависимость будет уже не от одной Германии, а может быть, от целого ряда государств. Чем же расплачиваться придется нам, — говорил я. Ни для кого не тайна, что мы находимся в самом бедственном положении, и придется расплачиваться натурой: территорией и нашими природными богатствами. И вот наступает в конце концов призрак раздела нашего, мы потеряем свою политическую самостоятельность, потеряем свои окрайны, в конце концов обратимся в так называемую «Московию», центральное государство, которое [будут] заставлять делать то, что им угодно, но то, что обуславливало нашу политическую самостоятельность и свободу, все будет от нас отнято. Суть сводилась к этому. Затем я указал, что союзники действительно в это время еще колебались, еще недостаточно ясно учитывали, какие последствия дадут у нас этот переворот и революция, как они отразятся на войне и они перешли в наступление ‹было› для того, чтобы дать возможность оправиться нашему фронту, т. е. оттянуть немцев на себя. Союзники выполняли это апрельское наступление; я указал на то, что прежде всего здесь мы связаны с союзниками не только какими нибудь обязательствами, а связаны с ними кровью и союзники нам не простят. Я указал на те перспективы, которые казались мне несомненными. И вот мое спокойное об'ективное и совершенно правдивое, без всяких каких нибудь недомолвок сообщение, произвело громадное впечатление на всех присутствующих.

Ко мне начали обращаться команды с тем, что команды желают сами отправиться и, если надо, послать свои делегации на фронт с призывом продолжать войну во что бы то ни стало, что подобное положение является позорным, что мы прежде всего должны закончить войну, что эту войну можно закончить и вот в результате моих сообщений явилась так называемая Черноморская Делегация, которая в мае месяце выехала на фронт и принимала там весьма деятельное участие. Я знаю, что многие деятели не вернулись с фронта, потому что активно старались бывать в передовой линии, — показывать пример. Вот эта Черноморская Делегация, которая поехала тогда по России, сейчас же вызвала у меня через неделю после своего от'езда реакцию, которая заключалась в той же самой пропаганде, которая уже получила характер пропаганды, направленной персонально против меня. Там не выставлялось лозунгов политического характера. Пропаганда эта велась на чрезвычайно примитивной почве; разбивать этих противников было бы в конце концов не трудно, но она в конце концов свое дело делала. Суть сводилась главным образом, насколько мне помнится, к тому, что я являюсь крупным собственником на юге России, что мое постоянное упорство и настойчивость в продолжении этой войны и освобождении свободного выхода и пролива в Средиземное море об'яснялось тем, что я являюсь крупным земельным собственником и для меня выгодно вывозить хлеб на тех условиях, которые представляют из себя эти открытые и свободные проливы — такие заявления делались на митингах на Черном море. В Севастополе затем уже появились признаки довольно скверного свойства: около половины мая один из миноносцев «Жаркий», который должен был итти к неприятельским берегам с каким то поручением, кажется, постановки мин, отказался выйти — это был первый случай [отказа] корабля исполнить боевое приказание, потому что в начале мая я выходил в море и никаких вопросов по этому поводу не возникало. Затем одновременно с этим потребовали смены командира миноносца, старшего лейтенанта Веселаго. Этот Веселаго был отличный молодой командир, прекрасно жил с командой, команда его сама выбирала на какие то выборные должности, от чего он отказывался. И тут совершенно неожиданно команда потребовала его смены. Мотивы сводились к тому, что Веселаго яко бы слишком смело ставит миноносец в опасное положение, — вот единственный мотив, который могла команда выставить против своего командира. Я сказал, что я его не сменю, а миноносец я вывожу из кампании, приказал ему спустить флаг и прекратить свою деятельность, т. е. окончить плавание. Так он и остался. Вместе с тем я послал своего флаг-офицера в Совет Матросских и Солдатских Депутатов. Совет в это время был тоже бессилен что нибудь сделать, хотя он совершенно разделял мою точку зрения, послал своих представителей, но в это время уже поднялась против того состава совета целая кампания. Этот случай был сам по себе не особенно потрясающим и катастрофическим, но он для меня был весьма симптоматичен: выяснилось, что я ничего сделать не могу и сам совет бессилен что нибудь предпринять, кроме разговоров. Веселаго заявил, что он при таких условиях просто не считает возможным оставаться и просил его списать. Пришлось удовлетворить его просьбу и убрать его с миноносца. Вслед за тем такой же случай произошел на другом миноносце «Новик» по совершенно нелепому поводу. Я поехал туда уже сам и, после переговоров с командой, этот инцидент был улажен, так как я им указал, что никаких оснований для подобных выступлений нет. Затем произошло еще одно весьма типичное явление. Какая то комиссия — я точно не знаю в каких отношениях она стояла к Совету, — обнаружила какие то злоупотребления, по крайней мере

так было доложено в порту, по поводу каких то кож, которые там должны быть сдаваемы для прокормления [?!] Черноморского флота, они должны были быть сдаваемы на кожевенный завод. Возникло обвинение против одного помощника заведующего портом. Он был генерал-майор по адмиралтейству, не помню его фамилии. Обвинялся он в том, что эти кожи не сдаются куда следует, они частным образом куда то продаются и ‹что› эта комиссия постановила требовать немедленного ареста этого помощника. Когда следственная комиссия при Совете ко мне явилась, она и раньше приходила ко мне и делала различные заявления по поводу непорядков, я клал свою резолюцию, направлял дело к прокурору, производилось следствие и [он] представлял Совету, в каком положении дело находится, – я вышел к ней и сказал: прошу дать мне список, я сейчас вызову главного военного прокурора и поручу произвести соответствующее расследование по этому делу. Тогда комиссия мне заявила, что она требует его ареста. Я сказал, что арест будет произведен тем лицом, которое будет производить следствие. Когда оно обнаружит признаки преступления, то от этого лица и будет зависить, какие меры пресечения следует приложить в отношении лица, на которое падает обвинение, так как я не знаю, виноват ли он или кто-нибудь другой, так как из доклада этого совершенно не видно. Поэтому я сказал, что я приказа об аресте не дам, покуда я не получу доклада от главного военного прокурора, и‹ли› я ничего не буду делать, и передам Ваше заявление туда. На этом мы разошлись. Затем я совершенно случайно узнал, что они арестовали этого офицера. Я потребовал его немедленного освобождения, я сказал, что я комиссии права не давал производить арест, что этот арест должен быть произведен только судебными властями. Это как раз совпало с переменой личного состава первого совета. Были произведены новые выборы, и в этот совет прошло значительное количество – я прямо это признаю, – солдат Севастопольского гарнизона. Это был элемент уже совершенно другого порядка. Он был там и раньше, но тогда он был в меньшинстве, там преобладали морские команды.

А. Н. Алексеевский: А в то время были у Вас политические комиссары?

Адм. Колчак: Нет, и не было во все время моего командования флотом. Эти обстоятельства в связи с тем, что результата тов. [?!] практических не было – я знаю, там были некоторые лица, которые выступали на митингах от партии с-р от партии с-д, но все это имело чрезвычайно малое влияние, – привели к тому, что дело шло хуже и хуже, и эти события заставили меня задуматься. Состав Совета изменился. Верховский оттуда ушел, часть людей, с которыми я работал в согласии, ушли и заменились другими, и, таким образом порвалась всякая связь у меня с этим Советом: я перестал бывать там, они перестали приходить ко мне. Взвесивши все эти обстоятельства, я признал по совести, что дальнейшее мое командование флотом является совершенно ненужным и что я могу по совести сказать, что я больше не нужен совершенно.

Председатель: Какого партийного состава был новый Совет?

Адм. Колчак: Тогда было разрешено и офицерам и командам записываться в какие угодно партии, но партийность состава Совета я боюсь характеризовать, но общее течение уже складывалось в пользу большевистской партии. Тогда еще оффициально такой партии большевиков не существовало, но настроение носило такой характер. Все же я затруднился [бы] назвать этот Совет большевистским, так как он не носил еще определенной окраски большевизма. Там было выборное начало для офицеров, контроль над действиями командования, т. е. приблизительно та же программа, какая была и в Балтийском флоте. Надо ска-

зать, что тогда в Черноморском флоте не было такого термина «большевик», потому я и не называл его так. Большинство, насколько мне помнится, записывалось в партию с-д, меньшая часть представляла из себя партию с-р. И вот, в конце концов, я решил просить освободить меня от командования по следующим мотивам: общее положение, полное бессилие что-нибудь сделать и совершенная моя бесполезность в той роли, в какой я нахожусь. Управлять флотом так, как я понимал, я считал невозможным и считал неленым занимать место. Поэтому я обратился к Керенскому с просьбой освободить меня от командования. На это Керенский мне ответил, что он считает это нежелательным и просит меня подождать его приезда в Севастополь и надеется, что ему удастся устранить и уладить те трения, которые возникли в последнее время. Я согласился и второй раз уже не настаивал. В сущности говоря, в мае месяце быстро произошел общий и внутренний развал во флоте, тут явилась картина, что державшиеся до того времени рабочие порта, которые все время вели все работы по исправлению, ремонту и т. д. уже к тому времени стали разваливаться. Стали выставляться требования только экономического характера, а производительность все падала и падала с каждым днем, и каждое выведенное из строя судно уже оставалось в бездействии, потому что все работы в порту стали падать. Тем не менее я должен отметить, что известные части команды совершенно не разделяли нового настроения и сохраняли свои понятия о долге, службе. Я упоминал, что в самый печальный период уже окончательного развала флота мне нужно было, ввиду полученных сведений о новых подводных лодках, усилить заграждения Босфора и в самом Босфоре поставить заграждения. Для этого нужно было сделать очень опасное и рискованное предприятие и войти в Босфор на катерах с баркасами, нагруженными минами. Это предприятие носило характер чрезвычайной опасности и риска и потому я вызвал охотников; нашлось столько, что они превышали то число, которое мне нужно было для постановки этих заграждений. Это было в мае. Операция эта была выполнена, но с одним печальным происшествием: ночью на одном из баркасов взорвалась мина, произошло это в Босфоре, их заметили, произошла стрельба, было много раненых, но большинство людей успели вытащить и перенести на другой катер, — это было серьезное предприятие. Я это привожу как характеристику того, что был известный процент людей, которые шли на это, а наряду с этим другое явление—инцидент с миноносцем «Жаркий». К событиям этого времени относится приезд Керенского в Одессу. Я получил приказание прибыть в Одессу с миноносцем с тем, что Керенский из Одессы пойдет в Севастополь на миноносце. Это было около 20 чисел мая. Я к назначенному времени вышел с отрядом из 4-х миноносцев в Одессу и присутствовал там при тех торжествах, которые в честь Керенского были устроены в Одессе, и которые носили такой же характер, как и встреча Гучкова в Одессе месяц тому назад. Затем вместе с Керенским я перешел на свой миноносец и мы отправились в Севастополь. Во время перехода я долго и подробно, почти целую ночь, рассказывал Керенскому о тех обстоятельствах, которые произошли в Черном море, я указал, что считаю совершенно невозможным продолжать свою деятельность, потому что я коренным образом расхожусь в своих взглядах на командование, на дисциплину во флоте, которая теперь проводится, и что я неспособен работать в этой обстановке, что я не отказываюсь по существу от какой бы то ни было работы, и предоставляю себя в полное распоряжение Правительства, но я считаю совершенно бесполезным, может-быть, даже вредным для дела, если я останусь. Я сказал ему: «Я не понимаю, чего вы хотите; для республики во время

войны нужна вооруженная сила, я приложил все усилия, чтобы ее удержать, но раз это выходит из Вашего плана, и это не нужно, зачем я буду продолжать работать». Он на это ответил: «Я считаю наоборот, что правительство это, как и правительство прежнего состава, считает, что вы должны оставаться, что теперешнее правительство признательно Вам за сохранение Черноморского флота в его боевом состоянии, но вы понимаете, что мы переживаем время брожения, тут надо считаться и с возможностью эксцессов». Керенский, как и всегда, как то необыкновенно верил во всемогущество слова, которое, в сущности говоря, за эти два-три месяца всем надоело и общее впечатление было таково, что всякая речь и обращения уже утратили всякий смысл и значение, но он верил в силу слова. Я доказывал ему, что волей неволей к ней [дисциплине] придется вернуться и ему, что так наз. революционной дисциплины не существует и та партийная дисциплина, которую он проводит, это дело совершенно другое, потому что дисциплина, в сущности говоря, которая выражается в известных внешних формах дисциплинарного устава, которая характеризует взаимоотношение начальника и подчиненного, одна и та же во всех решительно армиях и флотах всего мира; и какой бы мы ни взяли дисциплинарный устав, наш или американский, мы найдем там одно и то же, никакой разницы по существу там нет, ‹это› есть детали, а то, что он говорил о примере партийной дисциплины, это есть дисциплина, которая не создается каким-нибудь регламентом, а создается воспитанием и развитием в себе чувства долга, чувства обязательств известных по отношению к родине, и в этом отношении эта дисциплина может быть у меня, может быть у него, может быть у отдельных лиц, но в массе такой дисциплины не существует, и опираться на такую дисциплину для управления массами нельзя. Так мы ни до чего договориться не могли, потому что стояли на совершенно исключающих друг друга точках зрения. По приезде в Севастополь, Керенский об'езжал суда, я был все время с ним. Он был встречен весьма торжественно, говорил речи, но на меня производило впечатление, что он на команды никакого впечатления не производит. Казалось, что все идет хорошо. «Вот видите, адмирал, все улажено, мало ли на что теперь приходится смотреть сквозь пальцы, на многие вещи; я уверен, что у вас не повторятся события, команды меня уверяли, что они будут исполнять свой долг...» После таких переговоров, он в конце концов еще раз обратился ко мне с просьбою от имени «Правительства» оставаться. «Сейчас вас заменить нежелательно, я прошу, чтобы вы продолжали оставаться». Я сказал: «Хорошо, останусь». После от'езда его положение нисколько не изменилось, все продолжалось в том же духе, в каком все это шло раньше и у меня было общее впечатление такое, что его приезд никаких результатов не дал и никакого серьезного впечатления ни в командах, ни в гарнизоне не оставил, хотя он был принят хорошо. Я на некоторое время уходил из Севастополя, ездил в Николаев на заводы посмотреть строющиеся там корабли. Там я узнал о положении вещей на судостроительных заводах: все в сущности шло к полной остановке, к полному прекращению работ. Тем не менее, я все таки продолжал делать то, что делал раньше, продолжал выходить в море, вести работу постановки заграждения, сетей против подводных лодок, по дозорной службе, конвоированию, поскольку это было возможно, поскольку это выполнялось. Затем в июне месяце начали происходить события уже более серьезного характера. Под влиянием агитации среди команд явилось совершенно неожиданное событие на почве вражды с офицерским составом — до того времени таких вопросов не существовало: начали уверять, что офицеры замышляют какую то к[онтр]-революцию. Ни-

какая к-революция со стороны офицерства, разделенного по судам, была не выполнима. Офицерские союзы существовали совершенно открыто, на них могли присутствовать команды и потому, конечно, вопрос о какой-нибудь к-революции совершенно исключался, а наоборот все усилия со стороны командного состава и офицерства заключались в том, чтобы поддерживать правительство и выполнять свой долг по отношению к службе. Это было неожиданно для меня, ‹которая› было совершенно ясно, что это есть работа провокационного характера, которая, конечно, клонится в конце концов к тем событиям, которые имели место в Балтийском море. Я сообщал об этом все время правительству, доносил ему о всех тех событиях и настроениях, которые у меня были в Черном море и предупреждал, что дело становится все хуже и хуже и что я считаю безнадежным положение дела в дальнейшем, но так как я обещал оставаться до последней возможности, то я и не поднимал вопроса о своей смене, так как считал, что она произойдет и без согласия правительства. Я очень часто выступал перед командами, постоянно приезжал и обыкновенно по заведенному ранее порядку меня извещали, что в таком то часу, в таком то месте будет собрание, чтобы я мог взять в учет в случае тревоги готовность флота, чтобы потребовать команду, и все это шло до этого события в совершенном согласии. Теперь же все пошло самочинным порядком, я получал известия стороной, не имея никакой связи ни с какими представителями командных органов. Наконец, случилось весьма характерная вещь. Киселев, оставаясь все время в Севастополе, где проживала его семья — отец, мать, сестра и брат, принимал очень большое участие и помогал мне. Он очень часто выступал, прекрасно говорил, и ему удавалось совершенно срывать ораторов своими выступлениями. Я считаю его одним из самых крупных деятелей на митингах и собраниях, где он оказывал известное влияние на команду своим уменьем говорить с большим воодушевлением. Он у меня часто бывал, я с ним подружился, потому что я видел в нем глубоко порядочного русского солдата, глубоко преданного идее блага родины, и в этом отношении у меня установилась с ним тесная близость. Это был человек совершенно бескорыстный. Затем произошли последние события в начале июля, которые заставили меня уйти с командования помимо желания правительства. В один прекрасный день состоялся митинг на дворе Черноморского экипажа — это огромная площадь, на которой было 15,000 народу, я был на этом митинге — для того, чтобы разбирать вопрос персонально относительно меня. Обвинялся я во первых в том, что являюсь в роде прусского агрария, во вторых, и это уже обвинение совершенно странного свойства, что я ослабляю Черноморский флот выводом из строя судов, при чем приводился в пример миноносец «Жаркий», о котором я сказал, что я его никуда не пошлю и считаю его, как судно, совершенно несуществующим. Было еще одно обстоятельство. Был один старый броненосец «Три святителя», который в виду того, что очень много людей просилось в отпуски и мне нужно было чем-нибудь компенсировать людей на транспортах, я решил вывести из кампании и командой этого броненосца «Три святителя» пополнить команды транспортной флотилии в Одессе. Отпусками к этому времени ведали уже комитеты и все отпуска шли без какого бы то ни было контроля со стороны командования, я же получал только извещения от командира, что не хватает людей, партии не возвращаются, а новые уходят, и это заставило меня прибегнуть к этой мере. В военном отношении это играло очень незначительную роль, это было старое судно, которое должно было осенью быть сдано в порт. Тогда я решил поехать на этот митинг, хотя меня не приглашали. Узнав время, когда будет этот митинг, около 4-х часов дня,

я один, вместе с своим дежурным флаг-офицером, поехал в этот экипаж. Там какие то неизвестные мне посторонние люди начали вести вопрос относительно прекращения войны, представляя его в том виде, в каком велась пропаганда у нас на фронте, что эта война выгодна исключительно известному классу. В конце концов перешли на тему относительно меня, причем я был выставлен в виде прусского агрария. В ответ на это я потребовал слова и сказал, что мое положение материальное определяется следующим: с самого начала войны с 1914 г. кроме чемоданов, которые я имею и которые моя жена успела захватить с собой из Либавы, я не имею даже движимого имущества, которое все погибло в Либаве. Я жил там на казенной квартире вместе со своей семьей. В первые дни был обстрел Либавы, и моя жена, с некоторыми другими женами офицеров, бежала из Либавского порта, бросивши все. Впоследствии это все было разграблено, ввиду хаоса, который произошел в порту. И с 1914 г. я жил только тем, что у меня было в чемоданах в каюте. Моя семья была в таком же положении. Я сказал, что если кто-нибудь укажет или найдет у меня какое-нибудь имение или недвижимое имущество, или какие-нибудь капиталы обнаружит, то я могу их охотно передать потому, что их не существует в природе. Это произвело впечатление и этот вопрос больше не поднимался, затем пошел вопрос относительно инцидента с «Жарким», затем с броненосцем «Три святителя»; действительно, несомненно флот ослаблялся, в виду того, что уходящие периодически в ремонт миноносцы не поступали в срок просто потому, что работа шла отвратительно: такие работы, которые при нормальных условиях требовали трех-четырех часов, производились трое-четверо суток. Я приводил этот пример, сколько времени требовалось, чтобы винт вытащить из ящика и эти факты были приведены мною. Я совершенно определенно и не скрывая того положения, которое создалось в порту и во флоте, сказал, что ослаблять флот с моей стороны, конечно, совершенная бессмыслица, и совершенно бессмысленно возводить на меня такое обвинение. Если кто-нибудь заинтересован, чтобы во флоте был порядок, то, конечно, я первый, и следовательно, трудно мне пред'явить обвинение и заподозрить меня в том, что я умышленно ослабляю флот, ибо это значит рубить сук, на котором я сижу. После этого мне никаких возражений сделано не было. Я сел в автомобиль и уехал. Затем я вернулся к себе на «Георгий Победоносец» и, чем кончился этот митинг, я не знаю, повидимому, он кончился ничем. Вечером я получил в первый раз от нового Совета приглашение придти в Совет на заседание. Как раз приехал Киселев ко мне и сказал, что дело очень плохо, что теперь поставлен вопрос относительно разоружения офицеров и обвинения их в к-революционном заговоре. Данных почти нет никаких, но это теперь пущено кем то и среди команды идет по этому поводу брожение. Совет будет этот вопрос обсуждать, при чем прибавил: «Я советую вам не ехать туда, так как это совершенно бесполезно, делу не поможете, будете резкости говорить, и ничего из этого не выйдет». Он сказал, что он будет на этом собрании, но мне там делать нечего. Я все таки поехал. Я решил посмотреть, так как я никогда еще не видел этих заседаний. Когда я приехал, то увидал, что там идет уже разговор о к-революции, реакции, о реставрации и еще о чем то, и я увидел, что разговаривать об этом было совершенно бесполезно. Там был поднят, между прочим, вопрос о том, что всех офицеров надо немедленно разоружить, потому что иначе они устроят к-революцию. В какой форме, как они ее устроят, с оружием или без оружия, я не знаю, это было настолько бессмысленно и глупо, что я, прослушав несколько речей, обратился к председателю и спросил: «Нужно мне здесь быть и есть ко мне какие-нибудь во-

просы?» Он мне сказал, что вопросов никаких нет; на это я ответил, что если будет нужно, то меня можно будет вызвать, зачем я буду даром терять время, и уехал. Так меня тогда больше и не вызывали. Киселев известил меня, что, повидимому, завтра будет решение относительно разоружения офицеров. На другой день было сделано с одного из линейных судов радио в виде приказа о том, чтоб разоружить всех офицеров, — это было часа в 3–4 дня, — произвести обыски в квартирах и т. д. Сделано это было, нисколько меня не оповещая, и прежде чем можно было на это как нибудь реагировать или снестись и поговорить, это было выполнено, и на некоторых судах было потребовано оружие. Офицеры были на кораблях. Несколько офицеров застрелилось в знак протеста, но в общем никаких эксцессов и историй не произошло. Я сделал распоряжение на своем судне, чтобы никакого сопротивления не было, чтобы не было кровопролития и никакого безобразия на моем судне. Затем я потребовал собрать свою команду «Георгия Победоносца», я сказал им несколько слов по поводу бессмыслицы этого акта, о том, что если даже они боятся, то это бессмысленно совершенно, так как офицеров приходится по 1 на 15–20 человек команды, и никакой по существу опасности для них они представлять не могут. Затем я сказал, что вообще какой бы то ни было к-революции не существует в природе, потому что союз офицеров существует совершенно открыто, он мне лично известен, я знаю все его дела, и я бы сам не допустил в такое время какие бы то ни было выступления, потому что они приблизили бы нас к полной гибели. Я указал им, что мы — старшие офицеры были лойяльны в отношении к правительству, исполняли все его приказания, что, следовательно, вопрос о какой-нибудь к-революции никогда не поднимался. Затем я сказал, что я могу рассматривать это как оскорбление, которое наносится прежде всего мне, как старшему из офицеров, здесь находящемуся, и я сказал им: «с этого момента я командовать вами не желаю больше и сейчас об этом телеграфирую правительству». Затем, я взял свою саблю и бросил ее в воду. Я стоял около трапа и ушел вниз. После этого я послал телеграмму Керенскому об этом событии и указал, что я уже ни при каких обстоятельствах и ни при каких условиях командовать флотом больше не буду, что я передаю командование старшему после себя адмиралу, что в полночь я спускаю свой флаг, который будет заменен флагом старшего по мне. Я написал в письме, что выполнил все то, что я обещал, но командовать больше не могу, и совесть моя чиста. Затем ко мне явилась какая то депутация по поводу отпусков. Я сказал ей, что я больше не командую и просил ее по этим вопросам ко мне не обращаться, потому что я никаких распоряжений давать не буду; затем я вызвал к-адмирала Лукина, командующего линейными кораблями, старшего по мне, и сказал, что я, будучи фактически поставлен в невозможность командовать, приказываю ему вступить в командование флотом и поднять свой флаг. Затем ко мне вечером часов в 8 явилась какая то делегация от Совета, которая без всяких мотивов вынесла резолюцию, что она считает необходимым, чтобы я сдал свое команд. старшему. Я сказал, что командование уже сдал адмиралу Лукину, который вступит в командование; делегация просила, чтобы передали все секретные документы, я сказал: «Принимайте какие хотите документы, но имейте в виду, что это длительное дело. Вы, конечно, можете их принять и рассмотреть». Вместе с тем такое же постановление было относительно к-адмирала Смирнова, моего начальника штаба. Относительно других офицеров никаких постановлений не было сделано. Затем я сказал, что уезжаю к себе домой на берег.

А. Н. Алексеевский: Адмирал Лукин никаких возражений не сделал по этому поводу.

Адм. Колчак: Нет, он все видел и, конечно, возражал, но я сказал ему, что я приказываю, так как сегодня ночью возможна какая нибудь тревога или нападение и я фактически не могу командовать, а он обязан это сделать. Вечером я поехал к себе домой. Вскоре ко мне на городскую квартиру явились еще два три человека, с заявлением, что они уполномочены Исполнительным Комитетом посмотреть, нет ли у меня каких нибудь секретных документов, но так как я на квартире никогда не жил, приезжал туда по вечерам на несколько часов, а жил на корабле, то, конечно, никаких документов у меня быть не могло. Я предложил им осмотреть свой кабинет, они произвели обыск, но ничего не нашли. Я оставался дома. Смирнов пришел ко мне вечером. Когда ко мне явился один из флаг-офицеров и сообщил, что будто бы состоялось постановление о моем аресте, я сказал, что поеду на корабль и буду там ночевать, так как я не хотел, чтобы меня арестовали в моем доме в присутствии моей жены и ребенка. Я уехал на корабль, там я лег спать, а в 2–3 часа ночи меня разбудил флаг-офицер, который сообщил мне телеграмму от Керенского. Телеграмма была направлена по моему адресу и в Совет и еще, кажется, по командам [. Она была написана] в очень резких выражениях ‹, составленная› по поводу безобразия, которое произошло в Черном море, [; в ней говорилось] ‹что правительство считает, что если будет происходить подобные вещи,›, что правительство считает, что подобные выходки являются актом враждебным революции и родине и требует немедленного прекращения всех этих безобразий и возвращения оружия офицерам, а что касается меня, то правительство соглашалось, чтобы я временно передал командование и требовало моего немедленного приезда в Петроград для доклада. На другой день к моему чрезвычайному тяжелому состоянию прибавилось известие, что в Севастополь прибыла Американская Военная миссия адмирала Гленона, которая имела в виду оставаться некоторое время для изучения постановки у меня минного дела и методов борьбы с подводными лодками. Тогда же приехала в Петроград миссия Рута. При ней была морская миссия Гленона, которая приехала ко мне; эта миссия предполагала у меня проплавать несколько времени и познакомиться с положением дела. Я, конечно, немедленно уехал на берег и сказал, что я никого не принимаю и принять миссию не могу, и миссия, ознакомившись с положением вещей, немедленно решила уехать. Приказ правительства был выполнен, оружие было возвращено сейчас же и все опять пришло во внешнее благополучие и спокойствие. Я оставался целый день у меня дома, никто ко мне больше не являлся, ночью я беспрепятственно сел в поезд и поехал в Петроград. В этом же поезде ехала как раз американская миссия Гленона. По прибытии в Петроград я должен был явиться — Керенского тогда не было — к его помощнику Кедрову или Дудорову. Он мне сказал, что правительство в ближайшие дни соберется, что правительством назначается особая следственная комиссия, которая спешно выезжает в Севастополь для разбора всего дела. Председателями этой комиссии были А. С. Зарудный и Бунаков. Между прочим, Зарудный сказал, что все это вздор и все наладится, но я сказал, что это не наладится, так как я был целый месяц в этой обстановке, целый месяц старался всеми зависящими от меня способами как нибудь дело поправить, что я считаю, что дело пойдет все хуже и хуже, во всяком случае я назад не вернусь и командовать при таких условиях не буду. Затем я был принят в Мариинском дворце на заседании правительства. Я сделал доклад, изложил в деталях все то, что у меня было, и затем говорил уже не стесняясь резко, что все это я предвидел и обо всем заранее предупреждал, что я не могу иначе рассматривать деятельность правительства, как ведущую к раз-

рушению нашей вооруженной силы. Я говорил, что гораздо проще было итти совершенно открытым путем, просто напросто распустить команды и прекратить деятельность флота, потому что при таких условиях флот все равно никакой пользы не принесет. Вместе со мной был Смирнов, который тоже говорил на ту же тему. Я указывал, что считаю виною ту политику правительства, которую оно приняло в отношении вооруженных сил: подрыв и развал командования, подрыв его авторитета, постановка командования в совершенно бесправное и беспомощное положение, указывал, что под видом свободы собрания и свободы слова совершенно открыто ведется работа наших врагов. Я глубоко убежден, что во всех этих собраниях, как в Балтийском море, так и в Черноморском флоте, для меня совершенно ясно видна работа не русская, а работа германской агентуры. Указал на целый ряд совпадений и фактов, которые мне были известны по Балтийскому и Черному морям, что в течение революционного периода образцовое состояние Черноморского флота в отношении команды систематически разлагалось у меня на глазах, причем я был бессилен что либо сделать, я был только зрителем, и единственно чем мог я расправляться, это моим нравственным авторитетом и моим влиянием. Я указал, что долго на этом играть нельзя, что потом это все провалится, что про мои команды я в течение целого года ничего кроме хорошего сказать не могу, команды вели себя настолько хорошо, что у меня очень редко заходили дела до конфирмации, и большинство случаев были такого характера, что они разрешались в низших инстанциях. Я не говорю уже о том, что ни одного случая смертной казни не было; были проступки, но характера такого, что до командующего флотом они почти не доходили — и такие команды довели до такого состояния путем систематического планомерного развала. На это меня правительство, бывшее в глубоком молчании, поблагодарило за обстоятельный доклад и отпустило, никакого ответа мне никто не дал.

27 ЯНВАРЯ 1920 ГОДА.

Адм. Колчак: Таким образом я остался в Петрограде ожидать возвращения из Черного Моря комиссии под председательством Зарудного, которая выехала туда в первые дни моего прибытия в Петроград. В ожидании этой комиссии я жил на частной квартире и почти никого не видел, пока ко мне не явился прикомандированный к миссии адмирала Гленона русский офицер, лейтенант, который передал мне пожелание адмирала Гленона видеть меня и переговорить со мною. Зная о целях миссии, я сказал, что пусть он назначит мне время, когда я могу приехать к нему. Адм. Гленон жил в Зимнем дворце. Там [я] был принят Рутом и адм. Гленоном. Гленон сообщил мне, что цель его миссии сделать визит нашему флоту, затем американское правительство интересуется некоторыми вопросами по минному делу и борьбе с подводными лодками и желало бы познакомиться с этим. Кроме [того] совершенно секретно он сообщил мне, что в Америке существует предположение предпринять активные действия американского флота в Средиземном море против турок и Дарданелл. Зная, что я занимался аналогичными операциями, адм. Гленон сказал мне, что было бы желательно, чтобы я дал все сведения по вопросу о дессантных операциях в Босфоре. [Я сказал] что я не отказываюсь от этого и готов поделиться всеми сведениями, которые у меня имеются. Тогда Гленон спросил меня: «Как бы Вы отнеслись, если бы я обратился с просьбой к правительству командировать Вас в Америку, так как ознакомление с этим вопросом потребует продолжительного времени, а ме-

жду тем мы на днях должны уехать». Относительно этой десантной операции он просил меня никому ничего не говорить и не сообщать об этом даже правительству, так как он будет просить правительство командировать меня в Америку, оффициально для сообщения сведений по минному делу и борьбе с подводными лодками. Я сказал ему, что против командирования в Америку ничего не имею, что в настоящее время свободен и применения себе пока не нашел. Поэтому, еслибы правительство согласилось командировать меня в Америку, то я возражать не буду. В то время, как миссия сносилась с правительством, в ожидании ответа от правительства, я начал собирать все необходимые материалы, выписал одного флаг-капитана, который имел на руках все данные по босфорским операциям, словом начал подбирать все материалы, необходимые для этой задачи. Как раз в это время Керенский уехал и потому окончательного согласия со стороны правительства на американскую командировку нельзя было получить. Наконец, ответ получился в положительном смысле, вскоре после приезда Керенского с юго-западного фронта, после наступления 18-го июня. Насколько я знаю, этот вопрос обсуждался тогда в совете министров и совет министров без всяких возражений согласился на командирование меня в Америку. В это время приехал и Зарудный с комиссией. Зарудный заявил мне: «совершенно ясно, что все это работа немецкой агентуры, сколько мы ни расследовали этот вопрос, было ясно, что против Вас команда решительно ничего не имеет. Поэтому Вы должны принести жертву и снова вернуться во флот, так как большинство лучших элементов желает Вашего возвращения». Я сказал, что в Черноморский флот я больше не вернусь, что я считаю себя настолько сильно оскорбленным, что командовать им считаю ниже своего достоинства, и поэтому к командованию Черноморским флотом, ни при каких обстоятельствах, не вернусь. Вскоре после этого, в связи с приездом Керенского произошло положительное решение вопроса о моей поездке в Америку. За все это время я мало кого видел в Петрограде. Меня посещали знакомые офицеры, главным образом офицеры флота, которые упрашивали меня, чтобы я оставался во флоте и не уходил. Я сказал, что я уже принял на себя известное обязательство и что в России сейчас нет применения моим силам. Одно время я хотел уйти на фронт, чтобы меня назначили командовать тяжелой батареей, но после позорного наступления на Юго-Западном фронте 18 июня я решил отказаться от этой мысли. Затем одна группа офицеров обратилась ко мне с просьбой, ввиду невозможности ведения войны в России, но считая необходимым продолжать войну, – сформировать легион из добровольцев и с ним отправиться во Францию. Я одно время остановился на этой мысли, но затем я получил сведения об отношении за-границей к русским частям, ввиду их позорного поведения на французском фронте и отказа драться и участвовать в борьбе. Когда я получил сведения о том, что имя русского во Франции является чем то вроде брани, я пришел к мысли, что рассчитывать на такую работу, какую я имел ввиду, конечно, при этих условиях не приходится. Затем политические деятели, которые заседали в Таврическом дворце, кажется, по делам ликвидации, и с которыми я был знаком еще по Государственной Думе, узнав о моем приезде, пригласили меня. Я приехал и рассказал им о своем положении. Они также говорили мне, чтобы я не уезжал, что я нужен здесь. Я сказал, что я готов ехать куда угодно и делать что угодно, но пусть мне укажут определенно, что я должен делать, что таких указаний я не получаю, обстановка же, в которой я мог бы оказаться, если бы остался в России, такова, что исключает возможность какой-бы то ни было полезной работы

для родины. Я считаю, сказал я, что единственное, чем я могу принести пользу, это драться с немцами и их союзниками, когда угодно и в качестве кого угодно. Я считаю, что это будет единственная служба родине, которую я буду нести, принимая участие в этой войне, которую я считаю самой важной, самым существенным делом из всего того, что происходит, что революция пошла по пути, который приведет ее к гибели, но я не политический деятель; я солдат и поэтому считаю нужным продолжать свою службу, чисто военную. Раз я не могу в России принимать участие в этой борьбе, я буду продолжать ее за-границей (у меня была тогда надежда, что я буду принимать известное участие в Дарданельских операциях). Затем я был еще на нескольких заседаниях Национального Центра, образовавшегося в это время. Там я также сказал, что работать здесь больше не могу, так как уже принял известное обязательство Американскому Правительству и ожидаю только выдачи заграничного паспорта, чтобы ехать с миссией, возложенной на меня Правительством, в Америку. Еще до моего от'езда, произошло выступление большевиков, прибывших из Кронштадта. Как раз в это время я был очень близок к Правительственным сферам, хотя и не принимал непосредственного участия в делах. Кажется, 2 или 3 июля Керенский вернулся с фронта в Петроград. Я несколько раз приходил в Морское министерство с просьбой доставить мне возможность повидать его, но он все время был так занят и передвигался с одного места на другое, так что я не мог его видеть. Между тем, от нег озависело утверждение состава моей миссии: я подобрал специалистов 4 офицеров и надо было от Керенского получить санкцию на этот состав миссии, выдачу заграничных паспортов, средств для поездки и так далее. Поэтому 4 июля, когда вечером началось выступление большевиков, я пришел в приемную морского министра и решил ожидать ‹его›, пока Керенский не явится. Мне сказали, что он должен быть около 12 часов. Я ожидал его прибытия, пока Керенский не приехал. Керенский заявил мне, что он очень занят, должен позавтракать и сейчас же ехать на заседание Совета Министров и что времени у него нет. Я заявил тогда, что у меня также срочные дела, что мне надо получить санкцию на состав миссии и ее отправление. Тогда Керенский сказал мне: «Тогда пойдем завтракать и во время него мне доложите все ваши вопросы». Мы пошли завтракать и, так как Керенский очень торопился, то я рассказывал ему в общих чертах положение создавшееся относительно моей поездки. Во время этого разговора пришел дежурный ад'ютант и доложил, что к Керенскому явилась депутация уволенных старших возрастов, кажется, свыше 42-х летнего возраста (тогда Керенским были устроены периодические отпуски для полевых работ, но все это делалось довольно не систематически и вызывало неудовольствие. Вообще, эта тенденция ухода с фронта в армии и во флоте, особенно в Черноморском, была особенно заметна. Я уже подчеркивал несколько раз, что после первой недели Революции у всех наблюдалось стремление все бросить и уехать домой по своим делам). Когда явилась депутация, [он сказал,] что он не примет ее, так как у него нет времени. В ответ на это депутация заявила, что она не уйдет пока военный и морской министр не даст положительного ответа относительно продления срока отпуска. Тогда Керенский, не кончив завтракать, встал и вместе с присутствующими вышел в приемную и на лестницу, где находилось человек 30 солдат старшего возраста. Они заявили, что, хотя срок отпуска их и вышел, но что у них как раз теперь начинается уборка хлеба, что работников в деревне нет, и что поэтому они просят продлить срок отпуска до окончания уборки хлеба, что иначе они не в состоянии будут убрать хлеб. Керенский ска-

зал, что постановление относительно их возвращения есть постановление Совета Депутатов фронта, что он его утвердил и изменять его не может, не переговоривши с фронтовой организацией, так как продление их отпуска задерживает тех, которые ожидают своей очереди. «Поэтому», сказал Керенский, «я ни в каком случае не отменю этого распоряжения». Это в свою очередь вызвало чрезвычайно энергичные протесты среди депутатов, которые начали говорить, что их берут на фронт, так [тогда] как хлеб также нужен для ведения войны. Один из них обратился к Керенскому с таким заявлением: «Нас около сорока тысяч, а здесь в Петрограде имеется до ста тысяч бездельников, которые никуда не хотят идти. Вы нас посылаете на фронт, потому что мы люди старые, привыкшие к дисциплине, привыкшие исполнять приказания, а вот вместо нас вы послали бы части, которые находятся в Петрограде и которые ничего не делают. Между тем, вы их не можете послать, так как они не хотят идти и вы ничего с ними не можете сделать, от нас вы требуете этого, так как знаете, что мы привыкли исполнять приказания и будем их выполнять». На это Керенский что-то ответил, но в конце концов совершенно неожиданно повернулся ко мне (я стоял сзади его) и сказал: «Говорите с ними, адмирал», и сам ушел. Я остался, кажется, с Бунаковым и, так как был большой шум, раздавались протесты, то я обратился к депутации и сказал, что я не могу говорить сразу с 80–40 человеками. «Я вам не могу давать никаких обещаний, потому что я посторонний человек, но министр приказал мне говорить с вами и я буду говорить, но для этого выберите двух-трех человек, так как я не знаю, в чем заключается дело». Тогда ко мне вышел почтенный старый солдат с георгиевскими крестами и медалями, бывший на японской войне и участвовавший также и в этой войне. Я с ним пошел в приемную, и он начал мне подробно рассказывать о положении. Действительно, положение было трагическое: «Нас тянут на фронт», сказал он, «не для того, чтобы мы воевали, а для того, чтобы поставить нас в тылу на пилку дров, на все интендантские работы. Мы не отказываемся ни от чего, но войдите же в наше положение». Он обрисовал картину положения дома, крайне печальную. «Министр говорит нам, что мы должны выполнить наш долг», сказал мне он; «но мы свой долг выполнили; я веду уже вторую войну и воевал не даром — имею все знаки отличия. Теперь двое сыновей взяты на фронт, дома остались только жена и девочки. Хлеб удалось кое как засеять, собирать же его не дают и в таком положении находятся почти все остальные. Мы просим дать нам возможность собрать хлеб, а затем мы снова можем вернуться на фронт. При настоящих порядках мы могли бы и не являться и никто нас не потребовал бы, но мы привыкли к дисциплине и потому хотели действовать в законном порядке». Выслушав его, я сказал: «Конечно, по моему мнению вы могли бы быть уволены, но, конечно, я дать такого разрешения не могу». Тогда они сказали, что они хотели [бы] получить ответ от министра. Я пообещал им, что сделаю все, что могу, что я постараюсь повидать министра, чтобы выслушать от него тот или другой решительный ответ — положительный или отрицательный. Я вызвал дежурный автомобиль и поехал искать Керенского, я ездил по всему городу, но долго не мог его найти; наконец, случайно в одном из правительственных учреждений я узнал, что он находится в квартире Терещенко на Дворцовой набережной и что там происходит заседание Совета Министров. Я приехал туда, явился в приемную вместе с этим солдатом и стал ждать конца заседания. Когда заседание совета Министров кончилось и они начали выходить, я с солдатом подошел к Керенскому и сказал ему: «Вы приказали мне переговорить; я переговорил и мое мнение таково, что с точки

зрения военной можно было бы разрешить продление отпуска, но конечно я не в курсе дела. Я приехал сюда специально для получения определенного ответа, так как депутация до сих пор сидит в Морском министерстве и ждет от вас окончательного ответа». Керенский на это совершенно определенно ответил: «Нет, никаких отсрочек, никаких отступлений от тех распоряжений, которые были сделаны, не будет». В это время подошли к нам все министры и начали говорить с солдатом, но, повидимому, это на него не производило никакого впечатления. Этим дело и кончилось. Я сел в автомобиль и вернулся к депутации и сказал ей, что видел министра и все правительство и что вопрос о продлении отпуска решен отрицательно. «Я больше [ничего] сделать ‹я больше› не могу». На это мне солдаты заявили, что с этим ответом вернуться не могут и потому они пойдут не к своим, а куда глаза глядят. Между тем, Керенский опять уехал и я не мог с ним переговорить. После ухода депутации я обратился к Дудорову и сказал ему, что мне необходимо переговорить с Керенским. Дудоров сказал мне: «Я скажу вам по секрету, что сегодня в семь-восемь часов вечера Керенский должен уехать. Оффициально он уезжает с Варшавского вокзала, неоффициально же с Царскосельского. У меня также имеются срочные дела и единственный способ поймать Керенского — это сейчас же ехать на вокзал, сесть в поезд, в котором должен ехать Керенский, и на дороге, когда поезд тронется, переговорить с ним обо всем, так как здесь [он] слишком занят. Мы едем до Царского Села, откуда и вернемся». Мы так и сделали, приехали на Царскосельский вокзал, узнали от коменданта, где поезд Керенского, сели в поезд и стали ждать прибытия Керенского. Керенский прибыл, поезд тронулся и я на ходу поезда стал делать подробный доклад и он подписал бумаги, относящиеся к моей миссии. Дудоров также сделал доклад. В конце концов, когда поезд подошел к Царскому Селу, мы оставили его и вернулись в Петроград. Вечером этого дня началось первое выступление против правительства. На следующий день прибыли команды из Кронштадта и произошли те события, которые известны, вероятно, и Вам. Вот все, что я могу по этому поводу сказать.

Алексеевский: Какое впечатление произвели на Вас эти события, какие были причины выступления, какие меры приняло правительство и были ли это те меры, которые нужно было принимать?

Адм. Колчак: Я считаю, что это было выступление чисто большевистского характера. Это подчеркивало прибытие кронштадтских матросов и выступление частей петроградского гарнизона. В Петрограде в это время было около 12.000 войск, которые ничего не делали, только слонялись по улицам и не желали идти на фронт. Мотив был общеизвестный — прекращение войны и роспуск по домам, все же остальные мотивы были привходящими. В связи с событиями Правительство вызвало войска с фронта; эти войска вступили в город и уже после этих событий я видел их входящими в город в очень хорошем порядке. Это были, кажется, велосипедные части, кавалерия и казачьи части. Столкновения, которые были при этом в Петрограде, сводились к столкновениям большевистских частей с казаками. Единственно серьезное дело было около Литейного моста. В это время я как раз выходил от своих знакомых на Шпалерной, так что, хотя я непосредственно и не видел этого столкновения, но слышал стрельбу и видел матросов по Шпалерной. Вообще же, за все это время, никаких ужасов на улицах ни днем, ни ночью не было. Все это произвело такое впечатление, что если бы были взяты войска с фронта, то они бы могли свободно подавить все это движение, так как особых затруднений в этом отношении не

встретилось бы. Кронштадтские команды, пришедшие в Петроград после этого столкновения, произвели разгром, напились и затем сели на суда и уехали в Кронштадт. Все это производило впечатление неорганизованного выступления совершенно нелепого характера.

Алексеевский: У Вас не возникало мысли, что правительство могло бы переменить курс политики в смысле установления более твердой власти в этот момент и что правительство могло стать господином положения и подавить начинавшееся большевистское движение?

Адм. Колчак: Я уверен, что правительство, если бы еще этого хотело, могло бы это сделать, но так как в состав правительства частью входили члены, находящиеся в полной зависимости от Совета Солдатских и Рабочих Депутатов, то оно и не могло ничего предпринять против этого. Там наблюдалась картина полной анархии: в Петрограде существовали два совершенно независимых органа — правительство и Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Они вступали в какие то переговоры, но тем не менее, каждый из них действовал совершенно самостоятельно за свой страх и риск. Те части, которые были настроены большевистски, находились в распоряжении Совета, у правительства были также свои войска. Таким образом, была картина полнейшей анархии и двоевластия, при которой одна власть [не] признавалась и не считалась с другой. Конечно, была полная возможность, если бы правительство захотело этого, устранить это, но там происходили такие события, что когда часть членов Совета была арестована, то Керенский, вернувшись в Петроград, их освободил. Трудно было разобраться, какую игру вел Керенский, но мне представлялось, что он находится в какой то зависимости от Советов, не решается ни в чем выступать против них, а старается вести политику примирения, что конечно осуществить было совершенно невозможно, так как вся политика Совета была определенно направлена к прекращению войны, заключению мира с Германией, выходу из коалиции союзников и к дальнейшему немедленному проведению всех принципов социализма. Между тем правительство все же поддерживало борьбу с Германией и считало необходимым продолжать оставаться против введения в жизнь социализма в том виде, как этого желали большевики. Поэтому правительство и Совет расходились. Даже среди войск существовал полный хаос: никто не знал, кому он подчиняется и чьи приказания он должен исполнять. Части, пришедшие с фронта, были в распоряжении правительства и, сколько можно было судить по внешнему виду, находились в полном порядке, были вполне дисциплинированы, в особенности части кавалерийские. Таким образом с этой стороны вопроса не возникало и, вероятно, они исполнили бы всякое приказание правительства.

Алексеевский: В этот период Вашей жизни Вам было сделано предложение от группы офицеров образовать легион, чтобы выступить с ним на французском фронте. Кто был инициатором, из кого состояла эта группа офицеров?

Адм. Колчак: Трудно сказать. Я помню, фамилии все были незнакомые. Большею частью это были офицеры, которых я встречал в морском генеральном штабе, помню, что в это время мне приходилось встречаться там с Пешковым. Он говорил со мною откровенно и нарисовал мне картину положения наших войск во Франции. Рассказ его и послужил поводом к отказу мосму от работы в этом направлении. Это были люди, которые также не знали, где найти применение своим силам, которым их совесть и долг подсказывали, что в такое время нельзя сидеть сложа руки и смотреть на то, что происходит. Затем большое моральное воздействие оказала еще депутация союза офицеров фронта, в состав

которой входили Новицкий и еще несколько представителей, которые поднесли мне георгиевское оружие и адрес и выразили полное сочувствие. Это было во время или незадолго до июльских событий.

Алексеевский: В это время у Вас возникла мысль, что война дальше продолжаться не может, что надо подчиниться необходимости кончить войну и пойти за той действительной властью, которая представляется Советами?

Адм. Колчак: Нет, такой мысли у меня не явилось: я считал, что войну мы кончить не можем и что ее надо продолжать во что бы то ни стало. Никогда мысль о необходимости кончить войну мне не приходила в голову и я не мог на это пойти. Я встречался с офицерами фронта, знал, что есть части, которые желают драться, во главе наших войск стояло такое лицо как ген. Корнилов, которому армии доверяли и на которое можно было положиться. Корнилов считал возможным дальнейшее ведение войны, так что говорить о каком то мире было бы невозможно.

Алексеевский: Ведь, ген. Корнилов был начальником штаба Юго-Западного фронта во время этого неудавшегося июл[н]ьского наступления и, значит, до известной степени был и автором этого наступления?

Адм. Колчак: Автором был Керенский, Корнилов же являлся только выполнителем.

Алексеевский: Но, ведь, выполнение возлагало известную долю ответственности и на исполнителя. Принимая во внимание, что тогда выяснилось, что наступательные действия для нас невозможны, что армия по крайней мере в половинном составе не желает драться, не стало ли тогда ясно для военных, что войну продолжать мы не можем?

Адм. Колчак: Все считали, что войну продолжать надо во что бы то ни стало и чего бы это ни стоило.

Алексеевский: Среди солдатских масс стали раздаваться голоса, что командный состав, не желая служить под большевистской властью красной демократии, в известной степени стал саботировать. Это выражалось в том, что в критические минуты командование и даже руководство военными действиями стало передаваться в руки комитетов. Так было при операциях под Ригой?

Адм. Колчак: Меня в это время не было, во всяком случае при мне этого не было.

Алексеевский: Не было ли у Вас мысли, которая оправдывала бы эти упреки, а именно, мысли, что уход крупных представителей командного состава с ответственных постов, напр., Ваш уход с поста командующего Черноморским флотом, является саботажем той военной силы, распоряжение которой переходило в другие руки. Не было ли у Вас мысли, что Вашим уходом Вы ослабляете ту остающуюся военную силу государства в виде Черноморского флота, которая была под Вашим руководством?

Адм. Колчак: Нет, этой мысли у меня не являлось: я считал, что поступаю так, как мне подсказывала моя совесть и долг. Я не мог оставаться во флоте, так как меня удалили.

Алексеевский: Вы оставили командование без приказа.

Адм. Колчак: Но я был поставлен в такое положение, что не мог больше командовать. Я сделал то, что я должен был сделать, и считал, что иначе поступить не мог. Что же мне оставалось еще делать — идти на дальнейший позор, на то, чтобы мои приказания не выполнялись. Я оставался на своем посту, пока меня не убрали. Когда меня заставили уйти, правительство на это никак не

реагировало: я сидел в Петрограде 1½ месяца и правительство не делало мне никаких предложений; повидимому, они и сами считали это невозможным. Если бы правительство сделало такой приказ, то я вернулся бы: я всегда был лойялен правительству. Несомненно, что если бы правительством было мне дано такое приказание, то не выполнить его я не мог бы, но в том и дело, что мне только один Зарудный говорил: «Вы должны принести эту жертву и вернуться в Черноморский флот». Я ему на это ответил, что сам я этого вопроса не подниму и сам ни при каких условиях туда не вернусь. Сам я проситься туда не стал бы, но приказание, если бы таковое мне было дано, исполнил бы, так как иначе я должен был бы не признавать правительства. Раз я подчинялся ему и был до последнего дня [лойялен], то выполнил бы все его приказания. Что касается моего отправления в Америку, то оно находилось в тесной связи с согласием английского правительства дать мне возможность поехать через Англию, так как в это время англичане установили на пограничных пунктах свой контроль: англичане контролировали выезд из России тех лиц, которые проезжали через эти пункты. Поэтому я вошел в сношения с английской миссией, сказал им откровенно о цели моей поездки, причем они мне сказали, что было бы лучше, если бы я выехал из России под чужой фамилией ввиду того, что немцы следят за мной и, если им сделается известным мой выезд, то они примут меры. Действительно, один из пароходов, который шел из Христиании в Англию..... (миссия сама была виновата в этом, так как кричала и шумела об этом), в Немецком море был остановлен подводной лодкой в сопровождении миноносца, причем немцы вызвали прямо по списку лиц, которые ехали с этим пароходом и были нужны им, забрали их и отпустили пароход дальше. Англичане по секрету сказали мне, что дадут знать, когда мне следует выехать, чтобы не задерживаться в Норвегии, так как между Бергеном и..... пароходы ходили довольно нерегулярно — иногда через неделю, иногда дней через 10, и поэтому никто не знал, когда пароход может пойти. После двадцатых чисел июля я уехал из Петрограда. За несколько дней до моего от'езда я виделся с Гурко, который в это время уже отказался от командования. Гурко приехал из Кисловодска или Пятигорска. Сначала он поехал на с'езд командующих армиями в Могилеве, куда должен был приехать и Керенский, но присутствие Гурко там оказалось нежелательным, так как он был в обостренных отношениях с Керенским, который заявил: «Если будет Гурко, то я не буду». Поэтому Гурко приехал в Петроград, с намерением вернуться затем на Кавказ. Гурко сообщил мне о положении в армии, но сказал при этом, что надежда на продолжение войны есть, что Корнилов прилагает к этому все усилия. Гурко смотрел на продолжение войны, как на необходимость. Гурко первый приехал ко мне с визитом. На другой день я хотел поехать к нему на квартиру, отдать визит, но узнал, что утром он был арестован и посажен в Петропавловскую крепость. Больше я с ним не виделся. Арест был произведен по ордеру Керенского по поводу каких то документов, которые были найдены у Гурко, кажется, переписка его с бывшим государем. Подробности этого мне не известны, так как вскоре после этого я уехал. Получив от английской миссии уведомление, что мне надо выехать тогда то, я около двадцатых чисел уехал вместе с миссией по жел. дороге на Торнео, Христианию, Берген и действительно совершенно точно приехал к самому отходу парохода. За все время пути ничего замечательного не произошло. В Бергене я провел около суток, пока не пришел пароход. О поездке моей миссии англичане были осведомлены. Я ехал через Швецию под чужой фамилией, причем отношение ко мне было самое любезное. Из Бергена мы пошли в

Лондон, откуда предполагали через Атлантический океан проехать в Америку. В Лондоне я был в начале Августа. В Лондоне я виделся исключительно только с морскими деятелями. Я был у адм. Джелико, который в то время был морским министром – первым лордом адмиралтейства; был несколько раз у Начальника морского генерального штаба Ген. Холль. Ген. Холль заявил мне, что мне придется подождать, так как в ближайшее время пароходов нет, что пароходы все страшно забиты и что мне придется недели две прожить в Лондоне. Тогда, чтобы использовать время, я просил разрешения Джелико познакомиться с морской авиацией и постановкой в Англии морских авиационных станций, чтобы осветить этот вопрос для себя. Для этой цели я ездил по различным заводам и станциям, летал на разведку в море и так дождался момента, когда был отправлен вспомогательный крейсер из Глазго в устье Св. Лаврентия, Галифакс. За все время пребывания в Лондоне я никого, кроме моряков, не видел. Русским морским агентом в Англии в то время был Волков. Видел также русскую морскую миссию, за исключением Ермолова, который в это время, кажется, был во Франции. С Набоковым я также виделся.

Алексеевский: Каково было настроение в военной и морской миссиях и русском консульстве в это время, что говорилось о положении России, отношении союзников и о рассчетах союзников?

Адм. Колчак: Из тех разговоров, которые я вел с нашими миссиями, видно было, что они смотрят на положение вещей очень мрачно и считали, что это неминуемо кончится проигрышем войны и вынужденным соглашением с немцами. Этого они с своей стороны чрезвычайно боялись, так как считали, что в этом случае союзники примут против нас такие же репрессивные меры, как и против Германии. Во Франции в это время было уже такое антирусское настроение, что французы третировали вообще всех русских и называли их не иначе, как «.....» изменник. У меня вначале было желание использовать время пребывания в Лондоне и приехать во Францию, но мне сказали, что лучше туда не ехать, так как настроение там к русским отрицательное. Поэтому я остался в Англии, где существовало все же более терпимое отношение. Правда, газеты уже вели кампанию против Керенского, говорили, что во всем виноват Керенский и характеризовали его словом..... т. е. болтун, но вообще в Англии относились к России и русским скорее положительно. В беседе со мною ген. Холль сказал: «что же делать, революция и война вещи несовместимые, но я верю, что Россия переживет этот кризис, но Вас спасти может только военная диктатура, так как, если дело будет и впредь так продолжаться, то Вы вынуждены будете примириться с немцами и попасть в их лапы».

А. Н. Алексеевский: В русских посольских кругах не было ли сведений по поводу событий в Феврале?

Адм. Колчак: Насколько я знаю, Набоков с самого начала приветствовал это положение и даже его резкие отзывы, которые он поместил о бывшей царской семье, в Англии вызвали большое недовольство против него в видных правительственных сферах, которые считали, что каковы бы ни были его убеждения, но он не имел права, будучи на службе бывшего императорского правительства, так выражаться и высказывать свое порицание персонально бывшей царской семье, в то время, как эта семья была лишена возможности возразить или ответить на это. Благодаря этой бестактной выходке он [не] пользовался влиянием и авторитетом среди англичан, которые в этом отношении очень щепетильны и корректны. Из Глазго я выехал в Галифакс. Англичане, благодаря моему лич-

ному знакомству с адмиралом Джелико, ген. Холлем, были со мной чрезвычайно любезны. Джелико беседовал со мною очень долго по поводу обороны Немецкого моря и минирования немецких берегов. Джелико спрашивал моего мнения по этому поводу и был чрезвычайно любезен. Обыкновенно о таких вещах не сообщают посторонним, он же находил возможным говорить об этом со мной. Таким образом со стороны английского морского начальства отношение было самое корректное и любезное. Их любезность выразилась в том, что нас поместили на этот вооруженный крейсер совершенно бесплатно. [Он] Конвоировал огромный транспорт, «Кармения», идущий в Канаду с больными и ранеными канадскими солдатами. Мы вышли из Глазго и направились в Ирландское море. Несколько сот миль нас сопровождали несколько миноносцев, а затем уже в открытом море мы шли вдвоем. Таким образом, благополучно, не встретив никакого неприятеля, мы пришли в Галифакс, совершив весь переход в 10–11 дней. По прибытии в Галифаксе, нас встретил морской офицер – морской агент Миштовт, который заявил нам, что в Мон-Реале нас встретят представители морского министерства Соединенных Штатов, что нам предоставлен специальный вагон, что мы являемся гостями американской нации и чтобы мы не беспокоились ни о помещении, ни о средствах передвижений, так как все это берет на себя американское правительство. Таким образом мы прибыли в Мон-Реаль, где нам был подан вагон. Туда же прибыли представители морского министерства штатов – два офицера, которые были прикомандированы к моей миссии и которые были раньше в России (один из них, Мак-Кормик, пробывший в Петрограде 4–5 лет, хорошо говорил по русски). Таким образом, с полным комфортом мы прибыли в Нью-Йорк и Вашингтон. По прибытии в Вашингтон, я сделал прежде всего визит нашему послу Бахметьеву и морскому министру, его помощнику, министру иностранных дел, военному министру, словом – всем тем лицам, с которыми мне потом приходилось сталкиваться. После обмена визитами в первые же дни оффициальных приемов я выяснил, что план относительно наступления американского флота в Средиземное Море был оставлен. Его выполнение было невозможно в виду того, что шла перевозка американских войск на французский фронт и производить новую экспедицию на Турцию, Дарданеллы, было бы совершенно невозможно, хотя военные круги и говорили, что это имело бы большое значение, так как захват Константинополя и вывод Турции из состава коалиции послужил бы началом конца всей войны. Тем не менее, выполнить этого было нельзя, так как весь транспорт был занят перевозкой войск на французский фронт.

А. Н. Алексеевский: Думали ли Вы лично, что форсирование Дарданелл американским десантом может дать успех, принимая во внимание неуспех предыдущих англо-французских попыток?

Адм. Колчак: Да, я считаю это возможным.

Алексеевский: Состояние американской армии, как экспедиционного корпуса, давала ли надежду?

Адм. Колчак: Конечно, американская армия не была в состоянии выполнить блестяще эту задачу, но принималось во внимание то положение, что в этот момент Турция находилась в полном истощении. Американцы в этом вопросе базировались, главным образом, на том, что Турция не окажет сопротивления американцам, а даже пойдет навстречу. Как бы то ни было, этот вопрос был решен отрицательно и мне оставалось выполнить только мою миссию, т. е. передать те сведения, чисто технического характера, которые интересовали амери-

канцев. Также, как в Англии, я пользовался здесь полнейшим вниманием со стороны американских и, главным образом, морских властей. После того, как выяснилось, какую работу мне надо выполнить и как использовать привезенные со мною материалы, мне было предложено вместе с моей миссией поехать в Нью-Йорк, к северу от Нью-Йорка, известное место для летних купаний, недалеко от которого находится морская академия. Было условлено, что мы отправимся в Нью-Йорк вместе с прикомандированными офицерами, где разберем все материалы, где нам будет указано, что интересует морское ведомство штатов. Мы уехали в Нью-Йорк и там занимались недели две-три. За все это время в Нью-Йорке я ни с кем не виделся, так как с утра до вечера мы все время проводили в академии и занимались работой. Мне было поручено ответить на некоторые вопросы чисто технического порядка, и я занимался этим делом. Когда я закончил эту работу, я получил приглашение от морского министра познакомиться с американским флотом и непосредственно участвовать в маневрах этого флота в Атлантическом океане. Я, конечно, принял это приглашение вместе с офицерами. За нами пришел миноносец и мы на этом миноносце прибыли на флот, стоявший в..... Около 12 дней я плавал на флагманском корабле американского флота «Пенсильвания», участвуя в его маневрах. Американцы были чрезвычайно любезны не только в смысле внешней стороны, но и в смысле ознакомления меня с организацией маневрирования флота, управления им и т. д. Я привез оттуда чрезвычайно ценные материалы, которые теперь, конечно, имеют для нас только академическое значение. По окончании я решил, что надо возвращаться домой. Я был глубоко разочарован, так как я мечтал продолжать свою боевую деятельность, но я видел, что отношение в общем к русским тоже отрицательное, хотя конечно персонально я этого не замечал и не чувствовал, так как я был гостем нации и приехал в ответ на такую же миссию, которая была у нас и которая была хорошо принята. Тем не менее я видел, что отношение Америки к русским было чрезвычайно отрицательное и оставаться там было тяжело. Я сделал прощальные визиты, представился президенту. Я беседовал с ним несколько минут по поводу положения в России: он расспрашивал меня относительно слухов, дошедших в Америку, о рижских операциях; наш флот тогда был вытеснен из Рижского залива. Он спрашивал — были ли подавляющие силы у немецкого флота и как дело обстояло раньше. Я сказал, что после моего ухода в 16 году была сделана громадная оборонительная работа: была поставлена масса новых орудий, поставлены минные заграждения и т. д., словом была выполнена колоссальная работа, усиливающая позицию, но что я теперь не могу ничего сказать кроме того, что моральное состояние команд [таково], что драться с ними невозможно; он сказал: вероятно, это и есть единственное об'яснение. Затем я решил возвратиться в Россию. Я считал, что моя миссия не удалась, что участвовать в войне мне не удастся и что поэтому надо вернуться в Россию и там искать какой-нибудь работы, соответствующей моим знаниям и способностям.

А. Н. Алексеевский: Не замечали ли Вы в Нью-Йорке или в Вашингтоне, что часть русского общества усиленно работала в пользу немедленного заключения ‹войны› [мира]?

Адм. Колчак: Я с этим совсем не сталкивался. Эта агитация, если она и была, должна была вестись очень осторожно, так как американцы и все правительство страшно муссировали эту войну, старались всеми мерами поднять воинственный дух. Все здания были оклеены плакатами патриотического свойства, и если такая пропаганда велась, то очень осторожно, так как иначе американцы

немедленно прекратили бы ее. Русских печатных изданий я там не видел и все сведения приходилось получать у американских газет, американская же пресса является удивительно несерьезной в смысле непроверенности тех сообщений, которые она дает. Первые сведения о Корниловском выступлении я получил в Мон-Реале, причем это было представлено в таком виде, что все уже кончено, что Корниловым взят Петроград и т. д. и только через несколько дней начали получаться другие сведения. Из Америки я решил ехать в Европейскую Россию, дать о своей поездке отчет правительству и затем начать делать что-нибудь. Довольно долго пришлось дожидаться первого парохода, который шел из Сан-Франциско. Это был японский пароход «Карио-Мару», я решил ехать через крайний запад на восток. Я выбрал тот путь, прежде всего потому, что в это время в Финляндии уже шла борьба, начиналось выступление Маннергейма и враждебные действия, направленные против русских. По некоторым данным я подозревал, что Маннергейм является немецким ставленником. Обсуждая этот вопрос, я считал, что нельзя ехать и через Францию, а затем через Архангельск, так как для этого пришлось бы обратиться к англичанам, мне же не хотелось второй раз прибегать к их любезности. Поэтому оставался только путь через Владивосток, это был к тому же наиболее скорый путь. Я выехал из Сан-Франциско. Как раз в день моего от'езда были получены первые сведения о большевистском перевороте 26 октября, что Керенский бежал, правительство пало, а Петроград находится в руках Советов. Так как до этого я неоднократно читал в американских газетах подобные же сенсации, то особого значения я этому не придал, тем более, что американским газетам верить было чрезвычайно трудно. В Америке остался из моих спутников только один Смирнов, а остальные четыре спутника поехали вместе со мной. Это были — специалист по минному делу лейтенант Безуар, мой флагманский офицер Лечитский и специалист по минным заграждениям Вупч. В Сан-Франциско перед отходом парохода, я получил телеграмму на французском языке из Петрограда от партии к-д., подписанную как будто председателем комитета, где мне было предложено выставить мою кандидатуру в Учредительное Собрание по Балтийскому и Черноморскому флоту. Я ответил на эту телеграмму согласием. «Карио-Мару» держала курс на Иокогаму через Гаван. Переход длился приблизительно 12—14 дней. За все время я был абсолютно отрезан от всего мира, несмотря на то, что на «Карио-Мару» была приемная станция. Пароход был страшно перегружен и только благодаря содействию Лансинга и знакомству в морском мире нам удалось получить места. В Иокогаму мы прибыли около 8—9 ноября. В Иокогаме я был поставлен в курс событий и получил первые сведения о положении в России. Там меня встретил наш морской агент контр-адмирал Дудоров, который сообщил мне, что произошел переворот, что временного правительства не существует и что в настоящее время существует, так называемая, Советская Власть, которая повидимому идет на соглашение с Германией и прекращение войны. Эти известия произвели на меня большое впечатление. Я подробно переговорил с Дудоровым — можно ли верить известию о заключении мира с немцами и нет ли возможности получить более точные сведения. «Вы находитесь в связи с Петроградом, в связи с генеральным штабом, поэтому я прошу обратиться к Альтфатеру или к кому нибудь другому в генеральном штабе, который бы информировал нас о том, что произошло и в каком положении находится фронт и война». Через некоторое время, вскоре после этого получилось известие о брестском мире и переговорах. Это было для меня самым тяжелым ударом, может быть, даже хуже, чем даже в Черноморском

флоте. Я видел, что вся работа моей жизни кончилась именно так, как я этого опасался и против чего я совершенно определенно всю жизнь работал. Для меня было ясно, что этот мир обозначает полное наше подчинение Германии, полную нашу зависимость от нее и окончательное уничтожение нашей политической независимости. Тогда я задал себе вопрос — что же я должен делать? Правительство, которое заключает этот мир, я не признаю, мир этот я также не признаю; на мне, как на старшем представителе флота, лежат известные обязательства и признать такое положение для меня представлялось невозможным. К[Т]огда я собрал своих офицеров и сказал, что предоставляю им полную свободу ехать куда кто хочет, но я считаю возвращение мое в Россию после этого мира невозможным, что я сейчас ничего не могу решить, но поступлю так, как подскажет мне моя совесть. Обдумав этот вопрос, я пришел к заключению, что мне остается только одно — продолжать все же войну, как представителю бывшего русского правительства, которое дало известное обязательство союзникам. Я занимал оффициальное положение, пользовался его доверием, оно вело эту войну и я обязан эту войну продолжать. Тогда я пошел к английскому посланнику в Токио сэру Грину и сказал свою точку зрения на положение, сказал, что этого правительства я не признаю и считаю своим долгом, как один из представителей бывшего правительства, выполнить обещание союзникам, что те обязательства, которые были взяты Россией по отношению союзников, являются и моими обязательствами, как представителя русского командования, поэтому я считаю необходимым выполнить эти обязательства до конца и желаю участвовать в этой войне, хотя бы Россия и заключила мир при большевиках. Поэтому я обращаюсь к нему с просьбой довести до сведения английского правительства, что я прошу принять меня в английскую армию на каких угодно условиях. Я не ставлю никаких условий, а только прошу дать мне возможность вести активную борьбу. Сэр Грин выслушал меня и сказал: «я вполне понимаю Вас, понимаю Ваше положение; я сообщу об этом своему правительству и прошу Вас подождать ответа от английского правительства». Я сказал ему также, что два моих офицера так же смотрят на вещи, как и я, желают разделить мою судьбу; другие же, у которых в России остались семьи, которые они не считают возможным бросить, желают ехать в Россию. Со мною Вуич и Безуар.

Алексеевский: В то время, когда Вы приняли такое тяжелое решение, поступить на службу другого государства, хотя бы и союзного или бывшего союзным, у Вас должна была явиться мысль, что, ведь, существует целая группа офицеров, которые вполне сознательно остаются на службе нового правительства во флоте и что среди них имеются известные крупные величины. Как рассматривали Вы их тогда?

Адм. Колчак: Я считал, что они поступают неправильно, они не должны были оставаться на службе. Я не мог, конечно, рассматривать их всех, как людей бесчестных, но ведь большинство из них было поставлено в безвыходное положение, надо было что-нибудь есть.

Алексеевский: Но ведь там были крупные офицеры во флоте, которые сознательно шли на это, как напр. Альтфатер. Как относились Вы к ним?

Адм. Колчак: Поведение Альтфатера меня удивляло, так как, если раньше поднимался вопрос о том, каких политических убеждений Альтфатер, то я сказал бы, что он был ‹бы› скорее монархистом. Мечтой Альтфатера было флигель-ад'ютантство, он к этому и шел, так как имел большие связи при ставке. И тем более меня удивляла его перекраска в такой форме. Вообще, раньше было трудно

сказать, каких политических убеждений офицер, так как такого вопроса до войны просто не существовало; если бы кого нибудь из офицеров спросили тогда: «к какой партии Вы принадлежите», то вероятно, он сказал бы: «ни к какой партии не принадлежу и политикой не занимаюсь». Каждый из нас смотрел так, что правительство может быть каким угодно, но что Россия может существовать при любой форме правления. У Вас под монархистом понимается человек, который считает, что только эта форма правления может существовать. Я думаю, что у нас таких людей было мало и скорее Альтфатер принадлежал к этому типу людей. Для меня лично не было даже такого вопроса, может ли Россия существовать при другом образе правления; конечно, я считал, что она могла бы существовать.

Алексеевский: Тогда среди военных, если и невысказанная, то все же была мысль, что Россия может существовать при любом правительстве. Тем не менее, когда создалось новое правительство, Вам уже казалось, что страна не может существовать при этом образе правления?

Адм. Колчак: Я считал, что это правительство является правительством чисто захватного порядка, правительством известной партии, известной группы лиц и что оно не выражает настроений и желаний всей страны. Для меня тогда это было несомненно. Я считал, что то направление, которое приняла политика правительства, которое начало с заключения брестского договора и разрыва с союзниками, приведет нас к гибели. Уже один этот факт, обеспечивающий господство немцев над нами, говорил за то, что это правительство действует в направлении нежелательном, отвечающем чаяниям немецких политических кругов.

Алексеевский: В отношении Альтфатера у Вас не явилась мысль, что он может быть назван не только человеком, открыто ориентирующимся на Германию, но и карьеристом?

Адм. Колчак: Я считал Альтфатера карьеристом, который считает возможным делать карьеру; таких людей было много. Другой такой фигурой в нашем флоте являлся Максимов. Бернс мне представлялся с другой точки зрения. Бернс был всегда убежденным германофилом, он был всегда убежден в необходимости связи с Германией и считал величайшей ошибкой наше участие в войне против нее. Это было его глубокое убеждение и с этой точки зрения он и рассматривал все происходившие события. Поэтому я понимал точку зрения Бернса, она могла быть об'ективно оправдана, так как Германия во время войны обнаружила необычайно высокую постановку дела во флоте. Так как вся военная литература, все военные исследования были немецкими, то вполне понятно, что он находился под влиянием немецкой военной и морской школы. Поэтому, я вполне понимаю, что германский империализм, который сказался и в области знания и точной науки, несомненно, имел на него влияние. Я совершенно не отрицаю, что он находился под сильным влиянием этой школы, т. к. вся литература, вся работа в этой области шли из Германии. Это в такой же мере сказывалось и в военном деле, в какой сказывалось и в области техники и технической промышленности. Недели через две пришел ответ от военного министерства Англии. Мне сначала сообщили, что английское правительство охотно принимает мое предложение относительно поступления на службу в армию и спрашивает меня, где я желал бы предпочтительнее служить. Я ответил, что обращаюсь к ним с просьбой принять меня на службу в английскую армию, не ставлю никаких условий и предлагаю использовать меня так, как оно найдет это возможным. Что касается того, почему я выразил желание поступить в армию, а не во флот,

то я знал хорошо английский флот, знал, что английский флот, конечно, не нуждается в нашей помощи. Кроме того, флот гораздо меньше нуждается во внешнем пополнении, т. к. если корабль гибнет, то он гибнет вместе со всем экипажем. Затем, на что же я мог бы претендовать, идя во флот. Я был командующим флотом в Черном море, я бы пошел на какие угодно условия, но сами англичане, которые меня хорошо знают, были бы в ложном положении. Если бы я был молодой офицер, то меня могли бы назначить на какой нибудь миноносец, но тут создалось нелепое положение. Вот почему я подчеркнул, что желаю идти в армию, хотя бы простым солдатом. Таким образом, на запрос английского военного министерства я ответил, что у меня нет ни претензий, ни желаний, кроме одного — возможности участвовать активно в войне. Наконец, очень поздно пришел ответ, что английское правительство предлагает мне отправиться в Бомбей и явиться в штаб Индийской армии, где я получу указания о своем назначении на Мессопотамский фронт. Для меня это, хотя я и не просил об этом, было вполне приемлемо, так как это было вблизи Черного моря, где происходили действия против турок и где я вел борьбу на море. Поэтому я охотно принял это предложение и просил сэра Ч. Грина дать мне возможность проехать на пароходе в Бомбей.

Алексеевский: Встречались ли Вы в Японии с русскими оффициальными кругами?

Адм. Колчак: Да, я встречался там с Крупенским, Игнатьевым и вообще говорил со всем составом посольства.

Алексеевский: Как смотрел Крупенский на политическое положение в России и были у него колебания в отношении правительства большевиков?

Адм. Колчак: У всех, кого я только видел, отношение к этому правительству было отрицательное. Они определенно этого правительства не признавали, не отвечали на его требования, которые поступали и т. д. При мне должен был приехать новый представитель советской власти и вступить в исправление обязанностей посла. Но японское правительство его не допустило. Таким образом, положение наших послов внешне осталось как бы без перемен, но по существу они не были авторизированы никакой властью, существовали как бы по инерции по старым кредитам, которые еще существовали. С ними считались, как с представителями великой державы и таким образом все шло по старому.

Алексеевский: Но, ведь, тогда для оффициальных русских кругов вопрос об отношении к правительству должен был встать хотя бы в грубой материальной форме.

Адм. Колчак: Вопрос этот они решили таким образом: они существуют, пока существуют средства, отпускавшиеся для посольства. Средства эти получались от кн. Кудашева, который получал крупные рессурсы от боксерской контрибуции. Из этой суммы можно было содержать местные посольства, но конечно, можно было ожидать, что китайцы откажутся выплачивать эту контрибуцию и посольствам тогда нужно будет закрыться. Я помню, Крупенский говорил, что в таком случае он закроет посольство, сдаст его под охрану, а сам уедет частным человеком.

Алексеевский: Этих средств хватало только на содержание восточных посольств и местных консульств или их хватало и на содержание всего дипломатического корпуса?

Адм. Колчак: Я боюсь точно сказать, знаю только, что на Востоке посольства существовали на эти средства. Что касается американского посольства, то

Бахметьев располагал огромными средствами и во всяком случае американское посольство в этой помощи не нуждалось.

Алексеевский: Но, ведь, для ‹Керенского› [Крупенскаго] и оффициальных русских кругов в Японии было ясно, что смененное большевистским правительством правительство Керенского также не удовлетворяло требованиям момента и смены этого правительства они желали и раньше. Какого же они правительства хотели?

Адм. Колчак: Они желали, чтобы это правительство было авторизировано Учредительным Собранием. Общее мнение всех лиц, с которыми мне приходилось сталкиваться, что только авторизированное Учредительным Собранием правительство может быть настоящим, но то Учредительное Собрание, которое мы получили здесь, которое было разогнано большевиками и которое с места запело Интернационал под руководством Чернова, вызывало со стороны большинства лиц, с которыми я сталкивался, отрицательное отношение. Считали, что оно было искусственным и партийным. Это было и мое мнение. Я считал, что если у большевиков и мало положительных сторон, то разгон этого учредительного собрания является их заслугой, что это надо поставить им в плюс. Все считали, что нужно создать новое правительство, но что для этого прежде всего надо спросить голоса самой страны. На большевистскую власть смотрели, как на захват власти известной группой, которая не спрашивала, желает ли страна этой власти. Считали, что если такие события произошли, то по всей вероятности, они будут вынуждены прибегнуть к Учредительному Собранию или другому представительному органу, который или авторизирует или назначит другой орган. Таким образом, и к правительству большевиков и к Учредительному Собранию, которое было разогнано большевиками, отношение было отрицательное.

28 ЯНВАРЯ.

А. Н. Алексеевский: Вчера мы остановились на Вашем от'езде по приглашению английского правительства в Месопотамскую армию.

Адм. Колчак: Этими переговорами с английским послом в Токио сэром Грином исчерпываются у меня все встречи более или менее серьезные, которые я имел за время своего пребывания в Японии. Я почти нигде не бывал и виделся только с членами посольства и с членами нашей военной и морской миссии. В конце концов мне удалось в 20-х числах января, после долгих ожиданий, уехать на пароходе из Иокогамы в Шанхай, куда я прибыл в конце января. В Шанхае я явился к нашему Генеральному Консулу Гроссу и английскому Консулу, которому вручил бумагу, определяющую мое положение; я просил его содействия устроить меня на пароходе и доставить меня в Бомбей в Штаб Месопотамской армии. С его стороны было сделано соответствующее распоряжение, но пришлось долго ждать парохода. Когда пароход пришел, на нем обнаружилась чума, его задержали, дезинфецировали, и наконец мы собрались выехать via Шанхай, Гонг-Конг, Сингапур, Коломбо и Бомбей. Из Шанхая я выехал в феврале, ибо там пришлось три или четыре недели ждать парохода. Перед отходом моим я получил письмо от нашего посланника князя Кудашева, который был в Пекине, с просьбой приехать к нему по весьма важному делу для переговоров с ним, я ответил, что если бы это было раньше, я бы мог заехать в Пекин, но теперь я никоим образом не могу изменить своего движения и извиняюсь, что теперь приехать не могу. Затем, еще в Шанхае, я впервые встретился с одним из представи-

телей Семеновского вооруженного отряда. Это был казак, сотник Жевченко, который ехал через Пекин, был у нашего посланника, затем поехал в Шанхай и в Японию с просьбой оружия для отряда Семенова. В гостинице, где я остановился, он встретился со мной и сказал, что в полосе отчуждения произошло [восстание] против советской власти, что во главе восставших стоит Семенов, что у него сформирован отряд в 2000 человек, и что у них нет оружия и обмундирования, и вот он послан в Китай и Японию просить о предоставлении ему возможности и средств закупить оружие для отрядов. Он меня спрашивал, как я отношусь к этому. Я ответил, что как-бы я ни относился, но в данный момент я связан известными обязательствами и изменить своего решения не могу. Он сказал, что было бы очень важно, если бы я приехал к Семенову поговорить, так как нужно, чтобы я был в этом деле. Я сказал: «вполне сочувствую, но я дал обязательство, получил приказание от английского правительства и еду на Месопотамский фронт». С своей точки зрения я считал безразличным, буду ли я работать с Семеновым или в Месопотамии, я буду исполнять свой долг по отношению к родине. В разговоре с нашим агентом я советовал дать средства на приобретение оружия, но средства эти не были даны Жевченко, и он, уехавши в Японию, уже получил согласие от Японского Генерального Штаба на то, что помощь оружием ему будет оказана. И, действительно, японцы послали известное количество оружия, патронов и т. д. Вот самое крупное, что было за время моего пребывания в Шанхае. Из Шанхая я уехал на пароходе в Сингапур. В Сингапуре ко мне прибыл командующий войсками генерал Ридаут приветствовать меня, передал мне срочно посланную в Сингапур телеграмму от директора Осведомительного Отдела Военного Генерального Штаба в Англии. Телеграмма эта гласила так: английское правительство, приняв мое предложение, тем не менее в силу изменившейся обстановки на Месопотамском фронте — потом я узнал, в каком положении дело, но раньше я не мог это предвидеть — считает в виду просьбы обращенной к нему со стороны нашего посланника кн. Кудашева, что будет полезно для общего союзнического дела, чтобы я вернулся в Россию, что мне рекомендуется ехать на Дальний Восток, начать там свою деятельность, и это с их точки зрения является более выгодным, чем мое пребывание на Месопотамском фронте, тем более, что там обстановка совершенно изменилась. Я сделал уже более половины пути, это меня поставило в чрезвычайно тяжелое положение: прежде всего материально – ведь мы все время путешествовали и жили на свои деньги, не получая от английского правительства ни копейки, так что средства у нас подходили к концу и такие прогулки нам были не по средствам. Я тогда послал еще телеграмму с запросом, что это приказание или только совет, который я могу не исполнить. После этого была срочная телеграмма с довольно неопределенным ответом: английское правительство настаивает на том, что мне лучше ехать на Дальний Восток, и рекомендует мне ехать в Пекин в распоряжение нашего посланника кн. Кудашева. Тогда я увидел, что вопрос у них решен. Подождавши первого парохода я выехал в Шанхай, и из Шанхая по железной дороге в Пекин. Это было в марте или апреле 1918 г. В Пекине я явился к нашему посланнику кн. Кудашеву, показал ему все документы, которые я имею, и на основании которых я действую, и сказал ему: «Я прислан в Ваше распоряжение, какую Вы мисеию предполагали возложить на меня?» Он мне ответил: «Я сам настаивал, что Вам делать на Месопотамском фронте, тем более, что там русских частей нет, нечего. Там были русские части, которых англичане поддерживали известным образом, и они вместе с англичанами дрались против турок, но теперь эти

русские части бросили фронт, и этим об'ясняется их распоряжение». Вот каковы были мотивы распоряжения. Князь Кудашев дальше мне сказал вот что: «против той анархии, которая возникает в России, уже собираются вооруженные силы на юге России, где действует добровольческая армия генерала Алексеева, генерала Корнилова» — тогда еще не было известно о его смерти — что необходимо начать подготовлять Дальний Восток к тому, чтобы создать здесь вооруженную силу, для того чтобы обеспечить порядок и спокойствие на Дальнем Востоке. Для этой цели Кудашевым, очевидно, раньше был разработан этот вопрос таким образом, что в полосе отчуждения Китайско-Восточной ж. д. на средства этой дороги, которые предназначались ранее для отдельного корпуса пограничной стражи, которая охраняла ж. д., положить основание вооруженной силы в полосе отчуждения сначала под видом охраны этой полосы отчуждения, а затем, когда эти войска будут обучены и подготовлены, двинуть их за пределы Китайской полосы на Владивосток или куда-нибудь. О Семенове там было известно, что Семенов действует своим отрядом, который поддерживается и материально и оружием и деньгами японцами, что этот отряд пока особого успеха не имеет, он действует на границе Манчжурии, вблизи Забайкальской области, до полосы Манчжурской границы, что у него ожидается приход добровольцев, которые увеличат вооруженные силы, и таким образом можно ожидать, что впоследствии этот отряд выльется в большую вооруженную силу, я спросил, какие у меня будут взаимоотношения с Семеновым, у которого есть приоритет. Он сказал, что Семенов действует в Забайкалье, а мне дается задача работать в полосе отчуждения, причем он прибавил: «Конечно, Вам придется войти с Семеновым в компромис, мне бы хотелось, чтобы Вы взяли на себя заведывание суммами, которые распределяются хаотически: нужно, чтобы эти деньги шли через определенные руки, через Вас. Мне известно, что англичане и французы поддерживают отдельные отряды и формирования, которые образовались в Харбине; но все это делается без всякого плана, отряды эти самочинные, не подчиняются никому, зависят от тех иностранцев, которые им дают деньги и происходит полный хаос. Нужно постараться этот хаос привести в порядок». Я сказал, что займусь этим делом, но прежде всего мне хотелось бы знать, на какие средства и в каком масштабе я могу вести эту работу. Кн. Кудашев мне сказал: «У нас теперь чрезвычайно тяжелое положение с Восточно-Китайской ж. д.: в виду того положения, которое создалось в России, китайцы обнаруживают тенденцию захватить эту дорогу в свои руки, дорога, в сущности говоря, русская; хотя деньги и акции большей частью находились в государственном банке, и только часть находилась сначала в Русско-Китайском, а потом в Русско-Азиатском банке, в ней заинтересованы непосредственно русские и французы, но китайцы хотят воспользоваться этим положением и забрать эту дорогу, — придется вести борьбу. Так как правление Восточно-Китайской ж. дороги было в Петрограде и большая часть его членов осталась там, то он мне сообщил, что Хорват считает необходимым образовать правление Восточно-Китайской ж. д., которое бы уже получило возможность там так или иначе осуществлять свои русские интересы. Вслед затем он сообщил, что план будет выработан и попутно выяснится вопрос о моей деятельности в полосе отчуждения. Вскоре в Пекин прибыли Хорват, Путилов, Гейер; с Хорватом еще прибыли несколько представителей жел. дор. и Русско-Азиатского банка, и их уполномоченный Славута, затем директор отделения Азиатского банка — одним словом лица из состава представителей ж. д. и Русско-Азиатского банка. Хорват мне сказал, что он совершенно согласен с тем взглядом, который

был высказан кн. Кудашевым: прежде всего нужно оформить мое положение, чтобы я мог в полосе отчуждения явиться лицом определенным, чтобы я вошел как член правления в состав правления ж. д. Там в составе правления этой дороги был всегда член правления по назначению Генерального Штаба, который ведал военно-стратегической стороной железной дороги и ее охраной. Я не помню, кто там был раньше, но это был офицер Генерального Штаба, теперь же они предполагали меня просить с тем, что я должен был занимать совершенно определенное официальное положение. Затем было собрание у кн. Кудашева с китайскими представителями, которые по уставу должны были входить в состав правления и совместно было образовано правление Китайской ж. д. под председательством Хорвата. Я вошел в это правление, как военный член согласно уставу, так что с формальной стороны все было сделано правильно. Туда же вошел и Устругов, с которым я впервые тогда познакомился; кн. Кудашев туда не входил, так как он как посланник не мог войти.

А. Н. Алексеевский: В числе лиц этого совещания был и Шталь?

Адм. Колчак: Он был в Пекине, но в правление не входил.

А. Н. Алексеевский: Он был как бы юрисконсультом?

Адм. Колчак: Нет, он не участвовал, акт этот составлял помощник Гейера, я видел его, несколько раз с ним говорил, но участия он не принимал. Все эти лица продолжали заниматься разбором различных дел, в которых я не принимал участия, а я вместе с нашим агентом Татариновым занялся разработкой формирований в полосе отчуждения, составлял сметы и затем я ставил вопрос, где же достать оружие. Единственно, откуда представлялась возможность получить вооружение, была Япония, потому что английское и французское правительства тогда фактически [решили] в лучшем случае поддерживать только деньгами такое предприятие, но ни одной винтовки, ни одного патрона и пулемета они дать не могли. Это могла дать только Япония. Поэтому я на одной из частных бесед с князем Кудашевым и Хорватом сказал, что я считаю необходимым сейчас просить Японию об отпуске нам под те суммы, которые находятся в распоряжении ж. д., или каким нибудь другим путем, но прежде всего надо известное оружие получить, потому что раз мы не будем обеспечены оружием, то формирование вооруженной силы явится невозможным. Тогда кн. Кудашев предложил мне поехать к японскому посланнику Сайде, которому я, не скрывая ни цели, ни смысла всего происходящего, все изложил и сказал, что весь вопрос заключается в оказании нам помощи оружием, я прошу снестись с правительством, какое оружие и в каком размере Военное Министерство Японии могло бы отпустить на предполагаемое формирование воинских частей, и что с моей стороны желание сводится к тому то, — и дал список. Затем ко мне прибыл Попуда и я с ним тоже обсуждал этот вопрос. При переговорах с Попудой относительно оружия, он сказал, что будет телеграфировать об этом в Генеральный Штаб и что в Харбине имеется японская миссия с генералом Накашими во главе и было бы хорошо, если бы я с ним столковался. Он сообщил, что они Семенову передали довольно много оружия и что, вероятно, на известных условиях Япония согласится и нам дать вооружение. На этом мы покончили все дела и переговоры в Пекине и я уехал в Харбин.

А. Н. Алексеевский: Образование нового правления не вызвало ли сомнения в самих участниках Совещания с точки зрения на его образование. Ведь, в сущности говоря, было действительно старое правление, а тут как бы самочинно образовывается новое правление, при чем из старых членов правления

было только два китайских представителя, Хорват и Путилов, – больше никто не оставался из всех остальных лиц. Таким образом, 4-е члена, два русских и два китайских выбрали приблизительно 12 человек и самих себя.

Адм. Колчак: Нет, там было всего 7 или 8 членов. Вопрос стоял таким образом: или правления нет и если мы правление не образуем, то китайцы возьмут дорогу в свое распоряжение. Но китайское правительство не возражало против этого, а оно могло бы легко возражать, это делалось совершенно открыто. Один член правления и был губернатором Гиринской провинции.

А. Н. Алексеевский: Значит, выясняется, что в сущности главным лицом и инициатором всего этого предприятия в смысле образования нового правления Восточно-Китайской ж. д. с созданием не только Управления дороги но и администрации территории в полосе отчуждения, с созданием учреждения, которое ставит себе целью борьбу с большевизмом, был в сущности князь Кудашев.

Адм. Колчак: Я думаю, что кн. Кудашев и Хорват.

А. Н. Алексеевский: Какие нибудь переговоры по этому поводу с посланниками в Пекине были?

Адм. Колчак: Франция была заинтересована, и кн. Кудашев говорил то же самое, что французы в общем относятся недоброжелательно к этому предприятию, они считали, что они имеют право тоже вмешательства в эти дела, но кн. Кудашев как то уладил это дело. В это время происходила смена посланника. Приехал Боб, старый посланник куда то уезжал, и Кудашеву удалось удалить трения, которые происходили с этой стороны. Все же нам препятствия они не ставили.

А. Н. Алексеевский: А Английские дипломатические круги в Пекине имели какое нибудь отношение к этому?

Адм. Колчак: Нет, ни английские, ни американские, ни японские круги не имели к этому никакого отношения; с их стороны никаких вопросов не возникло. После всех переговоров я выехал [через] Мукден на Харбин. Это было в начале или половине апреля по нов. стилю. Прибывши в Харбин, прежде всего, не вступая в должность свою около 10-ти дней, старался присмотреться к тому положению, которое создалось по всей линии отчуждения ж. д. и изучить ту обстановку, которая сложилась на Дальнем Востоке и обстановку военную прежде всего. Как раз во время этого приезда там находился отряд Семенова, который вел активные операции против большевиков и довольно успешно, т. е. ему удалось оттеснить противника за реку Онон, но Ононский мост был взорван красными частями и это остановило движение семеновского отряда и дальше он не пошел. Это было положение у Семенова в полосе от Читы до ст. Оловянная. Средства Семенов получал главным образом от японской миссии в смысле вооружения, денег, снабжения, а отчасти ему помогал Хорват из тех запасов, которые находились в полосе отчуждения ж. д. и принадлежали бывшей там страже этой дороги. В первые же дни мне было совершенно ясно, что Семенов действует, не считаясь ни с Хорватом, ни с его распоряжениями, широко применяя в полосе отчуждения ж. д. реквизиционную систему, т. е. просто забирая все, что можно. Семенов реквизировал все железнодорожное имущество, приставлял револьвер ко лбу и все выносилось. Хорват противился этому, но он не слушался. К этому времени у него явилась идея милитаризации ж. д. с тем, чтобы на ней было военное управление. Я говорил об этом с Хорватом и Уструговым и сказал, что я не верю в возможность милитаризации дороги, потому что здесь нет даже достаточно людей для того, чтобы взять дорогу в военные руки, а отряд Семенова не

содержит в себе тех элементов, которые бы взяли это дело. Я говорил, что милитаризация в моих глазах будет то же самое, что и социализация, т. е. эта дорога перестанет работать и что нужно держать тех техников и служащих, которые работали на этой дороге раньше и базироваться на существующем техническом персонале, но не допускать возможности военного управления дорогой. Таково было мнение Устругова и Хорвата, и этот проект не получил осуществления, по крайней мере в полосе отчуждения. Затем на другом конце ж. д., около ст. Пограничная, находился другой маленький отряд, не более 70-80 человек, есаула Калмыкова. Этот отряд образовался самостоятельным путем, независимо ни от кого, собралась группа офицеров и к ней примкнули уссурийские казаки. Этот маленький отряд находился около ст. Пограничной и, как я вскоре убедился, он пользуется поддержкой в смысле оружия со стороны Японии. Кроме того, Семенова поддерживают усиленно французы, и — представители военной французской миссии перевели ему известные средства. Англичане держались несколько другого положения. Кроме этих двух конечных отрядов по концам дороги — Калмыков пока еще ничего не делал — в самой полосе отчуждения, в Харбине главным образом, находились следующие воинские части: отряд полковника Орлова численностью примерно в 1000 чел., затем отряд полковника Маковкина, состоящий из китайских добровольцев. Это была небольшая часть, в которой было человек 400. Затем было несколько независимо от Орлова и Маковкина формирований на ст. Эхо, 200–300 вер. от Харбина, артиллерийский отряд с несколькими орудиями, кроме того в полосе отчуждения формировался отряд охранной стражи Китайской ж. д., куда принимались добровольцы, в нем было человек 600–700 стражи или даже меньше. Чисто железно-дорожными силами командовал ген. Самойлов. Плешков занимал в это время положение как бы командующего войсками с большим штабом; они начали с формирования больших штабов, не имея никакой вооруженной силы. Все эти отдельные отряды никому и ничему не подчинялись и правление Плешкова было чисто номинальное. Они сносились с штабом по своим нуждам с требованием денег снабжения и вооружения, но когда дело доходило до каких нибудь распоряжений, выходящих из Штаба, они не желали их выполнять. Нужно сказать, что все эти отряды образовались как то стихийно, самостоятельно, никто из них определенными планами не задавался, и поэтому лица, которые стояли во главе таких отрядов были совершенно независимы и самостоятельны, тем более, что иностранцы поддерживали Семенова и Калмыкова, англичане поддерживали немного Орлова — это единственное, что англичане делали и поддерживали только, главным образом, материально, потому что оружия у них не было. Французы присылали немного оружия Семенову, но мало. Американцы никакого участия ни в чем не принимали.

А. Н. Алексеевский: Отряд Маковкина, состоящий из китайцев тоже предназначался для борьбы с большевиками, а не для охраны ж. д.?

Адм. Колчак: Нет, считалось, что китайцы вообще не будут участвовать, этот отряд предполагали для охраны дороги, потому что на китайцев смотрели так, что они вообще драться не будут и на них надеяться нельзя. На них смотрели, как на возможность из'ятия русских от охраны ж. д. но они дальше этой дороги не пойдут. Все эти отряды возникли совершенно самостоятельно, поэтому они сообразовали свои действия почти независимо от кого бы то ни было, подчинялись только своим начальникам, а Штаб пред'являл одни только требования в смысле материального снабжения, деньгами и т. д. Что меня очень опечалило с самого начала, это глубокая рознь между Орловским отрядом и Семеновским.

Они участвовали еще до меня в совместных действиях, но эти совместные действия привели к разрыву и осложнениям между Семеновым и Орловым, и дело дошло до того, что Орловцев невозможно было двинуть на фронт вместе с Семеновцами. Таковы [же] отношения были между отрядами Калмыкова и Врангеля; военная часть Орловского отряда, которая была образована, была в это время на Семеновском фронте, но готовилась отойти оттуда, потому что они свою задачу считали законченной. Эта часть в размере эскадрона с двумя орудиями и пулеметами действовала на семеновском фронте, но там тоже все время шли трения и было желание у этих отрядов выйти из подчинения Семенову.

А. Н. Алексеевский: Каковы были причины этих трений.

Адм. Колчак: Я думаю, что они лежали в характере русских людей, совершенно утративших в это время всякое понятие о дисциплине. Никому не желали подчиняться, кроме самого себя, поэтому каждое распоряжение, которое давал какой нибудь начальник, всегда резко критиковалось, считалось, что оно бессмысленно и возбуждались бессмысленные жалобы на то, что нас, мол, заставляют драться, а своих бережете и т. д. Вот это все привести в порядок и заставить их об'единиться была моя задача, чтобы подчинить их одной власти.

А. Н. Алексеевский: Вы лично в Харбине встретились и с Орловым?

Адм. Колчак: Да.

А. Н. Алексеевский: А раньше Вы этих военных людей знали?

Адм. Колчак: Нет, я в первый раз их видел и узнал, что Орлов был в армии все время, что касается Семенова и Калмыкова, то я их нигде никогда не видал. Политическое положение определялось следующим образом: политическую организацию в Харбине составлял Дальне-Восточный Комитет. В нем было управление Восточно-Китайской ж. д. и находилось то, что называло себя правительством и жило в вагоне – это так называемое правительство Дербера, в которое входил Устругов. Оно состояло преимущественно из представителей торгово-промышленного класса на Востоке.

А. Н. Алексеевский: Но Вы, повидимому, группу Дербера не совсем точно называете правительством, правительством оно назвало себя позднее, а до этого времени оно называло себя Восточным Комиссариатом.

Адм. Колчак: Они называли себя правительством Дербера. Вскоре после этого оттуда вышел Устругов, все посты у них были распределены, Краковецкий был военным министром. Жили они в вагонах, предоставленных им Хорватом. Их деятельность ни в чем не сказывалась, я ни разу не сталкивался с ними ни в какой области, хотя мы жили рядом и стояли на смежных ветках. Министерские посты были у них все распределены, они не делали никаких выступлений, и жили как частные лица и, повидимому, ни во что не вмешивались и никаких претензий ни на что не заявляли.

А. Н. Алексеевский: А Дальне-Восточный Комитет обнаруживал известную деятельность?

Адм. Колчак: Очень слабую, она клонилась к известному поддержанию этих отрядов, кое какие средства они давали. Дальне-Восточный Комитет проявлял чрезвычайно малую и слабую политическую деятельность, они у меня бывали. Но это были только разговоры, а дела они никакого не делали. Что же касается гражданской власти, то на полосе отчуждения была восстановлена та власть, которая раньше там существовала. Там была администрация в руках гражданского управления при управлении и целая система администрации в полосе отчуждения ж. д.

А. Н. Алексеевский: Там был установлен член Директор-Распорядитель при Управлении дороги, который стоял во главе Правления этой дороги.

Председатель: Политическую работу начало вести уже вновь организовавшееся Правление?

Адм. Колчак: Да, другого органа не было.

А. Н. Алексеевский: Каковы были взаимоотношения между Хорватом, который являлся как бы главою правительства, фактически существующего на полосе дороги с Дальне-Восточным Комитетом и группой Дербера?

Адм. Колчак: Что касается группы Дербера, то Хорват считал так: «было бы неудобно выбросить их на улицу, они просили у меня возможности жить, я дал им вагон и я смотрю на них как на частных лиц». Он им покровительствовал, как частным лицам, несмотря на то, что они претендуют на какое то звание членов. Я думаю, что отношение всего правления было такое же, как и отношение Хорвата. Когда обсуждался вопрос о создании какой нибудь власти в полосе отчуждения, то я и некоторые другие заявляли совершенно определенно, что никакого правительства и определенной власти создать в полосе отчуждения, нельзя, потому что это в конце концов территория не русская, и китайцы могут попросить убраться это правительство вон, если бы таковое об'явилось. Дело в том, что положение полосы отчуждения было очень серьезное со стороны китайцев, китайцы уже чувствовали себя хозяевами положения. Это я заметил резкое изменение великолепных отношений, и когда я приехал в Харбин, они взяли совершенно другой тон и другое направление. Я думаю, что Дербер и его сотрудники потому не об'являли себя правительством, что это вызовет конфликт с китайцами. В полосе отчуждения можно было только держаться строго условий, которые поставлены между правительством, но что выходило из этих рамок, могло привести к крайне нежелательным последствиям.

А. Н. Алексеевский: Но тогда не возникали у Вас опасения, что в конце концов с группой Дербера придется столкнуться, как с политическим противником и как с претендентом на то же самое, на что Управление Восточно-Китайской ж. д. претендовало.

Адм. Колчак: Нет, какая же это правительственная власть.

А. Н. Алексеевский: Ведь, по существу это было началом правительственной власти, юридически это не могло быть заявлено по тем соображениям, какие Вы сказали, но по существу, раз это была организация, которая думала создать военную силу и эту военную силу определенным образом наладить по борьбе с большевиками и отнимать у большевиков территорию, то ясное дело, что эта военная сила подчинилась бы каким то директивам правления и она подчинялась бы этому правлению до известного момента и на территории полосы отчуждения и на той территории, которая была бы отнята, начиная с полосы отчуждения. Таким образом, это был зародыш власти, это была власть, но формально ей не было присвоено с самого начала никакого наименования. Но рядом, здесь же на рельсах стоит полный состав претендентов. Для меня не понятно, каким образом со стороны Хорвата было такое великодушие.

Адм. Колчак: Хорват не претендовал на формирование власти; он к этому вопросу относился безразлично, потому что он группу Дербера не считал серьезной, у этих претендентов не было ни денег, ни вооруженной силы, следовательно это была группа лиц, которая могла себя назвать, как угодно, но фактически она не располагала никакими средствами, и со стороны иностранцев никаких отношений к ней не было заметно.

А. Н. Алексеевский: Я думаю, что полезно было бы слышать от Вас соображения о финансовом положении: какие средства были отысканы для этого, в каких размерах и каковы были источники возобновления этих средств?

Адм. Колчак: Я не был посвящен и не входил во все финансовые рессурсы, у меня было условие с Хорватом, что я буду ежемесячно доставлять ведомость и по его распоряжению средства выдавались Начальнику Штаба из Русско-Азиатского банка в Харбине. Приблизительно ежемесячный расход достигал у меня одного миллиона руб. в месяц, которые мне выдавались по моему ордеру. Эти деньги шли на содержание всех отрядов, кроме семеновского и калмыковского.

А. Н. Алексеевский: Знали ли Вы, каковы рессурсы Правления и па что Вы можете рассчитывать?

Адм. Колчак: Мне Хорват сказал, что я могу рассчитывать на средства в пределах одного миллиона руб. в месяц, эта сумма тогда приблизительно отвечала существовавшей потребности.

А. Н. Алексеевский: Здесь возникает вопрос: если бы дело шло успешно, главным образом, на добровольческих началах, если бы было много желающих поступить добровольцами, то как бы Вы отнеслись к этому и до какого состава Вы бы могли бы дойти в формировании новых отрядов?

Адм. Колчак: До состава того корпуса пограничной стражи, которая находилась в полосе отчуждения, а средства для этого корпуса у дороги были. Эти средства шли не только на содержание отрядов Маковкина и Орлова, но я еще вел заготовку по интендантской части, закупку лошадей, обслуживание и приведение в порядок казарм, все это требовало около 1 миллиона рублей, содержание же самих отрядов требовало гораздо меньше.

А. Н. Алексеевский: Хотя корпус был и не пополнен, но все таки по разверстке достигал, повидимому, до 20 тысяч человек?

Адм. Колчак: Да, эта цифра могла бы отвечать той задаче, которую мы ставили. Если бы в дальнейшем потребовались бы средства, то Хорват сказал, что они найдутся. Из 20,000 чел. предполагалось 5000 китайцев оставить для охраны дороги, а 15,000 отнести в действующие части. После отрядов полковника Орлова и Маковкина и артиллерийской части, которая там формировалась, ко мне начали являться другие лица с просьбой формировать новые части, я им отказывал, потому что новых отрядов не к чему было создавать. Приток добровольцев был очень велик и я приступил к вопросу о мобилизации в полосе отчуждения, которая бы могла дать 10,000 чел. в пределах 5 верт. [возрастов?] преимущественно молодых, начиная с самых ранних. По этому велись работы, но осуществить эту мобилизацию так и не удалось. Вот общая картина, которую я застал по прибытии в Харбин. Прежде всего мне хотелось выяснить взаимоотношения с Семеновым. Мне докладывали, что Семенов никому не подчиняется, что он будет действовать за свой страх, самостоятельно и независимо. Я сказал, что я не претендую на то, чтобы командовать им, но что должно быть какое нибудь согласование, нужно определить операционную зону, какая то связь должна существовать, об этом я считал необходимым переговорить с Семеновым и поехать к нему. Перед этим я несколько раз беседовал с главой японской военной миссии генералом Накашима. Генерал Накашима выслушал мои пожелания и размер тех частей, которые я предполагал здесь развернуть; я представил ему все эти сведения о помощи, которую я просил у Японии для содержания этих частей. Он сказал, что так много они не в состоянии дать, так как мы имеем огромнейшие средства во Владивостоке, когда Владивосток будет в наших руках, нам будет

легче, но у нас слишком мало сил, чтобы задаваться такими широкими проектами и он обязуется предоставить сколько нам нужно пулеметов, материалов и т. д.... Затем он неожиданно говорит: «какие Вы компенсации можете предоставить за это?» Меня чрезвычайно удивил этот вопрос, потому что, в сущности говоря, я не являлся лицом, которое могло бы говорить о компенсациях, я смотрел на оружие как на заем, потому что Хорват платит за это оружие. Я вовсе не прошу этого оружия как милости: если у Вас есть оружие, то продайте мне, дорога платит за него, потому что я все равно должен создавать охрану дороги, нужно [....], и дорога вынуждена будет это оружие приобретать. Он сказал, что денежный вопрос его совершенно и не интересует. Я говорю: «какие я, явившийся сюда офицер, член правления дороги, могу Вам компенсации предоставлять, кем я уполномочен на это? Я обращаюсь к Вам и смотрю на это как на заем, если Вам нужно обеспечение, то Хорват даст обеспечение ценностями дороги. Я прошу у Вас так не много, какие тут могут быть компенсации. Вы знаете, что Россия может компенсировать, что угодно, но я не могу вести с Вами переговоры, я никем не уполномочен». Затем я обратился к нему с просьбой: задача наша заключается в том, чтобы об'единить эти части, так как иначе друг без друга они работать не могут, и я хотел бы, если Вы даете Семенову оружие и деньги, то нельзя ли это делать через один источник, хотя бы через Хорвата, чтобы Хорват мог бы распределить те средства, которые извне получаются для вооруженных сил более правильным образом. Затем я сказал, что я считаю, что такая непосредственная помощь начальникам отдельных отрядов есть главная причина недисциплинарности и неподчинения этих частей, все они чувствуют себя независимыми и согласовать действия отдельных частей при таких условиях невозможно. Я думаю, Вы как военный это понимаете, и прошу Вас, если Вы предполагаете какие нибудь средства давать, делать это не непосредственно, [а] через Хорвата, хотя бы под Вашим контролем. Вот разговор, который у меня был с генералом Накашима. Он меня спросил: «Вы к Семенову поедете?» — «Да, я поеду, я хочу с ним договориться о том, какие у нас должны быть взаимоотношения». С этой целью я в начале Мая поехал в Манчжурию, послав Семенову телеграмму, что прошу встретить меня на ст. Манчжурия. По прибытии на ст. Манчжурия мне сообщили, что Семенова нет. Меня это очень удивило, потому что я послал за три дня телеграмму, на фронте было спокойно, но Семенова не было. Через некоторое время я убедился, что тут странная игра, мне донесли, что Семенов находится на ст. Манчжурия. Со мной было взято 300,000 руб. денег, которые я полагал передать от управления дороги. Это обстоятельство меня чрезвычайно удивило, тем не менее я продолжал там стоять и дожидаться. Наконец, мне совершенно определенно сказали, что он здесь находится, но, что он не желает ко мне прибыть, тогда я решил, что вопрос настолько важен, что надо пренебречь самолюбием, я поехал к Семенову, с ним переговорил. Затем мне совершенно определенно заявили, что Семенов получил инструкцию мне ни в коем случае не подчиняться. Я прибыл к Семенову в вагон и спросил: «в чем дело, я приезжаю сюда не в качестве начальника над Вами, я приехал с Вами поговорить об общем деле создания вооруженной силы и нам нужно договориться, в какой мере и в какой степени я могу оказать Вам помощь своим отрядом, потому что средства у нас одни и те же, средства Восточно-Китайской ж. д., и мне, как члену Правления этой дороги, чрезвычайно важно знать Ваши желания и цели для того, чтобы я мог распределять те остатки имущества и ценностей, которые имеются в распоряжении Правления, соответствующим образом. Я привез Вам

денег от Восточно-Китайской ж. д.» Он отвечал мне довольно уклончиво, что он сейчас ни в чем не нуждается, что он получает средства и оружие от Японии и что он не обращается ко мне ни с какими пожеланиями и просьбами. Тогда я убедился, что, в сущности, разговаривать не о чем. Таким образом выяснилось, что Семенов желает действовать совершенно самостоятельно и ни в какие обязательства и связи ни с Правлением ж.-д., ни с Хорватом входить не желает. Тогда я ему сказал: «хорошо, я с Вами не буду разбирать этот вопрос, но имейте в виду, что раз [Вы] со мной не могли договориться и не могли ничего выяснить, то я слагаю с себя всякую ответственность за ту помощь, которую могла бы Вам оказать ж. д., и уже ея средства и рессурсы буду применять к тем частям, которые находятся под моим командованием». Таким образом мы расстались, я уехал обратно в Харбин.

В. П. Денике: Вопроса об ограничении сферы действий Вы с Семеновым не ставили?

Адм. Колчак: Нет, это был очень короткий разговор. После этого я уехал в Харбин и сообщил Хорвату о положении вещей, сказал, что я уже никакой связи не имею с отрядом Семенова, который действует вполне независимо и самостоятельно, и что я буду действовать, заботиться и налаживать работу штаба только на те части, которые фактически находятся у меня в руках. Затем я разработал такой план; я увидел, что создать здесь серьезную вооруженную силу [не] удастся, что единственное место, откуда можно начинать развертывания сил это Владивосток, и что операции надо вести главным образом на Владивосток. Это было мое мнение, которое совершенно не разделялось японским командованием, у них в это время обсуждался вопрос об интервенции, и я думаю, что с японской точки зрения создание вооруженной силы на востоке было в это время совершенно нежелательно. Из дальнейших разговоров я почти убедился, что это так, поэтому они настаивали, чтобы все силы и средства употребить на действия в Забайкалье и передать их в распоряжение Орловского и Семеновского отрядов. Между тем отношения Орловского отряда к Семенову совершенно исключали возможность посылки к нему этих лиц, они бы не пошли. Я об этом серьезно разговаривал с Орловскими офицерами и они заявили, что они ни за что не пойдут.

А. Н. Алексеевский: А вообще Орловский отряд в его составе мог пойти куда бы то ни было?

Адм. Колчак: Я думаю, что мог бы, он потом действовал в Приморской Области по моему плану. Этот отряд увеличился до 2000 человек; добровольцы все таки являлись.

Председатель: Как Вы реагировали на пожелание Японии?

Адм. Колчак: Я считал, что главные действия должны быть на Дальнем Востоке, потому что во Владивостоке были огромные рессурсы и средства, которые бы освободили нас от постоянного обращения за помощью к иностранцам. Хорват был очень огорчен, но что делать, не вести же войну из за этого между собою. Он ставил вопрос так, как он есть. После этого, поговоривши с начальником штаба Орлова, я задал ему задачу строевой подготовки этих частей, чтобы сделать из них регулярные силы, потому что, в конце концов, все это носило характер партизанских нерегулярных воинских частей. Поэтому первой моей задачей было приведение в порядок всех этих частей в дисциплинарном отношении и обучение их стрельбе. Затем я на Сунгури начал образовывать флотилию, использовав морских офицеров команды, которые были добровольцами. Китайцы смотрели на это довольно косо, но каких бы то ни было препятствий в этом отно-

шении не чинили. Одним из первых мероприятий был вывод из Харбина всех воинских отрядов и частей, потому что это был город ниже всякой репутации, пьянство и безобразия непременно связывали с пребыванием воинских частей в Харбине. Поэтому, когда явилась возможность все эти части вывести из Харбина и расслоить их по линии до Пограничной, я это сделал и отряд Орлова был расположен на ст. Пограничная. В Харбине я оставил небольшие части для несения караула. Затем, вскоре после моего возвращения от Семенова ко мне прибыл ген. Накашима, который сообщил, что известный груз артиллерии, снарядов и оружия посылается из Японии в мое распоряжение. Затем он сказал: «Как Вы с Семеновым?» Мне было отчетливо понятно и ясно, что все это дело рук японской военной миссии, и такое обращение ко мне Накашима меня взорвало. Я бываю очень сдержан, но в некоторых случаях я взрываюсь: это была насмешка, я и сказал: «Вы, вероятно, отлично знали, к каким результатам эта поездка поведет; я не знал, но Вы отлично знали. Мне очень хорошо известно, что поведение и отношение Семенова было инструктировано подполковником Куроки, который состоял при нем. Вы можете против этого возражать, но это не меняет положения». Затем он говорит: «Что же отряд Врангеля [вы] возвращаете от Семенова к себе?» — «Ваше превосходительство, отряд Врангеля действует на фронте, и поэтому, независимо от каких бы то ни было отношений моих с Семеновым, я не дам приказания убрать этот отряд, пока начальник не скажет и пока не явится возможность. Не могу я с фронта убрать часть, которая находится в боевой работе». Тогда он говорит: «А Вы бы потребовали, чтобы эту часть вызвать?» Это меня окончательно возмутило, потому что это было бы просто провокационное предприятие: я приказал бы Семенову вернуть отряд, а он не подчинился бы. Я сказал: «я бы, может быть, это и сделал, если бы Вы мне ‹и› не мешали». Одновременно с этим я узнал, что, несмотря на обещания мне и Хорвату передать деньги в наше распоряжение, Накашима через Куроки передал их Семенову. По этому поводу я ему сказал: «у меня к Вам была покорнейшая просьба, исполнение которой я считал важной с дисциплинарной точки зрения: формально мы бы не возражали, и то, что Вы приказали бы, было бы передано. Я указал Вам на те отрицательные результаты, которые получаются при непосредственной передаче этих сумм. Вы обещали, но тем не менее не исполнили, не предупредивши меня. Я должен сказать, что Вы способствуете нарушению дисциплины и порядка в наших частях. Мне не понятны мотивы, по которым Вы это делали, но факт для меня [остается] фактом». После этого мы очень холодно расстались, при чем он мне сказал: «я японский офицер, я никогда не позволил бы себе нарушение дисциплины в каких нибудь других частях. Вы наносите мне тяжкое обвинение, что мои действия нарушают военную дисциплину». На это я ответил: «факты, которые я Вам привел, подтверждают справедливость того, что я сказал». Это привело меня к совершенному разрыву с японской миссией, я никаких дальнейших шагов не предпринимал и в конце концов они задержали мне доставку груза оружия в Дальнем. Эта беседа была последней, содержание которой я не скрывал.

А. Н. Алексеевский: Не приходилось Вам высказывать мнений, которые могли бы быть приняты за выражения Вашего общего отношения к помощи Японии в борьбе с большевиками, которые резюмировались бы фразой: «в конце концов лучше большевики, чем японцы»?

Адм. Колчак: Нет, такой фразы не было сказано, я таких положений не высказывал; кроме того, я знаю хорошо, что против меня на этой почве шла борь-

ба и интриги, которые велись от генерала Плешкова [и] Хорвата для того, чтобы использовать мое японофобство. Собственно говоря, никакого японофобства и японофильства не было, нужно было только получить оружие. Я считал, что все это должно быть оплачено, но те размеры и те средства, которые [я] просил, были по существу так мизерны, что для первоклассной державы говорить о каких то компенсациях за четыре старых гаубицы и десять тысяч винтовок, мне представлялось совершенно абсурдным, потому что сам Хорват говорил, что средства на покупку найдутся, если бы надо было заплатить. К этому периоду пошли слухи о восстании чехов на линии ж. д. и некоторые чехи уже ушли и начали продвигаться по Амурской дороге.

В. Н. Денике: За этот период времени до появления чехов были ли связи у Вас или у окружающих Вас групп с существовавшими на территории России или Сибири антибольшевистскими организациями или чехами?

Адм. Колчак: Нет, такой связи не было, были только слухи, которые сообщали о том, что создается новая власть в Сибири, но о ней я окончательно узнал только осенью, когда приехал из Японии во Владивосток и когда прибыла туда миссия Вологодского.

В. Н. Денике: А с российскими антибольшевистскими организациями, например, Национальным Центром, были у Вас связи?

Адм. Колчак: О России мы узнавали только по слухам, а связи никакой не было. Первое известие, более или менее точное и с опозданием большим, привез приехавший из Добровольческой Армии генерал Степанов, впоследствии бывший у меня Военным Министром. Он привез сведения о том, что делается на юге России. Тогда же приехали Флуг и Глухарев.

А. Н. Алексеевский: Они были в Добровольческой Армии или состояли только в офицерской организации в России? Они, ведь, приехали от Алексеева, имели ли какие нибудь задания или они были людьми, действующими за свой страх и риск?

Адм. Колчак: Они были посланы в Сибирь для осведомительной цели и никакой специальной миссии они не имели. Они все остались здесь, обратно не вернулись, а генералу Алексееву они послали доклад и письма с курьером кружным путем. Кроме того, была послана курьерами группа офицеров, но дошли они или нет, мне неизвестно. После этого я продолжал вести свою работу. Тут было несколько характерных инцидентов, совершенно расстроивших мою возможность работать с японцами. Среди этих инцидентов было два, которые чрезвычайно повредили мне в дальнейшей моей работе и сделали ее почти невозможной. Однажды я получаю телеграмму с одной из станций между Харбином и Манчжурией, где находился интендантский склад, принадлежащий охранной страже манчжурской дороги и где начальником гарнизона был Марковский, — от него же и была телеграмма эта. На станцию прибыл прапорщик Борщевский с отрядом в 20–30 человек семеновских войск, которые реквизировали весь тот склад. Нужно сказать, что там было некоторое количество обмундирования, и что они хозяйничали там, как у себя дома, арестовали смотрителя склада, начальника гарнизона. В этом складе находилось много вещей офицеров, которые ушли на войну и оставили свое имущество в этом складе. Склад был реквизирован и начал грузиться в вагоны. Меня взорвало это предприятие, потому что это было уже вторжение в непосредственно подчиненную мне территорию, без всякого согласования со мною. Я немедленно собрал экстренный отряд человек в 40 под командой 2-х офицеров и экстренным поездом двинул их на эту станцию

арестовать эту компанию и отобрать это имущество. Эта компания была арестована привезена в Харбин и все было обратно возвращено в склад. Затем сейчас же было начато следствие. Большинство солдат, которым, в сущности, нельзя было пред'являть каких нибудь обвинений, потому что они исполняли приказание, были возвращены к Семенову, а Борщевского и других лиц посадили под арест с тем, чтобы предать их полевому суду, чтобы раз навсегда прекратить хозяйничанье. Это вызвало страшный бунт среди японцев и среди семеновцев. Вскоре прибыл сам Семенов в Харбин для об'яснения с Хорватом по разным вопросам и по поводу этого инцидента. Ко мне прибыл Таскин, который состоял при Семенове, с тем, чтобы это дело ликвидировать, что это больше не повторится. Я сказал, что я его не отпущу, покуда не предам его суду, и сделаю то, что суд постановит: постановит суд, чтобы его расстрелять — расстреляю, постановит, чтобы послать его куда нибудь — пошлю. Одним словом, миссия Таскина успеха не имела у меня. В конце концов атмосфера стала чрезвычайно напряженная. Было доведено до сведения, что меня собираются арестовать. Я всегда ходил по городу и продолжал это делать, но я собрал Орловскую часть и сказал, что никаких мер не буду принимать совершенно, потому что это могут быть только одни угрозы, которые не будут приведены в исполнение, но примите все меры по отношению состава поезда Семенова, если со мною что нибудь случится. До этого дело не дошло. В сущности, осталось все, как и было: Семенова я не видел, он переговорил с Хорватом и уехал. Но когда узнали об этом японцы, то они сделали заявление, что они в свою очередь выйдут вооруженной силой, для того чтобы прекратить столкновения, если они возникнут. Все это создало тяжелую атмосферу. Инцидент был мирно улажен, но тем не менее это чрезвычайно повредило моей дальнейшей деятельности. После этого японская миссия повела себя совершенно открыто — к сожалению я сжег этот документ — от инструкторов офицеров я узнал, что японцы начали работать по германской системе над разложением тех маленьких частей, которые у меня были: говорили, чтобы офицеры ушли к Семенову, что у него открываются места. Начальником артиллерии был подан рапорт о том, что Заведующий этой миссией предлагал ему вступить в отряд Калмыкова, где он будет занимать пост Начальника артиллерии. Словом, повелась работа совершенно определенного характера, относительно которой совершенно открыто докладывали Орловцы. Орловцы, которые были твердые и честные люди, возмущались и даже выгнали одного из таких безответственных господ, которые приходили и говорили, чтобы они мне не подчинялись. Это меня глубоко возмутило: я увидел, что раз являются с такими приемами, то работать нельзя. Тогда я обратился через нашего посла Крупенского в Токио с просьбой и с подробным изложением всего того положения, которое у меня было, и о необходимости мне самому поехать в Токио к начальнику генерального Штаба Ихару, и переговорить с ним, что дальнейшая работа в такой атмосфере становится физически невозможной. Хорват тоже был очень обеспокоен этими всеми делами и советовал мне поехать в Японию и договориться там, потому что здесь с этими лицами у меня разговора быть не могло. Тогда я передал командование Штабом Хрещатицкому и в начале июля уехал в Токио. Мне были даны необходимые для этого средства и документы. Я решил совершенно открыто поговорить с Ихарой, а Хорвату я сказал, что если наша работа противоречит японским целям, то мы здесь ничего не сделаем, потому что противодействовать японским директивам у нас средств нет. В Токио я явился к нашему посланнику Крупенскому, изложил ему все, что знал, и просил устроить мне свидание с На-

чальником Генерального Штаба. Крупенский мне говорит: «знаете, Вы поставили себя с самого начала в слишком независимое положение по отношению к Японии и они поняли это. Вы позволяете себе разговаривать с ними слишком независимым и императивным тоном, — это было с Вашей стороны ошибкой; Вы должны были это смягчить, они себе составили мнение о Вас, как о своем враге, который будет противодействовать всем их начинаниям, всему их делу и поэтому они, конечно, Вам не только помощи не будут оказывать, но будут оказывать противодействие Вашей работе». Я говорю: «все эти сведения относительно моего враждебного отношения к Японии идут из определенных источников, но мои поступки не давали никогда основания и повода к тому, чтобы считать меня врагом Японии, я относился к ней, как к союзной державе. Война продолжается, большевистский авангард находится на Дальнем Востоке, больше половины его состоит из мадьярских и немецких частей, все военно-пленные немцы участвуют на стороне большевиков и поэтому я считаю, что я продолжаю войну, которую мы вели раньше и что в интересах Японии оказать мне ту маленькую материальную помощь, за которой я обратился. Повторяю, что эта помощь исчисляется суммами настолько небольшими, что даже китайская дорога гарантировала бы уплату». Мне было устроено свидание с Ихарой, там был помощник начальника Штаба Танака, который теперь состоит военным министром. Я изложил все дело Танака и сказал ему, что с самого начала моего прибытия я совершенно определенно считал необходимым доброжелательные отношения с Японией, на которую я смотрел, как на дружественную державу, от которой я просил только оружия и военного снаряжения, так как никаких других потребностей у меня не было, и я расчитывал, что Япония мне может выдать из своих громадных запасов часть оружия, которое мне нужно, но события получили определенный характер и мне приходится совершенно откровенно узнать Ваше мнение: возвращаться ли мне в Харбин и будете ли Вы мне противодействовать в той работе, которую я Вам изложил, если да, то я считаю, что работать я не могу, а если Вы дадите мне указание, что Вы не вмешиваетесь во внутренние дела и не будете мне препятствовать, то я буду продолжать свою работу. Затем я говою: «я понимаю, Ваше превосходительство, что если бы в моем распоряжении был огромный корпус, к которому можно было бы применять метод разложения по германскому образцу, я бы понял, но у меня только два полка, что же к таким силам применять такие средства. Это по меньшей мере не удобно». Он весьма весело встретил это заявление, потом подумал и сказал: «Знаете, адмирал, останьтесь у нас в Японии; когда можно будет ехать, я скажу Вам, а пока у нас здесь есть хорошие места, поезжайте туда и отдохните». Для меня было ясно и понятно, что ничего из этого пердприятия у меня не выйдет, потому что та линия, которую я взял, неприемлема. Тогда я сказал: «хорошо, я останусь пока в Японии». Я протелеграфировал Хорвату общее содержание этой беседы, остался в Японии и решил немного полечиться, потому что я чувствовал себя не вполне здоровым. Как раз в эти же первые дни моего пребывания до меня дошли известия о Владивостокском перевороте, произведенном чешскими и русскими частями, о том, что отряд Орлова вышел из Пограничной на Гродеково, что во Владивостоке образовалось правительство Дербера, затем, что там появилось Правительство Хорвата с различными органами.

Алексеевский: Скажите, адмирал, Вы знали раньше о намерениях Хорвата об'явить себя Правителем?

Адм. Колчак: Нет, у него таких намерений не было. Это была работа Даль-

не-Восточного Комитета. Если у него эти планы были, то во всяком случае мне не были известны.

А. Н. Алексеевский: Судя по тому манифесту, каким об'явил о своем вступлении в Управление Всей Россией Хорват, этот переворот был подготовляем друзьями и лицами, которые его окружали, — Вы не принадлежали к числу этих лиц?

Адм. Колчак: Я с ним об этом даже не говорил и думаю, что этот переворот подготовлял главным образом Дальне-Восточный Комитет.

А. Н. Алексеевский: Еще один вопрос: Вы покинули Харбин по тем соображениям, которые Вы изложили. Деятельность отрядов Орлова и Семенова в Харбине по внутреннему управлению и несению ими чисто полицейских обязанностей Вами намечалась или даже, может быть, направлялась, или нет?

Адм. Колчак: Нет, они совершенно не несли никаких полицейских обязанностей, я выселил даже одну часть. Они несли только караульную службу.

А. Н. Алексеевский: Но в Харбине были случаи, когда представители отрядов Семенова, Калмыкова и Орлова иногда присваивали себе функции политической полиции и принимали меры ареста, а иногда даже увозы и убийства по отношению к отдельным лицам.

Адм. Колчак: Увозы все время повторялись, но я не могу сказать, что это делали представители всех отрядов, у меня данных определенных нет. Я могу только сказать, что я сам был свидетелем того, что в Харбине арестовывали на улице вечером и в этом отношении отдельные группы действовали совершенно независимо. До моего от'езда было при мне убийство одного учителя Уманского.

30-ГО ЯНВАРЯ 1920 ГОДА.

Адм. Колчак: Ко времени моего приезда наблюдалось, что в самых, казалось бы, маленьких отрядах создавались особые органы контр-разведки. Создание этих органов было совершенно самочинное, т. к. контр-разведка может быть лишь при штабах корпусов. В таких отрядах могут быть лишь разведочные отделения, но контр-разведка, как орган, направленный для борьбы с противником, может существовать лишь в штабе корпуса. Между тем, контр-разведка существовала во всех таких отрядах, в особенности в таких отрядах, которые создавались сами по себе. Там, где впоследствии воинские части создавались на основании всех правил организации, там их, конечно, не было, но во всех самостоятельно образовавшихся отрядах контр-разведка была. Эти органы контр-разведки самочинно несли полицейскую и, главным образом, политическую работу, которая заключалась в том, чтобы выслеживать, узнавать и арестовывать большевиков. Нужно сказать, что эти органы контр-разведки большей частью состояли из людей, совершенно неподготовленных к этой работе, — добровольцев, и по большей части основания, по которым производились все действия этих органов контр-разведки были совершенно произвольными, не предусматриваемыми никакими правилами. Обыкновенно, все контр-разведочные органы должны стоять в тесной связи с прокуратурой и во всех случаях обязаны были действовать, оповещая друг друга, здесь же никакой связи с прокуратурой не существовало и самое понятие «большевик» было до такой степени неопределенным, что под него можно было подвести, что угодно. Какие были причины для этого? Из разговоров с офицерами у меня создалось впечатление, что эти органы были переняты с тех органов, которые существовали в Сибири. Во время большевистской власти в Си-

бири в целом ряде пунктов по жел. дор. существовали такие заставы, которые контролировали пассажиров в поездах и тут же производили их аресты, если они оказывались контр-революционерами. По этому типу и эти отряды создавали у себя аналогичные органы: они занимались совершенно самочинно осмотром поездов и, когда находили кого-нибь., кто, по их мнению, был причастен к большевизму или подозревался в этом, то арестовывали. Такие явления существовали несомненно по всей жел. дор. После моего прибытия туда, когда выяснилась эта картина, я беседовал с начальниками отрядов и сказал, что в сущности, контр-разведка должна быть только в моем штабе, т. к. они мешают друг другу и портят все дело. На это мне совершенно резонно ответили, что мы боремся, и то, что с нами делали, будем делать и мы, т. к. нет никакой другой гарантии, что нас всех не перережут. Мы будем бороться таким же образом, как и наш противник боролся с нами. За нами устраивается травля по всему пути, а там, где мы находимся, мы обязаны таким же образом обеспечить и себя от проникновения сюда лиц, которые являются нашими врагами. Поэтому, хотя такие органы контр-разведки никогда не значились оффициально, на деле они продолжали функционировать. В тех отрядах, которые мне были подчинены, мне удалось поставить дело таким образом, что о производившемся аресте сообщалось немедленно мне и прокурору: арестованные лица передавались прокурорскому надзору и там производилось быстрое расследование дела. Я помню, значительное число бывало арестовано по совершенно неосновательным причинам; когда это выяснялось, то их отпускали, но те лица, которые были персонально известны этим частям, конечно, не выдавались и с ними воинские части расправлялись сами совершенно самочинно, в тех же случаях, когда было только подозрение, они выполняли это требование и передавали прокурорскому надзору и там производилось расследование, которое большею частью не приводило ни к каким результатам. Контр-разведка при штабе у меня была, но контр-разведки при отрядах действовали совершенно самостоятельно. Формально они не существовали никогда и, таким образом, любая часть могла сказать, что никакой разведки у нее нет. С точки зрения всех военных чинов, это было средство борьбы; они говорили: «мы защищаемся, мы ведем борьбу и считаем необходимым применить ту же меру, которую применяли и в отношении нас». Нужно сказать, что в Харбине ходило много рассказов относительно деятельности этих органов. Не знаю, насколько они были справедливы, т. к. это был сплошной кошмар, стоявший на всей линии жел. дор. как со стороны большевиков, так и со стороны тех, которые боролись с ними. Для меня, как совершенно нового человека, это казалось совершенно невероятным; я не верил этому, и считал больше словами, но потом, конечно, ближе познакомился и видел, что на жел. дор. шла все время жесточайшая взаимная травля, как со стороны тех районов, где хозяйничали большевики, так и в тех районах, где хозяйничали их противники. Методы борьбы были одни и те же.

Алексеевский: Когда факты самочинных обысков, арестов и расстрелов устанавливались, принимались ли меры, чтобы привлечь виновных к суду и ответственности?

Адм. Колчак: Такие вещи никогда не давали основания для привлечения к ответственности: было невозможно доискаться, кто и когда это сделал. Такие вещи никогда не делались открыто. Обычно происходило так: в вагон входило несколько вооруженных лиц — офицеров и солдат, арестовывали и увозили. Затем эти лица исчезали и установить, кто и когда это сделал, было невозможно.

Алексеевский: Но, ведь, в самом Харбине или на ст. Харбин имелись определенные полицейские части, которые несли внешнюю полицейскую службу, которая должна была заключаться в недопущении таких самочинных действий. Принимались ли меры, чтобы наружная милиция была господином положения на станции?

Адм. Колчак: На Центральной ст. этого не делалось. Бывали иногда случаи арестов в городе; большей частью это случалось по линии дороги, в самом же Харбине это случалось сравнительно редко, т. к. там был комендант станции, была воинская стража, существовала известная охрана станции. Приведу случай, с которым мне пришлось столкнуться, произошел он на второй день моего приезда и состоял в следующем. Начальником милиции в Харбине в то время был фон-Арнольд, который состоял в канцелярии Хорвата. Утром в тот день он позвонил мне по телефону и по французски сообщил мне, что по дороге от Харбина к бойням (единственная шоссейная дорога) найдено тело убитого учителя Уманского, что уже дано знать прокурору, что он и следователь выехали уже на место и производят дознание. «Я приеду к Вам и все расскажу подробно». Через некоторое время он сам лично прибыл ко мне и сказал, что он сильно подозревает, что это убийство совершено бывшими воспитанниками Хабаровского Корпуса. Кадеты Хабаровского Корпуса были везде: в отрядах Семенова, Орлова, Калмыкова и др.. Уманский недавно приехал сюда, ничего не делал и, очевидно, его убийство находится в связи с теми обвинениями, которые выдвигались против него в том, что будучи в Хабаровске, он выдавал кадет и их родителей якобы участвующих в контр-революционных заговорах, благодаря чему погибло масса народу, вследствие чего, бежавшие из Хабаровска старшие воспитанники корпуса поклялись, что отомстят ему. «Вот все, что я подозреваю», сказал фон-Арнольд, «остальное — дело следственных властей». Расследование как будто дало известные следы, и в конце концов следователь направился в отряд Орлова, но его, конечно, туда не пустили. Ко мне прибыл прокурор и заявил, что они хотят осмотреть все помещение отряда, казармы, автомобили и т. д., но что их туда не пускают. Я немедленно сделал распоряжение не только допустить, но и оказать полное содействие судебным властям в осмотре и обыске, которые они предполагают сделать. На это последовал ответ, что это будет исполнено и они будут допущены. Через некоторое время они были у меня, я спросил их, каковы же результаты. Они ответили: «никаких, имеются сильные подозрения, но ничего определенного нельзя установить». Конечно, самое важное было бы установить, кто оставлял казармы вечером и в течение ночи. Обыкновенно в частях ведутся точные списки увольняемых, в отряде же ничего подобного не было: люди увольнялись просто дежурным офицером, который отпускал их. Никаких книг, никаких списков в отряде не велось. Поэтому установить факт, какие люди были вне казарм, было невозможно, и вся работа прокурора решительно ни к чему не привела. Вблизи этого места, где было найдено тело, был найден свежий след автомобиля, на котором повидимому и было привезено тело, но никаких характерных признаков не было установлено, ни шины, ни размер автомобиля. Таких автомобилей в Харбине сколько угодно и поэтому осмотр автомобилей не дал результатов. Этот случай произошел в первые дни моего пребывания там. Второй случай был таков. Однажды вечером, когда я сидел у себя в вагоне и занимался, мне доложили, что ко мне пришла молодая дама и просит меня принять ее. Я сказал, чтобы ее попросили ко мне; она входит и бросается ко мне с просьбой спасти ее мужа офицера, который на улице

Харбина был арестован офицером Семеновского отряда. «Я знаю, его арестовали по приказанию помощника Семенова, который является его личным врагом. Его приказано арестовать и отвезти в Хайлар, а кого отвозят в Хайлар, тот уже не возвращается назад. Я уверена, что его убьют, и только Вы можете спасти его». Я подумал: я считал, что прежде всего, Харбин ‹не› является частью, в которой распоряжаюсь я, и такие аресты без моего ведома являлись противоречащими основной воинской дисциплине. Семенов мог не считаться со мной, но в Харбине арестовывать офицера без моей санкции он, конечно, не мог. Затем я отлично знал, что разговаривать в данном случае будет совершенно бесполезно, поэтому я вызвал караул, призвал 2-х офицеров и сказал: «вероятно сегодня вечером к поезду, который должен отойти в Хайлар, явится конвой с арестованным офицером, арестуйте их всех и доставьте ко мне». Офицера конвоировала 4–5 солдат и 1 офицер, мною же было послано полроты 20–30 чел. которые были скрыты на вокзале. Когда в вокзал вошел конвой с арестованным офицером, их окружили и заявили: «по приказанию командующего войсками вы арестованы». Те увидели, что сопротивляться бесполезно, т. к. силы были значительно больше, подчинились и были привезены ко мне. Я призвал к себе начальника семеновского отряда. Он заявил мне: «Ваше Превосходительство, я человек подчиненный, мне было приказано моим начальником сделать это, и я должен был выполнить. Я не могу ни оправдываться, ни доказывать, почему я это сделал: я получил приказание от моего начальника доставить в Хайлар и больше ничего не могу сказать. Я выполнил данное мне приказание, все остальное мне неизвестно». Тогда я отпустил конвой, арестованного же офицера оставил у себя. Я призвал его и сказал: «единственный способ спасти Вас — арестовать Вас, чтобы Вы были у меня под охраной». Я так и сделал и отправил его на гауптвахту в орловский отряд. При этом я приказал, чтобы следили за тем, чтобы к нему никто кроме жены не мог проникнуть, в случае же попытки забрать его силой, действовать оружием. Он просидел таким образом некоторое время, затем я передал его Хорвату, который его через некоторое время освободил (я тогда уехал во Владивосток). Вот способ, которым можно было бороться с этим влиянием, но это было возможно только тогда, когда Вы об этом знали. Не приди ко мне его жена, я ничего не знал бы об этом: мало ли офицеров ездит с солдатами; на первый взгляд трудно узнать, ведут ли арестованного или он просто идет с ними. Что касается того, что делал Калмыков, то это были уже совершенно фантастические истории. Я лично, напр., знаю, что там производились аресты, не имевшие совершенно политического характера, чисто уголовного порядка. Там шла напр. правильная охота на торговцев опиумом. По линии Китайской ж. д. ездило постоянно с контрабандой опиума очень много лиц — женщин и мужчин, провозивших опиум, стоивший очень дорого. Здесь очень часто уже не контр-разведка, а просто предприниматели под видом политического ареста выслеживали этих торговцев, арестовывали их, отбирали опиум, и убивали, а в случае обнаружения этого, ссылались на то, что это были большевистские агенты или шпионы. Конечно, это были не большевики, это были просто хищники, занимавшиеся провозом опиума, что давало им большие деньги. За ними велась систематическая охота, при чем занимались и солдаты и вообще частные предприниматели: обычно в вагон входила кучка солдат, заявляла такому продавцу опиума: «Большевистский шпион», арестовывала, опиум вытаскивала и затем убивала его, а опиум продавала.

Алексеевский: Не приведете ли Вы несколько примеров из деятельности

Калмыкова, относительно которого Вы говорите, что она превышала, что делалось тогда?

Адм. Колчак: У него была крупная история, и я не знаю, как она уладилась. Это случилось за несколько времени до моего от'езда. Калмыков поймал тогда вблизи Пограничной шведского или датского подданного, представителя Кр. Креста, которого он признал за какого то большевистского агента, которого он повесил, отобрал у него все деньги, большую сумму, в несколько сот тысяч. Требование Хорвата прислать арестованного в Харбин, деятельность консулов ничему не помогли. Скандал был дикого свойства, т. к. его ничем нельзя было оправдать. Хорват чрезвычайно был обеспокоен этим случаем, но сделать было ничего нельзя, даже денег не удалось получить. Это был форменный случай разбоя. Такие явления по линии ж. д. существовали, и бороться с ними было почти невозможно. Теперь надо посмотреть, что представляла из себя милиция, единственный орган, который мог бы бороться с этими явлениями. Там, где существует организованная полиция, которая ведет наблюдение за порядком, она могла бы не допускать появления самочинных партий, неизвестно кому принадлежащих, которые осматривали вагоны, арестовывали людей и т. д., но ‹нет, что› милиция, существовавшая в то время, может быть, даже сама участвовала в этом. Нужно сказать, что в то время, когда я был в Харбине, милиция представляла нечто потрясающее по своей распущенности и даже по внешнему безобразию. В Харбине на всех улицах была наша и китайская милиция. Китайцы, надо отдать им справедливость, прекрасно несли свою службы; хотя они и не вмешивались ни во что, но во всяком случае китайские посты производили нормальное впечатление людей, стоящих на посту и занимающихся делом и несением охраны города и личной безопасности, но что касается наших милицейских, то они были большей частью распущенные пьяные люди, абсолютно незнакомые ни с какими полицейскими обязанностями, которых китайцы очень часто (мне самому приходилось это видеть) избивали, говоря: «Мы теперь капитаны, Вы теперь ходя». У Арнольда был маленький отряд, составленный из старых полицейских, который дежурил на станции и поддерживал там порядок. Вообще же милиция представляла там один сплошной кошмар.

Алексеевский: Таким образом, не было возможности [принять] какие нибудь систематические меры к обеспечению безопасности личной и имущественной по всей линии ж. д. при помощи формируемых отрядов?

Адм. Колчак: В то время [это] только налаживалось; может быть, впоследствии это и можно было сделать. Когда позже осенью мне приходилось проезжать там, то таких явлений уже не существовало, по крайней мере никто не жаловался. В то же время милиция, охрана и стража по ж. д. находились в таком печальном состоянии, что я глубоко уверен, что те же самые милицейские спокойно занимались подобными предприятиями, ловлей опиоторговцев и т. д.

Алексеевский: Приходила ли Вам мысль, что до Вас и лиц высшего правительственного состава доходят сведения о жертвах такого произвола, только принадлежащих к обществу. К Вам пришла жена офицера, для жены рабочего или крестьянина это было бы труднее не только в смысле физического проникновения, но и в психологическом смысле. Приходила ли Вам мысль, что такие случаи произвола во много раз превышают те отдельные случаи, о которых Вам приходилось слышать?

Адм. Колчак: Я думаю, что все случаи едва ли могли касаться низов, т. к. не было смысла трогать этих людей. По крайней мере со стороны железнодо-

рожных служащих не было жалоб ни на какие аресты или обыски. Да это вполне понятно, т. к. вряд ли для организаторов подобных предприятий имело смысл арестовывать низших служащих.

К. А. Попов: Над кем производились эти расправы?

Адм. Колчак: Большей частью над проезжавшими по ж. д. и, конечно, вся эта работа велась главным образом в классных вагонах. Вопрос стоял таким образом: сколько я представляю, там постоянно ездили из Приамурья, Хабаровска по делам все эти лица. Если встречались лица, которые были известны раньше, то их хватали и арестовывали. Хватали также людей, у которых было известно, есть ценный груз опия. Все это относится к области уголовных деяний.

Алексеевский: Когда мы старались выяснить, почему образуется такая контр-разведка, Вы отвечали, что это метод противника. Вместе с тем, Вы образовали у себя центральную контр-разведку с тем, чтобы упорядочить все эти органы контр-разведки. Те меры и методы, которые применяли эти контр-разведки отдельных отрядов, Ваша центральная контр-разведка также не применяла бы?

Адм. Колчак: Если бы контр-разведка определила бы существование таких большевистских агентов, которых я признавал бы опасными, то, конечно, их приходилось бы арестовывать. Каждый из начальников может вступить на этот путь, может делать, что угодно, но в пределах известных законоположений, в пределах законных норм. Я всегда стоял на этой точке зрения: можно расстрелять, можно проделать, что угодно, но все должно быть выполнено на основании законных норм. Такие вещи, как аресты, производимые контр-разведкой, которые подвергались расследованию, о которых доносилось прокурору, можно было делать. При мне лично за все время не было ни одного случая полевого суда. Было штабом арестовано несколько лиц, приехавших из Владивостока с целью закупки хлеба, при чем у них были отобраны деньги. Затем было рассмотрено, какие это были деньги — общественные или частные; общественные были сданы в банк, частные же возвращены. Потом, насколько помнится, эти люди были освобождены, т. к. против них не было никаких улик. Они, действительно, принадлежали к большевистской организации и приехали закупить хлеб, но все же не было никаких оснований делать что либо с этими людьми.

Алексеевский: Вам говорили, что это метод, усвоенный противником, но признавали ли Вы, что это закон?

Адм. Колчак: Нет, не признавал. Несомненно, нужно было так бороться, и я считал необходимым это делать, но я не допускал, чтобы это делалось самочинными, неизвестными мне организациями.

Алексеевский: Офицеры говорили Вам, что они могут быть вырезаны своим противником, если не усвоют себе методов защиты противника. Я ставил Вам вопрос, что эти аресты должны быть более многочисленны в массах населения, по Вашему же мнению эти аресты производились, главным образом, среди пассажиров. Следовательно, среди русского населения Манчжурии как будто не было большевиков, не было тех агрессивных норм боевого большевизма, как в России и Сибири: Вы должны были заметить, когда при Вас ссылались на необходимость создавать контр-разведку в Манчжурии, что это оговорка или повод для проявления..... в офицерстве.

Адм. Колчак: Повторяю, что основания для этого были. Конечно, вполне понятно, что когда ведется борьба, то нежелательно, чтобы на территорию, на которой Вы ведете борьбу, проникали агенты противника, но здесь вопрос другой: большею частью это был вопрос мести. Люди, которые пробрались сюда с

величайшим риском и опасностями, хотя бы через Слюдянку, где погибло по крайней мере до 200 офицеров, люди, прошедшие через эту школу, конечно, выслеживали лиц, которых они знали в дороге и, конечно, метили. Для меня было ясно, что главным мотивом этой деятельности является месть, что все те ужасы, которые творились по линии ж. д. происходили на почве мести.

В. П. Деникe: Здесь отчетливо освещены Ваши отношения с Семеновым, но для меня не ясна роль Хорвата по отношению к Вам и Семенову с одной стороны и с другой — роль Хорвата по отношению к Японии.

Адм. Колчак: Хорват все время держался странной политики примирения. После отделения Семенова, который не признавал ни Хорвата, ни меня, Хорват все же против моего распоряжения оказывал Семенову помощь. На этой почве у меня было с ним несколько случаев столкновения, т. к. Хорват давал известные предметы снаряжения из запасов жел. дор. Семенову, тогда как я настаивал, что этой передачи не должно быть. Это могло держаться [делаться] с моего ведома, но Хорват делал это несколько раз помимо меня, и это вызывало столкновения. В отношении японцев Хорват в то время держался политики необострения отношений, хотя вообще он с ними не работал и связи с ними не имел.

В. П. Деникe: Вас он поддерживал во всем?

Адм. Колчак: Я думаю, что меня он не поддерживал; в связи с отношением Семенова и японцев я сказал Хорвату, — в таких условиях работать невозможно, что обстановка, которая создается в полосе отчуждения, исключает всякую возможность сохранить наше положение, наш престиж, и в этом случае я видел, что Хорват работает против меня. Он считал, что я слишком беспокоен и слишком несдержан и возможно, что Хорват желал от меня отделаться.

Алексеевский: Отношение Хорвата к репрессиям против большевиков каково было?

Адм. Колчак: Хорват глубоко возмущался всем этим и со своей стороны делал все, поскольку это зависело от него, чтобы прекратить это. Когда случилась эта история у Калмыкова со шведским подданным, то Хорват наложил запрет на то оружие, которое предназначалось для отряда Калмыкова и прибыло на ст. Харбин, чтобы воздействовать на него, но это оружие принадлежало японцам, и в конце концов ему пришлось его выпустить.

Алексеевский: Значит, он был человеком, который если стремился вести борьбу с большевиками, то в пределах законных норм. Был ли он в этом смысле более решительным, чем Вы, он ли Вас сдерживал или Вы его?

Адм. Колчак: В этом отношении мы не расходились: Хорват все время стоял на точке зрения законных форм борьбы. Вообще я не могу говорить об его борьбе с большевиками, т. к. в то время борьба только подготовлялась. В отношении железно-дорожников, которые ему были подчинены непосредственно, он старался держаться политики примирения, успокоения и удовлетворения всех требований, которые выставлялись железно-дорожниками. Таким образом, меры, кот. он принимал, были всегда в высшей степени гуманными; он старался достигнуть всего добром, путем сглаживания острых углов, разговаривал постоянно с рабочими и вносил много успокоения в эту среду. Насколько знаю, там была одна только забастовка, когда были остановлены поезда, при чем мой поезд был об'явлен свободным для движения и я прекрасно ездил. Стачка была прекращена, насколько помню, без всяких репрессий со стороны Хорвата.

Алексеевский: Теперь продолжайте Ваш рассказ.

Адм. Колчак: Я понял, что мое возвращение нежелательно. В это время готовилась интервенция, т. е. ввод иностранных войск на нашу территорию. По всей вероятности, впечатление, которое осталось у японцев было таково, что я буду мешать этому делу. Поэтому они желали, чтобы я не вмешивался в дела Востока.

Алексеевский: Доходили ли до Вас слухи, что параллельно с властью Дербера существует власть областного земства. Каково было Ваше отношение к этим трем организациям власти?

Адм. Колчак: Из тех сведений, которые у меня имелись, я мог знать, более или менее определенно, только состав правительства Дербера, так как стоял в Харбине рядом с ними в вагонах. Что касается до Приморского земства, то первоначально у меня были только сведения ошибочного порядка. Во время образования этих правительств я мог пользоваться только источниками из газет, бывших в Японии. По этому поводу я беседовал с Дудоровым, нашим агентом в Токио, который представил мне целый ряд распоряжений и постановлений, которые делались этими тремя органами власти на Востоке. Я должен сказать, что единственно серьезным органом, который занимался своим делом, мне представлялось земство, так как все акты, которые представлялись со стороны других правительственных организаций, носили только характер политической борьбы. У меня создалось представление, что между всеми этими организациями велась борьба за власть, и одна организация отменяла постановления другой. Между тем земство вынесло ряд постановлений, носящих деловой характер. Поэтому у меня создалось впечатление, что земство есть единственная власть, которая на Востоке может что-нибудь сделать, так как оно развивает работу чисто делового характера. На меня произвело тяжелое впечатление, имевшее тогда место разоружение отряда полковника Толстого. Я видел, что правительство Хорвата сделать ничего не может, и что, следовательно, сил у него нет. Во Владивостоке хозяйничали союзники: чехи, например, не пропустили в Никольско-Уссурийск отряда Хрещатицкого, задержав его на Гродекове. Для меня было ясно, что Хорват и его правительство не являются хозяевами на Востоке и никаких распоряжений делать не в состоянии. Там хозяйничают союзники и единственным деловым аппаратом там остается только земство. Более подробные сведения я получил после того, как послал одного из сопровождавших меня офицеров — Вунча во Владивосток, чтобы собрать сведения и обрисовать картину, так как по газетам было впечатление полного хаоса и сумбура, и трудно было что-либо понять. В сущности этим и определялось мое отношение к этим правительствам. Связи я с ними никакой не имел и не интересовался даже этим, т. к. в это время был на курорте. Я решил, что теперь наступило господство союзников, которые будут распоряжаться, даже не считаясь с нами.

Алексеевский: Какое впечатление произвел на Вас самый акт об'явления Хорвата себя Верховным Правителем?

Адм. Колчак: Я считал, что из всех лиц, которые были на Дальнем Востоке, Хорват единственный мог претендовать на это, т. к. он давно уже был на Востоке в качестве главноначальствующего полосы отчуждения, был известен на Востоке всем, и если он пытался образовать правительственную власть на Востоке, то и слава Богу: больше некому было это сделать. Я нисколько этому не удивился, т. к. Хорват был единственно авторитетным лицом, который мог это сделать.

Алексеевский: Это предполагает известную предпосылку в Вашем умонастроении, что нужна единоличная власть. Ведь, верховный правитель, это, в сущности, диктатор.

Адм. Колчак: Я считал, что надо привести Дальний Восток к какому-нибудь порядку, поэтому я считал вполне понятным, если бы Хорват распространил свою власть, кроме полосы отчуждения и на соприкасающуюся Приморскую область. Я считал вполне естественным, что Хорват пытается наладить управление. Во всяком случае, я не считал, что это торжество идеи единоличной власти.

Алексеевский: Ваше умонастроение как-будто было таково, что Вы считали это единственным [выходом].

Адм. Колчак: Я очень колебался, считать ли такой путь нормальным. Я совершенно не вступал тогда ни в какие отношения с Хорватом. Я считал, что в такие моменты какое-нибудь лицо должно было взять власть в свои руки, т. к. в тот момент положение вещей носило характер анархии, когда у нас начинали хозяйничать иностранцы. Таким образом, когда Хорват – известное на Востоке лицо – взял власть в свои руки, то в принципе я считал это приемлемым: пусть он начинает вводить управление и какой-нибудь государственный порядок. Но я не считал, что персональный состав этого правительства был в состоянии справиться с этой задачей, и то, что впоследствии мне было сообщено во Владивостоке, подтвердило, что этот персональный состав не в состоянии будет справиться с делом. До моего приезда во Владивосток мне казалось, что было бы наиболее резонным начать организацию власти через земства, которые казались мне как бы зарекомендовавшими себя известной деловой работой в крае. По этому поводу я могу сказать следующее. Когда я приехал в Токио, то Нокс сделал мне визит. Разговаривая со мной о положении на Дальнем Востоке, он спросил меня, что я делаю. Я изложил ему подробно свою эпопею на Дальнем Востоке и причину, почему я уехал оттуда и нахожусь в Японии. Он просил меня сообщить, что происходит во Владивостоке, т. к. по его мнению, нужно было организовать власть. Я сказал, что организация власти в такое время, как теперь, возможна только при одном условии, что эта власть должна опираться на вооруженную силу, которая была бы в ее распоряжении. Этим самым решается вопрос о власти, и надо решать вопрос о создании вооруженной силы, на которую эта власть могла бы опираться, т. к. без этого она будет фиктивной, и всякий другой, кто располагает этой силой, может взять власть в свои руки. Мы очень долго беседовали по поводу того, каким образом организовать эту силу, т. к. Нокс повидимому приехал с широкими задачами и планами, которые ему впоследствии пришлось изменить, но он приехал помочь организации армии. Я указывал ему, что, имея опыт с теми организациями, которые были, я держусь того, что таким путем нам вряд ли удастся создать что-нибудь серьезное, и поэтому я с ним условился принципиально, что создание армии должно будет итти при помощи английских инструкторов и английских наблюдающих организаций, которые будут вместе с тем снабжать оружием, и что, если надо создавать нашу армию, то надо создавать с самого начала, именно с воспитания, т. е. строить школы для офицеров, для унтер-офицеров, потому что основная причина, почему нам так трудно было создавать вооруженную силу, это всеобщая распущенность офицерства и солдат, которые потеряли, в сущности говоря, всякую меру понятия о чести, о долге, о каких бы то ни было обязательствах, никто не желал ни с кем решительно считаться, каждый считался со своим мнением. То же самое было и в обществе. Напр. в Харбине я не встречал двух людей, которые бы хорошо высказывались друг о друге. Ужасное впечатление, которое у меня от Харбина осталось, когда я человека в первый раз вижу, считаю его порядочным человеком и говорю с ним, как с таковым, а через минуту является другой и говорит: «что Вы с ним

говорите, это бывший каторжник, он украл» и т. д., а про этого другой то же самое говорит. Это была атмосфера такого глубокого развала, что создавать что бы то ни было было невозможно. Это была одна из причин, почему я так скептически относился к Правительству Хорвата: оно состояло из людей, которые сидели в этой харбинской яме.

А. Н. Алексеевский: Вы, значит, в известной степени считали, что земство могло бы быть государственной властью в силу того, что Земство является государственным установлением, и что оно в то же время обнаружило достаточную деловитость в своей деятельности?

Адм. Колчак: Я главным образом базировался на последнем. Нокс спрашивал: «каким образом можно создать власть?» Я сказал: «путь к власти один: в первую очередь создание вооруженной силы, затем, когда эта сила уже наступает, то командующий этой силой там, где эта сила действует, осуществляет всю полноту силы военной. Как только освобождается известный район вооруженной силой, должна вступить гражданская власть в отправление своих функций. Какая власть? Выдумывать ее не приходится, для этого есть земская организация и нужно ее поддерживать. Покуда территория мала, эти земские организации могут оставаться автономными, но по мере того, как развивается территория, эти земские организации, соединяясь в более крупные соединения, получают возможность уже выделить из себя тем или другим путем правительственный аппарат». Это была записка, которую я подал тогда Ноксу, для того, чтобы выйти из хаоса. Впоследствии, когда мне пришлось поехать во Владивосток, когда мне пришлось познакомиться с деятельностью земства, я убедился, что это земство было большевистского направления, и на него надежды, с моей точки зрения, не было.

А. Н. Алексеевский: А Вы в личные отношения с земскими деятелями входили, или Вы слышали это от других, и не возникало ли у Вас сомнения в том, что это освещение суб'ективное?

Адм. Колчак: Нет, в личные отношения с земскими деятелями я не входил, но из дел явствовало, что связь Медведева и Огарева с большевиками была несомненная, — это было дознано следствием и судебным материалом, и для меня было ясно, что это земство было полубольшевистское или большевистское.

А. Н. Алексеевский: Вам не было известно, что Медведев, возглавлявший земство, как орган власти, был из этого земства изгнан большевиками, которые несколько раз пытались его арестовывать. Что Огарев, Городской голова Владивостока, как лицо, возглавляющее Исполнительный орган городского управления, был изгнан и должен был точно также скрываться от большевиков?

Адм. Колчак: Нет, я этого не знал. Нужно сказать, что вся обстановка, в которой я сидел в Японии, исключала возможность давать мне правильную оценку и взвешивать все, что там происходило. По американским и японским газетам до меня доходило кое что.

А. Н. Алексеевский: Остается еще третий вид возникавших тогда организаций, — это Дерберское правительство. Ваше отношение к Дерберскому правительству не изменилось, когда оно из претендента обратилось в некоторую организацию?

Адм. Колчак: Нет, оно осталось таким же, как и было: я считал его правительством оперетточным.

А. Н. Алексеевский: Я хотел бы задать Вам еще один вопрос: Вы с французским послом Реньо имели беседы и разговоры?

Адм. Колчак: Я сделал ему один визит по совету Крупенского.

А. Н. Алексеевский: Я ставлю этот вопрос, потому что Реньо играл впоследствии некоторую роль в союзнических кругах, влияющих на события в Сибири, а во вторых, потому что об этом есть какое то указание в письме г-жи Тимиревой к Вам от 17-го сентября, в котором она говорит, что у Вас установился какой-то мезальянс с Реньо.

Адм. Колчак: Он был очень мило у меня принят, но я только занимался с ним беседами, Крупенский очень лестно о нем отзывался. Обдумав свое положение в Японии, я, в конце концов, пришел к тому убеждению, что при условии интервенции я вряд ли буду иметь возможность здесь в России что нибудь сделать, потому что эта интервенция мне была неясна прежде всего. Она носила оффициальный характер помощи и обеспечивания прихода чехов на Дальний Восток. Вслед затем получилось известие, что чехи отправляются обратно на уральский фронт, и смысл и суть этой интервенции мне была, в конце концов, совершенно непонятна. Я видел из предыдущих отношений, что я лицо нежелательное для японского командования, и считал, что делать мне на Востоке здесь нечего. К этому времени я получил более подробное известие от Степанова относительно положения на юге России, и затем меня чрезвычайно беспокоило положение моей семьи, от которой я решительно никаких писем не получал. Я знал, что она находится где-то на юге в Севастополе, поэтому я решил поехать и постараться пробраться на юг, повидать ген. Алексеева, потому что из всей предшествующей власти Алексеев, как и Корнилов, сохранил в принципе для меня значение верховного главнокомандующего, которому я был когда то подчинен, и никаким актом из этого подчинения не вышел. Я считал, что если бы было в отношении меня сделано Алексеевым какое-нибудь распоряжение, я считал бы обязательным для себя его выполнить, как приказание главнокомандующего. Поэтому я решил ехать на юг, постараться найти свою семью, а затем явиться в распоряжение Алексеева. Вот решение, которое я ‹пред›принял в Японии.

А. Н. Алексеевский: Я хотел бы выяснить: как могло остаться такое мнение об Алексееве, как главнокомандующем, после того, как он законно признанной всей Россией властью был удален от командования? Был Брусилов, затем был Духонин, который был убит во время переворота.

Адм. Колчак: Я представлял себе, что на юге Алексеев является командующим теми силами, которые там имеются, и считал, что я должен ему подчиниться в силу того, что он был раньше главнокомандующим. Это было не совсем правильно, он, в сущности, главнокомандующим не был, но я тогда не знал, я представлял себе организацию противобольшевистскую, возглавляемую Алексеевым, потому что роль Корнилова была для меня не совсем ясна.

А. Н. Алексеевский: До Вас в Японию доходили известия о том, что в западной Сибири образовалось Западно-Сибирское правительство, и как Вы к этому относились?

Адм. Колчак: Были неопределенные сведения, что в Омске образовалось Западно-Сибирское правительство, были неясные слухи о том, что в Самаре собирается с'езд членов учредительного собрания, были первые намеки об образовании директории, — это были все отрывочные и неопределенные сведения, из них самое серьезное это то, что Омскому правительству удалось успешно провести мобилизацию в Сибири, и что население, совершенно измучившееся за время хозяйничанья большевистской власти, главным образом в лице сибирской кооперации, поддерживало власть этого правительства. Ни характера этого

правительства, ни его целей и тенденций я не знал, я знал только, что оно противо-большевистское. Тут же я узнал об организации вооруженной силы Гришиным-Алмазовым, подробности же я узнал, когда прибыл во Владивосток. Из Японии я ехал на юг России, но потом мое решение изменилось. Из Японии я уехал беспрепятственно. Прибывши во Владивосток, я обратился к своим знакомым сослуживцам-морякам, в свою очередь последние, узнав о моем приезде, обратились ко мне с просьбой, чтобы я им посвятил вечер, и высказал свое мнение, что им делать, кому подчиняться, и каково должно быть отношение морских офицеров и команд к существующему троевластию. Я сказал, что я это сделаю, но прежде я прошу дать мне несколько дней, чтобы ознакомиться с тем, что делается во Владивостоке. Владивосток произвел на меня впечатление чрезвычайно тяжелое: я не мог забыть, что я там бывал во время империи, тогда мы были хозяевами, это был наш порт, наш город, теперь же там распоряжались, кто угодно. Все лучшие дома, лучшие казармы, лучшие дамбы были заняты чехами, японцами, союзными войсками, которые туда прибывали, а наше положение было глубоко унизительно, глубоко печальное, я чувствовал, что Владивосток не является уже нашим русским городом.

А. Н. Алексеевский: Каково было Ваше принципиальное отношение к интервенции раньше, чем Вы ее увидели во Владивостоке?

Адм. Колчак: В принципе я был против нее.

А. Н. Алексеевский: Все-таки можно быть в принципе против известной меры, но допускать ее на практике, потому что другого выхода нет. Вы считали ли, что не смотря на то, что интервенция нежелательна, к ней все-таки надо прибегнуть?

Адм. Колчак: Я считал, что эта интервенция, в сущности говоря, закончится оккупацией и захватом нашего Дальнего Востока в чужие руки. В Японии я убедился в этом. Затем, я не мог относиться сочувственно к этой интервенции в виду позорного отношения к нашим войскам и унизительного положения всех русских людей и властей, которые там были: меня это оскорбляло, я не мог относиться к этому доброжелательно. Затем самая цель и характер интервенции носили глубоко оскорбительный характер, это не было помощью России, все это выставлялось, как помощь чехам, к их благополучному возвращению, и в связи с этим, это получало глубоко оскорбительный и глубоко тяжелый характер для русских. Вся интервенция мне представлялась в форме установления чужого влияния на Дальний Восток. Во Владивостоке я получил первые сведения о Западно-Сибирском правительстве, которое тогда называлось правительством Вологодского, затем я узнал, что в Уфе состоялось совещание, на котором было решено из Сибирского правительства образовать всероссийскую власть, и что во главе этой власти будет стоять Директория в составе Авксентьева, Зензинова, Вологодского, Чайковского, Болдырева. Там же я узнал, что в Архангельске образуется какая-то власть под председательством Чайковского, и что все эти отдельные правительства решили об'единиться под флагом Директории. Когда я собирался беседовать об этом вопросе со своими сослуживцами моряками, где были представители от морского управления на Дальнем Востоке, я высказал им совершенно определенно: я не являюсь здесь Вашим начальником, я совершенно частное лицо, и, если Вы хотите знать мое мнение, то для того, чтобы прекратить, в конце концов, то совершенно недостойное положение, которое существует во Владивостоке, в виду двух или трех каких-то правительственных организаций, которые борются между собой за власть, я бы признал Западно-Сибирское пра-

вительство, потому что это правительство образовалось, повидимому, без всякого постороннего влияния и поддерживается широкими слоями населения Сибири: оно уже провело мобилизацию, что показывает, что правительство имеет действительную организацию и пользуется сочувствием и доверием населения, потому что такая мобилизация иначе не пройдет. Вот те мотивы, которые заставляют меня признать это правительство, и всеми силами поддерживать его авторитет. К этому времени как раз прибыла миссия Вологодского во Владивосток. Не помню, кто с ним был, но наверно помню, что был Гинс. Правительство это прибыло во Владивосток и сейчас же, в тот или на другой день, Вологодский созвал представителей Дербергского правительства, которые моментально сложили свои полномочия и признали власть Сибирского правительства. Затем, повидимому, земство тоже признало это правительство, и вслед затем Хорват сказал, что он тоже подчиняется новой Сибирской власти. Я лично представился тогда Вологодскому, так как бывший с ним один из морских офицеров сообщил мне, что было бы желательно, чтобы я повидался с Вологодским. Я сделал ему визит, он был страшно занят, ни о чем серьезно не говорил; я ему сказал совершенно определенно, что те морские части, которые имеются здесь, безусловно подчиняются распоряжениям этого правительства. Затем, эта миссия уехала, а я еще оставался, так как не мог никак выбраться из Владивостока, и в конце концов мне пришлось обратиться в чешский штаб. Сюда относится и первая моя встреча с Гайдой, который находился тогда во Владивостоке. Я получил известие, что он желает меня повидать. Я пошел к нему в штаб и встретился с ним в здании бывшего порта, где он находился. Я спросил его, в каком положении находятся все дела. Он мне ответил, что вся сибирская магистраль очищена совершенно от большевиков, что есть постановление союзного командования о том, чтобы чехи не уходили из России, ввиду невозможности предоставить им тоннаж, а чтобы они шли на Урал, что на Урале теперь образуется чешско-русский фронт, который будет продолжать борьбу с большевиками. Я спросил его, какой характер носят вообще эти большевистские вооруженные силы. Он тогда совершенно определенно сказал: «это продолжение той же войны, которая была раньше; центром тяжести всех этих вооруженных сил являются немецкие и мадьярские военно-пленные; для меня совершенно несомненно, что это есть та же война, которая велась раньше, и немцы несомненно участвуют во всем этом предприятии». Затем я спросил: «Вам известно про Омское правительство, и как Вы на него смотрите?». «Да», говорит он, «это Омское правительство уже сделало большую работу в создании армии, и эта армия теперь действует согласно с нами». Я спросил: «Кем об'единяется командование?». – «Этот вопрос», говорит он, «пока висит в воздухе, потому что об'единения русского и чешского командования нет. До сих пор русские и чешские отряды дрались вместе, и эти вопросы решались чисто фактическим путем: где больше чешских войск, там русские подчинялись, и обратно, но общего командования у нас нет». Я говорю: «по моему это большой недостаток в борьбе, раз нет об'единенной вооруженной силы, хотя бы только по оперативным заданиям». «Я думаю, что правительство по этому поводу несомненно войдет с нами в соглашение, и я надеюсь, что этот вопрос мы в ближайшее время разрешим». Действительно; Гайда обращался в то время к Вологодскому относительно назначения себя главнокомандующим вооруженными силами русскими и чешскими, действующими на территории Сибири, чтобы правительство санкционировало его власть. «Как Вы отнеслись к этому?», спрашивает он меня. Я сказал: «для меня вопрос подчинения

той или иной вооруженной силе определяется всегда практическим путем. Я не знаю состава русских сил; если Вы ‹все› более организованы и в стратегическом отношении имеете большую ценность, то будет вполне естественно, что командование должно Вам принадлежать, если отношения изменяются в сторону русских, то должно быть русское командование — иначе решить вопроса никак нельзя. Скажите, что такое директория, и что она из себя представляет?» Он говорит: «это образование нежизненное несомненно, я не верю, чтобы эта директория могла об'единить все русские части и силы, действующие здесь в Сибири и на другой территории. Я лично думаю, что она этого не может, и я имею сведения, что Омское правительство относится вообще к этой затее отрицательно. Но Вологодский сам вошел в состав директории и тем самым явился как бы в подчинении». Я говорю: «Какую при этих условиях власть Вы считали бы наилучшей?» — «Я», говорит он, «считаю, что в этом периоде и в этих условиях может быть только военная диктатура». Я ответил: «Военная диктатура прежде всего предполагает армию, на которую опирается диктатор и, следовательно, это может быть власть только того лица, в распоряжении которого находится армия, но такого лица не существует, потому что даже нет общего командования. Для диктатуры нужно прежде всего крупное военное имя, которому бы армия верила, которая бы знала это лицо, и только в таких условиях это возможно. Диктатура есть военное управление, и она базируется, в конце концов, всецело на вооруженной силе, а раз этой вооруженной силы нет пока, то как Вы эту диктатуру создадите?» На это он мне отвечает: «Конечно, это вопрос будущего времени, потому что сейчас все еще находится в периоде создания, развития, но я лично считаю, что это единственный выход, какой только может быть». На этом разговоре мы расстались?

А. Н. Алексеевский: Этот разговор был после свидания с Вологодским или после от'езда Вологодского из Владивостока?

Адм. Колчак: Сколько помнится, после.

А. Н. Алексеевский: Когда Гайда заявил Вам, что он имел разговор или делал предложение Вологодскому о назначении его общим главнокомандующим, было ли для Вас тогда ясно положение Гайды в самой чешской армии, был ли он признанным вождем всех чешских сил?

Адм. Колчак: Это не было ясно для меня, я слышал фамилии Сырового, Чечека, во Владивостоке Гайда имел, повидимому, настоящую армию, всех же войск, распределенных по всей территории Сибири до того, как они призвали военнопленных, было 20,000–25,000, впоследствии они дошли до 40,000.

А. Н. Алексеевский: Вы не знали, кто в служебном отношении у них выше Сыровой или Гайда?

Адм. Колчак: Нет, я не знал, они как-бы самостоятельно действовали: Гайда на Востоке, а Сыровой на Западе, но Гайда ему не подчинялся.

А. Н. Алексеевский: А подчинялся ли Чечек Гайде или нет?

Адм. Колчак: Я этого тоже не знаю. Затем я узнал, что Семенов подчинился Омскому правительству, что у него было свидание с Пепеляевым, который прибыл в Читу. Таким образом, впечатление у меня получилось такое, что дело все-таки сдвинулось с той мертвой точки, в которой оно было, что возникает какое-то сильное об'единенное правительство, которое будет в состоянии что-нибудь сделать.

А. Н. Алексеевский: А участие чехов в русской политической вооруженной гражданской войне Вы не считали интервенцией союзников?

Адм. Колчак: Нет, я считал, что чехи стоят совершенно особо. Прежде всего для меня было ясно, что чехи были поставлены в необходимость этой борьбы, для того, чтобы выбраться из России. Я на чехов смотрел совершенно другими глазами, я их отделял от тех союзников, которые пришли извне.

А. Н. Алексеевский: Но тогда для Вас было ясно, что сами чехи, как вооруженная сила, находятся тоже в распоряжении союзников.

Адм. Колчак: Тогда это было не совсем ясно, наоборот, мне представлялось, что они действуют совершенно самостоятельно, но что союзники им помогают, по крайней мере они оффициально высказывали, что интервенцию они делают для обеспечения прохода чехов, это был оффициальный язык, которым они всегда говорили.

А. Н. Алексеевский: А теперь для Вас ясно, что выступление чехов было спровоцировано союзниками или большевиками?

Адм. Колчак: Я не знаю, мне представлялось всегда, что чешское восстание началось в Европейской России, когда они решили двигаться на восток, чтобы уйти оттуда. Мне кажется тут не было определенной провокации: просто большевики начали их разоружать, это создало им впечатление, что их не выпустят, это заставило их сплотиться и сорганизоваться, — это был вопрос жизни и смерти для них.

А. Н. Алексеевский: Но впоследствии оказалось, что там был целый ряд агентов французских и английских до того, как большевики приступили к разоружению.

Адм. Колчак: Я мало осведомлен об этом. Мне начал рассказывать обо всей этой истории Дитерихс, который был начальником штаба у Сырового. Насколько я знаю об этом с момента чешского движения, это был вопрос жизни и смерти их: они считали, что в России они погибли, потому что немцы хозяйничают в России, как они хотят. Они уходили уже на Запад, чтобы двинуться домой, но это было невозможно. Тогда они просились в Сибирь, для того чтобы итти на Восток, не расчитавши, что союзники не могли в то время дать им тоннажа. Ведь если бы союзники руководили ими, то как об'яснить, что они прошли всю Сибирь по магистрали?

А. Н. Алексеевский: Есть сведения, что союзники решили захватить магистраль и для этого нужно было дать чехам дойти до головного участка, чтобы иметь в своем распоряжении Владивосток, и обладая магистралью, осуществить свою мечту о создании Уральского фронта. Есть другое об'яснение, что вовсе чехи не бросились на сибирскую магистраль, чтобы по ней уходить от большевиков, — нет, они были направлены на эту магистраль.

Адм. Колчак: Откровенно Вам скажу, я не имею этих данных, и в наступлении чехов я не видел руководящей руки союзников. Для меня стала ясна роль союзников с чехами уже впоследствии.

А. Н. Алексеевский: Этот разговор с Гайдой интересен в отношении выяснения Вашей идеи, впоследствии целиком овладевшей Вами, а в начале как-будто еще бывшей под некоторыми сомнениями, идеи единоличной власти. Когда Гайда развивал Вам мысль, что только военная диктатура возможна, Вы держались того [другого] мнения[;] после того, как Вы познакомились с деятельностью Земства, Вы укрепились и Ваши колебания в отношении характера образования власти в направлении единоличной власти или в направлении ее коллегиальности определились к этому времени?

Адм. Колчак: Впоследствии я смотрел на единоличную власть совершенно, может быть, не с той точки зрения, как Вы предполагаете. Я считал прежде всего

необходимою единоличную военную власть — общее единое командование. Затем я считал, что всякая такая единоличная власть, единоличное верховное командование, в сущности говоря, может действовать с диктаторскими приемами и полномочиями только на театре военных действий и в течение определенного, очень короткого периода времени, когда можно действовать, основываясь на чисто военных законоположениях. У нас имеется чрезвычайно глубоко продуманное, взятое из за границы, сверенное со всеми подобными же трудами в Германии, Англии и Франции положение о полевом управлении войск: это есть кодекс диктатуры, это кодекс чисто военного управления. Для меня было ясно, так как я очень хорошо знаю это положение и над ним очень много сидел, изучал и считаю его одним из самых глубоких и самых обдуманных военных законоположений, которые у нас были — для меня было ясно, что управлять страной на основании этого положения, в сущности говоря, нельзя, потому что там не было целого ряда таких положений необходимых, как напр. вопросы финансового порядка, вопросы торгово-промышленных отношений, там не существует целого ряда государственных функций, которые власть должна осуществлять, они положением о полевом управлении войск не предусматриваются. Поэтому мне казалось, что единоличная власть, как военная, должна непременно связываться еще с организованной властью гражданского типа, которая подчиняется этой военной власти и на театре военных действий. Это делается для того, чтобы об'единиться в одной цели ведения войны. Таким образом, единоличная власть складывается из двух функций: Верховного командования плюс военная гражданская власть, подчиненная гражданскому порядку, которой можно было бы управлять вне театра военных действий.

А. Н. Алексеевский: Конечно, мы так и подразумеваем, что без гражданского аппарата и без высшего гражданского управления управлять страной нельзя. А военная власть возглавляется только одним лицом?

Адм. Колчак: Да. Мне казалось, что именно такая организация власти в период борьбы должна существовать, и в этом убеждении я укрепился уже тогда. Я обдумал этот вопрос и пришел к тому, что это есть единственная форма, которая в таком положении будет возможна. Ехал я в Омск с очень большой медленностью, с очень большими остановками; я ехал 17 дней и в течение пути у меня ни встреч, ни задержек не было. В Омске я не предполагал задерживаться кроме нескольких дней, для того чтобы выяснить возможность выехать на юг и выяснить, в каком положении находятся дела на юге, и решить, как дальше двигаться. Когда я прибыл во Владивосток, я вместе с тем сложил с себя полномочия члена правления Китайской-Восточной ж. д.

А. Н. Алексеевский: Вот на это я хотел бы обратить Ваше внимание: Вы сложили эти полномочия, но правление как-будто не освободило Вас от звания члена правления. Вы получили уведомление?

Адм. Колчак: Помнится мне, что было получено. Я подал Хорвату докладную записку о том, что я уезжаю с востока и прекращаю свою работу, я считаю, что не могу больше оставаться в составе Правления, и прошу меня отчислить, и когда я был в Харбине, я получил свои последние 2000 руб. жалования, которые я как член правления получал, и сказал, что я заканчиваю свою деятельность.

А. Н. Алексеевский: Этот вопрос, конечно, не имеет существенного значения, но может иметь значение в Вашем судебном деле. Дело в том, что Правление или Управление жел. д. в 1919 году давало сведения о составе Управления Восточно-Китайской ж. д. такие, что Вы входили, как один из членов Правления.

Адм. Колчак: Я не могу даже представить себе, чтобы после моего заявления они могли считать меня членом Правления. Я сказал, что не могу оставаться членом Правления, и никакого вознаграждения я не получал. Ни одного дела, ни одной бумажки до меня не доходило, и никакого отношения я больше к Правлению не имел.

А. Н. Алексеевский: Я говорю это потому, что по смете жел. д. Департамента за 1919 г., в части ее, касающейся Восточно-Китайской дороги, Министру Финансов был представлен список членов правления Восточно-Китайской дороги, и Вы там значились.

Адм. Колчак: Меня это совершенно удивляет, потому что никакого отношения к дороге не имею. Я думаю, что это какое-то недоразумение или п[р]опуск в смете, может быть, эта смета составлялась еще в сентябре месяце?

А. Н. Алексеевский: Нет, она составлялась весной 1919 г. Я сам ее видел.

Адм. Колчак: Это какая-то ошибка, потому что я не имел никакого отношения.

А. Н. Алексеевский: Эта ошибка может иметь значение, потому что она может послужить поводом к предположению, что Вы, будучи Верховным Правителем, оставались Членом Правления.

Адм. Колчак: Это было совершенно немыслимо. В сентябре, когда я уехал, и когда я фактически не мог состоять в правлении, я сложил свои полномочия. По прибытии в Омск я узнал о смерти Алексеева, который умер кажется 11 или 12 сентября, там же я получил известие о смерти Корнилова и что Главнокомандующим Добровольческой армией на юге России является ген. Деникин. Когда я прибыл в Омск, на ветке уже стоял поезд с членами Директории и поезд Болдырева, который был тогда назначен Верховным Командующим, и прибыл с своим штабом в Омск. По прибытии в Омск мы встретили ген. Мартьянова, моего сослуживца по Балтийскому морю и штабу Эссена, и Казимирова. Они встретили меня и спросили, что я намерен делать. Я сказал, что я здесь только проездом и хочу пробраться на юг России. Они мне сказали: «Зачем Вы поедете, там в настоящее время есть власть Деникина, там идет своя работа, а Вам надо оставаться здесь. Во всяком случае мы Вас просим организовать на первое время морских офицеров, которые здесь разбросаны в Сибири. Надо, чтобы кто-нибудь взялся за организацию этих морских частей, и Вы единственное авторитетное лицо, которое это может взять на себя. Здесь уже имеется маленький зачаток — Морское Управление — во главе которого стоит Казимиров, но пока мы занимаемся одной регистратурой, составляем списки офицеров, которые проезжают через Омск и являются сюда, но надо это дело поставить, чтобы последние остатки, какие сохранились от флота, распыленные и разбросанные, собрать». Я говорю: «Ведь в Омске флота нет, эту работу Вы можете спокойно без меня провести. Для флота надо все сосредоточить во Владивостоке, там наш центр, там есть кой какие остатки нашего имущества, транспорты и это единственное место, куда всем морским офицерам надо отправляться. Я только что уехал оттуда, назад ехать не намерен». Затем о моем приезде узнал Болдырев. Это был первый из членов Директории, который прислал ко мне ад'ютанта и пригласил к себе. Болдырев задал мне вопрос, что я намерен делать? Я сказал, что я хочу ехать на юг России, никакого определенного дела у меня нет, и хочу выяснить вопрос, как туда проехать. Он мне сказал: «Вы здесь нужнее, и я прошу Вас остаться». На это я ответил: «Что же мне здесь делать: флота здесь нет». Он говорит: «Я думаю Вас использовать для более широкой задачи, но я Вам об этом скажу потом. Если Вы рас-

полагаете временем, останьтесь несколько дней». Я сказал, что я человек свободный, у меня есть телефон [вагон], данный мне во Владивостоке, и, если Вы позволите поставить его на ветке, я могу ждать дальнейших Ваших указаний. Потом я сделал визиты всем членам Директории, познакомился с Авксентьевым, Зензиновым, Виноградовым, беседовал с ними по делам чисто частного порядка. Болдырева я раньше не знал никогда, но фамилия его была мне известна. Я считал его фигурой довольно крупной, он образованный офицер, но его деятельности я не знал, частью слышал о нем, скорее положительные хорошие отзывы. Начальником штаба был Розанов. Я был у него с визитом, и к этому же времени относится знакомство с представителями Добровольческой армии генералами Лебедевым, Сахаровым и Романовским.

А. Н. Алексеевский: Они были оффициальными представителями Добровольческой армии?

Адм. Колчак: Оффициальным представителем Добровольческой армии был Лебедев, а Сахаров и Романовский были в Добровольческой армии, но, сколько помнится, полномочий у них не было.

А. Н. Алексеевский: Значит, в сущности, Лебедев был послан командованием Добровольческой армии в Сибирь?

Колчак: Да, для связи и информации.

А. Н. Алексеевский: Это достоверно? Сомнений у Вас никаких не было?

Адм. Колчак: Нет, никаких сомнений.

А. Н. Алексеевский: А не слышали ли Вы сомнений о том, что полномочия его действительны?

Адм. Колчак: Нет, я никогда не слышал. Вся дальнейшая переписка, которая велась у меня с Деникиным шла про него, и Деникин писал о нем. Ведь это был один из мотивов, почему я взял его к себе начальником штаба.

А. Н. Алексеевский: Я слышал такое об'яснение, что Лебедев, — я, конечно, характеризую его так, как характеризовали те, которые давали мне сведения, — очень самолюбивый и честолюбивый молодой офицер, несомненно был в Добровольческой армии, но его командировка сюда не носила такого оффициального характера поручения от командования, как он претендовал, и сумел доказать это тогда, благодаря этому он получил ответственную должность Начальника Штаба, и поэтому потом командование Добровольческой армии было в известной степени удовлетворено тем, что лицо, бывшее в Добровольческой армии, состоит Начальником Штаба, и поэтому оно не могло отрицать того, что в известной степени он является представителем Добровольческой армии, таким образом получилось некоторое qui pro quo. Это имеет большое значение, потому что эта фигура около Вас играла большую роль и его близкое прохождение к Вам и к той политической работе, которая здесь совершалась, имеет большой интерес и отношение к Вашему делу и к другим. Так я определенно ставлю Вам этот вопрос: возникали ли у Вас какие-нибудь сомнения, или по крайней мере слышали ли Вы это? Ведь, против него велась определенная кампания и указывался целый ряд возражений на его близость к Вам?

Адм. Колчак: Нет, до меня не доходило, что он не является оффициальным представителем Добровольческой армии. В письмах Деникин мне ни слова об этом не писал. Я думаю, что если [бы] он явился без достаточных полномочий от Деникина, то Деникин прежде всего известил бы меня, что он не считает его своим представителем, — как же иначе могло быть?

А. Н. Алексеевский: Я, как допустимую гипотезу, это принимаю.

Адм. Колчак: А я это совершенно отвергаю, потому что у меня никаких данных нет: я находился в переписке с Деникиным, и Деникин отлично знал, так как вся переписка и донесения посылались Деникину.

А. Н. Алексеевский: Это было fait accompli, он был представителем, но он не был послан представителем с широкими полномочиями, он был послан для информации.

Адм. Колчак: Конечно, он не был послан, и никогда Деникин не мог предполагать, что Лебедев будет у меня Начальником Штаба. Он его, вероятно, послал с теми задачами, с которыми посылались офицеры: т. е. информировать его о положении вещей и делать все, что потребует Добровольческая армия в смысле установления связи с Добровольческой армией. Я уверен, что он таких полномочий быть Начальником Штаба не имел.

А. Н. Алексеевский: Нет, не Начальником Штаба, а оффициальным представителем.

Адм. Колчак: Я глубоко убежден, что, если бы этого не было, то Деникин бы меня известил, что он считает нежелательным это лицо, и оно не пользуется его доверием, как это он делал в отношении других офицеров, когда он послал телеграмму: «пожалуйста, такие-то офицеры не пользуются доверием Добровольческой армии, будьте осторожны». Был даже ряд офицеров, которые сидели арестованными в Омской тюрьме, и не посланные вовсе Деникиным, как самозванцы. Когда явились ко мне представители Добровольческой армии, они меня информировали о положении вещей на юге России, что там делается, какая там организация управления и т. д. Затем были разговоры относительно Директории. Все, как эти представители, так и другие лица из армии, с которыми я встречался, относились совершенно отрицательно к Директории, они говорили, что Директория это есть повторение того же самого Керенского, что Авксентьев тот же Керенский, что, идя по тому же пути, который пройден уже Россией, они неизбежно приведут ее к большевизму, и что в армии доверия к Директории нет. В частности к Болдыреву было то же отношение, говорили, что Сибирское правительство относится к появлению этой Директории скрепя сердце, что это нужно, но что симпатии и сочувствия к этой Директории среди Сибирского правительства и армии нет. Из переговоров и случайных встреч с казаками я узнал, что у них есть определенное отрицательное отношение, они говорили, что это есть представители партии, которые войдут в соглашение с большевиками и погубят Россию. Из казаков я встречался с Волковым и еще некоторыми другими молодыми офицерами, которых я встречал в гостях. Затем я плохо помню, кто меня просил сделать доклад о положении на Дальнем Востоке. Это был какой-то общественный деятель. Я сделал свой доклад, в котором я очень мрачно обрисовывал положение, и указал, что по моему все идет к тому, что Дальний Восток будет нами потерян, сил создать нам не удастся и т. д. Это было большое собрание, там, где помещалась 2-я мужская гимназия. Это было собрание чисто гражданских общественных деятелей. Из Директории на этом собрании никто не присутствовал, а от Сибирского Правительства, очевидно, были представители, но боюсь точно сказать кто. Через 2 дня после этого меня снова вызвал генерал Болдырев к себе в вагон и сказал, что он считает желательным, чтобы я вошел в состав Сибирского Правительства в качестве военного и морского министра. Я ему на это сначала ответил отказом, потому что я могу взяться только за морское ведомство, какого сейчас создавать нельзя, а пока надо постараться разобраться, какие здесь имеются рессурсы, средства, личный состав, привести это

в порядок и тогда можно будет создать какой-нибудь орган. Что касается военного министерства, ‹что такое военное министерство во время войны,› я просто на просто не хотел брать на себя этой обязанности. Болдырев тем не менее очень настаивал: «Не отклоняйте этого предложения. Если вы сами увидите, что дело не пойдет у Вас, никто Вас не связывает. Вы всегда можете его оставить, но сейчас у меня нет ни одного лица, которое пользовалось бы известным именем и доверием, кроме Вас, поэтому я Вас прошу, обращаясь к Вашему служебному долгу, чтобы Вы мне помогли, вступивши в должность Военного и Морского Министра». Я сказал: «Мне понятны все функции и задачи, которые возлагаются на Военное Министерство во время войны, но прежде всего мне хотелось Вам задать вопрос: какое положение будет у меня в отношении войск, какие войска будут мне подчинены, будут ли известные части в моем распоряжении или они все из'емлются, а у меня остаются аппараты снабжения армии, которые главным образом ложатся на Военного Министра в военное время?» Он мне ответил: «Вопрос о разграничении командования у нас еще не вполне закончен. Ведь здесь, как Вы слышали, военный министр уже имеется в составе Сибирского Правительства — Иванов-Ринов, но теперь по всей вероятности вновь придется формироваться Совету Министров, и Иванов-Ринов вряд ли войдет в этот Совет, это место останется свободно, и я прошу Вас его занять». Я сказал: «Я дам Вам окончательный ответ только тогда, когда я выясню себе ясно, что собственно мне придется делать, какие взаимоотношения будут у меня с Вами — Командующим армией, и со всеми теми войсками, которые находятся на территории Сибири. Здесь, насколько я слышал, существует система, с которой я коренным образом расхожусь в основаниях: это корпусная территориальная система. Я считаю, что применять здесь в Сибири эту систему при тех расстояниях, при тех средствах сообщения, брать этот германский образец и класть в основу организации вооруженной силы, я считаю совершенно неправильным, я считаю, что от этой организации будет нужно отказаться, а между тем, большинство тут являются сторонниками этой системы, и мне придется с места вступать в конфликт с начальниками из за такого кардинального вопроса. Этот вопрос меня больше всего заботит». Он говорит: «Я считаю эту систему неприемлемой, я разделяю Вашу точку зрения, и мы этот вопрос как-нибудь уладим. Я только сделаю распоряжение относительно того, чтобы Вы вошли в состав правительства». Я говорю: «Хорошо, я войду, но повторяю, Ваше Превосходительство, что, если только я увижу, что обстановка и условия будут неподходящи для моей работы и расходятся с моими взглядами, я попрошу освободить меня от должности. Я ставлю еще одно условие: я не ясно себе представляю, что такое представляет из себя фронт, что такое наша вооруженная сила на Урале, что нужно, какие отношения существуют у нас с чехами, — я человек посторонний и считаю необходимым в ближайшее время уехать на фронт для того, чтобы лично об'ехать все наши части и убедиться в том, что для них требуется».

В. И. Деникe: А не возникало ли у Вас с Болдыревым разговора в связи с подготовлением министерского поста об общем положении, в какой мере возможно и удобно Вам работать с Директорией, в какой мере вообще она может защищать Ваши взгляды?

Адм. Колчак: Нет, Болдырев меня не запрашивал, мы вели чисто деловой разговор.

А. Н. Алексеевский: Словом, Вы смотрели на это предложение несколько профессионально и технически и политических возражений не делали?

Адм. Колчак: Нет, с Болдыревым я об этом не разговаривал, но я сознавал и шел на службу к Директории. Принципиальных возражений против принятия портфеля Военного Министра у меня не было, так как политических вопросов мы с Болдыревым не касались.

А. Н. Алексеевский: Предложение поста Военного и Морского Министра Вы получили впервые от Болдырева, но разговоры о возможности вхождения в Сибирское Правительство в качестве ли Военного Министра или в качестве техника у Вас были раньше с Болдыревым или с кем-нибудь другим?

Адм. Колчак: Нет, я ни с кем не говорил. Первый разговор был с Болдыревым.

В. П. Деникe: А Болдырев во время разговора не сказал ли Вам о том, что об этом есть своего рода предложения в некоторой среде, и что такого рода вхождение будет приветствоваться Сибирским Правительством или отдельными его членами?

Адм. Колчак: Нет, он об этом не говорил. Затем мне пришлось в первый раз после того, как я получил от Болдырева письменное предложение вступить в отправление моей деятельности, бывать каждый день на заседаниях Совета Министров.

В. П. Деникe: Это был уже не Сибирский Совет Министров, момент формирования его происходил без Вас?

Адм. Колчак: Нет, он происходил при мне, потому что Директория приехала за один-два дня до меня. В заседаниях Совета Министров я встретил совершенно определенную атмосферу [?!] Сибирского Правительства к Директории. Я явился к председателю Совета Министров Вологодскому, и сообщил, что со стороны Болдырева есть такое-то распоряжение, и я стал являться туда как член правительства. Таким образом, я был назначен Болдыревым не единолично, а от имени Директории, и, очевидно, он об этом совещался с членами Директории. Атмосфера, которую я там встретил, была чрезвычайно напряженная, я мог бы ее характеризовать, как атмосферу борьбы Сибирского Правительства с Директорией. Расхождения шли главным образом по поводу некоторых персональных оставлений в составе Министров, между прочим, этот вопрос особенно обострился с назначением Михайлова, которого Директория не желала, а затем еще при назначении Роговского товарищем Министра Внутренних дел по делам государственной охраны. Эти два вопроса приняли чрезвычайно большую остроту.

А. Н. Алексеевский: Членш Директории участвовали на заседаниях Совета Министров?

Адм. Колчак: Нет, только Вологодский, а у них шли свои заседания, на которых я не присутствовал, а присутствовал только Вологодский. К этому же самому периоду относится и чрезвычайно меня поразившее и удивившее выступление впервые чехов по поводу состава Правительства — представителей Кошека и Рихтера. Главное возражение, которое делалось на этой почве, сводилось к тому, что мы получили партийную власть, С.-Р. в конце концов будут проводить свои планы, которые расходятся с мнением Правительства, что это явится несомненным уклоном в сторону большевизма, доказательством чего является связь настоящего правительства с Черновым, который был тогда в Екатеринбурге. Как раз к этому времени было выпущено воззвание за подписью Чернова, касающееся вооруженных сил. Оно наделало большую бурю и в Правительстве, и в военных кругах. Оно было составлено в обычных тонах и вызвало везде страшное негодование. В этом воззвании было указано на то, что офицеры реакционеры, что они восстановили погоны, что под этим видом снова готовится реакция или контр-революция, — все эти темы глубоко оскорбительны для офицерства, кото-

рое в своей массе вело борьбу с большевизмом, не преследуя никаких политических целей. В самой армии были две стороны, которые довольно враждебно относились друг к другу: это сибирская армия с бело-зелеными значками, создавшаяся на территории Сибири, и так называемая Народная армия, которая образовалась в Поволжье. Между ними существовала довольно открытая вражда и это меня чрезвычайно печалило: офицеры были одни и те же, в Сибирской армии была масса офицерства совсем не сибиряков, главный контингент Народной армии был из Европейской России. Они носили трех-цветную полосу, русский национальный флаг, и, кажется, в это время были даже без погон, а Сибирская армия с самого начала одела погоны и бело-зеленое знамя взяла как свой символ. Было много случаев столкновений между офицерами, и это меня глубоко печалило, но в общем думать о тех инсинуациях и нареканиях, которые возводил Чернов на офицерство, было нельзя, это была ложь, направленная с целью разложить с таким трудом и усилиями созданную вооруженную силу.

А. Н. Алексеевский: Вы несколько раз касались вопроса о внешних знаках, о погонах и отличиях офицеров, и Вы сейчас высказываете мнение, что погоны и внешние знаки были приняты в Сибирской армии и отрицались в Народной. Не возникало ли у Вас впоследствии вопроса о том, что окружавшие Вас офицеры в Омске вводили Вас в заблуждение? Офицерство в общем по психологическим побуждениям не очень высокого масштаба стояло всегда за погоны и отличительные знаки, — не возникало ли у Вас сомнение, что на фронте вся армия ходит без погон, что солдаты и офицеры Народной армии и лучшие боевые офицеры равнодушно относились к погонам? Этот вопрос, очень пустяшный, у нас в русской действительности сделался большим вопросом. Как Вы лично относитесь к погонам?

Адм. Колчак: Я лично относился положительно, мотивируя это тем, что это есть чисто русское отличие, нигде за границей не существующее. Я считал, что армия наша, когда была в погонах, дралась, когда армия повернула свой дух, когда она сняла погоны, это было связано с периодом величайшего развала и позора. Я лично считал: какие основания для того, чтобы снимать погоны?

А. Н. Алексеевский: Конечно, Вы впоследствии должны были действовать как политик: если в солдатской массе есть настроение против погон, то сделать уступку.

Адм. Колчак: Нет, я во время об'езда фронта, а я очень много времени проездил на фронте, — встречался на позициях в различных условиях с солдатами и офицерами и должен сказать, что у меня ни разу не возникал этот вопрос на фронте. Я видел одинаково безразличное отношение: иногда и погон достать нельзя, какие тут погоны и без погон обойдешься. Но пред'являть этих требований я не мог, оттого что их нельзя было удовлетворить. Этот вопрос мне просто напросто не приходилось обсуждать ни за, ни против, во время моих поездок по армии этот вопрос не подымался. Я встречал солдат и офицеров на передовых линиях, одетых совершенно фантастически, — где уж тут говорить о погонах: было бы что-нибудь одеть.

4 ФЕВРАЛЯ 1920 ГОДА.

В. П. Деникс: Мы остановились в прошлый раз на том пункте, когда Вы сделались товарищем Министра и на создании атмосферы борьбы Директории с Сибирским Правительством.

Председатель: Вы говорили, что на заседании Совета Министров вынесли впечатление, что создается напряженная атмосфера борьбы, что со стороны Омского Сибирского Правительства выдвигается мысль о том, что Директория носит партийный характер, что она связана с Черновым, который ведет определенную агитацию.

Адм. Колчак: Эта атмосфера борьбы мне представлялась чрезвычайно неблагоприятным обстоятельством для того, чтобы вести какую-нибудь работу. Я видел после нескольких заседаний, что деловые решения не выносились, а велся все время вопрос политического характера и порядка, я несколько раз приходил к убеждению, что работать в такой атмосфере нельзя, и что мне единственно остается ехать непосредственно в армию. Я это высказывал генералу Болдыреву, у которого довольно часто бывал, говоря ему, что я положительно не чувствую себя пригодным для этой деятельности, какая мне выпала: я военный техник, могу заниматься чисто военным делом, но эта обстановка меня отвлекает совершенно в другую сторону, которая для меня является нежелательной. Тут явилось еще одно весьма серьезное осложнение, с которым мне пришлось встретиться, когда я активно выступил на почву политической борьбы — это вмешательство чехов. Представителей чехов, насколько мне помнится, в Омске было два: Кошек, который впоследствии был здесь, и Рихтер, которого я потерял из виду. Дело в том, что там шла борьба, главным образом, на счет персонального назначения состава Совета Министров и она, главным образом, концентрировалась вокруг Михайлова, на включение которого настаивало Сибирское Правительство, и Роговского, которого и хотели сделать Министром Государственной безопасности, но впоследствии назначили на должность директора Департамента Милиции, т. е. в сущности, товарища Министра внутренних дел. Кроме того, было там несколько других вопросов. В это время поднимался вопрос о Сибирской областной Думе, которая была в Томске. Вопрос этот не имел особенной остроты, потому что представитель Директории Авксентьев совершенно определенно заявил, что он берет на себя решение вопроса о роспуске Думы. Эта Дума была распущена после поездки самого Авксентьева в Томск. Вот это самое персональное назначение различных лиц в состав Совета Министров и вызвало вмешательство чехов. Оно состояло в том, что оба эти представители порознь явились к Вологодскому и затем к членам Директории и некоторым Министрам и заявили от имени национального Чешского Совета, что чехи не согласны на кандидатуру Михайлова или кого либо другого. ‹Стоял совершенно открыто,› я их раньше не знал, не встречался ни с Михайловым, ни с другими членами Правительства и когда вопрос поднимался, я молчал, потому что никаких причин говорить против этих лиц у меня не было. В заседании Вологодский доложил о появлении у него одного из чешских представителей с таким заявлением, да еще подкрепленным тем, что, если такой состав будет неугоден Национальному Чешскому Совету, то чешские войска оставят фронт. Перед этим я говорил с генералом Болдыревым и он мне сказал, что с чехами у него очень трудно идет дело, что чехи бросят фронт и не желают больше драться и для меня таким образом оставление чехами фронта было ясно, а заявление чешских представителей Кошека и Рихтера о том, что если не произойдет изменения в составе Совета Министров, то они оставят фронт, мне представлялось совершенно определенной мыслью, что они играются, что они и без этого фронт оставили бы, и что эта угроза недействительна. Я высказал свое мнение совершенно определенно: я не имею чести быть знакомым ни с Михайловым, ни с другими членами Правительства, но для меня

сегодняшний визит Кошека и Рихтера является совершенно императивным для того, чтобы я поддерживал кандидатуру этих лиц. Я настаиваю, чтобы Правительство резко и определенно раз навсегда пресекло вмешательство чехов в наши внутренние дела, которые их ни с какой стороны не касаются. Так было сделано. Совет Министров категорически постановил о включении в состав Совета Министров тех лиц, которых он намечал ранее и затем остановился на вопросе о Роговском. Нужно сказать, что Директория в это время тоже разделилась на две группы: одна, состоящая из Авксентьева и Зензинова, являлась одной стороной, другая, которая состояла из Вологодского и Виноградова, являлась ее антогонистом. Болдырев стоял по середине: как человек военный и верховный Главнокомандующий, он не занимал определенной политической позиции по отношению к той или другой группе. Из всех членов Правительства я встречался только с одним Болдыревым, с Авксентьевым я обменялся визитом и виделся с ним на банкете.

В. П. Денике: Как относился Болдырев к этой борьбе?

Адм. Колчак: Болдырев думал, что надо всеми силами уладить это дело и итти на известный компромисс, что потом все устроится, но теперь нельзя создавать раскола, который отразится на армии и на положении дел на фронте. Он старался быть как бы примиряющим началом в этой Директории между двумя борющимися группами.

В. П. Денике: Как смотрел Болдырев на Директорию: представлялась ли она ему жизнеспособной или он тоже думал, что эта Директория ничего сделать не может?

Адм. Колчак: Когда я поднял вопрос об освобождении меня от обязанностей Военного Министра, то и Болдырев и Авксентьев смотрели так, что это есть временная переходная ступень, и они не смотрели на себя как на постоянное учреждение.

В. П. Денике: ‹Это по идее› Директория должна была через известный срок созвать Учредительное Собрание, но не представляли ли они, что вообще Директория не сможет этого выполнить?

Адм. Колчак: Нет, я определенно этого вопроса не помню. В конце концов, после долгих разговоров пришли к компромиссам, что Роговский будет товарищем Министра.

В. П. Денике: Вы присутствовали на совместном заседании Директории с Сибирским Правительством, когда соглашение состоялось?

Адм. Колчак: Да, я тогда был на нем, оно ничего из себя не представляло. Это было заседание, на которое явились все члены Директории и Совет Министров, на нем было прочитано постановление относительно взаимоотношений между Директорией и всего Совета Министров, затем члены Директории раскланялись и ушли и дальше продолжалось деловое заседание.

В. П. Денике: Вы, повидимому, говорите о формальном моменте утверждения этого постановления, но до этого было заседание или совместное совещание Директории и всего состава Совета Министров, где довольно остро эти вопросы ставились. Там, между прочим, с резкой речью выступал Михайлов, с другой стороны примирительно держался Шумиловский, — Вы на таком заседании не были?

Адм. Колчак: Я не помню, откровенно говоря. Я помню это формальное заседание, которое было очень короткое. Авксентьев прочел известное положение относительно Директории, относительно сибирской армии, которая должна сохранить свое бело-зеленое знамя. Этим вопросом Совещание закончилось, затем

члены Директории ушли, а Вологодский остался председательствовать. Тогда же ему было преподнесено почетное звание гражданина Сибири.

В. П. Денике: За это время завязались ли у Вас с членами Сибирского Правительства более или менее близкие личные связи?

Адм. Колчак: Нет, я не могу этого сказать. Я здесь оставался очень короткое время и вскоре около 7–8 ноября я выехал на фронт. Я бывал у Болдырева иногда. Затем я получил приглашение от чешского командования приехать к 9–10 ноября в Екатеринбург для присутствования на торжестве передачи знамен четырем чешским полкам; кроме того мне нужно было вообще выехать на фронт, для того чтобы повидаться с начальниками и обследовать все вопросы снабжения, все нужды армии и фронта. Примерно числа 7-го или 8-го я выехал из Омска в Екатеринбург, – тогда я был временно исполняющим обязанности Военного Министра, в сущности у меня министерства не было, я жил в доме Волкова в одной комнате, у меня не было ни органов, ни средств. Пока функционировал орган Сибирской армии, Штаб этой армии помещался в доме Свободы, но пока я за него не принимался. Первая моя миссия была – присутствовать на этом торжестве и затем вечером на банкете, где я впервые познакомился с чешскими офицерами и с Сыровым. Там присутствовали представители иностранных держав. Кроме того, там я вторично видел Гайду.

В. П. Денике: Во время этой встречи или впоследствии не возникало ли у Вас с чехами каких-нибудь бесед в роде той, какая была у Вас с Гайдой во Владивостоке?

Адм. Колчак: В этот день я не беседовал, а на другой день я поехал по различным военным частям, сделал визит Гайде, Сыровому и т. д.. Гайда меня спрашивал о том, каково политическое положение в Омске. Я сказал, что считаю его чрезвычайно неудовлетворительным в виду того, что соглашение между Сибирским Правительством и Директорией есть просто компромисс, от которого я не жду ничего хорошего, что столкновения в будущем почти неминуемы, потому что Директория не пользуется престижем и влиянием, что Сибирское Правительство, которое считает, что оно Сибирь об'единило и уже 6 месяцев стоит у власти, передает эту власть с известным сопротивлением. Я говорил, что столкновения несомненно будут и во что они выльются я сказать не могу. Гайда сказал на это: «единственное средство, которое еще возможно, это только диктатура». Я заметил ему, что диктатура может быть основана только на армии и то лицо, которое создает армию и опирается на армию, только и может говорить о диктатуре; кто же при настоящем положении может взять на себя должность диктатора? Только кто-нибудь из лиц, находящихся на фронте, потому что никто, не опирающийся на вооруженную силу, не может осуществлять диктатуры. Гайда ничего не ответил на это, но сказал, что все равно к этому неизбежно придут, потому что Директория несомненно искусственное предприятие. Затем он говорит: «По этому поводу мне известна та работа, которая ведется в казачьих кругах, они выдвигают своих кандидатов, но я думаю, что казачьи круги не в состоянии справиться с этой задачей, потому что они слишком узко смотрят на этот вопрос». Затем, после этого короткого визита, я поехал уже на ближайший фронт, чтобы повидаться с Пепеляевым и познакомиться с Голицыным. Фронт проходил не далеко от Екатеринбурга, Пермь и Кунгур не были взяты, фронт был между Кунгуром и Екатеринбургом. Я разделял свою работу на две части: одна заключалась в чисто техническом формировании сил, выяснении нужд и потребностей армии тогда, а другая сторона заключалась в частных встречах

во время моих поездок на фронт и выяснении на месте чисто деловых сторон. Я вынес впечатление, что армия относится отрицательно к директории, по крайней мере в лице тех начальников, с которыми я говорил. Все совершенно определенно говорили, что только военная власть может теперь поправить дело, что такая комбинация из 5 членов Директории кроме борьбы, интриг, политической розни ничего не дает и не даст и что в таком положении вести войну нельзя. Особенно резко говорил генерал-майор Пепеляев: с моей точки зрения совершенно безразлично, кто будет вести дело войны, но я считаю, что из комбинации из Директории и Сибирского Правительства ничего не выйдет хорошего.

В. П. Денике: А с какими видными деятелями кроме Пепеляева Вам приходилось встречаться?

Адм. Колчак: Я видел Голицына, представителей полков, которые были на фронте, и общее мнение [было] то же самое, в этом смысле возражений не встречал. Главным Атаманом на Дальнем Востоке был Иванов-Ринов, я видел его тогда, когда вступил в должность Верховного Главнокомандующего в декабре месяце. Пепеляев об этом вопросе говорил с чисто военной точки зрения: раз мы ведем войну, должно быть чисто военное командование, а как это будет — для меня совершенно безразлично, потому что я не политик.

В. П. Денике: В бытность Вашу в Екатеринбурге и на фронте, Вы не получали никаких известий о положении дела в Екатеринбурге, где находился С'езд Членов Учредительного Собрания?

Адм. Колчак: Они уже были в Уфе. Я помню только одного члена Брушвита, он был представителем С'езда Членов Учредительного Собрания и говорил речь на банкете, — только одного его я помню. Насколько мне помнится, я поехал на Челябинск с фронта, там в Штабе Сырового я повидался с Дитерихсом, который был начальником Штаба, сделал там визиты членам чешского Национального Совета, который был в Челябинске. Затем я поехал на фронт, откуда поехал назад южным путем на Омск. Мне был дан экстренный поезд. С этим поездом поехали представители Чешского Командования и полковник Уорд, который присутствовал на параде. С Уордом мы вместе завтракали и беседовали на всякие темы. Между Петропавловском и Курганом мы встретились с поездом ген. Болдырева, примерно за сутки до прибытия моего в Омск. Я явился к нему и в общих чертах изложил результаты своей поездки. Болдырев ехал в Челябинск, для свидания с Чешским Командованием, так как по его словам с чехами у него были очень натянутые и затрудненные отношения. Чехи оставляют фронт, нам грозили тяжелые осложнения на Уфимском фронте, красная армия ведет наступление на Уфу и его тревожит настроение чехов, которые оставляют фронт без всякого прикрытия. Я спросил его о том, что делается в Омске, так как я никаких сведений о Томске [об Омске] не имел. Он говорит: «в Омске тоже нехорошо, там несомненно идет брожение среди казаков, в особенности говорят о каком то перевороте, выступлении, но я этому не придаю серьезного значения, во всяком случае я надеюсь, если мне удастся побывать на фронте, уладить там дело». Затем он прибавил: «это все искусственно, но мы должны пройти через такую стадию, и я надеюсь, что работать будет вполне возможно, потому что весь состав Директории состоит из людей, лично не преследующих никаких задач, стараются сделать, что могут, и я думаю, что ничего серьезного отсюда не выйдет». Как видите, Болдырев определенно говорил, что в Омске атмосфера очень напряженная, в особенности в казачьих кругах. Я с ним расстался, он поехал в Челябинск, а я уехал в Омск, куда прибыл примерно числа 16 ноября, за день

до переворота. Меня главным образом в это время смущал вопрос о том, что окончательное решение относительно моих функций в смысле образования министерства и моих взаимоотношений с командованием на фронте оставалось еще неопределенным, оно не могло быть выяснено фактически, у меня не было подчиненных частей, эти вопросы Болдырев решил поставить, когда он окончательно вернется. Чисто технически меня беспокоил вопрос о территориальной системе, уничтожение которой я поставил категорическим условием вхождения моего в состав Министерства и принятия на себя поста Военного Министра, так как я считал эту систему неприемлемой. По приезде моем в Омск, ко мне являлись многие офицеры из ставки и представители от казаков, которые говорили мне определенно, что Директории осталось недолго жить и что необходимо создание единой власти. Когда я спрашивал о форме этой единой власти и кого предполагают на это место предложить для того, чтобы была единая власть, мне указали прямо: «Вы должны это сделать». Я сказал, что я не могу взять на себя эту обязанность, просто потому, что у меня нет в руках армии и вооруженной силы, а то, что Вы говорите может быть основано только на воле и желании армии, которая бы поддержала то лицо, которое хотело бы встать во главе ее и принять на себя верховную власть и верховное командование. У меня армии нет, я человек приезжий, я не считаю для себя возможным принимать участие в таком предприятии, которое не имеет под собой почвы. Затем мне остается неизвестным вопрос об отношении к такой конъюнктуре власти со стороны Сибирского Правительства. Сибирское Правительство, насколько я мог понять, борется с Директорией против Директории, желая власть сохранить у себя и то положение, которое было до прибытия Директории, — это во первых, а во вторых, как я сказал, я нахожусь на службе, я это подчеркивал, и что я не считаю возможным, оставаясь на службе, предпринимать какие-нибудь шаги в том смысле, в каком Вы говорите. Вот приблизительно какие разговоры велись вскоре после моего приезда.

В. П. Денике: Вы не помните, кто из более видных военных деятелей являлся к Вам с подобного рода разговорами и предложениями?

Адм. Колчак: Насколько помню, Лебедев и полковник Волков, который был начальником гарнизона города, затем Катанаев, очень много офицеров из Ставки. Определенно могу сказать, что ни Матковского, ни генерала Белова у меня не было. Из лиц военных, из политических деятелей по вопросу о единоличной власти у меня никого не было. Я помню, что приходил ген. Сурин и другие, когда шла работа по созданию Морского и Военного Министерства. Как я говорил, никаких определенных решений или слухов мне не сообщалось, это носило характер разговоров и обмена мнений.

Председатель: Красильников у Вас не бывал?

Адм. Колчак: Насколько я помню, не был, но возможно, что он заходил вместе с Катанаевым, в то время он был войсковым старшиной. Когда я осведомился о положении вещей, то я решительно хотел отклонить от себя должность Военного Министра, когда я приехал, мотивируя это тем, что при этих условиях я считаю невозможным вести работу Военного Министра. Это решение мое было почти категорическое, но пока я не отказывался до прибытия Болдырева, так как в его отсутствие не считал возможным бросить начатое дело. А затем я собирался работать на фронте или заняться организацией Морского Министерства. Насколько мне помнится, 17 ноября был у меня Авксентьев, накануне своего ареста. Он приехал ко мне на квартиру и просил, чтобы я взял свою просьбу об отставке

назад. Я ему совершенно определенно сказал: «Я здесь уже около месяца Военным Министром и до сих пор я не знаю своего положения и своих прав: обязанности свои в отношении обслуживания армии я более или менее себе представляю, но самые права Военного Министра мне неизвестны: подчинены ли мне здесь войска или нет, в каких взаимоотношениях я нахожусь с командованием фронта, непосредственных или с ними только сношусь и т. д., словом, целый ряд технических вопросов. Вместо деловой работы здесь идет политическая борьба, в которой я принимать участие не хочу, потому что я считаю ее вредной для ведения войны, и в силу этого я не считаю возможным в такой атмосфере работать, даже в той должности, которую я принял». Так мы с ним не договорились, я продолжал упорно настаивать на том, что я не буду больше Военным Министром и жду только приезда Болдырева. Я делаю оговорку: мне кажется, что это было в то время, о котором я говорю, но, может быть, это было накануне моего от'езда на фронт. Переворот совершился 18 числа вечером с воскресенья на понедельник. Об этом перевороте слухи носились, частным образом мне морские офицеры говорили, но день и время никто фиксировать не мог. О совершившемся перевороте я узнал в 4 часа утра на своей квартире. Меня разбудил дежурный ординарец и сообщил мне, что меня вызывает к телефону Вологодский. Было еще совершенно темно. От Вологодского я узнал по телефону, что сегодня вечером около 1—2 часов были арестованы члены Директории Авксентьев, Зензинов, Аргунов и Роговский и увезены за город, что он сейчас созывает немедленно Совет Министров и просит, чтобы я прибыл на это экстренное заседание Совета Министров. Когда я спросил: «Кем арестованы?» Он сказал: «Я точно Вам сказать не могу и прошу Вас как можно скорее одеться и около 6-ти часов я, вероятно, всех соберу». — Я спросил: «Какими частями произведен арест?» — Он ответил, что не знает. Тогда я приказал сейчас же соединиться и вызвать Розанова, который был начальником Штаба Болдырева. Он в это время спал, но, когда я его вызвал, он сразу подошел к телефону. Я спросил его, знает ли он о том, что произошло в городе. Он ответил, что в городе полное спокойствие, раз'езжают усиленные патрули, но что он никак не может добиться ни Штаба, ни Ставки, ни Управления Казачьими Частями, так как телефоны, повидимому, не действуют. Я ему сказал, что я сейчас оденусь и перед тем, как поехать в Совет Министров, заеду к нему по дороге, чтобы с ним переговорить. Затем я попытался соединиться со Ставкой и спросить, что там известно и что делается, но со Ставкой соединиться мне не удалось. Тогда я бросил эту попытку, вызвал себе автомобиль из гаража и около 5-ти часов я заехал к Розанову. К Розанову же приехал и Виноградов, с которым я затем поехал в Совет Министров. Виноградов сообщил мне, что ночью, повидимому, казачьими частями на своей квартире были арестованы члены Директории, но, где находятся арестованные члены Директории, неизвестно, в городе все спокойно, раз'езжают только казачьи патрули, стрельбы и вооруженных выступлений не было. Розанов, повидимому, не был совершенно в курсе дела, жаловался на то, что нет сообщения по телефону и он не мог добиться никакого толку; он посылал своих ординарцев, но и они ничего не могли узнать, кроме того, что мне сообщили Вологодский и Виноградов. Я спросил Виноградова: «Вас не арестовали?» — «Нет, ко мне никто не являлся». Около 6-ти часов Совет Министров собрался в здании губернатора около собора, где он тогда помещался, и Вологодский сообщил всему составу Совета Министров о событиях, которые произошли ночью. Весь состав Совета Министров и все лица к нему причастные были на лицо, между прочим, были Розанов, Матковский, помощник Военного

Министра, генерал Сурин. Матковский был совершенно не в курсе дела, повидимому, ничего не знал, но присутствовал в заседаниях Совета Министров постоянно, как командующий войсками. В этот день было большое заседание, где были и министры, и товарищи министров, а так как должность командующего войсками давала ему права товарища министра, то и он поэтому присутствовал на заседании. Вологодский поставил вопрос о том, как смотрит на это Совет Министров. Подробностей больших он не мог сообщить, а сообщил в общих чертах, что ночью дом, где находились эти четыре лица, около здания гимназии, где они жили, был оцеплен сильным раз'ездом казаков 1-го Сибирского Казачьего полка, были еще части Красильниковского отряда в виде партизан, конная часть, которая оцепила этот эшелон, разоружила его, никого не арестовывала, так как сопротивления эта охрана казакам не оказала, она сдала орудие и денежный ящик. Тогда поднял я вопрос о том, где могут находиться арестованные члены Директории. На это никто определенно указать не мог. Потом уже кто то из прибывших сообщил, что они находятся в здании Сельско-Хозяйственного Института, за Загородной рощей, где находилась часть партизанского отряда Красильникова. Вологодский поставил вопрос, как относится к этому аресту Совет Министров. Было высказано несколько мнений: первое мнение — факт ареста ничего не обозначает, тем более, что три члена Директории — большинство — остаются: Виноградов, Вологодский, Болдырев; второе мнение было такое, что Директория после того, что случилось, остаться не может у власти, и что власть должна перейти к Совету Министров Сибирского Правительства — об арестованных пока никто не говорил, участь их была неизвестна — раз члены Правительства подверглись какому-нибудь аресту и не могли этому противодействовать и предупредить этот арест, то тем самым они должны сложить с себя полномочия; раз они арестованы, то они тем самым перестают быть властью. Затем высказывались еще, что вся власть должна перейти к Совету Министров, что власть Директории отпадает — это было третье мнение. Во время этих прений встал Виноградов и сказал, что он считает невозможным оставаться долее в составе Директории ни при каких обстоятельствах после того, что произошло, и слагает с себя обязанности и никакого участия больше в заседании он принимать не считает возможным. Был поднят даже вопрос о том, чтобы Виноградов оставался в Совете Министров, но он сказал: «Я свои полномочия слагаю и выхожу из состава». После этого он оставил зал заседания. Уход Виноградова поставил ту часть голосов, которые говорили, что Директория остается, в затруднительное положение: оставался только один Вологодский здесь, и Болдырев на фронте. Тогда вопрос об оставлении Директории сам собою стал отпадать. Затем часов около 8-ми поднялся вопрос о том, что надо выработать какой-нибудь текст обращения к населению, что такое положение является совершенно нетерпимым, что в такой переходный момент может наступить анархия и, во что она выльется, неизвестно. Пока в городе все спокойно, но все казачьи войска находятся под ружьем, отдельные части ходят по городу, хотя это ни в чем не проявляется, другие части находятся тоже под ружьем, хотя они не выходят из казарм, и если такое неопределенное положение продолжится, то можно ожидать каких-нибудь крупных и серьезных событий. Тогда поднялся вопрос такой: что следует сделать и как на это реагировать? Вопрос был решен таким образом, что необходимо для того, чтобы вести и продолжать борьбу, отдать все преимущества в настоящее время военному командованию и что во главе правительства должно стоять лицо военное, которое об'единило бы собою военную и граждан-

скую власть, т. е. вопрос был поднят определенно в форме об'единения военной и гражданской власти в одном лице. Кем был поставлен этот вопрос, я точно не могу сказать, по кажется, что он был поставлен одним из военных. Когда ко мне обратились, то я тоже сказал, что считаю это единственным выходом из положения, я только что вернулся с фронта и вынес убеждение, что там полное несочувствие к Директории и малейшее столкновение между Директорией и Правительством отозвалось бы сейчас в войсках. Тогда вопрос стал принимать конкретную форму: желает ли Совет Министров, чтобы власть была вполне единоличной во главе всего Совета Министров? Когда этот вопрос был поставлен на обсуждение, я высказался за это совершенно определенно и сказал, что и это я считаю единственным выходом из положения, — не помню, чтобы кто-нибудь возражал против этого. Затем большинство Членов Совета Министров, учитывая ту обстановку, в которой мы находились тогда, страшно напряженное и тяжелое положение на фронте, брожение в самом Омске, только что случившийся ночью арест Директории, очень неопределенное и тревожное состояние во всех войсках Омского гарнизона, говорило, что необходимо, чтобы временно сейчас же <, чтобы> вступила в управление единая военная власть, в виде одного определенного военного лица. Ответ был вынесен положительный, без каких бы то ни было возражений с чьей-бы то ни было стороны. Тогда у нас Верховным Главнокомандующим был Болдырев, и я сказал, что этому Верховному Главнокомандующему и должна быть [передана] вся военная и гражданская власть. Верховный Главнокомандующий, получив всю полноту гражданской власти, явится тем лицом, которое станет во главе Правительства. Такое решение было принято всем Советом Министров без каких бы то ни было серьезных возражений, пока шел вопрос чисто принципиальный. В дальнейшем уже шло обсуждение вопроса о том, кто персонально должен быть Верховным Главнокомандующим и облечен такой властью. После обмена мнений большинство членов Совета Министров высказалось в том смысле, что они предлагают мне принять эту должность. Тогда я считал своим долгом высказать свое мнение по этому поводу в том смысле, в каком я его высказывал и раньше: надо прежде всего стараться безо всякой ломки сохранить то, что уже существует и что оказалось удовлетворительным, что не вызывает особенных возражений и сомнений, т. е. власть, существующую в лице Верховного Главнокомандующего ген. Болдырева. Я говорил, что им организован Штаб и, зная отношение к генералу Болдыреву со стороны войск, против него особых возражений не будет. Говорили про него, что он находится в руках партийных представителей с. р., отзывались о нем довольно безразлично, но против него серьезно ничего не говорили и в войсках он фактически уже существует, как Верховный Главнокомандующий. Гораздо проще для армии и ее органов, чтобы осталось то лицо, которое уже имелось, и хотя речь идет о моем назначении, но я должен сказать, что я человек новый, власть должна опираться прежде всего на широкую популярность и доверие войск, между тем, хотя мое имя известно, но в общем ни казаки, ни армия, ни войска меня не знают и, как они относятся к этому, не знаю. Я считаю долгом сказать, что если бы со стороны армии явились какие нибудь противодействия, то они поставили бы меня в самое тяжелое положение, совершенно с моей точки зрения неприемлемое. Я добавил, что я высказываюсь таким образом, исходя из интересов самой армии, чтобы не вносить в нее каких-нибудь новых потрясений. Тогда Вологодский обратился ко мне и сказал: «Я принимаю во внимание все, что Вы сказали, но я Вас прошу оставить зал заседания, так как мы находим необходимым детально и более

подробно обсудить этот вопрос и так как нам придется говорить о Вас, то Вам неудобно здесь присутствовать». Тогда я оставил это заседание, которое продолжалось довольно долго. Я вошел в кабинет Вологодского, а затем через некоторое время ко мне прибыл Петров или Михайлов – не помню – Матковский и Розанов и передали мне следующее: меня просят пожаловать в зал заседания [;] ‹и› Совет Министров принял на себя всю полноту власти, Совет Министров, исходя из тех положений, которые обсуждались, признает необходимым передать власть одному лицу, которое стояло бы во главе всего Правительства в качестве Верховного Правителя и просит меня принять этот пост. Затем я пришел в зал заседания, где Вологодский прочел постановление Совета Министров, заявивши, что Совет Министров считает это единственным выходом из настоящего положения. Тогда я увидел, что разговаривать не о чем, я дал согласие и сказал, что я принимаю на себя эту власть и сейчас еду в Ставку, для того, чтобы сделать известное распоряжение по войскам и прошу Совет Министров уже детально разработать вопрос о моих взаимоотношениях с Советом Министров и затем прошу назначить сегодня же днем заседание, для того, чтобы можно было обсудить целый ряд вытекающих из этого вопросов. Я должен был уехать в Ставку и оттуда телеграфировать по войскам о случившемся.

В. П. Денике: Прежде чем перейти к дальнейшему, разрешите предложить Вам такой вопрос: были ли указания о том, каким образом подготовлялся этот переворот, Вы осведомлены не были и личного участия не принимали? – Впоследствии стало ли Вам известно, кем и как этот переворот был организован. Кто из политических деятелей и военных кругов принимал в нем участие?

Адм. Колчак: Вскоре, в ближайшие дни, я узнал только тех лиц, которые активно участвовали в этом перевороте. Это было три лица. Я знаю и мне говорил Лебедев, что в этом принимала участие почти вся Ставка, часть офицеров гарнизона, Штаб Главнокомандующего и некоторые члены Правительства. Он говорил, что несколько раз во время моего отсутствия были заседания по этому поводу в Ставке. Я ему на это сказал одно: «Вы должны мне сообщить фамилии тех лиц, которые в этом участвовали, потому что мое положение в отношении этих лиц становится тогда совершенно невозможным, потому что, когда эти лица станут мне известны, они станут в отношении меня в чрезвычайно ложное положение и они будут считать возможным тем или иным путем влиять на меня. Виновники этого переворота, выдвинувшего меня, будут постоянно оказывать на меня какое-нибудь давление, между тем, как я считаю, для меня совершенно безразлично это и я не считаю возможным давать или не давать те или иные преимущества». Фактически это Лебедев и выполнил. Я могу сказать, что почти вся Ставка, по крайней мере все начальники Отделов принимали в этом участие и часть офицеров гарнизона, главным образом казачьи части. Я считаю неудобным спрашивать [говорить?] о лицах. Что касается политических деятелей, то там несомненно были из Совета Министров.

Председатель: В самый момент переворота Вы не знали, кто был инициатором и кто был фактическим выполнителем?

Адм. Колчак: Нет, я знал: Волков, начальник гарнизона, Катанаев и Красильников и несколько офицеров казачьих частей. Я Лебедева спросил: «Кто же был главным участником переворота, казачьи части?» – Он сказал, что вся Ставка, Штаб Главнокомандующего при участии некоторых членов Совета Министров. Но до сих пор мне неизвестно, кто был из членов Совета Министров, я никогда к этому вопросу не возвращался и никогда ни с кем из Министров об

этом не говорил. У меня создалось такое впечатление, что Матковский был не в курсе этих дел, судя по его словам, никакого участия не принимал. После заседания Совета Министров я поехал прямо в Ставку. На вопрос Розанова о его положении, я сказал: «Мне кажется, лучше Вам некоторое время не выступать, потому что Ваше положение будет неудобное: Вы являетесь помощником Болдырева и в отношении его самого будет неудобно, если Вы останетесь в своей должности, поэтому прошу Вас на некоторое время пока не принимать участия в делах Ставки, а вместо Вас будет полковник Сыромятников, который тогда был квартирмейстером, вести доклады и исполнять обязанности Начальника Штаба». Когда Сыромятников явился, я прежде [всего] спросил его: какие части произвели сегодня ночью эти события? Он мне назвал. Тогда я спросил его: Где находятся члены Директории? Он мне ответил, что они находятся в отряде Красильникова в здании Сельско-Хозяйственного Института. Я спросил: были ли сделаны какие-нибудь убийства и насилия в течение ночи? Он сказал, что ничего не было, что разоружение милиции Роговского не вызвало никаких столкновений и недоразумений. Тогда я просил вызвать к себе Волкова и сделать распоряжение, чтобы доставили в город арестованных, поместить их на их квартиру, квартиру усиленно охранять, но не держать их там [в. С.-Хоз. Институте]. Затем я с ним, вместе с прибывшим генералом Андогским, выработал целый ряд телеграмм по частям и по армии, главным образом, на фронте, по гарнизонам различных городов – все гражданские власти должны [должен] были [был] осведомить об этом Совет Министров, а осведомление военных была моя обязанность – о том, что я вступил в Верховное Командование и в Верховное Управление в качестве Верховного Правителя. Затем мне в 4 часа дали знать, что Совет Министров снова собрался после перерыва и что просят меня прибыть туда. Я приехал на это заседание и сообщил им те подробности, какие я знаю, какие распоряжения мною сделаны. Кажется, к этому времени арестованные были уже на своих квартирах. Я послал уже одного из своих ординарцев удостовериться, в каком положении они и состоянии. Они оказались все живы и водворены на свою квартиру. Затем, на этом же заседании Совета Министров был обсужден вопрос относительно выработки краткой конституции о моих взаимоотношениях с Советом Министров. Была принята форма, которую я признал совершенно отвечающей тому, что нужно, указавши на то, что я считаю необходимым работать в полном контакте и в полном единении с Советом Министров, затем тут же был намечен план относительно такого совета, который был при мне для экстренных вопросов и, главным образом, для решения вопросов иностранной политики, так называемый Совет Верховного Правителя, состоящий из 5-ти членов, в который могли вызываться ответственные лица. Затем поднялся вопрос о том, что же делать сейчас. Я сказал, что в городе ходит масса фантастических слухов, поэтому надо самому факту переворота придать гласность. Я считал самым правильным судебное разбирательство в открытом заседании совершенного этого переворота для того, чтобы во первых снять нарекания на лиц, совершавших этот переворот, а во вторых потому, что это лучший способ осведомления. Я сказал, что никогда не допущу кары над лицами, потому что, раз они это сделали, я принял все последствия на себя, но это один из способов придать гласность самому обстоятельству совершившегося переворота.

В. П. Деникe: Так что инициатива этого суда принадлежала лично Вам?

Адм. Колчак: Я не помню, я ли первый высказал эту мысль, или Вологодский, но такая точка зрения была высказана. Тогда было решено образовать

специальный чрезвычайный суд, для того, чтобы разобрать все это дело. Затем я вызвал Волкова и сказал ему, что я считаю необходимым гласное расследование всей его деятельности не с целью наказывать или карать, а с целью придать гласности, так что я его отдал под суд Чрезвычайного суда. На суде он должен дать показания, касающиеся этого дела. Этот суд вам вероятно известен.

В. П. Денике: А не выступал ли перед Вами вопрос о том, что вовсе этот суд не явится средством осведомить общество о перевороте, если перед ним будет только голый факт переворота, вся закулисная обстановка будет от общества скрыта и, что если судить, то надо судить всех организаторов.

Адм. Колчак: Я предполагал, что вся картина переворота будет выяснена на суде, но суд взял все-таки персонально ответственность трех лиц и дальше этого он не входил. На этом же заседании был решен вопрос о личной судьбе членов Директории. Я сообщил, что я приказал перевести их на квартиру, что я сделал распоряжение гарантировать их полную неприкосновенность и что единственно разумное решение, какое можно сделать в отношении этих лиц, это предоставить им выехать за границу. Это было общее мнение Совета Министров. Потом уже впоследствии, так как сразу этого сделать было нельзя, нужно было в связи с Чрезвычайным Судом поднять вопрос о привлечении их к суду, при чем наиболее серьезное обвинение, которое тяготело на них, были переговоры по прямому проводу и доказательство тесной связи Авксентьева и Зензинова с Черновым и как бы подчинение их в партийном отношении Ц. [К] партии с. р., во главе которого стоял Чернов, и что вызывало страшное возмущение: какое [э]то правительство, которое находится в руках определенной партии и исполняет ее приказания. Я подробно не знаю текста этих переговоров, кажется, что я видел ленты, но они у меня в голове не остались и ничего особенного они собой не представляли, во всяком случае каких-нибудь криминальных и преступных решений не было, но они действительно носили оттенок такой, что как бы Верховная Власть ‹не› подчинялась ее директивам. Это было самое серьезное обвинение.

В. П. Денике: К какому моменту относится письмо к Вам Вологодского, где он указывал, что непременным условием его оставления на посту является личная неприкосновенность членов Директории?

Адм. Колчак: Это им высказано [было] на заседании, это было, вероятно, в первый же день. Я думаю, что там обсуждался этот вопрос и общее мнение тогда было такое. Я ответил, что я личную безопасность им гарантирую. Затем обсуждался вопрос об отправке их за границу, что я поддерживал. Я думаю, что это письмо было мне прислано в промежуток между этими двумя заседаниями.

Председатель: Вы упомянули относительно разговоров о суде над арестованными. — Этот разговор тогда же был?

Адм. Колчак: Разговор о предании суду был не в тот день, а на второй или на третий день, может быть, даже после их от'езда, так как они уехали на второй день. Это было в ближайшие дни, когда следственный матерьял разбирался, и тогда было мнение, что желательно было этих лиц предать суду. Мне пришлось сказать, что нежелательно предавать их суду, как принципиально, так и фактически, так как они уже уехали и судить их нет никаких оснований: раз они смещены, то зачем, собственно говоря, их судить.

В. П. Денике: Авксентьев и Зензинов приняли ли на себя какие либо обязательства в виде отказа от власти, на которых они были отпущены?

Адм. Колчак: Нет, там было обязательство не вести борьбу против Правительства. Затем на этом вечернем заседании Совета Министров я заявил, что все

арестованные члены находятся в моем непосредственном ведении и, если угодно переговорить с ними и убедиться в их положении, то пусть Министр Юстиции, имеющий к ним доступ, поедет к ним. Старынкевич несколько раз ездил к ним на городскую квартиру и сообщил Сов. Мин., что они действительно там находятся и с ними ничего не сделано. Во всяком случае Министру Юстиции было предоставлено право навещать их и говорить с ними во всякое время. Вскоре ко мне прибыли, насколько мне помнится, Реньо и Уорд. Они спрашивали, что я намерен делать с членами Директории. Я сказал, что ничего не намерен с ними делать, а предоставляю им ехать заграницу. Они спрашивали меня, намерен ли я предавать их суду. Я сказал, что не намерен. Со Старынкевичем я обсуждал вопрос, как их отправить. Было решено взять экстренный поезд и еще вагон для охраны их. Затем я немного опасался каких-нибудь выступлений по дороге, так как мне говорили о возможности нападения на них и я обдумывал как бы гарантировать их от этого. Я воспользовался близостью и знакомством с Уордом и просил его вообще дать мне конвой из 10–12 англичан, которые бы в дороге гарантировали бы от каких-нибудь внешних выступлений против членов Директории. Уорд с большим удовольствием согласился. Он сказал, что ему нужно делегировать 15 человек во Владивосток, и эти 15 чел. могут также ехать в этом поезде и нести караульную службу. Таким образом это очень легко устроилось. Затем я со Старынкевичем решил вопрос о том, какие суммы нужно им дать. На вопрос, куда они предполагают ехать, члены Директории ответили, что они хотят ехать в Париж и им [была] выдана сумма приблизительно 75,000–100,000 руб. каждому в этот же день. Затем дано было знать Хорвату заготовить заграничные паспорта, не ожидая их приезда, и просить китайские власти и японские о беспрепятственном их проезде. Вскоре был получен ответ, что все будет сделано и что японские и китайские власти препятствий чинить не будут. Затем я сказал Старынкевичу, чтобы он выработал известное положение, по которому они дали подписку, что они, во первых, уезжают из России за границу, и во вторых, что они ни при каких условиях не будут вести политическую борьбу против Правительства Верховного Правителя, находясь за границей. Затем тут же зашла речь относительно Аргунова. Я сказал, что мне самому не ясна его роль, а Аргунов сказал, что он хочет вернуться. Мы ему сказали, что через несколько времени он может вернуться, но на первое время пускай выедет хоть в Шанхай, а затем никаких препятствий к его возвращению не будет. Вечером я вызвал начальника конвоя и сказал ему, что он отвечает непосредственно передо мною за целость и неприкосновенность этих лиц и за малейшую попытку против них направленную. Затем я сказал, что если будет попытка с целью нападения на них, или наоборот с целью освобождения их, тогда действовать оружием без всяких разговоров. Этот офицер сказал, что он все это выполнит сам, и ручается, что все будет выполнено, как нужно. Я добавил, чтобы они ни с кем общения не имели, чтоб не останавливаться на больших станциях, итти самым экстренным порядком и доставить их до Чжанчжуня, английский конвой отпустить в Харбине. Они были отправлены 19–20 ноября.

6 ФЕВРАЛЯ 1920 ГОДА.

А. Н. Алексеевский: Чтобы выяснить Ваше отношение к перевороту, требуется установить некоторые дополнительные пункты. Между прочим, для Комиссии было бы интересно знать — перед переворотом или во время его, или после

встречались ли Вы в Сибири или на Востоке с князем Львовым, который тогда через Сибирь выезжал в Америку?

Адм. Колчак: Нет, с князем Львовым я не виделся: мы раз'ехались. Я виделся только с другим Львовым — Владимиром Михайловичем.

А. Н. Алексеевский: Не имели ли Вы от князя Львова письма или указания?

Адм. Колчак: Кажется, какое то письмо из Парижа было во время пребывания в Омске, но это было позже, приблизительно летом. Это письмо не содержало ничего важного и относилось, главным образом, к деятельности той политической организации, которая была в Париже и во главе которой стоял Львов. До этого я со Львовым не имел личных сношений и никаких указаний, переданных через него от кого бы то ни было, не имел. Письмо, о котором я говорил, было передано через Консульскую Миссию в Париже в июле.

А. Н. Алексеевский: В это время через Сибирь проезжал и находился в Омске Савинков?

Адм. Колчак: Савинков заходил ко мне, когда я еще [жил] на квартире у Волкова. Мы с ним беседовали, меня он расспрашивал, интересуясь положением вещей, т. к. он только что приехал с Востока, интересовался моим взглядом на отношение Японии к нам. Это было в первые дни моего приезда, насколько помнится, в доме Волкова. Виделся я с Савинковым только один раз, т. к. он вскоре уехал. По вопросу внутренней политики я не беседовал с ним.

А. Н. Алексеевский: Из числа лиц, с которыми вы в это время встречались, вы не упомянули об отношении к генералу Апрелеву, приехавшему в это время из за границы?

Адм. Колчак: Я в первый раз слышу такую фамилию. Может быть я и встречал его, но под другой фамилией.

А. Н. Алексеевский: Не было ли в это время в Омске человека, приехавшего с поручением от русских заграничных кругов из Парижа или Лондона.

Адм. Колчак: В это время никого не было, позже бывали. Что касается Апрелева, то я теперь вспомнил, что в Японии я встречал молодого морского офицера, известного мне раньше, который служил в Французской Миссии и носил эту фамилию. Я видел его несколько раз в Токио. Он приезжал туда с Миссией и состоял в распоряжении Реньо и к этому делу никакого отношения не имел.

А. Н. Алексеевский: Я уже ставил Вам вопрос, в каких отношениях Вы состояли с Реньо. Вы отвечали, что отношения были чисто оффициальные. Между тем в письме г. Тимиревой от 17 сентября есть упоминание о каком то «Альянсе» который Вам удалось установить с Реньо. Повидимому, г. Тимирева пишет Вам, повторяя те впечатления, которые вы вынесли из Вашего морского переезда из Японии во Владивосток. Она говорит о пассажирах и, припоминая ваши впечатления, пишет, что Вы вступили в «Альянс» с Реньо.

Адм. Колчак: Из Японии я ехал вместе с Реньо. Я виделся с ним несколько раз, он был очень любезен, но ни о какой политике мы с ним не говорили. Это было простое пароходное знакомство, т. к. из Цуруги он ехал вместе со мной и даже за столом за обедом и завтраком мы сидели с ним рядом.

А. Н. Алексеевский: Вы сказали прошлый раз, что из поездки в армию вынесли впечатление, что армия была против Директории и на стороне идеи единоличной власти. Я хотел бы поставить вопрос, в каких частях Вы были?

Адм. Колчак: Я был в западной армии, хотя тогда еще не существовало этого термина «Западная армия», тогда была Екатеринбургская группа, которой командовал Гайда. Это были части, находившиеся в районе Челябинска.

А. Н. Алексеевский: Приезжали ли Вы в это время на Юго-Западный фронт, где находились части Народной армии, армии Комуча?

Адм. Колчак: Эти части в то время были в Челябинске, куда я не приезжал.

А. Н. Алексеевский: Ведь, в это время большевики вели наступление на Юго-Западный фронт и их удары выносили эти части армии Комуча?

Адм. Колчак: Да, и чехи, которые в это время начали свою эвакуацию. На фронте этих частей не было [я не был], т. к. не мог туда проехать. Юго-Западный фронт был в то время в районе Бугульмы, приблизительно по течению реки Ик. На юге в это время происходили большие бои частей Каппеля, принадлежавших к Народной армии.

А. Н. Алексеевский: Юго-Западный фронт в это время был выдвинут очень далеко. В это время Ижевский и Воткинский заводы принадлежали ли к армии Комуча?

Адм. Колчак: В это время все заводы уже перешли за Каму. В этих частях я также не был, т. к. не мог приехать в виду эвакуации чехов. Я говорил с Дитерихсом, не могу ли я проехать на фронт в Уфу, но он мне сказал, что это задержит спешную эвакуацию чехов, и мне пришлось отказаться.

А. Н. Алексеевский: В оценке отношений армии к перевороту большую роль должны [были] сыграть Добровольческие части. Каково было их мнение?

Адм. Колчак: Каково было их мнение, я не знаю, но я виделся с представителем в Челябинске и он сообщил мне, что, в общем, отношение к Комитету Учредительного Собрания и к Директории отрицательное даже в тех частях, которые находятся под командованием Фортунатова. Фортунатов в то время командовал полком Учредительного Собрания.

А. Н. Алексеевский: При получении этих сведений о настроении армии обращались ли Вы к командному составу?

Адм. Колчак: Да, главным образом, хотя в некоторых случаях мне приходилось даже беседовать с солдатами, правда, очень коротко. Я беседовал с солдатами, бывшими на фронте, и во время обхода в казарменных помещениях.

А. Н. Алексеевский: Не думаете ли Вы, что то, что Вы принимали за мнение армии в виду того, что Вы не посетили наиболее важных пунктов, было фальсифицировано?

Адм. Колчак: Если бы у меня было такое сомнение, то оно рассеялось на второй, третий день после переворота, когда я получил от всех частей, даже частей Фортунатова выражение сочувствия к происшедшему перевороту.

А. Н. Алексеевский: К сожалению, эти телеграммы, как некоторые другие документы, не сохранились?

Адм. Колчак: Они все находились в архиве Штаба.

А. Н. Алексеевский: Известно, что в начале на фронте у добровольческих частей Сибирской армии, которая была сначала организована на добровольческих началах, было враждебное отношение к перевороту. Таково, например, было отношение третьей дивизии, одной из самых боевых дивизий, другие части оставались в неведении совершившегося переворота: им говорили, что адмирал Колчак действует от имени Директории, что Директория остается, т. к. в противном случае настроение солдат было таково, чтобы итти ликвидировать переворот.

Адм. Колчак: О таких настроениях мне ничего не известно, т. к. мне об этом никто не сообщал. Наоборот, если у меня и были сомнения, то они рассеялись в ближайшие дни, когда я получил уверенность, что подобная конструкция

Правительства и власти приветствуется всей армией. И дальше в последующие дни я от армии, ничего, кроме самого хорошего, кроме самого положительного отношения не видел. Ни одного оскорбительного письма, ни одного памфлета из армии за все время пребывания моего Верховным Правителем я не получал. Если у меня и были некоторые сомнения, хотя бы в отношении тех частей, которые были непосредственно подчинены Комитету Учредительного Собрания, то они рассеялись; тот же Фортунатов признал совершившийся переворот совершенно легко и даже не оказал сопротивления при аресте членов Учредительного Собрания, пославших вызов, что они пошлют войска против меня и откроют новый фронт.

К. А. Попов: Известны ли Вам случаи, когда в тюрьму сажались солдаты за перехваченную переписку, содержавшую неодобрительные отзывы о Верховном Правителе?

Адм. Колчак: Нет, мне это не было известно, но я допускаю, что это могло быть: из массы солдатских писем могли быть и такие, которые содержали такие отзывы.

А. Н. Алексеевский: Когда Вы были Военным и Морским Министром и будучи Верховным Правителем, не приходилось ли Вам сталкиваться с фактом, что высшее военное командование до вашего вступления в Военное и Морское Министерство, а также и при вас вело известную систематическую работу по возбуждению недовольства в добровольческой армии, армии Комуча тем, что военное снабжение этим частям всячески задерживалось. Я знаю, например, от Начальника Воткинской дивизии, подполковника Перового, что Ижевская дивизия, организовавшаяся после восстания, не получила оружия, снарядов и патронов по той причине, что они намеренно не отправлялись туда, тогда как Сибирские части, составленные по мобилизации, имели всего в изобилии. Этим самым вызывалось недовольство этих частей.

Адм. Колчак: Тогда я этого не знал. Для меня значительно позже выяснилась эта картина, что действительно какая то работа в смысле не доставления и задержки военного снабжения преднамеренно велась, но это было не в Западной армии, а главным образом в Сибирской. Если Вы вспомните, то это было в тот момент, когда в главное командование вступил Дитерихс; имеется его приказ, где он говорит, что этот вопрос должен быть разобран. У нас было очень тяжелое положение с доставкой оружия, т. к. первый период мы ничего не получали. Доставка оружия началась приблизительно к марту месяцу, до этого же времени во всех частях не было оружия, ни сапог, ни обмундирования. В это время положение было очень тяжелым, но я не думаю, чтобы оно носило предумышленный характер.

А. Н. Алексеевский: Скажите Ваше отношение к генералу Каппелю, как к одной из наиболее крупных фигур добровольческой армии?

Адм. Колчак: Каппеля я не знал раньше и не встречался с ним, но те приказы, которые давал Каппель, положили начало моей глубокой симпатии и уважения к этому деятелю. Затем, когда я встретился с Каппелем в феврале или марте месяце, когда его части были выведены в резерв, когда он приехал ко мне, я долго беседовал с ним на эти темы и убедился, что это один из самых выдающихся молодых начальников.

А. Н. Алексеевский: Когда вы приняли власть Верховного Правителя, каково было отношение к перевороту правительств, существовавших на территории, освобожденной от большевистской власти?

Адм. Колчак: В первое время никакого, т. к. не было никакой связи. Когда произошли все события, относительно которых я говорил прошлый раз, то был решен вопрос относительно отправки членов Директории за границу. Под надежным конвоем они были отправлены, кажется, на второй день вечером. В первый же день часа в 3–4 было устроено второе заседание, на котором [решено] было учредить Верховный суд для разбора всего этого дела. На второй день я с утра поехал в Ставку. Все это время я жил в одной комнате и всю работу проводил в Ставке. В Ставке исполнявший должность начальника Штаба вручил мне целый ряд телеграмм, полученных из разных мест Сибири, которые прибывали в течение первых пяти дней. Эти телеграммы были из самых разнообразных мест, городов и частей армии и т. д. Эти телеграммы дали мне уверенность, что по крайней мере армия меня приветствует. Это были ответы на мое извещение, их были десятки, среди них были телеграммы отдельных лиц. Помнится, я получил даже телеграмму с приветствием от Союза Сибирских маслоделов. В последующие дни приходили депутации и приветствия от различных крестьянских общин, в первые же дни приходили телеграммы, главным образом, от армии и военных частей. Тогда эти телеграммы дали мне полную уверенность, что то, что было сделано, сделано правильно и отвечает настроению и пожеланию армии. Одной из первых была получена телеграмма от Хорвата, в которой он приветствовал меня, признавал меня Верховным Правителем и передавал себя в мое распоряжение. Одной из первых телеграмм была также получена телеграмма от Атамана Дутова. Вместе с ней получилась телеграмма от Правительства Оренбургского. Затем была получена одна весьма характерная телеграмма от Уральцев, хотя и несколько более осторожно составленная: они приветствовали меня, но просили сообщить, какую политическую цель я ставлю в первую очередь. Я подтвердил им, что моя задача заключается в том, чтобы путем победы над большевиками дать стране известное успокоение, чтобы иметь возможность собрать Учредительное Собрание, на котором была [бы] высказана воля народа. Очень скоро я получил ответную телеграмму с приветствием и заявлением, что они передают себя в мое распоряжение, что они вполне разделяют мою точку зрения и осуществление задачи, которую я ставлю перед собой, считают необходимым. Но я не получил никаких известий только от двоих: от Семенова и Калмыкова. От них не было никаких сведений, но это меня не особенно беспокоило, т. к. я был уверен, что Семенов будет против меня, ввиду тех отношений, которые сложились раньше. Поэтому едва ли можно было расчитывать, что Семенов пойдет вместе со мной; вероятно, он попытается действовать отдельно, независимо. Будучи еще Военным Министром, я отчетливо сознавал, в каком положении находится снабжение армии, поэтому на второй же день я снесся с Вологодским и просил, кажется, его и Министра Снабжения, которым был в то время Зефиров, и еще несколько министров обсудить этот вопрос, т. к. я считаю необходимым, чтобы в первую очередь Правительство занялось изучением вопросов экономического характера, т. к. вопрос снабжения стоит настолько остро, даже в самом Омске, что я считаю, что все усилия Правительства должны быть положены в первую очередь на создание обеспечения снабжения армии. Я сказал, что необходимо, чтобы завтра же вечером было устроено заседание, на котором я выскажу свои взгляды, чтобы было собрано Экономическое Совещание. Это совещание было разработано тут же: были выбраны представители торгово-промышленников, кооперативов и банков, которых можно было избрать здесь же в Омске. Таким образом было основано Экономическое Совещание, на котором я первую

неделю сам вел заседание. Я каждый вечер бывал там сам, пока не изложил все те задачи, которые я считал необходимым осуществить для обслуживания армии. Затем, когда началось обсуждение общих вопросов, мне уже было трудно, к тому же я заболел.

А. Н. Алексеевский: Как отнеслись к перевороту представители иностранных держав, которые в то время были в Омске или которые после приехали в Омск?

Адм. Колчак: Насколько помню, в Омске в то время был представитель Америки Гаррис и Франции — Реньо. Представителя Англии еще не было, был только Полковник Уорд; Нокс же приехал позже. Со стороны Японии была только чисто военная миссия. Представителями чехов были тогда — военным представителем Кошек и Рихтер. Вообще отношения со стороны всех, кто ко мне ни являлся, были самыми положительными. Гаррис, американский представитель относился ко мне с величайшими дружественными чувствами и чрезвычайной благожелательностью. Это был один из немногих представителей Америки, который искренно желал нам помочь и делал все, что мог, чтобы облегчить нам наше положение в смысле снабжения. Гаррис, насколько я помню, прибыл ко мне первый с визитом на другой день. Гаррис сказал мне: «думаю, что в Америке этому событию будет придано самое неопределенное, самое неправильное освещение, но наблюдая всю атмосферу, всю обстановку, я могу только приветствовать, что Вы взяли власть в свои руки при условии, конечно, что Вы смотрите на свою власть, как на временную, переходную, конечно; основной вашей задачей является довести народ до того момента, когда он мог бы взять управление в свои руки, т. е. выбрать правительство по своему желанию». Я сказал ему: «это есть моя основная задача; Вы знаете хорошо, что я прибыл сюда, не имея ни одного солдата, не имея за собой никаких решительно средств, кроме только моего имени, кроме веры в меня тех лиц, которые меня знают. Я не буду злоупотреблять властью и не буду держаться за нее лишний день, как только можно будет от нее отказаться». На это Гаррис сказал мне: «я Вам сочувствую и считаю, что если Вы пойдете по этому пути и выполните задачи, которые ставятся перед Вами, то в дальнейшем мы будем работать вместе». В таком же духе говорил со мной и Реньо. Полк. Уорд был у меня на следующий день и сказал, что он также считает, что это единственная форма власти, которая должна быть. «Вы должны нести ее до тех пор, пока, наконец, Ваша страна не успокоится и Вы будете в состоянии передать эту власть в руки народа». Я сказал, что моя задача работать вместе с союзными представителями в полном согласии и что я смотрю на настоящую войну, как на продолжение той войны, которая шла в Европе.

В. П. Денике: Не удалось ли Вам выяснить, не были ли оповещены иностранные представители до совершения переворота о готовящемся перевороте?

Адм. Колчак: Я думаю, что это было неожиданно, по крайней мере для Уорда, Гарриса и Реньо. Вслед за посещением этих лиц, о которых я говорил раньше, меня посетили Рихтер и Кошек. Со стороны Кошека отношение было самое милое, любезное, но все чувствовалась какая то неопределенность. Они спросили меня: «что Вы предполагаете делать?» Я сказал, что моя задача очень простая, снабжать армию, увеличивать ее и продолжать борьбу, которая ведется. Никаких сложных больших реформ я производить не намерен, т. к. смотрю на власть, как на временную, буду делать только то, что вызывается необходимостью, имея ввиду одну задачу — продолжение борьбы на нашем уральском фронте. Вот вся моя политика, определяемая этим. Стране нужна, во что бы то ни стало, победа

и должны быть приложены все усилия, чтобы достичь этого. Никаких решительно определенных политических идей у меня нет: ни с какими партиями я не пойду, не буду стремиться к восстановлению чего либо старого, а буду стараться создать армию регулярного типа, т. к. считаю, что только такая армия может одерживать победы. Тогда Рихтер задал мне вопрос: «отчего Вы раньше не говорили об этом, почему не спросили раньше нашего мнения?» Я ему довольно резко ответил: «Вам какое дело, я менее всего намерен был спрашиваться мнения иностранцев»; и заявил ему: «Ваше мнение совершенно не интересно и не обязательно для нас». Он сказал мне: «мы принимали участие в ведении войны». Я ему ответил: «да, но теперь Вы никакого участия не принимаете; теперь Вы оставляете фронт, почему же Вы хотите, чтобы мы справлялись с Вашим мнением и в особенности теперь, когда Вы оставляете фронт». Таким образом, отношение чехов в лице их представителей было скорее недоверчивым, со стороны Рихтера оно носило как бы характер обиды, что все сделано без их согласия, без предварительных переговоров с ними.

В. П. Денике: Не приходилось ли Вам слышать, что в то время, когда Авксентьев и Зензинов находились в заключении, им через некоторых лиц предлагалось чехами выступление для ликвидации переворота?

Адм. Колчак: Такие разговоры были, но точных данных никаких не было и никаких шагов в этом направлении не предпринималось. Совершенно отрицательную позицию занял чешский Национальный Совет. Это было в связи с выступлением в Уфе членов Учредительного Собрания.

А. Н. Алексеевский: В это время было заключено предварительное перемирие с Германией. Таким образом, Германия вышла из войны и устанавливалось общее замирение Европы. Не возникало ли у вас мысли, что и для России надо искать мирного выхода из того положения, которое создалось?

Адм. Колчак: Я об этом не думал, т. к. видел, что этот мир нас не касается, и считал, что война с Германией продолжается. Я тогда в первое время надеялся, что в случае, если нам удастся одержать известные успехи на фронте, то мы будем приглашены на мирную конференцию, где мы получим право голоса для обсуждения вопроса о мире, т. к. этого не случилось, то я считал, что мы находимся в состоянии войны с Германией. В числе телеграмм, полученных мною, я получил со значительным опозданием и телеграмму из Уфы за подписью 5–6 членов Учредительного Собрания (кажется, там были подписи Нестерова, Девятова). Первая часть телеграммы состояла из ругани: меня называли узурпатором, врагом народа и т. д.: вторая же часть носила более серьезный характер: там заявлялось, что Комитет членов Учредительного Собрания повернет свои [войска] на Омск и откроет новый фронт внутренний против меня. Насколько первая часть была для меня безразлична, настолько вторая часть носила характер вызова или угрозы. На это надо было как нибудь реагировать, хотя я и получил сведения, что все части Народной армии (я получил приветствия от большей части) настроены сравнительно спокойно и что ему угрозу вряд ли удастся осуществить. Я, между прочим, получил донесение из Челябинска (это передавалось как слух, и за точность я не могу ручаться, но это было интересно, как характеристика отношения чехов), что, когда случился переворот, будто бы в Уфе состоялось совещание членов Учредительного Собрания, на котором вопрос был поставлен таким образом, что надо соединиться с большевиками и начать общее наступление на Восток. На это будто бы чехи ответили, что если члены Учредительного Собрания войдут в сношения с большевиками, то они их всех перевешают.

Чехи в это время были заняты своей эвакуацией с Челябинского фронта и создали там ужасное положение. В Челябинске было забито несколько тысяч вагонов, так что всякое передвижение на этом фронте было чрезвычайно тяжело. Я думаю, что это оказало большое влияние на снабжение армии: не было даже предумышленного задерживания, но в это время почти ничего не могли подавать в западную армию, благодаря забитости Челябинского узла. Когда я получил эту телеграмму, я послал Дитерихсу и Гайде телеграмму, арестовать в Екатеринбурге Чернова, о котором я получил сведения, что он живет в каком то крепком доме, что при нем сто человек охраны, а также арестовать членов Учредительного Собрания. Это было выполнено и Чернов был арестован, но затем Гайда, повидимому, по требованию Национального Совета направил поезд, в котором был Чернов и часть его охраны, которые были арестованы в обстановке сопротивления (была брошена бомба, но, к счастью, убитых не было, были только раненые), почему то через Челябинск и в Челябинске Чернов был освобожден. Так или иначе Чернов попал в Национальный Совет, оттуда он бежал, уехал за фронт и перебрался в Евр. Россию. Кем был освобожден Чернов, не имею точных сведений, но полагаю, что это был Национальный Совет.

К. А. Попов: Известно ли Вам, что при аресте Чернова Екатеринбургской комендатуре было дано распоряжение, чтобы Чернов и его товарищи были ликвидированы?

Адм. Колчак: Об этом мне не известно и мною таких распоряжений не давалось. Арест производился русскими частями.

К. А. Попов: Известно ли Вам, что Чернов и его товарищи были отбиты вооруженной силой чехов?

Адм. Колчак: О том, что они были отбиты вооруженной силой, я совершенно не знаю. Наоборот, я знаю, что по требованию Национального Совета они были ему переданы.

К. А. Попов: Вооруженным отрядом чехов Чернов и его конвой были отбиты от русского конвоя, который вел их на расстрел.

Адм. Колчак: Мне это представляется иначе: они были арестованы Гайдой, Чешский же Национальный Совет потребовал, чтобы их доставили в Челябинск, почему Гайда и выполнил его приказание. О том, что было нападение чехов на русский конвой, я совершенно не знаю. Если бы это было, то, вероятно, Гайда сообщил бы мне об этом, между тем, он ничего не сообщал мне. Гайда в это время командовал не только чешскими войсками, но и Екатеринбургской группой, состоящей из русских и чешских войск. Поэтому, он мог отдавать приказания одинаково и русским, и чешским частям. Арест Чернова, насколько я помню, был произведен русскими частями, но распоряжение об аресте было направлено непосредственно Гайде, как старшему начальнику. Насколько я помню, я сделал это распоряжение Гайде и получил ответ, что приказание выполнено. Через несколько дней, видя, что результатов нет, я запросил, где же находится Чернов. Был запрошен Гайда, каким поездом был отправлен Чернов. Гайда ответил, что Чернов такого то числа отправлен в Челябинск. Тогда я приказал запросить Дитерихса, Дитерихс ответил, что Чернова в Челябинске нет. Я считал, что когда поезд с Черновым прибыл в Челябинск, то Чешский Национальный Совет потребовал выдачи Чернова и его освободили.

А. Н. Алексеевский: Вы отдавали определенное приказание арестовать Чернова и отправить его в Омск. Приказание это не было выполнено. Было ли сделано какое нибудь расследование по поводу неисполнения этого приказания?

Адм. Колчак: Нет, никакого расследования не было сделано, я считался только с фактами. Потом Гайда говорил мне, что он не мог иначе поступить, что это было требование Национального Совета, которому он до известной степени подчинялся.

А. Н. Алексеевский: Помимо Гайды никаких расследований относительно ареста и доставки Чернова в Омск Вы не делали?

Адм. Колчак: Нет, не делал. Я был очень удивлен, почему Чернышев направил [Чернов был направлен] через Челябинск, потом выяснилось, что это было требование Национального Совета.

А. Н. Алексеевский: Членов Учредительного Собрания, арестованных в Уфе, было приказано доставить также в Омск?

Адм. Колчак: Одновременно с первой телеграммой я послал телеграмму Дитерихсу с приказанием арестовать членов Учр. Собр. и доставить в Омск. Когда я получил список арестованных лиц (их было ок. 20 чел.), то оказалось, что там не было ни одного лица, подписавшего телеграмму, за исключением Девятова. Список мне передал конвоирующий офицер.

К. А. Попов: Распоряжение об аресте членов Учредительного Собрания было сделано по предложению Вологодского?

Адм. Колчак: Было сделано мною совершенно самостоятельно после получения этой телеграммы.

К. А. Попов: В распоряжении комиссии имеется копия телеграммы с надписью «произвести через Верховного Правителя арест членов Учредительного Собрания».

Адм. Колчак: Насколько я помню, это было мое решение, когда я получил эту телеграмму с угрозой открыть фронт против меня. Может быть Вологодский, получив одновременно телеграмму, сделал резолюцию, но во всяком случае, в этом решении Вологодский никакого участия не принимал. Членов Учредительного Собрания было арестовано около 20, и среди них тех лиц, которые подписали телеграмму, не было, за исключением, кажется, Девятова. Просмотревши списки, я вызвал офицера, конвоировавшего их, Кругловского, и сказал, что совершенно не знает [знаю] этих лиц и что в телеграмме они повидимому никакого участия не принимали и даже были, кажется, лица, не принадлежавшие к составу К-та членов Учредительного Собрания, как, например, Фомин. Я спросил, почему их арестовали, мне ответили, что это было приказание местного командования ввиду того, что они действовали против командования и против Верховного Правителя, что местным командованием было приказано арестовать их и отправить в Омск. Таким образом, от этого ареста получалось впечатление весьма неопределенное: тех лиц, которых имелось в виду арестовать, не оказалось. Я вызвал вслед за этим Старынкевича и спросил его — что же делать с этими лицами? Определенных обвинений к этим лицам нет никаких, как же следует в этом случае поступить? Старынкевич говорит: «Надо произвести следствие по этому делу. Затем, помимо вызова, который был брошен членами Учредительного Собрания, есть еще одно очень серьезное обвинение, которое ложится на этот комитет членов Учредительного Собрания в том, что они выпустили огромное количество Уфимских денег, причем эти деньги расходовались, главным образом, на партийную работу. Надо выяснить, какое количество денег они напечатали и куда эти деньги шли». Я сказал: «хорошо, в таком случае возьмите этот вопрос на себя, т. к. мне лично эти лица не нужны». Когда я сказал Кругловскому, что он привез мне совершенно неизвестных лиц, то он сказал, что остальные

были предупреждены чехами и скрылись. Я спросил, было ли какое нибудь сопротивление или противодействие обыскам и арестам, которые производились в Уфе со стороны частей Фортунатова? Он сказал, что никакого и скорей было даже оказано содействие. При комитете Учредительного Собрания была охрана человек в 200, они оставались в том же доме, где жили, и когда их окружили и потребовали выдачи оружия, то это было сделано немедленно. Их даже не арестовали, а просто разоружили и отпустили. Они были привезены в Омск приблизительно числа 24—25.

К. А. Попов: Каким образом сложилась их судьба и под чьим давлением? Ведь вы знаете, что большинство их было расстреляно.

Адм. Колчак: Их было расстреляно 8 или 9 человек. Они были расстреляны во время бывшего в двадцатых числах декабря восстания.

А. Н. Алексеевский: Как отнеслись к перевороту Уральское правительство и другие правительства, существовавшие на Востоке и находившиеся в территориальной связи с вами, как например, Алаш-Орда и др.?

Адм. Колчак: Они ничем не заявляли о себе и в первые дни о них ничего не было известно. Ни от Алаш-Орды, ни от Уральского правительства не поступило никаких заявлений.

К. А. Попов: Известно ли Вам, что одновременно с членами Учредительного Собрания были арестованы представители Уральской власти, напр., Кириенко в Челябинске?

Адм. Колчак: Кириенко был доставлен вместе с остальными в Омск и арестован был, вероятно, местным начальником гарнизона. Также был арестован редактор местной газеты Маевский [и] отправлен в Омск.

К. А. Попов: В это время не отдавалось ли вами определенных указаний об аресте членов Учредительного Собрания и в смысле репрессий вообще в отношении активных членов партии с. р.?

Адм. Колчак: Нет, таких определенных указаний я не давал, я только посылал телеграмму Дитерихсу и Ханжину, чтобы они приняли все меры для борьбы с пропагандой на фронте.

А. Н. Алексеевский: В числе деятелей этого времени была целая группа, представлявшая правительство Урала. В связи с ними находилась Ек. Брешко-Брешковская, которая до известной степени была тоже выслана из России.

Адм. Колчак: Она уехала, вероятно, раньше, до меня, т. к. я не слышал ни одного слова о ней.

А. Н. Алексеевский: Она прибыла почти в одно время с вами во Владивосток, как член Учредительного Собрания.

Адм. Колчак: Я ничего о ней не слышал и считал ее находящейся вне России.

К. А. Попов: Вам было известно, что такие представители партийных течений, как Брешко-Брешковская, должны были скрываться и перейти на нелегальное положение?

Адм. Колчак: Я не могу ничего сказать, т. к. я о ней не слышал и не знал, что она находится в Сибири. От Уральского Правительства я ничего не получал и никаких распоряжений в этом направлении не делал. Имел место только единственный отклик и то не членов уральского правительства, а каких то общественных деятелей. Когда в феврале месяце они были арестованы, я приказал их освободить.

К. А. Попов: Таким образом, этим арестом Вы считали ликвидированным вопрос относительно членов Учредительного Собрания?

Адм. Колчак: Да, считал совершенно ликвидированным.

А. Н. Алексеевский: Продолжайте ваш рассказ о событиях, происходивших в Омске. Какие перемены Вы находили нужным сделать в системе управления страной?

Адм. Колчак: Первый период, как Вы увидите, я был лишен возможности заниматься этим делом. Главный вопрос, который занимал меня в это время, была подготовка и обеспечение Пермской операции, которая была сообщена мне Гайдой, когда я виделся с ним. Она требовала быстрой подачи известного контингента комплектования из центральной Сибири. Это было связано с величайшими затруднениями в смысле снабжения, обмундирования и т. д. Это была главная моя задача и я в это время употреблял все усилия на то, чтобы ее обеспечить. По этому поводу мне пришлось войти в связь и контакт с ген. Ноксом, который находился во Владивостоке; я ему послал телеграмму о том, что в первую очередь необходимо выслать на Урал патроны и снабжение в Екатеринбургскую армию срочным порядком, так как во всем этом чувствуется громадный недостаток; я запросил его, в каком положении находится подвоз боевых припасов, о которых Нокс писал, что они будут доставлены, и в это время шло очень быстрое и непрерывное сношение с Владивостоком. Вслед за тем, когда был обнародован приказ о предании суду Волкова, Катанаева и Красильникова, Семенов, до сих пор молчавший, реагировал на этот вопрос телеграммой, направленной непосредственно ко мне, в которой он заявлял, что он требует выдачи этих лиц к себе, что он считает, что предавать их суду я не имею права, что деятельность этих лиц может быть судима только впоследствии и что он требует их выдать в его распоряжение. На нее я, конечно, не ответил; я отправил ее в Штаб и сказал, что не стоит отвечать на нее. Вслед за тем вечером, в то время, когда мы потребовали прямой провод во Владивосток для переговоров с Ноксом, мне доложили, что прямого провода нет, что Чита прервала сообщение. Я предложил Начальнику Штаба выяснить этот вопрос. На это мне ответили совершенно неопределенно, говорили, что никакого перерыва нет, а все-таки мы не можем получить Владивосток и ясно, что перерыв находится в Чите. Тогда я, чтобы что нибудь делать, приказал зашифровать телеграмму и послать окружным путем, была возможность еще через Монголию послать во Владивосток ‹с перечислением› с требованием получить все, что нужно для фронта, но все же я приказал попытаться вызвать Владивосток, потому что такие шифрованные телеграммы не заменяют переговоров по прямому проводу. Затем я получил известие, которое показало, что это было недоразумение, и [но] это на меня произвело впечатление чрезвычайно серьезное: это была первая угроза транспорту с оружием, обувью и т. д., задержанному где то на Забайкальской железной дороге. Впоследствии оказалось, что это не было предумышленной задержкой, а задержка благодаря непорядкам на линии, а мне доложили это так, что я поставил это в связь с перерывом сообщения и решил, что дело становится очень серьезным, что Семенов уже задерживает не только связь, но задерживает и доставку запасов. Я просил Лебедева, который вступил в должность Начальника Штаба, вызвать по прямому проводу или Семенова, или его Начальника Штаба и окончательно выяснить вопрос, делается ли это умышленно или нет, и если это делается не умышленно, то я прошу содействия и облегчить мне возможность сношения и протолкнуть вне очереди поезда с припасами и предметами снабжения для фронта. Лебедев получил такой ответ, что они просто не желают разговаривать. Тогда я, обдумавши этот вопрос и пользуясь тем, что Волкова я послал в Иркутск, я решил

поручить Волкову организовать отряд здесь в Иркутске и двинуться на Забайкальскую ж. д. для того, чтобы обеспечить нам провоз наших грузов. — Словом, создался целый конфликт. В отношении Семенова я тогда издал приказ: 4 — или — 5 дней задерживается связь с Владивостоком, задерживается перевоз боевых припасов, я считаю это актом предательства по отношению к армии со стороны Семенова и отрешаю его от должности. Это был приказ, который знаменовал собою перерыв всяких сношений с Семеновым. Насколько я был прав, трудно сказать, но я рисую вам ту обстановку и те мотивы, по которым я тогда действовал. В ответ на это не последовало ничего, но иностранные представители, которые тоже были оповещены об этой истории, спросили, что я намерен делать. Я сказал, что такие случаи надо решать с оружием, я постараюсь собрать войска и двинуть их для того, чтобы обеспечить Забайкальскую ж. д. и продвинуть по ней грузы. Насколько это мне удастся, я не знал, но во всяком случае у меня другого выхода не было, потому что я пытался войти в соглашение, но из этого ровно ничего не вышло. Об этом событии стало известно Ноксу и Жаннену, который в это время приехал во Владивосток и был на пути к Омску. Из Читы я получил предложение от ген. Жаннена подойти к прямому проводу, что я и сделал, при чем он сообщил мне, что положение чрезвычайно осложняется в Забайкалье, и что он считает долгом мне сообщить следующее: командующий японской дивизией... заявил, что он не допустит никаких вооруженных действий на ж. д. линии и что в случае, если я попробую ввести войска в Забайкалье, то японские войска вынуждены будут выступить против них. Почему это сделали я хорошо не знаю, но он действительно вызывал меня к прямому проводу и сказал, что он рекомендует мне быть очень осторожным, более спокойным и надеется, что этот конфликт может разрешиться благополучным путем, и что решение его вооруженной силой является совершенно невозможным. Тогда я оставил это распоряжение. Японцы сообщили, что они берут на себя гарантию, что связь будет действовать и что движение на линии ж. д. прекращаться не будет. Это мне в тот момент разрешало то сомнение и то затруднительное положение, в котором я находился в отношении доставки на фронт предметов снабжения, и я подчинился тому положению, разрешить которое я своими средствами иначе не мог.

А. Н. Алексеевский: Вы, значит, понимали, что за Семеновым стоят японцы?

Адм. Колчак: Раз они заявляют, что они со своими войсками выступят, то я своими жалкими средствами что же мог сделать? Я примирился с этим, как с временным явлением, надеясь, что я со временем разрешу этот вопрос. В это время центр тяжести моей деятельности лежал в Пермской операции и я стремился всеми силами ее обеспечить. И действительно связь после этого восстановилась, грузы, хотя с некоторым опозданием, все же были доставлены и с этой стороны подготовительная работа этой операции шла и это меня до известной степени устраивало.

А. Н. Алексеевский: А Вашего приказа о лишении Семенова должностей Вы не отменяли?

Адм. Колчак: Нет, не отменял; я отменил его после следственной комиссии, когда Катанаев вернулся и, производя расследование, сказал, что факта и намерения со стороны Семенова прервать связь и доставлять на фронт не было и что все это было помимо его. Затем все время у меня уходило на работу в Ставке и в заседаниях Экономического Совещания, крупными же делами общегражданского порядка мне почти не приходилось заниматься. Я делал об'езд войск Омского гарнизона и убедился в чрезвычайно положительном и сердечном отноше-

нии со стороны Омского гарнизона и казаков ко мне, также со стороны офицеров и команды. В середине декабря был случай, который в дальнейшем в значительной степени повлиял на мою работу. 9-го декабря нов. ст. был Георгиевский парад — я не имел никогда теплого пальто и всегда ходил в солдатской шинели — после парада я об'езжал войска и в результате, так как я легко был одет, заболел воспалением легких. Почти неделю я держался и продолжал ездить на службу, еще не знал хорошо своей болезни, так как я болеть не мог и должен был продолжать работу, и только 15-го числа, когда я перебрался на квартиру в дом Батюшкина, был консилиум докторов, которые потребовали, чтобы я лег в постель. У меня сделалась запущенная тяжелая форма воспаления легких, так как я однажды уже болел воспалением легких, когда был на Востоке. Эта болезнь прервала мою возможность ездить в Штаб, в Совет Министров и т. д., но я все время старался принимать всех, кто имел ко мне нужду, и просил только Волкова, что если нет особенно срочных вопросов, то чтобы меня не занимать, что же касается фронта, то я два раза в день принимал доклады Лебедева о положении на фронте, принимал иностранцев, которые ко мне являлись. В некоторых случаях я даже пытался одеваться, выходил и снова ложился в постель. Болезнь моя очень сильно повлияла на события, потому что я в это время не мог заниматься, я не был вполне в курсе всех дел, мне пришлось прекратить занятия в Экономическом Совещании. Первый мой выход из квартиры был день возобновления деятельности Сената в феврале месяце, — я болел шесть недель.

А. Н. Алексеевский: Значит, этот период времени с половины января [декабря] и до конца [начала] февраля управление гражданской стороною государственной жизни лежало на Совете Министров?

Адм. Колчак: Да, конечно, я не мог в это время входить в дела каждого, как следовало бы, и принимал только экстренные доклады. Единственно, что я не оставлял, как бы плохо мне ни было, это распоряжений о фронте, за исключением лишь нескольких дней, когда у меня была такая высокая температура, и такие боли, что я дышать не мог.

А. Н. Алексеевский: Во время Вашей болезни произошло известное выступление в Омске, как Вы отнеслись к нему?

Адм. Колчак: Приблизительно около [в] 20-х числах, Лебедев мне сообщил, что имеется агентурное добытое контр-разведкой сведение, что в Омске готовится выступление ж. д. рабочих на линии ж. д., что ожидается забастовка на линии ж. д. и т. д., что все это идет под лозунгом советской власти, но он большого значения не придает, что в Омске находится достаточное количество войск, что гарнизон вполне надежный и вряд ли может быть какое нибудь выступление.

А. Н. Алексеевский: Никаких особых указаний Вы по этому поводу ему не давали?

Адм. Колчак: Нет, все делалось автоматически. На случай тревоги раз навсегда было составлено расписание войск, где какие части находятся, город был разбит на районы, все было принято во внимание, никаких неожиданностей быть не могло и мне не приходилось давать указаний. Накануне выступления, вечером, мне было сообщено Лебедевым по телефону или, вернее, утром следующего дня, что накануне был арестован Штаб большевиков в числе 20 человек, — это было за сутки до выступления. Лебедев сказал: «я считаю все это достаточным для того, чтобы все было исчерпано и выступления не будет».

Председатель К. А. Попов: Что он доложил относительно судьбы арестованного Штаба?

Адм. Колчак: Он сообщил только, что они арестованы.

Председатель К. А. Попов: А не сообщал ли он, что на месте были расстрелы?

Адм. Колчак: Они были расстреляны на второй день после суда.

Председатель К. А. Попов: Определенно известно из всего делопроизводства и всех данных по г. Омску, что весь Штаб был расстрелян при самом аресте на месте, часть его успела скрыться.

Адм. Колчак: Я помню, они были расстреляны в день восстания.

Председатель: Самый арест был произведен в ту же ночь, когда было восстание?

Адм. Колчак: Никак нет, я знаю, что они были арестованы по крайней мере за сутки до восстания, так что я думаю, что это сведение не верное. Я твердо помню, что арест Штаба был произведен гораздо раньше. В тот день, когда все было совершенно спокойно, там велось дознание, затем последовал день, который никаких решительно больше новостей не принес. Затем ночью в день восстания меня разбудил мой дежурный ад'ютант, около пяти часов утра, заявив мне, что в городе происходят выступления красных, что занята восставшими тюрьма и освобождены все находящиеся в тюрьме арестованные, но что в самом городе спокойно, пока идет только редкая ружейная стрельба, на окраинах. На вокзале все спокойно. Затем он мне доложил, что по тревоге войска заняли свои места и по расписанию ко мне должна прибыть сотня казаков.

Председатель: Вы распорядились, чтобы Вам была дана охрана?

Адм. Колчак: Нет, я не распоряжался, а согласно расписанию, выработанному Командующим войсками, Матковским и Начальником Штаба, на случай боевой тревоги должна была прибыть ко мне сотня казаков. Он сказал, что Начальник Штаба еще сообщит подробности по телефону и просит меня не беспокоиться.

А. Н. Алексеевский: Когда Вы узнали о восстании, какие меры были приняты в течение самого восстания и до его ликвидации?

Адм. Колчак: Вслед за тем Лебедев сообщил мне по телефону следующее: в городе восстания никакого нет, кроме нападения на тюрьму никаких других действий со стороны повстанцев не было, были отдельные столкновения на окраинах города, но на вокзале все спокойно и благополучно, а что центр тяжести перенесся на Куломзино, где, повидимому, повстанцы концентрируются, где они действуют главными силами, что туда уже отправлены казачьи части, пехотная артиллерия и чехи также будто бы действуют. Тогда я был довольно спокоен по поводу того, что в Омске ничего не будет. Затем я спросил, есть ли связь с армией, на что он ответил, что связь прервана в Куломзине, но что он надеется, что она скоро будет восстановлена. Когда рассвело, часов около 10 утра я приказал отпустить казаков домой, потому что в городе было совершенно спокойно, мне достаточно было обычного караула и просил приехать Лебедева ко мне. Лебедев прибыл ко мне часов в 11 с докладом, что благодаря аресту этого Штаба, в Омске выступление не удалось, что все переносится в Куломзино, там идет стрельба, у восставших имеются пулеметы, но артиллерии нет, сейчас должна туда подойти из города артиллерия и он надеется ликвидировать это восстание. Затем Лебедев мне доложил, что вся тюрьма разбежалась, но что приняты меры, поставлены патрули на все дороги и бежавших удается задержать. Я спросил: «члены Учредительного Собрания тоже разбежались?» Он сказал: «Да, разбежались». Затем он мне заявил, что сегодня вечером должен начать функционировать полевой суд по назначению Командующего войсками и что город об'явлен

на осадном положении. Матковский, кажется, утром тоже был и то же доложил, что все спокойно в городе, никаких столкновений нет, что ночью было несколько столкновений небольших, серьезного же ничего не было, что центр тяжести перенесен в Куломзино. Действительно, вечером я получил извещение о том, что Куломзино охвачено со всех сторон войсками и что часть мятежников бежала. Бой был довольно упорный, с нашей стороны есть не большие потери, но что сейчас в Куломзине все спокойно и сейчас будет восстановлено сообщение с фронтом. Затем вечером мне была сообщена телеграмма от Гайды о том, нужна ли какая нибудь помощь, двинуть ли войска, что у него чуть ли не готовы к посадке два полка, которые он немедленно, если потребуется, пришлет в Омск. Я ответил: пожалуйста, никого не присылайте с фронта, никаких частей не снимайте, чтобы отнюдь не нарушать плана военных работ, которые ведутся на фронте, что здесь все спокойно и все ликвидировано. Затем, мне кажется, что в тот же вечер, часов в 9 или 10 примерно, я получил совершенно неожиданно для меня записку от Вологодского, который сообщал, что предаются военно-полевому суду члены Учредительного Собрания, которые никакой связи с восстанием не имели, а просто находились в тюрьме и были освобождены, и что он просит моего распоряжения о том, чтобы их суду не предавать. Я потребовал сейчас бланк и написал на нем, что члены Учредительного Собрания суду не подлежат и без моего ведома никакому суду их не предавать. Затем меня немножко удивило одно обстоятельство: как мне доложили, что никого из членов Учредительного Собрания нет, что они все разбежались, а потом, вдруг, они почему то предаются полевому суду. Я, конечно, не мог быть в курсе дела тогда, вообще, и только потом я узнал, что они добровольно явились, т. е. часть из них сама пришла. Свою записку я приказал отправить срочно Начальнику гарнизона, потому что полевой суд был при Начальнике гарнизона назначен Матковский[м]. Начальником гарнизона был генерал-майор Бржозовский. Это было уже довольно поздно вечером, часов в 10–11, и после этого всю ночь меня никто не беспокоил и никаких сведений я не получал. Мне было довольно скверно в это время, меня старались не беспокоить. Затем на утро, часов, вероятно, около 10, ко мне приехал Вологодский, Тельберг и Старынкевич и просили принять их срочно по одному очень важному обстоятельству, и вслед за тем мне пришла от Бржозовского записка с перечислением арестованных членов Учред. Собр., что приказание выполнено и вот список член. Учр. Собр. находящихся в тюрьме, которые суду полевому не предаются. Меня поразило, что список этот был очень мал, около половины. Затем было указано, что неизвестно, где некоторые находятся. Вологодский меня спросил: «Вы знаете, что часть чл. Учр. Собр. вчера вечером расстреляны? Вы получили мою записку?» «Да, говорю я, и сейчас сделал распоряжение, чтобы их никакому суду не предавать и чтобы без моего разрешения ничего с ними не делать». – «Так вот я Вам должен сообщить об этом ужасном случае; кто это сделал, по чьему распоряжению, нам пока ничего не известно, но они ночью были кем то расстреляны и их тела найдены где то около Иртыша, кажется, 8 чел.»

А. Н. Алексеевский: А что Вы сделали для выяснения этого дела?

Адм. Колчак: Я призвал дежурного ад'ютанта и приказал ему вызвать к себе Главного Военного Прокурора, полковника Кузнецова. Я попросил их подождать до его прибытия и попросил Вологодского: «Выслушайте Вы, Петр Васильевич, его доклад, мне говорить трудно и затем пусть приступят сейчас же к расследованию, кто виноват, по чьему приказанию и при каких обстоятельствах произошло это событие».

А. Н. Алексеевский: Что же дало расследование?

Адм. Колчак: Я помню короткий разговор и помню, какое впечатление на меня произвело это событие, которое[м] я тогда высказал[ся] Вологодскому, Тельбергу и Кузнецову. Я говорил, что этот акт направлен персонально против меня с целью дискредитировать мою власть в глазах иностранцев, которые относились ко мне чрезвычайно благожелательно. Затем я не мог не поставить в связь это событие с тем обстоятельством, что за несколько дней перед этим выступлением у меня была депутация представителей социалистических партий — я с ними, конечно, не мог беседовать, но я заставил себя одеться, вышел к ним — они меня приветствовали и сказали, что поскольку я буду держаться того пути, который я высказал в своих речах и декларациях, то я могу расчитывать на их полную поддержку.

В. П. Денике: Эта депутация не социалистических политических партий, а блок 14-ти, куда вошли социалистическая партия «Единство», кооператоры и т. д.

Адм. Колчак: Да, именно это. Это было мое первое впечатление и это мне представлялось совершенно бессмысленным и не имеющим связи с этим восстанием, тем более, что я Старынкевичу раньше говорил, чего Вы их держите, у меня нет в отношении их никаких обвинений, я ничего им не пред'являю, все это люди, не имеющие никакого общественного значения, и держать их в тюрьме, это только занимать место и их свободно можно бы всех отпустить, взяв от них подписку, чтобы они не вели борьбу против меня и жили, где угодно, а следствие о них можно вести, не держа их в тюрьме. Старынкевич имел в виду какие то формальности, которые несколько задержали, и они должны были быть выпущены, так что [как] против них со стороны властей военных и гражданских никаких обвинений решительно не было и такой акт я мог рассматривать скорее с той точки зрения, о которой я говорил, и в ответ на ту депутацию, которая была у меня за несколько дней до этого. Поручивши это дело Кузнецову, я отпустил его. Когда приехал Лебедев на очередной доклад, то оказалось, что для него это тоже было новостью. Он говорил, что их не по суду расстреляли, а их повели в суд, суд их будто бы не признал подсудными, согласно тому, что они никакого отношения к восстанию не имели, и был приказ отправить их обратно в тюрьму, но по дороге конвоирующими офицерами они были расстреляны. Я спросил, выяснено ли, кто были эти конвоирующие офицеры и где они находятся сейчас. Я сказал, что я передал дело Кузнецову и прошу ему оказать всякую помощь, для того, чтобы выяснить, кем это было сделано, потому что, очевидно, какие то причины были для того, чтобы это сделать. В дальнейшем, я более не давал распоряжений, и от Кузнецова через несколько времени я узнал фамилию офицера Барташевского, который конвоировал, привел в полевой суд, что в полевом суде их отказались судить. Тогда было приказано конвоировать обратно и на этом обратном пути они были расстреляны и что будто бы Барташевский мотивировал этот расстрел их попыткой бежать, но я отлично знал, что всегда выставляется эта причина. На вопрос, арестованы ли эти офицеры, он сказал, что Барташевский уехал вместе с частью конвоя и что только один или два солдата этого конвоя были задержаны и опрошены. Помнится мне, что Кузнецову я говорил, что мне дело представляется не в Барташевском; я считаю, что это дело глубже; о всех подробностях мне значительно позже докладывали, а это было первое впечатление, какое у меня осталось. Впоследствии Кузнецов и сенатор Висковатов, который производил расследование, мне дали другие сведения. Было ясно, что это только исполнители, но важно узнать, по чьему приказанию и с какими целями это было сделано.

Я тогда сказал Кузнецову: «Главная Ваша задача, это узнать, кто был автором, потому что это идет не от Лебедева — я убежден, что это для него было неожиданностью — ‹не› от Матковского таких приказаний исходить не могло, а начальник гарнизона Бржозовский получил мое распоряжение и, следовательно, к суду никак их предавать не мог, что, повидимому, какая то произошла задержка. Когда было совершение этого акта, я сказать сейчас не могу.

А. Н. Алексеевский: А в дальнейшем Вы выяснили, какие меры вами [ими] были приняты к тому, чтобы были разысканы виновные?

Адм. Колчак: Все это дело велось военным прокурором, я в это дело не вмешивался, я его периодически спрашивал, в каком положении дело, он говорил, что оно ведется обычным судебным порядком.

А. Н. Алексеевский: К чему пришло военно-судебное следствие?

Адм. Колчак: Кузнецову так и не удалось выяснить. Он выяснил факт и лиц, которые участвовали в этом деле, но выяснить, кем была поставлена эта задача, от кого происходило это распоряжение, установить не удалось. Тогда я решил передать это дело в руки сенатора специалиста и просил его произвести самое расследование. Это было в феврале месяце, следствие военное столь не совершенное, так медленно тянется, что я считал, что они просто не могут, как следует, разобраться.

Председатель: Упоминали ли Вам фамилию Рубцова?

Адм. Колчак: Я знаю, что Рубцов принимал какое то участие в исполнении приговоров суда.

Председатель: Из делопроизводства Совета министров по поводу этого расстрела и из докладов Кузнецова с совершенной ясностью и определенностью выясняется, что Рубцов, пришедши в тюрьму, потребовал меня, Девятова и еще кого-то. Я был болен сыпным тифом, администрация тюрьмы отказалась меня выдать, а сами офицеры не решались, очевидно, в сыпной барак идти, Девятов был ‹уже› уведен тогда, так как они взяли его Девятова и Кириенко. Затем появился Барташевский, потребовал меня, Девятова и Кириенко, я на его требование выдан не был, и Рубцов оставил расписку, что он получил Кириенко и Девятова, — об этой записке говорится в докладе Коршунова и Кузнецова. Тем не менее никаких мер по отношению к нему не было принято.

Адм. Колчак: Рубцов был в тюрьме для исполнения приговора, кажется, но участия в убийстве членов Учр. Собр. он не принимал.

Председатель: Это по документам: он не исполнял приговора, потому что приговора тогда не было, он явился с определенным требованием трех лиц, Девятова, Кириенко и меня, сюда была присоединена находящаяся партия в 45 рабочих, все они в загородной роще были расстреляны, а Барташевский увел остальных.

Адм. Колчак: Против Рубцова обвинения в расстреле не было, а было обвинение в отношении Барташевского.

Председатель: Что касается Барташевского, то после того как Кириенко и Девятов были уведены, он выбрал 8 чел., не подлежавших военно-полевому суду, и тут же по данным дознания Кузнецова были выданы еще 5 чел., осужденных к бессрочной каторге, и они все были расстреляны на берегу Иртыша. Это дело подтвердилось чрезвычайной следственной комиссией. Барташевский почему то был освобожден, как благонадежный человек, под надзор Красильникова.

Адм. Колчак: Ведь неизвестно, где он был.

Председатель: Барташевский сидел два месяца в тюрьме и освобожден, как благонадежное лицо.

Адм. Колчак: Мне это неизвестно.

Председатель: Как Вы, как Верховный Правитель, считающий это актом, направленным лично против Вас, не поинтересовались судьбою фактического виновника?

Адм. Колчак: Барташевский бежал, о его аресте мне ничего не известно.

Председатель: Было еще 6 офицеров этого конвоя из отряда Красильникова, фамилии их найдены следственной чрезвычайной комиссией и никто не был арестован.

Адм. Колчак: Мне сообщили, что Барташевский бежал, против Рубцова в то время никаких обвинений в убийстве не было, а Кузнецов говорил, что он не расстреливал никого из членов Учредительного Собрания и против него никаких обвинений не было.

Председатель: Девятов и Кирпенко им расстреляны, это точно установлено данными Кузнецова.

Адм. Колчак: Да, это возможно, потому что это единственный материал.

А. Н. Алексеевский: Сенаторское расследование даже не обнаружило вдохновителей.

Председатель: Знаете-ли вы, что Рубцов и Барташевский ссылались на личное Ваше распоряжение?

Адм. Колчак: Да, Кузнецов мне об этом докладывал.

Председатель: Разрешите занести в протокол, что Вам это известно было от Кузнецова.

Адм. Колчак: Я, конечно, таких распоряжений не мог давать.

Председатель: О роли Рубцова Вы ничего не знали?

Адм. Колчак: Потом из следствия Кузнецова, в первые дни выяснилось, что этот акт был выполнен Барташевским.

В. П. Деникс: А Вы знали об участии в расстреле данных лиц Рубцова?

Адм. Колчак: Нет, я считаю, что это дело Барташевского и что Рубцов в этом расстреле не участвовал. Потом я узнал, что и Рубцов и Барташевский фигурируют в этом деле.

В. П. Деникс: Но вы сейчас изволили сказать, что вы о Рубцове ничего не знали.

Адм. Колчак: Я докладывал хронологически, как это дело мне представлялось, а следственный материал мне известен, как и вам.

Председатель: А что Барташевский был арестован, вы знаете?

Адм. Колчак: Не[т], я считал, что он скрылся и уехал куда нибудь на фронт и достать его невозможно.

Председатель: Но в то же время вы говорите, что он пробрался на фронт; как же он мог скрыться?

Адм. Колчак: Да, в первый день.

Председатель: Вы сказали, что он скрылся и не мог быть допрошен.

Адм. Колчак: Нет, он был допрошен, а потом скрылся.

Председатель: Почему он не был арестован при допросе?

Адм. Колчак: Кузнецов мне об этом ничего не говорил. Может быть, он сделал такое распоряжение. Вы, может быть, помните, когда это было.

Председатель: Я с делом Барташевского знакомился в делах Омской тюрьмы. Затем о Барташевском было постановление Чрезвычайной Комиссии о предании его суду, а потом заключение той же комиссии об его освобождении, как человека благонадежного, под надзор. Это была комиссия Висковатова.

А. Н. Алексеевский: А вам было известно, к чьему отряду принадлежат Барташевский и Рубцов?

Адм. Колчак: Да, мне Кузнецов докладывал тогда. Все это следствие было мне доложено.

А. Н. Алексеевский: Раз вы назначили главного военного прокурора для расследования, вы видели в этом преступление, но это преступление должно было в известной степени бросить подозрение и на прямых начальников этих двух лиц, — не возникало ли у вас сомнений по отношению начальников этих двух офицеров?

Адм. Колчак: Откровенно сказать, мне в этот период трудно вспомнить, как возникало подозрение. У меня была высокая температура, я был болен и еле дышал, и мне в это время входить в эти тонкости и разговаривать было трудно. Я тогда говорить не мог, а только выслушивал доклады и мне было очень тяжело вдаваться в такие тонкости. Мое мнение и убеждение было такое, что это был акт, направленный против меня, совершенный такими кругами, которые меня начали обвинять в том, что я вхожу в соглашение с социалистическими группами. Я считал, что это было сделано для дискредитирования моей власти перед иностранцами, и перед теми кругами, которые мне незадолго до этого выражали и обещали помощь.

Председатель: Вы говорите, что Барташевский был допрошен и после допроса скрылся. Почему же он тогда не был после допроса арестован, Вы не знаете? Вы спрашивали Кузнецова, почему его не арестовали?

Адм. Колчак: Может быть, и спрашивал, я не помню.

Председатель: Вы не придали значения тому, что он не был арестован. Вы говорите, что не знаете, почему он не был арестован, — Вы не поставили в вину Кузнецову это попустительство к явному разбою и убийству?

Адм. Колчак: Может быть, Кузнецов это и сделал, но каким образом он удрал, я не знаю.

В. П. Деникe: Какие личные распоряжения в расследовании дела Вами делались? Вам делались доклады, мы знаем, что было поручение Кузнецову и Висковатову производить дознание, а кроме этого делались какие нибудь распоряжения?

Адм. Колчак: Нет, я это дело передал оффициальным лицам.

В. П. Деникe: Может быть, Вы не помните освобождение из под стражи такого лица, которое прошло в порядке организационной работы и никаких докладов об аресте и освобождении вам не делались?

Адм. Колчак: Не делались.

В. П. Деникe: Вы не предполагали, что наиболее важные акты этого следствия производились с вашей санкции?

Адм. Колчак: Нет, я не мог взять на себя.

Председатель: Поручивши это дело Чрезвычайной Комиссии, интересовались ли вы его дальнейшим ходом?

Адм. Колчак: Висковатов мне несколько раз докладывал, когда находил это нужным. Поручивши Висковатову это дело, я совсем о нем забыл, и я был уволен [уверен], что больше я ничего не могу сделать.

А. Н. Алексеевский: Вы находили, что этот акт совершен с целью дискредитировать Вас, и Вы находили, что это исходит от тех кругов, которые не желали вашего сближения с социалистическими течениями?

Адм. Колчак: Да, я так себе об'яснял.

А. Н. Алексеевский: В числе лиц и групп, которые вас окружали, Вы легко могли разобраться, от каких именно групп и лиц это должно было итти?

Адм. Колчак: Это довольно трудно мне было сказать.

А. Н. Алексеевский: Выражаясь принятой терминологией, крайне правые реакционные элементы были определенно известны. Например, Красильникова Вы не могли смешать с Каппелем?

Адм. Колчак: Обвинять Красильникова, зная его отношение ко мне, я не мог[; я не мог] подозревать, чтобы Красильников мог сделать этот акт, направленный против меня.

Председатель: Каких виновников этого расстрела выяснила работа Чрезвычайной Следственной Комиссии.

Адм. Колчак: Она подтвердила эти два лица, того же Барташевского и Рубцова, но о лицах выше стоящих Висковатов не мог найти никаких следов.

Председатель: Вы судили по докладам Висковатова, а сами с делом не знакомились?

Адм. Колчак: Нет, я считал Барташевского исполнителем, он меня мало интересовал, я считал, что он действует по чьему то распоряжению, а кто был вдохновителем или организатором этого дела, я не знаю.

В. П. Денике: Может быть, у Вас в конце концов сложилось впечатление, почему это дело не осталось раскрытым до конца и истинные виновники не понесли никакой кары? Чем Вы это об'яснили?

Адм. Колчак: Я об'яснил это всем тем судебным аппаратом, который был у меня в распоряжении, который по массе аналогичных других дел, которые я поручал для расследования по вопросам злоупотребления всяких интендантских поставок, я никогда не мог добиться от своего суда и следственной [власти] каких нибудь определенных результатов. Все время суд и следственная власть задавались широкими задачами, распутать и раскрыть данное преступление во всем его об'еме и в конце концов из этого ничего не выходило. Это есть недостаток организации нашей судебной власти. На это жаловался и Кузнецов, что все стараются не давать определенных ответов, стараются дело затруднить, и к нему [кому] он не [ни] обращался, ей [он] не мог добиться совершенно определенных и ясных ответов на все те вопросы, которые он ставил. Он сам говорил, что чрезвычайно трудно было это дело расследовать в виду острого противодействия со стороны всех прикосновенных лиц, которых он спрашивал и которые выясняли этот вопрос. Целый ряд интендантских вопросов у меня были на фронте и в Омске, и в попытке захватить виновных в спекуляции я всегда был бессилен, раз я обращался к легальной судебной власти. Это была одна из тяжелых сторон управления, потому что наладить судебный аппарат было совершенно невозможно. Раз я становился на точку зрения юридическую, призывал юристов и поручал им это дело вести, оно не давало результатов.

Председатель: Почему не был арестован Рубцов, Вы тоже не знаете?

Адм. Колчак: Я не помню, потому что в тот период, когда велось следствие, я передал это дело определенному лицу и не вмешивался в его распоряжения: это дело следствия, а я сам не давал каких либо распоряжений по этому поводу. Таким [каким] образом я мог приказать следователю арестовать то или иное лицо. [?]

Председатель: Известно ли Вам, что при этом убийстве чл. Учр. Собр. были убиты ряд лиц других, таким же порядком без суда и следствия, не являющихся членами Учред. Собр.?

Адм. Колчак: Я знал этот список, который мне был представлен, я помню Маевского и Фомина.

Председатель: Расстрелы на Куломзино производились по чьей инициативе?

Адм. Колчак: Полевым судом, который был назначен после занятия Куломзино.

Председатель: Обстановка этого суда Вам известна и известно ли Вам, что по существу никакого суда не было?

Адм. Колчак: Я знал, что это полевой суд, который назначался Начальником по подавлению восстания.

Председатель: Значит, так: собрались три офицера и расстреливали. Велось какое нибудь делопроизводство?

Адм. Колчак: Действовал полевой суд.

Председатель: Полевой суд требует тоже формального производства. Известно ли Вам, что это производство производилось, или вы сами, как Верховное Правительство, не интересовались этим? Вы, как Верховный Правитель, должны были знать, что на самом деле никаких судов не происходило, что сидели два-три офицера, приводилось по 50 чел. и расстреливалось. Конечно, этих сведений у вас не было?

Адм. Колчак: Таких сведений у меня не было, я считал, что полевой суд действует так, как вообще действует полевой суд во время восстаний.

Председатель: Это знал весь город. А после этого вы узнали.

Адм. Колчак: Я знаю, что собирался военно-полевой суд, который разбирал вопрос о причастности тех или иных лиц, и когда этот суд собирался, он выносил приговоры.

Председатель: Как вы себе представляете приговор, как применялись эти военные суды?

Адм. Колчак: Если повстанцы были захвачены с оружием в руках, то они подлежат полевому суду.

Председатель: Значит, написано, что такие то и такие то лица принадлежат военно-полевому суду. Вам докладывали об этом делопроизводстве, существует ли оно, сохранилось ли оно где нибудь?

Адм. Колчак: Я его не спрашивал.

Председатель: Вы не интересовались?

Адм. Колчак: В первый период я не мог интересоваться.

Председатель: А сколько человек было расстреляно в Куломзине?

Адм. Колчак: Человек 70 или 80.

В. П. Деникe: А не было ли вам известно, что в Куломзине практиковалась массовая порка?

Адм. Колчак: Про порку я ничего не знал, и вообще, я всегда запрещал какие бы то ни было телесные наказания, следовательно, я не мог даже подразумевать, что порка могла где нибудь существовать, а там, где мне это становилось известным, я предавал суду, смещал, т. е. действовал карательным образом.

Председатель: Известно ли вам, что лица, ‹за› которые арестовывались в связи с восстанием в декабре, впоследствии подвергались истязаниям в контр-разведке, и какой характер носили эти истязания? Что принималось военными властями и вами, Верховным Правителем, против этих истязаний?

Адм. Колчак: Мне никто этого не докладывал и я считаю, что их не было.

Председатель: Я сам видел людей, отправленных в Александровскую тюрьму, которые были буквально сплошь покрыты ранами и истерзаны шомполами, это Вам известно?

Адм. Колчак: Нет, мне никогда не докладывали; если такие вещи делались известными, то виновные наказывались.

Председатель: Известно ли Вам, что это делалось при Ставке Верховного Главнокомандующего Адмирала Колчака, при контр-разведке из Ставки?

Адм. Колчак: Нет, я не могу этого знать, потому что Ставка не могла этого делать.

Председатель: Это производилось при контр-разведке в Ставке.

Адм. Колчак: Очевидно, что люди, которые совершали это, не могли мне докладывать, потому что они знали, что я все время стоял на законной почве. Если делались такие преступления, я не мог о них знать. Вы говорите, что при Ставке это делалось?

<Председатель: Я считаю, что было производство такое же, какое полагается в Военно-полевом Суде.>*

Председатель: В Куломзине фактически было расстреляно около 500 чел., расстреливали целыми группами по 50–60 чел. Кроме того фактически в Куломзине никакого боя не было, ибо только вооруженные рабочие стали выходить на улицу, они хватались и расстреливались, – вот в чем состояло восстание в Куломзине.

Адм. Колчак: Эта точка зрения является для меня новой, потому что были раненые и убитые в моих войсках и были убиты даже чехи, семьям которых я выдавал пособия. Как же Вы говорите, что не были бои?

Председатель: Бои не были, может быть, были какие нибудь стычки.

Адм. Колчак: То, что Вы сообщаете, было мне неизвестно. Я лично там не мог быть, но я верю тому, что мне докладывалось, мне докладывался список убитых и раненых. Эта точка зрения является для меня совершенно новой.

Председатель: Это не точка зрения, а это факт.

Адм. Колчак: Вы были там?

Председатель: Нет, я сидел в тюрьме и не был там точно так же, как и вы, но я говорю со слов участников этого дела.

Адм. Колчак: Мне говорили, что в Куломзине за весь день боя было 250 чел. потери, а в правительственных войсках было чел. 20 убитых и раненых, кроме того 3–4 чеха; сколько убитых в Правительствен. войсках, я [точно] не помню.

Председатель: Значит, вообще, помимо случаев в связи с восстанием избиение шомполами и пытк<ам>и в Омской Контр-разведке не существовало[и]?

Адм. Колчак: Нет.

Председатель: Не известен вам такой случай, когда один из расстрелянных по делу 11 коммунистов дал свои показания о том, что он является членом комитета партии коммунистов только потому, что он подвергался пыткам путем выворачивания рук и суставов, вытягивания на дыбы и т. д.?

Адм. Колчак: Нет, я в первый раз слышу.

В. П. Денике: А относительно того, что Полевого Суда никакого не было, а протоколы суда составлялись уже после расстрела, нам показывал никто иной, как Сыромятников.

Адм. Колчак: Сыромятников у меня не бывал с докладами, у меня бывал один только Висковатов, который мне говорил, что часть приговоров не Куломзинского, а Омского Полевого Суда была сделана заочно.

---

* Эта фраза, вѣроятно, по ошибкѣ стенографистки или переписчицы попала не на свое мѣсто. Вѣроятно, она была произнесена адм. Колчакомъ и относится къ той части допроса, которая воспроизведена въ началѣ 318 стр.

Председатель: В Омской тюрьме сидело 5 чел. Куломзинских рабочих, заочно приговоренных к смертной казни.

Адм. Колчак: Что-же их потом расстреляли?

Председатель: Они сидели еще потом несколько месяцев; когда я ушел, они еще остались; в конце концов, они не были расстреляны, но они этого все еще не знали и таким образом они сидели несколько месяцев под страхом смертной казни. Теперь, может быть, в связи с этим Вам была известна деятельность Розанова в Красноярске в качестве Вашего уполномоченного?

Адм. Колчак: Мне известен один прием, который я ему запретил — это расстреливание заложников за убийство на линии кого либо из чинов охраны, что он брал этих людей из тюрьмы.

Председатель: Вы запретили, а не предали Суду за это убийство?

Адм. Колчак: Нет, потому что я считал, что, в сущности говоря, что есть известный пункт, который по чрезвычайным обстоятельствам дает каждому начальнику право [....], не [но] прибегать к такому приему как заложничеству, я считал недопустимым, я считал, что ответственность лиц, не причастных к делу, недопустима, об этом я говорил с Министром Юстиции Тельбергом, было отправлено через Тельберга распоряжение заложников не расстреливать.

Председатель Чудновский: В каком месяце это было?

Адм. Колчак: Я думаю, в апреле или в марте.

Председатель Чудновский: Разрешите напомнить о том, что в мае и июне расстреливали целую партию.

Председатель Попов: В Омскую тюрьму в начале июня прибыл Стры....., Васильев был расстрелян совершенно незаконно, и он говорил нам в тюрьме, что в Красноярске институт заложников действовал до самого последнего дня. Он говорил, что ни один вновь арестованный не доводился до тюрьмы и расстреливался по дороге — это во первых, во вторых, когда он был в тюрьме, то до самого [последнего] дня заложники расстреливались пачками по 8—20 чел.

Адм. Колчак: В качестве чего были эти заложники?

Председатель: Вероятно, по поводу какого нибудь убийства на ж. д., за убийство чеха или кого нибудь другого.

В. П. Деникс: Это известно из оффициальных источников в Красноярске, что за убийство чеха расстреливались по 8—10 чел.

А. Н. Алексеевский: В связи с этими мерами репрессий по вашей инициативе Совет министров принял два постановления, которые отмечены 16 и 18 апреля 1919 г. № 47, 48 и 52 секретных заседаний совета: Вы предложили Совету обсудить вопрос о расширении прав командующих войсками в том смысле, что за преступления, которые раньше не наказывались смертной казнью, было повышено наказание до смертной казни.

Адм. Колчак: Да, такие были распоряжения.

Председатель: Известно ли Вам, что Розанов давал распоряжения о сжигании сел и деревень для подавления яко-бы восстания, при обнаруживании оружия и т. п.?

Адм. Колчак: Я не думаю, чтобы Розанов такие распоряжения давал, потому что по этому поводу есть телеграммы, которые я посылал Артемьеву и Розанову, которые имеются даже в газете в виде приказа Артемьеву, где я дал общие указания, как поступать в этих случаях борьбы с восстанием, где я указывал, что в случае, если жители будут замешаны в том или ином деле, на них накладывается денежный штраф, а затем конфискация имуществ и земель в пользу тех,

кто подавляет восстание. Это указание мое, которое было сделано, конечно, не указывало, как общую меру, сжигания деревень, но я считаю, что во время боев и подавления восстания такая мера неизбежна и приходится прибегать к этому способу. Эта мера, конечно, не может быть применена в виде распоряжений, а только как мера во время столкновения, во время боя за деревню, и весьма возможно, что деревня эта сжигается, но чтобы Розанов или Артемьев давали такие распоряжения, я не думаю; потому что есть распоряжения, которые делал Артемьев, где сжиганий нет. В случае бегства заложника сжигание его дома могло бы быть сделано, но только в отдельных случаях, но не как общая мера. У Вас вероятно есть данные о том, что Розанов давал такие приказания?

Председатель: Да, показание Сыромятникова.

Адм. Колчак: Сколько мне известно, из доклада того же Розанова, я знал два или три таких случай, где деревни были сожжены, и я признал это правильным, потому что эти случаи относились к деревне Степно-Баджейской, которая была сожжена повстанцами, это была укрепленная база повстанцев, следовательно она могла быть разрушена и уничтожена, как всякое укрепление. Второй случай — Кияйское и третий случай — Тасеево, где то на севере, я точно не могу сказать, но эти случаи, как мне представлялось, носили военный характер, потому что это были укрепленные пункты, которые уничтожались в бою, эта была [база] повстанцев, и если база была взята, то она должна быть уничтожена, для того чтобы ею не могли воспользоваться впоследствии.

А. Н. Алексеевский: Можно было оставить гарнизон.

Адм. Колчак: Деревня Степно-Баджейская была сожжена самими повстанцами, Тасеево был укрепленный пункт, который во время войны может быть уничтожен. Я должен сказать, что такие случаи на большом западном фронте были очень редки, там тоже были 2–3 случая, когда деревни были сожжены в боях. Я недавно беседовал с одним из членов революционного комитета, он меня спрашивал, известны ли мне зверства, которые проделывались остальными частями. Я сказал, что в виде общего правила это мне неизвестно, но в отдельных случаях я допускаю. Далее он мне говорит: «когда я в одну деревню пришел с повстанцами, я нашел несколько человек, у которых были отрезаны уши и носы вашими войсками». Я ответил: «я наверное такого случая не знаю, но допускаю, что такой случай был возможен». Он продолжает: «я на это реагировал так, что одному из пленных я отрубил ногу, привязал ее к нему веревкой и пустил его к вам в виде око за око, зуб за зуб». На это я ему только сказать мог: «следующий раз весьма возможно, что ‹если› люди, увидав своего человека с отрубленной ногой, сожгут и вырежут деревню». Это обычно [на] войне и [в] борьбе так делается.

Содержаніе

Пять лѣтъ въ Совѣтской Россіи – А. Изгоева 5

Записки бѣлогвардейца – лейтенанта N. N. 56

Воспоминанія курьера – мичмана А. Гефтера 114

Три встрѣчи – Н. Савича 169

Документы

Протоколы допроса адмирала Колчака чрезвычайной слѣдственной комиссіей въ Иркутскѣ въ январѣ-февралѣ 1920 г. 177

СОДЕРЖАНІЕ РАНѢЕ ВЫШЕДШИХЪ ТОМОВЪ

АРХИВА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ТОМЪ I. Задачи Архива. – В. Д. Набоковъ, Временное Правительство. – П. Красновъ, На внутреннемъ фронтѣ. – Р. Донской, Отъ Москвы до Берлина въ 1920 г. – С. Вороновъ, Петроградъ – Вятка въ 1919–1920 гг. – Н. Неклюдовъ, Предсказаніе русской революціи.

Документы и письма. К. Крамаржъ, Основы Конституціи Россійскаго Государства. – Докладъ начальнику операціоннаго отдѣленія германскаго восточнаго фронта о положеніи дѣлъ на Украйнѣ въ мартѣ 1918 г. – Образованіе сѣверо-западнаго правительства (Докладъ Карташева, Кузьмина-Караваева и Суворова). – Письмо ген. Гофа генералу Юденичу.

Изъ частной переписки. Послѣдніе дни Леонида Андреева. – Описаніе польскаго отступленія въ августѣ 1920 г.

ТОМЪ II. Къ исторіи Манифеста 17 октября (Записки Н. И. Вунча и кн. Н. Д. Оболенскаго). – Ген. А. С. Лукомскій, Изъ воспоминаній. – А. Дроздовъ, Интеллигенція на Дону. – Р. Гуль, Кіевская эпопея. – Ф. Штейнманъ, Отступленіе отъ Одессы. – І. Рапопортъ, Полтора года въ совѣтскомъ Главкѣ. – О. Чернинъ, Брестъ-Литовскъ.

Документы и дневники. Журналъ засѣданія Совѣта Министровъ Крымскаго Краевого Правительства 16 апр. 1919 г. — Изъ секретнаго доклада о причинахъ неудачи борьбы съ большевиками на с.-зап. фронтѣ. – С. В. Милицынъ, Изъ моей тетради. – Бар. Фрейтагъ фонъ-Лорингофенъ, Изъ дневника.

ТОМЪ III. С. Добровольскій, Борьба за возрожденіе Россіи въ сѣверной области. – М. Смильгъ-Бенаріо, На совѣтской службѣ. – А. Левинсонъ, Поѣздка изъ Петербурга въ Сибирь въ январѣ 1920 г. – Л. Л–ой, Очерки жизни въ Кіевѣ въ 1919–1920 гг. – Г. Игреневъ, Екатеринославскія воспоминанія.

Документы. Документы къ «Воспоминаніямъ» ген. Лукомскаго. – Меморандумъ Эстонскаго Правительства.

ТОМЪ IV. А. Блокъ, Послѣдніе дни стараго режима. – А. Демьяновъ, Моя служба при Временномъ Правительствѣ. – А. Синегубъ, Защита Зимняго Дворца. – Бар. М. Д. Врангель, Моя жизнь въ Совѣтскомъ Раю. – Р. Донской, Изъ Москвы до Берлина въ 1920 г. (Продолженіе.)

Документы и дневники. Организація власти на югѣ Россіи въ періодъ гражданской войны. – А. В., Дневникъ обывателя.

ТОМЪ V. А. А. Валентиновъ, Крымская эпопея. – Ген. А. С. Лукомскій, Изъ воспоминаній. – П. Красновъ, Всевеликое Войско Донское. – Ген. Филимоновъ, Разгромъ Кубанской Рады.

Документы. Письмо Вел. Кн. Александра Михайловича къ Николаю II. – Записка, составленная въ кружкѣ Римскаго-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицынымъ 6 ноября 1916 г. – Показанія Н. А. Маклакова о письмѣ Николаю II. – Денежные документы генерала Алексѣева. – Документы къ воспоминаніямъ ген. Филимонова.

ТОМЪ VI. М. В. Родзянко, Госуд. Дума и февральская революція. – Ген. А. С. Лукомскій, Изъ воспоминаній. – А. А. Гольденвейзеръ, Изъ Кіевскихъ воспоминаній. – А. Гуровичъ, Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства.

Документы. Послѣдній всеподданнѣйшій докладъ М. В. Родзянки. – Докладъ Центральнаго Комитета Россійскаго Краснаго Креста.

ТОМЪ VII. Бар. Б. Э. Нольде, В. Д. Набоковъ въ 1917 г. – С. А. Кореневъ, Чрезвычайная Комиссія по дѣламъ о бывшихъ министрахъ. – А. С. Демьяновъ, Записки о подпольномъ Временномъ Правительствѣ. – Н. Вороновичъ, Межъ двухъ огней. – Б. Казановичъ, Поѣздка изъ Добровольческой Арміи въ «Красную Москву». – Г. Вилліамъ, Побѣжденные. – С. Кобяковъ, Красный судъ.

Документы. Ставка 25–26 октября 1917 г. – Документы къ воспоминаніямъ Н. Вороновича.

ТОМЪ VIII. С. В. Завадскій, На великомъ изломѣ. – С. Ан–скій, Послѣ переворота 25 октября 1917 г. – Н. Мейеръ, Служба въ комиссаріатѣ юстиціи и народномъ судѣ. – В. Красновъ, Изъ воспоминаній о 1917–1920 гг. – Герцогъ Г. Лейхтенбергскій, Какъ началась «Южная Армія».

Денежные знаки революціи и гражданской войны.

ТОМЪ IX. Борисъ Соколовъ, Паденіе Сѣверной Области. – Б. Байковъ, Воспоминанія о революціи въ Закавказьи (1917–1920 гг.). – Н. Плешко, Изъ прошлаго провинціальнаго интеллигента.

Документы. Отчетъ о командировкѣ изъ Добровольческой Арміи въ Сибирь въ 1918 г.

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ

625088
P Arkhiv Russkoi Revolyutsii.
HSLav v. 10 (1923)
A

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

HANDBOUND
AT THE

UNIVERSITY OF

Digitized by the Internet Archive
in 2009 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/arkhivrusskoirev11gess

HSlav
7

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

И. В. ГЕССЕНОМЪ

XI

V. 11

БЕРЛИНЪ 1923

808187

Copyright 1923 by Slowo-Verlag, Berlin
Всѣ права, въ томъ числѣ и право изданія на другихъ языкахъ, принадлежатъ Издательству «СЛОВО»

На великомъ изломѣ*

(Отчетъ гражданина о пережитомъ въ 1916—17 годахъ)

С. В. Завадскаго

ПОДЪ ЗНАКОМЪ ВРЕМЕННАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Нить какая-то развязана,
сочетавшая года.
Блокъ.

Февральско-мартовскій переворотъ я встрѣтилъ уже въ должности сенатора: мѣсяца за полтора до паденія стараго строя мнѣ было повелѣно присутствовать въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ правительствующаго сената.

Что вызвало уличное движеніе, повлекшее за собой переворотъ? Это, повидимому, такъ и не выяснено до сихъ поръ. По крайней мѣрѣ, я нигдѣ не читалъ и ни отъ кого не слышалъ ничего сколько-нибудь опредѣленнаго по основному вопросу: кто руководилъ возстаніемъ?

Принято говорить: движеніе началось стихійно, солдаты сами вышли на улицу. Съ этимъ я никакъ не могу согласиться. Да и что значитъ слово «стихійно»? Когда кто-либо ссылается на стихію, на случай, онъ въ сущности признается, что подлинная причина событія ему не извѣстна. «Самопроизвольное зарожденіе» еще менѣе умѣстно въ соціологіи, чѣмъ въ естествознаніи. Оттого, что никто изъ революціонныхъ вождей съ именемъ не могъ привѣсить къ движенію свой ярлыкъ, оно становится не безличнымъ, а только безымяннымъ. И безымянность эта есть, по моему, едва ли не самая характерная черта русской жизни: на западѣ безвѣстными остаются развѣ лишь изобрѣтатели вилокъ, и то не всегда, а у насъ и лучшіе старые соборы, невѣдомо кѣмъ строены, и та несомнѣнно незаурядная историческая личность, которая въ былинахъ подъ именемъ Ильи Муромца оттѣснила на задній планъ своихъ предшественниковъ Добрыню Никитича и Александра Поповича, стала миѳическою. Доказать я, конечно, не въ состояніи, но самому то мнѣ очевидно, что русская государственность своимъ пожаромъ обязана какому-нибудь Геростратy, а то и нѣсколькимъ большевицкаго устремленія, да только они, будучи не менѣе безумны, чѣмъ ихъ греческій предшественникъ, вовсе не заботились, въ отличіе отъ него, объ увѣковѣченіи именъ своихъ въ исторіи.

---

* См. Архивъ Русской Революціи, т. VIII.

И не солдаты начали движеніе. Первые безпорядки на улицахъ произошли въ Петроградѣ еще 23-го февраля ст. ст. 1917 года, въ четвергъ; это я хорошо помню; самъ я тогда ничего не видѣлъ, но вечеромъ въ тотъ же день изъ нѣсколькихъ источниковъ слышалъ, что кое-гдѣ были демонстраціи и стычки демонстрантовъ съ полиціею. Въ пятницу трамвай, въ которомъ я ѣхалъ, совершенно неожиданно, съ трескомъ, такъ что стекла зазвенѣли, а одно и разбилось, заворотилъ съ Литейнаго на какую-то боковую улицу и сталъ. Кондукторъ предложилъ всѣмъ выходить: «дальше вагонъ не пойдетъ». Пассажиры возражали, бранились, но выходили. Я до сихъ поръ вижу лицо отмалчивавшагося кондуктора: злобно-рѣшительное, какой-то волчій обликъ. Трамвайное движеніе прекратилось всюду, куда глазъ хваталъ. Пришлось идти пѣшкомъ: извозчики уже тогда «кусались», да и попадались сравнительно рѣдко *.

Шелъ я и вспоминалъ предвоенные дни 1914 года въ томъ же Петроградѣ, когда также вездѣ виднѣлись мертвые трамваи, иные съ разбитыми стеклами, а иные и бокомъ, на землѣ, около рельсовъ. Казалось, что возобновляется старая попытка. Въ субботу было, помнится, тише, но едва ли совсѣмъ тихо. Въ воскресенье 26-го я вышелъ изъ дому, предпринявъ обычное праздничное путешествіе «по Швейцаріи», то-есть отправившись дѣлать визиты, которые преимущественно сводились къ вручению визитныхъ карточекъ швейцарамъ. Принятый сенаторомъ В. А. Желиховскимъ, первоприсутствующимъ уголовнаго кассаціоннаго департамента, я просидѣлъ у него съ полчаса, потому что мы разговорились о предстоящемъ общемъ собраніи сената. Жилъ онъ въ Поварскомъ (или Дмитровскомъ) переулкѣ, около Стремянной. Выйдя отъ него, я услышалъ выстрѣлы; насколько можно было судить, стрѣляли на Невскомъ; туда бѣжали и люди. Туда пошелъ и я по Николаевской, такъ какъ слѣдующій мой визитъ былъ на улицѣ Жуковскаго. Невскій у Николаевской оказался запруженнымъ: двигалась толпа, кричали, толкались, все время щелкали выстрѣлы. Моя близорукость давно уже вытравила изъ меня уличное любопытство: какъ ни гляди — ничего не увидишь. Поэтому, убѣдившись, что пробраться тутъ нельзя, я не остался смотрѣть, а рѣшилъ попытаться пройти съ Владимірскаго; но, когда я по Стремянной вышелъ на Владимірскій и повернулъ къ Невскому, то едва не былъ сбитъ съ ногъ бѣжавшими мнѣ навстрѣчу людьми; сойдя съ тротуара, я продолжалъ было пробираться въ направленіи Невскаго, но былъ остановленъ какимъ-то помощникомъ пристава, рѣзко крикнувшимъ:

— Назадъ! Сюда нельзя! Слышите: стрѣляютъ. Что за праздное любопытство!

Городовые, конные и пѣшіе оттоняли толпу очень рѣшительно; оттого люди и бѣжали прочь.

Вынужденъ былъ повернуть и я. Сначала я хотѣлъ пересѣчь Невскій по Садовой, но дойдя до Пяти Угловъ, предпочелъ зайти по близости къ однимъ знакомымъ. У нихъ уже сидѣло нѣсколько человѣкъ, взволнованно передававшихъ свои впечатлѣнія. Тамъ я былъ оставленъ до вечера; тамъ я впервые услы-

* Такія бытовыя подробности легко забываются, но моя память удержала, что мнѣ еще въ 1916 г. неоднократно приходилось послѣ вечера, проведеннаго у знакомыхъ, возвращаться домой «по образу пѣшаго хожденія». Припоминаются и два отдѣльныхъ случая: одинъ профессоръ добрался домой на повозкѣ съ молокомъ, а я, торопясь на докладъ къ министру и не попавъ въ переполненные вагоны трамвая, долженъ былъ, чтобы не опоздать, доѣхать до ближайшаго извозчика на пустыхъ дровняхъ изъ подъ угольевъ: такъ и стоялъ въ дровняхъ съ портфелемъ, учась удерживать равновѣсіе при толчкахъ и на снѣжныхъ ухабахъ.

шалъ, будто бы, войска отказались стрѣлять въ народъ, будто бы, городовыхъ переодѣли въ солдатскія шинели и, будто бы, городовые стрѣляли по толпѣ изъ пулеметовъ съ крышъ. Такъ быстро облетаютъ городъ слухи, такъ быстро создается и «творимая легенда». Объ этихъ пулеметахъ съ тѣхъ поръ кто только не говорилъ съ полнымъ убѣжденіемъ, заражавшимъ слушателей; чуть ли не на каждомъ перекресткѣ были, по словамъ очевидцевъ, такіе пулеметы, заготовленные предусмотрительнымъ Протопоповымъ, или кѣмъ тамъ еще; порой, и я ловлю себя на томъ, что представляю ихъ доподлинно существовавшими; и тѣмъ не менѣе, верховная комиссія по разслѣдованію злоупотребленій стараго режима, (по крайней мѣрѣ, за первые $2^1/_2$ мѣсяца своего существованія) такъ и не обнаружила дѣйствительнаго мѣстонахожденія ни одного изъ этихъ пулеметовъ.

Вечеромъ, когда я возвращался домой черезъ Чернышевскій и Троицкій мосты, улицы были почти безлюдны и беззвучны; могло казаться, что разливъ вошелъ опять въ берега, а въ это приблизительно время кн. Н. Д. Голицынъ заполнялъ данную ему заранѣе государемъ своеобразную lettre de cachet — бѣлый листъ съ подписью внизу «Николай»: послѣдній предсѣдатель царскаго совѣта министровъ вписывалъ въ этотъ бланкъ высочайшее повелѣнье объ отмѣнѣ созыва государственной думы *.

Слѣдующій день, 27 февраля, былъ понедѣльникъ, когда не выходили ни «Правительственный Вѣстникъ», ни «Собраніе узаконеній и распоряженій правительства». Гдѣ появилось составленное кн. Голицынымъ царское повелѣніе, — я не помню. Но уже утромъ полетѣла по Петрограду вѣсть, что Государственная Дума «разогнана», а Протопоповъ облеченъ чрезвычайными полномочіями. Вслѣдъ за этою новостью — другая: волынскій полкъ перебилъ командный составъ и куда то направился изъ своихъ казармъ, чуть ли не прямо въ Таврическій Дворецъ — защищать Думу. Затѣмъ третья: толпа вломилась въ домъ предварительнаго заключенія на Шпалерной и выпустила всѣхъ арестантовъ, въ подавляющемъ числѣ не политическихъ, а общеуголовныхъ. Кто-то мнѣ тогда же разсказывалъ, что видѣлъ Манасевича-Мануйлова, подобравшаго полы арестантскаго халата и старавшагося, какъ можно незамѣтнѣе и скорѣе, куда-нибудь скрыться. Но не всѣ заключенные торопились убѣжать: часть ихъ, къ которой примкнулъ и сумасшедшій Хрусталевъ-Носарь, сгрудилась по сосѣдству около зданія Окружнаго суда на Литейномъ и подожгла это зданіе **. Въ людскую кашу, куда замѣшались и просто глазѣвшіе на пожаръ, пробрался бывшій мой секретарь В. Н. Свидерскій, тогда помощникъ юрисконсульта министерства финансовъ. Онъ вслухъ сталъ выражать сожалѣніе, что гибнетъ лабораторія судебной экспертизы и нотаріальный архивъ. Его, казалось, слушали участливо, но онъ, увлекшись своею рѣчью, пояснилъ, для чего нуженъ этотъ нотаріальный архивъ. Тогда одинъ пожилой человѣкъ мрачнаго вида, по внѣшности — рабочій, сердито сплюнулъ и внушительно возразилъ:

— Эхъ, чтобъ тебя и съ архивомъ твоимъ! Дома и землю сумѣемъ сами раздѣлить и безъ твоего архива!

---

* Установлено верховною комиссіею.

** Никто не препятствовалъ жечь судъ, никто, кажется, и не тушилъ пожара. Уже на третій день я самъ видѣлъ, какъ догоралъ огонь въ полуподвальномъ помѣщеніи, спустившись туда, видимо, постепенно и неспѣшно съ верхняго этажа, откуда началъ свое разрушительное дѣло. Не могу удержаться и упомяну кстати здѣсь для любителей таинственныхъ совпаденій и предчувствій, что жена моя еще 9 февраля говорила мнѣ о томъ, какой странный сонъ она видѣла ночью: ей снилось, будто она ѣдетъ по Литейному мосту и видитъ передъ собою огромный пожаръ и взволнованное море людей.

Свидерскій понялъ, что лучше замолчать.

Я буду очень озадаченъ, если мнѣ докажутъ, что выходъ волынцевъ и поджогъ окружного суда былъ обусловленъ расправою правительства съ государственною думою. Мнѣ болѣе, чѣмъ только кажется, что всѣ безпорядочныя событія съ 23 по 27 февраля включительно были проявленіями во внѣ раскачиванія всяческихъ низовъ посредствомъ толчковъ отовсюду, плохо согласованныхъ другъ съ другомъ, а то и вовсе независимыхъ другъ отъ друга, производимыхъ въ смутной надеждѣ, авось народныя волны какъ-нибудь и гдѣ-нибудь прорвутъ плотину стараго порядка. Но несомнѣнно, что неудачная мѣра кн. Голицына существенно помогла этимъ толчкамъ: плотина была прорвана именно на участкѣ государственной думы, потому что тутъ поспособствовала сама дума, въ порывѣ негодованія на правительственное насиліе, не разсчитавъ своихъ силъ и не учтя ни времени, ни окружающей обстановки. А разъ государственная дума вступила на революціонный путь, всѣ революціонныя волны устремились въ ея лоно. Правда, къ ней примостился (я не боюсь рѣзкихъ словъ, когда они точно выражаютъ оттѣнокъ мысли) воскресшій совѣтъ рабочихъ депутатовъ, но не мое только впечатлѣніе, а впечатлѣніе многихъ уравновѣшенныхъ и, на взглядъ мой, не глупыхъ людей, было таково, что звѣзда совѣта меркла первое время въ лучахъ думскаго комитета. Не случайно совѣтъ помѣстился въ Таврическомъ дворцѣ, а не въ другомъ какомъ-либо зданіи.

Я и до сихъ поръ остаюсь при мнѣніи, что временный комитетъ думы обладалъ тогда такою полнотою власти духовной и физической, что безъ существенныхъ затрудненій могъ взять подъ стражу членовъ совѣтскихъ комитетовъ, въ средѣ которыхъ, кстати сказать, не было ни одного Троцкаго. Этого думцы не сдѣлали, да къ тому же сами подтвердили голицынское мѣропріятіе, и сразу, помимо какого-либо оффиціальнаго акта, упразднили думу, какъ учрежденіе, вслѣдствіе чего, временный комитетъ думы, а потомъ временное правительство оказались висящими надъ пропастью, держась, подобно путнику въ стихотвореніи Жуковскаго, за кустъ, корни котораго усердно подтачивали мыши изъ исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ и (теперь уже) солдатскихъ депутатовъ. Я допускаю, что составъ исполнительнаго комитета тогда не былъ въ общемъ неистово лѣвымъ, но самое существованіе двухъ независимыхъ другъ отъ друга правительствъ не могло не подрывать значеніе того изъ нихъ, которое возглавляло собою все движеніе.

Впрочемъ, и то сказать, что думскій комитетъ долженъ былъ тогда оглядываться не только налѣво, но и направо; въ то время и для него оставалось еще подъ большимъ вопросомъ, будетъ ли и какъ скоро сметенъ старый строй за предѣлами Петрограда, гдѣ побѣда возставшимъ далась такъ нелѣпо легко, что естественно казалась непрочною. Со словъ Максима Горькаго знаю, что и онъ усумнился было въ благопріятномъ для революціи исходѣ вспышки. Онъ разсказывалъ, что 28-го февраля, во вторникъ, зала Таврическаго дворца, выходящая окнами на замерзшій прудъ сада, была переполнена разнымъ народомъ, когда по близости на Шпалерной раздались выстрѣлы *; и вотъ, солдаты какого-то возставшаго полка, бывшіе въ залѣ, стадомъ бросились, толкая и давя другихъ присутствующихъ, къ окнамъ, выбили стекла и выскочили на ледъ

* Кто стрѣлялъ — неизвѣстно. Горькій говорилъ: «стрѣлялъ изъ пулемета одинокій городовой». Но тогда всѣ мы были убѣждены въ существованіи вышекъ, съ которыхъ «работали пулеметами» городовые, выполняя заранѣе данное начальствомъ приказанье.

пруда; тонкій ледъ не выдержалъ тяжести храбрецовъ и подломился; хорошо еще, что прудъ былъ не глубокій, а потому они отдѣлались только ванной. У Горькаго тогда было такое ощущеніе, что все потеряно: «и на кого мы оперлись, и какъ же мы съ такими солдатами выдержимъ натискъ настоящей воинской части, которая останется вѣрной царю?»

Я пытался нести служебныя обязанности попрежнему: ходилъ въ сенатъ, уже не черезъ Троицкій, а черезъ Дворцовый мостъ; ходилъ въ лицей, уже не по Каменноостровскому, а боковыми улицами. По Троицкому мосту часто не пропускали, а разъ было и такъ, что мой зять, жившій тогда у меня, долженъ былъ подъ градомъ пуль, свистѣвшихъ надъ мостомъ, лечь съ другими пѣшеходами у рѣшетки и остаться въ такомъ положеніи нѣкоторое время. Каменноостровскій также былъ мѣстами непроходимъ: автомобили, красные флаги, возбужденныя лица и безпорядочная стрѣльба.

Но дѣло у меня валилось изъ рукъ: подавленъ я былъ до послѣдней степени. Да и какъ же могло быть иначе? Русскій домъ, по моему, нуждался въ большой перестройкѣ, и въ этой работѣ я бы съ радостью принялъ участіе, пусть бы самое скромное. Но теперь кто-то его валитъ, валитъ несвоевременно и, повидимому, безъ всякаго плана. Развѣ можно оперировать человѣка на бѣгу или въ часъ тяжелой борьбы? Это уже не операція, а зарѣзъ. Итакъ, я долженъ на время примкнуть къ тѣмъ, что твердятъ о совершенной ненужности не только операціи, но и какого либо леченія, ни при какихъ условіяхъ? А если я слишкомъ испуганъ? Если переворотъ такъ назрѣлъ, что пройдетъ почти безболѣзненно и безпрепятственно? Пусть переворотъ смететъ меня, какъ слугу стараго режима, — развѣ я о себѣ забочусь? Лишь бы родинѣ стало лучше. А присяга? Вѣдь я присягалъ императору Николаю II. Но ему ли я присягалъ? Я присягалъ главѣ государства, которое является моимъ отечествомъ, и, если благо отечества неосуществимо при сохраненіи за императоромъ престола, то... Но кто съ увѣренностью скажетъ, что пути государя и родины разошлись окончательно и непоправимо?

Я позволилъ себѣ привести здѣсь безпорядочную толчею моихъ мыслей въ самомъ началѣ революціи, такъ какъ имѣю много основаній утверждать, что не я одинъ крутился тогда въ ихъ зломъ вихрѣ: быть можетъ, я невольно преувеличиваю, глядя въ свои очки, но мнѣ сдается и теперь, что въ то время не малое число людей изъ тѣхъ круговъ общества, съ которыми я преимущественно соприкасался, чувствовали себя растерянными; и говорю я не о тѣхъ лицахъ, которыя были удовлетворены олигархіей, расцвѣтшею у насъ подъ вывѣской монархіи, а именно о тѣхъ, кто далеко не былъ ею доволенъ.

Я не хочу замалчивать своихъ слабостей, и со стыдомъ долженъ сознаться, что отреченіе царя, о которомъ я услышалъ въ пятницу, 3 марта, вырвало у меня вздохъ облегченія. Чувство мое было, нѣтъ спора, эгоистическое: я выходилъ изъ тупика, для меня стало проще. Но я всегда чувствовалъ себя патріотомъ гораздо болѣе, чѣмъ интеллигентомъ (въ общепринятомъ узкомъ смыслѣ этого слова), неизмѣнно исповѣдуя, что космополитизмъ есть извращеніе перспективы чувства, и что ссылкою на любовь ко всему человѣчеству безъ разбора чаще всего прикрывается желаніе освободиться отъ насущныхъ обязанностей, налагаемыхъ на человѣка любовью къ своимъ и своему. А потому облегченіе я чувствовалъ недолго: въ отреченіи и великаго князя Михаила Александровича, какъ ни старался — даже вслухъ — примирить себя съ этимъ, чудилась мнѣ угроза будущему. Я разсуждалъ такъ: если великій князь хотѣлъ непремѣнно

подчиниться волѣ предстоящаго учредительнаго собранія (противъ чего у меня возраженій не было), то онъ могъ бы принять царскій вѣнецъ впредь до разрѣшенія въ учредительномъ собраніи вопроса о формѣ верховнаго правленія Россіи; тогда лѣвымъ вѣтрамъ, казалось, было бы у насъ меньше простора, вѣроятность побѣды надъ нѣмцами стала бы значительнѣе, да и самые выборы въ учредительное собраніе прошли бы при менѣе взбудораженныхъ нервахъ и распаленныхъ страстяхъ. Впрочемъ, «le vin est tiré, il faut le boire», и я прилагалъ всѣ усилія заглушить свою тревогу русскими: «образуется» и «перемелется — мука будетъ». Кругомъ меня многіе, бывшіе революціонерами столь же мало, какъ и я, радовались безоглядно и, по всей вѣроятности, искренно, отъ души: первоначальная растерянность быстро проходила. Но я такъ и ни разу не сказалъ: «наша революція», и ни разу не нацѣпилъ на себя краснаго банта. На восхваленія «безкровной» революціи я отвѣчалъ, что она еще только началась, а чѣмъ кончится, пока — неизвѣстно, и что теперь уже безкровною назвать ее нельзя: кровь офицеровъ, убитыхъ солдатами, и городовыхъ, избиваемыхъ всякимъ, кто хотѣлъ, были для меня видны и на красномъ. И, какъ то разъ, собесѣднику, стоявшему на томъ, что все таки крови пролито, слава Богу, мало, я замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ эпитетомъ революціи должно быть слово не «безкровная», а развѣ «малокровная».

Особенно волновало меня, что временное правительство начало съ повторенія коренныхъ ошибокъ павшаго строя: царскіе министры не умѣли отмежеваться отъ крайнихъ правыхъ, а новые правители не умѣютъ отмежеваться отъ крайнихъ лѣвыхъ; тѣ завалились на правый бокъ; такъ, значитъ, эти завалятся на лѣвый бокъ; и, кромѣ того, старый режимъ не понималъ надобности въ раздѣленіи властей законодательной и исполнительной, а новый режимъ смѣшалъ ихъ еще болѣе, да еще и верховную власть съ ними слилъ воедино. Что бы ни писали гогенцоллернствовавшіе нѣмцы, я всегда былъ и теперь остаюсь убѣжденнымъ сторонникомъ теоріи Монтескье въ ея основахъ: пока исполнительная власть (въ абсолютной монархіи) и законодательная (во многихъ конституціонныхъ странахъ) имѣютъ возможность давить на судъ или пока исполнители въ правѣ законодательствовать, до тѣхъ поръ о гражданахъ въ государствѣ приходится говорить съ болѣе или менѣе значительнымъ преувеличеніемъ, а вѣдь временное правительство намѣревалось обращаться именно къ гражданамъ, то есть, по моему, ждало тепличныхъ плодовъ, не вставивъ стеколъ въ теплицѣ.

Но надежда умираетъ въ человѣкѣ послѣднею, а вѣрится такъ охотно, чему вѣрить хочется, и я, сидя у себя въ кабинетѣ и перебирая дневныя впечатлѣнія, въ видѣ ли катившихся мимо меня грузовиковъ съ торчавшими на нихъ стоймя матросами и солдатами, въ видѣ ли нелѣпыхъ обысковъ* и незаконныхъ арестовъ, или же въ видѣ обгорѣвшихъ зданій суда и полицейскихъ участковъ**, только давалъ себѣ слово работать, гдѣ придется и куда попаду,

* Въ моей квартирѣ, — Богъ миловалъ, — обыска не было, но моимъ сослуживцамъ далеко не всѣмъ такъ посчастливилось. У В. Н. Середы, о которомъ я уже неоднократно упоминалъ, обыски слѣдовали одинъ за другимъ, причемъ вооруженные солдаты не стѣснялись просить (правда, пока только просить) «на чай» за свои революціонные труды. Измученный непрерывностью обысковъ, онъ настоялъ, чтобы обыскивающіе дали ему, наконецъ, записку, удостовѣряющую, что обыски ничего не обнаружили. Эту записку я видѣлъ: полуграмотныя каракули и подпись: «членъ партеи леуцыперовъ Семеновъ».

** Одинаковая участь суда и кутузокъ, то обстоятельство, что толпа и черезъ полвѣка работы русскаго суда не восприняла разницы между XVI и III томами свода зако-

съ наиболѣе возможнымъ для меня напряженіемъ, не оглядываясь ни налѣво, ни направо и не обманывая своей совѣсти, какъ бы это трудно ни было: лишь такая работа, думалось мнѣ, нужна теперь родинѣ надъ обрывомъ.

Я пишу не исторію, а личныя воспоминанія, и потому полнаго воспроизведенія, хотя бы лишь одной петроградской жизни при временномъ правительствѣ, далѣе дано быть не можетъ; все, что я припомню, будетъ мною размѣщено главнымъ образомъ въ двѣ главы: о томъ, что происходило тогда въ министерствѣ юстиціи, и о томъ, что я пережилъ въ верховной комиссіи.

«Печаленъ будетъ мой разсказъ».

I. ВЪ МИНИСТЕРСТВѢ ЮСТИЦІИ

Въ министерство юстиціи отъ новаго правительства явился сперва, въ качествѣ комиссара, В. А. Маклаковъ съ какимъ то другимъ членомъ думы. Я, конечно, тамъ не былъ, но тогда же слышалъ отъ мужа моей сестры, занимавшаго въ то время мѣсто директора второго департамента министерства, что В. А. Маклаковъ не скрывалъ ни своего отказа занять постъ министра юстиціи, ни своихъ опасеній за будущее; онъ даже, оглянувшись на вошедшаго товарища — курьера, сказалъ по французски: le danger est à gauche.

Теперь ужъ не помню, въ тотъ же ли день или на слѣдующій, въ должность министра юстиціи вступилъ А. Ѳ. Керенскій. Онъ черезъ моего зятя передалъ мнѣ, что хочетъ меня видѣть и проситъ зайти въ министерство.

Удивился я этому очень. Керенскаго я ни разу въ своей жизни не видѣлъ и не слышалъ: въ государственной думѣ, занятый изо дня въ день своей работой, я былъ всего одинъ разъ, еще весною 1911 года, когда Столыпинъ давалъ объясненія по поводу искусственнаго трехдневнаго роспуска законодательныхъ палатъ, а въ политическихъ процессахъ я обвинителемъ не выступалъ, тогда какъ Керенскій почти исключительно занимался ими. Разумѣется, если я не слышалъ Керенскаго, то слышалъ о немъ: не далѣе, какъ въ декабрѣ предыдущаго года, жена моя, обладающая умѣньемъ живо разсказывать, картинно воспроизводила думскую битву, въ которой Керенскій игралъ первую роль и такъ игралъ, что вынудилъ тяжеловѣснаго Родзянко сойти съ предсѣдательской кафедры и прервать засѣданіе; но скандаламъ въ думѣ ни справа, ни слѣва я не сочувствовалъ, а то обстоятельство, что новый министръ былъ одновременно товарищемъ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, еще менѣе могло меня расположить къ нему.

новъ, наводило на грустныя размышленія: не закрывая глазъ на ошибки отдѣльныхъ представителей судебнаго вѣдомства, вольныя и невольныя, давая себѣ ясный отчетъ, что травля суда слѣва дѣйствуетъ на широкіе круги городского населенія, сверху донизу, гораздо сильнѣе травли справа, и зная, что въ обществѣ не разбираются ни въ дѣйствительномъ значеніи независимости, гласности и состязательности суда, ни въ цѣнности института присяжныхъ засѣдателей, ни въ истинномъ характерѣ дѣятельности прокуратуры, — я тѣмъ не менѣе, очевидно, по слѣпой наивности ласкалъ себя надеждою, что разница между судомъ, хотя бы и несовершеннымъ, но все таки судомъ, и безсудіемъ, болѣе или менѣе совершеннымъ, достаточно для большинства очевидна. Оказалось, что я грубо ошибался и надъ могилою русскаго суда осиновый колъ вбитъ руками не однихъ только большевиковъ.

На мой недоумѣнный вопросъ зять пояснилъ, что вызовъ, по мнѣнію чиновъ министерства, означаетъ предложеніе быть товарищемъ министра. Такое мнѣніе не имѣло подъ собой почвы, но возникло совершенно естественно: министромъ явился человѣкъ, до дикости чужой, такъ что невольно мечталось, хоть въ одномъ изъ его товарищей увидѣть до извѣстной степени своего*, все таки привычную фигуру. Этимъ только и объясняется, что мой зять, бывшій всегда правѣе меня, совѣтовалъ мнѣ, если предложеніе послѣдуетъ, не отказываться отъ него.

Свидѣлся я съ Керенскимъ 4 марта, въ субботу. Уже идя къ нему, я давалъ себѣ ясный отчетъ, что ни онъ мнѣ не предложитъ мѣста товарища министра, ни я не могу принять такого предложенія**; но, во власти охватившихъ меня мыслей, я твердо рѣшилъ не отказываться отъ исполненія отдѣльныхъ порученій законодательнаго или ревизіоннаго характера: не будучи ослѣпленъ русскимъ судомъ, я былъ преданъ душою его дѣлу, гордился его подвигами, болѣлъ его невзгодами и за плечами имѣлъ двойной судебный опытъ, мой лично и моего отца, самаго близкаго мнѣ по духу и убѣжденіямъ человѣка, отдававшаго всего себя вопросамъ лучшей постановки отправленія правосудія въ Россіи.

Керенскій принялъ меня въ маленькомъ кабинетѣ, гдѣ я уже давно не бывалъ, куда обыкновенно являлись представляться, а не по дѣламъ; но Керенскій, арестовавъ своего предшественника, сенатора Добровольскаго, пока оставилъ его семью въ казенной квартирѣ и потому не сразу могъ воспользоваться большимъ кабинетомъ, расположеннымъ не въ помѣщеніи министерства (съ Екатерининской), а въ квартирѣ министра (съ Итальянской).

Новый министръ, молодой, худощавый, бритый, въ гимназической курточкѣ, встрѣтилъ меня вопросомъ, какой я сенаторъ Завадскій, бывшій ли попечитель округа*** или бывшій прокуроръ палаты. Узнавъ, что я тотъ, кого ему нужно,

---

* Вполнѣ «своимъ» для центральнаго управленія министерства юстиціи я не былъ; прослуживъ тамъ короткое время въ юрисконсультской части, я впослѣдствіи уклонился отъ возвращенія на Екатерининскую улицу. Я всегда считалъ, что министерство юстиціи не понимаетъ своего отношенія къ судебному вѣдомству: я ни отъ кого не скрывалъ, что признаю работу министерства на три четверти совершенно безполезной, а порой и прямо вредной.

** Почему Керенскій не могъ взять меня товарищемъ, онъ самъ сказалъ мнѣ почти тѣми же словами, какъ думалъ и я. А я не могъ стать его товарищемъ потому, что идти на эту должность, безъ договора съ министромъ и безъ увѣренности въ точномъ соблюденіи договора со стороны министра, было верхомъ неразумнаго честолюбія, а договориться и взвѣшивать осуществимость обѣщаннаго нельзя, если не знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Хочу здѣсь отмѣтить, что Протопоповъ, ставъ министромъ и никогда не видѣвъ меня, остановился на мнѣ, какъ на одномъ изъ своихъ товарищей по должности, и, видимо, долго не могъ усвоить себѣ доводы В. А. Бальца, объяснявшаго ему, отчего я не приму такого предложенія. Чтобы подчеркнуть всю неосновательность этого человѣка, думавшаго править Россіей, добавлю, что онъ предполагалъ сдѣлать меня товарищемъ министра, завѣдующимъ . . . полиціею, и, за моимъ и В. А. Бальца отказомъ, замѣстилъ эту должность . . . генераломъ Курловымъ.

*** Я только впослѣдствіи понялъ, почему Керенскій выказалъ такую осторожность. Изъ четырехъ сенаторовъ Завадскихъ (отца, двухъ его братьевъ и меня) въ живыхъ тогда было двое. Дядя мой М. Р. Завадскій, бывшій попечитель Тифлисскаго учебнаго округа, когда-то ревизовалъ стоявшаго во главѣ Ташкентскаго учебнаго округа, на правахъ попечителя, отца Керенскаго и остался во многомъ недоволенъ его дѣйствіями. Керенскій, видимо, любилъ своего отца и не умѣлъ сохранить безпристрастія въ его дѣлѣ, а потому питалъ къ моему дядѣ нерасположеніе. Немного спустя, при заполненіи сената новыми лицами, онъ предложилъ дядѣ черезъ сенатора Э. А. Эрштрема, первоприсут-

онъ объяснилъ, что проситъ моего сотрудничества, въ чемъ оно потребуется. Такая просьба, прибавилъ онъ, должна была бы въ обычныхъ условіяхъ сопровождаться предложеніемъ соотвѣтствующаго мѣста, но онъ надѣется, что я пойму исключительность момента: на должностяхъ товарищей министра теперь могутъ быть только общественные дѣятели. Я отвѣтилъ, что эта оговорка совсѣмъ излишняя, такъ какъ я предпочитаю предоставить въ его распоряженіе свой служебный опытъ, оставаясь на своемъ мѣстѣ. Не помню, спросилъ ли я Керенскаго, почему онъ обращается ко мнѣ, или и безъ вопроса мое недоумѣніе сказалось достаточно ясно; какъ бы то ни было, онъ въ началѣ же нашего разговора упомянулъ, что имѣетъ обо мнѣ отзывы какъ о судебномъ дѣятелѣ, работавшемъ честно и законно. Кто далъ ему отзывъ, онъ не открылъ мнѣ *, а добавилъ кое что, чуть не испортившее все дѣло: онъ позволилъ себѣ сказать, что моя дѣятельность была безупречной,

---

ствовавщаго въ четвертомъ департаментѣ (гдѣ засѣдалъ и дядя), перейти въ общее собраніе (которое предполагалось вскорѣ упразднить), прибавивъ (какъ передавалъ Э. А. Эрштремъ): «А за что, онъ самъ знаетъ». На письмо дяди Керенскій не отвѣтилъ, и потому я въ правѣ полагать, что онъ властью министра воспользовался для сведенія домашнихъ счетовъ.

* Я знаю, что своими воспоминаніями хороню себя во мнѣніи и правыхъ, и лѣвыхъ. Но я хочу непремѣнно выявить здѣсь всю правду, поскольку она мнѣ доступна. И потому, избѣгая сознательнаго замалчиванія, не скрою, что Керенскому меня рекомендовалъ, какъ стало извѣстно мнѣ очень скоро, Максимъ Горькій, который теперь, повидимому, сталъ рѣшительно непріемлемымъ для представителей всѣхъ безъ изъятія политическихъ теченій. Горькій, конечно, не могъ судить, какой я юристъ и судебный дѣятель; и почему его отзывъ принятъ былъ Керенскимъ во вниманіе, мнѣ такъ и осталось неизвѣстно. Знакомство же мое съ Горькимъ началось въ домѣ доктора И. И. Манухина. Съ докторомъ я сдружился еще въ 1910 году, когда онъ лечилъ моего отца. А Горькій питалъ къ доктору большую пріязнь на почвѣ благодарности за излеченіе отъ чахотки. Я никогда не былъ безусловнымъ поклонникомъ таланта Горькаго, но, не страдая корридорностью литературнаго вкуса, не закрывалъ глазъ на то, что талантъ у Горькаго несомнѣнно есть, и притомъ своеобразный. Знаменитостей я боюсь не меньше, чѣмъ власть имущихъ: власть портитъ и слава портитъ. А потому будучи простымъ смертнымъ, да еще и не имѣя потребности идолопоклонничать, я старательно избѣгалъ близкаго общенія съ божками, которые бы смотрѣли на меня сверху внизъ. При первой встрѣчѣ Горькій не показался мнѣ въ благопріятномъ свѣтѣ: сидѣлъ насупившись, говорилъ неохотно и, отозвавшись неодобрительно объ Исаакіевскомъ соборѣ, совсѣмъ, по моему, неудачно выразился, что Богъ, которому такой храмъ выстроенъ, представляется ему жестокимъ, злымъ, ощерившимся; и самъ Горькій при этомъ ощерился и подперъ подбородокъ кулакомъ. Но уже со второй встрѣчи я почувствовалъ къ Горькому душевное расположеніе за его скромность и простоту, не напускную, а естественную: онъ умѣлъ слушать чужіе разсказы и выслушивать возраженія, хотя бы и нелѣпыя, не вымогалъ восхваленій, даже съежился отъ нихъ и не требовалъ для себя непремѣнно и всюду перваго мѣста. Горькій зналъ, что я не соціалистъ и не революціонеръ, но это не мѣшало ему отвѣчать мнѣ, повидимому, также расположеніемъ, которое не прекратилось и послѣ того, какъ я уклонился отъ его предложенія напечатать свой переводъ «Царя Эдипа» Софокла въ «Лѣтописи». Я бывалъ у него и въ Мустомякахъ, и на Кронверкскомъ; былъ и онъ у меня, хотя тогда я какъ разъ состоялъ прокуроромъ судебной палаты. Ни жадности къ обогащенію, ни стремленія къ верховенству я у него не замѣчалъ и не вѣрю, чтобы они могли появиться потомъ. Чужая душа — потемки, и я не знаю, что дѣлалъ Горькій при большевикахъ; но — пусть на меня ополчаются, безъ различія правыхъ и лѣвыхъ, всѣ мои единомышленники по борьбѣ съ большевиками — ничего жестокаго и человѣконенавистническаго въ дѣятельности лично Горькаго за эти годы я не слышалъ и не читалъ; онъ — большевикъ, и ему естественно было остаться въ ихъ рядахъ, чтобы употреблять всѣ усилія на работу по упорядоченію и очеловѣченію большевицкаго властвованія: ut desint vires, tamen est laudanda voluntas. Дѣля большевиковъ на слѣпыхъ и нечестныхъ, я причисляю Горькаго (и мнѣ еще не доказали, что я ошибся) къ первому разряду.

«насколько это было возможно въ условіяхъ службы при самодержавіи». Мигъ, — и я бы вспыхнулъ; но большимъ усиліемъ воли заставилъ себя сдержаться и отвѣтилъ только, что ни разу еще не встрѣчалъ надобности въ сдѣлкахъ со своими убѣжденіями. Я и теперь полагаю, что поступилъ правильно: развѣ я шелъ помогать лично Керенскому? Я считалъ себя обязаннымъ быть, въ мѣру силъ и разумѣнія, полезнымъ родинѣ, а что думаетъ Керенскій о моей прежней службѣ, такъ же безразлично, какъ и то, что я думаю о его прежней дѣятельности: мы не подъ общей вывѣской собирались работать *. Во всякомъ случаѣ, ни это замѣчаніе новаго министра, ни обнаруженное имъ вслѣдъ затѣмъ незнаніе чего-то (къ сожалѣнію, чего именно, не могу вспомнить) довольно существеннаго въ судебной области не испортило общаго впечатлѣнія, которое у меня къ концу нашего разговора сложилось въ пользу моего собесѣдника: простота, видимая искренность, горячее желаніе служить родинѣ, готовность выслушивать чужія мнѣнія, — все это было мнѣ по душѣ. Хотя на первый разъ онъ попросилъ моей помощи лишь въ видѣ сопутствованія ему, на слѣдующій день, въ Зимній дворецъ для пріема его въ вѣдѣніе временнаго правительства, я не уклонился и отъ этой услуги, явно не требовавшей особыхъ юридическихъ познаній, питая надежду, что потомъ удастся быть полезнымъ именно судебному дѣлу и, дастъ Богъ, въ существенномъ **.

---

* Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что Керенскій былъ далекъ отъ желанія «поставить меня на мѣсто», показать мнѣ настоящую въ его глазахъ мою цѣну; иначе онъ бы ко мнѣ едва ли обратился съ просьбой о сотрудничествѣ. Упомянулъ же онъ о давленіи сверху просто потому, что преувеличивалъ его, судя, какъ я теперь думаю, по тяжести партійнаго давленія на отдѣльныхъ членовъ партіи, особенно революціонно-боевой, къ которой самъ принадлежалъ. Тогда и всѣ вокругъ преувеличивали мѣру воздѣйствія на судъ, со стороны правительства. Въ дѣйствительности былъ подборъ судей, изъ единомышленниковъ и угодливыхъ, чѣмъ грѣшило затѣмъ и временное правительство; но судья и даже прокуроръ, умѣвшіе работать и не желавшіе ни отдаваться пристрастію, ни продавать свое первородство за чечевичную похлебку, могли — я это утверждаю съ полнымъ убѣжденіемъ — служить подлинному правосудію, хотя порою за то и страдали; нажима на всѣхъ и всюду не было, потому что сами нажиматели были отравлены со школьной скамьи теоріями о независимости суда и, въ отличіе отъ безшабашныхъ большевиковъ, оглядывались на Западъ. Конечно, адвокаты, какъ стоявшіе близко къ суду, могли бы уберечься отъ такой ошибки, но отъ нея не уберегліись даже наиболѣе уравновѣшенные; вообще, отношеніе адвокатуры къ магистратурѣ, какъ и наоборотъ, было далеко неспокойное, и объяснняется это просто: дѣло правосудія — тяжелое, требующее всего ума и всего сердца; нервы напрягаются и не выдерживаютъ, и тогда легко чужіе недостатки преувеличить, а чужія достоинства даже вовсе не замѣтить. Да и чувствительнѣе недостатки: они, какъ ухабы, встряхиваютъ. И правъ былъ разсудительный мужикъ, сказавшій: не поѣшь хоть три дня — никто не знаетъ, а опьянѣешь всего на одинъ часъ — всѣмъ видно. Въ частности, судьи и прокуроры (а они тѣснѣе были связаны службою) также не вполнѣ ладили другъ съ другомъ, и я постоянно долженъ былъ напоминать юнымъ товарищамъ прокурора, что они обязаны суду почтеніемъ, хотя бы только внѣшнимъ.

** Приведу здѣсь ничтожный, но не лишенный характерной для того времени окраски эпизодикъ. Швейцаръ министерства Моисеевъ былъ мнѣ извѣстенъ еще съ тѣхъ давнихъ поръ, когда состоялъ курьеромъ при моемъ отцѣ въ бытность его директоромъ второго департамента. Малый толковый и расторопный, но весьма «себѣ на умѣ», онъ меня, тогда совсѣмъ еще юнца, упорно титуловалъ «Превосходительствомъ», пока отецъ стоялъ у власти и рѣшительно «разжаловалъ», какъ только отецъ ушелъ въ сенатъ. Ставъ прокуроромъ палаты и часто бывая въ министерствѣ, я «возобновилъ прежнія отношенія» съ Моисеевымъ, и онъ, будучи, видимо, доволенъ моими подачками «на чай», всегда рьяно снималъ съ меня верхнее платье. А тутъ, въ это мое посѣщеніе министерства, Моисеевъ кивнулъ мнѣ издали головой и предоставилъ мнѣ снять шубу самому. Я ничего не имѣлъ противъ и, уходя, также самъ надѣлъ ее. Однако, Моисеевъ открылъ мнѣ дверь

На другой день было воскресенье, 5-го марта. Утромъ, я, какъ условился съ Керенскимъ, явился въ министерство, пустое и пустынное, уже плохо подметенное. Оказалось, что Керенскій и его товарищъ по должности А. С. Зарудный ночевали на службѣ и пили тамъ утренній чай по студенчески. Министру поданъ былъ автомобиль, и мы поѣхали . . . вчетверомъ, не считая шоффера: Керенскій и я на заднемъ сидѣньи, М. А. Карауловъ въ страшной папахѣ на переднемъ* и какой-то нижній чинъ рядомъ съ шофферомъ. Ѣхали мы почему-то черезъ Невскій; на углу Садовой автомобиль смаху сталъ, а нижній чинъ соскочилъ и побѣжалъ куда-то въ сторону. Керенскій спросилъ шоффера въ трубку, что это значитъ, и получилъ отвѣтъ, что солдатъ приказалъ остановиться, такъ какъ ему надобно купить себѣ газету. Лицо министра вспыхнуло, и онъ крикнулъ:

— Что это за безобразіе. Поѣзжайте дальше немедленно. Пусть онъ пѣшкомъ идетъ.

Мы молчали. Керенскій, обернувшись ко мнѣ, уже спокойнымъ голосомъ сталъ какъ бы оправдываться въ своей горячности. Я отвѣтилъ ему со всею искренностью, что одобряю его поступокъ: распущенность не свобода и невѣжливость не равенство.

Я былъ въ Зимнемъ дворцѣ два раза: въ молодости, «на правахъ туриста», съ разрѣшенія гофмаршала графа Бенкендорфа, и затѣмъ въ 1911 году, на царскомъ обѣдѣ, данномъ по случаю двухсотлѣтія сената. Оба раза дворцовая прислуга невольно обращала на себя вниманіе, я бы сказалъ, смѣсью вышколенности съ неторопливою важностью. Теперь — растерянность, но безъ угодливой суетливости. Когда Керенскій объявилъ, что онъ министръ юстиціи, придворные лакеи стали титуловать его высокопревосходительствомъ, и каждый былъ видимо озадачиваемъ возраженіемъ Керенскаго, что его надлежитъ именовать (кажется, не ошибаюсь): «господинъ министръ». Помню, какъ одинъ лакей, очень пристойнаго вида, обмолвился «высокопревосходительствомъ», сейчасъ же поправился, сказавъ: «виноватъ, господинъ министръ», и снова допустилъ ту же обмолвку, явно по застарѣлой привычкѣ. Я недоумѣвалъ, зачѣмъ Керенскому понадобилось сбивать придворную прислугу съ толку и, не вытерпѣвъ, сказалъ ему объ этомъ. Но послѣ того онъ только сталъ объяснять лакеямъ, что не имѣетъ чина, сопряженнаго съ титуломъ высокопревосходительства; конечно, отъ такого поясненія лакеямъ не стало легче: настолько въ ихъ представленіи съ должностью министра срослось титулованіе высокопревосходительствомъ.

Кто къ намъ вышелъ изъ старшихъ чиновъ, уже не помню. Мы обошли дворецъ, но далеко не весь: конечно, поводыри наши руководили каждымъ нашимъ шагомъ. Керенскій спрашивалъ, кажется, объ императорскихъ регаліяхъ; что именно—я забылъ, какъ забылъ и отвѣтъ; припоминается смутно, что въ одной залѣ намъ было указано стекло окна, пронизанное пулей въ дни возстанія. Признаюсь, я чувствовалъ какое-то «не по себѣ» въ этомъ дворцѣ, ставшимъ теперь безхозяйнымъ, и мнѣ хотѣлось поскорѣе очутиться за его стѣнами.

Керенскій заговорилъ со мной и сказалъ, что желаетъ объявить Зимній

и обнаружилъ желаніе не пожать мою руку, а получить въ свою руку. Но и я ограничился кивкомъ головы. Со слѣдующаго дня онъ попрежнему снималъ съ меня шубу и по прежнему получалъ отъ меня «на чай».

* Членъ государственной думы, потомъ атаманъ Терскаго казачьяго войска, звѣрски убитый солдатами на какой-то станціи близъ Владикавказа.

дворецъ перешедшимъ въ собственность государства. Видно, онъ считалъ дворецъ царской собственностью, сбившись изъ за его наименованія «императорскій». Я отвѣтилъ, что Зимній дворецъ есть зданіе, предоставляемое царствующему императору, а собственностью государя является, напримѣръ, Аничковскій, который такъ и называется «собственный его императорскаго величества дворецъ». Къ этому я прибавилъ, что, по сужденію моему, государь не отрекался отъ частновладѣльческихъ своихъ правъ, и Аничковскій дворецъ попрежнему принадлежитъ ему на законномъ основаніи. По вопросу же о формулѣ предстоящаго объявленія я высказался за то, что слѣдовало бы ограничиться провозглашеніемъ о принятіи Зимняго дворца въ вѣдѣніе правительства. Керенскій (думаю, что не ошибаюсь) такъ и объявилъ, а затѣмъ тутъ же былъ составленъ краткій о томъ протоколъ, подписанный присутствовавшими. Я и до сихъ поръ не взялъ въ толкъ, для чего было ѣздить Керенскому въ Зимній дворецъ самому и притомъ въ качествѣ министра юстиціи, да еще прихвативъ съ собою сенатора.

Вторымъ порученіемъ, которое далъ мнѣ Керенскій, было ознакомиться съ изготовлявшимся тогда закономъ объ отмѣнѣ смертной казни. Законопроектъ лежалъ въ служебномъ кабинетѣ товарища министра А. С. Заруднаго; я отправился туда, читалъ эти краткія строчки и говорилъ по поводу ихъ съ Заруднымъ. Керенскій потомъ со мною ни словомъ не обмолвился ни по вопросу о современности отмѣны смертной казни, ни по вопросу о предѣлахъ ея отмѣны, такъ что я и здѣсь оказался излишнимъ *.

За то третье порученіе оказалось очень важнымъ и отвѣтственнымъ, но, къ сожалѣнію, изъ области уголовщины, отъ которой я всегда отходилъ съ облегченіемъ. Керенскій заговорилъ со мною, что при министерствѣ юстиціи учреждается верховная ** слѣдственная комиссія для разслѣдованія преступныхъ дѣяній представителей стараго режима и онъ хочетъ видѣть меня въ ея составѣ. Я тогда задалъ ему самый насущный вопросъ: ждетъ ли онъ отъ меня строго судейскаго отношенія къ дѣлу, или чего нибудь иного? Онъ просто и, — я почувствовалъ, — искренно отвѣтилъ, что желаетъ только раскрытія правды.

— Въ такомъ случаѣ я не считаю себя вправѣ отклонить ваше предложеніе.

---

* Споры вокругъ смертной казни не съ насъ начались, не нами и кончатся. Въ Россіи о томъ спорили въ послѣдніе передъ революціей годы безъ необходимаго спокойствія. Лично я не могъ примкнуть ни къ тѣмъ, кто, не желая или не смѣя осудить политическія убійства, требовалъ не налагать за нихъ смертной казни, ни къ тѣмъ, кто, преслѣдуя политическія убійства всею мощью государственной власти, старался увеличить число смертныхъ приговоровъ путемъ ослабленія судебныхъ гарантій. Склоняясь самъ къ отмѣнѣ кары смертью, я отдавалъ себѣ отчетъ, что это говоритъ во мнѣ не гражданинъ, а судья; быть можетъ, и есть случаи, когда безъ смертной казни пока еще нельзя обходиться, но я то, въ качествѣ судьи, не въ силахъ подписать такой приговоръ; нисколько этимъ не хвалясь и признавая, что это можетъ оказаться «жестокою чувствительностью» или просто дряблостью, я все же по совѣсти не могъ требовать отъ другихъ судей, чего не хотѣлъ для самого себя. И тѣмъ не менѣе, я былъ смущенъ, когда услышалъ, что смертная казнь у насъ будетъ отмѣнена безъ малѣйшаго изъятія; когда было, пожалуй, можно, не отмѣняли, а когда стало, повидимому, нельзя, отмѣняютъ. И я понималъ, что трудно оставить кару смертью для одного лишь фронта, и безъ того страдающаго больше тыла; но отсюда мой выводъ былъ таковъ: закона не издавать, а просто попытаться ни одного смертнаго приговора не приводить въ исполненіе, широко примѣняя помилованіе.

** Такъ она была сперва названа, такъ было сказано и въ приказѣ о моемъ назначеніи. Потомъ Керенскій «явочнымъ порядкомъ» переименовалъ ее въ «чрезвычайную». Но какъ ему было непріятно слово «верховная», такъ мнѣ тяжело слово «чрезвычайная».

Онъ закончилъ нашъ разговоръ замѣчаніемъ, что можетъ предоставить мнѣ мѣсто лишь товарища предсѣдателя комиссіи, такъ какъ предсѣдателемъ долженъ быть присяжный повѣренный. Я сказалъ, что предпочитаю быть именно не предсѣдателемъ, и полюбопытствовалъ узнать, кто же займетъ предсѣдательское мѣсто. Онъ назвалъ Н. К. Муравьева, московскаго адвоката, извѣстнаго защитника по политическимъ процессамъ, котораго я, впрочемъ, какъ и самого Керенскаго, до того, не видалъ и не слыхалъ.

Выходя на этотъ разъ отъ министра, я всѣмъ существомъ своимъ чувствовалъ, что переступаю своего рода Рубиконъ. Керенскій, Муравьевъ и другіе — все это люди чуждаго мнѣ міра, вынесенные революціонной волной, а она лишь случаемъ меня не затопила. Какъ никакъ, я обломокъ того стараго режима, который собираются судить; пусть я, вмѣстѣ съ незначительнымъ количествомъ своихъ единомышленниковъ, стоялъ тамъ особнякомъ, пусть я при Щегловитовѣ былъ только терпимъ, какъ «рабочая полезность», но это не помѣшало мнѣ, не достигнувъ 45 лѣтъ, стать тайнымъ совѣтникомъ. Я несомнѣнно «съ того берега», и многіе на томъ берегу обвиняютъ меня въ черной измѣнѣ. Ну, и что же? Рѣшеніе мое твердо въ соотвѣтствіи съ любимымъ двустишіемъ моего отца:

Пусть гибнутъ наши имена,
Да возвеличится Россія *

Я въ этой комиссіи нуженъ для очищенія пшеницы отъ плевелъ, нуженъ и для многихъ, кого несомнѣнно захватитъ размахъ революціонной длани единственно за ихъ службу царю, какъ могъ захватить и меня въ качествѣ царскаго прокурора. А если нуженъ, то чаша эта не должна идти мимо моихъ устъ, какъ бы горька ни была. Я предчувствовалъ словесные и письменные упреки, предчувствовалъ холодное отчужденіе хорошихъ, но непримиримыхъ (я сказалъ бы переулочнаго толка) людей; я предугадывалъ анонимныя письма и безыменную брань по телефону; допускалъ я и большія тренія въ комиссіи. Но не думалъ, какъ мнѣ тамъ, въ этой комиссіи, будетъ тяжело и какъ безплоденъ окажется мой порывъ. Впрочемъ, мои переживанія въ качествѣ товарища предсѣдателя «муравьевской» комиссіи я выдѣляю въ особую главу.

Работа въ комиссіи взяла почти все мое время. Я былъ освобожденъ отъ занятій по сенату и могъ принимать только ничтожное участіе въ другой комиссіи, которая была мнѣ болѣе по сердцу: въ комиссіи по возстановленію судебныхъ уставовъ.

Съ Керенскимъ я продолжалъ видѣться; неоднократно былъ у него и въ большомъ министерскомъ кабинетѣ, который одно время служилъ ему и спальней, и столовой; нѣсколько разъ завтракалъ у него; познакомился и съ его женою, Ольгою Львовной, и съ «бабушкой революціи» Брешковскою, полною и сѣдою старухой, на видъ добродушною и державшей себя скромно. Ни о какомъ ближайшемъ моемъ сотрудничествѣ съ Керенскимъ уже не было рѣчи: если онъ и под-

---

* Отецъ не помнилъ, чьи это стихи. Сравнительно поздно я узналъ, что они принадлежатъ забытой поэтессѣ Каролинѣ Павловой. Я ихъ цитировалъ такъ, какъ слышалъ отъ отца. Но память отцу измѣнила. Въ подлинникѣ они таковы:

Мы говорили въ дни Батыя,
Какъ на поляхъ Бородина:
Пусть возвеличится Россія
И гибнутъ наши имена.

нималъ въ разговорѣ со мной тотъ или другой вопросъ, то случайно и обрывочно, ut canis e Nilo.

Керенскаго тогда чуть не на рукахъ носили, а теперь кто только не бранитъ его. Я и здѣсь занимаю, повидимому, среднее положеніе.

Прежде всего, я считалъ ни на чемъ не основанными обвиненія Керенскаго въ корыстности и въ использованіи власти для себя. Я слышалъ по этому поводу лишь утвержденія, но ни одного доказательства. Кстати сказать, обвиняли Керенскаго въ расхищеніи государственнаго достоянія и большевики; тутъ уже невольно придетъ на память рѣзкое, но выразительное русское присловье: чья бы корова мычала, а твоя бы молчала.

Затѣмъ несправедливы обвиненія Керенскаго въ томъ, что это онъ погубилъ Россію. Керенскій явно былъ бы титаномъ, если бы могъ одинъ погубить такую страну, въ такое короткое время. Я уже давно держусь мнѣнія, что въ униженіи родины и въ ея злоключеніяхъ виноваты всѣ мы безъ изъятія и безъ различія положеній и партій, а потому пора намъ бросить счеты и, въ сознаніи прошлой вины, дружно исправлять свои ошибки.

Керенскій, насколько я могъ его узнать, представляется мнѣ человѣкомъ неглупымъ, искреннимъ, съ живымъ воображеніемъ, съ порывами доброй воли, съ готовностью все сдѣлать для того, чтобы Россія благоденствовала*. Онъ отъ души хотѣлъ, чтобы русское правосудіе было безупречнымъ, чтобы нашъ государственный строй былъ свободнымъ и законнымъ** и чтобы мы

---

* Я не отрицаю въ немъ нѣкоторой театральности, позыва на красивую позу; но искусственность формы не исключаетъ прямоты по существу. Степень его искренности въ глазахъ моихъ стала значительною, когда онъ, послѣ своего свиданія съ государемъ въ Царскомъ, сказалъ мнѣ съ честнымъ простодушіемъ: «А вѣдь Николай II далеко не глупъ, вопреки тому, что мы о немъ думали». Лично я никогда этого не думалъ и не потаилъ о томъ отъ Керенскаго. Но онъ, повидимому, въ свое «мы» и не включалъ меня, разумѣя, надо полагать, только революціонно настроенныхъ лѣвыхъ. Какъ бы то ни было, мало кто изъ враговъ царя такъ откровенно сознался бы постороннему лицу въ своемъ заблужденіи и признался бы за царемъ какое либо положительное качество.

Находчивость Керенскаго достаточно живописуется слѣдующимъ разсказомъ, который я тогда же слышалъ отъ его сотрудниковъ. Къ Керенскому явилась депутація рабочихъ съ заявленіемъ, что было бы хорошо министра финансовъ назначить изъ ихъ среды. Въ числѣ депутатовъ былъ и кандидатъ на этотъ постъ. Керенскій по всему своему прошлому не могъ отвѣтить на этотъ дѣтскій лепетъ смѣхомъ и краткимъ отказомъ въ посредничествѣ, котораго домогались отъ него рабочіе, но не могъ, конечно, и раздѣлить ихъ точку зрѣнія. Онъ спросилъ, чѣмъ же выдвинулся приведенный къ нему кандидатъ въ министры. Оказалось, что этотъ рабочій успѣшно завѣдывалъ больничной кассой гдѣ-то на Выборгской сторонѣ. Тогда Керенскій, похваливъ готовность «товарища» служить родинѣ, поставилъ ему два вопроса: что онъ думаетъ о девальваціи и объ эмиссіонномъ правѣ государственнаго банка? Оба термина были вопрошаемому, какъ и слѣдовало ожидать, незнакомы, и онъ, смутившись, поднялся съ мѣста и сталъ откланиваться, говоря, что и самъ теперь видитъ, насколько неосновательно было его притязаніе.

** Отказъ отъ неудачнаго суда съ сословными представителями, возстановленіе давно погребеннаго суда съ присяжными засѣдателями въ сенатѣ и судебныхъ палатахъ, введеніе административной юстиціи, упраздненіе такъ называемой «административной гарантіи», дѣлавшей почти ненаказуемыми вопіющія должностныя преступленія, отмѣна щегловитовскаго закона о наказуемости «взяткодательства», который, въ условіяхъ русской дѣйствительности, способствовалъ безнаказанности «взяткобрательства» — вотъ несомнѣнныя заслуги Керенскаго, а я ихъ привелъ, какъ примѣры, которые сейчасъ вспомнились, и не гонюсь за исчерпывающимъ перечнемъ.

Съ благодарностью помнимъ я временное правительство, изъ котораго не исключаю, конечно, и Керенскаго, также за свободу печати, слова и совѣсти. Большевицкіе поряд-

довели страну до побѣднаго конца. Но всѣ его хорошія намѣренія повисли безпомощно въ воздухѣ, не найдя точки опоры ни въ немъ самомъ, ни въ окружающей средѣ.

Личные его недочеты, по моему, заключались въ слѣдующемъ. Чрезмѣрно нервный, стоящій, пожалуй, на границѣ истерики, онъ былъ страстенъ и, слѣдовательно, пристрастенъ, былъ нетерпѣливъ и, слѣдовательно, неосновательнъ. Работая въ революціонномъ подпольѣ, онъ былъ до наивности несвѣдущъ въ правительственной техникѣ всякаго рода. Будучи адвокатомъ и членомъ государственной думы, то-есть человѣкомъ только слова, а не дѣйствія, онъ переоцѣнилъ силу и значеніе слова. Будучи, наконецъ, адвокатомъ лишь по политическимъ дѣламъ, онъ могъ, безъ большого ущерба, необходимыя для себя свѣдѣнія ограничить выдержками изъ уголовнаго уложенія и устава уголовнаго судопроизводства, съ придачею относящихся къ этой области немногочисленныхъ и, въ значительной степени кривыхъ, кассаціонныхъ рѣшеній, и потому оказался на посту генералъ прокурора юристомъ приготовительнаго класса. А главный порокъ той среды, которая окружаетъ выдвинувшагося русскаго дѣятеля, сводится къ тому, что изъ дѣятеля общественнаго дѣлаютъ чудотворную икону и кружатъ ему голову изступленнымъ поклоненіемъ, а дѣятелю государственному никто не хочетъ перечить, и голова его начинаетъ кружиться отъ рабской угодливости; бѣдный же Керенскій соединилъ въ своей особѣ популярность общественнаго и власть государственнаго дѣятеля.

Я избѣгаю голословности и постараюсь свои утвержденія подкрѣпить примѣрами, взятыми изъ того, чему я самъ былъ свидѣтелемъ*; не коснусь я только проявленій институтскаго обожанія Керенскаго, такъ какъ они уже набили оскомину своею печальною общеизвѣстностью. Буду приводить примѣры, какъ вспомнятся.

Въ первую голову рѣчь объ арестахъ. Всѣмъ памятно, что революція началась не только съ поджога суда и съ выпуска изъ тюремъ преимущественно общеуголовныхъ преступниковъ, но также и съ наполненія темницъ новыми арестантами. Меня не удивляло, что нашлось множество добровольцевъ революціонной жандармеріи, которые десятками влекли самочинно задержанныхъ и въ домахъ, и на улицахъ людей въ Таврическій дворецъ, а позже въ разныя узилища, занявшія мѣсто сгорѣвшихъ участковъ; моя прежняя служба доказала мнѣ, что для такого добровольчества не требуется зачастую ни жажды мести, ни желанія «покуражиться»: русскій народъ, сверху до низу, еще не умѣетъ по настоящему цѣнить заморскій принципъ неприкосновенности личности, и слѣдователямъ очень знакомо неудовольствіе деревенскихъ жителей изъ за оставленія на свободѣ, напримѣръ, такого убійцы, который завѣдомо никому и ничему не опасенъ и никуда не убѣжитъ, а прокурорамъ сплошь и рядомъ приходилось разъяснять полиціи недопустимость влечь всякаго въ часть по любому

ки, разумѣется, заставляютъ и царское время признавать временемъ свободы, но я не могу забыть тѣхъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ жизни въ Россіи, когда ничто не могло мнѣ воспрепятствовать гласно исповѣдывать то, во что я вѣрю и на что надѣюсь. Я знаю, что едва ли можно разсчитывать на это и послѣ сверженія большевиковъ, и тѣмъ болѣе признателенъ за то временному правительству, хоть и не закрываю глазъ на его грѣхи въ другомъ.

* Впередъ оговариваюсь, что изложеніе будетъ отрывочно и цѣлостной характеристики А. Ф. Керенскаго не дастъ, даже только какъ министра юстиціи. Я ограничиваюсь лишь тѣмъ, что мнѣ было извѣстно лично и тогда же, безъ всякихъ добавленій изъ третьихъ рукъ, какъ бы они ни округлили мое изложеніе.

поводу и, при этомъ, нерѣдко бывало, что прокуроръ былъ взволнованъ болѣе самого задержаннаго, который (я говорю и объ интеллигенціи), если и сердился, такъ сказать, по личному вопросу, то въ видѣ общаго правила, почти не знавшаго исключеній, не оспаривалъ безусловнаго права полицейской власти на такого рода мѣры *. Нѣтъ, меня удивляло, что не всѣ приводимые къ новымъ правителямъ были немедленно освобождаемы; напротивъ того, многія изъ этихъ лицъ становились какъ бы плѣнниками въ Таврическомъ дворцѣ, пока ихъ не перевезли въ Петропавловскую крѣпость. На какомъ основаніи все это дѣлалось? Керенскій былъ убѣжденнымъ врагомъ всякихъ исключительныхъ положеній, такъ же къ нимъ относились и другіе министры временнаго правительства; не подлежало сомнѣнію, что законы о чрезвычайной и усиленной охранѣ прекратили свое дѣйствіе, и никто изъ министровъ не думалъ ихъ примѣнять, тѣмъ болѣе, что у князя Львова не было и рукъ для выполненія такого рода распоряженій **. И тѣмъ не менѣе цѣлый рядъ дѣятелей стараго режима разныхъ степеней и даже одна фрейлина содержались подъ стражею безъ постановленія о томъ судебной власти и безъ предъявленія какихъ либо обвиненій ***.

Какъ ни произвольничала порою старая администрація, но я помню изъ своей личной практики, еще въ качествѣ прокурора провинціальнаго окружнаго суда, случая два-три, когда арестъ въ порядкѣ охраны былъ продолжаемъ распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ, потому что срокъ, на который былъ властенъ арестовать губернаторъ, истекалъ, а губернаторъ, зная меня, не могъ сомнѣваться въ томъ, что я освобожу арестованнаго, какъ только срокъ минетъ. Пусть законы объ исключительныхъ положеніяхъ были стѣснительны и нежелательны, но это были законы, и ихъ администраторы стараго режима старались соблюдать. А тутъ аресты производились безъ попытки сослаться на какой либо законъ, и до моего свѣдѣнія не доходило, чтобы столичная прокуратура возбуждала вопросъ объ освобожденіи незаконно лишенныхъ свободы ****. И самъ

---

* Нечего, впрочемъ, и говорить о рядовыхъ обывателяхъ. Вотъ вамъ разительный фактъ, на который никто не обратилъ, повидимому, вниманія. Въ первые дни революціи были арестованы бывшіе министры внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостовъ и А. Д. Протопоповъ, оба — члены государственной думы. Дума тогда не была еще распущена волею совѣта рабочихъ и прочихъ депутатовъ, а царскій указъ она объявила недѣйствительнымъ. И тѣмъ не менѣе ни сами арестованные, ни кто другой изъ членовъ думы не вспомнилъ о депутатской неприкосновенности.

** Я говорю о князѣ Львовѣ, какъ о министрѣ внутреннихъ дѣлъ: департаментъ полиціи былъ разгромленъ, а жандармы и разныхъ ранговъ полицейскіе чины разсѣялись по всему лицу земли русской, если успѣли избѣжать смерти или ареста.

*** Не только арестъ А. А. Вырубовой, не принимавшей никакого участія въ управленіи государствомъ, или арестъ В. Ф. Дейтриха, суда надъ которымъ, по должности помощника финляндскаго генералъ губернатора, могли бы требовать, и то въ предѣлахъ давности, развѣ одни финны, или арестъ Н. С. Крашенинникова и Г. Г. Чаплинскаго за неугодную новому курсу окраску ихъ судебной дѣятельности, но и всѣ аресты, о которыхъ я теперь говорю, хотя бы арестъ, напримѣръ, И. Г. Щегловитова, я не могу назвать иначе, какъ незаконными. Насколько неосмотрительно и впопыхахъ въ то время арестовывали людей, достаточно свидѣтельствуетъ въ моихъ глазахъ арестъ жандармскаго полковника Плетенева (я о Плетеневѣ уже вспоминалъ на этихъ страницахъ. См. Архивъ Рус. Рев., т. VIII, стр. 18, сл.). Онъ былъ арестованъ за то, что разстрѣливалъ, будто бы, народъ на Знаменской площади у Николаевскаго вокзала совмѣстно съ жандармскимъ генераломъ Фурсою. Меня такое обвиненіе поразило уже потому, что Фурса и Плетеневъ были всегда заклятыми врагами и ничего вмѣстѣ дѣлать не могли; но обвинялъ Плетенева не первый попавшійся, а человѣкъ, пользовавшійся репутаціей.

**** Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы кто либо изъ читателей подумалъ, будто бы я обвиняю прокурорскій надзоръ въ сознательномъ неисполненіи долга. Я увѣренъ, что самая

Керенскій, такъ возмущавшійся прежнимъ безправіемъ, числилъ арестантовъ за собой, какъ за министромъ юстиціи*, — случай небывалый во все время существованія новаго (нынѣ уже покойнаго) суда въ Россіи. Мнѣ кажется, довольно и сказаннаго, чтобы пристрастіе Керенскаго не подлежало спору. И упрекъ этотъ не можетъ быть ослабленъ указаніемъ на образованіе особой комиссіи по разбору и освобожденію задержанныхъ: поздно разбираться въ причинахъ ареста уже послѣ того, какъ арестъ произведенъ, и самое существованіе такой комиссіи только доказываетъ, что февральская (какъ затѣмъ и октябрьская) революція не сокрушила сакраментальной формулы, по которой человѣкъ задерживался властями «впредь до выясненія обстоятельствъ, послужившихъ поводомъ къ его задержанію». Заговоривъ объ этой комиссіи, я, кстати, подчеркну еще рѣшительнѣе пристрастную впечатлительность Керенскаго. Во главѣ комиссіи стоялъ присяжный повѣренный М. Л. Гольдштейнъ, дѣятельность котораго, насколько я о ней имѣю свѣдѣнія, заслуживаетъ безусловнаго одобренія: онъ прилагалъ всѣ усилія къ освобожденію жертвъ расходившихся волнъ революціи, и я, возбуждая передъ Керенскимъ ходатайства за того или другого арестанта, убѣждался, что иду съ М. Л. Гольдштейномъ по одному пути, съ тою только (въ его пользу) разницею, что онъ часто шелъ впереди меня и что его слово имѣло болѣе вѣса, такъ какъ онъ принадлежалъ къ адвокатской корпораціи и предсѣдательствовалъ въ спеціальной комиссіи. Такимъ образомъ, удалось изъ числа болѣе замѣтныхъ дѣятелей стараго строя** освободить И. Л. Горемыкина, князя Н. А. Голицына, членовъ Государственнаго совѣта В. Ѳ. Дейтриха, Н. С. Крашенинникова, Г. Г. Чаплинскаго, сенатора М. И. Трусевича, товарища министра внутреннихъ дѣлъ Куколь-Яснопольскаго, управляющаго дѣлами совѣта министровъ Н. В. Плеве и нѣкоторыхъ другихъ, кого я вотъ

мысль о возможности освобожденія арестованныхъ не пришла никому въ голову: такъ всѣ петроградскіе прокуроры привыкли къ исключительнымъ положеніямъ и внѣсудебнымъ арестамъ.

* И тутъ же Керенскій отмѣнилъ такъ называемую административную гарантію, защищавшую до него должностныхъ лицъ отъ рукъ прокурора. Мѣра эта заслуживаетъ большой похвалы, но ни Керенскому, ни оберъ-прокурору уголовнаго кассаціоннаго департамента сената не пришло на мысль, что второй изъ нихъ обязанъ возбудить противъ перваго преслѣдованіе за превышеніе власти, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ длительное лишеніе свободы многихъ лицъ безъ тѣни законнаго основанія.

** Забѣгая впередъ, упомяну здѣсь о моей встрѣчѣ въ самомъ началѣ большевицкаго владычества съ однимъ изъ этихъ арестованныхъ, съ однимъ изъ «щегловитовцевъ», безпрекословно слушавшихся всякаго приказанія министра и не имѣвшихъ собственной воли, собственнаго разумѣнія. Ставъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта, И. Г. Щегловитовъ немедленно провелъ его въ члены туда же, въ числѣ нѣкоторыхъ лицъ, чьи голоса, какъ было всѣмъ вѣдомо, не разойдутся съ желаніями принципала. Я и этотъ судебный дѣятель держались другъ отъ друга отчужденно. А тутъ, когда я отдалъ ему поклонъ, онъ живо подошелъ и поблагодарилъ за то, что я, не какъ многіе другіе, не отворотился отъ него. Послѣ моего отвѣта, что наши разногласія въ судебномъ дѣлѣ смыты волной октябрьскаго переворота, и намъ, одинаково «бывшимъ людямъ», безцѣльно вспоминать старое, онъ повернулъ и пошелъ со мною. По пути онъ сперва высказалъ свою признательность за мое содѣйствіе къ его освобожденію и, волнуясь, говорилъ о своей правотѣ въ одномъ громкомъ процессѣ. Я ограничился уклончивымъ отвѣтомъ, что, по моему, какъ ни смотрѣть на этотъ процессъ, прокуроръ, его возбудившій, не можетъ быть арестованъ безъ предъявленія обвиненія, только потому, что у власти стали нѣкоторые изъ защитниковъ въ томъ же процессѣ. И тогда мой собесѣдникъ, взявъ меня за руку, ошеломилъ меня увѣреніемъ, что его освобожденіе мнѣ зачтется, когда, какъ онъ выразился, «мы станемъ у власти снова». Не называю имени, такъ какъ онъ, кажется, еще въ Совдепіи.

сейчасъ, когда пишу, не могу вспомнить *. Значитъ, Керенскій могъ вслушиваться въ доводы и шелъ навстрѣчу тому, что ему казалось убѣдительнымъ. И, однако, когда рѣчь зашла объ освобожденіи бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ и юстиціи А. А. Макарова, о строго законныхъ и достойныхъ величайшей похвалы поступкахъ котораго по второй изъ названныхъ должностей я уже упоминалъ, Керенскій сталъ глухъ и слѣпъ: онъ принималъ участіе въ дѣлѣ рабочихъ Ленскихъ пріисковъ и не могъ простить Макарову, облетѣвшей въ свое время всю Россію фразы въ думѣ: «Такъ было и такъ будетъ». Пусть эта фраза дѣйствительно была ужасна **, но едва ли сомнительно, что человѣкъ менѣе живущій впечатлѣніями, отдалъ бы себѣ отчетъ въ необоснованности ареста за одни слова ***, сказанныя не менѣе пяти лѣтъ назадъ, хотя бы въ нихъ и усматривать одобреніе разстрѣла безоружныхъ.

Другой примѣръ — отношеніе Керенскаго къ вопросу о судейской независимости. Этотъ принципъ не менѣе заморскій, чѣмъ неприкосновенность личности, и русское общество въ своей толщѣ плохо понимало всю его цѣнность не для судей, а для гражданъ. Но юристы, — слѣдовательно, и адвокаты, къ которымъ принадлежалъ Керенскій, — разбирались въ этомъ достаточно хорошо. Даже можно сказать, что юридическіе круги слишкомъ чувствительно относились ко всякой мѣрѣ царскаго правительства, пусть бы она всего лишь казалась направленной на подавленіе самостоятельности суда. И вотъ, новый министръ, несомнѣнно негодовавшій на Щегловитова за увольненіе судей безъ прошенія или по вынужденному прошенію ****, самъ началъ поступать такъ же. Только Щегловитовъ считался съ губернаторской оцѣнкой судейской дѣятельности, не трудясь провѣрить основательность этой оцѣнки, а Керенскій считался съ адвокатской оцѣнкой судей, и тоже не углублялся въ провѣрку. Если есть въ пріемахъ обоихъ министровъ разница, то развѣ топографическая, въ зависимости отъ мѣста, на которомъ стоялъ тотъ и другой, а принципіальной разницы нѣтъ никакой.

Помню, какъ дядя мой, сенаторъ В. Р. Завадскій, былъ уволенъ, по докладу Щегловитова, отъ должности старшаго предсѣдателя тифлисской судебной палаты; хоть это и послѣдовало «согласно прошенію», но прошеніе дядя подалъ исключительно въ виду того, что не считалъ себя въ правѣ, оставаясь старшимъ предсѣдателемъ вопреки волѣ министра, переносить неудовольствіе его на цѣлый

---

* Одинъ изъ нихъ, тоже оставшійся по ту сторону границы былъ прежде директоромъ департамента полиціи, и его пріемы разслѣдованія политическихъ преступленій оставляли, выражаясь мягко, желать лучшаго. Судьба дала испытать ему на себѣ, каково терпѣть правительственный произволъ. Но арестъ его былъ тѣмъ болѣе незаконенъ, что всѣ его дѣйствія по департаменту полиціи уже покрыла давность.

** Я уже говорилъ о ней мелькомъ, а подробнѣе скажу потомъ.

*** Опять поясняю во имя точности: арестованъ Макаровъ былъ, конечно, не за одни слова, а за все свое прошлое въ совокупности, но не освободилъ его Керенскій, выпуская въ то же время Горемыкина и кн. Голицына, только за эту злополучную фразу.

**** Опять долженъ добавить, что я, вопреки мнѣнію многихъ судей, не нахожу нарушенія судейской несмѣняемости въ тѣхъ случаяхъ, когда министръ предлагаетъ судьѣ на выборъ или отставку, либо возбужденіе уголовнаго или дисциплинарнаго о немъ дѣла: если судья боится преданія суду, то воленъ подать прошеніе объ отставкѣ. Тутъ министръ въ сущности или грозитъ впустую, или уклоняется отъ своей обязанности возбудить вопросъ о преданіи суду виновнаго судьи. Но, когда министръ, предлагая судьѣ подать въ отставку, не знаетъ за нимъ ни тѣни поступка, за который тотъ подлежалъ бы уголовному или дисциплинарному суду, а пользуется, напримѣръ, обѣщаніемъ усиленной пенсіи въ случаѣ немедленнаго выхода въ отставку и угрозою ограничиться впослѣдствіи лишь нищенскою пенсіей по закону, то здѣсь нажимъ на судебную несмѣняемость уже не подлежитъ спору.

округъ и подвергать своихъ сослуживцевъ всему, о чемъ краснорѣчиво говоритъ южно-русская пословица: «паны дерутся, у хлопцевъ чубы болятъ». А разговоръ министра съ дядею сводился единственно къ тому, что дядя, предсѣдательствуя по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, держался строго судейскаго безпристрастія, какимъ выдѣлился еще въ процессѣ мултанскихъ вотяковъ (при третьемъ разбирательствѣ дѣла); это безпристрастіе признано было въ такихъ случаяхъ неумѣстнымъ и квалифицировалось какъ слабость. Разговоръ дошелъ до того, что министръ замѣтилъ: «Вы забываете, что говорите съ министромъ», а дядя отвѣтилъ: «А Вы забываете, что говорите съ судьей». Но и при Керенскомъ точно также былъ уволенъ старшій предсѣдатель петроградской судебной палаты Я. М. Затворницкій. Я не принадлежу къ числу людей, которые были къ нему близки или одобряли его во всемъ; у меня даже была съ нимъ незадолго до революціи стычка за то, что онъ, обѣщавъ мѣсто нотаріуса въ Петроградѣ одному изъ товарищей прокурора суда, уже выдержавшему установленный экзаменъ, хотѣлъ назначить на это мѣсто другого кандидата, имѣвшаго явно меньше правъ, при чемъ у меня было достаточно основаній думать, что глава судебнаго округа угождалъ тѣмъ Щегловитову, только что назначенному предсѣдателемъ государственнаго совѣта. Но справедливость заставляетъ меня признать, что Затворницкій былъ отличный цивилистъ и умѣлый предсѣдатель, да и самъ Керенскій не предъявлялъ ему никакихъ опредѣленныхъ обвиненій, ставя на видъ только недостаточно лѣвую окраску дѣятельности. Тогда Затворницкій почему то рѣшилъ посовѣтоваться со мною, что ему дѣлать. Я сказалъ, что совѣтовать не могу, а самъ бы поступилъ такъ: если бы я былъ рядовымъ судьею, хотя бы и предсѣдателемъ департамента палаты, то отвѣтилъ бы министру рѣшительнымъ отказомъ, а будучи старшимъ предсѣдателемъ, взвѣсилъ бы сравнительную важность своихъ личныхъ правъ и судьбы всѣхъ судей округа, которыхъ мнѣ было бы страшно подвергать изъ за меня министерской опалѣ, такъ сказать, оптомъ. Затворницкій подалъ въ отставку и былъ уволенъ; а я, видя, какъ вокругъ подавали въ отставку и были увольняемы столичные и провинціальные судьи разныхъ степеней, и вспоминая судьбу дяди, а также сенатора Ѳ. Ѳ. Арнольда и многихъ другихъ при Щегловитовѣ, невольно твердилъ: plus ça change, plus c'est la même chose.

Разскажу и другой случай. Судебный слѣдователь петроградскаго окружнаго суда по особо важнымъ дѣламъ Н. А. Машкевичъ обратился ко мнѣ съ точно такимъ же вопросомъ, какъ и Я. М. Затворницкій. По словамъ Машкевича, ему предложили подать въ отставку за пристрастное, будто бы, окончаніе предварительнаго слѣдствія по дѣлу Бейлиса.

— Что вамъ ставится въ вину?

— То, что я допустилъ двѣ экспертизы: и противъ существованія ритуальнаго убійства у евреевъ, и за его существованіе.

Я отправился въ министерство юстиціи и, не попавъ къ Керенскому, переговорилъ съ товарищемъ министра А. С. Зарудныхъ. Я давно зналъ Заруднаго, еще съ того времени, когда мы оба служили товарищами прокурора петербургскаго окружнаго суда. Зарудный, на мою оцѣнку, былъ человѣкъ чистѣйшей души, но весь — порывъ и нерѣдко — слѣпое увлеченіе. Въ процессѣ Бейлиса онъ былъ однимъ изъ защитниковъ и это, казалось бы, должно было его заставить прислушиваться къ сторонннмъ мнѣніямъ. Но онъ горячо твердилъ, что рѣшеніе министра неизмѣнно и вполнѣ обосновано, хотя, я такъ и не понялъ, въ чемъ же выразилось неправосудіе Машкевича на слѣдствіи — насколько у

меня осталось въ памяти, Машкевичу главнымъ образомъ вмѣнялось въ вину, что одинъ протоколъ у него оставленъ безъ даты и что экспертомъ, дававшимъ заключеніе въ смыслѣ существованія кроваваго ритуала, былъ Пранайтисъ, о которомъ Зарудный не могъ говорить спокойно. Держась того мнѣнія, что за нравственныя качества эксперта слѣдователь не отвѣчаетъ, а пропускъ даты въ слѣдственныхъ протоколахъ случается весьма нерѣдко, и отъ него не застрахованы даже очень ревностные слѣдователи, я вернулся къ Машкевичу и поставилъ ему вопросъ:

— Вы не боитесь суда? Ничего отъ меня не скрываете?

— Не боюсь. Я ни въ чемъ не виновенъ.

— Тогда я на вашемъ мѣстѣ ни за что не подалъ бы въ отставку: вы утвержденный слѣдователь.

Машкевичъ такъ и поступилъ... и остался слѣдователемъ до общаго судебнаго крушенія при большевикахъ.

Я выдернулъ два случая наудачу, по прихоти памяти, но, конечно, могъ бы привести ихъ значительно больше. Тѣмъ не менѣе, я предпочитаю покончить съ отдѣльными увольненіями и перейти къ общимъ вопросамъ судоустройства, по которымъ для меня стало ясно, что въ лицѣ Керенскаго судебное вѣдомство пріобрѣло лѣваго Щегловитова: пусть Керенскій искренно толковалъ, что хочетъ поставить правосудіе въ Россіи на недосягаемую высоту, но поступками своими кривилъ его влѣво, какъ Щегловитовъ вправо. Хотъ я и убѣжденъ, что Щегловитовъ былъ менѣе искрененъ, чѣмъ Керенскій, но вѣдь эта разница важна при оцѣнкѣ личности, а не при оцѣнкѣ дѣятельности.

Есть три общихъ вопроса судоустройства, при разрѣшеніи которыхъ легко болѣе или менѣе сильно надавить на судейскую независимость: вопросъ о пополненіи состава судебныхъ мѣстъ, вопросъ о составѣ высшаго дисциплинарнаго суда и вопросъ о допустимости временной отмѣны несмѣняемости судей. Чѣмъ болѣе министръ уважалъ судейскіе выборы въ члены окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, тѣмъ увѣреннѣе разсчитывали судьи на возможность повышенія и безъ прямой воли министра или директора департамента министерства. Насколько я знаю, первымъ сталъ неуважительно относиться къ судейскимъ выборамъ министръ юстиціи Манасеинъ *, но въ этомъ ему не уступалъ и Щегловитовъ. Однако, при министрахъ Хвостовѣ и Макаровѣ къ выборамъ, которые производимы были палатами и судами, стали внимательнѣе присматриваться и прислушиваться; даже однимъ изъ послѣднихъ царскихъ законовъ право избирать себѣ сочленовъ было предоставлено и сенаторамъ **. И вотъ, во главѣ судебнаго вѣдомства становится Керенскій, провозгласитель вѣчно новыхъ словъ, словъ о законности и свободѣ. И что же оказывается? Съ выборами считаются не больше, а то и

---

* Помню, что мой отецъ, бывшій тогда старшимъ предсѣдателемъ московской судебной палаты, пересталъ созывать общее собраніе для выбора судей на открывшіяся вакансіи, такъ какъ министръ упорно назначалъ своихъ кандидатовъ, не считаясь съ выборомъ палаты. Министръ замѣтилъ это и, почувствовавъ себя, видимо, задѣтымъ, запросилъ отца о причинѣ допускаемаго имъ отступленія отъ закона. Отецъ отвѣтилъ, что судьи палаты убѣдились въ безцѣльности выборовъ. Отвѣтъ былъ тѣмъ обоснованнѣе, что нѣкоторыя назначенія состоялись ранѣе, чѣмъ общее собраніе могло состояться.

** По уставамъ 1864 года кассаціонные департаменты такого права не получили, потому что его не имѣлъ и старый (петровско-екатерининскій) сенатъ, за силою фикціи, будто сенаторовъ назначаетъ самъ государь. Состоявшійся въ декабрѣ 1916 года законъ покончилъ съ этой фикціей и даровалъ права выбора всѣмъ департаментамъ сената, безъ различія между ними.

меньше, чѣмъ при Щегловитовѣ, и цѣлый потокъ сенаторовъ изливается въ сенатъ съ нескрываемымъ нежеланіемъ выжидать сенатскаго выбора, хотя бы лишь для того, чтобы передъ назначеніемъ сравнить и взвѣсить качества кандидатовъ, избранныхъ сенатомъ и облюбованныхъ министромъ и его сотрудниками.

Теперь я перейду къ организаціи высшаго дисциплинарнаго суда, которая имѣетъ для судей еще большее значеніе, нежели право выбора. Есть юристы, усматривающіе нарушеніе судейской несмѣняемости въ самомъ существованіи дисциплинарнаго суда; съ ними я согласиться не могу: если судья пьянствуетъ, если онъ даетъ деньги въ ростъ, если онъ ночи напролетъ проводитъ за азартными играми, если онъ погрязъ въ мѣстныя переулочныя пристрастія, такъ, что вокругъ уже сомнѣваются въ безупречности отправляемаго имъ правосудія, то все это еще не служитъ основаніемъ предать его уголовному суду, и тѣмъ не менѣе, нерѣдко настоятельно необходимо, во огражденіе достоинства судейскаго званія, удалить такого судью, хотя бы на первый разъ только, изъ данной мѣстности. Задачу эту и долженъ выполнять дисциплинарный судъ. Но, къ сожалѣнію, сенаторы, отъ которыхъ зависѣли честь и доброе имя русскихъ судей, не были по закону выбираемы кассаціоннымъ сенатомъ, то-есть такими же независимыми судьями, какъ и тѣ, чью независимость надлежало уважать и во время дисциплинарнаго суда; нѣтъ, ихъ назначали по докладу и волѣ министра юстиціи и при томъ на короткій срокъ; вотъ тутъ то въ подборѣ состава желательныхъ министру сенаторовъ, и крылся опасный для несмѣняемости судей порокъ этого судилища. А что же сдѣлалъ Керенскій? Да то же самое, что дѣлалъ и Щегловитовъ: даже не остановился на мысли, что судъ надъ судьями не есть судъ, если составляется волею администратора, и въ судьи для судей своей властью и волей назначалъ тѣхъ, кого почиталъ годнымъ для этого, не справляясь съ мнѣніемъ о томъ самихъ судей, хотя бы только сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ. Опять получился судъ, по моему выраженію, съ «наведенными людьми». Но пристрастная односторонность Керенскаго еще яснѣе выразилась не въ томъ, что онъ успѣлъ сдѣлать, а въ томъ, на что онъ думалъ рѣшиться. Я разумѣю предположеніе о временной отмѣнѣ судейской несмѣняемости: отмѣнить эту несмѣняемость, повыгнать всѣхъ неугодныхъ новому правительству судей, назначить «своихъ» и затѣмъ вновь провозгласить несмѣняемость, какъ будто «свои» и безъ несмѣняемости не будутъ несмѣняемы. Впервые такая мысль пришла въ голову Столыпину: онъ высказалъ ее въ государственной думѣ, ссылаясь на примѣръ Франціи *, но даже Щегловитовъ на это не откликнулся, хоть и поднялся въ судебномъ вѣдомствѣ до самаго верха, ни разу не бывши судьею. А вотъ, при Керенскомъ вновь былъ возбужденъ вопросъ, возникшій въ царское время за стѣнами министерства юстиціи и внутрь ихъ такъ и не вступившій. И тутъ я хочу, какъ и вездѣ быть точнымъ, поскольку мнѣ еще не измѣнила память: отмѣчаю, что съ самимъ Керенскимъ я о томъ не говорилъ, но сотрудники его не разъ высказывались за желательность отмѣнить на время

---

* Меня всегда удручала особенность русской государственной мысли: если вы развиваете выношенный вами проектъ чего бы то ни было (напримѣръ, судебнаго преобразованія), съ вами не спорятъ по существу, а возражаютъ, что «этого нигдѣ въ Европѣ нѣтъ», и стоитъ Европѣ допустить смѣшеніе судебной власти съ административной (какъ пережитокъ средневѣковья) или нарушеніе какого либо основного принципа (какъ мѣру революціоннаго безправія), у насъ сейчасъ же норовятъ за это ухватиться и вовсе не изъ лицемѣрнаго желанія прикрыть неприглядность своихъ поползновеній, а вслѣдствіе какой-то наивной вѣры въ достоинство всего европейскаго.

судейскую несмѣняемость и учинить избіеніе судей на формально законномъ основаніи, и выходило такъ, что мысль эта занимаетъ и министра. Занимала она и его преемниковъ; на ней останавливался даже А. С. Зарудный, сынъ составителя судебныхъ уставовъ, одного изъ творцовъ судейской несмѣняемости. Мнѣ приходилось тогда неоднократно спорить по этому вопросу съ цѣлымъ рядомъ лицъ, не исключая и такихъ, которыя еще недавно были, повидимому, уравновѣшенными: микробъ революціоннаго насилія успѣлъ быстро захватить многихъ. Я разсуждалъ, да и до сихъ поръ разсуждаю такъ: если вы нарушаете независимость суда ради спасенія революціи, то уже не смѣйте порицать другихъ за нарушеніе этой же независимости ради спасенія отъ революціи; если вы отмѣняете судейскую несмѣняемость не потому, что считаете ее ненужной, а лишь для того, чтобы исказнить отдѣльныхъ судей, то вы допускаете недостойную игру съ закономъ и обнаруживаете трусливое желаніе «и капиталъ пріобрѣсти, и невинность соблюсти», такъ какъ законъ не ширма для партійныхъ счетовъ, и гораздо мужественнѣе и честнѣе тотъ, кто прямо нарушаетъ законъ, по формѣ и существу одновременно, нежели тотъ, кто грубое нарушеніе признаваемаго имъ самимъ и выраженнаго въ законѣ принципа лицемѣрно прикрываетъ формальнымъ соблюденіемъ законности; если, наконецъ, вы убѣждены, что безъ прочныхъ гарантій несмѣняемости только герой можетъ остаться всегда правосуднымъ судьей, то какъ же вы не видите, что отмѣна несмѣняемости, хотя бы на одинъ день, сопровождаемая массовымъ въ теченіе этого дня увольненіемъ неугодныхъ правительству судей, поставитъ остальныхъ судей, и уцѣлѣвшихъ отъ погрома, и вновь назначенныхъ, въ такое положеніе, которое въ ихъ же собственныхъ глазахъ явится лишеннымъ прочной гарантіи, потому что они естественно будутъ опасаться повторенія, по прихоти правительства, подобной же произвольной игры съ законами.

Достаточно, впрочемъ, примѣровъ близорукой пристрастности; обращаюсь къ примѣрамъ того, что мнѣ представляется неосновательностью.

Первый примѣръ — амнистія, съ которой министерство юстиціи спѣшило до чрезвычайности. Положимъ, и царскіе милостивые манифесты оставляли желать многаго: я уже не говорю, что они давали милость только преступнымъ и неисправимымъ, прощая, напримѣръ, даже злостныя недоимки всякаго рода, а не освобождая отъ части предстоящихъ платежей того, за кѣмъ раньше не было платежныхъ прегрѣшеній, но и сами статьи манифестовъ почти всегда возбуждали множество недоумѣній своею неясностью и плохою согласованностью. Никогда, однако, не бывало, чтобы царскимъ манифестомъ даровалось помилованіе или смягченіе наказанія тѣмъ, кому дать не хотѣли. А съ Керенскимъ именно случилось такъ, что впопыхахъ были прощены провокаторы. Я не смѣюсь и не выдумываю: амнистія даровала прощеніе всѣмъ преступленіямъ, совершеннымъ изъ побужденій политическаго свойства. Но политическія побужденія были у преступниковъ не только лѣваго, но и праваго стана, а потому сюда надлежало причислить и провокаторовъ. Не возражайте мнѣ, что провокаторы были платные: и лѣвыя преступленія совершались не всегда лицами, ни отъ кого денегъ не бравшими; а при всемъ моемъ брезгливомъ отношеніи къ дѣятельности провокаторовъ, я не имѣю основаній напередъ утверждать, что они были сплошь безразличны къ формѣ правленія, которую отстаивали столь предосудительными пріемами. Нѣтъ, недосмотръ былъ допущенъ существенный, и Керенскій, конечно, не можетъ оправдываться тѣмъ, что виноваты его сотрудники: въ такихъ важныхъ актахъ, министръ, не будучи поспѣшенъ и потому не-

основателенъ, не можетъ полагаться только на помощниковъ. Напротивъ того, — въ ужасномъ исправленіи этой ошибки, Керенскій, насколько я знаю, не виноватъ, но я о томъ скажу въ своемъ мѣстѣ.

Другой примѣръ неосновательности — видимое отношеніе Керенскаго къ чинамъ судебнаго вѣдомства in corpore. И здѣсь я, во имя справедливости, долженъ отмѣтить, что не считались съ судейской средой многіе министры при царѣ, начиная съ Манасеина* и кончая Щегловитовымъ**; но такіе министры ставили себя (насколько чистосердечно, это другой вопросъ) въ положеніе принципіально враждебное основамъ, выраженнымъ въ судебныхъ уставахъ. А Керенскій исповѣдывалъ эти основы и свою рѣчь при открытіи комиссіи, которая должна была возстановить уставы въ ихъ первоначальной чистотѣ, произнесъ съ такою искренностью, что присутствовавшіе при этомъ судебные дѣятели были тронуты и отъ души простили новому министру нѣсколько грубыхъ промаховъ, допущенныхъ имъ въ рѣчи и свидѣтельствовавшихъ о маломъ его знакомствѣ съ дѣломъ суда. Если же духъ уставовъ 20 ноября 1864 г. былъ Керенскому дорогъ, то онъ, будучи послѣдователенъ, не могъ бы относиться къ судебнымъ дѣятелямъ, какъ корпораціи, свысока*** и долженъ былъ бы понять, что министръ юстиціи не начальникъ судей, а только глава прокуратуры****. Но Керенскій и въ кассаціонныхъ департаментахъ сената и въ московской судебной палатѣ позволилъ себѣ такія рѣчи, въ которыхъ снисходительно одобрилъ гражданскій кассаціонный департаментъ и сурово осудилъ уголовный

---

* Манасеинъ началъ свое восьмилѣтнее управленіе министерствомъ съ ревизіоннаго объѣзда судебныхъ округовъ и велъ себя при ревизіи (напримѣръ, въ смоленскомъ и орловскомъ окружныхъ судахъ) поразительно рѣзко, безъ малѣйшаго уваженія къ судейскому достоинству ревизуемыхъ. Но тогда (въ 1886 г.) живъ былъ еще Катковъ, которому и хотѣлъ угодить новый министръ.

** Презрѣніе Щегловитова къ судебному вѣдомству, слишкомъ живо въ памяти, чтобы о томъ говорить подробно. Отмѣчу здѣсь, что онъ былъ вдохновителемъ облеченія ревизіи гражданскихъ департаментовъ московской палаты (въ 1911 г.) въ оскорбительную и, по моему сужденію, незаконную форму предварительнаго слѣдствія огуломъ надъ всѣми судьями этихъ департаментовъ, среди которыхъ завѣдомо были превосходные дѣятели и среди которыхъ, какъ потомъ оказалось, не было ни одного подлежавшаго преданію уголовному суду.

*** Въ началѣ дѣятельности суда, по уставамъ Императора Александра II, министры юстиціи умѣли подчеркивать особое положеніе судей. Когда графъ Паленъ объѣзжалъ судебные округа, на вокзалахъ и на пристаняхъ его встрѣчали одни старшіе чины прокуратуры совмѣстно съ представителями мѣстной администраціи, а судьи ждали министра въ зданіи суда. Потомъ все это измѣнилось, и, напримѣръ, Н. В. Муравьева, видимо, тѣшило, что всюду, на пути его слѣдованія въ парадныхъ станціонныхъ комнатахъ его встрѣчали выстроенные въ рядъ судьи въ сюртукахъ съ погонами. Керенскій, какъ будетъ изложено далѣе, нашелъ способъ еще чувствительнѣе задѣть судейство, хотя и не вымогалъ торжественныхъ встрѣчъ.

**** Я держусь того мнѣнія, что англичане правы, не имѣя министра юстиціи. Во всякомъ случаѣ, вхожденіе министра юстиціи въ составъ кабинета существенно нарушаетъ независимость суда отъ исполнительной власти. Я рѣшительно отказываюсь понять, какъ могутъ говорить французы о самостоятельности своего суда, когда повышеніе судьи по ступенямъ безконечной у нихъ іерархической лѣстницы зависитъ отъ министра юстиціи, назначаемаго волею перваго министра, котораго, въ свою очередь, назначаетъ президентъ республики, самъ избираемый законодательными палатами; если при такихъ условіяхъ судья не уступаетъ давленію депутата изъ партіи большинства, то судью, по всей справедливости, надлежитъ причислить къ лику народныхъ героевъ. Пусть законъ даже провозглашаетъ, что судьи не подчинены министру юстиціи: сказать мало, надо еще закрѣпить. А то министръ юстиціи и самъ не замѣтитъ, какъ измѣнитъ свое отношеніе къ судьямъ въ прямой ущербъ правосудію. Это, конечно, извиняетъ министровъ, но отнюдь не оправдываетъ ихъ.

кассаціонный департаментъ и московскую судебную палату, то есть именно впалъ въ тонъ вполнѣ начальническій, рѣшительно не отвѣчающій взаимнымъ отношеніямъ судей и министра юстиціи какъ разъ по судебнымъ уставамъ, о которыхъ самъ же говорилъ (и, повторяю, совершенно искренно) столько хорошихъ словъ. Я предвижу, что тѣ изъ моихъ читателей, кто потрудится прочесть эти строки, а не пропустить ихъ, спѣша далѣе, мысленно упрекнутъ здѣсь меня (позвольте уже сказать по-просту) въ отрыжкѣ корпоративной обидой. Даже юристы и тѣ, пожалуй, поставятъ вопросъ: а что дѣлать, если судьи дѣйствительно плохи? Но и я спрошу: всѣ? А если, какъ надобно полагать, не всѣ, то зачѣмъ же шельмовать всѣхъ огуломъ и безъ разбору? И потомъ, если я не начальникъ, а лишь шефъ, то не правильнѣе ли не принимать тонъ оцѣнки свысока, а по товарищески побесѣдовать съ судьями и въ дѣловомъ разговорѣ, съ фактами въ рукахъ, показать всю неправильность и весь вредъ тѣхъ или иныхъ пріемовъ, порою врывавшихся въ отправленіе правосудія?* Правъ ли я или нѣтъ, но безспорно одно: эти похвалы мимоходомъ и окрики впустую, безъ разбора, кто правъ, а кто виноватъ, въ родѣ старыхъ школьныхъ розогъ «въ счетъ будущихъ провинностей», были явно причиною того холоднаго отчужденія, которое стали вскорѣ чувствовать къ новому министру многіе судебные дѣятели, работавшіе безупречно и видѣвшіе въ судействѣ свое призваніе. А вдобавокъ подлили масла въ огонь и неосновательныя назначенія по вѣдомству. Я не ригористъ и не могу ничего возразить ни противъ назначенія судей и прокуроровъ изъ рядовъ адвокатуры**, ни противъ назначенія безъ строгаго соблюденія старшинства***. Но всему есть мѣра, и никакъ уже нельзя было, за отказомъ болѣе выдающихся, назначать, напримѣръ, прокуроромъ судебной палаты ни адвоката, ровно ничѣмъ не выдававшагося и ознаменовавшаго выступленіе свое на новомъ поприщѣ анекдотическимъ циркуляромъ о революціонныхъ задачахъ прокуратуры, ни такого товарища прокурора окружного суда****, который точно также ничѣмъ особымъ себя не проявилъ. Чтобы не судить другихъ поименно, ограничусь тѣмъ, что могу сообщить о самомъ себѣ. Февральско-мартовскій переворотъ засталъ въ должности первоприсутствующаго уголовнаго кассаціоннаго департамента одного изъ старыхъ служебныхъ дѣятелей, сенатора В. А. Желиховскаго, о которомъ я мелькомъ уже упомянулъ. Ни мой отецъ, ни я не раздѣляли многихъ взглядовъ этого человѣка и, главное, его неспокойнаго, раз-

---

* Я уже не говорю о томъ, что и для несомнѣннаго, доподлиннаго начальника лучше было бы поступить такъ, — это вопросъ особый, сюда не относящійся.

** Назначенія изъ рядовъ адвокатуры на должности свыше членовъ окружныхъ судовъ противорѣчили судебнымъ уставамъ, но, я полагаю, лишь буквѣ ихъ (и притомъ едва ли не самому неудачному отдѣлу учрежденія судебныхъ установленій), а не духу.

*** Старшинство и очередь выдерживать сколько-нибудь строго было бы, при всѣхъ обстоятельствахъ, незачѣмъ, а нерѣдко и прямо вредно. Послѣ И. Г. Щегловитова замѣнившій его на должности министра юстиціи А. А. Хвостовъ особенно чувствовалъ невозможность соблюдать создавшееся при его предшественникѣ старшинство. Кромѣ того, судебные обычаи уже освятили извѣстные скачки по службѣ: такъ, напримѣръ, можно было изъ товарищей прокурора окружного суда прямо попасть въ товарищи прокурора судебной палаты, изъ члена суда — въ члены палаты, изъ товарища предсѣдателя суда — въ товарищи оберъ-прокурора сената.

**** Для лицъ, чуждыхъ судебному вѣдомству, поясняю, что товарищъ прокурора суда является самою низшею степенью іерархической прокурорской лѣстницы, а прокуроръ палаты есть глава всей прокуратуры цѣлаго судебнаго округа. Подобнаго рода назначенія могутъ быть сопоставлены, proportion gardée, съ назначеніемъ прапорщика на постъ главнокомандующаго: это, даже и во время революціи, возможно лишь при условіи, что повышаемый — въ своемъ родѣ геній.

драженно-желчнаго подхода къ нѣкоторымъ вопросамъ*. И тѣмъ не менѣе у меня отсутствуютъ данныя, чтобы не только утверждать, но даже допустить какое либо съ его стороны угодничество власть имущимъ: просто былъ искренно правый, что для старика, пожалуй, не является исключеніемъ, а особенно въ средѣ крупной бюрократіи. Какъ бы то ни было, ему было предложено подать въ отставку, и онъ, къ удивленію моему**, согласился. Но еще больше было мое удивленіе, когда А. А. Демьяновъ, новый директоръ второго департамента министерства, предложилъ мнѣ отъ имени Керенскаго занять постъ первоприсутствующаго въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ. Я и тутъ не хочу скрывать своей слабости: неожиданное это предложеніе не только удивило меня, но и польстило мнѣ. Удивленіе, однако, было больше. Я напомнилъ Демьянову, съ которымъ знакомъ былъ и раньше***, что мое сенаторское старшинство правильнѣе всего исчислять недѣлями, и потому посовѣтовалъ предпочесть кого-нибудь постарше. На это А. А. Демьяновъ отвѣтилъ мнѣ, что для министра непріемлема кандидатура ни одного изъ сенаторовъ уголовнаго департамента, и, если я откажусь, то назначенъ будетъ первоприсутствующимъ одинъ изъ сенаторовъ новой формаціи, то есть человѣкъ, еще моложе меня по должности и уже совершенно сенату чуждый. Даже впослѣдствіи, когда выяснилось, что членъ государственнаго совѣта, почетный академикъ и сенаторъ А. Ѳ. Кони готовъ занять постъ первоприсутствующаго въ уголовномъ департаментѣ, Демьяновъ, какъ это ни маловѣроятно, утверждалъ, что министръ предпочитаетъ меня, и я вынужденъ былъ заявить, что я не могу быть соперникомъ Кони и считаю себя въ правѣ занять предложенное мѣсто лишь за отпаденіемъ всѣхъ возможныхъ кандидатуръ, вплоть до новыхъ сенаторовъ, которыхъ старики**** встрѣтятъ, конечно, еще непріязненнѣе. Большой удачей для сената было, что Кони захотѣлъ стать первоприсутствующимъ, а иначе Керенскій едва ли бы утрудилъ себя пріисканіемъ другого лица, чья кандидатура была бы для сенаторовъ сноснѣе, чѣмъ моя, или, напримѣръ, О. О. Грузенберга.

---

* В. А. Желиховскій не могъ спокойно говорить о присяжныхъ засѣдателяхъ. Степень его раздраженія наглядно доказывается тѣмъ, что, подписывая въ 1899 г. выработанный комиссіею по пересмотру судебныхъ уставовъ новый проектъ устава уголовнаго судопроизводства, онъ въ скобкахъ прибавилъ: «при мнѣніи о необходимости упразднить судъ присяжныхъ» (не ручаюсь, конечно, за точность оставшейся въ моей памяти редакціи).

** Положеніе первоприсутствующаго сената значительно разнится отъ положенія старшаго предсѣдателя судебной палаты: за первоприсутствующимъ не стоитъ цѣлой арміи судебныхъ чиновъ округа съ ихъ мечтами (вполнѣ естественными, а порою и основательными) о дальнѣйшемъ движеніи. Поэтому первоприсутствующій со спокойною совѣстью можетъ не уважить требованіе министра о выходѣ въ отставку, никого тѣмъ не обездоливая, и я невольно удивлялся, не угадывая, что именно побудило В. А. Желиховскаго согласиться на подачу прошенія.

*** Знакомство наше было не очень короткое: одно время мы нерѣдко встрѣчались у покойнаго товарища оберъ-прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента Н. Г. Мотовилова. Демьяновъ представлялся мнѣ добрымъ и мягкимъ, совсѣмъ хорошей души человѣкомъ, но пассивнымъ. О партійной его принадлежности къ соціалистамъ-революціонерамъ я ранѣе не зналъ. Въ качествѣ директора департамента, онъ оказался рѣшительно не умѣющимъ работать быстро и много: amicus Plato, sed magis amica veritas.

**** Не хочу, чтобы читатели считали меня молодящимся. Старикъ и я, но все познается по сравненію: мой отецъ сталъ сенаторомъ 54 лѣтъ отъ роду, а сенаторъ В. А. Цеэ (бывшій въ званіи сенатора, кажется, съ 1861 или 1862 года) совершенно серьезно назвалъ его, въ разговорѣ со мною, «молодымъ человѣкомъ». Я и боялся превратиться въ «молодого человѣка» на должности первоприсутствующаго.

Все это, а равно смѣщеніе высшихъ чиновъ министерства безъ предварительныхъ объясненій, такъ что смѣщенный узнавалъ о своемъ увольненіи отъ замѣстителя, явившагося къ нему въ служебный кабинетъ, я и называю неосновательною поспѣшностью Керенскаго, который не могъ же не понимать, что, не вырывши себѣ новаго колодца, нельзя плевать въ тотъ старый, откуда еще продолжаешь пить: вѣдь не только младшимъ нуженъ старшій, но и старшему нужны младшіе и отношеніе ихъ къ нему далеко не безразлично для него же самого, если онъ дорожитъ успѣхомъ работы.

Техническіе промахи Керенскаго были замѣтны невооруженному глазу. Основательныхъ свѣдѣній ни по матеріальному праву, ни по процессу онъ не имѣлъ и впадалъ въ чувствительныя ошибки; не зналъ и пріемовъ работы, которые помогаютъ при наименьшей затратѣ силъ достигать наибольшей ея производительности.

Вотъ нѣсколько этому примѣровъ.

Едва онъ вступилъ въ должность министра юстиціи, какъ издалъ собственной властью законъ, по которому мировые судьи должны были впредь засѣдать втроемъ: къ каждому судьѣ придавалось по рабочему и по солдату. Здѣсь не мѣсто разбирать этотъ законъ въ его существѣ, хотя и теперь я думаю, что онъ былъ со всѣхъ сторонъ нелѣпъ и ничѣмъ серьезно не оправдывался. Но пусть я ошибаюсь, пусть во мнѣ говоритъ заплѣсневѣвшая рутина, не болѣе того. Допустимъ, что такой законъ былъ и хорошъ и настоятельно необходимъ, но вѣдь несомнѣнно для каждаго юриста, что законы могло лишь издавать временное правительство, а не отдѣльные министры. Издаваемые же отдѣльными министрами законодательные акты, являясь чѣмъ-то въ родѣ «филькиной грамоты», бросаютъ на добросовѣстнаго составителя тѣнь, заставляя сомнѣваться въ достоинствѣ его юридическихъ познаній или юридическаго мышленія. Равнымъ образомъ, не задавался Керенскій и правовымъ осмысливаніемъ тѣхъ арестовъ, о которыхъ было сказано нѣсколько выше. Какъ то пришло ему въ голову перечислить своихъ арестантовъ за нашею комиссіею, и Н. К. Муравьевъ, повидимому, готовъ былъ пойти этому навстрѣчу. Я возбудилъ вопросъ, на основаніи чего слѣдственная комиссія, или, говоря иначе, коллективный судебный слѣдователь можетъ числить за собою арестантовъ, которые не привлечены и не допрошены въ качествѣ обвиняемыхъ. Что послѣ того передавалъ Муравьевъ Керенскому, я не знаю, но вскорѣ Керенскій, въ разговорѣ со мною, бросилъ замѣчаніе, что я предпочелъ отвѣтственность за содержаніе арестантовъ переложить на него. Удивившись такой неожиданной точкѣ зрѣнія, я поправилъ допущенную имъ фактическую ошибку и отвѣтилъ, что я только не видѣлъ достаточныхъ данныхъ перелагать на комиссію отвѣтственность, естественно лежащую на томъ, кто арестовалъ. Не помню теперь, въ какихъ словахъ, но, воспользовавшись случаемъ, я тогда же высказалъ свое недоумѣніе, какъ министръ юстиціи можетъ держать людей подъ стражею безъ формальнаго основанія. И на это получилъ отвѣтъ, который и сдѣлалъ для меня памятнымъ весь разговоръ:

— Да, я держу ихъ подъ стражею не какъ министръ юстиціи, а на правахъ Марата.

Вспоминаются мнѣ сейчасъ и еще два разговора съ Керенскимъ. Однажды, онъ спросилъ меня, какъ была поставлена провокація въ охранныхъ отдѣленіяхъ.

— Откуда же я могу это знать?

— Да вы были прокуроромъ палаты.

Я вынужденъ былъ объяснить министру юстиціи, что дознанія въ порядкѣ охраны производились безъ какого либо участія прокурорскаго надзора*, и мы о наличности провокаціи могли судить лишь, такъ сказать, «по косвеннымъ уликамъ» и, во всякомъ случаѣ, о ея организаціи свѣдѣній никакихъ не имѣли: передъ лицомъ судебнаго вѣдомства жандармы предпочитали закулисныя свои дѣйствія тщательно зашифровывать.

Приступая къ воспроизведенію другого разговора, я уже перехожу изъ области юридической неосвѣдомленности Керенскаго въ область отсутствія у него техническихъ навыковъ.

Какъ то разъ Керенскій вызвонилъ меня къ себѣ по телефону около 8 часовъ утра. Когда я пришелъ, онъ изъ большой конторки, стоявшей у него въ кабинетѣ, досталъ порядочное количество разныхъ бумагъ не первой уже свѣжести. Бумаги эти относились такъ или иначе къ верховной слѣдственной комиссіи. Передавая ихъ мнѣ, министръ заговорилъ со мной о работѣ комиссіи; о чемъ, именно, теперь не помню; только характеръ разговора былъ таковъ, что я замѣтилъ:

— Но я не предсѣдатель комиссіи.

Смыслъ моего замѣчанія былъ бы сразу понятенъ каждому технику: положеніе товарища предсѣдателя, даже дружно работающаго съ предсѣдателемъ (чего нельзя было бы сказать про меня и Н. К. Муравьева), становится, говоря откровенно, неловкимъ, когда предсѣдатель поставляется министромъ о чемъ либо въ извѣстность черезъ товарища предсѣдателя, а не непосредственно. Но Керенскій возразилъ мнѣ:

— Это все равно. Въ моихъ глазахъ предсѣдатель — вы.

Незнаніе техники губило Керенскаго на каждомъ шагу. Вступивъ въ должность, онъ задался мыслью предоставить младшимъ право избирать себѣ старшаго. Такъ настроенный министръ юстиціи, изъ технически освѣдомленныхъ людей, естественно далъ бы это право только судьямъ. Въ самомъ дѣлѣ, надлежащая постановка взаимныхъ отношеній между судебными коллегіями и центральнымъ управленіемъ министерства юстиціи требуетъ, чтобы предсѣдатели судебныхъ мѣстъ были не послами министра въ судъ или палату, а, напротивъ, послами отъ суда или отъ палаты къ министру. Если же, по обстоятельствамъ революціоннаго времени, Керенскій считалъ себя вынужденнымъ замѣстить должности старшихъ предсѣдателей судебныхъ палатъ по своему выбору, то, во всякомъ случаѣ, должности предсѣдателей (если не всѣхъ, такъ многихъ) окружныхъ судовъ, а особенно должности предсѣдателей департаментовъ палатъ и товарищей предсѣдателей судовъ свободно могли бы замѣщаться согласно выбору сочленовъ: избрать перваго между равными проще всего этимъ

---

* Точно такое же незнаніе, впрочемъ, обнаружилъ еще одинъ адвокатъ по политическимъ дѣламъ, сдѣланный при Временномъ правительствѣ сенаторомъ, Н. Д. Соколовъ, котораго считаютъ авторомъ знаменитаго приказа № 1. Онъ явился ко мнѣ, какъ къ прокурору палаты, съ жалобою на неосновательное содержаніе кого-то подъ стражею по жандармскому дознанію. Я, предполагая, конечно, что рѣчь идетъ о формальномъ дознаніи, снесся по телефону съ товарищемъ прокурора палаты, завѣдывавшимъ «политикою». Оказалось, что такого формальнаго дознанія нѣтъ. Тогда Н. Д. Соколовъ пояснилъ, что онъ говорилъ о дознаніи въ порядкѣ охраны. Я возразилъ, что въ такомъ случаѣ прокуратура не имѣетъ къ дѣлу никакого касательства. Онъ былъ очень озадаченъ и полувопросительно сказалъ: «Ахъ, да. Военное положеніе?» Удивленіе его еще увеличилось, когда я отвѣтилъ, что и безъ военнаго положенія прокуроръ не касается дознаній въ порядкѣ охраны.

равнымъ. Но Керенскій захватилъ своею мѣрою и судей, и прокуроровъ, и чиновъ министерства. Вышло такъ, что и будущіе подчиненные получили право выбирать себѣ начальника, что, по моему, должно каждому технически грамотному человѣку казаться нелѣпымъ и явно вреднымъ для интересовъ службы *. Керенскій и самъ скоро понялъ неудобство такихъ выборовъ, но, видимо, съ точки зрѣнія ущербленія своей власти, онъ и не подумалъ выдѣлить судей въ особую группу, а лишилъ всѣхъ безразлично только что имъ же самимъ дарованнаго права, причемъ дѣло не обошлось, разумѣется, безъ треній **.

Но вотъ и еще примѣръ, но къ нему разрѣшите подойти издалека. Керенскій работалъ много и съ увлеченіемъ. Я неоднократно бывалъ у него по утрамъ, около 8 часовъ, и всегда находилъ его за работой. Какъ то разъ, будучи вызванъ имъ, я не могъ попасть къ нему въ зданіе министерства, несмотря на всѣ усилія. Было это 23 марта, въ день торжественныхъ похоронъ на Марсовомъ полѣ, лицъ, «павшихъ за революцію» ***, а мнѣ путь лежалъ именно черезъ Марсово поле. Меня уже не хотѣли пустить на Троицкій мостъ; но нравы не мѣняются по мановенію руки, и я прибѣгъ къ старой уловкѣ. Сказавъ, что я вызванъ къ министру юстиціи по спѣшному дѣлу, я спросилъ у офицера его фамилію, «чтобы сообщить министру, кѣмъ я былъ задержанъ». Тогда офицеръ предпочелъ пропустить меня по мосту; затѣмъ мнѣ пришлось свернуть на Милліонную, выждать перерыва тянувшейся тамъ процессіи, стремительно перебѣжать на другую сторону улицы, пройти Аптекарскимъ переулкомъ, Екатерининскимъ каналомъ и Михайловской улицей на Невскій. Далѣе Садовой я не продвинулся по Невскому: путь мнѣ преградила безконечная вереница людей съ красными знаменами и, время

* Когда судьи выбираютъ предсѣдателя, имъ прямой расчетъ выбрать наиболѣе работоспособнаго и распорядительнаго человѣка: засѣданія подъ его руководствомъ будутъ идти отчетливѣе и глаже, а канцелярія разомъ подтянется. Но, выбирая себѣ начальника, подчиненные, кромѣ исключительныхъ случаевъ, естественно предпочтутъ избрать человѣка помягче, поснисходительнѣе и полѣнивѣе.

** Керенскій, насколько я знаю, прежде всего понялъ, что онъ самъ себя обязалъ работать по должности министра съ тѣми, кого не онъ избралъ, а навязали ему младшіе чины министерства. Затѣмъ его задѣло, что петроградскій окружной судъ — предсѣдателя, а петроградская прокуратура — прокурора суда выбрала изъ своей среды, а не изъ «общественныхъ дѣятелей». Подчинясь первымъ избраніямъ съ явною неохотою, онъ сталъ настаивать на своемъ правѣ назначенія (по закону, безспорномъ); такъ же поступили и его преемники, но это не всегда удавалось; я помню, что юрисконсультская часть министерства юстиціи, когда освободилось мѣсто старшаго юрисконсульта, захотѣла непремѣнно воспользоваться даннымъ ей правомъ. Былъ ли тогда А. С. Зарудный уже министромъ, не могу навѣрное сказать: онъ и какъ товарищъ министра имѣлъ къ юрисконсультской части непосредственное отношеніе по службѣ; во всякомъ случаѣ, онъ непремѣнно хотѣлъ назначить старшимъ юрисконсультомъ одного изъ начальниковъ отдѣленій, А. В. Оссовскаго, но тотъ заявилъ, что не считаетъ себя вправѣ занять эту должность помимо выборовъ. Пришлось допустить выборы, на которыхъ и былъ выбранъ Оссовскій (безъ давленія свыше, по случайному совпаденію оцѣнокъ сослуживцевъ и начальства).

*** По этому поводу разскажу здѣсь, кстати, ничтожный случай, смахивающій на анекдотъ, но достовѣрный и не лишенный характерности. У доктора И. И. Манухина, о которомъ я уже упоминалъ, была служанка, по имени Наташа, молодая дѣвушка, хорошо грамотная и считавшая себя соціалисткою. Такъ вотъ, эта Наташа не могла скрыть 23 марта своего волненія отъ хозяевъ и, на ихъ вопросы, подѣлилась съ ними такимъ сомнѣніемъ: Пусть тамъ «всѣ эти городовые», которые стрѣляли при переворотѣ въ народъ, очень виноваты; но вѣдь они за то и убиты; а зачѣмъ же такое надъ ихъ прахомъ надругательство? — Какъ надругательство? — Да какъ же: вѣдь ихъ зарываютъ безъ отпѣванія въ неосвященную землю.

Я смѣю думать, что въ низахъ лѣваго лагеря не одна Наташа такъ неожиданно восприняла первыя «гражданскія» похороны героевъ революціи.

отъ времени, съ красными гробами. Потерявъ надежду достоять до конца и чувствуя, что Керенскій давно уже меня ждетъ, я зашелъ въ ближайшую аптеку, соединился съ нимъ по телефону и спросилъ его, когда будетъ ему удобнѣе принять меня: въ тотъ же день вечеромъ или на слѣдующій утромъ; онъ выбралъ второе. Прочитавъ 24-го въ утреннихъ газетахъ фамилію нѣкоторыхъ министровъ въ числѣ участниковъ торжества, я не удержался и началъ дѣловой съ Керенскимъ разговоръ недѣловымъ вопросомъ, почему онъ не былъ на Марсовомъ полѣ. Отвѣтъ послѣдовалъ энергичный, искренній и очень мнѣ понравившійся:

— Теперь работать надо, а не въ игрушки играть.

Но, работая, что называется, во всю, Керенскій по недостатку технической выучки, разбрасывался, хватался за многое разомъ и не умѣлъ отгораживаться отъ мелочей. Примѣровъ тому есть достаточно, даже, пожалуй, слишкомъ, но я обѣщалъ ограничиться однимъ. Нѣсколько разъ, принимая меня въ девятомъ часу утра, Керенскій съ несомнѣнною гордостью говорилъ мнѣ, что онъ наканунѣ сидѣлъ въ засѣданіи временнаго правительства до позднихъ пѣтуховъ: до 3, 4, 5 часовъ. И настолько онъ былъ удовлетворенъ такимъ самопожертвованіемъ, что до его душевнаго слуха (я видѣлъ это ясно) не доходили мои сужденія и невозможности такой линіи поведенія изо дня въ день; чрезмѣрная работа становится въ концѣ концовъ мало производительною, но этотъ Erfahrungssatz чужимъ опытомъ не пріобрѣтешь.

Остается еще сказать о томъ, какъ переоцѣнивалъ Керенскій силу слова. Это его свойство выяснилось, главнымъ образомъ, уже за стѣнами судебнаго вѣдомства, когда онъ превратился въ всероссійскаго гастролера по уговариванію. Есть три рода краснорѣчія: дѣйствующее на умъ, на чувство и на нервы. Краснорѣчіе Керенскаго, какъ и его политическаго и профессіональнаго противника, товарища оберъ-прокурора сената О. Ю. Виппера, принадлежало, на мой взглядъ, преимущественно къ третьему роду; сами нервные, почти истеричные, оба жили подъемомъ нервовъ, и рѣчи ихъ были очень нервныя, иногда съ провалами, а иногда и съ высокими взлетами, сильно бьющія по нервамъ слушателей. Такое краснорѣчіе, пожалуй, самое заразительное, но мнѣ давно уже думается, что дѣятели слова (проповѣдники, политики, профессора, адвокаты, писатели) преувеличиваютъ властность своего орудія: людей почти невозможно переубѣдить, ихъ можно только, я бы сказалъ, доубѣдить, то есть помочь имъ окончательно рѣшиться на такой шагъ, на который они и сами, сознательно или безсознательно, почти готовы были рѣшиться; наиболѣе убѣдительное слово — тотъ же кислородъ: тлѣющую искру заставитъ вспыхнуть яркимъ пламенемъ, но самъ ничего не зажжетъ. Поэтому-то Керенскому и не удалось убѣдить солдатъ умирать за родину, когда они всею душою тянулись уже къ тому, какъ бы пожить для себя, хотя бы и вовсе безъ родины. Въ качествѣ министра юстиціи Керенскій, надѣясь на убѣждаемость людскую или, вѣрнѣе, на убѣдительность своихъ рѣчей, допустилъ важный промахъ въ отношеніи большевицкой пропаганды, начавшейся еще до пріѣзда Ленина и Троцкаго и выразившейся ярко, напримѣръ, въ статьяхъ Стеклова, печатавшихся подъ вывѣскою совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ: Керенскому болѣе искренно, чѣмъ гоголевскому Плюшкину, казалось, что «противъ душеспасительнаго слова не устоишь», а что изъ этого вышло, всѣмъ теперь вѣдомо*.

* Керенскій, насколько я тогда могъ видѣть, не увлекался дѣятельностью совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и сознавалъ опасность слѣва. Лучшимъ тому дока-

Я все высказалъ о Керенскомъ, что лежало у меня въ памяти и на душѣ. Многіе могутъ сдѣлать мнѣ замѣчаніе, что я «началъ за здравіе, а свелъ за упокой». Право, это не такъ. Керенскій, смѣю думать, не годился въ государственные люди, какъ не годится большинство изъ насъ; но судить себя трудно, да онъ и не самъ выдвигалъ свои кандидатуры на всѣ тѣ разнообразные посты, которые занималъ въ короткій промежутокъ между самодержавіемъ и комиссародержавіемъ: его выбросила вверхъ революціонная волна, она же его и потопила. Правда, принять мѣсто военнаго министра, а тѣмъ болѣе верховнаго главнокомандующаго, будучи со всѣхъ сторонъ штатскимъ, едва ли возможно безъ большой смѣлости, но нельзя забывать, что сначала Керенскій взялъ только портфель министра юстиціи, на который, казалось бы, имѣлъ, какъ адвокатъ, формальное право. Я увѣренъ, что въ мартѣ онъ ни за что не согласился бы замѣнить Гучкова. Но всеобщее поклоненіе, о чемъ я уже упоминалъ, дѣлало его на моихъ глазахъ все самоувѣреннѣе; онъ не видѣлъ спокойной и вдумчивой критики своихъ дѣйствій почти ни откуда, а угодливости, и корыстной, и безкорыстной, даже положительно влюбленной, было хоть отбавляй; его «филькина грамота» о засѣдателяхъ при мировыхъ судьяхъ и та была принята къ исполненію, какъ настоящій законъ, безъ попытки противодѣйствія. Сперва другіе въ немъ увидѣли спасителя Россіи, а потомъ и онъ увѣрился въ этомъ. Пусть за то въ него бросятъ камень тѣ, кто можетъ поручиться, что у нихъ голова въ его положеніи не закружилась бы. Я на такой поступокъ не рѣшусь.

Но я и не замѣтилъ, какъ вышелъ за границы настоящей главы. Впрочемъ, содержаніе ея мною почти исчерпано.

Преемниками Керенскаго по должности министра юстиціи были послѣдовательно П. Н. Переверзевъ, А. С. Зарудный и П. Н. Малянтовичъ, все — адвокаты, первые двое петроградскіе, а третій — московскій.

П. Н. Переверзевъ, до моего выѣзда изъ Петрограда, былъ министромъ не больше мѣсяца. Передъ революціею онъ долгое время стоялъ во главѣ санитарнаго отряда петроградской адвокатуры на сѣверномъ, кажется, фронтѣ и пріобрѣлъ славу искуснаго администратора. Керенскій, сейчасъ же послѣ переворота, назначилъ его прокуроромъ петроградской судебной палаты. Тогда я и познакомился съ нимъ впервые. Средняго возраста и средняго роста, крѣпкаго сложенія, спокойно-уравновѣшенный, скупой на слова, съ неизмѣнною трубкою-носогрѣйкою, онъ производилъ впечатлѣніе надежнаго человѣка. Подчиненные по прокурорскому надзору относились къ нему, въ общемъ, съ симпатіей. Будучи прокуроромъ палаты, онъ выказалъ незаурядную смѣлость и большое присутствіе духа въ Кронштадтѣ, когда большевицки настроенные матросы хотѣли расправиться съ членами комиссіи по разбору мѣстныхъ арестантовъ; онъ входилъ въ составъ этой комиссіи, и ему были обязаны члены ея своимъ спасеніемъ: онъ рѣшительно выступилъ впередъ и умѣлъ успокоить злобствующихъ; правда, только на время, но вполнѣ достаточное для того, чтобы комиссія успѣла выѣхать изъ Кронштадта. Ставъ, однако, министромъ, онъ не обнаружилъ, къ моему

зательствомъ служатъ его смѣлыя слова о «взбунтовавшихся рабахъ», сказанныя въ глаза этимъ рабамъ. Но, къ сожалѣнію, все и оканчивалось у Керенскаго только словами. Его обвиняютъ въ томъ, что нашелъ же онъ необходимую энергію для борьбы съ Корниловымъ, то есть направо. Я, напротивъ, думаю, что побѣда его надъ корниловскимъ движеніемъ объяснялась исключительно случайностью, тѣмъ, что Корниловъ не былъ въ душѣ мятежникомъ, не умѣлъ организовать заговоръ и самъ не проявилъ должной энергіи, или тѣмъ, что войска не въ надлежащей мѣрѣ поддержали Корнилова. Отъ натиска и справа врядъ ли бы сумѣлъ оборониться чистый «словесникъ» Керенскій.

удивленію, ни настойчивости, ни послѣдовательности: его, какъ и Керенскаго, какъ и все временное правительство, какъ, можетъ быть, и большинство членовъ исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ депутатовъ, несло, куда хотѣло, крайнее лѣвое теченіе, становившееся сильнѣе и сильнѣе, но пока оставшееся попрежнему подводнымъ, хотя кое-гдѣ уже и поднимавшееся на поверхность. Я не могъ понять, какъ министръ юстиціи, лично пережившій кронштадтскій ужасъ большевицкаго паводка, ничего не предпринималъ ни противъ дачи Дурново, ни противъ дворца Кшесинской, гдѣ грозно трещалъ ледъ, предвѣщая уже не паводокъ, а весеннее половодье большевицкой стихіи. Въ знаменьяхъ не было недостатка: рабочіе откуда то получали оружіе, начались выступленія народныхъ низовъ безъ вѣдома и согласія, повидимому, даже совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, знамена съ надписями: «долой десять министровъ-капиталистовъ», «отъ Циммервальда къ третьему интернаціоналу» тащили мальчишки и бабы, явно не знавшіе, кто у насъ министры и что за штука такая Циммервальдъ, и, слѣдовательно, кѣмъ-то оплачиваемые за трудъ манифестаціи. У каждаго изъ насъ, жившихъ тогда въ Петроградѣ, накоплялись мелкій фактъ за мелкимъ фактомъ, показательныя наблюденія, какъ на подборъ, все одного порядка: ѣдешь въ трамваѣ и слышишь то разсужденія рабочаго объ уравнительной платѣ всѣмъ, кто бы что ни дѣлалъ и какъ бы ни дѣлалъ, то грубые отзывы нижнихъ чиновъ объ офицерскомъ составѣ, намѣренно высказываемые въ присутствіи молчащихъ офицеровъ, то рѣшительное мнѣніе курносаго солдата, что для него и сдача Москвы нѣмцамъ безразлична: «ну-к' что-жъ? мы — пензенскіе». Идешь по Марсову полю и слышишь, какъ матросъ, «собравъ вокругъ себя родъ вѣча», доказываетъ, что намъ не нужны Дарданеллы: «у насъ и своей земли довольно», а на замѣчаніе ваше, что Дарданеллы — проливъ и тамъ только вода, побѣдоносно восклицаетъ: «ну, вотъ, и земли даже нѣтъ, такъ на кой они намъ шутъ дались». Переходишь Невскій, пользуясь небольшимъ разстояніемъ между двумя колоннами растянувшейся демонстраціи, а тебя гонятъ назадъ, и злой женскій голосъ, дополняя злобу нѣсколькихъ паръ глазъ, визжитъ: «нѣтъ, ты теперь, буржуй проклятый, постой передъ нами». Мнѣ, конечно, неизвѣстно, что именно мѣшало Переверзеву дѣйствовать, нерѣшительность ли или невозможность проявить свою рѣшительность чѣмъ либо во внѣ. Но не умѣю отдѣлаться отъ мысли, что, и при очевидной слабости правительства, рѣшительность того или иного члена его всегда въ чемъ нибудь должна сказаться, а къ тому же у меня есть два примѣра несомнѣнной, по моему, пассивности П. Н. Переверзева въ качествѣ министра. Первый случай таковъ. Зашелъ онъ какъ то въ верховную слѣдственную комиссію и выслушалъ докладъ Н. К. Муравьева о нашей работѣ. Работа эта была весьма плачевна, въ чемъ убѣдятся и читатели, когда ознакомятся со слѣдующей главой. Муравьевъ говорилъ скачками, и его «защитительная рѣчь» представлялась мнѣ явно неубѣдительною. Да и то сказать: ex nihilo nihil fit. Я смотрѣлъ на умно глядѣвшіе глаза министра и предвкушалъ кислыя слова, вполнѣ нами заслуженныя. И что же вышло? Переверзевъ, попыхивая носогрѣйкою, заявилъ, что считаетъ теперь всѣ нареканія на безплодность работы комиссіи неосновательными. Я такъ и не понимаю, чѣмъ онъ удовлетворился. Тѣмъ, что мы были заняты работою по горло? Но развѣ кто выигралъ отъ нашей переобремененности? Одобрить крыловскую мартышку съ чурбаномъ не значитъ ли мириться со всѣмъ*. Другой примѣръ — лишь

* Позвольте привести здѣсь, кстати, параллель. Уже въ декабрѣ 1917 года, при большевикахъ, я пытался получить хоть часть денегъ съ текущаго моего счета въ госу-

варіація на ту же тему. Есть у меня двоюродный братъ*; революція застигла его на должности прокурора провинціальнаго окружного суда. Прежде онъ былъ подъ подозрѣніемъ въ лѣвизнѣ, какъ братъ «политическаго преступника» (оправданнаго, впрочемъ, военнымъ судомъ). А теперь его обвинили въ потачкѣ союзу русскаго народа. Обвиненіе провѣрять не стали, а двоюродный братъ изъ прокуроровъ былъ смѣщенъ въ члены окружного суда, къ тому же еще гродненскаго, то-есть давно эвакуированнаго и прозябавшаго гдѣ-то въ бѣженскомъ состояніи. Меня ни самъ наказанный, ни его отецъ ни о чемъ не просили, но я обратился къ министру Переверзеву съ подробнымъ письмомъ, въ которомъ изложилъ все, что зналъ о братѣ и его дѣлѣ. Переверзевъ, при первой же встрѣчѣ со мною, сказалъ, что раздѣляетъ мою точку зрѣнія и признаетъ справедливымъ исправить допущенную ошибку. Говорилъ онъ, я не сомнѣваюсь, искренно: зачѣмъ бы и было ему притворяться? А брата и большевицкій переворотъ засталъ все тѣмъ же членомъ гродненскаго окружного суда.

Съ А. С. Заруднымъ я когда то былъ на «ты». Безкорыстнѣйшій идеалистъ, добрый и отзывчивый человѣкъ, хорошій, но нѣсколько медлительный работникъ, онъ обладалъ головою, способною вскипать не хуже самовара. Увлекаясь, онъ искренно ставилъ русскую прокуратуру, вообще, и петербургскую, въ частности, значительно выше, чѣмъ требовала строгая справедливость. Дороги наши разошлись: онъ ушелъ въ центральное управленіе министерства юстиціи, а я въ провинцію. Когда, четыре года спустя, я вернулся въ Петербургъ членомъ судебной палаты, онъ былъ уже присяжнымъ повѣреннымъ и успѣлъ, съ неменьшею искренностью и съ неменьшимъ увлеченіемъ, покатившись по лѣвому склону нашей общественности, измѣнить свое мнѣніе о русскомъ судѣ и русской прокуратурѣ, цѣня ихъ гораздо ниже дѣйствительной стоимости. Онъ принялъ участіе въ движеніи 1905 года и вмѣстѣ съ другими адвокатами пытался, не то въ октябрѣ, не то въ ноябрѣ, «снимать судей», требуя отъ нихъ политической забастовки. За это въ слѣдующемъ году онъ былъ присужденъ къ кратковременному лишенію свободы и отсидѣлъ наказаніе въ «Крестахъ». Судьбѣ угодно было, чтобы приговоръ о немъ состоялся подъ предсѣдательствомъ моего зятя. Послѣ этого онъ пересталъ меня узнавать; я говорю не про мгновенныя встрѣчи: мы какъ-то сидѣли бокъ о бокъ въ партерѣ Михайловскаго театра, рядомъ стояли на похоронахъ сенатора М. И. Спирова, но онъ упорно избѣгалъ моихъ глазъ. Вновь пришлось намъ заговорить только тогда, когда онъ сталъ товарищемъ министра юстиціи при Керенскомъ. Мы говорили уже на «вы», но скорѣе дружески. Съ Керенскимъ его связывала, видимо, большая пріязнь, изъ за которой онъ и принялъ должность товарища министра. Но должностью этой онъ тяготился

дарственномъ банкѣ. Стоялъ огромный хвостъ къ директору, дававшему разрѣшеніе стать въ хвостъ къ расходной кассѣ. Мы томились свыше трехъ часовъ, очередь подвигалась медленно. Дама, бывшая передо мною, не выдержала и стала осуждать большевицкіе порядки въ банкѣ. Я ее поддержалъ. Тогда товарищъ-сторожъ рѣзко крикнулъ на насъ. Смыслъ его окрика былъ тотъ, что никогда раньше въ банкѣ такъ не работали: директоръ теперь, не покладая рукъ, трудится, изнемогая отъ количества разрѣшеній, которыя приходится выдавать «вотъ такимъ, какъ вы». Въ это время еще не «уходили сивку крутыя горки», а нервы были взвинчены, и я не менѣе рѣзко отвѣтилъ «товарищу», что, по мнѣ, хоть не работай, да насъ не томи, а если «хлопотъ мартышкѣ полонъ ротъ», то благодарить ее не за что. Сторожъ умолкъ и отошелъ. Я видѣлъ, что его мои слова озадачили: онъ почувствовалъ ихъ правду. А я вспомнилъ, какъ весною удостоился одобренія, въ числѣ другихъ членовъ комиссіи, за нашу мартышечью работу отъ человѣка, не сторожу чета.

* Не называю его: онъ остался въ Совдепіи.

и вышелъ въ отставку безъ малѣйшихъ, кажется, столкновеній съ министромъ; не удержало его и предсѣдательствованіе въ комиссіи по пересмотру и очищенію судебныхъ уставовъ, чѣмъ онъ дорожилъ, чтя память своего отца.

Когда я въ августѣ 1917 года возвратился въ Петроградъ, послѣ трехмѣсячнаго отсутствія, Зарудный былъ уже министромъ юстиціи. Меня въ первый же день моего пріѣзда поставили въ извѣстность, что онъ незадолго передъ этимъ искалъ меня. На вопросъ мой, зачѣмъ я ему понадобился, мнѣ было сказано, что онъ, повидимому, предполагаетъ назначить меня первоприсутствующимъ соединеннаго присутствія, въ которомъ сосредоточенъ высшій надзоръ за судьями. Я уже говорилъ, какова должна быть постановка такого присутствія, чтобы нельзя было при его посредствѣ наступить на судейскую несмѣняемость, а что нажимать на судей можно и слѣва, не только справа, въ этомъ у меня всякое сомнѣніе исчезло. Предсѣдательствовать въ подобной коллегіи мнѣ очень не улыбалось; затѣмъ, опять поднимался вопросъ о старшинствѣ, который я не могъ рѣшить по совѣсти иначе, какъ не въ свою пользу; наконецъ, уже не Зарудный на меня, а я на него былъ сердитъ и за готовность временно отмѣнить несмѣняемость судей, и за вялость разслѣдованія дѣла о большевицкомъ мятежѣ въ іюлѣ. Я не только не пошелъ къ Зарудному, но и просилъ не говорить ему о моемъ возвращеніи. Не знаю, поэтому ли онъ остановился на другомъ кандидатѣ*, но несомнѣнно, что именно поэтому я такъ и не удостовѣрился собственными глазами, какой былъ видъ у новаго министра, въ то время, когда и его уносило на льдинѣ, сильнымъ теченіемъ, къ морю большевичества.

П. Н. Малянтовича министромъ юстиціи я, кажется, тоже не видѣлъ. Но мы знали другъ друга еще въ московскомъ университетѣ и возобновили знакомство при Керенскомъ въ одномъ изъ засѣданій комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ. Какъ адвокатъ, онъ былъ гораздо извѣстнѣе всѣхъ трехъ своихъ предшественниковъ. Поэтому я не разъ слышалъ сожалѣнія, что не онъ первый былъ назначенъ на должность министра юстиціи**. Я этого сожалѣнія не раздѣляю: и потому, что inter arma silent leges, — а Россія тогда уже приступала къ междуусобной схваткѣ, и потому, что Малянтовичъ кланялся въ лѣвый уголъ, видимо, усиленнѣе, чѣмъ его предмѣстники при временномъ правительствѣ, а эти земные поклоны, конечно, не исправляли, но лишь повторяли ошибку большинства министровъ стараго строя, усердствовавшихъ кланяться въ правый уголъ; двери въ государственное будущее, если мои глаза меня не обманывали, были приблизительно посреди.

О раскланиваніи П. Н. Малянтовича съ крайними лѣвыми, я знаю изъ достовѣрныхъ источниковъ и сейчасъ объ этомъ разскажу. Вступивъ въ должность, новый министръ засталъ дѣло о большевицкомъ возстаніи 3—5 іюля въ производствѣ. Правда, Ленина, который изъ Финляндіи уже вернулся въ Петроградъ, власти такъ и не могли разыскать, точно иголку въ стогѣ сѣна; но многіе вожди большевиковъ, безъ которыхъ Ленинъ былъ какъ безъ рукъ, сидѣли подъ стражею, гдѣ имъ и подобало находиться. Малянтовичъ, уступая лѣвому натиску, склонялся къ тому, чтобы ихъ освободить. Съ этой цѣлью онъ созвалъ

---

* Было бы несправедливо не отмѣтить, что Зарудный остановилъ свой выборъ на сенаторѣ Г. С. Маньковскомъ, имѣвшемъ и значительное старшинство, и безупречное имя.

** Отмѣчаю здѣсь, кстати, что Малянтовичъ, послѣдній министръ юстиціи при существованіи суда по уставамъ 20 ноября 1864 года, былъ первымъ изо всѣхъ министровъ, который зналъ гражданское право.

особое совѣщаніе, изъ членовъ котораго въ памяти моей остались трое; ихъ я ставлю очень высоко, но не считаю себя въ правѣ приводить ихъ именъ, такъ какъ всѣ они, повидимому, до сихъ поръ находятся, по выраженію З. Гиппіусъ, «въ пальцахъ сѣрыхъ обезьянъ». Трудно воспроизводить подробности засѣданія, если самъ въ немъ не участвовалъ, а пишешь по памяти съ чужихъ словъ. Однако, я помню, что Малянтовичъ настойчиво проводилъ мысль объ отсутствіи въ дѣйствіяхъ обвиняемыхъ состава преступленія. Онъ даже приводилъ смѣлыя сравненія: большевики такіе же пораженцы, какими были и «мы» въ японскую войну. И затѣмъ поставилъ вопросъ: неужели бы вы тогда и меня привлекли къ суду? Кто-то отвѣтилъ министру, что если онъ допускалъ, исходя изъ пораженческихъ взглядовъ, поступки въ родѣ тѣхъ, которые вмѣняются въ вину большевикамъ, то и его слѣдовало бы тогда судить. Министръ никого не убѣдилъ, восторжествовала временно точка зрѣнія прокуратуры; но явно, что не такіе люди, какъ Малянтовичъ, были въ ту пору зрячими и могли провести русскій государственный корабль благополучно между Сциллою и Харибдою.

Отрывки изъ происходившаго при мнѣ и около меня въ министерствѣ юстиціи, послѣ царя и передъ большевиками, я заключу нѣсколькими замѣчаніями о комиссіи по возстановленію судебныхъ уставовъ. Многоголовыя комиссіи всегда, на русской, по крайней мѣрѣ, почвѣ, малоуспѣшны. А эта была къ тому же переполнена людьми, только въ нее забѣгавшими въ перерывѣ между очередными дѣлами. Такой недостатокъ еще куда бы ни шелъ, если бы задача сводилась къ возстановленію, по возможности, первоначальной редакціи уставовъ 1864 года. Но о реставраціи серьезно говорятъ лишь въ области административно-государственной, потому что тамъ каждый считаетъ себя компетентнымъ; а въ комиссіи мы всѣ, какіе ни есть, все же были болѣе или менѣе юристы, хотя бы только по усыновленію, и потому понимали, что отъ реставраціи пахнетъ мертвымъ, а для воскрешенія нужна живая вода. Не я одинъ высказывалъ тогда мысли, которыя отправлялись отъ такой перифразы извѣстныхъ словъ Іеринга: путемъ судебныхъ уставовъ, но дальше ихъ. А какъ идти дальше, вотъ этого большинство изъ насъ сколько нибудь ясно не представляло и систематически продумать времени не имѣло. Русскій человѣкъ способенъ и верхи схватываетъ живо; такъ и не удивительно, что въ комиссіи, при указанныхъ условіяхъ, началась, по моей терминологіи, «ловля счастливыхъ мыслей», то есть полуимпровизація, а зачастую и вовсе импровизація. Я «забѣгалъ» въ отдѣлы судоустройства и гражданскаго судопроизводства, но зодческой работы тамъ не видѣлъ: шелъ ремесленный, хоть порою и толковый ремонтъ, такой, при которомъ сразу видны новыя заплаты. Для меня безспорно, что, погубивъ нашу комиссію, большевики вреда никому и ничему не причинили.

Временное правительство для дѣла русскаго суда не сумѣло повторить приснопамятную эпоху созданія судебныхъ уставовъ; сыновья и внуки ихъ составителей не въ отцовъ уродились.

2. ВЪ ВЕРХОВНОЙ СЛѢДСТВЕННОЙ КОМИССІИ

Приступая къ этой части моихъ воспоминаній, я испытываю затрудненіе особаго рода. Былъ я товарищемъ предсѣдателя верховной слѣдственной комиссіи съ начала марта по вторую половину мая, сидѣлъ въ ней почти безвыходно, и не могу изобразить полной картины всего, что тамъ происходило. Въ томъ нѣтъ

ничего страннаго: большая работа, хотя бы и безплодная, отнимаетъ такъ много времени, что не позволяетъ оглядываться по сторонамъ, да и вообще, чѣмъ ближе къ чему либо подходишь, тѣмъ властнѣе подробности заслоняютъ цѣлое. Но досаднаго въ этомъ для меня не мало, и если бы я былъ увѣренъ, что Богъ дастъ мнѣ еще вѣку, я бы предпочелъ писать о комиссіи по возвращеніи въ Петроградъ, предварительно переговоривъ съ тѣми изъ ея членовъ и слѣдователей, которые вмѣняли себѣ въ обязанность не сходить съ судейской точки зрѣнія. Дѣлать, однако, печего, — живетъ и такъ. Очень ужъ не хочется мнѣ покончить земное мое существованіе, не давъ возможности всѣмъ, у кого есть охота, услышать отъ меня правдивый разсказъ о томъ, какъ лѣвая Россія возводила въ перлъ созданія всѣ пороки правой.

Съ предсѣдателемъ комиссіи, облеченнымъ правами товарища министра юстиціи, присяжнымъ повѣреннымъ Н. К. Муравьевымъ, я познакомился въ зданіи министерства юстиціи. Онъ уже зналъ, что я предназначенъ Керенскимъ въ товарищи предсѣдателя, и выразилъ одновременно и свое удовольствіе по поводу этого и свое недоумѣніе, какъ я, сенаторъ, согласился идти въ подручные къ нему, адвокату. «Удовольствіе» Муравьева для меня прозвучало сакраментальнымъ заключеніемъ оффиціальныхъ писемъ: «Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и истинной преданности», а его недоумѣніемъ я, признаюсь, былъ озадаченъ. Тогда я еще не подозрѣвалъ, что многіе адвокаты, даже изъ тѣхъ, что всегда высокомѣрно отзывались о сенатѣ, сочтутъ за честь для себя быть сенаторами*; да и послѣ я не замѣчалъ, чтобы Муравьевъ мечталъ о сенаторствѣ: по моимъ наблюденіямъ, его скорѣе манила должность товарища министра. Слѣдовательно, мое предположеніе, что «недоумѣніе» Муравьева есть лишь «парламентское» выраженіе нежеланія имѣть меня своимъ ближайшимъ сотрудникомъ, нельзя приписать одной только подозрительности. Какъ бы то ни было, это предположеніе у меня сверкнуло въ мозгу, едва я началъ мямлить что то противъ «мѣстничества», и я перебилъ самого себя откровеннымъ заявленіемъ, что въ комиссію не рвусь и охотно уступлю свое мѣсто всякому, кого онъ предпочтетъ. Муравьевъ, на наше общее горе, не воспользовался этимъ выходомъ и поспѣшилъ увѣрить меня, что дорожитъ работою именно со мною.

Задачи Муравьева были безбрежныя: онъ думалъ объ исторіи. Мои — гораздо скромнѣе: я думалъ о правосудіи и о судьбѣ лицъ, уже лишенныхъ свободы въ ожиданіи нашего разслѣдованія. Въ его головѣ предносился будущій, чуть ли не ученый, трудъ о недостаткахъ павшаго режима. Въ моей головѣ копошились планы безпристрастнаго и быстраго слѣдствія. Но въ одномъ мы сошлись: онъ — ради расширенія, а я, — ради ускоренія нашей работы, мы оба согласно признали необходимымъ значительное количество слѣдователей. И такъ какъ я хотѣлъ видѣть слѣдователями людей опытныхъ въ этомъ дѣлѣ, а онъ желалъ влить въ комиссію побольше «общественнаго элемента», то мы оба помирились на томъ, что слѣдователи будутъ спеціалисты, а общественные дѣятели

---

* Присяжный повѣренный Н. Д. Соколовъ всюду, гдѣ мнѣ не приходилось присутствовать, приказывалъ докладывать о немъ: «Сенаторъ Соколовъ». А присяжный повѣренный О. О. Грузенбергъ, имѣющій извѣстное имя въ качествѣ уголовнаго защитника, наговорилъ судебному слѣдователю (если не ошибаюсь Г. П. Гирчичу) много непріятныхъ словъ изъ за того, что слѣдователь осмѣлился вызвать его, сенатора, какъ простого смертнаго. Привожу эти примѣры въ доказательство того, что званіе сенатора дѣйствительно воспринималось нѣкоторыми адвокатами безъ равнодушія.

будутъ при нихъ на правахъ товарищей прокурора. Въ нашихъ совѣщаніяхъ участвовалъ также Б. Н. Сми́ттенъ, сенаторъ новаго назначенія, бывшій прокуроръ харьковской судебной палаты. Онъ вошелъ въ нашу комиссію членомъ. Кромѣ насъ троихъ, еще С. В. Ивановъ, сенаторъ, бывшій товарищъ государственнаго контролера, и С. Ѳ. Ольденбургъ, академикъ — санскритологъ, впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія во временномъ правительствѣ, а равно Л. П. Олышевъ, предсѣдатель московскаго окружного суда, принимали дѣятельное участіе въ работахъ комиссіи; первый былъ товарищемъ предсѣдателя, какъ и я, а двое другихъ — членами. Изъ остальныхъ членовъ чаще другихъ бывалъ Н. Д. Соколовъ *, тоже сенаторъ новаго изготовленія. Совсѣмъ рѣдко появлялся Ѳ. И. Родичевъ. Прочіе почти только числились, и тѣмъ было лучше для нихъ.

Первоначально комиссія помѣщалась въ зданіи сената, гдѣ мы потѣснили общее собраніе и соединенное присутствіе. Но и намъ самимъ тамъ было тѣсно, и Н. К. Муравьевъ сравнительно скоро устроилъ комиссію въ Зимнемъ дворцѣ. Подъѣздомъ мы пользовались, такъ называемымъ, комитетскимъ **, первымъ отъ Зимней канавки съ набережной, такъ что я ежедневно почти всегда четыре раза мѣрилъ двѣ набережныхъ Невы, всю Французскую и почти всю Дворцовую ***: туда и назадъ до обѣда, туда и назадъ послѣ обѣда. Я понималъ, что въ сенатѣ для насъ недостаточно мѣста, но очень не хотѣлъ переѣзда въ Зимній дворецъ. Мнѣ все казалось, что мы вторгаемся въ чужой домъ. Мало того, — скажу на чистоту: я чувствовалъ себя въ положеніи камердинера, располагающагося въ барскихъ комнатахъ за отъѣздомъ господъ «на теплыя воды». Я говорю за себя одного и далекъ отъ мысли хвалиться этимъ: допускаю, что чувство мое было нелѣпо, но пишу, какъ было. Впрочемъ, и О. О. Грузенбергъ, оставшись однажды со мною вдвоемъ въ бывшей залѣ комитета министровъ, выразилъ съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ какъ разъ то самое, что чувствовалъ я. Мнѣ было до такой степени тяжело пользоваться всѣмъ дворцовымъ, что я не могъ послѣдовать примѣру моихъ новыхъ сотоварищей: Муравьевъ, Грузенбергъ, Соколовъ имѣли каждый въ своемъ распоряженіи придворные экипажи, — кто коляску, кто карету. Муравьевъ уговаривалъ и меня; я, разумѣется, давалъ себѣ отчетъ въ удобствѣ личнаго экипажа; конечно, я бы и не подумалъ пользоваться имъ не по служебнымъ надобностямъ, но хожденіе во дворецъ и назадъ изо дня въ день было утомительно, и я бы поддался уговорамъ, если бы не это властное чувство чего-то, — я бы сказалъ, — недостойно-неловкаго, всецѣло тогда мною владѣвшее. Меня иногда подвозилъ домой или въ министерство Муравьевъ, изъ дворца въ крѣпость на допросъ насъ всегда возили цѣлою коллегіею, но взять лично себѣ придворный экипажъ я такъ и не выразилъ согласія.

Комиссія распадалась на слѣдственную часть и президіумъ.

Въ слѣдователи мы набрали судебныхъ дѣятелей разнаго ранга. Многихъ указалъ Муравьеву я; при выборѣ мною руководило единственно желаніе залу-

---

* Соколовъ былъ у насъ «посломъ» отъ совѣта рабочихъ депутатовъ.

** Съ этого подъѣзда входили министры на засѣданія комитета министровъ, когда тѣ еще не были перенесены въ Маріинскій дворецъ.

*** Въ одну изъ такихъ «прогулокъ» я защелъ къ великому князю Николаю Михайловичу: мнѣ было стыдно не зайти къ человѣку, который приглашалъ меня бывать у него и который теперь былъ уже не на прежней высотѣ. По всей вѣроятности, многіе покинули великаго князя, потому что онъ встрѣтилъ меня еще привѣтливѣе, чѣмъ раньше, и даже вышелъ провожать въ переднюю. Я счелъ своимъ долгомъ титуловать его императорскимъ высочествомъ, чего избѣгалъ въ первое посѣщеніе.

чить въ комиссію знающихъ дѣло и честныхъ людей. Нѣкоторыхъ мнѣ пришлось усиленно упрашивать, взывая къ ихъ чувству долга; такъ было, напримѣръ, съ товарищемъ оберъ-прокурора сената Г. И. Гитцемъ. Сперва я называлъ Муравьеву тѣхъ лицъ, работу которыхъ я зналъ самъ; потомъ запасъ мой истощился: всѣ, извѣстные мнѣ съ хорошей стороны, бывшіе и настоящіе слѣдователи, кого только отдавали намъ, скрѣпя сердце, мѣстныя власти, уже переселились въ Зимній дворецъ, кромѣ развѣ тѣхъ, которыхъ Муравьевъ браковалъ по ихъ «слишкомъ правой» репутаціи. Рядъ слѣдователей поставленъ былъ Олышевымъ и Смиттеномъ. Наконецъ, я рѣшился на рекомендацію, такъ сказать, «по наслышкѣ», и тутъ-то произошла непріятность. Я рекомендовалъ товарища предсѣдателя винницкаго окружного суда И. М. Золотницкаго. Самъ я его въ глаза не видѣлъ и ни одного его слѣдствія не читалъ, но вотъ, что слышалъ о немъ. Былъ онъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ въ Варшавѣ и производилъ какое то громкое слѣдствіе (кажется, о злоупотребленіяхъ при постройкѣ новаго моста черезъ Вислу); одинъ свидѣтель при допросѣ показалъ о какомъ то фактѣ, клонившемся къ изобличенію генералъ-губернатора Скалона, въ чемъ именно, рѣшительно не припомню; насколько основательно было это показаніе, судить у меня нѣтъ данныхъ; но Золотницкій исполнилъ свой долгъ, «не взирая на лица», и, въ порядкѣ ст. 314 уст. угол. суд., копію соотвѣтствующаго протокола переслалъ прокурору; немедленно же «сыръ боръ загорѣлся», и Золотницкій былъ волею П. Г. Щегловитова переведенъ важнѣйшимъ слѣдователемъ въ Тифлисъ. Я уже такъ устроенъ, что люблю людей, которые не гнутся и ко всѣмъ подходятъ съ одинаковою мѣркою закона; поэтому къ Золотницкому я заочно отнесся съ глубокимъ уваженіемъ. Раздѣлилъ ли Муравьевъ мою точку зрѣнія, по которой тотъ, кто не гнулся вправо, не погнется, надо полагать, и влѣво, или же ему показалось, что Золотницкій выказалъ себя во всей этой исторіи достаточно лѣвымъ, я не знаю, но только Золотницкому немедленно было послано предложеніе по телеграфу. Онъ отвѣтилъ согласіемъ, былъ назначенъ и пріѣхалъ, какъ теперь помню, вскорѣ послѣ Пасхи. Я еще не повидался съ нимъ, какъ Муравьевъ сказалъ мнѣ: «А съ Золотницкимъ мы ошиблись». На вопросъ мой онъ мнѣ далъ полученную утромъ телеграмму изъ Винницы; въ телеграммѣ этой указывалось, что Золотницкій грубъ съ защитою и даже въ сенатѣ есть производства по обвиненію его въ должностномъ подлогѣ, а потому вся Винница взволнована почетнымъ назначеніемъ недостойнаго человѣка. Подъ телеграммою стояла приблизительно такая подпись: «За предсѣдателя собранія адвокатуры Ціонглинскій». Я отвѣтилъ Муравьеву, что Золотницкаго не знаю, и спросилъ: «А вы Ціонглинскаго знаете?» Оказалось, что нѣтъ, но все же считаетъ невозможнымъ оставить Золотницкаго у насъ и даже говорилъ объ этомъ съ Золотницкимъ, и тотъ, будто бы, самъ согласился, что ему нельзя состоять нашимъ слѣдователемъ. Volenti non fit iniuria, и я отложилъ назрѣвавшее въ моей душѣ прекаліе до разговора съ признавшимъ свое недостоинство новоприбывшимъ слѣдователемъ. Но съ первыхъ же словъ выяснилось, что Золотницкій въ отчаяніи: никакой вины онъ за собой не знаетъ, утверждаетъ, что лучшіе представители мѣстной адвокатуры въ самыхъ добрыхъ съ нимъ отношеніяхъ, а эта телеграмма исходитъ отъ лицъ, сводящихъ съ нимъ счеты: «я не просился къ вамъ, вы сами меня вызвали, а теперь какъ же я покажусь назадъ въ Винницу, точно оплеванный, къ радости темныхъ личностей». Я никогда ничьимъ жрецомъ не былъ и сознательно въ жертву никому и никого, по самой природѣ своей, приносить не могу; мнѣ стало невыразимо жаль Золотниц-

каго и я далъ себѣ трудъ произвести кой какія «повѣрочныя дѣйствія». Посмотрѣлъ въ юридическій календарь М. Острогорскаго и убѣдился, что Ціонглинскаго (или Цѣслинскаго, — теперь за точность фамиліи не ручаюсь) среди винницкой адвокатуры нѣтъ; значитъ, онъ или частный повѣренный, или только что испеченный помощникъ присяжнаго повѣреннаго; а если это такъ, то уже многознаменательно, что подъ телеграммою за предсѣдателя расписался именно невѣдомый Ціонглинскій: очевидно, не только предсѣдатель чрезвычайнаго собранія адвокатовъ, но и члены изъ старшихъ не пожелали скрѣпить этой телеграммы своею подписью. А въ такомъ случаѣ чего стоитъ телеграмма, даже если она дѣйствительно послана послѣ адвокатскаго совѣщанія? Досталъ я и дѣло изъ сената; оказалось, что какой-то подсудимый, осужденный присяжными засѣдателями за подлоги и мошенничества, подалъ жалобу на предсѣдательствовавшаго въ его процессѣ Золотницкаго, обвиняя того въ невѣрномъ изложеніи протокола засѣданія, но обвиненіе это отвергнуто сенатомъ, и дѣло давно прекращено. Тогда я пошелъ къ Н. К. Муравьеву и сталъ доказывать ему недопустимость «казни» Золотницкаго. Муравьевъ не сразу сдался, а сперва говорилъ, что теперь надобно считаться съ «общественностью», то есть, непримѣтно для самого себя оправдывалъ Щегловитова, котораго Керенскій тѣмъ временемъ держалъ подъ стражею: если Щегловитовъ и увольнялъ, считаясь съ желаніями «администраціи», а не «общественности», то не все ли равно вамъ, ради какого Молоха васъ изжарятъ или зарѣжутъ? Меня поддержали другіе члены комиссіи, но Муравьевъ опредѣленнаго отвѣта не далъ, и я вынужденъ былъ поставить, такъ сказать, «кабинетскій вопросъ»: заявилъ, что въ случаѣ отчисленія Золотницкаго по такимъ только даннымъ, я не могу оставаться въ комиссіи и немедленно подамъ въ отставку. Муравьевъ уступилъ, и Золотницкій остался у насъ.

Слѣдователямъ нашимъ работа была не легка: одно — отправляться отъ факта, имѣющаго, по видимости, необходимые признаки преступленія, и совсѣмъ другое — искать въ дѣлопроизводственныхъ бумагахъ, не найдется ли какого либо уголовно наказуемаго дѣянія. Слѣдователи тонули въ бумажномъ морѣ, но все же они дѣлали какое-то дѣло, а иногда и удачно, потому что не всѣ дѣятели стараго порядка были безупречны и съ точки зрѣнія чисто криминальной. А вотъ мы, президіумъ комиссіи, если и тонули, то въ безплодной «словесности», являясь по большей части чѣмъ то въ родѣ «мельницы безъ мелева». Мы изо дня въ день засѣдали, сообща и подолгу жевали вопросы, которые, мнѣ казалось, зачастую рѣшались довольно просто. Порою въ помощь къ намъ являлись эксперты, профессора и сенаторы, такіе же юристы, какъ и мы, а потому засѣданіе становилось продолжительнѣе, разговоры длиннѣе, но и только.

Приведу здѣсь на образецъ два вопроса, много мнѣ испортившихъ крови.

Первый былъ вопросъ о преданіи суду одного изъ героевъ тогда еще далеко, повидимому, незаконченной войны, престарѣлаго генералъ-адъютанта Н. І. Иванова. Въ вину ему ставилось то, что онъ принялъ отъ государя порученіе усмирить мятежный Петроградъ и двинулся къ нему съ какими-то воинскими частями. Спрашивалось: какого преступленія признаки заключаются въ этомъ поступкѣ? Я отвѣчалъ и теперь отвѣчаю, не колеблясь: никакого. Порученіе было дано 28 февраля, то есть за два дня до отреченія царя; генералъ Ивановъ обязанъ былъ повиноваться императору, какъ главѣ государства, въ законности власти котораго не могло быть ни тѣни сомнѣнія; а дѣятели революціи въ то время были явно государственными преступниками и сами должны были

тогда это понимать; генералъ Ивановъ ничьей крови не пролилъ и вслѣдъ за отреченіемъ государя остановился со своими войсками гдѣ-то на пути, не дойдя до Петрограда. Вотъ и все. Гдѣ же тутъ хоть намекъ на преступленіе съ точки зрѣнія закона, существовавшаго въ моментъ дѣйствій, предпринятыхъ Ивановымъ во исполненіе высочайшаго повелѣнія, то есть — съ единственной точки зрѣнія, которая доступна для всякаго, кто не забываетъ, что онъ судья? Были въ комиссіи мои единомышленники, но нашлись, во главѣ съ предсѣдателемъ, и возражатели. Указывалось, между прочимъ, на то, что, забирая войсковыя части для усмиренія Петрограда, генералъ Ивановъ обнажалъ фронтъ и могъ способствовать нѣмецкому прорыву. Этого я уже окончательно не понималъ: генералъ Ивановъ несомнѣнно способствовать нѣмецкому прорыву не имѣлъ ни малѣйшаго поползновенія, да и прорыва не послѣдовало, — такъ о чемъ же и говорить? Находились и такіе (въ числѣ ихъ и новый сенаторъ О. О. Грузенбергъ), которые вмѣняли Иванову въ вину слѣдующее: гдѣ-то по дорогѣ въ Петроградъ, на какой то станціи части Иванова встрѣтили поѣздъ, шедшій изъ Петрограда къ фронту; среди ѣхавшихъ въ томъ поѣздѣ солдатъ, направлявшихся, видимо, въ дѣйствующую армію съ революціонными лозунгами, было двое, которые намѣренно не отдали установленной чести чуть ли не самому Иванову; тогда Ивановъ кого то изъ нихъ ударилъ и обоихъ (кажется, не ошибаюсь) поставилъ на колѣни. Обвинители ген. Иванова признавали, что онъ былъ вправѣ ихъ разстрѣлять, но приходили въ ужасъ отъ того надругательства надъ личностью солдата, которое допустилъ старикъ-генералъ, и высказывались за преданіе его суду. Я полюбопытствовалъ узнать, подали ли оскорбленные солдаты на Иванова жалобу, хотя бы уже послѣ торжества революціи. Оказывается, что нѣтъ, а за нихъ обижаются Муравьевъ и Грузенбергъ. Каюсь, не люблю я ручной расправы ни въ какомъ видѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ, но не могъ же я не обратить вниманія на то, что за расправу съ двумя солдатами, прошедшую безслѣдно и не вызвавшую никакого нигдѣ волненія, предавать суду, во всякомъ случаѣ, не дѣло верховной комиссіи; я и теперь держусь того же мнѣнія подъ страхомъ быть причисленнымъ къ реакціонерамъ: на это, мнѣ казалось и кажется, были въ полномъ составѣ соотвѣтствующія судебныя власти, ничуть комиссіею не упраздненныя. Чѣмъ дѣло кончилось, не умѣю сказать. При мнѣ ген. Ивановъ не былъ привлеченъ къ отвѣту, но потомъ? У насъ всегда обиліе разсужденій мѣшало опредѣленнымъ и безповоротнымъ рѣшеніямъ.

Если осложненія по вопросу объ Ивановѣ волновали меня не только какъ юриста и судью, но и какъ человѣка, стыдящагося быть не благодарнымъ къ защитникамъ Россіи отъ вражескаго нашествія, то второй вопросъ, вопросъ о провокаторахъ, задѣлъ меня исключительно въ качествѣ юриста. Я уже упоминалъ, что амнистія временнаго правительства помиловала и провокаторовъ, которыми пользовались охранныя отдѣленія. Такимъ образомъ судить провокаторовъ, напримѣръ, за организованныя ими террористическія покушенія было уже нельзя. Положимъ, ихъ не судили*, или не наказывали** и при царѣ, но

---

* Чтобы не ходить далеко, ограничусь напоминаніемъ объ Азефѣ. Правда, многіе его считаютъ революціонеромъ, который прикинулся провокаторомъ, и не признаютъ въ немъ провокатора, прикинувшагося революціонеромъ. «Не мастерица я полки то различать», но ссылка моя на Азефа, во всякомъ случаѣ, оправдывается тѣмъ, что правительство видѣло въ немъ провокатора и потому не хотѣло судить.

** На рубежѣ царствованій императоровъ Александра III и Николая II въ петербургской судебной палатѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, судился и былъ

тогда власть имущіе этого хотѣли, а теперь это, говоря словами Петра Великаго, «несмотря учинено было». Я всегда держался того мнѣнія, что помилованіе, хотя и ошибочное, назадъ взято быть не можетъ*; но на мою пословицу: «что съ возу упало, то пропало», новые властители предпочли отвѣтить своей: «не мытьемъ, такъ катаньемъ»; и такая тенденція нашла себѣ откликъ въ Н. К. Муравьевѣ, который повторялъ, что провокаторы не должны остаться безнаказанными, а потому нужно найти статью закона, по которой ихъ можно было бы судить, не взирая на амнистію. Такъ какъ должностныя преступленія не подошли подъ амнистію, то и возникла мысль предавать провокаторовъ суду за превышеніе власти. Мысль эту поддержалъ и сенаторъ Грузенбергъ. Въ мою голову такая концепція рѣшительно не вмѣщалась. Прежде всего какія же должностныя лица провокаторы? А потомъ, если они должностныя лица, то, значитъ, служебныя обязанности ихъ исчерпывались этой самой провокаціей; слѣдовательно, не занимаясь ею, они впадали въ бездѣйствіе власти. Какимъ же образомъ возможно усмотрѣть превышеніе власти въ отправленіи служебныхъ обязанностей? Вѣдь между превышеніемъ и бездѣйствіемъ власти есть у каждаго должностного лица законное несеніе своей службы. Куда же оно дѣвалось у провокаторовъ? Я чувствовалъ, что мое брезгливое отношеніе къ провокаціи не ослѣпляетъ меня до степени желанія «натянуть законъ», и волновался, оберегая не провокаторовъ, а правовой порядокъ и судебное безпристрастіе. Правъ ли я или нѣтъ, но самый вопросъ былъ, очевидно, не изъ сложныхъ; тѣмъ не менѣе его долго, въ нѣсколько пріемовъ, обсуждали, пока не восторжествовала точка зрѣнія Муравьева и Грузенберга. Соотвѣтствующее постановленіе комиссіи осталось мнѣ неизвѣстнымъ (или мною забыто), но я помню, что былъ изготовленъ въ такомъ именно смыслѣ циркуляръ для разсылки всѣмъ окружнымъ судамъ**.

Къ вѣдѣнію президіума комиссіи въ коллегіальномъ составѣ относилось, какъ привлеченіе въ качествѣ обвиняемыхъ, такъ и дальнѣйшее направленіе оконченныхъ слѣдствій.

При мнѣ, насколько помню, ни одно слѣдствіе не было закончено, но мы потратили много времени на обсужденіе вопроса о дальнѣйшемъ направленіи

осужденъ нѣкто Яголковскій, жившій въ Брюсселѣ по выданному ему изъ департамента полиціи паспорту на имя барона Унгернъ-Штернберга и организовавшій тамъ покушеніе на мѣстнаго генеральнаго прокурора. Тогда же говорили, что Яголковскій послѣ осужденія исчезъ изъ тюрьмы и наказанія не отбывалъ.

* Со мною былъ такой случай. Истолковавъ манифестъ 11-го августа 1904 года слишкомъ льготно для одной группы отбывающихъ наказаніе, я, по должности прокурора новгородскаго окружнаго суда, объявилъ какому-то арестанту царскую милость и немедленно освободилъ его отъ дальнѣйшаго содержанія подъ стражею. Потомъ выяснилось, что надобно толковать манифестъ иначе и что арестанта этого еще слѣдовало выдержать въ тюрьмѣ цѣлый годъ. Нѣкоторое время спустя, министерство юстиціи запросило меня о причинахъ преждевременнаго освобожденія этого человѣка. Я отвѣчалъ, что, объявивъ ему милость именемъ царя, я уже не могу вновь арестовать помилованнаго, хотя и ошибочно, а за свою ошибку, если она будетъ сочтена непростительной готовъ нести личную отвѣтственность. Переписка на этомъ и прекратилась.

** И въ этомъ роковое сходство съ Щегловитовскими пріемами. По закону судебную практику объединять руководящими указаніями предоставлено только сенату, да и сенатскіе указы, внѣ даннаго дѣла, обязательны imperio rationis, non ratione imperii. Щегловитовъ же притязалъ на то, что его толкованіе закона должно имѣть непререкаемую силу для всей «судебной челяди»; я помню, что прокурору казанской палаты А. А. Чебышеву не прошло даромъ иное мнѣніе по этому поводу. Какъ приняли судьи и слѣдователи нашъ циркуляръ о провокаторахъ, я не имѣю свѣдѣній, но самый фактъ посылки такого циркуляра есть, по моему, «щегловитовская» узурпація сенатской власти.

дѣла Сухомлинова. Дѣло это, какъ я уже говорилъ, возникло и было почти завершено еще при царѣ; возбуждено оно было не Штюрмеромъ, вопреки тому, что появлялось еще недавно въ печати, и въ честности побужденій министровъ юстиціи А. А. Хвостова и А. А. Макарова, боровшихся противъ попытокъ оборвать ходъ слѣдствія, не можетъ быть мѣста основательному и добросовѣстному сомнѣнію; производилъ слѣдствіе сенаторъ И. А. Кузминъ, когда то пользовавшійся извѣстностью въ качествѣ слѣдователя по выдающимся дѣламъ *; наблюдалъ за слѣдствіемъ сенаторъ В. П. Носовичъ, занимавшій должность оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента, слывшій мягкимъ обвинителемъ и долго бывшій въ тѣни при Щегловитовѣ **. Для меня рѣшительно невѣроятно, чтобы два эти человѣка могли, хотя бы по невѣдѣнію, играть въ руку Штюрмера: оба они, каждый по своему, честно и стойко работали надъ дѣломъ Сухомлинова, и, если что становилось имъ поперекъ на пути изобличенія обвиняемаго, то это было желаніе придворныхъ круговъ и, нашедшей надлежащіе ходы, жены бывшаго министра прекратить слѣдствіе, а никакъ ужъ не вымышленность вины.

Почему дальнѣйшее направленіе дѣла о Сухомлиновѣ было пріурочено къ нашей комиссіи, для меня такъ и осталось тайною. Слѣдователь и прокуроръ по этому дѣлу въ составъ комиссіи не вошли, и слѣдствіе кончилось безъ нашего участія. Но В. П. Носовичъ кѣмъ то былъ принужденъ потерять цѣлый рядъ рабочихъ дней, докладывая у насъ въ президіумѣ собранныя по дѣлу улики, читая намъ составленный имъ обвинительный актъ и повергая на обсужденіе наше предложенные имъ обвинительные пункты. Я держусь того мнѣнія, что составить себѣ окончательное убѣжденіе въ чьей либо виновности или невиновности можно только, прослушавъ и, я бы сказалъ, выстрадавъ полностью все судоговореніе по дѣлу, а сколько нибудь основательно предположить о виновности обвиняемаго нельзя съ чужого голоса безъ личнаго и, притомъ, внимательнаго, въ тиши своего кабинета, ознакомленія съ подлинными протоколами предварительнаго слѣдствія. Поэтому мнѣ по неволѣ приходится теперь писать скорѣе о впечатлѣніяхъ, чѣмъ о самомъ дѣлѣ.

Ярко помнится мнѣ принесенная Носовичемъ таблица соприкасавшихся съ Сухомлиновымъ шпіонскихъ организацій. Въ центрѣ таблицы, составленной на основаніи данныхъ слѣдствія, означенъ былъ особымъ кружкомъ Сухомлиновъ, а вокругъ него, ближе или дальше, значились въ видѣ меньшихъ кружковъ лица, такъ или иначе приходившія съ нимъ въ соприкосновеніе; ихъ кружки были окрашены тремя красками: одна — для лицъ, осужденныхъ за шпіонство, другая (если не ошибаюсь) — для обвиняемыхъ въ шпіонствѣ, но еще не осужденныхъ, и третья — для успѣвшихъ скрыться за границу ранѣе ихъ изобличенія въ шпіонствѣ. Такихъ кружковъ, припоминается мнѣ, было семнадцать. Въ дополненіе къ этому, кстати будетъ еще упомянуть о двухъ фактахъ: по слѣдствію оказалось, что пресловутый Мясоѣдовъ былъ Сухомлиновымъ, не умѣю выразиться иначе, навязанъ дѣйствующей арміи, вопреки сопротивле-

* Лично я не принадлежалъ къ числу безусловныхъ поклонниковъ слѣдственныхъ дарованій сенатора И. А. Кузмина; но я здѣсь говорю не о своемъ, а объ общемъ мнѣніи; да къ тому же несомнѣнная чистота и самостоятельность И. А. Кузмина, какъ судебнаго дѣятеля, всегда считалась безспорною.

** О В. П. Носовичѣ мнѣ придется говорить еще далѣе. Дѣятельность его въ качествѣ министра при Деникинѣ не вызываетъ моего одобренія, но я не смѣю думать, что, напримѣръ, у меня на мѣстѣ Носовича вышло бы лучше. И любовь къ родинѣ, и преданность долгу, и талантливость В. П. Носовича, — все это, по моему, должно быть признано.

нію нѣсколькихъ главнокомандующихъ, которымъ уже и тогда репутація Мясоѣдова была достаточно извѣстна; одинъ же генералъ показалъ, что какъ-то ему пришлось позвонить по телефону въ кабинетъ военнаго министра, но министра въ кабинетѣ не было, а отвѣчалъ въ телефонъ Альтшуллеръ, знакомый Сухомлинова еще по Кіеву и несомнѣнный шпіонъ; видимо, онъ находился въ кабинетѣ министра одинъ. Осталось въ памяти и слѣдующее. Чуть ли не въ самый день одновременнаго взятія Львова и Галича, великій князь Николай Николаевичъ послалъ Сухомлинову телеграмму съ требованіемъ усиленнаго заготовленія снарядовъ и патроновъ, такъ какъ дѣйствительный ежедневный ихъ расходъ (опять таки, если не ошибаюсь) въ восемь разъ превышаетъ всѣ предположенія. Такія же требованія и отъ великаго князя и отъ главнокомандующихъ повторялись всю зиму; съ другой стороны, не было недостатка въ предложеніяхъ иностранцевъ поставлять снаряды; но Сухомлиновъ неизмѣнно всѣмъ отказывалъ, утверждая, что снарядовъ у насъ хватитъ, а въ апрѣлѣ 1915 года мы покатились изъ подъ Кракова назадъ изъ за недостатка, именно, снарядовъ и вооруженія *. По этому поводу былъ поставленъ въ президіумѣ комиссіи вопросъ, является ли такое поведеніе военнаго министра измѣною или только бездѣйствіемъ власти, повлекшимъ за собою важныя послѣдствія. И Кузминъ и Носовичъ усмотрѣли въ этомъ лишь бездѣйствіе власти; президіумъ комиссіи высказался за измѣну. Насколько я знаю, присяжные засѣдатели, судившіе Сухомлинова, склонились къ мнѣнію Кузмина и Носовича, такъ что на насъ можетъ пасть обвиненіе въ — «запросѣ». Я всегда возставалъ противъ превращенія, по моей терминологіи, суда въ лавочку, гдѣ можно торговаться, и рѣшительно возражалъ тѣмъ прокурорамъ, которые повышали обвиненіе только съ тою цѣлью, чтобы присяжнымъ засѣдателямъ «было съ чего спустить». А тутъ и я послѣ большого раздумья, подалъ голосъ за составленіе обвинительнаго пункта по признакамъ измѣны. Сдѣлалъ я это вотъ почему. Я всегда отличалъ отъ запроса назначеніе высшей изъ разумно возможныхъ цѣнъ; иными словами, я не только не возражалъ, но и самъ ставилъ на судъ дѣла по признакамъ болѣе тяжкаго преступленія, если обстоятельства были таковы, что квалифицирующіе признаки, не вполнѣ установленные предварительнымъ слѣдствіемъ, могли быть окончательно выяснены на судебномъ слѣдствіи въ условіяхъ устности, недоступной въ моментъ преданія суду. Относительно Сухомлинова я разсуждалъ такъ. Не озаботиться достаточнымъ запасомъ снарядовъ и вооруженія во время

* Не въ текстѣ, а въ подстрочномъ примѣчаніи приведу еще два факта, сравнительно рельефно удержанные моей памятью. Первый таковъ. Какая то свидѣтельница удостовѣрила, что ей пришлось передъ самой войной брать свой вкладъ изъ Deutsche Bank въ Берлинѣ, и тогда она случайно слышала разговоръ, въ которомъ служащіе банка упомянули о текущемъ у нихъ счетѣ русскаго военнаго министра. Но и тогда я жалѣлъ, что война препятствуетъ надлежащей провѣркѣ этого показанія. Второй фактъ сводится къ слѣдующему. Дымная завѣса изобрѣтена русскимъ, но въ войнѣ ее примѣнили первые не мы, а нѣмцы въ Восточной Пруссіи. Объяснялось это тѣмъ, что послѣ какихъ то маневровъ передъ войною, когда иностранные военные агенты впервые увидѣли завѣсу, скрывавшую за дымомъ маневрировавшія войска, Дона-Шлобиттенъ попросилъ у Сухомлинова и получилъ отъ него одну изъ шашекъ, отъ удара которыхъ поднималась дымная завѣса. Но память моя не сохранила, чтобы я это слышалъ отъ В. П. Носовича. Зато я отчетливо помню, что мнѣ объ этомъ говорилъ Н. Е. Елачичъ, помощникъ статсъ секретаря государственнаго Совѣта, мой старый другъ и человѣкъ очень близкій Носовичу, особенно послѣ ихъ совмѣстной работы въ ревизіи члена государственнаго совѣта, сенатора С. С. Манухина, производившейся по поводу разстрѣла рабочихъ на Ленѣ. Источникъ таковъ, что разсказъ не звучитъ простой сплетнею, хотя и за достовѣрность его я поручиться не могу.

войны, когда рѣшается вся будущая судьба родины, слишкомъ большая для военнаго министра небрежность и естественной признана быть не можетъ; до такой степени бездѣйствовать могъ бы развѣ человѣкъ, или вовсе не свѣдующій въ военномъ дѣлѣ, или крайне ограниченный, или поразительно легкомысленный; ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ * считать Сухомлинова у меня не было основанія; а еще болѣе подозрительной становится подобнаго рода безпечность, если не упустить изъ виду, что командованіе арміи неустанно будило министра отъ сна, и не самому же ему и не на свои средства предстояло заняться изготовленіемъ всего нужнаго для успѣшнаго продолженія удачно начатой войны; къ тому же ослѣпленіе военнаго министра тѣмъ мэнѣе понятно для меня, что рядовые чины генеральнаго штаба уже впередъ видѣли нашъ отходъ съ Карпатъ **. По моему, если я оставилъ кого либо въ опасномъ мѣстѣ, хотя могъ его увезти и зналъ, что онъ, будучи мною оставленъ неминуемо погибнетъ, то я виновенъ въ умышленномъ убійствѣ ***, а если я не снабдилъ армію средствами борьбы, хотя могъ это сдѣлать, и зналъ, что иначе она потерпитъ пораженіе, то я виновенъ въ предательствѣ; правда, я, быть можетъ, смотрѣлъ и не видѣлъ, слушалъ и не слышалъ, внималъ и не понималъ, но такое состояніе для интеллигентнаго человѣка несомнѣнно ненормально, и установленіе его надобно предоставить во всей широтѣ присяжнымъ засѣдателямъ и, вообще, рѣшающимъ дѣло судьямъ, не предрѣшая этого за нихъ впередъ.

Обсуждалъ президіумъ комиссіи и другой вопросъ по сухомлиновскому дѣлу: вопросъ о преданіи суду жены Сухомлинова. И здѣсь я подалъ голосъ за преданіе ея суду. Она была оправдана, и я не отрицаю, что улики противъ нея были невелики. За то, чтобы включить и ее въ обвинительный актъ, выставлялся при обсужденіи такой выводъ: бываетъ, что подсудимаго оправдываютъ вслѣдствіе искусной защиты, построенной на томъ, что другой соучастникъ преступленія остался не привлеченнымъ къ дѣлу; хотя бы присяжные засѣдатели и не обвинили ни за что этого другого соучастника, если бы онъ предсталъ передъ ними въ качествѣ второго подсудимаго, но, когда они его видятъ лишь свидѣтелемъ или судятъ о немъ даже вовсе заглазно, улики противъ него могутъ быть преувеличены тѣмъ легче, что такое преувеличеніе не грозитъ ничѣмъ, а въ итогѣ является несправедливое оправданіе дѣйствительно виновнаго. Я привелъ этотъ доводъ во всей его наготѣ и тутъ же долженъ прибавить, что не возражалъ противъ него ни словомъ ****, хотя раньше никогда не могъ слышать его

* Легкомысленнымъ называли Сухомлинова часто, но примѣры приводили исключительно изъ области его романическихъ увлеченій и разстройства денежныхъ его дѣлъ. О служебномъ легкомыслiи его я тогда не слыхалъ ни отъ кого.

** Помню, какъ я услыхалъ въ передачѣ М. А. Черепниной, жены композитора, еще до того, когда наше отступленіе изъ Галиціи приняло опредѣленныя очертанія, поразившія меня слова штабного офицера: «кампанія этого года нами будетъ проиграна безповоротно; только на будущій годъ и можно надѣяться». Установить точно время нашего разговора я не въ состояніи, но приведенныя мною слова въ первой ихъ части считаю не ретроспективными, а пророческими, вотъ почему. Тогда же мы, переоцѣнивая патріотизмъ денежныхъ нашихъ тузовъ, утѣшались, что пораженія, вѣроятно, не будетъ, такъ какъ торгово-промышленные круги, которые должны почти все знать, веселятся безъ удержу, точно послѣ побѣды. Такое соображеніе было бы, конечно, неумѣстно, если бы самый разговоръ слѣдовалъ за выясненіемъ русской неудачи.

*** Есть, правда, особая статья, карающая за оставленіе въ опасномъ мѣстѣ, но она отличаетъ отъ убійцы, по моему сужденію, только такихъ лицъ, которыя не знали, а лишь должны были допускать возможность опасности для оставленнаго.

**** Не возражалъ противъ него и Н. К. Муравьевъ, что меня удивляло: этимъ онъ какъ бы молчаливо признавалъ значительную вѣроятность такого печальнаго пріема

безъ рѣшительныхъ опроверженій. Конечно, что бы ни говорила наука уголовнаго права, но, при существовавшихъ въ Россіи, да, кажется, и почти повсюду, способахъ наказанія, я не могъ закрывать глаза на то, что въ дѣйствительности подсудимый становился въ извѣстной мѣрѣ средствомъ, а не цѣлью, поскольку смыслъ приговора сводился къ старинной формулѣ: «дабы другимъ не повадно было», а не то, такъ и къ болѣе новой, но не менѣе неутѣшительной: «чтобы обезвредить его хоть на нѣкоторое время въ интересахъ окружающихъ». И все же такое отступленіе отъ надлежащаго отношенія человѣка къ человѣку должно, по сужденію моему, быть допускаемо только въ строгихъ рамкахъ закона, и ужъ никакъ нельзя сажать людей на скамью подсудимыхъ, видя въ томъ лишь средство къ вѣрнѣйшему обвиненію другихъ. И я во всю свою прокурорскую жизнь безтрепетно «отшивалъ» отъ дѣла всѣхъ сообвиняемыхъ, которыхъ, несмотря порою на значительныя улики, самъ бы по совѣсти ни за что обвинить не могъ. Какое же у меня было въ данномъ случаѣ distinguo? А вотъ какое. Каждый участникъ уголовнаго процесса, сколько нибудь сложнаго, если вложилъ въ него душу, знаетъ, что итогъ собранныхъ противъ подсудимаго уликъ часто не равенъ, такъ сказать, арифметической ихъ суммѣ: иногда больше ея, а иногда меньше. Порою бываетъ такъ, что каждая улика полновѣсна, а въ итогѣ обвиненіе расползается во всѣ концы: что то шепчетъ настойчиво и повелительно о невиновности. А бываетъ и такъ, что улики, каждая въ отдѣльности, отличаются неуловимыми очертаніями, а въ итогѣ нарастаетъ убѣжденіе въ виновности (окончательное — на судѣ, предположительное — до суда). Вотъ почему я не опровергалъ принципіально, по моему, кривого довода: я допускалъ, что жену Сухомлинова, хотя среди шпіоновъ, окружавшихъ ея мужа, былъ и ея двоюродный братъ, оправдаютъ за недостаточностью уликъ, но внутренній голосъ говорилъ мнѣ противъ непричастности ея къ винѣ мужа, и высказаться за ея оправданіе до гласнаго судебнаго разбирательства я не рѣшился.

И о привлеченіи къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго совѣщались мы только по одному дѣлу. Но на этотъ разъ слѣдствіе было наше. Касалось оно послѣдняго царскаго министра юстиціи, сенатора и егермейстера Н. А. Добровольскаго, на котораго упало подозрѣніе, непріятно даже написать, во взяточничествѣ.

Слѣдствія, по которымъ могли быть привлечены лица, содержавшіяся въ Петропавловской крѣпости, были распредѣлены между членами комиссіи. Сенаторъ Добровольскій достался не мнѣ, а сенатору Б. Н. Смиттену, и оттого я зналъ по этому дѣлу и въ то время только докладъ, выслушанный въ засѣданіи президіума, теперь же и доклада хорошо не помню. Какъ мнѣ сейчасъ представляется, Н. А. Добровольскому вмѣнялось въ вину корыстное испрошеніе высочайшаго помилованія для какого то осужденнаго (кого именно и за что, память моя не удержала); улики сводились къ тому, что Добровольскій видѣлся съ осужденнымъ у Распутина, хлопоталъ за осужденнаго передъ своимъ предшественникомъ по должности министра и, самъ ставъ министромъ, добился помилованія; осужденный на слѣдствіи, конечно, отрицалъ взятку, но, если не ошибаюсь, въ дѣлѣ были свѣдѣнія, что онъ не всегда такъ говорилъ. Со стороны можетъ показаться страннымъ, что я забылъ подробности дѣла, по которому обвинялся мой бывшій, хотя и кратковременный, начальникъ и при-

---

защиты, какъ «сваливанье съ больной головы на (хотя бы лишь сравнительно) здоровую».

томъ въ преступленіи, столь необычномъ для судебнаго вѣдомства. Но и не отрицая того, что я, 51-го года отъ роду, уже чувствую начало своего конца, а потому, изъ боязни смѣшать и спутать, пишу съ постоянными оговорками и даже оставляя особо сомнительное прямо недоговореннымъ, я все же рѣшаюсь сказать, что обвиненіе Добровольскаго не вызвало во мнѣ удивленія, и вотъ изъ за чего. Еще раньше, когда онъ былъ оберъ-прокуроромъ перваго департамента сената, о задолженности его говорили очень многіе и очень много; эта задолженность, повидимому, и была причиной, заставившей его сблизиться съ подчиненнымъ своимъ, состоявшимъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ первомъ департаментѣ Дандре, о которомъ ходили самые черные слухи и по сенату, и по городскому управленію; у этого дѣльца, а не дѣятеля, были векселя Добровольскаго, и тотъ оказывалъ своему заимодавцу покровительство, пока, наконецъ, Дандре не попался и не вынужденъ былъ прекратить свое государственное и общественное служеніе. И помимо того, Добровольскій былъ извѣстенъ какъ человѣкъ небрегущій службою, любящій хорошо поѣсть и поразвлечься, причемъ неразборчивость бывшаго губернатора доходила до высокой степени. Разскажу здѣсь одинъ фактъ, который въ свое время чрезвычайно поразилъ меня. Добровольскій по должности оберъ-прокурора перваго департамента былъ инспекторомъ сенатскаго зданія и оно при немъ увеличилось почти вдвое путемъ присоединенія сосѣдняго дома, принадлежавшаго Полякову, куда и перешли, послѣ соотвѣтствующихъ приспособленій, кассаціонные департаменты. Какъ я ни близорукъ, но и меня поразило, что великолѣпныя двери нашихъ залъ снабжены простыми мѣдными ручками. Но мнѣ тогда пояснили, что ручки были бронзовыя и отличной работы, да только Добровольскій на свой счетъ пріобрѣлъ мѣдныя, которыми и замѣнилъ бронзовыя, а тѣ увезъ къ себѣ въ деревню.

Даже сторожа, и тѣ покачивали головами, передавая такую удивительную исторію. Если къ этому прибавить, что связь Добровольскаго съ Распутинымъ была для меня несомнѣнна, такъ какъ о предстоящей замѣнѣ ужо не дверныхъ ручекъ, а Макарова Добровольскимъ я погодя узналъ отъ распутинца Манасевича-Мануйлова, то, быть можетъ, я окажусь уже не столь виновенъ въ довѣріи, хотя бы и излишнемъ, къ обвиненію такого дѣятеля въ платномъ помилованіи, при условіи первоначальныхъ о томъ переговоровъ черезъ того же Распутина*.

Больше мы, насколько я помню, никого не привлекали въ качествѣ обвиняемаго, но толковали, какъ теперь принято выражаться, въ этой плоскости относительно нѣсколькихъ лицъ.

Мнѣ тогда же говорили, со ссылкою на извѣстнаго присяжнаго повѣреннаго Н. П. Карабчевскаго, что А. Ф. Керенскій думалъ о преданіи суду даже отрекшагося императора. Отъ Керенскаго я того ни разу не слышалъ, но въ нашей комиссіи Н. К. Муравьевъ бродилъ вокругъ да около этого вопроса, не поднимая, а такъ сказать, шевеля его по разнымъ поводамъ. Я уже упоминалъ, что высочайшій указъ отъ 26 февраля 1917 года о новой отсрочкѣ созыва государственной думы былъ вписанъ кн. И. А. Голицынымъ въ заранѣе дан-

---

* Трагическая смерть Н. А. Добровольскаго въ Пятигорскѣ, погибшаго въ октябрѣ 1918 г. подъ ударами большевицкихъ шашекъ одновременно съ генералами Н. В. Рузскимъ и Радко-Дмитріевымъ, сенаторами Н. С. Крашенинниковымъ и бар. Н. Н. Медемомъ и др. какъ-то миритъ меня съ памятью погибшаго такъ ужасно. Я даже думалъ было вовсе выпустить все изложенное здѣсь о Добровольскомъ, но отказался отъ первоначальнаго намѣренія: личныхъ счетовъ съ покойнымъ у меня не было, и я писалъ о немъ не какъ о частномъ лицѣ, а какъ о государственномъ дѣятелѣ.

ный ему государемъ бланкъ съ царскою внизу подписью. Это удостовѣрилъ самъ князь Голицынъ на допросѣ въ засѣданіи президіума, уже послѣ освобожденія своего изъ подъ стражи. Когда онъ удалился изъ засѣданія, Муравьевъ сперва возбудилъ вопросъ о подлогѣ, который, по его мнѣнію, совершилъ Голицынъ. Мысль эту пришлось, разумѣется, тутъ же бросить, такъ какъ подлога не можетъ быть, если текстъ вписывается съ вѣдома и согласія лица, впередъ давшаго свою подпись: никто изъ насъ не имѣетъ основанія не вѣрить кн. Голицыну, что бланкъ съ подписью государь далъ ему, именно, для вписанія туда указа о роспускѣ думы, предоставивъ ему самому избрать для этого подходящій моментъ. Тогда Муравьевъ заговорилъ, что едва ли государь имѣлъ право отчуждать такимъ образомъ въ другія руки свою верховную власть. Я тутъ же отвѣтилъ, что ни одинъ носитель верховной власти не можетъ всюду поспѣть самъ и вынужденъ ползоваться исполнителями, а исполнители не граммофоны и, будучи живыми людьми и, при томъ, дѣйствуя на разстояніи отъ уполномочившаго ихъ государя, да еще иногда въ обстоятельствахъ неожиданныхъ, сложныхъ и вызывающихъ необходимость въ неотложныхъ распоряженіяхъ, неизбѣжно должны пользоваться извѣстной свободой усмотрѣнія. Но главное въ своемъ отвѣтѣ я приберегъ къ концу: я сказалъ, что, если бы я и ошибался, вопросъ все равно лишенъ значенія, такъ какъ государь по русскимъ законамъ суду за свой дѣйствія, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ. Ко мнѣ присоединился еще кое кто изъ членовъ президіума, и вопросъ былъ брошенъ, но не оставленъ.

Вновь онъ выплылъ въ видѣ измѣны царя и царицы родинѣ. Насколько я могъ понять, Муравьевъ считалъ правдоподобнымъ всѣ глупыя сплетни, которыя ходили о томъ, что царь готовъ былъ открыть фронтъ нѣмцамъ, а царица сообщала Вильгельму II о движеніяхъ русскихъ войскъ. Любовь къ нѣмцамъ, «влеченье, родъ недуга», таилась на крайней лѣвой, но тогда всего злого искали только вправо. Помню, заговорили у насъ о датскомъ кабелѣ, по которому будто бы императрица сносилась съ врагами. Оказалось, что кабель этотъ въ началѣ войны перерѣзали сами нѣмцы, а, когда мы его исправили, они испортили его вторично, послѣ чего мы его уже такъ и бросили. Стало и для легковѣрныхъ ясно, что по перерѣзанному кабелю ни о чемъ не переговоришь даже съ Вильгельмомъ и что нѣмцы не перерѣзали бы кабеля, если бы до этого онъ служилъ имъ такую важную службу. Но датскимъ кабелемъ дѣло не ограничилось. Въ одной изъ послѣпраздничныхъ газетъ, изъ тѣхъ листковъ, что республиканскія убѣжденія смѣшивали съ грубою развязностью и, простите за рѣзкость вѣрнаго слова, хамствомъ, а потому печатали тогда о царской семьѣ разныя гадости*, появился какъ то рядъ телеграммъ, за подписью «Алиса» съ зашифрованными мѣстами отправленія и назначенія, содержаніемъ своимъ указывающихъ на измѣну. Аляповатость поддѣлки бросалась въ глаза, но Муравьевъ такъ и взвился. Возбуждено было особое предварительное слѣдствіе, которое производилъ (думаю, что помню безошибочно) харьковскій судебный слѣдователь Г. П. Гирчинъ, оставившій въ моей душѣ самую лучшую о себѣ память, какъ о

---

* Гадости эти доходили даже до гнусныхъ намековъ на происхожденіе цесаревича. Глядя, какъ раскупаются такіе листки, я невольно вспоминалъ двухъ моихъ знакомыхъ молодыхъ людей, почитаемыхъ окружающими за интеллигентовъ; оба они съ убѣжденіемъ говорили мнѣ, что Петръ Великій несомнѣнно сынъ патріарха Никона, и были озадачены, когда я указалъ имъ, что Петръ родился въ 1672 году, а Никонъ былъ низложенъ и удаленъ изъ Москвы въ 1667. Ужъ очень падки русскіе люди на сенсаціи, а подумать и провѣрить, видно, считаютъ совсѣмъ лишнимъ.

человѣкѣ и дѣятелѣ. Слѣдствіе, поведенное опытной рукой, съ первыхъ же шаговъ выяснило жалкую подкладку появленія этихъ телеграммъ, про которую можно сказать словами Лермонтова: «все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно». Сотрудникъ упомянутой газеты, молодой человѣкъ, ухаживавшій за барышней, служившей на телеграфѣ, посулилъ ей, въ поискахъ за сенсаціоннымъ матеріаломъ, коробку конфетъ за что-нибудь изъ ряда вонъ выходящее; барышня, спустя нѣсколько дней, передала ему пачку телеграммъ, о которыхъ сказано выше. Молодой человѣкъ съ торжествомъ показывалъ слѣдователю, какъ онъ раздобылся этими драгоцѣнными документами; но барышня на допросѣ смутилась, разволновалась и созналась въ поддѣлкѣ. Да поддѣлка была установлена съ несомнѣнностью и помимо ея сознанія: номера телеграммъ не отвѣчали дѣйствительнымъ номерамъ того телеграфнаго отдѣленія и за тотъ періодъ времени, которые были выставлены на телеграммныхъ бланкахъ; кромѣ того, оказалось, что зашифровать мѣсто отправленія нельзя. А главное, какъ вамъ нравится подпись: «Алиса»? Сочинительница, видно, великолѣпно знала, какъ можетъ и должна подписываться императрица... ужъ не умѣю сказать, въ какихъ случаяхъ: тогда ли, когда она хочетъ подписаться запросто, по дружески, или когда ей хочется прикрыться псевдонимомъ, но достаточно прозрачнымъ для праздной публики, читающей понедѣльничную газету. Мнѣ такъ и вспомнился раненбургскій почтмейстеръ, старичекъ, мечтательный лгунъ, разсказывавшій, какъ императоръ Александръ III угощалъ его чаемъ въ Гатчинскомъ дворцѣ и замѣтилъ императрицѣ съ ужасомъ: «Маша, развѣ ты не знаешь, что Иванъ Ѳомичъ любитъ съ ромомъ?» Въ обоихъ случаяхъ освѣдомленность о частной жизни царей — прямо на рѣдкость близкая. Тѣмъ не менѣе, глава нашей комиссіи еще не успокоился, и его опять было подняла попытка злополучной барышни взять свое сознаніе назадъ, какъ будто это сознаніе такъ ужъ было важно.

Я пишу теперь съ улыбкою, настолько все это кажется, при взглядѣ назадъ, несерьезнымъ, но тогда меня разговоры объ отвѣтственности государя и государыни очень волновали, звуча въ моихъ ушахъ чѣмъ то незаконнымъ, невеликодушнымъ, безтактнымъ и, къ тому же, безцѣльнымъ, какимъ то переливаніемъ изъ пустого въ порожнее по явной своей безнадежности. Мое мнѣніе о безнадежности всѣхъ поисковъ въ этомъ направленіи нашло себѣ высокое подтвержденіе въ показаніи того авторитетнаго свидѣтеля, о которомъ я упомянулъ въ самомъ началѣ своихъ воспоминаній (въ подстрочной выноскѣ). Допрашивалъ этого свидѣтеля въ Европейской гостинницѣ одинъ изъ нашихъ слѣдователей, а какой именно, память моя выронила: то представляется мнѣ товарищъ оберъ-прокурора сената Гитцъ, то московскій судебный слѣдователь Баркалъ. Но самый допросъ, на которомъ я присутствовалъ съ начала до конца, вспоминается живо. Свидѣтель удостовѣрилъ, что императрица не выносила Вильгельма II, какъ и всѣ члены владѣтельныхъ нѣмецкихъ родовъ, съ которыми тотъ обращался свысока, считая ихъ наравнѣ со всѣми, своими подданными. По словамъ свидѣтеля, онъ провелъ на императорской яхтѣ «Штандартъ» три дня съ государемъ, государыней и Вильгельмомъ, когда происходило свиданіе императора въ Балтійскомъ Портѣ. Вильгельмъ, какъ отозвался о немъ свидѣтель, былъ большого мнѣнія о своемъ остроуміи, но острилъ неудачно, что не мѣшало ему смѣяться своимъ шуткамъ первому. Императрица за обѣдами, завтраками и ужинами была очень холодна съ Вильгельмомъ, а шутки его и смѣхъ встрѣчала пожиманіемъ плечъ, такъ что царь старался вслѣдъ за тѣмъ быть съ гостемъ вдвое любезнѣе. Я нарочно привелъ это наблюденіе человѣка, освѣдомленность котораго стоитъ внѣ

спора, чтобы подкрѣпить такое свое разсужденіе: какая мать могла бы радѣть двоюродному брату въ ущербъ своему сыну? Вопросъ этотъ становится еще острѣе, если любовь къ сыну велика и очевидна, а любовь къ двоюродному брату, по меньшей мѣрѣ, сомнительна.

Какъ бы то ни было, всѣ попытки, правда, вялыя и безсистемныя, изобличить царя и царицу въ государственномъ преступленіи оказались покушеніемъ съ негодными средствами.

Угнетали меня и разговоры въ президіумѣ нашей комиссіи о преданіи суду А. А. Макарова. Изъ узниковъ Керенскаго было два министра, при допросѣ которыхъ я отказался присутствовать: Макаровъ и Маклаковъ. О Маклаковѣ, какъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, мнѣніе мое отличалось рѣшительно отрицательнымъ характеромъ: его пріемы управленія я считалъ и считаю прямо вредными; но мы были вмѣстѣ въ гимназіи, были на «ты», бывали другъ у друга, когда то относились другъ къ другу съ душевной пріязнью, такъ что мой отказъ едва ли покажется кому либо страннымъ. Что же касается Макарова, то я съ нимъ не встрѣчался до его назначенія министромъ юстиціи, но, конечно, слышалъ о немъ неоднократно и даже задолго до того, какъ онъ сталъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Общій отзывъ о немъ былъ какъ о формалистѣ и педантѣ. Многіе называли его просто сухимъ человѣкомъ. По должности министра внутреннихъ дѣлъ онъ прошумѣлъ на всю Россію своей рѣчью въ государственной думѣ о кровавомъ столкновеніи властей съ рабочими на ленскихъ пріискахъ*. Все это заставило меня невольно съежиться, когда онъ замѣнилъ А. А. Хвостова на посту министра юстиціи. Боязнь близкихъ служебныхъ отношеній съ «сухаремъ» заставила меня еще рѣшительнѣе, чѣмъ бы я это сдѣлалъ въ другихъ условіяхъ, отклонить его предложеніе быть у него директоромъ второго департамента министерства (по вопросамъ личнаго состава) заставила и горько пожалѣть о томъ, что онъ не отпустилъ меня съ должности прокурора петроградской судебной палаты на должность оберъ-прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента сената. Но совмѣстная моя работа съ Макаровымъ въ теченіе всего пяти мѣсяцевъ заставила меня отбросить недовѣрчивость: я увидѣлъ въ немъ, правда, человѣка несомнѣнно склоннаго къ формальности, но умѣющаго много работать, спокойно и внимательно прислушивающагося къ чужимъ мнѣніямъ и чужимъ возраженіямъ, уважающаго судъ и не останавливающагося передъ опасностью потерять министерскій постъ изъ за отстаиванія того, что ему представляется законнымъ и должнымъ. Объ этомъ читатели прочли въ первой части моихъ воспоминаній, гдѣ я счелъ себя нравственно обязаннымъ особенно оттѣнить его достойное поведеніе по дѣлу Манасевича-Мануйлова. Керенскій и Муравьевъ не раздѣляли моей оцѣнки Макарова: они не могли забыть этой его рѣчи въ государственной думѣ, которая и мнѣ не нравилась. Но я со словъ самого Макарова зналъ, что онъ произносилъ ее, довѣрившись докладу директора департамента полиціи, впослѣдствіи столь своеобразно знаменитаго С. П. Бѣлецкаго, а докладъ оказался, выражаясь вѣжливо, одностороннимъ. Въ частности, многихъ переполошившая фраза: «Такъ было и такъ будетъ» — не была, по моему, такимъ криминаломъ, какъ ее принято считать въ кругахъ болѣе или менѣе лѣвой окраски: вѣдь она не значила, что Макаровъ сочувствуетъ поспѣшнымъ и

* Я стараюсь никогда не спорить о словахъ и не цѣпляться за слова. Но въ этой рѣчи меня непріятно рѣзнуло по сердцу нѣчто другое, а не слова: не знаю, правильно ли, но мнѣ почудилось въ ней черствое отношеніе къ человѣку и спокойствіе при видѣ пролитой крови.

неосновательнымъ выстрѣламъ въ безоружную толпу, и хотѣлъ онъ только сказать, что всегда и всякая власть была и будетъ вынуждена въ крайности подавлять бунтарскія движенія вооруженной рукой, а лишь заблуждался на счетъ умѣстности такого пріема усмиренія въ данномъ, именно, случаѣ.

Я не могу придумать, по какой бы статьѣ закона привлекли А. А. Макарова за эту рѣчь, но еще раньше подвернулось другое дѣло, и вотъ за него и предполагалъ Н. К. Муравьевъ посадить бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ на скамью подсудимыхъ.

Многимъ, вѣроятно, памятенъ членъ государственной думы Малиновскій, большевикъ, произносившій въ думѣ крайне лѣвыя рѣчи и сложившій съ себя депутатскія полномочія; кажется, онъ немедленно послѣ этого скрылся за-границу, гдѣ былъ принятъ съ распростертыми объятіями самимъ Ленинымъ. Этотъ Малиновскій прошелъ въ думу по Москвѣ, при чемъ избранію его дѣятельно содѣйствовало московское охранное отдѣленіе: онъ состоялъ на службѣ въ тайной полиціи и получалъ жалованье, значительно увеличенное вслѣдъ за тѣмъ, какъ онъ сталъ членомъ думы, а рѣчи, произносимыя имъ съ трибуны, предварительно просматривались и поправлялись, если не сплошь составлялись, директоромъ департамента полиціи Бѣлецкимъ. Такъ вотъ, этотъ почтенный членъ законодательной палаты былъ, какъ это выяснилось потомъ, за кражу со взломомъ изъ обитаемаго строенія (и, кажется, дважды) осужденъ въ исправительныя арестантскія отдѣленія, при чемъ его, какъ и слѣдовало по закону, лишили всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ. Начальникъ московской «охранки», полковникъ Мартыновъ, человѣкъ рѣшительный и ухитрявшійся, какъ говорили, оплачивать изъ суммъ, отпускавшихся на розыски, своего кучера или свою кухарку, узналъ о такой подробности прошлой жизни агента, проводимаго въ члены думы, довольно поздно, въ самый разгаръ выборной кампаніи. Лишенные правъ, разумѣется, не могли, въ силу прямого запрещенія закона, быть членами государственной думы, и Мартыновъ не пожелалъ взять на себя отвѣтственность. Въ дѣлахъ нашей комиссіи была телеграмма, посланная имъ въ департаментъ полиціи. Мартыновъ сообщалъ, что избраніе Малиновскаго обезпечено, но указывалъ на его судимость и испрашивалъ инструкцій. На телеграммѣ или на докладѣ объ этой телеграммѣ (теперь уже не помню) рукою Бѣлецкаго, съ помѣткою двумя разными датами, были положены двѣ резолюціи; первая: «доложить его высокопревосходительству», а вторая: «его высокопревосходительство по докладу изволилъ приказать предоставить дѣло естественному теченію». За дословную точность моего воспроизведенія резолюцій я не ручаюсь, но тонъ я хорошо помню.

Муравьевъ находилъ, что всѣ эти данныя вполнѣ изобличаютъ Макарова. Я спрашивалъ: откуда видно? Онъ отвѣчалъ ссылкою на телеграмму Мартынова и на резолюцію Бѣлецкаго, называя ихъ вещественными доказательствами и документальными данными. Я возражалъ, что только захолустные слѣдователи называютъ вещественными доказательствами всякій хламъ, который имъ придетъ въ голову пріобщить къ дѣлу, а документомъ резолюціи могутъ быть лишь противъ писавшаго ихъ Бѣлецкаго. Неужели же, говорилъ я, вы сочтете достаточной письменной уликой противъ васъ мою записную книжку, въ которой я отмѣчу, Богъ знаетъ что, про вашъ вчерашній день? Муравьевъ отстаивалъ свою ультрапрокурорскую точку зрѣнія ссылкою на то, что директоръ департамента не посмѣлъ бы оболгать своего министра въ служебной бумагѣ. Я упорствовалъ на своемъ, утверждая, что, по моимъ наблюденіямъ, Макаровъ имѣетъ мужество не

отрекаться отъ своихъ поступковъ, а потому, пока онъ не признаетъ, что вторая резолюція положена съ его вѣдома и по его словесному распоряженію, я ни за что не повѣрю въ его виновность, тѣмъ болѣе, что онъ даже по пустымъ бумаженкамъ клалъ неизмѣнно собственноручныя обстоятельныя резолюціи своимъ характернымъ «уставомъ». Муравьевъ заявилъ, что уже допрашивалъ Бѣлецкаго, и тотъ настаиваетъ, что резолюція, положенная имъ, соотвѣтствуетъ истинѣ. Я уже начиналъ терять равновѣсіе, хотя и усиленно старался «держать себя за хвостъ». Взволнованно я отвѣтилъ, что не можетъ же Бѣлецкій сразу сознаться въ служебномъ подлогѣ, который такъ неожиданно для него всплылъ, хотя и долженъ былъ, по всей видимости, навсегда остаться погребеннымъ въ архивной пыли. И тогда Муравьевъ произнесъ, — этого я и теперь не могу забыть, — приблизительно слѣдующія слова: «Ужели вы думаете, — сказалъ онъ мнѣ, — что найдутся такіе присяжные засѣдатели, которые не осудили бы Макарова при какихъ угодно уликахъ?» Мнѣ до сихъ поръ стыдно вспомнить, какъ я вспыхнулъ и загорѣлся. Въ моей прокурорской службѣ иногда (къ счастью рѣдко) бывало такъ, что тотъ или другой товарищъ прокурора составлялъ обвинительный актъ не по лѣни* и не по легкомыслію**, а въ расчетѣ на довѣрчивость къ мундирнымъ людямъ и темноту захолустныхъ присяжныхъ засѣдателей ***. Я же, допуская постановку болѣе или менѣе сомнительныхъ дѣлъ въ крупныхъ центрахъ, гдѣ есть защита и гдѣ присяжные засѣдатели держатъ себя независимѣе и скорѣе излишне склонны къ оправданію, чѣмъ къ обвиненію, рѣшительно возставалъ противъ того, чтобы дѣла, оставшіяся до конца предварительнаго слѣдствія нераскушеннымъ орѣхомъ, ставились на судъ съ присяжными въ медвѣжьихъ углахъ и называлъ такой пріемъ «отправленіемъ правосудія со взломомъ» ****. Скажу больше, я какъ то душевно отходилъ отъ такихъ товарищей прокурора и считалъ ихъ въ корнѣ непригодными для отвѣтственной передъ Богомъ и честными людьми службы дѣлу суда. А тутъ предсѣдатель комиссіи — и какой же? верховной, — обнаруживаетъ намѣреніе поставить самое «праховое»

---

* Обвинительный актъ, по моему, легче составить, чѣмъ заключеніе о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія, если въ дѣлѣ есть кое какія улики: заключеніе требуетъ письменныхъ соображеній, тогда какъ въ обвинительномъ актѣ приводятся только факты. Поэтому, насколько мнѣ случалось наблюдать, лѣнивые люди безсознательно склоняются скорѣе къ составленію именно обвинительныхъ актовъ, если нельзя дѣло вернуть къ дослѣдованію, что, конечно, еще проще.

** Легкомысленными я называю обвинительные акты по обвиненію въ грабежѣ, когда обвиняемый стащилъ съ потерпѣвшаго послѣ драки шапку въ видѣ трофея и сейчасъ же ее на виду, такъ сказать, у всѣхъ пропилъ, или по обвиненію въ убійствѣ, когда обвиняемый подвергся нападенію со стороны убитаго, или, напримѣръ, по обвиненію въ уничтоженіи бумаги присутственнаго мѣста, когда обвиняемый разорвалъ повѣстку о вызовѣ его въ консисторію по иску жены къ нему о разводѣ.

*** Темнота, къ сожалѣнію, не требуетъ доказательствъ для тѣхъ, кто побывалъ, напримѣръ, въ Гдовѣ или Новой Ладогѣ: близость къ столицѣ и безплодіе земли высасываютъ все болѣе толковое и предпріимчивое. А довѣрчивость, искренняя или притворная, доходила въ захолустьяхъ до того, что присяжные на слова товарища прокурора въ обвинительной рѣчи: «и за это вы ихъ достойно покараете» со своихъ мѣстъ въ нѣсколько голосовъ (я не анекдоты разсказываю) отвѣчали съ готовностью: «покараемъ, ужъ вы не сомнѣвайтесь».

**** Ставъ прокуроромъ суда, я прибѣгъ къ строгому процѣживанію обвинительныхъ актовъ исключительно во имя долга, какъ я его понималъ. Но вскорѣ убѣдился, что такъ нужно поступать даже ярому обвинителю: вздорныя обвиненія дискредитируютъ прокуратуру въ глазахъ присяжныхъ засѣдателей, и они начинаютъ оправдывать и уже по «битымъ» дѣламъ, чего обыкновенно не бываетъ, если всѣ обвиненія въ теченіе сессіи оказываются основательными.

обвиненіе въ расчетѣ на политическое возбужденіе судей. Я все это и высказалъ Муравьеву. Подлинныхъ словъ своего возраженія, конечно, припомнить не могу, но слова, каюсь, были и въ безпорядочности ихъ потока рѣзкія. Почти навѣрное, я и о «такихъ» товарищахъ прокурора упомянулъ, да еще прибавилъ, что ихъ порядочными не почитаю. Надо отдать справедливость Муравьеву, — онъ покраснѣлъ, но изъ себя не вышелъ и отвѣтилъ, что я не понялъ его: онъ вполнѣ убѣжденъ въ силѣ собранныхъ противъ Макарова уликъ и только потому подаетъ голосъ за его привлеченіе. Устыдившись своей горячности, хоть и чувствуя, какъ сердце продолжаетъ неистово колотиться въ боку, я значительно спокойнѣе замѣтилъ, что я тоже юристъ и тоже судебный работникъ и не принадлежу къ числу упрямцевъ, не желающихъ прислушиваться къ противнымъ мнѣніямъ, а потому мнѣ удивительно, отчего я такъ и не понялъ, на чемъ же покоится это его убѣжденіе, и думаю, что не очень то оно обосновано, если остается неуловимымъ даже для человѣка, привыкшаго вращаться въ вопросахъ о силѣ доказательствъ. Споръ нашъ кончился, какъ обыкновенно, въ ничью: рѣшенія никакого постановлено, не было*.

Однимъ изъ наиболѣе бередящихъ душу вопросовъ для меня представлялся вопросъ, о которомъ я уже говорилъ въ первой главѣ: вопросъ арестантскій, касавшійся лицъ, сидѣвшихъ въ Петропавловской крѣпости. Хоть они были взяты подъ стражу не нами, и не за нами числились, но разслѣдованіе предполагаемыхъ ихъ преступленій было возложено на насъ, и это, по моему, насъ обязывало. Всѣ вокругъ считали, что арестантовъ держитъ комиссія, и выраженіемъ общаго мнѣнія въ моихъ глазахъ являлось прошеніе Н. П. Карабчевскаго, въ которомъ (если не ошибаюсь, по поводу ареста А. А. Вырубовой) было поставлено намъ въ вину содержаніе подъ стражею лицъ, остающихся безъ допроса цѣлыя мѣсяцы. Меня никогда не волновали укоры въ томъ, чего я не дѣлалъ, но здѣсь я чувствовалъ себя безъ вины виноватымъ. Я понималъ, что нельзя допрашивать человѣка, пока еще ищешь, не совершилъ ли онъ какого либо преступленія, но отсюда вытекало только то, что комиссія не могла ограничиться однимъ, такъ сказать, «отпихиваніемъ» отъ себя арестантовъ; и поэтому мнѣ было мало, что я добился этого, какъ разсказано въ предыдущей главѣ; я понималъ или, вѣрнѣе, чувствовалъ, что комиссія должна поставить принципіальный вопросъ о недопустимости дальнѣйшаго содержанія людей подъ замкомъ безъ привлеченія ихъ къ отвѣту въ законномъ порядкѣ. Прошеніе Карабчевскаго казалось мнѣ самымъ удобнымъ для того поводомъ. Но дни шли, а прошеніе это лежало на столѣ передъ Н. К. Муравьевымъ безъ движенія: насколько помню, Карабчевскому мы такъ ничего и не отвѣтили, даже не отписались формальнымъ отвѣтомъ, что за нами числится

* Пока я оставался въ комиссіи, Макаровъ, поскольку мнѣ извѣстно, привлеченъ къ слѣдствію не былъ. Въ началѣ большевицкаго владычества, когда Макаровъ содержался еще въ Петропавловской крѣпости и уже были инсценированы процессы Пуришкевича и гр. Паниной съ допущеніемъ защиты, я обратился къ женѣ Макарова съ предложеніемъ выступить защитникомъ ея мужа, если его будутъ судить. Я видѣлъ въ этомъ мой нравственный долгъ. Отвѣта я не получилъ и не очень удивился, такъ какъ до меня уже ранѣе доходили слухи о томъ, что она поставила на мнѣ крестъ, какъ на «слугѣ временнаго правительства». Затѣмъ, будучи уже въ Кіевѣ, я слышалъ сперва объ освобожденіи Макарова изъ подъ стражи, а затѣмъ о новомъ его арестѣ и разстрѣлѣ. Осенью 1918 года мнѣ въ Кіевъ доставлено было кѣмъ то запоздалое письмо Макарова, очень дружеское и ласковое, но доставившій подтвердилъ фактъ насильственной смерти Макарова, послѣдовавшей будто бы еще лѣтомъ. Лишь недавно, будучи уже за русскимъ рубежемъ, я узналъ, что Макарова разстрѣляли только въ 1919 году, и мнѣ горько, что я не попытался тогда ему отвѣтить словомъ уваженія и привѣта.

только сенаторъ Добровольскій, уже привлеченный и допрошенный въ качествѣ обвиняемаго*. И вѣдь я былъ не одинокъ со своимъ мнѣніемъ: если подсчитать, то, пожалуй, моихъ сторонниковъ оказалось бы больше; но всѣ мы были, видимо, лишены заговорщическихъ наклонностей и способностей, такъ что не догадались сговориться тайкомъ и, дѣйствуя затѣмъ скопомъ, заставить нашего предсѣдателя уступить волѣ большинства, а потому и рѣшали только тѣ вопросы, которые онъ вносилъ на общее обсужденіе. Чѣмъ дальше отходитъ отъ меня это мое прошлое, тѣмъ отчетливѣе я сознаю, что въ такомъ вопіющемъ беззаконіи и самъ я не безъ вины: и моего дегтю тутъ есть капля, дегтя слишкомъ легкаго подчиненія данному положенію вещей.

Во мнѣ все болѣло при мысли о моемъ безсиліи, и я ежедневно мучился и въ Зимнемъ Дворцѣ, и въ Петропавловской крѣпости.

Въ Зимнемъ дворцѣ насъ осаждали жены арестованныхъ, бѣдныя женщины на которыхъ мнѣ было тяжело глядѣть. Иногда нервы не выдерживали, и, со свойственной большинству нервничающихъ людей непослѣдовательностью, я, сердясь на самого себя, былъ несдержанъ съ просительницами. Мнѣ и сегодня совѣстно, именно совѣстно (передъ собой), а не стыдно (только передъ свидѣтелями), какъ я позволилъ себѣ отвѣтить женѣ генерала Спиридовича. Дѣятельность его не могла вызвать во мнѣ сочувствія; признаюсь въ томъ безъ раскаянія. Хотя онъ и написалъ двухтомную исторію русскаго революціоннаго движенія, точность, и позвольте такъ выразиться, корректность которой была въ моемъ присутствіи признана изъ противнаго лагеря Максимомъ Горькимъ, но я никогда не могъ забыть, что нѣсколько лицъ, болѣе или менѣе близко освѣдомленныхъ въ подробностяхъ дѣла объ убійствѣ Столыпина, въ ихъ числѣ и Макаровъ, такъ и не отдѣлались отъ впечатлѣнія о причастности къ этому преступленію ген. Курлова и ген. Спиридовича. Госпожа Спиридовичъ естественно просила за мужа, естественно возмущалась его арестомъ безъ допроса и указывала, что нѣкоторые узники были уже освобождены. Слова ея коснулись моего больного мѣста, а боль вырвала у меня слова, что если ужъ выпускать арестованныхъ, то не съ жандармовъ надобно начинать. Слова жестокія, неумѣстныя и знаменующія отказъ идти дальше вывѣски**. И я хоть при слѣдующихъ разговорахъ съ госпожею Спиридовичъ всемѣрно старался загладить свою первую выходку, но и теперь, когда пишу эти строки, мысленно прошу у нея извиненія. Менѣе я виноватъ передъ женой одного сенатора, бывшаго директора департамента полиціи. Пріемы ея мужа при сыскѣ мнѣ рѣшительно не нравились ***, но онъ задолго до революціи оставилъ должность дирек-

* Вспоминается, кстати, мое недоумѣніе при избраніи мѣры пресѣченія. Казалось бы, можно было оставить Добровольскаго на свободѣ, но какъ же освобождать человѣка, привлекаемаго за корыстное должностное преступленіе, когда остаются въ заключеніи люди, еще ни въ чемъ не обвиняемые? Изначальная нелѣпость родитъ послѣдствія.

** Разумѣется, необходимо отрѣшаться отъ вывѣсокъ и учиться смотрѣть на человѣка, а не на мундиръ. Но съ этими массовыми арестами, производившимися именно по вывѣскамъ, болѣе нежели по дѣятельности, порою приходилось упираться втупикъ. Помню, какъ В. Л. Бурцевъ просилъ при мнѣ Муравьева освободить жандарма-охранника Герасимова, предлагая себя въ поручители за него. Я и теперь думаю, что искусный охранникъ обошелъ Бурцева, притворившись раскаявшимся и обѣщая открыть «всю подноготную» сыска. Но арестъ Герасимова не становился отъ этого законнѣе. И тѣмъ не менѣе, я не могъ не сказать Муравьеву то же, что жестоко сказалъ госпожѣ Спиридовичъ: если ходатайствовать передъ Керенскимъ не за всѣхъ, а за избранныхъ, то не съ Герасимова начинать.

*** Онъ былъ моимъ предмѣстникомъ по должности прокурора окружнаго суда. До этого онъ занимался почти исключительно политическими дѣлами, да и послѣ вернулся

тора департамента полиціи, а вѣдь нужно же считаться съ уголовной давностью. Какъ то разъ Муравьевъ бросилъ мысль, что давность для враговъ народа можно, пожалуй, и отмѣнить, но я всегда брезгливо относился къ предположеніямъ о приданіи закону обратной силы, если только законъ не приноситъ съ собой льготъ и облегченій. Поэтому я со всею искренностью сказалъ просительницѣ, что уже доказывалъ необходимость освобожденія ея мужа по чисто формальнымъ основаніямъ. Когда же она замѣтила, что «при старомъ режимѣ никогда не держали подъ стражею дольше 24 часовъ безъ допроса», я не удержался и отвѣтилъ ей, что какъ разъ мужъ ея и повиненъ въ такихъ арестахъ, которые ничѣмъ по существу не отличаются отъ нынѣшнихъ. Я и теперь такъ думаю, но если бы у меня не изболѣла душа изъ за «петропавловцевъ» и за поруганный свободолюбцами законъ, я бы, разумѣется, позволилъ себѣ эти слова сказать развѣ самому арестованному, а никакъ не его несчастной женѣ.

Изъ другихъ посѣтительницъ припоминается мнѣ М. Ѳ. Щегловитова. Хоть я и буду говорить еще о моей оцѣнкѣ дѣятельности ея мужа нѣсколько ниже, но, думаю, для внимательнаго читателя уже и такъ ясно, какъ я относился къ бывшему министру юстиціи и послѣднему предсѣдателю государственнаго совѣта. Тѣмъ не менѣе, когда М. Ѳ. Щегловитова обратилась ко мнѣ, я уже ясно чувствовалъ, что И. Г. Щегловитовъ не лицо, а типъ, пріемлющій въ свое лоно и правыхъ, и лѣвыхъ, и что русская держава, какъ прежде, стоитъ «щегловитовщиною», то есть неуваженіемъ къ закону (въ значительной степени наивнымъ, выбивающимся откуда то изъ подоплеки) и переулочнымъ дѣленіемъ людей не горизонтальной чертою на умныхъ и глупыхъ, способныхъ и бездарныхъ, знающихъ и невѣждъ, порядочныхъ и безчестныхъ, а вертикальной, непроницаемой перегородкой на своихъ и чужихъ, единомысленныхъ (все равно, искренно или притворно) и инакомыслящихъ. Поэтому, хотя я и нащупывалъ уже, по моему, уголовно-наказуемые поступки Щегловитова, незаконный его арестъ начиналъ мнѣ казаться, сверхъ того, все болѣе и болѣе несправедливымъ. Да, онъ виноватъ, но и тѣ, кто его ввергнулъ въ узилище, въ такой же винѣ купаются. И я, съ убѣжденіемъ относившійся къ обоимъ супругамъ Щегловитовымъ опредѣленно отрицательно*, не лукавилъ теперь, соглашаясь съ госпожей Щегловитовой, что мужа ея нѣтъ достаточнаго основанія, а не только законнаго повода держать подъ стражею.

къ тому же. Какъ то онъ пріѣхалъ къ намъ на какое то разслѣдованіе по своей спеціальности. Меня удивило, что никто изъ товарищей прокурора, бывшихъ его сослуживцевъ, не пригласилъ его къ себѣ обѣдать; но они мнѣ объяснили, что не могутъ ему простить поученія, какъ нужно «честно» «создавать улики» по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ. Тогда же я услышалъ отъ нихъ суть этого поученія, и оно гвоздемъ засѣло въ моей головѣ. Вотъ оно, во всей его несравненной прелести. Если у васъ — говорилъ прокуроръ, будущій директоръ департамента полиціи своимъ подчиненнымъ, — нѣтъ прямыхъ доказательствъ, что такой то, тогда то былъ тамъ то, но вы по разнымъ даннымъ пришли къ непреложному убѣжденію, что это лицо дѣйствительно тамъ проживало въ то или иное время, призовите смышленнаго жандармскаго унтеръ-офицера или городового и разскажите ему всѣ свои о томъ соображенія, а затѣмъ спросите его: «Понялъ? Теперь знаешь, что обвиняемый тогда то жилъ тамъ то?» Онъ отвѣтитъ, конечно, утвердительно, а тогда вы предупредите его: «Такъ тебя вызовутъ на судъ и ты долженъ будешь показать, что онъ проживалъ тогда то, тамъ то, какъ тебѣ это положительно было извѣстно».

* Въ этотъ разъ я впервые разговаривалъ съ М. Ѳ. Щегловитовой, но представленіе о ней и ранѣе имѣлъ, какъ мнѣ кажется, исчерпывающее. Я держусь того мнѣнія, что жена министра, жена губернатора, вообще жена любого командующаго лица, въ какой

Но Зимній дворецъ былъ ничто въ сравненіи съ Петропавловскою крѣпостью. Тамъ для меня боль становилась порой прямо невыносимой. Я испытывалъ неловкость даже при входѣ въ камеры съ вѣстью объ освобожденіи. Это случилось уже въ самомъ началѣ моей работы по должности товарища предсѣдателя верховной комиссіи. Керенскій, рѣшивъ выпустить Горемыкина, кн. Голицына, Крашенинникова и Куколь-Яснопольскаго, отправился въ крѣпость лично и взялъ съ собою Муравьева и меня. До сихъ поръ помню своды потолка, рѣшетку окна, узко глядящаго гдѣ то вверху, чисто выметенный каменный полъ, стоящую изголовьемъ къ стѣнѣ кровать, умывальникъ и удобства съ проведенною водой въ камерахъ Крашенинникова и Куколь-Яснопольскаго, помню и то, что камера Горемыкина была болѣе похожа на жилую комнату, чуть ли не съ письменнымъ столомъ и съ окномъ, доходящимъ до чуть ли не паркетнаго пола. Тѣ помѣщались въ Трубецкомъ бастіонѣ, а эта въ какой то «куртинѣ», — прилагательное я позабылъ. Помню, какъ Крашенинниковъ быстро поднялся, при видѣ насъ, съ постели, удивленно глянулъ на меня, и съ какой то двойственной, насмѣшливо-страдальческой улыбкой слушалъ Керенскаго *. Помню, что Горемыкинъ освѣдо-

---

бы то ни было отрасли управленія, не помѣщается цѣликомъ въ рамкахъ только семейной, вполнѣ частной жизни. Не какъ жена своего мужа, а какъ жена именно министра, она становится до извѣстной степени оффиціальнымъ лицомъ и обязана очень и очень оглядываться на себя.

А вотъ отрывки изъ поступковъ жены министра юстиціи И. Г. Щегловитова, за достовѣрность которыхъ я ручаюсь.

Возвращаясь съ Кавказа въ Петроградъ одна, безъ мужа, М. Ѳ. Щегловитова не таила времени своего проѣзда черезъ Москву, и представители московской магистратуры и прокуратуры считали себя обязанными встрѣчать ее на вокзалѣ и подносить ей цвѣты. Она оставалась отъ поѣзда до поѣзда и мнѣ извѣстенъ случай, когда она приняла «обѣдъ запросто» въ «Прагѣ» отъ прокурора палаты, предсѣдателя и прокурора суда. Старшій предсѣдатель судебной палаты, человѣкъ безъ средствъ, отсутствовалъ. Хотя госпожа Щегловитова и повторяла за обѣдомъ, что вѣритъ искренности своихъ сотрапезниковъ, которые въ ней, конечно, цѣнятъ не жену министра, а добрую знакомую, но вскорѣ уже въ Петроградѣ, одному изъ нихъ пріѣхавшему къ ней съ визитомъ, сказала: «А у васъ въ Москвѣ есть старшій предсѣдатель? Я его никогда не вижу».

Тому же судебному дѣятелю, указывая на вазу, несомнѣнно цѣнную, госпожа Щегловитова сообщила цѣлую исторію ея происхожденія. Въ ней были поднесены женѣ министра цвѣты прокуроромъ одного изъ прикавказскихъ судовъ; она, было, ни за что не хотѣла брать вазы, говоря, что дорогихъ подарковъ принимать не желаетъ, но прокуроръ, — такой милый, — совсѣмъ смутился и, выражая готовность взять вазу назадъ, простодушно произнесъ: «только она, право, стоитъ всего шесть рублей». А тогда уже другое дѣло, и ей не было основанія отказываться отъ вазы.

Я не умѣлъ ко всему этому относиться хладнокровно, зная, какъ рѣдко среди насъ встрѣчаются люди сколько-нибудь обезпеченные.

* На другой день Н. С. Крашенинниковъ позвонилъ уже изъ своей квартиры по телефону въ мой кабинетъ и дружески поблагодарилъ меня за участіе въ его освобожденіи, такъ что только то чувство неловкости, которое мною владѣло наканунѣ, заставило меня тогда въ его удивленныхъ глазахъ прочитать укоръ.

Разскажу, кстати, здѣсь, въ подстрочномъ примѣчаніи, кое что изъ моихъ отношеній съ нимъ.

Впервые я встрѣтился съ Н. С. Крашенинниковымъ, когда онъ еще въ 1900 году былъ назначенъ предсѣдателемъ въ петербургскій окружный судъ, гдѣ я состоялъ товарищемъ прокурора. Съ ясными голубыми глазами на изможденномъ лицѣ, съ рѣчью какими-то неровными порывами, порою желчно-раздражительный, нервно-пристрастный, онъ меня подкупилъ своей огромною работоспособностью, своимъ исключительнымъ умѣньемъ схватывать на лету и въ точности формулировать мысли собесѣдника, своими знаніями въ гражданскомъ правѣ и тѣмъ особымъ качествомъ мышленія, которое отличаетъ настоящихъ цивилистовъ Божьею милостью, отъ цивилистовъ кустарнаго производства, своимъ безошибочнымъ пониманіемъ, кто изъ насъ чего стоитъ, и уваженіемъ

мился, какъ моя фамилія (видно я по лицу показался ему знакомымъ), и затѣмъ сталъ увѣрять, будто бы очень любилъ моего отца, а мой отецъ платилъ ему тѣмъ же; бѣдный старикъ имѣлъ жалко согбенный видъ, и я чувствовалъ, что слова его искренни, хотя и зналъ, что они не соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ отношеніямъ между нимъ и моимъ отцомъ*. Значительно бодрѣе держался ки.

къ чужой работѣ. Тогда онъ, и въ разгарѣ спора, даже горячась, заставлялъ себя вслушиваться и вдумываться въ доводы противника; тогда онъ былъ человѣкомъ свободомыслящимъ. Такъ выходило изъ его словъ, а зачѣмъ бы ему было притворяться передъ младшимъ сослуживцемъ? Помню, какъ его огорчило не менѣе, чѣмъ меня, извѣстіе о томъ, что А. А. Лопухинъ промѣнялъ судебную службу на должность директора департамента полиціи, да еще при Плеве.

Въ 1906 году насъ опять свела судьба: мы оба оказались въ петербургской судебной палатѣ, онъ — старшимъ предсѣдателемъ, а я — членомъ (по гражданскому департаменту). Съ первыхъ его шаговъ для меня стало очевидно, что передо мною человѣкъ, испугавшійся революціи и покатившійся по наклонной поверхности направо. Онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, бороться съ революціей, оставаясь судьею; онъ сталъ еще болѣе раздражителенъ и уже сердился на возраженія. Въ общемъ собраніи палаты онъ стремился къ самодержавному властвованію, и тутъ я испортилъ ему много крови; онъ неоднократно съ силою бросалъ на столъ карандашъ, слушая мои выступленія противъ него (не во имя, конечно, революціи, а во имя закона, на который по моему ни подъ какимъ предлогомъ нельзя садиться, какъ дѣлалъ щедринскій помпадуръ). Кончилось все это тѣмъ, что онъ поспособствовалъ въ 1908 году моему повышенію (назначенію товарищемъ оберъ-прокурора судебнаго департамента сената), лишь бы избавиться отъ меня. Но справедливость заставляетъ меня сказать, что онъ себя не продавалъ, а только увлекался, какъ страстный и пристрастный человѣкъ. Онъ не подыгрывался къ Щегловитову и не былъ его любимцемъ; умѣлъ отмежевываться иногда въ общемъ собраніи отъ попытокъ П. К. Камышанскаго, тогдашняго прокурора палаты, насѣсть на судебные уставы; послѣ рѣзкихъ выходокъ въ засѣданіи, не разъ въ совѣщательной комнатѣ былъ справедливѣе и мягче своихъ приспѣшниковъ; сохранилъ способность цѣнить хорошихъ работниковъ и — странное дѣло — явно оказывалъ больше уваженія независимымъ людямъ, чѣмъ угодливымъ, которыми, однако, пользовался во всю.

Въ теченіе семи лѣтъ мы изрѣдка встрѣчались въ министерствѣ юстиціи или на похоронахъ сослуживцевъ. Стороною я узналъ, что онъ, видимо, успѣвъ остыть, представлялъ меня на мѣсто покойнаго С. В. Кудрина въ предсѣдатели петербургскаго окружнаго суда, но и не подумалъ спросить моего согласія.

Въ 1915 году онъ былъ назначенъ, въ качествѣ сенатора, произвести ревизію московской администраціи по случаю нѣмецкаго погрома. Я собирался ѣхать на лѣто въ деревню, когда онъ предложилъ мнѣ быть его помощникомъ въ ревизіи. Видя мое удивленіе, котораго я не могъ скрыть, онъ пояснилъ, что хорошихъ работниковъ набрать не такъ ужъ трудно, но во мнѣ онъ видитъ человѣка, который всегда скажетъ свое искреннее мнѣніе, а онъ, приступая къ отвѣтственной работѣ, боится окружать себя только людьми, старающимися угадать его мнѣніе и не имѣющими собственнаго или имъ не дорожащими. Я, признаюсь, былъ этими словами подкупленъ и, послѣ суточнаго размышленія, согласился войти въ составъ ревизіи. Долженъ удостовѣрить, что Крашенинниковъ ни разу не забылъ, для чего онъ меня приглашалъ, и, напримѣръ, когда я пришелъ къ рѣшенію произвести одновременно нѣсколько (кажется, 10 или 12) обысковъ въ помѣщеніяхъ московскихъ правыхъ организацій, онъ, не морщась, подписалъ заготовленныя мною предложенія судебнымъ слѣдователямъ.

Кончая ревизію, онъ написалъ новому министру юстиціи А. А. Хвостову, что хочетъ имѣть меня предсѣдателемъ (гражданскаго) департамента палаты. Министръ (предполагая, что я объ этомъ освѣдомленъ и далъ согласіе) доложилъ государю, и мое назначеніе послѣдовало; но вновь совмѣстно служить съ Крашенинниковымъ мнѣ уже не пришлось: онъ, вслѣдъ за этимъ, отказавшись отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ, былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта.

Моя оцѣнка Крашенинникова двоится; я считаю его даровитымъ человѣкомъ, но принесшимъ много вреда своею страстностью и самовластной нетерпимостью: могъ быть выдающимся цивилистомъ, а сталъ неудачнымъ уголовнымъ судьею.

* И. Л. Горемыкинъ, оберъ-прокуроръ второго (по крестьянскимъ дѣламъ) департамента сената, товарищъ министра юстиціи, сенаторъ, управляющій межевою частью,

Голицынъ, но и его породистое лицо, освѣщенное красивыми глазами, замѣтно осунулось; глядя на него, я вспомнилъ отвѣтъ, данный имъ три мѣсяца назадъ на вопросъ одной знакомой дамы, зачѣмъ онъ пошелъ въ первые министры: «для того, чтобы однимъ пріятнымъ воспоминаніемъ было больше»; отвѣтъ этотъ былъ шуткою, но какъ подшутила надъ шутникомъ судьба.

Тяжело мнѣ было присутствовать даже при освобожденіи, еще тяжелѣе — при допросахъ тѣхъ, кого мы не могли освободить. И на этой почвѣ у меня произошло едва ли не самое острое изъ всѣхъ моихъ столкновеній съ Муравьевымъ, къ разсказу о чемъ я и приступаю теперь.

Комиссія выѣзжала на допросы въ крѣпость au grand complet: не менѣе трехъ членовъ президіума, канцелярія (къ которой присоединялись любопытствующіе изъ наблюдающихъ за слѣдствіями «представителей общественности») и стенографистки. Допросы производились въ зданіи Трубецкого бастіона, гдѣ намъ отведена была особая комната. Очень скоро стали доходить до насъ свѣдѣнія, что караулъ бастіона, захлестываемый, видимо, волнами «кронштадтскаго углубленія революціи», грубо притѣсняетъ заключенныхъ, какъ контръ-революціонеровъ, и даже моритъ ихъ голодомъ, значительную часть арестантскихъ порцій отправляя въ свои, вѣрные революціи, желудки. Свѣдѣнія были точныя: ихъ подтверждалъ и докторъ при крѣпости, апатическаго вида человѣкъ въ формѣ военнаго врача; равнодушнымъ голосомъ говорилъ онъ, что все это правда, и еще равнодушнѣе добавлялъ, что онъ не можетъ ссориться съ карау-

---

товарищъ министра и министръ внутреннихъ дѣлъ, членъ государственнаго совѣта и дважды первый министръ, служитъ, по моему, наглядным доказательством ошибочности толстовскаго изображенія Кутузова въ «Войнѣ и Мирѣ». Не Кутузовъ, а Горемыкинъ всѣмъ существомъ своимъ держался линіи поведенія, которую можно назвать политическимъ laisser faire, laisser aller. Съ его именемъ связанъ роспускъ первой думы: говорили тогда, что государь хотѣлъ взять назадъ свой манифестъ, но Горемыкинъ, сдавъ манифестъ въ печать, легъ спать и приказалъ не будить себя, отъ кого бы къ нему не прислали, хотя бы отъ царя, такъ что царскій посланный безуспѣшно настаивалъ на томъ, чтобы только что ушедшій на покой первый министръ былъ разбуженъ. Если этотъ разсказъ и вымышленъ (что очень вѣроятно), то сочинить его про кого либо другого изъ министровъ было бы невозможно. Изъ нихъ одинъ Горемыкинъ былъ такого умонастроенія, что «и безъ насъ все образуется». Будучи еще министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ завелъ отлично исполненный штемпель, который и прикладывался къ рядовымъ бумагамъ вмѣсто подписи министра, а кѣмъ прикладывался, о томъ ходили тогда же насмѣшливые толки. Да и многія резолюціи и мнѣнія Горемыкина были тѣмъ же механическимъ прикладываніемъ штемпеля; такъ, напримѣръ, обѣщавъ своему пріятелю утвердить уставъ одной кіевской музыкальной школы съ сохраненіемъ нужной для учредителя статьи, Горемыкинъ дважды согласился съ докладомъ директора департамента объ отказѣ въ сохраненіи этой статьи; и не только въ маломъ проявлялъ онъ такое безразличіе къ дѣлу: высказываясь въ пользу изданія правилъ о сдачѣ студентовъ въ солдаты, за участіе въ университетскихъ безпорядкахъ, онъ обнаружилъ въ засѣданіи (въ которомъ предсѣдательствовалъ), что не расшифровалъ въ одной статьѣ ссылки на законъ и, самъ того не подозрѣвая, голосовалъ за высылку неспособныхъ къ строю въ Сибирь на пять лѣтъ. Человѣкъ неглупый и незлой, онъ какъ-то не умѣлъ присмотрѣться, куда увлекается Россія подъ возглавляемымъ его особою правительствомъ. На его примѣрѣ можно видѣть, что отсутствіе капельмейстера не служитъ къ выгодѣ его оркестра. Что бы ни говорили про безсиліе вождей, я всегда твержу свое: коллективъ — рояль, а личность — піанистъ; конечно, самый геніальный піанистъ не въ состояніи извлечь изъ рояля звуковъ, которыхъ не можетъ дать ни одна клавиша инструмента, но на томъ же роялѣ можно сыграть и «Ave Maria», и «Камаринскаго», на томъ же роялѣ и ту же самую пьесу сыграютъ совсѣмъ иначе Рубинштейнъ и Катенька изъ «Дѣтства и Отрочества» Толстого, игравшая «avec âme, но безъ такта» и даже блютнеровскій рояль издастъ дикіе звуки, если по клавишамъ, въ отсутствіи человѣка, поскачетъ, спина дугою и хвостъ въ сторону, опьянѣвшая отъ молока съ коньякомъ кошка.

ломъ и наживать себѣ враговъ. Ну, онъ то что-жъ, пусть Богъ его проститъ, а мы то, мы? Но и Муравьевъ какъ то мялся и только разводилъ руками, говоря на мои взволнованныя рѣчи, что и заключенные не наши и караулъ не въ нашей власти: короче сказать, прибѣгалъ къ перефразѣ стараго присловья: «я не я, и лошадь не моя, и я не извозчикъ». Мои слова звучали будто въ пустомъ пространствѣ, не находя отклика, и волненіе мощно наростало въ душѣ, пока не перелилось черезъ край на допросѣ вице-директора департамента полиціи К. Д. Кафафова.

Кафафовъ былъ однимъ изъ «судебныхъ перебѣжчиковъ», изъ числа тѣхъ судебныхъ дѣятелей, которые «поискали не Іисуса, а хлѣба куса», и перешли на службу въ департаментъ полиціи, зная, что отъ него, какъ отъ водъ Екатерининскаго канала, «не розами пахнетъ». Я зналъ Кафафова, когда онъ еще былъ товарищемъ прокурора московской судебной палаты: веселый собесѣдникъ, несравненный тулумбашъ на дружескихъ пирушкахъ, съ хорошо повѣшеннымъ языкомъ, но юристъ и работникъ средняго калибра. Въ департаментѣ полиціи онъ, если не ошибаюсь, вѣдалъ хозяйственной частью, а въ Петропавловскую крѣпость попалъ за то, что подписалъ какой то циркуляръ департамента; я теперь рѣшительно не припомню, въ чемъ была сущность этого циркуляра; но не было сомнѣнія, что не Кафафовъ составлялъ этотъ циркуляръ и что подпись его подъ циркуляромъ есть слѣдствіе случайнаго отсутствія директора. На вопросъ, зачѣмъ же, если такъ, былъ арестованъ Кафафовъ, позвольте отвѣтить вопросомъ же: а зачѣмъ, въ первые дни революціи, убивали городовыхъ? Очевидно, мой удѣльный вѣсъ, какъ государственнаго или общественнаго дѣятеля, можетъ быть опредѣляемъ не только по тѣмъ, кого я считаю необходимыми для моего дѣла друзьями, но и по тѣмъ, кого я признаю опасными для него противниками.

Когда Кафафовъ предсталъ предъ нами въ качествѣ допрашиваемаго, то я болѣзненно поразился происшедшею въ немъ перемѣной: это была тѣнь прежняго Кафафова. А когда онъ на вопросы кого то изъ насъ, замѣтившаго его изможденность, осторожно сказалъ о положеніи заключенныхъ и смолкъ, опустивъ голову, и сдѣлавъ рукой движеніе покорной безнадежности, я свое сердце услышалъ въ вискахъ. Едва удалился Кафафовъ, я, обращаясь къ Муравьеву, взволнованно заговорилъ, что мы не можемъ долѣе безъ протеста терпѣть дикій произволъ караула, который позоритъ новый режимъ. Подлинныхъ словъ своихъ я, конечно, воспроизвести не могу, но помню, что завѣрилъ, что при царѣ едва ли бы нашелся прокуроръ, который бы допустилъ хотя бы отдаленный намекъ на подобнаго рода поступки со стороны тюремной стражи. Муравьевъ на это мнѣ отвѣтилъ требованіемъ, чтобы я взялъ назадъ свои слова, унижающія новый режимъ и восхваляющія старый. Я возразилъ, что если бы я былъ врагомъ новаго режима, меня бы здѣсь онъ не увидѣлъ, но что я не мальчикъ и словъ своихъ назадъ не возьму, такъ какъ они вполнѣ выражаютъ мою мысль, отъ которой я не вижу основанія отказываться. Тонъ моего возраженія былъ не изъ сдержанныхъ; Муравьевъ кипятился не менѣе моего, и, чѣмъ бы все это кончилось, кто можетъ знать? Но выручилъ меня представитель изъ лагеря революціонной общественности. Съ нами на сей разъ въ крѣпость пріѣхалъ состоявшій при комиссіи революціонеръ, фамилію котораго, къ стыду моему, я забылъ, а помню только литературный псевдонимъ — Невѣдомскій, лицо его стоитъ передо мною, какъ живое: блѣдный, дрожащій шагнулъ онъ ко мнѣ и, со слезами на глазахъ, пожалъ мою руку, говоря, что ему больно за себя

и за своихъ при видѣ, какія безобразія могутъ теперь твориться. Немного спустя, подошли ко мнѣ и стенографистки съ изъявленіемъ своего сочувствія, но и до этого я по лицамъ и выраженіямъ окружающихъ удостовѣрился, что большинство присутствующихъ оказалось на моей сторонѣ.

Но моя неожиданная побѣда была чисто словесная, и я не видѣлъ, во что и какъ она можетъ воплотиться. Однако, post hoc — ergo propter hoc, кое что было сдѣлано ни кѣмъ инымъ, какъ самимъ Муравьевымъ. Онъ въ скорости подѣлился со мною своимъ предположеніемъ провести во врачи къ заключеннымъ доктора И. И. Манухина. Я очень этому обрадовался. Доктора Манухина я любилъ и считалъ его своимъ другомъ; человѣкъ безупречной порядочности и полнаго безкорыстія, онъ, въ соотвѣтствіи съ требованіями момента, имѣлъ «лѣвое» прошлое въ видѣ «политической судимости»: Новочеркасская судебная палата приговорила его за увлеченіе освободительнымъ движеніемъ 1905 года къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ. Конечно, смѣна врача еще далеко не все, но хоть что нибудь, и то хорошо. Поэтому я горячо убѣждалъ И. И. Манухина не отказываться отъ предложенія, въ которомъ, конечно, ничего заманчиваго не было. Когда назначеніе Манухина состоялось, заключенные почувствовали облегченіе: онъ внимательно обходилъ камеры, тщательно осматривалъ больныхъ, прописывалъ усиленное питаніе для тѣхъ, кто въ немъ нуждался, и рѣшительно осаживалъ караульныхъ при малѣйшей ихъ попыткѣ «свое сужденіе имѣть»; такъ, я помню, однажды, одинъ солдатъ выразилъ нежеланіе заказывать лекарство въ аптекѣ Креслинга на Большой Конюшенной, говоря, что и ближе аптеки есть, но долженъ былъ смириться передъ непреклонной рѣшимостью Манухина поставить на своемъ.

Но развѣ можно было ограничиться одною перемѣною врача?

Допросы, которые производила комиссія въ Петропавловской крѣпости не вызывались слѣдственною необходимостью. Если слѣдователь и допрашиваетъ иногда заподозрѣннаго, не привлекая его еще въ качествѣ обвиняемаго, то это происходитъ вотъ почему: по дѣлу собраны, казалось бы, достаточныя улики, но въ нихъ есть какая то червоточинка; есть сомнѣніе, не дастъ ли заподозрѣнный такихъ объясненій, которыя иначе освѣтятъ кажущіеся уликами факты и выяснятъ, что улики въ дѣйствительности были только одною видимостью уликъ и что обвиненіе оказывается пустымъ орѣхомъ. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ, слѣдователь, или вовсе не допрашиваетъ заподозрѣннаго, а просто направляетъ дѣло на прекращеніе, когда улики представляются ему недостаточными, или же прямо приступаетъ къ допросу заподозрѣннаго въ качествѣ обвиняемаго, когда не сомнѣвается во внутренней добротности собранныхъ по дѣлу уликъ. Большинство нашихъ допросовъ въ крѣпости не могло бы вовсе состояться, если бы допрашиваемые были на свободѣ: я, по крайней мѣрѣ, не припоминаю ни одного допроса, который былъ бы вызываемъ потребностью провѣрить сомнительные выводы комиссіи объясненіями допрашиваемыхъ. Просто, за стѣнами крѣпостного каземата томились человѣческія души, и мы должны же были показать, что не забываемъ о ихъ существованіи. Къ допросамъ мы готовились: между нами были подѣлены обязанности по подготовкѣ къ допросамъ, но въ томъ то и дѣло, что не предшествовавшая подготовка влекла допросъ, а предстоящій допросъ вызывалъ подготовку.

Я присутствовалъ на нѣсколькихъ допросахъ. У Муравьева должна сохраниться стенограмма нашихъ засѣданій въ крѣпости. Стенографистки у насъ были изъ Государственнаго совѣта (изъ нихъ я знаю двухъ княженъ Тархановыхъ);

думается, что записи достаточно точны, если потомъ по нимъ не прошелся редакціонный карандашъ. Во всякомъ случаѣ, ни одной стенограммы я такъ и не видѣлъ до конца своей работы въ комиссіи. Память, не освѣженная ни малѣйшимъ клочкомъ замѣтокъ, удержала для меня до настоящаго времени только отрывки.

Изъ допросовъ Протопопова, бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, генерала Бѣляева, бывшаго военнаго министра, и ген. Хабалова, командовавшаго войсками петроградскаго округа, я вынесъ такое впечатлѣніе, что разсказы про пулеметы, изъ которыхъ будто бы стрѣляли съ крышъ по народу въ первые дни революціи, вѣрнѣе отнести къ области вымысла: всѣ трое были, по моему наблюденію, непритворно удивлены нашими разспросами о пулеметахъ; да и спрашивать то мы имѣли мало основанія, потому что слѣдственныя по этому предмету дѣйствія не дали ничего сколько-нибудь осязательнаго. Дыму безъ огня не бываетъ, говоритъ народная мудрость; но если и не оспаривать этого смѣлаго сообщенія, то огнемъ въ данномъ случаѣ могли быть пулеметы и орудія, установленные на крышахъ генераломъ Бурманомъ для обороны Петрограда отъ воздушныхъ налетовъ непріятельскихъ аэропланов, что казалось возможнымъ въ виду продвиженія нѣмецкаго фронта вглубь русскихъ владѣній. Разумѣется, эти пулеметы не были приспособлены для стрѣльбы внизъ, да и вообще, изъ показаній трехъ названныхъ лицъ выяснилось, какъ мало было сопротивленія революціонерамъ со стороны вѣдомства внутреннихъ дѣлъ и военнаго управленія. Протопоповъ даже куда то скрылся и нѣсколько дней пропадалъ безслѣдно.

Генералы показывали съ бо̀льшимъ чувствомъ собственнаго достоинства, чѣмъ бывшій офицеръ Протопоповъ. Особенно — Хабаловъ: у него, то и дѣло, проглядывало, что онъ считается съ нами только фактически, по пословицѣ «сила солому ломитъ». А Протопоповъ велъ себя на допросѣ, на мою мѣрку, недостойно и даже въ заключеніе удручилъ меня фразою, что готовъ послужить и временному правительству. Яркими пятнами остались въ моемъ воспоминаніи два мѣста въ показаніи Протопопова, о которыхъ я, вкратцѣ, уже упомянулъ въ самомъ началѣ своихъ воспоминаній.

Первое касается записки министра внутреннихъ дѣлъ, поданной императрицѣ незадолго до февральско-мартовскаго переворота. Мнѣ было еще при царѣ извѣстно, что въ послѣднее время императрица то присутствовала при всеподданнѣйшихъ докладахъ министровъ, иногда внося замѣтки въ свою записную книжку, то вызывала министровъ передъ всеподданнѣйшими ихъ докладами къ себѣ и освѣдомлялась, о чемъ они будутъ докладывать государю. Кто то изъ министровъ (жаль, что теперь не помню, кто именно) передавалъ, что императоръ спросилъ его: «вы были вчера у ея величества?» И на утвердительный отвѣтъ откликнулся новымъ вопросомъ: «о чемъ вы съ ней говорили?» Тогда же по Петрограду ходили или, вѣрнѣе, ползли сплетни, будто Протопоповъ замышляетъ дворцовый переворотъ, думая объ императорѣ Алексѣѣ II подъ регентствомъ его матери и мечтая стать при этомъ полнымъ распорядителемъ судебъ Россіи. Во всякомъ случаѣ, мнѣ казалось страннымъ, почему министры позволяютъ себѣ дѣлиться содержаніемъ всеподданнѣйшихъ докладовъ съ кѣмъ бы то ни было, хотя бы и съ супругой императора, безъ испрошенія каждый разъ предварительнаго на то разрѣшенія самого царя. Говорю объ этомъ въ поясненіе того, что самый докладъ Протопопова на имя не государя, а государыни, меня не удивилъ; удивило зато содержаніе доклада. Онъ былъ очень много-

словенъ и заключалъ въ себѣ выдержки изъ донесеній съ мѣстъ и заявленій правыхъ организацій о несомнѣнной обреченности всякой попытки поднять возстаніе; выводъ доклада былъ таковъ, что русскій народъ не допуститъ революціи и расправится съ революціонерами, а потому и безпокоиться нечего. Я ужъ прежде сталкивался съ нашими крайне правыми организаціями: имѣлъ случай къ нимъ приглядѣться во время сентябрьской ревизіи, вызванной московскимъ нѣмецкимъ погромомъ; тогда я пришелъ къ добросовѣстному выводу о несерьезномъ — позволю себѣ выразиться рѣшительнѣе, — о бутафорскомъ ихъ характерѣ*. Поэтому я не могъ не поразиться, что же это за министръ, который черпаетъ воду изъ такихъ мутныхъ источниковъ: неужели онъ настолько, по меньшей мѣрѣ, наивенъ, что вѣрилъ всей этой шумихѣ? Не говоря еще Протопопову о его запискѣ императрицѣ, лежавшей тогда передо мной на столѣ, я спросилъ его, замѣчалъ ли онъ признаки надвигавшейся революціонной вспышки. Онъ отвѣтилъ, ни на мгновеніе не поколебавшись, безъ какихъ либо оговорокъ, что близость революціи для него была несомнѣнна. Помнится, онъ прибавилъ, что имѣлъ о томъ исчерпывающія донесенія подчиненныхъ мѣстъ и лицъ. Такой рѣшительный отвѣтъ меня, признаюсь, озадачилъ, и я поставилъ Протопопову вопросъ, почему же онъ почти наканунѣ переворота представилъ императрицѣ записку съ увѣреніями, что революція невозможна. И Протопоповъ далъ отвѣтъ, что хотѣлъ успокоить царицу и царя. Не знаю, былъ ли этотъ отвѣтъ правдивъ, но иногда и ложь очень показательна: ни въ голосѣ, ни въ глазахъ Протопопова не чувствовалось того смущенія, которое долженъ испытывать министръ, сознающійся почему бы то ни было въ умышленномъ злоупотребленіи царскимъ довѣріемъ; было ясно, что Протопоповъ не видѣлъ ничего предосудительнаго въ такомъ обманѣ, какъ будто императорская чета — дѣти, а революція — горькое лѣкарство, которое лучше подсластить.

Второе мѣсто въ Протопоповскомъ показаніи не менѣе характерно. Незадолго до войны пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился въ Grand Hôtel на улицѣ Гоголя какой то хиромантъ, въ скорости ставшій очень моднымъ; если мнѣ память не измѣняетъ, онъ бралъ за предсказаніе 200 рублей, не теперешнихъ рублишекъ, а довоенныхъ рублей золотомъ; о немъ я слышалъ отъ одной изъ моихъ двоюродныхъ сестеръ, которой онъ (передъ этимъ она овдовѣла) предсказалъ замужество (что, однако, и до сихъ поръ, насколько я знаю, не испол-

* Я могу говорить только объ организаціяхъ московскихъ, но, и ограниченныя одною Москвою, мои наблюденія были поучительны. Организацій оказалось не менѣе 10, всѣ онѣ косились другъ на друга, дышали на ладанъ, а иныя прямо состояли на содержаніи министерства внутреннихъ дѣлъ, испрашивая у него пособія. Помню А. Г. Орлова, предсѣдателя одной изъ этихъ организацій, который обладалъ исключительной способностью получать субсидіи; былъ онъ мелкимъ служащимъ на Александровской желѣзной дорогѣ, но за сплоченіе правыхъ рабочихъ на этой дорогѣ (число которыхъ, какъ выяснилось, безсовѣстно преувеличилъ) получилъ даже Владиміра четвертой степени; я говорилъ съ нимъ дважды и убѣдился въ совершенной его некультурности: душа его явно не была вспахана ни подо что истинно человѣческое. Вспоминаю и Турчанинова, товарища предсѣдателя въ одной и предсѣдателя манифестаціонной комиссіи въ другой правой организаціи; ревизія установила, что онъ получилъ значительную сумму съ нѣмецкихъ торговцевъ и промышленниковъ, обходя ихъ передъ погромомъ и обѣщая свою защиту; во время погрома онъ за деньги же отстоялъ одинъ нѣмецкій магазинъ по Кузнецкомъ мосту, а вечеромъ въ первый день погрома кончилъ свои труды тѣмъ, что зашелъ въ уцѣлѣвшую нѣмецкую колбасную и, распорядившись отпустить ему колбасы и ветчины, сталъ громко хвалиться погромными подвигами, а затѣмъ спросилъ, сколько съ него слѣдуетъ; трепещущая хозяйка отвѣтила, что все уже уплачено, и онъ, взявши свой ужинъ, торжественно удалился, такъ ничего и не заплативъ.

нилось). Передъ войной хиромантъ этотъ исчезъ, а во время войны оказался уже въ Стокгольмѣ и въ 1916 году возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи ему пріѣзда въ Петроградъ. На встрѣчу его домогательству пошелъ Протопоповъ, тогда уже управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, но споткнулся о рѣшительное сопротивленіе военныхъ властей, имѣвшихъ опредѣленныя свѣдѣнія, что этотъ предсказатель не что иное, какъ нѣмецкій шпіонъ. Само собой разумѣется, что верховной комиссіи хотѣлось узнать, какія побужденія были у русскаго министра просить за нѣмецкаго шпіона. Отвѣтъ Протопоповъ далъ вполнѣ искренній. Я глядѣлъ на него во всѣ глаза, слушалъ его въ оба уха и не сомнѣваюсь, что онъ говорилъ правду. Да только правда эта была «хуже всякой лжи». Судите сами. По словамъ Протопопова, онъ, въ то время товарищъ предсѣдателя государственной думы, пожелалъ заглянуть очами хироманта въ свое будущее; тотъ предсказалъ ему высокую судьбу: предрекъ, что онъ будетъ стоять во главѣ правленія Россіи. И теперь, когда Протопоповъ милостью Распутина сталъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ захотѣлъ еще разъ поговорить съ пророкомъ и уяснить себѣ, полностью ли осуществилось его пророчество, или же эта должность только ступень къ дальнѣйшему восхожденію все выше и выше. Протопоповъ очень волновался, давая эти объясненія, но причины своего волненія онъ не потаилъ предъ нами: онъ страшился отягченной отвѣтственности при обвиненіи въ государственной измѣнѣ; но было ясно, что онъ ничего не видитъ страннаго и, я бы сказалъ, унизительнаго уже въ самомъ фактѣ способствованія, ради суевѣрныхъ цѣлей гаданія, пріѣзду въ Россію какого то темнаго проходимца, уже въ самомъ фактѣ готовности помочь ему въ этомъ, безъ малѣйшаго поползновенія поставить себѣ вопросъ: а зачѣмъ понадобилось тому вновь перенести свое колдовство на почву изнемогающей отъ войны и непорядковъ чужой для него страны?

Я знаю, что о Протопоповѣ говорили, будто онъ страдаетъ прогрессивнымъ параличемъ. Правда ли это, мнѣ судить трудно. Однако, на мой взглядъ, ни въ рѣчи, ни въ поведеніи послѣдняго царскаго министра внутреннихъ дѣлъ не было видимыхъ признаковъ этой страшной болѣзни; не было ихъ и въ его государственной дѣятельности, шаблонно бездарной: если ужъ ставить медицинскій діагнозъ въ зависимости отъ пріемовъ властвованія, то, смѣю думать, прогрессивнымъ паралитикомъ легче назвать Ленина, чѣмъ Протопопова*.

Подробнѣе остановлюсь я на допросѣ И. Г. Щегловитова. Къ его допросу подготовка возложена была на меня, и я отъ нея не уклонился. Мнѣ пришлось за это выслушать не мало непріятныхъ словъ и непосредственно, и по телефону, и на письмѣ. Какъ то уже во время большевицкой революціи, когда я жилъ въ Харьковѣ, одинъ судебный дѣятель, близкій къ семьѣ И. Е. Ильяшенка, товарища министра при Щегловитовѣ, передавалъ моей женѣ, что Щегловитовъ, при допросѣ, смотрѣлъ на меня съ кроткимъ упрекомъ. Я близорукъ, а потому могу только сказать, что такого взгляда не замѣтилъ. Но утверждаю, что Щегловитовъ ни въ чемъ упрекать меня основаній не имѣлъ: я не былъ съ нимъ связанъ общностью дѣятельности, я не былъ ему обязанъ личною благодарностью**; онъ и самъ никогда не заблуждался, что его нерасположеніе ко

---

* Писано въ Польшѣ, въ волынскомъ захолустьѣ, еще въ началѣ великаго поста 1922 года, до первыхъ извѣстій о болѣзни Ленина.

** Всякій, кто служилъ въ судебномъ вѣдомствѣ при Щегловитовѣ (1906—1915 г. г.), знаетъ, что всѣ мы тогда раздѣлялись на опричнину (щегловитовцевъ) и земщину. Я принадлежалъ къ земщинѣ и не скрывалъ своего нерасположенія къ тому порядку ве-

мнѣ встрѣчаетъ взаимность и что мы расходимся не на личной почвѣ. Положа руку на сердце, смѣло скажу, что Ивану Григорьевичу Щегловитову я никогда не желалъ зла, а только съ болью и негодованіемъ глядѣлъ, какъ министръ Щегловитовъ раскидываетъ по бревнышку зданіе русскаго суда, которое, несмотря на всѣ свои недочеты, было, по моему глубокому убѣжденію, возведено нашими отцами лучше всѣхъ другихъ построекъ русской государственности. Негодованіе мое значительно остыло, когда Щегловитовъ сталъ для судебнаго вѣдомства вчерашнимъ днемъ, а ко времени допроса въ крѣпости даже покрылось сѣрымъ покровомъ пепла, такъ какъ я успѣлъ убѣдиться, что неуваженіемъ къ суду грѣшатъ у насъ, въ Россіи, не одни правые, а не меньше ихъ и лѣвые: тѣ и другіе (я не говорю объ исключеніяхъ, насчитываемыхъ, пожалуй, только десятками) видятъ въ судѣ не суперарбитра, а porte-voix.

Члены комиссіи Щегловитову, какъ и другимъ случалось, задавали безцѣльные вопросы, то-есть не касающіеся уголовно-наказуемыхъ дѣяній, а иногда и неосновательные. Но тутъ я не выдержалъ и во имя справедливости защищалъ допрашиваемаго. Помню два вопроса, предложенные сенаторомъ Н. Д. Соколовымъ, который начиналъ ихъ словами:

— А скажите, пожалуйста, господинъ Щегловитовъ *. . .

щей, при которомъ министръ юстиціи былъ дубликатомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующаго полиціей. Отецъ мой оставилъ мнѣ боярское имя въ лѣтописяхъ русскаго суда и я, поверставшись въ опричники, чувствовалъ бы себя Аѳанасіемъ Вяземскимъ. Работая только для правосудія (въ мѣру своихъ знаній и способностей), ничѣмъ не служа внѣсудебнымъ видамъ Щегловитова, я ничего и не могъ получить отъ него: если при немъ я былъ назначенъ изъ членовъ судебной палаты въ товарищи оберъ-прокурора сената, то это (я уже упоминалъ) было сдѣлано ради облегченія Н. С. Крашенинникова; если я получилъ по докладамъ Щегловитова крестъ и чинъ (двѣ награды въ теченіе девяти лѣтъ), то это было заурядъ съ прочею земщиною (въ соотвѣтствіи съ занимаемой должностью); если онъ поручилъ мнѣ наблюдать за слѣдствіемъ, въ форму котораго была облечена ревизія гражданскихъ департаментовъ московской судебной палаты, то это объясняется тѣмъ, что нужно было найти такого чина прокуратуры, который бы стоялъ на своихъ ногахъ въ качествѣ цивилиста.

Не было у меня и частныхъ отношеній къ Щегловитову. До того, какъ онъ вышелъ въ большіе люди, я съ нимъ встрѣчался въ Псковѣ, куда онъ пріѣзжалъ навѣщать своего сына-кадета и гдѣ я служилъ товарищемъ прокурора окружнаго суда. Тогда онъ былъ сотрудникъ еженедѣльника «Право», чтилъ судебные уставы и возражалъ противъ нажима на судъ. Помню разсказъ его о томъ, какъ ему, по должности товарища прокурора петербургскаго окружнаго суда, пришлось присутствовать при смертной казни Ульянова (брата Ленина), Генералова и др., совершенной въ Шлиссельбургской крѣпости въ 1887 году. Онъ говорилъ, что считалъ такое порученіе (павшее на него, какъ на самаго младшаго) чрезвычайно тяжелымъ, не могъ передъ казнью сомкнуть глазъ (ночевать пришлось въ крѣпости) и утромъ, ожидая телеграммы о высочайшемъ помилованіи, употреблялъ всѣ мѣры, чтобы какъ-нибудь оттянуть казнь, пока не настояли на ея совершеніи комендантъ крѣпости и жандармскій офицеръ. Слова разсказа звучали такъ искренно, что я не имѣю никакихъ основаній подозрѣвать разсказчика въ притворствѣ.

Впрочемъ, даже будучи товарищемъ министра, Щегловитовъ выразилъ одобреніе свободолюбивымъ рѣчамъ друга моего И. И. Еропкина, за которыя, ставъ министромъ, не хотѣлъ его повышать; мало того, Щегловитовъ, уже въ качествѣ министра, встрѣтивъ въ Таврическомъ дворцѣ, при первой думѣ, профессора М. П. Чубинскаго, говорилъ ему, что теперь воздухъ не тотъ и легко дышится. Но еще въ январѣ 1906 года Н. Н. Таганцевъ предупреждалъ меня, что Щегловитовъ, передъ кѣмъ нужно, круто повернулъ вправо.

* Изъ моего упоминанія о такомъ обращеніи видно, что оно кажется мнѣ неудачнымъ. Чтобы не оставлять читателей въ недоумѣніи, почему же я противъ обращеній этого рода, скажу о томъ нѣсколько словъ, въ подстрочномъ примѣчаніи.

Есть два типа народовъ: западный, гдѣ больше значенія придаютъ родовому прозвищу, и восточный, гдѣ на первое мѣсто выдвигаютъ личное имя, а то и вовсе имъ однимъ.

Одинъ изъ этихъ вопросовъ былъ: почему вы не давали ходу ни одному поляку? Другой вопросъ: почему былъ уволенъ безъ прошенія товарищъ предсѣдателя Новгородскаго окружнаго суда Мясоѣдовъ?

Мнѣ стало стыдно за комиссію, когда я услышалъ такіе вопросы. Во первыхъ, если бы Щегловитовъ и притѣснялъ поляковъ болѣе, нежели другіе министры, что же въ этомъ преступнаго съ точки зрѣнія уголовнаго закона? А во вторыхъ, при Щегловитовѣ были назначены: В. А. Желиховскій — первоприсутствующимъ Общаго собранія, А. А. Глищинскій — сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента, А. Л. Якубовскій — товарищемъ оберъ прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента, В. Б. Зегартъ, членомъ петроградскаго и товарищемъ предсѣдателя великолуцкаго окружнаго суда. Фамиліи этихъ четырехъ лицъ я вспомнилъ тогда разомъ; изъ нихъ послѣдніе двое ни въ какомъ смыслѣ не могли быть названы щегловитовцами. О Мясоѣдовѣ многое можно было бы сказать, но достаточно одного: онъ былъ уволенъ (согласно прошенію и съ усиленной пенсіею) при министрѣ юстиціи М. Г. Акимовѣ, когда Щегловитовъ былъ директоромъ перваго департамента министерства, то-есть никакого касательства къ вопросамъ личнаго состава не имѣлъ. Я и отвѣтилъ такъ Соколову за допрашиваемаго и обязываюсь не таить правды: Соколовъ въ перерывѣ добродушно оправдывался тѣмъ, что его ввели въ заблужденіе толки въ адвокатскихъ кругахъ. Я цѣню добродушіе, позволяющее спокойно признавать свои ошибки, но, конечно, лучше было бы готовиться къ допросу тщательнѣе.

Какого характера были мои вопросы, я покажу на двухъ примѣрахъ, которые отчетливѣе сохранились у меня въ памяти.

Первый вопросъ касался увольненія старшаго предсѣдателя тифлисской судебной палаты, сенатора А. В. Кочубея отъ должности старшаго предсѣдателя. Кочубей какъ то изъявилъ желаніе уйти съ этой должности въ сенатъ, но вслѣдъ за тѣмъ передумалъ и прислалъ на имя министра письмо, въ которомъ бралъ заявленное имъ желаніе назадъ. Спустя приблизительно годъ, Щегловитовъ захотѣлъ убрать Кочубея изъ Тифлиса и поднесъ государю къ подписанію именной указъ, коимъ повелѣвалось Кочубею присутствовать въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ сената, съ увольненіемъ, согласно прошенію (котораго не было), отъ должности старшаго предсѣдателя, то-есть допустилъ въ всеподданнѣйшемъ докладѣ завѣдомую ложь, или, иными словами, совершилъ должностной подлогъ.

Второй вопросъ касался убійства въ Одессѣ Ишера (кажется, не искажаю фамиліи). Ишеръ этотъ, по національности еврей, былъ революціонеръ и содержался подъ стражею въ одномъ изъ одесскихъ мѣстъ заключенія. Онъ былъ убитъ ночью, когда его, по распоряженію временнаго генералъ-губернатора, генерала Толмачева, переводили изъ одной тюрьмы въ другую; сопровождавшій арестанта конвой донесъ, что убійство вызвано было попыткой бѣжать. Трупъ за-

---

ограничиваются. Тогда какъ у древнихъ римлянъ личныхъ именъ было мало и на нихъ не обращали вниманія, у древнихъ грековъ, при полномъ отсутствіи фамилій, личныя имена звучали гордо и появились отчества. И теперь, сравните, напримѣръ, французовъ съ русскими: противоположность запада и востока встанетъ во весь ростъ. Мы принадлежимъ къ восточному въ этомъ отношеніи типу, и обращеніе по фамиліи насъ коробитъ, отзываясь школою или казармами.

Я, конечно, не хочу сказать, что Щегловитова слѣдовало именовать Иваномъ Григорьевичемъ или вашимъ высокопревосходительствомъ, но вѣдь и безъ какого либо обращенія онъ, сидя противъ насъ, видѣлъ, что спрашиваютъ именно его.

копали, и дѣло пока покончили. Но въ скорости какой то полицейскій чинъ явился съ повинною удостовѣряя, что участвовалъ въ убійствѣ Ишера, который и не думалъ покушаться на побѣгъ: просто, генералъ Толмачевъ приказалъ отдѣлаться отъ Ишера, и самое распоряженіе о переводѣ его въ другую тюрьму было отдано для того, чтобы дорогою съ нимъ покончить. Заявитель передъ тѣмъ потерялъ свое мѣсто въ полиціи, такъ что явка его съ повинною могла вызывать сомнѣніе; но тѣло убитаго было, въ порядкѣ слѣдственныхъ дѣйствій, вырыто, и экспертиза установила, что онъ убитъ выстрѣломъ въ лобъ и почти въ упоръ. Дальнѣйшее слѣдствіе еще болѣе подтвердило слова заявителя, и потому возбужденъ былъ вопросъ объ отвѣтственности Толмачева; но Щегловитовъ испросилъ высочайшее повелѣніе о прекращеніи дѣла, то-есть, по мнѣнію моему, не только допустилъ превышеніе власти*, но сталъ укрывателемъ убійцы**.

На мои вопросы Щегловитовъ не далъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ: на первый, помнится, онъ отвѣтилъ, что Кочубей не могъ быть оставленъ на должности старшаго предсѣдателя, а упоминаніе въ указѣ о томъ, будто увольненіе состоялось по прошенію, должно было звучать пріятнѣе для самого же Кочубея; на второй — бывшій министръ юстиціи только развелъ руками и тихо сказалъ, что ему казалось лучше не доводить дѣло до суда во имя охраненія власти отъ дискредитированія. Тутъ Муравьевъ не выдержалъ и горячо (но совершенно неумѣстно) напалъ на допрашиваемаго, возмущаясь его отвѣтомъ. Допросъ былъ прерванъ.

Про Щегловитова говорили тогда, что онъ сходитъ съ ума: заговаривается и галлюцинируетъ. Насколько это правда, не знаю; на допросѣ онъ велъ себя съ достоинствомъ и съ гораздо большимъ самообладаніемъ, чѣмъ нѣкоторые изъ допрашиваемыхъ. Но преступленія, конечно, остаются преступленіями, и онъ за нихъ, какъ совершившій ихъ въ полномъ разсудкѣ, долженъ былъ отвѣчать: большевики поступили иначе: они не стали разбирать, въ чемъ онъ виновенъ, и разстрѣляли его просто за то, что онъ былъ министромъ, то-есть сдѣлали его изъ преступника страстотерпцемъ.

Уже ко времени допроса Щегловитова я сталъ задумываться, не лучше ли мнѣ выйти изъ комиссіи. Я вчужѣ понималъ увлеченіе работавшаго о бокъ съ нами П. Е. Щеголева, который съ любопытствомъ историка ревностно рылся въ бумажномъ потопѣ разгромленнаго департамента полиціи (въ пресловутомъ зданіи у Цѣпного моста), но мое бѣличье колесо не позволяло мнѣ работать ни на будущіе годы, ни на слѣдующіе дни: на меня безсмысленно глядѣлъ каждый разъ одинъ текущій день, вырванный изъ живой связи со вчерашнимъ и завтрашнимъ. Историческихъ матеріаловъ я не собиралъ и собирать не могъ; а если бы и могъ, такъ не посмѣлъ бы, пока арестованные томились за рѣшеткою, ожидая, когда же мы кончимъ слѣдствіе. Освободить тѣхъ изъ нихъ, которые провинились только въ томъ, что не угодили новымъ правителямъ, у меня не было власти. Поса-

---

* Я уже говорилъ, что русскій царь съ изданія судебныхъ уставовъ отказался отъ участія въ отправленіи правосудія, оставивъ за собой только право помилованія уже осужденныхъ преступниковъ. По основнымъ законамъ царь не подлежитъ отвѣтственности передъ людьми, но министръ, спрашивающій у царя такое распоряженіе, которое нарушаетъ законъ, долженъ отвѣчать за превышеніе власти.

** Всякое незаконное дѣйствіе должностного лица съ цѣлью освободить преступника отъ суда и грозящаго наказанія не можетъ не быть разсматриваемо, какъ укрывательство преступника.

дить на скамью подсудимыхъ Протопопова, Щегловитова и всѣхъ тѣхъ, за кѣмъ оказывались дѣйствительныя преступленія, у меня не было вкуса: наказаніе, всегда по существу болѣе или менѣе грубое воздѣйствіе на человѣческую личность, можетъ быть (моею, по крайней мѣрѣ, совѣстью) оправдано лишь подъ условіемъ, что оно является внѣшнимъ выраженіемъ общаго запрета портить источники воды живой; и я отказывался понимать наказаніе, когда оно сводится къ окрику: не у того сосѣда ты воду портилъ.

Тяжесть безсмысленной работы и ощущеніе смутное, но безпокоющее, вогнанное внутрь, но не затихающее, что и подъ новыми вывѣсками мы попрежнему куда то уносимся въ темную даль безъ руля и компаса, привели меня къ тому, что я сталъ страдать сердечными припадками. Докторъ Манухинъ началъ меня уговаривать, чтобы я бросилъ комиссію, ушелъ изъ нея. Пока я колебался, боясь желаніе принять за достаточное основаніе для рѣшительнаго шага, произошло въ связи съ работою комиссіи, но внѣ ея, одно... право, не знаю, какъ назвать... событіе, не событіе... одинъ разговоръ, покушеніе на нѣчто ужасное, но покушеніе, не имѣвшее никакихъ послѣдствій. Какъ бы то ни было, это положило конецъ моимъ колебаніямъ.

Дѣло было вотъ въ чемъ. А. А. Вырубову выпустили таки изъ крѣпости. Пока она еще сидѣла подъ замкомъ, къ ней, какъ и къ другимъ арестантамъ, докторъ Манухинъ относился съ теплымъ участіемъ. По выходѣ изъ заключенія, она, повидимому очень тронутая этимъ, стала приходить къ нему, какъ паціентка, и познакомилась съ его женой, человѣкомъ большого образованія, собственныхъ и своеобразныхъ мыслей и несомнѣннаго писательскаго дара. И пришло Вырубовой въ голову, не можетъ ли Т. И. Манухина быть редакторомъ ея воспоминаній. Трудъ, конечно, не малый, но воспоминанія, — легко себѣ представить, — высокаго историческаго интереса. И госпожа Манухина охотно пошла навстрѣчу. Я такъ и не знаю, далеко ли подвинулось писаніе этихъ воспоминаній, да и не о томъ моя рѣчь. Муравьевъ бывалъ у Манухиныхъ, и какъ то разъ Т. И. Манухина, — къ слову пришлось, — сообщила ему, чѣмъ она теперь занята. И тогда Муравьевъ попросилъ ее позволить ему снять для комиссіи копію съ воспоминаній Вырубовой: Вырубова и знать объ этомъ не будетъ, и все обойдется благополучно. Еще не успѣвъ успокоиться отъ такого предложенія, Т. И. Манухина подѣлилась имъ со мною, и я, лишній разъ убѣдившись, какъ близки пріемы реакціоннаго и революціоннаго «правосудія» (по истинѣ les extrémités se touchent), рѣшилъ окончательно, что Муравьеву и мнѣ, намъ не по пути.

Когда я заявилъ своему предсѣдателю, что ухожу изъ комиссіи, онъ обезпокоился. Дорожить онъ мною не могъ:

Была безъ радости любовь,
Разлука будетъ безъ печали;

но ему хотѣлось почему то возвѣстить urbi et orbi, что я покидаю комиссію не по расхожденію съ нимъ, а дѣйствительно по болѣзни.

Сердечные припадки мои все усиливались, такъ что болѣзнь у меня была невымышленная; говорить о томъ, каково мое отношеніе къ Муравьеву, постороннимъ лицамъ я считалъ излишнимъ, пока не остыну. Поэтому на просьбу Муравьева я отвѣтилъ согласіемъ: если газетные сотрудники спросятъ меня о причинѣ моей отставки, я уклончиво сошлюсь только на болѣзнь. Про основную

причину моего «исхода» мы и наединѣ другъ съ другомъ не говорили: лишь глаза выдавали взаимное наше пониманіе; по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ чувствовалось.

Я былъ уволенъ во второй половинѣ мая. Должность мою занялъ Б. Н. Ситтенъ, а на его мѣсто попалъ А. Ф. Романовъ, тогда числившійся прокуроромъ виленской судебной палаты.

Зайдя уже послѣ приказа объ отставкѣ въ Зимній Дворецъ проститься съ бывшими сотоварищами, я былъ, волею Муравьева, поставленъ лицомъ къ лицу съ нѣсколькими газетными сотрудниками. Но тутъ выяснилось, что имъ онъ сказалъ, будто бы я хочу говорить съ ними. Я заявилъ на чистоту, что самъ ни о чемъ не предполагалъ имъ сообщать для печати, но, исполняя желаніе предсѣдателя комиссіи, могу лишь удостовѣрить подлинность моего болѣзненнаго состоянія. Кто то изъ нихъ выразилъ тутъ же сомнѣніе въ томъ, чтобы такое сообщеніе могло представлять интересъ для читателей. Я не удержался отъ улыбки и отвѣтилъ, что вполнѣ съ нимъ согласенъ. Тѣмъ все кончилось. Потомъ я слышалъ, что лишь въ одной газетѣ было напечатано нѣсколько строчекъ о моей болѣзни; прочія ограничились перепечаткою приказа.

3. ВНѢ ПЕТРОГРАДА.

Мнѣ остается дописать въ этой части своихъ воспоминаній очень немногое: нѣсколько отрывочныхъ впечатлѣній, нѣсколько бѣглыхъ разговоровъ, вотъ и все.

Я уѣхалъ изъ Петрограда въ Ялту, думая просто отлежаться на солнцѣ у моря. По дорогѣ задержался подъ Харьковомъ на женином хуторѣ, гдѣ тогда проживала она съ дочерьми.

Хуторъ подарилъ меня разговоромъ съ Иваномъ изъ деревни, что лежитъ у самаго хутора, подъ горою. Всѣ крестьяне тамъ Иваненки, за малыми исключеніями, а прозвища его я теперь не припоминаю. Мужикъ умный, дѣльный, жадный на работу и, конечно, на землю. Онъ, да еще Евдокимъ (этотъ — мечтатель) — два самыхъ выдающихся человѣка въ деревнѣ. Такъ вотъ, Иванъ спокойно и съ полнымъ убѣжденіемъ заявилъ, что ему рѣшительно все равно быть русскимъ (онъ сказалъ: «русскимъ» а не «украинцемъ») или нѣмцемъ: дадутъ ему больше земли нѣмцы, такъ онъ и будетъ нѣмцемъ. И я почувствовалъ, что это не циничное «ubi bene, ibi patria», а наивность человѣка еще не осознавшаго своей національности. Я понялъ, что такъ ощущаютъ (не разсуждаютъ, а именно ощущаютъ) и почти всѣ вокругъ Ивана, и что поэтому никакой связи между «господами» и «мужиками» нѣтъ и быть не можетъ. И я впервые тяжело раздумался надъ тѣмъ, что всѣ попытки образовать существительное въ родѣ русичъ, русинъ, россъ, россіянинъ были безуспѣшны и мы въ обиходѣ своемъ удовольствовались прилагательнымъ русскій, а вѣдь все, что постоянно занимаетъ нашу мысль, выражается по русски существительными (сравните: ученый и купецъ). И я впервые остановился на предположеніи, что и въ 1612 году мы были спасены, вѣроятно, не національнымъ, а скорѣе религіознымъ подъемомъ; недаромъ движеніе поднялъ патріархъ Гермогенъ, готовый признать царемъ поляка Владислава, если онъ приметъ православіе: папежники,

латынники въ московскомъ Кремлѣ и люторцы въ Новгородскомъ Дѣтинцѣ, вотъ что оскорбляло православный народъ. А если это такъ, то . . . И я замиралъ на порогѣ вывода.

Въ самомъ Харьковѣ также помнится одинъ разговоръ, совершенно случайный, съ какимъ то инженеромъ, сосѣдомъ въ столовой гостиницы. Онъ разсказывалъ мнѣ и о Петроградѣ, и о Баку. Про Петроградъ помню слѣдующее: на какомъ-то заводѣ (онъ называлъ, да я забылъ), изготовлявшемъ военное снаряженіе, рабочіе рѣшили впредь изготовлять плуги; имъ было объяснено, что, при ихъ заработной платѣ и производительности ихъ работы, русскій плугъ обойдется неизмѣримо дороже заграничныхъ, съ доставкой тѣхъ на мѣсто; рабочіе было призадумались, но затѣмъ рѣшили: все таки будемъ изготовлять плуги; во что бы они тамъ ни обошлись, а продавать ихъ нужно по цѣнѣ заграничныхъ; разницу же пусть доплачиваетъ казна. Про Баку онъ разсказывалъ, какъ рабочіе взяли въ свои руки заводъ (и этотъ заводъ онъ называлъ, да память моя имени не удержала) и мѣсяца въ три довели его до совершеннаго разстройства: онъ передавалъ, какъ рабочимъ нѣсколько разъ пришлось просить бывшаго собственника, инженера съ большимъ опытомъ, исправлять попорченныя машины и какъ рабочимъ было отказано банкомъ въ кредитѣ. Собесѣдникъ мой говорилъ со злорадствомъ, а я слушалъ съ нароставшимъ страхомъ за наступающій день.

Осталось у меня острое впечатлѣніе и отъ разговора въ вагонѣ желѣзной дороги между Харьковомъ и хуторомъ. Въ вагонѣ второго класса для некурящихъ закурили почти всѣ, не исключая и дьякона. Это бы еще ничего: бывало такъ и раньше*, но вотъ, что случилось. Блѣдный телеграфистъ чахоточнаго вида, закашлявшись отъ дыма, сталъ возражать противъ нарушенія правила; его поддержалъ я одинъ, а на обоихъ насъ обрушились всѣ, во главѣ съ дьякономъ: по согласному убѣжденію всѣхъ, теперь (я пишу о лѣтѣ 1917 года, когда было временное правительство) прежніе законы и правила вообще и разомъ отмѣнены, потому что свобода гражданъ не можетъ быть стѣсняема существованіемъ какого либо закона или предписанія. Сидѣвшій противъ меня мелкій желѣзнодорожный чинъ сожалительно замѣтилъ, что мои сужденія объясняются «необразованіемъ и несознательностью». Я, не удержавшись, возразилъ, что читаю лекціи по праву въ высшемъ учебномъ заведеніи, на что получилъ вызвавшій всеобщее одобреніе отвѣтъ: «нечего теперь образованіемъ то хвастаться». Добавлю, что большинство ѣхало по служебнымъ билетамъ и по билетамъ третьяго класса.

Когда мнѣ пришлось уѣзжать изъ Харькова въ Ялту, то болѣзненное мое состояніе вынудило меня предпочесть спальный вагонъ международнаго общества. Носильщикъ, выговоривъ себѣ 10 рублей (это въ 1917 году), обѣщалъ водворить меня съ чемоданомъ въ купэ безъ помѣхъ. Помню, какъ мы оба скакали по путямъ (онъ не пожелалъ воспользоваться переходомъ надъ путями: «только проволочка одна») и перелѣзали черезъ нѣсколько поѣздныхъ составовъ, пока не были благополучно впущены проводникомъ въ вагонъ международнаго общества. Вагонъ былъ на ключѣ и въ немъ коридоръ оставался свободенъ, тогда какъ въ прочіе вагоны люди такъ и лѣзли, набивая и забивая ихъ до

---

* Еще въ 1898 году около Пскова двое нѣмцевъ, пытавшихся курить въ вагонѣ второго класса для некурящихъ и даже открыть окно (въ декабрѣ), были приведены къ необходимости подчиниться правиламъ вслѣдствіе моей настойчивости. На мой упрекъ, что въ Германіи они себѣ этого бы не позволили, они уже безъ наглости, а въ видѣ оправданія, возразили: «То — въ Германіи, а въ Россіи — все можно».

отказу. Проводникъ, измученный и злой, говорилъ, что все идетъ еще благополучно: только ругаются; а чаще случается, что двери высадятъ, стекла въ окнахъ побьютъ, самого «по уху съѣздятъ» и ворвутся въ вагонъ. Онъ мнѣ совѣтовалъ при остановкахъ на станціяхъ поднимать оконную раму: «Не всякій стекло выдавитъ, въ открытое окно всякій влѣзетъ». Доѣхалъ я, впрочемъ, безъ приключеній, и въ вагонѣ насъ было человѣкъ всего около десяти. Проводникъ удивлялся, какое намъ выпало рѣдкое счастье. Дѣйствительно, всюду стучались, бранились, но никто не полѣзъ на прямой штурмъ *.

Въ Ялтѣ я отлежался въ подлинномъ смыслѣ слова: бывалъ только въ семьѣ покойнаго дяди моего, сенатора В. Р. Завадскаго. И съ этими посѣщеніями у меня связано слѣдующее воспоминаніе. Служила у нихъ кухарка Паша, или Прасковья Александровна, донская казачка, изъ одной станицы съ Иліодоромъ, царицынскимъ чудодѣемъ. Женщина грамотная, толковая съ уклономъ къ общему уравненію во имя справедливости, она была не дурнымъ человѣкомъ. Какъ то она пошла куда то на митингъ домашней прислуги и, вернувшись, разсказывала, что на митингѣ было рѣшено меньшій размѣръ мѣсячнаго жалованья (когда человѣкъ, что называется, отъ сохи взятъ и ничего не умѣетъ) опредѣлить въ 30 рублей на полномъ содержаніи съ особой комнатой, непремѣнно выходящей окнами на солнечную сторону. Упомянула она мелькомъ и о томъ, что распорядитель митинга, узнавъ отъ нея, какъ долго она служитъ на одномъ мѣстѣ, махнулъ рукой и молвилъ: «Ну, эта безнадежна. Намъ бы побольше такихъ, что часто мѣста мѣняютъ».

Съ пребываніемъ моимъ въ Ялтѣ соединено у меня еще одно небольшое, но характерное событіе. Еще при царѣ, движимый (быть можетъ, наивнымъ) желаніемъ нести больше тяготъ въ пользу отечества, я преувеличилъ свой доходъ, чтобы заплатить подоходный налогъ въ мѣру дѣйствительной моей платежеспособности. Когда временное правительство возвысило ставки, оказалось, что я долженъ заплатить вдвое болѣе предположеннаго мною. Какъ ни трудно, а нужно. Пришелъ я въ Ялтинское казначейство и принесъ деньги. А у меня ихъ не принимаютъ: скажите № того объявленія, которое вамъ послано. — Да оно у меня въ Петроградѣ осталось. — Ну, вы туда и поѣзжайте, а здѣсь платить нечего. — Да я здѣсь лѣчусь и не могу еще вернуться туда. — Ну, такъ послѣ уплатите. — Да вѣдь было объявленіе отъ правительства, чтобы скорѣе платили. — Мало ли еще что, а я принять не могу. Пришлось настаивать; едва добился, и то сенаторское званіе произвело впечатлѣніе.

Назадъ я уѣхалъ, уже значительно оправившись. Ѣхать пришлось въ худшихъ условіяхъ. Особенно тяжело было попасть въ поѣздъ на Харьковскомъ вокзалѣ. Носильщикъ взялъ съ меня уже 25 рублей и усадилъ на номерованное мѣсто въ первомъ классѣ; черезъ минуту начальникъ поѣзда выкинулъ меня съ чемоданомъ на платформу, крича, что мѣсто это занято. Но мой носильщикъ недаромъ взялъ деньги: онъ поджидалъ возлѣ, схватилъ чемоданъ снова и опять таки водворилъ меня на прежнее мѣсто, говоря: сидите безъ сомнѣнія, — мѣсто свободное; это «онъ» сорвать съ васъ, ненасытная душа, хочетъ; а

* Не могу промолчать о словечкѣ, которое мнѣ довелось услышать отъ моего носильщика. Когда мы съ нимъ перепрыгивали черезъ рельсы, я увидѣлъ безконечный рядъ бабъ съ большими вещами и, не успѣвъ сообразить, воскликнулъ: «И эти собрались на севастопольскій?» А носильщикъ успокоительно возразилъ: «Что вы, баринъ, онѣ поѣдутъ съ Максимъ Горькимъ». Оказалось, что Максимомъ Горькимъ зовутъ поѣзда съ вагонами IV класса.

что же изъ того, что номерокъ на билетѣ я самъ проставилъ: въ кассѣ бы какъ разъ на занятое мѣсто выдали, а я ужъ знаю, гдѣ свободное; на меня положиться можно.

Я доѣхалъ до Петрограда благополучно, многими стѣсняемый, но никѣмъ не тревожимый. Два мѣсяца я провелъ за сенатскою работою, уходя съ головою въ цивилистику и этимъ пряча голову, какъ страусъ, въ кусты; не хотѣлъ ни вглядываться, ни вдумываться въ окружающее и въ надвигающееся. А надвигались и нѣмцы, и что-то еще.

Но объ этомъ — въ слѣдующихъ частяхъ моихъ воспоминаній о недавнемъ (и такомъ далекомъ) прошломъ.

Трагедія Украйны

(Изъ пережитого въ Кіевѣ въ 1918 году)

Н. М. Могилянскій

14 (27) января 1918 года я покинулъ, сдавленный тисками большевизма, Петроградъ, убѣжденный въ томъ, что кризисъ, переживаемый Россіей, затяжной, что изъ оппозиціи интеллигенціи и шедшей, естественно, на убыль интеллигентской стачки ровно ничего не выйдетъ. Убійство Шингарева и Кокошкина, разгонъ Учредительнаго Собранія, стрѣльба по мирной манифестаціи интеллигенціи 5 (18) января явно говорили о томъ, что узурпаторы власти въ своемъ стремленіи удержать эту власть въ своихъ рукахъ не остановятся ни передъ чѣмъ, что всѣ преступленія стараго режима дѣтская сказка въ сравненіи съ цинизмомъ новой тиранніи.

Наканунѣ моего отъѣзда, въ этнографическій отдѣлъ Музея Императора Александра III зашелъ смущенный событіями Клодъ Анэ, корреспондентъ «Petit Parisien».

«У Васъ тутъ скоро будутъ нѣмцы», сказалъ онъ съ убѣжденіемъ.

– «Что имъ здѣсь дѣлать въ этомъ болотѣ? Скорѣе они будутъ въ Кіевѣ и на Украйнѣ. Имъ нуженъ хлѣбъ, а не петроградская разнузданная чернь» – отвѣчалъ я, не думая тогда, конечно, что слова мои сбудутся такъ невѣроятно быстро.

Съ грустью простился я съ К. Анэ – нашимъ искреннимъ другомъ, чтобы вновь встрѣтиться съ нимъ лишь черезъ $1^1/_2$ года въ Парижѣ, въ качествѣ бѣженца, пережившаго первую эвакуацію Одессы 4–6 апрѣля 1919 года и прошедшаго тяжелую школу бѣженства, однимъ изъ этаповъ которой былъ Константинополь – ставшій чистилищемъ для русскихъ душъ.

Послѣ почти трехсуточной ѣзды въ поѣздѣ, гдѣ въ нашемъ купэ, вмѣсто 4 человѣкъ, помѣщалось отъ 12 до 14 человѣкъ, гдѣ выходъ былъ возможенъ только черезъ окно, гдѣ грязь была невѣроятная, вслѣдствіе скученности и необходимости тутъ же питаться, при невозможности вымыть руки, 17 (30) января, на склонѣ туманнаго, зимняго, короткаго дня мы подъѣзжали къ Кіеву, причемъ поѣздъ поминутно останавливался, такъ какъ станція Кіевъ I не была свободна. При каждой остановкѣ отчетливо слышны были звуки рѣдкой канонады. Угроза большевиковъ украинскимъ сепаратистамъ, печатно высказанная въ «Правдѣ»: «черезъ нѣсколько дней мы возьмемъ Кіевъ» – начала фактически приводиться въ исполненіе.

Это были первые выстрѣлы по Кіеву арміи большевиковъ, подъ командой Ремнева. Начался первый актъ трагедіи Кіева за многострадальный 1918 годъ, какого не было въ исторіи его со временъ взятія города Батыемъ въ XIII вѣкѣ.

И все же теплилась какая-то надежда. Думалось: зажиточный, замкнутый, раціоналистически настроенный крестьянинъ-собственникъ украинецъ или малороссъ, сильно рознящійся по своей психикѣ отъ своего брата «русскаго», устоитъ непремѣнно предъ соблазномъ «соціализаціи» земли, объявленной не только Ленинымъ, но и не желавшей отстать въ области соціологическаго творчества Центральной Радой, возглавлявшейся проф. М. С. Грушевскимъ. Увы! Одинаковыя причины повели къ одинаковымъ послѣдствіямъ и въ коренной Россіи и на Украйнѣ *.

I.

Послѣдовали девять сутокъ борьбы за Кіевъ между большевиками и украинцами, девять сутокъ почти непрерывнаго боя, то въ рукопашную, какъ на Щекавицѣ, то въ ружейно-пулеметную на улицахъ и площадяхъ Кіева, съ броневиками, осыпавшими пулями особенно нижніе этажи домовъ, причемъ трескъ ружей и пулеметовъ заглушался артиллерійской канонадой съ уханьемъ далекихъ пушекъ и разрывами 3-хъ и 6-и дюймовыхъ снарядовъ и шрапнелей, рвавшихся надъ небольшимъ, по занимаемой территоріи, городомъ, перенаселеннымъ сверхъ всякой мѣры, благодаря войнѣ и послѣдовавшей за нею революціи **.

Систематическій обстрѣлъ Кіева начался съ 18 (31) января вечеромъ. Съ 4-го этажа д. № 22 по Б. Владимирской, изъ квартиры В. А. Жолткевича, въ 1919 году разстрѣляннаго большевиками, наблюдалъ я съ друзьями трагически-эффектную картину обстрѣла Печерска изъ расположенной за Днѣпромъ Дарницы. Красноватая вспышка далекаго орудія (верстъ около 6 по звуку) и черезъ нѣкоторое время яркая звѣзда разрыва снаряда, на разстояніи 2-хъ верстъ по звуку: жуткая, незабываемая картина!

Трудно было дать себѣ отчетъ въ томъ, кто одолѣваетъ въ уличныхъ бояхъ. Наступленіе шло на Печерскъ и на центръ съ Подола одновременно, бои шли съ перемѣннымъ успѣхомъ, но въ концѣ четвертаго дня получилось впечатлѣніе, будто украинцы одолѣваютъ. Говоря вообще, самоувѣренности у руководителей защиты Кіева было очень много, но дѣйствія ихъ отличались безсистемностью, разговоры — бахвальствомъ, и въ обывателѣ они внушали мало увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Числа 21 или 22 января стараго стиля вошелъ въ Кіевъ Петлюра съ тощими рядами украинскихъ войскъ. На Софіевской площади я слышалъ произнесенную имъ передъ войсками рѣчь на тему объ украинской непобѣдимости. Потомъ оказалось, что онъ просто бѣжалъ отъ большевиковъ изъ подъ Гребенки. Канонада большевистской артиллеріи не смолкала, и это обстоятельство мало давало вѣры въ оптимизмъ Петлюры.

До какой степени безсмысленны были военныя дѣйствія украинцевъ, можно показать на дѣйствіяхъ украинской артиллеріи, которыя мнѣ пришлось весьма близко наблюдать. Часовъ около 3 дня, 22 января (4 февраля н. ст.), на Софіевскую площадь привезена была батарея артиллеріи, и началась пристрѣльная стрѣльба по позиціямъ

---

* Происходя и по отцу, и по матери изъ южно-русскихъ, малорусскихъ или украинскихъ фамилій, я считаю себя русскимъ по культурѣ, отечествомъ своимъ считаю Россію, а родиной Украйну или Малороссію. Въ понятіе «Украйна» не вкладываю сепаратистскихъ вожделѣній, но и не связываю его съ «измѣной», какъ необходимымъ, по мнѣнію многихъ, аттрибутомъ украинства.

** Жилъ я въ это время на Софіевской площади, у самой колокольни Софіевскаго Собора — пунктъ очень удобный для наблюденія. Изо дня въ день я велъ запись всего видѣннаго и слышаннаго.

большевиковъ. Во всемъ фасадѣ нашего дома, обращенномъ къ Софіевской площади, вылетѣли почти всѣ окна, ибо ближайшее орудіе стояло шагахъ въ 25—30 отъ подъѣзда дома № 22. Жутко было ждать отвѣтнаго огня «непріятельской» артиллеріи, ибо двѣ колокольни Михайловскаго и Софіевскаго соборовъ, а также пожарная каланча Старо-Кіевскаго участка, не могли не опредѣлить съ полной точностью положенія батарей украинской артиллеріи. Для удобства ночного обстрѣла предупредительно залита была электрическимъ свѣтомъ вся Софіевская площадь: стоящія на горѣ колокольни, освѣщенныя электричествомъ, должны были маячить на десятки верстъ Заднѣпровья.

Кто и какъ командовалъ украинской артиллеріей, показываетъ слѣдующій любопытный эпизодъ. Въ подъѣздъ дома, гдѣ я жилъ, входитъ артиллерійскій офицеръ. «Это Софіевскій Соборъ?» — спрашиваетъ онъ у швейцара. «Да, это Софіевскій соборъ» — отвѣчаетъ швейцаръ. «Ребята! Здѣсь!» — обрадовался офицеръ и отправился размѣщать пушки на позиціяхъ. Вечеромъ, послѣ описанной пристрѣлки, онъ опять потихоньку бесѣдовалъ со швейцаромъ: «Гдѣ тутъ дорога на Святошинъ?» — «Такъ вѣдь тамъ, баринъ, большевики въ Святошинѣ» — отвѣчалъ швейцаръ. — «А мнѣ не все равно, гдѣ пропадать!» — сказалъ офицеръ, безнадежно махнувъ рукой... На другой день, еще до разсвѣта, солдаты-артиллеристы разыскивали офицера Х. Такъ его нигдѣ и не нашли. Былъ ли это офицеръ-большевикъ или бѣднягѣ дѣйствительно больше улыбалось погибнуть отъ большевиковъ?!! На другой день съ утра большевистская артиллерія засыпала снарядами Софіевскую площадь, обстрѣлявъ ее правильнымъ вѣеромъ. Въ районѣ Софіевскаго собора я насчиталъ 13 снарядовъ, попавшихъ въ колокольню, главный храмъ и другія постройки въ оградѣ собора; кромѣ того, мы нашли еще четыре не разорвавшихся снаряда въ той же оградѣ собора.

Испуганное населеніе нашего района бросилось въ подвалы и только немногіе, сохраняя полное самообладаніе, не тронулись съ мѣстъ. Количество снарядовъ, выпускавшихся по городу, было очень значительно. Въ одинъ изъ дней я записалъ слѣдующую статистику: Начало бомбардировки 7 ч. утра — конецъ, или вѣрнѣе, значительное ея ослабленіе — 1 ч. ночи — итого 17 часовъ непрерывной бомбардировки. Число снарядовъ отъ 6—10 въ минуту. Если даже minimum взять за среднюю цифру, то получается въ часъ 360 снарядовъ, а въ 17 часовъ около 7000 снарядовъ. Въ дѣйствительности ихъ выпускалось, можетъ быть, и больше.

Населеніе страдало и отъ недостатка пищи, которую приходилось добывать съ опасностью для жизни, и отъ недостатка свѣта и воды. Кажется, никогда не было сдѣлано попытки подсчитать количество жертвъ бомбардировки Кіева, но онѣ насчитывались сотнями. По ночамъ, съ ослабленіемъ бомбардировки, начинались другіе страхи. Безобразничали солдаты — защитники Кіева. У жены нашего швейцара отняли хлѣбъ и сало. Къ намъ по ночамъ систематически ломились въ квартиру солдаты съ угрозами. Тамъ, гдѣ солдатъ впускали — пропадали вещи, не говоря уже о превращеніи квартиръ въ трудно описуемое, грязное, хаотическое состояніе. Я видѣлъ, что тѣ же солдаты ночью разграбили по сосѣдству небольшую лавочку, взломавъ замки, и принесли съ собой табакъ, шоколадъ, чай и сахаръ и все это въ количествѣ, превышавшемъ потребности даннаго момента. Ни энтузіазма, ни пониманія цѣли борьбы — одно безшабашное озорство. Никакихъ разумныхъ надеждъ на успѣхи сопротивленія въ этихъ условіяхъ быть не могло. Всю ночь на 26 января продолжалась усиленная канонада. Еще утромъ военный министръ У. Р. клялся, что положеніе Кіева устойчиво и опасаться нечего, а между 11 ч. утра и 1 ч. дня вся Центральная Рада, съ Грушевскимъ во главѣ, вмѣстѣ съ правитель-

ствомъ Голубовича, бѣжали на автомобиляхъ въ Житомиръ, оставивъ Кіевъ и его обывателей на произволъ судьбы. Около часу дня 26 января канонада стихла совершенно. О взятіи города большевиками насъ оповѣстили два солдата изъ красной арміи Ремнева, явившіеся для осмотра квартиръ и поверхностнаго обыска. Навсегда въ памяти запечатлѣлись эти два разныхъ лица. Одинъ молодой, юноша лѣтъ 18–20, съ розовыми щеками и тонкимъ, красивымъ профилемъ, весь обвѣшанный оружіемъ, убѣждалъ насъ: «Не бойтесь – теперь все уже будетъ хорошо.» По лицу его я видѣлъ, что онъ искренне и глубоко вѣритъ своимъ словамъ: въ его наивной, дѣтской душѣ не было мѣста злобѣ. Совсѣмъ другое впечатлѣніе оставлялъ его товарищъ – рабочій Путиловскаго завода въ Петроградѣ, лѣтъ 40, уроженецъ Новозыбковскаго уѣзда Черниговской губерніи. Этотъ, на крестъ обвѣшанный пулеметными лентами, весь дышалъ злобой и мщеніемъ. Изо рта его, развившаго алкоголемъ, вырывались непрестанно угрозы: «О! Я ихъ всѣхъ найду, я ихъ знаю въ лицо – офицеровъ – контръ-революціонеровъ.» При этомъ онъ выставлялъ впередъ дуло револьвера, цѣлясь въ воображаемую жертву. «Поработаемъ на пользу родины, а потомъ домой – пахать землю!» Увы! Это не было, къ сожалѣнію, простой формальной угрозой, какъ мнѣ тогда казалось: но объ этомъ будетъ сказано дальше.

Пока украинскіе сепаратисты разговариваютъ съ нѣмецкими генералами въ Брестъ-Литовскѣ, опережая Ленина и Троцкаго въ измѣнѣ родинѣ и союзникамъ, мы можемъ оглянуться на прошлое и въ немъ поискать корней тѣхъ трагическихъ событій, которыя разыгрались въ Кіевѣ въ январѣ 1918 года и повлекли за собой рядъ новыхъ, историческихъ событій.

II.

Кіевъ оставленъ былъ на произволъ судьбы бѣжавшими украинскими войсками и властями. Ворвавшіеся въ городъ 26 января большевистскія войска, тогда еще скорѣе похожія на банды, вскорѣ заставили кошмаромъ своей «дѣятельности» забыть кошмаръ и ужасъ девятидневной бомбардировки. Зеленыя, изможденныя голодовкой, безсонницей и пережитыми волненіями, лица обывателей исказились ужасомъ безумія и тупой, усталой безнадежности.

Началась въ самомъ прямомъ смыслѣ этого слова отвратительная бойня, избіеніе внѣ всякаго разбора, суда или слѣдствія оставшагося въ городѣ русскаго офицерства, не пожелавшаго участвовать въ борьбѣ противъ большевиковъ на сторонѣ украинцевъ. Изъ гостинницъ и частныхъ квартиръ потащили несчастныхъ офицеровъ буквально на убой въ «штабъ Духонина» – ироническое названіе Маріинскаго парка – излюбленное мѣсто казни, гдѣ погибли сотни офицеровъ русской арміи. Казнили гдѣ попало: на площадкѣ передъ Дворцомъ, по дорогѣ на Александровскомъ спускѣ, а то и просто, гдѣ и какъ попало. Такъ мой двоюродный братъ, полковникъ А. М. Рѣчицкій, былъ убитъ на Бибиковскомъ бульварѣ выстрѣломъ въ затылокъ, при сопротивленіи, оказанномъ имъ четыремъ красноармейцамъ, хотѣвшимъ сорвать съ него погоны. Герой Путиловской сопки, трагедіи подъ Сольдау, Прасныша, много разъ тяжело раненый и контуженный – онъ даже предъ лицомъ вѣрной смерти не хотѣлъ, несмотря на всѣ убѣжденія, снять съ себя воинскую форму: такъ трагически пресѣклась 37-лѣтняя молодая жизнь, полная героическаго исполненія долга.

Кромѣ офицеровъ казнили всякаго, кто наивно показывалъ красный билетикъ – удостовѣреніе принадлежности къ украинскому гражданству. Казнили куплетиста Сокольскаго, за его злые куплеты противъ большевиковъ; казнили перваго встрѣчнаго

на улицѣ, чтобы снять съ него новые ботинки, пригляпувшіеся красноармейцу. Начались повальные грабежи въ домахъ «буржуевъ», обыски и вымогательства, съ избіеніемъ недостаточно уступчивыхъ и покорныхъ судьбѣ. Такъ подвергся избіенію извѣстный городской дѣятель В. Демченко. Кто и когда еще разскажетъ о всей цинічной пошлости этой разнузданной вакханаліи произвола, насилія, глумленія и издѣвательства надъ личностью мирнаго обывателя?! — «Пойдемъ съ нами щи хлебать, буржуйка!» — говоритъ солдатъ-красноармеецъ почтенной дамѣ, въ присутствіи всѣхъ членовъ семьи, разставленныхъ у стѣнки съ приказаніемъ не шевелиться во время обыска — «У! Тебѣ бы все шампанское лакать!..» продолжаетъ онъ, угрожая револьверомъ, приставленнымъ къ самому лицу несчастной жертвы надругательства.

Изъ обывательскихъ квартиръ тащили все, что попало, сначала наиболѣе цѣнное: деньги, золото и серебро, всякаго рода цѣнности. Богатые завѣдомо дома, конечно, были ограблены въ первую очередь. Я зашелъ къ старому другу, профессору К. Человѣкъ спокойный, уравновѣшенный, сидитъ въ креслѣ совершенно подавленный, молчитъ и, наконецъ, съ трудомъ вытягиваетъ изъ себя такія слова: «Я на все смотрю равнодушно и спокойно... Кажется, если придутъ и скажутъ, что перебили всѣхъ моихъ дѣтей — я не двинусь съ мѣста.» Къ К. заходитъ почтенный земскій дѣятель, бывшій полковникъ гвардіи С. Я никогда въ жизни не забуду этой безнадежности на окаменѣвшемъ лицѣ, въ глазахъ, изъ которыхъ почти безуміе глядитъ изъ опустошеннаго сознанія.

Владѣлецъ особняка Б., ограбленный большевиками, отсиживается въ «бестѣ» въ иностранномъ консульствѣ; его жена, больная сердечной болѣзнью женщина, измучена была вѣчными обысками и постоянной боязнью за судьбу мужа. Преслѣдованію подвергались одинаково и русскіе, и евреи, и поляки, и украинцы. Среди комиссаровъ и другихъ агентовъ большевистской «власти» доминирующая роль принадлежитъ великороссамъ, хотя были и украинскіе большевики, какъ напр. сынъ писателя Коцюбинскій; евреи при этомъ не играли ни выдающейся роли, ни численно не превышали другихъ національностей. Справедливость требуетъ категорически опровергнуть распространенную легенду, будто весь большевизмъ питается главнымъ образомъ еврейскими силами. Происходитъ это отъ общей аберраціи, а также отъ слишкомъ обывательскаго стремленія найти виновника обрушившихся грандіозныхъ и невыносимыхъ бѣдствій.

Въ городахъ провинціальныхъ, маленькихъ, съ незначительнымъ численно населеніемъ, большевизмъ переживался весьма различно, въ зависимости отъ личнаго характера стоявшихъ во главѣ временной власти большевистскихъ диктаторовъ, ибо трудно иначе назвать тѣхъ мѣстныхъ царьковъ, которые, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, являлись хозяевами жизни и смерти, не говоря уже объ имуществѣ обывателей. Такъ, напр., г. Черниговъ въ этотъ первый приходъ большевиковъ отдѣлался чуть ли не 50,000 рублей контрибуціи, которыхъ хватило для того, чтобы верховный комиссаръ могъ день и ночь пить горькую, а наряду съ этимъ г. Глуховъ пережилъ трудно поддающіеся описанію ужасы. Въ Глуховѣ полновластнымъ его владыкой былъ матросъ балтійскаго флота, по фамиліи Цыганокъ. Неудовлетворенный количествомъ вырѣзанныхъ помѣщиковъ, онъ велѣлъ перебить и перерѣзать даже дѣтей, воспитанниковъ мѣстной гимназіи, какъ будущихъ «буржуевъ». Потомъ Цыганокъ случайно погибъ, заряжая бомбу, которая взорвалась у него на колѣняхъ, причемъ, умирая, онъ завѣщалъ похоронить себя въ склепѣ мѣстной помѣщичьей фамиліи и съ подобающимъ торжествомъ, для чего красноармейцы выгнали весь городъ для проводовъ погибшаго диктатора. Кровавый кошмаръ Глухова еще ждетъ своего историка.

Кіевъ стали грабить систематически. Наложена была пятимилліонная контрибуція, моментально, до-срока уплаченная тѣмъ самымъ обывателемъ, который ни одной копѣйки не хотѣлъ дать на защиту города отъ большевиковъ. Началась полная дезорганизація кредитныхъ учрежденій, куда назначены были безграмотные комиссары.

По городу въ автомобиляхъ и на парныхъ, роскошныхъ извозчикахъ съ прекрасными фаэтонами и ландо, разъѣзжали матросы и красноармейцы, часто въ нетрезвомъ видѣ; они сорили деньгами въ кафе, ресторанахъ и игорныхъ домахъ, окруженные атмосферой кутежа и всяческаго дебоша.

Началось быстрое повышеніе цѣнъ на жизненные продукты, ибо крестьяне перестали вывозить что-либо на городской базаръ, вслѣдствіе риска быть ограбленными по дорогѣ первымъ встрѣчнымъ, кому это было не лѣнь.

Вскорѣ, однако, появились смутные слухи о томъ, что украинцы сговорились съ нѣмцами и въ Кіевъ идутъ нѣмецкія войска. Слухи эти находили себѣ подтвержденіе въ поведеніи большевиковъ, которые, не чувствуя подъ ногами почвы, вели себя, какъ халифы на часъ: грабили, пировали, разоряли и веселились: хоть день да мой!

Положеніе обывателя ухудшалось съ каждымъ днемъ. Сорганизовались шайки грабителей, которыя по ночамъ грабили обывателей, нападая съ оружіемъ на дома и ихъ обитателей. Несчастный обыватель, обезоруженный большевиками, лишенъ былъ самыхъ элементарныхъ средствъ самообороны.

Только тогда, когда дня за два, за три до прихода нѣмцевъ большевики, нагрузивъ себя всякимъ добромъ, бѣжали изъ города, въ свою очередь, началась организація самообороны. Картина бѣгства большевиковъ была весьма оригинальна: казалось, полъ-города обывателей уѣзжаютъ или переѣзжаютъ на новыя квартиры. Извозчики и подводы, груженные всякимъ домашнимъ скарбомъ, — подушками, самоварами, перинами, стульями .... и все это мчалось второпяхъ, подъ охраной одного, двухъ солдатъ красной арміи, вооруженныхъ винтовками.

Ни одного случая сопротивленія. У всѣхъ, казалось, была одна мысль: бери все — только убирайся поскорѣе съ глазъ!

Начало появляться оружіе, которымъ снабжали обывателя. Кто, гдѣ и почему его раздавалъ, мнѣ узнать такъ и не удалось. Я лично видѣлъ только гимназистовъ, бѣгавшихъ таинственно на Печерскъ и тащившихъ оттуда новыя винтовки, патроны, всякаго рода военное снаряженіе. Матери знакомыхъ семей были въ отчаяніи, что мальчики 12–15 лѣтняго возраста превратили свои комнаты не то въ музеи, не то въ арсеналы; зато восхищеніе молодежи не знало предѣловъ — каждый чувствовалъ себя воиномъ, готовымъ выдержать любую аттаку и отстоять свое дѣло и своихъ близкихъ. Очевидно, растаскивали какіе-то цейхгаузы, оставленные безъ охраны и безъ присмотра. Грабежи участились въ невѣроятной пропорціи. Въ борьбѣ съ вооруженными налетами отличалась энергіей грузинская вольная дружина, которая по первому же вызову по телефону выѣзжала на помощь съ автомобилемъ, наполненнымъ вооруженными людьми. Грузинамъ на помощь явились добровольцы изъ кіевской интеллигенціи, и обыватель, замученный и затравленный, вздохнулъ немного свободнѣе. Все это происходило около половины февраля 1918 г. — 11–17 февраля ст. стиля (24 февраля – 2 марта н. ст.). Трудно поддается описанію горькое существованіе обывателя Кіева въ это совершенно кошмарное время. Въ одну изъ послѣднихъ, передъ приходомъ въ Кіевъ нѣмцевъ, ночей зарегистрировано было 176 нападеній на квартиры обывателей. Трудно давалась организація защиты. Избраны были домовые комитеты, которые, раздобывъ оружіе, занялись органи-

зацiей самообороны. И вотъ люди, въ жизни своей не носившіе ружья, иногда почтенные, убѣленные сѣдинами, кіевляне стали чистить и чинить ружья и обсуждать стратегическіе методы защиты домовъ и усадебъ отъ нападенія разбойниковъ. Кое гдѣ начали появляться уцѣлѣвшіе офицеры, взявшіе естественно на себя организацію защиты и команду надъ домовыми военными дружинами. Все это было бы смѣшно, если бы не было въ существѣ весьма трагично. Дружиной дома № 22 командовалъ у насъ храбрый и энергичный кадровый офицеръ, защитникъ Портъ-Артура и заслуженный герой великой войны, П. Г. Сахновскій, лѣтомъ 1919 года тоже разстрѣлянный въ Кіевѣ большевиками. Нашъ домъ сталъ быстро центромъ защиты ряда объединенныхъ домовъ нашего участка, появился полевой телефонъ, объединявшій шесть окрестныхъ дружинъ, обязанныхъ являться по первому вызову въ угрожаемое мѣсто.

Защита давала реальные результаты. Припоминаю одно нападеніе, сдѣланное по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Съ наблюдательнаго пункта дали знать, что изъ за памятника Богдана Хмѣльницкаго на Софіевской площади идетъ наступленіе. Подбѣжавъ къ окну, я увидѣлъ, что изъ за фонтана на площади ползкомъ движутся цѣпью вооруженные люди по направленію къ нашему подъѣзду. Началась перестрѣлка и аттака нашего дома. Дверь параднаго подъѣзда, забаррикадированная на ночь дровами, устояла предъ напоромъ врага; суматоха въ домѣ была неописуемая; къ счастью для насъ, вызванная грузинская дружина прибыла очень быстро, черезъ 10—15 минутъ сраженіе было кончено. У насъ даже обошлось безъ потерь: говорили, что нападавшіе, которыхъ число опредѣлялось въ 30 человѣкъ, унесли трехъ раненыхъ. Но это лишь слухи ... хотя я видѣлъ лично падающихъ людей.

Много мыслей проносилось въ головѣ моей въ безсонныя ночи, когда, стоя у забора, отдѣлявшаго нашъ дворъ отъ сквера вокругъ Софіевскаго собора, съ задачей — стрѣлять по всякому, кто будетъ лѣзть черезъ заборъ, я отстаивалъ двухчасовое дежурство въ холодныя, звѣздныя, февральскія ночи. Часто я задавалъ себѣ вопросъ: что я буду дѣлать, если, дѣйствительно, кто-нибудь полѣзетъ черезъ заборъ? Вѣдь допустимо, что это будетъ человѣкъ, который будетъ спасаться отъ преслѣдованія, а не нападающій врагъ. Къ счастью для меня вопросъ этотъ не былъ поставленъ, а остался лишь въ теоріи... Тяжелыя воспоминанія! Отъ трагизма создавшагося положенія до комизма нѣкоторыхъ житейскихъ переживаній и сценъ было очень небольшое разстояніе, и тяжкія думы, и настроенія разрѣшались часто пронизированіемъ и насмѣшкой надъ самимъ собой. Это все же скрашивало горькія минуты нервныхъ напряженій. Часто, при свѣтѣ огарка, гдѣ-нибудь въ подъѣздѣ или подвалѣ, пили чай и играли въ дурачки. Плакали и смѣялись, смѣялись и плакали поочередно: кошмарное было время даже въ воспоминаніи!

III.

Лучшимъ литературнымъ памятникомъ этого времени, имѣющимъ серьезное значеніе, явился дневникъ В. В. Шульгина, писанный имъ подъ большевистскимъ арестомъ и помѣченный имъ датами 11, 14 и 15 февраля ст. стиля. Нужно отдать должное мужеству В. В. Шульгина, рискнувшаго въ его положеніи высказывать со всей откровенностью мысли, которыя легко могли повести къ его обвиненію и къ фатальному концу: вѣдь большевики шутить не любятъ! Дневники эти были напечатаны въ послѣднемъ номерѣ «Кіевлянина», но рабочіе разбросали наборъ и я переписалъ нѣсколько экземпляровъ съ корректуры для распространенія среди знакомыхъ. Было бы жаль, если бы строки этого остроумнаго дневника никогда

не увидѣли свѣта въ печати. Мой рукописный экземпляръ погибъ для меня съ другими документами въ хаосѣ одесской эвакуаціи 4–6 апрѣля 1919 года, но содержаніе этихъ дневниковъ я помню очень отчетливо.

В. В. Шульгинъ былъ безпристрастнымъ, третьимъ лицомъ въ спорѣ и борьбѣ между большевиками и украинцами, ибо его симпатіи не были ни на той, ни на другой сторонѣ. Его сужденія, быть можетъ, и слишкомъ схематичныя, въ общемъ, однако, ярко и рельефно выявляли положеніе вещей, ставили точки на і и подводили тяжкіе, грустные итоги грустной русской дѣйствительности. Шульгинъ старался расшифровать глубокій, сокровенный смыслъ того, предъ чѣмъ съ наивнымъ изумленіемъ становилась втупикъ слабая, обывательская мысль.

«Создалось положеніе прямо дьявольское», — такъ начиналъ Шульгинъ свой дневникъ,—«на Кіевъ идутъ нѣмцы. Казалось бы, самое естественное для каждаго, любящаго свою родину, было защищать всѣми средствами свой родной край. Да, казалось бы! Но на практикѣ это благое намѣреніе оказывается совершенно неисполнимымъ...» И Шульгинъ вскрываетъ гнойную язву партійныхъ раздоровъ и противорѣчій, приведшую къ тому, что для того, чтобы вступить въ ряды защитниковъ родины, требовалось удостовѣреніе отъ революціонныхъ организацій, гдѣ партійные лозунги стояли выше, чѣмъ интересы родины, гдѣ не хватало элементарнаго чувства патріотизма, тогда, когда явно гибла родина, а съ нею и всякая надежда на жизнь, достойную свободныхъ гражданъ, а не рабовъ.

Особенно интересенъ въ этихъ дневникахъ анализъ того сложнаго положенія, тѣхъ фантастическихъ комбинацій, къ которымъ привелъ развалъ арміи, бросившей фронтъ. Было дѣйствительно что-то дьявольское въ этомъ тонко и глубоко продуманномъ планѣ добраться до Украйны и ея богатствъ, столь необходимыхъ Германіи для продолженія незаконченной еще борьбы на западномъ фронтѣ, пользуясь не силой побѣдоноснаго оружія, а ловко использованной политической интригой, гдѣ нужно, обманомъ, подкупомъ — словомъ, всѣми доступными средствами.

Въ самомъ дѣлѣ, на завоеваніе военной силой всей Украйны при малѣйшемъ противодѣйствіи населенія ея, у Германіи, ослабленной кровавой бойней у Вердена и на Соммѣ, надежды никакой быть не могло. Отсюда тонко задуманный и быстро проведенный въ исполненіе планъ или комбинація, при которой побитые большевиками украинцы униженно просили нѣмецкихъ генераловъ, на выгодныхъ для Германіи условіяхъ, спасти Украйну «отъ варварства русскихъ». Для этого, по мнѣнію Шульгина, нуженъ былъ предметный урокъ. «Нужно было показать тянувшимъ къ Россіи элементамъ прелести этого единенія, а для этого подарить Кіеву нѣсколько недѣль большевистскаго режима. Что? Хороши балтійскіе матросы? Что? Хороша петербургская красная армія?!» Кстати, какъ мы видѣли выше, сотнями разстрѣливались русскіе офицеры, чтобы въ будущемъ сдѣлать войну для Россіи невозможною. «Дѣло сработано чисто: и вдохновители, и исполнители оказались на высотѣ» заключаетъ эту часть В. В. Шульгинъ. И предъ неизбѣжной, роковой необходимостью нашествія иноплеменниковъ — худшихъ и давнихъ враговъ Россіи, наступавшихъ вдобавокъ въ качествѣ спасителей, Шульгинъ даетъ захватывающій анализъ того, что привело къ такой невѣроятной катастрофѣ. Здѣсь даны поистинѣ захватывающія строки, мастерски раскрывающія язвы прошлаго, приведшія къ трагическому концу.

Описавъ состояніе души истерзаннаго голодомъ, бомбардировкой, издѣвательствами большевиковъ, кіевскаго обывателя, В. В. Шульгинъ писалъ: «Если бы теперь спросить терроризованнаго обывателя, не хочетъ ли онъ призвать иноземную власть для защиты отъ насильниковъ и грабителей, то этотъ обыватель значитель-

нымъ большинствомъ голосовъ отвѣтилъ бы: «волимъ подъ царя западнаго, инославнаго».

И все же обыватель не повиненъ въ приглашеніи въ Кіевъ войскъ Вильгельма. Его и не спрашивали — хочетъ онъ этого или не хочетъ? Велико величіе духа этого скромнаго обывателя, на спинѣ котораго разыгрываются политическія драмы, который расплачивается за безуміе маньяковъ и честолюбцевъ. И я вѣрю, что плебисцитъ, если бы онъ былъ возможенъ, не далъ бы власти въ Кіевѣ въ руки нѣмцевъ. Это взяли на себя и на свою совѣсть украинскіе сепаратисты: М. С. Грушевскій и Голубовичъ, Петлюра и Поршъ...

Подписавъ въ Брестѣ всѣ условія нѣмцевъ, украинцы торжественно вошли въ Кіевъ въ качествѣ побѣдителей. Правда, негласно, наканунѣ, обезпечивъ порядокъ, первые вошли въ городъ нѣмцы. Это было 17 февраля стараго стиля.

IV.

Придя въ Кіевъ, нѣмцы прежде всего вычистили невѣроятно загаженный при большевикахъ вокзалъ. Вычистили, убрали, декорировали и пригласили вечеромъ на танцы тѣхъ торговокъ, что по принужденію помогали въ уборкѣ вокзала. За украинскими войсками, вошедшими подъ предводительствомъ новаго военнаго министра Центральной Рады Жуковскаго, численно возросшими, благодаря привезеннымъ изъ германскаго плѣна, съ иголочки одѣтыми въ синіе жупаны, новые сапоги и высокія сѣрыя папахи, изъ поддѣльнаго барашка, съ огромными кокардами украинскихъ цвѣтовъ, вошли на другой день нѣмцы подъ командой Линзингена. Продефилировавъ по городу съ музыкой, нѣмцы устроили парадъ на Софіевской площади и начали устраиваться съ обычной нѣмецкой аккуратной педантичностью, порядливостью и неторопливой систематичностью.

Въ шлемахъ, при строгой нѣмецкой выправкѣ, размѣреннымъ походнымъ шагомъ въ раскачку двигалась зелено-сѣрая масса пѣхоты въ видѣ не то какого-то чудовища Tarasc'a, какъ описывалъ его А. Додэ, не то липкой страшной массы гусеницъ. Тяжкое чувство испытывалъ я, глядя на низкорослый ландверъ, солдатъ — уже не того исключительнаго вида schneidiger Militär, который поражалъ когда-то своими разводами и парадами на Unter den Linden или у гауптвахты возлѣ Brandenburger Tor. Землистыя, усталыя лица, обношенное, сѣрое, стального цвѣта платье, много ленточекъ желѣзнаго креста на груди солдатъ и офицеровъ — все это указывало на то, что это уже не первой очереди кадровыя войска, — гордость Вильгельма, что это уже также побывавшія въ передѣлкахъ войска, счастливыя теперь своимъ отдыхомъ на Украйнѣ отъ ужасовъ продолжавшейся на Западномъ фронтѣ бойни. Они явились сюда (на Украйну) друзьями, а не врагами: здѣсь можно будетъ и отдохнуть, и подкормиться. Лица сосредоточенныя, дисциплина образцовая, спокойная привѣтливость и сознаніе собственнаго достоинства.

Какъ же встрѣтилъ нѣмцевъ Кіевскій обыватель? Помню, какъ очень неодобрительно смотрѣла съ балкона на идущихъ въ стройной колоннѣ нѣмцевъ наша кухарка Поля*, героически бѣгавшая подъ пулями и шрапнелью ежедневно во все время обстрѣла Кіева, и сказала съ чувствомъ упрека, указывая на рослыхъ, здоровенныхъ, усатыхъ украинцевъ, и низкорослыхъ, невзрачныхъ нѣмцевъ: «Ось що бувае за дурною головою...», проговорила она, тяжело при этомъ вздохнувъ. Зажиточный

* Я жилъ у моего друга прис. пов. Евгенія Ивановича Фіалковскаго, въ д. № 22 по Владимирской ул. (т. е. на Софіевской площади).

обыватель, такъ называемый «буржуй», нѣмцевъ встрѣчалъ, хотя и радостно, но безъ всякой экспансивности; радость избавленія была хотя и искренняя, но безъ энтузіазма: нѣкоторыя дамы совали застѣнчиво букеты цвѣтовъ нѣмецкимъ офицерамъ, но ни подъема, ни восторга мнѣ видѣть не приходилось — слишкомъ всѣ устали, да и будущее рисовалось въ формахъ, если и не столь ужасныхъ, какъ только что пережитые, кошмарные дни большевизма, то все же и много неизвѣстнаго таило оно въ себѣ. Если найдется кто нибудь, кто броситъ слово осужденія по поводу той радости, которая свѣтилась на отдѣльныхъ лицахъ кіевскихъ обывательницъ больше, чѣмъ обывателей, то право на это осужденіе принадлежитъ лишь тѣмъ, кто на себѣ самомъ испыталъ прелести соприкосновенія съ большевиками и все же не палъ духомъ до желанія найти во врагѣ, шедшемъ на помощь, поддержку противъ врага, угрожавшаго жизни и имуществу обывателя ежеминутно и непрестанно. Нѣтъ, по совѣсти, не могу найти словъ осужденія органическому, властному зову жизни предъ лицомъ небытія, палача-мучителя съ занесеннымъ ножомъ, съ кривой усмѣшкой циничнаго, наглаго безстыдства. Не дай Богъ пережить эти чувства тѣмъ, кто ихъ не пережилъ, а тѣ, кто ихъ пережилъ, не забудутъ ихъ никогда!

Съ появленіемъ нѣмцевъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, безъ всякихъ угрозъ или угрожающихъ объявленій, исчезли всякіе грабежи и насилія. Обыватель вздохнулъ свободно. Даже поздней ночью стало совершенно безопасно гулять по улицамъ. Открылись театры, синема, рестораны, жизнь заиграла быстрымъ темпомъ свою вѣчную суетливую музыку.

Украинцы-патріоты позволили себѣ роскошь нѣкоторыхъ дикихъ эксцессовъ, причемъ, сколько мнѣ было извѣстно, пострадалъ одинъ студентъ-еврей, убитый на Подолѣ неизвѣстно за что и при совершенно неясныхъ обстоятельствахъ. Во всякомъ случаѣ не было тѣхъ ужасныхъ картинъ убійствъ и казней, какими отличался періодъ большевистскаго владычества, когда, выходя гулять на Владимирскую горку, я каждый день натыкался на новые трупы, на разбросанные по дорожкамъ горки свѣжіе человѣческіе мозги, свѣжія лужи крови у стѣнъ Михайловскаго монастыря и на спускѣ между монастыремъ и водопроводной башней, по дорожкамъ, покрывающимъ горку сквера.

Нѣмцы, изголодавшіеся дома, висѣли толпами надъ витринами магазиновъ съ съѣстными припасами, гдѣ выставлены были жареные поросята, гуси, утки, куры, сало, масло, сахаръ и разныя сладости и гдѣ все это можно было пріобрѣсти безъ карточекъ и по сравнительно тогда еще весьма дешевымъ цѣнамъ. На базарахъ по утрамъ нѣмцы особенно охотно покупали сало. Они съ жадностью жевали огромные куски вкуснаго, малороссійскаго сала: велика была, очевидно, потребность организма въ жирахъ, отъ недостатка которыхъ давно уже страдала вся Германія.

Дѣятельность нѣмцевъ, особенно въ первый періодъ, проявлялась въ прокладываньи по всему городу телефоннаго сообщенія для своихъ военно-полевыхъ надобностей.

Съ утра до ночи лазали они съ кошками на ногахъ по телеграфнымъ столбамъ, все опутывая своими сѣтями — ни дать, ни взять пауки ткали свои тенета для ловли жирныхъ украинскихъ мухъ.

Порядокъ въ городѣ сохранялся образцовый, нѣмецкая каска внушала страхъ передъ той силой, которая, чувствовалось, стояла за ней...

Что же дѣлали оставшіеся у власти украинцы — соціалисты, чѣмъ проявили они свое творчество, въ моментъ, когда руки у нихъ были развязаны, подъ охраной нѣмецкихъ штыковъ, быстро угнавшихъ свирѣпыхъ большевиковъ за предѣлы украинской территоріи? Небольшіе отряды нѣмцевъ проникли къ концу марта даже въ Крымъ и создали тамъ правительство изъ мѣстныхъ русскихъ элементовъ

подъ предсѣдательствомъ генерала Сулькевича. Нѣмцы нигдѣ не встрѣтили никакихъ сопротивленій. Для мирной оккупаціи огромнѣйшей территоріи имъ понадобилось всего только около 350–400 тысячъ человѣкъ.

Какъ, наконецъ, сложились отношенія между нѣмцами и украинцами? На эти вопросы необходимо дать краткій отвѣтъ, чтобы понять дальнѣйшую цѣпь событій.

V.

Я сильно сомнѣваюсь въ томъ, чтобы сами нѣмцы придавали серьезное значеніе статьямъ Брестскаго договора съ Украйной, а потомъ съ Россіей Ленина и Троцкаго. Для дальновидныхъ людей уже, кажется, не было сомнѣній въ томъ, что почти не оставалось разумной, обоснованной надежды на окончательную, рѣшительную побѣду нѣмецкаго оружія.

Мнѣ передавали, что извѣстный нѣмецкій генералъ выразился такъ, отвѣчая на вопросъ о положеніи Германіи въ связи съ войной: «Unsere Lage ist glänzend, aber... hoffnungslos.» Если нѣмецкій генералъ и не говорилъ этого, то все же въ нѣмецкомъ происхожденіи этого Witz'а сомнѣнія быть не могло и сущность положенія Германіи онъ передавалъ точно и ясно.

Наиболѣе соблазнительной для нѣмцевъ частью договора съ украинскими соціалистами, подписаннаго въ Брестѣ, были пункты, по которымъ Украйна обязывалась дать нѣмцамъ 60 милліоновъ пудовъ хлѣба (муки) и право каждаго солдата, несущаго службу на Украйнѣ, отправлять на родину ежедневно посылку въ 12 фунтовъ вѣсомъ. Конечно, были у нѣмцевъ и другія намѣренія, и они взялись за ихъ выполненіе настойчиво и интенсивно. Первая задача была воспользоваться огромными складами военнаго имущества, и сюда нѣмцы направили много вниманія и энергіи. Вторая заключалась въ широкомъ грюндерствѣ, которое должно было опутать прочной стальной паутиной нѣмецкаго капитала экономическую жизнь богатѣйшаго края. Такіе умные соціалисты, какъ Wiedfeld, знали, что и какъ дѣлать. Становилось страшно при одной мысли, что этимъ планамъ суждено осуществиться.

Но хлѣба! прежде всего: хлѣба! Съ этимъ Leitmotiv'омъ нѣмцы явились въ Кіевъ и на Украйну вообще. И на этой почвѣ нѣмцы разсорились съ кабинетомъ Голубовича и Центральной Радой, т. е. съ соціалистической-сепаратистской властью и украинскимъ «парламентомъ», страхъ за хлѣбъ привелъ къ ликвидаціи нѣмцами и министерства Голубовича и Центральной Рады. Ибо весьма скоро нѣмцы сообразили, что при хозяйничаньи гг. Голубовича и Ко. съ Центральной Радой во главѣ, – хлѣба то именно они и рискуютъ не увидѣть вовсе. Они сразу поняли, что при сохраненіи въ силѣ универсала о соціализаціи земли, при заготовленныхъ еще заботами «селянскаго министра» Чернова земельныхъ комитетахъ, крестьяне, вмѣсто того, чтобы пахать и сѣять, будутъ дѣлить землю. А нѣмцамъ нуженъ прежде всего хлѣбъ, а никакъ не соціализація земли. Наконецъ, хлѣбъ нужно закупить, вывезти и доставить по желѣзной дорогѣ. Дезорганизація же, внесенная Ц.Р. и ея министерствомъ во всѣ области управленія, въ томъ числѣ, конечно, и въ желѣзно-дорожное хозяйство, угрожала въ корнѣ подорвать то жизненное начало и дѣло, изъ за котораго только и стоило лишить себя 300,000 арміи, столь необходимой Германіи на ея западномъ фронтѣ. Резервы Германіи быстро таяли отъ непрерывныхъ боевъ на территоріи Франціи.

Наконецъ, и это играло не меньшую роль въ охлажденіи нѣмцевъ къ сепаратистамъ «самостійникамъ», нѣмцы, которымъ нельзя отказать въ томъ, что они внимательно изучали общественную среду и обстановку, прозрѣли въ Кіевѣ насчетъ

«украинизаціи». Въ теоріи, дома, въ концентраціонныхъ лагеряхъ — это было одно, въ Кіевѣ, на реальной украинской почвѣ — они нашли нѣчто совершенно другое; они увидѣли то, что ихъ самихъ привело въ немалое изумленіе: «Rußland — das verstehe ich, Ukraina — das verstehe ich nicht», повторялъ убитый позже въ Кіевѣ фельдмаршалъ Эйхгорнъ, замѣнившій вскорѣ Линзингена. Но объ этомъ я скажу далѣе, теперь же нужно дать себѣ отчетъ въ томъ, кто такое были вновь оказавшіеся у власти украинцы, каковы были ихъ силы и творческія способности, каковы были результаты ихъ дѣятельности и соціальнаго строительства.

Совершенно подобно тому, какъ въ Петроградѣ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ являлся самоизвольнымъ парламентомъ, да еще облеченнымъ исполнительной властью, державшимъ въ плѣну Временное Правительство, такъ и Центральная Рада состояла исключительно изъ лѣвыхъ элементовъ, украинскихъ с. р. и с. д. главнымъ образомъ, избранныхъ съ тѣми же гарантіями и при тѣхъ же техническихъ условіяхъ, что и С.Р. и С.Д. въ Петроградѣ. Отличіе было лишь въ томъ, что «министерство» вполнѣ отвѣчало «парламенту» и въ психикѣ и въ міровоззрѣніи — оно, правда, и исходило изъ нѣдръ Ц.Р. До чрезвычайности типично, что съ необычайной быстротой устранены были отъ дѣлъ наиболѣе почтенные и заслуженные дѣятели украинской идеи, какъ напр., ея ветеранъ, глубоко всѣми почитаемый педагогъ, ученый и литературный дѣятель В. П. Науменко*, назначенный Временнымъ Правительствомъ Попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа. Другой почтенный украинецъ, Н. П. Василенко, былъ въ это время товарищемъ министра народнаго просвѣщенія при министерствѣ акад. С. Ѳ. Ольденбурга. Вл. П. Науменко, серьезный ученый филологъ и талантливый преподаватель, годами и десятилѣтіями отстаивавшій въ своемъ журналѣ «Кіевская старина» право украинскаго народа на культурное развитіе, заставившій уважать себя даже такихъ самодуровъ центральной власти, какимъ былъ жандармскій генералъ Новицкій; человѣкъ, который пріобрѣлъ для украинцевъ симпатіи такихъ выдающихся дѣятелей академической жизни въ Россіи, какъ покойные академики А. Н. Пыпинъ, А. А. Шахматовъ, и Ѳ. Е. Коршъ и нынѣ здравствующій С. Ѳ. Ольденбургъ. И вотъ, этотъ человѣкъ, живой памятникъ 50 лѣтія кіевской культуры, оказался не ко двору у молодой Украйны.

Во главѣ движенія сталъ профессоръ Львовскаго Университета, ученикъ Вл. Б. Антоновича, русскій украинецъ М. С. Грушевскій. Антоновичъ — двуликій Янусъ, съ кафедры университета проповѣдывавшій одно и бывшій въ дружбѣ даже съ Новицкимъ, у себя дома, въ кружкѣ избранной молодежи проповѣдывавшій другое: ненависть къ Россіи.

М. С. Грушевскій былъ послѣдователемъ Антоновича — домашняго учителя и ненавистника Россіи (эти свѣдѣнія я получилъ отъ другого ученика проф. Антоновича, извѣстнаго педагога въ Кіевѣ, лѣтомъ 1918 г.). Плодовитый писатель, посредственный ученый, привыкшій къ Австріи и ея конституціонному укладу, онъ примкнулъ къ лѣвымъ по мотивамъ, непонятнымъ и неизвѣстнымъ, скорѣе всего, желая не утратить нѣкоторой своей популярности. А по всему своему существу онъ былъ и остается добрымъ буржуа въ буквальномъ смыслѣ этого слова, любящимъ комфортъ и уединеніе своей цѣнной библіотеки.

Домъ проф. Грушевскаго въ Кіевѣ, огромное шестиэтажное зданіе на Паньковской улицѣ, погибъ въ огнѣ, зажженный снарядами артиллеріи Ремнева; въ немъ, кромѣ очень цѣнной библіотеки М. С. Грушевскаго, погибло тоже цѣннѣйшее собраніе

---

* Владиміръ Павловичъ Науменко былъ разстрѣлянъ большевиками, когда они вторично овладѣли Кіевомъ весной 1919 года.

украинскихъ этнографическихъ предметовъ художника-архитектора Кричевскаго. Пожаръ дома Грушевскаго и пожаръ огромнаго дома Багрова на Бибиковскомъ бульварѣ составили одну изъ грандіознѣйшихъ картинъ эпохи бомбардировки Кіева, рѣдкой, полной трагизма красотой этого стихійнаго бѣдствія. Трудно допустить, чтобы практичный умъ М. С. Грушевскаго раздѣлялъ увлеченія зеленой украинской молодежи въ области ея соціологическихъ и соціалистическихъ экспериментовъ. Проще допустить, что, дорожа популярностью, онъ плылъ по теченію, безсильный оказать ему серьезное идейное сопротивленіе.

За Грушевскимъ идутъ три вліятельныхъ въ національныхъ кругахъ Украйны фигуры: В. Винниченко, С. Петлюра и Н. Поршъ, всѣ приблизительно одного возраста за 40 лѣтъ, всѣ соціалисты de nomine и совершенно не схожіе другъ съ другомъ ни по складу ума, ни по темпераменту. Общее у нихъ одно: сепаратистскія стремленія, исходящія несомнѣнно изъ очень различныхъ источниковъ ихъ природы. Винниченко — писатель не безъ воображенія и значительнаго дарованія и таланта, наименѣе ихъ всѣхъ національненъ, по своей сущности, какъ украинецъ. По своей страстности и импульсивности это скорѣе семитъ, по мистической сложности своей психики это типичный великоруссъ, гдѣ къ идеализму славянина подмѣшанъ мистицизмъ финскаго знахаря, безпокойный Пэръ-Гинтъ съ рефлексіей Макса Нордау, сложное mixtum compositum кухни современнаго европеизма. Человѣкъ импульсивный, страстный и опасный, ибо у него нѣтъ слабой стороны въ видѣ задерживающихъ центровъ. Ему приписываютъ формулу: «Украйна не хочетъ самостійности. Тѣмъ хуже для нея — пусть пройдетъ черезъ чистилище большевизма, если это необходимый путь къ самостійности.» И онъ, дѣйствительно, не смущаясь, шелъ на соглашеніе съ большевиками.

Симонъ Петлюра — трагическій символъ современной Украйны, гораздо болѣе національненъ; это упрямый «хохолъ», нѣсколько тупой, хитрый, недоучка и самоучка, но человѣкъ съ настойчивостью, характеромъ и огромнымъ честолюбіемъ, отравленный ядомъ случайно свалившейся въ руки власти. Не теоретикъ и не мыслитель — онъ одинъ умѣетъ организовать и дѣйствовать. Черты гайдамачины живы въ немъ, и нѣмцы знали, кто имъ можетъ пригодиться въ соотвѣтствующій моментъ, ибо Петлюра искусно ориентируется въ трудныхъ положеніяхъ, умѣетъ вліять на людей и организовать ихъ. Самый умный, разсудительный, разсчетливый, наиболѣе теоретически и политически подготовленный, наиболѣе дальновидный, скрытный и по крестьянски себѣ на умѣ, хотя и не изъ крестьянской среды, часто остающійся въ меньшинствѣ и замыкающійся въ сознаніи своей правоты и превосходства, Н. В. Поршъ раньше другихъ уловилъ необходимость ориентаціи самостійниковъ на антанту, хотя раньше былъ убѣжденнымъ германофиломъ. Другія фигуры украинскихъ самостійниковъ менѣе ярки и опредѣленны, поэтому онѣ и менѣе опредѣлялись въ практической политикѣ и дѣятельности. Интереснѣе другихъ А. Маціевичъ, образованный агрономъ, В. Леонтовичъ (не соціалистъ), — писатель беллетристъ и украинецъ-индивидуалистъ, С. Ефремовъ — публицистъ и историкъ литературы, трудолюбивый работникъ и постоянно шедшій впередъ мыслитель.

Въ общемъ, у власти оказалась молодежь соціалистически настроенная: Д. Антоновичъ — прямолинейный націоналистъ, способный, но лѣнивый, А. Шульгинъ — работящій и способный молодой сепаратистъ, Ткаченко — украинецъ англизированной внѣшности и слабой мысли, Голубовичъ, о которомъ рѣчь еще впереди — и другія еще менѣе извѣстныя своей дѣятельностью фигуры и лица.

Изъ военныхъ сколько-нибудь выдавался, какъ политически воспитанный, украинецъ по симпатіямъ, ген. Оберучевъ, но это былъ умѣренный с. р. и не шови-

нистъ и его смыла, такъ же какъ и В. П. Науменко, волна лѣвизны и крайняго національнализма.

Какіе же въ этихъ условіяхъ могли быть плоды мирной работы, общественнаго строительства? Разсчитанныя на успѣхъ звонкія фразы, гдѣ поносился русскій (московскій) централизмъ — на нихъ дѣлалъ свою карьеру М. С. Грушевскій. Универсалъ о самостоятельности Украйны, какъ плодъ усилій закулисной дѣятельности В. Винниченко и его компаніи. Универсалъ о соціализаціи земли, какъ легкій и дешевый продуктъ коллективнаго творчества. Въ практической сферѣ дѣятельности все это сводилось къ жалкой борьбѣ съ безобидными вывѣсками, которыя перекрашивались въ національные цвѣта — синій и желтый и переводились на украинскій языкъ. Много и долго возились съ красивымъ, ампирнымъ двуглавымъ орломъ на зданіи Педагогическаго Музея на Большой Владимирской улицѣ, выстроенномъ С. Могилевцевымъ и захваченномъ Центральной Радой вопреки всякому закону. Къ зданію въ стилѣ ампиръ никакъ не подходилъ новый украинскій государственный гербъ, т. наз. знакъ Владимира Святого — въ видѣ трезубца: сдѣлали нѣсколько пробъ и, по счастью, бросили это безплодное усиліе. Въ существѣ своемъ всѣ начинанія сводились лишь къ крикливымъ деклараціямъ, выбрасыванію извѣстныхъ флаговъ, лозунговъ, въ области же практики и реальныхъ житейскихъ отношеній, возьмемъ ли мы область управленія, суда, землеустройства — ровно ничего не было сдѣлано, кромѣ введенія украинскаго языка въ дѣлопроизводство.

Такъ же, какъ и въ коренной Россіи, соціализація земли кончилась грабежомъ имѣній, насиліями, издѣвательствами, иногда убійствомъ помѣщиковъ. Такъ, напр., въ Черниговскомъ уѣздѣ была звѣрски убита цѣлая семья помѣщиковъ Комаровскихъ изъ 12 человѣкъ. Когда тяжко раненые, не добитые несчастные умоляли дать воды, убійцы отвѣчали: «Подохнешь и такъ!»... Въ семи верстахъ отъ Чернигова убиты были мои родственники, отецъ и сынъ Дзвонкевичи. Моему двоюродному дѣду, старику, было 93 года, а его сыну за 60 лѣтъ, причемъ этотъ послѣдній болѣе 30 лѣтъ своими руками обрабатывалъ свою землю, пахалъ, косилъ, вставалъ съ восходомъ солнца, словомъ, цѣликомъ жилъ обычной жизнью заправскаго крестьянина.

Людей убивали, усадьбы горѣли и разорялись, а соціализація оставалась пустымъ звукомъ. Украинскіе крестьяне, собственники земли, особенно зажиточные, а такихъ на Украйнѣ было весьма много, были поголовно противъ опасныхъ затѣй соціализаціи, такъ же, какъ и противъ земельныхъ комитетовъ, но, боясь мести, молчали и не возражали противъ сознаваемаго озорства и безобразій: раздѣла скота, хлѣба помѣщичьихъ экономій и пр. Когда мнѣ лично приходилось бесѣдовать съ тѣми изъ нихъ, кого я зналъ съ дѣтства, они потихоньку признавались:

— «Мы бы Вамъ всѣхъ ихъ выдали смутьяновъ и грабителей, только на одномъ условіи: чтобы они больше къ намъ не вернулись.» Боязнь мести опредѣляла весьма многое въ отношеніи къ происходившей кругомъ анархіи.

По моему глубокому убѣжденію, украинскіе соціалисты во всей области законодательства обнаружили не больше творчества, чѣмъ ихъ товарищи большевики въ періодъ ихъ сидѣнія въ Смольномъ Институтѣ. У нихъ не хватило храбрости быть послѣдовательными до конца на манеръ большевиковъ, но все же къ чести ихъ нужно сказать, что они не дѣйствовали терроромъ, пыткой и разстрѣлами. Безсильные прекратить анархію, которую они сами вызвали своимъ наивнымъ «законодательствомъ», они — и въ этомъ ихъ огромное отличіе отъ большевиковъ, не обагряли еще тогда рукъ своихъ ни поощреніемъ, ни одобреніемъ, ни моральнымъ участіемъ въ кровопролитіи. Но въ украинской интеллигенціи сказалась общая черта съ русской интеллигенціей: партійное доктринерство вытравило всякое представленіе о

реальныхъ жизненныхъ взаимоотношеніяхъ явленій и, упрямо губя свою родину и свое собственное будущее, украинцы, какъ и русскіе, создали себѣ кумировъ изъ сухихъ формулъ и лишенныхъ внутренняго содержанія формъ и трафаретовъ.

Пользуются ли національно настроенные украинцы довѣріемъ широкихъ массъ населенія, во имя которыхъ они дѣйствуютъ и именемъ которыхъ такъ часто злоупотребляютъ? Пользуется ли «украинизація» симпатіями широкихъ массъ населенія Украйны? Нужно разъ, хотя бы, высказать ту истину, что въ той исторической стадіи, въ какой жило тогда населеніе Украйны, оно было болѣе, чѣмъ равнодушно ко всякимъ попыткамъ и затѣямъ украинизаціи. Украинцы слишкомъ много лгали на эту тему. Городская демократія къ украинизаціи школы, напр., относилась просто отрицательно. Какъ показали грустныя событія и переживанія Кіева, Харькова, Одессы, населеніе городовъ вездѣ имѣетъ явную склонность къ большевизму, а деревня вездѣ жаждала одного: земли!

Тотъ, кто обѣщалъ землю, и являлся властителемъ деревни. И впредь проблема власти остается открытой въ той же плоскости: только тотъ создастъ власть и на Украйнѣ, и въ Россіи, кто укрѣпитъ право на землю за крестьянствомъ и создастъ гарантію отъ соціализаціи и всякихъ видовъ экспропріаціи.

Украинскіе с. р—ы, составлявшіе большинство въ той массѣ интеллигенціи или, лучше сказать, полуинтеллигенціи, которая служитъ въ земствахъ, кооперативахъ, чиновниками въ разнаго рода правительственныхъ учрежденіяхъ и т. п., обѣщали всю землю крестьянамъ. Это единственное дѣйствительное средство получить голоса деревни. И это нужно имѣть въ виду для пониманія дальнѣйшихъ развернувшихся событій.

Если еще нужно безпристрастное свидѣтельство полнаго провала идеи «украинизаціи» и «сепаратизма», то слѣдуетъ обратиться къ вполнѣ надежному и безпристрастному свидѣтельству нѣмцевъ, которые были заинтересованы углубленіемъ «украинизаціи» для успѣха расчлененія Россіи*. Черезъ два мѣсяца пребыванія въ Кіевѣ нѣмцы и австрійцы, занимавшіе Одессу, посылали обстоятельный докладъ въ Берлинъ и Вѣну въ совершенно тождественной редакціи. Нѣмецкое Высшее Военное Командованіе, составившее этотъ докладъ (я имѣлъ его въ рукахъ только на $^1/_2$ часа и имѣлъ возможность лишь бѣгло просмотрѣть этотъ обстоятельный и интересный документъ), доносило, что изъ всѣхъ учрежденій на Украйнѣ единственно стоящее на высотѣ задачи и имѣющее авторитетъ среди населенія — это судъ и его дѣятели, все же остальное далеко не на высотѣ задачи. Если немного усовершенствовать устарѣвшіе въ нѣкоторыхъ областяхъ законы, то, опираясь на судъ и военную силу, можно управлять страной. Далѣе докладъ краснорѣчиво доказывалъ, что существующее правительство не въ состояніи водворить въ странѣ необходимый порядокъ, что изъ украинизаціи практически ничего не выходитъ, ибо населеніе стремится къ русской школѣ и всякій украинецъ, поступающій на службу, хотя бы сторожемъ на желѣзную дорогу, стремится и говоритъ, и читать по русски, а не по украински. Общій же выводъ былъ тотъ, что желательно объявить открыто и легально оккупацію края нѣмецкой военной силой. Это было въ 20-хъ числахъ апрѣля 1918 года.

Да и въ практикѣ своей нѣмцы мало вниманія и уваженія удѣлили украинскому языку: люди практики, они видѣли, что все населеніе прекрасно понимаетъ русскій языкъ, а потому объявленія свои они печатали на русскомъ языкѣ, если учились, то учились русскому, а не украинскому языку и т. д. Пробѣжавъ вышеупомянутый документъ, я понялъ, что дни Центральной Рады и министерства Голубовича сочтены.

---

* См. Dr. P. Rorbach. Russland und wir. Berlin, 1915.

VI.

Вокругъ генерала Павла Петровича Скоропадскаго сгруппировались всѣ антисоціалистическіе элементы Украйны, начиная отъ крупныхъ помѣщиковъ и кончая мелкими земельными собственниками-крестьянами «хліборобами», всѣ политическія партіи правѣе соціалистовъ, начиная отъ к. д. Это былъ достаточно сплоченный антисоціалистическій блокъ безъ партійныхъ разномыслій и безъ національной розни. За нимъ пошли и русскіе, и евреи, и украинцы, и поляки, и кадеты, и октябристы. Но что бы ни говорили враги Скоропадскаго, въ основѣ организаціи «хліборобовъ», которая на съѣздѣ 29-го апрѣля объявила генерала Скоропадскаго Гетманомъ всея Украйны, была сильная группа настоящихъ крестьянъ-собственниковъ, для которыхъ смертельной угрозой былъ универсалъ о соціализаціи земли. Переворотъ отъ народной украинской республики къ гетманству могъ совершиться, конечно, только при содѣйствіи и съ согласія нѣмецкой власти, такъ какъ какими либо собственными реальными силами ген. Скоропадскій не располагалъ. Сдѣлано все было чрезвычайно аляповато и грубо: нѣмцы даже не соблюли decorum'а нейтралитета. Дѣло съ внѣшней стороны обошлось такъ.

Въ теплый, благоуханный, апрѣльскій день, около 3-хъ часовъ пополудни, къ зданію, гдѣ засѣдала Центральная Рада, т. е. къ Педагогическому Музею на Владимирской улицѣ, направились небольшіе отряды нѣмецкихъ солдатъ. Двумя шеренгами солдатъ, поставленными поперекъ широкой улицы, отгородили участокъ противъ Педагогическаго Музея — первый со стороны Фундуклеевской улицы, второй — отъ Бибиковскаго бульвара: подходы къ зданію, гдѣ засѣдала Центральная Рада, были отрѣзаны. Небольшой отрядъ нѣмецкихъ солдатъ подъ командой офицера вошелъ въ зданіе Ц. Р. Черезъ часъ или maximum 1½ изъ зданія Ц. Р. былъ выведенъ арестованнымъ премьеръ Голубовичъ и увезенъ въ каретѣ внизъ по Фундуклеевской улицѣ. Я наблюдалъ за этими наружными операціями, стоя на углу Фундуклеевской и Владимирской улицъ, въ рядахъ небольшой группы лицъ, случайныхъ прохожихъ и выбѣжавшихъ изъ кафэ отеля Метрополь съ противоположнаго угла по діагонали. Было около 4-хъ часовъ дня, послѣобѣденное для кіевлянъ время. Ко мнѣ подошелъ прис. пов. В., бывшій очевидцемъ того, что произошло внутри зданія Ц Р., такъ какъ мой знакомый былъ въ числѣ публики, присутствовавшей на открытомъ засѣданіи Рады. Вотъ разсказъ очевидца, посторонняго наблюдателя.

«Маленькій отрядъ вооруженныхъ нѣмецкихъ солдатъ вошелъ въ залъ засѣданія Рады, оставивъ стражу у всѣхъ выходовъ залы. — «Руки вверхъ!» — скомандовалъ нѣмецкій офицеръ. Всѣ подняли руки, кромѣ проф. М. С. Грушевскаго, который смущенный остался сидѣть на предсѣдательскомъ креслѣ. Выпустили сначала публику, провѣряя документы, потомъ членовъ Рады, задержали только нѣкоторыхъ членовъ правительства.»

Потомъ я узналъ нѣкоторыя подробности. Не обошлось безъ издѣвательства. Такъ, министра иностранныхъ дѣлъ — 20-лѣтняго юношу, студента 2-го или 3-го курса, поставили лицомъ въ уголъ и велѣли не двигаться. Былъ произведенъ обыскъ, выемка документовъ, причемъ обыску подвергся и столъ предсѣдателя Рады, проф. М. С. Грушевскаго.

Послѣ увоза нѣмцами премьера Голубовича я поднялся вверхъ по Владимирской на Софіевскую площадь. Туда скоро хлынула съ Крещатика по Софіевской улицѣ значительная толпа народу и скоро подъѣхалъ въ автомобилѣ ген. П. П. Скоропадскій, только что прокламированный «хліборобами» гетманомъ. Онъ былъ въ черной

черкескѣ съ георгіевскимъ крестомъ на груди. Его стройная, красивая фигура и красивый, римскій профиль производили свой эффектъ. На площади, передъ колокольней Софіевскаго собора, отслуженъ былъ молебенъ. Картина была очень красивая при мягкихъ лучахъ на закатѣ стоящаго весенняго солнца. Голубое небо, свѣжая весенняя зелень... серьезный и торжественный звонъ колоколовъ...

Долго не расходились толпы любопытныхъ городскихъ обывателей, среди которыхъ выдѣлялись группы серьезныхъ, настоящихъ крестьянъ — «хліборобовъ». Въ настоящихъ, бытовыхъ своихъ костюмахъ, съ «вышиваными сорочками», въ «чеміркахъ», они долго еще служили предметомъ всеобщаго вниманія.

Къ нимъ подходили, ихъ разспрашивали, говорили они настоящимъ народнымъ, образнымъ, часто полнымъ юмора, украинскимъ языкомъ. Такими же были, навѣрное, и ихъ Переяславскіе предки, заключившіе договоръ съ Россіей. Много уравновѣшенности, спокойствія, привычки къ невзгодамъ и упорному труду выражали эти настоящіе хозяева Украйны.

VII.

Такъ чисто и гладко, безъ единаго выстрѣла съ чьей бы то ни было стороны, ликвидирована была Центральная Рада, къ общему удовольствію особенно кіевлянъ, которые относились къ украинскому парламенту съ нескрываемымъ недружелюбіемъ, ничего путнаго отъ него не ожидая. Переворотъ произошелъ мирно и безъ пролитія крови. Украинскіе соціалисты бросились къ всемогущему, умному генералу Гренеру, умоляя его оставить имъ власть. Мнѣ пришлось слышать, категорически утверждать этого не берусь, что украинцы вели себя безъ всякаго достоинства, приносили въ жертву свою программу, особенно земельную, но генералъ Гренеръ остался неумолимъ и отвѣчалъ украинцамъ: «Zu spät!»

Переворотъ, какъ мы видѣли выше, вовсе не нуждался въ военной организаціи, объ этой сторонѣ дѣла, почти не требовавшей усилій, позаботились нѣмцы.

Но гражданскія силы заговора собирались такъ открыто и свободно, что у насъ въ кварталѣ объ этомъ, что называется, щебетали «воробьи на крышахъ».

Организація власти не давалась въ руки неопытнымъ абсолютно въ политической жизни провинціальнымъ профессорамъ, ученымъ, земцамъ и разнаго рода чиновникамъ.

Долго еще возились на «конспиративной» квартирѣ д-ра Ю. В. Любинскаго съ составленіемъ «министерства».

Наскоро объявленнаго Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ добраго и симпатичнаго любителя лошадей Н. Н. Сохно-Устимовича (онъ былъ потомъ разстрѣлянъ большевиками) смѣнилъ скоро временный премьеръ проф. Н. П. Василенко, а тѣмъ временемъ послали гонцовъ разыскивать намѣченнаго въ постоянные премьеры извѣстнаго земскаго дѣятеля, Ѳеодора Андреевича Лизогуба, который очень медлилъ со своимъ пріѣздомъ въ Кіевъ. Нескоро, однако, кабинетъ окончательно сконструировался* и приступилъ къ своей работѣ.

* Первый кабинетъ былъ въ такомъ составѣ: Предсѣдатель Совѣта Министровъ и Мин. Внутр. Дѣлъ О. А. Лизогубъ, Министръ Юстиціи — М. П. Чубинскій, Мин. Нар. Пр. — Н. П. Василенко, Мин. Финансовъ — А. К. Ржепецкій, Мин. Земледѣлія и Продовольствія — Ю. Ю. Соколовскій, Мин. Промышл. и Торг. — С. М. Гутникъ, Мин. Труда — Ю. П. Вагнеръ, Мин. Здравоохраненія — Ю. В. Любинскій, Госуд. Секретарь — П. А. Кистяковскій, Военный Министръ — ген. Рогоза, Мин. Иностр. Дѣлъ — Д. И. Дорошенко, Мин. Путей Сообщ. — инж. А. И. Бутенко, Мин. Исповѣданій — В. В. Зѣньковскій.

Эпилогомъ отношеній нѣмцевъ съ украинцами-соціалистами былъ судебный процессъ, который долженъ былъ оправдать образъ дѣйствій нѣмецкой власти по отношенію къ правительству и Центральной Радѣ. Судили дѣйствія премьера Голубовича, Гаевскаго и др. второстепенныхъ лицъ. Я не буду разсказывать здѣсь перипетій извѣстнаго гласнаго процесса, гдѣ д-ръ Трейде, нѣмецкій обвинитель, не пожалѣлъ красокъ, чтобы изобразить полную фигуру Голубовича и его дѣяній. Голубовичъ въ своемъ послѣднемъ словѣ наивно просилъ судей: «не судите по мнѣ о моей партіи». Такъ безславно окончила свои дни Центральная Рада и ея правительство.

VIII.

Событія развивались съ такой фееричной быстротой, что за ними трудно было поспѣвать мысли и психикѣ неподвижнаго и непривыкшаго къ политическому мышленію обывателя, а жизнь требовала рѣшенія на каждомъ шагу.

Какъ смотрѣть на coup d'état, въ центрѣ котораго стояла фигура ген. П. П. Скоропадскаго? Идти или не идти работать въ создавшихся условіяхъ?

«Нѣмецкій ставленникъ!» — «Измѣнникъ Россіи!» — «Измѣнникъ Антанты!». Не было, кажется, достаточно сильно клеймящихъ эпитетовъ въ устахъ непримиримыхъ, прямолинейныхъ россійскихъ патріотовъ. В. В. Шульгинъ и его единомышленники покинули Кіевъ и уѣхали на Донъ.

Менѣе прямолинейные подходили къ вопросу спокойнѣе, стараясь оцѣнить объективно сложившіяся обстоятельства и создавшуюся общую обстановку и въ нихъ искать выхода въ будущее. Разсуждали приблизительно такъ:

1) Не мы виновны въ появленіи нѣмцевъ. Но нѣмецкая оккупація Украйны — объективный фактъ, котораго никакъ не выкинешь изъ исторіи Кіевской Руси.

2) Нѣмцы согласны на образованіе мѣстнаго правительства изъ умѣренныхъ элементовъ. Они берутся своими силами обезпечить порядокъ внутри, не допустивъ разлитія большевизма и оградивъ Украйну отъ его проникновенія извнѣ.

3) Въ случаѣ отказа въ сотрудничествѣ, нѣмцы, очевидно, объявятъ Украйну легально оккупированной страной. Мы не въ состояніи, совершенно безсильны оказать какое-либо сопротивленіе иноземной силѣ. Нѣмцы, какъ это было въ Бельгіи и въ Польшѣ, вывезутъ все, что только можно: и въ первую голову хлѣбъ и всѣ огромные запасы и склады военнаго матеріала и имущества, которымъ набиты были интендантскіе склады Украйны. И это послѣднее едва ли въ интересахъ края и будущей Россіи, вѣра въ которую не покидала, едва ли это также въ интересахъ Антанты и незаконченной еще войны, ибо борьба самая ожесточенная и тяжкая на западномъ фронтѣ еще продолжалась.

Сомнѣнія, какъ извѣстно, громаднымъ большинствомъ разрѣшены были положительно, т. е. въ сторону сотрудничества и поддержки генерала П. П. Скоропадскаго.

IX.

Въ какихъ чертахъ рисуется намъ образъ ген. П. П. Скоропадскаго? Постараюсь въ общихъ, объективныхъ чертахъ изобразить его портретъ, хотя всякій пойметъ трудность такой задачи.

Потомокъ стародубскаго полковника Скоропадскаго, бывшаго гетманомъ Украйны съ 1708 по 1722 г., крупный помѣщикъ Черниговской и Полтавской губерній, женатый на дочери генерала П. П. Дурново, воспитанникъ Пажескаго Е. И. В. Кор-

пуса — Павелъ Петровичъ Скоропадскій и по рожденію, и по воспитанію, и по службѣ, и по связямъ принадлежитъ цѣликомъ придворной русской аристократіи, той части русскаго или украинскаго дворянства, которая дѣлала карьеру при Дворѣ.

Состояніе Скоропадскаго, хотя и уступало по размѣрамъ состоянію Сумароковыхъ-Эльстонъ, Балашевыхъ, Строгановыхъ, но все же стояло въ ряду первыхъ мѣстъ, далеко уступая, однако, крупнымъ состояніямъ извѣстныхъ американскихъ милліардеровъ. Несмотря на богатство и знатность рода, П. П. Скоропадскій можетъ быть причисленъ къ демократамъ по взглядамъ и убѣжденію: это человѣкъ искренне и глубоко любящій украинское крестьянство, среди котораго онъ выросъ, гдѣ выросло и окрѣпло его самосознаніе, какъ украинца.

Если прибавить къ этому его доброту, постоянное и искренное желаніе всѣмъ придти на помощь, привѣтливость и подкупающую наружность, то станетъ весьма понятной способность его привлекать сердца и симпатіи окружающихъ людей. Человѣкъ личной храбрости, хотя и нервный, это въ то же время человѣлъ риска и фаталистъ — такимъ сдѣлало его, вѣроятно, военное ремесло.

Нечего, конечно, и говорить о томъ, что къ той роли, какую ему навязалъ слѣпой капризъ исторіи, П. П. Скоропадскій ни въ какомъ отношеніи подготовленъ не былъ, и уже, конечно, не мечталъ о воскрешеніи изъ прошлаго и отжившаго — исторической археологіи — гетманства, когда послѣ развала фронта въ 1917 году осенью съ трудомъ добрался до Кіева. Былъ лишь одинъ моментъ, опредѣлявшій будущее: порученная ему центромъ украинизація корпуса свела его въ украинскую среду, въ кругъ офицерства, націоналистически настроеннаго.

Эти сильныя переживанія были послѣдними впечатлѣніями, увезенными имъ съ разсыпавшагося фронта.

Съ другой стороны, тянули связи, привычныя отношенія съ придворной знатью и петербургской аристократіей.

Мягкій до безхарактерности, доброжелательный до легкомыслія, онъ всѣмъ хотѣлъ сдѣлать добро и пріятное, а потому въ жизненныхъ, глубокихъ противорѣчіяхъ не умѣлъ выдержать строгую и опредѣленную линію поведенія.

Если прибавить къ этому весьма сложную политическую коньюнктуру, въ которой родилась Народная Украинская Республика, вспомнить, что воспріемницей гетманства была Германія, то изъ сказаннаго ясны будутъ всѣ тѣ исключительныя трудности, какія предстояло урегулировать гетману «Всеі Украіны». Тутъ нуженъ былъ исключительной проницательности и широкаго политическаго кругозора умъ и спеціальныя дарованія, которыхъ недоставало Скоропадскому.

Окруженный льстецами и часто ничтожными людьми, онъ, привыкшій къ этой атмосферѣ, не замѣчалъ ея исключительной неумѣстности въ переживавшійся тяжкій моментъ. И все же, всегда и вездѣ онъ оставался тѣмъ, чѣмъ былъ, т. е. совершеннымъ джентельменомъ въ англійскомъ пониманіи этого слова. Въ не столь сложное, отвѣтственное время онъ былъ бы, думается, не плохимъ конституціоннымъ правителемъ. Если мотивы самолюбія и честолюбія могли играть роль въ той исторической драмѣ, гдѣ центральной фигурой былъ П. П. Скоропадскій, то мы, конечно, не должны забывать, что покупалось все это не дешевой цѣной. Не у всѣхъ даже хватало и не у многихъ хватило бы храбрости возложить на свои плечи бремя гетманской власти.

Нельзя поэтому не одобрить тѣхъ, кто рѣшилъ раздѣлить съ П. П. Скоропадскимъ бремя этой власти.

Первымъ за себя и положительно рѣшилъ этотъ вопросъ профессоръ Кіевскаго Университета Н. П. Василенко, б. тов. Мин. Нар. Пр. при Временномъ Правительствѣ въ Петербургѣ, принадлежавшій къ партіи к-д. и умѣренный націоналистъ-украи-

нецъ. Человѣкъ въ высшей степени честный, спокойный и добросовѣстный, онъ много труда положилъ на формированіе перваго кабинета министровъ Скоропадскаго, куда онъ вошелъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія и временно премьеръ-министромъ и Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ. Впослѣдствіи предсѣдатель Сената, онъ пользовался все время большимъ вліяніемъ у Скоропадскаго и значительнымъ авторитетомъ въ Совѣтѣ Министровъ.

Человѣкъ чистый, лично ничего не искавшій, культурный украинецъ и другъ Россіи, онъ, къ сожалѣнію, мало импонировалъ нѣмцамъ, не находилъ достаточно твердости въ сношеніяхъ съ ними. Работалъ онъ чрезвычайно интенсивно, спокойно, стараясь создать мирныя отношенія между украинцами и русскими.

Ѳедоръ Андреевичъ Лизогубъ, сразу намѣченный въ премьеръ-министры, происходилъ изъ старой украинской фамиліи Черниговской губерніи. Земецъ-октябристъ, хорошо знавшій земское дѣло, русскій человѣкъ до мозга костей, онъ оказался слабымъ въ руководствѣ работами кабинета и недостаточно дипломатомъ для чрезычайно запутаннаго и отвѣтственнаго момента въ положеніи Украйны, въ ея чрезвычайно деликатныхъ и сложныхъ отношеніяхъ съ Германіей, Антантой и, главное, съ Россіей. Подъ его предсѣдательствомъ совѣтъ министровъ больше похожъ былъ на земское собраніе. Засѣдали чуть не ежедневно съ 9 ч. вечера до 2–3, иногда до 5–6 часовъ утра, тратили много времени на рѣшеніе элементарныхъ вопросовъ, но не было никакого плана законодательной работы, какъ не существовало и опредѣленной, стройной, выдержанной политики ни въ области экономической, ни въ области внутренняго управленія. Каждое вѣдомство работало по своему, не считаясь съ смежными, законодательствовали случайно, au jour le jour и, когда накладывали законодательную заплатку на какую-нибудь случайную дыру законодательнаго кафтана, непрочная ткань его расползалась по сосѣдству.

Такъ, напр., Министръ Юстиціи М. П. Чубинскій все свое вниманіе сосредоточилъ на созданіи Сената. Сенатъ и былъ дѣйствительно созданъ чуть ли не изъ $^3/_4$ бывшаго сената Россійской Имперіи, что для Украйны, жившей подъ иностранной оккупаціей, было ненужной роскошью, а на мѣстахъ не было судебныхъ слѣдователей и преступность росла и развивалась, благодаря безнаказанности преступленія.

Цѣлый рядъ обвиненій сформулированъ былъ Министерствомъ Промышленности и Торговли противъ Министерства Путей Сообщенія, которое, по словамъ доклада В. А. Ауэрбаха – «организацію – первое требованіе желѣзнодорожнаго хозяйства – замѣнило украинизаціей» – намекъ на крайности въ этомъ направленіи, практиковавшіяся въ вѣдомствѣ, вопреки серьезнымъ интересамъ дѣла. Въ другомъ вѣдомствѣ, наоборотъ, хорошимъ тономъ были насмѣшки надъ «украинской мовой» (языкомъ). Словомъ, примѣровъ отсутствія плана и единства въ дѣйствіяхъ можно было бы набрать сколько угодно.

Если подвести итоги дѣятельности перваго министерства Гетмана Скоропадскаго съ мая до половины октября, т. е. за періодъ времени около полугода, то министерство это выступаетъ предъ нами со слѣдующими чертами:

1) Министерство это не было сепаратистскимъ или антирусскимъ. Оно жило надеждой на возрожденіе Россіи и всѣми силами хотѣло помочь Россіи на пути къ этому возрожденію. (См., напр., такой документъ, какъ записка 10 министровъ отъ 10 октября 1918 г.) Въ работѣ этого министерства принимали участіе, между многими другими лицами русскаго происхожденія и направленія: С. Н. Гербель, Г. Е. Афанасьевъ, Г. Г. Лерхе, сенаторъ С. В. Завадскій, Сементовскій-Курилло, фонъ-Заменъ, обвиненіе которыхъ въ измѣнѣ Россіи не только фактически не можетъ быть обосновано, но и просто неумно.

2) Министерство это всѣми своими силами старалось поддержать Украину въ ея борьбѣ съ анархіей и дать просторъ развитію ея культурныхъ силъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ оно отнюдь не было анти-украинскимъ, въ чемъ его обвиняли съ другой стороны. Не слѣдуетъ придираться къ частностямъ. Вообще же, было дано много доказательствъ уваженія къ украинскому языку и слову. Много довѣрія было оказано украинскимъ силамъ, и не вина Гетмана Скоропадскаго и его министровъ, если Украйна оказалась очень бѣдной культурными силами, необходимыми для созидательной работы. Для отвѣтственной работы требовалось много спеціальныхъ, техническихъ знаній, а потому для занятія нѣкоторыхъ видныхъ и важныхъ постовъ приходилось по необходимости обращаться къ неукраинскимъ элементамъ. Виновата въ этомъ вся предшествующая исторія, а никоимъ образомъ не Скоропадскій.

3) Въ основѣ своей направленіе Гетмана Скоропадскаго и его министерства было либерально-демократическое. Преслѣдовались цѣли, принимались мѣры, имѣвшія въ виду благо всей массы населенія, всѣхъ его слоевъ и классовъ. Правда, министерство внутреннихъ дѣлъ иногда прибѣгало къ мѣрамъ репрессивнаго характера, но время было такое, что всякая мягкость (а ея со временъ революціи было проявлено слишкомъ много, а послѣдствія ея оказались совершенно фатальными) принималась за признакъ слабости власти и поднимала настроеніе у тѣхъ элементовъ, которые противопоставляли себя власти. Такъ, напримѣръ, демагогическія, а не демократическія въ своей основѣ, городскія думы тяжелымъ камнемъ фатально, быть можетъ, сами того не замѣчая и не отдавая себѣ въ этомъ отчета, тянули въ пучину большевизма. Обвиненія въ недемократичности, реакціонности, имперіализмѣ и т. п. у насъ распространяются съ легкостью поразительной и вмѣстѣ съ легкомысліемъ, которое въ своей наивности было бы еще простительно, если бы часто не было совершенно преступно.

У насъ вообще въ модѣ всякаго рода обвиненія и мало обоснованныя, огульныя сужденія. Сколько самыхъ злостныхъ выпадовъ, обвиненій, мало обоснованныхъ и часто вовсе недобросовѣстныхъ, было высказано въ печати по адресу ген. П. П. Скоропадскаго! Я пишу эти строки, отнюдь не имѣя въ виду апологіи ген. Скоропадскаго, сдѣлавшаго рядъ большихъ промаховъ и огромныхъ ошибокъ, но я предложилъ бы его обвинителямъ задать себѣ слѣдующій вопросъ: что пріобрѣталъ ген. Скоропадскій, идя въ совершенно исключительно тяжкихъ условіяхъ на роль гетмана? Удовлетвореніе честолюбивыхъ замысловъ? Но это покупалось слишкомъ дорогой цѣной.

«Жизнь моя личная была сплошнымъ адомъ въ періодѣ гетманства» — писалъ мнѣ П. П. Скоропадскій въ началѣ 1920 года изъ Швейцаріи.

И тѣ, кто видѣлъ и дѣйствительно умѣлъ наблюдать условія жизни въ Кіевѣ, скажетъ, что въ этихъ простыхъ словахъ нѣтъ преувеличенія. Скоропадскій пошелъ на шагъ, на который другіе не рискнули. Въ этомъ шагѣ, что бы ни говорили, былъ элементъ сознательной жертвы.

Рисковать ежеминутно своей жизнью — этому могла научить ген. Скоропадскаго только 3-лѣтняя война, активнымъ участникомъ которой онъ былъ въ самыхъ отвѣтственныхъ мѣстахъ фронта. Обстановка, повторяю, была исключительно трудная.

«Если бы мнѣ пришлось повторить опять всю исторію, я, по совѣсти, не могъ бы поступить иначе, чѣмъ я поступилъ» — писалъ мнѣ въ другомъ письмѣ П. П. Скоропадскій.

При личномъ, болѣе близкомъ знакомствѣ съ П. П. Скоропадскимъ, которое относится къ концу 19 и началу 20 года, я нашелъ въ немъ человѣка, который:

1) Совершенно искренне ненавидѣлъ старый режимъ.

2) Проводилъ идею децентрализаціи, а не сепаратизма*.

3) Считалъ совершенно необходимымъ создать условія для свободнаго развитія украинскаго народа, ибо онъ вѣритъ въ существованіе, даже въ настоящій моментъ, культурныхъ силъ на Украйнѣ.

П. П. Скоропадскій утверждаетъ, что онъ все свое личное вліяніе употребилъ на радикальное рѣшеніе аграрнаго вопроса въ пользу крестьянъ, и онъ всегда съ горечью говоритъ о тѣхъ элементахъ на Украйнѣ, которые оказали оппозицію и противодѣйствіе проведенію на Украйнѣ аграрной реформы въ интересахъ широкихъ массъ крестьянства.

Не забудемъ и того, что періодъ гетманства былъ временемъ полной національной терпимости и признанія равноправія національностей.

Не были ли приняты всѣ мѣры, чтобы пріютить всѣхъ бѣжавшихъ изъ коренной Россіи отъ террора большевиковъ, спасти ихъ имущество и жизнь, сохранить, по возможности, больше культурныхъ силъ Россіи?

Въ Кіевѣ происходило формированіе, такъ называемой, южной арміи для борьбы съ большевиками, поддержанной затѣмъ, послѣ соглашенія съ ген. П. Н. Красновымъ, и оружіемъ, и деньгами.

Наконецъ, гетманскій періодъ не зналъ вовсе еврейскаго вопроса, какъ такового, со всѣми его отвратительными чертами: не было ни еврейскихъ погромовъ, ни какихъ либо иныхъ преслѣдованій на религіозно-національной почвѣ. Нѣкоторыя дикія выходки украинской прессы гасли въ атмосферѣ, неблагопріятной для культа національной розни. Наоборотъ, защита интересовъ евреевъ, какъ равноправныхъ гражданъ Украйны, велась опредѣленно и въ очень настойчивыхъ выраженіяхъ передъ лицомъ австрійскаго военнаго командованія, гдѣ иногда обнаруживались тенденціи къ средневѣковымъ мѣрамъ по отношенію къ еврейскому населенію**.

Да, Скоропадскій взялся за задачу, которая требовала и болѣе сильной воли, и болѣе яснаго творческаго пониманія, и совершенно исключительной твердости въ борьбѣ съ мало-сознательными элементами населенія. Не онъ создалъ событія, а событія создали его.

Справедливы ли поэтому упреки, адресуемые Скоропадскому? Этотъ упрекъ въ равной мѣрѣ падаетъ на все антибольшевистское движеніе и всѣ бѣлые фронты одинаково. Внутренняя логика событій, процессъ соціальный — въ ходѣ русской революціи были безконечно сильнѣе, какъ условій отдѣльныхъ лицъ, именами которыхъ возглавлялись мѣстныя попытки реакціи противъ большевизма, такъ и всей идеологіи интеллигентной Россіи, которая съ негодными средствами пыталась бороться съ стихіей. Этой стихіей владѣли и овладѣли одни только большевики и это потому, что они сразу же влились въ ея мощный, разрушительный потокъ и пошли по теченію за стихіей, и даже, накладывая свой штемпель тамъ, гдѣ имъ того вовсе и не хотѣлось. Таковъ, напримѣръ, Брестъ-Литовскій миръ.

Украйна и украинскій народъ слишкомъ мало отличались отъ Россіи по культурнымъ условіямъ, а потому такъ же фатально, какъ Россія, Украйна сдѣлалась добычей большевиковъ.

Раньше другихъ ген. Скоропадскій сталъ жертвой исторической неизбѣжности. Часто колеблющійся, неустойчивый, онъ все же, хотя и разбитый, не заслуживаетъ

---

* Съ тѣхъ поръ П. П. Скоропадскій, къ сожалѣнію, эволюціонировалъ сильно въ сторону сепаратистскихъ симпатій.

** Въ Архивѣ Державной Канцеляріи должны были сохраниться по этому вопросу весьма интересные документы.

того моральнаго осужденія, которое на него такъ охотно возлагаютъ. Primus inter pares въ несчастьи и неудачѣ. Отвѣтственность за эту неудачу ложится морально и на всѣхъ насъ Послѣдствія ея, какъ крестъ свой, мы несемъ тоже, какъ и тѣ, кто временно сіяли на верху.

Въ положеніи Украйны были черты, которыя не позволяли питать особаго оптимизма насчетъ будущаго. Въ Кіевѣ остался написанный мною въ іюлѣ 1918 года литературной документъ, предназначавшійся для французской прессы, извѣстный группѣ моихъ друзей, гдѣ, на основаніи анализа положенія «самостійной» Украйны, я предсказывалъ скорую трагическую развязку и пріурочивалъ ее опредѣленно къ моменту побѣды союзниковъ надъ нѣмцами на Западномъ Фронтѣ. Отнюдь не съ цѣлью подчеркнуть здѣсь свою прозорливость, упоминаю я объ этомъ, а исключительно для того, чтобы подчеркнуть основную и роковую ошибку въ оцѣнкѣ положенія дѣятелями гетманскаго періода на Украйнѣ. Даже такіе, несомнѣнно умные люди, какъ И. А. Кистяковскій и др., были убѣждены непоколебимо въ торжествѣ нѣмецкаго оружія. «Нѣмцы въ августѣ возьмутъ Парижъ, я въ этомъ убѣжденъ» — говорилъ Кистяковскій. И это убѣжденіе, къ сожалѣнію, раздѣлялось почти всѣми.

Не этой ли атмосферой объясняются извѣстныя заявленія П. Н. Милюкова, сдѣланныя имъ въ Кіевѣ. А если такой опытный политическій дѣятель и глубокій знатокъ международныхъ отношеній могъ ошибиться въ оцѣнкѣ политической коньюнктуры, то насколько это простительнѣе людямъ менѣе широкаго опыта и кругозора.

Я чувствовалъ себя глубоко одинокимъ въ своемъ непоколебимомъ убѣжденіи въ близкомъ, конечномъ разгромѣ нѣмцевъ. И для этого убѣжденія были несомнѣнно не одни теоретическія соображенія и выкладки, а и болѣе реальные, объективные признаки. Я внимательно и пристально слѣдилъ за нѣмцами, ихъ психикой, за тѣмъ, что и какъ они дѣлаютъ и что они говорятъ. Я раньше имѣлъ много случаевъ наблюдать нѣмцевъ и теперь я сравнивалъ то прежнее, что я зналъ о нихъ, съ тѣмъ, что я видѣлъ въ то время въ Кіевѣ. Я ясно и отчетливо наблюдалъ ихъ усталость и какое-то едва уловимое смущеніе. Даже, когда они веселились, съ нихъ не сходилъ какой-то налетъ глубокой грусти. Если Вы долго, серьезно и спокойно развивали имъ мысль о безнадежности затѣи мірового господства, съ ихъ устъ срывались тонкія фразы: «Unsere innere Lage ist sehr schwer.» Мнѣ казалось, что я вѣрно оцѣнивалъ значеніе ея: неудачи на фронтѣ (о которыхъ ничего не было извѣстно въ Кіевѣ) вызывали опасенія за внутреннюю устойчивость Имперіи.

Изъ указанной выше основной ошибки русскихъ политическихъ дѣятелей на Украйнѣ проистекали ошибочные выводы: 1) Украйна можетъ разсчитывать на нѣмецкія войска до формированія своей, новой арміи. 2) Украйнѣ предстоитъ длительный періодъ самостоятельнаго существованія, ибо таково направленіе Берлинской политики.

Это иллюзорное сознаніе обезпеченнаго спокойствія за нѣмецкими штыками заставляло не торопиться съ выработкой сеймового закона. По этой же причинѣ не торопились и съ аграрнымъ вопросомъ и аграрными законами. Оттого тянули скучную канитель мирныхъ переговоровъ съ большевистской мирной делегаціей, возглавлявшейся Г. Х. Раковскимъ.

X.

Каково же было внутреннее положеніе страны, наводившее меня на самые грустные выводы уже съ конца іюня мѣсяца?

Прежде всего необходимо констатировать тотъ фактъ, что аппаратъ власти былъ въ концѣ разрушенъ на Украйнѣ, какъ и въ коренной Россіи. Новый аппаратъ

создавался въ невѣроятно тяжелыхъ условіяхъ. Изъ элементовъ, которые всю жизнь свою были въ оппозиціи правительству и вовсе не были воспитаны къ власти, трудно было ее конструировать: они вносили лишь разложеніе и раздраженіе, дискредитируя самое власть, какъ таковую. Новые представители власти не умѣли, часто при лучшихъ намѣреніяхъ, подойти вплотную и авторитетно къ новому для нихъ дѣлу. Старые же дѣятели, часто вновь призванные къ власти, примѣняли слишкомъ старые и ненавистные пріемы управленія.

Такіе губерніальные старосты (губернаторы), какъ напр. А. В. Десницкій (въ Мелитополѣ) изъ старыхъ земцевъ, Пищевичъ (въ Херсонѣ), сразу выдвинувшіеся своей дѣловой распорядительностью, были большой рѣдкостью.

Выше мы уже упоминали о крайнемъ недостаткѣ слѣдственныхъ властей и о разстройствѣ судебныхъ функцій. Какъ курьезъ, можно привести случай, когда ревизія камеры мирового судьи установила такой фактъ: мировой судья (изъ новыхъ, назначенныхъ при Ц. Р.) разобралъ всего лишь одно дѣло: о своемъ собственномъ разводѣ со своей супругой.

Анархія сдерживалась одной силой — нѣмецкимъ оружіемъ. Какъ же держали себя нѣмцы въ украинской деревнѣ? Все зависѣло, конечно, отъ личнаго команднаго состава. Мнѣ пришлось лично наблюдать нѣмцевъ, бывшихъ на постахъ въ деревнѣ Каневскаго у., Кіевской губ., которые не вызвали раздраженія у населенія и не оставили по себѣ дурныхъ чувствъ. За всѣ тѣ продукты, которые они брали у населенія, они исправно платили и ничѣмъ населенія не обижали.

Въ другихъ же мѣстахъ — я читалъ объ этомъ рядъ подробныхъ донесеній и слѣдственныхъ протоколовъ — шелъ прямой, безстыдный и циничный грабежъ. Были случаи во многихъ мѣстахъ, когда помѣщики пользовались нѣмецкой силой для возстановленія своихъ правъ и, въ особенности, возврата своего ограбленнаго имущества (движимости). Это приводило иногда къ такимъ конфликтамъ, что нѣмцамъ приходилось пускать въ ходъ артиллерію.

Въ общемъ же населеніе подчинялось насилію въ сознаніи своего безсилія.

«Что дѣлать, баринъ?» — говорили явившіеся изъ деревни крестьяне, «нѣмцы требуютъ сѣно по 1 рублю за пудъ, а стоитъ оно по 8 рублей; берутъ сало и платятъ по 1 рублю за фунтъ, а въ городѣ Черниговѣ цѣна пять рублей. Какъ тутъ, скажете, быть? Давать или не давать?» Я отвѣчалъ: «Вы же знаете, что наши солдаты, въ томъ числѣ и ваши односельчане, бросили фронтъ и, несмотря на всѣ убѣжденія и предупрежденія, рѣшили прекратить войну. Нѣмецкіе же солдаты пришли вооруженные, они слушаются своихъ офицеровъ и команды; если вы имъ добромъ не уступите, они возьмутъ то, что имъ надо, силой и уже тогда ничего не заплатятъ. А не будетъ нѣмцевъ — придутъ большевики: тѣ уже, конечно, платить не будутъ, а возьмутъ все даромъ. Когда у насъ опять будетъ армія, которая захочетъ слушать офицеровъ — тогда можно будетъ оказать сопротивленіе нѣмцамъ. А безъ арміи, мы, конечно, терпимъ и впередъ будемъ терпѣть обиды.»

Крестьяне стояли въ раздумьи, почесывая затылки — видно разсужденіе это было настолько элементарно и понятно, что возраженій не послѣдовало.

Австрійцы были хуже нѣмцевъ, у нихъ конфликты съ населеніемъ были чаще, чѣмъ у нѣмцевъ, чаще были и жестокія репрессіи, вызывавшія глубокую анархію и разложеніе деревенской жизни. Но тамъ дѣйствовала иноземная сила.

Но еще хуже, разлагающе дѣйствовали появившіеся мѣстами добровольческіе карательные отряды (офицерскіе?). 29—30 іюня я лично имѣлъ случай наблюдать возникновенье крупныхъ безпорядковъ, вызванныхъ дѣйствіями карателей, въ Каневскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи. Въ с. Б. Букринѣ въ помѣщичьей усадьбѣ

жила моя семья. Вечеромъ 29 іюня я пріѣхалъ въ Букринъ и засталъ свою 15 лѣтнюю дочь страшно взволнованной. Дѣло заключалось въ томъ, что наканунѣ, за два-три дня, въ усадьбу нагрянуло нѣсколько людей въ военной формѣ (офицеровъ?), арестовали нѣсколькихъ крестьянъ, на которыхъ падало подозрѣніе въ грабежѣ имущества экономіи (имѣвшее мѣсто въ періодъ господства Центральной Рады), арестованныхъ крестьянъ связали, били и истязали. Вели себя военные люди чрезвычайно нагло и грубо. Требовали пищи, пили и ѣли, и, конечно, ничего за принесенные имъ продукты не платили. Со слезами на глазахъ разсказывала дочь, какъ на ея глазахъ офицеръ (?) побилъ дѣвочку лѣтъ 12, которая принесла ему хлѣбъ и привѣтливо, съ поклономъ подала ему.

Офицеры (?) скоро уѣхали, а въ сосѣднемъ с. М. Букринѣ крестьяне, узнавъ объ экзекуціи въ Б. Букринѣ, взялись за оружіе и образовали вооруженную банду, которая начала свои аггрессивныя дѣйствія противъ жившей въ своей усадьбѣ семьи помѣщика Д. Напуганные обитатели убѣжали въ сосѣдній лѣсъ, гдѣ и провели въ страхѣ всю ночь. На другой день крестьяне того же Букрина, съ которыми Д. былъ всегда въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ, помогли имъ, забравъ кое-что изъ имущества, выѣхать на подводахъ на пароходную пристань.

Ожидая возможныхъ осложненій и въ Б. Букринѣ, я выѣхалъ утромъ 30 іюня на лошадяхъ въ Ходоровъ къ пароходной пристани, но туда добраться уже было невозможно, ибо Ходоровъ оказался въ районѣ военныхъ дѣйствій между прибывшимъ изъ Канева небольшимъ военнымъ отрядомъ съ уѣзднымъ старостой (прежній исправникъ) во главѣ, и возставшими крестьянами, которыхъ оказалось уже къ этому времени около 1000 человѣкъ. Шла пулеметная и ружейная перестрѣлка. Во время этихъ военныхъ операцій былъ тяжело раненъ уѣздный староста, отрядъ его былъ разбитъ и на лодкахъ бѣжалъ за Днѣпръ въ Полтавскую губернію. Ходоровъ былъ занятъ повстанцами. Пришлось намъ возвращаться обратно и ѣхать на Переяславъ, что и удалось безъ всякихъ осложненій.

Обо всемъ мною видѣнномъ и слышанномъ въ связи съ этой исторіей, мною былъ представленъ немедленно подробный письменный докладъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ О. А. Лизогубу. Мнѣ неизвѣстно, чтобы были предприняты какія либо мѣры для обузданія карателей и противъ карательныхъ экспедицій вообще. Извѣстно стало, что для усмиренія разросшагося возстанія вызваны были нѣмцы, а ихъ методы дѣйствій въ этихъ случаяхъ бывали рѣшительные, однако, едва ли способные внести успокоеніе въ деревню, ибо усмиреніе это совершалось далеко не мѣрами убѣжденія и кротости.

Я передавалъ свои наблюденія молодому помѣщику Полтавской губерніи К., возмущаясь карателями и бездѣйствіемъ по отношенію къ нимъ власти.

«Ничего! такъ имъ и надо... нѣмцы миндальничать не будутъ, а за грабежи тоже не мѣшаетъ проучить...»

Я просто остолбенѣлъ отъ такого ужаснаго непониманія обстановки и грозныхъ перспективъ. Увы! Такой случай отношенія не являлся далеко единичнымъ или изолированнымъ. Эгоизмъ, корыстолюбіе, желаніе использовать обстановку въ своихъ личныхъ цѣляхъ и выгодахъ были слишкомъ зауряднымъ явленіемъ у помѣщиковъ.

Такъ возникали безпорядки въ совершенно мирныхъ уголкахъ. Тамъ, гдѣ возставшіе брали верхъ надъ слабыми отрядами карателей, или гдѣ возставшимъ попадали въ плѣнъ офицеры, даже не принимавшіе участія въ карательныхъ дѣйствіяхъ — тамъ повстанцы распоряжались съ ужасающей жестокостью, напоминающей гайдамачину. У насъ были донесенія, что штопорами вытягивали кишки у несчастныхъ жертвъ народной ненависти и жестокаго самосуда разъяренной толпы.

Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что не будь тогда налицо нѣмецкой силы, гетманская власть была бы легко сметена еще въ іюнѣ-августѣ 1918 года.

Трудно, конечно, поддается опредѣленію роль соціалистической пропаганды въ организаціи возстаній — конечно, отрицать совершенно (какъ многіе это дѣлаютъ) ея значенія нельзя, но я указалъ выше на реальные факты и причины крупныхъ волненій и безпорядковъ, возникавшихъ въ весьма мирной обстановкѣ, внѣ всякой идейной пропаганды.

Я уже упоминалъ, что мнѣ неизвѣстно, какія мѣры принимались противъ дѣйствій карательныхъ отрядовъ и вообще принимались ли таковыя, я упоминалъ также о легкомысленномъ, открытомъ одобреніи дѣйствій карателей нѣкоторыми помѣщиками, но я a priori думаю, что власть не имѣла достаточной силы и авторитета, чтобы бороться съ этимъ явленіемъ. Къ непрекращавшимся волненіямъ деревни въ концѣ августа присоединилась еще желѣзно-дорожная забастовка, поддержанная, а быть можетъ, даже и организованная на огромныя денежныя средства, затраченныя большевиками. Городская демократія повела аттаку на правительство, а національный украинскій блокъ началъ оказывать большое и успѣшное давленіе на терявшихъ подъ ногами почву нѣмцевъ.

Совѣтъ министровъ Гетмана являлъ о ту пору картину полной неработоспособности. Голоса въ Совѣтѣ неизмѣнно дѣлились ровно пополамъ: было очевидно, что двѣ половины Совѣта расходятся между собой въ самыхъ основныхъ пунктахъ и принципахъ. Положеніе было катастрофическое. Къ внутренней неурядицѣ присоединялась напряженная и успѣшная пропаганда большевиковъ.

Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ былъ въ этотъ періодъ уже не безвольный Ѳ. А. Лизогубъ, а И. А. Кистяковскій, наиболѣе яркая фигура во всемъ министерствѣ гетмана, умный, талантливый и чрезвычайной работоспособности человѣкъ. Онъ изъ силъ выбивался, стараясь укрѣпить власть, что отчасти, особенно въ провинціи, ему и удавалось, но объединить кабинетъ на единственно спасительной въ тотъ моментъ политикѣ твердой власти было невозможно, и такіе вліятельные министры, какъ напр. Н. П. Василенко, дѣловой С. М. Гутникъ, симпатичный и гуманный В. В. Зѣньковскій, шли опредѣленно противъ Кистяковскаго, увлекая за собой ровно половину Совѣта Министровъ. Повторялась трагедія власти Временнаго Правительства въ Петроградѣ, и несмотря на предупредительный, яркій опытъ исторіи, люди упорно держались пути политической маниловщины и невозмутимаго прекраснодушія.

Но весьма понятно, что въ создавшихся условіяхъ работа министерства не была и не могла быть продуктивной.

Въ самомъ началѣ своей дѣятельности на боевомъ посту Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Кистяковскій всѣ свои усилія употреблялъ на привлеченіе къ практической, созидательной дѣятельности мѣстныхъ національныхъ украинскихъ дѣятелей. Но, къ сожалѣнію, на этомъ пути онъ потерпѣлъ почти полную неудачу, ибо все это были въ большинствѣ своемъ люди, привыкшіе къ безпочвенной оппозиціи и они, за весьма рѣдкими исключеніями, оказались неспособными къ простой, дѣловой работѣ. Какъ я уже выше упоминалъ, особенно трудно было наладить аппаратъ мѣстной власти: съ фатальной неизбѣжностью приходилось возвращать къ власти и вербовать для кадровъ новой власти людей опыта стараго времени, которые были къ тому же настроены очень озлобленно всѣми предыдущими событіями. И люди начинали дѣйствовать по старому, забывая, что измѣнилась не только обстановка, въ которой приходилось работать, но и, самое главное, обывательская психика. Не будучи вовсе реакціонеромъ, И. А. Кистяковскій быстро создалъ себѣ репутацію крайняго реакціонера,

чѣмъ возстановилъ противъ себя какъ русскіе либеральные элементы, такъ и украинскихъ націоналистовъ. И причина здѣсь лежала не въ существѣ дѣла, а въ крайней распущенности языка и рѣзкости словъ, которыми И. А. Кистяковскій кстати и некстати, т. е. безъ всякой къ тому нужды, раздражалъ имѣвшихъ съ нимъ дѣло лицъ и цѣлыя общественныя группы*.

Справедливость требуетъ сказать, что словесныя злоупотребленія были въ модѣ въ этотъ періодъ и ихъ позволяли себѣ дѣятели весьма почтенные и уважаемые.

Большой заслугой Кистяковскаго была прямая, открытая борьба, объявленная имъ большевикамъ, причемъ онъ храбро бралъ на себя весь odium за прямыя и откровенныя средства этой борьбы. Несчастье заключалось въ томъ, что онъ не умѣлъ отфильтровать чистый большевизмъ, не сумѣлъ создать условія, при которыхъ за нимъ пошли бы для этой борьбы лѣвыя, не большевистскія фракціи и партіи оппозиціи.

Но легко ставить это въ вину и во сколько разъ труднѣе практическая работа въ данномъ направленіи при условіи, о которомъ я упоминалъ уже и выше, а именно: теоретики демократіи, больше слѣдившіе за чистотой своихъ партійныхъ формулъ, чѣмъ за кричащими, неотложными потребностями дня, а иногда и минуты, лѣвыя группы, къ сожалѣнію, не могли создать ничего положительнаго ни въ сферѣ устройства практической жизни — для этого достаточно посмотрѣть на результаты практической дѣятельности Кіевскаго и Одесскаго городскихъ управленій, бывшихъ почти цѣликомъ въ рукахъ лѣвыхъ думъ, ни тѣмъ болѣе въ сферѣ организаціи трудной борьбы съ большевизмомъ. Большевики, не связанные въ сущности ничѣмъ, даже собственными формулами и обѣщаніями, и дѣйствовавшіе съ грубой, циничной откровенностью, легко брали верхъ надъ всякими соціалъ-демократами и соціалистами-революціонерами.

Ихъ взаимоотношенія напоминали больше всего извѣстную сказку Салтыкова-Щедрина — «Карась-идеалистъ». Дѣло кончалось неизмѣнно по одному, хорошо заранѣе извѣстному трафарету: всѣ и вся попадало въ щучье хайло.

Повторяю, И. А. Кистяковскій, оставаясь на нѣмецкой формулѣ «Самостійной Украины», велъ совершенно добросовѣстно борьбу съ большевизмомъ, какъ интернаціональнымъ, возглавляемымъ Кремлемъ, такъ и съ большевизмомъ національнымъ, возглавляемымъ Петлюрой и его революціоннымъ штабомъ. Первый, международный большевизмъ имѣлъ своимъ представителемъ въ Кіевѣ Г. Х. Раковскаго, стоявшаго во главѣ мирной делегаціи и занятаго совсѣмъ не мирными дѣлами. На наиболѣе вредныхъ дѣятелей изъ этой группы и были направлены удары Кистяковскаго.

Если я говорю о большевизмѣ національномъ, то здѣсь нужна нѣкоторая оговорка. Среди національнаго союза были настоящіе большевики-украинцы и отъ нихъ первымъ былъ украинскій писатель, талантливый и страстнаго темперамента агитаторъ В. К. Винниченко. С. В. Петлюра, хотя и не былъ большевикомъ, но работа его агентовъ по подготовкѣ возстанія противъ гетманской власти, равносильна была отдачѣ Украйны во власть большевиковъ, что и подтвердили блестяще событія ближайшихъ мѣсяцевъ.

Препятствіемъ, ставшимъ на пути гетманской власти, въ этой борьбѣ ея съ большевиками, стали нѣмцы. Это необходимо особенно подчеркнуть, ибо украинская эпопея была лишь частностью общей картины. Нѣмцы импортировали большевиковъ въ Россію, поддерживали ихъ въ теченіе 1918 года всюду—въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ—

---

* Для примѣра можно привести такой эпизодъ. Послѣ рѣчи Кистяковскаго въ Одессѣ ему кто-то сказалъ: «Что же, это возвратъ къ временамъ Плеве?» — «Передо мной и Плеве, и Сипягинъ скоро окажутся мальчишками», не моргнувъ глазомъ, отвѣтилъ Кистяковскій.

безразлично. Вспомнимъ, какъ снисходительно отнеслись нѣмцы къ убійству гр. Мирбаха въ Москвѣ. Нѣмецкій посолъ на Украйнѣ фонъ-Муммъ очень нервничалъ, видя, сколь мало реагировала центральная власть на убійство Мирбаха.

Въ распоряженіи украинскаго министерства внутреннихъ дѣлъ были матеріалы, содержавшіе неопровержимыя доказательства, показывавшія, что члены большевистской мирной делегаціи ведутъ усиленную пропаганду большевизма на Украйнѣ, не жалѣютъ милліоновъ «керенокъ» на организацію желѣзнодорожной забастовки и на организацію вооруженнаго возстанія. Въ началѣ октября 1918 г. И. А. Кистяковскій докладывалъ Совѣту Министровъ, что нѣмцы препятствуютъ ему арестовать извѣстныхъ своей преступной дѣятельностью опасныхъ большевиковъ и требуютъ освобожденія другихъ*. И. А. Кистяковскій тогда же сдѣлалъ заявленіе, что въ создавшихся условіяхъ онъ слагаетъ съ себя отвѣтственность за безопасность и спокойствіе Кіева.

Въ то же время, нѣмцы потребовали освобожденія арестованнаго Петлюры. У меня имѣются точныя доказательства, что С. В. Петлюра былъ освобожденъ гетманомъ Скоропадскимъ по настойчивому требованію нѣмцевъ. У меня имѣется письмо ко мнѣ П. П. Скоропадскаго, гдѣ на прямой вопросъ мой объ этомъ (по поводу письма, опубликованнаго С. К. Моркотуномъ въ «Cause Commune» осенью 1919 года), П. П. Скоропадскій отвѣтилъ, что онъ вынужденъ былъ освободить Петлюру по настоянію нѣмцевъ, угрожавшихъ въ противномъ случаѣ освободить его силой.

Есть данныя о дѣятельности С. В. Петлюры, еще въ качествѣ предсѣдателя Земской Управы, когда въ огромномъ зданіи Земской Управы на Владимирской улицѣ открыто съѣзжался и работалъ по организаціи анти-гетманской пропаганды весь штабъ украинскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, штабъ будущаго возстанія Петлюры.

Въ письмахъ ко мнѣ П. П. Скоропадскій сѣтуетъ на то, что полиція не могла дать ему въ руки матеріала, достаточно уличающаго Петлюру.

Я же весьма склоненъ думать, что, останься на посту Министра Юстиціи А. А. Романовъ, матеріала для обвиненія С. В. Петлюры нашлось бы достаточно, даже несмотря на защиту его нѣмцами.

Мнѣ представляется, что вся политика нѣмцевъ на Украйнѣ сводилась къ тому, чтобы поддерживать въ странѣ состояніе неустойчиваго равновѣсія, для того, чтобы въ любой моментъ чашка вѣсовъ, на которую нѣмцы положили бы гирю своего вліянія, могла накренить вѣсы исторіи туда, куда, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, это желательно было бы нѣмцамъ. Достаточно въ этомъ смыслѣ обратить вниманіе на слѣдующія оригинальныя, чтобы не сказать болѣе, комбинаціи: нѣмцы не только поддерживали матеріально, но и помогали формированію офицерскихъ отрядовъ, т. наз. Южной Арміи, и въ то же время нѣмецкіе офицеры-инструкторы находились въ большевистскихъ отрядахъ, дравшихся противъ офицеровъ русской арміи.

Нѣмцы какъ бы сознательно поставили себѣ цѣлью — уничтоженіе русскаго офицерства, и взятіе Кіева большевиками въ 1918 году имѣло непосредственнымъ результатомъ избіеніе русскаго офицерства. Невольно задаешь себѣ вопросъ: не мозгъ ли нѣмецкаго штаба руководилъ рукой большевиковъ въ русско-украинской войнѣ начала 1918 года?

Необходимо еще напомнить, что тѣ же нѣмцы постоянно и намѣренно путали карты при переговорахъ Украйны съ Крымомъ, чтобы и здѣсь, какъ нибудь невзначай,

---

* Въ архивѣ Госуд. Канцеляріи долженъ былъ сохраниться документъ – проектъ заявленія Совѣта Министровъ нѣмецкому Главному Командованію, написанный мною въ самомъ засѣданіи Совѣта. И. А. Кистяковскій предпочелъ вести устные переговоры.

не было достигнуто какого-нибудь соглашенія. Divide et impera было ихъ лозунгомъ. А русскіе Украйны и Крыма, серьезно вообразивъ себя двумя государствами, вели таможенную войну между собой, будто кому-то было полезно, чтобы въ Крыму гнили продукты, когда въ Кіевѣ на нихъ стояли безумныя цѣны. Позорная страница!

Когда нѣмцы стали нажимать на ген. Скоропадскаго, настаивая на созданіи лѣваго кабинета съ преобладаніемъ націоналистическихъ элементовъ, для меня стало совершенно ясно, что нѣмцы, не чувствуя за собой силы удержать далѣе Украйну въ сферѣ своего исключительнаго вліянія, возвращаются къ общей своей политикѣ разложенія Россіи, ибо сомнѣнія не могло быть въ результатѣ работы лѣвыхъ элементовъ. Этотъ результатъ былъ фатально неизбѣженъ и резюмировался онъ кратко: Украйна должна быть большевистской. Не могло быть сомнѣнія и въ томъ, что въ соотвѣтствующій моментъ нѣмцы предадутъ и «Гетмана Всіеі Украіні». Если и сомнѣвался, быть можетъ, то не хотѣлъ этому вѣрить самъ гетманъ.

XI.

Вообще же, нѣмцы играли съ Украйной такъ, какъ кошка играетъ съ мышью: то придавитъ, то дастъ побѣгать и насладиться иллюзіей свободы, зорко слѣдя въ то же время, чтобы добыча не ушла отъ стола хищника-побѣдителя.

Въ сферѣ промышленно-экономической и финансовой они все держали въ своихъ цѣпкихъ рукахъ, опутывая на будущее время Украйну густой сѣтью, разставленной нѣмецкимъ промышленнымъ капиталомъ съ его активнымъ грюндерствомъ, агентомъ котораго былъ въ Кіевѣ небезызвѣстный г. Добрый.

Напрасно выбивался изъ силъ, стараясь отстапвать свою финансовую независимость, добросовѣстный и честный А. К. Ржепецкій. Нѣмцы, конечно, оставались maîtres de la position и въ душѣ, конечно, смѣялись, когда гетманское правительство заключало самостоятельные договоры съ Румыніей, недосягаемой въ то время Даніей и т. п. Теперь документы и матеріалы, характеризующіе промышленныя и экономическія взаимоотношенія Украйны съ нѣмцами, уже доступны для научнаго изслѣдованія, которое возстановитъ намъ картину этихъ отношеній и предѣлы самостоятельности Украйны въ этой основной сферѣ жизнедѣятельности страны, я же здѣсь ограничиваюсь лишь характеристикой положенія.

Другой, дорого обходившейся Украйнѣ иллюзіей, было созданіе украинской арміи. Наивно увлеченный этой идеей, П. П. Скоропадскій изъ за этого миража дѣлалъ такіе шаги, какъ напр. его путешествіе въ Германію и его свиданіе съ Императоромъ Вильгельмомъ, Гинденбургомъ и Людендорфомъ. А между тѣмъ, путешествіе это, хотя бы и вовсе безобидное по своимъ результатамъ и содержанію, крайне повредило П. П. Скоропадскому въ общественномъ мнѣніи какъ круговъ антанты, такъ и Россіи.

Я никогда не раздѣлялъ искренней и серьезной вѣры П. П. Скоропадскаго въ возможность созданія серьезной военной силы на Украйнѣ. Начать съ того, что нѣмцы никогда бы не потерпѣли созданія сколько нибудь значительной военной силы на Украйнѣ, такъ какъ фатально и неизбѣжно она сдѣлалась бы угрозой имъ самимъ. Едва ли можно допустить, чтобы нѣмцы не давали себѣ въ этомъ отчета.

Но даже допустивъ на минуту эту мало въ общемъ вѣроятную возможность — я задаю вопросъ: изъ какихъ элементовъ можно было надѣяться создать это войско?

Среди офицеровъ были украинскіе націоналисты, среди южно-русскаго офицерства, даже высшихъ ранговъ, были федералисты, которые, не будучи ни врагами,

ни сепаратистами, тѣмъ не менѣе опредѣленно не сочувствовали и относились отрицательно къ возстановленію единой, централизованной Россіи. Значительное число такихъ офицеровъ послѣ паденія гетмана очутились въ Польшѣ: они не захотѣли пойти за Петлюрой, какъ завзятымъ врагомъ Россіи, но съ другой стороны они отказались и отъ вступленія въ ряды Деникинской Добрарміи, на знамени которой они не видѣли даже автономіи Украйны. Нужно только немного воображенія, чтобы представить себѣ душевную драму этихъ несчастныхъ жертвъ капризовъ исторіи. Въ такой безконечно тяжелой обстановкѣ пришлось имъ рѣшать вопросъ своей совѣсти!

Наконецъ, на службу въ гетманскія войска пошли многіе русскіе офицеры для борьбы съ большевиками, и недостатка предложеній услугъ для ролей командировъ корпусовъ, начальниковъ штабовъ, центральныхъ установленій военнаго вѣдомства никогда не было.

Недоставало одного, но зато весьма существеннаго: солдатъ. И главная бѣда была въ этомъ: неоткуда было взять надежныхъ солдатъ. Призывная молодежь украинская уже побывала въ тылахъ дѣйствующей арміи, развратилась отъ бездѣлья и большевистской пропаганды на сходкахъ и митингахъ, но главное — бездѣльемъ тыловой службы и связаннаго съ нею времяпровожденія. Создать военныя части изъ этихъ элементовъ, или даже изъ свѣжихъ элементовъ совершенно распущенной деревенской молодежи, было, мнѣ кажется, совершенно невозможно. Куда направлены были мысли и каково было настроеніе солдатъ, побывавшихъ въ дѣйствующей арміи — было наглядно продемонстрировано «синими жупанами», о которыхъ мы уже говорили выше.

Надежнаго войска, особенно при ненадежныхъ командирахъ, какъ показала исторія полковника Болбочана*, генерала Гутора** и многихъ другихъ — взять было неоткуда. Я дѣлился этими мыслями съ военнымъ министромъ ген. Скоропадскаго, глубоко честнымъ и симпатичнымъ, добрымъ и мягкимъ ген. Рогозой***, который раздѣлялъ мои опасенія.

Находившаяся въ состояніи анархіи деревня, гдѣ, какъ мы выше видѣли, часто беззастѣнчиво и жестоко хозяйничали нѣмцы, конечно, легко дѣлалась жертвой пропаганды агентовъ Петлюры, не вслѣдствіе того сомнительнаго соблазна, который обѣщала украинизація, а просто потому, что петлюровцы обѣщали свободу полнаго ограбленія помѣщиковъ въ пользу крестьянъ и не противились прямому грабежу всякаго добра въ помѣщичьихъ экономіяхъ.

Какъ только, подъ давленіемъ нѣмцевъ, Скоропадскій создалъ новое министерство съ преобладаніемъ лѣвыхъ элементовъ — стало ясно, что дни Украйны сочтены.

XII.

Да и какъ бы оно могло быть иначе? Долженъ былъ придти тотъ, кто теперь имѣлъ негласную поддержку нѣмцевъ: онъ и являлся, по существу, хозяиномъ положенія. Это были большевики.

---

* Полк. Болбочанъ первый поднялъ возстаніе противъ гетмана въ концѣ 1918 г.; въ 1919 году Болбочанъ разстрѣлянъ Петлюрой.

** Ген. Гуторъ былъ потомъ военнымъ министромъ у Петлюры.

*** Ген. Рогоза былъ разстрѣлянъ большевиками въ Одессѣ за отказъ поступить въ ряды Красной Арміи. Старика водили на разстрѣлъ нѣсколько разъ – онъ остался твердъ и геройски встрѣтилъ смерть.

Событія, достаточно послѣдовательно развивавшіяся затѣмъ, были лишь медленной агоніей, временемъ, потребнымъ для искуснаго машиниста, чтобы перемѣнить декорацію при открытомъ занавѣсѣ. Самыя попытки ген. Скоропадскаго измѣнить лозунги и иначе оріентировать внутреннюю и внѣшнюю политику ускоряли логическое развитіе событій.

Когда Гетманъ передалъ власть новому министерству подъ предсѣдательствомъ С. Н. Гербеля, въ украинскихъ кругахъ называемаго «министерствомъ русскихъ монархистовъ» — это цѣликомъ развязало руки украинцамъ-націоналистамъ. Они прямо объявили войну Гетману, какъ измѣннику Украйны: 15 ноября они образуютъ тайную Директорію, гдѣ главная роль принадлежитъ В. К. Винниченко, но въ ней фигурируетъ также и будущій «генералиссимусъ» С. В. Петлюра.

Небольшіе отряды русскихъ офицеровъ не могли устоять долго подъ ударами коалиціи открыто воюющихъ украинцевъ, тайно наступавшихъ съ сѣвера большевиковъ и при весьма подозрительномъ «нейтралитетѣ» нѣмцевъ. Вся эта «война» потребовала лишь одного неполнаго мѣсяца. Отрекшійся отъ власти Гетманъ П. П. Скоропадскій, брошенный всѣми, увезенъ былъ въ Берлинъ подъ видомъ раненаго нѣмецкаго офицера, благодаря заботамъ о немъ одного германскаго врача. Только это спасло ему жизнь.

Войска Директоріи вошли въ Кіевъ 14 декабря. Торжество украинцевъ было, впрочемъ, недолгое: всего черезъ шесть недѣль они должны были бѣжать изъ Кіева, уступивъ его большевикамъ.

Объ этомъ событіи вовсе умалчиваетъ брошюра, изданная въ Парижѣ подъ заглавіемъ: «Chronologie des principaux événements en Ukraine de 1917 à 1919». Въ этой брошюрѣ будущій историкъ найдетъ немало интересныхъ деталей событій, относящихся къ началу 1919 года, а также нѣкоторые документы, относящіеся къ 6 и 12 февраля и даже марту мѣсяцу 1919 года.

Своими собственными руками растерзали живое тѣло своей «неньки» (матери) — Украйны гг. Винниченко, Петлюра и ихъ менѣе знаменитые товарищи, ибо живой и здоровой они хотятъ видѣть ее только «самостійною». Есть, правда, и такой видъ патріотизма, о которомъ поэтъ Украйны Т. Г. Шевченко писалъ:

«....та отечество так любить,
так за ним бідкує,
та такъ з нього сердешного
кровь, як воду точить...»

Кровью и слезами залили всю Украйну Винниченко, Петлюра и прочіе украинскіе патріоты. Объявивъ въ 1917 году ея полную независимость, они исполнили заданіе нѣмцевъ, по указкѣ которыхъ Ленинъ провоцировалъ украинцевъ извѣстнымъ уже постановленіемъ С. Р. и С. Д., цитированнымъ мною въ началѣ: они вызвали бомбардировку и взятіе Кіева большевистскими войсками подъ командой Ремнева и Муравьева. Брестъ-Литовскимъ договоромъ они отдали Украйну на разграбленіе нѣмцамъ и австрійцамъ. Возстаніемъ противъ гетмана они въ концѣ разорили Украйну, отдавъ ее вторично въ руки большевиковъ. На этотъ разъ дѣло осложнилось еще такими аксессуарами, какъ дѣятельность разбойничьихъ бандъ Махно, Григорьева и другихъ «атамановъ» и грандіозными еврейскими погромами, которые затмили собою все, что ставилось въ вину царскому правительству Россіи съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія и до 1906 года включительно, когда напр. Кишиневскій погромъ 1903 года заставилъ весь міръ содрогнуться отъ негодованія.

Какими дѣтскими сказками представляются теперь Кишиневскія событія въ сравненіи съ дѣяніями петлюровцевъ, жертвы которыхъ достигаютъ по неточнымъ еще даннымъ до 100,000 человѣкъ.

Съ тѣхъ поръ до нашего времени страна не выходитъ изъ состоянія анархіи. Страсти, искусственно разожженныя въ гражданской войнѣ, вызвали наружу все худшее въ человѣческой природѣ, и не видно конца испытанію огнемъ и мечемъ, гдѣ кромѣ жертвъ человѣческой жестокости, сотни и тысячи людей гибнутъ отъ голода, холода и развившихся на этой почвѣ страшныхъ эпидемій тифа, холеры, дизентеріи и др. И не видно конца этой трудно описуемой трагедіи, безъ исхода, видимаго впереди и безъ всякаго просвѣта надежды на будущее.

Кто передастъ словами то, что пережили города Южной Россіи? Кіевъ, Харьковъ, Одесса, Херсонъ, Екатеринославъ, если мы вспомнимъ лишь крупные центры. Перенаселенные города, куда отъ деревенскаго террора бѣжало все могущее бѣжать изъ деревни населеніе, переполненные къ тому же бѣженцами военнаго времени изъ Царства Польскаго и Прибалтійскаго Края, бѣженцами отъ большевистскаго террора изъ Центральной Россіи – по нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки, платили контрибуціи не только деньгами и имуществомъ, но и жизнью обывателей, разграбляемыхъ то большевиками, то махновцами, иногда на протяженіи нѣсколькихъ дней. Все это ждетъ еще своего историка. Въ этой вакханаліи произвола, насилія, разнузданности и утонченнаго издѣвательства надъ человѣческой личностью, многіе впали въ мистическое равнодушіе ко всему окружающему, другіе потеряли разсудокъ.

Если бы гг. Петлюра, Винниченко и другіе господа украинскіе націоналисты дѣйствительно цѣнили свою родину и любили ее не черезъ призму своего упрямаго, узкаго шовинизма, они не пошли бы на возстаніе противъ Гетмана, ибо послѣ опыта января 1918 года у нихъ не могло быть никакихъ сомнѣній въ исходѣ той борьбы, которую они начинали. Будь они не завистники власти, а настоящіе патріоты, они всѣми своими силами должны были бы поддержать гетманскую Украйну, даже въ томъ случаѣ, если не всѣ стороны гетманскаго режима одобрялись и принимались ими. Какъ въ извѣстномъ случаѣ Соломонова суда они бы скорѣе оставили любимаго ребенка живымъ и цѣлымъ въ чужихъ рукахъ, чѣмъ въ своихъ окровавленныхъ народной кровью въ преступной, навязанной народу борьбѣ. Ибо трудно найти для нихъ другое наименованіе – они явились несомнѣнно губителями Украйны и, какъ таковые, войдутъ они въ исторію.

Измѣнники Россіи, ненавистники всего русскаго, они надолго засорили дорогу для спокойнаго, разумнаго рѣшенія украинскаго вопроса. Многіе изъ тѣхъ русскихъ прогрессивныхъ дѣятелей, которые съ симпатіей относились къ стремленіямъ культурнаго украинства, къ развитію украинскаго языка, литературы и національнаго творчества во всѣхъ областяхъ жизни, теперь съ ужасомъ отшатнулись отъ своихъ прежнихъ симпатій, увидѣвъ бездну человѣческаго страданія, принесеннаго въ качествѣ жертвы на алтарь національной обособленности и розни.

И если Россія будущаго, черты которой не вырисовываются еще даже въ видѣ силуэтовъ, превратится когда-нибудь въ федеративное государство типа Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, то послѣ пережитыхъ ужасовъ Петлюровщины, почва для соглашенія страшно засорена и загрязнена. Страсти раскалены до-бѣла, и трудно хладнокровно подойти къ рѣшенію и безъ того сложной государственно-національной проблемы.

Трагедія Украйны, какъ и всей Россіи, еще не закончена. Мы видимъ для Украйны единственный разумный выходъ въ мирномъ соглашеніи съ Россіей.

Русскіе же люди, мы вѣримъ, вдумаются въ переживаемую трагедію и, въ опытѣ ужасныхъ событій современности, почерпнутъ указанія для разумной, справедливой политики будущаго.

Изъ воспоминаній о 1917—20 г. г.

В. М. Краснова

(Продолженіе*)

XVI.

Свобода печати у большевиковъ. Признаки приближающагося паденія. Ставка на винтовку. «Верховая ѣзда» по способу Троцкаго Эпизоды совѣтскаго управленія. Тренія между совѣтскими учрежденіями. Въ ожиданіи новой власти.

Послѣ провозглашенія совѣтской власти, будущій премьеръ Ставропольскаго совнаркома, А. А. Пономаревъ не отказалъ себѣ въ удовольствіи въ ту же ночь персонально побывать въ редакціи издававшейся А. М. Воскресенскимъ газеты и объявить о ея закрытіи.

Издававшіяся соціалъ-революціонерами и меньшевиками газеты еще нѣкоторое, непродолжительное время существовали но, послѣ ряда конфискацій и репрессій, принуждены были закрыться.

Редакторъ одной изъ этихъ газетъ, членъ Учредительнаго Собранія Е. А. Дементѣевъ, имѣлъ мужество выступить на одномъ изъ совѣтскихъ съѣздовъ съ рѣзкой критикой военныхъ затѣй совѣтской власти и выдержать, въ значительной мѣрѣ искусственную, бурю негодованія, поднятую по почину Пономарева. Въ дальнѣйшемъ такія выступленія стали невозможны.

Отрѣзанное отъ центральной Россіи и казачьихъ областей совѣтскимъ барьеромъ, населеніе принуждено было питаться односторонними до уродливости фанфаронадами большевистскихъ оффиціозовъ и, невѣдомо откуда исходящими, слухами о томъ, что Добровольческая армія еще жива, что силы ея, перетерпѣвъ судебъ удары, крѣпнутъ, что она не являетъ арміей завоевателей-мстителей...

Борясь съ этими слухами, большевистскіе оффиціозы порой прерывали свое замалчиваніе движенія добровольческихъ отрядовъ сообщеніями, что первое посѣщеніе ими губерніи стоило населенію села Лежанки въ февралѣ 1918 года нѣсколькихъ сотъ труповъ, что при второмъ посѣщеніи, на Страстной седьмицѣ, подожжено черкесами село Горькая-Балка, что при штурмѣ Екатеринодара Добровольческая армія окончательно уничтожена и т. д.

Но какъ ни былъ бравуренъ тонъ большевистскихъ оффиціозовъ, все же чувствовалось, что этотъ періодъ властвованія большевиковъ въ Ставропольской губерніи подходитъ къ концу.

---

* См. Архивъ Русской Революціи т. VIII.

Это чувствовалось по размаху тѣхъ паникъ, которыя рождались внезапно и быстро вырастали чуть не до катастрофическихъ размѣровъ, по нервности, проявляемой самой властью и тѣми слоями, которые были причастны къ большевизму, по неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, толкавшей нѣкоторыхъ совѣтскихъ дѣятелей заблаговременно, въ чаяніи крушенія совѣтскаго корабля, запастись подъ сурдинку спасательнымъ поясомъ, зондируя почву, не будетъ-ли имъ прощенія отъ иной грядущей власти.

И какъ ни старались большевистскіе оффиціозы, какъ ни свирѣпствовалъ матросско-солдатскій терроръ, все-же ощущалось, — и прежде всего ощущали это большевики, — что власть ихъ прочныхъ корней въ населеніи не имѣетъ, будетъ сорвана съ мѣста и унесена, какъ «перекати-поле», первымъ-же порывомъ налетѣвшей бури.

Это почувствовали большевики, когда крестьяне одного изъ ближайшихъ совѣтскихъ съѣздовъ въ губерніи отказали въ санкціонированіи организаціи красной арміи и подверглись вооруженной угрозѣ со стороны «малой коллегіи».

Въ Ставрополѣ была разогнана городская дума, въ селахъ комиссары и эмиссары разгоняли начавшее прививаться волостное земство. Новыя сельскія власти, вооруженныя всѣми родами оружія, зря гоняли по улицамъ и дорогамъ крестьянскихъ лошадей, обучаясь «верховой ѣздѣ» властвованія по способу Троцкаго*.

Это обученіе «верховой ѣздѣ» сводилось къ «разбазариванію» частновладѣльческихъ культурныхъ хозяйствъ и разсадниковъ племеннаго скота, закрытію медицинскихъ, ветеринарныхъ, зерноочистительныхъ и прокатныхъ пунктовъ прежняго земства, экспериментамъ надъ тонкорунным овцеводствомъ, закончившимся гибелью около 500,000 мериносовыхъ овецъ, о чемъ я говорилъ выше, и т. д.

Большевики дѣлали опредѣленную и откровенную ставку не на крестьянъ, которые составляли 90% населенія, не на рабочихъ, которыхъ въ губерніи былъ ничтожный процентъ, а на пришлаго, озвѣрѣвшаго на фронтѣ, или разложившагося въ тылу, солдата, обладавшаго винтовкой и патронами — реальными аттрибутами большевистской власти.

Большевистскіе владыки, несогласные съ такой упрощенной орієнтаціей, послѣ короткаго періода властвованія сами вылетали изъ сѣдла и искали спасенія отъ солдатчины въ бѣгствѣ, какъ это было, напримѣръ, съ предсѣдателемъ совѣта народныхъ комиссаровъ А. А. Пономаревымъ.

Населеніе губерніи было отдано во власть Анисимовыхъ, Ашихиныхъ, Игнатьевыхъ, Труновыхъ и Сараевыхъ, изъ военной среды которыхъ черпались владыки и истребители контръ-революціи, заключавшей въ своемъ понятіи все, идущее въ разрѣзъ съ психологіей этихъ полу-людей, вооруженныхъ винтовкой, включительно до лидера мѣстнаго большевизма Пономарева и зарубленнаго въ Ставропольской тюрьмѣ красноармейцами ихъ главковерха Сорокина.

А за скрытыми въ «малой коллегіи» ширмами сидѣлъ и нажималъ кнопки таинственный Коппэ-отецъ, подъ псевдонимомъ котораго, какъ утверждали, скрывался жандармскій ротмистръ, не въ мѣру, даже по прежнимъ временамъ, поусердствовавшій при подавленіи крестьянскихъ безпорядковъ**.

---

* См. книгу Троцкаго «Терроризмъ и Коммунизмъ».

** Лѣтомъ 1918 года Коппэ-отецъ былъ захваченъ и казненъ добровольцами въ Кисловодскѣ. Интересно отмѣтить, что однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Коппэ былъ, впослѣдствіи казненный въ Ростовѣ, молодой Ставропольскій юристъ Н. І. Л-дзе, близкій знакомый еще со студенческихъ лѣтъ жандармскаго подполковника А. А. Бруна и любимецъ директора гимназіи И. А. Виноградова, давшій толчекъ къ вспышкѣ такъ называемой «Виноградов-

Какъ боролись эти многочисленные комиссары и эмиссары съ «контръ-революціей» я уже разсказывалъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ, какъ они управляли.

На февральскомъ съѣздѣ совѣтовъ эмиссаръ Медвѣженскаго уѣзда, незадолго до переворота, попавшій подъ судъ за растрату общественныхъ суммъ, докладывалъ съѣзду о результатахъ объѣзда «ввѣренной ему» территоріи.

— Ну и насмотрѣлся-же я, товарищи, въ уѣздѣ всякаго пиралистическаго* гада: тутъ тебѣ и попы, и почтаря, и дохтура, и фершалы, и учители, и слѣдователи. Конешно, я принялъ соотвѣтственныя мѣры...

Каковы были эти «соотвѣтственныя мѣры» — едва ли необходимо расшифровывать.

Въ одномъ изъ городскихъ лазаретовъ комиссару при обходѣ барака брюшно-тифозныхъ была заявлена жалоба, что больничный персоналъ моритъ выздоравливающихъ красноармейцевъ голодомъ. Комиссаръ вызвалъ старшаго врача, накричалъ на него и предписалъ персоналу кормить больныхъ красноармейцевъ «до отказа». — Но вѣдь это брюшно-тифозные, — пробовалъ возразить врачъ.

— Молчать, — оборвалъ его комиссаръ, — сами понимаемъ!

И затѣмъ упорно добивался исполненія его предписанія, пока смертность среди брюшно-тифозныхъ красноармейцевъ не дошла до высшаго предѣла.

Я указывалъ выше, что въ губерніи было погублено около 500,000 штукъ тонкорунныхъ овецъ. Произошло это въ слѣдующей обстановкѣ.

Послѣ націонализаціи частно-владѣльческихъ культурныхъ хозяйствъ, тонкорунныя овцы были соединены въ одну общую массу, а затѣмъ двумя, почти количественно равными, отарами отправлены для выпаса въ Удѣльную и Старо-Зармутинскую степи. Ветеринарный персоналъ тщетно указывалъ на опасность соединенія тонкорунной овцы въ такія огромныя массы при невыносливости ея, подверженности эпидемическимъ заболѣваніямъ, нестойкости при отсутствіи корма, воды и соли

Всѣ эти указанія были признаны старорежимнымъ предразсудкомъ и пролетаризированные мериносы были принесены въ жертву тому «основному большевистскому предразсудку», о которомъ Троцкій говоритъ въ выпущенной имъ книгѣ «Терроризмъ и коммунизмъ».

ской исторіи». Исторія эта вкратцѣ заключалась въ слѣдующемъ. Въ 1910 или 1911 году на Холодномъ Родникѣ, во время товарищеской пирушки, наканунѣ выдачи аттестатовъ, между выпускными и ихъ одноклассниками, подозрѣваемыми въ наушничествѣ передъ Виноградовымъ, произошла рукопашная стычка. Въ числѣ пострадавшихъ былъ Н. І. Л-дзе. Директоръ Виноградовъ, узнавъ объ этомъ, объявилъ выпускному отдѣленію, что аттестаты не будутъ вручены окончившимъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ товарищами выданы виновники стычки. Выпускные предложеніе это отклонили, указавъ, что обиженнымъ принадлежитъ право привлечь обидчиковъ къ судебной отвѣтственности. Тогда директоромъ былъ возбужденъ вопросъ о лишеніи аттестатовъ всего выпускного отдѣленія. У разнервничавшейся молодежи возникла мысль о цѣлой очереди самоубійствъ по жребію. Охватившая мѣстное общество тревога перекинулась въ печать, затѣмъ былъ присланъ для разслѣдованія этого эпизода членъ совѣта министра нар. просвѣщ. г. Спѣшковъ, получившій исчерпывающій матеріалъ объ антипедагогическихъ пріемахъ директора Виноградова, въ основу которыхъ былъ положенъ культъ шпіонажа среди учащихся. Вскорѣ послѣ этого аттестаты были выданы, а г. Виноградовъ былъ переведенъ въ другую гимназію.

По поступленіи въ университетъ Н. І. Л-дзе сдѣлался виднымъ членомъ крайнихъ правыхъ студенческихъ организацій, а послѣ захвата большевиками власти въ Ставрополѣ сотрудникомъ Конпэ въ таинственной малой коллегіи. Арестованъ онъ былъ офицерами въ Ставрополѣ, куда прибылъ добровольно по совѣту ген. Уварова, и затѣмъ казненъ въ Ростовѣ по приговору военнаго суда.

* Надобно понимать, повидимому, «имперіалистическаго».

Александровскій уѣздный комиссаръ юстиціи Гамаюнъ, перемѣщенный затѣмъ въ губернскіе комиссары, въ докладѣ своемъ исполнительному комитету не пожалѣлъ мрачныхъ красокъ, чтобы охарактеризовать положеніе юстиціи въ уѣздѣ. Народные судьи, по наблюденію комиссара, — не только не обладаютъ самыми упрощенными навыками къ судебному дѣлу, но просто безграмотны, безтолковы и, увы, не всегда чисты на руку. Совѣтскій неписанный кодексъ «революціоннаго правосознанія», преломляясь въ такой судейской атмосферѣ, можетъ, пожалуй, дать, — меланхолически заключаетъ докладчикъ, — «контръ-революціонное правосознаніе» въ населеніи...

Между совѣтомъ народныхъ комиссаровъ, губернскимъ исполнительнымъ комитетомъ и таинственной «малой коллегіей» шли безпрерывныя тренія, приводившія то къ аресту матросовъ совѣтомъ народныхъ комиссаровъ, то къ аресту матросами предсѣдателя этого совѣта Пономарева.

Уѣздные комитеты и совѣты, руководствуясь мѣстнымъ «революціоннымъ правосознаніемъ», не считались съ распоряженіями губернскаго центра и еще менѣе съ «мѣшкомъ декретовъ», по образному выраженію комиссара юстиціи, привезеннымъ изъ Москвы.

Волостные совѣты, въ большинствѣ случаевъ, только перелицовавшіе вывѣску волостного земства, еще менѣе считались съ распоряженіями центровъ, промежуточныхъ между волостью и «Компинтерномъ». Наиболѣе безпокойныхъ, а иногда и просто порочныхъ, односельчанъ они «ссылали» въ уѣздные или губернскіе совѣты, осуществляя, такимъ образомъ, отмѣненное былое право крестьянскаго міра удалять изъ своей среды сочленовъ за порочное поведеніе.

Въ нѣкоторыхъ селахъ, напримѣръ, въ Свято-Крестовскомъ уѣздѣ, волостные совѣты вступали съ комиссарами въ вооруженныя стычки, организовывали дружины самообороны и поддерживали засѣвшихъ въ Прикумскихъ лагунахъ «камышанниковъ».

Изъ селъ, болѣе близко расположенныхъ къ Добровольческому фронту, посылали къ генералу Деникину ходоковъ узнать, скоро ли придетъ освобожденіе отъ совѣтской напасти. Послѣ Лежанки и Горькой Балки ходоки эти приносили не всегда добрыя вѣсти.

XVII.

Тихое пристанище. Розыски красноармейцами. Разсказы крестьянъ. Сумерки бѣглецовъ. Неожиданное появленіе партизанъ А. Г. Шкуро. Казнь комиссара Петрова. Ультиматумъ краснымъ. «Орудійный обстрѣлъ». «Видимо-невидимо». «Тихій ангелъ». Комиссары подъ вуалью. Телеграмма ген. Уварова. «Не кажите акцизникамъ».

Послѣ моего бѣгства, въ двадцатыхъ числахъ іюня, изъ Ставрополя я поселился въ уединенномъ хуторкѣ, расположенномъ, близъ большого села, на возвышенности, открывающей видъ на долину р. Калауса и холмистые подступы къ Ставрополю.

Хозяинъ хутора уступилъ мнѣ свою хибарку, уединенно расположенную въ саду, съ ложемъ изъ плетенаго ивняка и какимъ то одуряющимъ сладкимъ запахомъ внутри ея.

На мой вопросъ, откуда этотъ запахъ, простодушная жена хозяина довѣрчиво мнѣ объяснила, что запахъ этотъ отъ хранящагося подъ плетенкой самогоннаго аппарата для выкуриванія спирта изъ тутовыхъ ягодъ.

И, уже сообщивъ это, пугливо оглянулась по сторонамъ и попросила «ни казать про то слѣдователю, да и акцизникамъ». Въ дальнѣйшемъ ея мужъ продемонстрировалъ предо мною и этотъ аппаратъ въ работѣ, давъ потомъ отвѣдать отвратительно сладкой тутовой самогонки, не подозрѣвая, что онъ дѣлаетъ участникомъ своего преступленія прокурора, черезъ руки котораго прошло не одно утвержденіе обвинительныхъ актовъ по дѣламъ объ акцизныхъ нарушеніяхъ.

Провѣдавъ какими то путями о моемъ пріѣздѣ, меня навѣщали украдкой знакомые крестьяне изъ лежащаго внизу села, принося съ собою доходившія до нихъ вѣсти о положеніи въ Ставрополѣ, и приводя иногда съ собою только что прибывшихъ изъ Ставрополя бѣглецовъ, соблюдая при этомъ возможную конспирацію.

Эти мѣры предосторожности, какъ выяснилось вскорѣ, были далеко не излишними. Только случай спасъ меня отъ руки красноармейцевъ, разыскивавшихъ меня въ поселкѣ на берегу озера, куда я часто ходилъ купаться. Красноармейцы ворвались къ судьѣ, у котораго я былъ незадолго передъ этимъ, арестовали его, но потомъ освободили, убѣдившись, что подъ его фамиліей и наружностью не скрываюсь я, котораго они искали для расправы.

Посѣщая меня, крестьяне разсказывали о тяготахъ ихъ жизни послѣ водворенія въ губерніи фронтовиковъ. Стали бытовымъ явленіемъ случаи безсмысленнаго надругательства надъ тѣмъ, что крестьянскому сердцу было свято. Шла безсмысленная револьверная и ружейная пальба по иконамъ. Былъ случай матереубійства разрывной пулей изъ за пустяшной ссоры. На сходахъ отъ вернувшихся солдатъ старикамъ житья не было. Запасы и инвентарь разбазаривались пришельцами съ фронта для пьяной гульбы, сады и земля отбирались у отцовъ сынами-солдатами, хозяйство губилось...

Волостной совѣтъ, въ составъ котораго вошла почти цѣликомъ волостная управа, умудрялся пока еще держаться на поверхности, саботируя распоряженія краснаго начальства подъ видомъ тщательнаго обсужденія ихъ, но метаніе изъ города въ село комиссаровъ, ихъ автомобили и экстренные поѣзда наводили моихъ собесѣдниковъ на мысли, что въ городѣ началась агонія большевизма, и вызывали опасеніе, какъ бы въ послѣдней судорогѣ убѣгающій валъ его не натворилъ большихъ бѣдъ.

Волна новыхъ бѣглецовъ принесла вѣсть о вспыхнувшемъ въ Ставрополѣ и быстро подавленномъ офицерскомъ возстаніи, объ обстрѣлѣ красноармейцами частныхъ квартиръ, объ усилившемся террорѣ, сквозь бѣшеную гримасу котораго чувствовался испугъ передъ призракомъ приближающагося возмездія.

Число бѣглецовъ изъ мѣстъ, гдѣ особенно свирѣпствовалъ терроръ, все возрастало. Они ютились по садамъ и хуторамъ, обильно разбросаннымъ по балкамъ и склонамъ горы. Не показываясь днемъ, они выходили изъ своего убѣжища при наступленіи темноты и занимали наблюдательные пункты, откуда стремились ихъ взоры къ роднымъ угламъ.

Особенно часто у «Четырехъ братьевъ», — вытянутыхъ въ струнку тополей, двигались далеко за полночь огоньки папиросъ и порой слышалось грустное, придавленное пѣніе молодежи.

Изъ моего уединеннаго пристанища, круто расположеннаго среди зелени садовъ, въ прорывѣ готическихъ тополей, видна была лента желѣзной дороги, конечная станція ея на отлетѣ села и широкій пыльный трактъ, взбирающійся по холмамъ къ Ставрополю.

Снизу отчетливо доносился, то замирая, то выростая, шумъ двигающихся поѣздовъ, рожки и сирены пролетающихъ автомобилей. По вечерамъ, когда я и мои

гости снизу взбирались, точно призраки, на вершину возвышенности, за линіей холмовъ вставало далекое марево городскихъ огней и долетали далекіе — быть можетъ, и оттуда — шорохи и шумы. Настороженной, измученной душѣ такъ хотѣлось разгадать ихъ причину и значеніе.

Въ первыхъ числахъ іюля краснымъ начальствомъ было предъявлено къ населенію срочное требованіе произвести пополненіе арміи и представить коней, довольствіе и фуражъ. Требованіе это было вынесено для обсужденія на сходы и митинги, одно село сносилось съ другимъ, отлынивая и торгуясь съ насѣдавшимъ начальствомъ, начальство присылало новые декреты и новыхъ гонцовъ, переходило отъ уговоровъ къ угрозамъ, пугало карательными отрядами и трибуналомъ.

Но пока тянулся этотъ торгъ, случилось нѣчто неожиданное.

Продвигаясь съ своимъ отрядомъ на соединеніе съ Добровольцами полковникъ Шкуро перерѣзалъ линію желѣзной дороги Ставрополь-Петровское, внезапно появился въ селѣ Кугульта и, захвативъ тамъ прибывшаго изъ города военнаго комиссара Петрова, повѣсилъ его у волостного правленія, а затѣмъ тѣло казненнаго комиссара приказалъ отправить въ Ставрополь съ запиской, что та же участь въ ближайшее время ожидаетъ и весь Ставропольскій совнаркомъ.

Внезапное появленіе подъ городомъ Шкуро, молва о партизанскихъ набѣгахъ котораго на Кисловодскъ и прилегающую территорію создавала ему легендарную славу въ населеніи, произвело исключительный переполохъ въ Ставрополѣ среди красныхъ.

Дня черезъ два, войдя въ соприкосновеніе съ добровольцами, Шкуро предъявилъ по телеграфу совѣтской власти ультиматумъ въ теченіе 48 часовъ сдать Ставрополь его арміи, иначе онъ приступитъ къ артиллерійскому обстрѣлу города.

Ультиматумъ этотъ былъ присланъ изъ села Донскаго, отстоящаго въ верстахъ 30 отъ Ставрополя.

Хотя наличность партизанскаго артиллерійскаго парка, къ тому времени, какъ разсказывалъ потомъ самъ Шкуро, не превышала двухъ негодныхъ къ стрѣльбѣ декоративныхъ орудій и поэтому «артиллерійскій обстрѣлъ» большого огорченія красному Ставрополю не причинилъ бы, красные поторопились очистить городъ до истеченія объявленнаго имъ срока, забивъ дороги бѣгущими изъ города частями, бросавшими оружіе и припасы и отдававшимися въ плѣнъ разоружавшему ихъ населенію.

У выѣзда изъ города группа мѣщанъ преградила путь автомобилю, везшему заплечнаго мастера Юнкерскаго сада Ашихина, обезоружила его и, арестовавъ, доставила въ тюрьму.

Этотъ и другіе случаи задержанія населеніемъ комиссаровъ побудили нѣкоторыхъ изъ нихъ броситься, минуя окраины города, не по Невинномысскому шоссе, вдоль котораго отступала Красная армія, а на Петровское и Александровское, чтобы пробиваться далѣе вглубь губерніи и на территорію Минеральныхъ водъ.

Слухи о проходѣ партизанскаго отряда Шкуро, съ необычайной быстротой облетѣвъ ближайшія села, перекинулись дальше въ губернію и очень скоро достигли и нашего убѣжища.

Количество партизанскихъ войскъ отряда сильно преувеличивалось очевидцами.

— Видимо-невидимо, — утверждали крестьяне, многозначительно при этомъ добавляя: «Не грабитъ! За все платитъ квитками! Пролетѣлъ, точно тихій ангелъ.»*

* Слѣдуетъ оговориться, что репутацію «тихаго ангела» полковникъ А. Г. Шкуро сохранилъ лишь до производства въ генеральскій чинъ. Позднѣйшее поведеніе его партизанъ повредило столько же Красной, сколько, если не болѣе, Добровольческой арміи.

Прибывшіе на другое утро изъ Кугульты крестьяне разсказали о казни военнаго комиссара Петрова, а дня черезъ два надъ колесными дорогами, ведущими изъ Ставрополя, стояла пыль столбомъ отъ комиссарскихъ автомобилей.

Часть пассажировъ была въ женскихъ костюмахъ, съ замаскированными вуалями и бинтами лицами, но густопсовые выкрики этихъ завуалированныхъ дамъ выдавали ихъ сочный мужской темпераментъ, сильно взвинченный напитками и испугомъ.

Еще не разсѣялась по дорогамъ пыль отъ этого шумнаго марша, какъ въ селахъ губерніи было получено за подписью генерала Уварова циркулярное распоряженіе о низверженіи комиссаровъ и совдеповъ и о возстановленіи прежняго волостного управленія.

Черезъ день я покинулъ свое убѣжище и прибылъ въ Ставрополь.

При отъѣздѣ, указавъ на вопросъ моихъ гостепріимныхъ хозяевъ, мой служебный прокурорскій адресъ, я несказанно смутилъ ихъ и вызвалъ испуганную реплику старушки-хозяйки:

— Не кажите же про самогонку, ваше добродіе, акцизникамъ, да и слѣдователю...

XVIII.

Пріѣздъ ген. Уварова. Обстрѣлъ города красными. Красный командиръ Шпакъ. Вскрытіе могилъ въ Юнкерскомъ саду и погребеніе жертвъ. Орудійный салютъ большевиковъ. Послѣднія жертвы изъ села Татарки.

«Артиллерійскій обстрѣлъ» Ставрополя не состоялся. Передъ вечеромъ, въ день истеченія срока, объявленнаго А. Г. Шкуро краснымъ для очищенія города, въ Ставрополь влетѣлъ автомобиль, заполненный добровольцами въ погонахъ и боевыхъ знакахъ отличія, восторженно встрѣченный населеніемъ.

Вышедшій изъ автомобиля ген. Уваровъ привезъ съ собою приказъ о назначеніи его временнымъ Ставропольскимъ генералъ-губернаторомъ и сейчасъ же объявилъ о мобилизаціи офицеровъ и классныхъ чиновъ военнаго времени.

На призывъ генерала послѣдовалъ незамедлительный откликъ и не прошло нѣсколькихъ часовъ, какъ улицы города запестрѣли новенькими, Богъ вѣсть какимъ образомъ уцѣлѣвшими послѣ повальныхъ обысковъ, а иногда и самодѣльными, погонами офицерскихъ и классныхъ чиновъ.

Генералъ приказалъ занять офицерскими патрулями банки и всѣ денежныя хранилища и организовать воинскія части и гражданскія дружины.

Въ тотъ вечеръ, 9 іюля 1918 года, это были почти всѣ вооруженныя силы города Ставрополя, находившіяся притомъ въ стадіи организаціи; позднѣе подтянулись кавалерійскія части добровольцевъ и шкуринцевъ, прибылъ полковникъ Слащевъ и началась длительная оборона Ставрополя, вплоть до 14 октября, когда городъ былъ внезапно оставленъ добровольческими частями.

Автомобиль ген. Уварова лишь немногимъ опередилъ А. Г. Шкуро; когда послѣдній прибылъ въ Ставрополь, онъ былъ поставленъ передъ фактомъ уже имѣющагося въ Ставрополѣ генералъ-губернатора и охраны всѣхъ денежныхъ хранилищъ...

Красный штабъ, получившій свѣдѣнія о количествѣ войскъ, обороняющихъ Ставрополь, готовя общую аттаку съ восточныхъ подступовъ, обстрѣливалъ городъ шрапнельнымъ огнемъ. Этому огню методически отвѣчало съ тюремной горы добровольческое орудіе.

Командующій Ставропольскимъ краснымъ фронтомъ, Шпакъ, самъ руководилъ обстрѣломъ, поставивъ легкія орудія на грузовики и дерзко заскакивая почти въ черту города.

Временный генералъ-губернаторъ пока не распаковывался и не переѣзжалъ изъ гостиницы въ губернаторскій домъ, принимая подвѣдомственныхъ ему чиновъ въ походной формѣ. Жизнь же горожанъ, — такъ глубока была ихъ вѣра въ мощь Добровольческой арміи, — спокойно и мирно текла подъ этотъ орудійный обстрѣлъ и дерзкіе налеты Шпака, пока онъ не былъ подкараулень и зарубленъ казачьей засадой.

Въ ближайшіе дни, по очищеніи города отъ красныхъ, было произведено вскрытіе могилъ погибшихъ отъ краснаго террора и всенародное погребеніе ихъ въ трехъярусной братской могилѣ въ оградѣ Андреевскаго собора.

Въ утро этого дня толпы народа хлынули по улицамъ къ оградѣ Юнкерскаго сада, гдѣ судебные чины и врачи, подъ общимъ руководствомъ слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ, извлекали изъ земли трупы казненныхъ и предъявляли ихъ къ опознанію родственникамъ.

Наиболѣе крѣпкіе нервами горожане и родственники казненныхъ помогали имъ, соединяя часто разрозненныя части тѣла, собирая по всему саду обрубленныя кисти рукъ, части череповъ и пальцы.

Извлеченныя тѣла тутъ же укладывали въ гробы подъ раздирающіе крики опознавшихъ жертвы близкихъ.

Внутрь ограды прибыло духовенство всѣхъ исповѣданій христіанскихъ и нехристіанскихъ, чтобы сотворить послѣднія молитвы надъ многочисленными мучениками этой мѣстной Голгофы.

Гробы были поставлены широкимъ квадратомъ съ оставленнымъ въ центрѣ мѣстомъ для духовенства, администраціи и городского представительства.

Начиная слова заупокойной молитвы, епископъ Михаилъ зарыдалъ, облокотившись на пастырскій посохъ. Этому пастырскому рыданію отвѣтилъ плачъ толпы и обмороки женщинъ, увидѣвшихъ близкихъ не только мученически погибшими, но и въ разрушеніи и тлѣнѣ земной оболочки.

Длиннымъ кортежемъ двинулась вереница гробовъ въ сопровожденіи войскъ и толпъ народа къ обширной братской могилѣ, вырытой рядомъ съ могилой героини — Ставрополькы Риммы Ивановой*, подъ звуки траурнаго марша и всенароднаго пѣнія молитвъ.

Къ Варваринскому кладбищу въ это же почти время направлялась менѣе многолюдная погребальная процессія съ тѣлами организатора офицерскаго возстанія Петра Федоровича Ртищева и его брата Павла Федоровича, казненныхъ большевиками въ одинъ день на Ярмарочной площади; на армянское, еврейское и мусульманское кладбища шли отдѣльныя траурныя процессіи съ гробами погибшихъ отъ руки большевизма единовѣрцевъ.

При погребеніи присутствовалъ поддерживаемый подъ руки съ забинтованной шеей и головой офицеръ Н., извлеченный тюремной администраціей въ день офицерскаго возстанія изъ подъ груды зарубленныхъ офицеровъ съ признаками жизни и затѣмъ спрятанный въ женскомъ отдѣленіи тюремной больницы.

Пока протекали часы этой общегородской скорби и исключительно тяжкихъ страданій многихъ сотенъ родственниковъ погибшихъ, надъ городомъ рвались шра-

---

* Сестры милосердія, награжденной знаками офицерскаго Георгія, геройски погибшей со знаменемъ впереди войскъ на германскомъ фронтѣ.

нели и за Мамайскимъ лѣсомъ ухали орудія виновниковъ этой скорби, какъ бы мстя живымъ за ихъ запоздалое воздаяніе почестей погибшимъ жертвамъ.

Когда уже чинъ погребенія подходилъ къ концу и войска готовились дать заключительный салютъ, къ мѣсту погребенія спѣшно прибылъ грузовикъ, привезшій изъ подъ Татарки еще около 20 труповъ офицеровъ, выданныхъ мельникомъ большевикамъ и зарубленныхъ тамъ же на мѣстѣ.

Но пройдутъ многіе годы и тогда только, быть можетъ, будетъ подсчитано, сколько жертвъ гражданской войны сложило свои головы вокругъ Ставрополя, у Сенгилеевскаго озера и горы Недреманной.

XIX.

Законодательные экспромпты ген. Уварова. Основные законы. Какіе еще тамъ суды? Попытка окрестить соц.-дем. въ соц.-рев. Мы будемъ праздновать по своему, а вы празднуйте по своему. «Уничтожайте преступниковъ на мѣстѣ». Пріемъ крестьянскихъ депутацій. «Маршъ по домамъ!» Наступленіе красныхъ. Подвигъ корниловцевъ.

Въ то время, когда проф. К. Н. Соколовъ вырабатывалъ «государственно-правовой экспромптъ» для Верховнаго Руководителя Добровольческой Арміи*, ген. Уваровъ производилъ законодательные экспромпты на Ставропольской территоріи, — первой губерніи, принятой подъ правовую охрану Добровольческой арміей.

Очевидцы передавали мнѣ классическую, въ своемъ родѣ, сцену первыхъ законодательныхъ опытовъ Уварова.

По номеру гостиницы нервно шагалъ генералъ, диктуя въ присутствіи представителей города свои первые приказы.

— Пишите: приказъ номеръ одинъ, точка. Ставропольская губернія управляется на основаніи законовъ Россійской Имперіи, изданныхъ до 27 февраля 1917 года. Приказъ номеръ два, точка. Возстанавливаются суды: волостной, мировой... Какіе еще тамъ суды? — обратился генералъ къ офицеру, выстукивающему на машинкѣ.

— Не могу знать, Ваше Превосходительство.

— Можетъ быть, вы знаете, — обратился генералъ къ представителямъ.

Одинъ изъ нихъ, юристъ по образованію, и самъ судебный дѣятель по магистратурѣ, подалъ генералу реплику:

— По закону 1912 года не могутъ дѣйствовать, генералъ, одновременно суды волостные и мировые, что нибудь одно...

— Ну этихъ тонкостей мнѣ не надо... Я знаю судъ полевой, волостной и мировой, а дальше?

— Окружной, Ваше Превосходительство...

— Да-да, какъ же, чуть не забылъ! Пишите, — обратился генералъ къ офицеру..., и военно-окружные... Точка.

— Просто, окружной, Ваше Превосходительство, — перебилъ судейскій чинъ.

— Развѣ есть и такіе? Ну ладно, пишите: и просто окружные, — согласился ген. Уваровъ, — точка.

Таковъ былъ первый щедринскій генералъ-губернаторъ, назначенный Добровольческимъ командованіемъ для первой губерніи, передъ населеніемъ которой Добрармія держала свой государственный экзаменъ.

Дальнѣйшіе «экспромпты» ген. Уварова я уже наблюдалъ самолично.

Вотъ еще нѣсколько эпизодовъ изъ временъ генералъ-губернаторствованія Уварова.

---

* См. стр. 74 воспоминаній К. Н. Соколова: «Правленіе генерала Деникина», Софія, 1921 г.

Какъ-то по приходѣ моемъ въ прокурорскій кабинетъ мнѣ доложилъ мой секретарь, что меня просилъ ген. Уваровъ прибыть къ нему.

— Видите-ли, въ чемъ дѣло, — обратился ко мнѣ генералъ, когда я вошелъ въ кабинетъ къ нему. — Тутъ издается газета, содержаніе которой мнѣ безразлично, но мнѣ не нравится ея подзаголовокъ: «Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь». Я хочу имъ посовѣтовать, пусть печатаютъ девизъ: «Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое». Это мнѣ больше нравится, а то пахнетъ какимъ-то интернаціоналомъ...

— А причемъ же здѣсь я, Ваше Превосходительство, — спросилъ я.

— Ну вы все таки человѣкъ мѣстный и знаете мѣстные обычаи...

— Приведенные Вами девизы, генералъ, не мѣстные. Первый — «пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь» — соціалъ-демократовъ, а «въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое» — соціалистовъ-революціонеровъ... Едва ли соціалъ-демократы захотятъ воспользоваться, хотя бы и по вашему совѣту, генералъ, девизомъ другой партіи. Вотъ все, что я могу доложить Вамъ, а затѣмъ, разрѣшите, генералъ, мнѣ отправиться къ исполненію моихъ служебныхъ обязанностей. — Я сдѣлалъ удареніе на словѣ «служебныхъ».

— Постойте, — остановилъ меня генералъ, — я придумалъ! Пусть пишутъ: «пролетаріи всея Руси соединяйтесь!»

На этомъ мы съ генераломъ разстались.

Въ другой разъ мнѣ прислали приказъ ген. Уварова, гдѣ онъ устанавливалъ расписаніе неприсутственныхъ дней, не совпадающее, до двунадесятыхъ праздниковъ включительно, съ табелью праздниковъ, указанныхъ въ законѣ и дальнѣйшихъ дополненіяхъ. При встрѣчѣ я указалъ на это генералу, сославшись на 24 ст. уст. о предупр. и пресѣченіи, гдѣ помѣщена табель праздниковъ.

— Какой такой уставъ пресѣченія — переспросилъ генералъ.

— Онъ напечатанъ въ четырнадцатомъ томѣ свода законовъ.

— Въ четырнадцатомъ томѣ, — удивился генералъ, — ну такъ что жъ?

— Судъ, — какъ и другіе правительственные органы, есть учрежденіе подзаконное, — связанъ судебными сроками и чины его могутъ понести матеріальную и судебную отвѣтственность за несоблюденіе законовъ.

— Вотъ какъ? Ну тогда вотъ что: вы празднуйте по своему, а мы будемъ праздновать по своему, — согласился генералъ.

Такъ мы и «праздновали».

Какъ то разъ я съ удивленіемъ прочелъ приказъ буквально слѣдующаго содержанія: «предписывается всѣмъ чинамъ: преступниковъ, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія, уничтожать на мѣстѣ, а менѣе виновныхъ — предавать военно-полевому суду». Подписано Уваровымъ.

Воспользовавшись свиданіемъ съ А. И. Деникинымъ, я передалъ ему непосредственно этотъ приказъ.

— Вы меня не мистифицируете? — улыбнулся главнокомандующій. — Я его отмѣню по телеграфу, а Уварова отчислю*.

Тѣмъ не менѣе, ген. Уваровъ продолжалъ пребывать въ Ставрополѣ, перемѣщенный, правда, изъ званія самостоятельнаго помпадура на роль помощника полковника Глазенапа, вплоть до внезапной эвакуаціи Ставрополя въ октябрѣ 1918 года. Вѣдать этой эвакуаціей поручено было тому же генералу Уварову.

Случай съ послѣднимъ приказомъ далъ основаніе генералу Уварову и его правой рукѣ, начальнику его штаба, полковнику Яковлеву, называть меня не иначе, какъ «большевикъ Красновъ».

---

* Бесѣда эта съ ген. Деникинымъ происходила въ присутствіи еще двухъ лицъ.

Въ первые же дни пріѣзда П. В. Глазенапа, 34 лѣтняго гвардейскаго полковника, въ Ставрополь, стали прибывать депутаціи изъ большихъ селъ, пріѣхавшія привѣтствовать высшаго администратора губерніи и вмѣстѣ съ тѣмъ носителя въ глазахъ населенія героическихъ идей Добровольческой арміи.

Повидавшись кое съ кѣмъ изъ депутатовъ, среди которыхъ были почтенные мѣстные люди, съ безупречнымъ служебнымъ и общественнымъ стажемъ, я посовѣтовалъ П. В. Глазенапу обласкать ихъ, ибо, какъ говорилъ я, это первыя ласточки проявленія крестьянскихъ симпатій къ Добровольческому командованію.

Полковникъ Глазенапъ обѣщалъ переговорить въ этомъ смыслѣ съ ген. Уваровымъ.

Одинъ изъ депутатовъ, бывшій предсѣдатель мирового съѣзда, потомъ разсказывалъ мнѣ объ этомъ пріемѣ, порученномъ совѣтнику губернскаго правленія Губаревскому.

Выйдя къ депутатамъ, Губаревскій приказалъ прибывшимъ раздѣлиться по уѣздамъ и стать по разнымъ угламъ. Наступила пауза. Молчалъ совѣтникъ, молчали и депутаты, среди которыхъ были и лица съ высшимъ образованіемъ. Одинъ изъ депутатовъ заявилъ о желаніи присутствующихъ ознакомиться съ задачами Добровольческой арміи, чтобы въ свою очередь информировать населеніе, въ частности же населеніе интересуется отношеніемъ власти къ Учредительному Собранію.

— Што-о? — перебилъ Губаревскій, — вы думете, что попали на митингъ? Исполнять приказы и распоряженія начальства — вотъ ваша задача. А теперь маршъ по домамъ и помнить, что карательныхъ отрядовъ у насъ хватитъ на всѣ уѣзды.

Говорилъ это Губаревскій повышеннымъ голосомъ, почти доходящимъ до крика. Ошеломленные депутаты покинули Ставрополь, и я не знаю, пріѣзжали ли потомъ какія-либо крестьянскія депутаціи къ полк. Глазенапу.

Между тѣмъ, красные, оправившись отъ охватившей ихъ паники, возобновили попытки къ захвату Ставрополя.

Наиболѣе угрожающее наступленіе ихъ развернулось 9 августа, когда передовая лавина вторглась на окраины города, и съ возвышенныхъ площадей и улицъ можно было наблюдать невооруженнымъ глазомъ перипетіи уличнаго боя.

Повторяю, велика была вѣра населенія въ мощь и правду Добрарміи и вѣра эта, купленная дорогою цѣною недавнихъ испытаній, позволяла населенію спокойно нести свою повседневную работу, зная, что ихъ защищаетъ Добрармія, и что тамъ на фронтѣ бьется мѣстная молодежь офицерскаго полка.

Но одинъ изъ моментовъ этого боя могъ стать роковымъ. Количественно слабыя силы добровольцевъ не выдержали напора неисчислимо превышающаго ихъ противника и изнемогали въ тщетномъ порывѣ сдержать напоръ красныхъ. Минуты здѣсь могли сыграть рѣшающую роль.

Положеніе было спасено появленіемъ въ тылу у красныхъ нѣсколькихъ десятковъ корниловцевъ, вышедшихъ изъ за горы, двигавшихся одинъ за другимъ безъ перебѣжекъ, во весь ростъ, съ винтовками за плечомъ.

Это произвело на красныхъ такую моральную депрессію, что они бросились въ паникѣ отъ города, и добровольческая конница гнала ихъ полчища до селенія Бешпагира.

Здѣсь моральная сила Добрармін вышла побѣдительницей, но въ сферѣ государственнаго строительства этого моральнаго героизма и даже простого пониманія задачъ и престижа власти добровольческой администраціей на территоріи Ставропольской губерніи пока не проявлялось.

Больше того, административные пріемы ген. Уварова, усовершенствованные на мѣстахъ Уваровыми «les petits» въ лицѣ начальниковъ уѣздовъ, чиновъ контръразвѣдки, государственной стражи и сельскихъ комендантовъ, на первыхъ же

порахъ являли собою совершенно опредѣлившуюся картину разложенія власти. Не надо было быть пророкомъ, чтобы почувствовать и предсказать, къ чему это должно было привести, если разнузданности не будетъ положенъ самый рѣшительный предѣлъ.

Недоброжелатели и враги Добрарміи не замедлили учесть и использовать создавшееся положеніе. Большевики за дорогую плату скупали приказы ген. Уварова и, размножая, выпускали ихъ вторымъ изданіемъ, маленькіе же диктаторы въ уѣздахъ и волостяхъ, по мѣрѣ силъ и способностей, дополняли антидобровольческую агитацію наглядным примѣромъ разнузданности и своеволія.

Въ качествѣ безпокойнаго прокурора, въ очень непродолжительномъ времени я получилъ почетную ссылку въ мѣстный сенатъ и, неся оберъ-прокурорскія обязанности въ высшемъ кассаціонномъ судѣ, отошелъ на нѣкоторое время отъ самой рѣшительной борьбы съ этимъ явленіемъ.

XX.

Совѣщаніе у генералъ-губернатора. Вопросъ объ учрежденіи сената и судебной палаты. Споръ о наименованіи полиціи. Основной статутъ ген. Уварова. Возстановленіе силы узаконеній, изданныхъ и послѣ 27 февраля 1917 г. Передъ пріѣздомъ Главнокомандующаго.

Вскорѣ по пріѣздѣ, полковникъ Глазенапъ созвалъ изъ представителей вѣдомствъ совѣщаніе, обсужденію котораго былъ предложенъ рядъ вопросовъ, въ томъ числѣ объ учрежденіи мѣстнаго сената и палаты и объ организаціи полиціи.

Внося вопросъ о необходимости временной организаціи высшаго кассаціоннаго суда и палаты, П. В. Глазенапъ указалъ, что Главное Командованіе, желая возстановить въ полной мѣрѣ соблюденіе судебныхъ гарантій для тяжущихся, вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ пока невозможнымъ подчинить Ставропольскія судебныя мѣста Донскому сенату и Новочеркасской палатѣ, въ виду ясно опредѣлившейся германской оріентаціи Донского Правительства съ атаманомъ Красновымъ во главѣ.

Возраженіе нѣкоторыхъ изъ судебныхъ дѣятелей, что судебныя мѣста стоятъ внѣ политики и поэтому та или иная оріентація правительства для нихъ значенія имѣть не можетъ, успѣха не имѣла, и Ставропольскому окружному суду было поручено П. В. Глазенапомъ выработать проектъ организаціи кассаціоннаго и апелляціоннаго судовъ для представленія на утвержденіе Главнокомандующаго.

Выработанный общимъ собраніемъ окружнаго суда проектъ учрежденія этихъ судебныхъ мѣстъ въ непродолжительномъ времени былъ утвержденъ Главнокомандующимъ.

По этому проекту изъ состава окружнаго суда былъ выдѣленъ минимальный составъ въ кассаціонный и апелляціонный суды, съ возложеніемъ на первый компетенціи кассаціонныхъ департаментовъ и общаго собранія сената, а на апелляціонный — основныхъ функцій палаты. Къ присутствію въ кассаціонномъ судѣ были назначены членъ суда М. Е. Семеновъ, старѣйшій членъ присяжной адвокатуры Г. Н. Прозрителевъ и тов. предсѣдателя окр. суда Н. Т. Шавровъ съ возложеніемъ на него обязанностей первоприсутствующаго. Несеніе прокурорскихъ обязанностей было возложено на меня.

Въ составъ апелляціоннаго суда вошли: предсѣдательствующимъ — членъ суда К. П. Орелъ, члены суда А. Е. Скрипчинскій и К. Н. Кокаевъ съ и. о. прокурора В. Г. Бутовичемъ.

Дѣйствовали эти суды около полугода, а затѣмъ были упразднены и возстановлена прежняя подчиненность Новочеркасской судебной палатѣ, какъ апелляціонной инстанціи, кассаціонной же инстанціей являлся отнынѣ, по соглашенію Главнаго Командованія съ Донскимъ атаманомъ, созданный на Дону сенатъ.

Возвращаюсь къ Ставропольскому совѣщанію. Наиболѣе боевымъ на совѣщаніи оказался вопросъ объ организаціи милиціи. Споръ возгорѣлся, главнымъ образомъ, вокругъ названія, которое должно быть присвоено этому институту.

Далъ такое направленіе спору все тотъ же ген. Уваровъ, выступившій съ рѣзкой критикой не самаго положенія о милиціи Врем. Правительства, а замѣны названія полиціи – милиціей, что могли невѣжественно допустить, по словамъ Уварова, только «глубоко штатскіе люди».

Продолжая мысль ген. Уварова, врачебный инспекторъ Абрамовъ привелъ въ качествѣ ultima ratio окончательно убѣждающаго въ необходимости сохраненія прежнихъ терминовъ: «полиція, городовой, приставъ, и полицеймейстеръ» слѣдующій эпизодъ, разсказанный ему полк. Глазенапомъ.

Въ одномъ изъ петербургскихъ кафе-шантановъ среди номеровъ этуалей неожиданно выступилъ городовой, просвистѣлъ въ свистокъ и скрылся. Номеръ этотъ имѣлъ исключительно шумный успѣхъ у публики и, какъ утверждалъ врачебный инспекторъ, эпизодъ этотъ воочію вскрылъ, какъ «Россія тоскуетъ по прежнему милому городовому».

Эта справка изъ кафешантанныхъ наблюденій Ставропольскаго генералъ-губернатора все же недостаточно убѣдила совѣщаніе въ томъ, что и Ставропольская губернія раздѣляетъ тоску «Россіи» о городовомъ, и организуемому институту охраны предположено было дать названіе «государственной стражи».

Впредь до изданія въ законодательномъ порядкѣ новаго «Положенія» дѣйствовалъ этотъ институтъ примѣнительно къ прежнему положенію Вр. Правительства о милиціи, за исключеніемъ подчиненія стражи органамъ общественнаго управленія, что, конечно, было совершенно естественно для того исключительнаго времени.

Нѣкоторыми изъ участниковъ совѣщанія предполагалось поднять вопросъ о приказѣ ген. Уварова, возвращавшемъ Ставропольскую губернію однимъ взмахомъ пера вспять къ порядку, существовавшему до 27 февраля 1917 года, съ упраздненіемъ всѣхъ изданныхъ послѣ этой даты актовъ узаконеній, до акта отреченія государя включительно*. Подобно Іисусу Навину, генералъ приказалъ солнцу остановиться надъ Галаономъ, а лунѣ надъ долиною Аіалонскою, пока генералъ не истребитъ всего, связаннаго съ ненавистнымъ именемъ послѣ-февральскаго «Аморрейскаго» правительства.

Приказъ этотъ, не говоря уже о томъ, что на изданіе такихъ основныхъ статутовъ ген. Уваровъ надлежаще не былъ уполномоченъ, вносилъ невѣроятную путаницу въ дѣйствія правительственныхъ учрежденій и, рано или поздно, нуждался въ отмѣнѣ Главнымъ командованіемъ.

* Приказъ этотъ, въ числѣ другихъ, упразднялъ слѣдующія узаконенія: о мѣстномъ судѣ отъ 4 мая 1917 г., объ уголовной и гражданской отвѣтственности должностныхъ лицъ – отъ 11 апрѣля, о судахъ по административнымъ дѣламъ – отъ 30 мая, о судебной регистраціи обществъ и союзовъ, объ отмѣнѣ вѣроисповѣдныхъ и національныхъ ограниченій – отъ 20 марта, законы 7 и 29 сентября объ измѣненіяхъ въ городовомъ положеніи, отъ 9 іюля – о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ, отъ 21 мая – о волостномъ земствѣ, о печати – отъ 27 апрѣля, о поселковомъ управленіи, о введеніи земскихъ учрежденій на инородческой территоріи и т. д. Кромѣ того приказъ ген. Уварова возвращалъ ко всѣмъ надстройкамъ, произведеннымъ надъ Судебными уставами 1864 г., упразднялъ новую редакцію ряда статей уголовнаго кодекса, возстанавливалъ сословные суды особыхъ присутствій, отмѣнялъ мораторіи по векселямъ и на предъявленіе исковъ и проч.

Но послѣ справки увеселительнаго характера о тоскѣ Россіи по городовому иниціаторы предположенія раздумали ставить этотъ вопросъ на генералъ-губернаторскомъ совѣщаніи.

Доклады о возстановленіи дѣйствія ряда узаконеній, изданныхъ Временнымъ Правительствомъ, были представлены предсѣдателемъ окружнаго суда и делегаціей городской думы непосредственно генералу Деникину, и главнокомандующимъ былъ изданъ особый приказъ о силѣ этихъ узаконеній.

Ген. Уваровъ, хотя послѣ назначенія П. В. Глазенапа, и былъ лишенъ права самостоятельнаго помпадурства, тѣмъ не менѣе ухитрялся, на время выѣздовъ губернатора изъ Ставрополя, развивать свою административную энергію.

Такъ, уже будучи помощникомъ губернатора, онъ успѣлъ, за время отсутствія полк. Глазенапа, издать приказъ, о которомъ я упоминалъ, на имя всѣхъ должностныхъ лицъ «объ уничтоженіи преступниковъ на мѣстѣ преступленія и о преданіи менѣе виновныхъ военно-полевому суду».

Передъ самымъ пріѣздомъ въ Ставрополь ген. Деникина, когда предпогалалось чествованіе Главнокомандующаго городской думой in corpore, онъ заарестовалъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ гласныхъ, задержалъ до ночи оповѣщеніе городского самоуправленія объ ожидающемся утромъ прибытіи, а на обѣдъ, которымъ губернаторъ чествовалъ Главнокомандующаго, позабылъ пригласить предсѣдателя губернской земской управы, А. М. Кухтина, но зато не забылъ пригласить того самаго Левицкаго, который вмѣстѣ съ пьяными матросами игралъ отходную заключеннымъ большевиками въ Ставропольской тюрьмѣ заложникамъ буржуазіи.

Словомъ, старался по мѣрѣ силъ и способностей, пока, наконецъ, не былъ отчисленъ въ резервъ чиновъ Добровольческой арміи.

XXI.

Пріѣздъ ген. А. И. Деникина. «Начальнику сыскного отдѣленія и . . . предсѣдателю думы». Привѣтствія на вокзалѣ и на Соборной площади. Обѣдъ въ губернаторскомъ домѣ. Рѣчь генерала Деникина. Выступленіе сотрудника ген. Уварова. Поѣздка городской делегаціи въ Екатеринодаръ.

Осенью 1918 года состоялся пріѣздъ въ Ставрополь Командующаго Добровольческой арміей, ген. А. И. Деникина.

Губернаторъ П. В. Глазенапъ, сообщивъ о желаніи генерала Деникина посѣтить Ставрополь, просилъ намѣтить программу встрѣчи съ тѣмъ, чтобы онъ могъ своевременно доложить командующему.

Программа эта была выработана небольшой комиссіей и передана П. В. Глазенапу, причемъ представители городского самоуправленія въ виду того, что предполагалось чествованіе ген. А. И. Деникина раутомъ отъ Городской Думы, просили увѣдомить ихъ о пріѣздѣ Командующаго Арміей, по возможности, хоть за день до пріѣзда, или же, если такое увѣдомленіе по какимъ либо соображеніямъ будетъ признано неудобнымъ*, опредѣлить пріѣздъ не въ праздничный день, въ виду трудности собрать учащихся и широко оповѣстить населеніе.

П. В. Глазенапъ отбылъ къ Командующему.

Въ субботу, днемъ, была получена ген. Уваровымъ телеграмма о прибытіи Командующаго въ воскресенье, въ 9 часовъ утра. Доставлено было это увѣдомленіе въ городскую управу около 9 часовъ вечера. Офицеръ, которому поручено было

* Имѣлись въ виду продолжающіяся попытки красныхъ къ наступленію.

размножить и разослать текстъ оповѣщенія, передавалъ мнѣ, почему произошло такое замедленіе.

Въ сущности, текстъ оповѣщенія состоялъ всего изъ нѣсколькихъ словъ: «сообщается для свѣдѣнія, что Командующій арміей прибываетъ въ Ставрополь въ воскресенье, такого то числа, въ 9 часовъ утра». Впереди же шелъ длинный, занимающій почти листъ, перечень лицъ и учрежденій, кому это должно быть сообщено.

Когда оповѣщеніе было изготовлено, начальникъ губернаторскаго штаба, полковникъ Яковлевъ, раздраженно указалъ офицеру, что, по мнѣнію ген. Уварова, предсѣдатель городской думы помѣщенъ не въ надлежащемъ порядковомъ рангѣ.

– Потрудитесь поставить его въ самомъ хвостѣ, «съ союзомъ»: ...«начальнику сыскного отдѣленія и – предсѣдателю думы».

Вмѣсто забракованнаго, было изготовлено новое оповѣщеніе и разсылалось оно въ порядкѣ расположенія адресатовъ, почему и дошло до предсѣдателя думы послѣднимъ, ибо онъ, по указанію ген. Уварова и полк. Яковлева, въ ряду другихъ учрежденій и лицъ долженъ занимать самое послѣднее мѣсто – «съ союзомъ».

Эта задержка лишила городское самоуправленіе возможности выполнить программу чествованія ген. Деникина полностью, какъ она была намѣчена, и раутъ въ городской думѣ не могъ состояться*, тѣмъ болѣе, что за время отсутствія изъ города губернатора его контръ-развѣдкой были арестованы нѣкоторые изъ гласныхъ думы, въ томъ числѣ членъ Учредительнаго Собранія Е. А. Дементѣевъ. Арестованы они были безъ всякихъ основаній и послѣ усиленныхъ хлопотъ были освобождены наканунѣ пріѣзда ген. Деникина.

Послѣ поднесенія городскимъ головой хлѣба-соли отъ имени городского общественнаго управленія, ген. Деникинъ отбылъ въ кафедральный соборъ.

Пока шло богослуженіе, на Соборной площади расположились съ цвѣтами и гирляндами зелени учащіеся, а у паперти собора многочисленныя депутаціи, выразившія желаніе привѣтствовать вождя Добровольческой арміи.

При выходѣ ген. Деникина изъ собора къ нему обратились съ рѣчами епископъ Михаилъ, я – какъ предсѣдатель думы, предсѣдатель суда – П. А. Бурменскій, А. М. Воскресенскій – отъ мѣстной газеты, К. Г. Александровъ – отъ торгово-промышленной группы – и рядъ другихъ представителей населенія.

Трогательна была рѣчь малютки-ученицы**, привѣтствовавшей генерала отъ имени учащейся молодежи, какъ «защитника справедливости и правды Божьей» и поднесшей генералу вѣнокъ изъ цвѣтовъ.

Ген. Деникинъ поднялъ и расцѣловалъ малютку и отбылъ къ войскамъ среди толпъ молодежи, устилавшей ему путь гирляндами, забрасывавшей его цвѣтами.

Днемъ, въ залѣ губернаторскаго дома, состоялось представленіе ген. Деникину чиновъ и представителей различныхъ учрежденій и вѣдомствъ, приглашенныхъ затѣмъ къ участію въ обѣдѣ въ честь Командующаго арміей.

На обѣдѣ этомъ А. И. Деникинъ произнесъ рѣчь, какъ обычно, сильную и яркую, закончивъ ее словами***:

– Настанетъ часъ, когда большія и малыя рѣки сольются въ великомъ морѣ, имя которому – Россія, и армія явитъ тогда примѣръ лояльнаго и безоговорочнаго подчиненія свободно выраженной волѣ народа.

---

* Это обстоятельство дало поводъ оффиціозу ген. Уварова открыть походъ противъ городской думы, предсѣдателя ея и городской управы.

** Малютка эта погибла въ городской больницѣ 16 октября 1918 г. послѣ эвакуаціи Ставрополя добровольцами.

*** Предо мною нѣтъ текста рѣчи ген. Деникина, – воспроизвожу ее по памяти.

– Будьте вы правыми, будьте вы лѣвыми, всѣхъ, у кого пламенѣетъ въ сердцѣ любовь къ Родинѣ, мы зовемъ къ работѣ и борьбѣ за великую и свободную Россію. –

Рѣчь эта, служившая какъ бы отвѣтомъ чаяньямъ, отметавшимъ и въ настоящемъ, и въ будущемъ альянсъ съ демократіей, желавшимъ видѣть въ Добровольческой арміи лишь орудіе кастовыхъ вожделѣній, – произвела глубокое впечатлѣніе на присутствующихъ и вызвала живѣйшіе отклики.

А. И. Деникинъ прикоснулся къ отверстой, наболѣвшей ранѣ, но прикосновеніе его было цѣлительно и любовно. На глазахъ нѣкоторыхъ изъ присуствовавшихъ выступили слезы. Такъ хотѣлось вѣрить въ дѣйственность словъ ген. Деникина.

Конецъ обѣда былъ омраченъ выступленіемъ Н. Г. Левицкаго, приглашеннаго на обѣдъ въ качествѣ сотрудника Уваровскаго оффиціоза. Обращаясь къ присутствовавшему на обѣдѣ епископу Михаилу, Левицкій началъ свою рѣчь.

– Михаилъ тутъ говорилъ...

Затѣмъ, вложивъ въ уста владыки слова, которыхъ тотъ не произносилъ, Левицкій началъ доказывать отличіе Добровольческой арміи отъ полиціи. Послѣ этого выступленія присутствовавшихъ обошла записка съ приглашеніемъ закончить вербальную часть чествованія Командующаго Добровольческой арміей.

Въ тотъ же вечеръ ген. А. И. Деникинъ отбылъ изъ Ставрополя.

Къ пріѣзду ген. Деникина Ставропольскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ былъ составленъ докладъ по ряду вопросовъ «о пользахъ и нуждахъ», въ томъ числѣ: о поправкахъ къ городскому избирательному закону, о возстановленіи функцій административной юстиціи и судебной регистраціи товариществъ, обществъ и союзовъ, о смягченіи исключительныхъ условій военнаго времени и т. д.

Въ виду того, что посѣщеніе городской думы Командующимъ арміей не состоялось въ этотъ пріѣздъ и делегація думы аудіенціи по поводу этого доклада у ген. Деникина не имѣла, было испрошено разрѣшеніе Командующаго на представленіе этого доклада въ Екатеринодарѣ, куда нѣсколько позднѣе делегація городской думы и выѣхала.

Въ продолжительной бесѣдѣ съ делегатами, ген. Деникинъ согласился съ большинствомъ изъ тезисовъ представленнаго доклада и обѣщалъ принять мѣры къ скорѣйшему проведенію ихъ въ жизнь.

Кромѣ того, делегаціи было обѣщано освободить Ставрополь отъ ген. Уварова.

Это было незадолго до 25 сентября 1918 года, – даты смерти Верховнаго Руководителя Добровольческой Арміи М. В. Алексѣева*.

XXII.

Положеніе на фронтѣ. Нажимъ ген. Врангеля на красныхъ. Тревога въ Ставрополѣ. Заявленіе губернатора. Внезапная эвакуація города. Разговоръ съ П. В. Глазенапомъ. Разлука съ больной семьей. «Нѣсколько часовъ» полк. Глазенапа. На ст. Пелагіада. Бесѣда съ А. И. Деникинымъ. Разгаръ борьбы за обладаніе городомъ. Занятіе Ставрополя ген. Врангелемъ. Вѣсть о гибели семьи.

Отбросивъ красныхъ отъ Екатеринодара, главныя силы добровольцевъ продолжали тѣснить ихъ изъ Майкопскаго отдѣла и въ направленіи на югъ, вдоль линіи Владикавказской желѣзной дороги.

---

* Послѣ смерти Верховнаго Руководителя Добр. Арміи М. В. Алексѣева, ген. А. И. Деникинъ сталъ именоваться Главнокомандующимъ сначала Добр. арміей, а затѣмъ, послѣ соглашенія съ Донскимъ и Кубанскимъ атаманами, состоявшагося 26 декабря 1918 г., – Главнокомандующимъ вооруженными силами Юга Россіи.

Ставрополь охранялся сравнительно слабыми силами и судьба его зависѣла отъ направленія, которое изберутъ главныя силы красныхъ при ихъ отступленіи.

Въ началѣ сентября 1918 года, съ перемѣннымъ счастьемъ, шла борьба въ районѣ станицъ Петропавловской и Михайловской, гдѣ была сосредоточена группа красныхъ, численностью около 15,000 бойцовъ.

Противъ нихъ дѣйствовали — 1-ая конная дивизія ген. Врангеля, въ составѣ около 1,200 бойцовъ, и пѣхотныя дивизіи Казановича и Дроздовскаго, занимавшія районъ Армавира и линію желѣзнодорожной магистрали до станціи Овечка.

Въ первыхъ числахъ октября конницей ген. Врангеля были взяты станицы Урупская и Безскорбная и начались бои за переправу черезъ Урупъ.

Тѣмъ временемъ красные, заслонившись Урупомъ, наступали въ разрѣзъ между конницей и 1-ой пѣхотной дивизіей, тѣсня пѣхотныя части ген. Казановича съ юга на Армавиръ.

13 октября, форсировавъ Урупъ, конница ген. Врангеля обратила красныхъ въ бѣгство. Полчища ихъ откатились къ ст. Успенской на Кубань — въ районъ, гдѣ сближается магистральная желѣзнодорожная линія съ Армавиръ-Туапсинской линіей на Ставрополь.

Не ожидая форсированія ген. Врангелемъ Кубани, силы красныхъ, переправившись на правый берегъ, начали распространяться внизъ по теченію Кубани и желѣзнодорожной линіи на Ставрополь. Этимъ движеніемъ красныхъ силъ предрѣшена была участь Ставрополя*.

Въ субботу, 13 октября началась въ Ставрополѣ тревога. Собравшіеся на очередное думское засѣданіе гласные просили городского голову освѣдомиться у губернатора о положеніи на фронтѣ. Вернувшись отъ полк. Глазенапа, городской голова, открывая думское засѣданіе, заявилъ по порученію губернатора, что нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній для тревоги. Положеніе на фронтѣ вполнѣ устойчиво. Никакой угрозы городу со стороны красныхъ не намѣчается.

Уже слѣдующее утро опредѣлило цѣну этого заявленія губернатора, а кстати и цѣну, въ глазахъ этого администратора, тѣхъ послѣдствій внезапной эвакуаціи города, которыя стоили населенію неисчислимыхъ и частью невознаградимыхъ потерь**.

Вернувшись домой послѣ думскаго засѣданія, я провелъ часть ночи у постели жены и двухъ дочерей — малютокъ, находившихся въ разгарѣ скарлатины. Жена и младшая дочь метались и бредили, переживая кризисъ болѣзни, старшая была такъ слаба, что ей вспрыскивали камфору.

Смѣненный подъ утро, я едва успѣлъ въ кабинетѣ забыться сномъ, какъ раздался телефонный звонокъ. Городской голова меня спрашивалъ, принялъ ли я какія либо мѣры къ отъѣзду.

---

* Противникъ этого отступленія красныхъ силъ на Ставрополь, Сорокинъ, указывалъ, что Ставрополь можетъ явиться мѣшкомъ для Красной арміи, но онъ былъ отставленъ красными отъ командованія, заключенъ въ Ставропольскую тюрьму и въ ней погибъ, зарубленный красноармейцами. Впослѣдствіи, въ послѣднихъ числахъ октября 1918 г., ген. Врангель подтвердилъ реальность опасеній Сорокина — красные были окружены пѣхотными дивизіями ген. Боровскаго и Дроздовскаго со стороны линіи ж. д. Кавказская — Ставрополь, второю Кубанской дивизіей ген. Врангеля — со стороны Сенгилеевской и дивизіей ген Покровскаго — со стороны Темнолѣсской. Красныхъ спасъ прорывъ ими этого кольца въ ночь съ 30 на 31 октября въ секторѣ между пѣхотою ген. Боровскаго и конницей Улагая, что дало имъ возможность уйти въ направленіи на Петровское, Терновку и Благодатное, прикрываясь арьергардными боями.

** Главное Командованіе расцѣнивало, повидимому, П. В. Глазенапа, какъ администратора, иначе. Вскорѣ по возвращеніи въ разоренный Ставрополь, полк. Глазенапъ былъ пропзведенъ въ чинъ генералъ-маіора.

– Почему? – удивился я.

– Посмотрите на улицу!

Изъ окна моего кабинета видно было, какъ по панели улицы, въ однихъ халатахъ, не взирая на пронизывающій холодный вѣтеръ, тянулись изъ лазаретовъ больные и раненые, нѣкоторые на костыляхъ. Порою ихъ обгоняли разрозненныя группы пѣхотинцевъ и всадниковъ. Троттуары были забиты спѣшащими съ узелками горожанами...

Я бросился къ губернатору П. В. Глазенапу. Его конвой расположился у гостиницы «Россія», противъ зданія окружнаго суда. Губернаторъ стоялъ въ подъѣздѣ гостиницы.

– Что случилось? – спросилъ я.

– Мы эвакуируемъ городъ, – спокойно отвѣтилъ полк. Глазенапъ.

– Но позвольте, вѣдь еще вчера вы утверждали... Какъ же это произошло?

– Такъ и произошло, – улыбнулся губернаторъ.

– Какъ же быть съ учрежденіями, судомъ, дѣлами?

– Оставьте все на мѣстѣ. Мы поджидаемъ подхода резервовъ. А, впрочемъ, какъ хотите.

Помолчавъ, губернаторъ посовѣтовалъ все же выѣхать «на нѣсколько часовъ» изъ города, такъ какъ городскія улицы могутъ стать ареною боя.

Приглашенный къ больной семьѣ врачъ категорически высказался противъ возможности эвакуировать больныхъ, въ виду остро-заразнаго характера заболѣванія и неизбѣжности столь опасныхъ при скарлатинѣ простудныхъ осложненій и указалъ единственный выходъ – помѣстить больныхъ подъ чужою фамиліею въ городской больницѣ.

Очнувшіяся отъ забытья, понявъ происходящее, жена и дѣти смотрѣли испуганными, полными слезъ глазами, пытались, преодолѣвая слабость, подняться и одѣться и просили взять съ собою...

– Мнѣ совсѣмъ лучше, возьмите насъ съ собою, – протягивала ручонки семилѣтняя дочь Злата.

Черезъ два дня, 16 октября, когда красноармейцы ворвались въ городскую больницу, всѣхъ ихъ не стало. Объ этомъ я узналъ лишь двѣ недѣли спустя... Мѣсяцъ спустя, при вскрытіи ихъ могилы слѣдственною властью, ручонка Златы оказалась поднятою къ крышкѣ гроба.

. . . . . .

Заперевъ опустѣвшую квартиру, ничего не взявъ оттуда, – вѣдь всего на «нѣсколько часовъ» – припоминались мнѣ слова губернатора, – въ воскресенье, 14 октября, мы влились въ вереницу подводъ и пѣшеходовъ, послѣдними покидающихъ городъ.

Со мной рядомъ шелъ пожилой врачъ, несшій въ узелкѣ каравай хлѣба, картузъ табаку и медицинскіе инструменты, – это было все, что онъ успѣлъ захватить съ собою. Большинство идущихъ мужчинъ и ѣдущихъ дѣтей и женщинъ захватили съ собой не больше. Вѣдь, «всего на нѣсколько часовъ»...

За подъемомъ Монастырской горы, у воротъ Маріинскаго монастыря, часть бѣглецовъ остановилась, предполагая здѣсь остаться на ночлегъ, но проскакавшая группа всадниковъ посовѣтовала не задерживаться и спѣшить къ станціи Пелагіада, гдѣ подъ руководствомъ ген. Уварова заканчивается погрузка бѣглецовъ изъ Ставрополя.

Со станціи Пелагіада открывался видъ на сѣверные склоны города. Мысль, точно птица, вьющаяся вокругъ гнѣзда съ дѣтенышами, за склономъ горы указывала

путь къ родному дому и оттуда къ больницѣ, гдѣ оставленныя, безпомощныя близкія мечутся въ бреду. Къ чему погружаться въ вагоны, зачѣмъ уѣзжать такъ далеко? Вѣдь всего на «нѣсколько часовъ»...

Ночь перебыли въ 20 верстахъ отъ города, въ сел. Московскомъ. Какъ узнали потомъ, въ эту ночь въ другомъ подгородномъ селѣ Михайловскомъ красными былъ замученъ казанскій фабрикантъ Н. И. Алафузовъ, съ трудомъ вывезенный изъ города, больной угасающій старикъ.

На разсвѣтѣ 15 октября, поднятые тревогой, начали новое отступленіе до поселка Тищенскаго. Нѣсколько дней тамъ — и новый переходъ въ Кубанскую станицу Ново-Троицкую и оттуда черезъ день въ Ново-Александровскую.

«Нѣсколько часовъ» полковника Глазенапа растянулись въ длинныя, безпросвѣтныя недѣли...

Устроивъ двухъ старшихъ дѣтей, мать и сестру въ станицѣ Ново-Александровской, я воспользовался проѣздомъ завѣдующаго передвиженіемъ войскъ А. А. Колчинскаго, чтобы продвинуться ближе къ фронту.

Мы прибыли передъ вечеромъ на станцію Пелагіада, вблизи которой проходилъ фронтъ. Дулъ пронизывающій осенній вѣтеръ. У желѣзнодорожныхъ построекъ, поврежденныхъ снарядами, защищаясь отъ вѣтра, грѣлись добровольцы, получившіе передышку, — нѣкоторые безъ шинели. Недалеко, по склону горы, шла ружейная пальба, изъ окоповъ приходили перевязываться легко-раненые.

Здѣсь я узналъ о временномъ успѣхѣ добровольцевъ, ворвавшихся въ городъ, но скоро вытѣсненныхъ красными.

Неподалеку, — казалось, рукой подать, — высился выступъ Соборной горы, съ высокой стройной колокольней кафедральнаго собора, съ ползущей среди садовъ по крутому склону линіей домовъ. Виднѣлась часть бульвара, ведущаго къ пустынной теперь желѣзнодорожной станціи. Предвечерняя дымка, поднимаясь по склону, заволакивала такой близкій и вмѣстѣ съ тѣмъ далекій Ставрополь. Трескъ ружейной пальбы приближался. Съ наступленіемъ темноты поѣздъ «3» ушелъ обратно.

Въ одну изъ поѣздокъ на ст. Изобильную, гдѣ былъ расположенъ штабъ ген. Боровскаго, я имѣлъ случай бесѣдовать съ ген. Деникинымъ.

Послѣ продолжительнаго военнаго совѣщанія въ штабѣ пѣхотной 2-й дивизіи, генералъ вышелъ около полуночи въ комнату, гдѣ я ожидалъ конца совѣщанія. Я доложилъ генералу о тяжеломъ положеніи Ставропольскихъ бѣженцевъ, такъ внезапно оставившихъ свои дома, о лишеніяхъ, переносимыхъ ими, напомнилъ, какъ населеніе Ставрополя вѣрило въ Добрармію.

— Что жъ дѣлать, — тихо отвѣтилъ генералъ, — военное счастье измѣнчиво, и дни неудачъ бьютъ и армію, и мирное населеніе... Если бы вы знали, какъ тяжела борьба, какъ много жертвъ несетъ армія.

Въ концѣ бесѣды, ген. Деникинъ предложилъ мнѣ выѣхать съ нимъ на станцію Кавказскую, гдѣ формировался бѣженскій комитетъ Ставропольцевъ.

Между тѣмъ медленная упорная борьба вокругъ Ставрополя только разгоралась.

Добровольческія части стягивали кольцо вокругъ Ставрополя, намѣреваясь покончить съ тридцатитысячной арміей красныхъ однимъ ударомъ.

30 октября части конной дивизіи ген. Врангеля подошли къ Ставрополю. На разсвѣтѣ 31 октября, ген. Врангель атаковалъ красныхъ, наступавшихъ противъ пѣхотной дивизіи ген. Боровскаго. Въ этотъ день ген. Бабіевъ ворвался въ городъ и захватилъ желѣзнодорожный вокзалъ. Весь день 1 ноября и въ продолженіи ночи шли бои съ перемѣннымъ счастіемъ, переходя въ уличный бой. Утромъ 2 ноября

началась аттака казаками города съ юга и лишь къ вечеру, послѣ безпрерывнаго боя, Ставрополь вновь былъ въ рукахъ добровольцевъ*.

Вечеромъ 1 ноября, губернаторъ П. В. Глазенапъ на ст. Радзвяной получилъ приказъ Командующаго выступить къ Ставрополю походнымъ порядкомъ со своимъ штабомъ и государственной стражей, а 3 ноября въ городъ прибылъ со своимъ штабомъ ген. Деникинъ.

Добровольческія части преслѣдовали въ это время красныхъ, отступившихъ, послѣ прорыва добровольческаго кольца, вдоль линіи желѣзной дороги на Петровское.

* * *

Почти передъ моимъ выѣздомъ въ Ставрополь, ко мнѣ подошелъ на станціи Кавказской товарищъ предсѣдателя Ставропольской думы Е. Г. М-овъ.

— Неужто все это правда? — спросилъ онъ меня.

— О чемъ вы? — невольно вздрогнулъ я.

— Такъ вы еще ничего не знаете... Тогда простите...

Немного спустя мнѣ сообщили свѣдѣнія о гибели моей семьи, разгромѣ и пожарѣ въ моей квартирѣ.

XXIII.

Ставропольскій фронтъ. «Диктатура» г. г. комендантовъ. «Пой, Боже Царя храни!» Приказъ о поклонахъ. Порка по передовѣрію. «Мало васъ рѣзали». Въ контръ-развѣдкахъ. «Право офицерское».

Со второй половины октября 1918 года Ставропольская губернія, черезъ которую съ Сѣвернаго Кавказа откатывались силы красныхъ, на нѣсколько мѣсяцевъ стала ареною главной борьбы добровольческихъ и красныхъ силъ.

Съ 14 октября по ноябрь шла борьба вокругъ Ставрополя. Въ первой половинѣ ноября развивались упорные бои за обладаніе Константиновскимъ и Петровскимъ, въ районъ которыхъ откатились изъ подъ Ставрополя красные, пока 15 ноября они не были разбиты и обращены въ бѣгство Улагаемъ.

Въ двадцатыхъ числахъ ноября красные бросились на отрядъ ген. Станкевича, занимавшій Приманычскій уголъ губерніи, но угрожаемые конницей ген. Врангеля, затѣмъ метнулись на армейскій корпусъ ген. Казановича въ районѣ подступовъ къ уѣздному селу Благодарному.

Здѣсь, 22 декабря, въ районѣ селъ Шишкино и Медвѣдки при участіи войскъ ген. Врангеля разыгрался большой бой, ходъ котораго наблюдали съ возвышенности ген. Деникинъ и прибывшая съ нимъ союзническая миссія съ ген. Пулемъ во главѣ.

Разбитые въ вечеръ этого дня красные были отброшены къ сел. Благодарному, а оттуда къ городу Святого Креста, гдѣ Улагай захватилъ большую военную добычу.

Въ началѣ января 1919 года красные были оттѣснены къ начальному пункту Прикумской жел. дор., окружены въ Георгіевскѣ, разбиты и, оставивъ богатую добычу, бросились къ Каспійскому морю, гонимые конницей ген. Покровскаго.

Во второй половинѣ января 1919 года XI красная армія растаяла, отдавъ добровольцамъ огромные обозы, бронепоѣзда, орудія, пулеметы и свыше 30,000 плѣнныхъ.

---

* Въ воспомпнаніяхъ К. Н. Соколова «Правленіе ген. Деникина» указывается, что уже 1 ноября на засѣданіи Кубанской рады ген. Деникинымъ была оглашена телеграмма о взятіи Ставрополя. Повидимому, это телеграфное сообщеніе имѣло въ виду захватъ Ставрополя ген. Бабіевымъ 31 октября.

На короткое время Манычская операція затронула юго-восточный уголъ губерніи, но уже черезъ нѣсколько дней, въ первыхъ числахъ мая, фронтъ передвинулся въ область Войска Донского и затѣмъ далеко и надолго отодвинулся въ сѣверномъ направленіи.

Такимъ образомъ, въ январѣ 1919 года, можно считать фронтъ военныхъ дѣйствій ушедшимъ изъ предѣловъ Ставропольской губерніи и, въ мѣру его отдаленія, населеніе вправѣ было ожидать смягченія той диктатуры, которая въ верхахъ теоретически мыслилась полнотой власти Главнокомандующаго, а на мѣстахъ претворялась въ произволъ людей, имѣющихъ на плечахъ военные погоны, какой бы малый чинъ на этихъ погонахъ ни былъ обозначенъ.

Я приведу нѣсколько примѣровъ проявленія этой мѣстной «диктатуры».

Въ Николинъ день, 6 декабря 1918 года, Ставропольскій комендантъ полк. Архиповъ, по совѣту одного изъ своихъ сотрапезниковъ, послалъ солдатъ за гласнымъ мѣстной городской думы М., принадлежавшимъ къ лѣвому крылу эсэровской партіи.

Когда М. прибылъ въ помѣщеніе комендатуры и спросилъ о причинахъ его вызова, полк. Архиповъ приказалъ ему:

— Пой «Боже, Царя храни», такой-сякой!

— Неужто вы меня, полковникъ, только для этого и вызывали?

— Да ты еще разговаривать? Всыпать ему!

Къ приходу М. уже были заготовлены шомпола и мокрые мѣшки. По приказанію коменданта солдаты схватили М. и надругались надъ нимъ въ присутствіи находившихся здѣсь же сотрапезниковъ коменданта.

— Теперь Вы свободны, — объявилъ комендантъ гласному М. по окончаніи экзекуціи.

Это происходило въ центрѣ губернскаго города, противъ зданія окружнаго суда.

Послѣ того, какъ вокругъ этого дѣла была поднята буча, въ Ставрополь для производства слѣдствія прибылъ военный слѣдователь г. Мирославскій, очень холодно, какъ онъ разсказывалъ мнѣ, принятый военнымъ губернаторомъ П. В. Глазенапомъ.

Приговоренный военнымъ судомъ* къ семидневному, кажется, домашнему аресту, полк. Архиповъ вернулся къ своей прежней должности, а затѣмъ былъ назначенъ начальникомъ государственной стражи Больше-Дербетовскаго улуса.

Въ селѣ Лѣтницкомъ, Медвѣженскаго уѣзда, мѣстный комендантъ вызвалъ къ себѣ одного изъ мѣстныхъ жителей и между ними произошелъ слѣдующій діалогъ:

— Ты судился съ такимъ-то?

— Судился.

— Сколько тебѣ присудилъ мировой?

— Двѣнадцать сотенъ.

— Всыпать ему по одной за каждую сотню.

Когда истцу всыпали, комендантъ проводилъ его словами:

— Передай мировому, что и ему то же будетъ, если онъ будетъ обижать моихъ знакомыхъ.

Въ селѣ Ладовско-Балковскомъ мѣстный комендантъ издалъ приказъ, чтобы мужчины при встрѣчѣ съ нимъ останавливались и кланялись, снимая головной уборъ, а женщины привѣтствовали бы его пояснымъ поклономъ, сложивъ руки на животѣ.

Какъ видите, даже это было предусмотрѣно.

---

* Защитникомъ полк. Архипова на судѣ выступалъ членъ Госуд. Думы Замысловскій.

Черезъ нѣкоторое время въ отдѣлъ пропаганды явилась рыдающая сельская учительница и разсказала, что комендантъ приказалъ ее выпороть за неисполненіе приказа.

Въ подгородномъ селѣ Кугультѣ, мѣстный комендантъ Л. передовѣрилъ свои права матушкѣ, и урядникъ Гладковъ поролъ бабъ по приказу послѣдней среди бѣлаго дня у волостного правленія.

Хуже всего было то, что случаи эти превращались въ бытовое явленіе, и притомъ явленіе или безнаказанное, или во всякомъ случаѣ не влекущее за собой устраненія отъ дальнѣйшей дѣятельности такого администратора.

Бороться съ этой разнузданностью было очень трудно цивильнымъ людямъ, да и не всякій рисковалъ на эту борьбу, зная, какая бѣшеная аттака поднималась противъ жалобщика или должностного лица, принявшаго жалобу, по обвиненію ихъ и въ большевизмѣ, и въ содѣйствіи краснымъ, а иногда просто въ сожительствѣ съ... красноармейкой*.

Обычнымъ отвѣтомъ ген. Уварова, когда къ нему обращались съ жалобами на случаи произвола и обидъ, была стереотипная фраза:

— Мало васъ еще большевики рѣзали! Погодите, вотъ мы уйдемъ, такъ васъ дорѣжутъ!

На одну изъ жалобъ городского головы о невѣроятныхъ «реквизиціяхъ» на окраинахъ города, военный губернаторъ П. В. Глазенапъ отвѣтилъ:

— А я нахожу это справедливымъ. Раньше они грабили, теперь пусть ихъ ограбятъ...

Я намѣренно пока не касался дѣятельности полевыхъ судовъ, военно и судебно-слѣдственныхъ комиссій и контръ-развѣдокъ, ибо отъ насъ, цивильныхъ людей, учрежденія эти были отгорожены высокими стѣнами.

Помню только, какъ при первомъ же посѣщеніи офицерской контръ-развѣдки, на Барятинской ул., я былъ пораженъ криками и стонами, исходившими откуда-то снизу.

— Это пьяныхъ вытрезвляютъ, — пояснилъ мнѣ начальникъ развѣдки.

— А развѣ и это входитъ въ кругъ вашихъ обязанностей? — спросилъ я.

Это была контръ-развѣдка вспомогательная, временная. Другая, постоянная, помѣщалась въ барскомъ особнякѣ Европейскаго переулка, а затѣмъ перешла подъ одну крышу съ синагогой.

Въ числѣ сотрудниковъ-добровольцевъ этого учрежденія состояли бывшій предсѣдатель союза русскаго народа В. А. Соколовъ (о преступной дѣятельности котораго въ партизанскомъ отрядѣ «имени Ставропольскаго военнаго губернатора» докладывалъ мнѣ судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ) и недавно передъ этимъ отбывшій наказаніе за подлоги и растраты подпольный ходатай Сопневъ.

Въ связи съ дѣятельностью этого учрежденія припоминаю одинъ случай убійства, когда виновныхъ обнаружено не было.

Въ ноябрѣ 1918 года, вскорѣ послѣ очищенія Ставрополя отъ красныхъ, къ Н. А. Косенкову, мѣстному хлѣботорговцу, бывшему гласному думы, вечеромъ, явились военныя лица, назвавшія себя чинами контръ-развѣдки, и потребовали немедленной явки Косенкова въ помѣщеніе развѣдки. На утро трупъ Н. А. Косенкова былъ обнаруженъ на площади Верхняго Базара.

---

* Такой запросъ поступилъ ко мнѣ изъ Управленія Юстиціи по поводу одного изъ моихъ товарищей прокурора.

Какъ претворялась эта мѣстная «диктатура» въ пониманіи мѣстнаго населенія?

Въ одну изъ моихъ служебныхъ поѣздокъ ко мнѣ обернулся съ облучка ямщикъ и, вглядываясь въ меня, задалъ вопросъ:

— А что, баринъ, вы не изъ судейскихъ?

— Изъ судейскихъ. А что?

— Да вотъ у насъ тутъ одно дѣло случилось. Сказать прямо — пьяные офицеры брата до смерти убили.

— Какъ убили?

— Да такъ, — заругались да и убили. Такъ вотъ хотѣлъ я васъ спросить, есть такія права, чтобы жаловаться?

— Конечно. Заявите слѣдователю или прокурору, а хотите, я приму отъ васъ заявленіе.

— Вишь ты, какое дѣло! А старики порѣшили не жаловаться, потому, говорятъ, теперь право офицерское...

XXIV.

Въ ожиданіи перелома. Особое Совѣщаніе. Актъ о подчиненіи адмиралу Колчаку. Адресъ объединенія организацій. «Потерпите немного». Военная іерархія. Партизанскіе отряды имени Ставропольскаго военнаго губернатора. Страничка военнаго эпоса этихъ отрядовъ. «Дѣлу этому не бывать».

Весна и лѣто 1919 года были мѣсяцами развертыванія силъ юга Россіи на фронтахъ военномъ и гражданскомъ.

Военные успѣхи арміи перенесли линію фронта далеко на сѣверъ и западъ и для значительной части территоріи, освободившейся отъ боевого хаоса, казалось бы, наступило время водворенія порядка и осуществленія обѣщаній, провозглашавшихся Главнымъ Командованіемъ.

При Главнокомандующемъ Вооруженными Силами Юга Россіи развивало дѣятельность Особое Совѣщаніе, въ составъ котораго разновременно входили: ген. Драгомировъ, ген. Лукомскій, ген. Романовскій, ген. Санниковъ, ген. Тихменевъ, Н. И. Астровъ, М. М. Федоровъ, В. В. Шульгинъ, М. В. Бернацкій, Э. П. Шуберскій, І. А. Гейманъ, А. А. Нератовъ, В. Н. Челищевъ, Н. Н. Чебышевъ, В. А. Степановъ, К. Н. Соколовъ, Н. Е. Парамоновъ, С. В. Безобразовъ, А. А. Лодыженскій, С. Н. Масловъ, В. П. Носовичъ, И. П. Шиповъ.

Центральныя управленія вѣдомствъ изъ скромныхъ отдѣловъ развернулись въ подлинныя министерства.

Иностранными сношеніями вѣдалъ А. А. Нератовъ. Во главѣ управленія финансовъ стоялъ М. В. Бернацкій, на котораго возлагались большія надежды въ смыслѣ упорядоченія финансовой системы. Начальникомъ управленія юстиціи былъ назначенъ испытанный судебный дѣятель, бывшій предсѣдатель московскаго съѣзда мировыхъ судей, а затѣмъ судебной палаты, В. Н. Челищевъ. Вѣдомство внутреннихъ дѣлъ было ввѣрено бывшему прокурору Московской судебной палаты Н. Н. Чебышеву, а затѣмъ оберъ-прокурору уголовнаго департамента В. П. Носовичу, пользовавшемуся въ былыя времена репутаціей непоколебимаго законника и недремлющаго ока.

Узаконенія и распоряженія центральной власти, получая починъ въ вѣдомствахъ, проходили путь обсужденія въ Особомъ Совѣщаніи и облекались отдѣломъ законовъ въ форму, выгодно отличающую ихъ отъ недавнихъ законодательныхъ «экспромптовъ» властей самаго разнообразнаго калибра и интеллекта.

6 марта 1919 года были учреждены временныя положенія: о гражданскомъ управленіи, объ общественномъ управленіи городовъ, о выборахъ городскихъ гласныхъ. Нѣсколько позднѣе положенія: о государственной стражѣ, о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ и, наконецъ, о волостномъ земствѣ.

Казалось, съ внѣшней стороны бурная рѣка жизни начала вливаться въ мирное русло эволюціи.

30 мая 1919 года получилъ силу слѣдующій актъ ген. А. И. Деникина:

«Безмѣрными подвигами Добровольческихъ Армій, Кубанскихъ, Донскихъ и Терскихъ казаковъ и горскихъ народовъ освобожденъ югъ Россіи, и русскія арміи неудержимо движутся къ сердцу Россіи.

Съ замираніемъ сердца весь русскій народъ слѣдитъ за успѣхами русскихъ армій, съ вѣрой, надеждой и любовью.

Но наряду съ боевыми успѣхами въ глубокомъ тылу зрѣетъ предательство на почвѣ личныхъ честолюбій, не останавливающихся передъ расчлененіемъ Великой, Единой Россіи.

Спасеніе нашей Родины заключается въ Единой Верховной Власти и нераздѣльномъ съ нею единомъ Верховномъ Командованіи.

Исходя изъ этого глубокаго убѣжденія, отдавая свою жизнь служенію горячо любимой родины и ставя превыше всего ея счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку, какъ Верховному Правителю Русскаго Государства и Верховному Главнокомандующему Русскихъ Армій.

Да благословитъ Господь его крестный путь и даруетъ спасеніе Россіи. Генералъ-Лейтенантъ ДЕНИКИНЪ».

Послѣ опубликованія этого рыцарски-необходимаго* акта Главнокомандующему была представлена, за подписями предсѣдателя Національнаго Центра М. М. Федорова, предсѣдателя Совѣта Государственнаго объединенія Россіи А. В. Кривошеина и предсѣдателя Союза Возрожденія В. А. Мякотина, слѣдующая резолюція, принятая на объединенномъ засѣданіи этихъ организацій:

«Пятаго іюня, собравшись въ торжественномъ, объединенномъ засѣданіи, значительнѣйшія русскія политическія организаціи: союзъ Возрожденія Россіи, Совѣтъ Государственнаго Объединенія Россіи и Всероссійскій Національный Центръ засвидѣтельствовали общее согласіе взглядовъ и полное единодушіе въ высокой оцѣнкѣ историческаго акта, изданнаго генераломъ Деникинымъ 30 сего мая.

Названныя организаціи, объединяющія въ своемъ составѣ представителей самыхъ различныхъ партій и группъ и имѣющія свои развѣтвленія по всей странѣ, сомкнутымъ національнымъ фронтомъ встрѣчаютъ радостную и волнующую вѣсть о воскрешеніи Русскаго Государства, какъ Единаго Цѣлаго.

Видя въ этомъ событіи залогъ дальнѣйшаго исцѣленія, возрожденія и преуспѣянія Россіи, русскія политическія организаціи привѣтствуютъ генерала Деникина, въ самозабвенномъ подвигѣ служенія Россіи неуклонно сохранившаго идею единства Россіи и провозгласившаго Ея объединеніе подъ властью Верховнаго Правителя.

Политическія организаціи, собравшіяся въ настоящемъ засѣданіи, выражаютъ твердую увѣренность, что Верховный Правитель Россіи, торжественно возвѣстившій о своемъ обязательствѣ довести страну до Учредительнаго Собранія, имѣющаго заложить основы новой жизни согласно волѣ народа, будетъ привѣтствованъ широкими народ-

---

* Слѣдуетъ отмѣтить, что Главное Командованіе Юга Россіи въ этотъ моментъ было въ апогеѣ военныхъ успѣховъ своихъ армій.

ными массами какъ избавитель отъ тиранiи большевиковъ и глава объединенной Россiи, Всероссiйское же Правительство, возглавляемое адмиралъмъ Колчакомъ, получитъ санкцiю международнаго признанiя.

Да здравствуетъ воскресшая Россiя! Да здравствуетъ Единое Русское Государство и его доблестные вожди, адмиралъ Колчакъ и генералъ Деникинъ, взявшiе на себя подвигъ возрожденiя Россiи къ новой свободной жизни».

На мѣстахъ и въ частности въ Ставропольской губернiи не менѣе восторженно былъ встрѣченъ этотъ актъ главнаго Командованiя, окрылявшiй надежду, что приближается на смѣну царившему хаосу какая-то новая грань бытiя.

— Потерпите немного, — нѣсколько ранѣе говорилъ мнѣ вліятельный членъ Особаго Совѣщанiя Н. И. Астровъ въ отвѣтъ на мою информацiю, что творится въ Ставропольской губернiи.

— Потерпите немного, скоро все наладится, все образуется...

Но терпѣть Ставропольской губернiи, неповинной въ «предательствѣ на почвѣ личныхъ честолюбiй», чуждой какихъ бы то ни было самостiйныхъ стремленiй, — пришлось очень долго.

Позднѣе, — уже осенью 1919 года, Н. И. Астровъ, характеризируя соотношенiе центра и мѣстъ, принужденъ былъ признать центръ работающимъ безъ приводныхъ ремней. Власть, поставленная центромъ на мѣста, была «самостiйна» въ своихъ увлеченiяхъ, злоупотребленiяхъ и порой — преступленiяхъ.

И въ этомъ отношенiи Ставропольская губернiя, первозванная, какъ я уже говорилъ, подъ правовую защиту Добрармiи, являла собою наглядный примѣръ.

Въ первые мѣсяцы 1919 года въ Ставрiи, какъ тогда называли губернiю, продолжалъ губернаторствовать П. В. Глазенапъ, произведенный въ генеральскiй чинъ послѣ возвращенiя въ Ставрополь.

Правильнѣе было бы сказать, не «губернаторствовалъ», а «командовалъ» губернiей, ибо вся iерархическая лѣстница мѣстной администрацiи была выстроена изъ военныхъ чиновъ.

Начальниками уѣздовъ назначались офицеры, во главѣ гос. стражи стояли также офицеры, въ губернiи дѣйствовали военно-слѣдственныя комиссiи* и полевые суды, дѣятельность которыхъ объединялась въ лицѣ завѣдующаго судной частью при губернаторѣ.

Въ каждомъ населенномъ пунктѣ диктаторствовали военные коменданты, примѣры дѣятельности которыхъ я уже приводилъ выше.

Но ген. Глазенапу казалось и этого мало. Съ его согласiя были сорганизованы особые партизанскiе отряды «имени Ставропольскаго губернатора», слывшiе въ населенiи подъ именемъ «таврiчанскихъ» отрядовъ.

Исторiя возникновенiя этихъ отрядовъ, насколько мнѣ удалось выяснить впослѣдствiи, такова.

Союзъ Ставропольскихъ «землеробовъ», въ которомъ значительную роль игралъ бывшiй предсѣдатель союза русскаго народа, а позднѣе членъ-iниціаторъ коммунхоза въ селенiи Орѣховскомъ, овцеводъ В. А. Соколовъ, обратился къ Главному Командованiю съ предложенiемъ организовать изъ надежнаго зажиточнаго элемента мѣстные отряды, которые могли бы быть противопоставлены въ силу своего «классоваго самосознанiя» большевистскимъ «рабоче-крестьянскимъ» отрядамъ.

Предложенiе это Главнымъ Командованiемъ было отвергнуто, но Ставропольскимъ Командованiемъ, въ лицѣ П. В. Глазенапа, принято.

* Позднѣе онѣ были переименованы въ судебно-слѣдственныя комиссiи.

Отряды сорганизовались и начали развивать свою дѣятельность въ губерніи. Каковъ былъ ихъ составъ?

Не берусь ставить всѣхъ за одную общую скобку, но, повидимому, къ одному изъ дѣйствующихъ лицъ этихъ отрядовъ относятся слѣдующія слова ген. А. И. Деникина:

— «Одинъ оказался пьяницей и садистомъ и, будучи исключенъ изъ арміи, впослѣдствіи подобралъ шайку, нанялся къ ставропольскимъ овцеводамъ и терроризировалъ населеніе, пока не былъ преданъ суду*».

«Подобралъ шайку»... но вѣдь «шайка»-то эта дѣйствовала съ вѣдома Ставропольскаго губернатора!

Каковы были результаты дѣятельности этихъ отрядовъ и имъ подобныхъ въ другихъ мѣстахъ? Отвѣтъ на это находимъ въ слѣдующихъ строкахъ приказа ген. Деникина отъ 6 іюня 1919 года:

«Крупные успѣхи арміи на фронтѣ омрачились донесеніями, что крестьяне, освобожденныхъ отъ большевиковъ районовъ, начинаютъ измѣнять свое первоначальное отношеніе къ арміи вслѣдствіе того, что во многихъ мѣстахъ началось при помощи войскъ возстановленіе въ правахъ помѣщиковъ».

Телеграмма ген. Деникина на имя командующихъ арміями отъ 9 іюня 1919 года говоритъ о подобномъ проявленіи «военно-классоваго самосознанія» еще болѣе опредѣленно.

«По дошедшимъ свѣдѣніямъ, вслѣдъ за войсками, при наступленіи въ очищенныя отъ большевиковъ мѣста, являются владѣльцы, насильственно возстанавливающіе, нерѣдко при прямой поддержкѣ воинскихъ командъ, свои нарушенныя въ разное время права, прибѣгая при этомъ къ дѣйствіямъ, имѣющимъ характеръ сведенія личныхъ счетовъ и мести.

При томъ смятеніи и путаницѣ, которыя внесены въ жизнь гражданской войной и большевистскимъ владычествомъ, при полномъ разрушеніи судебнаго и административныхъ аппаратовъ, воинскія части не могутъ принимать на себя обязанности разбираться съ должными гарантіями справедливости въ спорныхъ правовыхъ взаимоотношеніяхъ.

Власти обязаны въ переходное время, впредь до установленія законнаго порядка, предупреждать всякіе новые очевидные захваты правъ, не разрѣшая прежнихъ споровъ и не допуская насилія съ чьей бы то ни было стороны и во имя чего бы оно ни дѣлалось.

Урегулированіе этого вопроса принадлежитъ законодательной власти. Насильниковъ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, буду привлекать къ суду. Всякія направленныя къ тому самочинныя, путемъ насилія, дѣйствія отдѣльныхъ лицъ и группъ должны пресѣкаться самымъ настойчивымъ образомъ.

Иначе порядку не скоро суждено возстановиться; взаимное ожесточеніе будетъ расти, авторитетъ и популярность арміи — падать; вмѣсто одного насилія появится другое; населеніе не будетъ видѣть въ войскахъ Добровольческой Арміи избавителей отъ произвола, а пристрастныхъ заступниковъ за интересы одного класса въ ущербъ другимъ».

Когда я, послѣ ликвидаціи Ставропольскаго кассаціоннаго суда, вернулся вновь къ обязанностямъ прокурора, до меня стали доходить свѣдѣнія о такого рода дѣйствіяхъ партизанскихъ отрядовъ, что я поставленъ былъ въ необходимость задать однажды губернатору Глазенапу вопросъ:

---

* Ген. А. И. Деникинъ. «Очерки русской смуты». Т. II, стр. 204.

— Извѣстно ли Вамъ, Петръ Владимировичъ, о дѣйствіяхъ въ губерніи шаекъ, присвоившихъ себѣ названіе «партизанскихъ отрядовъ», имени Ставропольскаго военнаго губернатора Глазенапа»?

— Почему же «присвоившихъ», — спокойно отвѣтилъ мнѣ ген. Глазенапъ, — это и есть отряды моего имени.

— Въ такомъ случаѣ долженъ поставить васъ въ извѣстность, что мною сдѣлано предложеніе о возбужденіи предварительнаго слѣдствія по одному изъ дѣлъ такого отряда.

— Этому дѣлу не бывать, — пристально взглянувъ на меня, отвѣтилъ ген. Глазенапъ.

Въ виду того, что дѣло начиналось при такихъ «ауспиціяхъ», я подробно доложилъ объ этомъ прокурору палаты Н. С. Ермоленко, и онъ обѣщалъ мнѣ полное содѣйствіе по охранѣ слѣдствія отъ могущаго послѣдовать со стороны военныхъ властей натиска, въ связи съ возбужденіемъ этого дѣла.

Выдающійся слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ Ставропольскаго суда, В. Н. Яроцкій, «закопался» на нѣсколько недѣль въ губернію и, вернувшись, вручилъ мнѣ нѣсколько томовъ производства по дѣлу «объ убійствѣ бр. Макаровыхъ*», сдѣлавъ при этомъ докладъ, подтвердившій правильность моего наименованія этихъ отрядовъ предъ губернаторомъ П. В. Глазенапомъ.

«Информаторомъ» — одного изъ отрядовъ состоялъ В. Н. Соколовъ, о которомъ я уже говорилъ, какъ объ организаторѣ въ болѣе раннія времена Союза русскаго народа въ Ставрополѣ, а въ болѣе поздніе — коммунхоза въ селѣ Орѣховскомъ.

Онъ же состоялъ и «интендантомъ» по «сбору» у населенія фуража и иного довольствія для нуждъ отряда. Онъ же поставлялъ въ контръ-развѣдку на расправу своихъ недавнихъ товарищей по коммунхозу.

В. Н. Яроцкій, въ числѣ другихъ иллюстрацій, привелъ мнѣ такую картинку партизанскихъ дѣйствій «по сбору фуража и иного довольствія».

Къ Ставрополю медленно тянется большой обозъ, везущій шерсть** въ городскіе склады.

Внезапно и почти одновременно, на обозъ нападаютъ двѣ вооруженныхъ группы и открываютъ споръ, какая изъ этихъ группъ первая захватила этотъ «военный призъ».

Споръ разгорается и принимаетъ настолько острый характеръ, что единственнымъ выходомъ изъ положенія является формальное объявленіе войны. Обѣ «арміи» разсыпаются цѣпями и открываютъ одна противъ другой, выражаясь языкомъ военныхъ реляцій, бѣглый огонь, а обозчики, повидимому привыкшіе къ положенію подобнаго рода внезапностей, мирно щелкая подсолнухи, наблюдаютъ съ ближайшаго пригорка, оружіе какого изъ «партизанскихъ отрядовъ имени Ставропольскаго губернатора» увѣнчаетъ судьба успѣхомъ.

Не успѣлъ я ознакомиться подробно съ производствомъ, какъ послѣдовало предписаніе представить дѣло «объ убійствѣ бр. Макаровыхъ» въ Управленіе Юстиціи для обозрѣнія, и, пока я оставался прокуроромъ, дѣло это обратно въ мою камеру не вернулось.

---

* Дѣло было такъ названо, во избѣжаніе преждевременной огласки.

** Слѣдуетъ отмѣтить, что Ставропольская губернія являлась значительнымъ поставщикомъ на шерстяной рынокъ мериносовой шерсти.

XXV.

Продолженіе распада на мѣстахъ. Губернаторъ ген. А. М. Валуевъ. Особый агитаціонный отрядъ и общества «За Россію». «Дикая дивизія» въ Святокрестовскомъ уѣздѣ. Власть въ с. Благодарномъ. Медвѣженская полиція. Мѣста заключенія. Восьмилѣтній каторжанинъ. По подозрѣнію въ родствѣ съ Троцкимъ. Тифъ. Мѣры ген. Валуева.

По соглашенію съ прокуроромъ палаты было установлено, что мои участковые товарищи прокурора возможно чаще будутъ объѣзжать свои районы и представлять мнѣ доклады о положеніи на мѣстахъ, я же періодически, въ свою очередь, буду представлять сводку этихъ свѣдѣній прокурору палаты.

Ген.-лейт. А. М. Валуевъ, замѣнившій къ тому времени ген.-майора П. В. Глазенапа на посту Ставропольскаго губернатора, былъ вполнѣ лойяленъ къ дѣйствіямъ прокурорскаго надзора, не ставилъ никакихъ препятствій къ раскрытію во всей полнотѣ существующаго на мѣстахъ административнаго распада и неукоснительно присылалъ мнѣ на распоряженіе накоплявшіеся у него матеріалы по жалобамъ на должностныя злоупотребленія.

Въ связи съ административнымъ неблагополучіемъ, въ Ставропольскую губернію былъ командированъ особый агитаціонный отрядъ, на обязанности котораго лежала пропаганда и закрѣпленіе въ сознаніи населенія подлинныхъ идей Главнаго Командованія, не омраченныхъ мѣстной диктатурой.

По мысли С. Н. Сирина, стоявшаго во главѣ отряда, на территоріи губерніи возникла сѣть аполитическихъ организацій, именовавшихся обществами «За Россію», лойяльныхъ по отношенію къ власти, ставившихъ своей задачей содѣйствіе власти по укорененію на мѣстахъ правовыхъ началъ.

Связанный непрерывнымъ общеніемъ со многими десятками открывшихся въ губерніи обществъ «За Россію», С. Н. Сиринъ сообщалъ власти и мнѣ, какъ прокурору, обо всѣхъ извѣстныхъ ему случаяхъ должностныхъ преступленій и злоупотребленій и въ значительной степени содѣйствовалъ подзаконной борьбѣ съ этими явленіями.

Первая же сводка докладовъ моихъ участковыхъ товарищей и матеріаловъ по имѣвшимся у меня свѣдѣніямъ и жалобамъ дала удручающую картину разложенія власти на мѣстахъ.

Въ Святокрестовскомъ уѣздѣ безнаказанно буйствовала «дикая дивизія», способствуя превращенію лойяльныхъ до того времени крестьянъ въ «зеленыхъ камышанниковъ».

Въ одномъ мѣстѣ чины этой дивизіи, ворвавшись въ больницу, оставили послѣ себя нѣсколько десятковъ труповъ. Зарегистрированы были случаи повѣшенія «для острастки» первыхъ же встрѣчныхъ на улицѣ. Со всѣхъ сторонъ шли жалобы на угонъ чинами дивизіи рабочаго скота и лошадей прямо съ полей, гдѣ производились работы*.

Во главѣ уѣзда стоялъ полк. Л., признававшійся начальнику особаго агитаціоннаго отряда, что онъ не сторонникъ судебнаго преслѣдованія преступниковъ и предпочитаетъ вмѣсто этой «волокиты» просто «ликвидировать» преступниковъ на мѣстѣ.

---

* Донесенія агитаціоннаго отряда въ значительной мѣрѣ способствовали переводу «дикой дивизіи» изъ Святокрестовской территоріи, чаша терпѣнія которой переполнилась отъ этого буйства.

Въ селѣ Благодарномъ, уѣздномъ центрѣ обширной территоріи, власть начальника уѣзда полк. Ч. была на откупу у какой-то полуграмотной женщины и буфетчика уѣзднаго притона З., открыто торговавшаго у буфетной стойки и напитками, и благоволеніемъ уѣзднаго начальства.

Рѣдкій день я не подписывалъ предложеній о возбужденіи, въ порядкѣ закона отъ 11 апрѣля 1917 года, преслѣдованія противъ чиновъ государственной стражи по Медвѣженскому уѣзду, притомъ въ такихъ преступленіяхъ, которыя влекли за собою безусловное содержаніе подъ стражей.

Мѣста заключенія, въ которыхъ не утихали эпидеміи тифовъ, были переполнены сверхъ мѣры подслѣдственными развѣдокъ и комиссій, заставлявшихъ по нѣсколько мѣсяцевъ ожидать первоначальнаго допроса. При обходѣ мною мѣстъ заключенія въ Ставрополѣ обнаружился такой, напримѣръ, своеобразный титулъ содержанія подъ стражей: «препровождается неизвѣстный для содержанія подъ стражей впредь до особаго распоряженія, арестованный мною на ст. Гулькевичи». Подпись — поручикъ такого-то полка. Арестованный дѣлалъ все зависящее, чтобы выйти изъ положенія «неизвѣстности», опровергая свою безликость имѣющимися у него документами, но проѣхавшій станцію Гулькевичи поручикъ, повидимому, давно забылъ объ обѣщанномъ имъ «особомъ распоряженіи» и этимъ обрекъ его пребывать въ состояніи «неизвѣстности», и подъ стражей многіе мѣсяцы*.

Въ помѣщеніи каторжанъ я обнаружилъ восьмилѣтняго мальчика, приговореннаго полевымъ судомъ къ пятнадцатилѣтней каторгѣ «по подозрѣнію» въ шпіонажѣ въ пользу красныхъ**. Тамъ же отбывалъ наказаніе присужденный полевымъ судомъ къ каторгѣ «за внѣбрачное сожительство съ родственницей».

Впрочемъ, указаніе преступленія, влекущаго пребываніе подъ стражей, было сравнительно рѣдкостью.

Въ большинствѣ случаевъ подслѣдственные или осужденные присылались органами временной или полевой юстиціи при краткой запискѣ безъ копіи опредѣленія о заключеніи подъ стражу или приговора, иногда просто съ лаконическимъ указаніемъ: содержать! Поэтому въ графѣ тюремныхъ журналовъ, требующей указанія по обвиненію въ чемъ содержится заключенный, сплошь и рядомъ значилось: свѣдѣній не имѣется***.

За переполненіемъ тюремной больницы сыпно-тифозные размѣщались въ общемъ тюремномъ корпусѣ. Видъ камеръ, превращенныхъ въ очаги заразы, представлялъ собой, поистинѣ, одну изъ картинъ Дантова «Ада».

---

* Припоминаю случай, имѣвшій мѣсто, когда я уже былъ утвержденъ Главнокомандующимъ воор. силами Юга Россіи въ званіи министра юстиціи этой территоріи.

При обходѣ мною сыпно-тифознаго помѣщенія Новороссійской тюрьмы, глубокій старикъ протянулъ мнѣ бумажку, въ которой значилось, что онъ одесскій домовладѣлецъ, по фамиліи Бронштейнъ, 71 года.

– По какому дѣлу содержится? – спросилъ я сопровождавшаго меня начальника тюрьмы.

– По подозрѣнію въ родствѣ съ Троцкимъ-Бронштейномъ, Ваше Высокопревосходительство.

Я удивленно посмотрѣлъ на прокурора.

– Почему до сихъ поръ не освобожденъ?

– Содержится по распоряженію Главнокомандующаго, – смутился прокуроръ.

Я поручилъ прокурору палаты наблюсти, чтобы «подозрѣваемый въ родствѣ» былъ перемѣщенъ въ другую больницу, а Предсѣдателя Совѣта Министровъ Н. М. Мельникова, имѣвшаго въ этотъ день докладъ у Главнокомандующаго, во избѣжаніе кривотолковъ, просилъ доложить А. И. Деникину непосредственно объ этомъ эпизодѣ.

** По распоряженію Главнокомандующаго, этотъ восьмилѣтній «каторжанинъ» вскорѣ былъ возвращенъ родителямъ.

*** Такое же положеніе, если не хуже, отмѣчено было мною при посѣщеніи Екатеринодарской краевой тюрьмы.

Въ лучшемъ случаѣ на нарахъ, а въ худшемъ — на голомъ асфальтовомъ полу, ютились вповалку больные, въ грязномъ, рваномъ бѣльѣ, держа очередь, чтобы хоть плечомъ прислониться къ печи, скудному источнику тепла. При проходѣ по камерамъ подъ ногами хрустѣли насѣкомыя. Переживавшіе кризисъ, а можетъ быть и послѣднія минуты, больные катались въ бреду по полу. Одинъ изъ нихъ въ состояніи бредовой экзальтаціи при моемъ появленіи заявилъ мнѣ:

— Прошу, прокуроръ, ходу моей жалобѣ не давать, ибо вчера ночью я умеръ*.

Отъ тифа погибъ начальникъ тюрьмы С. З. Дейниковскій, два его помощника лежали въ тифѣ, нѣсколько надзирателей тоже. Курсирующія же ежедневно отъ тюрьмы къ кладбищу подводы разгружали переполненную въ 3 раза противъ комплекта тюрьму, чтобы освободить мѣста новымъ и новымъ толпамъ арестованныхъ, препровождаемыхъ сельскими комендантами, комиссіями и развѣдками съ своими лаконическими записками: содержать!

Я обратилъ вниманіе ген. Валуева на это совершенно недопустимое положеніе. Послѣ личнаго посѣщенія мѣстъ заключенія имъ былъ изданъ приказъ, напоминающій объ уголовной отвѣтственности за несоблюденіе предписываемыхъ закономъ гарантій при заключеніи подъ стражу, объявлены были правила письменнаго производства дѣлъ въ полевыхъ судахъ, а для обзора и разгрузки дѣлъ во временныя военно-слѣдственныя учрежденія были командированы юристы, изнемогшіе въ этой сизифовой работѣ.

Власть, даже при искреннемъ желаніи бороться съ царившей разнузданностью, дѣйствовала «безъ приводныхъ ремней» и была безсильна въ этомъ жестокомъ быту своеобразной «диктатуры».

Я приведу нѣсколько бытовыхъ эпизодовъ этого жестокаго времени.

XXVI.

Убійство Н. Н. Безмѣнова. Дѣло объ убійствѣ екатеринославскаго помѣщика Кордубана. Казнь Р. Г. «Прости, Господи, виноватыхъ и не осуди за кровь невинныхъ!»

Въ имѣніи «Николина пристань», близъ большого села Петровскаго, проживали съ своими семьями обломки мѣстнаго дворянскаго рода, Николай Николаевичъ и Иванъ Николаевичъ Безмѣновы.

Имя ихъ когда-то гремѣло въ губерніи. Въ дѣтствѣ, когда я былъ частымъ гостемъ въ семьѣ «безсмѣннаго» Ставропольскаго губернатора Н. Е. Никифораки**, я знавалъ въ старомъ губернаторскомъ домѣ «безмѣновскую комнату», гдѣ обычно останавливались братья Безмѣновы, пріѣзжая изъ имѣнія съ челядью и верховыми лошадьми.

Позднѣе Безмѣновы, ведшіе тяжбу съ сосѣдями и кредитными учрежденіями, обѣднѣли.

Имѣніе ихъ, кромѣ небольшого хуторка «Николина пристань», пошло съ молотка, а жизненные удары превратили Н. Н. Безмѣнова сначала въ административнаго ссыльнаго, а затѣмъ въ 1906 году въ главнаго подсудимаго по большому политическому «безмѣновскому» процессу, гдѣ онъ представалъ во главѣ 100 крестьянъ

---

* Онъ ошибся только во времени: онъ умеръ черезъ нѣсколько часовъ послѣ посѣщенія мною тюрьмы.

** Ген.-лейт. Н. Е. Никифораки губернаторствовалъ въ Ставрополѣ около 17 лѣтъ. Превзошелъ его въ этомъ отношеніи лишь архіепископъ Агафодоръ, на много лѣтъ пережившій въ Ставрополѣ своего друга, губернатора Никифораки.

предъ особымъ присутствіемъ палаты, въ качествѣ предсѣдателя ставропольскаго крестьянскаго союза.

По отбытіи трехгодичнаго заключенія въ крѣпости, Н. Н. Безмѣновъ велъ тихую жизнь хуторянина на своемъ захудаломъ хуторкѣ, пока преобразованное въ 1917 году земство не призвало его на постъ предсѣдателя Ставропольской уѣздной земской управы.

Послѣ разгона земства большевиками, въ 1918 году, Н. Н. Безмѣновъ вновь вернулся къ себѣ на хуторъ и уже не игралъ никакой роли въ протекавшихъ перипетіяхъ борьбы, хотя популярность его среди крестьянскаго населенія была равноцѣнна ненависти окружавшихъ его хуторокъ сосѣдей-тавричанъ.

Уже въ дни добровольцевъ, осенью 1918 года, къ нему на хуторъ ворвалась группа военныхъ, выволокла на дворъ усадьбы, поставила къ «стѣнкѣ», но жена Безмѣнова, еще не оправившаяся отъ родовъ, умолила на этотъ разъ офицеровъ пощадить жизнь мужа. Безмѣнова бросили, раздробивъ ему 2 ребра и изувѣчивъ прикладами.

Жена и ребенокъ Безмѣнова вскорѣ послѣ этого случая скончались. Это было еще не все.

Весной 1919 года я получилъ телеграмму отъ И. Н. Безмѣнова, умолявшаго предотвратить военную расправу надъ его братомъ, увезеннымъ офицерами въ сел. Петровское.

Я снесся по телефону съ губернаторомъ Валуевымъ и, когда прибылъ къ нему по его приглашенію, узналъ слѣдующія подробности этого бытового дѣла.

Въ Ставропольскую губернію случайно забрела изъ Астраханскихъ степей заблудившаяся часть какого-то полка.

Землевладѣльцы, во время совмѣстной пирушки съ офицерами этой части, жаловались на безпокойное сосѣдство соціалиста Безмѣнова. Офицеры распорядились заарестовать Н. Н. Безмѣнова; тутъ же, на залитомъ напитками столѣ, былъ написанъ приказъ объ учрежденіи военно-полевого суда и о преданіи ему Н. Н. Безмѣнова.

Чуть ли не за этимъ же столомъ ночью Н. Н. Безмѣнова осудили къ повѣшенію и, занявъ телеграфъ и телефонъ военнымъ патрулемъ, чтобы вѣсть объ этой расправѣ не проникла въ городъ, на утро Безмѣнова казнили.

Послѣ этого заблудившаяся часть вновь откочевала въ Астраханскія степи, скрывшія въ своихъ пескахъ имена участниковъ этого ночного дѣла.

Вотъ и все.

Читатель задастъ, пожалуй, вопросъ: не спуталъ ли я даты? Можетъ быть, это было въ дни владычества красныхъ? Можетъ быть, эту расправу надъ обломкомъ дворянскаго рода, надъ предсѣдателемъ земской управы, сотворила красная банда «товарища Трунова»?

Нѣтъ, это была воинская часть, подъ предводительствомъ людей, носящихъ офицерскіе погоны.

Я срочно донесъ по телеграфу въ Управленіе Юстиціи объ этомъ дѣлѣ. Позднѣе ген. Валуевъ, разсказывая объ этой пьяной «шалости» прибывшему прокурору палаты, добавилъ, что окрестные крестьяне совершаютъ паломничество къ мѣсту казни Николая Николаевича Безмѣнова.

* *
*

На первый день Пасхи, въ 1919 году, выходя изъ своей квартиры, я услышалъ неподалеку два выстрѣла, вслѣдъ за которыми изъ лежащаго наискось дома таврическанина К. Н. Барабаша кто-то выскочилъ съ крикомъ: доктора, доктора!

Предчувствуя несчастье, я бросился въ домъ Барабаша. На верандѣ, съ открытой дверью изъ столовой, я наткнулся на кровоточащее тѣло крупнаго мужчины. У перилъ веранды стоялъ молодой офицеръ, съ револьверомъ въ рукѣ, встрѣтившій меня словами:

— Ну, чего тамъ! Пускай не лопочетъ на своей «собачьей мовѣ».

Въ дверяхъ столовой толпились гости К. Н. Барабаша, часть ихъ продолжала трапезу за столомъ. Прибывшій одновременно со мною врачъ констатировалъ смерть раненаго.

Пока я послалъ за слѣдователемъ и комендантскимъ адъютантомъ и прибыли чины стражи, я былъ свидѣтелемъ такой сцены.

Къ убитому подошелъ хозяинъ дома, отецъ убійцы, и, покачиваясь на пьяныхъ ногахъ, обратился къ покойному:

— Что, братъ, каюкъ? Не лѣзь не въ свое дѣло...

Въ это время въ дверяхъ появилась бойкая барышня и, обращаясь къ вышедшимъ на веранду гостямъ, укоряла ихъ:

— Ну, что вы право. Успѣете на «это» насмотрѣться. Кушанье простынетъ!

Допросъ свидѣтелей, происходившій въ моемъ присутствіи, нарисовалъ такую обстановку убійства.

Въ этотъ день Св. Пасхи у родоначальника «таврической» династіи К. Н. Барабаша собрались гости, въ числѣ которыхъ былъ родственникъ хозяина М. И. Барабашъ и пришедшій съ нимъ крупный Екатеринославскій помѣщикъ Кордубанъ, дальній родственникъ другой Ставропольской династіи Кордубановъ.

Танцевали подъ звуки непремѣнной у таврическанъ гармоники, вышивали и вели въ привычныхъ формахъ бесѣду.

За столомъ присутствовало и полковое начальство сыновей хозяина, офицеровъ.

— А что, собачій сынъ, заплатишь ты мнѣ по векселю? — обратился хозяинъ К. Барабашъ къ своему гостю М. Барабашу.

— Что это вы, дядюшка, только для такихъ дурацкихъ разговоровъ меня и пригласили?

— Вотъ ты какъ, — подскочилъ къ гостю офицеръ, сынъ хозяина, и ударилъ М. Барабаша по лицу.

М. Барабашъ схватилъ со стола бутылку и швырнулъ ею въ обидчика, но тотъ успѣлъ выскочить на веранду и бутылка пробила лишь дверное стекло.

Екатеринославскій гость Кордубанъ, разсказывавшій передъ тѣмъ объ «Екатеринославщинѣ», принялъ сторону обиженнаго гостя и вышелъ на веранду, убѣждая офицера Барабаша «помириться» съ обиженнымъ гостемъ.

Офицеръ Барабашъ выхватилъ револьверъ и со словами: и ты туда же? — двумя выстрѣлами въ упоръ уложилъ своего гостя.

Версія объ «украинской мовѣ» пришла ему въ голову нѣсколько позднѣе.

По окончаніи допроса свидѣтелей я высказалъ слѣдователю мнѣніе о необходимости безусловнаго содержанія убійцы подъ стражей.

При ближайшей встрѣчѣ ген. Валуевъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, настаиваю ли я въ отношеніи офицера Барабаша на высшей мѣрѣ пресѣченія, и при этомъ пояснилъ:

— Видите ли, офицерство возмущено содержаніемъ подъ стражей Барабаша и ко мнѣ поступила, за многими подписями, петиція, аттестующая Барабаша, какъ

примѣрнаго офицера, защищавшаго въ этомъ столкновеніи съ оружіемъ въ рукахъ и честь офицерскаго мундира, и идеи Добр. арміи.

Я разсказалъ А. М. Валуеву подробности этой «защиты чести офицерскаго мундира и идей Добр. арміи», добавивъ при этомъ, что полковое начальство Барабаша присутствовало при этой «защитѣ», и ген. Валуевъ не удержался отъ весьма рѣзкаго восклицанія по адресу петиціонеровъ.

Производившій слѣдствіе В. Н. Яроцкій привелъ въ своемъ заключительномъ постановленіи подробный служебный формуляръ офицера Барабаша, главная служба котораго, въ сущности, протекала въ полковой лавочкѣ, гдѣ онъ не безъ пользы для себя спекулировалъ напитками и деликатессами.

Тѣмъ не менѣе, аттестація своей цѣли достигла и нормальное наказаніе Барабашу по ходатайству военнаго суда было замѣнено разжалованіемъ въ солдаты, а затѣмъ Барабашъ вновь былъ возстановленъ въ офицерскомъ званіи.

Я разсказалъ объ этомъ бытовомъ тавричанскомъ дѣлѣ для того, чтобы судить, каковы нравы могли быть въ тѣхъ отрядахъ «имени Ставропольскаго губернатора», которые слыли въ населеніи подъ названіемъ «тавричанскихъ».

* * *

Ставропольскій хлѣботорговецъ Г. повѣдалъ мнѣ въ моемъ прокурорскомъ кабинетѣ слѣдующую печальную повѣсть.

Въ разгаръ большевистскаго террора на территоріи Кавказскихъ минеральныхъ водъ, его дочь — дѣвушка Р. Г. — бѣжала съ нѣсколькими офицерами оттуда въ Ставрополь, уже занятый добровольческими частями.

Ѣхать приходилось на лошадяхъ черезъ красно-армейскіе кордоны и села, гдѣ митинговали красные, призывая населеніе на фронтъ противъ бѣлыхъ.

Спасая себя и своихъ спутниковъ, Г. въ критическіе моменты выступала на митингахъ, заявляя себя большевичкой, ѣдущей съ «товарищами» по особо важному порученію. Въ концѣ концовъ, она благополучно добралась вмѣстѣ съ офицерами до Ставрополя.

Тамъ, по рапорту своего спутника, офицера Б., она была арестована, предана полевому суду и казнена.

По словамъ ея отца, въ ночь передъ казнью, въ помѣщеніе, гдѣ она содержалась, явился одинъ изъ ея судей.

— Что, барышня, скоро подвѣсятъ... Страшно, небось? А хорошенькая! Глазки-то какіе! Небось, кто-нибудь цѣловалъ ихъ? Ну, поцѣлуй меня...

Черезъ нѣсколько часовъ Г. была повѣшена на опушкѣ лѣса...

* * *

Я знаю, какіе упреки по моему адресу можетъ вызвать эта часть моихъ воспоминаній.

Но, когда я взялся за перо, я далъ обѣщаніе своей совѣсти человѣка, много вѣрившаго, много пережившаго, не скрыть ничего изъ этихъ ужасовъ, задавившихъ своею тяжестью общерусское идейное дѣло.

Вѣдь «диктатура» этого быта была такъ неотвратимо жизненна, что даже ген. А. И. Деникину въ моменты, когда онъ слышалъ «заглушенный сухой трескъ одиночныхъ выстрѣловъ», творящихъ расправу, оставалось только молиться:

— «Прости, Господи, виноватыхъ и не осуди за кровь невинныхъ*».

А между тѣмъ, эти «заглушенные» выстрѣлы наносили смертельныя раны не только тѣлу невинно-убіенныхъ, но и самому дѣлу Добровольческой Арміи.

XXVII.

Уходъ ген. Валуева. Запросъ Управленія Юстиціи. Мой переходъ въ магистратуру. Административная юстиція въ толкованіи 1-го департамента. По аналогіи съ губернскими учрежденіями. На усмотрѣніе. «Онъ въ погонахъ». Соблюденіе не обязательно. Совѣщаніе по вопросу о введеніи въ гражданскихъ судахъ 279 ст. воинскаго устава о нак.

Назначеніе послѣ ген. П. В. Глазенапа на губернаторскій постъ ген. А. М. Валуева, имѣвшаго большой административный стажъ, и гражданскаго вице-губернатора — было уже движеніемъ впередъ.

Какъ я указывалъ выше, ген. Валуевъ взялъ правильный курсъ въ пресѣченіи должностного своевольства и велъ посильную борьбу съ разнузданностью военныхъ нравовъ, поскольку эта борьба была тогда возможна.

Но чиновничество не любило ген. Валуева. Оно не могло простить ему такихъ, съ точки зрѣнія чиновника, чудачествъ, какъ пріемъ просителей съ 6 час. утра, доступность генерала, приглашеніе имъ въ день Св. Пасхи всѣхъ желающихъ посѣтить его, безъ различія вѣроисповѣданія и положенія и пр.

— Демагогія! — слышалось нерѣдко въ канцеляріяхъ и пріемныхъ, привыкшихъ къ иному обхожденію начальства.

Пробылъ ген. Валуевъ очень недолго на губернаторскомъ посту и, послѣ его попытки нормировать отношенія между рабочими и работодателями, телеграфнымъ распоряженіемъ ген. Лукомскаго ему было приказано срочно сдать должность и выѣхать изъ Ставрополя.

Не долго пробылъ и я на прокурорскомъ мѣстѣ.

Однажды, за подписью завѣдующаго отдѣломъ личнаго состава Управленія Юстиціи г. Ясинскаго, я получилъ довѣрительное письмо, въ которомъ мнѣ сообщалось о желаніи начальника управленія В. Н. Челищева имѣть отъ меня письменное подтвержденіе, что я не состою ни въ какой партійной организаціи.

Въ качествѣ мотивовъ этого пожеланія указывалось, что мое имя фигурировало въ партійномъ спискѣ кандидатовъ въ Учредительное Собраніе, о чемъ въ Управленіи Юстиціи имѣются свѣдѣнія.

Я отвѣтилъ непосредственно В. Н. Челищеву, приложивъ къ письму прошеніе объ отставкѣ.

Встрѣченный вскорѣ мною, на происходившемъ въ Ставрополѣ помѣстномъ церковномъ соборѣ, бар. А. В. Врангель, близкій къ министерскимъ сферамъ, передалъ мнѣ просьбу В. Н. Челищева не придавать такого значенія этому запросу и предупредилъ о желаніи министерскихъ сферъ уберечь меня отъ генеральскаго натиска за барьеромъ несмѣняемой магистратуры.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣдовало на мое имя телеграфное предложеніе занять освободившееся мѣсто товарища председателя окружного суда по административному отдѣленію и я, вопреки уговорамъ прокурора палаты, покинулъ постъ прокурора въ Ставрополѣ.

---

* Ген. А. И. Деникинъ. «Очерки русской Смуты». Т. II, стр. 243.

Служба въ органахъ административной юстиціи, призванной во всеоружіи судебныхъ гарантій разрѣшать споры о правѣ между населеніемъ и властью, привлекала меня со времени введенія въ полномъ объемѣ административной юстиціи въ Россіи. Я придавалъ этой работѣ большое воспитывающее значеніе.

Къ тому же, я не утратилъ все еще тогда вѣры, что царящій хаосъ есть явленіе скоропреходящее и временное, что вложенная въ русло мирной эволюціи жизнь унесетъ безъ возврата всю хлестаковщину и накипь, всплывшія въ котлѣ гражданскаго междуусобія, и близко время мирнаго гражданскаго творчества, къ огражденію молодыхъ правъ которого должны быть призваны стойкія культурныя силы.

Но скоро мои судейскіе навыки получили ударъ со стороны, откуда я меньше всего его ожидалъ.

Административнымъ отдѣленіемъ окружнаго суда были получены два указа сената по 1-му департаменту, изъ которыхъ явствовало, что вся природа преобразованія административной юстиціи, которое внесъ въ существо послѣдней законъ 30 мая 1917 года, введя административный судъ въ систему общей судебной власти, сдѣлавъ административное правосудіе неотъемлемой частью единаго общаго суда, — что вся эта «великая реформа» административной юстиціи правовымъ сознаніемъ г. г. сенаторовъ не пріемлется и они продолжаютъ трактовать административный судъ по аналогіи съ отжившимъ губернскимъ присутствіямъ.

Составъ отдѣленія суда былъ смущенъ такимъ толкованіемъ закона 30 мая, но прежде, чѣмъ ставить этотъ вопросъ оффиціально, я пошелъ переговорить съ предсѣдателемъ суда К. И. Телятниковымъ, высказавъ ему приведенныя выше соображенія о существѣ конструкціи административнаго суда.

К. И. Телятниковъ посовѣтовалъ мнѣ повременить, пока онъ снесется частнымъ образомъ чрезъ и. д. предсѣдателя палаты К. Н. Марка, не произошло ли простой описки въ указахъ сената.

И. д. старшаго предсѣдателя палаты К. Н. Маркъ въ письмѣ отъ 1 ноября 1919 г. увѣдомилъ, что въ сенатѣ «дѣло это вызвало смущеніе и на 5 ноября назначено совѣщаніе по поводу этого дѣла».

Но «смущеніе» г. г. сенаторовъ быстро прошло и въ письмѣ отъ 5-го ноября К. Н. Маркъ уже писалъ К. И. Телятникову:

«Мнѣ сообщили изъ 1 департамента, что различій между дѣлами, разсмотрѣнными судомъ по существу или въ апелляціонномъ порядкѣ, Сенатъ не дѣлаетъ въ смыслѣ постановленій резолюцій, и въ томъ, и въ другомъ, въ случаяхъ признанія неправильностей, выносятся резолюціи объ отмѣнѣ рѣшеній и возвращаются для новаго разсмотрѣнія; требованій объ измѣненіи состава (суда) не можетъ быть поставлено по административнымъ дѣламъ по аналогіи съ губернскими учрежденіями»...

Такимъ образомъ, «аналогія» съ почившими въ Бозѣ дореформенными учрежденіями не оставляла уже сомнѣній.

Послѣ этого я обратился уже съ представленіемъ въ управленіе юстиціи о направленіи этого вопроса въ порядкѣ 259^{1} ст. учрежд. суд. устан.

Въ связи съ этимъ эпизодомъ мнѣ припоминается слѣдующій разсказъ В. Н. Челищева изъ его оберъ-прокурорской практики, когда сенатъ размѣщался въ Ялтѣ.

Въ сенатъ поступило отъ Главнокомандующаго бар. Врангеля «по принадлежности» прошеніе, если не ошибаюсь, ген. Климовича, о возстановленіи его въ сенаторскихъ правахъ, утраченныхъ въ силу закона отъ 26 декабря 1916 года, т. е. закона императорской даты.

Сенатъ уклонился отъ разрѣшенія вопроса по существу и опредѣлилъ вопреки оберъ-прокурорскому заключенію предоставить разрѣшеніе этого вопроса усмотрѣнію (!) Главнокомандующаго.

Слѣдуетъ признаться, что давленіе военнаго усмотрѣнія чувствовалось ощутительно, и не всегда можно было предвидѣть апельсинную корку, о которую поскользнешься.

Помню, вызванный срочно въ Ростовъ, я получилъ разрѣшеніе коменданта, за отсутствіемъ другихъ служебныхъ мѣстъ, занять мѣсто въ офицерскомъ вагонѣ.

У входа въ вагонъ офицеръ, провѣрявшій комендантскіе ярлычки, потребовалъ у меня «документъ о личности». Просмотрѣвъ мое служебное удостовѣреніе, онъ заявилъ:

— Васъ допустить въ вагонъ я не могу.

И обратился къ стоявшему за мной претенденту:

— А вы кто такой?

— Капельмейстеръ такого-то оркестра.

— Пожалуйте.

— Почему же мнѣ тогда нельзя? — спросилъ я.

— Онъ въ погонахъ, а вы?

И онъ недоумѣвающе-удивленно вздернулъ плечами.

Противъ такого аргумента возражать въ тѣ времена не приходилось.

Это вскидываніе плечъ, отягченныхъ погонами, поднималось значительно выше перрона желѣзнодорожнаго вокзала.

«Собственно, мы, штатскіе люди, — указываетъ близкій къ главному командованію К. Н. Соколовъ*, — никогда не пользовались полноправнымъ положеніемъ въ системѣ нашей правительственной іерархіи, и наше управленіе было, по преимуществу, управленіемъ черезъ генераловъ».

Это «управленіе черезъ генераловъ» властно вторгалось въ жизнь гражданскихъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и въ вѣдомство юстиціи — и въ тѣ времена, когда во главѣ юстиціи стоялъ ген. А. С. Макаренко и когда на смѣну послѣднему пришелъ испытанный судебный дѣятель В. Н. Челищевъ.

Ко мнѣ, когда я былъ прокуроромъ, поступило свыше предложеніе о возбужденіи, съ устраненіемъ отъ должности, преслѣдованія противъ предсѣдателя Александровскаго съѣзда мировыхъ судей Ф. Л. Есаулова.

Я принужденъ былъ отвѣтить, что затрудняюсь исполнить это предложеніе, въ силу существующаго порядка, требующаго санкціи соединеннаго присутствія сената, предварительно уголовной репрессіи въ отношеніи судей, по классу же должности преслѣдованіе должно получить инціативу отъ прокурора палаты.

Въ отвѣтъ я получилъ разъясненіе, что соблюденіе этого порядка необязательно, въ виду состоявшейся уже резолюціи ген. А. М. Драгомирова о преданіи суду и устраненіи Ф. Л. Есаулова**.

Въ эти дни «управленія черезъ генераловъ» стало возможнымъ внесеніе по предложенію свыше на обсужденіе общихъ собраній окружныхъ судовъ такихъ, напримѣръ, вопросовъ, какъ вопросъ о цѣлесообразности или нецѣлесообразности существованія суда присяжныхъ засѣдателей.

---

* К. Н. Соколовъ. «Правленіе ген. Деникина», стр. 79.

** Въ связи съ этимъ, въ памяти моей встаетъ эпизодъ изъ давно прошедшихъ временъ, когда даже вел. кн. Михаилъ Николаевичъ, будучи Кавказскимъ намѣстникомъ, не посягнулъ устранить члена судебной магистратуры послѣ того, какъ ему было разъяснено требованіе закона на этотъ случай.

Прокуроръ палаты Н. С. Ермоленко разсказывалъ мнѣ о совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ, кажется, сенатора Романова, въ которомъ онъ участвовалъ по должности прокурора.

Совѣщанію этому, состоявшему изъ судебныхъ дѣятелей, предложено было ни больше, ни меньше, какъ обсудить вопросъ о возможности примѣненія въ гражданскихъ судахъ смертной ст. 279 воинскаго устава о наказаніяхъ.

Единодушный отрицательный отвѣтъ собравшихся вызвалъ, какъ передавалъ Н. С. Ермоленко, нервное восклицаніе предсѣдательствующаго:

— Такимъ отношеніемъ къ предложенію военныхъ сферъ вы ставите, господа, подъ угрозу и самое существованіе гражданской юстиціи.

Но въ судебномъ вѣдомствѣ, къ счастью, это давленіе атмосферы военныхъ обстоятельствъ все еще встрѣчало сопротивленіе судейской независимости и преданности судебнымъ уставамъ 1864 года, что нерѣдко давало поводъ въ военномъ пониманіи судейскую независимость подводить подъ понятіе мятежной самостійности.

XXVIII.

Переломъ на фронтѣ. Ноябрьскія событія въ Екатеринодарѣ. Ген. В. Л. Покровскій. «Моральные предразсудки». Разгромъ Рады.

Въ октябрѣ 1919 года начался переломъ военнаго счастья на фронтѣ, принявшій скоро грозныя формы стремительнаго отхода арміи. Почти одновременно разыгрались въ Екатеринодарѣ событія, завершившіяся казнью Калабухова и разгромомъ Кубанской Краевой Рады.

Событія эти, завершавшія долгую, обостренную тяжбу Главнаго командованія съ Кубанскимъ казачествомъ въ трагическіе дни развала фронта, до сихъ поръ не получили полнаго освѣщенія и, больше того, лицами, которыя могли бы пролить свѣтъ на эти событія, какъ бы намѣренно приспускается надъ ними занавѣсъ.

Помощникъ Главнокомандующаго ген. А. С. Лукомскій, доведя свои воспоминанія до перемѣщенія ген. П. Н. Врангеля на постъ командующаго Добровольской Арміей, дѣлаетъ сносокъ: «При описаніи этого періода я совсѣмъ не касаюсь событій, происшедшихъ на Кубани въ началѣ ноября. Не касаюсь не потому, что это я признавалъ бы преждевременнымъ, а просто потому, что въ моемъ распоряженіи нѣтъ никакихъ документовъ. Подробностей же я не знаю, такъ какъ указанія были даны генералу Врангелю непосредственно генераломъ Деникинымъ»*.

Бытописатель «Правленія ген. Деникина», проф. К. Н. Соколовъ, идетъ еще дальше. Озаглавивъ главу десятую своихъ воспоминаній «Кубанское дѣйство», онъ ставитъ подъ этимъ заглавіемъ рядъ точекъ, а набранный петитомъ сносокъ заканчиваетъ словами:

«Подробности «Кубанскаго дѣйства», вокругъ котораго накопилось много легендъ, едва ли сейчасъ могутъ быть оглашены»**.

Между тѣмъ, «легенды эти», надо это признать, ускорили развязку и безъ того быстро развивавшейся трагедіи на югѣ***.

---

* «Архивъ Русской Революціи», т. V, стр. 134.

** К. Н. Соколовъ. «Правленіе ген. Деникина», стр. 199.

*** По словамъ Г. Раковскаго («Въ станѣ бѣлыхъ», стр. 32) Командующій Донской арміей ген. В. И. Сидоринъ еще въ моментъ Харьковскаго совѣщанія, 2 ноября 1919 года, выразилъ ген. А. И. Деникину опасеніе, что неосторожныя дѣйствія Врангеля и Покровскаго на Кубани могутъ роковымъ образомъ отразиться на фронтѣ. Ген. И. П. Романовскій тогда успокоилъ ген. Сидорина заявленіемъ, что ничего серьезнаго нѣтъ и никакихъ осложненій на Кубани не произойдетъ.

25 октября 1919 года ген. Деникинъ телеграфировалъ ген. Врангелю:

«Въ іюлѣ текущаго года между Правительствомъ Кубани и меджилисомъ горскихъ народовъ заключенъ договоръ, въ основу котораго положена измѣна Россіи и передача Кубанскихъ казачьихъ войскъ Сѣвернаго Кавказа въ распоряженіе меджилиса, чѣмъ обрекается на гибель терское войско. Договоръ подписанъ Бычемъ, Савицкимъ, Калабуховымъ и Намитоковымъ съ одной стороны — и Чермоевымъ, Гандаровымъ, Хадзараговымъ, Бамматовымъ съ другой стороны. Приказываю: при появленіи этихъ лицъ на территоріи вооруженныхъ силъ Юга Россіи немедленно предать ихъ военно-полевому суду за измѣну».

Кубанскій край былъ включенъ въ тыловой районъ Кавказской арміи и произвести «Кубанское дѣйство» было поручено ген. В. Л. Покровскому.

Кубанскій атаманъ ген. Филимоновъ и Краевое Правительство, въ лицѣ его предсѣдателя Курганскаго, телеграфировали по этому поводу ген. Врангелю:

«Кубанскій войсковой атаманъ и Кубанское Краевое Правительство категорически заявляютъ, что Краевое Правительство никакихъ договоровъ съ меджилисомъ горскихъ народовъ не заключало и никого на заключеніе такихъ договоровъ не уполномачивало.

Лица, перечисленныя въ телеграммѣ Главнокомандующаго — Бычъ, Намитоковъ, Савицкій и Калабуховъ были делегированы Кубанской краевой радой, а первые два и кубанскимъ правительствомъ.

Правительство послало своихъ делегатовъ, какъ представителей, въ составъ Россійской делегаціи въ Парижѣ въ помощь Сазонову, а также для защиты интересовъ Кубани предъ мирной конференціей и для информаціи.

Если названныя лица дѣйствительно подписали отъ имени Краевого Правительства договоръ съ меджилисомъ горскихъ народовъ, о чемъ Краевому Правительству по сіе время оффиціально неизвѣстно, то вопросъ о превышеніи названными лицами данныхъ имъ полномочій подлежитъ сужденію Краевого Правительства и существо договора сужденію Кубанской Краевой Рады, на разсмотрѣніе которой въ данный моментъ и вносится.

Во всякомъ случаѣ упомянутыя лица являются дипломатическими представителями Кубани и какъ таковые пользуются неприкосновенностью, почему, въ случаѣ совершенія ими незаконом'рныхъ дѣйствій, могутъ подлежать суду только Кубанской краевой власти, ихъ делегировавшей.

Приказъ о преданіи названныхъ лицъ военно-полевому суду является нарушеніемъ правъ Кубанской краевой власти, глубоко оскорбляетъ правосознаніе Кубанскаго народа и не можетъ не отразиться на настроеніи народа и фронта.

Сыны Кубани не запятнали себя измѣной, а принесли и несутъ найбольшія жертвы своею кровью и достояніемъ для возсозданія Россіи.

Кубань въ правѣ требовать срочной отмѣны телеграммы Вашего Превосходительства, въ виду несправедливости обвиненія Краевой власти въ измѣнѣ и въ виду несомнѣннаго исключительнаго права только Краевой власти судить своихъ дипломатическихъ представителей».

31 октября послѣдовала новая телеграмма Главнокомандующаго на имя генерала Врангеля:

«Приказываю Вамъ немедленно привести въ исполненіе приказаніе мое № 16729 и принять по Вашему усмотрѣнію всѣ мѣры къ прекращенію преступной агитаціи въ Екатеринодарѣ, входящемъ въ вашъ армейскій районъ».

Генералъ В. Л. Покровскій прибылъ въ Екатеринодаръ.

Генералъ Деникинъ теперь, промѣнявъ мечъ на перо, даетъ такую характеристику этому молодому офицеру-летчику, впослѣдствіи произведенному въ генеральскій чинъ.

— «Покровскій былъ молодъ, малаго чина и военнаго стажа, и никому не извѣстенъ. Но проявлялъ кипучую энергію, былъ смѣлъ, жестокъ, властолюбивъ и не очень считался съ «моральными предразсудками». Одна изъ тѣхъ характерныхъ фигуръ, которыя въ мирное время засасываются тиной уѣзднаго захолустья, а въ смутные дни вырываются кратковременно, но бурно на поверхность жизни...»*

Вотъ такому-то смѣлому, жестокому, властолюбивому и не очень считавшемуся съ «моральными предразсудками» генералу и было дано деликатное порученіе привести въ порядокъ Кубань, территорія которой, предвидѣлось, можетъ стать ареной послѣдней схватки съ красной арміей, «психологической» позиціей этой борьбы.

Генералъ Покровскій предъявилъ Кубанскому атаману списокъ 30—40 кубанцевъ, съ Калабуховымъ во главѣ, подлежащихъ немедленному задержанію по настоянію ген. Деникина.

— Пригласите ихъ къ себѣ на совѣщаніе — предложилъ ген. Покровскій атаману, гарантируя съ своей стороны неприкосновенность лицамъ, явившимся во дворецъ атамана на совѣщаніе.

По разсказу атамана, въ 7 часу вечера онъ услышалъ топотъ ногъ по лѣстницѣ и, выйдя изъ кабинета, увидѣлъ поднимающуюся группу вооруженныхъ офицеровъ, съ ген. Покровскимъ во главѣ.

— Что это означаетъ? — спросилъ атаманъ ген. Покровскаго.

— Я рѣшилъ арестовать при выходѣ всѣхъ этихъ господъ и мною уже данъ соотвѣтствующій приказъ гвардейскому дивизіону окружить этотъ домъ.

— Но вѣдь вы дали мнѣ слово не дѣлать этого?

— Я далъ слово, а теперь беру его обратно**.

Вторично ген. Покровскій далъ «слово» не вѣшать Калабухова до переговоровъ делегаціи, избранной Радой, съ ген. Деникинымъ. Однако, когда избранная Радой делегація обратился со своимъ ходатайствомъ къ ген. Деникину, тотъ отвѣтилъ:

— Къ сожалѣнію, уже поздно: приговоръ приведенъ въ исполненіе***.

По разсказу близкаго къ ген. П. Врангелю г. В. фонъ Дрейера, Главное Командованіе, не вѣря въ надежность строевыхъ казаковъ, которымъ была поручена ликвидація «спора» съ кубанцами, сформировало въ Екатеринодарѣ офицерскій отрядъ до 200 человѣкъ, поручивъ его вѣдѣнію полк. Кубанскаго войска Карташева, извѣстнаго своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ самостійникамъ****.

Въ ночь на 5 ноября полк. Карташевъ уже занялъ офицерскими заставами вокзалъ, главныя площади и окружилъ караулами съ пулеметами зданіе Краевой Рады*****.

Начальникъ отдѣла пропаганды въ Кубанской обл., полк. У., разсказалъ мнѣ, что къ нему, въ Екатеринодарѣ, ночью явилась группа офицеровъ и, предъявивъ за подписью ген. Лукомскаго распоряженіе о полномъ содѣйствіи «подателямъ сего», потребовала у полк. У. содѣйствія для задержанія нѣсколькихъ десятковъ кубанцевъ членовъ Рады, списокъ которыхъ у офицеровъ имѣлся въ рукахъ.

---

* Ген. Деникинъ: «Очерки русской смуты», т. II, стр. 268.

** Ген. Филимоновъ: «Разгромъ Кубанской Рады». Арх. русской революціи, т. V, стр. 326.

*** Тамъ же.

**** Полк. Карташеву Кубанцы приписывали организацію вооруженнаго нападенія на квартиру одного изъ лидеровъ самостійниковъ П. Л. Макаренко, въ ночь на 8 іюня 1919 г.

***** Фонъ Дрейеръ: «Крестный путь во имя Родины», стр. 74.

Полк. У. отвѣтилъ, что безъ подтвержденія достовѣрности подписи и характера порученія, онъ затрудняется выполнить это требованіе, но затѣмъ, получивъ къ своему удивленію подтвержденіе подписи и даннаго за этой подписью порученія, отбылъ въ ставку лично доложить о томъ, что предполагается учинить въ Екатеринодарѣ.

Не берусь судить, кто правъ: полковникъ ли У., разсказывавшій мнѣ это, или ген. Лукомскій, не касающійся въ своихъ воспоминаніяхъ этихъ событій, ибо въ его распоряженіи «нѣтъ никакихъ документовъ, подробностей же онъ не знаетъ, такъ какъ указанія были даны ген. Врангелю непосредственно ген. Деникинымъ»*.

Но предоставимъ разсказъ о томъ, что произошло, самому ген. Покровскому.

Вотъ что онъ доносилъ ген. Врангелю 6 ноября 1919 года.

«Ультиматумъ былъ мною предъявленъ вчера, срокъ истекалъ къ 12 час. дня. Сущность ультиматума вамъ извѣстна. Отъ $9^1/_2$ до 12 велась торговля. На совѣщаніи у атамана присутствовали: Сушковъ, Скобцовъ, Горбунинъ, оба Успенскіе и еще какой-то членъ, не помню. Всѣ уговаривали меня, во избѣжаніе кровопролитія, отказаться отъ своихъ требованій и убѣждали дать согласіе на посылку делегаціи Главкому.

Въ виду полной непріемлемости и явно намѣренной оттяжки я къ 12 ч. отказался продолжать переговоры и направился къ войскамъ.

Въ этотъ моментъ совѣщаніе признало необходимымъ выдать мнѣ Калабухова, котораго я арестовалъ и отправилъ къ себѣ на квартиру.

Тутъ же совѣщаніе по вопросу о выполненіи моего второго требованія, — выдачи лидеровъ самостійниковъ, — постановило ѣхать въ Раду и требовать отъ нихъ сдачи.

Прибывъ къ войскамъ, я былъ встрѣченъ ими криками: ура. Мной былъ посланъ въ Раду офицеръ, передавшій президіуму мое требованіе немедленно выдать мнѣ лидеровъ и собрать таманскій дивизіонъ охраны Рады для сдачи оружія.

Въ виду затяжки отвѣта и истеченія срока, мною была введена въ Раду сотня для занятія карауловъ и разоруженія таманцевъ. Противъ Рады была выстроена также сотня.

Въ періодъ процесса безболѣзненнаго разоруженія, ко мнѣ стали являться самостійники, которые тутъ же арестовывались и отправлялись во дворецъ.

Рада реагировала на всѣ требованія сочувственно.

Въ данный моментъ у меня въ квартирѣ сидятъ: Петръ Макаренко, Омельченко, Воропиновъ, Манжула, Роговецъ, Феськовъ, Подтопельный, Жукъ, Балабасъ и братъ Рябовола**. Иванъ Макаренко и Безкровный скрылись и разыскиваются. Дальнѣйшіе аресты производятся. Таманцы обезоружены и взяты подъ стражу.

Рада выбрала делегацію для посылки Главкому съ изъявленіемъ покорности и декларативнымъ заявленіемъ объ оріентаціи за Единую Россію. Делегація сидитъ у меня.

Обратный мой пріѣздъ во дворецъ сопровождался криками «ура» всего населенія. Повидимому, — сочувствіе полное.

Убѣдившись въ безболѣзненномъ окончаніи операціи, атаманъ рѣшилъ, что онъ можетъ оставаться у власти. Сочувствія этому со стороны политическихъ дѣятелей нѣтъ, — въ данное время общая ситуація не въ его пользу.

---

* Изъ воспоминаній ген. А. С. Лукомскаго. Арх. Русск. Рев., т. VI, стр. 134.

** Предсѣдателя Кубанской Рады, убитаго 13 іюня 1919 г. при загадочныхъ обстоятельствахъ въ Ростовѣ.

Послѣ окончанія разговора съ вами я соединяюсь со Ставкой, дабы мой послѣдующій, совмѣстный съ Филимоновымъ*, разговоръ со Ставкой, который я вынужденъ былъ ему обѣщать, не далъ бы смягчающихъ рѣшеній въ Ставкѣ».

7 ноября членъ Рады, Калабуховъ, былъ казненъ на Крѣпостной площади, остальные же арестованные члены Рады были высланы изъ предѣловъ территоріи вооруженныхъ силъ Юга Россіи.

XXIX.

Переговоры о созданіи Южно-Русской власти. Открытіе засѣданій Верховнаго Круга. Совѣщаніе на ст. Тихорѣцкой. Соглашеніе съ Главнымъ Командованіемъ. Полоса бодрости и успѣховъ. Катастрофа съ конницей ген. Павлова и корпусомъ ген. Крыжановскаго. «Ставропольское направленіе».

Все болѣе ухудшавшееся положеніе на фронтѣ должно было, казалось бы, ускорить завершеніе переговоровъ о созданіи объединенной Южно-Русской власти.

Но переговоры между уполномоченными Главнаго Командованія и представителями Южно-Русской Конференціи казачьихъ областей, начавшіеся еще 5 сентября, тянулись и въ ноябрѣ, и въ декабрѣ и власть къ объединенію не приблизили.

Между тѣмъ Новочеркасскъ палъ въ первые дни Рождества, 26 декабря Ростовъ былъ оставленъ частями Добровольческаго корпуса, и лавина красныхъ подкатывалась все ближе и ближе.

5 января 1920 года въ Екатеринодарѣ открылись засѣданія Верховнаго Круга Дона, Кубани и Терека.

Въ «положеніи», принятомъ 12 января, Верховный Кругъ такъ опредѣлилъ свои задачи:

— «Мы, избранники Донского Войскового Круга, Кубанской Краевой Рады и Терскаго Большого Войскового Круга, въ тяжелый историческій моментъ, когда купленной потоками крови свободѣ и самому существованію всего населенія грозитъ гибель, собрались въ Екатеринодарѣ для организаціи рѣшительной борьбы противъ большевиковъ и очищенія отъ нихъ нашихъ территорій, защиты отъ разгрома нашихъ очаговъ, установленія внутренняго спокойствія и обезпеченія свободы и права, беремъ въ свои руки Верховную Власть по дѣламъ, общимъ для Дона, Кубани и Терека, и устанавливаемъ слѣдующее положеніе о Верховномъ Кругѣ:

1. Верховный Кругъ является полномочнымъ представительствомъ государственныхъ образованій Дона, Кубани и Терека и ставитъ себѣ задачей: а) установленіе Союзнаго Государства, составленнаго изъ указанныхъ выше территорій, съ возможностью расширенія предѣловъ Союзнаго Государства включеніемъ новыхъ областей, на основахъ союзной конституціи и по свободному волеизъявленію населенія тѣхъ областей и б) Созданіе Союзной власти.

2. Союзная конституція и союзная власть устанавливаются на время до созданія общегосударственной власти Всероссійскимъ Учредительнымъ Собраніемъ»**.

Вечеромъ, 11 января была получена изъ ставки Главнокомандующаго телеграмма съ приглашеніемъ предсѣдателю Круга и его товарищамъ прибыть 12 января на ст. Тихорѣцкую для участія въ большомъ совѣщаніи, созванномъ по иниціативѣ Командующаго Донской Арміей ген. В. И. Сидорина.

---

* Кубанскимъ атаманомъ.

** Протоколы засѣданій Верх. Круга отъ 10 и 12 января 1920 года.

На совѣщаніи этомъ* была сдѣлана послѣдняя попытка договориться, передъ лицомъ общей для всѣхъ угрозы, о созданіи объединенной власти на Югѣ Россіи. Послѣ солидарнаго выступленія военныхъ начальниковъ въ пользу объединенія вокругъ Главнаго Командованія, къ которымъ присоединились и Донской атаманъ А. Н. Богаевскій, и предсѣдатель Донского Круга В. А. Харламовъ, и предсѣдатель Донского Правительства Н. М. Мельниковъ, попытка эта имѣла свои результаты.

16 января, въ присутствіи представителей союзныхъ миссій, войсковыхъ атамановъ и предсѣдателей правительствъ, генералъ А. И. Деникинъ, выслушавъ привѣтствіе Верховнаго Круга, охарактеризовалъ стратегическое и политическое положеніе и изложилъ Кругу desiderata, на основаніи которыхъ онъ мыслитъ возсозданіе Россіи.

22 января Верховнымъ Кругомъ было поручено президіуму увѣдомить Главнокомандующаго о состоявшемся соглашеніи, а 23 января былъ принятъ текстъ воззванія**, въ которомъ между прочимъ говорилось:

«Мы, Верховный Кругъ Дона, Кубани и Терека, принявъ всѣ мѣры къ тому, чтобы ошибки и преступленія, послужившія причиной недавней катастрофы на фронтѣ, не повторились, признали необходимымъ для блага народа и успѣха борьбы съ большевизмомъ установить и установили въ полномъ согласіи съ Главнокомандующимъ вооруженными силами на Югѣ Россіи общую власть для всего Юга Россіи и единство командованія для всѣхъ армій, чтобы совмѣстными усиліями казачества, добровольцевъ и горцевъ сломить противника и развить наши успѣхи»...***

Выступленіе на другой день предъ Верховнымъ Кругомъ Командующаго Донской Арміей ген. В. И. Сидорина, выразившаго твердую увѣренность въ близкой побѣдѣ надъ большевиками въ случаѣ своевременнаго подхода Кубанской арміи, еще болѣе повысило настроеніе Верховнаго Круга, устроившаго ген. Сидорину бурную овацію и обѣщавшаго принять всѣ мѣры въ дѣлѣ оказанія поддержки фронту****.

Эти январскіе успѣхи на внутреннемъ и внѣшнемъ фронтѣ породили и въ широкихъ кругахъ населенія бодрую увѣренность, что не все еще потеряно, что побѣда возможна и близка при добромъ желаніи не повторять прежнихъ ошибокъ и при честномъ союзѣ военныхъ силъ съ гражданскимъ населеніемъ.

Но дни этой бодрости были быстротечны.

Послѣ неудачныхъ боевъ на Дону конницы Буденнаго и Думенко красное командованіе выработало новый планъ наступленія въ Ставропольскомъ направленіи и уже 29 января армія Буденнаго двинулась въ направленіи на Тихорѣцкую.

Конной группѣ ген. Павлова поручено было ликвидировать это движеніе ударомъ на Торговую и здѣсь на поляхъ, бывшихъ въ прошломъ году ареной побѣдоносныхъ боевъ ген. Врангеля, разразился въ началѣ февраля тяжелый ударъ надъ донскою конницей.

Въ рѣдкій на югѣ 24 градусный морозъ, при сильномъ вѣтрѣ, десятитысячная группа ген. Павлова въ теченіе 4 дней обмерзала въ безлюдныхъ степяхъ Маныча, потерявъ въ этой борьбѣ со стихіей больше половины своего наличнаго состава.

---

* Въ совѣщаніи участвовали: Главнокомандующій ген. А. И. Деникинъ, начальникъ его штаба ген. И. П. Романовскій, Командующіе Донской и Кавказской арміями и Добровольческимъ корпусомъ, президіумъ Верховнаго и Войсковыхъ круговъ, атаманы и предсѣдатели правительствъ Дона, Кубани и Терека.

** Протоколы засѣданій Верховнаго Круга отъ 22 и 23 января.

*** Здѣсь, повидимому, имѣются въ виду крупные успѣхи донцевъ и добровольцевъ въ бояхъ съ Думенко и Буденнымъ 15 и 16 января 1920 года.

**** Протоколъ засѣданія Верх. Круга отъ 24 января.

Почти одновременно, красными въ районѣ Бѣлой Глины и Песчанокопской были разгромлены только что сформированныя части кубанскаго корпуса ген. Крыжановскаго.

«Ставропольское направленіе» стало опять играть значительную роль.

XXX.

Агонія Ставрополя. Послѣдніе губернаторы и вице-губернаторы. Военная муштра служащихъ. Либо эвакуація – либо полевой судъ. Разстрѣлъ тюрьмы. Паника въ городѣ. Полоса успокоенія. Вызовъ въ Екатеринодаръ.

Съ января 1920 года Ставрополь медленно агонизировалъ.

Губернаторствовалъ въ Ставрополѣ въ это время ген. Мустафинъ, но судя по нѣкоторымъ распоряженіямъ, бремя управленія дѣлилъ съ ген. Мустафинымъ и находившійся въ Ставрополѣ же Астраханскій губернаторъ Б. Э. Крыштафовичъ.

Вице-губернаторовъ тоже было нѣсколько, такъ что, помню, если получалось приглашеніе явиться къ губернатору, то обычно спрашивали.

– Къ какому: Ставропольскому или Астраханскому?

Если же вызовъ шелъ отъ вице-губернаторъ, то спрашивали:

– Брянчанинову, Шеншину или Попову?

Городъ былъ заполненъ бѣжавшими изъ уѣзда чинами государственной стражи, растерявшими свое начальство и искавшими руководства и указаній всюду, до земской управы, включительно, т. е. тамъ, гдѣ они его получить не могли.

Въ сферѣ политическаго розыска пріобрѣла вліяніе колоритная фигура полк. Будаговскаго, пытавшагося еще ранѣе ввести въ обиходъ ужъ слишкомъ упрощенные пріемы ущемленія.

Мнѣ, напримѣръ, извѣстенъ такой случай раскрытія въ Ставрополѣ «заговора».

Въ почтовой конторѣ было задержано письмо, адресованное, не помню сейчасъ кому, гласнымъ городской думы, адвокатомъ Е. А. Дементѣевымъ.

Въ письмѣ этомъ, подписанномъ не только именемъ и фамиліей, но и отчествомъ Дементѣева, разрабатывался подробный планъ возстанія въ Ставрополѣ, причемъ въ качествѣ руководителей возстанія указывались предсѣдатель правленія Союзъ-Банка Л. Г. Малій, Предсѣдатель Правленія кооператива И. П. Соколовъ и, не помню сейчасъ, кто еще.

Всѣ эти лица были арестованы, и началось сенсаціонное дѣло о мѣстномъ заговорѣ.

Къ счастью, въ производствѣ по дѣлу оказалось и подлинное письмо г. Дементѣева, послужившее нитью къ раскрытію заговора, но нить эта оказалась производства совсѣмъ не г. Дементѣева, что явно обнаружилось изъ сличенія почерковъ и наивнаго писарского текста письма.

Дѣло о «заговорѣ» было ликвидировано, а о пріемахъ розыска было доведено до свѣдѣнія Управленія Внутреннихъ Дѣлъ.

На площадяхъ города шла нудная, опереточная муштра служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, наталкивавшая населеніе на мысль, ито, вѣроятно, дѣла на фронтѣ ужъ очень не хороши, если пожилому члену суда или бухгалтеру казенной палаты приходится по утрамъ обучаться ружейнымъ пріемамъ.

Въ концѣ января 1920 года и. о. Ставропольскаго вице-губернатора А. А. Поповымъ было издано отъ имени военнаго губернатора слѣдующее оригинальное распоряженіе:

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Симъ объявляется, что, согласно распоряженію Ставропольскаго Военнаго Губернатора, всѣ служащіе Ставропольскаго Губернскаго Управленія, какъ состоящіе на государственной службѣ, такъ и по вольному найму, обязаны при эвакуаціи Губернскаго Управленія выѣхать изъ гор. Ставрополя, вмѣстѣ съ нимъ, въ противномъ случаѣ всѣ служащіе, оставшіеся въ гор. Ставрополѣ, безъ особаго на то распоряженія или разрѣшенія Военнаго Губернатора, будутъ имъ преданы военно-полевому суду. Лица, почему либо не могущія выѣхать вмѣстѣ съ Губернскимъ Управленіемъ, обязаны сего числа до 3 часовъ дня по мѣстному времени подать докладную записку Исп. об. Вице-Губернатора А. А. Попову объ увольненіи ихъ отъ службы съ возвращеніемъ полученнаго впередъ содержанія за три мѣсяца, при чемъ отъ А. А. Попова будетъ зависѣть удовлетворить или нѣтъ ходатайство объ увольненіи отъ службы, въ зависимости отъ того, необходимо ли данное лицо для Губернскаго Управленія или же нѣтъ.

Подписалъ: Исп. об. Ставропольскаго
Вице-Губернатора ПОПОВЪ.

28 января 1920 года.

Въ такомъ же порядкѣ въ концѣ января, подъ окрики губернатора Мустафина и «добавочнаго» вице-губернатора Шеншина, эвакуировались и другія учрежденія, чины которыхъ, выброшенные безъ всякаго толку изъ Ставрополя, вмѣстѣ со своими семьями, сначала болѣли, голодали и мерзли въ нетопленныхъ вагонахъ*, а потомъ, переброшенные въ Новороссійскъ, принуждены были эвакупроваться дальше, — за предѣлы Россіи.

Казалось бы, дальше подобныхъ распоряженій г. г. Мустафиныхъ и Шеншиныхъ идти некуда. Но въ городѣ стали носиться слухи о готовящихся по завершеніи эвакуаціи разстрѣлѣ тюрьмы и о разрушеніи городской электрической станціи и водопровода.

Воспользовавшись пріѣздомъ въ Ставрополь Командующаго Кубанской арміей ген. А. Г. Шкуро, городской голова довелъ до его свѣдѣнія объ этихъ волнующихъ населеніе слухахъ и получилъ отъ ген. Шкуро завѣреніе, что подобныя дѣйствія имъ, Командующимъ арміей, допущены не будутъ.

Но стоило только Командующему арміей отбыть изъ Ставрополя, какъ вице-губернаторъ Шеншинъ, вызвавъ въ губернаторскій домъ начальника окарауливающей тюрьму воинской части, передалъ «словесное распоряженіе» Командующаго арміей ликвидировать ночью по списку содержащихся въ тюрьмѣ арестантовъ.

Подъ утро населеніе было встревожено ружейными залпами, а затѣмъ быстро по городу разнеслась вѣсть о лежащихъ въ полѣ у Холоднаго Родника 60 или 80 еще теплыхъ трупахъ.

Жители окраинъ бросились разыскивать родственниковъ среди безсудно казненныхъ. Нѣкоторые раненые сами приползли въ городъ и разсказали подробности этой кошмарной бойни.

Населеніе окраинъ, да и не только окраинъ, открыто посылало свои проклятія губернатору Мустафину и его сподвижникамъ, поставившимъ мирное населеніе подъ угрозу возможной расправы за эту бойню при вступленіи въ городъ красныхъ, появленіе которыхъ въ городѣ мѣрами ставропольскихъ администраторовъ было ускорено.

---

* 30 января 1920 года я получилъ отъ предсѣдателя Ставропольскаго суда К. И. Телятникова такую телеграмму: «Сидимъ на ст. Армавиръ, нѣтъ дровъ, мерзнемъ. Переговорите съ губернаторомъ. Въ случаѣ возможности буду просить Предсѣдателя Правительства о возвращеніи суда въ Ставрополь».

Напряженное ожиданіе надвигающейся катастрофы было столь велико, что въ небывалый снѣжный буранъ, подъ вечеръ 6 февраля, началось, точно по сигналу, паническое бѣгство изъ Ставрополя.

Метель и паника достигли такихъ размѣровъ, что воинскіе, полицейскіе и бѣженскіе обозы заблудились уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, чтобы согрѣться — стали жечь имущество и подводы, изъ прилегающаго же лѣса хлопали выстрѣлы заблудившихся одиночекъ, усиливая еще больше панику.

Когда разсвѣло, городскія опытныя поля и Грушевскій спускъ, гдѣ сбились съ дороги отступавшіе, представляли батальный пейзажъ, усѣянный разбитыми патронными ящиками, полуобгорѣлымъ имуществомъ и, увы, трупами уже окоченѣвшихъ людей.

Черезъ день въ станицѣ Сенгилеевской, куда собрались послѣ ночной паники воинскія части и бѣженцы, было получено извѣстіе, что тревога была преждевременной и въ Ставрополѣ сравнительно спокойно.

Воинскія части и полицейская стража начали возвращаться въ городъ.

Чуть ли не въ этотъ же день было получено сообщеніе о занятіи добровольческими частями Ростова, и наступило временное успокоеніе.

Въ качествѣ оставшагося въ Ставрополѣ старшаго чина окружного суда, я получилъ отъ военнаго губернатора «въ порядкѣ военнаго управленія» предложеніе приступить, вмѣстѣ съ оставшимися въ Ставрополѣ чинами судебнаго вѣдомства, къ исполненію необходимыхъ судебныхъ дѣйствій, вызываемыхъ требованіями жизни.

Не взирая на то, что распоряженіемъ того же военнаго губернатора судъ былъ эвакуированъ, — «мы приступили».

Но руководить этими дѣйствіями мнѣ пришлось недолго, ибо вскорѣ я получилъ отъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ Н. М. Мельникова срочный вызовъ въ Екатеринодаръ для переговоровъ о моемъ вступленіи въ составъ Южно-Русскаго правительства.

XXXI.

По дорогѣ въ Екатеринодаръ. На станціи Кавказской. Въ поѣздѣ ген. А. Г. Шкуро. Составъ Южно-Русскаго правительства. Бесѣда съ Н. М. Мельниковымъ и Н. В. Чайковскимъ. Приказъ объ утвержденіи въ званіи министра юстиціи.

Получивъ справку изъ штаба губернатора о сравнительно прочномъ положеніи Ставрополя, я выѣхалъ 15 февраля съ санитарной летучкой въ Армавиръ, чтобы оттуда пробираться къ Екатеринодару.

Изъ Армавира пришлось выѣхать только на другой день на развѣдочномъ паровозѣ, ибо на Кавказской происходило что-то непонятное и поѣзда въ томъ направленіи не шли.

Поздно вечеромъ паровозъ безъ огней подошелъ къ Кавказской. Тамъ царила мертвая тишина.

Въ залахъ станціоннаго зданія, на полу и сдвинутыхъ столахъ спали вповалку солдаты. У вокзала стоялъ наготовѣ сборный служебный поѣздъ, въ который перемѣстились и чины, обслуживающіе станцію. Желѣзнодорожные пути, обычно забитые составами, были пусты.

Мнѣ объяснили, что незадолго до моего пріѣзда былъ отбитъ налетъ на станцію красныхъ и ожидается новый налетъ. На мой вопросъ, какъ мнѣ пробраться въ Екатеринодаръ, дежурный по станціи лишь развелъ безпомощно руками.

На мое счастіе къ станціи подошелъ не ожидавшійся съ юга наливной поѣздъ. Я воспользовался этимъ подаркомъ судьбы и на утро 17 февраля выѣхалъ въ этомъ «экспрессѣ» до ст. Усть-Лабы, дальше которой поѣздъ не шелъ.

Въ Усть-Лабѣ, забитой формируемыми Кубанскими частями, находился штабъ Кубанскаго командарма. Тамъ мнѣ сказали, что съ минуты на минуту ожидается проѣздъ черезъ станцію ген. Шкуро.

Дѣйствительно, передъ вечеромъ къ станціи приблизился «train de luxe» ген. Шкуро съ собственной электрической станціей и оскаленными волчьими пастями на вагонѣ, гдѣ помѣщался Командующій.

Я былъ приглашенъ въ столовую ген. Шкуро, залитую, точно зала кинематографа, безчисленными лампіонами. По угламъ стояли прекрасныя чучела волковъ.

Во время обѣда я разсказалъ Командующему о Ставропольской бойнѣ арестованныхъ, произведенной будто бы по его распоряженію.

— Врутъ, — возмутился Шкуро. — Когда я тамъ былъ, мнѣ доложили, что тюрьма разбита на три категоріи: первую я приказалъ немедленно освободить, вторую въ послѣдній моментъ, а третью...

Генералъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой.

— То-есть, вывезти, — затѣмъ пояснилъ онъ. Это ужъ дѣло рукъ Мустафина и Шеншина.

— Да, кстати, — добавилъ Шкуро, вѣдь Ставрополь-то мы вчера сдали.

— Какъ сдали?

— Да, такъ — не выдержали вояки. Но не унывайте, скоро мы его опять отобьемъ.

Такимъ образомъ, я вторично оказался отрѣзаннымъ отъ родного угла и семьи, и на этотъ разъ уже на многіе годы.

Въ концѣ обѣда къ Командующему подошелъ штабъ-офицеръ съ раздаточной вѣдомостью.

— Благоволите, Ваше Превосходительство, расписаться въ полученіи содержанія.

— Сколько? — спросилъ ген. Шкуро.

Офицеръ назвалъ сумму.

— Столько-то? Не желаю. Дай карандашъ, такъ и напишу: не же-ла-ю! Что они смѣются, что-ли?

— Ваше Превосходительство, — вмѣшался пожилой генералъ, начальникъ штаба арміи, — конечно, сумма для Васъ мизерна, но отчего бы Вамъ не роздать ее ну, хотя бы казачьимъ женамъ?

— А вѣдь правда, — согласился Шкуро, — дай резинку.

Ген. Шкуро расписался и принялъ пачку денегъ.

Начальникъ штаба попросилъ разрѣшенія Командующаго приступить къ докладу. Я откланялся и пошелъ на ночлегъ въ другой вагонъ попроще, наполненный — «до отказа» боевыми, истощенными офицерами.

---

18 февраля, по пріѣздѣ въ Екатеринодаръ, я узналъ, что Совѣтъ Министровъ отбылъ въ Новороссійскъ для пріема дѣлъ отъ прежнихъ Управленій, и воспользовался нѣсколькими днями до возвращенія Н. М. Мельникова, чтобы сколько-нибудь ориентироваться въ общемъ положеніи.

Въ Ставрополѣ въ послѣднее время мы жили обрывками случайно долетавшихъ до насъ слуховъ.

Наоборотъ, Екатеринодаръ, въ которомъ сходились линіи разнообразныхъ вліяній и въ которомъ, какъ въ Гамбургѣ, дѣлали политическую «луну», былъ первоисточникомъ и центромъ клокочущаго вулкана борьбы.

Здѣсь я впервые узналъ списокъ лицъ, частью уже вошедшихъ въ составъ правительства, частью предполагавшихся къ назначенію.

Въ составъ кабинета Н. М. Мельникова, — бывшаго передъ этимъ предсѣдателемъ Донского правительства, уже вошли: начальникъ штаба Донской арміи ген. А. К. Кельчевскій* — военнымъ и морскимъ министромъ, ген. Н. Н. Баратовъ — министромъ иностранныхъ дѣлъ, бывшій комиссаръ Временнаго Правительства въ Ростовѣ В. Ф. Зеелеръ — внутреннихъ дѣлъ, Членъ Верховнаго Круга донецъ П. М. Агѣевъ — земледѣлія, проф. М. В. Бернацкій — финансовъ, кубанецъ Л. В. Звѣревъ — путей сообщенія, Новороссійскій общественный дѣятель Ф. С. Леонтовичъ — торговли и промышленности, бывшій премьеръ Кубанскаго правительства Ф. С. Сушковъ — народнаго просвѣщенія и Кубанскій общественный дѣятель Н. С. Долгополовъ — здравоохраненія.

Предполагалось вступленіе въ составъ кабинета члена «Политическаго совѣщанія» въ Парижѣ Н. В. Чайковскаго — съ портфелемъ министра политическаго образованія, члена Кубанской Рады, Я. Л. Щупляка — министромъ продовольствія и Н. Г. Дитрихсона — Государственнымъ Контролеромъ**.

Такимъ образомъ, въ составѣ министровъ предполагалось предоставить наибольшее количество мѣстъ кубанцамъ: Ф. С. Сушковъ, Л. В. Звѣревъ, Н. С. Долгополовъ и Я. Л. Щуплякъ, три — донцамъ: Н. М. Мельниковъ, ген. А. К. Кельческій и П. М. Агѣевъ***, два — ставропольцамъ, и по одному терцамъ и черноморцамъ — ген. Н. Н. Баратовъ и Ф. С. Леонтовичъ.

Это былъ кабинетъ мѣстныхъ силъ съ преобладаніемъ представителей казачьихъ земель.

По конструкціи соглашенія Главнаго Командованія съ Верховнымъ Кругомъ, исполнительная власть Совѣта Министровъ, за исключеніемъ министровъ военно-морского и путей сообщенія, являлась отвѣтственной передъ Законодательной Палатой, подготовительныя мѣры по созыву которой въ спѣшномъ порядкѣ возлагались на временную законодательную комиссію.

Чтобы провѣрить, насколько конструкція достигнутаго соглашенія и персональный составъ кабинета отвѣчаютъ дѣйствительнымъ жланіямъ будирующаго казачества, я повидался съ нѣсколькими участниками Верховнаго Круга и, въ частности, съ предсѣдателемъ его, И. П. Тимошенко, котораго знавалъ еще въ Ставрополѣ въ 1906 году.

Мнѣ казалось, что сложившаяся военная обстановка, дѣлавшая территорію Ставрополья и Кубани ареной послѣдней рѣшительной схватки съ катящимся краснымъ валомъ, налагаетъ сугубую обязанность сосредоточенныхъ и искреннихъ дѣйствій всѣхъ борющихся силъ въ этотъ исключительно чреватый послѣдствіями моментъ, съ другой же стороны наличность достаточнаго числа бойцовъ и снаряженія и начавшіеся было успѣхи южныхъ армій — вселяли надежду въ возможность и необходимость объединеннаго напряженія воли къ побѣдѣ. На поставленный мною вопросъ, насколько казачество искренно пріемлетъ новую власть, И. П. Тимошенко отвѣтилъ:

---

* Во все время моего пребыванія въ составѣ Правительства ген. Кельчевскій находился на фронтѣ и его замѣщалъ въ военно-морскомъ вѣдомствѣ его помощникъ ген. В. Е. Вязьмитиновъ.

** Назначеніе Н. Г. Дитрихсона, въ связи съ темпомъ событій, не состоялось.

*** Территоріально къ донцамъ же примыкалъ и В. Ф. Зеелеръ, общественный дѣятель и комиссаръ Вр. Правительства въ Ростовѣ на Дону.

— Не раздумывайте и не откладывайте своего вхожденія въ кабинетъ. Будемъ всѣ вмѣстѣ работать*.

Окончательное рѣшеніе вылилось у меня послѣ бесѣды съ вернувшимся изъ Новороссійска Н. М. Мельниковымъ, котораго я цѣнилъ и уважалъ, какъ безупречнаго дѣятеля крупнаго масштаба, и съ Н. В. Чайковскимъ, обаятельный и благородный обликъ котораго будетъ лучшимъ воспоминаніемъ изъ цикла моихъ житейскихъ встрѣчъ.

24 февраля 1920 года состоялся приказъ Главнокомандующаго объ утвержденіи Н. В. Чайковскаго въ званіи члена Совѣта Министровъ и меня въ званіи Министра Юстиціи территоріи вооруженныхъ силъ юга Россіи.

Въ тотъ же день я получилъ приглашеніе принять участіе въ засѣданіи Совѣта Министровъ.

XXXII.

Наканунѣ декларацiи Южно-Русскаго Правительства. Обѣщаніе амнистіи кубанцамъ. Выступленіе на Верховномъ Кругѣ. «Привѣтствіе» предсѣдателя Круга И. П. Тимошенко. Отказъ Главнокомандующаго отъ амнистіи. Попытка кубанцевъ упразднить соглашеніе. Наканунѣ оставленія Екатеринодара. Мѣры для охраны больныхъ и раненыхъ.

Екатеринодаръ клокоталъ въ эти дни самыми разнообразными настроеніями и вліяніями.

Въ казачьихъ сферахъ наблюдалась надломленность вѣры и предчувствіе краха въ ближайшемъ будущемъ.

Въ ставкѣ Главнаго Командованія, наоборотъ, преобладалъ оптимизмъ: силъ для отпора достаточно, только бы нашли волю и разумъ Кубанцы къ побѣдѣ.

По возвращеніи изъ Новороссійска Совѣтъ Министровъ предполагалъ въ ближайшіе же дни выступить передъ Верховнымъ Кругомъ съ программной декларацiей, текстъ которой былъ выработанъ Н. В. Чайковскимъ.

Одновременно, чтобы смягчить воспоминанія Кубанцевъ о ноябрьскихъ событіяхъ въ Екатеринодарѣ, министры просили Главнокомандующаго объ объявленіи амнистіи Кубанцамъ, потерпѣвшимъ гоненіе въ ноябрѣ 1919 года.

Поздно вечеромъ, 25 февраля, Н. М. Мельниковъ, возившій текстъ декларацiи А. И. Деникину, сообщилъ о послѣдовавшемъ согласіи Главнокомандующаго на предоставленіе амнистіи Кубанцамъ.

На слѣдующій день, 26 февраля, состоялась первая встрѣча Совѣта Министровъ Южно-Русскаго Правительства съ Верховнымъ Кругомъ Дона, Кубани и Терека.

Предсѣдатель Круга И. П. Тимошенко, открывъ засѣданіе, доложилъ, что къ нему поступило заявленіе Южно-Русскаго Правительства о желаніи выступить передъ Кругомъ съ декларацiей:

— Но съ этимъ Правительствомъ, — заявилъ И. П. Тимошенко, — ни въ какой органической связи мы не находимся, да къ тому же не знаемъ, гдѣ это Правительство будетъ развивать свою дѣятельность, — быть можетъ, въ теплыхъ краяхъ?... Поэтому будемъ считать эту декларацію просто сообщеніемъ.

Послѣ этого И. П. Тимошенко передалъ предсѣдательствованіе своему замѣстителю, и покинулъ залу засѣданій.

Послѣ недавней бесѣды съ И. П. Тимошенко меня поразилъ столь скорый переходъ его къ легкимъ тонамъ при первой же встрѣчѣ съ людьми, среди которыхъ

---

* Насколько этотъ отвѣтъ былъ искрененъ, я убѣдился уже черезъ нѣсколько дней.

былъ Н. В. Чайковскій, пользовавшійся признаніемъ и уваженіемъ уже въ тѣ годы, когда г. Тимошенко не носилъ не только казачьей черкески, но и просто мальчишескихъ штановъ.

Почти передъ выступленіемъ Н. М. Мельникова на трибуну, ему доложили о просьбѣ Главнокомандующаго не упоминать въ своей рѣчи о предполагающейся амнистіи кубанцамъ, такъ какъ Главнокомандующій передумалъ.

Оглашенная декларація была* принята Верховнымъ Кругомъ молчаливо. Когда Н. М. Мельниковъ уже сходилъ съ трибуны, раздалось нѣсколько голосовъ:

---

* Вотъ текстъ декларація:

«Во имя спасенія Родины и возрожденія ея на основахъ народовластія, по соглашенію Главнокомандующаго Вооруженными Силами Юга Россіи съ демократическимъ представительствомъ Дона, Кубани и Терека, на Югѣ Россіи образована новая власть, осуществляемая: Главнокомандующимъ Вооруженными Силами Юга Россіи Антономъ Ивановичемъ Деникинымъ какъ главою власти, Законодательной Палатой и Совѣтомъ Министровъ, отвѣтственныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ передъ Законодательной Палатой изъ свободно избранныхъ представителей населенія.

Совѣтъ Министровъ образованъ въ слѣдующемъ составѣ:
Николай Михайловичъ Мельниковъ (Предсѣдатель Совѣта Министровъ),
Генералъ-Лейтенантъ Анатолій Кипріановичъ Кельчевскій (Военный и Морской Мин.),
Николай Николаевичъ Баратовъ (Министръ Иностранныхъ Дѣлъ),
Владиміръ Феофиловичъ Зеелеръ (Министръ Внутреннихъ Дѣлъ),
Василій Михайловичъ Красновъ (Министръ Юстиціи),
Павелъ Михайловичъ Агѣевъ (Министръ Землеустройства и Земледѣлія),
Михаилъ Владимировичъ Бернацкій (Министръ финансовъ),
Леонидъ Владимировичъ Звѣревъ (Министръ Путей Сообщенія),
Федоръ Степановичъ Леонтовичъ (Министръ Торговли и Промышленно),
Филиппъ Семеновичъ Сушковъ (Министръ Народнаго Просвѣщенія),
Николай Савичъ Долгополовъ (Министръ Здравоохраненія и Призрѣнія),
Яковъ Лаврентьевичъ Щуплякъ (Министръ Продовольствія),
Николай Васильевичъ Чайковскій (Членъ Совѣта Министровъ).

Южно-Русское Правительство ставитъ своей задачей возстановленіе русской государственности черезъ Учредительное Собраніе на началахъ всенароднаго представительства и отвѣтственности власти. Оно стремится использовать демократическую государственность для проведенія и осуществленія въ жизни коренныхъ экономическихъ и соціальныхъ реформъ въ интересахъ народа и прежде всего трудящихся крестьянъ, казаковъ и рабочихъ.

Мелкая собственность трудового типа – общинная, товарищеская, подворная или единоличная – сохраняется въ полной неприкосновенности за ихъ нынѣшними законными владѣльцами. Вся земля, чья бы она ни была, превышающая опредѣленную законную норму, немедленно и въ полномъ объемѣ поступаетъ въ распредѣленіе между нуждающимися въ землѣ съ выдачей правительственными органами соотвѣтствующихъ документовъ. На этихъ основаніяхъ, впредь до разрѣшенія земельнаго вопроса въ полномъ объемѣ Учредительнымъ Собраніемъ, будетъ изданъ въ срочномъ порядкѣ временный законъ о землѣ. Владѣльцы отчуждаемыхъ земель устраняются отъ переговоровъ и расчетовъ съ новыми владѣльцами. Переговоры и расчеты по земельнымъ дѣламъ ведетъ Правительство черезъ особые его органы, созданные на демократическихъ началахъ.

Земельные законы Дона, Кубани и Терека проводятся въ жизнь мѣстными законодательными учрежденіями.

По вопросу рабочему Правительство приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы условія и оплата труда обезпечивали рабочему и служащему существованіе, достойное гражданина свободной страны. Правительство беретъ на себя совмѣстно съ профессіональными организаціями охрану интересовъ трудящихся и приметъ мѣры къ страхованію ихъ отъ увѣчій, инвалидности, болѣзни и старости. Правительство предоставитъ трудовому населенію выгоды крупнаго капитала черезъ кооперативныя организаціи, содѣйствуя развитію послѣднихъ.

Правительство поставитъ на мѣстахъ честную администрацію, вся дѣятельность которой будетъ проникнута законностью и будетъ обезпечивать жизнь, свободу, честь и достояніе гражданъ. Власть отвѣтственная и твердая будетъ неуклонно проводить въ жизнь указанія центральнаго правительства и установитъ столь нужный для гражданъ порядокъ. Городскія и земскія самоуправленія будутъ возстановлены на основахъ всеобщаго голосованія.

Правительство будетъ вести безпощадную борьбу съ моральнымъ разваломъ, со взяточни-

– А амнистія?

Н. Н. Баратовъ, обратившійся къ Верховному Кругу съ горячимъ призывомъ о единеніи всѣхъ борющихся силъ и о поддержкѣ Правительства, нѣсколько поднялъ настроеніе, но все же стало очевидно, что на установленіе «органической связи» Верховнаго Круга съ Южно-Русскимъ Правительствомъ надежды мало.

чествомъ, спекуляціей, сведеніемъ личныхъ счетовъ, и всемѣрно пойдетъ навстрѣчу проявленію творческихъ силъ населенія и повышенію производительности труда.

Правительство обезпечитъ каждому свободу исповѣданія и защититъ религію и святыни отъ поруганій и насилій.

Правительство, ставя своей задачей снабженіе населенія необходимыми товарами въ достаточномъ количествѣ на основахъ правильнаго товарообмѣна, приметъ всѣ мѣры къ возстановленію нормальной работы желѣзныхъ дорогъ и водныхъ сообщеній.

Признавая просвѣщеніе основой благосостоянія народнаго, Правительство приложитъ всѣ усилія къ возстановленію и поддержанію разрушенныхъ и къ насажденію и развитію новыхъ культурныхъ и образовательныхъ учрежденій.

Въ области внѣшнихъ отношеній Правитеельство намѣрено охранять преемство политики, которое выражается въ тѣснѣйшемъ единеніи съ Великими Западными Демократіями и съ Великой Заатлантической Республикой, спаянныхъ съ Россіей общей борьбой за истинную свободу и справедливость. Правительство не забудетъ, что Союзныя Націи своей побѣдой разрубили тотъ узелъ, который былъ затянутъ на шеѣ русскаго народа Брестъ-Литовскимъ мирнымъ договоромъ. Оно не забудетъ и того, что, освободивъ Россію отъ одного насилія, Западныя Державы тотчасъ же протянули руку помощи русскимъ національно-мыслящимъ кругамъ противъ изувѣрства и насилій новыхъ деспотовъ, захватившихъ власть на Русской Землѣ и залившихъ ее братской кровью. Державы, очевидно, побуждались къ этому сознаніемъ тѣхъ громадныхъ жертвъ, которыя были принесены русскимъ народомъ для общей побѣды союзниковъ.

Правительство будетъ стремиться въ вящему закрѣпленію узъ дружбы съ Союзными Державами и приложитъ всѣ усилія къ налаженію взаимныхъ торгово-экономическихъ отношеній, столь важныхъ въ обоюдныхъ интересахъ при современномъ потрясеніи хозяйственнаго строя во всемъ мірѣ.

Столь же горячо Правительство будетъ работать надъ развитіемъ преемственныхъ узъ братской дружбы съ единокровными намъ славянскими странами, нынѣ вышедшими на путь свободнаго развитія своихъ культурно-національныхъ и производительныхъ силъ. Славянское единеніе необходимо въ цѣляхъ обезпеченія Европѣ длительнаго и прочнаго мира.

Въ частности, Правительство озаботится упроченіемъ отношеній съ Польшей, независимость которой Россія, въ лицѣ Временнаго Правительства, признала первою изъ всѣхъ державъ и тѣмъ явила міру искреннее желаніе предать забвенію всѣ прежнія русско-польскія недоразумѣнія. Мы твердо вѣримъ, что въ новой эрѣ, которая открылась передъ обоими братскими народами, не будетъ мѣста прежнимъ грѣхамъ ни съ той, ни съ другой стороны.

Со всѣми нашими сосѣдями и друзьями мы хотимъ жить въ мирѣ и согласіи, ибо никто сейчасъ болѣе Россіи не нуждается въ мирѣ, чтобы залѣчить раны, нанесенныя ей великой войной и великой анархіей большевиковъ. Только по отношенію къ послѣднимъ мы остаемся и останемся до конца непримиримыми, ибо пока не пораженъ большевизмъ, растоптавшій въ грязи великіе завѣты свободы, равенства и братства, не будетъ мира и счастья не только на Руси, но и во всемъ мірѣ.

Россія выйдетъ изъ своихъ страданій духовно обновленною и это обновленіе должно прежде всего отразиться на взаимоотношеніяхъ всѣхъ населяющихъ ее народностей. Особенныя старанія Правительство приложитъ къ налаженію вполнѣ дружественныхъ взаимоотношеній съ ближайшими къ намъ Закавказскими образованіями, – Грузіей, Азербейджаномъ и Арменіей.

Мы мыслимъ Россію единой и великой, но это не является отрицаніемъ культурныхъ, національныхъ и исторически сложившихся особенностей, входящихъ въ ея составъ частей. Уже нынѣ мы заявляемъ о признаніи нами самостоятельности существованія фактическихъ Правительствъ окраинъ, ведущихъ борьбу съ большевиками. Мы считаемъ, что установленіе будущихъ отношеній окраинъ къ Россіи совершится путемъ договора обще-русскаго Правительства съ окраинными Правительствами, причемъ допускается посредничество Союзныхъ Державъ. Мы вѣримъ, что когда будетъ пораженъ большевизмъ, передъ пепстовствомъ котораго содрогнулся весь образованный міръ, всѣ народы, населяющіе Россію, сразу увидятъ и поймутъ, насколько ихъ собственными національными, культурными и хозяйственными интересами повелительно диктуется единеніе съ великимъ русскимъ народомъ, отказавшимся безвозвратно отъ системы угнетенія слабѣйшихъ, а готовымъ, наоборотъ, пріобщить ихъ къ общему подвигу строенія зданія Великой, новой, Свободной Россіи».

Учтя это, Кубанская фракція Верховнаго Круга въ тотъ же вечеръ поставила вопросъ о пересмотрѣ рѣшенія о соглашеніи съ Главнымъ Командованіемъ, но предложеніе кубанцевъ было отвергнуто большинствомъ всѣхъ противъ голосовъ кубанцевъ.

Событія развивались такъ быстро, что объ органической работѣ не могло быть и рѣчи.

Вся атмосфера, царившая въ эти дни въ Екатеринодарѣ, была насыщена ощущеніемъ приближающейся катастрофы.

Городъ былъ забитъ больными и ранеными, которыхъ полностью не представлялось возможнымъ вывезти, и переполненъ сверхъ мѣры бѣженцами, ютившимися за отсутствіемъ крова со всѣмъ своимъ скарбомъ таборами подъ открытымъ небомъ.

Всѣхъ насъ удручала мысль, что будетъ съ больными, ранеными и безпріютными бѣглецами при вступленіи красныхъ полчищъ въ этотъ очагъ «казачьей контръ-революціи».

Совѣтомъ, по соглашенію съ Главнокомандующимъ, мнѣ было поручено попытаться продѣлать тотъ опытъ, который далъ положительные результаты въ 1918 году, когда Добровольческое Командованіе рискнуло оставить въ ст. Дядьковской своихъ больныхъ и раненыхъ на попеченіи освобожденныхъ большевиковъ, давшихъ слово оберечь раненыхъ отъ расправы.

Ген. Деникинъ такъ описываетъ этотъ эпизодъ въ ст. Дядьковской. — ...«Врачи составили списокъ раненыхъ, не могущихъ выдержать перевозки, которыхъ оказалось около 200; станичный сборъ постановилъ принять ихъ на свое попеченіе; оставлена была извѣстная сумма денегъ, врачъ, сестры и нѣсколько заложниковъ, выведенныхъ кубанцами изъ Екатеринодара, среди которыхъ былъ вліятельный большевикъ Лиманскій, давшій слово оберечь раненыхъ и исполнившій добросовѣстно свое обѣщаніе»*.

Въ Кубанской краевой тюрьмѣ содержался въ эти дни тотъ самый «вліятельный большевикъ Лиманскій», который, по свидѣтельству ген. Деникина, уже однажды добросовѣстно выполнилъ данное имъ обѣщаніе**.

Я пробылъ 27 и 28 февраля въ корпусахъ Кубанской тюрьмы, обойдя всѣ ея помѣщенія и выслушавъ заявленія содержавшихся въ ней.

Подъ вечеръ 28 февраля при участіи А. Лиманскаго былъ составленъ списокъ 29 лицъ, подлежавшихъ освобожденію. При мнѣ лица эти покинули помѣщеніе тюрьмы съ выданными за моею подписью удостовѣреніями.

Передъ отъѣздомъ я обратился къ тюремной администраціи и стражѣ съ напоминаніемъ, что какія бы то ни было безсудныя расправы и насильственныя дѣйствія надъ заключенными не могутъ быть допущены, и что военная власть обѣщала принять всѣ мѣры къ огражденію порядка.

Когда я возвращался изъ тюрьмы, улицы были заполнены безпрерывной лентой военныхъ и бѣженскихъ обозовъ и кое-гдѣ на окраинахъ хлопали выстрѣлы.

На другой день я довелъ до свѣдѣнія члена Кубанскаго Правительства по дѣламъ юстиціи, г. Сулятицкаго о мѣрахъ, предпринятыхъ мною въ Кубанской тюрьмѣ, и обратилъ вниманіе его, что за учрежденіями Кубанскаго Правительства числятся 169 лицъ въ порядкѣ, противорѣчащемъ требованіямъ закона.

---

* Ген. А. И. Деникинъ. «Очерки Русской Смуты», т. II, стр. 311.

** Числился А. Лиманскій за Главнымъ Военнымъ и Военно-морскимъ Прокуроромъ вооруж. силъ Юга Россіи по обвиненію «въ большевизмѣ».

XXXIII.

Отъѣздъ изъ Екатеринодара. Въ пути. Возвращеніе въ Екатеринодаръ Л. В. Звѣрева, В. Ф. Зеелера и Н. С. Долгополова. Встрѣча съ г. Т. Послѣдніе дни Екатеринодара. Временный комитетъ. Будированіе кубанцевъ. Переговоры ихъ о личныхъ гарантіяхъ. Паденіе Екатеринодара.

29 февраля поѣздъ Главнокомандующаго отбылъ изъ Екатеринодара, а на другой день отошелъ въ Новороссійскъ поѣздъ Правительства.

Я не берусь описывать жуткихъ картинъ, развертывавшихся передъ глазами во время пути.

Поѣздъ медленно двигался вдоль сплошного потока перемѣшанныхъ человѣческихъ массъ, обозовъ, подводъ и кибитокъ. Это былъ поистинѣ великій исходъ народа, заполнившаго своею движущейся массой, кибитками и гуртами скота, всѣ дороги и широкую полосу прилегающихъ полей.

Дулъ сильный вѣтеръ. Начиналась метель.

Выведя поѣздъ на нѣсколько станцій отъ Екатеринодара, министръ путей сообщеній Л. В. Звѣревъ отбылъ на дрезинѣ обратно въ городъ. Вмѣстѣ съ нимъ выѣхали въ Екатеринодаръ В. Ф. Зеелеръ и Н. С. Долгополовъ.

Поѣздъ нашъ двигался до Новороссійска трое сутокъ, уступая дорогу иногда по расписанію, но чаще въ нарушеніе его, поѣздамъ, вооруженные пассажиры которыхъ, не желая считаться ни съ какими графиками, съ нагайками и револьверами въ рукахъ, заставляли продвигать ихъ поѣзда дальше.

Къ намъ то и дѣло поступали жалобы на учиненныя на станціяхъ насилія, заявленія о проходѣ поѣздовъ безъ надлежащихъ разрѣшеній, о захватѣ паровозовъ, наконецъ, о стрѣльбѣ въ служащихъ и постоянныхъ угрозахъ расправы.

На одной изъ станцій, гдѣ утомительно долго стоялъ нашъ поѣздъ, пропуская обгонявшіе насъ составы, вниманіе мое привлекъ, бесѣдовавшій о чемъ-то съ управляющимъ дѣлами совѣта И. М. Нарцевымъ, молодой штатскій съ коротко подстриженными усами.

— Гдѣ я его встрѣчалъ, — вертѣлся вопросъ въ головѣ.

Замѣтивъ, вѣроятно, направленный въ его сторону мой взглядъ, бесѣдовавшій направился ко мнѣ.

— Позвольте представиться: директоръ канцеляріи министра... Т.

При этомъ онъ сдѣлалъ жестъ, оправляющій кольца несуществующихъ усовъ. Въ ту же минуту я вспомнилъ.

— Мы съ вами уже встрѣчались.

— Гдѣ, позвольте узнать?

Въ кабинетѣ Московскаго Городскаго Головы, гдѣ вы были, кажется, лицомъ, исполнявшимъ распоряженія министра Н. А. Маклакова.

Мой собесѣдникъ смутился.

— Вѣроятно, эта справка невыгодна для меня въ вашей памяти.

Дѣйствительно, «справка», всплывшая въ моей памяти, была невыгодна для теперешняго положенія г. Т.

Въ 1915, если не ошибаюсь, году былъ назначенъ въ Москвѣ съѣздъ уполномоченныхъ союза городовъ, но, когда уполномоченные уже съѣхались, послѣдовало распоряженіе министра Н. А. Маклакова о воспрещеніи съѣзда.

Съѣхавшіеся сдѣлали нѣсколько попытокъ собраться на частное совѣщаніе, сначала въ Камергерскомъ переулкѣ, потомъ у А. И. Коновалова и С. Н. Третьякова, но полиція неуклонно мѣшала ихъ бесѣдѣ, вплоть до вторженія въ особнякъ С. Н. Третьякова.

Повторялась картина, столь обычная для студенческихъ сходокъ, разгоняемыхъ полиціей, съ тою только разницей, что вмѣсто студенческой молодежи было нѣсколько десятковъ провинціальныхъ мэровъ и не было наряда конныхъ городовыхъ и жандармеріи для загона «бунтующей молодежи» въ манежъ.

Московскій городской голова М. В. Челноковъ, бывшій въ то же время и Главноуполномоченнымъ Союза Городовъ, пригласилъ съѣхавшихся собраться у него въ служебномъ кабинетѣ для совмѣстной бесѣды.

Но какъ только уполномоченные собрались, раздался стукъ въ двери и въ кабинетъ М. В. Челнокова вошелъ молодой чиновникъ въ формѣ штатскаго генерала. Сдѣлавъ общій поклонъ, онъ объявилъ присутствующимъ въ кабинетѣ:

— Вслѣдствіе распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ, по приказанію Его Превосходительства, московскаго градоначальника, прошу присутствующихъ покинуть это помѣщеніе.

— Позвольте васъ спросить, — поднялся изъ за стола М. В. Челноковъ, — съ какихъ это поръ Московскій Городской Голова не воленъ быть хозяиномъ у себя въ кабинетѣ?

— Не могу знать, Ваше Превосходительство, — отчеканилъ чиновникъ, — прошу присутствующихъ подчиниться.

— Вѣроятно, вамъ извѣстно, — продолжалъ М. В. Челноковъ, что сюда собрались Городскіе Головы, прибывшіе изъ далекихъ мѣстъ, не для того только, чтобы выслушать приказаніе Его Превосходительства, Московскаго градоначальника?

— Такъ точно, Ваше Превосходительство. Прошу подчиниться.

— Кромѣ того, вамъ, конечно, извѣстно, — обратился къ чиновнику Товарищъ Предсѣдателя Государственной Думы Некрасовъ, — что подчиненные, исполняя незаконномѣрное распоряженіе своего начальства, тоже несутъ отвѣтственность за его незаконномѣрность?

— Такъ точно, Ваше Превосходительство, — отчеканилъ чиновникъ, оправляя привычнымъ жестомъ колечки усовъ, — извѣстно... Прошу подчиниться.

Мы подчинились.

Теперь я встрѣтилъ г. Т. въ новомъ званіи на службѣ Южно-Русскаго Правительства, но уже безъ представительныхъ усовъ, такъ пышно расцвѣтающихъ на полицейской службѣ.

Вернувшіеся изъ Екатеринодара В. Ф. Зеелеръ и Н. С. Долгополовъ разсказали, что тамъ происходитъ.

Гражданская власть въ городѣ перешла сначала въ руки городского самоуправленія, а затѣмъ была передана временному комитету, въ составъ котораго вошла часть лицъ, освобожденныхъ мною передъ отъѣздомъ изъ тюрьмы.

По позднѣйшему признанію начальника Екатеринодарскаго гарнизона, ген. Гандурина, временный комитетъ въ значительной степени помогъ военной власти сохранить порядокъ въ городѣ до послѣдняго момента.

Воспользовавшись отсутствіемъ почти полностью Терцевъ и въ значительномъ количествѣ Донцевъ, Кубанцы вынесли на Верховномъ Кругѣ передъ тѣмъ, какъ покинуть Екатеринодаръ, постановленіе о полномъ разрывѣ съ ген. Деникинымъ и

въ сферѣ военнаго командованія и въ области гражданскаго управленія, постановивъ вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно приступить къ организаціи обороны собственными силами и организаціи союзной власти на основахъ постановленія Верховнаго Круга отъ 12 января*.

Но, узнавъ объ этомъ постановленіи Верховнаго Круга, опротестовали его сначала Терская, а затѣмъ и Донская фракціи, выразивъ сомнѣніе въ наличности надлежащаго кворума на этомъ засѣданіи Верховнаго Круга и не соглашаясь съ существомъ этого постановленія.

Попутно выяснилось, что постановленіе Круга о разрывѣ съ ген. Деникинымъ вынесено подъ давленіемъ созданной Кубанцами сенсаціи, что военно-начальники уже вышли изъ повиновенія Главнокомандующему и что ген. А. К. Кельчевскій изъявилъ согласіе стать во главѣ объединеннаго Командованія.

Н. С. Долгополовъ разсказалъ еще объ одномъ характерномъ для кубанцевъ эпизодѣ, въ связи съ освобожденіемъ, по постановленію Южно-Русскаго Правительства, 29 лицъ изъ Кубанской краевой тюрьмы.

Освобожденнымъ было предложено, подъ угрозой новаго заключенія подъ стражу, гарантировать безопасность остающимся въ Екатеринодарѣ членамъ Кубанскаго правительства, Рады и оставленнымъ въ городѣ ихъ семьямъ.

Въ отвѣтъ на это предложеніе былъ полученъ будто бы такой отвѣтъ:

— Мы являемся въ одинаковой мѣрѣ политическими врагами и Южно-Русскаго Правительства, и вашими. Но первое, освобождая насъ въ интересахъ охраны больныхъ и раненыхъ, не ставило намъ никакихъ предложеній ни о собственной безопасности, ни о безопасности своихъ семей. За это мы невольно уважаемъ ихъ, а вы... дѣлайте съ нами, что хотите, но отъ переговоровъ съ вами увольте...

5 марта въ Новороссійскѣ были получены свѣдѣнія о паденіи Екатеринодара.

XXXIV.

Переполненіе Новороссійска. Послѣднія надежды на «психологическую позицію». Засѣданіе въ поѣздѣ Главнокомандующаго. Сообщеніе ген. А. П. Богаевскаго. Докладъ ген. И. П. Романовскаго. Захватъ красными переправы черезъ Кубань. Распоряженіе Главнокомандующаго о погрузкѣ. Отъѣздъ изъ Новороссійска.

Помѣщался въ Новороссійскѣ поѣздъ Правительства на эстокадной пристани, вдали отъ города, откуда мы ежедневно выѣзжали въ управленіе вѣдомствъ, а по вечерамъ собирались въ салонъ-вагонѣ предсѣдателя для совмѣстнаго обсужденія возникавшихъ вопросовъ.

---

* Вотъ полный текстъ постановленія отъ 3 марта:

«Верховный Кругъ Дона, Кубани и Терека, обсудивъ текущій политическій моментъ въ связи съ событіями на фронтѣ и принимая во вниманіе, что борьба съ большевизмомъ велась силами, въ соціально-политическомъ отношеніи слишкомъ разнородными, и объединеніе ихъ носило вынужденный характеръ, и что послѣдняя попытка Высшаго Представительнаго Органа Краевъ — Верховнаго Круга Дона, Кубани и Терека сгладить обнаруженные дефекты объединенія не дала желанныхъ результатовъ, а также констатируя тяжелую военную обстановку, сложившуюся на фронтѣ, постановилъ: 1) считать соглашеніе съ ген. Деникинымъ въ дѣлѣ организаціи Южно-Русской Власти — не состоявшимся; 2) освободить атамановъ и правительства отъ всѣхъ обязательствъ, связанныхъ съ указаннымъ соглашеніемъ; 3) изъять немедленно войска Дона, Кубани и Терека изъ подчиненія ген. Деникину въ оперативномъ отношеніи; 4) немедленно приступить совмѣстно съ атаманами и правительствами къ организаціи обороны нашихъ краевъ — Дона, Кубани и Терека и прилегающихъ къ нимъ областей; 5) немедленно приступить къ организаціи союзной власти на основахъ постановленія Верховнаго Круга отъ 12 января 1920 года».

Текстъ послѣдняго постановленія приведенъ мною въ главѣ XXIX моихъ воспоминаній.

Въ самомъ городѣ, куда еще съ декабря 1919 года, при отходѣ арміи на югъ, была направлена лавина подневольныхъ и добровольныхъ бѣженцевъ, послѣдніе ютились въ обстановкѣ, не поддающейся описанію.

Въ городѣ свирѣпствовалъ сильный тифъ, больницы и лазареты были переполнены сверхъ всякой мѣры, и больные, въ большинствѣ случаевъ, лежали и умирали въ комнатахъ и углахъ, гдѣ бѣженцы занимали каждую пядь пространства.

Между тѣмъ, прибывали все новыя и новыя волны бѣженцевъ, сначала въ облѣпленныхъ ими поѣздахъ, а потомъ уже конным и пѣшимъ порядкомъ.

На желѣзнодорожныхъ путяхъ, загроможденныхъ бѣженскими вагонами-жилищами, возникъ новый городъ, съ каждымъ днемъ все болѣе разраставшійся и заставлявшій желѣзнодорожную администрацію прибѣгать къ героическимъ и жестокимъ мѣрамъ, чтобы отвоевать пространство для необходимаго маневрированія.

Начавшаяся еще въ февралѣ эвакуація семействъ служащихъ въ Турцію и Сербію не могла сколько-нибудь замѣтно разрядить бѣженскія массы, наоборотъ, численно увеличивавшіяся съ каждымъ днемъ, а въ послѣдніе дни — съ каждымъ часомъ.

Для служащихъ центральныхъ управленій подготовлялся на случай эвакуаціи пароходъ «Віолетта», съ большимъ трудомъ отвоеванный для этой цѣли, находившійся все же не въ прочномъ обладаніи лицъ, завѣдывавшихъ этой частью эвакуаціи.

И тѣмъ не менѣе до 7 марта, несмотря на весь этотъ катастрофическій хаосъ, еще не потеряна была надежда на устойчивость «психологическаго» рубежа Кубани, за многоводнымъ теченіемъ которой казачьи части, вѣрилось, выйдутъ изъ охватившей ихъ прострація, встанутъ, собравшись съ силами, на защиту своихъ очаговъ и сломятъ наступленіе красныхъ.

7 марта подъ предсѣдательствомъ Главнокомандующаго въ его поѣздѣ, у Каботажной пристани, состоялось засѣданіе Совѣта Министровъ при участіи начальника штаба ген. И. П. Романовскаго и Донского атамана А. П. Богаевскаго.

Ожидался пріѣздъ или прилетъ Командующаго Донской арміей В. И. Сидорина и начальника его штаба ген. А. К. Кельческаго, но ни тотъ, ни другой не прибыли.

Донской атаманъ сообщилъ подробныя свѣдѣнія объ обстановкѣ, въ которой состоялось постановленіе Верховнаго Круга о разрывѣ съ Главнымъ Командованіемъ, и объ обращеніи казачьей депутаціи къ ген. Сидорину съ предложеніемъ принять на себя званіе Главнокомандующаго.

Услышавъ отъ ген. Сидорина отвѣтъ, что такое постановленіе въ переживаемое арміей трудное время онъ можетъ трактовать только, какъ измѣну, а проводящихъ это постановленіе въ жизнь почитаетъ измѣнниками дѣлу въ самый серьезный моментъ борьбы, — депутаты очень смутились и заявили, что, повидимому, произошло какое-то недоразумѣніе, ибо ихъ увѣрили, что военно-начальниками вопросъ о разрывѣ съ ген. Деникинымъ уже рѣшенъ.

Какъ я уже упоминалъ, въ дальнѣйшемъ и Терцы, и Донцы опротестовали это постановленіе Круга и до конца своего пребыванія на русской территоріи не отрывались отъ Главнаго Командованія.

На этомъ же засѣданіи состоялся докладъ начальника штаба Главнокомандующаго.

Давъ подробную характеристику положенія, ген. Романовскій подчеркнулъ достаточную наличность и силъ, и средствъ для отпора врагу.

— Для насъ является психологической загадкой то, что происходитъ... Но даже на подходахъ къ Новороссійску мы могли бы продержаться годы, — закончилъ ген. Романовскій.

Оптимизмъ ген. Романовскаго произвелъ обратное дѣйствіе на большинство присутствующихъ. Чувствовалось, что это докладъ не для Правительства, не для сотрудниковъ, органически спаянныхъ съ Главнымъ Командованіемъ, что много въ немъ не договорено, и жестокую правду скажетъ скоро ужъ сама жизнь.

На этомъ же засѣданіи впервые я замѣтилъ черту характера ген. А. И. Деникина, которая меня удивила.

Ф. С. Леонтовичъ сообщилъ о срочной необходимости полученія изъ Грузіи топлива для нашихъ судовъ, принужденныхъ бездѣйствовать въ такой острый моментъ.

Между тѣмъ, мы еще не выполнили нашего обѣщанія передъ Грузіей передать зерно изъ Новороссійскихъ запасовъ.

– Сколько имъ обѣщано? – спросилъ ген. Деникинъ.

– 200,000 пудовъ.

– Дайте имъ 20,000.

– Но вѣдь запасы все равно погибнутъ, разъ суда будутъ бездѣйствовать.

– Дайте имъ 25,000.

Когда мы возвращались черезъ бухту къ себѣ на эстокадную пристань, въ эту бурную ночь, хлеставшую порывами вѣтра и волнъ, мы еще не знали, что въ этотъ же день, 7 марта, красные овладѣли переправой черезъ Кубань и всего нѣсколько дней отдѣляютъ и армію, и населеніе, сплотившееся на этомъ клочкѣ земли, отъ окончательной катастрофы.

Какъ же могло случиться, что «психологическая позиція» рухнула такъ легко и скоро, – послѣдняя позиція, защищаемая многоводной Кубанью и значительными силами войскъ?

Намъ, людямъ не военнымъ, разрѣшить эту загадку не дано. Объ этомъ разскажутъ военные авторитеты.

Судить о томъ, что представлялъ собою Новороссійскъ въ эти дни, можно по слѣдующему приказу Главнокомандующаго*:

«Новороссійскъ сталъ тыловымъ вертепомъ. Улицы кишатъ молодыми, здоровыми воинами-дезертирами, отыгрывающимися на крови боевыхъ частей.

Положить конецъ этому преступленію:

1) Закрыть всѣ возникшія на почвѣ развала, не утвержденныя властью, военныя общества. Въ случаѣ неисполненія–руководителей предавать полевому суду: сотня, полкъ, батарея, дивизія–вотъ вамъ настоящія здоровыя военныя общества!

2) Не допускать никакихъ собраній и митинговъ.

3) Приступить къ задержанію и сужденію полевымъ судомъ всѣхъ воиновъ-дезертировъ, отлучившихся отъ частей, не явившихся для регистраціи послѣ расформированія ихъ частей и учрежденій, а также всѣхъ уклоняющихся военно-обязанныхъ.

Тѣ, кто избѣжатъ учета, пусть помнятъ, что, въ случаѣ эвакуаціи Новороссійска, будутъ брошены на произволъ судьбы».

8 марта въ засѣданіи совѣта было доложено оффиціальное сообщеніе Британской Миссіи о трагической гибели Верховнаго Правителя Россіи, адмирала Колчака.

Въ концѣ засѣданія былъ поставленъ вопросъ объ общей отставкѣ министровъ.

Противъ этого горячо возражалъ Н. В. Чайковскій, убѣдившій въ несвоевременности этого шага.

Еще днемъ 8 марта было сдѣлано распоряженіе о погрузкѣ служащихъ центральныхъ управленій на пароходъ «Віолетта», на которомъ предполагало отбыть въ Ѳеодосію и Правительство.

---

* Отъ 8 марта 1920 года за № 2766.

Но въ ночь на 10 марта, почти на разсвѣтѣ, Главнокомандующимъ было сообщено Совѣту о необходимости Правительству выѣхать утромъ 10 марта на англійскомъ пароходѣ — «Бюргермейстръ Шредеръ», идущемъ въ Севастополь, безъ захода въ Ѳеодосію. Погрузка должна была быть произведена въ теченіе 2—3 часовъ. Остаться должны были министры: финансовъ — М. В. Бернацкій, военный — ген. В. Е. Вязьмитиновъ и замѣстители министровъ — продовольствія, торговли и промышленности и внутреннихъ дѣлъ.

На пароходѣ этомъ, заполненномъ бѣженцами, покидавшими Россію, Правительство получило мѣсто на верхней палубѣ.

Въ 8 час. утра пароходъ отошелъ отъ англійской базы.

XXXV.

Въ Севастополѣ. Судъ ген. Слащева. «И добавляю...» Экспертиза ген. Шиллинга. Оріентація епископа Веніамина. Предполагаемое совѣщаніе съ Крымскими общественными и политическими дѣятелями. Земельный законопроектъ. Разговоръ по прямому проводу. Внезапное расформированіе Совѣта Министровъ.

Пріѣзду Правительства въ Севастополь предшествовала разыгравшаяся тамъ исторія, вызвавшая затѣмъ общую трехдневную забастовку Крымскихъ рабочихъ.

6 марта Особымъ Отдѣломъ Морского Управленія было арестовано десять лицъ, въ томъ числѣ и популярный въ Севастополѣ врачъ Я. С. Гитинъ, и затѣмъ всѣ арестованные были преданы военно-полевому суду по обвиненію ихъ въ подготовкѣ въ Севастополѣ возстанія.

Приговоромъ военно-полевого суда, состоявшимся 10 марта, пять изъ нихъ, въ томъ числѣ врачъ Гитинъ, были оправданы, трое приговорены къ срочной каторгѣ и трое къ смертной казни.

Представленный на конфирмацію приговоръ этотъ комендантомъ крѣпости, ген. А. Ф. Турбинымъ, утвержденъ не былъ и нормальнымъ по закону направленіемъ дѣла была бы передача его на новое разсмотрѣніе въ военно-морской судъ, съ примѣненіемъ тѣхъ гарантій, которыя даетъ военно-судебный уставъ.

Такой исходъ дѣла не понравился ген. Слащеву. Онъ вывезъ обвиняемыхъ въ свою резиденцію Джанкой для преданія ихъ всѣхъ, въ томъ числѣ и оправданныхъ, новому военно-полевому суду тамъ же.

Это уже была простая расправа, не прикрытая даже законами военнаго времени, и такія упрощенныя дѣйствія ген. Слащева вызвали среди населенія понятную тревогу.

На другой же день по водвореніи Южно-Русскаго Правительства въ Севастополѣ — и къ отдѣльнымъ министрамъ, и къ Совѣту въ цѣломъ явились депутаціи отъ мѣстнаго самоуправленія и профессіональныхъ союзовъ съ обращенной къ Правительству просьбой содѣйствовать нормальному направленію этого дѣла.

Отдавая себѣ отчетъ, насколько мало надежды на благопріятные результаты сулитъ такое обращеніе власти гражданской къ мѣстному Наполеону, Совѣтъ Министровъ все же поручилъ своему предсѣдателю Н. М. Мельникову и министру внутреннихъ дѣлъ В. Ф. Зеелеру снестись по прямому проводу съ ген. Слащевымъ.

На обращеніе Н. М. Мельникова, въ которомъ онъ юридически обосновалъ желаніе гражданской власти, чтобы дѣйствующія нормы закона не нарушались бы, былъ полученъ отвѣтъ ген. Слащева:

— Эти «прохвосты» уже разстрѣляны.

Можно понять, какое впечатлѣніе этотъ отвѣтъ долженъ былъ произвести на родственниковъ арестованныхъ и представителей рабочихъ, собравшихся у зданія, гдѣ шелъ разговоръ по прямому проводу съ ген. Слащевымъ.

Мало того, на другой день ген. Слащевъ опубликовалъ въ газетахъ и въ сообщеніи войсковымъ частямъ текстъ этого разговора, дополнивъ его слѣдующей фразой:

— И добавляю, что никогда не позволю тылу диктовать фронту!

Судьба не дала мнѣ случая видѣть ген. Слащева, о которомъ одни говорили, какъ о способномъ и рѣшительномъ военномъ начальникѣ, другіе, какъ о привычномъ кокаинистѣ, дѣйствующемъ въ постоянномъ возбужденіи паровъ этого яда.

Но выпущенная ген. Слащевымъ уже въ Константинополѣ брошюра подъ заглавіемъ: «Требую суда гласности и общественнаго мнѣнія», не можетъ дать двухъ отвѣтовъ по вопросу объ оцѣнкѣ психическихъ качествъ ея автора.

Лучшаго памфлета, разоблачающаго ничтожество этого Крымскаго диктатора, надоѣвшаго, повидимому, всѣмъ своими безчисленными рапортами, не могли бы создать и его злѣйшіе враги.

Въ этой брошюрѣ ген. Слащева все получило свое мѣсто: и его претензія въ Россійскіе Наполеоны, и его порывы разрѣшить собственнымъ умомъ всѣ запутанные вопросы политики и экономики путемъ рапорта по начальству, и саморекламное вдохновеніе при описаніи своихъ подвиговъ, и непомѣрное самомнѣніе этого недоучившагося Митрофанушки.

Послѣ выхода этой брошюры, бредового содержанія, сталъ понятенъ и его послѣдующій шагъ перехода къ краснымъ, когда передъ отъѣздомъ изъ Константинополя онъ объявилъ «orbi et urbi»:

— Я ѣду защищать честь Россіи!

Другой мѣстный Наполеонъ, правда, уже имѣвшій свое Ватерлоо въ Одессѣ, Главноначальствующій ген. Шиллингъ, разъяснилъ въ печати, что дѣйствія ген. Слащева онъ признаетъ вполнѣ правильными, на вопросъ же министра внутреннихъ дѣлъ В. Ф. Зеелера, которому онъ былъ подчиненъ, какъ Главноначальствующій:

— Чѣмъ Вы руководствовались, признавъ дѣйствія Слащева правильными, когда законъ говоритъ обратное?

Ген. Шиллингъ отвѣтилъ:

— Я не юристъ и сейчасъ не могу Вамъ дать отвѣта, но, если угодно, наведу объ этомъ справки у юристовъ.

Наведеніе этихъ справокъ «если угодно», конечно, было безнадежнымъ занятіемъ для поднятія престижа закона и умаленія престижа генераловъ Шиллинговъ, сіявшихъ отраженнымъ сіяніемъ даже тогда, когда ихъ фаза приближалась къ ущербу.

Бокъ-о-бокъ съ Совѣтомъ Министровъ, ютившихся по нѣсколько человѣкъ въ одной комнатѣ, занималъ безплатно нѣсколько аппартаментовъ уже лишенный воинской славы ген. Май-Маевскій, пользуясь безплатно фешенебельнымъ помѣщеніемъ и, больше того, полегоньку продавая изъ этихъ аппартаментовъ принадлежащее гостиницѣ имущество.

Вѣроятно, онъ тоже не претендовалъ на званіе юриста, но «если угодно», пожалуй, могъ бы обосновать свое право на чужое имущество исключительными обстоятельствами военнаго характера, не доступными пониманію штатскихъ.

Въ одинъ изъ первыхъ же дней, по переѣздѣ Правительства въ Севастополь, Н. М. Мельникова и В. Ф. Зеелера посѣтилъ мѣстный епископъ Веніаминъ, заявившій, что «онъ» не понимаетъ цѣли пріѣзда совѣта министровъ въ Крымъ, такъ какъ «онъ» оріентируется не на ген. Деникина, а на ген. Врангеля.

Такимъ образомъ, въ первые же дни появленія Южно-Русскаго Правительства на Крымской территоріи, передъ гражданской властью въ еще болѣе обостренной формѣ сталъ вопросъ о неизмѣнномъ поглощеніи властью военной и компетенціи, и престижа власти гражданской, всѣ шаги которой при такой обстановкѣ обречены быть бѣгомъ на мѣстѣ.

Этотъ вопросъ не разъ всплывалъ въ Совѣтѣ еще до переѣзда въ Крымъ, и въ Новороссійскѣ чуть не былъ рѣшенъ въ смыслѣ коллективнаго заявленія о выходѣ въ отставку, но отъ этого тогда насъ удержало опасеніе еще болѣе осложнить положеніе Главнаго Командованія, съ другой же стороны мысль о томъ, что быть можетъ въ Крыму, связавшись съ мѣстной общественностью, мы выйдемъ, наконецъ, изъ этого заколдованнаго круга поглощенія.

Дѣйствительно, по мѣрѣ пребыванія Совѣта въ Севастополѣ, у представителей Крымской общественности, съ кн. В. А. Оболенскимъ во главѣ, начало устанавливаться доброжелательное общеніе съ Совѣтомъ, подавшимъ мысль о желательности совмѣстнаго совѣщанія по вопросу о планѣ работъ Правительства и о введеніи въ его составъ мѣстныхъ дѣятелей.

Разработанный Правительствомъ земельный законопроектъ, повидимому, отвѣчалъ широкимъ чаяніямъ. У каждаго изъ насъ, въ сферѣ вѣдомственной работы, стало устанавливаться все болѣе прочное и доброжелательное общеніе съ мѣстными людьми.

Но совѣщанію не суждено было состояться.

Въ связи съ конфликтомъ, происшедшимъ у Совѣта съ ген. Слащевымъ, сдѣлавшимъ при этомъ попытку уронить престижъ гражданской власти передъ воинскими частями, Совѣтъ рѣшилъ сдѣлать послѣднюю попытку къ огражденію компетенціи гражданской власти отъ вторженія въ ея сферу военнаго правотворчества.

Предсѣдатель Совѣта Н. М. Мельниковъ долженъ былъ снестись по этому поводу съ Главнокомандующимъ и послалъ 16 марта офицера для порученій къ прямому проводу выяснить вопросъ, когда можетъ состояться бесѣда съ Главнокомандующимъ.

На запросъ Н. М. Мельникова, явившагося въ условленное время, изъ Ѳеодосіи, гдѣ пребывалъ ген. А. И. Деникинъ, послѣдовалъ отвѣтъ:

— Главнокомандующій очень извиняется, онъ подойдетъ къ аппарату черезъ десять минутъ и проситъ васъ обождать.

Примѣрно черезъ полчаса къ аппарату подошелъ вмѣсто Главнокомандующаго М. В. Бернацкій.

— Главнокомандующій очень занятъ срочными военными дѣлами, заявилъ М. В. Бернацкій, — и не можетъ прибыть къ аппарату.

А затѣмъ добавилъ:

— Кстати сообщаю вамъ, что только что подписанъ приказъ объ упраздненіи Совѣта Министровъ Южно-Русскаго Правительства.

Это сообщеніе «кстати», выслушанное къ тому же даже не изъ устъ Главнокомандующаго, а порученное къ передачѣ М. В. Бернацкому, всегда державшему себя обособленно отъ остальнаго состава Совѣта, произвело невыразимо гнетущее впе-

чатлѣніе на всѣхъ насъ, ожидавшихъ сообщенія нашего премьера о результатахъ его сношенія съ Главнокомандующимъ.

Помню, одинъ изъ присутствовавшихъ, наиболѣе тѣсно связанный давней работой съ ген. Деникинымъ и узами личной съ нимъ дружбы, закрылъ руками глаза, на которыхъ выступили слезы.

Такимъ образомъ, было упразднено единоличнымъ актомъ Главнаго Командованія, даже безъ предварительнаго сношенія, Правительство, на организацію котораго, путемъ взаимныхъ компромиссовъ Главнаго Командованія и Казачества было затрачено такъ много времени и усилій.

XXXVI.

Послѣдняя встрѣча съ ген. Деникинымъ. – Дѣловое учрежденіе М. В. Бернацкаго. – Діалогъ Н. В. Чайковскаго и А. И. Деникина. – Отъѣздъ изъ Крыма.

18 марта составъ бывшаго Совѣта, за исключеніемъ В. Ф. Зеелера, оставшагося въ Севастополѣ, прибылъ въ Ѳеодосію.

Въ газетѣ «Вечернее Время» уже былъ опубликованъ приказъ объ упраздненіи Совѣта Министровъ и о порученіи М. В. Бернацкому организовать «дѣловое учрежденіе».

Въ тотъ же вечеръ Н. М. Мельниковъ и Н. Н. Баратовъ были вызваны къ Главнокомандующему.

По ихъ разсказу ген. Деникинъ встрѣтилъ ихъ словами:

– Браните меня, какъ хотите, за то, что я учинилъ съ Совѣтомъ, но я былъ вынужденъ это сдѣлать въ интересахъ самого же Совѣта.

Дальше ген. Деникинъ намекнулъ, что надъ головами министровъ въ Севастополѣ нависла непосредственная угроза*.

Затѣмъ ген. Деникинъ сослался, что М. В. Бернацкій напуталъ въ разговорѣ по прямому проводу, ибо онъ, ген. Деникинъ, не собирался оформить приказа о упраздненіи до разговора по прямому проводу и тѣмъ болѣе опубликовать приказъ.

Прощаясь, ген. Деникинъ выразилъ желаніе лично проститься со всѣми нами.

М. В. Бернацкій, просившій еще ранѣе Н. М. Мельникова и Н. В. Чайковскаго посѣтить его, предложилъ первому портфель юстиціи въ «дѣловомъ учрежденіи», а Н. В. Чайковскому дипломатическое представительство.

На вопросъ Н. В. Чайковскаго, что это за «дѣловое учрежденіе», М. В. Бернацкій разъяснилъ:

– Въ сущности, Правительство теперь должно быть чѣмъ-то, вродѣ канцеляріи при Главнокомандующемъ.

– Быть посломъ отъ канцеляріи я не могу, – отвѣтилъ Н. В. Чайковскій.

Н. М. Мельниковъ отъ портфеля въ этомъ учрежденіи отказался еще раньше.

На другой день состоялась «прощальная аудіенція» у Главнокомандующаго.

Отсутствовали М. В. Бернацкій, перешедшій въ «дѣловое учрежденіе», В. Ф. Зеелеръ, оставшійся въ Севастополѣ, П. М. Агѣевъ, наотрѣзъ отказавшійся идти къ ген. Деникину.

---

* Пусть даже эта угроза была. Но все же было бы болѣе правильнымъ предоставить самимъ и каждому изъ министровъ распорядиться своею собственной головою.

Главнокомандующій въ Ѳеодосіи имѣлъ пребываніе въ гостиницѣ «Асторія», и послѣдняя встрѣча съ нимъ произошла въ небольшой комнатѣ, едва вмѣстившей насъ.

Ген. Деникинъ вышелъ изъ сосѣдней комнаты, смущенно поздоровался съ каждымъ изъ насъ. Нѣкоторое время царило молчаніе.

Н. М. Мельниковъ отъ имени всѣхъ насъ пожелалъ военныхъ успѣховъ Главному Командованію, которымъ долженъ сопутствовать путь искренняго демократизма.

Ген. Деникинъ отвѣтилъ, что демократическая линія, разъ принятая, будетъ проводиться послѣдовательно, были бы лишь военные успѣхи, и бѣгло ознакомилъ насъ съ военнымъ положеніемъ.

Когда ген. Деникинъ умолкъ, Н. В. Чайковскій задалъ вопросъ:

– Антонъ Ивановичъ, но все же, что васъ побудило совершить этотъ переворотъ?

– О какомъ переворотѣ говорите вы? – переспросилъ ген. Деникинъ.

– Объ упраздненіи Совѣта Министровъ.

– Что это, допросъ? – вдругъ вспыхнулъ ген. Деникинъ.

– Нѣтъ, это естественный вопросъ человѣка, давшаго свое имя и силы для совмѣстной работы и устраненнаго внезапно отъ этой работы.

– Я назначаю, я и увольняю, – глухо отвѣтилъ ген. Деникинъ. – Къ тому же объ этомъ я уже подробно говорилъ съ вашимъ Предсѣдателемъ.

– Я больше вопросовъ не имѣю, – закончилъ этотъ разговоръ Н. В. Чайковскій.

Ф. С. Сушковъ указалъ на неблагопріятное впечатлѣніе, какое должно получиться отъ единоличнаго акта Главнокомандующаго, упразднившаго своею волей Правительство, возникшее въ результатѣ столь долгихъ переговоровъ, взаимныхъ уступокъ и соглашенія съ казачествомъ.

– Послѣ этого акта, – закончилъ Ф. С. Сушковъ, – въ опредѣленныхъ кругахъ будутъ культивировать убѣжденіе, что окончательно утрачена связь казачества съ Главнымъ Командованіемъ.

Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ фразъ мы простились съ Главнокомандующимъ.

Подъ Благовѣщенье, весною 1920 года, пароходъ «Викторія», на которомъ находился бывшій Совѣтъ Министровъ, по пути въ Константинополь, зашелъ въ Батумъ.

Здѣсь предполагали сойти Н. Н. Баратовъ, Я. Л. Щуплякъ и П. М. Агѣевъ. Не захотѣлось и мнѣ отрываться отъ Россіи.

Уже изъ газетъ въ Батумѣ я узналъ о военномъ совѣщаніи въ Севастополѣ, о вступленіи ген. П. Н. Врангеля въ званіе Главнокомандующаго и объ отъѣздѣ ген. Деникина въ Константинополь, гдѣ судьба готовила ему еще одинъ тяжкій ударъ – смерть отъ руки русскаго офицера его ближайшаго друга и сотрудника ген. И. П. Романовскаго.

ДОКУМЕНТЫ

ИСПОВѢДЬ

В. И. Кельсіева

Вступительныя замѣчанія

Василій Ивановичъ Кельсіевъ (род. въ 1835 г., умеръ въ 1872 г.) игралъ видную роль въ русской эмиграціи 60-хъ годовъ. Принималъ участіе въ «Колоколѣ» и издавалъ при «Колоколѣ» приложеніе, подъ названіемъ: «Общее вѣче», въ которомъ обсуждались особенно интересовавшіе его вопросы русскаго раскола. Въ 1862 г. ѣздилъ подъ фальшивымъ паспортомъ въ Россію, чтобы вступить въ непосредственныя сношенія съ раскольниками, которые, по его мнѣнію, должны были быть главной опорой русскаго революціоннаго движенія. По возвращеніи изъ Россіи за-границу провелъ нѣсколько лѣтъ на Балканахъ, среди раскольниковъ и сектантовъ. Въ 1867 г., разочаровавшись въ революціонномъ движеніи, добровольно предался въ руки русскихъ властей. Отправленный въ Петербургъ, въ III-ье Отдѣленіе, составилъ печатаемую ниже исповѣдь, въ которой подробно изложилъ, какъ свою біографію, такъ и мотивы, заставившіе его отказаться отъ революціонной работы. Онъ былъ прощенъ и освобожденъ изъ заключенія.

А. И. Герценъ въ «Быломъ и Думахъ» (т. V, стр. 112—128, изд. «Слово», Берлинъ 1921 г.) посвятилъ В. И. Кельсіеву слѣдующія строки.

«Имя В. Кельсіева пріобрѣло въ послѣднее время печальную извѣстность: быстрота внутренней и скорость внѣшней перемѣны, удачность раскаянія, неотлагаемая потребность всенародной исповѣди и ея странная усѣченность, безтактность разсказа, неумѣстная смѣшливость рядомъ съ неприличной въ кающемся и прощенномъ развязностью; — все это, при непривычкѣ нашего общества къ крутымъ и гласнымъ превращеніямъ, вооружило противъ него лучшую часть нашей журналистики. Кельсіеву хотѣлось во что-бы то ни стало — занимать собою публику; онъ и накупился на видное мѣсто мишенью, въ которую каждый бросаетъ камень не жалѣя. Я далекъ отъ того, чтобъ порицать нетерпимость, которую показала въ этомъ случаѣ наша дремлющая литература. Негодованіе это свидѣтельствуетъ о томъ, что много свѣтлыхъ, неиспорченныхъ силъ уцѣлѣли у насъ, несмотря на черную полосу нравственной неурядицы и безнравственнаго слова. Негодованіе, опрокинувшееся на Кельсіева, то самое, которое нѣкогда не пощадило Пушкина за одно или два стихотворенія и отвернулось отъ Гоголя за его «переписку съ друзьями».

Бросать въ Кельсіева камнемъ лишнее, въ него и такъ брошена цѣлая мостовая. Я хочу передать другимъ и напомнить ему, какимъ онъ явился къ намъ въ Лондонъ и какимъ уѣхалъ во второй разъ въ Турцію.

Пусть онъ сравнитъ самыя тяжелыя минуты тогдашней жизни съ лучшими своей теперешней карьеры.

Страницы эти писаны прежде раскаянья и покаянья, прежде метемпсихозы и метаморфозы. Я въ нихъ ничего не измѣнилъ и добавилъ только отрывки изъ писемъ. Въ моемъ бѣгломъ очеркѣ Кельсіевъ представленъ такъ, какъ онъ остался въ памяти до его появленія на лодкѣ въ скулянскую таможню, въ качествѣ запрещеннаго товара, просящаго конфискаціи и поступленія съ нимъ по законамъ.

Въ 1859 году получилъ я первое письмо отъ него.

Письмо отъ Кельсіева было изъ Плимута. Онъ туда приплылъ на пароходѣ Сѣверо-Американской компаніи и отправлялся куда-то въ Ситху или Уполамай на

службу. Погостивши въ Плимутѣ, ему расхотѣлось ѣхать на Алеутскіе острова и онъ писалъ ко мнѣ, спрашивая, можно-ли ему найти пропитаніе въ Лондонѣ. Онъ успѣлъ уже въ Плимутѣ познакомиться съ какими-то теологами и сообщалъ мнѣ, что они обратили его вниманіе на замѣчательныя истолкованія пророчествъ. Я предостерегъ его отъ англійскихъ клерджименовъ и звалъ въ Лондонъ, «если онъ дѣйствительно хочетъ работать». Недѣли черезъ двѣ онъ явился. Молодой, довольно высокій, худой, болѣзненный, съ четвероугольнымъ черепомъ, съ шапкой волосъ на головѣ, — онъ мнѣ напоминалъ — не волосами (тотъ былъ плѣшивъ) — а всѣмъ существомъ своимъ Энгельсона, и дѣйствительно онъ очень многимъ былъ похожъ на него. Съ перваго взгляда можно было замѣтить много неустроеннаго и неустоявшагося, — но ничего пошлаго. Видно было, что онъ вышелъ на волю изъ всѣхъ опекъ и крѣпостей, но еще не приписался ни къ какому дѣлу и обществу: — цѣли не имѣлъ. Онъ былъ гораздо моложе Энгельсона, но все-же принадлежалъ къ позднѣйшей шеренгѣ Петрашевцевъ и имѣлъ часть ихъ достоинствъ и всѣ недостатки, учился всему на свѣтѣ и ничему не научился до тла, читалъ всякую всячину и надо всѣмъ ломалъ довольно безплодно голову. Отъ постоянной критики всего общепринятаго Кельсіевъ раскачалъ въ себѣ всѣ нравственныя понятія и не пріобрѣлъ никакой нити поведенья.

Особенно оригинально было то, что въ скептическомъ ощупываніи Кельсіева сохранилась какая-то примѣсь мистическихъ фантазій: онъ былъ нигилистъ съ религіозными пріемами, нигилистъ въ дьяконовскомъ стихарѣ. Церковный оттѣнокъ, нарѣчіе и образность остались у него въ формѣ, въ языкѣ, въ слогѣ*, и придавали всей его жизни особый характеръ и особое единство, основанное на спайкѣ противоположныхъ металловъ.

У Кельсіева шелъ тотъ знакомый намъ переборъ, который дѣлаетъ почти всегда въ самомъ дѣлѣ проснувшійся русскій внутри себя и о которомъ вовсе не думаетъ за недосугомъ и заботами западный человѣкъ, втянутый своими спеціальностями въ другія дѣла; старшіе братья наши не провѣряютъ задовъ, и отъ того у нихъ смѣняются поколѣнія, строя и разрушая, награждая и наказуя, надѣвая вѣнки и кандалы, твердо увѣренные, что такъ и надобно, что они дѣлаютъ дѣло. Кельсіевъ, напротивъ, сомнѣвался во всемъ и не принималъ на слово ни добро — добра, ни зло — зла. Кобенящійся духъ этотъ, отрѣшающійся отъ впередъ идущей нравственности и готовыхъ истинъ, накипѣлъ всего больше въ mi-carême нашего николаевскаго поста и рѣзко сталъ высказываться, когда гиря, давившая наши мозги, приподнялась на одну линію. На этотъ полный жизни и отваги анализъ и накинулась богъ вѣсть что хранящая консервативная литература, а за ней и правительство.

Во время нашего пробужденія — подъ звуки севастопольскихъ пушекъ, съ чужихъ словъ, многіе изъ нашихъ умниковъ пошли повторять, что западный консерватизмъ у насъ фактъ правильный, что насъ наскоро подогнали къ европейскому образованію не для того, чтобъ дѣлиться съ нимъ наслѣдственными болѣзнями и застарѣлыми предразсудками, а для «сравненія съ старшими», для того, чтобъ была возможность съ ними идти ровнымъ шагомъ впередъ. Но какъ только мы видимъ на самомъ дѣлѣ, что у проснувшейся мысли, что у возмужалаго слова нѣтъ ничего твердаго, «ничего святаго», а есть вопросы и задачи, что мысль ищетъ, что слово отрицаетъ, что дурное раскачивается вмѣстѣ съ «завѣдомо» хорошимъ и что духъ пытанія и сомнѣнія влечетъ все, все безъ разбора — въ пропасть лишенную перилъ — тогда крикъ ужаса и изступленія вырывается изъ груди, и пассажиры первыхъ классовъ закрываютъ глаза, чтобъ не видать, какъ вагоны сорвутся съ рельсовъ, а кондукторы тормозятъ и останавливаютъ всякое движеніе.

Разумѣется, бояться — причины нѣтъ: возникающая сила слишкомъ слаба, чтобъ матеріально сдвинуть шестидесятимилліоный поѣздъ съ рельсовъ. Но въ ней была программа, можетъ быть пророчество.

Кельсіевъ развился подъ первымъ вліяніемъ времени, о которомъ мы говорили. Онъ далеко не осѣлся, не дошелъ ни до какого центра тяжести, но онъ былъ въ полной ликвидаціи всего нравственнаго имущества. Отъ стараго онъ отрѣшился, твердое распустилъ, берегъ оттолкнулъ, и, очертя голову, пустился въ широкое море. Равно подозрительно и съ недовѣріемъ относился онъ къ вѣрѣ и къ невѣрію, къ русскимъ порядкамъ и къ порядкамъ западнымъ.

Одно, что пустило корни въ его груди, было сознаніе страстное и глубокое эко-

* Петрашевцами заключаются у васъ сильно занимавшіеся юноши; ихъ можно назвать послѣднимъ классомъ нашего учебнаго историческаго развитія.

номической неправды современнаго государственнаго строя, и въ силу этого, ненависть къ нему и темное стремленіе къ соціальнымъ теоріямъ, въ которыхъ онъ видѣлъ выходъ.

На это сознаніе неправды и на эту ненависть, сверхъ пониманья, онъ имѣлъ неотъемлемое право.

Въ Лондонѣ онъ поселился въ одной изъ отдаленнѣйшихъ частей города, въ глухомъ переулкѣ Фулама, населенномъ матовыми, подернутыми чѣмъ-то пепельнымъ, ирландцами и всякими исхудалыми работниками. Въ этихъ сырыхъ каменныхъ корридорахъ безъ крыши страшно тихо, звуковъ почти нѣтъ никакихъ, ни свѣта, ни цвѣта: люди, плошки, дома, все полиняло и осунулось; дымъ и сажа обвели всѣ линіи траурнымъ ободкомъ. По нимъ не трещатъ телѣжки лавочниковъ, развозящихъ съѣстные припасы, не ѣздятъ извощичьи кареты, не кричатъ разнощики, не лаютъ собаки (послѣднимъ рѣшительно нечѣмъ питаться); изрѣдка только выходитъ какая нибудь худая взъерошенная и покрытая углемъ кошка, проберется по крышѣ и подойдетъ къ трубѣ погрѣться, выгибая спину и обличая видомъ, что внутри дома она передрогла.

Когда я въ первый разъ посѣтилъ Кельсіева, его не было дома. Очень молодая, очень некрасивая женщина — худая, лимфатическая, съ заплаканными глазами, сидѣла у тюфяка, постланнаго на полу, на которомъ весь въ лихорадкѣ и жарѣ метался, страдалъ, умиралъ ребенокъ, году или полутора.

Я посмотрѣлъ на его лицо и вспомнилъ предсмертныя черты другого ребенка, это было то же выраженіе. Черезъ нѣсколько дней онъ умеръ, другой родился.

Бѣдность была всесовершеннѣйшая. Молодая, тщедушная женщина, или лучше, замужняя дѣвочка, выносила ее геройски и съ необычайной простотой.

Думать нельзя было, глядя на ея болѣзненную, золотушную, слабую наружность, что за мощь, что за сила преданности обитала въ этомъ хиломъ тѣлѣ. Она могла служить горькимъ урокомъ нашимъ записнымъ романистамъ. Она была, хотѣла быть тѣмъ, что впослѣдствіи назвали нигилисткой, странно чесала волосы, небрежно одѣвалась, много курила, не боялась ни смѣлыхъ мыслей, ни смѣлыхъ словъ; она не умилялась передъ семейными добродѣтелями, не говорила о священномъ долгѣ, о сладости жертвы, которую совершаетъ ежедневно, и о легкости креста, давившаго ея молодыя плечи. Она не кокетничала своей борьбой съ нуждой и дѣлала все: шила и мыла, кормила ребенка, варила мясо и чистила комнату. Твердымъ товарищемъ была она мужу и великой страдалицей сложила голову свою на дальнемъ востокѣ, слѣдуя за блуждающимъ, безпокойнымъ бѣгомъ своего мужа, и потерявъ рядомъ двухъ послѣднихъ малютокъ.

Поборолся я сначала съ Кельсіевымъ, старался его убѣдить, чтобъ онъ не отрѣзывалъ себѣ съ самаго начала, не извѣдавши жизни изгнанника, пути къ возвращенію.

Я ему говорилъ, что надобно прежде узнать нужду на чужбинѣ, нужду въ Англіи, особенно въ Лондонѣ; я ему говорилъ, что въ Россіи теперь дорога всякая сила.

— Что вы будете здѣсь дѣлать? – спрашивалъ я его. Кельсіевъ собирался всему учиться и обо всемъ писать; пуще всего хотѣлъ онъ писать о женскомъ вопросѣ, о семейномъ устройствѣ.

— Пишите прежде — говорилъ я ему — объ освобожденіи крестьянъ съ землей. Это первый вопросъ, стоящій на дорогѣ. – Но симпатіи Кельсіева были не туда обращены. Онъ дѣйствительно принесъ мнѣ статью о женскомъ вопросѣ. Она была безмѣрно плоха. Кельсіевъ посердился, что я ее не напечаталъ, и самъ благодарилъ меня за это, года два спустя.

Возвращаться онъ не хотѣлъ. Во чтобъ ни стало надобно было найти ему работу. За это мы и принялись. Теологическія эксцентричности его намъ помогли. Мы доставили ему корректуру Св. Писанія, издаваемаго по русски лондонскимъ библейскимъ обществомъ, затѣмъ передали ему кипу бумагъ, полученныхъ нами въ разное время, по части старообрядцевъ. За изданіе ихъ и приведеніе въ порядокъ Кельсіевъ принялся со страстью. То, о чемъ онъ догадывался и мечталъ, то раскрывалось передъ нимъ фактически: грубо наивный соціализмъ въ евангельской ризѣ сквозилъ ему въ расколѣ. Это было лучшее время въ жизни Кельсіева, онъ съ увлеченіемъ работалъ и прибѣгалъ иногда вечеромъ ко мнѣ указать какую нибудь соціальную мысль духоборцевъ, молоканъ, какое нибудь коммунистическое ученіе Оедосѣевцевъ; онъ былъ въ восторгѣ отъ ихъ скитанія по лѣсамъ, ставилъ идеаломъ своей жизни скитаться между ними и сдѣлаться учителемъ соціально-христіанскаго раскола въ Бѣлокриницѣ или Россіи.

И дѣйствительно, Кельсіевъ былъ въ душѣ «бѣгуномъ», бѣгуномъ нравственнымъ и практическимъ: его мучили неустоявшіяся мысли, тоска. На одномъ мѣстѣ онъ оставаться не могъ. Онъ нашелъ работу, занятіе, безбѣдное пропитаніе, но не нашелъ дѣла, которое-бы поглотило совсѣмъ его безпокойный темпераментъ; онъ былъ готовъ искать его, готовъ былъ не только идти всюду, но поступить въ монахи, принявъ священство безъ вѣры.

Настоящій русскій человѣкъ, Кельсіевъ всякій мѣсяцъ дѣлалъ новую программу занятій, придумывалъ проекты и брался за новую работу, не кончивъ старой. Работалъ онъ запоемъ и запоемъ ничего не дѣлалъ. Онъ схватывалъ вещи легко, но тотчасъ удовлетворялся до пресыщенія, изъ всего тянулъ онъ с разу жилы до послѣдняго вывода, а иногда и подальше.

Сборникъ о раскольникахъ шелъ успѣшно; онъ издалъ шесть частей, быстро расходившихся. Правительство, видя это, позволило обнародованіе свѣдѣній о старообрядцахъ. Тоже случилось съ переводомъ библіи. Переводъ съ еврейскаго не удался, Кельсіевъ попробовалъ сдѣлать un tour de force и перевести «слово въ слово», несмотря на то, что грамматическія формы семитическихъ языковъ вовсе не совпадаютъ съ славянскими. Тѣмъ не меньше, выпущенные ливрезоны разошлись мгновенно, и святѣйшій сунодъ, испугавшись заграничнаго изданія, благословилъ печатаніе стараго завѣта на русскомъ языкѣ. Эти обратныя побѣды никогда никѣмъ не были поставлены въ credit нашего станка.

Въ концѣ 1862 Кельсіевъ отправился въ Москву съ цѣлью завести прочныя связи съ раскольниками. Поѣздку эту онъ когда нибудь долженъ самъ разсказать. Она невѣроятна, невозможна, а на дѣлѣ дѣйствительно была. Въ этой поѣздкѣ отвага граничитъ съ безуміемъ; въ ней опрометчивость почти преступная, но уже конечно не я буду его винить въ ней. Неосторожная болтовня за границей могла сдѣлать много бѣдъ. Но къ дѣлу и оцѣнкѣ самой поѣздки это не идетъ.

Возвратясь въ Лондонъ, онъ принялся по требованію Трюбнера за составленіе русской грамматики для англичанъ и за переводъ какой-то финансовой книги. Ни того, ни другаго онъ не кончилъ: путешествіе сгубило его Sitzfleisch. Онъ тяготился работой, впадалъ въ ипохондрію, унывалъ; а работа была нужна, денегъ опять не было ни гроша. Къ тому-же и новый червь начиналъ точить его. Успѣхъ поѣздки, безспорно доказанная отвага, таинственные переговоры, побѣда надъ опасностями, все это раздуло въ его груди и безъ того сильную струю самолюбія; обратно Цезарю, Донъ Карлосу и Вадиму Пассекъ, Кельсіевъ, запуская руки въ свои густые волосы, говорилъ, покачивая грустно головой: «Еще нѣтъ тридцати лѣтъ, и уже такая отвѣтственность взята мною на плечи». Изъ всего этого легко можно было понять, что грамматики онъ не кончитъ, а уйдетъ. Онъ и ушелъ. Ушелъ онъ въ Турцію, съ твердымъ намѣреніемъ еще больше сблизиться съ раскольниками, составить новыя связи и, если возможно, остаться тамъ и начать проповѣдь вольной церкви и общиннаго житья. Я писалъ ему длинное письмо, убѣждая его не ѣздить, а продолжать работу. Но страсть къ скитанію, желаніе подвига и великой судьбы, мерещившейся ему, были сильнѣе, и онъ уѣхалъ. Онъ и Мартьяновъ исчезаютъ почти въ одно время. Одинъ, чтобъ послѣ ряда несчастій и испытаній хоронить свонхъ и потеряться между Яссами и Галацомъ; другой, чтобъ схоронить себя на каторжной работѣ, куда его сослала неслыханная тупость царя и неслыханная злоба мстящихъ помѣщиковъ-сенаторовъ.

Послѣ нихъ являются на сцену люди другого чекана. Наша общественная метаморфоза, не имѣя большой глубины и захватывая очень тонкій слой, быстро изнашивастъ и измѣняетъ формы и цвѣта.

Между Энгельсономъ и Кельсіевымъ уже цѣлая формація, какъ между нами и Энгельсономъ. Энгельсонъ былъ человѣкъ сломленный, оскорбленный; зло, сдѣланное ему всей средой, міазмы, которыми онъ дышалъ съ дѣтства, изуродовали его. Лучъ свѣта скользнулъ по немъ и отогрѣлъ его года за три до его смерти, когда уже неостанавливаемый недугъ грызъ его грудь. Кельсіевъ, тоже помятый и попорченный средой, явился однако безъ отчаянія и устали; оставаясь за границей, онъ не просто шелъ на покой, но просто бѣжалъ безъ оглядки отъ тяжести: онъ шелъ куда-то. Куда? — этого онъ не зналъ (и тутъ всего ярче выразился видовой оттѣнокъ его пласта), опредѣленной цѣли онъ не имѣлъ; онъ ее искалъ покамѣстъ, осматривался и приводилъ въ порядокъ, а пожалуй и въ безпорядокъ всю массу идей, захваченныхъ въ школѣ, книгахъ и жизни. Внутри у него шла ломка, о которой мы говорили, и она для него была существеннымъ вопросомъ, которымъ онъ

жилъ, выжидая или такого дѣла, которое поглотило-бы его, или такую мысль, которой-бы онъ отдался.

Потаскавшись въ Турціи, Кельсіевъ рѣшился поселиться въ Тульчѣ; тамъ онъ хотѣлъ учредить средоточіе своей пропаганды между раскольниками, школу для казацкихъ дѣтей и сдѣлать опытъ общинной жизни, въ которой прибыль и убыль должна была падать на всѣхъ, чистая и не чистая, легкая и трудная работа — обдѣлываться всѣми. Дешевизна помѣщенья и съѣстныхъ припасовъ дѣлали опытъ возможнымъ. Онъ сблизился съ старымъ атаманомъ Некрасовцевъ, Гончаромъ, и въ началѣ превозносилъ его до небесъ.

Лѣтомъ въ 1863 подъѣхалъ къ нему его меньшой братъ Иванъ, прекрасный, даровитый юноша. Онъ былъ по студентскому дѣлу высланъ изъ Москвы въ Пермь; тамъ попался къ негодяю губернатору, который его тѣснилъ. Потомъ его опять вызвали въ Москву для какихъ-то показаній; ему грозила ссылка далѣе Перми. Онъ бѣжалъ изъ частнаго дома и пробрался черезъ Константинополь въ Тульчу. Старшій братъ былъ чрезвычайно радъ ему; онъ искалъ товарищей и наконецъ звалъ жену, которая рвалась къ нему, и жила на нашемъ попеченьи въ Тедингтонѣ. Пока мы ее снаряжали, явился въ Лондонъ и самъ Гончаръ.

Хитрый старикъ, почуявшій смуты и войны, вышелъ изъ своей берлоги понюхать воздухъ и посмотрѣть, чего откуда можно ждать, т. е. съ кѣмъ идти и противъ кого. Не зная ни одного слова, кромѣ по русски и по турецки, онъ отправился въ Марсель и оттуда въ Парижъ. Въ Парижѣ онъ видѣлся съ Чарторижскимъ и Замойскимъ; говорятъ даже, что его возили къ Наполеону; отъ него я этого не слыхалъ. Переговоры ни къ чему не привели, и сѣдой казакъ, качая головой и щуря лукавыми глазами, написалъ каракульками семнадцатаго столѣтія ко мнѣ письмо, въ которомъ, называя меня «графомъ», спрашивалъ — можетъ ли пріѣхать къ намъ и какъ насъ найти. Мы жили тогда въ Тедингтонѣ; безъ языка не легко было добиться до насъ, и я поѣхалъ въ Лондонъ на желѣзную дорогу встрѣтить его. Выходитъ изъ вагона старый русскій мужикъ, изъ зажиточныхъ, въ сѣромъ кафтанѣ, съ русской бородой, скорѣе худощавый, но крѣпкій, мускулистый, довольно высокій и загорѣлый, несетъ узелокъ въ цвѣтномъ платкѣ.

— Вы Осипъ Семеновичъ? – спрашиваю я.

— Я, батюшка, я. — Онъ подалъ мнѣ руку. Кафтанъ распахнулся, и я увидѣлъ на поддевкѣ большую звѣзду, разумѣется турецкую: русскихъ звѣздъ мужикамъ не даютъ. Поддевка была синяя и оторочена широкой пестрой тесьмой, этого я въ Россіи не видалъ.

— Я такой-то, пріѣхалъ васъ встрѣтить, да проводить къ намъ.

— Что-же ты это, ваше сіятельство, самъ безпокоился... того... ты бы того, кого нибудь..

— Это ужъ оттого видно, что я не сіятельство. Съ чего-же, Осипъ Семеновичъ, вы выдумали меня называть графомъ?

— А Христосъ тебя знаетъ, какъ величать; ты небось въ своемъ дѣлѣ во главѣ стоишь. Ну, а я — того, человѣкъ темный, ну и говорю: графъ, т. е. сіятельный, т. е. голова.

Не только оборотъ рѣчи, но и произношеніе у Гончара было великорусское, крестьянское. Какъ у нихъ въ захолустьи, окруженномъ иноплеменными, такъ славно сохранился языкъ? — трудно было бы понять безъ старообрядческаго мерщенія. Расколъ ихъ выдѣлилъ такъ строго, что никакое чужое вліяніе не переходило за ихъ частоколъ.

Гончаръ прожилъ у насъ три дня. Первые дни онъ ничего не ѣлъ, кромѣ сухого хлѣба, который привезъ съ собой, и пилъ одну воду. На третій день было воскресенье; онъ разрѣшилъ себѣ стаканъ молока, рыбу, варенную въ водѣ и, если не ошибаюсь, рюмку хереса.

Русское себѣ на умѣ, восточная хитрость, осмотрительность охотника, сдержанность человѣка, привыкшаго съ дѣтскихъ лѣтъ къ полному безправію и къ сосѣдству сильныхъ враговъ, долгая жизнь, проведенная въ борьбѣ, въ настойчивомъ трудѣ, въ опасностяхъ, все это такъ и сквозило изъ за мнимо простыхъ чертъ и простыхъ словъ сѣдого казака. Онъ постоянно оговаривался, употреблялъ уклончивыя фразы, тексты изъ Священнаго Писанія, дѣлалъ скромный видъ, очень сознательно разсказывая о своихъ успѣхахъ и, если иногда увлекался въ разсказахъ о прошломъ и говорилъ много, то навѣрное никогда не проговорился о томъ, очемъ хотѣлъ молчать.

Этотъ закалъ людей на Западѣ почти не существуетъ. Онъ не нуженъ такъ, какъ не нужна дамасская сталь для лезвія перочиннаго ножа.

Въ Европѣ все дѣлается гуртомъ, массой; человѣку одиночно не нужно столько силы и осторожности.

Въ успѣхъ польскаго дѣла онъ уже не вѣрилъ и говорилъ о своихъ парижскихъ переговорахъ, покачивая головой. — «Намъ, конечно, гдѣ-же сообразить: мы люди маленькіе, темные, а они вонъ поди какъ, ну вельможи, какъ слѣдуетъ; только эдакъ нравъ-то легкій. Ты, молъ, Гончаръ не сумлевайся: вотъ какъ справимся, мы то и то сдѣлаемъ для тебя напримѣръ. Понимаешь?.. все будетъ въ удовольствіе. Оно точно, люди они добрые, да поди вотъ, когда справятся... съ такой политикой». Ему хотѣлось разузнать, какія у насъ связи съ раскольниками и какія опоры въ краѣ; ему хотѣлось осязать, можетъ-ли быть практическая польза въ связи старообрядцевъ съ нами. Въ сущности для него было все равно, онъ пошелъ бы равно съ Польшей и Австріей, съ нами и съ Греками, съ Россіей и съ Турціей, лишь-бы это было выгодно для его Некрасовцевъ. Онъ и отъ насъ уѣхалъ, качая головой. Написалъ потомъ два-три письма, въ которыхъ между прочимъ жаловался на Кельсіева, и подалъ, вопреки нашего мнѣнія, адресъ государю.

Въ началѣ 1864 поѣхали въ Тульчу два русскихъ офицера, оба эмигранта: Краснопѣвцевъ и В. Маленькая колонія сначала дружно принялась за работу. Они учили дѣтей и солили огурцы, чинили свои платья и копались въ огородѣ. Жена Кельсіева варила обѣдъ и обшивала ихъ. Кельсіевъ былъ доволенъ началомъ, доволенъ казаками и раскольниками, товарищами и турками*.

Кельсіевъ писалъ еще намъ свои юмористическіе разсказы о ихъ водвореніи, а уже черная рука судьбы была занесена надъ маленькой кучкой Тульчинскихъ общинниковъ. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1864, ровно черезъ годъ послѣ своего пріѣзда умеръ двадцати трехъ лѣтъ отъ роду, на рукахъ своего брата, въ злѣйшемъ тифѣ, Иванъ Кельсіевъ. Смерть его была для брата страшнымъ ударомъ; онъ самъ занемогъ, но какъ-то отходился. Письма его того времени ужасны. Духъ, поддерживавшій отшельниковъ, упалъ, угрюмая скука овладѣвала ими; начались преступленія и ссоры. Гончаръ писалъ, что Кельсіевъ сильно пьетъ. Краснопѣвцевъ застрѣлился. В. ушелъ. Дальше не могъ вытерпѣть и Кельсіевъ; онъ взялъ свою жену и своихъ дѣтей (у него еще родился ребенокъ) и, безъ средствъ, безъ цѣли, отправился сначала въ Константинополь, потомъ въ Дунайскія княжества. Совершенно отрѣзанный отъ всѣхъ, отрѣзанный на время даже отъ насъ, онъ въ это время разошелся съ Польской эмиграціей въ Турціи. Напрасно искалъ онъ заработать кусокъ хлѣба, съ отчаяніемъ смотрѣлъ онъ на изнуреніе бѣдной женщины и дѣтей. Деньги, которыя мы посылали иногда, не могли быть достаточны. «Случалось, что у насъ вовсе не было хлѣба», — писала незадолго до своей смерти его жена. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій Кельсіевъ нашелъ въ Галацѣ мѣсто «надзирателя за шоссейными работами». Скука томила, грызла его. Онъ не могъ не винить себя въ положеніи семьи. Невѣжество дико-восточнаго міра оскорбляло его; онъ въ немъ чахнулъ и рвался вонъ. Вѣру въ раскольниковъ онъ утратилъ; вѣру въ Польшу утратилъ; вѣра въ людей, въ науку, въ революцію, колебались сильнѣй и сильнѣй, и можно было легко предсказать, когда и она рухнется. Онъ только и мечталъ, чтобъ во что бы то ни стало вырваться опять на свѣтъ, пріѣхать къ намъ, и съ ужасомъ видѣлъ, что ему покинуть семью нельзя. «Еслибъ я былъ одинъ, — писалъ онъ нѣсколько разъ, — я съ дагеротипомъ или органомъ ушелъ бы куда глаза глядятъ и, потаскавшись по міру, пѣшкомъ явился бы въ Женеву».

Помощь была близка.

«Малуша» (такъ зали старшую дочь) легла здоровая спать, проснулась ночью больная; къ утру умерла холерой. Черезъ нѣсколько дней умеръ меньшой; мать свезли въ больницу. У ней открылась острая чахотка.

«Помнишь-ли, ты когда-то мнѣ обѣщалъ сказать, когда я буду умирать, что это смерть. Смерть-ли это?»

«Смерть, другъ мой, смерть».

И она еще разъ улыбнулась, впала въ забытье и умерла...»

---

* И вотъ эта ужасная Тульчинская агенція, имѣвшая сношенія съ всемірной революціей, поджигавшая русскія деревни на деньги изъ Мацциневскихъ кассъ, грозно дѣйствовавшая года черезъ два послѣ того, какъ перестала существовать, и теперь еще поминаемая въ литературѣ сыщиковъ и въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ Каткова!

Прежде чѣмъ я приступлю къ изложенію моей прошлой дѣятельности противъ правительства, я долженъ сдѣлать оговорку, что если нѣкоторые факты или подробности будутъ упущены мною въ настоящемъ изложеніи, то это случится никоимъ образомъ не изъ умысла, а или по забывчивости, или потому, что подробности эти кажутся мнѣ не заслуживающими вниманія. Я буду стараться не дѣлать подобныхъ пропусковъ, но, если они случатся, то покорнѣйшу прошу ВЫСОЧАЙШЕ учрежденную надо мною Коммисію, не ставить мнѣ ихъ въ вину, такъ какъ я на каждый вопросъ и на каждый случай изъ моей жизни, всегда охотно дамъ отдѣльное показаніе или поясненіе въ видѣ приложенія къ настоящей запискѣ. Раскаяніе мое искренно и откровенность моя, какъ и самая моя сдача правительству, не вынуждены.

Записка моя — необходимо для ясности изложенія — должна распасться на слѣдующіе пять отдѣловъ.

1) Дѣятельность въ Лондонѣ, съ ноября 1859 г. по мартъ 1862 года, когда я занимался изученіемъ раскола, революціонныхъ ученій и т. п., а равно и изданіемъ «Сборника правительственныхъ свѣдѣній о расколѣ».

2) Поѣздка въ Россію съ турецкимъ паспортомъ на имя Василія Яни, въ мартѣ 1862, для соединенія сектантовъ съ партіею «Колокола».

3) Дѣятельность въ Царградѣ, съ октября 1862 по декабрь 1863 года, когда я старался соединить въ одно всѣ противу-правительственные элементы: сектантовъ, черкесовъ, поляковъ и т. п.

4) Пребываніе въ Тульчѣ, съ декабря 1863 по апрѣль 1865 года, гдѣ я былъ атаманомъ русскихъ выходцевъ, и гдѣ я убѣдился фактами въ несостоятельности моихъ политическихъ вѣрованій.

5) Пребываніе въ Галацѣ (съ апрѣля 1865 по апрѣль 1866), въ Вѣнѣ, въ Венгріи, въ Галичинѣ (по ноябрь 1866) и въ Яссахъ до 19-го мая сего 1867 года, когда я явился въ Скулянскую таможню, съ просьбою объ моемъ арестованіи.

Затѣмъ, приступая къ своему разсказу, я обращаюсь къ сердцу Государя и къ доказанному благоразумію его правительства, съ просьбою, что какая-бы участь меня ни постигла, какой-бы карѣ ни былъ я подвергнутъ, обратить, во имя Россіи, вниманіе на причины и обстоятельства, вызвавшія и вызывающія у насъ явленія въ родѣ нигилистовъ или эмигрантовъ. Какъ дѣятельнѣйшій членъ оппозиціи, я видѣлъ слишкомъ близко многое, что совершенно недоступно офиціальнымъ лицамъ, я входилъ въ трущобы, куда не всякій рѣшился-бы заглянуть, да мало кто и заглядывалъ, я изучалъ и изучалъ добросовѣстно партіи, стоящія за и противъ правительства... Я кончилъ тѣмъ, что вслѣдствіе этого пристальнаго изученія основныхъ началъ нашей и общеславянской народности, я сдался въ безусловное распоряженіе правительства, которому и представляю теперь мою исповѣдь.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВЪ ЛОНДОНѢ

Я пріѣхалъ въ Лондонъ въ маѣ 1859 года. Поводомъ къ этому была болѣзнь моей жены, понудившая меня взять отпускъ на шесть мѣсяцевъ отъ Россійско-американской Компаніи, въ колоніи которой я ѣхалъ старшимъ помощникомъ бухгалтера. Жена моя захворала въ Плимутѣ сильнымъ кровотеченіемъ послѣ родовъ; доктора совѣтовали ей ѣхать на лѣто въ Германію, а для этого нужно было достать паспортъ, такъ какъ, кромѣ отпуска, у меня не было другихъ документовъ. Это обстоятельство и понудило ѣхать въ Лондонъ, но поѣздка, при дурномъ устройствѣ англійскихъ желѣзныхъ дорогъ, при чрезвычайно короткихъ остановкахъ на станціяхъ и при чрезвычайно длинныхъ туннеляхъ, сильно потрясла только что оправившееся здоровье моей жены и очень дурно подѣйствовала на ребенка, котораго она сама не могла кормить грудью. Я пріѣхалъ въ Лондонъ съ больною семьей и долженъ былъ остаться тамъ на цѣлое лѣто, такъ какъ паспортъ не приходилъ изъ Петербурга. Настала осень, ребенокъ хирѣлъ и хирѣлъ, жена все была слаба, а между тѣмъ срокъ отпуску выходилъ, нужно было ѣхать въ Гамбургъ, сѣсть на компанейскій корабль «Цесаревичъ» и ѣхать въ Америку, т. е. пройти весь Атлантическій океанъ съ сѣвера на югъ, обогнуть мысъ Горнъ и пройти весь Тихій океанъ съ юга на сѣверъ. Я подалъ прошеніе объ отпускѣ еще на полъ года. Компанія предложила мнѣ или немедленно ѣхать, или подать въ отставку, съ уплатою ей сдѣланныхъ на меня расходовъ; я отдалъ ей въ распоряженіе всю мою движимость, которая уже была въ ея рукахъ, и просилъ ее, что буде продажа моей библіотека и моихъ вещей не покроетъ моего долга, то чтобы она извѣстила меня объ этомъ, и я приму мѣры расквитаться съ нею. Отвѣта отъ нея я не получалъ, равно какъ и семейныхъ бумагъ, находившихся между моими вещами, такъ что до сихъ поръ ничего не знаю о моихъ къ ней отношеніяхъ. Причину ея молчанія я объясняю себѣ тѣмъ, что я вскорѣ послѣ того объявилъ себя эмигрантомъ.

Причины, побудившія меня пойти въ генеральное русское консульство въ Лондонѣ и заявить, что я отказываюсь отъ своей карьеры, что порываю всѣ связи съ отечествомъ, съ родными, съ близкими, заключались въ общемъ тогдашнемъ настроеніи русской молодежи. Герценъ и Огаревъ долго и упорно уговаривали меня отказаться отъ моего намѣренія, — но духъ времени сильнѣе здраваго смысла: я остался въ Лондонѣ противъ ихъ жеданія, безъ опредѣленной цѣли, безъ выясненной задачи. «Работать нужно, пропагандировать нужно, это священный долгъ современнаго русскаго», твердилъ я себѣ. Мнѣ тогда было 24 года, Россію я видѣлъ только отъ Петербурга до Новгорода, да и то мелькомъ, жизнь я велъ въ Петербургѣ кабинетную; свѣдѣнія и теоріи мои были почерпнуты изъ книжекъ и изъ разсказовъ такихъ же юношей, какимъ я тогда былъ; занятія мои состояли въ изученіи китайскаго, манчжурскаго, монгольскаго, тибетскаго, санскритскаго языковъ, да нарѣчій нашихъ финскихъ племенъ, а лингвистика, разумѣется, плохо могла содѣйствовать знанію дѣйствительной жизни и общественныхъ отношеній. Я даже и общества тогда избѣгалъ по крайней застѣнчивости моего характера: я былъ человѣкъ книжный, кабинетный, я даже въ Америку ѣхалъ именно для изученія эскимосскихъ и американскихъ нарѣчій, которыя меня сильно интересовали, больше чѣмъ заманчивая перспектива сдѣлаться со временемъ русскимъ консуломъ гдѣ нибудь въ Кантонѣ или въ Шанхаѣ. И вотъ вмѣсто того, чтобы исполнить свое давнишнее намѣреніе, побывать въ русской Америкѣ, повидать племена, живущія по берегамъ Тихаго Океана,

изучить ихъ цивилизацію, языки, нравы, преданія, вѣрованія, — мечта, которую я лелѣялъ съ 15-лѣтняго возраста, — я все бросилъ, отъ всего отрекся и сдѣлался пропагандистомъ. А примиреніе съ Американскою Компаніей было возможно, — стоило только обождать выздоровленія жены...

Я еще въ Петербургѣ былъ захваченъ тѣмъ оппозиціоннымъ движеніемъ умовъ, которое началось у насъ вслѣдствіе неудачъ крымской кампаніи. Рѣдкій кто изъ моихъ тогдашнихъ сверстниковъ не ропталъ на правительство; довѣріе къ его способности и благонамѣренности падало со дня на день, и молодежь, испуганная и оскорбленная за Россію, волей не волей напрягала всѣ свои силы на изученіе зла и на отысканіе средствъ къ спасенію; Россіи же тогда почти никто хорошо не зналъ, — она вся, со своимъ настоящемъ и прошедшимъ, была покрыта канцелярскою тайной, для изученія ея приходилось обращаться къ рукописной литературѣ да къ сочиненіямъ объ насъ иностранцевъ, то есть къ весьма плохимъ источникамъ. Но и эти скудные источники были тогда запрещены, что и давало имъ огромный вѣсъ въ нашихъ глазахъ. «Зачѣмъ таятъ отъ насъ правду?» разсуждали мы, «отчего все, что у насъ происходитъ, покрыто тайной? Развѣ это не доказательство недобросовѣстности и даже злоумышленности правительства?»—и правительство становилось въ нашихъ глазахъ партіей заговорщиковъ.

Послѣдствія были такія, какихъ и ожидать слѣдовало. Все, что только исходило изъ правительственной среды, впередъ не пользовалось довѣріемъ; все, что заявляло себя противъ правительства и его дѣйствій, впередъ могло разсчитывать на сочувствіе и довѣріе. Запрещенныя книги неминуемо стали казаться тогда чуть не откровеніемъ свыше, и достоинство ихъ стало тоже неминуемо оцѣняться не по содержанію, а по степени запрещенности. Что же мы находили въ этихъ книгахъ, которыя читались съ такою жадностью? — крайнія, революціонныя и философскія ученія! Передъ нами открывался новый міръ, міръ, пожалуй, фантастическій, возможный только въ теоріи, но неофиты всегда страстные охотники до теорій, а особенно до теорій, преслѣдуемыхъ властью. Возражать намъ, вести съ нами полемику, переубѣдить насъ — никто не могъ, потому что никто, или мало кто, заглядывалъ тогда въ Россіи въ эти книги, потому что изученіе этихъ теорій было тогда крайне затруднительно, потому что даже литература не смѣла говорить о нихъ. Какъ духовная цензура содѣйствовала развитію у насъ всякихъ религіозныхъ сектъ, такъ политическая цензура вызвала, необходимымъ сдѣлала возникновеніе той партіи, которую впослѣдствіи стали называть нигилистами. Если-жъ къ этому принять въ разсчетъ смѣлость русскаго ума, который крайне послѣдователенъ въ своихъ выводахъ и ни передъ чѣмъ не останавливается, какъ въ положеніяхъ, такъ и въ отрицаніяхъ, то нигилизмъ и окажется чисто русскимъ, доморощеннымъ явленіемъ. «Русскій человѣкъ», говорятъ наши сектанты, «тѣмъ не похожъ на всѣхъ другихъ, что онъ правды ищетъ» — и дѣйствительно, страсть къ послѣдовательности, къ развитію каждаго положенія до nec plus ultra, довела простонародье до скопчества, до самосожигательства, до восторженности! — а гимназистовъ, семинаристовъ и студентовъ догнала до такихъ отрицаній, о какихъ Западу и во снѣ не снилось. Послѣдовательность — отличительная черта даже самой исторіи нашей. Владиміръ изъ братоубійцы превратился въ человѣка, совѣстящагося казнить разбойниковъ. Нашъ народный герой Илья Муромецъ, только что на ноги встаетъ, какъ начинаетъ мечтать, что будь въ землю кольцо ввинчено, своротилъ бы онъ мать сыру землю, будь столбъ отъ земли до неба, стряхнулъ бы онъ съ мѣста небо синее. Московскіе бояре задались мыслью собрать землю Русскую и подавить орду поганую — и вотъ не только земля Русская, но даже и значительный лоскутъ Мазовіи сталъ нашимъ; не только царство Казанское и Астраханское наше,

но и Ташкентъ къ намъ попалъ, и Хива, и Бухара ждутъ того же. Никонъ, патріархъ, съ его ненужно послѣдовательными исправленіями обрядовъ, Петръ Великій, съ его не только не нужнымъ, но даже и вреднымъ предпочтеніемъ иностранцевъ русскимъ и бритьемъ бородъ! — были глубоко русскіе люди, какъ и ихъ преемники по сей день. И эта-то мощь нашей русской государственной мысли приводитъ въ трепетъ турокъ въ Цареградѣ, нѣмцевъ въ Вѣнѣ и мадьяровъ въ Пештѣ: они предчувствуютъ, что близокъ часъ, когда наша западная граница перешагнетъ Карпаты и протянется по далматскому берегу Адріатики, когда славянство примкнетъ къ намъ въ силу собственнаго его тяготѣнія и въ силу нашей исторической миссіи, исполняемой нами столько вѣковъ съ такой ничѣмъ не колебимой послѣдовательностью.

Другая причина увлеченія молодежи соціализмомъ и атеизмомъ лежала въ весьма плохомъ устройствѣ тогдашнихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ учили всему на свѣтѣ и ничему не выучивали. Энциклопедичность нашего образованія, всезнайство наше, способность судить обо всемъ, не зная ровно ничего толкомъ, давали намъ смѣлость браться за разрѣшеніе какихъ угодно сложныхъ вопросовъ науки и жизни, и ловко отбивать возраженія нашихъ противниковъ, забрасывая ихъ мишурой нашей мнимой учености. Наши училища готовили насъ вовсе не въ полезныхъ подданныхъ и гражданъ, вовсе не въ дѣловыхъ людей, а въ людей свѣтскихъ, въ мастера на всѣ руки! и поэтому развили въ насъ не любовь къ труду и къ изслѣдованію, а страсть хватать вершки, отыскивать послѣднее слово науки; — мы и стали матеріалистами, потому что не были достаточно подготовленными отличать гипотезы отъ фактовъ.

Въ атеизмъ загнало насъ плохое положеніе православной церкви въ то время. Я въ этомъ убѣдился въ бытность мою въ Галичинѣ, осенью прошлаго года, гдѣ я имѣлъ случай изучить, какія полезныя силы для государства, для нравственности и для науки таятся въ православіи и какъ мы сами себя разслабляемъ, не давая ему ни должной поддержки, ни должнаго развитія. У уніатовъ, какъ и у протестантовъ, семинарій нѣтъ — дѣти духовенства воспитываются вмѣстѣ съ дѣтьми мирянъ — отъ этого они вовсе не отрѣзываются отъ міра, ни своими свѣдѣніями, ни пріемами, ни костюмомъ, какъ у насъ. По окончаніи гимназіи, желающіе посвятить себя духовному званію поступаютъ или на богословскій факультетъ, или въ духовныя академіи, и только по окончаніи курса въ этихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, только по сдачѣ весьма строгаго экзамена, получаютъ они право на рукоположеніе. Но и затѣмъ связь ихъ съ училищами не прекращается. Они сплошь и рядомъ занимаютъ кафедры даже вовсе не по богословскимъ наукамъ, они бываютъ инспекторами, воспитателями, смотрителями училищъ; церковь не оставлаетъ дѣтей и пріучаетъ ихъ смотрѣть на нее съ любовью и съ уваженіемъ. — У насъ же было (какъ теперь, не знаю) совершенно другое: Петръ Великій стѣснилъ духовенство, потому что оно заявляло себя противъ его антинаціональныхъ реформъ, Биронъ и Ко придавили его изъ отвращенія ко всему не нѣмецкому и не протестантскому; затѣмъ езуиты стали возбуждать правительство противъ православнаго духовенства, за ними поляки и тѣ-же нѣмцы, за ними сочувствіе къ духовенству подорвалъ въ нашемъ обществѣ дурной примѣръ французскихъ ультрамонтановъ, итальянскихъ санфедистовъ и т. д. Всѣ эти историческія причины свели наше духовенство на minimum его дѣтельности и сдѣлали изъ него — къ величайшему торжеству сектанства и атеизма — машину для исполненія обрядовъ. Нравственность его пользовалась плохой славой, невѣжество его было извѣстно всѣмъ и каждому; да и могло ли оно быть образованнымъ, когда можно сдѣлаться священникомъ прямо изъ семинаристовъ? Наконецъ, у него не было свѣтскаго лоску, какъ у ксендза или у пастора, по французски оно не знало,

балы и театры ему заперты, а при такихъ недостаткахъ, разумѣется, ни въ одну гостиную священникъ не входитъ безъ зову...

Я поступилъ въ Коммерческое училище 10-ти лѣтнимъ ребенкомъ (1845). Въ нашемъ домѣ строго соблюдались всѣ постановленія и обычаи церкви. Посты никогда и ни въ какомъ случаѣ не нарушались, углы были уставлены иконами, передъ которыми теплились неугасимыя лампады, въ церковь мы ходили, какъ слѣдуетъ, чуть что не каждый день, молебны и водосвятья совершались у насъ въ большіе праздники, – я былъ искренно православнымъ, насколько то было возможно при моемъ возрастѣ, но училище сдѣлало меня атеистомъ.

Дѣти очень впечатлительны и наблюдательны, а тѣмъ болѣе скоры на выводы. Намъ твердили наши воспитатели и учителя – «учитесь, будете людьми, какъ мы», – а они были всѣ болѣе или менѣе индиферентъ. О постѣ въ среду и въ пятницу я даже забылъ въ училищѣ; иконы, которыя я такъ любилъ и уважалъ, были въ комнатахъ училища крохотныя, загаженныя мухами; молитвы передъ ученіемъ и послѣ ученія исправлялись только очевидно для формы. Законъ Божій преподавался точно неизбѣжная излишность. Ничто не дышало тѣмъ тихимъ, яснымъ, всепрощающимъ духомъ христіанства, какъ въ англійскихъ, въ галицкихъ школахъ. Воспитателей (гувернеровъ) было у насъ восемь человѣкъ – и изъ нихъ только двое русскихъ, а впослѣдствіи даже одинъ. Инспекторъ и директоръ также были не православные, – мы смотрѣли на нихъ, какъ на развитѣйшихъ людей и догадывались, что развитіе и православіе, наука и наша вѣра не ладятъ между собою. О вѣрѣ съ нами говорилъ только законоучитель, да и то разъ въ недѣлю, а воспитатели иновѣрцы невольно должны были обходить молчаніемъ эти вопросы. Къ этому мы узнавали невольно, что на Западѣ люди и умнѣе, и лучше насъ, что оттуда идутъ въ Россію всѣ истины науки и всѣ правила общежитія, – выводъ былъ ясенъ и неизбѣженъ. Къ этому явилась на помощь геологія съ ея ипотезами объ образованіи земного шара, физіологія, географія и прочее, и прочее, такъ что сомнѣніе въ истинахъ вѣры, которую мы держали и которую намъ преподавали убійственно сухо, поневолѣ стало закрадываться въ душу, а разъяснить эти сомнѣнія было некому. Учителя наши отдѣлывались отъ насъ, не желая попасть въ просакъ, воспитатели даже по самому умственному развитію своему не были въ состояніи отвѣчать на наши вопросы, да и увертывались отъ нихъ, чтобы не сказать чего нибудь не православнаго. Приходилось доходить до всего своимъ собственнымъ умомъ, – нашъ законоучитель разъяснялъ намъ все черезчуръ схоластически, такъ что мы его не понимали, и дошли мы собственнымъ умомъ, кто до молоканства, кто до атеизма, какъ воспитанники другихъ училищъ, пошли въ нигилизмъ, какъ Балабины, Гагарины, Голицины, Свѣчины и прочіе, подѣлались католиками. И такъ до тѣхъ поръ будетъ у насъ твориться, покуда бѣлое духовенство не будетъ признано сильнѣйшимъ консервативнымъ элементомъ русской народности, пока оно не займетъ въ обществѣ того-же положенія, какимъ оно пользовалось у насъ въ XVII вѣкѣ, а въ Англіи и по сію пору. Я рѣшительно не вижу другихъ средствъ для противодѣйствія всякимъ фантастическимъ теоріямъ и ученіямъ, – кромѣ уничтоженія семинарій, устройства богословскихъ факультетовъ при университетахъ, реформы духовныхъ академій, на манеръ уніатской Barbareum въ Вѣнѣ, и запрещенія ставить въ священники или въ дьяконы лицъ, не знающихъ основательно латинскаго, греческаго, еврейскаго языковъ, да одного изъ новѣйшихъ западныхъ (славянскія нарѣчія всѣ должны быть обязательны), не знающихъ основательно церковной исторіи и археологіи, и мнѣ кажется, что если не будутъ приняты дѣятельныя мѣры, то черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ православіе пропадетъ въ Россіи. Его съ одной стороны расколъ поглотитъ, а съ другой стороны западный

протестантизмъ; а то и другое будетъ несчастіемъ для нашей политической будущности. Въ настоящее время вопросъ о поддержкѣ православія становится въ высшей степени важнымъ, въ виду усиленной дѣятельности противъ него и противъ самаго раскола иностранныхъ пропагандистовъ, которые, какъ мнѣ кажется, скоро возьмутъ верхъ, — но объ этомъ я разскажу послѣ, покуда скажу только, что изгнаніе бѣлаго духовенства изъ свѣтскаго общества и закрытіе ему клубовъ, театровъ, трактировъ, общественныхъ увеселеній, — политическое самоубійство. Я много и пристально изучалъ бытъ православныхъ священниковъ въ Болгаріи, въ Молдавіи и въ Австріи, и у меня сердце болитъ при воспоминаніи, какъ у насъ не умѣли пользоваться этимъ сильнымъ рычагомъ прогресса, сколько талантовъ гибнетъ, и какое малое число истинно образованныхъ людей выходитъ изъ нашихъ училищъ. Будь духовенство посредникомъ высшихъ и низшихъ сословій, — никакой нигилизмъ не пустилъ-бы корней, да и грамотность была бы распространена въ народѣ.

Отступленія мои, можетъ быть, слишкомъ длинны; но я дѣлаю ихъ по необходимости, такъ какъ разсказъ о событіяхъ, которыя я видѣлъ, или въ которыхъ участвовалъ, былъ бы не понятенъ безъ объясненія причинъ этихъ событій.

Перехожу къ тому, что дѣлалось въ Лондонѣ.

Въ маѣ 1859 г., когда я пріѣхалъ въ Лондонъ, я засталъ Герцена во всемъ блескѣ его славы и авторитета. Черезъ два года вліяніе его стало ослабѣвать, черезъ три года звѣзда его окончательно померкла. Я познакомился съ нимъ по общему порядку, какой не то самъ завелся, не то Герценомъ-же былъ заведенъ въ Лондонѣ. Каждый пріѣзжій естественнымъ образомъ прежде всего бѣжалъ къ Трюбнеру купить «Колоколъ», «Полярную Звѣзду» и прочія заграничныя изданія. При этомъ выходила вѣчная комедія, очень льстившая Трюбнеру, — русскіе жали ему руку, благодарили его за его либерализмъ, за его дѣятельность для блага человѣчества вообще, а русскаго народа въ особенности. — Они, въ простотѣ души, принимали его чуть не за равнаго Маццини, а во всякомъ случаѣ за друга и за помощника Герцена. Трюбнеру это ужасно льстило, онъ самъ на себя начиналъ смотрѣть какъ на замѣчательнаго человѣка, собирался и даже совѣта спрашивалъ, не будетъ ли полезно гравировать его портретъ для распространенія въ Россіи? — Онъ думалъ, что это будетъ содѣйствовать развитію оппозиціи. Я разъ, въ шутку, выпыталъ у него признаніе въ надеждѣ, что облагодѣтельствованный имъ русскій народъ рано или поздно поставитъ ему памятникъ. Въ сущности, Трюбнеръ добрый малый, ловкій издатель и агентъ американскихъ книгъ, человѣкъ практически неглупый и очень оборотливый. — На лондонскихъ изданіяхъ онъ нажилъ большія деньги, единственно умѣніемъ распространить ихъ на континентѣ. Наконецъ, онъ имѣлъ безусловное довѣріе къ Герцену и Огареву, а потомъ ко мнѣ, такъ что брался издавать все безусловно, что только мы ему предлагали: — по русски онъ не зналъ ни слова, объ Россіи понятія не имѣлъ. Про него говорили, будто онъ много содѣйствовалъ ввозу въ Россію своихъ изданій — это неправда. Онъ слишкомъ остороженъ, чтобы рисковать своимъ товаромъ, посылая его на удалую. Какъ тогда, такъ и послѣ «Колоколъ» и прочее распространялись единственно путешественниками, возвращавшимися изъ-за границы.

Пріѣзжій въ Лондонъ обыкновенно изъявлялъ Трюбнеру желаніе удостоить счастія познакомиться съ Герценомъ. Трюбнеръ давалъ адресъ и приглашалъ написать записку. Въ отвѣтъ на эту записку Герценъ назначалъ свиданіе или у себя или у пріѣзжаго, если послѣднему почему нибудь не хотѣлось, чтобъ его видѣли въ домѣ Герцена. Такіе случаи бывали очень часто—лица, очень высоко-поставленные,

никогда не входили въ домъ Герцена, и тайна свиданія ихъ съ нимъ такъ и остается тайной на долгое время, когда выйдутъ въ свѣтъ не изданныя главы его записокъ «Былое и Думы», которыя много прольютъ свѣта на исторію этого періода. Собственныя имена въ домѣ Герцена не произносились, или произносилися очень рѣдко. Кто самъ не хотѣлъ скрывать своихъ визитовъ, тотъ самъ себя называлъ; кто конфузился или просилъ, чтобъ его не выдавали, того имя или мы перемѣняли, что было впрочемъ рѣдко, или обыкновенно отдѣлывались отъ нескромныхъ вопросовъ тѣмъ, что не помнимъ, не знаемъ, трудное имя и т. п. Да и трудно было помнить всѣхъ пріѣзжавшихъ на поклоненіе, такъ много ихъ было. Они мелькали одинъ за другимъ, входили съ трепетомъ благоговѣнія, слушали и врѣзывали себѣ въ память каждое слово Герцена, сообщали ему свѣдѣнія словесно или въ заранѣе приготовленныхъ запискахъ, выражали ему собственное сочувствіе и сочувствіе своихъ знакомыхъ, благодарили за пользу, приносимую обличеніями Россіи, и за страхъ, который «Колоколъ» навелъ на все нечестное и нечистое, — затѣмъ раскланивались и изчезали. Кого только не перебывало при мнѣ у Герцена! — бывали губернаторы, генералы, купцы, литераторы, дамы, старики и старухи бывали, студенты, — точно панорама какая-то проходила передъ глазами, точно водопадъ лился, и это не считая тѣхъ, съ которыми онъ видался съ глазу на глазъ. Много разъ, стоя у камина въ его кабинетѣ въ Fulham'ѣ, я хохоталъ въ душѣ, смотря на какого-нибудь капитана въ отставкѣ, который нарочно поѣхалъ въ Лондонъ изъ такой глуши, какъ Симбирскъ или Вологда, заявить свое сочувствіе, объяснить, что онъ не ретроградъ, какъ и сосѣдъ его Степанъ Петровичъ и какъ кумъ его Петръ Степановичъ — «Это все, доложу вамъ, золотой нашъ Александръ Ивановичъ, люди благородные, свободомыслящіе-съ, да-съ, — этими людьми вся губернія наша можетъ гордиться! и если-бъ правительство умѣло выбирать людей, цѣнить бы-съ умѣло благородство характера — давно бы-съ они важныя мѣста занимали въ государствѣ. Но у насъ-съ, какъ вы и сами изволили замѣтить, больше на низкопоклонствѣ можно выѣхать! Вотъ, напримѣръ нашъ исправникъ — ужъ вы его отдѣлайте въ «Колоколѣ», вамъ за это весь уѣздъ благодаренъ будетъ, мнѣ даже поручено просить васъ объ этомъ... Человѣкъ развратный, жену свою бьетъ, — проигралъ въ карты прокурору 4 рубля и не платитъ!»— Являлись дамы съ дочерьми и съ сыновьями, просили написать имъ въ альбомы, являлись люди просить совѣта въ своихъ семейныхъ дѣлахъ. Какой-то господинъ, отправляясь въ Іерусалимъ, писалъ письмо съ извѣстіемъ о своемъ намѣреніи и съ изложеніемъ своего взгляда на ничтожество жизни. Все это, разумѣется, сильно надоѣдало Герцену и Огареву и постоянно ставило ихъ въ самое неловкое положеніе. Печатать всего, что присылалось или что сообщалось, не было возможности. «Колоколъ» долженъ-бы былъ принять размѣры Times'а, а содержаніе его состояло-бы изъ невѣроятныхъ процессовъ, сплетенъ и всякой дряни; онъ потерялъ-бы мигомъ все значеніе, превратясь въ органъ личныхъ неудовольствій Богъ знаетъ кого, Богъ знаетъ противъ кого. Клевета и такъ въ него попадала, а что было-бы, если-бы все печаталось?

Серьезныя свиданія составляли, какъ я сказалъ, тайну Герцена и Огарева; свиданія и пріемы не серьезныя дѣлались разъ въ недѣлю (впослѣдствіи два раза), въ назначенный день, обыкновенно въ воскресенье, съ пяти часовъ вечера. Тутъ-то и была каторжная работа обоимъ издателямъ «Колокола» — занимать гостей, быть любезными со всѣми, выслушивать всякій вздоръ и не показывать вида, что скучно. А не принимать тоже было нельзя; каждый пріѣзжій все-таки привозилъ какія нибудь новыя свѣдѣнія, да и въ интересахъ пропаганды необходимо было знакомиться съ каждымъ ищущимъ знакомства. Эти люди все-таки были передовыми въ своихъ

кружкахъ, были смѣлѣе другихъ, рѣшаясь являться публично въ общество изгнанниковъ и, воротясь домой, могли усилить свой авторитетъ извѣстіемъ, что они обѣдали у Герцена, указали ему на нѣкоторыя злоупотребленія, дотолѣ ему неизвѣстныя, и вообще говорили съ нимъ о важныхъ государственныхъ дѣлахъ. Но, въ сущности, сколько я могъ замѣтить, мало кто изъ нихъ понималъ ясно, чего добивается «Колоколъ» — гости наши въ простотѣ души считали насъ революціонерами, тогда какъ мы были реформаторами; они принимали Герцена за агитатора, — а онъ былъ органомъ оппозиціи старому порядку вещей, начавшейся и дѣйствовавшей въ самой Россіи. Съ кѣмъ можно сравнить Герцена и Огарева, по ихъ взгляду на вещи и по ихъ направленію — это скорѣе всего съ Брайтономъ и Кобденомъ. Обстоятельства принудили ихъ, противъ ихъ воли, сдѣлаться агитаторами, но на этомъ агитаторствѣ и подорвалось ихъ вліяніе.

Здѣсь я опять долженъ сдѣлать отступленіе, такъ какъ считаю долгомъ разъяснить правительству силы и взаимныя отношенія такъ называемой партіи безпорядка. Офиціальныя свѣдѣнія объ ней невѣрны, потому что составители офиціальныхъ записокъ всякаго рода (какъ я убѣдился, сличая изданныя мною офиціальныя записки о расколѣ съ тѣмъ, что есть на дѣлѣ), всегда преувеличиваютъ опасность, по весьма естественному желанію и отличиться передъ начальствомъ усердіемъ, и поддѣлаться подъ его личный взглядъ, а, пожалуй, еще и изъ страха навлечь на себя отвѣтственность, если изъ партіи, которая поручена имъ для изслѣдованія, вдругъ и въ самомъ дѣлѣ возникнетъ что нибудь опасное. То же надо замѣтить и о показаніяхъ, даваемыхъ обвиняемыми при слѣдствіяхъ: они запутываютъ дѣло или по незнанію, или умышленно, чтобъ отвертѣться; фанатики изъ нихъ преувеличиваютъ опасность изъ хвастовства, или изъ желанія стяжать мученическій вѣнецъ; малодушные, блудливые какъ кошки и трусливые какъ зайцы, попавъ въ руки правительства, пугаются своей участи и, чтобъ спастись, начинаютъ каяться въ тюрьмѣ, — а это ужъ самый неблаговидный мотивъ раскаянія, — и плетутъ на своихъ товарищей все, что попало, изъ страха и изъ желанія подслужиться слѣдователямъ и судьямъ. Затѣмъ, сочиненія и прокламаціи самихъ дѣятелей оппозиціи также не заслуживаютъ довѣрія, — это я ужъ по личному опыту знаю. Когда мнѣ пришлось сдѣлаться агитаторомъ, какъ это разскажу впослѣдствіи, я сплошь и рядомъ долженъ былъ привирать о располагаемыхъ мною средствахъ; я долженъ былъ, какъ это ни было мнѣ противно, туманить глаза людей, на которыхъ приходилось дѣйствовать преувеличенными разсказами о силѣ и значеніи нашей партіи въ Россіи. Политическіе и религіозные агитаторы, революціонеры, соціалисты, езуиты, молоканс, спириты, всѣ прибѣгаютъ къ этому способу; — послушать любого изъ нихъ, то міръ только его сторонниками и держится, а будущность цивилизаціи только его сектѣ или партіи и принадлежитъ, тогда какъ на дѣлѣ-то оказывается, что исторія человѣчества идетъ по діагонали двухъ силъ: силы преданія или привычки и силы толчка, даваемаго ей новыми ученіями, — поэтому ни одна партія и ни одна секта никогда не достигаютъ своей цѣли.

Я стоялъ слишкомъ близко къ лондонской партіи, оставилъ ее по убѣжденію, воротился въ Россію по доброй волѣ и потому, надѣюсь, что показаніе мое не можетъ быть заподозрѣно въ умышленномъ искаженіи фактовъ, и что и мнѣ нѣтъ никакой выгоды преувеличивать или уменьшать ихъ значеніе.

Пріѣхавъ въ Англію вскорѣ послѣ декабрьскаго coup d'état, Герценъ, какъ и самъ онъ разсказываетъ въ «Быломъ и Думахъ», примкнулъ къ существовавшему тогда Европейскому Революціонному Комитету. Комитетъ этотъ состоялъ изъ представителей всѣхъ народностей и всѣхъ партій и естественно не замедлилъ распасться

на вѣки вѣчные. Во времена первой республики (1789) догматъ оппозиціи былъ чрезвычайно простъ: «Всѣ люди родятся одинаково — да будетъ-же въ человѣчествѣ братство, равенство и свобода!» Эту логическую посылку могъ одинаково исповѣдовать и французъ, и англичанинъ, и самоѣдъ; но съ паденія республики, а тѣмъ болѣе съ реставраціи, вопросъ осложнился. Прогрессисты принялись за серьезное изученіе наукъ экономическихъ, историческихъ и словесныхъ, и изъ этого изученія возникли партіи соціалистовъ, поборниковъ историческаго права, и поборниковъ національности. Волненія начала тридцатыхъ годовъ уже показали, какое направленіе приметъ исторія, и 1848 г. окончательно разрубилъ гордіевъ узелъ и опредѣлилъ характеръ нашей эпохи. Принципы 1789 г. убиты имъ были наповалъ въ Парижѣ, въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, потому что каждому стала ясна ихъ несостоятельность и непримѣнимость къ практической жизни. Въ Италіи борьба кипѣла за національность, въ Германіи тоже, въ Венгріи — за историческое право. Въ разгарѣ борьбы и въ переполохѣ отъ реакціи, предводители движенія искренно вѣрили, что между ними нѣтъ никакой разницы, что они одинаково думаютъ, чувствуютъ и къ одному и тому-же стремятся; поэтому они такъ легко и сошлись въ эмиграціи, никакъ не предполагая, что сближеніе необходимо должно было ихъ перессорить.

Между французами было двѣ партіи: революціонеры (Ледрю-Роленъ) и соціалисты (Луи Бланъ). Одна сторона обвиняла другую въ проигрышѣ дѣла, въ непрактичности, въ пристрастности. Маццини не могъ простить французамъ взятія Рима, которое погубило итальянское дѣло, а французы не могли понять, что Италія не можетъ же на вѣки вѣчные оставаться расчлененной изъ вѣжливости или изъ уваженія къ Франціи. Франція передовая страна Европы, Франція родина и очагъ мысли, науки, вкуса; Франція, для блага человѣчества, должна преобладать надъ Европой и безъ ея санкціи ни одинъ народъ не только своей внѣшней политикой, но даже и внутренней распоряжаться не долженъ: — а тутъ Маццини признаетъ Италію чуть не выше Франціи, благоговѣетъ только передъ Dio e Popolo, да еще имѣетъ нахальство заявить, что Italia fara da se!!! Съ мадьярами также никто не могъ сладить — мадьяры были аристократы, гордые своимъ происхожденіемъ, генеалогіями, историческимъ правомъ на словаковъ, словенцевъ, хорватовъ, сербовъ, русскихъ; либеральные принципы, провозглашаемые ими, очевидно были взяты на реквизицію, чтобы произвести возстаніе. Нѣмцы никакъ не могли ни мадьярамъ простить ихъ бунта противъ Вѣны, ни итальянцамъ ихъ нечувствительность къ благамъ нѣмецкой культуры, ни французамъ ихъ необходимости исправить границу присоединеніемъ за-рейнскихъ земель. Про поляковъ и говорить нечего — они были разбиты на три главныя партіи, не считая множества мелкихъ, и никакъ не могли убѣдить нѣмцевъ, что Данцигъ, Кенигсбергъ и Бранденбургъ входятъ въ составъ Польши; на итальянцевъ они были злы, да и злы до сихъ поръ, что итальянскій вопросъ отвелъ глаза Европы отъ польскаго, — только съ французами они какъ-то ладили и ладятъ, но и то не съ эмигрантами, а съ бонапартистами, отъ которыхъ ждутъ дѣйствительной помощи.

Кромѣ розни въ принципахъ, распаденію Центральнаго Европейскаго Революціоннаго Комитета помогъ еще финансовый вопросъ. Каждая партія, каждая народность считала свое дѣло неотлагаемо важнѣйшимъ въ Европѣ и каждая увѣряла, что выиграй она, то и всѣ другія выиграютъ, а капиталъ былъ не большой — Герценъ чутъ-ли не больше всѣхъ пожертвовалъ — да и большинству эмигрантовъ жить было нечѣмъ, за работу-же эмигранты принимаются очень неохотно, въ ожиданіи, что не сегодня завтра снова заварится каша, тунеядничаютъ, интригуютъ и кончаютъ обыкновенно очень плохо.

Комитета теперь нѣтъ и едва ли когда нибудь онъ возобновится, но эмигранты все таки состоятъ въ связяхъ между собою. Съ французами, съ нѣмцами Герценъ почти совсѣмъ разошелся, такъ что въ мое уже время ни тѣ, ни другіе почти и въ домѣ его не бывали, а кто и бывалъ, то не изъ замѣчательныхъ (Девиль, Альтмауэръ, Майзенбугъ). Съ мадьярами онъ точно также разошелся, видаясь изрѣдка только съ Кошутомъ и съ Пульскимъ, — отзывы его объ нихъ обо всѣхъ, о французахъ, нѣмцахъ и о мадьярахъ, были вообще не въ ихъ пользу. Только съ Маццини и съ его друзьями былъ онъ въ хорошихъ отношеніяхъ, онъ очень уважаетъ итальянцевъ за ихъ способность быстро понимать каждый вопросъ и безпристрастно отзываться даже о враждебныхъ имъ партіяхъ. Маццини нравится ему за его желѣзную волю, за ловкость, смѣлость и послѣдовательность. Это дѣйствительно необыкновенный человѣкъ, — ему все покоряется. Англійская аристократія тысячи фунтовъ стерлинговъ давала ему на итальянское дѣло; каждый годъ раза по два по три ѣздилъ онъ въ Италію, гдѣ былъ приговоренъ къ смертной казни, и ѣздилъ обыкновенно безъ паспорта. Онъ всѣмъ пожертвовалъ во имя единства Италіи и вотъ почти добился его — остается еще сдѣлать изъ Италіи республику — программа его Dio e Popolo.

Итакъ, отъ Европейскаго комитета осталась только пріязнь нѣкоторыхъ изъ его членовъ и готовность дѣлать другъ другу разныя мелкія услуги. Англичанинъ, ѣдущій въ Италію, можетъ получить отъ Герцена письмо къ Гарибальди, Кошутъ можетъ дать русскому, представленному Герценомъ, рекомендательное письмо въ Пештъ — но далѣе этихъ пріятельскихъ отношеній связи нынѣшнихъ предводителей политическихъ партій нейдутъ.

Другое происходитъ въ массѣ эмиграціи, въ этихъ хористахъ революціи, какъ Герценъ ихъ назвалъ. — Это народъ совсѣмъ особенный и ничуть не похожій на вожаковъ. Большинство ихъ составляютъ бывшіе гимназисты, недоучившіеся студенты, прапорщики и поручики, мелкіе чиновники, солдаты, мастеровые, которые, изъ фразы, изъ увлеченія, пошли на баррикады или въ повстанье и унесли свои головы въ эмиграцію. — Работать они не любятъ, потому что «мы — дескать, крови своей за свободу не жалѣли», да и головы у нихъ чрезчуръ экзальтированы, чтобъ за что нибудь дѣльное приняться. Въ политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ вопросахъ они ровно ничего не смыслятъ — задолбили себѣ, что свобода вещь очень хорошая, да что безъ революціи свободы добиться нельзя, что цари, дворяне и попы — враги свободы, что всякое возстаніе есть дѣло и благородное, и полезное — на томъ и конецъ, дальше и спрашивать ихъ не о чемъ. Газетъ они почти не читаютъ, а что и читаютъ, того толкомъ не понимаютъ, легковѣрны до крайности, волнуются при каждомъ нелѣпѣйшемъ слухѣ, подыскиваютъ нелѣпѣйшія объясненія непонятнымъ для нихъ дѣйствіямъ передовыхъ политическихъ дѣятелей, приписываютъ имъ намѣренія и дѣла, какихъ у тѣхъ и въ помыслѣ не было: одинъ изъ такихъ господъ взвалилъ на Герцена и Маццини поджигательство въ южной Россіи, чрезъ мое посредничество, при помощи скопцовъ и липованъ! Это такъ же вѣрно, какъ то, что Каракозовъ былъ подосланъ дворянствомъ (по словамъ Nord'a), или что покойный цесаревичъ Николай Александровичъ живъ, и что его видаютъ въ Новороссійскомъ краѣ. Переслушать нѣтъ возможности всѣхъ нелѣпицъ, которыя болтаютъ эмигранты и всѣ интересующіеся политикой, но не слѣдящіе за ней толкомъ. Они врутъ для того, чтобъ задать тонъ, показать, что и они кое что знаютъ, что они пользуются довѣріемъ у людей свѣдущихъ и имѣющихъ связи. Предположеніе, догадка въ ихъ неразвитыхъ, но тщеславныхъ умахъ мигомъ превращаются въ истину.

Эти хористы — вѣчные и неизмѣнные участники каждой революціи или инсуррекціи. Они дерутся въ Италіи, въ Америкѣ, въ Польшѣ, въ Кандіи, въ Перу и

въ Чили, гдѣ только потасовка, тамъ безъ нихъ не обходится! Держутся они вмѣстѣ, невзирая на національность, а партій межъ ними не водится. Но союзъ ихъ не страшенъ, потому что они не имѣютъ ни авторитета, ни связей, ни капитала. Опасность отъ нихъ можетъ быть другого рода: — услышитъ какой нибудь изъ подобныхъ господъ, сосланный въ Казань или въ Рязань, что поджоги приписываются революціонерамъ и совершаются ими во имя благоденствія рода человѣческаго, станетъ объ этомъ раздумывать и, чего добраго, сообразитъ, что и онъ обязанъ сдѣлать такую же услугу прогрессу. — По крайней мѣрѣ, на столько, сколько я знаю противоправительственныя силы современной западной и восточной Европы, я не могу допустить, представить себѣ не могу самой возможности общества политическихъ поджигателей. Я знаю, что правительство имѣетъ другой взглядъ на этотъ вопросъ, но я могу то только замѣтить, что если-бъ что нибудь подобное существовало въ Добруджѣ, въ Молдавіи и въ Молдавской Бессарабіи, то это не могло-бы не быть мнѣ извѣстнымъ, а еслибъ мнѣ было извѣстно, то пусть мнѣ на слово повѣрятъ — я бы или остановилъ безумцевъ, или самъ бы указалъ на нихъ правительству. Липованы и скопцы сами бы растерзали на мѣстѣ каждаго, кто явился бы къ нимъ съ подобнымъ предложеніемъ, а когда я сообщилъ имъ, что русскія газеты обвиняютъ ихъ въ поджигательствѣ, они только хохотали на это обвиненіе, даже не обижаясь имъ, такъ дико оно имъ показалось. Наконецъ, наши консула въ Галацѣ, въ Измаилѣ и въ Тульчѣ должны были бы что нибудь слышать о поджигателяхъ и объ ихъ агентурѣ въ Добруджѣ. Старообрядческій епископъ тульчанскій Іустинъ находится теперь въ Москвѣ, гдѣ онъ принялъ единовѣріе, въ Москвѣ же, кажется, теперь живетъ и инокъ Іоасафъ изъ славскаго скита — пусть правительство наведетъ справки, если оно все еще вѣритъ этой сплетнѣ, которая могла зародиться только въ умахъ эмиграціонной черни да слѣдящихъ за нею полицейскихъ агентовъ, обыкновенно очень плохо знакомыхъ съ дѣлами и тоже излишне сообразительныхъ.

Итакъ, Революціонный Комитетъ распался. Герценъ остался одинъ съ пріятелемъ своимъ, полякомъ графомъ Ворцелемъ, предводителемъ польской демократической партіи и редакторомъ газеты «Demokrata Polski». — Типографію свою онъ помѣстилъ вмѣстѣ съ типографіей Ворцеля и началъ печатать свои повѣсти, воспоминанія («Тюрьма и Ссылка»), «Съ того берега» и т. п. сочиненія, которыя въ строгомъ смыслѣ слова были вовсе не революціонныя, и даже совершенно безвредныя, хотя тогдашнія цензурныя правила и не могли допустить появленія ихъ въ Россіи. Но другой русскій эмигрантъ, бывшій тогда въ Лондонѣ, Энгельсонъ, не удовлетворялся этой чисто литературной дѣятельностью — онъ сталъ печатать извѣстные памфлеты «Письмо Емельки Пугачева», «Видѣніе Святого Кондратія» и т. п. Что это за человѣкъ былъ, можно судить по его сочиненіямъ, лишеннымъ не то здраваго смысла, не то пониманія нашей народности. Въ «Видѣніи Святого Кондратія» онъ предлагаетъ не хоронить мертвыхъ — а сожигать ихъ! Точно объ тогдашнемъ положеніи дѣлъ нечего было сказать дѣльнаго, и точно одного подобнаго предложенія народу не было бы довольно внушить ему разъ навсегда суевѣрное отвращеніе къ либераламъ! Герценъ печаталъ его статьи, нехотя и кончилъ тѣмъ, что порвалъ съ нимъ всѣ связи. Изъ его собственныхъ памфлетовъ того времени замѣчателенъ только одинъ «Юрьевъ День, Юрьевъ День Русскому Дворянству» съ знаменитою фразою «къ топорамъ, братцы!» Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ памфлетъ былъ толковѣй и дѣльнѣй Энгельсоновскихъ. Кромѣ того Герценъ ни за что не соглашался дѣлать пропаганду въ Россіи при помощи иностранцевъ, тогда какъ Энгельсонъ настаивалъ, что слѣдуетъ воспользоваться Крымской войной для распространенія лондонскихъ брошюръ въ Россіи, — если не ошибаюсь, это и была одна изъ главныхъ причинъ ихъ размолвки. —

Началъ Герценъ «Полярную Звѣзду», самая обертка которой показываетъ его глубокое благоговѣніе къ прежнимъ поборникамъ свободы въ Россіи; — ни про одного изъ нихъ не позволитъ онъ худо при немъ отозваться. Но ни «Полярная Звѣзда», ни памфлеты, ничто не указывало на опредѣленный планъ его дѣятельности, хотя уже и тогда онъ поставилъ себѣ задачею добиваться: 1) освобожденія крестьянъ съ землею, 2) отмѣненія цензуры и 3) отмѣненія тѣлеснаго наказанія, требованія, какъ я и выше замѣтилъ, вовсе не революціонныя; — о республикѣ, о династіи не было ни слова, равно какъ и не было ни одного слова въ пользу возстанія, — сколько я помню.

Огаревъ, другъ дѣтства Герцена, его alter ego, пріѣхавъ въ Лондонъ, основалъ «Колоколъ» и далъ болѣе правильный ходъ пропагандѣ. — Герценъ уступилъ ему всѣ финансовые, экономическіе и юридическіе вопросы, оставилъ за собой только общія статьи и смѣсь, гдѣ было болѣе простора его широкому перу и его врожденному юмору. — Съ этого-же времени начинается и эпоха его огромнаго вліянія на всѣхъ образованныхъ людей въ Россіи.

Заговоровъ онъ не дѣлалъ, тайныхъ обществъ не основывалъ. «Пусть въ самой Россіи заводятъ оппозиціонныя и реформистскія лиги, твердилъ онъ каждому пріѣзжему, намъ изъ-за границы этого дѣлать неудобно, да и нечестно-бы было толкать людей на гибель, зная, что сами ничему не подвергаемся. Наше дѣло быть органами движенія, путь ему и цѣль указывать, высказывать то, о чемъ цензура заставляетъ молчать...» И дѣйствительно, несмотря ни на просьбы, ни на какія убѣжденія, Герценъ и Огаревъ не рѣшались выступить агитаторами на манеръ Маццини. Такъ было до лѣта 1862 г.

Это — смотря на дѣло съ тогдашней точки зрѣнія — было большой ошибкой. Вся Россія волновалась лондонскою пропагандой, все готово было дѣйствовать противъ правительства, но никто не зналъ, какъ и съ чего начать; даже, чего хотѣть, не знали. Люди пріѣзжали въ Лондонъ съ полною готовностью служить дѣлу, они отдавались въ безусловное распоряженіе Герцена, они команды ждали, имъ нужна была формула, катихизисъ, чего хотѣть и чего не хотѣть, и въ отвѣтъ не получали ничего опредѣленнаго. Я тысячу разъ указывалъ на это Герцену и Огареву, но они стояли на своемъ. «Ну, хоть уставъ лиги сочините, говорилъ я, напишите его по параграфамъ; ваши слова, вашъ приказъ будетъ имѣть силу и авторитетъ. Укажите точно и ясно, чего слѣдуетъ добиваться, а то вѣдь хаосъ идетъ вопіющій между прогрессистами.» — Ничего нельзя было подѣлать: оппозицію они создали, а организовать ее не сумѣли — проще выразиться — они были публицисты, а Герценъ даже и очень талантливый, — но имъ однихъ пустяковъ не доставало — они не были государственные люди.

Съ самаго Парижскаго мира, когда съ наплывомъ русскихъ за-границу такъ быстро стали расходиться ихъ изданія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и авторитетъ ихъ пріобрѣлъ такое огромное значеніе, имъ чуть не каждый пріѣзжій, чуть не каждое письмо, предлагали деньги на поддержку пропаганды и на основаніе капитала для тайнаго общества; — они не принимали, а собрать могли-бы сотни тысячъ. «Нашихъ собственныхъ средствъ довольно, отвѣчали они, для веденія пропаганды, пріемомъ денегъ мы навлечемъ на себя и большую отвѣтственность, и чего добраго набросимъ тѣнь на чистоту нашихъ цѣлей. Употребите эти деньги въ Россіи; тамъ онѣ болѣе нужны, потому что тамъ нужно дѣло дѣлать». Жертвователи пожимали плечами, спускали деньги въ Парижѣ или въ Баденъ-Баденѣ, а кто и не спускалъ, кто и желалъ бы отдать ихъ кому нибудь въ Россіи, тотъ не зналъ, къ кому обратиться. Даже когда авторитетъ пропаганды сталъ падать, одинъ юный офицеръ, только что получившій

по наслѣдству что-то около 100,000 руб. наличными, не считая огромнаго имѣнія (Казаковъ, помнится, его звали), привезъ свой капиталъ (въ 1862) въ Лондонъ и отдавалъ его Огареву, обѣщаясь отдать и то, что выручится отъ продажи имѣнья. «Мы заводимъ теперь Общій Фондъ, сказалъ Огаревъ, и мы рѣшили, что у кого меньше 5000 рублей (если не ошибаюсь) дохода, тотъ пусть 5% своего дохода вноситъ, а у кого больше, тотъ 10%, а такихъ пожертвованій мы не можемъ принять.» — Это мнѣ самъ Казаковъ разсказывалъ въ Парижѣ, ругаясь на чемъ свѣтъ стоитъ и, очевидно, перемѣняя убѣжденія. Сколько я, съ самаго начала моего знакомства, ни убѣждалъ Герцена и Огарева въ необходимости имѣть капиталъ на непредвидимыя обстоятельства, — нельзя было ихъ уломать. А послѣдствія показали, что я былъ правъ и что сила Лондона, главнымъ образомъ, состояла въ томъ, что тамошнихъ дѣятелей считали людьми очень дѣловыми и что никто не могъ допустить, чтобъ они, волнуя Россію, не были готовы стать въ данную минуту въ главѣ возстанія. Энтузіасты думали, что у насъ не только несмѣтные капиталы, но что у насъ есть даже склады пушекъ, пороху, ружей...

Горько мнѣ разоблачать ошибки людей, которымъ я нѣкогда слѣпо вѣровалъ и которыхъ до сихъ поръ искренно люблю, особенно Герцена... Мнѣ тяжело писать разъясненіе ихъ неудачъ — но разъясненіе это необходимо сдѣлать. Государь и правительство его сдѣлали столько добра Россіи въ эти 13-ть лѣтъ, они такъ сумѣли перегнать насъ, тогдашнихъ прогрессистовъ, что долгъ лежитъ на каждомъ добросовѣстномъ русскомъ раскрыть имъ прошедшее и настоящее, все, что можетъ облегчить имъ труды ихъ въ будущемъ.

Еще что погубило насъ, это нападки Герцена на русскихъ литераторовъ и журналистовъ. Послѣ войны всѣ журналы наши и вся литература приняла оппозиціонный характеръ; всѣ образованные люди сочувствовали возникновенію русской типографіи за границей, и если кто и ропталъ на лондонскую пропаганду, то только въ томъ смыслѣ, что она недостаточно ловко ведетъ дѣло, бьетъ не туда, куда слѣдовало бы. Удовольствіе, что у насъ явилась оппозиція, было общее, и вся журналистика ее поддерживала. Вмѣсто того, чтобъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ настроеніемъ умовъ, Герценъ и Огаревъ стали нападать на Каткова, на Краевскаго, на Усова, да почти что на всѣхъ безъ исключенія, за ихъ обмолвки, или за ихъ взгляды, въ которыхъ они не сходились съ «Колоколомъ». Еслибъ эти мелочи оставить безъ вниманія, не требовать отъ людей невозможнаго единомыслія по всѣмъ второстепеннымъ вопросамъ, то едва-ли бы возникла такая вражда къ намъ сначала «Московскихъ Вѣдомостей», а потомъ и всѣхъ прочихъ журналовъ. Герценъ съ Огаревымъ, какъ и Чернышевскій съ Благосвѣтловымъ, не сумѣли справиться съ свободою книгопечатанія, потому что были излишне пріучены къ строгой цензурѣ. Они совершили самоубійство, вызвавъ безъ малѣйшей нужды оппозицію своимъ принципамъ. Они дотравили своихъ противниковъ до перемѣны убѣжденій изъ за наносимыхъ имъ оскорбленій, а извѣстно, что убѣжденія и взгляды людскіе всего легче мѣняются изъ-за личныхъ неудовольствій. Я злился, что русскіе публицисты стали нападать на «Колоколъ», а Герценъ и Огаревъ радовались; имъ казалось, публичныя возраженія на ихъ принципы только распространятъ эти принципы въ обществѣ, — такъ глубоко вѣрили они въ правоту своего дѣла.

Въ 1860 году каждый пріѣзжій слушалъ ихъ съ благоговѣніемъ, въ 1861 начали робко возражать имъ, въ 1862 съ ними уже спорили и прямо въ глаза имъ говорили, что они забыли Россію. Даже мнѣ наединѣ жаловались на промахи и на политическую несостоятельность Герцена и Огарева. А Герценъ все острилъ да шутилъ, хоть иногда и со слезами на глазахъ, въ силу своего глубокаго юмора и сильно любя-

щаго сердца, и никакъ не могъ удержаться отъ статей въ родѣ той, гдѣ говорилось, будто его хотятъ похитить. Что письмо объ этомъ дѣйствительно къ нему пришло, это положительно; и что почеркъ лица, которымъ оно было писано, былъ знакомъ, хотя никто не зналъ, кто этотъ тайный другъ пропаганды, — все это вѣрно. Но, во первыхъ, не слѣдовало обращать вниманія на такую несбыточную угрозу, а во вторыхъ, слѣдовало догадаться, что если и былъ такой умыселъ, то онъ никакъ не принадлежалъ самому правительству, а если даже и принадлежалъ, то существовалъ какъ проектъ, какъ предположеніе, объ осуществленіи котораго даже и не думали, потому что и въ секретѣ его не держали. Статья эта тоже сильно скомпрометировала Герцена, сдѣлавъ его смѣшнымъ... Впрочемъ, трудно даже и перечислить всѣ причины, поведшія его къ паденію съ той высоты, на какой онъ стоялъ до 1861—62 года. Довольно того замѣтить, что въ то время, когда я выступилъ агитаторомъ, нашъ кредитъ былъ уже сильно подорванъ, а наше безсиліе въ финансовомъ отношеніи, какъ и недостатокъ въ слѣпо преданныхъ послѣдователяхъ, а излишекъ въ врагахъ и въ критикахъ, — окончательно подорвали наше вліяніе и, какъ я ни бился, я уже не могъ возстановить его.

Я сказалъ, что я остался въ Лондонѣ съ больною семьей и безъ средствъ. По счастью мнѣ попались уроки, которыми я пробился кое какъ цѣлое лѣто. Къ осени, одинъ книгопродавецъ, Willams, сдѣлалъ мнѣ предложеніе перевести Библію съ церковнаго на русскій, для одной высокопоставленной особы, имени которой онъ объявить мнѣ не въ правѣ, и которой въ настоящее время нѣтъ въ Лондонѣ.

— «Я и условій даже не знаю, сколько эта особа заплатитъ за вашъ трудъ, но мнѣ поручено найти способнаго переводчика, если можно лингвиста, а какъ вы именно такое лицо, какое нужно, то я вамъ сообщу условія, когда эта особа возвратится».

Въ тотъ или въ другой день я передалъ этотъ разговоръ Трюбнеру, — Трюбнеръ нахмурился.

— «А, такъ его высочество такъ со мной поступаетъ!!! Не черезъ меня ищетъ переводчика, не черезъ меня, издателя русскихъ книгъ и друга русскихъ, а черезъ Вильямса!!!»

— «Какое его высочество?»

— «Lucien Bonaparte, извѣстный дилетантъ лингвистики... Такъ вотъ онъ какъ! Я этого отъ него не ожидалъ. Я уже разъ нашелъ ему переводчика для «Пѣсни Пѣсней*», а онъ вотъ какъ со мной!...» — расходился Трюбнеръ.

— «Да зачѣмъ же ему этотъ переводъ?»

— «А! — у него вѣчныя фантазіи: онъ занимается сравненіемъ европейскихъ языковъ...»

— «Жалко, сказалъ я, а я думалъ предложить ему перевести Библію не съ церковнаго — это трудъ скучный, да и не занимательный — а съ еврейскаго».

Глаза Трюбнера засверкали.

— «А вы знаете по еврейски? Неужели вы знаете?»

— «Не скажу, чтобы я былъ гебраистъ, но понимаю свободно почти все, что читаю...»

Трюбнеръ подпрыгнулъ.

— «Тогда вотъ что. Переводите Библію для меня. Это будетъ и памятникъ русской литературы и будетъ имѣть цивилизующее вліяніе на Россію — и наконецъ — наконецъ, это должно будетъ пойти...»

* Напечатано въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, кажется, не больше 25. Переводилъ какой-то эмигрировавшій офицеръ, по фамиліи Т. Онъ впослѣдствіи служилъ у Гарибальди. Я его не засталъ въ Лондонѣ.

На другой день мы подписали контрактъ, и я сѣлъ за работу. — Въ этотъ же день у меня умерла моя дочка. — Трюбнеръ предложилъ мнѣ начать съ труднѣйшей книги, съ пророка Исаи, чтобы посмотрѣть, какъ у меня пойдетъ дѣло и въ силахъ-ли я справиться съ этимъ трудомъ. Вознагражденіе онъ далъ мнѣ крохотное, судя по англійскимъ цѣнамъ за литературный трудъ — 10 фунтовъ стерлинговъ (около 60 р.) за книгу. Работалъ я усердно, даже страстно, пользуясь при этомъ преимущественно раціоналистическими комментаторами, которыхъ выводы какъ нельзя болѣе согласовались съ моимъ тогдашнимъ атеизмомъ и приводили меня въ восторгъ разъясненіемъ послѣднихъ моихъ сомнѣній. Переводъ мой и сдѣланъ былъ въ такомъ духѣ, то есть темныя и спорныя мѣста я переводилъ не такъ, какъ они понимаются церковью и какъ утверждены ея преданіемъ, а такъ, какъ ихъ объясняютъ раціоналисты, на основаніи однихъ законовъ еврейской грамматики. Разумѣется, во мнѣ возникло при самомъ началѣ моей работы желаніе облагодѣтельствовать русскій народъ истинами, въ которыхъ я былъ убѣжденъ, какъ не знаю въ чемъ.

Переводъ Исаи не напечатанъ. — Трюбнеръ отложилъ его до того времени, пока я переведу историческія и учительныя книги — и я принялся за Пятикнижіе Моисеево, которое и издано, съ нелѣпѣйшимъ предисловіемъ, обращикомъ сумбура, сидѣвшаго въ моей головѣ. Переводъ мой вышелъ плохъ. Во первыхъ, мнѣ трудно было подыскивать русскія слова на каждое еврейское, а я задалъ себѣ задачу сдѣлать переводъ такимъ точнымъ, чтобы каждое еврейское слово, во всемъ моемъ трудѣ передавалось только опредѣленнымъ разъ на всегда русскимъ. Для точности-же я не измѣнялъ еврейскаго синтаксиса, жертвуя вѣрности красотою слога. — Изъ этого у меня вышла маленькая непріятность съ Герценомъ. Когда набранъ былъ первый листъ, онъ ахнулъ неизяществу перевода и на отрѣзъ объявилъ, что онъ ни за что не допуститъ печатанія въ Лондонѣ такого безобразія, которое скомпрометируетъ репутацію Вольной Русской Типографіи. Какъ я ему ни объяснялъ разницу перевода литературнаго съ ученымъ, онъ стоялъ на своемъ, хоть и былъ совершенно не правъ, какъ человѣкъ, никогда не занимавшійся филологіей и не понимающій ея требованій: переводъ для изслѣдователей, для ученыхъ, какъ я предпринялъ, дѣлается всегда на условіяхъ совершенно отличныхъ отъ перевода, назначаемаго для легкаго чтенія и для публики. Но дѣлать было нечего, пришлось уступить принципалу, какъ его въ шутку называлъ Огаревъ, и сдѣлать изъ перевода по одной системѣ — переводъ по двумъ, что его окончательно погубило. Къ этому надо прибавить еще опечатки, тогда еще очень неисправной лондонской типографіи, изъ которыхъ нѣкоторыя вышли даже очень забавны; вмѣсто: — «и передалъ ему Богъ свой духъ» — напечатано: «и далъ ему Богъ свой передухъ».

Строгая, но въ сущности вѣрная рецензія этого труда была тогда-же сдѣлана въ «Православномъ Обозрѣніи» и перепечатана во многихъ свѣтскихъ журналахъ. — На книгахъ Моисеевыхъ переводъ мой и остановился. Трюбнеръ хотѣлъ посмотрѣть, какъ онъ пойдетъ въ продажѣ, а пошелъ онъ плохо и по высокой цѣнѣ Трюбнеровскихъ изданій, и по общему равнодушію нашей читающей публики ко всему, что касается религіи. Причины этого равнодушія я указалъ выше.

Во время работы надъ переводомъ, я сблизился съ Lucien Bonaparte! Меня познакомилъ съ нимъ Трюбнеръ, и Lucien далъ мнѣ доступъ въ свою библіотеку, богатую собраніемъ старопечатныхъ Библій на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, которыми я и пользовался. Принцъ — большой любитель лингвистики, много работаетъ, но взглядъ его на науку и знакомство съ современными научными пріемами отстали вѣка на два. Намѣренія своего перевести Библію съ церковнаго на русскій онъ не оставлялъ, но почему-то вообразивъ, что острожское изданіе представляетъ лучшій

славянскій текстъ, онъ хотѣлъ сдѣлать переводъ съ острожскаго, да еще съ перваго, котораго нѣтъ въ Лондонѣ, и которое онъ искалъ гдѣ-нибудь купить. Такъ это дѣло и не состоялось. Видались мы часто, много спорили о лингвистической классификаціи языковъ, не убѣдили ни въ чемъ другъ друга и разстались съ его отъѣздомъ въ Парижъ, гдѣ онъ засѣдаетъ въ Сенатѣ. Принцъ тогда занимался кельтійскими нарѣчіями, но никакъ не могъ совладать съ звукомъ ы — есть кельтійское слово dym, которое выговаривается совершенно какъ наше — дымъ; принцъ никакъ не могъ произнести его. — О политикѣ у насъ не было сказано ни слова.

[Въ это-же время изданъ былъ въ Лондонѣ «Стоглавъ». Русскіе журналы приписываютъ мнѣ это изданіе, въ чемъ я совершенно неповиненъ. Его напечаталъ бѣглый дьяконъ нашей афинской миссіи Агапій, грязная личность, оклеветавшая въ «Колоколѣ» своего архимандрита, надѣлавшая пропасть подлостей въ Лондонѣ и уѣхавшая на Востокъ. Въ Бейрутѣ Агапій былъ уніятомъ, но и тамъ перессорился съ о. Гагаринымъ; потомъ въ Александріи сдѣлался онъ почтальономъ, кажется, — а гдѣ онъ теперь, не знаю. Рукопись Стоглава подарилъ ему князь Петръ Владимировичъ Долгорукій.]

Мой переводъ Библіи, несмотря на всю его неудачность, принесъ, однако, своего рода пользу. Лондонское Библейское Общество стало перепечатывать Осьмикнижіе изданія 20-хъ годовъ, а въ Россіи духовныя академіи принялись за самостоятельные переводы — странное дѣло, все, что въ настоящее царствованіе замышлялось во вредъ правительству и церкви, все пошло имъ на пользу!

Уроки мои продолжались, Библейское Общество пригласило меня корректировать его изданіе Осьмикнижія и Новаго Завѣта на весьма щедрыхъ условіяхъ, досугъ былъ у меня большой, такъ что я могъ возвратиться къ моимъ любимымъ занятіямъ — сравнительнымъ изученіямъ языковъ. Изрѣдка я составлялъ также для «Колокола» экстракты изъ процессовъ, неправильно рѣшенныхъ въ Россіи, и вообще разныя маленькія извлеченія изъ большихъ дѣлъ, какъ, напримѣръ, изъ кипы бумагъ по дѣлу о выселеніи въ Турцію Крымскихъ татаръ. Рукописей и дѣлъ привозилось и присылалось въ Лондонъ несмѣтное множество: однихъ не франкированныхъ писемъ получалъ Герценъ шилинговъ на 10 въ день (рубля на 3), и у него положительно не было возможности самому перечитывать всю эту груду бумагъ, приходившихъ въ его руки.

Разъ вечеромъ, отдавая мнѣ на пересмотръ разныя бумаги, онъ вдругъ остановился и сказалъ: «да постойте, вы, богословъ, — какъ онъ меня шутя называлъ съ тѣхъ поръ, какъ я принялся за Библію, — просмотрите-ка за одно и документы о раскольникахъ. Они у меня давно валяются, прочесть ихъ я все не соберусь, а мнѣ говорили, что они очень интересны. Я, признаться сказать, въ богословскихъ вопросахъ ничего не смыслю, стало это по вашей части — посмотрите, можетъ что и найдется извлечь изъ нихъ для «Колокола». — И онъ вытащилъ мнѣ огромнѣйшій тюкъ рукописей, о которомъ онъ бы и не вспомнилъ до сихъ поръ, думаю, еслибъ не шумъ, надѣланный, незадолго передъ тѣмъ, книгою Щапова о расколѣ.

Воротясь домой, я сталъ перебирать записки о раскольникахъ — и не могъ оторваться отъ нихъ. Я всю ночь не спалъ за чтеніемъ. Я чуть въ умѣ не тронулся. Точно жизнь моя переломилась, точно я другимъ человѣкомъ сталъ. — Въ самомъ дѣлѣ, — не дай Герценъ мнѣ этихъ документовъ, можетъ быть, я до сихъ поръ былъ бы революціонеромъ и нигилистомъ — они спасли меня.

Мнѣ казалось, при чтеніи ихъ, что я вхожу въ невѣдомый, таинственный міръ, въ міръ сказокъ Гофмана, Эдгара-По или Тысячи и одной ночи. Скопцы съ ихъ мистическими обрядами и ихъ, исполненными поэзіи, «распѣвцами» и «страдами»,

хлысты, съ ихъ причудливыми вѣрованьями, мрачные типы безпоповцевъ, интриги старообрядческихъ вожаковъ, существованіе русскихъ селъ въ Пруссіи, въ Австріи, въ Молдавіи и въ Турціи, — все это неожиданно открылось мнѣ въ эту ночь: секта смѣняла секту, образы неслись передо мною одинъ за другимъ точно въ волшебномъ фонарѣ; я читалъ, читалъ, перечитывалъ, голова кружилась, духъ спирался въ груди — я убилъ-бы того, кто помѣшалъ-бы мнѣ читать; я за всю Калифорнію не выпустилъ-бы изъ рукъ этихъ записокъ. — Какъ сумасшедшій выбѣжалъ я изъ дома въ подлень, чтобы освѣжить голову, которая не могла переварить всего прочитаннаго, и чтобы подѣлиться моимъ восторгомъ съ Герценомъ, съ Огаревымъ, съ Чернецкимъ, нашимъ типографщикомъ, съ Трюбнеромъ, наконецъ, съ первымъ встрѣчнымъ. На меня смотрѣли, разумѣется, съ недоумѣніемъ, не понимали, чему я такъ радуюсь, и изъ всѣхъ моихъ разсказовъ о вѣрованіяхъ нашихъ сектантовъ заключали только, что они очень глупы. — Словомъ, меня никто не понялъ.

— Ерунда! — говорили мнѣ.. Дураки эти раскольники! Какъ можно изъ за формы креста или изъ за перстосложенія спорить, навлекать на себя гоненія; вздоры, мелочь дѣлать догматомъ; упускать духъ ученія церкви изъ-за обрядности? Какъ можно сочинять и вѣровать въ Христовъ Ивановъ Тимофеевичей или въ Богородицу-Акулину Ивановну, матушку царицу небесную?..

...Но я видѣлъ въ расколѣ совсѣмъ другое. Эти мужики-сиволапы, эти бородатые купцы, поруганные и осмѣянные Европой и нашими образованными людьми, эти невѣжды, варвары, погрязнувшіе въ грубомъ матеріализмѣ, — мигомъ поднялись въ моихъ глазахъ. — Не плохъ тотъ народъ, который, при всѣхъ общественныхъ неурядицахъ и подъ страшнымъ гнетомъ XVII и XVIII вѣка, сумѣлъ не заснуть, какъ западный paysan или Bauer, или какъ польскій chłop, — а напротивъ того, думалъ и думалъ о высшихъ вопросахъ, могущихъ занимать умъ человѣческій — о правдѣ и о неправдѣ, о Христѣ и объ Антихристѣ, о вѣчности, о душѣ, о спасеніи, короче — о тѣхъ міровыхъ вопросахъ, надъ которыми бились и доселѣ бьются лучшіе умы человѣчества. Если выводы его ложны, даже нелѣпы и дики подчасъ — вина не его: онъ додумывался до чего могъ, толковалъ и понималъ, какъ умѣлъ; — не отсутствіе таланта мѣшаетъ даровитому маляру стать великимъ художникомъ, а незнаніе техники, — перспективы, анатоміи, законовъ освѣщенія и гармоніи красокъ. Раскольничество дѣлаетъ честь русскому народу, доказывая, что онъ не спитъ, что каждая умная мужицкая голова сама хочетъ провѣрить догматы вѣры, сама промышляетъ о истинѣ — что русскій человѣкъ правды ищетъ, а какую найдетъ, по той и пойдетъ, не пугаясь ни костра, ни пещеры съ заваленнымъ входомъ, ни оскопленія, ни даже человѣческихъ жертвъ и людоѣдства. На Западѣ простой народъ слѣпъ. Западныя секты сочинены для него учеными богословами, а русскій человѣкъ самъ, одинъ одинёхонекъ, на свой салтыкъ и на свою отвѣтственность, правды ищетъ, какъ самъ и Сибирь завоевалъ, и русское царство отстоялъ, самъ свою архитектуру даже создалъ и свое искусство, и — я твердо вѣрую — самъ создастъ и свою науку и общественный бытъ и перещеголяетъ ими шумливый и гордо презирающій насъ Западъ. Задатки этому, даже и больше чѣмъ задатки, уже положены реформами настоящаго царствованія.

Другое, что меня такъ заинтересовало въ расколѣ, это оригинальность, или лучше сказать, вычурность его ученій, не похожая ни на что въ цѣломъ свѣтѣ, такая-же самобытная, какъ архитектура Василія Блаженнаго, какъ обдѣлка иконъ въ фольгу, какъ рѣзьба берестяныхъ бураковъ для соли, какъ раскраска деревянныхъ чашекъ, — словомъ, его несомнѣнно русское происхожденіе и исключительно русскій характеръ. И вотъ, я поставилъ себѣ почти задачею жизни разгадать сущ-

ность этого явленія, докопаться до его источниковъ и проникнуть въ его тайны. — Я, какъ тогда, такъ и до сихъ поръ, ничѣмъ такъ не интересовался, какъ всѣмъ загадочнымъ, вычурнымъ, таинственнымъ. Это меня въ дѣтствѣ заставило одолѣть китайскую грамоту, въ юношествѣ отняло нѣсколько мѣсяцевъ на изученіе египетскихъ и мексиканскихъ іероглифовъ, втянуло меня въ изученіе буддизма, конфуціанизма и другихъ восточныхъ религій, метало меня и въ философію, и въ астрономію и еще не знаю куда; наконецъ, завлекло изученіемъ раскола, а наконецъ побудило меня посѣтить и изслѣдовать такія захолустья Турціи и Австріи, по которымъ (грубое, но мѣткое народное выраженіе) самъ чортъ въ семь лѣтъ только разъ пробѣгаетъ.

Наконецъ, меня возмутила несправедливость стѣсненія нашихъ сектъ, тогда какъ иностранныя пользуются у насъ полной свободой. Католичество, съ канонической точки зрѣнія, болѣе раскольничья вѣра, чѣмъ старообрядчество, которое почти ничѣмъ не отличается отъ православія, — а католичество у насъ въ почетѣ и «бискупы» не должны прятаться, какъ «владыки». Лютеранство — ересь, а безпоповство только расколъ, — лютеранство въ чести, а безпоповство еле-еле терпимо. Всевозможныя иностранныя протестантскія секты терпимы въ Россіи, — а наши собственные протестанты, у которыхъ и догматы толковѣе, чѣмъ у западныхъ, которые и Библію признаютъ нашу цѣликомъ, не отвергая ни одной изъ ея книгъ, которые и имена одинакія съ нами носятъ, стараго стиля держатся — молоканы — чуть что не преслѣдуются. Такое неуваженіе къ своему и потачка чужому меня оскорбила, какъ русскаго, а какъ человѣку, мнѣ стало жалко тѣснимыхъ, и я не могъ не понять, что стѣсненіе это, въ какихъ бы размѣрахъ оно ни происходило, можетъ вести только къ развитію въ бѣдномъ народѣ фанатизма и воспріимчивости ко всякаго рода фантастическимъ ученіямъ.

Я рѣшился помочь горю, — а помочь ему, по тогдашнему настроенію умовъ въ Россіи вообще, а у насъ въ Лондонѣ въ особенности, можно было только протестомъ, рѣзкими выходками противъ правительства и обличительными нападками на него. По тогдашнему, самымъ вѣрнымъ и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ сдѣлать что-нибудь путное, было усиленіе оппозиціи и сліяніе всѣхъ недовольныхъ элементовъ воедино. Предполагать, что правительство и само искренно желаетъ добра Россіи, что его собственный интересъ состоитъ въ освобожденіи народа отъ всякихъ утратившихъ надобность стѣсненій, — тогда казалось безумiемъ. Слова: правительство и зло были чуть не синонимы, — надежды Россіи возлагались на молодое поколѣніе... Теперь все это кажется страннымъ, а тогда, право, въ это искренно вѣрилось, и каждый мальчишка искренно считалъ себя и способнѣе, и опытнѣе всѣхъ государственныхъ людей Европы. Опытность, практика, привычка къ дѣламъ ни во что не ставились; осторожность и обдумываніе казались недобросовѣстностью. Это была какая-то лихорадочная пора, всѣ метались будто спросонья, разбуженные севастопольскимъ погромомъ; глаза не были пріучены къ свѣту, умъ — къ пониманію, руки — къ работѣ.

— «Ну, сказалъ мнѣ Герценъ, выслушавъ мои панегирики расколу, вамъ и книги въ руки, — я въ вѣроученіяхъ мало понимаю, но, само собой, раскольникамъ слѣдуетъ помочь, — нельзя-жъ оставаться равнодушными, когда людей тѣснятъ за ихъ, хоть и нелѣпыя, вѣрованія. Составьте что-нибудь изъ этихъ записокъ и напечатайте: надо-жъ вывести эти дѣла на свѣжую воду».

Но мнѣ мало было вывести на свѣжую воду. Мнѣ хотѣлось приманить раскольниковъ на нашу сторону, возбудить въ нихъ политическую оппозицію правительству, воспользоваться безпоповскимъ учепіемъ, что царь — антихристъ, министры и ар-

хіереи — архангелы сатаны, чиновники и священники — воплощенные черти. Мнѣ хотѣлось сдѣлать для раскольниковъ практическій выводъ изъ ихъ вѣрованій, надоумить ихъ, чего имъ хотѣть, чего добиваться и кого держаться. На бѣду мою, я до тѣхъ поръ не былъ лично знакомъ съ нашими сектантами, хотя у меня даже родныхъ много между старообрядцами; все, что я зналъ объ нихъ — я зналъ только по доставшимся мнѣ документамъ. — Знай я расколъ, какъ я теперь его знаю, я бы и не подумалъ расчитывать на его помощь оппозиціи.

Принялся я писать книгу по этимъ документамъ, — но книга моя не удавалась. Во первыхъ, документы эти не имѣли почти никакой связи между собою, во вторыхъ, въ Лондонѣ ничего почти не было изъ книгъ, изданныхъ о русскихъ сектахъ, да и въ самой Россіи мало что было о нихъ печатано. Побился я, побился и рѣшилъ, не мудрствуя лукаво, напечатать мои матеріалы цѣликомъ, не опуская и не измѣняя ничего. Такъ я и сдѣлалъ, — я напечаталъ все, что у меня было, кромѣ статей отрывочныхъ, неясныхъ, сокращенныхъ и т. п. — Г. Мельниковъ, впослѣдствіи, обвинялъ меня печатно, будто я умышленно исказилъ его записку, поданную его императорскому высочеству великому князю Константину Николаевичу, которая напечатана у меня въ 1 выпускѣ. — У меня было три списка этой записки, и всѣ совершенно одинаковые: я не только не искажалъ и не передѣлывалъ ничего, мнѣ даже интересу на это не было; я бы не посягнулъ на это уже и потому, что я библіофилъ и антикварій, — а ужъ никто не имѣетъ такого слѣпого благоговѣнія къ письменнымъ памятникамъ, какъ библіофилы и антикваріи. Старообрядцы тоже ропщутъ на меня за помѣщеніе «Синаксаря» — пародіи на ихъ сказнія, а самое помѣщеніе этой пародіи доказываетъ, что я составлялъ сборникъ безпристрастно, а не подбирая документы, какъ это утверждаетъ авторъ «Раскола, какъ орудія враждебныхъ Россіи партій» (Русскій Вѣстникъ), который, впрочемъ, и самое дѣло излагаетъ и не полно, и не вѣрно.

Предисловія мои къ обоимъ выпускамъ «Сборника Правительственныхъ Свѣдѣній о Раскольникахъ» вполнѣ выражаютъ мой тогдашній взглядъ и тогдашнія тенденціи, а равно и показываютъ мое полное незнакомство съ расколомъ и мой пристрастный взглядъ на дѣйствія людей, съ которыми я не сходился по убѣжденію: отсюда мои рѣзкіе отзывы о Надеждинѣ, Мельниковѣ, даже о Шафарикѣ и Гакманѣ.

Печатая Сборникъ и изучая расколъ, я рѣшился ѣхать въ Бѣлую Криницу, въ Молдавію, въ Турцію для личнаго ознакомленія съ русскими выходцами и для заведенія, при ихъ помощи, сношеній съ ихъ единовѣрцами въ Россіи. Мнѣ думалось устроить у нихъ склады нашихъ изданій, предложить имъ завести у насъ типографію для печатанія ихъ собственныхъ сочиненій и, вообще, познакомиться съ ними. — Герценъ и Огаревъ наотрѣзъ отказали мнѣ въ разрѣшеніи ѣхать, и пришлось слушаться, потому что я самъ напросился въ эмиграцію, самъ остался въ Лондонѣ, противъ ихъ желанія, потому что всякая разладица между мной и ими повела-бы только къ ослабленію моихъ силъ дѣйствовать для блага Россіи. — Возраженія ихъ были тѣ, что подобная поѣздка не имѣетъ опредѣленной цѣли, что если раскольникамъ нужно, они и сами пріѣдутъ, сами попросятъ завести типографію съ церковнымъ шрифтомъ, сами заведутъ у себя склады. Но, мнѣ кажется, у нихъ была и задняя мысль, впрочемъ весьма основательная: — моя поѣздка, моя чисто агитаціонная дѣятельность, непремѣнно выдвинула бы меня впередъ и мое имя загородило-бы ихъ имена, такъ что ихъ значеніе, какъ публицистовъ, померкло бы передъ моимъ значеніемъ агитатора. А я еще былъ слишкомъ молодъ (25—26 лѣтъ), да и недавно сталъ имъ извѣстенъ. Кто могъ поручиться, что легко пріо-

брѣтенная извѣстность не вскружитъ мнѣ голову, не толкнетъ меня злоупотребить своимъ вліяніемъ, и не надѣлаетъ бѣдъ раздѣленіемъ лагеря? Чѣмъ я могъ обезпечить ихъ, что я не наговорю лишняго, не затѣю вздора, что, въ случаѣ ареста, не выдамъ изъ малодушья людей, которые мнѣ довѣрятся?.. — Разумѣется, мнѣ не было это высказано, но не понять ихъ мотивовъ было нельзя. Я проглотилъ пилюлю, какъ она ни была горька — и покорился. — «Выдержите искусъ, Кельсіевъ», говорилъ мнѣ часто Герценъ, всегда болѣе расположенный ко мнѣ, чѣмъ Огаревъ; — «знаю, что вамъ тяжело; знаю, что нелегко, но крѣпитесь, закалите свою волю — даже монахомъ нельзя сдѣлаться, не побывавъ послушникомъ, даже въ офицеры не иначе производятъ, какъ изъ кадетовъ или изъ юнкеровъ. Терпи казакъ — атаманъ будешь!» — И я терпѣлъ, выносилъ безропотно свое послушаніе, — но атаманомъ не сталъ, или и сталъ (казакъ-баши), но уже совершенно другого рода.

Мысль о причинахъ и о сущности раскола не давала покою мнѣ: я бросилъ на время лингвистику и принялся за изученіе исторіи Россіи, за преданія, за сказки, за народную поэзію, за мифологію, — мифологія и сдѣлалась съ того времени моей спеціальностью, — и, хотя я ничего еще не писалъ по этой части, но мнѣ кажется, что я нашелъ средства и методъ возстановить вполнѣ наши языческія вѣрованья, что и сдѣлаю, если когда нибудь буду на свободѣ и буду имѣть возможность посѣщать императорскую публичную библіотеку. Занятія эти все болѣе и болѣе ознакомливали меня съ вѣрованіями и обычаями нашего народа, но я все таки его не зналъ, — потому что не живалъ съ нимъ. Впрочемъ, и это былъ уже большой шагъ впередъ — это былъ выходъ изъ отвлеченной созерцательной жизни въ жизнь практическую — и этимъ шагомъ я обязанъ былъ своимъ документамъ о расколѣ. Они же выгнали меня и изъ моего кабинета. Изучая русскія секты, я не могъ не сравнивать ихъ съ западными, а я жилъ въ отечествѣ западныхъ сектъ, и мнѣ пришлось взяться за ихъ изученіе. Но тутъ книги составляли для меня только пособіе, комментаріи, а сектанты были у меня живые. И я началъ, въ первый разъ въ жизни, шататься по разнымъ моленнымъ, митингамъ, изучать обряды, заводить знакомства съ мармонами, съ квакерами, съ масонами, съ odd fellows и со всѣми прочими ненормальными явленіями англійской жизни. Это возбудило во мнѣ охоту ознакомиться съ людьми на дѣлѣ, а до тѣхъ поръ я зналъ ихъ только изъ книги, — а знакомиться мнѣ было всего любопытнѣй съ простонародьемъ, такъ какъ всѣ наши вѣрованія и всѣ соціалистическія системы стремились къ улучшенію быта низшихъ классовъ, — и я, переломивъ въ себѣ разъ навсегда и брезгливость, и застѣнчивость, сталъ посѣщать всякія трущобы, куда прячется бѣда и порокъ, заслуженное и не заслуженное горе. Я сталъ ходить туда, какъ ботаникъ ходитъ собирать растенія, или какъ орнитологъ забирается съ вечера въ чащи лѣса подслушивать и подсматривать, какая птица встаетъ раньше, а какая позже, какъ какая кричитъ и съ чего начинаетъ день свой.

Въ тавернахъ, въ питейныхъ домахъ, на дешевенькихъ представленіяхъ, я сближался съ кѣмъ попало, съ кѣмъ только удавалось заговорить, говорилъ на всевозможныя темы, и — и потерялъ вѣру въ соціализмъ, или, по крайней мѣрѣ, въ прелесть его для бѣдняковъ. Оборвыши, люди, дня по три не ѣвшіе, защищали также горячо право собственности, какъ любой купецъ или землевладѣлецъ. Сначала мнѣ казалось это дико, я сталъ добиваться причинъ и добился: въ человѣкѣ индивидуальность слишкомъ сильна, чтобъ безусловно жертвовать ею долгое время интересамъ массы. Но соціализмъ все таки возможенъ и, я думаю, даже не отвратимъ, но только никакъ не въ французской его формѣ, а въ родѣ англійскихъ Collaborative Associations, съ такимъ успѣхомъ и съ такой пользой распространяю-

щихся теперь повсюду, безъ шуму, безъ нарушенія чьихъ-либо интересовъ и безъ противудѣйствія личному обогащенію ихъ собственныхъ членовъ. Подобный соціализмъ, разумѣется, заслуживаетъ и сочувствія, и поддержки каждаго честнаго человѣка и каждаго правительства. Соціализмъ французской, по программѣ «Молодой Россіи» — фантазія, могущая занимать головы развѣ шестнадцатилѣтнихъ отцовъ отечества.

Итакъ, я перешелъ на реальную почву, задоръ мой сталъ улегаться, но еще не проходилъ; нужно было побольше видѣть и побольше узнать, чтобъ окончательно отрезвиться отъ оппозиціонной горячки. Но отрезвленіе это давалось не вдругъ. Болѣзнь была хроническая.

Каждаго пріѣзжаго я разспрашивалъ о сектантахъ и каждаго просилъ собирать и высылать мнѣ матеріалы, разъясняя ему, разумѣется, всю важность и полезность сближенія нашей партіи съ раскольничьими согласіями, и проповѣдуя необходимость этого сближенія. Матеріалы, дѣйствительно, стали присылаться и между ними, къ величайшему моему восторгу я нашелъ и книгу Надеждина «О Скопцахъ». Ее я давно желалъ видѣть, — списка ея у меня не было, а понятіе я имѣлъ объ ней только по извлеченію изъ нея, ходившему по рукамъ. Книга эта была кѣмъ-то прислана Герцену (всѣ посылки шли ему), съ просьбою возвратить владѣльцу въ сохранности. Стало быть печатать съ нея было нельзя: въ типографіяхъ необходимо разбирать оригиналъ на листы для раздачи работникамъ. Пришлось переписать всю книгу отъ первой до послѣдней страницы — и, нечего дѣлать, я переписалъ, съ соблюденіемъ даже орфографіи Надеждина. Вышла она, впрочемъ, не при мнѣ — я уже былъ въ Россіи. «Скопцы» былъ III-й выпускъ моего Сборника, а IV-й, составленный, какъ и два первыхъ изъ разной смѣси, вышелъ, когда я былъ въ Цареградѣ, и потому очень дурно прокорректированъ. — На этомъ и кончилась моя издательская дѣятельность за границею. Мнѣ приписываютъ изданіе «Собранія Постановленій по Части Раскола» — оно вышло, когда я былъ тоже въ Цареградѣ, а издавалъ его Огаревъ. Кто сочинитель и кто издатель «Исповѣданія Молокановъ», дрянной книжонки, вовсе не дающей понятія о молоканствѣ, и которая навѣрно не молоканами и писана — я не знаю.*

Заключаю нѣкоторыми подробностями изъ нашей внутренней жизни, которыя, я думаю, не будутъ лишены интереса, а во всякомъ случаѣ послужатъ къ разъясненію многихъ отношеній, о которыхъ мнѣ придется упоминать въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Насъ было трое въ Лондонѣ: принципалъ Герценъ, его alter ego — Огаревъ и ихъ послушникъ — я. Къ намъ примыкали два поляка, которые, впрочемъ, вращаясь около насъ, сильно обрусѣли. Это былъ типографщикъ Герцена, Черпецкій, уроженецъ Люблинской губерніи, эмигрантъ 1848 года, участвовавшій въ Венгерской кампаніи, человѣкъ очень тихій, работящій, исправный, пользовавшійся общимъ уваженіемъ и сочувствіемъ. Выбравъ себѣ скромную роль управителя типографіи, онъ исполнялъ ее усердно, съ образцовою точностью, ни во что не мѣшался, никакихъ претензій не имѣлъ и довольствовался своей скромною долею. Другой былъ уроженецъ тоже царства Польскаго, не помню какой — губерніи, дѣйствительный студентъ Московскаго университета, участвовалъ въ Познанскомъ дѣлѣ 1846 года, дрался на баррикадахъ въ Парижѣ и въ Берлинѣ, пока судьба не занесла его въ Англію, гдѣ онъ какими-то судьбами и сдѣлался повѣреннымъ Герцена по его частнымъ дѣламъ. Впослѣдствіи Тхоржевскій открылъ небольшую книжную лавочку и летучую библіотеку, занимался разными комиссіями,

* Грибуль, сказка Жоржъ-Занда — переводъ моей жены, больше она ничего не печатала.

вѣчно хандрилъ, вѣчно жаловался на нездоровье и на попусту прожитую жизнь; плакался, что холость и что жены себѣ по вкусу подобрать не можетъ, но, впрочемъ, былъ очень добрый и услужливый человѣкъ, такъ же искренно и глубоко привязанный къ Герцену, какъ и Чернецкій. Всѣ мы жили тихо, смирно, дружески, никогда не ссорились, и всѣ признавали авторитетъ Герцена, даже и самъ Огаревъ.

Въ 1860 г. къ компаніи нашей прибавился іеродіаконъ Агапій, о которомъ я поминалъ, но войти въ нашъ тѣсный кружокъ ему не удалось, по его тяжелому, мнительному и скрытному характеру.

Въ концѣ 1860 года явился Дубровинъ, простодушный и очень симпатичный мальчикъ, прямо со школьной скамейки (бывшаго Дворянскаго полка), который прошелъ пѣшкомъ всю Финляндію, Швецію и часть Норвегіи, съ переполоху, что его арестуютъ за какое-то письмо политическаго содержанія; — я не понимаю, что онъ могъ написать политическаго, — должно быть, какія нибудь бредни тогдашней молодежи. Съ Герценомъ онъ какъ-то не сошелся, мучился тоской по родинѣ и кончилъ тѣмъ, что, не пропущенный во Францію, поѣхалъ въ Норвегію, чтобы пробраться черезъ нее въ Россію — и пропалъ безъ вѣсти.

При немъ же явился въ Лондонъ князь Николай Платоновичъ Трубецкой, который скрылъ отъ насъ причину, почему онъ оставилъ Россію. Онъ много настрадался, пока рѣшился обратиться къ намъ за помощью... впрочемъ, его исторія должна быть лучше извѣстна правительству.

Былъ еще англійскій подданный, не знавшій ни слова по англійски, уроженецъ Нижняго, Владиміръ Эберманъ, гимназистъ, бѣжавшій изъ Россіи, потому что испугался словъ своихъ, сказанныхъ имъ изъ мальчишескаго желанія себя показать квартальному, звавшему его въ свидѣтели по какому-то дѣлу (Что мнѣ ваша повѣстка! Что мнѣ ваши законы! Что мнѣ вашъ царь! Я англійскій подданный, такъ мнѣ вашъ царь все равно, что китайскій Богдыханъ!). И онъ много натерпѣлся. Спустилъ небольшія деньги, какія у него были (помнится 1000 р. с.), связавшись тоже съ выходцемъ изъ Россіи, какимъ-то Левестамомъ, бывшимъ комиссаріатскимъ чиновникомъ во время Крымской войны и приговореннымъ по суду къ разстрѣлянію, какъ онъ самъ хвастался, не объясняя, впрочемъ, за какія добродѣтели. Левестамъ обчистилъ бѣднаго мальчика, какъ липку; тотъ съ голоду предложилъ русскому посланнику себя въ шпіоны; намъ объ этомъ сообщили изъ Петербурга (тотъ же таинственный почеркъ, о которомъ я упоминалъ); Чернецкій вышвырнулъ его изъ типографіи, и съ тѣхъ поръ онъ какъ въ воду канулъ, пока я вдругъ не встрѣтилъ его въ Тульчѣ, учителемъ въ молоканской школѣ. И тамъ ему не повезло, отчасти по моей винѣ и по требованію Герцена — сбыть его съ рукъ куда нибудь. Уже въ Кишиневскомъ тюремномъ замкѣ, я узналъ, что онъ добровольно воротился въ Россію, просидѣлъ 10 мѣсяцевъ въ томъ самомъ карцерѣ, гдѣ мнѣ, по счастью, привелось пробыть только двое сутокъ, и что тотъ-же унтеръ-офицеръ Марковъ, который доставилъ меня въ III-е Отдѣленіе, отвозилъ Эбермана изъ кишиневскаго острога въ нижегородскій, въ мартѣ нынѣшняго года.

Всѣ эти выходцы были наборщиками у Чернецкаго, и если что можно объ нихъ прибавить, то развѣ то, что іеродіаконъ Агапій и князь Трубецкой были отличные наборщики и бывали приняты у Герцена, а что Дубровинъ и Эберманъ были лѣнивы, и у Герцена, который ихъ не взлюбилъ съ перваго разу, приняты почти не бывали. О князѣ Юріи Николаевичѣ Голицинѣ и о его спутникахъ — я не считаю нужнымъ здѣсь разсказывать. Его невѣроятныя приключенія и такъ довольно извѣстны.

Князь Петръ Владимировичъ Долгоруковъ бывалъ въ Лондонѣ наѣздомъ. Отношенія наши съ нимъ были довольно натянутыя. Мы расходились съ нимъ въ

принципахъ, да и наконецъ — надо правду сказать — неловко себя чувствовали въ присутствіи претендента на императорскій престолъ и претендента очень обидчиваго. Князь нигдѣ не составилъ себѣ партіи, онъ былъ всѣмъ чужой и при немъ всякій какъ-то стѣснялся изъ вѣжливости; тогда какъ безъ него всѣ были свободны и каждый чувствовалъ себя въ нашемъ кружкѣ будто дома.

Наконецъ, и бывшій апостольскій викарій полярныхъ странъ сѣвернаго полюса, Джунковскій былъ у насъ. Первый разъ, кажется, лѣтомъ 1860 года, второй разъ осенью 1861-го года. Во второе его посѣщеніе, я, никогда не покидавшій мысли завести церковный шрифтъ, сговорился съ нимъ объ устройствѣ въ его типографіи, въ сѣверной части Норвегіи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Нордъ-Капа, въ городѣ —, отдѣленія, для печатанія, старообрядческихъ книгъ. Я не скрывалъ отъ него своего атеизма и моего отвращенія къ католицизму.

— «Я долженъ прямо объяснить вамъ, Степанъ, сказалъ я ему, что уговоръ лучше денегъ — я ни слова не скажу, не только что не напишу, въ пользу исповѣданія, глава котораго не въ Россіи, которое повлекло-бы къ разслабленію русской народности. Помогать расколу всѣхъ сектъ — я готовъ, потому что расколъ прежде всего наше доморощенное произведеніе, и что каждый раскольникъ прежде всего русскій; онъ даже вѣруетъ только въ тѣ догматы, которые сочинены въ Россіи. А про послѣдователей иностранныхъ исповѣданій этого нельзя сказать — какіе ни будь они русскіе патріоты, а богословіе ихъ все-таки чужого ума дѣло и догматика ихъ вырабатываться всегда будетъ не у насъ, а за границей, гдѣ она волей неволей будетъ принимать оттѣнокъ враждебный нашей національности. Будь поляки и нѣмцы православными, или поди они въ нашъ расколъ, не было бы у насъ безтолковой рѣзни съ одними, да и другіе-бы давнымъ давно обрусѣли и языкомъ, и именами, и самыми чувствами. А то поляки тянутся къ Франціи, а нѣмцы на Пруссію глядятъ — у нихъ въ Швабіи свой король».

— «Я очень уважаю и цѣню вашу откровенность, — отвѣчалъ Джунковскій, — и вамъ не покажется парадоксомъ, что я имѣю большое сочувствіе къ атеистамъ».

Я глаза вытаращилъ отъ такого оборота дѣла.

— «Да, я признаю только два послѣдовательныхъ ученія — атеизмъ и католицизмъ, есть Богъ и нѣтъ Бога. Если нѣтъ — ну и нѣтъ, и это можетъ войти въ умную голову. А если умная голова признаетъ какимъ-бы то ни было путемъ, что Богъ есть, то я не вижу, какъ ему не допустить проявленія этого Бога на землѣ пророчествами, чудесами, чудотворными иконами, мощами и всѣмъ, надъ чѣмъ смѣются протестанты*, признавая возможность ихъ во времена Ветхаго Завѣта и отрицая ихъ въ Новомъ, со временъ смерти послѣдняго изъ учениковъ Христовыхъ. — Атеиста я понимаю, — а ихъ я не понимаю...»

— «Ни я. Я тоже нахожу ихъ непослѣдовательными. Мормонъ или скопецъ мнѣ понятнѣй», отвѣчалъ я. — И въ самомъ дѣлѣ, стоило мнѣ убѣдиться (путемъ новѣйшихъ открытій въ астрономіи) въ существованіи Разума въ природѣ, которую я считалъ безсмысленной игрой вѣчной матеріи — я пошелъ въ церковь. Это случилось вскорѣ послѣ того, какъ Джунковскій вышелъ изъ костела въ ту же церковь. — «Дѣлайте, что хотите, печатайте, что хотите, — продолжалъ Джунковскій, — и не работайте въ пользу католицизма. Нашъ интересъ, интересъ католиковъ, весьма простъ. Намъ нужно добиться полной свободы вѣроисповѣданія на всемъ зем-

* Я покорнѣйшее прошу особъ не православнаго исповѣданія, въ руки которыхъ можетъ перейти эта записка, не ставить мнѣ въ вину многихъ подобныхъ отзывовъ, которые мнѣ придется дѣлать объ иностранныхъ исповѣданіяхъ и лицахъ иностраннаго происхожденія. Я вполнѣ увѣренъ, что они первые оцѣнятъ мою искренность съ ними.

номъ шарѣ и уничтоженія монархій. Намъ республики выгоднѣй монархій. Вы скажете, что въ Римѣ иначе на это смотрятъ — да, правда, тамъ въ большой силѣ старая партія; тамъ, какъ и повсюду, пропасть отсталыхъ, которые силятся сохранить отжившія учрежденія и тѣмъ бросаютъ тѣнь на самую вѣру. А мы, новые, мы сами ищемъ союза съ революціонерами — я искалъ знакомства съ Герценомъ, а не онъ со мною — мы въ революціонерахъ всѣхъ цвѣтовъ, даже въ крайнихъ коммунистахъ и фурьеристахъ, видимъ естественныхъ союзниковъ. Они наши піонеры! Пусть они очистятъ землю отъ этихъ монархій, пусть они съ лица земли сотрутъ все, что препятствуетъ развитію свободнѣйшихъ учрежденій — и тогда на земномъ шарѣ будетъ: едино стадо и единъ пастырь!»

— «Единъ пастырь, то есть папа, я пожалуй допускаю, — говорилъ я, — но чтобы стадо единымъ стало — это, ужъ воля ваша, сомнительно!..»

— «Нѣтъ, не сомнительно, Василій Иваповичъ, — горячился Джунковскій. — Теперь прогрессъ, наука впередъ идетъ, невѣжество исчезаетъ, а съ нимъ исчезнетъ и сектанство. Протестантизмъ не выдержитъ критики, православіе пойметъ, что оно гибнетъ отъ своего раскола съ престоломъ князя Апостоловъ, а про язычество, да про магометанство, іудейство и прочій вздоръ, и толковать нечего».

—«Ну, теперь я понимаю, куда вы бьете, рѣшилъ я, и я поѣду въ «——» работать въ помощь бѣднымъ сектантамъ съ чистою совѣстью: я убѣжденъ, что ни политическая, ни религіозная свобода, не спасутъ католицизма, который тоже несостоятеленъ...»

— «Онъ нуждатся въ реформахъ и въ радикальныхъ, — я не скрываю».

— «Положимъ и такъ. Но вопросъ нашъ сводится на то, что вы въ насъ нуждаетесь и предлагаете намъ свои средства, не обязывая насъ ни къ чему — я ѣду въ «——». И мы ударили по рукамъ.

Я-бы и уѣхалъ въ «——», куда каждое лѣто ходятъ съ хлѣбомъ наши бѣломорцы, которые всѣ безпоповцы поморскаго согласія. — Но ѣхать надо было со шрифтомъ, а словолитня приготовила его намъ не въ двѣ недѣли, а въ два мѣсяца, когда уже прекратилось сообщеніе съ Норвегіей. Мы обмѣнялись съ Джунковскимъ не совсѣмъ дружескими письмами. Онъ довольно рѣзко упрекнулъ меня, что я не держу моего слова — и съ тѣхъ поръ, я почти забылъ объ немъ, какъ вдругъ, въ Вѣнѣ, узналъ изъ газетъ объ его женитьбѣ и обращеніи въ православіе.

Но былъ еще эмигрантъ, надъ которымъ стоитъ остановиться — Мартьяновъ.

Мартьяновъ явился въ Лондонъ лѣтомъ 1861 года, когда Герценъ былъ на дачѣ. Онъ узналъ это въ нашей типографіи, куда пріѣхалъ справиться объ адресѣ, спросилъ, когда Герценъ воротится — и вышелъ. Объ немъ и забыли, какъ вдругъ онъ опять явился, дождавшись возвращенія принципала. Онъ былъ крѣпостной графа Гурьева, который его обидѣлъ и разорилъ, по его словамъ; и онъ явился въ Лондонъ просить предать это дѣло гласности. Это былъ человѣкъ сильнаго ума и характера, гордый, честолюбивый, мстительный даже, но лишенный серьезнаго образованія. Развитіемъ своимъ онъ былъ исключительно самому себѣ обязанъ, — онъ образовалъ себя чтеніемъ русскихъ книгъ: языковъ онъ не зналъ, но что онъ читалъ, читалъ не безъ пользы. Къ несчастью, у него, какъ у всѣхъ parvenus, выбившихся на свѣтъ Божій своими силами, осталась въ душѣ затаенная вражда, зубъ на обижавшихъ его въ былое время и на его графа, по милости котораго онъ (опять таки по его словамъ) потерялъ и капиталъ въ двѣсти тысячъ и общественное положеніе. На Волгѣ, гдѣ онъ торговалъ хлѣбомъ, онъ, очевидно, пользовался большимъ уваженіемъ и вліяніемъ, какъ человѣкъ энергическій и умный. Въ Лондонѣ

онъ производилъ на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе своей мрачностью, озлобленностью и неумѣньемъ прощать ни малѣйшей обиды. Съ перваго же дня его знакомства съ нами его самолюбіе пострадало: — у него было наготовлено пропасть статей для «Колокола» и «Полярной Звѣзды» — и Герценъ не принялъ ни одной. Онъ писалъ что-то по соціальнымъ вопросамъ, въ полной увѣренности, что его работа будетъ принята съ восторгомъ — а Герценъ и ту отказалъ. «Жалко мнѣ этого Мартьянова, сказалъ мнѣ какъ-то Герценъ, хочется ему работать съ нами, помѣщать статьи у насъ — а что-жъ я сдѣлаю, если все, что онъ пишетъ, выходитъ или не ново или, еще хуже, слабо». Не знаю, почему этотъ отзывъ остался у меня въ памяти, но онъ важенъ для объясненія личности Мартьянова, оскорбленной даже и у насъ.

Сталъ онъ и у меня бывать, а я въ это время готовилъ къ печати мой III-й выпускъ (О скопцахъ) и прослѣживалъ въ русской исторіи, что такое именно царь въ глазахъ нашего народа, откуда у насъ этотъ глубокій, досадовавшій меня тогда, монархизмъ, доводящій до вѣры самозванцамъ и проявляющійся въ обоготвореніи Петра III-го, подъ фантастическимъ образомъ Его Императорскаго Величества Господа нашего Исуса Христа Батюшки Искупителя Петра Ѳедоровича! Копался я, копался и докопался до тѣхъ выводовъ, которые у меня изложены въ предисловіи къ этому выпуску. Ихъ я считаю и до сихъ поръ вѣрными, такъ какъ я имѣлъ возможность провѣрить ихъ въ долгихъ бесѣдахъ съ простонародьемъ. Разумѣется, что въ помянутомъ предисловіи они не имѣютъ должной полноты и сильно разбавлены тогдашними тенденціями, приведенными «вь пику и въ нравоученіе» правительству.

Какъ-бы то ни было, но изслѣдованія мои привели меня къ тому, что у насъ и думать нечего проповѣдывать республику, что на подобную проповѣдь мужики крикнули бы «рѣжь публику!» все, что не принадлежитъ къ низшимъ сословіямъ. Выводы свои я высказывалъ не разъ Мартьянову, на котораго я смотрѣлъ, какъ на человѣка, близко знающаго народъ. Мартьяновъ сначала не совсѣмъ соглашался со мной, но я ему указалъ на исторію нашихъ бунтовъ, прочелъ съ нимъ вмѣстѣ кой-какіе источники — и вдругъ, Мартьяновъ повеселѣлъ: онъ нашелъ исходъ своимъ чувствамъ. Всю любовь своей сильной и страстной натуры онъ излилъ на царя и на простонародье, да такъ излилъ, что безъ слезъ не всегда говорить о нихъ могъ. Всю-же ненависть свою, годами накипавшую у него на сердцѣ злобу, онъ опрокинулъ на дворянство и на чиновничество. «Всякій, кто не сынъ народа по происхожденію, по воспитанію, да погибнетъ!» провозглашалъ онъ. Ненависть такъ его обуяла, что онъ ненавидѣлъ — не сословія, не классы общества, — а даже личности. Я какъ-то заставилъ его договориться до того, что, по его мнѣнію, и величайшаго врага его графа Гурьева, и лучшаго его пріятеля въ Лондонѣ Огарева слѣдовало бы на одну осину за то, что оба родились дворянами. Такова послѣдовательность удалой русской мысли! — Онъ проповѣдывалъ вырѣзку всего немужицкаго, даже купечества онъ не щадилъ, — вырѣзку съ женами и съ дѣтьми, чтобъ и на сѣмена не оставалось. Много нужно было выстрадать его бѣдной душѣ, чтобъ находить себѣ утѣшеніе въ такихъ дикихъ грезахъ, — а найди онъ исходъ своимъ мыслямъ и силамъ, какой бы полезный человѣкъ изъ него вышелъ!

Но если теорія вырѣзки всѣхъ не мужиковъ такъ и осталась теоріей, то монархизмъ нашъ пошелъ въ ходъ. Огаревъ, постоянно совѣтывавшійся съ Мартьяновымъ о крестьянскомъ вопросѣ и очень его уважавшій, задумался надъ его словами, что крестьянамъ царь нуженъ, но что царь долженъ быть преданъ исключительно интересамъ низшихъ сословій, что онъ долженъ жертвовать для большинства меньшинствомъ и такъ далѣе — и вотъ развилось у насъ въ Лондонѣ ученіе о Земскомъ

Царѣ... но было уже поздно, надо было раньше высказаться въ пользу монархизма, и не дать повода считать себя революціонерами и баррикадистами, за какихъ насъ принимали въ Россіи, благодаря необдуманнымъ фразамъ, не имѣвшимъ въ нашихъ глазахъ особаго смысла, но которыя молодежь принимала за сущность нашей пропаганды, тогда какъ сущность-то была вовсе не революціонная, хотя и была вышита по революціонной канвѣ.

Поляковъ Мартьяновъ тоже не терпѣлъ и одинъ изъ всѣхъ насъ предвидѣлъ печальный исходъ польскаго дѣла.

Нѣсколько словъ о Михайлѣ Александровичѣ Бакунинѣ. За что этотъ человѣкъ пользуется такою высокою репутаціею въ революціонныхъ кругахъ и какъ ему удалось сдѣлаться диктаторомъ саксонскимъ — для меня загадка. Это колоссальнѣйшая неспособность изо всѣхъ, мною виданныхъ: тупой бунтовщикъ, въ родѣ тѣхъ хористовъ революціи, о которыхъ я говорилъ выше. Его пустота и непониманіе вопросовъ поразили меня съ перваго свиданія.

Герценъ и Огаревъ никогда не отзовутся дурно о человѣкѣ, который служилъ правому (или ими считаемому за правое) дѣлу. Самопожертвованіе, рискъ, готовность на все, все искупаетъ въ ихъ глазахъ: отсюда ихъ благоговѣніе къ памяти «мучениковъ 14 декабря», отсюда признаваніе Рылѣева поэтомъ coûte que coûte, отсюда изданіе книги Радищева, пропасть недомолвокъ въ «Быломъ и Думахъ» о революціонныхъ знаменитостяхъ 1848—49 гг. и т. п. Я никогда не могъ добиться, за что Герценъ въ ссорѣ съ Ледрю Роленомъ, и неохотные его отзывы о Бакунинѣ я приписывалъ тоже личной размолвкѣ, считая Бакунина все-таки не дешевою личностью, хотя знавшіе его лично отзывались всегда не въ его пользу. — Много у меня было споровъ съ Герценомъ и съ Огаревымъ о томъ, что подвигъ не выкупаетъ глупости или мелочности характера, что дѣло дѣломъ, а человѣкъ человѣкомъ; но Герценъ остался при своемъ, и я при своемъ.

Ждали Бакунина въ Лондонѣ, — насталъ день его пріѣзда. Мнѣ не терпѣлось видѣть его, но, не желая мѣшать его встрѣчѣ съ старыми друзьями, я отправился къ Герцену попозднѣе, давъ имъ наговориться и высказать другъ другу то, чего, можетъ быть, имъ не захотѣлось бы говорить при новичкѣ. — Я засталъ ихъ при разговорѣ, какой обыкновенно ведется между старыми знакомыми, не видавшимися долгое время: Бакунинъ разспрашивалъ, что дѣлаетъ такой-то, этотъ живъ-ли, тотъ гдѣ? и т. п. Разговоръ, наконецъ, перешелъ на современную политику.

— «Въ Польшѣ только демонстраціи, сказалъ Герценъ, да авось поляки облагоразумятся, поймутъ, что нельзя-жъ подыматься, когда государь только что освободилъ крестьянъ. Собирается туча но надобно желать, чтобъ она разошлась».

— «А въ Италіи?»

— «Тихо».

— «А въ Австріи?»

— «Тихо».

— «А въ Турціи?»

— «Вездѣ тихо, и ничего даже не предвидится».

— «Что-жъ тогда дѣлать? — сказалъ въ недоумѣніи Бакунинъ. — Неужели-жъ ѣхать куда нибудь въ Персію или въ Индію и тамъ подымать дѣло! Эдакъ съ ума сойдешь — я безъ дѣла сидѣть не могу».

Это я думаю достаточно рисуетъ личность Бакунина. Идей своихъ я у него ни одной не замѣтилъ. Все, что онъ проповѣдуетъ, обыкновенно взято у него на прокатъ у перваго встрѣчнаго. Онъ вѣчно подъ чьимъ нибудь вліяніемъ. Пѣлъ онъ

и съ моего голоса, и съ Мартьянова, и съ Лугинина (артиллерійскаго офицера, представителя создававшейся тогда умѣренной партіи). Это мѣшокъ, въ который, что положишь, то и несетъ, только бы не мѣшали ему рисоваться, да не отнимали возможности составлять, Богъ знаетъ съ кѣмъ и Богъ знаетъ для чего, разныя тайныя общества. — Какъ-то онъ объявилъ, что исключительно займется славянскими дѣлами и давай откапывать откуда-то разныхъ сербовъ, чеховъ, болгаръ, уполномачивать ихъ вести пропаганду въ ихъ краяхъ. Видалъ я у него пропасть такихъ агентовъ:

— «Да что вы, Михаилъ Александровичъ, вѣдь вы себя осрамите съ этимъ парнемъ. Куда ему въ агенты, онъ трехъ словъ путемъ не свяжетъ, какъ пробка глупъ — кто его тамъ въ Чехахъ послушаетъ?!..»

— «Толкуйте, толкуйте! Много вы понимаете! Значитъ, у васъ нѣтъ способности людей разбирать, если вы такъ судите. Я, батюшка, опытный революціонеръ, меня учить нечего!» — Ну, разумѣется, и махнешь бывало рукой, потому что и дѣйствительно учить было нечего.

Наострилъ я его собирать капиталъ для пропаганды, да и самъ былъ не радъ. Бакунинъ сталъ просто контрибуцію налагать на каждаго пріѣзжаго — а тутъ нашъ погромъ начинается: — «Молодая Россія» да пожаръ Толкучки пали намъ, какъ снѣгъ на голову. Молодежь кричитъ, что она безъ предводителей — Бакунинъ принялъ этотъ постъ, — какіе-то студенты написали ему письмо, чуть-ли даже диплома не прислали на предводительство движеніемъ въ Россіи.

Кутерьма шла невѣроятная, неудача шла за неудачей, арестъ Вѣтошникова поразилъ насъ какъ громомъ, а меня пуще всѣхъ: всѣ мои начинанія лопнули — я уѣхалъ на Востокъ, оставивъ Бакунина предводительствовать какими то непонятными тайными обществами, даже разболтывать ихъ тайны, что за нимъ также водится, и съ тѣхъ поръ не знаю, что онъ дѣлалъ и кѣмъ предводительствовалъ. Во всякомъ случаѣ никакъ не славянами, которые его не терпятъ за то, что онъ не въ ладахъ съ русскимъ правительствомъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

ПОѢЗДКА ВЪ РОССІЮ

Постоянно работая надъ изученіемъ Россіи и раскола, я все ждалъ отзыва раскольниковъ на мое изданіе — отзыва не было. Они ни одной статьи даже на обиды свои не присылали — хоть бы поклонъ отъ нихъ удалось услышать, хоть бы «спасибо» за трудъ въ ихъ пользу, я и тѣмъ былъ бы безконечно доволенъ. Сборникъ хорошо шелъ въ продажѣ, но кто его раскупалъ, опредѣлить было нельзя, какъ нельзя было и замѣтить особеннаго стремленія къ сближенію съ расколомъ въ пріѣзжихъ. Никто не былъ съ нимъ знакомъ близко, да никто и не расчитывалъ на большую пользу отъ этого сближенія. Образованные люди у насъ слишкомъ офранцузились и онѣмечились, чтобы понимать все русское, и какіе нибудь ультра-монтаны ближе къ нимъ, чѣмъ старообрядцы. О Франціи у насъ знаютъ лучше, чѣмъ о Россіи. Петровская реформа такъ отрѣзала насъ всѣхъ отъ народа, что мы разошлись съ нимъ не только понятіями, но даже образомъ жизни, столомъ, языкомъ, платьемъ, интересами. Англійскій лордъ или французскій баронъ далеко не такъ чужды своему простонародью, какъ наши образованные люди; жизнь первыхъ — усовершенствованіе народной, а наша — подражаніе заграничной.

Приведу одно обстоятельство, въ сущности пустое, но, вотъ уже полтораста лѣтъ слишкомъ, и правительство ставящее въ вѣчно непріятное положеніе, и народъ оскорбляющее до глубины души, — я говорю о бородѣ. Петръ обрилъ солдатъ и чиновниковъ, презирая народныя предубѣжденія, и обязательное бритье такъ и осталось у насъ по привычкѣ, какъ разъ заведенный порядокъ, о существованіи котораго даже и забыли, потому что онъ уже въ обычай вошелъ. Чтобы сдѣлать насъ по наружности похожими на европейцевъ, запрещено у насъ солдатамъ въ отставкѣ даже запускать волосы и бороду. Затѣмъ, если не ошибаюсь, для солдатъ посты отмѣняются почему-то. Что же изъ этого выходитъ? Борода у насъ народный обычай, которому огромная масса простонародья, милліоновъ съ десятокъ, придаетъ даже догматическое значеніе, — а про посты и говорить нечего. Иной сектантъ, да даже и не сектантъ, душой бы радъ служить Государю, умереть готовъ за него, — но совѣсть претитъ ему воздать Кесарю то, что слѣдуетъ Богу. И вотъ до сихъ поръ изъ за этихъ пустяковъ, при каждомъ наборѣ, тысячи бѣгутъ въ Молдавію и Турцію: Я со многими изъ нихъ толковалъ и отъ многихъ слышалъ, что не трогай правительство бороды — они завтра-бы доброй волей пошли въ солдаты, потому все же лучше быть солдатомъ, чѣмъ мыкаться на чужой сторонѣ. — Много можно бы привести такихъ примѣровъ недоразумѣнія между образованными людьми и простонародьемъ... А на этомъ недоразумѣніи правительство очень выиграло-бы. Умѣй наша партія сойтись съ сектантами, умѣй говорить съ ними, не погнушайся изучить ихъ догматы, да и вообще богословіе, пойми значеніе ихъ привязанности къ обрядамъ — и было-бы дѣло въ шляпѣ. Но мы были пустозвоны, верхохваты, мы изучали только міровые вопросы, да революціонныя теоріи, мы спорили о преимуществахъ и недостаткахъ разныхъ конституцій, — затѣвали создать храмъ свободы, не позаботясь ознакомиться съ матеріаломъ, изъ котораго приходилось строить этотъ храмъ. И вышла ерунда — рабочихъ было пропасть, но ни одинъ не былъ знакомъ съ матеріаломъ, да и плана-то общаго не было, и пошло вавилонское столпотвореніе, своя свонхъ не познаша.

Понималъ я и предчувствовалъ всю эту неурядицу, толковалъ объ ней Герцену и Огареву, указывалъ имъ на нашу несостоятельность, но они стояли на томъ, что они публицисты, а не агитаторы, и что ихъ дѣло только пропаганду вести, а никакъ не движеніе. — Что было дѣлать? — Сидѣть у моря и ждать погоды? Я и сидѣлъ и ждалъ, съ отчаяніемъ слѣдя, какъ время уходитъ, и какъ нашъ авторитетъ падаетъ. — Наконецъ, я и въ самомъ дѣлѣ дождался, дождался, что раскольники завели съ нами сношенія.

Какъ-то вечеромъ, въ ноябрѣ 1861, я былъ у Герцена. Постороннихъ не было. Я стоялъ у камина въ залѣ и грѣлся. Ко мнѣ подошелъ Тхоржевскій.

— «А у меня для васъ новость! Раскольникъ какой то есть въ Лондонѣ...»

— «Вотъ!» и я вздрогнулъ отъ радости.

— «Какъ же. Сегодня заходилъ ко мнѣ, молодой еще человѣкъ, говорилъ, что хочетъ познакомиться съ Герценомъ и съ вами, только жалуется, что жизнь здѣсь дорога. Онъ остановился въ одномъ отелѣ на Piccadilly. Я хотѣлъ ему продать вашъ «Сборникъ», «Библію», «Стоглавъ», только онъ не купилъ, а купилъ «Потаенную Литературу»...

— «Экъ васъ, Тхоржевскій, дернуло! Вѣдь это только библіофиламъ слѣдуетъ показывать...»

— «А мнѣ что. Она всздѣ продается — не у меня, такъ у другого купитъ...»

— «Да почемъ-же вы знаете, что онъ раскольникъ».

— «Самъ онъ сказалъ. Онъ липованъ, купецъ изъ Молдавіи, молодой еще человѣкъ...»

На другой день я отправился разыскивать Петрова*, такъ звали липована, и нашелъ его въ указанномъ отелѣ. Его вызвали. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, невысокаго роста, рябоватый, худой, съ рѣденькой русой бородкой. Одѣтъ онъ былъ по европейски и вообще походилъ на прикащика со Щукина или изъ Перинной линіи. Лицо его было блѣдно и даже зеленовато.

— «Вы господинъ Петровъ?»

— «Я», отвѣчалъ онъ какъ-то пугливо, точно ожидая бѣды или ареста.

— «Я пришелъ познакомиться съ вами. Тхоржевскій мнѣ говорилъ, что вы изъ Молдавіи, а въ Молдавіи живетъ много русскихъ старообрядцевъ — не будете ли вы добры сообщить мнѣ о нихъ кой какія свѣдѣнія. Я Кельсіевъ, издатель «Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ».

— «А! Знаю! — сказалъ онъ также угрюмо и непривѣтливо. — Только мнѣ теперь времени нѣтъ (его, кажется, обѣдать звали, или онъ ѣхалъ куда; не помню)».

— «Когда-же можно васъ видѣть? Долго-ли вы пробудете здѣсь?»

— «Дня съ три. Здѣсь нельзя оставаться, цѣны страшныя!..»

— «Тогда вотъ что — пріѣзжайте ко мнѣ, и я вамъ отыщу, на сколько хотите времени, и дешевую, и удобную квартиру. Васъ здѣсь обдираютъ, какъ всѣхъ иностранцевъ. — Когда вы у меня будете? Сегодня, можетъ быть?»

— «Могу».

— «И прекрасно. Я васъ жду часа въ два. Вотъ мой адресъ». — Тутъ же подвернулся одинъ смоленскій полякъ Гилевичъ, упражнявшійся въ факторствѣ, въ нищенствѣ, въ мошенничествѣ и еще не знаю въ чемъ, и обѣщался проводить Петрова ко мнѣ. Въ назначенное время мой липованъ явился, просидѣлъ у меня часа три — и оказался очень милымъ, живымъ и веселымъ человѣкомъ, а вдобавокъ и замѣчательно умнымъ, да такимъ умнымъ, какимъ дай Богъ всякому быть. Съ трехъ словъ понималъ онъ какой угодно вопросъ, отвѣчалъ на него всегда подробно и основательно, разбирая его со всѣхъ сторонъ, что называется по косточкамъ. Одна особенность его ума меня поражала. Онъ никогда не отвѣчалъ прямо, что-бы вы у него ни спросили, а подходилъ къ вопросу издалека, какъ будто говоря о чемъ-то совсѣмъ другомъ, и только черезъ полчаса вы замѣчали, что онъ именно то изъясняетъ вамъ, чего вы хотѣли, и что онъ вамъ выставилъ всѣ pro и contra дѣла, сдѣлалъ имъ оцѣнку и вывелъ изъ нихъ заключеніе. Какая-же сила ума и какія огромныя діалектическія способности у этого человѣка, не получившаго никакого образованія, а развившагося единственно на чтеніи церковныхъ книгъ!!!

Мы мигомъ подружились и искренно привязались другъ къ другу. По его словамъ, онъ былъ купецъ, торговалъ сначала краснымъ товаромъ, потомъ бросилъ торговлю, спасался въ славскомъ скиту (въ Добруджѣ), гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ въ молчальничествѣ; потомъ объѣздилъ всѣ центры поповщины, былъ секретаремъ у Павла Бѣлокриницкаго, наконецъ, посвятилъ себя исключительно интересамъ старообрядческой церкви, для которой и трудится непрерывно, какъ богословъ и начетчикъ. За монаха или за духовное лицо онъ себя не признавалъ, хотя мнѣ всегда казалось, что онъ по крайней мѣрѣ архимандритъ.

Понятно, что такого дорогого гостя, который могъ мнѣ сообщить бездну новаго, я не хотѣлъ выпустить отъ себя, да и онъ, кстати, не могъ выѣхать изъ Лон-

---

* Епископъ Коломенскій Пафнутій, бѣлокриницкаго поставленія — въ 1865 году онъ обратился въ единовѣріе и находится теперь въ Москвѣ, гдѣ обращаетъ старообрядцевъ.

дона, потому что его сильно пообщипали дорогой и въ отелѣ. Я предложилъ ему взять въ нашемъ же домѣ небольшую комнатку въ верхнемъ этажѣ, подлѣ моего кабинета. Она ему понравилась, тотчасъ же я сторговался съ хозяйкой въ цѣнѣ, Поликарпъ Петровичъ поселился со мной, — и начался мой праздникъ, длившійся цѣлыхъ шесть недѣль.

Читать или писать уже не было возможности. Чуть я вставалъ, Поликарпъ входилъ въ мой кабинетъ, и начинались безконечныя бесѣды о догматикѣ старообрядчества, о духѣ раздорническихъ и безпоповскихъ сектъ, о введеніи и распространеніи бѣлокриницкой іерархіи, о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ ею доселѣ, о непривычности ея дѣятелей къ дѣламъ, о надеждахъ на будущее. И все это онъ разсказывалъ такъ толково, такъ увлекательно и образно, что всякому слушающему его казалось, будто самъ присутствуетъ при описываемыхъ событіяхъ. Образы дѣятелей, какъ живые, возникали передъ глазами, и впослѣдствіи, когда мнѣ лично пришлось перезнакомиться съ ними, я не разъ былъ пораженъ вѣрностью характеристики ихъ, данной мнѣ въ Лондонѣ Поликарпомъ.

Память его — даже невѣроятно, чтобы человѣкъ могъ имѣть такую память! Онъ такъ изучилъ отцовъ церкви, что зналъ, на какой страницѣ, на какой строкѣ, какого изданія находится данный текстъ. Въ полемическомъ богословіи онъ, разумѣется, былъ непобѣдимъ при такихъ способностяхъ, — и не разъ, разсказывалъ онъ, его противники, безпоповцы, нѣтовцы и раздорники, открещивались отъ него, полагая, что самъ сатана явился разбивать ихъ завѣтныя вѣрованія, — такъ поразительны его начитанность и знакомство съ писаніемъ, давшія ему возможность обращать тысячами къ бѣлокриницкому священству разныхъ не признававшихъ его старообрядцевъ.

И изувѣромъ онъ не былъ, да и не могъ быть при такомъ умѣ. Онъ не боялся табакъ брать въ руки, не боялся сложить правой рукой трехперстное знаменіе; даже сказалъ, при переѣздѣ ко мнѣ, что если приготовленіе для него постнаго неудобно или затруднительно для хозяйки дома, — то онъ будетъ и скоромное ѣсть — «по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ», «предлагаемое да яждьте». — Вообще эта личность могла дать самое выгодное понятіе о старообрядчествѣ; въ Поликарпѣ не было ни нетерпимости, ни какихъ либо рѣзкостей или особенностей, отличавшихъ его отъ обыкновеннаго благочестиваго православнаго купца, — развѣ что онъ не ѣлъ и не пилъ ничего, не осѣнивъ себя крестнымъ знаменемъ, по старинному русскому обычаю.

Немедленно свозить его къ Герцену было нельзя. Во первыхъ Бакунинъ пріѣхалъ, помнится 15-го декабря, какъ-то вскорѣ по переселеніи ко мнѣ Поликарпа, и въ ожиданіи его въ домѣ Герцена была поэтому суматоха: нужно было пріискать Бакунину квартиру (вмѣстѣ съ нимъ жить Герцену не хотѣлось), дать ему средства существованія — къ работѣ какой нибудь Бакунинъ не способенъ, писать не боекъ, да что и пишетъ, то выходитъ крайне неладно: посланіе его къ полякамъ, такъ обидѣвшее ихъ проектомъ хлопской Польши, разъ десять передѣлывалось по настоянію Герцена — и пришлось положить ему пенсію... Чуть ли не по 5 ф. стерл. (около 30 р. с.) въ недѣлю опредѣлилъ ему Герценъ изъ своихъ собственныхъ средствъ, — такъ велика его привязанность ко всѣмъ старымъ пріятелямъ и къ дѣятелямъ свободы! — Во вторыхъ нужно было выбрать свободное время для свиданія ихъ съ такимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, какъ Поликарпъ, чтобы постороннихъ не было, чтобы кто не помѣшалъ. Словомъ, прошло довольно долгое время, пока устроилось это свиданіе, дней съ пятокъ.

Разумѣется, что я уже успѣлъ высказать Поликарпу мою завѣтную мысль о союзѣ нашемъ съ сектантами, объ устройствѣ у насъ печатаній ихъ сочиненій, объ

организаціи въ одно цѣлое всѣхъ сектъ съ цѣлью дружнаго наступа на правительство. Революціоннаго я ему ничего не проповѣдывалъ, потому что и самъ уже давно понялъ, что у насъ революція невозможна, а возможенъ бунтъ на манеръ пугачевщины, который разрѣшился бы не только вырѣзкой всего не мужицкаго, но даже уничтоженіемъ школъ, сожженіемъ библіотекъ, который бы отдалъ насъ въ руки иностранцевъ, какъ Смутное Время — Самозванцевъ, и, наконецъ, посадилъ бы на тронъ какого нибудь проходимца, не лучше Тушинскихъ царьковъ. Я билъ именно на необходимость спасенія Россіи отъ грозящей ей неурядицы — организованіемъ правильной оппозиціи, которая, вынудивъ у правительства разумныя уступки, сама бы слилась съ нимъ и стала бы его поддержкой. — Въ сущности, оно такъ и вышло впослѣдствіи, хотя и безъ моего содѣйствія, — правительство послѣдовало указаніямъ общественнаго мнѣнія и создало умѣренную партію, которая сама подавила революціонную. Поликарпъ вполнѣ соглашался съ моимъ взглядомъ, хотя и онъ, какъ всѣ наши сектанты, плохо понималъ общественныя дѣла. Умы сектантовъ, жизнь ихъ, ихъ интересы черезчуръ стѣснены насущными потребностями ихъ согласій; далѣе они ничего не видятъ и ни за чѣмъ не слѣдятъ. Россію они всѣ страстно любятъ, какъ и нынѣшняго Царя Освободителя, но головы ихъ такъ заняты ихъ собственными дрязгами и нуждами, что имъ некогда заботиться о государственныхъ вопросахъ — тяжущіеся ни о чемъ не думаютъ и не говорятъ, кромѣ какъ о своихъ тяжбахъ... Но, какъ-бы то ни было, Поликарпъ не могъ не сочувствовать моему взгляду, потому что и онъ зналъ о броженіи умовъ въ Россіи. Онъ самъ говорилъ мнѣ, что старообрядцы хорошо знаютъ о существованіи «Колокола», почитываютъ его и, въ ссорахъ между собой, грозятся отдѣлать другъ друга въ его столбцахъ. — Онъ понялъ также выгоду отъ союза съ нами — мы дали бы имъ вѣсъ и политическое значеніе, по крайней мѣрѣ prestige, котораго у нихъ до тѣхъ поръ не было. Наконецъ, онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что полная свобода книгопечатанія, какъ наша Лондонская, много помогла бы бѣлокриницкой церкви расшириться на счетъ безпоповцевъ и раздорниковъ. Особенно хотѣлось ему, чтобы безпоповская литература вышла на свѣтъ. — «Безпоповцы упрямятся, говорилъ онъ, а сами скрываютъ, на чемъ они держатся. Книгъ у нихъ много, да они ихъ не показываютъ, знаючи, что супротивъ истины имъ не устоять. Да! Такъ вотъ, это если-бы ихъ писанія вывести, значитъ, на свѣжую воду, мы и знали бы, на чемъ они основаніе свое полагаютъ, и могли бы обличать ихъ съ успѣхомъ. — Да.» — Прибавлю, что у него душа также болѣла, что «просвѣщенная Европа» ничего не знаетъ о нашей церкви, точно насъ и на свѣтѣ нѣтъ, точно мы и не вѣра и не церковь! «Да. А у насъ однихъ все по уставу, какъ святые отцы на семи вселенскихъ соборахъ положили; у насъ все, какъ было при благовѣрныхъ царяхъ и благочестивыхъ патріархахъ, — а насъ не знаютъ. Оттого прочія вѣры всякія, не вѣдаючи, гдѣ искать свѣта истины, и блуждаютъ во тьмѣ. Такъ намъ, выходитъ, пора теперь выступить со свѣтильникомъ на позорище народовъ и обличить языки въ ихъ заблужденіяхъ. Вотъ тогда истинная церковь и совершитъ свое назначеніе, — въ Россіи насъ во тьмѣ держатъ, а мы бы прославили Россію.» Къ тому же Поликарпъ и не скрывалъ отъ меня, что главною цѣлью его путешествія было познакомиться съ нами и извлечь изъ насъ какую нибудь пользу для старообрядчества.

Свиданіе устроилось. Вечеромъ — Герценъ обыкновенно работаетъ до четырехъ, а въ пять встаетъ изъ-за обѣда — мы явились съ Поликарпомъ. Поликарпъ и ихъ обворожилъ своимъ умомъ и своимъ умѣньемъ держать себя. Въ самомъ дѣлѣ, казалось, онъ вѣкъ свой выжилъ между литераторами и свѣтскими людьми, такъ просто и не натянуто себя онъ велъ, такъ ни по чему нельзя было замѣтить, что онъ

попалъ въ новый ему міръ. Ясно и сдержанно отвѣчалъ онъ на всѣ вопросы, жаловался на несправедливость правительства, которое терпитъ и не терпитъ ихъ церковь, что ихъ ставитъ въ вѣчно фальшивое положеніе относительно мелкихъ властей, разсказалъ пропасть фактовъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, и опять заявилъ, что сами старообрядцы ищутъ познакомиться съ нами, потому что имъ не къ кому болѣе прибѣгнуть.

— «Мы такіе же православные, какъ и великороссійская церковь, говорилъ онъ. Вся разница наша только въ томъ, что мы держимся только стараго обряда и старыхъ книгъ и, даже я самъ скажу, держимся не по разуму упорно, да дѣлать нечего, народъ у насъ такой жестокій сталъ въ эти двѣсти лѣтъ, что насъ гонятъ; надо ему уступать, не вводить въ соблазнъ. Сказано «аще кто отъ васъ соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ, уне есть ему да обѣсится на выю его жерновъ осельскій»... Вотъ и остерегаемъ испугать невѣждъ, чтобы въ безпоповскія сѣти не попали. А великороссійская церковь не хочетъ признать передѣланный обрядъ и нашего не хулитъ, потому что у единовѣрцевъ одинъ обрядъ съ нами, да только ей хочется насъ подъ свое начало подвести. А намъ этого и нельзя, оттого что не можемъ признать ни ея обряда, ни того, чтобъ одинъ епископъ, или священникъ, или діаконъ могъ на два разныхъ манера священные дѣйствовать. Насъ за это и жмутъ, а безпоповцы радуются и смущаютъ народъ своимъ ехиднымъ ученіемъ. Да. А мы православные, мы первые враги всякихъ сектъ. Только мірская-то власть объ этомъ не знаетъ.»

Тутъ онъ разсказалъ пропасть вещей о придиркахъ къ нимъ консисторій, съ цѣлью сорвать съ нихъ что можно, о духовныхъ увѣщаніяхъ, объ отдачѣ ихъ на покаяніе, объ оскорбившемъ ихъ арестѣ двухъ ихъ епископовъ, Аркадія и Олимпія (во время послѣдней войны, въ Тульчѣ), который надѣлалъ столько шуму и возбудилъ такое неудовольствіе противъ правительства. Разсказалъ о закрытіи ихъ моленныхъ, о затруднительности совершать требы, о необходимости хитрить, обманывать и подкупать начальство, чтобы оно не лишало народъ возможности исполнять предписанія и установленія церкви. О политикѣ и объ соціальныхъ вопросахъ говорилось мало. — Сразу видно было, что эти стороны русской жизни ему мало знакомы и вовсе его не интересуютъ. О типографіи онъ сказалъ, что посовѣтуется съ своими московскими друзьями, — но необходимость денежнаго пожертвованія ихъ на это заставляла его сильно задумываться, хотя онъ этого и не высказывалъ, равно какъ и не показывалъ удивленія, что у насъ нѣтъ фондовъ.

Нужно ли говорить, что Герценъ и Огаревъ не могли не удивляться его уму и такту, и что онъ произвелъ на нихъ такое же выгодное впечатлѣніе, какъ и на меня.

Мартьяновъ тоже познакомился съ нимъ, и знакомство это оставило въ душѣ моей тяжелое впечатлѣніе — мнѣ было жалко Мартьянова. Онъ, какъ enfant du peuple, думалъ, что онъ лучше всѣхъ раскуситъ загадочнаго Поликарпа, и что Поликарпъ не можетъ не раздѣлять его воззрѣній. Заговорилъ онъ съ нимъ что-то о вѣрѣ, ссылаясь на Іисуса сына Сирахова, и понесъ такую мистическую околесицу, которой ни я, ни Поликарпъ не поняли. Какъ теперь вижу ихъ, состязающихся въ моемъ кабинетѣ. Мартьяновъ съ невѣроятными усиліями доказываетъ что-то о душѣ, о духѣ, о назначеніи человѣка, а Поликарпъ обстоятельно излагаетъ ему, какой святой отецъ, въ такомъ-то изданіи, на такомъ-то листѣ, такъ-то толкуетъ этотъ текстъ. Путались они, путались, пока чай не явился на выручку, какъ deus ex machina, и я не поспѣшилъ перемѣнить тему, отъ слушанія которой у меня даже голова начинала трещать, такъ замудрствовался бѣдный Мартьяновъ. Разговоръ повернулъ на политику — это все же было легче, чѣмъ метафизика и мистицизмъ, — и я задѣлъ Мартьянова за его теорію о царѣ и народѣ: мнѣ хотѣлось знать, какъ

взглянетъ на нее Поликарпъ. Поликарпъ отозвался съ большимъ сочувствіемъ къ идеѣ Царя, который дѣлаетъ все для народа, о чемъ народъ проситъ, который ведетъ его по пути прогресса, и котораго народъ почти боготворитъ, какъ своего отца, представителя, знамя, — какъ выраженіе самого себя. Но съ тѣмъ, что народомъ слѣдуетъ признавать мужика и отчасти купца, а что все остальное подлежитъ избіенію, онъ не согласился. Это его возмутило и привело въ негодованіе: онъ чуть-чуть не разсердился и привелъ Мартьянову множество текстовъ и примѣровъ изъ священной исторіи въ пользу высшихъ сословій. — Мартьяновъ блѣднѣлъ, кусалъ губы, становился язвителенъ и не могъ простить мнѣ и одному весьма юному правовѣду, присутствовавшему при этой сценѣ, что онъ оборвался при первомъ же столкновеніи съ этимъ народомъ, органомъ котораго онъ себя выдавалъ. Правовѣдъ же, уже и тогда выздоравливавшій отъ революціонной горячки, не могъ воздержаться, чтобы не подтрунивать надъ бѣднякомъ, не понимая, по своей юности, его страшной внутренней драмы. Много мнѣ было хлопотъ въ этотъ вечеръ, чтобы унять моихъ расходившихся гостей и не дать имъ поссориться.

Такія сцены повторялись не разъ, а между тѣмъ дружба моя съ Поликарпомъ — росла и росла, хотя ни онъ мнѣ, ни я ему, мы другъ другу не сдѣлали ни одной уступки въ своихъ убѣжденіяхъ. Я не скрывалъ отъ него, что я закоренѣлый атеистъ, но отказался на отрѣзъ объяснить причины моего невѣрія, сказавъ ему, что онъ не въ силахъ будетъ бороться со мною, потому что не знакомъ ни съ тѣми науками, ни съ тѣми системами, на которыхъ я основываюсь, и, стало быть, ему придется беззащитно отдаться мнѣ въ руки, — а пользоваться своими преимуществами надъ беззащитнымъ противникомъ было-бы нечестно. Довольно того, что я ему открыто говорю, что не вѣрю, и онъ долженъ оцѣнить мое уваженіе къ нему, что я не хочу его обманывать въ такомъ важномъ вопросѣ. А еще почему я не хотѣлъ изложить ему системы атеизма — это была — боязнь погубить его. Образованный человѣкъ, отрицающій Бога, не опасенъ: нравственность его основывается не на страхѣ ада, и не на любви къ Богу, какъ у простолюдина, которому довольно начать только сомнѣваться, довольно слегка вольнодумствовать, чтобъ разрѣшить себѣ все. Я видалъ множество такихъ печальныхъ примѣровъ, и потому всегда осторожно обхожусь съ народными вѣрованіями. И были мы хорошіе и крѣпкіе друзья съ Поликарпомъ, и толковали мы съ нимъ о догматахъ. Онъ съ большою охотою отдавалъ мнѣ ихъ на судъ, какъ человѣку безпристрастному, и самъ указывалъ на многія несостоятельности старообрядчества (напримѣръ, на перемазываніе), которыя, по его словамъ, терпѣлись ихъ церковью единственно, чтобы не раздразнить изувѣровъ и не испугать безпоповцевъ.

— «Хорошій ты человѣкъ, Василій Ивановичъ, — вырывалось у него по временамъ, послѣ задушевной бесѣды, — и сказалъ бы я тебѣ одну вещь, да не приходится».

Фраза эта врѣзалась у меня въ памяти, — онъ ее раза четыре повторилъ въ шесть недѣль, что онъ у меня выжилъ, — но я не считалъ деликатнымъ выманивать у него тайну: очевидно, его тяготила неоткровенность со мною, кто онъ именно, — а нельзя было не догадываться, что такой умный и начитанный человѣкъ не можетъ не разыгрывать огромной роли между своими. Другое, что лежало у него на душѣ, — какъ я послѣ узналъ, — его московскія непріятности, дрязги между его товарищами, происки богачей, да и чуть-ли любовь сюда не замѣшалась, а любовь слѣдовало ему подавить...

Бакунинъ явился посмотрѣть любопытнаго старообрядца, котораго я, признаться, пряталъ, чтобъ избѣжать разгласки, а тѣмъ болѣе изъ боязни, что онъ, посмотря на пустозвонство нашихъ пріѣзжихъ, вынесетъ чрезвычайно дурное мнѣніе

о нашей партіи. Сколько помню, я не могъ утаить его только отъ князя Голицына, который, впрочемъ, мало имъ интересовался, да отъ жившихъ тогда въ Лондонѣ, Альбертини и помянутаго выше, 18-ти лѣтняго правовѣда, Ковальскаго, изучавшаго англійское право. Ковальскій пріѣхалъ въ Лондонъ очень краснымъ, — но, мальчикъ не глупый, наблюдательный и остроумный, онъ чрезвычайно скоро подмѣтилъ нашу несостоятельность, а сближеніе съ Бакунинымъ окончательно опошлило въ его глазахъ все революціонное. Бакунинъ на этотъ счетъ золотой человѣкъ, онъ хоть кого вылѣчитъ отъ охоты потрясать престолы. Еслибъ его пустить въ кружокъ самыхъ рьяныхъ нигилистовъ, въ какой нибудь комическій «Адъ» или въ «Организацію», страдавшую отсутствіемъ всякой организаціи, онъ бы въ мѣсяцъ довелъ ихъ до ненависти къ нигилизму. Альбертини личность безцвѣтная: у него убѣжденія мѣняются, смотря по тому, съ кѣмъ онъ говорилъ послѣдній разъ. Придетъ, бывало, ко мнѣ революціонеромъ, выйдетъ отъ меня реформаторомъ; зайдетъ къ Мартьянову и убѣдится во вредѣ высшихъ сословій, а ляжетъ спать легитимистомъ, потолковавъ съ Лугининымъ, приверженцемъ идей, которыя теперь проповѣдуетъ «Вѣсть». Альбертини, если его взять въ руки и никуда не пускать, чтобъ его кто не сбилъ съ толку, можетъ быть чрезвычайно полезнымъ публицистомъ. Пишетъ бойко, ясно и, главное, чрезвычайно проворно. Ему только намекнуть, — онъ самъ разовьетъ мысль и разовьетъ отлично.

Явился Бакунинъ. Онъ и прежде видался съ Поликарпомъ у Герцена, — но у Герцена, у принципала, державшаго его на уздѣ, ему нельзя было такъ развернуться, какъ у меня, и показать всѣ свои таланты. Помню, что онъ поднялся ко мнѣ въ кабинетъ, распѣвая во всю глотку какой-то тропарь, — это было captatio benevolentiae у старообрядца. Затѣмъ онъ сталъ какъ-то приторно дружески просить Поликарпа разъяснить ему въ назиданіе, какая разница между старообрядчествомъ и православіемъ, намекая, что и онъ самъ не прочь сдѣлаться старообрядцемъ, буде Поликарпъ убѣдитъ его въ правотѣ старой вѣры. Не понять этой грубой ловушки Поликарпъ не могъ; но, человѣкъ крайне деликатный, онъ пустился разсказывать ему обстоятельно о древне-русскомъ обрядѣ, о реформахъ Никона. — Бакунинъ ахалъ, удивлялся свѣдѣніямъ Поликарпа, поддакивалъ ему, приходилъ въ негодованіе на никоновскія нововведенія и, наконецъ, самъ, утомленной этой ненужной и позорной комедіей, сталъ просить Поликарпа давать ему уроки русской исторіи. Я даже фразу его запомнилъ: «да у васъ, батюшка Поликарпъ Петровичъ, я буду брать уроки русской исторіи! Вы знаете такія вещи, какихъ и въ книгахъ не найдешь!»

— «Нѣтъ, — отвѣчалъ вѣчно спокойный и обстоятельный Поликарпъ, — это напечатано въ «Исторіи о Древнихъ Стригольникахъ и Новыхъ Раскольникахъ», Іоанна Охтенскаго, на страницахъ такихъ-то первой части, потомъ въ книжкѣ господина Берга «Царствованіе Алексѣя Михайловича», на страницѣ такой-то, и еще въ «Исторіи Церкви Павла Бѣлокриницкаго...» и т. д., и т. д., съ перечисленіемъ всѣхъ источниковъ, по его обыкновенію.

— «Непремѣнно прочту, — у васъ, Кельсіевъ, навѣрно есть всѣ эти книги, вѣдь вы много надъ этимъ копастесь, — дайте мнѣ; надо, въ самомъ дѣлѣ, приняться за изученіе этого вопроса — вѣдь это дѣло не пустяковое, о спасеніи души идетъ, этимъ шутить нельзя!..» не унимался Бакунинъ и тутъ же, думая, что уже расположилъ къ себѣ Поликарпа, началъ также топорно рисовать ему какую-то картину возстанія, путалъ сюда и Пугачева, и Стеньку, и стрѣльцовъ, и Никиту Пустосвята, и еще не знаю кого, сдѣлалъ какой-то винегретъ, а изъ винегрета вышло торжество старообрядчества надъ православіемъ, такъ что и государь сдѣлался старообряд-

цемъ, и орденскіе кресты приняли осьмиконечную форму и... ну, и вышло что-то совсѣмъ невѣроятное и неожиданное, — какіе то туманы непроглядные.

Я краснѣлъ, Поликарпъ хлопалъ глазами, какъ въ чаду, маленькій Ковальскій посмѣивался въ кулакъ, прячась за книгой, — словомъ выходило скверно, а управы на Бакунина не было, — я былъ слишкомъ моложе его, чтобъ его останавливать, да и въ матеріальномъ отношеніи онъ отъ меня не зависѣлъ, какъ отъ Герцена. Наконецъ, онъ убрался, взявъ съ Поликарпа слово придти къ нему на чай. Какъ ни было это мнѣ не по сердцу, а пришлось отправляться, и въ назначенный день мы отправились. Небольшая квартирка его уже полнымъ была полна гостей; тутъ былъ и Мартьяновъ, и Ковальскій, и еще кажется кто-то, чуть ли не Альбертини. Накурено было до нельзя, разговоръ шелъ о политикѣ, о народѣ, о революціи, о монархіи и о республикѣ; всѣ говорили, никто не слушалъ, спорили, горячились, проводили къ задору самыя крайнія мнѣнія. Поликарпъ только руками разводилъ и какъ-то удивленно воскликивалъ по временамъ: «Да здѣсь судьбы міра рѣшаются!»... «Да! Каково! судьбы міра рѣшаются!» «Судьбы міра!» Ему въ первый разъ въ жизни случилось тогда присутствовать при подобной бесѣдѣ, и онъ никакъ не могъ отличить фразъ отъ дѣла. Онъ привыкъ спорить о догматахъ, но споры у догматахъ у людей вѣрующихъ производятся чинно, безъ шутокъ, безъ остротъ, безъ поминанья на каждомъ словѣ чорта, — а тутъ, вдругъ, его непривычныя уши услышали самое безцеремонное трактованіе политическихъ вопросовъ, съ которыми обходились запросто. Вдобавокъ, горячность спора изъ-за теорій и принциповъ новичковъ и простонародье сплошь и рядомъ пугаетъ, — имъ все кажется, что спорящіе перессорятся; они вовсе не понимаютъ, что споръ ведется вовсе не серьезно, а какъ препровожденіе времени, и что рѣшенія, къ которымъ пришли спорящіе, не обязываютъ ихъ ни къ чему. Что отъ тоста революціи, отъ проекта баррикады построить и гильотину завести — до дѣла еще больше, чѣмъ далеко. Эти споры — отдушники, предохранительные клапаны, — накричатся люди, напѣтушатся, отругаются всласть, — ну и легче имъ станетъ на недѣлю, на двѣ, благо душу отвели и благо утомились. А тамъ опять накипитъ всякой ерунды въ головѣ — опять, «соберутся, поговорятъ и разойдутся», какъ сказалъ Грибоѣдовъ. Кто много наблюдалъ за такими періодическими словоизверженіями пріятельскихъ кружковъ, тотъ хорошо знаетъ, какую оцѣнку слѣдуетъ давать этимъ буйнымъ возгласамъ, дерзкимъ планамъ и отчаяннымъ рѣшеніямъ, которыя на нихъ высказываются, и хорошо тоже знаетъ, какія мокрыя курицы на дѣлѣ и въ практической жизни эти террористы въ четырехъ стѣнахъ. — А было время, и весьма недавно, когда либералы 1825 и 1849 гг. каторгой платились за фразы, срывавшіяся у нихъ въ такихъ пріятельскихъ словопреніяхъ.

Поликарпъ былъ крайне смущенъ. Ему казалось, что онъ присутствовалъ чуть не на Конвентѣ, что приговоръ міру и порядкамъ его произнесенъ былъ не на шутку, и удивлялся моему равнодушію, когда мы возвращались домой. Дня два я не могъ убѣдить его, что тутъ нѣтъ ничего серьезнаго, а что люди упражнялись въ спорѣ только отъ скуки и чтобъ провѣрить свои взгляды, что никто изъ нихъ и не думаетъ даже объ осуществленіи высказанныхъ желаній, и что еслибъ кто и затѣялъ это, то средствъ къ тому не найдетъ. Поликарпъ только удивлялся. Наконецъ, я нашелъ argumentum ad hominem, который его успокоилъ. Я сравнилъ Бакунина и его гостей съ тѣми старообрядцами, которые, не понимая писанія, кричатъ, спорятъ, откапываютъ небывалыя ереси и мутятъ народъ, сами не зная ничего и ничего не только не собираясь, но даже и въ силахъ не будучи устроить. «Вотъ и между нами есть тоже раздорники, горланы, которые на насъ тѣнь бро-

саютъ. Насъ они въ грязь тянутъ своей глупостью, а сами людей смѣшатъ и въ соблазнъ вводятъ». Это онъ понялъ и тутъ же объявилъ, что, кромѣ Герцена, Огарева и меня, ему въ Лондонѣ никто не понравился.

Затѣмъ, мнѣ кажется, нечего болѣе прибавить къ разсказу о пребываніи Поликарпа въ Лондонѣ. Мы съ нимъ ничего не рѣшили насчетъ типографіи, потому что ему нужно было переговорить объ этомъ съ его пріятелями въ Москвѣ и достать тамъ капиталъ на подъемъ дѣла (6000 р. с. высчитали мы). Толковали мы, правда, о заведеніи въ Лондонѣ старообрядческаго подворья, съ перенесеніемъ туда ихъ митрополіи, — но, какъ это ни казалось намъ обоимъ и полезнымъ, и выгоднымъ — но проектъ былъ слишкомъ смѣлъ, чтобы мы сами считали его исполнимымъ. Я и упоминаю объ немъ только потому, что объ немъ послѣднее время говорилось въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Это была мечта, но никакъ не больше, хоть мечта и заманчивая. «Русскій Вѣстникъ» разсказываетъ еще, будто Поликарпъ рѣзко спорилъ съ Герценомъ — этого я что-то не помню; а что я хотѣлъ скрыть отъ него наше направленіе, не давая ему «Полярной Звѣзды» и «Съ того Берега», это значитъ, что я давалъ Поликарпу только тѣ книги, которыя онъ могъ понять по его образованію. Библіотеку мою онъ имѣлъ въ полномъ своемъ распоряженіи, могъ читать все, что хотѣлъ, но онъ почти ничего не читалъ, ничѣмъ не интересуясь, кромѣ богословія. Да и читаетъ онъ, какъ всѣ старообрядцы, очень медленно. Искусство легко и скоро читать развивается только на романахъ, а романъ онъ и всего одинъ, кажется, прочелъ, да и то не прочелъ, а выслушалъ отъ меня — «Гришу» Мельникова.

Наконецъ, пришли ему деньги изъ Москвы. Вексель былъ обернутъ въ клочокъ бумаги, на которой стояли цифры:

80	200	2
100	20	40
10	70	70
5	100	200
7	5	20
7	8	2
1		400
8		
300		
5		

— «Понимаете этотъ счетъ?» — спросилъ онъ меня.

Я подумалъ, подумалъ и догадался, что эти цифры должны означать церковныя буквы. Выходило: пріѣзжайте скорѣй в москву. — Поликарпъ сталъ собираться и прощаться.

Упустить его, значило потерять всѣ надежды. Оставить дѣло на его одного, — я боялся: кто мнѣ отвѣчалъ, что онъ не передумаетъ? Что проектъ нашъ найдетъ въ Москвѣ сочувствіе? — Я объявилъ ему, что я самъ поѣду въ Москву подвинуть дѣло; онъ сказалъ, что это, пожалуй, будетъ не худо. — Затѣмъ, взявъ съ него слово писать съ дороги и изъ Москвы, я проводилъ его на желѣзную дорогу, мы обнялись и — поѣздъ двинулся. Съ тѣхъ поръ я его не видалъ, а разстались мы искренними друзьями, и я былъ въ полной увѣренности, что у насъ есть въ Россіи ловкій и надежный другъ и пособникъ. Таково-же было и убѣжденіе Герцена и Огарева, при которомъ я говорилъ съ Поликарпомъ о моей предполагаемой поѣздкѣ. Бы-

валъ онъ у нихъ не часто, — во первыхъ, я не хотѣлъ, чтобы пошли толки объ его присутствіи въ Лондонѣ; второе, не хотѣлъ ставить его въ неловкое положеніе человѣка, слушающаго и не понимающаго, что говорятъ; а третье, я очень боялся, что какой нибудь красный, какихъ тогда развелось ужъ черечуръ много, нападетъ на него и заспоритъ о вѣрѣ. — Проще сказать, я инстинктивно понималъ, что у насъ неладно, но усердіе и фантазія заглушали голосъ разсудка еще почти цѣлыхъ два года и толкали меня на отчаянныя предпріятія.

Поѣздка въ Россію сдѣлалась моею любимою мечтою — отказаться отъ нея, было выше моихъ силъ. Тоска по родинѣ меня душила, незнакомство съ бытомъ народа и его истинными желаніями меня оскорбляло. Я очень хорошо перезнакомился въ Лондонѣ съ представителями либеральной партіи, но общее заключеніе мое объ нихъ было не въ ихъ пользу. Ни отъ нихъ, ни отъ Герцена съ Огаревымъ я никакъ не могъ добиться, чего именно нужно Россіи и какимъ путемъ слѣдуетъ достичь этого нужнаго. Слово «свобода» — слишкомъ широко, чтобы у него было опредѣленное значеніе, и поэтому оно, въ сущности, не имѣетъ рѣшительно никакого смысла. Крестьянскій и финансовые вопросы я плохо понималъ, и до сихъ поръ они какъ-то мало меня интересуютъ, но и въ нихъ было большое разногласіе между Огаревымъ и пріѣзжими. Свобода слова, гласный судъ, уничтоженіе тѣлеснаго наказанія, вѣротерпимость, естественное раздѣленіе губерній на историческихъ и этнографическихъ основаніяхъ, были мнѣ доступнѣе; а главное, что меня побуждало ѣхать, это — желаніе своими глазами убѣдиться въ нашихъ силахъ и въ возможности союза съ нами сектантовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, слыша постоянно отъ молодежи, что подготовка революціи у насъ идетъ такими быстрыми шагами, что народъ безсомнѣнно на нашей сторонѣ, я рѣшился или предотвратить взрывъ, или, если ужъ поздно, то направить его какъ нибудь потолковѣе. Вообще говоря, во мнѣ засѣло страстное желаніе посмотрѣть на Россію.

Герценъ меня не отговаривалъ, понявъ, что я уже не въ силахъ выносить долѣе искусъ, но ѣхать мнѣ все-таки нельзя было, за неимѣніемъ ни паспорта, ни денегъ. Паспортъ, впрочемъ, скоро явился: еще съ годъ тому назадъ я просилъ одного нахичеванскаго купца, армянина, имѣвшаго какія-то дѣла въ Лондонѣ, достать мнѣ паспортъ при помощи его цареградскихъ соотечественниковъ. Просилъ я его объ этомъ мимоходомъ, на всякій случай, и даже забылъ, что онъ обѣщался мнѣ устроить это дѣло, какъ вдругъ, нѣсколько дней спустя по отъѣздѣ Поликарпа, я получилъ съ почты пакетъ — и въ немъ паспортъ на имя цареградскаго уроженца sieur Vasili Jani: «Яни» — греческое сокращеніе моего отчества «Ивановъ». Осталось денегъ достать, а у меня какъ на грѣхъ тогда рублей болѣе ста не было. Просить у пріѣзжихъ — духу не хватало — скрѣпя сердце, обратился я къ Бакунину, великому мастеру собирать революціонныя контрибуціи, и дня черезъ три Бакунинъ объявилъ мнѣ, что онъ обдѣлалъ дѣло: 300 р. с. будутъ переданы Ничипоренкѣ въ Петербургѣ. Говорилъ мнѣ Бакунинъ, отъ кого онъ досталъ эту сумму, и видѣлъ я этого господина, даже благодарилъ его во имя «дѣла», но, признаться, на радостяхъ тутъ-же забылъ его имя, не русское и очень мудреное. Впрочемъ, оно должно быть въ показаніяхъ Ничипоренки. Затѣмъ я отправился въ турецкое посольство просить перемѣнить мой паспортъ, данный только въ Англію, на годный для разъѣздовъ по цѣлой Европѣ. Мнѣ надписали на немъ «bon pour les continents» этого было больше, чѣмъ нужно. Въ нидерландскомъ консульствѣ я визировалъ его на Голландію, думая въ Амстердамѣ визировать на Россію, такъ какъ я боялся имѣть дѣло съ нашимъ консульствомъ въ Лондонѣ.

Изъ Лондона я отправился въ Ротердамъ, изъ Ротердама въ Амстердамъ. Въ Амстердамѣ русскій консулъ сказалъ мнѣ, что онъ не имѣетъ права визировать паспорты, и что мнѣ за визой слѣдуетъ ѣхать въ Гагу. Гага была мнѣ не по дорогѣ, — я визировалъ у прусскаго консула и взялъ билетъ до Берлина, гдѣ въ русскомъ консульствѣ мнѣ визировали безъ всякихъ разспросовъ и остановокъ. Я поѣхалъ далѣе и, помнится, 2-го марта (1862) прибылъ въ Вержболово. Въ Вержболовѣ тоже никто не обратилъ на меня вниманія, но, какъ у меня въ сакѣ нашлись двѣ французскія книжки о Нидерландахъ, то ихъ отобрали и хотѣли препроводить въ цензурный комитетъ. Во избѣжаніе хлопотъ, я знаками заявилъ мое желаніе досмотрщику, чтобы онъ разорвалъ ихъ, что и было немедленно исполнено. По русски я не говорилъ въ Вержболовѣ, выдавая себя за иностранца, а именно за арнаута — я былъ увѣренъ, что никто не поймаетъ меня въ незнаніи этого языка. Изъ Вержболова мы двинулись въ Ковно, гдѣ и остановились, такъ какъ сообщеніе съ Динабургомъ еще не было открыто. Покуда всевозможные факторы предлагали намъ свои услуги, и мы дожидались дилижанса, ко мнѣ подошелъ одинъ англичанинъ и предложилъ — не хочу ли я доѣхать съ нимъ до Динабурга на курьерскихъ за половинные прогоны. Я, разумѣется, согласился. Это былъ курьеръ Foreign office, а меня онъ выбралъ потому, что слышалъ, какъ я съ однимъ попутчикомъ разговаривалъ по англійски. — На слѣдующій вечеръ мы были уже въ Динабургѣ, и я потерялъ его изъ виду на станціи желѣзной дороги, гдѣ взялъ билетъ третьяго класса, чтобъ имѣть случай потолковать съ простымъ народомъ. Вагонъ почти весь былъ занятъ этапными солдатами, возвращавшимися въ Петербургъ изъ Польши; съ ними было нѣсколько писарей. О полякахъ они отзывались, если не съ сочувствіемъ, то съ состраданіемъ, не одобряли поведенія нашихъ войскъ въ царствѣ, которыя грабили на улицахъ Варшавы прохожихъ, подъ предлогомъ срыванья запрещенныхъ уборовъ, — это я своими ушами слышалъ. Но тутъ же они замѣтили мнѣ, что мужики чрезвычайно были довольны демонстраціями, потому что пановъ за это арестовали. — «Когда мы вели арестантовъ, говорилъ мнѣ солдатъ, то мужики съ ума сходили отъ радости, и только одно и толковали: дай Боже, чтобъ и нашъ панъ во что нибудь замѣшался». Витебскій еврей, очень почтенный сѣдой старикъ пришелъ въ негодованіе, когда я сказалъ ему, что въ Европѣ ходитъ слухъ, будто евреи держатъ сторону поляковъ. «Зачѣмъ намъ поляки? зачѣмъ намъ Польша? — сердился онъ. — Русскій исправникъ меня грабитъ, становой меня грабитъ, каждый писарь меня грабитъ, — но у меня голова цѣла, и у жены моей голова цѣла, и у сына моего голова цѣла, и у дочери моей голова цѣла!» И онъ въ подтвержденіе своихъ словъ стучалъ себѣ пальцами въ голову на весь вагонъ. «А будетъ Польша — станутъ жидовъ вѣшать, жидовокъ вѣшать, дѣтей станутъ вѣшать — зачѣмъ намъ Польша! намъ не надо Польши! мы не хотимъ Польши!» Я ему замѣтилъ объ участіи евреевъ въ демонстраціяхъ — онъ расхохотался.

— «И вы этого не понимаете?»

— «Не понимаю...»

— «И не понимаете? Ну, я-же вамъ скажу, какъ это было. Пришелъ нашъ равинъ и первые люди, богатые купцы, къ князю Горчакову. Пришли и говорятъ: позвольте, ваше сіятельство, бунтовать намъ съ поляками. — А князь Горчаковъ говоритъ: зачѣмъ, говоритъ, вамъ бунтовать? Ну зачѣмъ же вамъ бунтовать? А они говорятъ: позвольте намъ бунтовать, ваше сіятельство, насъ поляки зовутъ бунтовать; ну, а если мы не пойдемъ бунтовать съ поляками, они насъ бить будутъ, и женъ нашихъ, и дѣтей нашихъ, и внуковъ нашихъ; такъ позвольте-же намъ, ваше сіятельство, бунтовать. Мы побунтуемъ, а вреда правительству этимъ не сдѣлаемъ,

всегда останемся за правительствомъ. — Ну, бунтуйте! сказалъ князь Горчаковъ. — Вотъ они теперь и бунтуютъ, а поляковъ все таки не держатся...»

Передаю этотъ разсказъ почти слово въ слово, такъ онъ хорошъ и такъ ясно очертилъ мнѣ тогда взаимныя отношенія евреевъ и поляковъ во время демонстрацій.

Въ Петербургѣ я думалъ остановиться не больше, какъ дня на два, чтобъ взять отъ Ничипоренки деньги и допросить его, нѣтъ-ли въ Петербургѣ замѣчательныхъ раскольниковъ, съ которыми стоило-бы сойтись, да сверхъ того, что дѣлаютъ Петербургскіе либералы. Адреса его я не зналъ, но зналъ, что его можно найти въ редакціи «Экономическаго Указателя», куда и отправился, найдя себѣ, послѣ долгихъ поисковъ, чистенькую комнатку на углу Большой Морской и Синяго Моста у какой-то нѣмки, державшей chambres garnies. Въ гостинницахъ я не рискнулъ остановиться; чистые номера были страшно дороги, а которые подешевле — отвратительно грязны, такъ грязны, что человѣку, обжившемуся въ Европѣ, даже войти въ нихъ страшно.

Ничипоренки я не засталъ и, чтобы не терять времени, отправился къ его другу и пріятелю Бени. Съ Бени мы до сихъ поръ не были особенно близки — я познакомился съ нимъ въ Лондонѣ, когда онъ былъ еще секретаремъ у какого-то лорда; потомъ видѣлся съ нимъ, когда золотопромышленникъ Томашевскій вывезъ его изъ Парижа, и они вмѣстѣ принялись составлять въ Лондонѣ компанію для разработки какого-то пріиска; простился я съ нимъ тамъ же, провожая его въ Сибирь. Въ Сибирь Бени не попалъ, потому что не поладилъ съ Томашевскимъ, который пріятельское обращеніе съ нимъ за границей, тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, измѣнилъ на высокомѣрно хозяйское — и Бени, одаренный отъ природы необыкновенною легкостью изученія языковъ, сдѣлался русскимъ литераторомъ, чѣмъ-бы и до сихъ поръ былъ, еслибъ мой пріѣздъ не погубилъ его вмѣстѣ съ другими. Даже и забыли мы въ Лондонѣ о существованіи Бени, какъ вдругъ, осенью 1860 года онъ опять очутился въ Лондонѣ. Случилось дѣло такое. Бени только что пріѣхалъ въ Россію, прямо попалъ въ кружокъ студентовъ и подобныхъ имъ горячихъ головъ и, разумѣется, не могъ не увлечься ихъ пыломъ — ему же было тогда что-то не больше 22-хъ лѣтъ. Въ азартѣ своемъ онъ тотчасъ же рѣшился выступить агитаторомъ, написалъ адресъ Государю съ просьбой о конституціи, или о чемъ-то въ родѣ конституціи, и отправился путешествовать по Россіи для собиранія подписей. Выставить впереди имена неизвѣстныя, какихъ нибудь студентовъ, было-бы неловко, надо было, чтобъ люди съ вѣсомъ подписались, а эти люди съ вѣсомъ боялись довѣриться неизвѣстному мальчику, котораго никто не зналъ, и который, не будучи самъ русскимъ, никакъ не могъ объяснить, почему онъ принимаетъ такое участіе въ русскихъ дѣлахъ. — А объясненіе-то было очень просто — онъ былъ крайне юнъ, у него не было національности и ему очень хотѣлось пристать къ какой нибудь. Въ самомъ дѣлѣ, отецъ его былъ итальянецъ, но сынъ, кажется, испанки; мать была нѣмка, но дочь француженки; а Артуръ Бени родился въ Польшѣ, жилъ въ Англіи, занимался медициной въ Парижѣ и сдѣлался русскимъ публицистомъ и агитаторомъ въ Петербургѣ, гдѣ его такъ обласкали, что онъ въ душѣ полюбилъ Россію, какъ свою родину, которой именно у него и не доставало. — Никто не соглашался подписать его адреса, пока Катковъ не подпишетъ, а Катковъ тогда былъ большимъ конституціонистомъ, и либералы смотрѣли на него, какъ на главу и на предводителя; за то-то Катковъ и повелъ такую ожесточенную борьбу противъ Герцена и Чернышевскаго, что они впослѣдствіи, свергли его съ этого пьедестала. Партіи образуются только изъ-за личностей. Бени явился къ Каткову: — Катковъ задумался. «Вѣдь не отъ себя-же вы дѣйствуете, наконецъ?» спросилъ онъ Бени. —

«Я агентъ Герцена», привралъ Бени, разсчитывая на поддержку въ Лондонѣ. — «Есть у васъ на это документъ какой-нибудь, — если есть, то я сейчасъ подпишу...» Документа у Бени не было, а еслибъ былъ, то, я думаю, адресъ-бы состоялся. Пришлось бѣдняку ѣхать въ Лондонъ за полномочіемъ — и полномочія онъ не получилъ, по нелюбви Герцена вести какую-нибудь агитацію. Положеніе интернаціональнаго юноши стало весьма не завидно: до самаго изгнанія изъ Россіи, на него не переставали смотрѣть, какъ на агента III-го Отдѣленія, и никакія усилія его друзей не могли вывести его изъ этого двусмысленнаго положенія.

Мы бросились на шею другъ другу, когда я вошелъ къ нему, и разговоръ нашъ сейчасъ свелся на «ты». Я такъ былъ истомленъ страхомъ, притворствомъ, тоской, что мнѣ необходимо было отвести душу съ кѣмъ нибудь, сочинить себѣ друга, за неимѣніемъ настоящаго. Оказалось, что Бени зналъ о моемъ пріѣздѣ, такъ какъ Ничипоренко, его большой пріятель, не скрывалъ, что ждетъ меня въ Петербургѣ, да и вообще Ничипоренко былъ, какъ оказалось послѣ, человѣкъ весьма ненадежный. Тщеславіе было главной пружиной всѣхъ его дѣйствій, и онъ вѣчно рисовался. Была мода на либеральничанье и на поношеніе дѣйствій правительства, и онъ франтилъ своимъ революціонерствомъ, играя роль какого-то заговорщика. Я зналъ его еще съ Коммерческаго училища, гдѣ онъ шелъ нѣсколькими классами ниже меня. За границей я узналъ, что онъ посѣщаетъ университетъ, славится между товарищами умомъ и краснотою своихъ убѣжденій; потомъ онъ сдѣлался постояннымъ корреспондентомъ «Колокола», и вообще его считали въ Петербургѣ однимъ изъ столповъ нашей партіи. Только связь съ Бени бросала на него тѣнь, но, къ чести Ничипоренки, онъ не порывалъ ее въ угоду общему мнѣнію. Съ Ничипоренко мы увидѣлись вечеромъ; онъ зашелъ къ Бени и тутъ-же сталъ звать меня ѣхать съ нимъ по разнымъ его знакомымъ. — Я отказался, — на рискъ я былъ готовъ, но рисковать изъ за чего нибудь и рисковать pour passer le temps двѣ вещи разныя. Я просилъ Ничипоренко собрать свѣдѣнія о петербургскихъ старообрядцахъ, — онъ уговорилъ меня ѣхать къ Максимову, извѣстному путешественнику по Архангельской губерніи и по Амуру, который, по его мнѣнію, могъ мнѣ сообщить много любопытнаго. О Максимовѣ я былъ высокаго мнѣнія, какъ объ этнографѣ, и, признаюсь, не могъ не поддаться соблазну знакомства съ нимъ. Кажется, въ тотъ же вечеръ мы и поѣхали къ нему съ Ничипоренкой.

Пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, обстоятельства перемѣнились, даже духъ общества сталъ совершенно другой, поэтому я не вижу причины бояться, что правительство захочетъ подымать старыя дѣла, что надѣлало-бы столько тревоги лицамъ, видѣвшимся тогда со мною. Съ полной вѣрой въ правительство, въ гуманность его, я откровенно излагаю все, что было.

Я строго запретилъ Ничипоренкѣ называть меня Кельсіевымъ. Довольно было, что я Янн, изслѣдователь раскола, только что возвратившійся изъ-за границы и собирающій свѣдѣнія о петербургскихъ и, вообще, сѣверныхъ сектантахъ. Еще могъ онъ говорить, что я прожилъ нѣсколько времени въ Лондонѣ, знаю хорошо Герцена, Огарева, Бакунина, что видѣлъ въ Лондонѣ какого-то старообрядца, ищущаго завязать сношенія съ партіей «Колокола» и т. п. Такъ мы и явились къ Максимову и такъ провели у него вечеръ; разговоръ вертѣлся, преимущественно, на его путешествіяхъ, — но свѣдѣній о раскольникахъ онъ сообщилъ мнѣ очень немного, потому что именно на политическое значеніе раскола онъ меньше всего обращалъ вниманія, какъ человѣкъ, по преимуществу, не политическій. «Если васъ это, впрочемъ, занимаетъ, сказалъ онъ, то самое лучшее, обратитесь къ Кожанчикову. Онъ теперь занимается изданіемъ книгъ о расколѣ и поэтому долженъ быть

въ сношеніяхъ съ представителями разныхъ согласій». Я поморщился на это новое знакомство, но Ничипоренко засуетился, затараторилъ и тутъ же рѣшилъ за меня, что мы завтра-же вечеромъ ѣдемъ къ Кожанчикову. Отказаться было и неловко, да и надо-же было добиться искомыхъ свѣдѣній. Сильно я сомнѣваюсь, что Ничипоренко не удержался разболтать и Максимову, и Кожанчикову о томъ, что я эмигрантъ. Такъ мнѣ казалось, по изысканно натянутому обращенію со мной и Максимова, и Кожанчикова, въ которомъ видна была смѣсь страха съ любопытствомъ, и по нѣкоторымъ словамъ, какія у нихъ прорывались, что мнѣ нечего бояться, что меня никто не выдастъ и тому подобное. Разумѣется, я не втягивалъ ихъ ни въ какія предпріятія, а просилъ только разузнать все, что можно о расколѣ и раскольникахъ. Вообще говоря, эти свиданія были такъ не важны, что даже подробности ихъ плохо сохранились у меня въ памяти, заслоненныя другими, имѣвшими для меня несравненно большій интересъ.

На третій день моего пріѣзда, зашелъ ко мнѣ Ничипоренко и объявилъ мнѣ, что я сегодня-же переѣзжаю къ Серно-Соловьевичамъ.

— «Зачѣмъ?» спросилъ я, уже до нельзя утомленный его суетливостью.

— «Они этого хотятъ, — они обидятся, если ты этого не сдѣлаешь, — здѣсь не безопасно, — имъ нужно съ тобой переговорить...» трещалъ Ничипоренко.

— «Да почемъ-же они знаютъ, что я здѣсь?»

— «Ну вотъ еще! Отъ нихъ-то еще скрывать!»

Проклялъ я его въ душѣ и все таки покорился. Долгое напряженіе силы воли въ дорогѣ, при переѣздѣ границы, при въѣздѣ въ Петербургъ, страхъ быть узнаннымъ на улицахъ кѣмъ нибудь изъ знакомыхъ, которыхъ у меня множество, вѣчное безпокойство, что каждый, кто на меня смотритъ, слѣдитъ за мной, — все это произвело реакцію, напряженіе исчезло и явилась какая-то покорность каждому внѣшнему толчку или внушенію. — Я разсчитался съ хозяйкой, записалъ ей свое имя и какой-то адрессъ, куда переѣзжаю, — и двинулся.

Николая Серно-Соловьевича я видалъ года два передъ тѣмъ въ Лондонѣ. Онъ былъ очень восторженный человѣкъ, очень не глупый, энергическій, всегда готовый на все честное и благородное и страстно любившій Россію. Понятно, что при такомъ характерѣ и при крайней молодости лѣтъ (ему было, кажется, всего 24 года), онъ не могъ не увлечься тогдашнимъ направленіемъ, но онъ увлекся имъ откровеннѣе и толковѣе другихъ. Онъ не скрывалъ отъ правительства, что принадлежитъ къ числу недовольныхъ, подавалъ записки Государю, печаталъ брошюры въ Лейпцигѣ подъ своимъ именемъ, — а на это не у каждаго хватило-бы духу, въ то время, когда всѣ и каждый прятались другъ за друга и показывали кукиши въ карманѣ. Наконецъ, онъ изучалъ пристально экономическіе вопросы Россіи, а это самое изученіе исключало его изъ ряда тогдашнихъ крикуновъ, которые ничего не знали, кромѣ своихъ утопій, и давало надежду, что изъ него выйдетъ современемъ полезный государственный дѣятель. Надежду эту я сохраняю до сихъ поръ, несмотря на его ссылку, причиненную гостепріимствомъ, которое онъ мнѣ оказалъ. Я твердо увѣренъ, что рано или поздно онъ будетъ возвращенъ и сдѣлается однимъ изъ полезнѣйшихъ членовъ правительства по министерству финансовъ или внутреннихъ дѣлъ. — Братъ его, Александръ, былъ человѣкъ больной, нервный, мрачный, не менѣе даровитый, но болѣе мягкій по характеру: въ немъ не было той неукротимой отваги Николая говорить правду въ глаза и не скрывать своихъ убѣжденій.

Оба брата приняли меня съ упрекомъ, что я не пріѣхалъ прямо къ нимъ, и предложили считать домъ ихъ своимъ, на все время пребыванія моего въ Петербургѣ.

Я разсказалъ имъ, что побудило меня сдѣлать эту поѣздку и чего я ищу. Александръ тотчасъ-же сказалъ, что онъ самъ уже сошелся съ петербургскими безпоповцами, и что непремѣнно и меня сведетъ съ ними, — чего я не могъ добиться ни отъ Ничипоренки, ни отъ Максимова, ни отъ Кожанчикова. — Разговоръ естественно перешелъ на Герцена. «Что онъ дѣлаетъ? — спрашивали меня, — какъ смотритъ на нынѣшнее движеніе, какъ ведетъ его, что организуетъ и кого поставилъ въ преводители?» Словомъ, они, какъ и всѣ либералы того времени, смотрѣли на Герцена, какъ на агитатора, и думали, что онъ основалъ тайное общество, къ которому они, если и не принадлежатъ, то единственно по недостатку довѣрія съ его стороны. — Я долго не могъ ихъ разубѣдить въ этой иллюзіи: нужно было подробно опредѣлить имъ характеръ и взглядъ Герцена, его направленіе, чтобы они поняли, почему онъ не хочетъ браться за «практическую дѣятельность», а ограничивается ролью пропагандиста и руководителя общественнымъ мнѣніемъ.

— «Но это ужасно!» вскричалъ Николай, понявъ, наконецъ, что я его не обманываю, — «тогда и мы погибли и, чего добраго, Россія погибнетъ съ нами!»

Я поблѣднѣлъ, услышавъ эти слова. Серно-Соловьевичъ формулировалъ въ ясныхъ и простыхъ словахъ мысль, которая мнѣ давно уже не давала покою, но которую я самъ боялся себѣ высказать. Онъ сразу пришелъ къ тому выводу, до котораго я не могъ дойти годами, — что движеніе, поднятое Герценомъ, вредно потому, что совершается безъ плану.

— «Что-же это значитъ? — продолжалъ онъ, какъ бы съ самимъ собою, откинувшись на диванѣ. — Это значитъ, что «Колоколъ» вызвалъ къ политической дѣятельности пропасть лучшихъ силъ образованнаго меньшинства, эти силы просятъ дѣла, работы, направленія, и ничего не находятъ, потому что Герценъ не хочетъ или не умѣетъ обуздывать ихъ и править ими. Теперь и понятно, почему у насъ такая разноголосица, что нѣтъ двухъ человѣкъ, согласныхъ въ принципахъ или въ цѣли. Теперь и понятно, почему молодежь бросается въ нелѣпыя теоріи и фантазіи, никого слушать не хочетъ, несетъ чушь и только компрометируетъ либераловъ, нося съ ними одно названіе. Это ужасно! Покуда весь этотъ хаосъ еще сдерживается вѣрою въ Герцена и готовностью идти въ огонь и въ воду по его слову, — а потеряй имя Герцена это обаяніе, какъ оно уже и теряетъ, тогда что выйдетъ? Выйдетъ, что мы между собой передеремся и тѣмъ потеряемъ силу, а потеряй мы силу, все отсталое, тупое, ретроградное подыметъ голову и начнетъ разрушать даже и то немногое хорошее, что теперь сдѣлано правительствомъ! А чего добраго, какъ отъ этого распаденія нашего, какая нибудь горсть дураковъ или энтузіастовъ затѣетъ революцію — что тогда будетъ? Тогда пиши пропало всему! Революція еще не совсѣмъ бѣда, когда ее ведутъ умные и честные люди — люди знакомые съ нуждами государства — ну, а пусть во главѣ ея станутъ дураки и интриганы — тогда и государство исчезнетъ».

Въ этихъ словахъ весь Серно-Соловьевичъ, какимъ я его видѣлъ пять лѣтъ тому назадъ, и за эти слова я почувствовалъ къ нему глубокое уваженіе, — это не былъ пустозвонъ, въ родѣ Ничипоренки и тысячи другихъ, безсмысленныхъ, по модѣ увлекавшихся движеніемъ. Онъ былъ прежде всего государственный человѣкъ, то есть разсчитывалъ, что полезно, и что вредно, не увлекаясь ни фразами, ни обаятельными призраками, ни фантастическою надеждою, что стоитъ только уничтожить все старое, чтобы все пошло, какъ по маслу. Правда, онъ былъ раздражителенъ, даже озлобленъ, сгоряча и у него срывались тогдашнія модныя фразы въ родѣ знаменитой, что «нужно все похерить», но стоило съ нимъ поговорить часа два, чтобы увидѣть глубокое пониманіе вопросовъ, подъ этой кажущейся революціонной діалектикой.

— «Вѣдь что бѣситъ? — говорилъ онъ. — Бѣситъ то, что при всемъ желаніи сдѣлать что нибудь путное, — ничего сдѣлать не можешь, потому что у насъ, кто въ лѣсъ, кто по дрова. Правительство и радо-бъ радехонько послѣдовать указаніямъ общественнаго мнѣнія, — а мнѣнія этого никакъ не уловить. Все перепуталось, никто другъ друга не понимаетъ. Требуютъ отъ правительства такихъ крайностей, какихъ оно даже выполнить не можетъ, — напримѣръ, отмѣны брака, которая даже человѣческаго смысла не имѣетъ. А правительство, прислушиваясь къ этимъ толкамъ и пугаясь революціонной декламаціи, становится втупикъ и теряетъ довѣріе и уваженіе къ общественному мнѣнію. Оно и радо-бы идти впередъ, да его пугаютъ, и оно со страхомъ вдается въ періодическія реакціи. — Экая досада, что Герценъ не понимаетъ своей роли и губитъ дѣло неумѣстнымъ церемонничаньемъ, что онъ внѣ всякой опасности!»

Послѣ многихъ толковъ и даже споровъ по отдѣльнымъ вопросамъ, мы пришли съ Николаемъ къ слѣдующему заключенію. — Въ государствѣ, какъ Россія, гдѣ нѣтъ ни свободы книгопечатанія, ни конституціи, правительство не можетъ знать, куда ему итти и что дѣлать. Нужно какое нибудь учрежденіе, которое доводилобы до него свѣдѣнія о потребностяхъ народа и общества, но было-бы въ то же время вполнѣ отъ него независимо, такъ какъ зависимость исключаетъ искренность. Этоже учрежденіе должно руководить общественнымъ мнѣніемъ, подталкивая отсталыхъ и сдерживая забѣгающихъ впередъ. Прежде чѣмъ заставить общество говорить о какихъ нибудь нуждахъ — напримѣръ, о потребности гласнаго судопроизводства, — о свободѣ вѣроисповѣданій и т. п. — оно само должно убѣдиться, дѣйствительно ли такая потребность существуетъ въ народѣ, а чтобы убѣдиться въ этомъ, оно должно было наводить справки, пуская слухъ, будто правительство само думаетъ ввести данное преобразованіе. Если слухъ хорошо примется — слѣдовало его поддерживать, разрабатывать вопросъ, сдѣлать его предметомъ толковъ такъ, чтобъ онъ, прежде чѣмъ правительство приступитъ къ его обсужденію, уже облекся бы въ положительныя формы, выработанныя общественнымъ мнѣніемъ. А если слухъ произвелъ дурное впечатлѣніе, если задуманная мѣра противурѣчитъ инстинктамъ народа, — то и оставить его въ покоѣ: на этомъ, я думалъ, можно разомъ покончить съ коммунистическими, революціонными и атеистическими утопіями.

Вѣдь правительство, говорили мы, вовсе не прочь послушать дѣльнаго совѣта и даже, въ первое время «Колокола», было отчасти благодарно Герцену за высказываемыя имъ горькія истины. Оно вовсе не консервативно по своимъ преданіямъ, оно вѣчный революціонеръ, только ведетъ революцію сверху, а не снизу. Отчего оно теперь начинаетъ пятиться? — оттого, что пугается идти за общественнымъ мнѣніемъ, которое мечется во всѣ стороны, сбивая его съ толку и теряя его уваженіе къ себѣ съ каждымъ днемъ. Вотъ почему, даже для правительства легче былобы имѣть дѣло съ толковой оппозиціей, съ серьезными, даже придирчивыми цензорами его дѣйствій, чѣмъ съ этой безсмысленной толпой крикуновъ и свѣжеиспеченныхъ доморощенныхъ революціонеровъ. Правительство выиграло-бы отъ умной оппозиціи — лучше съ умнымъ потерять, чѣмъ съ глупымъ найти, — вѣдь у него нѣтъ собственныхъ сословныхъ или династическихъ интересовъ, какъ въ Пруссіи или во Франціи; оно у насъ состоитъ изъ царской фамиліи, о правахъ которой никто и не споритъ, да изъ людей, достигшихъ высокаго положенія въ силу своихъ дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ заслугъ; а стать въ ряды этихъ людей никому у насъ не закрыта дорога, по крайней мѣрѣ de jure. Стало быть, по духу нашихъ учрежденій, правительство — это лучшіе люди того-же самаго общества, которое мы сами составляемъ, а будь это общество толково въ своихъ требованіяхъ, члены

его, входящіе въ составъ правительства, не могутъ не поддерживать этихъ требованій.

Разумѣется, во всемъ этомъ было много идеализаціи и теоретичности, но, сколько помню, ни отъ одного изъ тогдашнихъ либераловъ я не слышалъ плана дѣльнѣе и толковѣе, сочиненнаго нами съ Николаемъ Серно-Соловьевичемъ. — Да они даже ничего не сочиняли, ихъ безпокоили больше всего ихъ теоріи, да громкія фразы, — а серьезно подумать о государственныхъ отношеніяхъ — имъ и въ голову не приходило. Государь разбудилъ общество отъ долгаго сна, онъ самъ вызвалъ его къ обсужденію государственныхъ вопросовъ, — но больше онъ не могъ сдѣлать. Люди, никогда не думавшіе, не умѣли справиться ни съ мыслью, ни съ словомъ и заметались спросонья, какъ птицы, разбуженныя молніей въ глухую ночь. Много лѣтъ пройдетъ еще, пока наше общество станетъ такимъ-же трезвымъ и умѣреннымъ, какъ англійское.

Изъ проекта нашего вытекало само собой слѣдующее. Нужна была крѣпкая организація множества существовавшихъ тогда мелкихъ кружковъ, съ безусловнымъ подчиненіемъ ихъ кружкамъ губернскимъ, которые въ свою очередь должны были слѣпо повиноваться петербургскому, московскому, кіевскому и еще не помню теперь какимъ; но помню, что эти центры предполагалось устроить, сообразуясь съ географическими и этнографическими условіями. Тогда въ сильномъ ходу было ученіе «почвенниковъ», которое и я принималъ, соглашаясь, что потребности разныхъ частей государства не могутъ быть одинаковы, хотя Серно-Соловьевичъ держался французской школы, что что̀ разумно въ одной данной мѣстности, то пригодно и для всего земного шара. — Затѣмъ всѣ эти центральные кружки должны были подчиняться одному общему для всей Россіи, какъ-бы онъ ни сложился, въ видѣ ли періодическихъ съѣздовъ или въ видѣ постояннаго комитета, засѣдающаго въ Петербургѣ; главою-же и диктаторомъ его долженъ быть Герценъ.

Только Герценъ и могъ занять этотъ постъ. Его имя пользовалось безграничнымъ уваженіемъ, на него всѣ привыкли смотрѣть, какъ на вождя, ему каждый могъ подчиниться, не считая это униженіемъ. Онъ былъ внѣ моды, которая тогда выносила на пьедесталъ то Сухомлинова, то Павлова, то Костомарова, и свергала ихъ также неожиданно, какъ и возносила. Онъ не принадлежалъ ни къ какой школѣ, какъ Чернышевскій, Благосвѣтловъ, Достоевскій, Щегловъ. Онъ былъ слишкомъ далеко отъ Россіи, чтобы съ нимъ можно было имѣть личности. Онъ былъ въ безопасности, стало, никакіе аресты или преслѣдованія не могли отнять его у партіи. — Рѣшено было, что я употреблю всѣ мѣры для убѣжденія Герцена принять на себя эту должность и что не отстану отъ него до тѣхъ поръ, пока онъ не согласится. Я долженъ былъ представить ему всю опасность положенія Россіи, въ которой вызванное имъ-же самимъ движеніе, грозило принять необузданный характеръ и произвести или безсмысленную революцію, или, что не лучше, превратить прогрессивное правительство въ ретроградное. Кто ручался намъ тогда, что правительство, понявъ, наконецъ, что надъ нигилистами нѣтъ никакой управы, однимъ почеркомъ пера не усилило бы цензурныхъ строгостей, не закрыло-бы всѣхъ комитетовъ о реформахъ, словомъ не отняло-бы всего, что дало, что дало или хотѣло дать, и не возвратилось-бы къ страшной системѣ 1849–53? А это и было-бы, еслибъ «Молодая Россія» и пожары не повернули бы общественнаго мнѣнія въ другую сторону, разомъ уничтоживъ потребность въ предпринятой нами организаціи либераловъ. — Я не приверженецъ и не поклонникъ Каткова, у меня въ душѣ все-таки осталась, можетъ быть невольная, rancune, за его слишкомъ безцеремонное обхожденіе съ нами, за его неджентельменскіе поступки съ своими литературными вра-

гами, — но надо отдать ему честь, что онъ спасъ Россію и отъ нигилистовъ, и отъ реакціонеровъ, замѣнивъ предполагаемое тайное общество «Московскими Вѣдомостями», которыя долгое время были, въ самомъ дѣлѣ, тѣмъ посредникомъ между народомъ и правительствомъ, какимъ мы хотѣли сдѣлаться. Самый фактъ огромнаго вліянія «Московскихъ Вѣдомостей» показываетъ, что въ 1862 году была дѣйствительно потребность въ укрощеніи необузданныхъ либераловъ и въ разъясненіи истинныхъ стремленій и желаній людей трезвыхъ и понимающихъ государственные вопросы. Мы съ Серно-Соловьевичемъ чувствовали это раньше, говорили объ этомъ, когда никто еще даже и не думалъ, и если хотѣли достичь этого путями *незаконными*, то только потому, что не видѣли другого исхода. Журналистикой до катастрофы нечего и думать было пособить горю, — журналистика вся тогда превратилась въ какое-то гнусное поле для личной перебранки и литературныхъ доносовъ. Всѣ принципы осмѣивались въ ней, ни одна редакція не уважала другой и считала каждую дѣльную идею, появившуюся въ чужомъ изданіи, чуть не личной обидой. Положеніе было дѣйствительно «ужасное», какъ выражался бѣдный Серно-Соловьевичъ, и исходъ изъ него видѣлся только въ диктатурѣ Герцена — о диктатурѣ Каткова тогда и въ голову не могло придти, да и она никого не прельщала, потому что Катковъ, дѣлавшій литературные доносы и вырабатывавшій принципы не по убѣжденію, а изъ ненависти къ нападавшимъ на него нигилистамъ, — былъ вовсе не симпатичной личностью. Не мы съ Серно-Соловьевичемъ были виноваты въ нашихъ планахъ и въ совѣщаніяхъ, а духъ времени насъ толкалъ и горячая любовь къ Россіи руководила нами, — страхъ за ея будущность, недовѣріе къ своимъ и чужимъ, запутанность положенія, опасность катастрофы. Онъ стоялъ очень близко къ петербургскимъ либераламъ, я такъ же близко къ Лондонцамъ — и мы оба видѣли, что дѣло идетъ изъ рукъ вонъ плохо и грозитъ правительственной реакціей. Мы и протянули другъ другу руки, для спасенія будущности Россіи, потому что, кромѣ насъ, никто не заботился горячо объ этой будущности, — по крайней мѣрѣ, мы не видѣли, чтобы кто нибудь серьезно искалъ исхода изъ тогдашняго неопредѣленнаго положенія. Передъ закономъ мы преступники, — но совѣсть у насъ чиста: мы хотѣли спасти Россію и отъ революціи, и отъ реакціи, и исторія насъ оправдаетъ, хотя намъ не удалось осуществить нашего начинанія.

Осуществимъ-ли былъ нашъ замыселъ? — спрашивалъ я себя впослѣдствіи, перебирая дѣла минувшихъ дней, — и пришелъ къ отрицательному отвѣту: тайныя общества въ большихъ размѣрахъ кажутся мнѣ невозможными, если цѣль ихъ не такъ проста, какъ, напримѣръ, отдѣленіе Польши отъ Россіи, которую можно формулировать однимъ словомъ «Независимость» (Niepodległość), и если цѣль эта не поддерживается сочувствіемъ хоть мѣщанъ, ремесленниковъ, мелкихъ чиновниковъ и мелкой шляхты. У насъ же дѣло другое, — вопросы юридическіе, соціальные, экономическіе туго понимаются большинствомъ, а оно никогда не станетъ рисковать за то, чего ясно не понимаетъ, и въ чемъ, вдобавокъ, одинъ столькоже теряетъ, сколько другой выигрываетъ. За Кузьмой Мининымъ шли, какъ шли за какимъ нибудь расколо-учителемъ Антономъ Петровымъ, потому что знамя ихъ было общедоступно, — а за Пестелемъ не пошли. Нужно было понять, чего хочетъ Пестель, подумать нужно было, а понимать и думать дѣло не легкое, да къ тому же мысль исключаетъ увлеченіе. Что вѣрно относительно возстаній, то вѣрно и относительно тайныхъ обществъ. Откуда набрать понимающихъ агентовъ и членовъ для пропаганды такихъ сложныхъ идей, какъ современные принципы, на которыхъ зиждутся реформы? Какъ заставить дѣйствовать въ тактъ, отказаться отъ любимыхъ коньковъ, безусловно повиноваться центрамъ? Чѣмъ контролировать

ихъ дѣйствія и карать, въ случаѣ неповиновенія или предательства? Легко было полякамъ завести жандармовъ — у нихъ дѣло ясно: патріотъ — живи! измѣнникъ — умри! — А у насъ гдѣ критерій? и гдѣ исполнители, еслибъ даже и нашелся критерій, или былъ-бы какой высшій судъ? Сложные догматы, доступные только пониманію, несовмѣстны съ фанатизмомъ, потому что, гдѣ мысль, тамъ нѣтъ увлеченія, изслѣдованіе убиваетъ религіозную восторженность. Самая лучшая форма тайныхъ обществъ — масонство; но масонство опять таки секта, съ катихизисомъ, съ посвященіями, съ градаціями, — оно не примѣнимо у насъ къ политикѣ, потому что у насъ нѣтъ тайныхъ ученій и нельзя брать клятвы съ доктринера, что онъ не станетъ славянофиломъ, почвеникомъ или соціалистомъ. Езуитская система послушанія и взаимнаго надзора тоже не примѣнима при общемъ критическомъ настроеніи умовъ и при стремленіи къ сверженію всякихъ общественныхъ узъ, такъ рѣзко высказавшемся въ нигилизмѣ. Да, наконецъ, езуиты всѣ состоятъ на жалованьѣ ордена, что очень важно для подчиненія ихъ генералу, а догматъ ихъ тоже не хитеръ. — Я, признаюсь, много бумаги перемаралъ на проекты устава тайнаго общества — и ничего не вышло хоть мало-мальски практическаго. Вотъ у Маццини ловко выходило — Dio e Popolo! Долой нѣмцевъ! Долой тирановъ! Да будетъ Италія едина! — и не могъ даже самъ Маццини дать совѣта, какъ устроить у насъ то, что такъ легко устраивалось въ Италіи. Кто у насъ не думалъ въ тѣ времена о тайномъ обществѣ, лучшіе умы трудились надъ этимъ, не мы же одни съ Серно-Соловьевичемъ измышляли уставъ, — и все ничего не вышло. Кружки человѣкъ въ десять, много въ пятнадцать, возможны, и ихъ было, — да я думаю, и теперь есть, — множество. Но они безсильны уже просто потому, что въ каждомъ изъ нихъ разрабатываются свои собственные принципы, и что они теоретически расходятся между собою. Авторитетъ Герцена могъ ихъ подчинить себѣ, каждаго порознь, но заставить ихъ дѣйствовать совокупно, значило-бы перессорить ихъ. Они всѣ ненавидѣли фантастическихъ консерваторовъ (я сильно сомнѣваюсь, чтобъ у насъ были настоящіе консерваторы-ретрограды), но еще больше ненавидѣли другъ друга, доктринеры — почвениковъ, а нигилисты тѣхъ и другихъ. Ничего нельзя подѣлать въ Россіи незаконнымъ путемъ! не такое она государство, и не такъ идетъ ея странная исторія, которая самыя несчастія ея обращаетъ въ ея-же пользу, какъ Нарвское пораженіе, Наполеона, Севастополь, пожары, польское дѣло! Судьба Россіи — загадка, и можетъ быть, не совсѣмъ не правы наши сектанты, утверждающіе, что мы — «родъ избранный, земля пророческая».

Дней пять я прожилъ у Серно-Соловьевичей, задержанный ожиданіемъ случая познакомиться съ безпоповцами, и отправился въ Москву, разыскивать своего друга Поликарпа, на котораго я возлагалъ такія надежды, и о настоящемъ имени котораго я узналъ только въ Петербургѣ, отъ безпоповскаго инока знаменитаго Павла Прусскаго. Поликарпъ Петровичъ оказался — его преосвященствомъ епископомъ коломенскимъ, владыкою Пафнутіемъ!!! — Эпизодъ моего знакомства съ безпоповцами я разскажу ниже, по изложеніи всего, что я дѣлалъ до выѣзда изъ Россіи.

Безъ Ничипоренки дѣло и тутъ не обошлось. Кожанчикову нужно было ѣхать въ Москву, по своимъ книгопродавческимъ дѣламъ. Ничипоренко устроилъ, чтобы мы вмѣстѣ ѣхали. Не знаю, какъ Кожанчикову, а мнѣ это было крайне непріятно, потому что я имѣлъ право рисковать собою, но подводить кого подъ бѣду, безъ всякой надобности, было-бы даже нечестно. Но пришлось покориться — Кожанчиковъ былъ уже на станціи, а Ничипоренко взялъ за меня билетъ и отдалъ ему. Пріѣхавъ

вмѣстѣ въ Москву, пришлось и остановиться вмѣстѣ, въ Челышевскихъ номерахъ, противъ Большого театра, гдѣ Кожанчиковъ пробылъ дней пять, а я четыре недѣли. Всѣ разговоры мои съ Кожанчиковымъ вертѣлись на его издательской дѣятельности, на книжной торговлѣ, да на «литературщикахъ», какъ онъ окрестилъ либераловъ, которыхъ презиралъ и ненавидѣлъ до мозга костей своихъ за ихъ пустозвонство. Простолюдинъ по происхожденію, онъ зналъ жизнь не изъ книгъ, а по опыту, — онъ безъ всякой посторонней поддержки изъ крѣпостного сдѣлался книгопродавцемъ — издателемъ — и смотрѣлъ на вещи прямо. Паденіе нигилистовъ онъ предвидѣлъ и ждалъ его съ нетерпѣніемъ, вовсе не будучи по своимъ взглядамъ человѣкомъ отсталымъ или враждебнымъ прогрессу.

Первый визитъ мой въ Москвѣ сдѣланъ Ивану Ивановичу Шебаеву, лабазнику съ Лефортовской части, о которомъ мнѣ много говорилъ Поликарпъ, какъ о человѣкѣ современномъ, сочувствующемъ новому движенію. Еще до поѣздки моей въ Россію я далъ знать брату моему, находившемуся тогда въ Москвѣ, чтобы онъ познакомился съ Шебаевымъ, — это было мое чуть-ли ни единственное письмо къ брату изъ-за границы. — Отвѣта на него я не имѣлъ, но послѣ я узналъ, что братъ завязалъ знакомство и очень понравился кружку Шебаева, хотя никѣмъ въ немъ не сдѣлался.

Отыскавъ домъ и выслушавъ замѣчаніе лабазниковъ Гаврилова Переулка, что господина Шебаева нѣтъ, а есть тутъ купецъ Шебаевъ, я поднялся во второй этажъ и спросилъ Ивана Ивановича. — Вышелъ высокій молодой человѣкъ, въ долгополомъ сюртукѣ, брюки въ голенищахъ, большая русая борода и свѣтлые голубые глаза. Наружность у него была нервная, мягкая — это былъ поэтъ, мечтатель, человѣкъ, способный увлекаться всѣмъ загадочнымъ и выходящимъ изъ ряду обыкновеннаго. Я сразу понялъ, съ кѣмъ я имѣю дѣло.

— «Съ Иваномъ Ивановичемъ Шебаевымъ имѣю честь говорить?»

— «Я — съ.»

— «Очень радъ познакомиться. Мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ наединѣ, потрудитесь притворить двери.» — Мы были въ залѣ. Иванъ Ивановичъ вздрогнулъ и молча пошелъ затворять двери.

— «Скажите, пожалуста, гдѣ и какъ-бы мнѣ повидаться съ Поликарпомъ Петровичемъ, т. е. съ владыкой Пафнутіемъ...»

— «Какъ-съ? Я-съ не знаю-съ...»

— «Иванъ Ивановичъ, вы все знаете. Владыко вамъ все говорилъ, гдѣ онъ былъ послѣднее время, у кого жилъ, что затѣялось — довольно того, что я и объ васъ черезъ него знаю, онъ самъ поручилъ мнѣ обратиться къ вамъ, когда я буду въ Москвѣ, — меня зовутъ Василій Ивановичъ...»

— «Господинъ Кельсіевъ!»

— «Честь имѣю представиться!»

Что сдѣлалось съ Шебаевымъ, трудно разсказать. Онъ зашатался. Страхъ и радость съ быстротою молніи смѣнялись на его нервномъ лицѣ. Онъ всплескивалъ руками, бродилъ изъ угла въ уголъ, сажалъ меня, обнималъ, жалъ мнѣ руки — словомъ, не зналъ, что дѣлать. Наконецъ, вдругъ исчезъ и явился съ орѣхами, изюмомъ, пряниками и бутылкою хереса, сказавъ, что сейчасъ и самоваръ будетъ. Эти хозяйственныя хлопоты привели его въ себя, и онъ объяснилъ мнѣ, что владыка уѣхалъ по дѣламъ въ Кіевъ, сообщивъ ему и его пріятелямъ все, о чемъ мы говорили въ Лондонѣ. Что замыселъ этотъ почти никому неизвѣстенъ въ Москвѣ, что даже и открывать его опасно старикамъ, которыхъ и «умы не досягаютъ такой высоты», и что все надо обдѣлать в тихомолку, а для этого, самое лучшее будетъ, переговорить съ его пріятелями, которыхъ онъ завтра и пригласитъ къ себѣ.

Шебаевъ человѣкъ небольшаго ума, и не особенно сильнаго характера.

Это энтузіастъ, фантазеръ, вѣчно способный на увлеченія, вспыхивающій какъ солома при каждой новой и честной мысли, а особенно при каждомъ трудномъ и необыкновенномъ предпріятіи. Пафнутій и онъ были для меня первыми образчиками того новаго поколѣнія сектантовъ, которое покуда не имѣетъ еще голоса, но которое, лѣтъ черезъ двадцать, не преминетъ занять важную роль въ судьбахъ Россіи, — и потому не лишнимъ будетъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Основатели первыхъ нашихъ сектъ, дѣятели XVII-го вѣка, были невѣжды. — Въ ихъ сочиненіяхъ мало дѣльнаго и опредѣленнаго. Они одно только знали, что съ паденіемъ Цареграда, главенство надъ православнымъ міромъ перешло въ Россію вмѣстѣ съ двухглавымъ орломъ и съ царскимъ титуломъ. Народъ и до сихъ поръ вѣритъ, что Москва — третій Римъ (въ Италіи — ветхій Римъ, Цареградъ — новый Римъ, а Москва — третій), и что четвертому Риму не быть. Отъ этого Россія — Новый-Израиль, Родъ Избранный, Земля Пророческа, въ которой должны исполниться всѣ пророчества Ветхаго и Новаго Завѣта, изъ которой даже Антихристъ долженъ выдти, какъ Христосъ вышелъ изъ прежней Святой Земли. Представитель Православія, русскій царь, законнѣйшій государь на свѣтѣ, потому что онъ занимаетъ престолъ царя Константина. Одинъ древній народный стихъ, до сихъ поръ распѣваемый нищими, такъ говоритъ о Россіи и о ея царѣ:

Святорусь Земля — всѣмъ землямъ мати.
Оттого Святорусь Земля всѣмъ землямъ мати, —
Исповѣдуетъ вѣру крещеную,
Христіанскую, православную.

Святорусскій Царь — надъ царями царь,
Оттого Святорусскій Царь надъ царями царь, —
Онъ строитъ церкви соборныя,
Соборныя, богомольныя.
И всѣ цари, короли, мурзы ему поклонятся,
Всѣ царства подойдутъ подъ руку его. —

И народъ нашъ въ это слово вѣритъ, и во всемъ не въ шутку считаетъ себя первымъ народомъ на свѣтѣ. — Въ этомъ-то и лежитъ причина раскола. Никонъ и Петръ, вырывая плевелы, стали вырывать и пшеницу и оскорбили народную гордость. Неужели-жъ намъ, толковали первые старообрядцы, русскому народу, царству третьяго Рима, исправлять нашъ обрядъ и книги по греческимъ образцамъ, когда эти самые греки отвергнуты Богомъ за ихъ нечестіе и наклонность къ латинству, такъ что даже римская власть ихъ перешла изъ Цареграда въ Москву? Неужели же намъ православнымъ одѣваться и жить по нѣмецки, когда нѣмцы не только еретики, да еще сами не умѣютъ дома у себя управиться, а къ намъ на наши хлѣба лѣзутъ? — Трудно судить теперь Никона и Петра, но, несмотря на всѣ ихъ усилія, нельзя не видѣть, что ни церковь наша не похожа ни въ чемъ на греческую, ни бытъ нашъ государственный и общественный не сформировались по нѣмецки. Борода до сихъ поръ запрещается, національный нашъ крестъ ☩ — знамя русской народности отъ Авачи до Львова, до сихъ поръ въ забвеніи, наши народные праздники, обычаи, уборы въ пренебреженіи — но борода все растетъ, да растетъ, какъ ни брей ее, а народъ все помнитъ, да помнитъ свои особенности, какъ ни заглаживай ихъ. Расколъ взялъ на себя защиту всего стараго и народнаго, ударился при этомъ,

разумѣется, тоже въ крайности, доходя въ одну сторону до «странничества», а въ другую до молоканства, жидовства и скопчества. Пока православное духовенство и чиновничество, тѣснившее его, было невѣжественно — и онъ не заботился объ учености, — но, когда гонители его оказались людьми свѣдущими въ писаніи, и онъ пустился въ изслѣдованія, произведшія огромную рукописную литературу. Чѣмъ его били, тѣмъ и онъ отражалъ удары, слагаясь подъ ними въ выработанныя системы и развивая свои ученія въ подробностяхъ. Такъ наступилъ нынѣшній вѣкъ, царствованіе Александра Благословеннаго, вызвавшее тоже пробужденіе умовъ въ Россіи. Политика пошла въ ходъ, либеральныя идеи проникали въ общество, — угрюмые сектанты прислушивались къ нимъ, но мало имъ сочувствовали, считая ихъ навожденіемъ діявольскимъ и не видя, къ чему бы ихъ примѣнить. Но новое настроеніе общества не прекращалось, — идеи лились и лились и проникали силою въ массу сектантовъ. Настали сороковые года, министерство Перовскаго приняло суровыя мѣры для уничтоженія раскола; сектантовъ стѣснили; кто могъ бѣжалъ за границу; озлобленіе ихъ было доведено до крайности, и новыя идеи принялись мигомъ. Счастье правительства и Россіи, что тогда не было у насъ либераловъ и революціонеровъ — «мы бы всѣ поголовно встали тогда», говорили мнѣ раскольники, эмигрировавшіе въ Молдавію и въ Турцію въ это тяжелое для нихъ время. Но общество не откликнулось на ихъ либерализмъ, даже сочувствовало гоненіямъ, благо они изувѣрство искореняли, и раскольники покорились, тайкомъ устраивая Бѣлокриницкую митрополію. Прошла война, настало новое царствованіе, свѣжимъ воздухомъ пахнуло на всю Россію, всѣмъ стало вольнѣй, легче, старая система исчезала съ каждымъ днемъ, какъ листья осенью, — и прежніе либералы — сектанты, мигомъ успокоились и примирились съ правительствомъ; такъ довольны они были немногимъ, что имъ дано, и такъ счастливы, что не подвергаются уже большой опасности за соблюденіе своихъ обрядовъ. Но молодежь иначе стала смотрѣть на дѣло. Выросшая и воспитанная подъ вліяніемъ этихъ самыхъ либераловъ и критиковъ распоряженій правительства, она не могла удовольствоваться тѣми немногими послабленіями сектантамъ, которыя даже ничего имъ не гарантировали, потому что зависѣли отъ секретныхъ циркуляровъ, то есть имѣли, очевидно, только переходное значеніе. Молодое поколѣніе слишкомъ проникалось современными ученіями, чтобы не стремиться къ пріобрѣтенію тѣхъ-же гражданскихъ правъ, какими у насъ пользуются иностранныя исповѣданія. Антихристіанскія ученія и нигилизмъ не принялись въ немъ; но понятія о гражданской свободѣ, о вѣротерпимости, объ одинаковыхъ правахъ всѣхъ русскихъ, безъ различія вѣроисповѣданія, на государственную службу, — все это принялось близко къ сердцу. Со временемъ изъ этого поколѣнія образуется весьма сильный и полезный консервативный элементъ въ государствѣ, нѣчто въ родѣ англійскихъ dissenters, но въ 1862 году — когда я столкнулся съ нимъ — онъ былъ въ переходномъ положеніи. Шебаевъ и его немногочисленные товарищи были слишкомъ небогаты и слишкомъ молоды, чтобъ имѣть рѣшительный голосъ между своими, и потому стояли между двухъ огней; правительствомъ, которое ихъ терпѣло, на условіи, чтобъ не дѣлали «открытаго обнаруженія ереси», — и стариками, которые, покоясь на лаврахъ прежняго «мученичества и страданія за древнее благочестіе», — увеличивали свои капиталы и допускали кое кого изъ молодежи вмѣшиваться въ общественныя дѣла, на условіи не вводить ихъ въ хлопоты и не навлекать на «Христіанъ» новыхъ гоненій. Стало быть ни на правительство, ни на стариковъ считать было нечего. Оставались одни прогрессисты, которые толковали вѣчно о свободѣ, о правахъ человѣка, которые заискивали сближенія съ простымъ народомъ и казались молодымъ

сектантамъ реальною силою. «Мы, наша партія, нашъ голосъ, наше вліяніе», слышалось на каждомъ шагу, «мы сдѣлаемъ переворотъ, мы заставимъ правительство уступить намъ!» — и сектанты, скромные и робкіе, какъ все наше купечество, невольно дались въ обманъ и приняли эти кружки за силу въ государствѣ. Пафнутій, представитель поповщинской молодежи, точно также принималъ насъ за всемогущихъ дѣятелей, и потому заискивалъ нашей помощи. Шебаевъ и прочіе пошли по его слѣдамъ.

Итакъ, появленіе мое въ Москвѣ произвело на нихъ хорошее впечатлѣніе. Я казался имъ пророкомъ, призваннымъ разрубить Гордіевъ узелъ ихъ недоразумѣній — и они собрались слушать меня, но ихъ было всего трое: Шебаевъ, Семенъ Семенычъ, знаменитѣйшій изъ тогдашнихъ богослововъ поповщинскаго согласія, и Александръ С.*, человѣкъ ничѣмъ не замѣчательный, вялый, сантиментальный платонически любившій науку, прогресъ и свободу, одѣтый по европейски и выражавшійся изысканно. Съ первыхъ словъ я увидалъ, что они ровно ничего не понимаютъ въ политикѣ, даже не знаютъ, о чемъ дѣло идетъ. Они, напримѣръ, спрашивали у меня, когда назначена революція въ Россіи, кто будетъ президентомъ русской республики и т. п. нелѣпости или наивности. Сначала я думалъ, что они хитрятъ, вывѣдать у меня хотятъ, «какова я птица есмь и какого духу человѣкъ», но вскорѣ пришлось убѣдиться, что они просто на просто слышали, что звонятъ, да не знали, въ которомъ приходѣ. И революціи они вовсе не сочувствовали, они боялись ея, но имъ казалось, что ужъ если человѣкъ пріѣхалъ изъ Лондона, подвергаясь опасности, толковать о политикѣ съ ними, — то ужъ не иначе, какъ подбивать ихъ на бунтъ. Я для нихъ былъ звѣрь морской, птица — юстрица, и они меня созерцали со страхомъ, съ любопытствомъ и съ надеждой поживиться чѣмъ нибудь въ пользу ихъ церкви.

Крѣпко удивились они, когда я объявилъ имъ, что революціи не будетъ и не должно быть, и что главная цѣль моего пріѣзда и знакомства съ ними — предупрежденіе взрыва — устройствомъ правильной оппозиціи старымъ порядкамъ. Систему мою я имъ тутъ же изложилъ, но имъ она въ головы не лѣзла: они ожидали, что я буду вопить о крови, о цареубійствѣ, выну и разорву портретъ государя, — словомъ, они ничего не понимали, по своей неподготовленности къ политическимъ вопросамъ. Затѣмъ, я поднялъ вопросъ о печатаніи ихъ книгъ, — они сейчасъ же снабдили меня рукописями, — но крайне удивились, что у насъ нѣтъ средствъ на заведеніе типографіи. «Да вѣдь у васъ въ Лондонѣ милліоны — билліоны должны быть», говорили они мнѣ, и сильно потерялъ я въ ихъ глазахъ, намекнувъ, что, можетъ быть, имъ придется раскошеливаться. — «Мы люди небогатые, намъ это не по силамъ, кой-какъ торговлишкой своей промышляемъ, — надо за такимъ дѣломъ къ вельможамъ обратиться, это только они могутъ устроить». — И такимъ вельможей, человѣкомъ съ понятіемъ и просвѣщеніемъ, былъ, по ихъ мнѣнію, Кузьма Терентьевичъ Солдатенковъ; но онъ выѣхалъ незадолго передъ тѣмъ за границу.

Много труда и терпѣнья нужно было мнѣ, чтобъ растолковать имъ, чего намъ нужно отъ нихъ, и сильно я сомнѣваюсь, поняли они меня или нѣтъ, хотя я битыхъ четыре недѣли употребилъ на это втолкованье. Главное, чего я добивался отъ нихъ, какъ отъ людей, все-таки близко стоящихъ къ народу, какія реформы будутъ народу «пріятны» и какія нѣтъ? Не помню теперь хорошенько, но мы остановились на

* Я совершенно забылъ отечество и прозвище этого человѣка — моя память очень пострадала отъ солнечнаго удара (coup de soleil) въ Цареградѣ. Можно справиться объ его имени у автора «Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій», Русскій Вѣстникъ, Апрѣль 1867. Впрочемъ, этотъ Александръ С. — преничтожная личность. Пафнутій тоже хорошо его знаетъ.

семи статьяхъ: 1) свобода вѣроисповѣданія, 2) свобода слова, 3) гласный судъ, 4) сокращеніе срока военной службы, 5) борода, 6) усиленіе выборныхъ учрежденій и 7) кажется, Земскій Соборъ, съ голосомъ совѣщательнымъ, но не рѣшительнымъ, какъ въ западныхъ конституціяхъ, которыя, именно, всѣ и страдаютъ антагонизмомъ верховной власти съ народною, и которыя, будучи выкроены по англійскому образцу, нигдѣ не привели ни къ чему путному; за исключеніемъ самой Англіи, конституція которой имѣетъ смыслъ, потому что развилась исторически.

На второй недѣлѣ моего пребыванія въ Москвѣ я познакомился съ четвертымъ членомъ ихъ кружка, съ Александромъ Богомоловымъ (Богомолюбовымъ? Богохваловымъ? — что-то въ этомъ родѣ). — Я сидѣлъ у Шебаева, — къ другимъ я не ходилъ, и всѣ переговоры происходили преимущественно у Шебаева; съ нимъ, да и съ Семенъ Семенычемъ, — который, впрочемъ, ужъ и совсѣмъ не интересовался ничѣмъ, выходящимъ изъ сферы полемики съ безпоповцами, — сидѣлъ я у Шебаева и пилъ чай. Вошелъ какой-то купецъ, высокаго роста, рябоватый, съ строгимъ и пріятнымъ выраженіемъ лица. Я сейчасъ же сдѣлалъ видъ, что я какой нибудь писарь или канцелярист, пришедшій писать прошеніе или принесшій справку по дѣлу — это была моя постоянная уловка, при появленіи кого нибудь чужого. Набралось еще гостей, посидѣли, покалякали и ушли. Остался только Шебаевъ, я и высокій купецъ. Онъ внимательно всматривался въ меня.

— «Долгомъ считаю объясниться съ вами, Василій Ивановичъ, вдругъ заговорилъ онъ, — меня зовутъ Александръ Богомоловъ; можетъ, вы обо мнѣ слышали въ Лондонѣ отъ владыки Пафнутія?..»

— «Слышалъ и очень радъ познакомиться съ вами...»

— «А я-съ не хотѣлъ знакомиться съ вами и до сихъ поръ-бы не познакомился, но меня увѣрили, что вы вовсе не хотите крови и даже въ Москву инкогнито изволили пріѣхать, именно, за тѣмъ, чтобы кровь не пролилась. — Правда ли это?»

— «Само собой, разумѣется, правда!» — отвѣчалъ я, сильно удивленный такимъ приступомъ.

— «Позвольте же пожать вашу руку и попросить васъ къ себѣ завтра вечеромъ...»

— «Съ величайшемъ удовольствіемъ».

— «Ну-съ, а покуда до свиданія, — надѣюсь, что все останется въ тайнѣ». И онъ вышелъ, оставивъ меня въ крайнемъ недоумѣніи.

Я явился въ назначенное время. Самоваръ уже ждалъ меня на столѣ — безъ самовара слова не было сказано между мною и старообрядцами.

— «Позвольте спросить васъ, — сказалъ Богомоловъ, — какая есть сокровенная цѣль вашего пріѣзда сюда и обращенія къ нашей націи? (т. е. согласію)»

Я разсказалъ ему о положеніи Россіи, о духѣ партій, объ общей неурядицѣ, словомъ все, къ чему я пришелъ въ Лондонѣ и въ Петербургѣ, и затѣмъ объяснилъ ему роль, какую могъ-бы играть расколъ, какъ уже готовая организація (чего, именно, не доставало православнымъ) въ дѣлѣ указанія правительству путей, по которымъ ему слѣдуетъ идти для блага и величія Россіи. Я изложилъ ему мои семь пунктовъ, онъ обдумалъ ихъ и сказалъ, что это дѣло возможное и хорошее.

— «Мы это можемъ сдѣлать, дѣло благое и для правительства, и для народа — только ужъ вы, Василій Ивановичъ, не обидьтесь — сдѣлаемъ мы это, но безъ всякихъ сношеній съ Лондономъ...»

— «Отчего такъ?»

— «Не приходится-съ. Дѣло больно опасное, да и народъ загалдитъ, что мы съ вами спознались.»

— «Да вѣдь лучше же дѣйствовать сообща?»

— «Лучше оно точно, только не приходится-съ. Россію-то мы съ вами оба крѣпко любимъ, и оба видимъ одинаково, чѣмъ она больна, — да ваши-то не тѣмъ ее лѣчатъ, только дѣло путаютъ, сами же вы это изволили замѣтить. Такъ вотъ оно и подходитъ, кажись, время, когда опять Кузьма Миничъ Сухоруковъ понадобится, — вонъ и картина у меня виситъ, какъ онъ князю Пожарскому мечъ подаетъ, — вамъ эта исторія, полагаю, извѣстна. Такъ вотъ вамъ и спасибо, что вы не похожи на другихъ, а страху не побоялись, сами пришли опасность указать, — за это васъ всякій похвалитъ, честь вамъ и слава! А дѣловъ въ Лондонѣ вести все таки нельзя».

Чего я ни говорилъ, какъ я ни убѣждалъ — Богомоловъ стоялъ на своемъ и отказался отъ всякой переписки съ нами, даже не хотѣлъ больше видѣться со мною. — Признаюсь, я до сихъ поръ питаю огромное уваженіе къ этому истинно русскому и истинно благородному человѣку, готовому голову положить за рискъ свиданія, пойти съ «инкогнито», для предупрежденія междуусобицы. — Вотъ такими-то людьми вся земля и держится. Если они не перевелись, значитъ, есть у насъ еще и Сухоруки и Сусанины, значитъ, мы здоровый и крѣпкій народъ. О свиданіи съ Богомоловымъ, и что произошло въ это свиданіе, знали до сихъ поръ только я, Герценъ и Огаревъ.

На этомъ и кончаются мои сношенія съ московскими старообрядцами. Другихъ знакомствъ я не заводилъ, опасаясь наткнуться Богъ знаетъ на какихъ людей, да и всѣ мнѣ говорили, что старое поколѣніе какъ огня боится политики, а молодое слишкомъ зависимо отъ него, чтобы дѣйствовать самостоятельно. И такъ, большого труда стоило провести свои идеи въ кружкѣ Шебаева, чтобы пытаться пропагандировать ихъ далѣе. На этотъ кружокъ я расчитывалъ, какъ на зерно, изъ котораго образуются другіе, въ томъ же направленіи и, поручивъ Шебаеву стараться объ этомъ, а равно дѣйствовать и на безпоповцевъ въ томъ же смыслѣ, — я обѣщалъ ему переписываться съ нимъ, основать въ Лондонѣ газету для поддержки старообрядцевъ въ ихъ борьбѣ съ притѣсненіями полиціи, взялъ съ нихъ обѣщаніе достать денегъ на типографію — и уѣхалъ въ Петербургъ, въ полной надеждѣ, что поѣздка моя, во всякомъ случаѣ, была не напрасной, если даже такіе люди, какъ Богомоловъ, взялись за дѣло, хотя-бы и помимо насъ. Мнѣ не столько думалось о личномъ вліяніи, или о вліяніи Лондона, сколько о томъ, чтобы осмыслить движеніе и сдѣлать его полезнымъ. Ничто меня такъ не печалило, какъ доктринерство, порождавшее нигилизмъ. — Я тогда былъ почвенникомъ, и до сихъ поръ остаюсь имъ: Я слишкомъ много потерся между простонародьемъ, чтобы не убѣдиться, что многое прекрасное для Россіи, никуда не будетъ годиться для Турціи. Я слишкомъ хорошо изучилъ Молдавію, чтобъ не понять, какъ она бѣдствуетъ, именно, отъ тѣхъ порядковъ, которые французы считаютъ лучшими, и которыхъ добиваются ихъ либералы. Будущность Россіи зависитъ отъ пристальнѣйшаго изученія нашего народнаго быта, со всѣми его предразсудками, предубѣжденіями, и мудрость нашего правительства, какъ и всякаго другого, можетъ выразиться только въ разумныхъ уступкахъ этимъ «отеческимъ преданіямъ» и умѣньи пользоваться ими для веденія насъ впередъ. Не на бредняхъ своихъ оборвались наши нигилисты и доктринеры принциповъ 1789 года, — а на томъ, что ученіе ихъ было не популярно, что оно въ разрѣзъ шло съ нашимъ народнымъ характеромъ, изучить который они даже не постарались, — и великое мое счастье, что документы о раскольникахъ заставили меня приняться за это изученіе.

Но не съ одними раскольниками пришлось мнѣ возиться въ Москвѣ. Еще въ Лондонѣ, какъ я и говорилъ, у меня было задумано связать людей нашей партіи съ

сектантами, для взаимнаго обмѣна идей, новостей; для того, чтобы подвигать впередъ сектантовъ и обуздывать пылъ нашихъ. Въ Москвѣ былъ у меня братъ, котораго я думалъ сдѣлать моимъ агентомъ по сношенію съ старообрядцами, — но въ Петербургѣ я услышалъ, что его подозрѣваютъ, будто онъ агентъ III-го Отдѣленія! что меня поставило втупикъ; а въ Москвѣ я узналъ, что наканунѣ моего пріѣзда его увезли въ Верхотурье, за вмѣшательство въ студенческую исторію, и увезли безжалостно строго: полиціймейстеръ Сѣчинскій не позволилъ ему захватить ни шубы, ни бѣлья, и отправилъ его за Уралъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, въ одномъ ватномъ пальто!!!

Но былъ у меня въ Москвѣ знакомый, человѣкъ, слывшій очень умнымъ и одинъ изъ передовыхъ, — извѣстный библіофилъ Викторъ Ивановичъ Касаткинъ. На другой день по пріѣздѣ въ Москву, я отправился къ нему. Онъ еще спалъ — я подождалъ, пока онъ выйдетъ изъ спальни, и сильно боялся, что его слуга замѣтитъ его изумленіе и испугъ при видѣ меня. Дверь отворилась. Касаткинъ въ лицѣ даже не измѣнился, глазомъ не моргнулъ, спокойно протянулъ мнѣ руку и только спросилъ, какъ будто мы вчера видѣлись: «А, здравствуйте! какъ поживаете!» — Уже потомъ, когда мы остались одни, онъ далъ волю своему волненію, — не всякій имѣетъ такую завидную способность самообладанія.

Я разсказалъ Касаткину о Поликарпѣ, о цѣли моего пріѣзда, о переговорахъ съ Николаемъ Серно-Соловьевичемъ, — онъ не одобрилъ ни того, ни другого. По его мнѣнію, мнѣ вовсе не слѣдовало ѣздить въ Россію, а просто написать ему о желаніи старообрядцевъ сблизиться съ нами, — онъ даже заговорилъ, что я могу теперь возвратиться въ Лондонъ, такъ какъ онъ уже знаетъ, что мнѣ было нужно. Я не могъ согласиться съ его взглядомъ. Написать въ Москву я и самъ умѣлъ, но я не былъ увѣренъ, что сближеніе устроится также ловко помимо меня, уже нѣсколько лѣтъ думавшаго объ немъ, и что не приметъ ложнаго и даже вреднаго характера. Мое намѣреніе не уѣзжать изъ Москвы, пока не увижу, что пошло на ладъ, обидѣло Касаткина. Онъ началъ говорить, что я на себя навлекаю опасность и другими рискую, толковалъ мнѣ объ осторожности — и тутъ же пригласилъ обѣдать у Кокорева, въ его ресторанѣ, и совѣтовалъ побывать на публичныхъ чтеніяхъ. На счетъ диктаторства Герцена, онъ также неблагосклонно отозвался, говоря, что изъ-за границы невозможно вести русскихъ дѣлъ, что есть на это и въ самой Россіи люди дѣятельные, способные, что дѣло идетъ и безъ того какъ нельзя лучше, — но я ни какъ не могъ добиться, какъ оно идетъ, куда, съ какой цѣлью...

Можетъ быть, я и не правъ въ отношеніи Касаткина, можетъ быть, я дурно понимаю его, но онъ показался мнѣ, и до сихъ поръ кажется, человѣкомъ, страдающимъ болѣзненнымъ самолюбіемъ. Въ жизни ли что нибудь ему не удавалось, или желчный темпераментъ его заглушалъ голосъ разсудка, или просто онъ былъ избалованъ общимъ поклоненіемъ его уму и свѣдѣніямъ; — только Касаткинъ былъ очень высокаго о себѣ мнѣнія и ни съ кѣмъ себя не равнялъ. Всѣ предводители кружковъ считали себя призванными нѣкогда управлять судьбами Россіи, — я не видалъ ни одного предводителя хоть бы трехъ, четырехъ человѣкъ, который не мѣтилъ-бы хоть въ министры, и ни одного кружка, который бы не считалъ себя вліятельнѣйшемъ въ Россіи, — но въ Касаткинѣ это самолюбіе доходило, какъ я сказалъ, до болѣзненности. Мой пріѣздъ — былъ ему личнымъ оскорбленіемъ, посягательствомъ на его авторитетъ; мое стараніе сосредоточить движеніе въ руки Герцена — было бунтомъ въ глазахъ Касаткина. Онъ не преминулъ порисоваться мною, возилъ меня зачѣмъ-то къ князю Трубецкому, мировому посреднику и къ Афанасьеву (собирателю сказокъ), которые оба были его поклонники, но едва ли

серьезно мѣшались въ политику, — по крайней мѣрѣ, я не слыхалъ отъ нихъ ничего особеннаго, да и разговоры мои съ ними ограничивались общими фразами, бывшими тогда въ ходу. Оба они сильно переконфузились, когда Касаткинъ представилъ имъ меня, и ничего мнѣ не высказали, кромѣ сочувствія прогрессу и всему либеральному. Я согласился на знакомство съ ними, ожидая видѣть въ нихъ Богъ знаетъ какихъ дѣятелей и какіе умы, — а оказалось, что Трубецкой думалъ только о честномъ и щедромъ примѣненіи къ дворовымъ людямъ положеній 19-го февраля, а Афанасьевъ весь былъ пропитанъ jusqu' aux bouts des ongles, сказками, рѣдкими рукописями и рѣдкими изданіями. Кажется, Касаткинъ просто на просто эксплуатировалъ этихъ людей своимъ нравственнымъ перевѣсомъ надъ ними, силой ума и силой характера; князь Трубецкой былъ ему нуженъ по своей популярности между дворовыми, а Афанасьевъ, какъ обладатель драгоцѣннаго собранія рѣдкихъ книгъ и рукописей, могъ удовлетворить библіофильской страсти Касаткина. Больше онъ ни съ кѣмъ меня не знакомилъ, а знакомство съ княземъ Трубецкимъ и съ Афанасьевымъ едва ли не было сдѣлано съ цѣлью возвысить въ ихъ глазахъ свой собственный авторитетъ. — Впрочемъ, быть можетъ, я дурно понимаю Касаткина.

— «Мы все сдѣлаемъ, мы ничего не упустимъ», говорилъ онъ мнѣ, когда я приставалъ къ нему, чтобъ онъ и его пріятели немедленно бы начали дѣйствовать, — а между тѣмъ никто ничего не дѣлалъ. Я познакомилъ ихъ съ Шебаевымъ и съ Семеномъ Семеновичемъ. — Семенъ Семеновичъ тутъ же просилъ ихъ похлопотать о его паспортѣ, который былъ у него какъ-то не въ порядкѣ, какъ обыкновенно у крестьянъ. Небольшой трудъ было сдѣлать ему эту услугу, которая разомъ-бы показала имъ нашу силу и поставила бы въ зависимость отъ насъ, — обѣщали они и ни шагу не сдѣлали для Семена Семеновича. Касаткинъ былъ вѣчно занятъ своимъ изданіемъ, онъ вовсе не былъ дѣятелемъ, — онъ только себѣ и другимъ казался политическимъ человѣкомъ; а про князя Трубецкого и про Афанасьева и говорить даже нечего; они ужъ рѣшительно ни къ чему не были причастны.

Пребываніе мое въ Москвѣ злило Касаткина. Самолюбивый и мнительный, онъ все думалъ, что я подкапываюсь подъ его авторитетъ, что я хочу сдѣлаться главою движенія, и не разъ я замѣчалъ, какъ страшная внутренняя буря искажала черты его обыкновенно очень краснваго лица. «У насъ», ѣдко замѣчалъ онъ, «всѣ хотятъ быть головами, а никто не довольствуется оставаться въ хвостѣ». — Намекъ былъ ясенъ, но я принялъ за правило дѣлать видъ, что не понимаю; мнѣ нужно было сближать людей, и потому я считалъ себя обязаннымъ дѣлать всѣ уступки для избѣжанія личныхъ разрывовъ. — А тяжело было ладить съ этой самолюбивой и завистливой личностью: это онъ распустилъ слухъ, что Бени и братъ мой агенты III-го Отдѣленія: онъ не прощалъ никого, осмѣлившагося высунуться впередъ.

Было у него какое-то дѣло въ Петербургѣ — онъ уѣхалъ; я вздохнулъ свободнѣе, хоть и остался безъ той помощи, которую отъ него ожидалъ. Въ раздумьи я обратился къ князю Трубецкому, — тотъ, для того ли, чтобъ отъ меня отдѣлаться, или чувствуя себя не склоннымъ къ исполненію моихъ замысловъ, познакомилъ меня съ Козловымъ.

Козловъ былъ тоже кандидатъ въ министры, кружокъ его тоже состоялъ изъ двухъ человѣкъ (какіе-то Софони, Софіони? Софати? два брата греческаго происхожденія), но характеръ козловцевъ оказался совсѣмъ другимъ. Это были гегелисты въ поддевкахъ, говорили ужасно темно, къ каждому вопросу подступали свысока, разбирая его субъективно и объективно, — такъ что уши вяли. Чего они хотѣли и чѣмъ были недовольны, также остается въ тайнѣ, по крайней мѣрѣ для

меня. Говорили они много о своемъ значеніи, о популярности, намекали на свое вліяніе и связи, словомъ — несли ту-же околесицу, что и Касаткинъ и всѣ тогдашніе кружки — и ровно ничего не дѣлали. Однимъ только они заслуживали тогда мое искреннее уваженіе и мою еще болѣе искреннюю благодарность, — они напрямикъ объявили, что не способны толковать съ старообрядцами, потому что боятся испортить дѣло, не будучи въ состояніи скрывать своихъ высшихъ взглядовъ и отстать отъ мудреныхъ выраженій. Съ проектомъ моимъ дѣйствовать умѣренно, въ видахъ предотвращенія революціи и сближенія съ правительствомъ, — они тоже не сошлись, потому что я велъ дѣло ужъ очень просто, не вдаваясь ни въ какія логическія построенія и упуская субстанцію an sich u. für sich; но, опять-таки, рѣшились мнѣ помогать всѣми средствами и тутъ же обѣщали мнѣ добыть человѣка, годнаго быть связью между образованнымъ меньшинствомъ и старообрядцами — Петровскаго.

Петровскій, по своему характеру, — двойникъ Шебаева: та же готовность на все честное, та же способность увлечься всѣмъ выходящимъ изъ ряда обыкновеннаго, та же мягкость и податливость въ присутствіи болѣе сильной натуры. Эти люди рѣдко живутъ своей самостоятельной жизнью, они слишкомъ скромны и чисты, чтобы давать отпоръ чужому вліянію. Всѣ мистики таковы; таковы послѣдователи разныхъ фантастическихъ ученій: масоны, мормоны, хлысты, скопцы. Опасное, загадочное магнетизируетъ ихъ, и они не въ силахъ устоять противъ увлеченія, — они даже и сами сплошь и рядомъ вызываютъ таинственныя силы, чтобъ отдаться безусловно въ ихъ распоряженія. Библейская Ева, гётевская Гретхенъ, мотылекъ около свѣчки, дитя надъ озеромъ, — повтореніе одного и того-же типа, исполненнаго неудержимымъ влеченіемъ ко всему загадочному.

Петровскій въ восторгъ пришелъ, узнавъ, что я эмигрантъ, — и тутъ-же отдался въ мое распоряженіе, безусловно, беззавѣтно, душою и тѣломъ, не требуя ни награды, не выговаривая себѣ уступокъ. Идеи мои онъ принялъ и поставилъ себѣ въ законъ. На другой-же день я повезъ его къ Шебаеву; они сошлись, понравились другъ другу — и дѣло было сдѣлано: у меня былъ въ Москвѣ спеціальный агентъ, проводникъ между мною, старообрядцами и всевозможными кружками, агентъ, который ни на шагъ не вышелъ-бы изъ моихъ предписаній.

Оставалось сдѣлать еще одно. У старообрядцевъ всѣхъ толковъ огромнымъ вліяніемъ пользуются келейницы. Келейницы — это дѣвушки, отрекшіяся отъ брака, посвятившія себя молитвѣ, богоугоднымъ дѣламъ, — пожалуй, сплетнямъ, пересудамъ, разноскѣ вѣстей и всему прочему. Купчихи смотрятъ на нихъ съ большимъ уваженіемъ, откровенны съ ними, посвящаютъ ихъ во всѣ свои тайны и руководствуются ихъ совѣтами. — Я просилъ Шебаева познакомить меня съ ними; — но Шебаевъ объявилъ, что, «какъ-же онѣ будутъ знакомиться съ постороннимъ мущиною? — Вѣдь онѣ дѣвушки, невѣсты Христовы!»

Пришлось опять обратиться къ философамъ — и они тотчасъ-же познакомили меня съ Марьей Алексѣевной Челищевой, которую я и свозилъ къ Шебаеву, выдавъ ее передъ его матерью и братомъ (вовсе не посвященнымъ въ наши замыслы) за мою жену. — Челищева показалась мнѣ очень не глупою дѣвушкой, немножко экзальтированной; — но вполнѣ способной къ дѣлу я ее не считалъ; она тоже чересчуръ вдавалась въ философію, по примѣру своего наставника Козлова. Но дѣлать было нечего — пришлось пользоваться тѣми средствами, какія подъ рукой были.

Итакъ, все было сдѣлано, даже съ простонародьемъ успѣлъ я вдоволь наговориться, посѣщая харчевни, пивныя, кабаки. Я ничего не проповѣдывалъ, — я

больше выпытывалъ, что народъ думаетъ, и это опять убѣдило меня, что всякое возстаніе у насъ будетъ гибелью для образованнаго класса. Ненависть къ студентамъ границъ не знала, — народъ принялъ ихъ за сыновей помѣщиковъ, бунтовавшихъ противъ государя, зачѣмъ онъ отнялъ у нихъ крестьянъ. «Подымись они еще разъ, говорили мнѣ мои кабацкіе знакомые за косушкой водки, народъ ихъ всѣхъ перебьетъ, женъ и дѣтей ихъ не пощадитъ», — и это безъ всякаго вызова съ моей стороны, безъ высказыванія мною какого нибудь мнѣнія. Я выдавалъ себя обыкновенно за дворовaго человѣка, бывшаго камердинеромъ у барина и пріѣхавшаго въ Москву искать мѣста — «баринъ мой не въ силахъ теперь держать такую большую дворню, какая у насъ прежде была; вотъ мы теперь и ищемъ себѣ хлѣба». Меня въ этой бѣдѣ утѣшали: говорили, что царь далъ такія права дворовымъ, что — хочешь, бери землю, хочешь, не бери; а когда понадобится, такъ баринъ все равно долженъ будетъ надѣлъ дать и дворъ на свой счетъ поставить; — это меня одинъ дворовый утѣшалъ, совѣтуя мнѣ дѣтей моихъ пріучать къ сохѣ. Онъ самъ собирался тоже приняться за землю и не сегодня — завтра думалъ идти за этимъ къ посреднику. Слушатели поддакивали ему и одобряли его совѣтъ.

На страстной — пріѣхалъ Касаткинъ, уже окончательно злой, и привезъ неутѣшительное извѣстіе, что III-е Отдѣленіе знаетъ о моемъ пребываніи въ Москвѣ и что за мной слѣдитъ какой-то господинъ съ огромною русою бородой. Этому-то я плохо вѣрилъ, но и дѣло было у меня кончено, и Касаткина врагомъ дѣлать не слѣдовало, да, наконецъ, и въ самомъ дѣлѣ, дальнѣйшее пребываніе въ Москвѣ было и не нужно, и опасно: государственные люди in spe были народъ преболтливый. Я простился со всѣми и уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ пробылъ дня два, чтобъ попасть на границу въ самый разгаръ праздниковъ, когда таможенные чиновники должны быть побеззаботнѣе. Въ Петербургѣ я видѣлся только съ Серно-Соловьевичами и съ неизбѣжнымъ Ничипоренко. Серно-Соловьевичъ одобрилъ мой образъ дѣйствія въ Москвѣ, хотя и не сходился со мною по какимъ-то мелкимъ вопросамъ, и взялъ съ меня слово, что я настою у Герцена въ принятіи имъ званія предводителя. — Что самъ Серно-Соловьевичъ дѣлалъ — я не знаю, потому что не считалъ полезнымъ спрашивать. Анонимная система все таки самая лучшая въ подобныхъ дѣлахъ, и невмѣшательство одного члена въ дѣла другого — единственная гарантія безопасности. Ему нужно было дѣйствовать въ Петербургѣ, — мнѣ въ Лондонѣ, стало быть, всякіе разспросы и откровенности были тутъ не у мѣста.

На этомъ и кончается разсказъ о моемъ пребываніи въ Россіи. Я ничего не утаилъ, я изложилъ подробно и замыслы мои, и средства, къ которымъ я прибѣгалъ для осуществленія ихъ, — но я думаю, что показанія моихъ участниковъ, добытыя Слѣдственной Коммиссіей по этому дѣлу, сильно разнятся отъ моихъ. Допрашиваемые скрывали факты, выгораживали другъ друга, оправдывали себя, — дѣло было слишкомъ свѣжо, кара грозила имъ за сношенія со мною. Теперь, когда я пишу это, уже пять лѣтъ прошло со времени моей поѣздки, духъ общества, идеи, стремленія перемѣнились, — переизслѣдованіе дѣла было-бы даже безполезно, по крайней мѣрѣ, не принесло бы практической пользы... Но если оно необходимо, чего я не думаю, потому что даже польскія дѣла уже преданы забвенію, если правительство сочтетъ нужнымъ провѣрить мои показанія, — пусть оно сдѣлаетъ это, не тревожа моихъ бѣдныхъ соучастниковъ, которые и такъ ужъ трепещутъ теперь, узнавъ изъ газетъ о моей явкѣ съ повинной головой. Они слишкомъ много пострадались за свою вину, ихъ родные и друзья набрались слишкомъ много страху за нихъ; — пусть правительство черезъ агентовъ своихъ, не шумно, не гласно, провѣритъ это старое дѣло. Мнѣ легко было писать объ немъ, надежда на гуманность

правительства побуждала меня назвать ему по имени каждаго, съ кѣмъ я былъ въ сношеніяхъ, — но теперь, невольный страхъ щемитъ почему-то мнѣ душу и только вѣра въ безконечную доброту Государя удерживаетъ меня отъ искушенія уничтожить эти листы, пока они еще въ моихъ рукахъ. — Молю я Государя и правительство, пусть они пощадятъ этихъ бѣдныхъ, если нужно покарать кого — пусть вся кара обрушится на мою буйную голову.

Мнѣ остается еще разсказать о моихъ сношеніяхъ съ знаменитымъ безпоповскимъ наставникомъ Павломъ Прусскимъ, о устройствѣ контрабаднаго ввоза лондонскихъ изданій въ Россію, и о происшествіяхъ въ Лондонѣ, до послѣднихъ чиселъ августа 1862-го года, когда я уѣхалъ въ Турцію, — на этомъ и кончится настоящій отдѣлъ, самый длинный въ моей Исповѣди.

Я сказалъ, что я долго пробылъ въ Петербургѣ, потому-что искалъ случая познакомиться съ безпоповцами. Александръ Серно-Соловьевичъ еще до моего пріѣзда какъ-то сошелся съ однимъ безпоповцемъ изъ того новаго поколѣнія нашихъ сектантовъ, которое стыдится дикости и отсталости своихъ стариковъ и ищетъ случая показать, что оно вовсе не враждебно ни прогрессу, ни новымъ идеямъ. Сношенія Александра съ этимъ человѣкомъ не имѣли никакого политическаго характера. Онъ былъ приказчикъ въ Гостинномъ Дворѣ, у купца Бородина (Бородулина или что-то въ этомъ родѣ — жалѣю, что не могу припомнить имени этого честнаго человѣка) тоже безпоповца, торговавшаго, кажется, шляпками. Приказчикъ этотъ заходилъ въ книжный магазинъ Серно-Соловьевичей позаимствоваться новостями и достать книжку какую нибудь, для услажденія ума и сердца въ часы досуга. Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ и высказалъ мое намѣреніе познакомиться съ старообрядцами, Александръ тотчасъ-же вспомнилъ объ этомъ приказчикѣ и сталъ у него разспрашивать о петербургскихъ вліятельныхъ безпоповцахъ. Приказчикъ сообщилъ ему, что въ настоящее время находится здѣсь великій учитель, инокъ Павелъ, человѣкъ, которому слѣпо повинуется большинство ѳедосѣевцевъ. Не теряя времени, Александръ, при помощи приказчика, сошелся съ этимъ Бородулинымъ и сказалъ ему, что онъ хотѣлъ бы его познакомить съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который долго жилъ за границею, изучалъ тамъ богословіе — и всѣ вѣры наперечетъ знаетъ, т. е. со мною. Бородулина заинтересовала моя личность, и онъ назначилъ день, когда намъ къ нему пріѣхать.

Это былъ человѣкъ полный, вялый, неразговорчивый, жилъ холостякомъ, но одѣвался по европейски. Чтобы занять насъ, онъ велѣлъ своимъ приказчикамъ (въ пиджакахъ, съ англійскими проборами!) пѣть по крюковымъ нотамъ разные тропари, кондаки и стихиры, мотивъ которыхъ показался мнѣ тогда дикимъ; надо къ нему очень прислушаться, чтобы понять, отчего имъ такъ восторгаются старообрядцы. — Хозяинъ былъ меломанъ, пришлось покориться и часа съ два выдержать его пытку. Александръ однако не вытерпѣлъ. Онъ очень нервный, страдаетъ вдобавокъ желчью, въ этотъ день ему и такъ нездоровилось, а пѣніе окончательно подкосило его. Ему стало тошно, голова разболѣлась, лицо покраснѣло — и онъ уѣхалъ. — Я воспользовался этимъ минутнымъ замѣшательствомъ, чтобы свести разговоръ на вѣру, съ вѣры на наставниковъ, а съ наставниковъ на «великаго учителя, слава котораго прошла по всей вселенной и міръ наполнила своими трубными звуками, къ восхищенію его послѣдователей и къ великому горю и обличенію его противниковъ, ибо имя Павла Прусскаго даже дѣтямъ малымъ стало извѣстно во дни наши!» — Это я у Пафнутія выучился старообрядческому стилю.

Ивана Васильевича (такъ, помнится, звали хозяина) сильно заинтересовало, что мнѣ извѣстно не только существованіе, но даже ученіе и жизнь его любимаго наставника, и онъ не утерпѣлъ, что-бы не вывести его изъ задней комнаты. — Вошелъ человѣкъ высокаго росту, худой, черноволосый, лѣтъ 40 на видъ. Онъ былъ одѣтъ по монашески, то есть въ черномъ подрясникѣ, въ мантійкѣ (черная пелеринка съ красной оторочкой) и въ камилавкѣ, круглой шапочкѣ, съ мохнатымъ околышемъ — въ первый разъ увидѣлъ я тогда наше монашеское облаченіе доникоповскихъ временъ.

— «Войди, отче, войди, сядь, говорилъ Иванъ Васильевичъ, вотъ его милость про тебя тутъ разсказываетъ. — Это самый и есть у насъ отецъ Павелъ Прусскій, добавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.» Я съ большимъ вниманіемъ взглядывался въ этого человѣка, съ умнымъ вѣчно улыбающимся лицомъ, и съ черными, сверкающими глазами, полными жизни и мысли. Мы разговорились. Разговоръ естественно пошелъ объ ученіи Павла, что теперь не чувственный антихристъ правитъ міромъ, во образѣ государя, а только мысленный (духовный, идеальный, прообразовательный), а что чувственный еще придетъ при концѣ свѣта. Затѣмъ, онъ отвергалъ ученіе о переселеніи душъ (метампсихоза), такъ сильно развившееся въ безпоповскихъ толкахъ и составляющее основаніе догматовъ Божьихъ Людей (скопцовъ и хлыстовъ), а отчасти и Духовныхъ (духоборовъ и молоканъ); потомъ толковалъ, что съ тѣхъ поръ какъ священства нѣтъ на землѣ, потому что оно взято на небо, за отступничество русской церкви отъ православія при Никонѣ Патріархѣ, таинство брака все таки существуетъ, такъ какъ оно состоитъ не въ обрядѣ вѣнчанія, а въ самомъ актѣ супружескаго сожительства. — И этотъ разговоръ велъ не туда, куда мнѣ было нужно — мнѣ нужно было прямо высказать Павлу, кто я и чего я хочу, но за дверьми и въ дверяхъ стояла толпа приказчиковъ, сидѣльцевъ и мальчиковъ, созванныхъ нарочно хозяиномъ послушать Павла и нашъ диспутъ о вѣрѣ. Иванъ Васильевичъ поставилъ меня въ пренеловкое положеніе, вообразивъ, что я также основательно знаю святыхъ отецъ, какъ старообрядцы, и что я въ силѣ поддерживать разговоръ съ Павломъ.

Пришлось мѣнять тему, сводя ее съ богословія на политику, на свободу вѣроисповѣданія, на значеніе старообрядцевъ въ Россіи... Хозяинъ и Павелъ довольно сдержанно высказывались на этотъ счетъ. Я сообщилъ имъ, что поповцы уже мѣры принимаютъ къ этому, и помянулъ имъ, что мнѣ въ моихъ путешествіяхъ случалось встрѣтиться съ какимъ-то Поликарпомъ Петровичемъ (приказчиковъ уже не было, когда я это сказалъ), который говорилъ мнѣ, что поповцы очень озабочены ходомъ нынѣшнихъ событій.

— «Какой это Поликарпъ Петровичъ?» спросилъ Павелъ, пристально смотря на меня. «Маленькій, худенькій, блѣдный такой? многоглаголивый?»

— «Ну, вотъ этотъ самый!» — обрадовался я, видя, что, наконецъ, найду разгадку моему таинственному гостю.

— «Такъ это я тебѣ скажу — онъ такъ себя по мірскому назвалъ, а онъ у нихъ епископъ, владыко Пафнутій его зовутъ! Вотъ онъ что! Только ты на него не полагайся, и ему не вѣрь! Я всѣхъ и нашихъ, и ихнихъ знаю! Не такіе мы люди, чтобы и думать о государственныхъ дѣлахъ — намъ и того довольно, что намъ теперь малую малость дали. Наше дѣло больше о нажитѣ думать, чѣмъ о вѣрѣ, да объ ся пользахъ! Вотъ что! — А Пафнутій молодъ, горячка, крутить-мутить любитъ, а его никто не слушаетъ...»

Я принялъ эти слова за вражду между согласіями, — но дѣло было сдѣлано, и разговоръ принялъ нужный мнѣ оборотъ, и хозяинъ попросилъ насъ въ заднюю

комнату, понявъ, что я не спроста добивался свиданія съ Павломъ. – Было уже поздно, часовъ съ 10 вечера; завтра нужно было ѣхать въ Москву: – Я пошелъ на удалую.

– «Отецъ Павелъ, сказалъ я, я поведу дѣло на чистоту. Ты вѣдь здѣсь тайкомъ, съ чужимъ паспортомъ, на чужое имя, да еще и не русскимъ подданнымъ, хоть и въ Россіи родился. Ты мнѣ этого не говорилъ, отче, да вѣдь это само собой понимается. Такъ я тебѣ и скажу, что и я здѣсь на такомъ же положеніи: я не Яни, а Кельсіевъ, съ турецкимъ паспортомъ, а живу я въ Лондонѣ, гдѣ печатается все, чего въ Россіи нельзя печатать, и гдѣ добрыя люди стараются, чтобы не только вѣрамъ, но и народу всему свободнѣй стало. Вотъ я и пріѣхалъ повидаться съ послѣдователями Древле-Православнаго Благочестія и посовѣтоваться съ ними, что нужно, какъ сдѣлать, чего хотѣть и куда гнуть». – Затѣмъ я развилъ мои взгляды на роль, какую могли бы занять въ нашемъ движеніи старообрядцы, какъ уже готовыя организаціи. – Павелъ выслушалъ меня внимательно.

– «Ты искренній человѣкъ, – сказалъ онъ мнѣ, – и добра ты людямъ хочешь – это я вижу и понимаю. Только вотъ что я тебѣ по совѣсти скажу – и не думай ты, и не считай ты на нашихъ. Первое дѣло, мы не такіе люди, чтобъ заниматься царскими дѣлами и понимать ихъ – у насъ первое дѣло карманъ себѣ набить, а тамъ хоть весь свѣтъ пропадай; мы о мамонѣ больше, чѣмъ о вѣрѣ Христовой думаемъ. А другое – и леригія наша не позволяетъ намъ противъ начальства итти...»

– «Да постой, отче, не ты-ли жъ сейчасъ говорилъ, что нынѣшнее начальство предтечи антихристовы? Вѣдь и въ писаніи сказано, что въ нынѣшнія послѣднія времена вѣрные будутъ на Антихриста брань вести».

– «Говорилъ и говорить буду, да только все это понимать надо. Духовное – духовнымъ, а мірское – мірскимъ; Кесарю – Кесаревп, а Божіе – Богови. Мы и ведемъ съ ними брань, гдѣ вѣры коснется, – а въ мірскія дѣла ихъ мы не мѣшаемся. Въ житіяхъ нѣтъ примѣра, чтобы христіане бунтовали, да и святые отцы тому не учатъ».

– «Отецъ Павелъ, да вѣдь и я не на бунтъ же зову».

– «Понимаю я это, другъ, что не на бунтъ, – а все же противленіе властямъ выдетъ – это намъ не приходится, да и не нашего ума дѣло понимать, хорошо или не хорошо царь правитъ».

– «И даже полноправія вѣры вашей съ иностранными исповѣданіями не хотите?», – спросилъ я, видя, что ничего не подѣлаешь.

– «Хотѣлось бы, да покуда и того довольно, что теперь дали. Благо хоть не круто поступаютъ съ нами», – отвѣчалъ Павелъ.

– «А я вотъ что скажу, – заговорилъ Иванъ Васильевичъ, уклонявшійся до сихъ поръ отъ всякаго пренія, изъ уваженія къ Павлу. – Я скажу, что оно и для насъ хорошо, что есть въ Россіи господствующая церковь: это въ нашу пользу идетъ».

– «Это какъ?» – такого вывода я уже никакъ не ожидалъ.

– «А не будь ея – тогда-бы безбожники верхъ взяли и нашу бы даже вѣру разорили въ конецъ. Вонъ ихъ сколько теперь, этихъ фармазоновъ, развелось. Покуда есть синотъ, все хоть и неправая, да и, почитай, Христіанская вѣра держится, а отмѣнить его – такъ тутъ безбожникамъ, да что безбожникамъ! однимъ нѣмцамъ, что святыхъ-то не чтятъ, иконоборцамъ этимъ, будетъ такое приволье, что всѣ вѣры въ конецъ разорятъ и послѣднее благочестіе на землѣ переведутъ».

Съ какимъ бы уваженіемъ пожалъ я теперь руку этому Ивану Васильевичу!

Ни въ Москвѣ, ни въ Вержболовѣ, я не забывалъ о Павлѣ, которому обѣщалъ – безъ всякаго съ его стороны вызова, побывать у него въ Пруссіи.

Перейдя границу и добравшись до Столыпянъ, я отправился на югъ, къ Янсбурку (Johannisburg) и доѣхалъ до Филипонскихъ селъ, находящихся всего въ 25-ти верстахъ отъ Сувалокъ. Всѣхъ этихъ селъ восемь, постройка дворовъ полунѣмецкая, полумазурская, языкъ смѣсь русскаго съ мазурскимъ, такъ что съ непривычки филипоновъ даже понимать трудно, — но одежда русская. У нихъ въ первый разъ понялъ я, какую огромную силу распространенія русской народности носитъ въ себѣ расколъ! Большинство филипоновъ, а особливо филипонокъ, вовсе не русскіе, — а мазуры, даже литвины и даже нѣмцы, которыхъ наши раскольники перекрестили въ безпоповство. Цѣлыя семьи лютеранъ и католиковъ переходятъ въ расколъ, потому что простолюдина не удовлетворяетъ ни безобрядная, лишенная поэзіи кирка, ни костелъ съ латинскою мессой и съ высокомѣрнымъ распутнымъ ксендзомъ. Обращенія совершаются постоянно, и я видѣлъ множество такихъ прозелитовъ, въ русскомъ происхожденіи которыхъ каждый бы присягнулъ. Дай правительство поддержку расколу въ западномъ краѣ — онъ бы тамъ чудесъ надѣлалъ; вѣдь онъ ближе къ намъ, чѣмъ католичество и лютеранство, онъ только вѣтвь православной церкви, и вѣтвь прежде всего русская. А у насъ было запрещено даже евреевъ крестить въ старообрядчество, не говоря уже о нѣмцахъ или о полякахъ. Англичане, напротивъ, не пренебрегаютъ своими dissenters въ дѣлѣ усиленія своего вліянія и колонизаціи гдѣ нибудь въ Индіи или на мысѣ Доброй Надежды.

Три дня пробылъ я у Павла въ его монастырѣ подлѣ села Онуфріевки, и три дня толковали мы съ нимъ то о нашихъ стремленіяхъ, то о безпоповщинѣ. Я на него сильно не наступалъ, понявъ сразу, что онъ не выйдетъ изъ своей чисто богословской сферы; я довольствовался дать ему правильное понятіе объ насъ, настолько примирить его съ нашими тенденціями, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, не былъ врагомъ ихъ — остальное я откладывалъ въ неопредѣленное будущее, никакъ не ожидая, чтобы паденіе наше было такъ близко. Павелъ — личность чрезвычайно симпатичная, я не могъ къ нему не привязаться. Всю жизнь свою онъ посвятилъ борьбѣ съ изувѣрами, которые считаютъ царя воплощеніемъ сатаны и отвергаютъ законность и возможность брака, замѣняя его развратомъ. Много сдѣлалъ и дѣлаетъ этотъ человѣкъ добраго. Безпоповство его не имѣетъ ничего мрачнаго, отталкивающаго — его любящее сердце сглаживаетъ всѣ шероховатости раскола, и послѣдователи его, сколько я ихъ видалъ, невольно приняли отъ него эту гуманность и мягкость. Много разсказывалъ онъ мнѣ о своихъ трудахъ и борьбахъ съ изувѣрами, о затрудненіяхъ пріобрѣсти первое время послѣдователей, о недовѣріи, которымъ его встрѣчали — слезы навертывались у него на глазахъ, и ни одного рѣзкаго слова не высказалъ онъ о своихъ противникахъ, онъ жалѣлъ ихъ, но вражды и злобы къ нимъ у него не было. — Никогда не забуду я этихъ трехъ свѣтлыхъ дней, проведенныхъ мною въ его кельѣ, которая служитъ ему и библіотекой, и кабинетомъ, и изъ которой я могъ смотрѣть, сколько мнѣ было угодно, на все, происходившее въ смежной съ нею моленной.

Удивительные иноки молились въ ней. Смотря на нихъ, невольно забывалось, что живешь въ XIX-мъ вѣкѣ и находишься хоть и въ захолустьѣ, а все таки въ Пруссіи. Уставъ иноческаго житія соблюдается въ этомъ монастырѣ во всей первобытной строгости: не только пьянство, развратъ, мясная пища изгнаны изъ этихъ стѣнъ — бѣлья тамъ не мѣняютъ, пока оно не сгниваетъ на плечахъ, и мѣняютъ въ потьмахъ, оборотясь лицомъ въ уголъ, чтобы самымъ взглядомъ на свое собственное тѣло, похоть не зародилась въ сердцѣ. Штановъ не носятъ, чтобы не касаться голаго тѣла! Не моются и не чешутся изъ презрѣнія къ плоти, для умерщвленія ея.

Спятъ на голыхъ доскахъ, подкладывая полѣно подъ голову. — Зато и лица у нихъ, у всѣхъ, какого-то маслянисто-зеленоватаго цвѣта, волоса покрыты облакомъ пыли, отъ нихъ самихъ идетъ какой-то особенный горькій запахъ, по которому я и теперь за сажень узналъ-бы присутствіе такого монаха. И опять-таки, это вовсе не изувѣры, — это добрые и благочестивые люди, которые, возложивъ на себя обѣтъ, долгомъ считаютъ нести его, какъ слѣдуетъ, не дѣлая себѣ ни малѣйшихъ послабленій — изувѣрство и строгое соблюденіе буквы устава не совмѣстимы; изувѣрство капризъ, увлеченіе фантазіей, презрѣніе правилами, а въ этой иноческой жизни, какую велъ Сергій Радонежскій, Зосима, Саватій, Валаамъ, нѣтъ ничего фанатическаго. Свободное время иноки Павловы читаютъ святыхъ отцовъ и изучаютъ безпоповскихъ писателей. Часть ихъ отливаетъ также мѣдные кресты, которые такъ употребительны у старообрядцевъ, столярничаютъ, переплетничаютъ.

Переплетное заведеніе въ монастырѣ вызвано монастырской типографіей въ Янсбуркѣ, которою завѣдуетъ молодой ученикъ Павла, Константинъ Константиновъ Голубовъ. Павелъ завелъ ее, кажется, въ 1859 году на остатки отъ подаяній, получаемыхъ монастыремъ. Количество шрифта не велико, и онъ печатаетъ имъ небольшія сочиненія собственнаго пера, святцы, азбуки, а послѣднее время завелъ даже газетку. Къ несчастью, слогъ его крайне тяжелъ и напыщенъ, такъ что понять даже трудно, о чемъ у него идетъ дѣло. Типографія эта помѣщается у извѣстнаго Гонсеровскаго, поляка лютеранина, врага шляхты и приверженца Пруссіи, который изъ ненависти къ католикамъ, объявляетъ, что мазуры даже и не поляки и силится замѣнить ихъ славянскій языкъ нѣмецкимъ!

Капитала на развитіе этой типографіи у Павла не было, и онъ съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ моему намѣренію завести печатаніе старообрядческихъ сочиненій въ Лондонѣ. — «Все, пожалуйста, печатай, говорилъ онъ, какъ Пафнутій — и за насъ, и противъ насъ. Надо-же знать, на чемъ другіе основываются, и изъ за чего Церковь Христова разбита на расколы, да ереси. Бьешься-бьешься, чтобъ узнать хоть про вашихъ Никоніанъ, на чемъ вы стоите, — а попы ваши ничего дѣльнаго не написали, а что и написали, такъ не основательно. Доброе дѣло ты затѣялъ, выводи все на свѣжую воду, ничего не таи. Я самъ буду посылать тебѣ всякія рукописи, хоть и противу насъ написанныя...» Вотъ до какой степени и тогда еще въ 1862 году чувствовалась нужда въ изученіи Россіи, — въ народномъ самосознаніи, какъ теперь выражаются. Дѣйствительно, ни православная церковь, ни старообрядческія согласія, ни Духовные, ни Божьи, ни правительство съ обществомъ, никто не можетъ добиться толку, во что вѣруетъ нашъ народъ, разбитый на секты. Отрывочныхъ фактовъ собрано пропасть, но они, именно, по отрывочности-то своей ровно ничего не объясняютъ, какъ показанія нигилистовъ и революціонеровъ, тоже своего рода сектантовъ, не даютъ вѣрнаго понятія, ни о характерѣ нашихъ кружковъ, величаемыхъ тайными обществами, ни о ихъ стремленіяхъ. Счастливъ былъ бы я, еслибъ дожилъ до такого времени, когда правительство разрѣшило-бы написать исторію этого движенія, начиная съ 1855 и кончая хоть тѣмъ-же 1862-мъ, а я бы справился съ этимъ трудомъ, потому что сами участники этого движенія не утаили-бы отъ меня подробностей дѣла. Я такъ хорошо знаю ихъ jargon, ихъ манеры и замашки, что самое мое пониманіе ихъ заставитъ ихъ признаться мнѣ въ томъ, что никакой-бы страхъ наказанія у нихъ не вынудитъ.

Итакъ, хоть въ печатаніи старообрядческихъ книгъ я сошелся съ Павломъ, и онъ мнѣ тотчасъ-же далъ «Поморскіе Отвѣты» для печатанія. Стало, и эта моя поѣздка была не даромъ сдѣлана, стало, я не напрасно рисковалъ, вертясь около русской границы съ паспортомъ не въ порядкѣ. — Въ томъ, что типографія будетъ у

насъ въ Лондонѣ, я не сомнѣвался; значеніе Шебаевскаго кружка тогда еще не утратило въ моихъ глазахъ свою важность, и я былъ вполнѣ увѣренъ, что черезъ мѣсяцъ, много черезъ два, деньги на шрифтъ будутъ высланы, — что можетъ и было-бы, еслибъ не пожары и не арестъ Вѣтошникова. — Впрочемъ, надо и то сказать, что старообрядцы не чувствовали и не чувствуютъ особой надобности въ заведеніи типографіи. Литература у нихъ большая, но они любятъ печатать только то, что, по ихъ мнѣнію, можетъ вполнѣ выдержать критику; по этому каждый ихъ писатель, прежде чѣмъ выпуститъ изъ рукъ свое сочиненіе, разъ двадцать пересмотритъ его со своими пріятелями и разъ двадцать сократитъ и удлинитъ его по ихъ совѣту. Несмотря на такой античный способъ изданія, въ рѣдкомъ ихъ сочиненіи нѣтъ какой-нибудь главы, которую все согласіе не признавало-бы еретическою, и изъ за этой одной главы все сочиненіе остается подъ спудомъ, во избѣжаніе соблазна. Отъ этого, при всемъ богатствѣ ихъ литературы, въ ней очень мало классическихъ сочиненій, и хоть очень легко завести печатаніе въ Яссахъ, въ Цареградѣ, во Львовѣ, въ Черновцахъ — но они рѣдко пользуются этимъ удобствомъ, чтобъ не «сконфузпться». Поэтому мой планъ, печатанія въ Лондонѣ, вовсе не былъ вызванъ ихъ собственными потребностями, а былъ искусственно созданъ мною, и хоть былъ во всякомъ случаѣ полезенъ, какъ средство къ изученію Россіи, но могъ легко не найти себѣ сочувствія въ капиталистахъ, — а безъ «вельможъ» ничего и подѣлать нельзя было: — все это, разумѣется, я понялъ уже гораздо позже.

Тепло простились мы съ Павломъ. Мы шли разной дорогой, наши вѣрованія были діаметрально противуположны, но любовь къ людямъ была у насъ, у обоихъ единственной пружиной всѣхъ дѣйствій. Мы оба на все были готовы, только-бъ доброе сдѣлать. — Сѣренькій весенній день стоялъ на дворѣ. Въ почтовую карету лошадей закладывали, мы стояли съ Павломъ, опершись на заборъ, и потихоньку разговаривали о трудахъ и борьбѣ, которую намъ обоимъ приходилось испытывать, и съ которою я ужс такъ познакомился въ Москвѣ.

— Горько мнѣ стало, какъ я припомнилъ всю эту безтолочь. Въ рукахъ у меня было красное яйцо.

— «Знаешь что, отче, — сказалъ я въ тоскѣ, — кто хочетъ услужить людямъ, — согнуться въ три погибели долженъ передъ ними. Голоденъ человѣкъ — мало что ты принесешь ему яичко! Нѣтъ, ты-же его испеки, да ты-же облупи, разрѣжь, посоли, въ ротъ положи и въ ножки поклонись — попроси, чтобы скушалъ!»

— «Правда, твоя святая правда! — сказалъ Павелъ — ты до этого по себѣ дошелъ, а я тоже по себѣ. Въ разныя мы стороны идемъ, а видно сердца-то у насъ одинаковыя...» И у него навернулись слезы.

До сихъ поръ не могу я забыть этого инока съ огненными глазами, съ насмѣшливымъ лицомъ и съ сердцемъ, какихъ немного на свѣтѣ...

Иностранецъ, въѣзжающій въ Россію, отдаетъ свой паспортъ русскому правительству и получаетъ отъ него видъ на жительство а, когда нужно, — на выѣздъ за границу. Въ мартѣ 1862 года, когда я пріѣхалъ въ Россію, разнесся откуда-то слухъ, что этотъ порядокъ отмѣненъ, а что иностранцы могутъ и у насъ, какъ повсюду въ Европѣ, проживать съ своими національными паспортами и съ ними же выѣзжать за границу. Всѣ, кого я объ этомъ ни спрашивалъ, подтверждали этотъ слухъ, — а я былъ очень радъ не являться въ канцеляріи С. Петербургскаго или Московскаго генералъ-губернаторовъ, такъ какъ у нихъ, слышалъ я, служили мои товарищи по училищу, которые ужъ ни какъ-бы не преминули броситься мнѣ на шею и назвать

меня по фамиліи. Въ Петербургѣ паспортъ мой не былъ въ полиціи, въ Москвѣ тоже не былъ, а просто полежалъ въ конторѣ Челышевскихъ номеровъ, и я выѣхалъ съ нимъ назадъ, совершенно увѣренный, что задержки не будетъ.* — Къ великому моему ужасу и смущенію, на Вержболовской станціи я увидѣлъ, что у всѣхъ пассажировъ — нашъ вагонъ былъ весь изъ иностранцевъ — паспорты русскіе, а только у меня, да еще у какого-то нѣмца — подмастерья, національные. Покуда я съ нѣмцемъ объяснялъ члену таможни свое невѣдѣніе въ законахъ, и просилъ его снисхожденія, — поѣздъ ушелъ, а членъ объявилъ, что онъ не виноватъ, сдѣлать ничего не можетъ и совѣтывалъ намъ съ первымъ поѣздомъ отправиться въ Ковно и тамъ исправить нашу оплошность. Не знаю, какъ для нѣмца, а для меня не было ничего привлекательнаго въ такой поѣздкѣ, я и такъ уже измучился ожиданіемъ, что меня каждую секунду арестуютъ, а арестъ былъ-бы для меня сигналомъ смерти. Я твердо рѣшился никого не выдавать, а какъ это не совсѣмъ легко сдѣлать, и какъ мнѣ заодно грозила-бы или вѣчная тюрьма, или вѣчная каторга, то я былъ намѣренъ, первымъ осколкомъ стекла, заостреннаго оловянной пуговицей, чѣмъ попало, проколоть себѣ артеріи въ постелѣ, подъ одѣяломъ, — а если-бъ и это меня не убило, то доканать себя животнымъ магнетизмомъ (гипнотизмомъ), что, при моемъ нервномъ темпераментѣ, дня въ два можетъ довести меня до удара. Стало, выѣздъ изъ Россіи какъ можно поспѣшнѣй былъ для меня вопросомъ жизни и смерти, Гамлетовскимъ to be or not to be. Поэтому я съ большимъ участіемъ обратилъ вниманіе на какого-то солдата-еврея, который, во все время моихъ сознательно ненужныхъ объясненій съ членомъ, какъ-то удивительно подмигивалъ мнѣ, не шевеля ни однимъ мускуломъ лица, ни даже вѣками: — такъ подмигивать должно быть только онъ одинъ и умѣетъ, я другихъ подобныхъ фокусниковъ не видалъ.

— «Drei Rubel geben sie?» спросилъ онъ меня не слышно и не шевеля губами, когда я подошелъ къ нему, будто не обращая на него вниманія.

— «Ja wohl!»

— «So, warten sie nur». — И я остался ждать, отдаваясь въ руки судьбы, со всею покорностью усталаго.

Станція мало по малу опустѣла. Остался я, подмастерье, да еще какой-то господинъ въ бобрахъ, въ золотыхъ очкахъ, съ безконечными русыми баками. Еврей шнырялъ изъ двери въ дверь, издавая какъ-то беззвучно: Warten sie nur, warten sie! — Господинъ въ бобрахъ обратился ко мнѣ, по нѣмецки.

— «Васъ тоже задержали?»

— «А васъ задержали?»

— «Помилуйте, — заговорилъ онъ чуть не со слезами. — Я гамбургскій купецъ, у насъ большой торговый домъ, — векселя, сроки — я спѣшу — меня увѣрили, что мѣнять паспорта не нужно, — а теперь въ Ковно — я не знаю — сроки...»

— «Да, скверно, — подтвердилъ я, — я тоже спѣшу».

— «А вы кто такой?»

— «Кельнеръ, спѣшу въ Лондонъ на выставку, можетъ быть лонъ-лакеемъ удастся сдѣлаться...» Ужъ не знаю, почему мнѣ вздумалось назвать себя кельнеромъ.

— «Ахъ, какое счастье, что вы кельнеръ! Вы стало быть разные языки знаете! If you do speak english, — pray, — let the people do not understand us...»

— «I do». И разговоръ пошелъ по англійски.

---

* Фантастическіе страхи, которые я испыталъ при выѣздѣ изъ Россіи, разсказаны мною почти безъ измѣненія въ моей статьѣ «Психологическія Замѣтки», Отечественныя Записки, Февраль 1865. Я тамъ выставилъ себя бѣгущимъ пигилистомъ.

— «Предлагалъ вамъ этотъ солдатъ перевести васъ за границу?»

— «Три рубля проситъ», отвѣчалъ я.

— «И вы рѣшаетесь?»

— «А само собой — все-же лучше, чѣмъ терять время».

— «Я не знаю — можетъ, онъ обманетъ, можетъ, это опасно — поймаютъ — тюрьма — непріятности — Я не знаю на что рѣшиться. А вы рѣшились?»

— «Разумѣется, рѣшился! что-жъ больше дѣлать? По неволѣ прибѣгнешь къ его помощи».

— «Я не знаю — сроки — такъ это непріятно — мнѣ сказали, что не нужно мѣнять паспортъ — варварская сторона и варварскіе порядки! — И вы такъ-таки рѣшаетесь. Можетъ быть, у васъ есть кинжалъ или револьверъ?»

— «Ничего кромѣ перочиннаго ножа».

— «Да какъ-же безъ оружія?» — окончательно растерялся бѣдный купецъ.

— «Да что-жъ я сдѣлаю оружіемъ? Изъ маленькаго дѣла — уголовное. — Попадусь я просто — посадятъ въ тюрьму и выпустятъ, а попадусь вооруженный, только подозрѣніе возбужу...»

— «Правда, — но я не могу рѣшиться!»

Такъ онъ и не рѣшился, — и отправился куда-то ночевать.

Стало меркнуть. Зажгли лампы. Чиновники приходили пить чай и опять ушли... Часамъ къ десяти буфетъ опустѣлъ, огни погасли, только сальная свѣчка горѣла на стойкѣ. Повара, кельнеры, мѣнялы вышли вышить на сонъ грядущій. Съ ними явился какой то человѣкъ, угрюмаго вида, одѣтый, какъ наши нѣмцы — колонисты.

— «Вы отправляетесь тоже?» спросилъ онъ меня, пошептавшись съ подмастерьемъ.

— «Ja wohl».

— «Drei Rubel».

— «Gut».

— «Etwas später».

— «Gut».

— «Вы не бойтесь, — заговорили повара, кельнеры и мѣнялы — у насъ это дѣло привычное. Онъ хорошій человѣкъ и знаетъ это дѣло. У насъ это каждую почти ночь...»

Я отвѣчалъ, что вполнѣ полагаюсь на его опытность и безконечно обязанъ имъ за ободреніе. — Явился еврей, знаками показалъ, чтобы мы брали вещи и чтобы слѣдовали за нимъ. Онъ двинулся впередъ, за нимъ подмастерье, за подмастерьемъ, я, за мной нѣмецъ. — Тихо, чуть слышно шагая, прошли мы таможенное зало, какой-то коридоръ, какую-то комнату, держась другъ за друга въ темнотѣ и вышли на другую сторону станціи, спустились съ пристани и молча пошли по желѣзной дорогѣ переступая съ бревна на бревно. Ночь была темная, вѣтренная, облака клочьями неслись по небу, кое гдѣ мерцали звѣзды. Я оглянулся — огоньки Вержболова умалились, а Эйдкуненскіе становились съ минуты на минуту ярче. Шли минутъ съ десять.

— «Geld, bitte! Drei Rubel!» — прошепталъ вдругъ еврей. Я подалъ ему три ассигнаціи; подмастерье сдѣлалъ тоже самое. — Еще нѣсколько шаговъ прошли мы.

— «Кто идетъ?» послышалось въ темнотѣ, но какъ-то не громко, — Я поднялъ голову и различилъ часового въ тулупѣ и съ ружьемъ.

Еврей бросился къ нему.

— «И тише! И зачѣмъ кричать! Вотъ тебѣ рубль за одного; вотъ тебѣ рубль за другого; — самъ видишь — только двое, — я по совѣсти...»

— «Поди ты къ чорту, — ругался солдатъ, — и вы всѣ пошли! Ничего мнѣ не надо». И онъ взялъ ружье на перевѣсъ — штыкъ пришелся прямо противъ моей груди. Я стоялъ и ждалъ, что дальше будетъ, дѣлая видъ, что не знаю по русски. Ворочаться было-бы хуже, чѣмъ погибать на мосту.

— «И отчего-жъ не надо? И что тебѣ за польза не пускать?»

— «Провались ты, анаѳема! — жидъ проклятый! — Только въ бѣду попадешь съ вами! Покою ни одну ночь не даете. Пошли, пошли!»

— «И некогда съ тобой говорить, — трещалъ еврей. — Вотъ тебѣ рубль, вотъ другой. И конецъ. Marsch! Gehen sie! Gute Nacht!» — Но часовой все еще не перемѣнялъ положенія, хотя еврей и всунулъ ему въ руку двѣ бумажки. Евреи всегда насильно покупаютъ и людей, и товары, всовывая деньги такъ проворно, что и опомниться не дадутъ.

— «Ишь, проклятый, знаешь, что въ темнотѣ не разберетъ человѣкъ, какія ты бумажки далъ, можетъ и вовсе не деньги. Хоть бы серебра...»

Я, чтобы кончить дѣло, выхватилъ изъ жилетнаго кармана нѣсколько мелочи и сунулъ часовому.

— «Ну идите — пропадетъ человѣкъ за доброту свою, — ворчалъ онъ, сторонясь къ периламъ, — ни за грошъ пропадетъ! Вотъ анаѳемская-то служба!»

И тутъ-же ноги мои услышали, что круглыя русскія балки, по которымъ я ступалъ, кончились, а пошли тесанныя, прусскія, — и стало мнѣ грустно. Прощай, мать земля русская, сказалъ я себѣ, когда-то и какъ-то я опять увижу тебя! —

И вотъ черезъ пять лѣтъ, я не выдержалъ и явился въ нее арестантомъ, какъ ни страшно было рѣшиться на это.

Я нарочно подробно разсказалъ этотъ эпизодъ моей исторіи. Мнѣ хотѣлось показать, какъ безсильна наша сложная и дорогая паспортная система, а съ ней вмѣстѣ и охраненіе границъ нашихъ, противъ каждаго, даже не смѣльчака, имѣющаго интересъ въ нарушеніи ихъ. Тысячи поляковъ, арестантовъ, бродягъ, мошенниковъ, контрабандистовъ шныряетъ изъ Россіи за границу и изъ за границы въ Россію, не принимая, какъ я, никакихъ особенныхъ предосторожностей. Мелкія мошки, разумѣется, вязнутъ въ паутинѣ, но крупныхъ она не удерживаетъ.

Если она и удерживаетъ кого, то развѣ турецкихъ и австрійскихъ славянъ, особенно галичанъ, отъ сближенія съ нами и отъ переселенія въ Россію, а больше я не видалъ отъ нея пользы. Я не умѣю сказать, что нужно сдѣлать и чѣмъ замѣнить этотъ традиціонный порядокъ, — но замѣченный мною фактъ его несостоятельности я считаю обязанностью указать правительству. — Огоньки Эйдкунена все свѣтлѣли да свѣтлѣли. Я шелъ за проводникомъ, одѣтымъ по колонистски — еврей вернулся въ Вержболово. — Я невольно раздумывалъ, какъ это легко и дешево дѣлаются у насъ подобныя дѣла. Въ умѣ у меня немедленно мелькнула мысль воспользоваться этой кажущейся строгостью нашихъ пограничныхъ порядковъ. Я не могъ не смекнуть, что паспорты, заставы, стража — декораціи, холщевыя кулисы, которыя только издали кажутся лѣсами дремучими, горами непроходимыми, и что въ сущности они только отъ публики загораживаютъ актеровъ и машинистовъ, давая имъ возможность разучивать роли втихомолку, да подготовлять разные эффекты и превращенія.

— «Вы кто-же такой?» заговорилъ я съ этимъ колонистомъ, пока мы пробирались уже полями къ Эйдкунену.

— «Кирпичный мастеръ — при постройкѣ станцій работаю».

— «И часто вамъ приходится переводить путешественниковъ черезъ границу?»

— «Часто».

— «Я удивляюсь, какъ это удобно и хорошо у васъ заведено! — поддѣлывался я къ нему. — Вѣдь этакъ можно, я думаю, и товары разные переправлять на русскую сторону?»

— «Можно. Warum nicht! Только здѣсь это не совсѣмъ удобно».

— «Отчего-же?»

— «А вамъ нужно что нибудь переправить?»

— «Гм-н-да — еслибъ я нашелъ вѣрнаго человѣка...»

— «Большая вещь? — Большія вещи здѣсь тѣмъ неудобно, что русская таможня цѣлыхъ пять станцій осматриваетъ товары...»

— «Нѣтъ, у меня были-бы сундуки или ящики, такъ фута въ два длины, въ футъ ширины и въ футъ вышины».

— «А поменьше нельзя?»

— «Можно и поменьше, по футу длины...»

— «Тогда кондуктору можно отдавать, — а вамъ куда посылать?»

— «Гм — въ Петербургъ, напримѣръ».

— «Жаль, что не въ Ковно — впрочемъ изъ Ковно можно будетъ пересылать въ Петербургъ. А что у васъ будетъ въ этихъ ящикахъ? Оружіе, должно быть, порохъ?»

— «Ой нѣтъ! книги — газеты: вы знаете, какая цензура въ Россіи».

— «Такъ это пустяки — и я за это возьмусь».

— «И прекрасно — мнѣ очень пріятно вести съ вами дѣло, я ужъ имѣлъ случай убѣдиться въ вашей благонадежности. Обдумайте, что вы возьмете за ящикъ, — а мнѣ по два въ мѣсяцъ нужно будетъ высылать, и скажите мнѣ завтра, — а покуда, выпьемъ по кружкѣ пива, для начала знакомства».

И мы вошли въ гостинницу, гдѣ залы были полны всевозможными нѣмецкими пограничными и не пограничными чиновниками. — Никто не обратилъ на меня вниманія, — а сердце всетаки было не на мѣстѣ.

Утромъ мы сторговались. Выходило что-то около десяти процентовъ, если не меньше, съ огромнѣйшей кипы «Колокола» и прочихъ изданій. — Это было все же дешевле тогдашней цѣны ихъ въ Россіи, и давало возможность распространять ихъ сколько душѣ угодно. Я условился съ Германомъ, такъ, помнится, звали его, что онъ по первому вызову моему явится въ Кенигсбергъ, куда я собирался вызвать Серно-Соловьевича, такъ какъ улаживать это дѣло въ маленькомъ городкѣ значило бы обращать на себя вниманіе, — написалъ письмо женѣ, что я выѣхалъ изъ Россіи, но долженъ провести съ мѣсяцъ въ Пруссіи, — а поѣхалъ въ Столыпянъ, чтобы оттуда направиться къ Павлу. Изъ Столыпянъ я написалъ Серно-Соловьевичамъ письмо, по женскому адресу, что я напалъ на великолѣпный случай дешево купить кружева, блонды, мантильи и т. п. по цѣнѣ втрое дешевле Петербургской, и что, если-бы (эта дама) захотѣла открыть модный магазинъ, то она могла-бы пріѣхать къ такому-то числу въ Кенигсбергъ, найти въ отелѣ Deutsches Haus человѣка, который просилъ меня извѣстить ее объ этомъ. — Затѣмъ я побывалъ у Павла и къ назначенному числу уже былъ въ Кенигсбергѣ.

Дня три-четыре проскучалъ я въ этомъ городѣ, отъ скуки изучая тамошнихъ сектантовъ (Frei-evangelische Gemeinde), и уже думалъ, что придется ѣхать въ Лондонъ, не устроивши контрабанды, какъ вдругъ получилъ изъ Эйдкунена депешу отъ неизбѣжнаго Ничипоренки: «Я буду въ Берлинѣ. Будь готовъ на станціи въ такомъ часу.» Стало быть Серно-Соловьевичи поручили ему дѣло, и мнѣ остается только ѣхать далѣе, — я покорился судьбѣ: нельзя-же было устраивать контрабанду, не сговорясь съ получателями ея въ Петербургѣ.

Ничипоренко одобрительно пожалъ мнѣ руку и объявилъ, что онъ отправляется закусывать.

— «Да постой, — что-жъ мнѣ? брать билетъ въ Берлинъ и ѣхать съ тобой?»

— «Ну, разумѣется...» И онъ съ напускнымъ видомъ закаленнаго агитатора отправился въ столовую.

Я только руками развелъ.

Вагонъ полонъ былъ русскими, никто не былъ мнѣ знакомъ, Ничипоренко ораторствовалъ и удивлялъ всѣхъ умѣньемъ каждый пфенигъ и зильбергрошъ перекладывать на копѣйки съ вычисленіемъ даже курса... Переговорить съ нимъ удалось только на шестой или на седьмой станціи.

— «Да Серно-Соловьевичъ-то что-же?»

— «Пріѣдетъ — будь покоенъ».

— «Куда-жъ онъ пріѣдетъ?»

— «Сначала въ Кенигсбергъ, какъ ты назначилъ, а потомъ въ Берлинъ».

— «Такъ зачѣмъ-же ты меня вытащилъ изъ Кенигсберга».

— «Да вѣдь тебѣ все равно надо въ Берлинъ!»

— «Серно-Соловьевичъ поручилъ тебѣ телеграфировать и увезти меня?»

— «Нѣтъ, онъ этого не поручалъ — я думалъ...»

— «Я, Андрей Ивановичъ, думаю, что ты или глупъ непроходимо, или непроходимо не способенъ — и лучше-бы ты не совался, куда тебя не просятъ...»

Пришлось телеграфировать въ Кенигсбергъ, что я въ Берлинѣ. Воротиться я не могъ, потому-что денегъ не хватило-бы доѣхать до Лондона.

Прошло дней пять. Явился Александръ въ Берлинъ и, разумѣется, съ упреками. Больной, занятой, онъ все бросилъ по моему письму, даже денегъ мало съ собою взялъ, только до Кенигсберга...

Поѣхали мы съ нимъ въ Кенигсбергъ, телеграфировали Герману — отвѣта не было. Серно-Соловьевичъ злился, сомнѣвался въ успѣхѣ, винилъ меня, — словомъ, мнѣ пришлось очень жутко: и прусской полиціи страшно, и съ Александромъ ссориться нельзя, — я сдѣлалъ другой маневръ, завелъ себѣ фактора. Подъ видомъ изученія Кенигсберга, въ качествѣ любознательнаго путешественника, я узналъ отъ него все, что было нужно о контрабандистахъ.

Контрабанда въ Россію устроена въ этой части Пруссіи на такихъ прочныхъ и широкихъ основаніяхъ, что не то удивительно, если я затѣялъ примѣнить ее къ нашей пропагандѣ, а то, какъ не распорядительны было всѣ наши кружки и агитаторы, что въ семь лѣтъ (1855—62) своего существованія и словоизверженія не воспользовались ею для ввоза въ Россію запрещенныхъ изданій, которыми только и дышали — я не даромъ утверждаю, что эти люди виноваты только въ фразерствѣ, и исторія заклеймитъ ихъ названіемъ «неспособныхъ», тогда какъ правительство, о «неспособности» котораго столько кричали мы эти семь лѣтъ, оказалось очень ловкимъ и очень дѣятельнымъ.

Цѣлыя улицы новаго города заняты въ Кенигсбергѣ конторами, подъ вывѣсками Expedition et Commission. Въ окнахъ этихъ конторъ выставлены модели нагруженныхъ фуръ съ погонщикомъ и шестеркою лошадей. Конторы устроены очень прилично, тутъ и бухгалтеръ, и кассиръ, и экспедиторъ, и писцы, — касса, прессъ, прейскуранты — словомъ, все какъ слѣдуетъ. Я перебывалъ въ десяти, я думаю, подобныхъ завеленіяхъ, и разговоръ мой съ конторщиками или хозяевами былъ неизбѣжно слѣдующій:

— «Я-бы желалъ поговорить съ вами наединѣ?»

— «Вамъ переслать что нибудь нужно?»

— «Да. Только наединѣ...»

— «О не безпокойтесь — у насъ нѣтъ секретовъ, это наша профессія».

— «Понимаю — только товаръ мой...»

— «Оружіе, можетъ быть, или порохъ — мы привыкли къ этому — вы можете прямо говорить...»

— «Книги и газеты» — рѣшаюсь я наконецъ, оглядываясь по сторонамъ. А на меня никто вниманія не обращаетъ, такъ къ этому привыкли.

— «На какую сумму?»

— «Первый разъ талеровъ на сто».

— «Мы сдѣлаемъ сейчасъ-же контрактъ, дадимъ вамъ залогъ, съ тѣмъ, чтобы по доставкѣ на мѣсто было уплачено намъ столько-то процентовъ. Домъ нашъ извѣстенъ своею аккуратностью, пользуется отличною репутаціею и довѣріемъ негоціантовъ, — вы можете совершенно смѣло войти съ нами въ дѣла. — Если еще тѣнь сомнѣнія остается у васъ, — извольте просмотрѣть наши книги и корреспонденцію, справиться о насъ у такихъ-то негоціантовъ, и вы сами убѣдитесь, что имѣете дѣло съ порядочными людьми. Да, кромѣ того, намъ даже очень лестно содѣйствовать вамъ въ просвѣщеніи этихъ русскихъ свиней (я былъ тогда полякомъ) и въ разрушеніи ихъ варварскихъ законовъ о печати...»

Я ничего не преувеличиваю. Пусть кто либо изъ особъ, которыя прочтутъ мою исповѣдь, нарочно, проѣздомъ черезъ Кенигсбергъ (или Тильзитъ) зайдетъ въ первую Expedition et Commission и попробуетъ сдѣлать предложеніе провезти въ Россію что угодно — онъ непремѣнно услышитъ все это, — отъ него не потребуютъ рекомендацій и не будутъ стѣсняться, условливаясь съ нимъ, никѣмъ, ни даже полиціей. Контрабанда совершается въ гигантскихъ размѣрахъ, она сложилась въ правильный промыселъ, и если пріискивать средства унять ее — объ уничтоженіи и думать нечего, — то развѣ только изученіемъ ея на мѣстѣ. — Но для этого нужны ловкіе люди, люди бывалые, тертые, — а такихъ мало на службѣ... Тутъ волонтеры нужны, — а гдѣ у насъ ихъ набрать? у насъ переводятся съ каждымъ днемъ отважные люди въ родѣ казаковъ завоевателей Сибири и прежнихъ купцовъ, добиравшихся до Индіи и до Калифорніи — характеры замѣтно мельчаютъ, удаль и смѣтка убываетъ, а существуй теперь старое поколѣніе удальцовъ, сослужили-бы они службу правительству. Удалыхъ головъ на вольныхъ плечахъ мало осталось послѣ Петра, отвыкли люди отъ самостоятельной дѣятельности, а, если и спасло это насъ отъ революціи, то и губитъ трудностью добыть то, чему учатъ насъ столько лѣтъ нѣмецкіе, французскіе и польскіе публицисты — русскихъ агентовъ за границею, агентовъ на всякое дѣло, на всѣ руки, которымъ-бы и указывать было не нужно, что дѣлать и какъ дѣлать, которые-бы, попавъ въ бѣду или ошибку сдѣлавъ, не вводили-бы правительство ни въ хлопоты, ни въ отвѣтственность — сами-бы изъ воды сухи выходили. Будь у насъ такіе люди — а ихъ даже искусственно создать можно — не было-бы польскаго вопроса, да и Австрія съ Турціей едвали-бы существовали, — не говоря уже о какой нибудь контрабандѣ, фабрикаціи фальшивыхъ бумажекъ, католической пропагандѣ и тому подобныхъ мелочахъ. Нѣтъ у насъ человѣка, который сумѣлъ-бы отыскать и направить на путь такихъ дѣятелей.

Контрактъ былъ сдѣланъ, Александръ успокоился, и мы разъѣхались. Онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ долженъ былъ устроить складъ и пріискать адресъ, куда контрабандисту доставлять посылки, — а я прямо въ Лондонъ, черезъ Берлинъ и Гамбургъ. — Этимъ и заключилась моя поѣздка, не принесшая никакой пользы дѣлу и погубившая столькихъ человѣкъ. —

Въ Лондонѣ уже почти всѣ узнали, что я ѣздилъ не въ Италію, а въ Россію. Герценъ, Огаревъ и жена моя, разумѣется, молчали, но Бакунинъ не выдержалъ — нужно было шику задать нашей дѣятельностью и ловкостью. — Онъ разболталъ по секрету Мартьянову и Альбертини. Мартьяновъ только пуще озлился на меня, узнавъ, что я въ самомъ дѣлѣ въ связяхъ съ народомъ, а Альбертини надулся, что я не разсказалъ ему, съ кѣмъ я видѣлся въ Петербургѣ. Альбертини, какъ и всѣ тогдашніе диллетанты политики, чрезвычайно легко относился къ дѣлу и молчаніе объ именахъ, знать которыя ему не было ни малѣйшей нужды, принималъ за недовѣріе. Съ Бакунинымъ мы тоже не поладили — какъ было открывать все человѣку, который ничего скрывать не умѣетъ?

Но Герценъ и Огаревъ отнеслись серьезнѣе къ моей «Одиссеѣ», какъ они назвали мои похожденія. Они ясно поняли, что хотя, строго говоря, и ничего не было сдѣлано — но задатки были положены прочные, и что движеніе, поддерживаемое ими, грозитъ или революціей, или реакціей, если не будетъ приведено въ систему. Я горячо адвокатствовалъ за диктаторство — это было sine qua non при тогдашнемъ положеніи дѣлъ — и указывалъ имъ, что если они не возьмутся управлять, то все ихъ значеніе попадетъ въ руки перваго удальца, болѣе смѣлаго, чѣмъ толковаго, который поведетъ молодежь на улицы, отдастъ ее на убой черни и заставитъ правительство распорядиться по французски — разстрѣливать en masse. А что такой господинъ могъ явиться тогда, было внѣ всякаго сомнѣнія: всѣ кружки чувствовали потребность въ организаціи и въ солидарности — одного ловкаго человѣка нужно было, чтобъ подчинить ихъ себѣ каждый порознь и, не раздражая самолюбія и честолюбія вожаковъ, заставить ихъ всѣхъ плясать по своей дудкѣ. Будь наши тогдашніе вожаки по-распорядительнѣй, займись дѣломъ организаціи, какъ слѣдуетъ, разъѣзжай по Россіи изъ конца въ конецъ, отыскивая всѣхъ, кто пѣтушился на правительство, и соедини ихъ всѣхъ воедино уже простымъ личнымъ знакомствомъ съ ними — и было-бы дѣло сдѣлано. Недѣловитость, теоретичность, распущенность, тяжесть на подъемъ, — вотъ что уходило ихъ, этихъ псевдо-революціонеровъ и микроскопическихъ великихъ людей.

Герценъ задумался — долго не соглашался, — наконецъ, послѣ трехъ или четырехъ приступовъ сдался. Но — «ступаетъ старость осторожно и осмотрительно глядитъ». — Огаревъ, еще вовсе не старый по лѣтамъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ такъ-же тяжелъ, какъ слогъ его. Осторожность его до того медленна, что даже неосторожна бываетъ: онъ никогда не станетъ ковать желѣза пока горячо, — а Герценъ ничего не сдѣлаетъ безъ его санкціи.

Огаревъ сталъ обдумывать, продумывать по частямъ, останавливался надъ подробностями — словомъ, время шло, а дѣло не двигалось. Только одну (первую и послѣднюю) посылку «Колокола» удалось мнѣ отправить въ Кенигсбергъ, — а что съ нею сдѣлалось, до сихъ поръ не знаю; арестъ Вѣтошникова всю мою паутину разорвалъ.

Нужно было напечатать на листкахъ, не больше игорной карты каждый, семь пунктовъ, о которыхъ было условлено въ Москвѣ. Эти листки распространить бы въ народѣ, безъ всякихъ комментаріевъ, чтобы знали, по крайней мѣрѣ, о чемъ думать, что хотѣть отъ правительства, чтобъ самому правительству дать возможность узнать, къ чему ему слѣдуетъ готовиться. — Огаревъ ссылался на свои «Что нужно Народу?», «Что нужно Духовенству?», «Что нужно войску?», брошюрки, написанныя имъ по настоянію и моему, да и всѣхъ пріѣзжихъ, такъ какъ никто не зналъ, чего хотѣть, хотя и всякій лѣзъ въ реформаторы. Но брошюрки эти были и черезчуръ длинны, да и высказанныхъ въ нихъ требованій нельзя было исполнить однимъ

указомъ, тогда какъ вся-то задача въ томъ и состояла, чтобы добиваться у правительства уступокъ, которыя оно можетъ сдѣлать, не затрудняя себя особыми комиссіями и приготовительными работами, или даже и затрудняя, то не на долгое время. Думалъ, думалъ Огаревъ о моихъ пунктахъ, колебался, не рѣшался — я такъ и изъ Лондона уѣхалъ, ничего не дождавшись.

И поповцы, и безпоповцы просили меня завести для нихъ газетку. Мой планъ, ими самими одобренный, состоялъ въ томъ, что газетка эта будетъ наполнятся преимущественно ихъ богословскими, полемическими статьями, не разбирая, отъ какой секты или толка онѣ идутъ, — а затѣмъ, разсказывалось-бы о притѣсненіяхъ, которыя терпятъ сектанты; и уже затѣмъ проводились бы политическіе взгляды. Такую газетку всѣ-бы согласія читали, всѣ-бы ею интересовались и обогащали бы статьями. Она стала-бы связью ихъ между собою и пріучила-бы ихъ смотрѣть на насъ, какъ на людей безпристрастныхъ въ ихъ спорахъ, а главное, поставила-бы насъ въ близкія сношенія съ ними и понемногу развила бы у нихъ наши политическіе взгляды. — «Дайте подумать, Кельсіевъ, дайте подумать. Еще успѣется — надо все хорошенько обсудить» — говорилъ Огаревъ. А между тѣмъ Трюбнеръ, понявъ въ чемъ дѣло, чуть не плакалъ отъ нетерпѣнія быть издателемъ новаго органа, который могъ-бы доставить ему хорошій барышъ...

Наконецъ, надумался Огаревъ и рѣшилъ, что газета непремѣнно должна будетъ состоять подъ ихъ цензурой. — Я охотно согласился на это, твердо рѣшась своимъ собственнымъ примѣромъ поддержать ихъ диктаторство и вполнѣ убѣжденный, что солидарность съ ними есть необходимое условіе успѣха нашего дѣла.

Покуда я подготовлялъ статьи къ первому номеру, Огаревъ приговорилъ эту газету быть приложеніемъ къ «Колоколу». Что я ни толковалъ, что ни языкъ, ни направленіе, ни содержаніе «Колокола» недоступны простому народу, упрямый Огаревъ стоялъ на своемъ — пришлось покориться, да и отказаться отъ помѣщенія богословскихъ полемическихъ статей.

Половина моихъ статей была забракована. Статьи самихъ старообрядцевъ догматическаго содержанія — тоже не прошли цензуры. Первый нумеръ вышелъ безцвѣтнымъ, а во второмъ я уже и не участвовалъ... Мартьяновъ изъ себя выходилъ, нападалъ на слогъ, на обороты, на направленіе, не знаю, на что — и почти видѣться со мною пересталъ!

Надъ названіемъ газеты долго думалъ Огаревъ — и, наконецъ, придумалъ: «Общее Вѣче». — «Назвать «Вѣчемъ» нельзя, говорилъ онъ, слишкомъ сильно выйдетъ; а эпитетъ «Общее», хоть повидимому усиливаетъ, а въ сущности ослабляетъ.» Меня часто потомъ спрашивали старообрядцы, что значитъ слово «вѣче»? — а мы въ Лондонѣ и не знали, что у нихъ совершенно забыты удѣльныя времена!

Узналъ я, что Кузьма Терентьевичъ Солдатенковъ въ Лондонѣ. — Онъ пріѣхалъ на всемірную выставку — и я рѣшился познакомиться съ нимъ. Мнѣ казалось, что такой меценатъ, издатель, человѣкъ во всякомъ случаѣ понятливый болѣе прочихъ своихъ единовѣрцевъ, не можетъ уклониться отъ такого выгоднаго для нихъ дѣла, какъ печатаніе ихъ книгъ. Трудно было свидѣться съ нимъ, но я настоялъ, и свиданіе наше устроилось.

— «Да какая-же польза будетъ отъ этого печатанія?» — спросилъ онъ меня, когда я изложилъ ему свое дѣло и разсказалъ о Пафнутіи и о моей поѣздкѣ въ Москву.

— «Поставитъ васъ въ самостоятельное положеніе, привлечетъ къ вамъ сочувствіе образованныхъ людей, насъ поддержитъ...» — развивалъ я ему.

— «Ахъ какой это Пафнутій съ Шебаевымъ горячій и неосторожный!— отозвался Солдатенковъ. — Я боюсь, чтобъ такое дѣло не поссорило насъ хуже съ правительствомъ!»

Я опять началъ толковать ему въ томъ смыслѣ, какъ тогда было принято говорить о правительствѣ, и какъ на него тогда смотрѣли.

— «Я такъ боюсь, — говорилъ какъ-то безпокойно Солдатенковъ. — Вы знаете, что я подъ строгимъ надзоромъ. За мной всюду слѣдятъ. Вѣдь вы это знаете?»

— «Знаю», отвѣчалъ я, чтобы не уронить въ глазахъ его нашего пресловутаго Лондонскаго всевѣдѣнія, о которомъ тогда говорили столько чудесъ.

— «Ну, вотъ видите, вотъ и вы сами знаете, вѣдь у васъ все извѣстно! Слѣдятъ! Даже въ Парижъ отправлены за мной агенты, куда ни выйду, ужъ такъ и знаю кто нибудь стоитъ изъ нихъ и смотритъ на меня — и смотритъ, такъ и смотритъ! Меня даже знакомые предупреждаютъ всѣ, чтобъ я осторожнѣй былъ». — Онъ, кажется, нѣсколько тронутъ на этомъ пунктѣ — по крайней мѣрѣ, когда онъ мнѣ толковалъ, что за нимъ слѣдятъ, онъ мнѣ показался мономаномъ. Кончили мы на томъ, что онъ поговоритъ въ Москвѣ, посовѣтуется, надо подумать — короче я понялъ, что съ его стороны ждать нечего безъ энергическаго содѣйствія Пафнутія и его кружка.

Нужно было писать имъ. Обыкновенно переписка шла черезъ пріѣзжихъ, возвращавшихся въ Россію; каждый за честь почиталъ отвезти письмо отъ насъ; даже просили насъ давать порученія. — Но я все остерегался, все боялся довѣрить свое дѣло первому встрѣчному; обыскъ по подозрѣнію на границѣ могъ все погубить. Я ждалъ вѣрнаго случая — и, на бѣду мою, дождался...

Тихій и скромный этотъ человѣкъ Вѣтошниковъ, — никогда и ни во что онъ не мѣшался. Былъ онъ исправный чиновникъ прежде, потомъ сталъ исправнымъ и толковымъ помощникомъ агента пароходнаго сообщенія между Петербургомъ и Гулемъ, завѣдывалъ всѣми дѣлами этихъ пароходовъ — и жениться собирался осенью. Съ восторгомъ разсказывалъ онъ мнѣ и женѣ моей о своей невѣстѣ, о планахъ на будущее... Боже мой! какъ мнѣ тяжело писать о немъ — я сколько намучился въ эти пять лѣтъ, думая о немъ...

Онъ пріѣхалъ въ Англію почти хозяиномъ парохода и также выѣзжалъ изъ Англіи. Капитаны, матросы, таможенные чиновники, всѣ его знали — кто сталъ-бы его обыскивать? Онъ принялъ корреспонденціи, какъ всякій тогда принялъ бы: онъ такой мягкій, такой любящій человѣкъ, онъ не въ силахъ-бы былъ отказаться, если-бъ захотѣлъ отказываться. Онъ покорился духу времени; что онъ сдѣлалъ, то тысяча другихъ дѣлали, — онъ виноватъ только тѣмъ, что подвернулся въ недобрый часъ, когда правительство было такъ раздражено «Молодой Россіею» и пожарами. — Впрочемъ, я самъ вижу, что я несвязно пишу. Мнѣ тяжело о немъ думать.

Нѣсколько дней я какъ убитый былъ, когда пришло извѣстіе объ его арестѣ. Все было потеряно, и всѣ на насъ опрокинулись съ упреками, съ нравоученіями. А тутъ въ Россіи шелъ крикъ на насъ. — Было душно, невыносимо тяжело. Бѣжать стало потребностью, бѣжать, куда глаза глядятъ — нужно было за дѣло какое нибудь взяться, чтобы въ борьбѣ забыть горе. — Нужно было все заново начинать, — и я уѣхалъ въ Турцію, я не выдержалъ.

Сдѣлаю одно маленькое замѣчаніе. — Мы, въ Лондонѣ, не думали, что появленіе «Молодой Россіи» и пожары были поворотною точкою общественнаго настроенія. Они намъ крѣпко досадили, какъ и журнальныя статьи, вызванныя ими — но мы приняли это за минутный испугъ, за колебаніе и намъ въ голову не приходило, что исторія уже сдала насъ въ архивъ, что мы заживо похоронены — привидѣнія прошлаго. Я понялъ это только черезъ годъ — Герценъ же и Огаревъ годъ тому назадъ вѣровали еще въ «Колоколъ» — (я уже годъ какъ не переписываюсь съ ними и не

вижу ихъ изданій). — Я упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, такъ какъ иначе не будетъ понятенъ слѣдующій отдѣлъ, о моемъ пребываніи въ Цареградѣ.

Взглядъ нашъ на «Молодую Россію» высказанъ былъ Герценомъ въ «Колоколѣ». Она, дѣйствительно, болѣе смѣшна, чѣмъ страшна, — но испугала она потому, что и умѣренные люди такъ же не понимали общественныхъ дѣлъ, какъ нигилисты. Она представилась имъ манифестомъ огромнаго тайнаго общества изъ людей, которые могутъ исполнить свои угрозы, — а мы, въ Лондонѣ, разомъ поняли, что это произведеніе полдюжины мальчишекъ, не понимающихъ даже, о чемъ они говорятъ (религія! — бракъ! — императорская партія!). «Молодая Россія» была необходимымъ слѣдствіемъ неурядицы нашихъ кружковъ и распущенности ихъ вождей — въ ней, какъ и во всѣхъ тогдашнихъ прокламаціяхъ и задорныхъ статейкахъ, все есть, кромѣ практическаго знанія жизни, людей, а въ особенности Россіи. — Нынѣшняя свобода книгопечатанія и самоизученіе народное навсегда покончили съ подобными послѣдствіями долгаго бюрократизма и цензуры, подрывавшими вѣру и въ правительство, и во все, писанное и печатанное не тайкомъ.

О пожарахъ я уже говорилъ. — Прибавлю еще, что я не видалъ даже ни одного нигилиста и ни одного поляка, который даже намекнулъ-бы, что считаетъ пожары средствомъ поднять народъ или радуется имъ, — а со мной — то ужъ и тѣ и другіе говорили по совѣсти, ничѣмъ не стѣсняясь.

Что пожары у насъ принимаютъ страшные размѣры, нѣтъ ничего удивительнаго. Вся Россія деревянная, какъ вся Англія и Франція кирпичныя. Давно-ли у насъ были законы, что крестьяне лѣтомъ ни стряпать въ избахъ не смѣютъ, ни бани топить? Вся исторія Россіи — исторія пожаровъ и, именно, отъ деревянныхъ построекъ, да отъ плохого устройства пожарныхъ командъ. Общество повѣрило, что нигилисты поджигаютъ, — а прежде вѣрило, что поляки даже колодцы отравляютъ, чтобъ холерой насъ выморить. Народъ нашъ только въ крайности можетъ забуянить, а пожаръ доводитъ его до этой крайности, — и сложилось во времена самозванцевъ вѣрованіе, что такъ какъ полякамъ выгодна у насъ неурядица, то они и поджигаютъ — «взбунтовать насъ хотятъ»: а слово бунтъ у насъ вовсе не означаетъ возстанія и революціи, а просто суматоху, неурядицу, безпорядокъ, безсмысленное метаніе изъ стороны въ сторону (отсюда говорится — козелъ бунтовщикъ, пьяница бунтуетъ, бунтъ и гвалтъ, какъ въ школѣ жидовской). Вѣрованіе въ поджигателей поэтому у насъ просто на просто «отеческое преданіе», воспоминаніе о Смутномъ времени.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ

ЦАРЕГРАДСКІЯ ДѢЛА

Я сказалъ, что, какъ я ни ожидалъ катастрофы, но все таки я не принялъ происшествій лѣта 1862 года за нашу чистую отставку изъ роли дѣятелей русской исторіи. Мнѣ все казалось, что мы еще живы, что мы не призраки прошлаго, не тѣни, — что приговоръ намъ еще не произнесенъ; и потому съ полною вѣрой, хотя и съ разбитымъ сердцемъ, снова пустился въ омутъ политической жизни, и, снова забывая, что люди живутъ не только умомъ, но и преданіемъ, привычкой, сталъ добиваться отъ нихъ невозможнаго и даже, подъ часъ, и вреднаго для нихъ самихъ. — Вредное это была поддержка, которую мы давали полякамъ.

Въ правительствѣ и обществѣ полагаютъ, что поляки много содѣйствовали развитію у насъ революціоннаго духа: — это крайне ошибочный взглядъ. Возник-

новеніе нашихъ кружковъ и ученія ихъ ни въ чемъ не зависѣли отъ польской иниціативы; движеніе, начавшееся въ Крымскую войну и дошедшее до своихъ геркулесовыхъ столбовъ въ 1862 году, было совершенно самостоятельнымъ и неизбѣжнымъ произведеніемъ русской исторіи и русскаго народнаго духа. Постороннее вліяніе на насъ — фантазія.

Десять лѣтъ тому назадъ, когда я посѣщалъ С. Петербургскій университетъ, поляки не сходились съ нами, какъ мы, — нашъ тогдашній кружокъ, — ни старались сблизиться съ ними, чтобы позаимствоваться у нихъ всякими запрещенными свѣдѣніями. Они такъ противились этому сближенію, что грозили исключеніемъ изъ своей среды каждому, кто только сталъ-бы посѣщать насъ, — а мы всѣ тогда были довольно красные. Такое удаленіе отъ насъ оправдывали они боязнью потерять свою національную индивидуальность и ослабить ненависть къ русскимъ дружбой, общностью интересовъ и вопросовъ. Разсчетъ ихъ былъ вѣренъ; замкнувшись въ свой міръ, они искусственно раздразнивали въ себѣ польскій патріотизмъ, искусственно возбуждали въ себѣ непримиримую вражду къ намъ, устраняли отъ себя возможность усомниться въ вѣрности своихъ принциповъ, и главное, отлично подготовляли себя въ будущіе агитаторы и повстанцы. — Мы-же, какъ ни лестно было намъ сойтись съ ними, не чувствовали къ нимъ большого уваженія, за ихъ ханжество, за ихъ легитимизмъ — они вѣчно толковали о договорахъ XVII и XVIII вѣка, а намъ было это просто смѣшно. Мы переварить не могли, какъ, въ наше время, когда вопросы революціонные, соціальные и философскіе не могутъ не поглощать вниманія всѣхъ и каждаго, когда всѣ кумиры, знамена, алтари попраны въ прахъ мыслью человѣческой, — какъ можно въ такое время быть легитимистами, толковать о старыхъ границахъ, о генеалогіяхъ магнатовъ, о правахъ папы, о пользѣ уніи, о необходимости благоговѣть передъ Наполеономъ и считать Францію путеводной звѣздой цѣлаго міра. — Короче, ни мы поляковъ не понимали, ни они насъ; и это непониманіе было такъ сильно, что даже общая вражда наша къ правительству не могла насъ соединить. Наше пренебреженіе къ историческому праву и къ народностямъ казалось имъ святотатствомъ, а разсужденія о перестройкѣ человѣческихъ обществъ, — просто на просто, если не безуміемъ, лишнею тратою времени.

Что происходило въ Петербургскомъ университетѣ, то самое дѣлалось и во всѣхъ прочихъ, даже во времена студенческихъ исторій, которыя вовсе не сблизили поляковъ съ русскими, а скорѣй перессорили. Русскіе требовали отъ нихъ дѣятельной поддержки, а поляки соглашались дать ее только, когда убѣдятся, что наши готовы на революцію и имѣютъ средства произвести ее. Czas, Gaseta Narodowa, Dziennik Posnański, Przegląd Rzeczy Polskich, Demokrata Polski и прочіе тогдашніе польскіе органы, всѣ въ одинъ голосъ обвиняли нашу молодежь, будто она была сознательнымъ орудіемъ правительства для погубленія польской. Будто она хотѣла подбить поляковъ на студенческія демонстраціи, чтобы скомпрометировать ихъ передъ правительствомъ!..

То же самое происходило и въ эмиграціи. На «Колоколъ» поляки смотрѣли, какъ на правительственный органъ, издаваемый съ цѣлью показать Европѣ, что и у насъ есть либералы, что мы не совсѣмъ-таки варвары, — а главное, чтобы поддѣть на это поляковъ: помирить ихъ съ нами на либерализмѣ, чтобы потомъ заставить забыть ихъ свою Polskość. Казалось имъ тоже, что либералы русскіе заманиваютъ ихъ въ общее возстаніе, для того, чтобы «русская республика» подавила бы только что освобождающуюся Польшу. — Вообще, поляки и за ними французы и tutti quanti убѣждены, что всѣ наши реформы только для того и совершаются, чтобы

задобрить общественное мнѣніе Европы, привлечь этимъ къ себѣ Западъ, — а затѣмъ придти и tout bonement завоевать его...

Взглядъ Герцена на польскій вопросъ былъ ясно высказанъ въ первыхъ номерахъ «Колокола» и возбудилъ сильное негодованіе въ польской печати. Поляки никакъ не могли помириться съ мыслью, что союзъ съ свободной Россіей будетъ для нихъ благодѣтеленъ, что дѣло состоитъ не въ историческомъ правѣ, а въ экономическомъ бытѣ обществъ, что все равно, гдѣ ни будетъ центръ Государства, въ Москвѣ или въ Варшавѣ. Также враждебно относились они къ князю Долгорукову и къ Бакунину за его «Хлопскую Польшу» — и рѣдко, очень рѣдко, кто изъ поляковъ, проѣзжихъ или изъ эмигрантовъ, заглядывалъ къ намъ. Мы были совершенно чужды другъ-другу, и я думаю, издатели «Колокола» и теперь должны быть чужды полякамъ — по крайней мѣрѣ, польскіе журналы очень враждебно къ нимъ относятся.

Но между тѣмъ движеніе въ Россіи шло смѣлѣй и смѣлѣй и уже начало заявлять себя прокламаціями. Поляки, хоть и не сочувствовали его принципамъ, но не могли не слѣдить за нимъ съ сочувствіемъ: всякій переворотъ въ Европѣ ведетъ къ перемѣщенію границъ, а переворотъ въ Россіи и подавно не могъ бы произойти безъ вліянія на участь Польши. — Вдругъ, неожиданное явленіе ободрило ихъ окончательно.

Извѣстно, съ какимъ сочувствіемъ относились въ Россіи къ Гарибальди. Вопросъ о народностяхъ, дотолѣ незнакомый намъ, вошелъ въ моду, сдѣлался предметомъ изслѣдованій — и отразился прежде всего въ теоріи, что русская народность не одна, а три: великорусская, бѣлорусская и южно-русская. При тогдашней горячности молодежи и при отсутствіи всякаго государственнаго смысла въ обществѣ, немедленно явилось заключеніе, въ высшей степени справедливое, и въ высшей степени неприложимое къ дѣлу, что: такъ какъ насъ три народности, — то пусть же будетъ три государства, каждое съ своимъ языкомъ, законами, войскомъ. Эти три государства могутъ составлять одинъ общій союзъ, а, если имъ не понравится, — то каждое можетъ жить по себѣ. — Новая выдумка, при русской послѣдовательности, пошла дальше: Сибирь по себѣ, Кавказъ по себѣ, Новгородскія земли по себѣ, бывшее Великое Княжество Рязанское, Казань, Астрахань, Владиміръ, Пермь по себѣ — словомъ, вся Россія должна распасться на историческія группы, съ полною автономіей каждой, съ правомъ выхода изъ общаго союза, когда угодно.

Теорія эта была такъ увлекательна, что я, въ числѣ множества другихъ, увѣровалъ въ нее отъ всей души. Въ самомъ дѣлѣ, устройся Россія въ такую федерацію, уничтожь Турцію и Австрію, — всѣ государства Европы исчезли-бы мигомъ, какъ они исчезали во время первой республики, и вся Европа стала бы одной федераціей естественныхъ группъ, которымъ уже нечего-бы было рѣзаться изъ за границъ или изъ за преобладанія, потому что границы ихъ опредѣлялись-бы этнографически, а недоразумѣнія рѣшались-бы европейскимъ конгрессомъ. Войны быть уже не могло, а стало быть и войско становилось лишнимъ, вмѣстѣ съ таможнями, паспортами, консульствами и проч., и прочимъ. — И радовались мы отъ глубины сердца, что мысль эта возникла въ Россіи, что Россія покажетъ примѣръ ея примѣненія и внесетъ ее въ Европу, считающую ее варварской, — патріотизмъ нашъ былъ задѣтъ за живое.

Понятно, что при такомъ ученіи польскій вопросъ разрѣшался самъ собою. Польша должна была составить также одну естественную группу, а къ ней-ли примкнутъ бѣлорусы и малорусы или къ намъ — это уже ихъ дѣло было. Намъ казалось, что они именно за нами останутся, потому что они не любятъ поляковъ и потому, что наши стремленія и наши учрежденія не могутъ не превзойти польскихъ.

Но покуда мы сочиняли эту теорію и обсуждали ее въ кружкахъ, — поляки рѣшились немедленно привести ее въ исполненіе. Во первыхъ они уже начали вѣрить въ искренность нашего либерализма, доказаннаго ссылками и каторгой, потомъ они ободрились смѣлостью нашей печати и прокламацій, да наконецъ, и сильно заразились нашимъ оппозиціоннымъ духомъ. Молодежь польская послѣдовала примѣру нашей и мигомъ превратилась въ государственныхъ людей, въ дипломатовъ, въ отцовъ отечества и вождей народа. Но наши не выходили изъ скромныхъ предѣловъ революціонерствованія на словахъ и дѣланія возстаній въ мечтахъ; наши не были годны ни къ какому предпріятію по своей распущенности (и даже трусости), — а поляки взросли на преданіяхъ о демонстраціяхъ, о битвахъ, о заговорахъ: рѣдко у котораго въ родствѣ нѣтъ ссыльнаго или эмигранта. Мы готовили себя въ философы, — поляки въ дѣятели. Мы были болтливы, какъ дѣти, — полякъ каждый умѣетъ молчать. Для насъ фраза шибкая, да идейка новая — величайшее удовольствіе, и дальше мы ничего не хотимъ, только-бы удалось порисоваться, — а у поляка вся мысль сосредоточена на возстановленіи Польши, въ границахъ 1772 года: это завѣтъ отцовъ его; этому мать, на смертномъ одрѣ, закляла его служить; за это его kochanka руку ему отдастъ; — и, покуда мы собирались дѣлать, онъ уже принялся за работу и поднялъ, ни къ селу, ни къ городу, демонстраціи, которыя вмѣсто того, чтобы ободрить, образумили насъ, и вмѣсто того, чтобы возстановить его Польшу, окончательно ее погубили.

Тяжелое впечатлѣніе произвели они на насъ въ Лондонѣ. Телеграмма о первой свалкѣ въ Варшавѣ пришла къ намъ въ утро праздника, который Герценъ устраивалъ въ честъ освобожденія крестьянъ, — не будь демонстраціи, мы-бы давно воротились съ повинной...

Въ польской эмиграціи началось движеніе. Вожди ея, привыкшіе считать себя вождями народа, были крайне обижены, что Польша зашевелилась безъ ихъ спроса, и что «Центральный Комитетъ» состоитъ изъ молодежи, по образцу не нашихъ кружковъ, людей ни родомъ не именитыхъ, ни заслугами извѣстныхъ. Чарторыйскимъ, Замойскому, Мѣрославскому пришлось заискивать у Центральнаго Комитета расположенія и полномочій, чтобы не утратить своего вліянія, а Центральный Комитетъ относился къ нимъ такъ же презрительно и свысока, какъ наше «молодое поколѣніе» къ старшему, опытность котораго, знаніе жизни и навыкъ къ дѣламъ оно въ грошъ не ставило. Событія въ Польшѣ были подражаніемъ тому, что происходило въ Россіи, но подражаніемъ энергическимъ и не ограничивавшимся фразами.

Польская эмиграція начала дѣлать попытки къ сближенію съ нами. — Первымъ явился полковникъ Сигизмундъ Іорданъ, Краковскій уроженецъ, выходецъ съ 1846 года, участвовавшій въ Венгерской и Крымской кампаніи, братъ агента Чарторыйскихъ въ Цареградѣ, Владислава, о которомъ мнѣ много придется говорить ниже. Сигизмундъ Іорданъ имѣлъ большія связи при разныхъ дворахъ, особенно при Стокгольмскомъ, гдѣ онъ впослѣдствіи дѣлалъ демонстраціи противъ Россіи, и пріѣхалъ къ намъ разузнать наши взгляды и, если возможно, сойтись съ нами. Герценъ и Огаревъ изложили ему свою систему, онъ возразилъ на нее только то, что для приведенія ея въ исполненіе надо прежде всего справиться съ правительствомъ, что поляки потому и не предпринимаютъ никакихъ внутреннихъ преобразованій, что лишены возможности совершить ихъ такъ широко, какъ-бы хотѣлось. А изъ этого выходило, что, будь Польша возстановлена, она мигомъ-бы приложила къ практикѣ всѣ новѣйшія теоріи и сдѣлалась разсадникомъ всѣхъ идей и свободъ для человѣчества: — короче, онъ говорилъ то самое, что можно услышать отъ каждаго серба, чеха, венгерца, покуда они добиваются политической самостоятельности, —

и чего никогда не видно у народовъ – недавно добившихся ея, у румыновъ или грековъ съ тѣми же сербами. Говорилъ онъ ловко, толково, судилъ о современныхъ вопросахъ безъ всякихъ предубѣжденій и, намекнувъ, что польское дѣло и наше – дѣло общее, уѣхалъ куда-то, оставивъ въ насъ очень выгодное по себѣ впечатленіе.

За Іорданомъ другіе стали являться: Браницкій съ Хоецкимъ, Подлевскій, наконецъ, Владиславъ Чарторыйскій. Болѣе всего интересовало ихъ знать, готовы-ли мы на революцію, сильна-ли наша партія и какъ мы смотримъ на польскій вопросъ: – мы ничего не скрывали, потому что и скрывать было нечего. Вѣсти изъ Россіи, доходившія до насъ, были вообще тревожныя. Крестьяне не хотѣли подписывать уставныхъ грамотъ, ждали полной воли, искали «золотую грамоту». Въ войскахъ было броженіе, офицеры сходились съ солдатами и съ народомъ, и со всѣхъ сторонъ неслись слухи, что за такимъ-то цѣлый уѣздъ, а за такимъ-то и цѣлый городъ встанетъ. Молодежь наша изъ себя выходила, толковала о революціи и о баррикадахъ; – «Молодую Россію» никто не хвалилъ, но думавшихъ одинаково съ нею было множество; ей только въ вину ставили, что она разболтала то, о чемъ молчать слѣдовало. Польскія демонстраціи находили себѣ первое время большое сочувствіе – русскимъ было стыдно, что у нихъ нѣтъ такой смѣлости и вліянія, какъ у поляковъ, что они не могутъ двинуть толпы; – но общее мнѣніе говорило, что, дойди у поляковъ до дѣла, и придвинься ихъ ожидаемое возстаніе къ границамъ нашихъ великорусскихъ губерній, – то и мы встанемъ. Полякамъ самимъ никто не довѣрялъ, на ихъ либерализмъ мало разсчитывали, но довольны были ихъ починомъ, который давалъ возможность произвести взрывъ и направить его къ разрѣшенію экономическихъ вопросовъ. – Вообще, по всему, что до насъ доходило, мы не могли не придти къ заключенію, что революція неотвратима и что на ея сторонѣ будетъ войско, мѣщанство и крестьянство, не считая уже образованнаго меньшинства. Революція эта насъ не радовала – я выше сказалъ почему – но мы понимали, что въ случаѣ ея взрыва намъ нельзя будетъ ограничиваться прежней пропагандистской ролью – и я опять настаивалъ, чтобы Герценъ выступилъ вождемъ, – онъ смягчилъ-бы ея ужасы, предотвратилъ-бы лишнее кровопролитіе и направилъ-бы ее къ возможно лучшему исходу.

Герценъ съ Огаревымъ раздумывали, – Бакунинъ не утерпѣлъ и поѣхалъ въ Парижъ знакомиться съ поляками. Поляки сообщили ему, что они сами побаиваются взрыва, и что одна у нихъ надежда и есть – сочувствіе къ нимъ нашихъ офицеровъ и солдатъ въ Царствѣ Польскомъ, между которыми уже завязался революціонный Комитетъ, состоящій въ связяхъ съ ихъ «Центральнымъ». Трое изъ членовъ этого русскаго Комитета (Фенинъ, и —— ——) бѣжали передъ тѣмъ въ Парижъ, и они сообщили Бакунину, что наши войска ждутъ не дождутся возстанія... Я видѣлъ проѣздомъ черезъ Парижъ, въ сентябрѣ 1862 года, этихъ трехъ юношей, старшему было едва-ли болѣе 20 лѣтъ, это были почти кадеты, да вдобавокъ и очень недальніе. Бакунинъ немедленно выписалъ въ Лондонъ главу этого русскаго Комитета Потебню, скрывавшагося тогда въ познанскомъ воеводствѣ, но разъѣзжавшаго постоянно по всему Царству Польскому, для организаціи возстанія русскихъ войскъ.

Я видѣлъ его только одинъ разъ. Онъ пріѣхалъ въ Лондонъ, когда я сидѣлъ у Бакунина, и слышалъ его разсказы о происходящемъ въ Польшѣ. Опъ говорилъ, что положеніе русскаго Комитета въ крайней степени затруднительно, потому что онъ почти не въ силахъ удержать возстанія нашихъ войскъ. Недовольство правительствомъ, говорилъ онъ, превосходитъ всякое вѣроятіе. Солдату совѣсть запрещаетъ разгонять толпы, идущія за духовенствомъ, съ крестами, со свѣчами, съ пѣніемъ молитвъ. Начальство держитъ его всегда наготовѣ – это его раздражаетъ и заставляетъ желать, чтобъ поляковъ не вынуждали къ демонстраціямъ, а неумѣренные и неосто-

рожные офицеры внушаютъ ему, что не будь начальства, не будь у правительства прихоти насиліемъ держать въ подданствѣ поляковъ, — и солдатамъ было-бы легче, и наборовъ было-бы у насъ меньше. — Да и многіе тогда говорили, — не полякамъ нужно отъ насъ освободиться, а намъ отвязаться отъ нихъ...

Разсказы Потебни окончательно убѣдили Герцена и насъ всѣхъ, что дѣло идетъ положительно не на шутку: это окончательно рѣшило вопросъ о предводительствѣ. Онъ вошелъ въ сношенія съ Центральнымъ Комитетомъ и съ Русскимъ, получилъ отъ нихъ извѣстные адресы, возбудившіе такую полемику, и сталъ организовывать общество подъ названіемъ «Земля и Воля», какъ окрестилъ его Огаревъ. — Что это было за общество, гдѣ оно было и насколько имѣло вліянія — я ничего не умѣю сказать, хоть и былъ его агентомъ въ Цареградѣ, былъ уполномоченъ собирать на него вклады, на что у меня и квитанціи даже были, очень красиво отпечатанныя, распространялъ его прокламаціи, и вообще считалъ себя обязаннымъ ему повиновеніемъ. Оно сорганизовалось по моемъ отъѣздѣ, и всѣ мои сношенія съ нимъ ограничились перепискою съ Герценомъ и съ Огаревымъ.

Установившаяся, такимъ образомъ, связь наша съ поляками, которую они покупали за весьма тяжелыя для нихъ уступки*, обратила вниманіе и прочихъ благопріятелей Россіи. По случаю всемірной выставки, пріѣхала въ Лондонъ та особа, которую я назвалъ Высочайше Учрежденной Комиссіей**, но имя которой считаю лишнимъ передавать бумагѣ (littеrae trahunt), и изъявила желаніе видѣться съ Герценомъ, Огаревымъ и Бакунинымъ***. Устроился завтракъ, на который были приглашены и польскія знаменитости, — за завтракомъ много толковалось о прогрессѣ, о священныхъ принципахъ 89-го года, о мученичествѣ поляковъ, о свободѣ и, словомъ, обо всемъ, какъ слѣдуетъ. Затѣмъ было ясно выражено, которое именно правительство держитъ сторону прогресса, содѣйствуетъ ему всѣми зависящими средствами и готово помогать дѣлу цивилизаціи восточной Европы, даже при помощи своихъ консуловъ, которымъ будетъ предписано передавать наши прокламаціи, кому мы укажемъ, а посылать ихъ, равно какъ и всю нашу корреспонденцію, мы можемъ черезъ Министерство Иностранныхъ дѣлъ. — Герценъ благодарилъ за обязательность; Огаревъ, по обыкновенію, молчалъ и конфузился; Бакунинъ ораторствовалъ и развивалъ какіе-то экономическія и революціонныя теоріи.

— «Ну что-жъ вы сдѣлаете съ этимъ предложеніемъ?» — спросилъ я Герцена, вечеромъ того дня.

— «Ничего не сдѣлаю. Поблагодарилъ и довольно — нельзя-же мѣшать въ нашу домашнюю распрю съ правительствомъ иностранцевъ...»

— «Само собой, разумѣется», отвѣчалъ я, «свои собаки грызутся, чужая не мѣшайся. Дать возможность чужимъ запускать лапы въ наши дѣла, это значитъ, готовить себѣ участь всякихъ индѣйцевъ и турокъ».

Замѣчу кстати. Мы никогда и ни въ чемъ не прибѣгали къ помощи иностранныхъ правительствъ: — это дѣлалось, не скажу, чтобы по разсчету, а какъ-то инстинктивно. Насъ отталкивала отъ нихъ та prudеrie, которая заставляетъ частнаго человѣка молчать о своихъ семейныхъ дрязгахъ и не позволяетъ ему допускать постороннихъ мѣшаться въ домашнія ссоры. Бени какъ-то устроилъ, что «Колоколъ» можно было пересылать ему черезъ Англійское посольство въ Петербургѣ, — мы не посылали. Если мы съ поляками входили въ сношенія, то только потому, что принадлежали къ одному государству съ ними и искренно желали сбыть съ рукъ это несчастное

* Адресъ Центральнаго Комитета Герцену и полемика по этому адресу.

** Принцъ Наполеонъ.

*** И съ княземъ Долгорукимъ, если память мнѣ не измѣняетъ.

Царство Польское, стоившее намъ бездну крови, денегъ, непріятностей и вѣчно вводившее насъ въ столкновеніе съ Западомъ. Царство Польское — ракъ, вытягивающій наши лучшія силы, мозоль, которая шагу намъ ступить не даетъ. И западныя правительства очень хорошо знаютъ это: они никогда не рѣшатся сдѣлать намъ ампутацію этой язвы, — они знаютъ, что мы бы разомъ вдесятеро здоровѣй и сильнѣй тогда стали; поэтому имъ и выгодно растравливать наше больное мѣсто и поддерживать въ немъ болѣзненное воспаленіе. А отступиться намъ отъ него нельзя, отдача его Пруссіи была-бы уголовнымъ преступленіемъ противъ нашей исторіи, измѣною Славянству; отдача Австріи только запутала бы дѣло, потому что мы стоимъ наканунѣ раздѣла Австріи, какъ сто лѣтъ тому назадъ стояли наканунѣ раздѣла Польши. Это, можетъ, покажется фантазіей — но вѣдь и въ 1767 году каждаго, кто предвидѣлъ неизбѣжность раздѣла великаго Королевства Польскаго, назвали-бы сумасшедшимъ.

Я говорю слишкомъ смѣло — это, можетъ быть, окончательно меня погубитъ, — но было-бы безчестно съ моей стороны утаивать отъ правительства тѣ заключенія, къ которымъ я пришелъ въ эти долгія пять лѣтъ пристальнаго изученія нашихъ отношеній къ нашимъ сосѣдямъ. Если я погибну за мою откровенность съ нимъ. то пусть-же я погибну съ сознаніемъ, что я исполнилъ свой долгъ. Придетъ время — лѣтъ черезъ сто, черезъ полтораста, моя исповѣдь вынырнетъ изъ архивовъ и явится на судъ тогдашнихъ историковъ. Можетъ быть, они найдутъ, что я ошибался, что я не понялъ событій нашего времени, — но они признаютъ за мной, что я искренно хотѣлъ блага Россіи, и что, находясь въ четырехъ стѣнахъ этого № 4, за желѣзной рѣшеткой, я меньше о себѣ думалъ, чѣмъ объ разъясненіи правительству путей, которыми оно, по моему крайнему разумѣнію, можетъ вести ко благу наше огромное государство. Въ этихъ трехъ послѣднихъ отдѣлахъ мнѣ почти исключительно придется говорить объ его недостаткахъ и ошибкахъ — можетъ быть (люди всегда люди), даже между судьями моими я за это найду враговъ — но за то совѣсть моя будетъ чиста, долгъ мой будетъ исполненъ, а поколѣнія, которыхъ я не увижу, помянутъ меня именемъ честнаго человѣка.

Сбыть съ рукъ Польшу нельзя, нѣмечить ее вредно, обрусить невозможно, а оставить какъ была, даже немыслимо, — остается волей неволей одно: сдѣлать ее истинно славянскою, то есть повернуть стремленія ея образованныхъ классовъ къ слитію съ нами въ одно Всеславянское Государство. Препятствія къ этому, какъ и правительствомъ уже замѣчено, состоятъ въ католическомъ духовенствѣ. Но зачѣмъ-же это духовенство набирается у насъ исключительно изъ поляковъ? — развѣ нельзя замѣщать вакантныя мѣста хорватами, словаками и чехами, которые всѣ панслависты? Іосифъ II съ большимъ успѣхомъ прибѣгалъ къ этой мѣрѣ, съ цѣлью германизаціи Австріи, — а мы могли-бы этимъ-же самымъ славянить Польшу, что было-бы и разумнѣе и выгоднѣе онѣмечиванія ея, которое теперь совершается зачѣмъ-то на лѣвомъ берегу Вислы, такъ что славяне-протестанты лишаются даже права молиться по славянски. — Въ Польшѣ католицизмъ, и отмѣнить его нельзя: — но въ католицизмѣ есть пропасть разныхъ обрядовъ, кромѣ латинскаго, и правительство, не трогая вѣры, можетъ понудить Римъ предписать замѣненіе этого обряда, если не нашимъ, то хоть глагольскимъ, существующимъ до сихъ поръ въ Далмаціи; а глагольскій обрядъ все-же славянскій и все-же шагъ къ сліянію съ нами и съ прочимъ славянствомъ, которое будетъ крайне довольно этою мѣрою, о которой уже сами хорваты (въ лицѣ епископа Строссмайера) сильно мечтаютъ. — Что-же касается холмской епархіи и нашихъ западныхъ губерній, то правительство можетъ уже безъ церемоніи превратить всѣ тамошніе костелы въ уніатскія церкви, провозгласивъ, что гдѣ сельское населеніе русское, тамъ и обрядъ долженъ быть

русскимъ. Все дворянство западныхъ губерній изъ православія черезъ унію перешло въ католичество; — воротимъ его въ унію, и оно изъ католичества перейдетъ въ православіе: оно само будетъ радо предлогу развязаться съ Польшей, не насилуя своей совѣсти. Унія въ западныхъ губерніяхъ разомъ заставитъ тамошнихъ католиковъ забыть польскій языкъ и польскіе интересы и разомъ разрѣшитъ вопросъ о русскихъ землевладѣльцахъ въ этомъ краѣ, — разрѣшитъ прочнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ грозящая намъ опасностью — въ случаѣ войны съ Пруссіей — продажа тамошнихъ имѣній нѣмцамъ или колонизація Жмуди нѣмцами. Пусть правительство отрѣжетъ отъ Польши Западный Край и начнетъ славянить Польшу — повстанья сдѣлаются сами по себѣ невозможны: крохотная Мазовія не въ силахъ будетъ одна бороться противъ цѣлаго славянскаго міра, она сама будетъ искать возможности утонуть въ славянствѣ. Ниже мнѣ не разъ придется обращаться къ этому плану, выработанному мною при помощи самихъ же поляковъ и католическаго духовенства Австрійскихъ славянъ.

Тревожныя ожиданія, необходимость заводить новыя связи и расширить наше вліяніе на старообрядцевъ, надежда заинтересовать въ нашемъ дѣлѣ липованъ, наконецъ, желаніе осмотрѣть, на что можно и на что нельзя разсчитывать, все это, вмѣстѣ съ досадой на неудачный исходъ поѣздки въ Россію, заставило меня ѣхать въ Турцію и въ Дунайскія Княжества, гдѣ живетъ огромное множество русскихъ, и откуда я надѣялся устроить сношенія съ Петербургомъ и съ Москвой. —

Въ концѣ августа 1862 года, я отправился черезъ Булонь въ Парижъ, гдѣ и остановился, чтобы собрать кой-какія предварительныя свѣдѣнія о томъ, что меня тамъ ожидаетъ. Бакунинъ далъ мнѣ письмо къ капитану Косиловскому, секретарю польской батиньольской школы, приближенному Чарторыйскихъ, Замойскаго, бывшему въ англопольскомъ легіонѣ и показавшемуся Бакунину почему-то очень важной особой. Косиловскій сообщилъ мнѣ все, что могъ, разсказалъ мнѣ объ черкесскихъ и липованскихъ отношеніяхъ къ Hôtel Lambert, и я отправился въ Марсель, не сдѣлавъ и не видѣвъ въ Парижѣ ничего, что бы могло быть упомянуто въ этихъ листахъ. — Развѣ то могу разсказать, что какой-то крайній соціалистъ затащилъ меня къ Мѣрославскому, у котораго я просидѣлъ съ часъ, и вышелъ отъ котораго пораженный его ничтожествомъ. Вотъ что отвѣчалъ Мѣрославскій моему пріятелю на предложеніе пропагандировать въ Польшѣ не историческое право, а коммунизмъ, — въ этихъ словахъ Мѣрославскій рисуется весь, со всѣмъ его пошлымъ тщеславіемъ и вопіющимъ самолюбіемъ. Не даромъ поляки говорятъ про него, что давай ему даромъ Польшу, онъ ее взять не захочетъ — для него Польша средство показать свои военныя дарованія. — Итакъ, этотъ великій военный писатель, вѣчно разбиваемый въ дѣлѣ, отвѣчалъ слѣдующее:

— «Э, что вы говорите? развѣ я не раздѣляю взглядовъ коммунистовъ? развѣ я не хочу сдѣлать Польшу коммунистической общиной? Только пропагандой ничего сдѣлать нельзя, пропаганда — вздоръ. Вотъ другое дѣло, когда я на конѣ, около стремени моего всѣ эти князья, графы, магнаты, а сзади меня пушки и штыки — тогда я вамъ мигомъ, въ одинъ день, сдѣлаю экономическій переворотъ. А пропагандой ничего сдѣлать нельзя, съ ней трата времени — какъ прикажете вдалбливать въ голову всѣмъ этимъ аристократамъ новые принципы. А будь я на конѣ, и вейся они около моего стремени — дѣло другое. Пушки убѣждаютъ удивительно — онѣ проповѣдываютъ краснорѣчивѣй всякихъ Демосоеновъ, и когда онѣ стоятъ за вами, эти магнаты около стремени...»

Я не утрирую. Мнѣ врѣзалась въ память эта лелѣемая имъ мысль быть на конѣ и видѣть у своего стремени магнатовъ. И это предводитель! — Вотъ до какого отупѣнія доходятъ въ эмиграціи.

Изъ Марселя я выѣхалъ 20-го сентября, а 4-го октября былъ уже въ Цареградѣ, побывавъ въ Спартѣ, на островѣ Сирѣ и въ Смирнѣ. Капитанъ парохода и пассажиры считали меня за черкеса и научили, какъ пробраться въ городъ, не показывая паспорта (на имя Яни, съ которомъ я былъ въ Россіи) — такъ какъ я не былъ увѣренъ, что наше посольство не приметъ мѣръ къ моему арестованію и такъ какъ поляки мнѣ ужасы разсказывали объ его дѣятельности. — Первый визитъ мой былъ сдѣланъ полковнику Владиславу Іордану, тогда агенту Чарторыйскихъ, — а впослѣдствіи посланнику «Народнаго Правительства» (Rządu Narodowego). У меня было письмо къ нему изъ Парижа отъ его брата Сигизмунда, и онъ меня ждалъ.

Полковникъ Іорданъ былъ типъ польскаго эмигранта-дипломата. Онъ участвовалъ въ Краковскомъ дѣлѣ 1846 г., потомъ въ Венгерской компаніи; въ Крымскую войну вступилъ въ турецкую службу и оставался въ ней, кажется, до 1863 г. Онъ имѣлъ состояніе, построилъ себѣ домъ въ одномъ изъ предмѣстьевъ Перы (Фери-Кёй) и былъ хорошо принятъ въ французскомъ и англійскомъ посольствѣ, хотя у него я не встрѣчалъ никого изъ членовъ этихъ посольствъ. Въ Парижѣ мнѣ отзывались объ немъ, какъ о человѣкѣ, пользующемся большимъ вліяніемъ на Порту, а въ Цареградѣ много шептали объ его связяхъ и значеніи. Самъ онъ держалъ себя высоко, намекалъ на важность дѣлъ, которыя ведетъ, имѣлъ секретаря для веденія переписки — и мое первое впечатлѣніе было въ пользу ловкости и распорядительности поляковъ. Тоже самое испытываетъ каждый новичокъ, входящій въ кругъ эмиграціонныхъ дѣятелей.

Прежде всего Іорданъ далъ мнѣ совѣтъ быть какъ можно осторожнѣй. «Русское посольство окружитъ васъ шпіонами, если узнаетъ кто вы», говорилъ онъ мнѣ. «Начнете вы что-нибудь дѣлать, — вамъ подошлютъ отравителя или наймутъ перваго грека изъ Галаты (нѣчто въ родѣ Сѣнной), и онъ васъ приколетъ на улицѣ. Ночью остерегайтесь даже мимо воротъ посольства и консульства проходить, васъ могутъ схватить и потомъ отправить въ Россію»... Не вѣрилось мнѣ, но, на всякій случай, я сталъ осторожнѣй. — «Съ поляками, ради Бога, не сближайтесь — это все дрянь, одичавшая въ эмиграціи, болтуны, интригапты...» Я въ этомъ послушался, вполнѣ полагаясь на опытность моего Виргилія въ цареградскихъ дѣлахъ.

У поляковъ были сношенія съ черкесами и старообрядцами — нужно было узнать, въ чемъ они состоятъ и нельзя-ли воспользоваться ими для успѣха нашего, тогда уже революціоннаго, дѣла. — Для ясности, я разскажу сперва, какъ мнѣ не удалось ничѣмъ воспользоваться отъ черкесовъ, а потомъ уже, какъ я ничего не могъ сдѣлать съ старообрядцами, хотя даже и поселился потомъ между ними въ Добруджѣ.

Начну съ первыхъ польскихъ шаговъ на Востокѣ:

Очутясь, въ 1833 году, эмигрантомъ, князь Адамъ Чарторыйскій, скучалъ и досадовалъ, что ничего не можетъ сдѣлать для Польши. — Талейранъ надоумилъ его: «Князь, сказалъ онъ, дѣло Польши — дѣло Западной Европы. У насъ и у васъ врагъ общій, но мы плохо знаемъ его средства вредить намъ. Очевидно, что онъ силенъ преобладаніемъ своимъ на Востокѣ, но что онъ тамъ дѣлаетъ, и что затѣваетъ — мы никогда не можемъ понять, потому что мы знаемъ Востокъ только по донесеніямъ нашихъ консуловъ и пословъ, — а вамъ извѣстно, что большею частью эти люди попадаютъ на свои посты по протекціи и по случаю, безъ всякой предварительной подготовки. Чтобы слѣдить за русскими интригами — мало быть хорошимъ французскимъ патріотомъ и исправнымъ чиновникомъ, — надо знать коротко рус-

скихъ, ихъ манеры, привычки, цѣли; надо знать ихъ самихъ, какъ вы, поляки, ихъ знаете; а чтобъ бороться съ ними, нужны люди, закаленные въ борьбѣ и привычные къ веденію тайной агитаціи. — Вотъ, по моему, миссія польской эмиграціи, и пусть она, au nom de la civilisation et de sa propre cause, возьмется за дѣло».

— Совѣтъ былъ дѣльный, — оставалось найти агентовъ. Чарторыйскій сблизился съ турецкимъ посольствомъ, и, его креатура, Решидъ-Эффенди и сталъ быстро подвигаться по службѣ, пока не сдѣлался, при поддержкѣ европейскихъ дипломатовъ, великимъ визиремъ. — Молодой бердичевскій помѣщикъ, русскій по происхожденію, уніатъ по вѣрѣ, литераторъ фантастъ, Михаилъ Чайковскій, выпросился въ агенты на Востокъ.

— «Я пріѣхалъ въ Цареградъ, разсказывалъ мнѣ Чайковскій (нынѣ Садыкъ — паша), безъ всякихъ рекомендацій, а взялъ драгомана и отправился прямо къ тогдашнему великому визирю. Меня приняли, у турокъ принимаютъ всякаго, я сѣлъ и сдѣлалъ такое заявленіе о себѣ: «польскій шляхтичъ не нуждается въ рекомендаціяхъ, являясь къ турецкимъ министрамъ. И мы, и турки-народъ воинственный, рыцарскій, благородный, — а врагъ у насъ одинъ: подлый, деспотическій, интригующій Московъ. Я пріѣхалъ сюда помогать моимъ братьямъ туркамъ въ ихъ святой борьбѣ противъ этой змѣи, — поэтому и явился къ вашей свѣтлости, предложить мой союзъ». — Великій визирь удивился, согласился — и Чайковскій былъ оффиціально утвержденъ въ званіи польскаго агента съ жалованьемъ отъ правительства, которое онъ и до сихъ поръ получаетъ, хотя уже перессорился съ поляками и не мѣшается въ ихъ затѣи противъ насъ. Его честолюбіе удовлетворилось, кажется, командованіемъ двухъ польскихъ полковъ — казацкій и драгунскій, — да и мечты его быть гетманомъ въ Малороссіи или, по крайней мѣрѣ, въ Добруджѣ, я думаю разлетѣлись. Но въ прежнее время, до 1850–51 гг., онъ былъ чрезвычайно досужливъ. Онъ первый ввелъ поляковъ въ французскія консульства, въ службу Messagerie Impériale, и ввелъ такъ удачно, что едва-ли есть въ Турціи одно французское консульство или одна контора Messagerie, при которыхъ-бы не было поляка, если не секретаремъ, то разсыльнымъ, домашнимъ учителемъ, другомъ дома, чѣмъ-бы то ни было. Французскій консулъ рѣдко знаетъ турецкій языкъ и мѣстныя отношенія, рѣдко онъ и способнымъ человѣкомъ бываетъ, потому что нѣтъ возможности набрать способныхъ людей на эти мѣста. Но полякъ, который имъ руководитъ, всегда человѣкъ бывалый, прошедшій огонь и воду, и мѣдныя трубы, участвовавшій въ десяткахъ заговоровъ, бѣгавшій изъ тюремъ, близко знакомый съ недостатками паспортныхъ системъ и съ слабостью надзора надъ границами. Понятно, что скромный чиновникъ, мирный гражданинъ, какими бываютъ обыкновенно консула, не приминетъ быть орудіемъ въ рукахъ опытнаго и отважнаго эмигранта, который ничѣмъ не дорожитъ, потому и терять ему нечего, потому что онъ привыкъ и къ потерямъ, и къ кочевой жизни. Всѣ мѣстныя свѣдѣнія собираются черезъ эмигрантовъ и невольно приходятъ въ Парижъ въ смыслѣ враждебномъ Россіи, — за то и всѣ свѣдѣнія о современныхъ политическихъ событіяхъ сообщаются болгарамъ, сербамъ, грекамъ и даже туркамъ въ такомъ-же искаженномъ видѣ: Франція представляется единственной охранительницей угнетенныхъ народностей — она бы сильнѣе стояла за нихъ, если-бы ей не мѣшала Россія, которая подбиваетъ ихъ противъ турокъ, чтобъ обречь ихъ на участь Польши. Наполеонъ Европой управляетъ — онъ запрещаетъ Россіи завоевать Турцію, онъ предписалъ Россіи освободить крестьянъ, онъ ждетъ только удобнаго времени, чтобы объявить ей войну для освобожденія Польши etc., etc. Простонародіе, вѣками привыкшее смотрѣть на насъ, какъ на своихъ освободителей, не волнуется этими розсказнями, но онѣ сильно дѣйствуютъ на передовыхъ

людей изъ болгаръ, сербовъ и грековъ. Газетъ они сами не читаютъ, о Европѣ понятіе имѣютъ смутное, двери русскихъ консульствъ имъ обыкновенно заперты, чиновники русскіе избѣгаютъ ихъ, чтобы не навлечь на себя непріятностей изъ Петербурга; стало быть, волей-неволей, приходится вѣрить полякамъ. Довѣріе къ Россіи теряется — молодежь ѣдетъ учиться въ Австрію и во Францію, потому что полученіе паспорта на Западъ не навлекаетъ подозрѣнія въ симпатіяхъ къ Россіи, — а кто прожилъ нѣсколько лѣтъ между французами и поляками, тотъ уже неизбѣжно становится нашимъ врагомъ. Да, наконецъ, даже и другомъ-то нашимъ быть опасно: Доброе слово за насъ мигомъ доходитъ до французскаго, австрійскаго и иногда до англійскаго консула, а отъ нихъ препровождается въ оффиціальномъ отношеніи пашѣ, съ укоромъ ему, что онъ не блюдетъ за интересами Турціи, терпя русскихъ агентовъ и русскую пропаганду, — и обвиненному не избѣжать, по меньшей мѣрѣ, непріятностей.

Мѣръ противъ такого порядка дѣлъ наше правительство не приняло и не принимаетъ никакихъ; а между тѣмъ, мы живемъ въ вѣкѣ, когда хорошія отношенія между правительствами вовсе уже не обуславливаютъ хорошихъ отношеній между народами. Прежде дѣло дипломатовъ было очень просто — стоило расположить къ себѣ такой-то дворъ, чтобы обезпечить въ немъ союзника или добыть у него провинцію. Но съ тѣхъ поръ, какъ возникла мысль о народностяхъ, какъ suffrage universel былъ не разъ приложенъ къ дѣлу, — обстоятельства совершенно перемѣнились. Теперь мнѣніе объ насъ какихъ нибудь молдавскихъ лавочниковъ, болгарскихъ огородниковъ и сербскихъ каменьщиковъ и свинопасовъ вовсе не такъ мало значитъ, какъ въ прежнее время. Запирая имъ двери въ наши консульства, во имя трактатовъ и изъ вѣжливости къ Портѣ, — мы силой заставляемъ ихъ прибѣгать къ помощи французовъ, которые, если и ничего не дѣлаютъ для нихъ, то, по крайней мѣрѣ, обѣщаютъ имъ сдѣлать; а люди въ нуждѣ слѣпо вѣрятъ всякимъ обѣщаніямъ. — Сторонясь отъ нихъ, не вступаясь за нихъ, «потому что изъ Петербурга нѣту на это предписаній и полномочій», наши консула возбуждаютъ горькій ропотъ на наше правительство въ единовѣрныхъ намъ населеніяхъ. «Что они у васъ за трусы, за эгоисты», говорятъ славяне, «что они открещиваются отъ насъ, какъ отъ нечистой силы! въ гости къ намъ не ходятъ, къ себѣ не принимаютъ! Отчего французскій консулъ, къ которому придешь съ дѣломъ, всегда и разспроситъ, и посовѣтуетъ, и обѣщаетъ сдѣлать, что можетъ, — а къ русскому идешь какъ-то даже со страхомъ, точно къ судьѣ или къ начальнику; съ турками легче имѣть дѣло, чѣмъ съ русскими консулами!» — И этотъ упрекъ можно слышать и въ Австріи, и въ Англіи, и гдѣ угодно, даже вовсе не отъ какихъ нибудь угнетенныхъ народностей, а просто отъ русскихъ же. Тогда какъ всякій американецъ, итальянецъ, пруссакъ, заброшенный случаемъ на чужбину, смѣло входитъ въ свое консульство, зная, что въ немъ онъ всегда найдетъ и помощь, и поддержку, — русскаго въ нашемъ консульствѣ принимаютъ свысока, даже грубо и шагу лишняго для него не сдѣлаютъ, особенно если онъ въ бѣдѣ и не знатенъ.

Разумѣется, что поляки пользуются этой чопорностью нашихъ дипломатовъ, которые не удостаиваютъ никого своимъ знакомствомъ и сочиняютъ про нихъ, что душѣ угодно, впередъ зная, что тѣмъ не предписано дѣйствовать самостоятельно въ пользу Россіи. И вотъ, умри какой нибудь полякъ или болгаринъ-католикъ, дѣйствовавшій во вредъ намъ, — русскій консулъ его отравилъ; сдѣлайся пожаръ у Іордана или у Чайковскаго, — русское посольство подожгло; крикни пьяный грекъ на улицѣ противъ турокъ или случись въ Яссахъ демонстрація (какъ 3-го апрѣля прошлаго года), — русскіе подбили. И ширится пропаганда противъ насъ, противъ православія — ширится съ такимъ успѣхомъ, что насъ и защищать никто не осмѣливается — словомъ, дѣло идетъ точь въ точь, какъ шло въ Западныхъ губерніяхъ до

повстанія. On nous traite en canailles, — а мы важничаемъ, соблюдаемъ церемоніи. Турція съ давнихъ временъ смѣется намъ подъ носъ, укрывая и поддерживая нашихъ отъявленныхъ враговъ, — а мы въ острогъ сажаемъ каждаго болгарина, сербина или грека, который дерзнетъ бѣжать въ Россію безъ паспорта, укрываясь отъ политическаго преслѣдованія. Французы, англичане, нѣмцы ругаютъ насъ на чемъ свѣтъ стоитъ въ газетахъ, издаваемыхъ въ Турціи; болгаре обязаны ругать насъ въ своихъ газстахъ, — а мы даже подумать не удостоили о заведеніи въ Цареградѣ нашего органа. Православіе чуть что не преслѣдуется католической и протестантской партіей; — костелы и кирки распространяются повсюду, — а мы не только ни одной русской церкви не завели (я не считаю домашнихъ), даже поддерживаемъ фанаріотовъ, даже католическую пропаганду въ Босніи терпимъ, а въ Болгаріи уніатскую. Я далекъ отъ обвиненія въ этомъ нынѣшнихъ дѣятелей нашей дипломатіи, вина не ихъ — они унаслѣдовали эти порядки отъ нѣмецкаго министерства, графа Несельроде, которое было совершенно иностраннымъ для Россіи, какъ и предшествовавшія ему министерства Каподистріи и князя Адама Чарторыйскаго, убившія съ такимъ успѣхомъ все, что было сдѣлано Петромъ для нашей морской торговли и Екатериной съ Потемкинымъ для нашего вліянія на Востокѣ. Зло входитъ въ привычку, дѣлается незамѣтнымъ и легче указать его, чѣмъ исправить — я и указываю на него вовсе не въ укоръ, а въ надеждѣ и въ полной вѣрѣ, что правительство оцѣнитъ побужденія, руководящія меня быть съ нимъ откровеннымъ.

Зло покуда исправимо. Пусть консуламъ нашимъ будетъ предписано не стѣснять себя старыми инструкціями, а дѣлать все, что покажется имъ выгоднымъ для привлеченія къ намъ православныхъ и прочихъ славянскихъ народностей Турціи и Австріи. Пусть имъ будетъ разрѣшено позволять себѣ все, что позволяютъ французскіе и австрійскіе консула, а чиновникамъ ихъ пусть вмѣнено будетъ даже въ обязанность сближаться съ мѣстнымъ населеніемъ. Пусть повышенія въ чинахъ и въ службѣ, хоть по принципу, будетъ производиться за дѣйствительную пропаганду любви къ намъ, а не за умѣренность и аккуратность, — и дѣло отлично пойдетъ. Намъ нечего быть застѣнчивымъ, — французы и прочая братія вовсе не церемонятся съ нами, и чѣмъ скромнѣй мы держимъ себя, тѣмъ нахальнѣй они становятся.

Изъ наблюденій моихъ надъ недостатками нашей современной консульской и посольской дѣятельности, я вывелъ нѣсколько правилъ, которыя и прилагаю на отдѣльномъ листѣ въ надеждѣ, что правительство не оставитъ ихъ безъ вниманія.

Чайковскій не ограничился этимъ введеніемъ поляковъ въ французскій дипломатическій корпусъ, — онъ занялся созданіемъ федераціи всѣхъ враждебныхъ намъ элементовъ, начиная съ черкесъ.

Черкесы издавна были въ тѣхъ же отношеніяхъ къ Турціи, какъ поляки къ Франціи. Улицы Цареграда вѣчно кишѣли горцами, князья ихъ ѣздили въ Цареградъ, какъ въ Парижъ, учились тамъ мусульманству, собирали политическія новости и заискивали покровительства дивана. Чайковскій сошелся съ ними, растолковалъ, что поляки ихъ естественные союзники, и сталъ посылать въ горы своихъ агентовъ. Трудно было дикарямъ понять разницу между урусъ и лехли: плѣнныхъ они одинаково обращали въ рабство, не разбирая ихъ происхожденія и разницы между православными и католиками, и лучшій изъ агентовъ Чайковскаго, знаменитый Le Noir (не помню его настоящаго имени), былъ раненъ въ горахъ какимъ-то армяниномъ, вѣроятно хотѣвшимъ его ограбить, — по словамъ-же Чайковскаго, подосланнымъ русскими. Но наущенія турокъ и обѣщаніе помощи поляками все таки поддерживали въ горцахъ надежду отстоять себя отъ насъ; изрѣдка имъ посылалось оружіе, складчины дѣлались въ ихъ пользу... Мало по малу связь эта такъ

окрѣпла, что, если не ошибаюсь, въ 1848 году, черкесы посылали адресъ за адресомъ къ князю Адаму Чарторыйскому съ просьбою или самому сдѣлаться ихъ султаномъ или дать имъ въ султаны кого нибудь изъ своихъ сыновей. Эти адресы, равно какъ и пропасть другихъ, я самъ видѣлъ въ архивѣ Hôtel Lambert. Но Чарторыйскій мало цѣнилъ связь съ черкесами, не далъ имъ султана и — что можетъ быть величайшая его ошибка — не отправилъ на Кавказъ ни легіонеровъ 1833, ни корпусъ Бема 1849 года. Почему всѣ эти выходцы попали въ Алжиръ, а не на Кавказъ? — Я не знаю, и никто не могъ мнѣ объяснить. Іорданъ, Чайковскій, Костельскій (Сеферъ-паша), Михаловскій, Жуковскій, Косиловскій и прочіе поляки, коротко знакомые съ ходомъ цареградскихъ предпріятій, какъ-то глухо отзываются, что въ Парижѣ мало вѣрили въ пользу и въ практичность поддержки Кавказа. — Въ Крымскую войну, какъ поляки ни настаивали, чтобы союзники заняли горы, — ихъ не послушали. Экспедиція Лапинскаго тоже не принесла толку, какъ по своей малочисленности, такъ и по желанію участвовавшихъ въ ней венгерцовъ, подслужиться русскимъ сдачею имъ горъ...

Чайковскій разошелся съ Hôtel Lambert; Костельскій*, оказался почему-то неспособнымъ къ службѣ — и Владиславъ Іорданъ сдѣлался представителемъ польскихъ интересовъ. Человѣкъ самолюбивый, мстительный, интриганъ по склонности — словомъ польскій выходецъ, заматорѣвшій въ сплетняхъ и въ дрязгахъ, онъ оказался на повѣрку не способнымъ ни къ чему серьезному и навлекъ на себя ненависть всѣхъ цареградскихъ поляковъ, съ которыми обходился съ высоты своего дипломатическаго величія. Но съ черкесами ему удалось сойтись, можетъ быть потому, что онъ имѣлъ мало личныхъ столкновеній съ ними. Князья черноморскихъ племенъ бывали у него часто, и ему удалось убѣдить ихъ въ необходимости союза между собой. Изъ Убыховъ, Абазеховъ, Абазы, Натухайцевъ Шапсуговъ..., изъ семи племенъ этого берега было предположено составить федерацію по образцу швейцарской, и для этого даже конституція швейцарская была переведена на турецкій, въ руководство будущимъ федералистамъ!!!

Дѣло впрочемъ не клеилось. Горскіе князья вѣчно интриговали другъ противъ друга, а будущіе кантоны рѣзались на пропалую изъ за всякихъ пустяковъ. Но, тѣмъ не менѣе, уже начинало проникать въ массы сознаніе пользы союза, для котораго даже и гербъ былъ сочиненъ, три бѣлыхъ стрѣлы и семь звѣздъ на зеленомъ

полѣ, что выходило очень красиво и во время повстанья уже присоединялось къ польскому орлу, литовскому всаднику и украинскому Михаилу Архангелу въ знакъ союза двухъ утѣсняемыхъ нами народностей.

Во время демонстрацій, которыя, очевидно, вели къ возстанію, Іорданъ сталъ энергичнѣе вести дѣло. Онъ придумалъ отдать черкесское дѣло на судъ Европы и ввязать насъ въ непріятности съ Англіей, разсчитывая, что Англія не упуститъ занять горы, эту естественную нашу крѣпость, и затѣетъ съ нами войну. Извѣстно, чѣмъ окончилось поднесеніе его protégés адреса королевѣ Викторіи, — въ парламентѣ пошумѣли, въ газетахъ поговорили и черкесскій вопросъ забылся въ Европѣ. — Но на Кавказѣ онъ произвелъ впечатлѣніе: наши войска стали дѣйствовать рѣшительнѣе и, весной 1863 г., всѣ, интересовавшіеся въ Цареградѣ политикой, сходились въ редакцію либеральной (и потому антирусской) газеты Courrier d'Orient, смотрѣть записки, прибитыя гвоздями къ груди повѣшенныхъ черкесскихъ стариковъ, по взятіи

---

* Костельскій, уроженецъ познанскій, выдаетъ себя за графа и за побочнаго сына покойнаго Прусскаго Короля. Человѣкъ въ высшей степени свѣтскій, онъ учитъ турокъ европейскимъ манерамъ, устраиваетъ праздники для посланниковъ, jokey cloob для пашей и т. п.

какого то аула. На этихъ окровавленныхъ лоскуткахъ было написано: «отправляйтесь къ Англійской Королевѣ». Криковъ и ужасовъ было много, особенно со стороны французовъ, которые, au nom de la civilisation, тоже самое, даже и почище, дѣлали въ Алжирѣ — и я тогда-же понялъ, что Іорданъ заслуживаетъ Станислава на шею отъ нашего правительства за то, что понудилъ насъ ускорить покореніе Кавказа. Лѣтомъ того-же 1863-го года онъ отправилъ на Кавказъ экспедицію изъ поляковъ и французовъ, нелѣпѣйшимъ образомъ составленную, но стоившую огромныхъ денегъ. Предводителемъ ея былъ полковникъ Прѣвлодскій (Przewłocki), а секретаремъ его нѣкто Сливовскій, впослѣдствіи сдѣлавшійся моимъ пріятелемъ. Онъ теперь въ Молдавіи и пишетъ для меня разсказъ о похожденіяхъ ихъ партіи въ горахъ. Если я буду имѣть возможность, я доставлю и его исповѣдь правительству; — она тоже пояснитъ бытъ политическихъ трущобъ, въ которыя высокопоставленныя лица даже и возможности не имѣютъ заглядывать.

Перейду къ моимъ сношеніямъ съ горцами. Іорданъ познакомилъ меня, вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Цареградъ, съ Измаилъ-Беемъ, сыномъ нѣкогда знаменитаго Сеферъ-паши, добрымъ, но очень глупымъ малымъ, жалкимъ потомкомъ славныхъ отцовъ. Затѣмъ явились и депутаты, возившіе адресъ королевѣ Викторіи.

Идея адреса была мнѣ не по вкусу. Я былъ федералистъ, и если признавалъ право горцевъ на независимость отъ насъ, то никакъ не могъ согласиться на ихъ подчиненіе Англіи. Я это имъ прямо высказалъ, объясняя, что англичане не даромъ-же, не для прегражденія русскихъ завоеваній, дадутъ имъ чаемую помощь. Оказалось, что они объ этомъ и не подумали.

«Да какъ-же намъ быть? — толковали они. — Насъ сгоняютъ съ горъ, а на наше мѣсто казаковъ переводятъ. И мы этого не хотимъ, и казаки не хотятъ — казаки даже бунтовать съ нами собирались и предлагали въ союзъ войти, чтобы только не переселяться ни имъ, ни намъ: они сами насъ просятъ, чтобы мы не сходили съ горъ. Мы уже думали войти въ союзъ съ ними противъ русскихъ, да у насъ, у натухайцевъ, война была съ убыхами, изъ за пустяковъ — одинъ убыхъ укралъ корову у натухайца, натухаецъ его убилъ въ дракѣ — ну и пошло дѣло. А тѣмъ временемъ «девять казацкихъ генераловъ (?) было въ Сибиръ сослано, а одинъ разстрѣлянъ — такъ и остановилось».

Этотъ разсказъ породилъ въ моей головѣ планъ помирить наши федералистскіе принципы съ выгодами русскаго народа, а равно воспользоваться горами, для образованія въ нихъ гнѣзда нашей агитаціи.

— «Послушайте, — толковалъ я имъ, — чѣмъ вамъ вязаться со всякими англичанами и французами — не выгоднѣе ли будетъ просто на просто сойтись съ казаками и принять ихъ въ вашъ союзъ, благо они сами этого хотятъ. Тогда и народу у васъ въ горахъ стало-бы больше, много русскихъ и поляковъ перебралось бы къ вамъ, завели-бы у васъ станицы и стали бы васъ защищать отъ нападеній...» и т. д.

Нелѣпость этого я скоро понялъ, но черкесы увлеклись этимъ и даже собирались предложить мнѣ сдѣлаться ихъ султаномъ, если только я соглашусь на обрѣзаніе! Для этого они пошли совѣтоваться съ Іорданомъ — тотъ въ ужасъ пришелъ. «Да какъ же вы не понимаете, куда онъ ведетъ васъ? — сказалъ онъ имъ. — Вѣдь согласитесь вы на его предложеніе, — Кавказъ и безъ войны сдѣлается русскимъ: онъ васъ подчинитъ вашимъ новымъ союзникамъ казакамъ, а русскія станицы въ горахъ будутъ васъ держать въ повиновеніи». — Съ этихъ поръ отношенія наши съ Іорданомъ стали холоднѣе, но мы все таки видѣлись каждый день, и онъ не переставалъ мнѣ расписывать свое вліяніе на черкесовъ.

Былъ у него агентъ въ горахъ, полякъ, молодой человѣкъ, посланный именно для устроенія союза. Ахнулъ я, когда увидалъ его потомъ въ Цареградѣ. Это былъ

мальчикъ, не старше 19 лѣтъ, крохотный и умомъ, и ростомъ, который напроказилъ что-то въ полку и бѣжалъ изъ Одессы въ Цареградъ безъ всякихъ цѣлей — просто по глупости. Ѣсть ему было нечего, Іорданъ пріютилъ его изъ состраданія въ своемъ домѣ; Козерадскій изъ благодарности чуть сапогъ ему не чистилъ; между ними образовалось сочувствіе, — и ребенокъ былъ произведенъ въ политическіе дѣятели. Потомъ онъ какъ-то попалъ подъ гнѣвъ своего покровителя и отправился въ Россію участвовать въ возстаніи, — гдѣ онъ и что онъ, не знаю.

Другой такой-же господинъ, Заборовскій, сынъ поляка и русской, саратовскій уроженецъ, православный и ни слова не знающій по польски, вдругъ ни съ того, ни съ сего, просто со скуки быть канцелярскимъ служителемъ (образованія онъ нигдѣ не получилъ), вдругъ воспылалъ любовію къ Польшѣ и бѣжалъ вмѣстѣ съ ссыльными поляками, братьями Сливовскими и Сташевскимъ. Въ Цареградѣ ему и дѣлать было нечего, а главное, ѣсть нечего. Онъ тоже поддѣлался къ Іордану и къ покойному князю Витольду Чарторыйскому, бывшему тогда въ Цареградѣ. Іорданъ изъ удовлетвореннаго тщеславія, Витольдъ — по свойственной всѣмъ чахоточнымъ слабохарактерности, согласились на его просьбу, отправить его агитаторомъ въ Новороссійскій край! Доѣхалъ онъ съ турецкимъ паспортомъ до Одессы, прожилъ въ ней три дня, ничего, разумѣется, не дѣлая, — его арестовали и выпроводили обратно, не объясняя даже поводовъ. Онъ не унялся, опять сѣлъ на пароходъ и отправился въ Таганрогъ, подымать Донъ! — Слышно было, что его арестовали при самомъ сходѣ на берегъ, и что онъ сидѣлъ гдѣ-то въ острогѣ. — Ему было всего лѣтъ 18, образованія онъ не имѣлъ никакого, а ума былъ очень ограниченнаго. — Тысячи такихъ анекдотовъ могъ-бы я привести въ доказательство, что и польскіе агитаторы ничуть не мудреннѣй нашихъ.

Приведу примѣръ, какимъ образомъ появляются въ иностранныхъ газетахъ всякія нелѣпости о Россіи. — Встрѣчаю я на улицѣ одного знакомаго татарина, учившагося въ Цареградѣ мусульманскому богословію. Онъ сказалъ мнѣ, между прочимъ, что ходятъ между его товарищами, студентами, слухи, будто въ Казанской губерніи случился какой-то бунтъ. Я передалъ этотъ слухъ Іордану, не придавая ему особеннаго значенія, — но Іорданъ задумался. «Это, — сталъ онъ коментировать, — по всей вѣроятности, или демонстраціи, или на чисто возстаніе татаръ противъ вашего царизма. Не могли-же они забыть царства Казанскаго...» и т. д. Тутъ онъ развилъ цѣлую теорію о царствѣ Казанскомъ и Астраханскомъ, о значеніи у насъ татарскаго элемента, и понесъ такую ахинею, что я уже изъ одной вѣжливости не возражалъ. Отъ меня онъ пошелъ въ редакцію Courrier d'Orient и сообщилъ новость и поясненія къ ней редактору, доброму, но ограниченному корсиканцу Джамъ-Батисту Петри. Дня два спустя и я заверпулъ къ Петри — онъ пересматривалъ корректуры, и я увидѣлъ между ними уже положительное извѣстіе о Царствѣ Казанскомъ.

— «Que diable, cher Pietri, откуда вы это взяли?»

— «Le colonel m'a dit...»

— «Да вѣдь это только предположеніе...»

— «Ah, tant pis pour les tartares! quant à nous, nous n'avons qu'encourager la cause polonaise...»

Сказать противъ этого было нечего. Мы похохотали и разстались — а «важная новость» съ новыми поясненіями явилась уже и въ турецкихъ газетахъ. Перепугались татары въ Казани, которымъ въ голову даже не приходило бунтовать pour les beaux yeux de Царство Казанское — и подали адресъ Государю съ заявленіемъ своего вѣрноподданничества!

Не знаю, какимъ образомъ Іорданъ высчитывалъ, что на Кавказѣ есть около

40,000 поляковъ солдатъ и офицеровъ. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что, при первой вѣсти о возстаніи въ Польшѣ, они тоже подымутся, соединятся съ черкесами и сдѣлаютъ, по меньшей мѣрѣ, демонстрацію. Это, по моему мнѣнію, все-же было выгоднѣй, чѣмъ отдача Кавказа англичанамъ, благо съ поляками рано или поздно мы помиримся, да и лучше-же видѣть Кавказъ въ рукахъ славянъ, чѣмъ Богъ знаетъ чьихъ. Мнѣ тогда прислали огромный ящикъ прокламацій «Земли и Воли», экземпляровъ, я думаю, тысячъ до восьми. Дѣвать ихъ некуда было —читать ихъ никто не хотѣлъ; — я послѣ, въ Тульчѣ, цѣлыхъ полтора года изводилъ ихъ на самоваръ и на печи, и все не могъ одолѣть. Одинъ старообрядецъ, Григорій Михайловъ Разноцвѣтовъ, поручикъ турецкихъ казаковъ и большой другъ поляковъ, досталъ случайно съ полсотни экземпляровъ и прибилъ ихъ въ Тульчѣ по всѣмъ посѣщаемымъ имъ кабакамъ. Я думаю, онѣ тамъ и до сихъ поръ торчатъ на стѣнахъ, но я не видалъ ни разу, чтобъ ихъ кто читалъ, хотя меня этотъ вопросъ и мало интересовалъ въ періодъ моего разочарованія. Кто и останавливался надъ ними, тотъ навѣрно ругалъ поляковъ, — такъ сильна увѣренность въ нашемъ простонародьи, что все, что пишется противъ правительства, непремѣнно должно быть польскими кознями. — Іорданъ взялъ ихъ у меня съ сотню и отправилъ на Кавказъ, поручивъ черкесамъ распространеніе ихъ. — Сколько знаю, кое гдѣ ихъ поприбивали къ деревьямъ, а большая часть погибла безслѣдно. Впечатлѣнія онѣ тоже ровно никакого не произвели на наши войска, и солдаты католики даже не думали переходить къ черкесамъ. Все это былъ миражъ, фантазія, — и я началъ догадываться, что наше дѣло неисполнимо, и наши вѣрованья не выдерживаютъ критики. Уже какъ-то пасивно, по привычкѣ къ агитированью, а не изъ вѣры въ успѣхъ, налитографировалъ я первую и послѣднюю прокламацію моей собственной работы, въ заголовкѣ которой поставленъ русскій крестъ, и которая начинается словами «Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ грѣшныхъ», написанными вязью. Она точно также пошла на самоваръ.

Близкое знакомство съ поляками подорвало во мнѣ вѣру въ ихъ способность и въ возможность успѣха ихъ дѣла, а внимательное чтеніе газетъ заставило меня признаться себѣ, что мои золотыя грезы о возможности федераціи такъ и слѣдуетъ признавать грезами. Какая-жъ федеративная Россія можетъ выйти подлѣ Польши, основанной на историческомъ правѣ, Германіи съ ея тогдашнимъ Nationalvereiп'омъ и Франціи съ централизаціей! Какая домашняя сдѣлка могла выйти съ поляками, когда они всю Европу на насъ тащили? Можно подавить въ себѣ патріотическій эгоизмъ; — но какъ-же могъ я, русскій, равнодушно смотрѣть хоть на введеніе уніи у Болгаръ, единственно затѣмъ, чтобъ поссорить ихъ съ нами и чтобъ, раздѣливъ ихъ, обезсилить ихъ народность.

Кстати объ этой уніи. Она тѣмъ-же Іорданомъ была затѣяна. Высшее греческое духовенство развратно и корыстолюбиво такъ, что повѣрить нельзя, не поживши самому въ Турціи. Оно грабитъ народъ, на свои гаремы, не только изъ дѣвушекъ, но — писать даже противно — изъ мальчиковъ, изъ послушниковъ и молодыхъ дьяконовъ! Понятно, какую ненависть долженъ былъ возымѣть къ нему возрождающійся болгарскій народъ, особенно, когда оно стало преслѣдовать славянское богослуженіе.

Болгаре заявили протестъ противъ этого преслѣдованія, греки обвинили ихъ передъ турками, будто они хотятъ подчиниться нашему синоду, будто все движеніе идетъ изъ Россіи, за наши деньги. Синодъ нашъ, — загадка для меня, почему — сталъ поддерживать грековъ и въ посланіяхъ цареградскому патріарху признавалъ его первенствующимъ въ православной церкви, хотя первенство это перешло къ намъ, вмѣстѣ съ двуглавымъ орломъ, при бракосочетаніи Ивана Васильевича III съ Софіею Палеологъ, и съ принятіемъ имъ царскаго титула. Болгаре стали между двухъ

огней, когда мы ихъ такъ жестоко отринули, а мы-то именно одни и имѣемъ право поставить имъ патріарха, хотя, по застѣнчивости нашей, и отказываемся отъ этого права. Съ тайнаго соглашенія Порты, высшаго греческаго духовенства и поляковъ, при помощи болгаръ, воспитывавшихся въ Парижѣ и въ французскихъ цареградскихъ школахъ (русскихъ мы тамъ не завели), явилася мысль объ уніи. Греки поддерживали ее, изъ ненависти къ намъ, за наше первенство въ православіи и за сочувствіе славянъ къ намъ. Имъ захотѣлось раздѣленія болгаръ на два враждебныхъ стана, чтобы облегчить дѣло возстановленія Византійской имперіи, — имъ выгоднѣй видѣть болгаръ католиками, протестантами, кѣмъ угодно — только-бы нашими врагами и врагами нашего синода. — Проклятія сыпались на насъ отъ болгаръ въ 1862–63 году, когда я былъ въ Цареградѣ, за нашу политику, которая разбудила ихъ при Петрѣ и при Потемкинѣ къ политической жизни, — и вдругъ сдѣлалась какой-то таинственной, нѣмецки-чопорной, старчески-легитимистской, не давала имъ идти ни взадъ, ни впередъ, а сдѣлала изъ Турціи игрушку западныхъ державъ. Они понять не могли, чего мы хотимъ, за нихъ мы или противъ нихъ, отчего мы такъ высокомѣрно держимъ себя въ отношеніи ихъ и болѣе соблюдаемъ какіе нибудь вѣнскіе или парижскіе трактаты, чѣмъ ихъ интересы, тогда какъ эти-то ихъ интересы въ сущности наши, потому что они не могутъ не предвидѣть образованія Всеславянскаго Государства.

Унія плохо принялась; это мнѣ говорили сами миссіонеры, Мальчинскій, уроженецъ нашего Холма, и дьяконъ Лавросевичъ, тоже изъ холмскихъ. Этотъ дьяконъ бѣжалъ въ Турцію за демонстраціи, въ Цареградѣ явно дѣйствовалъ противъ православія и Россіи, за что ему болгаре глазъ вышибли, а умеръ въ Краковѣ, священникомъ уніатской церкви, содержащейся на наши деньги и состоящей подъ вѣдѣніемъ Холмской епархіи. Съ какимъ правительствомъ можно поступать такимъ образомъ? и не правъ-ли я, такъ жестоко отзываясь о нашемъ дипломатическомъ корпусѣ? Когда этотъ Лавросевичъ умеръ, то изъ бумагъ его оказалось, что онъ былъ краковскимъ повѣреннымъ Народнаго Правительства!!! Народъ ненавидѣлъ этихъ миссіонеровъ, явно презиравшихъ восточный обрядъ и проповѣдывавшихъ ему не столько унію, сколько Польшу и Францію, и народъ не пошелъ за ними, что заставило и передовыхъ людей оставить унію. Унія, кажется, погибла, но ненависть болгаръ къ фанаріотамъ (выше подъ словомъ «Греки» я только фанаріотовъ и понимаю) надоумила американцевъ, и они взялись за распространеніе методизма. Болгаре обращаются, — потому что надо-жъ куда нибудь уйти отъ фанаріотовъ, поддерживаемыхъ нами въ интересахъ славянства и православія. Такимъ образомъ, невѣдѣніе правительствомъ внутренняго быта подвластныхъ и сосѣднихъ ему племенъ тяжко отзывается на его собственныхъ интересахъ. Паспортная и таможенная система, бюрократическіе пріемы, воспрепятствовали заселенію нами Калифорніи и вынудили насъ продать нашу Америку — Соединеннымъ Штатамъ, а лучшую часть Мурманскаго берега — Норвежцамъ. Въ Западныхъ губерніяхъ русскіе подѣлались поляками, а пограничныя мѣста наши день ото дня теряютъ русскій характеръ и дѣлаются нѣмецкими. Славянство мечется во всѣ стороны, находитъ сочувствіе только въ иноплеменникахъ и, вмѣсто того, чтобъ сближаться съ нами, вынуждено отъ насъ отдаляться.

Оставляя мало-по-малу антиправительственную дѣятельность, я сталъ искать себѣ поля, на которомъ могъ-бы быть полезнымъ. О возвращеніи въ Россію и думать было нечего, — надо было примкнуть хоть къ болгарамъ, благо они все-же родные намъ. Я перезнакомился со всѣми ихъ предводителями (съ Чумаковымъ Экзархомъ, Стояновичемъ, Дановыми и прочими). — Болгаре сильно заботятся о поднятіи своей

литературы, но по неопытности не знаютъ, какъ взяться за дѣло. Я посовѣтовалъ имъ завести періодическое изданіе въ родѣ нашего «Русскаго Вѣстника», «Отечественныхъ Записокъ» и т. д., гдѣ помѣщались-бы преимущественно переводы русскихъ, польскихъ и чешскихъ романовъ, за невозможностью имѣть оригинальные; затѣмъ была бы критика, ученыя и политическія новости. Мысль моя имъ очень понравилась, смѣта показала, что 2000 подписчиковъ будетъ за глаза довольно для покрытія издержекъ и для содержанія редакціи, даже и фирманъ на право издавать журналъ «Цареградски-тѣ Книжицы» отдавался мнѣ, — но нужно было добыть согласіе Порты на мое редакторство. Болгаре просить объ этомъ не рѣшались, потому что я русскій, хоть и эмигрантъ; мнѣ самому тоже не приходилось хлопотать: Аали-паша могъ бы сразу осадить меня вопросомъ, почему я такъ усердствую развить болгаръ? — Да, наконецъ, всякіе фанаріоты, французы, американцы, англичане — затравили-бы меня своими интригами, какъ впослѣдствіи въ Тульчѣ. Я вздумалъ посовѣтоваться съ княземъ Витольдомъ, а мы съ нимъ были въ довольно хорошихъ отношеніяхъ. Покойникъ былъ человѣкъ не глупый, умѣренный и принадлежалъ къ той партіи, которая, въ глубинѣ души, хотѣла только возстановленія Царства Польскаго съ Западной Галичиной и съ Познанскимъ Воеводствомъ, не задѣвая Западныхъ губерній. Pia desideria ихъ была союзъ съ Россіей и кровавая месть Западу, за его обманы и интриги. Этого желаютъ всѣ поляки мазурскихъ провинцій Россіи, Пруссіи и Австріи, а о границахъ 1772 года только нашъ Западный Край, да Восточная Галичина мечтаетъ, — поэтому-то энергическое изгнаніе оттуда латинскаго обряда, и замѣна польскихъ именъ соотвѣствующими русскими (Казиміръ — Владиміръ, Францъ — Ѳедоръ и т. п.) — мѣра, безъ которой мы не обойдемся рано или поздно.

Витольдъ въ восторгъ пришелъ отъ моего проекта, но сказалъ, что его личное ходатайство у Аали-паши едва-ли подвинетъ дѣло. Турки ни въ чемъ не отказываютъ, но обѣщаются подумать, сообразить и затягиваютъ дѣло на десятки лѣтъ. «Я обращусь къ де-Мутье», сказалъ онъ, — «этотъ мигомъ заставитъ признать васъ редакторомъ».

— «Да, князь, — это хорошо, — но вѣдь тогда «Цареградски-тѣ Книжицы», волей не волей, сдѣлаются какимъ-то офиціознымъ органомъ французскаго посольства».

— «Нѣтъ! зачѣмъ-же? — этого не потребуютъ».

— «Понимаю я, что не потребуютъ, но все-же хоть изъ благодарности надо будетъ подкуривать Наполеону».

— «Все-жъ по крайней мѣрѣ не au Tsar...»

— «Я бы, князь, хотѣлъ и о томъ, и о другомъ умалчивать; мнѣ дороги интересы самихъ болгаръ. Вѣдь вотъ и вы соглашались, что унія вредна для нихъ, потому что она ихъ раздѣляетъ, и что лучше-бы было и не затѣвать се, — а вѣдь маркизъ не будетъ доволенъ, если я что скажу противъ уніи...»

— «Зачѣмъ-же вамъ писать противъ уніи? Вѣдь не можете-же вы не признать, что православіе годно было только для среднихъ вѣковъ Восточной Европы, что католицизмъ ничто иное, какъ то-же православіе, но развитое, усовершенствованное, прогрессивное, — и что унія благодѣтельна сама по себѣ. Взгляните на армянъ уніатовъ: какъ безконечно далеко обогнали они григоріанъ».

— «Я думаю, что католицизмъ самъ по себѣ, а православіе само по себѣ. Отсталость его ничего не доказываетъ, — наши школы скверны, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, у насъ Богъ знастъ какихъ уродовъ приходится ставить въ священники, за неимѣніемъ образованныхъ людей, — но это вовсе еще не означаетъ, чтобы православіе было ниже латинства, какъ неразвитость славянскихъ

нарѣчій не доказываетъ превосходства надъ ними германскихъ. — А что до армянъ уніатовъ, — то при всемъ ихъ образованіи, нельзя не замѣтить, что они больше католики, чѣмъ армяне, и что имъ, интересы какой нибудь Франціи, дороже интересовъ своихъ соплеменниковъ. Спросите любого носильщика григоріанца, кто онъ такой, — онъ вамъ отвѣтитъ: «Бенъ эрмени-имъ» — я армянинъ; а уніатъ скажетъ: «католыкъ имъ» — я католикъ...

— «Да, да, оно, пожалуй, и можно найти во всемъ темныя стороны, — только если вы такъ смотрите, то я право не знаю, какъ мнѣ быть...»

И пришлось отказаться отъ дѣла честнаго и полезнаго. И не будь я эмигрантомъ, все равно пришлось-бы отказаться, — наше посольство не стало-бы хлопотать за меня, безъ особаго предписанія изъ Петербурга.

Кончаю этотъ разсказъ, о вліяніи поляковъ на восточные народы, слѣдующимъ замѣчаніемъ. Въ мою бытность въ Цареградѣ, Іорданъ и братія уже начинали входить въ сношенія съ хивинцами, коканцами и бухарцами, противъ насъ, а турецкіе офицеры, изъ горцевъ, сильно подумывали о поѣздкѣ въ среднюю Азію, для организаціи тамошнихъ войскъ на европейскій манеръ. Высшіе кружки польской эмиграціи лелѣютъ еще одну мысль — устройство агентствъ въ Пекинѣ и въ Еддо. И это будетъ посерьезнѣе ихъ цареградскихъ дѣлъ. Гордоны и Лефорты, изъ поляковъ, при китайскихъ и японскихъ Петрахъ великихъ, движимые местью къ намъ, не пропустятъ случая насолить намъ въ Монголіи, Манжуріи и въ самой Сибири. Китай и Японія вовсе не дряхлая Турція. У нихъ есть народность, образованный классъ, уваженіе къ наукѣ и охота учиться. Ближе насъ никто не заинтересованъ судьбой этихъ двухъ, дѣйствительно великихъ державъ, а мы равнодушно смотримъ на распространеніе тамъ католичества и протестанства, запрещаемъ проповѣдь православія. Нѣмцы и американцы уже образовываютъ тамошнія войска по европейски, — а русскихъ офицеровъ нѣтъ. Я мало слѣдилъ послѣднее время за тамошними дѣлами, но имена поляковъ уже начинаютъ попадаться въ спискахъ тамошнихъ дѣятелей. Неужели-же правительство не приметъ никакихъ мѣръ къ привлеченію къ себѣ симпатій тамошнихъ населеній? — а вѣдь намъ ничто не ручается, что Сибирь вѣчно останется въ покоѣ; — Сибирь-же въ рукахъ иноплеменниковъ, будь они даже нашими подданными, убьетъ Россію.

И съ Некрасовцами сошелся Чайковскій въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Добруджу. Онъ толковалъ имъ о казачествѣ, о военной славѣ, о Донѣ и о Запорожьѣ, и старался возбудить въ нихъ мысль объ образованіи въ Южной Россіи казацкихъ республикъ въ союзѣ съ Польшей. Дикіе и подозрительные Некрасовцы въ тупикъ стали отъ его посѣщенія и перепугались на смерть, — ихъ пугаетъ каждый незнакомый человѣкъ и каждое новое предложеніе; имъ все сдается, что противъ нихъ кто-то интригуетъ, ведутъ подкопы подъ нихъ — словомъ, они очень высоко о себѣ думаютъ. — Для переговоровъ съ Чайковскимъ, испытать «какого онъ духу человѣкъ есть», отрядили они Осипа Семенова Гончара или Гончарова. — Этотъ замѣчательный человѣкъ родился въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія на Кара-Бурну, мысѣ между Босфоромъ и Чернымъ моремъ, гдѣ тогда существовалъ маленькій казацкій поселокъ; потомъ, въ 1829 году переселился съ частью Некрасовцевъ въ Бессарабію, гдѣ сдѣлался повѣреннымъ по дѣламъ своего общества, хлопоталъ для него у губернатора Федорова, даже до покойнаго Государя добирался въ Варшавѣ и въ Петербургѣ, но, соскучась по Добруджѣ, бѣжалъ опять въ Турцію, гдѣ, до Парижскаго мира, или вѣрнѣй до 1895 года, былъ главою Некрасовцевъ. Человѣкъ удивительно дѣятельный, трезвый, безкорыстный, онъ всецѣло

преданъ интересамъ старообрядчества и цѣнитъ всѣ событія міра по ихъ выгодности и невыгодности для его церкви. Память у него удивительная, дипломатъ онъ отъ природы и, несмотря на то, что не получилъ ровно никакого образованія, онъ пишетъ свои мемуары, въ высшей степени любопытные для исторіи Добруджи и Некрасовцевъ. Стихотворенія его плохи, хотя онъ и въ нихъ упражняется.

Сойдясь съ Чайковскимъ, Гончаръ понялъ одно, — что Чайковскій человѣкъ сильный, что онъ въ связяхъ съ разными царями, королями, князьями, пашами и всякими большими господами, и что надо ему поддакивать и угождать, потому что онъ можетъ пригодиться. Возстаній, республикъ, Польши Гончаръ, разумѣется, не понималъ, хоть и печалился о горькой участи большихъ пановъ, которыхъ «Россія по цѣлому бѣлому свѣту разогнала», наравнѣ съ послѣдователями древняго благочестія; Чайковскій-же видѣлъ въ Гончарѣ человѣка вліятельнаго, толковаго и дѣятельнаго, который повидимому понималъ его планы, сочувствовалъ поэзіи казачества и обѣщалъ ему посылать эмисаровъ на Донъ, на Уралъ, на Линію, — что и дѣлалось, но, разумѣется, крайне осторожно и совершенно безуспѣшно. Тогда старообрядчеству было не до того. — Министерство Перовскаго закрывало моленныя, силой вводило единовѣріе, и хотя недовольство было и сильно, но возстаніе все таки могло произойти ужъ никакъ не въ пользу Польши или Турціи, и никакъ не по иностранному наущенію.

Тѣмъ не менѣе, русскіе старообрядцы не пренебрегли желаніемъ Чайковскаго сблизиться съ ними и послали къ Гончару извѣстнаго Павла Бѣлодворскаго и Олимпія Милорадова, чтобы онъ, при помощи Чарторыйскихъ, помогъ имъ отыскать архіерея. Чайковскій исполнилъ это дѣло блистательнымъ образомъ. Великій визирь и греческій патріархъ, Чарторыйскій и Меттернихъ, всѣ вмѣстѣ были вовлечены въ этотъ заговоръ, отыскали и дали старообрядцамъ Митрополита Амвросія, утвердили его въ Бѣлой Криницѣ и положили основаніе нынѣшнему старообрядческому духовенству. Цѣль въ этомъ была — сдѣлать Россію менѣе православной, и тѣмъ лишить ее права вмѣшиваться въ дѣла Турціи и Цареградской патріархіи. — Торжествовали поляки, устроивъ эту штуку, и сильно разсчитывали на сочувствіе къ нимъ старообрядцевъ, — но годъ 1846 прошелъ также мирно, какъ 1848, какъ Крымская война и какъ послѣднее возстаніе; даже мало кто изъ старообрядцевъ и подозрѣваетъ, что бѣлокриницкое священство полякамъ обязано своимъ происхожденіемъ.

Дѣятельное участіе Гончарова и Чайковскаго въ этомъ похищеніи Амвросія еще болѣе сблизило обоихъ дѣятелей, и Гончаровъ не могъ не заразиться отъ Чайковскаго ненавистью къ Россіи. — Чайковскій и его поляки были единственные образованные друзья дикаго старообрядца и сильно дѣйствовали на его воображеніе своими связями и аристократизмомъ. Онъ-же, кстати, нуждался въ ихъ поддержкѣ, потому что въ Добруджѣ, въ средѣ Некрасовцевъ, не замедлила образоваться партія «раздорниковъ», то есть, не признающая новаго священства, и завязала борьбу съ «Гончаровою вѣрой». Начались обоюдныя преслѣдованія, покушенія даже на жизнь Гончара, въ тюрьму его засадили, какъ тайнаго благопріятеля православія, потому что онъ отъ православныхъ сманилъ митрополита и, сталобыть, замышлялъ передать Некрасовцевъ русскимъ и т. п. нелѣпости. Борьба тянулась до Крымской войны. Чайковскій успѣлъ превратиться въ Мехмеда Садыкъ-Пашу и сталъ серьезно помышлять о возстановленіи казачества. Порта разрѣшила ему сформировать казацкій полкъ изъ охотниковъ, и Гончаръ дѣятельно помогалъ ему въ наборѣ всякихъ забулдыгъ изъ старообрядцевъ. Чайковскій еще усерднѣй сталъ помогать своему другу и его партіи. Опираясь на него, Гончаръ

Егоръ Носъ, Шмаргунъ и прочая знать Некрасовская, стали хозяйничать по селамъ, какъ хотѣли. Плети отсыпались въ неограниченномъ количествѣ всѣмъ ихъ врагамъ и противникамъ, раздорникамъ; раздорниковъ стѣснили до нельзя, — и все это именемъ Садыка и его поляковъ. Поставили Некрасовцы ополченіе — поляки стали учить ихъ новымъ пріемамъ — это была смертельная обида казакамъ, которые и изъ Россіи то ушли потому, что ихъ тамъ учить хотѣли. Начальство у нихъ было прежде свое, — поляки стали назначать имъ атамановъ и пороли ихъ за малѣйшее ослушаніе. — Наконецъ, открылись и военныя дѣйствія. По старымъ фирманамъ, казаки не несли никакихъ повинностей, — а во время войны турки стали — брать у нихъ на реквизицію сѣно, хлѣбъ, заставляли ихъ давать подводы, словомъ, сравняли ихъ съ раёй. Война кончилась, вознагражденія они за эти несправедливости не получили, а медали за войну Гончаръ, съ Носомъ, своимъ пріятелемъ, роздали только своимъ приверженцамъ. Къ этому прибавились еще стѣсненія — мѣстныя власти землю у нихъ обрѣзали; наложили на нихъ нѣкоторыя повинности; откупъ на рыбныя ловли, — главный промыселъ казаковъ, стали грабить ихъ хуже прежняго, а Садыкъ обѣщалъ имъ помочь только съ тѣмъ, что они будутъ давать ему рекрутовъ въ его полки, — кончилось все тѣмъ, что возродилась непримиримая ненависть къ Садыку съ Гончаромъ, а равно и ко всему, чтобы они ни предпринимали: въ 1864-году мнѣ удалось, по ихъ просьбѣ, окончательно добиться у Порты обращенія ихъ въ обыкновенную раю, на чемъ и оборвалось всякое вмѣшательство поляковъ въ дѣла ихъ.

Завѣтной мечтой Садыка было сдѣлаться Гетманомъ всѣхъ казаковъ. Парижскій миръ уничтожилъ эту надежду, и Садыку осталось одно — сдѣлаться гетманомъ хоть Добруджи, для которой можно было выхлопотать у Порты полную автономію, поставить ее въ такое-же независимое положеніе, какъ Дунайскія Княжества. Но его пріязнь и покровительство ненавистному Гончару, поведеніе его поляковъ, грабежи его солдатъ — сдѣлали то, что нечего было и разсчитывать, что Некрасовцы и прочее русское населеніе этого края подпишутъ просьбу о назначеніи его пашею въ Тульчу. Въ этомъ онъ лично убѣдился, побывавъ въ Добруджѣ въ 1857 или 58 году. Тогда онъ силой захотѣлъ принудить къ этому русскихъ, и самъ, съ Гончаровымъ, началъ надоумливать турокъ стѣснять ихъ, въ разсчетѣ, что они покорятся и, съ горя, попросятъ его въ гетманы. Но, какъ я уже сказалъ, это ухудшило дѣло, — и онъ могъ ограничиться только посылкою туда своихъ агентовъ, въ какіе и я попалъ безъ моего вѣдома.

Пріѣхавъ въ Цареградъ, все еще не теряя надежды на выигрышъ нашего дѣла, я бросился разыскивать старообрядцевъ. Случай свелъ меня скоро съ Семеномъ Ильичемъ Васильевымъ, повѣреннымъ Вилкова. Онъ хлопоталъ о правахъ своего посада на рыбныя ловли, отрѣзанныя трактатомъ 1856 года Турціи, тогда какъ самъ посадъ достался Молдавіи. Вопросъ былъ международный, и я мигомъ поручилъ Іордану хлопотать о немъ у де-Мутье, у Бульвера, а самъ, почти противъ воли, сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ секретаря, переводчика, дѣлопроизводителя при этомъ повѣренномъ. Чуть не каждую недѣлю составлялъ я ему записки и прошенія Аали-пашѣ и дипломатическому корпусу, ходилъ съ нимъ и въ Порту, и въ посольства, за что получалъ отъ него гонораріи, которымъ и жилъ. Мнѣ хотѣлось убѣдить фактомъ турецкихъ русскихъ въ нашемъ вліяніи, захватить ихъ дѣла въ наши руки, быть имъ полезными — и такимъ образомъ сдѣлать ихъ орудіемъ нашихъ плановъ. Дѣло тогда шло о сборѣ денегъ на типографію и о посылкѣ старообрядцами адреса Герцену, вродѣ адреса русскихъ офицеровъ въ Польшѣ. Семенъ Ильичъ совершенно склонился на эти планы, — но стоило ему съѣздить до-

мой, и всѣ мои труды оказались напрасными. Въ Вилковѣ ему сказали, что это дѣло не подходящее, что изъ заграницы такого дѣла и начинать не слѣдуетъ, потому-что неизвѣстно еще, какъ московскіе «вельможи» на это посмотрятъ, что поляки все такіе бунтовщики, и что съ русскимъ правительствомъ ссориться опасно. Насчетъ типографіи обѣщали подумать, столковаться — и на томъ дѣло и оборвалось.

До этого еще, я съѣздилъ въ Малую Азію, къ тамошнимъ Некрасовцамъ, первое, — чтобы познакомиться съ ними, а второе — попробовать, какъ они смотрятъ на насъ и на мои предпріятія. Подробности этой поѣздки напечатаны въ іюньской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» 1866 года, — опущено только то, что Некрасовцы не могли понять, съ чьего я благословенія буду печатать, когда теперь уже нѣтъ ни благовѣрныхъ царей, ни благочестивыхъ патріарховъ, — остальное все вѣрно.

Скоро послѣ моего возвращенія отъ нихъ, Семенъ Ильичъ привелъ ко мнѣ Гончара, часто бывавшаго въ Цареградѣ по торговымъ дѣламъ. Гончаръ былъ въ высшей степени любезенъ и радъ познакомиться со мной, разсказывалъ о своихъ связяхъ, о поѣздкѣ въ Парижъ, гдѣ онъ представлялся Тувенелю, прося его настоять у русскаго правительства на выдачѣ Тульчанскаго епископа, арестованнаго во время войны.

Арестъ Олимпія и Аркадія былъ дѣломъ мести двухъ русскихъ офицеровъ, которые не хотѣли заплатить старообрядцамъ за провіантъ, и личнаго оскорбленія генералу Ушакову, котораго одинъ изъ этихъ епископовъ не пустилъ ко кресту, какъ иновѣрца. — Арестъ этотъ, совершенно не нужный, крайне оскорбилъ всю поповщину, и особенно заграничную, и помогъ полякамъ и К° вводить правительство наше въ непріятности, а старообрядцевъ наталкивать на сближеніе съ французами. Послѣ долгихъ хлопотъ, Гончаръ рѣшился съѣздить въ Парижъ, гдѣ Hôtel Lambert выхлопотала ему аудіенцію у Тувенеля. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» разсказывается, что онъ былъ у Наполеона, — это неправда; я знаю дѣло отъ него самого и отъ его переводчика, выше упомянутаго Косиловскаго. Тувенель разспросилъ его о подробностяхъ дѣла и, обѣщавъ ему помощь Франціи, задалъ ему слѣдующій вопросъ:

— «Ну, а что, тамъ, въ Добруджѣ, и въ Россіи, всѣ старообрядцы знаютъ о Императорѣ? Вообще, какъ они смотрятъ на насъ?»

— «Ваше Превосходительство, господинъ Тувенелій, только на одну Францію мы и полагаемся, только за его Величество и Бога-то молимъ. У насъ самыя махонькія дѣти знаютъ, кто такой и Наполеонъ, и его супруга Ивгенья. Энто у насъ, Ваше Превосходительство, въ каждой хатѣ образа есть, такой обычай у насъ, — такъ подлѣ образовъ то, на одной сторонѣ его патретъ, а на другой ейный!» (Все это, разумѣется, вранье.)

— «Ну и пусть же вѣруютъ въ насъ, — отвѣчалъ Тувенель, — Франція докажетъ, что она не даромъ взялась быть покровительницей слабыхъ и угнетенныхъ».

Къ характеристикѣ этого французскаго savoir faire, котораго именно не достаетъ у насъ, замѣчу, со словъ Косиловскаго, что въ то самое время, французскій-же консулъ изъ Александріи, не могъ добиться аудіенціи у Тувенеля и такъ и уѣхалъ, не повидавшись съ нимъ, — а Гончаръ былъ принятъ и обласканъ. Вотъ и льнутъ всѣ угнетенные къ Наполеону, и ѣдутъ въ Парижъ всякіе мароните, друзы, армяне, курды...

Гончаровъ одобрилъ и адресъ, и типографію, взялся немедленно переговорить съ кѣмъ слѣдуетъ и списаться съ Москвою и уѣхалъ, обнадеживъ меня во всемъ. Потомъ, онъ часто наѣзжалъ въ Цареградъ, все обнадеживая, съѣздилъ еще разъ

въ Парижъ, по торговымъ своимъ дѣламъ и даже въ Лондонъ смахалъ, познакомиться съ Герценомъ, и воротился очень довольный тамошнимъ пріемомъ, особенно же знакомствомъ съ княземъ Долгоруковымъ. Онъ и въ Лондонѣ все обѣщалъ, хоть ничего не понялъ, о чемъ идетъ дѣло. — Все, что выходитъ за предѣлы интересовъ старообрядчества, ему рѣшительно не доступно и чуждо.

Короче сказать — ничто не удавалось, ничего придумать даже нельзя было въ пользу нашего дѣла. И что всего мучительнѣй было, — въ душѣ начали возникать страшныя сомнѣнія въ его правотѣ и полезности. Очевидно со дня на день становилось, что наши чистыя и честныя вѣрованія были утопіей, неприложимой къ дѣлу теоріей; — что на зовъ нашъ не только никто не откликался, да и никто не могъ откликнуться. Какъ ни боролся я противъ этихъ «черныхъ думъ», чѣмъ я ни старался заглушить ихъ, археологіей и исторіей, даже виномъ подъ часъ, — черныя думы не унимались, а одна за другой возникали въ умѣ, какъ какіе демоны, явившіеся мучить мою душу. Я обратился къ Герцену за разрѣшеніемъ этихъ страшныхъ загадокъ, я высказывалъ ему мои сомнѣнія, я просилъ убѣдить меня, воротить къ прежнимъ идеаламъ, — онъ мнѣ на все отвѣчалъ, но отвѣты его только усиливали мое невѣріе. Я метался отъ книги къ книгѣ, я магію даже сталъ изучать, спиритизмъ, я цареградскія трущобы сталъ изслѣдовать, чтобы какъ нибудь забыться, — ничто не брало.

Я вѣрилъ въ равенство, — Турція, страна безъ аристократіи, разбила это вѣрованіе. Въ ней жить нельзя, потому что нѣтъ независимыхъ людей, потому что тамъ никакія фамильныя преданія не удерживаютъ личность отъ подлости; тамъ все изъ за денегъ, и каждый рыцарскій поступокъ бываетъ смѣшенъ. Я былъ атеистъ — благодаря фанаріотскому духовенству тамъ масса атеистовъ лавочниковъ, мастеровыхъ, — и я возненавидѣлъ атеизмъ, хотя не могъ еще признать существованія Божія. Я былъ за поляковъ, — но вотъ, я почти съ утра до вечера былъ съ ними, — и, кромѣ презрѣнія, ничего къ нимъ не чувствовалъ. Я былъ за народность, — а на дѣлѣ оказывалось, что народность ведетъ только къ отупленію, къ патріотическому эгоизму, къ несправедливости. Я вѣрилъ, что людей можно убѣдить логикой, — а оказывалось, что ихъ привычки и преданія заглушаютъ въ нихъ голосъ разума. — Словомъ, я во все потерялъ вѣру, все человѣческое стало мнѣ чуждо и отвратительно.

Міръ казался мнѣ ерундой и былъ мнѣ такъ противенъ своимъ безсмысліемъ, что сама жизнь становилась въ тягость. Мнѣ не разъ приходила мысль покончить свое существованіе и — можетъ быть, я бы сдѣлалъ это, — если-бъ не былъ семейнымъ человѣкомъ, и если-бъ глубокая привязанность къ женѣ и къ брату не мирила меня нѣсколько съ жизнью. — Братъ, въ іюлѣ (кажется) 1863 года, попалъ въ Цареградъ, въ бѣгствѣ своемъ изъ Россіи. Я никакъ не ожидалъ его появленія и вовсе не зналъ, что онъ снова попалъ подъ судъ. Его пріѣздъ былъ для меня праздникомъ, — только я знаю, какъ я былъ къ нему привязанъ! Онъ хотѣлъ ѣхать въ Лондонъ, но мы рѣшились не разставаться, да и не могли разстаться. Будь онъ живъ, онъ или-бы не пустилъ меня теперь въ Россію, или-бы послѣдовалъ моему примѣру. — Тогда онъ былъ весь проникнутъ такъ называемымъ нигилизмомъ, хотя и не въ такой безобразной формѣ, до которой доходили другіе, а горячо защищалъ возможность привести въ исполненіе все, что было задумано и нами, и нигилистами. Мои отрицанія глубоко оскорбляли его юность, вѣрующую душу, и онъ настаивалъ, чтобы я продолжалъ начатое. Я не могъ, — онъ самъ взялся за работу и сталъ писать письма вліятельнымъ старообрядцамъ съ изложеніемъ нашихъ стремленій. Отвѣта, разумѣется, не было ни отъ кого, но, не дожидаясь ихъ, онъ поѣхалъ въ Добруджу, ускорять заведеніе обѣщанной Гончаровымъ типографіи. — Жена и

дочь пріѣхали ко мнѣ, въ Цареградъ, недѣль шесть послѣ его пріѣзда. Я не хотѣлъ возвращаться на Западъ и потому, что тамъ падала наша издательская дѣятельность, и потому, что мнѣ Западъ сталъ ненавистенъ — мнѣ хотѣлось бѣжать куда нибудь отъ людей, исчезнуть, провалиться сквозь землю, такъ чтобъ обо мнѣ никто больше не слышалъ. Все мое честолюбіе, если это честолюбіемъ можно назвать, сосредоточилось на одномъ желаніи — поселиться въ какой-нибудь глуши и сдѣлаться мирнымъ гражданиномъ, хорошимъ отцомъ семейства, зарыться въ науку и въ философію и добиться до крайнихъ предѣловъ отрицанія — своихъ прежнихъ вѣрованій, казнить которыя уже стало моимъ высшимъ наслажденіемъ.

Но бѣда никогда не приходитъ въ одиночку. Мало было нравственныхъ страданій — матеріальная нужда стучалась въ двери, и начались два съ половиною года каторги, во время которой я похоронилъ брата, сына, дочь, жену и чуть съ ума не сошелъ. Не знаю, удастся-ли мнѣ въ двухъ слѣдующихъ отдѣлахъ дать хоть приблизительное понятіе объ этомъ ужасномъ для меня времени, разстроившемъ мое здоровье, давшемъ мнѣ преждевременную сѣдину, — да и можетъ быть духу не хватитъ разсказывать подробно.

Вилковское дѣло, за которое мнѣ такъ хорошо платили, разсчитывая, что я могу чего-нибудь добиться, при помощи моихъ связей съ поляками, плохо подвигалось впередъ, — поляки оказались всемогущими только въ доносахъ, въ клеветахъ, а никакъ не въ веденіи серьезныхъ дѣлъ. Ихъ неудачи въ Россіи сильно подрывали ихъ прежній кредитъ въ Цареградѣ. — Вилковцы потеряли на меня надежду, и доходы мои прекратились почти немедленно по пріѣздѣ моей жены и дочери, то есть когда деньги были всего нужнѣй. У Малоазійскихъ Некрасовцевъ былъ тоже процессъ, за который ихъ-же старики предлагали мнѣ взяться, но съ ихъ «кругомъ» ничего нельзя было столковать. Другихъ дѣлъ, какъ нарочно, не случалось въ то время: Гончаровъ только обнадеживалъ типографіей, изъ Россіи вѣстей отъ Солдатенкова и Шебаевскаго кружка не было, болгарскій журналъ не удался. А зима подходила. — Сталъ я искать службы, хоть бухгалтеромъ, писаремъ, я-бы кельнеромъ сдѣлался, — нигдѣ ничего.

Я не въ силахъ разсказывать, какъ я жилъ...

Оставалось одно — принять предложеніе Садыка, сдѣлаться казацкимъ головою (казалъ-баши), атаманомъ въ Добруджѣ, за пять турецкихъ лиръ въ мѣсяцъ (почти 30 р. сер.); и разумѣется, я съ радостью ухватился за эту должность, которая меня спасала отъ нищеты и давала мнѣ возможность жить все таки между русскими, изучить наше простонародье и быть ему полезнымъ. — Предложеніе это вышло по слѣдующему случаю.

Садыкъ, какъ я выше сказалъ, умышленно тѣснилъ турецкихъ русскихъ, чтобъ заставить ихъ просить его у Порты въ своего гетмана. Познакомясь съ нимъ по Вилковскому дѣлу, я постоянно ходатайствовалъ у него заступничества за нихъ, доказывая, что даже въ его собственныхъ интересахъ, было бы выгодно помогать имъ. — Онъ началъ колебаться и высказалъ мнѣ свой планъ на счетъ Добруджи, который мнѣ понравился, не съ политической точки зрѣнія, а просто потому, что и, въ самомъ дѣлѣ, не дурно-бы было для нашего брата опальнаго имѣть хоть какую нибудь Русь, куда можно было бы укрыться въ добровольную ссылку, послѣ политическихъ треволненій и разочарованій. Все было-бъ у насъ пристанище, уголъ, гдѣ мы считали-бы себя дома, и гдѣ могли бы жить, не подвергаясь ни надзору, ни преслѣдованіямъ за прошлое, а моя усталая душа именно и нуждалась тогда въ подобномъ пристанищѣ.

Сидѣлъ я разъ у него въ гаремѣ, со старухой Снядецкой, единственной его женой, по мусульманскому закону, какъ вдругъ онъ вошелъ, взволнованный, раздраженный, и прямо обратился ко мнѣ.

— «Ну, вотъ ваши protegés, — вотъ они наши друзья. Поздравляю васъ, подравляю!»

— «Что такое, mon général, — я ничего не понимаю...»

— «Помилуйте, вы заставили меня хлопотать за нихъ, — а они русскому правительству подали адресъ противъ поляковъ. Аали-паша золъ, Фуадъ бѣсится, — это скандалъ! Это измѣна оттоманскому правительству! Это въ газетахъ уже появилось! Наряжена будетъ слѣдственная комиссія, и тогда не сдобровать ни этому старому плуту Гончару, — я давно чувствую, что онъ насъ всѣхъ за носъ водитъ! — ни епископу Аркадію, — зададутъ имъ теперь! Какъ просидятъ года три въ кандалахъ, тогда и поймутъ, что значитъ писать адресы».

Я поблѣднѣлъ — мнѣ все стало мигомъ понятно! Мои совѣты подать адресъ за поляковъ надоумили Гончара, епископа Аркадія и весь ихъ кружокъ подать адресъ противъ поляковъ, чтобы выслужиться въ глазахъ русскаго правительства и показать ему, что даже заграничные старообрядцы любятъ его. Я понялъ, почему Гончаръ, пріѣхавъ мѣсяца съ два тому назадъ въ Цареградъ, отдалъ адресъ на почту, не показавъ мнѣ его предварительно и не давъ съ него копіи въ «Колоколъ», хоть и хвастался, что адресъ его разбѣситъ весь Петербургъ. Припомнились мнѣ и слухи, ходившіе въ Цареградѣ, о нелестныхъ для поляковъ, для турокъ и для насъ отзывахъ епископа Аркадія, о его симпатіяхъ къ Россіи. — Бѣда имъ грозила страшная: они погибли-бы въ тюрьмахъ.

Досадно мнѣ стало видѣть себя такъ грубо обманутымъ, — но дѣлать нечего, надо было выручить Аркадія и Гончара.

— «Это дѣло слѣдуетъ замять, — сказалъ я Садыку. — Виноваты не они; притѣсненія мѣстныхъ властей озлобили ихъ противъ турецкаго правительства...»

— «Слѣдствіе раскроетъ эти притѣсненія, а измѣнники все таки будутъ наказаны!»

— «Слѣдствіе, генералъ, ничего не раскроетъ, — возражалъ я, — слѣдователи ограбятъ правыхъ и виноватыхъ и только усилятъ это озлобленіе, вмѣсто того, чтобъ его подавить. Да и кто будутъ эти слѣдователи? Чиновники Порты, которые ни Добруджи, ни тамошнихъ отношеній, ни даже языка не знаютъ. При всемъ желаніи раскрыть правду — они волей-неволей попадутъ въ руки мѣстныхъ интригановъ, собьются съ толку и только запутаютъ дѣло».

— «Ну, ужъ все-жъ лучше турокъ послать, чѣмъ поляковъ — тѣ окончательно не способны ни къ чему...»

— «Я о полякахъ и не говорю. По моему лучше всего было-бы сдѣлать секретное дознаніе, безъ шуму, безъ арестовъ, что именно колеблетъ вѣрноподданническія чувства Некрасовцевъ къ султану? Тюрьмы, преслѣдованія, наказанія не исправляютъ зла, — зло предупреждать нужно, предотвращать. Я даже радуюсь отчасти, что они подали этотъ адресъ, — намъ благодарить ихъ за это слѣдуетъ — иначе мы никогда бы не догадались, что на нихъ нельзя разсчитывать. Болѣзнь обнаружилась и перестала быть тайной — теперь можно и за лѣченіе приняться».

Долго мы бесѣдовали, и мнѣ удалось доказать Садыку, что къ наказаніямъ слѣдуетъ прибѣгать только въ случаѣ крайней надобности, когда единственно удаленіемъ вреднаго человѣка можно спасти общество отъ гибели, — а безъ нужды и неразсчетливо и опасно.

— «Знаете что, — сказалъ онъ наконецъ, — мнѣ кажется, что кто всего лучше устроитъ это дѣло, и секретное слѣдствіе надъ виновными, и секретное дознаніе о нуждахъ

края — такъ это единственно вы. Вы хорошо понимаете вопросъ, вы осторожны и, наконецъ, вы сами-же говорите, что желали-бы сдѣлаться гражданиномъ Добруджи. — Что вы скажете, если я помогу вамъ сдѣлаться казакъ-баши?»

— «Скажу, что буду какъ нельзя болѣе доволенъ и какъ нельзя болѣе обязанъ вамъ».

Черезъ недѣлю, я уже ѣхалъ въ Добруджу, въ полной увѣренности, что я состою въ коронной службѣ, и что мои пять лиръ въ мѣсяцъ назначены мнѣ Портою, которая снабдила меня эмиръ-наме (предписаніемъ, полномочіемъ, повѣсткой) къ губернатору Добруджи. Садыкъ-паша велъ дѣло за меня, хлопотать мнѣ самому не хотѣлось при тогдашнемъ моемъ мрачномъ настроеніи духа, — и я никакъ не подозрѣвалъ, что, довѣряясь ему, я почти обязываюсь быть его послушнымъ агентомъ и соблюдать его интересы болѣе интересовъ тамошнихъ русскихъ.

Гончаръ за нѣсколько дней до моего отъѣзда пріѣхалъ въ Цареградъ. Еще неувѣренный, что дѣло можно будетъ замять, я сообщилъ объ немъ Вилковскому повѣренному, чтобы онъ предупредилъ Аркадія и Гончара о грозящемъ имъ слѣдствіи, и посовѣтовалъ имъ или приготовиться къ отвѣту, или убраться по добру, по здорову въ Молдавію. «Я сдѣлаю все, что могу», сказалъ я, «я ручаюсь, что владыка будетъ на волѣ — но не знаю, будетъ-ли онъ въ Турціи». — Много непріятностей надѣлали мнѣ потомъ эти слова, которыя старообрядцы поняли выраженіемъ моей мести Аркадію за его сочувствіе Россіи; и чего я не дѣлалъ потомъ, чтобы сойтись съ нимъ, — все было напрасно: онъ не переставалъ смотрѣть на меня, какъ на человѣка, приставленнаго Садыкомъ слѣдить за его дѣйствіями. Меня долгое время старообрядцы принимали за турецкаго шпигона (шпіона), просто по ложному толкованію, которое они придали этимъ словамъ, и странное дѣло — обращались со мной съ большимъ уваженіемъ и дѣлали комплименты моему уму: «значитъ ты, Василій Ивановичъ, большаго ума человѣкъ, коли тебѣ такую должность дали!» Мало было мнѣ внутреннихъ страданій, нищеты, — еще и это почетное оскорбленіе повисло мнѣ на шеѣ!

Гончара я немедленно свелъ съ Садыкомъ, надоумилъ его какъ выкручиваться изъ бѣды, — они помирились, а Гончаръ сдѣлался моимъ врагомъ, не будучи въ состояніи мнѣ простить, что ему же пришлось подписать просьбу о моемъ назначеніи въ «казакъ-баши»...

Прощанье съ Цареградомъ, въ декабрѣ 1863 года, было разрывомъ съ противуправительственной дѣятельностью, какъ прощанье съ Яссами, въ маѣ 1867 года, было разрывомъ съ эмиграціонною жизнью. И тогда, и теперь я кончалъ съ своимъ прошлымъ, перерождался нравственно, съ полной надеждой, что буду полезенъ, что разочарованіе мое принесетъ пользу тѣмъ, къ кому я ѣду. Не знаю, что меня теперь ждетъ, но тогда — тогда я горько ошибся. — А море было такъ тихо, — небо ясно, на душѣ было легко, и я весело выѣзжалъ изъ Кюстенджи въ степи Добруджи, покрытыя курганами, съ которыхъ смотрѣли на мою повозку орлы, изъ-за которыхъ то и дѣло выплывали верблюды Ногайцевъ и буйволы Болгаръ. Порой мелькала русская телѣга съ дугой и съ колокольчикомъ, и Некрасовцы съ недоумѣніемъ посматривали на проѣзжаго, которому судьба привела сдѣлаться ихъ защитникомъ передъ правительствомъ.

Съ этихъ поръ я ничего не замышлялъ и не предпринималъ противъ правительства. Въ двухъ слѣдующихъ отдѣлахъ мнѣ не придется ничего разсказывать о моей политической дѣятельности — она кончилась, разбивъ мои вѣрованья и погубивъ мою будущность. Я агитировалъ, потому что любилъ Россію и хотѣлъ быть

ей полезнымъ; своекорыстныхъ видовъ у меня никакихъ не было — совѣсть моя, въ этомъ отношеніи, чиста, и если я заблуждался, — я заблуждался честно: я собой и дорогими мнѣ рисковалъ во имя своей любви къ людямъ, а когда пришло время разубѣдиться въ правотѣ моего дѣла, я самъ сложилъ оружіе, низвергъ кумировъ своихъ и ушелъ въ пустыню доживать дни свои между дикарями, съ цѣлью помогать имъ и матеріально, и нравственно.

Если Государь не помилуетъ меня, а велитъ отдать подъ судъ — эти три отдѣла моей Исповѣди достаточный матеріалъ для составленія надо мною приговора; въ слѣдующихъ двухъ будетъ только разсказъ о моихъ нравственныхъ терзаніяхъ и о моемъ возрожденіи въ искренняго его вѣрноподданнаго.

Я вѣрую въ сердце Государя — это сердце не можетъ не понять моей исповѣди и не быть моимъ лучшимъ адвокатомъ. — Да будетъ-же надо мной то, что оно подскажетъ ему! — Я готовъ на всякую участь, какая-бы меня ни постигла, но я молю — о помилованьи, которое, если еще не заслужилъ, то заслужу, выпущенный на волю.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТУЛЬЧА

При трехъ губернаторахъ былъ я атаманомъ турецкихъ русскихъ, и такъ какъ съ перемѣной ихъ мѣнялись и мои обстоятельства, то разсказъ мой о Тульчѣ распадется самъ собой на три части.

Первымъ изъ этихъ трехъ губернаторовъ, при которомъ я пріѣхалъ въ Добруджу, былъ Рашидъ-Паша, человѣкъ очень не глупый, вполнѣ европеецъ — онъ семь лѣтъ въ Парижѣ выжилъ — и, что главное, искренно желалъ сдѣлать что нибудь путное для края. Знакомы мы были съ нимъ еще въ Цареградѣ, гдѣ я бывалъ у него по вилковскому дѣлу — и пріѣздъ мой въ Тульчу пріятно поразилъ его. Явившись къ нему съ визитомъ, я откровенно разсказалъ ему — кто я, за чѣмъ пріѣхалъ и что хочу сдѣлать.

— «И прекрасно», сказалъ онъ. «Поселясь здѣсь, вы будете полезны и для края и для правительства, а особенно для меня. Я, признаться, путаюсь съ здѣшними казаками. По казацки* я не знаю, честныхъ переводчиковъ у меня нѣтъ, а сами казаки такъ скверно говорятъ по турецки, что я противъ воли часто рѣшаю ихъ дѣла невпопадъ и, при всемъ желаніи сдѣлать имъ добро, даже, я думаю, зло имъ иногда дѣлаю. Будьте-жъ моей правой рукой и помощникомъ въ дѣлахъ вашихъ соотечественниковъ».

Я объяснилъ ему все, что зналъ объ обидахъ, претерпѣваемыхъ русскими; на вопросъ его объ адресѣ отвѣчалъ то же, что и Садыку, съ просьбой замять дѣло и обратить его даже въ шутку, если возможно. — Онъ понялъ меня и далъ слово не подымать исторіи — такимъ образомъ, въ первое же мое свиданіе съ пашей, мнѣ удалось спасти моихъ земляковъ; начало было хорошее.

— «Ну, — смѣялся Рашидъ, — ужъ если вы такъ держитесь правила, что преступленія надо не казнить, а предотвращать, въ чемъ я съ вами вполнѣ согласенъ, — то возьмите-жъ вы на себя трудъ, чтобъ у насъ не было ни фальшивыхъ монетчиковъ, а ихъ много; чтобъ конокрадство ослабло, чтобы меня безтолковыми и грязными процессами не мучили, — а главное, охраняйте нашъ край отъ заграничной пропа-

* Казакчэ. Турки съ умысломъ не называютъ нашъ языкъ въ Добруджѣ русскимъ (московчэ), чтобы порвать нашу связь съ Россіей.

ганды. Здѣсь что-то странное говорится: на дняхъ здѣсь было нѣсколько венгерцевъ, какъ говорятъ, и они распространяли между болгарами какія-то прокламаціи — я ничего не могъ понять, а вы добьетесь, что это такое, и найдете средства, какъ предупредить».

— «Все сдѣлаю, — сказалъ я, — и ручаюсь вамъ, что съ поселеніемъ моимъ здѣсь, я дѣлаюсь истиннымъ гражданиномъ и патріотомъ Добруджи, и, какъ гражданинъ и патріотъ, не допущу никого вводить мою вторую родину въ какія нибудь политическія дрязги. Пусть этотъ край ни во что не мѣшается, — довольно съ него быть убѣжищемъ для спасшихся отъ политическихъ крушеній и нуждающихся въ покоѣ и въ отдыхѣ. Здѣсь столько разныхъ народностей, что смѣшно и думать о политическомъ его значеніи. — Будьте покойны, все будетъ тихо, я докажу, что умѣю быть благодарнымъ вашему правительству за его гостепріимство намъ».

Въ тотъ же день случай далъ мнѣ возможность перезнакомиться лично со всѣми тульчанскими монетчиками и принудить ихъ прекратить свое производство. Черезъ недѣлю и прочіе неблаговидные промыслы пресѣклись, такъ что въ полтора года моего атаманства ни одинъ русскій не былъ замѣшанъ ни въ одномъ уголовномъ дѣлѣ. Въ тюрьмѣ они постоянно сидѣли, но по дѣламъ относительно мелкимъ: за драку, за буйство, за мелкую кражу, бродяжничество, по подозрѣнію иногда; — въ каторгу ни одинъ не пошелъ. Моя система предупрежденія было очень нехитрая, и, разумѣется, приложить ее можно было только въ Добруджѣ и только при патріархальности тамошнихъ нравовъ. — Узнавъ, что такой-то на руку нечистъ или въ какомъ нибудь «художествѣ» упражняется, — я зазывалъ его въ трактиръ или въ корчму, распивалъ съ нимъ пару чая или оку* вина, велъ съ нимъ разговоръ по душѣ, заставлялъ его разсказывать свои похожденія и разставался съ нимъ лучшимъ его другомъ. Это удивительно дѣйствовало на нихъ, — имъ какъ-то совѣстно становилось продолжать прежнее, они меня щадили, огорчить боялись; мое сочувствіе къ ихъ бѣдамъ и страхамъ исправляло ихъ, а я никогда не давалъ имъ совѣтовъ и нравоученій не читалъ. Я просто интересовался ихъ психологическимъ бытомъ, и мои разспросы, что они чувствовали, когда рѣзали, грабили, сидѣли въ острогѣ, шли сквозь строй или плети пробовали, — заставляли ихъ заглядывать съ свою душу и задумываться надъ своимъ нравственнымъ и умственнымъ состояніемъ; — а стоитъ человѣку взяться за свой психическій анализъ, — и онъ спасенъ. Я же относился къ нимъ сочувственно, безъ упрековъ, безъ проповѣдей; я не унижалъ ихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ, не корилъ ихъ своимъ превосходствомъ — и исповѣдь ихъ передо мною исправляла ихъ. Они помнили, что есть на свѣтѣ человѣкъ, который ихъ понялъ, дорожили моей дружбой — и дѣлались людьми, какъ всѣ люди. И какъ же я изучилъ этотъ трущобный міръ въ Тульчѣ! Какихъ исповѣдей я не наслушался! Тамъ понялъ я, что такое нашъ мужикъ и нашъ преступникъ, и какъ мало нужно нашему преступнику, чтобы спасти его на всю жизнь. Сочувствіе, довѣріе, уваженіе къ его нравственнымъ болямъ, все изъ него сдѣлаютъ, — а пропаганда, какая бы она ни была, никогда его не прошибетъ. Въ этихъ грязныхъ трактирахъ и корчмахъ я узналъ людей и научился любить ихъ, не идеализируя и не требуя отъ нихъ принятія моихъ теорій. Страсть къ падшимъ развилась у меня въ Тульчѣ, — я нарочно отыскивалъ самыхъ закоренѣлыхъ злодѣевъ, я посѣщалъ разбойничьи вертепы даже въ Молдавской Бессарабіи, я не разъ жизнью рисковалъ для сближенія съ этими выродками человѣчества, — и всегда разставался съ ними дружески и никогда не слышалъ, чтобы кто изъ новыхъ моихъ друзей по-

* Двѣ бутылки шампанскаго составятъ одну оку.

падался или былъ замѣшанъ въ какое темное дѣло. А между тѣмъ, они вовсе не считали меня самого какимъ нибудь безупречнымъ человѣкомъ или учителемъ ихъ. Не отъ одного изъ нихъ слышалъ я дурака, за то, что бунтовщикъ, что противъ царя иду, что съ поляками дружу; ни одинъ изъ нихъ не пошелъ бы за мною на «баррикады». Дружба была дружбой, а «отеческое преданіе» ихъ такъ и оставалось «отеческимъ преданіемъ», о разрушеніи котораго даже и думать было нечего.

И съ тяжбами я завелъ такой же порядокъ. Являлся кто съ искомъ ко мнѣ, прося доложить дѣло пашѣ — я требовалъ, чтобы онъ привелъ свидѣтелей и доставилъ документы, говоря, что не могу жъ я безпокоить пашу, не разобравъ толкомъ дѣла. Когда онъ доставлялъ мнѣ все, что было нужно, я брался за противника, и съ него требовалъ доказательствъ, чтобъ не вводить его понапрасну въ убытокъ и чтобъ грѣха на совѣсть не брать, — подымая неправое дѣло. Результатъ выходилъ всегда блестящій: дѣло разъяснялось само собой, да такъ разъяснялось, что тяжба становилась невозможной, — и въ полтора года моего атаманства не было ни одной тяжбы русскаго съ русскимъ: — все рѣшалось за самоваромъ или за графиномъ вина. (Безъ вина въ Добруджѣ ничего не дѣлается — его пьютъ какъ воду, да оно и не крѣпко тамъ.)

Политическихъ дѣлъ, разумѣется, никакихъ не случалось. Венгерцы оказались выдумкою полиціи и неумѣренно ревностныхъ друзей правительства, — а прокламаціи были тѣ самыя, которыми, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, Разноцвѣтовъ украшалъ кабаки. Паша посмѣялся, — тѣмъ дѣло и кончилось.

Добился я права посѣщать тюрьму, настоялъ, чтобъ ее почище держали; уничтожилъ преслѣдованіе безпаспортныхъ, не имѣющее уже никакого смысла въ этомъ краю, гдѣ 99% населенія — бѣглые; пьянство — немножко присмирилъ, словомъ, дѣлалъ все, что могъ, не жалѣя ни трудовъ, ни времени.

Каждое утро, часовъ въ 9-ть, я являлся въ кабинетъ паши съ списокомъ русскихъ дѣлъ и съ докладными записками по тѣмъ изъ нихъ, которыя были посложнѣе, — мы вмѣстѣ разбирали ихъ и, что можно было, тутъ же и рѣшали. Отъ паши шелъ я, атакованный просителями, въ чайную, — такъ называютъ на Югѣ трактиры, въ которыхъ, кромѣ чая, ничего не подается, — и тамъ, усиживая стаканъ за стакапомъ, рѣшалъ споры, выслушивалъ жалобы и сообщалъ рѣшенія. Чайная эта была самымъ удобнымъ мѣстомъ для меня, по близости своей къ присутственнымъ мѣстамъ, — я же жилъ далеко, да и непріятно было-бы дѣлать изъ своего дома сборное мѣсто всякихъ крикуновъ и спорщиковъ. Въ часъ я заходилъ домой пообѣдать и приготовить вечерніе доклады, въ два былъ опять у паши, а въ пять, когда кончается присутствіе, уходилъ домой изнуренный и оглушенный до нельзя. — А бывали дни, что дѣлъ по тридцати проходило черезъ мои руки, что разъ шесть нужно было входить къ пашѣ, не считая бѣготни въ чайную, посѣщенія тюрьмы, любезничанья съ полицеймейстеромъ и съ русскимъ купечествомъ, выслушиванія всякихъ сплетенъ, городскихъ и политическихъ новостей. — И такая жизнь мнѣ какъ нельзя болѣе нравилась — она наводила на меня самозабвеніе, заглушала горечь моего разочарованія. — Я чувствовалъ себя полезнымъ — и былъ счастливъ.

И домашнія мои дѣла шли хорошо. Понемножку я обзавелся мебелью, посудой; являлась даже возможность завести правильную канцелярію и заложить школу для дѣтей Тульчанцевъ. У брата моего была уже школа. Пріѣхавъ въ Добруджу раньше меня, онъ ничего не добился отъ Аркадія, кромѣ обѣщаній, и сидѣлъ безъ денегъ, въ такое время, когда и я ничего не могъ выслать. Староста русскихъ — такъ тамъ малорусовъ называютъ — предложилъ ему устроить школу, и онъ съ радостью ухватился за это предложеніе. Но школа его шла плохо: дѣтей было мало,

всего человѣкъ десять, плата за каждаго въ мѣсяцъ — около 60-ти копѣекъ (10 піастровъ), такъ что ему жить было нечѣмъ. А работа была каторжная — съ ранняго утра до поздняго вечера долженъ былъ онъ мучить ихъ азбукой, складами, часословомъ и псалтыремъ. Руснаки, отъ которыхъ онъ былъ въ зависимости, никакъ не соглашались позволить ему учить по болѣе раціональной методѣ и строго требовали, чтобы онъ не вводилъ ни исторіи, ни географіи.

Географія-то особенно имъ не нравилась: «мы не мериканцы, мы землею живемо, чого-жь дѣтей заводити будете въ пучины морскія, и чого имъ знати про тѣ пучины? Якъ они ихъ узнаютъ, и земли не захочутъ орати. А ну ее къ бѣсу, гограхвію, — мы православные! не мериканцы!» — Обидно, невыносимо тяжело было брату подчиняться этимъ дикарямъ и сознательно отуплять своихъ учениковъ. Пріѣздъ нашъ, котораго онъ не ждалъ, былъ большой для него радостью; мое значеніе при пашѣ сильно и его подняло въ глазахъ руснаковъ, а вскорѣ удалось мнѣ добыть ему мѣсто въ миссіонерской американской школѣ, о которой мнѣ придется говорить ниже. Жалованье тамъ было семь червонцевъ (21 р. с.), преподаваніе болѣе обширное и съ поползновеніемъ на раціональность. Такимъ образомъ, доходы наши увеличились, а мы стали затѣвать принять къ себѣ еще какого нибудь бѣдствующаго эмигранта, который могъ бы замѣнить брата въ американской школѣ, а братъ сталъ бы или моимъ помощникомъ при пашѣ, или завелъ бы свою собственную школу. Мы предложили Герцену эту высылку къ намъ эмигрантовъ, въ которыхъ мы, сверхъ того, еще потому нуждались, что въ Тульчѣ не съ кѣмъ было даже умнаго слова сказать. Ни по сочувствіямъ, ни по убѣжденіямъ, мы не могли сойтись ни съ кѣмъ изъ консуловъ или адвокатовъ, медиковъ, агентовъ и прочихъ образованныхъ людей въ Тульчѣ. Ихъ фразы о Франціи, о конституціи или республикѣ были намъ ножъ острый, а ихъ самодовольствіе возмущало намъ душу. Русскихъ людей намъ нужно было, съ умомъ любящимъ анализъ, людей безъ предразсудка и безъ политическаго катехизиса. Эберманъ, единственный нашъ пріятель тогда, хоть былъ и не глупый малый, но не удовлетворялъ насъ по недостатку свѣдѣній, да и Герценъ, узнавъ, что онъ въ Тульчѣ учителемъ молоканской школы, требовалъ его изгнанія, какъ шпіона. Жалко мнѣ и Эбермана было, да и Герцену, котораго я искренно любилъ, какъ человѣка, нельзя было отказать. Эберману и тогда хотѣлось ѣхать въ Россію, — я началъ было устраивать ему складчину, но она не удалась, а тѣмъ временемъ онъ имѣлъ неосторожность перессориться съ молоканами, остался безъ куска хлѣба, — и пришлось взять его къ себѣ. Занятія ему я не могъ найти, — онъ языковъ не знаетъ: такъ, то у меня, то Богъ знаетъ гдѣ и чѣмъ, прожилъ онъ все время въ Тульчѣ, гдѣ я его и оставилъ въ апрѣлѣ 1865 года.

Никогда мнѣ такъ хорошо не жилось, какъ въ началѣ этого 1864 года. Усталый отъ трудовъ, но довольный, что и этотъ день мнѣ удалось хоть кому нибудь сдѣлать добро, приходилъ я домой, гдѣ меня ждали братъ, жена и дочь, гдѣ я могъ отдохнуть за дѣльнымъ разговоромъ или вмѣстѣ съ ними помечтать объ устройствѣ нашего будущаго. Эмигранты, которыхъ мы ждали въ товарищи, должны были примкнуть къ нашей семьѣ, и жалованье свое, — были тогда мѣста въ Тульчѣ при телеграфѣ, при конторахъ и т. п., они вносили бы въ общую кассу. Вмѣстѣ работая, развѣ не могли бы мы поднять уровень просвѣщенія Добруджи? Развѣ не могли бы открыть тамъ гимназію? ввести правильное пчеловодство и садоводство? болгарскій журналъ заложить? — Легко было намъ на душѣ, рады мы были нашему удаленію отъ политическихъ бурь, — будущность была свѣтла... Герценъ, впрочемъ, не былъ доволенъ моимъ разочарованіемъ, дружески упрекалъ меня въ немъ и, боясь моего вліянія на брата, звалъ его въ Лондонъ для свиданія. И я, и братъ, мы

оба радовались этой поѣздкѣ. Брату хотѣлось посмотрѣть Европу и Герцена, — я радовался за брата. Хорошо жилось, — я не помню, чтобъ когда нибудь мнѣ было такъ хорошо въ жизни, — я никогда не забуду этихъ вечеровъ въ нашей хатѣ, этихъ дружескихъ споровъ, пѣсней брата и Эбермана, у которыхъ были славные голоса, — толковъ о будущемъ. Казалось, что счастье наше прочно, что нашъ кружокъ, — мы такъ любили и уважали другъ друга, — никогда не разрушится... Впереди было свѣтло, — и вдругъ... А это было благоуханной южной весной.

Вышелъ я утромъ изъ дому и зашелъ въ чайную, поджидая просителей. Голова что-то была тяжела, стало ломить руки и ноги. Я пощупалъ пульсъ, — онъ билъ лихорадку. Черезъ полчаса я уже съ большимъ трудомъ добрался до дому, — а вечеромъ лежалъ безъ памяти. Что происходило эти двѣ недѣли тифа, я ничего не зналъ; медики не надѣялись меня спасти, но героическія ихъ средства, или сама природа, подняли меня на ноги. Выздоровленье шло медленно, но черезъ мѣсяцъ, я уже совершенно оправился, — а братъ сталъ слабѣть. Онъ чувствовалъ какое-то одеревенѣніе во всѣхъ членахъ и поминутно засыпалъ. Какъ ни боролся онъ съ болѣзнью, которая медленно къ нему подходила, тогда какъ меня разомъ сшибла съ ногъ, — свалился и онъ. Доктора не придавали большой важности его болѣзни, и онъ дѣйствительно не былъ такъ страшенъ, какъ я, и поправляться даже началъ. Ухаживая за нимъ, мы съ женой дежурили по ночамъ у его постели, одну ночь она сидѣла, другую я.

— «Вставай, разбудила она меня одно утро, я устала сидѣть и вздремну немножко, а ты пойди къ брату. Это должно быть послѣдній разъ мы не спимъ по ночамъ, — ему сегодня гораздо лучше».

Я взялъ книгу — какую-то безпоповскую рукопись — и перешелъ въ комнату брата. Ему въ самомъ дѣлѣ было лучше, — я принялся за чтеніе. — Метаться онъ сталъ, точно его подергивало, — я сначала ничего не подозрѣвалъ. Подергиванья становились сильнѣй и сильнѣй, — онъ вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ. Страшная мысль мелькнула у меня въ головѣ: я послалъ за докторомъ, — доктора не могли добудиться. Послалъ за цирюльникомъ, — тоже не добудились. Я самъ открылъ ему жилу, — кровь не пошла...

Онъ умеръ на моихъ рукахъ. Онъ умеръ — и съ нимъ все пошло прахомъ. Злоба и отчаяніе закипѣли у меня на сердцѣ. Мнѣ не вѣрилось, что я переживу его. Я ходилъ, какъ помѣшанный. Я никого такъ не любилъ, какъ брата. — У меня словъ не хватаетъ и силы не хватаетъ разсказать объ этомъ ужасѣ.

Рашидъ-паша оставилъ Тульчу во время моей болѣзни. Его отозвали въ Цареградъ и сдѣлали генералъ-губернаторомъ Смирны. На его мѣсто поступилъ Сабри-паша, его пріятель и товарищъ по парижской жизни. Это былъ то-же превосходный человѣкъ, но онъ былъ присланъ въ Добруджу на время, до введенія вилаетовъ (генералъ-губернаторствъ), которые тогда замышляло правительство, и которые должны были Добруджу, — доселѣ самостоятельный пашалыкъ, — подчинить Рущуку. Поэтому Сабри не смотрѣлъ серьезно на наши дѣла и не затѣвалъ ничего новаго, стараясь только не утратить и не разрушить того, что было сдѣлано его предшественникомъ.

Было лѣто, — рабочая пора, — дѣлъ стало мало. Жалованье мое не приходило изъ Цареграда, только разъ я его и получилъ. Я писалъ Садыку и Алеону, его пріятелю и банкиру Порты, — мнѣ отвѣтили сухо, что во мнѣ не нуждаются. Я ничего не понялъ, но у меня была семья, — пришлось искать работы, и я, скрѣпя сердце, занялъ мѣсто брата въ американской школѣ, хотя совершенно не гожусь быть учи-

телемъ. Уже не бѣдность, а нищета начала меня преслѣдовать, нищета неизлѣчимая, которая, какъ бездонная кадка, поглощала всѣ мои маленькіе доходы.

Все пропало: вѣрованья, братъ, надежды, самая возможность жить по человѣчески. Тоска щемила сердце, и тоска эта тѣмъ была страшна, что умъ не могъ пріискать исхода. Агитаторство стало также невозможнымъ, какъ воскрешеніе брата, потому что нельзя же агитировать безъ вѣры, — а какъ было вѣрить, когда кругомъ все говорило, что моя прошлая дѣятельность была не только ошибка, но просто-напросто водотолчепье, когда русскіе люди, между которыми и я жилъ, и которыхъ я въ первый разъ въ жизни изучалъ, не только воспринять, по даже понять не могли нашихъ ученій. Я въ Лондонѣ расчитывалъ сдѣлать ихъ пропагандистами нашего дѣла, — а они твердо убѣждены, что всякое вмѣшательство ихъ во внутреннія дѣла Россіи было-бы преступно: «мы здѣсь за границей живемъ и тамошнихъ дѣловъ не понимаемъ. Коли тамъ что нужно сдѣлать, такъ тамъ найдутся люди, и сами сдѣлаютъ — имъ тамъ виднѣй». Простонародье ни за что не возьмется за какую нибудь пропаганду: «мы люди маленькіе, гдѣ намъ о такихъ дѣлахъ думать! да и кто насъ послушаетъ!» — А «вельможи» заняты своими торговыми и промышленными дѣлами и ни за что не хотятъ впутываться въ политику, чтобы не разстроить этихъ дѣлъ. Безъ согласія-же «вельможъ» народъ ни шагу не сдѣлаетъ. Буржуазія — аристократія и у насъ, и будь побольше этой буржуазіи въ Добруджѣ, не были бы такъ дики тамошніе русскіе, потому что былъ бы у нихъ высшій классъ, проводникъ хоть какихъ нибудь идей и манеръ. Въ Россіи считаютъ расколъ орудіемъ купечества, — но то же самое происходитъ и въ Англіи, и въ Америкѣ. Масса вездѣ подчиняется богатымъ людямъ, которые даютъ ей работу, и у которыхъ можно, въ случаѣ нужды, призанять. Независимому человѣку всѣ льстятъ, и всѣ къ нему поддѣлываются. Поэтому его слово становится закономъ, и его мнѣнія, собственныя или заимствованныя, — обязательною религіей. Будь я милліонеръ, будь у меня заводы или фабрики въ Тульчѣ, — можетъ быть, и удалось бы мнѣ найти послѣдователей, какъ польскимъ аристократамъ, — но бѣдняку ничего нельзя сдѣлать. Впрочемъ, еслибъ и былъ я богать, я уже не въ силахъ былъ агитировать: вѣра пропала, — а съ нею и сила, и энергія. Только вѣра можетъ чудеса творить, — скептикъ безсиленъ.

Убитый, мрачный, злой, училъ я ребятишекъ всякимъ цѣпнымъ правиламъ, географіи, языкамъ. Тоска давила, говорить только съ женой могъ, но и она была тоже подавлена этой ужасной потерей, какъ вдругъ явился къ намъ русскій эмигрантъ изъ Парижа. Чуть ему на шею не бросился я, когда онъ мнѣ подалъ письмо отъ Герцена, — я думалъ, что будетъ у меня хоть съ кѣмъ слово сказать...

Михаилъ Семеновичъ Васильевъ говорилъ, что онъ поручикъ какого-то пѣхотнаго полка, изъ стоявшихъ въ Варшавѣ; убѣжденія не позволили ему идти противъ поляковъ, — и онъ эмигрировалъ. Вотъ и все, что онъ о себѣ разсказалъ. Языковъ онъ не зналъ, но занимался ими, равно какъ и всѣми науками, а особенно астрономіей, технологіей, агрономіей, и вообще отзывался, что кто, какъ онъ, десять лѣтъ находился съ полкомъ, тотъ всему научится. И началась моя пытка: то онъ просилъ меня посмотрѣть его астрономическія вычисленія, — основанныя на показаніяхъ академическаго «Мѣсяцеслова»! — во сколько дней, часовъ, минутъ и секундъ земля обращается вокругъ солнца. Цѣлую недѣлю онъ дѣлалъ какія-то выкладки, и одинъ день сообщалъ мнѣ, что истинный годъ состоитъ изъ 339 1/4 дней, а на другой день извинялся въ ошибкѣ и объявлялъ, что земля обращается въ 375 дней 9 часовъ, 3 минуты, 10 секундъ, 20 терцій!! — и унять его нельзя было. Спорилъ о французскомъ языкѣ и увѣрялъ, что въ Парижѣ самъ слышалъ, какъ французы спрягаютъ être:

онъ былъ — il ete, а она была — elle eta (или etat, не знаю, какъ это и написать). «Я все знаю, говорилъ онъ при каждомъ случаѣ, меня ужъ нечего учить! Кто десять лѣтъ съ полкомъ выходилъ...» И вотъ, пришлось выслушивать проекты измѣненія русской азбуки, — а онъ Ѣ не умѣлъ поставить, — и просматривать его пробы писанья по русски то польскими, то собственнаго издѣлія буквами. Женѣ моей хозяйничать не далъ, — самъ взялся, перегноилъ пропасть мяса, огурцовъ, дынь. Ваксу не позволилъ покупать, а самъ сталъ дѣлать, перепачкалъ сажей и дегтемъ весь домъ, перебилъ пропасть посуды... Чернильную фабрикацію открылъ. — Мы съ женой все терпѣли, все спускали, мы надломлены были до безсилья, — но онъ взялся за воспитаніе моей дочери (я все знаю, я все умѣю), — а этого я не могъ позволить и возстановилъ свои хозяйскія права. Побунтовалъ онъ, поворчалъ, но призналъ мою власть и пошелъ удивлять Тульчу своими совѣтами и проектами реформъ. — За что только ни брался этотъ человѣкъ! И новыя секты какія-то сочинялъ, и рыбой торговалъ, и буфетчикомъ въ чайныхъ дѣлался, и новые костюмы проектировалъ, и дѣтей учить принимался. Не знаю, гдѣ онъ теперь, но увѣренъ, что не унялся. И ко всему этому, онъ былъ крайне скупъ, скрытенъ, жаденъ, во все мѣшался, какъ его ни обрывали, и довелъ меня впослѣдствіи до того, что я его выгналъ изъ дому; а я человѣкъ въ высшей степени сноснвый и уступчивый.

Понятно, что пріѣздъ такого товарища только хуже сдѣлалъ. Прошло еще мѣсяца съ два. Въ августѣ, я думаю, явился въ Тульчу Сливовскій, о которомъ я поминалъ выше. Это человѣкъ не глупый, довольно образованный, безъ претензій и мнѣ весело было, что онъ у меня поселился и занялся уроками музыки, — было хоть слово съ кѣмъ сказать. Въ одно время съ нимъ явился и другой эмигрантъ, артиллерійскій штабсъ-капитанъ Петръ Ивановичъ Краснопѣвцевъ, одинъ изъ участниковъ адреса Герцену русскихъ офицеровъ въ Польшѣ. Тогдашнее настроеніе и личная ссора съ начальникомъ (Борозда? Бороздинъ?) побудили его бѣжать изъ полка и сдѣлаться повстанцемъ, — онъ, кажется, адъютантомъ былъ у Крука. Это былъ человѣкъ, по крайней мѣрѣ умный, съ которымъ можно было слово сказать, и который могъ только возражать на мучившіе меня вопросы. Оживилось у меня опять, какъ-то легче стало, какъ-то и будущее стало свѣтлѣй казаться — опять возникли надежды, и опять стали планы строиться. Заведеніе гимназіи въ Тульчѣ было моею любимою мечтою, и Сливовскій съ Краснопѣвцевымъ отнеслись къ ней съ сочувствіемъ. Но насъ троихъ было мало для начатія этого дѣла, — Краснопѣвцевъ же ни одного языка не зналъ, а языки въ Турціи условіе необходимое, — нужно было пополнить нашу общину. Я поѣхалъ въ Галацъ поискать между поляками, которыхъ тамъ было около сотни въ то время, не найдется ли кого нибудь, желающаго сдѣлаться намъ братомъ и полезнымъ помощникомъ. Если-бъ нашелся, то гимназія на всю Добруджу и Бессарабію мигомъ бы устроилась. Домъ можно было нанять рублей за десять, да рублей на десять устроить столы и лавки, — а насчетъ спаленъ и т. п. нравы въ тѣхъ краяхъ такъ не взыскательны, что рогожка на полу удовлетворитъ любого русскаго или болгарина. Потребность же въ хорошемъ училищѣ, не носящемъ ни малѣйшаго пропагандистскаго характера, очень велика.

Въ Галацѣ я нашелъ много студентовъ поляковъ, — а въ то время для меня слово студентъ еще не утрачивало своего обаянія. — Къ полякамъ же я обратился и между ними искалъ товарищей — вовсе не по особому сочувствію къ нимъ — русскихъ тамъ нѣтъ, французовъ и нѣмцевъ я не совсѣмъ люблю, да они-бы и не годились для славянской гимназіи, а поляки, что бы они ни думали о русскихъ, никогда-бы не могли дѣйствовать противъ моихъ плановъ, уже просто потому, что я былъ и ихъ начальникомъ — всѣ выходцы изъ Россіи были мнѣ подвѣдомственны, въ томъ числѣ

даже евреи. Сверхъ того, новая польская эмиграція въ то время не начинала еще разлагаться. Ненависти къ русскимъ въ ней не было, какъ не было и упорной вѣры въ принадлежность Польшѣ Западнаго края, что въ старыхъ эмигрантахъ доходитъ до маніи. Въ Повстаньѣ участвовали не столько по принципу, сколько изъ удали, по общему оппозиціонному духу, охватившему тогда Россію. Пройдетъ еще два-три года, и новая эмиграція, разумѣется, освирѣпѣетъ до ненависти къ намъ, потому что не будетъ въ столкновеніи съ русскими, и потому, что нужда и тоска по родинѣ заставятъ ее видѣть въ каждомъ русскомъ личнаго врага. Исключенія вездѣ есть, но en masse, новые эмигранты далеко еще не потерянные люди, и, будь я не опальнымъ, я давно бы довелъ ихъ до уступокъ правительству. Я, коротко знаю поляковъ и совершенно убѣжденъ, что мы могли-бы не только примириться съ ними, но даже воспользоваться ими, какъ пропагаторами всеславянскаго государства. Теперь они на Австрію молятся, — отчего-жъ нельзя заставить ихъ молиться на насъ? а изъ нихъ однимъ ласковымъ словомъ можно сдѣлать, что угодно. — Если я когда нибудь буду помилованъ, и если правительство довѣритъ мнѣ, я войду въ переговоры съ эмиграціей, что мнѣ такъ легко сдѣлать, при множествѣ связей съ нею и при знаньи ея быта, ея вѣрованій и ея jargon'а. Предводители ея, разумѣется, станутъ ломаться и заявлять невозможныя требованія, но большинство мигомъ можно отвлечь отъ нихъ. А чуть это большинство будетъ на нашей сторонѣ, за разныя пустыя уступки, которыя можно имъ сдѣлать, не нарушая ни нашего достоинства, ни нашего государственнаго единства, ни нашихъ правъ на Западный край, — то, во первыхъ, и предводители потеряютъ вліяніе, а, во вторыхъ, и Царство Польское успокоится, потому что оно вѣчно фантазируетъ, будто эмиграція хлопочетъ за него на Западѣ, да и тоскуетъ по ней, такъ какъ у каждаго есть въ ней друзья и родные. Время-же для этого теперь благопріятное: главный пособникъ поляковъ — Наполеонъ — вынужденъ искать въ насъ опоры. Если-бъ я могъ, оставаясь изгнанникомъ, войти съ ними въ серьезные переговоры, — я-бы не воротился покуда въ Россію. Однимъ изъ моихъ главныхъ побужденій къ этому возвращенію была именно невозможность быть полезнымъ ей въ опалѣ. — Я много могъ сдѣлать при моихъ связяхъ и при моемъ знаніи всѣхъ этихъ mystères d'Europe, — но безъ согласія правительства нечего и затѣвать было; а согласіе нужно было заслужить, нужно было доказать мою искренность: я и сдался ему въ залогъ своего чистосердечія.

Въ Галацѣ выбралъ я двухъ: кіевскаго студента Станкевича, украйнофила въ польскомъ смыслѣ, который принадлежалъ къ отряду казаковъ полковника Вылежинскаго, и чеха Шварца, натуралиста, технолога, кончившаго курсъ въ Прагѣ и бѣжавшаго за границу отъ преслѣдованій нѣмцевъ. Этихъ двухъ было заглаза довольно, — но, на бѣду, къ нимъ прицѣпилось еще двое: галицкій русскій Левицкій и чехъ Дауша, тоже технологъ. Они ѣхали въ Тульчу искать хоть какихъ нибудь занятій и просили позволить хоть нѣсколько дней пожить у меня, пока что нибудь не сыщется. Я отговаривалъ ихъ отъ этой поѣздки, зная, что въ Тульчѣ имъ ничего не найти, но они настаивали, — а въ гостепріимствѣ я никому еще не отказывалъ.

Пріѣздъ ихъ, въ ноябрѣ 1864 г., совпалъ съ пріѣздомъ новаго губернатора Ахмедъ-Расимъ-паши, уже зависѣвшаго отъ Рущуцкаго вали (генералъ-губернатора) Мютадъ-паши, который въ настоящее время сталъ извѣстенъ своими звѣрствами надъ возставшими болгарами. — Пошли реформы, смѣны чиновниковъ, сдѣлалась неизбѣжная путаница, и явился невиданный и неслыханный въ Турціи формализмъ и бюрократизмъ. Ни чиновники, присланные нарочно изъ Царьграда, ни паша — реформаторъ, ни нашъ братъ, смиренный рая, никто не могъ толку добиться въ этомъ хаосѣ. Мнѣ и всѣмъ русскимъ стало положительно хуже: по старому, патріархаль-

ному порядку, всѣ дѣла рѣшались словесно, по совѣсти и крайнему разумѣнію паши или кади; а если ни тотъ, ни другой не могли добиться толку, — что у насъ часто бывало по незнанію русскими турецкаго языка, — то совѣтомъ нашихъ же стариковъ. Несправедливостей и злоупотребленій, разумѣется, было много, но онѣ искупались быстротой дѣлопроизводства, тогда какъ новый порядокъ, при всей его сложности, ничѣмъ не гарантируетъ противъ злоупотребленій. Прежде рѣшали по совѣсти, да по здравому смыслу, — а теперь по закону, котораго никто не знаетъ, не уважаетъ, и которому не вѣрятъ. Будь турецкіе чиновники люди образованные, можетъ быть, и была бы возможность управлять Турціей по закону, но такъ какъ, (за исключеніемъ нѣсколькихъ пашей, развитіе которыхъ состоитъ въ знаніи французскаго языка, въ умѣньи полькировать, да отпускать гуманныя фразы) — всѣ они не развитѣе нашихъ лабазниковъ или волостныхъ писарей, то и не могутъ способствовать введенію европейскихъ порядковъ, недоступныхъ ихъ пониманію и противурѣчащихъ ихъ привычкамъ и преданіямъ. — Какъ-бы то ни было, но участіе мое въ управленіи края необходимо уменьшилось.

Едва я воротился изъ Галаца съ своими гостями, какъ одинъ изъ нихъ, Шварцъ схватилъ тифъ. Не успѣлъ онъ поправиться, Дауша и Станкевичъ свалились съ ногъ. Тифъ, или что-то въ родѣ тифа, постигаетъ всѣхъ новичковъ въ устьяхъ Дуная, состоящихъ изъ огромныхъ заливныхъ луговъ, называемыхъ «плавнями». Дочка моя тоже захворала, да и я былъ не здоровъ, — отъ моей болѣзни у меня осталось какое-то странное пораженіе ногъ, обнаруживающееся одеревенѣніемъ, а тогда открывшееся язвами. Пришлось сидѣть дома, но Шварцъ занялъ мое мѣсто въ школѣ, а Краснопѣвцевъ еще и прежде былъ моимъ помощникомъ въ ней. Болѣзни эти окончательно разстроили наши финансы, и мои товарищи напали на меня, зачѣмъ я не открываю гимназіи. Я ходить не могъ и просилъ ихъ осмотрѣть указанные мною дома, сторговаться, заказать мебель, — но ни одинъ не двинулся. Они до того привыкли смотрѣть на меня, какъ на своего вожака и начальника, что у нихъ энергіи даже не хватало шагъ самимъ сдѣлать въ какихъ-бы то ни было пустякахъ. Они вѣрили въ меня, какъ въ Бога, а какъ у меня отнялись ноги и я не могъ бѣгать по дѣламъ всей нашей общины, какъ пришлось ей стѣсниться въ денежныхъ дѣлахъ, такъ они и духомъ упали, и обвинили меня въ недѣятельности, хотя сами на боку лежали. Кончилось все тѣмъ, что въ одно прекрасное утро они оставили меня и разселились по Тульчѣ въ разсыпную, существуя занятіями, которыя я-же имъ доставилъ, а въ томъ числѣ и учительствомъ, главнѣйшимъ моимъ доходомъ. Оставили меня, какъ нарочно, въ такой именно день, когда въ домѣ не было ни копѣйки денегъ, ни полѣна дровъ.

Глубоко оскорбилъ насъ съ женой этотъ безчеловѣчный поступокъ, эта черная сторона человѣческаго характера, существованія которой мы даже не подозрѣвали въ людяхъ, а уже тѣмъ болѣе въ этихъ. Жену мою это такъ потрясло, что даже здоровье ее поколебалось, и съ этой минуты она начала таять и таять.

Дѣлишки я свои скоро опять поправилъ, но оскорбленіе вошло во внутрь, и тоска стала душить пуще прежняго. Пуще прежняго мысль моя сосредоточилась на убѣжденіи, что съ людьми ничего нельзя сдѣлать путнаго, даже будь они развиты, какъ угодно. Мизантропомъ я не сдѣлался, — но я сталъ смотрѣть на человѣчество, какъ на неизлѣчимаго сумасшедшаго, который не отвѣтственъ за свои поступки, и которому ничѣмъ не пособить. Я рѣшился, не мудрствуя лукаво, быть съ людьми осторожнѣе, сколько можно меньше связываться съ ними, но все же помогать имъ, чѣмъ могу, для облегченія ихъ страданій, которыя они сами навлекаютъ на себя своей безпутностью. Это скоро пришлось приложить и на практикѣ. Разсыпавшіеся

товарищи мои, не поддерживая другъ друга, бѣдствовали до невозможности, ссорились и по очереди валились въ тифъ. Въ болѣзни я ихъ не оставилъ посильной помощью, — это примирило ихъ со мною, хотѣли они было опять перебраться ко мнѣ, но я уже потерялъ вѣру въ послѣдній мой золотой сонъ. Между тѣмъ Шварцъ, Сливовскій и Станкевичъ получили возможность кой какого существованія. Дауша съ Левицкимъ куда-то уѣхали, а Краснопѣвцевъ сдержалъ свое слово, которое мы всѣ принимали въ шутку, — онъ удавился на ремнѣ отъ брюкъ. — Еще въ Парижѣ онъ собирался удушить себя окисью углерода, но товарищи, съ которыми онъ тамъ жилъ, выломали дверь и привели его въ чувство, а у него уже нога обгорѣла, свѣсившись съ постели прямо на жаровню съ угольями. Въ Тульчѣ онъ, какъ и Васильевъ, сильно ошибся, — онъ думалъ, что я завожу тамъ какой-то революціонный очагъ и ѣхалъ прямо въ унтеръ-агитаторы, а пришлось работать, да еще не зная языковъ. Въ американской школѣ его обидѣли. Полуграмотный учитель низшаго класса получалъ тамъ 11-ть червонцевъ (33 р. с.) въ мѣсяцъ, за то только, что онъ молоканъ, — а Краснопѣвцеву, который не могъ содѣйствовать обращенію русскихъ въ методизмъ, дали всего 4 червонца, да и то покуда молоканъ не воротится къ своимъ занятіямъ. Это, а равно и безцѣльность жизни, сознаніе своей ненужности, усталь — все наводило его на мысль о самоубійствѣ. Въ воскресенье (какъ-то великимъ постомъ) онъ зашелъ ко мнѣ очень веселый, много шутилъ и по обыкновенію толковалъ о томъ, что повѣсится.

— «Что-жъ! доброе дѣло, Петръ Ивановичъ», смѣялся я, какъ обыкновенно дѣлается при подобныхъ разговорахъ, «я могу даже веревкой васъ снабдить, — вонъ въ саду какая длинная и крѣпкая протянута у меня для бѣлья...»

— «Э — нѣтъ-съ, — позвольте-съ, — на веревкѣ не слѣдуетъ-съ. И больно и непріятно. Я вотъ на этомъ ремнѣ сію операцію совершу. — Аккуратнѣй выдетъ».

Мы посмѣялись надъ его предусмотрительностью, еще о чемъ-то потолковали, — и онъ ушелъ. Гдѣ онъ пропадалъ цѣлый вечеръ и ночь, — неизвѣстно. Видали его въ разныхъ концахъ города, но утромъ Сливовскій и Шварцъ, съ которыми онъ жилъ, бросились его разыскивать, — за нимъ никогда не водилось опаздывать въ школу или ночевать не дома. Я тоже пустился въ поиски, — какъ вдругъ одинъ знакомый сказалъ мнѣ, что какой-то еврей повѣсился на крылѣ вѣтряной мельницы. — Я понялъ, что это былъ бѣдный Краснопѣвцевъ, котораго многіе принимали за еврея, по его совершенно еврейскому типу лица.

Горько меня поразила смерть этого не глупаго и честнаго человѣка, котораго я очень любилъ. Перенесъ я тѣло къ себѣ, похороны справилъ, — и тутъ же мы окончательно рѣшили съ женой бросить этотъ несчастный для насъ городъ и воротиться въ Западную Европу, гдѣ я могъ-бы жить своимъ перомъ. Смерть брата потрясла меня такъ глубоко, что я совершенно переродился. До того у меня не было способности писать прямо на чисто, какъ я теперь пишу, — я все обдумывалъ, перечеркивалъ... Если-бъ я въ Лондонѣ или въ Цареградѣ вздумалъ писать эту исповѣдь, я бы въ годъ не справился съ нею, а теперь — сегодня двадцать второй день, что мнѣ дали бумагу, перья и чернила, и у меня уже двѣнадцать печатныхъ листовъ написано. Горе по братѣ, сильное нравственное потрясеніе, вдругъ породило во мнѣ потребность писать и способность писать складно. Первое, за что я принялся, — были мои «Черныя Думы», отрицаніе всѣхъ революціонныхъ и философскихъ положеній, отрицаніе полное, не замѣнявшее ничѣмъ опровергаемаго и страшное по пустотѣ, которую оно оставляло на мѣстѣ разбитыхъ идеаловъ. Въ этихъ «Черныхъ Думахъ» даже поэзія своего рода была, и поэзія сильная, — у меня желчь отъ бѣшенства клокотала, сарказмъ смѣнялся сарказмомъ, проклятіе міру, его законамъ, людямъ, жизни

и смерти, небу и аду, кипѣло на каждой строкѣ, и мои товарищи въ Тульчѣ въ ужасъ приходили, когда я имъ читалъ эти вдохновенныя строки, въ которыхъ отчаяніе мое высказывалось въ такихъ смѣлыхъ образахъ и въ такихъ дерзкихъ аллегоріяхъ. — Эти «Думы» никогда не появятся въ печати, — онѣ потеряны въ Галацѣ, а писать что нибудь въ этомъ могучемъ родѣ, который только мнѣ и принадлежалъ, я больше не въ состояніи. Дарованіе вспыхнуло во мнѣ бурею, пламенемъ, неожиданно явилось и постепенно погасло. Послѣднее время — послѣдній годъ — я уже ни разу не ощущалъ въ себѣ этихъ нѣкогда знакомыхъ мнѣ приливовъ вдохновенія и изступленія, — да и нравственное состояніе мое теперь совершенно другое: у меня снова есть и вѣра, и надежда, и идеалы, для которыхъ я могу работать. — Кромѣ «Черныхъ Думъ», я принялся за повѣсти, но до сихъ поръ не былъ вполнѣ доволенъ тѣмъ, что у меня было написано, и ничего не печаталъ, хотя, если буду имѣть возможность, я думаю написать одинъ романъ изъ быта подобныхъ мнѣ эмигрантовъ и, въ этомъ романѣ, не церемонюсь раскрыть всѣ ужасы и всю нелѣпость этого быта. — Увѣренный въ своихъ способностяхъ, я писалъ письма въ разныя редакціи и старымъ знакомымъ, спрашивая, не возьмутъ ли моихъ статей, и никто не отвѣчалъ. Такимъ образомъ поѣздка въ Европу стала необходимостью; гдѣ-нибудь въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, я могъ отъ перваго знакомаго или отъ перваго русскаго литератора узнать, какъ добиться сотрудничества въ нашихъ журналахъ. Ѣхать-же безъ семейства, которое тогда увеличилось рожденіемъ сына, и думать было нечего: послѣ опыта съ товарищами, я уже ни на кого не могъ положиться, да и невозможно было разстаться съ существами, которыя одни привязывали меня къ жизни. Наконецъ, ѣхать и потому еще стало необходимымъ, что меня начали уже замѣтно тѣснить въ Тульчѣ, гдѣ мое пребываніе и дѣятельность многимъ не приходились по вкусу; пашу стали замѣтно вооружать противъ меня, а въ Цареградѣ выхлопотали секретное предписаніе о непозволеніи мнѣ завести гимназію, — тогда какъ въ Турціи даже и позволенія спрашивать не нужно для заведенія хоть университета. — Былъ у меня одинъ знакомый купецъ въ Галацѣ, грекъ, съ которымъ мы были пріятелями, и которому разъ я помогъ въ одномъ его дѣлѣ съ турецкими таможенными, — я обратился къ нему съ просьбой дать мнѣ въ долгъ 300 р. с. на годъ, чтобъ доѣхать съ семействомъ до Парижа и перебиться тамъ кое какъ первое время. Онъ охотно согласился и самъ-же торопилъ меня перебраться въ Галацъ, откуда австрійскіе пароходы идутъ вплоть до Базіаша, Пешта и Вѣны, обѣщая мнѣ даже проѣздъ мой устроить даромъ или, по крайней мѣрѣ, очень дешево. Лучшаго и желать было нечего, — сборы мои были не велики, паспортъ мнѣ былъ выданъ въ Тульчѣ и, хоть тамошній австрійскій консулъ отказалъ мнѣ въ визѣ, потому что я эмигрантъ, но мнѣ удалось визировать его у Галацкаго. — Словомъ, я земли подъ собой не слышалъ отъ восторга, вырываясь изъ этой пустыни, разбившей окончательно мое и такъ настрадавшееся сердце, — изъ пустыни, гдѣ нѣтъ ни книгъ, ни журналовъ, ни людей, которая для меня даже прелесть неизвѣстности утратила. Я уже узналъ русскій народъ и его расколъ, какъ, кажется, и знать короче нельзя, пропасть пережилъ и перечувствовалъ, знакомъ былъ, какъ нельзя ближе, съ загадочнымъ для большинства міромъ политическихъ и не политическихъ авантюристовъ, пріобрѣлъ чутье разгадывать ихъ съ перваго свиданія и умѣнье обращаться съ ними. Мнѣ хотѣлось тогда писать и писать, войти въ полемику съ нашими революціонерами и нигилистами, чтобъ разбить ихъ на ихъ-же собственной почвѣ, доказывая имъ, что ихъ отрицанія и критика общественныхъ отношеній вовсе не ведутъ къ тѣмъ идеаламъ, которые они создаютъ себѣ, — а просто на просто вынуждаютъ каждаго мыслящаго человѣка или удавиться, какъ Краснопѣвцевъ, или сложить руки и отказаться отъ всякой дѣятельности, какъ я. Я слишкомъ горячо

вѣровалъ въ эти идеалы, чтобы относиться къ нимъ безучастно, — и мысль о разрушеніи ихъ стала моею любимою мечтою. Я «отпѣлъ», заживо похоронилъ себя, но, какъ человѣкъ, я не могъ отказать себѣ въ свирѣпомъ, пожалуй, удовольствіи, заставить и другихъ быть отпѣтыми. Нигилисты и К-о въ ужасъ-бы пришли отъ моихъ выводовъ изъ ихъ ученій, отъ моей послѣдовательности, которая однимъ только развитіемъ ихъ-же діалектическихъ пріемовъ довела-бы ихъ или до отреченія отъ всего или до признанія всего, — потому что, какъ въ религіи, такъ и въ философіи, и во всякой теоріи, среднихъ нѣтъ, а есть или единица, или нуль. И теперь, когда я холоднѣй отношусь къ нимъ, потому что самъ пришелъ къ единицѣ, т. е. къ положительному, я все таки льщу себя надеждою, что мнѣ когда нибудь удастся завести съ ними полемику и добить ихъ до послѣдовательныхъ выводовъ. У меня зубъ есть на всѣхъ этихъ, впрочемъ честныхъ, мечтателей — я бы очень хотѣлъ сцѣпиться съ ними хоть за соціализмъ и коммунизмъ, въ который они такъ вѣруютъ, за республику, за равенство, даже за выборное начало. — Передѣлала меня Добруджа, поставивъ лицомъ къ лицу съ жизнью, да и всякаго передѣлаетъ она, кто тамъ проживетъ года полтора. Жалко, что у насъ не ссылаютъ туда на исправленіе всѣхъ этихъ юношей, членовъ Организацій и Адовъ. Тамъ воля вольная и говорить, и дѣлать, что угодно; въ Соединенныхъ Штатахъ едва-ли такая свобода, какъ въ Добруджѣ, — пусть-бы они попрактиковались тамъ въ пропагандѣ, хоть даже и революціи, и въ заведеніи артелей, — ручаюсь за ихъ радикальное излѣченіе отъ недуга передѣлки человѣческихъ обществъ по кабинетнымъ рецептамъ. Добруджа хоть кого вылѣчитъ отъ febris revolutionaris.

На этомъ я могъ бы и кончить этотъ отдѣлъ, — но будетъ не лишнимъ разсказать кое какія подробности о Добруджѣ и о сложившихся въ ней отношеніяхъ. Это поясннтъ многія обстоятельства моей тамошней жизни, а, можетъ быть, расположитъ правительство обратить вниманіе на эту Задунайскую Русь, которая можетъ одинаково быть и полезна, и вредна намъ въ политическомъ отношеніи. Я буду по возможности кратокъ и упущу всѣ лишнія подробности, чтобы рѣзче выставить то, что дѣйствительно заслуживаетъ вниманія.

Я сказалъ, что меня и паша, и русскіе приняли очень хорошо, и что я дѣлалъ всевозможное для блага послѣднихъ, — а между тѣмъ, я не могу похвастаться, чтобы русскіе дорожили мной и относились ко мнѣ съ особымъ сочувствіемъ. Теперь другое дѣло, они сильно жалѣютъ, что меня больше нѣтъ, и что за нихъ некому стоять, — но тогда они не очень цѣнили мои труды, даже враговъ я нажилъ между ними. Вина въ этомъ моя. Будь я понаглѣе, да умѣй прижимать ихъ въ бѣдѣ, — у меня давнымъ-бы давно и капиталъ составился, и я бы царькомъ былъ между ними; но я застѣнчивъ, жалостливъ, уступчивъ, врагъ всякихъ перебранокъ и не могу, духу не хватитъ, принуждать должниковъ моихъ платить мнѣ свои долги, или требовать условленнаго вознагражденія за труды. Говорятъ, что это слабость воли,— сознаю, что я слабъ; но, какъ я ни силился, а передѣлать себя не могу. Изъ этого вышло очень плохо. По обычаю, имѣющему силу закона, я пользовался за каждый докладъ пашѣ гонораріемъ въ 5 піастровъ (30 к. с.) съ просителя, что могло-бы доставлять мнѣ среднимъ числомъ рубля полтора доходу въ день, — а съ этимъ можно было-бы хорошо жить въ Тульчѣ. Но требовать этой платы съ каждаго мужика или бабы — у меня духу не хватало, и они привыкли пользоваться мною даромъ, а извѣстно, что если самъ не цѣнишь своихъ трудовъ, то ихъ и другіе не цѣнятъ. Другое, — я всѣ дѣла ихъ кончалъ проворно, не запугивалъ ихъ, не заставлялъ кланяться мнѣ по нѣскольку дней, не доводилъ ихъ до процессовъ, которые имъ-же дорого-бы

стоили, — а это опять таки побудило ихъ смотрѣть на мои услуги очень легко, благо разомъ кончалъ и не вводилъ ни въ хлопоты, ни въ издержки, — стало быть, заключали они, и дѣла-то наши пустяковыя, если ихъ можно такъ скоро вершить. — Доходы мои поэтому сводились на весьма малое: кто хотѣлъ платить, тотъ платилъ, да и то большею частью не деньгами, а курами, поросятами, серной, рыбой и т. п...

Моя безпристрастность не позволяла мнѣ пристать къ какой нибудь партіи, держать руку однихъ противъ другихъ, или помогать имъ «проучивать» своихъ противниковъ. — Прекращая несправедливые иски въ зародышѣ, я навлекъ на себя немилость всякихъ сутяжниковъ; а старосты, у которыхъ я невольно отбивалъ доходы, были моими заклятыми врагами. Я, какъ собака въ баснѣ, сѣна не ѣлъ и другимъ не давалъ. Къ этому у меня были постоянныя столкновенія съ представителями другихъ народностей: съ болгарскимъ, съ греческимъ, еврейскимъ: адвокаты, наживавшіеся интригами, возненавидѣли меня; губернскій землемѣръ (тапуджи) злился, что я мѣшаю ему грабить руснаковъ; раздаватель паспортовъ (тескереджи) былъ недоволенъ, что я принуждаю его брать пошлины не выше таксы, — словомъ, я у всѣхъ былъ бѣльмомъ на глазу. Къ этому надо прибавить, что поляки (агентъ Messagerie Жуковскій и секретарь французскаго консульства Ворона-Вороничъ, не считая другихъ) были на смерть обижены моимъ значеніемъ въ краѣ, который они привыкли считать своимъ достояніемъ. Французскій консулъ, «естественный защитникъ и покровитель всѣхъ угнетенныхъ и преслѣдуемыхъ русскимъ варварствомъ», уже прямо считалъ меня агентомъ и шпіономъ русскаго правительства. Владыка Аркадій съ Гончаровымъ считали меня турецкимъ шпіономъ и изъ себя выходили, что я забралъ въ руки ихъ прежнюю власть надъ старообрядцами и не даю имъ тѣснить раздорниковъ, тогда какъ до меня турецкое правительство давало имъ на это полное право; оно не знало, что липованы состоятъ изъ разныхъ сектъ и потому силой заставляло ихъ подчиняться «Липованскому епископу». Ко всему этому, руснаки, бѣжавшіе въ Турцію по большей части отъ своихъ пановъ, разомъ объявили, что я хочу пановать надъ ними, потому что я панъ, да еще фармазонъ. Что такое фармазонъ, никто изъ нихъ не зналъ, но ужасъ къ фармазонству такъ великъ въ Добруджѣ, что пришлось, наконецъ, сдѣлать смѣшнымъ это слово — «эй ты фармазонище, поди сюда!» — перекликивались мы съ братомъ на улицахъ, и руснаки замолчали. Не перечесть всѣхъ этихъ смѣшныхъ разсказовъ и предположеній на нашъ счетъ, а они тогда сильно досаждали и мѣшали сдѣлать что нибудь нужное, — на сходку боялись являться, ни на какое полезное дѣло нельзя было ихъ согласить, а ужъ какъ я бился, чтобъ русскіе крѣпче держались другъ за друга! Не знаю, какъ идетъ въ Россіи сельское самоуправленіе и самосудъ, — но въ Добруджѣ, кромѣ вреда, я отъ нихъ ничего не видѣлъ. Лѣтъ еще съ двадцать такой анархіи и апатіи къ общественнымъ интересамъ — и руснаки положительно одичаютъ. И теперь ими, какъ угодно, помыкаютъ греки, молдаване, евреи, а чѣмъ дальше, еще хуже станетъ. Малорусское племя, кажется, вовсе не способно ни къ организаціи, ни къ самоохраненію. У старообрядцевъ немножко получше идетъ, потому что у нихъ умы привыкли работать, хоть надъ догматикой, да сверхъ того, они въ сношеніяхъ съ своими единовѣрцами въ Россіи, что очень благодѣтельно дѣйствуетъ на ихъ умственное развитіе. Русскій человѣкъ, то есть пришелецъ изъ Россіи, тамъ всегда въ чести — и въ чести совершенно заслуженной, потому что онъ всегда развитѣе и отесаннѣй тамошняго уроженца.

Другой мой непріятель въ Тульчѣ, мягко, вѣжливо, но очень чувствительно меня допекавшій, былъ миссіонеръ американскаго епископальнаго методистскаго согласія Федоръ Ивановичъ Флокенъ. Флокенъ сынъ баварскаго подданнаго, доктора

Флокена, живущаго въ колоніи Грослибенталѣ*. Воспитывался онъ въ одесской гимназіи, но въ 1847—48 г., когда ему нужно было явиться въ Баварію, чтобы отслужить свой срокъ въ войскѣ, онъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться русскимъ подданнымъ, предпочелъ уѣхать въ Америку, что все-же не такъ унизительно для русскаго нѣмца. Въ Америкѣ былъ онъ и машинистомъ, и конторщикомъ, и еще не знаю чѣмъ, а кончилъ тѣмъ, что сдѣлался пасторомъ. Когда въ Болгаріи поляки съ французами стали вводить унію, американцы вздумали открыть въ ней проповѣдь протестантства, — точно для этой бѣдной народности не доставало еще религіознаго разъединенія. Флокенъ поѣхалъ въ Варну, гдѣ выучился по болгарски, — при знаніи русскаго языка это было ему не очень трудно. Но въ Варнѣ проповѣдь не пошла — онъ перебрался въ Тульчу, гдѣ столько русскихъ, а гдѣ, главное дѣло, есть сорокъ дворовъ молоканъ, большей частью тамбовцевъ. На нихъ онъ и налегъ, да налегъ въ такое время, когда у нихъ выходилъ великій скандалъ.

Въ 1861 году явился въ Тульчу великій «настоятель Духовнаго Христіанства»— Иванъ Кондратьевичъ. Ученіе его сходствовало нѣсколько съ методизмомъ; онъ тоже признавалъ, что Духъ Святый нисходитъ на избранныя личности, почіетъ на нихъ и дѣлаетъ ихъ почти непричастными грѣху. Краснорѣчивый, ловкій, начитанный, Иванъ Кондратьевичъ сорганизовалъ въ одно цѣлое всѣхъ молоканъ, распадавшихся на кружки, разнившіеся между собою въ мелочахъ, подружился съ тогдашнимъ американскимъ консуломъ въ Тульчѣ, Гриномъ (Green), чуть чуть не сдѣлалъ всѣхъ молоканъ американскими подданными и поѣхалъ въ Цареградъ хлопотать у англійскаго, американскаго и прусскаго посланниковъ заступничества за молоканъ въ Россіи, которыхъ тамъ преслѣдуютъ. А заступничество это возможно на тѣхъ-же основаніяхъ, на которыхъ эти державы требуютъ свободы вѣроисповѣданія для протестантовъ у Испаніи. Посланникамъ очень понравился Иванъ Кондратьевичъ, разспросили они его объ вѣрованіяхъ «Духовныхъ Христіанъ», убѣдились въ тождествѣ ихъ съ протестантскими — и обѣщали ему помощь. Онъ возвратился въ Тульчу, упоенный своими успѣхами, и еще рѣшительнѣй сталъ учить о благодати Духа Сватаго, которая дѣлала его непричастнымъ грѣху. «Я духомъ скопецъ, проповѣдывалъ онъ, благодать освобождаетъ меня отъ похоти плоти и освящаетъ меня такъ, такъ руководитъ мной, что я даже и грѣшить не могу». — И вдругъ, къ величайшему соблазну и позору цѣломудренной, непьющей, даже «краснымъ словцомъ» не бранящейся молоканской общины, забеременѣла дочь богатѣйшаго тульчанскаго молокана, купца Владиміра Михайловича Шлюхина, горячаго послѣдователя Ивана Кондратьевича, который у него-же въ домѣ и жилъ!!! Скандалъ вышелъ на всю Тульчу, Аккерманъ и Одессу, — дѣвушку поколотили и проворно обвѣнчали съ однимъ прикащикомъ ея отца, а скопецъ по духу скрылся въ Россію, куда-то на Волгу, гдѣ снова его признали великимъ учителемъ церкви. Послѣдніе слухи о немъ, слухи достовѣрные, говорятъ, что онъ призналъ себя Христомъ и выбралъ себѣ двѣнадцать ангеловъ хранителей изъ дѣвушекъ, съ которыми всюду разъѣзжаетъ, днюетъ и ночуетъ. Въ Тульчѣ произошелъ расколъ, — одна часть молоканъ, подъ предводительствомъ купца Алексѣя Васильевича Никитина и настоятеля (пастора) Семена Федорова, объявила себя «постоянными», т. е. буквально слѣдующими ученію Семена Матвѣева Уклеина, русскаго Лютера, основателя молоканства въ послѣднихъ годахъ царствованія Екатерины II, — а другая, подъ руководствомъ настоятеля Ивана Ивановича и того-же купца Шлюхина, признала ученіе о благодати, введенное Иваномъ Кондратьевичемъ. Съ этою послѣднею пар-

* Подъ Одессой.

тіей сблизился Флокенъ и сталъ вводить въ нее методистскія ученія о необходимости крещенія и причащенія, о дѣйствіи благодати и о церковномъ благочиніи. Пропаганда однако плохо принималась: разница между молоканствомъ и протестантствомъ такъ же велика, какъ и между самыми Восточной и Западной церквами, породившими эти секты. Не догматъ раздѣляетъ, не ученія, — но бытъ, практика, manière d'être препятствуютъ сближенію и взаимному пониманію, — русскій крестьянинъ чуждъ нѣмецкому, какъ русскій купецъ чуждъ купцу нѣмцу, — инстинктивное отвращеніе отталкиваетъ ихъ другъ отъ друга, и не одна сотня лѣтъ пройдетъ, пока все перемелется и мукою станетъ. Видя, что съ молоканами ничего нельзя подѣлать, Флокенъ пустился на обыкновенную уловку католическихъ и протестантскихъ езуитовъ — завелъ школу, устроенную довольно прилично, гдѣ преподается не только исторія и географія, но даже французскій, англійскій и нѣмецкій. Открыта она для всѣхъ желающихъ, безъ различія народностей и исповѣданій, ученіе даровое, пропаганды въ ней никакой не совершается, преподаваніе идетъ по русски и по нѣмецки; учителемъ низшаго класса приглашенъ помянутый Иванъ Ивановичъ Л....., человѣкъ очень вліятельный, потому что онъ и настоятель молоканскій, и членъ губернскаго совѣта. Дѣти молоканъ его «собранія» (согласія, церкви, кружка) всѣ учатся у Флокена и, когда выучатся, имъ будетъ предоставлено право съѣздить для окончанія курса въ Америку на счетъ методистской миссіи. Такимъ образомъ, благодаря нашему небреженію и стѣсненію нашихъ сектантовъ въ Россіи, русскій расколъ вынужденъ будетъ превратиться въ иностранный, а съ этимъ вмѣстѣ пошатнется и политическое единство нашего народа. Мы уже хорошо знаемъ, какіе плоды приноситъ намъ тяготѣніе нашихъ католиковъ къ Риму, протестантовъ къ Пруссіи и вообще къ «Нѣмецкому Отечеству», а евреевъ къ ихъ папѣ Ротшильду, который можетъ, если ему угодно, потребовать отъ насъ расширенія правъ своихъ единовѣрцевъ и покарать насъ, въ случаѣ ослушанія. Къ чему же вовлекать себя въ устранимыя покуда непріятности съ дружественными намъ Соединенными Штатами?

Въ Тульчѣ уже есть экземпляръ русскаго методиста. Гаврило Васильевъ Лебедь, уроженецъ Тамбовской губерніи, бывшій крѣпостной откупщика Рюмина, проходилъ на житейскомъ поприщѣ своемъ разныя вѣры. Родился онъ православнымъ, сдѣлался поповцемъ, а потомъ безпоповцемъ, потому что православные священники «отъ писанія не сильны», потомъ молоканомъ сдѣлался, начитавшись евангелія, — и перешелъ въ методизмъ за ласковое слово и за человѣческое участіе, оказанное ему Флокеномъ. Лавку ему Флокенъ устроилъ, давъ ему, какъ «брату во Христѣ», кредитъ, поддержалъ его въ чемъ можно, даже французскимъ подданнымъ его сотворилъ; — въ Тульчѣ французское консульство и въ этомъ упражняется: человѣкъ двѣнадцать русскихъ мужиковъ состоятъ въ подданствѣ у Наполеона. Лебедь теперь уже и русскимъ себя почти не считаетъ. Про протестантовъ говоритъ — мы; дни считаетъ и праздники соблюдаетъ по новому стилю; нѣмцевъ и англичанъ русскимъ предпочитаетъ, — словомъ, настроился такъ, что случись у насъ война съ тѣми или другими, онъ не за насъ будетъ молиться. И это совершенно естественно: для массы религія — національность; принятіе католичества западнымъ русскимъ дворянствомъ сдѣлало его полякомъ, какъ обращеніе нѣмца въ старообрядчество или въ скопчество, чему я знаю много примѣровъ, дѣлаетъ его русскимъ.

«Постоянные молокане» очень хорошо видятъ, чѣмъ кончится Флокеново предпріятіе, — и ничѣмъ защититься не могутъ. Завести свою школу, способную конкурировать съ американской, — у нихъ нѣтъ средствъ. Гимназія, которую я предполагалъ завести и которой они такъ сочувствовали, не удалась, — и за одно намѣреніе завести ее — я навлекъ на себя немилость Флокена, который и то былъ золъ на

меня, что я не скрывалъ отъ молоканъ квакерскихъ и гернгутерскихъ догматовъ и текстовъ, на которыхъ эти догматы основываютя, что дало опору имъ противъ методистской пропаганды. Дѣлалъ я это именно для поддержки молоканъ. У насъ смотрятъ на это, можетъ быть, иначе: бироновщина пріучила насъ благоговѣть передъ чужими выдумками въ ущербъ своимъ, — но гдѣ-же справедливость? Западное протестантство можетъ у насъ и кирки строить, и богослуженіе совершать публично, и послѣдователи его принимаются въ государственную службу, а свое собственное молоканство топчется въ грязь, обязано прятаться, и это полупреслѣдованіе доводитъ его въ одну сторону до методизма, а въ другую фанатизируетъ до прыгунства, хлыстовства, до Христовъ Лукьяновъ Петровичей и Ивановъ Кондратьевичей! Пьяница русскій народъ — очень жалко! — но ужъ если таковъ его норовъ, пусть-же пьетъ онъ водку съ своихъ винокуренъ, а не съ чужихъ. Нельзя отнимать хлѣба у дѣтей и бросать его псамъ.

До 20,000 дворовъ считается русскаго населенія въ Добруджѣ. Пользы отъ него Россіи нѣтъ, а вредъ современемъ можетъ выйти. Положеніе его годъ отъ года становится хуже: — зѣмли отъ него отняли; новые порядки его тѣснятъ; татары, ногайцы и черкесы тяготятъ его. — Еслибъ правительство позволило мнѣ, я бы въ одинъ годъ передвинулъ эту массу русскихъ людей на правый флангъ Кавказа, который такъ нуждается именно въ русскомъ, даже въ исключительно русскомъ населеніи. Польза отъ этого переселенія была бы тѣмъ значительнѣй, что тысячъ до пяти дворовъ живутъ рыбнымъ промысломъ, и всѣ отличные моряки. Въ нѣсколько лѣтъ у насъ создалось-бы естественнымъ путемъ каботажное мореходство на Черномъ морѣ, и русскій флотъ былъ бы навсегда обезпеченъ хорошими матросами. Если-же къ этимъ 20,000 (minimum) дворовъ, взять еще 1000 дворовъ гуцуловъ, этихъ русскихъ горцевъ изъ Галичины или изъ Буковины, которые чуть съ голоду не мрутъ подъ гнетомъ податей и евреевъ, — они на вершинахъ Кавказа завели бы тонкорунное овцеводство, составляющее ихъ главный промыселъ въ Карпатахъ. — Содѣйствіе правительства переселенію турецкихъ русскихъ органичилось-бы только назначеніемъ военныхъ судовъ для перевоза ихъ изъ Кюстенджи и изъ Сулина въ порты праваго фланга, въ закупкѣ для нихъ скота, потому что имъ выгоднѣй будетъ купить его у правительства, чѣмъ у барышниковъ, а свой придется продать въ Добруджѣ; потомъ въ закупкѣ для нихъ виноградныхъ лозъ, фруктовыхъ деревьевъ, въ устроеніи на всякій случай складовъ хлѣба и т. п. Затѣмъ мировыя учрежденія, исправники и прочія власти должны быть введены на общихъ положеніяхъ Имперіи, — но conditio sine qua non, — тамъ надо допустить публичное совершеніе обрядовъ, словомъ, всю ту религіозную свободу, которою они пользуются теперь. И правительство можетъ допустить это смѣло, вреда отъ этого не выйдетъ, если оно, въ условіяхъ пріема ихъ въ Россію, обяжетъ ихъ заводить школы и посылать въ нихъ всѣхъ дѣтей безъ исключенія. Школы ослабятъ значеніе раскола, а что не ослабнетъ, то, волей-неволей, примстъ безвредныя формы.

За 20,000 дворовъ для Кавказа я могу смѣло поручиться, — а это составитъ до 100 станицъ, или селъ, считая по 200 дворовъ на село. Если-жъ и этого не будетъ достаточно, можно будетъ изъ Молдавіи двинуть такую-же, если не большую, массу старообрядцевъ, можно изъ Добруджи до 15,000 дворовъ молдаванъ взять, — они охотно пойдутъ (только разселять ихъ надо между русскими). Болгаръ можно будетъ имѣть такую-же цифру, если не больше: — теперь, когда вся европейская Турція пылаетъ въ возстаніи, переселенцевъ найдется мало-мало до 100,000 семей, считая, разумѣется, и молдавскихъ. — Начать приготовленія нужно съ осени, пока не на-

чали еще сѣять озими: за зиму желаніе переселяться на Кавказъ (и въ Крымъ) дойдетъ до маніи, и трудно будетъ не отыскивать, а удерживать охотниковъ. Народъ-же пойдетъ хорошій, съ деньгами, хозяева; только съ особаго снисхожденія можно будетъ принимать людей, которые, садясь на пароходъ, не представятъ, что у нихъ есть съ собою не менѣе 100 р. с. звонкой монетой. Бродягъ, бурлаковъ брать, разумѣется, не стоитъ, развѣ въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Правительство, разумѣется, не откажетъ дать переселенцамъ амнистію во всѣхъ преступленіяхъ, которыя они или отцы ихъ совершили до выселенія въ Турцію и въ Молдавію.

Чѣмъ проще и короче будутъ написаны правила для переселенцевъ и чѣмъ меньше формальностей потребуется отъ нихъ, при вступленіи и на пароходы, и на берегъ, тѣмъ лучше будетъ — спокойнѣй и дешевле для правительства и для нихъ. Мѣста для селъ они сами выберутъ, и сами-же разобьются на сельскія общества, — неудачи въ этомъ дѣлѣ не должны падать на правительство, дѣятельность котораго на все первое время должна свестись на мировое судопроизводство и на обыкновенный полицейскій надзоръ. Иначе неизбѣжно выйдетъ путаница между начальствомъ, привыкшимъ къ мертвящему формализму, и переселенцами, освоившимися только съ простотой турецкихъ порядковъ. Неудача заселенія Крыма турецкими русскими и болгарами именно оттого и произошла, и потому Крымъ пользуется у нихъ крайне дурной репутаціей.

Переписка моя съ Герценомъ оборвалась во время разстройства моей общины. Мнѣ такъ горько стало, что даже дѣлиться своимъ горемъ не хотѣлось. Вся эта переписка сводилась на то, что Герценъ и Огаревъ убѣждали меня не покидать стараго знамени и упрекали за малодушіе, но я не находилъ въ ихъ письмахъ серьезныхъ возраженій на мои сомнѣнія, и потому не могъ придти къ старой вѣрѣ. Да еслибъ я и пришелъ къ ней какимъ-нибудь путемъ, все равно ничего нельзя было-бы сдѣлать. Они не вѣрили въ это, — я звалъ ихъ хоть посмотрѣть нашъ край, но они слишкомъ европейскіе люди, слишкомъ русскіе баричи, чтобы заглядывать куда нибудь, кромѣ Италіи, Франціи, Рейна и прочихъ проторенныхъ мѣстъ. Я-же совсѣмъ другое. Еще съ дѣтства вдался я въ изученіе всего непзвѣстнаго: въ китайскіе и прочіе восточные языки, потомъ въ расколъ, тогда никому почти не извѣстный; страсть къ необыкновенному увлекла меня въ Россію и въ Турцію. Я первый изъ русскихъ побывалъ у малоазійскихъ некрасовцевъ, первый отважился поселиться въ Добруджѣ, первый рискнулъ объѣздить Галичину. Книга и кабинетная тишина не удовлетворяютъ меня, мнѣ нужно стать лицомъ къ лицу съ фактомъ, во чтобы то ни стало, — иначе я никогда не умѣю успокоить своихъ сомнѣній; я слишкомъ добросовѣстенъ, чтобы изучать дѣло по наслышкѣ, — и эта добросовѣстность убѣдила меня, что теоретики и кабинетные люди, при всемъ ихъ желаніи дѣлать добро, ничего никогда не сдѣлаютъ, потому что они не знаютъ матеріала, изъ котораго хотятъ строить. Если-бы каждый кабинетный реформаторъ, нигилистъ, соціалистъ, революціонеръ, рѣшился разстаться на время съ удобствами и удовольствіями спокойной жизни, а забрался-бы въ эти невѣдомыя міру страны; бродилъ-бы пѣшкомъ отъ села къ селу, кочуя въ чистомъ полѣ съ кѣмъ попало, не разбирая, надежный или ненадежный товарищъ встрѣтился; разъѣзжалъ-бы по тому-же Дунаю на рыбацкой лодкѣ, въ обществѣ раскольничьихъ монаховъ, которые его заставляли-бы самого грести, и держалъ-бы за шиворотъ въ бурю, на стрѣлкѣ, прижатаго ко дну лодки Михаила Семеновича, который, не умѣя ни грести, ни править, ни плавать, во все мѣшался и чуть-чуть не опрокидывалъ челнокъ, въ полной увѣренности, что десять лѣтъ пѣхотной службы дѣлаютъ человѣка на все годнымъ; если-бъ вмѣсто

преній съ товарищами, каждый забирался бы въ среду скопцовъ, молоканъ, цыганъ, въ села уходилъ-бы искать правды, съ простонародьемъ чернорабочимъ знакомился-бы въ большихъ городахъ Европы, посѣщалъ-бы не только Вѣну, но и Пряшовъ (Eprеis), не только Берлинъ, но и Ухту съ ея отцомъ Павломъ, — иначе смотрѣлъ-бы онъ на людей и иначе-бы понималъ, что возможно сдѣлать для нихъ, и что не возможно. — Вотъ въ этомъ-то и виноватъ Герценъ, Огаревъ, а за ними всѣ прочіе русскіе эмигранты, не рѣшавшіеся заглянуть въ пустыню; а загляни они, — она-бы хорошо заплатила имъ за ихъ посѣщеніе, — она-бы переродила ихъ. Теперь —

Еще одно, послѣднее сказаніе,
И «Исповѣдь» окончена моя!

Въ предыдущемъ отдѣлѣ я опустилъ два обстоятельства:

1) Я писалъ письмо къ епископу Кириллу, приглашая его перейти въ старообрядчество. Я слышалъ, что ему грозитъ изверженіе изъ сана, и потому предлагалъ ему устроить церковь для «раздорниковъ». — Отвѣта я не получилъ. Письмо это было писано въ Цареградѣ, когда я, видя, что наше дѣло падаетъ, хватался въ отчаяніи за всевозможныя мѣры, чтобъ поддержать его; сверхъ того, мнѣ хотѣлось устройствомъ хоть какой нибудь церкви вывести бѣглопоповщину изъ ея глубокаго нравственнаго паденія.

2) Въ то же время я помѣстилъ извѣстное письмо въ Courrier d'Orient. Оно тоже было слѣдствіемъ отчаянія.

Привожу эти обстоятельства здѣсь, боясь, что опущеніе ихъ въ III отдѣлѣ будетъ сочтено умышленнымъ. Цареградскія дѣла мои шли такъ безсвязно, и такъ вліяло на насъ наше паденіе, что систематическое изложеніе ихъ было мнѣ рѣшительно не возможно, а безъ системы пропуски неизбѣжны.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ

ОБРАЩЕНІЕ И ВОЗВРАЩЕНІЕ

Въ Галацъ мы перебрались въ апрѣлѣ 1865 года, думая прожить тамъ не болѣе двухъ недѣль и пуститься въ Парижъ. Грекъ, обѣщавшій ссудить 300 руб., уѣзжалъ на время въ Одессу, — пришлось его ждать; а когда онъ воротился, пришлось еще ждать, потому что у него дѣла какъ-то запутались, и не было свободныхъ денегъ. Прошелъ мѣсяцъ, онъ началъ жаться, конфузиться, просилъ подождать, поискать другихъ средствъ, — словомъ, раздумалъ и, какъ всѣ неоткровенные, слабохарактерные люди, предпочиталъ водить меня за носъ, вмѣсто того, чтобъ объясниться прямо. Я долго подавлялъ въ себѣ сомнѣніе, но, наконецъ, страшная истина обнаружилась — поѣздка въ Европу оказалась невозможной.

Опять, какъ въ Цареградѣ, бросился я искать хоть какой нибудь работы, и опять, куда я ни обращался, все было напрасно. Обѣщаній давали пропасть, каждый сочувствовалъ моей крайности, — но работа легко не отыскивается. А между тѣмъ здоровье жены моей все слабло да слабло послѣ тульчанскихъ несчастій; а сынъ мой хирѣлъ съ каждымъ днемъ, — онъ родился отъ чахоточной матери. Чахотка была наслѣдственной болѣзнью моей жены, но туберкулы до Тульчи ничѣмъ не обнаруживали своего присутствія, и она жила бы до сихъ поръ, еслибъ не этотъ рядъ неудачъ и потерь, сокрушившихъ ея здоровье.

Приходилось плохо; хуже, чѣмъ въ Тульчѣ: май и іюнь я еще кое какъ пережилъ, занимая то у того, то у другого копѣечныя суммы, — но такъ жить было невозможно; надо было рѣшиться, — и я рѣшился. Верстахъ въ трехъ отъ Галаца проводилось шоссе въ Букарестъ, за битье щебня платили 2 р. 50 коп. сер. съ кубическаго метра. Сербы каменьщики выбивали въ день по метру, поляки эмигранты — солдаты, чиновники, студенты, офицеры, помѣщики, — выбивали, кто наловчился, полметра. Пошелъ и я. На небѣ не было ни облачка, солнце жгло, пыль висѣла въ воздухѣ, слезы крупными каплями падали на камень и тутъ же высыхали, ладони стиралися въ кровь — болѣе четверти метра не набилъ я...

Дня черезъ три мнѣ нашлось мѣсто. Подрядчики и смотрителя работъ при шоссе рекомендовали меня въ контролеры подрядчику при мощеніи двухъ Галацкихъ улицъ Callea Fecuciului и Strada Pontu Vecchiu. Должность моя состояла въ счетѣ возовъ песку и камня, доставляемыхъ на мѣсто работъ, и за это назначено мнѣ было 8 червонцевъ (восемь червонцевъ = 24 р.) въ мѣсяцъ. Съ ранняго утра до заката солнца долженъ я былъ стоять на улицѣ, считать возы, наблюдать, чтобы они были хорошо нагружены и, въ случаѣ спора, перемѣривать ихъ четверикомъ (banità), а такъ какъ извощикамъ нельзя было поручить этой операціи, потому что много зависитъ отъ того, какъ насыпанъ четверикъ, — то сплошь и рядомъ приходилось работать самому. Но я былъ радъ этой работѣ, она думать мнѣ не давала, — физическая усталь все-же легче нравственной; по крайней мѣрѣ, я приходилъ домой изнуренный и спалъ ночь, какъ убитый.

Черезъ недѣлю послѣ того, какъ я сталъ контролеромъ, — сынъ у меня умеръ; здоровье жены стало еще хуже, такъ хуже, что нужно было пригласить доктора, — а на доктора нужны средства! Какъ мнѣ ни больно было, какъ ни возмущала меня мысль, но пришлось согласиться на поступленіе ея въ госпиталь. Не желаю я ни одному семейному человѣку испытать, что значитъ отдавать кого нибудь изъ своей семьи въ больницу, — нѣтъ ничего унизительнѣй, какъ не быть въ состояніи помогать своимъ: въ лицо никому взглянуть не смѣешь, сказать объ этомъ совѣстишься, точно преступленіе совершилъ, точно какое подлое дѣло сдѣлалъ! Городской докторъ и его подлекарь были мои знакомые и устроили все, какъ можно было лучше, даже позволили ей держать при себѣ нашу дочку, дѣвочку лѣтъ пяти, красавицу собой, умную и добрую, какъ ея мать. Одна она у насъ и оставалась, объ ней объ одной мы и мечтали. Всѣ любили этого ребенка, къ которому перешло и мощное сложеніе, и несокрушимое здоровье моего отца. Горько мнѣ было, — я усерднѣй взялся за работу. Подрядчикъ Фламмъ разорялся, безтолково распорядясь въ началѣ предпріятія, и терялъ голову; я одинъ пользовался его довѣріемъ, что не украду ни копѣйки, и онъ взвалилъ на меня управленіе работами. Хлопотъ стало больше, но за то и легче стало на душѣ, да кстати и жена начала быстро оправляться, такъ что можно было надѣяться на ея скорос выздоровленіе, а между тѣмъ завелось у меня много знакомствъ, и мнѣ стали дѣлать разныя выгодныя предложенія, между прочимъ быть редакторомъ закладывавшагося тогда Jurnalul din Galati, что меня очень соблазняло, и что мнѣ могло дать средства на приличную жизнь въ Галацѣ. — Словомъ, все пошло лучше, еслибъ только не досадовали остановки работъ, вслѣдствіе разстроенныхъ дѣлъ Фламма, да холера, такъ испугавшая нашихъ мостовщиковъ — сербовъ, что они побѣжали изъ Молдавіи. Холера ихъ, впрочемъ, сильно перебирала по свойственной простонародью неосторожности: лучшій нашъ мастеръ, въ промежутки между пароксизмами, ѣлъ арбузы, а другой купаться ходилъ въ Дунай, чтобъ остановить рвоту и корчи, — и оба умерли у меня на рукахъ. Но мое присутствіе между ними, мои совѣты, довѣріе, которымъ я у нихъ пользо-

вался, все-таки помогло дѣлу; они стали разборчивѣй въ пищѣ, приняли предложенныя имъ мною мѣры предосторожности, — и опять сформировались въ артели. Работы начались, холера слабѣла, здоровье жены поправлялось.

Было холодное осеннее утро. Я вышелъ на работы, какъ вдругъ одинъ молдаванъ сказалъ мнѣ, что меня ищутъ, что въ госпиталѣ кто-то у меня умеръ. — Какъ сумасшедшій бросился я, думая, что съ женой что-нибудь случилось. — Я вбѣжалъ къ ней: она сидѣла въ слезахъ: «Василій Ивановичъ, Малуши (такъ мы дочку звали) у насъ нѣтъ! она уже въ мертвецкой!» Я зашатался, ударъ былъ слишкомъ неожиданъ, еще вчера моя дѣвочка была здорова.

Она и спать легла здоровая. Часовъ въ девять вечера она расплакалась и стала жаловаться «мама, мама! у меня ротикъ болитъ». Рвота пошла, корчи — въ шесть часовъ утра ее уже не стало, несмотря ни на какія пособія медиковъ. Посмертное вскрытіе оказало, что смерть произошла отъ холеры! — Кромѣ бѣшенства и проклятій, у меня на сердцѣ ничего не было. Желѣзное здоровье, умъ, характеръ, красота моего ребенка, пріучили меня даже мечты о будущемъ моемъ соединять съ нею; ея воспитанію жизнь я хотѣлъ посвятить, я на нее, какъ на каменную гору, считалъ, она одна видѣлась мнѣ впереди моимъ другомъ, моей Антигоной — и все разбилось въ одну ночь.

Черезъ нѣсколько недѣль и жена моя умерла, завѣщая мнѣ ѣхать на Западъ, — она вѣрила въ мой умъ и въ мой талантъ. Ее смерть Малуши убила... Она умерла на моихъ рукахъ. Я самъ снесъ трупъ этой святой женщины въ мертвецкую, самъ въ гробъ положилъ, самъ въ могилу опустилъ. — Я не плакалъ: злорадство какое-то овладѣло моей душой, — а мнѣ пріятно было имѣть новое доказательство, что въ мірѣ нѣтъ ничего прочнаго, что всѣ труды и привязанности человѣка ничего не стоятъ въ этомъ безначальномъ и безконечномъ океанѣ Времени, Пространства и Свойства. Все суета суетъ, все преходящее, и люди, и идеи, и человѣчество, и самъ шаръ земной. Все это вѣчный калейдоскопъ непонятныхъ намъ силъ и цѣлей, если есть какія нибудь цѣли въ этой природѣ, загадочной, безпощадной, — въ этомъ вѣчномъ сарказмѣ надъ всѣмъ святымъ, что только таится въ груди человѣческой. — А вечеръ, когда я ее хоронилъ, былъ такъ тихъ, западъ горѣлъ зарей, восковая свѣча, воткнутая могильщиками въ землю горѣла, не колыхаясь, и Дунай сверкалъ подъ горой. А я былъ одинъ, одинъ въ цѣломъ мірѣ, всѣмъ чужой и всему чуждый; вольный, какъ птица, и незнающій, куда волю дѣвать, что съ жизнью дѣлать. Давиться — не стоило того, потому что бѣжать было не отъ чего; но и жить было не для чего, потому что не къ чему было стремиться. Ни вѣры въ душѣ, ни идеала, ни мечты о будущемъ, ни даже сожалѣнія о прошедшемъ не было во мнѣ, пока я помогалъ пьянымъ могильщикамъ засыпать этотъ уже послѣдній гробъ. Я былъ звѣрь, а не человѣкъ; мнѣ было все равно, что дѣлать и какъ дѣлать, только бы съ голоду не умереть, — а для этого даже и трудовъ большихъ не надо: фунта два хлѣба въ день совершенно довольно и заработать ихъ не хитро. — И я спустился въ потемнѣвшій городъ, импровизуя страшную пѣсню — пѣсню отчаянія, которую я пѣлъ цѣлую эту зиму 1865—66 года. — По привычкѣ я пошелъ на другой день опять на работы, мѣрять песокъ, считать квадратныя сажени мостовой и слушать болтовню каменьщиковъ-сербовъ и извощиковъ-молдаванъ.

Дѣла Фламма шли плохо: онъ ввязался во множество разныхъ спекуляцій и неудача одной губила другую. Въ отчаяніи онъ хотѣлъ бросить подрядъ и уѣхать въ Индію искать счастья. Почти силой я заставилъ его не терять духа, кончить во что бы то ни стало мощеніе улицъ, чтобы спасти кредитъ и добрую славу. Время было позднее, сербы спѣшили домой, перевозка песку затруднялась распутицей;

Фламмъ, потерявъ голову, сбивалъ рабочихъ безтолковыми приказаніями. Мы съ нимъ спорили, даже бранились, даже чуть на подрались разъ, — а все-таки я настоялъ на своемъ, противъ его воли сдѣлалъ нужные запасы песку и камня — и кончилъ работу до зимы. Фламмъ съ ума сходилъ отъ радости. Кредитъ его возстановился, когда увидѣли, что онъ надежный человѣкъ и что даже въ убытокъ себѣ исполняетъ, чему обязался, — и предложили ему новый подрядъ, зная, что у него нѣтъ ни копѣйки. Мы уже мечтали съ нимъ работать сообща, — какъ вдругъ онъ объявилъ, что намъ нужно прекратить всякія сношенія. Нашъ генеральный консулъ въ Букарештѣ, баронъ Оффенбергъ, узнавъ, что я въ Галацѣ, объявилъ Фламму, что если онъ будетъ держать при себѣ такого scelérat, какъ я, то онъ порветъ съ нимъ всякія сношенія и вынужденъ будетъ отказать ему даже въ паспортѣ въ Россію, буде таковой Фламму потребуется. Грустно намъ было разстаться. Я привыкъ къ своему взбалмошному хозяину, который мнѣ нравился своею кипучею предпріимчивостью, а онъ дорожилъ мною, какъ человѣкомъ, не имѣющимъ даже поводовъ быть корыстнымъ и жалѣть свою жизнь или здоровье для чего бы то ни было. Апатія была во мнѣ безграничная, цѣлей въ жизни никакихъ, а привычка къ Фламму и необходимость вести какую нибудь дѣятельную жизнь, чтобы забыться въ ней, дѣлала меня полезнымъ работникомъ.

Мы разстались. Искать новыхъ занятій было и безполезно, послѣ угрозы Оффенберга и приданнаго имъ мнѣ эпитета, да и лѣнь было. Кто привыкъ трудиться для семейства, тотъ не понимаетъ личной нужды: одна голова не бѣдна. Я повелъ праздную жизнь, дѣла не дѣлалъ, отъ дѣла не бѣгалъ. Случилось достать какую нибудь работу, переводъ, счетъ, — я работалъ; не случалось, — я не искалъ. Предложилъ мнѣ одинъ бѣглый русскій половой пироги вмѣстѣ съ нимъ печь на продажу — и мы пекли; запилъ онъ и бросилъ дѣло, — и я бросилъ. Даже квартиры не было у меня постоянной, ночевалъ, гдѣ попало: въ корчмѣ на лавкѣ, у скопцовъ въ банѣ или на мельницѣ, у пріятеля на голомъ полу, въ трактирѣ на биліардѣ, не умывался по цѣлымъ недѣлямъ, бѣлье мѣнялъ чуть не разъ въ мѣсяцъ, да и мѣнять нечего было — у меня все разокрали. Словомъ, я сталъ и по теоріи, и на практикѣ Діогеномъ, и это діогенство было моимъ единственнымъ тогда принципомъ. Я все презиралъ — и міръ, и людей, ихъ стремленія, вѣрованія, условія общежитія, — я публику при нихъ составлялъ: смотрѣлъ, что они дѣлаютъ, какъ радуются и горюютъ, а самъ принималъ не больше участія, какъ зритель, въ томъ, что происходитъ на сценѣ. — Если я не палъ, если развратъ и порокъ не коснулись меня въ эту зиму, — я обязанъ моимъ покойникамъ. Каждую ночь они снились мнѣ; я хоть во снѣ жилъ въ ихъ святомъ кругу, толковалъ съ братомъ, съ женой и съ сестрой (умершей въ Москвѣ въ 1862 году; я ее очень любилъ — мы выросли вмѣстѣ), съ Малушей игралъ, — и остался чистъ, какъ при нихъ, хотя кругомъ меня все было падшее и растлѣнное.

Такъ и весна настала. Грязный, оборванный шлялся я по Галацу, а деревья зеленѣли и птицы тянулись вереницами на сѣверъ. Я все смотрѣлъ на птицъ, прислушивался къ ихъ голосамъ — и меня стало тянуть куда-то. Куда дѣваться? Я и самъ сначала не зналъ, но жена завѣщала мнѣ ѣхать на Западъ, отдаться перу и наукѣ. Думалъ я, думалъ, откладывалъ со дня на день, — наконецъ, пошелъ на пристань. Сербъ, капитанъ одного буксирнаго парохода, отходившаго на другой день въ Базіашъ, обѣщалъ мнѣ мѣсто даромъ. Я собралъ свои статьи, завернулъ ихъ въ старенькое пальто — и явился на пароходъ: больше у меня вещей и не было. Поплыли мы, — денегъ у меня было всего съ полтинникъ, пароходъ шелъ тихо, таща противъ теченія двѣ, а иногда три баржи, ѣсть было нечего, кромѣ сухихъ запа-

совъ, которые я закупилъ на дорогу. Кельнеры пригласили за свой столъ. Въ Оршовѣ, на австрійской границѣ, мой капитанъ передалъ меня другому, шедшему до Пешта; кельнеры шепнули и тамъ кельнерамъ — и я опять былъ сытъ. Но къ ужасу моему, на пароходѣ этомъ ѣхалъ мой знакомый цареградскій банкиръ Pervilegio, — я сталъ отъ него прятаться. Мнѣ не хотѣлось, чтобъ онъ, видавшій меня въ хорошихъ обстоятельствахъ, узналъ о моей нищетѣ, да и боялся я, что, назвавъ меня по имени и сболтнувъ, что я эмигрантъ, навлечетъ на меня арестъ; а арестъ этотъ повелъ бы къ выдачѣ меня въ Россію, гдѣ меня ничего хорошаго, разумѣется, не ожидало. На пароходѣ было пропасть русскихъ. Одинъ инженерный полковникъ, услышавъ, что я разговариваю по сербски съ матросами, заговорилъ со мною по русски. Я выдалъ себя за студента этнографа, возвращающагося изъ Турціи въ Европу, для окончанія своихъ филологическихъ занятій и для приведенія въ порядокъ своихъ изслѣдованій по славянской миѳологіи. Было уже совершенно темно, когда мы разговаривали на палубѣ съ полковникомъ, очень довольнымъ, что во второмъ классѣ, нашелся, наконецъ, человѣкъ, съ которымъ можно слово сказать, а онъ зналъ только по русски; прочіе же русскіе, генералъ Свѣчинъ съ Кавказа, дочь графа Коцебу изъ Одессы, докторъ Вагнеръ тоже изъ Одессы, какой-то помѣщикъ-меломанъ Криворотъ и еще какіе-то, ѣхали всѣ въ первомъ. Мы стояли и разговаривали, — мнѣ тоже отрадно было поговорить съ русскимъ не изъ простонародья.

— «Mais oui, c'est vous enfin, monsieur Yanni, positivement c'est votre voix!.. раздалось за мною. Меня передернуло — я попался.

— «Taisez vous, Alphonse», сказалъ я, сжимая руку Pervilegio. Не говорите никому, кто я, и какъ вы меня знаете — мы въ Австріи.

Альфонсъ поклялся всѣми богами. Я разсказалъ ему все, что со мной было и что ѣду, самъ не знаю куда, на Западъ заняться филологическими науками, такъ какъ кромѣ науки у меня нѣтъ никакихъ интересовъ въ жизни. Альфонсъ назвалъ меня сумасшедшимъ. «Наука и литература плохо кормятъ, сказалъ онъ, а деньги первое дѣло. Воротитесь въ Цареградъ, я вамъ дамъ сейчасъ же мѣсто у меня въ конторѣ въ 10 лиръ (60 р.) въ мѣсяцъ — вотъ вамъ задатокъ, а за дорогу я плачу».

— «Спасибо, Альфонсъ, отвѣчалъ я, — но мнѣ силы нѣтъ видѣть этотъ спящій Востокъ; я до ненависти дохожу къ нему за отсутствіе въ немъ всякой умственной жизни. Мнѣ наука нужна, — если и она меня не спасетъ, я погибъ окончательно. Я хочу мыслить, я хочу добиться до разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ по миѳологіи, археологіи и исторіи славянства. — Я радъ, что хоть это можетъ еще занимать мой умъ, и я ни за что, ни за какія блага не откажусь отъ науки. Путешествіе мое отчаяннѣйшій рискъ, оно вамъ безумiемъ кажется, — но мнѣ надо душу свою спасти, мнѣ свѣжій воздухъ нуженъ, вопросовъ гибель у меня въ умѣ, а на всемъ Востокѣ, отъ Галаца до Цареграда, мнѣ никто на нихъ не отвѣтитъ, и никто не сумѣетъ подмѣтить ошибку въ моихъ выводахъ. Я бѣгу отъ сна, отъ невѣжества, отъ застоя, — бѣгу на удалую, очертя голову, — но мнѣ необходимо добраться до людей, которые поймутъ, что у меня наболѣло на душѣ, откуда я взялъ мои страшныя отрицанія, почему я дошелъ до моего діогенства. Мнѣ надо высказаться, выспориться — я нравственно боленъ: мой умъ разстроенъ, сердце разбито, — я слышу въ себѣ болѣзнь, но не могу остановить ея развитія. Я діалектикъ, мыслитель, — мнѣ нужно сразиться съ равными мнѣ, а равныхъ мнѣ на Востокѣ нѣтъ. Я титановъ вызываю на бой, а на Востокѣ одни пигмеи да обезьяны...»

Альфонсъ плохо меня понялъ, но ему жалко меня стало. Карьера философа, ученаго и литератора, которую я себѣ избиралъ, была ему не по сердцу, — онъ слыхалъ, что она не кормитъ.

— «Послушайте, monsieur Yanni (я зналъ ваше настоящее имя, только теперь не помню) — тогда вотъ какъ сдѣлайте. Воротитесь въ Цареградъ, годъ, два побудьте въ конторѣ, заработайте денегъ и поѣзжайте на Западъ».

— «Лучше въ Дунай брошусь, подъ колеса парохода, — отрѣзалъ я. — Мнѣ, Альфонсъ, нѣтъ другого выхода, кромѣ этого сумасшедшаго путешествія. Я не полякъ, чтобъ удовольствоваться фразами, и не кабинетный человѣкъ, чтобъ успокаиваться на теоріяхъ, выработанныхъ въ четырехъ углахъ. Вопросы и сомнѣнія мои могутъ разрѣшиться только въ столкновеніи съ жизнью, а жизни на Востокѣ нѣтъ. — Да, наконецъ, — я вольная птица, самъ себѣ баринъ, — если я и пропаду, крѣпко обо мнѣ никто плакать не будетъ, да и мысль о гибели меня не страшитъ, — мнѣ терять на свѣтѣ ничего не осталось. Но, если ужъ погибать, такъ погибать прилично, не въ Цареградѣ, — на людяхъ и смерть красна».

Альфонсъ не унялся. Онъ составилъ противъ меня заговоръ и познакомилъ меня съ русскими перваго класса. Они очень удивлялись, какъ это ученый путешествуетъ не на казенный счетъ, и убѣждали меня послушаться Альфонса или воротиться въ Россію. — Я отвѣчалъ, что безъ диссертаціи не явлюсь домой, а что добиться значенія славянскихъ миѳовъ и исторіи славянскихъ боговъ я могу только въ Вѣнѣ, гдѣ пропасть славянъ и гдѣ всего удобнѣй можно изучить славянскія преданія. — Мысль остановиться именно въ Вѣнѣ пришла мнѣ только по дорогѣ. Въ Галацѣ у меня не было никакихъ опредѣленныхъ плановъ.

Со мной спорили, не соглашались, но заинтересовались мной. Я назвалъ себя Ивановымъ-Желудковымъ: на паспортѣ у меня было написано Vasilii Ivanoff, но какъ Ивановъ фамилія, не внушающая довѣрія къ человѣку въ исключительномъ положеніи, потому что ее надѣваетъ на себя каждый, кто не найдется придумать себѣ имени повѣроятнѣе, что я замѣчалъ въ Добруджѣ и въ Молдавіи надъ бродягами, — то я прилѣпилъ къ ней фамилію моей матери, которая была изъ Желудковыхъ. — «Ивановъ-Желудковъ», именно, по странности своей обезпечивало меня отъ всякихъ подозрѣній, а когда въ Вѣнѣ, въ Галичинѣ у славянъ, я разсказывалъ, что я по происхожденію старообрядецъ или хлыстъ, и разсказывалъ это съ мельчайшими подробностями, — то сомнѣній о моей личности окончательно не могло возникнуть. — Это разсчетъ, вынесенный мною изъ трущобной жизни.

Между тѣмъ, участіе, которое принялъ во мнѣ Первиледжіо и его готовность помочь мнѣ возбудили во мнѣ мысль попросить у него въ заемъ рублей съ пятьдесятъ, чтобы хоть костюмъ сдѣлать себѣ приличный. Покуда я колебался и затруднялся, капитанъ парохода объявилъ мнѣ отъ имени русскихъ пассажировъ перваго класса, что они просятъ принять меня сдѣланную ими для меня складчину. Положеніе мое вышло крайне неловкое, я отказывался, на меня наступили, потребовали, чтобъ я принялъ деньги во имя самой науки, которой себя посвящаю, — и я долженъ былъ согласиться, скрѣпя сердце, и давъ себѣ слово отдать впослѣдствіи эти деньги (рублей около восьмидесяти) первымъ нуждающимся; — что уже и сдѣлано. Сверхъ этого, капитанъ взялся устроить для меня даровой проѣздъ до Вѣны. Въ Пештѣ я разстался съ русскими, пересѣлъ на другой пароходъ — и черезъ недѣлю уже посѣщалъ лекціи старославянскаго языка, санскрита и зенда въ Вѣнскомъ университетѣ, а свободное отъ нихъ время проводилъ въ Императорской — королевской библіотекѣ, изучая славянскія сказки, пѣсни, древнюю исторію славянства и народные обычаи. Мѣсяца въ два мнѣ удалось провѣрить мои прежніе выводы и убѣдиться, что открытый мною методъ можетъ повести къ колоссальнымъ результатамъ, что есть возможность опредѣлить домашній и политическій бытъ и вѣрованія славянъ въ VII, VIII и IX вѣкахъ, а равно и указать на связь нашу съ

Индіей въ какія-то, до сихъ поръ неизвѣстныя мнѣ времена. По крайней мѣрѣ, я нашелъ въ «Вѣдахъ и въ Пуранахъ» прямыя указанія, что санскриты знали о нашемъ существованіи на сѣверо-западѣ отъ Индіи, и что были очень высокаго мнѣнія о нашей образованности. Затѣмъ я невольно пришелъ къ заключенію, что преданія и сказанія наши древнѣе германскихъ и сохранились въ болѣе первобытной чистотѣ, что сказки, которыя у насъ каждый ребенокъ знаетъ, суть отрывки изъ древней, всѣмъ индо-европейцамъ общей поэмы о сотвореніи міра, которая даже у санскритовъ и грековъ не сохранилась въ такой первобытной формѣ, какъ у насъ. Въ связи съ этими изслѣдованіями, я занимался сравненіемъ славянскихъ нарѣчій и быта отдѣльныхъ племенъ, что дало мнѣ возможность разъяснить ихъ древнюю исторію и указать на происхожденіе каждаго. Такъ, я имѣю теперь положительныя данныя, что мы, велико-руссы, вовсе не происходимъ отъ финовъ и татаръ, какъ утверждаютъ поляки, и что въ бытѣ нашемъ татарщина не оставила никакихъ рѣзкихъ слѣдовъ; а что, напротивъ того, нигдѣ славянство не сохранилось въ такой чистотѣ, какъ у насъ; — о чемъ и думаю написать серьезное изслѣдованіе въ отвѣтъ Духинскому, Мицкевичу, Henri Martin, Viquesnel и прочимъ шарлатанамъ науки.

Но занятія въ библіотекѣ и въ кабинетѣ были недостаточны. Я хорошо зналъ бытъ южныхъ славянъ, болгаръ и сербовъ, а равно и сосѣднихъ съ ними румуновъ и грековъ. Надо было ознакомиться и съ западными славянами: я началъ съ словаковъ. Коротенькая моя замѣтка объ нихъ, съ указаніемъ на мой методъ, помѣщена въ «Русскомъ Вѣстникѣ» прошлаго года, подъ названіемъ «Словацкія села подъ Пресбургомъ». Для такихъ-же изслѣдованій я предпринялъ трудную, а для меня даже и опасную поѣздку по Австріи и началъ съ Галичины, для изученія тамошнихъ русскихъ, а затѣмъ думалъ забраться въ Угорщину, въ Семиграды, Банатъ, Воеводину, Хорватію, Истрію, Далмацію, — или же въ Чехію и Моравію и потомъ въ Саксонію и Пруссію, для посѣщенія лужицкихъ сербовъ, мазуровъ и кашубовъ.

Поводы къ этой поѣздкѣ были такого рода. Однимъ изъ первыхъ моихъ шаговъ въ Вѣнѣ было вступленіе въ Славянской Клубъ (Slovanská Beseda), гдѣ каждый вечеръ собираются проживающіе въ Вѣнѣ славяне, преимущественно чехи, гдѣ поляковъ никогда не бываетъ и куда русскіе путешественники даже и заглядывать не изволятъ. Тамъ можно читать всѣ славянскія газеты, а также «Московскія Вѣдомости», «Инвалидъ», «Голосъ», «Петербургскій Листокъ» и т. п. Я вошелъ въ Бесѣду смиреннымъ студентомъ, познакомился кой съ кѣмъ изъ членовъ, преимущественно изъ галицкихъ русскихъ, — и очень не понравился имъ. Мои «безпристрастныя» сужденія о полякахъ и о малорусахъ сильно ихъ разсердили, такъ что они стали упрекать меня въ украйнофильствѣ и въ полонофильствѣ. Я спорилъ, говоря, что каждая народность должна имѣть права на независимое существованіе, развивать свой языкъ, жить по своимъ обычаямъ — короче, я говорилъ тоже самое, что проповѣдывала наша литература въ 1862 году, когда я, съ отъѣздомъ моимъ въ Цареградъ, пересталъ слѣдить за нею. Галичане и русскіе угры держались другого мнѣнія. Русское государство, говорили они, выработываетъ языкъ и право обязательное для всего славянства, а тѣмъ болѣе для русскихъ племенъ. Оно одно представляетъ реальную силу славянства, и, какъ всякіе швабы, фризы, тирольцы, стремятся къ слитію съ Пруссіей, создавшейся на границахъ германскаго міра, такъ и славяне не могутъ не тянуть къ Россіи, возникшей на крайнемъ рубежѣ славянства. Въ этомъ одно ихъ спасеніе отъ ненавистнаго славянскому духу германизма, и потому всякое слово противъ расширенія языка, права и гра-

ницъ Россіи — измѣна славянству; а поляки и украйнофилы преступники противъ него, такъ какъ они стремятся къ сепаратизму. — Взглядъ этотъ раздѣляли всѣ славяне, даже и партизаны Австріи, мечтавшіе о славяно-мадьярско-румунской дунайской федераціи, то есть о распаденіи славянскаго міра на двѣ группы: на русскую и на австро-турецкую. И я не могъ не признать, что доводы ихъ вѣрны, а какъ только я сдѣлалъ эту уступку, такъ и перестали быть мнѣ чуждыми дѣла человѣческія: это былъ шагъ первый. Туманъ сталъ разсѣиваться, — повязка спадала съ глазъ.

Другой шагъ я сдѣлалъ, научившись у нихъ глубоко уважать наше правительство и гордиться имъ, хотя первые уроки въ этомъ я взялъ еще въ Тульчѣ у бѣглыхъ и въ Галацѣ у скопцовъ. Не знаетъ наше правительство, какъ его любятъ и цѣнятъ за границей, какъ даже отвергаемые имъ люди не могутъ безъ слезъ говорить объ немъ! Съ какимъ волненіемъ читалъ я въ Галацѣ о смерти старшаго сына Государя, — я понималъ, что Государь долженъ былъ почувствовать, и его горе примирило меня съ нимъ, но потомъ, мои собственныя бѣды и апатія, въ которую я впалъ, какъ-то затерли это впечатлѣніе. Въ Пештѣ я узналъ о выстрѣлѣ 4-го апрѣля, — онъ произвелъ на меня мрачное впечатлѣніе. Я сразу понялъ, что это могло быть дѣломъ какого нибудь безумца или фанатика, а никакъ не партіи, но я испугался за Россію, которой грозила страшная реакція, и испугъ этотъ подѣйствовалъ на меня цѣлебно. Адресы читалъ я съ сочувствіемъ — и вдругъ, вмѣсто реакціи, явился гласный судъ: славяне поздравляли меня. За гласнымъ судомъ пріѣхало американское посольство, — я сталъ бороться съ собой, боясь, что «снизойду» до уваженія къ правительству. — Война началась — я сравнивалъ Петербургъ въ Крымскую войну съ Вѣной въ эту семинедѣльную, и понялъ разницу между живою и здоровой Россіей и умирающей Австріей. Я написалъ объ этомъ въ «Голосъ».

Чѣмъ я больше читалъ газеты, чѣмъ ближе сходился съ славянами и чѣмъ глубже вдавался въ изученіе славянства, — тѣмъ сильнѣе и сильнѣе развивалось во мнѣ примиреніе съ жизнью:

«Я сжигалъ все, чему поклонялся,
И склонялся предъ всѣмъ, что сожегъ».

Каждые пустяки, каждая мелочь возбуждала во мнѣ любовь къ Россіи и къ нашему правительству, которое то и дѣло сыпало реформы за реформой. Точно праздникъ какой-то шелъ, не кончились еще торжества американцамъ, — начались приготовленія къ свадьбѣ цесаревича; въ Вѣнѣ хлопотали о собраніи костюмовъ для выставки, меня изъ Москвы Поповъ просилъ указать Демидову, откуда и какъ достать костюмы некрасовцевъ и приглашалъ меня, какъ этнографа Иванова-Желудкова, побывать у кашубовъ, мазуровъ, силезцевъ и лужичанъ. Обычное право славянское сталъ я изучать, — одинъ добровницкій (Ragusa) сербъ Богишичъ занимался сравненіемъ славянскихъ обычаевъ: я ему сообщилъ пропасть свѣдѣній о русскихъ юридическихъ воззрѣніяхъ, — и мы оба пришли къ убѣжденію, что у насъ, у великорусовъ, славянское право сохранилось въ первобытной чистотѣ, такъ что миноратъ уцѣлѣлъ только у насъ и т. п. Изслѣдованія наши напечатаны по сербски въ Загребскомъ (Agram) журналѣ «Kniżéwnik», — они опять такъ заставили меня гордиться, что я русскій — а въ Галацѣ я недавно проповѣдывалъ, какъ нѣмецъ: ubi bene, ibi Patria.

Переписку, завязавшуюся у меня съ Герценомъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Вѣну, я прекратилъ. Въ послѣднихъ письмахъ своихъ онъ очень негодовалъ на «этотъ несчастный выстрѣлъ», который, по его мнѣнію, оттягивалъ созваніе земскаго со-

бора, предлагалъ мнѣ довольно выгодныя условія за сотрудничество въ «Колоколѣ» и въ «Полярной Звѣздѣ» – онъ по письмамъ моимъ замѣтилъ, что у меня слогъ нѣсколько выработался и хотѣлъ войти со мною въ полемику: но ужъ было поздно, – блудный сынъ находилъ домъ отчій. Я отказался и отъ сотрудничества, и отъ полученія «Колокола», и отъ переписки, подъ предлогомъ опасности со стороны австрійской полиціи, а въ сущности для того, чтобъ спокойнѣе обсуживать наединѣ возникавшія во мнѣ чувства и мысли. Съ тѣхъ поръ, какъ я остался одинъ, – я отвыкъ дѣлиться съ людьми своими мыслями, я весь ушелъ въ самого себя.

Въ Вѣнѣ же я и работать началъ. Повѣстей своихъ и «Черныхъ Думъ» я не послалъ въ Россію, – и мода на произведенія въ этомъ родѣ прошла, да и я самъ уже не былъ отрицателемъ. Я написалъ на пробу «Русское село въ Малой Азіи» и «Словацкія села подъ Пресбургомъ», – Катковъ отвѣчалъ, что ждетъ отъ меня еще статей. Но сношенія съ «Русскимъ Вѣстникомъ» были затруднительны: писаря редакціи отвѣчали какъ-то безтолково, неаккуратно, – я написалъ корреспонденцію Краевскому; мы съ нимъ мигомъ сошлись: онъ предложилъ мнѣ даже передовыя статьи посылать, что я и дѣлалъ и, такимъ образомъ, имѣлъ въ мѣсяцъ до 200; а, если захочу, то и до 500 р. сер. доходу*. – Я не только вышелъ изъ нищеты, но могъ даже жить съ нѣкоторою роскошью.

Одно меня мучило – двусмысленность моего положенія. Славяне просили меня не только писать за нихъ, но даже и хлопотать, и мнѣ постоянно нужно было лгать и отдѣлываться отъ нихъ, – что было отвратительно. Съ правительствомъ я совершенно примирился и нѣсколько разъ порывался просить у Государя помилованья, – но меня удерживалъ польскій вопросъ. Что мнѣ ни говорили галичане, какіе ужасы они ни разсказывали про поляковъ, – мнѣ все какъ-то не вѣрилось, потому что между эмигрантами я много наслышался о любви народа къ шляхтѣ, объ участіи мужиковъ въ повстаніи и никакъ не могъ согласить ихъ разсказовъ съ извѣстіями нашихъ газетъ и съ тѣмъ, что слышалъ отъ галичанъ. Если эмигранты были правы, если Польша возможна и, можетъ быть, безвредна для нашего Западнаго края, – тогда наше правительство, разумѣется, неправо, и тогда примиреніе мое съ нимъ было бы невозможно: нельзя-же было бъ обманывать его на счетъ своего образа мнѣній. – Долго я ломалъ голову надъ этой дилеммой, пока не рѣшился исполнить просьбу моихъ пріятелей галичанъ – объѣздить и описать ихъ край. Предпріятіе было трудное, они сами этого не скрывали: въ Австріи каждый русскій, хоть-бы и съ турецкимъ паспортомъ, принимается за правительственнаго агента и подстрекателя, а въ Галичинѣ и безъ того вся власть въ польскихъ рукахъ, – русскихъ оттуда попросту выгоняютъ, а въ Венгріи даже и колотятъ, чему и примѣры знаю – наши же посланники не сходятъ съ высоты своего величія для защиты чести русскаго паспорта. Мнѣ же грозила опасность быть узнаннымъ и выданнымъ въ Россію, – но надо было уяснить себѣ правду о полякахъ и по возможности помочь галичанамъ изданіемъ книги объ нихъ. Дѣло предстояло честное – и стыдно было бы не ходить въ лѣсъ изъ боязни волковъ. Я поѣхалъ, разсчитывая пробыть до Рождества въ Галичинѣ (Галиція – въ Испаніи, а въ Австріи – Галичина), оттуда объѣхать славянъ въ Пруссіи и въ Саксоніи, въ Лейпцигѣ напечатать мою предполагаемую книгу и, если выводы изъ моихъ наблюденій оправдаютъ дѣйствія правительства, – поднести ее Государю съ просьбою о забвеніи стараго. – О томъ, что

---

* Эта исповѣдь составитъ 15 печатныхъ листовъ «Русскаго Вѣстника», который меньше 48 р. сер. за листъ не платитъ. Началъ я ее 13-го іюня, а кончу послѣзавтра, 11-го іюля. Еслибъ она назначалась для печати, – она принесла бы мнѣ за мѣсяцъ работы почти 750 р. сер.

я эмигрантъ, разумѣется, въ Австріи никто не зналъ; какъ и въ Галацѣ, никто не зналъ, куда именно я уѣхалъ, а сверхъ того я распустилъ слухъ о своей смерти въ Джуджевѣ. Выдавалъ я себя за раскольника, некрасовца по происхожденію, путешественника по страсти и ученаго по призванію. Непріятно было морочить честныхъ людей, но иначе ничего узнать нельзя было, да и скажи я имъ, что былъ когда-то самымъ дѣятельнымъ изъ всѣхъ враговъ русскаго правительства, они-бы, не говоря худого слова, скрутили мнѣ руки и препроводили меня къ начальству для выдачи; хоть-бы слѣдствіемъ этой выдачи была моя казнь. — Я славянъ хорошо знаю, они вовсе не фразу говорятъ, что истинныхъ друзей нашего правительства и лучшихъ русскихъ патріотовъ надо между ними искать, въ ущельяхъ Татровъ и на берегахъ Адріатики: ихъ нѣтъ въ русской службѣ, а они были бы въ сто разъ надежнѣе и полезнѣе нѣмцевъ.

Итакъ — второй разъ въ жизни пришлось мнѣ переродиться. Цареградъ, бывшая столица Восточной Римской Имперіи заставила меня покинуть борьбу противъ правительства; Вѣна, бывшая столица Западной Римской Имперіи сдѣлала меня бойцомъ за него. Какъ одиночество въ Галацѣ ввело меня въ апатію и вынудило къ отчаянному бѣгству въ Вѣну, чтобы спасти себя наукой — такъ, въ той же Молдавіи, ровно черезъ годъ послѣ этого бѣгства, такое-же одиночество привело меня къ возвращенію въ Петербургъ, съ просьбою о дозволеніи мнѣ быть полезнымъ Россіи.

Еще сомнѣнія были на душѣ, когда я очутился въ Краковѣ. Тамъ я прожилъ день, — мнѣ хотѣлось взглянуть на этотъ городъ, и я пошелъ осматривать древніе костелы. Въ соборѣ, гдѣ вѣнчались на царство короли, я просидѣлъ часа съ два, — тѣни прошлаго Польши мелькали передо мною, Самозванецъ и Марина, Скарга и Потей, Баторій и Понятовскій бывали здѣсь, — неужели-же Польша въ самомъ дѣлѣ умерла? Что-то торжественное было на душѣ, какъ-то невольно закрадывалось въ душу благоговѣніе къ этой, нѣкогда блестящей цивилизаціи, совѣстно становилось думать, что она такъ же пала, какъ Египетъ, Ассирія, Римъ... Я выходилъ изъ собора.

— «A pan nie chce poratrzec sklep?» обозвалъ меня сторожъ.

— «Pokaż», отвѣчалъ я машинально, весь погруженный въ думы.

Онъ зажегъ свѣчку, поднялъ люкъ, и мы спустились. — У стѣны стояла гробница, и на ней крупными буквами было высѣчено одно слово — это слово было

— Kościuszko —

У меня колѣни вздрогнули, сердце похолодѣло — я этого не ожидалъ. Я опустился на помостѣ передъ гробницей, и зарыдалъ, какъ женщина: «Костюшко, Костюшко! что, если и ты такъ же былъ неправъ, какъ я въ былое время? Что если ты понапрасну рисковалъ собой и другими? Если и ты вѣрилъ въ возможность невозможнаго? Я долженъ буду идти противъ твоихъ, если увѣрюсь въ эту поѣздку, что они неправы, и что идеалы, за которые они лучшую кровь свою льютъ, — неосуществимы! Ты былъ честный человѣкъ, ты поймешь меня, и ты самъ благословишь меня на честное дѣло!..» И я почувствовалъ, выходя изъ собора, что у меня камень свалился съ совѣсти. Мнѣ стало легко добиваться страшной правды.

Путешествіе мое почти все напечатано въ «Голосѣ», остается, можетъ, прибавить листа съ три печатныхъ, чтобы издать его отдѣльною книгой — изъ него видно, къ чему я пришелъ. Здѣсь-же слѣдуетъ только разсказать, какъ и за что графъ Голуховскій счелъ меня русскимъ агентомъ и выпроводилъ меня въ Молдавію, а польскія газеты сбились съ толку въ предположеніяхъ на мой счетъ.

Въ Галичинѣ заведенъ порядокъ, что на Краковской и Львовской станціи, желѣзной дороги у незнакомыхъ полиціи личностей спрашиваютъ паспортъ. Голуховскій-же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы сельскіе войты (старосты) задерживали всѣхъ сомнительныхъ людей и представляли ихъ въ станы (Bezirksamt). Распоряженія эти вынуждены были жалобами нашего правительства, что Галичина становится притономъ эмигрантовъ и агитаторовъ. Надо было успокоить насъ и не вводить въ хлопоты Вѣну; надо было сдѣлать видъ, что въ Галичинѣ все тихо, прилично, что сами польскіе администраторы не только не покровительствуютъ эмигрантамъ, но даже выдаютъ ихъ Россіи. Приведенными мѣрами эта цѣль вполнѣ достигается, — и комедія разыгрывается къ общему удовольствію и русскихъ, и нѣмцевъ, и поляковъ. Безпаспортныхъ, или запасшихся неправильными паспортами эмигрантовъ изъ простонародья, дезертировъ, канцелярскихъ служителей и прочую мелкую пѣшку хватаютъ, арестуютъ и выдаютъ. Ее никому не жалко, потому что она вѣчно служитъ орудіемъ, и убыли въ ней никогда не будетъ. Теперь возстанія нѣтъ и не предвидится даже — рядовой безполезенъ. Онъ за одно обреченъ на гибель — не загородилъ собою русскіе штыки отъ предводителей возстанія, то пусть снесетъ за ихъ спокойствіе каторгу или ссылку, служа декораціей ихъ закулисной работѣ. — Всѣ политическія партіи вынуждены приносить такія гекатомбы правосудію, которое и удовлетворяется обыкновенно этимъ bydlem, принимая его за настоящихъ дѣятелей. Съ нихъ снимаютъ показанія, удивляются ихъ необыкновеннымъ похожденіямъ и изувѣрству, — свѣдѣнія ихъ о главныхъ дѣятеляхъ, собранныя ими по наслышкѣ, такъ какъ ихъ никогда не посвящаютъ въ тайны, принимаются за чистую монету, — слѣдственныя комиссіи составляютъ отчеты, публицисты дѣлаютъ выводы, публика обморочена, вниманіе ея отведено въ сторону, — а настоящая интрига ведется своимъ чередомъ подъ шумокъ, невѣдомо гдѣ, кѣмъ и для чего. И все это безъ особыхъ усилій и ухищреній, одной выдачей властямъ всѣхъ недостаточно ловкихъ, чтобъ отвертѣться отъ нихъ, а кто не умѣетъ отвертѣться, тотъ, значитъ, не способенъ и, стало быть, не стоитъ сожалѣнія. Пускай хоть раскаивается онъ подъ арестомъ, — вѣдь онъ все равно ничего серьезнаго не можетъ показать, и чѣмъ искренней будетъ его покаяніе, тѣмъ больше онъ отведетъ глаза правительству, самъ искренно принимая за дѣятелей людей, которые даже и довѣріемъ не пользуются.

Чарторыйскій, Мѣрославскій, Босакъ, Лангевичъ и прочіе вожаки никогда не будутъ выданы, — потому, что они сумѣютъ не навлечь на себя подозрѣнія полиціи, а если и попадутся ей какими нибудь судьбами — на грѣхъ мастера нѣтъ — то или проведутъ ее, или замнутъ дѣло при помощи разныхъ вліятельныхъ лицъ. — Какъ-же правды добиться, спросятъ меня, и какъ узнать, что затѣваютъ поляки? — На это, отвѣчу я, надо во первыхъ, чтобъ у правительства было побольше друзей, а во вторыхъ поменьше враговъ, — иначе оно опять сядетъ въ такой-же просакъ, какъ въ 1862 году. Все въ его рукахъ, все оно можетъ сдѣлать, была бы только охота, да ловкіе агенты, — въ противномъ случаѣ, поляки устроятъ ему нѣчто похуже повстанья.

Въ Краковѣ меня на станціи остановилъ полицейскій комиссаръ и потребовалъ у меня паспортъ. Я отдалъ, онъ велѣлъ мнѣ зайти къ нему въ контору, куда я и явился, когда разошлась публика, спрятавъ, разумѣется, рекомендательныя письма въ такое мѣсто, гдѣ ихъ нашли-бы не ранѣе, какъ года черезъ два, черезъ три, еслибы даже и нашли. Узнавъ, что я намѣренъ пробыть въ Краковѣ сутки, комиссаръ далъ мнѣ карточку и велѣлъ завтра явиться въ полицію за паспортомъ. Въ полиціи, послѣ тысячи извиненій, спросили: кто я, откуда, зачѣмъ, женатъ, холостъ, па

чей счетъ ѣду, гдѣ родился, гдѣ живу, гдѣ бывалъ и проч., и проч., такъ что составился обо мнѣ огромнѣйшій протоколъ. Мнѣ отдали паспортъ и сказали, что препятствій къ моему путешествію по Галичинѣ быть не можетъ.

Въ Перемышлѣ меня не тревожили. Во Львовѣ пригласили въ полицію только черезъ двѣ недѣли по пріѣздѣ и сдѣлали тотъ-же допросъ, съ тѣмъ же разрѣшеніемъ ѣздить, гдѣ хочу для археологическихъ изслѣдованій, — что я исполнилъ.

Въ концѣ октября я отправился въ Карпаты, — мнѣ хотѣлось видѣть очень любопытное русское племя «гуцуловъ», которое по своему типу, костюму и по образу жизни такъ разнится отъ всѣхъ прочихъ русскихъ племенъ, что заслуживаетъ особеннаго изученія. До сихъ поръ никто еще не описалъ этихъ загадочный «руснаковъ», а изученіе ихъ пролило-бы много свѣту на исторію Восточной Европы во II и III вѣкѣ по Р. Х.; — мнѣ очень хотѣлось собрать ихъ преданія и повѣрья. Въ Коломыѣ также паспорта не спросили, и я поѣхалъ въ мѣстечко Печенѣжинъ, при подошвѣ Карпатовъ, куда у меня было рекомендательное письмо къ священнику Петрушевичу, брату знаменитаго историка, и тоже ученому. Онъ не пустилъ меня ѣхать далѣе въ тотъ день, заставилъ ночевать у себя, — что и мнѣ, и ему надѣлало пропасть непріятностей, — и отпустилъ въ горы на другой день только послѣ обѣда, давъ мнѣ письмо къ священнику въ одномъ селѣ часахъ въ четырехъ отъ Печенѣжина. Дорога была худа, ночь захватила насъ въ горахъ, и извощикъ мой объявилъ, что надо будетъ заночевать у попадьи села Акрешоры. Я отказался, — мужъ ея недѣли двѣ тому умеръ, и неловко было проситься на ночлегъ въ незнакомый домъ, да еще въ такое время. Въ корчму не пустили, — я заѣхалъ къ одному мужику. — Утромъ явился войтъ и потребовалъ паспортъ, — паспортъ написанъ былъ по французски, — въ селѣ прочесть никто не могъ. Попадья, къ которой онъ обратился, — объявила его французскимъ...

— «Якъ-же вы, пане, кажете, що вы сте дъ Турстчины, а пашпортъ вашъ французской?» усомнился панъ войтъ — «та, чого же вы, пане, хочете ту, въ нашихъ горахъ, чого вы сте пріѣхали до насъ?»

Что было отвѣчать безграмотному властелину горъ? — Я сталъ толковать о костюмахъ, о древностяхъ, — онъ не повѣрилъ: «якъ-же то бути може, щобъ вы съ такого далека только попатрите (посмотрѣти) на насъ ѣхали?» — и рѣшилъ, что пошлетъ за жандармами. Жандармы явились, начались тѣ-же допросы, то же непониманіе научныхъ интересовъ, и наконецъ, рѣшили осмотрѣть мои вещи. Ящикъ съ фотографическимъ апаратомъ привелъ ихъ въ ужасъ, бинокль тоже. «Дивитьсь! дивиться, добры люди! — кричали они въ ужасѣ, — та панъ е инжинеръ, наши горы мѣрити и описувати пріѣхалъ! Отъ и машина инжинирска! Отъ и труба, котра за двадцать миль все покаже!» «Та вы, пане, шпегъ (шпіонъ). Ой, повѣсятъ-же васъ, пане, повѣсятъ!» Всѣ были блѣдны, бабы чуть не плакали, мужики готовы были исколотить меня на закуску передъ петлей. Надо было все присутствіе духа, чтобъ сдерживать ошеломленную толпу. Войтъ и жандармы были въ восторгѣ, что поймали такого необыкновеннаго преступника, и съ рвеніемъ разсматривали мои книги, рукописи, перья, чернильницу, конверты, зубочистку, гребень, бѣлье, платье: имъ въ горахъ было чрезвычайно любопытно видѣть всѣ эти диковины, даже употребленья которыхъ они не могли объяснить. А безъ жандармовъ мнѣ плохо-бы пришлось, и я поблагодарилъ Бога, что въ Австріи, въ каждой волости они есть, — съ солдатомъ все лучше дѣло имѣть, чѣмъ съ мужиками. — Рѣшено было представить меня въ станъ, — и я покатилъ съ горъ, везя съ собой двухъ жандармовъ, штыки которыхъ великолѣпно блистали на солнцѣ.

Становой (Bezirksvorsteher) растерялся, и началъ тоже пересматривать мои бумаги, книги и вещи: операція продолжалась часа съ два. Затѣмъ начался протоколъ, составлявшійся часа четыре.

«На кажду старуху бываетъ проруха». Собирая матеріалы для моей книги о Галичинѣ, я набралъ много русскихъ стихотвореній противъ поляковъ и, какъ на грѣхъ, одно изъ нихъ, на польскомъ языкѣ, написано было противъ Голуховскаго, и становой приложилъ его къ дѣлу — ему нужно было отличиться. Шестьсотъ гульденовъ жалованья человѣку, у котораго шесть дочерей, и который въ добавокъ нѣмецъ, — хоть кого заставятъ кланяться. Весь мой протоколъ составилъ онъ въ польскомъ духѣ: галицкія и сербскія книги напечатаны стали у него «московитскими буквами», и на это обстоятельство онъ налегъ очень усердно, равно какъ на письма и на рукописи на «московитскомъ» языкѣ, неизвѣстнаго содержанія. Точно также, пачка конвертовъ, перья, бумага, краски, фотографическій аппаратъ получили подъ его перомъ какое-то мрачное значеніе — и порадовался я не на шутку, что со мной не было ни револьвера, ни пистолета. Это было бы уже явной уликой моей злоумышленности. Загладивъ, такимъ образомъ, вину своего нѣмецкаго происхожденія передъ Голуховскимъ, — онъ сталъ снимать съ меня показаніе, кто я, гдѣ я родился, учился, женился и т. д. Я показалъ то-же, что въ Краковѣ и во Львовѣ.

Я некрасовецъ, родился въ Петербургѣ, учился у домашнихъ учителей, посѣщалъ Петербургскій университетъ, поѣхалъ за границу во время войны, потому что не хотѣлъ дѣлаться русскимъ подданнымъ, воротился въ Россію послѣ Парижскаго мира, женился, опять поѣхалъ путешествовать, бывалъ въ Англіи и во Франціи, Турцію посѣтилъ, въ Добруджѣ жилъ, овдовѣлъ, поѣхалъ въ Вѣну, изучаю археологію въ Галичинѣ.

— «Да какая же тутъ археологія?» — допытывался Етмаръ. Археологію изучаютъ въ Италіи, въ Шварцвальдѣ, — а не у насъ.

Пришлось объяснить, почему галицкія древности важны для исторіи восточной церкви и для опредѣленія древняго быта славянъ.

— «На чей счетъ вы ѣздите?»

— «На свой собственный».

— «Гдѣ ваше состояніе?»

— «Въ Петербургѣ, въ акціяхъ и въ государственныхъ бумагахъ».

— «Гдѣ эти бумаги?»

— «Не возить-же ихъ съ собой, — онѣ у моего повѣреннаго, у одного купца, который ведетъ мои дѣла и высылаетъ мнѣ нужныя суммы по востребованію».

— «Какъ зовутъ его?»

— «Андрей Александровичъ Краевскій, живетъ на Литейной въ собственномъ домѣ, за номеромъ 38».

— «Велико-ли у васъ состояніе?»

— «100,000 руб. серебромъ...» — брякнулъ я.

— «Mein Gott! mein Gott!» — бѣдный Етмаръ только руками всплеснулъ.

Протоколъ кончился. Съ величайшими извиненіями и съ сожалѣніями препроводили меня къ канцелярскому сторожу, у котораго я помѣстился въ квартирѣ. Етмаръ охалъ, пенялъ, зачѣмъ я, ночуя въ Печенѣжинѣ, не прописалъ у него паспорта, что предотвратило-бы всѣ безпокойства и четырехъ-часовое составленіе моего протокола, а равно и поѣздку его завтра въ Коломыю. Вина въ непрописке была собственно не моя, а гостепріимнаго священника Петрушевича, — но дѣло было сдѣлано, скандалъ арестованія моего былъ такъ великъ, что Етмаръ не въ правѣ былъ не задержать меня unter Aufsicht, а не unter Arrest, какъ онъ утѣшалъ меня.

На счетъ Краевскаго и мнимаго капитала — у меня былъ разсчетъ довольно вѣрный. Я писалъ ему, съ какими трудностями сопряжена моя поѣздка, и что ареста мнѣ не миновать, ни въ какомъ случаѣ. Вѣсть объ этомъ арестѣ, разсчитывалъ я, хорошо зная польскіе и нѣмецкіе нравы, не можетъ не дойти до него черезъ газеты, прежде чѣмъ ему сдѣлаютъ запросъ, потому что дѣло пойдетъ черезъ множество инстанцій. Вины за мной нѣтъ, пропаганды я въ Австріи не дѣлалъ, стало быть задержаніе мое будетъ не продолжительно и не строго. Время, во всякомъ случаѣ, я выиграю, а это дастъ мнѣ возможность черкнуть двѣ строки въ Петербургъ или бѣжать. Если-жъ бы ни то, ни другое не удалось, и меня выдали бы головою въ Россію, съ которой я тогда уже примирился, такъ какъ хорошо изучилъ поляковъ, — я бы, въ этомъ же III Отдѣленіи, написалъ-бы, не задумываясь, такую же полную и чистосердечную исповѣдь, а затѣмъ судьбу свою предоставилъ-бы на волю Божію, стараясь уходить себя чѣмъ нибудь, чтобъ не мучиться понапрасну въ каторгѣ, или не умирать со скуки въ ссылкѣ.

На другой же день мѣстныя власти стали мнѣ дѣлать визиты съ оправданіями и соболѣзнованіями. Мои 100,000 руб. сер. подѣйствовали такъ на нихъ, что захоти я поручить любому ихъ нихъ бросить письмо на почту, онъ-бы за счастье почелъ оказать мнѣ эту услугу. — А Етмара въ Коломыѣ распушили за неполноту показанія, заставили его допросить войта, жандармовъ, мужиковъ, у меня узнать, какое именно ехидство разумѣю я подъ коварнымъ названіемъ филологіи и археологіи, и еще какой-то подобный вздоръ. Дѣло-же обо мнѣ было немедленно отправлено Голуховскому. — На четвертый день пришло телеграфическое предписаніе изъ Львова выслать меня изъ Австріи, какъ человѣка, путешествующаго безъ опредѣленной цѣли, ohne Zweck, и безъ визированнаго паспорта. Высылку эту произвести на мой собственный счетъ и непремѣнно черезъ Синѣжцы — Kihaleni въ Молдавію. — Какъ я послѣ узналъ, уже въ Яссахъ, меня во Львовѣ сочли за русскаго агента, умышленно снабженнаго турецкимъ паспортомъ, чтобы отвести глаза полякамъ; а выслали меня именно въ Молдавію и именно на мой счетъ — въ пику русскому правительству. — Я принялъ это рѣшеніе съ радостью, хотя и показалъ себя недовольнымъ, обѣщалъ возвратиться въ Печенѣжинъ по разъясненіи дѣла, — что, если буду помилованъ, и исполню — и отправился въ Коломыю, unter Aufsicht (doch nicht unter Arrest) того же канцелярскаго сторожа.

Ohne Zweck und ohne Visa! — Это была вопіющая несправедливость. По какому праву ученую поѣздку считать безцѣльною? Да, наконецъ, развѣ допускаетъ австрійское законодательство воспрещеніе путешествій для собственнаго удовольствія, безъ всякой опредѣленной цѣли? Развѣ Австрія замкнута для иностранцевъ, какъ Китай. — Я долженъ былъ молчать, потому что протестъ мой могъ или погубить меня, или, что еще хуже, оправдать Голуховскаго, — но зачѣмъ-же посольство наше въ Вѣнѣ не настоитъ, чтобы русскимъ можно было ohne Zweck путешествовать по Австріи? Преслѣдованіе русскихъ — оскорбленіе нашему правительству и всему народу; неуваженіе къ русскому паспорту австрійскихъ властей — неуваженіе къ выдающимъ этотъ паспортъ. — Наше правительство слишкомъ скромно и уступчиво, оттого съ нимъ и не церемонятся.

Ohne Visa — даже нелѣпость. Я пріѣхалъ въ Австрію съ визированнымъ паспортомъ, но, какъ ему вышелъ срокъ, то я перемѣнилъ его въ турецкомъ посольствѣ, и, разумѣется, мой новый паспортъ не могъ быть визированъ: въ Австріи австрійскихъ консуловъ не водится. Въ посольствѣ мнѣ сказали, что его нигдѣ не нужно прописывать, то-же я слышалъ въ Краковской и въ Львовской полиціи, — стало быть, что-же приходится думать о галицкихъ порядкахъ и о польскихъ администраторахъ?

Денегъ у меня было очень мало. Я ждалъ высылки изъ редакціи, когда меня арестовали, — и принужденъ была продать въ Коломыѣ часы, а въ Чернёвцахъ шубу на поѣздку и на содержаніе себя съ провожатыми сторожами. Въ Чернёвцахъ начальникъ полиціи пришелъ въ негодованіе, что меня везутъ на мой счетъ, спросилъ у моего провожатаго: «не готентоты-ли управляютъ Галичиной?», и отправилъ меня на обывательскихъ. Въ первой-же волости пришлось заночевать, потому что обывательскихъ какъ-то на лицо не было. Ночевать пришлось въ сѣняхъ арестантской, — пьяный войтъ перевелъ меня ночью въ арестантскую, гдѣ я и проспалъ на однихъ нарахъ съ какимъ-то конокрадомъ и въ компаніи крысъ. Это побудило меня ѣхать всю дорогу на свой счетъ, во избѣжаніе ненужныхъ остановокъ, — и такимъ образомъ, я добрался до Синёвецъ. Тамъ подивились моей исторіи, пожалѣли меня и пропустили въ Молдавію, гдѣ я ужъ былъ и въ безопасности, и почти дома. — 7-го ноября 1866 года я пріѣхалъ въ Яссы, гдѣ и прожилъ безвыѣздно до самаго возвращенія въ Россію, 19-го мая, когда я съ полной воли перешелъ unter Arrest.

Цѣлую зиму обдумывалъ я этотъ шагъ и только по зрѣломъ размышленіи рѣшился сдѣлать его.

Невольное переселеніе въ Яссы меня радовало отчасти. Была зима — время неудобное для этнографическихъ поѣздокъ, все равно нужно было гдѣ нибудь дожидаться весны и заняться приведеніемъ въ порядокъ массы накопившихся свѣдѣній и наблюденій. Кромѣ того, и сама Молдавія имѣла для меня интересъ въ научномъ и въ политическомъ отношеніи. Изученіе ея этнографіи и древностей необходимо для поясненія многихъ темныхъ вопросовъ въ исторіи славянства, — а сосѣдство ея съ Россіей возлагаетъ на насъ обязанность слѣдить за ея общественнымъ настроеніемъ: къ намъ она тянетъ, къ Франціи или къ Австріи? Тишина и непривлекательность ясской жизни, казалось, гарантировали мнѣ успѣшное окончаніе моего «Путешествія по Галичинѣ» и опроверженіе ученій Духинскаго, имѣющихъ такое колоссальное вліяніе на дѣйствія противъ насъ поляковъ и на отношенія къ намъ Западной Европы. Вступить въ борьбу съ нимъ я чувствовалъ себя въ силахъ, благодаря моему близкому знакомству съ славянскимъ бытомъ, языками, преданіями, лѣтописями, а также и знанію восточныхъ языковъ и цивилизацій, сектъ, вѣръ, физическаго отличія урало-алтайскаго племени отъ индо-европейскаго и т. д. Отвѣтъ мой я издалъ бы, какъ и «Путешествіе по Галичинѣ», на русскомъ, польскомъ и французскомъ языкѣ. «Путешествіе» нанесло-бы ударъ польской практикѣ; «Отвѣтъ» — ихъ теоріямъ, — а, какъ то и другое, вышло бы изъ подъ пера человѣка, хорошо имъ извѣстнаго и ползующагося ихъ уваженіемъ, то и не приминуло-бы произвести на нихъ должное впечатлѣніе.

Усердно принялся я за работу, — но работа шла плохо, перо валилось изъ рукъ, мысли и слова не клеились, — тяжелыя думы засѣли въ умѣ моемъ и такъ завладѣли имъ, что писать не стало возможности...

Правъ-ли я, честно-ли я поступаю, что остаюсь эмигрантомъ безо всякаго повода, когда мои убѣжденія ни на волосъ не расходятся съ правительственными? Имѣю-ли я право писать подъ чужимъ именемъ и ослаблять тѣмъ самымъ значеніе всего, что я пишу, когда открытое, гласное заявленіе моего обращенія придало-бы вѣсъ защищаемому мною русскому дѣлу.

Опальный, я могу писать только намеками, недомолвками, я долженъ прятаться за свои строки, я не смѣю сказать всей правды, чтобы не изобличить себя, а сказать можно и должно многое. Простой разсказъ о моихъ прежнихъ крамольныхъ дѣлахъ многихъ направитъ на путь, многихъ спасетъ отъ увлеченій и ошибокъ; а богатый запасъ свѣдѣній и опытъ, вынесенные мною изъ моей скитальни-

ческой жизни, сдѣлавшись достояніемъ всего читающаго міра, — развѣ не послужатъ къ общему благу русскихъ, да и тѣхъ-же самыхъ поляковъ? — Я, нѣкогда одинъ изъ свѣточей и надеждъ этой оппозиціонной молодежи, дѣятельнѣйшій и отважнѣйшій изъ русскихъ эмигрантовъ, развѣ не отрезвлю я моихъ товарищей и поклонниковъ открытымъ обличеніемъ нашихъ утопій? — Не страхъ, не личная выгода, не нужда привела меня къ отреченію отъ моей прошлой жизни, — лѣта, опытъ, наука, обратили меня, и мнѣ одинаково знакомы доводы, какъ правительственной партіи, такъ и революціонной, — кто-же изъ русскихъ публицистовъ можетъ сравняться со мной въ борьбѣ съ утопистами и съ поляками? Кто изъ нихъ знаетъ этотъ міръ не по наслышкѣ, не по догадкамъ, не по натянутымъ выводамъ изъ арестантскихъ показаній? У кого изъ нихъ есть инстинктъ отличать возможные заговоры отъ невозможныхъ, исполнимыя предпріятія отъ неисполнимыхъ? — Выступленіе мое въ битву подъ моимъ собственнымъ именемъ, безъ необходимости умалчивать и скрывать подробности дѣла, принесло-бы неоспоримую пользу и правительству, и обществу.

Мало этого. Самый фактъ моего покаянія и обращенія нанесъ-бы чувствительный ударъ нашимъ. Вздрогнули старообрядцы при вѣсти о переходѣ въ православіе моего друга владыки Пафнутія, — вздрогнутъ и издатели «Колокола», нигилисты, революціонеры, поляки отъ моего возвращенія въ лоно исторической русской жизни. Примѣръ Пафнутія нашелъ подражателей, — мой не замедлитъ ихъ вызвать. Пафнутій и я, мы страшные противники нашихъ бывшихъ друзей и учителей, — мы силы ихъ знаемъ, ихъ пріемы, и мышцы наши пріучены владѣть ихъ оружіемъ. — Въ клубахъ, въ гостиныхъ, на публичныхъ чтеніяхъ могъ-бы я вести борьбу, студенческія квартиры не замкнулись-бы передо мною, и ни одно «тайное» общество не сложилось бы въ тайнѣ отъ меня. Годъ, два жизни въ Петербургѣ и въ Москвѣ помогли-бы мнѣ составить кружокъ ловкихъ бойцовъ противъ утопій, я передалъ-бы имъ свои пріемы, опытъ, инстинктъ, — и застраховалъ-бы общество отъ новыхъ увлеченій и ошибокъ, созданіемъ въ немъ же самомъ поколѣнія людей, знающихъ дѣло и умѣющихъ пользоваться этимъ знаніемъ, для блага Россіи.

По славянскимъ и по румынскимъ дѣламъ могу я быть полезенъ: частный человѣкъ можетъ сдѣлать много такого, что невозможно дипломату или вообще офиціальному лицу, — но опять таки, чтобы и на этомъ поприщѣ служить Россіи необходимо быть въ мирѣ съ правительствомъ и пользоваться нѣкоторымъ его довѣріемъ. У эмигранта-же руки на все хорошее связаны, — кто войдетъ въ серьезные переговоры съ изгнанникомъ?

Ясно было, что ни долгъ, ни честь не позволятъ вести прежнюю жизнь, что надо во что-бы то ни стало выдти изъ фальшиваго положенія, — но какъ это сдѣлать? — И начались для меня новыя мученія, отбившія меня отъ работы, отъ ѣды и отъ сна, доведшія до сильнаго раздраженія нервовъ и чуть-чуть не до нервной горячки.

Какъ сдѣлать? Какъ добиться, чтобы на меня посмотрѣли иначе, чтобы забыли мое прошлое, оправдать или извинить которое могу только тѣмъ, что не былъ связанъ присягою Государю.

Писанье у меня не шло, какъ я себя ни принуждалъ. Статьи мои выходили блѣдны, вялы, перо не двигалось по бумагѣ, — меня давила мысль, что мнѣ нельзя всего высказать, какъ бы хотѣлось, потому что я псевдонимъ. Страхъ преслѣдовалъ меня, что узнай какъ нибудь правительство, кто такой такъ горячо пишетъ за галичанъ, — галицкое дѣло потеряетъ его довѣріе; достаточно моего участія, чтобы скомпромстировать въ его глазахъ самое благое начинаніе. Ложь для меня невыносима.

Какъ сдѣлать?

Обыкновенно люди въ моемъ положеніи, входятъ въ переговоры съ правительствомъ и выторговываютъ у него прощеніе. Это, пожалуй, самый благоразумный путь, но онъ былъ мнѣ не по душѣ. Русскіе такъ не дѣлаютъ, конституціи противны нашей натурѣ, — у насъ или все, или ничего, мы середины не любимъ. Да и совѣстно было идти на переговоры съ Государемъ, къ которому я со дня на день сильнѣй и сильнѣй привязывался. То Онъ въ маскарадѣ для кандіотовъ участвуетъ — и греки мнѣ на шею бросаются за то только, что я его «подданный!» (а мнѣ это какъ ножъ по сердцу: я стыжусь признаться имъ, что я въ опалѣ). То читаю въ газетахъ, какъ Его въ театрахъ привѣтствуютъ, какъ Онъ участвовалъ въ балѣ на Невѣ. Наконецъ, когда опять настала весна и когда опять птицы потянулись вереницами и стали звать меня за собой на сѣверъ, — Онъ славянъ принимаетъ... Терпѣнія у меня не ставало: весело за Россію было, а за себя тоска грызла. — Да и что выхлопоталъ бы я переговорами? Точно также нужно-бы было написать исповѣдь и отправиться затѣмъ въ моральную каторгу ссылки или въ физическую сибирскихъ заводовъ, что въ сущности сводится на одно и тоже, такъ что даже сказать трудно, которая легче. Сверхъ того, ни частныя, ни правительственныя лица никогда не могутъ ни уважать виновнаго, примирившагося съ ними на условіяхъ, ни питать довѣрія къ нему. Худой миръ лучше доброй ссоры, говоритъ пословица, но я по несчастію принадлежу къ тому разряду широкихъ натуръ, которыя не любятъ ни давать, ни принимать на половину. Полупрощеніе, полудовѣріе, полунаказаніе для меня хуже открытой опалы, — а именно такое-то двусмысленное положеніе и ожидало меня, если бъ я сталъ переписываться изъ-за границы и извиняться на половину. — Стало быть, оставалось одно: повести дѣло на чистоту, сдаться безусловно на судъ и на милость. По крайней мѣрѣ, тогда былъ-бы одинъ конецъ, — правительство не могло бы заподозрить въ неискренности человѣка, отдавшаго ему въ залогъ самую свою свободу. Или панъ, или пропалъ, — смѣлымъ Богъ владѣетъ.

Лѣтъ шесть тому назадъ, Погодинъ предсказывалъ, что рано или поздно Герценъ, какъ настоящій русскій человѣкъ, явится съ повинной. — Такъ всѣ русскіе бродяги и преступники дѣлаютъ, писалъ онъ, — погуляютъ, пошалятъ, да вдругъ ни съ того, ни съ сего явятся къ становому и бухнутъ ему въ ноги. — Тогда я смѣялся надъ этимъ, а теперь пришлось не на шутку обдумывать, какъ и куда понести свою повинную голову.

Первый планъ мой былъ слѣдующій. Поѣду въ Россію, проживу недѣлю-другую въ Москвѣ, осмотрю этнографическую выставку, которая меня сильно интересовала какъ спеціалиста, и поѣду въ Петербургъ. Въ Петербургѣ подкараулю Государя гдѣ нибудь на прогулкѣ и всенародно бухну Ему въ ноги, называя себя и прося помилованія; или же, если Его почему нибудь не будетъ въ Петербургѣ, явлюсь къ шефу жандармовъ и попрошу арестовать меня. — Этотъ способъ очень мнѣ нравился, потому что мнѣ хотѣлось какъ можно торжественнѣй заявить Государю мое глубокое уваженіе и мою искреннюю къ Нему привязанность, — но къ несчастью, онъ не выдерживалъ критики. Уже самый въѣздъ въ Россію съ молдавскимъ или турецкимъ паспортомъ прибавилъ-бы новую вину къ моимъ старымъ, и вину тѣмъ болѣе тяжелую, что именно въ послѣдніе четыре года я ни въ чемъ не провинялся. Сверхъ того, самая эфектность такого поступка, театральность пріема, заставила бы и правительство и всѣхъ честныхъ людей принять меня за шарлатана, разсчитывающаго на производимыя имъ впечатлѣнія. Упасть къ ногамъ Государя на улицѣ очень можно, но никакъ не обдуманно, какъ можно упасть въ обморокъ, заплакать и т. п. Словомъ, и этотъ способъ не годился, — потому что былъ мошенническимъ.

Какъ я ни вертѣлъ, чего ни придумывалъ, — осталось одно и самое простое: явиться въ ближайшую таможню и объявить свое имя.

Но рѣшиться на это было трудно. Всю зиму я не могъ собраться съ духомъ, думалъ, передумывалъ, старался даже заглушить въ себѣ эти мысли, разубѣдить себя въ необходимости возвращенія — и ничего не могъ сдѣлать съ своей совѣстью. Ни чтеніе, ни занятія, ни общество, ничто не помогало. — Нужно было посовѣтываться съ кѣмъ нибудь, — можетъ быть, постороннему будетъ яснѣе, что мнѣ дѣлать: 12-го мая въ субботу, я пошелъ къ русскому консулу, Петру Викентьевичу Корчевскому. Онъ удивился моему визиту, выслушалъ меня и, одобривъ мое намѣреніе воротиться въ Россію, сказалъ мнѣ, чтобы я написалъ ему письмо объ этомъ, которое онъ и препроводитъ въ Министерство Иностранныхъ дѣлъ: — о безусловной сдачѣ, которая меня самого страшила, я ему не заикнулся. Мы условились, что письмо это я принесу ему въ среду, 16-го мая.

Не хитрое дѣло, кажется, написать письмо, — но я даже за перо взяться не могъ. Сомнѣнія и колебанія еще сильнѣе пошли послѣ разговора съ нимъ. Переписка-бы завязалась, дѣло-бы затянулось — и какъ еще примутъ въ Петербургѣ. Всю среду я пролежалъ на боку; даже сходить извиниться въ своей неаккуратности не могъ, даже физически и нравственно обезсилѣлъ.

Четвергъ прошелъ точно въ такомъ-же отупѣніи, — я даже не помню, что я дѣлалъ и гдѣ былъ въ четвергъ.

Въ пятницу утромъ я пошелъ посовѣтываться съ моимъ большимъ пріятелемъ Константиномъ Степановичемъ*, скопцомъ, городскимъ извощикомъ въ Яссахъ. Крѣпко я люблю этого истинно религіознаго человѣка, безукоризненно честнаго и чистаго. Несмотря на его малограмотность, какъ то легко становится въ его присутствіи, сердечной теплотой дышетъ его каждое слово, а онъ рѣзко отличается этимъ отъ прочихъ поклонниковъ «Искупителя Петра Федоровича Христа — аниператора». Мы познакомились и подружились еще въ Галацѣ, гдѣ онъ мнѣ много сообщилъ свѣдѣній о своей сектѣ. Въ Яссахъ, то у меня, то у него, изучалъ я ихъ вѣрованья, за что долженъ былъ сообщать ему, что дѣлаетъ Государь и какъ Его любитъ народъ. Онъ гордъ Государемъ, гордъ успѣхами Россіи въ Его царствованіе, гордъ, что славяне, заходившіе при немъ ко мнѣ, такъ благоговѣли передъ Россіей — короче, мы съ нимъ сошлись на общихъ глубокихъ привязанностяхъ. Онъ одинъ зналъ, что я хочу воротиться, но я не заводилъ съ нимъ разговора, какимъ образомъ хочу это сдѣлать. — Въ пятницу Константинъ Степановичъ сталъ мнѣ необходимъ.

Онъ мылъ коляску, когда я вошелъ во дворъ. — «Вотъ въ Скуляны собираюсь, одного боярина везу» — сказалъ онъ. — Я воскресъ: — энергія моя возвратилась.

— «А далеко до Скулянъ?» — спросилъ я.

— «Не далече — верстъ съ двадцать».

— «Константинъ Степановичъ — я съ вами поѣду на козлахъ».

— «Что-жъ, мнѣ веселѣй будетъ сидѣть. — Посмотрѣть, что-ли, хотите на русскую землю».

— «Хочу сдаться...»

— «Доброе дѣло сдѣлаете, Богъ васъ за это не оставитъ».

Но тутъ я вспомнилъ, что нельзя-же выѣзжать изъ Яссъ, не покончивъ всякихъ счетовъ и прочихъ мелочей. Скопецъ ѣхалъ сейчасъ-же и не могъ меня ждать — мы

---

* Настоящее его имя въ моей записной книжкѣ; рѣдкій русскій живетъ въ Молдавіи подъ своимъ именемъ, — а онъ за вѣру бѣжалъ.

условились совершить поѣздку на другой день, въ субботу. Точно камень у меня съ сердца свалился. Легко, весело, въ отличнѣйшемъ расположеніи духа провелъ я день, улаживая дѣла, не объясняя, впрочемъ, никому, что я затѣваю, и ни съ кѣмъ не прощаясь, во избѣжаніе лишнихъ сценъ, которыхъ вообще не могу терпѣть. Намекалъ только, что черезъ нѣсколько дней ѣду въ Парижъ на выставку, и что покуда жду кое какихъ писемъ, которыя меня одни и задерживаютъ.

Утромъ въ субботу, 19-го мая, я проснулся совершенно довольный, что, наконецъ, покончилъ съ своими колебаніями, взялъ съ собой сравнительную грамматику славянскихъ нарѣчій Миклошича, изученіе которой сократило-бы время моего заключенія, два платка, двѣ пары носокъ, два ковра, годные замѣнить постель въ тюрьмѣ, а все остальное, чемоданъ, платье и т. п. оставилъ на попеченіе моего камердинера, честнаго и преданнаго мнѣ молдавана, позволилъ ему распорядиться этимъ хламомъ по усмотрѣнію, если черезъ три мѣсяца не получитъ обо мнѣ извѣстій. Брать платье и бѣлье съ собой я считалъ лишнимъ, предполагая, по моему незнанію внутреннихъ порядковъ Россіи, что меня немедленно закуютъ и облачатъ въ арестантское платье, — стало быть, нечего понапрасну отдавать свой гардеробъ на съѣденіе моли и сырости. Димитраки сбережетъ его лучше; если я буду помилованъ, онъ привезетъ его въ Петербургъ; если придется погибнуть, — пусть онъ въ немъ щеголяетъ. Я былъ доволенъ его службой, и не грѣшно сдѣлать маленькій подарокъ честному парню.

Напился я чаю у скопца, закусили мы на дорогу, помолились — я сталъ на колѣна, онъ благословилъ меня образомъ Николая Чудотворца, обнялись, поцѣловались и отправились. Изъ Яссъ я вышелъ пѣшкомъ, какъ гуляющій, чтобы не спросили паспорта, — дорога вела на Скуляны, а паспортъ мой не былъ визированъ въ нашемъ консульствѣ, въ которое я такъ и не заходилъ съ среды.

Черезъ часъ ѣзды Константинъ Степановичъ указалъ мнѣ сѣренькую полосу земли на горизонтѣ. — «Россія!» — Мы оба перекрестились, стало еще свѣтлѣй на душѣ. — Мнѣ вспомнилась ночь, когда я уходилъ изъ Вержболова въ Эйдкуненъ и думалъ, когда-то судьба приведетъ опять увидѣть землю Русскую.

Скоро и Скуляны показались. — Я вошелъ къ караульному офицеру и показалъ мой паспортъ.

— «Но васъ не пустятъ въ Россію безъ визы», сказалъ онъ.

— «Со стороны молдавскаго закона нѣтъ препятствій?» — спросилъ я.

— «О нѣтъ — мы свободный народъ, — но въ Россію васъ не пустятъ...»

— «Если только за этимъ дѣло стоитъ, то пустятъ. Мнѣ всего часовъ на шесть нужно, — у меня тамъ пріятели есть...»

— «Извольте, я подпишу», — и онъ сдѣлалъ какую-то надпись.

Я выпилъ рюмку водки, для храбрости, обнялся съ Константиномъ Степановичемъ, поручивъ ему сообщить консулу о моемъ поступкѣ — и сталъ на паромъ. Черезъ двѣ минуты я уже былъ на русской сторонѣ Прута.

— «Пасъ! паспортъ!» — сказалъ мнѣ досмотрщикъ. «Нельзя — извольте назадъ — визы нѣтъ».

— «Знаю, что нѣтъ, господинъ офицеръ, — я совершенно сбился при видѣ пальто и кепи съ кокардой, — но управляющій таможней мой хорошій знакомый, дайте мнѣ написать ему нѣсколько словъ, и онъ меня пуститъ».

— «Нельзя-съ, — у насъ законъ».

— «Да полноте, офицеръ, я тутъ-же подожду».

Польстила ему должно быть моя ошибка, но онъ позволилъ, и меня привели въ какую-то канцелярію, гдѣ сидѣлъ другой досмотрщикъ. Я махнулъ по обѣща-

нію платкомъ скопцу, думая, что все кончено. — На клочкѣ бумаги я написалъ управляющему таможней.

Милостивый Государь
Сергѣй Григорьевичъ,

Неосужденный государственный преступникъ Василій Ивановъ Кельсіевъ сдается въ руки правительства и проситъ Васъ принять мѣры къ его арестованію.

В. К.

Затѣмъ я отдалъ эту записку солдату и принялся за только что вчера полученные номера «Голоса». Дѣло было сдѣлано, — и я былъ спокоенъ, какъ нельзя болѣе. Тысячу разъ я замѣчалъ, что съ первымъ рѣшительнымъ шагомъ колебанія и безпокойства исчезаютъ и замѣняются какимъ-то даже довольствомъ.

Прошло съ полчаса, пока вернулся солдатъ, схватилъ мои вещи и пригласилъ меня на паромъ. Онъ не посмѣлъ сказать управляющему, что я въ Россіи — и мнѣ пришлось переправиться опять въ Молдавію, чтобы не выдать его передъ его начальствомъ. Нечего было дѣлать, я воротился на молдавскій берегъ и сталъ дожидать управляющаго; но молдавскій сержантъ потребовалъ, чтобы я шелъ опять въ караульню.

— «Я говорилъ, что васъ не пустятъ, началъ офицеръ, вы мнѣ не повѣрили, — поѣзжайте въ Яссы: здѣсь вы ничего не дождетесь, да и ждать нельзя...»

— «Сейчасъ пустятъ, господинъ офицеръ, — солдатъ, котораго я посылалъ съ запиской, перепуталъ дѣло. Дайте мнѣ подождать съ четверть часа, и если мнѣ откажутъ, — чего я не могу даже представить себѣ, — то я самъ сообщу вамъ объ этомъ».

Офицеръ согласился, и я опять сталъ у парома, съ моимъ скопцомъ. — Съ русскаго берега спускался статскій и военный. — Я немедленно переправился къ нимъ.

— «Вы писали ко мнѣ записку?» — спросилъ статскій.

— «Я — и покорнѣйше прошу арестовать меня».

— «Да въ чемъ же вы себя обвиняете?»

— «Эмигрантъ, политическій преступникъ, — у меня пропасть винъ».

— «Странно. Что-жъ васъ побуждаетъ сдаться?»

— «Раскаяніе и желаніе загладить прошлое».

— «Что-же тутъ дѣлать?» — спросилъ себя вслухъ военный, становой приставъ Попандопуло. — Имъ обоимъ было крайне неловко.

— «Исполняйте долгъ вашъ — зовите кузнеца...» — отвѣчалъ я, вполнѣ увѣренный, что меня ждутъ кандалы.

— «О нѣтъ! зачѣмъ же! — Странно. — Но, если вы приняли такое прекрасное рѣшеніе, съ которымъ васъ только поздравить можно, — то пожалуйте...»

На горѣ стояла бричка. Я еще разъ махнулъ платкомъ моему другу, — и мы покатили въ таможню. Тамъ я продиктовалъ одно показаніе, въ стану другое, подробнѣе. Позвали двухъ понятыхъ изъ крестьянъ, обыскали меня, отобрали карманный ножъ, ножницы для ногтей и спички — затѣмъ становой, голова, каларашъ (родъ сторожа) и я, мы покатили въ Бѣльцы къ исправнику. Нечего и говорить, что со мной обошлись, какъ я и не ожидалъ — гуманно, мягко, дружески, стараясь успокоить меня. — Въ Бѣльцахъ исправникъ Леопарди оставилъ меня въ собственной квартирѣ — было поздно ѣхать въ Кишиневъ. — Со всѣхъ сторонъ сыпались привѣтствія и обнадеживанья.

Но я не въ силахъ былъ ѣхать на другой день. Моральное потрясеніе высказалось безсонной ночью и сильной нервической дрожью, — я насилу могъ говорить... Къ вечеру, впрочемъ, все прошло, и въ понедѣльникъ утромъ я отправился подъ конвоемъ канцелярскаго Малкоча и пожарнаго солдата — въ Кишиневъ.

Пріѣхали мы часовъ въ одиннадцать ночи, прямо къ губернатору г. Антоновичу. Онъ тоже обошелся со мной привѣтливо, разспросилъ вкратцѣ о моемъ прошломъ и о поводахъ къ возвращенію, и обѣщалъ завтра-же писать въ Одессу. — Я пришелъ въ ужасъ.

— «Такъ вы не завтра-же отправите меня въ Петербургъ?»

— «Безъ предписанія Генералъ-Губернатора я ничего не могу сдѣлать!»

— «Но вы можете-же телеграфировать въ III Отдѣленіе?»

— «Не могу...» — онъ удивлялся моему невѣдѣнію русскихъ порядковъ, я удивлялся различію ихъ отъ турецкихъ.

— «Но неужели-же дѣло пойдетъ по инстанціямъ? Тогда мнѣ придется загоститься въ Кишиневѣ, а мнѣ хотѣлось бы скорѣй въ III Отдѣленіе, — я именно на то и разсчитывалъ, что тамъ мое дѣло пойдетъ безъ проволочекъ, и что тамъ его всего лучше поймутъ...»

— «Ничего нельзя мнѣ безъ Генералъ-Губернатора. — Мнѣ жалко васъ отъ души тѣмъ болѣе, что не знаю даже, куда дѣть васъ на время...»

— «Въ острогъ — куда-жъ больше! — Только сдѣлайте мнѣ снисхожденіе, генералъ, позвольте написать письмо графу Шувалову, чтобы онъ не оставлялъ меня здѣсь».

— «Прекрасно сдѣлаете — я велю дать вамъ бумаги и перьевъ».

Полиціймейстеръ отвезъ меня въ полицію, далъ мнѣ ужинать, — и я переночевалъ въ дежурной. На другой день, во вторникъ 22-го мая, меня перевели въ секретную тюремнаго замка, — и не только курить не дали, но даже грамматику не дали читать, — я и до сихъ поръ безъ нея, — а мнѣ безъ книгъ и безъ пера хуже, чѣмъ безъ пищи. Въ среду я написалъ письмо графу, а въ четвергъ 24-го мая мнѣ объявили, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ вытребовалъ меня телеграфическою депешею въ Петербургъ, — я даже привскочилъ отъ радости.

Вечеромъ того же дня, я отправился на почтовыхъ, подъ конвоемъ двухъ жандармовъ, проѣхалъ Бѣлоруссію, по тамошнимъ костюмамъ провѣрялъ дорогой мнѣніе Шафарика о выходѣ оттуда сербовъ, и нашелъ его вполнѣ вѣрнымъ. — Въ субботу 2-го іюня прибылъ въ III Отдѣленіе и 13-го іюня представился Комиссіи.

Исповѣдь моя кончена, прибавить къ ней нечего. Я не скрылъ ни одного проступка, не смягчилъ фактовъ, я объяснилъ все, что было. Если правительство сомнѣвается въ моей искренности, — провѣрка моихъ показаній докажетъ, что я писалъ правду.

Моя прошлая жизнь теперь извѣстна правительству, равно и мои мнѣнія и взгляды, — я ничего не утаилъ и показалъ ему себя безъ маски, такимъ, какимъ сдѣлала меня моя странная жизнь. Я объяснилъ ему мотивы всѣхъ моихъ поступковъ, я сдѣлалъ критику ихъ, и указалъ, чѣмъ хочу и могу загладить увлеченія моего прошлаго.

Государь, — нравственными страданіями и дорогими мнѣ потерями искупилъ я все, что предпринималъ противъ Васъ, — я страшно наказанъ; у меня теперь одно стремленіе — посвятить жизнь мою и силы мои Вамъ, посвятить ихъ всецѣло на службу Россіи. Не оттолкните-же, Государь, отъ ступеней престола Вашего, нѣкогда крамольнаго, а теперь искренно преданнаго Вамъ подданнаго,

и прикажите мнѣ быть Вамъ полезнымъ. Какъ стрѣлецъ съ плахой на шеѣ, такъ я съ повинной, — головой Вамъ сдался, повинную голову мечъ не сѣчетъ — дайте-же мнѣ возможность отслужить Вамъ за Ваше помилованіе.

Въ надеждѣ на Вашу милость, Государь, преступный Кельсіевъ ждетъ покорно своего приговора.

Содержаніе

На великомъ изломѣ – С. В. Завадскаго 5

Трагедія Украйны – Н. М. Могилянскаго 74

Изъ воспоминаній о 1917–20 г. г. – В. М. Краснова 106

Документы

Исповѣдь – В. И. Кельсіева 169

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ

P
HSlav
A

Arkhiv Russkoi Revolyutsii
v.11(1923)

PLEASE DO NOT REMOVE
SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY

HANDBOUND
AT THE
UNIVERSITY OF
TORONTO PRESS

Digitized by the Internet Archive
in 2009 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/arkhivrusskoirev12gess

Slav
3635
I
2

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

издаваемый

И. В. ГЕССЕНОМЪ

XII

БЕРЛИНЪ 1923

Всѣ права, въ томъ числѣ и право изданія на другихъ языкахъ, принадлежатъ
Издательству «СЛОВО»

ВОСПОМИНАНІЯ

С. П. Бѣлецкаго*

ГЛАВА I.

Назначение А. Н. Хвостова министром внутренних дел. – Переговоры с С. П. Белецким. – Программа А. Н. Хвостова. – Григорий Распутин. – Его отношения к министрам. – Выступление в Г. Думе А. И. Гучкова против Распутина. – Результаты этого выступления. – План охраны Распутина. – Распутин и В. Н. Коковцов. – Письма ген. Богдановича. – Письма к Распутину от государыни. – Телеграмма Думбадзе о разрешении покончить с Распутиным. – Сводка филерских наблюдений над Распутиным. – Вел. кн. Николай Николаевич и Распутин. – Доклад ген. Джунковского Николаю II о Распутине.

О назначении А. Н. Хвостова на должность управляющего министерством внутренних дел, я знал недели за две до официального приказа и в этот период времени я с Хвостовым виделся почти ежедневно, так как он пригласил меня, с первой же встречи, в случае, если назначение состоится, к сотрудничеству с ним в должности товарища министра вн. дел.

В течение двухнедельного промежутка времени нами были обсуждены как первые шаги А. Н. Хвостова при вступлении в должность, так и намечена была, в соответствии с переживаемым тогда моментом, программа его деятельности по вопросам внутренней политики. Тот чисто дружеский тон отношений, который сразу А. Н. Хвостов усвоил со мною, меня подкупил, и поэтому я согласился принять на себя некоторые обязанности, которые я, если бы хорошо знал его ранее, как узнал впоследствии, ни за что не принял.

С намеченною нами программой и со знанием, ему подсказанным, некоторых сторон характера государя, А. Н. Хвостов представился его величеству и получил вместе с портфелем министерства и утверждение его программы, от которой, правда, он впоследствии отказался, частью по независящим от него обстоятельствам, а частью в силу отличительных свойств своего характера. Первые дни и первые месяцы я был

---

* Въ виду исключительнаго интереса и значенія, какое имѣютъ воспоминанія С. П. Бѣлецкаго для характеристики послѣднихъ мѣсяцевъ царскаго режима, воспроизводимъ ихъ изъ Петербургскаго журнала «Былое», за границей почти недоступнаго.

С. П. Бѣлецкій, дойдя въ своей служебной карьерѣ до поста директора деп. полиціи, былъ уволенъ тов. мин. вн. дѣлъ Джунковскимъ, не одобрявшимъ провокаторскаго характера дѣятельности департамента полиціи, по засимъ въ 1915 г., въ разгаръ войны, при содѣйствіи Распутина и А. Вырубовой, А. Н. Хвостовъ былъ назначенъ министромъ вн. дѣлъ, а С. П. Бѣлецкій его товарищемъ. Къ этому періоду и относятся печатаемыя воспоминанія, которыя находятъ свое дополненіе въ слѣдующей за ними записи бесѣды І. В. Гессена и М. А. Суворина съ А. Н. Хвостовымъ. Послѣ увольненія отъ должности Бѣлецкому удалось сохранить хорошія отношенія съ Распутинымъ и продолжать играть за кулисами видную роль.

с ним неразлучен, пока не состоялись некоторые, на мой взгляд, неудачные назначения по министерству и не последовало моего разочарования в самом министре. Поэтому, мне пришлось в первое время принимать иногда даже и широкое участие в работах общего характера, не относящихся к сфере деятельности порученного моему наблюдению департамента полиции и штаба корпуса жандармов, и, в силу некоторых соображений, о коих я скажу впоследствии, принимать также просителей, имевших ту или иную просьбу к министру, а также и участвовать вместо него зачастую в заседаниях совета министров. Единственно, что с начала до конца нашей совместной службы взял на себя А. Н. Хвостов, это — сношение с Госуд. Думой и выступления в бюджетной комиссии, а также, по моей просьбе, переговоры и руководительство правыми организациями и сношения с Марковым 2 и Г. Замысловским по вопросам общепартийного направления. Таков порядок был и при А. А. Макарове и Н. А. Маклакове в бытность их на посту министра вн. дел. Я только выдавал, если то требовалось министрами, соответствующие суммы, поддерживая хорошие отношения с правыми деятелями. Затем А. Н. Хвостов, по назначении г. Гурлянда директором-распорядителем осведомительного бюро, взял на себя также и наблюдение за прессою.

Время, в которое мне пришлось состоять в должности товарища министра, было переходное. Война затянулась, надежды на скорое и победоносное окончание ее несколько затуманились, патриотический порыв поостыл, частые наборы влекли за собою некоторое раздражение в народных кругах; расстройство транспорта и падение рубля отразились, в связи с причинами политико-экономического свойства, на недостатках в крупных центрах предметов первой необходимости; кое-где начались бабьи голодные бунты, пораженческое движение в рабочей среде увеличилось, недовольство мероприятиями правительства усилило оппозиционное настроение больших общественных кругов, антидинастическое движение начало просачиваться в народные массы даже в таких местах, где и нельзя было ранее предполагать, как, напр., в области Войска Донского и пр. В виду этого программа А. Н. Хвостова сводилось к стремлению усилить, с одной стороны, наблюдение за революционными организациями, не внося излишнего раздражения постоянными и массовыми арестами, зорко и неустанно следить за общественным движением, стараясь, по возможности, излишним стеснением свободы их деятельности не раздражать общественных кругов, наладить, по возможности, отношения с прессою, а с другой — усилить и широко распространять в массах патриотические издания, обрисовывающие царственные труды на войне государя и наследника и августейшие заботы государыни Александры Феодоровны, как по уходу за ранеными, так, главным образом, по верховному совету в сфере обеспечения участи и дальнейшей судьбы жертв долга и их семей, а также по созданному ею по докладу А. Н. Хвостова комитету по заботам о наших военнопленных за границею (где товарищем был кн. Голицын, впоследствии председатель совета); распространять среди рабочих издания о роли рабочей массы по снабжению боевыми припасами нашей армии, внести порядок в вопросе о заботах о беженцах, стремиться помочь беднейшему населению в получении в крупных центрах, главным образом, в столицах, предметов первой необходимости, усилить надзор за немецким засилием и переходом немецкой земли в руки русских подданных (отражение речи А. Н. Хвостова в Госуд. Думе по этому вопросу), не стеснять излишними формальностями получение учащейся молодежью свидетельств о благонадежности и т. п.

Во время моего нахождения на посту товарища министра мне пришлось очень близко войти в соприкосновение и особо считаться с влиянием покойного старца крестьянина с. Покровского, Тюменского у., Тобольской губ., Распутина, переменившего впоследствии свою фамилию, с соответствующего разрешения, на «Новых». Так

как я свои сношения с ним и с его большой почитательницей А. А. Вырубовой продолжал до смерти Распутина, а с А. А. Вырубовой не прерывал знакомства до последних дней (до заболевания ее корью), то я свою исповедь разобью на три периода и начну со времени моего директорства.

До назначения моего директором, когда я был вице-директором при П. А. Столыпине, мне не пришлось ни в служебной, ни в частной моей жизни сталкиваться с Распутиным, но в этот период его имя начало просачиваться в средние круги петроградского общества, так как он был принят во дворце великого князя Николая Николаевича его супругою и им самим, бывал в великосветских гостиных, был близок к семье гр. С. Ю. Витте, — которого он до конца своей жизни вспоминал с особой теплотой, и которого он при жизни графа, как он мне сам говорил, неоднократно хвалил в высоких сферах, мечтал об обратном его возвращении к власти, и познакомил уже с А. А. Вырубовой. В первых шагах Распутина в Петрограде, кроме ректора академии еп. Феофана, разочаровавшегося в нем впоследствии, и тех великосветских кружков, которые интересовались церковными вопросами, куда его ввел еп. Феофан, особую поддержку ему оказывал и предоставлял ему у себя жить, Г. П. Сазонов, охладивший свои отношения к нему впоследствии, когда Распутин изменил свой образ жизни.

Наблюдение за Распутиным в это время, т. е. при П. А. Столыпине, вел П. Г. Курлов, товарищ министра внутренних дел. В чем оно выразилось, следов в департаменте полиции не осталось, но, со слов Распутина, я знаю, что последний с того времени знаком с П. Г. Курловым. При А. А. Макарове*, когда я вступил в должность директора и до моего оставления этой должности, я лично также с ним знаком не был, как и А. А. Макаров, и Золотарев** избегали возможности с ним познакомиться и не желали этого и впоследствии. Что касается Н. А. Маклакова*** и генерала Джунковского[1], то Н. А. Маклаков был в хороших отношениях с Распутиным; не знаю, как он познакомился, но думаю, что через покойного кн. Мещерского[2], знавшего Распутина и относившегося к нему с почтением еще тогда, когда он не был вхож во дворец. Джунковский же, с первых своих шагов по вступлении, относился к нему отрицательно-демонстративно, несмотря даже на то, что к концу моего директорства влияние Распутина можно было считать прочно установившимся.

Выступление А. И. Гучкова с кафедры Государственной Думы по поводу влияния Распутина повлекло за собою: 1. принятие мер к охране его личности, в силу полученных указаний свыше министром А. А. Макаровым, 2. воспрещение помещения в прессе статей о нем и 3. наблюдение за Гучковым, которое потом мною, при назначении генерала Джунковского, было снято. Вместе с тем А. А. Макаровым было предложено мне и несение охраны жизни Распутина. В силу этого мною с полковником Коттеном[3] был выработан план охраны, сводившийся к командированию развитых и конспиративных филеров, коим было поручено, кроме охраны Распутина, тщательно наблюдать за его жизнью и вести подробный филерский дневник, который к моменту оставления мною должности представлял собой в сделанной сводке с выяснением лиц, входивших в соприкосновение с Распутиным, весьма интересный материал к обрисовке его, немного односторонне, не личности, а жизни. Затем, в село Покровское был командирован филер на постоянное жительство, но не для охраны,

---

* Министр внутренних дел после смерти П. А. Столыпина.

** Товарищ министра внутренних дел, б. прокурор палаты, сменивший П. Г. Курлова.

*** Министр внутренних дел, преемник А. А. Макарова.

[1] Товарищ министра внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов.

[2] Редактор-издатель «Гражданина».

[3] Начальник Петербургского охранного отделения.

так как таковая из постоянных при Распутине филеров, в несколько уменьшенном только составе, его сопровождала и не оставляла его и при поездках, а для «освещения», ибо на месте, как выяснилось, агентуры завести нельзя было.

Такая система двойственного наблюдения продолжалась до моего ухода.

Сведения о Распутине докладывались Коттеном министрам, товарищам и мне, а то, что поступало в письменной форме, я держал у себя, — в служебном кабинете, не сдавая в департамент, и, при уходе, в форме дела оставил в несгораемом шкафу, внеся его в опись, представленную мною Н. А. Маклакову, но на другой день, по требованию Маклакова, в числе нескольких других дел, его заинтересовавших, сдал ему и это дело.

Председатель совета министров В. Н. Коковцов очень интересовался личностью Распутина, и я ему о нем докладывал неоднократно, так как он хотел положить конец его влиянию путем доклада о нем государю, о чем я слышал не только от самого В. Н. Кокоцова, но и потом от А. А. Макарова, но не знаю, докладывал ли он. Впоследствии от Распутина я слышал, что он, незадолго до ухода Коковцова с своего поста, виделся с В. Н. Коковцовым и убеждал его уничтожить винную монополию, о чем Распутин неоднократно, по его словам, говорил государю, и давал понять В. Н. Коковцову, что это будет стоить ему его поста; насколько это правильно, я не знаю, так как против В. Н. Коковцова были в ту пору настроены некоторые из влиятельных членов кабинета (Н. А. Маклаков, И. Г. Щегловитов* и В. А. Сухомлинов**), а также и кн. Мещерский, и генерал Богданович***. По уходе своем В. Н. Коковцов виделся с Распутиным на квартире кн. Андронникова, но особого примирения, по словам князя, между ними не произошло.

Я в ту пору тяготел к кружку покойного ген. Богдановича, с содержанием писем которого, вызвавших даже к нему одно время немилость и направленных против Распутина, я был знаком, так как давал ему и материалы из жизни Распутина за этот период времени. Докладывал-ли А. А. Макаров государю в подробностях о Распутине, я не знаю, но только заявляю, что часть найденных писем к Распутину от государыни, кои были у Илиодора, были добыты при посредстве г-жи Карабович из Вильны Замысловским, а также одним казачьим офицером и переданы А. А. Макаровым государю, что и послужило причиною гнева на Макарова со стороны государыни, не пожелавшей даже принять его, когда он, спустя продолжительное время, был приглашен Б. В. Штюрмером в кабинет на пост министра юстиции, — и имело также свое значение и в отношении к уходу его снова в Государственный Совет. Н. А. Маклаков, хотя и знал мое и генерала Джунковского отношение к Распутину и то, что я снабжал Богдановича сведениями о нем, тем не менее ни разу не сделал мне указаний о прекращении снабжения этими сведениями Богдановича, быть может, потому, что не желал обидеть Богдановича, искренно к нему расположенного.

В последние месяцы моего директорства при Н. А. Маклакове, когда августейшая семья находилась в Ливадии, и Распутин был вызван в Ялту, от Ялтинского градоначальника, покойного генерала Думбадзе, следовавшего особым распоряжениям государя и бывшего под большим воздействием генерала Богдановича, который протежировал Думбадзе, мною была получена шифрованная телеграмма с надписью «лично» приблизительно следующего содержания: «Разрешите мне избавиться от Распутина во время его переезда на катере из Севастополя в Ялту».

---

* Министр юстиции.

** Военный министр.

*** Придворный «литератор», автор монархических брошюр, листовок и воззваний.

Расшифровал эту телеграмму работавший в секретарской части департамента А. Н. Митрофанов; посылая мне на квартиру дешифровку, он предупредил меня по телефону, что телеграмма интересная. Я, подписав препроводительный бланк, послал ее срочно с надписью: «в собственные руки Н. А. Маклакову» и затем по особому для разговоров только с министром телефону, спросил его, не последует ли каких либо его распоряжений, но он мне ответил, что «нет, я сам». Какие были посланы указания Думбадзе и были ли посланы, я не знаю, но проезд в сопровождении филеров, состоялся без всяких осложнений. Этой телеграммы в деле нет, так как Н. А. Маклаков мне ее не возвратил, а Митрофанов, по расшифровке и скрепе, порвал подлинник, так это делалось в департаменте с шифрованными телеграммами*.

Сводка филерских наблюдений над жизнью Распутина, в общих чертах, рисовала отрицательные стороны его характера, сводившиеся к начавшейся уже тогда его наклонности к пьянству и его эротическим похождениям. В бытность мою сенатором, ко мне, в конце 1914 года, обратился через посредство своего управляющего хозяйственною частью дворца, полковника Балинского, великий князь Николай Николаевич, жена которого и он сам перестали уже принимать Распутина, с просьбой, не могу ли я дать сведения о порочных наклонностях Распутина, так как, по словам полковника Балинского, великий князь решил определенно поговорить с государем об удалении Распутина из Петрограда. Сведения эти я дал, черпая материал из имевшейся у меня лично на руках сводки. Впоследствии уже я узнал, что великий князь свое желание осуществил, и Распутин до конца своей жизни, что я сам слышал, не мог этого простить великому князю, причем пред уходом великого князя на Кавказ, с чьих только слов, не знаю, — он утверждал, что великий князь мечтает о короне.

Затем, — как я проверил впоследствии у самого Распутина, — генерал Джунковский, незадолго до своего ухода, пользуясь исходатайствованным для него еще Н. А. Маклаковым правом непосредственных докладов по штабу и к высочайшим проездам государя, воспользовавшись также полученными им из Москвы сведениями о недостойном в опьянении поведении Распутина в ложе ресторана «Яр», докладывал их государю в связи с общей его характеристикой. Доклад этот, как мне говорил сам Распутин, вызвал сильный на него гнев государя, — таким Распутин никогда до того даже и не видел государя. Но, по словам Распутина, он в свое оправдание говорил, что он, как и все люди, грешен, — не святой. По словам Распутина, государь после этого долго его не пускал к себе на глаза, и поэтому Распутин не мог слышать или говорить спокойно о генерале Джунковском до конца своей жизни.

Правда, потом генерал Адрианов, после немецкого погрома в Москве ушедший с должности градоначальника, находясь под сенаторским расследованием, — после свидания с Распутиным в Петрограде, — лично и затем в письменном изложении, передал через меня А. А. Вырубовой заявление, что никакой, по лично им произведенному расследованию, неблагопристойности Распутин не производил у «Яра». В это время шел разговор об оставлении генерала Адрианова в свите, и он был вызван гр. Фредериксом в Петроград. В свите затем он был оставлен, но, когда, значительно

---

* Я потом не спрашивал Маклакова, что он ответил на телеграмму. Я припоминаю, когда я был после оставления должности товарища министра в Ялте (мне и Хвостову было приказано раз'ехаться; Хвостов уехал в деревню, а я в Ялту), я спрашивал полковника Троцкого, говорил ли ему что нибудь Думбадзе про убийство во время морского переезда. Он сказал, что нет, но заметил, что вообще у Думбадзе были планы покончить с Распутиным, но планы заоблачного характера. Есть скала, на которой построен купцом из Москвы железный замок, стоящий над Ялтой. Думбадзе думал туда привести Распутина, чтобы оттуда сбросить его или вообще сделать какое нибудь разбойное нападение, но все это осталось в области предположений, и Думбадзе в этом отношении ничего не предпринимал.

позднее уже, — по окончании расследования, генерал Адрианов, при министре внутренних дел Протопопове, приехал в Петроград, чтобы представить министру юстиции свою об'яснительную записку перед слушанием дела в сенате, и был у меня с просьбой сказать за него несколько слов А. А. Макарову, для чего даже и оставил один экземпляр записки, — то он имел в виду передать через Распутина экземпляр и государю. Но, как мне говорил ген. Адрианов, Распутин отказался его принять. Когда я, при встрече, спросил Распутина, почему он не захотел повидаться с ген. Адриановым, то он ответил, что все-таки ген. Адрианов, хотя и дал другое показание, но ему нужно было бы в свое время, когда он был градоначальником, посмотреть, что такое полиция о нем писала ген. Джунковскому.

ГЛАВА II.

Князь Андронников. — Его «записки» в высшем свете. — Планы кн. Андронникова. — Епископ Варнава. — Личное знакомство С. П. Белецкого с Распутиным и А. А. Вырубовой. — Кандидатура А. Н. Хвостова на пост министра внутренних дел.

В промежуток этого времени я не прерывал своих отношений с кн. Андронниковым, хорошо установившихся со времен министерства А. А. Макарова, когда я впервые с ним познакомился. Я часто бывал у него, он также вечером заезжал ко мне, и от него я слышал всегда много интересных новостей из придворных и министерских сфер, так как он имел широкий круг влиятельных знакомцев и бывал у гр. Фредерикса, Воейкова, у большинства министров, у председателя совета Горемыкина, имел знакомых при великокняжеских дворах, знал много директоров департаментов почти всех министерств и других чинов из министерств, которые считались с его влиянием у министров, боялись вооружать его чем-либо, поддерживали с ним лучшие отношения и старались исполнить его просьбы, предпочитая его иметь лучше своим хорошим знакомым, чем сильным и опасным врагом. Я, в сущности говоря, в ту пору на него смотрел, как на человека, который поразительно мог проникнуть к каждому министру. Эта у него идет красною нитью во всей его жизни. Он даже надевал красную рубаху и пахал перед государем. Он много ездил и всегда с портфелем. Плеве интересовался этим портфелем и наблюдал за ним. В конце концов этот портфель схватили, но там ничего не оказалось, кроме газет. Он всегда старался делать вид человека делового. Его в «Новом Времени» и в «Вечернем Времени» описывали в замаскированном виде, как тип... Андронников старался проникнуть в торгово-промышленные сферы... Я могу сказать, что не было в истории прошлого периода таких моментов, чтобы Андронников не проводил кого-нибудь в министры под тем или другим предлогом... Средств и имений он не имел, потому что был из обедневшей семьи, — а трен его жизни был очень широк. Временами у него были большие деньги, временами был без денег, и его поддерживали знакомые...

Его записки были интересны. Он их представлял Марии Федоровне, государю и государыне... Во всех министерских назначениях он безусловно имел громадное значение... Он бывал у управляющего двором Марии Федоровны Шервашидзе... Он в этот период был занят доведенной им затем до конца крупной финансовой операцией по покупке, при содействии военного министра Сухомлинова, на акционерных началах в Бухаре и Хиве больших земельных площадей, прилегающих к речным артериям. Ко мне он был искренно в ту пору расположен, так как во времена моего директорства у него никаких дел в департаменте полиции не было, и он только пользовался бесплатными проездными билетами на пред'явителя. При генерале Джунковском, кото-

рого кн. Андронников знает по пажескому корпусу, в силу отрицательного отношения к Андронникову Н. А. Маклакова, и под влиянием просьб к Маклакову со стороны военного министра Сухомлинова, с которым в ту пору, после продолжительной и неразрывной дружбы кн. Андронников разошелся и повел борьбу, — последовало увольнение кн. Андронникова от должности причисленного к министерству внутренних дел чиновника, дававшей кн. Андронникову, некоторым образом, официальное положение. Это его сильно задело, и хотя он и был устроен, путем всеподданнейшего доклада обер-прокурора Саблера, на должность чиновника особых поручений при святейшем синоде, но этой обиды не мог забыть Н. А. Маклакову и, где мог, старался подорвать к нему доверие.

В своих «Записках» к гр. Фредериксу для высоких сфер кн. Андронников давал очерк деятельности министров, сообщая те или другие о них сведения, давал обрисовку событий, волновавших Петроград, и т. д. Записки эти были стильно написаны, в большинстве отличным французским языком, иногда зло обрисовывали какие-либо факты из деятельности или жизни тех высших сановников, против коих что-либо имел князь, и прочитывались им тем, кто был противником этих лиц. За этот период времени князь несколько раз писал обо мне, как о человеке, который не был в достаточном отношении использован. Взамен этого я помог ему в выпуске к 50-ти летнему юбилею Горемыкина изящно изданной брошюры — «О государственных заслугах И. Л. Горемыкина», в составлении ему адреса, подписи на котором были собраны кн. Андронниковым.

В конце апреля 1915 г. скончался у меня старший сын. Смерть его сильно нас поразила. По возвращении в Петроград, осенью, кн. Андронников, узнав о моем приезде, первый позвонил ко мне, прося зайти. Когда я пришел к нему, то от него я узнал, что за время моего отсутствия он близко сошелся с Распутиным, проник через него в особое доверие к А. А. Вырубовой, вошел в более лучшие отношения с статс-дамой Нарышкиной, и что предстоят большие перемены в составе кабинета, которые могут повлечь за собою обратное мое возвращение к активной работе, и что почва достаточным образом подготовлена, так как им сделано многое в мою пользу, с условием в будущем действовать с ним солидарно. Когда же я ему сказал, что Распутин, который был в это время на родине у себя, может потом пойти против меня, под влиянием недоверия ко мне за прошлое, и потому, что при оставлении должности моей, когда мне передавали о его желании со мной познакомиться, я тогда, по просьбе жены, от этого отказался, — то Андронников меня успокоил тем, что все уже предусмотрено, и я охотно согласился.

Здесь же я познакомился с тобольским епископом Варнавой, который был у князя во время своей борьбы с Самариным* по поводу канонизации мощей св. Иоанна Тобольского; сойдясь с ним близко, князь помог ему, пользуясь своим знакомством с сотрудниками газет, в печатании статей, освещавших это дело. Узнав затем поближе владыку и поняв многие стороны его души и характера, я искренно относился к нему и все время поддерживал с ним сердечные связи. Мне впоследствии приходилось видеть лиц, предубежденных против него за его связь с Распутиным, которые, познакомившись ближе с ним, резко переменили свое к нему отношение. Я не хочу этим сказать, что он не имел своих недостатков, но они поглощались очень многими хорошими его качествами. Выйдя из простой среды, не получив даже и среднего образования, он обладал от природы пытливым умом, наблюдательностью; хорошо ознакомившись, подобно старообрядческому начетнику, со священным писанием и догмою,

---

* Обер-прокурор святейшего синода.

он не потерял связи с народом, знал, что нужно его пастве и его жизни. Образные собеседования его с народом влекли к нему сердца. Его незлобие и отношение к иноверцам создали ему на месте его служения глубокое к нему почитание со стороны последних. Его народный говор, уснащенный народными поговорками и умело примененными текстами св. писания и примерами из жизни святых, давали особый интерес в собеседовании с ним.

Этим об'ясняется его умиротворяющее влияние в высоких сферах, где он тонко, дипломатично парализовал, не задевая Распутина, влияние последнего, что чувствовал Распутин. Вследствие этого, при мне уже можно было наблюдать, что приезды еп. Варнавы нервировали Распутина; он подозрительно относился к нему, старался причинить ему затруднения в приемах в высоких сферах и всячески противодействовать сильному стремлению еп. Варнавы уйти из Тобольской епархии на север. Но не могу умолчать, что, сделавши ту или другую владыке неприятность, Распутин через некоторое время старался чем-либо исправить ее. Так, например, даваемое обычно архиепископство при открытии мощей в епархии было заменено очередной звездой, но через промежуток времени, по настойчивым просьбам Распутина, владыке, без его о том напоминания, было пожаловано архиепископство.

По моему и князя Андронникова совету, владыка, в интересах своего дела, в исполнение воли синода, не представился государю и выехал из Петрограда, так как, по сведениям кн. Андронникова, коему Самарин к тому времени предложил официально подать прошение об увольнении, Самарин был в числе лиц, кои должны были уйти из кабинета И. Л. Горемыкина. Но владыка уехал не в свою епархию, а сперва на родину, — в одну из северных губерний, — а затем в Москву, где и остался, поддерживая сношения с князем Андронниковым через своего близкого человека, архимандрита Леонида (много, между прочим, вредившего ему в деле управления епархии) в ожидании нового назначения обер-прокурора и в виду скорого приезда Распутина из Покровского, зная, что в данном деле этот последний ему поможет, так как назначение Самарина обер-прокурором состоялось неожиданно для Распутина. Самарина Распутин не знал, но знал, что последний к нему относился отрицательно и что свящ. Востоков, публично выступавший против Распутина, состоял воспитателем по Закону Божьему детей Самарина.

К этому времени я уже познакомился с Распутиным, секретно от жены, в конце 1915 г. в квартире кн. Андронникова и несколько раз с ним там виделся. Был два раза у него на квартире по Гороховой ул. По воскресеньям туда, после обедни, приезжала А. А. Вырубова пить чай в небольшом кружке избранных Распутиным лиц, и здесь я познакомился с А. А. Вырубовой. Распутин тоже был у меня один раз, когда я, воспользовавшись от'ездом жены из Петрограда в Москву к матери, и тем, что дети были в церкви на вечерней службе, пригласил его к себе на чай; но тем не менее отношения эти не были в ту пору тесными, так как и он, и я, и А. А. Вырубова друг к другу приглядывались. Мне было неловко чувствовать, что они понимают цель моего сближения, так как им тоже в это время было известно, что я до того не был сторонником Распутина и давал о нем сведения Богдановичу и великому князю Николаю Николаевичу. Единственно, что их примиряло со мною, это то, что в мое время жизнь Распутина была в безопасности, так как покушение на него, устроенное по инициативе Илиодора, случилось уже после моего ухода при генерале Джунковском.

Когда Андронников мне передал о предстоящих переменах, то под строгим секретом он мне сообщил, что им еще задолго до этого, с лета, уже выставлена кандидатура А. Н. Хвостова, которого он сблизил и с дворцовым комендантом Дедюлиным, и с

А. А. Вырубовой; что А. Н. Хвостов уже был вызываем во дворец государыней, произвел самое лучшее на нее впечатление, и что теперь подготовляется благоприятная для него почва к приему у государя, что, по всему, успех назначения обеспечен*, и что это делается очень тонко, — так, что даже Горемыкин не посвящен в это назначение, так как это назначение, как он думает, могло бы встретить противодействие со стороны Горемыкина, имевшего своего кандидата**, к провалу которого, путем сообщения о нем некоторых сведений, приняты уже им, кн. Андронниковым, меры и что А. Н. Хвостов, который раньше ко мне относился, будучи губернатором, несколько предубежденно, теперь, под влиянием его, князя, рад будет совместному служению со мною. На другой день было назначено в квартире кн. Андронникова мое свидание с А. Н. Хвостовым, повлекшее за собою ряд ежедневных свиданий, нас тесно сблизивших, и затем состоялась моя совместная поездка к А. А. Вырубовой, — где я встретил доверчивый прием, — и к генералу Воейкову, с которым до этого времени я познакомился через кн. Андронникова и у которого бывал неоднократно.

Эти сведения убедили меня, что кн. Андронников весьма точно передал мне обстановку дела и что вопрос о переменах в кабинете — вопрос самого близкого будущего, и назначение А. Н. Хвостова предопределено, судя по полученным уже из дворца известиям. Действительно, скоро последовал вызов Хвостова к государю, особо милостивый прием с воспоминанием о его прошлой службе, сообщение о том, что его назначение состоится на днях, и согласие на проведение преднамеченной А. Н. Хвостовым программы в исполнение. До опубликования указа дело было в большом секрете, но Андронников познакомил тогда и Горемыкина с положением дела и с совершившимся фактом и, пользуясь своим сильным на него влиянием, убедил его не противодействовать, так как это ничего не изменит, добавив, что А. Н. Хвостов будет в будущем считаться с его, Горемыкина, желаниями, тем более, что Горемыкин может всегда воздействовать на А. Н. Хвостова, через особо близкого к себе человека, министра юстиции А. А. Хвостова. Поэтому, кн. Андронников просил его принять А. Н. Хвостова.

Против моего назначения И. Л. Горемыкин ничего не имел, так как я часто бывал у него, и он относился ко мне хорошо. А. Н. Хвостов был у Горемыкина, и тот обещал ему не противодействовать его назначению, если ему не будет предоставлено выбора. Я тоже был у Горемыкина после назначения А. Н. Хвостова, и было условлено, в случае моего назначения, что я его буду держать в курсе дел, с ведома министра, о чем он ему и заявил, докладами о настроении России. Это мною в точности было исполнено вплоть до доклада ему о предстоящей смене его, Горемыкина, и назначении на его место Штюрмера, чему Горемыкин не поверил, — настолько это было для него неожиданно.

Штюрмер упорно в это время бывал у Горемыкина в течение недели с женой. Это была самая тесная дружба. И в то же время Штюрмер вел переговоры с Распутиным и Вырубовой, и должно было состояться его назначение. Штюрмер приезжал к нему в тот-же самый день, когда должно было состояться его назначение на должность председателя совета министров. Я знал об этом. Я приехал к Горемыкину, к которому я питал уважение, как бывший крестьянский деятель, воспитанный на крестьянских законах и раз'яснениях его, и сказал: «Вы мне не верите, но сегодня поезжайте на вокзал. Штюрмер, одетый в мундир, будет ехать к государю». — «Это

---

* Назначение Штюрмера проходило тем же порядком.

** Статс-секретаря Крыжановского.

он едет по другому делу, он мне говорил, по делу обер-прокурора св. синода. Я сегодня буду у государя». И такой самодовольный! И он, действительно, был у государя, просидел у него 20 минут и вернулся оттуда уже не председателем. Увидя его, я сказал: «Я был прав, зачем вы не послушались»... Про назначение я знал от Манасевича и из филерских наблюдений о том, где был Распутин, где был Штюрмер и где были свидания с ним... Они виделись на второй квартире Распутина, у Лерма, Басейная 35... Горемыкин был тоже близок с Распутиным. Распутин проводил его канцлером.

Как только назначение А. Н. Хвостова состоялось, на первом докладе его, как министра, было им испрошено согласие у государя на мое назначение, и до опубликования указа я официально не вступал в должность, но фактически уже приступил к ознакомлению с делами, так как безотлучное мое нахождение при А. Н. Хвостове, который мало знал состав министерства и обстановку министерского обихода, само собой ясно подчеркивало близость моего назначения.

ГЛАВА III.

Общая характеристика Распутина. — Его прошлое. — В мире странников и в монашеской среде. — «Гриша-провидец». — Епископ Феофан, богоискательские кружки и дворец великого князя Николая Николаевича. — Распутин и Николай II-ой. — Уроки магнетизирования. — «Воскрешение из мертвых» Вырубовой. — Значение его для последующего влияния Распутина. — Разочарование Вырубовой. — Распутин накануне смерти. — Предчувствия Распутина. — Поклонницы Распутина после его смерти. — Мечты Распутина скрыться от мира. — Распутин и хлыстовщина. — Распутин и православие. — Основные черты его характера. — Судьба распутинцев.

Я лично близко подошел к Распутину уже тогда, когда его положение во дворце и сила его влияния на августейших особ настолько упрочились, что он считал себя как бы неот'емлемо связанным с высочайшею семьею узами средостения не только в личной жизни их величеств, но и в сфере государственного правления. При этом надо иметь в виду и то обстоятельство, что если Распутин в редких случаях когда-либо и касался этого вопроса, то он всегда высказывался по этому поводу в самых неопределенных формах; что же касается А. А. Вырубовой, то она никогда в разговорах со мною или в моем присутствии не приподнимала завесы над этою тайною. Но, наблюдая за Распутиным с 1912 г. с некоторыми перерывами, я лично пришел к следующим о нем выводам.

Распутин обладал недюжинным природным умом практически смотрящего на жизнь сибирского крестьянина, который помог ему наметить свой жизненный идеал, как только он начал ясно отдавать себе отчет в необходимости улучшить свои жизненные условия. В обстановке обихода своей крестьянской семьи Распутин этой возможности не видел, тем более, что тяжелый и упорный труд земледельца его, привыкшего с ранних лет к праздношатанию по монастырям, к себе не привлекал. Поэтому Распутин пошел по пути своих склонностей, которые в нем развились под влиянием общения его во время странствований с миром странников и с монашеской средой. Общение это дало Распутину зачатки грамотности и своеобразное богословское образование, приноровленное к умению применять его к жизненному обиходу, расширило его взгляд на жизнь, развило в нем любознательность и критику, выработало в нем чутье физиономиста, умевшего распознавать слабости и особенности человеческой натуры и играть на них, и само по себе повело его по тому пути, который растворял пред ним страдающую женскую душу. Сильно чувствуя в себе с юных

лет человека с большим уклоном к болезненно-порочным наклонностям своей натуры, Распутин ясно отдавал себе отчет в том, что узкая сфера монастырской жизни, в случае поступления его в монастырь, в скорости выбросила бы его из своей среды, и поэтому он решил пойти в сторону, наиболее его лично удовлетворявшую — в тот мир видимых святош, странников и юродивых, который он изучил с ранних лет в совершенстве.

Очутившись в этой среде в сознательную уже пору своей жизни, Распутин, игнорируя насмешки и осуждения односельчан, явился уже, как «Гриша провидец», ярким и страстным представителем этого типа, в настоящем народном стиле, будучи разом и невежественным и красноречивым, и лицемером и фанатиком, и святым и грешником, аскетом и бабником, и в каждую минуту актером, возбуждая в себе любопытство и в то же время приобретая несомненное влияние и громадный успех, выработавши в себе ту пытливость и тонкую психологию, которая граничит почти с прозорливостью.

Заинтересовав собою некоторых видных иерархов с аскетическою складкою духовного мировоззрения и заручившись их благорасположением к себе, Распутин, под покровом епископской мантии владыки Феофана, проник в петроградские великосветские духовные кружки, народившиеся в последнее время в пору богоискательства, и здесь сумел быстро приспособиться и ориентироваться в чуждой ему до того новой среде, стремившейся вернуться к старомосковским симпатиям, но слабой духом и волею; оценил всю выгоду своего положения и, применив и к этой среде усвоенный им метод влияния, заставил остановить на себе внимание влиятельных представительниц этих салонов и заинтересовать своею личностью великого князя Николая Николаевича. Дворец вел. кн. Николая Николаевича для Распутина явился милостью, брошенной пророком Илией своему ученику Елисею, привлекшей внимание к нему высочайших особ, чем Распутин и воспользовался, несмотря на наложенный на него в этом отношении запрет со стороны вел. князя, после того, как его высочество, поближе ознакомившись с Распутиным, разгадал в нем дерзкого авантюриста. Войдя в высочайший дворец при поддержке разных лиц, в том числе покойных гр. С. Ю. Витте и кн. Мещерского, возлагавших на него свои надежды с точки зрения своего влияния в высших сферах, Распутин, — пользуясь всеобщим бесстрашием, основанным на кротости государя, ознакомленный своими милостивцами с особенностями склада мистически настроенной натуры государя, во многом по характеру своему напоминавшего своего предка Александра I, — до тонкости изучил все изгибы душевных и волевых наклонностей государя, сумел укрепить веру в свою прозорливость, связав со своим предсказанием рождение наследника и закрепив на почве болезненного недуга его высочества свое влияние на государя путем внушения уверенности, все время поддерживаемой в его величестве болезненно к тому настроенной государыней, в том, что только в одном нем, Распутине, и сосредоточены таинственные флюиды, врачующие недуг наследника и сохраняющие жизнь его высочества, и что он как бы послан провидением на благо и счастье августейшей семье. В конце концов Распутин настолько даже сам в этой мысли укрепился, что он мне несколько раз с убежденностью повторял, что «если меня около них не будет, то и их не будет», и на свои отношения к царской семье он смотрел, как на родственную связь, называя на словах и в письмах своих к высочайшим особам государя «папой», а государыню «мамой».

В обществе моего времени ходило много легенд о демонизме Распутина, причем сам Распутин не старался никогда разубеждать в этом тех, кто ему об этом передавал или к нему с этим вопросом обращался, большей частью отделываясь многозначительным молчанием. Эти слухи поддерживались отчасти особенностями нервности всей его подвижной жилистой фигуры, аскетической складкою его лица и глубоко впав-

шими глазами, острыми, пронизывавшими и как бы проникавшими внутрь своего собеседника, заставлявшими многих верить в проходившую через них силу его гипнотического внушения.

Когда я был директором департамента полиции, то в конце 1913 г., наблюдая за перепиской лиц, приближавшихся к Распутину, я имел в своих руках несколько писем одного из петроградских магнетизеров к своей даме сердца, жившей в Самаре, которые свидетельствовали о больших надеждах, возлагаемых этим гипнотизером, лично для своего материального благополучия, на Распутина, бравшего у него уроки гипноза и подававшего, по словам этого лица, большие надежды в силу наличия у Распутина сильной воли и умения ее в себе сконцентрировать. В виду этого, я, собрав более подробные сведения о гипнотизере, принадлежавшем к типу аферистов, спугнул его, и он быстро выехал из Петрограда. Продолжал ли после этого Распутин брать уроки гипноза у кого-либо другого, я не знаю, так как я в скорости оставил службу и, при обратном моем возвращении в министерство внутренних дел, проследка за Распутиным этих данных мне не давала. Но в этот последний мой служебный период при одном из моих разговоров с Распутиным об А. А. Вырубовой, когда я касался железнодорожной катастрофы (между Петроградом и Царским Селом), жертвой которой явилась А. А. Вырубова, Распутин с большими подробностями и с видимой откровенностью рассказал мне, что своим, по выражению Распутина, воскрешением из мертвых А. А. Вырубова обязана исключительно ему.

По словам Распутина, несчастный случай с А. А. Вырубовой произошел в период сильного гнева на него со стороны государя после одного из первых докладов о нем генерала Джунковского, по оставлении мною должности директора департамента полиции, — и поэтому сношения Распутина с дворцом были временно прекращены. О несчастном случае с А. А. Вырубовой Распутин узнал только на второй день, когда положение А. А. Вырубовой было признано очень серьезным, и она, находясь все время в забытьи, была уже молитвенно напутствована глухой исповедью и причастием святых тайн. Будучи в бредовом горячечном состоянии, не открывая все время глаз, А. А. Вырубова повторяла лишь одну фразу:

— Отец Григорий, помолись за меня!

В виду настроения матери А. А. Вырубовой, решено было Распутина к А. А. Вырубовой не приглашать. Узнав о тяжелом положении А. А. Вырубовой, со слов графини Витте, и не имея в ту пору в своем распоряжении казенного автомобиля, Распутин воспользовался любезно предложенным ему графинею Витте ее автомобилем и прибыл в Царское Село в приемный покой лазарета, куда была доставлена А. А. Вырубова женщиною-врачом этого лазарета княжною Гедройц, оказавшей на месте катастрофы первую медицинскую помощь пострадавшей.

В это время в палате, где лежала А. А. Вырубова, находились государь с государыней, отец А. А. Вырубовой и княжна Гедройц. Войдя в палату без разрешения и ни с кем не здороваясь, Распутин подошел к А. А. Вырубовой, взял ее руку и, упорно смотря на нее, громко и повелительно сказал ей:

— Аннушка! Проснись, поглядь на меня!...

И, к общему изумлению всех присутствовавших, А. А. Вырубова открыла глаза и, увидев наклоненное над нею лицо Распутина, улыбнулась и сказала:

— Григорий — это ты? Слава Богу!

Тогда Распутин, обернувшись к присутствовавшим сказал:

— Поправится!

И, шатаясь, вышел в соседнюю комнату, где и упал в обмороке. Придя в себя, Распутин почувствовал большую слабость и заметил, что он был в сильном поту.

Этот рассказ я изложил почти текстуально со слов Распутина, как он мне передавал; проверить правдивость его мне не удалось, так как с княжной Гедройц я не был знаком, и мне не представилось ни разу случая с нею встретиться, чтобы расспросить ее о подробностях этой сцены и о том, не совпал-ли этот момент посещения Распутина А. А. Вырубовой с фазою кризиса в болезненном состоянии г-жи Вырубовой, когда голос близкого ей человека, с которым она душевно сроднилась, ускорил конец бредовых ее явлений и вывел ее из забытья.

Об'ясняя себе таким образом всю картину происшедшего исцеления Распутиным А. А. Вырубовой, я ясно представлял себе, какое глубокое и сильное впечатление эта сцена «воскрешения из мертвых» А. А. Вырубовой Распутиным должна была произвести на душевную психику высочайших особ, воочию убедившихся в наличии таинственных сил благодати Провидения, пребывавшей на Распутине, и упрочить значение и влияние Распутина на августейшую семью. После этого случая А. А. Вырубова, — как мне закончил свой рассказ Распутин, — сделалась ему «дороже всех на свете, даже дороже царей», так как для нее, по словам Распутина, не было той жертвы, которую она не принесла бы по его требованию. Действительно, — как я сам замечал в особенности в последнее время, — Распутин относился к своей августейшей покровительнице без того должного внимания и почтительности, какие следовало бы в нем предполагать за все милости, ему ее величеством оказываемые, по сравнению с А. А. Вырубовой, в которой он видел безропотное отражение своей воли и своих приказаний.

А. А. Вырубова, по натуре своей, была очень религиозна, в чем я сам имел возможность несколько раз убеждаться, но в Распутине, несмотря на то, что она не могла не видеть его некоторых порочных наклонностей, находила твердую опору в своих душевных стремлениях. Когда я был у А. А. Вырубовой утром на другой день после убийства Распутина, до обнаружения его тела, примерзшего ко льду, — как мне передавал потом Протопопов, — еще живым, но находившимся в беспамятстве, брошенного с моста в полынью, то я видел по лицу А. А. Вырубовой, какая сильная душевная борьба происходила в ней от начавшего заползать в ее душу сомнения в отношении Распутина; этого чувства она не скрыла от меня, сказав, что не может допустить мысли, чтобы Распутин не предчувствовал своей смерти и не сказал бы ей об этом, тем более, что в день его убийства она, до прихода А. Д. Протопопова, была вечером в 8 часов у Распутина, и он ей передал, что после Протопопова к нему должен заехать молодой князь Юсупов, чтобы отвезти его к себе в дом к больной своей жене для ее «исцеления». А. А. Вырубовой показалось несколько странным такое позднее приглашение князем Юсуповым к себе Распутина, что она ему и высказала, не зная того, что супруги князя в это время в Петрограде не было, и посоветовала Распутину отказаться от этого приглашения, об'яснив ему, что если кн. Юсупов и его жена стыдятся открыто принять его у себя днем, то ему не для чего унижать себя перед ними и ехать к ним. Передавая об этом, А. А. Вырубова сообщила мне о своем недоумении по поводу того, что Распутин, дав обещание, не последовал затем ее совету, тем более, что она настойчиво указывала ему, что, по ее мнению, в данном случае кроется другая цель, которую преследовал князь Юсупов, приглашая его ночью к себе в гости, так как из слов Распутина она поняла, что кн. Юсупов особенно настаивал на том, чтобы ко времени его заезда за ним у него никого не было из посторонних, хотя бы и близких к Распутину лиц, кроме его домашних; в виду этого она, А. А. Вырубова, узнав на другой день об исчезновении Распутина, сразу невольно поставила это обстоятельство в связь с таинственною обстановкою приглашения Распутина кн. Юсуповым к себе и укрепилась в своем подозрении после получения императрицей в тот же день, без всякого запроса со стороны ее величества,

письма от кн. Юсупова, в котором он, в виду распространившихся в Петрограде слухов о причастности его к исчезновению Распутина, заверял честным словом государыню, что он накануне у Распутина не был, с ним даже по телефону не разговаривал и к себе Распутина не приглашал, между тем как это находилось в полном противоречии с тем, что она лично слышала от Распутина.

Но потом уже Симанович сообщил А. А. Вырубовой, что Распутин за три дня перед своей смертью был грустно настроен, находился в подавленном состоянии и попросил помочь ему советом в деле устройства им денежного вклада на имя дочерей, для чего они вдвоем секретно ездили в банк, куда Распутин и положил для каждой дочери несколько десятков тысяч, бывших у него в ту пору на руках, а затем, по приезде домой, Распутин велел затопить печь и, вместе с Симановичем, несмотря на просьбы старшей дочери, сжег все письма и телеграммы, им полученные как от высочайших особ, так и от А. А. Вырубовой. В день же своего убийства Распутин повеселел, пошел в баню и вечером, после от'езда А. А. Вырубовой, надел лучшую свою новую шелковую верхнюю рубаху и новый костюм и, несмотря на убеждения Симановича никуда без него не ехать, успокоив его, настоял на его уходе, заявив, что он ожидает к себе А. Д. Протопопова. Наконец, в той же мысли, что Распутин как бы предчувствовал свою кончину, укрепил А. А. Вырубову и М. В. Скворцов, сообщив ей, — как мне потом об этом он сам рассказывал, — что, зайдя за день до смерти Распутина к нему на квартиру, он был поражен видом Распутина, лицо которого было землистого цвета и носило уже на себе, по словам Скворцова, печать смерти, причем он застал Распутина в сильно подавленном настроении духа, и ему стоило больших трудов вывести Распутина из его меланхолического настроения и отвлечь от разговоров о смерти. К рассказу В. М. Скворцова, им переданному уже после смерти Распутина, я отнесся несколько скептически, так как, посетив Распутина, по просьбе А. А. Вырубовой, за день или за два дня до его смерти поздно вечером, я не нашел в нем никакой перемены, а, наоборот, видел в нем жизнерадостное настроение, полное удовлетворение по случаю полученного им обещания о назначении на пост министра юстиции Н. А. Добровольского, при посредстве которого он расчитывал добиться окончательного погашения дела генерала Сухомлинова, и большую самонадеянность в том, что его никто не посмеет тронуть — в ответ на мое предупреждение быть осторожным в своих поездках в мало знакомые дома. При последующих затем моих свиданиях с А. А. Вырубовой я не позволил себе подымать разговоров о Распутине и только послал ей в феврале сего (1917) года фотографический снимок с последнего портрета Распутина, нарисованного с него одной из его знакомых художниц для какого-то большого американского иллюстрированного издания.

Что же касается других, искренно веровавших в Распутина его поклонниц, то, после его убийства, среди этих немногих его почитательниц, кроме А. И. Гущиной, серьезно заболевшей после его смерти, почти ни у кого не оставалось прежней веры в его духовную обособливость; в этом мне пришлось убедиться из разговора моего с матерью М. Головиной при встрече с ней в воскресенье на масленой неделе у А. А. Вырубовой, причем г-жа Головина (одна из самых давних почитательниц Распутина) откровенно высказала мне свое разочарование в прозорливости Распутина, в виду непредвидения им такой ужасной своей смерти, так как в последнее время Распутин уверял своих поклонниц, чему я сам раз был свидетелем во время одного из воскресных часов у него на квартире, в июне 1916 г., в присутствии А. А. Вырубовой, — что ему положено на роду еще пять лет пробыть в миру с ними, а после этого он скроется от мира и от всех своих близких и даже семьи в известном только ему одному, намеченном им уже глухом месте, вдали от людей, и там будет спасаться, строго соблюдая устав

древней подвижнической жизни. Это свое намерение Распутин, как я понимал, навряд ли привел-бы в осуществление, даже если бы он и не был убит, так как он довольно глубоко, за последнее время, опустился на дно своей порочной жизни.

Но Распутин ясно, по настроению государя, замечал близость наступления поворота в отношениях к нему со стороны его величества и заранее подготовлял себе почетный отход от дворца, указывая на пятилетний срок, как на то время, когда наступит для наследника юношеский возраст, кладущий преграду гемофилии, внушавшей их величествам постоянную боязнь за жизнь его высочества и связавшей Распутина, в силу приведенных мною причин, с августейшей семьею.

Приобретя в лице А. А. Вырубовой послушную исполнительницу своих желаний и деятельную помощницу в деле укрепления своего влияния и значения во дворце, Распутин дерзко перешагнул черту заповедного ранее для него другого мира, укрепился в новой своей позиции и из Гриши превратился в отца Григория для своих почитательниц и всемогущего Григория Ефимовича для лиц, прибегавших к его заступничеству, влиятельной поддержке, помощи или посредничеству.

В дополнение обрисовки личности Распутина считаю необходимым передать вынесенные мною из разговора с ним и наблюдения за ним свои впечатления относительно религиозной стороны его духовной структуры. Этот вопрос останавливал на себе мое внимание еще в бытность мою директором департамента полиции. Из имевшихся в делах канцелярии обер-прокурора святейшего синода сведений, переданных секретно мне директором канцелярии г. Яцкевичем, несомненым являлся тот вывод, что Распутин был сектант, причем из наблюдения причта села Покровского, родины Распутина, явствовало, что он тяготел к хлыстовщине. Переписка эта своего дальнейшего развития не получила и только повлекла за собою перемену причта и назначение взамен его нового духовенства, которое, благодаря влияниям Распутина, было хорошо обеспечено, пользовалось его поддержкой и покровительством и считало Распутина преданным церкви, вследствие его забот о благолепии и украшении местного храма, благодаря щедрым милостям не только его почитательниц, но и дарам августейшей семьи. Таким образом, официально установить, путем соответствующего расследования, на основании фактических и к тому же проверенных данных, несомненную принадлежность Распутина к этой именно секте не удалось, тем более, что Распутин после этого случая был крайне осторожен, никого из своих односельчан не вводил в интимную обстановку своей жизни во время приездов к нему его почитательниц и филерное наблюдение к себе не приближал. В виду этого я принужден был, секретно даже от филерного отряда и местной администрации и сельских властей, всецело бывших на стороне Распутина, поселить на постоянное жительство в селе Покровском одного из развитых и опытных агентов и приблизить его к причту. Из донесений этого агента, которые он, вследствие дружбы Распутина с местным начальством почтово-телеграфного отделения, посылал окружным путем, для меня было очевидным уклонение Распутина от исповедания православия и несомненное тяготение его к хлыстовщине, но в несколько своеобразной форме понимания им основ этого учения, применительно к своим порочным наклонностям. Проникнуть несколько глубже в тайны его бани мне в ту пору не удалось, так как этого агента, сумевшего уже заручиться и доверием причта и местной интеллигенции, и особым благорасположением к себе Распутина, я должен был, с уходом полковника Коттена из службы по корпусу жандармов, немедленно, во избежание провала, отозвать из Покровского, а затем и я сам в скорости ушел из департамента полиции. Познакомившись затем лично с Распутиным и заручившись доверчивым его к себе вниманием, я, продолжая интересоваться духовным мировоззрением Распутина, укре-

пился в вынесенных мною ранее выводах. Поддерживая в обиходе своей жизни обрядовую сторону православия и безапелляционно высказывая, даже в присутствии иерархов, свои далеко не авторитетные мнения по вопросам догматического характера, Распутин не признавал над своею душою власти той церкви, к которой он себя сопричислял; вопросами обновления православной церковной жизни, к чему его хотел направить г. Папков, не интересовался, а любил вдаваться в дебри церковной схоластической казуистики; православное духовенство не только не уважал, а позволял себе его третировать, никаких духовных авторитетов не ценил даже в среде высшей церковной иерархии, отмежевав себе функции обер-прокурорского надзора, и чувствовал в себе молитвенный экстаз лишь в момент наивысшего удовлетворения своих болезненно-порочных наклонностей, что мною и было засвидетельствовано в свою пору вел. кн. Николаю Николаевичу, на основании точно проверенных данных. Мне лично пришлось, бывая на воскресных завтраках-чаях Распутина в ограниченном кругу избранных, слышать своеобразное об'яснение им своим неофиткам проявления греховности. Распутин считал, что человек, вшитывая в себя грязь и порок, этим путем внедрял в свою телесную оболочку те грехи, с которыми он боролся, и тем самым совершал «преображение» своей души, омытой своими грехами.

К той общей характеристике, которую я дал Распутину, мне остается добавить только несколько штрихов для обрисовки его личности. Распутин пренебрежения к себе и обид, ему наносимых, не прощал и никогда не забывал, а мстил за них до жестокости; на людей смотрел только с точки зрения той пользы, которую он мог извлечь из общения с ними в личных для себя интересах; будучи скрытным, подозрительным и неискренним, он тем не менее требовал от окружавших его безусловной с ним искренности, и фальши в отношении себя не допускал; помогая кому-нибудь, он затем стремился поработить того, кому он был полезен; в своих выводах и решениях отличался упрямством и трудно поддавался переубеждению, идя на уступки лишь в тех только случаях, когда это отвечало его интересам; в своих домогательствах и в желаниях отличался поразительной настойчивостью и до той поры не успокаивался, пока не осуществлял их, умея носить на лице и в голосе маску лицемерия и простодушия, вводил этим в заблуждение тех, кто, не зная его (а таких было много, в особенности из состава правившей бюрократии), мечтали сделать из него послушное орудие для своих влияний на высокие сферы. Присматриваясь к судьбе тех лиц, которые искали в Распутине той или иной поддержки, я видел или печальный исход влияния на них Распутина и всей окружавшей его порочной обстановки, или фатальный для них позор, как последствие сближения их с Распутиным, но не в силу демонизма Распутина, а, главным образом, вследствие свойства тех побуждений, которые толкали их итти к Распутину и заставляли затем поступаться многим, в ущерб своей чести и достоинству, в исполнении желаний или, лучше сказать, требований Распутина.

ГЛАВА IV.

Планы сношений с Распутиным А. Н. Хвостова, С. П. Белецкого и кн. Андронникова. – Кн. Андроников и государственная измена; наблюдение за ним. – Сухомлинов и кн. Андронников. – Первый обед с Распутиным. – Начало интриги против обер-прокурора синода Самарина. – Волжин – кандидат на этот пост. – Интрига против Саблера. – Имябожцы. – Инцидент с епископом Варнавой в связи с открытием мощей св. Иоанна Тобольского. – Доклад А. Н. Хвостова государю о Волжине и прием его Николаем II-м. – Ликвидация инцидента с еп. Варнавой.

Сейчас же по опубликовании высочайших указов о назначении А. Н. Хвостова министром внутренних дел, а меня – его товарищем, были получены сведения о

выезде из с. Покровского Григория Распутина. В виду этого между мною, А. Н. Хвостовым и кн. Андронниковым состоялось соглашение относительно плана наших будущих отношений к Распутину. План этот видоизменился с его приездом в Петроград, потому что оказалось, что никто из нас, даже кн. Андронников, тесно сблизившийся с Распутиным, так же, как и епископ Варнава с приближенными ему лицами из духовенства тобольской епархии, не знали многих сторон его характера и не учли многих сторон его натуры, его силы и влияния.

Наш первоначальный план состоял в следующем. Официальные сношения с Распутиным по поводу его просьб по министерству внутренних дел должен был взять на себя кн. Андронников, чтобы избавить меня и А. Н. Хвостова от необходимости открыто принимать просителей с письмами от Распутина, как на службе, так и у себя дома. Для того, чтобы Распутин не брал со своих посетителей денег за протекцию, мы решили выдавать ему по 1500 р., и эти деньги должен был частями вручать Распутину кн. Андронников. Такая частичная выдача денег имела, между прочим, целью заставить Распутина видеться с нами почаще для установления непрерывного влияния на него. Вместе с тем, чтобы знать в подробностях его внутреннюю жизнь и понемногу отдалять от Распутина тяготевший к нему нежелательный элемент, мы решили приставить к нему своего человека.

Наш выбор пал на нашу общую знакомую и друга кн. Андронникова Н. И. Червинскую, родственницу по первому мужу М. Т. Сухомлиновой, немолодую уже даму, много видевшую, не верившую, как и кн. Андронников, в чары Распутина и познакомившуюся уже с А. А. Вырубовой.

Свидания наши с Распутиным мы наметили на квартире у кн. Андронникова, где решено было устраивать обеды в своем тесном кругу, чтобы, не стесняясь, иметь возможность влиять на Распутина по тем вопросам, по которым нужно было А. Н. Хвостову подготовить благоприятную почву при дворе. Кн. Андронников отказался от нашего предложения оплачивать ему расходы по устройству этих обедов, но предложил А. Н. Хвостову, для проведения его начинаний и поддержки его, свою газету «Голос Руси», намеченную им к изданию с нового года. Эта газета должна была заменить «Гражданин» кн. Мещерского, и на страницах своей газеты кн. Андронников предполагал проводить программные вопросы с точки зрения, желательной председателю совета министров и тех министров, которых он считал нужным поддерживать, — и, наоборот, вести борьбу против министров или вообще государственных деятелей, ему неугодных или неудобных в его политической игре. Газета эта вышла с большим запозданием только в 1916 году. В этой газете, между прочим, кн. Андронников помещал патриотические статьи против Германии в виду возникшего против него подозрения в государственной измене. Наблюдение за ним ставилось со стороны военного контр-шпионажа уже с начала войны при Сухомлинове и Н. А. Маклакове, а затем Поливанове. Наблюдение это, по моему мнению, преследовало не государственные, а личные цели Сухомлинова, с которым кн. Андронников разорвал свои отношения и против которого повел энергичную борьбу путем своих «Записок», памфлетов и шаржей пасквильного свойства, затрагивавших жену Сухомлинова. В ту пору Сухомлинов настаивал даже на высылке Андронникова. Нужно думать, что установкой наблюдения за Андронниковым Сухомлинов желал узнать, кто из военных бывает у князя и может давать ему о нем, Сухомлинове, сведения. Сухомлинов пытался даже ввести своих наблюдателей в самый дом Андронникова, который взял на службу двух бывших слуг Сухомлинова, надеясь получать от них сведения о военном министре и его жене и не зная, что эти слуги с аналогичной целью были посланы в дом Андронникова Сухомлиновыми. Благодаря Червинской, роль двух

слуг была выяснена, и они вскоре были уволены Андронниковым. Однако, за период наблюдения за Андронниковым, дворцовый комендант, председатель совета министров и министры продолжали свои близкие сношения с князем.

Как только приехал Распутин, на другой же день состоялся наш интимный обед с ним. Не только я и А. Н. Хвостов, до сих пор мало знавшие Распутина, но и кн. Андронников и Червинская, хорошо его знавшие, были поражены происшедшею с ним переменою: в нем было гораздо больше, чем ранее, апломба и уверенности в себе. Первыми же своими словами Распутин дал нам понять, что он несколько недоволен тем, что наше назначение состоялось в его отсутствие, и это подчеркнул князю, считая его в том виноватым. Однако, оказалось, что этот упрек и Хвостов, и Андронников предвидели, и князь с усиленной любезностью парировал этот удар, рассыпаясь в комплиментах и из'явлении чувства благодарности за его поддержку наших назначений, и трогательно благодарил его за приезд именно теперь, на первых шагах нашего вступления в должность, так как отныне его советы и поддержка при дворе поставят нас на правильный путь и охранят от ошибок, которые нам могут быть поставлены в счет на верху, и т. д.

За столом началась оживленная беседа, из которой я убедился, что наши назначения Распутину были известны и что он против нас теперь ничего не имеет: повидимому, Распутин все же хотел, чтобы эти назначения мы получили непосредственно из его рук.

Затем, поздравляя нас и желая нам успехов, Распутин упрекнул А. Н. Хвостова за то, что тот по приезде Распутина в Нижний Новгород (где Хвостов был губернатором) плохо принял его, не накормил даже, а у него, Распутина, было тогда всего 3 р. в кармане. И напрасно, говорил Распутин, потому что он приезжал тогда — после убийства П. А. Столыпина, — в Нижний по приказанию государя «посмотреть Хвостова», и если бы он встретил другой прием, то Хвостов уже давно был бы министром. Меня же Распутин попрекнул тем, что я ставил около него наблюдение в лице 30 сыщиков, о чем Распутину говорил сам государь. В завязавшемся по этому поводу разговоре пришлось упомянуть имя Джунковского, и из перемены голоса Распутина, выражения его глаз, лица и нервности можно было видеть, что этот человек не способен забывать ударов, ему нанесенных. В ответ я рассказал ему неизвестный ему факт выпуска заграницу гражданской жены Илиодора с архивом последнего вследствие того, что, несмотря на донесение и несколько телеграмм в департамент полиции из Саратова с просьбой к Джунковскому разрешить арестовать и обыскать жену Илиодора, разрешение было дано уже тогда, когда жена Илиодора проехала границу.

Затем зашла речь о Самарине, обер-прокуроре святейшего синода, и о владыке Варнаве в связи с его конфликтом по поводу прославления св. Иоанна Тобольского. Распутин гневно говорил о Самарине, но мы разговор не муссировали, а только старались оттенить, что Самарин — человек близкий сестре государыни, но отнюдь не сторонник самой государыни и в то же время — личный враг его, Распутина.

Мы перешли после обеда в гостиную, а я, вместе с Андронниковым, вышел к нему в кабинет и здесь передал князю 1500 р. для Распутина. Князь из этих денег отобрал несколько — три или пять — сотенных и, когда я вернулся в гостиную, он вызвал Распутина к себе в кабинет. Вскоре они оба вышли оттуда, и я заметил, как Распутин прятал деньги в карман.

Распутин после обеда уехал, расцеловавшись со всеми нами, а мы остались, чтобы обменяться впечатлениями от первого свидания, нас далеко не удовлетворившего.

Из свидания мы вынесли убеждение в трудности, без соответствующей подготовки, проведения нашего первого плана, намеченного с А. Н. Хвостовым. Мы решили

провести на пост обер-прокурора святейшего синода, вместо Самарина, директора департамента общих дел Волжина, свойственника Хвостова. Это было необходимо в особых целях Хвостова. Мы понимали, что Волжин не подготовлен к этой должности, но это было чистое имя, и его назначение особого раздражения внести не могло. Сам Волжин, с которым я говорил по этому поводу, хотя и был доволен своих служебным движением, но с большей охотой взял бы какой-либо другой министерский портфель, чем этот, но во всяком случае Волжин умолял меня об одном — устроить так, чтобы отклонить всякое его не только сближение, но и знакомство с Распутиным. Волжин затем пошел на сближение с кн. Андронниковым, с которым он тотчас же и познакомился, и выполнил свои обещания, ему данные. Волжин был лично известен государю. Его сыновей, служивших в гвардейских частях Петрограда, знал отлично государь. Волжин имел придворные связи и хорошие знакомства в петроградском обществе. Он человек верующий, любитель старого церковного напева и церковной старины.

Мы понимали с А. Н. Хвостовым, что уход Самарина, против которого шел, не без воздействия князя Андронникова, также и Горемыкин, безусловно взволнует не одну Москву, где любили и знали Самарина, заденет и обидит не одно дворянство, где Самарин пользовался крупным весом и влиянием, и не одну Государственную Думу, приветствовавшую его назначение, а — общественное мнение России и те круги православного духовенства, которые, во главе с митрополитом Владимиром, видели в его назначении начало новой эры в деле церковного управления.

Вместе с тем мы знали, что Саблер-Десятовский уже делал попытки примирения с Распутиным и был у него несколько раз, а в князе Андронникове он имел верного и преданного человека.

Поэтому, мы убедили кн. Андронникова в политическом значении, с точки зрения настроения широких кругов русского общества, вопроса о заместительстве Самарина, следовательно против Саблера, и эту точку зрения решили сообща проводить во дворце, предварительно внедрив ее в сознание Распутина. Те же соображения были высказаны А. А. Вырубовой, и она не могла с ними не согласиться.

Для более сильного влияния на Распутина решено было немедленно вызвать из Москвы епископа Варнаву.

На одном из ближайших обедов у кн. Андронникова с Распутиным, я навел разговор на тему об имябожцах, — монашеской секты на Афоне, образование которой повело гонения синода, командировку на Афон епископа Никона и арест около 700 монахов, отправленных в Россию по требованию русского правительства, — и восстановил в памяти Распутина картину репрессий, предпринятых по инициативе Саблера. Вопрос об имябожцах в тот момент не был еще окончательно решен, и мне, кстати, хотелось выяснить отношение к нему со стороны Распутина по существу, чтобы узнать, не находится ли он под влиянием какого-нибудь кружка, занимающегося церковными вопросами, или интриги против Саблера, — или же в нем говорило чувство жалости, которое заставило его отвозить во дворец на показ тайно приезжавших в Петроград монахов-имябожцев, в преклонном возрасте, — многие из них были в схиме, — с обрезанным бородами, в штатском платье . . .

Я лично думал, что в данном деле Распутин преследовал какие-либо другие свои цели, так как он имел уже в ту пору личные причины быть недовольным Саблером, который в последнее время (до отставки), считая свое положение прочным, изменил свое отношение к чинам синодального надзора — друзьям Распутина: к товарищу обер-прокурора Даманскому, Скворцову, Мудролюбову и др. — и попал под влияние директора своей канцелярии, к которому Распутин относился подозрительно и сдер-

жанно. В особенности Распутин был глубоко задет, когда Саблер захотел расстаться с Даманским, который, не используя Распутина для своих дел, всегда давал ему хорошие советы, исполнял его просьбы, предоставлял ему свою квартиру, когда Распутин приезжал наездами в Петроград по вызовам Вырубовой, и был всегда с ним искренним. В свою очередь Распутин добился у государя того, что Даманский был оставлен на посту товарища обер-прокурора с выделением ему самостоятельного круга дел и был удостоен многих высочайших пожалований.

Затронутая на обеде у кн. Андроникова тема об имябожцах оживила Распутина, и из его слов я понял, что он и сам является сторонником этого учения в монашеской среде. И, действительно, впоследствии он отстаивал все время имябожцев. Не задолго до смерти Распутина в «Колоколе» были напечатаны статьи В. М. Скворцова с такой же целью. Статьи эти повлекли за собой для Скворцова большие осложнения с синодом, а он их писал в угоду Распутину, мечтая при его помощи вернуться в синод в роли товарища обер-прокурора. Эти статьи Распутин представил во дворец.

Разговор об имябожцах перешел на Саблера, как их противника, и под влиянием как беседы на эту тему, так и общих высказанных нами соображений, в конце концов, Распутин решительно заявил, что он не будет «ни за что» поддерживать кандидатуры Саблера.

Когда же приехал владыка Варнава и лично познакомился с Волжиным, на которого произвел хорошее впечатление, тогда общими силами нам удалось добиться согласия Распутина на назначения Волжина и на поддержку в сферах, причем даже Распутин согласился на первых порах предварительно не видеться с Волжиным, во избежание излишних разговоров. Правда, к этому Распутин отнесся несколько подозрительно, но ничего прямо не высказал. Но он был доволен тем, что Волжин, в свою очередь, обещал ликвидировать инцидент епископа Варнавы по поводу открытия мощей по плану, мною предложенному и всеми принятому, в том числе и Волжиным. План этот был одобрен и Вырубовой, и об этом было доложено государыне, от которой получено также одобрение.

Сущность инцидента епископа Варнавы заключается в следующем. Епископ возбудил вопрос об открытии мощей св. Иоанна Тобольского. Синод одобрил предложение и состоялся соответствующий всеподданнейший доклад. Однако, синод замедлил исполнением всех актов, с которыми должно быть соединено открытие мощей, а епископ Варнава, видя в этом промедлении интригу синода против него, обратился непосредственно к государю в ставку и получил разрешение для «прославления», а не канонизации, т. е. открытия мощей для народного почитания. Прославление было принято верующими, как акт открытия мощей. Синод об этом обмене телеграмм с государем ничего не знал, а, получив сведение о прославлении, рассмотрел его, как самовольный проступок. Варнава, чувствуя такой исход, приехал без разрешения в Петроград, надеясь испросить монаршее прощение. Но в это время обер-прокурором был назначен Самарин, который резко высказался против проступка Варнавы. Дело получило огласку в прессе, и еп. Варнава должен был доложить синоду о телеграмме государя.

Государь, — я это знаю хорошо, — относился к Самарину сердечно; он его уважал, и это чувство крепло с годами. Поэтому, приглашение Самарина в состав кабинета исходило от его величества без всяких побочных влияний.

Но, с другой стороны, как я в этом убедился впоследствии и на себе, государь не любил ни частных выступлений в прессе министров, ни тех или иных разоблачений, ни даже слухов о предстоящих переменах, чем многие пользовались для сведения своих личных счетов. В особенности государь, как человек верующий,

всегда отрицательно относился к огласке тех или других неприятных происшествий в сфере церковной. Вот почему была уверенность не только у нас, но и у многих лиц, знающих характер государя, что Самарин не может оставаться на своем посту.

Когда, таким образом, все было подготовлено, А. Н. Хвостов на одном из ближайших своих докладов после того, как Распутин был у государя и поддержал Варнаву, умело и тонко касаясь вопроса об общественных настроениях, провел мысль о Волжине. Волжин был вызван государем, был милостиво принят, и государь одобрил план ликвидирования через некоторое время дела епископа Варнавы путем проведения его через синод в новом составе.

ГЛАВА V.

Надзор за Распутиным. — План его удаления из Петрограда. — Назначение тобольского губернатора. — Скандалы Распутина. — Отказ его от поездки по монастырям.

Пока проводилась кандидатура Волжина на должность обер-прокурора святейшего синода, я предписал начальнику охранного отделения полковнику Глобычеву, всесторонне освещать для меня жизнь Распутина, представляя мне ежедневные, а затем и еженедельные, сводки филерских наблюдений. Оказалось, что, вопреки предположениям кн. Андроникова, Распутин сделался осторожнее; приставленных к нему для охраны филеров в квартиру свою не допускал и избегал разговоров с с ними. Вследствие этого, филеры были помещены внизу, в швейцарской, а затем в агентуру были взяты швейцар и его жена. Тем не менее, как путем агентурным, так и наблюдениями Червинской выяснилось, что к Распутину лился живой поток людей различных положений и классов общества. За ним приезжали в автомобилях, отвозили и привозили его. Он сам часто, стараясь быть незамеченным филерами, черным ходом куда-то уходил и уезжал. Около него образовывались кружки лиц, имевших на него различные влияния, и т. п. Это была колоссальная фигура, чувствовавшая и понимавшая свое значение, что и сказалось на первых же порах наших отношений.

На своих утренних приемах Распутин раздавал небольшими суммами деньги лицам, прибегавшим к его помощи. Если требовалась большая сумма, то он писал письма для просителей и посылал с этими письмами к знакомым, а часто и к незнакомым лицам, преимущественно из финансового мира. Письма его, написанные безграмотно, с крестом наверху, письма, как пишут обыкновенно лица духовные, ходили во множестве по рукам и составляли предмет своеобразной пикантности; находились любители, которые покупали их и коллекционировали.

Все это, в связи с ореолом таинственности влияний Распутина на высокие сферы, с его посещениями ресторанов и частных домов без разбора, куда его приглашали часто напоказ и напаивали, заставляя танцовать, говорить по телефону с министрами, с которыми он находился в хороших отношениях, писать им письма и проч. — заставило нас сильно обеспокоиться не только с точки зрения охраны личности Распутина, высочайше нам предписанной. Опасны были его публичные выступления в общественных местах, в различных компаниях, не охранявших Распутина от выходок, о которых потом, иногда в преувеличенном виде, ходили не только в столицах, но и по всей России слухи, связывавшие имя Распутина с именами августейших особ, являясь угрозой идее царизма ... Наконец, приближалась сессия Государственной Думы, а думская агентура, сведения от Родзянко и других депутатов предсказывали неизбежность выступлений по поводу Распутина при обсуждении сметы министерства внутренних дел.

К тому же наш план сделать кн. Андронникова единственным посредником для сношений с нами Распутина по его делам и ходатайствам не удался: Распутин, вопреки обещаниям, стал засыпать своими письмами и присылкой просителей не только меня и А. Н. Хвостова, но и наших жен, которые к нему относились в высшей степени отрицательно. Мы увеличили, поэтому, сумму наших выдач Распутину, и мне пришлось, кроме ежемесячной выдачи в 1500 р., давать ему разновременно по 3 т. р. (тайно от кн. Андронникова) и, вместе с тем, через кн. Андонникова и Червинскую, настоятельно просили Распутина, чтобы он к нам на квартиру просителей со своими письмами не посылал, что он обещал делать, но что выполнял только на первых порах.

Все вышеизложенное побудило нас серьезно приняться за проведение ряда широких мер, не жалея, по приказанию А. Н. Хвостова, денег из секретного фонда, ибо с именем Распутина связывалось антидинастическое движение в стране, — ряда широких мер, чтобы предупредить проникновение в общество сведений и фактов из жизни Распутина, повлиять на Распутина в смысле большей разборчивости его в знакомствах, развить ради того же тесную кружковую жизнь около Распутина при помощи расположенных к нему лиц, особенно дам, не проводивших через него своих дел (а таких было очень мало), бороться с разного рода влияниями на него и т. п.

По докладе об этом А. А. Вырубовой, она согласилась с нашими планами и просила нас отдалить от Распутина лиц, имеющих на него дурное влияние, хотя она по опыту хорошо знала, как трудно было, а иногда бесполезно пытаться влиять на Распутина в хорошую сторону, так как эти попытки только его озлобляли.

О наших мероприятиях, отнюдь не опорачивая Распутина, а, наоборот, защищая его и указывая лишь на обстановку времени и дурные извне влияния, А. Н. Хвостов доложил и государю, получив и его согласие, и благодарность.

Помимо всего, политическая жизнь того времени и наши служебные обязанности требовали от нас слишком много времени, — и мы решили, что лучше всего было бы удалить Распутина на некоторое время из Петрограда, хотя бы для путешествия по монастырям, и затянуть это путешествие на возможно долгий срок, с тем, чтобы к моменту открытия Государственной Думы Распутина в столице не было. Во время моего директорства, после речи А. И. Гучкова в Государственной Думе о Распутине, такой план удаления его из Петрограда удался, и Распутин, хотя неохотно, но сознательно подчинился и уехал.

Удалением Распутина из Петрограда мы имели в виду создать себе возможность спокойно работать, но главным образом, заставить общество забыть о Распутине. В думскую среду мы предполагали провести слухи о том, что нам удалось ослабить влияние Распутина в сферах на столько, что Распутин уехал не к себе домой, как обычно делал, а по монастырям, чтобы таким смирением восстановить подорванное к себе у высоких особ доверие; мы хотели убедить влиятельных депутатов Думы и ее председателя не мешать нам в нашей дальнейшей в этом направлении работе своими выступлениями против Распутина: такие выступления, в силу особого склада характера августейших особ, усиливали только положение Распутина.

Согласно этому плану в таком направлении, т.-е. для удаления Распутина из Петрограда, должны были воздействовать на А. А. Вырубову епископ Варнава, кн. Андроников и А. Н. Хвостов. На ту же тему епископ Варнава и А. Н. Хвостов должны были говорить и с государыней с тем, чтобы впоследствии А. Н. Хвостов сделал соответствующий доклад государю. В докладе государю А. Н. Хвостов предполагал провести ту мысль, что поездка Распутина по святым местам не только будет полезна в смысле умиротворения Государственной Думы, но и рассеет всякие неспра-

ведливые толки о жизни Распутина и будет свидетельствовать о религиозных порывах духовной его натуры во время войны.

Приступив к осуществлению этого плана, мы, по предложению епископа Варнавы, вызвали игумена Тюменского монастыря Мартемиана, личного и большого друга Распутина. А пока, мы начали подготовлять беседами на тему о роли Государственной Думы в общественном сознании, в особенности в связи с войной, в сфере влияния Думы на армию. Об этом горячо говорили еп. Варнава, кн. Андроников и А. Н. Хвостов. Я же был сдержан, не потому, что боялся неуспеха наших начинаний, — я знал, что Распутин побаивался Государственной Думы, — а потому, что Распутин был во время беседы мрачен, подавал односложные реплики и расхолаживал настроение. Поэтому я предпочел выждать приезда игумена Мартемиана. С его приездом дело пошло быстрее. А. Н. Хвостов уже прямо рекомендовал Распутину поездку с Мартемианом в Верхотурье с тем, чтобы привезти августейшей семье оттуда благословение обители — икону св. Павла Обдорского. Говорил на эту тему и еп. Варнава, а затем и Мартемиан, бросившийся целовать Распутина и убеждать его поехать по монастырям и заехать домой, а затем, когда отношения с Гос. Думой наладятся, вернуться в Петроград.

С поездкой Распутина к себе домой были связаны многие важные дела. Еп. Варнава, еще до приезда Распутина, взял с А. Н. Хвостова и меня слово назначить тобольским губернатором, вместо бывшего тогда на этом посту Станкевича, вице-губернатора Гаврилова, своего друга, что нами и было обещано. Но Распутин по приезде категорически заявил, что Станкевича надо удалить, а на его место назначить «своего человека», который защищал бы его, Распутина, а не предавал. Дело в том, что Распутин, в последние дни министерства Маклакова, едучи на пароходе с Мартемианом, в пьяном виде наскандалил на пароходе, где, после пьянства и плясок с новобранцами, избил лакея, за что и был высажен капитаном парохода на берег, о чем был составлен полицией протокол. Полиция, однако, протокола по подсудности не направила, имея предписание считаться с личностью Распутина и затушевывать подобные факти поведения его, и отослала этот протокол губернатору Станкевичу, который, не имея директив в отношении Распутина от министра внутренних дел кн. Щербатова, личным письмом «в собственные руки» препроводил ему всю переписку по делу в копии. Кн. Щербатов отправил переписку министру юстиции А. А. Хвостову, а последний вернул ее князю, указав, что подобные дела не подлежат разрешению министерства юстиции, так как в законе указана подсудность подобного рода дел. Кн. Щербатов осведомил об этой переписке и председателя совета министров И. Л. Горемыкина. Об этом проникли слухи и в думские сферы. И в таком виде переписка поступила в наследство к новому министру внутренних дел — А. Н. Хвостову. Дело же должно было разбираться в волостном суде, так как потерпевший лакей отказался от примирения. Это обстоятельство сильно беспокоило А. А. Вырубову и Распутина, который отрицал правдивость протокола, хотя Мартемиан в беседе со мной подтвердил справедливость всех деталей скандала. Распутин же успел по-своему изложить все происшествие и в высоких сферах, так что возобновление дела его очень тревожило. Мы понимали, что необходимо как-нибудь уладить этот инцидент и отстрочить по крайней мере процесс, чтобы он не совпал с думской сессией, иначе при огласке дело вызвало бы неудовольствие и А. А. Вырубовой, и августейших особ.

Так как Распутин настаивал на удалении Станкевича, то мы его вызвали телеграммой в Петроград, предписав привести подлинное дело, касавшееся Распутина. Станкевич привез, однако, и второе дело о Распутине по обвинению его в неуважительном отзыве в пьяном виде об императрице и августейших дочерях. Дознание по

этому делу велось жандармским управлением и, по требованию Станкевича, было переслано ему. Об этом дознании не знали еще ни Вырубова, ни Распутин, и, таким образом, у меня явился хороший козырь в отстаивании Станкевича, которого я считал необходимым и полезным оставить на службе в качестве губернатора с переводом в лучшую, земскую губернию.

Разговоры с Распутиным о поездке по монастырям продолжались, и он неожиданно для меня, — я ожидал большего сопротивления, — согласился решительно уехать из столицы. Мы думали, что такая решительность явилась результатом влияния игумена Мартемиана и опасений самого Распутина за исход его первого дела о скандале на пароходе. Впоследствии наши предположения не оправдались.

А. Н. Хвостов заявил Распутину, что все расходы по его поездке будут оплачены и соответствующие суммы выданы игумену Мартемиану. В беседе со мной, затем последовавшей, А. Н. Хвостов сказал мне, что верит в удачу поездки Распутина, потому что знает Мартемиана и потому что в Вологде и в губернии у него есть много преданных ему лиц, которые окружат тесным кольцом Распутина и надолго его задержат путем спаивания; особенные надежды в этом отношении он возлагал на вологодского исправника, друга Мартемиана. В денежном отношении решено было не скупиться и предложить Мартемиану не стесняться в средствах, в особенности на вино... Игумен Мартемиан ставил, однако, условием своего участия в поездке с Распутиным возведение его, Мартемиана, в сан архимандрита. Поэтому я, по просьбе А. Н. Хвостова, в виду согласия еп. Варнавы войти с соответствующим представлением в синод, заехал на другой день к Волжину и отвез ему послужной список Мартемиана, прося Волжина о содействии, на что последний, в особенности узнав о предполагаемом от'езде Распутина, охотно согласился.

Мы удовлетворили также все просьбы еп. Варнавы и устроили ему собственную квартиру, выдав для этой цели денег на обстановку и ежемесячное пособие его сестре, и, кроме того, выдали епископу и пособие. На другой день деньги на поездку Мартемиану были выданы. Кроме того, я передал Распутину на личные расходы 5 т. р. и на примирение с побитым им лакеем еще 3 т. р. После этой передачи я сообщил Распутину о втором о нем деле по поводу оскорбления им высочайших особ и отметил в этом инциденте тактичную роль Станкевича, с которым рекомендовал не ссориться. Это второе дело сильно поразило Распутина, очевидно, боявшегося, что о нем узнает государь. Распутин переменил свой тон и манеру обращения, стал доказывать полную свою невиновность и успокоился тогда лишь, когда я сообщил ему, что об этом деле решительно никто не знает, кроме меня и А. Н. Хвостова, не знает даже кн. Андроников (который мог сообщить о случившемся, по своему обыкновению, министрам, с которыми был в хороших отношениях, и председателю совета министров И. Л. Горемыкину, ничего о втором деле не знавшему). Государю А. Н. Хвостов обещал также о деле не докладывать. Весь этот образ действий я об'яснил Распутину сердечным к нему отношением с нашей стороны. Мы расцеловались, и когда я после этого заговорил о Станкевиче, то Распутин уже заявил, что он зла ему не желает, но что в Тобольск требует назначения «своего человека», а именно председателя пермской казенной палаты Ордовского-Танаевского. Вопрос о Станкевиче был улажен. А. А. Вырубова согласилась на перевод его губернатором в Самару, и соответствующий об этом доклад был сделан А. Н. Хвостовым царю и не встретил возражений.

Что касается кандидатуры Ордовского-Танаевского, то, как оказалось из дальнейшей беседы с Распутиным, она была предрешена. Пермский управляющий казенной палатой был в отличных отношениях с Распутиным, воздавал ему почесть при проезде

его через Пермь, когда Ордовский-Танеевский исправлял там должность губернатора, и о переводе его в Тобольск губернатором Распутин уже условился с А. А. Вырубовой, и государыня уже одобрила этот план. А. А. Вырубова была также весьма довольна нашим планом покончить первое пароходное дело Распутина примирением с лакеем, для чего я выдал Распутину 3 т. р.; и еще более довольна тем, что я передал ей в подлиннике второе дело о Распутине (оскорбление высочайших особ), чем оно и было ликвидировано. Но когда я заговорил о поездке Распутина, то Вырубова, не возражая ни слова, быстро перевела разговор на другую тему. Распутин же все оттягивал под разными предлогами свой от'езд, поджидая, между прочим, Ордовского-Танеевского, а когда тот приехал, и А. Н. Хвостов провел доклад об его назначении у государя, то положение сразу изменилось.

Распутин определенно заявил, что он никуда по монастырям не поедет, и свой отказ выразил в такой категорической форме, что возражать, из опасения вызвать только его гнев, уже никто не решался. В виду этого я поручил Ордовскому-Танеевскому, по приезде его в Тобольск, ликвидировать дело с лакеем, о чем его просил и сам Распутин, но 3 т. р. он не дал ему для передачи лакею... Я предложил Ордовскому-Танеевскому для ликвидации дела не стесняться расходами.

Почему Распутин не поехал? Мне казалось, что его путешествие по монастырям теперь теряло свой смысл, так как все тобольские инциденты были улажены, а, с другой стороны, ему казались подозрительными наши настойчивые убеждение его в необходимости поездки. Религиозная же цель поездки никакого веса ни в глазах, ни в сердце Распутина не имела...

Но впоследствии, после моей отставки, в 1916 году, когда Распутин стал относиться ко мне доверчивее, я его спрашивал о причинах его отказа от поездки по монастырям. И Распутин откровенно мне сказал, что он и не предполагал выезжать и что А. А. Вырубова была также против этой поездки. Не устраивала эта поездка и Мартемиана... Играл же свою роль Распутин потому, что хотел выяснить, к чему же все наши настояния клонятся...

ГЛАВА VI.

Распутин и церковные дела. – Назначение Питирима. – Распутин и Питирим. – Влияние Питирима.

Все вопросы, тесно связанные с церковной жизнью и назначениями, как по обер-прокурорскому надзору, так и в составе высшей духовной иерархии, не только интересовали Распутина, но близко его задевали, так как в этой области он считал себя не только компетентным, но и как бы непогрешимым. Поэтому, при всяком видном назначении или в мероприятиях в сфере духовных интересов церкви он играл, особенно в последнее время, доминирующую роль. С ним считались многие, в том числе видные иерархи церкви, не говоря уже о средних духовных слоях, искавших, по человеческой слабости, мощной поддержки у него. И наоборот, ко всему тому, что происходило помимо Распутина и его желаний, он относился нервно и неблагожелательно. Это задевало его самолюбие, и Распутин искал тех или других слабых сторон данного лица, чтобы оттенить их в высоких сферах, как крупную ошибку при назначении, происшедшую потому, что его не послушали или с ним не посоветовались. Этим об'ясняется, почему зачастую предположения синода по некоторым вопросам или проектам назначений, представляемые через обер-прокурора, не разрешались немедленно при докладах, а оставлялись царем и возвращались с резолюциями, дававшими иные указания.

После ухода Самарина и в связи с делом еп. Варнавы предстояло обновление состава синода.

Мы предупредили Волжина об отношении к подобного рода вопросам со стороны Распутина и рекомендовали, предварительно всеподданнейшего доклада, хорошо узнать, нет ли в составе представляемых лиц таких, к которым Распутин относится неблагоприятно. Что касается нашего участия в деле составления списка присутствующих в синоде, то А. Н. Хвостов рекомендовал архиепископа тверского, а я — епископа могилевского Константина (противника Распутина). С этими кандидатурами согласилась и Вырубова, записавшая эти имена себе на память. Когда мы заговорили по этому вопросу на одном из обедов с Распутиным, то он согласился с нашими кандидатурами, но прибавил категорически, что необходимо вызвать с Кавказа экзарха Питирима, так как он «свой человек» и Варнаву защитит.

Ни я, ни Хвостов Питирима не знали, но у обер-прокурора Волжина имелись, как оказалось, секретные сведения о нем, касавшиеся его отношений к своему секретарю Осипенко. Эти секретные сведения Волжин доложил царю, когда Николай II повелел Волжину вычеркнуть из списка епископа могилевского Константина и, вместо него, поместить Питирима. Царь ответил, что он впервые слышит об этом, список оставил у себя, а затем вернул его с пометкой о вызове преосвященного Питирима. Оказалось, что Вырубова уже давно знала Питрима, что у него были давнишние связи со двором и что, наконец, кандидатуру его провел Распутин.

В виду поколебавшегося после ухода Самарина положения петроградского митрополита Владимира, мы опасались его ухода и назначения в Петроград митрополитом Питирима, так как предоставление ему митрополичьей кафедры было уже предрешено. Открылась тогда вакансия в Киеве, после смерти митрополита Флавиана. Мы проводили через Вырубову и Распутина Питирима в Киев, но Волжин получил от государя приказание о назначении митрополита Владимира в Киев, а Питирима в Петроград.

Из всей обстановки назначения Питирима ясно было видно желание двора иметь около себя близкого человека. Мы поняли, что в силу занимаемого им положения, ему будет отведено крупное влияние во дворце.

Мы с Хвостовым поздравили Питирима с высоким назначением, были у него с визитом, и наши отношения, таким образом, завязались. О Распутине мы с Питиримом никаких разговоров не заводили из чувства деликатности, хотя из докладов начальника охранного отделения Глобычева мы знали о частых посещениях Распутиным митрополита. То же подтвердил мне и Манасевич-Мануйлов, который проник вновь в дом Распутина и ввел туда сотрудника «Нов. Времени» Снарского. Манасевич-Мануйлов вел кампанию в «Нов. Времени» против Распутина, когда с ним же боролся и ген. Богданович. По приказанию Маклакова, выступления Мануйлова против Распутина были в прессе прекращены, но Распутин боялся их возобновления и стал поэтому принимать Мануйлова, который и начал после этого передавать мне все, что узнавал в доме Распутина.

Нужно отметить, что сам митрополит, все время поддерживая самые тесные отношения с Распутиным и решая с ним все дела, всячески избегал вплоть до смерти Распутина подчеркивать публично свою к нему близость, принимал его в конспиративной обстановке, его квартиры не посещал, а для сношения с ним, зная подозрительность характера Распутина и во избежание телефонных разговоров с ним, уполномочил своего секретаря Осипенко. Последний ежедневно бывал у Распутина, часто сопровождал его в поездках по знакомым, ездил впоследствии с поручениями и письмами владыки к Вырубовой, которой только в этот приезд был представлен, и удостоился приема у государыни.

По отношению к Осипенко я сделал ошибку: пытался заагентурить его и настойчиво вручил даже ему для этой цели 300 р., обещая подобные же выдачи и в будущем. Но значение Питирима и роль при нем Осипенко были слишком велики, чтобы можно было прибегать к подобной мере.

Питирим вскоре не избежал общей участи тех, кого судьба сводила с Распутиным: владыке пришлось испытать перемену общественных отношений к себе из за своих связей с Распутиным, несмотря на все старания Питирима приобрести общественную популярность. Поведение Распутина и по отношению к Питириму было таким же, как и ко всем другим лицам из правящего мира, на которых Распутин смотрел, как на своих ставленников. Распутин о своей близости к митрополиту говорил, где можно, и в особенности говорил там, где этого нельзя было делать, что причиняло Питириму весьма много огорчений.

На этой почве произошел разрыв Питирима и с А. Н. Хвостовым, который позволил себе бестактность. Раздосадованный на то, что митрополит не поддерживает планов Хвостова в связи с предстоявшей выборной кампанией в Думу, Хвостов, чтобы оказать давление на владыку, однажды приказал полковнику Комиссарову, приставленному к Распутину, привезти последнего к митрополиту и ввести его без доклада в кабинет. А к этому моменту у владыки был и сам Хвостов. Этот приезд Распутина и приход без доклада ясно обнаружили близость митрополита к Распутину, что Питирим скрывал, а затем разговор Распутина с митрополитом о поддержке начинаний Хвостова, в присутствии Распутина привели только к обратным результатам, потому что митрополита вся эта тактика Хвостова только оттолкнула от него.

Из всех лиц правящего класса, как этого, так и последнего периода, прошедших через Распутина, никто не пользовался таким постоянным и неизменным доверием, как государя и государыни, так и Вырубовой, как митрополит Питирим. Его постоянно приглашали к себе высокие особы и Вырубова. К его мнениям по вопросам церковной и государственной жизни прислушивались, также считались с его отзывами и оценками лиц, интересовавших высокие сферы. Поездки Питирима в Царское конспирировались, и Осипенко принимал все меры, чтобы сведения о них не проникли в печать и общество. При жизни Распутина, последний был в курсе всех начинаний митрополита, поэтому Питириму приходилось с ним считаться. Когда Распутин умер, я был в день его похорон вечером у владыки, и тут я понял, насколько велик был для него гнет Распутина.

ГЛАВА VII.

Моя аудиенция у государыни императрицы. – Распутин и царица.

Вскоре после приезда Распутина в Петроград, — по моем назначении товарищем министра внутренних дел, — и установления с ним и с Вырубовой некоторого сближения, епископ Варнава был принят августейшей семьей и передал ей свои впечатления, вынесенные им от знакомства со мной и А. Н. Хвостовым. Владыка подчеркнул нашу преданность интересам царской семьи, наше благожелательное отношение к Распутину, нашу общую солидарность во взглядах и дружескую между собою связь. Вслед за этим, как епископ Варнава, так и кн. Андронников признали необходимым для меня, в моих интересах, представиться государыне императрице Александре Федоровне. Это отвечало и моим желаниям, так как я до того ни разу в личной особой аудиенции не был принят государыней. Видел я ее только на общих

приемах, где был удостоиваем поклона и целования ее руки. Зная о том влиянии, которое императрица имела на государя, и о ее роли в решении вопросов государственной важности, я хотел вынести и свое непосредственное, хотя и мимолетное, впечатление. Но вместе с тем, я слышал и знал, из примера немилости государыни к А. А. Макарову, что ее величество ничего не забывает и не легко поддается перемене своих отношений к тем, о которых она составила определенное не в их пользу мнение. Во время моего директорства, после передачи министром Макаровым государыне ее писем к Распутину, найденных у Илиодора, я был заподозрен Александрой Федоровной в том, что перехватил одно из таких писем в общем порядке перлюстрации. Кроме того, государыня знала мое отрицательное отношение в ту пору к Распутину. И этими обстоятельствами я об'яснил себ тот факт, что Макаров, получив отставку от должности министра, получил в то же время письменное приказание уволить меня без об'яснения причин. Об этом я узнал впоследствии не от Макарова. Узнал и то, что Макаров, получив такое повеление, испросил себе аудиенцию у государя и убедил его оставить меня на службе. Думаю, что на решение государя уволить меня повлиял и князь Мещерский, с которым у меня произшел разрыв и который вел против меня кампанию в «Гражданине» и делал личные и письменные обо мне доклады государю.

В виду всех этих обстоятельств я естественно боялся, что прием меня государыней может носить характер простого официального представления, которое не выяснит отношения царицы к представляющемуся лицу.

Поэтому, по совету кн. Андронникова и с ведома А. Н. Хвостова, я обратился к Вырубовой и высказал ей свои опасения относительно своего приема государыней. Вырубова приняла во мне большое участие, переговорила при мне по телефону с государыней по-английски и сказала мне, что государыня будет рада принять меня. И кроме того, записала себе для памяти – переговорить еще раз перед приемом обо мне с государыней. На другой день я ею был принят.

В назначенный час я был введен скороходом в одну из личных комнат государыни и удостоился особо милостивого приема. Пригласив меня сесть, государыня выразила свое удовольствие по поводу моего назначения и моей солидарности и дружественной связи с А. Н. Хвостовым, поблагодарила за сведения, сообщаемые Вырубовой, и подчеркнула, что в передаче переписок о Распутине (по двум вышеупомянутым делам-скандалам, очевидно, переданным Вырубовой государыне) она видит залог нашего дальнейшего благожелательного отношения к Распутину. В ответ на это я принес ее величеству искреннюю благодарность за то доверие, какое она проявила ко мне своим участием в деле моего назначения, и затем уверил ее величество, что как во время моего управления департаментом полиции, так и в настоящее время, мною принимались и будут приняты все меры к охране жизни Распутина. Коснувшись истории с письмом, о котором я раньше упомянул, я постарался рассеять у государыни сомнения относительно участия моего в этом деле.

Затем, я доложил ее величеству о намеченной А. Н. Хвостовым и мною первейшей задаче нашей программы – организовать и широко распространить среди народа издания и картины, обрисовывающие царственные за период войны труды ее величества, его величества и их дочерей. К этому государыня отнеслась с большим сочувствием и просила предварительно посылать ей на просмотр корректурные листы.

Когда я перешел к докладу о намеченном нами открытии в фабричных районах продовольственных лавок для рабочих, государыня отнеслась одобрительно к этому плану и указала, что продовольственный вопрос и настроение рабочих сильно озабочивают государя, который возлагает в этом отношении особые надежды на А. Н. Хвостова.

Наконец, государыня, находясь, повидимому, под впечатлением представлявшегося ей предо мной князя Жевахова (которого я встретил в приемной) и зная мои отношения к Волжину, передала через меня обер-прокурору святейшего синода повеление об устройстве князя Жевахова по ведомству св. синода, согласно желанию князя.

Разговор наш все время шел на русском языке, которым государыня владеет хорошо, с редкими сравнительно заминками в длинных периодах и со слабым иностранным акцентом, в противоположность своей сестре Елизавете Федоровне.

Из этого приема государынею, длившегося полчаса, я вынес впечатление, что интересы Распутина очень близки ее величеству, что вопросы, выдвигаемые обстановкою времени, ее сильно захватывают, что Вырубова ставит ее в курс всего того, о чем узнает от лиц, ее окружающих, пользуясь безграничным доверием государыни, и что, наконец, государыня, если пожелает, может быть простой, доступной, любезной и благодарной тем, кто служит ее интересам.

Заехав затем после приема к Вырубовой, я поблагодарил ее за проявленное ею участие в этом приеме и передал ей, как прием государыней тронул меня и расположил к ней. О том же я сообщил кн. Андронникову, Распутину и еп. Варнаве.

Поручение к Волжину я исполнил, и, после длинной истории, больших затруднений и препятствий, кн. Жевахов получил впоследствии должность второго товарища обер-прокурора синода, несмотря на свою молодость и отсутствие достаточного служебного стажа.

ГЛАВА VIII.

А. Н. Хвостов и его положение при дворе. – Флигель-ад'ютант Дрентельн. – Распутин и великие князья Павел и Михаил Александровичи и вел. кн. Елизавета Федоровна.

А. Н. Хвостов, как министр внутренних дел, не имел никаких полномочий вмешиваться в назначения министров, тем не менее он это систематически практиковал. Роль Хвостова в назначении Волжина указана выше. Он провел Наумова на пост министра земледелия, вместо Кривошеина, и весьма долго вел интригу, чтобы, вместо Барка, министром финансов провести гр. Татищева. Невольно возникает вопрос, как же А. Н. Хвостов, не имея высочайших обещаний поста председателя совета министров, ни полномочий близкого советчика, мог осмелиться вмешиваться в функции, относящиеся к сфере прав председателя совета министров?

Нужно заметить, что назначение Хвостова состоялось в весьма знаменательный период. К этому моменту у государыни окончательно созрело поддерживаемое, особенно, Распутиным мнение о небходимости иметь около себя, государя и наследника только людей, в личной преданности которых она не могла сомневаться. Государыня учитывала сложившиеся политические условия страны и их серьезность и особенно опасалась за жизнь наследника. Эту мысль о необходимости окружать себя только безусловно преданными людьми государыня внушила и государю, и с этой точки зрения необходимо смотреть на все назначения этого и последующего периода.

А. Н. Хвостов был давно известен государю. Мысль о назначении его на пост председателя совета министров возникла тотчас после смерти Столыпина, и Распутин был уже командирован в Нижний, чтобы «посмотреть» на такого кандидата. Свою преданность престолу и самодержавным началам Хвостов подчеркнул тем, что, оставив губернаторский пост, пошел в Государственную Думу и не только сел на правых скамьях, но и добился звания председателя правой фракции. При представлении

государю, он даже в дни докладов по должности министра всегда надевал значок союза русского народа, украшенный лентами, чего никто из сановников правых убеждений никогда не делал. Близкие лица, мнением которых государь дорожил, к А. Н. Хвостову относились хорошо, и об его начинаниях отзывались с похвалой. Сам Хвостов при докладах царю усвоил систему Сухомлинова и умел вести такой доклад, учитывая особенности характера его величества, располагая изобильным материалом для поднятия множества вопросов, ловко выведывая взгляд государя и внушая ему и свою точку зрения. Наружность и подкупающие своею правдивостью глаза скрывали внутренние его побуждения. Подобно впоследствии Протопопову, Хвостов подчеркивал государю, государыне (а также Вырубовой и Распутину) идейную сторону своего служения и бескорыстного желания быть полезным государю: он всегда указывал, что он обладает громадным состоянием (которое в значительной части принадлежало не ему, а его жене). Хвостов затем умело использовал хорошо ему известные отношения государя к лицам и событиям; таким образом, достиг того, что доверие к нему росло. И если бы не ряд ошибок, им сделанных, несомненно, Россия имела бы его на посту председателя совета министров после ухода Штюрмера.

Как умел обставлять свои приемы у государя, при помощи Распутина и Вырубовой, Хвостов, видно из следующего факта. Флигель-ад'ютант Дрентельн, хотя и родственник Хвостова, открыто заявлял, что в виду близости последнего к Распутину, он Хвостову при встрече руки не подаст. Дрентельн был очень близок к государю и постоянно бывал около него во дворце и в ставке. Поэтому, в виду того, что Хвостову предстояло ехать в ставку для доклада, он был очень обеспокоен возможностью открытого скандала с неподачей руки, скандала, о котором немедленно была бы осведомлена Государственная Дума, не говоря о сановном Петрограде. Поэтому, Хвостов решил обратиться к государыне, к Вырубовой и Распутину, хотя знал, что Дрентельна государыня очень не любила и была способна настоять на удалении его из армии, что вызвало бы неблагоприятные толки в армии и в Петрограде в думских кругах, а этого Хвостов решил избегать.

Кроме подготовительного письма, посланного князем Андронниковым и Хвостовым дворцовому коменданту Воейкову, Хвостов усиленно внушал Вырубовой и Распутину мысль о необходимости воспользоваться данным моментом и подорвать у государя доверие к Дрентельну, незаметно удалив его из армии путем назначения командиром армейской бригады. При этом Хвостов выставил себя страдальцем за интересы государыни и близких ей лиц. Распутин и Вырубова приняли горячее участие в этом деле. Вырубова обещала свое содействие, но не сказала, в чем оно выразится; однако, настаивала, чтобы Хвостов при приеме у государя коснулся бы вопроса и о Дрентельне.

Хвостов уехал в ставку, был принят государем и в конце доклада заговорил о Дрентельне и его угрозе. Царь ответил, что Хвостов сам скоро убедится в неосновательности своих опасений. И действительно, когда государь стал у закусочного стола и Хвостову, приглашенному к столу, пришлось проходить мимо Дрентельна, то государь не спускал глаз с флигель-ад'ютанта, и он подал Хвостову руку. По приезде Хвостов от Вырубовой узнал, что Дрентельн получит назначение в армию. На самом деле он получил назначение не в армию, а в гвардию командиром Преображенского полка. Вопрос об уходе Дрентельна в армию затянулся до предреволюционного времени. Незадолго перед этим, Дрентельн был в Петрограде и должен был представиться государыне, но в назначенный час на прием опоздал, а на другой день на прием и совсем не явился, сославшись на необходимость от'езда из Петрограда, что государыня приняла за демонстрацию против себя.

Эта характерная особенность государыни, — отождествлять личное к ней отношение с отношениями ко всей августейшей семье, — заставляла нас серьезно считаться при проведении всех наших дел и проектов, а также и при различных докладах Вырубовой. Относительно этих докладов приходилось во все посвящать Распутина, который подозрительно относился к влияниям на Вырубову вне своего участия и всегда проверял, правильно ли ему был передан доклад Вырубовой. Он придавал большое значение своей осведомленности, чтобы при свиданиях с государем, которым он придавал большое значение, обнаруживать знание и интерес к вопросам государственного порядка, причем Распутин так же, как и Вырубова, записывал все то, что останавливало его внимание.

Из бесед с Вырубовой я выяснил себе, кто из тех или иных лиц, в какой степени и в силу каких соображений интересует императрицу. И сообразно с этим я прибег к помощи перлюстрации, составив для заведующего ею т. с. Мардарьева соответствующий список лиц, корреспонденция которых подлежала просмотру. Этот список был дополнен фамилиями лиц, которыми интересовался также и Хвостов. Материал, почерпнутый из вскрытых писем, а также и сведения из других источников, служили темой для докладов Вырубовой. Так как в это время отношение к императрице почти всей императорской фамилии выяснилось, и государыня многое знала из жизни великокняжеских дворов из разных источников, то я своей агентуры в этих дворцах не заводил и письма их высочеств не просматривал, а только, получая в некоторых случаях от Вырубовой указания, сообщал ей то, что мне приходилось узнавать другими путями. Отношений императрицы к императорской фамилии Вырубова от нас не скрывала.

Распутин понимал хорошо, насколько для него лично важно парализовать влияние великих князей на государя. Поддерживая настроение императрицы и государя против тех высочайших особ, которые шли против него, Распутин в тех случаях, когда видел возможность заручиться хоть каким-нибудь поводом завязать с каким-нибудь двором августейших особ связи, старался проявить к тому свой живой интерес. Это он делал для того, чтобы в беседе с государем доказать отсутствие у него личных побуждений в вопросе о семейных отношениях в царской фамилии, а, наоборот, показать свое душевное желание сроднить и сблизить всю августейшую семью не столько в династических интересах, сколько в родственных. Но таких случаев было мало. Отмечу один из них, о котором сам Распутин старался везде говорить. Дело в том, что вел. кн. Павел Александрович был в опале из за своего морганатического брака. Отношение со стороны императрицы к его супруге было исключительно отрицательным, и последняя, поэтому, обратилась за содействием к Распутину. Распутин обрадовался случаю и со свойственной ему настойчивостью добился того, что императрица переменила свое отношение к жене Павла Александровича: опала была снята, брак великого князя был признан, его жене был дан титул светлейшей княгини Палей, а великий князь был привлечен к активной деятельности. Распутин даже мечтал сроднить эти августейшие семьи через великого князя Дмитрия Павловича. Впоследствии княгиня Палей, в силу различных причин, главным образом, вследствие поведения Распутина, отошла от него. Распутин, чтобы избежать упрека государя в неумении распознавать людей, старался подчеркнуть в его глазах положительную сторону своих побуждений вне всяких его отношений к княгине и ее супругу, виня в данном случае ту среду, в которой они вращались в последнее время. На это жаловалась и Вырубова, которая указывала на частые посещения великого князя Стаховичем и графом Олсуфьевым, открыто выступавшим и у великого князя, и в других домах против императрицы в связи с разоблачениями Распутина. Однако, Распутин

и поддерживавшие его лица не простили княгине Палей перемену ее отношений к Распутину, и результатом ее разрыва с ним явилось охлаждение к великому князю Павлу Александровичу и опала княгини Палей со стороны императрицы.

Тем же надо об'яснить и последовавшее в последнее время охлаждение царской семьи к великому князю Михаилу Александровичу. Снятие с него опалы, признание его брака с дарованием его супруге титула графини Брасовой, назначение командиром дикой дивизии, его посещение Кавказа и оказанный ему прием, успехи этой дивизии, все это невольно выдвигало личность вел. кн. и служило причиной частого упоминания его имени. Распутин все время поддерживал в императрице опасность популярности Михаила Александровича в армии и народе. Когда вел. кн. Михаил Александрович, после недолгого пребывания на театре военных действий, вернулся с супругой в Гатчину, то императрица обратила внимание на его личную жизнь и, в особенности, на его появление запросто с женою в общих залах петроградских ресторанов «Астории» и «Медведя» и на круг его знакомств и родственных связей его супруги. Вследствие этого Вырубова поручила нам сообщать ей для доклада императрице все сведения о Михаиле Александровиче. Нам было поручено возможно подробнее осветить его жизнь, так как императрица и Вырубова видели в замкнутой жизни семьи великого князя в Гатчине, в его знакомствах и в особенности во влиянии его жены, обладавшей сильным характером и большим честолюбием, — указания на возможность тайных династических притязаний. Однако, мои данные не дали никаких для этого материалов.

За тот же свой служебный период я заметил огромное влияние Распутина на возраставшее в ту пору охлаждение государыни к своей августейшей сестре Елизавете Федоровне. Со слов Распутина я знал, что приезды Елизаветы Федоровны, в особенности, если они совпадали с пребыванием государя в Царском Селе, сильно нервировали императрицу. При этом Распутин прибавлял, что Елизавета Федоровна постоянно поднимает вопрос об удалении его, Распутина, от близости к августейшей семье, чем, по словам Распутина, она добьется только того, что ее совсем не будут принимать.

ГЛАВА IX.

Государственная Дума в прошлом. — Дума, государь и государыня. — Война и Дума. — Политика А. Н. Хвостова. — Награждение Родзянко. — Распутин и Государственная Дума. — Его интриги против нее. — Доклад Хвостова и речь Горемыкина об отсрочке созыва Государственной Думы.

Все отмеченные выше черты отношений высоких сфер к государственным вопросам в особенности проявились по отношению к Государственной Думе. Я не буду касаться всем известной истории возникновения этого учреждения, вызванного к жизни напором общественного настроения того времени. Не буду говорить о той роли, которую сыграли влиятельные правые кружки, лица и действовавшие в силу своих партийных лозунгов монархические организации в деле удаления гр. Витте от должности премьера. Не коснусь и дальнейшего до его смерти отношения к нему государя, несмотря на то, что гр. Витте имел вначале сильную поддержку в лице государыни императрицы, стоявшей даже вначале на точке зрения необходимости дарования народу полной конституции. Не буду также касаться вопроса о последовавшем изменении отношения государя, в силу тех же причин, к покойному дворцовому коменданту Трепову и начавшемуся, правда, незаметно, охлаждению к великому князю Николаю Николаевичу за его участие в поддержке гр. Витте, при обновлении

порядка в стране. Отмечу только, что первые две Государственные Думы своими выступлениями по волновавшим их вопросам давали сильное оружие против них в руки их политических противников, сумевших внушить государю чувство подозрительности к этому учреждению. П. А. Столыпину пришлось выдержать большую борьбу с влиятельными правыми течениями и итти по пути некоторых уступок, чтобы доказать необходимость этого государственного института в интересах успокоения страны. В предпринятых Столыпиным начинаниях налаживания отношения правительства с Государственной Думой кроется весь секрет признанной необходимости пребывания его на посту председателя Совета Министров и успех его борьбы с покойным П. Н. Дурново, окончившейся выездом последнего заграницу незадолго до смерти Столыпина. Той же политики примирения с Государственной Думой держался и В. Н. Коковцов. Но с Государственной Думой начали считаться только как с учреждением законосовещательным, вошедшим так или иначе в обиход государственной жизни страны, и чутко прислушивались ко всем выступлениям Государственной Думы и министров, в особенности во время бюджетных прений и по вопросам управления. В силу тех же доминирующих правых течений развивалась политика привлечения на сторону правительства умеренных и правых групп, а в усилении правого крыла Государственного Совета видели сдерживавшее Государственную Думу начало в ее конституционных стремлениях.

Государь после речи А. И. Гучкова в Государственной Думе о влияниях Распутина заглушил в себе, считаясь с государственными соображениями, личное чувство обиды и не пошел на встречу сильному напору на него разных влияний, желавших использовать этот момент личных чувств государя в своих домогательствах об упразднении Государственной Думы. Но зато государыня с этого момента резко изменила свое отношение к ней и всецело перешла в этом вопросе на точку зрения правых групп. Она прислушивалась к их голосу, в особенности идущему из провинции и зачастую отвечавшему правительственным директивам. Старалась приблизить к государю тех влиятельных сановников, которые могли бы содействовать изменению его взглядов на Государственную Думу, нервно относилась ко всеподданнейшим личным докладам председателя Государственной Думы, в особенности, если темою доклада служили вопросы, которым она придавала личное значение.

Война заставила изменить отношение к Думе, в особенности в минуты тяжелых испытаний переменного военного счастия. Затем, между Думой и правительством начался ряд осложнений на почве обвинения правительства в неподготовленности к войне и в представлении неверных о боевой приспособленности армии сведений и в нежелании итти навстречу Думе в области мероприятий по обороне. Осложнения эти заставили Думу прибегать к поддержке Верховной Ставки, ставшей в интересах армии на сторону Государственной Думы. Этим была значительно выдвинута роль великого князя Николая Николаевича в делах государственного управления. Министры не только считались с его взглядами, но и были поставлены даже в положение исполнительных органов его повелений. Это повлекло за собою обращение некоторых министров к государю в отстаивании своих мероприятий, в соответствующем освещении роли Думы и великого князя. Изменилось отношение к великому князю и правых влиятельных групп, в особенности, после частичного обновления кабинета. Это повлекло за собой, в связи с отрицательным отношением Распутина к великому князю и умело внушенным старцем в это время подозрением о посягательстве великого князя при помощи Думы и армии на корону, — уход великого князя на Кавказ. Переменилось и отношение к Государственной Думе и к тем министрам, которые оказывали ей поддержку.

Этот период времени совпал со вступлением А. Н. Хвостова в управление министерством внутренних дел. При обсуждении нашего плана действий мы ввели в нашу программу необходимость ослабить остроту переживаемого момента, войти в контакт с правым крылом Думы и Совета и монархическими организациями, приостановить, хотя бы временно, их выступления перед государем против Государственной Думы и парализировать в этом вопросе влияние Горемыкина, отрицательный взгляд которого на Государственную Думу мне был известен из частных бесед. В нашу задачу входило также примирить государыню с необходимостью, в интересах армии и страны, прохождения бюджета в предстоящей сессии Государственной Думы, а также принять все меры к сближению с председателем Государственной Думы и влиятельными ее депутатами. Подготовив такую обстановку, мы предполагали, переговорив с генералом Алексеевым и убедив Воейкова, — осветить именно в этом направлении вопрос о Думе при личном докладе государю.

Центральную роль в осуществлении этого плана взял на себя Хвостов, а я, подготовляя ему обстановку, должен был влиять на Вырубову и на Распутина. По моему совету, А. Н. Хвостов сделал визиты влиятельным правым Государственного Совета и вошел в кружок Штюрмера, находившийся в полном согласии с Горемыкиным и придворными сферами. Я лично просил Штюрмера оказать Хвостову содействие, обещая ему перевод его старшего сына в Петроград, а затем и назначение его вице-губернатором в одну из отдаленных губерний. Равным образом, я постарался обеспечить Хвостову хорошее отношение к нему сенатора А. А. Римского-Корсакова и его монархического кружка. Кроме того, я устроил ряд обедов для правых членов Государственного Совета и влиятельных правых Государственной Думы, а также некоторых сенаторов для закрепления более тесного единения их с Хвостовым. Что касается монархических организаций, то вели переговоры с их представителями как Хвостов, так и я.

В отношении же Государственной Думы мною было значительно усилено, — путем дополнительного, по три тысячи рублей в месяц, ассигнования полковнику Бертхольду из секретного фонда, — агентурное освещение всех фракционных и советских заседаний Государственной Думы, а также кулуарных разговоров и ложи журналистов. Кроме того, секретно от Куманина было установлено проверочное наблюдение сообщаемых им председателю совета министров того же порядка сведений. Кроме того, все то, что мне сообщал А. Д. Протопопов или члены Государственной Думы Марков, Замысловский, Алексеев и Дерюгин при получении у меня субсидии, и все другие сведения о Думе я докладывал Хвостову при личных, почти ежедневных свиданиях. Что касается Хвостова, то он широко использовал князя Волконского, имевшего в Государственной Думе большое значение и большой круг знакомств, — как для парализования нежелательных для нас течений, слухов и разговоров, так и для передачи тех сведений, которые могли бы успокоительно подействовать на депутатов, особенно в вопросе своевременного открытия сессии и отношения государя к работам Думы. Вместе с тем, Хвостов, кроме инструктирования указанных выше правых депутатов, в особенности Барача, предпринял, как он мне говорил, меры к сближению с националистами и октябристами (насколько они были удачны, не знаю) и сблизился с членом Государственной Думы П. Н. Крупенским, которому я, по поручению Хвостова, переданному мне в присутствии Крупенского, выдал 20 тысяч рублей якобы для устройства потребительной при Государственной Думе лавки. При сем по уходе Крупенского Хвостов, смеясь, мне заявил, что эта ассигновка имеет своим назначением привлечение Крупенского к освещению настроения Государственной Думы.

Хвостов старался и, — как он сам мне передавал, — достиг ожидаемых результатов, завязать хорошие отношения с председателем Государственной Думы, часто к нему ездил и говорил по телефону, передавал ему политические новости, сообщая многое о деятельности совета министров и о Горемыкине, а также сведения из придворных сфер в освещении, соответствовавшем видам Хвостова. Он старался всячески заручиться расположением М. В. Родзянко в смысле его влияния на спокойный ход работ Думы и ради избежания поднятия в общих собраниях Думы, в интересах династических, каких-либо разговоров, связанных с именем государыни.

А. Н. Хвостов и лично при открытии занятий бюджетной комиссии посещал Государственную Думу, входя в нее из общего депутатского под'езда, и для более тесного сближения с депутатами передавал им в кулуарах и за завтраком желательные ему в общих или личных целях сведения.

Подготовив, таким образом, некоторую почву для осуществления нашей программы о Государственной Думе, мы постоянно, при каждом свидании подготовляли к благоприятному для нас разрешению наших предположений и Вырубову, и Распутина, запугивая их неспокойным настроением масс, видимыми осложнениями войны и подчеркиванием патриотической роли Думы. Нельзя сказать, чтобы нам с первых же разговоров удалось достигнуть желаемых результатов.

В этом отношении Вырубова была откровеннее Распутина. Хотя она и понимала важность переживаемого времени, но на Государственную Думу смотрела с той же точки зрения, как и императрица и правые кружки. Только наша настойчивость и убеждение ее в том, что нами будут приложены все усилия к тому, чтобы в общих собраниях Думы не был поднят разговор об императрице, Распутине, митрополите и о ней, несколько поколебали ее, и она обещала переговорить по этому поводу с императрицей. Особенно не верила Вырубова в содействии Хвостову со стороны Родзянко, так как она считала его врагом императрицы. Немного ее успокоило мое заявление, что мне дал обещание помогать в этом направлении товарищ председателя Государственной Думы Протопопов, о котором я, после предварительного моего с ним разговора, пользуясь случаем и исполняя его просьбу, высказался в благожелательных тонах, как о человеке, преданном интересам императрицы и желающем даже с нею, Вырубовою, познакомиться; я просил ее принять Протопопова и выслушать его доводы, а также его начинания в области воздействия на Родзянко, — что она и обещала.

Зная со слов Протопопова, сообщавшего мне сведения о настроениях Родзянко и о совете старейшин, насколько был обижен Родзянко пожалованием ему по случаю трехсотлетия юбилея дома Романовых ордена Владимира 3-ей степени в очередном, как рядовому чиновнику, порядке, тогда как министры получили награды в исключительном порядке, я высказал мысль о пожаловании Родзянке к предстоящему 6-го декабря вне правил ордена св. Станислава 1-ой степени, что покажет Родзянко знак милостивого отношения государя к нему и его заслугам и будет оценено Думой, как знак августейшего внимания к ней. Хвостов с этим согласился и добавил, что, если императрица не встретит препятствий к созыву Государственной Думы, то при докладе государю он будет просить его величество оказать Родзянке ряд знаков милостивого к нему внимания. А. Н. Хвостов обещал также Вырубовой переговорить перед докладом государя с Воейковым и Алексеевым.

Что касается Распутина, то его отношение к Государственной Думе можно охарактеризовать следующим образом.

Присмотревшись к Распутину, я вынес убеждение, что у него идейных побуждений не существовало и что к каждому делу он подходил с точки зрения личных интересов

своих и Вырубовой. Но в силу свойств своего характера он старался замаскировать внутренние движения своей души и помыслов. Изменяя выражение лица и голоса, Распутин притворялся прямодушным, открытым, неинтересующимся никакими материальными благами человеком, вполне доверчиво идущим на встречу доброму делу, так что многие, искушенные опытом жизни люди и даже близко к нему стоящие лица, зачастую составляли превратное о нем мнение и давали ему повод раскрывать их карты. Только в минуты сильного гнева, раздражения или полной его доверчивости, у него обнаруживались иные черты его характера и помыслов.

Как ни мало знали мы еще Распутина в ту пору, для нас была понятна его точка зрения на Государственную Думу. В прошлом Государственная Дума ничего ему, Распутину, не дала хорошего, а наоборот, каждое открытие сессии Государственной Думы влекло за собой не только стеснение его свободы действий, но, в большинстве, и выезды его на продолжительное время из Петрограда, а это порождало у него тревогу за возможность в этот промежуток времени изменения отношений к нему со стороны, по крайней мере, государя. Выступления Гучкова обнаружили близость Распутина к высшим сферам, что вызвало общее негодование и породило в Распутине чувство опасения за свою жизнь. В будущем он не надеялся на перемену отношений к нему Государственной Думы, так как он сам видел, насколько этот вопрос беспокоил государя. Поэтому, он всецело поддерживал государыню в мысли о бесполезности Думы, а государю указывал, что крестьянская масса разочаровалась в Государственной Думе, которая ничего не сделала для крестьян в улучшении их положения.

Распутин, будучи знаком с представителями монархических организаций, с Дубровиным, Орловым, его часто посещавшим, с Восторговым, Кольцовым и другими, находил в их взглядах на работы Государственной Думы материал для своих бесед с государем, с целью выставить не свои личные обиды и боязнь этого учреждения, а партийные лозунги и соображения в интересах монархического принципа. С другой стороны, Распутин боялся высказывать открыто свои взгляды на Государственную Думу, чтобы этим не дать повода к излишним о нем разговорам в ней. Он очень нервно воспринимал все то, что говорилось о нем в кулуарах Думы, и когда эти разговоры до него доходили, расспрашивал меня об их подробностях и очень ценил тех немногих лиц, кто старался рассеять среди депутатов эти толки. Поэтому, он обнаруживал свои симпатии А. А. Кону, который, познакомившись с ним по моей просьбе, — как увлекающийся вообще человек и к тому же мистик, — почему-то искренне к нему привязался, находя в нем какой-то особенный склад душевных импульсов. Имея место, как журналист, в ложе корреспондентов и часто посещая Государственную Думу, где у него было много знакомых среди депутатов, Кон старался защищать Распутина и даже носился с мыслью сблизить с ним членов Государственный Думы. Эта мысль очень понравилась Распутину, но, с другой стороны, несколько его пугала. Я был против этого плана, который был осуществлен уже после моего ухода, когда Кон уже по собственному побуждению начал осуществлять это сближение Распутина с членами Государственной Думы. Я два или три раза присутствовал при свидании Распутина с М. А. Карауловым и видел, как Распутин с особым вниманием всматривался в Караулова, как в человека другого мира, и не знал, как вести себя. И только когда Караулов, налив ему за обедом вина, пригласил его выпить, Распутин начал входить в свою колею. И все же в его беседе время от времени проскальзывало желание показать Караулову, что он — человек исключительный. По моим советам и настоянию Вырубовой, такие свидания вскоре прекратились.

После моего ухода, когда в Государственной Думе начались речи об императрице и о Распутине, я заинтересовался отношением Распутина к заседаниям Государ-

ственной Думы и спрашивал об этом Манасевича-Мануйлова, все время, на первых порах по назначению Штюрмера, находившегося около Распутина.

Мануйлов передал мне, что из всего того, что происходило в Думе, Распутин интересовался только выступлениями против него и против лиц, ему покровительствовавших. Распутин требовал, чтобы Мануйлов прочитывал ему все, что о нем говорилось в Думе, и был взволнован, сосредоточен и ругал Штюрмера за то, что тот сейчас же не выступил в его защиту.

Когда А. Н. Хвостов и я начали разговаривать с Распутиным о предстоящем открытии сессии Государственной Думы, он сразу изменился, выслушал наши доводы и ответил с замаскированно-простодушным и доверчивым видом, без всякой будто бы злобы, что он не раз говорил с государем о том, что надо помириться с Государственной Думой, приехать в нее и сказать: «я ваш и вы мои, из-за чего нам ссориться, будем жить в ладу». Но «они», т.-е. депутаты, по словам Распутина, больно оскорбили государыню, и виною охлаждения высоких сфер к Государственной Думе является Гучков и Родзянко. Распутин говорил, что он отлично понимает, почему его Дума не любит, тогда как он ничего дурного не сделал и, кроме добра, никому, а тем более августейшей семье, не желал. Думцы же все время про него распускают всякие небылицы, а Родзянко передает их государю.

Видя такую неискренность Распутина и чувствуя в его ответе оттенок затаенного озлобления против Думы, мы дали ему понять, что если только эта сессия Думы будет отложена, то не только Дума, но и вся Россия и армия будут винить в этом исключительно его, — и тогда мы не ручаемся за его безопасность. Наоборот, если Распутин поможет открытию Думы, то можно это обстоятельство использовать для изменения недоброжелательного к нему отношения, указав некоторым думцам на его роль в этом деле. Что касается Родзянко, то Хвостов успокоил Распутина, сказав, что он с ним находится в хороших отношениях и примет все меры к убеждению Родзянко не допускать в открытом заседании разговоров ни о нем, ни об императрице. Затем мы указали Распутину на те соображения, какие приводили и Вырубовой относительно смягчения настроения Родзянко. К этому я прибавил, что в Государственной Думе есть около Родзянко мой хороший знакомый — товарищ Родзянко А. Д. Протопопов, который желает познакомиться с Вырубовой и с ним, который обещал нам помогать, в виду своей преданности государю и государыне, и который совершенно иначе, чем другие, понимает и относится к нему, Распутину.

После этого Распутин, перешел на свой обычный тон и стал интересоваться деталями этого дела и, усвоив себе личную выгоду от нашего предложения, обещал даже сказать Вырубовой, чтобы она попросила Танеева (своего отца) о награждении Родзянко, и дал свое согласие содействовать нам в этом деле.

После посещения Распутиным государыни и получения А. Н. Хвостовым разрешения от ее величества императрицы внести этот вопрос на всеподданнейший доклад государю, Хвостов отправился в ставку и там, заручившись согласием Воейкова и Алексеева, провел свою программу. Вернувшись в Петроград, Хвостов постарался широко распространить в думских кругах о благожелательном настроении государя к Думе и ее работам. По агентурным думским сведениям, это обстоятельство сгладило недоверчивое отношение думских кругов к Хвостову и внесло успокоение в депутатскую среду относительно открытия занятий Государственной Думы.

О решении государя Хвостов довел до сведения некоторых министров. Но Хвостов не учел влияния Горемыкина... Горемыкин при докладе ему Хвостовым этого дела сказал, что он не получил еще никаких директив от государя и предполагает, в зависимости от хода занятий бюджетной комиссии Государственной Думы, испросить

указаний по этому вопросу от его величества. Своего взгляда Горемыкин не высказал... Председатель совета министров еще до этого говорил мне, что ему не нравится роль, которую занял Хвостов в вопросе об открытии Думы, взяв именно на себя его разрешение путем всеподданнейшего доклада. Об этом я сообщил Хвостову, и тогда он решил поднять этот вопрос в совете министров.

6 декабря последовала награда Родзянко, что, судя по отзывам, внесло успокоение и уверенность в нормальном ходе работ Государственной Думы. Горемыкин был молчалив и в совете министров избегал разговоров о созыве Государственной Думы.

Чем ближе время подходило к середине декабря, тем сведения, получаемые мною из Думы, становились тревожнее, так как в виду близости рассмотрения в бюджетной комиссии сметы министерства внутренних дел, видно было, что не избежать в бюджетной комиссии выступлений против Распутина. И Родзянко, по словам Хвостова, не видел возможности положить какой-нибудь предел этим разговорам в комиссии. Хвостов все же надеялся, что он сумеет своим ответом в бюджетной комиссии не вносить излишнего раздражения в среду депутатов и тем избежать резкой переходной формулы. Хвостов надеялся, что этим и окончатся выступления против Распутина и на общих собраниях они не повторятся. Что касается печати, то по военной и общей цензуре уже существовало распоряжение не пропускать о Распутине ни одной строчки. В этом направлении и были осведомлены Вырубова и Распутин. Не скажу, чтобы это их успокоило, так как они настаивали, чтобы ни о каких подробностях о заседании бюджетной комиссии, где будет затронут Распутин, не было помещено в печати. В виду этого Хвостов отдал по Петрограду и по Москве соответствующие распоряжения самого категорического характера.

Когда приблизился день рассмотрения сметы министерства внутренних дел в бюджетной комиссии, мы получили уже подробные сведения о том, кто именно из депутатов, о чем и в каком духе будет выступать с речами о влияниях Распутина.

В день заседания бюджетной комиссии я должен был выехать в ставку и поэтому присутствовал только на части заседания. По моем возвращении Хвостов заявил мне, а затем при мне Вырубовой и Распутину, что он сравнительно доволен исходом прений.

Приближалось время открытия Государственной Думы, но Горемыкин об этом в совете министров вопроса не подымал. Мне и Хвостову было известно, что он ездил с докладами к императрице. Это нас несколько встревожило. Затем у Горемыкина в этот период времени бывал Распутин, который нам также не сообщал о цели своего посещения председателя совета министров, а об'яснял это свидание желанием вообще его повидать. Все это было подозрительно, и поэтому Хвостов решил поднять вопрос о Думе в совете министров. Несмотря на попытки Горемыкина отклонить суждение по вопросу о созыве Думы, тем не менее обмен мнений состоялся, и большинство министров стояло на точке зрения Хвостова. Горемыкин, не высказывая своего мнения и закрывая заседание, обещал при докладе государю сообщить ему выслушанные им мнения министров.

Хотя мы обо всем предупредили Вырубову и Распутина, тем не менее мы узнали затем, что Горемыкин побил нас тем же оружием, которое мы выставляли, то-есть Распутиным, представив происшедшие в бюджетной комиссии выступления против Распутина началом более сгущенных разговоров на эту тему и относительно императрицы в открытом заседании Государственной Думы. При этом Горемыкин указал, что Родзянко, по имеющимся сведениям, противодействовать этому не будет. Сведения эти, конечно, стали достоянием министров, Государственной Думы и прессы. Настроение Государственной Думы резко изменилось. И это было использовано

Хвостовым для того, чтобы всю ответственность за изменившееся отношение Государственной Думы и общее в стране по этому поводу неудовольствие всецело перенести на Горемыкина и убедить высшие сферы принять ряд мер для смягчения настроения депутатов. Я рекомендовал изменить обычную форму даваемого в таких случаях указа, составив его в виде рескрипта на имя Родзянко и поставив срок открытия Думы в зависимости от доклада Родзянко государю об окончании работ бюджетной комиссии. Затем мы рекомендовали посещение государем Государственной Думы и указывали, что перемена председателя совета министров будет служить наглядным для всех доказательством того, что высокие сферы в этом вопросе считают ответственным Горемыкина, который своим неточным докладом о настроения Думы поставил в необходимость принять такую меру, как отстрочка ее созыва. Указ был составлен министром юстиции и дан на имя Горемыкина в несколько измененной редакции, что снова дало повод Хвостову отметить неприятное впечатление, произведенное на Государственную Думу этим указом, и опять высказать Вырубовой и Распутину для доклада во дворце, что необходимо и это обстоятельство поставить в вину Горемыкину.

ГЛАВА X.

Личный характер всех проявлений высоких сфер. – Дела свящ. Востокова, Восторгова, архиепископа Иннокентия. – Отношение к Поливанову. – Штюрмер и пятимиллионный секретный фонд на печать. – Уход Поливанова.

Чисто личные отношения, чисто личная оценка являются преобладающими во всех проявлениях высоких сфер. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, из которых ограничусь следующими.

Чрезвычайно популярный в московских фабричных пригородах протоиерей Востоков, решившийся поместить на страницах своего духовного журнала петицию прихожан против влияния Распутина, был уволен и переведен в уфимскую епархию. Вмешательство в это дело уфимского архиерея Андрея, в миру князя Ухтомского, вызвало неудовольствие против него Вырубовой и Распутина, и митрополита Питирима и не повлекло его удаления на покой только из опасений синода, что такая мера вызовет открытое выступление самого еп. Андрея и поддержку со стороны прессы.

Известный протоиерей Восторгов был давно дружен с Распутиным. Вырубова и Распутин, под влиянием Хвостова, оказывали Восторгову поддержку в его стремлении получить викариатство в Москве. Но митрополит Питирим, в виду поднятого вокруг этого назначения газетами шума, хотя митрополит московский Макарий и стоял за Восторгова, высказался против этого, предполагая предоставить Восторгову епископскую кафедру в Иркутске. Делу помешал д-р Дубровин, который через меня передал Вырубовой одно из изданий Восторгова с отрицательным в нем отношением к Распутину. Распутин также заинтересовался этим изданием и сказал: «теперь Восторгову – крышка, ничего не получит»... И действительно, с тех пор все разговоры о переводе и повышении Восторгова прекратились.

Архиепископ иркутский Иннокентий был удален со своего поста в виду того, что в департамент полиции попала перлюстрированная военной цензурой его переписка с одной из игумений монастыря, в которой, кроме чисто интимных излияний, был высказан ряд горьких мыслей по поводу губительно отражающегося на всем ходе церковного управления, развращающего высшую иерархию влияния Распутина и отношений к нему высоких особ. Я ознакомил Вырубову с этой перепиской и по ее указаниям передал копию обер-прокурору Волжину и митрополиту Питириму.

После указа об удалении епископа были приняты меры к тому, чтобы его прощание с паствой, в которой он был популярен, не сопровождалось демонстрациями. А в виду донесений жандармского управления по поводу отношений к владыке генерал-губернатора Князева, последний, по представлению Хвостова, без всяких предварительных сношений с генерал-губернатором, что его обидело, был назначен в Государственный Совет.

Отношения к военному министру Поливанову определились еще тогда, когда он разорвал свои отношения с Сухомлиновым, и вследствие его близости к А. И. Гучкову. Когда Поливанов был назначен военным министром, то продолжающееся его знакомство с Гучковым и близость его к графу Коковцеву, — к чему относился подозрительно и Горемыкин, служили темою частых наших разговоров с Вырубовой. Но подозрительность к Поливанову усилилась с момента приезда Распутина, когда было обнаружено филерское наблюдение за Распутиным со стороны военного ведомства, устроившего также проследку телефонных разговоров Распутина и наших. Вырубова, узнав про это, просила нас принять свои меры. Мы филерское наблюдение военного ведомства за Распутиным провалили, были сделаны телефонные отводы, и я, в свою очередь, установил наблюдение за телефонными разговорами Поливанова из его квартиры и за его поездками в Царское и Павловск для выяснения его знакомств. О получаемых мною сведениях я сообщал Вырубовой. Так как она и Распутин волновались слежкой за собой, особенно за телефонными разговорами, то я как-то передал Поливанову, что установка наблюдений за Распутиным вызвала принятие и с нашей стороны таких же мер. После этого филерская проследка и наблюдение за телефоном военным ведомством были сняты. Хвостов пытался в докладах бороться с Поливановым, но государь не поддавался этому и, наоборот, требовал от Хвостова установления корректных отношений с Поливановым. Вследствие этого, и так как в наш план налаживания отношений с Думой не входило обострение вопроса о Поливанове, с декабря 1915 года мы старались избегать в наших беседах с Вырубовой и Распутиным упоминания о Поливанове.

Уход Поливанова состоялся уже после нашего оставления службы в министерстве, но основная причина охлаждения Штюрмера к Поливанову произошла при нас.

Штюрмер с первых шагов своего вступления на пост председателя совета министров отнесся очень внимательно к плану А. Н. Хвостова, задуманному им с Гурляндом по борьбе с оппозиционной прессой и созданию путем скупки акций «Нового Времени» доминирующего влияния правительства на этот орган и т. п. Узнав, что Хвостов получил уже согласие на кредит из секретного фонда для осуществления этих мероприятий и для предстоявшей избирательной кампании, Штюрмер пожелал взять на себя общее руководительство этим делом. Меня удивило, что Хвостов легко согласился на это, повидимому, не спроста, а имея в виду особые при этом цели. Согласился Хвостов и с желанием Штюрмера присутствовать при первом же докладе Хвостова государю, под предлогом необходимости совместного освещения общих вопросов. Также согласился Хвостов и на представление Штюрмеру всего перлюстрационного материала, шедшего к министру внутренних дел, чего при Горемыкине не было.

Хвостов затем рассказывал мне, что на совместном докладе Штюрмер нервничал, волновался, никаких программных предложений не делал, а только сумел испросить у государя разрешение на ассигнование в его, Штюрмера, распоряжение 5 миллионов рублей из секретного фонда на осуществление мер по прессе, но государь поставил условием, чтобы ассигнование прошло через совет министров. Повидимому, эта ассигновка была единственным мотивом желания Штюрмера присутствовать при докладе Хвостова.

В следующем очередном заседании совета министров Штюрмер предложил к подписи проект журнала о денежном отпуске без указания на какие надобности, доложив совету, что на отпуск денег государь уже согласился; Хвостов подписал журнал, а Поливанов, к которому журнал перешел для подписи, спросил о целях назначения кредита. На это Штюрмер резко отвечал, что обо всем он докладывал государю, как о секретном назначении, что если Поливанов не желает, то может журнала не подписывать, но об этом будет доложено царю. Тогда Поливанов и вслед за ним остальные министры подписали журнал, но об этом инциденте пошли разговоры, дошедшие и до Думы. Тогда я, помимо Хвостова, доложил обо всем Вырубовой, советуя, дабы избежать впутывания в это дело имени государя, предупредить его об этом, так как Штюрмер не указал совету министров цели расхода, а сослался на доклад государю. В результате государь оставил при докладе Штюрмером журнал у себя, а затем вернул его с пометкой о согласии «с ознакомлением лично государственного контролера Покровского о всяком расходе из этого кредита», Штюрмер был поражен таким исходом, а министры довольны. Сведения об отметке государя попали в Думу, и Штюрмер считал виновником всего этого Поливанова. Я вскоре после этого уезжал надолго из Петрограда и не знаю, что предпринимал Штюрмер относительно Поливанова, но знаю, что назначение Шуваева прошло мимо не только Штюрмера, но и лиц, его поддерживавших, и по своей неожиданности ошеломило Распутина, так как кандидатом Штюрмера и Распутина был ген. Беляев, друг Сухомлинова, известный Вырубовой и императрице и принимавший, по поручению императрицы, меры наблюдения через военную цензуру за телеграфными сношениями Илиодора с Ржевским после ареста последнего, мною произведенного. О ген. Беляеве Распутин отзывался всегда хорошо и говорил, что императрица и Вырубова считают его своим человеком. А. Д. Протопопов, когда я передал ему, со слов Распутина, о предстоящем назначении Беляева военным министром, отнесся к этой кандидатуре с одобрением.

ГЛАВА XI.

Настоятель Феодоровского собора о. Васильев. – Распутин и посещение государыней лазаретов. – Выезды наследника в ставку. – Вырубова и Распутин и отлучки государя. – Распутин и его возможные конкуренты из мира юродивых.

С таким же отношением мне пришлось считаться и в вопросе относительно настоятеля царскосельского Феодоровского собора воспитателя наследника по Закону Божиему, протоиерея о. А. Васильева. Вырубова заявила мне, что императрицу и ее интересует о. Васильев, так как можно предположить, что о. Васильев не является сторонником императрицы, а между тем государь относится к нему доверчиво, а наследник к нему привязался. Из двух перлюстрированных писем о. Васильева я усмотрел несколько отрицательное его отношение к Распутину. Никаких дальнейших данных, однако, у меня не накопилось, и Вырубова перестала о нем говорить. Сам же о. Васильев рассказал мне следующий эпизод, происшедший за семейным высочайшим столом. Наследник цесаревич спросил государя: «Правда ли, что Григорий Ефимович (Распутин) – святой человек». Тогда государь, ничего не отвечая наследнику, обратился к о. Васильеву и попросил его ответить наследнику на его вопрос. О. Васильев заметил при этом, как пытливо на него смотрела императрица, не спуская с него своего взгляда во время его ответа. О. Васильев, понимая щекотливое свое положение и не давая прямого ответа, об'яснил наследнику, какие требования пред'являет завет Спасителя и священное писание к каждому, кто искренно желает угодить Богу. Государь после этого встал из-за стола, и разговор на этом оборвался.

Я уже указывал, как Распутин дорожил теми советами, которое мы ему при свидании давали, если они могли закрепить его значение у государя. Используя эту черту, я на одном из наших свиданий на нашей конспиративной квартире высказал Распутину сожаление о том, что государыня прекратила свои выезды по лазаретам в Петрограде и в провинциальные города, а между тем такие поездки могут только подчеркнуть, как раненым, так и всему народу, ее заботы о жертвах войны, в особенности, если эти поездки будут совершаться в простой обстановке, которая могла бы дать возможность государыне воочию показать всем ее милосердное отношение к раненым. Это Распутину понравилось, и последствием его советов был ряд выездов государыни в ближайшие к Петрограду губернии и об'езды петроградских лазаретов. То же вначале впечатление на Распутина произвело и наше внушение о желательности, как эта разлука ни тяжела для государыни, чтобы наследник сопровождал государя при выездах в ставку. Мы лично в этом отношении следовали общему желанию удалить, по возможности, наследника от влияния на него Распутина. С этим был согласен и Воейков, как лично, так и отражая настроение армии. Затем Хвостов, вернувшись из ставки после одного из своих первых докладов государю, передавал мне и Вырубовой свой разговор с государем об его жизни в Могилеве, и государь говорил, что единственным утешением для него будет наследник и что за это он очень благодарен государыне. После этого прекратились на время разговоры Вырубовой и Распутина относительно выездов наследника в ставку, и Распутин передавал, что государь был ему благодарен за его советы брать иногда наследника в ставку. Но затем, время пребывания государя и наследника в ставке стало затягиваться, и Вырубова и Распутин, несмотря на наши указания, что это об'ясняется ходом военных операций, начали подозрительно относиться к этим долговременным отлучкам государя и наследника. Вместе с тем, и императрица, несмотря на просьбы наследника, снова начала, в интересах непрерывности занятий наследника, высказываться против его выездов с государем. В этом ей стал помогать и Распутин, потому что, когда государь уезжал один, то он старался поскорее вернуться в Царское Село, постоянно тревожась за здоровье наследника. Распутин мне передавал, что ему пришлось особенно настойчиво убеждать государя не брать наследника перед об'ездом армии юго-западного фронта. Распутин даже вызвал этим гнев государя. Так как на этот раз ни просьбы императрицы, ни убеждения Распутина не подействовали на государя, и он уехал с наследником, то настроение Распутина и Вырубовой сделалось подавленным и нервным.

Во время этой поездки, не доезжая до станции Бахмач, у наследника, смотревшего в окно вагона, близко прижавшись лицом к стеклу, при переходе поезда на стрелках, от сотрясения, открылось кровотечение из носа, что служило всегда для августейших родителей предметом постоянной боязни их за жизнь наследника, так как он страдал сложной формой гемофилии. Государь взволновался и, после принятых медицинских мер, приказал немедленно срочно возвращаться в Царское. Государь и наследник вернулись туда вечером. Немедленно по телефону было сообщено Распутину о болезни наследника с просьбой приехать. Но он не поехал. И как сам рассказывал потом, он сделал это сознательно, чтобы «помучить» государя. Распутин по телефону передал только, чтобы наследника положили в кровать; а сам выехал только на следующий день утром. Приехал он оттуда в торжествующем настроении и заявил, что отныне государь будет слушаться его советов. После этого, действительно, не только увеличилось влияние Распутина, но и на время приостановились и выезды наследника в ставку.

Вообще всякие выезды государя являлись событием, волновавшим как Вырубову,

так и Распутина: затягивавшееся пребывание государя давало повод для всяких опасений возможности влияния на государя в отношении императрицы и Распутина. В силу этого, как мне об'яснил Распутин, государыня каждый день почти писала государю, а впоследствии, по совету Распутина, наезжала в ставку и сама. Сам Распутин несколько раз порывался выехать в ставку, но я и Вырубова всегда этому препятствовали. Однако, телеграммы государю в духе и в стиле избранных его «размышлений» он посылал.

Чтобы показать, насколько нервно и злобно относился Распутин к тем, кого он подозревал в тайных замыслах подорвать его влияние на августейшую семью, я отмечу его позднейшее отношение к епископу Варнаве.

Затянувшееся по нашей, скорее, вине пребывание в Петрограде епископа Варнавы, по нашей просьбе проводившего некоторые назначения, возбудили у Распутина, не без влияния о. Мартемиана, Мануйлова и Осипенко, начавшееся чувство подозрительности к Варнаве. Поэтому Распутин приложил все усилия, чтобы воспрепятствовать дальнейшим приглашениям епископа Варнавы во дворец, всячески отдалял приемы его у Вырубовой, несколько охладил отношения к нему митрополита и, наконец, добился того, что епископу дали понять о желательности его от'езда из Петрограда. Варнава понимал свое положение и стал готовиться к от'езду. Хотя это и успокоило Распутина, тем не менее он, почти накануне от'езда владыки, находясь в опьянении, вызвал его к телефону и тоном насмешки сказал ему, вроде того, что: «довольно накатались на автомобилях, теперь пожалуйте на своих и к себе; нечего здесь прохлаждаться» (владыка ездил на предоставленном ему мною автомобиле, и хотя я завел впоследствии и для Распутина от охранного отделения автомобиль, но это не давало ему покоя).

Если его отношения были таковы к епископу Варнаве, с которым у него были старые связи, то по отношению к иноку Мардарию, воспитаннику Петроградской духовной академии, красавцу славянину, мистику, он был беспощаден. В одном из свиданий Вырубова просила меня сообщать ей сведения об этом монахе, так как Распутин постоянно о нем говорит, и поездки Мардария в Царское Село не дают Распутину покоя. Распутин добился, в конце концов, того, что Мардарий принужден был выехать из Петрограда.

Ту же нервность обнаружил Распутин, когда я передал ему и Вырубовой полученные мною сведении появлении в Царском Селе юродивого-босоножки Олега, которого скрывали в одном из домов, для представления его затем, как можно было предполагать, высочайшей особе. Старец Олег поспешил уехать из Петрограда.

Другое отношение Распутин проявлял к старцу Василию-босоножке. Этот старец стоял всегда в монашеском полукафтанье, со значком союза русского народа, без шапки и с жалованным посохом на паперти Казанского собора и собирал подаяние на построение храма, причем раздавал открытки со своим изображением во весь рост. Об этом старце была большая по департаменту полиции переписка с архиепископом ставропольским, который разоблачил его жизнь и его корыстность и требовал отобрания у него книжки для сборов, снятия монашеского одеяния и препровождения на родину. Но этот старец пользовался покровительством Распутина и не выходил из его подчинения, вследствие чего нельзя была испольнить требования епархиального начальства, хотя он и был на учете полиции и по другим неблагопристойным поступкам.

ГЛАВА XII.

Разоблачения Распутина в «Биржевых Ведомостях». – Давление на прессу. – Пьеса о Распутине. – Письмо Распутина о канцлерстве Горемыкина.

Если мы, понимая значение публичных разоблачений личности и влияния Распутина на высочайших особ, с точки зрения охраны династии, принимали меры сознательно к недопущению выступлений против него в прессе, то покровительствовавшие Распутину лица видели в таких разоблачениях вмешательство в их личную жизнь и стремление опорочить того, кто им был дорог.

До нашего вступления в должность в «Биржевых Ведомостях» был помещен ряд корреспонденций о покушении в с. Покровском на жизнь Распутина, организованном Илиодором. По особому распоряжению, следствие велось под наблюдением бывшего министра юстиции Щегловитова, который держал в курсе получаемых им сведений высочайших особ. По вступлении моем в должность, я, до издания общего запрещения писать что-либо о Распутине, обратился к редактору «Биржевых Ведомостей» М. М. Гакебушу, которому я впоследствии оказал содействие в перемене им своей фамилии на «Горелова», с просьбой прекратить эти фельетоны. От него я узнал, что материалы для этих статей дает им сотрудник Давидсон, случайно бывший в это время в с. Покровском и познакомившийся с семью Распутина, под видом жениха старшей дочери Распутина. Давидсона я знал еще ранее и помогал ему кое в чем в журнальной работе. Так как Давидсон, с которым Распутин и семья его прекратили знакомство после его фельетонов, продолжал звонить по телефону в дом Распутина, то Вырубова просила меня положить предел преследованию Давидсоном старшей дочери Распутина и была обеспокоена возможностью дальнейших газетных его против Распутина выступлений. Собрав о Давидсоне ряд сведений последнего времени, дававших мне возможность откровенного с ним разговора, я получил от него при письме желаемого мною содержания его архив, не представлявший никакой ценности, и помог ему, в виду болезни его выдав ему в два приема 600 р. из секретного фонда. Печатание фельетонов о Распутине в «Биржевых Ведомостях» было приостановлено, а письмо и полученные мною материалы от Давидсона вполне успокоили и Вырубову и Распутина. Давидсон после моего ухода, не знаю, по каким соображениям, был временно арестован, а потом, как я слышал, перешел в организацию печати к Гурлянду. После смерти Распутина, Давидсон хотел было поместить в «Биржевых Ведомостях» ряд сенсационных сведений, явившись в редакцию этой газеты с одной молодой особой и называя ее дочерью Распутина. Но был разоблачен редактором, г. Бонди, который мне об этом передавал. Затем, в первые недели моего вступления в должность, я запретил печатать и приказал уничтожить все материалы по предполагавшейся к изданию в Москве книги, разоблачавшей интимные отношения Распутина к его почитательницам и его радения в бане в с. Покровском.

Особенную нервность как Вырубова, так и Распутин проявили по отношению к пьесе, где был выведен Распутин и его почитательницы и которая должна была идти в театре Яворской. Пьеса, пропущенная цензурой, была снята в день первого спектакля, затем неоднократно цензуровалась и переделывалась, шла в сильно измененном виде, что вызвало разочарования публики и все же, по настояниям Вырубовой и Распутина, была запрещена Хвостовым окончательно к постановке по всей России.

Другое отношение проявила Вырубова к произведению фельдшера – фамилии не помню – массировавшего ей ноги и составившего хвалебный очерк жизни Распутина. Военная цензура не разрешила выпуска в свет этой брошюры, и мы соглашались

с ней, потому что выход книги в свет поставил бы в необходимость разрешать и рецензии о ней. Настояния Вырубовой в этом направлении делу не помогли.

Не менее характерным делом, подтверждавшим мой общий вывод о личном характере всех отношений, является история с письмом Распутина о Горемыкине. По просьбе князя Андронникова я принимал участие в устройстве юбилея Горемыкина, помогая составить юбилейный о нем очерк. Князь Андронников широко агитировал за возможную популяризацию юбилея, в результате чего последовал ряд поздравительных телеграммм от высочайших особ. А затем, при поддержке Распутина и Вырубовой, был проведен план награждения Горемыкина орденом Андрея Первозванного, который имел из числа высоких сановников только Куломзин.

После этого, когда последовала смена министров, подписавших петицию о поддержании пожеланий Государственной Думы по вопросу о кабинете общественного доверия, как в прессе, так и в думских кругах заговорили об уходе Сазонова, министра иностранных дел, и о принятии Горемыкиным на себя обязанностей такого министра с назначением канцлером Российской империм по образцу князя Горчакова. Слухи вскоре стихли. Но в один из своих очередных мне докладов Манасевич-Мануйлов передал мне, что случайно, как секретарь редакции «Вечернего Времени», на своем дежурстве он познакомился с сыном сенатора Кузьминского, авиатором, который предлагал редакции купить у него письмо Распутина к высоким особам с просьбой о пожаловании Горемыкина «канцлером», в случае отказа предполагая сделать такое же предложение редакции «Речи».

Мануйлов оценил всю серьезность предложения, отказался от покупки письма для редакции, имея в виду нас, и обещал Кузьминскому поместить письмо в надежные руки. Я решил письмо это выкупить у Кузьминского. Для этого был выработан план продажи письма мнимому корреспонденту английских газет, роль которого была поручена мною чиновнику Иозефовичу. Для этого ему пришлось иметь несколько свиданий с Кузьминским в ресторанах и в специально нанятой квартире, заказать визитные карточки несуществующего английского корреспондента и т. п. В конце концов, выкуп письма со всеми расходами обошелся в 1–1½ тыс. р., взятых мною из бывшего в моем распоряжении секретного фонда. Иозефовичу, со слов Кузьминского, удалось узнать, что письмо Распутина передала ему его знакомая барышня, бывавшая у дочери Распутина и видевшая как-то это письмо на письменном столе у Распутина, небрежно вообще относившегося к письмам. Об этом она рассказала Кузьминскому, который и упросил ее достать подлинник.

Этот подлинник я показал Хвостову, который велел снять с него фотографию для своей коллекции о Распутине. По его же приказанию я письмо и фотографии передал Вырубовой, подчеркнув ей ту опасность, которая грозила, если бы все эти материалы попали в руки кадетской партии. Фотография письма была показана и Горемыкину. Распутин был очень удивлен, узнав про похищение у него письма, стараясь разузнать, кто мог это сделать. По его словам, ему «влетело» от Вырубовой за небрежное хранение писем. Роль Кузьминского и Иозефовича в этом деле мы, конечно, никому не раскрывали...

ГЛАВА XIII.

Граф Игнатьев, министр народного просвещения, и борьба с ним. – Ходатайства Распутина. – Женские драмы. – Надзор за Распутиным.

В наш период управления министерством внутренних дел начались также разговоры об уходе графа Игнатьева, министра народного просвещения, подтверждавшие предсказание кн. Андронникова об уходе всех министров, подписавших петицию государю.

Несмотря на отрицательное отношение правых фракций Думы и Совета к деятельности гр. Игнатьева, Хвостов и я находили уход этого министра несоответствующим нашей программе умиротворения Думы. В разговорах с нами Вырубова неоднократно высказывала, что, помимо родственных связей с графиней Игнатьевой, императрица недоверчиво относилась вообще к деятельности этого министра, подыгрывающегося в своей программе к думским настроениям, но что государь, несмотря на неоднократные с ней разговоры о гр. Игнатьеве, продолжает попрежнему дарить его своим доверием не только вследствие давних симпатий к нему, но и потому, что ставит в заслугу гр. Игнатьеву успокоение студенческой молодежи высших учебных заведений.

Когда в бюджетной комиссии были проведена положительная формула оценки деятельности министерства народного просвещения, Вырубова очень заинтересовалась этим и просила доставить ей печатный экземпляр отчета о заседания комиссии. Я поручил своей агентуре узнать у Распутина о положении дела с гр. Игнатьевым, но вскоре я ушел со службы и, уже вернувшись, спросил Распутина о гр. Игнатьеве. Распутин ответил мне, что он поддерживал императрицу, настаивавшую, как и Горемыкин и Штюрмер, на необходимости иметь на этом посту своего человека и на уходе гр. Игнатьева; тем не менее государь «отмалчивался».

В это время Распутин начал уже посещать сенатора Кульчицкого. В ту же пору начались определенные поиски Распутиным нового обер-прокурора, на пост которого Питирим выдвигал Раева, против чего был Распутин. Я и предположил, что поездки его к Кульчицкому имеют целью проведение в обер-прокуроры Кульчицкого. Но, вернувшись в сентябре с Кавказа, я узнал, что мнение императрицы о гр. Игнатьеве поддержал и Н. А. Маклаков, имевший две частных аудиенции у государя. Против Игнатьева действовал и Протопопов, и Штюрмер, а Распутин выдвигал кандидатуру Кульчицкого, с которым говорил и Протопопов. Весь вопрос об уходе гр. Игнатьева держался в таком строгом секрете, что, пока я, вернувшись в ноябре, собирался предупредить гр. Игнатьева, уже состоялся указ об увольнении его от должности и назначении Кульчицкого.

Для характеристики Распутина приведу пример того, насколько он был неискренен в своих отношениях к высоким особам и как он старался в каждом случае найти возможность подчеркнуть им, что все его помыслы и действия направлены исключительно к служению их интересам, доходящему до забвения им даже своих личных обязанностей к семье или родным. За весь период моего знакомства с Распутиным, решительно при каждой смене министра внутренних дел или председетеля совета, подымался вопрос о таком материальном обеспечении Распутина, какое исключало бы возможность проведения им дел, во многих случаях, сомнительного характера. Никто из нас не имел мужества, зная о далеко не бескорыстных побуждениях Распутина, честно его разоблачить перед государем. Но все старались как государю, так в особенности государыне и Вырубовой, оттенить, что Распутин является жертвой своих лучших бескорыстных желаний помочь каждому, к нему обращающемуся, и что широко оказываемая им денежная поддержка бедных поглощает все даваемые ему на этот предмет добрыми знакомыми небольшие суммы. При этом каждый из министров обсуждал с Вырубовой как вопрос о материальной поддержке Распутина, так и способы парализования эксплоатации его доброты, при чем, уходя с своего поста, каждый министр держал в тайне от своего заместителя, не желая подчеркивать свою близость к Распутину, секрет своего влияния и сношений с Распутиным. Распутин старался не разуверять в своем бескорыстии ни министров, ни окружавших его лиц, ни, в особенности, высоких особ. Если же государь иногда делал Распутину замечания, когда он представлял его величеству какой-нибудь коммерческой проект,

в особенности за последнее время по поставкам на армию, явно подозрительного свойства, то Распутин всегда отговаривался, что он ничего в этих делах не понимает, а исполняет лишь просьбы других лиц, думая принести этим пользу государю. А затем, в добродушном тоне Распутин рассказывал о том, как его хотели подвести под немилость царя. Все свои денежные дела Распутин вел в большом секрете даже, как я думаю, и от Вырубовой. Он всегда говорил о своих дырявых руках, не умеющих держать денег, и настолько уверил в этом высоких особ, что после его смерти Протопопов принял ряд мер к материальному обеспечению семьи Распутина. Со времени моего вступления в должность, наблюдая за Распутиным внимательно, я убедился, что он был погружен как в проведение больших коммерческих дел, так и в отстаивание своего влияния на государя, и по этим причинам он не желал и боялся оставлять Петроград.

В это время умер отец Распутина, и его вызвали приехать на родину, но Распутин мне говорил, что, когда он заговорил во дворце о своем намерении уехать, то должен был уступить усиленным просьбам высоких особ и остаться. О своем покойном отце он говорил с подкупающим прискорбием, и я подумал, что в нем заговорила совесть, так как из филерских донесений об отношениях его к отцу на родине я знал, что он не только не уважает отца, но даже не старается скрыть от посторонних своего пренебрежения к нему, ругает его самыми скверными словами, а в пьяном виде бьет его, и однажды даже вырвал у него клок бороды. Поэтому я заинтересовался, не изменит ли Распутин свой образ жизни, хотя бы в первые дни после смерти отца, но я убедился, что все осталось попрежнему: то же пьянство, те же кутежи, то же отношение к женщинам.

Как мы условились с Хвостовым, который, как и все сановники, имевшие дело с Распутиным, тщательно старался держать это в секрете, я взял на себя прием просителей с письмами Распутина. С письмами от него являлись преимущественно дамы и в единичных случаях мужчины. Просьбы Распутина заключались, главным образом, в избавлении от отбывания воинской повинности путем устройства в тыловых частях, о предоставлении должностей и о материальной поддержке. Просьбы первого характера я сначала исполнял, но затем в виду их многочисленности отказался, о чем и заявил Распутину. Распутин после этого обратился ко мне только с одной подобного рода просьбой за одного москвича К., прибегнув в этом случае к поддержке Вырубовой. Из разговоров с женой К. я убедился, что она совершенно не знает Распутина и что она обратилась к нему через одну москвичку, устраивавшую все дела через Распутина за плату. Г-жа К. сказала, что все эти хлопоты стоят ей больших денег, которые она давала и посреднице, и лично Распутину, и Вырубовой в виде пожертвований на лазарет. Просьба ее о муже была исполнена, он был назначен в тыл, но Распутин иначе смотрел на завязавшееся с ней знакомство, начал беспокоить К. телефонными разговорами и раз ночью хотел насильно ворваться к ней в номер. После этого К. явилась ко мне, рассказала об этом случае; по моему совету она послала еще денег Распутину и немедленно уехала в Москву. По уходе моем со службы я узнал, что Распутин все же брал на себя дела об освобождении от военной службы. В частности он устроил своего родного сына Димитрия санитаром в поезде императрицы по особому всеподданнейшему докладу.

Второй разряд просительниц ходатайствовал о материальной поддержке и устройстве их на места. На первых порах я помогал денежно и давал рекомендации этим дамам на места, но затем начал получать, наводя справки, такие неутешительные о них сведения, что мне приходилось почти всегда краснеть за рекомендованных мною лиц. Одну из таких дам пришлось даже выслать из Петрограда. После этого

случая я оказывал просительницам только денежную помощь, настойчиво советуя им в Петрограде не засиживаться. Характеризуя их, могу сказать, что эти просительницы принадлежали к числу интеллигентных дам, имевших то или другое положение в обществе, но находившихся на временной или постоянной свободе от семейных обязательств, легко смотревших на жизнь и на моральные принципы. Многие из них как бы гордились оказываемым им Распутиным вниманием и давали понять мне свою, хотя бы и временную, как я потом разузнавал в целях агентурных, к нему близость. Они же мне говорили, что познакомились у Распутина и с Вырубовой. Вначале эта психология для меня была непонятна, но затем, когда ко мне начали поступать из разных источников агентурные сведения, я уже более не удивлялся, так как пришлось встречаться и с такими фактами, когда занимающие видное положение в обществе, как, например, одна княгиня из Москвы, одна из крупных величин в артистическом опереточном мире и другие, хорошо материально обеспеченные и никаких просьб к Распутину не имевшие, из чувства не только любознательности, но и особого интереса к Распутину сознательно искали знакомства с ним, зная, на что они идут....

Наконец, был третий тип просительниц, которых не материальная нужда, а горе по любимым людям заставляло итти к Распутину. Но это горе Распутина не трогало, и я до сих пор не могу забыть одной женской драмы, разыгравшейся у меня в кабинете. На прием ко мне с письмом Распутина явилась прилично и скромно одетая дама, лет за тридцать, с просьбой помочь ей в возвращении административно высланного ее мужа. Высылка была произведена военными властями, и я, несмотря на усиленные ходатайства Распутина, ничего не мог сделать, но посоветовал просительнице уехать из Петербурга, предупредив ее о характере Распутина. Она все же осталась, и однажды, когда она вновь явилась ко мне, я просил ее прекратить ко мне визиты. Тогда она истерически разрыдалась и рассказала мне свою драму. Приехала она к Распутину, имея сбережения и драгоценные вещи; выдав почти все свои деньги Распутину, она настойчиво отклоняла всякие попытки Распутина фривольного свойства. После моего отказа хлопотать за ее мужа Распутин поставил ей ультиматум: или исполнить его требование, и тогда он попросит государя о муже, или же не показываться ему на глаза. Ни слезы, ни просьбы не помогли, и Распутин, пользуясь ее нервным состоянием, несмотря на то, что в соседней комнате были посторонние, насильно овладел ею и затем уже несколько раз приезжал к ней в гостиницу, поддерживая в ней веру в исход дела и взяв от нее всеподданнейшее прошение. Затем Распутин резко прервал с ней знакомство. Вспомнив мои предупреждения и не имея денег на обратный выезд, она и обратилась ко мне за помощью. Я посоветовал ей уехать, что она и сделала на другой день. Когда я спросил Распутина, почему он ее перестал принимать, то он ответил, что она «дерзкая» и что поэтому он не передал государыне ее прошения.

Прилегающая к столовой в его квартире комната, где стояла кровать Распутина и куда никто не имел права даже из близких входить, пока он там находился с кем-либо, могла бы рассказать много подобных жизненных драм, в ней протекших. Агентура отмечала и такие факты, когда оттуда в растрепанном виде выбегали с криками некоторые просительницы (из простолюдинок), ругаясь и отплевываясь, но их сейчас же старались успокоить и удалить из квартиры.

Чтобы разрядить атмосферу около Распутина, я при посредстве трех дам-сотрудниц и других лиц, близких Распутину, добился того, что поездки его по незнакомым ему домам значительно сократились, а в тех случаях, когда он, избегая домашней обстановки, рвался на сторону, — почитательницы его приглашали к себе и устраивали ему обеды или ужины с вызовом гармонистов, под плясовые наигрывания

которых подвышивший Распутин любил танцовать. Кроме того, в излюбленных Распутиным ресторанах, вследствие моих соглашений с градоначальником, отводились отдаленные, изолированные от публики кабинеты, куда кроме лиц, приезжавших с Распутиным или им вызываемых, никто не допускался, и где Распутин мог, не стесняясь временем, засиживаться, слушая любимые им песни цыган и принимая участие в их танцах.

Что касается личной охраны Распутина, то с приездом полк. Комиссарова я учредил двойной контроль и проследку за Распутиным не только филерами начальника охранного отделения Глобычева, но и филерами Комиссарова; заагентурил всю домовую на Гороховой, 64, прислугу, поставил сторожевой пост на улице, завел для выездов Распутина особый автомобиль с филерами-шоферами; для наблюдения за выездами Распутина с кем-либо из приезжавших за ним на извозчике, завел особый быстроходный выезд с филером-кучером. Затем все лица, приближавшиеся к Распутину или близкие к нему, были, по моему поручению, выясняемы, и на каждого из них составлялась справка. Один экземпляр справок я передавал Хвостову. Далее была установлена сводка посещаемости Распутина и проследка тех случайных лиц, которые так или иначе возбуждали сомнения при посещении Распутина. Кроме того, были приняты меры против газетных и театральных выступлений о Распутине, реорганизована самая тщательная перлюстрация всех получаемых им писем, что давало иногда возможность не только обнаруживать некоторые планы и заранее знать содержание его просьб, но и раскрывать сношения с ним многих лиц, в особенности из среды духовной иерархии.

ГЛАВА XIV.

Приглашение Комиссарова. – Его прошлое. – Распутин, Добровольский и Симанович.

Для завершения всех наших мероприятний по отношению к Распутину, я рекомендовал Хвостову пригласить состоявшего в ту пору начальником вятского губернского жандармского управления полк. Комиссарова, о личности и деятельности которого держится в обществе много легендарных рассказов.

Директор департамента полиции Н. П. Зуев, бывший живой хроникой департамента, подробно рассказал мне прошлое Комиссарова, его отношения к ген. Герасимову и разрыв с ним на почве семейных недоразумений, о службе его в департаменте полиции, о знаменитой комнате, обитой пробкой, где печатались контр-революционные прокламации, обнаруженной бывшим товарищем министра внутренних дел кн. Урусовым и гр. Витте. Это открытие послужило началом борьбы Витте и Дурново и вызвало расследование, произведенное, по требованию Витте, директором департамента полиции Вуичем и Рачковским, в присутствии товарища прокурора палаты Камышанского, с целью доказать руководящую в этом деле роль П. Н. Дурново. Зуев мне рассказывал, что Комиссаров, при допросе его, обнаружил большую стойкость и взял всю вину исключительно на себя, несмотря на угрозы со стороны Витте серьезным наказанием. Зуев, признавая некоторые слабости Комиссарова, лично ценил в нем его преданность и чувство привязанности к людям, оказавшим ему доверие и внимание. Поэтому Зуев прощал Комиссарову многое из его служебных погрешностей. Вскоре после этого Зуев уехал в заграничный отпуск, и я, по приказанию Столыпина, вступил в управление департаментом полиции, при товарище министра П. Г. Курлове. В ту пору Столыпин и Кривошеин решили совершить

об'езд по России и Сибири, в связи с произведенными аграрными реформами. Охрана поезда была возложена тогда, по моему настоянию, на Комиссарова, при чем роль его в этом отношении была затушевана. Он в поезде Столыпина не ехал, а был только передовым. На это назначение Столыпин согласился не особенно охотно. В дальнейшем Комиссаров успешно делал свою карьеру и дошел до поста саратовского начальника губернского жандармского управления, откуда был переведен, — что было значительным понижением, — в Вятку, по распоряжению Джунковского.

Узнав о моем назначении, Комиссаров пытался перевестись в Петроград, начальником охранного отделения, но я решил, что полковник Комиссаров, как человек искренне ко мне расположенный, которому я могу вполне довериться и откровенно посвятить его в мои и Хвостова отношениея к Распутину и Вырубовой, хорошо подойдет к роли агента, приставленного от нас при Распутине. Хвостов на это немедленно согласился. Комиссаров был вызван в Петроград и в первое же свидание с Хвостовым произвел на него хорошее впечатление своей оживленной беседой, в которой, к моему удивлению, он перешел несколько границы почтительности, ему обычно присущей. Когда я, возвращаясь от Хвостова в автомобиле с Комиссаровым, отметил ему в виде опасения эту черту разговора, то на это Комиссаров ответил, что я неправильно себе представляю личность и мотивы Хвостова, как министра вообще, так и в отношении к Распутину в особенности: в них Комиссаров не видит никаких государственных или идейных соображений, а только преследование Хвостовым личных своих интересов. Это впечатление Комиссаров вынес из обстановки приема у Хвостова и прибавил, что, зная близко многих министров внутренних дел, он не мог почувствовать в Хвостове министра. Затем Комиссаров заявил мне, что он только для меня, но не для Хвостова, о котором он навряд ли в будущем переменит свое мнение, возьмет предлагаемое ему поручение. Но Комиссаров ставит условием разрешить ему при всех случаях общения с Распутиным быть не в офицерской форме, которую он не желает ронять, а в статском платье.

Комиссаров был назначен начальником жандармского управления одной из эвакуированных губерний, прикомандирован к департаменту полиции и определен в мое распоряжение. Затем я поручил Комиссарову немедленно избрать соответствующий штат опытных, испытанных и преданных филеров, организовать параллельное наблюдение за Распутиным, вменив филерам в обязанность приобрести расположение к себе Распутина, — чего они впоследствии вполне достигли, — и позаботиться приисканием вполне удобной, подходящей для конспиративных свиданий с Распутиным квартиры. Не открывая роли Комиссарова Глобычеву, я предписал последнему ряд мер, которые согласовались бы с агентурными охранного отделения наблюдениями за Распутиным.

Приступая к делу, я сумел заинтересовать Вырубову и Распутина личностью Комиссарова и его преданностью интересам трона, рассказал им о роли Комиссарова при Дурново и оттенил отрицательное отношение к нему ген. Джунковского.

После этого я сказал Распутину, что, исполняя его желание и веря в его замечательное знание людей, мы сами отходим постепенно от кн. Андронникова; отныне те 1500 рублей, которые передавал ему от нас кн. Андроников, ему будет передавать, кроме ассигновок на ежемесячные благотворительные нужды, Комиссаров. Комиссарову Распутин может при ежедневной к нему явке передавать прошения, какие-либо интересующие нас новости и свои пожелания, вполне доверившись Комиссарову. Новая квартира для наших конспиративных с ним свиданий была нанята Комиссаровым в переулке, выходящем на Фонтанку, в первом этаже. Эту квартиру Комиссаров прилично обставил, снабдив ее всем необходимым, в том числе вином, для

устройства Распутину обедов и ужинов, и поселил в ней преданного ему, женатого филера под видом лакея.

Комиссаров сразу произвел на Распутина хорошее впечатление, быстро ориентировался в его жизни, установил с ним дружеские отношения и вошел в курс интересов и привычек Распутина. Рано утром, до прихода посетителей, Комиссаров являлся на квартиру к Распутину и, пока тот был в трезвом и приличном виде, узнавал от него новости, наводя его на интересующие нас темы, проводил путем обсуждения с Распутиным наши пожелания, подчеркивал нашу доброжелательность к Распутину, нашу преданность Вырубовой и интересам императрицы и государя, и удерживал Распутина от его поездок в незнакомые дома и от употребления вина в незнакомом обществе, чем заслужил уважение в семье Распутина, где он стал своим человеком. Затем Комиссаров брал от Распутина, когда начинались приемы, различные прошения для передачи нам, ехал ко мне, а со мной и к Хвостову и докладывал подробно обо всем, что касалось Распутина, и о том, как они, по шутливому замечанию Комиссарова, решают с Распутиным государственные вопросы и обсуждают необходимые перемены в составе кабинета. За этот период времени, благодаря Комиссарову и всестороннему агентурному освещению образа жизни Распутина, удалось в точности установить роль близких к Распутину лиц, из которых только немногие относились к нему сердечно; остальные же проводили через него крупные дела, действуя секретно друг от друга и следя один за другим, чтобы поддержать в Распутине постоянное чувство подозрительности в обмане его при расчетах с ним тех, чье влияние на Распутина усиливалось. Сам Распутин никогда не посвящал в свои денежные дела даже самых близких ему лиц, но зорко следил за охраною своих материальных интересов и производил подробный сыск о тех, кого он подозревал в обмане его, и затем, не сдерживаясь, публично их разоблачал, не стесняясь в выражениях.

Такие черты своего характера Распутин проявил в особенности по отношению к Добровольскому, инспектору народных училищ петроградского округа. Он и жена его пользовались особым расположением семьи Распутина. Сам Добровольский был очень конспиративен и сдержан, хорошо изучил слабые стороны Распутина, умело влиял на него. И поэтому Добровольский заведывал корреспонденцией Распутина, был посвящен в тайны влияния Распутина на высочайших особ и вел особую приходо-расходную книгу, куда записывал все свои денежные расчеты с Распутиным. Поставляя Распутину деловую клиентуру, Добровольский заставил окружавших Распутина лиц считаться с ним, Добровольским, и приглашать себя к участию в прибылях при проведении через Распутина денежных дел. Это многих задевало, конкуренты Добровольского, к которому доброжелательно относилась и Вырубова, повели против него умелую интригу, пользуясь подозрительностью Распутина, и, когда почва была подготовлена, то решительный удар был нанесен неким Симановичем. После бурного об'яснения Распутина с Добровольским отношения их прервались, и если потом и возобновились, то никакой роли Добровольский у Распутина уже не играл.

Что касается Симановича, то последний был знаком с Распутиным издавна еще по Киеву, где Симанович имел небольшую ювелирную лавку. Симанович в Петрограде вошел в полное доверие к Распутину, и его положение в доме Распутина закреплялось с каждым днем. Симанович не бескорыстно для себя устраивал Распутину много прибыльных дел. Из справки начальника охранного отделения полк. Глобычева выяснилось, что Симанович состоит на учете сыскной полиции, как клубный игрок и ростовщик, помещающий свой капитал до 200 т. р. в вексельные займы золотой кутящей петроградской молодежи под большие %%. Эту справку мы доложили

Вырубовой и предупреждали Распутина, — и не раз при посредстве Комиссарова. Но Распутин, наоборот, после этого еще более сблизился с Симановичем. Хвостов предполагал выслать Симановича, но я высказался против этой меры, в виду того, что Симанович приносил и пользу в отношении ревнивой охраны Распутина от подозрительных знакомств. После моего ухода со службы Хвостов арестовал Симановича в связи с делом Ржевского и произвел обыск у Добровольского. В этот момент я понял, какое значение имел для Распутина Симанович: Распутин нервно и настойчиво хлопотал у императрицы и добился того, что Симанович был освобожден от ареста, а затем была отменена и высылка его в Псков. На всеподданнейшем прошении Симановича государь написал резолюцию о прекращении против Симановича всяких преследований.

В этот период времени Манасевич-Мануйлов передал мне о желании Симановича познакомиться со мной. Знакомство это я поддерживал до последнего времени. Я часто встречался с ним в тех домах, куда Распутин приезжал в сопровождении Симановича, при посещениях квартиры Распутина и был у Симановича раз на обеде, данном им Распутину.

Симанович в общем был со мной откровенен, рассказывал мне много о тайных предположениях Распутина относительно служебных перемен, познакомил меня с подробностями дела Ржевского, помогая мне восстановить поврежденные этим отношения с Распутиным, давал мне правильную оценку отношений Распутина к высшим чинам правительства и посвятил меня в свои планы проведения через Распутина в министры юстиции Н. А. Добровольского, своего старого знакомого, с которым он познакомил поближе Распутина. Это дало мне возможность предупредить об этом А. А. Макарова. Симанович же держал меня в курсе всех данных о смерти Распутина, ездил со мной в ближайшие после смерти дни к Вырубовой с докладами об имевшихся у него по этому поводу данных и рассказывал мне о Протопопове и Курлове в первый период сближения их с ним при жизни Распутина.

Я усмотрел в Симановиче много хороших черт. Между прочим, он старался через Распутина воздействовать в высоких сферах на изменение правительственной политики в еврейском вопросе, чем отчасти и об'ясняется благожелательное отношение государя к поднятому Протопоповым вопросу о расширении прав евреев.

После смерти Распутина я узнал от Симановича, хорошо ознакомленного с материальными делами Распутина, что после Распутина осталось хорошее состояние, по крайней мере, в 300 т. р.

ГЛАВА XV.

Жизнь Распутина. — Его телефонные разговоры. — Празднование Распутиным своих именин. — Свидания с Распутиным.

Из наблюдений полк. Комиссарова, рисующих значение Распутина и обстановку его жизни, я припоминаю следующие его рассказы.

Однажды Комиссарову пришлось быть свидетелем телефонного разговора Распутина с великой княжной Татьяной Николаевной и наследником. Великая княжна сообщала Распутину, что у наследника болит голова, и передала телефонную трубку наследнику, который, повидимому, подтвердил то же самое Распутину, прося его приехать. Тогда Распутин ласковым тоном начал рассказывать ему какую-то сибирскую сказку и, по окончании, сказал, что он придет на другой день. Распутин начал настойчиво убеждать наследника пойти и лечь в постель, уверив его, что после этого у него пройдет головная боль.

Обычно все телефонные разговоры Распутина с Царским Селом, в особенности с Вырубовой, которая с ним говорила ежедневно, происходили около 10 ч. у. Поэтому Распутин, где бы он ни был и как бы бурно ни провел ночь, всегда к этому времени возвращался домой, ожидая с нетерпением звонка из Царского Села. В зависимости от этих разговоров находилось и его настроение. Поэтому и свидания с ним Комиссарова тоже приурочивались к утренним часам. Таким образом, мы имели возможность получать некоторые сведения, нас интересующие, из первоисточника, или передавать через Комиссарова Распутину к этому времени то, о чем мы признавали нужным осведомить Вырубову для дальнейшего ее доклада во дворце.

Второй рассказ Комиссарова касался празднования Распутиным дня своего ангела—10 января.

Так как об именинах мы знали от Комиссарова заранее, то с ведома Хвостова я отпустил в распоряжение Комиссарова из секретного фонда особую сумму на покупку ценных подарков не только самому Распутину и его двум дочерям, но и приехавшим к этому дню жене Распутина и его старшему сыну. Куплены были обеденное серебро, брошь, золотые часы и браслеты. В этот день филерам Комиссарова нами было поручено во что бы то ни стало проникнуть внутрь квартиры Распутина, так как нас интересовал завтрак с Вырубовой и вечер в интимной обстановке друзей Распутина. Филеры, которых Распутин сначала не пускал к себе в квартиру, к этому времени уже сумели войти в доверие к нему, сопровождая его в церковь и в баню. Он уже охотно вступал с ними в разговоры и ценил обнаруживаемую ими преданность и удовольствие быть в его обществе. Поэтому, сопровождая Распутина в церковь в этот день, филеры предложили свои услуги помогать девочке-племяннице Распутина в передней при раздевании посетителей. Распутин, находясь в хорошем настроении, благодаря полученным от нас подаркам и поздравлению по телефону Вырубовой, обещавшей быть у него к завтраку, и благодаря полученной им телеграмме от высочайших особ, разрешил филерам быть у него на квартире.

По возвращении Распутина из церкви, к нему начали собираться избранные его знакомые с ценными подношениями. Один из ресторанов приготовил уже на свой счет обеденный стол с именинным пирогом. По приезде Вырубовой начался завтрак, проходивший, до ее от'езда сдержанно, при чем Мудролюбов сказал большую, в патетическом тоне, речь и подчеркнул государственное значение Распутина, как простого человека, доводящего к подножию трона болевые народные нужды. После от'езда Вырубовой в течение целого дня совершался непрерывный приток посетителей, приносивших Распутину массу ценных подарков. Целый дождь ценных подношений был прислан Распутину при письмах и карточках разных лиц, так или иначе связанных с Распутиным. Чего только не было здесь: серебряные и золотые вещи, ковры, целые гарнитуры мебели, картины, деньги и т. п. Все эти вещи жена и сын затем отвезли в с. Покровское. Затем из разных мест России было прислано Распутину много поздравительных телеграмм.

Распутин снял от благожеланного удовольствия, с каждым приходившим к нему пил и, наконец, к вечеру свалился, и его уложили в постель. Немного протрезвившись сном, он вечером, с приходом более интимного кружка лиц, преимущественно дам, начал снова с ужина пить и требовал того же от дам, так что он почти их всех споил. Более благоразумные дамы поспешили уехать, оставшиеся же были охвачены вместе с Распутиным, дошедшим в пляске и опьянении до полного безумия,—такой разнузданностью, что хор цыган поспешил уехать, а оставшиеся посетители в большинстве заночевали у Распутина. На другой день мужья двух дам, оставшихся на ночь в квартире Распутина, ворвались к нему на квартиру с оружием в руках. Филе-

рам стоило большого труда предупредить Распутина и дам и этим дать последним возможность скрыться из квартиры по черному ходу, успокоить мужей, для чего они проводили их по всей квартире и дали уверение, что их жен на вечере не было. Филеры затем проследили за ними и выяснили их личность.

По словам Комиссарова, докладывая ему об этом вечере, филеры не могли без омерзения вспомнить виденные ими сцены. Этот случай с мужьями запугал Распутина, и он несколько времени после этого как бы затих, был послушным, избегал выездов, боязливо прислушивался к звонкам и был благодарен нам за улаживание этой истории, обещая больше у себя на квартире замужних женщин на ночь не оставлять, и просил об этом никому, даже Вырубовой, не говорить, что мы и исполнили. Но затем в скором времени Распутин, убедившись, что эта история заглохла, начал снова вести свой прежний образ жизни, но только был сравнительно осторожен в своих отношениях к замужним женщинам.

Что касается наших свиданий с Распутиным, то они, после устройства нами особой квартиры, происходили регулярно, по мере необходимости в этом для нас или когда Комиссаров, видя какие-либо колебания Распутина в отношении к нам или его неудовольствие на нас за неисполнение какой-нибудь интересовавшей Распутина просьбы, убеждал нас в необходимости личных переговоров с Распутиным. В таких случаях устраивался обед, мы вели нужные беседы, и в свою очередь Распутин передавал нам содержание своих разговоров с высокими особами и с Вырубовой и всякий раз обращался к нам с какой-либо просьбой или прошением, его интересующим, подчеркивая неизменно свое бескорыстие. Иногда происходили неловкости, так как Распутин, плохо разбираясь в бумагах, иногда передавал нам не то прошение, какое ему было нужно. И когда Хвостов или я указывали ему, что переданный документ касается получения концессии или подряда и к нам не относится, то Распутин вынимал другое прошение, а их у него всегда было в кармане много.

На первых наших обедах Распутин бывал сдержан в вине и даже пытался вести с нами беседы в духе своих «размышлений», но затем Комиссаров установил с ним сразу дружеский разговор на «ты» и отучил его от этой, по словам Комиссарова, «божественности». Это понравилось Распутину, и он с того времени перестал нас совершенно стесняться и, приходя в хорошее настроение, приглашал нас обычно поехать к цыганам, что мы всегда отклоняли.

При наших свиданиях с Распутиным в тех случаях, когда дела касались личных интересов Хвостова, как, например, скорейшего его утверждения в должности министра, пожалования ему, по примеру Маклакова, минуя три награды, сразу ордена Анны 1-ой степени, проведении его кандидатуры на пост председатель совета министров и награждения его сразу шталмейстером,—Хвостов выходил в соседнюю комнату под предлогом отдыха, и тогда я о таких делах говорил лично с Распутиным. А затем я ездил к Вырубовой, ведя с ней такую же беседу и не забывая в нужных случаях заручиться поддержкой Воейкова.

ГЛАВА XVI.

Планы А. Н. Хвостова об убийстве Распутина. – Мое и Комиссарова отношение к этому. – Давление со стороны ген. Воейкова и правых. – План избиения Распутина и неудавшаяся попытка.

Под влиянием всех изложенных выше мер, отношения наши со всеми необходимыми мне и Хвостову лицами установились, вопрос об охране Распутина и сношений с ним наладился, равным образом установились и хорошие отношения с Вырубовой

не только деловые, но и частные. Меня и Хвостова государыня, Вырубова и Распутин считали, в чем я был искренно убежден, несмотря на неоднократные предупреждения Комиссарова, тесно связанными друг с другом не только общностью служебных интересов, но и чисто дружескими отношениями. Я за этот период времени никаких наград не получил, А. Н. Хвостов же был утвержден министром, пожалован Анной 1-ой степени и укрепился в своем положении, бросив первые семена недоверия к Горемыкину в смысле неправильности его политики по отношению к Государственной Думе.

В этот период времени А. Н. Хвостов начал вести со мною, в дружеской форме излияний, сначала отдаленные, а затем и вполне откровенные разговоры о вреде Распутина, не только с точки зрения охраны интересов династии, но и в наших личных. Подчеркивая мне то обстоятельство, что положение его, Хвостова, теперь укрепилось у высочайших особ, у Вырубовой и у Воейкова, Хвостов начал вести со мной разговоры на тему о том, что теперь Распутин нам не только совершенно не нужен, но даже и опасен: с ним, с его настроениями и с его подозрительностью постоянно необходимо считаться, что, при возможных на него сторонних влияниях, сильно осложняет проведение намеченных Хвостовым начинаний, как в области государственной, так и в сфере его личных предположений. При этом Хвостов указывал, что его, равно как—он думает — и меня, тяготят свидания с Распутиным и постоянная боязнь обнаружения, вследствие бестактности Распутина, нашей близости к нему. Это делает невозможным его, Хвостова, положение в семье, в обществе и в Государственной Думе. Избавление же от Распутина очистит атмосферу около трона, внесет полное удовлетворение в общественную среду лучше всех наших мероприятий, умиротворит настроение Государственной Думы и подымет в глазах общества, Думы и Совета наш престиж. При умелой организации этого дела устранения Распутина, наше положение не пошатнется в глазах высочайших особ и Вырубовой, если мы постепенно подготовим их к возможности подобного рода события, жалуясь в доброжелательной к Распутину форме на его неодократные, тайно от филеров совершаемые выезды. Хвостов указывал, что со смертью Распутина доминирующее во дворце положение Вырубовой бесспорно поколеблется, чем можно в дальнейшем умело воспользоваться для отдаления ее от высочайших особ. Затем Хвостов мне добавил, что в расходах на организацию этого дела можно не стесняться, так как он имеет в своем распоряжении для этой цели значительное частное денежное ассигнование.

Когда я об этом замысле Хвостова передал Комиссарову, то последний целым рядом логических посылок доказал мне, что в данном случае Хвостов, как и во всех предыдущих отношениях его ко мне, — неискренен: Хвостов, поставив меня в глазах высочайших особ, Вырубовой, митрополита и близких Распутину лиц в роль близкого к себе человека, которому он передоверил охрану Распутина и сношения с ним, все время умышленно подчеркивал это перед Вырубовой и другими и тем самым оставил себе в будущем возможность свалить всю вину в этом деле на меня. Комиссаров указал мне также очень важную черту Хвостова — отсутствие у него конспиративности. Но Комиссаров добавил, что, если у него раньше, когда он не знал Распутина, было еще какое-нибудь сомнение в фатальном зле, приносимом Распутиным династии, то теперь, хорошо узнав этого человека, он и его филеры, которые не могут без чувства крайнего возмущения говорить о близости такого порочного человека к тем, кто для них священен, — всегда бы нашли возможность, при тех отношениях, которые теперь установились с Распутиным, избавиться от него. Однако Комиссаров, не веря Хвостову, не может рисковать участью преданных ему людей. Комиссаров

закончил, что, если бы это отвечало моим желаниям, то он и его филеры, зная меня и мое отношение к подчиненным, сделают все то, что я прикажу.

После этого разговора с Комиссаровым я начал вспоминать весь период моей близости к Хвостову, отдельные эпизоды и мелочи жизни, слухи, все разговоры с ним и отношения к старым своим хорошим знакомым, которым он наружно при мне показывал знаки доверия, а после их ухода их вышучивал, указывая, ради какого личного интереса он их к себе приблизил, и т. п., — я, действительно, многое понял, — в особенности черствость, эгоистичность и беспринципность этого человека.

Переходя к вопросу о Распутине, вне всякой зависимости от желания Хвостова, я при всем моем органическом отвращении к крови, в силу природных качеств и воспитания, все-таки задумался: что, если бы под влиянием соображений высшего порядка, оставляя в стороне заманчивые перспективы, которые рисовал мне Хвостов, — что, если бы я пошел на эту великую для меня жертву и принял на себя организацию и осуществление, хотя бы в роли соучастника, этого преступления? Достиг ли бы я в конечных целях поставленной мною задачи и не был ли бы этот акт наивысшего, чреватого по своим непредвиденным последствиям, служебного преступления бесплодною жертвою с моей стороны, которая всегда была бы для меня тягчайшим укором совести?

После долгого размышления я всесторонне взвесил склад мистически настроенной духовной организации государя, который видел в даровании ему долгожданного наследника проявление милости к нему высших и таинственных сил провидения, вследствие его молитв и общения с людьми, как бы имевшими особый дар предвидения будущего. Я учел постоянные опасения государя и императрицы за жизнь наследника и единственную веру их в то, что только одна незримая мощь тех же сил и лиц способна спасти и продлить эту дорогую им жизнь. Я видел этому примеры в прошлом, до появления Распутина, в отношениях к старцам, юродивым, предсказателям и тому подобным лицам. И я пришел к тому заключению, что если исчезновение Распутина временно и успокоит, в силу одиозности этого имени, деспотизм общественного мнения о нем, то вследствие причин, выше мною отмеченных, оно неизбежно повлечет за собою появление во дворце какого нибудь нового странного человека по типу тех же лиц, которые проходили ранее, вроде Миши Козельского, Васи Босоножки, Мардария и других, от которых Распутин впоследствии так ревниво оберегал свое влияние на высокие сферы.

В виду этого такая жертва с моей стороны, противная совести и законам, была бы бесцельна сама по себе и, вызвав, при самых лучших условиях, общественное к Хвостову и ко мне внимание, могла бы через некоторое время вселить большое опасение в возможности применения нами, пользуясь преимуществами служебного положения, того же способа борьбы с политическими противниками существовавшего режима.

По всем этим основаниям я решил, пока мне не представится благовидный предлог для ухода, без ущерба для себя, со службы, удерживая в своих руках все нити наблюдения и охраны Распутина, противодействовать в этом отношении Хвостову, усыпляя его бдительность. Выдавать его намерения Вырубовой и Распутину я считал неэтичным, так как это могло быть истолковано Хвостовым и другими лицами в самом невыгодном для меня свете, в особенности в широких общественных кругах, которые, в силу одного имени Распутина, стали бы на сторону А. Н. Хвостова.

Я поделился этими соображениями с Комиссаровым, и мы решили показать Хвостову всю видимость нашего искреннего сочувствия его замыслу относительно Распутина, но подвергать самой широкой критике все предлагаемые им планы,

затягивая под всякими благовидными предлогами наступление решительного момента исполнения. Когда я передал Хвостову о том, что подготовил Комиссарова к принятию его предложения, и заручился его согласием, то при следующем нашем совместном докладе Хвостов, повторив ему все высказанные уже мне мотивы для устранения Распутина, был горячо поддержан Комиссаровым, заверившим его, что это отвечает его пожеланиям и его филеров, на которых можно всецело положиться.

После этого А. Н. Хвостов приступил к обсуждению плана убийства, входя с особым интересом в обсуждение каждой детали и даже высказывая желание лично принять участие в деле. Чем больше мы об этом говорили, тем сильнее захватывала А. Н. Хвостова мысль убить Распутина, и тем тяжелее было для меня присутствовать при этих обсуждениях. Что касается Комиссарова, то я поражался его умению подойти под тон настроения Хвостова, и только потом, когда мы уходили с Комиссаровым от него, Комиссаров не сдерживался в своей оценке Хвостова, который теперь и для меня стал ясен во всей беспринципности своего мировоззрения.

После долгого обсуждения А. Н. Хвостов предложил послать, после принятия мер предупредительного характера, Распутину автомобиль под видом приглашения к какой-нибудь даме, а затем в глухом переулке, где автомобиль должен был замедлить свой ход, в него должны были вскочить загримированные люди Комиссарова; затянув петлю на шее Распутина и обмотав предварительно его лицо платком, чтобы он не кричал, и оглушив его, — они должны были свезти затем труп его на Неву, на Острова, и там его бросить в прорубь или, что еще лучше, завезти его на взморье и там зарыть в снегу, привесивши к телу камни, чтобы при оттаянии льда труп опустился в море.

Но весь этот план требовал многочисленных предварительных приготовлений: необходимо было удалить под благовидным предлогом проследку филеров Глобычева, подготовить автомобиль, распределить роли среди филеров, наметить даму, которую знал бы Распутин, устранить возможность разговора с ней Распутина и т. п. Высказывая постоянно А. Н. Хвостову те или иные возражения, я не мог не обратить его подозрительного внимания своим поведением, и он в первое время приписывал это моему малодушию и поэтому старался воздействовать на меня не только лично, но и давлением со стороны. Так, в одно из обычных ежемесячных посещений меня Марковым и Замысловским для получения денег на партийные надобности и за дополнительными субсидиями на «Земщину» и лазарет, Марков, в присутствии Замысловского, сказал мне, что они только что были у Хвостова и от него, с его ведома и согласия, пришли переговорить со мной о необходимости, до открытия Государственной Думы, убрать Распутина, который всем своим поведением и афишируемою близостью к августейшим особам подрывает в корень все партийные начинания монархических организаций в деле борьбы с начавшимся анти-династическим движением в стране. При этом Марков добавил, что, судя по словам Хвостова, все зависит теперь от меня.

Замысловский почти не принимал никакого участия в разговоре, но, по моим сведениям, оба они с Распутиным знакомы не были и в отношении его держались непримиримой точки зрения, какой придерживалось подавляющее большинство членов правой фракции Государственного Совета, кроме Штюрмера и Н. А. Маклакова, лично знавших Распутина.

Своим собеседникам я ответил, что, если бы речь шла о моем отношении к устранению Распутина средствами партийных монархических организаций, то можно было бы говорить о моем колебании, но, в данном случае, когда осуществление всего акта А. Н. Хвостов возлагает на меня, я не могу не обдумать каждого своего шага.

Затем, при одном из ближайших моих посещений в Царском Селе дворцового коменданта ген.-майора Воейкова, последний также повел разговор на эту тему, указав на то, главным образом, что в армии идет как среди командного состава, так и среди войсковых частей, открытое брожение на почве возмущения влиянием Распутина на августейших особ, которое может вылиться в самые нежелательные формы анти-династического движения. Передав об этом А. Н. Хвостову, Воейков считал нужным обратить на это мое особое внимание. Когда же я указал, что, согласно одобренному и им плану, мною приняты все меры к избежанию лишних разговоров о Распутине, Воейков на это ответил, что это паллиативы и что мне надо подумать о чем-либо более существенном, чтобы раз навсегда положить этому предел. Затем и впоследствии я имел такой же разговор с Воейковым, при чем заметил некоторую сухость с его стороны по отношению к себе. Это было незадолго до истории с Ржевским, когда А. Н. Хвостов повел уже свою личную политику в отношении Ржевского, так что в перемене к себе Воейкова я видел отражение влияния Хвостова.

Наконец, с Комиссаровым, а затем и со мною, по поручению А. Н. Хвостова, на эту тему говорил кн. Андрей Ширинский-Шихматов. Но последнему и Комиссаров, и я, зная его доброжелательность к нам, откровенно расшифровали побуждения Хвостова; поставив его в курс всех своих соображений по этому делу, — и он их разделил, — мы рассказали ему о той позиции, какую я и Комиссаров заняли по отношению к Хвостову в этом вопросе.

Из всего происшедшего я вынес убеждение, с одной стороны, в том, что Комиссаров прав в оценке поведения Хвостова в этом деле и его неконспиративности, с другой — в необходимости что-либо предпринять, чтобы усыпить на время бдительность Хвостова. А он между тем становился с каждым днем все более и более настойчивым и обнаруживал желание или избить Распутина или, если мы не убьем его, самому его убить на свидании из револьвера... И при этом Хвостов показывал свой небольшой браунинг...

Тогда я, воспользовавшись брошенной Хвостовым мыслью об избиении Распутина, стал доказывать министру, что подобного рода мера, если она будет проведена под видом мести мужа за поруганную честь жены, даст нам в будущем, когда совершится основной акт, основание указать и Вырубовой, и высочайшим особам, что и убийство является таким же актом мести. Вместе с тем, развивая этот план, я указал Хвостову, что, желая отвлечь Распутина от посещения ресторанов, я, в числе других лиц, между прочим, вошел в соглашение с другом Манасевича-Мануйлова, — сотрудником «Вечернего Времени» М. А. Снарским (он же Оцуп), которого снабдил авансом для приглашения Распутина к себе на вечера. Я просил Снарского, в случае настойчивых попыток Распутина ехать в те или другие увеселительные заведения, сопровождать его, удерживая от скандалов и устраивая эти кутежи в изолированных от публики помещениях.

В виду этого я заявил Хвостову, что, переговорив со Снарским, который живет в малолюдном переулке, я дам ему еще денег для устройства у себя вечера: узнав, когда Распутин будет у него, я сообщу об этом Комиссарову, который замаскирует своих людей, и они, при выходе Распутина, с соответствующими угрозами нападут на его, привлекут шумом борьбы внимание дворников, чтобы последние могли доставить Распутина в полицию, — для регистрации этого случая, — и сами исчезнут на автомобиле Комиссарова. Затем филеры, встревожась долгим отсутствием Распутина, начнут осведомляться из его квартиры по участкам и таким образом отведут от себя всякое подозрение, а нам дадут возможность сослаться на этот случай, как на доказательство трудности охраны Распутина при его стремлении скрывать свои выезды от филеров, что может повлечь за собою и более серьезные против него выступления.

Когда А. Н. Хвостов одобрил этот план, то я переговорил с Комиссаровым, который согласился осуществить его, так как Комиссарова постоянно смущали тайные от филеров отлучки Распутина.

Ко мне зашел Снарский. Я об'яснил ему необходимость в виду поведения Распутина попугать его и попросил Снарского пригласить Распутина, задержать его при выходе гостей и выпустить его одного. Для устройства этого вечера я выдал Снарскому аванс.

Через несколько дней Снарский сообщил мне о дне, когда назначено у него на квартире свидание Распутина с двумя дамами. Я передал об этом Комиссарову и просил, чтобы он внушил филерам не переусердствовать. Когда вечером Комиссаров мне доложил, что люди поставлены им на посту и роли распределены, А. Н. Хвостов пожелал прокатиться и лично посмотреть всю инсценировку подготовлявшегося нападения на Распутина. Мы отправились втроем, проехали по переулку, где жил Снарский, видели и автомобиль Комиссарова с опущенным верхом, и загримированных филеров. Однако, показывая нам квартиру Снарского, Комиссаров обратил наше внимание на то, что она не освещена, но я успокоил его тем, что вечеринка, состоится после 12 ч. ночи., когда дамы приедут из театра, и что Снарский к этому времени обещал привезти и Распутина.

На другой день Комиссаров доложил, что никакой вечеринки у Снарского не было, — и план избиения, таким образом, не мог быть осуществлен. Снарский об'яснил мне, что вечеринка расстроилась из-за Распутина, который не мог в этот вечер почему-то приехать к нему, но я узнал впоследствии, что всю эту ночь Распутин вместе со Снарским прокутили в отдельном кабинете Палас-Театра.

А. Н. Хвостов был очень недоволен такой неудачей потому, вероятно, что сказал кому-нибудь, что Распутина побили, потому что с этого же дня по городу пошли в разных версиях разговоры об избиении, о чем я узнал от кн. Волконского, товарища министра.

ГЛАВА XVII.

Обсуждение Хвостовым плана убийства Распутина с Комиссаровым. — Большие суммы денег у Хвостова на убийство Распутина. — Моя поездка в Ставку. — План отравления Распутина ядом.

После этого инцидента А. Н. Хвостов начал уже сам, без меня, приглашать к себе Комиссарова для разработки плана убийства Распутина, и о проектах министра я узнавал, таким обрасом, со слов Комиссарова.

Однажды, вернувшись от Хвостова, Комиссаров рассказал мне, что Хвостов ради скорейшего исполнения плана убийства предложил Комиссарову лично 200 т. р. на расходы по подготовке этого дела и для дальнейшего материального обеспечения филеров, которые будут участниками убийства, с тем, чтобы они, предварительно акта, официально уволились со службы, попрощались с Распутиным, получили увольнительные билеты из департамента полиции и выписались, как выбывшие из Петербурга.

А. Н. Хвостов даже показал Комиссарову эти деньги, вынув их из несгораемого министерского шкафа.

Комиссаров на это предложение ответил, что, если он и его филеры берутся за это дело, то не ради денег, и что такое предложение их обидит.

Наличность у Хвостова такой большой суммы денег меня весьма поразила, так как я знал финансовые дела министра. Личных денег в таком размере у него быть

не могло, ибо, хотя его жена, урожденная Попова, дочь старшего председателя киевской судебной палаты, и принесла ему в приданое миллионное состояние, но, по рассказам Хвостова, я знал, что она состояние свое держит на своем счету и только дала возможность Хвостову очистить его родовые имения от долгов и завести большое свинное хозяйство, обещавшее в будущем давать доходы, в чем жена его сомневалась.

Что касается секретных сумм, то помимо меня он их получать не мог, взял же он до сих пор лишь 300 т. р. на усиление рептильного фонда. Но он был намерен, в силу полученного им согласия государя, возбудить секретным всеподданнейшим представлением ходатайство об отпуске особых сумм на предвыборную кампанию 1917 года и на задуманную им для этого широкую правительственную агитацию, затем, на осуществление плана борьбы с оппозиционной прессой по проекту Гурлянда, на получение еще дополнительного отпуска на рептильную прессу и, наконец, особого ассигнования на пополнение позаимствований из сумм департамента полиции на монархическую печать и другие расходы, произведенные в связи с его назначением и охраною Распутина.

Из указаний Комиссарова я вынес убеждение, что Хвостов был, повидимому, прав, когда говорил, что у него есть особый фонд на убийство Распутина.

Положение мое, таким образом, в деле об убийстве Распутина становилось все сложнее, но подходящего случая, чтобы уйти от Хвостова, мне не представлялось, — а тут мне пришлось с'ездить в Ставку, что находили желательным Вырубова и Распутин и что советовал и кн. Андронников, обещавший написать об этом письмо гр. Фредериксу и Воейкову. Перед поездкой я побывал у Вырубовой и узнал, что императрица уже писала обо мне в Ставку.

В Ставке я переговорил с Воейковым, сделал все необходимые доклады ген. Алексееву и был приглашен к высочайшему столу.

После обеда государь подробно расспрашивал меня о моих докладах Алексееву, обещая их разрешить благоприятно для нашего министерства и затем спросил меня о служебных новостях. Я доложил его величеству о настроении рабочих в связи с 9 января, о свиданиях Бурцева с А. И. Гучковым и о первых выступлениях членов бюджетной комиссии по поводу Распутина, что, повидимому, остановило внимание государя, судя по сделавшемуся сосредоточенным его лицу.

В виду этого, я, по поручению Хвостова, вместо того, чтобы, как повелевал долг и совесть, откровенно высказать свое мнение о Распутине, повторил точку зрения А. Н. Хвостова на это выступление и его надежду, что этим будут исчерпаны все дальнейшие разговоры о Распутине в общих собраниях. Это успокоило государя, и он, прощаясь, поблагодарил меня за службу и за солидарность в работе с Хвостовым.

Милостивый прием, оказанный мне государем, в особенности напутственные его слова при прощании, ставили меня в безвыходное положение относительно Хвостова и его замысла на Распутина. В виду этого, переговорив с Комиссаровым, я решил восстать против предложенного Хвостовым убийства Распутина в автомобиле, а чтобы затянуть дело, предложил Хвостову отравить Распутина, дав ему в мадере яду. Яд обещал достать в Саратове (куда он должен был с'ездить) Комиссаров.

Хвостов с этим согласился и даже высказал проект послать ящик отравленной мадеры Распутину как бы от банкира Д. Л. Рубинштейна, чтобы затем как-нибудь связать и последнего с делом отравления Распутина. Против Рубинштейна Хвостов все время был враждебно настроен. Однако, я указал Хвостову на неудобство такого плана отравления, так как Распутин может поблагодарить по телефону за присылку мадеры Рубинштейна, который часто к нему обращался с просьбами, — и тогда весь план рухнет.

Комиссаров вернулся из Саратова с несколькими флаконами яда. Когда я пришел к Хвостову, то застал у него Комиссарова, объяснявшего министру свойство и действие каждого яда. Комиссаров уверял, что он попробовал действие одного из ядов на коте, забредшем на кухню конспиративной квартиры, и живописно рассказывал Хвостову, что доставило последнему удовольствие, — как вертелся и, наконец, издох кот. Хотя я и обратил внимание на то, что окраска всех порошков ядов во всех банках была одинаковой, тем не менее сначала я подумал, что это действительно яды. И когда при ближайшем свидании с Распутиным Комиссаров наливал ему мадеры, то я подставил и свою рюмку, думая, что, если Комиссаров дает Распутину отравленную мадеру, то мне уж ее не нальет. Затем на мои настойчивые вопросы относительно яда, Комиссаров признался в своей проделке: во флаконах, показанных им Хвостову, были безобидные порошки. О свойствах ядов Комиссаров рассказывал Хвостову по учебнику фармакологии, который купил себе в дорогу, а историю с отравлением кота он выдумал.

Наши свидания на конспиративной квартире с Распутиным продолжались, но Хвостов начал часто уходить в соседнюю комнату под предлогом отдохнуть, прося меня переговорить с Распутиным по поводу его кандидатуры на пост председателя совета министров с сохранением портфеля министра внутренних дел. Но в целях проверки моих бесед, Хвостов, притворяясь спящим, столь громко храпел, что Распутин заметил это притворство и указал мне на него. Распутин увидел в этом знак некоторого пренебрежения к себе и начал с тех пор отвечать уклончиво на мои вопросы относительно Горемыкина и заместительства Хвостова.

В это время я обратил внимание на то, что Хвостов, приближая к себе Комиссарова, начал вызывать к себе с очередными докладами и нач. охр. отделения Глобычева. Боясь, чтобы Хвостов не начал вести с Глобычевым разговора о ликвидации Распутина, и не зная, как к этому относится Глобычев, я в один из заездов последнего сам начал с ним разговор о Распутине и о вреде его для трона и высказался в духе пожеланий Хвостова. Но из всего поведения Глобычева и из удивленного взгляда, брошенного им на меня, я убедился, что он не пойдет на соглашение в этом вопросе с Хвостовым. После этого я начал еще более бдительно следить за Распутиным, а Хвостова заверял, что с осуществлением плана отравления, в виду опасности его для жизни других, кроме Распутина, лиц, надо повременить, пока Распутин не будет использован для проведения Хвостова в премьеры. Но это последнее соображение теперь даже его не останавливало; свидания с Распутиным он начал отдалять, что последнего задевало, а в отношениях Хвостова ко мне начала просвечивать некоторая враждебность.

ГЛАВА XVIII.

Дело Пеца. — Роман Манасевича-Мануйлова. — Незаконный арест.

Однажды Манасевич-Мануйлов, делая мне свой очередной доклад и проводя в нем интригу против Комиссарова, возбудившего уже к себе недоверие Распутина, попросил меня уделить ему несколько минут для выслушания его личной просьбы, имеющей весьма важное для него значение. И Мануйлов, вдруг разрыдавшись, в нервном тоне рассказал мне свою личную драму...

Несмотря на свое старое чувство привязанности к своей гражданской жене, о которой мне Комиссаров отзывался, как об умной, тактичной женщине, в чем и я убедился впоследствии, когда Мануйлов сидел в тюрьме, — Мануйлов сердечно увлекся артисткой Лерма. И драма заключалась в том, что Мануйлов имеет основание бояться,

что завязавшееся на почве уроков верховой езды знакомство Лерма с берейтором Пецом может перейти со стороны Лермы в чувство любви к Пецу, что причинит глубокую сердечную рану ему, Мануйлову. Поэтому Мануйлов просит меня, во имя расположения к нему и его всегдашней ко мне преданности, спасти его путем временного отдаления Пеца от Лермы.

Когда я указал Мануйлову, что не могу же я, как бы ни желал быть для него полезным, принять репрессивные меры к Пецу без всяких законных к тому поводов, то Мануйлов ответил мне, что Пец не только порочный человек, но и состоит под особым наблюдением следственной комиссии генерала Батюшина, имеющей веские основания подозревать Пеца в сбыте лошадей в воюющую с нами державу путем транспорта через Швецию. На мой вопрос, откуда Мануйлов мог получить такие сведения, он отвечал, что ему удалось оказать безвозмездно ряд весьма ценных услуг комиссии Батюшина, вследствие близости к члену этой комиссии полк. Резанову, тоже сотруднику «Нового Времени», и получить сведения о Пеце из этой комиссии. Мануйлов говорил, что он не настолько вошел в доверие ген. Батюшина, чтобы обратиться к нему с личной просьбой, но просит меня хотя бы временно арестовать Пеца, пока вопрос о нем не будет разрешен комиссией Батюшина, или выслать его административно из столицы.

Я не дал Мануйлову категорического ответа, сославшись на необходимость получить сведения о Пеце. Хвостов же, которому я доложил о просьбе Мануйлова, увидел в этом деле ту цепь, на которой можно будет держать Мануйлова все время ради исполнения им наших желаний, и поручил мне, если сведения о Пеце подтвердятся, арестовать временно Пеца. Так как сведения подтвердились, то Пец был арестован охранным отделением. Мануйлов горячо благодарил меня, сказав, что такой услуги он никогда не забудет... Однако, затем полк. Глобычев доложил мне, что тщательное расследование не подтвердило первоначальной справки о Пеце, что семья его ни в чем не замечена, об отце его имеется хороший авторитетный отзыв, а сам молодой Пец служит в Пскове в одном из учреждений, работающих на оборону. По данным Глобычева, все обвинения Пеца покоятся на чувстве мести Мануйлова из-за ревности к Лерма. Глобычев поэтому полагал необходимым освободить Пеца, за истечением законного срока содержания его под арестом.

Хвостов рассудил, что нам пока необходимо помучить Мануйлова и согласиться на исполнение его просьбы относительно продолжения ареста Пеца под условием полного его служения нашим интересам. Что касается Пеца, то Хвостов распорядился продлить ему арест, об'яснив Глобычеву, что это необходимо ради приведения в подчинение Мануйлова, пустившего крепкие корни около Распутина. Я несколько дней держал Мануйлова в неизвестности относительно нашего решения продлить арест Пеца. Мануйлов несколько раз заходил ко мне и просил меня, рыдая, успокоить его и написал мне три письма по тому же поводу.

Глобычев подчинился этому решению, но записал Пеца, как арестанат, числящимся за мной; я же указал, что Глобычев допустил здесь неточность, потому Пец должен «считаться за министром», ибо арестован по его распоряжению. Глобычев затем несколько раз намекал мне на необходимость ликвидировать это дело... Но когда ко мне приходил с просьбой о сыне старик Пец, служивший в учреждении, где его начальником был бывший начальник сыскного отделения Филиппов, то я все же говорил Пецу-отцу о серьезности улик против его сына. Но когда Пец, узнав, вероятно, от Филиппова подробности дела, подал мне прошение с обвинением Мануйлова в клевете на сына, и когда затем приходили ко мне просить за молодого Пеца его две сестры, взволнованные и нервные, то вид чужого горя образумил меня: не

докладывая Хвостову, я вызвал Мануйлова, сказав ему, что отныне я отказываюсь от содействия в этом деле, и приказал Глобычеву освободить молодого Пеца, посоветовав ему не ездить в Финляндию, где у Лерма была своя дача, чтобы не возбуждать против себя Мануйлова, который на этот раз может действовать против Пеца через комиссию Батюшина. Впоследствии оказалось, что отец Пеца подавал на меня жалобу в Ставку, но департамент полиции дал отзыв, устранявший мою ответственность в этом деле.

ГЛАВА XIX.

Свидание И. Г. Щегловитова с Распутиным. – Штюрмер. – Его прохождение в председатели совета министров. – Роль Питирима, Мануйлова и Распутина. – Борьба Штюрмера и Хвостова. – Гурлянд. – Появление Торопова.

При последующих моих свиданиях с Мануйловым, неоднократно расспрашивая его об отношениях Распутина к А. Н. Хвостову и Горемыкину, я получал уклончивые ответы относительно возможности кандидатуры Хвостова на пост председателя. Относительно Горемыкина Мануйлов сообщал, что при дворе в нем в последнее время разочаровались.

В один из этих дней, приехав от Распутина, Комиссаров доложил мне, что Распутин просил его устроить ему свидание с И. Г. Щегловитовым, но в абсолютном секрете. Распутин о цели свидания ничего не говорил, несмотря на попытки Комиссарова узнать, в чем дело.

В это время И. Г. Щегловитов, незадолго перед тем ушедший с поста министра юстиции, был выбран товарищем председателя правой фракции Совета. Его эта роль не удовлетворяла. Он продолжал следить за политической жизнью, интересовался Горемыкиным, которого считал виновником своего ухода, и почти ежедневно звонил ко мне за политической информацией, которой я его снабжал. Щегловитов очень интересовался отношением к нему высоких особ, прося меня собрать в этом направлении точные сведения, и о нем я не раз говорил Вырубовой.

Переговорив по телефону со Щегловитовым по поводу желания Распутина с ним повидаться, я намекнул Щегловитову, что подобного рода предварительное ознакомление знаменует собой ранее или позже призыв к власти. Согласно нашему условию вскоре Комиссаров привез вечером секретно Распутина к Щегловитову, который просил нас решительно никому не говорить о своем знакомстве с Распутиным. По отзывам того и другого, они произвели друг на друга хорошее впечатление; беседа их носила общий характер и не касалась конкретных предложений. Свидание было строго-конспиративным, и о нем знало только 4 лица.

Щегловитов просил меня узнать о результатах разговоров о нем Распутина при дворе. Я обещал, но дальнейшие события пошли так быстро, что я не успел ничего узнать.

Вслед за этим Мануйлов известил меня, что уход Горемыкина, после докладов Хвостова государю и моих разговоров с Вырубовой, решен, но выбор заместителя пал не на Хвостова и не на Щегловитова, а на кандидата митрополита Питирима – Штюрмера, которого при дворе ценили, как испытанной преданности престолу человека, много потрудившегося во время сопровождения царской семьи при юбилейном посещении в 1913 году древних обителей, как председателя собиравшегося у него влиятельного кружка правых сановников, имевшего огромный круг знакомств в придворных сферах и являющегося для Думы новым человеком, который сумеет

соединить мягкость с проявлением в нужных случаях твердости власти. С Штюрмером я был в давнишних отличных отношениях и был принят в его кружке, державшемся строго консервативного направления.

Несмотря на такой свой вес, его попытки вернуться к активной деятельности до сих пор не имели успеха, несмотря на поддержку кн. Мещерского и на знакомство Штюрмера и его жены с Распутиным. Я понял, что здесь сыграл свою роль Мануйлов, давнишний знакомый и друг Штюрмеров, и обратился к нему с вопросом об этом. Мануйлов мне отвечал, что, пользуясь благорасположением к нему митрополита Питирима, когда последний сообщил ему о недовольстве государыни на Горемыкина и о колебаниях в выборе преемника, позволил себе рекомендовать митрополиту Штюрмера, который в своей программной деятельности будет держаться советов владыки. Владыка заинтересовался Штюрмером, виделся с ним, беседовал о нем с императрицей, Вырубовой и Распутиным. По просьбе Штюрмера с Распутиным говорил о нем и Мануйлов. Распутин решил поддержать Штюрмера при дворе и пожелал поближе с ним познакомиться. Свидание между ними должно было состояться в день моего разговора с Мануйловым на квартире артистки Лерма.

Я спросил Мануйлова, почему он держал в секрете дело о Штюрмере и не содействовал видам Хвостова, — Мануйлов мне отвечал, что он не верит Хвостову и его расположению ко мне и что мне будет гораздо лучше при Шюрмере, который относится ко мне с большим доверием и рад был бы повидаться со мной теперь.

Я понял, что назначение Штюрмера означает то, что Хвостов не приобрел еще к себе доверия государыни и что предстоит борьба между Штюрмером и Хвостовым из-за портфеля министра внутренних дел, к чему первый, как ближайший и любимый сотрудник Плеве, естественно будет стремиться.

Я доложил Хвостову о предстоящем назначении Штюрмера, рассказав о роли, сыгранной в этом деле Питиримом, Распутиным и Мануйловым. Хвостов начал упрекать меня в излишнем доверии к Мануйлову, припомнил преждевременное освобождение Пеца, которым мы могли бы держать в своих руках Мануйлова, и указал мне, что, если бы я своевременно устранил Распутина, то все его планы были бы осуществлены. Это меня задело. Я ответил, что он сам виноват в своем поведении по отношению к митрополиту и к Распутину, а что с исчезновением Распутина все равно значение Питирима увеличилось бы. Я добавил, что в виду недоверия к себе я прошу его только об одном — устроить мне возвращение в сенат. Хвостов начал меня успокаивать, говорить о своем доверии, но все же с этого момента наши отношения определились.

Свидание Штюрмера с Распутиным на квартире артистки Лерма состоялось, что подтвердило и наблюдение Глобычева. Мануйлов же мне доложил, что свидание привело к благоприятному результату. Штюрмер просил Распутина оказать ему поддержку перед государем и государыней и обещал со своей стороны советоваться с Распутиным по делам, имеющим важное значение для трона. При прощании они расцеловались. После этого свидания Штюрмер зашел на квартиру Мануйлова, был в восторге от исхода свидания, расцеловался с Мануйловым и обещал ему относиться, как к родному сыну, и устроить его после своего назначения, согласно с его пожеланиями.

Результатом дальнейших свиданий Питирима со Штюрмером, поездки митрополита к императрице и выезда в Царское Распутина явилась поездка Питирима в Ставку, для проведения, дополнительно к письмам императрицы и Распутина к государю, кандидатуры Штюрмера у последнего. Государь отложил вопрос о Штюрмере до своего возвращения в Царское. И когда государь вернулся туда, то Мануйлов,

по возвращении Распутина из дворца, узнал о согласии государя на назначение Штюрмера и о назначении ему аудиенции. О случившемся я предупредил Горемыкина, но об этом обстоятельстве я уже говорил выше.

Как только Штюрмер был назначен, он принял меня самым любезным образом, расцеловался, просил его держать в курсе всех политических проявлений жизни, продолжать политику доброжелательства к Распутину и спросил меня, сколько мы выдавали ему денег? Получив ответ, он мне ответил, что еще не знает, какими суммами он располагает из секретного для себя фонда, поэтому с согласия Хвостова я ему выдал из наших сумм 2 т. р. Что касается Мануйлова, то Штюрмер сказал мне, что он хотел бы что-либо для Мануйлова сделать. И меня Штюрмер обещал обеспечить согласно моему желанию. И действительно Мануйлов накануне назначения Штюрмера сказал мне, что Штюрмер проведет меня в члены Государственного Совета с оставлением товарищем министра внутренних дел.

Мануйлов, вскоре причисленный к министерству с откомандированием в распоряжение председателя совета, с первых же дней вступил в исполнение секретарских обязанностей при Штюрмере, всюду сопровождал его в служебном автомобиле, сумел в это время проникнуть в дом Вырубовой, завел пишущую машинку и переписчицу в доме Распутина и установил регулярные сношения Распутина с Вырубовой путем посылки написанных на машинке под диктовку Мануйлова всякого рода сообщений для Вырубовой в интересах Питирима и Штюрмера. Над этими сообщениями Распутин ставил свой обычный крест. Эта форма сообщений нравилась во дворце, и императрица некоторые из них посылала в Ставку государю.

Свое значение при Штюрмере Мануйлов прекрасно использовал. Он вошел в самые близкие отношения с гр. Боргом. Утром, переговорив с Распутиным и приняв гр. Борга и секретаря митрополита Осипенко, которого он подавил своим авторитетом, он оказывался в курсе всех новостей, из которых сообщал мне то, что находил нужным, а затем устраивал у себя приемы просителей.

Причисляясь к министерству, Мануйлов имел, конечно, свои виды. Вскоре он завел разговор о необходимости для меня, ради облегчения работы, взять знающего розыск директора департамента полиции и предложил мне познакомиться с полк. Резановым, известным своими литературными трудами о немецком шпионаже и по розыскной своей в этой области работе в Прибалтийском крае, членом комиссии ген. Батюшина. Я познакомился с ним, и он на меня произвел хорошее впечатление. Мануйлов затем дал мне понять, что Штюрмер не считает Хвостова отвечающим своему назначению, как министр, и предполагает сам взять портфель министра внутренних дел, как я это и думал давно.

Из приведенных выше двух случаев уступок Хвостовым Штюрмеру — по поводу совместного доклада и распоряжения фондом для печати — я решил, что, очевидно, Хвостов имеет план, путем заманивания Штюрмера в сферу действий по министерству внутренних дел, ясно обнаружить его стремление узурпировать себе положение министра внутренних дел и сделать перед государем Штюрмера ответственным за изменение политики министерства в крупных вопросах, например, по отношению к Государственной Думе; с этой целью он убедил Штюрмера лично принимать доклады не только от начальника главного управления по делам местного хозяйства, но и директора департамента общих дел и директора департамента духовных дел и иностранных исповеданий. Затем Хвостов любезно предложил Штюрмеру сделать общий прием высших чинов министерства, чего не делал доселе ни один председатель совета министров. После этого приема пошли толки об ярко выраженном намерении Штюрмера взять себе портфель министра внутренних дел. Поэтому я счел нужным

открыть Штюрмеру глаза на образ действий Хвостова. По моему совету, Штюрмер сделал приемы и высших чинов некоторых других министерств, чтобы придать этому общий характер, и, доложив о том государю, предупредить неточность возможного об этом доклада со стороны Хвостова.

Вместе с тем Хвостов воспользовался своим старым знакомым Гурляндом, которого и откомандировал почти всецело в распоряжение Штюрмера под видом доброжелательства своего к последнему, для правильного освещения в прессе взглядов и начинаний Штюрмера. При этом Хвостов не прерывал своих ежедневных свиданий с Гурляндом. Если Гурлянд был обязан Штюрмеру своей карьерой по министерству внутренних дел, то в свою очередь Штюрмер был во многих отношениях обязан Гурлянду, и между ними и их семьями была старая и тесная связь. Эта связь началась, когда Штюрмер был ярославским губернатором, а Гурлянд, будучи приват-доцентом ярославского Демидовского лицея, составлял Штюрмеру всеподданнейшие отчеты и памятные записки по многим вопросам, в особенности по старообрядческому. Записки эти в свою пору останавливали на себе внимание Александра III, Плеве, святейшего Синода и кружка князя Мещерского и заставляли говорить о Штюрмере, как о выдающемся администраторе, знающем историю предмета и знакомом с практикой европейских государств. Для таких же работ Гурлянд был приглашен Штюрмером в департамент общих дел, а впоследствии по рекомендации Штюрмера был ближайшим сотрудником Крыжановского как по составлению изменений положения о выборах в Государственную Думу, так и в работах по выборам в третью и четвертую Государственные Думы.

Гурлянд оставался в роли ближайшего советника Штюрмера по делам внутренней политики и личного друга семьи Штюрмера с первых же дней его премьерства. Гр. Борг и Мануйлов, в виду усиливавшегося влияния, Гурлянда на Штюрмера, отделявшего Мануйлова от Штюрмера, вели против Гурлянда кампанию. Они указывали, что Гурлянд загипнотизировал своими взглядами Штюрмера, который под его влиянием вызвал неудовольствие Думы, что Гурлянд пользуется своим положением для того, чтобы пристроить себя и брата в весьма прибыльных частных финансовых предприятиях. В виду этого митрополит, Вырубова и Распутин сначала сами настаивали у Штюрмера на удалении Гурлянда, а затем, несмотря на свидание Гурлянда с Распутиным, как последний, так и означенные выше лица добились того, что императрица лично предложила Штюрмеру удалить от себя Гурлянда.

Вышеупомянутый гр. Борг, старый друг Штюрмера, бывший владимирский вице-губернатор, был вызван в Петроград Штюрмером, состоял чиновником особых поручений и был, благодаря своей энергии и умению вращаться в самой разнообразной среде, хорошим политическим осведомителем Штюрмера и помогал ему в борьбе с Хвостовым. В свою очередь и Хвостов собирал сведения о Борге и занялся расследованием дела Борга об его покровительственном отношении к одной водворенной во владимирскую губернию за германофильство семье, что чрезвычайно озлобило Борга.

Наружно наши отношения с Хвостовым оставались прежними, но свидания наши ограничивались официальными часами, при чем Хвостов заставлял меня ждать очереди для доклада, чего раньше не бывало. Совместные наши свидания с Распутиным продолжались. Однажды я спросил Распутина, до прихода Хвостова, отчего он не мог провести кандидатуру Хвостова в председатели совета министров. Распутин, улыбнувшись, ответил: «больно много сразу хочет А. Н. Хвостов; пусть не горячится; все будет в свою пору».

Хвостов за это время еще больше озлобился на Распутина и стал настоятельно требовать от Комиссарова скорейшего осуществления плана убийства. В это же

время Хвостов приблизил к себе прибывшего из Москвы дворянина Торопова, деятеля монархических организаций, намекавшего мне на свое близкое участие в партийной борьбе с революцией в Москве, когда был убит депутат Иоллос. Торопов много говорил мне о том, что он может предупреждать заговоры против сановников, императрицы и т. п. Как неуравновешенного человека, я отказался принять его на службу в департамент полиции, чего хотел Хвостов. Торопов проник и к Распутину, и к Вырубовой, которых встревожил своими рассказами о заговоре в Москве против императрицы и о плане насильственного заточения ее в монастырь. Зная участие Торопова в деле Иоллоса, я пришел к заключению, что Торопов, приближаясь к Распутину и Вырубовой, осуществлял замыслы Хвостова. Торопов после ареста Ржевского немедленно исчез из Петрограда.

ГЛАВА XX.

Мой разрыв с Хвостовым. — Дело Ржевского. — Арест Ржевского. — Его разоблачения. — Моя борьба с Хвостовым. — Моя отставка.

На почве ареста Ржевского произошел мой окончательный разрыв с Хвостовым.

Ржевский был близким Хвостову человеком еще в Нижнем-Новгороде, где он исполнял, в бытность там Хвостова губернатором, его секретные поручения, в особенности во время выборов в Государственную Думу депутата Барача, а впоследствии при борьбе с Кильвейном, не прошедшим в IV Думу. Но, по словам Хвостова, Ржевский часто подводил его в денежном отношении.

Ржевского до его приезда в Петроград я совершенно не знал, и он был принят в агентуру по личному желанию Хвостова. На меня Ржевский произвел неприятное впечатление, и я уклонялся от дачи ему поручений. Получив сведения о его широком образе жизни, я агентурным путем узнал, что Ржевский, занимая должность уполномоченного Красного Креста северо-западного района, злоупотребляет внеочередными свидетельствами на перевозку грузов. Расследование было произведено полк. Савицким, и, после откомандирования в виду этого Ржевского от министерства внутренних дел, я сообщил председателю общества Красного Креста о неблаговидных действиях Ржевского и доложил Хвостову о необходимости выслать этого агента.

Когда Ржевский вернулся вместе с своей гражданской женой из-за границы и явился ко мне, то стал меня умолять пощадить его, не подымая дела о злоупотреблениях. В виду того, что я был непреклонен, Ржевский, желая меня подкупить искренностью, заявил мне, что он за границу ездил не за покупкою мебели для литературного клуба, о чем он мне говорил ранее, а по секретному поручению Хвостова для свидания с Илиодором. Так как в первоначальный период наших совместных обсуждений плана убийства Распутина Хвостовым была высказана мысль о возможности сделать ответственным за это дело Илиодора, уже раз пытавшегося убить Распутина, то я понял, зачем посылал Хвостов Ржевского к Илиодору. Чтобы не связывать себя с Ржевским и по этому делу, я прервал его рассказ, указав ему, что, как агент министра, он не имеет права выдавать секретов, ему порученных. А затем я потребовал от Ржевского об'яснений по поводу двух протоколов, составленных жандармской властью в Белоострове при проезде Ржевского за границу. Едучи туда, Ржевский обиделся тоном жандармского офицера, потребовавшего у него и жены его паспорта, и угрожал офицеру своей близостью к министру внутренних дел. Офицер составил протокол. Возвращаясь из-за границы, Ржевский, зайдя в дежурную жандармскую комнату, начал справляться, какое направление дано протоколу, и советовал напра-

вить его не ко мне, а к Хвостову, по секретному поручению которого Ржевский ездил за границу. Указав Ржевскому на неуменье конспирировать, я сказал ему, что своего мнения не переменю и прошу его оставить мой кабинет.

В дальнейшем я решил посоветовать Хвостову решительно отказаться от услуг Ржевского и выслать его, если Хвостов будет со мной откровенен относительно данного за границей Ржевскому поручения. Если Хвостов будет конспирировать, то я сам решил арестовать Ржевского и выслать его. Хвостов после моего доклада — я не обнаружил, что знаю цель поездки Ржевского, — предоставил мне решить все это дело. В виду этого я отдал приказ Глобычеву арестовать Ржевского, произвести у него обыск и затем изготовить доклад об его высылке.

Пока еще Ржевский был на свободе, я заявил Хвостову, что, в интересах нашего плана о Распутине, необходимо отвести от него Комиссарова. Комиссарову я предписал заявить Распутину, что в виду частых тайных отлучек Распутина, исключающих возможность охраны, Комиссаров отказывается впредь охранять его. Я думал, что Распутин, насторожившись, будет после этого сидеть дома, а затем попросит вернуть ему Комиссарова. Но Комиссаров был так рад развязаться с Распутиным и излить чувство своего на него негодования за четыре месяца отношений с ним, что вышел из рамок данного ему мною поручения и так накричал и выругал Распутина, что семья его не только перепугалась, но и насторожилась против нас, передала обо всем по телефону Вырубовой, высказав свое недоверие к нам и предположение, что все это сделано нами с какой-либо целью против Распутина. Обо всем этом мне доложил Мануйлов. Я немедленно переговорил с Распутиным по телефону, извинялся за Комиссарова, — который, по словам Распутина, «уж больно шибко ругал он меня, прямо страсть, как шибко», — и советовал в эти дни никуда не выходить и пускать к себе лишь самых близких лиц. Узнав от Распутина, что Комиссаров увел от него и своих филеров, я приказал им вернуться.

На другой день я узнал, что Хвостов рвет и мечет по поводу того, что при произведенном у Ржевского обыске офицер взял, приобщил к делу и ознакомился с письмом Ржевского на имя Хвостова. Глобычев передавал мне, что в этом письме Ржевский просил Хвостова спасти его, тем более, что поездка за границу была предпринята по поручению его, Хвостова. Приехав к Хвостову, я услышал от него нервные обвинения Глобычева по поводу взятого письма. Я отвечал, что жандармский офицер не имел права иначе поступить и что, если бы Хвостов не конспирировался от меня в деле Ржевского, то ничего подобного не произошло бы, и что вообще все дело Ржевского не стоит беспокойства, ибо переписка зависит от усмотрения Хвостова. Тогда Хвостов сообщил мне, что Ржевский послал письмо и к Распутину, в котором возвел на Хвостова какие-то обвинения. Тут я заявил Хвостову, что гораздо лучше будет для всех нас отойти от Распутина и от той атмосферы, которой нам пришлось дышать в это время, а вместо всяких замыслов об убийстве Распутина, представить государю записку о поведении Распутина в форме выписок из филерского дневника за подписью Глобычева и Комиссарова и откровенно раскрыть глаза его величеству на личность Распутина. Если это может не привести, судя по бывшим примерам, к положительным результатам, то все же мы исполним свой долг. Хвостов согласился, и в одну ночь Глобычев и Комиссаров составили записку, которую утром я привез к Хвостову. Мы с ним отправились на вокзал вместе, и я старался дорогой укрепить его в мужестве для представления записки государю.

По возвращении Хвостова из Царского, я спросил его о записке. Хвостов отвечал мне, что он сделал устный доклад государю о Распутине, выставив последнего причиной анти-династического движения в стране, а затем передал и записку. По словам

Хвостова, государь в начале его доклада нервно вертел в своих руках карандаш, затем подошел к окну, начал барабанить по стеклу, и, когда доклад был кончен, государь взял записку и отнес ее в покои императрицы. Оттуда Хвостов слышал отзвуки повышенного разговора государя и государыни. Затем государь вернулся, оставил записку у себя и сухо попрощался с Хвостовым. Когда Хвостов вышел из кабинета, чтобы переодеться, то я попросил секретаря Графе посмотреть в портфеле министра, есть ли там записка о Распутине. Оказалось, что записка привезена обратно... Весь свой рассказ Хвостов, таким образом, сочинил, построив его на известных ему личных чертах государя. Хвостов продолжал вести со мной игру...

Вскоре я повидался с кн. Андронниковым, которому и рассказал про все разговоры о планах убийства Распутина. Андронников сообщил мне, что Хвостов уже сделал доклад государю о назначении меня вместо Князева иркутским генерал-губернатором. Жена моя была страшно рада этому назначению, да и я сам понял, что в моем выезде из Петрограда заключается спасение от тины, которая может меня засосать окончательно и довести до опозорения чести. В последующем моем разговоре с Хвостовым, когда я задал ему один вопрос: «за что?», он ответил, что все поправимо, если я ликвидирую Распутина. Затем я узнал из беседы, что, повидимому, Хвостов желает меня и Комиссарова сделать ответственными за все события, связанные с делом Ржевского. Я откровенно предупредил Хвостова, что я пока примиряюсь с положением дел, если Хвостов будет корректен и не заденет моего самолюбия. Затем я узнал, что везде и всюду вплоть до думских кругов Хвостов говорит про меня, что я, пользуясь близостью к Вырубовой и Распутину и интригуя против него, чтобы занять его должность, истолковал командировку Ржевского за границу, как шаг для организации убийства Распутина. В этом Хвостов изобличил, мол, меня перед государем, — поэтому меня решено удалить в Иркутск. Такое же освещение событиям дал Хвостов и в своей беседе с представителями совета редакторов М. А. Суворины и И. В. Гессеном*. Я понял, что в будущем, после моего от'езда, Хвостов постарается еще решительнее подорвать мой авторитет и добьется быстрого моего ухода из Иркутска.

В виду этого я добился через Осипенко и Мануйлова у митрополита того, что у последнего в покоях состоялось мое свидание с ним, со Штюрмером и Распутиным. Я рассказал всем им всю правду о деле Ржевского и заявил, что Хвостов желает так или иначе покончить с Распутиным. Но я не рассказал им о наших планах убить Распутина в автомобиле или отравить ядом, о последнем же знал со слов Андронникова и Распутин. Затем я рассказал и Вырубовой, в присутствии сидевшей в соседней комнате, чтобы слышать разговор для передачи его Распутину, сестры милосердия Акилины, все про планы убийства Распутина, упомянув и Воейкова. Свидания мои с Вырубовой возобновились. В ее руки попало письмо Ржевского, привезенное ей Симановичем от Распутина, в котором Ржевский обвинял Хвостова в поручении ему организации убийства Распутина. В виду этого Вырубова, заехав к Штюрмеру лично, передала ему это письмо с высочайшим повелением расследовать это дело, а затем, по поручению императрицы, просила генерала Беляева учредить через контр-разведку наблюдение за перепиской Ржевского.

Хвостов с этого момента старался всячески приблизить к себе Мануйлова, увеличил его содержание и просил держать его в курсе всех сведений. Но Мануйлов, передавая мне об этом, заметил, что он и не подумает служить интересам Хвостова и будет стоять на стороне Штюрмера. От Мануйлова я узнал о полученных через

---

* См. ниже, стр. 76 – 82.

ген. Беляева телеграммах Илиодора на имя Ржевского, в которых Илиодор настойчиво требовал высыки 5 т. р. для выезда пяти лиц из Саратовской губ., близких к Илиодору. Эти лица, как уверял Ржевский в своем первоначальном показании, должны были убить Распутина в автомобиле, шоффером на котором должен был быть Ржевский. Распутина хотели заманить на любовное свидание через посредство жены Ржевского. Труп Распутина должны были бросить в Неву. Но потом Ржевский, вследствие пристрастного допроса Гурляндом, изменил свое показание. Вырубова и Распутин, пока дознание не перешло в руки Гурлянда, очень интересовались показаниями Ржевского. Штюрмер ездил с докладами об этом деле к императрице, заезжая к Вырубовой, которая по тому же делу тоже приезжала к Штюрмеру. Хотя дознание о Ржевском получило неопределенный характер, однако Вырубова и Распутин усумнились в искренности Хвостова. Штюрмер же, не веривший Ржевскому под влиянием Гурлянда, все же ускорил высылку Ржевского. Поэтому Хвостов, несмотря на свое желание повидаться с Вырубовой и Распутиным, не мог получить от них приглашения, а обычный доклад его государю был отложен. Это вывело Хвостова из равновесия, и он, выслав кн. Андронникова навстречу Воейкову, ехавшему из своего имения, с подробным докладом, с целью заручиться поддержкой государя, — начал действовать против Вырубовой и Распутина, сделав обыски у некоторых близких Распутина и арестовав его друга Симановича, угрожая арестовать и Распутина, о чем и постарался довести до сведения Вырубовой. Эта угроза встревожила Вырубову, написавшую письмо к Хвостову с вопросом, правдивы ли дошедшие до императрицы сведения о предстоящем аресте Распутина? Это письмо Хвостов показывал очень многим лицам. Тогда я решил поехать к Вырубовой. Она мне сообщила, что в ответ на письмо Хвостов сказал ей по телефону, что он недоволен поведением ее и Распутина в этом деле и нежеланием с ним видеться. Вырубова, в виду этого, пригласила Хвостова и Распутина на примирительный обед. Тогда я раскрыл Вырубовой всю игру Хвостова, и она обед отменила. Хвостов понял, что его игра проиграна. Штюрмер при поддержке митрополита, Распутина и Вырубовой доказал государю необходимость ухода Хвостова и передачи портфеля ему, Штюрмеру.

Я торопился выездом из Петрограда. За несколько дней до от'езда ко мне зашел редактор «Биржевых Ведомостей» М. М. Гакебуш-Горелов и просил меня сообщить ему лично, но не для печати, историю Ржевского на случай, если после моего от'езда пришлось бы защищать меня в прессе.

Я взял с него слово не оглашать моего рассказа и передал все то, что Горелов напечатал затем в «Биржевых Ведомостях», несмотря на отданный приказ по цензуре — не касаться дела Ржевского. Статья вызвала большой шум; говорили о запросе в Думе по инициативе Керенского. Правая группа Государственного Совета была возмущена, и Кобылинский послал в «Вечернее Время» свою статью с требованием моей отставки. Хвостов же был так возмущен, что Замысловскому и Маркову стоило не мало усилий отговорить Хвостова от выступления на кафедре Государственной Думы. Тогда Хвостов потребовал от Штюрмера удовлетворения наказанием меня.

Что касается Гакебуша, о дружбе которого с Гурляндом я до тех пор не знал, то он об'яснил мне, что счел необходимым выступить в мою защиту. Разрешения печатать нашу беседу он от меня не добился, за моим отсутствием дома. Запретительный же циркуляр, по недоразумению, не попал в редакцию. Узнав о последствиях всего этого дела, Гакебуш предложил мне напечатать раз'яснение от моего имени и от редакции. Военная цензура, по приказанию Штюрмера, не разрешила к печати таких писем. Тем не менее я добился помещения моего письма в «Новом Времени», что мне окончательно повредило, так как до появления моего письма

можно было отрицать самый факт беседы*. После же — всякое сомнение в этом отпало. Как я узнал, Штюрмер послал по поводу письма доклад государю. Вслед за этим я был приглашен Штюрмером к нему на квартиру, и он передал мне высочайшее повеление об увольнении меня от должности иркутского генерал-губернатора с оставлением в звании сенатора. Штюрмер, по получении через день доклада обо мне, вызвал меня вновь к себе, показал мне указ о моей отставке с оставлением сенатором и высочайшее повеление о пожаловании мне 18 т. р. Прощаясь со мной, Штюрмер настойчиво мне рекомендовал, намекая на желание государя, уехать на некоторое время из Петрограда и добавил, что он думает, что и А. Н. Хвостов уедет также.

---

* Это письмо въ редакцію гласило: «М. г., покорнѣйше прошу васъ не отказать помѣстить мое заявленіе о томъ, что появившаяся въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» бесѣда со мною отъ 7 марта напечатана безъ моего на то разрѣшенія

7 Марта 1916 г. С. Бѣлецкій».

Новое Время — 8 Марта 1916 г.

Бесѣда съ А. Н. Хвостовымъ

въ февралѣ 1916 г.

I. В. Гессена

Со времени войны въ Петербургѣ было образовано всероссійское общество редакторовъ газетъ. Въ виду того, что военная цензура страшно свирѣпствовала и такъ какъ вообще повременная печать испытывала различныя затрудненія, мнѣ, въ качествѣ предсѣдателя общества, постоянно приходилось обращаться къ министрамъ съ ходатайствами и жалобами.

26 февраля 1916 г. вмѣстѣ съ товарищемъ предсѣдателя Общества М. А. Суворинымъ мы посѣтили министра внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостова по дѣлу объ измѣненіи нѣкоторыхъ параграфовъ устава Общества.

Мы застали въ пріемной нѣсколько лицъ, ожидавшихъ министра, но минутъ черезъ пять, когда изъ кабинета вышелъ какой то генералъ, были приглашены къ А. Н. Хвостову – мы.

Уродливо толстый, съ милымъ лицомъ и горящими глазами А. Н. Хвостовъ принялъ насъ весьма любезно и предупредительно.

Разсказавъ министру въ двухъ словахъ, что со стороны Департамента Полиціи не встрѣчается препятствій къ удовлетворенію нашего ходатайства объ измѣненіи устава, но что оно задерживается въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати, мы получили быстрый и рѣшительный отвѣтъ, что А. Н. Хвостовъ сегодня же скажетъ по телефону сенатору Судейкину о скорѣйшей посылкѣ удовлетворительнаго отвѣта.

– У насъ задерживающимъ центромъ можетъ быть только Департаментъ Полиціи, – прибавилъ министръ. – Разъ съ его стороны нѣтъ препятствій, то со стороны Главнаго Управленія нѣтъ никакихъ основаній задерживать Ваше ходатайство.

Такимъ образомъ, въ двѣ минуты, цѣль нашего посѣщенія была достигнута. Поблагодаривъ Хвостова и прощаясь съ нимъ, я спросилъ министра, что есть правды въ тѣхъ чудовищныхъ слухахъ, которые ходятъ по городу.

Какихъ слухахъ, – притворился Хвостовъ непонимающимъ.

– Если Вы не догадываетесь, какихъ, – то намъ остается еще разъ поблагодарить Васъ и раскланяться.

Да нѣтъ, позвольте! Что Вы имѣете въ виду?

– Очевидно, мы говоримъ о Ржевскомъ и Распутинѣ.

Ахъ! вотъ о чемъ! Это Васъ интересуетъ. Извольте! Я Вамъ разскажу.

И пригласивъ насъ сѣсть за круглый столъ, на которомъ лежало какое то «дѣло», министръ самъ усѣлся верхомъ на стулѣ и около двухъ часовъ разсказывалъ исторію Распутина-Ржевскаго.

– Ржевскаго, – сказалъ онъ, – я узналъ въ Новгородѣ, когда былъ тамъ губернаторомъ; его направили ко мнѣ его хорошіе знакомые съ просьбой оказать ему какую то помощь. Правда, мнѣ было и тогда уже извѣстно, что Ржевскій судился за ношеніе неприсвоенной формы. Ну, вѣдь это преступленіе не Богъ вѣсть. Я рѣшилъ помочь голодному человѣку, я пристроилъ его къ издававшейся тогда Барачемъ* газетѣ въ качествѣ сборщика объявленій; но въ первый же день Ржевскій растратилъ три рубля и былъ прогнанъ. Послѣ этого я потерялъ его изъ виду, но слышалъ, что онъ сталъ журналистомъ, весьма бойкимъ, что ему удалось проникнуть въ келію Илліодора, когда тотъ былъ заточенъ въ монастырѣ, и напечатать въ газетахъ бесѣду съ монахомъ. Мало того, вы, конечно, помните знаменитую статью въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» – «Мы готовы», появившуюся передъ войной и надѣлавшую столько шуму. Эта статья тоже была написана Ржевскимъ, подъ диктовку Сухомлинова, въ присутствіи казеннаго шпіона Мясоѣдова. И вотъ, когда я былъ назначенъ министромъ, мнѣ сообщили, что Ржевскій добивается свиданія со мной по какому то дѣлу; справившись, чѣмъ онъ теперь занимается, я узналъ, что онъ поступилъ въ ряды болгарской арміи во время балканской войны, получилъ тамъ знаки отличія, а теперь работалъ въ качествѣ помощника уполномоченнаго Краснаго Креста и при томъ на всѣхъ фронтахъ. Въ виду такихъ свѣдѣній я согласился принять Ржевскаго. На пріемѣ онъ мнѣ сообщилъ, что можетъ оказать русскому правительству большую услугу, убѣдивъ Илліодора отказаться отъ выпуска сочиненной имъ книги, компрометирующей нашъ Дворъ, и особеннно Наслѣдника Цесаревича. Его предложеніе показалось мнѣ весьма пріемлемымъ, тѣмъ болѣе, что мы имѣли свѣдѣнія о томъ, что нѣмцы собирались использовать заключающіяся въ этой книгѣ свѣдѣнія для распространенія ихъ путемъ разбрасыванія въ наши окопы прокламацій съ аэроплановъ. Имѣя однако въ виду прошлое Ржевскаго, я сказалъ ему, что денегъ впередъ дать ему не могу, такъ какъ я ему не вѣрю, и что нужно устроить такъ, чтобы платить Илліодору послѣ того, какъ книга будетъ уничтожена. Ржевскій согласился и вопросъ шелъ только о томъ, чтобы дать ему нѣкоторую сумму впередъ на необходимые расходы. Эту сумму брать изъ Департамента полиціи я не хотѣлъ, такъ какъ за все время своего управленія министерствомъ я не подписалъ ни одной ассигновки на секретные фонды и, если бы теперь я это сдѣлалъ впервые для Ржевскаго, то обратилъ бы общее вниманіе на то дѣло, которое нужно было сдѣлать въ большой тайнѣ. Поэтому я рѣшилъ написать министру финансовъ письмо о выдачѣ Ржевскому иностранной валюты на пять тысячъ рублей. Вотъ этимъ письмомъ и хотятъ теперь воспользоваться, какъ уликой противъ меня, но вы, конечно, понимаете, что если бы министръ внутреннихъ дѣлъ рѣшился на какое нибудь преступное дѣяніе, то онъ не оставлялъ бы такого яркаго слѣда какъ оффиціальное письмо. Но такъ какъ я дѣйствовалъ въ глубокомъ сознаніи своей правоты, то мнѣ не приходилось задумываться надъ выдачей Ржевскому валюты, хотя это закономъ и воспрещено. Ржевскій поѣхалъ въ Норвегію, но по дорогѣ, къ сожалѣнію, наскандалилъ: какого то жандарма обругалъ хамомъ и т. п. Когда же по этому поводу былъ составленъ протоколъ, Ржевскій заявилъ, что онъ является моимъ чиновникомъ и имѣетъ важную миссію. Ну, хорошо. Протоколъ былъ составленъ. Какъ же вы думаете, кому онъ долженъ былъ немедленно быть представленъ, если дѣйствительно Ржевскій мой чиновникъ и поѣхалъ по моему порученію. Отвѣтъ ясенъ. А въ дѣйствительности протоколъ былъ отъ меня скрытъ и узналъ я о немъ много времени спустя, когда Ржевскій былъ уже арестованъ. Когда Ржевскій вернулся, онъ мнѣ сообщилъ, что

* Видный дѣятель союза русскаго народа.

дѣло съ Илліодоромъ онъ уже устроилъ и при томъ такъ, что Илліодору не надо платить сразу всѣхъ денегъ, а по пять тысячъ рублей за годъ молчанія: прошелъ годъ молчанія – получи пять тысячъ рублей, еще годъ – еще пять тысячъ рублей, ну, а тамъ, когда война кончится, печатай, что хочешь.

Между тѣмъ ко времени возвращенія Ржевскаго въ Петербургъ, ко мнѣ стали поступать заявленія съ фронта о томъ, что Ржевскій обвиняется въ самыхъ разнообразныхъ преступленіяхъ – шантажахъ, растратахъ, мошенничествахъ и т. д. Возникъ вопросъ объ арестѣ Ржевскаго и вотъ тутъ его кто то предупредилъ о предстоящемъ обыскѣ. Узнавъ объ этомъ, Ржевскій, чтобы какъ нибудь спастись, рѣшилъ написать Распутину, что я подготовлялъ покушеніе на его жизнь черезъ посредство Илліодора; такъ какъ я своихъ чувствъ по отношенію къ Распутину не скрывалъ, и направо и налѣво открыто говорилъ, что ему было бы лучше состоять при Царѣ Небесномъ, чѣмъ при царѣ земномъ и, такъ какъ послѣ покушенія, произведеннаго на него этой глупой бабой*, Распутинъ сталъ чрезвычайно подозрителенъ, то онъ всему и повѣрилъ. Между тѣмъ, благодаря тому, что Ржевскій былъ предувѣдомленъ объ обыскѣ и арестѣ, всѣ документы, уличающіе его, были уничтожены и, напротивъ всѣ документы, которыми онъ надѣялся меня скомпрометировать, были подобраны и находились на самомъ видномъ мѣстѣ, – приходи, получай. Между прочимъ, при обыскѣ у него было найдено запечатанное письмо на мое имя. Какъ Вы думаете, что должны жандармы сдѣлать, найдя письмо запечатанное на имя шефа жандармовъ. Въ зубахъ они должны доставить его немедленно шефу жандармовъ, какъ реликвію оберечь его, а они письмо это вскрыли и подшили его къ дѣлу.

Послѣ этого я узнаю, что противъ меня возбуждается какое то разслѣдованіе; я прошу царя объ аудіенціи – мнѣ отказываютъ; тогда (– тонъ пріобрѣтаетъ игривый характеръ –) я размышляю, что я вѣдь не только министръ, а еще и членъ Гос. Думы и ношу придворное званіе, поэтому я долженъ все подробно сообщить съ одной стороны предсѣдателю Гос. Думы, съ другой – министру Императорскаго Двора. Къ послѣднему я успѣлъ съѣздить и разсказать, но къ предсѣдателю мнѣ уже не пришлось ѣздить, потому что меня немедленно приняли въ Царскомъ.

Министръ на этомъ остановился и мы ему задали вопросъ:

– Такъ значитъ на этомъ все дѣло и кончилось.

– Да, отвѣтилъ А. Н. Хвостовъ, – кончилось, но за симъ Илліодоръ прислалъ телеграмму на имя Распутина; если Васъ интересуетъ, то вотъ она, – и изъ лежащей передъ нимъ на столѣ папки министръ вынулъ бумажку, на которой была написана копія упомянутой телеграммы приблизительно такого содержанія: «Григорію Распутину. Петроградъ. Гороховая № 62. Имѣю убѣдительныя доказательства покушеній высокихъ лицъ твою жизнь. Пришли довѣренное лицо. Труфановъ.»

– Ну, и что же было послѣ полученія этой телеграммы?

– Послѣ этой телеграммы, отвѣчалъ А. Н. Хвостовъ, стали искать довѣренное лицо для производства разслѣдованія и, наконецъ, нашли его. Это лицо Вамъ вѣроятно не безызвѣстно, – это генералъ Спиридовичъ.

Замѣтивъ на нашихъ лицахъ недоумѣніе, А. Н. Хвостовъ съ дѣланнымъ смѣхомъ сказалъ.

– Не смотрите такъ трагически на все это, тутъ надо смотрѣть весело, не иначе.

– Но, вѣдь Вы же собственно хотите сказать, что противъ министра внутреннихъ дѣлъ ведется разслѣдованіе въ покушеніи его на убійство.

---

* Во время пребыванія Распутина на родинѣ въ Сибири, на него сдѣлано было неудачное покушеніе.

– Ну, отвѣчалъ А. Н. Хвостовъ, – какъ Вамъ сказать. Мнѣ говорятъ, что это меня не касается, что нужно разслѣдовать всѣ подробности; но если хотите, это дѣйствительно такъ. Гришка на меня очень золъ. Я прежде не вмѣшивался въ его поведеніе, но потомъ убѣдился, что онъ принадлежитъ къ международной организаціи шпіонажа, что его окружаютъ лица, которыя состоятъ у насъ на учетѣ и которыя неизмѣнно являются къ нему, какъ только онъ вернется изъ Царскаго, и подробно у него все выспрашиваютъ. Я счелъ себя обязаннымъ объ этомъ доложить Государю; но уже на другой день Гришкѣ обо всемъ было извѣстно и онъ хвасталъ передъ филерами, которые его охраняютъ, что онъ меня прогонитъ. Теперь я поставилъ Государю условіемъ, либо Гришка уѣзжаетъ, либо я ухожу. Мнѣ было категорически обѣщано, что на этой недѣлѣ его здѣсь не будетъ, но я не увѣренъ, что такъ случится. Теперь какъ разъ недѣля, когда царская семья говѣетъ, и это для меня очень неудобно, потому что я не могу безпокоить и надоѣдать. А вчера у Наслѣдника случилось кровотеченіе; позвали Гришку, какъ это ни странно, – но онъ дѣйствительно умѣетъ заговаривать кровь, какъ многіе мужики. Гришка отказался пріѣхать. Сегодня его прямо умоляла Государыня объ этомъ по телефону, и онъ, наконецъ, согласился поѣхать въ 3 часа. Что же будетъ послѣ этого, я не знаю; можетъ быть, къ часамъ 6 я получу письмо и покину эту квартиру.

Чтобы еще подзадорить Хвостова, мы ему задали вопросъ:

– Но откуда Вамъ извѣстны всѣ подробности поведенія Распутина и даже телефонные разговоры съ нимъ?

А. Н. Хвостовъ смѣрилъ насъ презрительнымъ взглядомъ.

– Какъ откуда извѣстно? За нимъ установлено строжайшее наблюденіе: его охраняютъ, во первыхъ, агенты Спиридовича, такъ какъ мнѣ уже не довѣряютъ; во 2-хъ, агенты министерства внутреннихъ дѣлъ и, наконецъ, мои агенты, которые за нимъ слѣдятъ. Такъ какъ онъ въ нихъ не разбирается и, опасаясь выѣзжать, сидитъ дома и скучаетъ, то онъ нерѣдко приглашаетъ ихъ всѣхъ къ себѣ чай пить и вступаетъ съ ними въ бесѣду. Какъ то, напримѣръ, на вопросъ о томъ, почему онъ такой задумчивый, онъ отвѣтилъ агенту: «да, вотъ все не могу рѣшить вопроса, созывать ли Думу или не созывать?» Филеры должны всегда вести подробный дневникъ; затѣмъ эти дневники между собой сравниваются и то, въ чемъ всѣ совпадаютъ и что представляетъ интересъ, вписывается въ журналъ. Этотъ журналъ, который содержитъ описаніе жизни Гришки чуть не по минутамъ, представляетъ совершенно исключительнаго интереса историческій документъ*.

– А этотъ документъ принадлежитъ министерству или Вамъ?

– Нѣтъ, онъ принадлежитъ министерству. А другой экземпляръ хранится лишь здѣсь, въ моей памяти, играя глазами, замѣтилъ Хвостовъ.

– А эти филеры докладываютъ Вамъ непосредственно?

– Нѣтъ, они докладываютъ старшему агенту, который уже докладываетъ мнѣ.

– Но, значитъ, старшій филеръ приходитъ сюда, въ этотъ кабинетъ и Вамъ непосредственно докладываетъ?

– Да, – отвѣчалъ А. Н. Хвостовъ недоумѣвающе, но это вѣдь статскій совѣтникъ.

– Объясните намъ, Алексѣй Николаевичъ, на чемъ основано такое вліяніе Распутина?

---

* Этотъ «документъ» мнѣ пришлось видѣть уже здѣсь въ Берлинѣ. Дѣйствительно, запись велась очень тщательно: отмѣчался день, часъ и продолжительность каждаго посѣщенія и каждаго выѣзда Распутина. Среди безчисленныхъ посѣтителей: министры, высшіе саповники и ихъ жены, директора банковъ, профессора и т. д. чередуются съ поклонницами старца и публичными женщинами, съ которыми Р. отправлялся въ общественныя бани.

– На это я тоже могу Вамъ отвѣчать совершенно откровенно: я производилъ самое тщательное разслѣдованіе и убѣдился безусловно, что въ его отношеніяхъ къ Государынѣ нѣтъ ничего низменнаго. Гришка поразительный гипнотизеръ; на меня, вотъ онъ не дѣйствуетъ, потому что у меня есть какая то неправильность, что ли, въ строеніи глазъ, и я не поддаюсь самому усиленному гипнотизму. Но вліяніе его настолько сильно, что ему поддаются въ нѣсколько дней и самые заматерѣлые филеры; на что уже, знаете, эти люди прошли огонь, воду и мѣдныя трубы, а чуть не черезъ каждые пять дней мы вынуждены мѣнять ихъ, потому что они поддаются его вліянію. Кромѣ того, на царя и царицу производила сильное впечатлѣніе его простая рѣчь: они привыкли тамъ слышать только рабское «слушаю-сь» и вытягиваніе въ струнку, и когда на этомъ фонѣ хитрый мужичокъ заговоритъ простымъ языкомъ, то это дѣйствуетъ очень сильно. А, наконецъ, какъ я Вамъ сказалъ, это умѣніе останавливать кровь. Извѣстно же, какое отвратительное бываетъ настроеніе, когда идетъ кровь изъ носу: наступаетъ вялость, болитъ голова. Онъ остановитъ кровь, погладитъ по головѣ, успокоитъ боль, – какъ же не испытывать къ нему чувства благодарности? Одна только великая княжна Ольга противъ него и на этой почвѣ происходятъ тяжелыя драмы. Вотъ на Рождество, напримѣръ, для него устраивали елку. Съ какой любовью вся царская семья ее убирала, навѣшивала свѣчки, подарки; онъ былъ позванъ на 6 часовъ, но всю ночь кутилъ съ грязными дѣвками въ Виллѣ Родэ; въ 9 часовъ утра его пьянѣе вина привезли домой, и онъ, какъ животное, свалился и безъ движенія лежитъ. Въ 3 часа агенты стали его будить: «вставай, сукинъ сынъ, тебѣ во дворецъ надо ѣхать». А онъ только мычитъ въ отвѣтъ. Насилу его съ помощью нашатырнаго спирта и т. п. подняли. Можете себѣ представить, въ какомъ видѣ этотъ мерзавецъ явился въ Царское. Но тамъ онъ мгновенно преображается и начинаетъ объяснять, что онъ всю ночь не спалъ, молился и что Николай Угодникъ будетъ намъ помогать. Да Государь самъ виноватъ, что Распутинъ играетъ такую роль. Если уже такой прохвостъ вамъ нуженъ, назначьте ему 10 тысячъ рублей въ мѣсяцъ, что вамъ это стоитъ, тогда бы онъ сидѣлъ себѣ спокойно и ни во что не вмѣшивался. Но тамъ вообще не имѣютъ понятія о деньгахъ. Приблизятъ къ себѣ какого нибудь молодца, кровь съ молокомъ, назначатъ его адъютантомъ или кѣмъ нибудь такимъ и даютъ ему 2 тыс. рублей въ годъ; такому молодцу двѣ тысячи въ день нужно, онъ и идетъ служить въ банкъ, а банки даромъ деньги не платятъ. Вотъ точно также и Распутинъ. Теперь у насъ точно установлено, что онъ проводитъ самыя разнообразныя дѣла. Да, быть можетъ, даже и не столько онъ, сколько окружающая его клика самыхъ темныхъ дѣльцовъ. Вотъ, напримѣръ, Вы знаете, конечно, это дѣло смоленскихъ дантистовъ, которые пріобрѣтали дипломы для полученія права жительства внѣ черты осѣдлости: Мы доподлинно знаемъ, что за помилованіе осужденныхъ судомъ распутинцы взяли 30.000 рублей, а самому Распутину изъ этого досталась только шуба и шапка – велика корысть. Между нимъ и его свитой происходятъ часто ссоры. Но свита умѣетъ его обойти и онъ тогда говоритъ: «ну, поставимъ крестъ» и начинаетъ работать дальше.

– Неужели Вамъ извѣстно даже и то, что Распутинъ во Дворцѣ говоритъ?

– Все должно быть извѣстно. А на дняхъ предсѣдатель Совѣта министровъ мнѣ приказываетъ по телефону, чтобы я Гришку охранялъ, какъ зеницу ока, и что я отвѣчаю за него своей головой. Ну, это вообще возвращеніе къ среднимъ вѣкамъ, и я спрашиваю Штюрмера, какъ же я долженъ охранять въ такомъ случаѣ? Мнѣ отвѣчаютъ: какъ Высочайшую особу. Я попросилъ письменнаго распоряженія. Но мнѣ не дали. Жаль. Былъ бы очень интересный документъ.

– Но у Распутина, – спросили мы, – есть же соперники?

– Да,– отвѣчалъ А. Н. Хвостовъ – есть нѣсколько кандидатовъ, но они ничего не стоятъ. Гришка, вѣдь это большая умница, а остальные все дребедень: какой то Олегъ, который хочетъ взять монашескимъ ражемъ, Мардарій философствуетъ въ высокопоставленномъ обществѣ, но это все ничего. Тутъ каждая компанія имѣетъ своихъ кандидатовъ, которые только и ждутъ случая, если судьба Гришки будетъ рѣшена. Тогда у царицы начнутся истерики, меланхолія и каждый разсчитываетъ пробраться.

– Ну, а Варнава какую роль играетъ?

– Варнава отстраненъ; они боятся его вліянія и поэтому Питиримъ съ Распутинымъ его отдалили, какъ удаляютъ всякихъ лицъ, которыя могутъ ослабить ихъ вліяніе. О, Питиримъ, это великій мерзавецъ, со своимъ секретаремъ Осипенко. Онъ явно стремится стать патріархомъ. И еще заставитъ о себѣ говорить.

Въ концѣ концовъ я бы могъ прекратить всю эту исторію. Вы знаете меня: я человѣкъ безъ задерживающихъ центровъ. Я люблю эту игру и для меня было бы все равно, что рюмку водки выпить, арестовать Распутина и выслать его на родину. Можетъ быть, не всякій жандармъ согласился бы исполнить мое приказаніе, но у меня есть люди, которые пошли бы на это. Но я не увѣренъ, что изъ этого выйдетъ: Государь его можетъ вернуть съ дороги, за нимъ могутъ послать императорскій поѣздъ, могутъ сами выѣхать къ нему навстрѣчу, – его и безъ того собираются переселить во дворецъ, чтобы гарантировать безопасность. Не будь теперь войны, я бы все таки это сдѣлалъ, но въ такое время я не рѣшаюсь компрометировать династію, я не могу допустить возможности такихъ послѣдствій.

А зачѣмъ, собственно, Вы такъ добиваетесь его отъѣзда. Вѣдь онъ уѣзжалъ уже нѣсколько разъ и возвращался назадъ. То же можетъ случиться и теперь.

– Да, чортъ его возьми, пускай потомъ возвращается. Мнѣ лишь бы теперь его не было здѣсь, во время вѣроятнаго оживленія съ наступленіемъ весной военныхъ дѣйствій. Вотъ въ это время пусть не будетъ здѣсь этотъ членъ шпіонской организаціи. Но пока что, я доставляю себѣ удовольствіе: каждый день я обыскиваю, арестовываю кого нибудь изъ его приближенныхъ и секретарей. Вотъ извольте, – и министръ показалъ на лежащую передъ нимъ папку –досье одного изъ обысканныхъ; это никто иной, какъ Добровольскій, инспекторъ народныхъ училищъ; вотъ Вамъ, – и министръ сталъ вынимать изъ папки документы и показывать намъ – вотъ Вамъ реестръ дѣлъ, которыя онъ проводилъ одной рукой оффиціально, а другой дѣйствуя закулисно; вотъ Вамъ копіи прошеній на Высочайшее имя, вотъ Вамъ письма Гришки (министръ показалъ большой конвертъ, на которомъ характернымъ почеркомъ Распутина было написано: «Саблеру Владиміру Карловичу, оберъ прокурору»). Къ сожалѣнію, мы его не сразу арестовали, а теперь уже не можемъ его получить къ допросу. Онъ – мы знаемъ доподлинно – засѣлъ въ Царскомъ, а полиція намъ отвѣчаетъ, что она не знаетъ, гдѣ онъ.

– Скажите же пожалуйста, – спросили мы, кто будетъ министромъ, если Вы выйдете въ отставку? Бѣлецкій?

– Нѣтъ, живо возразилъ А. Н. Хвостовъ. Вы напрасно противопоставляете меня Бѣлецкому. Я, конечно, очень недоволенъ Бѣлецкимъ, потому что, какъ видите, онъ не охранилъ моихъ интересовъ, но и тамъ имъ недовольны потому, что онъ точно также не сумѣлъ охранить Распутина.

– Однако, вѣдь говорятъ, что Распутинъ повторяетъ вслухъ: «Хвостовъ убивецъ, одинъ Степа* хорошій».

---

* т. е. Степанъ Бѣлецкій.

Министръ и бровью не повелъ при этихъ словахъ, онъ также весело отвѣтилъ:

– Нѣтъ, это онъ раньше говорилъ, а теперь ужъ и Степанъ никуда не годится. Нѣтъ, если я уйду, то будетъ министромъ или самъ предсѣдатель Совѣта министровъ, онъ очень этого желаетъ, или Ширинскій-Шахматовъ.

На этихъ словахъ мы стали прощаться съ министромъ, извиняясь, что отняли у него такъ много драгоцѣннаго времени; онъ же намъ сказалъ, что, напротивъ, онъ очень радъ тому, что имѣлъ возможность все намъ разсказать, что время ему теперь совсѣмъ не дорого, потому ровно ни чѣмъ онъ заниматься не можетъ: «съ утра до вечера мы занимаемся только этимъ и больше ничѣмъ.»

– Гдѣ ужъ тутъ Дума – отвѣтилъ онъ на наше замѣчаніе, – я даже избѣгаю и показываться туда, ибо что же я могу сказать, если мнѣ поставятъ какой нибудь вопросъ?

Остается добавить, что, когда мы вышли отъ министра, то въ пріемной оказалось очень много ожидающихъ, но –, что замѣчательно, – среди нихъ былъ и тотъ самый генералъ Спиридовичъ, который, по словамъ министра, назначенъ для разслѣдованія. Фигура Спиридовича, стоявшаго какъ разъ противъ двери въ кабинетъ министра, создавала такое впечатлѣніе, что Хвостовъ уже находится подъ домашнимъ арестомъ.

Екатеринославъ 1917—22 г. г.

З. Ю. Арбатова

Въ большомъ губернскомъ городѣ Екатеринославѣ, имѣвшемъ тогда около полумилліона жителей, среди которыхъ было до семидесяти пяти тысячъ рабочихъ металлистовъ, — февральскую революцію сдѣлали люди, пріѣхавшіе утреннимъ поѣздомъ изъ Харькова.

Они привезли вечерніе выпуски газеты «Южный Край», въ которыхъ сообщалось, что Императоръ Николай II отрекся отъ престола въ пользу Михаила Александровича. Сообщеніе это, сейчасъ-же перепечатанное мѣстными газетами, вышло экстреннымъ выпускомъ и было встрѣчено населеніемъ съ воодушевленіемъ и радостью...

Никто ничего не зналъ подробно о Михаилѣ Александровичѣ, но почему то всѣ были подъ внушеніемъ, что именно Михаилъ Александровичъ въ это тяжелое время нуженъ Россіи, и что спасеніе страна найдетъ только въ новомъ Романовѣ, который дастъ Россіи отвѣтственныхъ министровъ, разгонитъ всю нечисть Зимняго Дворца, и Россія, обновленная, принесшая въ жертву милліоны жизней своихъ сыновъ, станетъ Державой, очищенной отъ всякихъ Горемыкиныхъ, Штюрмеровъ и Распутиныхъ.

А въ первыхъ дняхъ марта мѣстныя газеты получили телефонныя сообщенія изъ Харькова о томъ, что Михаилъ Александровичъ отказался отъ тяжелой шапки Мономаха, что «полковникъ Николай Романовъ» арестованъ, а вся власть въ странѣ переходитъ къ Временному Правительству съ Керенскимъ, Милюковымъ, Гучковымъ.

Тогда была организована настоящая манифестація, во главѣ которой, придерживая одной рукой длинную кавалерійскую саблю, спокойно и дѣловито шагалъ помощникъ полиціймейстера, подполковникъ Бѣлоконь.

По телеграммѣ, полученной изъ Петербурга, предсѣдатель губернской земской управы К. Д. фонъ-Гесбергъ созвалъ большое совѣщаніе всѣхъ общественныхъ силъ города. Тутъ были врачи, адвокаты, представители рабочихъ больничныхъ кассъ... Засѣданіе продолжалось до разсвѣта, а къ утру была сформирована временная губернская власть, во главѣ съ Гесбергомъ.

Тогда-же было рѣшено всю полицію изолировать и профильтровать съ тѣмъ, чтобы рядовыхъ полицейскихъ выпустить, а въ чемъ либо провинившихся арестовать и предать суду.

Полицейскіе были загнаны въ большой залъ театра «Колизей», а одинъ изъ приставовъ, Борисъ Красовскій, заподозрѣнный въ провокаціи, былъ заключенъ въ тюрьму.

Работу по изоляціи полиціи продѣлалъ мѣстный гарнизонъ подъ руководствомъ директора завода Бѣлявскаго, взявшаго себѣ въ помощники одного изъ дѣятелей рабочей больничной кассы, рабочаго, соціалиста-революціонера, Лавра Шаляхина.

Когда стало очевиднымъ, что Монархія провалилась и что Временное Правительство какъ будто и въ самомъ дѣлѣ является властью, тогда, къ концу первой половины марта, во многихъ учрежденіяхъ потихоньку и осторожно стали снимать и прятать на чердаки Царскіе портреты.

Полицейскія обязанности, вплоть до работъ по дѣламъ уголовнаго розыска взяли на себя студенты-юристы.

На заводахъ стали организовываться заводскіе комитеты. Появились меньшевики, эс-эры, большевики; пошли митинги, собранія; появились расцѣночныя и контрольныя комиссіи; однимъ дыханьемъ былъ введенъ восьми-часовый рабочій день и замѣтно стала понижаться продуктивность рабочихъ. Были созданы какія-то спеціальныя рабочія комиссіи по провѣркѣ правильности предоставленныхъ военно-обязаннымъ отсрочекъ по призыву въ армію; какъ грибы послѣ дождя стали расти профессіональные союзы и объединенія; пошла въ ходъ рабочая оппозиція; вошли въ моду паритетныя начала; наиболѣе расторопные и толковые рабочіе, съ нескрываемымъ удовольствіемъ, отъ продуктивныхъ станковъ перешли въ различныя разговорныя комиссіи: организовался Совѣтъ рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ во главѣ съ предсѣдателемъ, рабочимъ Брянскаго завода, Орловымъ.

О провинціи никто не заботился. Всѣ эти маленькіе уѣздные Александровски, Павлограды и Бахмуты жили своей отдѣльной жизнью; какъ-то по своему передѣлывали житейскія формы на новый революціонный ладъ; забытые центромъ, лишенные авторитетной и опредѣленной власти уѣзды быстро катились къ самой страшной анархіи.

Всякій уѣздъ, каждая волость создавали для себя особые имъ выгодные законы.

Губернская власть, занятая собственными заботами и, въ свою очередь, не получавшая никакихъ указаній изъ Петрограда, распространяла свои дѣйствія и мѣропріятія только въ масштабѣ губернскаго города и все видимо катилось къ пропасти.

Въ Городской Думѣ, состоявшей изъ выборныхъ различныхъ политическихъ партій, происходила ожесточенная грызня и борьба между фракціями и секціями, правыми и лѣвыми... Дѣловые вопросы оставались безъ движенія, или тонули въ политическихъ спорахъ, а вражда партій съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обострялась...

Тогда-же вполнѣ самостоятельной единицей стало село Гуляй-Поле, въ которомъ прочно засѣлъ вернувшійся съ каторги каторжанинъ Несторъ Махно, окруживший себя въ селѣ нѣсколькими десятками такихъ-же уголовныхъ каторжанъ.

Послѣ Корниловскихъ событій, изъ Петрограда особымъ поѣздомъ пріѣхало въ Екатеринославъ триста рабочихъ, присланныхъ какимъ-то центральнымъ профессіональнымъ органомъ съ мандатомъ за подписью какого-то военнаго инженера, съ указаніемъ, что мѣстное общество заводчиковъ обязано этихъ товарищей-рабочихъ немедленно распредѣлить по заводамъ съ предоставленіемъ имъ заработка по всѣмъ пунктамъ ставокъ, — и настроеніе въ заводскихъ кругахъ понизилось.

На мандатѣ этомъ, помимо подписи военнаго инженера, были еще какія-то двѣ подписи пролетарской каллиграфіи, и въ тихую лужу былъ брошенъ первый камешекъ.

Ни приказъ номеръ первый, ни роковое іюньское наступленіе, ни общая очевидная безсистемность въ управленіи Великой страной не произвели такого впечатлѣнія, какъ эта небрежно написанная бумажка съ двумя пролетарскими подписями...

Устроили совѣщаніе. На этомъ совѣщаніи впервые были услышаны слова о буржуяхъ, капиталистахъ, кровопійцахъ-директорахъ и о наймитахъ французскаго капитала.

Начавъ свою рѣчь страннымъ обращеніемъ «товарищи-директора», представитель присланныхъ изъ Петрограда рабочихъ, пролетарій въ военной одеждѣ, произнесъ жуткую по безсмысленности рѣчь о мести рабочаго класса, о красномъ террорѣ и о соціализаціи... Вся эта рѣчь произвела впечатлѣніе плохо заученной и перепутанной прокламаціи, которую пріѣхавшіе рабочіе привезли изъ Петрограда.

При страшномъ паденіи продуктивности, при катастрофической дезорганизаціи фабрично-заводскихъ предпріятій въ смыслѣ ихъ административнаго управленія, размѣщеніе присланныхъ трехсотъ рабочихъ являлось поднесеніемъ спички къ бочкѣ пороху. Но настойчивыя требованія питерскихъ рабочихъ и начавшіяся съ ихъ стороны угрозы заставили заводчиковъ размѣстить этихъ гостей по предпріятіямъ среди своихъ старыхъ спокойныхъ рабочихъ, сразу почувствовавшихъ приливъ свѣжей ярко-красной струи.

На заводахъ все чаще и чаще стали возникать тренія съ администраціей и высшимъ техническимъ персоналомъ, — который частенько стали вывозить изъ цеховъ на тачкахъ подъ общій шумъ и свистъ рабочихъ.

Появились воззванія и прокламаціи о сверженіи буржуазнаго Временнаго Правительства капиталистовъ; стали на заводахъ образовываться какія-то красногвардейскія ячейки; во время работъ давались тревожные гудки, пріостанавливались работы въ цехахъ и устраивались митинги; раздавались открытыя требованія къ удаленію администраціи и взятію фабрикъ въ руки рабочихъ; по какому либо простому случаю, а часто и безъ всякаго повода дѣлались попытки къ массовымъ выходамъ съ красными знаменами на улицу и во всѣхъ этихъ взвинчивающихъ и разжигающихъ сравнительно спокойную рабочую массу кучкахъ — всегда появлялись рабочіе изъ петроградской партіи.

Всѣ они, разсыпанные небольшими группами въ двадцать — тридцать человѣкъ по заводамъ, появлялись въ цехахъ только для того, чтобы произнести короткую зажигающую рѣчь, а сами быстро проникли въ различные рабочіе союзы и организаціи, ведя открытую, вызывающую и смѣлую борьбу.

На заводахъ появились винтовки; организовалась запись въ красную гвардію; во время работъ тутъ-же на заводахъ производились оружейныя занятія и маршировки, руководимыя тѣми-же питерскими рабочими.

И когда, какъ-то осенью, Керенскій исчезъ — въ Екатеринославѣ съ поразительной быстротой и неожиданностью объявился Временный Революціонный Штабъ.

Занявъ большой особнякъ князя Урусова, Революціонный Штабъ, состоявшій изъ двухъ рабочихъ петроградской партіи, Каверина и Васильева, и одного рабочаго Брянскаго завода, Аверина, — сразу взялся за реквизиціи, аресты и разстрѣлы.

Отъ населенія вниманіе Штаба было случайно отвлечено, объявившимся въ одно время съ Революціоннымъ Штабомъ — Штабомъ анархистовъ. Потомъ выплылъ какой-то штабъ украинцевъ и все свелось къ тому, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ съ болѣе или менѣе продолжительными перерывами на улицахъ города происходили ружейныя и пулеметныя перестрѣлки: — то между Революціоннымъ Штабомъ рабочихъ и украинцами, то между анархистами и рабочими, а къ Рождеству вспыхнула общая свалка и по всему городу летали пули и трещали пулеметы...

Воспользовавшись общей свалкой, Махно, грабившій тогда только маленькіе уѣздные города, рѣшилъ побывать и въ «губерніи».

Подойдя къ пос. Амуръ, Махно открылъ пулеметный огонь по желѣзнодорожной части города и, такъ какъ никто ничего не зналъ о новомъ участникѣ боя, то произошло замѣшательство и каждая сторона, участвовавшая въ бою, сократила свои боевыя дѣйствія.

Въ Революціонномъ Штабѣ рабочихъ было высказано предположеніе, что это на помощь рабочимъ Екатеринослава идутъ рабочіе Амура и Нижне-Днѣпровска.

Когда Махновцы въ числѣ около трехсотъ человѣкъ вошли въ городъ и каждаго встрѣчавшагося на улицѣ тутъ-же безъ всякихъ разспросовъ разстрѣливали, всѣ участники уличнаго боя попрятались.

И по городу весь день перваго января восемнадцатаго года разгуливали махновцы.

Ограбивъ крупнѣйшіе магазины Озернаго базара, махновцы подожгли зданія магазиновъ и вся привокзальная часть города озарилась яркимъ свѣтомъ пламени. Самъ Махно поставилъ посреди проспекта трехдюймовую пушку и въ упоръ

стрѣлялъ въ наиболѣе высокіе и красивые дома. Спѣшившій на поддержку дравшихся украинцевъ полковникъ Самокишъ, ворвался въ городъ со стороны Горяиново во главѣ около пятидесяти всадниковъ и большую часть махновцевъ перебилъ. Къ вечеру большевики, разобравшіеся въ боевой обстановкѣ, снова выступили и добили остатки Махновской шайки и отрядъ Самокиша.

Первое кровавое посѣщеніе Махно Екатеринослава прибавило къ общему числу жертвъ свыше трехсотъ труповъ...

Въ короткіе отъ боевыхъ столкновеній перерывы, рабочій Аверинъ сорганизовалъ свой новый коммунистическій Совѣтъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ депутатовъ и, взявъ у украинцевъ штурмомъ домъ бывшій губернатора, загналъ туда пару десятковъ смущенныхъ и недоумѣвавшихъ депутатовъ-рабочихъ, выпустивъ тогда-же приказъ о полномъ подчиненіи Революціоннаго Штаба всѣмъ распоряженіямъ Совѣта.

Но анархисты не унимались; украинцы затаили чувство мести, и къ концу января снова вспыхнули уличные бои.

Оперировавшій тогда въ Харьковѣ Антоновъ, разстрѣлявшій тамъ же на седьмомъ пути харьковскаго вокзала губернатора Кошуру-Массальскаго, присылалъ Екатеринославу подкрѣпленія въ видѣ безработныхъ и вооруженныхъ рабочихъ и казалось, что вотъ Временный Революціонный Штабъ Аверина окончательно раздавитъ и анархистовъ, и украинцевъ. Но въ Екатеринославъ неизвѣстно какими путями изъ совершенно отрѣзаннаго Кіева прибылъ Центральный Исполнительный Комитетъ Украинскихъ Коммунистовъ, носившій сокращенное названіе «Цикука». Занявъ одну изъ большихъ залъ Англійскаго клуба, Цикука, состоявшая изъ трехъ рабочихъ, вооруженныхъ австрійскими ручными пулеметами, занялась примиреніемъ враждующихъ партій. Предсѣдатель Цикуки, Миронъ Трубный, заводскій конторщикъ, изъ Штаба Аверина велъ переговоры съ украинцами; изъ Штаба анархистовъ кто-то велъ мирные переговоры съ Штабомъ Аверина, а загнанные Аверинымъ въ Совѣтъ рабочіе уныло болтались по просторнымъ комнатамъ губернаторскаго дома, унося домой, отъ нечего дѣлать, попадавшіяся подъ руки мелкія вещи...

Лежавшій на полу большущій текинскій коверъ былъ миролюбиво разрѣзанъ на равныя части и каждый изъ депутатовъ отнесъ домой по куску ковра.

Но какъ-то въ апрѣлѣ, какъ разъ въ тотъ день, когда всѣ партіи пришли къ соглашенію и почти безоговорочно рѣшили подчиниться власти Совѣта, на Чечелевку, окраинную часть города, упалъ и разорвался шестидюймовый снарядъ.

По распоряженію Васьки Аверина всѣ заводскіе гудки тревожно загудѣли. Рабочимъ, состоявшимъ въ красно-гвардейскихъ ячейкахъ, были розданы винтовки, патроны и пара пулеметовъ.

Аверинъ произнесъ рѣчь о наступающихъ петлюровскихъ бандахъ, впереди которыхъ идутъ помѣщики и попы... Было надѣлено оружіемъ около шестисотъ человѣкъ.

Разбитые на нѣсколько отрядовъ рабочіе, красно-гвардейцы, заняли вокзальную часть города; прождавъ около часу, они рѣшили выйти навстрѣчу противнику и, оставивъ небольшой караулъ на вокзалѣ, вышли на версту за городъ, разбившись на небольшіе отдряды. Продвинувшись глубже въ степь, они со страшной для нихъ неожиданностью съ трехъ сторонъ были засыпаны винтовочнымъ и пулеметнымъ огнемъ.

Никто изъ бывшихъ тамъ рабочихъ не вернулся въ городъ: легли всѣ.

Когда трескъ пулеметнаго и частаго оружейнаго огня донесся до города, всѣ Штабы исчезли. Аверинъ, Васильевъ и Каверинъ усѣлись въ автомобиль и бѣжали въ сторону Синельниково, а на разсвѣтѣ по центральной улицѣ города увѣренно и грузно шагали роты нѣмецкихъ солдатъ.

Къ утру въ помѣщеніи рабоче-крестьянскаго совѣта, какъ ни въ чемъ не бывало, работала нѣмецкая комендатура и по телеграфнымъ столбамъ нѣмецкіе солдаты спокойно проводили телефонные провода.

* * *

Никто ничего не понималъ.

Выяснилось, что сейчасъ городъ подъ властью Петлюры.

Къ обѣду перваго-же дня занятія города, въ саду игралъ нѣмецкій оркестръ военной музыки; по городу проѣхало нѣсколько платформъ съ трупами убитыхъ нѣмцами рабочихъ, захваченныхъ на вокзалѣ съ винтовками въ рукахъ.

И весь день безъ перерыва по мосту черезъ Днѣпръ, направляясь въ сторону Харькова, шли нѣмецкія войска.

А дня черезъ два появились въ городѣ какіе-то странные люди въ цвѣтныхъ широкихъ шароварахъ, яркихъ кафтанахъ, разговаривавшіе на ломанномъ русскомъ языкѣ, но дѣлавшіе видъ, что русскаго языка совершенно не понимаютъ.

На городъ нѣмцы наложили контрибуцію въ триста тысячъ рублей; созванная Дума контрибуцію разложила на населеніе.

Съ второго дня прихода нѣмецкихъ войскъ, начался сборъ военноплѣнныхъ нѣмцевъ, австрійцевъ и турокъ. Незначительное количество плѣнныхъ нѣмцевъ и турокъ, тысячи плѣнныхъ австрійцевъ, по два года проведшихъ на заводахъ города и раіона, были переписаны, отправлены въ баню и частыми поѣздами въ теченіе трехъ дней, счастливые и довольные, уѣхали домой.

Отдѣльныя единицы изъ плѣнныхъ уклонились отъ возвращенія на родину, такъ какъ во время пребыванія въ городѣ различныхъ штабовъ занимали тамъ какіе-то посты и, производя реквизиціи и аресты, не забывали о черномъ днѣ и о «грядущей старости». Чувствуя возможность повторенія условій, при которыхъ снова смогутъ возникнуть Штабы, — эти плѣнные вмѣстѣ съ большевиками, застрявшими въ городѣ, ушли въ подполье, скрываясь и проживая подъ чужими документами.

Не успѣли мы порядкомъ познакомиться съ новой петлюровской властью, какъ опять люди, пріѣхавшіе пароходомъ изъ Кіева, привезли намъ новую революцію и, кисло радуясь, поздравляли насъ съ новымъ покровителемъ гетманомъ Павло Скоропадскимъ. И тутъ-же показали манифестъ гетмана, въ которомъ онъ называлъ насъ «своимъ народомъ».

Въ городѣ все осталось по прежнему: тѣ-же нѣмецкія войска; та-же нѣмцами поставленная старая полиція; понемногу начали дымить заводскія трубы; отправился первый скорый поѣздъ на Кіевъ; потомъ пошелъ первый поѣздъ на Харьковъ и тогда только мы узнали, что Россія кончается за Харьковомъ — тамъ, — гдѣ начинается Бѣлгородъ...

Курскъ, Орелъ, Тула, Москва и Петербургъ остались за границей.

И столицей нашей сталъ Кіевъ.

Пока въ Кіевѣ Суозифъ (Соед. Укр. о-во заводчиковъ и фабрикантовъ) сокращалъ права Протофиса (Союзъ Пром., Торг., Фин., и Сельск. Хоз.), а Протофисъ пытался совсѣмъ уничтожить Суозифъ, украинское крестьянство, избиваемое помѣщиками и гетманскими приказными (нѣчто вродѣ полицейскихъ урядниковъ), потихоньку пускало скорый поѣздъ подъ откосъ или убивало нѣсколько нѣмецкихъ солдатъ...

Потомъ, пробравшійся въ Кіевъ представитель красной Россіи, Раковскій ожесточенно торговался съ гетманскими министрами о границахъ; велъ горячіе переговоры и споры о какомъ-то торговомъ и транзитномъ договорѣ между Украиной и красной Россіей, а тѣмъ временемъ, на украинской границѣ Дыбенко накоплялъ красныя части, а разсыпанныя по Украинѣ коммунистическія ячейки подстрекали крестьянъ и рабочихъ къ бунтамъ и возстаніямъ.

Вспыхнула революція въ Германіи. Подъ развалинами Вильгельмовскаго трона погибъ и гетманъ Скоропадскій. Появился снова Петлюра, но уже съ Директоріей.

Обезоруженные петлюровцами, опечаленные событіями на родинѣ, уныло пробирались съ Украины въ Германію остатки нѣмецкихъ войскъ.

И въ Екатеринославѣ опять появились анархисты; выползли изъ подполья большевики и, почью крадучись въ сторону Александровска, вышелъ изъ города начавшій формироваться восьмой офицерскій корпусъ.

Раковскій продолжалъ свой торгъ съ Петлюровской Директоріей, а Дыбенко

по стопамъ откатывавшихся германскихъ войскъ вошелъ въ Харьковъ, занялъ Лозовую, придвинулся къ Синельниково и въ началѣ января уже девятнадцатаго года занялъ Екатеринославъ.

* * *

Послѣ пестрыхъ шароваръ петлюровскихъ «добродіівъ», умудрившихся изъ Воробьевыхъ стать Воробьцами, а изъ Петровыхъ перекраситься въ Петренковыхъ; послѣ Цикуки съ одноглазымъ Мирономъ, по улицамъ города стройными рядами прошли русскіе люди, въ русскихъ шинеляхъ, съ русскими винтовками на плечахъ, громко и заливчато распѣвая «Соловья».

А впереди совѣтскихъ ротъ нормальнымъ пѣхотнымъ шагомъ шли наши русскіе поручики, капитаны, усталые и мрачные.

И тутъ-же на площади восторженный юноша, взобравшись на какую-то будку, сталъ произносить рѣчь, восхваляя непобѣдимую красную армію, пришедшую съ сѣвера на югъ освободить своихъ братьевъ, товарищей-рабочихъ.

Въ городъ съ войсками вошелъ главнокомандующій первой украинской красной арміей Дыбенко вмѣстѣ съ политическимъ комиссаромъ арміи Петровскимъ, впослѣдствіи ставшимъ во главѣ Центральнаго Исполнительнаго Комитета Украины.

На устроенномъ въ Большомъ театрѣ митингѣ, Петровскій упрекалъ рабочихъ въ инертности и въ холодной встрѣчѣ, оказанной ими вошедшимъ въ городъ краснымъ войскамъ.

Рабочіе хмуро слушали Петровскаго и только зажигательная, чисто митинговая рѣчь Дыбенко нѣсколько подняла настроеніе рабочихъ, отчетливо помнившихъ послѣдніе дни власти Совѣта, когда Аверинъ послалъ рабочихъ на вокзалъ отбить банды петлюровцевъ, а самъ на автомобилѣ умчался въ противоположную сторону, подставивъ ничего не знавшихъ и довѣрившихся ему рабочихъ подъ четкій и косящій огонь нѣмецкихъ пулеметовъ.

Утромъ Дыбенко устроилъ парадъ войскамъ. Уныло плелись небольшія группы рабочихъ, неся красныя знамена, съ мертвыми, никого не волновавшими надписями: «вся власть совѣтамъ».

Когда-же рѣявшій надъ войсками красный аэропланъ при спускѣ перевернулся и пропеллеромъ сорвалъ головы у двухъ красныхъ кавалеристовъ, а самого летчика окровавленнаго и полуживого извлекли изъ подъ обломковъ аэроплана, всякій подъемъ окончательно пропалъ и рабочіе разбрелись на окраины, тихо что-то шепча о Божьемъ предзнаменованіи, о кровавой судьбѣ баламутящихъ жизнь коммунистовъ.

Появившіеся въ городѣ русскіе солдаты, старыя солдатскія пѣсни дали нѣсколько минутъ отдыха послѣ насильственной и принудительной украинизаціи, но когда къ утру изъ Москвы, черезъ Харьковъ, пріѣхалъ старый знакомый Васька Аверинъ въ городѣ стало жутко.

Съ первой-же минуты пріѣзда Аверина пошли аресты; въ тотъ-же день былъ созванъ прежній составъ Совѣта рабочихъ депутатовъ.

Во всѣхъ дѣйствіяхъ Аверина, пробывшаго нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ, отсутствовало его прежнее разгильдяйство, исчезла грубость, внѣшняя некультурность, а чувствовалась какая-то планомѣрность въ проведеніи заранѣе составленнаго плана.

Въ теченіе двухъ недѣль Аверинъ, выступавшій какъ представитель Народнаго Комиссаріата Украины по внутреннимъ дѣламъ, создалъ всѣ учрежденія совѣтскаго аппарата, всюду давая руководящія указанія и самостоятельно назначая отвѣтственныхъ партійныхъ руководителей. Снова появился изъ подполья рабочій Шаляхинъ, ставшій во главѣ отдѣла соціальной помощи; цеховой конторщикъ латышъ Квирингъ, впослѣдствіи делегатъ въ Ригѣ при заключеніи мира съ Польшей, взялъ на себя веденіе Губернскаго отдѣла Совнархоза; извѣстный и нѣсколько разъ судившійся въ Окружномъ судѣ конокрадъ цыганъ Николай Хавскій занялъ постъ завѣдывающаго

отдѣломъ Коммунальнаго хозяйства; латышъ-слѣсарь Межлаукъ — опредѣлился на постъ комиссара Екатеринской желѣзной дороги; во главѣ военнаго губернскаго комиссаріата сталъ, пришедшій съ войсками, нѣкій Бергъ; политическимъ секретаремъ губерніи былъ назначенъ коммунистъ Эпштейнъ; во главѣ губернскаго отдѣла народнаго образованія сталъ капельдинеръ кинематографа въ Юзовкѣ безграмотный Карповскій, впослѣдствіи смѣщенный студентомъ первокурсникомъ Митясовымъ; веденіе отдѣла народнаго здравоохраненія было поручено сыну проститутки Гурсину, а во главѣ Исполкома, какъ-то само по себѣ, на посту предсѣдателя остался Васька Аверинъ.

Тогда-же въ домѣ инженера Нѣпокойчицкаго послѣдней была организована Чека, предсѣдателемъ который сталъ рабочій завода «Шодуаръ» Валявка.

И государственный аппаратъ въ губернскомъ масштабѣ былъ налаженъ.

А къ веснѣ большевики все чаще стали устраивать митинги, проклиная царскаго генерала Деникина, холоповъ-казаковъ и призывая рабочихъ къ защитѣ Донецкаго бассейна.

Пріѣхалъ въ Екатеринославъ Раковскій, доказывавшій на митингѣ рабочимъ, что Донбассъ является кочегаркой міровой революціи и что если пролетаріатъ потеряетъ Донбассъ, то погибнетъ и вся пролетарская революція.

Потомъ пріѣхалъ Бубновъ — членъ Совѣта Обороны Украины и до хрипоты призывалъ рабочихъ вступать въ ряды Красной Арміи.

Наконецъ пріѣхалъ самъ Левъ Троцкій.

Та-же многотысячная толпа, съ восторгомъ встрѣчавшая въ пятнадцатомъ году Императора Николая II, высыпала на улицы и молча встрѣтила краснаго диктатора.

Съ вокзала Троцкій направился въ Большой театръ, гдѣ уже съ ранняго утра набились тысячи рабочихъ.

Докладъ Троцкаго о положеніи Республики продолжался четыре часа.

Проживавшая въ то время родная сестра Троцкаго, жена доктора Мейльмана, стремившаяся повидаться съ братомъ, не достигла цѣли, т. к. Троцкій не нашелъ свободной минуты, чтобы принять сестру.

На митингѣ Троцкій, заканчивая докладъ, объявилъ Екатеринославъ красной крѣпостью, и тогда всѣ облегченно вздохнули. Стало очевиднымъ, что Добровольцы приближаются и что избавленія отъ ежедневныхъ разстрѣловъ Валявки и отъ всей совѣтской власти осталось ждать недолго.

Уѣхалъ Троцкій и въ городъ въ спѣшномъ порядкѣ прибыла пѣхотная дивизія подъ командованіемъ капитана царской арміи Федотова, служившаго въ Красной арміи подъ украинской фамиліей Федько. Уѣхалъ и Дыбенко, передавъ командованіе всей I-ой Украинской Арміей Федько, ставшему Командармомъ.

Производились частые выѣзды штаба Федько за городъ; разставлялись въ разныхъ частяхъ города пушки; по ночамъ прорѣзали темноту, прощупывая небо, мутные лучи прожекторовъ.

Власть отъ Губернскаго Исполкома перешла цѣликомъ къ «Особой Тройкѣ по оборонѣ города отъ наступающихъ бандъ Деникина». Въ тройку вошли: Н. Хавскій, Ломовскій, бывшій меньшевикъ, перешедшій къ коммунистамъ, и студентъ Бекъ.

Городъ былъ объявленъ на осадно-крѣпостномъ положеніи. Уже съ пяти часовъ вечера нельзя было не только появляться на улицахъ, но подъ угрозой разстрѣла запрещено было выглядывать съ балконовъ или изъ оконъ.

Ночами Валявка безпрерывно и торопливо разстрѣливалъ содержавшихся въ Чека. Выпуская по десять-пятнадцать человѣкъ въ небольшой, спеціальнымъ заборомъ огороженный, дворъ, Валявка съ двумя-тремя товарищами выходилъ на середину двора и открывалъ стрѣльбу по этимъ совершенно беззащитнымъ людямъ. Крики ихъ разносились въ тихія майскія ночи по всему городу, а частые револьверные выстрѣлы умолкали только къ разсвѣту.

Опасаясь внезапнаго налета бѣлыхъ, Валявка рѣшилъ «вывести въ расходъ» всѣхъ, по его мнѣнію, контръ-революціонеровъ, и страшной тайной остались сотни

именъ тѣхъ людей, которыхъ озвѣрѣлый Валявка отправилъ на тотъ свѣтъ. Тамъ были и петлюровскіе офицеры, и офицеры бывшей царской арміи; случайно задержанные на улицѣ люди безъ документовъ; арестованные за контръ-революцію священники. И по какой-то кошмарной случайности удалось найти трупъ того самаго подполковника Бѣлоконя, который важно сопровождалъ манифестантовъ въ первые дни февральской революціи.

Когда поздно ночью грузовикъ отвозилъ на свалочное мѣсто за городъ первую партію разстрѣлянныхъ Валявкой труповъ, тѣло Бѣлоконя, лежавшее на верху кучи, отъ сильныхъ толчковъ и быстраго хода грузовика соскользнуло и упало на дорогу, а на разсвѣтѣ жители въ трупѣ узнали Бѣлоконя.

* * *

Въ городъ стали проникать слухи о томъ, что идетъ Генералъ Деникинъ съ милліонной Добровольческой Арміей, тотъ самый Деникинъ, который не такъ давно отрѣзалъ правду-матушку военному министру Керенскому; что за Деникинымъ идетъ все казачество и нѣсколько корпусовъ чернокожихъ стрѣлковъ.

Упорно утверждали, что на Екатеринославскую губернію уже назначенъ губернаторъ и даже называли фамилію Щетинина.

По вечерамъ шептались о томъ, что Деникинъ, занимая городъ, отпускаетъ коммунистовъ на всѣ четыре стороны, что большинству не понравилось, но за то Деникинъ ведетъ за собой прекрасно сформированную и крѣпко сплоченную армію, вслѣдъ за которой идетъ законъ и право.

На угрюмыхъ лицахъ гражданъ все чаще появлялись загадочныя улыбки, и Тройка рѣшила проучить торжествующихъ контръ-революціонеровъ.

Въ одну ночь было арестовано свыше пятисотъ человѣкъ: судьи, купцы, учителя, общественные дѣятели, священники, фабриканты, врачи, адвокаты и вся эта масса была загнана въ трюмъ большой дряхлой баржи, стоявшей на якорѣ на Днѣпрѣ.

Это была выдумка Ломовскаго, который предполагалъ, въ случаѣ необходимости оставить спѣшно городъ, однимъ снарядомъ въ бражу помочь своему товарищу Валявкѣ — и сразу уничтожить пятьсотъ контръ-революціонныхъ элементовъ.

Остальное мужское населеніе, отъ пятнадцатилѣтнихъ юношей до семидесятипятилѣтнихъ старцевъ, было выгнано на окопныя работы верстъ четырнадцать за городъ на ст. Игрень.

Безъ лопатъ, безъ указаній, безъ хлѣба и воды проводили тысячи людей въ степи, съ затаенной радостью и волненіемъ ожидая прихода противника.

Опасаясь какой-либо сигнализаціи, большевики, подъ угрозой разстрѣла, запретили церковный звонъ.

Такъ продолжалось около двухъ недѣль; были вырыты какія-то канавы, въ которыя никто не садился и, когда черезъ головы копавшихъ окопы большевики послали первый орудійный залпъ въ сторону предполагаемаго противника, настроеніе поднялось и всѣ были увѣрены въ томъ, что еще часъ, еще два и вотъ... вотъ покажутся освободители, борцы за право, борцы за законъ, борцы за Великую Россію...

* * *

Весь день одиннадцатаго іюня большевики обстрѣливали изъ орудій, разставленныхъ въ Потемкинскомъ паркѣ, участокъ расположенія ст. Игрень, намѣреваясь не пропустить по линіи добровольческіе броневики; но полковникъ Шифнеръ-Марковичъ отвелъ свою конницу правѣе въ сторону Новомосковскаго шоссе, всю ночь на двѣнадцатое далъ лошадямъ и людямъ отдохнуть, а съ утра, продѣлавъ какіе-то маневры, показавшіеся большевикамъ отступательными, бѣшенымъ налетомъ, подъ артиллерійскимъ огнемъ, первый влетѣлъ на желѣзнодорожный черезъ Днѣпръ мостъ, увлекая за собой безудержную лавину разгорячѣвшихъ казаковъ.

Къ часу дня по городу, озираясь по сторонамъ, разъѣзжали казаки, мимо которыхъ съ страшной быстротой проносились автомобили съ убѣгавшими изъ города коммунистами. Послѣднимъ изъ города успѣлъ бѣжать губернскій комиссаръ Бергъ.

А Шифнеръ-Маркевичъ съ сотней казаковъ помчался къ станціи Горяиново, чтобы отрѣзать большевикамъ путь отступленія по желѣзной дорогѣ и, захвативъ тамъ два эшелона красноармейцевъ, вернулся въ городъ.

Слезы, восторженные крики радости, дикіе возгласы о мести большевикамъ, прибѣжавшіе и влившіеся въ толпу плѣнные съ баржи, случайно оставшіеся у Валявки въ живыхъ — всѣ высыпали на улицы, создавая небывалый подъемъ и неповторную радость.

Легкой рысью проносились по широкому проспекту сотни казаковъ; добродушныя улыбки кубанцевъ, загорѣлыя лица офицеровъ, часто мелькавшіе бѣленькіе георгіевскіе кресты и безконечный восторгъ, неимовѣрное счастье освобожденныхъ людей...

Никакихъ вопросовъ добровольцамъ никто не задавалъ и у всѣхъ была въ душѣ одна скрытая молитва, а въ мозгу одна опасливая мысль: «только-бы устояли... только бы не откатились, только бы не отошли... только бы довели свое святое и великое дѣло до счастливаго конца...»

Въ тотъ-же день къ вечеру, когда по проспекту тянулись тачанки съ пулеметами и обозы, по городу былъ расклеенъ приказъ коменданта о присоединеніи Екатеринославской губерніи къ территоріи Добровольческой Арміи, о возстановленіи полностью права собственности и о введеніи въ дѣйствіе всѣхъ прежнихъ законовъ Россійской Имперіи и о смертной казни на мѣстѣ за бандитизмъ.

Но на утро другого-же дня восторженность смѣнилась досадливымъ недоумѣніемъ... Вся богатѣйшая торговая часть города, всѣ лучшіе магазины были разграблены; тротуары были засыпаны осколками стекла разбитыхъ магазинныхъ оконъ; желѣзныя шторы носили слѣды ломовъ, а по улицамъ конно и пѣше бродили казаки, таща на плечахъ мѣшки, наполненные всякими товарами...

Мануфактура, консервы, бутылки вина, обувь, коробки мыла, туалетныя зеркала, галстуки, все это не забранное и испорченное валялось тутъ-же на тротуарахъ, создавая полную картину настоящаго погрома...

Вышедшіе съ утра на улицу люди поспѣшили обратно по домамъ и весь день по городу бродили темные люди, водившіе за собой кучки казаковъ и указывавшіе имъ наиболѣе богатые магазины.

Грабежъ шелъ во всю...

Къ обѣду разнеслась вѣсть о пріѣздѣ генерала Шкуро и улицы снова наполнились толпой.

Увидѣвъ молодого генерала, идущаго впереди безконечной ленты конныхъ войскъ, толпа забыла печаль прошлой ночи...

Приливъ твердой вѣры и новыя надежды охватили изстрадавшихся людей.

Генерала забрасывали цвѣтами; молодыя и старыя женщины, крестясь и плача, цѣловали стремена принесшаго освобожденіе генерала.

И впервые послѣ трехнедѣльнаго молчанія зазвонили церковные колокола...

Шкуро, устало покачиваясь въ сѣдлѣ, смущенно улыбался; къ его простому, загорѣлому лицу какъ-то не шли ярко-красные генеральскіе лацканы и еще вчера никому неизвѣстная фамилія Шкуро сегодня стала ореоломъ освобожденія и надеждой на возстановленіе Родины...

А вечеромъ, когда счастливая и утомленная толпа разбрелась по домамъ, на улицахъ опять появились кучки казаковъ, принявшіеся за продолженіе погрома и грабежа еще сохранившихся магазиновъ.

* * *

Въ гостинницѣ «Франція» расположилась пріѣхавшая вслѣдъ за Шкуро добровольческая контръ-развѣдка.

И началось хватаніе людей на улицахъ, въ вагонахъ трамваевъ, въ учрежденіяхъ... Арестовывали по самымъ безсмысленнымъ доносамъ; загоняли въ одну общую большую комнату и держали по нѣсколько дней безъ допроса и даже безъ какой либо записи.

Въ контръ-развѣдкѣ объявился въ качествѣ отвѣтственнаго агента заподозрѣнный въ провокаціи приставъ Борисъ Красовскій.

Когда арестовали нѣсколько видныхъ въ городѣ присяжныхъ повѣренныхъ и одного товарища прокурора окружнаго суда только на томъ основаніи, что какая то баба узнала ихъ на улицѣ и сказала казаку, что они при большевикахъ въ какомъ-то учрежденіи въ чемъ-то ей отказали, тогда общественные круги зашевелились.

Продолжавшіеся безпрерывно грабежи, совершенно произвольные аресты заставили видныхъ въ городѣ лицъ обратиться лично къ генералу Шкуро съ просьбой принять мѣры къ устраненію этихъ явленій, такъ омрачающихъ велико-радостные дни ...

Генералъ, улыбаясь, сперва остановился на томъ, что грабятъ не его казаки, а казаки группы генерала Ирманова, но увидѣвъ недоумѣвающія и удивленныя лица стоявшихъ предъ нимъ общественныхъ дѣятелей, находчиво и убѣдительно, какъ бы не безъ основаній, сказалъ:

— «Господа! о такихъ вещахъ сейчасъ еще не время говорить... Екатеринославъ еще фронтъ и если намъ придется на нѣкоторое время измѣнить линію нашего фронта, то вы можете снова очутиться въ раіонѣ большевистскаго фронта... Этого, господа, забывать не слѣдуетъ!..»

Линія фронта не измѣнялась, а грабежи росли и перенеслись на частныя квартиры. По ночамъ раздавались отчаянные крики подвергавшихся ограбленіямъ.

Отправилась делегація къ генералу Ирманову, и старый вояка, сидя засыпавшій въ креслѣ во время докладовъ своего адъютанта, сослался на свою въ этомъ дѣлѣ безпомощность, отмѣчая, что борьба съ уголовными преступниками не входитъ въ его чисто военныя обязанности, а лежитъ на обязанности полицейскихъ властей.

Когда-же генералу было указано на то, что грабителями и уголовными преступниками являются казаки подчиненныхъ ему-же частей, — онъ удивленно, старчески-дряхлымъ голосомъ, произнесъ:

«Да неужели?... Вотъ каналы!...» и по его лицу скользнула счастливая отеческая улыбка...

Тѣмъ временемъ въ городъ пріѣхалъ губернаторъ Щетининъ, тотъ самый, о которомъ тихо шептались еще въ дни пребыванія въ Екатеринославѣ большевиковъ.

Къ частымъ дневнымъ и ночнымъ грабежамъ прибавилось еще колоссальное пьянство; казаки случайно открыли мѣстонахожденіе двухъ огромнѣйшихъ складовъ вина Мизко и Шлапаковыхъ.

И круглыя сутки весь гарнизонъ тащилъ изъ погребовъ вино въ бутылкахъ, ведрахъ, напиваясь до полной потери сознанія.

Большевики, не такъ далеко отогнанные отъ города и имѣвшіе много своихъ людей въ городѣ, получивъ свѣдѣнія о повальномъ пьянствѣ, съ двухъ сторонъ повели наступленіе на городъ. Со стороны Пятихатки Федько двинулъ свои пѣхотныя части и бронированный пароходъ, давшій изъ дальнобойныхъ орудій нѣсколько выстрѣловъ по городу, а со стороны городскихъ дачъ подошли къ самому городу собравшіеся красноармейцы, спрятавшіеся отъ казаковъ въ лѣсахъ.

Поднялась невообразимая паника... Пьяные казаки дико летали по городу, нанося удары саблями рѣдкимъ прохожимъ, случайно встрѣчавшимся имъ на пути...

Губернаторъ Щетининъ первый на автомобилѣ изъ города бѣжалъ и только случайно имѣвшій трезвыхъ людей молодой полковникъ Растягаевъ бросился на большевистскую пѣхоту, уже добравшуюся до рабочихъ кварталовъ города...

На желѣзнодорожный мостъ было поставлено одно орудіе, почти въ упоръ бившее по подошедшему къ городу бронированному пароходу.

Въ самомъ городѣ и на окраинахъ были пойманы большевистскіе комиссары: здравоохраненія Гурсинъ, секретарь губернскаго партійнаго комитета Эпштейнъ, — со свѣже оторванной снарядомъ ногой, и командиръ 59-го желѣзнодорожнаго совѣтскаго полка, капитанъ царской арміи, Труновъ.

Этихъ трехъ пойманныхъ доставили въ Комендатуру и комендантъ города, молодой есаулъ, отдалъ приказъ: «всѣхъ трехъ тутъ-же и сейчасъ-же повѣсить!»

На бульварѣ, противъ гостинницы «Асторія», среди движущейся оживленной толпы, казаки поставили приговоренныхъ и за отсутствіемъ веревокъ сорвали съ бульварной ограды нѣсколько кусковъ толстой проволоки и закинули на суки деревьевъ три петли.

Блѣдный Гурсинъ первый надѣлъ на себя петлю; одинъ изъ казаковъ ударилъ его по ногамъ и онъ соскользнулъ съ невысокаго столбика, тяжело опустившись книзу... Что-то глухо хрустнуло...

Эпштейнъ, прыгая на одной ногѣ, оставляя послѣ себя слѣды капавшей съ оторванной ноги крови, добравшись до дерева, зашатался, взмахнулъ руками и, что-то прохрипѣвъ, замертво упалъ. Онъ правильно расчиталъ время, принявъ дозу яда; но казаки, матерно ругаясь, спокойно подняли трупъ съ земли и просунувъ мертвую голову въ петлю, сильно за ноги потянули къ землѣ охладѣвшее тѣло...

Труновъ безъ тужурки въ одной нижней не свѣжей рубашкѣ большими шагами ходилъ въ тѣсномъ кругу обступившихъ его казаковъ.

Когда тѣло Эпштейна безмятежно повисло въ проволочной петлѣ, Труновъ поднялъ руку и, взведя глаза къ небу, хотѣлъ перекреститься... Но крѣпкій ударъ стоявшаго вблизи казака отвелъ руку Трунова.

«Собакѣ — собачья смерть!» злобно проговорилъ казакъ и Труновъ, не посмотрѣвъ на казака, спокойно влѣзъ головой въ проволочную петлю...

Улица опустѣла...

Только къ вечеру изъ подворотенъ стали выглядывать любопытные.

Трупы висѣли цѣлую ночь и только къ полудню другого дня казаки стали ловить на улицѣ бородатыхъ евреевъ, заставляя ихъ снять съ петли висѣвшіе трупы.

А спустя день на Троицкомъ базарѣ какая-то баба указала казакамъ на какихъ-то трехъ простыхъ людей, будто что-то у нея во время большевиковъ реквизировавшихъ и казаки сейчасъ-же вынесли всѣмъ тремъ смертный приговоръ.

Тутъ-же на перекладинахъ навѣса были заброшены три петли и совершенно растерявшимся и ничего въ тѣ минуты не понимавшимъ людямъ было предложено: либо въ петлю, либо быть зарубленными шашкой...

Ни нечеловѣческій ревъ, поднятый бабами и всѣмъ базаромъ, ни клятвы попавшихъ въ несчастіе людей о ихъ невиновности ни къ чему не привели и когда однимъ размахомъ саблей голова одного изъ несчастныхъ покатилась по мостовой, забрызгавъ вблизи стоявшихъ горячей кровью, оставшіеся два, перекрестившись, покорно полѣзли въ петлю...

Трупы висѣли два дня, а изрубленный саблей былъ во многихъ мѣстахъ обкусанъ крысами...

Только на третій день подъѣхала телѣга и куда-то трупы увезла.

Повѣшенные оказались жителями загородной слободки, никогда «ни въ чемъ дурномъ не замѣченные» и занимавшіеся штукатурными работами...

* * *

Городъ, являвшійся центромъ одной изъ богатѣйшихъ русскихъ губерній, былъ въ полномъ распоряженіи пьянствовавшихъ казаковъ; грабежи не прекращались.

Донцы и кубанцы гнали разрозненныя и растаявшія части красныхъ уже за Харьковъ, а въ Екатеринославѣ творилось нѣчто кошмарное.

Губернаторъ Щетининъ взялся за организацію власти въ губерніи и въ уѣздѣ. Назначивъ начальникомъ уѣзда молодого полковника-строевика, георгіевскаго

кавалера, Степанова, Щетининъ сталъ совѣщаться съ правыми силами города о составѣ думы и назначилъ въ Городскую Управу членами — кадетовъ. Городскимъ Головой былъ назначенъ присяжный повѣренный Коростовцевъ; членами были назначены юристы – Слободской, Овсянниковъ и Воронинъ.

Но дѣятельность Управы тормозилась отсутствіемъ какихъ бы то ни было средствъ.

По продовольствію Щетининъ назначилъ какого-то Главно-уполномоченнаго по продовольствію молодого, очень легко смущавшагося, инженера. Онъ, по указаніямъ Щетинина, на все наложилъ запретъ, принявъ цѣликомъ на себя снабженіе города всѣмъ необходимымъ.

Кончилось дѣло это крахомъ. Цѣны на продукты стали стремительно повышаться.

Сдѣланныя на первыхъ дняхъ своего пріѣзда обѣщанія представителямъ рабочихъ организацій въ смыслѣ льготнаго и полнаго снабженія ихъ продовольствіемъ, – Щетининъ не выполнилъ и рабочіе заволновались.

А грабежи, пьянство и разгулъ въ городѣ не унимались... Были случаи насилія.

Только ко дню пріѣзда въ Екатеринославъ Главнокомандующаго генерала Деникина грабежи и насилія нѣсколько утихли.

На обѣдъ, устроенный Городской Управой въ складчину, было приглашено около двухсотъ лицъ, представителей различныхъ общественныхъ организацій и казенныхъ учрежденій.

Шли рѣчи, тосты; балагурилъ и прерывалъ ораторовъ генералъ Шкуро. Послѣ рѣчи представителя украинскихъ организацій, что-то на украинскомъ языкѣ лепетавшаго о «самостійной» и «ще не вмершей», Генералъ Деникинъ всталъ и взволнованно, стукнувъ по столу, рѣзко произнесъ:

«Ваша ставка на самостійную Украину бита... Да здравствуетъ Единая и Недѣлимая Россія!... Ура!»

Дружно крикнули ура.

Когда очередь дошла до представителя промышленниковъ, вскочилъ генералъ Шкуро и съ возгласами «разговорчиковъ довольно», «довольно разговорчиковъ»... не далъ оратору начать рѣчь....

«Приглашаю Васъ, господа, прослушать концертное отдѣленіе!» крикливо произнесъ генералъ Шкуро, и всѣ повернулись къ эстрадѣ, гдѣ какой-то актеръ разсказывалъ нудные и пошлые восточные анекдоты...

Обѣдъ прошелъ вяло, нудно и скучно...

* * *

Не было почвы подъ ногами...

Контръ-развѣдка развивала свою дѣятельность до безграничнаго, дикаго произвола; тюрьмы были переполнены арестованными, а осѣвшіе въ городѣ казаки открыто продолжали грабежъ.

Организованная Щетининымъ государственная стража не рѣшалась вступить въ бой съ казаками, а безъ боя ничего нельзя была предпринять, ибо казаки шли на грабежъ въ полномъ вооруженіи.

Потихоньку вечерами грабили и какіе-то офицеры.

Вопли газетъ сдѣлали лишь то, что губернаторъ Щетининъ вызвалъ къ себѣ трехъ редакторовъ мѣстныхъ газетъ и предложилъ имъ всѣ замѣтки о грабежахъ, появлявшіяся обильно въ хроникѣ, помѣщать безъ указанія, что грабежъ произведенъ казаками.

Послѣ возраженій и споровъ пришли къ соглашенію въ томъ смыслѣ, что въ каждомъ случаѣ ограбленія, производимаго казаками, въ замѣткахъ будетъ указываться, что грабежъ былъ произведенъ людьми, одѣтыми въ военную форму.

За все время пребыванія Щетинина на посту губернатора это было единственнымъ его мѣропріятіемъ по борьбѣ съ грабежами, хотя и очевидно было, что въ этой борьбѣ онъ былъ совершенно безсиленъ и одинокъ.

Государственная-же стража часто выѣзжала въ ближайшія села, вылавливала дезертировъ и не являвшихся на объявленную добровольцами мобилизацію.

Какъ-то вернулся изъ уѣзда начальникъ уѣзда полковникъ Степановъ и, разсказывая журналистамъ о своей работѣ въ уѣздѣ, отрывисто бросилъ:

«Шестерыхъ повѣсилъ...»

Результаты быстро и катастрофически дали себя почувствовать. Негодованіе среди крестьянъ росло съ неописуемой быстротой.

Освагъ, получавшій сводки изъ уѣздовъ, располагалъ страшнымъ матеріаломъ, открыто показывавшимъ полную гибель всѣхъ начинаній Добровольческой арміи.

Но въ самомъ Освагѣ сидѣли чиновники, спокойно подшивавшіе бумажки къ дѣлу... Ни стоявшій во главѣ Освага полковникъ Островскій, ни завѣдывавшій какимъ-то общественнымъ отдѣломъ полковникъ Авчинниковъ — совершенно не понимали значенія попадавшихъ къ нимъ въ руки донесеній, рапортовъ и докладовъ, написанныхъ въ уѣздахъ сухимъ полицейскимъ языкомъ...

Главное ихъ вниманіе обращалось на изданіе какихъ-то разжигающихъ національную ненависть брошюръ и безграмотныхъ, бездарныхъ писемъ красноармейцу.

Объявленная Добровольческой арміей мобилизація провалилась. Крестьяне, подлежавшіе мобилизаціи, скрываясь отъ карательныхъ отрядовъ Государственной стражи, съ оружіемъ въ рукахъ уходили въ лѣса.

Стали организовываться внушительныя по численности и по вооруженію шайки «зеленыхъ». Участились случаи крушенія поѣздовъ, подготовлявшіеся съ грабительскими и мстительными цѣлями; все чаще и ожесточеннѣе въ деревняхъ уничтожалось начальство, олицетворявшее собой власть Добровольческой Арміи...

На поверхность жизни стали выплывать въ деревнѣ петлюровскія теченія, быстро склонившіяся къ анархистскимъ лозунгамъ Махно, принимавшаго въ свой станъ всѣхъ, готовыхъ на открытую борьбу противъ Добровольческой Арміи, какъ власти, вѣшающей крестьянъ, и противъ всякой власти, вмѣшивающейся въ жизнь крестьянства вообще.

Быстрые кони унесли казаковъ подъ самый Орелъ, а на Украинѣ наростало грозное негодованіе, угрожавшее каждую минуту разразиться страшнымъ всеуничтожающимъ движеніемъ.

Въ городѣ контръ-развѣдка ввела кошмарную систему «выведенія въ расходъ» тѣхъ лицъ, которыя почему либо ей не нравились, но противъ которыхъ совершенно не было никакого обвинительнаго матеріала.

Эти лица исчезали и, когда трупы ихъ попадали къ родственникамъ или инымъ близкимъ людямъ, контръ-развѣдка, за которой числился убитый, давала стереотипный отвѣтъ:

«Убитъ при попыткѣ къ бѣгству...»

И потомъ каждый день редакціи получали изъ контръ-развѣдки замѣтки о томъ, что-де вчера вечеромъ при попыткѣ бѣжать убитъ конвоемъ такой-то.

Это явленіе вошло въ добровольческій бытъ.

Когда въ редакцію была прислана замѣтка о разстрѣлѣ при попыткѣ къ бѣгству нѣкоего Арьева, узнавшій объ этомъ общественный дѣятель, старый профессоръ хирургъ Должанскій, возмущенный, отправился въ контръ-развѣдку, ибо Арьевъ старый больной человѣкъ только въ томъ могъ быть виновнымъ, что всю голодную и бѣдную жизнь только мечталъ о Палестинѣ и ужъ меньше всего былъ способенъ на бѣгство изъ подъ конвоя.

Профессоръ только произнесъ фамилію Арьева, какъ ему сейчасъ-же бросили:

«Да вѣдь онъ-же жидъ!» И этимъ отвѣтомъ объясненія были исчерпаны.

Жаловаться было некому. Губернаторъ Щетининъ вмѣстѣ съ Начальникомъ уѣзда Степановымъ, забравъ изъ города всю Государственную стражу, поѣхалъ на охоту за живыми людьми въ лѣса Павлоградскаго уѣзда... Захваченный Щетининымъ журналистъ изъ казеннаго «Екатеринославскаго Вѣстника» писалъ большія

статьи о тайнахъ лѣсовъ, а губернаторъ со стражей сгонялъ на опушку лѣса сотни крестьянъ, бѣжавшихъ отъ мобилизацій, и косилъ ихъ пулеметнымъ огнемъ.

Развилъ дѣятельность Махно; собравъ свыше трехъ тысячъ крестьянъ, онъ останавливалъ и грабилъ поѣзда; разстрѣливалъ всѣхъ носившихъ офицерскіе погоны; у нижнихъ чиновъ забиралъ оружіе и обмундированіе; пассажировъ сортировалъ и грабилъ по внѣшнему виду, и вся дорога отъ Александровска до Екатеринослава была фактически въ рукахъ Махно...

При всемѣрной поддержкѣ крестьянъ Махно всегда и вездѣ могъ твердо расчитывать на укрывательство, на провіантъ, на лошадей и даже на помощь боеспособными людьми.

И губернаторъ Щетининъ объявилъ войну и открылъ въ своей губерніи фронтъ военныхъ дѣйствій противъ Махно, имѣя что-то двѣ-три пушки и около сотни конныхъ стражниковъ, совершенно упустивъ изъ виду, что война идетъ не съ Махно, а со всѣмъ крестьянствомъ всей губерніи.

Махно осмѣлѣлъ и съ каждымъ днемъ становился наглѣе.

Обладая исключительной способностью легкаго и быстраго передвиженія, имѣя провіантъ въ любомъ селѣ, а пулеметы, войска и патроны на тачанкахъ, Махно въ теченіе одного дня совершалъ нападенія въ различныхъ концахъ уѣзда, нерѣдко отстоящихъ другъ отъ друга на разстояніи шестидесяти-семидесяти верстъ.

И въ то время, когда Добровольческая Армія откатывалась подъ натискомъ Буденнаго и была еще далеко отъ Харьковской губерніи, Екатеринославская губернія какъ территорія для Добровольческой арміи уже не существовала и во всѣхъ направленіяхъ была въ полной власти Махно.

Екатеринославъ былъ въ кольцѣ.

Особыя партизанскія хитрости, заставившія какъ-то генерала Шкуро признать Махно человѣкомъ не лишеннымъ способности создавать ловкія стратегическія комбинаціи, приводили въ ярость злополучнаго губернатора, и его крѣпко сжатые кулаки, расчитывавшіе ударить по самой головѣ Махно, — всегда опускались на пустое мѣсто, такъ какъ въ эту минуту Махно уже грабилъ военно-продовольственный поѣздъ ровно въ тридцати верстахъ отъ поля битвы губернатора.

Отрѣзанный отъ всего, губернскій городъ сталъ испытывать продовольственныя и финансовыя затрудненія... Рабочіе, видя охоту Щетинина за живыми людьми, стали открыто и угрожающе возмущаться...

Поступавшія крайне неаккуратно офиціальныя сводки плохо скрывали катастрофическое отступленіе Добровольческое арміи и, когда совершенно неожиданно раздался истерическій вопль генерала Май-Маевскаго къ населенію Харькова о защитѣ города отъ надвигающейся красной грозы, Махно ворвался на нѣсколько часовъ въ Екатеринославъ, убилъ нѣсколько чиновниковъ и офицеровъ, вывезъ брошенныя Щетининымъ пушки, забралъ пулеметы, патроны и обмундированіе и оставилъ городъ, уйдя въ неизвѣстномъ направленіи...

Около двухъ дней городъ былъ безъ всякой власти, а потомъ показался полковникъ Степановъ, высунули носы служащіе Освага, вернулся въ городъ Щетининъ со «штабомъ», но спокойствіе было окончательно поколеблено.

А четырнадцатаго октября Махно, подойдя съ трехъ сторонъ вплотную къ городу, открылъ изъ шести орудій пальбу, оставивъ для остатковъ Добровольческой и Щетининской армій одинъ выходъ черезъ желѣзнодорожный мостъ на Синельниково.

Здоровые молодые люди въ офицерскихъ мундирахъ, съ погонами и съ винтовками въ рукахъ, бѣжали впереди, а позади тысячной толпой шли женщины, дѣти и старики, спѣша къ мосту, спасаясь отъ могущаго каждую секунду ворваться въ городъ Махно.

Пошатываясь, кутаясь въ одѣяла, плелись больные тифозные офицеры и казаки...

А къ вечеру съ трехъ сторонъ по широкимъ улицамъ города стала вливаться повстанческая Махновская армія.

* * *

Ночью Махно взорвалъ, совершенно сбросивъ въ воду, двѣ фермы желѣзнодорожнаго моста. Окруживъ городъ съ трехъ сторонъ кольцомъ пулеметовъ, а съ четвертой стороны имѣя естественную защиту — широкій Днѣпръ, Махно спокойно расположился въ «губерніи», изрѣдка посылая остановившимся на противоположномъ берегу добровольческимъ остаткамъ звучный привѣтъ изъ батареи шестидюймовыхъ орудій.

Въ ту-же ночь махновцы открыли ворота тюрьмы и арестантскихъ ротъ. А утромъ Махновцы, обливъ тюремныя зданія керосиномъ, поднесли горящіе факелы и весь день до поздней ночи огненные языки тянулись къ небу, вырисовывая какія-то причудливыя формы и навѣвая жуткіе сказки средневѣковья...

Совершенно изолированнымъ городъ прожилъ ровно шесть недѣль. Возможность получить какія бы то ни было свѣдѣнія извнѣ являлась фантастической мыслью, и глухими осенними вечерами въ полуосвѣщенныхъ и холодныхъ домахъ сидѣли десятки тысячъ людей и напряженно прислушивались къ безпрерывной стрѣльбѣ дежурныхъ пулеметовъ, охранявшихъ Днѣпръ отъ переправы бѣлыхъ.

Иногда ночью разгулявшійся Махно открывалъ по правому берегу Днѣпра артиллерійскій огонь и тогда въ ужасѣ и неописуемомъ страхѣ, раздѣтые люди, матери, хватавшія изъ кроватокъ спящихъ дѣтей, падая и разбиваясь на темныхъ лѣстницахъ, устремлялись въ погреба, такъ какъ добровольцы тотчасъ-же отвѣчали, посылая въ темноту въ густо застроенный городъ десятки шестидюймовыхъ снарядовъ, многимъ принесшихъ неожиданную и страшную смерть.

Эта пальба по городу вызывала только проклятья на жалкіе остатки деникинцевъ, которые не могли не понимать, что стрѣляя темной ночью по городу, они никакого вреда своему противнику Махно не принесутъ, и въ то-же время должны были знать, что эти снаряды падаютъ на дома, влетаютъ въ квартиры, разрывая цѣлыя семьи на мелкіе куски.

Открывавшаяся ночью съ пьяной шутки Махно орудійная перестрѣлка продолжалась безъ перерыва да утра, а тогда уже огонь съ обѣихъ сторонъ развивался до максимальной силы.

Такъ въ неустанномъ артиллерійскомъ поединкѣ прошла первая недѣля пребыванія Махно въ городѣ.

Выпущенный Махно манифестъ къ населенію призывалъ всѣхъ къ сохраненію спокойствія, сдачѣ оружія и выдачѣ скрывшихся въ городѣ деникинскихъ офицеровъ.

Жизнь была веселая: круглыя сутки пулеметы, расположенные по берегу рѣки, неумолчно трещали; частенько противники обмѣнивались шестидюймовыми снарядами и какъ бы подъ аккомпаниментъ этой смертоносной музыки махновцы обходили квартиры чиновниковъ и военныхъ, убивая случайно попадавшихся тамъ хозяевъ и вынося изъ квартиръ все, что вынести можно было.

Члена окружнаго суда Волгина къ приходу махновцевъ бывшаго въ форменной тужуркѣ съ металлическими пуговицами — вышвырнули изъ окна четвертаго этажа на тротуаръ.

Случайно застигнутая у моста женщина съ дѣвочкой, оказавшаяся женой какого-то не мѣстнаго профессора, успѣвшаго уйти съ добровольцами, была отправлена въ махновскую контръ-развѣдку, и когда Левка Задовъ, начальникъ контръ-развѣдки, услышалъ, что мужъ ее тамъ, на той сторонѣ, онъ сразу въ упоръ пальнулъ изъ тяжелаго нагана. Не зная, какъ поступить съ рыдавшей надъ трупомъ матери ребенкомъ, Задовъ произвелъ еще одинъ выстрѣлъ и у трупа матери калачикомъ на вѣки свернулся, секунду тому назадъ плакавшій, ребенокъ.

А добровольцы съ лѣваго береги посылали смертоносные снаряды, разрушая дома и убивая ни въ чемъ предъ ними неповинныхъ мирныхъ людей.

Шесть недѣль прошли въ неослабномъ напряженіи... Выходившіе поочереди къ подворотнямъ какъ-то замѣтили какое-то странное движеніе по городу махновскихъ тачанокъ, а какъ-то къ вечеру длинной цѣпью потянулись тачанки изъ города въ сторону Никопольскаго шоссе.

Ночью монотонную трескотню дежурныхъ пулеметовъ прервалъ орудійный залпъ, раздавшійся не съ лѣваго берега Днѣпра, а съ запада. Пулеметы на минуту умолкли... Потомъ раздался второй ударъ и тогда Махно изъ всѣхъ бывшихъ у него двѣнадцати орудій открылъ непрерывный огонь, стрѣляя по всѣмъ направленіямъ, оставляя свободной отъ обстрѣла нужную ему дорогу на Никополь.

Можно было въ этомъ страшномъ грохотѣ различить, что на залпы Махно никто не отвѣчалъ... И только спустя полчаса заговорили пушки добровольцевъ...

Къ утру Махно сталъ спѣшно гнать изъ города тачанки съ забранными въ двухъ ломбардахъ мѣхами, коврами... Торопливо вывозились патроны, продовольствіе, и часовъ въ десять утра въ Озерной части города раздалась оружейная и пулеметная стрѣльба.

Пушки были сняты и галопомъ увезены; рѣдкая цѣпь самыхъ преданныхъ Махно людей сдерживала натискъ неизвѣстнаго противника и когда силы ослабѣли, Махновцы вскочили на поджидавшихъ ихъ коней и бѣшенно помчались изъ города.

Послѣднимъ ушелъ Махно и минутъ десять спустя по той самой Садовой улицѣ, по которой, оставляя городъ, съ трудомъ сдерживая горячаго коня, спокойно проѣхалъ Махно, показались верховые съ офицерскими погонами на плечахъ...

Потомъ показались тачанки съ пулеметами, надъ которыми развѣвались трехцвѣтные флаги...

* * *

Стремясь соединиться съ отступавшими на Крымъ добровольческими частями, генералъ Слащевъ въ Екатеринославѣ наткнулся на Махно и, послѣ короткаго боя, очистилъ и занялъ городъ.

Въ тотъ-же день съ пѣснями вернулись въ городъ герои, просидѣвшіе шесть недѣль на лѣвомъ берегу Днѣпра.

Торжества не было...

Изстрадавшееся населеніе ничего хорошаго не ждало отъ пришедшихъ избавителей и смутныя предчувствія оправдались.

Небольшія, гдѣ-то и кѣмъ-то потрепанныя части генерала Слащева, состоявшія изъ ингушей и чеченцевъ, принялись за продолженіе славнаго дѣла своихъ предшественниковъ и пошли съ грабежомъ по квартирамъ.

Кровью заливалось лицо отъ боли и стыда, когда въ квартиры входили люди съ офицерскими погонами на плечахъ и также нагло, открыто и беззастѣнчиво грабили, какъ грабили дикіе ингуши и чеченцы.

О судьбѣ Добровольческой арміи какъ цѣлаго никто ничего не зналъ.

Слащевъ даже не въѣхалъ въ городъ, а остался со своимъ Штабомъ въ вагонахъ на вокзалѣ.

Попутно съ грабежами слащевцы стали извлекать изъ больницъ оставленныхъ махновцами тифозныхъ больныхъ и развѣшивали ихъ на оголенныхъ осенью деревьяхъ.

Когда случайно застрявшій въ городѣ членъ управы Овсянниковъ направился въ Штабъ къ Слащеву съ намѣреніемъ просить его приказа о прекращеніи этого варварства, ибо о грабежахъ уже не было и рѣчи, т. к. они получили права гражданства и вошли въ бытъ, генералъ Слащевъ Овсянникова не принялъ только потому, что, какъ откровенно сознался одинъ изъ штабныхъ офицеровъ, генералъ пятый день не переставая пьетъ и совершенно одурѣлъ.

Спустя недѣлю появились приказы Слащева, буква въ букву повторявшіе приказы Махно: та-же сдача оружія и то-же предложеніе выдавать махновцевъ, а за невыдачу — разстрѣлъ.

Была даже объявлена Слащевымъ мобилизація, вызывавшая только горькія усмѣшки, глубоко почувствовавшихъ себя несчастными, русскихъ людей.

Опредѣленно говорили о полной гибели Добровольческой арміи, а призывъ Слащева къ населенію уйти вмѣстѣ съ нимъ отъ приближавшагося краснаго ужаса, открылъ глаза на все, происходившее кругомъ.

Добровольческая армія погибла. Кое-какъ отбиваясь, остатки бѣжали на Ростовъ и на Крымъ.

Но очень немногіе ушли съ Слащевымъ, ибо тѣ, которые могли и хотѣли уйти, бѣжали еще при первомъ оставленіи города Щетининымъ.

А самъ Слащевъ ушелъ изъ города семнадцатаго декабря, за два дня до вступленія красныхъ войскъ.

Оставивъ на деревьяхъ нѣсколько повѣшенныхъ тифозныхъ махновцевъ и глубокую скорбь въ сердцахъ русскихъ людей, волею судьбы онъ перелисталъ предъ нами послѣднюю страницу кошмарной и жуткой повѣсти такъ мученически-свято вставшей и такъ позорно павшей Русской Добровольческой Арміи...

* * *

Какъ-то неожиданно и поразительно быстро подошло Рождество Христово въ девятнадцатомъ году. Казалось, только недавно мы узнали объ отреченіи Государя, о Временномъ Правительствѣ, и сейчасъ позади насъ и Временное Правительство, и Правительство Скоропадскаго, Петлюры, владычество Махно, и, какъ старуха рыбака, мы снова очутились предъ разбитымъ корытомъ — предъ непобѣдимой и несокрушимой Совѣтской властью.

И тогда мы были подъ такимъ впечатлѣніемъ, что приходъ большевиковъ къ намъ въ третій разъ является вполнѣ послѣдовательнымъ и какъ бы даже необходимымъ. Тогда-же вспомнились слова большевика Петровскаго во время вторичнаго занятія большевиками Украины. Когда вырисовалась неизбѣжность оставленія Украины, Петровскій, выступая передъ рабочими, мрачно и угрожающе сказалъ: — «Мы должны Украину очистить... Мы должны уйти... Скажу больше: мы уходимъ, но пусть помнятъ всѣ наши враги, что мы еще вернемся... Мы вернемся!»

И большевики вернулись... Когда на разсвѣтѣ девятнадцатаго декабря, послѣ двухъ дней совершеннаго безвластія, въ городъ стройными рядами стали входить части пѣхотной дивизіи, населеніе пугливо попряталось по домамъ, находясь подъ страхомъ угрозъ, брошенныхъ большевиками въ день бѣгства изъ города подъ стремительнымъ натискомъ Добровольческой конницы.

Въ первый-же день прихода въ городъ красныхъ войскъ, сорганизовался временный Военно-революціонный Комитетъ, цѣликомъ состоявшій изъ коммунистовъ, все время пребыванія добровольцевъ въ городѣ, находившихся въ подпольи.

Кромѣ этихъ коммунистовъ, въ городѣ находился весь Исполкомъ города Луганска, бѣжавшій оттуда разрозненно, но съ общимъ заданіемъ изъ центра собраться всѣмъ для партійной подпольной работы въ Екатеринославѣ. Только съ приходомъ большевиковъ къ намъ въ третій разъ, мы увидѣли, какъ настойчиво и организованно проводятъ они свои политическія задачи и какъ жестоко потомъ расплачивались всѣ тѣ, которые безоговорочно вѣрили въ малиновый звонъ московскихъ колоколовъ, о которомъ такъ грустно вслухъ мечталъ генералъ Деникинъ.

Вспоминаю теперь такой моментъ: какъ редакторъ газеты «Вечернія Новости», выходившей во время пребыванія добровольцевъ въ Екатеринославѣ, я сидѣлъ поздно ночью въ Штабѣ генераловъ Ирманова и Шкуро, ожидая для газеты новыхъ сообщеній по Юзу о побѣдахъ Добровольческой арміи; тогда-же, вмѣстѣ съ дежурнымъ телеграфистомъ, у аппарата сидѣлъ адъютантъ штаба, молодой поручикъ, георгіевскій кавалеръ, Николай Терзи. И какъ разъ тогда, вмѣсто ожидавшагося сообщенія о занятіи добровольцами Кіева, аппаратъ спокойно выстукалъ телеграмму генерала Май-Маевскаго, подтверждающую разстрѣлъ изнасиловавшаго дѣвушку офицера.

Поручикъ Терзи, бывшій не разъ въ опасныхъ бояхъ съ приговореннымъ, принялъ эту депешу, поблѣднѣлъ, и сейчасъ же пошелъ въ одну изъ сосѣднихъ комнатъ Штаба разбудить генерала Ирманова и доложить ему о телеграммѣ. Минутъ пять спустя Терзи вернулся подавленный и, позвавъ дежурнаго ординарца, отправилъ телеграмму начальнику военной тюрьмы «для исполненія».

Подъ впечатлѣніемъ такой позорной потери товарища, Терзи сталъ говорить съ горечью о безобразіяхъ, творимыхъ внутри арміи, о карьеризмѣ генераловъ, о многихъ сотняхъ людей, примазавшихся къ арміи въ тылу и своей работой тянущихъ святое дѣло арміи къ страшной гибели.

Когда я попытался его успокоить и возразилъ ему, что вотъ скоро возьмемъ Москву, создастся правительство, настоящая власть, онъ нервно перебилъ меня и уныло проговорилъ:

«Нѣтъ, не возьмемъ!.. Откатимся... Разсыпимся... Москвы мы не увидимъ!..»

Я тогда подумалъ: усталъ человѣкъ, разнервничался, но въ душу вкралось тревожное сомнѣніе.

* * *

Первые дни прихода большевиковъ прошли совершенно спокойно; на улицахъ стали появляться люди; спеціальные агенты большевиковъ распускали успокаивающіе слухи о томъ, что теперь Чека уже уничтожена, противъ частной собственности нѣтъ прежнихъ гоненій, и даже будетъ особымъ декретомъ разрѣшена свободная торговля.

Вылѣзшій изъ подполья коммунистъ Шаляхинъ и имѣвшій достаточно такта, чтобы, будучи коммунистомъ, сохранить къ себѣ расположеніе и буржуазныхъ лицъ, на летучихъ митингахъ убѣждалъ слушателей, что сейчасъ совѣтская власть дастъ именно то, что Деникинъ, прикрывая свои монархическія идеи, только обѣщалъ дать... Никакихъ разстрѣловъ, никакихъ самочинныхъ арестовъ, никакихъ реквизицій, а все будетъ основано «на трезвомъ пролетарскомъ сознаніи и на революціонной совѣсти».

Эти новые юридическіе термины намъ были не совсѣмъ понятны; но вскорѣ былъ объявленъ учетъ всѣхъ лицъ съ юридическимъ образованіемъ для созданія кадра служителей краснаго правосудія.

Масса зашевелилась: что-то, значитъ, новое; берутъ юристовъ, видимо, будетъ какой нибудь законъ. И, дѣйствительно: созданный вскорѣ Революціонный Трибуналъ имѣлъ около пятнадцати бывшихъ присяжныхъ повѣренныхъ, поставленныхъ большевиками на посты общественныхъ обвинителей, по прежнему — прокуроровъ, общественныхъ защитниковъ и народныхъ судей. Послѣдніе несли обязанности городскихъ судей, а само ядро Революціоннаго Трибунала — судъ, ведущій процессъ и выносящій приговоръ, каждый разъ особо назначался изъ партіи по указаніямъ губернскаго партійнаго комитета изъ коммунистовъ, соотвѣтственно важности предполагавшагося къ слушанію дѣла.

Хотя Чеки на первыхъ порахъ и не было, Исполкомъ доставалъ матеріалъ для Революціоннаго трибунала, и юристы окунулись въ допросы, дознанія; выѣзжали на мѣста преступленія; составляли протоколы и по отдѣльнымъ дѣламъ подошли къ моменту необходимости составленія обвинительныхъ актовъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ разрабатывался чисто уголовный матеріалъ, юристы кое-какъ обходились безъ ссылокъ на тѣ или иныя статьи уголовнаго уложенія, но когда все чаще и чаще стали выплывать обвиненія политическаго характера, съ точки зрѣнія юриста не имѣвшія подъ собой никакихъ обвинительныхъ опоръ, работа юристовъ стала усложняться, и впервые предъ ними во всю свою необъятную ширину выросло «пролетарское правосознаніе» и въ полномъ очарованіи выявилась «революціонная совѣсть». — Такія дѣла сводились къ тому, что юристы, работая надъ производствомъ предварительнаго слѣдствія, приближались къ послѣднему, до составленія обвинительнаго акта, допросу обвиняемаго, и къ этому времени обвиняемый исчезалъ. На оффиціальныя требованія юристовъ о приводѣ обвиняемаго для допроса начальники тюремъ отвѣчали, что такой подслѣдственный у нихъ не числится, а когда послѣ длительныхъ скитаній бумажка съ номеромъ направлялась въ отдѣлъ Управленія Исполкома съ указаніями на необходимость подтянуть товарищей-начальниковъ карательныхъ подотдѣловъ — изъ Исполкома Революціонному Трибуналу

предлагалось по телефонограммѣ дѣло производствомъ прекратить за смертью подслѣдственнаго.

Нѣсколько такихъ случаевъ заставили юристовъ насторожиться, и вскорѣ затѣмъ выяснилось, что раздававшіеся по ночамъ выстрѣлы не что иное, какъ разстрѣлы противниковъ совѣтской власти.

Тогда юристы обратились къ постоянному предсѣдателю Трибунала, коммунисту Обуховскому, заявивъ, что случаи исчезновенія подслѣдственныхъ съ каждымъ днемъ учащаются и что о тайныхъ разстрѣлахъ открыто всѣ говорятъ. На это Обуховскій спокойно возразилъ, что поскольку юристъ получаетъ бумажку съ предложеніемъ дѣло прекратить за смертью подслѣдственнаго, — юристу остается только бумажку пріобщить къ дѣлу и, составивъ соотвѣтственное письменное заключеніе, дѣло прекратить. Если же случаи такихъ со стороны юристовъ заявленій къ нему, Обуховскому, повторятся, то онъ, стоя на стражѣ пролетарскаго правосудія, будетъ вынужденъ провѣрить дореволюціонную дѣятельность работающихъ съ нимъ юристовъ. Юристамъ пришлось отступить, и поступавшія бумажки о смерти обвиняемаго молча подшивались къ дѣлу.

Со мной произошелъ такой случай: подпольники — большевики, все время пребыванія добровольцевъ находившіеся въ городѣ, ежедневно читали мою газету, гдѣ очень часто появлялись фактическіе матеріалы о кошмарныхъ разстрѣлахъ Валявки и о многихъ другихъ уродливыхъ и преступныхъ формахъ большевистскаго властвованія.

По обстоятельствамъ семейнаго характера я былъ лишенъ возможности уйти съ добровольцами и, рѣшивъ слѣпо отдаться судьбѣ, остался въ городѣ.

Понятно, что на четвертый день прихода большевиковъ я былъ арестованъ.

Первымъ допросилъ меня народный слѣдователь, бывшій присяжный повѣренный П., дававшій часто юридическаго содержанія замѣтки въ мою газету. Хотя при допросѣ присутствовали коммунисты, но по тону и смыслу задаваемыхъ вопросовъ мнѣ было не трудно давать нужные отвѣты, и все время я настаивалъ на предъявленіи мнѣ тѣхъ номеровъ газеты, въ которыхъ были помѣщены мои контръ-революціонныя статьи. Я былъ увѣренъ въ томъ, что газеты этой нигдѣ не найти, такъ какъ за шестинедѣльное пребываніе въ городѣ махновцевъ, ими были уничтожены всѣ архивы, библіотеки и вообще всѣ бумаги во всѣхъ учрежденіямъ.

Хотя меньшевикъ Арсонъ, впослѣдствіи формально перешедшій къ коммунистамъ, при допросѣ приводилъ цитаты изъ моихъ статей, выбирая самыя сильныя контръ-большевистскія фразы, все-же юристу П. удалось коллегію Трибунала убѣдить въ томъ, что я могу быть преданъ суду только въ томъ случаѣ, когда на процессѣ будутъ фигурировать вещественныя доказательства, т. е. тѣ номера газетъ, въ которыхъ напечатаны статьи противъ большевиковъ. Какъ новообращенный коммунистъ, Арсонъ больше и свирѣпѣе всѣхъ коммунистовъ ссылался на необходимость съ корнемъ уничтожить всякую контръ-революціонную работу и говорилъ, что въ моментъ исключительно острой гражданской войны не слѣдуетъ останавливаться на тонкостяхъ старой царской юриспруденціи и, поскольку многіе коммунисты подтверждаютъ фактъ существованія газеты и появленія въ ней позорящихъ Совѣтскую власть статей, то и съ авторомъ этихъ статей нечего расписывать юридическія тонкости, а надо поступить съ нимъ такъ, какъ этого требуютъ интересы охраны власти трудящихся, т. е. попросту предложить юристу-спецу прекратить дѣло за смертью подслѣдственнаго.

Но въ этомъ случаѣ юристъ П. одержалъ побѣду надъ Арсономъ.

Пораженіе Арсона тяжелыми страданіями отразилось на арестованномъ тогда-же редакторѣ газеты «Приднѣпровскій Край» М. М. Дмитріевѣ, подписывавшимъ свои фельетоны псевдонимомъ М. Любимовъ. Если при обсужденіи моего дѣла въ коллегіи обвинителей фигурировали лишь слова и воспоминанія коммунистовъ, — при обсужденіи дѣла Дмитріева обвинители съ упоеніемъ перелистывали большіе листы полнаго комплекта газеты, случайно найденнаго въ секретаріатѣ Городской Управы,

гдѣ потомъ расположился Исполкомъ. Тутъ уже юристамъ пришлось подчиниться всѣмъ яростнымъ требованіямъ Арсона, и въ тотъ же вечеръ было вынесено постановленіе о моемъ условномъ освобожденіи, съ обязательствомъ по два раза въ недѣлю являться для отмѣтки въ Отдѣлъ Управленія, и о преданіи М. М. Дмитріева суду Революціоннаго Трибунала, съ содержаніемъ подъ стражей до суда.

Много мѣсяцевъ спустя, одинъ изъ участниковъ этого совѣщанія, коммунистъ, рабочій Кравченко, впослѣдствіи вышедшій изъ партіи, разсказалъ мнѣ, что на этомъ совѣщаніи присутствовалъ политическій комиссаръ отъ ВЦИКА, тов. Мининъ, и когда къ нему обратились съ предложеніемъ высказаться по нашимъ двумъ дѣламъ, съ принципіальной точки зрѣнія Центра на подобныя дѣла, онъ сказалъ, что въ центрѣ господствуетъ теченіе къ болѣе мягкому отношенію къ противо-совѣтскимъ журналистамъ, которые, по мнѣнію центра, являлись тружениками, всегда бывшими въ прямой зависимости отъ кулака-издателя. Кромѣ этого, добавилъ еще Мининъ, Центръ считаетъ журналистовъ людьми, наиболѣе быстро мѣняющими свою политическую приверженность, и такъ какъ журналисты, какъ орудіе пропаганды, очень нужны совѣтской власти, онъ, Мининъ, какъ выразитель настроеній Центра, предлагаетъ товарищамъ на мѣстахъ мягче относиться къ журналистамъ, выступавшимъ печатно противъ совѣтской власти, а стараться всемѣрно перетянуть ихъ на сторону служенія власти на томъ же газетномъ поприщѣ.

Но это заключеніе авторитетнаго товарища нисколько не помѣшало заключенію Дмитріева въ концентраціонный лагерь, затѣмъ осужденію его на шесть лѣтъ содержанія въ лагерѣ, изъ которыхъ онъ пробылъ подъ стражей около полугода, а потомъ былъ привлеченъ къ газетной работѣ въ Губернскій Совѣтъ Профессіональныхъ Союзовъ, въ качествѣ завѣдывающаго редакціоннымъ отдѣломъ, совершенно тогда уже разставшись съ заключеніемъ, какъ человѣкъ, желающій стать полезнымъ гражданиномъ соціалистическаго государства. Извлеченію Дмитріева изъ лагеря много помогли юристы изъ Трибунала, а на работу въ Совѣтѣ Союзовъ навелъ Дмитріева красный журналистъ, коммунистъ Лаврентьевъ, родной сынъ литературнаго критика В. Кранихфельда.

* * *

Судьба добровольческой арміи была намъ мало извѣстна, и только пріѣхавшіе въ городъ люди передавали о дикихъ, кровавыхъ дѣйствіяхъ красныхъ въ Ростовѣ, по всей Кубани и на Дону.

Армія Буденнаго, черезъ Харьковъ, минуя Екатеринославъ, преслѣдовала убѣгавшія домой донскія и кубанскія части, хотя, въ большомъ числѣ, казаки переходили къ Буденному, возвращаясь въ свои станицы подъ краснымъ флагомъ Первой Революціонной Конной Арміи тов. Буденнаго. На отступавшія въ Крымъ части большевистское командованіе тогда какъ-то обратило мало вниманія, что дало возможность Врангелю спѣшно привести въ порядокъ безпорядочно влившіеся въ полуостровъ остатки добровольческихъ частей.

Ни смѣна Штаба, ни разстрѣлъ царскихъ генераловъ, ни назначеніе Фрунзе дѣлу не помогли, и тогда Троцкій, остановивъ свой поѣздъ на пять минутъ въ Харьковѣ, приказалъ Украинскому Вцику на всей территоріи Украины ввести красный терроръ, т. к. въ Крыму упряталась страшная змѣя — послѣдняя надежда россійской и міровой контръ-революціи, баронъ Врангель.

Приказъ Троцкаго, выступавшаго тогда, какъ предсѣдатель Военно-революціоннаго Совѣта по оборонѣ Республики и какъ военный Народный Комиссаръ, былъ тотчасъ-же, куда можно было, переданъ по телеграфу, а въ тѣ мѣста, съ которыми не было телеграфной связи, были на паровозахъ высланы спеціальные курьеры.

Часовъ съ десяти утра до часовъ пяти пополудни вся большая Ново-дворянская улица была очищена отъ жильцовъ, которымъ было разрѣшено брать съ собой изъ квартиры только одну смѣну бѣлья и ничего больше. Квартиры были оставлены

жильцами въ полномъ порядкѣ, съ мебелью, библіотеками, роялями, бѣльемъ, посудой; а самимъ выгнаннымъ было предложено не толкаться по улицѣ и не хныкать, а скорѣе убраться куда-либо къ знакомымъ, такъ какъ уже съ вечера въ ихъ квартирахъ должна начать нормальную работу Чрезвычайная Комиссія по борьбѣ со спекуляціей и контръ-революціей, кратко называемая Чека. —

И, дѣйствительно, въ ту же первую ночь изъ всѣхъ тюремъ были отобраны добровольческіе офицеры, переведены въ большой домъ Брагинскаго на Ново-дворянской улицѣ и тогда-же, на утро другого дня, мы впервые узнали отъ случайно застрявшихъ въ квартирахъ горничныхъ и кухарокъ о странномъ шумѣ какъ-бы летающаго аэроплана, съ частыми переборами, напоминавшими пулеметную стрѣльбу.

Подъ шумъ двухъ сильныхъ автомобильныхъ моторовъ всѣ доставленные офицеры были скошены пулеметнымъ огнемъ, и ихъ окровавленные трупы положили начало смертоносной работѣ Чека, принявшейся за свое кровавое дѣло защиты Совѣтской власти отъ враговъ изнутри.

И люди, повѣрившіе было совѣтской власти, лицомъ къ лицу столкнулись съ прежней, варварской, большевистской организаціей, какой явилась снова Чека. Юристы, ушедшіе цѣликомъ въ работу по дѣламъ Революціоннаго Трибунала и понемногу начинавшіе вѣрить дѣйствительной государственности большевиковъ, сразу стали предъ фактомъ существованія самаго дикаго, самаго безконтрольнаго и самаго безпощаднаго аппарата по истребленію людей, по степени ихъ виновности заслужившихъ строгій выговоръ, но которыхъ Чека, по ей одной извѣстнымъ соображеніямъ подвергала разстрѣлу.

Тогда Арсонъ, уже прочно засѣвшій въ коммунистической партіи, снова поднялъ травлю противъ меня, и какъ то ночью, послѣ кошмарнаго обыска съ срываніемъ обоевъ и взламываніемъ досокъ съ пола, подъ конвоемъ чекистовъ, на разсвѣтѣ, я былъ отправленъ въ Чека.

Больше недѣли я провелъ въ большомъ концертномъ залѣ Коммерческаго собранія, куда было согнано около трехсотъ человѣкъ. Бѣготня, мольбы и хлопоты моихъ близкихъ заставили юристовъ изъ Трибунала начать переписку съ Чека о передачѣ меня и моего дѣла въ распоряженіе Трибунала, какъ однажды Трибуналомъ уже разсматривавшагося; но Чека ни на какіе запросы и требованія юристовъ изъ Трибунала не отвѣчала, и я прочно засѣлъ въ Чека.

И, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, за несчастьемъ — несчастье. Во время обыска у долголѣтняго сотрудника «Русскаго слова» Новополина было найдено нѣсколько номеровъ моей газеты, съ наиболѣе враждебными противъ большевиковъ статьями. И съ матеріаломъ въ рукахъ слѣдователи Чека набросились на мое дѣло. Запахло кровью. Но исключительно счастливый случай спасъ меня отъ разстрѣла, и жизнью своей я обязанъ предсѣдателю коллегіи слѣдователей Чека, тов. Ральфу, сыну театральнаго бутафора Р.

О томъ, что гроза всѣхъ содержавшихся въ Чека, – тов. Ральфъ, въ дѣйствительности мелкій театральный парикмахеръ — сынъ старика бутафора, я не имѣлъ никакого понятія, и поэтому, когда изъ камеры меня позвали на допросъ къ самому тов. Ральфу, вся камера притихла... Отъ Ральфа въ камеру возвращались очень немногіе...

До революціи я часто на сценѣ наблюдалъ тяжелый трудъ старика Р. и помогъ ему устроиться на годовую службу въ театръ Коммерческаго собранія, и туда-же, по просьбѣ старика, мнѣ удалось опредѣлить на постоянную службу его сына, парикмахера Р. Во время гастролей оперетты у одной изъ премьершъ были украдены кое-какія золотыя вещи, и такъ какъ, кромѣ постоянной горничной пѣвицы и парикмахера Ральфа, никто въ уборную не входилъ, кромѣ развѣ только полицеймейстера — поклонника ногъ пѣвицы, то въ краже вещей былъ открыто заподозрѣнъ парикмахеръ Ральфъ, и когда вмѣшавшійся въ дѣло полицеймейстеръ приказалъ надзирателямъ обыскать Ральфа, — изъ кармана его брюкъ были извлечены пропавшія вещи. —

Двѣ звонкія и тяжелыя пощечины получилъ Ральфъ отъ полицеймейстера, парой зуботычинъ въ угоду начальству наградили его надзиратели, и, благодаря моимъ особенно настойчивымъ просьбамъ, вора выгнали изъ театра, давъ ему возможность спастись отъ тюрьмы. Воздѣйствіемъ на старшинъ клуба мнѣ удалось оставить старика-отца на службѣ, и дѣло было забыто.

Мягкость въ обращеніи, вѣжливость Ральфа дѣйствовала на меня въ совершенно обратномъ смыслѣ, ибо я уже многое слышалъ о такого рода типахъ, наслаждающихся муками попавшей къ нимъ жертвы... Когда же Ральфъ приказалъ конвойнымъ выйти изъ его кабинета, я, вспомнивъ почему то себя въ новой гимназической шинели идущимъ домой съ полученной въ награду книжкой Марка Твэна «Принцъ и Нищій», рѣшилъ, что сейчасъ конецъ, и одна мысль билась въ мозгу: только бы не билъ, а сразу бы...

Ральфъ, по выходѣ конвойныхъ, предложилъ мнѣ сѣсть. Спросилъ, — узнаю ли я его. Конечно, не узнаю... Не помню... Вижу, какъ будто, впервые... Припомнилъ Ральфъ Коммерческое собраніе, и напряженные нервы особымъ токомъ прорѣзали мозгъ и, какъ на яву, вспомнилась исторія съ кражей...

Запуганный, пришибленный и всегда полуголодный, Ральфъ превратился въ изящно одѣтаго комиссара, съ золотой браслеткой на рукѣ, съ маникюромъ; на столѣ лежалъ раскрытый и наполненный папиросами золотой портъ-сигаръ и тутъ же рядомъ маленькій, почти дамскій браунингъ, которымъ тов. Ральфъ разстрѣливалъ въ своемъ же кабинетѣ.

Предложилъ папиросу и, услужливо подавая спичку, простымъ человѣческимъ тономъ сказалъ:

«Понимаете?.. Васъ нужно разстрѣлять... Васъ хотятъ разстрѣлять!.. Но я Васъ не разстрѣляю... Я сейчасъ мщу всѣмъ за все, а Вы когда то меня защитили и моего отца пригрѣли. Такъ вотъ: возвращайтесь въ камеру! — Завтра я Васъ переведу въ подвалъ, — это для Вашей же жизни, и ждите... Ждите недѣлю... мѣсяцъ... или больше... Только обо мнѣ никому ничего не говорите!..

И, мгновенно сдѣлавъ страшное лицо, схватилъ револьверъ и дикимъ голосомъ закричалъ:

«Конвой! Конвой! Убрать этого гада, — пока я его не разстрѣлялъ!!»

И меня отвели къ камеру, а поздно ночью, въ густую темноту камеры была крикнута моя фамилія, и въ разныхъ концахъ камеры послышались рыданья...

Я очутился въ подвалѣ, и только спустя три недѣли Ральфъ двинулъ мое дѣло въ удобной для него тройкѣ и мнѣ вынесли приговоръ, по которому я обязывался работать въ какомъ-либо совѣтскомъ учрежденіи, на основѣ принудительной мобилизаціи.

* * *

При содѣйствіи коммунистовъ, бывшихъ заводскихъ рабочихъ, Шаляхина и Кравченко, мнѣ удалось прикрѣпиться къ отдѣлу соціальной помощи, занимавшему въ громоздкомъ аппаратѣ большевистскаго управленія одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Основной лозунгъ этого учрежденія былъ таковъ, что въ соціалистическомъ государствѣ нѣтъ мѣста частной благотворительности, и что всякій гражданинъ, потерявъ на фронтѣ или на гражданской службѣ здоровье, имѣетъ всѣ права на полученіе отъ отдѣла Соціальной помощи, какъ органа Совѣтской власти, должнаго обезпеченія. Въ дѣйствительности же обезпеченіе сводилось къ тому, что когда черный хлѣбъ былъ въ цѣнѣ около двухъ тысячъ рублей за фунтъ, лицамъ, имѣвшимъ потерю трудоспособности въ сто процентовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ сто двадцать процентовъ — т. е. тѣмъ, которые къ тому еще нуждались въ посторонемъ уходѣ, выдавалась ежемѣсячная пенсія въ три тысячи рублей, впослѣдствіи доведенная до семи тысячъ рублей, но уже къ тому времени, когда хлѣбъ дошелъ до цѣны пяти тысячъ рублей за фунтъ.

Опредѣленныхъ и точныхъ декретовъ на выдачу пенсій не было; въ основу дѣятельности пенсіоннаго подотдѣла легла еле читаемая, слабо отпечатанная копія декрета, съ отбитой на машинкѣ подписью Наркома Соціальнаго обезпеченія, тов. Эльцина. По смыслу этого декрета за помощью къ совѣтской власти могли обращаться: всѣхъ чиновъ и ранговъ военные старой царской и новой красной арміи, причемъ въ первомъ случаѣ офицеры и генералы уравнивались въ размѣрѣ пенсій съ рядовыми; имѣвшимъ старыя николаевскія пенсіонныя книжки пенсія выплачивалась по этимъ же книжкамъ, а наиболѣе осторожные, свои пенсіонныя царскія книжечки припрятавшіе до лучшихъ временъ, подвергались мало требовательной медицинской экспертизѣ, которая почти всѣхъ, имѣвшихъ за пятьдесятъ лѣтъ, относила въ разрядъ инвалидовъ второй категоріи. На пенсію имѣли также право вдовы съ дѣтьми, поскольку мужъ ихъ при жизни не былъ «буржуемъ» или не служилъ по тюремному или жандармскому вѣдомству. Подлежали обезпеченію лица — одинокія, достигшія шестидесяти пяти лѣтняго возраста, и по точному смыслу декрета получилось то, что пойти на содержаніе къ Совѣтской власти имѣетъ право каждый — кому только не лѣнь.

И въ теченіе самаго короткаго времени больше пятнадцати процентовъ населенія приписалось къ постоянной кліентурѣ Отдѣла Соціальной помощи. Преобладающимъ элементомъ являлась группа такъ называемыхъ «гражданскихъ вдовъ», мужья которыхъ умерли нормальной смертью еще въ то время, когда о большевикахъ, да и вообще о такой революціи, мы мало думали; за этой группой, въ многотысячныхъ цифрахъ, шли инвалиды и отставные военные старой царской арміи. Первымъ за полученіемъ пенсіи явился бывшій Екатеринославскій уѣздный воинскій начальникъ, ушедшій въ отставку съ чиномъ генералъ-маіора, Кругловъ, а за нимъ густо пошли всѣ отставные старички и вдовы-старушки, — гражданскіе чиновники въ отставкѣ, и остались за бортомъ только духовныя лица, у которыхъ была отнята ихъ эмеритурная касса, и которымъ Совѣтская власть отказывала въ какой бы то ни было помощи.

Малымъ процентомъ въ массѣ получавшихъ пенсію стояли рядовые царской арміи, такъ какъ этотъ элементъ большей частью разсосался по селамъ и деревнямъ, а городскіе инвалиды считали невыгоднымъ ходить мѣсяцами въ Отдѣлъ, чтобы потомъ получить пару тысячъ на полъ фунта хлѣба; но самыми аккуратными, липкими и нудными являлись отставные николаевскіе старички и старушки, съ поразительными для ихъ стараго возраста умѣньемъ и настойчивостью, стоявшіе недѣлями въ очередяхъ за полученіемъ суммы, достаточной только на покупку трехъ коробокъ спичекъ.

Какъ потомъ уже житейски выяснилось — этотъ элементъ, имѣвшій склонность къ паразитскому существованію еще въ царскія времена и служившій нерѣдко десятки лѣтъ только для того, чтобы выйти въ отставку съ пенсіей, съ укрѣпленіемъ совѣтской власти рѣшилъ и эту власть использовать такъ же тихо слащаво и слѣпо, какъ удавалось это при царской власти. Большевики-же, зная, что эти старики и старушки въ чепчикахъ являются всегда и во всѣхъ случаяхъ самыми опасными въ толпѣ, снуя всюду и шипя, распускавшими разные слухи и разлагавшими и безъ того тяжелую для большевиковъ обывательскую массу, не безъ политической хитрости всю эту лебезящую армію сплетниковъ и сплетницъ взяла на свою сторону, и генералъ-маіоръ Кругловъ, получивъ отъ большевиковъ пару ничего не стоящихъ тысячъ, уходилъ удовлетворенный, признавая власть государственной: «какъ же!... даже пенсію мнѣ выплачиваютъ!..»

Совершенно отсутствовали въ колоссальной массѣ пенсіонеровъ — инвалиды красной арміи, но когда съ теченіемъ времени стали появляться и послѣдніе, — Совѣтская власть для нихъ, помимо общихъ для всѣхъ денежныхъ пенсіонныхъ ставокъ, ввела особыя натуральныя выдачи въ видѣ новой пары бѣлья, штановъ, гимнастерки, а для вдовъ красноармейцевъ были спеціально сшиты изъ дешевой матеріи женскія широкія платья.

Потомъ стали появляться вдовы коммунистовъ, погибшихъ на партійныхъ работахъ въ арміи или въ тылу, и для этой категоріи особымъ секретнымъ распоряженіемъ Центра была установлена ежемѣсячная пенсія, дававшая безусловную возможность не голоднаго существованія. Помимо того, что пенсіи доходили до пятидесяти-шестидесяти тысячъ рублей въ мѣсяцъ, съ частыми натуральными выдачами и единовременными пособіями, главнымъ плюсомъ для коммунистическихъ вдовъ являлось распоряженіе выплачивать имъ пенсію со дня гибели мужа-коммуниста, и такъ какъ многіе погибли еще во время октябрьскаго переворота девятьсотъ семнадцатаго года, то отдѣльныя вдовы получали единовременныя выдачи за полтора — два года въ суммѣ, нерѣдко превышавшей полъ милліона, — въ то время, понятно, когда хлѣбъ былъ въ цѣнѣ до трехъ тысячъ рублей.

Когда къ жизни Отдѣла Соціальной помощи вплотную въ качествѣ завѣдовавшаго подошелъ Шаляхинъ, онъ однимъ распоряженіемъ пріостановилъ выплату пенсіи всѣмъ категоріямъ, оставивъ только открытой выплату пенсіи инвалидамъ красной арміи, вдовамъ красно-армейцевъ и женамъ партійныхъ работниковъ, погибшихъ на партійныхъ работахъ въ тылу.

Увидѣвъ тысячную массу, осаждавшую ежедневно отдѣлъ соціальнаго обезпеченія, который по совѣтской терминологіи назывался Собезъ, Шаляхинъ заявилъ, что Собезъ питаетъ за счетъ государства паразитовъ, мелкомѣщанскую контръреволюціонную массу въ то время, когда за счетъ этихъ выдачъ можно было бы увеличить ставки для красныхъ инвалидовъ, ихъ вдовъ и вдовъ партійныхъ работниковъ.

На засѣданіи Исполкома, по этому поднятому имъ вопросу, Шаляхинъ внесъ фактическое предложеніе, сводившееся къ тому, чтобы изыскать какой-нибудь способъ тихаго и безшумнаго уничтоженія всей массы пенсіонеровъ, захватившей въ плѣнъ Собезъ. Отъ себя Шаляхинъ шутя предлагалъ выстроить большой крематорій, загнать туда всѣхъ старушекъ и старичковъ и сразу избавить соціалистическое государство отъ сотенъ тысячъ паразитовъ. Больше трехъ мѣсяцевъ воевалъ Шаляхинъ съ пенсіонерами, пока не пріѣхала Ворошилова, жена Ворошилова, бывшаго тогда членомъ Реввоенсовѣта I-й конной арміи Буденнаго, и вступивъ въ завѣдываніе отдѣломъ, стоя на точкѣ зрѣнія безоговорочнаго выполненія всѣхъ декретовъ совѣтской власти, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда эти декреты требуютъ чьей либо жизни, коротко ознакомилась съ декретомъ о пенсіяхъ и распорядилась открыть выплату пенсіи всѣмъ пенсіонерамъ, съ выдачей пенсіи за время съ момента пріостановки выплаты.

Какъ саранча облѣпили пенсіонеры Собезъ, и въ два дня наличность кассы и весь наличный запасъ Собеза въ Госбанкѣ, разсчитанный на три мѣсяца, былъ выплаченъ пенсіонерамъ, добрая половина которыхъ еще толпилась у Собеза, стремясь получить единовременно пенсію за нѣсколько мѣсяцевъ.

Тогда Шаляхинъ пошелъ открытой войной на Ворошилову, агитируя противъ нея и въ Исполкомѣ, и въ партіи, и вообще при каждомъ удобномъ случаѣ. Агитація Шаляхина имѣла успѣхъ безъ особаго труда, такъ какъ Ворошилова мало была похожа на пролетарку. Всегда изящно и нарядно одѣтая — зимой въ дорогомъ и модномъ каракулевомъ пальто, а лѣтомъ въ элегантной шелковой накидкѣ, Ворошилова, которую и называли всѣ не словомъ «товарищъ», а по имени и отчеству, Екатериной Давидовной, напоминала собой даму выше-средняго буржуазнаго класса. Хотя она одно время и была въ ссылкѣ, но внѣшне она оставалась милой Екатериной Давидовной, которая уже будучи женой одного изъ вождей пролетаріата, кокетливо принимала ухаживанія молодыхъ красивыхъ командировъ конной арміи, въ большинствѣ состоявшихъ ранѣе въ лучшихъ кавалерійскихъ полкахъ... Нерѣдко на улицѣ можно было встрѣтить Екатерину Давидовну, окруженную свитой кавалеристовъ, и эта группа внѣшне и по бесѣдѣ была очень далека отъ рабоче-крестьянской красной арміи, давая скорѣе картинку полковой жизни былой царской арміи.

На рукѣ Ворошиловой задорно блестѣла широкая золотая браслетка съ часиками, и сама она частенько говорила, что партійный комитетъ ея не любитъ за ея

буржуазный видъ и непролетарскія наклонности. А поклонники были не только пролетарскіе, а совершенно буржуазные. Въ квартирѣ Ворошиловой, въ прекрасномъ старинномъ особнякѣ, съ утра до поздней ночи работали швеи и мастерицы для Ворошиловой и жены Буденнаго.

Ворошиловы и Буденный жили въ одномъ особнякѣ; вмѣстѣ обѣдали, вмѣстѣ проводили цѣлые дни въ штабѣ и часто вмѣстѣ совершали на автомобилѣ прогулки за городъ или по Днѣпру на моторной лодкѣ. Къ обѣду подавалось вино, свѣжіе фрукты и живые цвѣты. За обѣдомъ, по случаю назначенія Ворошиловой завѣдующей Собезомъ, присутствовалъ и я. Ворошилова во время обѣда страдала отъ частыхъ и громкихъ отрыжекъ тов. Буденнаго, а къ концу обѣда, когда Буденный всей пятерней вступалъ въ борьбу съ кусочками ѣды, застрявшими въ его крѣпкихъ и большихъ мужицкихъ зубахъ, Екатерина Давидовна бросила салфетку и встала изъ за стола.

Жена Буденнаго на тридцать пятомъ году своей жизни начала изучать грамоту. Простая баба-казачка ни душой, ни умомъ не понимала высоты положенія, занимаемаго ея мужемъ, и часто ругалась съ Буденнымъ, не разрѣшавшимъ ей приглашать къ себѣ на квартиру ея земляковъ — казаковъ-одностаничниковъ. Въ квартиру Ворошилова и Буденнаго были вхожи только высшіе штабные работники — бывшіе офицеры царскихъ полковъ.

Ворошиловъ, работавшій въ партіи еще съ революціи девятьсотъ пятаго года, будучи рабочимъ-клепальщикомъ Луганскаго Паровозостроительнаго Завода, къ времени большевистской революціи уже имѣлъ солидный стажъ политическаго-пролетарскаго дѣятеля и самообразованіемъ и любовью къ чтенію пріобрѣлъ нѣкоторыя историческія познанія, преимущественно изъ области революціонныхъ эпохъ. Частыя выступленія на митингахъ выработали въ немъ недурного оратора, и Ворошиловъ, занявъ постъ Члена Реввоенсовѣта I-ой конной арміи, все время остается членомъ Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета, и, говоря на митингахъ о Милюковѣ, онъ строитъ свою рѣчь такъ, какъ бы онъ только что разстался съ П. Н. послѣ горячаго политическаго спора. Интеллигентность жены помогла Ворошилову въ дальнѣйшемъ развитіи, и сейчасъ этотъ человѣкъ способенъ наизусть цитировать цѣлыя страницы изъ Маркса и Энгельса.

Въ противоположность Ворошилову можно поставить Буденнаго, человѣка мало грамотнаго, грубаго и совершенно далекаго отъ какой бы то ни было культуры. Вахмистръ, любовно ухаживающій и до этихъ дней за своимъ ежикомъ на головѣ и за жесткими усами à la Wilhelm, рубака, лихой наѣздникъ, онъ умомъ, душой и тѣломъ близокъ и понятенъ той арміи, во главѣ которой онъ поставленъ, а врожденный мужицкій умъ даетъ ему достаточно такта при непрерывныхъ сношеніяхъ со своими штабными — людьми голубой крови. Въ вопросахъ стратегическаго характера Буденный принимаетъ въ дѣйствительности только совѣщательное участіе, понимая, что годы, проведенные офицерами въ академіяхъ и штабахъ, даютъ имъ больше правъ на рѣшеніе боевыхъ задачъ, нежели ему — вахмистру, только удачно выполнявшему небольшія фронтовыя порученія.

Но когда выработанный планъ требовалось осуществить, — тогда выступалъ вахмистръ Буденный — командующій первой конной арміей, и казаки, видя впереди себя своего же брата-казака, своего земляка Семена, знали, что Буденный не подведетъ и не выдастъ, и, очертя голову, бросались въ самыя отчаянныя аттаки.

* * *

Когда различные подотдѣлы Чека основательно расположились въ просторныхъ особнякахъ Ново-дворянской улицы и, пользуясь провозглашеннымъ Троцкимъ краснымъ терроромъ, развили максимальную дѣятельность, наши юристы, ушедшіе въ работу Революціонныхъ Трибуналовъ, стали лицомъ къ лицу съ такимъ положеніемъ: либо очутиться самимъ въ «подвалѣ», либо попрежнему работать въ Трибу-

налахъ и дѣлать видъ, что все въ порядкѣ, и разстрѣливаютъ только самыхъ опасныхъ враговъ Совѣтской власти, и то послѣ накопленія достаточнаго матеріала, устанавливающаго полную виновность осуждаемаго на разстрѣлъ. Вмѣсто ранѣе приходившихъ бумажекъ о смерти подслѣдственнаго, юристы ничего не получали, а случайно узнавали, что по дѣлу, по которому у нихъ производится предварительное слѣдствіе и матеріалъ почти законченъ для слушанія дѣла, — Чека производитъ свое особое слѣдствіе, и когда Трибуналъ посылалъ вызовъ въ тюрьму для того или иного подсудимаго къ слушанію его дѣла, — тюрьма этого подсудимаго не выпускала, сообщая Трибуналу, что этотъ подсудимый числится за Чекой, а съ теченіемъ времени обреченный переводился въ собственную тюрьму Чеки, откуда никакая сила міра не могла бы его вытащить.

И надъ населеніемъ снова тяжелымъ кошмаромъ нависъ весь ужасъ красной власти.

Всѣ совѣтскія учрежденія были возстановлены и густо набиты голодными служащими-сотрудниками, взятыми въ желѣзныя клещи совѣтской дисциплины и тайной слѣжки агентовъ Чеки.

Ни эпидеміи, ни голодъ такъ подавляюще не дѣйствовали на людей, какъ сознаніе полнаго отсутствія какого либо права, и чувство абсолютнаго безправія дѣлало насъ болѣзненно напуганными и исключительно покорными предъ малѣйшей эмблемой красной власти.

Три процесса, прошедшіе въ Трибуналѣ, совершенно убѣдили всѣхъ въ томъ, что съ большевиками жить нельзя, и никакая человѣческая приспособляемость не сумѣетъ поддѣлаться подъ условія жизни, создаваемыя большевиками.

Первымъ процессомъ было дѣло по обвиненію нѣсколькихъ кожевенныхъ промышленниковъ въ спекуляціи кожей, которую они себѣ оставляли благодаря неправильнымъ свѣдѣніямъ въ Совнархозѣ о производствѣ кожи. Какъ всѣ дѣла большевистскаго суда, такъ и это дѣло возникло по доносу, имѣя подъ собой, однако, основательные пункты обвиненія. Дѣло было передано Революціонному Трибуналу, и въ процессѣ нормальнаго веденія предварительнаго слѣдствія выяснилось участіе въ дѣлѣ продажи кожи ряда видныхъ коммунистовъ, стоявшихъ во главѣ Совнархоза, Губкожа и отдѣла снабженія арміи.

По ходу слѣдствія можно было предположить, что, при полномъ сознаніи своей вины промышленниками и при чистосердечномъ показаніи о всѣхъ обстоятельствахъ дѣла, «пролетарское правосознаніе и революціонная совѣсть» судей Трибунала приговорятъ подсудимыхъ къ болѣе или менѣе продолжительному сроку работъ въ концентраціонномъ лагерѣ. Но видные коммунисты, узнавъ о выяснившемся ихъ участіи въ дѣлѣ и опасаясь возможности широкой гласности при слушаніи дѣла въ Трибуналѣ, безъ большого труда сдѣлали то, что когда Трибуналъ потребовалъ обвиняемыхъ на засѣданіе, тюрьма сообщила, что ночью всѣ промышленники увезены Чека, и никакіе протесты Трибунала не помогли. Прошла недѣля, и въ городѣ стало извѣстно о разстрѣлѣ всѣхъ кожевенниковъ въ Чека.

Трибуналъ въ дѣйствительности былъ созданъ большевиками больше для показной видимости, чѣмъ для отправленія совѣтскаго правосудія; поэтому, въ дальнѣйшемъ, юристы, работавшіе въ Трибуналѣ, убѣдились въ томъ, что фактически ихъ работа сводится, такъ сказать, къ ловкому втиранію очковъ населенію, и что многія дѣла, бывшія въ производствѣ Трибунала по указаніямъ Исполкома или Партійнаго Комитета, захватывались чекистами, и подсудимые втихомолку, безъ внѣшней процессуальной помпы, разстрѣливались въ подвалахъ Чека. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда по тѣмъ или инымъ положеніямъ дѣло все же оставалось въ Трибуналѣ, партійный комитетъ назначалъ въ судьи чекистовъ, которые выносили безапелляціонный смертный приговоръ даже тогда, когда по существу не было никакого обвиненія.

По доносу какого то чекиста Сааквы былъ арестованъ нѣкій Ягельскій, которому было предъявлено обвиненіе въ организаціи Петлюровскихъ возстаній и содѣйствіи Петлюровскимъ офицерамъ въ ихъ агитаціонной противо-большевистской работѣ на Украинѣ. Постановка всего дѣла и собранный матеріалъ дали положительно смѣшные

результаты, ибо кромѣ того, что сестра жены Ягельскаго была замужемъ за Петлюровскимъ офицеромъ, дознаніе ничего не установило. Но это нисколько не остановило коммунистическую ячейку Трибунала дѣло передать въ Чека, и, понятно, что спустя нѣсколько дней для Ягельскаго, для случайно арестованнаго въ квартирѣ брата Ягельскаго и для сестры жены Ягельскаго были какъ то поздно ночью пущены сильные моторы двухъ большихъ грузовиковъ.

Послѣ долгихъ и мучительныхъ хлопотъ Чека согласилась выдать вдовѣ только трупъ ея мужа, трупы же брата мужа и сестры такъ и остались въ свалочныхъ мѣстахъ, далеко за городомъ.

По обвиненію въ саботажѣ былъ арестованъ молодой инженеръ-путеецъ Черчіани, занимавшій при большевикахъ постъ начальника службы движенія. Чувствуя себя знатокомъ своего дѣла, Черчіани не поладилъ съ приставленнымъ къ нему комиссаромъ, коммунистомъ Харитоненко, бывшимъ въ то же время, подъ большимъ секретомъ, предсѣдателемъ желѣзнодорожной Чрезвычайки.

По характеру горячій, Черчіани открыто не разъ говорилъ Харитоненко, что хотя онъ и коммунистъ, но все же онъ только слесарь и въ вопросахъ движенія ничего не понимаетъ, и что инженеръ всегда знаетъ больше слесаря. Харитоненко возражалъ ему, что онъ, Черчіани, учился на ограбленныя у народа деньги, и ежедневно между спецомъ и политкомомъ происходили крупные разговоры.

Къ несчастію Черчіани, на ст. Александровскъ на ремонтируемый большевиками мостъ, взорванный при отступленіи бѣлыми, пьяный стрѣлочникъ пустилъ пассажирскій поѣздъ не на здоровую половину желѣзнодорожнаго моста, а на поврежденную, и паровозъ съ нѣсколькими вагонами, вмѣстѣ съ сорвавшейся фермой, упалъ въ рѣку. Было много жертвъ. Этимъ несчастьемъ воспользовался Харитоненко и сейчасъ же сообщилъ Исполкому о необходимости жестокаго наказанія начальника движенія Черчіани. Исполкомъ постановилъ: инженера Черчіани отъ должности устранить и дѣло передать для разслѣдованія въ Чека, въ виду наличія въ этомъ случаѣ саботажа со стороны Черчіани.

Дѣло это вызвало много шума, и единственный «идейный» коммунистъ, молодой помощникъ присяжнаго повѣреннаго, Синайскій, сынъ стараго присяжнаго повѣреннаго, бывшій тогда обвинителемъ въ Ревтрибуналѣ, заинтересовался этимъ дѣломъ и, пользуясь своей принадлежностью къ всемогущей партіи коммунистовъ, добился того, что дѣло изъ Чека было передано въ Трибуналъ.

Слѣдствіе и судъ выяснили, что несмотря на требованіе Черчіани объ усиленномъ освѣщеніи поврежденнаго моста и участковъ прилегающихъ къ нему пути, несмотря на отпущенныя Черчіани начальнику ст. Александровскъ — какому то коммунисту средства на устройство мѣръ предосторожности, не только поврежденный мостъ не былъ освѣщенъ, но и вся станція со всѣми многочисленными путевыми стрѣлками утопали въ непроницаемой темнотѣ южной ночи.

Было установлено, что начальникъ станціи, — коммунистъ, чувствуя себя совершенно безотвѣтственнымъ, цѣлыми днями пьянствовалъ вмѣстѣ съ низшимъ персоналомъ и темными ночами обкрадывалъ вагоны съ аммуниціей и продовольствіемъ, шедшіе къ Мелитополю для дѣйствовавшихъ тогда противъ Врангеля красныхъ частей.

И, вмѣсто обвинительнаго матеріала для инженера Черчіани, выплыли неожиданныя обстоятельства, создавшія новое дѣло, имѣвшее прямую связь съ сорвавшимся поѣздомъ и цѣликомъ снимающее вину съ инженера Черчіани. Больше того, во время предварительнаго слѣдствія, Черчіани, давая показанія, вспомнилъ, что онъ нѣсколько разъ просилъ комиссара дороги смѣнить начальника ст. Александровскъ въ виду царившаго тамъ хаоса, но комиссаръ дороги начальника станціи не смѣнялъ, мотивируя это необходимостью имѣть на ст. Александровскѣ, близко расположенной къ фронту, начальникомъ только коммуниста и нерѣдко говорилъ, обращаясь къ Черчіани, что-де все равно тамъ долженъ быть коммунистъ, а будетъ ли новый начальникъ-коммунистъ лучше стараго — это мало вѣроятно и поэтому пусть будетъ такъ, какъ есть...

И къ дѣлу были пріобщены подлинныя отношенія Черчіани къ комиссару дороги о необходимости персональной чистки штата на ст. Александровскъ. Все говорило въ пользу Черчіани.

Въ день слушанія дѣла Черчіани, всѣ оправдывающія Черчіани обстоятельства были повторены и подтерждены.

Слово было предоставлено общественному обвинителю коммунисту-юристу Синайскому, который, склонившись надъ столомъ, отчетливо и спокойно сказалъ:

«Ознакомившись ранѣе съ дѣломъ гражданина Черчіани и прослушавъ здѣсь рядъ свидѣтелей и документовъ, я, стоя цѣликомъ на стражѣ интересовъ великой русской пролетарской революціи, и руководствуясь исключительно революціоннымъ правосознаніемъ, никакихъ пунктовъ обвиненія противъ гражданина Черчіани не усматриваю и отъ поддержанія обвиненія Черчіани въ приписанномъ ему саботажѣ по службѣ — отказываюсь!...»

Защитникъ Каминскій совершенно обалдѣлъ отъ неожиданности такого оборота дѣла и вмѣсто защитительной рѣчи произнесъ хвалебную и пылкую рѣчь о красотѣ революціоннаго суда, о ясности и честности пролетарской совѣсти, о безмѣрной глубинѣ революціоннаго провосознанія, а закончилъ тѣмъ, что Трибуналу, состоящему изъ трехъ истинныхъ коммунистовъ-пролетаріевъ, остается только глубоко вдуматься въ слова обвинителя, ихъ же товарища-коммуниста и показать всѣмъ... всѣмъ... всѣмъ..., что революціонный судъ не ищетъ мести, а идетъ только къ свѣтлой и сіяющей правдѣ, — и эта правда вернетъ Черчіани къ его семьѣ и къ дальнѣйшей работѣ по возстановленію разрушеннаго совѣтскаго транспорта.

Тысячная толпа, наполнившая залъ суда, на нѣсколько минутъ положительно оцѣпенѣла, но я, зная предсѣдателя суда тов. Ральфа, члена суда тов. Бережанскаго, и ихъ близкія сношенія съ Харитоненко, нисколько не былъ удивленъ, когда послѣ трехчасового совѣщанія, предсѣдатель по этому процессу тов. Ральфъ огласилъ длинный приговоръ, который закончился словами:

«Примѣнить къ гражданину Черчіани высшую мѣру наказанія — разстрѣлъ...»

Не знаю, какой писатель могъ бы изобразить то, что переживалъ въ ту минуту коммунистъ Синайскій, отвернувшійся отъ всего и ушедшій служить истинной пролетарской революціи и ея честному суду.

Добившись разрѣшенія Исполкома, Синайскій на паровозѣ уѣхалъ въ Харьковъ къ Наркому юстиціи для спѣшнаго доклада о позорномъ для партіи коммунистовъ процессѣ. Изъ Харькова Наркомъ юстиціи телеграфно распорядился о пріостановкѣ приведенія въ исполненіе приговора и немедленной высылкѣ всего дѣла Черчіани. Телеграмма прибыла по желѣзнодорожному телеграфу около семи часовъ вечера и, какъ всякая входящая депеша, была сообщена Харитоненко, какъ предсѣдателю желѣзнодорожной Чеки. Въ ту же минуту Харитоненко на автомобилѣ помчался въ тюрьму, захвативъ съ собой двухъ агентовъ изъ Чеки, и, взявъ въ автомобиль Черчіани, выѣхалъ за городъ и привелъ въ исполненіе приговоръ Трибунала.

Когда трупъ Черчіани совершенно остылъ и былъ брошенъ въ одну изъ глубокихъ свалочныхъ ямъ, Харитоненко вернулся въ городъ и, отмѣтивъ, что депеша поступила въ девять часовъ вечера, съ посыльнымъ отправилъ депешу въ Трибуналъ. Голодная барышня, дежурившая въ Трибуналѣ, приняла пакетъ, расписалась и положила пакетъ на столъ постояннаго предсѣдателя Трибунала тов. Обуховскаго. На другой день тотъ пришелъ часовъ въ одиннадцать утра въ Трибуналъ и, прочитавъ телеграмму, сейчасъ же позвонилъ въ тюрьму о распоряженіи пріостановить исполненіе приговора. Изъ тюрьмы отвѣтили, что вчера часовъ около семи Черчіани былъ увезенъ изъ тюрьмы агентами Чека, а Чека по телефону отвѣтила:

«Поздно, батенька, хватились!... Черчіани уже въ расходѣ!»

И только позднѣе созданная особая комиссія выяснила всю исторію съ телеграммой, и въ наказаніе Харитоненко былъ смѣщенъ съ должностей комиссара службы движенія и предсѣдателя желѣзнодорожной Чеки, и, проболтавшись въ

партійномъ комитетѣ около трехъ недѣль безъ дѣла, былъ назначенъ помощникомъ Ворошиловой по завѣдыванію отдѣломъ соціальнаго обезпеченія.

А Синайскому пріятели Харитоненко изъ партійнаго комитета прямо сказали: «Ты, Синаша, нашъ!.. коммунистъ!.. Но больно ты ужъ ученый и мягкій... Поѣзжай ты лучше въ Центръ, а то здѣсь, братъ, плохо кончишь...»

И товарищъ Синайскій переѣхалъ въ Харьковъ.

* * *

Послѣ небольшихъ отрядовъ русской пѣхоты въ городъ вошла сорокъ шестая пѣхотная Латышская дивизія. Увидѣвъ этихъ непривѣтливыхъ, угрюмыхъ и бѣлобрысыхъ людей, прекрасно одѣтыхъ и вооруженныхъ, съ поразительной военной выправкой, стали понятны истерическіе вопли въ сводкахъ Добровольческой арміи о пущенныхъ въ бой Троцкимъ латышскихъ частяхъ.

Приходъ дивизіи въ городъ напомнилъ намъ первое занятіе города нѣмцами. Латыши съ такою же, какъ нѣмцы, строгой дѣловитостью развернули свой штабъ въ большомъ помѣщеніи Международнаго Банка; въ первый же день прихода они соединили полевыми телефонами квартиры старшихъ чиновъ съ Штабомъ и выпустили приказъ, призывающій населеніе къ спокойствію и содержанію квартиръ, дворовъ и улицъ въ чистотѣ. Послѣднее распоряженіе вызвало искреннее недоумѣніе, такъ какъ на нѣкоторыхъ улицахъ города еще висѣли на деревьяхъ повѣшенные Слащевымъ махновцы, а центральная часть города носила пугающіе слѣды недавней артиллерійской перестрѣлки между Добровольцами и Махно. Подписанъ былъ приказъ командиромъ дивизіи съ какой то особенно трудно выговариваемой фамиліей и адъютантомъ Штаба дивизіи, латышомъ Кампе. На другой же день всѣ эти приказы оказались заклеенными наверху новыми приказами, выпущенными сразу же собравшимися членами Совѣта Рабочихъ и Крестьянскихъ и красноармейскихъ депутатовъ.

Дивизіи дали отдохнуть въ городѣ нѣсколько недѣль и потомъ отправили изъ города пѣшимъ порядкомъ въ Александровскъ. Очевидно было, что дивизія направлена противъ «змѣи-Врангеля», о которой съ пѣной у рта говорилъ въ Александровскѣ Троцкій.

И какъ въ первые приходы большевиковъ, такъ и на этотъ разъ мы видѣли, что еще не все пропало, что кто-то... гдѣ то задержался, а все чаще и чаще появлявшіяся статьи о засѣвшемъ въ Крыму Врангелѣ вскрывали предъ нами всѣ опасенія большевиковъ въ томъ смыслѣ, что какъ бы изъ этой Врангелевской горсточки, имѣющей морской путь сношенія съ міровой буржуазіей, не выросла новая національная армія.

Близость фронта одно время удерживала большевиковъ отъ возстановленія взорваннаго Махно желѣзнодорожнаго черезъ Днѣпръ моста, но появившаяся и впереди еще предстоявшая переброска войскъ, продовольствія и аммуниціи заставила большевиковъ приступить къ его возстановленію.

Въ этомъ случаѣ большевики, учитывая важность этого моста въ случаѣ расширенія Врангелевскаго фронта, отказались отъ всякихъ коммунистическихъ затѣй и, понимая, что приказами, митингами и воззваніями мостъ не будетъ возстановленъ, объявили самые обыкновенные торги для подрядчиковъ, согласившихся взять на себя работы по ремонту моста.

Вначалѣ большевики рѣшили поставить двѣ новыя желѣзныя фермы и обратились къ Брянскому заводу съ запросомъ, въ какой срокъ заводъ могъ бы взять на себя изготовленіе и укладку этихъ двухъ фермъ. Администрація завода, состоявшая изъ прежнихъ инженеровъ — безъ директора —, вмѣсто котораго былъ назначенъ отъ партіи комиссаръ завода, рабочій-коммунистъ, дѣловито сообщила Центру, что къ изготовленію фермъ заводъ могъ бы приступить при условіи предоставленія достаточнаго для трехмѣсячной работы количества угля, смазочныхъ матеріаловъ и, главное, продовольствія для рабочихъ.

Центръ усмотрѣлъ въ этомъ отвѣтѣ саботажъ, и въ Екатеринославъ пріѣхала особая комиссія съ профессоромъ Ломоносовымъ, инженеромъ-коммунистомъ Вайцманомъ и нѣсколькими сотрудниками изъ Всеукраинской Чека.

Комиссія осмотрѣла мостъ, бѣгло осмотрѣла мертвые цехи Брянскаго завода и уѣхала въ Харьковъ.

Репортеръ совѣтскихъ «Извѣстій», давъ замѣтку о пріѣздѣ комиссіи, такъ былъ очарованъ любезностью Ломоносова, что закончилъ замѣтку словами: — «Послѣ завтрака въ салонъ-вагонѣ профессоръ Ломоносовъ отбылъ въ Харьковъ».

За слово «отбылъ» репортеръ попалъ въ Чеку и, заболѣвъ тифомъ, былъ выданъ родственникамъ для домашняго лѣченія.

Убѣдившись, что на капитальный ремонтъ моста разсчитывать не приходится, большевики, забрасывая Брянскій и Каменскій заводы запросами, стали пробовать сдать ремонтъ моста частнымъ подрядчикомъ, требуя устройства временныхъ деревянныхъ настиловъ, годныхъ для движенія поѣздовъ. Взялись за дѣло частные подрядчики, подвезли немного угля Брянскому заводу, дали немного нефти заводу Гантке и работа на мосту пошла. Матеріалы лѣсные реквизировались, и двѣ колоссальныя лѣсныя пристани, имѣвшія огромные склады строительнаго лѣса, были по льду перетащены къ мосту. Кое-какъ пошла работа въ Брянскомъ заводѣ, изъ случайнаго подбора разныхъ старыхъ кусковъ фермъ скомбинировали одну цѣлую и надежную ферму; частные подрядчики дѣлали деревянный настилъ и деревянные устои, заводъ Гантке изготовилъ около двухъ тысячъ пудовъ болтовъ, и работа по возстановленію моста успѣшно двигалась. Рабочимъ платили не по ставкамъ, а сдавали работы сдѣльно и артелямъ; матеріалы, которые не удавалось реквизировать, покупали и платили высокія спекулятивныя цѣны; подрядчикамъ выдавали крупные авансы; рабочимъ, кромѣ платы по соглашенію, отпускали полный красноармейскій боевой паекъ, состоявшій изъ полутора фунтовъ хлѣба, полуфунта мяса, сала, сахару, табаку, спичекъ...

Принципы коммунистическаго производства были большевиками отброшены; инженерамъ, техникамъ и надсмотрщикамъ выдавались частыя и крупныя денежныя и продовольственныя награды. Работа пошла такимъ быстрымъ и успѣшнымъ темпомъ, что когда въ концѣ апрѣля большевики объявили пробу моста, какъ то не вѣрилось, что большевики что-то сумѣли создать.

Первый поѣздъ прошелъ по мосту съ пустыми вагонами; потомъ былъ пущенъ второй поѣздъ съ грузомъ и нѣсколько увеличенной скоростью, а спустя нѣсколько дней черезъ мостъ часто проползали длинные товарные составы, изъ вагоновъ которыхъ выглядывали красноармейцы и виднѣлись лошади.

Началась переброска войскъ на западъ, гдѣ, какъ мы только потомъ узнали, шла жестокая война съ поляками. Тогда всѣмъ стала понятна щедрость и честность большевиковъ при возстановленіи моста. Въ оффиціальныхъ совѣтскихъ «Извѣстіяхъ» стали появляться сводки съ западнаго фронта и часто упоминались имена Савинкова, Балаховича...

* * *

Когда выяснилась наличность у большевиковъ двухъ серьезныхъ фронтовъ, наиболѣе непримиримые къ совѣтской власти рѣшили не идти къ большевикамъ работать и, разыскавъ старыя карты русско-германской войны, вечерами создавали разныя стратегическія комбинаціи и вычисленія, по которымъ выходило такъ, что въ концѣ августа, въ одинъ и тотъ же день, Екатеринославъ будетъ занятъ съ запада поляками, а съ юга – Врангелемъ, а большевики окажутся «въ кольцѣ». А пока что жены выносили на толкучій рынокъ старенькіе штаны, «все равно ненужный черный сюртукъ», «и такъ безъ дѣла стоящій» спиртовый кофейникъ и, смѣясь, продавали «какимъ то дуракомъ выдуманныя» большія хрустальныя вазы... Надо вѣдь только до августа продержаться, а тамъ ужъ, будьте покойны!.. Врангель, навѣрное, съ

нѣмцами, и поляки съ французами, и теперь-то ужъ большевикамъ крышка!.. А пока фракъ-то все равно не нуженъ, можно его и продать, да кстати и посуды много!..

Дамы проводили цѣлые дни на рынкѣ, продавая вещи, шутя и улыбаясь, а вечеромъ голодныя возвращались домой и думали о томъ, что фракъ мужа продавать-то и не слѣдовало, а лучше было бы «загнать» эти утомляющія глаза тяжелыя драпировки. Утромъ выносились на базаръ драпировки и эта «теперь совершенно ненужная» настольная электрическая лампа. А непримиримые сидѣли дома и часами, не отрываясь, комбинировали по картѣ.

И вдругъ какъ громомъ ударило всѣхъ воззваніе къ русскимъ людямъ, русскому народу и русскому офицерству о вступленіи въ ряды красной арміи на борьбу съ поляками, подписанное Брусиловымъ, Клембовскимъ, Гуторомъ и Заіончковскимъ...

Слова «матушка-Россія» рядомъ со словами «геройски сражающаяся красная армія» и подписи видныхъ русскихъ генераловъ истинныхъ недавнихъ народныхъ героевъ.

Мнѣ вспомнился генералъ Гуторъ, когда онъ, какъ предсѣдатель Одесскаго Военно-окружного Полевого Суда, часто наѣзжалъ къ намъ съ сессіей Суда и ликвидировалъ остатки революціонныхъ броженій девятьсотъ седьмого года. Что ни дѣло, то смертная казнь чрезъ повѣшеніе, и вдругъ этотъ старый царскій вѣшатель, заодно съ большевиками, призываетъ русскій народъ къ защитѣ совѣтской власти... Или Брусиловъ!.. Нѣтъ, неправда!.. Очередной большевистскій обманъ!..

Но скоро пришлось убѣдиться въ томъ, что Гуторъ, это тотъ самый царскій вѣшатель, и что Брусиловъ — это тотъ самый нашъ родной... русскій... народный герой Львова и Перемышля...

И непримиримые стали падать духомъ...

Измѣнилъ Россіи, предалъ народъ Брусиловъ!.. — такъ сколько же за нимъ пойдетъ слабыхъ и колеблющихся? А гдѣ же настоящая Россія, если Брусиловъ зоветъ Россію подъ красныя знамена интернаціонала на борьбу съ поляками?..

Насколько это воззваніе произвело на непримиримыхъ страшное и подавляющее впечатлѣніе, — въ такой же противоположной мѣрѣ сильно это подѣйствовало на колеблющіяся массы, и самъ Г. Зиновьевъ на митингѣ въ Харьковѣ открыто сознался, что Кремль пораженъ тѣмъ патріотическимъ подъемомъ, который вызвало воззваніе русскихъ генераловъ.

«Мы, говорилъ онъ, никогда не думали, что Россія имѣетъ столько патріотовъ, ибо въ первый же день появленія воззванія на улицахъ Москвы въ Военный Комиссаріатъ являлись тысячи офицеровъ, ранѣе отъ службы въ красной арміи уклонившіеся, и десятки тысячъ интеллигентовъ, рабочихъ, и изъ деревни крестьянъ.»

Выброшенный тогда Троцкимъ лозунгъ «Воръ въ домѣ», связанный съ содержаніемъ Брусиловскаго воззванія, вызвалъ въ арміи большой подъемъ. И когда на улицахъ города появились воззванія Брусилова и зажигательный лозунгъ Троцкаго, — къ нашему губернскому военному комиссаріату въ лихорадочномъ возбужденіи спѣшили и офицеры, и рабочіе, и отдѣльные, ранѣе колебавшіеся, интеллигенты.

«Кому-кому, говорили они, но только не Польшѣ подавлять русскую революцію и не имъ вмѣшиваться въ русскую жизнь... Мы, говорили они, идемъ сейчасъ не защищать большевиковъ, къ чему насъ предательски призываетъ Брусиловъ, а идемъ только изгнать поляковъ изъ русской земли, помня, что, когда придетъ часъ съ большевиками мы справимся сами, и ужъ, во всякомъ случаѣ, безъ помощи Польши!..»

За двѣ-три недѣли до появленія воззванія Брусилова, въ сводкахъ глухо сообщалось объ угрожающей со стороны поляковъ опасности Кіеву, а когда къ нашимъ пристанямъ пристало нѣсколько пароходовъ, съ которыхъ сносили трупы большевиковъ, убитыхъ пулеметнымъ огнемъ съ польскаго аэроплана, стало яснымъ, что Кіевъ «приказалъ намъ долго жить» и что волна польскаго наступленія широко разлилась по всей Украинѣ.

Пріѣхавшая особымъ поѣздомъ Кіевская Чека, еще до появленія оффиціальной сводки, привезла вѣсть о занятіи Кіева поляками и о страшныхъ потеряхъ въ рядахъ красныхъ войскъ.

Пробывъ нѣсколько дней въ городѣ, Кіевскіе чекисты выѣхали со всѣмъ своимъ багажомъ къ Харьковъ, и это опредѣленно указывало на то, что поляки продвигаются отъ Кіева глубже на Украину, и что надежды на скорое возвращеніе въ красный Кіевъ чекисты не имѣютъ.

Съ сѣвера на западъ безпрерывно шли поѣзда съ войсками, пушками... Съ Крымскаго фронта были сняты лучшія коммунистическія части и переброшены на западъ, и Врангель, почувствовавъ слабость и немногочисленность красныхъ, впервые сталъ выходить изъ Крыма.

* * *

Почувствовавъ непрочность положенія Совѣтской власти на Украинѣ, узнавъ о сохранившемся ядрѣ новой русской арміи, идущей изъ Крыма на большевиковъ, имѣющей на своихъ знаменахъ лозунги: земля — крестьянамъ, — мужички стали исподтишка рѣзать коммунистовъ и открыто не выполнять совѣтскихъ распоряженій.

Отъ добровольной сдачи продовольственной разверстки крестьяне отказались, и, при существованіи на Украинѣ польскаго и Врангелевскаго фронтовъ, большевикамъ пришлось формировать особые продовольственно-карательные отряды по принудительному отобранію у крестьянъ зерна, скота, масла, птицъ и яицъ, въ нормахъ, опредѣленныхъ продовольственной разверсткой.

Не предпринимая никакихъ самостоятельныхъ выступленій, деревня ожидала прихода къ ней продовольственно-карательнаго отряда и только тогда выявляла всю свою звѣриную озлобленность и хитрость.

Не имѣя никакихъ свободныхъ воинскихъ частей, большевики объявили спеціальную мобилизацію на новый продовольственный фронтъ, который, какъ гласили мобилизаціонные приказы, нисколько не угрожая жизни идущихъ на этотъ фронтъ, — въ то же время является опаснѣйшимъ фронтомъ для жизни и существованія всей Совѣтской власти, если мобилизація на этотъ фронтъ не дастъ тѣхъ результатовъ, на которые разсчитываетъ власть трудящихся.

Мобилизація была проведена черезъ профессіональные союзы на томъ принципѣ, что всякое предпріятіе, учрежденіе, заводъ или фабрика, мастерская или кустарная организація обязана предоставить въ распоряженіе Особой Продовольственной тройки по четыре чѣловѣка на каждые сто числившихся въ предпріятіи людей. Такимъ образомъ, предпріятіе, имѣвшее хотя бы пять-шесть человѣкъ, должно было дать Тройкѣ одного «продовольственника»; учрежденіе, имѣвшее до двадцати пяти человѣкъ, обязывалось дать не менѣе двухъ «продовольственниковъ»; имѣвшее до пятидесяти человѣкъ — не менѣе трехъ, а имѣвшія свыше пятидесяти человѣкъ — по четыре «продовольственника». До этой мобилизаціи и въ теченіе самой мобилизаціи большевики развили усиленную агитатію за продовольственный фронтъ, посылая въ учрежденія, фабрики и заводы спеціальныхъ ораторовъ, увѣрявшихъ массы въ томъ, что надо только умѣло и тонко подойти къ крестьянину — и онъ отдастъ все, что по продовольственной разверсткѣ положено.

Отряды формировались изъ двѣнадцати лицъ, имѣвшихъ на себѣ чисто хозяйственныя по сбору разверстки функціи; изъ восемнадцати кавалеристовъ при одномъ пулеметѣ, имѣвшихъ на себѣ функціи карательнаго характера на случай отказа деревни отъ добровольной сдачи продразверстки, и во главѣ этихъ тридцати человѣкъ отъ партійнаго комитета ставился одинъ коммунистъ, которому весь отрядъ подлежалъ безусловно, по фронтовому, подчиненію, и который, къ тому еще, носилъ на себѣ обязанности чисто партійныя по произношенію предъ крестьянами рѣчей, развитію предъ ними всей красоты коммунистическихъ идей и долженъ былъ продѣлать намѣченную партіей работу по сближенію крестьянина съ городскимъ пролетаріатомъ.

Эта мобилизація, какъ для безпартійныхъ, такъ и для коммунистовъ была болѣе страшна, чѣмъ посылка на настоящій боевой фронтъ, такъ какъ къ этому времени въ раіонѣ всей Екатеринославской губерніи стали снова организовываться повстанческіе отряды, и неуловимымъ чортомъ по деревнямъ носился батько Махно. На этотъ разъ его постоянная боевая база, село Гуляй-Поле, находилось какъ разъ посрединѣ фронта между большевиками и Врангелемъ, и, забравшись съ незначительнымъ отрядомъ въ лѣса Павлоградскаго уѣзда, онъ продѣлывалъ свою обычную работу по ограбленію воинскихъ поѣздовъ, порчѣ путей, взрыву и поджогу мостовъ, и совершенно случайно Врангель пріобрѣлъ полезнаго союзника, наносившаго большевикамъ колоссальный ущербъ въ дѣлѣ снабженія ими частей, противопоставленныхъ Врангелю.

Большинство всадниковъ, бѣжавшихъ послѣ поразительнаго уничтоженія Жлобы и укрывшихся въ лѣсахъ, спасаясь отъ Врангеля, тамъ встрѣтились съ зелеными повстанческими отрядами Махно и коммунистическій интернаціоналъ промѣняли на безпечное, разгульное житье лѣсныхъ разбойниковъ. Большевики сейчасъ же всенародно объявили Махно внѣ закона, но это нисколько не помѣшало ему самымъ жестокимъ и безпощаднымъ путемъ истреблять не только коммунистовъ, но даже все то, что носило на себѣ хотя бы какіе нибудь слѣды коммуны.

Узнавъ, что въ Павлоградѣ находится главная полевая касса Крымской группы красныхъ войскъ, и зная, что въ этой кассѣ находится золотая русская и иностранная валюта, Махно всему своему отряду нацѣпилъ на папахи коммунистическія звѣзды, приказалъ сшить красные флаги и вечеромъ двинулся къ Павлограду. Застава у самаго города, увидѣвъ приближавшихся кавалеристовъ со стороны ст. Зайцево, ничего подозрительнаго не подумала, такъ какъ по этому пути часто пѣшимъ и коннымъ порядкомъ шли на фронтъ войска. Вплотную приблизившись къ заставѣ, отрядъ дружно запѣлъ:

«Мы на горе всѣмъ буржуямъ
міровой пожаръ раздуемъ!..»

и совершенно свободно въѣхалъ въ городъ, распѣвая:

«Это будетъ послѣдній
и рѣшительный бой!..»

Подъѣхали къ дому, гдѣ помѣщалась касса, расположились вокругъ дома незамѣтно такъ, что выйти изъ ихъ круга стало невозможнымъ, и впустивъ уже поздно ночью въ помѣщеніе своихъ болѣе испытанныхъ друзей, спокойно вступили въ бесѣду съ наружнымъ карауломъ. Внутри, тѣмъ временемъ, часовые были связаны, вся наличность кассы была размѣщена по карманамъ, и съ такими же веселыми пѣснями отрядъ вышелъ изъ города, исчезнувъ снова въ густо заросшихъ лѣсахъ.

Продовольственно-карательные отряды были сформированы, причемъ кавалеристовъ Исполкомъ взялъ на временное пользованіе изъ Особыхъ кавалерійскихъ отрядовъ Чека, изъ особыхъ отрядовъ войскъ внутренней охраны Республики, посившей сокращенное названіе «Вохра». Партійный комитетъ выставилъ и прикрѣпилъ къ отрядамъ самыхъ тупыхъ и бездарныхъ коммунистовъ, нерѣдко совершенно безграмотныхъ.

Меня удивилъ такой выборъ партіи на весьма отвѣтственную и чрезвычайно важную работу, и когда я мое удивленіе высказалъ коммунисту Шаляхину, считавшемуся въ партіи крайне правымъ, онъ, махнувъ рукой, досадливо сказалъ:

«Да такъ, знаете... Все равно они не вернутся, такъ для партіи хотя бы не будетъ замѣтной потери...»

И Шаляхинъ, знавшій больше меня, помиловавшаго контръ-революціонера, былъ правъ; не прошло и трехъ дней, какъ въ городъ стали возвращаться отдѣльные продработники, еле спасшіеся отъ жестокой и коварно-хитрой мести крестьянъ.

Въ село Перещепино былъ высланъ удвоенный продовольственно-карательный отрядъ, такъ какъ это село лежало вблизи раіона дѣйствій Махно и отличалось вообще не очень нѣжной любовью къ коммунѣ.

Въѣхавшій отрядъ крестьяне встрѣтили угрюмо. На небольшой площади предъ школой, гдѣ помѣщался комитетъ деревенской бѣдноты, глава отряда, коммунистъ, выступилъ предъ крестьянами съ рѣчью, доказывая, что они должны сдать разверстку, иначе армія уйдетъ съ фронта и сюда придутъ польскіе паны и Врангелевскіе золотопогонники. Они должны сдать продналогъ, такъ какъ Совѣтская власть дала имъ всю землю помѣщиковъ, и сейчасъ всякій крестьянинъ можетъ обработать земли столько, сколько ему самому захочется.

Крестьяне молча слушали оратора, и когда тотъ кончилъ, заявили, что они всѣ согласны сдать продналогъ, только у нихъ нѣтъ ни одного мѣшка, и предложили оратору пойти съ ними до «млына» и тамъ выяснить дѣло съ мѣшками. Коммунистъ отъ счастія просіялъ; приказалъ всадникамъ разсѣдлать лошадей и, бесѣдуя съ окружившими его крестьянами, направился съ ними къ млыну... Только они завернули къ млыну, послышался частый пулеметный огонь, и въ ту же секунду коммунистъ свалился, получивъ въ упоръ выстрѣлъ въ черепъ. Изъ ловко скрытыхъ и умѣло разставленныхъ пулеметовъ крестьяне перебили до одного весь отрядъ. Коммунисту крестьяне вскрыли животъ, всыпали въ брюшную полость зерна, привязали къ груди записку съ надписью: «получайте продналогъ» и съ однимъ оставшимся въ живыхъ, но тяжело раненнымъ продработникомъ, на подводѣ отправили трупъ въ городъ...

И по всей губерніи, какъ и во всей тогда клокотавшей Украинѣ, въ томъ или другомъ видѣ, повторялись такія же картины.

* * *

Предпринимая шаги къ ограбленію крестьянства, подъ предлогомъ продовольственной разверстки, большевики рѣшили порыться и въ сундукахъ рядового городского обывателя, и тогда по иниціативѣ Г. Зиновьева, восторгавшагося въ Харьковѣ патріотическимъ подъемомъ русскаго народа, первымъ починомъ въ Харьковѣ, а потомъ уже и по всей Украинѣ и Россіи, была устроена «недѣля бѣдноты».

Модныя тогда безпартійныя конференціи устраивались по всякому поводу и безъ всякаго повода. Этими конференціями коммунисты пытались выяснить подлинное лицо и настоящія мысли безпартійной массы, что имъ, понятно, не удавалось... На одну изъ такихъ конференцій пріѣхалъ старый знакомый Васька Аверинъ, въ то время бывшій на посту Предсѣдателя Харьковскаго Губернскаго Исполнительнаго Комитета. И около часу ночи по улицамъ города разсыпались «пятерки», имѣвшія въ себѣ одного коммуниста на четырехъ безпартійныхъ. По улицамъ были разставлены частые патрули, и «пятерки», беря съ собой предсѣдателя домового комитета, входили въ квартиры и производили «изъятіе излишковъ». Послѣ этой ночи многіе остались совершенно нищими, ибо «пятерки», взвинченныя зажигательной рѣчью Аверина, и состоящія хотя и изъ безпартійныхъ, но изъ тѣхъ же пролетаріевъ, которые за время революціи въ корнѣ измѣнили обычные взгляды на чужую собственность и въ особенности на фабрично-заводское имущество, продѣлывали ночной грабежъ съ рѣдкимъ ожесточеніемъ и оставляли обывателямъ по одной парѣ бѣлья. Забирали все: бѣлье, наличныя деньги, превышавшія сумму въ двадцать тысячъ совѣтскихъ рублей, золотые часы, кольца, портсигары, ложки, а въ квартирахъ буржуазныхъ взламывали полы и частенько извлекали оттуда, казалось бы такъ надежно спрятанные, брилліанты.

Городъ былъ ограбленъ такъ, какъ не грабили его ни пьяные казаки генерала Ирманова, ни дикіе чеченцы пьянаго Слащова!

Грабежъ былъ продѣланъ именно такъ, какъ объ этомъ со скрежетомъ зубовнымъ говорилъ Аверинъ.

«Мы, говорилъ онъ, должны сейчасъ пройти по квартирамъ мелкой, средней и высшей буржуазіи и организованно ограбить у нея всѣ тѣ излишки, которые позволяютъ буржуазіи, не служа и не работая у Совѣтской власти, нормально питаться и ждать изъ Кіева поляковъ, а изъ Крыма Врангеля... Мы должны ограбить у буржуазіи тѣ народные милліарды, которые хитрая буржуазія превратила въ шелковое бѣлье, мѣха, ковры, золото, мебель, картины и посуду... Мы должны все это у буржуазіи отобрать и раздать пролетаріямъ и заставить буржуазію за паекъ пойти на работу къ Совѣтской власти!»

Вѣроятно, послѣдній намекъ Аверина на раздачу отобраннаго пролетаріямъ вызвалъ у нихъ такіе грабительскіе инстинкты, ибо мнѣ лично пришлось долго слезно упрашивать «товарища» оставить мнѣ бѣлую клеенку, которая нужна была тогда моей болѣвшей женѣ.

Забравъ все же клеенку, онъ съ какимъ то особымъ удовольствіемъ сказалъ:

«Ничего... Когда нибудь и моя жена заболѣетъ!..»

«Дай, Господь!» въ тонъ отвѣтилъ я ему.

Десятки пудовъ серебра, мѣшки золота и большое количество брилліантовъ было въ ту ночь забрано у населенія, а къ утру, до сдачи на центральный сборный пунктъ, цѣнности таяли, и спустя нѣсколько дней многіе коммунисты подали заявленія объ усталости, прося разрѣшенія выйти изъ рядовъ партіи.

Цѣнности въ ничтожномъ количествѣ были сданы на храненіе въ Финотдѣлъ тов. Каменскому и Гальперсону, которые тоже продѣлали какія то ловкія комбинаціи по извлеченію брилліантовъ и всаживанію дешевыхъ рубиновъ, а то и простого шлифованнаго мальцевскаго стекла.

Была назначена особая комиссія по распредѣленію изъятыхъ у буржуазіи излишковъ, и надо было видѣть лица пролетаріевъ, когда на заводы имъ привезли старые рваные штаны, рубахи въ заплатахъ, похожіе на тряпье съ торчавшими клочьями ваты пальто, и ни одной мѣховой шубы, ни одного пиджака, ни одной пары цѣлыхъ брюкъ, тогда, когда они сами кучами изъ почти каждой квартиры выносили новое бѣлье, свѣжее платье, хорошія пальто, мѣховыя вещи, ковры, люстры, дорогую посуду, художественные альбомы, фарфоровыя статуэтки, электрическіе кофейники и еще много, много разныхъ вещей нормальнаго средне-буржуазнаго обихода.

Но «съ собаки и шерсти клокъ».

Рабочіе, глухо ругаясь, брали и это тряпье, увидѣвъ, что даже въ такомъ чисто воровскомъ дѣлѣ, гдѣ этика всегда соблюдается строго, большевики тоже оказались вѣрными своему постоянному поведенію и девизу: «грабь награбленное».

* * *

Въ Кіевѣ какъ будто прочно засѣли поляки и уже нѣсколько замедленнымъ темпомъ продвигались внизъ по Днѣпру.

Изъ Мелитополя частенько, дѣйствительно, по змѣиному выползали Врангелевскія части и, впуская жало въ красные полки, снова убѣгали на длительную паузу.

Безконечно рѣзвился Махно, совершая частые налеты на Александровскъ, Лозовую, Павлоградъ и Синельниково, несмотря на то, что на этомъ участкѣ безпрерывно проходили красныя воинскія части.

Какъ то утромъ по желѣзнодорожному мосту, направляясь въ городъ, прошла кавалерія, поразительно похожая на еще сохранившуюся въ памяти кавалерію генерала Шкуро...

Тѣ же худыя лошаденки; всадники съ скуластыми и улыбающимися лицами, лукаво выглядывавшими изъ подъ высокихъ мохнатыхъ папахъ.

Неописуемо было удивленіе, когда этотъ отрядъ, въѣхавъ въ городъ, разсыпался на небольшія группы въ три-пять всадника и занялъ тѣ самыя конюшни, въ которыхъ эти же лошади съ этими же казаками стояли, будучи въ рядахъ конницы Шкуро.

Казаки улыбались и говорили, что они противъ коммуны, но и противъ поляковъ, и что если бы Деникинъ не повѣсилъ ихъ Кубанскихъ вождей изъ Рады, то они взяли бы Москву, и Россія была бы Россіей, но и казачество имѣло бы свою самостоятельность. А теперь ни ему, ни намъ, а чертямъ – коммунистамъ!.. Мы, говорили казаки, сейчасъ всѣ идемъ на поляковъ, и вотъ завтра увидите много старыхъ знакомыхъ!..

Съ трепетомъ ожидали мы прихода старыхъ знакомыхъ, ожидая новыхъ грабежей...

Но каково было видѣть, когда безпрерывной лентой въ теченіе трехъ дней шли казаки черезъ городъ, останавливаясь, застрявшей къ ночи частью, на ночлегъ въ городѣ, и не только ни одного ограбленія, но ни одного выкрика не было слышно.

Въ старыя квартиры на нѣсколько минутъ, «чтобы повидаться», заворачивали бывшіе добровольческіе хорунжіе, сотники и есаулы, безъ погонъ, но съ какими то нашивками на рукавѣ.

Днемъ въ городѣ играли три оркестра музыки, и Буденный съ Ворошиловымъ, оба верхомъ, съ восторженными криками «ура» и «даешь Варшаву!», пропускали мимо себя десятки тысячъ сыновъ Дона и Кубани.

За три дня сплошной лентой черезъ Екатеринославъ, направляясь на западъ, прошло свыше сорока пяти тысячъ всадниковъ, и тѣ же самые казаки, которые всего только годъ тому назадъ день и ночь грабили городъ, сейчасъ проѣхали по городу, какъ лучшая изъ лучшихъ дисциплинированныхъ армій.

Чтобы поднять настроеніе населенія большевики выпустили плакаты о поимкѣ частями Буденнаго бандита Махно, но части Буденнаго давно и далеко ушли за Екатеринославъ, и спустя два дня мы узнали, что Махно вырѣзалъ весь Лозовскій Исполкомъ.

Заѣхавшій къ намъ повидаться казакъ, кѣмъ то умышленно уязвленный тѣмъ, что нынѣ служитъ и идетъ на бой подъ командой «жида-Троцкаго», горячо и убѣжденно возразилъ:

«Ничего подобнаго! Троцкій не жидъ... Троцкій боевой!.. Нашъ!.. Русскій!.. А вотъ Ленинъ тотъ – коммунистъ... жидъ, а Троцкій – нашъ... боевой... русскій!.. Нашъ!»

И хлестнувъ нагайкой коня, помчался догнать ушедшихъ далеко впередъ товарищей...

* * *

Въ виду опасности, угрожавшей со стороны Врангеля, Исполкомомъ рѣшено было начать постепенную разгрузку города и эвакуацію наиболѣе цѣннаго имущества. Въ первую очередь принялись за заводы. Съ большого завода Гантке было погружено въ вагоны свыше восьмидесяти тысячъ пудовъ гвоздей, болтовъ, гаекъ, разной обработанной проволоки; весь магазинъ завода, впослѣдствіи разграбленный, частью во время погрузки, а частью изъ вагоновъ, былъ погруженъ въ двѣнадцать вагоновъ; тамъ было: три вагона олова, цинка и свинца; два вагона электрическихъ лампъ и различныхъ электрическихъ принадлежностей; ремни кожаные и резиновые; какіе то особые химическіе препараты.

Такіе же матеріалы, но въ значительно болѣе крупныхъ количествахъ, были погружены съ Брянскаго завода, двухъ заводовъ Шодуара. Съ небольшихъ заводовъ, какъ «Старръ и Ко», «Гвоздильный заводъ бр. Фрумкиныхъ», большевики сняли съ установокъ и погрузили въ вагоны менѣе тяжелые и наиболѣе дорогіе гвоздильные и шпилечные станки.

Изъ Екатеринослава было вывезено больше пятисотъ вагоновъ заводскихъ цѣнностей, безъ которыхъ заводы оказались мрачными и безжизненными инвалидами. Безъ охраны, безъ описи, вагоны были двинуты на Харьковъ, Москву и Саратовъ, но такъ какъ на Синельниково часто налетали и Врангель, и Махно, большевики рѣшили все эвакуируемое имущество направлять черезъ Пятихатку на Кременчугъ и кружнымъ путемъ двигать эвакуацію на сѣверъ.

За дѣло взялся и тов. Трепаловъ, имѣвшій переполненныя тюрьмы контръ-революціонеровъ, саботажниковъ и бандитовъ. Какъ предсѣдатель Чеки, онъ потребовалъ составить ему списокъ наиболѣе видныхъ контръ-революціонеровъ, саботажниковъ и бандитовъ, и когда въ спискѣ набралось около пятидесяти человѣкъ, онъ противъ фамилій, наиболѣе ему не понравившихся, писалъ сокращенное «рас», что означало — расходъ, т. е. разстрѣлъ. Помѣтки онъ дѣлалъ толстымъ краснымъ карандашомъ и такъ, что его помѣтки не всегда были противъ той фамиліи, которую онъ отмѣчалъ, а мѣстами нѣсколько выше или немного ниже.

Когда былъ полученъ приказъ эвакуировать Чека, первымъ оставилъ городъ Трепаловъ, а чекисты, получивъ списокъ, стали разбираться въ немъ, кого слѣдуетъ выпустить, а кого надо вывести въ расходъ; но такъ какъ помѣтки Трепалова были сдѣланы небрежно, то и въ отдѣльныхъ случаяхъ трудно было установить, къ какой собственно фамиліи относятся буквы «рас»...

И чтобы не выпустить случайно какого-нибудь замореннаго контръ-революціонера, одинъ изъ чекистовъ прямо рѣшилъ:

«Чего тамъ, товарищи, копаться... Вали всѣхъ!»

И всѣ пятьдесятъ были «выведены въ расходъ», во славу власти рабочихъ и крестьянъ. —

Эвакуація города въ десятыхъ числахъ сентября шла горячимъ темпомъ; семьи коммунистовъ изъ коммунистическихъ общежитій были переведены на стоявшіе подъ парами пароходы, каждую минуту готовые къ отплытію на Кременчугъ; на заборахъ, стѣнахъ и столбахъ красовались проклятія на голову контръ-революціонной змѣи, которой только изъ за предательства сидящихъ въ штабѣ бѣлыхъ офицеровъ не удалось размозжить голову такъ же, какъ размозжили черепъ гаду Деникину... Но это еще не конецъ!! Пролетаріатъ себя еще покажетъ!.. И остающіеся въ городѣ пролетаріи пройдутъ еще одно послѣднее испытаніе и вѣрятъ, что Совѣтская власть еще вернется и ужъ навсегда освободитъ ихъ отъ ига бѣлыхъ генераловъ!..

Все это оказалось ненужнымъ...

Двадцатаго сентября Врангелевскія части со стороны Синельниково и со стороны Никополя двинулись къ Екатеринославу, имѣя впереди въ паникѣ убѣгавшія, разрозненныя красныя части и, подойдя къ ст. Игрень со стороны Синельниково и къ Каменкѣ со стороны Никополя, остановились въ шести-восьми верстахъ отъ совершенно оставленнаго большевиками города.

А на утро двадцать перваго сентября опять отошли за Синельниково въ то время, когда большевики въ паническамъ бѣгствѣ были уже далеко за Пятихаткой. —

Получивъ свѣдѣнія о новомъ отходѣ Врангеля, большевики стали осторожно приближаться къ городу, и, по мѣрѣ ихъ подхода къ городу, Врангелевскія войска отходили все глубже на югъ, и къ тому моменту, когда войска Врангеля отошли къ Александровску — большевики снова вошли въ городъ, находясь все время въ полной боевой готовности и держа военныя учрежденія и госпитали въ полуразвернутомъ видѣ.

Въ самыхъ первыхъ числахъ ноября казаки и махновцы ворвались въ Крымъ, и вскорѣ вылавливали офицеровъ въ Керчи, Феодосіи, Севастополѣ и Ялтѣ. —

А двадцать четвертаго ноября, особымъ приказомъ по Крымской арміи, Фрунзе потребовалъ у Махно, помогавшаго ему въ наступленіи на Крымъ, расформированія его частей, несмотря на то, что по заключенному соглашенію Махновскіе отряды должны были оставаться самостоятельными боевыми единицами, только въ оперативныхъ вопросахъ подчиненными штабу Крымскаго фронта.

На добровольное расформированіе отрядовъ, для разсылки ихъ по различнымъ краснымъ частямъ красной арміи, Фрунзе предоставилъ Махно срокъ въ два дня до двадцать шестого ноября, но уже двадцать пятаго ноября Махно, имѣвшій свои главныя силы по эту сторону перешейка, и сдѣлавшій видъ, что на такое расформированіе онъ соглашается, вывелъ изъ Крыма ворвавшіяся туда вмѣстѣ съ красными

свои найболѣе горячія передовыя части, и его вновь раздавшійся разбойничій свистъ разнесся по Екатеринославщинѣ, Полтавщинѣ, Черниговщинѣ и Херсонщинѣ.

За одержаніе побѣды надъ Врангелемъ и за очищеніе послѣдняго островка отъ остатковъ русской контръ-революціи, постановленіемъ ВЦИКА, Фрунзе получилъ званіе «Крымскій герой».

О томъ, что происходило въ Крыму, до насъ доходили самые смутные слухи; въ Крымъ пропускали только по особымъ пропускамъ Всеукраинскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета, а выпускали исключительно по особымъ ордерамъ, подписаннымъ Бела-Куномъ.

Шли предварительные переговоры съ поляками о перемиріи, и наступившая жестоко-холодная зима сковала всѣ мысли, чувства и вѣру въ то, что когда нибудь, кѣмъ нибудь будетъ смятенъ опутавшій Россію красный кошмаръ.

Жуткими зимними вечерами, въ нетопленной комнатѣ, при еле мерцавшемъ огонькѣ коптилки, мрачными и печально траурными тѣнями вырисовывались Колчакъ, Юденичъ, Деникинъ, Врангель, и, какъ что-то далекое, давно ушедшее, блѣдно и свято выплывали Алексѣевъ, Корниловъ, Духонинъ и тѣ тысячи безвѣстныхъ, которые за честь Родины, за святость Земли Русской, безъ траура, молча сложили свои головы на великомъ просторѣ родныхъ полей...

* * *

Въ совѣтскихъ учрежденіяхъ храбро боролись съ холодомъ совѣтскіе служащіе, сжигая въ желѣзныхъ печахъ письменные столы, стулья, бумаги.

Тифъ свирѣпствовалъ, унося ежедневно десятки людей; расположенные въ городѣ красные пѣхотинцы, изнывая отъ холода въ нетопленныхъ казармахъ, выходили ночью на охоту и снимали съ жилыхъ построекъ наружныя деревянныя лѣстницы.

Дѣти въ пріютахъ и больные въ больницахъ умирали отъ холода и голода.

Изыскивая средства полученія топлива, Исполкомъ предложилъ Комунхозу намѣтить брошенные буржуазіей дома, которые теперь, придя въ негодность, могли бы быть снесены съ тѣмъ, чтобы лѣсъ отъ построекъ былъ распредѣленъ на топливо для больницъ, пріютовъ и казармъ.

Коммунхозъ указалъ десятокъ домовъ, которые могли бы еще простоять добрую полсотню лѣтъ, и началась разборка домовъ. Каждый рабочій, уходя съ работы, уносилъ съ собой «шабашку», а потомъ, вмѣсто «шабашекъ», у рабочихъ появились малыя санки, на которыя все же укладывалось четыре-пять пудовъ дровъ.

Приставленные на ночную охрану лѣса милиціонеры всю ночь стрѣляли въ воздухъ, безпрерывно нагружая подводы и сани, отправляя дрова своимъ домой, знакомымъ и пріятелямъ.

А когда большіе каменные дома были разобраны, Гублѣскомъ явился за полученіемъ лѣса, и ему было показано на сваленныя въ кучу водосточныя трубы и на старое, проржавленное кровельное желѣзо.

И вся затѣя кончилась тѣмъ, что въ разныхъ частяхъ города торчали голыя каменныя стѣны, зіявшія дырами бывшихъ оконъ и дверей.

Страдавшіе отъ жестокихъ морозовъ и въ холодныхъ учрежденіяхъ совѣтскіе служащіе снимали ставни съ оконъ и кое какъ топили печи; служащіе желѣзнодорожнаго отдѣла попытались ввести отопленіе нефтью и послѣ перваго же опыта вызвали пожаръ, уничтожившій весь громадный корпусъ Управленія, идущій вдоль по Проспекту.

Чека нашла поводъ объявить, что контръ-революція снова начинаетъ протягивать свои костлявыя руки къ мирному существованію Республики и, не имѣя открытыхъ силъ, выступаетъ исподтишка, поджигая лучшіе дома — достояніе трудящихся.

И тутъ же было объявлено, что гдѣ бы и по какой бы причинѣ ни случился пожаръ, предъ карающимъ окомъ Чека виновенъ предсѣдатель домового комитета того дома, въ которомъ случился пожаръ. А наказаніе самое нормальное: разстрѣлъ.

Съ ранняго утра носились запуганные предсѣдатели домовыхъ комитетовъ по квартирамъ жильцовъ, провѣряя установку печей, трубъ, требуя поправокъ и перестановокъ. Пошла грызня, руготня, развились доносы, а найболѣе буржуазные дома, вообще не пользовавшіеся любовью мѣстныхъ совѣтскихъ властей, опасаясь какого либо несчастнаго случая, единогласно постановили: топить... а ни-ни!.. и никому!.. И такъ и протянули до весеннихъ дней.

А на толкучемъ рынкѣ, тамъ же, гдѣ наши дамы продавали или вымѣнивали «всѣ эти неизвѣстно кому нужные» и «неизвѣстно какимъ дуракомъ выдуманные» гардины, коврики, — стройно въ рядъ располагались бабы, имѣя у ногъ нѣсколько дощечекъ изъ паркетнаго пола, общимъ вѣсомъ не болѣе десяти фунтовъ и цѣна въ тысячахъ рубляхъ равнялась количеству фунтовъ.

Веселымъ развлеченіемъ являлись принудительныя очистки тротуаровъ и улицъ отъ снѣга, и когда послѣ пяти часовъ на темную улицу выгоняли все мужское «буржуазное» населеніе на чистку снѣга, становилось весело, и улица оглашалась бодрыми криками, и твердые снѣжки больно шлепались въ спину.

Много забавной возни было съ часто и въ разныхъ мѣстахъ лопавшимися водопроводными трубами. Не было воды ни кружки, и вдругъ — вся комната наполнялась водой на полъ-аршина отъ пола.

А ночью, цѣпенѣя въ тепломъ пальто подъ одѣяломъ, ковриками и разнымъ тряпьемъ, лежишь и думаешь: «а какъ хорошо должно быть сейчасъ въ Африкѣ!.. Жарко тамъ... всѣ ходятъ въ ...голомъ, а у насъ здѣсь...бр... бр...» И ледяной холодъ сковывалъ мозгъ.

* * *

Упорно торговались поляки съ большевиками; было какъ то странно читать, что поляки требуютъ отъ Россіи столько то паровозовъ, столько то русскихъ уѣздовъ, и какъ ни ненавистны были большевики, — порою какое то чувство удовлетворенія охватывало, когда видно было, какъ большевистскіе делегаты не соглашаются на отдачу русскихъ паровозовъ, русскихъ вагоновъ и русскихъ людей съ ихъ искони русской землей.

Переговоры велись медленно, тяжело, и совершенно непонятно было, почему платитъ Россія — Польшѣ, а не Польша — Россіи... Обѣ стороны были совершенно обезсилены войной, и все же въ этомъ безсиліи Россія, даже коммунистическая, даже вшивая и тифозная, была неисчислимо сильнѣе маленькой и послѣдней войной совершенно обезкровленной Польши.

Въ числѣ делегатовъ, ведшихъ въ Ригѣ мирные переговоры съ поляками, былъ и цеховый конторщикъ нашего Брянскаго завода, коммунистъ Квирингъ, упрямый и жестокій латышъ.

* * *

Голодъ усиливался съ каждымъ днемъ; самыя боевыя предпріятія, зачисленныя Совѣтомъ Труда и Обороны Республикъ на ударный паекъ, цѣлыя недѣли не получали хлѣба; голодъ неимовѣрно усиливалъ неописуемыя страданія, и часто среди рабочихъ стали раздаваться опредѣленныя угрозы по адресу большевиковъ.

Насколько съ голодомъ шла кое-какъ борьба путемъ примѣненія различныхъ суррогатовъ, въ отношеніи холода ничего придумать не удавалось, а нужно было только топливо, топливо и топливо.

И Исполкомъ объявилъ новый «дровяной» фронтъ.

Павлоградскій уѣздъ, Верхнеднѣпровскій уѣздъ богаты колоссальными лѣсами, и Губернскому Лѣсному Комитету, въ лицѣ его двухъ представителей, коммунистовъ Глушкова и Кацнельсона, было поручено приступить къ разработкѣ этихъ лѣсовъ и, въ первую очередь, снабдить дровами желѣзнодорожное депо ст. Екатеринославъ, а затѣмъ уже рабочихъ.

На созванномъ совѣщаніи, въ теченіе двухъ часовъ, лѣса были срублены, милліоны саженъ дровъ подсчитаны, и, послѣ горячихъ споровъ, между представителями различныхъ организацій, кое какъ подѣлены. Желѣзной дорогѣ досталась львиная доля, рабочимъ завода Шодуаръ меньше, чѣмъ рабочимъ Бряпскаго завода, и съ совѣщанія всѣ ушли удовлетворенные огромной и полезной, продѣланной на совѣщаніи работой.

Утромъ въ холодныя, пустыя и грязныя комнаты Гублѣскома пришли Глушковъ и Кацнельсонъ и вспомнили о томъ, что вчера на совѣщаніи такъ горячо и дѣловито обсуждалось. Лѣса предстояло только еще вырубить, заготовленные дрова свезти къ станціямъ, а тутъ рабочихъ рукъ нѣтъ; инструментовъ, пилъ, напильниковъ, топоровъ, клиновъ — никакихъ; лѣса отъ города расположены на добрые десятки верстъ и какъ разъ въ самыхъ повстанческихъ раіонахъ, да и сами то лѣса всегда служили лучшимъ пріютомъ для повстанцевъ всякаго типа.

Глушковъ, котораго всегда вслухъ занимала мысль: «якъ чоловіку отрубить голову, чы вона ще довго живе», и Кацнельсонъ, находившійся въ послѣдней стадіи туберкулеза, вдругъ просвѣтлѣли и рѣшили созвать новое совѣщаніе и сказать: хотите, товарищи, получить дрова? — пожалуйте въ лѣса съ топорами, пилами и валяйте кому надо!.. А Гублѣскомъ будетъ раздавать вамъ участки, выдавать всякія удостовѣренія и вообще административно поддерживать разработку лѣсовъ.

Созвали новое совѣщаніе, и опять въ одинъ вечеръ были созданы рабочіе батальоны, распиловщики, укладчики, десятники. Когда рабочимъ по заводамъ было объявлено, что на доставку дровъ властью разсчитывать не слѣдуетъ, а надобно самимъ взять топоры и пилы и пойти въ лѣса, рабочіе стали совершенно открыто разбирать деревянные заборы вокругъ заводовъ, деревянныя заводскія постройки и уносить домой.

Усиленная агитація и не ослабѣвавшіе морозы все же сдѣлали то, что въ началѣ февраля были сорганизованы небольшія рабочія артели, направившіяся въ Павлоградскій уѣздъ, а частью въ Верхнеднѣпровскій.

Для перевозки дровъ изъ лѣсу до станціи, Гублѣскомъ, въ виду того, что крестьяне уклонялись отъ содѣйствія въ вырубкѣ лѣса, и не давали лошадей, рѣшилъ отъ мѣста разработки лѣса до ближайшей станціи проложить по снѣгу доски, по которымъ два человѣка могли бы безъ большихъ усилій тащить колоду. Было еще рѣшено, что въ лѣсахъ будетъ производиться только заготовка колодъ, а распиловка и рубка будетъ происходить уже на территоріи завода; этимъ мѣропріятіемъ Гублѣскомъ имѣлъ въ виду бороться съ кражей дровъ. Первымъ за разработку лѣса взялся заводской комитетъ завода Гантке, получившій въ разработку дачу М. В. Родзянко въ Новомосковскомъ уѣздѣ.

Всѣ строительныя доски, какія только были въ лѣсныхъ складахъ и на заводѣ, были кое какъ, на чуть двигавшейся заводской кукушкѣ, доставлены къ станціи Новомосковскъ, и, что называется, спиною къ Богу, отъ ст. Новомосковскъ начали укладывать доски по направленію къ лѣсу. Доски укладывались по три въ рядъ, образовывая корыто. Съ утра до вечера работа шла дружно; доски безъ особыхъ усилій покорно ложились на снѣгъ и укрѣплялись планками на гвоздяхъ. Въ первый день былъ проложенъ путь болѣе, чѣмъ на двѣ версты, отъ станціи по направленію къ лѣсу. А артель, счастливая успѣхомъ работы, къ вечеру ушла въ городъ на ночлегъ.

Каково же было удивленіе рабочихъ, когда, придя рано утромъ къ станціи, они увидѣли на снѣгу только слѣды досокъ, за ночь унесенныхъ неизвѣстно кѣмъ.

Снова принялись за работу, и, проложивъ около полутора верстъ, опять ушли на ночлегъ, оставивъ человѣкъ пять дежурныхъ... Но морозъ къ ночи хватилъ во всю, а раздавшіеся недалеко отъ станціи выстрѣлы заставили дежурныхъ рабочихъ что мочи бѣжать къ городу, и къ утру артель увидѣла опять только слѣды досокъ на бѣломъ сверкавшемъ снѣгу.

Тогда рабочіе спохватились, сообразивъ, что они пока производятъ совершенно ненужную работу, къ тому еще съ такими печальными результатами, и рѣшили отправиться на разработку въ лѣсъ, а потомъ уже строить досчаную дорогу или какимъ нибудь инымъ путемъ постараться свезти лѣсъ къ станціи. Пошла артель къ лѣсу, но расположенные въ двухъ-трехъ верстахъ отъ лѣса хуторки отказались впустить къ себѣ рабочихъ не только въ свои избушки, но даже и въ лѣсъ, заявивъ, что земля сейчасъ принадлежитъ крестьянамъ, стало быть, и лѣса крестьянскіе.

Легко, по городскому одѣтые, рабочіе, протолкавшись пару часовъ на опушкахъ лѣса, посинѣвшіе отъ холода, а нѣкоторые и съ отмороженными пальцами, носами и ушами, плюнувъ — вернулись на заводъ, — такъ и не осуществивъ большихъ заданій совѣщанія по дровяному фронту.

Рабочіе небольшого завода «Старръ» получили участокъ въ Верхнеднѣпровскѣ и съ перваго же дня работы наткнулись на винтовочные выстрѣлы крестьянъ и, оставивъ одного убитаго рабочаго въ лѣсу, вернулись въ городъ.

Только одни воинскія части къ концу зимы кое-какъ наладили самоснабженіе дровами. Съ пулеметами направлялись небольшіе отряды на повозкахъ въ лѣсъ, и къ вечеру другого дня возвращались съ свѣже вырубленными колодами.

А жители города разбирали сараи, чердаки домовъ, деревянные заборы и пристройки.

Труппа Агитаціонно-просвѣтительнаго отдѣла, расположившаяся въ зимнемъ театрѣ Англійскаго клуба, съ осени до глубокой зимы отапливала театръ, разбирая большое деревянное помѣщеніе, въ которомъ лѣтомъ шла игра въ лотто, а къ концу зимы труппа стала втихомолку разбирать деревянный лѣтній театръ, и когда къ веснѣ стали вести разговоры о скоромъ переходѣ на лѣтнюю сцену, то оказалось что отъ всего театра остались только стѣны да крыша, а сцена, кулисы, декораціи и старая декоративная мебель давно исчезли.

Февраль уже былъ на исходѣ; переговоры съ поляками какъ будто приближались къ положительному результату, и власть стала дѣлать попытки къ возстановленію промышленности края. Для этой цѣли, по опредѣленію Центральнаго Правленія Тяжелой Индустріи, носившаго сокращенное названіе «Цепти», въ Екатеринославѣ открылось Правленіе пяти крупнѣйшихъ въ Россіи металлургическихъ заводовъ, считавшихся при большевикахъ Государственными. Два завода Шадуара, Брянскій заводъ, заводъ Гантке и колоссальный заводъ въ Каменскомъ попали въ полновластное распоряженіе двухъ коммунистовъ, которые изъ центра были надѣлены диктаторскими полномочіями по управленію этими заводами. По указаніямъ свыше, новое правленіе должно было вести мирную политику съ высшимъ и среднимъ техническимъ персоналомъ и имѣло заданіе пустить заводы, которые къ тому времени производили исключительно удручающее впечатлѣніе. Склады и магазины, совершенно опустошенные еще во время перваго сильнаго и послѣдняго нажима Врангеля на Екатеринославъ: деревянныя постройки, разобранныя рабочими на дрова; отсутствіе на заводахъ не только угля, но даже и угольной пыли, придавало заводамъ видъ совершенно разрушенныхъ предпріятій и, несмотря на всю эту очевидную непригодность заводовъ къ какой либо работѣ вообще, — изъ Центра было получено распоряженіе объ изготовленіи въ двухмѣсячный срокъ шестидесяти тысячъ пудовъ трубъ.

На архивной бумажкѣ, съ оборотной стороны исписанной, много лѣтъ тому назадъ, плохимъ сбитымъ шрифтомъ пишущей машинки такъ и было почти дословно написано: «Филіи въ Екатеринославѣ. Предлагается вамъ въ двухмѣсячный отъ сего числа срокъ изготовить шестьдесятъ тысячъ пудовъ трубъ»... и подписи.

Получивъ эту бумажку «филія» оживилась. По телефону сейчасъ же были разосланы телефонограммы всѣмъ техническимъ и политическимъ руководителямъ заводовъ съ приказомъ на другой день явиться въ «филію» для обсужденія вопроса исключительной важности. На совѣщаніи, послѣ нѣсколькихъ рѣчей о наступившей, наконецъ, возможности приступить къ нормальной работѣ и къ возстановленію

пролетаріатомъ всего того, что въ теченіе трехсотъ лѣтъ уничтожали Романовы, а потомъ Колчаки, Деникины и Врангели, — собравшимся было объявлено, что изъ Центра пришло распоряженіе объ изготовленіи въ теченіе двухъ мѣсяцевъ шестидесяти тысячъ пудовъ трубъ.

И саботажные, контръ-революціонные инженеры — техническіе руководители и ихъ постоянные по работѣ спутники — политическіе на заводахъ комиссары, положительно вытаращили отъ удивленія глаза. Послѣ всѣхъ этихъ рѣчей они ожидали какой нибудь новой реорганизаціи управленія заводами, какого либо новаго изъ Центра воззванія къ труду и борьбѣ съ хозяйственной разрухой, но распоряженія изъ ничего и безъ ничего сдѣлать шестьдесятъ тысячъ пудовъ трубъ, изготовленіе которыхъ при совершенно нормальныхъ условіяхъ, когда заводъ въ ходу, требуетъ сотни тысячъ пудовъ угля, огромнаго количества пудовъ сырой для трубъ болванки и сотни пудовъ разныхъ смазочныхъ маселъ и ко всему этому кадръ высоко-квалифицированныхъ рабочихъ, которые давно оставили заводы, — такого распоряженія никто изъ заводскихъ работниковъ не ожидалъ, и только общій кошмарный прессъ власти удержалъ инженеровъ отъ дружнаго хохота.

Но присутствіе на совѣщаніи большого числа коммунистовъ заставляло дѣлать серьезное лицо, и только простой, но исключительно въ этомъ случаѣ находчивый и наивно заданный однимъ изъ инженеровъ вопросъ, — вывелъ всѣхъ изъ неловкаго положенія. Инженеръ, обращаясь къ предсѣдателю правленія заводовъ, совершенно по дѣловому, серьезно спросилъ: «А какихъ размѣровъ нужны трубы?» И всѣ, почувствовавъ въ этомъ вопросѣ счастливый исходъ изъ тяжелаго положенія, облегченно вздохнули и, перебивая другъ друга, оживленно заговорили: «Да! Какъ же это они!.. Размѣровъ то и не прислали!..» Эти фразы милаго удивленія произносились такимъ тономъ, какъ будто только въ отсутствіи размѣровъ крылась невозможность изготовленія этого требованія Центра, а такъ молъ, были бы размѣры, такъ трубы такъ бы и прокатали «за милую душу въ два счета!»

Тутъ же о бокъ съ «филіей» расположился «Главуголь», имѣвшій очень скромную задачу возстановить разрушенный Донецкій Бассейнъ и поднять производительность еще какъ будто дышавшихъ отдѣльныхъ шахтъ. Центральное правленіе «Главугля» находилось въ Харьковѣ, а Екатеринославскій отдѣлъ также располагалъ неограниченными полномочіями по возстановленію Донецкаго Бассейна, какъ и «филія» — на возстановленіе металлургической промышленности.

Въ мирное, еще довоенное время, существовалъ особый типъ угольныхъ маклеровъ, которые, получая какой то тысячный процентъ съ проданнаго при ихъ посредствѣ угля, — наживали состоянія. И вотъ большинство изъ этихъ маклеровъ заняли отвѣтственные посты въ Центральномъ Главуглѣ, устраивая въ провинціи мелкихъ маклеровъ. Учрежденіе это было причислено къ разряду ударныхъ, и, понятно, что служащіе этого учрежденія не получали также пайковъ, какъ и не получали ихъ служащіе и не ударныхъ учрежденій. Но учрежденіе было создано, и Донбасъ былъ на пути къ возстановленію.

Для поднятія духа и продуктивности небольшой горсточки оставшихся въ шахтахъ рабочихъ, — Главуголь рѣшилъ снабдить ихъ производственными рабочими костюмами, бѣльемъ и сапогами. Вещи эти были получены и розданы рабочимъ, и на другой день на шахтахъ осталась только одна пятая того количества рабочихъ, которые получили костюмы, бѣлье и сапоги. Остальные рабочіе, получивъ вещи, разбрелись кто куда, оставивъ шахты и работы по возстановленію Донбаса на товарищей-коммунистовъ.

Когда глава Екатеринославскаго Главугля пожелалъ съѣздить въ Донбасъ, ему былъ данъ на станціи особый поѣздъ. Паровозъ былъ на парахъ, но за полчаса до отъѣзда глава Главугля былъ вызванъ на какое то совѣщаніе, продолжавшееся до вечера, а такъ какъ ночью ѣхать было опасно въ виду налетовъ махновскихъ шаекъ, то паровозъ такъ и простоялъ подъ парами до утра; а утромъ глава былъ опять на какомъ то засѣданіи до вечера, и такъ больше трехъ дней паровозъ стоялъ

подъ парами до тѣхъ поръ, — пока не сжегъ всего наличнаго запаса топлива, имѣвшагося во всемъ депо ст. Екатеринославъ.

Глава Главугля такъ въ Донбассъ и не поѣхалъ. А какъ то днемъ въ «Главуголь» вбѣжала маленькая, вертлявая курсисточка и, размахивая замерзшими руками и топая по полу окоченѣвшими ногами, скороговоркой палила въ товарища, главу Главугля:

«Я, товарищъ, командирована изъ Центра обслѣдовать положеніе промышленности и Донбасса... Главнымъ образомъ меня интересуетъ металлургическое дѣло и дѣло возстановленія Донбасса... Я хотѣла бы отъ васъ, товарищъ, узнать, какими собственно, по вашему мнѣнію, мѣрами можно и удалось бы возстановить металлургическую промышленность и Донбассъ... Я, товарищъ, много слышала о васъ въ партіи и поэтому намѣрена ваши соображенія положить въ основу моего доклада Центру о мѣрахъ, необходимыхъ предпринять для возстановленія металлургпрома и Донбасса...»

И по прежнему топая медленно отогрѣвавшимися ногами, подняла прежде брошенный на полъ портфель и долго отыскивала какія то бумаги.

«Товарищъ», глава Главугля, старый человѣкъ, имѣвшій дипломъ инженера и сейчасъ же по полученіи диплома за какую то революціонную продѣлку сосланный на двѣнадцать лѣтъ въ каторжныя работы, отбывшій до послѣдней минуты всѣ двѣнадцать лѣтъ каторги и долгіе годы жизни пробывшій на поселеніи, уныло глядя на эту мило щебетавшую дѣвочку, мрачно и глухо произнесъ:

«Вашъ мандатъ, товарищъ!..»

«Да, пожалуйста... Я вотъ какъ разъ мандатъ то и ищу!» — и, вытащивъ какую то страшно длинную бумагу, не безъ гордости, дала ее «товарищу». —

Тамъ въ мандатѣ было все: и право смѣны любого работника, какой бы онъ постъ ни занималъ; и право ареста; и право пользованія особыми поѣздами и реквизиціей паровозовъ; и пользованіе внѣ всякихъ внѣочередныхъ очередей телеграфомъ и еще...и еще...

Чуть склонивъ посѣдѣвшую на каторгѣ голову, товарищъ тономъ приговореннаго къ смерти изложилъ ребенку всѣ тѣ соображенія и мѣропріятія, которыми по его мнѣнію можно было бы поднять совершенно омертвѣвшую металлургическую промышленность и приступить въ возстановленію Донбасса...

Нужно въ достаточномъ количествѣ обезпечить рабочихъ продовольствіемъ... Нужно дать возможность неголоднаго существованія высшему и среднему техническому персоналу; нужно собрать и прикрѣпить къ заводамъ всѣхъ разбѣжавшихся рабочихъ; нужно создать условія нормальныхъ взаимоотношеній между политическими комиссарами предпріятій и техническими руководителями..

«А главное, — продолжалъ старый коммунистъ, уныло глядя на собесѣдницу, — намъ, товарищъ, нужно дать рабочимъ кушать!.. жрать!!! Понимаете?.. Хлѣба!!!»

«Такъ вы, товарищъ, думаете, что если снабдить рабочихъ продовольствіемъ такъ мы все это возстановимъ!..» оживленно прощебетала уже немного согрѣвшаяся дѣвочка...

«Да, товарищъ! — глядя на полъ, произнесъ старикъ — если дать рабочимъ продовольствіе, такъ мы все это возстановимъ..»

«Такъ я такъ и запишу, и мысль эту еще разовью. А сейчасъ, товарищъ, пока до свиданія!.. Спѣшу на вокзалъ. Тамъ меня ждетъ комиссія... Мы еще должны сдѣлать обслѣдованіе Кіевскаго кожевеннаго раіона... Такъ... пока!..»

И съ милымъ щебетаніемъ порхнула въ дверь...

Долго старикъ стоялъ у окна, барабанилъ пальцами по стеклу, о чемъ то большомъ, тяжеломъ и больномъ думалъ и вслухъ только произносилъ пустое, ничего не значащее: — «Да!.. Да!..»

А потомъ круто повернулся, рѣшительно сѣлъ къ столу и написалъ одно заявленіе о выходѣ изъ партіи коммунистовъ, а другое заявленіе въ Центръ объ освобожденіи его отъ обязанностей предсѣдателя комиссіи по возстановленію Донбасса...

Заявленіе его въ партіи надѣлало большой шумъ: видные въ городѣ коммунисты пытались уговорить старика взять свое заявленіе обратно и ужъ, въ крайнемъ случаѣ, дать какую нибудь мотивировку своего выхода изъ партіи и отказа отъ занимаемаго отвѣтственнаго поста, но старикъ досадливымъ жестомъ закидывалъ сѣдые волосы, падавшіе ему на лобъ, и уклончиво говорилъ:

«Усталъ я, друзья мои... Усталъ!..»

И на шестой день послѣ отправки заявленія старикъ получилъ телеграфный приказъ Центра немедленно выѣхать въ Харьковъ...

Пошатнувшагося и подгнившаго въ коммунистической твердости коммуниста Центръ торопливо и предусмотрительно убиралъ, опасаясь зараженія имъ проявлявшихъ большую нестойкость и разочарованность коммунистическихъ рядовъ...

* * *

Польскій фронтъ замеръ. Морозы сковали жизнь на Украинѣ. Всѣ контръ-революціонные генералы были разбиты и жуткіе, давящіе будни совѣтской жизни вырисовывались во всей ихъ повседневной жестокости. Настали дни нуднаго, голоднаго и холоднаго, безнадежнаго и безпросвѣтнаго существованія. Тифъ ежедневно помогалъ многимъ десяткамъ совѣтскихъ гражданъ перенестись въ лучшій міръ, и не было ни одного двора во всемъ городѣ, гдѣ нельзя было бы найти одного, двухъ или больше тифозныхъ больныхъ.

И большевики объявили новый «противотифозный фронтъ». Въ сотый разъ заставили врачей, фельдшеровъ, сидѣлокъ и санитаровъ регистрироваться, и совершенно по непонятнымъ видамъ и соображеніямъ проведеніе этой регистраціи было поручено Чека. Изъ уѣздовъ поступали ужасающія вѣсти о вымирающихъ отъ тифа деревняхъ, но и въ самомъ городѣ тифъ обильно косилъ населеніе, и объ уѣздахъ никто и не думалъ.

Были вездѣ и всюду, на всѣхъ тумбахъ, сохранившихся чудомъ заборахъ, стѣнахъ домовъ расклеены плакаты, изображавшіе огромную вошь, величиною съ хорошую сытую свинью, и въ глаза надоѣдливо выпиралъ новый лозунгъ совѣтскаго дня:

«Смерть вшамъ!.. Всѣ на борьбу съ вошью!.. Вотъ — врагъ пролетаріата и лучшій сообщникъ контръ-революціонныхъ генераловъ!!.»

Но при всемъ этомъ внѣшнемъ шумѣ, — въ борьбѣ съ тифомъ не было ни одного шага сдѣлано для дѣйствительнаго противодѣйствія этой страшной эпидеміи. За время своего пребыванія у власти большевики разорили и окончательно закрыли всѣ частныя аптеки, оставивъ только нѣсколько совѣтскихъ аптекъ, въ которыхъ можно было получить порошокъ очищенной соды или чудовищныхъ размѣровъ пузырь для льда.

Всѣмъ врачамъ власть всячески препятствовала въ ихъ частной практикѣ, требуя обязательнаго посѣщенія больныхъ только и исключительно по ордерамъ Губздрава, который за каждое такое посѣщеніе расплачивался съ врачомъ по установленнымъ Медикосантрудомъ тарифнымъ ставкамъ. Для болѣе успѣшной борьбы съ частной практикой врачей, — Губздравъ приказалъ совѣтскимъ аптекамъ отпускать лѣкарства исключительно по рецептамъ съ печатью Губздрава. И получилось то, что семьи, имѣвшія дома нѣсколько тифозныхъ, прохлопотавъ нѣсколько дней для полученія по наряду доктора, добившись, наконецъ, посѣщенія больныхъ докторомъ, бѣгали еще нѣсколько дней въ Губздравъ для полученія печати на рецептъ, и только тогда бѣжали въ аптеку, гдѣ дежурный фармацевтъ, возвращая рецептъ, спокойно отвѣчалъ: «Этого, товарищъ, у насъ нѣтъ...»

Этимъ скорымъ и дешевымъ, почти безплатнымъ лѣченіемъ, могли пользоваться только члены, совѣтскихъ профессіональныхъ союзовъ, а вся остальная масса отдавалась въ жертву жадному и жестокому тифу. Понятно, что врачи находили способъ для посѣщенія больныхъ на дому, а для изготовленія ихъ рецептовъ выросло нѣ-

сколько тайныхъ домашнихъ аптекъ, къ которымъ въ сильный разгаръ тифозной жатвы стали обращаться и всесильные товарищи изъ Исполкома, Губкома и даже изъ Чека.

Какъ въ борьбѣ съ голодомъ, холодомъ и общей разрухой, такъ и въ борьбѣ съ эпидеміей проявлялась большевиками исключительная безпомощность.

Жизнь плелась тягуче медленно, придавленная и немилая. Совѣтскія «Извѣстія» писали о какихъ то колоссальныхъ торговыхъ успѣхахъ Красина у Ллойдъ-Джоржа, а изъ Екатеринослава въ Харьковъ съ большими усиліями удавалось отправить одинъ разъ въ двѣ недѣли поѣздъ, который по два-три дня безпомощно стоялъ на пути между Зайцевымъ и Павлоградомъ изъ за пущенной паровозомъ течи.

И вдругъ какъ то утромъ, въ одинъ изъ тусклыхъ дней совѣтскихъ будней, на первой страницѣ «Извѣстій» большими буквами было напечатано: «Быть на чеку!»

Еще наканунѣ этого дня вечеромъ, когда я по обычаю стоялъ въ подворотнѣ и велъ очередную бесѣду съ такими же, какъ и я, бывшими людьми о томъ, что пайковую селедку лучше всего дня два продержать въ водѣ, а потомъ уже ѣсть, и у всѣхъ участниковъ бесѣды густо текли слюнки, пробѣжавшій мимо подворотни наборщикъ, позвалъ меня и пугливо сунулъ мнѣ свѣже-отпечатанную гранку.

«Провокаторъ!» со страхомъ подумалъ я, когда наборщикъ, оставивъ у меня въ рукахъ гранку, быстро побѣжалъ впередъ.

То, что я бѣгло прочиталъ, поразило меня, и я въ ту же секунду далъ гранку моимъ собесѣдникамъ, которые, съ ужасомъ въ глазахъ, въ одинъ голосъ заговорили: «Порвите!.. Порвите!.. Сейчасъ же уничтожьте!.. Это къ вамъ подбираются!.. Это — провокація!..»

Всю ночь я не спалъ, ожидая прихода чекистовъ. Гранка была изорвана въ мельчайшіе клочки, розданные всѣмъ собесѣдникамъ и пущенные по вѣтру въ разныхъ концахъ улицы... Письма и кое какія книги были въ тысячный разъ «на всякій случай» еще разъ просмотрѣны, и до разсвѣта въ мозгу безпокойно и пугающе билась одна мысль: «Провокація!.. Добираются!..»

Никто ночью ко мнѣ не пришелъ, и когда утромъ, напуганный и измученный кошмарной ночью, я вышелъ на улицу и, приблизившись къ «Укростѣ», увидѣлъ свѣже наклеенную газету съ аршинными буквами: «быть на чеку!», я, еще разъ оглянувшись, вплотную подошелъ къ стѣнкѣ и съ жадностью впился въ блѣдныя, еле читаемыя, газетныя строчки.

Нѣтъ! Не провокація!.. нѣтъ!.. а что-то большое, свѣтлое, настоящее... Какъ разъ то, что должно было быть...

«Возстаніе въ Кронштадтѣ!»

Безслѣдно пронеслись предъ глазами фамиліи Козловскаго, Петриченко, а главное и самое важное было то, что противъ угнетателей, противъ гасителей жизни, духа и мысли, возсталъ именно Кронштадтъ, тотъ самый Кронштадтъ, который...

«Да что тамъ читать!.. Кронштадтъ возсталъ!! Понимаете?!.. Возсталъ!!»

И слова «Кронштадтъ возсталъ!» какъ бы торжественно переплетались съ храмовыми звуками «Христосъ Воскресе!»

«Самое цѣнное то, что Кронштадтъ, а не какой нибудь Орелъ или Рыбинскъ!!.»

И по всѣмъ жиламъ угасавшей жизни пробѣжалъ стремительный и горячій порывъ, и новая вѣра, новая надежда свѣтлымъ пламенемъ вошла въ сердца медленно изнывавшихъ подъ гнетомъ красныхъ людей.

Зашевелились большевики...

Вмигъ была отброшена и забыта вошь, на далекій задній планъ были отодвинуты заботы о тысячахъ тифозныхъ, и митинги, конференціи, аресты и разстрѣлы проносились съ кинематографической быстротой.

По телеграфному распоряженію изъ Харькова были въ одну ночь «изъяты изъ обращенія» всѣ меньшевики. Многихъ изъ меньшевиковъ чекисты снимали съ постели, — когда тѣ находились въ тифозномъ бреду.

И снова на митингахъ и въ тотчасъ же выпущенныхъ плакатахъ запестрѣли проклятья на головы міровыхъ хищниковъ, путемъ союза съ меньшевиками пытающихся въ послѣдній разъ взорвать власть трудящихся, власть рабочихъ и крстьянъ!..

И меньшевики, эти худые, голодные наборщики, и профессіопальные работники, стали самыми опасными врагами большевиковъ.

Всѣхъ, свыше сотни, арестованныхъ меньшевиковъ заперли въ одномъ изъ особняковъ Чеки; никого къ нимъ не допускали, и всѣ жесточайшія проклятья, которыя не такъ давно сыпались на Пилсудскаго, Савинкова, Деникина и Врангеля, съ той же азартностью бросались меньшевикамъ. Арестованнымъ оказался и тотъ наборщикъ, о которомъ я цѣлую ночь такъ плохо думалъ...

Но послѣ нѣсколькихъ дней нервнаго подъема и напряженнаго ожиданія оба лагеря, и большевики, и населеніе, каждый по своему, были удивлены, поражены и совершенно не понимали всего того, что такъ стремительно быстро промелькнуло...

«Возстаніе подавлено... Кронштадтъ палъ... Мятежники бѣжали въ Финляндію... Новый ударъ міровыхъ хищниковъ еще разъ геройски отраженъ непобѣдимой красной арміей и славными красными курсантами!..» читали мы на той же первой страницѣ «Извѣстій», гдѣ всего нѣсколько дней тому назадъ набатнымъ пасхальнымъ звономъ пѣли и звали огромныя, вѣру вселявшія слова: «Кронштадтъ возсталъ!»

Меньшевиковъ крѣпко держали въ Чека. Оставшіеся на свободѣ товарищи арестованныхъ меньшевиковъ смѣло проникали къ рабочимъ на заводы и разсказывали истинную подкладку Кронштадтскихъ событій... Выборные совѣты, подлинная совѣтская — народная власть, — безъ диктаторской коммунистической партіи, свободные выборы и еще много... много хорошихъ демократическихъ принциповъ.

Началось броженіе... Пріѣзжавшихъ на заводы большевистскихъ агитаторовъ встрѣчали гикомъ, свистомъ и криками «долой!»... Выносили на митингахъ резолюціи съ требованіемъ немедленнаго освобожденія всѣхъ арестованныхъ меньшевиковъ... Къ открыто выражавшимъ недовольство рабочимъ — тихо стали примыкать и желѣзнодорожные рабочіе, начавшіе осторожно итальянскую забастовку... Болѣе дерзкимъ и смѣлымъ тономъ жены рабочихъ, базарныя спекулянтки, стали разговаривать съ базарной милиціей...

И изъ Харькова пришло распоряженіе выловить всѣхъ, по какому либо случаю оставшихся на свободѣ меньшевиковъ и въ кратчайшій срокъ перевезти арестованныхъ въ Харьковъ...

Приказъ былъ выполненъ въ точности; кое кого изъ меньшевиковъ, случайно не арестованныхъ — задержали, кое кого изъ случайно арестованныхъ не меньшевиковъ освободили, и особымъ поѣздомъ, подъ конвоемъ, соціалъ-демократы были увезены въ столицу пролетарской республики — Харьковъ.

Броженіе не унималось...

Вмѣстѣ съ меньшевиками — рядовыми, былъ увезенъ старый меньшевикъ, рабочій Василій Худокормовъ, — только во время революціи вернувшійся изъ ссылки, куда попалъ, борясь съ заводчиками за рабочія больничныя кассы. Этого меньшевика одинаково любили и уважали и большевики, и вся та масса, которая вообще враждебно относилась ко всякимъ партійнымъ ярлыкамъ.

Спокойный, политически много начитанный, ярко и образно говорившій Худокормовъ во всѣхъ своихъ митинговыхъ выступленіяхъ открыто бросалъ совѣтской власти всѣ ея пагубные недостатки, всю ея варварскую политику порабощенія массъ, и большевики, зная вѣсъ и значеніе Худокормова въ рабочей массѣ раіона, улыбаясь выслушивали разоблаченія, оставляя его внѣ стѣнъ Чека.

И поскольку выступленія и рѣчи мѣстныхъ коммунистовъ не только не успокаивали массы, но еще болѣе разжигали страсти — большевики стали откуда то доставать хлѣбъ и въ первую очередь направлять рабочимъ наиболѣе опасныхъ заводовъ. Желѣзнодорожникамъ выдали по нѣсколько аршинъ мануфактуры и по два фунта сахару. Тогда рабочіе Брянскаго завода потребовали и для нихъ мануфактуры и сахару.

Большевики стали создавать особую комиссію для удовлетворенія рабочихъ мануфактурой и сахаромъ, и незамѣтно вниманіе рабочихъ съ кронштадтскихъ событій и ихъ послѣдствій было перетянуто на внутренніе споры и раздоры о лишнемъ аршинѣ ситцу или недоданномъ при развѣскѣ полуфунтѣ черной крупной соли.

А потомъ, чтобы окончательно сгладить въ памяти рабочихъ всякія воспоминанія о Кронштадтѣ, пріѣхалъ самъ «красный батька всея Руси» — тов. Калининъ.

По виду очень похожій на средней руки подрядчика, Калининъ выступилъ предъ рабочими съ докладомъ о событіяхъ въ Кронштадтѣ... И основной мыслью его доклада было то, что возставшіе были почти правы, но вся бѣда въ томъ, что руководили возставшими — міровые капиталисты, которые хотѣли обѣщаніями демократическихъ свободъ заставить трудящихся вырвать власть изъ рукъ коммунистической партіи, той партіи, которая только и сможетъ дать и когда нибудь дастъ счастье всему пролетаріату всего міра.

Калининъ тягуче-медленно, съ трудомъ нащупывая мысль, простымъ фабричнымъ говоромъ касался міровыхъ вопросовъ и плелъ до одури всякую чушь...

«Насъ влекетъ сила къ міровой революціи... До насъ доходитъ вопль нашихъ западныхъ братьевъ, рабочихъ и крестьянъ... Мы не могимъ имъ не помочь... И поэтому да здравствуетъ непобѣдимая Красная Армія!».

Но по сценѣ ходилъ рабочій, говорилъ по рабочему, ругалъ большевиковъ, какъ администраторовъ на мѣстахъ, но восхвалялъ партію, какъ авангардъ міровой революціи... И масса слушала внимательно и напряженно.

А старикъ пускалъ чувствительную слезу:

«Да какъ же вы, товарищи, хотите отъ насъ всего того, что было до революціи. Намъ, товарищи, не даютъ спокойно работать!.. Насъ заставляютъ увсе время воивать!.. На насъ міровая буржуазія натравляетъ разныхъ генераловъ, и мы должны все время съ винтовкой въ рукѣ защищать красную Рассію отъ нашествія бѣлыхъ генераловъ, а съ ними и міровыхъ хищниковъ — поработителей пролетаріата!.. Мы, товарищи, все время воюемъ и нѣтъ у насъ свободныхъ силъ для борьбы и на фронтѣ съ врагами и въ странѣ съ разрухой...»

И сошедшаго со сцены старика рабочіе проводили долгими криками восторга до самой поджидавшей его у театра кареты.

* * *

Пришли весенніе теплые дни...

Кругомъ шла суета по борьбѣ съ хозяйственной разрухой...

Исчезнувшій холодъ оставилъ прежній, но еще болѣе усилившійся голодъ... Изъ квартиръ на толкучій рынокъ выносились послѣднія рубахи, а кругомъ носились автомобили, возившіе спасителей Красной Россіи, возстановителей разрушенной хозяйственности.

Увлекательной сказкой ничегонедѣланія вскружила головы рабочимъ нашумѣвшая электрофикація...

Въ городѣ создалось огромное учрежденіе, которое должно было электрифицировать Днѣпровскіе пороги; установить на порогахъ колоссальной силы динамомашины и посмѣяться надъ жалкимъ старикомъ Донбассомъ, снабжая всѣ заводы, фабрики и электрическія станціи бѣлымъ углемъ, который вотъ... вотъ будетъ извлеченъ изъ стихійной силы Днѣпровскихъ пороговъ.

А въ городѣ не было не только большой силы динамо-машинъ, но и простого штепселя для настольной лампы, и учрежденіе электрофикаціи разослало по всей Россіи агентовъ для розыска и покупки или реквизиціи динамо-машинъ, моторовъ, шнура, кабеля, лампочекъ и штепселей.

Учрежденію по электрофикаціи было предоставлено право закупки матеріаловъ у частныхъ лицъ по рыночнымъ цѣнамъ и по соглашенію, и изъ заводовъ рабочіе стали выносить электрическіе моторы, установки, рубильники, вынося по частямъ

цѣлыя установки большихъ заводскихъ электрическихъ станцій, которыя тутъ же черезъ ловкихъ посредниковъ продавались учрежденію за баснословные милліоны. Хищническіе пріемы и дерзкія кражи заводского имущества обратили на себя вниманіе Исполкома, и нѣсколько рабочихъ были поставлены къ стѣнкѣ...

Кражи прекратились, но среди рабочихъ пошло броженіе, и все чаще стали повторяться нападки на спеціально большевиками на заводы поставленную промышленную милицію.

Прекратились хищенія, и снова пришелъ голодъ... Продовольственные органы обмѣнивали синія карточки на бѣлыя, красныя на голубыя, а хлѣба такъ и не давали, и холера теплыми лѣтними днями увѣренно заняла мѣсто уставшаго тифа.

Истощенные недоѣданіемъ организмы, жадно поглощавшіе всякую зелень, покорно отдавались холернымъ вибріонамъ, и большевики выбросили новый фронтъ — борьбы съ холерой...

Повторилась исторія тифознаго фронта...

Утромъ на улицѣ о чемъ то пошутилъ съ встрѣчнымъ знакомымъ, а вечеромъ съ ревомъ врывается жена умершаго знакомаго... А къ утру другого дня Домкомъ умоляетъ Губздравъ дать нарядъ на тачку, чтобы вывезти изъ квартиры умершихъ отъ холеры супруговъ...

Устроенные для холерныхъ больныхъ бараки не имѣли ни горячей воды, ни лѣкарствъ, ни коекъ, а больные свозились туда только для того, чтобы меньше выдѣлить изъ себя холерной заразы въ городѣ и околѣть на голомъ соломенномъ матрацѣ, а то и просто на землѣ...

Узнавъ прелести этихъ бараковъ, близкіе заболѣвшихъ холерой скрывали своихъ больныхъ отъ сосѣдей... отъ врачей...отъ милиціи, опасаясь насильственнаго увоза обреченнаго. И только, когда за первымъ въ семьѣ сваливался въ судорогахъ и другой — начиналась бѣготня въ Губздравъ... въ милицію... въ санитарные участки, амбулаторіи съ мольбами забрать трупъ окоченѣвшаго и корчащагося въ судорогахъ другого... Никто не приходилъ, и здоровые люди въ смертельномъ ужасѣ бросали и трупъ, и умирающаго, и убѣгали къ знакомымъ, оставляя квартиру на произволъ судьбы...

На окраинахъ и въ рабочихъ раіонахъ холера справляла сытую тризну, и затаенный шопотъ о карѣ Божьей, о проклятьи Господнемъ сталъ глубоко проникать въ разслабленные умы голодныхъ, измученныхъ и истощенныхъ людей...

Въ хижинѣ одного холернаго проявилась икона. Холерный въ мученическихъ судорогахъ умеръ, но въ маленькую хижину желѣзнодорожнаго стрѣлочника устремились сотни бабъ, имѣвшихъ дома корчившихся отъ холеры мужей, сыновей и дочерей.

Обновилась икона и въ домѣ заводскаго слесаря, и жена его, уже почти холодная и скрюченная холерными судорогами, взглянувъ на обновленную икону, черезъ нѣсколько часовъ выздоровѣла и разсказывала тысячной толпѣ о чудѣ, сотворенномъ иконой Богородицы...

Легенды пошли и объ обновившихся иконахъ въ селахъ и деревняхъ, и партійный комитетъ, увидѣвъ наростающее стихійнымъ темпомъ религіозно фанатическое движеніе, рѣшилъ вмѣшаться въ эти божескія чудеса и для большей вѣрности въ работѣ привлекъ лучшихъ агентовъ Чека.

Всѣ квартиры, въ которыхъ иконы обновились, были опечатаны и къ дверямъ и иконамъ были поставлены вооруженные коммунисты.

Когда уже во время работы комиссіи изъ партійнаго комитета и агентовъ Чека — обновилась еще одна икона гдѣ то на окраинѣ, масса стала ежевечерно наполнять церкви, требуя отъ священниковъ служенія молебновъ о поддержаніи силы Божескихъ чудесъ на землѣ.

Большевики нисколько не препятствовали народу въ церквахъ выявлять свои религіозныя чувства, но въ свою комиссію по обслѣдованію обновленій пригласили двухъ популярныхъ въ городѣ инженеровъ, одного священника и двухъ рабочихъ.

Объявивъ въ газетѣ о сформированіи такой комиссіи, большевики съ удивительнымъ въ этомъ случаѣ тактомъ приступили къ работѣ, публикуя ежедневно въ газетѣ результаты обслѣдованій, въ видѣ подробныхъ протоколовъ, за подписью всѣхъ членовъ комиссіи.

Комиссія установила во всѣхъ случаяхъ обновленія грубую подрисовку иконъ съ подкладываніемъ по бокамъ рамокъ фольги, отъ чего ликъ какъ бы дѣйствительно прояснялся.

И тогда была открыто пущена въ ходъ Чека съ приказомъ во что бы то ни стало раскрыть исторію этихъ обновленій, такъ какъ комиссія установила, что всѣ обновленія въ городѣ и въ ближайшихъ къ городу деревняхъ были сфабрикованы изъ одного и того же матеріала и какъ бы чуть ли не одной и той же рукой.

И черезъ нѣсколько дней изъ какого то глухого села чекисты приволокли въ городъ связанныхъ веревками сельскаго батюшку, какого то бывшаго иконописца и одного неизвѣстнаго, который упорно отказывался назвать себя.

Всѣ трое упорно не сознавались въ приписанномъ имъ преступленіи, и хотя Чека объявила о найденныхъ у задержанныхъ лицъ остаткахъ фольги и золотистыхъ красокъ, но и священникъ, и иконописецъ, и оставшійся неизвѣстнымъ, падая подъ гулкими выстрѣлами чекистскаго нагана, унесли съ собой жуткую тайну, еще болѣе страшную въ дни слабаго, судорожнаго трепетанія придавленной и запуганной человѣческой мысли...

* * *

Тѣ тайные склады, изъ которыхъ Исполкомъ, черезъ продовольственные органы, въ самыя критическія и опасныя для власти минуты извлекалъ кое какіе продукты, скупо подбрасываемые найболѣе опаснымъ рабочимъ, оппозиціоннымъ группировкамъ, въ концѣ концовъ изсякли.

На сотни тысячъ, вырученныя желѣзнодорожниками за проданную мануфактуру, они полуголодно кормились нѣсколько дней, и когда голодъ опять ударилъ въ головы и подкашивая ноги спазматически и судорожно сжималъ желудокъ — новое, глухое рокотаніе выползало изъ мрачныхъ желѣзнодорожныхъ цеховъ, проникая въ заводы, на улицу, въ учрежденія и въ пѣхотныя части войскъ.

«Хлѣба!.. Дѣтямъ хоть каплю молока!..» жалобнымъ стономъ неслись глухія мольбы истощенныхъ и на половину голыхъ, кое какъ въ тряпье укрывшихся, женщинъ — женъ рабочихъ и матерей, и припухавшихъ отъ голода дѣтей.

«Хлѣба!.. Только... одного только хлѣба...» тономъ безнадежной покорности просили рабочіе у пріѣзжавшихъ въ мастерскія успокаивать ихъ коммунистовъ.

Хлѣба не давали, а по городу носились автомобили, въ которыхъ важно разваливались сытые и довольные верхи совѣтской власти.

И часовъ около трехъ, перваго іюня, тревожно загудѣлъ гудокъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ.

Словно вспуганные звѣри дикимъ ревомъ заговорили всѣ стоявшіе подъ паромъ паровозы; отозвались пугающими гудками мрачныя громады заводовъ и нервнымъ переливчатымъ стономъ влились крики еле державшихся на Днѣпрѣ судовъ краснаго Днѣпровскаго флота.

Огромныя толпы измученныхъ желѣзнодорожниковъ направились къ Управленію дороги.

Сквозь гулъ грозной тысячной толпы и кошмарный ревъ гудковъ ярко выдѣлялось слово «хлѣба!» Голодные, придавленные и обезсиленные рабочіе оставили мастерскія и умоляюще кричали «хлѣба!», стоя подъ окнами Управленія.

Работа на дорогѣ остановилась.

По прямому проводу предсѣдатель Исполкома, тов. Клименко, снесся съ Харьковомъ и оттуда получилъ отвѣтъ:

«Это похоже на Кронштадтъ... Возстаніе подавить безъ пощады... Использовать конницу Буденнаго...»

Бывшій въ то время въ штабѣ Буденнаго тов. Ворошиловъ пытался успокоить рабочихъ, но въ отвѣтъ посыпались камни... Начальникъ желѣзнодорожной милиціи, вынувшій почему то изъ кобуры револьверъ, былъ настигнутъ погнавшимися за нимъ рабочими и выброшенъ изъ окна четвертаго этажа. Появившихся въ толпѣ желѣзнодорожныхъ чекистовъ рабочіе повалили на землю и по головѣ били ихъ стаместками и долотами, растаптывая тѣла до безформенной массы крови, тряпокъ и костей.

Къ желѣзнодорожникамъ стали подходить кучки городскихъ рабочихъ.

Раздавались крики: «долой мучителей!.. долой тирановъ!.. Смерть захватчикамъ!..»

Положеніе для большевиковъ создавалось опасное.

Пытавшійся выступить предъ рабочими съ рѣчью тов. Клименко получилъ сильный ударъ камнемъ въ грудь...

Казаки Буденнаго не сразу согласились двинуться на обезумѣвшихъ отъ голода рабочихъ.

Толпа росла.

Тогда предсѣдатель Губернской Чеки, тов. Трепаловъ, ввелъ въ дѣло свой конный отрядъ особаго назначенія и весь наличный штатъ чекистовъ.

Когда къ вечеру усталые рабочіе разбрелись по домамъ, чтобы съ утра снова открыто стать противъ красныхъ тирановъ, — ночью по всему рабочему району, на окраинахъ и поселкахъ разсыпались конные и пѣшіе чекисты, и къ утру, вмѣсто новаго организованнаго выступленія, въ подвалахъ Чека толпилось около двухсотъ рабочихъ.

Къ вечеру второго дня состоялся судъ надъ «мятежниками», и пятьдесятъ одинъ рабочій были приговорены къ немедленному разстрѣлу.

Остальныхъ рабочихъ потребовала для расправы Всеукраинская Чека въ Харьковѣ.

Ночью второго іюня осужденные на двухъ грузовикахъ были доставлены къ крутому берегу Днѣпра и за ихъ спинами былъ поставленъ пулеметъ.

Какъ подкошенные, падали разстрѣленные рабочіе въ воду... Трупы относило теченіемъ... Нѣкоторые трупы оставались тутъ же на берегу...

А утромъ третьяго іюня къ берегу Днѣпра никого не допускали, и о судьбѣ арестованныхъ никто ничего не зналъ.

Но спустя день, два, вода стала выбрасывать трупы на берегъ.

Расправа пролетарской власти надъ рабочими открылась.

И по Днѣпру тихо и медленно стали плавать лодки съ женщинами и мальчиками-подростками... Длинными шестами прощупывали они дно Днѣпра и отъ времени до времени вытаскивали трупъ, который сейчасъ же снова отталкивали въ воду...

Оказался не свой... чужой... Еще вытащенный трупъ и пронзительный, дикій крикъ... Свой!.. Мужъ!.. Отецъ!.. Братъ!.. Свой!..

Припухшій, со слѣдами крови на грузномъ рабочемъ платьѣ — трупъ отца, мужа, брата, сына...

Нѣсколько «своихъ» труповъ удалось найти.

Большевики растерянно и испуганно запретили эти розыски.

И долго потомъ, нѣсколько недѣль подрядъ, мутныя волны Днѣпра выбрасывали на берегъ трупы рабочихъ, но уже распухшіе, безформенные, неузнаваемые...

Эти трупы на берегу грызли собаки...

«Возстаніе», или, какъ говорили мѣстные большевики, «маленькій Кронштадтъ» былъ подавленъ, и первое іюня кровавой страницей вошло въ исторію пролетарской революціи Екатеринославскихъ рабочихъ.

Надо было какъ нибудь сгладить затихшее, но ушедшее въ глубину движеніе, и большевики пустили рядъ конференцій, митинговъ и докладовъ.

И первымъ боевымъ докладомъ было выступленіе Ворошилова... Съ какимъ

то сладкимъ упоеніемъ разсказывалъ Ворошиловъ о томъ, какъ ворвавшіеся въ Кронштадтъ красные курсанты рѣзали мужское населеніе города, стремясь съ корнемъ вырвать идею свержения совѣтской власти...

Много досталось на докладѣ П. Н. Милюкову, статьи котораго Ворошиловъ цитировалъ по старымъ номерамъ «Послѣднихъ Новостей».

«Эта старая, буржуазная, контръ-революціонная крыса, эта старая дипломатическая обезьяна, послѣ перваго же выстрѣла возставшаго Кронштадта, — стала упаковывать чемоданы, собираясь на пару дней въ Кронштадтъ, а тамъ и въ Петербургъ!..» — заключалъ Ворошиловъ, читая выдержки изъ статей П. Н. Милюкова...

«Какъ разъ къ моменту полученія свѣдѣній о возстаніи, въ Кремлѣ, шло ночное совѣщаніе бюро коммунистическаго интернаціонала. И какъ только было оглашено сообщеніе о мятежѣ, — докладывалъ на митингѣ Ворошиловъ, всѣ товарищи до одного встали, вооружились винтовками и экстреннымъ поѣздомъ выѣхали въ Петербургъ, сразу же влившись въ ряды наступавшихъ войскъ.»

«Когда наши красноармейцы, разсказывалъ Ворошиловъ, увидали плечомъ къ плечу, рядомъ съ собой, своихъ вождей, такъ же храбро и самоотверженно двигавшихся подъ страшнымъ огнемъ фортовыхъ орудій возставшихъ, какъ и цѣпи красныхъ курсантовъ, ихъ воинственный подъемъ возросъ въ сотни разъ, и неприступныя твердыни Кронштадта пали... Шедшій рядомъ со мной мой адъютантъ, продолжалъ Ворошиловъ, получивъ на вылетъ пулю въ шею, шелъ въ цѣпи до тѣхъ поръ, пока не свалился на ледъ отъ сильной потери крови...»

И изъ всего доклада Ворошилова за пустыми и яркими фразами о стоголовой гидрѣ контръ-революціи, міровыхъ хищникахъ и о всесвѣтно возстающемъ пролетаріатѣ, совершенно открыто и очевидно выдѣлялось то, что въ Кронштадтѣ были разстрѣляны тысячи рабочихъ и крестьянъ, въ отчаяньи рванувшихъ на себѣ цѣпи тяжелаго рабства...

«Когда было что жрать, говорилъ послѣ Ворошилова выступившій «со словомъ» Буденный, я самъ говорилъ моимъ казакамъ: ты, Федосій, съѣдаешь въ день два фунта сала, на!.. Получай три!.. ты, Егоръ, лопаешь сразу по три фунта пшеничнаго хлѣба, на!.. лопай пять!.. Но за то теперь, когда хлѣба и сала нема, такъ и ты, Федосій, и ты, Егоръ, — ни гу-гу!.. и ни звука... Значитъ нѣту!.. И разговоровъ никакихъ, и всякія тамъ антимоніи къ чорту!..»

И сѣлъ, но вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то, вскочилъ и сказалъ:

«Да!.. И вотъ что!.. Тутъ вы, товарищи, давеча антимонію завели... Такъ вы больше того!.. теперь поосторожнѣй!.. А то мои полки готовы!.. И расправа будетъ коротка...»

На этомъ митингѣ были допущены пренія, и самъ Ворошиловъ, клянясь коммуной, заявилъ, что на этомъ митингѣ всякій можетъ совершенно открыто высказать все, что у него на умѣ, и какія бы то ни были высказаны контръ-революціонныя мысли, онъ, Ворошиловъ, гарантируетъ оппоненту полную безнаказанность...

На сцену вышелъ меньшевикъ Гурвичъ, находящійся въ послѣднемъ градусѣ чахотки.

«Позвольте мнѣ, началъ маленькій, сухой и сгорбленный чахоточный, напомнить товарищу Ворошилову, что ровно пятнадцать лѣтъ тому назадъ, мы вмѣстѣ съ нимъ сидѣли за одной рѣшеткой въ Луганской тюрьмѣ за организацію рабочей сходки и массовки на паровозостроительномъ заводѣ Гартмана... Это напоминаніе я дѣлаю потому, что сейчасъ товарищъ Ворошиловъ стоитъ рядомъ со мной въ чинѣ краснаго генерала, а я по прежнему остался революціонеромъ, который и теперь, имѣя у власти своего же Ворошилова, произноситъ сейчасъ эти слова, опасаясь на ночь попасть въ «подвалъ»... Но, продолжалъ возбужденный Гурвичъ, сейчасъ я отъ Чеки защищенъ клятвой самого Ворошилова, который въ душѣ самъ то не увѣренъ, что по выходѣ изъ этого помѣщенія меня все таки не схватятъ мальчики Дзержинскаго... Я, главнымъ образомъ, еще и для того напомнилъ здѣсь о товарищеской тюремной съ Ворошиловымъ рѣшеткѣ, чтобы послѣ моей рѣчи и во время рѣчи

никто не сталъ бы упрекать меня въ буржуазности, контръ-революціонности и пособничествѣ міровымъ хищникамъ въ порабощеніи пролетарскихъ массъ... Я, какъ вы видите, съ трудомъ говорю, обливаюсь крупными каплями пота и, можетъ быть, сегодня-завтра лопнетъ послѣдній клапанъ моихъ легкихъ... И потому, зажигался Гурвичъ, я въ этомъ случаѣ высказалъ все, что накопилось у меня на душѣ и высказалъ это все и предъ двумя генералами отъ революціи Ворошиловымъ и Буденнымъ и предъ Вами, дорогіе товарищи, я вижу чудо, дающее мнѣ, можетъ быть, предъ завтрашней смертью сказать нашимъ генераламъ слово истиннаго пролетарія и истиннаго революціонера...»

«Итакъ, товарищи, я приступаю къ моей рѣчи.»

И набравъ въ дырявыя легкія воздуху, Гурвичъ громкимъ голосомъ, съ медленной разстановкой, прокричалъ: «Совѣтская власть, дѣйствующая именемъ русскихъ рабочихъ и крстьянъ, является самымъ безпощаднымъ и жестокимъ истребителемъ рабочихъ и крестьянъ, какимъ не былъ Императоръ Николай Второй!! Совѣтская власть, въ крови, мукахъ и стонахъ...» хотѣлъ дальше говорить Гурвичъ, но въ аудиторіи, разсыпанные въ ложахъ и на верхнихъ ярусахъ мальчики Дзержинскаго подняли невообразимый шумъ, свистъ и крики «долой!», и слова Гурвича потонули въ поднявшемся хаосѣ...

Рабочіе вскочили съ мѣстъ, и ихъ крики «просимъ! просимъ!.. долой палачей!..» слились въ одинъ общій страшный шумъ...

Ворошиловъ стоялъ спокойно на сценѣ и улыбался.

На этотъ митингъ были командированы сотрудники всѣхъ Чека, и городской, и желѣзнодорожной, и районно-транспортной. Молодчики эти, оставивъ дома галифе и кубанки и спрятавъ револьверы въ карманы, разсѣлись въ театрѣ и имѣли заданіе помнить лица всѣхъ тѣхъ, которые пойдутъ на умышленно заброшенную Ворошиловымъ удочку. И торжественное обѣщаніе Ворошилова было только однимъ изъ пріемовъ Чеки съ цѣлю выявить копошащіяся въ рабочей и полу-интеллигентской массѣ сознательныя, противо-большевистскія единицы.

Но сами же чекисты, пытаясь просимулировать возмущеніе рабочихъ рѣчью Гурвича, хватили черезъ край и оказались въ положеніи мальчишки-вора, убѣгающаго отъ городового и кричащаго «ловите вора!»

Схватку успокоить не удалось, и сами же чекисты сорвали такъ удачно начатую Ворошиловымъ охоту на тайныхъ враговъ рабоче-крестьянской власти.

Искры такъ ярко вспыхнувшаго кронштадскаго пожара разнеслись по всей Россіи, и идеи, брошенныя кронштадтцами, чаще и чаще обсуждались рабочими.

Большевики двинули тяжелую артиллерію, и на Украину поѣхали Раковскій, Бухаринъ и Фрунзе съ опредѣленной программой окончательно загасить кронштадскія искры и увѣрить ожесточающихся въ безвыходности рабочихъ въ томъ, что вотъ!.. вотъ!.. еще немного терпѣнія и будетъ хорошо... сытно и надъ Совѣтской Республикой счастливо засіяетъ коммунистическая звѣзда.

* * *

Когда въ «Извѣстіяхъ», къ тому времени переименованныхъ «Къ труду», появилось сообщеніе о предстоящихъ докладахъ Раковскаго, Бухарина, Фрунзе, все въ городѣ зашевелилось. Коммунисты ждали какихъ то особыхъ ново-открытій изъ устъ своихъ вождей; начавшіе опредѣленно организовываться меньшевики, спасшіеся отъ ареста, готовили своихъ ораторовъ къ открытымъ выступленіямъ предъ культурнымъ Раковскимъ и «умницей» Бухаринымъ, а широкая, густая, безпартійная масса втихомолку высказывала предположенія, сводившіяся къ тому, что больно часто что то стали наѣзжать главари — нѣтъ ли какой либо новой внѣшней опасности для власти красныхъ...

Въ большомъ зимнемъ театрѣ на семь часовъ вечера по совѣтскому времени, а по солнечному только въ четыре часа дня, было назначено объединенное засѣданіе

всѣхъ профессіональныхъ организацій, Губернскаго Исполкома и Губернскаго Партійнаго комитета для заслушанія докладовъ тов. Раковскаго о внутреннемъ положеніи совѣтскихъ республикъ, тов. Бухарина о международномъ положеніи республикъ, и тов. Фрунзе о военномъ положеніи республикъ и о состояніи Красной Арміи.

Въ пять часовъ вечера залъ, сцена, всѣ ложи и фойэ были переполнены коммунистами, чекистами, рабочими, совѣтскими служащими, членами совѣта рабочихъ, крестьянскихъ и красно-армейскихъ депутатовъ, меньшевиками, робко прятавшимися въ темныхъ углахъ коридоровъ.

На сценѣ въ полномъ составѣ расположилась высшая губернская власть въ лицѣ президіума Губернскаго Исполкома и Бюро Губернскаго Партійнаго Комитета; часамъ къ шести на сценѣ появились тов. Ворошиловъ съ двумя элегантными молодыми адъютантами изъ бывшихъ лучшихъ кавалерійскихъ полковъ и тов. Буденный, командующій I-ой Красной конной арміей...

По залу пронеслись слухи, что съ поѣздомъ Раковскаго случилось какое то несчастье... Слухи эти были не безъ основанія, такъ какъ въ это время отдѣльныя части Буденновской конницы бродили по раіону линій Екатеринославъ-Павлоградъ-Александровскъ-Лозовая и шомполами и разстрѣлами выжимали у крестьянъ продовольственный налогъ, что вызвало новыя выступленія разрозненныхъ махновскихъ шаекъ, часто совершавшихъ исключительные по смѣлости налеты на проходившіе въ этомъ раіонѣ поѣзда.

Только по какой то особой случайности поѣздъ Калинина проскочилъ этотъ раіонъ и все же въ вагонахъ поѣзда оказалось много выбитыхъ пулями стеколъ.

Общая взвинченность, подозрительность и напуганность усилились въ сотни разъ и дошли до какого то психоза, когда и въ восемь часовъ, и въ девять часовъ, и въ десять часовъ вечера вождей еще не было среди напряженно ожидавшей ихъ массы...

Снестись съ ближайшими станціями не было тогда возможности... Махновцы каждую ночь рвали провода, и только въ рѣдкихъ случаяхъ удавалось сноситься съ Синельниково по прямому проводу.

Были высланы на вокзалъ, кромѣ ожидавшихъ тамъ делегатовъ для встрѣчи, особые курьеры, имѣвшіе заданіе, какъ только вожди пріѣдутъ, сейчасъ же дать знать въ театръ...

Напряженность и вѣроятность какого либо нападенія или крушенія создали полную увѣренность въ томъ, что съ поѣздомъ Раковскаго что-то случилось. Шнырявшіе съ залу чекисты злобно сверкали глазами.

Но въ началѣ одиннадцатаго ночи, возбужденные и запыхавшіеся курьеры вбѣжали въ театръ и, пробираясь сквозь густую толпу къ сценѣ, радостно кричали:

«Пріѣхали!.. Пріѣхали!..»

Минутъ черезъ двадцать, — болѣе получаса театръ положительно дрожалъ отъ рукоплесканій, энтуазіастическихъ выкриковъ тысячной толпы, привѣтствовавшей появившихся на сценѣ Раковскаго, Бухарина и Фрунзе.

«Да здравствуетъ герой Крыма, товарищъ Фрунзе!!» раздается по залу театра, и новый взрывъ рукоплесканій и восторженныхъ криковъ...

«Да здравствуетъ герой «Потемкина», вождь красной Украины, товарищъ Раковскій!!»

И снова громы апплодисментовъ и гулъ, и ревъ тысячной толпы...

Восторженность улеглась, и предсѣдатель Губернскаго Исполкома, тов. Клименко, объявилъ, что слово для доклада по внутреннему положенію республикъ предоставляется предсѣдателю совѣта народныхъ комиссаровъ Украины, тов. Раковскому.

И раздался повторный ревъ наэлектризованнаго зала...

Въ черныхъ галифэ и въ такомъ же френчѣ, гладко выбритый, очень похожій на кинематографическаго актера, Раковскій быстрыми шагами приблизился къ рампѣ и уже на ходу началъ:

«Отъ имени Совѣта Народныхъ Комиссаровъ Украины привѣтствую васъ!..»

Фраза была произнесена фальцетомъ, сразу показавъ, что говоритъ иностранецъ, блестяще владѣющій русскимъ языкомъ...

Опозданіе поѣзда Раковскій объяснилъ тѣмъ, что, когда они подъѣхали къ Павлограду, казаки Буденнаго пригнали на станцію триста пойманныхъ повстанцевъ и что ему вмѣстѣ съ Бухаринымъ пришлось тутъ же произвести судъ и расправу надъ возставшими сынками крестьянскихъ кулаковъ...

Говорилъ Раковскій быстро, спѣша за мыслью, и рѣдко запинался, подыскивая иногда какое нибудь нужное, болѣе ярко оттѣняющее мысль, слово.

Всѣ кошмары совѣтской жизни Раковскій взваливалъ на гражданъ совѣтскихъ республикъ. Не выдѣляя ни саботажниковъ, ни спецовъ, ни бѣлыхъ, ни красныхъ, Раковскій доказывалъ, что все несчастіе въ томъ, что граждане республикъ почему то прониклись мыслью, что Совѣтская власть должна ихъ содержать и снабжать ихъ всѣмъ тѣмъ, что нужно человѣку для нормальной жизни и работы. Чуть коснувшись безпартійной массы, Раковскій всѣми стрѣлами своей пылкой рѣчи обрушился на тѣхъ коммунистовъ, которые, занявъ какой либо отвѣтственный постъ, сразу усваиваютъ себѣ всѣ отрицательныя стороны и замашки былыхъ царскихъ чиновниковъ, въ то же время не обладая ни опытомъ, ни знаніемъ, ни работоспособностью послѣднихъ...

«У насъ нѣтъ людей!.. У насъ нѣтъ товарищей, которые помогли бы намъ, стоящимъ на вершинѣ власти, вести жизнь республикъ такъ, какъ этого требуютъ условія момента, условія жизни... Воры, карьеристы, жулики, своевременно обезпечившіеся партійнымъ билетомъ, засоряютъ нашъ слабый, разстроенный государственный аппаратъ, и только самая безпощадная и жестокая борьба съ нашими такими же товарищами-коммунистами поможетъ намъ поставить внутреннюю жизнь республикъ такъ, какъ этого требуютъ ученія нашихъ великихъ людей!»

Рѣчь, касавшаяся отчасти и петлюровско-махновскаго настроенія украинскаго крестьянства, была въ дѣйствительности горячей агитаціей къ открывшейся тогда кампаніи по чисткѣ коммунистической партіи.

Пѣвуче, чистымъ говоромъ москвича, началъ свой докладъ Бухаринъ... Небольшого роста, на короткихъ и кривыхъ ногахъ, съ большой лысѣющей головой на тонкой шеѣ, въ несвѣжемъ старенькомъ пиджакѣ, Бухаринъ напоминалъ собою типъ ябедника-чиновника, сидящаго въ какихъ то далекихъ углахъ желѣзнодорожныхъ управленій...

Говорилъ онъ ровно, спокойно, безъ горячности Раковскаго, а мягко, съ лукавой усмѣшкой язвилъ буржуазныя государства и капиталистическихъ правителей. По докладу Бухарина и, какъ онъ въ концѣ доклада и самъ сказалъ, весь міръ со всѣми его геніальными Ллойдъ-Джоржами и Вильсонами представляетъ собой одинъ огромный страшный сумасшедшій домъ, и среди всего этого міра сумасшедшихъ здоровымъ ядромъ является одна только Россійская коммунистическая Партія — Р. К. П. —

Въ эту минуту, когда Бухаринъ сталъ развивать высказанную имъ мысль, мнѣ вспомнился обычный типъ сумасшедшаго, убѣжденнаго въ томъ, что всѣ вокругъ него съ ума сошли, а только онъ одинъ обладаетъ здравымъ смысломъ и потому его то сумасшедшіе и заперли въ душную палату.

«Сижу я частенько въ кабинетѣ Чичерина... Пугнемъ, говорю, Францію... Пусти-ка по прямому ноту въ Варшаву!.. И Чичеринъ пугаетъ... Мы-то съ Чичеринымъ хохочемъ, а изъ Варшавы, устами французскихъ имперіалистовъ летитъ къ намъ по радіо встревоженный и серьезный отвѣтъ... Мы, значитъ, въ шутку, а они въ серьезъ!.. Мы для забавы, а они за головы хватаются, и пупы у нихъ дрожатъ!.. А что нашъ Красинъ въ Лондонѣ выдѣлываетъ! — заливался Бухаринъ — Чудеса да и только!.. Англичане и во снѣ видятъ наши лѣса, нашу нефть, нашу руду и нашъ Уралъ... Международные политики, товарищи, — перешелъ на серьезный тонъ Бухаринъ, — въ годы большого историческаго сдвига, продѣланнаго Россійской

Коммунистической Партіей, оказались неподготовленными къ тѣмъ формамъ дипломатіи, которыя выдвинулъ нашъ Ильичъ и которыя такъ исчерпывающе полно и тонко схватилъ и понялъ нашъ Чичеринъ, хотя тоже старый царскій дипломатъ... Вся ошибка и самое страшное для міровыхъ дипломатовъ это то, что мы говоримъ опредѣленнымъ языкомъ, и слово «да» на языкѣ нашей коммунистической дипломатіи означаетъ исключительно положительную сторону дѣла, т. е. чистое, утверждающее событіе «да»; они же, выжившіе изъ ума міровые дипломаты, въ нашемъ открытомъ «да» ищутъ какихъ то несуществующихъ въ немъ оттѣнковъ уклончивости, отрицанія, и до глупаго, до смѣшного бродятъ межъ трехъ сосенъ... Вся, товарищи, суть дипломатіи заключается въ томъ, что кто кого околпачитъ!.. Сейчасъ, товарищи, мы колпачимъ!.. Можетъ быть, настанетъ часъ, когда и насъ будутъ колпачить, но сейчасъ, товарищи, повторяю, мы колпачимъ всю Европу!.. весь міръ!.. и на сѣдой головѣ Ллойдъ-Джоржа красуется невидимый для міра, но видимый намъ, большой остроконечный колпакъ, возложенный нашими славными товарищами, Красинымъ, Литвиновымъ и Чичеринымъ...»

Въ докладѣ Бухаринъ смѣялся надъ заключеннымъ съ Англіей торговымъ договоромъ и, коснувшись коммунистическихъ теченій милліоновъ мірового пролетаріата, набросалъ такую яркую, живую картину, что казалось, что завтра, послѣ завтра, не успѣетъ доѣхать Бухаринъ до Харькова, какъ въ Лондонѣ, Нью-Іоркѣ, Парижѣ и Берлинѣ прочно укрѣпится совѣтская власть съ серпомъ и молотомъ подъ красной пятиконечной звѣздой...

Много досталось отъ язвительнаго остроумія Бухарина образовавшимся на окраинахъ Россіи буржуазнымъ государствамъ...

«Это, товарищи, не государства, а мелкая размѣнная монета, выпущенная міровыми хищниками для удобства разсчета въ могущихъ создаться осложненіяхъ въ буржуазномъ лагерѣ крупныхъ государствъ».

«Вамъ, товарищи, не нужно сейчасъ думать о томъ, почему центромъ Красной Украины является не Кіевъ, а Харьковъ, и пусть многіе изъ васъ не скорбятъ о томъ, что нѣтъ одной Красной Москвы, безъ красныхъ центровъ Харькова, Азербейджана, Минска и Ташкента, а думайте, товарищи, о томъ, что скоро и очень скоро вырастетъ міровымъ колоссомъ одна интернаціональная коммунистическая власть трудящихся всего міра — Лондона, Парижа, Нью-Іорка, и Берлина — съ однимъ интернаціональнымъ краснымъ Центромъ — нашей русской коммунистической Москвой!!»

Скучнымъ, вялымъ тономъ армейскаго капитана, восхвалялъ силу и духъ Красной Арміи Фрунзе, и только къ разсвѣту торжественное засѣданіе было закончено общимъ пѣніемъ Интернаціонала...

Уѣхали вожди, направляясь вглубь Украины на Полтаву, Кіевъ, Кременчугъ, и тяжелые, давящіе будни тифа, голода и холеры быстро стушевали всѣ слова, фразы и обѣщанія сытыхъ и довольныхъ вождей...

Съ какимъ то сладостнымъ упоеньемъ присяжный повѣренный Я., зарабатывавшій въ дореволюціонное время до ста тысячъ въ годъ, разсказывалъ о томъ, какъ вчера прошло совѣщаніе юристовъ на квартирѣ предсѣдателя Ревтрибунала, коммуниста Обуховскаго...

«На столѣ полная коробка хорошихъ папиросъ... А во время засѣданія всѣмъ поднесли по стакану чая съ сахаромъ и лимономъ... А когда совѣщаніе окончилось, насъ пригласили въ столовую, гдѣ былъ накрытъ столъ... Ветчина, колбаса, сало, швейцарскій сыръ, и сколько угодно масла съ бѣлымъ хлѣбомъ... И чай съ сахаромъ...»

И у слушателей загорались глаза; и открытая зависть была къ этому человѣку, который вчера только пилъ настоящій чай съ сахаромъ и кушалъ масло, да еще на бѣломъ хлѣбѣ... А ветчина!.. Господи!.. да мы уже забыли, какого она вида!

А крупный промышленникъ, сидя на чемоданѣ въ маленькой, оставленной ему послѣ реквизиціи комнаткѣ, вслухъ мечталъ:

«Богъ съ нимъ... съ голодомъ!.. Но по чемъ у меня страшная тоска — это по письму съ почтовой маркой, печатью почты какого нибудь города... когда медленно разрѣзаешь конвертъ и читаешь письмо... Все равно отъ кого, но письмо... изъ другого города... отъ другихъ людей... И потомъ газета... Утромъ, за чаемъ, разворачиваешь листы свѣже отпечатанной и сильно пахнущей краской газеты... И пачкаетъ руки...»

* * *

Жили мы, какъ полудикіе люди на необитаемомъ островѣ... Продолжительное недоѣданіе и въ послѣдніе мѣсяцы опредѣленный, ничѣмъ не прикрытый голодъ вызывалъ въ мозгу бредовыя мысли о бѣгствѣ куда нибудь въ Европу... Америку... куда нибудь... лишь бы спасти себя и свою малую семью отъ приближавшагося призрака мучительной голодной смерти... Къ тифу, холерѣ и цынгѣ прибавилась какая то странная, врачами не раскрытая, болѣзнь, возникшая на почвѣ остраго недоѣданія... Сильныя головныя боли валили голоднаго съ ногъ, и послѣ нѣсколькихъ дней мучительной головной боли больного записывали въ очередь въ одну изъ братскихъ могилъ кладбища...

Такой исходъ болѣзни только радовалъ близкихъ, такъ какъ во многихъ случаяхъ головныя боли кончались полнымъ сумасшествіемъ больного, и на улицахъ города часто попадались люди, блаженно улыбавшіеся и мечтательно жевавшіе вѣтку акаціи или какую нибудь старую грязную тряпку.

Власть ушла отъ всякихъ заботъ о кормленіи населенія и, жестоко и отчаянно разстрѣливая крестьянъ, обстрѣливая деревни орудійнымъ огнемъ, а нерѣдко и сжигая деревни до основанія, выколачивала продовольственный налогъ для прокормленія чекистовъ, членовъ коммунистической партіи и арміи.

Преступленія и кражи во всѣхъ совѣтскихъ учрежденіяхъ развились до ужасовъ; поддѣлывали подписи комиссаровъ и, путемъ соглашенія съ кассирами банка или учрежденіями, получали изъ кассъ милліонныя суммы; поддѣлывали ордера и выдавали имущество въ видѣ мѣшковъ, мануфактуры, желѣза, гвоздей; крали изъ продовольственныхъ складовъ сахаръ, муку, соль...

Крали и сами комиссары-коммунисты, дѣлая видъ, что не замѣчаютъ творящейся въ ввѣренныхъ имъ учрежденіяхъ вакханаліи, и частенько стали прибѣгать къ помощи того или другого спеца для болѣе тонкаго и осторожнаго проведенія дѣла.

Всесильные главки устраивались проще. Завѣдывавшій Губернскимъ Земельнымъ отдѣломъ Шаляхинъ выписывалъ изъ своихъ складовъ Харитоненко, завѣдывавшему тогда отдѣломъ Соціальнаго обезпеченія, нѣсколько пудовъ картофеля, лукъ, сушеные фрукты и керосинъ, а тов. Харитоненко выписывалъ тов. Шаляхину ордеръ на полученіе изъ склада Соціальнаго Обезпеченія тридцати аршинъ лучшей мануфактуры, шести паръ бѣлья, дюжины катушекъ нитокъ... Завѣдывавшій Губернскимъ Отдѣломъ Здравоохраненія, врачъ, коммунистъ Козловскій, выписывалъ комиссару дороги усиленное питаніе, выдавая ему со складовъ по нѣсколько фунтовъ мяса, масла, десятка яицъ, какао, шеколадъ и бѣлую муку, а комиссаръ дороги присылалъ Козловскому домой десятки пудовъ дровъ и угля.

Продовольственныя учрежденія, получая что либо для населенія, первымъ дѣломъ снабжали своихъ сотрудниковъ пайкомъ и, проявляя въ этомъ случаѣ исключительную и небывалую въ совѣтскихъ учрежденіяхъ честность, выплачивали своимъ сотрудникамъ задолженные, ранѣе не выданные пайки...

«Мнѣ, товарищъ, еще за февраль!», кокетничая съ коммунистомъ, щебетала машинистка, дочь недавняго крупнаго буржуя.

И «товарищъ» выдавалъ паекъ и за февраль, хотя дѣло происходило въ маѣ или въ іюнѣ...

И въ такіе дни, въ часы послѣ занятій, можно было встрѣтить людей со счастливыми лицами тащившими на плечахъ или въ спеціально приспособленныхъ повозочкахъ мѣшки муки, кульки сахару, банки керосину, десятокъ селедокъ, нѣсколько

фунтовъ соли, свѣчей, десятокъ коробокъ спичекъ, а отвѣтственные «спецы» и товарищи-коммунисты для доставки своихъ пайковъ домой прибѣгали къ помощи лошадей...

Населеніе оставалось при карточкахъ, а чтобы было какое нибудь развлеченіе, продовольственныя организаціи объявляли бѣлыя карточки недѣйствительными, выдавая взамѣнъ бѣлыхъ — голубыя. Недѣлями стояли голодныя дѣти, женщины и старики въ очередяхъ по обмѣнѣ карточекъ только для того, чтобы черезъ мѣсяцъ подчиниться новому приказу и стать въ новую очередь по обмѣну голубыхъ карточекъ на бѣлыя...

Миръ съ Польшей былъ давно подписанъ, никакихъ внѣшнихъ фронтовъ не было, и только крестьянство на Украинѣ кровью комиссаровъ и коммунистовъ заливало свое стихійное негодованіе и возмущенье властью красныхъ.

Ленинъ бросилъ толпѣ своихъ полусумасшедшихъ и истеричныхъ коммунистовъ новый лозунгъ «товарообмѣнъ», и голодавшіе мелкіе коммунисты съ энтузіазмомъ бросились на постиженіе новаго ученія великаго Ильича.

Потомъ голодной массѣ коммунистовъ ловко подсунули принципіальныя разногласія по профессіональному вопросу между Ленинымъ и Троцкимъ, и новая волна горячихъ митинговъ, докладовъ и рефератовъ отвлекла больные умы коммунистовъ отъ самаго страшнаго и ничѣмъ не поправимаго голода.

Когда появились на заборахъ воззванія организовавшагося въ Москвѣ общественнаго комитета помощи голодающимъ — никто не сомнѣвался въ томъ, что эта новая ловушка еще сохранившихся въ Россіи общественныхъ силъ окончится печально для всѣхъ участниковъ комитета, взявшаго на себя непосильную работу по борьбѣ съ голодомъ...

Подписи подъ воззваніями графини Толстой, Кишкина, Прокоповича, Щепкина, и само воззваніе, составленное не въ такихъ грубыхъ тонахъ, какими дышалъ призывъ Брусиловской компаніи генераловъ, ни въ комъ не вызвало сомнѣній въ искренности благихъ, человѣческихъ стремленій общественниковъ, но творившаяся кругомъ совѣтская вакханалія, царившій произволъ и безпредѣльная разнузданность носителей власти на мѣстахъ, въ умахъ интеллигенціи съ первыхъ же дней вызывали досадливое недоумѣніе въ томъ смыслѣ, что этимъ людямъ долга, чести и ума не слѣдовало бы связаться съ большевиками, которые изъ фамилій носителей русской общественности создадутъ для всего какую нибудь новую обманную игру.

Въ успѣхъ дѣла, которому вызвался служить комитетъ, никто не вѣрилъ, такъ какъ была твердая убѣжденность въ томъ, что большевики созданіемъ этого преслѣдуютъ не цѣли борьбы съ голодомъ, а какія то особыя свои коммунистическія задачи.

И когда вскорѣ появились сообщенія о треніяхъ комитета съ большевиками, а потомъ объ разгонѣ и объ арестѣ нѣкоторыхъ членовъ комитета, многіе раздраженно говорили:

«Такъ имъ и надо! Пусть не играютъ въ общественность съ каторжанами, ворами и убійцами!..»

И память объ общественномъ комитетѣ канула въ вѣчность...

* * *

Въ мою личную жизнь, протекавшую такъ же голодно, холодно и напуганно, какъ и жизнь многихъ другихъ людей, оставшихся въ сторонѣ отъ «созидательной работы большевиковъ» и не пошедшихъ къ нимъ цѣликомъ душой и сердцемъ на работу, вошелъ такой случай.

Возможно, что если бы не этотъ случай, я бы голодалъ до тѣхъ поръ, пока не былъ бы отвезенъ въ какой нибудь холерный баракъ или прямо на кладбище... Но проснувшаяся воля толкнула меня на жизнь или на смерть... — «Все равно, думалъ

я, чѣмъ такъ существовать, лучше попытаться бѣжать, и во всякомъ случаѣ — хуже не будетъ... А если поймаютъ и разстрѣляютъ, то въ концѣ концовъ и лучше, чѣмъ такъ кошмарно тянуть дни, незамѣтно слагавшіеся въ годы!..»

Была объявлена мобилизація журналистовъ для посылки на газетную работу въ Ташкентъ и Самаркандъ...

Не знаю, имѣла ли эта мобилизація прямой цѣлью развитіе коммунистическаго печатнаго слова въ томъ краѣ или ея цѣлью было избавиться отъ бывшихъ журналистовъ, не пошедшихъ въ большевистскія газеты, но, во всякомъ случаѣ, мнѣ угрожала принудительная высылка въ далекій край, и отъ этой высылки надо было спастись во что бы то ни стало...

Помогъ одинъ ихъ друзей, оставшійся безпартійнымъ, но благодаря своей исключительной ловкости и приспособляемости сумѣвшій занять у большевиковъ постъ главноуполномоченнаго по распредѣленію металла на Дону, Кубани и Украинѣ...

Проданные остатки мебели, альбомы Художественнаго театра, цинковая ванна, желѣзная печка, бездѣлушки, статуэтки, — дали мнѣ сумму, достаточную для двухнедѣльнаго существованія.

Получивъ отъ главноуполномоченнаго колоссальный мандатъ разъѣзднаго представителя, мнѣ удалось на виду у всѣхъ шипѣвшихъ вокругъ меня красныхъ журналистовъ легально вырваться изъ города.

Простоявъ съ вечера до трехъ дня другого дня въ очереди за полученіемъ пропуска, я на слѣдующій день, на разсвѣтѣ, отправился на вокзалъ. На Харьковъ отправлялся одинъ поѣздъ въ недѣлю и не попасть въ этотъ поѣздъ — значило остаться въ городѣ еще на недѣлю, просрочить пропускъ и оказаться въ положеніи преступника, пойманнаго послѣ неудачной попытки къ побѣгу.

Вокзалъ съ утра былъ переполненъ людьми, стремившимися уѣхать... Всѣ имѣли какія то командировки, всѣ были снабжены особыми командировочными удостовѣреніями, и только часамъ къ двѣнадцати, когда составъ былъ поданъ, Чека приступила къ провѣркѣ документовъ вообще и, главнымъ образомъ, командировочныхъ.

Молча чекисты просматривали бумаги, и часто, не произнося ни одного звука, уничтожали тѣ удостовѣренія, обладателей которыхъ чекисты по какимъ-то, имъ только извѣстнымъ, соображеніямъ не желали выпустить изъ города. Возраженія, просьбы въ такихъ случаяхъ не приводили ни къ чему хорошему, такъ какъ чекисты спустя минуту также молча рвали въ мелкіе кусочки аршинный мандатъ какого нибудь «спеца».

«Товарищъ!.. Вы не поѣдете!»

Если же «товарищъ» не успокаивался и не отставалъ отъ чекиста, умоляя дать ему возможность проѣхать до Харькова — чекистъ, игриво улыбаясь, спрашивалъ:

«А по какому дѣлу, товарищъ, вы ѣдете?»

«Видите ли... я командированъ отъ Химотдѣла за полученіемъ матеріаловъ, и если я не поѣду, то...»

«То и не поѣдете!» рѣзко прерывалъ чекистъ, направляясь къ другимъ, съ трепетомъ и страхомъ поджидавшимъ его жертвамъ.

Каждый, послѣ провѣрки документовъ, могъ свободно влѣзть въ товарный вагонъ, предварительно показавъ красноармейцу, что бумаги на проѣздъ имѣются на рукахъ.

Часамъ къ шести вечера вагоны были густо набиты... Составъ поѣзда состоялъ изъ нѣсколькихъ классныхъ вагоновъ, въ которыхъ по два-три человѣка спокойно располагались важные и неважные комиссары, изъ нѣсколькихъ отремонтированныхъ съ койками товарныхъ вагоновъ, въ которыхъ весело щебетали совѣтскія барышни походныхъ канцелярій комиссаровъ, и ряда старыхъ, грязныхъ теплушекъ, въ которыя, какъ въ зимнюю стужу къ горящему камину, устремились счастливцы-уѣзжающіе.

Со станціи поѣздъ тронулся только въ первомъ часу ночи и медленно, нудно потянулся, часто останавливаясь; паровозъ пыхтѣлъ, шипѣлъ, свистѣлъ и на какомъ-то глухомъ полустанкѣ категорически отказался тащить дальше и комиссаровъ, и барышень, и всю ту безформенную массу, которая молчаливо, руками, ногами и головами сплелась въ одно многоголовое, хрипящее, стонущее и кашляющее чудовище.

Къ утру паръ въ паровозѣ поднялся, и поѣздъ потянулся, тяжело взбираясь на небольшой уклонъ... Только составъ большей своей частью перетянулся на спускъ, вагоновъ десять шаловливо съ трескомъ отдѣлились отъ состава и, развивая на бѣгу скорость, понеслись внизъ по уклону.

Часа черезъ два удалось составъ сцѣпить и ... поѣздъ все же дальше не пошелъ... Трубы въ паровозѣ дали такую течь, которая привела машиниста въ страшное негодованіе, и онъ наотрѣзъ отказался вести поѣздъ. Ближайшія депо, запрошенныя по телефону, отказались дать паровозъ, объясняя свой отказъ тѣмъ, что годныхъ къ поѣздкѣ паровозовъ нѣтъ. Все же къ вечеру былъ присланъ паровозъ, который вмѣстѣ съ прежнимъ паровозомъ, надрываясь, потащилъ составъ.

Въ Харьковъ насъ притащило на четвертый день ночью, и когда всѣ бросились къ выходу — раздались дикіе крики — «назадъ!.. всѣ назадъ!.. въ вагоны! Стрѣлять будемъ!»

Желѣзнодорожная Чека пожелала провѣрить документы пріѣхавшихъ и ничего другого не могла придумать, какъ загнать всю обалдѣвшую отъ четырехдневнаго пути массу обратно въ вагоны...

Плачъ, истерическіе возгласы, руготня, проклятья, дикіе, властные окрики «начальства» слились въ одинъ жуткій шумъ, утихшій только тогда, когда часа черезъ два, истерзанные, окровавленные люди, потерявъ свои послѣдніе котомки и мѣшки, снова забились въ вагоны...

«Выходи по одному!» — раздалась команда на перронѣ, и изъ каждаго вагона держа, бумаги въ рукѣ, стали выползать напуганныя существа...

Красноармеецъ, не просматривая бумагъ, пропускалъ мимо себя въ темнотѣ всѣхъ пріѣхавшихъ, и я тогда и теперь не понималъ и не понимаю, для чего же нужна была вся эта исторія, вся эта кошмарная процедура по обратному загону въ вагоны.

Тутъ же на вокзальной площади, поздней ночью, шелъ какой то уличный митингъ съ кинематографомъ, и на полотнѣ двигались какія то тѣни генераловъ, офицеровъ и страшно толстыхъ, сытыхъ людей...

Какой то человѣкъ, стоя на возвышенности, напрягая хриплый голосъ, что то выкрикивалъ и смѣшно жестикулировалъ...

У помѣщенія вокзала вся пріѣхавшая масса расположилась на мостовой и дружно-громкимъ храпомъ влилась въ общій шумъ митинговавшей толпы.

Къ утру двинулись въ городъ.

При всемъ моемъ колоссальномъ мандатѣ, мнѣ въ Харьковѣ совершенно нечего было дѣлать, и одна упорная, настойчивая мысль разжигала мозгъ;

«Впередъ... дальше... въ Москву!.. дальше... дальше!...»

Поплелся къ «бывшимъ» людямъ... Встрѣтилъ знакомыхъ актеровъ... Предлагали остаться въ какихъ то репертуарныхъ комиссіяхъ съ «пайкомъ»... Не подходитъ... Нужно двигаться къ Москвѣ... Оказалось, что изъ Харькова выбраться не такъ-то легко... При отходѣ поѣзда на Москву производится исключительно строгая провѣрка документовъ, и въ случаяхъ малѣйшаго сомнѣнія въ правдивости документовъ можно легко очутиться въ Особомъ Отдѣлѣ.

Къ несчастью, тогда же былъ изданъ законъ о лишеніи права на безплатный проѣздъ всѣхъ ѣдущихъ по командировочнымъ удостовѣреніямъ и о необходимости уплаты полной стоимости проѣзда учрежденіемъ, которое командируетъ своего сотрудника...

За сохранившійся у меня хорошій кожаный портфель какой то репортеръ «Коммуниста» взялся помочь мнѣ выѣхать изъ Харькова.

По улицамъ на столбахъ были расклеены большіе плакаты съ полнымъ описаніемъ процесса какой-то раскрытой Савинковской организаціи, и въ концѣ значились двѣнадцать фамилій приговоренныхъ къ разстрѣлу и, какъ гласилъ плакатъ, уже разстрѣлянныхъ.

На толкучемъ рынкѣ, недалеко отъ зданія Управленія Южныхъ дорогъ, происходила та же вакханалія съ продажей старыхъ и новыхъ тряпокъ, мебели, посуды. Возбужденные, голодные и злые люди вырывали другъ у друга какія-то кружевныя занавѣски, а собственница занавѣсокъ съ трудомъ поспѣвала за ними, съ страшной быстротой переходившими изъ рукъ въ руки... Какіе то подростки оттолкнули женщину, и спустя минуту она громко ревѣла, потерявъ свои занавѣски въ общемъ хаосѣ хватающихъ рукъ и говорящихъ людей...

Парень въ хорошей деревенской чумаркѣ купилъ у красноармейца новую пару сапогъ, гимнастерку и черные штаны... Уплативъ нѣсколько милліоновъ за все это добро, онъ торопливо выбрался изъ клокотавшей толпы и въ тихомъ переулкѣ былъ настигнутъ двумя красноармейцами...

«Что несешь?! Развѣ не знаешь, что за покупку военной аммуниціи — разстрѣлъ? Становись къ стѣнкѣ!»

Сапоги, штаны и гимнастерка были тотчасъ же отданы красномейцамъ, къ которымъ въ тотъ же мигъ присоединился продавшій парню «аммуницію»... Послѣ быстрой дѣлежки заработка, «аммуниція» снова вернулась на толчокъ для новаго и прибыльнаго оборота...

Центръ былъ поглощенъ работой по введенію въ жизнь декрета о товарообмѣнѣ...

На одномъ изъ митинговъ въ театрѣ Муссури выступилъ съ рѣчью тов. Раковскій, развивавшій мысль, что де теперь власть отказывается отъ системы разверстокъ и налоговъ, а пойдетъ къ крестьянству за хлѣбомъ, предлагая въ обмѣнъ необходимые крестьянамъ предметы деревенскаго обихода... Предполагалось по смыслу декрета установить какія то особыя таблицы пуда — желѣза и пуда — зерна, пуда — гвоздей и пуда — жировъ, и еще какія то страшно сложныя и запутанныя схемы пуда — овощей и аршина — мануфактуры...

Это мѣропріятіе, которое по мнѣнію всѣхъ совѣтскихъ экономистовъ должно было совершенно переродить всю совѣтскую прежнюю политику, въ дѣлѣ извлеченія хлѣба у крестьянъ, проводилось съ страшнымъ шумомъ, и воспаленному мозгу голодныхъ мелкихъ коммунистовъ казалось, что теперь то Ленинъ наконецъ нашелъ путь къ амбарамъ кулаковъ и «хлѣбъ — до сыта» не за горами.

Верхи коммунистическіе разжигали массу, и казалось, что дѣйствительно вопросъ выкачиванія у крестьянъ хлѣба разрѣшенъ чрезвычайно легко...

Послѣ доклада Раковскаго были открыты пренія, и понадобились выборы предсѣдателя... Митингъ шелъ подъ флагомъ «широкой безпартійной конференціи», и когда избраннымъ оказался какой то старый рабочій паровозостроительнаго завода, рабочій этотъ поднялся на сцену и отказался отъ чести быть предсѣдателемъ митинга, такъ какъ онъ, рабочій, — воръ и сегодня только вынесъ съ завода ручной сверлильный станокъ...

«И никакіе товарообмѣны намъ не помогутъ, а подыхать намъ всѣмъ, какъ псамъ смердячимъ, — потому мы всѣ воры и только валяемъ дурака!.. И самъ нашъ товарищъ Раковскій воръ!.. Потому какъ онъ ѣхалъ какъ-то, то взялъ въ вагонъ десять фунтовъ какао, да полъ пуда шеколаду, и ликеровъ... и вина...»

Поднялся шумъ... крики, свистъ...

Раковскій выступилъ съ оправдательнымъ объясненіемъ и сказалъ, что, дѣйствительно, когда онъ съ комиссіей выѣзжалъ на Украину, онъ выписалъ себѣ изъ Продорганова какао и шеколадъ, но не для себя одного, а для всѣхъ членовъ комиссіи...

И смѣшнымъ, и нелѣпымъ казался этотъ изящный человѣкъ, по мальчишески глупо оправдывавшійся въ томъ, что съѣлъ лишнюю плитку шеколаду.

Дѣло выдачи мнѣ пропуска и казенной оплаченной командировки въ Москву осложнилось, и мнѣ пришлось пустить въ ходъ сохранившуюся у меня старинную

трубку изъ морской пѣнки. Трубка была вручена какому-то члену коллегіи, и я получилъ проѣздные документы до Москвы, увѣряя, что въ Москвѣ только я смогу дѣйствительно быть полезнымъ власти, такъ какъ тамъ творится настоящее дѣло по поднятію хозяйственныхъ силъ страны.

Изъ Харькова отправлялось на Москву три поѣзда въ недѣлю, не считая особыхъ скорыхъ ВЦИКовскихъ поѣздовъ, которые почти ежедневно курсировали въ этихъ направленіяхъ.

Въ вагоны посадка производилась также послѣ провѣрки документовъ, и когда всѣ вагоны до отказа набились людьми, мѣшками и чемоданами, на перронѣ осталась огромная толпа, спокойно смотрѣвшая на процедуру съ провѣркой документовъ и заботливой посадкой въ вагоны уѣзжающихъ.

Когда посадка была закончена, мирно стоявшая на перронѣ толпа съ оглушительнымъ крикомъ бросилась къ вагонамъ и усаживалась на головахъ тѣхъ, которые ранѣе легально влѣзли въ вагоны...

Красноармейцы, подъ напоромъ толпы, ринулись подъ вагоны, и одинъ красноармеецъ, вброшенный толпой въ вагонъ, вытирая потное лицо, говорилъ:

«И каженный разъ такъ само выходить!.. Провыряють... провыряють, а посля спекуляція и береть!.. И увсе здря!»

Уже въ пути, когда трясущійся вагонъ утрамбовывалъ смѣшавшіяся тѣла въ одну неразрывную массу, кто то мнѣ басилъ въ ухо:

«Понимаете!.. Это все на насъ мѣшечники насѣли... Они гуртомъ даютъ на станціи чекистамъ нѣсколько лимончиковъ, а чекисты и позволяютъ имъ врываться въ вагоны безъ документовъ, безъ командировокъ и безъ билетовъ...»

Выйти изъ вагона не было никакой возможности и только благодаря тому, что на какихъ то переднихъ вагонахъ загорѣлись буксы и огонь обхватилъ дерево вагоновъ — всѣ бросились изъ вагоновъ и потомъ долго расправляли онѣмѣвшія руки и ноги.

Поврежденные вагоны пришлось выбросить изъ состава и къ намъ въ вагоны прибавилось еще сотни двѣ пассажировъ.

Мимо нашего поѣзда часто проносились комиссарскіе скорые поѣзда съ паровозами, имѣвшими топки, — передѣланныя на нефть.

Въ Курскѣ поѣздъ стоялъ восемь часовъ... и никто не рѣшался выйти изъ вагона, опасаясь встрѣчи съ какимъ нибудь начальствомъ, которое придерется къ документамъ и «сниметъ» съ поѣзда.

До Москвы мы плелись шесть дней, и на Рогожской заставѣ поѣздъ выбросилъ всѣхъ тѣхъ, которые съ такой поразительной выносливостью провели почти недѣлю въ грязномъ, душномъ и вонючемъ вагонѣ, безъ горячей воды, безъ мыла, безъ сна, а нерѣдко и безъ пищи...

Купленные мною въ Харьковѣ два фунта чернаго хлѣба, въ послѣднемъ ихъ крошечномъ сухарикѣ, были мною жадно проглочены по пути съ Рогожской заставы на Большую Дмитровку...

Та же Москва-рѣка, спокойно отражающая мягкіе лучи ранняго утренняго солнца... Тотъ же лѣсъ крестовъ, тянущихся къ небу; та же бойкая и оживленная Театральная площадь, а сама то Москва не та... и люди ходятъ по ней не тѣ, а какіе то новые, стремительные, кричащіе, чуждые спокойствія дремлющей Москвы-рѣки, величію мрачныхъ стѣнъ Кремля и всей недавней московской медлительности...

По Тверской, съ пѣніемъ какой то революціонной пѣсни на какомъ то гортанномъ и хрипящемъ языкѣ, потрясая красными знаменами, почти бѣгомъ проносится толпа подростковъ изъ Коммунистическаго Союза Молодежи...

Со всѣхъ угловъ назойливо лѣзутъ въ глаза, какъ недавніе Шустовскіе коньяки, конскія головы съ краткими надписями:

«Здѣсь продается конина» —

Величавымъ, печальнымъ и мрачнымъ гигантомъ одиноко стоитъ Храмъ Христа Спасителя, навѣвая величавыя воспоминанія о силѣ, могуществѣ и красотѣ большой и великой Россіи...

На заборахъ, стѣнахъ домовъ, всюду коммунистическія надписи...

Давно нѣтъ Деникина, безслѣдно погибъ Юденичъ, а вотъ тебѣ съ забора, надрываясь, кричитъ футуристически нарисованный человѣкъ:

«Всѣ на палача Деникина!..»

«Да здравствуетъ Красная Москва!..»

«Да здравствуетъ Красный Кремль!..»

И тутъ же изъ за угла аляповато исписанный заборъ:

«Смерть польской шляхтѣ!!»

«Ура! — Красной Варшавѣ!!»

И старымъ, давно забытымъ звучитъ призывъ на стѣнѣ какого-то гиганта-дома:

«Донбассъ — кочегарка міровой революціи!.. Всѣ на защиту Донбасса!!»

А рядомъ выдержки изъ коммунистическихъ изреченій:

«На развалинахъ стараго — построимъ новое!!»

«Мечемъ не мечь, а миръ несемъ мы міру!..»

«Кто не работаетъ, тотъ не ѣстъ!..» нахально выкрикиваетъ какой то оборвышъ, прикрѣпленный къ забору кистью совѣтскаго футуриста, предательски напоминая о голодѣ, такъ изнуряющемъ мозгъ.

* * *

Удивило меня очень то, что изъ Москвы въ Минскъ и обратно ежедневно курсируютъ по три поѣзда, приходящіе и отходящіе минута въ минуту по расписанію.

Чистый и просторный Александровскій вокзалъ былъ разукрашенъ портретами Ленина, Троцкаго, Маркса, Бухарина, Зиновьева, Луначарскаго.

Швейцаръ въ ливреѣ, съ блестящими пуговицами, носильщики съ мѣдными бляхами-номерами на бѣлыхъ фартукахъ, вода, свободно льющаяся изъ всѣхъ водопроводныхъ кранов, электрическія лампы, дававшія свѣтъ, парикмахерская при уборной вокзала — все какъ будто такъ, какъ было...

Но тутъ же, недалеко на площади, группа людей, говорившихъ на разныхъ языкахъ, но только не на русскомъ, съ ружьями на перевѣсъ продѣлывая какіе то ружейные пріемы и, закончивъ ученье, на непонятномъ языкѣ огласила площадь звуками «Интернаціонала».

Швейцаръ, узнавъ о моемъ намѣреніи пробраться въ Минскъ, довѣрчиво и намекающе улыбнулся и, взглянувъ на оравшую Интернаціоналъ группу, обратился ко мнѣ:

«Сколько ихъ тутъ по Москвѣ бродитъ!! Господи! И откуда нехристей столько въ Москвѣ то, никакъ ужъ не додумаюсь!.. День-деньской, и въ дождь, и въ морозъ горланятъ да поютъ... А всѣ то здоровые... сытые... Сапоги то какіе... Прошу посмотрѣть!..»

Мальчики были дѣйствительно хоть куда! Рослые, крѣпкіе, всѣ въ новомъ, по военному одѣтые, они твердо шагали по мостовой и по звучности голосовъ видно было, что для нихъ пайка не существуетъ, а кормежка идетъ во всю... на славу Зиновьевскаго Интернаціонала.

Сравнительно за небольшую сумму я былъ взятъ въ служебный вагонъ отходящаго въ послѣобѣденное время на Минскъ поѣзда съ гарантіей быть доставленнымъ въ городъ безъ всякихъ документовъ, пропусковъ и мандатовъ.

На вторыя сутки ровно въ восемь часовъ утра, поѣздъ остановился у разрушеннаго во время войны поляками Минскаго вокзала, а около девяти часовъ я жадно пилъ какую то мутную горячую жидкость — кофе съ сахариномъ, и возлѣ меня назойливо вертѣлся какой то, неопредѣленныхъ лѣтъ, человѣкъ, пытавшійся подъ разными предлогами со мной заговорить.

Чтобы помочь ему, я первый обратился къ нему и съ увѣреннымъ тономъ спросилъ:

«Скажите, товарищъ, гдѣ здѣсь помѣщается Паркомъ?»

Но вмѣсто отвѣта онъ, щуря глаза, улыбнулся и, приблизившись ко мнѣ, произнесъ:

«Вы развѣ коммунистъ?» – и выдержавъ короткую паузу, сказалъ:

«Я уже вижу, какой вы коммунистъ!»

И знакомство завязалось...

Долго водилъ онъ меня по узенькимъ кривымъ улицамъ уютнаго Минска, разсказывая о томъ, сколько онъ уже имѣлъ такихъ коммунистовъ, какъ я, какъ всѣ эти коммунисты очень любятъ совѣтскую власть, но всѣ они стремятся жить не въ самомъ Минскѣ, а такъ верстъ на сорокъ подальше...

И тономъ опытнаго ловца, угадывающаго матеріалъ для обработки, онъ на ходу какъ бы невзначай бросилъ:

«Если и вы хотите поселиться за Минскомъ, такъ я васъ познакомлю съ однимъ моимъ знакомымъ... который...»

Я его не дослушалъ...

На стѣнѣ деревянной лавки, прибитый мелкими гвоздями, висѣлъ списокъ фамилій, надъ которыми крупно выдѣлялись слова: «кого караетъ Чека».

На ходу глазомъ схватилъ я цифру «46»... Мой спутникъ потянулъ меня за собой и, оглянувшись назадъ, скороговоркой проговорилъ:

«У насъ здѣсь это не новость... Списокъ мѣняется каждый день... Но если увидятъ, что вы списокъ читаете, то васъ могутъ взять въ Чека и долго будутъ допрашивать о томъ, кого вы въ спискахъ ищете? Они всѣ говорятъ, что если среди вашихъ знакомыхъ нѣтъ враговъ совѣтской власти, то вамъ незачѣмъ интересоваться этими списками, а если вы интересуетесь и читаете списки, то кто нибудь изъ вашихъ близкихъ, родныхъ или знакомыхъ, или вы сами думаете попасть въ эти списки... Такъ мы всѣ, минчане, такъ списки эти и не читаемъ... Разстрѣливаютъ, — со вздохомъ добавилъ онъ, — каждый день по нѣсколько десятковъ человѣкъ!..»

Послѣ трехдневныхъ разговоровъ съ новымъ знакомымъ на разныя темы, онъ самъ какъ то открыто и просто затронулъ то, что для меня казалось невозможнымъ, страшнымъ и жуткимъ.

«Хорошо!..» съ первыхъ же моихъ словъ согласился онъ... Я вижу, что вы человѣкъ не богатый, даже не то, что не богатый, а, простите, бѣдный... Вы только возьмите у меня это письмо и какъ только переѣдете туда, отправьте по адресу въ Америку... Мнѣ ночью снилось, что вы это исполните, и дайте мнѣ всѣ ваши бумаги и вы будете тамъ...» «Петры» не помѣшаютъ и, если у васъ есть штукъ десять — дайте... хуже не будетъ!..»

* * *

Еще въ Харьковѣ старый опытный желѣзнодорожникъ, помогая мнѣ въ выборѣ маршрута на Минскъ, волнуясь и водя пальцемъ по картѣ, говорилъ:

«На Москву ѣхать надо... Никакихъ Бахмачей!.. Поѣдете на Москву, а оттуда имѣете по три поѣзда на день безъ пересадки до самаго Минска!..»

Все дѣло было въ томъ, что я не вѣрилъ старику тогда, когда онъ говорилъ о трехъ поѣздахъ на день, но оказалось, что сообщеніе Москвы съ Минскомъ шло въ лучшемъ видѣ...

И какъ Москва — столица Красной Россіи — въ такой же степени Минскъ — столица Красной Бѣлоруссіи, и въ послѣднемъ случаѣ носители верховной власти Красной Бѣлоруссіи, страдаютъ отъ полнаго непризнанія ихъ упрямыми минчанами.

Въ Минскѣ существуютъ свои особые и будто вполнѣ самостоятельные Народные Комиссаріаты Юстиціи, Финансовъ, Продовольствія, Путей Сообщенія, Почтъ и Телеграфовъ, Внутреннихъ дѣлъ, Соціальнаго Обезпеченія, Народнаго Труда, Иностранныхъ дѣлъ, и еще рядъ тѣхъ же Народныхъ Комиссаріатовъ, которые густо разсыпаны въ Москвѣ и въ Харьковѣ, какъ въ столицѣ Украины.

Когда съ одного изъ моихъ документовъ понадобилось снять и завѣрить оффиціальную копію, меня направили къ Наркому Юстиціи!

«Позвольте!.. При чемъ же здѣсь Народный Комиссаръ Юстиціи всей вашей Бѣлорусской Республики, когда мнѣ нужно только удостовѣрить копію?!»

«Вотъ для этого то мы васъ и направляемъ къ Наркому Юстиціи!.. Идите и не теряйте времени!..» поторопили меня мои собесѣдники...

На большомъ домѣ висѣла маленькая вывѣска, на которой краснымъ по бѣлому было написано: «Б. С. Ф. С. Р. Народный Комиссаріатъ Юстиціи»... И совсѣмъ мелкимъ, еле читаемымъ шрифтомъ, подъ серпомъ и молотомъ, было нацарапано: «Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь».

Въ этомъ же домѣ помѣщался Верховный Революціонный Трибуналъ Бѣлорусской Республики, Народный Слѣдователь, Народный Судья...

И въ тѣ дни, когда шло засѣданіе въ Трибуналѣ, совершенно бездѣйствовалъ Народный Судья, а когда Народный Судья разсматривалъ какое нибудь дѣло объ оскорбленіи Бѣлорусской Республики, безъ работы сидѣлъ весь Трибуналъ. И въ Верховномъ Трибуналѣ, и въ засѣданіяхъ Народнаго Судьи участвовали одни и тѣ же лица, и дѣятельность ихъ протекала въ условіяхъ полной другъ отъ друга зависимости.

Въ мѣстной газетѣ Предсѣдатель Народныхъ Комиссаровъ Бѣлоруссіи велъ какую то ожесточенную полемику съ самимъ Ленинымъ, подчеркивая, что Народные Комиссары Р. С. Ф. С. Р. мало удѣляютъ вниманія благополучію окраинныхъ совѣтскихъ республикъ, и угрожалъ полнымъ отдѣленіемъ Бѣлорусской Республики отъ Р. С. Ф. С. Р.

Народный Комиссаръ по сношенію съ иностранными государствами писалъ колоссальныя статьи о невыгодности Рижскаго договора для рабочихъ и крестьянъ Совѣтской Бѣлоруссіи, и требовалъ пересмотра всѣхъ пунктовъ мирнаго договора.

«Довольно быть намъ въ зависимости отъ хорошаго настроенія товарища Наркома Финансовъ Р. С. Ф. С. Р! Пора намъ обзавестись собственной платежной единицей!» съ пѣной у рта выкрикивалъ Народный Комиссаръ Финансовъ Бѣлорусской республики, выступая на митингахъ.

А населеніе и граждане, въ виду близости границы, кое какъ добывавшіе себѣ на пропитаніе, открыто смѣялись надъ всѣми своими Народными Комиссарами, и Народный Судья, онъ же замѣститель Народнаго Комиссара Юстиціи, стоналъ подъ тяжестью валившихся на него дѣлъ по обвиненію гражданъ въ оскорбленіи Бѣлорусской Республики.

Когда стали циркулировать слухи о миролюбивомъ отходѣ Минска къ полякамъ, — Наркомъ по сношеніямъ съ иностранными государствами громомъ и молніей обрушился на эластичную политику и уступчивость Москвы, и въ скверненькой, небрежно набранной статьѣ призывалъ весь пролетаріатъ Бѣлоруссіи поднять голосъ въ защиту коммунистической Совѣтской Бѣлоруссіи...

Весь пролетаріатъ Бѣлоруссіи—человѣкъ сорокъ подростковъ, до большевиковъ работавшихъ на уксусномъ и чернильномъ заводахъ, – а такъ какъ сейчасъ, въ виду отсутствія сырья, заводы эти бездѣйствуютъ, то и пролетаріатъ шатается по городу, — отъ вечера до ночи, болѣе или менѣе удачно въ ту или другую сторону перебрасывая контрабанду...

Бѣлоруссія со всѣми ея страшно умными и исторически великими Народными Комиссарами — это Минскъ и какіе то два уѣзда, прилегающіе къ Минску, отходятъ не то къ Польшѣ, не то къ Р. С. Ф. С. Р.

Но это нисколько не удерживаетъ Наркомфина отъ разрабатыванія проектовъ введенія собственныхъ кредитныхъ билетовъ, а Комиссара по сношеніямъ съ иностранными государствами — отъ яростныхъ нападокъ на французскій парламентъ за открытую поддержку Польши...

Чекисты и «особисты», мальчики изъ Особаго Отдѣла, имѣютъ въ Минскѣ постоянный и вѣрный заработокъ.

Сегодня чекисты приходятъ къ соглашенію съ какой нибудь буржуазной семьей о содѣйствіи ей при переходѣ границы, подсказываютъ семьѣ, куда надежнѣе

прятать цѣнности, а на другой день предъ самымъ выходомъ изъ квартиры Особисты арестовываютъ всю семью, и спрятанныя цѣнности безшумно тонутъ въ глубокихъ и просторныхъ карманахъ галифэ юныхъ Особистовъ...

А потомъ Особисты соглашаются переправить черезъ границу какого нибудь дорвавшагося до Минска буржуя, а съ обыскомъ приходятъ уже Чекисты...

Жизнь течетъ... стремящихся по ту сторону кордона много, и Чекисты, и Особисты безпечно трудятся, имѣя постоянный и вѣрный заработокъ...

* * *

Когда темной ночью нашъ бѣженскій поѣздъ тихо двигался отъ Минска къ польской границѣ, какъ то не вѣрилось, что скоро списки разстрѣлянныхъ и всѣ совѣтскіе кошмары останутся позади... Мозгъ не принималъ того, что не будетъ Чеки, не будетъ разстрѣловъ, не будетъ разнузданнаго, кроваваго хамства и кровью залитыхъ подваловъ...

И когда на самой польской границѣ поѣздъ былъ остановленъ и было приказано всѣмъ выйти изъ вагоновъ, захвативъ съ собой вещи, я рѣшилъ, что вотъ тутъ то и конецъ: «Вотъ тутъ то и отведутъ въ стоявшій неподалеку молодой сосновый лѣсъ, поставятъ къ прямой соснѣ и скажутъ: «Въ Польшу захотѣлъ? Бѣжать вздумалъ?! Къ Савинкову! къ Пилсудскому?!... Къ врагамъ коммунистической республики?! Такъ вотъ тебѣ!»... и наганъ быстро сдѣлаетъ свое кровавое дѣло.

Но нервы и мозгъ слишкомъ разыгрались... Насъ выстроили въ рядъ и потребовали документы... У всего поѣзда были одинаковые документы, выданные Бѣлорусскимъ Главэвакомъ... Провѣрка документовъ прошла довольно гладко... Приступили къ обыску и провѣркѣ вещей.

«Валюта есть?» спросилъ меня одинъ изъ чекистовъ.

Я, стараясь быть спокойнымъ, вынулъ и показалъ ему все, что у меня было – восемь тысячъ совѣтскихъ рублей.

Онъ какъ-то кисло улыбнулся и сказалъ:

«Чѣмъ же вы будете жить въ Польшѣ? Вѣдь на восемь тысячъ вы и здѣсь умрете съ голоду, а въ Польшѣ это даже не восемь марокъ...»

И секунду помолчавъ, онъ прищурилъ глаза и, хитро улыбаясь, приниженнымъ голосомъ сказалъ:

«Караты везете?» и не давъ мнѣ произнести ни одного звука, бросилъ:

«Слѣдуйте за мной!»

Въ головѣ зашумѣлъ какой то страшный вихрь... Ноги подкашивались и хотя у меня не только каратовъ, но и лишней рубахи не было, я въ смертельномъ страхѣ поплелся за чекистомъ...

Въ небольшой комнаткѣ я увидѣлъ нѣсколько голыхъ мужчинъ, и сразу стало какъ то легче...

«Значитъ, успокаивала нервно трепетавшая мысль, не тебя, какъ убѣгающаго!. не тебя, какъ саботажника, не тебя, по телеграфному распоряженію, а еще какихъ то людей... еще какихъ то обреченныхъ!.. А неужели же разстрѣлъ.»

Но чекисты, заставивъ меня раздѣться до нага, потребовали у меня все мое бѣлье, платье, ботинки, и я остался совершенно «безъ ничего».

Только часъ спустя сердитый красноармеецъ швырнулъ мнѣ какую то-кучку тряпокъ, среди которыхъ я узналъ свой пиджакъ, распоротый по всѣмъ швамъ, свои брюки, перенесшіе тяжелую хирургическую операцію, и ботинки, на которыхъ безжизненно свисали совершенно оторванныя подметки и каблуки, кое какъ привязанные веревкой.

Чекисты искали караты...

Напяливъ на себя выданную мнѣ рвань, я быстро выбѣжалъ изъ маленькой, душной комнаты и услышалъ торопливые возгласы красноармейцевъ и чекистовъ:

«Эй вы, гады контръ-революціонные, скорѣе садитесь въ вагоны... сейчасъ къ Пилсудскому повеземъ!..»

Всѣ бросились къ вагонамъ, торопливо бросая въ вагоны мѣшки съ вещами...

Паровозъ глухо свистнулъ и поѣздъ медленно тронулся...

Двери и окна вагоновъ были наглухо закрыты.

Медленно, черепашьимъ шагомъ, тянулся паровозъ; жуткія сумерки пугающе проникли въ вагонъ; сдерживая дыханье, сидѣли люди и не вѣрили, что еще часъ... еще два, и все страшное, умомъ непостижимое, останется позади.

Въ тягучемъ ползаніи вагоновъ чувствовалось нежеланіе Краснаго Кошмара выпустить живыми изъ своихъ лапъ нѣсколько сотъ человѣкъ...

Вагоны все же ползли... разстояніе все уменьшалось и кошмарныя мысли прервалъ сильный толчекъ вагоновъ...

Поѣздъ остановился...

«Выходи!..» раздались въ темнотѣ ночи громкіе крики...

У самой польской границы съ поѣзда сошли всѣ красноармейцы и чекисты, и черезъ границу поѣздъ двинулся съ машинистомъ и комендантомъ поѣзда...

Мелькнулъ передъ глазами въ свѣтѣ слабо освѣщеннаго окна красноармеецъ съ винтовкой, и какіе то размѣренные, настойчивые и густые стуки приближались къ слуху.

Все громче и слышнѣе становились стуки...

Вдали показались яркіе огоньки... и мимо вагона проскользнула электрическая станція, въ которой задорно и бойко работалъ моторъ...

«Жизнь!»... запѣло въ мозгу...

«Спасены!»... восторженнымъ эхомъ пронеслось по вагонамъ...

И обильно полились слезы, какъ бы смывая недавніе ужасы, кошмары и страданія.

Берлинъ, 20 Іюля 1922 г.

Эпизодъ изъ эвакуаціи Новороссійска

Н. Каринскаго

Въ началѣ 1920 года, хотя Добровольческая Армія Юга Россіи и казаки, откатившись отъ Курска и Харькова и очистивъ Ростовъ, остановились за Дономъ и успѣшно отражали атаки красныхъ, все же чувствовалась и общая растерянность команднаго состава, и слабость только что образованнаго Южно-Русскаго Правительства.

Въ это время я былъ назначенъ Начальникомъ Черноморской губерніи, а вскорѣ затѣмъ на меня было возложено и управленіе Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Южно-Русскаго Правительства.

Послѣднее назначеніе при наличіи Министра Внутреннихъ Дѣлъ В. Ф. Зеелера объяснялось тѣмъ, что Южно-Русское Правительство должно было находиться въ Екатеринодарѣ, гдѣ была ставка Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югѣ Россіи, а Министерства со всѣмъ служебнымъ аппаратомъ, архивами и т. д. были эвакуированы изъ Ростова въ Новороссійскъ, губернскій городъ Черноморской губерніи.

Принимая оба назначенія, я понималъ, что дѣло Добровольческой Арміи почти безнадежно, но видя бѣгство многихъ, стоящихъ во главѣ гражданскаго управленія, я считалъ, что при такихъ условіяхъ все и всѣ будутъ брошены на произволъ судьбы.

Такъ что на свое назначеніе я смотрѣлъ, главнымъ образомъ, какъ на способъ спасти хотя бы нѣсколько тысячъ людей и вывезти ихъ изъ Новороссійска.

Когда я переѣхалъ изъ Екатеринодара въ Новороссійскъ, то увидалъ, что дѣло обстоитъ значительно хуже, чѣмъ я предполагалъ.

Деморализація среди чиновъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (да и другихъ тоже) была полная. Тяга за границу была сильнѣйшая, и я первое время былъ занятъ въ значительной степени тѣмъ, что увольнялъ согласно прошеніямъ чиновниковъ, оставлявшихъ одинъ за другимъ подъ разными предлогами свои посты. Я рѣшилъ, что съ этимъ матеріаломъ, охваченнымъ безумной паникой, все равно никакого дѣла не сдѣлаешь. Лицъ же, занимавшихъ такія должности, которыя смѣнить въ такое время было нельзя безъ ущерба для дѣла (какъ напримѣръ Завѣдующаго Эвакуаціей и. д. Губернатора С. Д. Тверского) я всячески уговаривалъ остаться.

Любопытный разговоръ былъ у меня съ упомянутымъ С. Д. Тверскимъ, бывшимъ въ то время Помощниковъ Главноначальствующаго по гражданской части и и. д. Губернатора.

Дѣло въ томъ, что Начальникъ Черноморской губерніи получилъ по закону права Главноначальствующаго и при немъ было создано двѣ должности Помощниковъ Начальника Губерніи (одна для Управленія губерніей, другая для завѣдыванія эвакуаціей) и 4 должности чиновниковъ особыхъ порученій.

Сдѣлано это было по моему настоянію, такъ какъ мнѣ приходилось и управлять Министерствомъ и губерніей, и завѣдывать эвакуаціей. Положиться же на старый составъ въ виду его паническаго настроенія я не могъ, и хотѣлъ имѣть около себя людей безстрашныхъ, на которыхъ я могъ бы положиться.

Такими людьми были М. П. Шаповаленко, бывшій Товарищъ Прокурора Крымской Судебной Палаты, работавшій со мною въ Крыму, гдѣ я былъ Прокуроромъ Палаты, и С. И. Тельпуговъ, Товарищъ Прокурора Московской Судебной Палаты.

Первый принялъ на себя управленіе губерніей, а второй ближайшее завѣдываніе текущей работой Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ качествѣ Члена Совѣта М. В. Д.

С. Д. Тверской по своей должности завѣдывалъ эвакуаціей.

Я предложилъ ему остаться на своемъ посту, такъ какъ находилъ, что въ такой серьезный моментъ нельзя мѣнять людей, ведущихъ столь отвѣтственную работу и уже знакомыхъ съ нею. Должность же Помощника Начальника губерніи съ правами Главноначальствующаго и Помощника Главноначальствующаго, которую занималъ С. Д. Тверской, были въ служебномъ отношеніи равноцѣнны.

Тверской категорически отказался. Я, заявилъ онъ мнѣ, не могу служить при лѣвомъ Министерствѣ, по существу ничего не имѣя противъ того, чтобы служить съ Вами.

Послѣ моихъ настояній, послѣ указаній на невозможность «перепрягать лошадей по серединѣ брода» С. Д. Тверской согласился продолжать завѣдывать эвакуаціей до конца, но съ тѣмъ, чтобы формально во главѣ ея была постановлено другое лицо, которое подписывало бы нужныя бумаги и завѣдывало частью эвакуаціи (кажется, эвакуаціей въ Сербію).

Такимъ лицомъ былъ мной назначенъ на правахъ моего помощника С. Л. Флокъ, энергичный и самоотверженный человѣкъ.

Впрочемъ, С. Д. Тверской не сдержалъ своего слова остаться до конца эвакуаціи и завѣдывать ею, хотя ему ничто не угрожало, такъ какъ въ то время въ моемъ распоряженіи уже былъ особый для всѣхъ чиновъ Министерствъ пароходъ «Віолетта», о чемъ будетъ разсказано ниже.

Отъѣздъ С. Д. Тверского былъ въ сущности бѣгствомъ, и точно также поступили еще два полковника Центральнаго Управленія Государственной Стражи, фамиліи которыхъ я запамятовалъ.

Бѣгство С. Д. Тверского произошло такъ. Однажды, придя на службу, я увидалъ передъ кабинетомъ Тверского большую толпу желавшихъ эвакуироваться, находившуюся въ сильномъ возбужденіи.

На мой вопросъ, въ чемъ дѣло, мнѣ отвѣтили, что кабинетъ Тверского запертъ, нѣтъ ни одного чиновника изъ его служебнаго персонала и что по ихъ свѣдѣніямъ Тверской бѣжалъ.

Я не могъ повѣрить этому и послалъ разыскивать Тверского, назначивъ ожидавшимъ его придти на другой день.

Разыскать Тверского оказалось невозможно, но въ обѣденный перерывъ, зайдя обѣдать въ ресторанъ, я увидалъ его въ ресторанѣ.

– Сергѣй Димитріевичъ, спросилъ я его, что это значитъ? Вашъ кабинетъ запертъ, ни Васъ, ни чиновниковъ не было, просители волнуются, говорятъ даже, что Вы бѣжали.

– Какъ видите, ничего подобнаго. Я, какъ обѣщалъ, останусь до конца эвакуаціи. Я поѣхалъ переговорить съ англичанами въ портъ, а чиновники, очевидно, воспользовались моимъ отсутствіемъ и разошлись. Что дѣлать, дисциплина пала.

На этомъ разговоръ окончился.

Каково же было мое изумленіе, когда въ тотъ же день, часовъ въ 10–11 вечера, ко мнѣ на квартиру пришелъ растерянный Тверской со словами:

– Николай Сергѣевичъ, моя судьба въ Вашихъ рукахъ.

– Что такое, что случилось?

– Видите ли, сегодня ночью или завтра рано утромъ (не помню хорошо) отходитъ пароходъ «Св. Николай», на которомъ я уѣзжаю. Я былъ у Командующаго Войсками (б. Главноначальствующаго) генералъ-лейтенанта Макѣева, но онъ отказался меня отпустить безъ Вашего согласія.

Я былъ пораженъ.

– Да, вѣдь, Вы, Сергѣй Димитріевичъ, сегодня, только что, во время обѣда говорили мнѣ, что Вы, какъ дали слово, останетесь до конца эвакуаціи. Успокойтесь, Вамъ ничего не угрожаетъ, въ моемъ распоряженіи «Віолетта», и Вы всегда успѣете выѣхать. Какъ же можно бросить дѣло?

Но Тверской продолжалъ просить, чтобы я выдалъ ему удостовѣреніе, что не имѣю препятствій къ его отъѣзду.

– Очень имѣю. Не говоря уже о брошенной на произволъ судьбы работѣ по эвакуаціи, Вы не сдали даже денежнаго отчета по губерніи, какъ и. д. Черноморскаго Губернатора.

– Отчетъ со мной, заявилъ Сергѣй Димитріевичъ, я сейчасъ его сдамъ.

– Я не могу его принять въ одну минуту. Вообще его нужно сдать С. Л. Флоку или М. П. Шаповаленко, а не мнѣ лично.

Тогда Тверской сталъ просить присутствующаго у меня С. Л. Флока принять отчетъ.

Флокъ категорически отказался принятъ отчетъ ночью безъ провѣрки.

Тверской всталъ, озлобленный.

– Такъ, Николай Сергѣевичъ, не дадите удостовѣренія?

– Не могу, С. Д.

Мы разстались крайне холодно.

Черезъ часъ звонокъ по телефону Командующаго Арміей генералъ-лейтенанта Макѣева.

– Николай Сергѣевичъ, что Вы сдѣлали съ Тверскимъ?

– Я не далъ ему удостовѣренія, онъ не только бросилъ работу, не передавъ ее другому лицу и не сдѣлавъ никакихъ указаній, но даже не сдалъ денежныхъ суммъ по должности Губернатора.

– Смотрите, Николай Сергѣевичъ, вѣдь Тверской сбѣжитъ, сказалъ мнѣ Макѣевъ, не арестовать ли его?

– Ну, что Вы! Я не допускаю мысли, чтобы бывшій Прокуроръ Суда сбѣжалъ такимъ образомъ.

– Ну, смотрите.

На слѣдующее утро намъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Тверской, дѣйствительно, «сбѣжалъ» на пароходѣ въ ту же ночь.

По произведенному дознанію выяснилось, что С. Д. взошелъ на пароходъ легко

пропущенный контръ-развѣдкою, которая продолжала считать его Губернаторомъ. Были также показанія, что по просьбѣ его пароходъ отошелъ на 2 часа раньше назначеннаго срока.

На утро сюрпризъ:

Является ко мнѣ развязный юноша и приноситъ кучу квитанцій, счетовъ и т. д. и нѣсколько сотъ рублей.

– Это квитанціи и счета Тверского, онъ, уѣзжая, приказалъ мнѣ передать ихъ Вамъ.

– А Вы кто?

– А я секретарь Тверского, но на службѣ не состою. Вотъ бумага, что я уволенъ С. Д. Тверскимъ согласно прошенія.

Пришлось о происшедшемъ составить протоколъ.

А далѣе сюрпризъ за сюрпризомъ. Явились подрядчики, требуя деньги за заказы, сдѣланныя Тверскимъ по должности. Одинъ требовалъ 300,000 рублей, а въ кассѣ всего нѣсколько сотъ.

Бумаги по эвакуаціи, списки эвакуируемыхъ оказались въ полнѣйшемъ безпорядкѣ, и С. Л. Флоку пришлось сидѣть дни и ночи, чтобы какъ нибудь поправить дѣло и не задержать эвакуаціи населенія.

Черезъ день послѣ отъѣзда Тверского я заѣхалъ къ Министру Финансовъ М. В. Бернацкому, прося выдать мнѣ деньги на расходы по эвакуаціи.

Бернацкій удивился: Вѣдь Тверскому я выдалъ нѣсколько милліоновъ на эвакуацію. Гдѣ они, гдѣ отчетъ?

Вотъ такъ штука.

Когда я подалъ рапортъ Главнокомандующему А. И. Деникину относительно Тверского и двухъ полковниковъ, сбѣжавшихъ также безъ разрѣшенія (такой же рапортъ былъ поданъ, кажется, и Командующимъ Черноморской Арміей), А. И. Деникинъ возмутился и далъ приказъ по радіотелеграфу въ Константинополь задержать Тверского и доставить его обратно въ Новороссійскъ.

Такой же приказъ былъ и относительно обоихъ полковниковъ.

Результата этотъ приказъ не имѣлъ и не помѣшалъ С. Д. Тверскому впослѣдствіи при генерлѣ Врангелѣ получить въ Крыму мѣсто Управляющаго Вѣдомствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Возвращаюсь къ разсказу.

Я видѣлъ, что паническое настроеніе чиновниковъ нельзя остановить и чувствовалъ также, что работа Министерства, губернскихъ властей и государственной стражи идетъ не какъ слѣдуетъ изъ-за той же паники и боязни остаться не эвакуированными.

Долженъ сказать, что паникѣ не менѣе гражданскихъ чиновъ были подвержены и военные.

Такъ, Командующій Черноморской Арміей генералъ-лейтенантъ Макѣевъ, которому я разсказалъ о настроеніяхъ среди гражданскихъ чиновъ, отвѣтилъ: да и у меня то же самое. Всѣ бѣгутъ и скоро я останусь одинъ.

Надо сознаться, что гражданскіе чины имѣли основаніе бояться, что ихъ не эвакуируютъ, памятуя, какъ проходила эвакуація Харькова, Курска, Ростова, когда гражданскіе чины извѣщались въ самую послѣднюю минуту и должны были заботиться сами о себѣ, чтобы не быть брошенными и оставленными не любившимъ шутить большевикамъ.

Чтобы не остаться безъ чиновниковъ и безъ государственной стражи, я обратился къ Правительству съ просьбой предоставить спеціально для служащихъ во всѣхъ Министерствахъ какой либо большой пароходъ на случай эвакуаціи. Тогда,

писалъ я, всѣ будутъ знать, что они не будутъ брошены въ случаѣ краха и будутъ вмѣстѣ съ семьями вывезены изъ Новороссійска. Какъ на подходящій пароходъ, я указалъ на большой транспортъ «Віолетту», могущій вмѣстить всѣхъ чиновъ всѣхъ Министерствъ и другихъ лицъ неслужащихъ, но которымъ по ихъ дѣятельности грозила опасность въ случаѣ прихода большевиковъ.

«Віолетта» имѣла пробоину, чинить которую было негдѣ, и была предоставлена Министерству Путей Сообщенія, такъ какъ желѣзнодорожники взялись ее починить, разсчитывая, что въ случаѣ, если имъ это удастся, они смогутъ вывезти себя и свои семьи. Эта надежда давала имъ возможность самоотверженно работать на своихъ мѣстахъ, не боясь приближенія непріятеля.

Въ отвѣтъ на свое ходатайство я получилъ отъ Министра Путей Сообщенія Звѣрева телеграмму, направленную также Начальнику Морского Транспорта генералъ-майору Ермакову, въ которой Министръ извѣщалъ, что согласно постановленія Южно-Русскаго Правительства транспортъ «Віолетта» предназначается для перевозки всѣхъ Министерствъ и поступаетъ въ распоряженіе Начальника Черноморской губерніи.

Получивъ эту телеграмму, я отправилъ на «Віолетту» своихъ чиновниковъ особыхъ порученій инженера Черникова и Г. И. Царика, чтобы они осмотрѣли пароходъ, выяснили степень его готовности, количество мѣстъ и груза, который возможно погрузить и т. д.

Г. И. Царикъ, артиллерійскій офицеръ, долженъ былъ кромѣ того остаться на пароходѣ въ качествѣ коменданта или распорядителя отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, завѣдующаго охраной парохода, въ его распоряженіе поступала также организованная для охраны парохода команда.

Оба чиновника, однако, не были допущены на пароходъ, такъ какъ по заявленію коменданта или капитана парохода «Віолетта» онъ обязанъ подчиняться лишь приказанію генералъ-майора Ермакова, отъ котораго никакихъ распоряженій не поступало.

Моя бумага Ермакову не оказала никакого дѣйствія. Объясненія съ Ермаковымъ моихъ помощниковъ также не привели ни къ какому результату.

Только недѣли черезъ полторы-двѣ, когда Южно-Русское Правительство переѣхало въ Новороссійскъ, удалось настоять, чтобы генералъ Ермаковъ отдалъ необходимый приказъ.

На пароходѣ помѣстился Г. И. Царикъ во главѣ охраны, а инженеръ Черниковъ, потерявъ даромъ эти полторы-двѣ недѣли, спѣшно занялся устройствомъ необходимыхъ приспособленій, чтобы дать хоть какія нибудь самыя примитивныя удобства будущимъ пассажирамъ «Віолетты».

Что генералъ-майоръ Ермаковъ всячески тормозилъ передачу «Віолетты» въ распоряженіе Начальника Черноморской губерніи мнѣ было понятно, тамъ преслѣдовались свои цѣли.

Но было совершенно непонятно, почему этой передачей были недовольны высшіе чины путейскаго вѣдомства, съ которыми мнѣ пришлось имѣть крупное объясненіе.

Они хотѣли и настаивали, чтобы я передалъ распоряженіе «Віолеттой» исключительно имъ и очень были недовольны, когда я отказалъ имъ въ этомъ, указавъ, что разъ я несу отвѣтственность за дѣло, то и не могу передать ее хотя бы въ порядкѣ подчиненности людямъ, мнѣ незнакомымъ.

Справедливость требуетъ сказать, что когда эвакуація закончилась, и мы были уже въ Феодосіи, тѣ же путейцы явились ко мнѣ и благодарили меня за все сдѣланное по эвакуаціи.

Въ послѣдніе дни эвакуаціи и въ особенности теперь, оглядываясь назадъ, говорили они, мы видимъ, что только благодаря Вамъ мы были вывезены, иначе мы не были бы взяты на пароходъ.

Привожу эти слова не для своего восхваленія, но чтобы показать, какова была обстановка въ то время въ Новороссійскѣ.

Одновременно съ командировкой Черникова и Царика мною было образовано совѣщаніе изъ представителей всѣхъ Министерствъ подъ предсѣдательствомъ Члена Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ С. П. Тельпугова для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ порядкомъ эвакуаціи на «Віолеттѣ» и для оповѣщенія Министерствъ о времени погрузки и посадки.

Когда по моимъ свѣдѣніямъ положеніе Новороссійска сдѣлалось угрожаемымъ, я обратился къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ Зеелеру и Предсѣдателю Совѣта Министровъ Мельникозу съ просьбой разрѣшить начать погрузку имущества Министерствъ и посадку семей на пароходъ «Віолетту».

На представленіе ихъ по этому поводу послѣдовалъ отказъ, такъ какъ Главнокомандующій нашелъ, что это вызоветъ большую панику.

Правда, этотъ отказъ вызывалъ большое недоумѣніе. Паника и такъ была и вызывалась положеніемъ на фронтѣ и нахлынувшими въ городъ воинскими частями, которые самоуправничали на улицахъ города, производили самочинные наборы, обыски и поборы, буйствовали, а, главное, подыскивали себѣ пароходы для отъѣзда.

Но какъ ни ясно было, что огромное имущество вѣдомствъ, своевременно не погруженное, останется краснымъ, какъ это было въ другихъ городахъ при безчисленныхъ эвакуаціяхъ, приходилось повиноваться прямому приказу А. И. Деникина.

8 марта вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ С. П. Тельпугова было назначено обычное эвакуаціонное совѣщаніе представителей всѣхъ Министерствъ, которые очень нервничали, видя, что каждый часъ промедленія можетъ погубить дѣло эвакуаціи имущества вѣдомствъ. Особенно опасались за машины Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ (которые такъ и не были вывезены). Большое имущество было у Министерства Торговли, какъ и у другихъ Министерствъ.

Пріѣхавъ отъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ на это совѣщаніе, я объявилъ, что Главнокомандующій отказалъ въ разрѣшеніи начать погрузку, но отъ себя добавилъ, что по моимъ свѣдѣніямъ, положеніе очень серьезное и Министерства должны быть готовы эвакуироваться каждую минуту.

Въ ту же ночь я былъ вызванъ въ Совѣтъ Министровъ, гдѣ мнѣ было объявлено Предсѣдателемъ Южно-Русскаго Правительства, что положеніе катастрофическое, и Главнокомандующій потребовалъ, чтобы Министры немедленно уѣзжали въ Севастополь на пароходѣ (кажется, «Бургомистръ Шредеръ»), отходящемъ утромъ.

Я же долженъ остаться и озаботиться немедленной погрузкой Министерствъ на «Віолетту».

Правда, добавили Министры, пароходъ, какъ говорятъ, захваченъ силою какой то гвардейской частью, но она «будетъ выбита».

Вообще же, по словамъ Министровъ, въ моемъ распоряженіи имѣлось всего два-три дня.

Вернувшись домой подъ утро и недоумѣвая, какъ я буду грузить на пароходъ, захваченный гвардейцами, и съ помощью какихъ силъ при общей разнузданности войскъ, не признающихъ никакого начальства, удастся «выбить» гвардейцевъ, я отправился на пароходъ узнать въ чемъ дѣло.

Оказалось, что дѣйствительно около 200 гвардейцевъ ворвались на пароходъ, но благодаря такту Г. И. Царика, командующаго охраной парохода, удалось придать этому видъ недоразумѣнія. Мало того, Царикъ включилъ эту часть въ свою охрану и разставилъ пикетами по пристани; и гвардейцы очень ревностно исполняли свои новыя обязанности, не допуская самовольной посадки на пароходъ своихъ товарищей-дезертировъ.

Въ тотъ же день утромъ я отправился съ докладомъ къ А. И. Деникину.

«Віолетта» можетъ идти, сказалъ мнѣ Главнокомандующій, но Вы, какъ Начальникъ губерніи, должны остаться до послѣдняго момента.

На это я указалъ, что въ виду введенія осаднаго положенія у меня нѣтъ никакой власти и никакого аппарата, ибо всѣ дѣла и государственная стража съ момента введенія осаднаго положенія подчинены Командующему войсками.

– Остаться я могу до послѣдняго момента, – сказалъ я при этомъ, но на чемъ я выѣду, если уйдетъ «Віолетта». Можетъ быть Вы дадите мнѣ мѣсто на своемъ миноносцѣ?

– У меня нѣтъ свободныхъ мѣстъ, рѣзко отвѣтилъ А. И. Можете уѣзжать на «Віолеттѣ».

Я откланялся; по дорогѣ заѣхалъ къ Командующему войсками генералъ-лейтенанту Макѣеву и разсказалъ ему и о распоряженіи Правительства относительно «Віолетты», и о моемъ разговорѣ съ А. И. Деникинымъ.

– Конечно, уѣзжайте съ «Віолеттой», – сказалъ мнѣ Макѣевъ, – иначе Васъ оставятъ здѣсь. А что касается работы, то во первыхъ, у Васъ ея и нѣтъ, а во вторахъ, и у меня не осталось помощниковъ, всѣ бѣжали, распоряжаюсь я только самъ собой. Больше дѣлаю видъ. Совѣтую скорѣе уѣзжать и вывозить кого нужно.

Разстались мы очень сердечно и я поѣхалъ распорядиться на счетъ эвакуаціи.

Погрузка началась 9 марта утромъ, но за отсутствіемъ средствъ передвиженія и огромной толпы бѣженцевъ, запрудившихъ всѣ улицы, удалось доставить къ пароходу только небольшую часть имущества Министерствъ.

10 марта я распорядился начать одновременно съ погрузкой и посадку людей, несмотря на протесты капитана «Віолетты», который доказывалъ невозможность одновременно грузить имущество и людей.

Отходъ парохода я назначилъ на 11 марта, предполагая, что посадка трехъ-четырехъ тысячъ человѣкъ будетъ закончена благодаря выработанному плану въ одинъ день, т. е. 10 марта, а на слѣдующій день удастся закончить и погрузку.

При этомъ, такъ какъ «Віолетта» была отдана въ мое распоряженіе, я считалъ, что время отхода зависитъ исключительно отъ меня. Торопилъ же я съ посадкой, такъ какъ, по словамъ Предсѣдателя Правительства, у меня было въ распоряженіи всего 2–3 дня, да кромѣ того я боялся подхода недисциплинированныхъ войскъ, которыя, не довѣряя своему начальству, боясь, что ихъ бросятъ въ Новороссійскѣ, самовольно оставляли фронтъ и шли на Новороссійскъ, захватывая поѣзда, а иногда и вступая въ бой съ находившимися въ вагонахъ отступающими частями чтобы выбить ихъ изъ поѣзда и занять ихъ мѣсто.

Завѣдующему погрузкой и посадкой чиновнику Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Черникову я отдалъ распоряженіе отвести на почь «Віолетту» отъ пристани, боясь покушеній на взрывъ парохода или захвата его; а рано на разсвѣтѣ «Віолетта» должна была снова подойти къ пристани и догрузиться.

Совершенно неожиданно для меня, въ восьмомъ часу вечера, комендантъ парохода, старшій лейтенантъ Слезкинъ, объявилъ мнѣ, что имъ получено распоряженіе отъ генералъ-майора Ермакова, чтобы «Віолетта» отошла въ тотъ же день, 10 марта

въ 8 часовъ вечера, причемъ идти должна не въ Севастополь, какъ распорядилось Правительство, а въ Феодосію.

При этомъ онъ добавилъ, что такъ какъ этотъ приказъ Завѣдующаго Морскимъ Транспортомъ генерала Ермакова, его главнаго Начальника, то онъ, Слезкинъ, моихъ распоряженій исполнять не можетъ, а долженъ исполнить приказъ Ермакова.

Полагая, что это недоразумѣніе и что нѣтъ никакихъ основаній, если даже считать главнымъ распорядителемъ «Віолетты» Ермакова, отходить въ 8 часовъ вечера, я отправилъ къ Ермаковку одного изъ своихъ чиновниковъ, чтобы указать на необходимость отложить отходъ «Віолетты» до слѣдующаго дня, такъ какъ часть пассажировъ (около 500) и большое количество цѣннаго имущества не можетъ быть погружено къ 8 часамъ, что пароходу не грозитъ ни малѣйшей опасности, такъ какъ при наступленіи темноты «Віолетта» отойдетъ на рейдъ. Указывалось также Ермакову, что ночью отходить безсмысленно, такъ какъ тогда «Віолетта» придетъ въ Феодосію къ ночи и по дѣйствующимъ правиламъ въ портъ ночью не будетъ впущена, и такимъ образомъ время будетъ все равно потеряно, а люди и имущество останутся непогруженными.

Въ отвѣтъ на это Ермаковъ, игнорируя меня, прислалъ коменданту Слезкину новый «боевой» приказъ, требуя немедленнаго отхода «Віолетты» въ Феодосію.

Этотъ второй «боевой» приказъ былъ приведенъ въ исполненіе немедленно, но благодаря какой то неисправности (кажется, вызванной мягкосердечіемъ команды) пароходъ задержался часа на полтора–два, чѣмъ и воспользовался Черниковъ и экстренно въ темнотѣ произвелъ дополнительную погрузку и посадку.

Около 10 часовъ вечера «Віолетта» отошла отъ пристани, оставивъ машины экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, всѣ бумаги Министерства Торговли (въ томъ числѣ дѣлопроизводство о заграничной валютѣ на сумму до милліона фунтовъ стерлинговъ), оставивъ часть багажа чиновниковъ и около 200 человѣкъ, причемъ многіе оказались разлученными со своими близкими и даже съ дѣтьми.

Однако, въ воротахъ порта «Віолетта» была задержана на нѣсколько часовъ, такъ какъ Ермаковъ, приказавъ отправить пароходъ немедленно, забылъ сообщить объ этомъ на Восточный маякъ, безъ чего ни одно судно не могло быть выпущено изъ порта.

Новая попытка воспользоваться этой небрежностью и убѣдить Ермакова задержать отправку парохода до утра, сдѣланная по телефону Начальникомъ Части Министерства Торговли и Промышленности Андерсономъ (по телефону съ маяка) успѣха не имѣла, и «Віолетта», потерявъ на безполезную стоянку около 4 часовъ, передъ разсвѣтомъ ушла изъ Новороссійска.

На борту парохода мной было созвано совѣщаніе изъ Начальниковъ всѣхъ вѣдомствъ и результаты совѣщанія вылились въ рапортѣ на имя Главнокомандующаго (см. приложеніе).

Кромѣ того мной были послана уже изъ Феодосіи, – куда «Віолетта», какъ мы и ожидали, пришла ночью и не была впущена въ портъ, потерявъ опять время въ теченіе нѣсколькихъ часовъ на новую безполезную стоянку, – телеграмма Завѣдующему эвакуаціей воинскихъ чиновъ генералъ-лейтенанту Вязьмитинову съ просьбою позаботиться о брошенномъ имуществѣ и людяхъ.

Объ обстоятельствахъ эвакуаціи «Віолетты» было доложено мной также Южно-Русскому Правительству, доживавшему въ Крыму послѣдніе дни.

Впрочемъ, все это не имѣло никакого значенія, а генералъ Ермаковъ продолжалъ оставаться въ своей должности и при генералѣ Врангелѣ, когда ни о Южно-Русскомъ Правительствѣ, ни объ юстиціи уже не было и помину.

Совѣтская цензура

(По личнымъ воспоминаніямъ)

Д. Лутохина

Въ 1919 г., сначала при Обществѣ Взаимопомощи Литераторовъ и Ученыхъ, а затѣмъ самостоятельно, началъ А. Е. Кауфманъ выпускать ежемѣсячно небольшими тетрадями «Вѣстникъ литературы». Первоначально журналъ, главнымъ образомъ, посвященъ былъ «былому» русской литературы – и кромѣ того, давалъ рецензіи вновь выходящихъ книгъ и литературную хронику. Одно время это былъ единственный несовѣтскій журналъ въ Россіи. И потому имъ очень интересовались, особенно въ провинціи. «Вы не можете себѣ представить», говорилъ мнѣ одинъ провинціальный педагогъ, «какую роль игралъ для насъ этотъ журналъ. Какъ внимательно мы его читали, какимъ событіемъ было полученіе новаго номера»... Весной 1921 г. петербургскіе литераторы торжественно отпраздновали 2-хъ лѣтній юбилей журнала, устроивъ задушевное чествованіе престарѣлаго редактора – создателя журнала. Два года – въ Совѣтской Россіи, да еще для неказеннаго журнала – очень большой срокъ – и поэтому «юбилей» не вызвалъ недоумѣній.

Провозглашеніе нэпа породило въ обществѣ надежды на смѣну политическаго курса. «Бытіемъ опредѣляется сознаніе» – одно изъ основныхъ положеній Маркса, и большевики, развязывая стихію народнаго хозяйства, какъ будто бы сами подготовляли раскрѣпощеніе жизни вообще. А. Е. Кауфманъ очень дорожилъ своимъ изданіемъ, очень берегъ его отъ цензурныхъ каръ, но все же нашелъ возможнымъ со второй половины 1921 г. нѣсколько измѣнить содержаніе журнала. Въ послѣднемъ стали появляться статьи публицистическаго характера, кое-гдѣ начинала проскальзывать робкая оппозиція. Въ одномъ же изъ послѣднихъ номеровъ «Вѣстника» за 21 годъ появилась небольшая статья Ю. И. Айхенвальда, съ превеликой наивностью, крайне ехидною, указывающая на неумѣстность въ Совѣтской Россіи чествовать память автора «Бѣсовъ». Нѣкоторые принимали эти мысли за чистую монету и начинали защищать... Достоевскаго. Большевицкіе же генералы статью поняли. Особенно негодовалъ московскій генералъ-губернаторъ Каменевъ. Какой-то личный секретарь Ленина, пріѣхавъ въ Петербургъ, просилъ датъ ему для патрона два полныхъ комплекта журнала. Грѣха таить нечего: старый редакторъ былъ и взволнованъ, и польщенъ такимъ вниманіемъ «высокихъ особъ». Никакихъ предостереженій, никакого усиленія цензурнаго гнета, несмотря на обнаружившійся вдругъ къ журналу интересъ въ Кремлѣ, – не послѣдовало.

А. Е. Кауфманъ давно уже страдалъ сердечной болѣзнью и послѣднее время не разставался съ пузырькомъ нитроглицерина. Тѣмъ не менѣе ему приходилось

очень много ходить и постоянно быть въ работѣ. Гос. Издат. мѣнялъ типографіи, въ которыхъ разрѣшено было печатать «Вѣстникъ» – иногда распоряженіе о немедленной передачѣ заказа въ другую типографію дѣлалось, когда весь номеръ былъ уже набранъ. И старику нужно было бѣжать къ начальству: хлопотать объ отсрочкѣ распоряженія, улаживать дѣло въ типографіяхъ и т. п. Онъ былъ ревнивъ къ своему литературному дѣтищу и никого не подпускалъ къ изданію. Самъ вѣдалъ всѣми редакціонными и техническими деталями выпуска журнала. Очень удручала его и матеріальная сторона дѣла. Конторы у журнала не было, журналъ сдавался на комиссію – а слѣдуемыя суммы уплачивались комиссіонеромъ иногда съ такой задержкой, что составляли къ моменту разсчета при хроническомъ обезцѣненіи рубля дѣйствительно quantité négligeable. Единственно, на чемъ можно было наводить экономію – это на гонорарахъ сотрудниковъ. И они были мизерны. Старикъ очень волновался за будущее журнала. А тутъ начались еще расхожденія съ коллегами по корпораціи по вопросу о задачахъ литературныхъ учрежденій... А. Е. почувствовалъ себя въ одиночествѣ. И сталъ быстро чахнуть. Въ декабрѣ 1921 г. его не стало. Смерть свою онъ предвидѣлъ и говорилъ мнѣ, что хотѣлъ бы видѣть во главѣ изданія Н. О. Лернера. Послѣдній, однако, желанія взять дѣло въ свои руки не обнаруживалъ. Между тѣмъ, всѣ матеріалы редакціи Б. О. Харитонъ, по порученію вдовы покойнаго, передалъ мнѣ. Слѣдующій номеръ уже набирался. И я, будучи ближайшимъ сотрудникомъ А. Е. по журналу и однимъ изъ душеприказчиковъ покойнаго, съ согласія остальныхъ, взялъ на себя редактированіе журнала. Издательницей журнала была теперь вдова А. Е. – М. С. Кауфманъ. Кромѣ замѣтокъ, посвященныхъ памяти почившаго редактора, всѣ остальныя статьи были уже выправлены покойнымъ А. Е. И номеръ вскорѣ вышелъ, не встрѣтивъ какихъ-либо затрудненій въ цензурѣ. Второй двойной номеръ (38–39 отъ основанія журнала) я рѣшилъ выпустить, уже обновивъ его программу (введена была беллетристика, введены научныя статьи, усилена публицистика) и измѣнивъ самый «тонъ» журнала. Выпускъ слѣдующаго номера, въ которомъ были помѣщены неизданные тексты Пушкина, найденные П. Е. Щеголевымъ, хотѣлось пріурочить къ Пушкинскимъ поминкамъ – дню его смерти. Номеръ нужно было представлять для полученія разрѣшенія на выпускъ револ. цензурѣ (предварительной цензуры для журнала не было). Вѣдала этимъ типографія. Изъ нея мнѣ вдругъ сообщили, что цензура номеръ задерживаетъ. А до Пушкинскихъ поминокъ оставался одинъ день. Пришлось ѣхать въ цензуру самому. Какой-то молодой человѣкъ, въ военной формѣ, сообщилъ мнѣ, что разрѣшеніе выпуска встрѣтило затрудненія. «Весь номеръ составленъ у Васъ черезчуръ... скользко», заявилъ онъ, – «двѣ-три статьи особенно насъ смутили. И мы послали номеръ въ Чека». – «Что же это предрѣшаетъ запрещеніе номера?» – спросилъ я. «Трудно сказать, вѣроятнѣе всего, что да. Подождите». Ждать пришлось цѣлый день. Я торопилъ, просилъ снестись по телефону, но лишь часу въ 6-омъ вечера, когда почти всѣ служащіе цензуры разошлись, номеръ былъ возвращенъ изъ Чека съ резолюціей: «номеръ безусловно пропустить за исключеніемъ разсказа «Бандитъ», тоже не очень вреднаго». «Значитъ, и «Бандитъ» пропустить можно съ купюрами?» – спросилъ я. «Нѣтъ, – лучше отложите его до слѣдующаго номера, мы вчитаемся въ разсказъ и устранимъ въ немъ вредное», серьезно заявилъ мнѣ цензоръ. Пришлось на это пойти – но номеръ нужно было переверстывать – и къ Пушкинскому торжеству онъ, конечно, опоздалъ: номеръ былъ сравнительно большой, въ 5 листовъ. Вскорѣ послѣ выхода этого номера цензура была преобразована, учрежденъ былъ отдѣлъ печати при Гл. Полит. Управленіи, помѣстившійся въ Петербургѣ въ квартирѣ редакціи бывшаго «Правительственнаго Вѣстника», на Фонтанкѣ 57. Введена была для всѣхъ частныхъ изданій, какъ общій порядокъ, предварительная цензура. Я

началъ представлять въ Г. П. У. матеріалы для слѣдующаго номера, какъ вдругъ получилъ лаконическое извѣщеніе отъ этого учрежденія о томъ, что дальнѣйшее изданіе «Вѣстника Литературы» прекращено. Пошелъ узнать – почему? – «За общее направленіе». – «По чьему распоряженію» – «Москвы». – «По чьей иниціативѣ?» – «Не знаемъ». Я написалъ памятную записку, въ которой указалъ, что даже Пб. чека признала безусловно возможнымъ выпустить послѣдній номеръ, что никакихъ указаній о неумѣстности той или иной темы, той или иной статьи, того или иного сотрудника, редакція никогда не получала. Поэтому дѣлать ее отвѣтственной за номеръ, разрѣшенный и военной цензурой, и Чека, представляется неправильнымъ. Записку эту я послалъ въ Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ. Черезъ нѣкоторое время – по протекціи – мнѣ частнымъ образомъ сообщили, что записка моя разсматривалась, запрещеніе журнала признано было неправильнымъ, но отмѣнять распоряженія Г. П. У. сочло неудобнымъ. Предложили просить о разрѣшеніи подъ новымъ названіемъ журнала, обѣщали немедленно разрѣшеніе дать.

Между тѣмъ, пока шли переговоры съ Москвой, завѣдующій отдѣломъ печати въ Петербургѣ Быстрянскій заявилъ мнѣ, что, хотя право разрѣшать новыя періодическія изданія у нихъ отнято и передано Москвѣ, онъ можетъ разрѣшить мнѣ изданіе неперіод. сборника. Обращаться въ Москву, гдѣ, какъ мнѣ было извѣстно, этимъ вопросомъ вѣдали злостные и не вполнѣ вмѣняемые Мещеряковъ и (врачъ по профессіи) Лебедевъ-Полянскій, я не хотѣлъ и пошелъ на комбинацію съ выпускомъ сборниковъ, тѣмъ болѣе, что подписки на журналъ въ Р. С. Ф. С. Р. не существуетъ. Мнѣ было дано разрѣшеніе представлять матеріалъ на цензуру въ гранкахъ, причемъ болѣе «сомнительныя статьи» я давалъ на цензуру въ рукописи, чтобы не тратиться зря на наборъ. Я указалъ въ отдѣлѣ печати, что запрещеніе «Вѣстника Литературы» заставляетъ меня быть предусмотрительнымъ и что по отношенію къ статьямъ скользкимъ я буду самъ просить ихъ быть внимательнѣе. Разсказъ «Бандитъ», представленный въ цензуру подъ новымъ названіемъ «Лѣсъ рубятъ – щепки летятъ» и сильно передѣланный – былъ цензурой пропущенъ, причемъ очень смягчена лишь сцена разстрѣла «бандита». Рецензія А. С. Изгоева на изданіе Екатеринб. Губисполкома «Изъ исторіи рабочаго движенія на Уралѣ» была запрещена цѣликомъ. Въ рецензируемой книжкѣ впервые появилось описаніе убійства Царской семьи и рецензія сжато, но передавая стиль повѣствователя, излагала исторію убійства. Запрещеніе было мотивировано такъ: «Писать о трегедіи (sic!) дома Романовыхъ можно лишь на основаніи строго провѣренныхъ научныхъ матеріаловъ, которыми разбираемая книга не является, почему замѣтка невольно сводится къ запоздалой сенсаціи. Безусловно запретить». Въ нѣкоторыхъ статьяхъ кое-какія купюры были сдѣланы, но въ общемъ книга особенно не пострадала отъ цензуры и вышла безъ задержекъ. Военная цензура, въ которую книжку все же надо было представлять для окончательнаго разрѣшенія уже въ сверстанномъ видѣ, давала его безъ затрудненій. Книга вышла – и вызвала нѣкоторое раздраженіе въ совѣтской печати. Особенно не понравилось воспроизведеніе въ «Утренникахъ» рѣчи П. А. Сорокина на Университетскомъ актѣ, рѣчи, которая послѣ ея произнесенія 21 февраля 1922 г. вызвала неистовые доносы профессора Гредескула въ совѣтскихъ газетахъ, и еще больше не понравилась статья А. С. Изгоева« Судъ надъ терроромъ». Большую злобу – особенно въ провинц. коммунистической печати – вызвала и моя маленькая рецензія на книгу проф. Ошеля «Успѣхи хирургіи», гдѣ я рекомендовалъ эту книгу сторонникамъ политическихъ операцій, не использовывающимъ ни наркоза, ни другихъ гуманныхъ пріемовъ хирургіи... и указывалъ самую безплодность операцій надъ сложными соціальными организмами. Но въ общемъ особаго вниманія все же сперва книга не

вызывала. «Утренники – названіе такое дѣтское. Мы долгое время въ нихъ и не заглядывали» какъ бы оправдывался Зиновьевъ въ одной изъ своихъ рѣчей.

Однако, матеріалъ, представленный для II книги, подвергнутъ былъ уже болѣе тщательной цензурѣ. Статья П. Сорокина «Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію» была цѣликомъ зачеркнута отдѣломъ печати. Статья проникнута необычайнымъ пессимизмомъ по отношенію къ будущему Россіи и написана очень сильно. Я предложилъ Быстрянскому помѣстить контръ-статью въ оптимистическомъ тонѣ. Ходилъ къ Быстрянскому объясняться и авторъ статьи. Вопросъ пересмотрѣли, но остались при прежнемъ рѣшеніи. Забраковала цензура и два сатирическихъ очерка М. Я. Козырева. Особенно интересно было описаніе имъ чудеснаго происшествія въ какомъ-то уѣздномъ городкѣ «Большевіи», мѣстами напоминающее по силѣ и яркости «Исторію города Глупова». Послѣ моихъ настойчивыхъ требованій разрѣшить помѣщеніе этихъ очерковъ, подкрѣпленныхъ ссылкой на положительный отзывъ о литературномъ дарованіи автора на страницахъ «Московской Правды», мнѣ удалось все же отвоевать второй очеркъ «Прыгунки». Въ стихотвореніи М. М. Шкапской была зачеркнута красными чернилами послѣднія семь словъ стиха, гласившаго: «и взглядъ потерянный, невидящій и бѣлый тѣхъ, кто ведетъ по утру на разстрѣлы». Эти слова замѣнили многоточіемъ. Въ письмахъ Короленко, собранныхъ С. Д. Протопоповымъ, были выброшены строки, осуждающія уничтоженіе большевиками свободы печати. Моя краткая рецензія о выпущенномъ «Задругою» сборникѣ памяти Короленко, сводившаяся къ цитатѣ изъ предисловія сборнику, кажется, В. А. Мякотина – была вычеркнута цѣликомъ. Въ автобіографіи А. С. Яковлева было выброшено мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о своемъ эсеровскомъ прошломъ, когда они мечтали «дать революціей курицу въ супѣ каждому крестьянину, а заставили его кушать собственныхъ дѣтей». Въ письмѣ въ редакцію А. С. Изгоева, гдѣ онъ отмѣчаетъ, что въ № 2 «Красной Нови» за 1922 годъ Воронскій «докладываетъ» начальству совершенно превратно мысли Изгоева въ его статьѣ «Личность и общество», помѣщенной въ «Вѣстникѣ Литератры», слово «докладываетъ» было замѣнена цензоромъ словомъ «сообщаетъ», а «Красная», совершенно не понятно почему, опущена. Въ статьѣ «Эстетическое дышло» проф. Ф. Ф. Зѣлинскаго, присланной мнѣ передъ его отъѣздомъ въ Польшу, подданство которой онъ оптировалъ, было, дѣйствительно, опасное мѣсто. Цитируя одного древняго римскаго поэта, онъ приводитъ двустишіе, гласящее приблизительно такъ: «Слѣдую тѣмъ, кто такъ поспѣшно покидаетъ Вашу республику: ею управляютъ нынѣ глупые юноши»... Цензоръ оказался классикомъ и двустишіе вымаралъ.

Любопытный эпизодъ произошелъ съ другой статьей проф. Зѣлинскаго «Красная наука». Статья была помѣщена на двухъ гранкахъ. Первая гранка прислана изъ цензуры съ разрѣшительной надписью безъ помарокъ, вторая оказалась – цѣликомъ зачеркнутой. Я помѣстилъ тогда въ «Утренникахъ» начало статьи, подписавъ подъ ней «Продолженіе слѣдуетъ» и заявилъ цензурѣ, что снесусь съ авторомъ, прося его иначе изложить свои мысли, считаясь съ современными условіями русской печати, чего, конечно, я не сдѣлалъ. Мысли запрещенныя, даже при ихъ неизвѣстности, сильнѣе воздѣйствуютъ на общественное мнѣніе мыслей разрѣшенныхъ!..

Однако, когда вторая книга «Утренниковъ» вышла, въ типографію явились представители инспекціи надъ типографіями для разслѣдованія, почему начало статьи Зѣлинскаго «Красная наука» помѣщено было безъ тѣхъ купюръ, которыя цензура признала необходимыми. Оказалось, что цензоръ, получая по 2 экземпляра гранокъ, проглядываетъ первый экземпляръ, остающійся затѣмъ при дѣлахъ цензуры, а на другой экземпляръ помѣтки цензора переноситъ обычно канцелярія отдѣла печати, которая на этотъ разъ забыла перенести ихъ во 2-ой экземпляръ, посылаемый въ

типографію, почему мы и получили начало статьи безъ измѣненій. Невинность редакціи и типографіи были въ данномъ случаѣ совершенно очевидны, – однако, былъ составленъ протоколъ, а у отвѣтственнаго представителя типографіи отобрана была подписка о невыѣздѣ изъ Петербурга. Какія купюры хотѣла сдѣлать цензура въ началѣ статьи «Красная наука». я не знаю, но вторая ея половина была перечеркнута цензоромъ цѣликомъ*.

---

* Первая половина заканчивалась вопросомъ: должна ли въ красномъ государствѣ проходиться исключительно красная наука? Защитникамъ положительнаго отвѣта авторъ предлагалъ дополнительные вопросы:

«Какъ вы думаете осуществить эту исключительность прохожденія красной науки?» – «и что для вас дороже: чтобы молодежь слушала исключительно красную науку, или чтобы она проникалась исключительно красными убѣжденіями?»

Вторая половина статьи проф. Зѣлинскаго гласила:

VIII.

«Как осуществить? Нет ничего проще. Неисправимых мы устраним от дела преподавания; подозрительных будем держать под бдительным, хотя и негласным, надзором с помощью образованных нами ячеек; а взамен устраненных введем новых преподавателей, которые будут читать в желательном для нас духе.

Старые меры, много раз практиковавшиеся и в нашем Петербургском Университете от Рунича до Кассо! Можете ли вы серьезно утверждать, что они что либо принесли, кроме незавидной славы своим исполнителям?

Правда, первую меру можно осуществить без особого труда; к чему она поведет, это мы увидим в дальнейшем, но ее практической осуществимости отрицать не приходится.

Труднее обстоит дело со второй. Я и здесь не ставлю вопроса, насколько одобрительна сама по себе эта вносимая в университетские стены система цензуры, шпионства и доносов – о нравственности я вообще во всей этой статье не говорю, о целесообразности скажу потом, здесь же идет речь только об осуществимости. Я не представляю себе, как вообще можно контролировать профессорские лекции. Конечно, профессор, зная, что за ним следят, будет воздерживаться от слишком яркихъ суждений; но разве они нужны. Во-первых, у нас имеется выработанный столетней практикой, совершенно неуловимый и неуязвимый эзоповский язык; во-вторых, я даже без всякого суждения одним подбором и группировкой фактов могу произвести желательное для меня впечатление; в третьих, даже если бы вы могли контролировать то, что я говорю – того, о чем я молчу, вы контролировать не можете. А это подчас бывает важнее.

Что же касается третьей меры, то о ней даже трудно говорить без улыбки. Введем подходящих людей! Легко сказать; откуда вы их возьмете? Ведь в том то и горе, что в серьезной науке таковых нет. Вот вы и вводите, кого считаете возможным; но уже та первенствующая роль, которую среди них играет много раз названный изобретатель, доказывает, что блеснуть вам некем. Да вы и сами знаете им цену; а учащаяся молодежь, думаете вы, их не раскусила?

IX.

Нет, приговор истории неумолим: контроль и насильственное направление научного преподавания неосуществимы. Что толку в том, что вы перед лицом всей Европы «откровенно и честно» отменили свободу науки? Конфуз вышел изрядный, а толку нет и не будет. Свобода – неот'емлемое достояние науки; это доказала история уже не последнего столетия только, а всего тысячелетия слишком новой истории. Античность на свободу науки не посягала – она была для этого слишком умна. А смехотворные, хотя порой и жестокие попытки новых времен, уподобили ее колобку нашей народной сказки. Подобно ему, и она может сказать: «я от схоластики ушла, я от инквизиции ушла, я от пуританизма ушла, я от абсолютизма ушла, я от Рунича ушла, я от Кассо ушла – и от вас, товарищ имярек, и подавно уйду»...

Виноват, сравнение как будто хромает: дело в том, что колобок под конец был все-таки с'еден лисицей. – Но нет, все в порядке: «ибо лисица, товарищи – имяреки, – не вы. Для этого вы слишом и откровенны, и честны.

X.

Довольно, однако, об этом; переходим ко второму вопросу. Что важнее для вас: чтобы молодежь слушала одно красное (прошу прощения за путаницу чувственных восприятий) или чтобы она становилась красной?

Вы скажете, конечно, что тут никакой разделительности нет, что первое – естественное условие второго: именно тогда она и станет красной, когда будет слушать одно только красное. И в том, что вы этому серьезно поверили, и заключается наша колоссальная наивность, ваше полнейшее непонимание психологии.

Ведь, если даже допустить, что с кафедры раздается слово не такого дворянина на безлюдии, как много раз нами означенный Фома, а убежденное красное слово неопороченного человѣка; если допустить

На этомъ я прерву изложеніе исторіи цензурныхъ преслѣдованій «Утренниковъ» и перейду къ исторіи журнала «Экономистъ», такъ какъ впослѣдствіи пути ихъ совпали. Но для этого нужно начать нѣсколько издалека.

Въ январѣ 1921 г. я былъ выбранъ товарищемъ предсѣдателя Промышленно-Экономическаго отдѣла Русскаго Техническаго Общества, предсѣдателемъ же Е. Л. Зубашевъ, бывшій директоръ Томскаго Технологическаго Института, высланный въ свое время изъ Томска министромъ вн. дѣлъ В. К. Плеве, а впослѣдствіи избранный въ члены Государств. Совѣта отъ торгово-промышленной группы. Е. Л. Зубашевъ лишенъ былъ возможности удѣлять много времени предсѣдательствуемому имъ отдѣлу Об-ва и все веденіе дѣла довѣрилъ мнѣ. Я прежде всего организовалъ рядъ засѣданій, посвященныхъ вопросамъ послѣ-военной экономики. Засѣданія шли очень оживленно. Доклады дѣлались обстоятельные, возбуждали къ себѣ большой

далее, что поглощенное умственно содержаніе так же механически окрашивает душу юноши, как выпитая комаром кровь его тело — долго ли такая окраска останется нелинючей? В Университете вы всячески берегли его от науки нежелательных оттенков, а в жизни он встретится с ними на каждом шагу, т. е. в такое время, когда ему нельзя будет говорить своему учителю свои сомнения. Нет, зачем же, скажете вы: эти учителя должны тоже излагать на своих лекциях мнения противников — конечно, для того, чтобы их опровергать. — Позвольте полюбопытствовать: излагать хорошо или плохо? Если хорошо, то зачем же вам было устранять этих противников? Ведь они, надо полагать, гораздо лучше в состоянии изложить свои собственные мнения. Если же — плохо, то что вы выиграете? Ваш юноша будет беспомощен в споре с каждым, кто изложит их лучше, будь то человек или книга.

Древние философы — профессора афинских школ нарочно посылали своих учеников слушать лекции философов иных направлений — именно для того, чтобы их для себя сохранить. Это были умные люди.

Но это не все и даже не главное.

XI.

Главное то, что сама теория, о которой здесь идет речь, основана на психологической ошибке. Человек проникается теми убеждениями, которые ему внушают — в самом деле? Иногда да, но иногда и нет; вы же создаете все условия для того, чтобы результат получился отрицательный.

Позволю себе тут процитировать самого себя. Лет 17 тому назад, когда упраздненный ныне строй был еще очень сильным и те же меры, как и ныне, применялись в интересах не красной, а черной науки, я в следующих словах протестовал против них (Из жизни идей т. II, стр. 240, 2-го издания — цитирую его, так как я этого экскурса уже не перездавал):

«Ученики, особенно старших классов (а студенты, прибавлю теперь, тем более) очень ревниво относятся ко всяким воздействиям на их чувства; всегда они, сознательно или инстинктивно, ставят преподавателю вопрос: «да сам-то ты по убеждению говоришь?» Почему всякие оппозиционные учения, даже самые несостоятельные, так сочувственно воспринимаются учениками? Потому, что они знают: говоря нам это, учитель рискует своей карьерой — значит, он убежден. Внутренние критерии правды доступны лишь немногим; большинство заменяет их внешними: «правда — это то, за что человек готов пострадать».

Это было напечатано, повторяю, в 1905 году; полагаю, что случившееся двенадцатью годами спустя вполне подтвердило правильность моего предостереженія. Теперь победоносная партия применяет те же меры для укрепления своей собственной позиции в головах и сердцах молодежи; и разве мы не видим, как она, чем далее, тем более теряет почву и в тех, и в других? Бывшее большинство стало меньшинством, а кто присмотрелся к составу этого меньшинства и к его умственному и нравственному уровню, тот и подавно будет склонен поставить на нем крест.

XII.

Переубедит ли это разсужденіе моих противников? Мы вообще народ мало переубедимый и не сдаемся даже перед очевидностью; вывернуться каким нибудь риторическим фокусом всегда можно. А тут, пожалуй, даже этого не нужно.

Я не хотел преждевременно смущать себя и своих читателей, но теперь признаюсь: во время всего этого спора я видел на лице моих противников улыбку — не то насмешливую, не то презрительную.

— Мы вовсе не такъ наивны, как вы воображаете. Мы прекрасно знаем, что то студенчество, о котором вы говорите — студенчество интеллигентное, сознательное, одним словом — настоящее — не за нас. Мы, поэтому, сами на нем поставили крест... или вернее, поставили бы, если бы таковой имелся в нашем распоряженіи. Но зато в нашем распоряженіи иная молодежь, с иной психологией, не столько образованная, сколько натасканная необходимыми специальными знаніями и, прежде всего, пропитанная ненавистью. Для нее то, в сущности, товарищ-имярек и изобрел красную науку. Вы совершенно напрасно изволили волноваться: из всех наших стрел ни одна не попала в цель.

Да, если так, то это — опять новая постановка вопроса. Ну, что-ж, хорошо, что хоть до этого договорились..»

интересъ – тѣмъ болѣе, что обстановка засѣданій допускала полную свободу сужденій. Лицъ, сколько-нибудь подозрительныхъ, на засѣданіяхъ замѣтно не было. Какъ-то, въ серединѣ лѣта 1921 г., на засѣданіе заглянулъ очень энергичный молодой издатель А. С. Каганъ, до того у насъ не бывавшій. Послѣ засѣданія мы вышли вмѣстѣ и А. С. предложилъ мнѣ организовать изданіе вѣстника отдѣла. Я считалъ мало вѣроятнымъ разрѣшеніе спеціальнаго экономическаго журнала, но заявилъ полное согласіе отъ имени отдѣла на возбужденіе надлежащаго ходатайства. Совѣтъ Об-ва по докладу отдѣла утвердилъ ред. коллегію журнала, въ составѣ 12 лицъ, изъ среды экономистовъ-практиковъ и теоретиковъ, и одобрилъ предложенное мною наименованіе: «Экономистъ».

Пока получено было разрѣшеніе на журналъ, пока собирался матеріалъ, пока онъ печатался – прошло нѣсколько мѣсяцевъ – и первая книга «Экономиста» вышла въ декабрѣ 1921 г. Потомъ дѣло пошло живѣе. Вторая книга вышла уже въ февралѣ 22 года. Ни первая, ни вторая книга цензурнымъ преслѣдованіямъ не подвергались. Даже въ части Совѣтской печати – нѣкоторыхъ спеціальныхъ журналахъ – къ «Экономисту» отнеслись почти привѣтливо. Зато и петерб. и моск. газеты открыли противъ него ожесточенную кампанію.

Долженъ сознаться, что гоненія противъ журнала, а пожалуй и самую высылку и его сотрудниковъ, а съ ними заодно и многихъ другихъ интеллигентовъ, спровоцировалъ, – конечно bona fide – авторъ настоящей статьи, въ чемъ и считаю нужнымъ чистосердечно покаяться!..

Разсылая «Экономиста» для отзыва разнымъ лицамъ, я счелъ нужнымъ послать одинъ экземпляръ перваго и второго номера В. И. Ленину. Для вѣрности эта посылка осуществлена была черезъ управляющаго дѣлами Совѣта Нар. Ком., Н. П. Горбунова, одинъ изъ родственниковъ котораго былъ моимъ сослуживцемъ. Хотя на книгахъ было помѣчено «отъ редакціи», самъ Ленинъ эпизодъ съ полученіемъ ихъ изложилъ неполно. Въ № 3 журнала «Подъ знаменемъ марксизма» за 22 годъ Ленинъ разразился статьей противъ «Экономиста», въ которой отмѣтилъ, что одинъ молодой коммунистъ съ восторженнымъ отзывомъ принесъ ему «Экономистъ»: коммунистъ этотъ де или плохо читалъ его, или не понялъ. О томъ, что журналъ присланъ былъ ему отъ редакціи, Ленинъ не упомянулъ. Журналъ, по мнѣнію Ленина, преслѣдуетъ сознательно или безсознательно крѣпостническія тенденціи, и Ленинъ совѣтуетъ господамъ, подобнымъ сотрудникамъ «Экономиста», предложить проѣхаться въ Зап. Европу, чтобы на своей шкурѣ они оцѣнили прелести той «демократіи», о которой мечтаютъ для Россіи. (Ленинъ уже тогда не могъ различить «крѣпостничества» отъ «демократизма»...) Статья написана была Ленинымъ на одрѣ болѣзни – вѣроятно, въ одинъ изъ свѣтлыхъ промежутковъ – и являлась какъ бы его политическимъ завѣщаніемъ – блюсти за «крѣпостниками изъ интеллигенціи». Г. П. У. статью приняло къ свѣдѣнію и началась подготовка списковъ тѣхъ, кого надлежало ознакомить съ «прелестями демократіи на Западѣ», благо прецеденты съ высылкой за-границу уже были: высланы были туда меньшевики, выслана была и Е. Д. Кускова съ мужемъ С. Н. Прокоповичемъ. Въ то же время до насъ начали доходить слухи, что «Экономистъ» будетъ запрещенъ. Однако, третью книгу удалось выпустить въ началѣ мая. Рядъ статей оказался крайне пострадавшимъ отъ цензурной правки. Но послѣ статьи Ленина и всевозможныхъ зловѣщихъ слуховъ приходилось радоваться и тому, что журналъ еще можно было выпускать, и на всякій случай я пустилъ слѣдующую книгу двойной по объему, помѣтивъ на обложкѣ: № 4–5. Увы! Объемъ книги вышелъ гораздо меньше предположеннаго. На этотъ разъ цензура рвала и метала. Три статьи были совершенно запрещены. Запрещена была статья Б. Д. Бруцкуса «Объ историческихъ

корняхъ русской революціи», заготовленная имъ за нѣсколько мѣсяцевъ до того для другого журнала, не осуществившагося по волѣ начальства; статья А. С. Изгоева, являвшаяся первымъ опытомъ ввести въ «Экономистъ» внутреннее обозрѣніе, а также переводъ замѣтки одного нѣмецкаго экономиста, кажется, Лентца, о русскомъ золотомъ фондѣ. Почему запрещена была статья Б. Д. Бруцкуса, мнѣ и до сихъ поръ не понятно, хотя Зиновьевъ съ большимъ озлобленіемъ огласилъ на съѣздѣ Р. К. П. большую цитату изъ этой статьи, очевидно, бывшей у него въ гранкахъ. Потомъ, вѣроятно, спохватившись, что цитировать статьи, не увидѣвшія свѣта, не очень удобно, онъ выбросилъ это мѣсто рѣчи изъ отдѣльнаго изданія послѣдней. Статья А. С. Изгоева, возможно, была запрещена потому, что авторъ ея, между прочимъ, подробно останавливался на дѣятельности редактора Петерб. «Правды» Сафарова въ Туркестанѣ, гдѣ онъ неудачно вѣдалъ экон. политикой края, борясь съ крупными формами хозяйства и возстанавливая хозяйство натуральное, почему и былъ затѣмъ отозванъ. Сафаровъ въ Петербургѣ сдѣлался очень причастенъ къ дѣятельности Чека, даже въ своихъ статьяхъ онъ нерѣдко подготовлялъ публику къ особо важнымъ и волнующимъ актамъ сего учрежденія, а вскорѣ затѣмъ и заступилъ Быстрянскаго, въ качествѣ завѣдующаго отдѣломъ печати Г. П. У...

Другихъ объясненій запрещенія статьи А. С. Изгоева не придумать. Развѣ могло имѣть еще значеніе то обстоятельство, что она цѣликомъ была основана на свѣдѣніяхъ совѣтской печати, а большевики особенно раздражаются, когда ихъ бьютъ ихъ же оружіемъ!

Замѣтка Лентца запрещена была мотивированно: авторъ, по мнѣнію цензора, стремился доказать, что золотой фондъ Совѣтской Республики будетъ скоро исчерпанъ. Слѣдуетъ оговорить, что въ дѣйствительности Лентцъ утверждалъ – на основаніи ряда цифръ, – что у Правительства Кремля больше золота, чѣмъ оно оффиціально показываетъ... Да, не пропущена была еще цензурой моя рецензія на книгу Г. Г. Швиттау. Почти всѣ остальныя статьи болѣе или менѣе отъ цензуры также пострадали. Изъ статьи «Россія и международный рынокъ» была выброшена даже большая цитата изъ стихотворенія Демьяна Бѣднаго, помѣщенная въ Извѣстіяхъ В. Ц. И. К.-а. Въ Статьѣ «Наши финансы въ 1918–20 гг.» вычеркнули, между прочимъ, ссылку на циркуляръ Наркомфина, запрещавшій примѣнять тѣлесное наказаніе при взысканіи налоговъ, что по словамъ циркуляра имѣло мѣсто въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Р. С. Ф. С. Р. Въ статьѣ «Голодъ и идеологія общества» П. А. Сорокина всѣ соображенія послѣдняго о причинахъ и мотивахъ участія интеллигенціи не голодающей въ коммунистическихъ движеніяхъ, которыя онъ характеризуетъ, какъ продуктъ голода, выправили весьма внимательно. Въ статьѣ «Значеніе Мурманской ж. д. въ хозяйственной жизни Россіи» цензура взяла даже подъ защиту Царское правительство, по мнѣнію автора, въ своей экономической политикѣ игнорировавшее потребности населенія. Соотвѣтствующій абзацъ цензура выбросила. Очевидно, только потому, что «на ворѣ шапка горитъ»...

Но такъ или иначе, въ концѣ іюня вышла и эта 4–5 книга «Экономиста».

Вскорѣ послѣ того въ СПБ. «Правдѣ» появилось письмо въ редакцію Льва Марковича Василевскаго, въ которомъ онъ сообщалъ, что выходитъ по политическимъ мотивамъ изъ состава сотрудниковъ «Экономиста». Въ дѣйствительности, г. Василевскій не былъ приглашенъ въ сотрудники «Экономиста», а, явившись ко мнѣ въ качествѣ зятя покойнаго А. Е. Кауфмана, просилъ помѣстить его статью о голодѣ въ «Утреннихъ». Ввиду того, что статья для послѣднихъ не подходила, а была не безынтересна, я помѣстилъ ее, съ согласія автора, въ «Экономистѣ», устранивъ въ ней безтактныя выходки противъ дѣятельности въ провинціи представителей АРА. Вотъ въ чемъ

выразилось сотрудничество г. Василевскаго въ «Экономистѣ» – и письмо его въ редакцію на меня произвело тогда впечатлѣніе доноса.

Между тѣмъ, по Петербургу ходили какіе-то молодые, совсѣмъ неграмотные чекисты, собиравшіе свѣдѣнія о томъ, гдѣ какой литераторъ живетъ. Узнавъ, заходили въ соотвѣтствующій Управдомъ и разспрашивали, кто изъ жильцовъ дома еще литературой занимается...

13 іюля я получилъ отъ петербургскаго отдѣла печати Г. П. У. извѣщеніе о томъ, что по распоряженію Москвы дальнѣйшій выходъ журнала «Экономистъ» запрещенъ, а черезъ недѣлю я былъ уволенъ отъ службы въ бумажной промышленности, гдѣ работалъ съ 1918 года.

Я зашелъ въ Г. П. У., чтобы разузнать причины запрещенія, но ихъ мнѣ не сообщили. Только заявили, что такое же распоряженіе одновременно получено и по отношенію къ «Утренникамъ», но такъ какъ послѣдніе выходили не какъ період. изданіе, то они не сочли нужнымъ меня объ этомъ предварительно извѣстить.

16 августа утромъ я подалъ Быстрянскому два прошенія: одно о разрѣшеніи мнѣ издавать сборникъ «Экономистическій магазинъ», причемъ я указывалъ, что названіе мною заимствовано у масона Новикова, издававшаго подъ этимъ названіемъ особыя приложенія къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» въ 1779–84 гг. (привожу годы на память). Другое – о разрѣшеніи издавать альманахъ «Млечный путь». Этимъ названіемъ я хотѣлъ намекнуть на то, что альманахъ будетъ отражать настроеніе не «штаба контръ-революціонной буржуазіи», которымъ Зиновьевъ объявилъ на съѣздѣ РКП. редакцію «Экономиста», а безчисленнаго множества людей, волею исторіи оказывавшихся подданными правительства РКП. и Коминтерна.

Я захватилъ съ собой къ Быстрянскому на всякій случай и рукописи для обоихъ сборниковъ, но онъ ихъ не взялъ: «Подождите нѣсколько дней – мы разсмотримъ сначала вопросъ принципіально».

Я полюбопытствовалъ, какой долженъ быть подборъ рукописей, чтобы застраховать сборники отъ участи «Экономиста» и «Утренниковъ». «Вотъ не хорошо, что у васъ не пишутъ коммунисты. А потомъ не нужно касаться политики» – заявилъ онъ. – «Очень трудно установить, что съ вашей точки зрѣнія является политикой, и кастрировать себя, вытравлять въ себѣ какую-то «политику» писателю не всегда легко. Ужъ пусть этимъ занимается цензура... Цензуруйте, какъ хотите, на то – вы диктаторы, но дайте возможность продолжать литератору заниматься своимъ дѣломъ. Ему, вѣдь, теперь труднѣе писать, чѣмъ при Николаѣ I» – откровенно высказалъ я завѣдующему отдѣломъ печати.

Въ ту же ночь и я, и еще 161 человѣкъ были въ разныхъ мѣстахъ Россіи арестованы по одному списку, утвержденному ВЦИК.* Всѣмъ намъ было предъявлено обвиненіе по ст. 57 совѣтскаго угол. кодекса, а затѣмъ предложено подать прошенія о разрѣшеніи на выѣздъ за-границу. До оформленія отъѣзда петербуржцевъ около 3 мѣсяцевъ держали въ тюрьмѣ. Допрашивали меня только разъ – и допросъ свелся лишь къ «интервью», какъ я отношусь къ структурѣ Сов. государства и къ системѣ пролетарской власти, къ с-рамъ, савинковцамъ и смѣновѣховцамъ и т. д. Интервью сдѣлано было слѣдователемъ по «шпаргалкѣ», состоявшей изъ 6 стереотипныхъ вопросовъ. Ничего конкретнаго слѣдствіе узнать не желало.

---

* Покойный Д. С. Зерновъ, участвовавшій въ коллегіи «Экономиста», разсказывалъ мнѣ, что онъ былъ включенъ въ этотъ списокъ, но изъ него по требованію Главпрофобра (отдѣлъ комиссаріата нар. пр., завѣдующій профессіональнымъ образованіемъ) исключенъ.

Уже послѣ освобожденія, ко мнѣ на домъ являлся молодой чекистъ, допытывавшійся, кто такой Гадаевъ, будто бывшій моимъ сотрудникомъ. Увы! Я не могъ удовлетворить его любопытства, ибо такая фамилія мнѣ совершенно не извѣстна. Вотъ и все – «слѣдствіе».

Пока я находился въ тюрьмѣ, какъ-то ко мнѣ на квартиру зашелъ какой-то служащій отдѣла печати и сообщилъ моимъ родственникамъ, что одно изъ моихъ прошеній о разрѣшеніи мнѣ издавать сборникъ (не знаю, какой) удовлетворено и что нужно представить на цензуру рукописи.

Я этого не сдѣлалъ. Я былъ радъ, что знакомство съ совѣтской цензурой кончилось еще благополучно.

Сидя въ Г. П. У. на Гороховой я схватилъ жестокій ревматизмъ, сдѣлавшій мою высылку невыполнимой до начала февраля 23 г. Я еще и тогда не оправился отъ болѣзни, но спѣшилъ уѣхать. А вдругъ-де передумаютъ – и примѣнятъ иную мѣру наказанія.

О томъ, за что конкретно меня высылаютъ, мнѣ, правда, не объяснили, но было очевидно, что высылаютъ за литературную «анти-совѣтскую» дѣятельность. Оцѣнивали ли ее иначе тѣ цензора, которые разрѣшали инкриминируемыя мнѣ изданія, я не знаю... Можетъ быть, имъ предложено было до поры – до времени дать людямъ выговориться... Можетъ быть, этого и не было. Когда-нибудь историкъ освѣтитъ этотъ интересный эпизодъ въ исторіи русской печати при диктатурѣ пролетаріата. Вѣроятно, объяснитъ онъ также, почему Г. П. У., разрѣшающее добровольный выѣздъ за-границу только «благонадежнымъ» лицамъ, часть «неблагонадежныхъ» туда высылаетъ, ссылая другихъ въ Обдорскъ и прочія внутреннія мѣста отдаленныя.

Но послѣдній вопросъ уже выходитъ за рамки темы настоящей статьи.

Бѣгство

(Іюль—Октябрь 1921 г.)*

А. А. Гольденвейзера

I. НА ПУТЯХЪ КЪ ГРАНИЦѢ.

Тяга на волю. – Способы проѣзда къ границѣ. – Подготовка къ путешествію. – Таинственныя исчезновенія. – Мой уговоръ съ желѣзнодорожникомъ. – Путевыя впечатлѣнія. – Бытъ «протекціоннаго вагона». – Въ пограничномъ мѣстечкѣ: типы, нравы, занятія и настроенія. – Контрабанда. – Ночная поѣздка по лѣсу. – У роковой черты.

Нелегальные отъѣзды за-границу стали въ Кіевѣ сравнительно частымъ явленіемъ, начиная съ осени 1920 года. Къ этому времени упроченіе большевиковъ сдѣлалось для всѣхъ очевиднымъ, а надежды на интервенцію пали. И вотъ всѣ, кому совѣтскій режимъ былъ не въ моготу, стали спасаться, кто какъ могъ, за собственный страхъ и рискъ.

Кто уѣзжалъ за-границу? Уѣзжали всѣ тѣ, кто теперь составляетъ разношерстные кадры русской эмиграціи. Бѣгство отнюдь не носило классоваго характера. Жизнь стала невыносимой — и въ моральномъ, и въ матерьяльномъ отношеніи — для громаднаго большинства городского населенія. И всякій, кто имѣлъ малѣйшую возможность, уѣзжалъ, а кто этой возможности не имѣлъ, — мечталъ объ отъѣздѣ заграницу.

На этой мечтѣ сходились люди самыхъ различныхъ круговъ, соціальныхъ положеній и политическихъ убѣжденій. Одинъ бѣжалъ отъ политическихъ преслѣдованій, другой — отъ матерьяльной нужды, третій — отъ невозможности приложить свои силы. Одинъ и тотъ же гнетъ душилъ всѣхъ — отъ меньшевика до монархиста, отъ интеллигентнаго пролетарія до разореннаго милліонера.

Людямъ умственнаго труда жилось во многихъ отношеніяхъ несравненно тяжелѣе, чѣмъ представителямъ торгово-промышленной буржуазіи, хотя гнѣвъ коммунистовъ былъ направленъ, главнымъ образомъ, противъ послѣднихъ. Интеллигенція была болѣе уязвима, ея горе глубже, ея разочарованіе трагичнѣе. И труднѣе

---

* Настоящій очеркъ можетъ служить эпилогомъ къ моей работѣ «Изъ Кіевскихъ воспоминаній (1917–1921 г. г.)» (Архивъ русск. революціи, т. VI, стр. 161–303).

Пользуюсь случаемъ исправить одну допущенную мною въ указанной работѣ ошибку. На стр. 172, цитируя слова о назначеніи адвокатуры, я приписалъ ихъ В. Д. Спасовичу. Въ дѣйствительности приведенныя мною слова принадлежатъ О. О. Грузенбергу.

давалось ей приспособленіе къ новому строю, для чего приходилось профанировать свое самое святое и направлять свою умственную работу въ новыя, насильственно навязанныя формы.

Съ другой стороны, «бывшіе буржуи» въ большей степени, чѣмъ интеллигенція, подвергались личной опасности. На нихъ съ особой силой сыпались обыски, аресты, принудительныя работы и прочіе напасти и скорпіоны.

И, въ результатѣ, тѣхъ и другихъ объединяла мысль объ отъѣздѣ, какъ объ единственномъ оставшемся пути избавленія.

Случаи выѣзда становились все чаще и чаще. Всю зиму 1920—1921 гг. въ Кіевѣ только и говорили объ отъѣздахъ и попыткахъ отъѣзда — прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ. И во всѣхъ случаяхъ, когда принято обмѣниваться добрыми пожеланіями, желали другъ другу только одно: уѣхать, не быть больше здѣсь, оказаться скоро тамъ...

Городъ пустѣлъ.

* * *

До заключенія, осенью 1920 г., перемирія съ поляками, бѣгство могло происходить только путемъ перехода черезъ фронтъ. Однако, такого рода экспедиціи представляли значительную опасность и были поэтому многимъ не по вкусу. Впослѣдствіи, когда боевыя дѣйствія затихли, опредѣлились два направленія, по которымъ открывалась возможность отъѣзда. Первое изъ этихъ направленій шло черезъ Бессарабію, ставшую составной частью Румынскаго королевства. Второй маршрутъ лежалъ черезъ Польшу; установленная по окончаніи войны граница Польскаго государства проходила черезъ бывшую Волынскую губернію, и нѣкоторые ея городки и мѣстечки стали излюбленными мѣстами для переправы.

Переходъ черезъ самую границу, какъ говорили, особыхъ трудностей не представлялъ; и всѣ помыслы невольныхъ эмигрантовъ были направлены прежде всего на то, какъ добраться изъ Кіева до намѣченнаго пограничнаго пункта. Вѣдь на каждое передвиженіе по желѣзной дорогѣ требовался пропускъ, выдаваемый «Особымъ отдѣломъ Че-ка». Полученіе же пропуска въ пограничную полосу было связано со спеціальными трудностями.

Для полученія пропуска на любую станцію было необходимо имѣть служебную командировку отъ какого-либо совѣтскаго учрежденія. Когда, лѣтомъ 1921 г., мнѣ понадобилось съѣздить по своему личному дѣлу въ Москву, я долженъ былъ заручиться командировкой отъ одного, — существовавшаго главнымъ образомъ на бумагѣ, — учрежденія, носившаго названіе «Бюро промышленныхъ развѣдокъ». Въ полученной мною бумагѣ была очень подробно расписана важность промышленныхъ развѣдокъ для совѣтскаго государства и важность моей поѣздки въ Москву для промышленныхъ развѣдокъ. Простоявъ нѣсколько дней въ очереди, я получилъ тогда изъ Особаго отдѣла пропускъ въ Москву.

Но съ выѣздомъ къ границѣ дѣло обстояло далеко не такъ просто. «Особый отдѣлъ» весьма настораживался, какъ только вопросъ касался пропуска въ городъ, подозрительно близкій къ западной границѣ. Начинались упорные разспросы о цѣли поѣздки и чаще всего въ выдачѣ пропуска отказывали. При этомъ, нерѣдко какъ лицо, хлопотавшее о пропускѣ, такъ и учрежденіе, выдавшее командировку, брались подъ подозрѣніе, и дѣло кончалось худо.

Но къ счастью взятка издавна служитъ у насъ вѣрнѣйшей гарантіей гражданскихъ вольностей, и благодаря взяткѣ не существуетъ препятствій, которыхъ невозможно было бы преодолѣть. Въ концѣ концовъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ практики, выработался цѣлый рядъ способовъ переѣзда въ пограничные пункты.

Операціи съ фиктивными командировками не всегда сходили благополучно, и поэтому многіе не останавливались предъ тѣмъ, чтобы добыть себѣ командировки настоящія. Для этого нужно было поступить на службу въ какое-нибудь учрежденіе, имѣющее связь съ пограничной полосой, а затѣмъ добиваться перевода на новую должность куда-нибудь поближе къ границѣ. Конечно, приходилось запастись изрядным терпѣніемъ, такъ какъ тотчасъ по поступленіи на службу такіе переводы не давались; кромѣ того, было необходимо до извѣстной степени заслужить довѣріе у своего начальства. Все это было и продолжительно, и непріятно. Зато въ результатѣ получалась возможность выѣзда съ семьей на вполнѣ легальныхъ началахъ и при довольно сносныхъ условіяхъ. Пріѣхавъ на «новое мѣсто службы», такого рода сотрудники обыкновенно немедленно переправлялись черезъ границу.

Возможность выдавать командировки въ пограничный районъ создавала для начальственныхъ особъ нѣкоторыхъ совѣтскихъ учрежденій совершенно для нихъ непреоборимый соблазнъ. Вѣдь такая возможность была равносильна патенту на торговлю командировками. Этой торговлей и занялись многіе совѣтскіе магнаты.

Всякое коммерческое дѣло, — даже въ коммунистическомъ государствѣ, — идетъ лучше всего при помощи посредниковъ. Поэтому у насъ вскорѣ создался особый типъ людей, которыхъ можно назвать предпринимателями или подрядчиками по вывозу за-границу. Они устраивали сближеніе между жаждущимъ уѣхать гражданиномъ и жаждущимъ получить взятку совѣтскимъ чиновникомъ. Они же обставляли самый отъѣздъ и сопровождали уѣзжающихъ вплоть до границы.

Самымъ дорогимъ и комфортабельнымъ способомъ отъѣзда былъ тотъ, когда въ роли предпринимателя фигурировалъ гонецъ, спеціально присланный за какой либо семьей ея родными изъ за-границы. Такіе гонцы пріѣзжали въ Кіевъ во всеоружіи опыта и знакомствъ съ пограничной стражей. И, что самое главное, они привозили съ собой изъ за-границы валюту, отъ вида которой, какъ отъ солнечныхъ лучей, таяли ледяныя сердца совѣтскихъ чиновниковъ...

* * *

Полученіемъ командировки и пропуска не ограничивались хлопоты и приготовленія къ отъѣзду. Не менѣе важнымъ было обставить свой выѣздъ съ внѣшней стороны такъ, чтобы онъ ни въ комъ не возбудилъ подозрѣній и не закончился проваломъ. Къ этому велъ только одинъ путь — опрощеніе. Необходимо было превратиться въ рядового путешественника, отнюдь не могущаго обратить на себя вниманіе злыхъ геніевъ Че-ка или Особ-отдѣла. Надлежало принять внѣшнее обличье, ничѣмъ не отличающееся отъ нормальнаго вида публики, какая въ то время наполняла поѣзда и вокзалы. Косоворотка, сапоги, фуражка или картузъ: болѣе изысканный костюмъ отнюдь не допускался...

Внѣшній видъ и содержимое багажа также служили предметомъ тяжкихъ заботъ и думъ. Первое и главное условіе, касающееся багажа, сводилось къ тому, чтобы его было какъ можно меньше. Всякій лишній свертокъ, — говорили подрядчики по перевозкѣ за границу — привлекаетъ излишнее вниманіе, каждый лишній фунтъ затрудняетъ передвиженіе. Отъѣзжающихъ стращали разсказами о томъ, какъ многіе изъ ихъ предшественниковъ попадались изъ-за своего багажа, и увѣщевали ихъ отрѣшиться отъ пагубной привязанности къ вещамъ.

То малое, что разрѣшалось брать съ собой, предписывали сложить въ простой мѣшокъ. Всѣ виды чемодановъ считались признакомъ принадлежности къ буржуазіи. Кромѣ того, мѣшки имѣли преимущество большей портативности.

Чтобы собрать средства на дорогу, а также чтобы уменьшить предательскій объемъ своего багажа, отъѣзжающіе посвящали послѣднія недѣли своего пребыванія дома усиленной распродажѣ вещей. Продавали весь остатокъ своего имущества, — все, чего не продали раньше: квартиру, мебель, шубы, бѣлье и т. д., и т. д. Единственное, что старались по возможности сохранить и во что стремились превратить все свое имущество, это были драгоцѣнности и иностранная валюта.

Съ цѣнностями была, однако, новая бѣда. Возникалъ роковой вопросъ: куда ихъ спрятать? Громадное большинство уѣзжавшихъ были людьми разоренными и обнищавшими. Въ какомъ нибудь одномъ, купленномъ цѣною величайшаго напряженія, камешкѣ заключался экстрактъ изъ всего остатка ихъ достоянія. На этомъ же камнѣ или на бумажкѣ въ нѣсколько долларовъ покоилась вся надежда на возможность кой-какъ перебиться первое время за границей. А вмѣстѣ съ тѣмъ, достаточно было обнаружиться какой-либо цѣнности на обыскѣ, — отъ какового ни одинъ путешественникъ гарантированъ не былъ, — чтобы не только деньги пропали, но и самъ владѣлецъ ихъ оказался пойманнымъ «съ поличнымъ»...

Гдѣ только ни прятали люди свои миніатюрныя богатства! Кажется, не существовало такого укромнаго уголка человѣческой одежды, который бы въ этихъ случаяхъ не служилъ кому-нибудь сэфомъ. Камни вдѣлывались въ каблуки, золотыя монеты обшивались матеріей и служили пуговицами. Секретными хранилищами для камней служили карандаши со спеціально выдолбленнымъ дупломъ, стеариновыя свѣчки съ выскобленнымъ и затѣмъ вновь залитымъ отверстіемъ. Кредитные билеты полагалось зашивать въ платье.

Пригодность различныхъ сортовъ валюты для этой цѣли учитывалась въ ихъ курсѣ на кіевской подпольной биржѣ.

— Доллары котируются выше фунтовъ, говорили наши биржевики, — потому что они не шуршатъ...

Нужно, однако, сказать, что всѣ эти ухищренія не приносили особой пользы. Если дѣло доходило до обыска, то обычно, такъ или иначе, все скрытое обнаруживалось. Чаще всего самъ обыскиваемый приходилъ въ такое состояніе духа, что ему становилось уже безразличнымъ, до какихъ предѣловъ онъ будетъ ограбленъ; тогда онъ добровольно показывалъ тѣ секретныя хранилища, на измышленіе которыхъ было пущено въ ходъ столько изобрѣтательности. Кромѣ того, обыскиватели постепенно изловчались и познавали всѣ пріемы сокрытія цѣнностей. Въ концѣ концовъ, пограничные чекисты додумались до слѣдующаго радикальнаго и безошибочнаго способа ограбленія: арестованному предлагали совершенно раздѣться и затѣмъ давали ему полный комплектъ другого бѣлья и платья. Снятое съ него одѣяніе забирали себѣ и могли затѣмъ на досугѣ подвергать самому тщательному анализу. Противъ такого «обыска» не могли помочь никакія укрывательскія ухищренія...

Самый отъѣздъ обставлялся глубочайшей таинственностью. Никто въ городѣ не долженъ былъ знать, когда именно выѣздъ состоится; рѣдко кто рѣшался проститься съ друзьями и родственниками. Уѣзжали обычно изъ чужой квартиры; вещи выносились и отправлялись кѣмъ нибудь постороннимъ заблаговременно.

О проводахъ на вокзалъ не могло быть и рѣчи. Мнѣ разсказывали о провалѣ одной уѣзжавшей дѣвицы, который былъ вызванъ единственно тѣмъ, что ея мать имѣла неосторожность не только пріѣхать на вокзалъ проводить ее, но еще и за-

плакать во моментъ отхода поѣзда. На путешественницу обратили особое вниманіе, обыскали ее и, обнаруживъ подозрительныя вещи, арестовали.

Вынужденная осторожность уѣзжавшихъ невольно вызывала у остававшихся какое-то тяжелое чувство. Бывало, видишься съ человѣкомъ постоянно и ведетъ онъ себя какъ ни въ чемъ не бывало. И вдругъ въ одинъ прекрасный день передаютъ: уѣхалъ. И черезъ нѣкоторое время снова передаютъ: получилось извѣстіе, что такой-то уже за-границей!

Такъ, украдкой и таинственно, разставались съ намн знакомые и друзья, пускавшіеся въ долгій путь бѣженства.

* *
*

Насъ взялся вывезти одинъ инженеръ-желѣзнодорожникъ, занимавшій довольно важный постъ въ Управленіи Юго-Западныхъ дорогъ. По своей должности онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи отдѣльный вагонъ и могъ совершать въ любомъ направленіи «служебныя» поѣздки по линіи.

Мой уговоръ съ этимъ желѣзнодорожникомъ состоялъ въ слѣдующемъ: онъ дастъ мнѣ удостовѣреніе на мое имя, какъ «временному конторщику» при управленіи жел. дор., и въ то же время командируетъ меня на лѣсовозныя вѣтки близъ польской границы «для пріемки заготовленныхъ шпалъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ беретъ насъ въ свой вагонъ и довозитъ до пограничнаго мѣстечка, гдѣ передастъ «съ рукъ на руки» людямъ, занимающимся отправкой черезъ границу. Моя жена будетъ фигурировать въ качествѣ супруги другого конторщика, также ѣдущаго съ нами въ вагонѣ.

27 іюля 1921 года этотъ номинальный мужъ моей жены явился къ намъ и отвезъ на вокзалъ нашъ багажъ. Черезъ часъ послѣ этого мы вышли изъ дому и направились пѣшкомъ на Крещатикъ. Съ нами шли двое наиболѣе близкихъ людей, оставляемыхъ нами въ Кіевѣ. Завернувъ за уголъ, мы пожали руку провожающимъ, сѣли на извозчика и поѣхали на вокзалъ.

Поѣздъ долженъ былъ отойти только на слѣдующій день утромъ, но намъ было изъ предосторожности предложено пріѣхать на вокзалъ не къ самому отходу поѣзда, а наканунѣ. Мы ночевали въ вагонѣ. Утромъ присоединился къ намъ нашъ желѣзнодорожникъ, приставленный къ нему комиссаръ и еще какая-то дѣвица, функціи которой для насъ были сначала не совсѣмъ понятны. Намъ было строго наказано не выходить изъ вагона и не поднимать шторъ, чтобы никто съ перона насъ не увидѣлъ.

Рано утромъ 28-го поѣздъ тронулся.

Характеръ желѣзнодорожныхъ путешествій по Совѣтской Россіи былъ мнѣ уже знакомъ по поѣздкѣ въ Москву, совершенной двумя мѣсяцами раньше.

Болѣе всего поразилъ меня тогда громадный контрастъ между тѣмъ, что я слышалъ про желѣзнодорожные нравы въ начальную, демобилизаціонную эпоху большевизма, и тѣмъ, что я увидѣлъ своими глазами теперь. Ничего похожаго на солдатскія толпы, выбрасывающія пассажировъ, бьющія окна и захватывающія мѣста, теперь не было. Напротивъ, все протекало чрезвычайно чинно. Каждый зналъ свое мѣсто въ новомъ общественномъ строѣ и соотвѣтствующее ему мѣсто въ совѣтскомъ поѣздѣ. И никому не приходило на мысль добиваться другого мѣста или, тѣмъ менѣе, смѣстить для этого какого-либо «законнаго» обладателя таковымъ.

При этомъ, распредѣленіе мѣстъ въ поѣздахъ, — отражавшее, какъ зеркало, распредѣленіе жизненныхъ благъ вообще, — установилось вопіюще неравномѣрное

и несправедливое. Я ѣхалъ въ Москву (какъ и теперь къ границѣ) въ особомъ типѣ вагона, весьма расплодившемся за послѣдніе годы на Руси, а именно въ отдѣльномъ или «собственномъ» вагонѣ. Вагонъ принадлежалъ тому самому «Бюро промышленныхъ развѣдокъ», которое снабдило меня командировкой. Такого рода вагоны получили у насъ весьма характерное названіе «протекціонныхъ»; дѣйствительно, и право на вагонъ, и право на мѣсто въ такомъ вагонѣ получались не иначе, какъ по протекціи. И вотъ, въ то время, когда ни паровозовъ, ни вагоновъ не было, когда поѣзда по важнѣйшимъ линіямъ шли по одному разу въ недѣлю, когда люди мѣсяцами ждали возможности передвинуться съ мѣста на мѣсто, — въ то же время всякое, даже самое мелкое управленіе и всякій, даже самый неважный комиссаръ имѣли по собственному вагону, который прицѣплялся къ любому поѣзду.

Въ обратный путь, изъ Москвы въ Кіевъ, я ѣхалъ также въ «протекціонномъ вагонѣ», а именно въ вагонѣ извѣстнаго дрессировщика и клоуна Владиміра Дурова, который получилъ командировку — съѣздить за пополненіемъ для своихъ зоологическихъ коллекцій. Понятно, эти послѣднія, какъ и все вообще въ Россіи, къ тому времени уже подверглись обобществленію, такъ что его четвероногіе питомцы едва ли не числились на государственной службѣ.

Въ пути, — какъ тогда въ Москву, такъ и теперь, — меня крайне поразило то полное смиреніе, съ которымъ публика относилась къ этому новому кричащему неравенству, олицетворяемому «протекціонными вагонами». Толпы народа безропотно валялись цѣлыми сутками по станціямъ на перронахъ, въ то время какъ мимо нихъ проходили поѣзда съ полупустыми вагонами новыхъ баловней фортуны. Кондуктора обращались съ «простымъ народомъ» грубѣе, чѣмъ когда либо прежде, а для привилегированной публики они вновь обрѣли самыя почтительныя, заискивающія интонаціи.

Страсть къ подчиненію, — думалъ я, глядя на эти заполнявшія перроны толпы, — повидимому, очень глубоко сидитъ въ человѣкѣ и только изрѣдка и ненадолго уступаетъ она мѣсто бунтарскимъ порывамъ къ свободѣ...

* * *

На этотъ разъ наше желѣзнодорожное путешествіе оказалось долгимъ и томительнымъ. Мы простояли цѣлый день на первой узловой станціи, день — на второй и день — на послѣднемъ полустанкѣ предъ конечнымъ пунктомъ. Въ общемъ, пролетъ, составляющій менѣе 150 верстъ, занялъ у насъ четыре дня.

За это время я могъ хорошо приглядѣться къ внутренней жизни «протекціоннаго вагона». Нашъ вагонъ былъ сравнительно новый и чистый: это была вновь оборудованная, преобразованная теплушка, разбитая на салонъ и три купэ. Ѣхали въ ней, кромѣ насъ, — какъ я уже говорилъ, — желѣзнодорожникъ, комиссаръ, конторщикъ, барышня, а также какихъ-то трое рабочихъ. Барышня, какъ потомъ выяснилось, направлялась въ рекогносцировку относительно возможностей перехода черезъ границу въ различныхъ пунктахъ на нашемъ пути. Она имѣла въ виду какую-то партію выѣзжающихъ, которыхъ «взяла съ подряда», и готовила имъ маршрутъ. Для этого, пользуясь знакомствомъ, пристроилась въ служебномъ вагонѣ; а чтобы не терять времени, использовала поѣздку также для нѣкоторыхъ коммерческихъ операцій. Эти послѣднія, видимо, составляли основную цѣль поѣздки и нашего инженера, и его конторщика, а, быть можетъ, и комиссара. Во всѣхъ пунктахъ, которые мы проѣзжали, продукты были дешевле, чѣмъ въ Кіевѣ. Нѣкоторыя станціи на нашемъ пути славились дешевымъ масломъ, а въ пограничной

полосѣ можно было добыть контрабандные товары изъ Польши: чай, сахаринъ и т. д. Все это закупалось нашими спутниками и сносилось въ вагонъ. Чтобы всемѣрно использовать свой вагонъ, наши желѣзнодорожники взяли съ собой изъ Кіева не только деньги, — происхожденіе которыхъ намъ было слишкомъ хорошо извѣстно, — но и нужные деревнѣ товары, напр. серпы и т. д.

Меня поразило, что мѣновой торгъ производился ими почти совершенно открыто, безъ всякаго стѣсненія, хотя желѣзнодорожники не могли не учитывать, что рискуютъ подвергнуться большимъ непріятностямъ и скандалу въ видѣ обыска со стороны страшной «Орт.-Чека»*, а затѣмъ и конфискаціи товара.

Но соблазнъ использовать разницу въ цѣнахъ на продукты былъ, повидимому, ужъ слишкомъ великъ. Разница же въ цѣнахъ происходила исключительно изъ-за нелѣпой политики совѣтской власти, всячески затруднявшей перевозку людей и товаровъ, устанавливавшей «заградительные отряды» и т. д. Благодаря этимъ мѣрамъ, такой продуктъ, какъ соль, цѣнился въ Кіевѣ дороже сахара и считался деликатессомъ, въ то время какъ въ Одессѣ, у моря, его было сколько угодно. Перевозить же соль изъ Одессы въ Кіевъ было, конечно, воспрещено. И, въ результатѣ, скорый поѣздъ, курсировавшій два-три раза въ недѣлю между Одессой и Кіевомъ, получилъ названіе «соляного поѣзда»: почти всѣ пассажиры этого поѣзда везли въ своемъ багажѣ контрабандную соль.

Вопросъ снабженія городовъ продовольствіемъ былъ въ то время на Украинѣ исключительно вопросомъ транспорта, такъ какъ деревня имѣла продукты, а городъ могъ ихъ оплачивать. Но изъ-за безсмысленнаго вмѣшательства власти въ естественный процессъ товарообмѣна получилось то, что разница въ цѣнахъ на продукты въ различныхъ пунктахъ оказывалась колоссальная. Соотвѣтственно великъ становился соблазнъ использовать всякую возможность свободныхъ разъѣздовъ. Почти всѣ прикосновенные къ желѣзнодорожному мірку люди имѣли эту возможность. И почти всѣ спекулировали на продуктахъ.

Протекціонные же вагоны были какъ бы нарочито созданы для такихъ «дѣловыхъ» поѣздокъ.

* *
*

Изъ нашихъ стоянокъ наиболѣе томительной была послѣдняя — на маленькомъ полустанкѣ, въ 20-ти верстахъ отъ нашей цѣли. Мы провели тамъ цѣлый день; жара стояла такая, что приходилось скрываться отъ палящихъ солнечныхъ лучей, сидя на путяхъ подъ вагономъ.

Инженеръ съ комиссаромъ уѣхали на дрезинѣ впередъ; они должны были прислать за нами паровозъ, который бы отвезъ имъ вслѣдъ нашъ вагонъ. Но часы проходили за часами и ни ожидаемаго паровоза, ни какого-нибудь проходящаго поѣзда не появлялось. Наконецъ, поздно вечеромъ наши спутники возвратились на той же дрезинѣ, на которой утромъ уѣхали.

Мы улеглись въ довольно тревожномъ настроеніи и не успѣли заснуть, какъ въ купэ появилась ѣхавшая въ нашемъ вагонѣ барышня. Она подняла насъ со словами:

— Паровоза не будетъ. Васъ сейчасъ отвезутъ на дрезинѣ въ Х. и сдадутъ дорожному мастеру. Вагонъ отойдетъ утромъ обратно въ Кіевъ.

Вскакиваемъ, приводимъ себя въ порядокъ и выходимъ изъ вагона. Страшнѣйшая темень. Стоимъ на путяхъ и ждемъ, пока неузнаваемые силуэты какихъ то людей выносятъ изъ вагона вещи. Откуда-то появляются и оказываются рядомъ съ

* Такъ назывался отдѣлъ Чрезвычайки, свирѣпствовавшій на желѣзнодорожныхъ станціяхъ.

нами трое рабочихъ, ѣхавшихъ въ нашемъ вагонѣ изъ Кіева. Раздастся жужжаніе приближающейся дрезины. Она останавливается подлѣ насъ. Съ трудомъ нащупываемъ въ темнотѣ скамейку, садимся. Дрезина трогается.

Мы ѣдемъ часа три по лѣсу на одинокой рельсовой колеѣ дороги. Погода сначала кажется привѣтливой, появляется луна; но затѣмъ небо заволакивается тучами, становится прохладно и насъ пронизываетъ предразсвѣтная сырость.

Наконецъ, доѣхали. Останавливаемся у домика подлѣ шлагбаума. Идутъ будить дорожнаго мастера, который довольно неохотно соглашается принять насъ до утра. Рабочіе размѣщаются въ пустомъ товарномъ вагонѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ, ознакомившись путемъ разспросовъ съ несложной топографіей мѣстечка, я отправляюсь разыскивать двухъ представителей мѣстной знати, къ которымъ имѣю рекомендательныя письма. Перваго не застаю дома: этотъ мѣстный Ротшильдъ пошелъ выводить корову на выгонъ. Второй принимаетъ меня довольно сухо, кряхтитъ, говоритъ, что переходъ границы теперь вещь опасная и почти невозможная. Въ концѣ концовъ, онъ указываетъ мнѣ адресъ, по которому можно найти пристанище.

Возвращаюсь съ этими свѣдѣніями обратно въ домикъ дорожнаго мастера. Нашъ хозяинъ Михаилъ Семеновичъ представляетъ собой типъ Чеховскаго телеграфиста, перешедшаго на службу въ другое вѣдомство. Очень аккуратный и чистый, говоритъ по благородному, при этомъ чрезвычайно невѣжественъ и глупъ. Проводимъ въ его обществѣ весь день и ночуемъ, вмѣстѣ съ рабочими, въ его кишащей насѣкомыми теплушкѣ. Рабочіе эти оказываются какими-то бывшими военно-плѣнными, съ весьма сомнительнымъ прошлымъ и не менѣе темнымъ будущимъ. Выясняется, что нашъ инженеръ взялъ съ подряда ихъ переправу, и они весьма недовольны имъ за то, что онъ ихъ бросилъ на произволъ судьбы, едва довезя до пограничнаго пункта. Мы также имѣемъ основаніе быть въ претензіи на нашего желѣзнодорожника, — но что толку въ претензіяхъ?

На слѣдующій день мы переѣхали «на квартиру». Началось наше приграничное житье.

Мы уѣзжали изъ Россіи на самой зарѣ Нэп'а. (Названіе это еще, впрочемъ, не было выдумано.) Мысль о націонализаціи торговли была въ принципѣ оставлена, но разрѣшенія на частные магазины давались еще туго и купцы пользовались ими съ опаской и съ оглядкой. Всякій боялся держать у себя въ лавкѣ что-либо хоть до нѣкоторой степени цѣнное; и дѣйствительно, видъ сколько нибудь внушительнаго запаса товаровъ приводилъ непривыкшій къ новымъ временамъ глазъ чекистовъ въ весьма дурное настроеніе. Это дурное настроеніе обычно изливалось въ видѣ всевозможныхъ, путанныхъ и другъ другу противорѣчащихъ, приказовъ, въ результатѣ которыхъ товаръ въ той или иной формѣ отъ владѣльца отбирался.

Подъ знакомъ этого переходнаго времени жилъ, когда мы уѣзжали, Кіевъ; то же въ миніатюрѣ застали мы здѣсь.

Лавки на базарной площади не были ни закрыты, ни открыты: онѣ были пріоткрыты. Внѣшне это выражалось тѣмъ, что выставочное окно было скрыто подъ ставнями и дверь въ магазинъ открывалась только на два-три часа въ день, а то и вовсе не открывалась. Въ послѣднемъ случаѣ ее успѣшно замѣнялъ черный ходъ. Внутри магазина полки были пусты, а товаръ держался въ болѣе укромныхъ мѣстахъ. Торговали преимущественно съѣстными припасами.

Главнымъ нервомъ дѣловой жизни мѣстечка была контрабанда. Все русское было строго запрещено къ вывозу, все польское — не менѣе строго запрещено къ ввозу. Благодаря этому, все русское было крайне дешево для Польши, а все польское

— заманчиво для Россіи. И въ результатѣ въ пограничныхъ мѣстахъ шла непрерывная тайная ярмарка.

Въ Польшу вывозили лошадей, скотъ, шерсть, кожу. Изъ Польши ввозили сахаринъ, чай, галантерейныя мелочи. Взаимный разсчетъ производился на польскія марки либо на «царскія деньги». Особенно были въ ходу послѣднія, въ частности пятисотки, которыя почему-то назывались здѣсь «тàкерами». На совѣтскія бумажки существовалъ измѣнчивый курсъ; во внутреннемъ оборотѣ онѣ свободно принимались, но въ «международныхъ разсчетахъ» эта валюта примѣненія не имѣла. Совѣтскія деньги сокращенно назывались «совѣтами». За одинъ «тàкеръ» давали при насъ 40—50 т. «совѣтовъ».

Общественныя настроенія въ пограничномъ районѣ были сколкомъ съ кіевскихъ настроеній. При этомъ, къ сожалѣнію, не мѣстечко поднялось до Кіева, а, напротивъ, Кіевъ опустился до мѣстечка.

Такъ же, какъ въ Кіевѣ, и здѣсь населеніе жило пустыми надеждами и наивными слухами. Благодаря непосредственной близости мѣстечка къ границѣ, эти надежды и слухи имѣли особый источникъ питанія въ видѣ функціонировавшей въ то время «Комиссіи по проведенію границы», задачей которой было точное установленіе линіи границы между Россіей и Польшей, намѣченной по Рижскому мирному договору. Комиссія засѣдала, осматривала мѣстность и рѣшала судьбу каждой отдѣльной деревни, причисляя одну къ Польшѣ, другую къ Россіи. И вотъ жители всѣхъ пограничныхъ мѣстъ съ русской стороны втайнѣ уповали на то, что комиссія подъ тѣмъ или другимъ передлогомъ передастъ ихъ Польшѣ. Отсюда рождались слухи объ уже состоявшемся, будто бы, благопріятномъ постановленіи Комиссіи относительно нашего мѣстечка, и многіе здѣсь со дня на день ждали эвакуаціи большевиковъ. Намъ даже предлагали не спѣшить съ отъѣздомъ, а лучше выждать, пока мы, черезъ недѣлю-другую, автоматически окажемся въ предѣлахъ Польши.

Всѣ эти пограничныя надежды были, однако, по существу весьма легкомысленны и тщетны: полномочія «комиссіи» были весьма ограничены, и она, конечно, не могла ни въ чемъ измѣнить постановленій мирнаго договора. Между тѣмъ, судьба всѣхъ мало-мальски значительныхъ поселеній и желѣзно-дорожныхъ станцій была въ Рижскомъ договорѣ предрѣшена.

Мнѣ пришлось впослѣдствіи вновь встрѣтиться съ подобными же настроеніями — по другую сторону границы, въ кругу эмигрировавшихъ жителей пограничной полосы, которымъ очень хотѣлось «переманить» на польскую территорію свои родныя мѣста. Говорятъ, что для этой цѣли пускались въ ходъ даже разнаго рода пріемы воздѣйствія на большевистскихъ членовъ пограничныхъ комиссій...

Я всегда вспоминаю объ этихъ настроеніяхъ и мечтахъ по обѣ стороны границы, когда приходится слышать или читать о «взрывѣ русскихъ патріотическихъ чувствъ, вызванномъ интервенціей».

* * *

Хозяинъ (или вѣрнѣе: пристанодержатель), у котораго мы жили, представлялъ собой довольно любопытную фигуру. За нѣсколько лѣтъ до войны, еще будучи холостякомъ, онъ эмигрировалъ въ Америку и провелъ въ одномъ городкѣ Канады три года. На мой вопросъ, чѣмъ онъ тамъ занимался, нашъ хозяинъ отвѣтилъ:

— Я служилъ въ «factory» и былъ тамъ «инспекторомъ надъ желѣзными кроватями».

Это необыкновенное наименованіе онъ, повидимому, перевелъ съ какого-то англійскаго фабричнаго термина; повторялъ онъ его весьма часто и съ нѣкоторой гор-

достью. Онъ успѣлъ пріобрѣсти въ Канадѣ права гражданства и хранилъ теперь, какъ величайшую драгоцѣнность, документы велико-британскаго подданнаго, носящаго его же англизированное имя. Несмотря на всѣ эти успѣхи, его въ концѣ концовъ потянуло обратно на родную Волынь. Онъ возвратился домой, женился, родилъ трехъ мальчиковъ и сталъ снова заниматься мѣстечковой коммерціей.

По своей невольной близости съ этой семьей, — мы жили въ проходной столовой, а семейство хозяина занимало сосѣднюю комнату, — мы имѣли случай присмотрѣться къ его теперешнимъ занятіямъ. Хозяинъ водилъ знакомство съ крестьянами изъ отошедшихъ къ Польшѣ деревень, которые нѣсколько разъ въ недѣлю наѣзжали сюда за покупками. Покупали они главнымъ образомъ лошадей, а иногда и рогатый скотъ, уводя затѣмъ ближайшей ночью все вновь пріобрѣтенное черезъ границу. И ни одна покупка не обходилась безъ «Іоселя», какъ называли нашего хозяина крестьяне.

Наблюденіе за этой контрабандной торговлей само по себѣ не представляло особеннаго интереса. Но наше вниманіе было невольно приковано къ каждому пріѣзжавшему съ той стороны границы мужику, потому что — какъ оказалось — съ каждымъ изъ нихъ могла быть связана наша собственная судьба.

Какъ мы узнали въ первый же день, наѣзжавшіе въ мѣстечко мужики-контрабандисты, въ качествѣ подсобнаго промысла, перевозили въ Польшу также «пассажировъ». Какъ выяснилось, это и былъ единственный способъ перебраться черезъ границу, такъ какъ всѣ жившіе по русскую сторону возчики были въ такой мѣрѣ напуганы совѣтскими скорпіонами, что ни за какія деньги не рѣшались заниматься переправкой выѣзжающихъ. Ихъ сосѣди, оказавшіеся на польской сторонѣ, были, естественно, гораздо смѣлѣе. Притомъ наиболѣе рискованнымъ элементомъ этихъ операцій была перевозка не людей, а товаровъ; въ случаѣ провала, товаръ, разумѣется, конфисковывали и предприниматель терпѣлъ большой убытокъ. Наличность двухъ-трехъ пассажировъ почти ничего не прибавляла къ этому риску. Поэтому контрабандисты довольно охотно брали съ собой, въ придачу къ лошадямъ и коровамъ, также и человѣческую контрабанду.

Такова была установившаяся въ наше время система переправы черезъ границу. Непріятная сторона этого способа бѣгства состояла въ томъ, что наша судьба оказывалась въ полной зависимости отъ результата коммерческихъ операцій мужиковъ. Сторгуется пріѣзжій мужичекъ съ Іоселемъ, купитъ лошадь — хорошо; не сторгуется — жди другого случая.

Наша немедленная отправка не лежала, повидимому, въ интересахъ нашего хозяина. Намъ пришлось прождать двѣ недѣли, пока наконецъ представился подходящій «случай». Нѣсколько разъ сдѣлки по покупкѣ лошадей не состоялись и мужики уѣзжали въ дурномъ настроеніи. Одинъ разъ произошла непріятность съ продавцомъ контрабандныхъ лошадей: у него сдѣлали обыскъ и препроводили его въ «особый отдѣлъ», требуя выдачи «такеровъ», полученныхъ за проданный товаръ. Былъ, наконецъ, случай, когда все, казалось, было въ полномъ порядкѣ: лошади куплены, Іоселъ удовлетворенъ, мужики въ хорошемъ расположеніи. Но, на несчастье, во всемъ мѣстечкѣ нельзя было достать воза съ драбинками*, чтобы посадить насъ и увезти черезъ границу. И вотъ пришлось опять оставаться на мѣстѣ и выжидать.

Признаться, я до этого дня вообще не зналъ, что значитъ слово «драбинки» и, во всякомъ случаѣ, мнѣ никогда не приходило въ голову, что этотъ предметъ будетъ играть какую либо роль въ моей жизни...

* * *

* Стоячіе отлогіе брусья по бокамъ воза, между которыми помѣщается поклажа.

Наконецъ пришелъ долгожданный день.

Намъ сообщили, что мужикъ изъ находящейся по ту сторону деревни пріѣхалъ со своимъ возомъ на русскую территорію, на которой онъ намѣренъ произвести большую коммерческую операцію. Онъ закупаетъ лошадей, коровъ, кожи — и готовъ присоединить къ сему также и насъ. Товаръ уже закупленъ и находится гдѣ-то въ лѣсу, верстахъ въ восьми отъ мѣстечка. Туда же должны предъ вечеромъ отправиться и мы, чтобы затѣмъ ночью перейти черезъ границу.

Мужика — звали его Захарко — намъ аттестовали, какъ «перваго ризиканта на деревнѣ». Ѣздитъ, молъ, каждую недѣлю за закупкой, ничего не боится и еще ни разу не попадался. Обладаетъ двойнымъ подданствомъ, такъ какъ числился недавно у большевиковъ при какихъ-то земляныхъ работахъ и имѣетъ соотвѣтственное удостовѣреніе отъ Совѣтской власти; въ то же время, вмѣстѣ со своей родной деревней, отошелъ теперь къ Польшѣ. Можетъ, такимъ образомъ, предъявлять въ предѣлахъ Россіи одинъ паспортъ, въ предѣлахъ Польши — другой.

По всѣмъ этимъ даннымъ, Захарко былъ контрабандистъ Божьей милостью. Въ нашемъ дѣлѣ онъ сейчасъ же и показалъ себя отчаяннымъ «ризикантомъ». Самый трудный и опасный моментъ во всемъ нашемъ предпріятіи былъ выѣздъ изъ мѣстечка. Встрѣтить или не встрѣтить стражу въ лѣсу — дѣло случая. Но передвигаться съ вещами по кишащему чекистскими элементами мѣстечку, да еще по направленію къ пограничному лѣсу — было чрезвычайно рискованно. Сначала у насъ былъ выработанъ планъ итти пѣшкомъ къ условленной стоянкѣ товара Захарки. Но планъ этотъ, послѣ одной неудачной попытки, пришлось оставить. Тогда Захарко предложилъ взять быка за рога: онъ взялся проѣхать съ возомъ черезъ все мѣстечко къ домику дорожнаго мастера, гдѣ хранились наши вещи, нагрузить ихъ тамъ, а затѣмъ — въ лѣсъ! Такъ мы и рѣшили.

Распрощавшись съ нашими хозяевами, я пошелъ впередъ къ домику дорожнаго мастера, сѣлъ во дворѣ на лавкѣ и сталъ ждать событій. Ждать пришлось довольно долго и наблюденія, которыя я при этомъ дѣлалъ, были крайне неутѣшительны. Оказалось, что цѣлый рядъ сосѣднихъ домовъ занятъ красно-армейцами, которые непрерывно шныряютъ по переулку въ своихъ «буденовскихъ» фуражкахъ съ хвостами на затылкѣ. Дорога въ лѣсъ, хотя не длинная, но лежитъ совершенно открыто. Едва ли, — думалъ я, — можетъ нашъ отъѣздъ пройти здѣсь незамѣченнымъ.

Я ждалъ, сидя на скамейкѣ, часа три и это, быть можетъ, оказалось къ лучшему. Постепенно красноармейцы утихомирились, повидимому, занявшись чаепитіемъ въ своихъ реквизированныхъ квартирахъ. Однако, сумерки все не хотѣли начаться: дѣло было лѣтомъ, да и часы наши были, по декрету, переставлены такъ далеко впередъ, что никакъ нельзя было дождаться вечера.

Наконецъ, я увидѣлъ переходящую черезъ рельсы фигуру жены, а вслѣдъ за ней на нѣкоторомъ разстояніи показался возокъ Захарки. Онъ ѣхалъ быстро, не оглядываясь, весь красный отъ страха и возбужденія.

Проѣхавъ шлагбаумъ, онъ остановился у воротъ желѣзнодорожнаго дома. Я быстро раскрылъ ихъ и впустилъ его во дворъ. Мѣшки съ нашими пожитками въ минуту оказались на возу, и Захарко погналъ лошадей по направленію къ лѣсу. Мы шли за нимъ пѣшкомъ и усѣлись только на самой опушкѣ.

Тогда началась бѣшенная гонка по лѣсу. Мы дѣлали глубокій объѣздъ мѣстечка, выбирая наиболѣе глухія мѣста. Мы неслись безъ всякой дороги, ломая вѣтки, переѣзжая черезъ молодыя деревья. Нѣсколько разъ пришлось пересѣкать шоссе, и эти моменты были наиболѣе опасны, такъ какъ по шоссе разъѣзжали дозоры... Мы никого не встрѣтили.

Послѣ двухъ часовъ такой скачки, Захарко привезъ насъ въ условленное мѣсто, гдѣ насъ дожидались его двуногіе и четвероногіе спутники. Нашего возчика сопровождалъ изъ Польши его младшій братъ, а изъ мѣстечка онъ захватилъ еще одного юношу въ качествѣ погонщика.

Въ томъ облюбованномъ уголкѣ, въ который привезъ насъ Захарко, онъ чувствовалъ себя совершенно спокойнымъ. Онъ распрягъ лошадей и выпустилъ ихъ на пастбище. Мы провели тамъ нѣсколько часовъ, пока, наконецъ, не спустилась ночь.

Съ наступленіемъ полной темноты, мы двинулись дальше. Мы образовали цѣлую кавалькаду: спереди нашъ возъ, затѣмъ двое верховыхъ, коровы, телята. Эта процессія двигалась медленнымъ шагомъ по лѣсу. На душѣ стало какъ-то безпричинно спокойно: видно, такъ дѣйствовала окружающая обстановка — тишина лѣтней ночи, лѣсная темень и медленное, мѣрное продвиженіе впередъ.

Только однажды мы немного испугались. Мы увидѣли впереди себя костеръ и сидящаго подлѣ огня человѣка. Нашъ караванъ остановился. Послали кого-то на развѣдку, давшую успокоительныя свѣдѣнія: у костра сидѣлъ крестьянинъ, также переводившій черезъ границу какую-то скотину.

Наше шествіе возобновилось.

Часа въ два ночи мы подошли къ роковой чертѣ границы. Въ томъ мѣстѣ, въ которомъ намъ пришлось переходить ее, русско-польская граница представляла собой остроугольный трехугольникъ, составленный изъ двухъ сходящихся дорогъ. Чтобы попасть на польскую территорію, приходилось либо ѣхать по дорогѣ и огибать уголъ, либо пройти напрямикъ лѣсомъ. Для всей нашей громоздкой компаніи выбора не было: приходилось избрать первый путь, т. е. ѣхать дорогой, по которой отъ времени до времени разъѣзжали патрули красноармейцевъ. Но сами мы могли сойти съ воза и пройти черезъ лѣсъ пѣшкомъ.

Однако, нашъ «ризикантъ» Захарко уговорилъ насъ остаться на возу и ѣхать съ нимъ. Мы довѣрились судьбѣ.

Когда мы выѣхали на пограничную дорогу, насъ сразу обдалъ лунный свѣтъ, показавшійся намъ особенно яркимъ послѣ черноты лѣса. Мы взглянули въ обѣ стороны; насколько достигалъ глазъ, предъ нами стелилась широкая, гладкая, освѣщенная луной дорога; патруля не было. Захарко рѣзко повернулъ лошадей и погналъ ихъ во весь духъ. Доѣхали до угла, снова завернули и помчались въ обратномъ направленіи. Достигнувъ какого-то пункта, нырнули опять въ лѣсную чащу.

Захарко сбавилъ ходу и облегченно вздохнулъ. Мы были въ Польшѣ и сюда не могъ уже прійти ни одинъ красноармеецъ или чекистъ.

Захарко обернулся къ намъ и протянулъ руку. Мы поздравили другъ друга. Впрочемъ, нашъ возница окончательно успокоился только, когда пересчиталъ головы привезеннаго съ собой «товара». Его спутники, изъ менѣе храбраго десятка, были блѣдны какъ полотно. И только тяжеловѣсныя коровы отнеслись ко всему происшедшему съ большой флегмой.

Двинувшись дальше, мы вскорѣ выѣхали въ открытое поле. Луна зашла, и насъ окуталъ предразсвѣтный туманъ. Захарко какъ будто внезапно потерялъ свой даръ ориентировки и началъ часами плутать по кочкамъ и рвамъ.

Въ одномъ мѣстѣ мы даже чуть не попали въ бѣду. Наши лошади, продвигаясь впередъ, стали каждымъ своимъ шагомъ выбивать изъ земли искры. Присмотрѣвшись, мы увидѣли, что вся земля кругомъ покрыта тлѣющими искорками и что подымающійся съ нея паръ не похожъ на обыкновенный туманъ.

Оказалось, что мы наскочили на горящее торфяное болото...

Уже приближаясь къ деревнѣ и различая во мглѣ неясные контуры избъ, мы услышали позади насъ какіе-то странные, никогда еще не слышанные звуки. Гдѣ-то, далеко-далеко, раздавался какъ будто женскій плачъ, жалкій и протяжный. Лошади наши заржали и бросились впередъ.

— Волки воютъ, сказалъ Захарко.

Этотъ жалобный вой стаи голодныхъ волковъ былъ послѣднимъ звукомъ, донесшимся къ намъ изъ Россіи.

II. НА ПОЛЬСКОЙ СТОРОНѢ.

Въ Польшѣ. — Безпаспортность. — Сарны. — «Полицейская демократія.» — На выѣздной сессіи. — Ровенское великолѣпіе. — Въ газетномъ кіоскѣ. — Та-же ли Европа? — Отъѣздъ въ Варшаву. — На германской границѣ.

Село N. — нашъ первый этапъ на польской территоріи — было небольшимъ, захолустнымъ украинскимъ селомъ. Какъ все кругомъ, оно жило подъ знакомъ нашего времени — жило воспоминаніями, сравненіями и сожалѣніями. Прежде была школа — теперь закрыта, прежде былъ врачъ и больница — теперь нѣтъ и фельдшера, прежде пили чай съ сахаромъ — теперъ ничего горячаго не пьютъ. Неизмѣнной осталась въ селѣ съ прежнихъ временъ только его единственная, но зато широчайшая улица, по которой, вздымая облака пыли, проходили на пастбище стада.

Нашъ перевозчикъ Захарко пріютилъ насъ въ своей хатѣ. Мы провели въ ней два дня, ночуя на узенькихъ лавкахъ, вдѣланныхъ въ стѣнку. Хозяева наши спали тутъ же на болѣе помѣстительныхъ полатяхъ.

Общій видъ intérieur'а Захаркиной хаты и всѣ отдѣльныя попадавшіяся намъ на глаза вещи были необыкновенно стильны. Огромная русская печь, самодѣльные горшки, деревянная посуда кустарнаго производства — по всему было видно, что начала мѣнового хозяйства и не прикоснулись къ этому обзаведенію. Захарко былъ молодоженъ, и всѣ вещи его были новыя; но всѣ онѣ, по своему облику, имѣли такой стильный, подлинно-столѣтній видъ, какого не удается достигнуть въ своихъ городскихъ квартирахъ самымъ изысканнымъ любителямъ антикваріатовъ.

Отъ каждой вещицы вѣяло настоящей стариной. Чувствовалось, что смастерившій ее человѣкъ не задавался нарочитой цѣлью подражать образцамъ, изученнымъ по книжкамъ, но что весь онъ и все его мастерство еще полны тѣхъ же линій и формъ, какія выливались изъ подъ рукъ его предковъ въ XVII вѣкѣ.

— Мы здѣсь какъ будто въ Грановитой Палатѣ, — подумали мы, вглядываясь въ эту непривычную, своеобразно-привлекательную обстановку.

* * *

Какъ большинство выѣзжавшихъ въ ту эпоху изъ Россіи бѣженцевъ, мы были глубоко убѣждены, что всѣ опасности, непріятности и испытанія кончаются для насъ въ моментъ перехода границы. Переѣхавъ въ Польшу, — казалось намъ, — мы будемъ свободными гражданами; въ случаѣ какихъ либо сомнѣній въ нашей личности, — снесемся по телеграфу съ друзьями и родными за границей и все мигомъ уладится.

Какъ и всѣхъ, насъ ожидало разочарованіе. Паспортные страхи и полицейскія затрудненія начались у насъ съ перваго же дня перехода черезъ границу. Насъ

встрѣтили не какъ плѣнниковъ, вырвавшихся изъ тюрьмы, а какъ незванныхъ, докучливыхъ гостей, пріѣхавшихъ дѣлить съ хозяиномъ его скудную трапезу. Мы оказались пока еще не въ Европѣ, пересѣченной по всѣмъ направленіямъ усовершенствованными путями сообщенія, а въ русской деревенской глуши, откуда «хоть десять лѣтъ скачи — ни до какого государства не доскачешь».

Самымъ прискорбнымъ было, однако, то, что приходилось еще радоваться, что мы оказались въ глуши, куда почти не проникали признаки организованной государственности. Ибо не будь этой спасительной некультурности, — первый же жандармъ или полиціантъ отправилъ бы насъ обратно «за кордонъ»...

Призракъ насильственнаго водворенія обратно въ Совѣтскую Россію преслѣдовалъ насъ — какъ и всѣхъ, бывшихъ въ нашемъ положеніи, — все время пребыванія въ Польшѣ. Этотъ призракъ казался слишкомъ чудовищнымъ и дикимъ, чтобы можно было ему хоть на минуту повѣрить. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ слишкомъ страшенъ, чтобы о немъ можно было хоть на минуту забыть...

Мы рѣшили какъ можно скорѣе ѣхать вглубь страны, продвинуться впередъ на Западъ и не искушать судьбы явкой къ пограничнымъ церберамъ.

Мы договорились съ тѣмъ же Захаркой, который взялся отвезти насъ на своемъ возу въ Сарны, т. е. еще на нѣсколько десятковъ верстъ дальше на Западъ. Поѣздка эта заняла два дня. Мы выѣхали изъ N. съ утра и, протрясшись часовъ восемь и основательно вымокнувъ подъ ливнемъ, ночевали въ мѣстечкѣ Т. На второй день поѣздки, Захарко закапризничалъ, и пришлось премѣнить нашъ фаэтонъ на другой, на сей разъ запряженный волами. Послѣдніе 20 верстъ пути мы ѣхали по глубокой колеѣ песчаной дороги, по которой степенно шагали волы, понукаемые непрестаннымъ прикрикиваніемъ нашего новаго возницы.

Былъ двадцатый день со дня нашего отъѣзда изъ дома, когда мы, приближаясь къ Сарнамъ, снова увидѣли желѣзнодорожные рельсы. Путь имѣлъ, какъ всегда, аккуратный и чистый видъ; по сторонамъ стояли телеграфные и верстовые столбы. Взглянувъ на одинъ изъ послѣднихъ, я прочелъ цифру: 178. Это значило, что за все это время мы успѣли отъѣхать отъ Кіева всего на 178 верстъ...

Желѣзно-дорожнаго сообщенія здѣсь еще не было, такъ какъ польскія войска во время своего отступленія лѣтомъ 1920 года взорвали всѣ мосты. Кромѣ того, по всей линіи, начиная отъ Кіева, были тогда же сожжены и станціонные вокзалы. Теперь на этой части линіи, перешедшей къ Польшѣ, полякамъ приходилось возстанавливать все ими-же разрушенное. Капитальныя работы производились на большомъ желѣзнодорожномъ мосту предъ Сарнами; нашъ возчикъ не безъ ехидства указывалъ намъ на этотъ образецъ производительнаго труда. Сами мы должны были пресѣзжать рѣку еще въ бродъ.

Наконецъ, мы прибыли въ Сарны. На улицахъ царило оживленіе, въ кіоскахъ продавались газеты, лавки были открыты, своими вывѣсками и витринами онѣ стремились бросаться въ глаза прохожимъ и обращать на себя ихъ вниманіе... Все это показалось намъ страннымъ и необычайнымъ.

Неопредѣленность нашего юридическаго положенія не давала намъ, однако, возможности заниматься этими спокойными и пріятными наблюденіями.

Сарны — ближайшій къ восточной границѣ Польши административный центръ, обладающій своимъ старостомъ и прочими органами мучительства эмигрантовъ. Здѣсь мы уже не были среди спасительнаго захолустья, становилось необходимымъ такъ или иначе урегулировать свой «личный статутъ». На улицахъ Сарнъ непрерывно проходили солдаты, всѣ гостиницы, — какъ говорили намъ, — были подъ строгимъ наблюденіемъ начальства. Намъ передавали различныя страшныя исторіи о

томъ, какъ безжалостно расправляются здѣсь съ безправными бѣженцами, которыхъ будто бы неминуемо ждетъ обратное водвореніе въ Россію...

Ни одна гостиница, ни одинъ постоялый дворъ не хотѣли принять насъ, какъ безпаспортныхъ, на ночлегъ. Мы чувствовали себя травленными звѣрями и были близки къ отчаянію... Въ концѣ концовъ, однако, одна добрая душа сжалилась надъ нами и пріютила у себя на ближайшую ночь. Это была совершенно незнакомая женщина, сама недавно пріѣхавшая изъ Россіи. Спасибо ей!

Та же благодѣтельница направила меня въ учрежденіе, сокращенно называемое «Украинскій Комитетъ». Полный титулъ этой организаціи гласилъ: «Комитетъ помощи евреямъ — выходцамъ изъ Украины и Россіи». Центръ его былъ въ Варшавѣ, а сѣть отдѣленій раскинулась по всей восточной окраинѣ Польши. Функціи комитета состояли въ оказаніи матерьяльной и юридической помощи бѣженцамъ и репатріантамъ. Секретарь сарненскаго отдѣленія Комитета — симпатичный и многорѣчивый д-ръ Бурко — принялъ меня чрезвычайно привѣтливо. Вполнѣ одобривъ мою тактику продвиженія вглубь страны, онъ посовѣтовалъ со слѣдующимъ же поѣздомъ выѣхать въ Ровно. Для огражденія насъ отъ какихъ либо неожиданностей въ пути, д-ръ Бурко вызвался дать намъ особаго провожатаго.

На слѣдующее утро мы выѣхали изъ Сарнъ.

Переѣздъ былъ недолгій — кажется, около четырехъ часовъ; намъ было строго наказано вести себя въ поѣздѣ «ниже травы, тише воды», быть по возможности незамѣтными и ни въ какомъ случаѣ не говорить между собой по русски. Багажъ нашъ, который предъ переѣздомъ черезъ границу, въ цѣляхъ опрощенія, былъ переложенъ изъ корзинъ въ мѣшки, здѣсь, въ цѣляхъ облагороженія, былъ переложенъ обратно — въ купленную для сего въ Сарнахъ корзину. Этотъ обратный маскарадъ наглядно доказалъ намъ, что и здѣсь мы находились еще въ царствѣ фикцій...

* * *

Мы пріѣхали въ Ровно 19 августа и провели въ немъ пять недѣль въ хлопотахъ и ожиданіяхъ по своимъ паспортнымъ дѣламъ.

Положеніе русскихъ бѣженцевъ во всѣхъ отношеніяхъ и, въ частности, въ правовомъ — непрерывно ухудшалось. Каждаго вновь пріѣхавшаго неизмѣнно встрѣчали словами: «какъ жаль, что вы не пріѣхали мѣсяцемъ раньше, тогда было совсѣмъ другое дѣло, а теперь едва ли что либо можно устроить». Эмигрантъ приходилъ въ отчаяніе отъ этихъ словъ. Онъ, конечно, не могъ знать, что мѣсяцъ тому назадъ ему бы сказали въ точности то же самое.

Прямо съ вокзала мы отправились въ ровенское отдѣленіе «Украинскаго Комитета», въ которое имѣли съ собой рекомендательное письмо изъ Сарнъ. Тамъ мы застали главнаго дѣятеля этой организаціи — энергичнаго д-ра Скорецкаго. Онъ включилъ наши имена въ заканчиваемый имъ списокъ русскихъ бѣженцевъ, которыхъ министерство обѣщало «въ послѣдній разъ» зарегистрировать и легализовать. До полученія распоряженій изъ Варшавы по поводу этого списка намъ оставалось только жить въ Ровно на нелегальномъ положеніи.

Въ сопровожденіи одной дамы, принявшей теплое участіе въ нашей судьбѣ, мы стали блуждать по незнакомымъ улицамъ города, въ поискахъ пристанища. Въ концѣ концовъ, нашли старыхъ кіевскихъ друзей, которые радушно приняли насъ къ себѣ. Какъ хорошо, — подумали мы, — что на свѣтѣ не исчезъ еще патріархальный обычай гостепріимства и что не повсюду, по примѣру большихъ городовъ, человѣческія жилища уподоблены наглухо заколоченнымъ каменнымъ ящикамъ...

Подъ гостепріимнымъ кровомъ друзей мы — безпаспортные и незаявленные — провели всѣ пять недѣлъ нашего ровенскаго этапа. Легализація нашего самовольнаго перехода черезъ границу оказалась дѣломъ нелегкимъ. Въ Ровно, какъ центрѣ восточной пограничной окраины Польши, сосредоточивались всѣ многоразличныя учрежденія, имѣющія цѣлью отсѣиваніе репатріантовъ и улавливаніе нелегальныхъ бѣженцевъ. Тутъ былъ и «Юръ», и «Deffensiva», и сыскная, и обыкновенная полиція. Наконецъ, обще-административный органъ правительства — Старо̀ство — также былъ по преимуществу занятъ охраной границы.

Какъ работали всѣ эти учрежденія? Мнѣ почти не пришлось войти съ ними въ непосредственное соприкосновеніе. Я слышалъ только отзывы о нихъ — быть можетъ, пристрастные отзывы...

Всѣ отзывы сходились въ томъ, что въ мѣстныхъ административныхъ органахъ царилъ хаосъ, канцелярщина, произволъ. По сценкамъ, которыя передавали очевидцы, было ясно, что большинство подвизавшихся здѣсь чиновниковъ было преисполнено того полицейско-бюрократическаго духа, который Щедринъ такъ мѣтко назвалъ «административнымъ восторгомъ». Какъ непохожи были эти чиновники на представителей демократической, народной власти! Нѣкоторый наружный лоскъ и отесанность манеръ только оттѣняли ихъ внутреннюю грубость. Каждый референтъ или комендантъ старался перещеголять другого въ надменно-презрительномъ обращеніи съ тѣмъ свободнымъ гражданиномъ республики, который имѣлъ къ нему дѣло. Низшіе же чины полиціи и жандармеріи — это мы видѣли своими глазами — были весьма не прочь при случаѣ пустить въ ходъ свои кулаки.

Одинъ мой пріятель назвалъ государственный строй современной Польши «полицейской демократіей». Не знаю, какъ въ центрѣ, но здѣсь — на восточной окраинѣ — это опредѣленіе казалось очень удачнымъ.

Мѣстная власть, по внушенію свыше и по собственной склонности, проводила усиленную полонизацію края.

Когда-то при проѣздѣ по улицамъ Варшавы нашъ глазъ коробили принудительныя двуязычныя надписи и вывѣски, на которыхъ, рядомъ съ каждымъ польскимъ словомъ, обязательно фигурировалъ его русскій переводъ. Теперь поляки, завладѣвъ частью Волыни, сочли нужнымъ въ этомъ отношеніи еще перещеголять прежнихъ руссификаторовъ: всѣ вывѣски, всѣ названія улицъ, всѣ оффиціальныя надписи и бумаги пишутся здѣсь на одномъ польскомъ языкѣ. Всѣ казенныя учебныя заведенія — польскія, по-польски происходить и судоговореніе. Чиновники — въ большинствѣ уроженцы этихъ же мѣстъ — неизмѣнно дѣлаютъ видъ, что не понимаютъ ни слова по русски.

Легко вообразить, какія затрудненія все это создаетъ и какія чувства вызываетъ у жителей, изъ которыхъ добрыхъ три четверти польскаго языка не знаетъ.

* * *

Во время моего пребыванія въ Ровно пріѣзжалъ туда на выѣздную сессію Луцкій окружный судъ, и я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы познакомиться съ ходомъ уголовнаго процесса въ польскихъ судахъ. «Подпрокураторомъ» окружнаго суда, пріѣхавшимъ на сессію въ Ровно, оказался мой товарищъ по кіевской адвокатурѣ; онъ служилъ здѣсь моимъ чичероне и растолковалъ мнѣ все то, чего нельзя было увидѣть своими глазами.

Судебное вѣдомство, по примѣру прочихъ учрежденій на восточной окраинѣ Польши, подверглось самой радикальной ломкѣ въ цѣляхъ его совершенной по-

лонизаціи. Весь прежній составъ суда, прокуратуры и даже адвокатуры былъ отстраненъ. На ново назначали въ судьи только поляковъ. Адвокатовъ, желающихъ вновь записаться въ сословіе, весьма усердно фильтровали, причемъ особыя препятствія дѣлались, какъ водится, адвокатамъ-евреямъ.

Какъ я уже упомянулъ, судъ производился исключительно на польскомъ языкѣ. Подсудимые — мѣстные крестьяне — не понимали по польски; большинство судей, прослужившихъ всю жизнь въ русскомъ судѣ, изъяснялись по польски съ видимымъ трудомъ и охотно переходили, въ разговорѣ съ подсудимымъ, на болѣе для нихъ привычный русскій языкъ. Переводчика не было. Тѣмъ не менѣе, оффиціальнымъ языкомъ судоговоренія былъ польскій и только польскій языкъ.

Присутствуя въ судѣ, я снова невольно припоминалъ прошлое. Я вспоминалъ, что, напримѣръ, въ Галиціи, во времена императорской Австріи, въ судахъ были вполнѣ равноправны всѣ три языка, на которыхъ говорило мѣстное населеніе: польскій, украинскій и нѣмецкій. И вотъ теперь, послѣ торжества идеи самоопредѣленія народовъ, даже въ этомъ элементарномъ вопросѣ начала толерантности уступили мѣсто національному гнету. Неужели — думалъ я — лозунги національнаго равноправія дѣйствительны только для ирриденты и на время революціи, предаваясь забвенію, какъ только цѣль освободительнаго движенія достигнута?..

На восточныхъ окраинахъ («крэсахъ», какъ ихъ называли по-польски) примѣнялись, въ польскомъ переводѣ, всѣ кодексы русскаго матерьяльнаго и процессуальнаго права: законы гражданскіе и уголовные, уставы гражданскаго и уголовнаго судопроизводства. Однако, въ уголовномъ уставѣ была сдѣлана весьма существенная купюра: былъ уничтоженъ судъ присяжныхъ. Какъ извѣстно, во времена стараго режима судъ присяжныхъ не дѣйствовалъ въ Царствѣ Польскомъ. Теперь, ставъ хозяевами на своей землѣ, поляки еще не успѣли его ввести и, что особенно прискорбно, уничтожили его на своихъ «крэсахъ», гдѣ населеніе уже шестьдесятъ лѣтъ пользовалось этой наилучшей формой уголовнаго суда. Мой чичероне, успѣвшій въ качествѣ подпрокуратора въ значительной мѣрѣ утерять свой прежній адвокатскій образъ мыслей, объяснялъ такой строй польской юстиціи тѣмъ, что «этика въ народѣ еще не установилась».

Присутствуя теперь въ качествѣ слушателя въ засѣданіи выѣздной сессіи, мнѣ пришлось увидѣть своими глазами, какъ безприсяжный судъ воспитываетъ въ народѣ этику.

Судъ засѣдалъ въ парадномъ залѣ какого-то клуба. Изъ-за плохой акустики и вслѣдствіе недостаточнаго знанія языка, я не вполнѣ уловилъ смыслъ обвиненія и плохо понялъ рѣчь прокурора. Видѣлъ я только, что судебное слѣдствіе заняло минутъ двадцать, что прокуроръ сказалъ всего нѣсколько словъ и что защитника не было вовсе. Процессъ произвелъ на меня впечатлѣніе мелкаго дѣло въ съѣздѣ мировыхъ судей — дѣла о кражѣ селедокъ съ базарнаго лотка или чего-либо въ этомъ родѣ. Когда судъ удалился на совѣщаніе, прокуроръ спустился съ судейскихъ подмостковъ и подошелъ ко мнѣ. Онъ показался мнѣ какъ будто смущеннымъ.

— Сегодня одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, — сказалъ онъ, не выжидая моего вопроса, — когда я нашелъ необходимымъ требовать для подсудимаго смертной казни. Обвиняемый — гнуснѣйшій типъ большевистскаго наводчика.

Я былъ ошеломленъ. Какъ?! Этотъ съѣздъ мировыхъ судей можетъ приговаривать къ смерти? И въ такомъ порядкѣ — послѣ получасоваго разбирательства, безъ участія защиты? А онъ, мой товарищъ, любимый всѣми за свою чистую душу, — въ качествѣ прокурора требуетъ казни сидящаго передъ нимъ мужика, который ничего не понялъ изъ его рѣчи и не имѣетъ никакихъ средствъ къ защитѣ?

Къ счастью, судъ не пошелъ такъ далеко въ дѣлѣ установленія въ народѣ этики, какъ того требовалъ прокуроръ. Подсудимый былъ приговоренъ къ 15-ти годамъ каторжныхъ работъ.

* *
*

Ровно — заурядный уѣздный городъ Волынской губерніи — теперь, благодаря своему положенію вблизи новоиспеченной русско-польской границы, было полно лихорадочнаго оживленія. Непрерывный потокъ людей — репатріированныхъ поляковъ и русскихъ бѣженцевъ — изливался сюда съ Востока. Ровно стало первымъ болѣе или менѣе крупнымъ пунктомъ, въ которомъ сосредоточивались всѣ вновь прибывшіе эмигранты и откуда они разселялись въ различныя стороны. Здѣсь уже была довольно регулярная почтовая и телеграфная связь со всѣмъ міромъ; отсюда была поэтому возможность снестись съ родными и получить отъ нихъ визы и деньги на дальнѣйшій путь. Въ Ровно функціонировали отдѣленіе американскихъ филантропическихъ организацій — Joint'а и Hias'а, — которыя съ утра до вечера осаждались просителями.

Не менѣе интенсивна была коммерческая жизнь города. Никогда въ прежніе времена, — говорили старожилы, — Ровно не видывало подобнаго оживленія. Для насъ же, пріѣхавшихъ изъ опустѣвшаго и омертвѣвшаго Кіева, уличная картина ровенской жизни казалась какой-то фееріей.

Ровно когда-то жило Кіевомъ — кіевскими газетами, кіевскими учебными заведеніями, поѣздками мѣстныхъ помѣщиковъ въ Кіевъ на «Контракты», разсказами о кіевскихъ театрахъ и магазинахъ. Теперь положеніе перемѣнилось: Кіевъ сталъ глухой провинціей по сравненію съ блистательнымъ Ровно.

Нашъ глазъ, привыкшій къ убогости, къ подавленности, къ лохмотьямъ и заплатамъ, былъ пораженъ видомъ самодовольной, расфранченной толпы, видомъ ломящихся подъ тяжестью товара магазинныхъ полокъ, видомъ переполненныхъ ресторановъ и кафэ, видомъ всяческихъ признаковъ довольства, изобилія и мотовства. Мы были какъ дѣти въ магазинѣ игрушекъ... Каждая площадка, нагруженная ящиками съ какимъ нибудь товаромъ, казалась намъ чѣмъ-то необычайнымъ; мы не могли отдѣлаться отъ мысли, что вотъ сейчасъ ее остановитъ милиціонеръ и заставитъ повернуть обратно — въ сторону района или Че-ки...

Жители Ровно, видимо, и сами восхищались и гордились всѣмъ этимъ великолѣпіемъ.

Злоключенія этихъ жителей начались еще за полтора года до революціи, осенью 1915 года. Во время Маккензеновскаго наступленія на Югъ Россіи, городъ Ровно былъ совершенно эвакуированъ, и тысячи ровенчанъ выѣхали тогда на Востокъ — главнымъ образомъ въ Кіевъ. Несмотря на то, что городъ въ концѣ концовъ не былъ занятъ нѣмцами, уѣхавшая публика не спѣшила возвратиться домой и, въ результатѣ, пережившъ въ Кіевѣ революцію и Гетманщину, застряла въ совѣтскихъ тискахъ. Во время гражданской войны Ровно много разъ переходило изъ рукъ въ руки и испытало на себѣ всѣ ужасы междувластья, эвакуацій, завоеваній и погромовъ. Наконецъ, по Рижскому договору городъ окончательно отошелъ къ Польшѣ. И вотъ тогда-то, послѣ пятилѣтняго изгнанія, бывшіе ровенчане стали непрерывнымъ потокомъ возвращаться во-свояси.

Оставленное дома добро они застали, конечно, въ изрядно потрепанномъ видѣ; но благодаря не стѣсненной торгово-промышленной жизни, они довольно быстро освоились съ новымъ положеніемъ и возстановили старыя, либо завели новыя, далеко не бездоходныя дѣла. Въ то время, когда мы были въ Ровно, для большинства

изъ нихъ еще «были новы всѣ впечатлѣнія бытія». Они явственно поддавались на всѣ приманки, спѣшили использовать всѣ возможности. Это было замѣтно по ихъ образу жизни, по наружности повально-блондированныхъ дамъ и по всему господствовавшему въ городѣ духу и тону...

Ровно — владѣльческій городъ, принадлежащій, какъ родовое помѣстье, князьямъ Любомирскимъ. По обоимъ концамъ города находятся руины двухъ княжескихъ резиденцій: столѣтнія развалины «стараго палаца» и голыя стѣны ограбленнаго большевиками «новаго палаца». Одинъ ровенскій патріотъ водилъ насъ по окружающему «новый палацъ» парку и съ піэтетомъ показывалъ намъ старинный домъ князя, выдержанный въ стилѣ деревенскихъ резиденцій англійскихъ лордовъ, съ несчетнымъ количествомъ службъ, конюшенъ, оранжерей и т. д.

Предъ нами была любопытная реликвія старо-польскаго магнатства, которое теперь видимо исчезаетъ, уступая свое мѣсто юпитерскому высокомѣрію «старостъ», референтовъ и прочихъ чиновниковъ...

* *
*

Въ городѣ Ровно, на углу Шоссовой и Аптекарской улицъ, стоитъ газетный кіоскъ, въ которомъ продаются польскія, русскія и иностранныя газеты. Я ежедневно отправлялся на паломничество къ этому кіоску; это былъ для меня какъ бы микрокосмъ, отражавшій всѣ краски и переливы вновь открывшагося моему глазу міра.

Русскія газеты — варшавская «Свобода», берлинскій «Руль» и парижскія «Послѣднія Новости» — получались въ кіоскѣ регулярно; по нимъ можно было получить довольно полное представленіе объ общественныхъ теченіяхъ и жизни эмиграціи. Изъ газетъ на иностранныхъ языкахъ почти всякій день получался въ Ровно другой образецъ. Владѣлецъ кіоска какъ будто сговорился съ почтой, чтобы давать своимъ покупателямъ возможно болѣе разнообразную духовную пищу.

Несмотря на самое страстное желаніе, въ послѣдніе годы въ Россіи было совершенно невозможно оставаться въ курсѣ міровыхъ событій. Информація, которая была намъ доступна, давала крайне неполную, зіяющую пробѣлами картину исторіи послѣднихъ лѣтъ. Теперь наступила долгожданная минута, когда можно было, наконецъ, восполнить эти раздражающіе, обидные пробѣлы. Газетный кіоскъ на Шоссовой улицѣ сталъ моимъ университетомъ.

Нужно сказать, что при всемъ изобиліи въ продуктахъ кулинаріи и парфюмеріи, Ровно было значительно бѣднѣе пищей для ума. Книжныхъ магазиновъ почти не было, а изъ случайно попадавшихся въ писче-бумажныхъ магазинахъ книгъ по общественнымъ вопросамъ мнѣ удалось извлечь только брошюру съ текстомъ новой польской конституціи.

Приходилось довольствоваться свѣдѣніями, извлекаемыми изъ газетъ. И вотъ по отрывочнымъ намекамъ злободневной хроники случайныхъ номеровъ газетъ — мы должны были возсоздавать себѣ картину великихъ историческихъ событій, пережитыхъ Европой въ годы нашего духовнаго карантина.

Специфическій характеръ, стиль и даже внѣшній видъ отдѣльныхъ газетъ будили множество притаившихся воспоминаній. Гладенькая «Neue Freie Presse» съ ея мѣщанской Gemütlichkeit; понедѣльничный «Berliner Tageblatt» съ умно-претенціозной передовицей Теодора Вольфа; парижскій «Matin» со своимъ насмѣшливымъ, изысканно-литературнымъ пересказомъ сенсаціонныхъ небылицъ; и, наконецъ, «Le Temps» — этотъ тяжловѣсный органъ дѣлового и солиднаго французскаго шови-

низма: все это воспринималось теперь, какъ утраченные и вновь возвращенные кусочки нашего умственнаго обихода...

Во всѣхъ попадавшихъ въ руки газетахъ я искалъ отвѣта на одинъ и тотъ-же волнующій вопросъ:

— Та-же ли это Европа, которую мы оставали въ 1914 году?

И отвѣтъ былъ: да, какъ будто та-же. Нужды нѣтъ, что съ тѣхъ поръ повалились престолы, что перекроены имперіи, что новыя тревоги занимаютъ умы и сердца. Нужды нѣтъ, что земля оскудѣла, что люди измучены и устали. То «что-то», что мы цѣнили и чему учились у Европы, то — осталось. Какъ встарь, мы чувствуемъ себя здѣсь въ верхнемъ этажѣ культуры.

Европа осталась Европой въ то время, какъ Россія перестала быть Россіей.

* * *

Мы сидѣли въ Ровно, тщетно дожидаясь обѣщанной д-ромъ Скорецкимъ дополнительной регистраціи бѣженцевъ и не менѣе тщетно хлопоча о предоставленіи намъ такъ-называемаго «права азиля». Насъ опекали два еврейскихъ бѣженскихъ комитета — фолькистскій на Шоссовой и сіонистическій на Школьной, — относившіеся безъ особой симпатіи другъ къ другу, но съ большой любезностью къ намъ. А въ то же время у «старосты» въ другомъ пограничномъ городкѣ (въ Острогѣ), какъ потомъ выяснилось, уже нѣсколько мѣсяцевъ лежалъ приказъ изъ м-ва внутр. дѣлъ о нашемъ безпрепятственномъ пропускѣ въ Варшаву. Узнавъ объ этомъ совершенно случайно, мы на слѣдующій же день получили завѣтную бумажку и уѣхали.

До Бреста передвиженіе носило еще полу-россійскій характеръ: въ неосвѣщенномъ вагонѣ, въ толкотнѣ и безпорядкѣ. Зато изъ Бреста въ Варшаву шелъ уже заправскій D-Zug нѣмецкаго типа. Было съ непривычки пріятно просидѣть цѣлую ночь безъ сна въ купэ такого поѣзда.

* * *

Варшава — третья столица на нашемъ пути, на этотъ разъ уже настоящая столица.

Впечатлѣніе громоздится на впечатлѣніе, образъ на образъ. Сколько стараго, отъ чего отвыкъ; сколько новаго, къ чему нужно пріучаться...

Не касаюсь всего этого здѣсь: оно относится къ другому этапу нашего бѣженства, къ другой главѣ нашихъ «Wanderjahre».

Черезъ двѣ недѣли получаемъ бѣженскіе заграничные паспорта. Продолжаемъ нашъ путь.

Ночь въ поѣздѣ и мы на новой польско-нѣмецкой границѣ. Однако, ее порядочно отдалили отъ Варшавы и приблизили къ Берлину со времени нашего послѣдняго путешествія въ 1914 году...

На пограничной станціи Збоншинъ, выполнивъ всѣ обряды и формальности, садимся въ другой вагонъ. Случайно обернувшись къ дверямъ, я вижу предъ собой четко и аккуратно выведенную надпись — шесть сакраментальныхъ словъ изъ нѣмецкаго желѣзнодорожнаго катехизиса: — Nicht öffnen, bevor der Zug hält.

Мы — въ Германіи.

Въ дорогу! —

Декабрь 1922 года.

ДОКУМЕНТЫ И ДНЕВНИКИ

Конституція Уфимской директоріи

Актъ объ образованіи всероссійской верховной власти

26/8–10/23 сентября 1918 г.

Государственное Совѣщаніе въ составѣ Съѣзда Членовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія и уполномоченныхъ на то представителей Комитета Членовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, Сибирскаго Временнаго Правительства, Областного Правительства Урала, Казачьихъ Войскъ, Оренбургскаго, Уральскаго, Сибирскаго, Иркутскаго, Семирѣченскаго, Енисейскаго, Астраханскаго, представителей правительствъ: Башкиріи, Алашъ, Туркестана и національнаго управленія Тюрко-Татаръ внутренней Россіи и Сибири и Временнаго Эстонскаго Правительства, представителей съѣзда городовъ и земствъ Сибири, Урала и Поволжья, представителей политическихъ партій и организацій: партіи соціалистовъ-революціонеровъ, россійской соціалъ-демократической рабочей партіи, трудовой народно-соціалистической партіи, партіи Народной Свободы, Всероссійской соціалъ-демократической организаціи «Единство» и Союза Возрожденія Россіи — въ единодушномъ стремленіи къ спасенію страны, возсозданію ея единства и обезпеченію ея независимости постановило:

Вручить всю полноту Верховной Власти на всемъ пространствѣ Государства Россійскаго Временному Всероссійскому Правительству въ составѣ пяти лицъ: Николая Дмитріевича Авксентьева, Николая Ивановича Астрова, Генералъ-лейтенанта Василія Георгіевича Болдырева, Петра Васильевича Вологодскаго и Николая Васильевича Чайковскаго.

Временное Всероссійское Правительство въ своей дѣятельности руководствуется слѣдующими установленными настоящимъ актомъ положеніями.

ОБЩІЯ ПОЛОЖЕНІЯ.

1. Временное Всероссійское Правительство, впредь до созыва Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, является единственнымъ носителемъ Верховной Власти на всемъ пространствѣ Государства Россійскаго.

2. Всѣ функціи Верховной Власти, временно отправляемыя въ виду создавшихся условій Областными Правительствами, должны быть переданы Временному Всероссійскому Правительству, какъ только оно того потребуетъ.

3. Установленіе предѣловъ компетенціи Областныхъ Правительствъ, на началахъ широкой автономіи областей и на основахъ приведенныхъ въ изложенной ниже программѣ дѣятельности Правительства, предоставляется мудрости Временнаго Всероссійскаго Правительства.

ОБЯЗАННОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА ВЪ ОТНОШЕНІИ ВСЕРОССІЙСКАГО УЧРЕДИТЕЛЬНАГО СОБРАНІЯ.

Въ непремѣнную обязанность Временнаго Всероссійскаго Правительства вмѣняется:

1. Всемѣрное содѣйствіе функціонирующему, какъ государственно-правовой органъ, Съѣзду Членовъ Учредительнаго Собранія въ его самостоятельной работѣ по обезпеченію пріѣзда членовъ Учредительнаго Собранія и по ускоренію и подготовкѣ возобновленія занятій Учредительнаго Собранія настоящаго состава.

2. Неуклонное руководство въ своей дѣятельности непререкаемыми верховными правами Учредительнаго Собранія и неустанное наблюденіе, чтобы въ дѣятельности всѣхъ подчиненныхъ Временному Правительству органовъ не было допущено ничего могущаго клониться къ умаленію правъ Учредительнаго Собранія или къ замедленію въ возобновленіи его работъ.

3. Представленіе отчета въ своей дѣятельности Учредительному Собранію, немедленно по объявленію Учредительнымъ Собраніемъ своихъ работъ возобновленными, и безусловное подчиненіе Учредительному Собранію какъ единственной въ странѣ верховной власти.

Примѣчаніе: къ сему прилагается постановленіе Съѣзда членовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія отъ 16 сентября 1918 года.

ПРОГРАММА РАБОТЪ ВРЕМЕННАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Въ своей дѣятельности по возстановленію государственнаго единства и независимости Россіи, Временное Всероссійское Правительство должно ставить въ первую очередь слѣдующія неотложныя задачи:

1. Борьба за освобожденіе Россіи отъ совѣтской власти.

2. Возсоединеніе отторгнутыхъ, отпавшихъ и разрозненныхъ областей Россіи.

3. Непризнаніе Брестскаго и всѣхъ прочихъ договоровъ международнаго характера, заключенныхъ какъ отъ имени Россіи, такъ и отдѣльныхъ ея частей послѣ февральской революціи, какой бы то ни было властью, кромѣ Россійскаго Временнаго Правительства, и возстановленіе фактической силы договоренныхъ отношеній съ державами согласія.

4. Продолженіе войны противъ германской коалиціи.

Въ сферѣ внутренней политики Временное Правительство должно преслѣдовать нижеслѣдующія цѣли:

I. Въ области военной.

1. Возсозданіе сильной, боеспособной, единой Россійской арміи, поставленной внѣ вліянія политическихъ партій и подчиненной, въ лицѣ ея высшаго командованія, Всероссійскому Временному Правительству.

2. Полное невмѣшательство военныхъ властей въ сферу гражданскаго управленія, за исключеніемъ мѣстностей, входящихъ въ театръ военныхъ дѣйствій или объявленныхъ указами Правительства на военномъ положеніи, когда это вызывается крайней государственной необходимостью.

3. Установленіе крѣпкой военной дисциплины, на началахъ законности и уваженія къ личности.

4. Недопустимость политическихъ организацій военнослужащихъ и устраненіе арміи отъ политики.

II. Въ области гражданской.

1. Устроеніе освобождающейся Россіи на началахъ признанія за ея отдѣльными областями правъ широкой автономіи, обусловленной какъ географическимъ и экономическимъ, такъ и этническимъ признаками, предполагая окончательное установленіе государственной организаціи на федеративныхъ началахъ полновластнымъ Учредительнымъ Собраніемъ.

2. Признаніе за національными меньшинствами, не занимающими отдѣльной территоріи, правъ на культурно-національное самоопредѣленіе.

3. Возстановленіе въ освобождаемыхъ отъ совѣтской власти частяхъ Россіи демократическаго городского и земскаго самоуправленія, съ назначеніемъ перевыборовъ въ ближайшій срокъ.

4. Установленіе всѣхъ гражданскихъ свободъ.

5. Принятіе мѣръ къ дѣйствительной охранѣ общественной безопасности и государственнаго порядка.

III. Въ области народно-хозяйственной.

1. Борьба съ хозяйственной разрухой.

2. Содѣйствіе развитію производительныхъ силъ страны. Привлеченіе къ производству частнаго капитала русскаго и иностраннаго и поощреніе частной иниціативы и предпріимчивости.

3. Государственное регулированіе промышленности и торговли.

4. Принятіе мѣръ къ повышенію производительности труда, и сокращеніе непроизводительнаго потребленія національнаго дохода.

5. Развитіе рабочаго законодательства на началахъ дѣйствительной охраны труда и регулированіе условій найма и увольненія рабочихъ.

6. Признаніе полной свободы коалицій.

7. Въ сферѣ продовольственной политики отказъ отъ хлѣбной монополіи и твердыхъ цѣнъ, съ сохраненіемъ нормировки распредѣленія продуктовъ, имѣющихся въ недостаточномъ количествѣ. Государственныя заготовки, при участіи частноторговаго и кооперативнаго аппарата.

8. Въ сферѣ финансовой — борьба съ обезцѣненіемъ бумажныхъ денегъ, возстановленіе налогового аппарата и усиленіе прямого подоходнаго и косвеннаго обложенія.

9. Въ области земельной политики Временное Всероссійское Правительство, не допуская такихъ измѣненій въ существующихъ земельныхъ отношеніяхъ, которыя мѣшали бы разрѣшенію Учредительнымъ Собраніемъ земельнаго вопроса въ полномъ объемѣ, оставляетъ землю въ рукахъ ея фактическихъ пользователей и принимаетъ мѣры къ немедленному возобновленію работъ по урегулированію землепользованія на началахъ максимальнаго увеличенія культивируемыхъ земель и расширенія трудового землепользованія, примѣняясь къ бытовымъ и экономическимъ особенностямъ отдѣльныхъ областей и районовъ.

ПОРЯДОКЪ ИЗМѢНЕНІЯ СОСТАВА ПРАВИТЕЛЬСТВА.

1. Осуществляя на указанныхъ основаніяхъ верховную власть, Временное Всероссійское Правительство дѣйствуетъ, какъ органъ коллегіальный. Члены его до Учредительнаго Собранія не отвѣтственны и не смѣняемы.

2. На случай выбытія изъ состава Временнаго Правительства того или другого члена его въ качествѣ замѣстителей избираются: Андрей Александровичъ Аргуновъ, Владиміръ Александровичъ Виноградовъ, генералъ отъ инфантеріи Михаилъ Васильевичъ Алексѣевъ, Василій Васильевичъ Сапожниковъ и Владиміръ Михайловичъ Зензиновъ.

3. Въ случаѣ выбытія кого либо изъ членовъ Временнаго Всероссійскаго Правительства, измѣненіе состава его совершается въ порядкѣ вступленія на мѣсто выбывшаго его замѣстителя. Замѣстителемъ Н. Д. Авксентьева считается А. А. Аргуновъ, Н. И. Астрова — В. А. Виноградовъ, В. Г. Болдырева — М. В. Алексѣевъ, П. В. Вологодскаго — В. В. Сапожниковъ и Н. В. Чайковскаго — В. М. Зензиновъ.

4. Въ виду необходимости для Временнаго Всероссійскаго Правительства немедленно приступить къ осуществленію власти и управленію Государствомъ въ полномъ своемъ составѣ, въ составъ его, впредь до прибытія отсутствующихъ нынѣ членовъ, немедленно должны вступить ихъ персональные замѣстители.

5. Члены Временнаго Всероссійскаго Правительства при вступленіи въ него дають торжественное обѣщаніе по прилагаемому при семъ тексту.

За Предсѣдателя Государственнаго Совѣщанія
Товарищъ Предсѣдателя Евгеній Францевичъ Роговскій,
Членъ Учредительнаго Всероссійскаго Собранія.

Товарищъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣщанія, Министръ Снабженія Сибирскаго Временнаго Правительства И. И. Серебрянниковъ.

Секретарь Государственнаго Совѣщанія, Членъ Учредительнаго Собранія Борисъ Моисеенко.

Секретарь Государственнаго Совѣщанія, членъ Областного Правительства Урала Петръ Мурашевъ.

Члены всероссійскаго учредительнаго собранія:

К. Буревой, Михаилъ Гендельманъ, Апол. Ник. Кругликовъ, В. Подвицкій, О. С. Миноръ, Н. Ивановъ, Д. Розенблюмъ, Г. Терегуловъ. В. Павловъ, В. Панкратовъ, Н. Здобновъ, Г. Титовъ, С. Шендриковъ, Баранцевъ, Н. Огановскій, К. Шумаковъ, С. Володинъ, Моисей Кроль, А. Власовъ, В. Х. Таначевъ, С. Лотошниковъ, Н. Фоминъ, М. Возмитель, Б. Архангельскій, А. Шапошниковъ, Д. Шныревъ, А. Мининъ, Н. Левченко, М. Слонинъ, В. Мамоновъ, В. Л. Утговъ, Б. Соколовъ, Ф. Тухватуллинъ, Н. Любимовъ, Ив. Васильевъ, В. Ломшаковъ, М. Ахмеровъ, Д. Петровъ, Виссаріонъ Гуревичъ, В. Владыкинъ, Козьма Гуровъ, А. Девизоровъ, Б. Черненковъ, П. Сухановъ, Ах. Байтурсуновъ, А. Беремжановъ, Г. А. Алимбековъ, С. Дощановъ, Ипмагометъ, А. Зисманъ, Л. Ефремовъ, М. Линдбергъ, В. Алексѣевскій, Л. Кроль, В. Матушкинъ, М. Ф. Тухтаровъ, Брешковская, Э. Лазаревъ, В. Вольскій, М. Святицкій.

Представители комитета членовъ всероссійскаго учредительнаго собранія:

М. Веденяпинъ.

Представители временнаго сибирскаго правительства:

Генералъ-майоръ Ивановъ-Риновъ, Упр. Мин. Внут. Дѣлъ С. Старынкевичъ, отъ Сибир. Прав. и Сибир. Каз. генералъ-лейтенантъ Г. Катанаевъ, полковникъ Бобрикъ, комиссаръ Пріуралья проф. Петръ Масловъ.

Представители временнаго областного правительства Урала:

А. Кощеевъ, Ип. Войтовъ.

Представители войсковыхъ правительствъ казачьихъ войскъ:

Уральскаго Казачьяго Войска генералъ М. Хорошхинъ.
Представитель Сибир. Каз. Войска и. д. Войскового Атамана, Войсковой старшина Э. Березловскій.
Представитель Семирѣченскаго Казачьяго Войска Илья Шендриковъ.
Представитель Енисейскаго Войска Прокопій Шувасвъ.
Астраханскаго Казачьяго Войска Г. Астаховъ.
Иркутскаго Казачьяго Войска И. Пеженскій.

Представитель правительства Башкиріи:

Членъ Правительства Башкиріи Искандеръ Бекъ-Мухаметіаровичъ Султановъ.

Представители киргизскаго правительства «Алашъ-орды»:

Представитель автономіи Алашъ — предсѣдатель Алашъ-Орды Алиханъ Букейханъ, Имамъ Алимбекъ.

Представители временнаго правительства автономнаго Туркестана:

Предсѣдатель Вр. Правительства М. Чокаевъ, Членъ Временнаго Правительства автономнаго Туркестана А. Уразаевъ, членъ Временнаго Народнаго Совѣта Туркестана С. А. Муфтизаде.

Представители національнаго управленія тюрко-татаръ внутренней Россіи и Сибири:

Представители Національнаго Управленія Мусульманъ Тюрко-Татаръ Внутренней Россіи и Сибири Джантюринъ, М. Г. Исхаковъ, Султанъ-Бекъ Шаги-Бековичъ Мамлеевъ.

Представители временнаго эстонскаго правительства:

Б. Линде, А. Л. Каэласъ, Алексѣй Нэу.

Представители съѣзда городовъ и земствъ Сибири, Урала и Поволжья:

И. Ахтямовъ, А. Гачичеладзе, С. Третьяковъ, Н. Миткевичъ.

Представители центральныхъ комитетовъ политическихъ партій и организацій:

Центральн. Ком. партіи соц.-рев. Михаилъ Гендельманъ, Флор. Федоровичъ,
Делегаціи соц.-демократич. рабочей партіи — Б. Кибрикъ, С. М. Лепскій,
Центральн. Ком. Труд. Н.-Соц. партіи Ф. Чембуловъ, С. Знаменскій, И. Сухановъ.
Членъ Центральнаго Комит. Всероссійской соц.-демократич. организаціи «Единство» В. Фоминъ.
Центральн. Ком. партіи Народ. Свободы А. И. Коробовъ, А. П. Мельгуновъ.
Представитель Союза Возрожденія Россіи С. Знаменскій.

Подлинный подписали:
Временное Всероссійское Правительство:

Н. Авксентьевъ
В. Болдыревъ
В. Зензиновъ
В. Сапожниковъ.
Управляющій дѣлами
Временнаго Всероссійскаго Правительства А. Кругликовъ.
Съ подлиннымъ вѣрно:
Исп. об. Начальника Канцеляріи Пермяковъ.

ДОКУМЕНТЫ

къ статьѣ Н. Каринскаго

В. Срочно.

ПОѢЗДЪ ГЛАВКОМЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ.

Предсѣдатель Правительства проситъ направить «Віолетту» на Севастополь точка Это грозитъ потерею на 5 сутокъ транспорта на три тысячи человѣкъ точка Прошу разрѣшенія высаживать въ Ѳеодосіи точка Отвѣтъ жду срочно до 7 часовъ вечера, такъ какъ отходъ парохода назначенъ на восемь часовъ вечера сегодня точка Телефонъ Портоваго Управленія № 821 точка 10–III Вязьмитиновъ

Резолюція: В. спѣшно. На Ѳеодосію Деникинъ.

Карандашная надпись: Предсѣд Совѣта Министровъ точка

Прошу не отказать въ срочномъ возвратѣ судна.

Г. Л. Вязьмитиновъ.

В. Срочно.

Коменданту тр.: «Віолетта».

Во исполненіе приказанія Главнокомандующаго «Віолеттѣ» немедленно итти въ Ѳеодосію, гдѣ немедленно безъ задержки выгрузить пассажировъ и возвратиться срочно обратно.

Г. М. Ермаковъ 10–III–20.

Боевой приказъ № 74 Г. М. Ермаковъ

Быть готовымъ сегодня обязательно

Коменданту-Віолетты.

10 марта 1920 года итти въ Ѳеодосію срочно выгрузить пассажировъ грузовъ не выгружать кромѣ пассажирскаго багажа и немедленно возвращаться въ Новороссійскъ. Г. М. Ген. Маіоръ Ермаковъ.

военная внѣ очереди

Министру Внутреннихъ дѣлъ

копія

Предсѣдателю Совѣта Министровъ Севастополь

Приказомъ Главкома Віолетта прибыла Ѳеодосію. Приказомъ Ермакова была отправлена срочно десятаго вечеромъ, не дожидаясь конца погрузки и посадки. Осталось много цѣннаго имущества, документовъ, людей.

Вѣдомства посылаютъ разыскивать оставленное. Многіе потеряли все имущество, разлучены семьи.

Представители вѣдомствъ посылаютъ Главкому подробный докладъ.

Каринскій.

военная внѣ очереди

Новороссійскъ Ген. Вязьмитинову.

Вслѣдствіе приказа Ермакова немедленномъ отходѣ Віолетты остались непогруженными люди, цѣнное имущество вѣдомствъ, документы.

Прошу озаботиться отправкой всѣхъ и всего. Вѣдомства посылаютъ обратно на Віолеттѣ представителей для розыска оставленнаго.

Прошу оказать содѣйствіе и помочь вернуться Ѳеодосію. Подробности слѣдуютъ.

Каринскій.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ГОСПОДИНУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НА ЮГѢ РОССІИ.

РАПОРТЪ.

Считаю своимъ долгомъ доложить Вашему Высокопревосходительству о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя сопровождали Эвакуацію чиновъ гражданскаго вѣдомства и ихъ семействъ изъ Новороссійска.

Согласно разработанному плану эвакуаціи гражданскихъ чиновъ Правительства изъ г. Новороссійска въ Севастополь, отходъ парохода «Віолетта» изъ Новороссійска былъ назначенъ по распоряженію Правительства на 11–12 марта 1920 г.

Погрузка имущества Правительственныхъ учрежденій началась 9-го марта и продолжалась 10 марта съ разсчетомъ закончить ее 11 марта. 10 марта съ утра началась и посадка пассажировъ.

Совершенно неожиданно вечеромъ 10 марта комендантомъ парохода было объявлено, что по приказанію Генерала Ермакова пароходъ долженъ отойти непремѣнно 10 марта и немедленно, и притомъ не въ Севастополь, а въ Ѳеодосію. Во исполненіе сего приказа погрузка вещей и посадка людей были прекращены, и пароходъ съ 10 часовъ вечера 10 марта 1920 года отошелъ отъ пристани. Въ результатѣ спѣшнаго отхода «Віолетты» въ Новороссійскѣ остался цѣлый рядъ чиновъ гражданскаго вѣдомства; многіе, сѣвшіе на пароходъ, но не успѣвшіе погрузить свои имущества, рискуютъ вовсе потерять его; многіе оказались разлученными со своими близкими и даже съ дѣтьми. Весьма цѣнный грузъ вѣдомствъ остался невывезеннымъ, частью лежащимъ уже на пристани. Такъ не вывезены машины экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ; не вывезены всѣ дѣла Минист. Торгов. и Пром. и въ томъ числѣ дѣлопроизводство о заграничной валютѣ на сумму до милліона фунтовъ стерлинговъ, дѣла Мин. Юст. и Мин. Внутрен. Дѣлъ и много цѣннаго имущества. Времен. Исп. Обязан. Помощника Министра Торговли и Промышленности Начальникъ Части Торговли Андресонъ съ Восточнаго Маяка, не давшаго пропуска пароходу за неполученіемъ соотвѣтствующаго разрѣшенія ген. Ермакова, послалъ ген. Ермакову телефонограмму, въ которой просилъ разрѣшенія закончить погрузку хотя бы важнѣйшихъ дѣлъ, но просьба г. Андресона была Генераломъ Ермаковымъ отклонена.

Однако, изъ документовъ, предъявленныхъ Комендантомъ парохода (доклада ген. Вязьмитинова Вашему Высокопревосходительству съ резолюціей Вашей «В. Спѣшно. На Ѳеодосію», боевого приказа № 74 ген. Ермаковъ и Вес. срочнаго приказанія ген. Ермакова коменданту «Віолетты»), усматривается, что Вашимъ Высоко-

превосходительствомъ было измѣнено лишь первоначальное направленіе «Віолетты»: вмѣсто Севастополя – Ѳеодосія.

Ни времени отхода, ни того, чтобы пароходъ ушелъ не закончивъ погрузки; ни того, чтобы имущество, которое удалось погрузить, надлежало, не выгружая его въ Ѳеодосіи, везти обратно въ Новороссійскъ, – резолюція Вашего Высокопревосходительства ни словомъ не касается, и всѣ измѣненія въ этомъ отношеніи сдѣланы непосредственно ген. Ермаковымъ.

Измѣненія эти совершенно разрушили планъ эвакуаціи и сверхъ того приказомъ не разгружать пароходъ въ Ѳеодосіи грозятъ внести серьезное разстройство въ дѣло продовольствія, ибо Министерство Продовольствія везетъ на «Віолеттѣ» весьма большое количество мѣшковъ для хлѣба и муки.

Мѣшки эти спѣшно нужны въ Крыму, какъ для мѣстныхъ нуждъ продовольствія, такъ и для срочной доставки муки въ Новороссійскъ.

Надлежитъ отмѣтить, что ген. Ермаковъ, приказавъ уйти «Віолеттѣ» вечеромъ, упустилъ изъ вида, что «Віолетта» должна притти въ Ѳеодосію вечеромъ или ночью на слѣдующій день, и потому безцѣльно простоять на рейдѣ Ѳеодосіи до утра 12 марта, ибо впускъ въ портъ въ темнотѣ воспрещенъ.

Между тѣмъ, если бы «Віолетта» вышла изъ Новороссійска часовъ въ 10-ть утра 11-го марта, то пришла бы въ Ѳеодосію утромъ 12 марта, и безъ всякой потери времени. Все имущество вѣдомствъ было бы погружено, и всѣ люди посажены на пароходъ.

Обсудивъ изложенное, мы признали необходимымъ охрану груза, долженствующаго, согласно распоряженія ген. Ермакова слѣдовать обратно въ Новороссійскъ, погрузку и доставленіе въ Ѳеодосію оставшагося въ Новороссійскѣ имущества Правительственныхъ учрежденій и оставшихся безъ посадки чиновъ сихъ учрежденій и ихъ семействъ и багажа, возложить на представителей вѣдомствъ, каковыми вѣдомствами выданы для исполненія данныхъ порученій соотвѣтствующія удостовѣренія, подтвержденныя Управляющимъ Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ Н. С. Каринскимъ.

Доводя объ изложенномъ до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства просимъ Вашего приказа о предоставленіи означеннымъ уполномоченнымъ лицамъ права и возможности исполнить данное имъ порученіе и догрузить на «Віолетту» оставшій въ Новороссійскѣ грузъ и посадить на «Віолетту» оставшихся въ Новороссійскѣ чиновъ гражданскихъ вѣдомствъ и ихъ семьи, а также охранять имущество вѣдомствъ, при доставкѣ такового изъ Новороссійска въ Ѳеодосію.

Приложенія:

1) Копія доклада ген. Вязьмитинова Главноначальствующему отъ 10 марта 1920 г.
2) Копія боевого приказа ген. Ермакова за № 74.
3) Копія приказа ген. Ермакова коменданту «Віолетты».
4) Сообщенія вѣдомствъ.

Начальникъ Черноморской Губерніи, Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Н. Каринскій.
Помощникъ Начальника Управленія Торгов. Промышленности В. Семеновъ.
За Министра Юстиціи Н. Андреевъ.
Товарищъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ Нератовъ.
Начальникъ Водно-шоссейной Части Инженеръ Калининъ.
Начальникъ Части Министерств. Торгов. и Промышлен. О. Андресонъ.
И об. Начальника Части Народнаго Просвѣщенія Тарановъ.

«Violetta»

12 марта 1920 года.

Дневникъ

Барона Алексѣя Будберга *

1917 годъ

7 Октября. Ѣздилъ въ штабъ арміи на освидѣтельствованіе для того, чтобы получить право на причисленіе къ Александровскому Комитету о раненыхъ; послѣдствія двухъ тяжелыхъ контузій даютъ себя знать все сильнѣе и сильнѣе; надо подумывать о будущемъ, такъ какъ дальше служить уже немыслимо, и вопросъ объ обезпеченіи оставшейся жизни дѣлается сейчасъ страшно серьезнымъ. По дорогѣ, какъ всегда, масса расхлястанныхъ солдатъ. При освидѣтельствованіи нашли волосную трещину черепа — воспоминаніе о той нѣмецкой шестидюймовой бомбѣ, съ которой пришлось познакомиться на позиціи первой батареи около фольварка Леоново; признали право причисленія къ третьему классу о раненыхъ, а временно даже ко второму. Сейчасъ всѣ мои мечты сводятся къ тому, чтобы попасть въ члены военнаго Совѣта; думаю, что имѣю на это право и принесу туда очень солидный военный опытъ и строевой, и административный, и военнаго, и мирнаго времени.

Здѣсь на фронтѣ я, какъ и множество насъ начальниковъ, совершенно безполезенъ, и это-то больше всего меня терзаетъ и разстраиваетъ; работа всегда меня удовлетворяла только тогда, когда приходилось видѣть, чувствовать или сознавать, что она приносила полезные результаты, а не была простымъ толченьемъ воды въ ступѣ; сейчасъ же всѣ мы, несчастные уговаривающіе разныхъ ранговъ, продолжающіе судорожную работу и пытающіеся что-то спасти и что-то предотвратить, напоминаемъ какихъ-то фанатиковъ, которые своими тѣлами хотятъ остановить сорвавшуюся огромную колесницу, летящую съ крутого откоса въ глубокую пропасть; мы судорожно цѣпляемся за что-то, молимъ о какомъ-то чудѣ, но большинство понимаетъ, что спасенія уже нѣтъ; армія, у которой выбили ея душу — дисциплину, давно уже перестала существовать; осталась одна видимость, полная уже внутри такого гноя и разложенія, что только одно великое чудо могло бы насъ спасти; ну, а чудеса встрѣчаются только въ преданіяхъ, да въ книжкахъ, а въ реальной дѣйствительности царятъ непреложные законы природы; разъ нѣтъ средства для остановки начавшагося разложенія, будь то физическое или нравственное, значитъ крышка! и весь вопросъ только въ температурѣ и сырости, которыя могутъ задержать или ускорить разложеніе; сейчасъ температура лѣзетъ вверхъ не по днямъ, а по минутамъ, и трупныя пятна расползаются все гуще и гуще.

Въ Двинскѣ узналъ отъ одного изъ офицеровъ оперативнаго отдѣла штаба арміи о томъ, что штабъ Главнокомандующаго фронтомъ разрабатываетъ какой то проектъ о новомъ наступленіи. Это при теперешнемъ то настроеніи нашихъ товарищей, думающихъ только о безопасности своей шкуры и о томъ, какъ бы побольше сорвать съ казны! и при теперешней непролазной грязи, сдѣлавшей почти невозможнымъ дальнѣйшій подвозъ дневного продовольствія, и при современномъ состояніи лошадей, которыя дохнутъ какъ мухи! Вѣдь со всѣмъ этимъ не справиться никакими завываніями совѣтовъ и комитетовъ, никакими митингами и резолюціями.

* Баронъ Алексѣй Будбергъ командовалъ осенью 1917 г. корпусомъ, стоявшимъ около Двинска. Въ серединѣ ноября 1917 г., оставивъ командованіе корпуса, переѣхалъ въ Петербургъ. Въ концѣ января 1918 г. выѣхалъ на Дальній Востокъ, гдѣ оставался, преимущественно въ Харбинѣ, до весны 1919 г. 26 марта 1919 г. былъ назначенъ Главнымъ Начальникомъ Снабженій при Ставкѣ адм. Колчака и въ концѣ апрѣля того-же года выѣхалъ въ Омскъ, гдѣ оставался въ указанной должности, а потомъ и въ должности Управляющаго Военнымъ Министерствомъ до октября 1919 г. Дневникъ барона Будберга, первая часть котораго печатается въ настоящемъ томѣ «АРХИВА», обнимаетъ собою время отъ 7 октября 1917 г. до 31 октября 1919 г.

Уже іюньское наступленіе достаточно ярко показало, что по боевой части мы безнадежно больны и что никакія наступленія для насъ уже немыслимы; нѣмцы съ искусствомъ Мефистофеля использовали свое знаніе современной русской души и при помощи Ленинской компаніи вспрыснули намъ ядъ, растворившій послѣднія жалкія корочки, въ которыхъ еще наружно держалась русская армія; уничтоженіе дисциплины, проклятый принципъ «постолько-посколько» и пораженческая пропаганда обратила насъ въ опасныя для всякаго порядка вооруженныя толпы, которыя пойдутъ за тѣмъ, кто посулитъ имъ побольше вкуснаго и давно уже вожделѣемаго, побольше правъ и наслажденій при минимумѣ обязанностей, работы и непріятностей. Тотъ же, кто только заикнется о боѣ, съ коимъ связаны такіе жупелы, какъ усиленныя работы и возможность страданій, ранъ и смерти, будетъ самымъ ненавистнымъ врагомъ. Ну а съ врагами, несмотря на ихъ положеніе, уже перестали считаться. Сейчасъ брошенный на фронтъ лозунгъ «долой войну» привлекъ къ себѣ сердца и симпатіи всѣхъ шкурятниковъ (а ихъ, съ приходомъ послѣднихъ укомплектованій, у насъ стало больше 80%) и сорвалъ послѣднія удерживающія крѣпи съ тѣхъ, у которыхъ шкурятническія побужденія сдерживались когда то дисциплиной, боязнью суда и разстрѣла, а отчасти старой рутиной повиновенія и обрывками втолканнаго когда-то сознанія обязанности защищать родину. Нѣмцы, видимо, хорошо знали, какими подпорками внутри держится грандіозное снаружи зданіе русской военной мощи; они знали, насколько уже подгнили эти подпорки, и какой смертельный ударъ былъ нанесенъ имъ всѣми этими господами Гучковыми и Керенскими, съ великой развязностью и самомнѣніемъ продѣлавшими надъ русской арміей свои диллетантскіе эксперименты; нѣмцы нашли зловѣщее средство повалить все это окончательно и сдѣлать это русскими же руками подъ руководствомъ подготовленныхъ quasi русскихъ инструкторовъ; для этого противъ насъ и было пущено то средство, которое оказалось гибельнѣе всякихъ ціанистыхъ ядовитыхъ газовъ — пораженческая пропаганда и большевизмъ.

Я плохо знаю теперешнее состояніе Германіи, но мнѣ кажется, что нѣмцы должны были быть очень увѣрены въ патріотизмѣ и разумѣ своего народа и въ его имунитетѣ отъ выбрасываемой на нашу гибель заразы, когда рѣшались на такое исключительное средство, видимо послѣднее, что у нихъ оставалось, чтобы вывести изъ строя своего наиболѣе опаснаго по естественнымъ рессурсамъ врага. Еще въ 1905 году юмористическій журналъ князя Волконскаго «Плювіумъ» доказывалъ, что наиболѣе распространенной въ Россіи партіей являлись С. С. (сукины сыны) съ девизомъ «поменьше работы, побольше денегъ». Теперь этотъ девизъ пущенъ въ самое широкое обращеніе и перевернулъ все вверхъ тормашками, ибо, непереваріваемый и въ мирное время, онъ во время войны, да еще такой, какъ настоящая, хуже самой смерти. Онъ насъ быстро и безповоротно слопалъ, ибо не было у насъ противъ него противоядій: здороваго, сердцемъ и головой рожденнаго патріотизма, разума и просвѣщенія народныхъ массъ и дѣльныхъ и прозорливыхъ политическихъ вождей; не было и необходимыхъ при такой заразѣ дезинфекціонныхъ и асептическихъ средствъ: силы и желѣза власти.

Іюньско-іюльскіе опыты главковерха изъ адвокатовъ помогли нѣмцамъ не меньше, чѣмъ Ленинъ со «товарищи»; шкурниковъ силой погнали на бойню и реально показали всю колючую сторону войны и всѣ ея ужасы; шкурники воочію увидали, что можетъ случиться съ ихъ шкурой, если слушаться самаго даже пандемократичнѣйшаго и сладкоглаголиваго начальства; они поняли, что при такихъ наступательныхъ непріятностяхъ можно и шкуру продырявить и не получить своей доли въ сладкихъ пріобрѣтеніяхъ россійской революціи, каковыхъ они съ большимъ нетерпѣніемъ и не меньшей жадностью ожидали.

Товарищъ Керенскій вообразилъ, что арміи можно поднять на подвигъ истерическими визгами и навинчиваніемъ толпы пустопорожними резолюціями; онъ такъ привыкъ къ словеснымъ побѣдамъ надъ слабыми головами русскихъ судей, надъ настроеніемъ публики большихъ политическихъ процессовъ путемъ многоглаголанія и сбиванія въ смятку мозговъ у слушающихъ, что считалъ, что эти методы примѣнимы и при воздѣйствіи на тѣ вооруженныя толпы-массы, которыя именовались арміей. Штатскій

Главковерхъ, вѣроятно, искренно и убѣжденно думалъ, что обладаетъ такой силой глагола, которая способна произвести тотъ же, какъ и на митингахъ и словопреніяхъ, эффектъ въ примѣненіи къ тому Великому Ужасу, который именуется войной, да еще и въ современномъ ея воплощеніи съ ея невѣроятно грандіозными и цѣпенящими даже и не робкія души средствами истребленія и великаго душевнаго потрясенія. Я до сихъ поръ помню тѣхъ сошедшихъ съ ума солдатъ-нѣмцевъ, которыхъ мы взяли въ плѣнъ послѣ 48 часового обстрѣла нѣмецкихъ окоповъ; а, вѣдь, у насъ былъ только 6-дюймовый калибръ. Я помню присланныя намъ выписки изъ дневника убитаго при обратномъ взятіи Вердена нѣмецкаго капитана, отмѣтившаго, что расположеніе его сосѣда уже седьмой день обстрѣливается непрекращающимся ни на минуту огнемъ 28-сантиметровыхъ орудій, и что почти всѣ защитники этого участка сошли съ ума.

Быть можетъ, въ окопахъ мы еще какъ нибудь отсидимся, но мечтать сейчасъ о наступленіи могутъ только совершенно безумные люди. Четыре мѣсяца тому назадъ моя 70 дивизія была еще способна на порывъ и на наступленіе, а теперь нельзя объ этомъ и заикнуться; о такихъ же отбросахъ, какъ 120 и 121 дивизіи, и говорить нечего. Малѣйшій разговоръ даже о подготовкѣ къ какимъ нибудь наступательнымъ дѣйствіямъ сразу швырнетъ войска въ руки тѣхъ, которые имъ говорятъ, что продолженіе войны нужно начальству, чтобы получать побольше денегъ и побольше наградъ, и сдѣлаетъ насъ для нашихъ солдатъ врагомъ безконечно болѣе опаснымъ и ненавистнымъ, чѣмъ сидящіе въ окопахъ нѣмцы; послѣдніе очень умѣло бубнятъ въ ежедневно намъ бросаемыхъ «Товарищахъ» и «Русскихъ Вѣстникахъ», что они друзья русскаго народа и совершенно не хотятъ съ нимъ воевать; если же нѣтъ мира, то вся задержка только въ русскомъ начальствѣ и въ русскихъ офицерахъ.

Неужели же Псковъ не знаетъ и не понимаетъ всего этого, особенно послѣ уже бывшаго печальнаго опыта іюньскаго наступленія, которое самымъ кричащимъ образомъ доказало, что даже тогда, при несравненно болѣе разумномъ настроеніи частей фронта, онѣ оказались неспособными даже на небольшой порывъ, необходимый для того, чтобы наступленіемъ пѣхоты закрѣпить результаты, добытые двухдневной и очень продуктивной работой огромной артиллеріи, въ небывалыхъ еще здѣсь на фронтѣ размѣрахъ. И это было четыре мѣсяца тому назадъ, состояніе частей было безконечно лучше, стояла чудная лѣтняя погода, дороги были въ отличномъ состояніи, въ порядкѣ были и лошади. Теперь три недѣли сплошныхъ дождей обратили дороги Двинскаго района въ непролазныя топи (сегодня по дорогѣ въ Двинскъ, на главной магистрали я видѣлъ нѣсколько парныхъ экипажей, затонувшихъ въ грязи и такъ и брошенныхъ; выпряженныя лошади отдыхали на ближайшихъ пригоркахъ). Весь конскій составъ отъ тяжелой работы и плохого подвоза фуража, а также отъ «революціонной» халатности товарищей доведенъ до отчаяннаго состоянія; обозные и парковые смотрятъ только за тѣми лошадьми, которыхъ они рѣшили взять съ собой при ожидаемомъ ими концѣ войны домой (это они считаютъ своимъ законнымъ не подлежащимъ никакому оспариванію правомъ).

Всѣ эти условія относятъ всѣ мечты о наступленіи въ разрядъ совершенно несбыточныхъ и въ то же время очень опасныхъ утопій, въ которыхъ намъ очень легко «утонуть». Но наши Ставки и Главкоштабы живутъ на лунѣ, въ полномъ забвеніи дѣйствительности, съ мѣстомъ и временемъ не считаются, войскъ, ихъ состоянія и условій ихъ жизни и службы совершенно не знаютъ; очевидно, что при такой обстановкѣ возможны идіотизмы и нелѣпости всякаго сорта или калибра.

Какія либо возраженія или убѣжденія тутъ безсильны; въ этомъ отношеніи революція ничего не измѣнила и Главкоштабы по прежнему гордо возсѣдаютъ на старыхъ тронахъ, окруженные атмосферой безпрекословнаго послушанія и воспрещенія «смѣть свое сужденіе имѣть». Мы обязаны по рабски все принимать; намъ только приказываютъ и приказываютъ къ исполненію то, что сами приказывающіе осуществить не въ состояніи, причемъ они не могутъ не знать, что войска этихъ распоряженій все равно не выполнятъ и что ни комитеты, ни начальники не располагаютъ уже теперь средствами для того, чтобы заставить неповинующіяся части выполнить отдаваемыя имъ приказанія. И вѣдь

чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, пбо по той дорожкѣ, по которой мы катимся внизъ, уже нѣтъ возврата.

Получается идіотская, невыразимо мрачная и безконечно опасная нелѣпица; мы продолжаемъ думать или притворяться, что представляемъ изъ себя еще что-то въ то время, когда мы уже ничто и безповоротно ничто, или во всякомъ случаѣ очень близки къ этому предѣлу. Уже поздно; поздно и позорно становиться теперь въ грозныя позы и гремѣть громами, болѣе смѣшными и бутафорскими, чѣмъ громы Калхаса; никто уже не вѣритъ въ поверженныхъ и развѣнчанныхъ боговъ и въ ихъ силу, никто уже не боится ихъ громовъ; а если и продолжаютъ иногда еще слушаться, то это «послѣднія тучки разсѣянной бури». Все же хочется думать, а временами даже и вѣрится, что несмотря на всю мрачность нашего положенія, не все еще окончательно потеряно, и что, принявъ немедленно самыя исключительныя и не останавливающіяся ни передъ какими экстравагантностями мѣры, можно было бы продолжать вести оборонительную войну; эти мѣры — отказъ отъ наступленія, переходъ на добровольную службу за большое вознагражденіе, а главное прекращеніе той подозрительности, съ которой относятся къ намъ строевымъ начальникамъ правительство и разные комитеты, особенно послѣ Корниловской исторіи. Всѣ мы, сидящіе на самомъ фронтѣ, у самаго солдата, безконечно далеки отъ тѣхъ заоблачныхъ фантазій, отъ которыхъ пухла голова ставочныхъ возстановителей, и въ этомъ отношеніи насъ бояться нечего, а намъ надо повѣрить и намъ помочь; какъ бы ни далеки были мы отъ согласія съ тѣмъ, что установилось сейчасъ на Руси, но мы думаемъ только о фронтѣ, о возможности продолжать войну и побѣдить врага; потомъ мы уйдемъ или будемъ, можетъ быть, бороться противъ того, чего не сможемъ признать, но сейчасъ для даннаго порядка вещей нѣтъ никого болѣе ему лойяльнаго, чѣмъ огромное количество строевого команднаго состава.

Бояться насъ глупо; подозрѣвать въ желаніи взорвать существующій порядокъ нелѣпо; вѣдь это такъ ярко доказано нами и въ мартѣ, и въ августѣ, когда чувство отвѣтственности за фронтъ властно заглушило въ насъ все остальное.

Но для спасенія вверху нужны иныя лица, иныя рѣшенія, иные методы, а имъ, видимо, уже не бывать. Въ тылу опустошительнымъ пожаромъ разливается пораженческая волна; нѣмецкій ядъ проникаетъ все глубже. Все чаще и чаще случаи рѣшительнаго отказа частей идти на смѣну стоящихъ въ окопахъ; отказаться въ открытую еще зазрятъ послѣдніе, еще не разсосавшіеся остатки старой совѣсти, и поэтому выдумываютъ самыя пестрыя, подчасъ, невѣроятно нелѣпыя причины своего отказа; члены армейскаго комитета носятся какъ угорѣлые, уговаривая, усовѣщивая, убѣждая и иногда даже грозя, и съ великими усиліями вытаскиваютъ упирающихся на фронтъ. За полдня, что я провелъ сегодня въ Двинскѣ въ штабѣ арміи и въ армейскомъ комитетѣ было получено три донесенія объ отказѣ частей идти на смѣну, причемъ въ 19 корпусѣ одинъ изъ полковъ 38 дивизіи заявилъ, что онъ вообще больше въ окопы не пойдетъ.

Во всѣхъ резервахъ идетъ сейчасъ безконечное митингованіе съ выносомъ резолюцій, требующихъ «мира во что бы то ни стало»; старые разумные комитеты уже развалились; и вожаками частей и комитетовъ сдѣлались ораторы изъ послѣдне прибывшихъ маршевыхъ ротъ, отборные экземпляры шкурниковъ, умѣло замазывающіе разными выкриками и революціонной макулатурой истинныя основанія своей нехитрой идеологіи: во что бы то ни стало спасти отъ гибели и непріятностей свою шкуру и, пользуясь благопріятной обстановкой, получить максимумъ плюсовъ и минимумъ минусовъ.

Всѣ мы начальники — безсильные и жалкіе манекены, шестеренки разрушенной машины, продолжающіе еще вертѣться, но уже неспособные повернуть своими зубцами когда то послушные намъ валы и валики. Ужасъ отдачи приказа безъ увѣренности, а часто и безъ малѣйшей надежды на его исполненіе, кошмаромъ повисъ надъ русской арміей и ея страстотерпцами начальниками и зловѣщей тучей закрылъ послѣдніе просвѣты голубого неба надежды. Штатскіе господа, быть можетъ и очень искренніе, взявшіе въ свои руки судьбы Россіи и ея арміи, неумолимо гонятъ насъ къ роковому концу.

Что могу сдѣлать я, номинальный начальникъ, всѣми подозрѣваемый, связанный по рукамъ разными революціонными и яко бы демократическими лозунгами и нелѣпо-

стями, рожденными петроградскими шкурниками такъ называемыхъ медовыхъ дней революціи; никому нѣтъ дѣла до того, что всѣ эти явные или замаскированные пораженческіе и антимилитаристическіе лозунги недопустимы во время такой страшной войны; но ихъ бросили массамъ и они стали имъ дороги, и въ нихъ массы увидѣли свое счастье, избавленіе отъ многихъ великихъ и страшныхъ золъ, и удовлетвореніе многихъ вожделѣній, — жадныхъ, давно лелѣянныхъ, всегда далекихъ и недоступныхъ, и вдругъ сразу сдѣлавшихся и близкими, и доступными. Горе тому, кто покусится или даже будетъ только заподозрѣнъ въ покушеніи на цѣлость и сохранность всѣхъ животныхъ благъ, принесенныхъ этими лозунгами и сопровождавшимъ ихъ общимъ разваломъ. И всѣ эти лозунги и патентованныя непогрѣшимости направлены противъ войны, противъ дисциплины, противъ обязанностей и всякаго принужденія. Какъ же начальники могутъ существовать при такой обстановкѣ, тѣ самые начальники, отъ которыхъ смыслъ ихъ бытія требуетъ какъ разъ обратнаго, то-есть напряженнаго веденія войны, поддержанія строгой дисциплины, надзора за добросовѣстнымъ исполненіемъ всѣхъ обязанностей и примѣненія самыхъ суровыхъ и доходящихъ до смертной казни принужденій. Я уже не разъ говорилъ объ этомъ предсѣдателю нашего армискома, но онъ увѣряетъ, что все пройдетъ, и что вскорѣ долженъ появиться въ арміи новый здоровый революціонный духъ и новая революціонная дисциплина. Это у нашихъ то — товарищей!

Верхи требуютъ отъ насъ рѣшительныхъ мѣръ и поднятія дисциплины, а рядомъ терроризированные вооруженными толпами суды оправдываютъ вдохновителя и руководителя бунта, Лейбъ Гренадера Штабсъ Капитана Дзевалтовскаго и его товарищей героевъ Тарнопольскаго погрома и Тарнопольскаго позора.

Въ тылу начался грабежъ уходящими съ фронта дезертирами товарныхъ поѣздовъ съ продовольствіемъ, идущимъ въ арміи; получено распоряженіе армискома отправить въ тылъ вооруженные конвои для сопровожденія нашихъ поѣздовъ; дезертирство разливается повсюду; только у меня еще держатся 18 и 70 дивизіи, въ которыхъ, если и есть дезертиры, то только изъ недавно пришедшихъ пополненій самаго гнуснаго состава, и безъ того растерявшихъ въ пути отъ 50 до 90%.

Разстройство подвоза грозитъ самыми непріятными послѣдствіями, такъ какъ теперь не 1915 годъ и «товарищи» не примирятся съ тѣми недостатками въ довольствіи, которые такъ молчаливо и терпѣливо переносили «солдаты». Мрачно, тяжело и безнадежно; продолжаю наружно бодриться, бурно работаю и тащу за собой другихъ, глубоко запрятывая отъ подчиненныхъ то, что сидитъ въ головѣ и грызетъ сердце, такъ какъ не имѣю права никого заражать своимъ пессимизмомъ.

Кошмарно работать, не вѣря уже въ успѣхъ, и не имѣя надеждъ на будущее; сколько работы, энергіи и нервовъ я вложилъ въ подготовку и исполненіе іюньскаго наступленія, а чѣмъ все это кончилось! всѣ успѣхи 70 дивизіи были уничтожены трусостью и разваломъ сосѣдей.

Ничего не понимаю въ поведеніи союзниковъ; говорилъ по этому поводу въ штабѣ арміи, но и тамъ ничего не знаютъ. Неужели же союзниковъ не тревожитъ то, что съ нами происходитъ; не знать они не могутъ, ибо весь фронтъ набитъ тысячами ихъ представителей, долженствующихъ видѣть и понимать, что дѣлается сейчасъ съ русской арміей и чѣмъ все это можетъ для нихъ кончиться. Неужели они не видятъ, на какіе подводные камни несется русскій корабль подъ руководствомъ присланныхъ изъ Германіи лоцмановъ и ихъ вольныхъ и невольныхъ, явныхъ и тайныхъ помощниковъ, сотрудниковъ и приспѣшниковъ.

Вѣдь союзники должны понимать, что то, что у насъ происходитъ, постепенно выводитъ насъ изъ игры и снимаетъ насъ съ боевыхъ счетовъ; должны же они наконецъ понимать, что Россія гніетъ, а историческое и соціальное гніеніе также опасно и заразительно, какъ и всякій гнойный процессъ. Сейчасъ намъ нужны во что бы то ни стало иностранные ледники для пониженія температуры и остановки гнилостнаго процесса. Нѣсколько хорошихъ дивизій, во время намъ присланныхъ, явились бы тѣми крѣпями, которыя остановили бы происходящее крушеніе русской военной храмины, особенно, если это были бы американскія войска, по сущности своей безопасныя отъ какихъ либо

реакціонныхъ подозрѣній. Они дали бы устойчивость фронту и явились бы нравственной, а когда понадобилось бы, то и матерьяльной поддержкой того правительства и той военной власти, которыя, не будучи одурманенными туманами революціонной белиберды, понимали, что демократія, реформы и отказъ отъ старыя скверны это одно, а общій развалъ, гной и самыя грозныя перспективы для всего будущаго Россіи это нѣчто совсѣмъ иное, порядка уже анархично-разбойничьяго, а никакъ не революціоннаго.

Комитеты болтаютъ и резолируютъ; лучшіе изъ нихъ пытаются что то дѣлать. Россійское пустобрехство расцвѣло во всю; одинъ изъ полковыхъ комитетовъ вынесъ резолюцію не ходить на занятія, такъ какъ отъ этого портится обувь; въ другомъ тоже потребовали отмѣны занятій, но уже по другой причинѣ, ссылаясь на то, чтобы воины не уставали и сохраняли всегда свѣжія силы на случай внезапнаго нападенія непріятеля; дивизіонные комитеты не осмѣлились сами отмѣнить эти постановленія и передали ихъ въ корпусный комитетъ; послѣдній ихъ отмѣнилъ, но вѣдь никто съ его рѣшеніемъ не станетъ считаться, предпочитая занятіямъ игру въ 66.

Разложеніе распространилось и на державшуюся такъ долго въ полномъ порядкѣ 70 дивизію, которую подсѣкъ переводъ ея за Двинскъ; она впервые попросила пока отсрочить заступленіе ея въ окопы на смѣну 18 дивизіи, измысливъ въ качествѣ предлога необходимость переизбрать всѣ комитеты. Красная черта .всѣхъ постановленій это отмѣна какихъ либо обязанностей, при соотвѣтственномъ оправдательномъ или объяснительномъ соусѣ только что указанныхъ рецептовъ.

Все болѣе и болѣе углубляюсь въ свое убѣжденіе, родившееся у меня впервые въ маѣ, что единственная лазейка изъ создавшейся разрухи это немедленный, какъ говорятъ — въ пожарномъ порядкѣ, переходъ къ добровольческой арміи и разрѣшеніе всѣмъ нежелающимъ воевать вернуться домой. Всѣ не уйдутъ, а если бы ушли, то это было бы яркимъ показателемъ того, что дальнѣйшее продолженіе войны невозможно. А то, что уйдутъ не всѣ, показалъ опросъ произведенный недавно дивизіонными комитетами 18 и 70 дивизіи, причемъ готовность остаться заявили въ первой около 1000 ч., а во второй около 1400; въ 120 и 121 дивизіяхъ не опрашивали, ибо тамъ навѣрно всѣ захотятъ домой, и я былъ бы счастливъ, если бы судьба меня избавила отъ этихъ навозныхъ кучъ, составленныхъ изъ собранныхъ отовсюду отбросовъ, обильно залитыхъ самымъ большевистскимъ жидкимъ удобреніемъ; 120 дивизія уже и такъ выдѣлила въ батальонъ смерти все, что въ ней было порядочнаго, и этотъ батальонъ несетъ всякую службу въ десять разъ эфективнѣе всей дивизіи.

Лучше имѣть 4000 отборныхъ людей, чѣмъ 40 тысячъ отборной шкурятины; нужно только установить, чтобы оставшіеся на фронтѣ получали двойное натуральное довольствіе плюсъ все причитающееся на полный штатный составъ части денежное; я говорилъ по этому поводу съ двумя командармами и двумя главкосѣвами, писалъ въ главное управленіе генеральнаго штаба, но всюду мое предложеніе сочли черезчуръ экстравагантнымъ, послѣднее время эта мысль получила широкое между строевыми начальниками распространеніе, но, какъ говорятъ, противъ нея стоятъ всѣ комитеты и всѣ петроградскіе Цики; считается, что останутся только самые реакціонные элементы, которые и повернутъ все направо кругомъ.

У Ревеля совсѣмъ плохо; повидимому, архипелагъ острововъ потерянъ; изъ сообщаемыхъ оттуда свѣдѣній не извѣстна судьба нашихъ судовъ.

8 Октября. Ночью получилъ чрезвычайно непріятное донесеніе начальника 70 дивизіи, что 277 Переяславскій полкъ отказался идти изъ резерва на смѣну частей 18 дивизіи; такимъ образомъ завершился весь циклъ разложенія корпуса и перестала существовать, какъ настоящая боевая единица, еще одна часть несчастной русской арміи; очевидно, порядокъ въ дивизіи доживалъ свои послѣдніе остатки, и стояніе въ резервѣ за Двинскомъ и вся гнилая атмосфера Двинскаго района ее доконали. Какъ ни умолялъ штармъ не трогать дивизію, Двинскъ настоялъ на своемъ, и вотъ каковы результаты; если бы мнѣ разрѣшили сдѣлать по моему, то-есть поставить всѣ три дивизіи въ линію и установить такой порядокъ смѣны, чтобы по одному полку отъ дивизіи стояло въ окопахъ, а остальные въ резервахъ разной очереди, то я увѣренъ, что дивизіи не только

бы не разложились, а получилась бы даже возможность попробовать начать ихъ втягивать понемногу въ службу и порядокъ, и тогда все зависѣло бы только отъ того, не развалятся ли сосѣди и не вспыхнетъ ли сразу весь тылъ. Съ такимъ порядкомъ смѣны согласились даже большевистскіе комитеты 120 дивизіи, но все пошло на смарку благодаря упрямству штаба арміи, или вѣрнѣе, начальника штаба генерала Свѣчина, измыслившаго какую-то невѣроятно сложную операцію-маневръ, на случай наступленія нѣмцевъ сѣвернѣе Двинска и вытащившаго туда части моего корпуса въ армейскій резервъ.

Въ вынесенной Переяславскимъ полкомъ резолюціи причиной отказа идти на смѣну частей, стоящихъ уже мѣсяцъ въ окопахъ, выставляются отсутствіе полныхъ комплектовъ теплой одежды и требованіе немедленно заключить миръ. Очень характерна смѣсь этихъ требованій: первое пущено для увлеченія инертныхъ массъ, и какъ упрекъ незаботливому начальству, а второе сейчасъ является разливающимся по всему фронту лозунгомъ.

И въ такое время главкоштабные младенцы мечтаютъ о какихъ то наступленіяхъ и стратегическихъ маневрахъ «съ внутренними осями захожденія» и «вливаніемъ кавалерійскихъ массъ въ произведенные прорывы фронта». Прочитали бы лучше помѣщаемый ежедневно въ «Русскомъ Словѣ» отдѣлъ телеграфныхъ сообщеній со всѣхъ концовъ Россіи, очень красочно передающихъ, что тамъ дѣлается. Картина потрясающая, но заставляетъ ли она «бдѣть нашихъ консуловъ?» Имѣется тамъ же донесеніе комиссара съ южнаго фронта о томъ, что какой то корпусъ прошелъ черезъ Сорокскій уѣздъ и оставилъ за собою пустыню: все разграблено, все жилое сожжено, женщины изнасилованы; по даннымъ армейскаго комитета эти свѣдѣнія составляютъ только часть донесенія комиссара объ отводѣ въ резервъ 2 гвардейскаго корпуса, продѣлавшаго такую операцію не въ одномъ, а въ одиннадцати уѣздахъ, гдѣ на несчастіе всюду были мѣстные запасы вина.

Неужели же намъ суждено дойти до средневѣковаго: Morte nihil melius, vita nihil pejus! Вотъ когда показались спѣлые плоды «безкровной» русской революціи.

Газеты принесли намъ манифесты Стокгольмскаго сборища и нашихъ совѣтовъ по части окончанія войны; какое надруганіе надъ Россіей! всѣ заботы сводятся главнымъ образомъ къ тому, чтобы не пострадали интересы Германіи. Монархическіе Метернихи, Нессельроды и Ко. черезъ сто лѣтъ обрѣли достойныхъ, хотя и революціонныхъ преемниковъ по части утопленія русскихъ интересовъ; это у насъ должно быть въ крови съ тѣхъ поръ, какъ послѣ Петра насъ нѣмецкая нянька по темячку ушибла. Давно Россія не читала такихъ откровенныхъ и циничныхъ документовъ; авторамъ стѣсняться нечего, такъ какъ по части этическихъ задержекъ они химически чисты, что при надлежащей оплатѣ золотымъ эквивалентомъ ихъ старательности снимаетъ съ нихъ всякую удержь. Кухари германскаго происхожденія или германской подготовки работаютъ умѣло, поднося все гибельное и смертельное для Россіи подъ искусно приготовленными соусами мира, покоя и освобожденія отъ непріятныхъ тяготъ и обязанностей.

Желѣзныя дороги фронта опять затрещали подъ напоромъ массъ отпускныхъ и вовсе уволенныхъ отъ службы, стихійно стремящихся домой; въ перегруженныхъ до отказа вагонахъ ломаются рессоры, проваливаются полы; происходитъ масса несчастій, но на такіе пустяки перестали обращать вниманіе. Никакая власть уже не въ силахъ остановить этотъ двигающійся на востокъ ураганъ. А еще недавно это было возможно, но надо было сразу же, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, установить желѣзный порядокъ на станціяхъ главныхъ посадокъ, наказывая всѣхъ неповинующихся отставленіемъ отъ посадокъ и поощряя всячески спокойныхъ и слушающихся; затѣмъ надо хоть теперь осуществить тотъ проектъ, который я, начиная съ 16 года, нѣсколько разъ предлагалъ Главному Управленію Генеральнаго Штаба и который состоялъ въ томъ, чтобы двигать отпускныхъ солдатъ особыми маршрутными поѣздами, снабженными обязательно вагонами кухнями, кормящими солдатъ только своего эшелона; отъ такого поѣзда не отсталъ бы ни одинъ солдатъ; солдаты бы не разносили станціи и станціонные поселки въ поискахъ продовольствія; главное же — правильность движенія дала бы массамъ полную увѣренность въ томъ, что дѣло налажено, что до каждаго дойдетъ очередь и что ѣхать этимъ предлагаемымъ и организованнымъ начальствомъ способомъ удобнѣе и скорѣе. Поте-

рявъ право надѣяться на силу приказа, приходилось измышлять новые способы, чтобы хоть чѣмъ нибудь сдерживать массы. Главное Управленіе признало идею моего проекта правильной, но проектъ совершенно неосуществимымъ вслѣдствіе технической трудности. Проклятая, убивающая насъ лѣнь и нежеланіе шевелить мозгами и безпокоиться больше, чѣмъ то нужно для отбыванія расписанія и очередныхъ номерковъ!! Я самымъ неприличнымъ образомъ выругался, получивъ такой подлый отвѣтъ, рекомендовалъ обратиться за помощью къ союзамъ Городовъ и Земствъ, но безъ результата; равнодушіе не позволило понять всю огромность психологическаго значенія сохранить на желѣзныхъ дорогахъ порядокъ и заставить страну и солдатъ почувствовать, что и надъ ними есть власть, способная «заставить» ѣхать въ порядкѣ и не своевольничать. Тутъ то и была такая обстановка, при которой все это исполнялось бы довольно легко, ибо ѣдущіе не были сорганизованы, невооружены, а главное большинство состояло изъ готовыхъ слушаться всякаго, кто обезпечитъ имъ скорый отъѣздъ, безпрепятственный проѣздъ и кормежку въ пути.

Все очень трудно, когда не хочется вообще ничего дѣлать. Побезпокоиться во время не захотѣли; подобрать вожжей въ то время, когда надо, не сумѣли, а теперь ахаютъ, что желѣзныя дороги являются ареной неописуемыхъ безобразій, заставляющихъ служащихъ убѣгать со станцій при приближеніи воинскихъ поѣздовъ.

9 Октября. Сумбурный и тяжелый день; усталый, какъ выжатый лимонъ, я свалился поздно ночью на свою походную кровать, и цѣлые полчаса Петръ возился со мной, отхаживая меня отъ сильнаго сердечнаго припадка. Весь день провелъ въ уговорахъ полковъ 70 дивизіи, которые присоединились къ резолюціи Переяславцевъ и отказались идти на смѣну 18 дивизіи; эмиссары Переяславцевъ два дня ѣздили по полкамъ, митинговали и сманили на свою сторону всю дивизію; всѣмъ показалось, конечно, очень заманчивымъ отбрыкаться отъ возвращенія, — да еще въ такую отчаянно скверную погоду, — въ непріютные окопы и разстаться съ привольной, безъ работъ и занятій стоянкой по деревнямъ, съ вѣчной днемъ и ночью игрой въ карты, съ хороводами и гулянками и прочими наслажденіями.

Промотался на автомобилѣ цѣлый день; началъ съ 280 Сурскаго полка, который за послѣднее время былъ въ относительномъ порядкѣ и очень умѣло управлялся молодымъ командующимъ Полковникомъ Мисюревичемъ при очень благожелательномъ содѣйствіи разумнаго и дѣльнаго полкового комитета, помогавшаго командиру, гдѣ это было надо, и не мѣшавшагося, куда не слѣдуетъ. Засталъ собраніе всѣхъ комитетовъ полка, выругалъ ихъ основательно за присоединеніе къ общему выступленію и пристыдилъ, что такія выкидки равносильны измѣнѣ. Отвѣчая на заданные вопросы, обстоятельно объяснилъ, почему сейчасъ не можетъ быть мира, и что мы все должны дѣлать для того, чтобъ онъ былъ поскорѣе и такой прочности, чтобы нашимъ дѣтямъ и внукамъ уже не пришлось бы больше воевать. Пригрозилъ, что если будутъ упираться, то придется употребить силу — теперь жалѣю, что это сорвалось, такъ какъ такія безсильныя и немогущія быть приведенными въ исполненіе угрозы совершенно безцѣльны, да и всегда кромѣ того считалъ, что пуганіе угрозой наказанія недостойно власти. Засталъ уже комитеты новаго выбора и новаго состава; впечатлѣніе скверное: старые разумные солдаты забаллотированы и ихъ смѣнили мрачные сѣрые субъекты изъ послѣднихъ тыловыхъ пополненій, демагоги изъ большевистскихъ вожаковъ въ запасныхъ полкахъ съ злобными сверлящими глазами и волчьими мордами. Отъ такихъ «товарищевъ» можно ждать чего угодно; двинскіе большевистскіе заправилы умѣло добились смѣны старыхъ комитетовъ, которые въ этой дивизіи являлись для нихъ камнемъ преткновенія въ ихъ разрушительной дѣятельности. Я увѣренъ, что при старыхъ комитетахъ дивизія никогда бы не закинулась даже при условіяхъ стоянки въ резервѣ за Двинскомъ.

Сейчасъ же все внутреннее, интимное и реальное руководство массами въ рукахъ тѣхъ, которые, какъ чортъ ладана, боятся окоповъ, стрѣльбы и прочихъ жупеловъ, тыломъ рожденныхъ: минъ и ядовитыхъ газовъ. Два комитетчика злобно, на самыхъ визжащихъ тонахъ выкрикивали, что они уже три года погибаютъ и мучаются въ окопахъ, а когда я спросилъ сначала ихъ, а послѣ ихъ заминки, ихъ сосѣдей, какъ давно эти

орателн въ полку, то оказалось, всего третья недѣля. Но во всякомъ случаѣ мнѣ удалось добиться пересмотра рѣшенія и передъ отъѣздомъ изъ штаба полка меня завѣрили, что полкъ послѣ обѣда выступитъ. Затѣмъ проѣхалъ въ 277 полкъ; тамъ тоже собраніе всѣхъ комитетовъ, составъ ихъ новый, такой же злобный и ожесточенный, владѣющій массами, которыя, хвативши вольнаго и лѣниваго стоянія въ резервѣ, совершенно не желаютъ мѣсить снова придвинскія грязи, лѣзть въ запущенные окопы, работать, нести охраненіе, ходить въ секреты и рисковать своей жизнью, когда впереди столько сладкихъ перспективъ.

Какой же я начальникъ при такихъ условіяхъ? приказать и заставить я уже не могу; я долженъ убѣждать и уговаривать, чтобы на время замазать то, что лѣзетъ изо всѣхъ щелей; и для чего все это? вѣдь успѣхъ уговора такъ же непроченъ, какъ и все остальное. Я базируюсь на долгѣ, требую напряженія и подвига, тащу туда, гдѣ раны и смерть, а мои противники сулятъ блага и наслажденія, спасаютъ отъ смерти и разрѣшаютъ отъ всѣхъ непріятныхъ обязанностей.

Говорилъ до сердцебіенія, убѣждалъ, разсказывалъ и разъяснялъ; чувствовалъ, что повидимому побѣдилъ данное сборище, но сознавалъ, что впечатлѣніе отъ моихъ словъ разсѣется сейчасъ же, какъ люди вернутся въ свои роты и начнутъ разсуждать, слушаться ли командира корпуса и идти въ окопы или упереться на своемъ и продолжать сидѣть въ деревняхъ и веселиться.

Жалобы раздавались самыя слезливыя: и устали мы, и рядовъ въ ротахъ мало, и босые всѣ, и отъ голода пухнемъ; однимъ словомъ, обычныя завыванія русскаго попрошайки, когда онъ хочетъ выпросить побольше. Я по пунктамъ разбивалъ всѣ жалобы; заставилъ сознаваться, что ни босыхъ, ни голодныхъ нѣтъ, да и быть не можетъ; цифрами доказалъ, что на фронтѣ 10 корпусовъ нѣтъ такихъ такъ обильно во всемъ обезпеченныхъ частей, какъ полки 70 дивизіи; большинство возражавшихъ смолкало и исчезало въ толпѣ; старики стали зыкать на клянчившихъ, уличая ихъ недавнее пребываніе въ полку и полную неосновательность жалобъ на довольствіе, но нѣсколько мрачныхъ типовъ самаго зловѣщаго вида продолжали бубнить про сапоги, про прогорклое масло, какъ про самый законный поводъ къ тому, чтобы не идти на смѣну. Общій видъ вновь выбранныхъ комитетовъ очень напоминаетъ теперешній Петроградскій хлѣбъ — такая же сѣрая мразь; старые разумные солдаты, говорившіе о долгѣ, требовавшіе службы и сами показывавшіе, какъ надо служить, всюду забаллотированы, какъ «корниловцы и старорежимники», а на ихъ мѣсто въ комитеты пробрались крикливые, прыщавые съ зелеными мордами юнцы.

Пріѣхавшіе со мной предсѣдатель дивизіоннаго комитета 18 дивизіи Фашеръ (очень разумный и стоящій на здоровой почвѣ солдатъ) и представители другихъ полковъ пытались всячески уговорить эту сѣрую, трусливую гущу, но ихъ доводы ударялись какъ въ подушку.

Послѣ двухчасовыхъ разглагольствованій толпа начала сдаваться; послышались заявленія, что ихъ не такъ поняли и что идти въ окопы они не отказываются; впередъ полѣзли остатки старыхъ солдатъ, и дѣло начало принимать совсѣмъ неожиданно благопріятный поворотъ. Но все было сорвано однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ вожаковъ, повидимому, только одѣтымъ въ форму полка, который, видя, что почва ускользаетъ изъ подъ ихъ ногъ, бросилъ въ самой вызывающей формѣ обвиненіе по адресу начальника дивизіи генерала Бѣляева, что онъ де грозилъ имъ, что, если они не пойдутъ въ окопы, то ихъ погонятъ штыками.

Настроеніе было мгновенно сорвано, толпа зарычала и съ этого времени положеніе стало безнадежнымъ. Въ это время въ толпѣ произошло какое-то движеніе, и одинъ изъ членовъ комитета упт.-офицеръ Морозовъ, сославшись на какое то засѣданіе, уговорилъ меня уѣхать. Только въ автомобилѣ я узналъ отъ шоффероВъ, что въ разгаръ послѣдняго моего успѣха большевистскіе коноводы рѣшили меня пристрѣлить, но, такъ какъ на собраніи всѣ были безъ оружія, то это меня спасло; пока послали за винтовкой, старые солдаты узнали и, когда назначенный для моего истребленія комитетчикъ

взялъ винтовку, чтобы застрѣлить меня сзади, то старики у него ее вырвали; я же въ пылу дебатовъ ничего даже не замѣтилъ.

Вернулся домой совсѣмъ разбитымъ; промотался на автомобилѣ и въ экипажѣ около 200 верстъ, да четыре часа говорилъ и убѣждалъ среди самой напряженной атмосферы.

Дома былъ ошеломленъ и ошарашенъ полученіемъ директивы о предстоящемъ не позже 20 октября наступленіи. Удивляться давно уже пересталъ, но все же поставилъ себѣ вопросъ: «какимъ мѣстомъ — головой или сѣдалищемъ думаютъ въ Псковѣ и въ Двинскѣ». Возвеличенный южными успѣхами и революціонными лаврами Черемисовъ и окружающіе его идіоты, очевидно, только и способны на то, чтобы родить такую нелѣпость; вѣдь, они не могутъ не знать, что дѣлается въ арміяхъ, такъ какъ, если наши донесенія туда не доходятъ, то не могутъ не доходить прямыя донесенія корпусныхъ комиссаровъ, которые не скрываютъ правды, особенно въ нашей арміи, гдѣ на три четверти они офицеры и притомъ весьма здравомыслящіе. Я думалъ, что въ Штармѣ шутили, когда вчера говорили о какомъ то предстоящемъ наступленіи; вѣдь, не говоря уже объ отвратительномъ настроеніи и совершенно развальномъ состояніи фронта, мы не въ состояніи подвозить даже ежедневную трату снарядовъ и расходуемъ пока линейные запасы, оставшіеся отъ лѣтняго наступленія. Части отказываются идти въ окопы для простой смѣны, а кто то фантазируетъ приказать имъ вести напряженную и кровавую операцію наступленія; да о послѣднемъ и заикнуться сейчасъ нельзя, такъ какъ при современномъ настроеніи это можетъ кончиться избіеніемъ всѣхъ офицеровъ. Сейчасъ приходится уговаривать и поднимать всѣ комитеты только для того, чтобы уговорить роту или команду перейти изъ одной халупы въ другую, а тутъ Псковскіе Марсіане требуютъ наступленія.

Я не понимаю совершенно командующаго арміей, безстрастно, какъ автоматъ, передающаго намъ къ исполненію подобныя нелѣпыя и, какъ онъ самъ отлично знаетъ, абсолютно невыполнимыя приказанія. Несомнѣнно, что тутъ часть вины лежитъ на начальникѣ штаба генералѣ Свѣчинѣ, помѣшанномъ на разныхъ стратегическихъ выкрутахъ внѣ времени, пространства и всей наличной обстановки.

Несмотря на усталость, набросалъ короткій, но вразумительный докладъ о невозможности исполненія и съ офицеромъ отправилъ въ Двинскъ.

10 Октября. Утромъ срочно вызвали въ Штабъ арміи на совѣщаніе всѣхъ корпусныхъ командировъ. Какъ обыкновенно, много пустяковыхъ разговоровъ на нестоящія выѣденнаго яйца темы; длиннѣе и скучнѣе всѣхъ мямлилъ и бубнилъ командиръ 19 корпуса генералъ Антиповъ, имѣющій удовольствіе командовать архибольшевистскимъ корпусомъ; онъ же высказывался за наступленіе и увѣрялъ, что можетъ занять Иллукстъ, чему придавалъ, неизвѣстно по какой причинѣ, огромное значеніе. Остальные командиры, изъ недавно назначенныхъ, видимо боялись скомпрометировать себя на счетъ «паничности», и поэтому въ вопросѣ о наступленіи не говорили ни «да», ни «нѣтъ». Болдыревъ держалъ себя очень рѣшительно, разрубалъ всѣ Гордіевы узлы; на заявленіе командира 27 корпуса, что лошади падаютъ и не на чемъ подвозить снаряды, Болдыревъ выпалилъ: «ну и пусть падаютъ».

На подобныя нелѣпости способны только такіе верхогляды и быстролетные карьеристы, которые никогда на своей шкурѣ, на своихъ нервахъ и совѣсти не испытали всѣхъ ужасовъ и всѣхъ тяжестей такихъ положеній.

Когда очередь дошла до меня, то я рѣзко, опредѣленно и рѣшительно заявилъ, что сейчасъ даже и заикнуться нельзя о наступленіи; юлить и молчать не приходится, и мы, стоящіе у войскъ и знающіе ихъ настроеніе, обязаны твердо сказать верхамъ правду и заявить о необходимости раскрыть глаза и перестать играть въ какія-то прятки. Мы тяжко больны, неспособны къ боевой работѣ, и намъ нужно спокойствіе и отсутствіе потрясеній; въ этомъ весь оставшійся у насъ шансъ на то, чтобы справиться съ надвигающейся на насъ лавиной развала. Никакими самыми грозными приказами и рѣшительностью теперь уже не помочь; сломанной во многихъ мѣстахъ палкой нельзя наносить сокрушительныхъ ударовъ; наша же командирская палка сломана такъ, что разсыпется на куски при первомъ ею размахѣ.

Мое мнѣніе сейчасъ сводится къ тому, что надо распустить армію и оставить только добровольцевъ, обезпечивъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ самымъ лучшимъ образомъ; я считаю, что останется около милліона, а этого вполнѣ достаточно, чтобы продолжать оборонительную войну при тѣхъ техническихъ средствахъ снабженія, которыя теперь у насъ есть. Образовавшіеся кое-гдѣ ударные батальоны служатъ отлично, дерутся геройски и на нихъ надо базироваться; дѣйствія этихъ батальоновъ во время іюльскаго наступленія и при рижскомъ прорывѣ, гдѣ такой батальонъ 38 дивизіи буквально спасъ все положеніе, безупречная служба ударнаго батальона 120 дивизіи даютъ полное право надѣяться, что съ этими частями мы удержимъ фронтъ, особенно если насъ не будетъ трогать и губить тылъ. Вѣдь въ этомъ послѣдній шансъ и единственный исходъ, такъ какъ съ войсками, въ томъ состояніи, въ которомъ они сейчасъ находятся, мы не только не можемъ наступать, но не выдержимъ даже болѣе слабаго удара, чѣмъ то было подъ Ригой и Якобштадтомъ.

Мнѣ истерически возражалъ Антиповъ на тему «не разрушайте организаціи». Я ему отвѣтилъ, что какъ же можно говорить о спасеніи организаціи, когда она вся сгнила и сгнившее заражаетъ послѣдніе остатки здороваго; въ катастрофическія времена нельзя жить отвѣтами шаблончиками и прогнившей рутиной. Преступно закрывать глаза на происходящее: язва расползается, она захватила послѣднія еще державшіяся части: мой корпусъ и кавалерію, и я офиціально докладываю, что мой корпусъ къ бою неспособенъ, приказовъ не слушаетъ.

Остальные командиры корпусовъ одобрительно мнѣ поддакивали, но когда надо было рѣшительно высказаться, то замолчали, и въ результатѣ все совѣщаніе свелось къ толченью воды въ ступѣ.

Болдыревъ произвелъ на меня отрицательное впечатлѣніе; какой то усугубленный моментъ былыхъ временъ подъ густымъ академическимъ соусомъ, важенъ, категориченъ, больше, чѣмъ надо, хвастается своимъ опытомъ, а какой это опытъ, мы всѣ въ дѣйствительности знаемъ очень хорошо: все больше по части верхоглядняго летанія по штабамъ; у него даже нѣтъ привычки къ огню, что онъ показалъ, когда былъ у меня на участкѣ и шарахался отъ каждаго выстрѣла. Своего мнѣнія у него нѣтъ, болтается, какъ флюгеръ на слабой оси.

Пришедшія съ тылу газеты совсѣмъ скверныя; шансы большевиковъ идутъ, повидимому, быстро въ гору; для этого тѣста присланы изъ Германіи хорошія дрожжи и опара на нихъ поднимается чудесная; развалъ послѣднихъ остатковъ государственности идетъ въ тылу на всѣхъ парахъ; дерзость и преступленіе подняли голову и пируютъ. Анархія и погромы разливаются по странѣ широкой волной; реальной власти нѣтъ, ибо разговоры и резолюціи это не власть; силъ и средствъ борьбы съ анархіей нѣтъ и имъ не откуда явиться. Клѣтки раскрыты, дикіе звѣри выпущены и ихъ поводыри обречены нестись впереди и давать звѣрью все новыя и новыя подачки; ни остановить, ни, тѣмъ паче, вернуть въ клѣтки уже нельзя. Происходитъ крахъ еще небывалаго въ исторіи размѣра, трещатъ и разрываются всѣ связи, рушатся стѣны и сыпятся камни; повторяется сонъ Навуходоносора.

Положеніе такъ плохо и катастрофа надвигается такъ стремительно, что теперь и варяги уже не успѣютъ насъ спасти, если бы даже и захотѣли сдѣлать. Понимаютъ ли они хоть сейчасъ, какими послѣдствіями грозитъ имъ ихъ слѣпота и нерѣшительность; ихъ представители носятся всюду какъ потревоженныя пчелы, нюхаютъ, соболѣзнуютъ, высказываютъ надежду, что все образуется . . .

Филькина грамота, данная товарищу Скобелеву, служитъ благодатнымъ матерьяломъ для издѣвательства газетъ; особенно ядовита статья Пиленко, остроумно доказывающая, что первоначально этотъ наказъ былъ написанъ по нѣмецки, а потомъ уже переведенъ на русскій языкъ.

11 Октября. Первая бригада 70-й дивизіи окончательно закипулась: оба полка наотрѣзъ отказались исполнить приказъ по дивизіи о переходѣ къ Двинску для послѣдующей смѣны стоящихъ на позиціи полковъ 18 дивизіи. Сегодня имъ повезли приказы и увѣщанія армейскаго комиссара, но какая можетъ быть надежда на успѣхъ, если

товарищи не хотятъ работать, не хотятъ подвергать свою жизнь опасности, и знаютъ, что никто уже не можетъ силой заставить ихъ подчиниться приказу. Полгода продержалась моя старая дивизія, но и ей пришелъ неизбѣжный конецъ — воинская часть умерла, а осталось только одно названіе.

Донесъ командующему арміей и сообщилъ армейскому комитету, добавивъ, что въ моемъ распоряженіи нѣтъ средствъ заставить эти полки повиноваться. Посылая это донесеніе, пережилъ тяжелыя минуты, такъ какъ тутъ не только фактъ крушенія огромной полугодовой работы, но и мане-текелъ-фаресъ для всего будущаго, исчезла послѣдняя ничтожная иллюзія на возможность задержать летящую внизъ колесницу, и теперь весь вопросъ только въ томъ, насколько далеко до дна и что окажется тамъ на днѣ. Конечно, все это было давно неизбѣжно, но со свойственной человѣку слабостью, я продолжалъ цѣпляться за возможность какой то передышки и чуда.

Погрузился въ текущія письменныя дѣла и весь день былъ терзаемъ интендантомъ, контролеромъ и прочими бумажными скорпіонами; приходится продолжать махать крыльями, хотя душа отъ насъ давно уже отлетѣла. Чувствую себя отчаянно плохо; видимо, невѣроятное нервное напряженіе даетъ себя знать: появились тѣ же симптомы полнаго surmenage нервной системы, что свалили меня съ ногъ и чуть не свели въ могилу въ февралѣ 1915 года.

Вечеромъ нѣсколько отдохнулъ и забылся на мысѣ Илга, куда ѣздилъ на окончаніе перваго выпуска корпусной офицерской школы; школы эти въ видѣ дивизіонныхъ были учреждены по моему проекту, который я послалъ въ штабъ I арміи еще весной 1916 года; я считалъ, что это было единственнымъ средствомъ разрѣшить вопросы объ офицерахъ и исправить тѣ огромные недостатки, которыми болѣли наши офицерскія тыловыя школы, выбрасывавшія намъ десятки тысячъ абсолютно неготовыхъ къ войнѣ офицеровъ; эти школы заботились о внѣшней выправкѣ, о зубрежкѣ теоретическихъ данныхъ и ничего не давали на практикѣ; выяснилось, что армія не можетъ существовать на офицерахъ четырехмѣсячнаго курса обученія или, какъ ихъ называли между собой солдаты, на четырехмѣсячныхъ выкидышахъ; офицеровъ этихъ надо было додѣлывать, и это можно было осуществить только на фронтѣ; ихъ надо было воспитать, и это могли сдѣлать только сами части, но не прямо въ боевой, а въ смѣси изъ боевой и прибоевой обстановки. Въ 70-й дивизіи я провелъ два выпуска дивизіонной школы и съ отличными результатами. Сейчасъ кончили курсы офицеры перваго выпуска корпусной школы, такъ какъ при общемъ ослабленіи нельзя было роскошествовать на нѣсколько школъ въ корпусѣ.

Этой школѣ я далъ отличный составъ руководителей и преподавателей, и полученные результаты дали мнѣ большое нравственное удовлетвореніе. Въ школу шли съ неохотой, съ предубѣжденіемъ, а кончили съ благодарностью и съ глубокимъ сознаніемъ вынесенной пользы и огромнаго значенія пріобрѣтенныхъ практическихъ знаній; въ школѣ подъ руководствомъ опытныхъ боевыхъ офицеровъ они прошли всѣ отдѣлы настоящей работы взводныхъ и ротныхъ командировъ, стрѣльбу изъ винтовокъ, пулеметовъ, орудій, бомбо- и минометовъ; основательно и практически ознакомились со всѣми видами и образцами ручныхъ гранатъ (а ихъ у насъ легіонъ, я даже изумляюсь, какъ можно такъ хорошо разбираться во всемъ этомъ калейдоскопѣ французскихъ, англійскихъ и доморощенныхъ системъ и образцовъ); продѣлали строевыя и тактическія ротныя ученья и практически прошли весь полевой уставъ, всѣ основы окопной войны и службы; ознакомились съ основаніями войскового хозяйства, войсковой санитаріи и разной мелочью — все это основательно пройдено, усвоено и знанія провѣрены. Если бы все это было начато весной 1916 года и начато однообразно по всему фронту, то мы встрѣтили бы революцію съ инымъ составомъ офицеровъ, чѣмъ тотъ суррогатъ, которымъ мы сейчасъ располагаемъ. Конечно, нѣтъ оправданія тѣмъ, кто вѣдалъ подготовкой офицеровъ въ тылу и занимался съ юнкерами тонкостями отданія чести и показной белибердой мирнаго времени.

Въ 70 дивизіи я съ самаго начала обратилъ вниманіе на нравственное совершенствованіе и на спеціальное обученіе прибывавшихъ молодыхъ прапорщиковъ и думаю,

что дивизія держалась такъ долго въ порядкѣ только благодаря лучшему составу офицеровъ.

Пріятно было провести два часа среди офицеровъ школы, нравственно приподнятыхъ сознаніемъ практической и профессіональной цѣнности пріобрѣтенныхъ ими боевыхъ знаній; прапорщикъ 280 полка Новиковъ высказалъ, что онъ не зналъ и одной двадцатой того, что онъ узналъ въ школѣ.

На Рижскомъ фронтѣ нѣмцы не только прекратили наступленіе, но даже отошли назадъ на подготовленныя позиціи, предоставивъ намъ залѣзть въ болота и въ совершенно опустошенный районъ, гдѣ развалъ пойдетъ несомнѣнно болѣе быстрымъ темпомъ; мы бы и полѣзли туда, если бы не современное состояніе фронта, дѣлающее невозможнымъ отдать какое либо распоряженіе, связанное съ движеніемъ впередъ въ сторону противника. Все пережитое ничему не научило наши командные верхи; а вѣдь невозможно даже подсчитать тѣ моральныя и матерьяльныя потери, которыя мы понесли за полтора года сидѣнія на идіотскихъ позиціяхъ только Придвинскаго участка, а такихъ участковъ по всему фронту были многіе десятки (Нарочъ, Стоходъ и т. п.).

Рожденная въ невоюющихъ штабахъ хлесткая фраза, «ни шагу назадъ съ земли, политой русской кровью», пролила цѣлыя моря этой крови и пролила совершенно даромъ. Если бы не лѣзли за нѣмцами, какъ слѣпые щенята за сукой, и вмѣсто того, чтобы барахтаться, гнить и гибнуть въ болотахъ западныхъ береговъ той линіи озеръ, которая тянется отъ Двинска къ Нарочу, — остались бы на высотахъ восточныхъ береговъ, то могли бы занимать фронтъ половиной силъ, сохранили бы войска физически и не вымотали бы ихъ такъ нравственно. Нѣмцы же засѣли на хорошихъ и сухихъ позиціяхъ, отлично ихъ укрѣпили, держали на нихъ одну дивизію противъ нашихъ 3—4; мы сидѣли внизу, не видали ни кусочка нѣмецкаго тыла; нашъ тылъ былъ у нѣмцевъ, какъ на ладони; доставка каждаго бревна, подача каждой походной кухни были возможны только ночью, люди лежали въ болотахъ, пили болотную воду. Положеніе наше было таково, что если бы нѣмцы захотѣли или получили возможность насъ долбануть, то никто изъ боевой части не ушелъ бы съ своихъ участковъ и мы были бы безсильны имъ помочь, такъ какъ всѣ сообщенія были по гатямъ, отлично виднымъ нѣмцамъ и сходившимся къ двумъ узкимъ озернымъ перешейкамъ, прицѣльно обстрѣливаемымъ нѣмецкой артиллеріей. Сколько бумаги я исписалъ на доклады о невозможности нашего положенія и о необходимости отойти за озера; помню тотъ переполохъ, который произошелъ въ штабѣ моего теперешняго корпуса, когда я по должности начальника 70 дивизіи, вскорѣ послѣ пріема боевого участка дивизіи, подалъ докладъ, весьма ярко характеризовавшій весь ужасъ нашего положенія; на меня стали смотрѣть, какъ на какого то опаснаго еретика, и очень боялись, чтобы въ штабѣ арміи не узнали, что въ корпусѣ есть субъектъ, позволяющій себѣ исповѣдовать такія преступныя идеи. Но меня это мало тревожило, и въ каждомъ докладѣ о положеніи дивизіи и боевого участка и при каждомъ посѣщеніи разныхъ высокопоставленныхъ контролеровъ и гастролеровъ я неизмѣнно и упрямо бубнилъ и доказывалъ необходимость бросить заозерныя позиціи. Но на всѣ мои доводы я получалъ одинъ отвѣтъ: «ни пяди земли назадъ», и цѣлый годъ мы затрачивали невѣроятныя усилія для того, чтобы справиться съ тѣми трудностями, которыя давили насъ на нашихъ позиціяхъ; затрачивали при этомъ совершенно безцѣльно, ибо держаться мы могли только въ томъ случаѣ, если нѣмцы насъ не трогали (имъ нужно было спокойствіе на этомъ участкѣ, и они умѣло водили насъ за носъ).

12 Октября. Дождь и слякоть; неремонтированныя дороги напомнили осень 1915 года и обратились въ непроѣзжія топи; какой разительный контрастъ съ 1916 годомъ, когда въ самый разгаръ осенней непогоды я ѣздилъ по своему участку на автомобилѣ, и когда непроѣзжими оставались только тѣ немногочисленные, къ счастью, у меня участки дорогъ, на которыхъ работали разныя тыловыя дорожныя организаціи, умѣло закапывавшія въ землю казенные милліоны и дѣлавшія непроѣзжими весьма сносныя дороги.

Сохранились только дороги, сплошь вымощенныя крупнымъ накатникомъ. Настроеніе отчаянно скверное; 70 дивизія кончена и подошла къ общему предѣлу пол-

наго развала, порвавъ послѣдніе, жалкіе остатки надежды, за которую я еще цѣплялся.

Продолжаются уговоры съ посылкой въ полки присяжныхъ уговаривателей изъ армейскаго комитета, но безъ результата.

Въ 120 дивизіи 477 полкъ, находящійся всецѣло въ рукахъ тайнаго большевистскаго комитета, отказался идти на смѣну стоящаго на позиціи батальона смерти и заявилъ, что будетъ стоять за фронтомъ только до двадцатаго октября, послѣ чего всѣ пойдутъ по домамъ, такъ какъ «довольно быть дураками». При этомъ полкъ заявилъ и намъ начальникамъ, и всѣмъ комитетамъ, чтобы никто и не пытался пріѣзжать ихъ уговаривать, такъ какъ всѣ такіе «будутъ немедленно пришиблены». Хорошенькая армія, въ которой возможны безнаказанно такія заявленія; платные нѣмецкіе разрушители могутъ только радоваться на быстрые и роскошные результаты своихъ трудовъ и просить прибавки за успѣшное выполненіе своей измѣннической работы. Но неужели верхи не понимаютъ, къ чему все это ведетъ; неужели союзники не видятъ, что недалеко то время, когда русскаго фронта не будетъ и имъ придется стать лицомъ къ лицу съ этой страшной катастрофой.

Всюду идутъ перевыборы комитетовъ и всюду проходятъ только большевики и пораженцы, сдѣлавшіеся идолами всей фронтовой шкурятины; такимъ образомъ исчезаетъ послѣдняя ниточка, на которой мы еще держались до сихъ поръ, авторитетъ выборныхъ комитетовъ. Мои предчувствія самыя мрачныя: написалъ женѣ, чтобы она ликвидировала немедленно все имущество и уѣзжала съ дѣтьми на Дальній Востокъ, пока путь еще не заваленъ и не смятъ тѣми толпами, которыя въ ближайшемъ будущемъ бросятся домой.

Разбираясь въ происходящемъ, вижу, какъ умѣло были выбраны нѣмцами лозунги, брошенные на нашъ фронтъ, и основанные на отличномъ знаніи нравственнаго состоянія русскаго народа; такія понятія, какъ «родина, патріотизмъ, долгъ и т. п.», существовали у насъ для казеннаго употребленія en masse и для частнаго въ очень ограниченномъ размѣрѣ.

Народъ, изъ котораго состояла распухнувшая до невѣроятныхъ размѣровъ армія, былъ взятъ въ плѣнъ тѣми, кто сумѣлъ заманить его обѣщаніями; русская власть пожинаетъ нынѣ плоды многолѣтняго выматыванія изъ народа всѣхъ моральныхъ и матерьяльныхъ соковъ; высокія чувства не произрастаютъ на такихъ засоренныхъ нивахъ; забитый, невѣжественный и споенный откупами и монополіей народъ не способенъ на подвигъ и на жертву, и въ этомъ не его вина, а великая вина и преступленіе тѣхъ, кто имъ правилъ и кто строилъ его жизнь (и это не Цари, ибо они Россіей никогда не правили).

Что могла дать русская дѣйствительность кромѣ жаднаго, завистливаго, никому не вѣрящаго шкурника или невѣроятнаго по своей развращенности и дерзновенію хулигана. Вся русская жизнь, вся дѣятельность многочисленныхъ представителей власти, прикрывавшихъ Царской порфирой и государственнымъ авторитетомъ свои преступленія, казнокрадство и всевозможныя мерзости; литература, театры, кинематографы, чудовищные порядки винной монополіи, — все это день и ночь работало на то, чтобы сгноить русскій народъ, убить въ немъ все чистое и высокое, охулиганить русскую молодежь, разсосать въ ней всѣ задерживающіе центры, отличающіе человѣка отъ звѣря, и приблизить царство господства самыхъ низменныхъ и животныхъ инстинктовъ и вожделѣній. Все это сдерживалось, пока существовалъ страхъ и были средства для сдержки и для удержа. Война положила начало уничтоженію многихъ средствъ удержа, а революція и слѣпота Временнаго Правительства доканчиваютъ это злое дѣло, и мы несомнѣнно приближаемся къ роковому и уже неизбѣжному концу, къ господству звѣря. Руководители россійскаго государственнаго курса забываютъ, съ какимъ матерьяломъ они имѣютъ дѣло; нельзя распоряжаться скопищемъ гіенъ, шакаловъ и барановъ игрой на скрипкѣ или чтеніемъ имъ евангельскихъ проповѣдей или соціалистическихъ утопій.

Керенскій и вытащенный имъ на постъ Военнаго Министра Верховскій (весь цензъ котораго состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что его выгнали когда то изъ пажей)

распластываются передъ входящими все въ большую и большую силу петроградскими совѣтами и увѣряютъ, что въ арміяхъ все обстоитъ вполнѣ благополучно, что тамъ произошла полная демократизація и что, если и остались кое-гдѣ темныя мѣста, то все это скоропроходящіе пустяки. Такъ читаемъ мы въ газетахъ и дивимся или слѣпотѣ, или безсовѣстной лжи тѣхъ, которые это говорятъ. Неужели же не достаточно примѣровъ того, къ чему приводитъ ложь, скрываніе истины и зажмуриваніе глазъ дабы не видѣть правды!

Въ Биржевкѣ помѣщено интервью съ комиссаромъ Сѣвернаго фронта Войтинскимъ, увѣрявшимъ, что въ арміяхъ наступилъ спасительный переломъ и что угроза Петрограду исцѣлила армію и онѣ готовы исполнить свой долгъ.

Кого хотятъ надуть эти революціонные подражатели Царскихъ Министровъ; тѣ хоть на этомъ строили свое благополучіе и умножали свои награды, ну а ихъ наслѣдники ради чего стараются? Вѣдь жизни не надуешь, и обстановка не такова, чтобы ложь была во спасеніе.

Вѣдь товарищъ комиссаръ Войтинскій вретъ завѣдомо, такъ какъ я знаю, что на нашемъ фронтѣ не только начальники, но и корпусные комиссары посылаютъ все время очень правдивыя и ужасныя по своему содержанію донесенія о дѣйствительномъ состояніи и настроеніи фронта. Товарищъ комиссаръ Войтинскій во всѣхъ подробностяхъ знаетъ, что цѣлый рядъ дивизій и полковъ отказывается идти на позиціи и работать, и, не краснѣя, говоритъ газетному кореспонденту, что арміи готовы исполнить свой долгъ.

Чѣмъ такія интервью лучше той лжи, которую наши подлецы министры и царедворцы подносили несчастному и слѣпому Николаю II?

13 Октября. Утромъ случайно вспомнилъ, что сегодня день перваго производства въ портупей юнкера въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ; 29 лѣтъ тому назадъ мы получили наши первыя нашивки и надѣли офицерскіе темляки; какъ далеки и невозвратны теперь всѣ эти времена. 120 дивизія совсѣмъ разваливается; полки обратились въ кучи митингующей сволочи, руководимой отборными большевиками, и перемежающей свое время митингами и игрой въ 66; сегодня они устроили первое на фронтѣ моего корпуса братанье съ нѣмцами; къ счастью, артиллерія еще держится, батареи открыли огонь и разогнали братающихся; но такіе поступки артиллеристовъ, повидимому, тоже послѣднія ласточки, такъ какъ съ одной стороны угрозы пѣхоты перебить артиллеристовъ, а съ другой заманчивость объявленныхъ большевиками лозунговъ сильно поколебали твердость артиллеристовъ, и тѣ уже начинаютъ говорить своимъ офицерамъ, что имъ невозможно идти противъ большинства и общаго настроенія; пока же всѣмъ наблюдателямъ приходится ходить на свои посты вооруженными до зубовъ на случай нападенія хулигановъ изъ состава своей же пѣхоты.

Пріѣзжалъ начдивъ 70, генералъ Бѣляевъ; у него тоже создается, повидимому, уже безысходное и ничѣмъ не поправимое положеніе; 277 полкъ, руководимый присланными со стороны агитаторами, уперся окончательно и отказался слушать уговоры присланныхъ къ нему корпусныхъ комиссаровъ и представителей армейскаго комитета; на завтра назначена послѣдняя попытка уговорить выступить на занятіе позиціи наиболѣе податливый на убѣжденія 280 полкъ, сманивъ его перевозкой на позицію въ вагонахъ, а не походнымъ порядкомъ; надѣются, что быть можетъ тогда и другіе полки тронутся съ мѣста. Хороша армія, въ которой воцарились такіе порядочки управленія! А Псковъ продолжаетъ возиться съ какими то химерами по части наступленія; возвеличенный революціей главкосѣвъ товарищъ генералъ Черемисовъ состязуется съ товарищемъ комиссаромъ Войтинскимъ по части безсовѣстной лжи и вдохновенно болтаетъ въ Петроградѣ на темы о томъ, что арміи «жаждутъ наступленія и что нѣмцы подъ давленіемъ нашихъ авангардовъ начали уже отходить». Какимъ негодяемъ надо быть, чтобы дойти до такой лжи!

Развалъ окутываетъ насъ густымъ смрадомъ; каждый часъ приноситъ новыя, ужасныя по своему цинизму свѣдѣнія объ отказахъ, неисполненіи приказовъ, о требованіяхъ, постановленіяхъ, удаленіяхъ и все это на соусѣ шкурятины, лѣни. Вся войсковая жизнь

стала: солдаты ѣдятъ, курятъ и до полнаго одурѣнія рѣжутся въ шестьдесятъ шесть и въ разныя азартныя игры, проигрывая и деньги, и одежду, и даже продовольствіе (преимущественно сахаръ и хлѣбъ); многіе даже не ходятъ обѣдать къ походнымъ кухнямъ. Говорятъ, что въ одномъ изъ предмѣстій Двинска есть школа для подготовки шулеровъ, гдѣ опытные преподаватели за 25 рублей обучаютъ основнымъ пріемамъ своего искусства, а по особой таксѣ открываютъ и болѣе прибыльныя тайны.

Окопы разваливаются, ходы сообщеній заплыли; всюду отбросы и экскременты; комитеты разрываются въ попыткахъ внести хоть какой нибудь санитарный порядокъ, но безъ всякаго результата, такъ какъ солдаты наотрѣзъ отказываются работать по приборкѣ окоповъ; блиндажи обратились въ какіе то свинушники; страшно подумать, къ чему все это приведетъ, когда наступитъ весна и все это начнетъ гнить и разлагаться. Нѣтъ возможности даже предохранить людей помощью прививокъ, такъ какъ отъ послѣднихъ всѣ отказываются.

Комиссары, видя свое безсиліе, начали подъ разными предлогами избѣгать поѣздокъ въ части; ихъ авторитетъ очень быстро отцвѣлъ; пока они говорили пріятное, имъ дѣлали тріумфы, но какъ только имъ поневолѣ пришлось заговорить объ обязанностяхъ и пытаться прибѣгать къ мѣрамъ понужденія, имъ сразу пришелъ конецъ, и они это чувствуютъ; сейчасъ ихъ положеніе не лучше нашего.

Теперь повелителями разнузданныхъ толпъ будутъ тѣ, которые будутъ давать имъ вкусныя подачки и всячески потрафлять ихъ прихотямъ и вожделѣніямъ, но только до тѣхъ поръ, пока будутъ давать. Кумиры такихъ развальныхъ временъ очень скоротечны и отъ тріумфовъ до «распни его» ихъ отдѣляютъ только мгновенія.

Большинство комиссаровъ офицеры изъ мартовскихъ революціонеровъ, выдвинувшихся на митингахъ горячностью своихъ орательствъ и хлесткостью обличеній; многіе изъ нихъ искренно хотятъ остановить развалъ, но уже поздно, и не имъ справиться съ разнузданными инстинктами темныхъ толпъ фронтовыхъ товарищей. Всѣ они доживаютъ послѣдніе дни, ибо назначившій ихъ армейскій комитетъ эс-эровскаго состава кончилъ свое существованіе, и несомнѣнно, что на дняхъ мы получимъ новыхъ комиссаровъ иного состава.

14 Октября. Ну и денекъ! выѣхалъ изъ Шенгейда въ восемь часовъ утра, а вернулся въ два часа ночи; началъ свой мученическій объѣздъ съ 120 дивизіи, заявившей, что черезъ недѣлю она уходитъ съ фронта и что никакихъ поисковъ и военныхъ дѣйствій на своемъ участкѣ она не допуститъ вооруженной силой. Отправился съ пріятной перспективой ѣхать въ части, которыя вчера офиціально черезъ свои комитеты заявили, что «пришибутъ» каждаго, кто явится ихъ уговаривать; отправился именно въ отвѣтъ на это постановленіе, оставивъ начальнику штаба наказъ, что дѣлать въ случаѣ, если мнѣ не суждено будетъ вернуться, и просьбу предупредить немедленно петроградскихъ пріятелей о постигшей меня судьбѣ, чтобы они приняли мѣры, чтобы жена не узнала объ этомъ изъ газетъ. И ѣдешь на всѣ эти кошмарныя издѣвательства и потрясающія переживанія руководимый чувствомъ долга и обязанности бороться до конца, но съ опустошенной душой, безъ надежды на прочный и длительный успѣхъ и на какіенибудь положительные результаты.

Въ лучшемъ случаѣ минутная побѣда, временная задержка въ стремительномъ полетѣ внизъ, не способная уже спасти общаго положенія.

Въ 120 дивизіи началъ съ собранія полковыхъ комитетовъ; разсказалъ имъ, почему сейчасъ нельзя заключить миръ и почему мы сейчасъ не въ состояніи смѣнить полки дивизіи и дать имъ отдохнуть въ резервѣ; разсказалъ причины нѣкоторыхъ недостатковъ въ продовольствіи и одеждѣ и сообщилъ, какія мѣры уже приняты для устраненія и когда и какимъ образомъ онѣ будутъ осуществлены; просилъ внимательно все продумать, повременить, потерпѣть и не губить всего непомѣрными и фактически все равно неосуществимыми требованіями. Говорилъ много, старался убѣдить, но чувствовалъ себя въ положеніи миссіонера, трактующаго гіенамъ и шакаламъ о любви и самоотреченіи.

Возражать мнѣ по существу было трудно, ибо я научился уже говорить съ массами; но управляющіе дивизіей большевики подстроили цѣлую махинацію, чтобы сорвать

вліяніе моего пріѣзда (пришибить меня они, видимо, не рѣшились, боясь возмездія со стороны 70 дивизіи); со всѣхъ сторонъ начали выступать ораторы и вопрошатели съ самыми острыми и заранѣе написанными и розданными вопросами. Началась яростная борьба, и на меня набросились всѣ большевистскія силы, такъ какъ ясность и правдивость моихъ словъ несомнѣнно подѣйствовала на большинство собранія и это было ясно видно и по лицамъ, и по общему настроенію, какъ то потерявшему ту напряженную остроту и враждебность, которыя я засталъ, когда вошелъ въ большую комнату господскаго двора Анисимовичи, въ которой происходило соединенное засѣданіе всѣхъ комитетовъ.

Первымъ былъ выпущенъ какой то ярый оратель, отрекомендовавшійся убѣжденнымъ анархистомъ и перешедшій сразу въ стремительное нападеніе по моему личному адресу; началъ онъ съ того, что разъ командиръ корпуса говоритъ, что недостатокъ продовольствія является результатомъ безпорядковъ, происходящихъ въ тылу и на желѣзныхъ дорогахъ, то онъ этимъ пытается натравить фронтъ на тылъ, а сіе есть явная провокація, контръ-революція и корниловщина, которыя надо немедленно пресѣчь; затѣмъ товарищъ анархистъ усиленно сталъ вопить о томъ, что командиръ корпуса говорилъ о необходимости продолжать войну и дѣлать изрѣдка поиски, а сіе доказываетъ, что онъ жаждетъ солдатской крови, ибо всѣ генералы и помѣщики сговорились, чтобы перебить побольше русскихъ солдатъ и овладѣть ихъ землей. Затѣмъ посыпались самыя дикія и нелѣпыя обвиненія объ отдачѣ мной вредныхъ для солдатъ приказовъ по арміи, о вредной «иностранной политикѣ» и т. п.

Было очевидно, что ораторъ былъ выпущенъ спеціально для того, чтобы взвинтить толпу и вызвать ее на самосудъ и на расправу со мной. Все это происходило уже на дворѣ, куда вышли всѣ комитеты, и гдѣ собралась толпа солдатъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ; настроеніе создалось такое, что всѣ офицеры куда-то исчезли и я остался одинъ.

Пришлось спокойно все это слушать; я невозмутимо, какъ будто бы меня это не касалось, далъ оратору высказаться, а затѣмъ спокойно по пунктамъ, взвѣшивая каждое слово, разбилъ всѣ его обвиненія и доказалъ полную ихъ нелѣпость. Напряженіе нервовъ было огромное; надо было говорить такъ, чтобы ни единымъ дуновеніемъ не затронуть толпы и не дать того послѣдняго толчка, который нуженъ былъ руководителямъ, чтобы бросить всю толпу на меня. Нужно было побѣдить, ибо ставкой была жизнь. Я говорилъ такъ, какъ вѣроятно не говорилъ и не буду говорить никогда; напряженіе было таково, что въ самомъ себѣ я не сознавалъ и не слышалъ, что говорю, а слышалъ свою рѣчь, какъ будто ее говорилъ кто-то другой. Въ концѣ концовъ, я побѣдилъ и настроеніе толпы рѣзко перемѣнилось въ мою пользу; кое-гдѣ поднялись кулаки, но уже по адресу моего обвинителя, который сразу потерялъ весь свой апломбъ.

Тогда я самъ перешелъ въ наступленіе и добился того, что предсѣдатель собранія тутъ же принесъ мнѣ извиненіе за то, что ихъ товарищъ позволилъ себѣ такъ увлечься, чтобы оскорбить меня своими невѣрными обвиненіями. Минутно я побѣдилъ: собраніе рѣшило поговорить со всѣми ротами и командами и сообразно результатамъ переговоровъ вынести рѣшеніе. Уѣхалъ, исполнивъ то, что требовали мой долгъ и мое положеніе, но съ отчаяніемъ въ душѣ, ибо все, что услышалъ, увидѣлъ и испыталъ, убѣдило, что спасенія уже нѣтъ, что шкурные интересы насъ слопали и что тѣ толпы, которыя ошибочно называются войсковыми частями, уже не оживутъ. Миръ во что бы то ни стало; уходъ изъ окоповъ въ глубокіе резервы; ноль работъ и занятій; жирная кормежка и побольше денегъ; все начальство измѣнники, кровопійцы и корниловцы; всѣ неудачи на фронтѣ умышленно подстраиваются генералами, дабы уничтожить ненавистныхъ имъ пролетаріевъ; никому не вѣримъ и никого слушать не желаемъ; сами выберемъ себѣ начальство, войны не допустимъ и уничтожимъ всѣхъ, кто задумаетъ продолжать войну — вотъ сумма выводовъ сегодняшней бесѣды, занявшей четыре долгихъ, временами трагическихъ часа моей «революціонной жизни».

Всѣ разумные доводы убѣдить эту толпу дѣйственны только моментами, по случайнымъ капризамъ настроенія.

Очень красочно сказалъ на этомъ собраніи представитель батальона смерти 120 дивизіи (батальона этого вся дивизія боится, какъ чортъ ладана), заявившій, что всѣ ораторы безсовѣстно лгутъ, придумывая разныя оправданія своимъ требованіямъ, и что всѣ они трусы и шкурники, продающіе Россію. Говорившій былъ простой крестьянинъ-солдатъ; толпа зарычала подъ бичомъ его словъ, но за смертникомъ стояло, молча, но грозно десятка два его товарищей, и въ ихъ глазахъ было что-то такое, что сразу успокоило толпу и заставило ее ограничиться недовольнымъ рычаніемъ.

Я медленно, съ двумя остановками, разговаривая съ солдатами, прошелъ къ своему автомобилю, и только отъѣхавъ съ полверсты, понялъ, чего я только что избѣжалъ.

Изъ дивизіи проѣхалъ прямо въ Двинскъ, чтобы доложить командующему арміей, каково настроеніе частей и насколько возможно говорить теперь о наступленіи и о поискахъ; высказалъ Болдыреву полную для меня нелѣпость числиться командиромъ корпуса, разъ у меня нѣтъ никакихъ средствъ заставить себя слушаться и исполнять мои приказы; просилъ, чтобы была произведена, хотя бы и подъ руководствомъ комитетовъ и комиссаровъ послѣдняя попытка очистить части отъ завладѣвшихъ ими агитаторовъ большевизма, ибо иначе положеніе совершенно безнадежно и недалекъ тотъ день, когда армія перестанетъ существовать; просилъ отнестись къ моему докладу съ должнымъ вниманіемъ, ибо мой корпусъ до сихъ поръ по части сохраненія порядка считался счастливымъ исключеніемъ. Болдыревъ кое-что обѣщалъ, но къ несчастію онъ въ радужномъ и воинственномъ настроеніи, подогрѣтомъ увѣренностью въ надежность стоящихъ въ Двинскѣ ударныхъ частей и кавалеріи; я пытался его разубѣдить, такъ какъ знаю хорошо, какъ непрочно такое настроеніе частей, особенно когда онѣ чувствуютъ себя одинокими и когда обстановка складывается такъ, что имъ приходится выступать активно противъ своихъ. Но всѣ мои убѣжденія разбились о розовый оптимизмъ очень малоопытнаго и специфически штабного командарма. Онъ, напримѣръ, до сихъ поръ надѣется, что ему удастся оздоровить армію путемъ активнаго воздѣйствія частей перваго кавалерійскаго корпуса на неповинующіяся части пѣхоты; вѣроятно, это насвистано ему командиромъ этого корпуса генераломъ княземъ Долгоруковымъ, весьма легкомысленнымъ и поверхностнымъ, мечтающимъ только о томъ, когда ему удастся избавиться отъ всей надвинувшейся со всѣхъ сторонъ грязи и «отдохнуть подъ голубымъ небомъ и горячимъ солнцемъ Ривьеры».

Входящіе въ составъ моего корпуса 15 гусарскій и 3 уральскій казачій полки настроены безконечно лучше и прочнѣе полковъ коннаго корпуса, и несмотря на это начальникъ 15 дивизіи генералъ Мартыновъ конфиденціально мнѣ доложилъ, что полки убѣдительно просятъ избавить ихъ отъ исполненія ролей усмирителей и жандармовъ; а эти полки до сихъ поръ въ полномъ порядкѣ, безпрекословно исполняютъ всѣ приказы, великолѣпно вели себя на усмиреніи 138 дивизіи, нѣкоторыхъ частей 13 корпуса, но ихъ такъ травятъ названіемъ корниловскихъ жандармовъ, что это отразилось въ концѣ концовъ на ихъ настроеніи.

Я не понимаю совершенно Болдырева и его оптимистической компаніи; неужели они не видятъ, что армія больна ползучей гангреной, получившей уже такое распространеніе, что прижиганія больныхъ мѣстъ каленымъ желѣзомъ уже не помогутъ; напрягая послѣднія усилія, мы справляемся съ заразой въ незначительныхъ точкахъ, а болѣзнь захватываетъ въ это время цѣлыя площади и въѣдается внутрь, поражая самые жизненные органы, разрушая нервы и центры и уничтожая послѣдніе остатки сопротивляемости всего организма.

По поводу псковскаго проекта наступленія Болдыревъ донесъ то заключеніе, къ которому пришло послѣднее совѣщаніе корпусныхъ командировъ, и получилъ лаконическій отвѣтъ начальника штаба фронта, что «таково приказаніе Главнокомандующаго фронтомъ и оно должно быть исполнено».

Изъ разговора съ Болдыревымъ узналъ, что до меня у него были командиры 19 и 27 корпусовъ съ докладами о безнадежномъ состояніи ихъ корпусовъ; даже съ Антипова соскочилъ его оптимизмъ. Заѣхалъ къ армейскому комиссару поручику Долгополову

(бывшій офицеръ 70 арт. бригады) и просилъ его самымъ рѣшительнымъ образомъ освѣдомить командные и комитетскіе верхи о дѣйствительномъ состояніи арміи.

Вернулся въ штабъ грязный, утомленный, вымотанный нравственно и физически до полной пустоты.

15 Октября. Штабъ арміи продолжаетъ приставать съ разными распоряженіями по поводу разработки выдуманнаго Псковомъ наступленія; не выдержалъ и написалъ армейскому комиссару Долгополову частное письмо съ просьбой избавить насъ отъ этихъ приставаній, такъ какъ все равно никакого наступленія быть не можетъ, но за то постоянные о немъ толки бросаютъ части во власть тѣхъ, кто обѣщаетъ избавить ихъ отъ такой грозной непріятности, и даютъ богатую пищу для агитаторовъ, волнующихъ солдатъ разсказами о томъ, что начальству вновь захотѣлось попить солдатской кровушки.

Утромъ получилъ постановленіе полковыхъ комитетовъ 18 дивизіи, рѣшившихъ идти на усмиреніе 70 дивизіи и силою оружія принудить ее выступить на занятіе боевыхъ участковъ. Передалъ все это въ армейскій комитетъ и армейскому комиссару — пусть раскусываютъ своими демократическими зубками эти послѣреволюціонные орѣшки.

Пока что нашъ армейскій комитетъ отправилъ въ Петроградъ телеграмму о томъ, что штыки V-ой арміи готовы привести тылы государства въ порядокъ; все это только бахвальство и сотрясеніе воздуха; вѣдь всѣ, кто не ослѣпъ и не оглупѣлъ окончательно, понимаютъ, что подъ предлогомъ усмиренія тыла всѣ готовы сняться съ фронта, но когда они туда придутъ, то надо будетъ думать о томъ, какъ и кѣмъ ихъ усмирить; несомнѣнно, что привилегированное положеніе частей, захватившихъ въ свои руки власть надъ Петроградомъ и Москвой и объявившихъ себя несмѣняемыми стражами завоеваній революціи, вызываетъ острую зависть остальныхъ частей, каждая изъ которыхъ готова немедленно же занять столь безопасное, властное и жирное положеніе.

До сихъ поръ, несмотря на долгую тренировку въ самыхъ сложныхъ и опасныхъ положеніяхъ, не могу забыть тяжелыхъ переживаній и впечатлѣній вчерашняго дня и нахальныхъ, звѣрскихъ рожъ переднихъ рядовъ вчерашней толпы, уже предвкушавшихъ истребленіе стоящаго на ихъ пути командира корпуса. Въ среднихъ и заднихъ рядахъ толпились обыкновенные сѣрые и безразличные солдаты, безсознательно валящіе за тѣмъ, кто сумѣетъ бросить въ ихъ толщу подходящій къ данному настроенію лозунгъ, который сегодня можетъ быть архиреволюціонный, а завтра архиреакціонный, но оба могутъ быть приняты съ одинаковымъ наваломъ и стремительностью. Но то, что вылѣзло впередъ и больше всѣхъ галдѣло и визжало, это не скоро забудется, ибо въ эти рожи и глаза воплотилась ненависть и жадность долголѣтняго и темнаго рабства, гарнированнаго наслѣдственнымъ пьянствомъ, ядовитой желчью грызущихъ, но неудовлетворенныхъ вождѣленій и жгучей ненавистью ко всему, что выше поставлено и лучше обставлено. Вѣками лежавшіе и обросшіе мхомъ камни сброшены съ своихъ мѣстъ, и придавленные ими много лѣтъ гады и темные звѣри ожили; они не только ожили, но и поняли, что камни назадъ уже не вернутся и что настали новыя времена, когда сила уже на сторонѣ тѣхъ, кто былъ подъ этими камнями. Теперь они сами лѣзутъ на давно желанные верхи, давя и сокрушая все, что только мѣшаетъ по ихъ мнѣнію или можетъ помѣшать имъ дорваться до власти и денегъ, до бабъ и возможности въ волюшку насладиться глумленіемъ, издѣвательствомъ и муками надъ тѣмъ, чего они до сихъ поръ рабски боялись, передъ чѣмъ униженно пресмыкались, чему такъ жадно завидовали и что такъ остро ненавидѣли.

Скверное осеннее время усугубляетъ ту скверность, которая гнететъ душу и слизкимъ комкомъ ложится на сердце. Впереди никакого просвѣта, никакой надежды на спасеніе родины. Хотѣлось бы очень знать, что думаютъ теперь всѣ эти Львовы, Гучковы, Родзянки, Керенскіе и иже съ ними; неужели они не поняли до сихъ поръ, въ какую пропасть они направили расшатанную колесницу россійскаго государственнаго бытія и какими грозными и чреватыми послѣдствіями все это грозитъ? Вѣдь теперь ни у кого не должно уже оставаться сомнѣній въ томъ, какой характеръ приняла эта революція и какіе лозунги она выдвинула и крѣпитъ.

Остановить то, что идетъ сейчасъ у насъ, уже никто не въ силахъ; могутъ быть только мимолетныя задержки; случайные удары о тотъ или иной подвернувшійся по дорогѣ камень; лишній переворотъ кругомъ себя или новая поломка летящей внизъ громады, но судьбы мира надолго предопредѣлены тѣмъ, что началось на берегахъ Невы въ послѣдніе дни февраля мѣсяца 1917 года.

Лунные люди, политическіе марсіане, совершенно не знающіе русскаго народа, продолжаютъ мечтать, что повторяется 1906 годъ и что подъ давленіемъ остроты положенія надо было что то дать, а затѣмъ можно будетъ опять закрѣпить. Но дѣло въ томъ, что съ революціей началась смертельная для государства дезинтерія и закрѣпительныхъ противъ нея средствъ въ нашемъ распоряженіи уже нѣтъ; нашептываніями и убѣжденіями такіе поносы не останавливаются. Размахъ революціи сейчасъ совсѣмъ иной и она подперта совсѣмъ иными лозунгами, чѣмъ всѣ ея предшественники; наши же книжники и революціонные фарисеи продолжаютъ кувыркаться въ кабинетныхъ измышленіяхъ, кропотливо отыскивая детали идентичности нашей и французской революціи и пытаясь по опыту прошлаго предсказать будущее.

Въ газетахъ характерна покаянная передовица Извѣстій С. и Р. Депутатовъ, подвергнутыхъ уже херему грядущихъ къ власти большевиковъ. Очень хороша рѣчь казака Агеева и разумна рѣчь Гольдштейна; но что теперь въ этихъ рѣчахъ, кои уже не въ силахъ ни остановить, ни измѣнить ходъ событій, управляемыхъ властью освобожденной отъ всякихъ узъ и препонъ толпы. Кто то очень удачно сравнилъ вождей нашей революціи съ неосторожными людьми, выпустившими изъ за рѣшетокъ своры дикихъ звѣрей и вынужденныхъ теперь нестись во весь духъ впереди этой своры и все время бросать имъ какія нибудь подачки, ибо иначе ихъ нагонятъ и разорвутъ въ клочья.

Пока выпущенные на свободу звѣрьки наслаждались новизной новаго положенія и пока у нихъ не разыгрался аппетитъ, они довольствовались малымъ и пустяковымъ, но сейчасъ они вошли во вкусъ и имъ нужно существенное и съ жиркомъ, и съ вкусными корочками. А сіе имъ и въ весьма обольстительной формѣ сулятъ товарищи большевики, которые и будутъ несомнѣнно очередными новыми лидерами этой бѣшеной скачки — погони, до тѣхъ поръ, пока не выбросятъ все, что только смогутъ; тогда свора разорветъ и ихъ.

Въ статьѣ Homo Novus удачно передѣланы слова Гейне о томъ, что «миръ есть греза боговъ», въ русской дѣйствительности это «греза самоѣдскаго бога, нажравшагося на ночь жирной свинины и притомъ не свѣжей».

Дѣдушка русской революціи Чайковскій вопитъ: «вы аппелируете къ разуму, а отвѣтъ получаете шкурный . . .» Все это такъ; все это ужасно своей непреложной правдой; но за то также вѣрно и также ужасно, что всѣ вы революціонеры и quasi народники абсолютно не знали своего народа; сами создали своего гомункулуса, сами облекли его въ измышленія собственной фантазіи, опоэтизировали, разукрасили, преклонялись, восторгались . . . и нынѣ доѣхали до настоящаго положенія, которое въ скоромъ будущемъ сожретъ и васъ самихъ. Мозговики, утописты, фантазеры, вы въ вашей борьбѣ съ монархіей въ пику ей создали воображаемый русскій народъ, не понимая даже невозможности для него быть при его историческомъ прошломъ тѣмъ, чѣмъ вы хотѣли его изобразить и чѣмъ онъ никогда въ дѣйствительности не былъ да и быть не могъ. Дѣдушка обижается, что ему отвѣчаетъ шкура, а не разумъ; а гдѣ же взятся этому разуму, и какъ ему побѣдить велѣнія этой самой шкуры, ощущеніями и потребностями которой народъ только и жилъ; дѣдушка обижается, что народъ живетъ, думаетъ и чувствуетъ только шкурой. Проглядѣлъ дѣдушка русскую дѣйствительность; не понялъ во время и не учелъ того, что русская жизнь не могла дать иныхъ результатовъ и что негдѣ было родиться настоящему разуму въ кошмарѣ русской деревни. Господа экспериментаторы русскихъ революціонныхъ эпохъ воображали русскій народъ по quasi народнымъ романамъ и повѣстямъ, да по показаніямъ тѣхъ экземпляровъ русской интеллигенціи, которая, опростившись по наружности, самоотверженно шла «въ народъ» и, потершись тамъ, начинала воображать, что она тоже народъ и въ совершенствѣ знаетъ народную душу,

и судила о народѣ по собственному принесенному извнѣ внутреннему содержанію, распространяя его совершенно ошибочно на активъ всего народа.

Иксъ въ формулѣ былъ подложный, а потому и выводы получились невѣрные, фальшивые. Только Меньшиковъ пророчески указалъ на грозное предостереженіе, данное замѣчательной книгой Родіонова: «Наше преступленіе». Автора нарекли тогда черносотенцемъ, хулителемъ русской деревни и русскаго народа, ну, а теперь достаточно развившіеся экземпляры Родіоновскаго звѣринца вылѣзли на свободу и, ничѣмъ не сдерживаемые, показываютъ свой высокій классъ. Пока ихъ кое въ чемъ сдерживаютъ уцѣлѣвшіе остатки плотинъ разрушенной государственности; но за то какимъ потокомъ они разольются потомъ, когда исчезнутъ послѣдніе слѣды страха передъ тюрьмой, полиціей, плетьми и прочими судебными непріятностями.

Вечеромъ одинъ изъ членовъ корпуснаго комитета старшій унтеръ-офицеръ 477 полка К. принесъ начальнику штаба письмо, случайно къ нему попавшее по одинаковости его фамиліи съ фамиліей настоящаго адресата. Писано на машинкѣ, подпись Миша; даются какія-то таинственныя распоряженія явно большевистскаго характера, но очень ясна фраза: «вчерашнее собраніе показало, что власть и вліяніе командира корпуса еще слишкомъ велики и поэтому командира «надо убрать», для чего въ Боровку посылаются двое надежныхъ ребятъ, которымъ надо помочь въ исполненіи этого порученія».

Бѣдный К., старый и очень разумный солдатъ, пришелъ ко мнѣ совсѣмъ растерянный; меня же это письмо страшно обрадовало, ибо было оцѣнкой моей тяжелой работы и воочію доказывало, что я мучусь, терзаюсь и рискую не даромъ и своимъ тѣломъ все еще сдерживаю кое что; это больше всякихъ наградъ вознаграждаетъ меня за все пережитое и переживаемое; значитъ, я все еще фигура, достойная своего мѣста и положенія и мѣшающая измѣнникамъ и мерзавцамъ творить свое злое и гнусное дѣло; значитъ, всѣ мои поѣздки и весь расходъ нервной энергіи и послѣднихъ остатковъ здоровья не безполезны.

Письмо это страшно облегчило мое нравственное состояніе; оно сняло съ меня долю той тяжести, которая меня давила; я сознаю, что, все равно, спасти всего положенія я, конечно, не могу, но на своей стрѣлкѣ я еще не лишній и останусь на ней стоять, пока буду въ силахъ.

Ну, а выступленій и покушеній я не боюсь; лишь бы смерть пришла сразу и безъ мученій; такой смерти въ бою я всегда хотѣлъ. Больше двухъ мѣсяцевъ я ѣзжу по частямъ, не имѣя при выѣздѣ увѣренности, что вернусь живымъ, и по этой части на моей чувствительности наросли толстыя, претолстыя мозоли.

Во всякомъ случаѣ большое спасибо товарищу Мишѣ и ошибкѣ почты; третьяго дня я просилъ Болдырева подыскать мнѣ замѣстителя, ибо тревожные признаки по части здоровья заставляли опасаться возможности сразу свалиться и выйти изъ рабочаго строя, но теперь я буду держаться, пока стою на ногахъ и пока не почувствую, что дальнѣйшее мое пребываніе здѣсь безполезно или вредно. Пока могу, не дамъ товарищамъ Петровымъ и Федотовымъ радоваться, что съ ихъ пути ушелъ тотъ, кто имъ мѣшаетъ и кого они боятся открыто уничтожить.

16 Октября. Ясный день и настроеніе, особенно послѣ вчерашняго Мишинаго письма, самое радостное, даже мало подходящее ко всей обстановкѣ. Быть опаснымъ для этихъ господъ — большая заслуга.

Газеты полны описаній ужасовъ, творимыхъ на фронтѣ и въ странѣ войсками и запасными частями; на юго-западѣ товарищи солдаты, по донесеніямъ товарищей комиссаровъ, своими «мирными подвигами заставляютъ вспоминать нашествія гунновъ и иныхъ варварскихъ полчищъ и ордъ». Потрясающее письмо прислали офицеры Л. Гв. Петроградскаго полка на имя Керенскаго; письмо спокойное, корректное, но ужасное по своему могильному спокойствію и по заключенной въ немъ правдѣ.

Брусиловъ въ Москвѣ и громитъ демократію; удивительный хамелеонъ этотъ главковерхъ изъ бывшихъ берейторовъ при Царскихъ и высокопоставленныхъ особахъ. Никогда не забуду его перваго пріѣзда въ Двинскъ только что назначеннымъ Главковерхомъ,

когда на армейскомъ съѣздѣ онъ молился о мирѣ безъ анексій и контрибуцій (Алексѣевъ только что слетѣлъ за противоположное) и въ концѣ рѣчи схватилъ откуда-то взявшійся красный флагъ и сталъ махать имъ надъ головой. Недурное занятіе для недавняго генералъ-адъютанта, готоваго, очевидно, на все, лишь бы добиться у толпы популярности и тріумфа. Я совершенно понимаю, что для того, чтобы сохранить власть надъ толпой такимъ лицамъ, какъ старшіе начальники командныхъ верховъ, необходимы многочисленныя и серьезныя уступки изъ стараго обихода, но этому есть предѣлы. Я пока довольно проченъ по части своего авторитета (вчера получилъ на это аттестацію отъ своихъ враговъ), но никогда еще я не уступилъ толпѣ ни въ чемъ существенномъ, серьезномъ; я давалъ ей по ея требованію только пустяки; безъ ея требованія я осуществилъ очень многое, но далъ это добровольно, предупредивъ неизбѣжныя въ будущемъ требованія. Я не позволилъ, напримѣръ, въ корпусѣ никакихъ грязныхъ выпадовъ противъ Царской семьи, потребовалъ въ этомъ дѣлѣ поддержки комитетовъ, сумѣлъ ихъ убѣдить въ непорядочности и неблагородности такихъ выпадовъ, и меня до сихъ поръ слушаются.

Но то, что говорилъ и дѣлалъ Брусиловъ, не вызывалось никакой необходимостью и было весьма сугубымъ уклоненіемъ въ сторону дешевой демагогіи.

Кадеты, кадетоиды, октябристы и разномастные революціонеры старыхъ и мартовскихъ формацій чуютъ приближеніе своего конца и верещатъ во всю, напоминая мусульманъ, пытающихся трещетками предотвратить затменіе луны.

Рабы фразъ, успѣвающіе фигляры митинговъ, хлесткіе авторы трескучихъ резолюцій, но кастраты настоящаго, живого дѣла, они пустили въ ходъ всѣ запасы и всѣ виды своего обветшалаго и безсильнаго уже оружія, гремятъ и разливаются истерическими выкликами на красивыя, но никого уже не трогающія темы, и требуютъ того, что когда то еще могло помочь, а теперь является только подливаніемъ масла въ огонь.

Товарищи большевики должны быть имъ безконечно благодарны, ибо всѣ эти вопли и резолюціи даютъ большевикамъ самыя яркія доказательства, чтобы пугать ими настороживщіяся на фронтѣ и въ тылу массы призраками грядущей контръ-революціи и угрозами возможности опять потерять все то сладкое и жирное, къ чему протянулись и до чего дорвались многія жадныя руки.

Вѣдь, какъ ни пытаются маскировать всѣ эти резолюціи всякими сладкими демократическими и quasi революціонными соусами, но изъ нихъ, какъ изъ дыряваго мѣшка во всѣ стороны торчатъ давно знакомые и для массъ острія, жала и скорпіоны, неизмѣнные спутники тоски по потерянымъ правамъ, преимуществамъ и привилегіямъ и по сдохшему или перешедшему въ другія руки казенному воробью.

Ѣздилъ въ 480 полкъ, второй по состоянію развала въ 120 дивизіи; ѣзжу на эти дискуссіи, какъ на томительную каторгу; изображаю того же Керенскаго; только онъ главноуговаривающій, а я корпусоуговариватель. Настроеніе солдатской толпы сегодня много лучше; большевики держатся въ заднихъ рядахъ; ихъ главари совершенно не выступали и только ядовито улыбались. По дорогѣ въ полкъ меня встрѣтилъ офицеръ, посланный командиромъ полка съ предупрежденіемъ, что на меня готовится покушеніе, но я привыкъ къ тому, что когда предупреждаютъ, то обыкновенно ничего не случается. Когда видишь солдатскія толпы въ спокойномъ состояніи и внѣ взвинчивающаго вліянія разныхъ подстрекателей, то временами въ душѣ появляются голубые кусочки надежды, что если бы сейчасъ очистить части отъ большевистскихъ главарей и гарантировать солдатамъ, что никакого наступленія не будетъ, то героической работой командная состава, офицеровъ и разумныхъ комитетовъ на нашемъ фронтѣ можно еще было бы удержаться отъ полнаго и окончательнаго развала; въ такія времена хочется вѣрить, что мы не отравлены еще такъ, что нѣтъ надежды на спасеніе.

Иное дѣло, судя, конечно, по газетамъ, въ тылу и на юго-западѣ, гдѣ распустившіяся солдатскія орды дорвались до сладости грабежей, насилій и убійствъ и гдѣ возможность спасенія только въ возможности массоваго примѣненія каленаго желѣза, котораго нѣтъ и негдѣ взять.

Вечеромъ получилъ телеграмму о сокращеніи хлѣбной дачи до полутора фунтовъ — новый и весьма больной поводъ къ обостренію агитаціи и къ вящему ухудшенію

солдатскаго настроенія; наши верхи до сихъ поръ не понимаютъ или же умышленно не желаютъ понять, что всѣ регуляторы солдатскаго настроенія и всѣ возбудители разныхъ неудовольствій помѣщены въ солдатскомъ брюхѣ.

Не считаясь совершенно съ состояніемъ продовольственныхъ запасовъ, мальчишки военные министры, богатые только революціоннымъ стажемъ, выбросили на фронтъ милліонныя пополненія и этимъ сорвали всю систему оборота и подвоза запасовъ, что стало особенно острымъ при воцарившихся на желѣзныхъ дорогахъ развалѣ и безпорядкахъ. Навезли на фронтъ трусливые, не желающіе воевать и работать рты, которые, помимо того, что усилили общій развалъ, усугубили давно уже надвигавшуюся на фронтъ продовольственную катастрофу.

Невеселыя на завтра перспективы; сколько запросовъ и сколько обвиненій вызовутъ эти несчастные полфунта хлѣба; убѣжденій и разъясненій никто слушать не будетъ, а все свалятъ на контръ-революцію и злостные подвохи начальства.

17 Октября. Весь день провелъ въ Двинскѣ на томительнѣйшемъ совѣщаніи по вопросу о расформированіи третьеочередныхъ и ненадежныхъ дивизій. Мы всегда запаздываемъ: два три мѣсяца тому назадъ все это было бы очень кстати, но тогда на наши просьбы о необходимости этой мѣры верхи не обращали никакого вниманія; теперь же это не пройдетъ, ибо это невыгодно для тѣхъ, для кого выгоденъ скорѣйшій и полнѣйшій развалъ русской арміи, и теперь все это будетъ свалено въ общую кучу карательныхъ и контръ-революціонныхъ мѣръ и никто изъ товарищей не позволитъ провести въ жизнь эту мѣру; вѣдь въ этихъ дивизіяхъ сейчасъ вся сила большевиковъ и они напрягутъ всѣ старанія, чтобы ихъ сохранить; конечно, всѣ подлежащіе упраздненію и обращенію въ небытіе комитеты этихъ частей явятся самыми дѣятельными сотрудниками большевистскихъ заправилъ. Это надо было дѣлать, пока на нашей сторонѣ была сила; когда, напримѣръ, всевозможными посулами и уговорами тащили на фронтъ уже и тогда совершенно безнадежныя по своему состоянію 120 и 121 дивизіи, тогда была полная возможность осуществить это расформированіе. Сейчасъ же все это ушло въ невозвратное прошлое; того, что упущено, уже вернуть нельзя. Весь фронтъ покрытъ любезными большевистскому и нѣмецкому сердцамъ, гнойными нарывами въ видѣ совершенно разложившихся, въ большинствѣ преимущественно третьеочередныхъ, дивизій. Помню, какъ я молилъ тогдашняго командарма Данилова не губить меня присылкой этихъ дивизій; и несмотря на всѣ мои просьбы ихъ мнѣ прислали и ими погубили до тѣхъ поръ очень стойко державшійся корпусъ.

138 дивизія 47 корпуса только три дня постояла въ районѣ нашей 18 дивизіи и сразу же внесла полное разложеніе въ ближайшій батальонъ Бѣлевскаго полка. Все это было непонятно совершенно оторваннымъ отъ войскъ командным верхамъ; на мои доводы о причинахъ отказа отъ 120 и 121 дивизій, начальникъ штаба арміи Свѣчинъ недоумѣнно меня спрашивалъ, чѣмъ же я буду развивать свое наступленіе, и никакъ не могъ усвоить моихъ разъясненій, что наступленіе можно развивать настоящими дивизіями, а не разнузданными въ конецъ бандами, которыхъ никакъ не могутъ уговорить согласиться идти на фронтъ и которыя уже и такъ искусились въ томъ, что можно не исполнять непріятныхъ для себя приказаній начальства, ибо у послѣдняго нѣтъ никакихъ реальныхъ средствъ для того, чтобы заставить неповинующихся выполнить такое приказаніе.

На совѣщаніи корпусныхъ командировъ я опредѣленно высказалъ свое мнѣніе, что съ расформированіемъ мы уже опоздали и что теперь эта мѣра ничего кромѣ новыхъ скандаловъ и новыхъ ударовъ по остаткамъ власти не вызоветъ, и намъ придется только лишній разъ пережить униженіе быть безмолвными и безсильными свидѣтелями неисполненія нашихъ распоряженій.

Сейчасъ время крутыхъ распоряженій уже миновало; нынѣ единственный шансъ это полный покой и бережное устраненіе всего, могущаго вызвать острое воспаленіе и сопровождающіе его эксцессы; надо этимъ путемъ дотянуть до послѣдней оставшейся ставки — выборовъ въ Учредительное Собраніе (ставки очень ничтожной, такъ какъ надо, чтобы за ней стояла реальная сила, а не одни только воззванія, декларацiи и резолюціи).

Большевики развернулись сейчасъ во всю и, если они побѣдятъ, то послѣдніе остатки арміи и государственности будутъ неизбѣжно сметены.

Мое мнѣніе о несвоевременности расформированія ненадежныхъ дивизій и о невозможности осуществить теперь эту мѣру было поддержано армейскимъ комиссаромъ. Болдыревъ недовольно молчалъ, мнѣнія своего не высказалъ, но согласился включить мое и комиссара мнѣнія въ свой докладъ Главнокомандующему, но я уѣхалъ безъ увѣренности, что онъ это сдѣлаетъ; вообще, мнѣ его тактика не нравится: онъ очень прозрачно ругаетъ при насъ Черемисова, выставляетъ себя гонимымъ и всячески хочетъ свалить всю вину на Псковъ, но въ то же время срывается иногда на мелочахъ, изъ которыхъ явно выпираетъ его заискиваніе въ сношеніяхъ съ Черемисовымъ и желаніе путемъ двойной игры быть удобнымъ и подходящимъ и вверхъ и внизъ; для большого начальника это очень скверная политика и на такомъ двухцвѣтномъ россинантѣ далеко не уѣдешь.

Я просилъ также настоять на томъ, что, если расформированіе дивизій будетъ рѣшено, то пусть приказъ объ этомъ будетъ изъ Петрограда и исполненіе его будетъ возложено на какія-нибудь особыя комиссіи такого состава, который исключалъ бы всякую возможность заподозрить эти комиссіи въ контръ-революціонности. Я все время повторялъ, что положеніе фронта сейчасъ чрезвычайно острое, и ради спасенія фронта мы обязаны говорить вверхъ только правду, какъ бы остра и непріятна она тамъ ни была. Меня поддержалъ только командиръ 45 корпуса генералъ Сухановъ, а остальные дипломатически молчали.

На совѣщаніи присутствовали всѣ корпусные комиссары; настроеніе ихъ очень неважное, такъ какъ они ставленники уходящаго состава армейскаго комитета и знаютъ, что ихъ дни кончены; по ихъ мнѣнію, настроеніе солдатскихъ массъ очень озлобленное и имъ надоѣла кормежка ихъ обѣщаніями; солдаты убѣждены, что главнымъ препятствіемъ къ миру и немедленному уходу по домамъ являются начальники и офицеры, которымъ выгодно продолжать войну, и поэтому всюду идетъ самая оживленная агитація, подускивающая массы къ поголовному истребленію начальниковъ и офицеровъ. Руководство агитаціей построено очень умѣло; одна и та же мысль одновременно, какъ по телеграфу, въ одинаковыхъ даже выраженіяхъ бросается и впрессовывается въ солдатскія массы отъ Риги до Нароча; тѣ же мысли муссируются одновременно большевистской «Правдой» и нѣмецкими газетами «Товарищъ» и «Русскій Вѣстникъ», печатаемыми въ Вильнѣ и очень аккуратно разбрасываемыми по всему фронту въ особыхъ почтовыхъ минометныхъ бомбахъ, отличающихся отъ обыкновенныхъ тѣмъ, что ихъ головныя части окрашены въ красный цвѣтъ. Одинъ изъ начальниковъ дивизій утверждаетъ, что на фронтѣ 19 корпуса братаньемъ и такъ называемыми поцѣлуйными встрѣчами завѣдывалъ нѣмецкій майоръ Менеке, спеціально натаскивавшій нашихъ товарищей на тему о томъ, что главнымъ препятствіемъ къ миру были русскіе начальники.

За обѣдомъ у командарма пришлось сидѣть опять рядомъ съ командиромъ 1-го кавалерійскаго корпуса княземъ Долгоруковымъ, который опять началъ распространяться на несомнѣнно излюбленную имъ тему о томъ, что всѣ его желанія сводятся къ тому, чтобы поскорѣй очутиться въ Ниццѣ подальше отъ здѣшней мерзости. Это было настолько цинично, что я очень невѣжливо спросилъ князя, что онъ навѣрно во время спасъ за границу всѣ свои капиталы; отвѣтъ былъ самодовольно утвердительный. И таково большинство нашей такъ называемой аристократіи, объѣдавшейся около Трона, обрызгивавшей его грязью своихъ темныхъ дѣлъ; укрывавшейся часто подъ сѣнью Царской Порфиры отъ отвѣтственности за разныя гадости, и въ минуту опасности такъ позорно покинувшей и предавшей своего Царя. Какъ подходятъ къ нимъ бичующія слова Лермонтова: «Вы, жадною толпой стоящіе у Трона . . .»

Изъ Пскова сыпятся десятки телеграммъ и приказовъ объ усиленныхъ занятіяхъ, маневрахъ и военныхъ прогулкахъ; вспомнили старыя мирныя привычки и требуютъ представленія въ штабъ фронта подробныхъ программъ занятій и заданій для маневровъ. Какъ это затхло, непроходимо глупо и даже цинично! Что они лунножители или прирожденные прохвосты, пытающіеся по старой привычкѣ спрятать свои пустыя головы

и выхолощенныя сердца подъ страусовое перо разныхъ циркулярчиковъ, и отдѣлаться отъ отвѣтственности знакомыми словами: «мы приказывали»

Вчера начался армейскій съѣздъ для перевыбора армейскаго комитета. Трудно было выбрать худшее время; нѣтъ и сотой доли процента шансовъ на то, чтобы удержался теперешній очень дѣльный и здравомыслящій составъ, такъ какъ онъ потерялъ всякій авторитетъ среди разваливающихся частей; онъ требовалъ исполненія долга, работы и занятій, онъ твердилъ объ обязанностяхъ, настаивалъ на продолженіи войны и примѣнялъ силу и репрессіи противъ неповиновенія. Онъ былъ ненавистенъ для большевиковъ, ибо его силами и его вмѣшательствомъ былъ сорванъ іюльскій большевистскій заговоръ, былъ занятъ Петроградъ и арестованы всѣ главари большевизма.

Случилось неизбѣжное: какъ только комитету пришлось стать на неизбѣжную для всякой власти дорогу, сейчасъ же кончилось время овацій и наступило мрачное, а потомъ и злобное молчаніе, перешедшее теперь въ крики: «Распни его». Правительство и Петроградъ были неспособны учесть огромнаго для нихъ значенія состоянія 5 и 12 армій и не приняли во время мѣръ, чтобы сохранить эти важнѣйшія для нихъ арміи въ возможномъ порядкѣ и не допустить, чтобы онѣ сдѣлались главнымъ оплотомъ большевизма. Сейчасъ всѣ части сѣвернаго фронта за самыми ничтожными исключеніями во власти большевиковъ и черезъ нѣсколько дней мы будемъ имѣть большевистскій комитетъ, большевистскихъ комиссаровъ и всѣ вытекающія изъ этого послѣдствія.

Въ 12 арміи то же самое.

На сегодняшнемъ совѣщаніи помощникъ армейскаго комиссара сообщилъ, что имѣются свѣдѣнія о томъ, что глава армейскихъ большевиковъ докторъ Склянскій получилъ уже изъ Петрограда инструкцію немедленно по вступленіи во власть большевистскихъ комитетовъ и комиссаровъ объявить о прекращеніи на всемъ фронтѣ арміи какихъ бы то ни было военныхъ дѣйствій. По сообщенію того же помощника положеніе въ Петроградѣ самое напряженное; тамъ назрѣваютъ рѣшающія событія; правительство растеряно и безсильно, и его министры, ложась спать, не знаютъ, проснутся ли они на завтра въ постели или въ тюрьмѣ.

Сердечныя боли все сильнѣе; появились позывы на обморокъ; все ближе подхожу къ условіямъ 1915 года, когда въ началѣ февраля не могъ уже стоять; повторяется повидимому полный surmenage нервной системы, какъ опредѣлилъ тогда мою болѣзнь профессоръ Карпинскій. Невѣроятныя нервныя напряженія послѣднихъ мѣсяцевъ не могутъ пройти даромъ.

И какъ все это не во время: обстановка, какъ никогда, требуетъ силъ и бодрости, а я по физическому состоянію приближаюсь къ состоянію разбитой клячи.

По свѣдѣніямъ съ юга, полученнымъ въ корпусномъ комитетѣ, многіе солдаты старыхъ сроковъ службы, получившіе по приказу Керенскаго право вернуться домой, отказались отъ пользованія этимъ правомъ и предпочли остаться на фронтѣ, продолжать получать жалованье, продовольствіе и разные недоѣды и недодачи, и въ то же время ничего не дѣлать, ничѣмъ не рисковать и заниматься торговлей, сейчасъ очень выгодной. Петроградъ, Москва, Кіевъ, Одесса и главные города тыла переполнены старыми «дядьями» и молодыми подсосками, торгующими на улицахъ ѣдой, папиросами, одеждой, награбленнымъ имуществомъ и т. п. За послѣднее время появились нѣмецкіе модные товары, галантерея, ботинки, вымѣниваемые у нѣмцевъ во время братаній. Какой дуракъ промѣняетъ такую жизнь на тяжелую работу въ деревнѣ; вѣдь, и до революціи многіе солдаты отказывались отъ отпуска, зная, что когда они придутъ въ деревню, то выбившіяся изъ силы бабы заставятъ ихъ исполнять тяжелыя полевыя и домашнія работы.

18 Октября. Ѣздилъ опять въ штабъ и полки 120 дивизіи; не хочу лишать товарищей возможности проявить свое искусство по части уничтоженія неугоднаго имъ корпуснаго командира. Кромѣ того надо продолжать начатое мной подтягиваніе хозяйственной части и интендантства этой дивизіи, такъ какъ, какъ и всегда и вездѣ, сильное разложеніе полковъ находится въ сильной зависимости отъ плохого довольствія и отъ безпорядковъ по хозяйственной части.

Приходится переживать тяжелый продовольственный кризисъ; общій революціонный развалъ разрушилъ довольно сносную раньше систему сбора запасовъ и подачи ихъ на фронтъ; первое время намъ помогали накопленные раньше всюду войсковые запасы, но имъ теперь пришелъ конецъ и всюду начинается недохватъ и недовозъ. Я думаю, что если бы верхи фронта и тыла болѣе чутко понимали бы все значеніе для армій продовольственныхъ вопросовъ, то и при развалѣ все-же можно было не допустить дѣло дойти до критическаго положенія; но, къ сожалѣнію, наши ставочные и тыловые Юпитеры очень мало интересуются вопросами довольствія и начинаютъ безпокоиться только тогда, когда надвигается катастрофа и всюду начинается гвалтъ. По продовольственной части первые годы войны пріучили смотрѣть на все походя, все де обойдется; по этой части низамъ скулить не разрѣшалось, и всѣ урѣзки, недохваты и даже голоданіе считались мелочами, недостойными высокаго юпитерскаго вниманія, справляться съ которыми обязаны были полковые командиры и начальники дивизій. Всюду прежде царило: «мало-ли что нѣтъ; молчать!» Ну, а теперь молчать не хотятъ, и все, касающееся брюха, властно вылѣзло наверхъ; справляться же со всѣми недохватами предоставляютъ намъ; верхи остаются въ сторонѣ, и весь отвѣтъ, и вся злоба солдатскихъ массъ, объясняющихъ все только злымъ умысломъ начальства, падаетъ на насъ.

Даже офицеры не желаютъ понять стихійныхъ причинъ, вліяющихъ на продовольственное снабженіе армій, и такъ же, какъ и солдаты, валятъ все на ближайшее начальство и на его нераспорядительность; что же тогда требовать отъ солдатъ, которыхъ все время наускиваютъ спеціальные по развалу арміи агитаторы, и которые уже научились примѣнять не только жалобы, но и физическое воздѣйствіе противъ тѣхъ, кого они считаютъ или на кого имъ указываютъ, какъ на виновника всѣхъ недодачъ и урѣзокъ; агитаторы отлично знаютъ, какую остроту имѣютъ всѣ вопросы по довольствію и какое стихійное и чисто звѣриное озлобленіе они вызываютъ.

Сейчасъ нужны какія то совершенно исключительныя мѣры, чтобы обезпечить довольствіе фронта; всѣ приходящія изъ тылу свѣдѣнія показываютъ, что дѣло сбора запасовъ идетъ все хуже и хуже; первое, что надо, это сократить арміи въ нѣсколько разъ и оставить на фронтѣ только то, что надо для обороны. Иначе мы очень скоро придемъ къ голоднымъ бунтамъ на фронтѣ.

Сейчасъ дача хлѣба сокращена уже до полутора фунтовъ, подвозъ мяса почти прекратился, съ жирами совсѣмъ слабо, а съ фуражемъ еще хуже. 70 дивизія еще держится благодаря развитой при мнѣ системѣ заготовки кое какихъ запасовъ въ ближайшемъ тылу собственнымъ попеченіемъ войскъ, но въ молодой и безхозяйной 120 дивизіи всѣ недостатки по довольствію сказываются особенно остро. Приказалъ не жалѣть никакихъ денегъ, чтобы покупать муку и сало; нельзя доводить войска до голоднаго бунта; усмиреніе всѣхъ безпорядковъ, возникающихъ на почвѣ требованій брюха, были всегда очень трудны, ну, а при современной обстановкѣ это можетъ быть смертельной и окончательной катастрофой. Вѣдь, если бы въ февралѣ этого года въ Петроградѣ была бы мука, было бы мясо и былъ бы уголь, и ихъ во время дали бы населенію, то мы не сидѣли бы теперь у того полуразбитаго корыта, которымъ является Россія.

120 дивизія прислала постановленіе соединенныхъ комитетовъ съ требованіемъ немедленнаго заключенія мира и отвода дивизіи въ резервъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ полковой комитетъ 477 полка увѣдомилъ меня, что онъ исключилъ изъ своего состава того товарища, который на послѣднемъ собраніи въ господскомъ дворѣ Анисимовичи наговорилъ дерзостей по моему адресу. Вечеромъ же въ почтѣ я нашелъ письмо на мое имя съ приложеніемъ утвержденнаго какой то пятеркой смертнаго мнѣ приговора (письмо съ помѣткой на конвертѣ почтоваго вагона, такъ что отправлено кѣмъ то съ пути). Засчитываю себѣ это еще въ одну очередную награду за хорошую службу.

Вечерній докладъ начальника штаба и предсѣдателя корпуснаго комитета принесли цѣлые вороха самыхъ безотрадныхъ извѣстій и донесеній; волна большевизма все захлестываетъ; развалъ перебросился на артиллерію и спеціальныя команды; всѣ средства связи уже всецѣло въ рукахъ большевистскихъ комитетовъ. Вообще гангрена

располагается съ поражающей быстротой; армія гніетъ, какъ кусокъ уже тронувшагося мяса въ очень жаркій день.

Трещатъ и лопаются одна за другой послѣднія связи, вездѣ разинутыя пасти, полныя слюны вожделѣній; отовсюду только требованія правъ, льготъ, уступокъ, отмѣны обязанностей. Съ каждымъ часомъ толпа все болѣе и болѣе сознаетъ свою силу и становится все дерзче. Вечеромъ въ штабъ корпуса явилась депутація отъ ротъ 8 инженернаго полка и заявила, что роты не желаютъ ждать никакихъ разъясненій по поводу выдачи заработчихъ денегъ за окопныя работы въ 1915 и 1916 годахъ и грозятъ разбить денежные ящики и удовлетворить свои претензіи собственнымъ попеченіемъ. Способовъ противодѣйствія у меня никакихъ; для спасенія послѣдняго авторитета власти пришлось прибѣгнуть къ передержкѣ, заявивъ, что разъясненіе въ пользу выдачи только что получено, и что, хотя я и считаю сдѣланныя мнѣ заявленія дерзкими и неумѣстными, но разрѣшаю претензіи удовлетворить, какъ уже утвержденныя контролемъ.

Какой я жалкій начальникъ, разъ приходится прибѣгать къ такимъ непристойнымъ уловкамъ; развѣ я корпусный командиръ? я только потрепанное огородное чучело, котораго никто уже не боится, но которое все еще для какой то видимости продолжаетъ торчать на своемъ мѣстѣ въ своихъ жалкихъ отрепьяхъ и погремушкахъ. Написалъ Болдыреву письмо, въ которомъ изложилъ всю нелѣпость нашего положенія и просилъ найти мнѣ замѣстителя, который считалъ бы возможнымъ современное положеніе начальника.

Отъ газетъ становится тошно на душѣ: всюду звѣри, звѣриныя дѣла, звѣриныя морды и жадность, кое-гдѣ и звѣриная жестокость. Жалкая, безсильная власть что-то лопочетъ и пытается громкобрехомъ и высокопарными сентенціями остановить сокрушающуюся громаду россійской государственности. Всѣ эсеры, попавшіе въ министры и пріявшіе на свои плечи отвѣтственность, цѣпляясь за послѣднія средства спасенія, разражаются такими мѣрами, передъ которыми задумывались даже самые крутые реакціонеры Царскихъ временъ.

Незыблемъ повидимому мой законъ политической баллистики, формулируемый такъ: «всякая революціонная морда, ударившаяся о государственность, сворачиваетъ вправо». Брехать и валить существующую власть это одно; охранять и отвѣчать за результаты нѣчто совсѣмъ иное, сидящее на противоположномъ концѣ діаметра.

Нѣмцы и австрійцы обрушились на Италію, итальянскій фронтъ трещитъ и макаронникамъ приходится плохо; французы бросаютъ свои резервы на спасеніе Италіи.

Впервые сказывается нашъ выходъ изъ боевого строя; у нѣмцевъ развязаны руки и они могутъ теперь дерзать на рѣшительныя и грозныя для нашихъ союзниковъ операціи. Надо только удивляться, чего они медлятъ. Какъ я завидую теперь нѣмецкимъ генераламъ, которымъ судьба даетъ счастье быть творцами, участниками и свидѣтелями побѣдъ и видѣть реальные результаты разработанныхъ плановъ и осуществленныхъ предположеній.

Намъ судьба этого не дала, и за все перенесенное и за всѣ великіе труды мы получили только ужасъ современнаго положенія и еще болѣе ужасное и мрачное будущее.

20 Октября. Получилъ отъ Болдырева письмо, полное комплиментовъ и увѣреній въ невозможности найти мнѣ достойнаго замѣстителя по командованію корпусомъ; отвѣтилъ, что остаюсь при старомъ рѣшеніи, такъ какъ помимо того, что считаю свое безсильное и безправное положеніе архинелѣпымъ, состояніе здоровья не позволяетъ служить съ тѣмъ напряженіемъ, котораго требуетъ наличная обстановка; послѣ каждаго нервнаго напряженія мнѣ приходится отлеживаться по нѣсколько часовъ; при такой изношенности я не имѣю права продолжать цѣпляться за свое мѣсто.

Въ Двинскѣ на съѣздѣ идетъ ожесточенная борьба между большевиками и эс-ерами, борьба не на животъ, а на смерть; положеніе эсеровъ, однако, безнадежное; они потеряли весь былой авторитетъ, и повелители солдатскихъ массъ теперь уже большевики и ихъ главные представители въ нашей арміи Скляпскій, Сѣдякинъ и Собакинъ (три с. с.).

Исполняя приказъ, послалъ въ штабъ арміи проектъ наступленія для прорыва нѣмцевъ на Тыльженскомъ участкѣ; при этомъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ

увести съ фронта 120 дивизію, такъ какъ ея товарищи способны открыть огонь въ спины своихъ наступающихъ частей; донесъ также, что наступленіе возможно только при помощи ударныхъ частей и добровольческихъ командъ, обезпечивъ заранѣе нейтральное поведеніе остальныхъ частей; тогда при полной для нѣмцевъ неожиданности (конечно, если ихъ не предупредятъ пріятели большевики) такое наступленіе можетъ имѣть успѣхъ.

21 Октября. Ночью вернулся съ армейскаго съѣзда предсѣдатель корпуснаго комитета прапорщикъ В.; по его словамъ впечатлѣніе отъ съѣзда отчаянно скверное; эсеры упорно защищаютъ свое положеніе, объединились съ остальными умѣренными партіями, но на сторонѣ большевиковъ уже несомнѣнное большинство, поддерживаемое облѣпившими съѣздъ массами солдатъ Двинскаго района, почти поголовно шкурятниками, для которыхъ все будущее въ побѣдѣ большевиковъ. Но все же при обсужденіи поведенія полковъ 70 дивизіи съѣздъ вынесъ имъ единогласно полное порицаніе и послалъ приказъ немедленно выступить на смѣну частей 18 дивизіи; сомнѣваюсь, чтобы и этотъ приказъ была исполненъ.

Весь день провалялся; слабость, перебои въ сердцѣ и изнуряющее отсутствіе сна; когда закроешь глаза — то въ нихъ стоитъ какая-то желтая муть.

Происходящая на съѣздѣ борьба является послѣдней битвой эсеровъ, которые съ самаго начала революціи безъ соперниковъ царили во всѣхъ комитетахъ V арміи и царили разумно, съ большимъ здравымъ смысломъ, но не особенно дальновидно и слишкомъ по штатски; они долго мечтали править массами при помощи убѣжденій и красивыхъ фразъ и резолюцій; въ началѣ, пока все это было вновѣ и пока массы еще сдерживались старыми привычками и врожденной боязнью власти, наши милые эсерики имѣли большой успѣхъ; теперь же ихъ пѣсенка спѣта; ихъ время ушло; ихъ средства потеряли всю силу, и выпущенные изъ за рѣшетокъ революціонные звѣри ихъ неукоснительно скушаютъ.

Все это неизбѣжно и крайне печально; руководители стараго комитета Ходоровъ и Виленкинъ очень умные, очень нешаблонные люди, и въ предѣлахъ имъ доступнаго много сдѣлали хорошаго и немало задержали разложеніе арміи; но у нихъ не хватило размаха зорко разобраться въ грядущемъ и во время настоять, не боясь никакихъ попрековъ, передъ старшимъ командованіемъ и самимъ Керенскимъ о принятіи самыхъ исключительныхъ мѣръ, способныхъ остановить начавшееся съ марта разложеніе арміи. Въ этомъ отношеніи они оказались людьми слишкомъ мелкаго калибра и слишкомъ недостаточнаго дерзанія; они плыли по теченію, пока оно было для нихъ благопріятно; ловко спаслись отъ многихъ подводныхъ камней, но прозѣвали, когда теченіе примчало ихъ къ водопаду, которому видимо суждено ихъ поглотить. У нихъ, скованныхъ партійными наглазниками не хватило мужества во время потребовать (и настоять на своемъ требованіи) возстановленія дисциплины, понимая, что это еще очень далеко отъ реакціи; они не сумѣли прозрѣть необходимость добиться уменьшенія состава арміи и очистки ее отъ шкурнаго и опаснаго для порядка и духа войскъ элемента; у нихъ не нашлось прозорливости понять всю гибельность и безнадежность іюльскаго наступленія и, не боясь никакихъ упрековъ, властно потребовать его отмѣны.

Близость V арміи къ Петрограду придавала дѣятельности нашего армейскаго комитета исключительно важное значеніе; въ іюлѣ комитетъ сыгралъ огромную роль въ дѣлѣ ликвидаціи перваго большевистскаго выступленія и создалъ такую обстановку, которая давала всѣ возможности подобрать упущенныя въ мартѣ государственныя вожжи. И все сорвала никчемность и актерская ходульность товарища Керенскаго, у комитета же не хватило размаха подняться до высоты положенія и, презрѣвъ всѣ упреки въ реакціонности, настоять тогда на осуществленіи тѣхъ мѣръ, которыя такъ властно требовались обстановкой.

Но во всякомъ случаѣ намъ строевымъ начальникамъ было возможно работать при этомъ комитетѣ, который очень тактично не вмѣшивался не въ свои дѣла и во многомъ намъ помогалъ; стоящіе во главѣ его эсеры очень скоро свернули въ разумную правую сторону и охотно шли на то, отъ чего шарахалось въ сторону даже Царское правительство.

22 Октября. По газетамъ и по свѣдѣніямъ, полученнымъ комитетами изъ Петрограда, тамъ совсѣмъ плохо; большевики, при поддержкѣ солдатъ дезертировъ, заполонившихъ въ послѣднее время обѣ столицы (въ Петроградѣ ихъ свыше 200 тысячъ), матросовъ и распропагандированныхъ частей мѣстнаго гарнизона, собрали всѣ свои силы и на дняхъ должно послѣдовать какое то рѣшительное съ ихъ стороны выступленіе. Правительство совершенно растерялось, мечется въ уговорахъ и компромиссахъ, видимо, не понимая, что сейчасъ идетъ послѣдняя ставка на существованіе какого-нибудь порядка и сейчасъ уже глупо и преступно деликатничать и разбираться въ средствахъ; пора забыть про разные якобы демократическіе и quasi революціонные пустобрехи, на которые большевики весьма плюютъ; демократія не есть анархія. Слѣпота, легкомысліе Керенскаго спасли большевиковъ отъ іюльскаго разгрома; теперь они оправились и открыто лѣзутъ на Правительство, чтобы его свалить, а сіе послѣднее разсыпаетъ цвѣты демократическаго краснорѣчія и что-то мелетъ, вмѣсто того, чтобы или пустить въ ходъ, пока еще не совсѣмъ поздно, каленое желѣзо и разъ навсегда выжечь грозную и отнюдь не демократическую язву, или же сознать свое безсиліе и самому убраться отъ власти. Вѣдь, всѣ повадки большевиковъ ясно показываютъ, что они церемониться не будутъ, и будутъ дѣйствовать такъ, какъ то слѣдуетъ при столь ожесточенной и непримиримой войнѣ. Неужели не ясно, что никакихъ соглашеній быть не можетъ, что уговоры безсильны и что каждая потерянная минута увеличиваетъ силы врага. Быть можетъ, уже поздно, но попытаться надо; несомнѣнно, что сейчасъ положеніе Правительства безконечно хуже и слабѣе, чѣмъ то было во времена іюльскаго выступленія большевиковъ; арміи ушли изъ рукъ правительства и находятся подъ властью большевистскихъ главарей и подъ чадомъ большевистскихъ обѣщаній: находящіяся въ Петроградѣ части исполитиканствовались, разложились и перестали быть той осью, на которой три мѣсяца тому назадъ можно было вывернуть наизнанку весь Петроградъ, дезинфекцировать его отъ всѣхъ антигосударственныхъ и наемныхъ нѣмецкихъ элементовъ и сдѣлаться настоящимъ, а не бумажнымъ и словоизвергательнымъ правительствомъ. Вмѣсто дѣла и энергіи была фраза и дряблость; хотѣли всѣмъ нравиться и всѣмъ потрафить и очутились у разбитаго корыта; растеряли и вліяніе, и авторитетъ, обмякли и мечутся, какъ крысы на тонущемъ кораблѣ.

Но рисковать надо, ибо иного исхода нѣтъ, и рисковать во всю, не останавливаясь ни передъ чѣмъ — побѣдитель въ такой обстановкѣ всегда бываетъ правъ. Но двуликій, длинноязычный и убожески нежизненный Керенскій, — судя по тому, что извѣстно въ армейскомъ комитетѣ, — мечется во всѣ стороны и дѣлаетъ только то, на что способенъ, то-есть болтаетъ, сыпетъ красивыя слова, актерствуетъ, хочетъ и демократически революціонную невинность соблюсти, и правительственную власть — капиталъ сохранить; онъ работаетъ языкомъ и уже совершенно выдохшимися уговорами тамъ, гдѣ только дерзость, рѣшительность, жестокость могутъ спасти положеніе; онъ пытается входить въ компромиссы съ тѣми, которые ни на какіе компромиссы не способны.

Русское кривое зеркало, выставило на историческую сцену временъ революціи такъ называемаго диктатора, у котораго, вмѣсто диктаторскихъ качествъ, ухватки и истеріи душки адвоката изъ знаменитостей сенсаціонныхъ процессовъ политическаго или амурнаго свойства, а вмѣсто диктаторскихъ громовъ — пустопорожнія словоизверженія.

Время словъ въ ожесточенной борьбѣ за власть уже кончилось; медовый мѣсяцъ революціи прошелъ; облетѣли цвѣты, догорѣли огни . . . начинается грозная борьба массъ, поднятыхъ на дрожжахъ самыхъ звѣриныхъ инстинктовъ, и тутъ резолюціи, голосованія и увѣщанія уходятъ въ невозвратное прошлое. Мы это ярко видимъ на томъ, что творится сейчасъ у насъ на фронтѣ, въ подчиненныхъ намъ частяхъ, а вѣдь армія сейчасъ является зеркаломъ, въ которомъ отражается настроеніе всей страны.

Власть есть дѣйствіе, а не разговоры; чаще принужденіе, чѣмъ пріятность. Хорошъ диктаторъ, у котораго все время уходитъ на рѣчи и выступленія! Гдѣ же тутъ заниматься настоящей творческой работой. При истрепанныхъ постоянной политической борьбой нервахъ, при переутомленномъ словесными турнирами мозгѣ невозможны спокойная логика, уравновѣшенный здравый смыслъ, продуманность и систематичность рѣшеній

и поступковъ; все рождается въ атмосферѣ нездороваго возбужденія; многое дѣлается подъ гипнозомъ взвинченныхъ и разболтанныхъ нервовъ, утомленныхъ мозговъ, овацій толпы, остраго желанія сломить сопротивленіе и покорить себѣ массы, все равно какой цѣной. Ясно, что при такой обстановкѣ неизбѣжны рѣшенія и поступки больные, абсурдные, нелогичные, безсвязные, нелѣпые, болтающіеся, довлѣющіе минутному настроенію массъ . . . Развѣ настоящая государственная работа можетъ вестись такимъ образомъ и въ такія грозныя времена; развѣ такъ должно идти государственное, на новыхъ началахъ строительство. Даже въ Думѣ было безконечно лучше, ибо тамъ параллельно съ орательствомъ въ общихъ засѣданіяхъ работали, и часто работали весьма дѣльно и продуктивно многочисленныя комиссіи. Сейчасъ же вся работа уходитъ на митингованія; всѣ стараются кого то уговаривать, кого то перетаскивать на свой меридіанъ; работа идетъ безъ всякаго плана и безъ системы, по результатамъ случайныхъ голосованій, измѣнчивыхъ, какъ цвѣта хамелеона. Дѣятельность большевиковъ обѣщаетъ, что, когда они дорвутся до власти, то заведутъ иные порядки; ихъ наиболѣе откровенные главари, типа товарища Федотова, прямо заявляютъ, что ни съ нами, ни съ мартовскими и прочими мягкотѣлыми революціонерами они церемониться не будутъ.

Только сегодня появились первые признаки, что наши верхи поняли невозможность сохранить армію въ ея теперешнемъ положеніи и что необходимо перейти на добровольческія ударныя части. Къ несчастью, все это уже поздно и то, что 1—2 мѣсяца тому назадъ дало бы прекрасные результаты, сейчасъ уже фактически неосуществимо и даже не будетъ допущено къ исполненію. Разложеніе перебросилось уже на артиллерію, затронуло конницу и спеціальныя команды; авторитетъ начальства, который всѣ, начиная съ правительства, распинали и топтали въ грязь, убитъ до полной невозможности его возстановить; послѣднія крѣпи войскового порядка, — солдаты старыхъ сроковъ службы, — уволены домой и вернуть ихъ назадъ уже немыслимо; наконецъ, много охулиганившихся и наиболѣе опасныхъ на фронтѣ товарищей, хватившихъ всей сладости службы на современномъ фронтѣ, не захочетъ идти въ деревню для того, чтобы тамъ работать; большевистскіе же комитеты не допустятъ образованія добровольческихъ частей, такъ какъ въ этомъ ихъ смерть.

Наша судьба — во всемъ запаздывать. Запоздали мы и въ образованіи разумно построенныхъ и разумно руководимыхъ крестьянскихъ организацій въ странѣ и въ арміи. Увѣряютъ, что Керенскій и Совѣты были главными врагами настоящихъ крестьянскихъ организацій и создали ихъ поддѣлку, въ которой не было крестьянъ, а засѣдали и верховодили такіе же далекіе отъ жизни народа мозговики-интеллигенты, какъ и вездѣ. Мои личныя попытки сорганизовать у себя въ корпусѣ настоящихъ кондовыхъ крестьянъ разбились сначала о глухое, а потомъ уже о сердитое противодѣйствіе армейскаго комитета; когда я спросилъ Виленкина о причинахъ, то онъ, нѣсколько замявшись, отвѣтилъ, что, вообще, комитеты опасаются возможности реакціоннаго вліянія на крестьянъ нашихъ генераловъ.

23 Октября. Судя по пришедшимъ сегодня изъ Петрограда газетамъ, положеніе тамъ съ каждымъ часомъ становится все хуже и хуже; растерявшаяся, многоглаголивая, пустопорожняя по содержанію и импотентная власть безпомощно несется, куда тащатъ ее событія, и испуганно таращитъ свои демократическіе глазки на дѣйствительные и фальшивые подводные камни, которые ободрали съ нея весь ея авторитетъ.

Въ Правительствѣ произошелъ какой то крупный скандалъ съ революціоннымъ военнымъ министромъ Верховскимъ, который уволенъ въ отпускъ; если вѣрить помѣщенному въ газетахъ разоблаченію Бурцева, то Верховскій въ закрытомъ засѣданіи Совѣта Министровъ предложилъ заключить миръ съ Германіей. Правительство и самъ Верховскій это отрицаютъ, но неожиданный и скоропалительный отъѣздъ Верховскаго показываетъ, что произошло что-то экстраординарное. Съ точки зрѣнія вѣрности слову предложеніе, конечно, коварное, ну а съ точки зрѣнія эгоистическихъ интерессовъ Россіи быть можетъ единственное, дающее надежду на спасительный исходъ; для массъ миръ это козырный тузъ, и его хотятъ взять себѣ большевики, и возьмутъ, какъ только станутъ у власти.

По сообщенію армейскаго комитета настроеніе большевиковъ боевое и рѣшительное; они чувствуютъ, что массы на ихъ сторонѣ и открыто подняли голову и поставили свои лозунги. Комитетъ отправилъ часть своихъ членовъ въ Петроградъ, видимо для подкрѣпленія потерявшагося Правительства, но все это запоздало, ибо самъ комитетъ уже конченъ и всѣ армейскія массы противъ него. Повидимому, даже иностранные послы наконецъ то расчухали, что грядетъ что то очень грозное и чреватое самыми непріятными послѣдствіями, и начали безпокоиться.

Не поздно ли спохватились, Ваши экселленціи? Сколько денегъ вы тратили на разныя миссіи и развѣдки, и все же не сумѣли разобраться въ теченіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ, что такое русская революція, что такое наше Правительство, что такое дѣлается на фронтѣ и странѣ и какими результатами все это вамъ грозитъ.

У васъ не хватило разума, предвидѣнія и совѣсти, чтобы во время побезпокоиться о насъ и намъ помочь. Вы слишкомъ уже привыкли полагаться на толстую шкуру сѣвернаго медвѣдя и на то, что она все выдержитъ и выполнитъ все то, что нужно для вашихъ интересовъ. Вы привыкли къ тому, что наша армія всегда самымъ рѣшительнымъ броскомъ отвѣчала на ваши просьбы о помощи. И, однако, вы прозѣвали, что всего этого уже не будетъ. Наступила пора, когда вамъ надо думать уже о собственной безопасности.

Съ нашего фронта нѣмцы убираютъ одну часть за другой и, судя по даннымъ развѣдки, отправляютъ ихъ на Итальянскій фронтъ; тамъ, гдѣ стояли прежде дивизіи, остались только полки; изъ тяжелыхъ батарей осталась только самая заваль, да и то въ очень ограниченномъ размѣрѣ. Эхъ, если бы теперь имѣть двѣ хорошихъ пѣхотныхъ дивизіи и хорошую конницу, то можно было бы учинить нѣмцамъ катастрофическій разгромъ.

Смѣшно читать груды воззваній, которыми всѣ политическія партіи засыпаютъ населеніе и арміи; бумажными пальцами уже не остановить той лавины, которая надъ нами виситъ. Большевистская агитація уже использываетъ уходъ Верховскаго, разжигая солдатъ указаніемъ на то, что вотъ де появился военный министръ, который понялъ, что воевать не надо, и собрался дать имъ миръ, а буржуи и генералы немедленно его ликвидировали, такъ какъ онъ былъ помѣхой удовлетворенію ихъ имперіалистическихъ вожделѣній и желаній пролить побольше солдатской крови. И эта версія принята въ частяхъ очень сочувственно, ибо толпа вѣритъ всему, что отвѣчаетъ ея настроенію и ея желаніямъ.

Сегодняшній день принесъ намъ новый составъ армейскаго комитета съ полнымъ преобладаніемъ въ немъ большевиковъ; въ президіумъ попала большевистская пара главныхъ вожаковъ 19 корпуса докторъ Склянскій (еврей) и Штабсъ-капитанъ Сѣдякинъ (изъ бывшихъ мордобоевъ, сдѣлавшійся въ мартѣ ярымъ революціонеромъ, а затѣмъ перекинувшійся въ большевика).

Воображаю, что теперь начнется и какія жирныя обѣщанія посыпятся въ темныя солдатскія массы; но зато будетъ интересно, когда сила обстоятельствъ заставитъ большевистскій комитетъ прибѣгнуть къ мѣрамъ физическаго воздѣйствія, чтобы заставить эти толпы дѣлать то, что тѣмъ не нравится. Пока всѣ данныя за то, что большевики не постѣсняются снять бѣлыя демократическія перчатки и пустить въ ходъ самые реакціонные пріемы, когда то имъ понадобится.

Такимъ образомъ сегодня кончился эсеровскій періодъ комитетскаго управленія 5 арміей и начался новый большевистскій, несущій въ себѣ массу неожиданностей. Правительство и вся партія эсеровъ жестоко поплатятся за то, что отдали во власть большевизма наиболѣе важную по своей близости къ Петрограду армію.

24 Октября. Въ Иваново-Вознесенскомъ районѣ рабочіе захватили фабрики и выгнали вонъ владѣльцевъ; почти то же самое произошло и въ Донецкомъ угольномъ районѣ. Нѣкоторыя желѣзныя дороги близки къ полной остановкѣ вслѣдствіе истощенія запасовъ угля и массоваго заболѣванія паровозовъ. Показываются первыя крупныя ягодки — наслѣдіе революціонной весны и демократическаго цвѣтенія. Неужели и теперь союзники не разберутъ, чѣмъ все это пахнетъ, и будутъ оставаться въ прежнемъ созерцательномъ атитюдѣ.

На фронтѣ мертвое затишье; перестрѣлка почти совсѣмъ прекратилась; замолкла и наша артиллерія, боясь репрессій и насилій со стороны пѣхотныхъ товарищевъ; даже ночное освѣщеніе ракетками нѣмецкаго фронта почти прекратилось — очевидно, нѣмцы получили достаточныя гарантіи того, что имъ нечего опасаться. Я увѣренъ, однако, что нѣмцы только ждутъ окончательныхъ результатовъ сдѣланной намъ большевистской прививки и, когда мы уже совсѣмъ развалимся, то они толкнутъ насъ и добьютъ безъ какихъ либо особыхъ расходовъ и затрудненій.

Въ Двинскѣ опредѣленно говорятъ, что на участкѣ 19 корпуса есть кабель, соединяющій штабъ стоящей противъ насъ нѣмецкой арміи съ какимъ то мѣстечкомъ въ тылу, гдѣ сидитъ штабъ большевистской организаціи и руководитъ по указкѣ нѣмцевъ всей пораженческой пропагандой и разложеніемъ. Братаніе идетъ по всему фронту; подъ прикрытіемъ братанія нѣмцы увозятъ отсюда всѣ лучшія батареи и снимаютъ отдохнувшія части, отправляя ихъ на французскій и итальянскій фронты.

Настроеніе отчаянное; ночи не сплю напролетъ, пытаясь изыскать какіе либо способы справиться съ разваломъ корпуса; внутри ѣдятъ какія то грызущія боли; временами совершенно слѣпну, особенно когда начинаются огненныя боли въ контуженной части головы. Въ Петроградѣ происходитъ что-то совсѣмъ неладное; новые большевистскіе комитеты все время секретно собираются и что-то готовятъ.

25 Октября. Главковерхъ подарилъ насъ новымъ закономъ, отъ своевременности котораго у всѣхъ глаза на лобъ полѣзли; я по прочтеніи сообщавшей его телеграммы уперся лбомъ въ стекло и довольно долго рычалъ и мычалъ по звѣриному — единственный исходъ для поднявшагося чувства изумленія передъ невѣроятной глупостью отдаваемаго распоряженія. Законъ этотъ возстанавливаетъ условную дисциплинарную власть начальниковъ (это тогда, когда отъ всякой нашей власти даже и фиговаго листа не осталось). Устанавливается, что, если дисциплинарный судъ въ теченіе 48 часовъ не накладываетъ на виновныхъ взысканія или войсковая часть совершенно не желаетъ выбирать у себя состава дисциплинарнаго суда, то вся дисциплинарная власть переходитъ цѣликомъ въ руки соотвѣтствующихъ начальниковъ.

Такіе приказы могутъ писать при настоящей обстановкѣ или сумасшедшіе, или квалифицированные, какъ говорили у насъ въ артиллерійскомъ училищѣ, концентрированные идіоты.

Вѣдь, не можетъ же товарищъ Керенскій не знать, что дѣлается на фронтѣ, въ какомъ состояніи войска и что такое нынѣ вообще власть начальника. Никакія силы, а не то, что жалкіе бумажные приказы, не могутъ уже возстановить умершую власть начальниковъ, а тѣмъ болѣе власть дисциплинарную, наиболѣе ненавистную для массъ, которую раньше и основательнѣе всего постарались съ корнемъ уничтожить тѣ, кому нужно было развалить русскую военную силу. Вѣдь, въ самой сущности приказа кроется самый идіотскій абсурдъ: часть не хочетъ выбирать состава дисциплинарнаго суда, то есть опредѣленно нарушаетъ законъ и проявляетъ нежеланіе слушаться приказовъ начальства. Положеніе власти при этомъ такое, что заставить подчиниться и исполнить приказъ у ней нѣтъ ни средствъ, ни способовъ. Тогда прячутъ голову подъ крыло, изображаютъ, что ничего не видятъ и что ничего не произошло, и пробуютъ пугнуть непокорныхъ, но ничего уже не пугающихся товарищей тѣмъ, что неугодное имъ средство принужденія будетъ передано опять въ руки ненавистнаго имъ начальства.

Спрашивается, какими же способами и при помощи какихъ средствъ это несчастное, ободранное какъ липка и неизвѣстно для чего еще существующее начальство сможетъ осуществить предоставляемое ему право, то есть сдѣлать то, чего не въ состояніи выполнить ни самъ Главковерхъ, ни самые архиреволюціонные армискомы, исполкомы, совдепы, цики и комиссары всѣхъ ранговъ и оттѣнковъ, и отдѣльно взятые, и всѣмъ своимъ скопомъ.

Не хочется думать, что все это чья то скверная провокація, имѣющая своей цѣлью родить еще одинъ поводъ для поднятія новой острой и злобной войны солдатской ненависти противъ несчастнаго строевого начальства, показавъ темнымъ и чрезвычайно подозрительнымъ массамъ, что это самое столь ненавистное имъ начальство измышляетъ

всякіе способы и пускается на разные подвохи, чтобы опять захватить въ свои руки дисциплинарную власть, вернуть свои кровопійныя привилегіи и разрушить «всѣ завоеванія революціи».

Подобныя мѣры напоминаютъ мнѣ ошалѣлое завертываніе въ мертвую всѣхъ тормазовъ въ то время, когда слетѣвшій уже съ рельсъ поѣздъ летитъ кувыркомъ съ высокой насыпи; польза отъ нихъ такая-же.

Далѣе этимъ приказомъ всѣ части, не исполняющія приказовъ начальства, объявляются штрафными, переводятся на старые оклады жалованья и на арестантское довольствіе и т. п.

Кто-же теперь въ состояніи все это осуществить? Вѣдь сейчасъ 90% всѣхъ частей уже давно заслужили такой переводъ. Неужели же товарищъ Главковерхъ и его борзописцы думаютъ, что весь фронтъ состоитъ изъ потомковъ Гоголевскихъ унтеръ-офицершъ, жаждущихъ заняться самосѣченіемъ, или что на свѣтѣ существуютъ такія лошади, которыя сами бы себя запрягали.

Читая такіе приказы, вспоминается чья-то думская фраза: «что это — глупость или измѣна?», вѣдь все это въ руку большевикамъ, ибо ярко и выпукло показываетъ товарищамъ, что верхи наконецъ то спохватились и пытаются вмѣсто революціонныхъ пустобреховъ примѣнить болѣе реальные методы возстановленія порядка и души всякой арміи — дисциплины. Въ отвѣтъ на эти запоздалыя мѣры товарищи пропоютъ: «нѣтъ, этотъ номеръ не пройдетъ и штуки всѣ мы ваши понимаемъ». Пользы не можетъ быть никакой, но за то злобы, подозрительности и принятія мѣръ для предотвращенія самой возможности такихъ непріятностей прольется цѣлое море.

Скверныя пришли газеты, а еще болѣе скверные слухи ползутъ къ намъ и по телефону, и по радіо изъ Двинска; сообщаютъ, что на улицахъ Петрограда идетъ рѣзня, и что часть Правительства захвачена возставшими большевиками. Новый армейскій комитетъ, состоящій преимущественно изъ большевиковъ насторожился, засѣлъ въ своемъ помѣщеніи, окруженный со всѣхъ сторонъ часовыми. Пока все слухи и сплетни, а, что дѣлается на самомъ дѣлѣ, никто не знаетъ, что еще болѣе увеличиваетъ напряженность положенія. Настроеніе въ частяхъ приподнято-настороженное; я очень опасаюсь большевистскаго взрыва въ 120 дивизіи.

Послалъ въ штабъ арміи и армейскому комиссару телеграммы съ просьбой ориентировать насъ въ происходящемъ, такъ какъ иначе части обвиняютъ насъ, что мы знаемъ, что дѣлается, и умышленно, въ своихъ интересахъ скрываемъ; нельзя насъ держать въ потемкахъ; лучшій способъ бороться съ ползучими сплетнями и слухами — говорить правду.

Несомнѣнно, что развязка приближается, и въ исходѣ ея не можетъ быть сомнѣнія; на нашемъ фронтѣ нѣтъ уже ни одной части (кромѣ двухъ-трехъ ударныхъ батальоновъ, да развѣ еще Уральскихъ казаковъ), которая не была бы во власти большевиковъ.

Заброшенная нѣмцами петля затягивается все сильнѣе и сильнѣе. Но что же грядетъ въ будущемъ? вѣдь по тому, что мы видимъ сейчасъ въ поведеніи большевистскихъ вожаковъ, Россіи суждено обратиться въ звѣриное царство и быть таковымъ, пока кулаки испуганныхъ союзниковъ не водворятъ въ ней порядка; вѣдь, эти все разжигающіе и уничтожающіе лозунги являются полнымъ отрицаніемъ какой-нибудь государственности. Ну, а что будетъ, если съѣдающая насъ гангрена перекинется и на союзниковъ?

Въ 9 часовъ вечера прямо во всѣ части передана телеграмма новаго предсѣдателя армейскаго комитета, что сегодня вся власть перешла въ руки совѣтовъ; призываютъ войска оставаться спокойными и держать твердо порученные имъ боевые участки. Начало, какъ будто даже и совсѣмъ приличное, но такъ бываетъ всегда при всѣхъ переворотахъ — ягодки вылѣзаютъ потомъ, по надежномъ закрѣпленіи.

Черезъ два часа пришла телеграмма стараго армейскаго комиссара поручика Долгополова, что свѣдѣнія армейскаго комитета преувеличены и что вопросъ о передачѣ власти еще рѣшается. Обычная картина нашего безвременья: двѣ враждебныя инстанціи бросаютъ въ настороженныя массы неясныя и возбуждающія свѣдѣнія, а всю белиберду, которая изъ этого получается, приходится расхлебывать намъ, которые ближе

къ войскамъ и на которыхъ все косится и рычитъ. По соглашенію съ сосѣдними корпусами приказалъ для выручки несчастнаго строевого начальства, чтобы на всѣхъ телеграфныхъ и телефонныхъ станціяхъ установили дежурство членовъ соотвѣтствующихъ комитетовъ, дабы большевистскіе агитаторы не могли натравить товарищей на свое начальство подъ предлогомъ, что послѣднее что-то скрываетъ и что-то затѣваетъ; приказалъ начальникамъ дивизій направить сугубое вниманіе на свои боевыя и войсковыя обязанности, а всю политику во всемъ передать установленнымъ на сіе лицамъ и учрежденіямъ — пусть въ ней барахтаются.

26 Октября. Рано утромъ вызванъ въ Двинскъ на совѣщаніе къ командующему арміей. Болдыревъ предполагалъ ѣхать въ Псковъ по поводу уменьшенія численности арміи, но обстановка создалась такая, что оказалось не до отъѣзда. Изъ свѣдѣній, полученныхъ штабомъ арміи и армейскимъ комиссаромъ, ясно, что вчера вся власть надъ Петроградомъ перешла въ руки большевиковъ и досталась имъ, повидимому, даже легче, чѣмъ то было въ мартовской революціи. Все произошло въ тепло-холодныхъ тонахъ, безъ всякаго энтузіазма; побѣдили тѣ, которые напали первыми и которые были болѣе рѣзки и рѣшительны. Керенскій и Правительство, какъ всегда, опоздали; это обычный недостатокъ людей слова, а не дѣла; пока они выбирали лучшіе способы рѣшенія, прикидывали, анализировали и спорили, волна событій ихъ нагнала, покрыла и опрокинула и ихъ, и всѣ ихъ рѣшенія. Вѣдь, если бы во время іюльскаго выступленія большевиковъ правительство приняло рѣшительныя и суровыя мѣры, властно требуемыя обстановкой, то мы не переживали бы ни августовскихъ потрясеній, ни сегодняшнихъ событій.

Опредѣленно извѣстно, что правительство разогнано и что Керенскій удралъ изъ Петрограда въ Псковскомъ направленіи (вчера онъ еще патетически взвизгивалъ, что «умретъ на своемъ посту»); власть перешла въ руки совѣтовъ, изъ которыхъ вышли всѣ эсеры и часть меньшевиковъ. Большихъ безпорядковъ въ Петроградѣ, по сообщеніямъ по прямому проводу, — нѣтъ, населеніе относится къ борьбѣ довольно безучастно и вся борьба идетъ между малочисленными военными частями правительства и обольшевиченнымъ совершенно гарнизономъ; такова общая характеристика положенія въ Петроградѣ, сообщенная находящимися тамъ членами нашего стараго армейскаго комитета. Телеграфъ и радіо работаютъ во всю; получается невѣроятная мѣшанина — въ перемежку получаются приказы Керенскаго и разогнаннаго правительства, перебиваемые распоряженіями новой власти, установленной большевиками, — военно-революціонныхъ комитетовъ армейскихъ, корпусныхъ, дивизіонныхъ и полковыхъ.

По телеграфу всюду назначены и вступили въ должности новые комиссары, а старыхъ приказано немедленно отстранить; строевыхъ начальниковъ пока не трогаютъ.

У Болдырева встрѣтилъ только что пріѣхавшаго въ Двинскъ новаго комиссара Временнаго Правительства «товарища» Пирогова; сей мужъ только что узналъ о разгонѣ аккредитовавшаго его правительства и имѣлъ видъ достаточно перепуганный и мало внушительный; временами можно было подумать, что у товарища комиссара начинается параличъ зада. Новый армискомъ ведетъ себя пока очень сдержанно; онъ даже согласился на настояніе меньшинства выкинуть изъ телеграммы Петроградскаго Совѣта слова «всѣхъ офицеровъ, не присоединившихся къ революціи, арестовать и смотрѣть на нихъ какъ на враговъ». Несомнѣнно, что только попади эти слова въ переданную во всѣ части телеграмму, то это разразилось бы массовымъ избіеніемъ неугодныхъ товарищамъ офицеровъ.

Болдыревъ въ нерѣшительности и, какъ мнѣ самъ сказалъ, «боится остаться между двумя стульями»; при его осторожности надо было быть очень взволнованнымъ, чтобы такъ разоткровенничаться. Я ему отвѣтилъ, что, если не пускаться въ политику, то намъ грозить нечего, ибо стулъ у насъ одинъ — это наша отвѣтственность за удержаніе своихъ боевыхъ участковъ; съ этого поста мы уйти не можемъ, а борьба партій, въ которой намъ нѣтъ и не можетъ быть доли, не наше дѣло; сейчасъ мы только профессіоналы, охраняющіе остатки плотины, прорывъ которой нѣмцами можетъ погубить Россію.

Есть, конечно, другой исходъ: ударными частями арестовать армискомъ и вмѣшаться въ борьбу за власть; но при данной обстановкѣ это безсмысленно по соотношенію силъ и гибельно для интересовъ фронта, такъ какъ немедленно увлечетъ его въ эту борьбу.

Единственный исходъ въ томъ, что, быть можетъ, миражи мира и безпечальнаго житья, сулимые большевиками, скоро разсѣются; тогда наша задача состоитъ въ томъ, чтобы постараться сохранить, собрать и организовать всѣ благоразумные и всѣ инертно-пассивные элементы для того, чтобы, когда наступитъ подходящее время, начать борьбу съ извѣстнымъ шансомъ на успѣхъ. Сейчасъ же мы обязаны твердо и опредѣленно стать на боевую точку и потребовать отъ всѣхъ политическихъ организацій, каковы бы онѣ ни были, самой энергичной поддержки порядка и боевой способности нашихъ частей, то есть того, за что мы отвѣчаемъ; совѣты же, комитеты и комиссары пусть занимаются политикой и пасутъ, какъ умѣютъ, свое бурливое стадо. Самъ я мало вѣрю въ успѣхъ всего этого, но такая линія поведенія единственно для насъ возможная; наша командирская пѣсня все равно спѣта и скоро мы перестанемъ быть даже тѣмъ, чѣмъ есть теперь, то есть осколками формы безъ всякаго содержанія. Сейчасъ надо быть особенно осторожнымъ, когда выбивающіеся къ власти низы несутся бурнымъ потокомъ, котораго нашими безсильными щепочками уже не остановить. Я, не стѣсняясь, высказалъ Болдыреву, что, будь я на его мѣстѣ, я бы или пошелъ на проломъ, начавъ съ ареста армискома, или же вызвалъ къ себѣ большевистскій его президіумъ и, изложивъ свои обязанности, предъявилъ имъ, что они должны сдѣлать для сохраненія фронта.

Болдыреву мои слова страшно не понравились; ему несомнѣнно страшно хочется рѣшительнымъ броскомъ разрубить всѣ гордіевы узлы и вылетѣть сразу на очень большіе верхи въ качествѣ хозяина положенія. Въ своихъ разсужденіяхъ онъ временами былъ очень близокъ къ правому берегу и даже вспоминалъ Бонапарта и церковь св. Роха. Онъ какъ то до сихъ поръ не сознаетъ всей серьезности происходящаго; онъ до сихъ поръ еще носится съ своимъ проектомъ оздоровленія арміи репрессивными мѣрами при помощи сохранившихся частей противъ бунтующихъ и неповинующихся. Но сейчасъ это невѣроятный абсурдъ, ибо ко власти уже подобрались большевики, а затѣмъ бунтующихъ тысячи, а сохранившихся ничтожныя единицы, да и послѣднія несогласны на экзекуціи, не желая подвергаться упрекамъ за мучительство своихъ же въ угоду начальству.

Я высказалъ Болдыреву, что со временъ Бонапарта и съ того дня, какъ картечь изувѣчила порталы церкви св. Роха прошли года такого размаха и такихъ послѣдствій, что старые способы и нормы отошли въ прошлое и теперь не примѣнимы. Время примѣненія къ распущеннымъ массамъ силы давно уже утеряно; гангрена расползлась не только по арміи, но и по всей странѣ, захватила жизненныя глубины народнаго существованія и его больной души. Вѣдь, всѣ мы остро чувствуемъ, что столь заботящій насъ фронтъ держится еще только какимъ то чудомъ и что еще нѣсколько ядовитыхъ вспрыскиваній и всѣ эти массы неудержимо хлынутъ на востокъ, сметая все на своемъ пути.

Въ моемъ корпусѣ сейчасъ положительно уже невозможно примѣненіе какой либо силы или принужденія; мы, благодаря безумнымъ распоряженіямъ нашихъ верховъ, все растеряли, а массы за это время сорганизовались (дико, своеобразно, но все же сорганизовались), почувствовали, что сила на ихъ сторонѣ, что грозное когда то начальство — безсильное чучело, и напрактиковались не только въ томъ, чтобы плевать на всѣ его распоряженія, но и рвать его въ клочья, разбивать ему головы и избавляться отъ него всякими мясницкими способами.

Вернувшись въ штабъ корпуса, засталъ тамъ новаго корпуснаго комиссара, назначеннаго большевистскимъ комитетомъ; этимъ комиссаромъ оказался предсѣдатель дивизіоннаго комитета 180 дивизіи солдатъ Зайчукъ, именующій себя коммунистомъ-интернаціоналистомъ, а въ дѣйствительности представляющій изъ себя довольно безобиднаго пустобреха; я его не видѣлъ съ іюля, когда 180 дивизія вышла изъ моего корпуса, и за это время онъ перегорѣлъ, многому научился и сталъ понимать абсурдность многихъ лозунговъ, которымъ раньше вѣрилъ.

Я ему заявилъ, что не принимаю на себя никакихъ политическихъ обязанностей по жизни своего корпуса, но требую отъ него, какъ отъ комиссара, самой энергичной помощи по поддержанію въ корпусѣ боевого порядка, по несенію боевой службы и по устраненію изъ обихода частей всего того, что могло бы отразиться на исполненіи корпусомъ поставленной ему боевой задачи.

По телефону сообщили, что наши большевистскіе премьеры за свое усердіе получили назначенія: докторъ Склянскій въ революціонный петроградскій штабъ, а Позернъ главнымъ комиссаромъ въ Псковъ; всюду разосланъ приказъ объ арестѣ Керенскаго. Пришлось въ спѣшномъ порядкѣ спасать начальника 70 дивизіи; онъ своимъ сухимъ педантизмомъ настроилъ противъ себя всѣ части дивизіи, но пока она держалась, все обходилось; теперь, при галопирующемъ развалѣ, его положеніе сдѣлалось отчаяннымъ. Вчера въ совершенно обольшевиченномъ Переяславскомъ полку состоялся митингъ, на которомъ было рѣшено убить начальника дивизіи, заставивъ его предварительно выкопать себѣ могилу на высотѣ 72 (въ расположеніи полка); полкъ сегодня двинулся къ штабу дивизіи для исполненія этого постановленія, и только благодаря находчивости предсѣдателя дивизіоннаго комитета удалось черезъ садъ увести Бѣляева, отправить въ Двинскъ и вывезти его оттуда на первомъ поѣздѣ.

На фронтѣ происходятъ невѣроятныя безобразія: Переяславцы, которые, на радостяхъ побѣды большевиковъ, согласились, было, смѣнить стоявшій на позиціи Ряжскій полкъ, ушли совсѣмъ съ своего участка и на смѣну не пошли; тогда Ряжцы бросили свой боевой участокъ и сами ушли въ резервъ; всю ночь цѣлый полковой участокъ занимался одной ротой Сурскаго полка и оставшимися офицерами, но безъ всякихъ средствъ связи, снятыхъ ушедшими съ позицій телефонистами. Вообще, при общемъ развалѣ Сурскій полкъ ведетъ себя отлично; много значитъ отличный подборъ ротныхъ и батальонныхъ командировъ, которые вездѣ и всегда подаютъ примѣръ добросовѣстности исполненія своихъ обязанностей. За то Переяславцы побиваютъ всѣ рекорды разложенія; предсѣдатель дивизіоннаго комитета 70 дивизіи пытался вчера говорить съ этимъ полкомъ; пока онъ несъ имъ обычную митинговую вермишель, то его восторженно привѣтствовали («какъ будто бы имъ золото на грудки клали», по образному выраженію присутствовавшаго на митингѣ члена корпуснаго комитета). Но какъ только ораторъ началъ говорить о томъ, что надо идти на смѣну полковъ 18 дивизіи и стать на защиту своего боевого участка, то его рѣчь была покрыта криками «долой» и матерщиной, а потомъ страсти такъ разгорѣлись, что оратора еле спасли отъ смерти.

Сейчасъ всѣ части во власти пришедшихъ изъ запасныхъ полковъ пополненій. Какъ будто нарочно, держали въ тылу орды самой отборной хулиганщины, распустили ихъ морально и служебно до послѣднихъ предѣловъ, научили ихъ не исполнять никакія приказанія, грабить, насиловать и убивать неугодное имъ начальство, а потомъ этой гнусной гнилью залили наши слабые кадры. Когда эти орды сдѣлались невыносимыми для тѣхъ городовъ, въ которыхъ онѣ стояли, то были посланы особыя партіи уговаривателей-ораторовъ, съ такими гастролерами какъ Лебедевъ, Чхеидзе и др., дабы убѣдить запасные полки отправиться на фронтъ; нѣкоторые города заплатили огромныя деньги товарищамъ, за то, что тѣ согласились сѣсть въ вагоны и уѣхать.

Неужели Керенскій не понималъ, что онъ дѣлалъ, выбрасывая эти разнузданныя банды на фронтъ, гдѣ онѣ сдѣлались грозой для мирнаго населенія и гибелью для послѣднихъ остатковъ надежды возстановить на Руси законъ, порядокъ и государственность.

Все звѣриное, такъ роскошно взращенное русской жизнью и ничѣмъ не сдерживаемое, вылѣзло наружу и рветъ на куски все чужое и все жирное и вкусное. Вѣдь уже и теперь кое-гдѣ превзойдены ужасы Журдана и Авиньонской бани; что же будетъ дальше, когда эти начинающіе гастролеры сдѣлаются настоящими мастерами въ дѣлѣ истребленія людей.

Невѣролтно тяжело и трагично сейчасъ положеніе начальниковъ и офицеровъ-мучениковъ, расплачивающихся за чужіе грѣхи и находящихся à la merci любой кучки хулигановъ; жизнь и честь этихъ страстотерпцевъ отданы на потокъ толпѣ.

Во всѣхъ частяхъ великое ликованіе по поводу сверженія Керенскаго (какъ недолговѣчна слава всѣхъ революціонныхъ кумировъ!) и перехода власти къ совѣтамъ. Но несмотря на всю большевистскую обработку, большинство солдатъ противъ того, чтобы власть была большевистская, а стоитъ только за то, чтобы власть была отдана Центральному исполнительному Комитету Совѣта С. и Р. Депутатовъ.

Появленіе во главѣ новаго правительства товарища Ленина ошарашило большинство инертныхъ солдатъ; эта фигура настолько одіозна своимъ германскимъ штемпелемъ, что даже большевистская агитація оказалась безсильной заставить съ ней помириться. Въ нашемъ корпусномъ комитетѣ лидеръ нашихъ большевиковъ ветеринарный фельдшеръ взволнованно заявилъ начальнику штаба: «да неужели-же Ленинъ? да развѣ это возможно? да что же тогда будетъ?» Истинное чувство пробилось въ этихъ словахъ черезъ корку разныхъ насвистанныхъ съ чужого голоса пустобреховъ.

Это назначеніе такъ повліяло на корпусный комитетъ, что онъ большинствомъ 12 противъ 9 уклонился отъ того, чтобы обсуждать резолюцію, сочувственную Петроградскимъ Совѣтамъ.

27 Октября. Идетъ полная каша и самый пестрый дивертисментъ изъ самыхъ разноцвѣтныхъ распоряженій; проволочный телеграфъ работаетъ безпартійно, передавая распоряженія обоихъ правительствъ и ихъ органовъ; зато радіо въ рукахъ большевиковъ. Ночью получили телеграммы изъ Ставки, отъ юго-западнаго фронта и изъ 2 арміи, что большевики преступные авантюристы и что ихъ нельзя допускать къ власти. Всѣ взываютъ, негодуютъ, но силы нѣтъ ни у кого, а большевики пока что дѣйствуютъ; они разъяснили солдатамъ, что вышеуказанныя телеграммы это личные взгляды комиссаровъ прежняго правительства и, конечно, мнѣній и взглядовъ солдатъ не выражаютъ.

Получили изъ Ставки воззваніе правой части Цика Совѣта С. и Р. Депутатовъ и отъ исполнительныхъ комитетовъ партіи эсеровъ, меньшевиковъ, народныхъ соціалистовъ и военной секціи. Всѣ эти голубчики прозѣвали власть, а теперь пытаются спасать положеніе резолюціями и воззваніями; да развѣ эти средства дѣйственны нынѣ для воздѣйствія на тѣ темныя и разнузданныя массы, которыя называются русской арміей.

День прошелъ въ общемъ спокойно; настроеніе въ частяхъ выжидательное, всѣ ждутъ, какъ разовьются въ дальнѣйшемъ событія. Въ эти дни ясно видно, что, если бы не дряблость и никчемность правительства душки Керенскаго со всѣми его зигзагами, то, несмотря на всѣ исключительныя условія обстановки, можно было бы не допустить большевиковъ сдѣлаться повелителями арміи. Какъ ни заманчивы и хлестки большевистскіе лозунги, все же нужно было много ошибокъ и непоправимыхъ глупостей для того, чтобы такъ ухудшить положеніе и заставить забыть все то негодованіе и искреннее презрѣніе, которое еще лѣтомъ окружало имена пассажировъ запломбированныхъ вагоновъ, присланныхъ разлагать и добивать Россію.

Какая разительная перемѣна произошла въ настроеніи арміи за послѣдніе три мѣсяца; съ какимъ энтузіазмомъ отозвалась 5 армія на призывъ противъ большевиковъ въ началѣ іюля, а сейчасъ она оплотъ большевизма. У Керенскаго и Ко. не хватило мозговъ сообразить, какое огромное значеніе имѣетъ 5 армія по отношенію къ Петрограду и всему тамъ происходящему; у нихъ были когда то и время, и способы незамѣтно очистить 5 и 12 арміи отъ ненадежныхъ частей и подобрать сюда такой составъ, который обезпечилъ бы имъ непоколебимую и неперекаемую власть надъ Петроградомъ и надъ страной. Владѣя настоящей властью можно было спокойно осуществить всѣ дальнѣйшія реформы. Но для всего этого надо было быть людьми дѣла и сильнаго характера, большой дѣйственности, а не рабами фразы и жрецами митинговыхъ успѣховъ; надо было думать широко о будущемъ и трезво подсчитывать всѣ pro и contra, а не изнемогать и задыхаться въ атмосферѣ политической борьбы, интригъ, компромиссовъ, торговли разными уступками и вѣчнаго болтыханья между необходимостью примѣненія власти и боязнью потерять свой демократическій авторитетъ и затронуть «пріобрѣтенія революціи». Съ такимъ здравомыслящимъ армейскимъ комитетомъ, какимъ былъ нашъ перваго состава, можно было сдѣлать очень и очень много.

Въ 70-й дивизіи очень неспокойно. Поручикъ Шлезингеръ и унтеръ-офицеръ Хованскій, много поработавшіе надъ разваломъ 277 полка, съ воцареніемъ большевиковъ потеряли сразу весь свой авторитетъ и престижъ и ночью были принуждены бѣжать изъ расположенія полка, спасая свою жизнь отъ неминуемой расправы; такова судьба всѣхъ подобныхъ демагоговъ, случайно выскакивающихъ во временные повелители толпы на подыгрываніи ея животнымъ интересамъ; недавній кумиръ полка Хованскій былъ спасенъ членами большевистскаго комитета въ то время, когда его, совершенно избитаго, тащили, чтобы утопить въ сосѣднемъ озерѣ.

Старый солдатъ Комяковъ, членъ нашего корпуснаго комитета, очень образно обрисовалъ наше положеніе слѣдующими словами: «совсѣмъ плохо Ваше Превосходительство; какіе не плохонькіе были на насъ обручики, но все же держались; а теперь всѣ посбили, такъ что и клепка разсыпалась и вода разбѣжалась; боюсь, что теперь и не собрать . . .»

На вчерашнемъ митингѣ 277 полка было сдѣлано предложеніе убить и меня; это желаніе новыхъ вожаковъ полка, которые очень боятся моего вліянія на оставшихся въ полку старыхъ солдатъ; но предложеніе не прошло, такъ какъ старики такъ окрысились, что авторы предложенія поспѣшили перейти на другія темы; главнымъ козыремъ моихъ защитниковъ была моя заботливость о солдатахъ и тѣ знаменитыя валенки и сухія шинели, которыя я подвезъ полку во время мартовскихъ боевъ 1916 года и избавилъ солдатъ отъ обмораживанія; этотъ фактъ уже нѣсколько разъ сокрушалъ всѣ попытки активнаго противъ меня выступленія.

Кто-то въ тылу призналъ нашу армію ненадежной (по отношенію къ кому, неизвѣстно), и благодаря этому остановлены всѣ идущіе къ намъ поѣзда съ довольствіемъ; это совсѣмъ скверно, ибо запасовъ у меня дней на десять, а у сосѣдей только на 4—5 дней; на этой почвѣ можетъ случиться много непріятнаго, такъ какъ при настоящемъ положеніи настроеніе массъ зависитъ очень много отъ того, даютъ ли $1^1/_2$ или 2 ф. хлѣба и въ какомъ размѣрѣ даютъ сахаръ (послѣдній очень высоко котируется въ азартной игрѣ, скупается спекулянтами и вывозится на продажу въ голодающій по части сахара тылъ).

Изъ пришедшихъ сегодня газетъ узнали, что нѣкоторыя арміи не послали своихъ представителей на съѣздъ всѣхъ совѣтовъ; всѣ войсковыя резолюціи послѣднихъ дней высказываются за передачу власти совѣтамъ, но считаютъ, что власть должна принадлежать всѣмъ совѣтамъ, а не однимъ только большевикамъ.

Штабъ арміи и штабъ фронта молчатъ какъ зарѣзанные. Только вечеромъ передали безъ комментарій и даже безъ передаточной подписи телеграмму изъ Гатчины отъ Керенскаго на имя всѣхъ частей Петроградскаго гарнизона о прибытіи его въ Гатчину съ вѣрными правительству войсками и о предложеніи немедленно отстраниться отъ кучки измѣнниковъ, захватившихъ въ свои руки власть. Этимъ языкомъ надо было говорить три мѣсяца тому назадъ, когда престижъ Керенскаго былъ такъ свѣжъ и силенъ; сейчасъ же имя его ненавистно для всѣхъ, и правыхъ, и лѣвыхъ, и партійныхъ, и безпартійныхъ. Мы безсильны чѣмъ либо ему помочь, ибо распоряженіемъ армискома частямъ войскъ запрещено исполнять приказы начальниковъ, если бы таковые попытались снимать съ фронта или изъ резервовъ какія либо части и отправлять ихъ по направленію къ Петрограду; зато въ наиболѣе обольшевиченныхъ частяхъ идутъ какія-то таинственныя приготовленія по сбору наиболѣе приверженныхъ большевизму командъ и вытягиванію ихъ въ тылъ; очевидно, готовится какая-то экспедиція въ тылъ войскамъ Керенскаго. Какъ бы все было иначе, еслибы наша армія не была отдана на съѣденіе большевикамъ и ихъ пропагандѣ. Вѣдь, если бы сейчасъ можно было бы расправиться съ Петроградскимъ осинымъ гнѣздомъ и разъ навсегда его отдезинфецировать, то это могло бы быть поворотной точкой для всего положенія Россіи. Для того, чтобы расправиться съ бандами петроградскаго гарнизона большихъ силъ было не надо; это шкурное стадо очень трусливо и, если бы оно увидѣло настоящую власть, то быстро бы стало лизать у ися руки такъ же усердно, какъ до сихъ поръ распинало.

По эсеровскому бюллетеню, выпущенному въ Двинскѣ, войска въ Петроградѣ перепились, идетъ грабежъ и рѣзня; по Владивостокскимъ воспоминаніямъ 1905 года хорошо представляю себѣ картину того, что происходитъ сейчасъ въ быломъ Петербургѣ.

Несомнѣнно, что тамъ идетъ еще какая-то борьба; совершенно неизвѣстно, какими силами располагаетъ Керенскій; скверно то, что борьба затянулась; такіе нарывы надо кончать сразу, ибо всякая затяжка не въ пользу власти, особенно теперь.

Ходятъ слухи, что Донъ поднялся противъ большевиковъ и во главѣ Донцовъ сталъ Калединъ; дай Богъ, чтобы это не оказалось уткой.

Нашъ новый армискомъ, уже торжествовавшій большевистскую побѣду, потерявъ связь съ Петроградомъ, какъ то растерялся, лебезитъ передъ эсерами и предлагаетъ имъ коалицію. Правительственные комиссары повылѣзли изъ щелей, подбодрились, пытаются организовать остальныя соціалистическія партіи, однимъ словомъ, начинаютъ кормить собакъ, когда давно пора ѣхать на охоту.

Рѣшеніе положенія теперь подъ Петроградомъ, — если Керенскому удастся разгромить тамошній большевистскій центръ, то и у насъ можетъ наступить просвѣтъ; но у меня нѣтъ надежды на успѣхъ Керенскаго: по его телеграммамъ видно, что онъ началъ вилять, взывать къ благоразумію и т. п.; такими жалкими средствами бунтовъ не заливаютъ.

28 Октября. Положеніе продолжаетъ оставаться неяснымъ, борьба за власть и за Петроградъ продолжается; извѣстно только, что Керенскій занялъ Гатчину, причемъ защищавшіе ее измайловцы и матросы сдались. Въ Лугѣ собрался какой то Комитетъ Спасенія, который объявилъ, что принимаетъ на себя всю власть надъ государствомъ впредь до созыва Учредительнаго Собранія.

Въ Петроградѣ же свое Правительство съ Лениномъ во главѣ и съ какими-то большевистскими эѳіопами на роляхъ министровъ. Изъ Петрограда пришли всѣ газеты за исключеніемъ буржуазныхъ; изъ нихъ видно, что Петроградъ въ рукахъ большевиковъ, причемъ положеніе очевидно такъ скверно, что даже «Новая Жизнь», этотъ подлѣйшій и вредоноснѣйшій подголосокъ большевиковъ, вдругъ поправѣла и кричитъ «караулъ» отъ того режима, который завернули ея друзья.

Послѣ полдня наши радіостанціи перехватили радіо военнореволюціоннаго комитета Петроградскаго гарнизона, который проситъ помощи и нападенія съ тыла на Керенскаго, занимающаго Гатчину; тонъ радіо очень неувѣренный, но полученіе ея имѣло здѣсь очень серьезныя послѣдствія; большевики подбодрились и армискомъ принялъ сразу твердый тонъ.

Вечеромъ получили первую за четыре дня телеграмму изъ Пскова отъ Главнокомандующаго Черемисова, что политика арміи не касается.

Новое правительство товарища Ленина разразилось декретомъ о немедленномъ мирѣ; въ другой обстановкѣ надъ этимъ можно было бы только смѣяться, но сейчасъ это геніальный ходъ для привлеченія солдатскихъ массъ на свою сторону; я видѣлъ это по настроенію въ нѣсколькихъ полкахъ, которые сегодня объѣхалъ; телеграмма Ленина о немедленномъ перемиріи на 3 мѣсяца, а затѣмъ мирѣ, произвела всюду колоссальное впечатлѣніе и вызвала бурную радость. Теперь у насъ выбиты послѣдніе шансы на спасеніе фронта. Если бы Керенскій лучше зналъ русскій народъ, то онъ обязанъ былъ пойти на что угодно, но только во время вырвать изъ рукъ большевиковъ этотъ рѣшительный козырь въ смертельной борьбѣ за Россію; тутъ было позволительно, сговорившись предварительно съ союзниками, начать тянуть какую нибудь туманную и вихлястую канитель мирнаго свойства, а за это время провести самыя рѣшительныя реформы и прежде всего съ довѣріемъ опереться на командный составъ арміи.

Теперь, когда большевики швырнули въ солдатскія массы эту давно желанную для нихъ подачку, то у насъ нѣтъ уже никакихъ средствъ для борьбы съ тѣми, кто далъ ее массамъ. Что мы можемъ противопоставить громовому эфекту этого объявленія? Напоминанія о долгѣ передъ родиной, о необходимости продолжать войну и выполнить свои обязательства передъ союзниками . . . Да развѣ эти понятія дѣйственны хоть сколько-нибудь для современнаго состава нашей арміи; нужно быть безнадежно глухимъ и слѣпымъ, чтобы въ это вѣрить. Сейчасъ это не только пустыя, но и ненавистныя для массъ слова.

Въ газетахъ сообщаютъ, что союзные послы уложились и заявили, что, если у власти останется это босяцкое правительство, то они покидаютъ Петроградъ. Поздновато го-

спода дипломаты разобрались въ томъ, что дѣлается въ Россіи, и весь отвѣтъ за то, что теперь будетъ, долженъ пасть на ихъ очень неумныя, слѣпыя и легкомысленныя головы; ихъ близорукости и безпечности обязаны будутъ страны, довѣрившія имъ блюсти свои интересы, за все то, что принесетъ Россіи и міру воцареніе у насъ большевизма made in Germany; эти господа, окруженные сотнями разныхъ представителей, обязаны были знать Россію, знать состояніе арміи и страны, и заранѣе принять мѣры, чтобы не приходилось такъ спѣшно укладывать свои чемоданы.

Керенскій, повидимому, выдохся. Вся надежда теперь на то, что образовавшійся центральный исполнительный комитетъ сумѣетъ взять всю власть въ свои руки и уничтожить и большевиковъ, и Керенскаго; только это и сможетъ предотвратить начало той всеобщей и кровавой свалки, въ которой неминуемо погибнетъ россійская государственность.

Что такое верхи большевизма, говоритъ ясно ихъ наемное нѣмецкое происхожденіе; ну, а что ихъ подслаиваетъ, мы хорошо знаемъ по такимъ типамъ, какъ Склянскій, Сѣдякинъ, какъ руководитель 120 дивизіи Федотовъ, главарь бѣлевскаго полка Петровъ и другіе.

Послѣ обѣда посыпались разныя телеграммы отъ всевозможныхъ союзовъ, которые довольно рѣшительно отмежевываются отъ большевиковъ; какъ бы было хорошо, если бы все это говорилось раньше, а, главное, подтверждалось бы соотвѣтствующими дѣйствіями, а не было бы сотрясеніемъ воздуха. Желѣзнодорожники и почтово-телеграфные чиновники заявили, что, если большевики не остановятъ начатое ими возстаніе, то будетъ прекращена всякая связь съ Петроградомъ. А большевики на все это плюютъ и отвѣчаютъ декретомъ о мирѣ, который дѣйственнѣе всѣхъ заявленій.

Большевики самымъ энергичнымъ образомъ использываютъ бѣгство Корнилова и выступленіе Каледина, расписывая товарищамъ, какія страшныя опасности таитъ для нихъ вся эта комбинація, грозящая все вернуть въ старое русло и вновь начать кровавую войну; по сообщеніямъ командировъ частей всѣ разговоры солдатъ вертятся около мира и около выступленія Каледина и Корнилова.

Армискомъ засѣдаетъ весь день и кряхтитъ надъ исполненіемъ приказа Петрограда выслать ему на помощь надежныя въ большевистскомъ смыслѣ части 5 арміи; неопредѣленность положенія сдерживаетъ даже большевистскій президіумъ армискома, и вопросъ трактуется только съ точки зрѣнія посылки къ Петрограду нейтральнаго отряда, который только прекратилъ бы происходящую тамъ борьбу.

Предложенія на эту командировку сыпятся со всего фронта; одна изъ самыхъ паршивыхъ и трусливыхъ дивизій, 183-я, заявила о своемъ желаніи въ полномъ составѣ идти въ Петроградъ.

Вечеромъ вернулись посланные мной въ Петроградъ развѣдчики и заявили, что особыхъ безпорядковъ тамъ нѣтъ, и что вся борьба между Керенскимъ и большевиками идетъ въ районѣ Гатчины.

29 Октября. Армискомъ довольно хитро выскочилъ изъ двусмысленнаго положенія, рѣшивъ войскъ на помощь петроградскимъ большевикамъ не посылать, ибо «послать много не позволяетъ безопасность фронта, а посылать мало не стоитъ». Все это показываетъ, что вожаки нашихъ большевиковъ очень трусливы и боятся выявить свое настоящее нутро. Телеграфъ и радіо продолжаютъ засыпать насъ самыми разнорѣчивыми свѣдѣніями, и сообразно ихъ характеру мѣняется настроеніе писарей и телефонистовъ; если ночью, подавая мнѣ срочную телеграмму, дежурный писарь тянется и называетъ меня Ваше Превосходительство, то я уже знаю, что въ телеграммѣ сообщается объ успѣхахъ Керенскаго; если же дежурный развязно кличетъ меня господинъ генералъ, то, значитъ, произошло что-то пріятное для большевиковъ.

Колебательное настроеніе частей сдѣлалось рѣзко большевистскимъ только вчера послѣ обѣда; до этого положеніе было пестрое и большевизмъ вспыхивалъ какъ бы пароксизмами.

Доходящія до насъ обрывочныя свѣдѣнія подтверждаютъ только, что Верховный главноуговаривающій по обыкновенію мямлитъ и фиглярничаетъ.

Напряженно хочется, чтобы на нашемъ горизонтѣ появилась какая-нибудь гигантская рука, которая забрала бы всѣхъ этихъ Керенскихъ, Родзянокъ, Скобелевыхъ, Лениныхъ, Троцкихъ, Черновыхъ, Гоц-либер-дановъ и всякихъ иныхъ вѣнчанныхъ и развѣнчанныхъ авторитетовъ и краснобайныхъ пустобреховъ и вышвырнула бы ихъ изъ обихода русской дѣйствительности; по ихъ дѣловой пустопорожности они абсолютно никому не нужны, а по всей своей кислотной дрянности они вызываютъ острыя воспаленія всюду, гдѣ только внѣдряются и поэтому чрезвычайно вредны для русскаго здоровья.

Послѣ обѣда получено радіо, что Петроградъ уже окружается войсками Керенскаго и что ими заняты окрестности Царскаго села; далѣе пришла телеграмма отъ образовавшагося въ Псковѣ Комитета Спасенія Родины и Революціи (довольно сложное и сумбурное названіе), составившагося изъ союза организацій сѣверозападной области, Совѣта С. и Р. Депутатовъ города Пскова и армейскаго комитета 12 арміи.

Повсюду комитеты, отовсюду телеграммы и воззванія и ни откуда извѣстій о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ, о направленіи силъ и т. п.

30 Октября. Образовавшійся въ Двинскѣ большевистскій военнореволюціонный комитетъ рѣшилъ отправить на помощь своимъ петроградскимъ товарищамъ шестнадцать тысячъ войскъ.

Послѣ принятія этого рѣшенія изъ комитета вышли вошедшіе туда сначала эсеры и меньшевики — довольно безполезный жестъ умыванія рукъ при невозможности предотвратить происходящее.

Послѣ обѣда получили первую за пять дней телеграмму выскочившаго откуда-то на свѣтъ Божій правительственнаго комиссара 5 арміи (прежняго правительства), что Петроградъ взятъ войсками Керенскаго.

Въ корпусѣ настроеніе самое гнусное и развальное; то же и у сосѣдей въ 27 и 45 корпусахъ. На засѣданіи нашего корпуснаго комитета представители всѣхъ частей заявили прямо, что солдаты хотятъ только немедленнаго мира и ухода домой, хотя бы цѣной покоренія сразу тремъ Вильгельмамъ (заявленіе представителей 120 дивизіи); представители войсковыхъ комитетовъ заявили, что ихъ положеніе стало отчаяннымъ, на нихъ плюютъ, ихъ ругаютъ и грозятъ расправиться самосудомъ.

Разболѣлся до того, что нужны огромныя усилія, чтобы заставить себя встать; два раза свалился въ полубезсознательномъ состояніи; головной рубецъ болитъ нестерпимо, временами рычу отъ боли. Нѣсколько взвинчиваюсь при ежедневномъ объѣздѣ частей, но зато потомъ наступаетъ ужасная по своему настроенію реакція. При возвращеніи изъ 120 дивизіи подвергся обстрѣлу изъ лѣса изъ двухъ винтовокъ — очевидно, стараются присланные въ Боровку для моего истребленія товарищи.

31 Октября. Осмѣлѣвшій правительственный комиссаръ обрадовалъ насъ сообщеніемъ, что уже весь Петроградъ занятъ правительственными войсками, а бунтовщики укрылись въ Петропавловской крѣпости и въ Смольномъ; Ленину удалось, однако, бѣжать. Корпусный комиссаръ увѣряетъ, что все это неправда и что по ихъ свѣдѣніямъ наоборотъ — Керенскій потерпѣлъ неудачу.

Нашъ военно-революціонный комитетъ не смогъ исполнить своего намѣренія послать войска на помощь петроградскимъ товарищамъ, такъ какъ мѣстные желѣзнодорожники, находящіеся подъ вліяніемъ эсеровъ, заявили, что на Петроградъ они никого не повезутъ, ни для помощи большевикамъ, ни противъ нихъ.

Въ полдень нашимъ телефонистамъ передали изъ Двинска, что утреннія сообщенія о взятіи Керенскимъ Петрограда оказались ложными.

Старшіе штабы и комиссары какъ-будто бы куда-то провалились; бурно бившіе фонтаны приказовъ и нелѣпыхъ распоряженій какъ-то сразу изсякли; офицеры штаба и штабныя машинки отдыхаютъ, ибо вся работа ограничивается срочными донесеніями, очень краткими, такъ какъ на фронтѣ мертвое затишье; о политическихъ же скандалахъ доносятъ комиссары и комитеты.

Вообще, по части старшаго управленія и оріентировки сверху сейчасъ налицо такая же потеря связи и такая же неразбериха, какія бывали во времена катастрофическихъ отступленій въ 1914 и 1915 годахъ.

Я нѣсколько разъ телеграфировалъ командующему арміей и армейскому комиссару просьбу установить выпускъ срочныхъ бюллетеней съ правильной и правдивой оріентировкой, о чемъ умоляютъ командиры частей и просятъ войсковые комитеты, но не удостоился даже отвѣта; всѣ растерялись, не знаютъ, что будетъ и что дѣлать, и поэтому имъ не до низовъ.

Какъ на грѣхъ, всѣ радіо въ большевистскихъ рукахъ, работаютъ всѣ 24 часа и перехватываютъ всѣ радіограммы: правительственныя, большевистскія, нѣмецкія, сосѣднія армейскія и безъ всякой системы и повѣрки, не указывая иногда и источниковъ полученія, разбрасываютъ ихъ по всѣмъ частямъ, вызывая этимъ невѣроятный сумбуръ въ и безъ того распухнувшихъ и взбудораженныхъ солдатскихъ головахъ.

Послѣ обѣда пришло радіо какого-то полковника Муравьева, именующаго себя Главнокомандующимъ, съ объявленіемъ, что «войска Керенскаго и Корнилова на голову разбиты подъ Царскимъ Селомъ, а потому всѣ призываются на помощь новому Главнокомандующему для истребленія остатковъ авантюры Керенскаго».

Къ вечеру во всѣ части стали передавать какія-то распоряженія армискома съ приказаніемъ держать ихъ въ секретѣ отъ строевого начальства. Днемъ исчезла куда-то команда развѣдчиковъ 278 полка при двухъ пулеметахъ; изъ полка по секрету сообщили, что она уѣхала куда-то на присланныхъ изъ армискома автомобиляхъ.

Въ 120 дивизіи идетъ формированіе какого-то отряда для отправки на помощь Петрограду. Если Керенскій не разбитъ (въ телеграмму какого-то мифическаго Муравьева, разбивающаго Корнилова, котораго не можетъ быть подъ Петроградомъ, мы всѣ не особенно вѣримъ), то отрядъ 120 дивизіи ему не опасенъ, онъ гораздо страшнѣе для жителей тѣхъ районовъ, по которымъ будетъ проходить.

Части войскъ разваливаются съ возрастающей быстротой; надежда на скорый миръ съѣла послѣдній удержъ. 17-я дивизія 19 корпуса заявила, что стоитъ на позиціи только два дня, а затѣмъ уходитъ въ тылъ; кавалерія тоже трещитъ по всѣмъ швамъ. Большіе комиссары куда-то исчезли; многоглаголивый въ прежнее время командармъ безмолвствуетъ, да и что ему теперь говорить!

Комитетъ Ставки сообщаетъ, что извѣстіе о бѣгствѣ Корнилова не вѣрно, и что всѣ Быховскіе заключенные находятся на своихъ мѣстахъ; очевидно, что слухъ о бѣгствѣ Корнилова былъ пущенъ большевиками нарочно, чтобы поглубже дискредитировать революціонный престижъ Керенскаго и напугать товарищей появленіемъ грознаго для нихъ призрака Корнилова и всѣхъ связанныхъ съ его именемъ скорпіоновъ.

1 Ноября. Получили первую офиціальную сводку Петроградскихъ событій 28 и 29 октября. Съ ужасомъ и негодованіемъ прочелъ подтвержденіе ранѣе циркулировавшихъ слуховъ о разграбленіи Зимняго Дворца. Проклятый адвокатишка и его жалкіе министришки, когда стало жутко, залѣзли подъ прикрытіе того трона, который такъ усердно помогали валить. Вѣдь если бы Керенскій не зазнался до того, чтобы залѣзть въ апартаменты Зимняго Дворца, то Дворецъ, конечно, остался бы нетронутымъ. Но, что было вчера и позавчера, до сихъ поръ неизвѣстно. Наши большевики или, какъ я ихъ называю, нѣмцевики хвастаются, что дни 30-го и 31-го были для нихъ очень благопріятны, и они уже покончили съ Керенскимъ.

Весьма непріятно извѣстіе, полученное отъ 12 арміи, о томъ, что латышскія части ушли по направленію къ Петрограду; эти части совсѣмъ обольшевичены, и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо организованы и снабжены, внутри по своему дисциплинированы, не стѣсняются съ нашими товарищами и могутъ дать Петроградскимъ большевикамъ серьезную помощь; вѣдь Россія для нихъ врагъ и въ ея горѣ они видятъ свое спасеніе.

Въ 70-й дивизіи цѣлый рядъ происшествій, какъ будто бы она пытается догнать остальныя части по числу произведенныхъ безобразій; 279 полкъ, попавшій въ послѣднее время въ руки группы молодыхъ хулигановъ-большевиковъ, отказался занимать боевой участокъ; 277 полкъ совершенно взбунтовался и заявилъ, что будетъ стоять только въ Двинскѣ и, если понадобится, то силой займетъ необходимыя для него помѣщенія; батальонъ 278 полка получилъ какое-то секретное распоряженіе военно-революціоннаго штаба и самовольно ушелъ въ Рѣжицу.

Пришелъ къ заключенію, что пора кончать комедію изображенія изъ себя начальника и корпуснаго командира; позорно считаться начальникомъ, а въ дѣйствительности быть поваленнымъ огороднымъ чучеломъ, котораго никто не боится, а скоро всѣ начнутъ пинать. Если ближайшіе дни не дадутъ какихъ либо положительныхъ результатовъ по части улучшенія, то я сложу съ себя обязанности, выполнять которыя я не въ состояніи. Пока еще теплится кое-какая надежда, буду нести эту муку, но если надежда погаснетъ, сейчасъ же уйду.

Приходили депутаты отъ батальона смерти 120-й дивизіи; ихъ никто не хочетъ смѣнить на занимаемомъ ими уже больше мѣсяца боевомъ участкѣ, они выбились изъ силъ; больные не уходятъ въ госпитали, а остаются на участкѣ, чтобы помогать здоровымъ нести дневную службу и давать имъ отдыхъ для болѣе напряженной ночной службы. Участка они ни за что не бросятъ и готовы на немъ умереть, но просятъ помощи у меня, какъ у старшаго представителя командной власти. Рѣдко приходилось чувствовать себя такъ гнусно, какъ чувствовалъ себя я, слушая это заявленіе представителей послѣднихъ остатковъ умирающей русской арміи, пришедшихъ ко мнѣ за помощью. Я, тотъ, къ которому они пришли, долженъ былъ нанести послѣдній ударъ остаткамъ ихъ вѣры, и заявить, что я уже не начальникъ, а безсильное чучело, и все что я могу для нихъ сдѣлать, это еще разъ начать распластываться передъ товарищами и пытаться ихъ уговорить.

Братанье съ нѣмцами идетъ во всю; на фронтѣ 19 корпуса исчезли всякіе признаки войны и началась оживленная мѣновая торговля; дивизіонный комиссаръ 120 дивизіи разсказалъ, что сегодня утромъ по всему фронту дивизіи разбросаны нѣмцами письма-прокламаціи, въ которыхъ уговариваютъ нашихъ товарищей отказаться отъ всякой смѣны и потребовать, чтобы въ окопы была поставлена 15 кавалерійская дивизія. Нѣмцы очевидно очень хорошо освѣдомлены и въ нашихъ настроеніяхъ и въ нашей дислокаціи; требованіе касающееся 15 кав. дивизіи очень ярко подтверждаетъ тѣсную связь нѣмецкаго командованія и нашихъ большевиковъ, такъ какъ послѣднимъ надо посадкой въ окопы сдѣлать для себя безопасной послѣднюю еще сохранившую порядокъ воинскую часть.

Вообще смѣна частей на боевыхъ участкахъ стала какимъ-то кошмаромъ для насъ, строевыхъ начальниковъ, продолжающихъ отвѣчать передъ своей совѣстью за безопасность фронта. Смѣняться и идти въ резервъ хотятъ всѣ, а идти на боевые участки — никто не хочетъ и нахально объ этомъ заявляетъ.

Пускаются въ ходъ разные комиссары и особые уговариватели; получается что-то невѣроятно нелѣпое и, казалось, абсолютно невозможное въ обиходѣ того, что по какому-то недоразумѣнію продолжаетъ называться арміей.

За весь день не получили ни одной телеграммы и ни одного радіо; очевидно, что въ Петроградѣ и въ тылу идетъ такая завируха, что всѣмъ не до посылки телеграммъ.

Судя по послѣднимъ газетамъ, демократическія организаціи, какъ собравшіяся въ Псковѣ, такъ и оставшіяся въ Петроградѣ, вступили съ большевиками въ какіе-то компромиссные переговоры. Это очень плохо, такъ какъ показываетъ, что силой съ большевиками не справились; а разъ это такъ, то все поведеніе большевиковъ показываетъ, что, чувствуя свою силу, они ни на какіе компромиссы не пойдутъ.

Въ Москвѣ идетъ кровопролитная рѣзня; особенно пострадало Алексѣевское военное училище и кадетскіе корпуса; злодѣи не пощадили несчастныхъ офицерскихъ дѣтей, у одной половины которыхъ отцы уже легли за родину, а у другой — отцы и братья несутъ смертныя муки, изображая начальство и офицеровъ въ прогнившей и засмердѣвшей ордѣ, носившей въ былыя времена доблестное имя русской арміи.

Когда подбираешь всѣ послѣднія свѣдѣнія, то грезится, что на насъ надвигается настоящая черная Пугачевщина, усугубленная всѣмъ ядомъ хулиганщины 20 вѣка, а когда къ ней присоединится неизбѣжный при общемъ развалѣ голодъ, то на Руси получится ужасъ, котораго, вѣроятно, еще не вѣдала старушка-земля, ибо все ранѣе бывшее не было сдобрено такъ обильно усовершенствованными ядами и вытяжками современной цивилизаціи, придающими особую гнусность и свирѣпость всякому насилію, нынѣ чинимому.

Дикари, грубые язычники, гунны и средневѣковые ландскнехты, сподвижники Пугачева и Стеньки Разина, кровожадные садисты разныхъ временъ должны найти себѣ достойныхъ и далеко превосходящихъ ихъ послѣдователей въ лицѣ тѣхъ хулиганскихъ ордъ, что нависли надъ Россіей.

Въ Двинскѣ назрѣваетъ острый конфликтъ между большевистскимъ армискомомъ и командующимъ арміей. Армискомъ со вчерашняго дня рѣзко поднялъ свой тонъ и занялъ положеніе хозяина. Болдыревъ заявилъ рядъ протестовъ противъ распоряженій армискома, начавшаго отдавать приказы частямъ непосредственно и направившаго нѣкоторыя войсковыя части къ сторонѣ Петрограда.

Не понимаю, для чего эти протесты; это что-то въ родѣ особаго мнѣнія подсудимаго на вынесенный ему смертный приговоръ. Я считаю, что всѣ мы должны заявить требованіе, чтобы насъ убрали, а распоряженіе войсками въ ихъ современномъ состояніи отдали тѣмъ, кто считаетъ себя достаточно сильнымъ и компетентнымъ, чтобы быть начальниками этихъ распущенныхъ ордъ.

Вечеромъ начальникъ 70-й донесъ, что 277 полкъ окончательно рѣшилъ завтра двинуться на Двинскъ и силой оружія добыть себѣ тамъ квартиры; на всѣ уговоры и приказы армискома и большевистскаго армейскаго комиссара товарища Собакина рѣшено наплевать.

Сообщилъ это гнусное извѣстіе начальнику штаба арміи съ унизительной добавкой, что въ моемъ распоряженіи нѣтъ никакихъ средствъ и способовъ воспрепятствовать этому гнусному рѣшенію, въ концѣ добавилъ, что еще разъ считаю себя обязаннымъ заявить, что при такой обстановкѣ наше пребываніе на занимаемыхъ должностяхъ является позорной и унизительной комедіей.

2 Ноября. Ночью и утромъ никакихъ извѣстій; проскочило только радіо петроградскаго Главкома Муравьева, что онъ занялъ Гатчину и что казаки Керенскаго отступаютъ и мародерничаютъ.

Въ $10^1/_2$ часовъ утра получилъ донесеніе, что 277 полкъ въ боевомъ порядкѣ двинулся въ сторону Двинска и что ему на встрѣчу выѣхалъ для уговоровъ армейскій комиссаръ.

Въ 12 часовъ дня получена телеграмма, что Керенскій окончательно разбитъ и бѣжалъ, а его казаки перешли на сторону Совѣтовъ (подъ этимъ псевдонимомъ преподносится пока власть большевиковъ).

Въ Штармѣ думаютъ, что эта телеграмма провокаціонная и сфабрикована большевиками, но я иного мнѣнія; Керенскій долженъ былъ побѣдить немедленно же въ первые дни возстанія, ибо всякая задержка была не въ его пользу; очевидно, онъ сорвался, прибавивъ лишній номеръ къ числу быстролетныхъ падучихъ звѣздъ революціонныхъ временъ.

Прежнимъ губернаторамъ слѣдовало бы прочитывать ежедневно по одной главѣ изъ «исторіи одного города», а нашимъ революціоннымъ заправиламъ слѣдовало бы почаще вспоминать судьбу Дантона и Робеспьера.

Сейчасъ даже для большевиковъ предстоитъ рѣшить вопросъ, какъ они будутъ управляться съ тѣмъ чудовищемъ, которое представляетъ армія. Вѣдь очевидно, что продолжать войну мы все равно не можемъ; чѣмъ дольше мы будемъ держать эти милліоны въ атмосферѣ митинговъ, ничегонедѣланія, дерзости и пропитыванія сознаніемъ собственной силы и безсилія власти, тѣмъ безнадежнѣе и грознѣе будетъ будущее. И не дай Богъ, если подъ напоромъ внутренняго разложенія лопнутъ послѣдніе обручи и эти орды шарахнутся стихійно по домамъ. Горе тогда прифронтовой полосѣ и желѣзнымъ дорогамъ, ибо имъ на себѣ придется испытать, на что способны товарищи, набившіе руки въ Тарнополѣ, Калущѣ и другихъ районахъ стихійнаго бѣгства-погрома.

Хоть бы теперь начали отпускать домой наиболѣе шкурные и тянущіе домой контингенты. Довольствіе войскъ становится все труднѣе; желѣзнодорожное движеніе идетъ черезъ пень въ колоду; возможность реквизицій и принудительныхъ поставокъ отошла въ область Царскаго прошлаго; сейчасъ бываютъ дни, когда хлѣба и муки, да и то по уменьшеннымъ дачамъ, остается на 2—3 дня и приходится прибѣгать къ самымъ экстраординарнымъ мѣрамъ, до покупки зерна у населенія по самымъ невѣроятнымъ

цѣнамъ; нельзя допустить, чтобы шкурные и политическіе безпорядки обратились въ голодные бунты.

Интересно будетъ дожить до того, когда исторія разберется въ событіяхъ послѣднихъ дней и выяснитъ, кто виноватъ въ томъ, что насъ слопали безъ остатка товарищи большевики, еще такъ недавно quantité négligeable. Неужели же не было иного, менѣе чреватаго своими послѣдствіями исхода?

Вѣдь и большевики не могутъ стать дѣйственной и реальной властью; они могутъ держаться только посулами мира и разныхъ жирныхъ подачекъ; но вѣдь посуламъ придетъ конецъ.

Что будетъ со страной съ 180 милліонами населенія, безъ власти и въ томъ состояніи полнаго государственнаго и военнаго разложенія, остановить которое уже никто не въ силахъ. Надъ всѣмъ этимъ виситъ развалившаяся совершенно 12 милліонная армія безъ начальниковъ и безъ дисциплины, не слушающая ничьихъ приказаній, не желающая воевать и обуреваемая однимъ только стремленіемъ, поскорѣй уйдти домой.

3 Ноября. Утромъ вызвали въ Двинскъ на совѣщаніе старшихъ начальниковъ; все, что намъ осталось, это совѣщаться, болтать и разъѣзжаться, убѣдившись еще разъ въ полной нашей импотентности. Болдыревъ настроенъ рѣшительно, требовалъ отъ насъ сопротивленія всякимъ уступкамъ и сохраненія нашихъ правъ. Не понимаю, къ чему всѣ эти сотрясенія воздуха; вѣдь, господинъ Болдыревъ знаетъ отлично, что самъ онъ ни одного распоряженія отдать не можетъ, и что его согласія на уступки давно уже никто не спрашиваетъ; онъ знаетъ точно также, что отъ его и нашихъ правъ остались только жалкія отрепья. Если онъ хочетъ продолжать рядиться въ эти отрепья, то ему это еще возможно, такъ какъ онъ во время вывелъ изъ Двинска всѣ ненадежныя части и сосредоточилъ туда ударниковъ и болѣе сохранившіяся конныя части.

Но и имъ онъ уже безсиленъ что либо приказать, ибо и эти части заявили, что выступать активно и усмирять онѣ не будутъ. Ну, а что будемъ дѣлать мы среди своихъ давно вышедшихъ изъ всякаго повиновенія частей? Заявлять протесты, но кому и для чего; развѣ протесты способны хоть на іоту помочь дѣлу. Вѣдь только очень скорбные главой или же зашибленные мамкой идеалисты могутъ вѣрить въ то, что существуютъ какіе-то «революціонные» порядки, «революціонная» дисциплина; все это существуетъ, да и то очень относительно, въ подпольный періодъ революціи, а когда она побѣдила, то всему этому наступаетъ конецъ — всякому хочется вознаградить себя за долгое воздержаніе и посуществовать и внѣ порядка, и внѣ дисциплины.

Лично я настроенъ чрезвычайно пессимистически и впереди кромѣ мрака, освѣщеннаго заревомъ великихъ пожаровъ и оглашаемаго воплями великихъ убійствъ, ничего не вижу и не слышу. Сознаю, что это не 1906 годъ (какъ думаютъ многіе) и что уже нѣтъ возврата послѣ того смертельнаго прыжка въ бездну революціи, которую больная Россія сдѣлала восемь мѣсяцевъ тому назадъ.

Тѣ судорожныя усилія, которыя дѣлаемъ и мы, носители старыхъ идеаловъ, и тѣ революціонные гастролеры-правители, которыхъ судьба заставила понять, что разрушать это одно, а охранять и создавать другое, — все это мгновенныя задержки, безсильныя остановить происшедшій обвалъ.

Съ точки зрѣнія сегодняшняго дня еще можно тѣшить себя какими-то иллюзіями, какъто дѣлаетъ нашъ командармъ; но если смотрѣть на все то, что происходитъ сейчасъ и въ арміяхъ, и во всей странѣ, то это суть первыя буквы великой и ужасной главы новой исторіи человѣческаго рода.

На розовыя и геройскія рѣчи Болдырева три командира корпуса (14, 27 и 45) еще разъ доложили ему обстановку въ ихъ частяхъ и современное положеніе начальниковъ. Вѣдь сейчасъ въ арміи нѣтъ никакой уже власти; вчера наибольшевистскій армейскій комиссаръ товарищъ Собакинъ отправился уговаривать товарищей Переяславцевъ . . . и только развѣдчики спасли его отъ утопленія въ Двинѣ. куда его потащили уговариваемые. И послѣ этого бунтующій полкъ пришелъ и расположился въ Двинскѣ, бросивъ боевой участокъ и наплевавъ на всѣ приказы самыхъ напреволюціонныхъ лицъ и учрежденій.

Товарищи заявили, что воевать не хотятъ и не будутъ, они желаютъ мира, все равно на какихъ условіяхъ, и желаютъ идти домой дѣлить землю, фабрики и наслаждаться завоеваніями революціи. «На кой чортъ эта революція, если тутъ убьютъ и ничѣмъ отъ нея не поживишься», сказалъ вчера на корпусномъ совѣщаніи депутатъ отъ 479 полка, и въ этихъ словахъ, одобрительно принятыхъ двумя сотнями присутствовавшихъ, сказалась вся идеологія солдатскихъ массъ.

Сейчасъ массы относительно спокойны, такъ какъ имъ обѣщанъ миръ и война de facto уже прекратилась; добрая половина даже перестала теперь торопиться домой, такъ какъ тамъ и голодно, и холодно, и сахара нѣтъ, и жалованья не даютъ, да и работать придется. Сейчасъ всѣ заботы солдатъ о продовольствіи, и въ этомъ отношеніи нашъ строевой авторитетъ стоитъ сейчасъ выше комиссарскаго, ибо солдаты понимаютъ, что тутъ нужны спеціальныя знанія и сноровки, которыя есть только у насъ; но все же настроеніе островраждебное и какъ бы выжидательное; съ разныхъ частей фронта идутъ свѣдѣнія о происшедшихъ убійствахъ начальниковъ. Пропаганда усиленно копается въ прошлой дѣятельности начальствующихъ лицъ, стараясь подкопаться подъ авторитетъ тѣхъ, кто еще сохранилъ какое-нибудь вліяніе.

Сегодня ночью едва успѣли спасти отъ солдатской расправы командующаго 180 дивизіи генерала Бурневича (заботливый и влюбленный въ солдата начальникъ, безстрашно храбрый, но не способный на уступки); штабные шоферы отказались его везти, и ему пришлось спасаться верхомъ; едва избѣгъ такой же участи и командующій 183 дивизіей генералъ Литотъ Литоцкій; очевидно, что это только первые цвѣточки.

Въ общемъ, на совѣщаніи узнали еще разъ то же самое, что было извѣстно уже давно, а именно, что арміи уже нѣтъ, и что мы сами какое то недоразумѣніе. Разъѣхались такъ, какъ расходятся къ шлюпкамъ въ моментъ крушенія корабля.

Полученныя изъ Петрограда и Москвы газеты рисуютъ картину всеобщей рѣзни, начавшейся во многихъ мѣстахъ Россіи; индѣ рѣжутъ большевиковъ, индѣ большевики истребляютъ всѣхъ инакомыслящихъ. Общее вездѣ только то, что остановить рѣзню и водворить порядокъ некому. Въ Москвѣ по городу и Кремлю работаетъ большевистская тяжелая артиллерія и пущены въ ходъ даже восьмидюймовки. Въ Петроградѣ разгромлены всѣ военныя училища; говорятъ, что въ Владимірскомъ училищѣ уцѣлѣло только четыре юнкера.

У насъ въ арміи хлѣба и сухарей на четыре дня, а затѣмъ никакого подвоза не предвидится; армія и интендантство заявили, что они безсильны что-либо сдѣлать. Приказалъ корпусному интенданту вызвать къ себѣ представителей мѣстнаго еврейства и предсѣдателей волостныхъ управъ, разсказать имъ, что можетъ угрожать мѣстному населенію, если въ войскахъ вспыхнетъ голодный бунтъ, и предложить имъ продать намъ по любой цѣнѣ тѣ скрытые запасы зерна, муки и картофеля, которые несомнѣнно имѣются у населенія. Кое какъ наскребли муки на 2 дня, но дальше выяснилось полное безсиліе управъ что либо приказать, и тупое непониманіе населеніемъ своихъ же собственныхъ интересовъ.

Приказалъ на всякій случай скупать консервы, рыбу, галеты и даже конфекты (на замѣну сахара).

Въ сосѣдней 4 особой дивизіи товарищи организовали массовое братанье съ нѣмцами; мои батареи 70-й бригады открыли по братающимся огонь, за что товарищи сильно избили артиллерійскихъ наблюдателей (на батареи не сунулись, ибо тамъ по 2 пулемета на батарею).

4 Ноября. Временно тихо; ночь и утро прошли безъ особыхъ происшествій; удалось даже уговорить 479 полкъ смѣнить на боевомъ участкѣ 478 полкъ; новые большевистскіе комиссары разстилаются во всю, чтобы показать свое вліяніе на части и свою лояльность во всемъ, что касается пассивной охраны фронта.

Ко мнѣ въ корпусъ назначенъ новый комиссаръ, онъ же членъ военно-революціоннаго комитета солдатъ Антоновъ; первое впечатлѣніе отъ него совсѣмъ приличное, такъ какъ, повидимому, это одинъ изъ немногихъ идеалистовъ большевизма и притомъ очень разумный и умѣренный. Когда я ему высказалъ, какъ я смотрю на наши взаимоотноше-

нія и какой помощи отъ него ожидаю, то онъ сейчасъ же сообщилъ подчиненнымъ ему комиссарамъ и комитетамъ объ обязательности исполненія частями боевыхъ приказовъ и просилъ повторить приказъ по корпусу, устанавливавшій смѣну полковъ 70 дивизіи, обязавшись заставить, если понадобится, силой выполнить этотъ приказъ.

Конечно, все это очень горячо и естественно въ порядкѣ перваго дня своего медоваго мѣсяца власти, но очень мало шансовъ въ возможности реальнаго осуществленія всего обѣщаннаго.

Пріѣзжали французскіе офицеры, организующіе у насъ военно-голубиную почту; напомнили мнѣ парикмахеровъ спеціалистовъ по бритью покойниковъ; говорятъ, что всѣ желанія союзниковъ сводятся къ тому, чтобы нашъ фронтъ продержался до мая мѣсяца, а тогда они въ два мѣсяца справятся съ нѣмцами и кончатъ войну, такъ какъ къ этому времени у нихъ будетъ на фронтѣ 800 тысячъ американцевъ и двадцать пять тысячъ бомбоносныхъ аэроплановъ. Относительно возможности заключенія большевиками сепаратнаго мира съ Германіей, французы считаютъ, что нѣмцы на этотъ миръ не пойдутъ, такъ какъ боятся переброски большевизма къ нимъ самимъ, и поэтому и говорятъ не о мирѣ, а о перемиріи, что даетъ имъ возможность перебросить войска на французскій фронтъ, и въ то же время не пускать русскихъ товарищей переходить демаркаціонныя линіи и этимъ оберегать себя отъ заноса большевистской заразы.

Въ этомъ разговорѣ характерна откровенность г. г. союзниковъ: мы попрежнему имъ нужны для спасенія ихъ отъ грознаго нѣмецкаго крокодила; мы должны существовать столько, сколько имъ нужно для замѣны насъ американцами; мы за это время можемъ гнить и разваливаться, сколько угодно, но только продолжать выполнять свою роль горчичника на нѣмецкомъ затылкѣ. Когда же мавръ сдѣлаетъ свое дѣло, то ему предоставляется право окончательно развалиться, ибо сіе послѣ предвкушаемаго, — но ничѣмъ еще не гарантированнаго, — уничтоженія Германіи будетъ для союзниковъ и не безвыгодно, такъ какъ одновременно съ нѣмецкимъ крокодиломъ будетъ сброшенъ со счетовъ и русскій медвѣдь, очень нужный во время войны, но совсѣмъ лишній, когда придется кушать плоды побѣды.

Если бы только не Америка и внесенные ею въ активъ союзниковъ неисчерпаемые матерьяльные рессурсы, то я считалъ бы десять шансовъ противъ одного, что союзные шахермахеры очень ошибутся въ своихъ расчетахъ.

Искупительной жертвой Петроградской авантюры явились юнкера военныхъ училищъ. Керенскій вызвалъ ихъ для спасенія собственной власти и связанной съ нимъ собственной безопасности, но какъ только дѣло приняло скверный оборотъ, то позорно удралъ, бросивъ на пожраніе большевиковъ всѣхъ тѣхъ, кто за него сталъ.

Всѣ эти митинговые божки изъ надрывчатыхъ и истеричныхъ пустобреховъ, очень храбры только на словахъ. Керенскій клялся умереть за революцію, а на дѣлѣ занялся спасеніемъ собственной жизни, предоставивъ другимъ умирать и платить своей кровью за его слѣпоту, дряблость и абсолютную негодность.

Сегодня вступилъ въ свои обязанности новый корпусный комитетъ, причемъ въ немъ нѣтъ ни одного офицера; интересно, какъ онъ будетъ справляться съ сложными юридическими и хозяйственными вопросами, попадающими въ сферу его вѣдѣнія при разборѣ разныхъ жалобъ и заявленій.

5 Ноября. Относительно сносный день; товарищи какъ то успокоились, что ничто имъ не угрожаетъ, и до одури играютъ въ карты, братаются и ждутъ мира; кое-гдѣ принаравливаются, сколько придется на брата, когда станутъ дѣлить казенные денежные ящики. Новый корпусный комиссаръ Антоновъ вернулся съ своего перваго дебюта по уговариванію полковъ 120 дивизіи идти на занятіе назначенныхъ имъ боевыхъ участковъ; вернулся совсѣмъ растерянный и обезкураженный, такъ какъ въ Даніловскомъ полку ему не дали говорить и заявили, что на позицію не пойдутъ, а когда онъ попытался взлѣзть на комиссарскія ходули и пригрозить, то только быстрота шофера, успѣвшаго выскочить изъ толпы, спасла товарища комиссара отъ «народнаго помятія ему боковъ».

Судя по Московскимъ газетамъ огнемъ тяжелой артиллеріи повреждены Кремль и Храмъ Христа Спасителя; озвѣрѣвшіе мерзавцы громятъ единственные въ мірѣ памятники русскаго прошлаго и русскаго искусства.

Пришли Петроградскія газеты, напоминающія своимъ внѣшнимъ видомъ какіе-то сѣрые слизни. Характерно сейчасъ направленіе газеты «Новая жизнь», старательно и усердно поработавшей надъ распространеніемъ въ массахъ идей большевизма (не максимализма, а именно русскаго большевизма).

Сейчасъ ея издатель Максимушка Горькій и иже съ нимъ сами испугались тѣхъ результатовъ, къ которымъ пришла русская революція, и въ своей газетѣ, единственной не закрытой большевиками, громятъ и поносятъ во всю новыхъ повелителей Петрограда и Россіи.

Остальныя исключительно большевистскія газеты наполнены гимнами во хвалу «небывалаго еще героизма Пулковскихъ героевъ, одержавшихъ историческія побѣды». Несомнѣнно, что если и не побѣды, то стычки у Пулкова, окончившіяся для большевиковъ успѣшно, могутъ дѣйствительно имѣть историческое значеніе, такъ какъ могутъ знаменовать рѣшающія минуты для начала періода массовыхъ разрушеній и длительнаго, кроваваго, полнаго ужасовъ періода жизни не только несчастной нашей родины, но и всего человѣческаго рода.

Для оріентировки прочиталъ всю эту сѣрую газетную слякоть и дошелъ до состоянія нравственной тошноты; правда, что по тому, что мы видѣли отъ большевиковъ на фронтѣ, трудно было бы ожидать отъ ихъ петроградскихъ товарищей чего либо болѣе приличнаго и культурнаго.

Физически развалился; не сплю ночи, и даже вероналъ пересталъ дѣйствовать; нервы развинчены до того, что, мучаясь безсонницей, отчетливо слышу стукъ телеграфныхъ аппаратовъ въ довольно далеко отстоящемъ отъ штаба флигелѣ.

6 Ноября. Пріѣзжалъ новый армейскій комиссаръ товарищъ Собакинъ, коему приказано разрѣшить вопросъ о смѣнѣ полковъ 120 дивизіи. Поведенія весьма хамскаго, ввалился ко мнѣ въ кабинетъ, не снимая шапки и не представляясь. Я его очень спокойно, но внушительно заставилъ снять фуражку и представиться. Изъ дальнѣйшаго разговора убѣдился, что товарищи большевики рѣшили примѣнять, когда надо, самые старые пріемы; такъ, въ данномъ случаѣ Собакину приказано узнать и переписать всѣхъ агитаторовъ, подбивающихъ полки отказываться отъ выступленія на позицію, и затѣмъ секретнымъ образомъ изъять этихъ агитаторовъ изъ частей.

Не знаю, сумѣютъ ли большевики это осуществить, но рѣшительность и методъ мнѣ нравятся; нѣтъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ демократическихъ фиглей-миглей, подъ которые кривлялся Керенскій и его приспѣшники. Эхъ, если бы такая же рѣшительность и откровенность были бы проявлены сразу Временнымъ Правительствомъ, какъ бы далеки мы были отъ того разбитаго корыта, надъ которымъ сидимъ.

Неужели же нѣмцы, создавшіе большевистскую обезьяну, передали ей также и свои знанія качества нашихъ массъ и научили ихъ, какими способами ими надо управлять. Бѣженцы изъ Риги, прожившіе тамъ нѣкоторое время подъ нѣмецкимъ владычествомъ, очень картинно разсказали, какъ нѣмцы въ трехдневный срокъ привели городъ и нашихъ товарищей въ образцовый порядокъ и единымъ махомъ вышибли изъ товарищей всѣ демократическія бредни и революціонныя вольности.

Получили цѣлый букетъ выпущенныхъ большевистскимъ правительствомъ очень заманчивыхъ для массъ декретовъ, назначенныхъ повидимому сдобрить тѣ пріемы, которыми начала править новая власть. Редакція и рѣшительность декретовъ, разрубающихъ самые сложные вопросы государственной и общественной жизни, очень напоминаютъ толпу папуасовъ, дорвавшихся до совершенно незнакомыхъ имъ вещей и распоряжающихся ими съ ухватками и пониманіемъ дикарей. Вѣдь большевикамъ важно бросить и бросить возможно скорѣе эти призывные, привѣтные, заманчивые, жирные и вкусные лозунги, а что изъ всего этого получится, авторовъ и вдохновителей этихъ рѣдкостныхъ документовъ интересуетъ очень мало

По сообщенію газетъ лѣвые эсеры и интернаціоналисты повздорили съ большевиками и вышли изъ состава Совѣтовъ; большевики не обращаютъ на это никакого вниманія и назадъ ушедшихъ не зовутъ. По всей Руси идутъ погромы и льется кровь — Вильгельму и нѣмцамъ есть надъ чѣмъ порадоваться; имъ только на руку, что Россія дошла до такой грани, — и еще не послѣдней, — что у ея сыновъ поднялись руки, чтобы громить сердце старой Россіи Кремль, наши соборы, гробницы русскихъ царей, святителей и чудотворцевъ.

На разсвѣтѣ батальонъ смерти чувствительно потрепалъ нѣмцевъ, которые, какъ говорятъ по свѣдѣніямъ, даннымъ ими братающимся, рѣшили, что выбившіеся изъ силъ ударники не въ состояніи удержать свой участокъ (вдававшійся въ нѣмецкое расположеніе) и предприняли поискъ для захвата его двумя ротами. Ударники, очень аккуратно и добросовѣстно несущіе всѣ отдѣлы службы, во время замѣтили нѣмецкое наступленіе, подпустили ихъ къ проволочнымъ загражденіямъ, а затѣмъ огнемъ 14 пулеметовъ буквально смели наступавшихъ; спаслись, повидимому, очень немногіе.

Разозленные нѣмцы прервали свое артиллерійское молчаніе и весь день громили наши окопы огнемъ своихъ батарей; батареи эти по наблюденіямъ нашихъ артиллеристовъ преимущественно двухорудійныя, а есть и одноорудійныя.

7 Ноября. Нѣмцы подъ прикрытіемъ заградительнаго огня всю ночь убирали своихъ раненыхъ и трупы убитыхъ. Вчерашній урокъ, данный ударниками нѣмцамъ, вполнѣ подтверждаетъ правильность моей мысли о возможности распустить армію, оставивъ только добровольческія части; (конечно, не теперь, когда у власти оказались большевики, которые осуществленія такой мѣры не допустятъ, ибо въ ней ихъ гибель).

Вѣдь, если бы у меня вмѣсто наличныхъ 70 тысячъ разнузданныхъ и не желающихъ воевать шкурниковъ были бы шесть-восемь батальоновъ такихъ отборныхъ людей, какъ ударники 120 дивизіи, я былъ бы совершенно спокоенъ за оборону своего участка; наступать съ такими силами я, конечно, не могъ бы, но съ утопическими проектами наступленія надо было давно уже покончить. Если бы Керенскій нашелъ въ себѣ достаточно ума и мужества, чтобы въ іюнѣ рѣшительно сказать союзникамъ, что мы наступать не въ состояніи, то онъ до сихъ поръ сидѣлъ бы въ Петроградѣ и большевики не были бы хозяевами Россіи.

Съ формированіемъ ударныхъ частей запоздали; а когда начали, то сразу ударились въ бахвальство и вмѣсто дѣла вышла карикатура; эти части надо было формировать по принципу отбора и добровольчества, какъ образовался ударный батальонъ 120 дивизіи, куда ушли всѣ офицеры и солдаты, заявившіе, что въ такихъ разнузданныхъ бандахъ, какими стали ихъ полки, они служить не могутъ. Наименованіе же частями смерти огуломъ цѣлыхъ полковъ было пустымъ бахвальствомъ, моднымъ временно снобизмомъ, увлеченіемъ бѣлыми кантами, мертвыми головами, черно-красными аксессуарами и прочей бутафоріей; при томъ составѣ, въ которомъ части были съ мая 1917 года, онѣ не могли быть частями смерти въ настоящемъ значеніи этого слова.

Получено распоряженіе объ уменьшеніи дачи хлѣба до одного фунта; это сразу отразилось на настроеніи товарищей и на рядѣ мелкихъ вспышекъ, заявленіяхъ разными митингами остраго неудовольствія противъ всѣхъ видовъ начальства, какъ остатковъ Царскаго режима, который по объясненію большевиковъ виноватъ во всемъ, что не нравится солдатамъ или не даетъ имъ всего того, что имъ хочется. Меня еще выручаетъ то, что я во время успѣлъ образовать очень большіе запасы картофеля и могу замѣнить имъ недодачу хлѣба и набивать имъ товарищескіе животы.

Продовольственный кризисъ, намѣтившійся уже въ концѣ октября, написъ надъ нами грозной тучей. Весь день занимался подготовкой открытія второго курса своей просвѣтительно-культурной школы въ Кресславкѣ и второго курса офицерской школы въ Илгѣ. Дѣлаю это старательно, но безъ малѣйшей надежды на то, что всѣ эти начинанія доживутъ до конца, ибо всѣ декреты новыхъ хозяевъ показываютъ, что скоро у насъ заведутся иные порядки.

Мнѣ очень жалко, если погибнутъ мои кресславскіе курсы, но думаю, что судьба ихъ предрѣшена, ибо они назначены укрѣплять въ солдатахъ сознаніе государственности

и здороваго патріотизма, и воспитывать въ нихъ чувство долга и обязанностей, то-есть все, что противоположно бреднямъ интернаціонала и его подголосковъ. Уже даже нашъ прежній армискомъ косился на мои курсы за ихъ политическую безпартійность и мнѣ стоило большихъ усилій спасти первый выпускъ отъ преждевременнаго роспуска.

Если же судьба позволитъ проскочить еще одному выпуску, то тогда на Руси будетъ на полторы тысячи больше людей, понимающихъ здоровыя основы общественнаго и государственнаго сожительства и устройства.

Собираю новый составъ офицерской школы; дѣлаю все по старому, какъ будто бы ничего не случилось. Результатовъ я уже не увижу, такъ какъ рѣшилъ безповоротно черезъ нѣсколько дней эвакуироваться въ тылъ по болѣзни, если за это время мнѣ не назначатъ замѣстителя, какъ я о томъ просилъ Болдырева. При современномъ положеніи начальниковъ, считаю свое пребываніе въ корпусѣ абсолютно безполезнымъ, а для себя лично убійственнымъ, ибо мириться съ происходящимъ я не въ состояніи, а измѣнить его не въ силахъ.

Ужасно положеніе ударнаго батальона 120 дивизіи; всѣ остальныя части корпуса отказались смѣнять его на занимаемомъ имъ боевомъ участкѣ, гдѣ онъ стоитъ уже второй мѣсяцъ въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ поздняго осенняго времени; число здоровыхъ людей въ ротахъ дошло до 20—25.

Послѣдняя встрепка, заданная нѣмцамъ, усугубила и безъ того остро-враждебное отношеніе къ батальону всѣхъ остальныхъ частей дивизіи, которыя прямо боятся идти на этотъ участокъ, который нѣмцы два дня подрядъ наказывали ожесточеннымъ огнемъ легкой и тяжелой артиллеріи.

Съ большимъ трудомъ выхлопоталъ у командарма приказаніе ударному батальону 38 дивизіи смѣнить на позиціи батальонъ 120 дивизіи; но ударники 38 дивизіи были таковыми только до тѣхъ поръ, пока съ этимъ было связано квартированіе въ Двинскѣ въ качествѣ охраны штаба арміи и проистекавшія изъ этого милости и льготы; какъ только они узнали, что имъ надо идти на боевой участокъ, батальонъ сразу растаялъ, quasi-ударники разошлись по своимъ частямъ, а большинство удрало въ отпускъ.

А на этомъ батальонѣ Болдыревъ строилъ разные усмирительные и возстановительные планы!

Сидимъ безъ газетъ; новая петроградская власть завернула цензуру à la Плеве. Положеніе съ продовольствіемъ отчаянное, безъ надежды на улучшеніе; мой корпусный интендантъ невѣроятными усиліями набралъ и накупилъ муки на 10 дней, но дальше и наши горизонты кончаются.

8 Ноября. Поздно ночью получили телеграмму армейскаго комитета съ приказаніемъ всѣмъ войсковымъ комитетамъ собраться и не расходиться, ожидая какого-то рѣшенія чрезвычайной важности.

Ждали всю ночь и все утро; разгадка получилась только послѣ полдня, когда наша радіостанція перехватила радіо Совѣта Народныхъ Комиссаровъ (такъ называется, повидимому, новая власть, замѣнившая Временное Правительство), коимъ Верховному Главнокомандующему приказывалось немедленно приступить къ мирнымъ переговорамъ съ властями враждебныхъ государствъ.

Этимъ началась расплата большевистскихъ главарей съ своими нѣмецкими хозяевами и съ нашими товарищами по выданнымъ векселямъ. Карты раскрыты; начинается возмездіе союзникамъ за слѣпоту и дряблость ихъ представителей въ Россіи. Отнынѣ большевики непоколебимые повелители всей фронтовой и тыловой шкурятины и всего русскаго хулиганства; они пошли съ козырнаго туза, бить котораго сейчасъ нечѣмъ. Россія, какъ военная союзница, потеряна для союзниковъ.

Изъ разговоровъ радіотелеграфистовъ узнали, что Ставка со вчерашняго дня все время пыталась передать что-то въ арміи, но сидящіе на всѣхъ станціяхъ и аппаратахъ большевистскіе комиссары этого не допустили.

Теперь мы имѣемъ право сказать: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего . . .» Идутъ какіе то слухи о возстаніи на Дону и надо туда пробираться. А, можетъ быть, союзники опомнятся и примутъ на свою службу тотъ офицерскій составъ, которому немыслимо и не-

втерпежъ оставаться подъ эгидой большевистскихъ товарищей. До сихъ поръ всѣ наши попытки устроиться на иностранную военную службу, начатыя еще въ сентябрѣ, не увѣнчались успѣхомъ. Капитанъ Ринкъ по моему порученію былъ въ Петроградѣ, толкался во всѣхъ миссіяхъ и всюду получилъ отказъ или условія принятія иностраннаго подданства; всѣ отговариваются тѣмъ, что обязались передъ Керенскимъ не принимать нашихъ офицеровъ на союзную службу.

Но сейчасъ же должны союзники опомниться и спасти русское офицерство изъ того невыносимаго положенія, куда его загнала судьба; вѣдь, доходятъ послѣднія секунды стараго и начинается что-то новое, ужасное и позорное. Мы готовы идти солдатами въ иностранные легіоны; мы готовы на все, но намъ нужна помощь и пріемъ; пусть въ Хапарандѣ, на Кавказѣ, въ Японіи устроятъ такіе пункты, куда мы можемъ явиться, и мы рискнемъ на все, чтобы туда попасть и тамъ продолжать бороться и за Россію, и за союзное дѣло.

До ужаса трагично сейчасъ положеніе Духонина, на котораго перелагается выполненіе предложенія мирныхъ переговоровъ; петроградскіе жулики понимаютъ, что съ ними не станетъ разговаривать ни Вильгельмъ, ни Карлъ и ихъ правительства; поэтому они и прибѣгаютъ къ небывалому еще пріему начала мирныхъ переговоровъ черезъ Верховнаго Главнокомандующаго; тутъ адская мефистофелевская смѣсь гарантіи себя на будущее время, сваливанія грязнаго и позорнаго дѣла на своихъ естественныхъ противниковъ и шансъ при неповиновеніи сразу раздѣлаться съ опасной и остававшейся до сихъ поръ незыблемой инстанціей стараго порядка.

Одурь беретъ при видѣ той отвратительной трясины, въ которую гонятъ Россію, трясины безысходной и смертельной. Теперь, вѣдь, уже и союзники безсильны помочь.

Большевики сообщаютъ о захватѣ ими Пуришкевича съ какими-то важными документами; воображаю, какую контръ-революцію они разведутъ по этому поводу; вѣдь, имъ надо все время пугать массы призракомъ реакціи и возвращенія «стараго прижима».

Рѣшительность и прямолинейность большевиковъ поразительны; поистинѣ у нихъ цѣль оправдываетъ средства. Сегодня въ Извѣстіяхъ С. и Р. Депутатовъ помѣщенъ декретъ военнореволюціоннаго штаба, коимъ вся отвѣтственность за продолженіе внутренней борьбы возлагается на имущіе классы и объявляется, «что богатые классы и ихъ приспѣшники будутъ лишены права получать продукты, а всѣ запасы у нихъ будутъ реквизированы, а имущество конфисковано».

Первая статья, лишающая права на продукты для питанія, равняется огульнымъ присужденіямъ всѣхъ къ голодной смерти, ибо вся страна быстрымъ темпомъ несется къ общей голодовкѣ.

Къ надзору и сыску за богатыми и къ примѣненію къ нимъ вышеуказанныхъ мѣръ призываются всѣ рабочіе, солдаты и крестьяне. Этимъ въ массы бросаются такіе воспламеняющіе лозунги, при примѣненіи которыхъ жизнь должна стать сплошнымъ ужасомъ, ибо все, что внѣ большевизма, отдано на разграбленіе всей хулиганщинѣ.

Не пришлось бы въ скоромъ времени и нашимъ союзничкамъ испить такую же смертную чашу; провозглашенные большевиками лозунги такъ аппетитны, что противъ нихъ можетъ не устоять западноевропейскій пролетаріатъ; средства же противодѣйствія требованіямъ толпъ всюду достаточно ооослабли.

9 Ноября. Духонинъ удаленъ отъ должности съ провокаторскимъ обвиненіемъ въ совершеніи великаго преступленія передъ трудящимися всего міра. Это очень искусный ходъ, чтобы безвозвратно оторвать солдатскія массы отъ послѣднихъ остатковъ стараго порядка и подчеркнуть, что ихъ спасеніе только въ поддержкѣ власти большевиковъ.

Верховнымъ Главнокомандующимъ назначенъ прапорщикъ Крыленко, извѣстный по 1905 году товарищъ Абрамъ; онъ сынъ мелкаго чиновника въ г. Люблинѣ, физическій и нравственный уродъ; былъ учителемъ въ городской школѣ и, будучи сыномъ крещенаго еврея, отличался жестокостью гоненія бѣдныхъ еврейскихъ дѣтей (эти данныя даны мнѣ чинами 18 дивизіи, стоявшей въ Люблинѣ и до сихъ поръ числящей въ своихъ спискахъ этого прапорщика).

Это назначеніе является вершиной позора, до котораго дошла русская армія; несомнѣнно, что въ лицѣ большевиковъ Россія получила такую власть, которая ни передъ чѣмъ не остановится.

Назначеніе Главковерхомъ Керенскаго было уже достаточно позорно, но то, что случилось сегодня, превосходитъ всѣ границы. Я послалъ командарму рапортъ, что при слагающейся обстановкѣ считаю для себя позорнымъ оставаться на занимаемой должности, но не желая нарушать установленныхъ законовъ, оставляю должность на правахъ эвакуаціи, и передаю командованіе корпусомъ инспектору артиллеріи генералу Власьеву.

Первымъ распоряженіемъ новаго Главковерха или, какъ его сразу наименовали, Верхопрапа было радіо, приказывавшее «каждому полку самостоятельно заключить на своемъ участкѣ перемиріе». Въ этомъ распоряженіи вылилось все военное, политическое и умственное убожество этого ублюдка россійской дѣйствительности.

У него не хватило мозговъ, чтобы понять, что по ту сторону фронта стоитъ настоящая армія и что на подобное предложеніе оттуда даже и не отвѣтятъ.

Изъ сообщенія Ставки выяснилось, что Духонинъ даже не отказался прямо начать мирные переговоры, а только запросилъ, какими путями можно осуществить присланное ему распоряженіе, такъ какъ ему извѣстно, что на подобное заявленіе, обращенное полторы недѣли тому назадъ къ союзникамъ и къ врагамъ со стороны «Правительства», никакого отвѣта не послѣдовало.

Опять пріѣзжали французы; изъ разговоровъ съ ними убѣдился, что союзники совершенно не понимаютъ того ужаснаго состоянія, въ которомъ находятся и арміи, и вся страна. Французскій майоръ изъ состава военной миссіи разливался на тему, что они не имѣютъ права вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла изъ чувства деликатности, и что они глубоко увѣрены въ томъ, что то, что сейчасъ у насъ происходитъ, это лишь временное явленіе, такъ какъ несомнѣнно, что Россія скоро опомнится, и наши солдаты поймутъ недопустимость сепаратнаго мира.

По обстановкѣ было совершенно безполезно говорить этому слѣпому, глухому и, очевидно, очень легкомысленному представителю французской арміи, какъ глубоко и безнадежно онъ ошибается, да я и не въ правѣ пускаться въ такія откровенности. Сказать все это давно и сказать громко, рѣзко, ничего не скрывая, должна была Ставка, и, если не хотѣлъ Керенскій, то обязаны были сдѣлать начальникъ его Штаба и Главнокомандующіе фронтами (такъ же точно, какъ они обязаны были въ концѣ 1916 года сказать всю правду Государю и не морочить его увѣреніями въ полномъ спокойствіи и вѣрноподданности). Но неспособные сказать правду своему Царю, они не сумѣли развязать своихъ языковъ и тогда, когда каждый день и часъ грозно кричалъ о томъ, куда катится ихъ страна и руководимыя ими арміи.

Все утро провелъ въ корпусномъ комитетѣ при многолюдномъ участіи представителей отъ всѣхъ частей, «защищая» разработанный мной проектъ послѣдовательной смѣны дивизій на боевыхъ участкахъ, на началахъ абсолютной справедливости; все было изложено такъ ясно, что всѣ комитеты приняли его единогласно и обѣщали привести его въ исполненіе.

Но ни у комитетовъ, ни у сидѣвшаго тутъ же корпуснаго комиссара нѣтъ никакихъ средствъ заставить полки выполнить эту схему въ томъ случаѣ, если какой либо изъ полковъ закипится и не захочетъ повиноваться.

Въ радіо Крыленки о немедленномъ заключеніи перемирія имѣется пунктъ, приказывающій арестовать всѣхъ генераловъ; однако, этотъ пунктъ до сихъ поръ не выполненъ.

Радіо и декреты сыпятся, какъ изъ мѣшка; даже большевистскіе комитеты ошалѣли и временами становятся въ тупикъ надъ получаемыми распоряженіями и ихъ удивительной редакціей.

10 Ноября. Заключеніе перемирія возложено Петроградомъ на военнореволюціонный комитетъ пятой арміи, какъ, вѣроятно, на наиболѣе надежный.

Въ своихъ заявленіяхъ Ленинъ и Троцкій договорились до того, что «законы» и «парламентская техника» это «выдумки буржуазіи». Конечно, это все условности извѣст-

наго порядка человѣческаго сожительства, но, вѣдь, надо же хоть чѣмъ нибудь отличаться отъ звѣрей.

Хлѣбъ на фронтѣ подходитъ къ концу; какой можетъ быть подвозъ въ странѣ, охваченной анархіей и междоусобицей? Большевики обѣщаютъ, что хлѣбъ будетъ, и на короткѣ, вѣроятно, что-нибудь и сдѣлаютъ, ибо рѣшительности имъ занимать ни у кого не приходится. Но никакая держимордовщина не поможетъ тамъ, гдѣ при массовыхъ потребностяхъ можетъ выручить только система сбора, налаженность подвоза и вообще отчетливая работа всего аппарата снабженій.

Сейчасъ мы перешли въ довольно привычный для исторіи, но необычный по размаху періодъ владычества штыковъ — штыкократіи; впереди грядетъ какая-то смѣсь спартаковщины, крестьянскихъ войнъ, пугачевщины, засилія преторіанцевъ новой красной формаціи и все это подъ густымъ, пряным и дразнящимъ всѣ звѣриные инстинкты соусомъ переоцѣнки всѣхъ цѣнностей и переворачиванія соціальной лѣстницы верхними ступеньками внизъ.

Много разъ эта опасность грозила и цивилизаціи, и положенію правящихъ и имущихъ классовъ, но до сихъ поръ въ ихъ рукахъ было и золото, и вооруженная сила, и они всегда выходили побѣдителями; сейчасъ золото попрежнему въ ихъ власти, но вооруженной силой сдѣлался весь народъ, что и является серьезнѣйшей угрозой для исхода начавшейся борьбы пролетаріата и соціальныхъ низовъ противъ аристократіи всѣхъ сортовъ.

11 Ноября. Наконецъ то проснулись дремавшія дѣвы союзныхъ миссій; проснулись тогда, когда помочь намъ уже поздно. И проснувшись, все же не поняли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и вмѣсто самыхъ внушительныхъ дѣйствій разразились грознымъ по внѣшности протестомъ противъ нарушенія договоровъ и начала мирныхъ переговоровъ, съ предупрежденіемъ, что нарушеніе принятыхъ Россіей обязательствъ передъ союзниками вызоветъ для нея самыя тяжелыя послѣдствія. Неужели же всѣ союзные представители до того слабоумны, что не понимаютъ всей практической безцѣльности своего протеста.

Пустопорожнія теперь это, сэры, мистеры и мусье, слова; развѣ они могутъ произвести какое либо впечатлѣніе на Петроградскихъ товарищей, случайныхъ захватчиковъ всей власти, исполняющихъ съ одной стороны волю своихъ нѣмецкихъ нанимателей и хозяевъ, а съ другой стороны стремящихся заразить своей пропагандой весь міръ и разрушить всѣ существующія формы жизни.

Что этимъ жуликамъ старые договоры; что имъ Россія; что имъ всѣ эти угрозы! Вѣдь такіе дипломатическіе ходы могутъ быть дѣйственны для тѣхъ, у кого есть Родина, есть передъ ней святыя обязанности; есть передъ кѣмъ то отвѣтственность; для кого обязательно данное слово, договоры, условія; для кого существуютъ слова: честь, традиція, порядочность . . .

Въ Россіи же власть попала въ руки шайки самой грязной смѣси разныхъ элементовъ, въ которой, если вѣрить тому, что про нихъ говорятъ, есть 1—2% сумасшедшихъ маніаковъ, убѣжденныхъ маніаковъ, для которыхъ всѣ вышеуказанныя понятія — круглый ноль, гнилые пережитки ненавистнаго имъ буржуазнаго строя; остальные же 98—99% состоятъ изъ совершенно безпринципныхъ авантюристовъ самаго гнуснаго сорта, нанятыхъ нѣмецкихъ агитаторовъ и всевозможныхъ выкидышей подонковъ пролетаріата, преступной улицы и каторги, для которыхъ столь случайно и неожиданно доставшаяся имъ власть нужна, чтобы за ея счетъ попировать въ волюшку. Сейчасъ для сохраненія ихъ власти имъ очень кстати дерзкіе и тѣшащіе звѣриные инстинкты массъ лозунги большевизма; ими они только и держатся и только подъ ихъ сѣнью могутъ жить, наслаждаться, жрать и пить. Терять этой бандѣ нечего; патріотизмъ, родина, честь и совѣсть для нихъ пустыя слова. Договоры имъ ненавистны, ибо исполненіе ихъ лишитъ ихъ основы ихъ существованія — поддержки темныхъ и загипнотизированныхъ массъ, а потому къ чорту всѣ договоры и неудобныя обязательства.

Угрозы союзниковъ для нихъ не страшны, ибо взобравшись на верхи власти, они сидятъ все время подъ другими, безконечно болѣе близкими и реальными угрозами. Они играютъ и будутъ играть до конца свою каторжную игру со смѣлостью и упорствомъ каторжниковъ, которымъ все равно нечего терять, и которые всегда готовы къ возмож-

ности такъ же фейерверочно улетѣть въ ту грязь, изъ которой они вылѣзли. Ихъ идеологія намъ близко знакома по тѣмъ экземплярамъ комитетчиковъ, комиссаровъ и демагоговъ, подстрекателей солдатскихъ толпъ, съ которыми насъ познакомили послѣдніе полгода нашей кошмарной жизни.

Что имъ союзныя угрозы; это все равно, что пугать евангеліемъ какого-нибудь закоренѣлаго язычника или убѣдительными надписями защищаться отъ волковъ и гіенъ. Такіе бандиты признаютъ только грубую реальную силу, когда та возьметъ ихъ шиворотъ и такъ тряхнетъ, что глаза на лобъ выскочатъ; такую сволочь или гнутъ въ бараній рогъ или . . . покупаютъ. Лучше, если бы союзники прямо умыли бы руки вмѣсто того, чтобы дѣлать столь безполезныя глупости.

Совсѣмъ иное было бы, если бы вмѣсто протеста къ Москвѣ во время были бы двинуты отъ Архангельска и со стороны Сибири союзныя войска — единственное средство остановить развалъ арміи и страны; тогда и протесты произвели бы вездѣ совсѣмъ иное впечатлѣніе, ибо товарищи знали бы, что дальше стоитъ — и стоитъ близко и реально кулакъ, за коимъ послѣдуетъ немедленно соотвѣтственный и очень непріятный жестъ. Если бы союзники не были слѣпы, то всегда имѣли бы возможность подкрѣпить восточный фронтъ нѣсколькими американскими дивизіями въ его сѣверной части и японскими на югѣ. А при такихъ ледникахъ гніеніе фронта сразу бы остановилось.

Теперь все это уже поздно; событія летятъ съ быстротой урагана и теперь союзные контингенты не могутъ уже поспѣть на нашъ погибшій и конченный фронтъ.

Борьба идетъ неравная; старая власть разбѣжалась; ея авторитетъ безвозвратно потерянъ; она изжита и стала ненавистна тѣмъ, кого ея же дряблость, нежизненность и ошибки сдѣлали силой; ея сторонники разсѣяны, неорганизованы, запуганы и забиты и для спасенія своей шкуры, достоянія и привилегій (не всѣ конечно, но къ сожалѣнію большинство) готовы на всякіе уступки, компромиссы, жертвы и даже подлости. Организація сохранившихся здоровыхъ элементовъ сейчасъ уже очень трудна; все ненадежное съ точки зрѣнія новой большевистской власти уже взято подъ подозрѣніе и подъ неослабный надзоръ.

Новая власть народныхъ комиссаровъ находится сейчасъ въ совершенно иныхъ условіяхъ: она переживаетъ медовый мѣсяцъ своего существованія и, прилещивая къ себѣ толпы, расточаетъ имъ самыя заманчивыя обѣщанія и жирные посулы; она гарантируетъ имъ немедленное избавленіе отъ всѣхъ реальныхъ непріятностей войны и сулитъ самое широкое осуществленіе всѣхъ давно накопившихся вожделѣній. Она повелительница массъ и всей вооруженной силы страны; она ничѣмъ не связана, ничего не боится (потому что нечего терять) и дерзка до послѣднихъ предѣловъ.

Ея сторонники сорганизованы, захватили всѣ рули и средства управленія; они дерзки, жадны и готовы отчаянно защищать то, что пріобрѣли и что уже начали пожирать.

Ясно, условія борьбы и силы сторонъ слишкомъ неравны; несомнѣнно также, что и обаянію власти товарищей комиссаровъ тоже наступитъ конецъ, ибо неизбѣжные законы жизни заставятъ ихъ скоро начать принужденія и воздѣйствія (что они кое въ чемъ уже и начали), а когда это произойдетъ, то массы поднимутся противъ нихъ такъ же охотно, какъ онѣ поднялись и противъ Царя, и противъ Временнаго Правительства, и противъ Керенскаго. Трудно свалить первую власть, первые авторитеты, а потомъ это дѣлается и легко, и охотно; наша интеллигенція очень постаралась, чтобы сдѣлать возможнымъ первый опытъ и подрубить тѣ суки, на которыхъ сама сидѣла; ну, а теперь разные товарищи и руководимыя ими массы будутъ повторять этотъ опытъ съ каждымъ, кто захочетъ наложить на нихъ ярмо принужденія.

Играть въ дудку инстинктовъ толпы большевики большіе мастера: достаточно почитать большевистскія газеты, наполненныя заманчивыми декретами и еще болѣе сулящими обѣщаніями, и умѣло поданными и раздутыми восхваленіями всего уже якобы сдѣланнаго новой властью для солдатъ, народныхъ массъ и трудящихся.

Сосѣдній 27 корпусъ объявилъ, что будетъ всемѣрно поддерживать власть народныхъ комиссаровъ и начинаетъ переговоры о мирѣ; наши комитеты всѣ присоединились къ этому рѣшенію. Задерживаю свой отъѣздъ, желая дождаться пріѣзда замѣстителя;

оставаться и изображать какую-то гнусную пародію на Корпуснаго командира не могу и не хочу. Послѣ обѣда получены двѣ телеграммы, достаточно ярко показывающія въ какія руки попала Всероссійская власть и какой курсъ она принимаетъ; первая телеграмма за подписями новыхъ дуумвировъ Ленина и Троцкаго, призывающая къ безпощадной борьбѣ противъ буржуевъ, помѣщиковъ и чиновниковъ; ко всѣмъ инакомыслящимъ приказывается примѣнять ни передъ чѣмъ не останавливающійся терроръ, съ заключеніемъ въ Петропавловку и на Кронштадтскіе форты. Вся горечь современной дѣйствительности, всѣ грѣхи прошлаго и вся отвѣтственность и за прошлое, и за будущее очень искусно сваливается на буржуазію и на контръ-революціонныхъ генераловъ; повидимому, мы уже не только въ преддверіи, но уже въ сѣняхъ самой черной коммуны, но уже не въ парижской, а въ чисто русской редакціи.

Другая телеграмма изъ противоположнаго лагеря отъ еще уцѣлѣвшаго гдѣ-то Комитета Спасенія Родины и Революціи (тошнота беретъ отъ одного этого названія) съ призывомъ къ массамъ одуматься и понять, къ чему ведетъ Россію сепаратный миръ и соглашеніе съ нѣмцами. Неравная опять борьба: у красныхъ дерзкая, чисто каторжная рѣшительность, оглушительное дѣйствіе и самыя крайнія средства террора; а у ихъ противниковъ жалкіе уговоры, исканіе тѣхъ струнъ, которыхъ у слушателей нѣтъ, и попытки заставить понять головой и почувствовать сердцемъ тѣхъ, у которыхъ эти органы къ такимъ операціямъ не приспособлены. По прежнему интеллигентные классы пытаются разговаривать съ массами своего собственнаго измышленія и не замѣчаютъ всей безполезности такого занятія; неужели восьми мѣсяцевъ было мало для того, чтобы убѣдиться, что всѣ эти нѣжныя средства не по адресу направлены и совершенно негодны.

Тотъ рейсъ, которымъ несутся событія, заставляетъ бояться, что всѣхъ насъ ждутъ впереди еще болѣе ужасные дни, еще болѣе тяжкія испытанія. Временное правительство не сумѣло приручить звѣрей; большевики же спустили звѣря съ цѣпей, и начинается его царство; пока его не запрутъ опять (на что мало надежды) или онъ самъ не подохнетъ, до тѣхъ поръ будетъ мракъ и ужасъ, стоны, смерть и кровь.

Нужны великія муки и страшныя испытанія для того, чтобы массы постигли, что людямъ нельзя жить по звѣриному.

Вечеромъ получили телеграмму армискома, что въ его составъ возвратились ушедшіе ранѣе соціалисты и что армискомъ принялъ на себя порученіе начать съ нѣмцами мирные переговоры; корпусные представители умѣренныхъ соціалистовъ говорятъ, что имъ пришлось измѣнить свою тактику въ виду безвыходности создавшагося положенія и для того, чтобы, принявъ участіе въ переговорахъ, постараться побольше спасти и выторговать въ пользу Россіи, не давая большевикамъ сдѣлать все это единолично и въ крайнихъ, несомнѣнно крайне вредныхъ для насъ тонахъ.

Погода стоитъ, какъ нельзя быть хуже; дороги стали совершенно непроѣзжими; въ окопахъ, блиндажахъ и баракахъ-землянкахъ невѣроятно грязно и мерзко, ибо ни чистить, ни поправлять никто изъ товарищей не хочетъ; крутости окоповъ обвалились, половина окоповъ залита жидкой грязью; подъ нарами навозныя кучи; товарищи отправляютъ всѣ естественныя потребности тутъ же въ сосѣднихъ ходахъ сообщенія и рядомъ съ землянками; всѣ помѣщенія обратились въ какія то свалки соломенной трухи, подсолнуховой шелухи, костей, консервныхъ банокъ, корокъ хлѣба и т. п.

Конскій составъ валится сотнями. Съ продовольствіемъ отчаянно плохо; нѣкоторыя части отправили въ тылъ цѣлыя вооруженныя экспедиціи добывать муку и мясо.

Товарищъ Луначарскій разразился какимъ-то весьма нелѣпымъ обращеніемъ къ новоявленной опорѣ большевизма красной гвардіи и выражаетъ увѣренность, что въ будущемъ красногвардейцы «создадутъ невиданные еще шедевры ослѣпительной красоты». Видимо, въ припадкѣ краснаго кликушества можно договориться и до такихъ вещей! Одно можно только сказать, что міру не поздоровится отъ этихъ шедевровъ и свѣтъ померкнетъ отъ этой красоты.

12 Ноября. Мелкій, какъ сквозь сито, дождикъ съ примѣсью снѣга. Осень въ этой мѣстности всегда мерзкая, но въ этомъ году природа какъ будто бы рѣшила побить всѣ рекорды мерзости.

Телеграмма изъ Вашингтона сообщаетъ, что Правительство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ рѣшило остановить отправку всего заготовленнаго тамъ для Россіи (а заготовлено не болѣе, не менѣе, какъ на $8^1/_2$ милліардовъ рублей); вмѣстѣ съ симъ дѣлается предупрежденіе, что если у власти останутся большевики и будетъ заключено съ нѣмцами перемиріе, то всякія отправки изъ Америки будутъ окончательно воспрещены.

Распоряженіе совершенно естественное, ибо было бы глупо отправлять въ Россію боевое снабженіе, которое въ ближайшемъ будущемъ попадетъ въ руки нѣмцамъ и будетъ обращено противъ тѣхъ же американцевъ.

Но только все это поздно, ибо ничѣмъ этимъ нашихъ командующихъ товарищей уже не испугать. Обидно узнавать про эти запоздалыя попытки остановить Россію въ ея безумномъ прыжкѣ въ темныя глубины самыхъ изувѣрскихъ экспериментовъ.

Боевая и командная дѣятельность начальниковъ совершенно атрофировалась; исчезла даже послѣдняя тѣнь возможности вліять на событія попытками объяснять войскамъ происходящія событія и этимъ удерживать отъ крайности совершенно безсознательное и бродящее за вожаками стадо; при современномъ составѣ частей разъ говоритъ генералъ, значитъ или вретъ, или отводитъ глаза съ какой-нибудь контръ-революціонной цѣлью: Сейчасъ, напр., пропаганда въ частяхъ убѣдила солдатъ, что французскіе и англійскіе солдаты на ихъ сторонѣ, требуютъ того же самаго, но пока еще сдерживаются своимъ имперіалистическимъ начальствомъ. Еще въ іюлѣ я нѣсколько разъ просилъ нашего командарма выхлопотать присылку намъ въ прикомандированіе къ каждой части по нѣсколько французскихъ и англійскихъ солдатъ (изъ крестьянъ и рабочихъ), которые отъ себя ознакомили бы нашихъ съ условіями военной службы въ иностранныхъ арміяхъ и жизни заграницей; къ сожалѣнію, верхи очевидно не поняли глубокаго практическаго значенія этой мѣры и она осталась неосуществленной.

Троцкій началъ печатать въ Извѣстіяхъ С. и Р. Депутатовъ документы изъ секретной переписки Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; ничего особо секретнаго и сенсаціоннаго въ опубликованныхъ документахъ нѣтъ; только самый фактъ печатанія характеризуетъ всю гнусность власти, которая этимъ занимается, торопясь расплатиться съ нѣмецкимъ генеральнымъ штабомъ за полученные когда-то серебренники. Стараются развернуться сразу во всю ширь своей подлости. Имъ не важно, что для людей, способныхъ разобраться во всѣхъ этихъ документахъ, ихъ значеніе очень ничтожно; они бьютъ на скандалъ, на щекотаніе темныхъ массъ волнующей и очень выгодной по результатамъ сенсаціей; матерьялъ умѣло приготовляется опытными по этой части человѣчками, знающими, что надо пропустить, а что такъ оттѣнить, загримировать, а въ случаѣ надобности и поддѣлать, чтобы било въ носъ и подкладывало бы свинью и союзникамъ, и старому режиму, и Керенскому со товарищи.

Для меня нѣкоторые изъ опубликованныхъ документовъ очень интересны, такъ какъ ярко показываютъ до какой степени было слѣпо Временное Правительство и какъ оно не знало и не понимало ни положенія, ни настроенія страны и армій. Терещенко разсылалъ нашимъ посламъ самыя розовыя и успокоительныя телеграммы въ то время, когда все уже трещало и разлѣзалось по всѣмъ швамъ.

Выходитъ, что и при революціонномъ Правительствѣ все оставалось по старому, какъ было при Царяхъ; по старому продолжалось безсовѣстное втираніе очковъ, замазываніе самыхъ кричащихъ прорѣхъ и безобразій; по старому всюду кипѣли, пресмыкались и творили свое злое дѣло такіе же прохвосты, жулики и лжецы, какъ та придворная клика, которая погубила Царское Село.

Теперь становится болѣе или менѣе понятно, почему союзники были такъ плохо освѣдомлены объ истинномъ положеніи Россіи; многочисленныя военныя миссіи, несмотря на свою распространенность по всему фронту, видимо, тоже питались информаціей изъ казенныхъ источниковъ, сидѣли при большихъ штабахъ и прозѣвали то, что творилось въ странѣ, въ правительствѣ и въ арміи.

Съ почи вся власть надъ пятой арміей передана въ руки военнореволюціоннаго комитета и всѣ наши командныя распоряженія отданы подъ контроль комиссаровъ.

Послалъ телеграмму въ штабъ арміи, что съ сего числа не считаю себя больше командиромъ корпуса, и въ виду неприсылки замѣстителя, прибѣгаю къ способу эвакуаціи; передалъ командованіе инспектору артиллеріи генералу Власьеву, очень спокойному и равнодушно на все смотрящему человѣку.

Въ засѣданіи Цика одинъ изъ большевиковъ назвалъ приказъ Крыленки о перемиріи величайшей безтактностью и легкомысліемъ — оцѣнка очень правильная, но по выраженіямъ слишкомъ мягкая по отношенію къ этой квинтэссенціи военной безграмотности.

Вечеромъ получена телеграмма Троцкаго, сообщающая товарищамъ, что заявленія начальниковъ союзныхъ военныхъ миссій — ложь, и что всѣ воюющіе народы жаждутъ заключить миръ, но этому мѣшаютъ имперіалистическія правительства и контръ-революціонные генералы, а потому товарищи солдаты призываются къ самой безпощадной борьбѣ за миръ.

Тошнотворно противенъ весь этотъ наборъ спеціально митинговыхъ фразъ и терминовъ, обычной бутафоріи дешевенькихъ демагоговъ-орателей, рожденныхъ изъ грязной пѣны современной хулиганщины и quasi-революціонныхъ круговъ.

Весь активъ этихъ любезныхъ толпѣ словоизвергателей состоитъ въ привычкѣ скоро, туманно и по книжному говорить, уснащивая свою рѣчь множествомъ заученныхъ (подчасъ смутно понимаемыхъ самимъ ораторомъ) иностранныхъ словъ, часть которыхъ уже пріобрѣла для толпы значеніе жупела и сдѣлалась лозунгами и любимыми поговорками.

Собираюсь въ отъѣздъ. Богъ вѣсть, удастся ли когда-нибудь вернуться; ѣду искать въ Россіи или за границей ряды тѣхъ, кто будетъ продолжать бороться за Россію съ навалившейся на нее бѣдой. Безконечно тяжело уѣзжать; три года тяжкихъ испытаній, радостно переносимыхъ ради родины во исполненіе того, чему была отдана вся жизнь, — окончились ужасомъ, горечью и позоромъ послѣднихъ восьми мѣсяцевъ. Прошлое погибло; будущее черно. Куда идти? что дѣлать и что ждетъ впереди? Полтора года напряженной работы надъ 70 дивизіей сдѣлали ее когда-то въ двухъ арміяхъ образцомъ порядка, благоустройства и воинской доблести; это была моя гордость, и все развалилось.

Я никогда не былъ оптимистомъ, но невѣроятно быстрый развалъ частей явился и для меня слишкомъ неожиданнымъ. Позоръ и горечь всего пережитаго за послѣднее время и тѣ черныя перспективы, которыя грезятся мнѣ впереди, заставили какъ то отупѣть и потерять способность остро чувствовать, изумляться и негодовать. Съ такимъ чувствомъ отупѣнія я подписалъ послѣдній приказъ (приказъ какого-то огороднаго чучела, котораго никто не слушается) по корпусу и сижу въ своей маленькой комнатѣ Шенгейдскаго помѣщичьяго дома, съ чувствомъ безразличнаго равнодушія, подобно человѣку, все уже потерявшему, все испытавшему.

Поздно вечеромъ полковникъ Гейдеманъ изъ штаба арміи передалъ, что въ Двинскъ прибылъ Главковерхъ (съ позволенія сказать) Крыленко и дважды требовалъ къ себѣ командующаго арміей генерала Болдырева, но тотъ категорически отказался это выполнить, заявивъ, что онъ такого Главнокомандующаго не знаетъ. Простилъ за это Болдыреву многія его ошибки и вихляніе; ему тоже надо было лавировать въ надеждѣ выиграть время, но когда пришелъ часъ, то онъ поступилъ такъ, какъ то обязывало его положеніе, и, когда надо было сказать прямо «да» или «нѣтъ», то онъ сказалъ: нѣтъ.

13 Ноября. Собираясь ѣхать въ Двинскъ на вокзалъ, узналъ объ арестѣ Болдырева; узналъ также, что утромъ Власьевъ выѣхалъ въ Двинскъ, куда Крыленкой вызваны всѣ командиры корпусовъ. Рѣшилъ отложить свой отъѣздъ, чтобы не могли сказать, что я спѣшно, въ виду происшедшихъ событій, удралъ изъ корпуса.

Власьевъ вернулся поздно вечеромъ; на вызовъ Крыленки пріѣхали всѣ корпусные командиры арміи, за исключеніемъ командира 27 корпуса генерала Рычкова.

По мнѣнію Власьева Крыленко не ожидалъ такого успѣха, и это его подбодрило до неспособности скрывать свою радость; онъ былъ необычайно любезенъ, разсыпался въ увѣреніяхъ самаго глубокаго уваженія къ командному составу, цѣну и значеніе котораго онъ, Крыленко, отлично понимаетъ; увѣрялъ, что побезпокоилъ командировъ только изъ желанія ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ и проливалъ крокодиловы слезы

по поводу того, что генералъ Болдыревъ «не пожелалъ исполнить его покорнѣйшей просьбы заѣхать къ нему въ вагонъ».

Свой приказъ о заключеніи перемирія полками Крыленко призналъ ошибкой, вполнѣ естественной въ той лихорадочной обстановкѣ, въ которой онъ отдавался; свои угрозы по адресу генераловъ просилъ понимать ограничительно и только по адресу тѣхъ, кто бунтуетъ противъ власти Совѣта Народныхъ Комиссаровъ.

Утверждалъ, что ни о какомъ сепаратномъ мирѣ они не думаютъ, а говорятъ объ общемъ мирѣ, такъ какъ знаютъ, что мира хотятъ всѣ воюющіе; пытался доказать, что ихъ не такъ понимаютъ и что союзниковъ они нисколько не боятся, а отъ японцевъ уже получили гарантію полнаго нейтралитета въ восточныхъ дѣлахъ.

Относительно сопротивленія Ставки и Духонина Крыленко заявилъ, что «имъ надоѣла кровь», а поэтому они не двигаютъ на Могилевъ свои Петроградскія войска, — которыя де въ одинъ день могутъ смести всю Ставку, — такъ какъ увѣрены, что сопротивленіе ликвидируется само собой, какъ только Ставка увидитъ, что она одинока.

Такова, въ передачѣ Власьева, суть бесѣды; командиры корпусовъ, по словамъ В., говорили съ Крыленкой рѣзко и правдиво, особенно же командиръ 47 корпуса генералъ Сухановъ. При прощаніи Верховнымъ былъ утонченно вѣжливъ, благодарилъ за откровенное изложеніе своихъ мыслей и высказалъ, что считаетъ, что прибывшій къ нему командный составъ дѣйствительно любитъ свою родину, такъ какъ пошелъ на встрѣчу его протянутой рукѣ.

Тутъ онъ заявилъ, что смѣщаетъ съ должности генерала Болдырева и назначаетъ его начальникомъ дивизіи, а поэтому проситъ посовѣтовать, кого назначить командующимъ арміей, а также и Главнокомандующимъ фронтомъ на мѣсто удаленнаго отъ командованія генерала Черемисова.

Бывшіе на совѣщаніи комиссары стали выдвигать мою кандидатуру, и Крыленко поручилъ корпусному комиссару Антонову спросить меня, согласенъ ли я на такое назначеніе. Я отвѣтилъ, что при современномъ положеніи не желаю командовать ни однимъ солдатомъ, а не то, что арміей или фронтомъ.

Повидимому, наша армія единственная, куда новоявленный Главковерхъ могъ проѣхать безпрепятственно; намъ очень напортило сидѣнье на прямомъ сообщеніи Двинскъ—Петроградъ при исключительномъ удобствѣ распространенія по тыламъ и резервамъ всякой нечисти и пропаганды; даже 12-я, худшая по составу и заболѣвшая большевизмомъ ранѣе, армія въ концѣ концовъ обольшевизилась не такъ скоро, какъ мы.

14, 15, 16 Ноября. Довольно тяжелый переѣздъ въ Петроградъ; пришлось пройти всѣ эвакуаціонныя мытарства. Въ Петроградѣ спокойно; улицы переполнены толстомордыми и отлично одѣтыми углубителями революціи. Немедленно по пріѣздѣ домой стали собираться ѣхать на югъ въ Новороссійскъ; говорятъ, что на казачьихъ земляхъ большевизмъ не можетъ получить широкаго развитія.

17 Ноября. Большевики все болѣе и болѣе раскрываютъ свои карты; эпоха правленія наступаетъ, кажется, самая крутая, такъ что и Держиморда позавидуетъ, но по всему видно, что большевистская дубинка идетъ въ прокъ; россійскому народу веселіе не только въ томъ, чтобы пити, а и въ томъ, чтобы быть биту. Мирные переговоры направлены очевидно къ сепаратному миру, но все это идетъ ступеньками; за то на союзниковъ большевики опредѣленно плюютъ.

18 Ноября. Былъ въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба; старшіе чины сидятъ въ постоянномъ ожиданіи ареста, однако, работа идетъ по прежнему руслу. Узналъ, что на заключеніе мира заставили ѣхать въ качествѣ военныхъ экспертовъ Полковниковъ Генеральнаго Штаба Шишкина и Станиславскаго. Вся задача Главнаго Управленія сводится сейчасъ къ тому, чтобы всѣми мѣрами задержать разрушительную работу большевистскихъ военныхъ верховъ и направить реформаторскую дѣятельность Смольнаго въ хоть сколько-нибудь осмысленное и не вредное для Россіи русло; дѣлаются попытки получить право редакціи декретовъ, касающихся арміи, для того, чтобы облекать ихъ въ грамотную форму. Всѣ надѣются на то, что большевизмъ долго не продержится, и стараются сохранить старыя учрежденія и всю систему для будущаго; я не

раздѣляю здѣшняго оптимизма, ибо не вижу того, что отняло бы власть у комиссаровъ, заключающихъ миръ, развязывающихъ отъ всѣхъ обязанностей и сулящихъ массамъ всякія пріятности. Очень жаль всѣхъ старшихъ чиновъ управленія; положеніе ихъ дѣйствительно каторжное и хуже нашего фронтового; конечно, для текущихъ дней они дѣлаютъ серьезную работу, но вся трагедія въ томъ, что работа-то безполезна, никакіе мягкіе эволюціонные пріемы съ большевизмомъ не сладятъ; по всей же системѣ, принятой комиссарами, для меня ясно, что сейчасъ они выбираютъ тѣхъ, кто пойдетъ къ нимъ служить и налаживаютъ свои аппараты военнаго управленія; когда послѣдніе будутъ готовы, то они разобьютъ все старое и вышвырнутъ всѣхъ тѣхъ, кто не будетъ съ ними.

19 Ноября. Пріѣхалъ съ фронта мой денщикъ; по его разсказамъ состояніе войны съ нѣмцами фактически прекратилось; братанье идетъ по всему фронту; нѣмцы ходятъ по окопамъ, забираются въ наши тылы, но къ себѣ нашихъ товарищей не пускаютъ; дезертирство увеличилось до невѣроятныхъ размѣровъ и роты таютъ.

Большевики продолжаютъ показывать свои отточенные нѣмцами коготки: аресты, разгоны, реквизиціи, воспрещенія, угрозы сыплются изъ Смольнаго непрерывнымъ потокомъ; массы пока рукоплещутъ, ибо ихъ шкурки и животики все это пока еще не затрогиваетъ, а отдается на чужой спинѣ. Но одно можно сказать, что такого «тащить и не пущать» не было и при первоклассныхъ Угрюмъ Бурчеевыхъ.

20 Ноября. Большевики закрыли всѣ даже соціалистическія газеты; всѣ молчатъ и покоряются, а съ насильниками ничего не дѣлается. Силой разогнали городскую думу и посмѣялись надъ ея протестами.

Ставка арестована; туда отправился Верхопрапъ Крыленко съ новымъ начальникомъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго товарищемъ Шнеуромъ (поручикъ, выгнанный судомъ офицеровъ изъ какого то гусарскаго полка); для пошло-опереточнаго Верхопрапа нашелся подходящій Наштапрапъ; умершую русскую армію ничто уже оскорбить не можетъ.

Представителями «Россіи» на заключеніе мира назначены «чисто кровавые» русскіе, товарищи Іоффе и Розенфельдъ-Каменевъ; есть ничтожное облегченіе въ томъ, что на исполненіе этого позорнаго, гнуснаго и предательскаго акта пошли не русскіе люди.

Ходятъ слухи, что Корниловъ подъ охраной 400 Текинцевъ спасся изъ Быхова и пробивается на югъ. Легко вздохнулось при этомъ извѣстіи, такъ какъ судьба Быховскихъ заключенныхъ все время висѣла мрачнымъ кошмаромъ; теперь, по крайней мѣрѣ, есть надежда, что они пробьются на Донъ или, если погибнутъ, то честно, въ бою, а не подъ лапами и муками красныхъ палачей.

Похоже на то, что подъ впечатлѣніемъ захвата общероссійской власти, Россія расколется на свои составныя части: Украина уже объявила себя самостоятельной, Западная Сибирь тоже, какое то движеніе идетъ на Дону . . .

21 Ноября. Сидимъ въ полной неизвѣстности; газеты закрыты, и большевики сообщаютъ только то, что имъ выгодно. Городская милиція, укомплектованная старыми солдатами, распущена, и городъ управляется красногвардейцами и матросами — встрѣтили на Кронверкскомъ проспектѣ трехъ такихъ товарищей съ мордами хоть сейчасъ въ альбомъ Сахалинскихъ типовъ Дорошевича.

Объявлено, что Ставка занята войсками Крыленки и что Духонинъ убитъ; вотъ же и «намъ надоѣла кровь»!

22 Ноября. Ввиду невозможности выбраться на югъ безъ какого-нибудь офиціальнаго документа, отправился на эвакуаціонный пунктъ и получилъ разрѣшеніе на отправку на Кавказъ для лѣченія. Арестованы военный министръ Маниковскій и начальникъ генеральнаго Штаба Марушевскій и увезены въ Смольный; за что арестованы — неизвѣстно. Крыленко въ газетахъ изливаетъ свое негодованіе по поводу убійства Духонина и пытается умыть руки. Конечно, физическій убійца не товарищъ Абрамъ, а тѣ солдаты, которые разорвали на куски послѣдняго Верховнаго Главнокомандующаго Русской Арміи и которые были натравлены на погибшаго тѣми обвиненіями, которые возвели на него Крыленко и Ко.

На фронтѣ во исполненіе декрета народныхъ комиссаровъ о выборномъ начальствѣ идетъ выборъ начальниковъ; Петроградъ наполняется толпами низверженныхъ командировъ всѣхъ ранговъ; эти еще счастливые, ибо имъ разрѣшили уѣхать; куда хуже положеніе тѣхъ, которые силой оставлены на фронтѣ и разжалованы на должности кашеваровъ, конюховъ и т. п. и погружены въ невѣроятнѣйшую атмосферу брани и насилій.

23 Ноября. На мирныя предложенія большевиковъ нѣмцы отвѣтили съ гордымъ снисхожденіемъ и заявили, что согласны на сепаратный миръ при условіи полнѣйшей покорности съ нашей стороны, они великолѣпно учитываютъ наше положеніе, знаютъ, что мы воевать не можемъ и сдерутъ съ присланныхъ ими на управленіе Россіей товарищей, сколько имъ захочется.

Большевики сконфуженно молчатъ; они не такъ еще окрѣпли, чтобы воочію показать наложенныя на ихъ сердца, совѣсть и воровскія руки нѣмецкія клейма. Тѣ обрывки донесеній о мирныхъ переговорахъ, которые имъ пришлось опубликовать, даютъ достаточную картину униженій, которыя испытываютъ ихъ представители, ведущіе эти переговоры (вѣрнѣе сказать, должны испытывать).

24 Ноября. Свидѣтельствовался на распредѣлительномъ пунктѣ, пока еще старымъ порядкомъ безъ товарищей и комиссаровъ. Свидѣтельствовалось 70 человѣкъ и съ ними управились въ два часа; въ общемъ одна комедія и отличный путь для уклоненія отъ службы разныхъ симулянтовъ и шкурниковъ. Много приходилось ранѣе слышать о нашихъ эвакуаціонныхъ нравахъ и порядкахъ, но я никогда не думалъ, что все это можетъ дѣлаться столь откровенно и безцеремонно.

Выпущенъ декретъ, коимъ упраздняются Сенатъ, всѣ суды и мировые судьи, — еще новая подачка всѣмъ тѣмъ, у кого остались счеты съ этими непріятными для свободныхъ товарищей учрежденіями.

За эти дни испыталъ стояніе въ разныхъ продовольственныхъ хвостахъ; какое это должно быть мученіе для людей одинокихъ, старыхъ, слабыхъ, занятыхъ службой или работой. Перешли на дачу хлѣба по три восьмыхъ фунта въ день, причемъ половина состоитъ изъ соломы; солома эта съ непривычки ранитъ горло, и я принялъ эти раны за заболѣваніе ангиной. Когда удается купить картофель, то перепекаемъ наши дачи хлѣба въ нѣмецкій К. К. бродъ.

Цѣны растутъ не по днямъ, а по часамъ; у кого есть деньги, тотъ можетъ все покупать у товарищей солдатъ, добывающихъ себѣ все въ большомъ избыткѣ при помощи угрозы разными колющими и стрѣляющими инструментами.

25 Ноября. Съ ночи и весь день толпы черни, солдатъ, матросовъ и набравшейся въ Петроградъ хулиганщины громили винные погреба Зимняго Дворца; шла перестрѣлка, трещали пулеметы, временами доносилось пьяное ура.

Народные комиссары оказались не въ силахъ справиться съ бандами товарищей, рѣшившихся поживиться запасами царскихъ погребовъ.

26 Ноября. Осчастливлены декретомъ, отмѣняющимъ права собственности на дома, которые переходятъ во власть мѣстныхъ совѣтовъ.

Вернулась съ фронта мирная депутація; предложенія нѣмецкаго командованія держатся въ строгомъ секретѣ; на ушко въ Главномъ Управленіи сообщили, что они настолько позорны и унизительны, что даже большевики стѣсняются ихъ опубликовать, боясь, что остатки національнаго стыда еще не успѣли окончательно заглохнуть.

Въ большевистскихъ верхахъ очередной скандалъ: начальникъ штаба Верхопрапа товарищъ Шнеуръ оказался бывшимъ агентомъ одного изъ охранныхъ отдѣленій; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго ибо 90% такихъ агентовъ представляли изъ себя самыхъ отборныхъ мерзавцевъ, за деньги готовыхъ на что угодно и химически чистыхъ отъ всякихъ убѣжденій и принциповъ; люди они бывалые, смѣлые и тѣмъ, кто избѣжалъ регистраціи, предстоитъ большое плаваніе въ большевистскихъ моряхъ; они это хорошо сознаютъ, что и объясняетъ, почему и въ мартѣ и въ октябрѣ такъ старательно уничтожались архивы охранокъ и сыскныхъ отдѣленій: многимъ крупнымъ шишкамъ революціи надо было уничтожать слѣды своихъ близкихъ и платныхъ отношеній съ этими мало почтенными съ революціонной точки зрѣнія учрежденіями.

27 Ноября. Большевики продолжаютъ привлекать къ себѣ расположеніе и поддержку всѣхъ низовъ рѣшительностью своей расправы съ правами верховъ и стремительностью раздачи низамъ разныхъ благъ; они сумѣли даже расколоть крестьянство на его общемъ съѣздѣ. Среди офицеровъ ходятъ слухи, что на югѣ началось антибольшевистское возстаніе, и что казаки и хохлы поднимаются противъ петроградскихъ большевиковъ.

28 Ноября. Послѣ перваго періода ошалѣнія отъ захвата власти большевиками, начинается какая-то реакція противъ совершившагося, но, къ сожалѣнію, только на почвѣ болтологіи; на улицахъ устраиваютъ манифестаціи въ пользу Учредительнаго Собранія, въ которомъ видятъ единственное спасеніе отъ власти комиссаровъ. Много рѣчей, но развѣ въ рѣчахъ сила? вѣдь, если за Собраніемъ будутъ стоять только слова, резолюціи и вздохи, то, если оно не будетъ большевистскимъ, оно не проживетъ и часа — комиссарская рѣшительность тому порукой.

29 Ноября. Говорятъ, что вчера собралось что-то въ родѣ Учредительнаго Собранія: сошлись, открылись и закрылись. Завтра ожидается декретъ объ уничтоженіи чиновъ и орденовъ; низы и чернь рукоплещутъ этому событію, видя въ томъ великую побѣду. Не рано ли радуешься многоликая, безголовая, гульливая, бурливая и глупая толпа? Не придетъ ли время, когда начнешь стонать и жалѣть о прошломъ?

30 Ноября. Становится несомнѣннымъ, что югъ Россіи возсталъ противъ Петрограда; большевикамъ сейчасъ это кстати, такъ какъ даетъ имъ богатый матеріалъ, чтобы пугать товарищей грознымъ призракомъ надвигающейся контръ-революціи, которая только и идетъ за тѣмъ, чтобы отнять у нихъ то, чѣмъ большевики набили ихъ рты, животы, карманы.

Всякому ясно, что большинство населенія не на сторонѣ большевизма; но ясно также, что большевикамъ дали столько времени, чтобы овладѣть симпатіями массъ, что съ ними теперь уже не справиться въ столичныхъ, набитыхъ товарищами и фронтовыхъ районахъ, гдѣ все антибольшевистское приравнивается немедленно къ самой черной контръ-революціи.

Говорятъ, что противъ Дона двинутъ Черноморскій флотъ и направлены какія-то надежныя части 5 арміи. Замерла война на нѣмецкомъ фронтѣ; загорается на новомъ, и загорается надолго, ибо большевики власти не отдадутъ, а значительная часть съ ихъ главенствомъ не помирится.

Вся надежда теперь на казаковъ и украинцевъ; туда даже по частнымъ свѣдѣніямъ спасаются съ фронта офицеры, старые солдаты, часть служебной интеллигенціи. Все дѣло теперь въ разумныхъ и талантливыхъ вождяхъ, которые отбросятъ гадости и стараго, и новаго порядковъ и сумѣютъ овладѣть искреннимъ довѣріемъ всей страны; тогда нашъ полетъ въ глубины анархіи и пугачевщины 20 вѣка можетъ быть скоро остановленъ. Я не знаю совершенно Каледина, но говорятъ, что онъ можетъ быть такимъ вождемъ.

1 Декабря. По городу все время идетъ рѣдкая перестрѣлка; товарищи ходятъ толпами или разъѣзжаютъ на автомобиляхъ и громятъ оставшіеся частные винные склады и погреба; на улицахъ масса пьяныхъ и идетъ открытая продажа награбленныхъ рѣдкихъ винъ.

Въ Брестѣ застрѣлился Скалонъ, принужденный комиссарами отправиться туда въ качествѣ предсѣдателя комиссіи по заключенію перемирія. Трудно себѣ представить, что пришлось ему пережить на своемъ скорбномъ крестномъ пути.

Получилъ письма изъ корпуса; всюду вступили въ должности выбранные начальники; у насъ въ 70 и 18 дивизіяхъ эта процедура прошла еще достаточно разумно, но рядомъ творятся всякія безобразія; въ артиллеріи старыхъ дивизіоперовъ посадили коренными ѣздовыми (самая трудная служба), ротныхъ командировъ назначили кашеварами и уборщиками нечистотъ. Гдѣ-то южнѣе были случаи продажи нашими товарищами нѣмцамъ своихъ пулеметовъ и орудій. Чудовищно все это, но при нашихъ товарищахъ, къ ужасу, не невозможно.

2 Декабря. По свѣдѣніямъ союзныхъ миссій нѣмцы уже увезли съ нашего фронта около сорока дивизій. Союзникамъ скоро придется на собственной шеѣ испытать послѣдствія своей близорукости, позволившей разложиться и погибнуть нашей арміи.

Выбиваюсь изъ силъ въ попыткахъ достать билеты для проѣзда на югъ; надо заплатить большія комиссіонныя, а денегъ нѣтъ. Всѣ стремленія направлены къ тому, чтобы уѣхать куда угодно, но только подальше отъ Петрограда; фронтъ какъ-то поблекъ въ памяти; вспоминаю о немъ, какъ о далекомъ покойникѣ.

Братъ горничной семьи генерала К., солдатъ какой-то артиллерійской бригады съ очень длиннымъ номеромъ, только-что дезертировавшій съ фронта, хвастался сестрѣ, что ему перепало нѣсколько сотъ рублей отъ дѣлежки суммы, полученной его батареей съ нѣмцевъ за проданныя имъ орудія; когда сестра (лично мнѣ это разсказывавшая) стала его ругать за такую мерзость, то онъ нѣсколько смутился и возразилъ: «чего же было свое терять, когда сосѣди продали и раздѣлили; чѣмъ мы хуже?»

При такомъ скотскомъ міровоззрѣніи возможны самыя невѣроятныя мерзости.

По городу ползаютъ пущенные кѣмъ то слухи, что вся работа большевиковъ направлена въ пользу возстановленія у насъ монархіи, и что таково приказаніе Вильгельма; многіе охотно вѣрятъ этой нелѣпости.

3 Декабря. Троцкій заявилъ, что ввиду начатой противъ нихъ борьбы, они даютъ мѣсяцъ, чтобы одуматься, а затѣмъ переходятъ на систему настоящаго террора и введутъ гильотину для всѣхъ враговъ народа. Крѣпко, но по крайней мѣрѣ опредѣленно и не воняетъ дряблостью.

Въ Петроградскомъ гарнизонѣ началось антибольшевистское движеніе; поздненько спохватились товарищи присяжные охранители завоеваній революціи! Использовавъ гарнизонъ для сверженія Керенскаго, комиссары отлично учли ту опасность, которую представляли эти распустившіяся и привыкшія уже свергать правительства войсковыя части; они ввели въ Петроградъ латышскіе полки и послѣ этого начали понемногу гнуть товарищей. Особенно не нравится новое положеніе Семеновцамъ, Преображенцамъ и Волынцамъ, игравшимъ до сихъ поръ роли первыхъ революціонныхъ любовниковъ.

Большевики уже начали рѣшительную игру, указавъ войскамъ Сѣвернаго фронта, требующимъ смѣны, что таковая вполнѣ возможна при помощи частей Петроградскаго гарнизона, все время стоящихъ въ тылу и не нюхавшихъ еще пороха.

4 Декабря. Нѣмцы предлагаютъ комиссарамъ купить у насъ оставшуюся у насъ матерьяльную часть и боевые запасы. Пріѣхалъ съ южнаго фронта полковникъ М.; разговаривалъ съ нимъ по поводу іюньскаго наступленія; онъ согласенъ съ моимъ мнѣніемъ, что наступленіе было крайне несвоевременно, безнадежно, и сыграло весьма серьезную роль въ усиленіи въ войскахъ большевизма. Спросилъ у него, можно ли было у нихъ разсчитывать на поддержку частями войскъ Корниловскаго выступленія; оказалось, что такъ же, какъ и у насъ на фронтѣ, — нѣтъ, нельзя было.

Очевидно, что мы, строевые начальники сѣвернаго фронта, были правы, считая это выступленіе совершенно безнадежнымъ и несвоевременнымъ; его надо было дѣлать или ранѣе іюньскихъ авантюръ, или же попозднѣе, когда массы познаютъ, что такое большевизмъ.

Вечеромъ выпущены бюллетени о заключеніи перемирія, о пріѣздѣ въ Брестъ Кюльмана и Чернина и о выѣздѣ туда же Троцкаго.

Въ пять недѣль большевики обдѣлали одно изъ крупнѣйшихъ событій текущаго вѣка, сбросили съ боевыхъ счетовъ 10 милліоновъ русскихъ штыковъ и развязали нѣмцамъ руки на всемъ восточномъ фронтѣ.

Союзникамъ предстоитъ горячая баня и только помощь американской техники можетъ ихъ спасти; одинъ изъ моихъ сегодняшнихъ собесѣдниковъ высказалъ мысль, что Брестское перемиріе можетъ быть гибельно и для самихъ нѣмцевъ, такъ какъ извѣстіе о томъ, что русскіе прекратили воевать и будутъ пользоваться всѣми благами мира можетъ вредно отразиться и на воинственности настроенія германскихъ войскъ.

По городу все шире распространяются слухи о предстоящемъ возстановленіи монархіи; думаю, что здѣсь прежде всего сказывается затаенное желаніе большинства пришибленныхъ «завоеваніями революціи» обывателей, которые, подъ ужасомъ всего переживаемаго, забыли все, чѣмъ прежде попрекали Царскій режимъ, и готовы цѣловать вновь появившагося городового, если бы онъ воскресъ.

5 Декабря. Все время идетъ рѣдкая перестрѣлка, продолжается грабежъ винныхъ погребовъ; около Биржевого моста воздухъ напоенъ запахомъ шампанскаго отъ разгромленныхъ складовъ, бывшихъ подъ зданіемъ биржи; вечеромъ впечатлѣніе такое, какъ будто бы находишься на фронтѣ и идетъ перестрѣлка секретовъ. Большевики приняли суровыя мѣры противъ винныхъ погромовъ, но пока безсильны съ ними справиться; на этой почвѣ происходятъ острые конфликты между солдатами гарнизона и красноармейцами.

Петроградъ сейчасъ залитъ дезертирами и всевозможными отбросами фронта, торгующими, жирѣющими и благоденствующими.

Вечеромъ по городу распространилось сенсаціонное извѣстіе о занятіи японцами Владивостока и о предъявленіи союзниками какого-то ультиматума. Занятіе Владивостока можетъ имѣть огромное значеніе для спасенія всего Приамурья отъ распространенія тамъ большевизма; природнаго большевизма тамъ быть не можетъ, но опасенъ большевизмъ привозной, специфически городской, подслоенный каторжными и хулиганскими элементами.

Что же касается ультиматумовъ, то въ данномъ случаѣ союзнички не на тотъ крестъ молятся; хоть бы теперь пора мистерамъ и мусью разглядѣть, съ кѣмъ приходится вести дѣло.

6 Декабря. Получилъ письмо изъ корпуса; демократизація и развалъ летятъ тамъ бѣшенымъ темпомъ. Товарищи заняты преимущественно торговлей; нѣмцы платятъ за съѣстные припасы и за мыло огромныя цѣны (кто-то изъ телефонистовъ штаба 70 дивизіи получилъ золотые часы въ обмѣнъ за два куска мыла).

Комиссары объявили войну Украйнѣ; быть можетъ, на этомъ они расквасятъ свои морды; украинцы, какъ въ 70 дивизіи, такъ и въ частяхъ 21 корпуса (почти цѣликомъ украинизированнаго) рѣзко выдѣлялись среди остальныхъ товарищей своей разумностью и уравновѣшенностью и держались особнякомъ, не поддаваясь большевизму; одно время я даже думалъ основать на нихъ закрѣпленіе порядка въ 70 дивизіи, но по революціонной неопытности ждалъ разрѣшенія и опоздалъ; надо было, не ожидая никакихъ разрѣшеній, украинизировать полки, и тогда навѣрно они удержались бы (хотя бы потому, что тогда я не получилъ бы для дивизіи тѣ ужасныя хулиганскія пополненія, которыя гноемъ залили дивизію въ августѣ и сентябрѣ).

По тому, что я видѣлъ въ частяхъ, имѣвшихъ преимущественно составъ изъ украинскихъ губерній, думается, что никакого народнаго сепаратизма у хохловъ нѣтъ; это ученіе городское или зарубежное и для интересовъ Россіи безопасное.

Казаки шевелятся; получено извѣстіе, что Калединъ занялъ Ростовъ и разгромилъ тамошнихъ большевиковъ; съ этимъ именемъ связываютъ большія надежды; говорятъ, что это человѣкъ идеи, твердый, рѣшительный, способный на подвигъ; дай Богъ, чтобы это было такъ; хочется хоть гдѣ-нибудь искать просвѣта и надежды.

Объединенная Украина и казаки могутъ сыграть рѣшающую роль въ дѣлѣ спасенія Россіи; только бы не разсорились, по славянскому обычаю, изъ за какихъ-нибудь мелочей и не забыли, что сейчасъ главное свалить большевиковъ.

Мѣстная анархія въ Петроградѣ разрастается; синодикъ разгромовъ, грабежей и всевозможныхъ насилій ширится. Большевики объявили осадное положеніе — довольно смѣшной съ ихъ стороны жестъ (должно быть отрыжка старыхъ временъ, когда объявленіе этого положенія считалось ultima ratio для прекращенія всякихъ безпорядковъ); вѣдь осадное положеніе это отмѣна законныхъ гарантій и установленіе крутой военно-административной диктатуры, ну а что же установлено большевиками съ конца октября, какъ не самая дикая диктатура, во много разъ крѣпче и безпардоннѣе любого осаднаго положенія прежняго времени.

Интересно также, какими силами располагаютъ сейчасъ комиссары для обузданія революціей, Керенскимъ и ими сугубо распущенныхъ товарищей; пока что — только латышскими полками, которые со смакомъ и съ холодной жестокостью расправляются со своими недавними господами и хозяевами; помогаетъ комиссарамъ и посѣянная ими вражда между солдатами и красноармейцами. Отдувается же за все ошалѣвшій отъ страха и наведенныхъ новой властью порядковъ обыватель.

7 Декабря. Стрѣльба и погромы, несмотря на всѣ комиссарскія угрозы продолжаются; намываюсь въ попыткахъ достать билеты для проѣзда на Кавказъ; хочется удрать всей семьей; всѣ вещи отправили въ Новороссійскъ. Безконечное стояніе въ разныхъ очередяхъ и хвостахъ выматываетъ всѣ силы, но за то пріучаетъ къ терпѣнію.

8 Декабря. Отвѣтъ украинской рады большевикамъ великолѣпенъ: что ни словечко, то перлъ хохлацкаго остроумія и злой ударъ по заправиламъ Смольнаго; въ то же время видно, что авторы не лишены пониманія наличной обстановки и чувства разумной государственности. Хорошо бы Рѣпину написать картину на тему «отвѣтъ Украинской Рады Смольному». Характерно то, что въ отвѣтѣ подчеркнуто, что Украина стремится къ федераціи, а не къ самостійности.

Сейчасъ самое опасное это вмѣшательство украинцевъ австрійской оріентаціи, что несомнѣнно будетъ поощряться нѣмецкимъ командованіемъ, коему не съ руки все, что можетъ свалить его петроградскихъ ставленниковъ.

Наконецъ то, газеты подняли животрепещущіе вопросы о грядущемъ голодѣ, о неизбѣжномъ при принятомъ большевиками курсѣ экономическомъ крахѣ и о катастрофическомъ состояніи транспорта со всѣми вытекающими изъ сего послѣдствіями. Этимъ спеціально занялась «Новая Жизнь»; ея сводки даютъ ужасныя картины того, что творится на Руси: товарищи на желѣзныхъ дорогахъ творятъ великія безобразія, избиваютъ служащихъ, и дороги корчатся въ послѣднихъ судорогахъ. Заводы и фабрики постепенно закрываются, ибо никакая производительная работа невозможна при современныхъ расцѣнкахъ и при ничтожной работоспособности. Одна изъ петроградскихъ фабрикъ, занимавшаяся во время войны постройкой деревянныхъ частей для аэроплановъ, захотѣла перевести свои деревянныя мастерскія на выдѣлку ходовой мебели; послѣ выдѣлки первой партіи обыкновенныхъ письменныхъ столовъ, стоившихъ прежде 40—45 рублей, произвели подсчетъ себѣстоимости и оказалось, что матерьялъ и работа стола обошлись въ 1800 руб.

И такъ вездѣ и во всѣхъ отрасляхъ производства.

9 Декабря. Верхопрапъ Крыленко не на шутку собрался воевать съ Украйной. Троцкій объявилъ, что имъ дано разрѣшеніе формировать особые отряды изъ военноплѣнныхъ, сочувствующихъ углубленію русской революціи и диктатурѣ пролетаріата; несомнѣнно эта попытка направлена къ образованію особыхъ частей, чтобы справляться съ непокорными товарищами. Товарищъ Троцкій торопится и не боится дѣлать то, что боялся сдѣлать товарищъ Керенскій.

Вообще по всему тому, что говорятъ въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба про работу военнаго комиссаріата, очевидно, что комиссары понимаютъ, что товарищи были хороши для того, чтобы свалить старую власть, но что надо возможно скорѣе завести свои спеціальныя большевистскія части и на нихъ опереть свое вліяніе. Троцкій отлично сознаетъ, что приходитъ часъ, когда надо имѣть надежные скорпіоны, чтобы погонять и обуздывать эти слишкомъ разошедшіяся звѣриныя кучи; латышей едва хватаетъ для Петрограда.

10 Декабря. Судя по газетамъ, на югѣ образовался новый внутренній фронтъ и началась настоящая война; туда спѣшно отправляются части красной гвардіи; комиссары убиваютъ одновременно двухъ зайцевъ, такъ какъ этими отправками очищаютъ Петроградъ отъ наиболѣе активныхъ и опасныхъ элементовъ. Пытаюсь достать какіе-нибудь товарищескіе документы, чтобы пробраться на югъ, такъ какъ при данной обстановкѣ открытый проѣздъ съ документами на командира корпуса, генерала и барона совершенно не возможенъ; такъ говорятъ всѣ пробравшіеся съ юга къ своимъ петроградскимъ семьямъ. Красноармейцы отправляются на югъ съ воинственными манифестаціями; они еще не ошпарены впечатлѣніемъ войны.

Идетъ приготовленіе общественнаго мнѣнія и петроградскаго населенія къ подошедшему уже вплотную продовольственному краху со взваливаніемъ всей вины на буржуевъ и на старый режимъ. Большевики въ объясненіяхъ вообще не стѣсняются: вѣдь объявили же они, что пьяные погромы послѣднихъ дней организуются кадетской партіей съ цѣлью ухудшить общее положеніе и использовать для контръ-революціи пьяное

настроеніе толпы. Вѣдь говорилъ же Троцкій, что, если Учредительное Собраніе пойдетъ на непочетный для Россіи миръ, то большевики уйдутъ изъ собранія и пойдутъ противъ него. Развѣ слова теперь къ чему-нибудь обязываютъ.

Пока что несомнѣнно только то, что къ намъ пришелъ Царь Голодъ, а съ нимъ экономическій и промышленный крахъ.

11 Декабря. Первый день, прошедшій безъ новыхъ декретовъ; или матерьялъ для нихъ истощился, или южныя событія слишкомъ отвлекли вниманіе комиссаровъ.

По части продовольственнаго кризиса комиссары призываютъ рабочихъ справиться съ нимъ «своими средствами»; какъ сіе понимать въ обращеніи къ рабочимъ не повѣдано, но, при выяснившемся уже арсеналѣ большевистскихъ способовъ, средства должны быть весьма рѣшительныя и для насъ буржуевъ, контръ-революціонеровъ и старорежимниковъ достаточно колючія.

Въ газетахъ сообщается о занятіи Харбина китайскими войсками и помѣщена грозная телеграмма Троцкаго, посланная имъ въ Харбинъ, объ арестѣ тамъ всѣхъ, способствовавшихъ этому событію русскихъ властей. Товарищи комиссары, самымъ безцеремоннымъ образомъ тяпающіе по головамъ всѣхъ попавшихъ подъ ихъ лапу русскихъ, вообразили, что право этого тяпанія распространяется чуть ли не на весь міръ. Троцкій не соображаетъ, что если Харбинъ занятъ китайцами, то кто же изъ его комиссаровъ или сподручныхъ окажется въ состояніи произвести требуемый имъ арестъ.

12 Декабря. Сообщеніе съ югомъ прекратилось; рѣшилъ пробираться на Дальній Востокъ; весь вопросъ въ томъ, какъ добыть средства на дорогу; всѣ наши несчастныя сбереженія мы по чувству долга обращали въ военные займы, погибшіе подъ декретомъ большевиковъ.

Голодъ надвигается во всю, такъ какъ Украйна и Донъ остановили весь подвозъ съ юга; остаются только далекіе запасы хлѣба въ Сибири, но какъ ихъ подать при хромающихъ на всѣ колеса желѣзныхъ дорогахъ? Большевистскій режимъ, распуская всѣ низы, уничтожаетъ даже надежду на-то, что грядущее Учредительное Собраніе окажется въ состояніи возстановить какой-нибудь порядокъ.

13 Декабря. Получилъ въ Главномъ Штабѣ послѣднія воспоминанія объ Императорской Россіи — звѣзды и ордена за время этой войны; прежде была бы радость, а теперь только одна горечь всего пережитаго.

Офиціально объявлено, что подвозъ хлѣба изъ Сибири и съ юга прекратился, а потому надо ожидать настоящаго голода «со всѣми его послѣдствіями»; не надо быть пророкомъ, чтобы догадаться, что всѣ эти послѣдствія обрушатся на насъ, такъ какъ товарищи голодать не хотятъ. Сейчасъ голодъ даже съ руки большевикамъ, ибо оставаясь повелителями распредѣленія наличныхъ и притекающихъ запасовъ продовольствія, они владѣютъ средствомъ привлеченія къ себѣ единомышленниковъ и вольныхъ и невольныхъ прислужниковъ, несравненно болѣе сильнымъ, чѣмъ декреты, пропаганда, убѣжденія и т. п. «Хочешь быть съ нами, дадимъ ѣсть; а не хочешь — пеняй на себя», таковъ сейчасъ лозунгъ большевистской политики по отношенію ко всему населенію. А вѣдь ради прокормленія семьи и просящихъ ѣсть дѣтей къ большевистскимъ ногамъ склонятся очень многія непреклонныя при другихъ обстоятельствахъ шеи.

Остановка многихъ заводовъ и фабрикъ увеличиваетъ толпы безработныхъ и бродягъ. Невеселыя впереди перспективы.

14 Декабря. Газеты наполнены перечнями грабежей и убійствъ въ городахъ и безпорядковъ и разгромовъ, учиняемыхъ товарищами на желѣзныхъ дорогахъ. Объявлено, что хлѣба въ Петроградѣ осталось на пять дней и что на востокъ посланы особые отряды добывать хлѣбъ и продвигать его къ красной столицѣ.

Вспоминается проклятіе Петрограду раскольниковъ, гибшихъ при Петрѣ Великомъ на работахъ при осушкѣ здѣшнихъ болотъ, и ихъ предсказаніе, что «черезъ два ста лѣтъ быть этому проклятому мѣсту пусту».

15 Декабря. Сегодня узнали, что большевики заняли всѣ частные банки и объявили ихъ національной собственностью; въ городѣ по этому случаю полная паника, такъ

какъ многіе, боясь держать цѣнности дома, положили ихъ въ сейфы и теперь разомъ потеряли все.

Лично я всегда былъ настроенъ противъ банковъ и считалъ ихъ жадными пауками и родителями всевозможныхъ спекулянтовъ и узаконенныхъ грабителей, но принятая большевиками мѣра бьетъ по всѣмъ безъ разбора и погубитъ только Россію; не намъ, корчащимся въ анархіи и нищетѣ, предписывать міру столь сногсшибательныя новшества, да еще по финансовой части; эксперименты въ экономикѣ во много разъ опаснѣе таковыхъ же въ политикѣ, ибо экономическія волны распространяются глубже, дальше, проникаютъ больше во внутрь и разводятъ за собой массу мелкихъ зыбей и волненій. Особенно остро разразился надъ обывателями декретъ о реквизиціи всѣхъ металлическихъ цѣнностей, находящихся въ сейфахъ; спокойно чувствуютъ себя только тѣ ловкачи, которые во время перевели свои капиталы заграницу.

Сегодня же объявлено о прекращеніи выдачи пенсій и о разрѣшеніи всѣмъ офицерамъ старше 43 лѣтъ выйти въ отставку.

Французы просили вернуть имъ только что присланныя намъ двѣсти орудій, но получили отказъ.

16 Декабря. Положеніе офицеровъ, лишенныхъ содержанія, самое безвыходное, а для нѣкоторыхъ равносильное голодной смерти, такъ какъ всѣ боятся давать офицерамъ какую-нибудь, даже самую черную работу; доносчики множатся всюду, какъ мухи въ жаркій лѣтній день и всюду изыскиваютъ гидру контръ-революціи.

Придетъ время, и недолго его ждать, когда всѣ, радующіеся нашему офицерскому несчастью, сами восплачутъ и возрыдаютъ.

Сегодня объявлено, что если подвозъ хлѣба прекратится, то буржуи будутъ лишены и тѣхъ $^3/_8$ фунта, которые имъ выдаютъ; это распоряженіе равносильно огульному присужденію къ голодной смерти. Вотъ тебѣ и égalité, надъ которой захлебывалась наша интеллигенція.

17 Декабря. Манифестація по поводу заключенія перемирія, причемъ приказано показать во всемъ блескѣ мощь россійскаго революціоннаго пролетаріата. На улицахъ можно было обозрѣвать великолѣпнѣйшія коллекціи самыхъ хулиганскихъ рожъ и какихъ-то человѣческихъ обмылковъ, ползавшихъ по петроградскимъ стогнамъ во всеоружіи краснаго тряпья разныхъ размѣровъ. Несмотря на всѣ административныя и спиритуальныя вспрыскиванія, настроеніе толпы сѣро-слизкое и совсѣмъ нерадостное; думаю, что у большинства еще не совсѣмъ исчезъ стыдъ, или, вѣрнѣе сказать, его остатки, за совершенное и совершаемое.

Временами между манифестантами проявлялась пугливость стада, дѣлающаго что-то не совсѣмъ хорошее, и еще не отрѣшившагося отъ старой привычки трусливо ждать неизбѣжнаго за то нагоняя и вздрючки; при малѣйшемъ гамѣ, а тѣмъ болѣе при случайномъ выстрѣлѣ, толпа съ воплями разсыпалась и бросалась прятаться по подъѣздамъ и воротамъ, а вооруженные натопорщивались и начинали стрѣлять вверхъ.

На сіи процессіи взирали, — не знаю съ какимъ чувствомъ, — почетные гости на этомъ позорищѣ не только Россіи, но и всей цивилизаціи, мирные послы Вильгельма Кейзерлингъ, Мирбахъ и Ко., осчастливившіе Петроградъ своимъ посѣщеніемъ.

Нѣмцамъ, строящимъ свое благополучіе на славянскихъ костяхъ, или, по ихъ выраженію, на славянскомъ навозѣ, должно быть было радостно видѣть, до какого разложенія дошелъ ихъ восточный сосѣдъ.

18 Декабря. Въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба сообщили, что вчера вечеромъ въ засѣданіе демобилизаціонной комиссіи пріѣхали Крыленко, Ленинъ и Троцкій и заявили, что положеніе съ миромъ почти безнадежно, такъ какъ нѣмцы наотрѣзъ отказались признать принципъ самоопредѣленія народовъ; поэтому совѣтъ народныхъ комиссаровъ считаетъ необходимымъ во что бы то ни стало возстановить боеспособность арміи и получить возможность продолжать войну.

Представители Генеральнаго Штаба заявили, что возстановленіе боеспособности существующей арміи совершенно невозможно, и что единственный исходъ это переходъ

немедленно на добровольческую армію небольшого размѣра, содержимую на принципѣ строжайшей военной дисциплины.

Крыленко съ этимъ принципомъ согласился, но при условіи, что добровольцы должны принадлежать обязательно къ ихъ партіи.

Твердость нѣмецкаго положенія показываетъ, что они учли развалъ нашей арміи и понимаютъ отлично, что, что ни дѣлай теперь комиссары, все равно русскіе воевать уже не могутъ. Комиссары же хорохорятся только для виду, а, можетъ быть, и потому, что, какъ говорятъ, Смольный получилъ какія-то опредѣленныя требованія отъ своихъ заграничныхъ единомышленниковъ о необходимости продолжать войну для разрушенія нѣмецкаго имперіализма, до тѣхъ поръ пока нѣмецкіе товарищи не усилятся настолько, чтобы заставить свое правительство съ ними считаться.

Надъ офицерами совершили послѣднее надруганіе, лишивъ ихъ семьи всякаго содержанія и сдѣлавъ это безъ всякаго предваренія; въ довольствующихъ учрежденіяхъ сегодня происходили потрясающія сцены, такъ какъ нѣкоторыя жены и вдовы пріѣхали изъ пригородовъ на занятыя деньги и имъ не на что вернуться домой, гдѣ сидятъ некормленныя дѣти; положеніе многихъ такое, что въ управленіи воинскаго начальника писаря не выдержали и, забывъ про контръ-революцію, собрали между собой нѣкоторую сумму денегъ и роздали наиболѣе нуждающимся.

19 Декабря. Сегодняшній тонъ «Правды» подтверждаетъ, что между нѣмцами и большевиками пробѣжала черная кошка; газета наполнена горькими упреками по адресу имперіалистическихъ нѣмецкихъ генераловъ, тормозящихъ заключеніе мира; очевидно, Смольному предъявлены такія требованія, что даже тамошніе диктаторы не въ состояніи на нихъ согласиться.

Верхопрапъ Крыленко выступилъ на митингѣ товарищей въ Морскомъ манежѣ и показалъ тамъ всю свою настоящую подоплеку; его рѣчь — это рекордъ подлой злобы противъ офицеровъ, безшабашнаго хвастовства завистливаго неудачника, пробравшагося наконецъ въ люди, и великаго убожества мысли и собственнаго внутренняго содержанія; это какая-то сгущенная квинтъ-эссенція классовой ненависти интеллигентнаго разночинца, изжившаго свою молодость въ ѣдкой атмосферѣ неудовлетворенной жадности, злобной ненависти ко всему, что выше, лучше и счастливѣе и зависти; должно быть тяжелая учительская лямка большевистскаго Главковерха здорово его исковеркала и сдѣлала изъ него настоящее уксусное гнѣздо.

Депутація офицерскихъ женъ цѣлый день моталась по разнымъ комиссарамъ съ просьбою отмѣнить запрещеніе выдать содержаніе за Декабрь; одна изъ представительницъ, жена полковника Малютина спросила помощника военнаго комиссара товарища Брилліанта, что же дѣлать теперь офицерскимъ женамъ, на что товарищъ съ столь ослѣпительной русской фамиліей, сквозь зубы процѣдилъ: «можете выбирать между наймомъ въ поломойки и поступленіемъ въ партію анархистовъ».

20 Декабря. Прочиталъ въ газетахъ, что въ Томскѣ образуется автономное управленіе Сибири подъ главенствомъ Потанина; порадовался этому извѣстію, такъ какъ увѣренъ, что настоящіе кондовые сибиряки большевизму не поддадутся и сумѣютъ отстоять отъ него свою Сибирь. Встрѣтилъ есаула Перфильева, который сообщилъ, что среди сибиряковъ идетъ секретная организація и отправка въ Сибирь офицеровъ и сохранившихся солдатъ, чтобы потомъ сразу образовать Уральскій фронтъ и положить предѣлъ распространенію большевизма на востокъ. Совершенно неожиданно получилъ предложеніе отъ Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба ѣхать на Дальній Востокъ для временнаго исполненія должности военнаго агента въ Токіо. Несмотря на всю завидность этого предложенія, дающаго мнѣ возможность на законномъ основаніи удрать изъ Петрограда и получить даровой проѣздъ, отказался, такъ какъ неудобно принимать какія-нибудь назначенія отъ Главнаго Управленія, сидящаго между двумя стульями. Вечеромъ у меня былъ М., называлъ Донъ Кихотомъ и уговаривалъ согласиться, какъ для себя лично, такъ и ради спасенія военной агентуры, которую большевики хотятъ уничтожить. Я по своему дальневосточному цензу единственный кандидатъ, котораго можно отправить, не вызывая комиссарскаго подозрѣнія. Но я все же отказался.

Газеты заговорили о неудачѣ мирныхъ переговоровъ. Большевистская «Правда» наполнена угрозами по адресу нѣмецкихъ имперіалистовъ.

21 Декабря. Большевики продолжаютъ бить по головамъ буржуевъ; даже неудачу мирныхъ переговоровъ взвалили на этихъ несчастныхъ козловъ отпущенія, обвинивъ ихъ въ соглашеніи съ нѣмецкими генералами и во внушеніи послѣднимъ непріемлемыхъ для Смольнаго требованій. Большевистскій офиціозъ внушительно сообщаетъ, что ввиду задержки въ ходѣ мирныхъ переговоровъ товарищъ Крыленко «отбылъ на фронтъ къ своимъ арміямъ».

Несомнѣнно, нѣмцы умрутъ отъ страха и откажутся отъ всего своего имперіализма, какъ только до нихъ дойдетъ грозная вѣсть, что самъ «Наполеону равный» товарищъ Абрамъ, спеціализировавшійся за время сидѣнія въ разныхъ обозахъ и тыловыхъ убѣжищахъ на стратегическомъ вожденіи армій, принимаетъ на свою геніальную голову руководство военными дѣйствіями и становится во главѣ непобѣдимыхъ разнузданныхъ бандъ, продающихъ врагу свои пушки и пулеметы, и способныхъ только на грабежъ населенія, да на убійства и измыванія надъ отданными на ихъ произволъ офицерами.

Конечно, вся эта комедія продѣлывается по взаимному соглашенію съ нѣмцами для того, чтобы постепенно подойти къ неизбѣжности принятія нѣмецкихъ условій; вѣдь и Троцкій, и Крыленко знаютъ, что армія воевать не можетъ, и направляютъ свои воинственные громы только для одураченія населенія.

22 Декабря. Меня усиленно убѣждаютъ согласиться на японскую командировку, затянуть, насколько возможно, разгромъ большевиками нашей военной агентуры. Щ. и другіе сослуживцы считаютъ, что было бы глупо отказаться отъ такой возможности, которая ни къ чему не обязываетъ, такъ какъ съ момента выхода изъ сферы власти комиссаровъ, откроется возможность и получить полную свободу дѣйствій; это даже будетъ очень эфектно удрать изъ подъ большевистской лапы за большевистскій же счетъ. Одинъ изъ народныхъ комиссаровъ Склянскій упорно настаиваетъ на томъ, чтобы или уничтожить военныхъ агентовъ совсѣмъ, или временно замѣнить ихъ партійными работниками (онъ тоже не расчухалъ, что никто его партійныхъ работниковъ и на границу къ себѣ не пуститъ).

Обѣщалъ подумать и завтра пойти въ Главное Управленіе для окончательной тамъ оріентировки и рѣшенія.

Въ видѣ очередной бутафоріи большевики грозятъ объявить нѣмцамъ священную войну и призвать къ оружію все мужское населеніе. Все это сказки для дѣтей младшаго возраста, ибо комиссары знаютъ, что при всей ихъ аракчеевской рѣшительности, они не чудотворцы и воскресить умершую русскую военную мощь они не въ силахъ; да и не для этого они присланы сюда нѣмецкимъ генеральнымъ штабомъ.

23 Декабря. Ввиду полной невозможности пробраться на югъ, даже по Волгѣ, пошелъ на уговоры своихъ друзей и далъ свое согласіе на командировку меня въ Японію; иного способа уѣхать изъ Петрограда и вывезти свою семью у меня нѣтъ. Сегодня же узналъ, что причиной увольненія большевиками нашихъ военныхъ агентовъ въ Лондонѣ, Римѣ и Токіо явилась присылка Ермоловымъ, Энкелемъ и Яхонтовымъ телеграммъ съ изложеніемъ чувствъ негодованія по поводу захвата власти большевиками; телеграммы эти попали въ руки комиссаровъ и очень усложнили и безъ того корявое положеніе Главнаго Управленія, продолжающаго вести еще всѣ офиціальныя сношенія съ союзными миссіями и въ то же время исполнять распоряженія военнаго комиссаріата. Представители союзныхъ миссій продолжаютъ бывать въ Управленіи и даже очень хлопочутъ о полученіи русскихъ орденовъ согласно ранѣе имѣвшихся на этотъ счетъ предположеній; Главный Штабъ занятъ разверсткой этихъ орденовъ и при мнѣ тамъ были разговоры о какой-то замѣнѣ орденовъ старшими для одного изъ японскихъ генераловъ и для нѣсколькихъ французскихъ и итальянскихъ офицеровъ. Всѣ эти награжденія проводятся заднимъ числомъ, какъ бы за время состоянія Военнымъ Министромъ Генерала Маниковскаго. Военный Комиссаріатъ, очевидно, объ этомъ знаетъ, такъ какъ всюду сидятъ его комиссары, но смотритъ на все это сквозь пальцы. Характерная Россійская каша:

большевики заключаютъ миръ съ нѣмцами и плюютъ на союзниковъ, а союзныя миссіи приходятъ въ Главный Штабъ за полученіемъ русскихъ орденовъ.

24 Декабря. Сильный морозъ и снѣжная мятель; ко мнѣ заходили солдаты, пріѣхавшіе съ фронта, поздравить съ наступающимъ праздникомъ (какъ будто бы можетъ быть какой-нибудь праздникъ при теперешней обстановкѣ; разсказали, что на фронтѣ совсѣмъ тихо, въ ротахъ остались только тѣ, кому идти некуда или не охота возвращаться домой — человѣкъ по 20—25 въ ротѣ; это сразу облегчило продовольственный вопросъ, и ѣдятъ сейчасъ на фронтѣ обильно и хорошо.

Въ городѣ распространился слухъ, что Крыленко рѣшилъ объявить священную войну всему міру. Положеніе народныхъ комиссаровъ сейчасъ очень неважное: совершили самыя отборныя подлости, отдали на поруганіе всѣ національныя святыни, сманили на свою сторону товарищей, суля имъ немедленный миръ, а вмѣсто этого и на внѣшнемъ фронтѣ что-то не клеится, да и въ самой странѣ получились новые внутренніе фронты, гдѣ придется воевать и воевать серьезно, ибо оттуда поднимается волна на уничтоженіе комиссародержавія и большевизма.

25 Декабря. Печальное, небывало грустное Рождество; сидимъ во мракѣ; электричество даютъ вечеромъ отъ 9 до 10 часовъ, а свѣчи не по карману. Праздничное довольствіе выразилось въ дачѣ еще одной восьмой фунта хлѣба.

Вспоминается прошлое Рождество среди частей 70 дивизіи, въ расцвѣтѣ боевыхъ надеждъ, когда такой близкой казалась возможность скорой побѣды надъ врагомъ, когда и въ мысляхъ не могло быть, что придется встрѣчать слѣдующее Рождество въ такой ужасной обстановкѣ.

26 Декабря. Былъ въ Главномъ Управленіи у генерала Рябикова, вѣдающаго всей агентурой; онъ сообщилъ, что принципіально моя командировка рѣшена, но надо какъ нибудь получить согласіе военныхъ комиссаровъ, въ какомъ направленіи дѣло сейчасъ и ведется. Управленіе Генералъ-квартирмейстера пока еще держится по старому, ведетъ всѣ заграничныя сношенія.

Всѣ концы приходится дѣлать пѣшкомъ, такъ какъ трамваи не ходятъ; утромъ натыкаешься иногда на трупы убитыхъ ночью или на лужи крови; по послѣднимъ всѣ проходятъ также равнодушно, какъ если бы это были лужи воды. По утрамъ на улицахъ бредутъ массы офицеровъ въ штатскомъ, самомъ разношерстномъ одѣяніи; сегодня попался одинъ въ наспѣхъ перешитой женской шинели и въ папахѣ съ выпоротымъ галуномъ; изъ подъ шинели торчали высокіе сапоги.

27 Декабря. Утромъ вышли разрѣшенныя большевиками газеты; содержаніе — обычный винегретъ изъ воплей эсеровъ объ Учредительномъ Собраніи и изъ пережевываній вопроса о заключеніи мира. Заходилъ пріѣхавшій съ фронта телефонистъ 70 дивизіи; говоритъ, что сейчасъ въ частяхъ стало совсѣмъ сносно, ибо самые отъявленные трусы и шкурники дезертировали, а главные и наиболѣе ѣдкіе агитаторы устремились или въ Петроградъ, или домой въ надеждѣ сдѣлать тамъ большевистскую карьеру и проскочить въ комиссары; на фронтѣ же остались наиболѣе инертные и по сути спокойные солдаты; войны нѣтъ, службы нѣтъ почти никакой, кормятъ сносно, деньги даютъ, чего же еще больше желать. Когда уходили по домамъ, то растаскивали полковые запасы (дѣлили «чихаусы»), а часть обозныхъ и артиллеристовъ уѣхали на долгихъ, запрягши въ казенныя повозки облюбованныхъ и сохраненныхъ лошадей.

28 Декабря. Былъ у Управляющаго Военнымъ Министерствомъ генерала Н. М. Потапова (мой сослуживецъ по Л. гв. 3 артиллерійской бригадѣ); во внѣшности все по старому, тотъ же кабинетъ начальника Генеральнаго Штаба, тотъ же секретарь, тотъ же порядокъ пріема.

Не завидую я всѣмъ, застигнутымъ большевизіей на петроградскихъ постахъ и вынужденнымъ продолжать работу и тянуть ставшую каторжной лямку въ надеждѣ, что случится какое-то чудо; это не служба, а какой-то мрачный и невыносимый винегретъ изъ уступокъ собственной совѣсти, компромиссовъ, ухищреній, выторговываній, поддѣлываній подъ тонъ комиссаровъ, въ надеждѣ спасти хоть какіе-нибудь осколки здороваго стараго.

29 Декабря. Насъ перевели на 1/4 фунта хлѣба; спасаемся только картофелемъ, но и тотъ дошелъ до 30 руб. за пудъ, да чтобы его достать приходится съ 2—3 часовъ ночи становиться въ хвосты и отчаянно мерзнуть. По свѣдѣніямъ газетъ, во многихъ частяхъ Россіи начался свирѣпый голодъ, а въ Туркестанѣ убиваютъ стариковъ. Здѣсь начинаютъ чертобродить именующіе себя анархистами, а въ дѣйствительности отборные подонки тюрьмы и хулиганщины.

Пріѣхалъ мой бывшій начальникъ штаба корпуса полковникъ Бѣловскій; по его словамъ, никакой арміи нѣтъ; товарищи спятъ, ѣдятъ, играютъ въ карты, ничьихъ приказовъ и распоряженій не исполняютъ; средства связи брошены, телеграфныя и телефонныя линіи свалились, и даже полки не соединены со штабомъ дивизіи; орудія брошены на позиціяхъ, заплыли грязью, занесены снѣгомъ, тутъ же валяются снаряды со снятыми съ нихъ аллюминіевыми колпачками (перелиты въ ложки, подстаканники и т. п.). Нѣмцамъ все это отлично извѣстно, такъ какъ они подъ видомъ покупокъ забираются въ наши тылы верстъ на 35—40 отъ фронта; нашихъ товарищей нѣмцы къ себѣ не пускаютъ, держатъ ихъ въ струнѣ и позволяютъ торговать только у особо поставленныхъ рогатокъ. Видѣлъ бывшаго командира 27 корпуса ген. Кузьмина-Караваева, только что пріѣхавшаго изъ Тифлиса отъ Главнокомандующаго Кавказской арміей; ѣхать сейчасъ, по его словамъ, хуже всякой каторги; онъ самъ видѣлъ нѣсколькихъ пассажировъ, въ томъ числѣ двухъ дамъ, которые были втиснуты въ разрушенныя уборныя, завалены тамъ солдатскими вещами, и ѣхали такъ 10 дней, покупая дорогой цѣной приносимую имъ товарищами воду.

Бѣловскій, между прочимъ, разсказывалъ, что оставшійся въ послѣднее время корпуснымъ комиссаромъ старый солдатъ приходилъ къ нему по вечерамъ и тихонько шепталъ на тему, что теперь все спасеніе въ томъ, чтобы Царя назадъ вернуть.

30 Декабря. Всячески, но пока безплодно пытаюсь достать себѣ не внушающіе подозрѣнія документы, чтобы, при неуспѣхѣ комбинаціи съ японской командировкой, пытаться пробраться на югъ; ругаю себя за малую революціонную опытность: надо было еще при старомъ корпусномъ комитетѣ и комиссарѣ заручиться нѣсколькими бланками за печатями; можно было достать тоже и изъ армейскаго комитета.

31 Декабря. Послѣдній день рокового для Россіи года; за этотъ годъ прожиты многія сотни лѣтъ, а результаты его отразятся на жизни многихъ десятковъ грядущихъ поколѣній. Сидимъ въ самомъ мрачномъ настроеніи, такъ какъ всѣ попытки достать необходимые для отъѣзда документы провалились.

Черноморскій флотъ разразился звѣрскимъ истребленіемъ своихъ офицеровъ. Большевики хорошо понимаютъ, что на ихъ пути къ овладѣнію Россіей и къ погруженію ея въ бездну развала, ужаса и позора главнымъ и активнымъ врагомъ ихъ будетъ русское офицерство и стараются во всю, чтобы его истребить.

Черезъ 1/4 часа перелѣзаемъ въ Новый годъ; несмотря ни на что, хочется на что-то надѣяться, но пусто отзывается это въ сердцѣ; слишкомъ мрачны и неприкрашены тѣ пучины русской дѣйствительности и тѣ звѣриные инстинкты водителей темныхъ массъ русскаго народа, которые «обло, стозѣвно, лаяй и искій кого бы поглотити» вылѣзли наружу и своимъ гноемъ залили все прошедшее и погубили всякія надежды на будущее.

1918 годъ.

1 Января. Трамваи не ходятъ; газетъ нѣтъ; электричество не горитъ; въ животѣ пусто, а въ головѣ и на душѣ какая-то сѣрая слякоть. По истинѣ правъ я былъ, отвѣтивъ на прошлую Пасху на поздравленіе Жилинскаго объ избавленіи меня отъ большой опасности (снарядъ хватилъ между ногами моей лошади, и я отдѣлался только контузіей), что, быть можетъ, я былъ бы счастливѣе, если бы снарядъ попалъ нѣсколько ближе и выше. Умирать все равно когда-нибудь надо.

Спасительный картофель все лѣзетъ вверхъ, сегодня фунтъ его стоитъ уже одинъ рубль, а самъ онъ мерзлый, тяжелый, да земли на немъ еще на гривенникъ.

2 Января. Сидѣть въ темнотѣ при теперешнемъ настроеніи — это кошмаръ, хуже голода; ни читать, ни заниматься; завидуешь тѣмъ квартирантамъ, которые по наряду домоваго комитета сторожатъ входные подъѣзды и ворота и въ распоряженіе которыхъ дается фонарь. Кругомъ вооруженные грабежи, кражи; вчера толпа расправилась самосудомъ съ двумя пойманными около насъ ворами; вообще самосудъ начинаетъ прививаться; очевидно, онъ сродни намъ, а сейчасъ, кромѣ того, даетъ хоть какой-нибудь отвѣтъ на общій вопль найти гдѣ-нибудь защиту. Интересно, что въ самосудѣ принимаютъ участіе многіе интеллигентные по виду зрители, и даже дамы; нервы у всѣхъ такъ взвинчены, что большинство безсильно противостоять заболѣванію эмоціями толпы въ ихъ острыхъ проявленіяхъ.

3 Января. Въ Главномъ Управленіи считаютъ, что наша командировка прошла, такъ какъ, повидимому, удалось измѣнить или преодолѣть желаніе военнаго комиссара Склянскаго похерить всѣхъ военныхъ агентовъ; говорятъ, что помогло неопредѣленное положеніе съ заключеніемъ перемирія, и родившаяся изъ того тенденція повременить открытымъ разрывомъ съ союзниками; говорятъ также, что, давая согласіе на командировку трехъ офицеровъ генеральнаго штаба, (меня, Водара и Гудимъ-Левковича) Склянскій сказалъ: «пусть ѣдутъ, но только обязуются насъ не ругать».

Положеніе Главнаго Управленія съ каждымъ днемъ тяжелѣе и невыносимѣе; на-дняхъ одинъ изъ чиновниковъ, желая подслужиться къ большевикамъ, донесъ Смольному, что не всѣ заграничныя телеграммы докладываются начальникомъ Генеральнаго Штаба; послѣдовалъ обыскъ, отобраніе всѣхъ шифровъ и полная невозможность дальнѣйшей секретной оріентаціи нашихъ агентовъ и пословъ.

Вечеромъ видѣлъ телеграмму генералъ-квартирмейстера Западнаго Фронта Подполковника Соллогуба, очень ярко рисующую картину разложенія всѣхъ армій фронта, разрушенія всей организаціи; доносится, что арміи даже нельзя тронуть съ мѣста и отвести назадъ, такъ какъ все, еще оставшееся, немедленно разсыпется, ринется домой и уничтожитъ всѣ прилегающіе къ тыламъ армій районы.

Повседневная административная работа замираетъ, ибо старые цензовые работники разогнаны, а выбранные на ихъ мѣста крикуны, весь цензъ которыхъ только въ глоткѣ и ни передъ чѣмъ не останавливающейся дерзости, ни уха, ни рыла не понимаютъ въ томъ дѣлѣ, вертѣть которое взялись.

4 Января. Вызывали въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба; нѣсколько человѣкъ нашихъ офицеровъ судорожно пытаются спасти положеніе, сохранить организацію и всячески тормозить работу большевиковъ на разрушеніе, въ надеждѣ, что царство звѣря продолжится недолго. Я высказалъ имъ свое мнѣніе, что ихъ самопожертвованіе безполезно, ибо комиссары очень хорошо понимаютъ, какъ къ нимъ относятся, и спѣшно работаютъ надъ созданіемъ собственнаго аппарата военнаго управленія, составленнаго изъ своихъ или изъ надежно купленныхъ людей; то, что дѣлается сейчасъ въ военномъ комиссаріатѣ и въ штабѣ красной арміи, куда перетягиваются цѣлые отдѣлы Главныхъ Управленій, показываетъ достаточно убѣдительно, къ чему стремятся большевики. Намеки на это я слышалъ еще въ Двинскѣ незадолго до своего отъѣзда, когда кто-то изъ большевистскихъ комитетчиковъ, только что вернувшійся изъ Петрограда отъ Склянскаго и Подвойскаго, разболтался по поводу грядущихъ реформъ, желая этимъ показать, очевидно, свою близость къ высокимъ сферамъ; онъ тогда прямо сказалъ, что старыя учрежденія будутъ щадиться до тѣхъ поръ, пока на ихъ мѣсто не построятся комиссарами свои собственныя.

Собираю въ генералъ-квартирмейстерствахъ всѣ данныя о дѣйствительномъ положеніи фронта и страны, чтобы имѣть возможность по пріѣздѣ на Дальній Востокъ оріентировать наши посольства въ Токіо и Пекинѣ; захватъ шифровъ лишилъ Главное Управленіе возможности дѣлать это телеграфомъ. Приходится все накапливать въ памяти, такъ какъ при современномъ положеніи брать съ собой какіе-либо документы невозможно. Общее настроеніе въ Главномъ Управленіи очень оптимистическое; надѣются на здравый смыслъ народа (они не были на фронтѣ) и увѣряютъ, что ко времени прибытія командируемыхъ заграницу на мѣста обстановка рѣзко измѣнится къ лучшему.

Сегодня вышло новое положеніе объ окладахъ содержанія; Главный Штабъ и Управленія выдержали страшную борьбу, но умудрились внести въ это положеніе много здраваго смысла; самое главное, что абсолютное равенство окладовъ признано абсурднымъ и вся реформа свелась къ тому, что младшимъ прибавили, а старшимъ убавили, и сдѣлали это разумно, такъ какъ высшіе оклады военнаго времени были у насъ непомѣрно велики; послѣ удачной войны можно раздавать особо отличившимся денежныя награды, дарить дома и земли, но безсмысленно въ тяжелое время войны разсыпать милліоны на выдачу такихъ окладовъ, которые по своимъ размѣрамъ ведутъ или къ невѣроятно роскошной жизни или къ накопленію состояній.

Городъ въ ажитаціи по поводу предстоящаго открытія Учредительнаго Собранія; слухи ползаютъ самые пестрые и разнообразные; большевики готовятся во всю, чтобы остаться хозяевами положенія, и несомнѣнно не остановятся ни передъ чѣмъ. Въ Неву привели линейный корабль, два крейсера и нѣсколько миноносцевъ, а составъ гарнизона усиленъ латышами и надежными матросскими отрядами. Что могутъ противопоставить сему товарищи эсеры и прочіе говорливые, но мало дѣйственные сторонники Учредительнаго Собранія.

5 Января. Въ нашемъ районѣ день прошелъ спокойно; въ сторонѣ Литейнаго и Таврическаго Дворца была стрѣльба; пришедшіе оттуда говорятъ, что есть убитые и раненые; обыватель пришипился и только собираетъ слухи. По улицамъ ѣздятъ вооруженные автомобили и ходятъ патрули, съ самыми хулиганскими мордами.

Состоялось ли открытіе «Учредиловки», какъ ее вульгарно теперь называютъ, неизвѣстно; большевики вѣдь все равно власти не отдадутъ: не для того они ее захватывали; кому охота лишаться всѣхъ матерьяльныхъ и честолюбивыхъ сладостей, связанныхъ съ нахожденіемъ у власти, и уходить въ небытіе подъ пяту новаго властелина или прятаться въ подполье и начинать вновь голодное нелегальное существованіе.

Сами комиссары не уйдутъ, а прогнать ихъ силой въ распоряженіи Учредительнаго Собранія нѣтъ средствъ; болтать за него языкомъ охотниковъ много, а поработать руками почти никого; всѣ будто очень довольны, если придетъ какой-то дядя и прогонитъ скверную буку, но никто не желаетъ прогнать его самъ, боясь опасности и непріятныхъ послѣдствій.

Робкій и трясущійся обыватель способенъ только на жалобы (да и то больше шопотомъ), на тайныя мольбы о приходѣ избавителя, на громкія иногда резолюціи, но не болѣе. Достаточно подходящаго количества матросни и красноармейщины, чтобы обывательщина забралась въ свои мурьи и, обливаясь отъ страха холоднымъ потомъ, была готова лобызать любыя лапы, лишь бы сохранить прикупленные запасы и свои обывательскіе животишки.

Тряслись передъ опричниками, тряслись передъ голубыми ангелами и гороховыми пальто, теперь трясутся передъ товарищами комиссарами.

Въ безформенности, слякотности и трусости нашего обывателя главнымъ образомъ и кроется та нелѣпость, которая позволяетъ уголовно-хулиганской шайкѣ уже второй мѣсяцъ верховодить Россіей, являя міру гнуснѣйшіе образцы охлократіи.

Вчера наканунѣ созыва «Учредилки» большевики выстрѣлили въ массы весьма сумбурной деклараціей правъ.

Вообще векселей и обязательствъ подписано и выброшено во всеобщее употребленіе цѣлая куча; расплачиваться за нихъ вѣдь не комиссарамъ, а Россіи; времл же расплаты комиссары постараются оттянуть насколько возможно, а, если кто подумаетъ торопить, то покажутъ латышскіе и матросскіе штыки.

6 Января. Оказывается, что открытіе Учредительнаго Собранія состоялось, но окончилось его разгономъ. Суть недолгаго засѣданія свелась къ руготнѣ двухъ враждующихъ сторонъ. Преобладаніе въ собраніи эсеровъ, на которыхъ большевики смотрятъ какъ на срочныхъ и наиболѣе опасныхъ враговъ, предрѣшило его судьбу. Большевики слишкомъ цѣнятъ власть, чтобы потерлть ее только на основаніи голосованій и резолюцій; они дадутъ говорить пулемету, штыку, кулаку и дубинѣ — основнымъ инструментамъ ихъ оркестра.

7 Января. Вышелъ большевистскій декретъ о роспускѣ Учредительнаго Собранія; какъ явно контръ-революціоннаго — въ ярлыкахъ и терминахъ комиссары не стѣсняются и берутъ образцы позаористѣй и похлеще. Теперь очередь за учрежденіемъ россійскаго конвента.

Можно себѣ представить какіе вопли поднимутъ теперь эсеровскія газеты и какое море негодованія будетъ ими разведено по поводу этого неизбѣжнаго событія.

Эсеровскіе вожди должны были давно уже прозрѣть, кто такой ихъ противникъ, на чемъ онъ базируется и въ чемъ его сила; тогда они обязаны были подумать, чтобы ко времени рѣшительнаго столкновенія противопоставить силу — силѣ, а не ораторскіе надрывы Чернова и Ко. латышскому штыку и матросскому кулаку.

Эсеровскіе вожди обязаны были понять, что передъ ними стоитъ врагъ, несравненно болѣе рѣшительный, чѣмъ былой Царскій режимъ, а кромѣ того несравненно болѣе безпринципный, жестокій и способный на все. При Царяхъ, наравнѣ со многими, рожденными придворнымъ болотомъ недостатками, стояло благородство аристократической расы, состраданіе, подчасъ величіе души и всегда тѣ сдерживающіе стимулы, которые отличаютъ цивилизованнаго человѣка отъ гориллы и звѣриной похоти и прихоти изувѣровъ-маніаковъ, подкрѣпленныхъ бандами негодяевъ, преступниковъ и хулигановъ, случайно выбившихся на верхъ и на проломъ идущихъ къ намѣченной цѣли.

Большевики не постѣснились позавчера встрѣтить пулеметами толпы народа, пытавшіяся манифестировать въ пользу Учредительнаго Собранія, а когда Собраніе оказалось неподходящаго состава, то его въ два счета разогнали латышскими стрѣлками (послѣднихъ не трудно понимать, такъ какъ чѣмъ хуже Россіи, тѣмъ больше четолюбивыхъ надеждъ у разныхъ мелкихъ народностей).

Стрѣльба 5 Января все же очень «недемократична», и поэтому всю вину и отвѣтственность за нее комиссары валятъ опять на буржуевъ, этихъ новоявленныхъ мальчиковъ для сѣченія за всѣ вины большевистской власти. Направляя толпы на буржуевъ, большевики чужими руками расправляются съ опасными для нихъ элементами и въ то же время даютъ направленіе для разряда неудовольствія и ненависти, накапливающихся и противъ нихъ самихъ въ тѣхъ массахъ и подонкахъ населенія, которымъ они столько обѣщали, но удовлетворить во всю ширину ихъ вождѣленій не могли, и которымъ также хочется дорваться до власти и попировать вволюшку.

8 Января. Былъ въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба, гдѣ засталъ интересное засѣданіе: изъ Бреста пріѣхалъ членъ мирной депутаціи ген. штаба Капитанъ Липскій и привезъ на разрѣшеніе цѣлую кучу вопросовъ, на которые сегодня же надо дать отвѣтъ; узналъ, что нѣмцы рѣшили провести будущія границы Россіи по линіи современнаго фронта, и что однимъ изъ условій мира поставлена немедленная демобилизація русской арміи; Курляндія и Польша остаются занятыми нѣмецкими войсками, такъ какъ эти страны уже «самоопредѣлились и, по заявленію нѣмцевъ, желаютъ находиться подъ нѣмецкимъ протекторатомъ (послѣ большевистскихъ экспериментовъ запросишься подъ любой протекторатъ, лишь бы избавиться отъ комиссаровъ!)

Предлагаемая нѣмцами граница отбрасываетъ насъ на сотни лѣтъ назадъ и ставитъ Россію въ невѣроятно невыгодное стратегическое положеніе, такъ какъ всѣ главные желѣзнодорожные узлы остаются внѣ этой границы, и все что сдѣлано по постройкѣ стратегической сѣти нашихъ пограничныхъ районовъ въ корнѣ уничтожается.

Кромѣ того по проекту договора Эзель и Даго отходятъ отъ Россіи и входы въ Финскій заливъ находятся не въ нашихъ рукахъ. Всѣ эти требованія, по словамъ Липскаго поставлены нѣмцами въ самой ультимативной формѣ, а вопросъ о границахъ южнѣе Бреста будетъ рѣшаться съ украинцами самостоятельно.

Прямо одурь беретъ отъ того, какой цѣной расплачиваются большевики за предоставленіе имъ возможности захватить власть надъ Россіей; вѣдь даже проиграй мы прямо войну, условія не были бы хуже и позорнѣе.

Видѣлъ своего стараго врага по крѣпостнымъ вопросамъ, безталаннаго, но вліятельнаго евнуха нашей военно-инженерной техники генерала Величка; онъ изображаетъ

что-то въ родѣ Инспектора по инженерной части и пріѣхалъ изъ Ставки, управляемой Бончъ Бруевичемъ, мерзѣйшей памяти «Маскоттой» старичка Рузскаго. Величко увѣряетъ, что представители союзниковъ до сихъ поръ торгуются съ большевиками по части сохраненія на русскомъ фронтѣ призрака состоянія войны и отказа отъ идеи заключенія сепаратнаго мира; при этомъ большевики ничего опредѣленно не говорятъ, но ставятъ первымъ условіемъ офиціальное признаніе союзниками ихъ власти.

Ночью красноармейцы убили въ Маріинской больницѣ перевезенныхъ туда изъ Петропавловской крѣпости Кокошкина и Шингарева; послѣдній былъ крупной и очень симпатичной политической фигурой чисто практическаго характера.

9 Января. Весь день прошелъ въ бѣготнѣ по полученіи права на выѣздъ изъ Петрограда; порядокъ или, вѣрнѣе, безпорядокъ такой же, какъ и раньше, но безъ присущей прежнему режиму дѣловитости и опредѣленности (даже въ необходимыхъ смазкахъ); новые чины ничего не понимаютъ въ своемъ дѣлѣ, но строго соблюдаютъ всѣ внѣшнія формы, что еще болѣе затягиваетъ всю процедуру ихъ дѣлопроизводства. Всюду надписи, «просятъ не оскорблять швейцаровъ и курьеровъ предложеніемъ чаевыхъ», но берутъ такъ же, какъ и прежде. Надо получить какой-нибудь паспортъ для себя и для жены, взамѣнъ наличныхъ генеральскихъ, дабы избѣжать по пути всякихъ непріятностей.

Комиссаръ Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба положилъ свою печать и подпись на удостовѣреніи личности, данномъ этимъ управленіемъ, но у жены паспортъ на имя жены генералъ-лейтенанта.

10 Января. Заходилъ въ кредитную канцелярію, чтобы узнать нельзя ли получить нѣкоторое количество валюты въ обмѣнъ на рубли; оказалось, что въ самомъ началѣ большевистскаго хозяйничанья вся наличная въ канцеляріи валюта куда-то исчезла, остались только греческія драхмы и румынскія леи. Порядки въ канцеляріи самые современные: никто не знаетъ, что у нихъ имѣется по части валюты, а затѣмъ принесли ящикъ и стали считать сваленныя туда иностранныя деньги, раздѣляя ихъ тутъ же по категоріямъ.

Съ паспортами еще хуже, такъ какъ послѣ трехдневныхъ мытарствъ заявили, что безъ разрѣшенія Троцкаго не выдаютъ паспортовъ лицамъ, уѣзжающимъ заграницу, и что поэтому мнѣ надо отправляться въ Смольный Институтъ и хлопотать о разрѣшеніи.

На такую поѣздку я совершенно не способенъ, даже если бы она и дала мнѣ право на выѣздъ. Рѣшилъ попробовать еще разъ достать паспортъ въ бывшемъ Градоначальствѣ, а если не удастся, то пытаться пробраться на Дальній Востокъ и при одномъ удостовѣреніи Главнаго Управленія.

Скверно то, что по всѣмъ этимъ мытарствамъ приходится ходить пѣшкомъ съ Петроградской стороны, да еще въ полуголодномъ состояніи.

11 Января. Пускаюсь на всякія ухищренія для добычи паспорта, даннаго совѣтской властью; получилъ необходимые квитки отъ домоваго комитета и отъ комиссара Петроградской части. Но въ Градоначальствѣ опять налетѣлъ на требованіе доставить разрѣшеніе отъ кого-нибудь изъ военныхъ комиссаровъ, старые служащіе градоначальства относятся ко мнѣ очень сочувственно, но комиссаръ сама непреклонность. Мои сотоварищи по командировкѣ пытались добыть паспорта черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ и сначала была надежда на успѣхъ; но затѣмъ товарищъ комиссара Легранъ, обѣщавшій «дать», поссорился съ товарищемъ комиссара Залкиндомъ, который приказалъ «не давать», заявивъ, что онъ постарается похерить всѣ заграничныя командировки и посылать туда надежныхъ товарищей, а не контръ-революціонныхъ генераловъ.

12 Января. Послѣ трехдневныхъ и трехночныхъ стояній въ хвостахъ досталъ билеты на сибирскій экспрессъ, отходящій 23 Января; рѣшилъ ѣхать безъ совѣтскихъ документовъ; говорятъ, что достаточно проскочить за Уралъ, а тамъ досмотры и повѣрки значительно рѣже. Очень боюсь, что за это время комиссары разберутся въ никчемности нашихъ командировокъ и насъ всѣхъ здѣсь прихлопнутъ.

Начали ходить трамваи, но на нихъ можно попасть при наличіи крѣпкой головы и увѣсистыхъ кулаковъ; давка въ вагонахъ такая, что у одной дамы вырѣзали спину каракулеваго пальто, что она замѣтила только послѣ того, какъ вылѣзла изъ вагона.

Встрѣтилъ только-что вернувшагося изъ Кіева полковника Станиславскаго; по его словамъ пѣсня Рады уже спѣта, такъ какъ на ея сторонѣ осталась только интеллигенція, а солдаты и крестьяне уже перешли на сторону большевиковъ, ослѣпленные полученными ими заманчивыми посулами.

Съ Дона тоже идутъ невеселыя вѣсти; повидимому, и тамъ начались какіе-то внутренніе раздоры на почвѣ борьбы за власть, вопроса о подчиненіи и т. п.

13 Января. Большевики скушали Учредительное Собраніе и животикъ у нихъ отъ этого не заболѣлъ. Встрѣтилъ нѣсколькихъ эсеровъ, членовъ стараго армейскаго комитета и разогнанной Учредиловки. Спросилъ ихъ почему они не примѣнятъ противъ комиссарской власти тѣхъ пріемовъ, коими они подрывали и терроризировали монархію; получилъ отвѣтъ, что такіе пріемы недопустимы въ демократической борьбѣ и что они желаютъ бороться въ открытую.

Въ городѣ пострѣливаютъ; по ночамъ ходить не безопасно, такъ какъ появились шайки грабителей, которые не только обираютъ все цѣнное, но и раздѣваютъ, снимая все платье и обувь.

14 Января. Скороспѣшная свадьба дочери; въ первый разъ надѣлъ всѣ ордена, включая и полученные за эту войну; положеніе было рискованное, такъ какъ въ церкви Ксенінскаго пріюта, гдѣ происходило вѣнчаніе, пѣли пѣвчіе Семеновскаго полка и если бы кто-нибудь сообщилъ ближайшему комиссару, что въ церкви собрались генералы и офицеры въ погонахъ и орденахъ, то намъ была бы раздѣлка и всѣхъ насъ забрали бы въ узилище.

15 Января. Троцкій на съѣздѣ заявилъ, что требованія нѣмцевъ невыносимы, но воевать мы не можемъ; поэтому онъ не въ состояніи гарантировать заключенія «честнаго демократическаго мира». Весьма пустозвонный и малопонятный наборъ словъ; думается, что и самъ ораторъ не въ состояніи объяснить въ чемъ должна заключаться «честность» и «демократичность», тѣмъ болѣе что оба эти понятія въ большевистскомъ обиходѣ совершенно неизвѣстны.

Въ общемъ одна изъ послѣднихъ сценъ комедіи, разыгрываемой подъ нѣмецкаго режиссера, умѣлое сдабриваніе сквернаго блюда, подносимаго бараньему стаду покорныхъ слушателей.

16 Января. Съ паспортомъ потерпѣлъ полное фіаско; комиссаръ градоначальства изволилъ «демократически разсердиться» и приказалъ мнѣ сказать, чтобы безъ разрѣшенія военнаго комиссаріата я не смѣлъ являться.

Приходится пускаться въ обильный повѣрками путь съ довольно ненадежнымъ документомъ.

17 Января. Въ Главномъ Управленіи видѣлъ интересное секретное сообщеніе изъ Парижа, передающее интимныя подробности Бернской соціалистической конференціи; изъ словъ нѣмецкихъ соціалистовъ видно, что Германія не надѣется на окончательную побѣду и считаетъ колоніи и вліяніе въ Сиріи и Мессопотаміи потеряннымъ; поэтому-то и надо получить свободный рынокъ въ Россіи и тутъ возмѣстить и наверстать всѣ свои колоніальныя потери.

Вообще, на возможный исходъ войны смотрится почти исключительно съ коммерческой точки зрѣнія; знаменательно то, что интересы Турціи и Болгаріи совершенно игнорируются и за ихъ счетъ проэктируются разныя расплаты и компенсаціи.

18 Января. Весь день провелъ въ разныхъ хвостахъ; $2^1/_2$ часа простоялъ у кассы переводовъ Государственнаго Банка, чтобы получить присланные изъ корпуса 400 рублей, — за все это время удовлетворили только одиннадцать человѣкъ.

19 Января. Начались обыски квартиръ въ поискахъ скрытыхъ и накопленныхъ запасовъ разныхъ продуктовъ. Совѣтскія газеты оповѣщаютъ о какихъ-то замѣчательныхъ успѣхахъ своихъ войскъ на внутреннемъ южномъ фронтѣ и о томъ, что въ Германіи вспыхнула революція; послѣднюю сказку мы слышимъ уже не въ первый разъ: вспоминаю, какъ бѣсновалась на Невскомъ толпа, кажется, 2 Марта, когда по улицамъ носились автомобили, выкрикивали и разбрасывали плакаты съ объявленіями объ убійствѣ Вильгельма и раненіи Кронпринца.

Заходилъ Перфильевъ; говоритъ, что Сибиряки усердно работаютъ и готовятъ для грядущаго Сибирскаго Учредительнаго Собранія проекты по всѣмъ отраслямъ государственнаго устройства, экономической и общественной жизни, дабы сразу же приступить къ созидательной работѣ.

20 Января. Усилились пьяные погромы; въ районѣ Вознесенскаго проспекта и Екатерининскаго канала происходятъ цѣлые бои между бандами погромщиковъ и латышскими стрѣлками; разсказываютъ, что послѣ одной экзекуціи нѣсколько большихъ грузовиковъ вывозили на взморье трупы убитыхъ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. Сидимъ на голодной дачѣ; радуемся уже и $^3/_8$ фунтамъ хлѣба, ибо чаще получаемъ только четвертушку.

Товарищи торгуютъ во всю; у нихъ можно доставать хлѣбъ, сало, ветчину, отличное масло, сахаръ и всевозможные спиртные напитки; посредниками служатъ обыкновенно швейцары.

21 Января. Большевики захватили Александро-Невскую лавру, причемъ убитъ священникъ Скипетровъ; это вызвало сильное возбужденіе среди всѣхъ слоевъ населенія. Завтра предполагается грандіозный крестный ходъ и провозглашеніе анаѳемы всѣмъ покушающимся на церковь. Конечно, по своимъ нравамъ Александро-Невская лавра учрежденіе малопочтенное и весьма коммерческое, но здѣсь затронуты религіозныя чувства, очень эмоціональныя и способныя вызвать взрывы дѣйственности даже и у слабыхъ волей.

22 Января. Крестные ходы состоялись и кончились благополучно; картина была очень внушительная и чувствовалось, что тутъ затронуты весьма чувствительныя струны. Комиссары поняли, что есть такіе отдѣлы жизни, гдѣ не надо доводить настроеніе толпы до опасной точки кипѣнія, и не только не препятствовали крестному ходу, но и приказали своей опричнинѣ не задѣвать участвующихъ и вести себя корректно.

23, 24, 25 Января. 23-го вечеромъ тронулись въ далекій путь въ родныя сибирскія мѣста. При посадкѣ украли чемоданъ со всѣми моими документами, старыми фамильными бумагами и всѣми фотографіями родныхъ и дѣтей. Судьба какъ бы хочетъ показать, что прошлому полный конецъ; душа такъ обмозолилась, что я довольно тупо, съ чувствомъ уже оглушеннаго животнаго перенесъ эту потерю, которая въ былыя времена нанесла бы мнѣ жесточайшій ударъ. Послѣ того, что потеряно за время съ 1 Марта 1917 года, чувствительныхъ потерь быть уже не можетъ.

Но все же дорогой цѣной пришлось заплатить за разставанье съ проклятымъ Петроградскимъ болотомъ.

Ѣдемъ прилично; коридоры вагоновъ заполнены товарищами, которые ведутъ себя прилично, въ купе не лѣзутъ и даже стараются услужить, исполняя разныя мелкія порученія; объясняется это отчасти пожилымъ составомъ ѣдущихъ (старые солдаты срока службы 1901—2 годовъ), а также и строгими мѣрами, принятыми комиссарами, противопоставившими солдатамъ красную армію и красную милицію.

Ѣдемъ медленно, такъ какъ впереди идетъ воинскій поѣздъ, перегнать который товарищи никому не позволятъ. Чѣмъ дальше отъ Петрограда, тѣмъ больше на станціи продуктовъ и тѣмъ ниже цѣны. На станціяхъ полное безлюдье, такъ какъ желѣзнодорожные служащіе прячутся отъ товарищей, требующихъ отправки поѣздовъ внѣ всякихъ правилъ и творящихъ при отказѣ самыя жестокія насилія (кладутъ на рельсы и давятъ паровозами; засовываютъ въ локомотивныя топки и т. п.

Торговки съѣстными припасами сидятъ за толстыми деревянными рѣшетками — послѣреволюціонное новшество, котораго прежде не было.

Среди ѣдущихъ съ нами товарищей никакихъ политическихъ разговоровъ не слышно; всѣ мысли направлены къ дому и семьѣ, а затѣмъ къ покупкѣ хлѣба и добычѣ кипятку на станціяхъ.

На второй день пути въ поѣздъ стали лѣзть отставшіе отъ впереди идущихъ воинскихъ эшелоновъ; этотъ сортъ товарищей много похуже — расхлябанные, нахальные, многіе въ полпьяна, съ постоянной матерщиной на языкѣ, типичные представители городской и деревенской хулиганщины. Часть изъ нихъ ѣдетъ съ винтовками и ручными

гранатами, довольно непріятное сосѣдство, такъ какъ гранаты недостаточно тщательнаго изготовленія склонны къ самовзрыванію.

Когда подходили къ станціи Шарья, то тамъ происходило побоище между прибывшимъ на станцію эшелономъ и мѣстными милиціонерами; побоище окончилось восьмью убитыми и нѣсколькими десятками раненыхъ.

26 Января. Только утромъ добрались до Вятки, гдѣ насъ угостили форменнымъ обыскомъ съ выворачиваніемъ всѣхъ вещей; у меня даже откупорили всѣ бывшія у меня шесть бутылокъ Боржома; искали оружіе, спиртные напитки и драгоцѣнные металлы; едва успѣлъ спрятать часы и уцѣлѣвшую у меня золотую медаль. При производствѣ обыска была видна опытная рука, но наружно были утонченно вѣжливы, сами ничего не трогали, а все заставляли дѣлать самихъ владѣльцевъ.

Вагонъ-ресторанъ у насъ анекспровали для какого-то чрезвычайнаго комиссара Сѣверной Области, носящагося въ великолѣпномъ поѣздѣ изъ царскихъ вагоновъ и творящаго судъ и расправу; на станціи разсказывали, что сегодня утромъ онъ нагналъ эшелонъ, устроившій побоище на ст. Шарья, и разстрѣлялъ тутъ же на полотнѣ всѣхъ зачинщиковъ.

Увидавъ въ нашемъ поѣздѣ вагонъ-ресторанъ грозный комиссаръ рѣшилъ, что буржуи могутъ обойтись и безъ этого вагона, и перевелъ его на свой меридіанъ; намъ это все равно, ибо мы имъ не пользуемся, но за то въ отчаяніи опіопровозители, составляющіе половину пассажировъ: оказывается, что у нихъ въ стѣнкахъ вагона-ресторана задѣлано восемь пудовъ опіума, стоимостью свыше полумилліона. Одинъ изъ нихъ остался въ Вяткѣ, очевидно для того, чтобы выручать свой товаръ.

Купилъ «Вятскую Правду» (всѣ «Правды» большевистскія); хроника сообщаетъ, что 23-го Января у Александровскаго Собора разстрѣляно пять грабителей; отмѣчено, что высшая мѣра наказанія — разстрѣлъ примѣнена потому, что при грабежахъ они именовали себя «большевиками».

27 Января. Подвижной составъ нашего поѣзда совсѣмъ расхлябанъ, чинимся чуть ли по пять-шесть разъ въ день. Двигаемся очень медленно, зато отъѣдаемся во всю; хлѣбъ всюду отличный, а главное, покупай его сколько тебѣ захочется. Ѣдемъ подъ угрозой, что дальше Екатеринбурга не пустятъ, такъ какъ желѣзнодорожные комиссары рѣшили уничтожить буржуйные экспрессы.

Разговорился съ ѣдущими въ нашихъ коридорахъ солдатами, преимущественно съ западнаго фронта; на революцію они смотрятъ съ точки зрѣнія перехода къ нимъ земли, а поднявшагося безпорядка въ большинствѣ не одобряютъ; соціализмъ въ земельномъ отношеніи понимаютъ въ томъ смыслѣ, что земля должна быть отдана имъ и затѣмъ дѣлается ихъ неотъемлемой собственностью съ правами наслѣдства и т. п.; представленія о томъ, что получится, если раздать всѣ церковныя, государственныя и помѣщичьи земли, не имѣютъ никакого; когда я спросилъ, сколько же по ихъ мнѣнію придется на брата, то они замялись, а потомъ одинъ нерѣшительно вымолвилъ, а другіе подхватили, что по сотни двѣ десятинъ, навѣрно, придется. Когда я имъ объяснилъ дѣйствительное положеніе, то на меня посмотрѣли недовѣрчиво и хорошія отношенія, бывшія между нами уже нѣсколько дней, сразу потускнѣли.

То же самое было и у меня въ корпусѣ; главной задачей моей Креславской школы и было дать солдатамъ крестьянамъ реальныя знанія по основамъ государственной, общественной и деревенской жизни

28 Января. За сутки проѣхали только 300 верстъ, много остановокъ изъ-за поломки подвижного состава. Встрѣчные пассажирскіе поѣзда безъ стеколъ, съ выломанными дверями; въ мягкихъ вагонахъ вся внутренность выдрана. Подсаживающіеся къ намъ, отставшіе отъ эшелоновъ товарищи, уходя, тащатъ съ собой коврики, занавѣски, оконные ремни, даже мѣдные гвоздики, но страдаютъ только коридоры и уборные.

Опять попали въ голодный районъ; на станціяхъ пусто, нельзя достать ни хлѣба, ни молока.

Въ поѣздъ сѣло нѣсколько уральскихъ общественныхъ дѣятелей, пробирающихся въ Томскъ; по ихъ словамъ всюду на заводахъ идетъ полный развалъ, и если такъ будетъ

продолжаться, то весь Уралъ скоро станетъ; будутъ продолжаться работы чисто мѣстнаго, полукустарнаго характера. Всюду идетъ страшное воровство, а гдѣ можно и грабежъ складовъ; кое-гдѣ начали разворовывать заводское оборудованіе.

29 Января. Въѣхали въ страну съ обиліемъ плодовъ земныхъ; Екатеринбургъ проскочили благополучно и ѣдемъ по линіи Тюмень—Омскъ; станціонные лотки завалены гусями, поросятами, бараниной, сыромъ, сливочнымъ масломъ, калачами и бѣлымъ хлѣбомъ; цѣны очень низкія, и оголодавшіе пассажиры жуютъ цѣлый день.

Въ Тюмени къ намъ сѣлъ Барнаульскій городской голова; по его словамъ въ Сибири идетъ уже большевистское движеніе, но не такое рѣзкое и радикальное, какъ у насъ въ Россіи. Настроеніе деревни пестрое: тамъ, гдѣ много солдатъ вернулось съ фронта, тамъ большевистское, а гдѣ поменьше — тамъ спокойное. Города, за исключеніемъ Семипалатинска, Кургана и Ирбита, махрово-большевистскіе и въ рукахъ пріѣзжихъ (по сибирски «навозныхъ») большевиковъ самаго каторжнаго типа; съ разваломъ власти, много уголовныхъ и каторжныхъ перекрасились въ политическіе мученики и вылѣзли въ крупныя политическія дамки.

Сейчасъ въ Сибири кипитъ большая работа по предстоящему переустройству всей сибирской жизни, стиснутой раньше давленіемъ Петрограда и Москвы; перспективы пока самыя радужныя, особенно въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ. Съ довольствіемъ вообще хорошо; хуже въ городахъ. Алтайскій край переполненъ хлѣбомъ, но населеніе не хочетъ его продавать изъ ненависти къ городамъ. Сибирь за время войны очень разбогатѣла, продавая свое сырье.

30 Января. Проѣхали Омскъ; здѣсь узналъ, что большевики арестовали весь составъ Сибирской Областной Думы, и что заключенъ миръ съ Германіей. Значитъ вся Сибирская работа пошла на смарку; и здѣсь государственно настроенные элементы опоздали организаціей, не сумѣли во время создать реальную силу и на нее опереться; инертное населеніе ихъ не поддержало, и они рухнули подъ напоромъ городского большевизма. Всюду то же самое; всюду однѣ и тѣ-же ошибки. Страшно обидно за Сибирь; я очень надѣялся, что она станетъ оплотомъ противъ большевизма, и что на ней можно организовать спасеніе всей Россіи; вѣдь природнаго большевизма здѣсь нѣтъ.

Мира, собственно говоря, не заключили, а «прекратили состояніе войны»; новое международное, очень хитроумное понятіе.

Вышли декреты объ анулированіи всѣхъ займовъ и о націонализаціи пароходныхъ предпріятій.

Коридоры вагоновъ, опустѣвшіе около Екатеринбурга и Тюмени, опять наполнились солдатами мѣстнаго сообщенія; многіе изъ нихъ жалуются, что деревню заѣдаетъ самогонка, разводящая небывалое еще пьянство; оттого и хлѣба мало, потому что много зерна идетъ на приготовленіе самогонки; пудъ зерна даетъ этимъ путемъ до ста рублей чистой прибыли; аппаратовъ же для гонки сколько угодно, такъ какъ ими были полны склады разгромленныхъ акцизныхъ управленій, въ которыхъ хранились отобранные въ прежнія времена у населенія самогоночные аппараты.

31 Января. Едва выскочилъ, да и выскочилъ-ли еще изъ очень сквернаго положенія. Въ Ново-Николаевскѣ при провѣркѣ документовъ какой-то прыщавый товарищъ обратилъ вниманіе на паспортъ моей жены, написанный на имя генералъ-лейтенанта и уже почти передъ отправленіемъ снялъ меня съ поѣзда и отправилъ въ мѣстный совдепъ; тамъ засѣдало нѣсколько прапорщиковъ и старыхъ солдатъ подъ предсѣдательствомъ какого-то интеллигентнаго субъекта докторскаго или учительскаго типа. Выслушавъ докладъ взявшаго меня товарища, предсѣдатель коротко распорядился «снять съ поѣзда и отправить на гауптвахту». Я пытался указывать на свою оффиціальную командировку; заявилъ, что я ѣду съ чрезвычайно серьезнымъ порученіемъ въ Японію и что задерживающіе меня рискуютъ отвѣтить передъ совѣтомъ народныхъ комиссаровъ.

На послѣднее предсѣдатель очень рѣзко буркнулъ, что они очень мало безпокоятся, какъ отнесется къ нимъ Москва; выручила меня добавочная фраза предсѣдателя «много васъ тутъ ѣдетъ со всякими документами; чѣмъ вы докажете, что вы тотъ, за кого себя выдаете». На мое счастье въ помѣщеніи совдепа оказался ѣхавшій на Дальній Востокъ

назначенный туда комиссаромъ поручикъ Левицкій, бывшій гимназистъ Владивостокской гимназіи, знавшій меня по отношенію къ бойскоутскимъ организаціямъ, который и заявилъ, что знаетъ, что я дѣйствительно то лицо, которое означено въ имѣвшихся у меня документахъ.

Въ мою судьбу вмѣшались бывшіе въ совдепѣ солдаты и въ концѣ концовъ рѣшили арестовать меня въ поѣздѣ и отдать подъ надзоръ комиссара Левицкаго, а за это время запросить Петроградъ и рѣшить мою судьбу уже въ Иркутскѣ. Предсѣдатель долго упирался, настаивалъ на томъ, что если бы у меня дѣйствительно было важное порученіе въ Японію, то мои документы были бы за подписью Троцкаго и военныхъ комиссаровъ, и только подъ давленіемъ членовъ солдатъ, стоявшихъ за необходимость пропустить меня скорѣе въ Японію, сдался на предложенный компромиссъ. Причину ярости предсѣдателя я усматриваю изъ его интереса, не братъ ли я прокурора Красноярскаго окружнаго суда; вѣроятно, съ тѣмъ у него остались какіе-нибудь счеты по старой судимости.

Передъ возвращеніемъ въ поѣздъ долго допытывались, не знаю ли я по Дальнему Востоку какого-то казачьяго есаула Семенова.

1 Февраля. Вездѣ на станціяхъ уже 14 февраля, такъ какъ большевики декретировали переходъ на новый стиль. Ѣду подъ вагоннымъ, такъ сказать, арестомъ. Нашъ поѣздъ медленно ползетъ въ хвостѣ пачки изъ пяти эшелоновъ демобилизованныхъ солдатъ, которые никого впередъ не пускаютъ. Жена спросила одного начальника станціи, почему они не пропустятъ экспресса впередъ во время остановки товарищей на продовольственныхъ пунктахъ, на что тотъ ей отвѣтилъ: «сударыня, развѣ охота кому умирать раньше времени и насильственной смертью».

Наши опіоторговцы отъ Вятки въ угнетенномъ состояніи; ѣдущій съ нами владивостокскій купецъ Поповъ разсказываетъ, что опіоторговля за послѣднее время получила прочную организацію и имѣетъ цѣлую сѣть конторъ и агентовъ; наиболѣе дорогой опіумъ везется изъ Персіи и Туркестана въ Петроградъ, тамъ задѣлывается въ стѣнки экспрессныхъ поѣздовъ и переѣзжаетъ въ Харбинъ. Главная агентура состоитъ изъ очень нарядныхъ, но также очень развязныхъ дамъ, умѣющихъ въ нужныхъ случаяхъ быть дамами, пріятными во всѣхъ отношеніяхъ, для тѣхъ агентовъ власти, кои могутъ мѣшать торговлѣ; зарабатываютъ онѣ по нѣсколько десятковъ тысячъ рублей въ рейсъ и потому швыряютъ деньгами во всю.

2 Февраля. Встрѣтилъ въ коридорѣ сосѣдняго вагона нѣсколькихъ старыхъ солдатъ своего бывшаго корпуса, ѣдущихъ съ фронта; очень жалуются на то, что по дорогѣ имъ не было житья отъ красноармейцевъ, занимающихъ большія станціи; солдатъ всячески притѣсняютъ, бьютъ и даже разстрѣливаютъ. Быстро разсчитываются комиссары съ тѣми, при помощи кулаковъ и темноты которыхъ они вылѣзли на верхи Россійской власти. Цейхгаузы на фронтѣ всѣ подѣлили, а кто поближе, ушелъ домой съ конями и съ повозками.

3 Февраля. Попадающіяся по дорогѣ сибирскія газеты даютъ достаточно яркую картину захвата Сибири большевиками; центръ большевизма повидимому Иркутскъ, томскія же областническія организаціи совершенно разгромлены. Мѣстные большевики считаютъ себя автономными и связанными съ Петроградомъ только партійными интересами; мнѣ это очень не улыбается ввиду предстоящаго рѣшенія моей судьбы въ Иркутскѣ.

Былъ испытуемъ везущимъ меня комиссаромъ Левицкимъ по поводу тѣхъ порученій, съ которыми я ѣду въ Японію; отвѣтилъ, что до пріѣзда на мѣсто, это совершенно исключительный секретъ начальника Генеральнаго Штаба и не можетъ быть никому сообщенъ. Узналъ, что для комиссаровъ проѣздъ на Харбинъ закрытъ, такъ какъ въ районѣ Читы сидятъ казаки какого то есаула Семенова, которые разстрѣляли попавшагося имъ въ поѣздѣ товарища морского комиссара, а его спутникамъ матросамъ всыпали по 150 нагаекъ и вернули ихъ обратно въ Иркутскъ.

Отпускъ выпоротыхъ товарищей обратно не особенно уменъ, такъ какъ они начнутъ мстить, отчего будутъ страдать тѣ офицеры, которые съ большими опасностями и лишеніями пробираются на Дальній Востокъ, пытаясь тамъ найти убѣжище отъ комиссаро-

державія. На нихъ уже и сейчасъ идетъ ожесточенная охота; въ эшелонахъ осматриваютъ руки и всѣхъ съ бѣлыми нерабочими руками сажаютъ на гауптвахты.

4 Февраля. Проскочилъ Иркутскъ благополучно; тамъ происходилъ какой-то большевистскій съѣздъ и какія-то внутреннія осложненія и мой гардіенъ-комиссаръ, которому было очевидно не до меня, умчался въ городъ. Поѣздъ скоро двинулся дальше и я, считая себя арестованнымъ при моемъ вагонѣ, отправился дальше; хотя надо проскочить еще за Читу, но шансы попасть въ руки товарищей въ отместку за выпоротыхъ матросовъ стали много меньше. Только къ вечеру догадался, какъ былъ неосторожень, продолжая эти дни везти при себѣ письма и двѣ тетради дневника.

5 Февраля. За Иркутскомъ пошли съ приличной скоростью; вездѣ тихо и порядокъ; на платформахъ благообразные милицейскіе, въ буфетахъ чисто, столы накрыты скатертями, однимъ словомъ все по хорошему, по старому. Пугали обысками въ Читѣ, гдѣ, какъ говорятъ, пришедшіе съ фронта казаки арестовали офицеровъ и собираются грабить городъ, чтобы получить обѣщанныя кѣмъ-то деньги. Проѣхали, однако, благополучно; въ Читѣ видны только разбитыя окна магазиновъ и слѣды уличныхъ погромовъ. За Читой царство большевизма кончилось и впервые за четыре дня я вздохнулъ свободно и почувствовалъ, какой мечъ висѣлъ надо мной это время; попади я на Ново-Николаевскую гауптвахту, тамъ бы мнѣ и крышка; спасибо, что судьба бросила на мою дорогу этого Левицкаго.

6 Февраля. Проѣхали станцію Маньчжурію, новоявленную штабъ-квартиру антибольшевистской организаціи есаула Семенова; на вокзалѣ большой порядокъ, ходятъ офицерскіе патрули; произвели повѣрку документовъ и багажа очень вѣжливо и предупредительно; почувствовалъ себя опять человѣкомъ, а не безправной пѣшкой, доступной произволу всякаго штыкократа.

Говорятъ, что большевики начали наступленіе на передовыя части Семенова; когда мы были на станція Даурія, то ея гарнизонъ садился въ вагоны, чтобы отходить къ границѣ.

Положеніе на станціи Маньчжурія обезпечивается китайскими войсками, которыя заявили, что никого черезъ границу не пустятъ; повидимому, китайцы ведутъ себя умнѣе другихъ союзниковъ, показывая большевикамъ кулаки и зубы, то-есть примѣняя одинаковое съ противниками оружіе; такъ было ими сдѣлано нѣсколько недѣль тому назадъ при разоруженіи Харбинскихъ большевиковъ.

Съ нашего поѣзда сняли двухъ матросовъ съ «Андрея Первозваннаго», причемъ тутъ же ихъ избили; хотя видъ у нихъ самый углубительный, но это не можетъ оправдать ихъ избіенія; намъ нельзя опускаться до тѣхъ пріемовъ, коими отличается большевистская сволочь; надо сохранить порядочность и законность; можно разстрѣливать по суду сотни, но нельзя тронуть пальцемъ ни одного виновнаго, какъ бы ни горьки и ужасны были прошлыя переживанія.

Наружная сторона на ст. Маньчжурія мнѣ не особенно понравилась; я вообще большой скептикъ на счетъ того, что можно создать что-либо прочное изъ такъ называемыхъ офицеровъ военнаго времени; обвинять ихъ самихъ въ этомъ нельзя, такъ какъ не они въ томъ виноваты, но считаться съ этимъ приходится. Ротмистръ, начальникъ пропускного пункта, разсказалъ, что среди мѣстной организаціи очень развитъ картежъ и выпивка, и очень мало внутренней дисциплины.

Надо всю эту молодежь собрать и засадить въ самыя тяжелыя условія службы и работы и настоящей духовной дисциплины; тогда черезъ годъ изъ нихъ можетъ получиться нѣчто надежное и устойчивое; сейчасъ же эта смѣсь прапорщиковъ, юнкеровъ и кадетъ своимъ распущеннымъ (внутренне; по внѣшности они утрированно, по юнкерски подтянуты) видомъ и бьющимъ въ глаза правственнымъ разгильдяйствомъ очень меня огорчила.

Типы современнаго молодого офицерства мы видѣли достаточно на фронтѣ; встрѣтились съ ними даже и въ нашемъ поѣздѣ, въ которомъ, скрываясь отъ комиссаровъ, ѣхало нѣсколько молодыхъ офицеровъ, переодѣтыхъ солдатами; мы ихъ напоили, накормили, прятали ихъ въ купе при осмотрахъ, собрали имъ нѣсколько сотъ рублей денегъ. Какъ

стало нѣсколько безопаснѣе, они уже предложили себя въ качествѣ партнеровъ въ карты (игра шла по крупной) и были очень обижены, когда удивленные пассажиры отказались ихъ принять.

Проѣхавъ ст. Маньчжурію, эти типы совершенно распустились, обнаглѣли и едва узнавали тѣхъ людей, которые ихъ спасали и снабдили деньгами.

7 и 8 Февраля. Добрались до Харбина. Здѣсь нѣтъ большевиковъ, но порядки неважные, особенно для меня, стараго Амурца, свидѣтеля и участника того, какъ создавалась здѣсь русская мощь и какой высоты она достигала. Съ одной стороны меня сразу рѣзнуло несомнѣнное засилье китайцевъ, которые сразу вернули многое изъ того, что они постепенно уступали и теряли, начиная съ 1900 года; они, какъ никто другой, учли слабость русскаго медвѣдя, сваленнаго съ ногъ революціей и ея постепеннымъ углубленіемъ.

Обольшевиченіе русскихъ войскъ, стоявшихъ въ полосѣ отчужденія (ополченскія части и желѣзнодорожная бригада), слѣпо допущенное центральной и мѣстной властями, какъ нельзя лучше сыграли въ руку китайцевъ; декабрьскіе безпорядки среди харбинскихъ войскъ дали китайцамъ поводъ обезоружить, запереть въ вагоны и вышвырнуть изъ предѣловъ Маньчжуріи всѣ остатки русскихъ вооруженныхъ силъ, и послѣ этого стать на почву основного договора, допускавшаго здѣсь только охрану дороги особыми охранными, но не воинскими частями. То, чего мы добивались такъ долго, когда ввели наши регулярныя войска въ предѣлы дороги и создали Заамурскій Округъ Пограничной Стражи, было потеряно въ нѣсколько дней. Было огромной ошибкой то, что увели пограничный корпусъ на войну, не сформировавъ вмѣсто него Ersatz-части.

А теперь возвратъ къ старому, повидимому, уже невозможенъ.

Другой скверной стороной здѣшняго положенія является то, что сюда набились разные спасители отечества, которые думаютъ создать цѣлую армію изъ офицеровъ и добровольцевъ и двинуться противъ большевиковъ; основаніемъ для этой арміи хотятъ взять Семеновскій отрядъ. Городъ набитъ темными авантюристами и очень разболтанными офицерами. Всѣ жаждутъ хорошихъ штатовъ и назначеній, достойныхъ тѣхъ, кто первыми подняли знамя борьбы съ большевиками (пока что борьба идетъ китайскими руками, подъ крыломъ китайскаго дракона; безъ этого здѣсь прочно сидѣли бы большевики и правили комиссары); психологія у большинства та же комиссарская, только подъ другимъ соусомъ; всѣ считаютъ себя въ правѣ сдѣлаться высокимъ начальствомъ, рѣшительно распоряжаться и быть щедро оплачиваемымъ; заниматься же грязнымъ дѣломъ борьбы на фронтѣ предоставляется экзальтированной молодежи, кадетамъ и юнкерамъ, а также немногимъ сохранившимся офицерамъ старой закалки, готовымъ за идею все отдать и всѣмъ пожертвовать.

Ожидаютъ прибытія изъ Никольска сидящаго тамъ бывшаго командира 1 Сибирскаго корпуса генерала Плѣшкова, выдвинутаго для возглавленія всѣхъ образовавшихся здѣсь организацій, никого не слушающихъ и другъ на друга топорщащихся.

По моему трудно было сдѣлать болѣе неудачный выборъ, такъ какъ Плѣшковъ это типичная фигура стараго командованія, добродушный, обходительный баринъ, ничѣмъ остро не интересующійся, любящій спокойную и безъ волненій, ровнотекущую жизнь высокаго военнаго начальника довоеннаго времени, — однимъ словомъ, совершенно не то, что нужно сейчасъ, чтобы собрать и организовать всю эту разношерстную и несомнѣнно очень распустившуюся толпу, забрать ее въ ежевыя рукавицы и заставить работать и учиться, ибо только трудъ, внутренняя дисциплина и воспитаніе въ духѣ жертвеннаго подвига и безкорыстнаго служенія идеѣ можетъ дать то, что сейчасъ такъ остро и спѣшно нужно Россіи, то-есть корпусъ добровольцевъ, рыцарей Бѣлаго Креста, чистыхъ подвижниковъ, ничего себѣ не ищущихъ, и все готовыхъ отдать на служеніе великому и святому дѣлу.

То, что мы видѣли на фронтѣ; то, что я видѣлъ и слышалъ по дорогѣ и что узналъ въ Харбинѣ, убѣждаетъ, что для достиженія такой цѣли нужна желѣзная рука, великій организаторскій талантъ, большія военныя знанія и огромный житейскій и служебный опытъ; вѣдь все сейчасъ такъ разболталось и отвыкло отъ идеи повиновенія и принужде-

нія; огромное большинство неустоявшейся, больной переживаніями войны и революціи, молодежи недалеко ушло отъ большевизма, только другого цвѣта; желанія у него самыя большевистскія: побольше наслажденій и поменьше испытаній; побольше денегъ и вкусныхъ правъ и поменьше работы и непріятныхъ обязанностей; исполненіе приказовъ и распоряженій только постолько, поскольку они пріятны исполняющему, и вообще поскольку онъ намѣренъ и расположенъ ихъ исполнять.

Протестъ противъ принужденія, склонность къ произволу, лѣни у всѣхъ насъ въ крови и достаточно малѣйшаго послабленія, чтобы мы всѣ раздрессировались; кромѣ того, всѣ мы слишкомъ привыкли къ тому, что обязанности внизу, а права и вкусныя вещи наверху, а потому всѣмъ хочется наверхъ.

Противно то, что всѣ эти, собственно говоря, звѣриныя, перешедшія отъ первобытныхъ предковъ вожделѣнія прикрываются фиговымъ листомъ любви къ отечеству, борьбы за идею, борьбы съ большевизмомъ, а по секрету и подъ пьяную руку огнедышащею преданностью монархіи (на непріятныя воспоминанія память коротка, и всѣ забыли, какъ спокойно предали они эту монархію годъ тому назадъ).

Повидимому, правый большевизмъ расцвѣлъ здѣсь махровымъ цвѣтомъ, ободрился и хозяйничаетъ; все, что противъ него и съ нимъ несогласно, наименовывается краснымъ большевизмомъ, а далѣе возможны эксцессы и насилія до убійства включительно; такъ говорятъ, по крайней мѣрѣ, встрѣченные сегодня знакомые и сослуживцы самаго безпристрастнаго и праваго лагеря.

Сейчасъ всѣ усилія этихъ бѣлыхъ товарищей направлены къ тому, чтобы свалить начальника охранной стражи генерала Самойлова, здраво смотрящаго на существующее положеніе, успѣвшаго спасти отъ расхищенія серебряный запасъ бывшаго Заамурскаго Округа и упорно отстаивающаго отъ разграбленія довольно солидное имущество этого округа; зная Самойлова очень давно, я увѣренъ, что онъ хочетъ побѣды надъ большевиками и спасенія Россіи больше чѣмъ тысячи этихъ господъ, но онъ, какъ старый и опытный служака, понимаетъ, что такія нешуточныя цѣли достигаются организаціей, дисциплиной и тяжелымъ трудомъ, а не бахвальствомъ, распущенностью, лѣнью, развратомъ и насиліемъ.

Говорятъ, что спасители недовольны и Хорватомъ; послѣдній по обыкновенію играетъ роль двуликаго Януса; онъ поддерживаетъ образовавшіеся отряды деньгами, а на убѣжденія Самойлова въ опасности этихъ организацій, разлагающихъ и безъ того неустойчивое офицерство, отвѣтилъ: «да, разумомъ я съ Вами, а сердцемъ я съ ними».

Казалось бы, что приказчику случайно уцѣлѣвшаго стараго русскаго учрежденія, вознесенному сейчасъ въ положеніе высокой отвѣтственности, слѣдовало бы руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ головой, а не сердцемъ; послѣдній органъ можетъ превалировать только у неограниченныхъ монарховъ или у частныхъ лицъ, играющихъ на свой личный счетъ. Въ большой политикѣ сердце и прекраснодушіе приводятъ всегда или къ катастрофѣ, или заводятъ въ безысходные, часто темные и грязные тупики. Лицу, на долю котораго, видимо, выпадаетъ доминирующая роль въ судьбахъ возстановленія здѣсь государственности, слѣдовало бы понимать, что нельзя базироваться на истерическіе и авантюристическіе пузыри типа народившихся здѣсь организацій; въ сути послѣднихъ есть много хорошаго, но родились они въ больное время и ихъ составъ почти весь боленъ нашими общими и хроническими старыми, и случайными новыми болѣзнями. Посему государственному человѣку необходимо приложить всю свою власть, средства и умѣнье для того, чтобы исцѣлить образовавшіяся антибольшевистскія организаціи отъ всѣхъ ихъ золъ и болѣзней и направить ихъ на истинный, здоровый путь.

Въ этомъ отношеніи я, только что пріѣхавшій, совершенно сошелся во взглядахъ съ сидящимъ здѣсь Самойловымъ и нѣсколькими старшими офицерами, сохранившими умственное равновѣсіе и понимающими, что образовавшіеся отряды принимаютъ вредное и ничего добраго не сулящее направленіе. Это безконечно печально; не зная совершенно, что творится въ полосѣ отчужденія, какъ по части сохраненія здѣсь всей силы русской власти, такъ и организаціи здѣсь антибольшевистскихъ силъ, надѣялся, что здѣсь можно будетъ образовать безопасное убѣжище для всѣхъ уходящихъ отъ большевизма

русскихъ людей, отсортировать ихъ по качествамъ и начать организацію тѣхъ кадровъ, которые черезъ нѣсколько времени понадобятся, чтобы начать организованную борьбу противъ сѣвшихъ на голову Россіи комиссаровъ и ихъ бандъ. Я надѣялся именно на полосу отчужденія, такъ какъ наше положеніе здѣсь давало полную гарантію противъ агрессивныхъ дѣйствій большевиковъ и предоставляло огромныя удобства для организаціи антибольшевистскихъ силъ; казармы и запасы Заамурскаго округа казались мнѣ отличнымъ основаніемъ для размѣщенія и перваго обзаведенія.

Вмѣсто этого, повидимому, наверхъ здѣсь выплыла кучка авантюристовъ, почуявшихъ, что настали такія времена, которыя позволяютъ дерзать, и жаждущихъ дорваться до власти; идеи у нихъ внутри никакой, кромѣ плача о потерянномъ, злобной, личной — а не міровой — ненависти къ насильникамъ и острой жажды реванша (тотъ же, но только паршивенькій и не красочный Кобленцъ съ полупочтенными дѣльцами, авантюристами и разночинцами вмѣсто маркизовъ и петиметровъ французской революціи).

За идею стоятъ, гибнутъ и готовы гибнуть только кучки старыхъ офицеровъ и ихъ дѣтей — кадетъ, гимназистовъ, юнкеровъ, — представителей старыхъ идей долга и служенія государству за совѣсть; но ихъ очень немного.

Всѣ эти организаціи помимо денежной помощи отъ Хорвата поддерживаются какимъ то комитетомъ изъ Харбинскихъ и Иркутскихъ купцовъ, трясущихся при мысли о господствѣ большевиковъ и готовыхъ пожертвовать крупицами изъ нажитыхъ милліоновъ, чтобы найти руки и сердца, готовыя на борьбу съ этимъ страшнымъ для нихъ чудовищемъ.

Изъ разсказовъ узналъ, что до 13 декабря здѣсь сидѣли большевики, поддержанные стоявшими въ Харбинѣ на линіи дружинами ополченія; 13-го же декабря китайцы разоружили дружины, посадили ихъ въ вагоны и вывезли въ предѣлы Забайкалья; туда же вывезли затѣмъ расформированные и разоруженные батальоны Заамурской желѣзнодорожной бригады. Въ одинъ день китайцы сдѣлались военными хозяевами полосы отчужденія.

Жизнь здѣсь дорога, но за то все имѣется въ изобиліи; дороговизна же происходитъ только вслѣдствіе паденія курса нашего рубля.

Вечеромъ экстренные выпуски телеграммъ повѣдали намъ, что нѣмцы съ 7 февраля объявили вновь состояніе войны и перешли въ наступленіе по всему фронту; нашимъ войскамъ комиссарами приказано оказывать всюду сопротивленіе (интересно, какое сопротивленіе можетъ оказывать теперь тотъ жалкій остатокъ того, что было когда-то русской арміей, который остался на фронтѣ). Идіотскій проектъ заключенія мира, рожденный свихнувшимися утопистами и несвихнувшимися Іудами, разразился совершенно неожиданнымъ финаломъ; обезсиленная и искромсанная подлыми руками Россія отдана на волю нѣмцевъ. Къ сожалѣнію, современные Іуды не послѣдуютъ примѣру своего Каріотскаго предшественника и не удавятся, такъ какъ вѣроятно и этотъ нѣмецкій ходъ входитъ въ условленные тридцать сребренниковъ (только послѣдующая исторія узнаетъ, какой курсъ былъ при переводѣ сребренниковъ на марки).

Прибывъ въ Харбинъ, послалъ Главному Управленію Генеральнаго Штаба заявленіе объ отставкѣ; послѣ многихъ колебаній рѣшилъ все же проѣхать въ Японію для того, чтобы ориентировать нашу миссію въ томъ, что творится въ Россіи, что затѣвается въ Харбинѣ, и просить нашего военнаго агента сдѣлать что нибудь, чтобы облегчить спасеніе нашего офицерства, закупореннаго въ Россіи и обреченнаго тамъ на сожраніе большевиками. Хотя теперь и очень поздно, но все же можно еще многое сдѣлать, помогая намъ въ районѣ Румыніи, Дона, Кавказа, Финляндіи и на Дальнемъ Востокѣ. Мы столько сдѣлали для союзниковъ, что имѣемъ право разсчитывать на то, чтобы и они помогли намъ въ столь тяжкія времена.

Ѣхать въ Японію мнѣ очень непріятно, такъ какъ по телеграммамъ изъ Петрограда сидящіе тамъ господа, не понимающіе нашего положенія, могутъ подумать, что я ѣду въ командировку отъ большевиковъ. Но ѣхать надо, ибо письменно не разсказать того, что дѣлается съ арміей и Россіей, и что надо сдѣлать, чтобы намъ помочь; вѣдь я, вѣроятно, первый, кому удалось такъ скоро продрать сюда изъ Петрограда.

Былъ на вокзалѣ, смотрѣлъ, какъ провожали Хорвата, уѣзжавшаго въ Пекинъ по дѣламъ дороги и охранной стражи. Было больно видѣть хозяйничанье на вокзалѣ китайцевъ, постановку всюду китайскихъ часовыхъ, колотившихъ прикладами непонимавшихъ ихъ окриковъ русскихъ пассажировъ.

Все, чему мы отдали всѣ лучшіе годы своей жизни, все пошло прахомъ!

Харбинъ живетъ и дышетъ спекуляціей и темными дѣлами; спекулянты очень огорчены прекращеніемъ правильнаго сообщенія Харбина съ Западомъ, такъ какъ приходится распрощаться съ отправкой въ Россію винъ, водки, кожи и разныхъ товаровъ, дававшихъ баснословные барыши и сдѣлавшихъ недавнихъ санкюлотовъ и мелкихъ комиссіонеровъ милліонерами.

Курсъ нашего рубля неизмѣнно ползетъ внизъ, на что вліяетъ, какъ общее положеніе, такъ и введеніе въ обращеніе разныхъ суррогатовъ денегъ въ видѣ керенокъ, почтовыхъ марокъ, кредитныхъ билетовъ старыхъ образцовъ и т. п. Надо знать китайскій рынокъ и быть очень осторожнымъ при введеніи новыхъ для него денежныхъ знаковъ, такъ какъ китайцы очень недовѣрчивы.

9 Февраля. Газеты сообщаютъ, что Украинская Рада, угрожаемая большевиками, обратилась за помощью къ Германіи и что нѣмцы двинулись на Рѣжицу, Полоцкъ и Витебскъ по путямъ на Петроградъ и Москву, и на Кіевъ. Думается мнѣ, что такъ далеко нѣмцы не пойдутъ; имъ въ первую голову важно захватить всю укрѣпленную полосу фронта и сосредоточенные на ней огромные запасы боевого снаряженія, и этимъ навсегда обезпечить себя отъ возможности какого-нибудь рецидива на нашемъ фронтѣ.

Впечатлѣнія отъ Харбина тяжелыя; не то ожидалъ я здѣсь увидѣть; на улицахъ шатаются и носятся на извозчикахъ совсѣмъ разболтавшіеся офицеры (очень много въ нетрезвомъ видѣ); по вечерамъ это явленіе усиливается; настроеніе у этихъ господъ очень воинственное, съ готовностью обнажать оружіе и стрѣлять по первому подвернувшемуся подъ руку поводу. Иногда харбинскія улицы начинаютъ напоминать намъ то, что мѣсяцъ тому назадъ мы видѣли въ Александровскомъ саду и на Кронверкскомъ проспектѣ: тѣ же малостѣсняющіяся парочки, та же развинченная походка, тѣ же кудлы волосъ . . .

10 Февраля. Пріѣхалъ новый предсѣдатель правленія Восточно-Китайской дороги генералъ Го (китайцы впервые осуществили свое право имѣть предсѣдателемъ дороги китайца), собралъ старшихъ агентовъ дороги и очень рѣшительно указалъ имъ, что внутренніе безпорядки Россіи не должны отражаться на продуктивности работы этой очень важной для всего Китая желѣзной дороги, и что они, китайцы, примутъ всѣ мѣры къ тому, чтобы дорога работала какъ слѣдуетъ.

Сейчасъ же, по мнѣнію Го, на дорогѣ очень много разговариваютъ и занимаются совершенно посторонними дѣлами; надо работать, а кому такой порядокъ не нравится, тотъ можетъ получить заштатныя деньги и уѣзжать въ Россію; на работѣ дороги это не отразится, такъ какъ если уйдутъ русскіе служащіе, то въ распоряженіи Го имѣется до тридцати тысячъ китайцевъ, которые готовы занять всѣ могущія освободиться мѣста.

Рѣчь очень дѣловая и опредѣленная. Сейчасъ въ рукахъ Хорвата задача огромной важности сохранить дорогу въ рукахъ Россіи и не дать китайцамъ стать полными хозяевами положенія; прежде всего, надо изгнать изъ обихода служащихъ политику; вѣдь сейчасъ при бѣгствѣ изъ Россіи массъ интеллигенціи и техническихъ силъ, можно подобрать для дороги рѣдкій составъ отборныхъ служащихъ; всѣхъ смутьяновъ и политикановъ отсортировать и отправить ихъ наслаждаться порядками комиссародержавія, а ихъ мѣста занять дѣльными, честными и далекими отъ политики людьми, которые будутъ осчастливлены полученіемъ обезпеченнаго заработка; я, напримѣръ, съ величайшей радостью пошелъ бы на мѣсто начальника какой-нибудь скромной станціи, чтобы получить пріютъ и кусокъ хлѣба, и былъ бы добросовѣстнымъ и полезнымъ для дѣла служащимъ; а такихъ, какъ я, цѣлыя сотни и ими было бы можно замѣнить и то жулье, и тѣхъ съежившихся и притаившихся товарищей, которые сидятъ и въ управленіи, и на линіи.

Вечеромъ былъ у Самойлова и слушалъ про безчинства, чинимыя Семеновымъ и его отрядомъ; пріѣхавшій недавно пограничникъ генералъ Чевакинскій былъ свидѣтелемъ,

какъ на ст. Даурія Семеновскіе офицеры убили взятаго ими съ поѣзда пассажира за его отчаянные протесты по поводу отобранія у него законно ему принадлежавшихъ 200.000 рублей; этого пассажира пристрѣлили тутъ же на платформѣ и тѣло его выбросили за перила, ограждавшія платформу.

И такихъ случаевъ десятки. Меня это не удивляетъ; я слишкомъ хорошо познакомился съ тѣмъ матерьяломъ, изъ котораго состоитъ наше офицерство военнаго и революціоннаго времени, и знаю, до чего они могутъ распуститься въ обстановкѣ полной свободы и безнаказанности. Революція распустила насъ всѣхъ, а молодежь par excellence. И я вполнѣ увѣренъ, что большая часть тѣхъ ужасовъ, про которые украдкой разсказываютъ въ Харбинѣ и которые творятся въ «Даурскихъ сопкахъ», куда уводятъ снимаемыхъ съ поѣздовъ пассажировъ, не преувеличена.

Несомнѣнно, что наравнѣ съ краснымъ большевизмомъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ настоящимъ бѣлымъ большевизмомъ.

Особенно шумитъ и безобразничаетъ здѣсь генеральнаго штаба генералъ Доманевскій; судя по разсказамъ объ его дѣяніяхъ, это совершенно спившійся алкоголикъ, распустившійся до полной потери офицерскаго достоинства, и которому мѣсто только въ больницѣ для алкоголиковъ и нервнобольныхъ. А онъ играетъ здѣсь какую-то роль государственнаго и военнаго дѣятеля. Всѣ потѣшаются надъ его пьяными и дикими выходками, но нѣтъ власти, которая положила бы предѣлъ такимъ безобразіямъ, онъ кутитъ по кабакамъ, не платитъ, награждаетъ орденами лакеевъ, рубитъ шашкой пальмы, дѣлаетъ изъ нихъ букеты и, перевязавъ снятой съ шеи Владимірской лентой, отправляетъ ихъ пѣвицамъ на сцену, посылаетъ ресторанные счеты обратно съ надписью «Китайскому генералу Ма, разсмотрѣть и доложить» . . . и т. п. Харбинъ скалитъ на все это зубы, не понимая, какой печальный ужасъ для будущаго заключается въ самой возможности наличія въ нашей жизни такихъ явленій.

Очень невесело здѣсь; на тѣхъ организаціяхъ, которыя здѣсь создались, можно установить или бѣлобольшевистскую диктатуру разболтаннаго офицерства, или же самую мрачную реакцію, и при томъ только здѣсь, такъ какъ съ такими силами безнадежно идти на спасеніе Россіи; вѣдь прошли тѣ времена, когда группѣ вооруженныхъ людей можно было держать въ страхѣ цѣлые народы.

Психологически явленіе такихъ организацій неизбѣжно, какъ бурная реакція противъ совершившагося въ Россіи, какъ протестъ противъ надруганія надъ завѣтами и святынями прошлаго, но въ своемъ настоящемъ проявленіи оно не можетъ послужить основаніемъ для возстановленія разрушаемой уже цѣлый годъ государственности; вѣдь по сути своей оно также противогосударственно, ибо зачато и растетъ въ атмосферѣ презрѣнія къ закону, разрушенія всѣхъ непріятныхъ ограниченій и допустимости произвола и насилія по отношенію ко всему, что не ихъ лагеря и обычая; необуздываемое ничѣмъ, это разлагаетъ, развращаетъ, охулиганиваетъ послѣдніе остатки русской молодежи, пріучаетъ ихъ къ лѣни, произволу, пренебреженію къ долгу и обязанностямъ, пріучаетъ къ жизни не по средствамъ и къ добыванію средствъ для всякихъ наслажденій, не стѣсняясь ничѣмъ въ способахъ добыванія, однимъ словомъ, дѣлаетъ съ нашей бѣлой молодежью то же, что дѣлаетъ съ красной комиссарщина и красная армія.

11 Февраля. Официально сообщается о занятіи нѣмцами Вендена, Двинска и Луцка. Украинская рада заключила самостоятельный миръ съ центральными державами. Комиссары объявили какую-то сумбурную мобилизацію, сдобривъ ее терроромъ противъ буржуевъ. Кого хотятъ обмануть комиссары своими мобилизаціонными громами? Развѣ возможна какая-нибудь мобилизація въ то время, когда толпы ушедшихъ съ фронта и покончившихъ со всякой войной и мобилизаціями товарищей стихійно расползаются по домамъ!

Верхопрапъ Крыленко испустилъ истерическій приказъ — прокламацію, въ которой требуетъ побѣды или смерти; прокламація написана, какъ то и подобаетъ хулиганскому Главковерху, самымъ хулиганскимъ стилемъ.

Здѣсь появился какой-то самочинный штабъ Дальневосточнаго Корпуса Защиты Родины и Учредительнаго Собранія (удивительное названіе! кого только они хотятъ

имъ надуть?). Штабъ сей объявляетъ, что всѣ офицеры обязаны записаться въ подчиненныя ему войска; редакція приказа по стилю очень недалеко ушла отъ Крыленковской, такъ какъ вышла изъ лавочки того же сорта, но только съ правой стороны улицы; тѣмъ не менѣе среди офицеровъ нѣкоторое смущеніе, такъ какъ болѣе порядочные боятся объявленія уклоняющимися отъ исполненія долга, а болѣе трусливые боятся реальныхъ воздѣйствій.

Вечеромъ встрѣтилъ знакомаго по Владивостоку полковника Ходановича, бывающаго на засѣданіяхъ этого комитета (составъ его до сихъ поръ не объявленъ), и спросилъ, изъ кого же состоитъ этотъ комитетъ. Получилъ отвѣтъ: «изъ жуликовъ, хулигановъ, авантюристовъ и купцовъ, жаждущихъ спасти свои застрявшіе въ большевизіи капиталы» . . .

Таково общее мнѣніе объ этомъ комитетѣ; если это вѣрно, то не поздоровится ни Родинѣ, ни Учредительному Собранію отъ такихъ защитниковъ.

Вечеромъ узналъ, что китайцы присылали къ Хорвату узнать, что это за корпусъ, указывая, что по договору въ полосѣ отчужденія можетъ стоять только вольнонаемная охрана; Доманевскій ѣздилъ послѣ этого объясняться къ генералу Ма и дѣло кончилось какимъ то скандаломъ.

12 Февраля. Въ городѣ много разговоровъ по поводу активнаго проявленія дѣятельности Дальневосточнаго Комитета и рожденнаго имъ корпуса (пока только изъ одного начальства, но безъ войскъ); думаютъ, что это — попытка создать въ Харбинѣ повтореніе Семеновскаго отряда со всѣми вкусными для антрепренеровъ послѣдствіями. Приверженцы комитета распространяютъ слухи, что работаютъ по указанію союзниковъ, которые де отпустили уже комитету 40 милліоновъ, и съ отеческаго благословенія Хорвата.

Опубликованы условія мира, продиктованныя нѣмцами и принятыя вчера комиссарами; въ главныхъ чертахъ Россія теряетъ все, что западнѣе Двины и Бреста; возстанавливается старый торговый договоръ, преимущества котораго, какъ говорили, были такъ велики, что окупали нѣмцамъ все содержаніе ихъ арміи; затѣмъ Россія обязуется демобилизоваться и разоружиться.

Въ Петроградѣ царство террора; изданъ декретъ, разрѣшающій разстрѣливать контръ-революціонеровъ на мѣстѣ; выходитъ — стрѣляй, кого хочешь.

Условія мира приняты Цикомъ большинствомъ 116 противъ 85; нашлись еще и въ царствѣ комиссаровъ люди, не убоявшіеся голосовать противъ.

13 Февраля. Всѣ три харбинскія газеты обрушились на Дальневосточный Комитетъ, требуя опубликованія его состава и объясненія правъ, на основаніи которыхъ онъ распоряжается; при этомъ комитетъ обвиняется въ желаніи установить режимъ палки.

Получено извѣстіе, что изъ Иркутска идутъ эшелоны красныхъ войскъ, двинутые комиссарами для ликвидаціи Семенова; послѣдній разобралъ путь между станціями Борзя и Оловянная и такимъ образомъ желѣзнодорожное сообщеніе съ западомъ прекратилось. Харбинскіе спасители настроены очень воинственно, но я не вижу основаній, чтобы оптимистически смотрѣть на исходъ возможныхъ столкновеній Семенова съ красными; если бы даже у Семенова и было достаточно силъ, то, не имѣя ни артиллеріи, ни обозовъ, ни обезпеченнаго интендантскаго и артиллерійскаго подвоза, базируясь на точку — ст. Маньчжурія и будучи привязанъ къ желѣзнодорожной линіи, проходящей очень невыгодно (въ облическомъ къ границѣ направленіи), онъ не въ состояніи ни держаться въ Даурскомъ районѣ, ни двигаться впередъ. Общіе законы войны непреложны, а малая война, да еще въ условіяхъ гражданской войны, вещь очень деликатная.

14 Февраля. Былъ у Самойлова; слушалъ разсказы участниковъ про вчерашнее собраніе офицеровъ Харбинскаго гарнизона для выясненія отношеній къ родившемуся изъ пѣны харбинской Дальневосточному Корпусу; судя по разсказамъ, вышелъ самый безтолковый кавардакъ самаго митинговаго характера съ руганью, попреками и прочими аксессуарами такихъ собраній; подполковника генеральнаго штаба Акинтіевскаго, сказавшаго собравшимся горькую правду, чуть не избили. Впрочемъ, трудно было ожидать уравновѣшенности, спокойствія и дѣловитости отъ случайнаго собранія самыхъ разношерстныхъ элементовъ, большею частью издерганныхъ, распустившихся, многое

потерявшихъ, много испытавшихъ, жаждущихъ мести, отвыкшихъ отъ истоваго исполненія тяжелыхъ обязанностей и, въ большинствѣ, очень и очень далекихъ отъ подвига; устроиться хочется почти всѣмъ, но работать и рисковать не особенно много охотниковъ.

Недѣля Харбинской жизни, личныя наблюденія и разсказы безпристрастныхъ людей дали самую безотрадную картину того, чѣмъ живетъ большинство собравшейся здѣсь молодежи, захваченной революціей и ея послѣдствіями въ самый опасный для нея періодъ полной неустойчивости и нахожденія на остріѣ ножа, съ возможностью свалиться и на одну и на другую сторону. Судя по разсказамъ обывателей, по вечерамъ во всѣхъ мѣстныхъ кабакахъ-шантанахъ всѣ столы заняты спасителями родины разныхъ ранговъ, вино льется рѣкой, кутежъ и развратъ идутъ во всю; кто успѣлъ награбить и нацапать, тотъ жаритъ на наличныя, а кто не успѣлъ, должаетъ, лупитъ въ кредитъ и жадными глазами и всей силой звѣринаго желанія ищетъ гдѣ бы схватить, гдѣ бы поживиться и получить такія же, какъ у нѣкоторыхъ счастливцевъ, средства для пьяной, беззаботной жизни и удовлетворенія животныхъ наслажденій. Сейчасъ Харбинъ это помойница, въ которой гноятся и безвозвратно погибаютъ послѣдніе остатки русской молодежи, той самой, изъ которой, попади она въ другую обстановку и въ другія руки, могли бы выйти цѣлыя рати героевъ подвижниковъ, истинныхъ спасителей гибнущей Родины. Конечно, и сейчасъ здѣсь есть и идейные борцы за Россію, и добросовѣстные, скромные работники, но ихъ капля сравнительно со всѣмъ остальнымъ.

Во главѣ всей мѣстной чепуховидной оперетки на государственно-военныя темы взгромоздился ничтожненькій господинчикъ изъ бывшихъ консульскихъ чиновниковъ, нынѣ исполняющій обязанности русскаго здѣсь консула — Поповъ, изображающій сейчасъ что-то въ родѣ мѣстнаго Главковерха, жалкая пародія на жалкаго Керенскаго.

Все видѣнное заставило меня считать себя обязаннымъ проѣхать въ Японію, разсказать про видѣнное и пытаться убѣдить во первыхъ въ необходимости назначить какое-нибудь компетентное и съ авторитетнымъ именемъ лицо для сбора, организаціи и муштровки русскаго офицерства, какъ необходимѣйшихъ кадровъ грядущей антибольшевистской борьбы, а во вторыхъ изложить мои взгляды на срочную необходимость союзнаго вмѣшательства и союзной окупаціи Дальняго Востока для спасенія его отъ разложенія, неизбѣжнаго спутника большевизма, и для предотвращенія учиненія надъ населеніемъ обидъ и беззаконій, откуда бы они ни шли. Окупацію я представляю себѣ въ видѣ занятія главныхъ центровъ и желѣзныхъ дорогъ союзными войсками, назначеніе которыхъ возстановить дѣйствіе старыхъ законовъ, судебныя, земскія и финансовыя учрежденія, потребовать отъ всѣхъ соблюденія строжайшаго порядка и усѣкать каждаго, кто сего не исполнитъ; борьбу съ большевизмомъ предоставить русскимъ, давъ имъ только военнотехническія средства и обезпечивъ снабженіе; при порядкѣ въ тылу и на желѣзныхъ дорогахъ большихъ силъ, чтобы справиться съ красной сволочью, не требуется, но надо, чтобы свои силы были бы настоящими русскими войсками, а не бандами бѣлыхъ большевиковъ.

15 Февраля. Съ тяжелымъ чувствомъ тронулся въ дальнѣйшій путь.

На западѣ нѣмцы крѣпятъ свои условія мира неизмѣннымъ продвиженіемъ въ наши предѣлы. Комиссары вопятъ, что всѣ войска двинуты для защиты Петрограда. Продали всю Россію, а теперь только и думаютъ о спасеніи своего большевичьяго гнѣзда.

На станціи Чань-Чунь пересѣли въ японскій экспрессъ, представляющій разительный контрастъ съ тѣми свинушниками, въ которыхъ ѣхали по нашей южной вѣткѣ отъ Харбина; душа ноетъ и плакать хочется, когда видишь, что у чужихъ такъ хорошо, а у насъ все разваливается.

Ѣду подъ тяжелымъ гнетомъ Харбинскихъ впечатлѣній; на наше великое горе здѣсь нѣтъ никого, кто бы могъ взять на себя великое дѣло возстановленія арміи, администраціи и государственнаго устройства; какое счастье было бы, окажись здѣсь, на Дальнемъ Востокѣ, сейчасъ Лечицкій или Нищенковъ.

Многоликій Хорватъ, способный только на ловкіе компромиссы и на искусную лавировку среди самыхъ разнообразныхъ теченій, несомнѣнно умный, умѣющій обхо-

диться съ людьми и къ себѣ ихъ привлекать, но абсолютно неспособный къ рѣшительнымъ активнымъ дѣйствіямъ, не знающій арміи, совершенно не подходящій къ тому, чтобы идейнымъ, величественнымъ утесомъ подняться среди общаго развала и безлюдья и громовымъ, безотказнымъ кличемъ собрать все уцѣлѣвшее и властно, желѣзной рукой, повести его на великій жертвенный подвигъ спасенія гибнущей родины . . . Опереточный консулъ Поповъ, случайный прыщъ въ родѣ Семенова, алкоголикъ, скандалистъ Домаревскій, полусумасшедшій авантюристъ Потаповъ — вотъ дѣйствующіе персонажи маньчжурскаго Кобленца.

16 Февраля. Несемся дальше на югъ; чистенькій и аккуратненькій японскій экспрессикъ проносится черезъ мосты и туннели; дорога очень походитъ на нашу Амурскую и на восточную вѣтвь Китайской.

Проѣхали Антунгъ, бывшую корейскую деревушку, а теперь солидный городъ съ каменными домами, фабриками и заводами. Грустно думается о томъ, что и этому начало положено нами; мы первые разбудили пустынную Маньчжурію, внесли въ нее культуру, уложили многіе милліоны русскихъ денегъ, потеряли сотни тысячъ русскихъ людей и въ концѣ концовъ сдѣлали ее источниковъ великихъ благъ и доходовъ, но только не для себя; нажилась Японія, пріобрѣлъ многое и готовится пріобрѣсти еще больше Китай, мы же по исторической привычкѣ добыли себѣ только горе, убытки и позицію у разбитаго корыта.

Переѣхали р. Ялу; вспомнился 1904 годъ и тяжелые апрѣльскіе дни здѣшнихъ боевъ и ужасъ перваго пораженія; на сѣверныхъ берегахъ еще видны остатки нашихъ траншей, въ которыхъ, по отсутствію у старшихъ начальниковъ способности говорить правду, погибли безцѣльно лучшіе люди третьяго сибирскаго корпуса; только генералъ Трусовъ доложилъ правду, за что и былъ съ ошельмованіемъ удаленъ отъ командованія шестой сибирской дивизіей.

Отъ ѣдущаго въ экспрессѣ директора Владивостокскаго отдѣленія Сибирскаго банка узналъ, что въ Владивостокѣ все трещитъ и внѣшній порядокъ охраняется только нажимомъ со стороны иностранныхъ консуловъ, грозящихъ, въ случаѣ безпорядковъ, запретить ввозъ продуктовъ изъ-за границы.

17 Февраля—2 Марта. Рѣшилъ перейти на новый стиль — за границей двойственность сугубо путаетъ. Рано утромъ мы въ Фузанѣ; поѣздъ подходитъ прямо къ пароходу. Вездѣ очень усердно допрашиваютъ японцы, прилично говорящіе по русски. Въ Симоносеки пересѣли въ чисто японскіе вагоны.

Изъ Кобе'скихъ газетъ узналъ, что союзники упрашиваютъ Японію выступить на Дальнемъ Востокѣ, но Японія отказывается на томъ основаніи, что ея интересы не затронуты; между строчекъ читается, что японцамъ не охота ради другихъ таскать горячіе каштаны изъ большевистской печки. Тяжкодумы японцы не понимаютъ, что пожаръ у сосѣда надо тушить, пока не поздно.

Тѣ же газеты сообщаютъ очень горестное извѣстіе о занятіи нѣмцами Ревеля и Пскова.

3 Марта. Весь день любовался японскими пейзажами, всюду образцовый порядокъ и чисто до подлости; вотъ куда надо пригнать нашихъ россійскихъ лежебоковъ и показать, какимъ каторжнымъ трудомъ зарабатывается здѣсь каждая пригоршня риса. На станціяхъ полный порядокъ; нигдѣ нѣтъ праздной толпы, а ожидающіе поѣзда спокойно ждутъ за тонкими перилами, пока имъ разрѣшатъ садиться въ вагоны.

Поражаетъ также малое количество видимыхъ на станціяхъ служащихъ и удивительная точность движенія.

Мѣстныя газеты обсуждаютъ вопросъ о выступленіи Японіи для водворенія порядка на Дальнемъ Востокѣ; общее настроеніе отрицательное, ибо Японіи, де, непосредственно ничего не угрожаетъ и торопиться ей не зачѣмъ. Не хочется думать, что за этимъ уклончивымъ отвѣтомъ, кроется скрытое желаніе дать Россіи побольше развалиться и этимъ скинуть съ будущихъ счетовъ на Азіатскомъ материкѣ наиболѣе опаснаго конкурента.

Все это очень огорчительно, ибо изъ этого ясно, что здѣсь, какъ и у союзниковъ, никто не понимаетъ того, что совершается сейчасъ въ Россіи и какими результатами это грозитъ всему міру.

Нѣкоторыя газеты заявляютъ, что Японія ожидаетъ, какъ выскажется по этому вопросу Америка, зорко и ревниво слѣдящая за каждымъ шагомъ Японіи, особенно на азіатскомъ материкѣ.

4 Марта. Пріѣхали въ Токіо; въ отель ѣхалъ на рикшѣ и думалъ о томъ рѣзкомъ контрастѣ, который пришлось пережить: за шесть недѣль тому назадъ на насъ ѣздили, а сегодня самому приходится ѣхать на упряжномъ человѣкѣ.

Въ полдень пріѣхалъ Яхонтовъ; конечно, у него ни на одну минуту не могло быть мысли, что я принялъ назначеніе отъ большевиковъ; онъ сразу понялъ, что это было для меня единственнымъ способомъ удрать изъ Петрограда; но посланникъ, по его словамъ, дуется и сомнѣвается, не пріѣхалъ ли я отъ большевиковъ. Просилъ Яхонтова доложить послу, что уже 8 февраля я послалъ заявленіе о своей отставкѣ изъ россійской военной службы настоящаго порядка, и что я пріѣхалъ исключительно для того, чтобы: первое — разсказать, что сдѣлали съ нашей арміей; что дѣлается вообще въ Россіи и рекомендовать бить большую тревогу, ибо дѣлается нѣчто очень ядовитое, ползучее и грозное по своимъ послѣдствіямъ; второе — кричать о необходимости скорѣйшаго вмѣшательства (если уже не поздно) союзниковъ для того, чтобы спасти ошалѣвшій русскій народъ отъ власти одурманившихъ его насильниковъ и обезпечить работу, безопасность и спокойствіе тѣхъ, кто будетъ создавать разрушенный государственный строй; и третье — умолять подумать о гибнущемъ въ красныхъ тискахъ русскомъ офицерствѣ, столько положившемъ на союзное дѣло, устроить для нихъ пути и убѣжища для спасенія и помочь имъ сорганизоваться въ кадры для будущей русской арміи. Главное же, по моему мнѣнію, это то, чтобы союзники поняли, что борьба съ большевизмомъ это не узко русское дѣло, а дѣло міровое, одинаково для всѣхъ необходимое.

По словамъ Яхонтова вмѣшательство Японіи въ наши Сибирскія дѣла, повидимому, неизбѣжно, но едва ли она пойдетъ дальше Забайкалья; наибольшее затрудненіе пока представляетъ рѣзкій протестъ Америки, несогласной на такое японское выступленіе. Китай же самъ напрашивается, чтобы союзники поручили ему эту миссію (дожили до того, что люди собираются водворять у насъ порядокъ, котораго у нихъ у самихъ нѣтъ). Одно время намѣчалась идея общесоюзнаго вмѣшательства, но была погашена заявленіемъ Японіи, что она обязалась поддерживать сохраненіе порядка на Дальнемъ Востокѣ и одна желаетъ выполнить такое свое обязательство.

Союзники дебатируютъ, а мы все разваливаемся, да разваливаемся; вѣдь и то, что творится сейчасъ въ Харбинѣ тоже развалъ, и очень грозный по своимъ послѣдствіямъ.

Здѣсь ходятъ слухи о попыткѣ образовать въ Пекинѣ новое Сибирское правительство (вмѣсто разогнаннаго большевиками въ Томскѣ); въ справедливости слуховъ заставляетъ сомнѣваться сумбурность сообщаемаго состава этого правительства: предсѣдатель Князь Львовъ, военный министръ Брусиловъ, министръ финансовъ Путиловъ и т. п.

5 Марта. Отдыхаю безъ работы и обязанностей; непривычно чувствовать себя никуда не торопящимся и ничѣмъ не связаннымъ. Временами стыдно, что живешь такъ покойно и ѣшь такъ обильно въ то время, когда другіе, тамъ ущемленные, страдаютъ, голодаютъ и ведутъ существованіе аналогичное каторжнымъ гребцамъ, прикованнымъ на галерахъ къ весламъ.

Сегодняшнія газеты наполнены слухами о выступленіи Японіи и Америки, о поѣздкахъ разныхъ пословъ къ премьеру и о длительныхъ совѣщаніяхъ.

Сообщаютъ, что Китай уже назначилъ 40.000 войскъ для Сибирской экспедиціи.

Утромъ ѣздилъ къ послу, — это одинъ изъ многочисленныхъ Крупенскихъ; разсказалъ ему, что дѣлается въ Россіи, въ какомъ ужасномъ положеніи находится русская интеллигенція и русскіе офицеры, и всячески старался охарактеризовать серьезность положенія, усиленно подчеркивая, что сейчасъ не повтореніе 1906 года и что болѣзнь безконечно опаснѣе и такъ уже прогрессировала, что можетъ являться опасеніе, не опоздаютъ ли доктора.

Такіе господа, какъ мѣстный посолъ и многіе наши представители за границей, знаютъ что такое революція только по газетамъ, да по розовымъ телеграммамъ Терещенко и Ко.; они ничего не испытали, обезпечены на долгое время прекрасными окладами въ

золотыхъ рубляхъ и очень горды тѣмъ, что могутъ, сидя въ полной безопасности, рядиться въ ризы ярыхъ и непримиримыхъ ненавистниковъ большевизма и грозно размахивать руками. Всѣ тѣ, кто ущемлены, мучаются и погибаютъ въ Россіи, ненавидятъ большевизмъ сильнѣе и острѣе, но что они могутъ сдѣлать, разрозненные, безпомощные ... Вѣдь для многихъ — только тотъ исходъ, который нашелъ въ Брестѣ генералъ Скалонъ. Посмотрѣлъ бы я на всѣхъ этихъ заграничныхъ синьоровъ, если бы они попали въ комиссарскія лапы.

Высказалъ также послу свой взглядъ на интервенцію и на острую потребность возможно скорѣе положить предѣлъ прогрессирующему разложенію послѣднихъ остатковъ осмысленнаго человѣческаго существованія.

Вечеръ провелъ въ отчаянномъ настроеніи, всѣ тѣ мечты, съ которыми я стремился сюда, оказались очень далекими отъ возможности осуществленія; вдобавокъ, начитался газетъ, перенесся мыслями въ Россію и мучился неспособностью хоть чѣмъ нибудь помочь тѣмъ, кто тамъ остался.

6 Марта. Газеты продолжаютъ обсуждать вопросъ о вмѣшательствѣ Японіи въ русскія дѣла; появились кое-какіе намеки на возможность общаго союзнаго выступленія съ участіемъ Америки.

Прочиталъ сообщеніе, что за время послѣдняго продвиженія вглубь Россіи нѣмцы захватили 3000 орудій, нѣсколько десятковъ тысячъ пулеметовъ и необозримое количество всевозможныхъ боевыхъ и техническихъ запасовъ, и плакалъ отъ боли и стыда; минутами вторгалась въ голову мысль: «а, быть можетъ, даже лучше, что все это брошено, чѣмъ если бы было продано, все равно кѣмъ, товарищами или комиссарами; результаты одни, но позора меньше».

Вспомнилось, какъ страдали мы, не имѣя ни орудій, ни пулеметовъ и снарядовъ; какой радостью было для насъ полученіе этихъ средствъ борьбы и постепенное ихъ накапливаніе и улучшеніе; какія надежды мы связывали съ тѣмъ временемъ, когда, наконецъ, у насъ будутъ средства бороться съ врагомъ равнымъ оружіемъ ... И когда все это пришло, когда состояніе матеріи поднялось, развалился духъ, и черезъ 8—9 мѣсяцевъ на мѣстѣ русской арміи остались какія-то кучи нравственнаго навоза — дезорганизованныя банды товарищей, продающихъ нѣмцамъ пушки и пулеметы и позорно бѣгущихъ передъ наступающими церемоніальнымъ маршемъ нѣмцами. Какъ счастливы тѣ, кому судьба была благосклонна и не дала имъ увидѣть всего этого позора!

7 Марта. Яхонтовъ хотѣлъ мнѣ помочь прикомандированіемъ меня, какъ знатока Дальняго Востока, къ военной миссіи, но наткнулся на сопротивленіе Крупенскаго, заявившаго, что такъ какъ я принялъ командировку отъ измѣннической Управленія Генеральнаго Штаба, то онъ не только не разрѣшаетъ моего прикомандированія, но требуетъ, чтобы я уѣхалъ изъ Японіи.

Всѣ доводы Яхонтова были безрезультатны.

Интересно знать, кто больше измѣнники: тѣ, кто, попавъ въ красный плѣнъ, своимъ тѣломъ, кровью и переживаемымъ ужасомъ тормозитъ, сколько можетъ, поступательное движеніе большевизма и, находясь подъ постояннымъ страхомъ мученій, издѣвательствъ и смерти, напрягаетъ невѣроятныя усилія, чтобы выиграть время, пока придетъ помощь (ибо тамъ въ Россіи все еще надѣются, что союзники не бросятъ насъ на комиссарское съѣденіе), — или тѣ, кто, сидя по безопаснымъ заграничнымъ и далекимъ отъ Россіи и революціи мѣстамъ и кушая многотысячные оклады, брезгливо отворачивается отъ всего русскаго и пальцемъ не шевельнетъ, чтобы спасти гибнущихъ на Руси.

Трудно было ожидать чего либо болѣе порядочнаго и человѣческаго отъ такого типичнаго представителя нашей дипломатіи, какимъ является Базиль Крупенскій. Недаромъ говорили про наше «иностранное» вѣдомство, что русскій дипломатъ и сны видитъ, и бредитъ во снѣ только на французскомъ языкѣ.

Имѣлъ съ Яхонтовымъ длинную бесѣду о состояніи нашей арміи и положеніи офицерства; разсказалъ ему подробно, что дѣлается въ Харбинѣ и подчеркнулъ, что въ этой помойной ямѣ молодежь воспитывается только на мести, на идеѣ реванша и сведенія личныхъ счетовъ, то-есть на такихъ лозунгахъ, на которыхъ Россіи не возстановить.

Просилъ Яхонтова взять на себя хлопоты по организаціи съ помощью союзниковъ русскихъ добровольческихъ легіоновъ, которые и будутъ продолжать борьбу и за общее союзное, и за русское дѣло на началахъ великаго воинскаго и гражданскаго подвига, о себѣ лично не думая, ничего не требуя, и никому не мстя.

По мнѣнію Яхонтова мои надежды на возможность искренней и безкорыстной помощи со стороны Японіи весьма утопичны: японцы очень хитры и еще болѣе жадны; сейчасъ они полны вождѣленіями какъ бы выгоднѣе использовать наши несчастія и извлечь изъ этого наибольшую для своей страны пользу; польза же эта рисуется въ легкомъ захватѣ всего русскаго Дальняго Востока и наложеніи своей лапы на крайне нужныя для нихъ естественныя богатства этого края (горныя и рыбныя). Пока что Японія сдерживается и косится въ сторону Америки своей непримиримой соперницы во всемъ, что касается эксплоататорскихъ экспериментовъ на азіатскомъ континентѣ.

8 Марта. Газеты сообщаютъ, что три дня тому назадъ Америка дала свое согласіе на выступленіе Японіи на русскомъ Дальнемъ Востокѣ; говорятъ, что изъ Цуруги вышли уже транспорты съ войсками, но военные японцы это отрицаютъ.

9—14 Марта. Отдыхаю. Вопросъ о сибирскомъ вмѣшательствѣ Японіи продолжаетъ оставаться въ положеніи дебатируемаго вопроса, интересъ къ которому съ каждымъ днемъ становится все слабѣе.

15 Марта. Яхонтовъ уѣзжаетъ въ отпускъ; сговорился съ нимъ по поводу организаціи помощи русскимъ офицерамъ; проектирую, чтобы онъ попробовалъ обратиться къ Рузевельту — это человѣкъ кипучій, военный и съ огромнымъ общественнымъ и нравственнымъ вѣсомъ. Надо только торопиться, пока помойныя ямы Харбинскаго типа не сгноили совершенно нашу молодежь.

По словамъ Яхонтова японцы охотно готовы вмѣшаться въ наши дѣла, но только на средства союзниковъ и съ тѣмъ, чтобы не идти дальше Владивостока, Харбина и Камчатки. Условія черезчуръ прозрачныя, и союзники совсѣмъ не охочи на то, чтобы давать деньги на осуществленіе за ихъ счетъ чисто японскихъ задачъ, и требуютъ гарантій, что при исполненіи не будутъ преслѣдуемы узко эгоистическія цѣли.

Харбинскіе писаки продолжаютъ муссировать Семеновщину, представляя Семенова, какъ единственную величину, способную спасти Россію отъ власти большевиковъ. За деньги и въ чаяніи разныхъ благъ отъ реванша наши продажныя перья способны на все.

Развѣ на ненависти и мести можно возстановить разрушаемую Россію, особенно если ненависть направлена огуломъ по адресу всего народа? Слѣдовало бы вспомнить и прочесть о томъ, что было во времена Ванден и Кобленца; фонъ вѣдь тотъ же самый, только краски и углубленія куда рѣзче, чѣмъ сто двадцать лѣтъ тому назадъ.

16—17 Марта. Лунножитель Вильсонъ, разразился посланіемъ къ русскому народу; совсѣмъ никчемушная исторія, такъ какъ $^3/_4$ русскаго народа никакихъ посланій не читаетъ и очень мало, если не совсѣмъ, освѣдомлены о томъ, что такое Соединенные Штаты и гдѣ они находятся; милый профессоръ исторіи продолжаетъ пребывать въ невѣдѣніи того, что съ выпущенными на чисто звѣриную свободу дикими и темными массами нельзя бесѣдовать ни воззваніями, ни идущими даже отъ искренняго сердца убѣжденіями.

Въ нашей острозаразной болѣзни нужны или операція, или прижиганіе; вѣрнѣе сказать — были нужны, такъ какъ теперь время, повидимому, уже упущено.

18 Марта. Съѣздъ совѣтовъ въ Москвѣ утвердилъ мирный договоръ съ Центральными державами; ничего иного и не могло сдѣлать спеціально собранное для этого случая голосовальное стадо. Подтверждена только сдѣланная именемъ Россіи подлость, ибо вѣдь все равно самая Россія усердными стараніямм комиссаровъ уже нѣсколько мѣсяцевъ фактически выведена изъ строя воюющихъ державъ, потеряла всю свою армію, лишилась всѣхъ боевыхъ запасовъ и приведена къ экономическому коллапсу.

Союзная пресса продолжаетъ жевать вопросъ объ оказаніи помощи Россіи и о Сибирской экспедиціи; каждая строка каждой статьи доказываетъ глубочайшее непониманіе того, что совершилось и продолжается сейчасъ на нашей несчастной, ополоумѣвшей Родинѣ.

28 Марта. Нѣмецкое наступленіе медленно продвигается впередъ; мѣстные нѣмцефилы и союзникофобы ликуютъ; я ихъ охлаждаю напоминаніемъ про судьбу клина, который не раскололъ бревна сразу, а застрялъ и продолжаетъ вбиваться уже ослабленными мелкими ударами въ то время, когда стѣнки раскола сохранили могучую силу сопротивленія и готовы энергично сжаться и выбросить клинъ вонъ. Большинство здѣсь считаетъ дѣло союзниковъ проиграннымъ и искренно радуется; скрытое нѣмцефильство бурно выбивается наружу. Горькое имъ предстоитъ разочарованіе, когда выяснится, что цѣной огромныхъ потерь и частичныхъ тактическихъ успѣховъ нѣмцы близки уже къ стратегическому пораженію, и теперь весь вопросъ въ томъ, какъ имъ удастся вылѣзти изъ начатой ими операціи, успѣютъ ли они унести свои хвосты и отстояться за основными линіями, цѣльность сопротивленія которыхъ не могла быть не нарушена съ началомъ наступленія. Конецъ нѣмецкой наступательной волны долженъ быть началомъ контръ волны союзнаго перехода въ рѣшительное наступленіе — такова, повидимому, идея верховнаго союзнаго командованія.

29 Марта. Отчаянное нѣмецкое сопротивленіе продолжается; несомнѣнно, что главная цѣль нѣмцевъ заключается въ томъ, чтобы отрѣзать англичанъ и припереть ихъ къ морю; возвѣщаемое же наступленіе на Парижъ это только для отвода глазъ и, какъ говорятъ юнкера, для «наведенія дранжа» на очень чувствительныхъ во всемъ, что касается Парижа, французовъ.

Нѣмцефилы японцы (ихъ оказывается очень много) и очень многіе русскіе вожделѣнно смакуютъ грядущую побѣду тевтоно-австрійскихъ армій, отъ которыхъ ждутъ затѣмъ энергичныхъ дѣйствій по возстановленію порядка на Руси и возвращенію всѣхъ потерянныхъ правъ, преимуществъ и капиталовъ; во всемъ этомъ такъ и сквозитъ то, что именуется русскимъ патріотизмомъ.

30 Марта—4 Апрѣля. Томлюсь въ ожиданіи возможности двинуться въ обратный путь въ Харбинъ безъ заѣзда, какъ раньше думалъ, въ Пекинъ. Нѣмцы все еще ломятся впередъ подъ ликованіе мѣстныхъ милостивыхъ государей съ бердичевскаго и кобленцскаго фронтовъ; у многихъ слюнки текутъ отъ предвкушенія будущихъ жареныхъ рябчиковъ и прочаго благоуханія былыхъ временъ. Утромъ продолжительная бесѣда съ японскимъ жандармомъ; выяснилось, что наше посольство все время волнуется, скоро ли я уѣду, и представляетъ меня японцамъ, какъ большевика; отъ столь подлаго учрежденія трудно было ожидать чего либо другого; подлость усугубляется тѣмъ, что посолъ знаетъ, что это невѣрно; знаетъ причины моего отъѣзда изъ Петербурга и причины, побудившія меня пріѣхать въ Японію. Я разсказалъ жандарму причины моего прибытія, показалъ ему документы; тотъ разсыпался въ любезности и уговаривалъ не уѣзжать изъ Японіи, такъ какъ скоро цвѣтеніе вишенъ и много удовольствій и развлеченій. Поблагодарилъ его, сказавъ, что русскимъ сейчасъ не до развлеченій и что мнѣ надо ѣхать въ Харбинъ искать работы.

VARIA*

Главный земельный комитетъ**

В. П. Семенова Тянь-Шанскаго

Послѣ Февральской революціи Министромъ Земледѣлія сталъ А. И. Шингаревъ, по профессіи земскій врачъ, никогда раньше не имѣвшій отношенія къ этому вѣдомству и вообще не работавшій въ области земледѣлія и землеустройства. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій новаго Министра было изданіе новаго закона о землѣ. Появленіе этого закона было вызвано причинами политическими или даже скорѣе демагогическими. Не имѣя ни понятія о структурѣ законовъ, ни опыта государственнаго дѣятеля, Шингаревъ создалъ не законъ, а какую-то декларацію, да и то не совсѣмъ грамотно написанную.

Появленіе новаго закона вызвало необходимость созданія цѣлой сѣти учрежденій для проведенія въ жизнь декларации, и въ главу этихъ учрежденій былъ поставленъ «Главный Земельный Комитетъ».

Комитетъ этотъ былъ сконструированъ наспѣхъ. Предсѣдателемъ его назначенъ профессоръ политической экономіи А. С. Постниковъ. Были привлечены къ участію въ Комитетѣ и представители вѣдомствъ. Вообще, какъ всѣ революціонныя учрежденія, Комитетъ имѣлъ, благодаря своей конструкціи и составу, а также отношенію къ другимъ оставшимся цѣлыми дореволюціоннымъ учрежденіямъ, совершенно неопредѣленную физіономію и функціи. На первыхъ порахъ ему, во всякомъ случаѣ, была поставлена задача сконструировать сѣть мѣстныхъ учрежденій и поставить ихъ въ іерархическую связь и зависимость другъ отъ друга.

Представителемъ отъ Министерства Юстиціи въ Комитетъ былъ назначенъ Оберъ-Прокуроръ 2-го Д-та Сената, проф. гражданскаго права, И. М. Тютрюмовъ, который, какъ самъ мнѣ лично сказалъ, далъ Министру Юстиціи свое согласіе лишь условно — если ему будетъ данъ замѣститель-помощникъ по его выбору; этимъ замѣстителемъ онъ просилъ быть меня, какъ своего старшаго товарища Оберъ-Прокурора и члена Совѣта Министра Юстиціи, причемъ, приглашая меня, поставилъ вопросъ такъ, что если бы я не согласился, то онъ, Тютрюмовъ, также отказался бы отъ предложенной ему обязанности.

Не ожидая большой пользы отъ своего участія въ Главномъ Земельномъ Комитетѣ, ибо было ясно, что все дѣло сводится къ отрицанію права частной собственности на землю, а мы съ Тютрюмовымъ, какъ цивилисты, не могли сочувствовать такому направленію, я все же согласился на сдѣланное мнѣ предложеніе, считая, что, быть можетъ, удастся обуздать нѣкоторыя неумѣренныя и неразумныя вожделѣнія и стремленія. Полагая, однако, что я буду замѣстителемъ Тютрюмова только тогда, когда ему самому нельзя будетъ бывать на засѣданіяхъ Комитета, я просилъ постоянно держать меня въ курсѣ какъ того, что тамъ дѣлается, такъ и того, какой линіи держится самъ представитель Министерства Юстиціи.

Въ самое первое время все такъ и шло. Но очень скоро мнѣ пришлось нести обязанности представителя почти исключительно одному. И. М. Тютрюмовъ имѣлъ присущее многимъ русскимъ свойство набирать себѣ цѣлую кучу всякихъ дѣлъ и обязанностей, очень часто мелочныхъ и служащихъ только къ тому, чтобъ онѣ мѣшали сосредоточиваться на главныхъ. Помимо своей службы въ Сенатѣ и профессуры въ Университетѣ, Тютрюмовъ былъ, напр., гласнымъ Петроградской Гор. Думы, предсѣдателемъ ея юридической комиссіи и не сумѣлъ даже отказаться отъ участія въ школьной комиссіи Думы, причемъ состоялъ завѣдующимъ 2 городскими школами, т. е. долженъ

---

* Въ настоящемъ отдѣлѣ «Архива Русской Революціи» будутъ печататься присылаемыя намъ дополненія и исправленія опубликованнаго уже въ вышедшихъ томахъ матеріала.

** Настоящая замѣтка вызвана желаніемъ дополнить, а отчасти и исправить воспоминанія А. Демьянова («Архивъ Русской Революціи», т. IV) въ той ихъ части (стр. 103), которая касается дѣятельности представителей Министерства Юстиціи въ Главномъ Земельномъ Комитетѣ.

былъ няньчиться съ нѣсколькими весьма мелочными дамами, учительницами этихъ школъ и проч. Уставши за зиму отъ всѣхъ этихъ обязанностей, Тютрюмовъ на лѣто уѣхалъ на отдыхъ къ себѣ въ деревню.

Какъ то лѣтомъ, пріѣхавъ въ Земельный Комитетъ до начала засѣданія, я подошелъ къ Постникову, который, имѣя нѣсколько минутъ свободнаго времени, сталъ со мной бесѣдовать по поводу работъ Комитета. Я высказалъ ему, что нахожу эту работу очень мало производительной и медленной, такъ какъ многіе члены Комитета, а въ особенности присылаемые изъ губерній мѣстные представители говорятъ слишкомъ много и безтолково, что такимъ образомъ не только невозможно создать какой либо законъ, благодаря юридической безграмотности большинства членовъ Комитета, но даже далеко не всегда можно уловить и общую идею предстоящей земельной реформы. Къ удивленію моему, Постниковъ не только раздѣлялъ мои взгляды, но высказывался гораздо болѣе рѣзко. Онъ прямо мнѣ сказалъ: «А вы думаете, что вообще здѣсь можно что либо создать? Надо попросту разогнать всѣхъ этихъ господъ. Вѣдь если кто можетъ что либо сдѣлать, то это только мы съ Вами и намъ подобные, — люди дѣйствительно интеллигентные и культурные, съ экономическимъ, юридическимъ и вообще высшимъ образованіемъ.»

Въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій Комитета со мною, какъ замѣстителемъ представителя Министерства Юстиціи, произошелъ такой инцидентъ. Незнакомое мнѣ, впервые появившееся въ засѣданіи лицо, вполнѣ культурнаго вида (въ отличіе отъ многихъ другихъ), попросивъ у предсѣдателя слова, обратился къ Постникову съ заявленіемъ, что хотя онъ и является представителемъ спеціальной части Министерства Юстиціи — межевой, но не видя представителя Министерства Юстиціи, И. М. Тютрюмова, желалъ бы высказать свои соображенія. Предсѣдатель остановилъ говорившаго и объяснилъ, что замѣститель представителя Министерства находится на лицо, и указалъ на меня. Произошелъ нѣкоторый конфузъ, а нѣкоторые члены (среди нихъ были, несомнѣнно, и большевики) злорадно, какъ мнѣ показалось, переглянулись. Въ перерывѣ засѣданія представитель Межевой части подошелъ ко мнѣ съ извиненіемъ, на что я сказалъ, что онъ здѣсь не при чемъ, а что виновато, конечно, Министерство, ибо мнѣ не было сообщено о назначеніи такого представителя отъ Межевой части (а послѣднему не было сообщено о томъ, что я состою замѣстителемъ представителя), и что я поѣду завтра въ Министерство Юстиціи объясняться. Составивъ на слѣдующій день докладную записку объ инцидентѣ и о томъ, что я считаю невозможнымъ работать, когда Министерство не только само не интересуется вопросами, обсуждающимися въ Комитетѣ, но не ставитъ въ курсъ дѣла и своего министра — члена Правительства, — я рѣшилъ поѣхать лично къ Ефремову, бывшему въ то время Министромъ Юстиціи. Не заставъ Министра, я передалъ мою записку Директору 1 Департамента, прося передать ее Министру, и уѣхалъ домой. Въ тотъ же или на слѣдующій день я по телефону получилъ приглашеніе явиться къ М-ру, что сейчасъ и сдѣлалъ. Ефремовъ тотчасъ же меня принялъ и сказалъ, что считаетъ меня вполнѣ правымъ: въ кабинетъ Министра въ это время входили товарищи Министра А. Демьяновъ и Г. Д. Скарятинъ, такъ что наша бесѣда велась частью при нихъ. Ефремовъ въ заключеніе разговора прибавилъ, что онъ вообще рѣшилъ усилить составъ представителей Министерства, почему и назначаетъ меня не замѣстителемъ, а вторымъ представителемъ, и проситъ меня все время ставить въ курсъ дѣла какъ лично его, такъ и его товарищей. На это я сказалъ, что считалъ бы полезнымъ имѣть общеніе не только съ чинами Министерства Юстиціи, но и съ представителями другихъ вѣдомствъ, что я одинъ разъ и сдѣлалъ уже частнымъ образомъ, устроивъ совѣщаніе съ представителями Министерства Вн. Дѣлъ (Управляющимъ Зем. Отдѣломъ и его помощникомъ) и выработавъ общій планъ дѣйствій для одного изъ засѣданій Земельнаго Комитета.

Такъ какъ Ефремовъ не былъ юристомъ, да и постоянныя засѣданія Совѣта Министровъ отнимали у него много времени, и наконецъ, онъ вскорѣ и вовсе ушелъ со своего поста, — въ дальнѣйшемъ я уже имѣлъ дѣло съ Демьяновымъ и Скарятинымъ, которымъ, между прочимъ, передалъ съ трудомъ полученный мною изъ канцеляріи Земельнаго Комитета циркуляръ Министра Земледѣлія Чернова, далеко превосходившій по радикальности и лѣвизнѣ, а также и безтолковости все то, что творилось въ Комитетѣ, и шедшій даже въ нѣкоторыхъ частяхъ въ разрѣзъ съ тѣмъ курсомъ, котораго старался держаться предсѣдатель Комитета (если это вообще возможно было назвать курсомъ). Постниковъ очень негодовалъ на этотъ циркуляръ не только по существу, но и потому, что его изданіе являлось вмѣшательствомъ въ его, Постникова, дѣятельность.

Впослѣдствіи, когда А. Демьяновъ написалъ свою записку по поводу этого циркуляра и вообще о незаконныхъ дѣйствіяхъ мѣстныхъ земельныхъ органовъ, поощряемыхъ къ тому Черновымъ, и копію этой записки получилъ и А. С. Постниковъ, послѣдній, по свойственной ему ревнивой обидчивости и старческой раздражительности, сталъ негодовать и на это, по его мнѣнію, вмѣшательство въ его сферу. Содержаніе записки онъ доложилъ Комитету. Благодаря наладившейся связи моей съ высшими чинами Министерства Юстиціи, копію записки Демьянова я имѣлъ въ рукахъ ранѣе Постникова и потому сказалъ въ засѣданіи Комитета, что записка эта имѣетъ въ виду указаніе исключительно на некоординированность дѣйствій Правительства. Какъ опытный предсѣдатель Пост-

никовъ не допустилъ обсужденія записки по существу въ Комитетѣ и заявилъ, что самъ поѣдетъ объясняться съ Министерствомъ Юстиціи. На этомъ въ Комитетѣ инцидентъ и окончился.

Записка А. Демьянова была составлена безъ какого бы то ни было участія съ моей стороны, но все же я подумалъ, что А. С. Постниковъ подозрѣваетъ меня въ сообществѣ съ чинами Министерства Юстиціи и вообще въ желаніи подковырнуть Комитетъ, тѣмъ болѣе, что нѣсколько ранѣе, исправляя обязанности Оберъ-Прокурора 2-го Д-та Сената (за отсутствіемъ И. М. Тютрюмова), я получилъ отъ одного уѣзднаго земельнаго комитета телеграмму, адресованную на имя Сената, съ требованіемъ выслать этому комитету одно изъ нерѣшенныхъ еще Сенатомъ землеустроительныхъ дѣлъ, съ угрозою, что если это не будетъ исполнено, то Уѣздный Комитетъ самъ рѣшитъ дѣло по своимъ собственнымъ соображеніямъ и своими средствами. На такой телеграммѣ, возмутительной по тону, я сдѣлалъ надпись «доложить Пр. Сенату», и секретарь мой заготовилъ уже ордеръ канцеляріи о докладѣ ея въ ближайшемъ засѣданіи. Однако, прежде чѣмъ подписать ордеръ, я показалъ телеграмму Первоприсутствующему Сенатору В. И. Тимофеевскому, состоявшему въ то время сенаторомъ 2-го Департамента. Тимбфеевскій очень нервно вступилъ со мною въ пререканіе, говоря, что нельзя докладывать «всякія глупыя бумаги» Сенату, на что я возразилъ, что бумаги, адресованныя на имя не Оберъ-Прокурора, а Сената я не имѣю права «пріобщать къ ряду ненужныхъ бумагъ». Въ концѣ концовъ, мы, по моему предложенію, помирились на томъ, что Первоприсутствующій на телеграммѣ сдѣлаетъ надпись «передать къ дѣламъ Оберъ-Прокурора», а я уже отъ себя распоряжусь этою бумагою, — что я и сдѣлалъ, отправивъ эту телеграмму Министру Юстиціи. Возможно, что эта телеграмма также послужила матеріаломъ для записокъ А. Демьянова.

При постоянномъ общеніи съ высшими чинами Министерства Юстиціи, я вручилъ Г. Д. Скарятину также свою записку по поводу появившихся въ 1-омъ и 2-мъ №№ оффиціальнаго печатнаго органа Главнаго Земельнаго Комитета, его «Извѣстіяхъ» — передовыхъ статей Н. П. Огановскаго (также назначеннаго Керенскимъ Сенаторомъ во 2 Д-тъ, народнаго соціалиста), написанныхъ въ тонѣ призыва крестьянъ къ погромамъ частно-владѣльческихъ имѣній и усадебъ. О погромномъ характерѣ этихъ передовицъ, изложенныхъ въ формѣ бесѣдъ съ крестьянами и совѣтовъ, какъ имъ распорядиться землею, и о сродствѣ ихъ съ послѣдующимъ Ленинскимъ призывомъ «грабь награбленное» свидѣтельствовали такія напр. ихъ фразы: «когда это вороньe гнѣздо — помѣщичье землевладѣніе — будетъ окончательно разорено» ... и т. д. или «въ 1905—06 гг., когда воля трудового народа — крестьянства была написана огненными буквами на небесахъ, въ видѣ зарева пожаровъ помѣщичьихъ усадебъ» и проч.

Такъ какъ составъ Комитета и періодическихъ съѣздовъ его мѣстныхъ представителей значительно лѣвѣлъ и все быстро катилось къ большевизму, причемъ очень часто высказывались сужденія, что съ «устарѣвшими» юридическими понятіями считаться вовсе не слѣдуетъ, ибо наступила пора «революціоннаго правосознанія и правотворчества», то намъ почти безполезно было дѣлать въ Комитетѣ свои возраженія, тѣмъ болѣе, что мы, представители вѣдомствъ, не пользовались даже правомъ рѣшающаго голоса. Одинъ разъ мое замѣчаніе, что въ составъ комитетовъ (главнаго и мѣстныхъ) не слѣдовало бы вводить «солдатскихъ и рабочихъ» депутатовъ, ибо они, если не крестьяне, не имѣютъ никакого отношенія къ землѣ, а если есть среди нихъ крестьяне, то они являются уже крестьянскими депутатами, причемъ солдаты — даже не классъ, а лишь временное состояніе каждаго гражданина, — вызвало такой потокъ негодующихъ словъ, что Постниковъ даже и не балотировалъ моего предложенія. Другой разъ на недопустимую съ моей точки зрѣнія рѣчь одного изъ членовъ Комитета — соціалъ-демократа, несомнѣннаго большевика (еврея, фамиліи не помню), я далъ реплику, что во всякой цивилизованной странѣ, даже самой либеральной, рекомендуемыя ими мѣры были бы квалифицированы какъ грабежъ и разбой, и привелъ признаки этихъ преступленій по общимъ нормамъ уголовнаго права, — снова поднялся шумъ и возраженія, что представители министерства юстиціи имѣютъ устарѣлыя юридическія понятія.

При такихъ условіяхъ бѣдному А. С. Постникову было очень трудно держать какой либо курсъ, тѣмъ болѣе, что во всѣ законопроекты, составлявшіеся Канцеляріей Комитета по его указаніямъ, въ каждомъ засѣданіи, при частично мѣнявшемся составѣ членовъ, вносили постепенно новыя и новыя поправки, совершенно искажавшія уже обсужденныя статьи.

Хотя такимъ образомъ роль представителей вѣдомствъ сводилась почти исключительно къ наблюденію надъ происходящими событіями, — мною по соглашенію съ Г. Д. Скарятинымъ, во время обсужденія вопроса о составѣ и функціяхъ реорганизуемаго Главнаго Земельнаго Комитета, было внесено предложеніе о снабженіи правомъ рѣшающаго голоса и представителей Министерства Юстиціи. Совершенно случайно Постникову удалось провести это мое предложеніе (кажется большинствомъ 1 или 2 голосовъ)*; этотъ успѣхъ объяснялся лишь тѣмъ, что въ засѣданіи по какой то причинѣ не участвовала часть наиболѣе лѣвыхъ членовъ.

---

* Насколько помнится, такое же право голоса было дано и представителямъ Министерства Вн. Дѣлъ, которые присоединились къ моему предложенію.

Что касается собственно земельнаго закона, т. е. вопроса о землепользованіи, то не подлежало никакимъ сомнѣніямъ, что общее его основаніе должно было лежать въ полномъ отрицаніи права частной собственности на землю, въ чемъ сходились всѣ члены Комитета соціалисты, а ихъ было большинство. Однако, и между соціалистами шла жестокая грызня изъ за способовъ осуществленія этихъ основаній. Очень язвительно и жестоко нападали на народныхъ соціалистовъ и соціалистовъ-революціонеровъ соціалъ-демократы, вполнѣ логично говоря, что проводить идею отрицанія права частной собственности можно лишь въ полномъ объемѣ, т. е. тогда, когда она не будетъ признаваться не только по отношенію къ землѣ сельско-хозяйственнаго назначенія, но и ко всякой недвижимости и движимости. Въ смыслѣ перевертыванія всякихъ юридическихъ понятій доходило до того, что даже одинъ изъ чиновъ канцеляріи Комитета, кооптированный въ число его членовъ — не только за свою трудоспособность, но главнымъ образомъ, за свои демагогическіе пріемы (бывшій раньше моимъ помощникомъ по должности Оберъ-Прокурора Сената), — главный докладчикъ по законопроектамъ, — договорился до того, что земля не можетъ быть объектомъ права собственности потому, что таковымъ не можетъ быть напр. вода въ морѣ.

Видя, что изъ законопроектовъ, вырабатывавшихся въ Земельномъ Комитетѣ, ничего путнаго выйти не можетъ, я еще до возвращенія изъ деревни И. М. Тютрюмова совѣщался по поводу предстоящаго внесенія законопроекта о земельныхъ комитетахъ во Временное Правительство — съ Г. Д. Скарятинымъ и представилъ ему въ письменной формѣ всѣ свои возраженія на статьи этого законопроекта. Скарятинъ переговорилъ по поводу этого съ занявшимъ въ то время постъ Министра Юстиціи П. Н. Малянтовичемъ.

Вслѣдствіе этого мы, т. е. вернувшіеся къ этому времени изъ деревни И. М. Тютрюмовъ и я, а также Скарятинъ были приглашены черезъ нѣсколько дней къ Малянтовичу, для обсужденія законопроекта о земельныхъ комитетахъ, подлежавшаго разсмотрѣнію въ ближайшемъ засѣданіи Совѣта Министровъ (Временнаго Правительства). Малянтовичъ, котораго я видѣлъ въ первый разъ, произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка толковаго и умѣющаго выслушивать другихъ, несмотря на полное различіе взглядовъ, но человѣка, желающаго показать и свою популярность, и свою энергію; такъ онъ успѣлъ намъ разсказать о своей дѣятельности въ Москвѣ въ первые дни революціи и о томъ, что онъ якобы спасъ какого-то полковника или генерала, принятаго толпою за жандарма, а оказавшагося служащимъ въ контръ-развѣдкѣ (военной), — но умолчалъ, конечно, о пятнахъ въ своей прежней дѣятельности. — Какъ курьезъ, могу разсказать, что, защищая въ разговорѣ съ Малянтовичемъ предложенную мною редакцію одной статьи, касавшейся отчужденія частей частновладѣльческихъ земель, я привелъ примѣръ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое отчужденіе можетъ быть вполнѣ цѣлесообразно и съ хозяйственной точки зрѣнія, напр., когда при проведеніи желѣзной дороги у частнаго владѣльца остается небольшой кусокъ земли за полотномъ дороги, которое мѣшаетъ ему вести хозяйство на отрѣзанномъ участкѣ. На это Малянтовичъ (соціалъ-демократъ) съ живостью сдѣлалъ такую реплику: «Представьте себѣ, какъ разъ такой случай былъ у меня въ имѣніи.» Думаю, что подобныхъ Малянтовичу соціалъ-демократовъ, владѣвшихъ имѣніями, въ Россіи можно было найти не одинъ десятокъ!

Такъ какъ разсмотрѣніе проекта закона о земельныхъ комитетахъ во Временномъ Правительствѣ почему-то замедлилось, то Малянтовичъ рѣшилъ еще созвать наше маленькое совѣщаніе, увеличивъ его составъ. Въ ближайшіе же дни такія совѣщанія и состоялись въ зданіи М-ва Юстиціи, подъ предсѣдательствомъ Г. Д. Скарятина и при участіи Директора 1 Департамента Мордухай-Болтовскаго. На нихъ мы составили подъ видомъ поправокъ свой собственный проектъ закона, который Малянтовичъ, въ видѣ такихъ поправокъ къ каждой статьѣ комитетскаго проекта долженъ былъ отстаивать во Временномъ Правительствѣ. Конечно, нашъ проектъ, въ виду того, что въ немъ участвовали только юристы, во всякомъ случаѣ былъ составленъ вполнѣ грамотно. На послѣднее наше совѣщаніе мы пригласили изъ Канцеляріи Главнаго Земельнаго Комитета, кажется, съ разрѣшенія Постникова, того самого чиновника, о которомъ я говорилъ выше и который долженъ былъ докладывать комитетскій проектъ закона въ засѣданіи Временнаго Правительства, и убѣдили его переработать и свой проектъ въ нѣкоторыхъ частяхъ для того, чтобы впослѣдствіи было меньше споровъ.

О томъ, что происходило въ засѣданіяхъ Временнаго Правительства при начавшемся обсужденіи законопроекта о земельныхъ комитетахъ, мнѣ въ точности неизвѣстно. Знаю я только то, что на докладчика способъ обсужденія не только этого проекта, но и другихъ вопросовъ, произвелъ удручающее впечатлѣніе. Въ особенности безотрадное впечатлѣніе производилъ самъ «глава» А. Ф. Керенскій, котораго этотъ докладчикъ уподобилъ прапорщику, радующемуся тому, что онъ надѣлъ новую военную форму. Обсужденіе земельныхъ законовъ все замедлялось, а затѣмъ наступилъ октябрьскій большевистскій переворотъ, и все съ нимъ кончилось...

Письмо въ редакцію

Господину Издателю Архива Русской революціи І. В. Гессену.

Милостивый Государь,

Въ томѣ IV Архива Русской революціи, на стр. 46-ой, изложена телеграмма командующаго войсками Московскаго военнаго Округа Генерала Мрозовскаго, отъ 1-го Марта 1917 г., Государю Императору въ Царское Село слѣдующаго содержанія:

«Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу: большинство войскъ съ артиллеріей передалось революціонерамъ, во власти которыхъ, поэтому находится весь городъ. Градоначальникъ съ помощникомъ выбыли изъ Градоначальства и т. д.»

Считаю своимъ долгомъ въ цѣляхъ правдивости будущей исторіи поправить неточность, вкравшуюся въ вышеизложенной телеграмѣ.

Градоначальникъ свиты Его Величества Генералъ-Маіоръ Шебеко и я, полковникъ В. И. Назанскій, его помощникъ, предѣла Градоначальства не оставляли ни на одинъ часъ.

Оба мы находились въ зданіи Градоначальства до послѣднихъ часовъ.

Въ ночь же съ 28-го на 1-го Марта, согласно приказа Командующаго войсками, власть гражданская перешла въ руки военнаго начальства, въ лицѣ начальника Охраны Москвы, Командира Ополченскаго корпуса Генерала Вогака, которому и перешли всѣ части находившіяся въ вѣдѣніи Градоначальника (казачьи сотни, 2 жандармскихъ дивизіона и полиція).

1-го Марта съ утра рабочіе начали собираться около Городской управы, при чемъ войска, которыя своимъ расположеніемъ по Садовой улицѣ, должны были не допускать рабочихъ изъ Замоскворѣчья въ центръ столицы, не прибыли къ назначенному часу и тѣмъ не выполнили своей задачи. Тутъ для меня стало очевиднымъ, что власть не можетъ болѣе опираться на войска, хотя казаки и жандармскія части были надежны и выполнили свой долгъ до конца.

Къ часу дня въ зданіе Градоначальства должны были быть собраны полицмейстера для полученія особыхъ распоряженій, но часть ихъ не въ состояніи была прибыть, такъ какъ по улицамъ уже останавливали революціонеры.

Въ это же время въ служебномъ кабинетѣ съ Градоначальникомъ Генераломъ Шебеко сдѣлался припадокъ печени съ потерей созданія. Къ тому же часу поступило донесеніе о движеніи толпы къ зданію Градоначальства, для разгромленія находившихся тамъ Охраннаго и Сыскного Отдѣленія. Мною было отдано распоряженіе брандъ-маіору принять мѣры охраны зданія Градоначальства отъ пожара. Въ виду тяжелаго болѣзненнаго положенія Градоначальника и зная, что жизни его можетъ угрожать опасность, я съ помощью чиновника особыхъ порученій перевезъ его въ два часа дня на Остоженку, въ квартиру его сестры, откуда и доложилъ по телефону генералу Мрозовскому.

Въ зданіе Градоначальства, къ сожалѣнію, попасть уже мнѣ не удалось, такъ какъ оно было окружено толпою, но связь я имѣлъ съ нимъ до конца черезъ докладчика по особому телефону, номеръ котораго не былъ выключенъ, какъ всѣ остальные.

На другой день Градоначальникъ утромъ переѣхалъ на мою квартиру – Новинскій бульваръ.

Въ тотъ же день, въ одной изъ газетъ, я прочиталъ объ отъѣздѣ моемъ въ Кіевъ. Глубоко возмущенный такою ложью, я протелефонировалъ Г-ну Челнокову, какъ Комиссару Москвы, что я нахожусь у себя на квартирѣ, гдѣ находится и Градоначальникъ. Черезъ полъ часа Градоначальникъ и я были отправлены въ Городскую Думу, гдѣ намъ объявили, что мы изолированы въ Кремлѣ въ квартирѣ дворцоваго коменданта, — попросту говоря, арестованы.

Изъ вышеизложеннаго ясно видны тѣ неточности, которыя вкрались въ телеграммѣ командующаго войсками.

Бывшій помощникъ Московскаго Градоначальника
Полковникъ Назанскій.

29 Ноября 1922 г.

Въ газетѣ «Дни» (Берлинъ) въ номерѣ отъ 8-го іюля 1923 г. помѣщено слѣдующее письмо въ редакцію:

М. Г. Г-н Редактор!

Не откажите в любезности помѣстить нижеслѣдующее:

В X томѣ «Архива Русской Революціи» автор «Записок бѣлогвардейца» на стр. 83, говоря о самарском правительствѣ, пишет: «Не останавливаясь на том, как у нас шла работа по управленію областью, могу лишь указать, что, напримѣр, министерством внутренних дѣл завѣдовал Климушкин, бывшій в свое время волостным писарем и, конечно, оказавшійся совершенно неподготовленным ко взятым на себя обязанностям. Что это так, видно из того, что, несмотря на всю его развязность, ему пришлось обратиться к бывшему самарскому губернатору, проживающему там, (князю Голицыну), за частными указаніями для дѣл, в которых Климушкин запутался».

Во избѣжаніе недоразумѣній и ложных исторических оцѣнок считаю необходимым заявить слѣдующее: никогда волостным писарем я не был; точно также — никогда ни за какими совѣтами к бывшему Самарскому губернатору я не обращался и вообще даже не был знаком с ним.

Примите увѣренія в искреннем к Вам уваженіи.

П. Климушкин.

Прага, 1 іюля 1923 года.

Содержаніе

Стр.

Воспоминанія — С. П. Бѣлецкаго 5

Бесѣда съ А. Н. Хвостовымъ — І. В. Гессена 76

Екатеринославъ 1917–22 г. г. — З. Ю. Арбатова 83

Эпизодъ изъ эвакуаціи Новороссійска — Н. Каринскаго 149

Совѣтская цензура — Д. Лутохина 157

Бѣгство — А. А. Гольденвейзера 167

Документы и дневники

Конституція Уфимской директоріи 189

Документы къ статьѣ Н. Каринскаго 194

Дневникъ — Бар. А. Будберга 197

Varia

Главный земельный комитетъ — В. П. Семенова Тянь-Шанскаго 291

Письма въ редакцію 295

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ

СОДЕРЖАНІЕ ВЫШЕДШИХЪ ВЪ СВѢТЪ ТОМОВЪ АРХИВА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ТОМЪ I.

Задачи Архива. – В. Д. Набоковъ, Временное Правительство. – П. Красновъ, На внутреннемъ фронтѣ. – Р. Донской, Отъ Москвы до Берлина въ 1920 г. – С. Вороновъ, Петроградъ – Вятка въ 1919–1920 гг. – Н. Неклюдовъ, Предсказаніе русской революціи.

Документы и письма.

К. Крамаржъ, Основы Конституціи Россійскаго Государства. – Докладъ начальнику операціоннаго отдѣленія германскаго восточнаго фронта о положеніи дѣлъ на Украйнѣ въ мартѣ 1918 г. – Образованіи сѣверо-западнаго правительства (Докладъ Карташева, Кузьмина-Караваева и Суворова). – Письмо ген. Гофа генералу Юденичу.

Изъ частной переписки.

Послѣдніе дни Леонида Андреева. – Описаніе польскаго отступленія въ августѣ 1920 г.

*

ТОМЪ II.

Къ исторіи Манифеста 17 октября (Записки Н. И. Вупча и кн. Н. Д. Оболенскаго). – Ген. А. С. Лукомскій, Изъ воспоминаній. – А. Дроздовъ, Интеллигенція на Дону. – Р. Гуль, Кіевская эпопея. – Ф. Штейнманъ, Отступленіе отъ Одессы. – І. Рапопортъ, Полтора года въ совѣтскомъ Главкѣ. – О. Чернинъ, Брестъ-Литовскъ.

Документы и дневники.

Журналъ засѣданія Совѣта Министровъ Крымскаго Краевого Правительства 16 апр. 1919 г. – Изъ секретнаго доклада. – С. В. Милицынъ, Изъ моей тетради. – Бар. Фрейтагъ фонъ-Лорингофенъ, Изъ дневника.

*

ТОМЪ III.

С. Добровольскій, Борьба за возрожденіе Россіи въ сѣверной области. – М. Смильгъ-Бенаріо, На совѣтской службѣ. – А. Левинсонъ, Поѣздка изъ Петербурга въ Сибирь въ январѣ 1920 г. – Л. Л–ой, Очерки жизни въ Кіевѣ въ 1919–1920 гг. – Г. Игревевъ, Екатеринославскія воспоминанія.

Документы.

Документы къ «Воспоминаніямъ» ген. Лукомскаго. – Меморандумъ Эстонскаго Правительства.

*

ТОМЪ IV.

А. Блокъ, Послѣдніе дни стараго режима. – А. Демьяновъ, Моя служба при Временномъ Правительствѣ. – А. Сингубъ, Защита Зимняго Дворца. – Бар. М. Д. Врангель, Моя жизнь въ Совѣтскомъ Раю. – Р. Донской, Изъ Москвы до Берлина въ 1920 г. (Продолженіе.)

Документы и дневники.

Организація власти на югѣ Россіи въ періодъ гражданской войны. – А. В. – Дневникъ обывателя.

ТОМЪ V.

А. А. Валентиновъ, Крымская эпопея. – Ген. А. С. Лукомскій, Изъ воспоминаній. – П. Красновъ, Всевеликое Войско Донское. – Ген. Филимоновъ, Разгромъ Кубанской Рады.

Документы.

Письмо Вел. Кн. Александра Михайловича къ Николаю II. – Записка, составленная въ кружкѣ Римскаго-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицынымъ 6 ноября 1916 г. – Показанія Н. А. Маклакова о письмѣ Николаю II. – Денежные документы генерала Алексѣева. – Документы къ воспоминаніямъ ген. Филимонова.

*

ТОМЪ VI.

М. В. Родзянко, Госуд. Дума и февральская революція. – Ген. А. С. Лукомскій, Изъ воспоминаній. – А. А. Гольденвейзеръ, Изъ Кіевскихъ воспоминаній. – А. Гуровичъ, Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства.

Документы.

Послѣдній всеподданнѣйшій докладъ М. В. Родзянки. – Докладъ Центральнаго Комитета Россійскаго Краснаго Креста.

*

ТОМЪ VII.

Бар. Б. Э. Нольде, В. Д. Набоковъ въ 1917 г. – С. А. Кореневъ, Чрезвычайная Коммиссія по дѣламъ о бывшихъ министрахъ. – А. С. Демьяновъ, Записки о подпольномъ Временномъ Правительствѣ. – Н. Вороновичъ, Межъ двухъ огней. – Б. Казановичъ, Поѣздка изъ Добровольческой Арміи въ «Красную Москву». – Г. Вилліамъ, Побѣжденные. – С. Кобяковъ, Красный судъ.

Документы.

Ставка 25–26 октября 1917 г. – Документы къ воспоминаніямъ Н. Вороновича.

*

ТОМЪ VIII.

С. В. Завадскій, На великомъ изломѣ. – С. Ан–скій, Послѣ переворота 25 октября 1917 г. – Н. Мейеръ, Служба въ комиссаріатѣ юстиціи и народномъ судѣ. – В. Красновъ, Изъ воспоминаній о 1917–1920 гг. – Герцогъ Г. Лейхтенбергскій, Какъ началась «Южная Армія». – Денежные знаки революціи и гражданской войны.

*

ТОМЪ IX.

Борисъ Соколовъ, Паденіе Сѣверной Области. – Б. Байковъ, Воспоминанія о революціи въ Закавказьи (1917–1920 гг.). – Н. Плешко, Изъ прошлаго провинціальнаго интеллигента.

Документы.

Отчетъ о командировкѣ изъ Добровольческой Арміи въ Сибирь въ 1918 г.

*

ТОМЪ X.

А. Изгоевъ, Пять лѣтъ въ Совѣтской Россіи. – Лейтенантъ N. N., Записки бѣлогвардейца. – А. Гефтеръ, Воспоминанія курьера. – Н. Савичъ, Три встрѣчи.

Документы.

Протоколы допроса адмирала Колчака Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіей въ Иркутскѣ въ январѣ–февралѣ 1920 г.

*

ТОМЪ XI.

С. В. Завадскій, На великомъ изломѣ. – П. М. Могилянскій, Трагедія Украйны. – В. М. Красновъ, Изъ воспоминаній о 1917–1920 г. г.

Документы.

Исповѣдь В. И. Кельсіева.

P
HSlav
A

Arkhiv Russkoi Revolyutsii
12(1923)

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

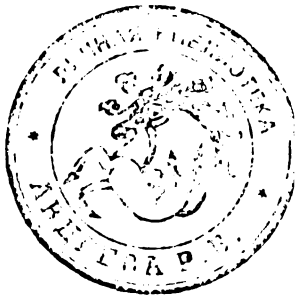
РУССКИЙ АРХИВ

8

15-16

«ТЕРРА» - «TERRA»

МОСКВА 1993



АРХИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Изданный
И. В. ГЕССЕНОМ

15-16

«ТЕРРА» – «TERRA»

МОСКВА 1993

ББК 63.3(2)711
А87

Архив русской революции: В 22 т. Т. 15 — 16. — М.: «ТЕРРА», 1993. —
А87 346, 292 с. — (Русский архив).
ISBN 5-85255-287-9 (т. 15 — 16)

"Архив русской революции" — уникальное издание, выходившее в Берлине в 20—30-х годах. Оно содержит материалы — документы и воспоминания, освещающие историю революции, гражданской войны и эмиграции в видении тех политических сил, которые противостояли большевизму и Советской власти. Тем самым "Архив" существенно пополняет наши знания о переломной эпохе в судьбах России.

Рассчитано на всех, кто интересуется историей нашей страны.

А $\frac{0503020000\text{-}041}{А30(03)\text{-}93}$ Подписное

ББК 63.3(2)711

ISBN 5-85255-287-9 (т. 15—16)
ISBN 5-250-01774-6

© Состав, художественное оформление.« ТЕРРА», 1993

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

издаваемый

И. В. ГЕССЕНОМЪ

XV

БЕРЛИНЪ 1924

Содержаніе

Изъ Петрограда черезъ Москву, Парижъ и Лондонъ въ Одессу
В. І. Гурко 5
При царскомъ режимѣ — ген. А. И. Спиридовича 85

Дневники:

Дневникъ и воспоминанія кіевской студентки (1919—20 г.г.) . . 209
Дневникъ (окончаніе) — барона А. Будберга 254

Изъ Петрограда черезъ Москву, Парижъ и Лондонъ въ Одессу

1917—1918 г.г.

В. І. Гурко

I.

Сверженіе Врем. правительства. Отъѣздъ изъ Петрограда въ Москву. Захватъ власти большевиками въ Москвѣ. Зима 1917-18 годовъ въ Москвѣ. Московскія политическія организаціи: Совѣтъ общественныхъ дѣятелей, правый центръ, Военныя контръ-революціонныя организаціи, Союзъ освобожденія Россіи, Союзъ возрожденія Россіи. Мысли объ образованіи новаго фронта на Уралѣ. Сношенія праваго центра съ представителями Германіи. Поѣздка въ Петроградъ въ поискахъ вождя. Разъѣздъ изъ Москвы общественныхъ дѣятелей.

Мощные орудійные выстрѣлы огласили въ ночь на 26-ое октября 1917 г. пугливо притаившійся изъ за событій предшествующаго дня Петроградъ. То крейсеръ Аврора, проникшій въ Неву, бомбардируетъ въ упоръ Зимній Дворецъ, гдѣ укрылись всѣ министры временнаго правительства, за исключеніемъ предусмотрительно бѣжавшаго Керенскаго. Давно ли эти господа, полные вѣры въ себя, отважно повалили царское правительство и засадили царскихъ министровъ въ ту самую Петропавловскую крѣпость, куда ихъ нынѣ, послѣ захвата Зимняго Дворца, ведутъ самихъ, какъ покорное стадо барановъ.

Результатъ паденія временнаго правительства для всѣхъ ясенъ. Въ Петербургѣ во всякомъ случаѣ дѣлать больше нечего. Finita la comedia! Пробираюсь на другой день на Николаевскій вокзалъ, пробираюсь, за полнымъ отсутствіемъ извозчиковъ, пѣшкомъ, подъ свистъ шальныхъ пуль, которыя кому то вздумалось пускать вдоль Невскаго, и помѣщаюсь въ почти совершенно пустой курьерскій поѣздъ, направляющійся въ Москву. Туда уже съ ранней осени переселилась моя семья. Поѣздъ отошелъ въ положенное время и безъ малѣйшаго опозданія прибылъ въ Москву на слѣдующій день утромъ.

Москва представляла свой обычный видъ, развѣ что извозчики повысили свои цѣны: вмѣсто гривенниковъ счетъ идетъ на рубли.

— «Ну что, какъ у Васъ здѣсь?» спрашиваю у моего возницы.

— «Да, ничего. Третьяго дня у Кремлевскихъ воротъ была драка, да юнкера быстро порѣшили съ бунтовщиками. Теперь тихо».

Подъ впечатлѣніемъ этого успокоительнаго извѣстія пріѣзжаю къ своимъ въ большой Аѳанасьевскій переулокъ, что у Арбата, чтобы не выбраться оттуда и быть

лишеннымъ сообщенія со всѣмъ внѣшнимъ міромъ въ теченіе шести сутокъ. Съ вечера дня моего пріѣзда началось движеніе мятежниковъ противъ Александровскаго военнаго училища, гдѣ укрѣпились юные защитники видимости порядка, и мы очутились въ непосредственной близости отъ одного изъ центровъ междоусобной брани въ той нейтральной полосѣ, которая отдѣляла два враждующіе стана. Мятежныя войска, какъ оказалось впослѣдствіи, установили артиллерійскія орудія на Прѣсненской площади у входа въ Арбатскую улицу и оттуда обстрѣливали шрапнелью Арбатскую площадь и выходящее на нее Александровское училище. Цѣлыхъ шесть дней съ оглушительнымъ трескомъ взрывались надъ домомъ, гдѣ мы жили, артиллерійскіе снаряды, не причиняя намъ никакого вреда, но все болѣе расшатывая нервы обитателей нашего квартала. Изъ заднихъ оконъ нашей квартиры была видна часть Арбатской площади и неоднократно происходившія на ней атаки защищавшихъ Александровское училище юнкеровъ противъ насѣдавшихъ на нихъ окончательно распропагандированныхъ большевиками мятежныхъ войскъ.

Хотя никакихъ извѣстій о творящемся въ городѣ до насъ въ теченіе дня доходить не могло, ибо если въ домѣ было довольно безопасно, то выходить на улицу, на которую сыпались шрапнельныя пули, было все же рисковано, тѣмъ не менѣе разнообразные слухи безпрестанно циркулировали между разношерстными обывателями нашего дома, слухи, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ въ этой же средѣ зарождавшіеся, но все же не содѣйствовавшіе подъему настроенія. То говорили, что артиллеріей большевиковъ управляетъ какой-то австрійскій полковникъ изъ военно-плѣнныхъ, знатокъ этого дѣла, то утверждали, что чернь выступила на улицу и громитъ всѣ попадающіеся на ея пути дома, причемъ быстро приближается къ нашему переулку. Провѣрить эти слухи не было никакой возможности.

Удивительныя несообразности представляетъ гражданская война. Такъ, въ эти дни въ Москвѣ, когда въ различныхъ ея частяхъ происходила почти безпрерывная перестрѣлка, базары продолжали, тѣмъ не менѣе, дѣйствовать, и нашъ поваръ, со свойственнымъ русскому человѣку презрѣніемъ къ опасности, ежедневно въ ранніе утренніе часы, когда, правда, перестрѣлка стихала, отправлялся за провизіей и приносилъ вмѣстѣ съ ней кое-какія свѣдѣнія, достовѣрность которыхъ была, конечно, по меньшей мѣрѣ сомнительна.

Къ вечеру шестого дня нашего осажденнаго положенія артиллерійскій огонь замѣтно усилился и даже принялъ какой-то зловѣщій характеръ, чтобы затѣмъ внезапно совершенно прекратиться. Тишина наступила полная, но одновременно инстинктивно утратилась и надежда на пораженіе большевиковъ.

Какъ мы узнали впослѣдствіи — осажденныя большевиками части, разстрѣлявъ всѣ имѣвшіеся у нихъ патроны, вынуждены были сдать позиціи, лишь выговоривъ себѣ личную свободу и неприкосновенность.

Наступило властвованіе большевиковъ.

Проявили они по началу много ловкости и макіавелизма. Дѣйствуя все время на точки наименьшаго сопротивленія и придавая всѣмъ своимъ дѣйствіямъ характеръ защиты интересовъ народныхъ массъ, они въ первую голову принялись за лишеніе средствъ нападенія и защиты наиболѣе страшную для нихъ силу — крупную буржуазію. Въ этихъ видахъ они обязали всѣ банки, куда они впрочемъ съ мѣста посадили своихъ контролеровъ, выдавать по текущимъ счетамъ не болѣе какой то ничтожной, на сколько помнится — 500 рублей, суммы въ недѣлю.

Съ этого началась первая большевицкая зима, тягучая, нудная, изобиловавшая декретами, все болѣе и болѣе стѣснявшими всякую дѣятельность, всякую свободу. Бѣгство буржуазіи изъ Москвы началось почти тотчасъ послѣ побѣды боль-

шевиковъ. Уѣзжали въ Крымъ, но въ особенности на Кавказъ, гдѣ многіе изъ искавшихъ тамъ убѣжище погибли — отъ тѣхъ-же большевиковъ. Однако, остатки политическихъ организацій, или вѣрнѣе отдѣльные политическіе дѣятели, вскорѣ принялись за работу, въ цѣляхъ сверженія большевицкой власти. Но, увы, тотчасъ-же выяснилось, что если большевиковъ никто не желаетъ видѣть у власти, то большинство политическихъ партій почти въ равной мѣрѣ вообще никому не желаетъ вручить власть, кромѣ какъ самимъ себѣ. При этомъ, чѣмъ лѣвѣе были политическія партіи, т. е. чѣмъ ближе къ большевикамъ, тѣмъ онѣ ревнивѣе охраняли чистоту своей программы, тѣмъ нетерпимѣе относились ко всѣмъ остальнымъ политическимъ вожделѣніямъ, а въ особенности къ ихъ лидерамъ. Наибольшей сговорчивостью отличались правыя партіи, быть можетъ, вслѣдствіе охватившаго ихъ чувства безнадежности осуществить въ данное время собственные государственные идеалы.

На общемъ тускломъ, сѣромъ фонѣ истекшей зимы припоминается, какъ все туже затягивалась накинутая на буржуазію большевицкая петля, какъ все тяжелѣе и нестерпимѣе становились бытовыя условія. Аресты, обыски, отбираніе всякаго имущества, рѣшительно во всемъ и вездѣ царствующій произволъ и нестерпимое хамство, наконецъ, довольно медленное по началу, а затѣмъ быстрое и рѣзкое повышеніе цѣнъ на всѣ жизненные припасы нарушали повседневные интересы все болѣе широкихъ круговъ населенія. Пудъ бѣлой муки, стоившій въ октябрѣ около 20 рублей, въ августѣ 1918 года съ трудомъ получался изъ подъ полы за 800 рублей, при соотвѣтственномъ повышеніи стоимости всѣхъ другихъ продуктовъ.

Да, ухудшилось матеріальное положеніе почти всѣхъ и вся, ухудшилась еще въ большей мѣрѣ та нравственная атмосфера, которая окружала и душила. Упраздненіе всякой прессы, кромѣ опредѣленно большевицкой — погрузило въ невѣдѣніе о творящемся не только за предѣлами страны, но и внутри ея. Между тѣмъ событія чередовались одни за другими, событія крупныя, но какъ-то тонущія въ общемъ маразмѣ, охватившемъ не только культурные слои населенія, но даже и массу. Постыдный Брестъ-Литовскій миръ, звѣрское убійство всей Царской семьи, появленіе въ предѣлахъ Государства политическихъ новообразованій, какъ то Украйны, Всевеликаго Дона, Грузіи — все это скользило по обывателю, не вызывало массового негодованія и, тѣмъ болѣе, активнаго отпора. Однако террора, въ точномъ смыслѣ слова, еще не было: массовые разстрѣлы начались лишь въ августѣ. Неприкосновенности личности, конечно, тоже не было; совершенно случайные, ничѣмъ не обоснованные аресты производились во множествѣ, но убійства были еще рѣдкимъ явленіемъ. За исключеніемъ отдѣльныхъ, особенно пугливыхъ и нервныхъ людей, ни населеніе, ни даже высшіе, по общественному положенію, слои страха за свою жизнь не испытывали.

Такъ, еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, по полученіи извѣстія о мученической кончинѣ Государя и его семьи, была открыто отслужена заупокойная обѣдня въ церкви Спиридонія, что на Спиридоновкѣ, и на службѣ этой присутствовали всѣ находившіеся въ Москвѣ остатки высшей бюрократіи, придворныхъ круговъ и правыхъ общественныхъ организацій. Былъ ясный, погожій день, и послѣ церковной службы множество собравшихся высыпало на улицу и тутъ-же на мостовой оживленно обмѣнивались чувствами и мыслями по поводу совершившагося событія, хотя рядомъ, въ домѣ Тарасова, помѣщался комиссаріатъ иностранныхъ дѣлъ, служащіе въ которомъ «товарищи» обоего пола облѣпили всѣ окна занимаемаго ими зданія и не безъ злой усмѣшки наблюдали за весьма своеобразнымъ, по условіямъ времени, сборищемъ. Правда, что въ ту же ночь, священникъ, служившій царскую панихиду, былъ аресто-

ванъ и заключенъ въ тюрьму, но, однако, насколько помнится, вскорѣ выпущенъ.

Къ моменту большевицкаго переворота въ Москвѣ была лишь одна политическая организація, образовавшаяся еще въ августѣ за нѣсколько дней до Московскаго Государственнаго Совѣщанія, а именно, такъ называемый Совѣтъ общественныхъ дѣятелей. Въ составъ этой организаціи, первоначально образованной петроградскими представителями общественности, среди коихъ находились — Родзянко, С. И. Шидловскій, бар. Меллеръ-Закомельскій и другіе члены законодательныхъ палатъ — входили кромѣ того представители другихъ разнообразныхъ политическихъ теченій — вплоть до нѣкоторыхъ умѣренныхъ народныхъ соціалистовъ, какъ, напримѣръ, Бѣлоруссовъ. Наканунѣ московскаго государственнаго Совѣщанія организація эта связалась съ ген. Корниловымъ, пригласила его на свое собраніе и встрѣтила горячими привѣтствіями. Въ дальнѣйшемъ это имѣло нѣкоторыя послѣдствія. Среди тѣхъ авантюристовъ, которые подбивали ген. Корнилова къ выступленію противъ Петрограда и къ возглавленію власти въ странѣ, нѣкоторые ссылались на названный Совѣтъ, будто-бы тоже обѣщавшій свою поддержку Корнилову. Однако, на дѣлѣ вопросъ этотъ названнымъ Совѣтомъ никогда не обсуждался, а поддержка его во всякомъ случаѣ никакого реальнаго значенія имѣть не могла. Это была обыкновенная политическая говорильня, не имѣвшая никакихъ связей въ широкихъ слояхъ населенія, и за отсутствіемъ какихъ-либо средствъ, не только не проявлявшая, но не имѣвшая ни малѣйшей возможности проявить какую-либо реальную дѣятельность. Съ наступленіемъ большевицкой эры, когда немного осмотрѣлись въ новой обстановкѣ, совѣтъ общественныхъ дѣятелей возобновилъ свои собранія, столь же, разумѣется, безплодныя, какъ и раньше. Убѣдившись, что организація эта, состоявшая къ тому времени преимущественно изъ Московскихъ второстепенныхъ дѣятелей, ни къ какимъ конкретнымъ результатамъ привести не можетъ, нѣкоторые изъ ея членовъ (Кривошеинъ, выбранный къ тому времени въ качествѣ предсѣдателя правленія товарищества Морозова и Ко., предсѣдателемъ какой-то крупной торгово-промышленной, чисто дѣловой организаціи, Струве, проф. Новгородцевъ и нѣкоторые другіе[1]) рѣшили образовать весьма ограниченную, по числу входящихъ въ нее лицъ, группу, поставившую себѣ съ мѣста цѣлью связаться съ военными кругами и при ихъ помощи создать силу, могущую свергнуть большевиковъ. Группа эта, вначалѣ именовавшаяся, по числу составлявшихъ ее лицъ, «девяткой» (по три члена отъ совѣта общественныхъ дѣятелей, отъ партіи к. д. и изъ торгово-промышленной среды), вскорѣ включила въ свою среду еще нѣсколькихъ лицъ со стороны и не столько наименовалась, сколько шла, подъ кличкой праваго центра. Предсѣдателемъ состоялъ проф. Новгородцевъ. Нѣкоторыми средствами группа обладала — ими снабжали торгово-промышленные круги. Приблизительно въ февралѣ 1918 г. удалось войти въ сношеніе съ нѣкоторыми конспиративными военными кругами, при чемъ связь съ ними была возложена на двухъ лицъ — прис. повѣр. Кистяковскаго и члена Гос. Думы В. А. Степанова. Оба они держали себя весьма конспиративно, однако точными свѣдѣніями о томъ, насколько тѣ военные круги, съ которыми они связались, многочисленны по своему составу и представляютъ организованную силу, они не обладали. Свѣдѣнія, которыя они давали правому центру, были во всякомъ случаѣ черезчуръ оптимистичны и, какъ потомъ выяснилось, не соотвѣтствовали

---

[1]) Я переименовываю здѣсь только тѣхъ, входящихъ въ Московскія организаціи лицъ, о которыхъ мнѣ завѣдомо извѣстно, что они нынѣ не находятся въ предѣлахъ Совдепіи, либо открыто перешли къ большевикамъ.

дѣйствительности. Впрочемъ, Кистяковскій вскорѣ уѣхалъ въ Кіевъ и замѣненъ былъ мною, который и поддерживалъ эту связь сначала вмѣстѣ съ В. А. Степановымъ, а послѣ его отъѣзда весной на югъ, единолично. Проникнуть въ сущность военныхъ конспиративныхъ организацій мнѣ долго не удавалось. Свѣдѣнія, которыми они согласны были подѣлиться, были до крайности туманны и, въ общемъ, вся военная подпольная организація производила впечатлѣніе чего то не серьезнаго и, во всякомъ случаѣ, отнюдь не мощнаго.

Впослѣдствіи, приблизительно къ іюню мѣсяцу, Московская военная организація дѣйствительно разрослась, но къ этому времени появились другіе факторы, которые ее систематически ослабляли и даже разрушали.

Однако, главнымъ дефектомъ Московской конспиративной военной организаціи — было отсутствіе во главѣ ея какого-либо общепризнаваемаго, пользующагося неоспоримымъ авторитетомъ и обладающаго организаторскимъ талантомъ вождя. Возглавлявшій первоначально эту организацію, мало кому извѣстный ген. Довгиртъ былъ къ тому же настолько опасливъ, что повидимому заботился лишь о сокрытіи собственнаго существованія. Свидѣться съ нимъ для лицъ, наиболѣе близкихъ къ будто-бы возглавляемому имъ дѣлу, было сопряжено съ величайшими затрудненіями и удавалось лишь рѣдко. Впрочемъ, онъ вскорѣ счелъ за благо совершенно исчезнуть изъ Москвы, послѣ чего Московскіе военные круги разбились на отдѣльныя организаціи, члены которыхъ сплотились между собою по роду ихъ оружія, причемъ организаціи эти другъ съ другомъ органически не были даже связаны.

Наиболѣе энергичными организаторами офицерскихъ отрядовъ въ Москвѣ были два молодыхъ кавалерійскихъ офицера — ротмистръ Московскаго драгунскаго полка Золотаревъ и ротмистръ одного изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ Л. Судьба послѣдняго мнѣ точно неизвѣстна (онъ, повидимому, погибъ), что же касается Золотарева, то онъ былъ арестованъ большевиками и почти тотчасъ разстрѣлянъ, причемъ они очевидно не знали, что въ его рукахъ были многія нити подготовлявшагося дѣйствія — ибо въ противномъ случаѣ вѣроятно не такъ скоро бы съ нимъ расправились въ надеждѣ выпытать отъ него имена причастныхъ лицъ. Весьма дѣятельное участіе въ организаціи конспиративной военной силы въ пѣхотныхъ частяхъ принималъ молодой офицеръ военнаго времени приватъ-доцентъ К., человѣкъ исключительной смѣлости, энергіи и организаторскихъ способностей. Взоры офицерства были обращены къ жившему въ Москвѣ ген. Брусилову, который не отказывался вообще въ будущемъ возглавить военное движеніе, однако, личнаго участія въ организаціи его принимать не желалъ, ограничившись избраніемъ для себя въ будущемъ въ качествѣ начальника своего штаба ген. Дрейера, который и состоялъ въ нѣкоторыхъ сношеніяхъ съ тѣми офицерами, которые возглавляли отдѣльныя офицерскія организаціи. Однако, самъ генералъ Дрейеръ не только, никакимъ авторитетомъ среди офицеровъ не пользовался, но не пользовался даже ихъ довѣріемъ. Впослѣдствіи, недовѣріе это дошло до такой степени, что, когда начались аресты съ послѣдующими разстрѣлами наиболѣе дѣятельныхъ членовъ офицерскихъ организацій, среди офицерства упорно циркулировали слухи, что виновникомъ ихъ былъ самъ ген. Дрейеръ. Наиболѣе распространенная версія сводилась къ тому, что ген. Дрейеръ сообщилъ имена главныхъ организаторовъ нѣмцамъ, которые съ своей стороны сообщили ихъ большевикамъ. Однако, никакихъ реальныхъ данныхъ въ подтвержденіе этого обвиненія никто представить не могъ, свидѣтельствовали же эти слухи вѣрнѣе всего о нервности, которая уже охватила жителей Москвы.

Если лица, могущія возглавить военное pronunciamento, либо вообще уклонялись отъ этого, либо придерживались чрезмѣрной конспираціи, то рядовое офицерство,

котораго въ Москвѣ къ веснѣ 1918 г. стеклось великое множество, отличалось необыкновенной болтливостью. О своемъ участіи въ «организаціяхъ» офицерство громко разговаривало на излюбленномъ ими для прогулокъ Пречистенскомъ бульварѣ, проявляя при этомъ невѣроятную довѣрчивость ко всякому лицу, носящему военный мундиръ (офицерство въ то время лишено было погонъ, но все же продолжало носить военную форму). Этимъ, конечно, воспользовалась Московская чека и подсылала къ юнымъ конспираторамъ своихъ агентовъ, переодѣтыхъ въ военную форму. Увы, были среди этихъ агентовъ и настоящіе офицеры. Среди многотысячнаго разношерстнаго офицерства не могло не быть и предателей.

Ген. Брусиловъ ставилъ условіемъ для возглавленія военнаго движенія наличность въ Москвѣ вполнѣ сплоченнаго офицерскаго контингента не менѣе 6 тысячъ. «Дайте, сказалъ онъ мнѣ, шесть тысячъ штыковъ и я выступлю». Но до этого числа набрать офицерскій отрядъ въ Москвѣ, переполненной офицерами, какъ это ни странно, не удалось. Препятствовали этому многія причины, какъ то: недостаточность средствъ, отсутствіе, какъ я уже упомянулъ, внушающаго довѣріе офицерству боевого вождя и, наконецъ, едва ли не больше всего, то обстоятельство, что на ряду съ лицами, стремившимися образовать военную силу для сверженія большевицкой власти въ центрѣ, въ Москвѣ были другія лица, которыя наоборотъ стремились извлечь офицеровъ изъ Москвы, одни на Донъ — въ Добровольческую армію, другія на Уралъ, для образованія тамъ новаго восточнаго фронта. Припутались тутъ и пресловутыя «оріентаціи», одна на германцевъ, другая на державъ согласія. Дѣйствительно за Московскимъ офицерствомъ, искавшимъ и дѣла и необходимаго для существованія заработка, одновременно ухаживали и стремились заманить въ свои ряды три организаціи, олицетворявшія три основныя общественныя теченія. Наиболѣе дѣятельнымъ былъ несомнѣнно въ этомъ направленіи Савинковъ, образовавшій такъ называемый Союзъ освобожденія Россіи. Работая на средства Антанты, преимущественно Франціи, онъ по ея мысли, всемѣрно старался образовать новый анти-германскій фронтъ на Уралѣ, желая одновременно, уже по собственному почину, поднять мѣстныя возстанія въ различныхъ провинціальныхъ центрахъ, расположенныхъ къ востоку отъ Москвы. Въ томъ же направленіи извлеченія офицеровъ изъ Москвы работали агенты добровольческой арміи, орудуя отчасти на средства тѣхъ же союзниковъ, отчасти на средства Московскихъ денежныхъ круговъ.

Несчастное офицерство, сразу лишившееся и положенія, и средствъ существованія, естественно искало выхода изъ создавшагося положенія и попадало при этомъ въ водоворотъ окружавшихъ его политическихъ теченій. Вотъ эта то вербовка на югъ въ добр-армію, а въ особенности на Уралъ и не давала возможности увеличить ту боевую силу, которая необходима была для сверженія большевиковъ въ самой Москвѣ — единственному по существу способу ихъ одолѣнія. Били по оконечностямъ, били при этомъ неудачно, и оставляли голову въ покоѣ, тогда какъ въ ней одной была реальная сила, она одна имѣла значеніе. Необходимо кромѣ того помнить, что въ ту пору силу лѣвыхъ политическихъ партій, въ особенности эсъ-эровъ, почти всѣ значительно преувеличивали и поэтому рядовое офицерство, не разбиравшееся ни въ политическихъ программахъ, ни въ сущности работы отдѣльныхъ партій, склонялось къ мысли, что дѣйствіе, возглавляемое лидерами лѣвыхъ, имѣетъ большіе шансы на успѣхъ. Имѣли, повидимому, значеніе и тѣ матеріальныя условія, которыя предлагались Савинковымъ. Московская офицерская группа получала опредѣленныя ежемѣсячныя пособія за счетъ средствъ, отпускавшихся промышленными кругами. Сумма эта въ общемъ была довольно значительная, достигнувъ въ маѣ и іюнѣ по 800 тыс. рублей, но самый размѣръ пособія для каждаго отдѣльнаго лица

былъ не великъ, превышая лишь для отдѣльныхъ лицъ 250 рублей въ мѣсяцъ. Между тѣмъ цѣны на всѣ продукты безпрерывно росли, и прожить на 250 рублей въ мѣсяцъ, при цѣнѣ пуда хлѣба въ 400 руб., въ Москвѣ не было возможности. Наоборотъ, Савинковъ, насколько намъ было извѣстно, ежемѣсячныхъ пособій не выдавалъ и вѣроятно ихъ даже не обѣщалъ, но зато единовременно, на расходы по переѣзду выдавалъ значительно большую сумму. Расчетъ былъ при этомъ простъ. Разъ выѣхавъ изъ Москвы на Уралъ, офицерство уже оказывалось всецѣло въ фактической власти тѣхъ, къ которымъ оно примкнуло, а посему, даже полное прекращеніе выдачи имъ содержанія уже не могло повлечь ихъ уходъ изъ рядовъ войскъ — уйти было некуда.

Однако, едва-ли не наибольшій вредъ окончательной организаціи Московской вооруженной анти-большевистской силы нанесла группа офицеровъ генеральнаго штаба, состоявшая въ тѣсной связи съ Савинковымъ и по его наущенію усердно вооружавшая офицерство противъ тѣсной связи съ правымъ центромъ, будто-бы всецѣло связавшимся съ нѣмцами. Вопросъ такъ называемыхъ оріентацій весьма сложный, но раньше чѣмъ его коснуться, не могу не сказать, что именно въ этотъ періодъ въ Москвѣ, въ средѣ офицеровъ генер. штаба, которымъ я пытался объяснить положеніе, занятое правымъ центромъ, я впервые вполнѣ постигъ ту фатальную роль, которую сыграли штабные офицеры въ развалѣ русской арміи и тѣмъ самымъ въ развалѣ государства.

Наша академія генеральнаго штаба, имѣвшая по существу задачей создать мозгъ русской арміи и заполонившая своими воспитанниками всѣ высшія командныя должности, фактически привела къ двумъ результатамъ. Съ одной стороны, она развила въ обучаемой ею средѣ разсудочность въ ущербъ волевыхъ качествъ, съ другой — она породила въ ней духъ интриги и безпринципнаго карьеризма. Достаточно вспомнить, что декларація правъ солдата была единогласно одобрена штабными офицерами, а также, что тѣ же штабные офицеры первые перелицевались на революціонный ладъ до такой степени, что собраніе этихъ офицеровъ въ Петроградѣ, гдѣ участвовали верхи военнаго министерства, пришло къ заключенію, что имъ слѣдуетъ всѣмъ in corpore записаться въ члены партіи соціалъ-революціонеровъ. Отъ рѣшенія этого отказались лишь послѣ того, какъ однимъ изъ собравшихся было резонно заявленно, что въ искренность такого массового перехода никто не повѣритъ, а потому выгоды имъ не доставитъ. Наконецъ, спрашивается, кто-же составляетъ ядро красной арміи, кто первый пошелъ на зовъ большевиковъ поступить къ нимъ на службу, какъ не тѣ же офицеры генеральнаго штаба. Что-же мудренаго, что тѣ же офицеры генеральнаго штаба всего охотнѣе отозвались на зовъ Савинкова, усматривая въ немъ представителя того политическаго теченія, которое въ то время въ глазахъ большинства имѣло наибольшіе шансы замѣнить у власти большевиковъ. Мотивъ для отхода отъ праваго центра однако выставлялся другой, а именно — та нѣмецкая оріентація, которой будто бы придерживался этотъ центръ. Дѣйствительно, политическихъ разногласій между правымъ центромъ и Савинковымъ въ то время не возникало. Разногласіе было тактическое. Правый центръ полагалъ, что большевиковъ можно свалить только разгромивъ ихъ въ Москвѣ, Савинковъ думалъ, что легче поднять возстаніе одновременно во многихъ мѣстныхъ центрахъ и уже оттуда подойти къ Москвѣ. Тщетно я объяснялъ, что у праваго центра нѣтъ иной оріентаціи кромѣ русской и что въ выборѣ между державами согласія и Германіей единственное начало, которымъ центръ этотъ руководствуется — это польза государственная. Приводилъ я и извѣстныя слова Пальмерстона, нѣкогда сказавшаго, что у Англіи нѣтъ постоянныхъ союзниковъ, а есть лишь постоянные интересы.

Чувства непріязни и даже вражды къ націи, съ которой вели ожесточенную войну въ теченіе трехъ слишкомъ лѣтъ, вполнѣ понятны, но руководствоваться чувствами въ политикѣ нельзя. Точно также немыслимо говорить о какой то вѣрности союзникамъ, когда эти же самые союзники заявили готовность поддерживать у власти поработителей Россіи, лишь бы они согласились продолжать борьбу съ Германіей. Слѣдуетъ помнить, что согласно латинскому изреченію — vetita privatim, publice jubentur — запрещенное въ частныхъ отношеніяхъ въ отношеніяхъ общественныхъ обязательно. Когда вѣрность государства принятымъ имъ на себя обязательствамъ смертельно вредна интересамъ народа, соблюденіе этой вѣрности правителями является ни чѣмъ инымъ какъ предательствомъ по отношенію къ своему народу. Честь правителей зиждется не на соблюденіи принятыхъ ими международныхъ обязательствъ, а на всемѣрномъ охраненіи интересовъ своего народа. Иной образъ дѣйствій не только не разумный, но и преступный. Люди, взявшіе на себя бремя охраны интересовъ своего народа, не имѣютъ права руководствоваться иными соображеніями, кромѣ отвѣчающихъ этимъ интересамъ. Тутъ вопросамъ чести не мѣсто. На международномъ рынкѣ расцѣнивается не честь народовъ, а лишь степень ихъ мощи. Соблюдая во что бы то ни стало принятыя государствомъ обязательства, правители въ сущности ограждаютъ не честь народа, свойства котораго отъ этого не измѣнятся, а лишь собственную, личную честь, иначе говоря, дѣйствуютъ сами того, быть можетъ, не сознавая, въ высшей степени эгоистично.

Подобно тому какъ офицеры генеральнаго штаба въ Москвѣ склонялись на сторону организаціи Савинкова подъ предлогомъ, что національный центръ придерживается германской оріентаціи, а въ сущности потому, что усматривали большія выгоды въ союзѣ съ Савинковымъ, нежели съ организаціями, состоявшими въ связи съ правымъ центромъ, такъ и образовавшійся въ Москвѣ въ апрѣлѣ 1918 г. союзъ возрожденія Россіи порвалъ существовавшую у него дотолѣ связь съ правымъ центромъ, подъ разными несущественными предлогами, при чемъ думается мнѣ, что истинной причиной была боязнь, что въ случаѣ возстановленія русской государственности правыми кругами, вновь восторжествуетъ тотъ государственный строй, который былъ поверженъ еще февральской революціей.

Союзъ возрожденія состоялъ изъ отдѣльныхъ представителей партіи к. д., народныхъ соціалистовъ и эсъ-эровъ, объединившихся однако лишь персонально. Изъ его состава два лица — Н. И. Астровъ и В. А. Степановъ входили одновременно и въ правый центръ, составляя, такимъ образомъ, живую связь между этими двумя группами. Нѣкоторыя шероховатости между Степановымъ, а въ особенности Астровымъ, и остальными членами праваго центра возникли весьма скоро. Обнаружилось это въ особенности, когда въ правомъ центрѣ возникъ вопросъ о включеніи въ его составъ нѣсколькихъ лицъ изъ состава крайней правой группы, гдѣ наиболѣе вліятельное положеніе занимали протоіерей Восторговъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ и А. Д. Самаринъ. Противъ такого включенія члены Союза возрожденія рѣшительно возражали; не сочувствовали этому впрочемъ и многіе члены самого праваго центра. Переговоры съ этой группой тѣмъ не менѣе были начаты, однако лишь послѣ выхода изъ состава праваго центра Астрова и Степанова. Переговоры эти ни къ чему не привели, да и самое объединеніе это не могло, съ точки зрѣнія праваго центра, имѣть какое-либо реальное значеніе. Крайне-правыя группы въ то время находились въ полной изолированности и никакими реальными орудіями борьбы не обладали.

Что же касается окончательного разрыва связи между правымъ центромъ и Союзомъ возрожденія, то произошелъ онъ на почвѣ той же оріентаціи, а именно на вопросѣ о привлеченіи японцевъ къ высадкѣ своихъ войскъ на Дальнемъ Востокѣ

и продвиженіи ихъ до Урала, съ цѣлью образованія тамъ новаго анти-германскаго фронта со включеніемъ въ его составъ какъ чехословацкихъ военноплѣнныхъ, преобразовавшихся, къ тому времени, въ вооруженные отряды, такъ и русскихъ добровольцевъ. Предположеніе это возникло въ Парижѣ и было протелеграфировано В. А. Маклаковымъ, черезъ посредство французскаго консула въ Москвѣ, Гренара, члену праваго центра, кн. Е. Н. Трубецкому. Идея эта была совершенно фантастичная и могла возникнуть лишь въ охваченныхъ страхомъ отъ крушенія русскаго восточнаго фронта французскихъ правительственныхъ кругахъ. Совершенно не освѣдомленный объ истинномъ положеніи дѣлъ въ Россіи, при которомъ ни о какомъ продолженіи нашей борьбы съ Германіей не могло быть и рѣчи, Маклаковъ горячо поддерживалъ эту мысль. Союзъ Возрожденія, видѣвшій въ дальнѣйшей помощи державамъ согласія — вѣрнѣйшій способъ обезпеченія окончательнаго закрѣпленія тѣхъ демократическихъ лозунговъ, которые, съ такой стремительностью проводило свергнутое временное правительство кн. Львова, также присоединился къ этой несуразной, съ точки зрѣнія русскихъ національныхъ интересовъ, мысли. Принявшій участіе въ обсужденіи этого вопроса правымъ центромъ генералъ Циховичъ сдѣлалъ точный разсчетъ времени, потребнаго для сосредоточенія на Уралѣ сколько-нибудь крупной японской арміи. Оказалось, что это осуществимо лишь въ весьма продолжительный срокъ, если память мнѣ не измѣняетъ, 6—8 мѣсяцевъ. Смущало кромѣ того правый центръ и самое привлеченіе японцевъ къ участію въ международной войнѣ на русской территоріи. Было очевидно, что для нашихъ прекрасныхъ глазъ японцы никакой помощи намъ не окажутъ (предполагалось, что японскіе войска поведутъ не только борьбу противъ Германіи, но помогутъ и свергнуть большевицкую власть) и что единственнымъ реальнымъ результатомъ всего этого предпріятія будетъ захватъ японцами Владивостока и всего Уссурійскаго края. Полученныя черезъ того же Маклакова завѣренія японцевъ, гарантированныя державами согласія, что никакихъ территоріальныхъ захватовъ они за счетъ Россіи не произведутъ и по окончаніи войны тотчасъ отведутъ свои войска въ свои предѣлы, насъ мало успокаивало. Такимъ образомъ, самое образованіе новаго, анти-германскаго фронта въ предѣлахъ Россіи на Уралѣ, представлялось болѣе чѣмъ сомнительнымъ; но мало этого, если-бы оно дѣйствительно совершилось, то даже одно продвиженіе японцевъ черезъ Сибирь къ Уралу сопряжено было съ огромнѣйшей опасностью для ядра русскаго государства — его европейской части. Первымъ, неизбѣжнымъ его послѣдствіемъ явился бы тѣснѣйшій союзъ германцевъ съ большевицкой властью и всемѣрная ея поддержка. Между тѣмъ правый центръ вполнѣ постигалъ, что главное зло для Россіи представляли именно большевики, до сверженія которыхъ установленіе въ странѣ какого-либо государственнаго порядка совершенно немыслимо. Между тѣмъ свергнуть большевиковъ возможно было если не при участіи Германіи, то по крайней мѣрѣ при условіи сохраненія ею нейтральнаго положенія по отношенію къ коммунистамъ.

Какъ бы то ни было переговоры съ французскими представителями велись въ теченіе нѣкотораго времени отдѣльными членами праваго центра. Велись они на квартирѣ кн. Е. Н. Трубецкого, а участвовали въ нихъ, кромѣ хозяина квартиры, А. В. Кривошеинъ, П. Б. Струве, авторъ этихъ строкъ и, однажды, Н. И. Астровъ. Припоминаю, что при этомъ мы старались доказать французамъ, что до сверженія большевицкой власти не можетъ быть никакой надежды на возобновленіе Россіей борьбы съ Германіей, что если союзники желаютъ этого достигнуть, то они должны прежде всего снабдить насъ тѣми денежными средствами, безъ которыхъ мы свалить большевиковъ не въ состояніи.

На самоувѣренныя и легкомысленныя убѣжденія французовъ, совершенно не разбиравшихся въ русскихъ дѣлахъ и переоцѣнивавшихъ силу и значеніе русскихъ соціалистическихъ круговъ, объединиться всѣмъ русскимъ политическимъ партіямъ съ этой цѣлью воедино, нѣкоторые изъ насъ возражали, что это не только невозможно, но и безцѣльно. Соціалъ-демократы-меньшевики и эсъ-эры намъ столь же чужды и представляются намъ столь же вредоносными для русскаго государственнаго бытія, какъ и большевики. Союзъ Возрожденія и его представитель медоточивый Астровъ съ обычной ему «безпокойной ласковостью во взорѣ» держались иного мнѣнія. Ихъ военный спеціалистъ — ген. Болдыревъ — впослѣдствіи вошедшій въ составъ Уфимской директоріи, настаивалъ на возможности созданія, при помощи японцевъ, грознаго анти-германскаго фронта на Уралѣ въ сравнительно короткій срокъ. Въ результатѣ Союзъ Возрожденія рѣшилъ обратиться съ просьбой къ Японіи объ оказаніи помощи своими войсками на русской территоріи. По той или по иной причинѣ, но японцы дѣйствительно высадили во Владивостокѣ довольно значительное количество войска и хотя, какъ извѣстно, и близко къ Уралу не подошли, но все же нанесли нашимъ стремленіямъ свергнуть большевиковъ въ Москвѣ роковой ударъ.

Дѣйствительно, какъ разъ въ то время, когда велись переговоры съ французами объ образованіи Уральскаго фронта, нѣкоторые представители германскаго правительства завязали сношенія съ группой политическихъ дѣятелей умѣренно-праваго направленія въ Петербургѣ. Со стороны этой группы наиболѣе дѣятельное участіе принимали В. Ѳ. Треповъ (впослѣдствіи разстрѣлянный въ качествѣ одной изъ искупительныхъ жертвъ за убійство комиссара Урицкаго) и баронъ Б. Э. Нольде. Объ этихъ переговорахъ былъ освѣдомленъ Московскій правый центръ, и тутъ впервые возникъ вопросъ о возможности опереться на германцевъ въ дѣлѣ сверженія большевиковъ. Вопросъ этотъ вызвалъ весьма горячіе споры и довольно продолжительное время оставался открытымъ. За сговоръ съ нѣмцами весьма рѣшительно съ мѣста высказался А. В. Кривошеинъ. Признаюсь, я былъ противоположнаго мнѣнія и даже изложилъ его на письмѣ.

Исходя изъ того положенія, что интересы Германіи органически противоположны русскимъ интересамъ, что германскій Drang nach Osten не есть результатъ политики какихъ либо отдѣльныхъ германскихъ государственныхъ дѣятелей, а органическое стремленіе германской, черезчуръ по размѣрамъ ея территоріи расплодившейся, націи на просторъ рѣдко населеннаго востока, а посему никакихъ иныхъ чувствъ, кромѣ завоевательныхъ, Германія питать къ намъ не можетъ, я утверждалъ, что и мы съ своей стороны, чтобы отстоять свои національные интересы должны воспитать въ себѣ не чувства дружбы къ Германіи, а священную месть за причиненное намъ зло, за условія Брестъ-Литовскаго договора.

Положенія эти, сами по себѣ безспорныя, не отвѣчали однако условіямъ и требованіямъ момента. Если на длительномъ историческомъ протяженіи Германія можетъ стремиться лишь къ расширенію своихъ владѣній за счетъ Россіи, то это еще не обозначаетъ, что въ какіе либо отдѣльные моменты ея бытія, ей не было выгодно заручиться содѣйствіемъ, или хотя бы нейтралитетомъ Россіи путемъ временнаго отказа отъ осуществленія своихъ постоянныхъ вожделѣній. Именно такимъ моментомъ была середина 1918 г., когда Германія убѣдилась, что, не опираясь на естественныя богатства Россіи, она не въ состояніи продолжать своей борьбы съ державами согласія. Это въ особенности ясно сознавали германскіе военные круги и посему именно въ ихъ средѣ господствовала мысль о возстановленіи Россіи и о сверженіи большевиковъ, дабы такимъ путемъ создать въ Россіи власть,

ей дружественную. Иначе смотрѣло на этотъ вопросъ германское правительство, еще не утратившее надежды выйти побѣдителемъ изъ міровой борьбы и потому строившее планы о перекройкѣ карты Европы, согласно длительнымъ германскимъ интересамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Германія, хотя и вступила въ переговоры съ русскими общественными кругами, но одновременно, тѣмъ не менѣе, поддерживала тѣсную связь съ большевиками. Политика ея была двойственная. Но эта политика не была основана на коварствѣ, а являлась лишь результатомъ тѣхъ внутреннихъ треній, того разномыслія, которое происходило въ ея собственной средѣ. Порукой этого является, между прочимъ и то, что германскіе агенты, которые вели переговоры съ русскими общественными кругами, твердо вѣрили, что именно они проводятъ политику, отвѣчающую истиннымъ намѣреніямъ германскаго правительства. Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что если бы въ моментъ этихъ переговоровъ русская общественность не раскололась по вопросу объ «оріентаціи», если бы она пошла навстрѣчу нѣмецкимъ предложеніямъ, если бы добровольческая армія не задрапировалась въ тогу скудоумнаго Ламанческаго рыцаря — Донъ-Кихота, а послѣдовала бы мудрой государственной политикѣ Донского атамана Краснова, то Германія исполнила бы свои обѣщанія, а именно пересмотрѣла бы Брестъ-Литовскій договоръ, вернула бы намъ наши владѣнія, за исключеніемъ губерній Царства Польскаго, отъ которыхъ мы уже сами, въ бытность временнаго правительства, отказались, и возстановила бы въ Россіи русскую государственную власть. О большевикахъ давно бы не было и помину. Конечно, сдѣлала бы она это не даромъ, а въ обмѣнъ потребовала бы отъ насъ прекращенія военныхъ сношеній съ Антантой, опредѣленнаго заявленія, что мы отъ всякаго дальнѣйшаго участья въ міровой войнѣ отказываемся и что одновременно мы предоставляемъ Германіи возможность черпать изъ нашихъ предѣловъ продовольственные продукты и необходимое для ихъ военной промышленности сырье.

Но когда Германія убѣдилась, что она можетъ имѣть дѣло только съ правыми русскими общественными кругами, что вся, такъ называемая, передовая общественность не желаетъ имѣть съ ней дѣла, она естественно отказалась отъ мысли строить свои планы на возсозданіи порядка въ Россіи и это тѣмъ болѣе, что она переоцѣнивала значеніе русскихъ лѣвыхъ соціалистическихъ теченій, да и не могла не переоцѣнивать, когда видѣла, что подъ вліяніемъ той же переоцѣнки, какъ добровольческая армія, такъ и вообще офицерская среда шла на соглашеніе съ этими лѣвыми теченіями.

Были двѣ основныя причины, положившія окончательный конецъ переговорамъ съ нѣмцами. Первой изъ нихъ была мысль объ образованіи новаго русско-японскаго фронта на Уралѣ и состоявшаяся вслѣдъ за этимъ высадка японскихъ войскъ въ Владивостокѣ. То и другое стало конечно тотчасъ извѣстно германцамъ, причемъ какъ разъ въ тотъ моментъ (іюнь мѣсяцъ 1918 г.), когда германское правительство перешло на точку зрѣнія германскихъ военныхъ круговъ о необходимости въ германскихъ интересахъ возсоздать порядокъ въ Россіи и покончить съ большевиками. Но тутъ произошло перемѣщеніе ролей, тутъ уже германское верховное командованіе, наткнувшееся на крайнюю непріязнь добровольческой арміи и освѣдомленное объ усиленной тягѣ русскаго офицерства въ Сибирь, на Уралъ, для образованія тамъ новаго, враждебнаго ему фронта, рѣшительно заявило, что ни о какомъ возстановленіи Россіи не можетъ быть и рѣчи, что наоборотъ необходимо разваливать Россію и въ этихъ видахъ поддерживать большевицкую власть.

Не могу здѣсь не отмѣтить, что ни лѣвыя общественныя теченія, ни добровольческая армія не сумѣли даже использовать передъ Антантой своего отказа отъ всякаго соглашенія съ Германіей, не сумѣли поставить условіемъ соблюденія донъ-Кихотской вѣрности союзникамъ полученіе отъ нихъ крупныхъ денежныхъ средствъ для борьбы съ явно находившимися въ зависимости отъ Германіи большевиками.

Какъ и подобаетъ Ламанческимъ рыцарямъ, они мечтали покорить своихъ враговъ безъ необходимыхъ средствъ, безъ надлежащаго вооруженія, основываясь исключительно на правотѣ того дѣла, которое защищали.

Какъ бы то ни было, но Московскій правый центръ довольно продолжительное время вѣрилъ въ возможность сговориться съ нѣмцами и при ихъ помощи свергнуть большевиковъ. Велись по этому поводу двумя, командированными съ этой цѣлью, членами центра переговоры съ совѣтникомъ германскаго посольства Ритцлеромъ. Были, впрочемъ, и другіе посредники между представителями Германіи и русскими общественными дѣятелями. Живое участіе принималъ въ этомъ дѣлѣ, между прочимъ, и бывшій оберъ-прокуроръ Св. Синода въ кабинетѣ Витте, кн. Алексѣй Д. Оболенскій, высказывавшій даже во время войны германофильскія чувства. На частномъ совѣщаніи по этому вопросу въ квартирѣ Оболенскаго принималъ между прочимъ участіе спеціально пріѣхавшій съ этой цѣлью изъ Петрограда бар. Б. Э. Нольде.

Была и вторая причина, которая склоняла нѣкоторыхъ членовъ праваго центра къ соглашенію съ Германіей и ея правительствомъ — надежда такимъ образомъ спасти жизнь Государя и его семьи. Опасность, которой подвергалась Царская семья, была для всѣхъ очевидна и отвратить ее возможно было только мощной иностранной интервенціей. Страны согласія, даже если бы они къ этому стремились, защитить Государя лишены были возможности. Наоборотъ Германія, зависимость отъ которой совѣтской власти была очевидна, думалось, въ состояніи была оказать эту защиту. Въ этихъ видахъ нѣкоторые члены праваго центра во главѣ съ Кривошеинымъ вели переговоры съ германскимъ представителемъ въ Москвѣ. Въ переговорахъ этихъ я не участвовалъ и въ подробности ихъ не былъ посвященъ, однако отчетливо помню, что хотя нѣмцы и говорили, какъ это упомянуто въ показаніи Кривошеина, приведенномъ въ книгѣ Соколова, излагающей произведенное имъ слѣдствіе о гибели Царской семьи, что ихъ интересуетъ лишь судьба великихъ княгинь нѣмецкаго происхожденія, однако одновременно они утверждали, что Царь находится въ безопасности и что они имѣютъ при немъ своихъ людей, которые его охраняютъ. По цѣлому ряду мелкихъ подробностей, которыя теперь ни возсоздать, ни припомнить я не въ состояніи, у меня тогда создалось опредѣленное убѣжденіе, что нѣмцы были весьма заинтересованы охраненіемъ жизни тѣхъ членовъ Царской семьи, которые могли занять русскій престолъ. Всѣ опубликованныя съ тѣхъ поръ данныя лишь укрѣпили меня въ этомъ убѣжденіи. Для меня совершенно ясно, что вывозъ Царской семьи изъ Тобольска произошелъ по германской иниціативѣ и что ѣздившій въ Тобольскъ за Государемъ Яковлевъ былъ въ связи съ германцами. Не оцѣнили лишь нѣмцы той опасности, которой подвергался Государь при проѣздѣ черезъ захваченные большевиками края.

Мнѣ сдается, что дѣло происходило такъ. Германцы неоднократно требовали отъ Московской центральной власти доставленія къ нимъ Государя. Въ послѣдній разъ произошло это какъ разъ послѣ убійства ихъ посла Мирбаха, когда они заявили намѣреніе ввести въ Москву часть своихъ войскъ. Большевики этому самымъ рѣшительнымъ образомъ воспротивились. Тогда нѣмцы отказались отъ этого намѣренія, подъ условіемъ передачи имъ русскаго Императора. Большевики на это согла-

сились, одновременно тогда же рѣшивъ, что уничтожатъ всю Царскую семью, сваливши отвѣтственность на какія-нибудь мѣстныя учрежденія. Такъ они и сдѣлали, своевременно увѣдомивъ Екатеринбургскій большевицкій комитетъ о предстоящемъ отъѣздѣ Царя. Дѣйствительно, если бы Яковлевъ, везшій Государя, былъ только агентомъ большевиковъ и дѣйствовалъ на основаніи ихъ искреннихъ намѣреній, то ему не было никакой надобности утверждать, что везетъ Государя въ Москву, и затѣмъ усиленно стараться это исполнить. Онъ бы прямо сказалъ, что везетъ его въ Екатеринбургъ. Московская большевицкая власть съ другой стороны никогда не могла сама возымѣть мысль о переводѣ Государя въ Москву — слишкомъ это былъ рискованный для нихъ шагъ. Пошли на это, да и то лишь на словахъ, только по настоянію германцевъ.

Во всякомъ случаѣ, я утверждаю, что убійство Государя было для германцевъ не только совершенно неожиданнымъ, но и весьма нежелательнымъ событіемъ. Именно гибель Царя измѣнила ихъ отношеніе къ вопросу о сверженіи большевиковъ. Нѣмцы тогда еще вполнѣ понимали то, чего вожди бѣлаго движенія понять не сумѣли, а именно: что всякое антибольшевицкое движеніе, не возглавляемое неперекаемымъ, въ представленіи народныхъ массъ да и не ихъ однихъ, авторитетомъ, не сулитъ успѣха. Ихъ отношеніе къ группѣ, ведшей съ ними переговоры объ оказаніи помощи въ дѣлѣ сверженія большевиковъ, рѣзко измѣнилось именно со времени полученія извѣстія о гибели Государя. До этого момента они говорили о возможности прибытія въ Москву изъ Смоленска, гдѣ они находились, нѣкоторыхъ нѣмецкихъ воинскихъ частей, для непосредственнаго участія въ переворотѣ; послѣ этого они опредѣленно заявили, что непосредственнаго участія въ переворотѣ принять они не могутъ, и лишь усиленно убѣждали представителей праваго центра произвести его собственными силами, говоря, что они съ своей стороны лишь помогутъ косвенно, давъ возможность русскимъ контръ-революціоннымъ силамъ проникнуть въ склады оружія, а также заставивъ къ нимъ примкнуть, будто-бы всецѣло отъ нихъ зависящій, одинъ изъ латышскихъ батальоновъ.

Что же касается убійства Государя, то германцы не скрывали своего крайняго смущенія по этому поводу и даже огорченія.

Повторяю, таковы были намѣренія лишь одной части германскихъ правящихъ круговъ, намѣренія, основанныя именно на убѣжденіи, что при наличности въ ихъ власти русскаго Императора они могутъ обезпечить прочное возстановленіе порядка въ Россіи безъ опасенія, что въ такомъ случаѣ страна эта въ той или иной мѣрѣ вновь станетъ въ ряды противниковъ Германіи.

Коль скоро непререкаемаго представителя царской власти въ Россіи не стало, и эта часть германскихъ правителей отступилась отъ мысли смѣнить въ Россіи большевицкую власть какой-либо иной.

Между тѣмъ, правый центръ въ связи съ надеждой на германскую помощь вновь принялся за поиски такого лица изъ русскихъ военныхъ, который могъ бы возглавить предполагаемое движеніе. Пытались съ этой цѣлью связаться съ ген. Лукомскимъ, находившимся въ ту пору въ Харьковѣ. Поддерживали одновременно сношенія съ Кіевской организаціей, носившей названіе Азбуки, гдѣ наиболѣе видными членами были Шульгинъ и ген. А. М. Драгомировъ, однако сочувствія своимъ германскимъ планамъ и здѣсь не встрѣтили. Наконецъ, рѣшили обратиться либо къ Рузскому, либо къ Юденичу, находившимся по слухамъ въ Петроградѣ. Съ этой цѣлью отправился я и еще одинъ изъ членовъ праваго центра въ самыхъ первыхъ числахъ іюля въ Петроградъ. Поѣздка эта совпала съ выступленіемъ, почти одновременно въ обѣихъ столицахъ, соц.-революціонеровъ и послѣдовавшими, вслѣдъ за

этимъ, первыми проявленіями террора. Ѣхать въ Петербургъ можно было лишь по предъявленіи своихъ докумен овъ, и мнѣ достали билетъ и командировку на имя товарища Гайкина. По этому поводу произошелъ довольно нелѣпый случай. Мы уговорились съ моимъ компаньономъ по путешествію, что встрѣтимся при отъѣздѣ на Николаевскомъ вокзалѣ, но здѣсь оказалась такая толпа, что найти другъ друга не было никакой возможности. Мой компаньонъ, желая тѣмъ не менѣе меня розыскать принялся кричать во все горло: «товарищъ Гайкинъ», Вмѣстѣ съ другими слышалъ, разумѣется, эти вопли и я, но, не представляя себѣ, что они относятся ко мнѣ, даже подумавъ — «эка дался ему этотъ Гайкинъ, къ тому же очевидно глухой». Такъ мы въ Москвѣ другъ съ другомъ и не встрѣтились. Путешествіе было еще довольно сносное; шли вагоны перваго класса, даже спальные, но сидячаго мѣста найти однако не удалось, пришлось пробыть всю дорогу въ коридорѣ, примостившись на ребрѣ чемодана. Было однако и болѣе непріятное обстоятельство: въ вагонѣ оказались лица не столько знакомыя, сколько знающія меня въ лицо. Пришлось ихъ всячески сторониться — не равно пройдетъ контроль, потребуетъ документы, что фактически и случилось, и придется предъявлять документъ на имя товарища Гайкина, причемъ тутъ только я сообразилъ, что выкликали на вокзалѣ именно меня.

Поѣздка наша оказалась безплодной; ни Рузскаго, ни Юденича увидѣть не удалось, да ихъ повидимому и не было въ городѣ. Видѣлъ я зато лицо, называвшее себя главой петроградской конспиративной военной организаціи полковника Ш., и пришелъ въ ужасъ. Это была смѣсь необузданной хлестаковщины съ примитивными политическими представленіями и взглядами. Его послушать — во всѣхъ совѣтскихъ учрежденіяхъ имѣются свои вѣрные люди и, слѣдовательно, все въ нихъ происходящее вполнѣ военной организаціи извѣстно; черезъ этихъ людей они могутъ сдѣлать все, что имъ угодно, и вообще свергнуть большевиковъ рѣшительно ничего не стоитъ. Кончился его разсказъ обычнымъ заявленіемъ — «нужны деньги».

Для меня стало ясно, что если московская военная организація страдаетъ отъ отсутствія обще-признаннаго авторитетнаго военнаго вождя, то петербургская просто не существуетъ; имѣется лишь небольшой кружокъ лицъ, усердно втирающихъ очки, что они будто-бы что то представляютъ, и на этой почвѣ извлекающихъ нѣкоторыя личныя матеріальныя выгоды.

Вернувшись въ Москву, я сразу замѣтилъ ту рѣзкую перемѣну, которая тамъ произошла за короткій срокъ моего отсутствія. Воздухъ былъ насыщенъ надвигавшимся и уже кое-гдѣ проявившимся терроромъ, толчокъ коему былъ данъ неудачнымъ выступленіемъ эсъ-эровъ. Произведенная, вслѣдъ за этимъ обязательная регистрація офицеровъ, выразилась прежде всего въ томъ, что всѣхъ явившихся задержали, причемъ тутъ же слѣдомъ начались массовые разстрѣлы.

Вообще іюль 1918 г. ознаменовался перемѣной большевицкаго способа управленія. Приступивъ, почти тотчасъ послѣ захвата власти къ осуществленію своей программы (впрочемъ, уже отчасти осуществленной временнымъ правительствомъ, усердно расчищавшимъ путь коммунистамъ), большевики дѣйствовали, однако, до лѣта 1918 года съ нѣкоторой постепенностью и нарочитой осторожностью.

Держась у власти въ этотъ періодъ преимущественно на разжиганіи низменныхъ инстинктовъ невѣжественныхъ народныхъ массъ и на всяческихъ поблажкахъ разыгравшимся аппетитамъ толпы и посему не только дозволяя, но даже поощряя всякую распущенность и беззаконіе, они тѣмъ временемъ направляли всѣ свои усилія къ созданію, для своего владычества, твердой механической опоры, въ видѣ вооруженной опричнины, подчиненной желѣзной дисциплинѣ и крѣпко съ ними

спаянной общностью интересовъ и страхомъ отвѣтственности за сообща содѣянныя преступленія.

Созидалась эта опричнина подъ именемъ чрезвычайной слѣдственной комиссіи, съ одной стороны, и красной гвардіи, съ другой, хотя послѣднюю всемѣрно старались изобразить какъ силу, созидаемую взамѣнъ императорской арміи, для отпора внѣшнимъ врагамъ государства, что было необходимо для привлеченія въ ея среду офицерства.

Къ лѣту 1918 г. обѣ эти силы получили достаточное развитіе и организованность, почему и появилась возможность почти не считаться съ настроеніемъ неорганизованной и невооруженной народной массы и проводить свою программу во всей полнотѣ, независимо отъ степени сочувствія этихъ массъ къ отдѣльнымъ предпринимаемымъ на ея основаніи мѣропріятіямъ.

Вообразившая, что она получила безграничную свободу, толпа не успѣла оглянуться, какъ оказалась въ рабскихъ, ею самою выкованныхъ цѣпяхъ. Однако, сразу съ этимъ помириться не могли ни отдѣльныя единицы, постигшія, наконецъ, въ какую бездну влекутъ страну соціалъ-демократы большевицкаго толка, ни наиболѣе имущественно обезпеченная часть народной толщи.

Послѣдовалъ, какъ я упомянулъ, рядъ возстаній въ различныхъ провинціальныхъ центрахъ; были попытки свергнуть власть и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, попытки, задуманныя и проведенныя подъ флагомъ соціалистовъ революціонеровъ, но осуществленныя консервативными элементами — преимущественно офицерскимъ составомъ и вовсе не ради предоставленія власти этой политической группѣ, а лишь для сверженія большевиковъ.

Попытки эти, какъ извѣстно, не удались, и на смѣну имъ, уже въ августѣ, послѣдовали покушенія на жизнь нѣкоторыхъ большевицкихъ вожаковъ. Въ Петербургѣ были убиты комиссары — Володарскій и Урицкій, въ Москвѣ былъ раненъ Ленинъ.

Большевики, декретомъ отъ 23-го августа ст. ст. отвѣтили провозглашеніемъ террора, приступивъ, однако, къ его широкому примѣненію еще до изданія этого декрета и установивъ одновременно институтъ заложничества. Созданная къ этому времени опричнина, набранная преимущественно изъ инородцевъ — латышей, эстонцевъ и китайцевъ — оказалась при такомъ способѣ дѣйствій, невзирая на ея сравнительную малочисленность, вполнѣ достаточной. Приступили къ массовымъ арестамъ и массовымъ разстрѣламъ. Кровь потекла ручьями.

Жизнь въ Москвѣ, для принадлежащихъ къ прежнимъ зажиточнымъ слоямъ населенія, а тѣмъ болѣе, для причастныхъ къ прежней государственной или общественной дѣятельности стала совершенно невозможной. О какой либо политической работѣ съ малѣйшей надеждой на усѣхъ, не могло быть и рѣчи. Унести ноги отъ непосредственной близости къ большевицкому застѣнку — вотъ на чемъ приходилось сосредоточивать свои усилія. Сопряжено это было съ всевозможными затрудненіями. Большевицкая Россія была окружена кольцомъ чекистскихъ отрядовъ и благополучно пробраться мимо нихъ удавалось далеко не всѣмъ. Выѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ возможенъ былъ только для лицъ, снабженныхъ особыми разрѣшеніями. Тѣмъ не менѣе, начался массовый исходъ всего, что не могло примириться съ большевицкимъ строемъ и находило въ себѣ достаточно рѣшимости для оставленія насиженныхъ мѣстъ, всего сохранившагося еще у нихъ имущества и даже денежныхъ средствъ засеквестрованныхъ большевиками въ банкахъ и сейфахъ, а также достаточно мужества какъ для преодолѣнія опасностей, сопряженныхъ съ переѣздомъ границы Совдепіи, такъ и для исканія убѣжища и заработка въ другихъ, для многихъ совершенно невѣдомыхъ, краяхъ.

Надо было прежде всего рѣшить, куда ѣхать и какими путями. Вопросъ сводился собственно къ тому, перебраться ли въ Малороссію, внезапно превратившуюся, по нѣмецкому велѣнію, по Скоропадскаго тщеславію, въ Украину, или на югъ къ Ростову. Но къ добровольцамъ имѣло смыслъ ѣхать военнымъ или вообще способнымъ по возрасту владѣть оружіемъ. Людямъ пожилымъ — тамъ дѣлать было нечего. Оставалась Украина. Какъ туда ѣхать? Послѣ недолгихъ размышленій, мой покойный другъ баронъ В. В. Меллеръ-Закомельскій (б. предсѣдатель центра Государственнаго Совѣта) и я рѣшили попытаться пробраться черезъ Смоленскъ и Оршу въ Кіевъ. Особымъ фаворомъ пользовались въ то время, такъ называемые украинскіе поѣзда, вывозившіе изъ Москвы украинскихъ гражданъ.

Въ Москвѣ было учреждено особое украинское консульство, причемъ во главѣ его оказался мелкій служащій общеземскаго союза, Кривскій. Выборъ очевидно случайный, но удачный. Кривскій отличался отмѣнной любезностью и готовностью помочь всѣмъ и каждому. Регистрація принадлежности къ уроженцамъ Украины была самая фантастическая, но, увы, гарантій противъ большевицкаго произвола она не давала никакихъ, до такой степени, что даже служба въ самомъ консульствѣ не обезпечивала отъ ареста и разстрѣла. Такъ, служившій въ консульствѣ, украинецъ по паспорту, офицеръ л. гв. Гродненскаго гусарскаго полка Раупахъ былъ схваченъ и безъ всякаго суда и слѣдствія разстрѣлянъ, невзирая на всѣ протесты консула, подкрѣпленные мотивами, въ изложеніи которыхъ принимало участіе нѣсколько выдающихся московскихъ юристовъ.

Извѣстіе объ этомъ убійствѣ было получено въ консульствѣ вечеромъ, какъ разъ въ то время, когда я тамъ случайно находился, и сталъ свидѣтелемъ чрезвычайно тяжелой сцены. Въ консульство пришелъ узнать о судьбѣ сына отецъ Раупаха. Старикъ, отставной военный съ дрожью въ голосѣ передавалъ, что утромъ этого дня его жена ходила въ тюрьму, гдѣ заключенъ ихъ сынъ, для передачи ему посылки съ провизіей, но посылки этой отъ нея не приняли, говоря, что въ пей ея сынъ болѣе не нуждается. Въ то время въ Москвѣ еще не знали, что это былъ способъ, принятый большевиками для освѣдомленія родственниковъ и близкихъ, что тотъ, которымъ они интересуются, по ихъ циничному выраженію «выведенъ въ расходъ». Только здѣсь въ консульствѣ несчастный старикъ узналъ горькую правду.

Мы предпочли при такихъ условіяхъ остаться русскими гражданами. Раздобыли послѣ немалыхъ мытарствъ подборъ документовъ, какъ то пропуски, командировки и иныя удостовѣренія на имена Мищенки и Грищенки, въ томъ числѣ разрѣшеніе германскихъ властей на въѣздъ въ оккупированную ими территорію. Недоставало только разрѣшенія покинуть предѣлы Совдепіи: его получить не удалось. Раздумывать было некогда: въ Москвѣ почва горѣла у насъ подъ ногами, а по сему 30 августа ст. ст. (1918 г.) съ тяжелымъ сердцемъ, но за то съ весьма легкимъ багажомъ, запрятавъ, какъ умѣли, захваченныя нами деньги, поплелись мы на Ванькѣ по развалившейся Московской булыжной мостовой на Брестскій вокзалъ.

II.

Отъѣздъ изъ Москвы. Пріѣздъ въ Оршу. Германскія войска въ Оршѣ. Дорога до Гомеля. По Днѣпру отъ Гомеля до Кіева. Нѣмцы въ Кіевѣ. Гетманъ и его правительство. Кіевскія мѣстныя общественныя организаціи. Офицерство въ Кіевѣ. Организаціи, созданныя въ Кіевѣ петроградскими общественными дѣятелями.

Огромныя помѣщенія московскаго вокзала Александровской дороги, загрязненныя, заплеванныя и засыпанныя скорлупой подсолнечныхъ сѣмечекъ кишѣли наро-

домъ. Взяточничество уже господствовало во всю въ большевицкихъ учрежденіяхъ, а по сему запрещеніе выѣзда изъ столицы фактически сводилось къ уплатѣ нѣкоторой дани большимъ и малымъ совѣтскимъ вершителямъ. Мзду эту платилъ всякій, кто только могъ, и если было множество взяточниковъ, то еще гораздо большее множество желавшихъ дать взятку, только бы выбраться изъ московскаго пекла. Не мудрено, что выѣздъ изъ Москвы, невзирая на запретъ, шелъ массовый.

Надо ли описывать путешествіе при такихъ условіяхъ? Увы, картина слишкомъ знакомая всѣмъ, жившимъ въ то время въ Совдепіи. Набитыя до потолка вагоны, постоянная провѣрка документовъ и осмотръ багажа, изъ котораго осмотрщики безцеремонно извлекали всѣ цѣнности, то куда то ихъ передавая, то просто присваивая себѣ. Дикіе возгласы при видѣ образовъ въ серебряныхъ окладахъ, которые немедленно срывались при возгласахъ: «Боговъ раздѣвать»; нескончаемыя остановки въ пути по неизвѣстнымъ причинамъ, и сверхъ всего этого отвратительное всеподавляющее чувство беззащитности отъ обнаглѣвшихъ хамовъ, достойныхъ не столько висѣлицы, сколько нагайки, — вотъ, что представляло всякое передвиженіе въ предѣлахъ хозяйничанья большевиковъ.

Къ вечеру другого дня дотащились мы, усталые и разбитые, до Смоленска. Здѣсь насъ встрѣтилъ посланный барономъ Меллеромъ впередъ юркій еврейчикъ. Необходимо было это, такъ какъ въ Москвѣ выдавали билеты только до Смоленска. Со свойственной его племени ловкостью раздобылъ намъ нашъ посланецъ билеты для дальнѣйшаго слѣдованія, и мы въ его сопровожденіи двинулись въ Оршу, куда онъ тоже успѣлъ уже съѣздить и обезпечить намъ тамъ ночное убѣжище, а равно удостовѣриться, что при помощи денегъ оттуда можно перебраться на территорію, занятую германцами.

Въ Оршу мы прибыли лишь поздно ночью. Въ темнотѣ по грязи, волоча наше несложное имущество, пошли мы подъ водительствомъ нашего чичероне по невѣдомымъ намъ уличкамъ и закоулкамъ грязнаго захудалаго городишки, вошли въ какой то дворъ и по скрипучимъ ступенькамъ шатающагося крылечка добрели до запертой входной двери. Дворъ былъ абсолютно темный. Изъ дома, который, повидимому, былъ нашимъ ближайшимъ этапомъ, не проникалъ ни одинъ лучъ свѣта. На осторожный, негромкій стукъ нашего проводника, показавшійся мнѣ по размѣренности ударовъ условленнымъ, дверь отворилась въ столь же, если не большую темноту, что господствовала во дворѣ. Ощупью влѣзли мы въ эту темноту, насыщенную какимъ то весьма сложнымъ по происхожденію запахомъ, дверь за нами затворили и лишь послѣ этого отворили дверь въ сосѣднюю комнату, гдѣ тускло свѣтила висячая керосиновая лампа, слабо освѣщая стоящій по серединѣ комнаты столъ съ кипящимъ на немъ самоваромъ и нѣсколько сидящихъ за нимъ грузныхъ фигуръ. Края комнаты скрывались въ тѣни и чуть виднѣлись очертанія объемистыхъ ящиковъ, бауловъ и разнообразныхъ тюковъ. Воздухъ былъ нестерпимо душный; наполнявшій комнату табачный дымъ тщетно старался перебить природный запахъ помѣщенія.

Приглядѣвшись, мы скоро поняли, что находимся въ вертепѣ контрабандистовъ, гдѣ подготовляется переправа, по условіямъ времени, помимо мертваго еще и живого груза, въ видѣ бѣгущихъ изъ совѣтской Россіи буржуевъ. Воскресли въ памяти литературныя описанія контрабандистовъ и ихъ промысла и намъ стало одновременно и жутко, и смѣшно.

Избѣгая лишнихъ разговоровъ съ хозяйкой помѣщенія, пожилой еврейкой, какъ полагается, въ рыжемъ парикѣ, объяснившей намъ, что время опасное, что именно въ эти часы, случается, обходятъ дома мѣстные чекисты, мы, поужинавъ остатка-

ми захваченной изъ Москвы провизіи, поспѣшили удалиться въ отведенную намъ комнату. Не раздѣваясь, улеглись мы втроемъ на двухъ составленныхъ узкихъ кроватяхъ, причемъ особенно плохо было барону Меллеру, расположившемуся между мною и своимъ сыномъ, надъ самой щелью отдѣлявшей предоставленныя намъ ложа. Невзирая на всю непривлекательность обстановки и на многочисленныя неудобства, изъ коихъ не меньшей была неизвѣстность ближайшаго будущаго, усталость взяла свое, и я скоро крѣпко заснулъ.

Проснулся я утромъ отъ какихъ то размѣренныхъ не то причитаній, не то завываній, издаваемыхъ цѣлымъ хоромъ голосовъ. Что за бѣсъ? Спросить однако некого. Мои спутники уже встали, и въ комнатѣ я одинъ. Недоразумѣніе продолжалось недолго. Оказалось, что въ сосѣднемъ, расположенномъ на томъ же дворѣ, домишкѣ, окна котораго находились на какую нибудь сажень отъ оконъ отведенной намъ комнаты, помѣщалась еврейская школа, гдѣ, очевидно, подъ руководствомъ меламеда происходило совмѣстное заучиваніе вслухъ талмуда толпой еврейской дѣтворы. Мнѣ, совершенно выбитому изъ обычной жизненной колеи, показалось въ высшей степени несообразнымъ, что въ то время, какъ въ моемъ представленіи рушился цѣлый міръ, разваливалось великое государство и происходила какая то всеобщая бѣсовская свистопляска, одновременно продолжается жизнь во всѣхъ ея обыденныхъ проявленіяхъ, существуютъ школы и въ нихъ производится обученіе, да еще такое, на мой взглядъ, нелѣпое.

Задумываться, однако, не приходилось. Еврейчикъ барона Меллера, успѣвшій съ утра сбѣгать на пропускной въ оккупаціонную зону пунктъ, сообщилъ намъ, что все налажено: за три тысячи рублей (деньги въ то время еще не малыя) пограничная большевицкая стража соглашается насъ безпрепятственно выпустить изъ предѣловъ Совдепіи, не освѣдомляясь вовсе о томъ, кто мы такіе, и не спрашивая никакихъ документовъ.

Не стану, разумѣется, описывать наше путешествіе по грязному мѣстечку, довольно непріятную встрѣчу съ какимъ то неузнаннымъ мною лицомъ, окликнувшимъ меня, къ крайнему моему и моихъ спутниковъ неудовольствію, по имени и отчеству, пропускъ черезъ какой то проходной сарай, гдѣ важно на креслахъ возсѣдали мѣстные грабители-большевики, за проволочныя загражденія, отдѣлявшія нейтральную зону между Совдепіей и территоріей, занятой германцами, продолжительное ожиданіе въ этой зонѣ на обширномъ лугу передъ линіей нѣмецкихъ проволочныхъ ограждений, и наконецъ, пропускъ черезъ эту, увы, вожделѣнную для насъ черту — все это нынѣ не представляетъ интереса. Скажу лишь, что судьба намъ безусловно благоволила. Едва лишь успѣли мы пройти черезъ мѣстный пограничный контроль, какъ онъ былъ замѣненъ московскими чекистами, спеціально командированными въ Оршу изъ Москвы, чтобы слѣдить за лицами, проходящими черезъ имѣвшійся тамъ пропускной пунктъ, и безпрепятственный нелегальный проходъ лицъ, не имѣющихъ на то разрѣшенія, сталъ невозможенъ даже и за крупныя деньги. Поступали проще: отбирали всѣ деньги и цѣнности у пытавшихся выбраться изъ сага patria, а ихъ самихъ арестовывали. Надо было пробираться уже опредѣленно контрабандным способомъ между наблюдающими за границей большевицкими кордонами, что было сопряжено съ немалой опасностью.

Продержавъ насъ нѣсколько часовъ на лугу, нѣмецкій часовой, все время прогуливавшійся по ту сторону заграждений, наконецъ соблаговолилъ открыть устроенную въ нихъ калитку, передъ которой мы и съ десятокъ другихъ лицъ покорно ожидали пропуска, и послѣ весьма поверхностнаго осмотра документовъ впустилъ насъ

въ охраняемые имъ предѣлы. Здѣсь насъ сразу охватило непередаваемое чувство освобожденія отъ испытаннаго въ Совдепіи гнета.

По широкой, хорошо укатанной дорогѣ, пролегающей черезъ небольшой, живописный лѣсокъ, попадаемъ въ мѣсто расположенія нѣмецкихъ воинскихъ частей. Вдоль линіи желѣзной дороги, образуя цѣлое поселеніе, вытянулись въ нѣсколько рядовъ обширные и на видъ опрятные бараки, снабженные соотвѣтствующими ихъ назначенію четкими надписями. Тутъ же небольшой баракъ-ресторанъ. Какіе то предпріимчивые русскіе молодые люди обоего пола — мужчины въ студенческихъ фуражкахъ — бойко торгуютъ всевозможной снѣдью по весьма умѣреннымъ, по сравненію съ московскими, цѣнамъ. Бѣлыя булки, которыхъ Москва уже съ полгода не видѣла въ торговлѣ, лежатъ грудами; имѣется въ изобиліи и сахаръ. Перемѣна картины для насъ волшебная.

Въ нѣмецкой Оршѣ приходится оставаться до вечера, когда отходитъ поѣздъ на Гомель и далѣе въ Кіевъ. Наблюдаемъ отъ нечего дѣлать за нѣмецкими порядками и за нѣмецкимъ воинствомъ и скоро убѣждаемся, что за внѣшнимъ порядкомъ кроется и уже замѣтно выступаетъ наружу начавшееся внутреннее разложеніе. Поражаетъ прежде всего отнюдь не бравый видъ германскаго солдата: очевидно, что все лучшее, физически крѣпкое, молодое и боеспособное переведено на французскій фронтъ, а здѣсь противъ большевицкихъ растяпъ собранъ весь людской бракъ. Корявые, низкорослые, подслѣповатые — большинство въ очкахъ — германскіе воины далеки были отъ столь извѣстнаго типа прусскаго солдата. Одѣты довольно чисто, но въ достаточной степени неряшливо, мундиры не застегнуты, безкозырки, служащія головнымъ уборомъ, посажены на затылки. Видъ людей, слоняющихся безъ дѣла. Однако оказывается, что дѣло у нихъ есть, но дѣло это частное: всѣ сплошь спекулируютъ. Идетъ, во-первыхъ, усиленный обмѣнъ русскихъ денегъ на нѣмецкія и обратно, процвѣтаетъ бойкая торговля разнообразнымъ мелкимъ товаромъ. Офицеры до нѣкоторой степени этому препятствуютъ, но замѣчанія ихъ не производятъ большого впечатлѣнія, да и дѣлаются они въ какой то робкой формѣ: дисциплина очевидно подорвана. Тлетворный духъ большевизма оказываетъ свое дѣйствіе даже черезъ огражденную съ обѣихъ сторонъ проволокой широкую нейтральную зону.

Что касается насъ самихъ, то мы испытываемъ разнородныя чувства. Съ одной стороны тяжело видѣть германскія части, хозяйничающія на русской землѣ. Для насъ обоихъ — барона Меллера и меня — еще, казалось, такъ недавно русская побѣда надъ нѣмцами не подлежала никакому сомнѣнію. Участвуя въ особомъ совѣщаніи по оборонѣ, побывавъ въ составѣ парламентской делегаціи весной 1916 года на французскомъ фронтѣ, я доподлинно зналъ, что никогда еще съ самаго начала войны ни наши союзники, ни мы не обладали такими техническими боевыми средствами, ни такимъ количествомъ оружія и снарядовъ, какъ въ моментъ русскаго революціоннаго взрыва. Многіе признаки къ тому уже явно указывали, что Германія — ея войска и ея мирное населеніе выдыхается.

Да, тяжело было видѣть торжествующаго нѣмца, распоряжающагося въ нашихъ исконныхъ предѣлахъ, но долженъ признаться, что тяжело это было въ умственномъ представленіи, а не по испытываемому чувству. Развитію чувства негодованія и ненависти къ нѣмцамъ препятствовало съ одной стороны весьма корректное, скажу даже, любезное ихъ отношеніе къ намъ. Мы видѣли передъ собой не высокомѣрнаго иностранца-побѣдителя, а расхлябаннаго, изнуреннаго человѣка. Съ другой стороны мы и въ Россіи не чувствовали себя со времени властвованія большевиковъ у себя дома, а наоборотъ испытывали чувство состоянія въ неволѣ какой то враждебной, чуждой, не русской силы.

Наконецъ, въ области чувствъ надо всѣмъ господствовало ощущеніе освобожденія отъ состоянія затравленнаго зайца, отъ того гнета — физическаго и нравственнаго, подъ которымъ мы жили въ теченіе всей зимы и лѣта въ Москвѣ. Гнетъ этотъ усиливался постепенно, наползалъ исподволь, медленно и даже незамѣтно, но за то обволакивалъ всецѣло. Однако, именно вслѣдствіе его постепеннаго усиленія и захвата мы переставали, пока оставались въ Совдепіи, въ полной мѣрѣ его сознавать. Атмосфера гнета постепенно превращалась въ нашемъ сознаніи въ нѣчто обыденное и чуть что не нормальное: мы переставали понимать, что находимся въ состояніи постояннаго нервнаго напряженія. Лишь теперь, вырвавшись изъ подъ этого гнета и попавъ въ нормальныя условія человѣческой жизни, постигли мы въ полной мѣрѣ всю тяжесть испытаннаго. Сказывалось это во множествѣ разнообразныхъ мелочей и пронизывало все наше существованіе.

Только вырвавшись изъ Совдепіи, ощутили мы вполнѣ, что въ теченіе долгихъ мясяцевъ мы жили въ обширной тюрьмѣ, гдѣ имущественная обезпеченность, чувство собственнаго достоинства и самая жизнь подвергались ежечасно безмѣрно большей опасности, нежели въ любой настоящей тюрьмѣ. Произволъ, безудержное хамство, вотъ что окрашивало все существованіе, составляло тотъ фонъ, на которомъ протекала вся жизнь въ ея самыхъ обыденныхъ бытовыхъ мелочахъ.

Къ вечеру забрались мы въ поѣздъ, состоявшій изъ старыхъ, расшатанныхъ, дребезжащихъ вагоновъ 2-го и 3-го класса и, медленно двигаясь, добрались къ утру слѣдующаго дня до Гомеля. Вагоны были, конечно, переполнены, освѣщенія не полагалось и входившіе на каждой остановкѣ новые пассажиры начинали съ того, что усаживались въ темнотѣ на колѣняхъ уже находившихся. Поднимался, разумѣется, крикъ, обмѣнивались не лестными эпитетами, и о снѣ нельзя было и помышлять. Все это до такой степени насъ извело, что мы рѣшили попытаться проѣхать изъ Гомеля въ Кіевъ на пароходѣ по Днѣпру. Поѣхавъ прямо на удачу на пристань, мы попали почти на немедленно отошедшій пароходъ. Пассажировъ и на немъ было множество, но нашъ еврейчикъ и тутъ оказался весьма полезенъ. Какими то судьбами раздобылъ онъ намъ единственную, имѣвшуюся на пароходѣ, притомъ весьма помѣстительную каюту, гдѣ мы и расположились.

Путешествіе по Днѣпру, продолжавшееся болѣе сутокъ, было сплошнымъ наслажденіемъ. На пароходѣ оказался недурной, хорошо снабженный буфетъ, и мы почувствовали себя совсѣмъ прежними презрѣнными, наслаждающимися жизнью буржуями. Тихій, теплый, совсѣмъ лѣтній день, плавный неторопливый ходъ нашего суденышка, а въ особенности полнѣйшая тишина кругомъ, послѣ всѣхъ испытанныхъ нами передрягъ дѣйствовали въ высшей степени успокоительно. Точно послѣ бурнаго морского перехода мы вошли въ устье тихой рѣки.

Не было здѣсь ни большевиковъ, ни нѣмцевъ, ни войны, ни политики, ни безудержнаго хамства, ни его спутника — чувства беззащитности, а одна только тишь да гладь. Ближайшее прошлое отошло куда то вдаль и воскресла прежняя Русь — спокойная, тихая, сонная

Берега Днѣпра въ той его части, которую мы проходили засвѣтло, поражали безлюдствомъ. Не то что города или хотя бы села, но ни единой деревушки не видно было съ рѣки; урожай былъ снятъ и свезенъ, яровой клинъ взметанъ, въ поляхъ дѣлать было нечего, а потому не видно было людей и вообще никакого живого существа. Пустыненъ былъ и Днѣпръ, не видно было и на немъ проявленія человѣческой дѣятельности. Съ пароходной рубки передъ нами разстилалась, на сколько глазъ могъ видѣть, огромная восточно-европейская равнина — гладкая, безмолвная, пустынная безъ всякаго признака старой или хотя бы современной культуры.

Припоминались берега Рейна съ ихъ причудливыми скалами и тщательно обработанными виноградниками, съ ихъ столь четко выступающими памятниками многолѣтняго историческаго прошлаго, съ ихъ многочисленными признаками современной сложной культуры и изумительной техники, и въ умѣ невольно возникалъ мучительный вопросъ, почему же здѣсь въ почти столь же благодатныхъ естественныхъ условіяхъ прежняя жизнь не наложила своего отпечатка, а новая не проявилась въ какихъ либо техническихъ сооруженіяхъ и хозяйственныхъ усовершенствованіяхъ. Исчезла Гоголевская благоухающая степь, но замѣнили ее лишь небрежно вспаханныя поля, да унылыя выгорѣвшія жнивья. Что мѣшало и мѣшаетъ умному, талантливому русскому племени умѣло использовать щедро предоставленныя ему провидѣніемъ необозримыя плодородныя поля и разнообразныя естественныя богатства?

Причиной ли тому та самая ширь, среди которой оно живетъ и хозяйничаетъ, ширь, влекущая его не къ сосредоточенію своихъ усилій на какомъ либо одномъ ограниченномъ пространствѣ, а къ ихъ распространенію, по мѣрѣ надобности, на все большее протяженіе, безсознательно отдавая предпочтеніе количеству передъ качествомъ. Вѣдь не даромъ же не тѣсно разселенные западно-европейскіе народы, а широко и просторно раскинувшійся русскій народъ провозгласилъ: «куренка выгнать некуда!» Или повело къ этому отсутствіе охраняющихъ страну естественныхъ преградъ — горныхъ цѣпей и глубокихъ долинъ, легко защищаемыхъ опорныхъ мѣстъ, вслѣдствіе чего русская равнина въ историческомъ прошломъ хронически подвергалась набѣгамъ сосѣднихъ племенъ и служила мѣстомъ переселенія кочующихъ народовъ; набѣгамъ, уничтожавшимъ слѣды прежней жизни, лишавшимъ страну памятниковъ ея старины и тѣмъ самымъ стойкихъ историческихъ традицій.

Не содѣйствовало ли тому же и отсутствіе прочнаго строительнаго матеріала и обиліе скоро разрушающагося лѣса, вслѣдствіе чего единственными сохранившимися памятниками старины являются каменные храмы Божіи, на сооруженіе которыхъ русскій народъ искони не жалѣлъ ни средствъ, ни труда, храмы, говорящіе однако не о прошломъ народа, а о томъ, что внѣ времени и пространства, и являющіеся тѣмъ самымъ лишнимъ поводомъ для устремленія народной мысли въ безбрежный просторъ временъ, также точно какъ населенная имъ равнина влекла въ безбрежную ширь пространства.

Не причиной ли тому и климатъ, препятствующій распространенію многолѣтнихъ сельско-хозяйственныхъ культуръ, требующихъ продолжительнаго изъ года въ годъ тщательнаго ухода и тѣмъ прикрѣпляющихъ человѣка къ мѣсту и побуждающихъ цѣнить трудъ, затраченный имъ въ прошломъ, и защищать его плоды.

Наконецъ, не всѣ ли эти причины въ совокупности привели къ тому, что и до революціи, окончательно все стершей, какъ съ грифельной доски, имѣвшіеся въ странѣ памятники пережитаго народомъ были ничтожны и рѣдки и народомъ не цѣнимы. Отсутствіе традицій сказывалось и въ раздѣлѣ между непосредственно смѣняющимися поколѣніями, въ міровоззрѣніи отцовъ и дѣтей, вслѣдствіе чего каждое поколѣніе принималось строить государственную жизнь на новыхъ началахъ, не имѣя однако для этого прочнаго основанія.

Да и за старину то мы почитали то, что у западно-европейскихъ народовъ признается за вчерашній день. Незначительны и малочисленны были у насъ и признаки современной разнообразной и мощной техники.

Да, воспѣтая Гоголемъ степь утратила свои былыя чары, свою дѣвственную красоту, не пріобрѣтя однако взамѣнъ того пестраго разнообразія и тщательной

отдѣлки, которой отличаются сельскія мѣстности у культурныхъ народовъ. Отъ одного берега — первобытнаго приволья и патріархальной простоты нравовъ отстали. Къ другому берегу — умѣлому использованію естественныхъ богатствъ и управляемому строгими юридическими нормами бытовому укладу не пристали. Не обладая ни желѣзнымъ остовомъ прочныхъ традицій, ни разумѣніемъ сущности современнаго хозяйственнаго уклада, заимствовавъ отъ Запада его страсть къ наживѣ, но не перенявъ отъ него ни умѣнья, ни способовъ наживанья, мы превратились въ игралище еще сохранившихся у насъ первобытныхъ инстинктовъ и присущихъ намъ безбрежныхъ вожделѣній.

Но вотъ и Кіевъ, Кіевъ, уже побывавшій во власти Винниченки и Петлюры, Кіевъ, испытавшій засилье большевиковъ, видѣвшій массовые разстрѣлы русскихъ офицеровъ и убійство своего митрополита, Кіевъ, хранящій въ видѣ множества полуразрушенныхъ зданій слѣды происходившихъ за него боевъ, а нынѣ формально подвластный опереточному гетману, въ сущности же, поставившему его германскому воинству.

Политическая обстановка въ Кіевѣ въ ту пору была чрезвычайно сложная, но съ внѣшней стороны она мало въ чемъ проявлялась. Нѣмцы отвели для своего главнаго командованія особый кварталъ города — часть Липокъ, который послѣ убійства ихъ главнаго вождя, Эйхгорна, окружили барьерами и часовыми, но зато внѣ этого квартала, вѣрнѣе, вдали отъ окружающихъ его заставъ, ихъ присутствіе почти не замѣчалось, а въ особенности не ощущалось. Правда, проходили по улицамъ германскія воинскія части, встрѣчались на улицахъ нѣмецкіе офицеры и солдаты, виднѣлись кое гдѣ нѣмецкія надписи, но держали себя нѣмцы не вызывающе и видимо избѣгали всего, что могло бы раздражить населеніе и дать ему понять, что настоящими хозяевами города являются они, а не украинская бутафорія.

Находившіеся въ Кіевѣ германскіе полки, по физической крѣпости ихъ личнаго состава, были много выше видѣнной нами въ Оршѣ нѣмецкой калѣчи, а по внѣшней дисциплинированности и выправкѣ мало чѣмъ отличались отъ когда то видѣнныхъ въ Берлинѣ у Бранденбугскихъ воротъ гвардейскихъ караульныхъ частей.

Если присутствіе германцевъ въ городѣ замѣчалось мало, то наличіе украинской власти не чувствовалось вовсе. Отражалось оно въ повременной прессѣ, усиленно оповѣщавшей о всѣхъ дѣйствіяхъ, а въ особенности публичныхъ выступленіяхъ гетманскаго правительства.

Превратившійся въ наслѣдника Мазепы бывшій командиръ кавалергардскаго Ея Величества полка никѣмъ въ серьезъ не принимался. Ко времени нашего пріѣзда его впрочемъ въ Кіевѣ и не было: онъ ѣздилъ на поклонъ къ своему господину — императору германскому, и въ магазинныхъ окнахъ скоро появились фотографіи, изображавшія встрѣчу этихъ двухъ потентатовъ: Скоропадскій стоялъ, вытянувшись въ струнку, передъ Вильгельмомъ, непринужденно заложившимъ руку въ карманъ.

Что касается украинизаціи города, то она ограничивалась замѣной многихъ русскихъ торговыхъ вывѣсокъ малороссійскими, но иного кромѣ русскаго языка на улицахъ и въ лавкахъ слышно не было. Кіевъ какъ былъ, такъ и остался русскимъ городомъ, но за то оживленіе въ немъ было необычайное и переполненъ онъ былъ до послѣдней степени. Сюда хлынула волна изъ большевицкой Россіи, и на Крещатикѣ съ каждымъ днемъ встрѣчалось все большее количество петроградскихъ и московскихъ знакомыхъ.

Настроеніе пріѣзжихъ было на рѣдкость однообразно: нескрываемая радость избавленія отъ большевицкаго строя и засилья, огорченіе по поводу ограбленнаго у

нихъ въ Совдепіи и по пути оттуда имущества и изумленіе отъ казавшагося невѣроятнымъ, послѣ столичнаго убожества, изобилія различныхъ товаровъ, а въ особенности, съѣстныхъ припасовъ — вотъ къ чему по началу сводились у пріѣзжихъ всѣ чувства и разговоры. Дѣйствительно, въ Малороссіи въ ту пору хозяйственная дѣятельность населенія еще не была подорвана и благодатный искони, славившійся своимъ богатствомъ край жилъ еще прежней привольной жизнью. Правда цѣны на всѣ продукты, поражавшія москвичей своей дешевизной, были уже значительно повышены, но происходило это не отъ недостатка товара, а отъ обезцѣненія денежныхъ знаковъ, выпускавшихся украинскимъ правительствомъ подъ никому неизвѣстное, вообще не существующее обезпеченіе.

Гетманское правительство ко времени нашего пріѣзда въ Кіевъ (начало сентября 1918 г.) въ лицѣ начальниковъ составлявшихъ его отдѣльныхъ управленій, носившихъ названіе министровъ, было смѣшанное. Предсѣдатель совѣта министровъ С. Н. Гербель, министръ внутреннихъ дѣлъ И. А. Кистяковскій, его товарищъ быв. членъ Государственной Думы Варунъ-Секретъ были несомнѣнно русскіе люди, смотрѣвшіе на Украину, какъ на временное политическое образованіе и допускавшіе лишь присвоеніе ей нѣкоторыхъ автономныхъ правъ. Но были среди министровъ и убѣжденные «щирые» украинофилы. Къ нимъ въ особенности принадлежалъ министръ путей сообщеній, едва ли не поддерживавшій сношенія если не съ Петлюрой, то съ Винниченко и Грушевскимъ.

Самъ Скоропадскій былъ ближе къ русскому крылу своего правительства, но честолюбіе въ немъ сильно разыгралось, а посему онъ видимо мечталъ о сохраненіи званія гетмана и по возстановленіи Россіи, связавшись съ ней на федеративныхъ началахъ. Впрочемъ, возможно, что, какъ многіе это утверждали, у него мелькала мысль, освободивъ Россію, присоединить къ малороссійскому гетманству — всероссійскій престолъ. Наивному человѣку, чего не взбредетъ въ голову, отуманенную случайной удачей. Этимъ, быть можетъ, обусловливался двойственный образъ его дѣйствій по отношеію къ добровольческой арміи.

Держалъ себя Скоропадскій съ важностью и внѣшней пышностью, посколько это дозволяли мѣстныя условія. Стремился онъ одновременно доказать свое «щирое» украинство между прочимъ усиленнымъ восхваленіемъ украинскихъ знаменитостей — Шевченко и Мазепы — другихъ не нашлось — и совершенно зря клеймя будто бы испытанный Украиной въ теченіе двухъ съ половиной вѣковъ русскій гнетъ, безъ указаній однако, въ чемъ онъ состоялъ. Одновременно въ частныхъ бесѣдахъ съ русскими дѣятелями онъ выражался совершенно иначе. Имъ онъ объяснялъ свое украинство тактическими требованіями момента, но вѣры въ себя и въ свою лойяльность къ Россіи ни въ комъ не возбуждалъ. Жалкій оппортунистъ, онъ не сумѣлъ создать себѣ сколько нибудь значительное число сторонниковъ ни въ украинофильскомъ лагерѣ, ни среди русскихъ людей и столь же скоропалительно и безслѣдно исчезъ съ политическаго горизонта, сколь нежданно игрою случая на немъ появился. Любопытныя однако бываютъ у людей предчувствія. Его товарищи по Пажескому корпусу мнѣ передавали, что еще будучи на школьной скамьѣ Скоропадскій мечталъ и опредѣленно утверждалъ, что будетъ со временемъ малороссійскимъ гетманомъ, хотя въ то время (80-ые годы прошлаго вѣка) событія такой надежды отнюдь не оправдывали.

Вся украинская затѣя была вообще смѣхотворна: страна и народъ, которые въ качествѣ національныхъ знаменитостей могли выставить лишь поплатившагося жизнью предателя и полуграмотнаго составителя народныхъ пѣсенъ, едва ли могутъ имѣть притязаніе на самостоятельное культурное существованіе. Когда къ этому

еще добавляется отсутствіе разработаннаго литературнаго языка, обязанность котораго исполняетъ народный говоръ, дополняемый искусственно созданными словами иноземно-галиційскаго или польскаго происхожденія, то подобныя притязанія и смѣшны, и жалки.

Малороссія, какъ и иныя обширныя, удаленныя отъ правящаго центра русскія области можетъ стремиться къ широкому мѣстному самоуправленію, но для самостоятельной государственной жизни, немыслимой безъ самобытной цивилизаціи, она просто не имѣетъ необходимыхъ предпосылокъ. Результатъ иноземныхъ интригъ — сепаратизмъ Украины опирался въ ея предѣлахъ лишь на демагогіи нѣсколькихъ десятковъ честолюбцевъ, мечтавшихъ разыгрывать роль государственныхъ дѣятелей и превратиться въ важныхъ сановниковъ. Эти честолюбцы усиленно учились невѣдомому имъ дотолѣ языку, заимствуя недостающія, но необходимыя въ культурномъ обиходѣ слова, гдѣ угодно, но только не въ русскомъ языкѣ. При этомъ нерѣдко происходили недоразумѣнія, ибо говорившіе на этомъ новоиспеченномъ языкѣ другъ друга не всегда понимали.

Среди усердствовавшихъ въ этомъ отношеніи управленій выдѣлялось между прочимъ министерство иностранныхъ дѣлъ. Зайдя однажды по какому то дѣлу въ это министерство, я прежде всего натолкнулся на дежурнаго чиновника, который впрочемъ оказался хорошенькой и сильно накрашенной дѣвицей. На мой вопросъ сія представительница прекраснаго пола и, судя «по ея дородности», малороссійскихъ галушекъ отвѣтила мнѣ на опредѣленно польскомъ языкѣ. Директоръ департамента этого министерства соблаговолилъ говорить со мной по русски, но при входѣ во время нашей бесѣды какого то чиновника тотчасъ перешелъ на украинскую мову, съ которой, по уходѣ чиновника, вновь перешелъ на русскій языкъ, на которомъ онъ очевидно съ дѣтства только и говорилъ.

Почти одновременно съ мѣстнымъ правительствомъ въ Кіевѣ образовались и двѣ крупныя мѣстныя общественныя организаціи, объ будто бы экономическаго характера, но въ дѣйствительности дѣятельно занимавшіяся политикой. Одна изъ нихъ — «союзъ хлѣборобовъ» — была первоначально тѣсно связана съ гетманомъ; отъ нея формально получилъ Скоропадскій гетманскую булаву. Лидеры этого союза были до мозга костей русскіе люди и ни о какой самостійной Украинѣ слышать не хотѣли. Создали и поддерживали они фикцію германской власти въ цѣляхъ исключительно утилитарныхъ. Крестьяне собственники, входившіе въ множествѣ въ составъ союза были ярыми врагами большевиковъ, такъ какъ опасались пуще огня поравненія ихъ земли съ деревенской бѣднотой. Къ украинскому вопросу они относились въ массѣ безразлично. Во главѣ союза стоялъ Винницкій уѣздный предводитель дворянства графъ Д. Ф. Гейденъ, тѣмъ болѣе тяготѣвшій къ добровольческой арміи, что онъ былъ женатъ на сестрѣ одного изъ вождей этой арміи — генерала А. М. Драгомирова. Не менѣе русскимъ былъ и управляющій дѣлами союза А. А. Зноско-Боровскій, весьма толковый и знающій человѣкъ; онъ впослѣдствіи умеръ на югѣ Россіи отъ сыпного тифа.

Однако организованной силой, могущей съ оружіемъ въ рукахъ поддерживать гетманскую власть и охранять край отъ захвата большевиками, союзъ не обладалъ. Лишенные всякаго вооруженія, члены его, сколь бы они ни были многочисленны, для боевыхъ дѣйствій не были пригодны. Между тѣмъ еще существовавшая въ то время австрійская имперія продолжала лелѣять химеру оторванной отъ Россіи и присоединенной къ Имперіи Габсбурговъ Украины.

Австріей вооружались и снаряжались повстанческія банды, создаваемыя хохломанами типа Винниченко и авантюристами типа Петлюры. Сила этихъ агитаторовъ

зиждилась на тѣхъ по существу да и по формѣ большевицкихъ лозунгахъ, которые для успѣшности комплектованія этихъ бандъ провозглашали ихъ вожди. Господствовалъ среди этихъ бандъ тотъ же духъ наживы за счетъ чужого имущества, попросту говоря — грабежа, которымъ большевики опьяняли русскій народъ.

Едва прикрытый національными сепаратистическими лозунгами, большевицкій духъ частей сказался при первомъ ихъ столкновеніи съ красной арміей, въ бой съ которой они даже не хотѣли вступить.

Силы противъ этихъ по существу грабительскихъ бандъ союзъ хлѣборобовъ не сумѣлъ или не могъ создать.

Не большей силой обладалъ и другой образовавшійся въ Кіевѣ союзъ, сокращенно называвшійся протофисомъ (союзъ промышленности, торговли и финансовъ). Во главѣ этого союза былъ бывшій членъ Государственной Думы кн. А. Д. Голицынъ, а составъ его былъ пестрый. Союзъ преслѣдовалъ преимущественно матеріальные интересы, а посему въ политическомъ отношеніи готовъ былъ на всевозможные компромиссы, какъ съ гетманомъ, такъ и съ германцами. Добивался онъ, безразлично цѣной какихъ уступокъ, лишь одного — охраненія края отъ большевиковъ. Денежными средствами союзъ этотъ обладалъ несомнѣнно въ значительно большемъ количествѣ, нежели союзъ хлѣборобовъ, но расходовать ихъ на общегосударственныя надобности проявлялъ мало охоты. За то въ промышленной области онъ развилъ лихорадочную дѣятельность, что вполнѣ соотвѣтствовало, хотя въ значительной степени искусственному, но все же наблюдавшемуся оживленію хозяйственной жизни края. Наряду съ развитіемъ разнообразныхъ видовъ спекуляціи нарождались многіе новые виды производства и увеличивались существующія промышленныя предпріятія. Степень живучести этихъ начинаній на практикѣ не удалось провѣрить. Съ захватомъ края большевиками всѣ они погибли независимо отъ ихъ солидности. Возникали они во всякомъ случаѣ десятками и число уставовъ, утвержденныхъ гетманскимъ правительствомъ, весьма значительно. Замышлялись и грандіозныя предпріятія общаго значенія, какъ напр., использованіе Днѣпровскихъ пороговъ, какъ огромной двигательной силы, которую предполагалось превратить въ электрическую энергію.

Оживленіе предпринимательской дѣятельности на Украинѣ приписывалось самостійниками пріобрѣтенной краемъ политической самостоятельности, которая въ виду этого въ дѣловыхъ, а въ особенности въ дѣлѣческихъ кругахъ Кіева пріобрѣтала не малое количество сторонниковъ.

По мѣрѣ прибытія изъ большевизіи остатковъ былыхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей въ Кіевѣ стали образовываться различныя общерусскія политическія группировки. До сентября въ Кіевѣ было представлено лишь одно русское политическое теченіе, а именно крайне правое.

Группа представителей этого теченія имѣла во главѣ не безызвѣстнаго одесскаго городского голову Пеликана, а въ качествѣ главнаго вдохновителя присяжнаго повѣреннаго Соколова. Находилась она въ связи съ герцогомъ Г. Лейхтенбергскимъ, никакой самостоятельной Украины, конечно, не признавала и придерживалась опредѣленно германской оріентаціи. Сосредоточены были ея усилія на образованіи новой антибольшевицкой арміи, отдѣльной отъ добровольческой, названной южной. Затѣя эта до извѣстной степени поощрялась нѣмцами, предоставлявшими образуемой арміи нѣкоторое, въ общемъ ничтожное количество вооруженія, равно какъ нѣкоторыя денежныя средства.

Видя въ добровольческой арміи силу имъ явно враждебную, почти столь же упорно мечтающую о возобновленіи войны въ союзѣ съ Антантой, какъ о сверженіи

большевиковъ, германскія власти считали нужнымъ по возможности уменьшить притокъ въ нее русскаго офицерства и именно съ этой цѣлью поощряли образованіе новой русской арміи.

Отвлечь переполнявшее Кіевъ русское офицерство отъ вступленія въ ряды добровольческой арміи можно было только давъ ему другой выходъ. Такимъ выходомъ и должна была явиться южная армія.

Вербовкой офицеровъ и солдатъ (поступали и солдаты, но въ незначительномъ количествѣ) въ эту армію усиленно занимался гр. В. Бобринскій. Во главу южной арміи предполагалось поставить престарѣлаго генерала Н. І. Иванова, нѣкогда командовавшаго нашимъ южнымъ антигерманскимъ фронтомъ, а фактическимъ начальникомъ былъ гр. Келлеръ (впослѣдствіи убитый въ Кіевѣ петлюровцами). Образовывалась южная армія въ районѣ Харькова, но пока что многіе изъ записавшихся оставались въ Кіевѣ, гдѣ и подчинялись жившему тамъ же гр. Келлеру.

Однако лучшіе элементы офицерской среды неохотно шли въ ряды южной арміи, вслѣдствіе ея опредѣленно германской оріентаціи и даже зависимости въ матеріальномъ отношеніи отъ германскихъ властей.

Напрасно привлекали въ южную армію и наиболѣе консервативный элементъ военной среды — гвардейское офицерство завѣреніемъ, что армія эта предназначена для возстановленія монархіи, а что добровольческая армія пропитана республиканскими чувствами. Гвардейское офицерство, однако, туда не шло и посколько наличность имѣющихся денежныхъ средствъ ему это позволяла, понемногу пробиралось въ Ростовъ и Новочеркасскъ, инстинктивно чувствуя, что именно тамъ, независимо отъ господствующихъ въ добровольческой арміи тѣхъ или иныхъ политическихъ теченій, бьется истинное національное сердце. Впослѣдствіи, когда въ виду явно надвигавшагося крушенія Германіи, находящееся въ Кіевѣ германское начальство утратило всевластное доминирующее положеніе, русское офицерство образовало добровольческія дружины въ самомъ Кіевѣ, начальникомъ коихъ былъ кн. Долгоруковъ, причемъ дружины эти считали себя какъ бы частью добровольческой арміи.

Если среди русскаго офицерства, сосредоточившагося въ Кіевѣ, было немного охотниковъ вступить въ ряды южной арміи, то еще менѣе было желающихъ вступить въ украинскія войсковыя части съ введеннымъ въ нихъ украинскимъ командным языкомъ съ такими забавными для русскаго слуха командами, какъ напр., «желѣзняки на пузяки — гопъ!» За исключеніемъ нѣсколькихъ честолюбцевъ, составившихъ «дворъ» пана гетмана и вырядившихся по этому случаю въ живописные, но опереточные полупольскіе, полуказацкіе жупаны — русскихъ офицеровъ на гетманской службѣ почти не было. Зато среди приближенныхъ Скоропадскаго были и такіе чудаки, которые выбрили себѣ голову, оставивъ лишь на затылкѣ «оселедцы» (чубы), которые старались отрастить какъ можно длиннѣе.

Такимъ образомъ въ Кіевѣ по инымъ причинамъ, но произошло то же самое, что въ Москвѣ, а именно раздѣленіе офицерства на различныя группы, относившіяся другъ къ другу не всегда дружелюбно: на поступающихъ въ украинскія войска, на записывающихся въ южную армію монархическаго и германофильскаго настроенія и на тяготѣвшихъ къ добровольцамъ. Конечно, были и такіе, которые предпочитали снять военный мундиръ и обратиться къ безопаснымъ мирнымъ занятіямъ, хотя безопасныхъ положеній въ то время въ Россіи вообще нигдѣ не было.

Если наблюдался расколъ среди съѣхавшагося въ Кіевъ офицерства, то не было единомыслія и между съѣзжавшимися туда политическими дѣятелями.

Въ двухъ отношеніяхъ они впрочемъ были единомышленны, а именно въ отрицательномъ отношеніи къ украинскому сепаратизму и въ сочувственномъ къ добро-

вольческой арміи. За то по вопросу о той иностранной силѣ, на которую въ цѣляхъ возрожденія Россіи слѣдуетъ опереться, мнѣнія расходились.

Толчкомъ для образованія иныхъ, кромѣ крайней правой, общерусскихъ политическихъ группировокъ послужилъ пріѣздъ въ Кіевъ многихъ членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Тотчасъ создалось объединеніе всѣхъ парламентскихъ дѣятелей, сейчасъ же выбравшее изъ своей среды бюро въ составѣ до 15 членовъ. Тутъ рядомъ сидѣли и дружно между собой бесѣдовали, мало въ чемъ расходясь, Милюковъ и Пуришкевичъ.

Собиралось бюро преимущественно на квартирѣ члена Государственной Думы Искрицкаго и вело нескончаемыя бесѣды, сводившіяся въ сущности къ взаимному освѣдомленію о текущихъ событіяхъ. Какъ сейчасъ вижу первое появленіе въ нашей средѣ Пуришкевича, совершенно бритаго и потому трудно узнаваемаго, въ френчѣ, высокихъ сапогахъ и съ огромнымъ Владимірскимъ крестомъ на шеѣ. Пуришкевичъ, войдя, интриговалъ Милюкова, такъ и не узнавшаго своего постояннаго думскаго противника, пока онъ самъ себя не назвалъ.

Вопроса о формѣ правленія въ этой средѣ почти не касались, хотя несомнѣнно, что за возстановленіе монархіи стояли рѣшительно всѣ, причемъ преобладающее большинство признавало однако, что поднимать это знамя преждевременно. Тѣмъ не менѣе, на первомъ общемъ собраніи членовъ двухъ законодательныхъ палатъ, насчитывавшемъ свыше 70 человѣкъ, Пуришкевичъ съ присущей ему горячностью и стремительностью поднялъ этотъ вопросъ и настоялъ на томъ, чтобы по нему была вынесена опредѣленная резолюція. Высказаться отрицательно по отношенію къ монархіи собраніе состоявшее изъ монархистовъ, конечно, не могло. Къ вящшему неудовольствію бюро и тѣхъ, которые считали это за тактическую ошибку, собраніе признало, что формой правленія въ возстановленной Россіи должна быть легитимная монархія. Вопросъ о томъ, кто долженъ быть признанъ законнымъ претендентомъ на престолъ, при этомъ не возникалъ.

Тѣмъ временемъ бюро парламентской группы, въ составъ котораго вошли нѣкоторые покинувшіе Москву члены праваго центра, въ томъ числѣ Кривошеинъ, вновь возбудило вопросъ объ иностранной интервенціи. Составили между прочимъ перомъ Милюкова обращеніе ко всѣмъ державамъ, представители коихъ имѣлись въ Кіевѣ, среди коихъ консуловъ державъ согласія, разумѣется, не было. Въ обращеніи этомъ указывалось на всѣ безчинства, творимыя большевиками, и на ту міровую опасность, которую представляетъ большевизмъ, разжигающій наиболѣе низменные инстинкты человѣческой природы.

Разсчитывали при этомъ, tacitu consensu, преимущественно на германскую помощь, но открыто высказаться за германскую оріентацію никто не рѣшался. Милюковъ какіе то шаги, столь дорого ему впослѣдствіи обошедшіеся, предпринялъ въ этомъ направленіи, но всецѣло за свой страхъ и рискъ.

Исходъ международной войны въ Кіевѣ въ ту пору еще совершенно не выяснился. Занимавшая Украину, германская власть естественно распространяла и даже дозволяла оглашать только свѣдѣнія для Германіи благопріятныя. Однако и изъ нихъ выяснялось, что никакихъ рѣшительныхъ результатовъ Германія въ войнѣ не достигла. Съ другой стороны самое присутствіе германскихъ войскъ въ Кіевѣ и явная зависимость гетмана отъ Берлина внушали большую вѣру въ германскій успѣхъ. Тѣмъ не менѣе недавнее участіе Россіи въ войнѣ въ союзѣ съ Антантой и хозяйничанье нѣмцевъ на всемъ юго-западѣ Россіи препятствовали вѣрить въ искренность германскихъ заявленій, а тѣмъ болѣе желать ихъ торжества и вообще строить будущее Россіи на ихъ помощи. Въ частности, Кривошеинъ столь рѣши-

тельно высказывавшійся въ Москвѣ за соглашеніе съ Германіей, измѣнилъ свою точку зрѣнія. Онъ не могъ простить нѣмцамъ гибели царской семьи, спасти которую нѣмцы имѣли, по его мнѣнію, при желаніи полную возможность.

Послѣ образованія парламентскаго бюро, преимущественно его же стараніями, достигнуто было въ Кіевѣ и болѣе широкое объединеніе различныхъ политическихъ дѣятелей. Семь или девять, точно не помню, крупнѣйшихъ образовавшихся тамъ обще-русскихъ общественныхъ организацій, какъ то: земское, городское, промышленности, торговли и другія, связались между собой и образовали одинъ общій управительный органъ, наименовавъ его совѣтомъ государственнаго національнаго объединенія, предсѣдателемъ коего былъ выбранъ тотъ же баронъ Меллеръ- Закомельскій. Въ выборѣ этомъ сказалось общее настроеніе этого органа тождественное съ господствовавшимъ въ бюро парламентскаго комитета. Умѣренное въ своихъ убѣжденіяхъ и въ соотвѣтствіи съ этимъ нерѣшительное въ своей дѣятельности объединеніе это и его центральный органъ въ общемъ представляло неспособную къ героической работѣ мягкотѣлую русскую общественность. Какого либо пафоса, соотвѣтствующаго испытываемымъ родиной бѣдствіямъ, проявить оно не было въ состояніи, а потому и оказалось мертворожденнымъ. Монархисты въ душѣ, члены этого объединенія признавали, что развернуть монархическое знамя можно лишь при благопріятныхъ къ тому обстоятельствахъ, когда наступитъ увѣренность, что знамя это дѣйствительно объединитъ вокругъ себя могучую силу. Съ громомъ и грохотомъ, говорили сторонники этого мнѣнія, долженъ царскій лозунгъ прокатиться по Россіи; въ противномъ случаѣ можетъ случиться не распространеніе его, а наоборотъ развѣнчаніе. Провозглашеніе монархическаго начала безъ вызова немедленнаго сильнаго встрѣчнаго ему общественнаго теченія, по мнѣнію этихъ лицъ, могло на продолжительное время развѣнчать этотъ принципъ въ представленіи народныхъ массъ. Думается, что въ то время, при неизжитой еще населеніемъ вѣрѣ въ большевицкіе посулы, когда еще происходилъ захватъ и дѣлежъ чужого имущества, они были правы.

Не рѣшалось Кіевское объединеніе высказаться и по вопросу о «самостійной» Украинѣ. Сколь отрицательно ни относились къ хохломаніи съѣхавшіеся въ Кіевѣ русскіе политическіе дѣятели, сколь ни осмѣивали они въ частныхъ бесѣдахъ опереточный дворъ Скоропадскаго съ его украшенными «оселедцами» флигель-адъютантами, все же никакихъ выступленій противъ него они не предпринимали и, наоборотъ, готовы были его всемѣрно поддержать, вполнѣ сознавая что при данныхъ условіяхъ паденіе гетманской власти (въ случаѣ возможнаго ухода германскихъ войскъ, противъ наличія которыхъ поэтому тоже отнюдь не возставали) до свержения большевиковъ въ Москвѣ обратитъ и весь югъ Россіи въ большевицкій застѣнокъ.

Настроеніе народныхъ низовъ въ Кіевѣ было опредѣленно большевицкое и на базарахъ открыто велись разговоры на тему о распространеніи на Украину райскихъ, по ихъ представленію, условій народной жизни въ Совдепіи. Не лучше, если не хуже было настроеніе сельскихъ массъ, подвергавшихся усиленнымъ денежнымъ взысканіямъ при содѣйствіи германскихъ войскъ за учиненныя ими аграрныя безчинства.

Въ верхахъ наблюдалось другое. На ряду съ разнообразной спекуляціей и ловлей въ мутной водѣ наблюдалось неизмѣнно сопутствующее всѣмъ великимъ потрясеніямъ разложеніе нравовъ. Размножились игорные дома, гдѣ игра шла нерѣдко на огромныя суммы. Необезпеченность завтрашняго дня, легкая нажива, наконецъ, обезцѣненіе денежныхъ знаковъ, все побуждало къ широкимъ тратамъ. Рестораны были полны и за бутылку ликера платили не морщась сотни рублей. Женская честь превращалась въ предразсудокъ. Большевицкій духъ въ проявленіяхъ иного рода захватывалъ и высшіе слои русскаго народа.

Общественные русскіе дѣятели не утратили однако бодрости духа. Свои усилія они направили къ единственной по тому времени разумной цѣли — къ объединенію дѣятельности тѣхъ трехъ новыхъ политическихъ образованій, которыя народились въ предѣлахъ исконно русской части б. россійской имперіи — а именно Украины, Всевеликаго Дона и расположенной на Кубани Добровольческой арміи.

Къ сожалѣнію, къ этой мысли пришли не тотчасъ, а въ особенности не сразу принялись за ея дѣятельное осуществленіе. Между тѣмъ расколъ между національно настроенной добровольческой арміей и стоящей у власти въ Кіевѣ кучкой украинскихъ сепаратистовъ вліялъ роковымъ образомъ на достиженіе основной цѣли — освобожденіе Россіи отъ разрушающаго ее третьяго интернаціонала. Тому же едва ли не въ большей степени содѣйствовали какъ зависимость гетмана отъ германцевъ, вслѣдствіе чего даже ту незначительную помощь оружіемъ, которую онъ оказывалъ арміи Деникина, онъ вынужденъ былъ производить тайно, такъ въ особенности порождавшее это положеніе рѣзко анти-германское настроеніе добровольцевъ.

III.

Крушеніе Германіи. Поѣздка въ добровольческую армію. Ростовъ. Екатеринодаръ. Военные порядки. Недружелюбная встрѣча — ея причины. Политическое совѣщаніе при добровольческой арміи. Нѣкоторыя черты этой арміи. Новочеркасскъ. Атаманъ Красновъ.

Къ началу октября истинное положеніе Германіи стало выясняться и въ Кіевѣ. Телеграмма императора Вильгельма къ президенту сѣверо-американскихъ штатовъ съ просьбой о посредничествѣ съ державами согласія въ цѣляхъ заключенія мира окончательно раскрыла глаза тѣмъ, которые еще вѣрили, что Германія одолѣетъ въ поднятой ею міровой борьбѣ. Она ясно указывала, что война фактически пришла къ концу и что Антанта во всякомъ случаѣ не побѣждена. Однако, степень крушенія Германіи еще не опредѣлилась.

Что телеграмма Вильгельма знаменуетъ конецъ войны, было вполнѣ понятно и находившимся въ Кіевѣ германскимъ войскамъ, при чемъ тутъ же обнаружилось, насколько наиболѣе крѣпкія воинскія части Германіи, и притомъ находящіяся въ въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ въ отношеніи испытываемыхъ ими опасностей и лишеній, физически и нравственно устали.

Мнѣ случилось присутствовать при яркомъ проявленіи этого состоянія германскихъ воиновъ.

Весь верхній этажъ гостиницы Грандъ-Отель былъ занятъ германскимъ офицерствомъ. Вслѣдствіе этого у лѣстницы, ведущей въ этотъ этажъ, были поставлены парные часовые. Въ вечеръ оглашенія въ Кіевѣ упомянутой телеграммы Вильгельма, будучи въ этой гостиницѣ, я случайно присутствовалъ при разговорѣ этихъ часовыхъ съ какимъ то постороннимъ господиномъ. На вопросъ этого господина, довольны ли они телеграммой ихъ императора Вильсону, часовые, сойдя со своихъ мѣстъ и перебивая другъ-друга, горячо заявили, что войнѣ давно долженъ былъ быть положенъ конецъ, что дальнѣйшее веденіе ея просто невозможно. Längst genug, твердо сказали они, причемъ ихъ повидимому вовсе не интересовало, на какихъ условіяхъ будетъ заключенъ миръ; важно лишь одно — перестать драться и вернуться домой.

Настроеніе это безусловно владѣло большинствомъ нѣмецкаго воинства. Въ Кіевѣ оно проявилось между прочимъ въ томъ, что въ тотъ же вечеръ германскіе солдаты, высыпали во множествѣ на улицу и до поздней ночи шумно проявляли

свою радость по поводу акта, который въ ихъ представленіи былъ равнозначущъ прекращенію военныхъ дѣйствій. Ослабла тотчасъ и дисциплина: солдаты инстинктивно почувствовали, что исчезла та причина, которая оправдывала принятіе по отношенію къ нимъ суровыхъ дисциплинарныхъ мѣръ.

Примѣчательно, что чувство радости испытывали нѣмцы, фактически уже не участвовавшіе въ войнѣ и несомнѣнно чувствовавшіе себя побѣдителями и хозяевами въ покоренной ими странѣ. Что же должны были испытывать нѣмецкія войска на французскомъ фронтѣ, ежедневно подвергавшіяся опасности смерти.

Если до упомянутой телеграммы Вильгельма германскія, а тѣмъ болѣе австрійскія, войска уже представляли расшатанную силу, то послѣ нея они окончательно перестали обладать какой либо боеспособностью.

Все это, разумѣется, тотчасъ учли общественныя группировки Кіева и прежде всего бюро членовъ законодательныхъ палатъ. Бюро это признало настоятельно необходимымъ выяснить, сколь возможно скорѣе, отношеніе державъ согласія къ Россіи и образовавшимся въ ея предѣлахъ политическимъ новообразованіямъ.

Предвидя, что въ ближайшемъ будущемъ откроется возможность проѣзда въ Западную Европу, рѣшили нынѣ же намѣтить лицо, могущее войти въ сношеніе съ дипломатическими представителями державъ согласія. Остановились на нашемъ бывшемъ послѣ въ Вѣнѣ Н. Н. Шебеко, обладавшемъ надлежащимъ опытомъ и обширными по своей прежней дѣятельности связями въ западно-европейскихъ дипломатическихъ кругахъ. Одновременно рѣшили, что до поѣздки за границу делегированнаго лица ему слѣдуетъ съѣздить на Кубань въ штабъ добровольческой арміи и выяснить взгляды командованія арміи въ вопросахъ международныхъ.

Возникло отсюда и другое предположеніе, а именно воспользоваться этой поѣздкой, чтобы тѣснѣе связаться съ этой арміей, а также попытаться повліять на ея верхи, равно какъ на Донского Атамана, въ смыслѣ ихъ болѣе тѣснаго объединенія между собой, въ особенности же съ гетманскимъ правительствомъ.

Такое объединеніе, въ случаѣ все сильнѣе обнаруживавшагося развала Германіи, получало особое значеніе, и безнадежнымъ, казалось, нельзя было его признать. Гетманской власти, въ случаѣ крушенія Германіи, необходимо было искать другую опору, а могла она быть только въ лицѣ организованныхъ остатковъ былой русской государственности, т. е. Добровольческой арміи и Дона. Можно было думать, что и Добровольческая армія, наконецъ, уразумѣетъ, что въ основу международной политики должны быть положены не чувства, а сухой, черствый разсчетъ и что, чѣмъ вѣроятнѣе крушеніе Германіи, тѣмъ безопаснѣе для русскихъ интересовъ использовать еще сохранившіяся у нея силы для сверженія большевиковъ или хотя бы для образованія при ея содѣйствіи мощной военной силы на всемъ югѣ Россіи.

Дѣйствительно помощь Германіи въ дѣлѣ возстановленія Россіи могла быть опасной только въ случаѣ сохраненія ею своей мощи. Въ такомъ случаѣ она несомнѣнно оказала бы эту помощь лишь за дорогую цѣну и не преминула бы наложить на Россію свою тяжелую лапу. Побѣда Антанты эту опасность устраняла.

Думать, что державы согласія оцѣнятъ нашу Донъ-Кихотскую лойяльность и окажутъ намъ за нее реальную безкорыстную помощь, было болѣе чѣмъ наивно. Положеніе, занятое Англіей тотчасъ послѣ крушенія царской власти, хотя бы въ вопросѣ о проливахъ, давало мѣрку будущихъ отношеній къ намъ державъ согласія. Даже поверхностное знакомство съ исторіей учило тому, что Англія, если и оказывала когда либо помощь другимъ націямъ, то лишь во вредъ имъ, какъ она это дѣлала во время французской революціи, поддерживая французскихъ монархистовъ лишь настолько, чтобы не дать упрочиться въ странѣ порядку.

Впрочемъ, хотя исторія по выраженію Карамзина, являясь зерцаломъ прошлаго, служитъ наукой для будущаго, она еще никогда никого не научила, и государственная колесница неизмѣнно опрокидывается «кажинный разъ на томъ же мѣстѣ». Преслѣдуемое съѣхавшимися въ Кіевѣ общественными дѣятелями объединеніе русскихъ антибольшевицкихъ силъ было логически правильно, но тѣмъ самымъ совершенно недостижимо. Логика, вообще рѣдко отражающаяся въ людскихъ поступкахъ и отношеніяхъ, казалось совершенно перестала въ ту пору руководить людьми въ принимаемыхъ ими рѣшеніяхъ

Руководящимъ началомъ для главарей бѣлаго движенія стали болѣе чѣмъ когда либо овладѣвшіе ими разнообразныя страсти, партійныя домогательства и личныя вожделѣнія

Соревнованіе между возглавленіями трехъ зародышей возстановленной русской государственности, соревнованіе, основанное и на личныхъ соображеніяхъ и на разности политическихъ устремленій, не сулило какихъ-либо реальныхъ результатовъ инціативѣ группы лицъ, не обладающихъ какой либо силой и представляющихъ не столько обломки, сколько тѣни прошлаго

Сознавая все это, я тѣмъ не менѣе согласился поѣхать совмѣстно съ Шебеко въ Екатеринодаръ и Новочеркасскъ, но цѣль, которую я имѣлъ въ виду, была иная. До Кіева дошли опредѣленныя свѣдѣнія, что Добровольческая армія относится съ величайшей враждебностью ко всѣмъ чинамъ красной арміи и къ тѣмъ, которые когда либо въ ней числились, даже независимо отъ того, принимали ли они участіе въ борьбѣ съ бѣлыми, словомъ даже къ тѣмъ, которые правдами или неправдами отъ нея вырвались и стремились въ Добровольческую армію, какъ въ родную среду. Лицъ этихъ предавали суду и подчасъ выносили по отношенію къ нимъ суровые приговоры.

Между тѣмъ мнѣ, быть можетъ, ближе чѣмъ кому либо были извѣстны тѣ условія, при которыхъ многіе военные вступили въ красную армію, вступили нерѣдко противъ своего желанія, побуждаемые къ тому правымъ центромъ и даже генераломъ Брусиловымъ, — въ лойяльности котораго въ тѣ времена ни у кого не возникало ни малѣйшихъ сомнѣній, — основываясь на надеждѣ взорвать большевиковъ изнутри, создавъ собственную силу въ самомъ ихъ вооруженномъ станѣ.

Извѣстно было мнѣ и то, что многіе офицеры, вступивъ въ красную армію и ея штабы, при условіи, однако, что ихъ не заставятъ участвовать въ гражданской войнѣ, крайне тяготились своимъ положеніемъ, такъ какъ вскорѣ убѣдились, что оставаясь въ рядахъ красной арміи, никакихъ благихъ результатовъ для русскаго дѣла достигнуть невозможно, а не быть втянутымъ въ гражданскую войну немыслимо.

Если, тѣмъ не менѣе, вѣрное родинѣ офицерство продолжало въ теченіе нѣкотораго времени оставаться въ красной арміи, то опять таки по мною же передаваемымъ уговорамъ праваго центра, продолжавшаго надѣяться приблизительно до середины августа свергнуть большевиковъ въ Москвѣ при помощи военныхъ элементовъ.

Внѣдренію въ красную армію и ея штабы контръ-революціоннаго офицерства правый центръ придавалъ особое значеніе.

Такъ какъ я былъ единственнымъ посредникомъ между правымъ центромъ и наиболѣе видными и вліятельными представителями офицерства, вступившаго въ красную армію съ цѣлью борьбы съ большевизмомъ, то я и считалъ своимъ долгомъ, высказать все это лично командованію Добровольческой арміи, переименовавъ тѣхъ лицъ, съ которыми я былъ въ связи. Лица эти, попавъ въ Добровольческую

армію, могли уже въ свою очередь назвать другихъ офицеровъ, вступившихъ въ красную армію по тѣмъ же побужденіямъ, имена коихъ мнѣ не были извѣстны.

Имѣя въ виду эту вполнѣ конкретную и легко осуществимую цѣль, я и рѣшилъ пуститься въ не столько дальній, сколь долгій путь.

Оказалось, однако, что Россія не только разгромлена, но вдобавокъ еще раздѣлена и разграничена внутренними барьерами. Для проѣзда въ Екатеринодаръ нужно было проѣхать царство Донское, не впускавшее въ свои предѣлы безъ соотвѣтственнаго пропуска. Въ Кіевѣ, оказалось, имѣется спеціальный донской походный атаманъ Зимовой станицы — Черячукинъ, отъ котораго выдача подобныхъ пропусковъ зависѣла. Скрѣпя сердце, пришлось отправиться къ сему атаману, который за нѣкоторую, правда скромную, плату въ пользу Всевеликаго насъ съ Шебеко нужными пропусками и вооружилъ.

Наступилъ, наконецъ, и день отъѣзда. Это было 30-го октября (12-ое ноября). На Кіевскомъ вокзалѣ, поражавшемъ своей примитивностью и безобразіемъ — старый, промозглый, деревянный баракъ съ ничѣмъ не прикрытыми многочисленными путями — сгрудилась огромная толпа. Въ повалку лежали многія сотни людей, сплошь занявъ всѣ платформы, раздѣлявшія отдѣльные пути. Однако, въ вагонахъ относительный порядокъ и даже сносное освѣщеніе. Поѣзда идутъ по расписанію и безъ особаго опозданія, но пересадокъ на пути множество. Въ Екатеринославлѣ продолжительная остановка въ нѣсколько часовъ.

Идемъ въ городъ, производящій впечатлѣніе гнетущее. Еще недавно это былъ богатый, красивый и оживленный южный уголокъ. Городской садъ, бывало, переполненный публикой, заполнявшей его многочисленные рестораны, заброшенъ и пустъ. На улицахъ какіе то сѣрые типы: не то завтрашніе грабители, не то опасающіеся быть завтра ограбленными. Магазины достаточно пусты, и лишь съѣстные припасы все еще въ изобиліи въ особенности на нашъ взглядъ, не забывшій еще совѣтской нищеты.

Ѣдемъ дальше, но чѣмъ дальше, тѣмъ тише и все съ болѣе продолжительными остановками. На границѣ Всевеликаго — какая то незначительная станція, превратившаяся въ пограничную — проводимъ долгіе часы и, наконецъ, на третій день утромъ достигаемъ Ростова. Отсюда поѣздъ уходитъ въ Екатеринодаръ лишь вечеромъ, а потому ѣдемъ въ городъ.

Богатый, торговый приморскій городъ уже испыталъ множество злоключеній и носитъ ихъ ясные слѣды. Однако, гостиницы переполнены и намъ лишь съ трудомъ удается заполучить номеръ, почти лишенный меблировки въ вѣроятно еще недавно, судя по размѣрамъ, первоклассной гостиницѣ, нынѣ грязной и запущенной. Старыя многолѣтнія привычки къ чистотѣ и роскоши еще не изжиты и вся обстановка рѣжетъ глазъ и дѣйствуетъ на нервы.

Весь городъ имѣетъ какой то не только непривлекательный, но и сонный, мертвенный видъ. На всемъ лежитъ печать унынія и заброшенности. Жизнь очевидно замерла, и темпъ ея совершенно не соотвѣтствуетъ широкимъ улицамъ и окаймляющимъ ихъ многоэтажнымъ домамъ. Безъ сожалѣнія покидаемъ къ вечеру городъ и заблаговременно забираемся на вокзалъ — не въ примѣръ Кіевскому — огромный и роскошный. Здѣсь жизнь кипитъ во всю. Пассажирская толпа производитъ впечатлѣніе людей, спасающихся отъ землетрясенія. Большинство очевидно люди, сорванные съ многолѣтнихъ якорей и направляющіеся, куда глаза глядятъ, безъ опредѣленнаго назначенія и цѣли: то спугнутые съ насиженныхъ мѣстъ бѣженцы изъ коммунистическаго рая.

Раздобывъ — о счастье — спальныя мѣста, погружаемся въ поѣздъ, который къ полудню слѣдующаго дня доставляетъ насъ въ Екатеринодаръ.

Тутъ новое затрудненіе. Уже по дорогѣ узнали, что Екатеринодаръ переполненъ, въ гостиницахъ нѣтъ ни уголка, а свободныя помѣщенія въ частныхъ домахъ на учетѣ и реквизированы управленіемъ арміи. Рѣшаемъ ѣхать въ комендантское управленіе, будто вѣдающее реквизированными комнатами.

Здѣсь первая встрѣча съ Добровольческой арміей, ея порядками и пріемами.

— «Да, какъ же, мы вѣдаемъ распредѣленіемъ помѣщеній, но, въ сущности, такихъ нѣтъ. Впрочемъ, гдѣ то есть списокъ свободныхъ комнатъ».

Ищутъ, не безъ труда находятъ какой то почти сплошь перечеркнутый листъ съ перечисленіемъ взятыхъ на учетъ помѣщеній, чтеніе котораго прерывается заявленіями отдѣльныхъ лицъ, что либо помѣщеніе уже занято, либо вообще ошибочно помѣщено въ списокъ.

Невольно напрашивается сравненіе съ порядками, заведенными нѣмцами въ чужомъ имъ городѣ Кіевѣ; тамъ имѣются четкія надписи, указывающія, гдѣ находятся помѣщенія, предназначенныя для прибывающихъ на побывку въ Кіевъ нѣмецкихъ офицеровъ и солдатъ и даже опредѣляющія ихъ разстояніе въ минутахъ пѣшаго хода.

Выбираютъ наконецъ 4-5 адресовъ и любезно командируютъ съ ними плацъ-адъютанта для отвода того, что окажется сколько нибудь подходящимъ. Ѣдемъ втроемъ въ обширной коляскѣ, запряженной парой добрыхъ выкормковъ — обыкновенный типъ мѣстныхъ извозчиковъ. Въ Екатеринодарѣ, какъ на всемъ богатомъ конскимъ матеріаломъ югѣ Россіи, всѣ извозчики парные, и эта былая роскошь какимъ то чудомъ еще сохранилась.

Ѣдемъ по городу изъ конца въ конецъ по его широчайшимъ, окаймленнымъ низкими двухъэтажными домиками улицамъ, ѣдемъ долго и упорно: гдѣ помѣщеніе уже занято — кѣмъ неизвѣстно, гдѣ его вообще никогда не было, а гдѣ оно состоитъ изъ неотапливаемой и совершенно пустой компаты.

Извозчикъ нашъ начинаетъ ворчать, а плацъ-адъютантъ на какой то площади соскакиваетъ на мостовую, говоря съ милой улыбкой: «вы видите сами — ничего нѣтъ», и мигомъ исчезаетъ.

Положеніе становится трагическимъ. День, хотя и погожій, но на дворѣ ноябрь и мы порядочно продрогли. Но судьба лишь рѣдко оставляетъ людей въ безвыходномъ положеніи. Ѣдемъ на главную улицу, издавна именуемую Красной, очевидно, не въ честь излюбленнаго большевиками цвѣта, а чтобы отмѣтить ея предполагаемую красоту, и случайно натыкаемся на знакомаго Шебеко, который сейчасъ берется насъ устроить въ домѣ и семьѣ знакомаго ему мѣстнаго присяжнаго повѣреннаго. Семья оказывается на рѣдкость гостепріимной и немедленно насъ устраиваетъ въ кабинетѣ хозяина.

Итакъ, первое достигнуто — кровъ есть. Спѣшимъ почиститься съ дороги и пойти на розыски мѣстопребыванія предержащихъ властей. Оказывается, однако, что главнокомандующій Деникинъ на фронтѣ, гдѣ происходятъ въ районѣ Торговой упорные бои, и неизвѣстно, когда вернется; гражданскими дѣлами вѣдаетъ его помощникъ по этой части генералъ М. Драгомировъ, состоящій одновременно предсѣдателемъ образованнаго при арміи политическаго совѣщанія, составленнаго изъ общественныхъ дѣятелей, преимущественно кадетской партіи.

Военнымъ дѣломъ, на правахъ военнаго министра, вѣдалъ генералъ А. С. Лукомскій. Послѣдняго я зналъ въ Петроградѣ, когда онъ, въ качествѣ помощника военнаго министра Поливанова, часто его замѣщалъ на креслѣ предсѣдателя осо-

баго совѣщанія по оборонѣ, при чемъ велъ его засѣданія съ большимъ тактомъ и знаніемъ дѣла. Къ нему я первымъ дѣломъ и отправился, при чемъ тотчасъ убѣдился въ полнѣйшей безполезности нашей поѣздки въ отношеніи намѣченной цѣли.

Получилъ я тутъ же и образчикъ того, что представляетъ Добровольческая армія, какъ относительно характера господствующей въ ней воинской дисциплины, такъ и нѣкоторыхъ ея внутреннихъ чертъ.

Образчикъ перваго давалъ часовой, находившійся на площадкѣ лѣстницы, ведущей въ помѣщеніе, занимаемое управленіемъ арміи. Часовой этотъ отнюдь не стоялъ на часахъ, а расположился на находившемся на этой площадкѣ рундукѣ, положивъ ружье себѣ на колѣни; на этомъ же рундукѣ рядомъ, на сколько это позволяло покоющееся на колѣняхъ солдата ружье, далеко выдающееся въ одну сторону прикладомъ, а въ другую примкнутымъ штыкомъ, расположилось нѣсколько дожидавшихся пріема офицеровъ.

Образчикъ второго давала пріемная генерала. Она была переполнена военными различныхъ чиновъ: тутъ были и старые генералы и почти безусые поручики, а среди нихъ порхалъ типичный, столь извѣстный петербургскимъ пріемнымъ крупныхъ военныхъ чиновъ — адъютантъ. Одинъ онъ обращалъ любезныя фамильярныя улыбки, другимъ исполненныя специфической военной корректности, смѣшанной съ выраженіемъ неподдающейся описанію собственной значительности, краткія реплики.

Итакъ, съ одной стороны отсутствіе элементарной военной дисциплины, а съ другой всѣ старые порядки, столь ярко описанные Толстымъ въ «Войнѣ и Мирѣ», при которыхъ маленькій военный чинъ центра или тыла чувствовалъ себя и фактически былъ выше старыхъ заслуженныхъ воиновъ, служащихъ въ строю или вообще на фронтѣ.

Что касается моего разговора съ Лукомскимъ, то онъ былъ кратокъ, такъ какъ я съ первыхъ словъ почувствовалъ не только враждебность къ тѣмъ идеямъ, которыя мы были посланы проводить (единеніе съ Украиной и Дономъ), но и нѣкоторую досаду по поводу самаго нашего пріѣзда.

Досада эта, насколько я могъ понять, была вызвана разными причинами. Во-первыхъ, вліяло въ этомъ отношеніи то обстоятельство, что въ центрѣ добровольческой арміи чуть не ежедневно появлялись самыя разнообразныя лица, причемъ всѣ преподавали совѣты, подчасъ излагаемые въ императивной, категорической формѣ, при неисполненіи которыхъ, по ихъ утвержденію, всѣ усилія арміи будутъ безплодны. Одновременно большинство этихъ лицъ стремилось такъ или иначе пристроиться къ управленію при арміи, обезпечивъ себѣ тѣмъ самымъ, хотя и скудныя, но все же достаточныя для существованія средства.

Но были, думается, и особыя причины, по которымъ управленіе арміей смотрѣло съ досадой на нашъ съ Шебеко пріѣздъ. Мы представляли, по условіямъ времени, какъ ихъ понимало командованіе арміи, слишкомъ правые элементы, всякая связь съ которыми была компрометантна. Управленіе арміей, провозгласившее принципъ аполитизма, на дѣлѣ въ политическомъ отношеніи было подъ гипнозомъ кадетской партіи въ лицѣ тѣхъ же ея видныхъ членовъ, которые не погубили своей репутаціи участіемъ во временномъ правительствѣ и нынѣ входили въ составъ образованнаго при арміи политическаго совѣщанія. Отдѣльные члены этого совѣщанія завѣдывали на правахъ министровъ различными отраслями гражданскаго управленія.

Любопытно, что при этомъ само командованіе арміи было опредѣленно праваго образа мыслей и даже не было склонно его мѣнять, но мыслило оно нужнымъ проводить правыя мѣропріятія хотя бы относительно лѣвыми руками.

Съ своей стороны собравшіеся къ Екатеринодарѣ кадеты были озабочены прежде всего захватомъ власти въ свои руки. Не обладали они однако какимъ либо административнымъ опытомъ и совершенно не постигали, что власть вовсе не такая особа, которая принадлежитъ всякому, кому она формально вручена.

Главное же опасеніе лицъ, такъ или иначе достигшихъ участія въ гражданскомъ управленіи, образованномъ при арміи, которое не сегодня — завтра превратится во всероссійское правительство, состояло въ томъ, какъ бы къ этой власти не проникли представители стараго режима. Это опасеніе, близкое къ чувству страха, они стремились внушить командованію арміи. «Вы, де, уже сами по себѣ, говорили они, въ качествѣ генераловъ прежней императорской арміи, достаточно подозрительны населенію, свергнувшему старый строй. Чтобы быть пріемлемыми для страны, вы должны окружить себя опредѣленно прогрессивными элементами того единственнаго толка, который, будучи любъ населенію, одновременно обладаетъ государственнымъ пониманіемъ народныхъ интересовъ. Подобнымъ элементомъ являемся единственно мы, ибо мы и только мы можемъ провести крупныя соціальныя реформы, настоятельно требуемыя населеніемъ. Правые такихъ реформъ никогда не осуществятъ, а лѣвые осуществятъ ихъ въ такой мѣрѣ и такими способами, которые не совмѣстимы съ условіями существованія современныхъ человѣческихъ обществъ».

Отрицать внѣшнюю справедливость подобныхъ заявленій едва ли можно. Упускалась лишь изъ виду малая пригодность для административной дѣятельности, въ особенности въ создавшихся чрезвычайныхъ условіяхъ, сосредоточившагося при арміи общественнаго элемента. Это были политики, а нужны были техники и это тѣмъ болѣе, что для большинства населенія вопросъ сводился уже въ ту пору не къ осуществленію соціальныхъ реформъ, а къ водворенію въ странѣ тишины и спокойствія, т. е. такихъ условій, при которыхъ оно могло бы вернуться къ своимъ мирнымъ занятіямъ, не имѣя надъ собой постоянной угрозы разоренія и физическаго насилія[1]).

Что касается мысли о тѣснѣйшемъ объединеніи съ Дономъ и Украиной, то она была въ то время для Добровольческой арміи совершенно непріемлема. Только что выяснилось торжество державъ согласія надъ австро-германскими полчищами. Объединяться при такихъ условіяхъ съ созданной германской силой и на ней держащейся Украиной и поддерживавшимъ дружественныя сношенія съ Германіей Дономъ не было, казалось, никакого смысла.

Особенной враждебностью отличалось отношеніе Добровольческой арміи къ Донскому атаману. Чѣмъ оно было вызвано, мы, конечно, не могли выяснить, но сказывалось оно не только опредѣленно, но и рѣзко. Лукомскій мнѣ даже сказалъ, что отъ арміи всецѣло зависитъ смѣнить атамана Краснова и посадить на его мѣсто генерала Богаевскаго. «Это дѣло 24 часовъ, прибавилъ Лукомскій, и возможно, что мы къ этому прибѣгнемъ».

Управленіе арміи собиралось пожать плоды столь ревниво соблюдавшейся ею лойяльности къ союзникамъ, и пребывала въ наивной, но твердой увѣренности, что державы Антанты не преминутъ оказать неограниченную помощь той Россіи, которую она представляла, Россіи — вѣрной союзницѣ въ міровой войнѣ, въ

---

[1] Именно въ качествѣ представителей порядка встрѣчало населеніе съ восторгомъ Добровольческую армію при ея продвиженіи лѣтомъ 1919 года къ Москвѣ, а провожало оно ее при обратномъ отступленіи не только безъ огорченія, но едва ли не съ радостью, такъ какъ вполнѣ въ своихъ надеждахъ разочаровалось.

теченіе трехъ лѣтъ оказавшей имъ цѣною огромныхъ жертвъ не малую по мощь[1]).

На союзниковъ командованіе арміи разсчитывало, исходя кромѣ того изъ положенія, казавшагося для многихъ непреложнымъ, что Западъ не преминетъ оказать поддержку той силѣ, которая, низвергнувъ монархію, заявитъ твердое намѣреніе установить въ Россіи родственный ему либерально демократическій строй.

Соображеніе это убѣждало командованіе арміи и рѣшительно отстраняться отъ сколько нибудь правыхъ общественныхъ элементовъ, такъ какъ самая помощь Антанты ставилась ею въ зависимость отъ степени демократичности политическихъ противниковъ большевизма.

Надо признать, что соображеніе это въ то время было правильное. Западъ, подразумѣвая подъ нимъ Францію, дѣйствительно охотнѣе бы оказалъ помощь представителямъ февральскаго переворота, нежели сторонникамъ стараго строя. Положеніе это учитывали и монархисты; въ соотвѣтствіи съ этимъ они отчасти перелицевывались въ демократовъ, воздерживаясь отъ провозглашенія своихъ монархическихъ убѣжденій, отчасти отстранялись отъ политической работы, и сами выдвигали впередъ представителей буржуазной демократіи.

Тѣмъ не менѣе безнадежность успѣха бѣлаго движенія послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Екатеринодарѣ для меня стала очевидной. Неопытность еще вчера чуждыхъ всякой политики и плохо въ ней разбиравшихся начальниковъ второстепенныхъ по значенію воинскихъ единицъ сказывалась и въ ихъ словахъ, и въ дѣйствіяхъ. Особенно ярко она проступала въ томъ весьма сложномъ положеніи, которое создалось для Добровольческой арміи вслѣдствіе отсутствія у нея собственной территоріи.

---

[1]) Взглядъ этотъ, какъ я уже упомянулъ, свидѣтельствовалъ о маломъ знакомствѣ этихъ вождей съ исторіей, хотя бы за послѣдній вѣкъ. Въ то время онъ все же былъ понятенъ и психологически, пожалуй, неизбѣженъ. Еще слишкомъ недавно вожди Добровольческой арміи видѣли въ германцахъ непримиримыхъ враговъ Россіи, чтобы вступить съ ними въ какія-либо договорныя отношенія. Брестъ-Литовскій миръ, присутствіе германцевъ на Украинѣ и даже на всемъ югѣ Россіи, наконецъ уже вполнѣ обнаружившееся дѣятельное участіе Германіи въ дѣлѣ насажденія большевизма въ Россіи, не могли вызывать къ нимъ иныхъ чувствъ, кромѣ ненависти и крайняго недовѣрія, хотя, разумѣется, никто о любви къ нѣмцамъ не говорилъ, а имѣли въ виду ихъ использовать въ качествѣ оружія для сверженія большевиковъ цѣною отказа отъ всякой попытки дальнѣйшей помощи союзникамъ, помощи, которой, кстати сказать, Россія не имѣла никакой возможности оказать. Но повторяю, всѣ эти чувства къ Германіи со стороны вождей Добровольческой арміи были въ то время понятны. Предъявлять къ нимъ, чуждымъ въ ихъ прошлой, узко военной дѣятельности всякаго государственнаго опыта, требованіе обладать умомъ и способностями Талейрана просто смѣшно. Но когда нынѣ по прошествіи многихъ лѣтъ одинъ изъ вождей этой арміи генералъ Деникинъ въ своихъ «Очеркахъ русской смуты» продолжаетъ поддерживать тотъ взглядъ, что никакія соглашенія съ Германіей въ ту пору не были допустимы, и клеймитъ Донского атамана Краснова за то, что онъ поддерживалъ дружественныя сношенія съ Германіей, хотя благодаря этимъ сношеніямъ Добровольческая армія черезъ посредство того же Краснова получила отъ нѣмцевъ часть своего вооруженія и боевыхъ припасовъ, то перестаешь удивляться тому, что Добровольческой арміи, невзирая на всю ея доблесть, не удалось свергнуть большевиковъ.

Дѣйствительно, послѣ всѣхъ дѣйствій «союзниковъ» по отношенію къ Россіи за истекшія со времени прекращенія войны годы, послѣ того, какъ эти же союзники единственнымъ препятствіемъ къ соглашенію съ большевиками признавали отрицаніе ими заключенныхъ русскимъ государствомъ иностранныхъ долговъ и нежеланіе вернуть иностранцамъ отнятыя ими у нихъ недвижимыя имущества, самый же фактъ заключенія большевиками преждевременнаго мира съ Германіей, имѣвшаго дѣйствительно характеръ предательства, не ставится имъ вовсе въ вину и либо замалчивается, либо даже перекидывается на былую государственную Россію, то, казалось бы, можно придти къ выводу, что отказъ отъ всякихъ переговоровъ съ Германіей со стороны вождей Добровольческой арміи былъ поступкомъ, основаннымъ на благородствѣ, но политически ошибочнымъ.

Установить прочныя нормальныя отношенія къ Кубани и ея правительству можно было двумя способами: либо насильственнымъ подавленіемъ кубанскаго сепаратизма и завладѣніемъ всей полнотой власти въ краѣ, либо, наоборотъ, полнымъ невмѣшательствомъ въ дѣла мѣстнаго гражданскаго управленія и хотя бы временнымъ, но безоговорочнымъ признаніемъ ея политической самостоятельности.

Избрали средній путь и естественно запутались въ политическихъ компромиссахъ, что и привело къ постепенному обостренію отношеній между арміей и кубанскими мѣстными властями.

Да, Деникинъ, Лукомскій, Драгомировъ и ихъ предшественники Алексѣевъ и доблестный Корниловъ это — лучшее въ смыслѣ горячаго патріотизма и дѣйственной энергіи, что выставила императорская армія послѣ крушенія монархіи, но, увы, это лучшее, въ смыслѣ разумѣнія міровыхъ событій, въ отношеніи организаціи національно-русскаго ядра, представляло силу, хотя и незаурядную, но тѣмъ не менѣе не отвѣчающую тѣмъ исключительнымъ требованіямъ, которыя предъявляли чрезвычайныя событія. Событія были сильнѣе ихъ: они требовали людей, быть можетъ, и менѣе горячо любящихъ родину, менѣе беззавѣтно преданныхъ дѣлу, которому они себя посвятили, но глубже понимающихъ истинный смыслъ совершающагося, болѣе искушенныхъ въ политическихъ хитросплетеніяхъ. «Das politische Lied ist ein eckiges Lied».

Въ вопросѣ объ объединеніи съ Дономъ и Украиной и сближеніемъ съ Германіей вожди Добровольческой арміи не понимали, что смыслъ его состоялъ въ томъ, чтобы воспользоваться уже несомнѣнно приближавшимся къ концу пребываніемъ германскихъ войскъ въ предѣлахъ Россіи и при ихъ помощи создать мощную военную русскую силу, хотя бы въ смыслѣ имѣющагося у нея вооруженія за счетъ того военнаго матеріала, который югъ Россіи еще заключалъ и который при иныхъ условіяхъ неизбѣжно долженъ былъ попасть въ руки большевиковъ, какъ это вскорѣ и произошло.

Если военный элементъ арміи и не былъ на высотѣ стоявшей передъ ней труднѣйшей задачи, то не проницательнѣе были и избранные арміей въ ея политическіе руководители второстепенные члены партіи, только что испытавшей политическое пораженіе въ лицѣ составившихъ временное правительство духовныхъ ея вождей.

Ни тѣ, ни другіе не оцѣнивали въ достаточной степени силы большевизма. Гибель въ ближайшемъ будущемъ большевиковъ для нихъ была внѣ сомнѣнія, а потому они не только не искали союзниковъ и сотрудниковъ внѣ тѣснаго круга уже такъ или иначе прилѣпившихся къ арміи, а наоборотъ чурались подобнаго сотрудничества.

Степени нежеланія собравшихся въ Екатеринодарѣ членовъ кадетской партіи расширить свой кругъ яркій примѣръ дало ихъ отношеніе къ побывавшему тамъ, передъ самымъ нашимъ пріѣздомъ, Милюкову. Подъ предлогомъ все той же проявленной имъ германской оріентаціи, которую, кстати сказать, они же и раздули, они вынудили Милюкова тотчасъ уѣхать изъ центра арміи, естественно опасаясь, что въ его присутствіи ихъ авторитетъ и значеніе тотчасъ поблекнутъ.

Что касается соглашенія съ другими, враждебными большевизму русскими общественными силами, то они его рѣшительно отвергали. Дѣлиться властью съ кѣмъ либо они отнюдь не желали. Не малую роль игралъ тутъ и страхъ утратить тѣ «завоеванія революціи», которыя привели ихъ не столько къ власти, сколько къ видимости власти.

Въ порядкѣ борьбы съ большевизмомъ демагогія казалась имъ по прежнему главнымъ ихъ козыремъ, выигрышнымъ конемъ, и они не понимали, что на этомъ ри-

сталищѣ они своихъ противниковъ никоимъ образомъ обскакать не могутъ, что больше посуловъ, нежели надавали большевики, никто дать не можетъ.

Они хотѣли плыть по тому теченію, по которому плыли большевики, не обладая ни той вѣрой въ это теченіе, которой вдохновлялись идейные вожди большевизма, ни той безпринципной аморальной дерзостью, которая составляетъ основную силу большевизма, его отличительный признакъ, самую его сущность.

Получалось такое странное положеніе, что бѣлое движеніе не противопоставляло лозунговъ, обратныхъ большевицкимъ, а принимало его же лозунги, но въ окороченномъ, куцомъ видѣ.

Большевики обѣщали в с е. Бѣлые шли съ обѣщаніемъ части того же в с е. Но еще не видано, чтобы кто либо предпочелъ часть чего либо его цѣлому, если только это цѣлое признается за благо; не видано въ особенности для русской природы, неизмѣнно добивающейся чего то въ его интегральномъ видѣ. Ужъ если забирать чужое добро, то все, а не часть его, ужъ если попирать чужія права, то всѣ, а не часть ихъ. Ужъ если измѣнять существующій соціальный строй, то до корня, а не только нѣкоторыя его внѣшнія проявленія.

Мое первое впечатлѣніе, вынесенное изъ разговора съ Лукомскимъ, по мѣрѣ ознакомленія съ общей обстановкой въ Екатеринодарѣ и фигурировавшими тамъ на политической сценѣ личностями, лишь укрѣпилось. Насъ опасались рѣшительно всѣ и желали лишь одного — нашего скорѣйшаго отъѣзда. Не встрѣчало сочувствія и привезенное нами изъ Кіева предположеніе объ установленіи постоянной связи между образовавшимся въ Кіевѣ совѣтомъ національнаго объединенія, включавшаго однако многихъ представителей той же кадетской партіи и Добровольческой арміи.

Возникло, повидимому, опасеніе, что связь даже съ чисто русскими организаціями, коль скоро онѣ находятся въ Кіевѣ, затемнитъ бѣлыя ризы Добровольческой арміи въ смыслѣ ея вѣрности союзникамъ въ виду того, что Кіевъ находится въ сферѣ германской оккупаціи.

Драгомировъ старался даже опорочить значеніе образовавшагося въ Кіевѣ совѣта объединенія, а въ частности и того объединенія членовъ законодательныхъ палатъ, отъ котораго мы были посланы, указывая на то, что въ нашей средѣ нѣтъ даже б. предсѣдателя государственной думы — Родзянко. Заявленіе это было довольно неожиданное: Родзянко проживалъ въ это время въ Екатеринодарѣ, но армія его всячески чуралась и ни въ какія сношенія съ нимъ не входила. Мы не преминули указать на это странное противорѣчіе: съ одной стороны Родзянко непріемлемъ, съ другой — его отсутствіе въ составѣ парламентской группы лишаетъ эту группу значенія.

При нашихъ разговорахъ съ Драгомировымъ дважды присутствовалъ только что вызванный изъ Крыма для завѣдыванія внѣшними сношеніями С. Д. Сазоновъ, но за все время не обронилъ онъ ни единаго слова; стороной же мы узнали, что Сазоновъ, искони пропитанный англофильскими чувствами, тоже высказывался противъ объединенія съ Украиной и Дономъ, какъ находящимися въ сношеніяхъ съ Германіей.

Высказывался онъ, повидимому, и противъ установленія связи съ Кіевскимъ совѣтомъ объединенія, видя въ немъ организацію слишкомъ правую. Выказалъ при этомъ Сазоновъ большую незлобивость. Смѣщенный съ поста посла въ Великобританіи (на который онъ былъ назначенъ царскимъ правительствомъ, но фактически занятъ который до наступленія революціи не успѣлъ) тѣмъ самымъ Милюковымъ, котораго онъ же такъ лелѣялъ въ бытность министромъ иностранныхъ дѣлъ, онъ остался однако вѣренъ своимъ кадетскимъ симпатіямъ и очевидно полагалъ воз-

можнымъ возсоздать разрушенную россійскую храмину одними кадетскими руками.

Не встрѣтили мы союзника въ вопросѣ о сближеніи съ Украиной и въ лицѣ В. В. Шульгина. Весь сотканный изъ чувствъ, онъ не могъ переварить присутствія въ родномъ ему Кіевѣ германцевъ и ихъ ставленника гетмана, а посему рѣзко возражалъ противъ всякихъ сношеній съ нимъ.

Единственное лицо изъ политическаго міра, которое раздѣляло наши взгляды, былъ Н. Н. Львовъ. Онъ издавалъ въ Екатеринодарѣ газету «Великая Россія», обладалъ значительно болѣе широкимъ политическимъ горизонтомъ и вполнѣ сознавалъ, что присутствіе большевиковъ въ ту пору въ Москвѣ зиждилось не на ихъ силѣ, а на безсиліи русскихъ государственно настроенныхъ организацій, происходящемъ отъ раздробленности.

Въ конечномъ результатѣ все же удалось сговориться на томъ, что въ Екатеринодаръ будетъ послана постоянная делегація отъ Кіевскаго совѣта національнаго объединенія, при условіи однако, чтобы совѣтъ этотъ перенесъ свое мѣстопребываніе въ какой либо иной центръ, находящійся внѣ мѣста пребыванія германскаго командованія. Впослѣдствіи это и было осуществлено. Совѣтъ національнаго объединенія съ занятіемъ Кіева петлюровцами силою вещей переѣхалъ въ Одессу, и отъ него были делегированы въ Екатеринодаръ бар. Меллеръ и б. членъ государственной думы Н. В. Савичъ, который и вошелъ въ составъ политическаго при арміи совѣщанія и оставался въ немъ до конца его существованія.

Пытались мы сговориться и съ находящимися въ Екатеринодарѣ представителями кадетской партіи, но, кромѣ обоюднаго безплоднаго упражненія въ діалектикѣ, ничего не достигли.

Если политическая обстановка въ Екатеринодарѣ произвела на насъ неблагопріятное впечатлѣніе въ особенности вслѣдствіе столь ярко проявившихся тамъ личныхъ честолюбій, то не радовало и то, что доходило съ фронта, хотя это былъ періодъ боевыхъ успѣховъ добровольцевъ.

Въ особенности тяжелое впечатлѣніе произвело на меня сказанное мнѣ однажды Лукомскимъ.

Зайдя къ нему, чтобы узнать какія вѣсти съ фронта, гдѣ велись упорные бои, насколько помнится, по направленію къ Царицыну, я узналъ, что вѣсти вполнѣ хорошія — между прочимъ взято въ плѣнъ что то около пятисотъ человѣкъ.

— «Развѣ это такъ много?» спросилъ я.

— «Очень. Вѣдь мы плѣнныхъ не беремъ. Это обозначаетъ, что руки рубить устали», и тутъ же добавилъ: «мы этому, конечно, не сочувствуемъ и стараемся препятствовать, но озлобленіе среди нашихъ войскъ столь сильно, что ничего въ этомъ отношеніи подѣлать нельзя».

Признаюсь, я удивился такому заявленію, но когда черезъ нѣсколько дней увидѣлъ на вокзалѣ взятаго донцами въ плѣнъ командовавшаго какой то большевицкой частью генерала Н. (преданный суду онъ впослѣдствіи былъ оправданъ), то испыталъ чувство столь невыразимо-сильнаго отвращенія къ этому незнакомому мнѣ лицу, что вполнѣ понялъ тѣ чувства, которыя не могли не испытывать по отношенію къ большевикамъ добровольцы, ежедневно видѣвшіе творимые ими ужасы.

Боевого офицерства мы въ Екатеринодарѣ, конечно, почти не видѣли. Однако, несмотря на удаленность отъ боевого фронта, Екатеринодаръ былъ переполненъ офицерствомъ, къ сожалѣнію не только бѣдно, но и неряшливо одѣтымъ. Офицерство это между прочимъ особенно охотно посѣщало кондитерскую, находившуюся на Красной улицѣ. Здѣсь можно было за нимъ наблюдать чуть ли не въ любой часъ

дня. Прислушиваясь здѣсь къ разговорамъ и присматриваясь къ офицерству, у меня прежде всего создалось впечатлѣніе не столько нѣкоторой разнузданности, сколько кустарности добровольческой организаціи.

Впечатлѣніе это еще усилилось, когда я узналъ отъ радостно настроеннаго Шульгина, что только что прибылъ офицеръ, принадлежащій къ какой то конспиративной организаціи, которой Шульгинъ завѣдывалъ, и привезъ въ чемоданѣ часть пулемета, говоря, что остальную его часть на дняхъ привезетъ другой офицеръ. Если армія вынуждена пополнять свое вооруженіе такимъ путемъ, подумалъ я, то далеко она не уйдетъ, и одновременно еще выше оцѣнилъ, еще больше проникся уваженіемъ къ неоспоримой доблести составлявшихъ армію элементовъ, но вѣра въ успѣхъ предпріятія еще болѣе ослабѣла.

Не достигши никакихъ реальныхъ результатовъ, какъ это легко было предвидѣть заранѣе, двинулись мы послѣ десятидневнаго пребыванія въ Екатеринодарѣ въ обратный путь. Вынудили насъ ускорить нашъ отъѣздъ полученныя нами тревожныя свѣдѣнія о положеніи Кіева, гдѣ остались наши семьи. Спѣша въ виду этого въ Кіевъ, мы могли заѣхать по пути въ Новочеркасскъ лишь на одинъ день. При татакихъ условіяхъ наши впечатлѣнія о Новочеркасскѣ могли быть лишь мимолетными и тѣмъ не менѣе они были вполнѣ опредѣленныя.

Съ самаго момента пріѣзда въ Новочеркасскъ мы почувствовали себя въ иной атмосферѣ — въ атмосферѣ спокойствія и нормальной, скажу прямо, прежней русской жизни. Начиная съ вокзала желѣзной дороги, гдѣ царствовалъ отмѣнный порядокъ, и продолжая извозчикомъ, который безъ торга, по установленной таксѣ повезъ насъ къ атаманскому дворцу куда мы непосредственно отправились — все отражало присутствіе твердой хозяйской руки. У двора стояли парные часовые, и одинъ ихъ наружный видъ свидѣтельствовалъ о наличности старой воинской дисциплины. Самый дворецъ послѣ Екатеринодарскихъ загрязненныхъ присутственныхъ мѣстъ поражалъ своей чистотой и опрятностью. Большой залъ засѣданій былъ увѣшанъ писаными масляными красками портретами русскихъ императоровъ и б. наказныхъ атамановъ войска Донского. Глава Всевеликаго Дона очевидно не чурался прошлаго.

Къ намъ вышелъ корректный, вѣжливый офицеръ, вѣроятно, ординарецъ атамана, и объяснилъ, что атаманъ сейчасъ занятъ въ совѣтѣ, а на наше заявленіе, что мы вынуждены въ тотъ же день уѣхать и посему желали бы видѣть генерала Краснова сегодня же, сказалъ, что тотчасъ же доложитъ атаману о нашемъ желаніи. Дѣйствительно черезъ нѣсколько минутъ офицеръ вернулся и сказалъ, что атаманъ насъ приметъ въ семь часовъ вечера. Все это мелочи, но они характеризовали тонъ мѣстнаго управленія.

Мы воспользовались свободнымъ временемъ, чтобы пообѣдать въ лучшей, но довольно скромной гостиницѣ, гдѣ за весьма умѣренную, по сравненію съ Екатеринодарскими, цѣну мы получили сытный обѣдъ.

Въ Новочеркасскѣ поражало въ особенности отсутствіе всякой внѣшней суеты; городъ жилъ нормальной жизнью провинціальнаго губернскаго центра. Не видно было и того, заполнявшаго вся и все въ Екатеринодарѣ, множества праздно гуляющаго офицерства. Наружно ни въ чемъ не сказывалось нахожденіе здѣсь команднаго центра области, состоящей въ непрестанной борьбѣ съ ожесточеннымъ противникомъ и спѣшно подготовляющей и воспитывающей новыя войсковыя единицы. Работа очевидно кипѣла не на улицѣ, не въ кофейняхъ и ресторанахъ, а тамъ, гдѣ она приводила къ немедленнымъ реальнымъ результатамъ.

Въ назначенный часъ мы были вновь во дворцѣ у атамана, который насъ принялъ, если не холодно, то сдержанно. Лично мы съ нимъ до тѣхъ поръ не были знакомы и сдержанность его была вполнѣ понятна.

Ознакомившись съ цѣлью нашего посѣщенія и молча, но внимательно выслушавъ высказанныя нами соображенія, онъ весьма немногословно сказалъ, что вполнѣ признаетъ необходимость тѣснаго единенія между тремя создавшимися на югѣ Россіи государственными новообразованіями и съ своей стороны давно къ этому стремится. Упомянулъ онъ про сыплющіеся на него нападки за его сношенія съ германцами, что не мѣшаетъ, подчеркнулъ онъ, Добровольческой арміи принимать отъ него оружіе и боевые припасы, которые онъ получаетъ отъ тѣхъ же нѣмцевъ.

«Мнѣ предоставляютъ, сказалъ Красновъ, мыть это оружіе въ водахъ тихаго Дона и затѣмъ настойчиво требуютъ его чуть что не цѣлостной передачи въ распоряженіе Добровольческой арміи, не переставая при этомъ меня же осуждать за мои будто бы германофильскія чувства».

Бесѣда съ донскимъ атаманомъ произвела на насъ наилучшее впечатлѣніе. Мы видѣли передъ собой государственно мыслящаго человѣка, преслѣдующаго лишь одну цѣль — возстановленіе развалившагося государства — и пользующагося для достиженія этой цѣли всѣми доступными ему средствами, не поддаваясь никакимъ постороннимъ чувствамъ и вполнѣ сознавая, что безъ нѣкоторыхъ искупительныхъ жертвъ русскій народъ не въ состояніи возродить свое государственное бытіе.

Прямо отъ генерала Краснова проѣхали мы на поѣздъ, гдѣ получили новое доказательство авторитетности атаманской власти. На вокзалѣ насъ встрѣтилъ какой то желѣзнодорожный чинъ и тотчасъ провелъ въ предоставленное намъ отдѣленіе вагона. Это весьма мелкое обстоятельство насъ тѣмъ болѣе поразило, что въ Екатеринодарѣ произошло приблизительно обратное. Несмотря на сдѣланное генераломъ Драгомировымъ распоряженіе о предоставленіи намъ отдѣльнаго купэ, мы такового не только не получили, но вообще лишь съ трудомъ заручились мѣстомъ въ переполненномъ нахлынувшей на него публикой поѣздѣ, идущемъ въ Ростовъ.

IV.

Возвращеніе въ Кіевъ. Посѣщеніе гетмана. Какъ возникло Ясское совѣщаніе? Поѣздка въ Яссы. Типичныя особенности совѣщанія въ Яссахъ. Одесса и ея настроенія. Консулъ Эно. Отплытіе делегаціи въ Константинополь.

Нашъ обратный путь въ Кіевъ ничѣмъ не былъ отмѣченъ. Ѣхали мы на этотъ разъ черезъ Харьковъ, переименованный въ Хірківъ, о чемъ гласила огромная вывѣска, замѣнившая старыя вокзальныя надписи. Въ Харьковѣ, гдѣ мы провели цѣлый день, такъ же какъ и въ Кіевѣ, вся украинизація сводилась къ перемѣнѣ нѣкоторыхъ публичныхъ надписей. Ни единаго звука на украинскомъ языкѣ мы здѣсь не слышали.

Въ Кіевѣ, куда мы прибыли уже послѣ полученія тамъ извѣстій, какъ о заключеніи перемирія, положившаго конецъ міровой войнѣ, такъ и о бѣгствѣ отрекшагося отъ престола германскаго императора, мы нашли большую перемѣну. Утратившій германскую опору гетманъ поспѣшилъ измѣнить свое отношеніе къ Россіи. Исключивъ изъ состава своего правительства всѣ бывшіе въ немъ украинскіе элементы, онъ объявилъ, что почитаетъ Украину за недѣлимую часть Россіи, но это лишь ускорило его паденіе, ибо окончательно оттолкнуло отъ него искреннихъ украинофиловъ, которыхъ все же было нѣкоторое, довольно вліятельное въ краѣ, количество.

Въ Бѣлой Церкви тотчасъ объявились повстанческія недурно вооруженныя банды, которыя возглавлялъ Петлюра.

Образованные бывшимъ опредѣленно украинофильскимъ министромъ путей сообщенія желѣзнодорожные батальоны также немедленно проявили свои украинско-большевицкія чувства и перестали подчиняться гетманской власти, а никогда не вѣрившее въ искренность гетмана, заполнявшее Кіевъ русское офицерство, составившее добровольческіе отряды для защиты Кіева, лишь неохотно шло на жертвы для поддержанія чуждой ему власти.

Трудное положеніе Скоропадскаго внезапно осложнилось еще однимъ инцидентомъ. Представитель генерала Деникина въ Кіевѣ генералъ Ламповскій издалъ ни на чемъ не основанный приказъ, предлагавшій русскому офицерству, образовавшему въ Кіевѣ добровольческіе отряды, провозгласить себя частью добровольческой арміи и подчиняться лишь исходящимъ отъ нея приказамъ.

Одновременно проявилось и разложеніе германскихъ бывшихъ въ Кіевѣ войскъ, и вскорѣ приняло явно революціонный характеръ. Образовались солдатскіе совѣты въ воинскихъ частяхъ, которые и стали во главѣ командованія. Офицерскія собранія были упразднены и офицеры принуждены кормиться изъ общаго солдатскаго котла и нести караульную службу наравнѣ съ нижними чинами, чему они поспѣшили безропотно подчиниться. Какъ говорили тогда въ Кіевѣ, «свернули они свои одѣялки и поплелись въ разныя, разбросанныя по городу караульныя помѣщенія».

Несмотря на то, что разложеніе германскихъ войскъ оставляло Кіевъ въ почти беззащитномъ положеніи отъ петлюровскихъ бандъ, все же оно вызвало въ русскихъ кругахъ нескрываемое удовольствіе. «Что, молъ, и вы, пруссаки, столь гордые желѣзной дисциплиной вашихъ войскъ, попались; подѣломъ вамъ, усердно насаждавшимъ у насъ большевизмъ». Надо, однако, признать, что разложеніе германскихъ войскъ носило иной характеръ, чѣмъ у насъ. Не только не сопровождалось убійствомъ офицеровъ, но мало отразилось на самой дисциплинѣ; фактически все свелось къ замѣнѣ власти офицеровъ властью выбранныхъ солдатами изъ своей среды комитетовъ, въ составъ которыхъ вошло много интеллигентовъ. Комитеты эти строго наблюдали за сохраненіемъ порядка въ воинскихъ частяхъ, и это имъ въ значительной степени удавалось.

Вотъ когда ярко сказалась дисциплинированность германской націи и высота ея культурнаго уровня, выявилась и основная причина безчинствъ, творимыхъ захваченными большевизмомъ русскими народными массами — ихъ безпросвѣтное невѣжество.

Узнавъ о моемъ возвращеніи въ Кіевѣ, предсѣдатель украинскаго совѣта министровъ С. Н. Гербель попросилъ меня проѣхать къ гетману для разъясненія ему, въ связи съ приказомъ, изданнымъ Ламповскимъ, отношенія Добровольческой арміи къ Украинѣ. Во дворцѣ, занимаемомъ гетманомъ, я засталъ Гербеля и министра внутреннихъ дѣлъ Кистяковскаго, и мы втроемъ вошли въ кабинетъ правителя края. Скоропадскаго до тѣхъ поръ я никогда въ глаза не видѣлъ, а потому былъ до крайности пораженъ одной его тотчасъ обнаружившейся основной чертой — невѣроятной болтливостью. Онъ рѣшительно не давалъ возможности своимъ собесѣдникамъ спокойно промолвить хотя бы нѣсколько словъ. Напрасно Гербель старался прервать потокъ его краснорѣчія; дальше обращенія «пане хетманъ», какъ онъ его величалъ, ему не удавалось сколько нибудь продолжить свою рѣчь.

Я опредѣленно заявилъ, что никакихъ распоряженій генералъ Деникинъ о распространеніи власти добровольческой арміи на находящееся въ Кіевѣ русское офицерство не отдавалъ и, повидимому, не собирался отдавать. Меня попросили разъ-

яснить это вызванному во дворецъ генералу Ламповскому, который и былъ послѣ этого введенъ въ кабинетъ, гдѣ мы находились

Ламповскій, котораго я въ жизни тоже никогда не видѣлъ, оказался весьма тихимъ и, какъ мнѣ показалось, незначущимъ человѣкомъ. На мой вопросъ, на чемъ онъ основываетъ изданный имъ приказъ, къ моему удивленію, онъ наивно отвѣтилъ, что основалъ онъ его на появившемся въ какой то газетѣ соотвѣтственномъ частномъ свѣдѣніи. Столь невѣроятное объясненіе меня взбѣсило и, при набравшемъ на этотъ разъ воды въ ротъ гетманѣ, я, не имѣя, разумѣется, никакого на то права, рѣзко и рѣшительно указалъ генералу Ламповскому, насколько недопустимъ его образъ дѣйствій, и предложилъ ему тотчасъ изданный имъ приказъ отмѣнить, на что онъ выразилъ полное согласіе. Впрочемъ, весьма возможно, что согласіе это было обусловлено тѣмъ, что ему уже было вѣроятно извѣстно, сколь несочувственно отнеслись къ его приказу сами офицеры, до которыхъ онъ относился.

Послѣ ухода Ламповскаго къ Скоропадскому немедленно вернулся его изобильный даръ слова, и онъ, вновь не давая никому открыть рта и заразъ захватывая въ своей рѣчи разнообразные сюжеты, занялъ насъ столь же пространными, сколь туманными разсужденіями, гдѣ между прочимъ фигурировала и преданность Россіи.

— «И вотъ всегда такъ. Извольте при этихъ условіяхъ имѣть съ нимъ дѣло», сказалъ мнѣ Гербель, когда мы наконецъ вышли отъ гетмана, очевидно, имѣя въ виду затруднительность путно и спокойно о чемъ либо съ нимъ переговорить.

Дѣлая на другой день моего пріѣзда въ совѣтѣ національнаго объединенія сообщеніе о результатѣ нашей поѣздки въ Екатеринодаръ и вынесенныхъ нами впечатлѣніяхъ, я узналъ, что за время нашего отсутствія пріѣзжалъ въ Кіевъ полковникъ Ильинъ, представитель нашего Краснаго Креста въ Румыніи, и привезъ приглашеніе имѣющихся въ Румыніи дипломатическихъ представителей державъ согласія находящимся въ Кіевѣ русскимъ общественнымъ дѣятелямъ пріѣхать въ Яссы, гдѣ еще находилось румынское правительство, перебравшееся туда послѣ захвата Бухареста германцами. Приглашались русскіе дѣятели для изложенія положенія дѣлъ въ Россіи и указанія той помощи, которая необходима для освобожденія ея отъ большевиковъ. Желали, повидимому, эти дипломаты узнать и къ чему сводятся пожеланія русской общественности въ отношеніи будущаго государственнаго строя Россіи, а посему хотѣли, чтобы въ Яссы пріѣхали представители всѣхъ имѣющихся въ Россіи антибольшевицкихъ политическихъ теченій. Мысль эта возникла по иниціативѣ самого Ильина и была воспринята дипломатами Антанты еще до заключенія перемирія, т. е. когда исходъ войны еще окончательно не выяснился, но когда уже было ясно, что новый ударъ по Германіи со стороны ея по существу беззащитнаго восточнаго фронта поставитъ ее на колѣни.

Находившіеся въ Яссахъ представители державъ согласія, фактически отрѣзанные отъ Запада и не находящіеся вовсе въ курсѣ намѣреній своихъ правительствъ, вѣроятно думали, что съѣхавшіеся въ Кіевѣ русскіе политическіе дѣятели укажутъ имъ на наиболѣе осуществимые способы возстановленія русскаго антигерманскаго фронта. Помощь Россіи была здѣсь лишь предлогомъ или, вѣрнѣе, способомъ вовлечь ее снова въ міровую войну.

Совѣтъ національнаго объединенія пошелъ навстрѣчу полученному приглашенію и, выбравъ изъ своей среды въ качествѣ делегатовъ нѣсколько лицъ, обратился къ соціалистическимъ кругамъ съ предложеніемъ присоединить своихъ делегатовъ къ намѣченному румынскому паломничеству.

Въ совокупности делегаты должны были представить какъ бы весь русскій антибольшевицкій общественный фронтъ. Въ конечномъ результатѣ делегацію соста-

вили: баронъ Меллеръ-Закомельскій, въ качествѣ ея предсѣдателя, и Кривошеинъ, Третьяковъ, Милюковъ, народный соціалистъ А. А. Титовъ и соціалъ-революціонеръ Фундаминскій. Къ нимъ по проѣздѣ делегаціи по пути въ Яссы черезъ Одессу присоединились еще представители какой то мѣстной организаціи, а именно А. И. Пильцъ, М. М. Федоровъ, Маргуліесъ и одинъ изъ директоровъ банка Второва — Чемберсъ.

Выслушавъ мой докладъ, совѣтъ національнаго объединенія пожелалъ и меня послать въ Яссы въ цѣляхъ освѣдомленія делегаціи о положеніи добровольческой арміи и вооружилъ меня соотвѣтственнымъ письменнымъ полномочіемъ. Къ тому же рѣшенію пришло и бюро парламентской группы относительно насъ обоихъ, ѣздившихъ въ Екатеринодаръ, т. е. Н. Н. Шебеко и меня.

Вообще въ Кіевѣ придавали большое значеніе полученному приглашенію и стремились туда очень многіе въ особенности изъ тѣхъ, кто не стѣснялся въ средствахъ. Пожелали туда поѣхать и многіе представители протофиса, заручившіеся полномочіями этого учрежденія, какъ то бывш. члены Государственной Думы Н. В. Савичъ и видный кіевскій общественный дѣятель Демченко В. Н., предсѣдатель бюро съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи, б. членъ государственнаго совѣта Н. Ф. Дитмаръ и принимавшій участіе въ качествѣ добровольца въ міровой войнѣ, недавно снявшій военный мундиръ В. П. Рябушинскій.

Вмѣстѣ съ названными лицами выѣхали мы изъ Кіева въ половинѣ ноября въ шикарномъ директорскомъ вагонѣ, предоставленномъ правленіемъ юго-западныхъ жел. дорогъ своему члену Демченко.

Послѣ еще не забытыхъ условій переѣзда изъ Москвы въ Кіевъ и всѣхъ неудобствъ, испытанныхъ при поѣздкѣ въ Екатеринодаръ, очутиться въ роскошномъ салонъ-вагонѣ со своимъ старорежимнымъ проводникомъ, усердно угощавшимъ во время пути чаемъ и разнообразными, захваченными съ собой тѣмъ же Демченко яствами было и странно, и вдвойнѣ пріятно... Путешествіе при такихъ условіяхъ въ обществѣ нашихъ милыхъ и интересныхъ спутниковъ было однимъ удовольствіемъ. Даже доходившіе до насъ на станціяхъ по пути слухи, что банды Петлюры двинулись на Кіевъ, что онѣ могутъ съ часа-на-часъ прервать движеніе на Кіево-Одесскомъ участкѣ и что мы рискуемъ попасть не въ Яссы, а въ лапы къ Петлюрѣ, насъ какъ то мало тревожили.

Сидя въ ярко освѣщенномъ, удобномъ вагонѣ за чашкой чая, приправленной разнообразными закусками, какъ то въ сознаніи не укладывалось, что мы живемъ въ совершенно необычайныхъ условіяхъ, когда, не говоря про имущество, но и личная свобода и самая жизнь каждаго рѣшительно ни чѣмъ не обезпечена. Однако такъ оно въ дѣйствительности было: перерывъ пути на Одессу произошелъ именно въ день нашего проѣзда, но не впереди, а позади насъ. Мостъ у Фастова былъ взорванъ петлюровцами, почти тотчасъ послѣ прохода нашего поѣзда, о чемъ мы узнали, только подъѣзжая къ Одессѣ.

Изъ Одессы двинулись мы дальше въ Яссы, куда, невзирая на незначительность разстоянія, добрались только черезъ сутки.

Удручающее впечатлѣніе произвело превращеніе Тирасполя, расположеннаго, какъ извѣстно, въ непосредственной близости отъ Одессы, въ пограничный пунктъ. Присутствіе здѣсь пограничныхъ румынскихъ властей, самодовольныхъ и наглыхъ, не смягчалось для насъ, какъ это было въ Оршѣ по отношенію къ нѣмцамъ, сознаніемъ, что подъ ихъ покровомъ мы находимся въ безопасности отъ большевицкаго произвола.

Переѣздъ черезъ новую румынскую границу прошелъ не безъ задержки. Сначала не хотѣли насъ, не снабженныхъ никакими визами, вовсе пропускать, а по-

томъ воспротивились прицѣпкѣ нашего вагона къ румынскому поѣзду, но чрезвычайная энергія и умѣлая настойчивость Демченко взяли верхъ, и мы послѣ нѣсколькихъ часовъ пререканій покатили таки дальше въ своемъ вагонѣ, блестящій видъ котораго какъ бы напоминалъ о значеніи Россіи и вѣроятно помогъ Демченко настоять на своемъ.

Яссы, извѣстные русскимъ людямъ преимущественно тѣмъ, что по близости отъ нихъ на большой дорогѣ нѣкогда скончался великолѣпный князь Тавриды, поразили насъ, несмотря на господствовавшее въ нихъ оживленіе, своей грязью и ничтожествомъ захолустнаго городишки. Направились мы въ зданіе русскаго консульства, причемъ были нѣсколько удивлены, когда везшій насъ извозчикъ заговорилъ съ нами на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ, пока не вспомнили, что въ Яссахъ, какъ впрочемъ и въ Бухарестѣ, почти весь извозный промыселъ находится въ рукахъ русскихъ скопцовъ, переселившихся въ Румынію, вслѣдствіе испытываемыхъ ими въ Россіи преслѣдованій. Любопытнѣе всего то, что эти скопцы, выселившіеся изъ Россіи болѣе ста лѣтъ тому назадъ, отнюдь не вымираютъ, а продолжаютъ какимъ то образомъ плодиться, сохраняя чисто русскій обликъ и русскіе обычаи.

Въ консульство мы пріѣхали во время происходившаго тамъ засѣданія созваннаго совѣщанія, куда насъ допустили однако отнюдь не сразу. Вышедшій къ намъ Милюковъ настойчиво оспаривалъ наше право участвовать въ «конференціи». Исключеніе онъ дѣлалъ только по отношенію ко мнѣ одному, предусмотрительно вооружившемуся формальнымъ полномочіемъ совѣта національнаго объединенія. Однако, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ приняты были всѣ, но безъ права рѣшающаго голоса (какъ будто число голосовъ могло имѣть здѣсь какое либо значеніе)!

Получивъ доступъ въ помѣщеніе, гдѣ засѣдало совѣщаніе, я съ удивленіемъ увидѣлъ, что нахожусь исключительно въ русской средѣ; ни одного иностраннаго представителя здѣсь не было. Между тѣмъ мнѣ представлялось, что мы пріѣхали для переговоровъ съ представителями державъ согласія.

Вообще ничего болѣе курьезнаго, жалкаго и смѣшного такъ называемой ясской конференціи, о которой потомъ въ русской прессѣ говорилось, какъ о чемъ то значительномъ, представить себѣ нельзя. Происходила она въ полуподвальномъ помѣщеніи зданія русскаго консульства обыкновенно служившемъ, какъ это нетрудно было опредѣлить по общей обстановкѣ, складочнымъ мѣстомъ для старыхъ архивовъ и поломанной мебели. Участвовали въ ней фактически только лица, пріѣхавшія изъ Россіи; раза два кажется присутствовали, не принимая участія въ сужденіяхъ, нашъ посланникъ въ Румыніи С. В. Поклевскій-Козеллъ и полковникъ Ильинъ. Состояли эти сужденія въ томъ, что вырабатывали, какую то общую, пріемлемую для всѣхъ представленныхъ общественныхъ теченій программу освобожденія Россіи.

Зачѣмъ этимъ людямъ понадобилось переѣхать для составленія этой программы изъ Кіева въ подвалъ русскаго консульства въ Яссахъ, понять никакъ нельзя было. Или такое соглашеніе осуществимо только при наличности иностранной палки?

Безцѣльность производимой работы, думается, сознавалась всѣми. Это не мѣшало, однако, тому, что пускали въ ходъ все доступное каждому краснорѣчіе и спорили до потери голоса и изнеможенія силъ. Благодушно, какъ всегда предсѣдательствовалъ бар. Меллеръ. Особенное упорство въ отстаиваніи своихъ положеній проявляли Милюковъ и Фундаминскій. Какъ сейчасъ вижу этихъ двухъ, сидящихъ другъ противъ друга, оппонентовъ, когда уже всѣ остальные члены курьезнаго собранія встали со своихъ мѣстъ, упрямо продолжающихъ отстаивать какую то, каждый свою, редакцію одного изъ пунктовъ устанавливаемой пресловутой программы, вскорѣ потонувшей въ Летѣ, какъ сотни другихъ имъ подобныхъ.

Для меня подобные споры во всѣ времена казались и дикими и безплодными. Долголѣтнее участіе во всевозможныхъ междувѣдомственныхъ и международныхъ совѣщаніяхъ давно убѣдило меня, что принимаемыя на нихъ резолюціи общаго принципіальнаго характера имѣютъ значеніе даже для самихъ участниковъ подобныхъ совѣщеній, только до момента ихъ подписанія. Тотчасъ послѣ этого даже подписавшіе забываютъ самое ихъ содержаніе и продолжаютъ руководствоваться въ практической работѣ своими личными взглядами и мнѣніями

Не такъ смотрѣли и смотрятъ на подобныя резолюціи наши общественные дѣятели, въ особенности лѣваго лагеря. Для нихъ выносимыя ими рѣшенія составляли, если исключить террористическую дѣятельность, начало и конецъ всей ихъ работы, хотя и для нихъ рѣшенія эти являлись руководящими лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

Привычка работать въ условіяхъ, дающихъ возможность претворить слова въ дѣла, заставляла меня смотрѣть на подобныя ясскому общественныя совѣщанія, приводящія лишь къ повисающимъ въ воздухѣ отвлеченнымъ рѣшеніямъ, какъ на безплодное и безцѣльное толченіе воды. Въ сущности все ихъ значеніе — пропаганда и распространеніе опредѣленныхъ лозунговъ, нерѣдко приводящихъ къ сознательной фальсификаціи общественнаго мнѣнія.

Но о чемъ же спорили съѣхавшіеся въ Яссахъ случайные представители русской общественности? Да рѣшительно обо всемъ. Происходили столь типично русскіе безконечные, расплывчатые споры, гдѣ, не столько поочередно, сколько одновременно разрѣшались всѣ вопросы, если не мірозданія, то государственнаго строительства. Путая важное съ ничтожнымъ, останавливались на словахъ и препирались о запятыхъ.

«Охъ трудно сговориться съ соціалистами», какъ то съ убѣжденіемъ заявилъ Милюковъ, очевидно не сознавая, что онъ самъ проявлялъ едва ли не большее упорство, нежели его оппонентъ Фундаминскій.

Спорили о помощи, которую должны дать союзники, спорили о томъ, можетъ ли эта помощь выразиться присылкой румынскихъ войскъ, причемъ Милюковъ рѣзко противъ этого возражалъ, утверждая, что вооруженная помощь Румыніи намъ можетъ стоить окончательнаго отторженія уже захваченной ею Бессарабіи, спорили о томъ, кто долженъ возглавлять русскую, борющуюся противъ большевизма и призванную возсоздать Россію національную силу: соціалисты стояли за еще существовавшую въ то время, но лишенную всякой мощи Уфимскую директорію; остальные высказывались за военное возглавленіе въ лицѣ вождя добровольческой арміи, причемъ нѣкоторыми выдвигалось имя великаго князя Николая Николаевича; спорили попутно и о многомъ другомъ, причемъ спорили къ вящшему изумленію представителей державъ согласія цѣлыхъ десять дней.

Полковникъ Ильинъ, иниціаторъ всей этой затѣи всячески убѣждалъ ускорить вынесеніе общаго рѣшенія, такъ какъ иностранные дипломаты ожидаютъ ихъ для сообщенія своимъ правительствамъ. Тутъ же, однако, стало извѣстнымъ, что сообщеніе это и технически трудно исполнимо. Перегруженность единственной радіо-телеграфной станціи, соединяющей весь востокъ съ западными государствами, была столь велика, что телеграммы не передавались по нѣсколько недѣль.

Обстоятельство это побудило придти къ другому рѣшенію — къ немедленной отправкѣ особой делегаціи въ западные политическіе центры, которая тамъ и отстаивала бы положенія, принятыя въ Яссахъ. Делегація должна была представлять всѣ цвѣта русской политической радуги, а посему выбрали Милюкова,

Третьякова, Титова, Шебеко и меня. Делегація имѣла выѣхать изъ Одессы черезъ Константинополь въ Парижъ и Лондонъ.

Тѣмъ временемъ, наконецъ, сговорились на болѣе или менѣе единогласно принятомъ обращеніи къ союзникамъ, снабженномъ нѣкой компромиссной политической платформой участниковъ собранія. Состоялось затѣмъ и то единственное собраніе, въ которомъ приняли участіе посланники державъ согласія и ихъ военные агенты. Происходило это собраніе уже не въ подвалѣ, а въ залѣ консульства. Участвовали французскій посланникъ Saint Aulaire, англійскій Barday, американскій Wopisko; изъ военныхъ агентовъ припоминаю очень живо относившагося къ русскому вопросу англичанина генерала Ballard, однажды даже пришедшаго на русское собраніе, очевидно, чтобы посмотрѣть, чѣмъ могутъ заниматься люди, въ теченіе столькихъ дней обсасывающіе вопросъ, на какихъ политическихъ основаніяхъ они согласны возстановить существованіе своей родины.

Примѣчательно, что представителя мѣстнаго румынскаго правительства не было. Правительство это, — знала кошка чье мясо съѣла — вообще старательно игнорировало присутствіе въ его мѣстопребываніи представителей русской общественности.

Однако, и это собраніе съ иностранцами было фактически одностороннее. Говорили по существу лишь русскіе его участники. Баронъ Меллеръ прочелъ переведенную на французскій языкъ, принятую нами резолюцію, а затѣмъ, по порученію остальныхъ, я постарался описать положеніе Россіи, охарактеризовать большевизмъ и его вождей и разъяснить ту міровую опасность, которую, по нашему общему искреннему убѣжденію, представляетъ большевизмъ и пропаганда его соблазнительнаго для массы лжеученія.

Въ отвѣтъ иностранные дипломаты сказали намъ нѣсколько милыхъ словъ, лишенныхъ реальнаго значенія. Да и что могли бы они сказать, эти второстепенные представители западныхъ державъ, даже не знающіе, какихъ взглядовъ придерживаются въ данную минуту на русскій вопросъ ихъ правительства.

Не безъ удовольствія покинули мы, наконецъ, грязные Яссы съ ихъ непривлекательными ресторанами, пропитанными чадомъ прогорѣлаго масла. Одинъ плачъ заливающихся скрипокъ, неизбѣжныхъ въ каждомъ изъ ихъ оркестровъ, чего стоитъ. Отъ Кіева мы были уже окончательно отрѣзаны, а потому двинулись на житье въ Одессу.

Опять проѣхали мы черезъ предательски захваченную румынами Бессарабію, гдѣ всѣ русскія названія станцій были замазаны и замѣнены румынскими и гдѣ мы отъ встрѣченныхъ по пути на станціяхъ русскихъ жителей края наслышались о всѣхъ тѣхъ безчинствахъ, которыя творятъ румынскія власти по отношенію къ русскому населенію и ко всему, что свидѣтельствовало о недавней вѣковой принадлежности къ Россіи цвѣтущей подъ ея главенствомъ Бессарабіи. А давно ли тѣ же румынскія власти униженно преклонялись передъ Россіей, моля о защитѣ отъ насѣдавшихъ на нихъ австро-германцевъ?

Румынскія войска съ ихъ женоподобными нарумяненными офицерами, такъ лихо удиравшими отъ вооруженнаго непріятеля, здѣсь, по отношенію къ безоружному мирному населенію, проявляли все то высокомѣріе и жестокость, которыя столь свойственны всѣмъ маленькимъ ничтожнымъ и трусливымъ націямъ. Потомки римскихъ ссыльно-поселенцевъ, повидимому, сохранили черты своихъ отдаленныхъ предковъ.

Припоминаю разсказъ о творимыхъ румынами безобразіяхъ встрѣченной нами на какой то станціи русской сельской учительницы, припоминаю владѣвшее ею глубо-

кое возмущеніе. Весьма возможно, подумалъ я тогда, что вчера еще ты, голубушка, подобно многимъ русскимъ интеллигентамъ, исповѣдывала марксистскіе лозунги, мечтала объ интернаціоналѣ и не сознавала значенія національной государственности; нужно было разрушеніе этой государственности, чтобы ты постигла ея глубокое и вполнѣ реальное значеніе для всѣхъ членовъ націи.

Да, лучшей школой патріотизма служитъ испытаніе иноземной власти, иноземнаго насилія.

Но вотъ и Одесса. Находящаяся на приморскомъ бульварѣ Лондонская гостиница — центръ общественной жизни города — кишитъ народомъ. Застаемъ здѣсь нѣкоторыхъ кіевскихъ знакомыхъ, вырвавшихся изъ Кіева окружнымъ путемъ до полнаго прекращенія сообщеній съ югомъ. Какъ всѣ бѣжавшіе отъ опасности, будь она мнимая или дѣйствительная, они рисуютъ положеніе Кіева въ самыхъ черныхъ краскахъ. Разсказы ихъ, конечно, не содѣйствуютъ нашему — Н. Н. Шебеко и моему — настроенію. Тамъ взаперти остались наши семьи.

Положеніе въ самой Одессѣ далеко не устойчивое. Петлюровскіе отряды большевицкаго настроенія находятся въ непосредственной близости отъ города, до такой степени, что по ночамъ ожидаютъ ихъ нападенія на желѣзнодорожную станцію, гдѣ, однако, мы продолжаемъ жить все въ томъ же предоставленномъ намъ вагонѣ за отсутствіемъ свободныхъ помѣщеній въ городѣ. Не внушаетъ довѣрія и многочисленное, изобилующее преступными элементами портовое населеніе города, сдерживаемое едва ли не исключительно присутствіемъ двухъ, прибывшихъ въ портъ, французскихъ миноносокъ.

Центромъ общественнаго вниманія въ Одессѣ является облеченный французскимъ правительствомъ консульскимъ званіемъ нѣкій Эно, бывшій до тѣхъ поръ не то учителемъ, не то гувернеромъ въ какомъ то русскомъ домѣ. Всѣ ждутъ отъ него спасенія, рѣшивъ, неизвѣстно почему, что онъ обладаетъ какими то особыми полномочіями и можетъ немедленно привести въ Россію чуть ли не всю французскую армію. Держитъ онъ себя съ соотвѣтственной важностью, а тѣмъ временемъ его жена — русская еврейка — обдѣлываетъ какіе то темные гешефты.

Кто фактическій хозяинъ города, не совсѣмъ понятно. Юридически дѣйствуетъ гетманская власть, но проявленій, хотя бы внѣшнихъ, украинизаціи нѣтъ никакихъ. Облеченъ гетманомъ какими то полномочіями генералъ Раухъ, но никакихъ средствъ для осуществленія своихъ полномочій онъ не имѣетъ, а потому ограничивается ухаживаніемъ за тѣмъ же Эно. Послѣдній довольно легко поддается его настояніямъ обратиться съ воззваніемъ къ населенію Украины, въ которомъ заявить, что вотъ де завтра прибудутъ на югъ Россіи войска союзниковъ и обезпечатъ въ ней порядокъ. Уговариваетъ кромѣ того Раухъ этого самаго Эно обратиться и къ находящимся въ Кіевѣ германскимъ властямъ, и тотъ послушно посылаетъ имъ грозную телеграмму, требуя отъ нихъ защиты Кіева отъ петлюровцевъ и грозя въ противномъ случаѣ всѣми карами неба и союзниковъ.

Между тѣмъ получаемыя изъ Кіева свѣдѣнія, — телеграфная связь съ нимъ по прямому проводу сохранилась — становятся все безнадежнѣе. Германскія войска, руководимыя забравшими командованіе солдатскими совѣтами, заняли нейтральное положеніе, будто бы получивъ за это отъ Петлюры 80 милліоновъ украинскихъ рублей. Гетманскія войска, въ томъ числѣ и его гвардія, на которую Скоропадскій возлагалъ особыя надежды, понемного переходятъ по частямъ на сторону Петлюровцевъ. Надежда на своевременное прибытіе союзниковъ падаетъ все ниже. Добровольческія офицерскія дружины однѣ сдерживаютъ напоръ мятежниковъ, но онѣ для защиты всѣхъ подступовъ въ городу явно недостаточны.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда въ Одессу вернулся изъ Константинополя, куда онъ ѣздилъ по порученію какой то Одесской общественной организаціи, умѣренный эсъ-эръ Н. Р. Кровопусковъ, игравшій видную роль въ одесскомъ городскомъ управленіи. Въ Константинополѣ онъ видѣлся съ представителями Франціи, которые при полной личной любезности уже смотрѣли на Россію сверху внизъ, полу-покровительственно, полу-презрительно.

Изъ разсказовъ Кровопускова мы живо ощутили, посколько тяжело и унизительно положеніе страны и народа, утратившихъ всякое международное значеніе. Поняли мы, разумѣется, и затруднительность всякихъ воздѣйствій на нашихъ былыхъ союзниковъ, безразлично заглазныхъ или личныхъ, письменныхъ или устныхъ, слѣдовательно, едва ли не безцѣльность предстоявшей поѣздки делегаціи въ главные европейскіе центры.

Думалось, однако, что поѣздка эта во всякомъ случаѣ полезна, хотя бы для освѣдомленія нашего дипломатическаго представительства при державахъ согласія о положеніи дѣлъ въ Россіи и о господствующихъ въ ней политическихъ теченіяхъ. Представительство это было лишено всякихъ сношеній съ Россіей съ самаго момента захвата власти большевиками, и мы должны впервые возстановить эту связь.

Говорилось также о томъ, что самое прибытіе въ Западную Европу делегаціи, заключавшей въ своемъ составѣ представителей всѣхъ политическихъ теченій въ русскомъ антибольшевицкомъ общественномъ фронтѣ, облегчитъ положеніе нашихъ дипломатовъ въ Парижѣ и Лондонѣ, представлявшихъ въ своемъ лицѣ лишь одну какую то грань русской общественности, придастъ имъ новую силу, новую точку опоры въ ихъ обращеніяхъ къ тѣмъ правительствамъ при коихъ они аккредитованы. Тутъ могла пригодиться и выработанная въ Яссахъ политическая программа.

Надѣялись при этомъ въ особенности на нашего парижскаго посла В. А. Маклакова, который въ качествѣ бывшаго члена Государственной думы и долголѣтняго общественнаго дѣятеля несомнѣнно сумѣлъ самъ связаться съ вліятельными политическими кругами Франціи и, конечно, обрадуется возможности связать ихъ съ русскими общественными дѣятелями.

Если у кого либо изъ насъ и оставалось сомнѣніе относительно поѣздки въ Парижъ и Лондонъ, то ихъ окончательно разсѣялъ пріѣхавшій почти слѣдомъ за нами изъ Яссъ на миноноскѣ уже упомянутый мною англійскій генералъ Ballard. Оказалось, что наше описаніе положенія Россіи и той міровой опасности, которую представляетъ большевизмъ, произвело впечатлѣніе на ясскихъ представителей антанты и они командировали Ballard'а въ Одессу со спеціальной цѣлью побудить насъ не медля проѣхать самимъ въ западно-европейскіе правительственные центры и тамъ лично изложить положеніе вещей.

Выѣхать изъ Одессы было, однако, не легко. Срочныхъ рейсовъ въ Константинополь не было. Къ тому же въ портѣ ощущался острый недостатокъ въ углѣ. Исключительная энергія Демченко все это преодолѣла.

Раздобытъ пароходъ Русско-Дунайскаго пароходнаго общества «Велик. Кн. Александръ Михайловичъ». Найденъ уголь, найдены и грузчики угля, что тоже было не легко. Пароходъ этотъ, въ сущности роскошная паровая яхта, въ теченіе войны былъ реквизированъ и шелъ подъ Андреевскимъ флагомъ. Команда на немъ подчинена юридически военно-морской дисциплинѣ, но на дѣлѣ никакой дисциплины не соблюдаетъ, господствуетъ большевицкій духъ. Командный составъ состоитъ изъ офицеровъ, но уже запуганныхъ и утратившихъ вѣру въ себя и свои права. Какъ

бы то ни было, въ послѣднихъ числахъ ноября ст. ст. делегація просторно размѣщается на предоставленномъ ей суднѣ и торжественно подъ Андреевскимъ флагомъ выплываетъ изъ Одесскаго порта.

V.

Константинополь. Верховный комиссаръ Франціи адмиралъ Аметъ. Затрудненія дальнѣйшаго проѣзда. Генералъ Franchet d'Esperey. Верховный комиссаръ Англіи адмиралъ Webb. По пути въ Римъ. Посѣщеніе Рима парламентской делегаціей въ 1916 г. Отъѣздъ въ Парижъ.

Прокачавшись на воднахъ Эвксинскаго понта часовъ около 30, мы благополучно прошли дозорный пунктъ у входа въ Босфоръ и бросили якорь по близости отъ моста, соединяющаго черезъ Золотой рогъ европейскую часть Константинополя съ его турецкой частью — Стамбуломъ. Босфорскій рейдъ заполненъ самыми разнообразными судами, среди коихъ большинство военныхъ — державъ Антанты.

Здѣсь на броненосныхъ исполинахъ развѣваются военные флаги всѣхъ нашихъ союзниковъ, нѣтъ только русскаго Андреевскаго флага, украшающаго лишь наше ничтожное по размѣрамъ и коммерческое по назначенію суденышко.

Поражаетъ насъ, невиданное еще нами повшество: борта всѣхъ коммерческихъ судовъ раскрашены разноцвѣтными на носъ расположенными полосами, имѣющими назначеніе скрыть судно отъ глазъ противника. Полосы эти благодаря ихъ расположенію и по приданному имъ цвѣту сливаются съ морской поверхностью и поэтому обнаружить судно на разстояніи значительно труднѣе.

Босфоръ съ его своеобразнымъ очертаніемъ береговъ и расположеннымъ на немъ огромнымъ по занимаемому пространству городомъ все также величественъ, какъ и до войны, но самый Константинополь — его европейская часть — Галата и Пера — сохранивъ прежнюю смѣсь Востока и Запада, восточную грязь съ наружнымъ налетомъ европейской цивилизаціи — значительно измѣнилъ свою физіономію: онъ заполненъ союзными войсками, причемъ господами положенія, повидимому, являются англичане.

На берегъ насъ спустили безъ всякихъ формальностей, и мы поспѣшили всей гурьбой отправиться къ французскимъ властямъ, дабы выяснить способы возможнаго дальнѣйшаго продвиженія къ цѣли нашего путешествія. Таковой властью былъ командующій французской эскадрой, одновременно облеченный званіемъ верховнаго комиссара въ Турціи — адмиралъ Аметъ. Адмиралъ — типичный морякъ, прямой и откровенный, не прибѣгающій ни къ какимъ дипломатическимъ уловкамъ. Излагаемъ ему цѣль нашего пріѣзда. Милюковъ тотчасъ принимаетъ на себя роль предсѣдателя делегаціи и приданный ему адмираломъ титулъ «Monsieur le président» принимаетъ какъ должное. Мы не придаемъ этому никакого значенія, да и трудно было бы въ присутствіи иностранца устанавливать наши взаимныя отношенія, а тѣмъ болѣе отрицать за Милюковымъ присвоенное имъ званіе, коль скоро онъ самъ не отказывается отъ него. Однако, это мелкое обстоятельство, какъ это вскорѣ выяснилось, имѣло для судьбы нашей делегаціи роковыя послѣдствія, а самому Милюкову обошлось очень дорого. Дѣло въ томъ, что французамъ были уже извѣстны предпринятые Милюковымъ шаги для сближенія съ Германіей. Впечатлительные французы тотчасъ признали это за недопустимую измѣну союзникамъ, хотя, на чемъ было основано ихъ притязаніе на непоколебимую вѣрность Антантѣ всѣхъ русскихъ политическихъ дѣятелей — трудно понять послѣ того, какъ они сами проявили готовность признать за законную власть въ Россіи силкомъ и обманомъ захватившихъ эту власть большевиковъ, лишь бы они продолжали войну съ Германіей.

Адмиралъ Аметъ объяснилъ намъ, что Франція почти лишена возможности оказать какую либо помощь Россіи, такъ какъ войска ея, утомленныя продолжительной войной, мечтаютъ лишь объ одномъ, о возвращеніи въ свои домашніе очаги и къ своимъ мирнымъ занятіямъ и вовсе не намѣрены «se casser la gueule» ради чуждыхъ имъ русскихъ интересовъ. При этомъ адмиралъ обрушился на русскій народъ и въ частности на русское воинство, будто бы проводящее время въ пьянствѣ и всецѣло полагающееся на постороннюю помощь для возстановленія своего отечества.

Какъ это ни странно, но горячая рѣчь Амета, благодаря его внушающей симпатію личности, не вызвала въ насъ особо непріязненныхъ чувствъ. Милюковъ съ его обычной безстрастностью, къ тому же очевидно выработавшій въ себѣ за свою продолжительную политическую карьеру способность спокойно относиться къ любымъ нападкамъ, не счелъ даже нужнымъ реагировать на этотъ неожиданный выпадъ. Пришлось вступиться другимъ съ рѣшительнымъ заявленіемъ, что Россія отнюдь не имѣетъ въ виду строить свое будущее на иностранной силѣ, но что она, казалось бы, имѣетъ основаніе разсчитывать на нѣкоторую помощь именно для предоставленія ея собственнымъ національнымъ силамъ, расшатаннымъ въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, оправиться и приступить къ рѣшительной борьбѣ съ насажденной въ ея предѣлахъ тѣмъ же врагомъ разрушительной силой. Русская національная сила, сосредоточенная на югѣ Россіи, въ Кубани и на Дону, и нынѣ борется съ большевиками, проливая тамъ отнюдь не вино, а свою кровь и подвергаясь тяжелымъ лишеніямъ.

Адмиралъ поспѣшилъ извиниться и объяснилъ, что онъ имѣлъ въ виду лишь то русское воинство, которое нынѣ находится въ Македоніи, въ окрестностяхъ Салоникъ. Тутъ услышали мы впервые имя того французскаго генерала, который былъ главнымъ, если не единственнымъ виновникомъ того, что Франція не оказала своевременно помощи русскимъ національнымъ силамъ, вслѣдствіе чего богатая Малороссія стала жертвой большевиковъ, захватившихъ всѣ обильные запасы, сосредоточенные тамъ по нашему южному фронту.

Роль генерала Franchet d'Esperey, до сихъ поръ недостаточно въ этомъ отношеніи выясненная, въ то время намъ была совершенно неизвѣстна. Дѣло въ томъ, что, какъ это впослѣдствіи было разоблачено французской прессой, Клемансо, диктаторъ того времени Франціи, еще до заключенія мира съ Германіей, а именно сейчасъ послѣ прорыва болгарскаго фронта и капитуляціи Турціи, предписалъ командующему союзными войсками въ Македоніи Franchet d'Esperey перебросить часть своихъ войскъ на югъ Россіи въ помощь добровольческой арміи, но встрѣтилъ съ его стороны рѣшительный отпоръ и упорное противодѣйствіе. Franchet d'Esperey очевидно не улыбалось забиться со своими силами въ Россію, о которой онъ имѣлъ, повидимому, смутное представленіе. Его планъ былъ иной: ему хотѣлось пройти со своими войсками черезъ сложившую оружіе Болгарію и напасть въ тылъ уже окончательно къ тому времени расшатанной Австріи. Мерещилось ему, вѣроятно, торжественное вступленіе въ Вѣну и нанесеніе оттуда смертельнаго удара во флангъ ослабѣвшей Германіи. Этотъ планъ онъ и развивалъ въ своихъ донесеніяхъ французскому правительству, доказывая при этомъ, что онъ лишенъ возможности заставить свои войска идти драться по непонятнымъ для нихъ мотивамъ «dans ce pays de glaces», которую представляетъ Россія. Эта «страна льдовъ» были берега Чернаго моря. Тотъ же Franchet d'Esperey распространялъ и свѣдѣнія, что русское воинство предается лишь пьянству. Дѣйствительно наша дивизія находившаяся въ Македоніи на французскомъ фронтѣ, подъ воздѣйствіемъ многочисленныхъ, проникшихъ въ нее агитаторовъ, была уже въ полномъ разложеніи и, отведенная въ тылъ,

безчинствовала, а часть офицерства, заполнившая Салоники, за отсутствіемъ дѣла, проводила время въ кофейняхъ.

Относительно дальнѣйшаго нашего путешествія по направленію къ Парижу, узнали мы отъ Амета, что выданныя намъ консуломъ Эно визы не имѣютъ никакого значенія, и что намъ необходимо получить особое разрѣшеніе изъ Парижа, о которомъ онъ и будетъ сейчасъ телеграфировать.

Однако, проходитъ нѣсколько дней, а разрѣшенія мы не получаемъ. Наша полная безпомощность выступаетъ все ярче; все сильнѣе ощущаемъ мы то унизительное, приниженное положеніе, въ которое попала наша родина. Никто ни съ ней, ни, тѣмъ болѣе, съ ея гражданами не считается. Для меня становится все сомнительнѣе успѣхъ возложенной на насъ миссіи. Кто, думается мнѣ, обратитъ вниманіе на наши не опирающіяся на какую либо реальную силу просьбы, если мы лишены даже свободы передвиженія. Невольно припоминается тотъ исключительный почетъ, то заискивающее вниманіе, которое оказывали еще такъ недавно — мѣсяцевъ 18 тому назадъ — державы согласія той русской парламентской делегаціи, состоявшей изъ членовъ государственной думы, которая посѣтила въ то время, по ихъ усиленному приглашенію страны Антанты и въ которую Милюковъ и я, нынѣ безпомощно застрявшіе въ Константинополѣ, оба входили. Тогда мы были представителями великаго народа, мощной державой, а теперь...

Отъ этихъ воспоминаній становится еще обиднѣе, еще невыносимѣе то полное пренебреженіе, которое намъ нынѣ оказываютъ. Ходимъ по Константинополю и чувство безумной горечи отъ понесенной нами безмѣрной утраты усиливается чуть что не на каждомъ шагу.

Вотъ великолѣпныя посольскія зданія Англіи и Франціи, гдѣ царствуетъ оживленіе, гдѣ входятъ и выходятъ гордые побѣдой воинскія части этихъ державъ, гдѣ развѣваются ихъ національные флаги, а вотъ русское посольство съ наглухо закрытыми воротами и съ завернутыми черными тряпками русскими государственными орлами. Вотъ блестящіе многочисленные автомобили съ возсѣдающими въ нихъ французскими, англійскими, итальянскими и американскими адмиралами и иными начальствующими лицами, а вотъ шмыгающій маленькій автомобильчикъ съ нарисованнымъ на его дверцахъ трезубцемъ — гербомъ Украины. Въ немъ никѣмъ не признаваемый посолъ гетмана Суковкинъ мечется по городу, тщетно выбиваясь изъ силъ, чтобы чѣмъ либо помочь представляемому имъ эфемерному государству.

Вотъ наконецъ Святая Софія — этотъ единственный въ мірѣ по его дивной пропорціальности памятникъ древняго зодчества, всегда съ новой силой поражающій размѣрами своего свободнаго внутренняго пространства и невѣроятной вслѣдствіе этого воздушности. Предметъ историческихъ вожделѣній русскаго народа. Нынѣ на него простираютъ свои притязанія и даже руки константинопольскіе греки, зазнавшіеся отъ достигнутаго чужими усиліями неожиданнаго для нихъ успѣха. Выродившіеся въ плутоватыхъ торгашей отдаленные потомки героевъ Эллады задумали силкомъ захватить этотъ храмъ въ свое распоряженіе и всполошившіеся турки сосредоточили около него жалкіе остатки своего воинства. Доступъ въ храмъ въ виду этого затрудненъ, но мы все же проникаемъ въ него, чтобы съ душевной болью вспоминать не сбывшееся, но еще недавно казавшееся столь близкимъ къ осуществленію пророчество поэта:

«И своды древніе Софіи
Вновь осѣнятъ Христовъ алтарь.
Пади предъ нимъ, о Царь Россіи,
И встань какъ всеславянскій Царь.»

Уныло бродимъ мы по тому Царьграду, о которомъ наивно мечтали во время войны и рѣшительно недоумѣваемъ, чѣмъ собственно нашъ пріѣздъ въ Парижъ можетъ кому либо помѣшать.

Загадка эта начинаетъ, однако, понемного разъясняться. Въ Константинополь пріѣхали изъ Салоникъ, куда они были посланы ясскимъ совѣщаніемъ, — генералъ Голіевскій и полковникъ Новиковъ. Цѣль ихъ поѣзки, по условіямъ времени, весьма трудной вслѣдствіе разрушенія македонскихъ желѣзнодорожныхъ линій и отсутствія поэтому движенія по нимъ, состояла въ томъ, чтобы связаться съ находившимся тамъ главнымъ командованіемъ союзныхъ войскъ, расположенныхъ на бывшемъ македонскомъ фронтѣ, т. е. съ тѣмъ же Franchet d'Esperey, и выяснить, насколько можно надѣяться на быструю присылку оттуда вооруженной помощи Кіеву и вообще югу Россіи. Что такая присылка состоится, мы, по наивности, пока еще не сомнѣвались. Весь вопросъ сводился для насъ — въ какой срокъ, и поэтому задержка въ Константинополѣ представлялась для насъ въ особенности досадной.

Возвращавшіеся изъ Салоникъ въ Одессу Голіевскій и Новиковъ передали намъ, что они были встрѣчены генераломъ Franchet d'Esperey крайне нелюбезно, чтобы не сказать — грубо. Выслушали они отъ него рядъ рѣзкихъ сужденій о русскихъ войскахъ, находящихся въ Македоніи, а также заявленіе, что помимо множества другихъ причинъ, препятствующихъ посылкѣ войскъ въ Россію, у него нѣтъ тѣхъ судовыхъ средствъ, которыя дали бы ему возможность перекинуть сколько нибудь значительное количество войскъ на русское черноморское побережье.

Высказалъ имъ кромѣ того Франше Д'Эспере, что онъ крайне удивленъ посылкой русскими общественными организаціями въ Парижъ делегаціи, имѣющей во главѣ Милюкова. Личность эта, по словамъ Франше, для Франціи совершенно непріемлема, такъ какъ ярко проявленная имъ за послѣднее время германская оріентація въ Парижѣ хорошо извѣстна.

Такимъ путемъ узнали мы, откуда шли тѣ обвиненія русскаго воинства, которыя намъ высказалъ адмиралъ Аметъ, а равно причину встрѣченныхъ нами затрудненій къ продолженію нашего скорбнаго паломничества. Аметъ, повидимому, подчиненный главнокомандующему Франше, сообщилъ ему о нашемъ пріѣздѣ и по всей вѣроятности получилъ отъ него указаніе задержать насъ въ пути. Присвоенное Милюковымъ званіе предсѣдателя делегаціи, пропечатанное во всѣхъ газетахъ, дало ему для этого удобный предлогъ.

Желая парировать это обстоятельство, мы съ Шебеко отправились вновь къ адмиралу подъ предлогомъ узнать, есть ли надежда на нашъ скорый пропускъ. Въ отвѣтъ намъ было сказано, что телеграфныя сношенія съ Парижемъ крайне затруднены, но что тѣмъ не менѣе онъ надѣется, что разрѣшеніе для насъ будетъ получено въ скоромъ времени. Тогда мы сочли нужнымъ объяснить, что до нашего свѣдѣнія дошло, что делегація наша не пользуется фаворомъ въ виду того, что она находится какъ бы подъ флагомъ Милюкова. Между тѣмъ это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Милюковъ предсѣдателемъ делегаціи не состоитъ и является такимъ же рядовымъ ея членомъ, какъ и всѣ остальные. Включаетъ же делегація выразителей всѣхъ имѣющихся въ Россіи политическихъ теченій, объединенныхъ однако одинаковой враждой къ большевикамъ, которыхъ мы всѣ признаемъ за врагомъ нашего отечества.

Послѣднее обстоятельство адмиралу было уже извѣстно даже во всѣхъ подробностяхъ въ смыслѣ того, кто изъ насъ какое теченіе представляетъ, отъ одного изъ нашихъ сочленовъ — Кровопускова, единственнаго изъ насъ, удостоившагося приглашенія отъ Амета къ завтраку. Прилашеніе это было также въ нашихъ глазахъ

симптоматичнымъ. Оно свидѣтельствовало о томъ значеніи, которое тогда придавали русскимъ соціалистическимъ партіямъ западныя державы — несомнѣнное послѣдствіе той популярности, которой пользовался въ Россіи въ теченіе нѣкотораго времени демагогъ Керенскій. Въ представленіи запада популярность эта была основана на томъ, что онъ проводилъ программу соціалистовъ-революціонеровъ.

Хотя послѣ нашего объясненія Аметъ еще увѣреннѣе сказалъ, что разрѣшеніе на выѣздъ мы получимъ въ ближайшіе дни, но на его обѣщаніе я вовсе не полагался, а посему рѣшилъ испробовать другое средство для выѣзда.

Я не упомянулъ, говоря о пріѣздѣ въ Одессу генерала Ballard, что онъ, придавая особое значеніе (очевидно оттого, что въ Яссахъ выразителемъ мнѣній делегаціи случайно пришлось быть мнѣ) моей поѣздкѣ на Западъ и желая облегчить мой проѣздъ во Францію, трудный уже по одному отсутствію сколько нибудь налаженныхъ морскихъ собщеній, отправился на своемъ миноносцѣ въ Ялту и привезъ оттуда письмо императрицы Маріи Федоровны къ ея сестрѣ, вдовствующей королевѣ англійской — Александрѣ. Снабдилъ онъ меня кромѣ того чѣмъ то въ родѣ открытаго листа къ англійскимъ военнымъ властямъ, въ которомъ, изобразивъ меня посланцемъ императрицы, просилъ объ оказаніи мнѣ всяческаго содѣйствія для проѣзда въ Англію.

Вооружившись этимъ документомъ, я отправился къ помощнику англійскаго верховнаго комиссара адмиралу Webb (самъ верховный комиссаръ, командующій англійской эскадрой, былъ въ отъѣздѣ). Адмиралъ этотъ, оказавшій намъ всѣмъ, когда мы его посѣтили, весьма любезный пріемъ, проявилъ къ моей просьбѣ о содѣйствіи къ проѣзду на Западъ чрезвычайную отзывчивость. Онъ мнѣ сказалъ, что можетъ меня немедленно доставить на миноносцѣ въ ближайшій итальянскій портъ, откуда мнѣ уже легко будетъ проѣхать дальше. «Мы моряки, добавилъ Webb, такъ любимъ и почитаемъ королеву Александру, что готовы для нея все сдѣлать». На мое заявленіе, что я ѣду не одинъ, что насъ 15 человѣкъ (кромѣ членовъ делегаціи и двухъ секретарей — Ландау и Чахотина съ нами ѣхала семья С. Н. Третьякова, состоящая изъ 7 человѣкъ), адмиралъ отвѣтилъ, что это усложняетъ дѣло. На миноносцѣ перевезти такое количество лицъ невозможно, а о времени отплытія большого судна, которыя ходятъ сравнительно рѣдко онъ сейчасъ сказать ничего не можетъ, но что во всякомъ случаѣ на первомъ отходящемъ суднѣ онъ намъ всѣмъ предоставитъ мѣсто.

Заручившись этимъ обѣщаніемъ, я вновь вмѣстѣ съ Шебеко посѣтилъ Амета, желая быть по отношенію къ нему корректнымъ и спросить, имѣетъ ли онъ что либо противъ моего отъѣзда на англійскомъ суднѣ. Изложилъ я это довольно туманно, такъ что въ результатѣ у адмирала, какъ это выяснилось впослѣдствіи, получилось впечатлѣніе объ отъѣздѣ насъ обоихъ — Шебеко и меня — и онъ тотчасъ заявилъ, что ничего противъ этого не имѣетъ.

Не надѣясь однако на скорое отплытіе насъ всѣхъ изъ Константинополя, я возбудилъ въ средѣ нашей делегаціи вопросъ о томъ, чтобы ради выигрыша времени поѣхать впередъ мнѣ одному, но встрѣтилъ опредѣленную оппозицію, въ особенности со стороны Милюкова. Партійная ревность разгорѣлась и среди нашихъ соціалистическихъ спутниковъ, и одни лишь Третьяковъ и Шебеко не возражали противъ моей одиночной поѣздки.

Я долженъ сказать, что такая же ревность проявилась и въ Яссахъ при командировкѣ въ Салоники Голіевскаго и Новикова. Полковникъ генеральнаго штаба Новиковъ, проявившій себя открытымъ приверженцемъ воинствующаго соціализма, былъ первоначально намѣченъ одинъ для этой поѣздки, причемъ выдвинули его

наши соціалисты — Титовъ и Фундаминскій. Тогда правое крыло Ясской делегаціи выдвинуло въ роли спутника Новикова — генерала Голіевскаго. Правда, что о причинахъ присоединенія Голіевскаго къ Новикову ничего не было сказано, но настаивало на этомъ правое крыло упорно, вопреки высказанному Новиковымъ пожеланію ѣхать одному, такъ какъ иначе по правиламъ воинскаго чинопочитанія онъ, полковникъ Новиковъ, обязанъ будетъ всецѣло подчиняться указаніямъ генерала Голіевскаго. Помирились на томъ, что оба эти офицеры облекаются одинаковыми полномочіями и они, насколько мнѣ извѣстно, мирно и дружно исполнили возложенное на нихъ порученіе.

Не знаю, чѣмъ бы кончились пререканія въ средѣ делегаціи по поводу моей единоличной поѣздки, если бы на другой же день адмиралъ Webb не увѣдомилъ меня, что въ тотъ же день вечеромъ уходитъ большой военный транспортъ «Hegoic» въ Таренту и что онъ самъ заѣдетъ за нами и нашими вещами и отвезетъ насъ въ своемъ автомобилѣ на пристань.

Не безъ большого спѣха и суеты удалось собрать всю нашу разошедшуюся по городу компанію. Какъ бы то ни было, къ назначенному времени, облѣпленные сундуками, мѣшками и тюками, принадлежавшими главнымъ образомъ семьѣ Третьяковыхъ, ожидали мы всѣ въ сборѣ пріѣзда адмирала. Съ совершенно необычайной любезностью принялся Webb таскать вмѣстѣ съ нами вещи на два свои автомобиля, которые двукратной поѣздкой доставили насъ на берегъ Босфора. Здѣсь насъ ожидалъ англійскій военный паровой катеръ, перевезшій насъ на военный транспортъ, гдѣ каждому изъ насъ была предоставлена отдѣльная каюта. Денегъ за проѣздъ съ насъ не взяли.

Передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ вспомнили мы, что надо дать о немъ знать Амету. Съ этой цѣлью Шебеко телефонировалъ во французское посольство гражданскому помощнику Амета — нѣкоему Foucque's du Pare.

— «Такъ Вы уѣзжаете вдвоемъ, отвѣтили изъ посольства, желаемъ Вамъ добраго пути».

— «Нѣтъ, мы ѣдемъ всѣ вмѣстѣ, въ полномъ составѣ делегаціи».

— «Какъ и Милюковъ?»

— «Да, и Милюковъ ѣдетъ съ нами».

Полное молчаніе. Разговоръ посольствомъ былъ сразу рѣзко прекращенъ.

Здѣсь сказалась та глухая непріязнь, которая ясно чувствовалась и временами выступала наружу между французами и англичанами. За громкими оффиціальными выраженіями обоюдной любви и солидарности скрывалось уже во время войны взаимное недовѣріе и злая шутка, тотчасъ послѣ окончанія войны превратившіяся въ нескрываемую въ ихъ частныхъ бесѣдахъ антипатію. Англичане въ нашемъ инцидентѣ были рады случаю оказать намъ услугу на зло французамъ.

Сказались одновременно и всѣ черты, какъ англійскія, такъ и французскія. Рабская зависимость агентовъ французской власти, даже высшихъ, отъ центра, а также ихъ мелочность и придирчивость въ вопросахъ даже совершенно третьестепенныхъ, ибо, спрашивается, какое значеніе могъ имѣть для Франціи пріѣздъ въ Парижъ нѣсколькихъ русскихъ общественныхъ дѣятелей, лишенныхъ какой бы то ни было «оріентаціи» и всякой реальной силы... Тутъ же выявилась самостоятельность и широта взглядовъ отдѣльныхъ представителей Англіи, не задумывающихся принять на свою отвѣтственность рѣшенія по вопросамъ, не имѣющимъ принципіальнаго значенія, безъ обращенія за ихъ разрѣшеніемъ къ главамъ своего правительства. Проявилась также и англійская задушевность по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ.

Англійская исконная политика, столь черствая, безжалостная и даже безпринципная уступаетъ мѣсто у отдѣльныхъ англичанъ, коль скоро вопросъ идетъ не о государственныхъ интересахъ, благородству и постоянной готовности оказать всякую помощь любому иностранцу, когда этимъ не затрагивается интересъ націи. Здѣсь они исходятъ изъ того же положенія, котораго не постигали вожди добровольческой арміи vetita privatim, publice jubentur и обратно. Совершенную противоположность представляетъ Франція. Руководствуясь въ общественной и государственной жизни высокими принципами права и правды, французы, какъ отдѣльныя личности, отличаются безсердечіемъ, мѣщанской скаредностью и полнымъ пренебреженіемъ къ чувствамъ и интересамъ людей, попавшихъ къ нимъ въ зависимость.

Яркія проявленія этой основной разницы между англійской и французской націей испытала наша родина съ одной стороны, а съ другой —русскіе бѣженцы при ихъ эвакуаціи весной 1919 года французами изъ Одессы и англичанами изъ Крыма.

Нашъ переходъ изъ Константинополя въ Таренту ничѣмъ примѣчательнымъ не ознаменовался. Осталось въ памяти посѣщеніе острова Лемноса, гдѣ нашъ транспортъ простоялъ цѣлый день. Лемносъ былъ въ то время англійской морской операціонной базой, къ чему онъ былъ особенно пригоденъ въ виду своей огромной и чудной по защищенности отъ морской волны бухтѣ. Самый островъ, въ береговой своей части плоскій, весьма мало возвышающійся надъ окружающимъ его моремъ и притомъ лишенный всякой древесной растительности производилъ удручающее впечатлѣніе. Не думалъ никто изъ насъ въ то время, что на этомъ, спаленномъ лучами южнаго солнца, пустынномъ берегу, отмѣченномъ лишь бараками, сооруженными англичанами для храненія различнаго военнаго имущества и боевыхъ припасовъ, придется въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ протомиться заброшеннымъ сюда волею судебъ и жестокосердіемъ «союзниковъ» сынамъ вольнаго тихаго Дона.

Сокративъ нашъ путь проходомъ черезъ величественный Коринфскій каналъ, отсѣкшій Пелопонезъ отъ европейскаго материка, и благополучно пройдя мимо многочисленныхъ подводныхъ минъ, свободно плававшихъ по всему Средиземному морю, мы, наконецъ, подошли къ Итальянскому военному порту Тарента, гдѣ за надежными брекватерами и желѣзными воротами, запирающими входъ въ обширный внутренній бассейнъ, спокойно простоялъ въ полной безопасности въ теченіе всей войны итальянскій боевой флотъ, столь же мощный своими судовыми единицами, сколь слабый боевыми качествами своего личнаго состава.

Англичане и здѣсь проявили къ намъ необычайную любезность. Пользуясь своимъ положеніемъ, они, не обращая никакого вниманія на мѣстныя итальянскія власти, привезли насъ на берегъ, доставили на станцію желѣзной дороги весь нашъ многочисленный багажъ, усадили въ спальный вагонъ, мѣста въ которомъ они для насъ заранѣе задержали по безпроволочному телеграфу, и напутствовали добрыми пожеланіями.

Въ Римѣ, куда мы прибыли на другой день утромъ, на мнѣ конкретно оправдалась старая, средневѣковая пословица «всѣ пути ведутъ въ Римъ». Дѣйствительно здѣсь сомкнулся для меня кругъ, который мнѣ пришлось за сравнительно короткій срокъ совершить вокругъ центральной Европы. Въ 1916 году попалъ я въ Римъ, въ составѣ посѣтившей эту столицу русской парламентской делегаціи, черезъ Торнео, Бергенъ, Ньюкастль, Лондонъ и Парижъ, а теперь — 18 мѣсяцевъ спустя — черезъ Одессу, Константинополь, Афины и Таренту. Но, Боже, какая разница между этими двумя посѣщеніями.

Никогда я не забуду той восторженной овація, которую намъ, представителямъ великой, мощной Россіи, сдѣлала въ то время впечатлительная римская толпа. Это

было въ день посѣщенія нами итальянской палаты депутатовъ. Населеніе, узнавъ, что мы тамъ находимся, заполнило всѣ прилегающіе площади, улицы и переулки. Происходило это въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда въ Римѣ чуть не ежечасно получались все болѣе радостныя свѣдѣнія о нашихъ громовыхъ успѣхахъ на юго-западномъ фронтѣ, объ огромномъ количествѣ забранныхъ нами въ плѣнъ австрійцевъ., превышавшемъ 600 тысячъ. Для Италіи успѣхи эти имѣли исключительное значеніе; они означали освобожденіе Италіи отъ той огромной опасности, которой она въ то время подвергалась отъ побѣдоноснаго шествія австрійскихъ войскъ по направленію къ Венеціи и Падуѣ. Австрія дѣйствительно была вынуждена спѣшно перебросить свои наступавшія на Италію войска на ея оголенный нашими побѣдами восточный фронтъ. Неудивительно поэтому, что выйдя изъ палаты депутатовъ, мы были положительно захвачены толпой. Лишь съ чрезвычайнымъ трудомъ и продвигаясь съ чрезвычайной медленностью, удалось нашимъ автомобилямъ проѣхать среди нея. Крики «evviva Rossia» провожали насъ на всемъ протяженіи нашего пути. Подножки нашихъ автомобилей были облѣплены; намъ пожимали руки, забрасывали цвѣтами. Чувство національной гордости, принадлежности къ великому народу, къ великой странѣ было затронуто въ насъ въ высшей степени. Надо было испытать это чувство, чтобы почувствовать всю его невыразимую сладость. И тутъ имѣло огромное значеніе именно то, что не мы лично, совершенно неизвѣстные римскому населенію отдѣльные люди, были предметомъ народныхъ овацій. Тутъ чествовался нашъ народъ, наша страна. Мы являлись лишь случайными ея представителями, но въ насъ видѣли отраженіе великой Россіи и на насъ отражалась вся ея мощь, все ея величіе, «какъ солнцѣ въ малой каплѣ воды».

Вспомнилъ, вѣроятно, и Милюковъ тотъ исключительный успѣхъ, который имѣли въ Римѣ произнесенныя имъ тамъ рѣчи. «Un altro discorso del Signor Miliukoff», такъ озаглавлены были крупнымъ шрифтомъ номера газетъ, заключавшихъ его вторую, послѣ первой, прельстившей итальянцевъ, рѣчь.

И вотъ мы остались тѣми же, чѣмъ были раньше, но померкло то солнце, которое въ насъ отражалось, и мы тотчасъ почувствовали какъ свое личное ничтожество, такъ и то безмѣрное значеніе, которое имѣетъ для человѣка принадлежность къ тому или иному національному цѣлому, и какъ степень обаянія этого цѣлаго конкретно сказывается въ отношеніяхъ къ нему окружающей международной среды.

Рухнувшая великая имперія увлекла въ своемъ катастрофическомъ паденіи весь тотъ авторитетъ, весь престижъ, которыми дотолѣ обладали внѣ своихъ предѣловъ Россія и русскій народъ. Въ лучшемъ случаѣ являлись мы предметомъ обиднаго сожалѣнія, да и оно оказывалось въ видѣ милости.

Слова «родина», «государство», не столько забытыя, сколько оплеванныя частью русской революціонной интеллигенціи, вдругъ пріобрѣли свое истинное, огромное и вполнѣ реальное значеніе.

Въ Римѣ наше національное униженіе не ощущалось, однако, такъ рѣзко и такъ болѣзненно, какъ впослѣдствіи при посѣщеніи Лондона, а въ особенности Парижа. Здѣсь наше посольство сумѣло сохранить еще до извѣстной степени свое значеніе и мѣстное правительство продолжало повидимому съ нимъ считаться. Со стороны нашего посольства въ Римѣ мы встрѣтили привѣтливый пріемъ. Совѣтникъ посольства Персіани (посолъ Гирсъ находился въ Парижѣ) и повѣренный при Ватиканѣ Лысаковскій насъ тотчасъ ознакомили съ общимъ положеніемъ «русскаго вопроса».

По ихъ словамъ, главнымъ препятствіемъ оказанію реальной помощи Россіи со стороны Антанты являлись западно-европейскія соціалистическія партіи. Вожаки

ихъ съ жаромъ требовали не борьбы съ большевиками, а, наоборотъ, ихъ признанія законнымъ правительствомъ Россіи. Играя на усталости народовъ и войскъ, соціалистамъ легко было поддерживать среди нихъ враждебное отношеніе къ самой мысли о походѣ въ Россію.

При посредствѣ нашего посольства мы были тотчасъ приняты товарищемъ иностранныхъ дѣлъ. Предсѣдатель совѣта министровъ Орландо и министръ иностранныхъ дѣлъ Соннино уѣзжали въ тотъ же день въ Парижъ и любезно передали намъ, что разсчитываютъ свидѣться съ нами тамъ.

Безпрепятственно получивъ, черезъ посредство того же нашего посольства, визы на Францію, мы черезъ двое сутокъ устремились въ Парижъ.

VI.

Пріѣздъ въ Парижъ. Непріязненное отношеніе къ нашей делегаціи французскаго правительства и В. А. Маклакова. Отъѣздъ въ Лондонъ. Положеніе нашего представителя въ Лондонѣ. Условія общественной работы въ Лондонѣ и въ Парижѣ. Возвращеніе въ Парижъ. Политическое совѣщаніе при русскомъ посольствѣ. Посѣщеніе французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Пишона.

Парижъ насъ встрѣтилъ во всѣхъ отношеніяхъ непривлекательно и хмуро. Былъ холодный, дождливый день и все было окутано туманомъ. На станціи насъ встрѣтилъ какой то французскій офицеръ, оказавшійся мобилизованнымъ канцелярскимъ чиновникомъ нашего посольства. Городъ былъ еще сравнительно пустъ, движеніе на улицахъ незначительное, отчасти за малымъ количествомъ таксомоторовъ: большинство ихъ было реквизировано еще въ началѣ войны, а новые еще не появились. Гостиницы были однако переполнены: уже начался съѣздъ безчисленнаго количества причастныхъ къ предстоявшей мирной конференціи, а также возвращеніе съ фронта нѣкоторыхъ частей союзныхъ войскъ. На улицѣ встрѣчались въ множествѣ англійскіе, австралійскіе, а въ особенности, американскіе офицеры и солдаты — они то и заполняли парижскія гостиницы. Еще явственно ощущались послѣдствія войны. Сахара почти не было — его замѣнялъ сахаринъ, хлѣбъ выдавался по карточкамъ. Уличное освѣщеніе за недостаткомъ угля сокращено до минимума.

Но это была лишь внѣшняя сторона, намъ безразличная. Безконечно хуже былъ пріемъ, оказанный намъ французскимъ правительствомъ и... нашимъ посломъ В. А. Маклаковымъ.

Получивъ отъ сего послѣдняго, послѣ переговоровъ по телефону милостивое разрѣшеніе къ нему явиться въ 9 часовъ вечера, мы услышали отъ него горькія сѣтованія по поводу нашего пріѣзда. Не поинтересовавшись вовсе ни цѣлью нашего пріѣзда, ни причинами, его вызывавшими, онъ намъ заявилъ, что французское правительство въ ярости отъ нашего прибытія все на томъ же основаніи нахожденія во главѣ депутаціи Милюкова, для Франціи непріемлемаго вслѣдствіе его... измѣны. То, что Милюковъ не возглавляетъ депутаціи, а состоитъ лишь однимъ изъ ея членовъ, положенія не измѣняетъ, тѣмъ болѣе, что всѣ газеты сообщили о пріѣздѣ депутаціи Милюкова, сопроводивъ это сообщеніе нелестными по его адресу замѣчаніями.

Далѣе Маклаковъ сообщилъ, что его вызвалъ Пишонъ — министръ иностранныхъ дѣлъ, и отъ имени Клемансо передалъ ему его крайнее неудовольствіе и опредѣленное распоряженіе: «qu'ils s'en aillent d'ici». Подлинныя слова Клемансо были вѣроятно красочнѣе. Попали мы къ тому же, по словамъ Маклакова, во Францію лишь случайно, ибо въ Константинополь, а затѣмъ въ Римъ было дано знать о невыдачѣ намъ визъ, а на итальянскую границу — о непропускѣ насъ во Францію.

Заявленія эти, сопровожденныя указаніемъ на необходимость тотчасъ оставить Парижъ, насъ, разумѣется въ высшей степени поразили. Тутъ только мы сообразили, что намъ слѣдовало разстаться съ Милюковымъ еще въ Константинополѣ, коль скоро намъ стало извѣстно, что французское правительство, да и общественность относятся къ его личности отрицательно. Да и то сказать, иниціатива, казалось бы, должна была исходить отъ него самого. Не дооцѣнили мы французскаго мелочнаго, щекотливаго самолюбія. Побѣдители въ міровой войнѣ, казалось, должны были быть выше этого. Подобная мнительность понятна у униженныхъ и побѣжденныхъ и совершенно непонятна у возвеличенныхъ и торжествующихъ.

Но это была лишь одна сторона вопроса. Меня поразило во всемъ этотъ инцидентѣ другое, а именно роль нашего посла, повидимому, превратившагося въ послушнаго исполнителя приказаній французскаго правительства. Я не могъ понять, какимъ образомъ Маклаковъ, который къ тому времени могъ черпать свою силу, только опираясь на ту русскую общественность, выразителями которой были члены нашей делегаціи, и притомъ самъ старый общественный дѣятель, не заступился самымъ рѣшительнымъ образомъ за представителей, какъ ни на есть, всего русскаго антибольшевицкаго фронта. Если даже допустить, что онъ не былъ въ состояніи отстоять передъ французами Милюкова, то вѣдь за другими членами делегаціи никакихъ винъ по отношенію къ Франціи не числилось и намъ таковыя никѣмъ не приписывались.

Положеніе Маклакова въ Парижѣ было несомнѣнно весьма трудное, тѣмъ болѣе, что онъ не успѣлъ представить свои вѣрительныя грамоты до паденія временнаго правительства, которымъ онъ былъ аккредитованъ, а посему оффиціально признаннымъ Франціей посломъ ни единой минуты не былъ. Дабы удержаться на положеніи хотя бы полупризнаннаго посла государственной Россіи, онъ поневолѣ вынужденъ былъ идти на компромиссы. Въ результатѣ получилось представленіе, что изъ защитника русскихъ интересовъ во Франціи Маклаковъ превратился въ проводника французскихъ пожеланій въ русскіе общественные круги.

Изъ отношенія Маклакова къ нашей делегаціи я кромѣ того пришелъ къ убѣжденію, что нашъ пріѣздъ ему по существу едва ли не болѣе непріятенъ, нежели сумасбродному Клемансо, для котораго фактически онъ не могъ имѣть существеннаго значенія. Наоборотъ, Маклаковъ не могъ не понимать, что его полномочія, формально даже меньшія, нежели наши, которыя все же исходили отъ организацій существующихъ, тогда какъ своими полномочіями онъ былъ облеченъ безвозвратно потонувшимъ въ Летѣ временнымъ правительствомъ. Пріѣздъ Милюкова долженъ былъ быть ему особенно непріятенъ, ибо именно подписью Милюкова, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ первыхъ недѣлъ существованія временнаго правительства, были скрѣплены его вѣрительныя грамоты. Посему, если признавать погибшее прошлое, то уже лучше въ лицѣ давшаго извѣстныя полномочія, нежели получившаго ихъ. Будь, слѣдовательно, Милюковъ пріемлемъ для Франціи, онъ могъ бы легко занять въ Парижѣ такое положеніе, которое свело бы положеніе Маклакова къ нулю. Трудно было при такихъ условіяхъ ожидать, что Маклаковъ приложитъ какія либо старанія къ реабилитаціи Милюкова въ глазахъ французскаго правительства.

Исходя изъ всего этого и возмущенный столь быстрой утратой обаянія русскаго имени въ той Франціи, которая безъ самоотверженнаго содѣйствія русской военной силы давно была бы стерта въ порошокъ Германіей, я высказалъ Маклакову все, что думалъ объ его образѣ дѣйствій. «Казалось бы, сказалъ я между прочимъ, что представителю Россіи, оторванному отъ нея въ теченіе 14 мѣсяцевъ, самому важно прежде всего знать, что творится въ странѣ, интересы которой онъ призванъ отстаивать. Вѣдь со времени большевицкаго переворота мы первые русскіе

люди, отъ которыхъ вы можете услышать вполнѣ обоснованное описаніе существующаго тамъ положенія. Между тѣмъ всѣ ваши заботы сводятся къ тому, чтобы насъ скорѣе отсюда сплавить. Вы даже не поинтересовались насъ спросить, что творится въ Россіи, каково положеніе большевицкой власти и есть ли надежда на ея скорое сверженіе».

Послѣ этого, само собой разумѣется, послѣдовалъ между Маклаковымъ и мною рѣзкій обмѣнъ мнѣній, конечно не содѣйствовавшій измѣненію его отношенія къ нашей делегаціи, а посему мы лишены были всякой возможности даже попытаться осуществить нашу миссію. Между тѣмъ, делегація наша могла бы оказать тому же Маклакову существенную помощь въ его дипломатической работѣ. Отъ него зависѣло расшумѣть насъ, придать намъ въ глазахъ французскаго правительства и общественности даже большее значеніе нежели мы имѣли, словомъ насъ всецѣло использовать. По существу это могло лишь укрѣпить его собственное положеніе, такъ какъ никому изъ насъ и въ голову не приходило развѣнчивать положеніе нашего посла. Съ Милюковымъ включительно мы желали лишь укрѣпить его престижъ. Въ этихъ видахъ ему нужно было самому какъ бы стать во главѣ прибывшей делегаціи и вмѣстѣ съ ней посѣтить видныхъ французскихъ политическихъ дѣятелей.

Талантливый адвокатъ, блестящій ораторъ, Маклаковъ, увы, не былъ созданъ для роли отвѣтственнаго представителя великаго государства, роли, исполняемой впослѣдствіи, надо это съ прискорбіемъ признать, съ большимъ достоинствомъ посланцами большевиковъ, даромъ, что большинство ихъ не принадлежитъ къ русскому племени.

Я долженъ впрочемъ прибавить, что въ представленіи Маклакова могла быть и иная причина, оправдывающая его отрицательное, чтобы не сказать враждебное, отношеніе къ нашей делегаціи, а именно участіе въ ней Шебеко, а въ особенности меня, слывущаго, не безъ основаній, за приверженца правыхъ монархическихъ убѣжденій.

Была впрочемъ, повидимому, и иная причина, по которой я также не былъ persona grata для Клемансо. Зависѣла она отъ того положенія, которое занялъ въ Парижѣ высланный Керенскимъ изъ Россіи братъ мой, бывшій одно время начальникомъ штаба верховнаго главнокомандующаго. Онъ громко и рѣзко заявлялъ повсюду, что Россію, а тѣмъ болѣе ея участіе въ міровой войнѣ, можетъ возродить только монархія. Это уже не нравилось Клемансо, а къ этому еще прибавилось бывшее у брата личное острое столкновеніе съ Клемансо по поводу перевоза тѣла своей жены изъ сферы военныхъ дѣйствій, гдѣ она, работая въ передовомъ лазаретѣ, была убита бомбой, брошенной съ аэроплана.

По поводу участія въ нашей делегаціи представителей праваго крыла нашей общественности надо прибавить, что если въ предѣлахъ Россіи даже соціалистическія партіи понимали, что правое теченіе въ ней отнюдь не умерло, что безъ участія его представителей Россія, какъ таковая, не можетъ быть представлена, то на Западѣ, при его сказочномъ незнакомствѣ съ условіями жизни нашей родины, господствовало убѣжденіе, что правыя политическія партіи въ Россіи никакихъ корней въ толщѣ населенія не имѣютъ и представляютъ лишь жалкіе обломки безвозвратнаго прошлаго; шли на Западѣ даже дальше и полагали, что всѣ буржуазные элементы страны лишились въ Россіи всякой мощи и даже значенія. Соціалисты одни нынѣ могутъ играть какую либо роль въ Россіи, думалъ весь Западъ. Недалекъ былъ, повидимому, отъ этого взгляда и самъ Маклаковъ и во всякомъ случаѣ считалъ, что лишь въ союзѣ съ соціалистами и примкнувшими къ нимъ, при полномъ отчужденіи отъ всякихъ правыхъ элементовъ, можетъ онъ добиться отъ странъ согласія, въ част-

ности отъ Франціи, какой либо реальной помощи для сверженія большевицкаго ига. Наглядно доказываетъ это то окруженіе, которое онъ вокругъ себя создалъ. Но объ этомъ позднѣе.

Сила солому ломитъ; что могли мы, представители лишившейся всякаго международнаго обаянія русской общественности, сдѣлать, имѣя противъ себя и французское правительство, въ лицѣ его своенравнаго главы, и представителя во Франціи интересовъ той же русской общественности. Ясно, что мы должны были исчезнуть ad majorem Маклакова laetitiam. Дѣйствительно не прошло и трехъ дней, какъ мы уныло поплелись въ Лондонъ, хотя было совершенно ясно, что вся наша миссія вылетѣла въ трубу и что мы могли съ такимъ же успѣхомъ вернуться во свояси.

Кто могъ придать въ Англіи значеніе делегаціи, безцеремонно выкинутой изъ предѣловъ ея союзницы, которая къ тому же играла въ то время среди странъ согласія, по крайней мѣрѣ по видимости, первенствующую роль.

Правда передъ нашимъ отъѣздомъ Маклаковъ обѣщалъ «выхлопотать» у Клемансо черезъ Пишона разрѣшеніе намъ вернуться во Францію и здѣсь все же попытаться повидаться съ вліятельными политическими дѣятелями. Но въ нашемъ дѣлѣ отсрочка была равносильна утратѣ имъ всякаго значенія.

Передъ отъѣздомъ изъ Парижа делегація наша единогласно рѣшила разстаться съ Милюковымъ, подвергнутымъ окончательному остракизму изъ Франціи, остракизму, продолжавшемуся около двухъ лѣтъ. Присутствіе Милюкова въ нашей средѣ могло поставить насъ въ Лондонѣ въ столь же тяжелое положеніе, въ какомъ мы очутились въ Парижѣ. Достигли мы этого однако не сразу. Наше предложеніе Милюкову замѣнить себя въ нашей средѣ какимъ либо инымъ членомъ кадетской партіи, недостатка въ которыхъ въ Парижѣ, да и въ Лондонѣ, не было — онъ рѣшительно отвергъ.

Помирились подъ конецъ на томъ, что въ Англію мы выѣдемъ съ нимъ вмѣстѣ, но въ Лондонѣ онъ уже къ нашему составу принадлежать не будетъ и во всѣхъ нашихъ выступленіяхъ участія не приметъ.

Въ Лондонѣ насъ ожидалъ новый сюпризъ, хотя и мелкій, но еще рѣзче характеризовавшій отношеніе нашихъ дипломатическихъ представителей къ представителямъ русской общественности.

Предполагая, что, по примѣру Парижа, гостиницы Лондона также переполнены, мы телеграфировали исполнявшему обязанность посла совѣтнику нашего посольства Набокову просьбу задержать намъ какое либо помѣщеніе. Необходимо это было тѣмъ болѣе, что изъ Франціи насъ, по просту говоря, вытолкнули какъ разъ въ Рождественскій сочельникъ и ,слѣдовательно, въ Лондонъ мы должны были пріѣхать въ самый день Рождества, когда весь городъ представляетъ пустыню и даже лишенъ средствъ сообщеній. Однако, на лондонской станціи насъ никто не встрѣтилъ и, когда мы не безъ труда добились телефоннаго сообщенія съ нашимъ посольствомъ, то намъ оттуда сообщили, что всѣ гостиницы Лондона переполнены, и посему помѣщенія для насъ не удалось задержать.

Очутились мы такимъ образомъ въ томъ же положеніи, въ которомъ Шебеко и я были мѣсяца за два передъ тѣмъ въ Екатеринодарѣ, съ той существенной разницей, что тамъ были по крайней мѣрѣ извозчики, а здѣсь, благодаря праздничному дню, и ихъ не было. Пришлось въ совершенно незнакомомъ городѣ - лабиринтѣ распутываться самимъ. Не стану описывать нашихъ дальнѣйшихъ похожденій. Въ концѣ концовъ, мы разумѣется устроились.

Въ тотъ же день побывали мы, конечно, и въ посольствѣ, гдѣ опять пришлось высказать нѣсколько кислыхъ словъ нашему представителю, впрочемъ отнесшемуся

къ нашему пріѣзду безъ непріязни, а просто индиферентно. Русскіе люди, пребывавшіе съ давнихъ поръ за границей и не испытавшіе того, къ чему привелъ въ Россіи захватъ власти большевиками, были совершенно иначе настроены, нежели мы, видѣвшіе воочію, во что превращаетъ страну хозяйничанье шайки преступныхъ изувѣровъ. По нимъ мы могли судить о степени индиферентизма къ несчастіямъ нашей родины иностранцевъ, положеніе которыхъ послѣ изнурительной войны было у самихъ незавидное.

Отъ Набокова мы услышали лишь безконечныя іереміады о трудности его положенія. Нашу миссію онъ признавалъ совершенно безнадежной. Трудность положенія Набокова существовала несомнѣнно, но, какъ мы впослѣдствіи узнали, происходила она въ значительной степени отъ его собственнаго образа дѣйствій. Занимая довольно продолжительное время постъ совѣтника русскаго посольства въ Лондонѣ, Набоковъ успѣлъ себѣ составить тамъ, какъ въ дипломатическомъ, такъ и въ политическомъ мірѣ довольно обширныя связи. Испортилъ онъ свое положеніе тѣмъ, что послѣ первой, февральской революціи, громко и повсемѣстно высказывалъ свое удовольствіе по поводу сверженія монархіи. Англичане прежде всего цѣнятъ корректность. Они не могли понять, какимъ образомъ долголѣтній представитель царскаго правительства, облеченный къ тому же придворнымъ званіемъ, могъ со дня на день повернуться спиной ко всему прошлому, которому самъ же служилъ, и поклоняться новымъ еще ничѣмъ себя не проявившимъ богамъ. Англійскіе друзья Набокова сочли этотъ поступокъ некорректнымъ и не замедлили отъ него отвернуться.

Впрочемъ, примѣръ Набокова, его крутой политическій volte face, далеко не единичный: онъ свидѣтельствовалъ о глубокомъ разложеніи, о гнилости рухнувшаго режима.

Словомъ, если Маклаковъ не желалъ намъ помочь исполнить нашу трудную миссію, то Набоковъ просто не могъ этого сдѣлать, и мы были предоставлены въ Лондонѣ, какъ и въ Парижѣ, собственнымъ силамъ. Силы же наши были тѣмъ болѣе слабыя, что въ Лондонѣ наша делегація представляла лишь оба фланга русской общественности — опредѣленно соціалистическій и опредѣленно консервативно-монархическій. Середина изъ нашей делегаціи выпала, такъ какъ, кромѣ Милюкова, съ которымъ мы разстались сознательно, выбылъ и Третьяковъ, оставшійся въ Парижѣ вслѣдствіе болѣзни одного изъ его дѣтей. Для Третьякова Маклаковъ соблаговолилъ сдѣлать исключеніе и получилъ для него разрѣшеніе остаться въ Парижѣ, чѣмъ еще очевиднѣе выяснилось, что отъ него вполнѣ зависѣло предоставить намъ всѣмъ, скажемъ, за исключеніемъ Милюкова, дѣйствительно вооружившаго противъ себя Клемансо, возможность остаться въ Парижѣ и тамъ въ мѣрѣ нашихъ силъ и разумѣнія исполнить возложенное на насъ порученіе.

Само собой разумѣется, что при такихъ условіяхъ намъ не удалось даже проникнуть къ находившимся у власти англійскимъ политическимъ дѣятелямъ. Не безъ труда добились мы пріема у товарища министра иностранныхъ дѣлъ — Грэхама. Впрочемъ самъ миинстръ иностранныхъ дѣлъ — лордъ Хардингъ, равно какъ премьеръ Ллойдъ Джорджъ, были уже въ Парижѣ для участія въ прелиминарныхъ разговорахъ союзниковъ по предстоявшей мирной конференціи.

Грэхаму мы высказали лишь одно пожеланіе, а именно, чтобы союзники намъ дали опредѣленный отвѣтъ, намѣрены ли они оказать дѣйствительную помощь Россіи или нѣтъ и въ утвердительномъ случаѣ объяснили бы, въ чемъ помощь ихъ будетъ состоять и въ какой срокъ осуществится, дабы русскія борющіяся съ большевизмомъ силы знали, чего держаться и согласовали бы съ этимъ свои дѣйствія. Грэхамъ, повидимому, призналъ правильность нашего пожеланія, но объяснилъ, что для раз-

рѣшенія этого вопроса намъ слѣдуетъ отправиться въ Парижъ, гдѣ нынѣ находятся всѣ главы союзныхъ государствъ.

Еще разъ пришлось пожалѣть о нашемъ изгнаніи изъ Парижа, гдѣ, увы, наше дипломатическое представительство не сумѣло дать этому вопросу приведенную единственно правильную постановку. Послѣднее и привело къ тому, что союзники въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ (до ноября 1920 г.), не отказывая намъ въ помощи и даже частично по временамъ ее проявляя, фактически лишь содѣйствовали ослабленію и разрушенію русской государственной мощи.

Если въ правительственныхъ кругахъ Англіи намъ не удалось даже, за упомянутымъ исключеніемъ, толково изложить цѣль нашего пріѣзда, а тѣмъ болѣе высказать нашу точку зрѣнія на большевизмъ и представляемую имъ міровую опасность, то въ нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ это оказалось вполнѣ возможнымъ.

Наши коллеги соціалисты завязали сношенія съ представителями англійскихъ соціалистическихъ круговъ и тамъ проводили то неоспоримое положеніе, что большевики опаснѣйшіе враги соціализма, какъ его понимаютъ англійскіе рабочіе круги. Они держали насъ въ курсѣ предпринимаемыхъ ими шаговъ, и вообще я долженъ сказать, что за все время нашей совмѣстной, правда иллюзорной, дѣятельности мы дѣйствовали вполнѣ солидарно и даже дружно и никакихъ конфликтовъ между нами не возникало.

Вообще общественная работа въ Англіи для иностранцевъ, желающихъ ознакомить страну со своими взглядами и устремленіями, безмѣрно легче, нежели во Франціи. Содѣйствуетъ этому прежде всего широкій интересъ англійской общественности къ самымъ разнообразнымъ вопросамъ, хотя бы они непосредственно не затрагивали чисто англійскихъ интересовъ. Страна мореплавателей, раскинувшая своихъ сыновъ по всѣмъ частямъ свѣта, естественно отличается болѣе широкимъ умственнымъ горизонтомъ, нежели страны, замкнувшіяся въ себѣ и подобно Франціи централизировавшія едва ли не всю свою культурную силу въ одномъ пунктѣ— Парижѣ. Вслѣдствіе этого во Франціи сколько нибудь широкая публика, кромѣ чисто мѣстныхъ вопросовъ, рѣшительно ничѣмъ не интересуется, и вообще отличается въ вопросахъ международныхъ крайнимъ невѣжествомъ. Отражается это прежде всего въ повременной печати. Парижская пресса, по содержанію вообще убогая, почти всецѣло заполнена сообщеніями о мѣстныхъ происшествіяхъ, причемъ особенное вниманіе обращено на уголовную хронику. Кромѣ того, она отличается откровенной продажностью. Помѣстить статью или замѣтку по любому вопросу изъ области международной политики можно въ любой газетѣ любого направленія, но исключительно за плату и притомъ высокую. Исключеніе составляютъ органы обоихъ крайнихъ фланговъ — коммунистическаго и ройялистическаго. Въ нихъ соблюдается строжайшая партійность. Въ остальной массѣ органовъ печати можно сплошь и рядомъ усмотрѣть рѣзкіе переходы по вопросамъ, касающимся какихъ либо иностранныхъ государствъ, съ одной точки зрѣнія на другую, обратную. На выраженное желаніе помѣстить статью по украинскому вопросу редакція одного изъ крупнѣйшихъ органовъ французской печати мнѣ цинично отвѣтила: «passez à la caisse». Дѣлается это, слѣдовательно, совершенно явно и прикрывается именемъ «publicité».

Совершенно иначе поставлена англійская пресса. Помѣстить статью въ пользу защищаемаго тезиса, коль скоро онъ не противорѣчитъ взгляду, проводимому самой газетой, не представляетъ труда. Это тѣмъ болѣе легко, что каждый номеръ англійскихъ ежедневныхъ газетъ представляетъ по объему цѣлую книгу. Разнообразіе имѣющихся въ Англіи мнѣній обуславливаетъ и множество различныхъ

печатныхъ органовъ, что и даетъ возможность найти такой органъ, который въ общемъ поддерживаетъ ту точку зрѣнія, которую отстаиваешь и стремишься проводить.

Столь же легко въ Англіи собрать многочисленную аудиторію для публичнаго сообщенія на любую тему. Во Франціи и это невозможно. За исключеніемъ злободневныхъ вопросовъ, близко затрагивающихъ въ данную минуту французскіе, преимущественно матеріальные интересы, никакое сообщеніе сколько-нибудь многочисленной публики не соберетъ, а тѣ, что приходятъ, состоятъ исключительно изъ вашихъ же единомышленниковъ, а слѣдовательно убѣждать ихъ безполезно. Это значитъ, просто ломиться въ открытую дверь. Въ Лондонѣ, наоборотъ, среди любой аудиторіи всегда найдутся лица, не раздѣляющія мнѣнія докладчика и готовыя вступить съ нимъ, какъ выражаются большевики, въ дискуссію. Вліять при такихъ условіяхъ на англійское общественное мнѣніе всегда возможно, притомъ не безуспѣшно. Къ тому же въ Лондонѣ съ его многочисленными политическими клубами можно найти опору для своей дѣятельности въ той или иной партійной группировкѣ.

Всѣ эти условія мы испытали тотчасъ по пріѣздѣ въ Лондонъ, хотя лично почти никакими связями не обладали, а наше посольство, какъ я уже упомянулъ, отчасти не дало себѣ этого труда, отчасти не могло.

Начать съ того, что одинъ изъ крупнѣйшихъ политическихъ клубовъ Лондона — National liberal club далъ намъ доступъ въ свою среду на опредѣленный, если не ошибаюсь, мѣсячный срокъ. По уставу клуба для болѣе продолжительнаго права его посѣщенія надо вступить въ его постоянные члены, что впрочемъ достигается безъ труда, но связано съ довольно крупной ежегодной платой. Но этимъ клубъ не ограничился. Онъ устроилъ въ своихъ стѣнахъ, въ одной изъ своихъ многочисленныхъ залъ, публичное собраніе, на которомъ мы получили возможность сдѣлать сообщеніе о положеніи Россіи и о томъ, что представляетъ большевизмъ.

Устроилъ въ нашу честь многолюдный банкетъ и British-Russian club, членами коего состоятъ англійскіе промышленники, имѣющіе предпріятія въ Россіи (изъ нихъ многіе въ теченіе долгихъ лѣтъ жили въ Россіи и мечтаютъ лишь о скорѣйшемъ возвращеніи туда; они даже просили насъ произнести въ дополненіе къ нашимъ англійскимъ банкетнымъ рѣчамъ нѣсколько словъ по русски, вызвавшихъ среди нихъ неподдѣльный энтузіазмъ).

British-Russian club велъ въ ту пору дѣятельную пропаганду въ пользу англійской матеріальной помощи русскимъ силамъ, борющимся съ большевиками. Онъ печаталъ брошюры на эту тему, использовалъ съ той же цѣлью сочувствующую этой мысли прессу и устраивалъ въ тѣхъ же видахъ многолюдныя публичныя собранія, предсѣдательствуемыя видными политическими дѣятелями. Наиболѣе энергичнымъ членомъ этого клуба былъ Лесли Урквардъ, столь впослѣдствіи нашумѣвшій своей попыткой сговориться съ совѣтской властью по вопросу о возвращеніи акціонерамъ Киштымскаго металлургическаго предпріятія.

Нѣкоторые изъ насъ были приглашены и въ City luncheon club, средоточіе мѣстныхъ крупныхъ промышленниковъ, и тамъ имѣли возможность сдѣлать сообщеніе по русскому вопросу.

Словомъ общественная работа русскихъ политическихъ дѣятелей въ Лондонѣ была и есть возможна, однако работа эта длительная и хотя несомнѣнно полезная, но достигнуть реальныхъ результатовъ ею одною едва ли возможно.

Еще болѣе или, вѣрнѣе. совершенно безнадежно провести что либо черезъ посредство королевскаго двора. Англійская королевская семья, связанная узами родства съ русскимъ императорскимъ домомъ, несомнѣнно относится вполнѣ враждеб-

но къ большевикамъ, но оказать какое-либо вліяніе на англійскую политику рѣшительно не въ состояніи. Королева Александра, весьма любезно меня принявшая, рекомендовала меня одному лицу, могущему мнѣ помочь войти въ сношеніе съ нѣкоторыми оффиціальными лицами. Вошелъ я такимъ образомъ въ связь съ нѣкоторыми вліятельными лицами изъ англійскаго военнаго міра, по убѣжденіямъ въ общемъ весьма консервативнаго. Лица эти высказывали большое сочувствіе къ Россіи, причемъ тутъ, вѣроятно, играло роль чувство братства по оружію. Однако, и эти лица сказали мнѣ, что о посылкѣ англійскихъ войскъ въ Россію не можетъ быть и рѣчи. Демобилизацію своихъ войскъ Англія вынуждена произвести немедленно, иначе ей угрожаютъ военные бунты (въ Folkestone такой бунтъ произошелъ черезъ нѣсколько дней послѣ бесѣды съ лицами изъ War office).

По словамъ моихъ собесѣдниковъ въ War office возникла, однако, мысль образовать, со спеціальной цѣлью ихъ посылки въ Россію, нѣсколько дивизій изъ добровольцевъ. Для этого, по ихъ словамъ, нужны были только деньги, добровольцевъ же будетъ сколько угодно, такъ какъ многіе солдаты да и офицеры утратили со вступленіемъ въ ряды войскъ свои прежніе заработки и послѣ демобилизаціи не легко и во всякомъ случаѣ не сразу пріищутъ себѣ вновь платныя занятія. Вотъ эта категорія и можетъ составить въ общемъ цѣлую армію волонтеровъ, причемъ большихъ лишнихъ расходовъ это не вызоветъ, такъ какъ англійское правительство все равно вынуждено будетъ оказывать безработнымъ денежную помощь.

Если таковы были предположенія нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ изъ War office, то совершенно иные взгляды понемногу обнаруживались у главы англійскаго правительства Ллойдъ Джорджа, что отражалось и на взглядахъ Foreign office, истиннаго руководителя англійской политики и хранителя ея вѣковыхъ завѣтовъ. Ослабленіе Россіи было давней мечтой Англіи и John Bull не могъ упустить нежданно представившагося случая осуществить эту мечту. Завѣдующій русскимъ отдѣломъ въ Foreign office — Ховардъ, а въ особенности одинъ изъ его сотрудниковъ профессоръ Симсонъ, выражая на словахъ горячее сочувствіе Россіи, на дѣлѣ, очевидно, по распоряженію свыше, уже приступили, какъ мы объ этомъ освѣдомились, къ разрѣшенію вопроса о способѣ наиболѣе выгоднаго для Англіи расчлененія Россіи, а также разграниченія въ ея предѣлахъ сферъ вліянія отдѣльныхъ государствъ Антанты. Такъ уже въ то время выкраивались на картѣ самостоятельныя Эстонія и Латвія, равно какъ экономическій захватъ Баку съ его нефтеноснымъ райономъ. А тѣмъ временемъ, наивные вожди нашей добровольческой арміи все не разставались съ мыслью о сохраненіи чистоты своихъ ризъ въ отношеніи своихъ былыхъ союзниковъ.

Войти въ болѣе тѣсныя, или хотя бы разнородныя сношенія съ лицами, стоящими у власти, для нашей делегаціи не было физической возможности. Всѣ сколько нибудь вліятельныя лица, принадлежащія къ правившей въ то время партіи, изъ Лондона отсутствовали; они всѣ переѣхали въ Парижъ на готовившуюся мирную конференцію. Дѣловая свита Ллойдъ Джорджа насчитывала болѣе тысячи человѣкъ. Географическимъ центромъ всей политической жизни Европы временно сдѣлался Парижъ.

Нашей делегаціи въ Лондонѣ было нечего дѣлать. Тѣхъ лицъ, которымъ намъ казалось полезнымъ изложить цѣль нашего пріѣзда, мы всѣхъ перевидали, причемъ убѣдились, что лица эти, при всей ихъ благонадежности къ Россіи, значенія не имѣютъ, ибо лишены серьезнаго вліянія на ходъ дѣлъ. Такими были между прочимъ бывшіе послы въ Петербургѣ — американскій Франсисъ и англійскій Бьюкененъ. Оба они, на словахъ по крайней мѣрѣ, раздѣляли нашу точку зрѣнія на боль-

шевизмъ, какъ на міровую опасность, но при этомъ оба говорили, что намъ не слѣдуетъ надѣяться на военную помощь державъ Антанты. Слѣдовало перечисленіе тѣхъ же причинъ — утомленіе войскъ, противодѣйствіе соціалистическихъ партій, несочувствіе массъ.

То же самое весьма подробно развилъ долголѣтній французскій посолъ въ Лондонѣ — Paul Cambon. Дипломатъ старой школы — умный, тонкій, очаровательный въ обращеніи, онъ намъ сказалъ, что какъ мирная конференція, такъ и вообще судьбы Европы нынѣ всецѣло въ рукахъ Америки или вѣрнѣе президента сѣверо-американскихъ штатовъ — Вильсона. Это иллюминатъ, мистически помѣшанный на своихъ 14 пунктахъ. Однимъ изъ нихъ является право самоопредѣленія всѣхъ націй и племенъ.

«Быть можетъ, играя на этомъ, сказалъ Cambon, вы могли бы настроить его противъ большевиковъ, интернаціоналистовъ по существу, да къ тому же на этихъ дняхъ свергнувшихъ кіевскую директорію Винниченко и присоединившихъ Украину къ совѣтской Россіи».

Для насъ подобный мотивъ былъ, разумѣется, непріемлемъ, да и до Вильсона мы добраться не могли: онъ тоже былъ въ Парижѣ. Принялись усиленно хлопотать о визахъ на Францію, черезъ того же Paul Cambon, принявшаго въ насъ живое участіе, но на запросъ объ этомъ Парижа онъ получилъ отрицательный отвѣтъ. Маклаковъ съ своей стороны посылалъ намъ телеграммы полууспокоительнаго свойства, призывающія къ терпѣнію: «вотъ, де, ужо я вамъ все устрою».

Тѣмъ временемъ, событія шли своимъ головокружительнымъ темпомъ. Кіевъ, какъ я уже упоминалъ, былъ вновь во власти большевиковъ и, слѣдовательно, основная цѣль нашей поѣздки — спасти Украину — была уже позади: помощь Антанты въ смыслѣ спасенія богатаго юга и имѣющихся въ немъ всевозможныхъ продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ уже запоздала. Положеніе старой государственной Россіи въ Западной Европѣ становилось въ связи съ этимъ все безпомощнѣе, все унизительнѣй. На мирную конференцію даже въ качествѣ свѣдущихъ людей, представителей Россіи допустить никоимъ образомъ не желали, не взирая на всѣ старанія образовавшагося съ этой цѣлью въ Парижѣ при русскомъ посольствѣ политическаго комитета, составившагося изъ кн. Львова, Сазонова и Маклакова.

Наконецъ, проявилось и истинное лицо Антанты, а въ особенности Англіи по отношенію къ Россіи, и вся тщета возлагавшихся на нее надеждъ выявилась вполнѣ. По предложенію Ллойдъ Джорджа мирная конференція, или вѣрнѣе, участвовавшіе въ ней державы согласія постановили предложить всѣмъ образовавшимся на территоріи бывшей Россійской имперіи правительствамъ и политическимъ новообразованіямъ, въ томъ числѣ и большевикамъ, собраться на общую конференцію, въ которой примутъ участіе и представители Антанты, причемъ мѣстомъ для этой конференціи самовластно назначили Принцевы острова, что на Мраморномъ морѣ вблизи Константинополя. Острова эти извѣстны между прочимъ тѣмъ, что на одинъ изъ нихъ были свезены и заморены голодомъ всѣ безчисленныя собаки, заполнявшія до тѣхъ поръ улицы турецкой столицы. Цѣль была совершенно ясная — закрѣпить расчлененіе Россіи на множество слабыхъ политическихъ единицъ.

Предложеніе это вызвало крайнее возмущеніе среди имѣвшихся въ Лондонѣ русскихъ общественныхъ круговъ, даромъ, что большинство изъ нихъ принадлежало къ бывшимъ эмигрантскимъ кругамъ. Надо отдать справедливость Набокову: не въ примѣръ Маклакову, съ мѣста отмежевавшемуся отъ русской общественности, надо полагать изъ опасенія, что эта общественность вовлечетъ его въ такія дѣйствія, которыя поколеблютъ его положеніе передъ французскимъ правитель-

ствомъ, Набоковъ, наоборотъ, широко раскрылъ двери русскаго посольства всѣмъ образовавшимся въ Лондонѣ русскимъ организаціямъ. Послѣднія, соединившись благодаря этому воедино, образовали одинъ общій центральный комитетъ, собиравшійся въ Chesham House — зданіи, занимаемомъ русскимъ посольствомъ.

Здѣсь мирно засѣдали рядомъ представители старой, царской Россіи и видные представители революціонныхъ теченій. Близкій другъ Керенскаго — докторъ Гавронскій, лѣвый кадетъ журналистъ Поляковъ-Литовцевъ, г-жа Тыркова-Вилльямсъ и бывшіе чины посольства и другихъ народившихся за время войны въ Лондонѣ русскихъ правительственныхъ учрежденій какъ будто нашли общій языкъ, какъ будто превратились изъ партійныхъ представителей попросту въ русскихъ гражданъ. Нашу делегацію объединеніе это встрѣтило вполнѣ дружественно и пригласило принять участіе въ своихъ сужденіяхъ, причемъ выказало живой интересъ къ нашимъ сообщеніямъ о положеніи дѣлъ въ Россіи.

Да, Лондонъ далъ намъ образчикъ одного весьма страннаго, но ясно сказавшагося явленія: представители бывшаго царскаго правительства повсюду шли навстрѣчу общественности и искали въ ней опоры для своей дѣятельности, наоборотъ старые общественные дѣятели, самой общественностью выдвинутые, коль скоро они занимали правительственныя должности, всячески чурались связи съ общественными кругами, выказывая по отношенію къ нимъ отчасти презрѣніе, отчасти нѣкоторую боязнь. Подобную тенденцію проявило прежде всего временное правительство. Выдвинутое государственной думой, оно тотчасъ оторвалось отъ нея и перестало ее признавать. Столь же охотно не признавало бы оно и совѣта рабочихъ депутатовъ, но тотъ, отчасти именно вслѣдствіе развѣнчанія Государственной Думы, занялъ ея мѣсто и принудилъ считаться съ собой.

Яркимъ примѣромъ такого превращенія явились именно Лондонъ, въ лицѣ нашихъ былыхъ дипломатическихъ тамъ представителей Набокова и смѣнившаго его впослѣдствіи Саблина, и Парижъ въ лицѣ б. члена государственной думы — Маклакова.

Наступилъ, однако, и конецъ нашему Лондонскому заточенію. Рѣшивъ, вѣроятно, что мы для него болѣе не опасны, Маклаковъ «выхлопоталъ» намъ наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, визы во Францію.

Наше почти мѣсячное пребываніе въ Лондонѣ, не давшее и не могшее дать никакихъ реальныхъ результатовъ, было все же заполнено, если не дѣломъ, то по крайней мѣрѣ видимостью дѣла. При нѣкоторой, правда, здоровой дозѣ оптимизма мы могли даже воображать, что произвели нѣкоторую полезную работу. Съ возвращеніемъ въ Парижъ, мы вынуждены были утратить всякія иллюзіи въ отношеніи смысла и пользы нашей поѣздки.

За наше отсутствіе въ Парижѣ произошли весьма крупныя относительно Россіи событія, ясно указавшія, что рѣшительно ни на чью безкорыстную помощь страна наша разсчитывать не можетъ. Россія, государственная Россія, вмѣсто того, чтобы почитаться за жертвы ея дѣйствительно самоотверженнаго участія въ войнѣ, оказалась на скамьѣ подсудимыхъ. Иначе какъ въ связи со словомъ «предатель» имя Россіи не произносилось. «La trahison russe» — вотъ выраженіе, которое можно было встрѣтить на столбахъ любого органа печати. Môt d'ordre въ этомъ смыслѣ былъ данъ сверху. Совершенно забывъ про то, что русская армія на поляхъ сраженій съ австро-германцами потеряла болѣе двухъ милліоновъ людей убитыми, забывъ и про то, что эта армія дважды предотвратила гибель своихъ союзниковъ, первый разъ вторженіемъ въ Восточную Пруссію, стоившимъ ей цѣлой арміи, но спасшимъ Парижъ, а второй разъ наступленіемъ Брусилова, спасшимъ Италію отъ ея разгрома и

захвата нѣмцами, президентъ французской республики въ рѣчи, которой онъ открылъ мирную конференцію, не счелъ нужнымъ даже произнести имя Россіи, какъ будто она никогда не существовала. За то онъ счелъ возможнымъ сказать, что Румынія получила предательскій ударъ въ спину, причемъ изъ контекста его рѣчи было ясно, что онъ имѣетъ въ виду неназванную имъ Россію. Выдающійся государственный дѣятель Пуанкарэ выказалъ себя здѣсь тѣмъ, что онъ есть — превосходнымъ мыслительнымъ аппаратомъ, лишеннымъ души, чѣмъ въ значительной степени и объясняется его неудача въ переговорахъ съ Германіей.

Произошли перемѣны и на rue de Grenelle въ бывшемъ русскомъ императорскомъ посольствѣ. Появившійся въ Парижѣ изъ Сибири князь Львовъ успѣлъ уже проявить свои основныя свойства, а именно умѣнье чрезвычайно ловко занять любое предсѣдательское кресло и полное неумѣніе играть на этомъ креслѣ роль дѣйствительнаго руководителя дѣла. Подобно тому какъ на креслѣ предсѣдателя всероссійскаго земскаго союза онъ былъ игрушкой заполонившаго союзъ безчисленнаго множества различныхъ служащихъ, а на креслѣ предсѣдателя временнаго правительства игрушкой событій, бурному теченію коихъ онъ лишь успѣшно очищалъ путь, такъ и здѣсь въ Парижѣ вся его дѣятельность свелась къ занятію предсѣдательскаго кресла въ образовавшемся русскомъ политическомъ совѣщаніи, на которомъ онъ тотчасъ же и увялъ.

Совѣщаніе это, образованное изъ Львова, Сазонова и Маклакова, постаралось сейчасъ же дать себѣ модный, по условіямъ момента, уклонъ влѣво: въ него были введены видные представители воинствующаго соціализма въ лицѣ престарѣлаго революціоннаго вождя — Чайковскаго и бывшаго предсѣдателя пресловутаго «временнаго совѣта россійской республики» Авксентьева. Былъ по нашемъ возвращеніи въ Парижъ кооптированъ и членъ нашей делегаціи Титовъ. О включеніи кого либо изъ остальныхъ членовъ делегаціи, въ томъ числѣ и бывшаго члена временнаго правительства Третьякова, не могло быть и рѣчи по ихъ недопустимой правизнѣ. Впрочемъ, я не сомнѣваюсь, что если бы мы въ рѣшительной формѣ предъявили свои права на участіе въ совѣщаніи, правда безъ всякой пользы для дѣла, то достигли бы этого. Такъ именно поступилъ Савинковъ, заявившій, что либо его введутъ въ составъ совѣщанія, либо онъ самъ рѣшительно станетъ противъ этого органа, ведущаго свою преемственность отъ прежняго царскаго строя, и это его требованіе привело къ его немедленной кооптаціи.

Быть можетъ, также должны были дѣйствовать и мы — представители праваго крыла русской общественности, указавъ, что въ противномъ случаѣ организованное совѣщаніе не можетъ быть признано за отраженіе всей русской политической мысли. Но для такого образа дѣйствій у насъ не хватало рѣшимости. Нами владѣла психологія побѣжденныхъ.

Старый строй въ своемъ стремительномъ крушеніи увлекъ съ собой, если не вѣру въ наши идеалы, то во всякомъ случаѣ увѣренность, что они въ данное время имѣютъ сколько нибудь значительное число сторонниковъ въ русскихъ народныхъ массахъ, хотя бы въ культурныхъ кругахъ.

Въ обратномъ настроеніи находились соціалистически мыслящіе элементы; имъ казалось, что народныя массы въ Россіи слились съ русской соціалъ-революціонной «интеллигенціей» и всецѣло восприняли ея лозунги, совершенно не уразумѣвъ, что изъ этихъ лозунговъ народу были любы лишь тѣ, которые ему сулили «млечныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ» и прежде всего безпредѣльное количество земли, фактически же въ нихъ пробудились отнюдь не соціалистическія, а наоборотъ индивидуалистическія устремленія и ярко собственническіе инстинкты.

Была, впрочемъ, и другая причина и едва ли не главная, а именно, мы вполнѣ сознавали, что для демократическаго запада, участіе монархистовъ въ русскомъ представительствѣ не только не поможетъ этому представительству въ его работѣ, а наоборотъ затруднитъ ее.

Повидимому, того же мнѣнія былъ и Сазоновъ, не поднявъ вопроса о пополненіи совѣщанія представителями праваго крыла общественности. Впрочемъ, самъ Сазоновъ попалъ формально въ подчиненное положеніе къ кн. Львову. Первоначально по пріѣздѣ въ Парижъ Сазоновъ, сильный своимъ прошлымъ и тѣмъ, что онъ тамъ появился въ качествѣ представителя добровольческой арміи, не хотѣлъ вообще признавать никакого коллегіальнаго органа, представляющаго Россію въ Западной Европѣ, и мечталъ сосредоточить это представительство всецѣло въ своемъ лицѣ. Но тутъ онъ встрѣтился съ рѣшительнымъ противодѣйствіемъ со стороны Маклакова, отнюдь не пожелавшаго признавать добровольческую армію за правопреемницу б. русской государственной власти, что поставило бы сохраненіе имъ своего поста отъ усмотрѣнія командованія этой арміи, а предпочелъ представлять нереальную власть, а лишь отвлеченную Россію, которая смѣнить его не въ состояніи. Воспротивился этому, разумѣется, и кн. Львовъ, успѣвшій забѣжать къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ и убѣдить его, что онъ—единственное лицо въ Парижѣ, которое имѣетъ органическія связи въ широкихъ русскихъ слояхъ, а въ особенности среди ея интеллигенціи, что и побудило Пишона поддержать кандидатуру кн. Львова на постъ предсѣдателя русскаго политическаго совѣщанія.

Передъ этимъ напоромъ Сазоновъ, не добившійся даже свиданія съ Клемансо, вынужденъ былъ склониться и смиренно пошелъ подъ главенство кн. Львова.

При наличіи въ Парижѣ упомянутаго совѣщанія наша делегація окончательно утратила значеніе и всякій смыслъ существованія. Приступи она къ работѣ тотчасъ по пріѣздѣ въ Парижъ, она могла бы представить интересъ хотя бы въ отношеніи информаціонномъ о творящемся въ Россіи. Быстрая смѣна событій привела къ тому, что ко времени нашего второго пріѣзда въ Парижъ наши свѣдѣнія оказывались уже устарѣвшими и это тѣмъ болѣе, что уже съ половины января начался приливъ въ Парижъ новыхъ пріѣзжихъ изъ Россіи, какъ съ сѣвера, такъ и съ юга, могущихъ сообщить значительно болѣе свѣжія свѣдѣнія и данныя.

Единственный оффиціальный шагъ, сдѣланный нами въ Парижѣ по пріѣздѣ изъ Лондона, да и то лишь для очистки совѣсти, было посѣщеніе министра иностранныхъ дѣлъ Пишона. При свиданіи съ нимъ мы не скрыли нашего возмущенія по поводу рѣчи президента французской республики при открытіи мирной конференціи, выразивъ между прочимъ удивленіе, что президентъ, повидимому, забылъ старую французскую максиму: «coup de chapeau et parole aimable ne coutent rien et toujours bon est». По этому поводу Пишонъ, отмѣтивъ, что ему не принадлежитъ право критиковать слова и поступки главы государства, сказалъ, что въ его добрыхъ чувствахъ къ Россіи мы не можемъ сомнѣваться, такъ какъ онъ только что громогласно ихъ высказалъ съ трибуны палаты депутатовъ, гдѣ имъ дѣйствительно были произнесены слова, четко отмѣтившія заслуги Россіи въ только что закончившейся войнѣ[1]).

---

[1]) Къ этому времени произошелъ и нѣкоторый сдвигъ общественнаго мнѣнія по отношенію къ Россіи. Такъ парижскій муниципалитетъ, въ большинствѣ соціалистически настроенный, на доскѣ помѣщенной въ Hôtel de Ville, имѣвшей увѣковѣчить участіе Парижа въ минувшей войнѣ, отмѣтилъ, что Парижъ обязанъ своимъ спасеніемъ отъ захвата германской арміей самоотверженному натиску русскихъ войскъ на восточную Пруссію.

Этимъ послѣднимъ актомъ закончилась вся слабая, безрезультатная дѣятельность нашей делегаціи, что произошло однако не только отъ общей политической обстановки, но и отъ присутствія въ нашей средѣ лица, вызвавшаго къ себѣ непріязненныя чувства со стороны Франціи, въ особенности же отъ положенія, которое занялъ по отношенію къ намъ представитель русскихъ государственныхъ интересовъ въ Парижѣ, гдѣ какъ разъ ко времени нашего пріѣзда съѣзжались всѣ руководители политики державъ побѣдительницъ.

О какой либо публичной общественной работѣ въ Парижѣ, какъ я упомянулъ выше, и думать было нечего, а посему делегація не только распалась, но и разсыпалась по Парижу, утративъ даже связь между отдѣльными своими членами.

VII.

Отъѣздъ изъ Парижа въ Одессу. Бухарестъ. Одесса. Французскія войска въ Одессѣ. Отношеніе добровольческой арміи къ генералу А. В. Шварцъ. Полковникъ Fredemberg. Эвакуація Одессы. Отплытіе въ Константинополь.

Дальнѣйшее пребываніе въ Парижѣ было безцѣльно, и я поспѣшилъ направиться въ обратный путь на югъ Россіи, въ Одессу, гдѣ еще кое какъ держалась русская государственная власть. Началась нудная канитель по добыванію безчисленнаго количества визъ черезъ тѣ новыя клѣточки, которыя къ тому времени самообразовались въ центральной Европѣ. Самое путешествіе было продолжительное и тоскливое, но совершалось еще въ условіяхъ прежняго комфорта. Изъ Парижа возобновили къ началу марта свои рейсы Orient express, доходя, однако, не до Константинополя, а только до Бухареста, откуда можно было проѣхать черезъ Галацъ пароходомъ въ Одессу. Проходъ этого поѣзда былъ обставленъ нѣкоторыми предосторожностями, свидѣтельствовавшими о тѣхъ глубокихъ потрясеніяхъ, которыя вызвала война во всѣхъ европейскихъ странахъ. Шелъ онъ въ сопровожденіи небольшой военной команды и былъ даже вооруженъ пулеметомъ: утверждали, что въ предѣлахъ Австріи и Трансильваніи были случаи вооруженнаго на него нападенія, но съ чьей стороны они производились, оставалось неизвѣстнымъ. Въ составѣ поѣзда былъ цѣлый вагонъ съ провизіей, такъ какъ по пути раздобыть пищевые продукты не было возможности. Въ пути онъ былъ пять сутокъ, но неизмѣнно опаздывалъ часовъ на 12, а то и на сутки. За исключеніемъ безчисленныхъ осмотровъ документовъ, и багажа, мы однако никакихъ ни приключеній, ни стѣсненій не испытали.

Проѣзжая черезъ Вѣну, мы могли удостовѣриться, до какой степени этотъ до войны столь оживленный городъ положительно вымеръ. На улицахъ не видно было ни одного экипажа, да и пѣшеходы насчитывались единицами. Острый недостатокъ въ пищевыхъ продуктахъ былъ также явственно замѣтенъ. Буфеты на большихъ станціяхъ въ предѣлахъ б. Австрійской имперіи были либо закрыты, либо почти совершенно пусты. Поражали тѣ многочисленныя разрушенія, которыя произвела война въ Трансильваніи и сѣверной Румыніи, хотя на фронтѣ этомъ никакого существеннаго отпора наступающему врагу храбрые румыны, ворвавшіеся было въ Трансильванію, не оказали. Въ довольно обширной полосѣ всѣ станціи были разрушены, лѣса выжжены, а разбросанныя по пути отдѣльныя постройки артиллерійскимъ огнемъ превращены въ груды камней и мусора.

Бухарестъ оказался по какимъ то непонятнымъ причинамъ переполненъ, а сами румыны были, повидимому, озабочены лишь однимъ — создать пребываніе у нихъ сколь можно болѣе непріятнымъ, причемъ, разумѣется, объектомъ наибольшихъ придирокъ и непріятностей были мы, русскіе. Русскихъ они не только не впускали безъ спеціальныхъ визъ, но даже не выпускали безъ особыхъ разрѣшеній. Одновременно лишь съ величайшимъ трудомъ добивалась наша военная миссія въ Бухарестѣ, возглавленная бывшимъ главнокомандующимъ нашимъ юго-западнымъ фронтомъ генераломъ Щербачевымъ, отпуска въ ея распоряженіе для отправки въ добровольческую армію хотя бы малой части того огромнаго военнаго имущества, которое принадлежало этому фронту и было цѣликомъ захвачено румынскимъ правительствомъ. Уступали румыны часть этого имущества лишь подъ воздѣйствіемъ представителей Франціи, которые въ этомъ отношеніи намъ дѣятельно помогали. Но недостаточно было вырвать у румынъ часть намъ же принадлежащаго оружія, медикаментовъ и т. д., надо было еще добыть вагоны для его доставки въ ближайшій черноморскій портъ, откуда онъ направлялся моремъ въ Новороссійскъ, и тутъ вновь приходилось преодолѣвать милліонъ сознательно чинимыхъ препятствій.

Еще по пути въ Бухарестъ циркулировали въ нашемъ поѣздѣ зловѣщіе слухи, что Одесса уже эвакуирована, что тѣ чернокожія французскія войска и греческія части, которыя наконецъ туда были присланы, уже отозваны, и Одесса во власти большевиковъ.

Прибывъ въ Бухарестъ, я еще на станціи отъ случайно тамъ встрѣченнаго мною нашего посланника узналъ, что свѣдѣнія эти невѣрны и, разумѣется, обрадовался. Увы, радость моя была кратковременная. На другой же день изъ весьма достовѣрнаго источника я узналъ, что французское правительство рѣшило эвакуировать Одессу въ ближайшій срокъ, что несомнѣнно обусловитъ захватъ этого города большевиками. Свѣдѣніе это мнѣ было передано въ столь категорической формѣ, что если бы не то, что въ Одессѣ находилась моя семья (такъ, по крайней мѣрѣ, я думалъ, на дѣлѣ она была въ Ялтѣ), которую я надѣялся вывезти изъ превратившейся въ застѣнокъ cara patria, я бы туда вовсе не поѣхалъ. При данныхъ условіяхъ свѣдѣніе это лишь побудило меня ускорить мой отъѣздъ туда, что мнѣ наконецъ и удалось.

Въ отвратительномъ вагонѣ, окна коего были сплошь разбиты, двигаясь черепашьимъ шагомъ, добрался я до Галаца. Сообщеніе съ Одессой здѣсь поддерживалъ крошечный и прескверный русскій пароходишко, носящій имя какого то адмирала — плоскодонка, снабженная фальшивымъ килемъ. На этомъ суденышкѣ, переполненномъ пассажирами, послѣ бурнаго морского перехода, вывернувшаго ѣхавшимъ всѣ внутренности, добрался я приблизительно черезъ сутки въ Одессу.

Въ Одессѣ я засталъ приблизительно ту же картину, которую оставилъ тамъ мѣсяца за три передъ тѣмъ, а именно ту же Лондонскую гостиницу, гудѣвшую съ утра до поздняго вечера безчисленнымъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ обломковъ прежняго строя, стекшихся сюда изъ различныхъ мѣстностей Россіи. По прежнему здѣсь былъ центръ общественной, опредѣленно бѣженскаго характера жизни. Петроградскій бомондъ, гвардейское офицерство, множество южныхъ землевладѣльцевъ, представители мѣстнаго искони космополитическаго общества, былые крупные и средніе чиновники; спекулянты, банкиры, дамы полусвѣта, все здѣсь перемѣшалось и даже слилось. Здѣсь многіе проводили за явствами и питіемъ долгіе часы; здѣсь изобрѣтались, передавались и распространялись весьма противорѣчивые, но преимущественно оптимистическаго свойства разнообразные слухи, среди которыхъ внезапно раздавались паническія ноты.

Эти двѣ крайности были типичной чертой бѣженской жизни, бѣженской психологіи. Между «громъ побѣды раздавайся» и «ратуйте» переходныхъ степеней не было. Въ общемъ же жилось весело и безпечно. Деньги, казалось, утратили всякую цѣнность. Въ мѣстномъ клубѣ, воспринявшемъ въ свою среду многочисленныхъ бѣженцевъ изъ столицъ, оживленіе царствовало съ утра. Группа гурмановъ затѣяла устройство особо тонкихъ гастрономическихъ обѣдовъ, оплачиваемыхъ какой то фантастической суммой. Шла безумная игра, даже принимая въ разсчетъ обезцѣненіе денежныхъ знаковъ: проигрывались въ одну ночь десятки тысячъ украинскихъ, да и сохранившихъ еще цѣнность Романовскихъ денегъ. Появились, разумѣется, игорные и иные притоны, учрежденные и состоявшіе въ завѣдываніи людей съ совершенно инымъ и, казалось бы, не соотвѣтствующимъ этому промыслу прошлымъ. На роляхъ крупье видны были офицеры, украшенные боевыми знаками отличія, на роляхъ соблазнительницъ еще вчера безукоризненныя женщины. Нищета разоренныхъ еще столь недавно состоятельныхъ, а не то и богатыхъ людей уже явственно проступала. На улицѣ встрѣчались знакомые, которымъ Лондонская и ей подобныя гостиницы уже были недоступны: они ютились чуть не по постоялымъ дворамъ и по снимаемымъ въ частныхъ квартирахъ отдѣльнымъ комнатамъ.

Новымъ являлись въ Одессѣ спекуляція и иноземныя войска. Спекуляціей занимались въ той или иной формѣ рѣшительно всѣ, кто только могъ. Спекулировали на иностранной валютѣ, спекулировали товарами, въ томъ числѣ и продовольственными, едва ли не въ особенности сахаромъ, взятымъ на учетъ, но все же какимъ то таинственнымъ путемъ исчезавшимъ и вывозимымъ.

Что касается иноземныхъ войскъ, то они отличались грубостью, разнузданностью и полнымъ нежеланіемъ сражаться. Чернокожія хари разгуливали по приморскому бульвару и выглядывали изъ всѣхъ оконъ б. дворца командующаго войсками округа, который они сразу привели въ совершенно безобразный видъ. Убранство этого дома, нѣкогда принадлежавшаго фавориткѣ Александра I Маріи Антоновнѣ Нарышкиной и купленнаго впослѣдствіи извѣстнымъ поставщикомъ нашей арміи въ Севастопольскую кампанію Волошинымъ, отъ котораго онъ перешелъ, по предъявленнымъ къ нему искамъ, въ казну, — отличалось рѣдкимъ вкусомъ и богатствомъ. Убранство это, сильно попорченное соединенными усиліями различныхъ перебывавшихъ уже въ Одессѣ властей, было окончательно испакощено чернокожими, присланными Франціей избавить Россію отъ бѣлыхъ варваровъ. «Ну и избавители» — говорили одесситы, шарахаясь при встрѣчѣ съ нами въ сторону.

Русская власть въ Одессѣ за мое отсутствіе дважды перемѣнилась. Первоначально, скоро послѣ нашего отъѣзда за границу, захватили Одессу петлюровцы, но продержались они не долго. Появились добровольцы и, опираясь на прибывшія французскія военныя суда, петлюровцевъ выгнали, но сами завести порядокъ не сумѣли. Во главѣ добровольцевъ былъ поставленъ генералъ Колчаковскаго производства Гришинъ-Алмазовъ, не задолго передъ тѣмъ прибывшій изъ Сибири. Обладая несомнѣнной энергіей и нѣкоторыми организаціонными способностями, онъ былъ авантюристъ въ душѣ и къ сожалѣнію отличался необузданными страстями. Этимъ страстямъ, попавъ въ главенствующее положеніе въ Одессѣ, онъ далъ полную волю. Предался онъ совершенно недопустимымъ оргіямъ и тѣмъ утратилъ всякое обаяніе, какъ въ городѣ, такъ и передъ французскимъ командованіемъ прибывшихъ въ Одессу союзныхъ войскъ. Другой представитель добровольческой арміи, назначенный начальникомъ тыла и снабженія (фамиліи не припомню), держался лично вполнѣ

безупречно, но не обладалъ должной энергіей и вовсе не былъ на высотѣ порученнаго ему дѣла.

Перебравшійся изъ Кіева въ Одессу совѣтъ государственнаго національнаго объединенія, сговорившись предварительно съ французскимъ командованіемъ, причемъ инціатива шла, повидимому, отъ послѣдняго, рѣшилъ смѣнить командованіе русскими войсками и областью и, опираясь на французовъ, предложилъ Гришину-Алмазову и начальнику тыла выѣхать изъ Одессы, сдавъ командованіе генералу А. В. Шварцу — славному защитнику Ивангородской крѣпости. Смѣна эта отнюдь не должна была обозначить разрыва съ добровольческой арміей и обусловливалась исключительно непригодностью назначенныхъ ею въ Одессу начальствующихъ лицъ. Предварительный сговоръ съ Добровольческой арміей не представлялся возможнымъ за дальностью разстоянія и необходимостью принять рѣшеніе по этому дѣлу незамедлительно. Дабы разъяснить причины этой спѣшки и сгладить могущія произойти по этому поводу тренія съ Добровольческой арміей названный совѣтъ командировалъ въ штабъ арміи своего предсѣдателя барона Меллера и одного изъ своихъ членовъ Н. В. Савича.

Командованіе Добровольческой арміей признало тѣмъ не менѣе произведенную смѣну за открытый бунтъ и недопустимое умаленіе ея авторитета. Не только не пожелало оно санкціонировать назначеніе генерала Шварца, но возгорѣлось открытой ненавистью къ нему, принявшей впослѣдствіи, послѣ эвакуаціи Одессы, совершенно недопустимыя формы. Управленіе Добровольческой арміей не остановилось даже передъ взведеніемъ на генерала Шварца совершенно необоснованныхъ обвиненій и даже обратилось къ константинопольскимъ англійскимъ властямъ съ просьбой выслать, «именующаго себя командующимъ войсками эвакуированными изъ Одессы» генерала Шварца изъ Константинополя, предварительно отобравъ отъ него будто бы вывезенныя имъ изъ Одессы огромныя казенныя суммы. Между тѣмъ суммы эти — въ общемъ незначительныя — нѣсколько милліоновъ украинскихъ рублей и очень незначительное количество иностранной валюты, преимущественно австрійской, къ тому же въ негодныхъ мелкихъ купюрахъ — расходовались не генераломъ Шварцемъ, а особой коллегіей, по ордерамъ министра финансовъ той же Добровольческой арміи М. В. Бернацкаго, случайно находившагося въ Одессѣ въ моментъ ея эвакуаціи и выѣхавшаго вмѣстѣ съ штабомъ одесскихъ войскъ въ Константинополь.

Эта, скажу не обинуясь, позорная страница политической дѣятельности Добровольческой арміи мнѣ въ точности извѣстна, такъ какъ я былъ включенъ въ тотъ совѣтъ, который вѣдалъ дѣлами одесской арміи послѣ ея эвакуаціи изъ Одессы и посему былъ въ курсѣ всей возбужденной Добровольческой арміей по поводу генерала Шварца перепиской. Вызвала она во мнѣ глубокое возмущеніе.

Обращеніе къ иностранной державѣ съ ничѣмъ необоснованнымъ и, слѣдовательно, по существу клеветническимъ обвиненіемъ доблестнаго боевого русскаго генерала и стремленіе иноземными руками развѣнчать и даже покарать начальника значительныхъ русскихъ боевыхъ силъ ради удовлетворенія мелкаго личнаго самолюбія — было дѣйствіемъ и не политичнымъ, и глубоко антипатріотическимъ, да къ тому же и безцѣльнымъ, ибо никакихъ реальныхъ результатовъ дать не могло. Французское командованіе въ Константинополѣ, на распоряженіе котораго англійское командованіе передало полученную имъ изъ Добровольческой арміи просьбу о насильственномъ лишеніи генерала Шварца власти надъ вывезенными изъ Одессы офицерскими кадрами и объ его личной высылкѣ изъ предѣловъ нахожденія этихъ

кадровъ, переслало эту просьбу генералу Шварцу, прося его дать по ея поводу нужныя объясненія.

Подавивъ ту личную обиду, которую онъ не могъ не чувствовать, и думая лишь объ одномъ, о соблюденіи чести и достоинства начальниковъ русской арміи, Шварцъ во всемъ этомъ прискорбнѣйшемъ инцидентѣ выказалъ исключительное благородство и большой политическій тактъ. Онъ воздержался отъ всякой квалификаціи предъявленнаго ему клеветническаго обвиненія и какихъ либо отвѣтныхъ обвиненій, а ограничился указаніемъ, что отношеніе, — ему пересланное, результатъ, очевидно, недоразумѣнія, происшедшаго вслѣдствіе удаленности и разобщенности Одессы съ центромъ управленія русской арміи, придавшимъ вѣру дошедшимъ до него слухамъ, неизбѣжно возникающимъ при наличности тѣхъ условій, которыя существовали въ Одессѣ въ моментъ ея эвакуаціи.

Этимъ фактически весь инцидентъ и ограничился, что не помѣшало однако управленію Добровольческой арміи, получившему по всему этому дѣлу подробное сообщеніе отъ своего же министра финансовъ М. В. Бернацкаго, продолжать всемѣрно преслѣдовать генерала Шварца и даже циркулярно извѣстить всѣхъ дипломатическихъ представителей старой русской государственности за границей о невыдачѣ Шварцу никакихъ удостовѣреній, необходимыхъ для свободнаго передвиженія, т. е. для полученія иностранныхъ визъ.

Что до Добровольческой арміи дошли слухи, что Шварцъ вывезъ изъ Одессы значительныя суммы и притомъ въ валютѣ — несомнѣнно. Происхожденіе этихъ слуховъ слѣдующее. Въ Одессѣ за нѣсколько времени до эвакуаціи была затѣяна какъ всегда по существу безрезультатная борьба съ спекулирующими иностранной валютой, что вело къ вящшему обезцѣненію мѣстныхъ бумажныхъ денегъ. Въ спекуляціи были обвинены нѣсколько мѣстныхъ банкировъ, причемъ сами они были арестованы, а хранившіяся въ ихъ сейфахъ принадлежавшія имъ суммы въ иностранной валютѣ секвестрованы. Суммы эти при выѣздѣ изъ Одессы были перевезены на пароходъ, на которомъ выѣзжалъ генералъ Шварцъ со своимъ штабомъ. На пути къ Константинополю эти же суммы были при непосредственномъ участіи Бернацкаго, его товарища Курилло и завѣдующаго контрольной частью Ильяшенко-Синяговскаго, пересчитаны, запечатаны и сложены въ несгораемое помѣщеніе парохода, къ которому приставленъ офицерскій караулъ. Оказалось этихъ суммъ немного болѣе 800 тысячъ франковъ золотомъ.

Наличность на пароходѣ суммъ въ золотой валютѣ, конечно, скоро стала извѣстна всѣмъ находившимся на немъ, число коихъ превышало 1200 человѣкъ, причемъ размѣръ этихъ суммъ во время морского перехода въ представленіи ѣдущихъ все увеличивался. Говорили сначала о нѣсколькихъ милліонахъ, затѣмъ уже о десяткахъ милліоновъ и, наконецъ, о многихъ сотняхъ. Слухи эти, къ сожалѣнію, разожгли аппетиты нѣкоторой части ѣдущихъ, и появилась даже кучка негодяевъ, агитировавшихъ за завладѣніе этими суммами ѣдущимъ офицерствомъ и ихъ раздѣлѣ между собой. Дошло до того, что написали соотвѣтствующее воззваніе и расклеили по трюмамъ, гдѣ ютилась превратившаяся въ бѣженцевъ офицерская масса. Дѣло грозило принять самый нежелательный оборотъ. Удержать дисциплину среди физически изстрадавшейся и, увы, нравственно расшатанной массы было не легко. Соблазнъ былъ несомнѣнно великъ. Усиливался онъ еще тѣмъ, что на томъ же пароходѣ ѣхали нѣкоторые одесскіе банкиры, везшіе по слухамъ тоже большія цѣнности, принадлежащія ихъ банкамъ. Зашла рѣчь и объ ихъ отобраніи на томъ основаніи, что цѣнности эти принадлежатъ не самимъ банкирамъ, а кліентамъ ихъ банковъ; банкиры суммы эти несомнѣнно присвоятъ себѣ лично, а посему справед-

ливѣе ихъ тоже распредѣлить. Разсужденіе довольно специфическое, хотя, насколько основная посылка была невѣрна, трудно сказать: привлечь къ суду банкировъ, вывезшихъ кліентскія суммы, въ виду того, что банки ихъ несомнѣнно большевиками были впослѣдствіи ограблены, не представится никакой возможности. Обстоятельство это не давало, разумѣется, права третьимъ лицамъ присвоить находившіяся у банкировъ суммы себѣ.

Во время принятыми мѣрами и, конечно, прежде всего благодаря безусловной порядочности преобладающаго большинства сосредоточеннаго на суднѣ офицерства агитація эта не имѣла успѣха и не привела ни къ какимъ послѣдствіямъ.

По высадкѣ на островъ Халки, куда французскія власти законопатили прибывшіе изъ Одессы воинскіе кадры, секвестрованныя суммы были вновь пересчитаны и сданы Бернацкимъ въ Оттоманскій банкъ на храненіе на совокупное имя русскаго представителя въ Константинополѣ и командующаго Добровольческой арміей, впредь до разбора дѣла о степени отвѣтственности собственниковъ этихъ суммъ. Послѣдніе тоже прибыли въ Константинополь и всячески добивались возврата имъ ихъ денегъ. Съ своей стороны я признавалъ произведенную секвестрацію незаконной и полагалъ, что секвестрованныя суммы должны быть по-просту возвращены ихъ собственникамъ. Состоявшій при Шварцѣ совѣтъ, отъ котораго, какъ я уже упоминалъ, зависѣло разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ денежными ассигнованіями и вообще общаго значенія, высказался за предоставленіе разрѣшенія этого вопроса суду, не указавъ, однако, какому. Что стало впослѣдствіи съ этими суммами, поступили ли онѣ въ кассу Добровольческой арміи или были возвращены ихъ собственникамъ, я точно не знаю, слышалъ же я, что въ конечномъ результатѣ собственники добились ихъ возвращенія.

Какъ бы то ни было, въ теченіе нѣкотораго времени управленіе Добровольческой арміей могло добросовѣстно заблуждаться на счетъ присвоенія генераломъ Шварцемъ какихъ то несчастныхъ капиталовъ, но заблужденіе это могло продолжаться только до полученія разъясненія его же агента — Бернацкаго, а посему всѣ дальнѣйшіе предпринимавшіеся противъ Шварца шаги были столь же недобросовѣстны, какъ въ высшей степени безтактны.

Возвращусь однако къ Одессѣ и тому положенію, въ которомъ я ее засталъ. Какъ я уже сказалъ, она веселилась и... спекулировала, веселилась настолько, что на умъ приходили стихи:

«Пусть тѣшится младое племя!
Внезапно средь его утѣхъ
Прогрянетъ черни ревъ голодный
И предъ анаѳемой народной
Утихнетъ наглый этотъ смѣхъ.»

На мое заявленіе, что по полученнымъ мною опредѣленнымъ свѣдѣніямъ Одесса будетъ на дняхъ французами эвакуирована, отвѣчали тѣмъ же смѣхомъ.

«Какъ можетъ это быть, говорили одесситы, какъ постоянные, такъ и заброшенные туда ходомъ событій, когда всего за два дня до вашего пріѣзда пріѣзжали въ Одессу изъ Константинополя генералъ Franchet d'Esperey, а изъ Бухареста командующій французскимъ войсками въ Румыніи генералъ Berthelot и торжественно заявили, что количество союзныхъ войскъ, находящихся въ Россіи, будетъ въ ближайшее время значительно увеличено.

Увѣренъ въ этомъ былъ и генералъ Шварцъ, переживавшій въ эти дни тяжелое время. Большевики напирали со всѣхъ сторонъ, число русскихъ воинскихъ элементовъ было незначительно — всего лишь нѣсколько тысячъ, преимущественно

офицеровъ, а союзныя войска оказывали лишь слабое сопротивленіе наступающему противнику. Тѣмъ не менѣе ихъ присутствіе имѣло рѣшающее въ психологическомъ отношеніи значеніе. Внушали противнику спасительный страхъ и стоявшія на рейдѣ военныя суда, не помню, какія именно, но однако достаточно большія, чтобы принять на бортъ всѣ имѣвшіяся въ районѣ Одессы союзныя войска. Шварцъ былъ лихорадочно занятъ формированіемъ при помощи имѣющихся кадровъ новыхъ воинскихъ частей, пополняемыхъ путемъ набора, и дѣло это продвигалось весьма успѣшно: еще двѣ-три недѣли и русскія воинскія части, защищавшія подступы къ Одессѣ, представили бы мощную силу. Командующій союзными войсками — французскими сингалезцами и греческими батальонами — совокупная численность коихъ, если не ошибаюсь, достигала 10 - 12 тысячъ — генералъ Ансельмъ былъ въ лучшихъ отношеніяхъ съ Шварцемъ и оказывалъ ему полное содѣйствіе въ трудномъ дѣлѣ.

Словомъ, все предвѣщало скорое наступленіе лучшихъ временъ и оправдывало оптимизмъ одесситовъ. Но не прошло и нѣсколькихъ дней послѣ моего возвращенія, какъ среди этого кажущагося благополучія разнесся грозный слухъ, что по распоряженію изъ Парижа союзныя войска на дняхъ покинутъ Одессу. Слухъ этотъ разнесся съ быстротой молніи и тотчасъ вызвалъ всеобщую панику. Напрасно, надѣясь сдержать панику и произвести неизбѣжную при этихъ условіяхъ эвакуацію сколь возможно спокойнѣе и планомѣрнѣе, генералъ Шварцъ утверждалъ въ своихъ объявленіяхъ, что положеніе Одессы безопасное.

Началось снятіе союзныхъ войскъ съ занимавшихся ими позицій и стягиваніе ихъ въ Одессу для послѣдующей посадки на суда, а также ихъ постепенный уходъ по береговой полосѣ въ Румынію. Самъ генералъ Шварцъ былъ вынужденъ скоро перепести свое и своего штаба мѣстопребываніе изъ центра города на Приморскій бульваръ, гдѣ реквизирована была съ этой цѣлью все та же Лондонская Гостиница, постояльцы которой вынуждены были переселиться въ другія уже переполненныя гостиницы города. Переѣздъ этотъ былъ вызванъ необходимостью сосредоточить всю оборону города поблизости къ порту, подъ защиту стоящихъ на рейдѣ союзныхъ военныхъ судовъ.[1])

Безобразнымъ былъ не самый фактъ эвакуаціи, а та молніеносная спѣшность, съ которой она была произведена, вслѣдствіе чего русскія войска лишены были всякой возможности организовать самостоятельную защиту Одессы. Это вполнѣ сознавали мѣстные французскіе военноначальники Ансельмъ и даже Franchet d'Esperey и въ разговорѣ съ русскими проявляли по этому поводу большое смущеніе.

Тѣмъ временемъ, буржуазія бросилась за полученіемъ визъ на проѣздъ въ Западную Европу. Выдавались эти визы штабомъ генерала Ансельма, и фактически вѣдалъ этимъ дѣломъ начальникъ этого штаба полковникъ Fredemberg, уже успѣвшій создать себѣ весьма незавидную репутацію. Вызвалъ онъ къ себѣ своей заносчивостью и грубостью общую ненависть и почитался за отъявленнаго взяточника. Дѣйствительно безъ взятки, какъ утверждали въ Одессѣ, невозможно было получить разрѣшеніе на все, что находилось въ зависимости отъ согласія француз-

---

[1]) Произведенная по распоряженію изъ Парижа спѣшная эвакуація изъ Одессы французскихъ и греческихъ войскъ была очевидно вызвана происшедшимъ не задолго передъ тѣмъ возмущеніемъ части команды на двухъ французскихъ броненосцахъ, стоявшихъ на Севастопольскомъ рейдѣ. Возмущеніе это испугало французское правительство до крайности. Оно убѣдилось въ заразительности большевизма и рѣшило увести свои войска подальше отъ источника заразы. Винить въ этомъ Францію не приходится. Каждое государство обязано прежде всего охранять свои жизненные интересы.

скаго командованія. Что за выдачу визъ Fredemberg взималъ весьма крупную мзду, не подлежитъ сомнѣнію. Мнѣ лично извѣстенъ случай оплаты визы для двухъ лицъ 50 тысячами романовскихъ рублей, что составляло въ то время примѣрно 12 тысячъ франковъ. Любопытнѣе всего, что эти визы оказались совершенно недѣйствительными. Французскія власти въ Константинополѣ ихъ не признавали, причемъ и сами ихъ выдавали лишь по полученіи для каждаго отдѣльнаго лица разрѣшенія изъ Парижа — яркій примѣръ французской мертвящей централизаціи и недовѣрія къ своимъ мѣстнымъ даже столь крупнымъ, какъ ихъ верховные комиссары, агентамъ.[1])

Одновременно съ переѣздомъ Шварца въ Лондонскую гостиницу началась тамъ же запись и выдача свидѣтельствъ для посадки на тѣ или иныя имѣющіяся въ порту суда, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ должны были идти въ Крымъ—Ялту—Севастополь, не подозрѣвая, что тамъ тоже идетъ эвакуація, производившаяся англичанами, нѣкоторыя — въ Новороссійскъ и, наконецъ, нѣкоторыя — въ Константинополь. Офицерству, распредѣленіе коего происходило особымъ порядкомъ, предоставлено было право выбора направленія, при чемъ отчасти благодаря возникшимъ пререканіямъ между одесскимъ командованіемъ и Добровольческой арміей, отчасти вслѣдствіе огромной нравственной усталости, большинство предпочло временно выйти изъ игры и направиться въ Константинополь, а многіе лелѣяли надежду перебраться оттуда на Дальній Востокъ и вступить въ ряды арміи Колчака. Ту же надежду питалъ и генералъ Шварцъ.

Со дня на день Лондонская гостиница совершенно измѣняла свою физіономію. Безпрерывной лентой направилась туда буржуазія и вообще гражданское населеніе, желавшее покинуть Одессу. Для многихъ непричастныхъ ни къ какой политикѣ и притомъ не имѣющихъ наличныхъ средствъ для существованія въ чужой странѣ такое рѣшеніе было подсказано охватившей городъ стихійной паникой и бросило ихъ въ пучину такихъ лишеній и страданій, которыя они едва ли бы испытали въ большей степени, оставаясь въ Одессѣ.

Въ Лондонскую гостиницу приходили и толкались въ обширномъ ея вестибюлѣ самыя разнообразныя лица, о присутствіи которыхъ въ Одессѣ я, по крайней мѣрѣ, и не подозрѣвалъ. Среди нихъ было множество петроградцевъ, уже настолько лишенныхъ средствъ существованія, что это сказывалось не только на ихъ платьѣ и обуви, но даже и на ихъ лицахъ. Появились тутъ внезапно и какіе то наряженные въ театральные костюмы петлюровскіе офицеры. Оказалось, что они пришли неизвѣстно какими путями съ предложеніемъ войти въ союзъ съ гдѣ то еще имѣющимися отрядами Петлюры для совмѣстной охраны Одессы отъ большевиковъ.

Совѣту національнаго объединенія, въ составъ котораго я входилъ, была обѣщана французскимъ командованіемъ выдача визъ во Францію для всѣхъ его членовъ. Однако, отправившійся съ этой цѣлью въ соотвѣтствующее бюро одинъ изъ нашихъ сочленовъ даже не могъ туда проникнуть вслѣдствіе той толпы, которая

---

[1]) Слухи о взяточничествѣ Fredemberg'а дошли и до французскаго правительства и, вѣроятно, въ связи съ тѣмъ, что сей грабитель тотчасъ по прибытіи въ Константинополь вышелъ въ отставку и открылъ тамъ же, очевидно на награбленныя деньги, банкъ, признало нужнымъ произвести по этому поводу разслѣдованіе, которое за отсутствіемъ жалобщиковъ и уликъ не привело ни къ какимъ результатамъ. Производившій разслѣдованіе графъ Шевельи, которому французское правительство благодаря его русскимъ связямъ давало различныя порученія, касающіяся Россіи, мнѣ даже говорилъ, что изъ произведеннаго имъ разслѣдованія у него получилось убѣжденіе, что всѣ навѣты на Fredemberg'а ни на чемъ не основаны, съ чѣмъ я однако позволилъ себѣ не согласиться.

его осаждала. Тогда я рѣшилъ отправиться непосредственно въ самый штабъ генерала Ансельма, помѣщавшійся тутъ же на приморскомъ бульварѣ, въ реквизированной имъ Петербургской гостиницѣ, но тамъ я засталъ полный хаосъ. Проникнуть туда было весьма легко, но найти тамъ соотвѣтствующее лицо весьма затруднительно. Блуждая по комнатамъ, занятымъ штабомъ, впрочемъ въ большинствѣ пустыннымъ, я наконецъ набрелъ на какого то русскаго офицера, являвшагося офицеромъ связи.

Во время моего разговора съ нимъ въ комнату вошелъ какой то маленькій коренастый французскій офицеръ совершенно не французскаго типа, и рѣзко меня спросилъ, что мнѣ надо, и на мое указаніе моего дѣла объяснилъ мнѣ въ грубой формѣ, что исполнить онъ этого не можетъ. Не имѣя понятія, съ кѣмъ я имѣю дѣло, и видя передъ собой образчикъ французскаго грубаго высокомѣрія (куда дѣвалась былая politesse gauloise?), я не постѣснялся ему въ повышенномъ тонѣ указать на совершенную недопустимость подобнаго обращенія, причемъ добавилъ нѣсколько нелестныхъ словъ относительно всего управленія, возглавляемаго прославившимся въ Одессѣ Фредембергомъ. Въ отвѣтъ на мой выпадъ французскій офицеръ какъ то сразу стушевался, пробормоталъ какія то извиненія и мигомъ исчезъ.

Присутствовавшій при этомъ русскій офицеръ послѣ ухода француза обратился ко мнѣ съ возгласомъ: «Наконецъ то нашелся кто-нибудь, чтобы осадить этого нахала. Давно бы такъ».

— «Да кто это такой?»

— «Какъ, вы не знали. Да это и есть самый полковникъ Fredemberg».

Ясно, что послѣ этого инцидента я прекратилъ всякія хлопоты по полученію визъ, которыя, впрочемъ, какъ я уже упомянулъ, рѣшительно никакого значенія не имѣли.

Недолго продолжалось пребываніе Шварца въ Лондонской гостиницѣ — всего два дня. Еще утромъ въ день посадки бѣженцевъ на суда, возможно было ходить по прилегающимъ къ приморскому бульвару улицамъ, но магазины и банки уже спѣшно запирались, а къ 6 часамъ дня уже почти весь городъ былъ въ рукахъ большевиковъ. Все же приморскій бульваръ и спускъ къ порту, однако лишь черезъ Сабанѣевъ мостъ, былъ еще болѣе или менѣе безопасенъ. Я лично былъ записанъ на транспортъ Шилка, направлявшійся въ Крымъ, куда еще до возвращенія моего въ Одессу выѣхала моя семья, но по приходѣ моемъ на это судно узналъ, что команда его забастовала и никуда двигаться не намѣрена (впослѣдствіи ее наполовину уломала, наполовину принудила огромная скопившаяся на этомъ суднѣ толпа, положеніе которой въ противномъ случаѣ было совершенно безвыходное).

Съ своей стороны я рѣшилъ скрѣпя сердце направиться на какое-либо судно, имѣющее назначеніемъ Константинополь — таковыхъ было четыре, надѣясь уже оттуда при помощи моихъ англійскихъ связей — въ Лондонѣ мнѣ дали новый открытый листъ къ англійскимъ военнымъ властямъ — добраться до Ялты.

Раздумывая, какъ добраться до такого судна — о мѣстѣ ихъ нахожденія я не имѣлъ понятія — я замѣтилъ небольшую кучку народа, толпящуюся въ какой нибудь сотнѣ саженъ отъ меня на томъ же участкѣ обширнаго Одесскаго порта, гдѣ я находился. Наудачу направился къ ней и узналъ, что это пассажиры, записанные на пароходъ «Caucase» и ожидающіе парового баркаса, чтобы доставиться на него: «Кавказъ» стоялъ на рейдѣ, не ошвартованный.

Никакихъ удостовѣреній для перехода на «Кавказъ» я не имѣлъ, но это отнюдь не помѣшало мнѣ безпрепятственно сѣсть по его приходѣ на обслуживавшій

его баркасъ и подъѣхать на немъ къ названному судну. Само собой разумѣется, что могъ я все это продѣлать только благодаря тому, что въ видѣ багажа у меня были лишь два ручные чемоданчика, представлявшіе все оставшееся у меня имущество. Сундукъ съ вещами пришлось бросить въ Одессѣ.

«Кавказъ» оказался огромнымъ французскимъ транспортомъ, перевозившимъ во время войны туземныя войска съ острова Мадагаскара во Францію. Переданный вновь въ частную эксплоатацію, онъ, однако, еще сохранилъ устроенныя на немъ приспособленія для массовой перевозки людей: обширные трюмы его были снабжены устроенными въ нѣсколько этажей нарами. На этомъ суднѣ долженъ былъ отплыть генералъ Шварцъ и его штабъ; на немъ же было посажено множество бѣженцевъ обоего пола и болѣе тысячи офицеровъ.

Взойдя на бортъ «Кавказа», я засталъ на немъ буквально столпотвореніе вавилонское. Не успѣвшіе еще размѣститься по трюмамъ стояли густой толпой на палубѣ, заваленной всевозможнымъ багажомъ. Наступившая темнота и весьма слабое искусственное освѣщеніе парохода въ высшей степени тормазили установленіе какого либо порядка. Въ полумракѣ раздавался плачъ дѣтей, которыхъ было не малое количество и... мычаніе животныхъ; то были волы, тутъ же находившіеся на палубѣ, предназначенные для продовольствія ѣдущихъ. По временамъ между сгрудившимися бѣженцами возникали перебранки, и воздухъ оглашался крѣпкими словцами.

Странное зрѣлище представляла и каютъ-компанія. Ярко освѣщенная, она была сплошь забита народомъ, среди коего я замѣтилъ высшихъ духовныхъ іерарховъ — митрополита Платона, архіепископа кишиневскаго Анастасія и множество священниковъ. Всѣ они скромно помѣстились по стѣнкамъ, а по серединѣ каютъ-компаніи — за столомъ сидѣли и смачно что то ѣли какіе то штатскіе люди экзотическаго типа. Оказалось, что это купцы, почти исключительно греки, пріѣхавшіе въ Одессу изъ Константинополя съ разнообразнымъ товаромъ, надѣясь его выгодно тамъ сбыть. Попали они въ Одессу какъ разъ ко времени ея эвакуаціи, а посему на берегъ даже не были спущены. Это были все платные пассажиры 1-го класса, занявшіе почти всѣ пассажирскія, расположенныя вокругъ каютъ-компаніи, помѣщенія и, конечно, не пожелавшіе ихъ уступить нахлынувшимъ бѣженцамъ, какого бы они званія ни были. Нѣкоторымъ лицамъ все же въ конечномъ результатѣ удалось устроиться въ каютахъ, остальнымъ же наиболѣе привилегированнымъ, не пожелавшимъ помѣститься въ одномъ изъ трюмовъ, было предоставлено право сидѣть въ каютъ-компаніи, конечно, за исключеніемъ обѣденныхъ часовъ, когда мѣста были заняты обѣдающими. Тутъ они просидѣли въ теченіе десяти сутокъ, ни разу не ложась, такъ какъ по прибытіи въ Константинополь насъ на берегъ не спустили, а продержали въ продолжительномъ карантинѣ. Мнѣ лично удалось однако устроиться. Войдя въ частную сдѣлку съ завѣдующимъ хозяйствомъ всего парохода — такъ называемымъ maître d'armes, я за сравнительно умѣренную плату получилъ въ мое единоличное пользованіе его собственное просторное и уютное помѣщеніе.

Часамъ къ 12 ночи прибылъ на пароходъ и генералъ Шварцъ, и мы были готовы къ отплытію. Въ это время городъ уже былъ фактически беззащитенъ, и лишь нѣсколько выпущенныхъ по городу выстрѣловъ со стоящаго на рейдѣ французскаго броненосца, повидимому, удерживали вступившихъ въ городъ большевиковъ приблизиться къ порту, а посему притокъ на «Кавказъ» новыхъ бѣженцевъ изъ офицерскаго состава въ теченіе нѣкотораго времени все еще продолжался.

Ночь мы простояли однако на рейдѣ и лишь послѣ разсвѣта подняли якорь. Понемного скрывались въ утреннемъ туманѣ очертанія красавицы русскаго юга —

Одессы. Прошли мимо Малаго и Большого фонтановъ, столь мнѣ знакомыхъ съ давнихъ поръ, и наконецъ, потеряли берегъ изъ вида. Съ тяжелымъ сердцемъ слѣдили мы за тѣмъ, какъ онъ постепенно исчезалъ изъ нашихъ глазъ, и несомнѣнно тѣ же мысли охватили всѣхъ наблюдавшихъ за нимъ съ «Кавказа»: что ждетъ впереди и когда уже назадъ въ разрушенную, загрязненную, заплеванную, но все же безконечно дорогую Родину?

Да, когда же?

Парижъ. Апрѣль 1924 г.

При царскомъ режимѣ

Генерала А. И. Спиридовича

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1884 — 1891 г. г. — Нижегородскій графа Аракчеева Кадетскій Корпусъ. — Первые дни. — Организація. — Директоръ генералъ Завадскій. — Воспитатели. — Поручикъ Нестеровъ. — „Аркашка". — Подполковникъ Рафаловичъ. — Николай Александровичъ Долгорукій. — Неудачный педагогъ. — Бенефисъ. — Ученіе. — Иванъ Петровичъ Долбня и его система. — Законовѣдѣніе и прокуроръ Безе. — Литература. — Физическое воспитаніе. — Музыка, пѣніе и танцы. — Отношеніе къ женщинѣ. — „Конкордія" и „самокаты".

Въ Нижнемъ Новгородѣ, высоко надъ Волгой, почти въ центрѣ стараго Кремля съ его древними кирпичными покрытыми мохомъ стѣнами и башнями, раскинулось покоемъ буро-красное зданіе Аракчеевскаго кадетскаго корпуса. Фасадъ корпуса выходитъ на Кремлевскую площадь, съ каѳедральнымъ соборомъ, корпусною церковью и казенными зданіями, одно крыло смотритъ на свой садикъ-плацъ, другое же глядитъ съ высоты Кремля на убѣгающую въ даль Волгу, на разстилающуюся за ней безбрежную даль лѣсовъ и луговъ, на раскинувшіяся у сліянія ея съ Окой село Кунавино и ярмарку. Передъ окнами корпуса — Мининскій скверъ съ памятникомъ-обелискомъ гражданину Минину. У главнаго входа четыре мѣдныя на зеленыхъ деревянныхъ лафетахъ пушки эпохи Александра I-го, съ громадными гербами графа Аракчеева, съ его девизомъ: «безъ лести преданъ».

Корпусъ нашъ былъ основанъ на средства, завѣщанныя графомъ, и находился сперва въ Новгородѣ, откуда и перемѣщенъ въ Нижній Новгородъ.

Богатая Аракчеевская библіотека, множество реликвій графа, его портреты, бюстъ, массивная мѣдная кухонная посуда и тяжеловѣсное столовое серебро съ графскими гербами, — все это ежеминутно напоминало переступавшему порогъ корпуса, кому корпусъ обязанъ своимъ существованіемъ. Въ стѣнахъ этого, строгаго по виду зданія, какъ и въ другихъ кадетскихъ корпусахъ Царской Россіи, тысячи мальчиковъ, преимущественно дѣти военныхъ, подготовлялись къ будущей офицерской службѣ, получая воспитаніе въ духѣ вѣры христіанской и любви къ Царю и Родинѣ.

Съ трепетомъ я перешагнулъ его порогъ осенью 1884 года, явившись въ корпусъ, какъ выдержавшій вступительный экзаменъ.

Новая жизнь, не похожая на домашнюю, охватывала новичка, попадавшаго въ корпусъ. «Кто ты, откуда, кто твой отецъ?» — сыпались со всѣхъ сторонъ вопросы старичковъ. Шли оглядыванія, испытанія; давались щелчки, толчки, затрещины.

Плакать и жаловаться не полагалось. Отвѣтившій толчкомъ на толчокъ, ударомъ на ударъ, сразу пріобрѣталъ уваженіе въ глазахъ кадетъ, хотя и получалъ трепку за подобную дерзость по отношенію старичка. Плаксы, рюмзы, «маменькины сынки» — вызывали насмѣшки, поддразниванія и различныя прозвища.

Но черезъ нѣсколько недѣль послѣ пріема, разница между новичками и старыми кадетами сглаживалась, самое слово новичокъ — забывалось, и каждый классъ начиналъ новый учебный годъ, какъ маленькая семья, живущая своими правилами и обычаями.

Корпусъ имѣлъ семь классовъ, состоявшихъ каждый изъ двухъ параллельныхъ отдѣленій, и дѣлился на три возраста или роты. Первая рота или старшій возрастъ состояла изъ 7-го и 6-го классовъ и одного отдѣленія 5-го; второе отдѣленіе 5-го, четвертый и одно отдѣленіе 3-го класса, составляли 2-ю роту или средній возрастъ, остальные классы — третью роту или младшій возрастъ. Въ каждой ротѣ былъ свой ротный командиръ въ чинѣ штабъ-офицера, каждое отдѣленіе имѣло своего офицера воспитателя.

Ближе всего къ кадетамъ стояли воспитатели. Они были для кадетъ наставниками, руководителями и замѣняли имъ, какъ могли, близкихъ родныхъ. Въ то время педагогическихъ курсовъ для воспитателей еще не было. Воспитателями являлись простые изъ строя офицеры, большей частью сами прошедшіе черезъ кадетскій корпусъ, которые и преподавали дѣтямъ все то хорошее, чѣмъ жила и была крѣпка русская армія.

Подборъ воспитателей въ значительной степени зависѣлъ отъ Директора корпуса. Директоромъ же у насъ былъ генералъ Завадскій, изъ офицеровъ гвардейской артиллеріи, пажъ по воспитанію, академикъ, умный, образованный, добрый и хорошій человѣкъ. Хорошихъ подбиралъ онъ и воспитателей. Конечно, не всѣ они были опытные педагоги, не всѣ умѣли воспитывать, но всѣ они добросовѣстно старались это дѣлать, понимая, сколь великую роль исполняютъ они относительно русской арміи.

У насъ въ отдѣленіи воспитателемъ былъ сперва дослуживавшій послѣдній годъ своей службы, прежній воспитатель военной гимназіи, а затѣмъ поручикъ Нестеровъ, отецъ знаменитаго впослѣдствіи по мертвымъ петлямъ летчика. Ласковый, добрый, хотя и требовательный, онъ много занимался нами, помогалъ намъ учиться, входилъ въ наши нужды, слѣдилъ, чтобы мы аккуратно писали домой письма. Каждое воскресенье онъ бралъ къ себѣ поочередно въ отпускъ кадетъ, не имѣвшихъ въ Нижнемъ ни родныхъ, ни знакомыхъ, и въ его скромной казенной квартиркѣ, за большимъ чайнымъ столомъ, находили мы теплый пріютъ его самого и его милой жены.

Всѣ кадеты очень любили Нестерова. Но онъ былъ боленъ чахоткой и умеръ доведя насъ только до 5-го класса. Мы очень жалѣли его и послѣ него уже никто не могъ замѣнить намъ нашего дорогого воспитателя.

Послѣ похоронъ, каждый изъ насъ, кадетъ его отдѣленія, получилъ отъ его жены фотографію покойнаго съ такою надписью:

«Дарю на память карточку искренно любившаго Васъ воспитателя. Лично же отъ души благодарю Васъ за Вашу любовь вообще и въ особенности за ваше вниманіе, оказанное ему во время болѣзни и доставившее ему много отрадныхъ минутъ.

Л. Нестерова».

Былъ въ одномъ изъ классовъ младшей роты воспитатель подполковникъ Алферьевъ, котораго кадеты прозвали «Аркашкой». Онъ былъ очень строгъ и любимымъ его наказаніемъ воспитанниковъ было ударять ихъ по лбу обручальнымъ кольцомъ, иногда до синяковъ. Щелкалъ онъ сильно, но зато никто изъ воспитателей не помогалъ такъ своимъ кадетамъ учиться, какъ помогалъ «Аркашка». Онъ репетировалъ каждаго малоуспѣшнаго; проходилъ съ классомъ всѣ трудные предметы и его классъ учился отлично и «Аркашку» любили, хотя передъ нимъ дрожали, хотя онъ и давалъ щелчки по лбу.

Въ другомъ классѣ былъ воспитателемъ подполковникъ Рафаловичъ. Высокій, близорукій, съ всклокоченной бородой брюнетъ съ грустными въ очкахъ глазами, всегда задумчивый и бѣдно одѣтый. Онъ велъ свое отдѣленіе какъ лучшій педагогъ. Не было того просвѣтительнаго учрежденія въ городѣ, которое онъ не показалъ-бы своимъ кадетамъ. Сколько экскурсій, прогулокъ сдѣлалъ онъ съ кадетами, сколько книгъ хорошихъ прочиталъ имъ, сколько хорошаго разсказывалъ онъ имъ изъ родной исторіи и про природу. Классъ былъ для него его жизнь, онъ проводилъ въ немъ все свое время. За неопрятную наружность кадеты прозвали его «шмулемъ». Рафаловичъ зналъ это и не обращалъ вниманія и дѣлалъ свое дѣло терпѣливо, настойчиво и съ любовью. И съ какой грустью разставались съ нимъ его кадеты послѣ семилѣтней совмѣстной жизни, съ какою благодарностью вспоминали они его совѣты уже позже, сдѣлавшись офицерами.

А кто изъ старыхъ Аракчеевцевъ не помнитъ подполковника Николая Александровича Долгорукаго, этого полнаго, съ большими опущенными усами, ласковаго, какъ отецъ родной, старика, который служилъ чуть-ли не съ основанія корпуса, былъ его живой хронологіей и дослуживалъ при насъ послѣдніе годы.

На его дежурствѣ въ младшей ротѣ дежурная комната всегда была набита кадетами. Онъ былъ облѣпленъ малышами, которые взлѣзали ему на колѣни, вынимали у него шашку изъ ноженъ, трогали ордена, разспрашивали, за что полученъ каждый крестъ, каждая медаль, и старикъ бесѣдовалъ съ кадетами какъ близкій родной человѣкъ. Приносившіяся ему изъ дому въ дежурную комнату къ чаю конфеты, варенье, печенье — мигомъ расхватывались и разъѣдались кадетами. Его никто не звалъ иначе какъ Николай Александровичъ; титулъ «господинъ подполковникъ» къ нему не шелъ. Старшіе кадеты любили его не меньше маленькихъ, и у нихъ къ этой любви примѣшивалось уже и чувство уваженія къ почтенному дивной души человѣку.

Были, конечно, и недалекіе воспитатели, но они какъ-то быстро испарялись. Одинъ штабсъ-капитанъ саперъ, назначенный къ намъ въ отдѣленіе послѣ смерти Нестерова, додумался читать намъ вслухъ «Бурсу» Помяловскаго. Мы веселились отъ души, слушая чтеніе, но послѣ ухода воспитателя продѣлывали въ классѣ на практикѣ все, что продѣлывали бурсаки и до чего сами мы не доходили. Мы репетировали «лимоны» маленькіе и большіе, дѣлали «смази всеобщія», «вѣшали соль», продѣлывали и многое другое. Но этотъ воспитатель, хотя и съ ученымъ кантомъ, являлся печальнымъ исключеніемъ и вскорѣ оставилъ корпусъ. Время его воспитательства осталось у насъ въ памяти какимъ-то сумбурнымъ. Его подлаживанія къ намъ, скабрезные разсказы съ цѣлью понравиться, достигали обратныхъ результатовъ. Мы не любили его, мы понимали, что онъ дѣлаетъ многое, чего не долженъ былъ дѣлать.

Нѣкоторыхъ особенно нелюбимыхъ воспитателей иногда «проучали», что случалось, впрочемъ, очень рѣдко. Такъ, когда мы были въ старшей ротѣ, былъ тамъ въ выпускномъ классѣ подполковникъ С. Онъ не ладилъ съ кадетами, дѣлалъ часто

гадости, и его настолько не любили, что рѣшились однажды проучить всей ротой. Было рѣшено, что на дежурствѣ С. рота не отвѣтить ему утромъ на его привѣтствіе. Распоряженіе шло отъ старшаго класса и было обязательно для всѣхъ.

И вотъ, когда онъ, выйдя къ ротѣ утромъ, обратился: «здравствуйте господа» — ему отвѣтили могильнымъ молчаніемъ. Три раза повторилъ С. привѣтствіе и три раза рота молчала. Скандалъ былъ колоссальный. Старшій классъ пострадалъ очень сильно: нѣсколько человѣкъ было исключено. Случай этотъ, конечно, не могъ не отразиться на службѣ того воспитателя; его перевели въ младшую роту.

Научное образованіе въ корпусѣ было поставлено основательно. Преподаватели относились къ дѣлу добросовѣстно, учили хорошо, провѣряли знанія строго, и въ результатѣ, кадеты пріобрѣтали дѣйствительныя познанія въ предѣлахъ программы. Слабѣе другихъ предметовъ были поставлены языки. Учили кадетъ французскому и нѣмецкому, но учили шаблонно: заучивали слова, проходили грамматику, но говорить на иностранныхъ языкахъ не выучивались, кто-же поступалъ въ корпусъ, владѣя этими языками, тотъ уходилъ изъ корпуса, разучившись говорить на нихъ.

Былъ между нашими преподавателями одинъ небезынтересный типъ, немного «красный», какъ говорили тогда, котораго мы звали «Иванъ Петровъ». Тучный, здоровый, съ полнымъ бритымъ лицомъ, медленной походкой и громкимъ голосомъ, онъ преподавалъ физику и космографію.

Онъ любилъ острить съ кадетами надъ начальствующимъ персоналомъ, разсказывалъ на урокахъ, что происходило на педагогическихъ комитетахъ, кто изъ воспитателей подавалъ голосъ противъ кадетъ, кто за и т. д. Разговаривая съ классомъ, онъ часто не слушалъ, какую чушь несъ отвѣчавшій у классной доски кадетъ, и обращалъ на него вниманіе только тогда, когда тотъ, добравшись до конца выкрикивалъ: «что и требовалось доказать», и ударялъ крѣпко мѣломъ по доскѣ. Иванъ Петровъ тогда оглядывался, смотрѣлъ въ упоръ на отвѣчавшаго и медленно произносилъ «ступай, садись», и ставилъ хорошій балъ, причемъ, ставя, говорилъ, какъ бы про себя — «болваны».

Въ одинъ изъ подобныхъ отвѣтовъ, когда Иванъ Петровъ былъ особенно въ ударѣ и, разговаривая и смѣясь съ кадетами, уже совершенно не слушалъ, что отвѣчалъ вызванный, послѣдній такъ громко выкрикнулъ заключительную фразу и такъ сильно хлопнулъ мѣломъ, что Иванъ Петровъ вздрогнулъ.

Молча повернулся онъ къ кадету, долго и пристально смотрѣлъ на него среди всеобщей тишины и наконецъ отчеканилъ: — «ослу, скотинѣ превеликой, отъ Бога данъ былъ голосъ дикій. Ступай, садись, болванъ, одинадцать балловъ».

Фуроръ былъ полный.

Иванъ Петровъ ввелъ у насъ «пятки». Такъ назвалъ онъ послѣднія пять минутъ урока, объяснивъ, что у японцевъ есть обычай сидѣть нѣкоторое время на пяткахъ ничего не дѣлая. И вотъ онъ устанавливаетъ такіе-же пять минутъ ничегонедѣланія или «пятки», въ теченіе которыхъ онъ будетъ говорить о чемъ угодно, но только не объ урокѣ.

«Пятки» выполнялись свято и были спасительны, когда былъ спросъ, урокъ-же былъ трудный, Иванъ Петровъ не въ духѣ и рѣзалъ одного за другимъ, ставя единицы. Мы съ нетерпѣніемъ смотрѣли на часы и когда приближались послѣднія пять минутъ, со всѣхъ сторонъ раздавалось: «пятки, пятки». Иванъ Петровъ обводилъ классъ злымъ взглядомъ и говорилъ: «Негодяишки, дождались таки пятокъ».

Спросъ прекращался, Иванъ Петровъ усаживался поверхъ чьей нибудь парты и начиналъ разговоры.

Многое изъ тѣхъ разговоровъ было понято нами только позже; многаго онъ не долженъ былъ говорить, но въ общемъ мы его любили. Начальство внимательно относилось къ урокамъ этого учителя и нерѣдко во время ихъ, въ окошкѣ классной двери, появлялась фигура директора.

Уже послѣ нашего выпуска Иванъ Петровъ перешелъ въ Петербургъ и сдѣлался директоромъ горнаго института и во время первой революціи велъ себя какъ-то неважно, двусмысленно. Его фамилія — Долбня.

Незадолго до нашего выпуска ввели новый предметъ — законовѣдѣніе и поручили его преподаваніе офицеру, окончившему военно-юридическую академію. Сухой, непривѣтливый подполковникъ морилъ кадетъ. Предметъ успѣха не имѣлъ, кадеты учились плохо и проклинали и законовѣдѣніе, и учителя. Директоръ рѣшилъ поправить дѣло и, когда мы перешли въ седьмой классъ, законовѣдѣніе намъ сталъ читать гражданскій прокуроръ Безе.

Безе читалъ съ захватывающимъ интересомъ. Затаивъ дыханіе, слушали мы разсказы изъ его служебной практики. Сухой учебникъ былъ забытъ, учились со словъ, двое изъ насъ вели записки. Результаты превзошли ожиданія: кадеты усвоили курсъ отлично и экзамены прошли блестяще. Безе торжествовалъ, расхваливая кадетъ въ городѣ, мы-же восхищались прокуроромъ, сдѣлавшимъ законовѣдѣніе нашимъ любимымъ предметомъ.

Насъ пріучали любить родную литературу, любить чтеніе. Каждая рота и лазаретъ имѣли свою библіотеку, а для учительскаго персонала имѣлась фундаментальная библіотека, откуда можно было получать книги и воспитанникамъ старшихъ классовъ. Кадеты читали много и охотно. Устраивались литературные вечера и спектакли, на которыхъ кадеты играли и «Ревизора», и «Женитьбу», и другія пьесы нашихъ классиковъ.

Физическое воспитаніе занимало видное мѣсто въ корпусѣ. Гимнастикой начинался и кончался день. Каждая рота въ строю продѣлывала гимнастическія упражненія въ теченіе получаса, и кромѣ того были отдѣльные уроки гимнастики по-ротно съ палками. Всюду въ ротахъ имѣлись гимнастическія машины и на перемѣнахъ между уроками, каждый старался пройти черезъ какую либо машину, особенно взобраться на мускулахъ по наклонной лѣстницѣ. Въ свободное время процвѣталъ своеобразный спортъ въ классахъ. Среди комнаты ставился столъ, на него переворачивался сорный ящикъ и начиналось прыганье какъ черезъ кобылу. Бывали мастера, которые перемахивали черезъ поставленную вдоль двухмѣстную парту, приставленный къ ней учительскій столъ и нагороженный на нихъ сорный ящикъ. Въ каждомъ классѣ было по нѣсколько паръ ганделей. Въ старшихъ классахъ для многихъ кадетъ не составляло труда поднять на мускулахъ одной рукой полтора пуда, а были кадеты, которые поднимали одной рукой даже и двухпудовую гирю. Для этихъ упражненій убѣгали обыкновенно съ плаца въ помѣщеніе, гдѣ развѣшивали привезенное для корпуса мясо.

Передъ сномъ, а также вставши, большинство умывалось холодной водой отъ пояса; спать подъ одной простыней безъ одѣяла, даже зимой, было въ большой модѣ и считалось шикомъ. Гуляли кадеты въ корпусѣ на плацу всегда въ однихъ мундирахъ, независимо отъ морозовъ. Въ сильные морозы сокращалось только время прогулокъ. Новички сначала плакали отъ непривычки, но ихъ заставляли двигаться, бѣгать и они вскорѣ привыкали. Особымъ геройствомъ считалось выскочить изъ бани въ снѣжный сугробъ, вываляться быстро въ немъ и стремглавъ летѣть затѣмъ на полокъ, и сходило благополучно, дѣлалось это, конечно, потихоньку отъ наблюдавшаго въ банѣ служителя-дядьки.

Вѣнцомъ физическаго воспитанія являлось строевое ученіе, производившееся по всѣмъ правиламъ военныхъ уставовъ. Три старшихъ класса имѣли винтовки и продѣлывали полное уставное ротное ученіе. Нѣсколько разъ въ году корпусъ совершалъ по городу военныя прогулки съ оркестромъ музыки, что доставляло кадетамъ особенное удовольствіе. Каждый старался особенно молодецки пройти мимо того дома, гдѣ жили знакомые; а ужъ если въ окнѣ показывалась знакомая бѣлокурая головка, то восторгу не было конца. Въ день же корпуснаго праздника и въ Царскіе дни кадетамъ устраивались парады; изъ нихъ дѣйствительно готовили военныхъ.

На музыку и пѣніе у насъ обращали очень большое вниманіе. Имѣлся хорошій музыкальный классъ, гдѣ кадетъ учили игрѣ на всѣхъ духовыхъ и струнныхъ инструментахъ, на роялѣ-же можно было учиться, но только на собственный счетъ. Благодаря этому въ корпусѣ было два хорошихъ оркестра: духовой и струнный. Кадеты очень любили музыку и очень увлекались ею. Хорошо было поставлено и пѣніе. Кромѣ корпуснаго хора, пѣвшаго въ церкви, былъ хоръ въ каждой ротѣ, пѣлъ отдѣльно и каждый классъ.

Уроки музыки и пѣнія, а также упражненія на инструментахъ шли регулярно. Гулъ и трескъ стоялъ отъ этихъ упражненій на площадкахъ спаленъ, когда старались тамъ юные музыканты надъ своими партіями или школами, выдѣлывая разныя рулады и всякія эсъ-та, та-та, та-та, та-та. Періодически устраивались корпусные концерты, что являлось извѣстнаго рода событіемъ въ городѣ, и на нихъ приглашались всѣ знакомые, присутствовалъ и губернаторъ.

Ради поощренія, музыкантовъ и пѣвчихъ водили въ театры и концерты, имъ давали лишній часъ отпуска и два раза въ недѣлю имъ выдавали отдѣльно такъ называемую пѣвческую порцію, состоявшую изъ кружки молока и булки. Музыкальнымъ образованіемъ руководилъ подполковникъ Де-Лятуръ, красавецъ брюнетъ, обладавшій чуднымъ баритономъ, сводившимъ съ ума мѣстныхъ дамъ. Мы его считали конечно идеаломъ.

Кадетъ учили и танцевать, но настоящая выучка всякихъ мазурокъ, венгерокъ и вѣнскихъ вальсовъ происходила не при учителѣ танцевъ, а въ классахъ, за классными досками. Особенно любили откалывать тамъ мазурку, но такъ легко, чтобы слышно не было и только на поворотѣ ударяли каблуками. Какъ горевали мы тогда, что намъ не хватало шпоръ. Для кадетъ устраивались и балы, которыхъ очень ждало всегда мѣстное дамское общество и особенно мѣстныя институтки.

Къ женщинѣ внушалось рыцарски военное отношеніе. Въ отпуску на каникулахъ, начинались невинныя ухаживанія, переходившія у нѣкоторыхъ въ серьезныя чувства и кончавшіяся впослѣдствіи браками. Погоны, форма, умѣнье хорошо танцевать, помогали кадетамъ у барышенъ. Кадеты очень симпатизировали институткамъ и сдержанно относились къ гимназисткамъ. Почему? Объяснить навѣрно никто не сможетъ.

Область половой сферы оставалась внѣ вниманія нашего начальства, кадетъ считали дѣтьми до 18-ти лѣтняго возраста и, какъ во многихъ семьяхъ, о взрослыхъ юношахъ думали, что они «ничего еще не знаютъ и ничего не понимаютъ». Между тѣмъ уже съ 4-го класса, многіе кадеты познавали женщину. Одни бѣгали въ отпускные дни на свиданіе къ разнымъ швеечкамъ и модисткамъ, другихъ прибирали къ рукамъ опытныя дамы общества, а нѣкоторые бывали даже и въ публичныхъ домахъ.

На одной изъ глухихъ улицъ Нижняго Новгорода пріютилось въ тѣ годы нѣкоторое учрежденіе — «Конкордія». Кто-то изъ кадетъ узналъ его первымъ, свелъ одного,

другого товарища и, вскорѣ, опытная хозяйка сумѣла сдѣлать свое учрежденіе крайнѣ популярнымъ и соблазнительнымъ для кадетъ. Барышни были молодыя, веселыя, брали пустяки, игралъ рояль, давали пиво. А главное — таинственность запрета, опасность предпріятія и молодечество. «Онъ былъ въ Конкордіи» — звучало серьезно.

Лѣтомъ-же, во время ярмарки, нѣкоторые храбрецы, переодѣвшись въ отпуску въ статское платье, пробирались съ городскими товарищами въ самые сомнительные ярмарочные вертепы — «На самокаты», мѣсто, страшнѣе котораго по его мегерамъ трудно себѣ представить.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ путешествій по злачнымъ мѣстамъ: таинственная бѣготня къ лазаретному фельдшеру, тщательно припрятываемые препараты, разные бальзамы, капли... а дальше — осторожныя походки, уклоненія отъ гимнастики, отъ строя и отъ танцевъ.

Между тѣмъ уже тогда имѣлась книжка знаменитаго профессора Тарновскаго — «Половая зрѣлость», составленная имъ по порученію Главнаго Управленія Военно-учебныхъ заведеній, для кадетскихъ корпусовъ, военныхъ и юнкерскихъ училищъ. Популярно и умно въ ней были изложены всѣ интересовавшіе кадетъ вопросы этой таинственной области. Знакомство съ нею спасло-бы многихъ отъ большихъ непріятностей, но книжки той намъ не давали. Насъ всѣхъ считали дѣтьми, хотя у многихъ изъ насъ уже пробивались усики и многіе горѣли по ночамъ сладкими снами.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Внутренняя жизнь кадетъ. — Товарищество. — Старшіе. — Общество явнаго неповиновенія начальству. — Понятіе о чести и доблести. — Лишеніе погонъ. — Игры, занятія и разговоры. — Отношеніе къ Государю и Царской Семьѣ. — Врожденный монархизмъ. — Отпуски. — Попытки кружковщины. — Царскіе дни. — Рождество и Пасха. — Корпусный праздникъ. — Послѣдній годъ. — Производство въ вице-унтеръ-офицеры. — Выборъ училища. — Выпускной экзаменъ. — Попойка. — Послѣдніе лагери. — Послѣдніе дни въ корпусѣ. — Разставаніе. — Отъѣздъ въ училище. — Въ вагонѣ. — Пріѣздъ въ Петербургъ.

Параллельно съ официальнымъ воспитаніемъ шло саморазвитіе кадетъ въ ихъ внутренней кадетской жизни. Каждый классъ жилъ своею жизнью, своими интересами. Товарищество спаивало классъ. Можно было быть умнымъ или глупымъ, прилежнымъ или лѣнтяемъ, храбрымъ или трусоватымъ, но нельзя было быть плохимъ товарищемъ. Рѣшеніе класса являлось обязательнымъ для каждаго кадета. Рѣшено не отвѣчать какого либо предмета, и кого-бы ни вызвалъ учитель, хотя-бы перваго ученика, всѣ отказывались отвѣчать.

И учитель, и начальство знали въ чемъ дѣло: — классъ порѣшилъ, и это свято.

Въ самыхъ младшихъ классахъ новички пытались бывало прибѣгать подъ защиту начальства, ходили жаловаться на щипки, побои, но ихъ быстро отучали отъ этого. Нѣсколько потасовокъ, неразговариваніе класса въ теченіе нѣкотораго времени, и мальчикъ становился какъ и всѣ. Если случалось, что кто либо обижалъ зря менѣе сильнаго, классъ вступался и кто нибудь усмирялъ обидчика.

Бывало иногда что новички таскали потихоньку чужія вещи. Тогда воришку разыскивали и, набросивши ему на-голову шинелъ, били его всѣмъ классомъ, что называлось «черезъ шинель», и воровство не повторялось. Отучали и отъ «тайнаго порока». Замѣтивъ, что кто либо изъ новичковъ приверженъ къ нему, классъ рѣшалъ дѣйствовать. Въ ближайшую-же ночь, когда дортуаръ засыпалъ, съ нѣсколь-

кихъ кроватей осторожно наблюдали, что дѣлаетъ любитель, а одинъ изъ кадетъ пробирался потихоньку подъ его кровать.

Замѣтивъ что либо подозрительное на кровати любителя, наблюдатели давали сигналъ: мгновенно стаскивалось съ любителя одѣяло и со всѣхъ сторонъ въ него летѣли сапоги. Одинъ, два такихъ сеанса, и новичекъ излѣчивался отъ ужаснаго порока.

Проучали и за не товарищескіе поступки. Въ наше время одинъ изъ старшихъ классовъ обвинилъ кадета Х. въ некрасивомъ, нетоварищескомъ поступкѣ и рѣшилъ прекратить съ нимъ всякія сношенія до разговоровъ включительно. Классъ какъ-бы не замѣчалъ Х.; его игнорировали, но при немъ не говорили. Благодаря старшему классу отъ Х. сторонилась и вся 1-я рота. Угрюмо, сжавъ губы, ходилъ онъ одинокій на перемѣнахъ по залу, ушелъ въ себя, много читалъ, учился музыкѣ, ходилъ въ городъ. Подъ такимъ остракизмомъ прожилъ онъ болѣе года и уѣхалъ изъ корпуса въ училище отвергнутый товарищами и вскорѣ затѣмъ умеръ.

Наказаніе тяжкое, безпощадное, но таковы были взгляды кадетъ на товарищество. Крѣпкое товарищество основа военной семьи. Слова Суворова: «самъ погибай, а товарища выручай» — въѣдались въ молодыя сердца неизгладимо съ корпуса на всю жизнь. О предательствѣ товарища нельзя было и думать.

Повиновеніе старшимъ кадетамъ было безпрекословное. Старшіе этимъ не злоупотребляли, но тяжелая рука самиклассника частенько опускалась на младшихъ по разнымъ поводамъ.

Однажды, нашъ пятый классъ второй роты потребовалъ у эконома прибавки кулебяки за завтракомъ и получилъ ее, чѣмъ отнялъ эту прибавку у седьмого класса. На слѣдующее-же утро 7-й классъ вызвалъ десять человѣкъ нашего класса на разборъ. Шелъ допросъ.

— Ты прибавки требовалъ?

— Требовалъ,

— Кулебяку ѣлъ?

— Ѣлъ,

— Получай... слѣдовали удары. Избили всѣхъ десятерыхъ жестоко, и больше мы уже никогда не посягали на права и привилегіи седьмого класса.

Начальство знало про эти наши обычаи, но не вмѣшивалось въ нихъ. Они регулировали нашу общественную жизнь, служили хорошей цѣли, хотя иногда бывали и грубы. Вмѣшательство не приводило къ хорошимъ результатамъ, скорѣе наоборотъ, вредило кадетской жизни.

Когда нашъ выпускъ кончалъ корпусъ, по требованію изъ Петербурга прекратили безпрепятственное общеніе старшей роты съ младшей, и вліяніе старшихъ кадетъ на жизнь малышей прекратилось почти совершенно, и результаты получились слѣдующіе. Малыши стали продѣлывать много такого, чего не знало начальство, но что знали и могли устранить только кадеты своими средствами. Дошло до того, что въ младшей ротѣ образовалось «Общество явнаго неповиновенія начальству», въ задачу котораго входило, между прочимъ, курить открыто, не стѣсняясь присутствіемъ даже офицеровъ.

Члены общества курили, несмотря на неоднократныя наказанія, и дѣло приняло настолько обостренный оборотъ, что нѣсколько кадетъ были намѣчены къ увольненію, нѣкоторые къ переводу въ Вольскую прогимназію, служившую какъ-бы дисциплинарнымъ баталіономъ для кадетъ.

Нашъ директоръ, гуманный и разумный человѣкъ, рѣшилъ испытать послѣднее средство, а именно обратился къ братьямъ членовъ общества, которые были въ стар-

шемъ классѣ. Старшимъ предоставили доступъ въ младшую роту и свободу дѣйствій. Получивъ это разрѣшеніе, трое братьевъ семиклассниковъ явились въ третью роту, потребовали у заговорщиковъ списокъ членовъ ихъ организаціи и такъ раздѣлались со всѣми ими, что общество перестало существовать въ тотъ-же день. Куреніе и всякія другія неповиновенія начальству были забыты; переводить и исключать изъ корпуса никого не пришлось. Таковъ былъ своеобразный укладъ кадетской жизни.

Кадеты щеголяли формой, гордились ею, особенно, разъѣзжаясь на каникулы. Погоны были наша гордость. Лишиться погонъ считалось позоромъ. Это чисто военное понятіе о чести и гордости входило незамѣтно въ наши сердца съ того перваго дня, когда надѣвъ впервые свой мундиръ, кадетъ думалъ, что лучше и красивѣй его нѣтъ никого на свѣтѣ.

Высшимъ наказаніемъ въ корпусѣ считалось именно «лишеніе погонъ»; наказаніе, налагавшееся въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ.

Выстраивалась рота. Ротный командиръ читалъ приказъ по корпусу. Виновнаго вызывали передъ роту и ротный портной, по приказу ротнаго командира, срѣзалъ погоны... Нехорошія то были минуты... жуткія...

Лишившійся погонъ ходилъ на лѣвомъ флангѣ роты или класса, на дистанціи десяти шаговъ. Въ столовой онъ сидѣлъ одинъ за столомъ. На немъ было позорное клеймо. То было самое ужасное для кадетъ наказаніе. Это научало ихъ цѣнить погоны. Этимъ наказаніемъ не злоупотребляли и въ томъ была его моральная сила.

Болѣе слабыми наказаніями были: лишеніе отпуска, наряды на дежурство и карцеръ. Тѣлесное наказаніе не практиковалось въ корпусѣ никогда.

Понятіемъ воинской чести и доблести были проникнуты и игры кадетъ, изъ которыхъ самыми любимыми были: казаки-разбойники, набѣги на Кремлевскія стѣны, походы въ старыя башни кремлевскія за разными манерками и всякимъ старымъ оружіемъ, лазанія въ подземный ходъ, что шелъ по преданіямъ подъ самую Волгу, и тому подобныя предпріятія. Каждый мечталъ быть выбраннымъ атаманомъ или начальникомъ на какое либо изъ такихъ предпріятій.

Стойкость и вѣрность своимъ лучше всего выказывалась въ игрѣ «тянуться». Тянулись обычно два разныхъ класса. Занявъ двѣ противоположныя стороны зала, два лагеря схватывались руками и старались перетянуть одинъ другого на свою сторону. Отдѣльныхъ кадетъ, которыхъ отрывали отъ своего лагеря, оттаскивали въ тылъ, распластывали на полу и держа крѣпко руки, ноги и голову, начинали пытать, дабы принудить сдаться. Плѣннику сверлили кулаками виски, приговаривали «сдавайся»; сверлили до бѣлыхъ пятенъ, до ссадинъ кожи. Нужно было много терпѣнія, стойкости, выносливости и дѣтскаго самолюбія, чтобы, выдерживая неимовѣрную боль въ головѣ и зачастую съ невольными слезами на глазахъ, все-таки упрямо выкрикивать «не сдаюсь...» Такъ продолжалось, пока свои не прорывались въ тылъ на выручку, или игра не прекращалась почему либо.

Сдаться противнику считалось позоромъ и сдавшійся однажды много терялъ въ глазахъ товарищей, и ему въ подобныхъ играхъ уже не довѣряли.

Очень серьезно кадеты смотрѣли на данное кому либо честное слово. Оно являлось святымъ, разъ было дано съ подтвержденіемъ, что производится отъ чести, а не отъ чеснока. Таковъ былъ обычай.

Въ отпуску многіе играли въ оловянные солдатики. У нѣкоторыхъ ихъ бывало по нѣсколько сотенъ, съ крѣпостями, пушками, кораблями. Устраивались сраженія съ наградами побѣдителямъ. Неизмѣнный спутникъ воинской доблести — Георгіевскій крестъ уже тогда былъ мечтою у многихъ. На игрушечномъ знаменщикѣ

крѣпко въѣдалась въ сознаніе идея, что знамя — святыня; утратить его — позоръ; захватить-же непріятельское знамя — подвигъ.

Были и менѣе воинственныя игры и занятія: играли въ шашки и шахматы, выпиливали, рисовали, клеили картонажи.

Разсказываніе анекдотовъ, особенно историческихъ про Петра Великаго, про Суворова, Императора Николая I-го, было любимѣйшимъ препровожденіемъ времени. Тогда-же говорилось безъ конца о разныхъ полкахъ и ихъ подвигахъ; спорили, какой полкъ лучше, какой старѣе.

Въ корпусѣ почти всѣ были дѣти простыхъ армейскихъ офицеровъ; офицеры гвардіи, какъ жившіе въ столицахъ, помѣщали своихъ дѣтей въ столичные корпуса, а потому и наши разсказы со словъ своихъ отцовъ, касались больше славныхъ армейскихъ полковъ. Но, конечно, любили говорить о гвардіи и ея подвигахъ. Гвардія рисовалась для насъ особенно красивой, почетной и въ ореолѣ славы. Мы знали, что многими гвардейскими частями командовали Высочайшія Особы.

О нихъ говорили мы съ особымъ любопытствомъ и серьезностью, это была семья Государя, а выше Его для насъ ничего не было. Къ Нему въ Петербургъ летѣли наши мечты. Какіе счастливчики тѣ, кто около Него — не разъ говорили мы.

Никто не внушалъ намъ нарочито этихъ мыслей и чувствъ. Они приносились нами въ корпуса изъ нашихъ родныхъ семей, отъ нашихъ отцовъ и матерей; здѣсь-же они лишь глубже западали въ наши сердца и подъ вліяніемъ всего уклада корпусной жизни, созрѣвали подъ спокойнымъ взглядомъ смотрѣвшаго изъ золотыхъ рамъ могучаго Императора и принимали съ годами болѣе крѣпкія и сознательныя формы.

Мы безотчетно любили Государя, Государыню и Его Царскую семью, съ оттѣнкомъ нѣкоторой нѣжности къ юному Наслѣднику Николаю Александровичу. И когда въ 1886 году корпусъ посѣтилъ путешествовавшій по Волгѣ Великій Князь Владиміръ Александровичъ съ супругой, кадеты встрѣчали ихъ съ необычайнымъ восторгомъ, энтузіазмомъ и любовью — то былъ братъ Государя.

Младшая рота была выстроена у себя въ помѣщеніи. Мы замерли по командѣ. Вошелъ Великій Князь съ Княгиней, за ними свита.

Высокій, красивый, статный, онъ только поздоровался съ нами своимъ бархатнымъ голосомъ; только прошелъ по строю, скользя большими прекрасными глазами, и сказалъ затѣмъ: «Прощайте дѣти!»

Это было все, но для насъ это было такъ много! Мы были зачарованы, какъ въ сказкѣ. Что-же бы было, если-бы къ намъ явился самъ Государь? Объ этомъ мы лишь мечтали и завидовали тѣмъ, кто учился въ столицѣ.

Хожденіе въ отпускъ являлось пріятнымъ развлеченіемъ, но у многихъ кадетъ не было въ Нижнемъ ни родныхъ, ни знакомыхъ, и они ходили лишь по праздникамъ «въ городъ» на нѣсколько часовъ.

Благодаря отпускамъ, въ нашу однородную военную семью, врывалась иногда струя чуждая общему настроенію. То были попытки нѣкоторыхъ просвѣтителей подойти къ кадетамъ и вовлечь ихъ въ кружковщину.

Въ отпуску кадеты встрѣчались съ разными людьми и съ «красной» молодежью. И хотя въ глазахъ студентовъ и вообще невоеннаго общества кадетъ считали способными только къ шагистикѣ, танцамъ и ухаживаніямъ, тѣмъ не менѣе съ нами всетаки общались и не-военные люди.

Будучи въ пятомъ классѣ, одинъ изъ нашихъ одноклассниковъ, котораго я назову Z., подружился въ отпуску съ нѣсколькими молодыми людьми безъ опредѣленныхъ занятій. Они собирались лѣтомъ въ какой-то полуразрушенной банѣ и

читали тамъ запрещенныя книжки. Z. разсказывалъ объ этомъ намъ иногда по секрету, но выходило какъ-то неясно, что они тамъ дѣлаютъ и для чего. Мы стали замѣчать нѣкоторую перемѣну въ нашемъ товарищѣ. Намъ казалось, что онъ дѣлаетъ что-то нехорошее, опасное, и мы инстинктивно стали безпокоиться за него. Его же мы очень любили, т. к. онъ былъ очень хорошій товарищъ, отлично учился и многимъ помогалъ заниматься, и мы стали предостерегать его отъ его городскихъ товарищей и стали уговаривать бросить ихъ. Z. былъ вовлеченъ въ какой то кружокъ, но какъ юноша вдумчивый и сильнаго характера, не далъ сбить себя съ толку, перейдя же въ военное училище, онъ совсѣмъ оставилъ конспирацію, хорошо учился, вышелъ въ гвардію и сдѣлался хорошимъ офицеромъ.

Хуже было съ кадетомъ А., который былъ старше насъ, но въ седьмомъ классѣ мы догнали его. А. воспитывался въ Ярославской военной прогимназіи и за отличное ученье былъ переведенъ въ нашъ корпусъ. Сперва онъ продолжалъ хорошо учиться и ему разрѣшили ходить въ отпускъ къ родителямъ одного изъ нашихъ же кадетъ.

Умный, интересный, сильный и хорошій музыкантъ, А. пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ, и его приглашали въ городѣ на расхватъ. Вскорѣ познакомился онъ съ одной польской семьей, гдѣ была дочь — петербургская курсистка-фельдшерица и сынъ студентъ. Семья считалась передовой. Началось ухаживаніе, и параллельно занятія по самообразованію — совмѣстныя чтенія сперва легальныхъ, а затѣмъ и запрещенныхъ книгъ. Ученье у А. пошло скверно, съ товарищами онъ сталъ разговаривать немного свысока и какъ бы снисходительно. Съ особой таинственностью и важностью говорилъ онъ о Герценѣ и Лавровѣ, имена которыхъ не представляли для насъ въ то время никакого интереса, и какъ то разъ сталъ восхищаться Маркомъ Волоховымъ изъ гончаровскаго «Обрыва».

Этотъ романъ мы всѣ знали хорошо, Волохова мы считали просто мерзавцемъ и подлецомъ за то, что онъ обезчестилъ дѣвушку, и мы сцѣпились съ А. въ жаркомъ спорѣ. Съ того момента и самъ А. и его городская компанія низко упали въ нашихъ глазахъ. А. замкнулся отъ насъ, мы не интересовались его дѣлами и такъ разъѣхались по училищамъ.

Въ Петербургѣ А. учился еще хуже, насилу пробрался въ офицеры, но скоро ушелъ изъ полка и, совершенно сбитый съ толку, женился на какой то революціонеркѣ. Онъ принималъ участіе въ событіяхъ 1905 года, затѣмъ сдѣлался нелегальнымъ, бѣжалъ, болтался эмигрантомъ по Швейцаріи и наконецъ пропалъ съ житейскаго горизонта. Примѣръ одного изъ тѣхъ несчастныхъ сбитыхъ съ пути революціонерами военныхъ, которые измѣняли честнымъ военнымъ завѣтамъ, перекрашивались въ революціонеровъ всякихъ партій, а затѣмъ... измѣняли и имъ. Измѣна предѣловъ не имѣетъ.

Кадеты очень любили праздники. Съ большой торжественностью праздновались дни именинъ и рожденія Государя Императора и другіе царскіе дни. Молебствія послѣ обѣдни, парадъ, десертъ за обѣдомъ, шеколадъ во время полдника и всеобщій отпускъ въ городъ даже штрафованныхъ, все это замѣтно отличало эти дни отъ другихъ праздниковъ. И если кадеты старшихъ классовъ въ эти дни болѣе сознательно чѣмъ когда либо обращались мысленно туда, гдѣ имѣлъ пребываніе Верховный Вождь, то малыши кадеты, поѣдая въ тотъ день сласти, ласковѣе чѣмъ всегда посматривали на красовавшіеся въ ротѣ Царскіе портреты.

Весело проходило Рождество. Въ классахъ устраивались елки, къ которымъ каждый классъ готовился задолго, стараясь поразить другихъ искусствомъ украшенія елки и убранствомъ класса. Кадетамъ раздавались подарки, конфеты. На

Рождествѣ чаще ходили въ театры, концерты и на вечера. Тогда же устраивался цѣлый годъ ожидаемый балъ въ женскомъ институтѣ, и нѣкоторыхъ изъ кадетъ водили туда; попасть въ число избранныхъ было мечтою очень многихъ.

Особенно торжественно встрѣчалась въ корпусѣ Святая Пасха. Весь Великій постъ носилъ характеръ, требуемый церковью. По средамъ и пятницамъ, всю первую, четвертую, седьмую и недѣлю говѣнья, кадеты постились; отпуски были рѣже, увеселеній никакихъ. Постъ являлся дѣйствительно лишеніемъ, и тѣмъ радостнѣе было Свѣтлое Христово Воскресенье.

Въ Великую Субботу кадетъ уводили въ спальни въ 7 часовъ вечера. Окна наглухо завѣшивались одѣялами.

Въ 11 часовъ ночи, корпусный военный оркестръ начиналъ играть въ спальнѣ первой роты «Зарю съ церемоніей», послѣ чего съ громовымъ маршемъ обходилъ всѣ спальни и возвращался въ старшую роту.

Въ новыхъ мундирахъ, нарядные, съ блестящими инструментами, торжественно, важно проходили музыканты. Гремѣлъ впереди турецкій барабанъ, рѣзали трубы, звенѣли мѣдныя тарелки... Врывалось нечто радостное, красивое, неописуемое. Вскакивали заспавшіеся, ничего не понимавшіе спросонья кадеты; бѣжали за оркестромъ уже вставшіе. Всѣмъ было весело; необычайный восторгъ охватывалъ всѣхъ. Скорѣе, чѣмъ всегда, одѣвались кадеты, строились роты, и корпусъ шелъ на заутреню.

Церковь блестѣла огнями, кругомъ горѣли плошки, на площади пылали смоляныя бочки.

Призывный колокольный гулъ неслся съ кафедральнаго собора, ему вторилъ весь городъ. И вскорѣ радостное «Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ» объединяло всѣхъ насъ въ высокомъ порывѣ подъ сѣнью колыхавшихся хоругвей и склонявшихся со стѣнъ церкви старыхъ Николаевскихъ знаменъ корпуса.

Но самымъ большимъ днемъ въ жизни корпуса являлся корпусный праздникъ, справлявшійся 18-го марта. То было сочетаніе праздниковъ семейнаго, церковнаго и царскаго; день, когда кадеты, молясь своему патрону за преуспѣяніе родного корпуса и за свои нужды, молились и за своего Верховнаго Вождя.

Въ тотъ день, особою телеграммою, корпусъ повергалъ Его Величеству чувства горячей любви и преданности и готовился служить вѣрою и правдой Ему — Государю и Родинѣ. То была какъ бы ежегодная присяга Монарху отъ его малолѣтнихъ военно-подданныхъ.

Утромъ обѣдня, молебенъ, парадъ, а вечеромъ — балъ. Балъ, о которомъ мечтали цѣлый годъ не только кадеты, но и многія хорошенькія головки внѣ стѣнъ корпуса...

Балъ являлся единственнымъ днемъ, когда кадеты въ качествѣ хозяевъ могли отплатить радушіемъ и гостепріимствомъ всѣмъ тѣмъ своимъ близкимъ и знакомымъ, вниманіемъ которыхъ они пользовались бывая въ отпуску. Сколько бутоньерокъ съ цвѣтами и наивныхъ котильонныхъ подарковъ приберегалось тогда заботливо для своихъ симпатій... Сколько переживаній до, во-время и послѣ бала... Про то знали только кадеты, «она», да иногда не въ мѣру внимательная ея мамаша...

Въ тотъ день со всѣхъ сторонъ необъятной Россіи летѣли въ корпусъ поздравительныя телеграммы старыхъ Аракчеевцевъ. Служившіе въ Нижнемъ проводили тотъ день среди кадетъ. И нерѣдко можно было видѣть тогда, какъ дружно бесѣдовалъ убѣленный сѣдинами глубокій старикъ Аракчеевецъ съ маленькимъ кадетикомъ; блестѣла слеза на глазахъ старика, вспоминавшаго счастливые годы, а малышъ тянулся, стараясь быть особенно молодцеватымъ.

Наступилъ 1890-1891 учебный годъ. Мы въ старшемъ выпускномъ классѣ. Появились новыя обязанности: дежурства по ротѣ, по кухнѣ, прислуживаніе священнику въ церкви во время Богослуженія, чтеніе за обѣдней псалтыря.

Отношеніе къ намъ начальства стало болѣе серьезнымъ, со стороны младшихъ кадетъ — почтительное. Назначеніе вице-фельдфебеля и производство въ унтеръ-офицеры, что давалось за хорошее поведеніе и ученье, выдѣлили изъ нашей среды группу товарищей — начальниковъ. Деликатное среди товарищей неравенство.

Въ числѣ другихъ, получилъ золотой галунъ на погоны и я; меня произвели въ вице-унтеръ-офицеры. На меня, игравшаго уже въ оркестрахъ четыре года, было возложено также завѣдываніе музыкальнымъ классомъ; въ отсутствіе капельмейстера приходилось дирижировать оркестромъ и разучивать съ музыкантами пьесы.

Серьезнѣе сдѣлалось наше отношеніе къ занятіямъ, серьезнѣе велись разговоры о будущемъ. Въ свободное время все чаще и чаще бесѣдовали мы, кто въ какое училище выйдетъ. Въ разговорахъ выявлялось, кто къ какому роду войскъ имѣетъ больше склонности и симпатіи. Трое лучшихъ учениковъ могли быть приняты въ инженерное и артиллерійское училища, о чемъ они и мечтали; одинъ богатый кадетъ, сынъ кавалериста, выходилъ въ Николаевское Кавалерійское, всѣ остальные обсуждали пѣхотныя. Одинъ кадетъ, неудовлетворявшій по здоровью условіямъ военной службы, переходилъ въ Лѣсной институтъ.

О каждомъ училищѣ имѣлись свои подробныя свѣдѣнія. Александровское Училище въ Москвѣ — не строгое, даже распущенное, офицеры не подтягиваютъ, смотрятъ на многое сквозь пальцы, учиться не трудно, устраиваются хорошіе балы. Изъ двухъ пѣхотныхъ Петербургскихъ — Константиновское много легче Павловскаго. Отношеніе офицеровъ хорошее, похожее на корпусное; расположено около Обуховскаго моста; прозвище — Обуховскія институтки. Павловское училище самое строгое: муштровка сильная, дисциплина страшная, солдатчина. Требуютъ строй и гимнастику. Зовутъ — Павлоны - солдафоны. Первая рота шефская — Рота Его Величества.

Десять человѣкъ, въ томъ числѣ и я, записались въ Павловское училище. Мы стали старательнѣй заниматься фронтомъ и гимнастикой.

Подошли выпускные экзамены и прошли благополучно, всѣ окончили корпусъ хорошо. Къ тому времени извѣстная въ Нижнемъ фотографія Дмитріева уже изготовила намъ группы и карточки. Мы обмѣнивались ими, подносили ихъ воспитателямъ и любимымъ учителямъ, дарили въ городѣ.

По традиціи окончаніе корпуса надо было справить попойкой. Зная это, отецъ кадета нашего выпуска Кулябки, добрый и хорошій старикъ, знавшій жизнь, любившій и понимавшій молодежь, уговорилъ насъ справить выпускъ не на сторонѣ гдѣ либо, а у него въ квартирѣ. Благодаря такой предусмотрительности добраго Кулябки, начальство не узнало о попойкѣ и она не имѣла для насъ никакихъ нежелательныхъ послѣдствій, за что мы были благодарны и нашему товарищу, и его отцу.

Вскорѣ послѣ этого, знаменательнаго дня, кадеты стали разъѣзжаться на каникулы, не уѣхавшіе же выступили въ лагерь, расположенный за городомъ, на высокомъ берегу Оки.

Грустно было остающимся кадетамъ смотрѣть на разъѣзжающихся товарищей. Въ эти моменты наши офицеры воспитатели, сами переживавшіе когда-то подобное же душевное настроеніе, становились къ намъ ближе, ласковѣй, и это сглаживало нашу грусть и примиряло насъ съ нашимъ положеніемъ.

Вскорѣ различныя лѣтнія развлеченія: купанья, экскурсіи, вечернія прогулки по рѣкѣ съ пѣснями на большихъ корпусныхъ лодкахъ, захватывали кадетъ. Каде-

ты хорошо гребли, хорошо и пѣли. Родная каждому русскому — «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ, по широкому раздолью»..., да меланхоличная: — «Внизъ по Волгѣ рѣкѣ съ Нижняго Новгорода снаряженъ стружекъ какъ стрѣла летитъ»... — были нашими любимыми пѣснями.

Быстро промелькнуло послѣднее лѣто, и незамѣтно подкрался холодный августъ. Перебрались въ корпусъ кадеты изъ лагеря, возвратились отпускные, пріѣхалъ и нашъ классъ, чтобы окончить послѣдніе расчеты съ корпусомъ, и разъѣхаться по училищамъ.

Сдано казенное имущество, окончены визиты и прощанія въ городѣ, распрощались съ остающимися кадетами. Вотъ и послѣдній день. Послѣдніе сборы, укладка. Отслуженъ напутственный молебенъ, попрощались съ начальствомъ. Смутное чувство на душѣ... Больно разставаться, но заманчиво впереди.

Мы спѣшимъ на вокзалъ, и вскорѣ поѣздъ уноситъ насъ къ давно жданнымъ, для большинства невиданнымъ еще столицамъ.

Прощай корпусъ, прощай Нижній, прощайте милыя институтки!

Устроившись въ вагонѣ, мы — Павловцы, тихо бесѣдуемъ о томъ, что ждетъ насъ въ училищѣ. У одного изъ насъ въ Петербургѣ замужняя сестра; мы будемъ ходить къ ней въ отпускъ... Но разговоръ не вяжется; хочется къ тѣмъ, съ кѣмъ растаемся. Идемъ къ нимъ. Увидимся ли и когда? Сговариваемся писать, не забывать другъ друга...

Утромъ въ Москвѣ мы разстались съ товарищами, вышедшими въ Александровское Училище, а слѣдующее туманное Петербургское утро разлучило и всѣхъ остальныхъ насъ, разбросавъ по разнымъ училищамъ столицы.

Кадетская семья распалась, но корпусная спайка крѣпка на вѣкъ, и гдѣ бы послѣ не встрѣчались два Аракчеевца, одного и того же класса и отдѣленія, ихъ тѣсно связываетъ общее имя, родное «ты» и старое товарищество.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

1891 — 1893 годы. — Павловское Военное Училище. — Первые дни. — Присяга. — Рѣчь ротнаго командира. — Предупрежденіе относительно революціонеровъ. — Военное обученіе и образованіе. — Увлеченіе военнымъ дѣломъ. — Капитанъ Герцигъ. — Общеобразовательныя науки. — Профессура. — Профессоръ Петровъ. — Комичный полковникъ. — Полковникъ Язвинъ. — Капитанъ Кондратьевъ. — Внутренняя жизнь. — Чайная. — Взаимоотношенія юнкеровъ. — Красносельскіе лагери. — Высочайшія Особы. — На старшемъ курсѣ. — На Царскомъ парадѣ. — Высочайшій смотръ. — Послѣдніе лагери. — Прелестная дѣвушка. — Разборка вакансій. — Производство въ офицеры.

Павловское Военное Училище помѣщалось въ Петербургѣ въ огромномъ зданіи на Большой Спасской улицѣ на Петербургской сторонѣ. — Напротивъ черезъ улицу былъ училищный манежъ, внутри же зданія большой учебный плацъ.

Въ военномъ отношеніи училище составляло четырехротный батальонъ со знаменемъ, обучавшійся по воинскимъ уставамъ; въ учебномъ же отношеніи, каждая рота дѣлилась на два курса, проходившіе отдѣльно свои программы общаго и военно-теоретическаго образованія. Курсъ училища былъ двухгодичный.

Атмосфера серьезности, дѣловитости, военщины въ лучшемъ смыслѣ слова, охватывала входившаго въ училище. Тамъ все было построено на мысли: выработать въ теченіе двухъ лѣтъ изъ бывшаго кадета образованнаго хорошаго пѣхотнаго офицера. Отсюда вытекалъ и весь режимъ училища съ его системой обученія и воспитанія.

Съ перваго же дня бывшихъ кадетъ выстраивали на плацу и начинали безпощадно гонять маршировкой подъ оркестръ музыки неимовѣрно большимъ и скорымъ шагомъ. Мы изнемогали отъ непривычки, особенно малые ростомъ, но на это не обращали вниманія. Тогда же учили отданію чести. То была первая муштровка, посредствомъ которой новымъ юнкерамъ сразу придавали военную выправку и молодцеватый видъ, что не трудно было сдѣлать съ кадетами и безъ чего училище не выпускало въ городъ своихъ юнкеровъ.

Насъ разбили на роты, причемъ я и еще два Аракчеевца попали въ первую роту, которая называлась ротой Его Величества.

Черезъ нѣсколько дней насъ привели къ присягѣ. На плацу построилось училище съ хоромъ музыки. Цвѣтникъ дамъ въ сторонѣ. Передъ строемъ аналой и знамя. Служатъ молебенъ. Стройно поетъ хоръ юнкеровъ. Странно намъ слышать въ новой обстановкѣ провозглашаемое дьякономъ Царское многолѣтіе. Вѣдь онъ — Государь, теперь недалеко отъ насъ, тамъ за Невой.

Наконецъ, наступаетъ торжественная минута: поднявъ руки мы повторяемъ за священникомъ слова присяги, а затѣмъ цѣлуемъ евангеліе, крестъ и знамя, скрѣпляя тѣмъ свою клятву служить вѣрой и правдой Государю и Родинѣ. Отнынѣ мы на дѣйствительной службѣ.

Въ тотъ же день нашъ ротный командиръ, поздравивъ насъ съ присягой, объявилъ намъ слѣдующее: — «Теперь, господа, когда Вы стали юнкерами, когда Вы приняли присягу, я долженъ сказать Вамъ нѣсколько словъ. Забудьте корпусъ, вы уже не дѣти, вы нижніе чины дѣйствительной службы, я же вашъ начальникъ ротный командиръ. Наши взаимныя отношенія опредѣляются воинскими уставами, что выданы Вамъ на руки. Учите ихъ, слѣдуйте имъ, и между нами не будетъ никакихъ недоразумѣній».

Это отношеніе къ намъ, какъ взрослымъ людямъ, очень льстило и нравилось намъ. Мы какъ бы выросли сразу, какъ бы сразу перестали быть дѣтьми.

Въ тотъ же день мы получили первое предупрежденіе относительно революціонеровъ. Каждому изъ насъ выдали памятную книжку Павловца, въ которой былъ помѣщенъ старый приказъ по военно-учебнымъ заведеніямъ, касающійся революціонной пропаганды среди военныхъ.

Въ 80-хъ годахъ тогдашнимъ соціалистамъ революціонерамъ удалось проникнуть въ военную среду и сорганизовать въ Петербургѣ нѣсколько военныхъ кружковъ, куда были вовлечены и нѣсколько юнкеровъ Павловскаго училища. Дознаніе раскрыло всю организацію. Государь милостиво отнесся къ юнкерамъ и наказанія, которыя они заслужили, были значительно смягчены. Къ этому печальному для военныхъ эпизоду и относился приказъ, предостерегавшій юнкеровъ отъ революціонеровъ. Мы очень заинтересовались имъ и не разъ бесѣдовали затѣмъ о революціонерахъ и ихъ подходахъ къ военнымъ.

Для многихъ юнкеровъ это предостереженіе сослужило хорошую службу въ столицѣ, гдѣ неопытная молодежь часто наталкивалась на разнаго рода просвѣтителей и пропагандистовъ, для которыхъ военная среда была всегда очень заманчива.

Военное обученіе и образованіе были поставлены въ училищѣ образцово. Офицеры, хорошіе строевики, учили юнкеровъ основательно; про многихъ изъ нихъ ходили легенды, что они, ложась спать, кладутъ уставы подъ подушки. Требованія, предъявлявшіяся къ юнкерамъ были строги до педантизма: дисциплина и воинскій распорядокъ были доведены до совершенства. Военнымъ образованіемъ руководилъ

командиръ баталіона полковникъ Никоновъ, надъ всѣмъ же царилъ строгій взглядъ начальника училища генерала Клембовскаго.

Военно-теоретическіе предметы, какъ военная исторія, тактика и другіе, осмысливали строевое образованіе юнкеровъ, освѣщая примѣрами военной исторіи и искусства, сколь велико для арміи значеніе дисциплины и толковаго военнаго обученія.

Юнкерамъ внушалось, что главный методъ воспитанія нижнихъ чиновъ заключается въ гуманности и непріемлемости побоевъ, въ предпочтеніи показа разсказу.

Въ результатѣ мы увлекались военнымъ дѣломъ со всѣмъ пыломъ молодости. Мы старались довести строй, ружейные пріемы и гимнастику до щегольства. Многіе передъ сномъ продѣлывали ружейные пріемы и гимнастическія упражненія передъ громадными зеркалами, и это считалось вполнѣ нормальнымъ. Знаніе воинскихъ уставовъ на-зубокъ считалось шикомъ и доходило даже до ненужныхъ подробностей. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые знали, какой вѣсъ по закону должна имѣть офицерская перчатка или офицерскій нейзильберовый свистокъ.

Быть по одеждѣ, по выправкѣ и строю лучше другихъ училищъ, быть по стрѣльбѣ «выше отличнаго», ходить быстрѣй стрѣлковъ — считалось идеаломъ.

Параллельно шло ознакомленіе со всѣми новыми военными теченіями по литературѣ; юнкера увлекались модными и очень популярными тогда книжками Бутовскаго. Его «Воспитаніе и обученіе современнаго солдата» было настольной книжкой многихъ юнкеровъ старшаго курса; его «Наши солдаты» — читалась всѣми. По нимъ знакомились мы съ психологіей будущихъ подчиненныхъ, мы старательно готовились быть хорошими офицерами.

Примѣры блестящихъ строевыхъ офицеровъ были у насъ передъ глазами — это наши училищные офицеры. Два брата Герцигъ, Лелонгъ и Крашенинниковъ особенно цѣнились юнкерами. Позже, одинъ изъ братьевъ Герцигъ командовалъ полкомъ въ Феодосіи въ 1905 году, въ то время, когда туда пришелъ бродившій по Черному морю, подъ начальствомъ одного изъ одесскихъ товарищей, взбунтовавшійся «Потемкинъ Таврическій». Городъ былъ въ паникѣ. Отцы города готовы были выполнить всѣ требованія бунтовщиковъ, но Герцигъ разсыпалъ одну изъ своихъ ротъ по берегу моря и, когда къ городу приблизилось высланное броненосцемъ судно, Герцигъ далъ по нему нѣсколько залповъ. Нѣсколько человѣкъ перекувырнулось въ море, и этого было достаточно: подошедшіе повернули обратно, и броненосецъ ушелъ, какъ оказалось позже, къ берегамъ Румыніи.

Общеобразовательныя науки преподавались лекціонно. Каждый курсъ былъ разбитъ на зачеты, сдававшіеся періодически. Эта система такъ не похожа на поурочную кадетскую и очень нравилась юнкерамъ. Профессора были хорошіе, читали увлекательно, учиться было не трудно. Были между ними и очень интересныя личности. Такъ, симпатичный и обаятельный профессоръ Петровъ читалъ исторію русской литературы. Онъ былъ впослѣдствіи преподавателемъ русскаго языка у Наслѣдника Алексѣя Николаевича. Всегда ровный, спокойный, красиво, но просто говорившій, онъ умѣлъ увлекать насъ красотами своего предмета.

Комиченъ былъ старый полковникъ Н—въ, читавшій механику. Онъ былъ помѣшанъ на сокращеніяхъ словъ при разговорѣ. По его произношенію функція была фія, уравненіе — уріе, треугольникъ — трикъ и т. д. Подобное произношеніе онъ требовалъ и отъ юнкеровъ. Приходилось много работать, чтобы привыкнуть къ этому тарабарскому языку, но ученый артиллеристъ былъ неумолимъ.

Знаменитостью являлся помощникъ инспектора классовъ, окончившій академію Генеральнаго Штаба, полковникъ Язвинъ, бывшій за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ

командиромъ роты Его Величества, гроза юнкеровъ. Красавецъ брюнетъ высокаго роста, съ орлинымъ взглядомъ, блестящій гвардеецъ, побѣдитель сердецъ, строевикъ, какихъ мало.

Про его командованіе ротою ходили легенды. Говорили, что когда онъ, сбходя строй, останавливался передъ какимъ либо юнкеромъ и, пронизывая его взглядомъ, начиналъ пристально смотрѣть въ упоръ — юнкеръ конфузился, терялся и краснѣлъ. Этого было достаточно.

— «Не юнкеръ, а красная дѣвица» — гремѣлъ Язвинъ и продолжалъ: — «Маршъ подъ арестъ».

Одинъ юнкеръ настолько панически боялся Язвина, что при одномъ слухѣ о приближеніи его къ помѣщенію роты, удиралъ въ уборную, лишь бы не попастся ему на глаза.

При Язвинѣ, разсказывали, рота Его Величества маршировала такъ, какъ никогда ни до, ни послѣ. Язвинъ преподавалъ топографію. Онъ никогда не ставилъ за ситуацію 12 балловъ, говоря, что «на 12 балловъ знаютъ только Богъ и Язвинъ».

Хороши были лекціи по военной исторіи капитана генеральнаго Штаба Кондратьева. Средняго роста, крѣпкій и сухощавый, съ бритымъ солдатскимъ лицомъ, съ большими усами, стриженый подъ гребенку, онъ начиналъ свою первую лекцію обыкновенно такъ:

«Вы собраны сюда не для того, чтобы казенными шароварами протирать казенныя скамейки. Надо заниматься. Трудомъ можно достигнуть всего. Когда я былъ въ училищѣ портупей-юнкеромъ, мой отецъ былъ фельдфебелемъ въ Лейбъ-гвардіи Павловскомъ полку... и т. д.».

Онъ завлекательно читалъ свой предметъ. Картины прошлаго русской арміи съ ея побѣдами красиво изображались лекторомъ, характеристики участниковъ событій были выпуклы, разборы кратки и убѣдительны. Все это волновало насъ и заставляло увлекаться прошлымъ нашей арміи, любить ее, видѣть въ ней залогъ благополучія нашей родины.

Наша внутренняя жизнь шла по новому. Мы были взрослые, надъ нами не было опеки. Наши права и обязанности ясны изъ уставовъ, правилъ и приказовъ, и это очень нравилось. Мы ходили въ отпускъ, имѣли право курить, бриться, имѣли свой клубъ — чайную, съ буфетомъ и лавочкой.

Чайная была общей для всѣхъ ротъ, и въ ней юнкера группировались по корпусамъ, имѣя каждый свой столъ. За тѣми столами, съ парою чайниковъ, поддерживалась старая кадетская дружба. Тамъ за стаканомъ чая съ обязательнымъ лимономъ и тарелкой классическаго печенія, въ клубахъ папироснаго дыма, шли безконечныя воспоминанія о родныхъ корпусахъ; тамъ обмѣнивались полученными оттуда новостями, передавались извѣстія про однокашниковъ изъ другихъ училищъ. Тамъ обсуждались всѣ отпускныя похожденія, разрабатывались проекты, что дѣлать въ слѣдующій отпускъ и т. д.

Мы «макарьевцы», какъ называли насъ Аракчеевцевъ, по нашей Нижегородской ярмаркѣ, очень любили нашу чайную съ нашимъ столомъ и съ нашимъ погребцомъ, гдѣ хранилась посуда. Сколько связано съ ней воспоминаній!

Эта группировка по корпусамъ въ чайной военнаго училища укрѣпляла еще болѣе старую корпусную спайку и связывала училище еще болѣе съ корпусомъ въ единое цѣлое.

Отношенія младшаго курса со старшимъ отличались полной нормальностью и корректностью. Никакихъ обычаевъ, бившихъ по самолюбію младшихъ, не существовало.

Портупей-юнкера и фельдфебеля являлись начальниками, хотя и изъ своей среды, и пользовались всѣми правами согласно устава. Не разъ бывало, что взводный портупей-юнкеръ налагалъ на юнкера взысканіе за неуборку во-время полотенца или за какую либо иную провинность, и это считалось въ порядкѣ вещей. Но тутъ происходило иногда слѣдующее. Ротный командиръ, узнавъ о такомъ взысканіи, просилъ портупей-юнкера отмѣнить его и уже самъ наказывалъ юнкера за тотъ самый проступокъ много строже, объясняя, что приказанія начальства изъ своей среды надо выполнять лучше и щепетильнѣй, чѣмъ какія либо другія. Пять сутокъ карцера въ такихъ случаяхъ были какъ бы таксой.

Вѣнцомъ военнаго образованія юнкеровъ являлись лагери. Училище отбывало ихъ подъ Краснымъ Селомъ, входя въ составъ авангарднаго лагеря войскъ красносельскаго лагернаго сбора, главную часть котораго составляла Гвардія.

Юнкера видѣли тогда себя фактически въ составѣ Русской Арміи, въ однихъ рядахъ съ ея лучшими частями. Одна и та же служба, одно и тоже военное поле, общее стрѣльбище, тѣ же караулы, общіе маневры и парады, а главное — одинъ и тотъ же строгій лагерный солдатскій режимъ — все это ставило юнкеровъ вполнѣ на одну доску съ нижними чинами той арміи, офицерами которой они стремились сдѣлаться. Лагери сближали юнкеровъ съ солдатами, сближали будущихъ армейскихъ офицеровъ съ гвардіей и знакомили ихъ въ дѣловой обстановкѣ съ Великими Князьями.

Мы не разъ видѣли Великаго Князя Владиміра Александровича, командовавшаго войсками гвардіи и Петербургскаго Военнаго Округа, на лагерномъ полѣ за его безконечными смотрами. Мы видѣли на немъ со своими частями Великаго Князя Николая Николаевича и много слышали про него, какъ про знатока кавалерійскаго дѣла; знали мы что Великій Князь Дмитрій Константиновичъ былъ образцовый командиръ полка и строевикъ, что принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій былъ строгъ и требователенъ до педантизма и вообще большой службистъ. Намъ было извѣстно, наконецъ, что Наслѣдникъ Николай Александровичъ проходитъ послѣдовательно службу во всѣхъ родахъ войскъ.

Мы видѣли воочію, что Царская семья — семья военная, любящая военное дѣло, что Великіе Князья не только веселяться, какъ часто мы слышали о томъ въ городѣ, но и работаютъ, какъ всѣ офицеры и генералы, и не только не уступаютъ имъ въ аккуратности и исполнительности, но зачастую превосходятъ ихъ.

Иногда во время ученія на военномъ полѣ появлялась гарцовавшая Великая Княгиня Марія Павловна. Присутствіе ея вносило нотку поэзіи въ лагерную строевщину. Маленькіе Великіе Князья Борисъ и Андрей Владиміровичи — жившіе лѣтомъ въ Красномъ селѣ, своимъ внезапнымъ появленіемъ передъ гауптвахтой, не разъ заставляли вызывать имъ караулъ въ ружье, что имъ видимо очень нравилось. Дѣти — они были для насъ не ими. Это присутствіе въ лагеряхъ членовъ Императорскаго Дома, придавало лагерному сбору какой то особенный праздничный парадный характеръ.

Тяжелая будничная лагерная жизнь прерывалась различными лагерными событіями и торжествами. Тревога, съ ея спортомъ, какая часть придетъ скорѣе къ царскому валику; маневры съ заключительной атакой на живописныхъ Кавелахтскихъ высотахъ; съемки въ долинахъ Дудергофа, гдѣ жило много интересныхъ дачницъ, гдѣ юнкеровъ такъ гостепріимно поили чаемъ на верандахъ и куда пріѣзжалъ къ своимъ знакомымъ на тройкѣ даже самъ Наслѣдникъ; смотры, парады, нарядные спектакли въ Красносельскомъ театрѣ, наконецъ Высочайшій объѣздъ лагеря и заря съ церемоніей, описать которыя можетъ только поэтъ — все это создавало

ту прелесть, ту поэзію Красносельскаго лагернаго сбора, которая покрывала все будничное, тяжелое и заставляла помнить только одно свѣтлое, пріятное и красивое.

Красное село — это чудная заря нашей военной службы, наша военная романтика, наша первая любовь къ великой Русской арміи.

Незамѣтно прошелъ первый годъ училища и промелькнулъ второй. Мы были на старшемъ курсѣ. Нѣкоторые изъ насъ, а въ томъ числѣ и я, были произведены въ портупей-юнкера. Какъ портупей-юнкеръ роты Его Величества, я долженъ былъ христосоваться на Пасхѣ съ Государемъ. Мы ждали той Пасхи съ нетерпѣніемъ, но Государь уѣхалъ изъ Петербурга. Мы были въ горѣ. Не пріѣзжалъ Государь за наши два года и въ училище, и намъ посчастливилось его видѣть близко всего лишь два раза.

Первый разъ то было зимою въ 1891 году на парадѣ передъ Зимнимъ дворцомъ. Спозаранку приготавлялись мы къ параду, обматывали ноги газетной бумагой, начищали сапоги, пуговицы и бляхи.

Наконецъ, мы на площади. Училище стоитъ на правомъ флангѣ парада, правымъ плечомъ ко дворцу, тыломъ къ Штабу гвардіи. Играютъ встрѣчу. Къ намъ приближается блестящая группа. Впереди могучая фигура Императора. Онъ какъ бы выросъ въ богатырскаго коня. Вотъ она мощь Россіи; вотъ она сама великая могучая Россія...

Царь въ нѣсколькихъ шагахъ. Его лучистый свѣтлый взглядъ смотритъ прямо въ глаза, даря неоцѣнимой лаской. Голова кружится отъ счастья. Мы слышимъ: — «Здравствуйте юнкера»!

Мы восторженно отвѣчаемъ и заливаемся раскатистымъ ура... несется — Боже Царя Храни... мы кричимъ, кричимъ въ дико восторженномъ экстазѣ, до потери голоса. Наше ура подхватывается слѣдующими частями и перекатывается волнами по всей площади. Звуки гимна несутся со всѣхъ сторонъ, все сливается въ одинъ сплошной могучій радостный гулъ... Неописуемый порывъ овладѣваетъ нами, мы готовы на все и прикажи намъ тогда Государь, что угодно, хотя бы броситься въ Неву — каждый исполнилъ бы то не задумавшись.

Второй разъ мы близко видѣли Государя въ Красномъ селѣ. Государь подъѣхалъ къ училищу во время батальоннаго ученія на военномъ полѣ. Могучій, въ сюртукѣ при шарфѣ, въ фуражкѣ, съ Георгіемъ на шеѣ и въ аксельбантахъ, онъ медленно двигался на насъ. Баталіонъ замеръ...

Поздоровавшись, Его Величество произвелъ смотръ ученію, послѣ чего, поблагодаривъ баталіонъ и подъѣхавъ къ нашей ротѣ, спросилъ: — «Гдѣ мой фельдфебель»?

Стрѣлой вылетѣлъ изъ-за роты фельдфебель роты Его Величества и, какъ вкопанный, застылъ передъ Государемъ. Государь поздоровался съ нимъ, спросилъ, есть ли у него родные, гдѣ живутъ, въ какой полкъ онъ выходитъ, и пожелалъ счастливой службы.

Это происходило въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Я впивался въ Государя глазами. Помню какъ сейчасъ тотъ шарфъ Государя. Онъ какъ бы врѣзался, ушелъ въ здоровые бока Императора, которые выпирало изъ подъ него. Казалось, вотъ здоровье непочатое, вотъ силища богатырская...

Отъѣхавъ послѣ разговора съ фельдфебелемъ, Государь пожелалъ пропустить училище мимо себя съ пѣснями, и черезъ минуту батальонъ лихо маршировалъ передъ Его Величествомъ подъ красивую пѣсню:

«Въ шапкѣ золота литого
Старый русскій великанъ

Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ»...

Дрожало поле, какъ печаталъ батальонъ, проходя мимо Царя.

— «Спасибо, Павловцы!» — раздалось въ слѣдъ нашей ротѣ. Пѣсня вдругъ оборвалась, и восторженное: — «Рады стараться Ваше Императорское Величество» — понеслось къ Царю и раскатилось за предѣлы военнаго поля...

И снова грянула, еще болѣе восторженно, прерванная пѣсня:

— «За горами за долами
Ужъ гремѣлъ о нихъ разсказъ»...

Счастливѣе насъ Павловцевъ навѣрное въ тотъ день не было никого въ Красносельскомъ лагерѣ.

Послѣдніе лагери проходили въ какомъ то угарѣ. Мы, выпускные ѣздили въ Петербургъ примѣрять изготовлявшуюся форму. Намъ отпускали на обмундированіе 225 рублей, и на нихъ надо было пріобрѣсти все, что слѣдовало имѣть офицеру до револьвера включительно. Своихъ средствъ у меня не было. Отецъ присылалъ мнѣ въ учйлище три рубля въ мѣсяцъ, т. к. больше онъ не могъ. Чтобы имѣть кое что, на отпускѣ приходилось заниматься чертежами, чѣмъ вырабатывалось ежемѣсячно до 25 рублей. Хлопотъ было съ шитьемъ формы много. Къ тому же мы съ товарищемъ К. переживали увлеченіе очаровательной, славной красавицей дѣвушкой К. Р.

Въ концѣ лагеря происходила разборка вакансій въ пѣхоту, въ артиллерію. Это былъ важный для насъ день, опредѣлявшій для многихъ всю ихъ дальнѣйшую судьбу.

Въ тотъ годъ я потерялъ отца, который умеръ въ Вильнѣ за нѣсколько мѣсяцевъ до моего производства, не увидѣвъ своего старшаго сына офицеромъ, о чемъ такъ долго мечталъ. Мнѣ не удалось быть и на его похоронахъ. Матушка съ двумя сестрами остались въ Вильнѣ, я рѣшилъ быть съ ними, и это опредѣлило мнѣ выборъ вакансій. Старшій портупей-юнкеръ, я выбралъ скромную вакансію въ квартировавшій въ Вильнѣ 105-й пѣхотный Оренбургскій полкъ. Въ тотъ же городъ вышелъ и Кулябко, рѣшившій не разстаться со мною.

4-го августа 1893 года въ Красномъ селѣ у Царскаго валика мы были произведены въ офицеры. Чудный, незабвенный день. Желанный приказъ за погономъ. Накрапывалъ дождь, но намъ все кажется такимъ свѣтлымъ и радостнымъ. Батальонъ училища идетъ отъ валика въ лагерь. Черезъ два часа мы уже мчимся поѣздомъ въ Петербургъ, относимъ знамя и бросаемся переодѣваться въ офицерское платье. Въ головѣ стучитъ, на душѣ какой то сумбуръ восторга и счастья.

Впрочемъ, мы, вновь произведенные Аракчеевцы всѣхъ училищъ, обѣдаемъ у Донона. Большой отдѣльный кабинетъ. Столы ломятся отъ закусокъ и винъ. Пьемъ много, зря и быстро съ непривычки пьянѣемъ. Послѣ обѣда всей компаніей ѣдемъ въ какой то садъ, изъ него въ другой, третій и, наконецъ, попадаемъ въ Зоологію. Тамъ цѣлый содомъ отъ вновь произведенныхъ всѣхъ училищъ. Идетъ разливное море. Кто-то изъ молодыхъ офицеровъ лѣзетъ на сцену и дирижируетъ оркестромъ, другой жаритъ въ турецкій барабанъ; кто то атаковалъ статскаго и пытается надвинуть ему на глаза котелокъ. Вмѣшивается плацъ-адъютантъ и совѣтуетъ намъ уѣхать въ другое мѣсто. Наша компанія порѣдѣла: нѣкоторые нашли хорошенькихъ спутницъ, одинъ присталъ къ танцовщицѣ француженкѣ, насъ уже только трое...

Подъ утро мы очутились почему то съ Сѣверной гостиницѣ, потребовали опять вина и пришли въ себя лишь къ вечеру. Въ головѣ шумѣло, но на душѣ было легко: — мы офицеры.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

1893 — 1899 г. г. — Вильна. — 105-й пѣхотный Оренбургскій полкъ. — Служба въ полку. — Отношеніе къ солдатамъ. — Польскій вопросъ. — Литовцы. — Еврейскій вопросъ. — Общество офицеровъ. — Пріѣздъ Вел. Кн. Николая Николаевича и его разносъ. — Уходъ офицеровъ изъ полка. — Желаніе перевестись въ жандармы. — Условія перевода. — Предварительное испытаніе. — Тема: вліяніе реформы всесословной воинской повинности на развитіе грамотности въ народѣ. — Легенды о корпусѣ жандармовъ. — Вызовъ на жандармскіе курсы.

Оренбургскій пѣхотный полкъ стоялъ въ Вильнѣ. Вильно того времени — красивый оживленный городъ, военно-административный центръ Сѣверо-западнаго края, мѣстопребываніе генералъ-губернатора и командующаго войсками округа, мало походилъ на обычную провинцію. Неселеніе составляли русскіе, евреи, литовцы и поляки.

Нашъ полкъ, какъ и всѣ войска Виленскаго Военнаго Округа, учился серьезно. Округъ былъ пограничный съ Германіей, и близость врага давала отпечатокъ всей системѣ обученія и воспитанія войскъ округа.

Гарнизонъ города состоялъ изъ 27 пѣхотной дивизіи, въ которую входилъ первымъ нашъ полкъ, 4 саперныхъ батальона лейбъ-драгунскаго Псковскаго Ея Величества Императрицы Маріи Федоровны полка и большое число вспомогательныхъ войскъ.

Въ полку, отъ командира до младшаго ефрейтора, всѣ работали надъ своими подчиненными и особенно ротные командиры. Эти труженики, прослужившіе въ полку по 15—25 лѣтъ, не знали иной жизни кромѣ роты. Ихъ идеаломъ было получить въ концѣ тридцатилѣтней лямки батальонъ. Они отдавались службѣ всецѣло, подавая примѣръ подчиненнымъ и требуя того же отъ младшихъ офицеровъ, которые работали очень добросовѣстно.

Отношеніе къ солдатамъ было не только хорошее, но даже сердечное. Никакой розни между солдатами и офицерами не существовало. Офицеры являлись не только начальниками и инструкторами, но и близкими совѣтниками солдатъ. Писаніе младшими офицерами писемъ на родину подъ диктовку солдатъ являлось обычнымъ явленіемъ.

Солдатъ повѣрялъ офицеру свои нужды и часто секреты. Офицеръ зналъ каждаго подчиненнаго ему солдата настолько хорошо, что могъ дать не только его характеристику, но и разсказать его семейное положеніе, достатокъ семьи въ деревнѣ, всѣ злободневныя событія его жизни: урожаи, падежи скота, недоимки и т. д. Таковы были требованія начальства и они выполнялись строго.

Помимо обязательныхъ занятій офицеры много возились съ солдатами въ свободное время: читали имъ, показывали туманныя картины, пѣли, устраивали иногда спектакли.

Битья, какъ системы, не существовало. Были отдѣльные офицеры, которые по вспыльчивости прибѣгали иногда къ побоямъ, но это было настолько рѣдко и необычайно, что объ этомъ говорилъ весь полкъ. Чаще всего это случалось съ молодыми офицерами, которые скоро оставляли затѣмъ эти замашки. Битье солдатъ начальниками изъ нижнихъ чиновъ строго преслѣдовалось начальствомъ.

Вопросъ національностей по отношенію солдатъ не существовалъ: офицеры относились одинаково ко всѣмъ безъ различія вѣроисповѣданій, и занятіе привилегированныхъ мѣстъ ротныхъ писарей евреями являлось самымъ обыкновеннымъ дѣломъ.

Вообще же національный вопросъ въ Вильнѣ былъ злободневнымъ явленіемъ. Главнымъ являлся польскій вопросъ. У насъ въ полку запрещалось говорить по польски; въ дивизіи преслѣдовались польскія бородки. Существовало процентное отношеніе офицеровъ поляковъ къ общему числу. Офицеры не принимались польскимъ обществомъ, за что отплачивали недружелюбіемъ къ полякамъ вообще.

Взаимная антипатія между русскими и поляками была очень сильна. Она выявилась съ особой силой тогда при постановкѣ и открытіи памятника усмирителю въ Литвѣ польскаго бунта генералу графу Муравьеву. Послѣдній, какъ извѣстно, принявшись за усмиреніе серьезно, покончилъ съ нимъ быстро и съ меньшими на Литвѣ жертвами, чѣмъ того достигъ въ Привислинскомъ краѣ болѣе гуманный, какъ говорили, графъ Бергъ.

Постановка памятника подняла старые споры. По городу ходили слухи, что поляки взорвутъ памятникъ. Однако, все обошлось благополучно. Правительство, щадя самолюбіе офицеровъ поляковъ распорядилось тогда не привлекать ихъ на торжество открытія, что и было исполнено.

Литовскаго вопроса въ то время какъ-бы не существовало. Всѣ литовцы съ нѣкоторой гордостью называли себя поляками, поляки-же Привислинскаго края не признавали за поляковъ не только литовцевъ, но и Виленскихъ поляковъ, говоря про нихъ: — «То какой онъ полякъ, онъ Виленскій!»

Польско-русская вражда не отражалась однако на отношеніяхъ офицеровъ къ офицерамъ полякамъ у себя въ полку: съ ними мы дружили отлично, служили они образцово и товарищами были хорошими.

Еврейскій вопросъ стоялъ во весь свой колоссальный ростъ, но не былъ такъ болѣзненъ, какъ польскій. Офицеры были окружены евреями: портной еврей, сапожникъ еврей, подрядчики и поставщики евреи, факторъ еврей, деньги въ долгъ даетъ еврей, всюду евреи, евреи и евреи, и многіе весьма симпатичные. И по отношенію ихъ офицеры были настроены доброжелательно.

Религіозная рознь существовала несомнѣнно, но тогда она не обострялась. Но передъ каждой Пасхой шли разговоры о томъ, что опять какая-то еврейка, гдѣ-то скрала, или пыталась скрасть, какого-то христіанскаго мальчика для надобностей своей Пасхи. Кто, гдѣ, что и какъ, никто не зналъ. И почти въ каждой офицерской семьѣ, гдѣ былъ ребенокъ мальчикъ, передъ Пасхой предупреждали деньщика, чтобы онъ лучше смотрѣлъ за ребенкомъ и одного его за ворота не выпускалъ; дѣтей воруютъ. Такъ говорили, такова была людская молва. Кѣмъ и чѣмъ она питалась, насъ тогда не интересовало; городское населеніе этому вѣрило, вѣрили и мы офицеры, вѣрили и солдаты.

Общество офицеровъ въ полку было хорошее, дружное и товарищеское. Полковая библіотека съ читальней, завѣдываніе которой было возложено офицерами на меня, служила для нихъ мѣстомъ сбора, какъ-бы маленькимъ клубомъ. Читали много и съ толкомъ, особенно молодежь.

Полкъ былъ хорошо принятъ въ обществѣ; молодежь много танцевала, каталась на конькахъ, участвовала въ любительскихъ спектакляхъ. Одинъ изъ офицеровъ весело заправлялъ балами въ общемъ офицерскомъ собраніи, что ставилось въ плюсъ опять-таки полку.

Полкъ имѣлъ боевое прошлое: сформированный передъ войной 12-го года, онъ за Севастопольскую войну получилъ Георгіевское знамя, носилъ на шапкахъ отличіе, имѣлъ и товарищескія традиціи. Надъ входомъ въ полковое лагерное собраніе значились слова: Да будутъ всѣ — едины». И офицерство было вѣрно имъ.

Въ городѣ имѣлось и общее офицерское собраніе для всего гарнизона, помѣщавшееся въ зданіи бывшаго іезуитскаго монастыря, передѣланнаго въ Преображенскія казармы, гдѣ помѣщался и нашъ полкъ.

Это собраніе съ прелестными залами, столовой, билліардной, читальней и отличной библіотекой было лучшимъ клубомъ въ городѣ, куда стягивалось все офицерство и русское общество, и только драгуны тяготѣли къ польско-русскому дворянскому клубу, гдѣ разъ въ годъ устраивался балъ-маскарадъ.

Жизнь гарнизона протекала между службой, городскими знакомствами и удовольствіями. Но два событія, связанныя съ царствующей династіей, взволновали тогда особенно эту жизнь.

20-го октября 1894 года телеграфъ принесъ извѣстіе изъ Ливадіи о кончинѣ Императора Александра III-го. Трудно передать чувство, охватившее офицеровъ при этомъ извѣстіи: его надо пережить.

Какъ, не стало Его. А какъ-же Россія? Россія безъ Александра III-го. Онъ — богатырь и воистину русскій человѣкъ былъ именно олицетвореніемъ Россіи, ея силы, ея могущества. Его не стало...

Всѣ плакали; и плакали на панихидѣ офицеры и солдаты; плакали въ ротахъ, въ частныхъ домахъ, на улицахъ.

На слѣдующій день полкъ принесъ присягу на вѣрность службы Государю Императору Николаю II Александровичу.

Началось новое царствованіе, полное внутреннихъ волненій, принесшее Россіи большія войны и кончившееся столь внезапно ужасной катастрофой.

Второе событіе связано съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ. Великій князь нагрянулъ однажды въ Вильну неожиданно съ цѣлью проинспектировать лейбъ-драгунскій Псковскій полкъ, которымъ командовалъ бывшій кавалергардъ полковникъ Николаевъ, человѣкъ съ большими связями и, какъ говорили, «любимецъ» государыни Маріи Федоровны.

Блестящій по внѣшности полкъ тотъ занимался довольно поверхностно. Начальство боялось подступиться къ нему изъ-за командира, командиръ-же любилъ пожить, былъ холостъ, блестящъ, шикаренъ, — за нимъ конечно шло и офицерство. Походка а-ля Николаевъ: немного впередъ, съ сигарой во рту, со стэкомъ въ рукахъ — обычный видъ всегда щегольски одѣтаго Псковича.

Чудное, розоватаго цвѣта сукно на околышахъ, воротникахъ и петлицахъ — составляло гордость полка. Сукно то ежегодно дарила Императрица Марія Федоровна.

Пріѣздъ Великаго Князя явился необычайнымъ явленіемъ Николаевъ счелъ за лучшее сказаться больнымъ. Полкъ былъ представленъ старшимъ штабъ-офицеромъ. Великій Князь, проинспектировавъ, разнесъ полкъ въ пухъ и прахъ. Мѣстныя кумушки раскрасили то, что случилось на смотру, и по городу кричали, что Великій Князь прогналъ полкъ съ военнаго поля галопомъ.

Военные въ городѣ были довольны. Наконецъ-то добрались и до нихъ — шикарей. Молва о необыкновенной строгости, молодцоватости и лихости Великаго Князя пошла гулять по городу. «Вотъ-бы его къ намъ, — говорили въ полкахъ, — онъ-бы подтянулъ, навелъ порядки...».

На карьерѣ Николаева этотъ инцидентъ не отразился. Онъ командовалъ впослѣдствіи кавалергардскимъ полкомъ, былъ въ Свитѣ Его Величества и умеръ любимый всѣми, кто его зналъ, въ званіи генералъ-адъютанта.

Но полковая служба не удовлетворяла молодежь. Впереди была монотонная тяжелая лямка съ полученіемъ чина подполковника въ лучшемъ случаѣ. О командирѣ полка нельзя было и мечтать. Для полученія его надо было окончить академію.

Естественно, что все болѣе живое, энергичное, не успѣвшее завязнуть въ мѣстныхъ интересахъ, стремилось уйти изъ полка. Уходили въ различныя академіи, въ кадетскіе корпуса, военныя и юнкерскія училища, переводились въ гвардію, въ пограничную стражу, въ корпусъ жандармовъ.

Думалъ объ уходѣ и я. Переводъ въ гвардію у меня не состоялся, т. к. командиръ полка, обѣщавшій взять меня къ себѣ въ полкъ, поссорился съ тѣмъ, кто хлопоталъ за меня. Приходилось расчитывать на себя.

Слѣдуя общей среди молодежи модѣ, я сталъ готовиться въ Академію, выбравъ военно-юридическую, но въ то же время подумывалъ о переводѣ въ Корпусъ жандармовъ. О службѣ жандармовъ я много говорилъ съ однимъ изъ моихъ товарищей. Мы не понимали тогда конечно всей серьезности службы этого корпуса, не знали его организаціи и всѣхъ его обязанностей, но въ общемъ она казалось намъ очень важной. Мы знали смутно, что жандармы борются съ тѣми, кто бунтуетъ студентовъ, крестьянъ, рабочихъ, вообще, какъ считали мы, съ соціалистами. Эти послѣдніе, въ глазахъ многихъ изъ насъ, отождествлялись со студентами и казались намъ революціонерами. Понятіе о революціонерахъ у насъ было примитивное. Мы считали, что они всѣ нигилисты и представляли мы ихъ себѣ въ лицѣ Волоховыхъ, Базаровыхъ и вообще какъ «Бѣсовъ» Достоевскаго. Мы слыхали о пихъ по сдержаннымъ разсказамъ объ убійствѣ ими Царя-Освободителя; мы слышали, что убилъ какой-то Рысаковъ, а раньше стрѣлялъ какой-то Каракозовъ. Кто они, мы хорошо не знали; говорить о нихъ считалось вообще неловкимъ и неудобнымъ, т. к. это было изъ запрещеннаго міра.

За послѣдніе годы, около 1-го Мая, мы всегда слышали, что рабочіе вновь хотятъ что-то устроить, гдѣ-то будутъ собранія и надо будетъ ихъ разгонять, для чего отъ полка посылались наряды. Получала нарядъ и моя рота. Лежишь бывало съ полуротой въ лощинѣ, за городомъ около «Новаго Свѣта» и ждешь этого сборища. Лежишь часъ, другой, третій, никто не собирается; ждать надоѣло, лежишь и ругаешься въ душѣ на бунтовщиковъ, что зря изъ-за нихъ треплешься и попусту теряешь время. Мы знали, что въ Ярославлѣ Фанагорійскій гренадерскій полкъ, здорово проучилъ бунтовщиковъ при какихъ-то безпорядкахъ, и Государь объявилъ имъ свою благодарность. Видно, дѣйствительно молодцами работали.

По простой военной терминологіи, всѣ эти господа назывались у насъ общимъ именемъ — «внутренними врагами государства». Въ ротахъ у насъ учили, что «солдатъ есть слуга Царя и Отечества и защитникъ ихъ отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ». На вопросъ-же о томъ: кто такой врагъ внутренній, отвѣчали такъ: — «Это воры, мошенники, убійцы, шпіоны, соціалисты и вообще всѣ, кто идутъ противъ Государя и внутренняго порядка въ странѣ».

Мы знали, что главную борьбу съ ними ведутъ жандармы, и это не могло намъ не нравиться, т. к. это была та же защита нашей родины, та же война, но лишь внутренняя. Но вся служба жандармеріи была окутана для насъ какой-то тайной. Сами жандармскіе офицеры своею сдержанностью и какой-то особой корректностью уси-

ливали это впечатлѣніе и заставляли смотрѣть на нихъ съ нѣкоторой осторожностью. Въ нихъ не было офицерской простоты, они не были на-распашку и даже внушали къ себѣ какой-то непонятный страхъ. Почему и отчего — это было неясно.

Въ полку у насъ на корпусъ смотрѣли очень хорошо. Нѣсколько нашихъ офицеровъ уже служили тамъ, занимали хорошія должности и были предметомъ нашей зависти. Въ Вильнѣ жандармерія была представлена блестяще. Генералы фонъ-Эксе и Черкасовъ пользовались уваженіемъ русскаго общества, первый-же былъ принятъ и въ польскихъ кругахъ и принадлежалъ къ мѣстной аристократіи. Оба они были очень солидны и нарядны.

Я лично въ жандармахъ ничего нехорошаго не видѣлъ. Еще съ дѣтства я помню, что жандармы были хорошо приняты, бывали они и у насъ въ домѣ. Даже женихомъ одной изъ моихъ сестеръ былъ жандармскій ротмистръ, но бракъ не состоялся вслѣдствіе его внезапной смерти. Мы дѣти ихъ не боялись, а вотъ кухарка наша очень боялась. Она разговаривала какъ-то на кухнѣ съ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ и сказала: «Ну это было при царѣ-горохѣ», а тотъ ей въ отвѣтъ: — «Ну ты, смотри, вотъ я доложу ротмистру, что ты царя горохомъ называешь, такъ онъ тебѣ задастъ!». Авдотья наша плакала затѣмъ со страху цѣлый день и послѣ этого очень боялась жандармовъ.

Уже въ полку, читая много по исторіи, прочелъ я какъ-то въ одномъ изъ историческихъ журналовъ «Записки голубого жандарма» изъ эпохи 60-хъ годовъ. Онѣ произвели на меня большое впечатлѣніе тѣмъ, сколь много добра сдѣлалъ тотъ жандармскій штабъ-офицеръ, состоя въ Вильнѣ при графѣ Муравьевѣ во время усмиренія польскаго бунта. То была литература, а жизнь какъ-бы нарочно дала и иллюстрацію къ ней. У одной изъ моихъ сестеръ не удалась семейная жизнь, и она стала разводиться. Но денегъ па разводъ у нея не было, процедура эта въ то время была весьма сложна и непріятна, мужъ же хотѣлъ отнять у нея ребенка и т. д. Мы жили тогда всей семьей, т. е. матушка, сестры и я вмѣстѣ въ Вильнѣ. Не зная какъ быть, гдѣ искать правды и защиты, сестра обратилась къ единственному надежному источнику для всѣхъ несчастныхъ — съ прошеніемъ на Высочайшее имя.

Въ комиссіи-же по припятію прошеній, на Высочайшее имя подаваемыхъ, всѣ эти щекотливыя дѣла поручались состоявшему при нихъ жандармскому штабъ-офицеру и, далѣе, одному изъ мѣстныхъ жандармскихъ-же офицеровъ.

Благодаря такому вмѣшательству въ дѣло жандармовъ, сестра моя смогла удержать при себѣ своего ребенка; мужу, оказавшемуся весьма неважнымъ человѣкомъ, не позволили отнять его у матери, а сестрѣ выдали даже отдѣльный видъ на жительство, что въ тѣ годы было очень много. Эта защита, которую моя бѣдная больная чахоткой сестра нашла въ лицѣ жандармскаго штабъ-офицера, заставила всю нашу семью смотрѣть на жандармовъ съ глубокой благодарностью, какъ на людей, благодаря которымъ удалось добиться справедливости, тѣмъ болѣе, что мужъ моей сестры занималъ солидное положеніе, онъ былъ полковникомъ, командиромъ одного изъ отдѣловъ пограничной стражи. На меня этотъ случай произвелъ большое впечатлѣніе. Этотъ житейскій примѣръ такъ сходился съ тѣмъ, что писалъ про свою службу «Голубой жандармъ».

Матушка моя не разъ говорила мнѣ затѣмъ, что она хотѣла-бы видѣть меня или артиллеристомъ, или жандармомъ, сестры-же уже прямо убѣждали меня итти въ жандармерію. Воспитанныя въ Архангельской провинціальной глуши, далекія отъ всякой политики, онѣ были чужды обычныхъ интеллигентскихъ предразсудковъ противъ синяго мундира и смотрѣли на жандармскаго офицера просто: — офицеръ, служба серьезная, очень важная, жалованье хорошее и форма красивая, чего-же еще

нужно для брата. А что ругаютъ — такъ за глаза и царя ругаютъ! Все это въ общей сложности создало у меня желаніе поступить въ Корпусъ жандармовъ, и я, подчитывая для военно-юридической академіи, въ тоже время не упускалъ изъ виду какъ-бы найти протекцію для перевода въ корпусъ.

Но многіе въ обществѣ не любили жандармовъ, службу ихъ бранили и говорили про нихъ, что они всѣ доносчики. Это непріязненное отношеніе къ жандармамъ я встрѣтилъ тогда-же въ семьѣ почтеннаго присяжнаго повѣреннаго, на дочери котораго я хотѣлъ жениться. Русскій человѣкъ, сынъ генерала, Севастопольскаго героя, мой будущій тесть не хотѣлъ и слышать, чтобы его зять былъ жандармомъ. Онъ предлагалъ намъ съ дочерью матеріальную помощь и предлагалъ устроить меня куда либо па гражданскую службу, которая-бы обезпечивала меня лучше, чѣмъ полкъ, лишь-бы я не шелъ въ жандармы. Я упорствовалъ, доказывая ему, что служба корпуса жандармовъ идейная и полезная для государства. Не имѣя ничего мнѣ возразить по существу, онъ всетаки былъ противъ нея. Мы долго спорили, и каждый остался при своемъ мнѣніи. Я не покидалъ намѣренія поступить въ корпусъ, но не отказывался отъ мысли жениться на его дочери.

Но перевестись въ Корпусъ жандармовъ было очень трудно. Для поступленія въ корпусъ отъ офицеровъ требовались прежде всего слѣдующія условія: потомственное дворянство; окончаніе военнаго или юнкерскаго училища по первому разряду; не быть католикомъ; не имѣть долговъ и пробыть въ строю не менѣе шести лѣтъ. Удовлетворявшій этимъ требованіямъ долженъ былъ выдержать предварительныя испытанія при штабѣ корпуса жандармовъ для занесенія въ кандидатскій списокъ и затѣмъ, когда подойдетъ очередь, прослушать четырехмѣсячные курсы въ Петербургѣ и выдержать выпускной экзаменъ. Офицеръ, выдержавшій этотъ второй экзаменъ, переводился Высочайшимъ приказомъ въ Корпусъ жандармовъ.

Всѣмъ формальнымъ условіямъ я удовлетворялъ, но у меня не было протекціи; отборъ-же офицеровъ былъ настолько строгъ, желающихъ было такъ много, что безъ протекціи попасть на жандармскіе курсы было невозможно.

Скоро, однако, случай помогъ мнѣ. Виленскій губернаторъ генералъ Фрезе, который зналъ меня по городу и у котораго я не разъ танцевалъ на вечерахъ, былъ назначенъ командиромъ Корпуса жандармовъ. Я обратился къ нему съ просьбой и получилъ обѣщаніе быть вызваннымъ на предварительное испытаніе.

Приходилось спѣшно готовиться къ этому первому экзамену, что являлось труднымъ потому, что программы для него не существовало. Экзаменаціонная комиссія знакомилась съ общимъ развитіемъ офицера, предлагая ему вопросы по исторіи, администраціи, законовѣдѣнію, о газетахъ и журналахъ, не сообразуясь ни съ какими рамками. Объ этомъ экзаменѣ среди офицеровъ ходили самые невѣроятные разсказы. Такъ говорили, что кого-то спросили: что написано на игральной картѣ бубновый тузъ; сколько лошадей запряжено въ колесницу, что надъ аркой Главпаго Штаба; сколько ступеней на парадной лѣстницѣ въ Штабѣ Корпуса Жандармовъ и т. п. глупости. Будто все это для провѣрки вниманія и наблюдательности.

Я началъ повторять соотвѣтствующіе курсы, сталъ усиленно читать газеты и журналы, и мои занятія для юридической академіи очень тогда мнѣ пригодились.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ меня вызвали въ Петербургъ, я подалъ докладную записку: о желаніи «продолжать службу Его Императорскому Величеству въ Отдѣльномъ Корпусѣ Жандармовъ» и получилъ приглашеніе на предварительныя испытанія.

На испытаніе явилось около 40 офицеровъ всѣхъ родовъ оружія. Не безъ тре-

пета входилъ я въ комнаты штаба Корпуса жандармовъ, помѣщавшагося въ знаменитомъ домѣ «У Цѣпного моста» противъ церкви Святого Пантелеймона. Все казалось тамъ страшно таинственнымъ и важнымъ. Единственно доступный и любезный человѣкъ — это швейцаръ. Все остальное заморожено холодомъ. Видимо, то же испытывали и другіе офицеры.

Въ ожиданіи экзаменаторовъ мы перешептывались о нихъ. Оказалось, что экзаменаціонная комиссія состояла изъ старшихъ адъютантовъ штаба корпуса при участіи представителя Департамента Полиціи Тайнаго Совѣтника Янкуліо. Этотъ худощавый старикъ, напоминавшій наружностью Побѣдоносцева, внушалъ намъ особый страхъ, но почему, мы сами не знали.

Въ первый день держали устный экзаменъ. Меня спросили, читалъ-ли я фельетонъ «Новаго Времени» о брошюрѣ Льва Тихомирова: «Конституціоналисты въ епоху 1881 года» и что я могу сказать по этому поводу. Вещь была мнѣ извѣстна, и мой отвѣтъ удовлетворилъ комиссію. Предложивъ затѣмъ мнѣ перечислить реформы Александра II-го и поставивъ еще нѣсколько вопросовъ по исторіи и администраціи и выслушавъ отвѣты, предсѣдатель комиссіи объявилъ, что устный экзаменъ мною выдержанъ и что мнѣ надлежитъ явиться на слѣдующій день держать письменный.

На завтра мы уже собрались въ меньшемъ числѣ и болѣе смѣлыми. Письменный экзаменъ заключался въ томъ, что каждому давалось сочиненіе на отдѣльную тему. Мнѣ попалась тема: «Вліяніе реформы всесословной воинской повинности на развитіе грамотности въ народѣ». Тема благодарпая. Каждая рота и батарея, каждый эскадронъ милліонной русской арміи имѣли свою школу грамотности для молодыхъ солдатъ съ годичнымъ курсомъ. Въ каждой такой школѣ ежегодно выучивались читать, писать, четыремъ правиламъ арифметики и началамъ Закона Божія, офиціально до 20 человѣкъ, неофиціально-же около школъ обучались всѣ неграмотные. Помножьте это число на количество указанныхъ боевыхъ единицъ и получится то колоссальное число простолюдиновъ, которые ежегодно выучивались грамотѣ офицерами. А все дальнѣйшее образованіе и развитіе, которое получалъ крестьянинъ во время пребыванія его въ войскахъ, которое онъ уносилъ затѣмъ въ родную деревню. А образованіе, получавшееся въ учебныхъ командахъ полковъ и т. д. Надо было видѣть какого либо неграмотнаго головотяпа Ивана Безроднаго, когда онъ являлся на службу, не умѣя связать двухъ словъ, не зная, которая рука правая и которая лѣвая, надо было видѣть и говорить съ нимъ тогда и взглянуть на него спустя три года, когда онъ грамотный, развитой и бойкій уходилъ изъ войсковой части домой, въ запасъ арміи, чтобы понять, что было достигнуто за истекшіе три года, сколь много дѣлалъ для народа тотъ офицеръ, надъ которымъ такъ часто подсмѣивались наши интеллигенты, говоря, что офицеры умѣютъ только пить, веселиться и звякать шпорами.

Взявъ за основаніе только-что приведенное, развивъ и дополнивъ эти мысли другими соображеніями и доводами, я сдѣлалъ соотвѣтствующіе выводы.

Экзамены я выдержалъ. Меня внесли въ кандидатскій списокъ, и я долженъ былъ ждать вызова для слушанія лекцій. Выдерживали экзамены далеко не всѣ, и вотъ срѣзавшіеся то офицеры, принужденные по возвращеніи въ свои части объяснить какъ либо свою неудачу, они-то и распускали всякіе невѣроятные слухи о таинственномъ экзаменѣ и вообще о корпусѣ. Такъ появилась легенда о какой-то особой присягѣ, приносившейся жандармами, которые клялись не щадить ни отца, ни мать. На это особенно налегали всѣ противники жандармеріи. Но никогда никакой присяги жандармскіе офицеры не приносили. Они были связаны уже присягой, при-

несенной ими при поступленіи на военную службу, и это считалось конечно вполнѣ достаточнымъ.

Подобнымъ-же образомъ получилась легенда о бубновомъ тузѣ, о лошадяхъ и ступеняхъ на лѣстницѣ и много другихъ. Онѣ пускались и подхватывались или заблуждавшимися, или лгунами, или врагами корпуса, которыхъ было болѣе, чѣмъ достаточно. Правительство, обставлявшее корпусъ совершенно ненужной таинственностью, вмѣсто того, чтобы широко освѣтить его права и обязанности, много способствовало распространенію этихъ небылицъ.

Выдержавъ испытаніе, я вернулся въ Вильну и сталъ ждать вызова, а въ это время, Виленская жандармерія собирала обо мнѣ наиподробнѣйшія свѣдѣнія. Политическая благонадежность и денежное состояніе подвергались наибольшей провѣркѣ. Первое объяснять не приходится, второе-же преслѣдовало цѣль, чтобы въ корпусъ не проникали офицеры, запутавшіеся денежно, зависящіе отъ кого либо въ матеріальномъ отношеніи. Жандармъ долженъ былъ быть независимъ.

Между тѣмъ, генерала Фрезе назначили на Кавказъ, и вызовъ меня на курсы затянулся. Прошло почти два года, я уже успѣлъ жениться на дочери присяжнаго повѣреннаго Бялаго, выдержавъ съ нимъ не одинъ большой бой, пока онъ, наконецъ, благословилъ насъ и вскорѣ затѣмъ умеръ.

Лѣтомъ 1899 года, я выдержалъ при Штабѣ Виленскаго Округа предварительный экзаменъ въ военно-юридическую академію и отправился осенью въ Петербургъ держать экзамены при академіи. Пріѣхавъ туда, я совершенно неожиданно получилъ вызовъ на жандармскіе курсы. Я бросилъ экзамены въ академію, вернулся въ Вильну, устроилъ дѣла съ полкомъ и, забравъ жену, уѣхалъ въ Петербургъ для слушанія лекцій.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Основаніе Корпуса жандармовъ при Императорѣ Николаѣ I-мъ. — Обязанности жандармовъ при послѣдующихъ царствованіяхъ. — Корпусъ жандармовъ при Императорѣ Николаѣ II-мъ. — Организація и обязанности. — На жандармскихъ курсахъ. — Недостатки курсовъ. — Дефекты Корпуса жандармовъ. — Переводъ въ жандармы. — Разставаніе съ полкомъ. — Проводы. — Пріѣздъ въ Москву. — Московское охранное отдѣленіе. — Первыя впечатлѣнія. — Зубатовъ и Мѣдниковъ. — Вечеръ въ Кремлѣ. — Тревожная ночь.

Въ концѣ Января 1826 года генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ, подалъ Императору Николаю I-му записку, въ которой излагалъ слѣдующее:

«Событія 14-го Декабря и ужасные заговоры, которые въ теченіе болѣе 10 лѣтъ подготовляли этотъ взрывъ, достаточно доказываютъ, какъ ничтожность имперской полиціи, такъ и неизбѣжную необходимость организаціи таковой согласно искусно скомбинированному и дѣятельно выполненному плану...»

«Для того, чтобы полиція была хороша и охватывала все пространство имперіи, она должна имѣть одинъ извѣстный центръ и развѣтвленія, проникающія во всѣ пункты; нужно, чтобы ея боялись и уважали за моральныя качества ея начальника. Онъ долженъ называться министромъ полиціи и инспекторомъ жандармовъ. Только этотъ титулъ дастъ ему расположеніе всѣхъ честныхъ людей, которые хотѣли-бы предупредить правительство о нѣкоторыхъ заговорахъ, или сообщить ему интересныя новости. Мошенники, интриганы и глупцы, обратившіеся отъ ихъ заблужденій или ищущіе искупить свои ошибки доносами, будутъ знать куда обратиться. Этотъ титулъ объединилъ-бы всѣхъ жандармскихъ офицеровъ, разбросанныхъ по всѣмъ городамъ Россіи и по всѣмъ дивизіямъ арміи, далъ-бы средство поставить туда людей интеллигентныхъ и использовать людей чистыхъ...»

«Чины, ордена, благодарность поощряютъ офицера болѣе, чѣмъ денежныя суммы поощряютъ людей, секретно используемыхъ, которые часто играютъ двойственную роль; шпіонятъ для и противъ правительства...»

«Эта полиція должна употреблять всѣ свои усилія, чтобы завоевать моральную силу, которая въ каждомъ дѣлѣ есть главная гарантія успѣха...»

Записка эта подвергалась изученію Государя и обсужденію нѣсколькихъ избранныхъ Императоромъ лицъ и 25-го Іюля 1826 года, въ день рожденія Императора Николая I-го, появился приказъ объ учрежденіи Корпуса жандармовъ, о назначеніи генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа шефомъ жандармовъ и командующимъ Императорской главной квартирой. 3-го-же Іюля состоялся указъ о преобразованіи особой канцеляріи министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ Третье Отдѣленіе собственной Его Величества Канцеляріи. Во исполненіе этого указа, начальники губерній по всѣмъ дѣламъ подвѣдомственнымъ Третьему Отдѣленію должны были доносить прямо Его Императорскому Величеству.

Графъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ сообщаетъ о той реформѣ слѣдующее:

«Всю Имперію раздѣлили въ семъ отношеніи на семь округовъ; каждый округъ подчиненъ генералу и въ каждую губернію назначено по одному штабъ-офицеру; дальнѣйшее-же развитіе и образованіе новаго установленія было предоставлено времени и указаніямъ опыта.»

«Учрежденіе въ то-же время Третьяго Отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи представляло подъ моимъ начальствомъ средоточіе этого новаго управленія и вмѣстѣ высшей, секретной полиціи, которая въ лицѣ тайныхъ агентовъ должна была помогать и способствовать дѣйствіямъ жандармовъ» (Шильдеръ. Императоръ Николай I).

Такъ появился Корпусъ жандармовъ.

Если вспомнить, что въ теченіе всего предшествовавшаго тому вѣка, главными участниками всѣхъ политическихъ заговоровъ являлись военные; что военными были совершены цареубійства Петра II-го и Павла I-го, а во главѣ заговора противъ отца Николая Павловича стоялъ главный начальникъ государевой охраны генералъ-адъютантъ графъ Паленъ; что и въ дѣлѣ Декабристовъ, проекты которыхъ восходили до убійства Императора Александра I-го и всѣхъ членовъ царствовавшей династіи, всѣ участники, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, были военные, — принявши все это во вниманіе, легко понять, почему въ дѣлѣ сформированія Корпуса жандармовъ Государь Николай Павловичъ принялъ ближайшее участіе, почему корпусу дана была организація восходившая до Собственной Его Величества Канцеляріи и почему вниманіе новой высшей полиціи было такъ сильно направлено на военную среду.

Борьба съ злоупотребленіями во всѣхъ частяхъ управленія, во всѣхъ состояніяхъ и мѣстахъ; наблюденіе за сохраненіемъ государственнаго порядка и спокойствія; наблюденіе за нравственностью учащейся молодежи; обнаруженіе бѣдныхъ и сирыхъ, нуждающихся въ матеріальной помощи — вотъ обязанности Корпуса жандармовъ согласно инструкціи, преподанной имъ ихъ первымъ шефомъ.

Корпусъ жандармовъ — глаза и уши Императора, говорили тогда. Общественное благо — его цѣль. Бѣлый платокъ для утиранія слезъ — эмблема его обязанностей.

Какая же среда могла тогда дать соотвѣтствующій контингентъ лицъ для выполненія такой высокой задачи? Только русская армія, въ массѣ своей всегда служившая вѣрой и правдой своимъ государямъ, создававшая имъ славу, ковавшая ве-

личіе и могущество Россіи. Она и выдѣлила изъ себя и весь составъ вновь образованной жандармеріи.

«По мысли Государя — говорилъ историкъ Шильдеръ — лучшія фамиліи и приближенныя къ престолу лица должны были стоять во главѣ этого учрежденія и содѣйствовать искорененію зла».

Въ царствованіе Александра II-го, на офицеровъ Корпуса жандармовъ было возложено производство дознаній по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, на правахъ слѣдователей, подъ наблюденіемъ прокуратуры, согласно новыхъ судебныхъ уставовъ.

Всесильный диктаторъ, «волчьи зубы, лисій хвостъ», графъ Лорисъ-Меликовъ добился уничтоженія независимости Корпуса жандармовъ. Въ февралѣ 1880 года, шефъ жандармовъ былъ уволенъ отъ должности, Третье же Отдѣленіе и Корпусъ жандармовъ были подчинены Лорисъ-Меликову. Высочайшимъ же указомъ 6-го августа того же года, Корпусъ жандармовъ былъ подчиненъ министру внутреннихъ дѣлъ, тому же Лорисъ-Меликову, по званію шефа жандармовъ, Третье Отдѣленіе было уничтожено, и вмѣсто него былъ образованъ Департаментъ Государственной полиціи.

Подчинивъ себѣ Корпусъ, Лорисъ-Меликовъ не сумѣлъ однако цѣлесообразно использовать его силы въ то тяжелое время. Охрана Государя была поставлена преступно небрежно. Ею вѣдали чиновники секретнаго отдѣленія канцеляріи обер-полицмейстера.

Въ упоеніи собственной славы, Лорисъ-Меликовъ, въ одномъ изъ своихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ, красиво изобразилъ Государю то успокоеніе и благополучіе, котораго онъ достигъ яко бы въ имперіи своими либеральными мѣрами, смѣшавъ непозволительно для государственнаго человѣка въ одну кучу народъ, либеральное общество, политикановъ и революціонеровъ. За тотъ знаменитый докладъ, образчикъ безграничнаго самомнѣнія, легкомыслія и политическаго невѣжества со стороны министра Внутреннихъ дѣлъ, Россія заплатила, спустя немного времени, жизнью своего Царя-Освободителя.

Послѣ убійства Александра II-го, было создано Петербургское охранное отдѣленіе, съ чинами Корпуса жандармовъ. Предупрежденіе покушенія на жизнь Александра III-го въ мартѣ 1887 года, арестомъ «Террористической фракціи Народной Воли» съ бомбами, на пути предполагаемаго проѣзда Государя, явилось блестящимъ актомъ дѣятельности корпуса за то время. Чины корпуса разгромили по всей Россіи терроризовавшую прежнее правительство «Народную Волю» и, согласно Высочайше утвержденному въ Августѣ 1881 года «Положенію объ усиленной охранѣ, приняли къ исполненію новую обязанность — производство разслѣдованія безъ участія прокурорскаго надзора. Совокупностью энергично принятыхъ мѣръ достигнуто было успокоеніе.

Новое царствованіе Императора Николая Александровича принесло съ собою общественное оживленіе; властно выдвинулся новый соціальный факторъ — рабочій вопросъ. Корпусу предстояла новая сложная работа.

Въ 1899 году, когда я былъ вызванъ на жандармскіе курсы, организація и обязанности корпуса были въ общемъ таковы. Корпусъ состоялъ изъ генераловъ, офицеровъ и унтеръ-офицеровъ.

Одна часть корпуса была свѣдена въ губернскія жандармскія управленія, которыя осуществляли по старому наблюденія, кое-гдѣ вели политическій розыскъ, а также производили дознанія и разслѣдованія. Къ этой категоріи относились и офицеры резерва, спеціализировавшіеся на производствѣ дознаній.

Вторая часть корпуса была сведена въ желѣзно-дорожныя полицейскія управленія и несла службу исключительно въ полосѣ отчужденія желѣзныхъ дорогъ, исполняя функціи и общей, и политической полиціи.

Въ вѣдѣніи офицеровъ корпуса были также охранныя отдѣленія въ Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ, входившія въ составъ градоначальства и оберъ-полицеймейстерствъ и занимавшіяся политическимъ розыскомъ. Въ крѣпостяхъ же были крѣпостныя жандармскія команды, наблюдавшія въ крѣпостныхъ районахъ. Кромѣ того въ составъ корпуса входили Петербургскій, Московскій и Варшавскій дивизіоны, несшіе наружно-полицейскую службу и бывшіе жандармами только по формѣ.

Главнымъ начальникомъ жандармовъ являлся министръ внутреннихъ дѣлъ по званію шефа жандармовъ, во главѣ корпуса стоялъ его командиръ, строевою частью вѣдалъ штабъ, всей-же розыскной и наблюдательной — Департаментъ полиціи, куда поступала также и вся отчетность по производству дознаній и разслѣдованій.

Желѣзнодорожные жандармы зависѣли почти исключительно отъ штаба, губернскіе же отъ Департамента полиціи. Двойственность подчиненія корпуса отражалась на всей его службѣ. Назначеніе же начальниковъ управленій не Высочайшими приказами, а командиромъ корпуса, вносило въ корпусную жизнь произволъ, протекціонизмъ и лишало его высшій персоналъ независимости и самостоятельности, столь необходимыхъ для органа такого важнаго государственнаго значенія, какое имѣлъ корпусъ въ царской Россіи.

* * *

Въ большой высокой комнатѣ, за громаднымъ покрытымъ зеленымъ сукномъ столомъ сидѣли мы, слушая лекторовъ, стараясь постичь новое, таинственное, такъ интересовавшее насъ дѣло. Намъ читали уголовное право, производство дознаній и разслѣдованій и желѣзнодорожный уставъ. Мы отлично усвоили всѣ права и обязанности желѣзнодорожной жандармеріи и познакомились съ формальной стороной дознаній, но и только. О самомъ же главномъ для насъ, объ общественныхъ и революціонныхъ движеніяхъ и о методахъ борьбы съ революціей, намъ тогда ничего на курсахъ не говорили. Прозанимавшись четыре мѣсяца и сдавъ отлично экзамены, мы знали объ этомъ только то, что сумѣли почерпнуть собственными усиліями и благодаря нѣкоторымъ знакомствамъ.

Между тѣмъ большинство изъ насъ горѣло желаніемъ отдаться всецѣло борьбѣ съ революціонерами. Какъ ни далеко стояла тогда армія отъ политики, кое-что о начинающемся рабочемъ движеніи доходило и до насъ; о подпольной работѣ соціалистовъ мы слыхали, знали мы и то, что Царя-Освободителя убили именно они. На курсахъ же намъ было выдано для ознакомленія съ порядкомъ производства дознаній нѣсколько томовъ дѣла о покушеніи на Александра III-го. Но только намъ не давали никакихъ разъясненій по этому дѣлу, которое одно могло бы составить рядъ поучительныхъ для жандармскаго офицера лекцій по исторіи революціоннаго движенія и по розыску.

На подготовку будущихъ жандармовъ не обращали вниманія; и въ то время, какъ государство имѣло всевозможныя академіи для военныхъ, оно не обладало соотвѣтствующей школой для подготовки личнаго состава учрежденія, которое играло въ государственной жизни царской Россіи столь выдающуюся роль, неся обязанности административныя и судебно слѣдственныя, по охранѣ государственнаго порядка и верховной власти. Пробѣлъ былъ вопіющій, и мы были поражены.

Подобная ненормальность объясняется прежде всего несоотвѣтствіемъ своему назначенію командировъ корпусовъ. Можетъ быть, и хорошіе военные, они были посторонними для корпуса и зачастую не понимали всей государственной важности

института, во главѣ котораго становились. Они очень часто смотрѣли на него какъ на войсковую часть только, или какъ на ступень для дальнѣйшей карьеры, ступень широкую, удобную, покрытую шикарнымъ бархатнымъ ковромъ.

Былъ одинъ командиръ, который въ первые дни послѣ своего назначенія спросилъ, а что такое въ сущности вообще полиція. Онъ же отдалъ затѣмъ приказъ, чтобы жандармскихъ унтеръ-офицеровъ обучали рубкѣ шашкой по лозѣ и по глинѣ. Бѣдный генералъ, глядя на жандарскія шпоры и лядунку, считалъ, что жандармерія это — строевая кавалерійская часть. И начали желѣзнодорожные жандармы, вмѣсто своего прямого дѣла, учиться рубкѣ по глинѣ. Это не анекдотъ, а дѣйствительный фактъ.

Но этотъ военный командиръ корпуса, боявшійся панически адреснаго листка на архивной дугѣ, считая что тамъ-то и есть вся тайна розыска, по крайней мѣрѣ не ломалъ того дѣла, котораго не понималъ, а бывали и такіе реформаторы. Уже много позже одинъ генералъ, не разбираясь въ службѣ корпуса и недолюбливая ея въ душѣ, умѣя вообще лишь быть пріятнымъ, додумался до уничтоженія розыска и успѣлъ свою легкомысленную затѣю осуществить частично. Онъ же, какъ увидимъ ниже, сознательно провалилъ цѣннѣйшаго освѣдомителя Департамента полиціи, искренно думая, что совершаетъ замѣчательное общественное дѣло. Печальные факты, за которые Россія заплатила очень дорого. Бывали конечно исключенія, но очень и очень рѣдко.

Ненормально было и назначеніе начальника штаба корпуса. Разъ есть слово штабъ, то мѣсто, конечно, считалось за Генеральнымъ Штабомъ и должность принималъ и начиналъ вершать дѣла по корпусу при непонимающемъ его командирѣ, такой-же непонимающій корпуса и чуждый ему по духу офицеръ генеральнаго штаба. Если онъ, какъ честный и разумный человѣкъ, не вредилъ корпусу, то и пользы ему и дѣлу не приносилъ. И нуженъ былъ, напримѣръ, весь трагизмъ первой русской революціи съ ея желѣзнодорожной забастовкой, чтобы начальникъ штаба корпуса понялъ, наконецъ, что желѣзнодорожная жандармерія обязана быть освѣдомленной въ своемъ районѣ, т. е. обязана вести розыскъ. Штабъ же вообще былъ противникъ розыска, который, по его мнѣнію, являлся дѣломъ грязнымъ, а желѣзнодорожная жандармерія считалась выше его.

Какъ уже было упомянуто, двойственное подчиненіе корпуса очень вредило ему и отражалось на дѣлѣ. Штабъ всегда былъ въ войнѣ съ департаментомъ, что и сказывалось на офицерахъ. Департаментъ требовалъ розыскной работы и продвигалъ офицеровъ, успѣвавшихъ въ ней; штабъ же былъ врагъ розыска и потому розыскные офицеры у него были не въ милости. Зависимые и отъ департамента, и отъ штаба, офицеры должны были дипломатничать и лавировать, чтобы, служа одному учрежденію, не провалиться у другого. Только тѣ, кто посвящалъ себя навсегда желѣзнодорожному дѣлу, могли не считаться, напримѣръ съ департаментомъ, да и то относительно.

Не получая, чего слѣдуетъ, отъ своего военнаго центра, корпусъ не находилъ его и въ гражданскомъ центрѣ. Для многихъ директоровъ Департамента полиціи, а зачастую и для министра внутреннихъ дѣлъ, корпусъ казался лишь «офицерствомъ», если не «бурбонствомъ». Обычныя противопоставленія штатскаго начала военному. Что они тамъ могутъ понимать! А между тѣмъ, сами то директора Департамента полиціи, за весьма немногими исключеніями, зачастую мало что понимали въ политическомъ розыскѣ, хотя смѣло и смаху хватались за него.

На несчастье корпуса не являлось человѣка, который, понимая его, приспособилъ бы окончательно этотъ сложный и хорошій по составу аппаратъ къ требованію

современнаго государства. Мысль же о томъ бродила и надъ ней задумывались, но тѣ, кто могъ ее реализировать, сдѣлать того не успѣвали, тѣ же, кто брался за это, не имѣли достаточно ни знаній, ни таланта, ни любви къ дѣлу, за перестройку котораго принимались. Критиковали и ругали корпусъ многіе, а чтобы указать, какъ исправить недостатки — того не было. А возможность имѣлась полная, такъ какъ со стороны верховной власти, ко всѣму тому, что вело къ пользѣ для государства, сочувствіе и поддержка всегда были на лицо. Корпусу жандармовъ послѣдняго царствованія не хватало своего современнаго графа Бенкендорфа.

Въ концѣ декабря 1899 года, мы выдержали выпускной экзаменъ и были переведены Высочайшимъ приказомъ въ Корпусъ жандармовъ. Намъ дали въ штабѣ листъ со свободными вакансіями, причемъ адъютантъ по строевой части, подполковникъ Чернявскій, съ особеннымъ пренебреженіемъ швырнулъ намъ отдѣльный листокъ съ вакансіями охранныхъ отдѣленій, и мы разобрали вакансіи согласно желанію въ порядкѣ успѣховъ сдачи выпускного экзамена. Одни пошли на желѣзныя дороги, часть въ губернскіе, четверо же, и въ томъ числѣ я, рѣшили окунуться въ самую гущу и взяли вакансіи въ охранныя отдѣленія. Чернявскій смотрѣлъ на насъ съ нескрываемой враждебностью и буквально фыркалъ, а не говорилъ, когда мы обращались къ нему за какими либо справками.

Я вышелъ въ Московское охранное отдѣленіе, пугавшее всѣхъ тѣмъ, что начальникомъ его былъ статскій Зубатовъ.

Въ синемъ уже мундирѣ съ бѣлыми аксельбантами вернулся я черезъ нѣсколько дней въ Вильну попрощаться съ роднымъ полкомъ. Офицеры устроили мнѣ проводы, обѣдъ, въ томъ самомъ общемъ собраніи, гдѣ такъ много было пережито хорошихъ минутъ за шесть лѣтъ безпечной офицерской службы. Мнѣ поднесли полковой жетонъ, получить который было тѣмъ болѣе лестно, что подносили его не обязательно, а каждый разъ по рѣшенію общества офицеровъ. Произносились конечно тосты, говорились пожеланія, отмѣтили и то, что я сдѣлалъ кое что по составленію исторіи полка. Собранные мною памятки съ полковыми реликвіями имѣлись въ каждой ротѣ на стѣнѣ. Разстались дружески. Кончился первый періодъ сознательной жизни, жизни сравнительно беззаботной, началась новая полоса.

Въ полку мнѣ больше не пришлось бывать, но жизнь его конечно меня интересовала. Вѣренъ себѣ остался полкъ и въ послѣднюю войну. Перейдя 3-го августа 1914 года границу Пруссіи въ составѣ арміи генерала Ренненкампфа, полкъ 4-го августа принялъ подъ Дюпененомъ первый бой съ нѣмцами, въ которомъ потерялъ убитыми 16 офицеровъ и командира полка полковника Комарова.

Въ томъ бою нашъ старый товарищъ капитанъ И. С. Карповъ велъ роту въ атаку на два тяжелыхъ орудія, имѣя рядомъ своего 16-ти лѣтняго сына гимназиста Отецъ и сынъ пали вмѣстѣ, не дойдя до батареи.

Въ томъ же бою капитанъ Н. П. Кузнецовъ, будучи окруженъ нѣмцами и видя безвыходное положеніе, собралъ горсточку оставшихся солдатъ и, сказавъ: — «Братцы, дѣлайте, какъ знаете, а русскій офицеръ не сдается» — застрѣлился.

Укомплектованный на слѣдующій же день, полкъ 7-го Августа выигралъ блестящій бой подъ Эдлишками, нагородивъ груды непріятельскихъ труповъ. Къ концу войны въ полку оставалось лишь пять кадровыхъ офицеровъ. А потомъ? А потомъ, послѣ революціи, по заведенному Керенскимъ и Гучковымъ порядку, полкъ избралъ себѣ командира, сперва изъ негодящихъ писарей, а потомъ алкоголика изъ подъпрапорщиковъ, съ которымъ и ринулся во всеобщую разруху, во славу «великой и безкровной».

Ясный морозный Январскій день. Много снѣгу. Московскій Ванька рѣзво катитъ меня съ чемоданомъ съ вокзала на Большую Дмитровку, гдѣ у сестры меня ждетъ жена.

Черезъ часъ, переодѣвшись въ мундиръ, ѣду въ Гнѣздниковскій переулокъ, являться въ охранное отдѣленіе.

Двухъэтажное зданіе зеленоватаго цвѣта окнами на переулокъ. Вхожу въ небольшую правую дверь. Темный входъ; довольно большая полунизкая передняя, изъ которой нѣсколько маленькихъ дверей въ крошечныя пріемныя. Въ дальнемъ правомъ углу странная витая лѣстница наверхъ. Изъ того же угла теряется въ темнотѣ узкій коридорчикъ.

Нѣкто въ штатскомъ спрашиваетъ меня, что мнѣ угодно и, узнавъ, что я новый офицеръ и пріѣхалъ на службу, схватился снимать пальто и, попросивъ подождать, полетѣлъ по витой лѣстницѣ.

Вошелъ полицейскій надзиратель и любезно раскланялся. Постоявъ немного, онъ заглянулъ въ каждую дверь и плотно прикрылъ ихъ — очевидно дежурный. Изъ темнаго коридорчика появился служитель съ огромнымъ подносомъ, полнымъ стакановъ чая, и осторожно сталъ подниматься по винтовой лѣстницѣ.

Вскорѣ, скатившійся съ нея докладчикъ попросилъ меня слѣдовать за нимъ. Поднимаюсь: чистый широкій коридоръ. Прохожу большую свѣтлую комнату; много столовъ, за ними чиновники — пишутъ; стучатъ машинки; груды дѣлъ. Дальше — небольшая комнатка, полная дугъ съ листками, что похоже на адресный столъ. Проходимъ черезъ маленькую темную переднюю и входимъ въ небольшой въ два окна кабинетъ. Американскій столъ-конторка, диванъ, нѣсколько стульевъ.

На встрѣчу поднимается упитанный, средняго роста статскій, полное здоровое румяное лицо, бородка, усики, длинные русые волосы назадъ, голубые спокойные глаза. Представляюсь. Онъ отвѣчаетъ: — «Мѣдниковъ, старшій чиновникъ для порученій» и, улыбаясь, проситъ садиться.

— «А мы Васъ ждемъ, очень радъ-съ, скоро прійдетъ и начальникъ». Говоръ спокойный, пѣвучій, немного простоватый. Сидитъ, откинувшись на спинку, поглаживая себя по ляжкамъ, изрѣдка отбрасываетъ волосы рукой назадъ.

Обмѣниваемся ничего не значащими фразами о погодѣ и морозѣ. Смотрю на портреты на стѣнѣ. Одинъ изъ нихъ женскій, какъ узналъ потомъ, революціонерки Курпатовской, на другомъ же красивый мужчина. Увидѣвъ, что смотрю на него, Мѣдниковъ говоритъ: — «Это Судейкинъ».

Почему Курнатовская украшала тотъ кабинетъ, для меня осталось невыясненнымъ навсегда. Никогда она никакого отношенія къ службѣ отдѣленія не имѣла, если не считать того, что бывала обыскиваема и арестована.

Немного спустя, Мѣдниковъ стучитъ въ дверь, что въ углу комнаты, и приглашаетъ меня жестомъ за собой. Вхожу въ большой нарядный не казенный кабинетъ. На стѣнѣ прелестный, тоже не казенный царскій портретъ. Посреди комнаты, средняго роста человѣкъ въ очкахъ, безцвѣтный, волосы назадъ, усы, бородка, типичный интеллигентъ — это знаменитый Зубатовъ.

Представляюсь, называя его «господинъ начальникъ». Онъ принимаетъ мой рапортъ стоя, по военному, опустивъ руки и, давъ договорить, здоровается и предлагаетъ папиросу. Отказываюсь, говоря, что не курю. Удивляется.

— «Можетъ быть и не пьете?»

— «И не пью».

Начальникъ смѣется и, обращаясь къ Мѣдникову, говоритъ: — «Евстратій, и не пьетъ!»... Евстратій сидитъ плотно, гладитъ себя по ляжкамъ, ухмыляется и говоритъ: — «Что же, это хорошо»...

Спросивъ, женатъ ли я, какъ думаю устроиться, и предложивъ еще нѣсколько вопросовъ, Зубатовъ сказалъ, чтобы я шелъ являться оберъ-полицмейстеру, и мы распрощались.

Домъ оберъ-полицмейстера помѣщался на томъ же дворѣ, но фасадомъ и подъѣздомъ выходилъ на Тверской бульваръ. Оберъ-полицмейстеръ полковникъ Дмитрій Федоровичъ Треповъ, бывшій конногвардеецъ, высокій, красивый и представительный мужчина, встрѣтилъ меня сурово-вѣжливо, предложилъ нѣсколько вопросовъ, сказалъ комплиментъ по адресу отдѣленія и его начальника и, пожелавъ успѣха въ службѣ, распрощался.

Сдѣлавъ затѣмъ нѣсколько визитовъ, я вернулся въ отдѣленіе, гдѣ перезнакомился со служащими. Помощникомъ начальника былъ жандармскій подполковникъ Сазоновъ, которому Зубатовъ и передалъ меня для выучки. Были въ отдѣленіи еще два жандармскихъ офицера — Петерсенъ и Герарди, но они находились въ командировкахъ. Поручикъ Б. А. Герарди велъ тогда разслѣдованіе о хищеніяхъ въ разныхъ войсковыхъ частяхъ оружія и о переправѣ его черезъ Кавказъ въ Персію. Въ двухъ мѣстахъ были скрадены даже артиллерійскія орудія. Военное министерство само просило, чтобы разслѣдованіе произвелъ жандармскій офицеръ. Герарди блестяще справился съ порученіемъ и былъ награжденъ Владиміромъ 4-й степени, что тогда являлось рѣдкой наградой и, потому, Герарди былъ тогда героемъ дня въ корпусѣ. Позже онъ до самой революціи состоялъ начальникомъ дворцовой полиціи, а при большевикахъ былъ разстрѣлянъ. Это былъ выдающійся офицеръ.

Въ отдѣльномъ кабинетѣ сидѣлъ сумрачный въ очкахъ блондинъ, бывшій когда то революціонеромъ, Л. П. Меньщиковъ. Въ комнатѣ рядомъ, сидѣли дѣлопроизводитель, отъ котораго почти всегда отдавало букетомъ, и чиновникъ для порученій А. И. Войлошниковъ, симпатичный, привѣтливый, хорошій человѣкъ. Въ 1905 году при Московскомъ возстаніи, Войлошниковъ былъ разстрѣлянъ на Преснѣ дружиной соціалистовъ-революціонеровъ на глазахъ жены и маленькихъ дѣтей. Тогда это произвело на всѣхъ крайне тяжелое впечатлѣніе. Мнѣ было какъ-то не по себѣ въ этой необычной для военнаго обстановкѣ.

Скоро затѣмъ Сазоновъ взялъ меня къ себѣ въ свой громадный кабинетъ, съ двумя письменными столами, съ портретами по стѣнамъ и съ зерцаломъ на угловомъ столикѣ, и далъ краткое, но толковое объясненіе о томъ, что такое охранное отдѣленіе и какія его права и обязанности. По товарищески же далъ и нѣсколько совѣтовъ, къ кому и какъ относиться и съ кѣмъ какъ держаться. О Зубатовѣ и Мѣдниковѣ онъ говорилъ особенно серьезно, упирая на то, что они отлично знаютъ свое дѣло. Совѣтовалъ онъ мнѣ не допытываться очень гдѣ, что и какъ, объясняя, что со временемъ само все прійдетъ и что такъ будетъ лучше, такъ какъ очень любопытныхъ не любятъ... Предупредилъ онъ и о томъ, что по отношенію постороннихъ надо быть сдержаннымъ на словахъ, быть осторожнымъ, конспиративнымъ, какъ выразился онъ, т. е. ничего о служебныхъ дѣлахъ не разсказывать; не разсказывать ничего и домашнимъ.

Въ шесть часовъ Сазоновъ сказалъ мнѣ: — «Ну теперь пойдемъ прощаться къ начальству, таковъ у насъ порядокъ».

Мы прошли въ кабинетъ Мѣдникова, гдѣ кромѣ него былъ и Зубатовъ, и Войлошниковъ. Поглаживая бородку стоялъ Меньщиковъ.

— «Ну что же, господа, пора и по домамъ» — сказалъ намъ Зубатовъ и, пожавъ руку каждому и пожелавъ всего хорошаго, ушелъ въ свой кабинетъ. Мѣдниковъ съ грохотомъ закрылъ свою конторку, привѣтливо распрощался съ каждымъ изъ насъ, и всѣ разошлись.

Только къ 7-ми часамъ вечера, когда было уже совсѣмъ темно, вернулся я домой, гдѣ жена и сестра съ мужемъ забросали меня вопросами. Я же былъ какъ въ туманѣ. Все, что я видѣлъ и слышалъ, было такъ ново, странно и таинственно. Совѣтъ Сазонова о конспиративности звучалъ въ ушахъ... Я кое какъ разъяснился, говоря, что всѣ были очень вѣжливы, привѣтливы и конспиративны. Это слово очень сразу понравилось.

Въ Москву я попалъ въ первый разъ. Мнѣ такъ хотѣлось посмотрѣть городъ, хотѣлось на воздухъ, я одѣлся и поѣхалъ въ Кремль. Помолившись у Иверской и поставивъ свѣчку, я прошелъ на Красную площадь. Чудный зимній вечеръ. Луна обдаетъ блѣднымъ свѣтомъ бѣлый покровъ площади. Справа Кремль съ убѣгающей въ даль стѣной, слѣва грандіозные Красные ряды. Въ глубинѣ, на звѣздномъ небѣ, причудливо вырисовывается силуэтъ Василія Блаженнаго.

Иду направо въ Никольскія ворота. Мерцаетъ лампада передъ образомъ Николая Чудотворца. Я снимаю шапку и прохожу въ Кремль.

Высится Успенскій Соборъ, уходитъ въ небо Иванъ Великій, а вотъ и Царь-колоколъ и Царь-пушка. Какъ знакомы они по картинамъ съ дѣтства! Смотрю на Чудовъ монастырь, направляюсь къ памятнику Александра II и останавливаюсь пораженный...

Внизу застывшая Москва-рѣка, за ней — Замоскворѣчье. Тысячи огней. Снѣжная пелена отливаетъ голубоватымъ отцвѣтомъ... и повсюду церкви, церкви, сорокъ-сороковъ...

Обернулся я — блеститъ Иванъ Великій, блестятъ купола соборные, монастырскіе, а издали смотритъ всѣми окнами, красивый какъ въ сказкѣ, застывшій на морозѣ Царскій Дворецъ — колыбель Царя-Освободителя.

Пораженный дивнымъ видѣніемъ, стою какъ зачарованный...

Тихо прохожу я затѣмъ въ Спасскія ворота и я снова на Красной площади. Лобное мѣсто. Молніеносно проносится въ воображеніи Іоаннъ Грозный и казни стрѣльцовъ при Петрѣ. Минуя Пожарскаго съ Мининымъ и, въ раздумьи, подавленный величіемъ видѣннаго, возвращаюсь къ себѣ домой и бросаюсь въ постель.

Вотъ она, бѣлокаменная, вотъ она — сердце Россіи. При какой странной обстановкѣ я тебя вижу впервые. Я любуюсь тобой поздно вечеромъ, пріѣхавъ рано утромъ... Какъ все это странно... Что за странная новая служба... Какіе странные люди... Зубатовъ, Мѣдниковъ... А тотъ, что возится внизу въ коридорчикѣ, несуразный, въ большой шляпѣ и съ пледомъ на плечахъ... И помѣщеніе странное... Желѣзная витая лѣстница... и я заснулъ подъ думы о своемъ новомъ положеніи. Тревожный то былъ сонъ, какъ тревожна была и вся дальнѣйшая моя служба.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Извѣстность Московскаго охраннаго отдѣленія и причины того. — Внутренняя агентура. — Что такое сотрудникъ. — Два крайнихъ типа сотрудниковъ: Жученко и провокаторъ Азефъ. — С. В. Зубатовъ. — Вербовка сотрудниковъ. — Зубатовъ и Гершуни. — Взглядъ Зубатова на сотрудниковъ. — Сложность вопроса сотрудничества. — Е. П. Мѣдниковъ. — Наружное наблюденіе. — На пріемѣ филеровъ. — Летучій филерскій отрядъ Департамента полиціи. — Значеніе Мѣдникова. — Другіе служащіе. — Л. П. Меньщиковъ, его служба и измѣна правительству. — Перлюстрація и ея прошлое. — Перлюстрація при послѣднемъ царствованіи.

Московское охранное отдѣленіе того времени занимало исключительное положеніе среди розыскныхъ органовъ Россіи и дѣятельность его распространилась далеко за предѣлы Москвы и ея губерніи. Отдѣленіе уже вычистило къ тому времени Москву и раскрыло нѣсколько революціонныхъ организацій внѣ ея.

Такъ, въ 1895 году отдѣленіе арестовало въ Москвѣ кружокъ студента Распутина, имѣвшій намѣреніе подготовить покушеніе на молодого Государя и дѣлавшій для того нѣкоторыя приготовленія. Оно разгромило передъ тѣмъ складывавшуюся благодаря Натансону партію: «Народнаго Права», арестовавъ по разнымъ городамъ ея главарей и взявъ въ Смоленскѣ ея типографію. Оно проникло своимъ розыскомъ даже въ Петербургъ и арестовало въ 1896 году на Лахтѣ типографію «Группы Народовольцевъ».

Ко времени моего пріѣзда отдѣленіе работало по Сѣверо-Западному краю, гдѣ въ Минскѣ, какъ разъ весною 1900 года, оно произвело большіе аресты соціалистовъ-революціонеровъ, во главѣ съ Е. Гальпериномъ, Л. Клячко и Г. Гершуни, гдѣ работала и «бабушка» Е. Брешковская, ускользнувшая тогда отъ ареста.

Та организація называлась «Рабочей Партіей политическаго освобожденія Россіи», имѣла свою типографію, гдѣ была напечатана ярко-террористическаго характера брошюра «Свобода», надѣлавшая тогда много шума. Типографія та была арестована отдѣленіемъ.

Все это, а также и другіе успѣхи по преслѣдованію революціонеровъ были достигнуты отдѣленіемъ съ помощью внутренней агентуры, т. е. черезъ тѣхъ членовъ революціонныхъ организацій, которые по тѣмъ или инымъ побужденіямъ давали политической полиціи свѣдѣнія о дѣятельности своихъ организацій и ихъ отдѣльныхъ членовъ.

Они выдавали своихъ близкихъ жандармеріи, служа для нея шпіонами, и назывались у политической полиціи «сотрудниками», у своихъ же шли подъ именемъ «провокаторовъ».

Сотрудникъ не считался на службѣ у отдѣленія, онъ не былъ его чиномъ, не значился по вѣдомостямъ, поступавшимъ въ Государственный Контроль; онъ былъ для отдѣленія человѣкомъ другого враждебнаго лагеря, помогавшимъ лишь правительству въ его борьбѣ съ революціонерами, откуда и самое названіе — сотрудникъ.

Не жандармерія дѣлала Азефовъ и Малиновскихъ, имъ же имя легіонъ, вводя ихъ какъ своихъ агентовъ въ роволюціонную среду; нѣтъ, жандармерія выбирала лишь ихъ изъ революціонной среды. Ихъ создавала сама революціонная среда. Прежде всего они были членами своихъ революціопныхъ организацій, а уже затѣмъ шли шпіонить про своихъ друзей и близкихъ органамъ политической полиціи.

Чины охраннаго отдѣленія или жандармскаго управленія, отъ начальника до младшаго филера, никогда въ революціонные ряды не становились.

Умѣньемъ привлекать изъ революціонныхъ и общественныхъ круговъ лицъ, которыя освѣщали бы ихъ дѣятельность, тогда славилось именно Московское охранное отдѣленіе. Наличностью этихъ сотрудниковъ изъ соціалистовъ и общественниковъ и объяснялись успѣхи Московскаго отдѣленія и его популярность.

Въ числѣ такихъ сотрудниковъ отдѣленія уже тогда состояли двое, изъ которыхъ одинъ, убѣжденный врагъ соціализма и революціонеровъ, являлся образчикомъ самаго лучшаго, идейнаго, преданнаго правительству сотрудника, какихъ вообще бывало немного, другой же, наоборотъ, далъ впослѣдствіи примѣръ типа отрицательнаго и нежелательнаго — сотрудника провокатора. Первымъ была Зинаида Гернгроссъ, вторымъ — Ев. Азефъ.

Зинаида Феодоровна Гернгроссъ стала сотрудничать на Московское охранное отдѣленіе въ 1895 г. и раскрыла властямъ Московскій террористическій кружокъ Распутина, подготовлявшій покушеніе на Императора Николая II-го, которое предполагалось совершить при въѣздѣ Государя въ Москву на коронаціонныя торжества 1896 года.

Дѣло было разрѣшено въ административномъ порядкѣ, и сама Гернгроссъ, какъ замѣшанная въ немъ, была выслана на 5 лѣтъ въ Кутаисъ, гдѣ вышла замужъ за врача Жученко, а затѣмъ скоро переѣхала въ Юрьевъ и выѣхала за-границу.

Будучи убѣжденной монархисткой и ненавидя революціонныя партіи съ ихъ подпольной грязью всей душей, Жученко рѣшила бороться съ ними жесточайшимъ образомъ, не преслѣдуя при томъ никакой корыстной цѣли. Она вновь стала сотрудничать на Департаментъ полиціи и оказала ему рядъ цѣннѣйшихъ услугъ по раскрытію дѣятельности партіи соціалистовъ-революціонеровъ, и, благодаря ей, въ руки правосудія были преданы многіе серьезные революціонные дѣятели и предупреждены грандіозныя террористическія покушенія.

Въ 1909 году, благодаря измѣнѣ Меньщикова, Жученко была разоблачена Бурцевымъ, и въ Августѣ того же года центральный комитетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ объявилъ ее провокаторомъ.

Въ томъ же году къ Жученко, жившей съ сыномъ въ Шарлотенбургѣ, заявился добровольный шефъ революціоннаго розыска соціалистъ В. Л. Бурцевъ, средства розыска котораго, кстати сказать, были тѣ же, что и у ненавистнаго ему Департамента полиціи, т. е. внутренняя агентура, которую онъ вербовалъ среди чиновниковъ правительства, и филерство, которое осуществлялось въ нужныхъ случаяхъ членами революціонныхъ партій. То, что считалось преступнымъ и подлымъ со стороны правительства, признавалось необходимымъ и хорошимъ въ своихъ собственныхъ рукахъ: такова этика революціонеровъ.

При двухъ свиданіяхъ съ Бурцевымъ, Жученко честно, открыто, съ полнымъ достоинствомъ и мужествомъ и въ гордомъ сознаніи той государственной пользы, которую она приносила родинѣ, раскрывая работу подтачивающихъ ее революціонныхъ партій, высказала свои взгляды на сотрудничество.

— «Да, я служила, — говорила она Бурцеву, — къ сожалѣнію, не пятнадцать лѣтъ, а только три, но служила, и я съ удовольствіемъ вспоминаю о своей работѣ, потому что служила не за страхъ, а по убѣжденію. Теперь скрывать нечего. Спрашивайте меня, и я буду отвѣчать. Но помните: я не открою Вамъ ничего, что повредило бы намъ, служащимъ въ Департаментѣ полиціи... Я служила идеѣ... помните, что я честный сотрудникъ Департамента полиціи въ его борьбѣ съ революціонерами... Сотрудничество — одно изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ борьбы съ революціей... Я не одна; у меня много единомышленниковъ, какъ въ Россіи, такъ и за-границей. Мнѣ дано высшее счастье остаться вѣрной до конца своимъ убѣжденіямъ, не проявить шкурнаго страха, и мысль о смерти меня не страшила никогда»... (Павловъ. «Агенты, жандармы, палачи». Стр. 33 - 37 - 38).

Честный фанатикъ, революціонеръ Бурцевъ столкнулся съ не менѣе честнымъ фанатикомъ - сотрудникомъ Жученко. И моральная побѣда въ этомъ столкновеніи правительства съ революціей, осталась всецѣло на сторонѣ правительства — на сторонѣ Жученко. Фанатикъ революціонеръ долженъ былъ признать моральную силу убѣжденаго сотрудника, и Бурцевъ пожалъ на прощанье руку Жученко со словами: «Какъ человѣку честному, жму Вашу руку». (Стр. 41).

И передъ этой моральной силой честности, долга и мужества склонился даже и центральный комитетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ: Жученко не мстили, ея не тронули.

Прямою противоположностью является, въ то время скромный еще сотрудникъ, но впослѣдствіи сдѣлавшійся знаменитостью, какъ провокаторъ, — Азефъ.

Азефъ это безпринципный и корыстолюбивый эгоистъ, работавшій на пользу иногда правительства, иногда революціи; измѣнявшій и одной, и другой сторонѣ, въ

зависимости отъ момента и личной пользы; дѣйствовавшій не только какъ освѣдомитель правительства, но и какъ провокаторъ въ дѣйствительномъ значеніи этого слова, т. е. самолично учинявшій преступленія и выдававшій ихъ затѣмъ частично правительству, корысти ради.

Между этими двумя крайностями, располагался рядъ иныхъ сотрудниковъ, молодыхъ и пожилыхъ, всякихъ сословій, профессій и категорій. Единственная среда, которая не давала «сотрудниковъ» — было офицерство. Предательство и спекуляція на товариществѣ были чужды офицерству Царской Россіи.

Мастеромъ по пріобрѣтенію сотрудниковъ считался самъ начальникъ отдѣленія — Зубатовъ.

Сергѣй Васильевичъ Зубатовъ учился въ одной изъ Московскихъ гимназій и, будучи въ старшихъ классахъ, принималъ участіе въ ученической кружковщинѣ, гдѣ сталкивался, между прочимъ, съ однимъ изъ основателей партіи соціалистовъ-революціонеровъ Михаиломъ Гоцомъ.

Послѣ гимназіи онъ не пошелъ въ университетъ, а поступилъ чиновникомъ въ охранное отдѣленіе, гдѣ дослужился до помощника начальника, а затѣмъ, какъ знатокъ разыскного дѣла, внѣ правилъ, т. к. не былъ жандармскимъ офицеромъ, былъ назначенъ и начальникомъ.

Начитанный, хорошо знакомый съ исторіей, интересовавшійся всѣми соціальными вопросами, Зубатовъ былъ убѣжденный монархистъ. Онъ считалъ, что Царская власть, давшая Россіи величіе, прогрессъ и цивилизацію — есть единственная, свойственная ей, форма правленія.

Безъ Царя не можетъ быть Россіи, говорилъ онъ намъ не разъ; счастье и величіе Россіи въ ея Государяхъ и ихъ работѣ. Возьмите исторію... И доказательства сыпались какъ изъ рога изобилія.

«Такъ будетъ и дальше. Тѣ, кто идутъ противъ монархіи въ Россіи — идутъ противъ Россіи, съ ними надо бороться, не на жизнь, а на смерть».

И онъ боролся всѣми законными, имѣвшимися въ его распоряженіи средствами и училъ и насъ, офицеровъ, тому же.

Пройдя въ молодости революціонныя увлеченія, зная отлично революціонную среду съ ея вождями, изъ которыхъ многіе получали отъ него субсидіи за освѣщеніе работы своихъ же сотоварищей, онъ зналъ цѣну всякимъ «идейностямъ», зналъ и то, какимъ оружіемъ надо бить этихъ спасителей Россіи всякихъ видовъ и оттѣнковъ.

Для успѣха борьбы нужно было освѣдомленіе черезъ сотрудниковъ, и Зубатовъ искалъ ихъ. Послѣ каждыхъ групповыхъ арестовъ или ликвидацій, Зубатовъ подолгу бесѣдовалъ съ тѣми изъ арестованныхъ, кто казался ему интереснымъ. Это не были допросы, это были бесѣды за стаканомъ чая о неправильности путей, которыми идутъ революціонеры, о вредѣ, который они наносятъ государству. Во время этихъ разговоровъ, со стороны Зубатова дѣлались предложенія помогать правительству въ борьбѣ съ революціонными организаціями. Нѣкоторые шли на эти предложенія, многіе же, если и не шли, то все таки сбивались бесѣдами Зубатова съ своей линіи, уклонялись отъ нея, другіе же совсѣмъ оставляли революціонную дѣятельность.

Однимъ изъ такихъ сбитыхъ временно съ его революціоннаго пути оказался и знаменитый по послѣдующей работѣ Гершуни. По заарестованіи въ Минскѣ, Гершуни содержался подъ стражей въ Москвѣ. У Зубатова были, конечно, свѣдѣнія о томъ, что дѣлалъ Гершуни въ Минскѣ, какъ формировалъ онъ тамъ летучія библіотечки, фабриковалъ небольшія типографіи и разсылалъ ихъ съ Брешко-Брешков-

ской по разнымъ городамъ. Зналъ онъ и о взглядахъ Гершуни на терроръ, какъ на необходимый способъ борьбы съ правительствомъ. Данныхъ, хотя и агентурныхъ, было достаточно, чтобы послать Гершуни административнымъ порядкомъ въ далекую Сибирь, но Зубатовъ этого не сдѣлалъ. Онъ хотѣлъ переломить Гершуни идейно. Онъ не разъ вызывалъ Гершуни на допросы. Долгія бесѣды вели два противника и, въ результатѣ, Гершуни далъ подробное показаніе и тѣмъ купилъ себѣ свободу, избавилъ себя отъ ссылки. Онъ былъ освобожденъ и вернулся въ Минскъ. Моральная побѣда Зубатова была велика, но ненадолго.

Зубатовъ не понялъ тогда достаточно хорошо Гершуни, не разглядѣлъ въ немъ уже готоваго, убѣжденнаго террориста, слишкомъ довѣрчиво отнесся къ нему, повѣрилъ ему. Очутившись на свободѣ, Гершуни оправился отъ вліянія Зубатова и отомстилъ правительству, какъ видно будетъ дальше, жестоко.

Зубатовъ не смотрѣлъ на сотрудничество какъ на простую куплю и продажу, а видѣлъ въ немъ дѣло идейное, что старался внушить и офицерамъ. Училъ онъ также относиться къ сотрудникамъ бережно.

«Вы, господа, говорилъ онъ, должны смотрѣть на сотрудника какъ на любимую женщину, съ которой Вы находитесь въ нелегальной связи. Берегите ее, какъ зеницу ока. Одинъ неосторожный вашъ шагъ, и Вы ее опозорите. Помните: провалъ сотрудника для васъ лишь нѣкоторый ущербъ по службѣ; для него-же это смерть гражданская, а часто и физическая. Проникнитесь этимъ, поймете это, относитесь къ этимъ людямъ такъ, какъ я вамъ совѣтую, и они поймутъ васъ, довѣрятся вамъ и будутъ работать съ Вами честно и самоотверженно. Штучниковъ гоните прочь, это не работники, это... продажныя шкуры. Съ ними нельзя работать... Никогда и никому не называйте имени вашего сотрудника, даже вашему начальству. Сами забудьте его настоящую фамилію и помните только по псевдониму».

«Помните, что въ работѣ сотрудника, какъ-бы онъ ни былъ Вамъ преданъ и какъ-бы онъ честно ни работалъ, всегда, рано или поздно, наступитъ моментъ психологическаго перелома... Не прозѣвайте этого момента. Это моментъ, когда Вы должны разстаться съ Вашимъ сотрудникомъ. Онъ больше не можетъ работать. Ему тяжело. Отпускайте его. Разставайтесь съ нимъ. Выведите его осторожно изъ революціоннаго круга, устройте его на легальное мѣсто, исхлопочите ему пенсію, сдѣлайте все, что въ силахъ человѣческихъ, чтобы отблагодарить его и распрощаться съ нимъ по хорошему».

«Помните, что переставъ работать въ революціонной средѣ, сдѣлавшись мирнымъ членомъ общества, онъ будетъ полезенъ и дальше для государства, хотя и не сотрудникомъ; будетъ полезенъ уже въ новомъ положеніи. Вы лишаетесь сотрудника, но Вы пріобрѣтаете въ обществѣ друга для правительства, полезнаго человѣка для государства».

Благодаря такимъ взглядамъ Зубатова, работа по розыску пріобрѣтала интересный характеръ. Проводя ихъ въ жизнь, Зубатовъ сумѣлъ поставить внутреннюю агентуру на рѣдкую высоту. Освѣдомленность отдѣленія была изумительна. Его имя сдѣлалось нарицательнымъ и ненавистнымъ въ революціонныхъ кругахъ. Москву считали гнѣздомъ «провокаціи». Заниматься въ Москвѣ революціонной работой считалось безнадежнымъ дѣломъ.

Красиво и убѣдительно говорилъ Зубатовъ, подготовляя изъ насъ будущихъ руководителей политическаго розыска, но воспринять сразу эту государственную точку зрѣнія на внутреннюю агентуру было трудно. Мы принимали какъ безспорные всѣ совѣты относительно сотрудниковъ и все-таки они въ нашихъ глазахъ были предателями по отношенію своихъ товарищей. Мы понимали, что безъ шпіоновъ

нельзя знать, что дѣлается во вражескомъ лагерѣ; мы сознавали, что сотрудниковъ надо имѣть такъ же, какъ надо имѣть военныхъ шпіоновъ, чтобы получать необходимыя свѣдѣнія про непріятельскія армію и флотъ, про ихъ мобилизаціонные планы и т. д., и т. д. Все это мы понимали хорошо, но намъ офицерамъ, воспитаннымъ въ традиціяхъ товарищества и вѣрности дружбѣ, стать сразу на точку холоднаго разума и начать убѣждать человѣка, чтобы онъ, ради пользы дѣла, забылъ все самое интимно-дорогое и шелъ на измѣну, было тяжело и трудно. Нашъ не военный начальникъ не могъ этого понять. Да мы и не говорили много съ нимъ объ этомъ. Но между собою мы, офицеры, подолгу бесѣдовали на эту тему. Въ насъ шла борьба.

Въ результатѣ государственная точка зрѣнія побѣдила. Мы сдѣлались сознательными офицерами розыска, смотрѣвшими на него, какъ на очень тяжелое, непріятное, щепетильное, но необходимое для государства дѣло. Впрочемъ, жизнь, какъ увидѣли мы позже, очень упрощала нашу задачу. Переубѣждать и уговаривать приходилось рѣдко: предложенія услугъ было больше, чѣмъ спросу...

Послѣ революціи, одинъ очень почтенный старикъ революціонеръ, работавшій по разборкѣ дѣлъ Департамента полиціи, разсказывалъ мнѣ, что правительство Керенскаго имѣло намѣреніе опубликовать списки всѣхъ сотрудниковъ департамента. Но когда стали подготовлять работу, то число ихъ, за все время существованія департамента (число лишь зарегистрированныхъ у департамента), дошло до цифры десять тысячъ. Мысль объ опубликованіи оставили. Я не думаю, чтобы разсказчикъ говорилъ неправду. Не въ его интересахъ было обзывать такое количество революціонеровъ и общественниковъ, какъ онъ выражался, провокаторами...

Правой рукой Зубатова былъ Евстратій Павловичъ Мѣдниковъ, человѣкъ въ то время лѣтъ 50-ти. Онъ завѣдовалъ агентами наружнаго наблюденія или филерами, которые, наблюдая на улицахъ за данными имъ лицами, выясняли наружно, что тѣ дѣлали, съ кѣмъ встрѣчались и какія мѣста посѣщали. Наружное наблюденіе развивало данныя внутренней агентуры.

Мѣдниковъ былъ простой, малограмотный человѣкъ, старообрядецъ, служившій раньше полицейскимъ надзирателемъ. Природный умъ, сметка, хитрость, трудоспособность и настойчивость выдвинули его. Онъ понялъ филерство какъ подрядъ на работу, прошелъ его горбомъ и скоро сдѣлался нарядчикомъ, инструкторомъ и контролеромъ. Онъ создалъ въ этомъ дѣлѣ свою школу — Мѣдниковскую, или, какъ говорили тогда, «Евстраткину» школу. Свой для филеровъ, которые въ большинствѣ были изъ солдатъ уже и тогда, онъ зналъ и понималъ ихъ хорошо, умѣлъ разговаривать, ладить и управляться съ ними.

Двѣнадцать часовъ ночи. Огромная низкая комната съ большимъ дубовымъ столомъ по-серединѣ полна филеровъ. Молодые, пожилые и старые, съ обвѣтренными лицами, они стоятъ кругомъ по стѣнамъ въ обычной позѣ — разставивъ ноги и заложивъ руки назадъ.

Каждый по очереди докладываетъ Мѣдникову данныя наблюденія и подаетъ затѣмъ записку, гдѣ все сказанное отмѣчено по часамъ и минутамъ, съ помѣткой израсходованныхъ по службѣ денегъ

— «А что-же Волкъ?» — спрашиваетъ Мѣдниковъ одного изъ филеровъ.

— «Волкъ, Евстратій Павловичъ, — отвѣчаетъ тотъ, — очень остороженъ. Выходъ провѣряетъ, заходя куда либо, также провѣрку дѣлаетъ и опять-таки и на поворотахъ и за углами, тоже иногда. Тертый.»

— «Заклепка, — докладываетъ другой, — какъ заяцъ бѣгаетъ, ничего не видитъ, никакой конспираціи, совсѣмъ глупый...»

Мѣдниковъ внимательно выслушиваетъ доклады про всѣхъ этихъ Заклепокъ, Волковъ, Умныхъ, Быстрыхъ и Галокъ, такъ по кличкамъ назывались всѣ проходившіе по наблюденію. Онъ дѣлаетъ заключенія, то одобрительно киваетъ головой, то выказываетъ недовольство.

Но вотъ онъ подошелъ къ филеру, любящему, повидимому, выпить. Видъ у того сконфуженный; молчитъ, точно чувствуетъ, что провинился.

— «Ну что-же, докладывай!» — говоритъ иронически Мѣдниковъ.

Путаясь и заикаясь, начинаетъ филеръ объяснять, какъ онъ наблюдалъ съ другимъ филеромъ Аксеновымъ за «Куликомъ», какъ Куликъ зашелъ на Козихинскій пер., домъ № 3, да такъ и не вышелъ оттуда, не дождались его.

— «Такъ таки и не вышелъ», — продолжаетъ иронизировать Мѣдниковъ, — «Не вышелъ, Евстратій Павловичъ». — «А долго ты ждалъ его?». — «Долго, Евстратій Павловичъ». — «А до какихъ поръ?» — «До 11-ти, Евстратій Павловичъ».

Тутъ Мѣдниковъ уже не выдерживаетъ больше. Онъ уже знаетъ отъ старшаго, что филеры ушли съ поста въ пивную около 7-ми часовъ, не дождавшись выхода наблюдаемаго, почему онъ и не былъ проведенъ дальше. А у Кулика должно было состояться вечеромъ интересное свиданіе съ «пріѣзжимъ» въ Москву революціонеромъ, котораго надо было установить. Теперь этотъ неизвѣстный «пріѣзжій» упущенъ.

Побагровѣвъ, Мѣдниковъ сгребаетъ рукой физіономію филера и начинаетъ спокойно давать зуботычины. Тотъ только мычитъ и, высвободившись, наконецъ, головой, всхлипываетъ: — «Евстратій Павловичъ, простите, виноватъ». — «Виноватъ, мерзавецъ, такъ и говори, что виноватъ, говори прямо, а не ври! Молодъ ты, чтобъ мнѣ врать. Понялъ: мо-лодъ ты», — съ разстановкой отчеканилъ Мѣдниковъ. — «Дурррракъ!» — и ткнувъ еще разъ, больше для виду. Мѣдниковъ, уже овладѣвшій собою, говоритъ спокойно: — «По пятеркѣ штрафу обоимъ. А на слѣдующій разъ вонъ; прямо вонъ, не ври! На нашей службѣ врать нельзя. Не додѣлалъ — винись, кайся, а не ври, дурррракъ!..»

Эта расправа по-свойски; своя Евстраткина система. То, что происходило въ филерской, знали только филеры да Мѣдниковъ. Тамъ и награды, и наказанія, и прибавки жалованья, и штрафы, тамъ и расходныя, т. е. уплата того, что израсходовано по службѣ, что трудно учесть и что всецѣло зависитъ отъ Мѣдникова.

Просмотрѣвъ расходъ, Мѣдниковъ произносилъ обычно: — «Ладно, хорошо». Найдя-же въ счетѣ преувеличенія, говорилъ спокойно: — «Скидай полтинникъ; больно дорого платишь извощику, скидай!». И филеръ «скидалъ», зная, что, во первыхъ, Евстратій Павловичъ правъ, а во вторыхъ, все равно всякіе споры безполезны.

Кромѣ своихъ филеровъ, при Московскомъ отдѣленіи былъ еще летучій филерскій отрядъ Департамента полиціи, которымъ также вѣдалъ Мѣдниковъ. Этотъ отрядъ разъѣзжалъ по Россіи, разрабатывая агентурныя свѣдѣнія Зубатова или департамента, работая, какъ-бы подъ фирмой послѣдняго. По дѣловитости, опытности и серьезности филеровъ, которые въ большинствѣ брались изъ московскихъ филеровъ, летучій отрядъ былъ отличнымъ наблюдательнымъ аппаратомъ, не уступавшимъ по умѣнію приспособляться къ обстоятельствамъ, по подвижности и конспираціи, профессіональнымъ революціонерамъ.

То была старая Мѣдниковская школа. Лучше его филеровъ не было, хотя выпивали они здорово, и для всякаго посторонняго взгляда казались недисциплинированными и непріятными. Они признавали только Мѣдникова. Мѣдниковскій фи-

леръ могъ пролежать въ бакѣ надъ ванной, какъ понадобилось однажды, цѣлый вечеръ; онъ могъ долгими часами выжидать на жуткомъ морозѣ наблюдаемаго съ тѣмъ, чтобы провести его затѣмъ домой и установить, гдѣ онъ живетъ; онъ могъ безъ багажа вскочить въ поѣздъ за наблюдаемымъ и уѣхать внезапно, часто безъ денегъ, за тысячи верстъ; онъ попадалъ и за-границу, не зная языковъ, и умѣлъ вывертываться.

Его филеръ стоялъ извощикомъ такъ, что самый опытный профессіональный революціонеръ не могъ-бы признать въ немъ агента. Умѣлъ онъ изображать изъ себя и торговца спичками, и вообще лотошника. При надобности могъ прикинуться онъ и дурачкомъ и поговорить съ наблюдаемымъ, якобы проваливая себя и свое начальство. Когда-же служба требовала, онъ съ полнымъ самоотверженіемъ продолжалъ наблюденіе даже за боевикомъ, зная, что рискуетъ при провалѣ получить на окраинѣ города пулю браунинга или ударъ ножа, что и случалось.

Единственно, чего не было у Мѣдниковскаго филера, это сознанія собственнаго профессіональнаго достоинства. Онъ былъ отличный спеціалистъ ремесленникъ, но не былъ проникнутъ тѣмъ, что въ его профессіи не было ничего зазорнаго. Этого Мѣдниковъ имъ привить не могъ, его не хватало на это. Въ этомъ отношеніи провинціальные жандармскіе унтеръ-офицеры, ходившіе въ штатскомъ и исполнявшіе обязанности филеровъ, стояли много выше, понимая свое дѣло какъ государственную службу. Позже и штатскіе филеры, подчиненные жандармскимъ офицерамъ, воспитывались именно въ этомъ новомъ направленіи, что облагораживало ихъ службу и много помогало дѣлу.

Во всѣхъ раскрытіяхъ отдѣленія, роль наружнаго наблюденія была очень велика, благодаря чему, главнымъ образомъ, Мѣдниковъ и слѣлался самымъ близкимъ довѣреннымъ лицомъ Зубатова. У близкой Мѣдникову женщины была главная конспиративная квартира Зубатова, гдѣ жилъ и самъ Мѣдниковъ, гдѣ происходили и свиданія съ нѣкоторыми сотрудниками и съ другими лицами по дѣламъ розыска. Зналъ онъ и оберегалъ и другія мѣста, гдѣ происходили свиданія Зубатова и другихъ чиновъ отдѣленія, если они допускались къ этому дѣлу. Допускался же далеко не каждый, т. к. агентура, эта святая святыхъ отдѣленія, бережно охранялась отъ всякаго не только посторонняго, но и своего отдѣленскаго взгляда.

Въ вѣдѣніи Мѣдникова находился и извощичій филерскій дворъ, гдѣ было нѣсколько выѣздовъ, ничѣмъ не отличавшихся наружно отъ обыкновенныхъ Ванекъ. Комбинація коннаго наблюденія съ пѣшимъ приносила большую пользу при наблюденіи.

У Мѣдникова на рукахъ была и касса. Зубатовъ былъ безсребренникомъ въ полномъ смыслѣ слова, то былъ идеалистъ своего дѣла; Мѣдниковъ-же — сама реальность, сама жизнь. Всѣ расчеты у него. Работая за десятерыхъ и проводя нерѣдко ночь въ отдѣленіи на кожаномъ диванѣ, онъ въ то же время не упускалъ своихъ частныхъ интересовъ. Подъ Москвой у него было «имѣньице съ бычками, коровками и уточками, былъ и домикъ», было все. Рабочія руки были даровыя, дѣлай, что хочешь, свой человѣкъ — жена, хорошая простая женщина, вела хозяйство.

Пріѣхавши въ Москву, я засталъ Мѣдникова уже старшимъ чиновникомъ для порученій, съ Владиміромъ въ петлицѣ, который въ то время давалъ права потомственнаго дворянства. Онъ уже выправилъ тогда всѣ документы на дворянство, имѣлъ грамоту и занимался составленіемъ себѣ герба; на немъ фигурировала пчела, какъ символъ трудолюбія, были и снопы.

Эти два человѣка, Зубатовъ и Мѣдниковъ, составляли нѣчто единое, самую суть московскаго отдѣленія, его главный рычагъ.

Были въ отдѣленіи три жандармскихъ офицера, были чиновники и полицейскіе надзиратели. Всѣ служили, работали, и результаты ихъ работы, какими-бы они путями ни восходили къ начальству, обязательно попадали сперва къ Мѣдникову и получали отъ него оцѣнку, а въ зависимости отъ того и направленіе.

Имѣлся въ отдѣленіи свой хорошій фотографъ и расшифровщикъ секретныхъ писемъ, а также и свой ученый еврей, который зналъ все по еврейству, что являлось при работѣ въ чертѣ осѣдлости большимъ подспорьемъ.

Была, наконецъ, и еще одна фигура, прогремѣвшая позже въ революціонномъ мірѣ, чиновникъ для порученій Л. П. Меньщиковъ, когда-то, какъ говорили, участникъ одной изъ революціонныхъ организацій, попавшій затѣмъ въ отдѣленіе и сдѣлавшій въ немъ, а послѣ и въ Департаментѣ полиціи большую чиновничью карьеру.

Угрюмый, молчаливый, корректный, всегда холодно вѣжливый, солидный блондинъ въ золотыхъ очкахъ и съ маленькой бородкой, Меньщиковъ былъ рѣдкій работникъ. Онъ держался особнякомъ. Онъ часто бывалъ въ командировкахъ, будучи же дома «сидѣлъ на перлюстраціи», т. е. писалъ въ Департаментъ полиціи отвѣты на его бумаги по выясненіямъ различныхъ перлюстрованныхъ писемъ. Писалъ также и вообще доклады департаменту по даннымъ внутренней агентуры.

Это считалось очень секретной частью, тѣсно примыкавшей къ агентурѣ, и насъ, офицеровъ, къ ней не подпускали, оставляя ее въ рукахъ чиновниковъ. Меньщиковское бюро краснаго дерева внушало намъ особое къ нему почтеніе. И когда однажды, очевидно по приказанію начальства, Меньщиковъ, очень хорошо относившійся ко мнѣ, уѣзжая въ командировку, передалъ мнѣ ключъ отъ своего бюро и нѣсколько бумагъ для отвѣтовъ департаменту, это произвело въ отдѣленіи нѣкоторую сенсацію. Меня стали поздравлять.

Меньщиковъ зналъ революціонную среду, и его сводки про революціонныхъ дѣятелей являлись исчерпывающими. За нимъ числилось одно большое дѣло. Говорили, что въ тѣ годы департаментъ овладѣлъ разъ явками и всѣми данными, съ которыми нѣкій заграничный представитель одной изъ революціонныхъ организацій долженъ былъ объѣхать рядъ городовъ и дать своимъ группамъ соотвѣтствующія указанія. Меньщикову были даны добытыя свѣдѣнія и, вооружившись ими, онъ въ качествѣ делегата объѣхалъ по явкамъ всѣ нужные пункты, повидался съ представителями мѣстныхъ группъ и произвелъ начальническую ревизію. Иными словами успѣшно разыгралъ революціоннаго Хлестакова, и въ результатѣ вся организація подверглась разгрому.

Меньщиковъ получилъ за то внѣ очереди хорошій орденъ. Позже, взятый въ Петербургъ, въ департаментъ, прослужившій много лѣтъ на государственной службѣ, принесшій несомнѣнно большую пользу правительству, онъ былъ уволенъ со службы директоромъ Департамента полиціи Трусевичемъ. Тогда Меньщиковъ вновь сталъ на сторону революціи и, находясь за границей, началъ опубликовывать тѣ секреты, которые зналъ. Вотъ результатъ быстрыхъ мѣропріятій шустраго директора.

Пріемъ въ разыскныя учрежденія лицъ, состоявшихъ ранѣе въ революціонныхъ организаціяхъ, являлся конечно недопустимымъ. Слишкомъ развращающе дѣйствовала подпольная революціонная среда на своихъ членовъ своею безпринципностью, бездѣльемъ, болтовнею и узко-партійностью, чтобы изъ нея могъ выйти порядочный чиновникъ. Онъ являлся или скернымъ работникомъ, или предателемъ интересовъ государства во имя партійности и революціи. Были конечно исключенія, но они являлись именно исключеніями.

Но разъ правительство это допускало, то исправленіе ошибки такимъ хирургическимъ способомъ, къ которому прибѣгалъ Трусевичъ, приносило лишь новый вредъ тому же правительству.

Перлюстрація писемъ членовъ революціонныхъ организацій была однимъ изъ источниковъ освѣдомленія о томъ, что въ ихъ средѣ дѣлается.

Перлюстрація практикуется издавна въ правительствахъ всего міра. Издавна прибѣгали къ ней и въ Россіи. Еще при Елизаветѣ Петровнѣ, лѣтомъ 1744 года, тогдашній канцлеръ Бестужевъ, желая раскрыть императрицѣ глаза на интриговавшаго при нашемъ дворѣ французскаго посла маркиза Де-ля-Шетарди, доложилъ государынѣ рядъ перлюстрованныхъ донесеній маркиза, въ которыхъ тотъ сообщалъ въ Версаль разныя сплетни и дѣйствовалъ безусловно во вредъ Россіи.

Императрица вознегодовала, и 12-го Іюня маркизу были предъявлены его перлюстрированныя депеши и онъ былъ высланъ изъ Москвы фактически въ 24 часа и, въ сопровожденіи офицера и галоппировавшаго вокругъ экипажа отряда драгунъ, былъ выпровоженъ за предѣлы Имперіи.

По вступленіи на престолъ Николая Павловича, въ поданной Государю запискѣ объ образованіи Корпуса жандармовъ, графъ Бенкендорфъ называетъ перлюстрацію «контръ-полиціей» и говоритъ о ней слѣдующее:

«Перлюстрація корреспонденціи уже есть контръ-полиція и наилучшая по своимъ несомнѣннымъ средствамъ, которыя охватываютъ все пространство Имперіи. Для этого надо имѣть въ нѣкоторыхъ только пунктахъ начальниковъ почтовыхъ бюро испытанной честности и усердія: какъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Волынѣ, Ригѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Казани и Тобольскѣ».

Послѣ убійства Царя-Освободителя состоялось Высочайшее повеленіе Императора Александра III-го, данное министру внутреннихъ дѣлъ особымъ указомъ о разрѣшеніи ему, въ цѣляхъ высшей государственной охраны, вскрывать частную корреспонденцію помимо порядка, установленнаго Судебными Уставами.

Такъ какъ почта и телеграфъ были подчинены министру внутреннихъ дѣлъ, то на центральной станціи въ Петербургѣ и была организована перлюстрація нѣкоторой корреспонденціи, или, какъ говорила публика — черный кабинетъ.

До самой революціи 1917 года перлюстраціей вѣдалъ одинъ и тотъ же чиновникъ, состарившійся на своемъ дѣлѣ и дошедшій до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Его знали лишь министръ, директоръ Департамента полиціи и очень немногіе близкія имъ лица.

Въ послѣдніе годы бывало такъ. Какъ только назначался новый министръ внутреннихъ дѣлъ, въ тотъ же день къ нему являлся старичокъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Мардаріевъ и, представившись, подавалъ министру съ таинственнымъ видомъ большой съ тремя печатями пакетъ съ надписью «совершенно секретно», прося вскрыть.

Министръ вскрывалъ. То былъ Высочайшій указъ Александра III-го на право перлюстраціи. Происходилъ краткій обмѣнъ мыслей. Чиновникъ почтительно просилъ вновь запечатать пакетъ. Министръ вкладывалъ указъ въ тотъ же пакетъ, запечатывалъ поданнымъ ему чиновникомъ сургучомъ и печатью и возвращалъ старичку. Старичокъ почтительно раскланивался и тихо удалялся. Онъ продолжалъ хранить пакетъ въ глубочайшей тайнѣ до новаго министра, къ которому являлся съ той же процедурой. Такъ дожилъ онъ до революціи...

Въ черномъ кабинетѣ письма вскрывались по адресамъ, или по наружнымъ признакамъ, а частью на ощупь, какъ, напримѣръ, письма, присланныя изъ за границы съ нелегальной литературой.

Скопированныя, а нѣкоторыя въ подлинномъ видѣ, письма отсылались министру внутреннихъ дѣлъ, гдѣ часть ихъ поступала въ его личное распоряженіе, какъ напримѣръ письма сановниковъ и лицъ, окружающихъ Государя, часть же передавалась въ Департаментъ полиціи. Тамъ вѣдалъ перлюстраціей спеціализировавшійся на томъ особый чиновникъ.

Письма участниковъ революціоннаго движенія подвергались дѣйствіямъ различныхъ кислотъ въ цѣляхъ проявленія секретнаго текста, расшифровывались, копировались и отсылались мѣстнымъ розыскнымъ органамъ для выясненія и дальнѣйшихъ по нимъ мѣропріятій. Данныя перлюстраціи служили только для розыска, какъ добытыя «негласнымъ путемъ», и использованію на дознаніяхъ не подвергались.

Въ послѣдніе годы распоряженіями министровъ внутреннихъ дѣлъ перлюстрація была заведена и еще въ нѣсколькихъ пунктахъ имперіи, чѣмъ также вѣдали чины почтоваго вѣдомства. Корпусъ жандармовъ перлюстраціей никогда не занимался; эта обязанность на немъ не лежала, если же гдѣ либо въ провинціи это дѣлалось, то лишь по собственной иниціативѣ и скрытно отъ начальства.

Агентурныя свѣдѣнія, данныя наружнаго наблюденія и перлюстрація являлись тремя главными источниками освѣдомленія политической полиціи. Послѣ обысковъ и арестовъ свѣдѣнія эти пополнялись ихъ результатами и показаніями арестованныхъ. Путемъ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ, путемъ дополнительныхъ установокъ и выясненій, воспроизводилась полная картина работы отдѣльныхъ революціонныхъ дѣятелей и ихъ организацій.

Этой работой въ отдѣленіи занимались мы, офицеры, бывшіе тамъ на роляхъ слѣдователей и производившіе разслѣдованія въ порядкѣ охраны, безъ участія прокурорскаго надзора, которыя и разрѣшались административнымъ порядкомъ. Дѣла, по которымъ можно было приступить къ формальнымъ дознаніямъ, передавались въ губернское жандармское управленіе со всѣми арестованными.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Арестъ Толстовцевъ. — Неприкосновенность Льва Толстого. — Его непопулярность. — Толстой и Синодъ. — Письмо Толстого: „Къ Царю и его помощникамъ." — Борьба съ соціалъ-демократами по западнымъ губерніямъ. — Успѣхи соціалъ-демократическаго движенія. — Борьба съ соціалистами-революціонерами. — Томская типографія и ея арестъ. — Командировка въ Томскъ. — Конфликтъ съ прокуратурой. — Дознаніе и разслѣдованіе по охранѣ. — Обвиняемые и ихъ манера держаться. — Откровенное показаніе. — Обратный путь въ Москву. — Конецъ дознанія. — Судьба привлеченныхъ. — Образованіе партіи соціалистовъ-революціонеровъ. — Бездѣйствіе Департамента полиціи.

Недѣли черезъ двѣ послѣ моего пріѣзда отдѣленіе арестовало группу интеллигентовъ, занимавшихся печатаніемъ на гектографѣ и распространеніемъ запрещенныхъ цензурою произведеній Льва Толстого. Производство разслѣдованія поручили мнѣ. Ознакомившись съ найденными при обыскѣ вещественными доказательствами, я началъ допросы. Арестованные были люди не первой молодости, серьезные, очень увлекавшіеся ученіемъ Толстого. Общее впечатлѣніе было то, что они очень хорошіе всѣ люди. Занимались они печатаніемъ нѣкоторыхъ главъ «Воскресенья» и «Евангелія».

Съ перваго же допроса привлеченные стали было отказываться давать какія либо показанія, какъ это поучали, но сами мало выполняли, представители революціонныхъ партій. Пришлось спорить. Какіе же Вы толстовцы и гдѣ же Ваше непро-

тивленіе злу, гдѣ же Ваша идейность, если при первомъ же столкновеніи съ ненавистной для Васъ властью, Вы прячетесь и боитесь исповѣдывать Вашу вѣру? Спорили мы немного. Всѣ привлеченные толстовцы дали полное и откровенное показаніе, и картина получилась поучительная.

Группа толстовцевъ, увлекающаяся своимъ учителемъ и его твореніями, убиваетъ все свободное время на перепечатываніе его запрещенныхъ произведеній и думаетъ распространять ихъ среди такихъ же поклонниковъ геніальнаго писателя. Работаютъ съ рискомъ ареста и дѣйствительно попадаютъ въ тюрьму. Но гдѣ же источникъ того, за что они терпятъ кару? Источникъ, какъ выясняется разслѣдованіемъ, самъ графъ Толстой и его Ясная Поляна. Туда ѣздилъ одинъ изъ арестованныхъ и тамъ получалъ онъ запрещенныя изданія, причемъ бралъ ихъ, не скрывая, что будетъ перепечатывать, и Левъ Толстой то зналъ. Логика и законъ требовали возбужденія дознанія противъ самого Толстого и привлеченія его, какъ главнаго виновника по настоящему дѣлу, но на Толстомъ былъ запретъ и его трогать было нельзя никому. Всѣ мы въ отдѣленіи слышали не разъ, что существуетъ Высочайшее повелѣніе, дабы графа Льва Николаевича Толстого не трогать ни въ коемъ случаѣ. Левъ Толстой находился подъ защитой Его Величества.

Я сталъ доказывать начальству, что при данномъ положеніи, дѣло слѣдуетъ прекратить, т. к. преслѣдовать арестованныхъ при непривлеченіи главнаго виновника является абсурднымъ и несправедливымъ. Въ городѣ уже шли хлопоты передъ оберъ-полицмейстеромъ объ арестованныхъ, и скоро ихъ разрѣшили освободить, но они все таки понесли наказаніе въ административномъ порядкѣ.

Надо сказать, что въ Москвѣ мы не замѣчали видимаго вреда отъ ученія Льва Толстого. У него, конечно, были поклонники, но масса не шла за нимъ. За три весьма интересныхъ по начавшемуся общественному подъему года службы въ Москвѣ, присутствіе Толстого совершенно не безпокоило отдѣленіе, что являлось лучшимъ доказательствомъ, что онъ былъ тогда безвреденъ политически.

Посланіе Синода объ отлученіи Толстого въ 1901 году пришло въ Москву во время уличныхъ безпорядковъ, и 25-го Февраля самъ Толстой попалъ случайно въ толпу безпорядочниковъ на Лубянской площади. Казалось бы, вотъ моментъ выразить пострадавшему писателю сочувствіе, симпатію и использовать удобный моментъ противъ правительства. Однако, этого не случилось. Настроеніе толпы было столь двойственно, что если нѣкоторые и выражали свою симпатію Толстому, то другіе не скрывали своей вражды и ненависти. Толстой поспѣшилъ сѣсть со своимъ спутникомъ на извозчика и уѣхалъ.

Позже въ своемъ отвѣтѣ Синоду онъ упомянулъ о томъ случаѣ въ слѣдующихъ словахъ: — «Самый день 25 Февраля, когда было опубликовано постановленіе, я, проходя по площади, слышалъ слова: «Вотъ дьяволъ въ образѣ человѣка — и если бы толпа была иначе составлена, очень можетъ быть, что меня бы избили». Такъ говоритъ самъ Толстой.

Вообще толпа относилась къ нему отрицательно, онъ не былъ ея вождемъ, имъ увлекались только отдѣльныя лица и группы изъ интеллигенціи. Не увлекалась имъ въ массѣ и молодежь. Ея кумиромъ былъ тогда босяцкій пѣвецъ Максимъ Горькій, восхищавшій всѣхъ своимъ «Дномъ» и его «Героями».

И потому посланіе Синода объ отлученіи Толстого многихъ удивило. Его не понимали. Зачѣмъ это было сдѣлано? Изъ писателя философа, котораго въ массѣ больше порицали, чѣмъ хвалили, сдѣлали жертву. Толстому стали присылать сочувственныя письма, телеграммы и адреса, и паломничество къ нему возросло въ значительной степени.

Отлученіе побудило Толстого послать отвѣтъ на него, въ которомъ онъ, признавъ, что отрекся отъ православной церкви, что отвергаетъ Святую Троицу и всѣ Таинства, говоритъ:

— «Бога же Духа, Бога — любовь, единаго Бога — Начало всего, не только не отвергаю, но ничего не признаю дѣйствительно существующимъ, кромѣ Бога, и весь смыслъ жизни вижу только въ исполненіи воли Бога, выраженной въ христіанскомъ ученіи». Быстро попалъ этотъ отвѣтъ, конечно, и въ отдѣленіе.

Вскорѣ появилось второе новое произведеніе Толстого: его письмо «Къ Царю и его помощникамъ», написанное по поводу происходившихъ тогда (1901 г.) безпорядковъ, виновниками которыхъ Толстой считалъ «правителей», не хотѣвшихъ, по его мнѣнію, видѣть ничего кромѣ своего спокойствія въ настоящую минуту. Онъ писалъ между прочимъ:

«..... Для того, чтобы люди перестали волноваться и нападать на Васъ, такъ мало нужно... сдѣлать нужно только слѣдующее: во 1-хъ уравнять крестьянъ во всѣхъ ихъ правахъ съ другими гражданами... во 2-хъ — нужно перестать примѣнять такъ называемыя правила усиленной охраны... въ 3-хъ, нужно уничтожить всѣ преграды къ образованію, воспитанію и преподаванію. Наконецъ, въ 4-хъ, и самое важное, нужно уничтожить всѣ стѣсненія религіозной свободы ...

Развивши каждое изъ этихъ требованій, Толстой обращался къ Царю и всѣмъ имѣющимъ власть съ такими словами: — «Помогите же улучшить положеніе этого большинства и въ самомъ главномъ: въ его свободѣ и просвѣщеніи. Только тогда и Ваше положеніе будетъ спокойно и истинно хорошо. Писалъ это Левъ Толстой и писавши старался изложить не свое мнѣніе, а мнѣніе лучшихъ многихъ, безкорыстныхъ, разумныхъ и добрыхъ людей, желающихъ того же».

Обращеніе это прошло въ публикѣ незамѣченнымъ. Не разрекламируй въ то время Толстого Святѣйшій Синодъ, Толстой, какъ учитель жизни, продолжалъ бы оставаться спокойно въ сторонѣ и въ тѣни, что конечно не относится къ нему какъ къ геніальному писателю-художнику, гордости Россіи.

Дознаніе о Толстовцахъ дало основаніе начальству считать, что я могу успѣшно производить разслѣдованія и получать откровенныя показанія, что считалось весьма существеннымъ, и меня стали посылать въ командировки по тѣмъ пунктамъ, гдѣ работало отдѣленіе. Работа же его велась въ то время по городамъ Сѣверо-Западнаго края, а также въ Минскѣ, Екатеринославѣ, Тамбовѣ и еще по нѣсколькимъ пунктамъ.

Съ Запада шла волна сорганизованнаго соціалъ-демократическаго движенія. Такъ въ Литвѣ, въ 1897 году, возникъ «Всеобщій еврейскій рабочій союзъ въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи», или «Бундъ», объединившій всѣ еврейскія соціалъ-демократическія группы. То была крѣпкая, хорошо законспирированная революціонная организація, спаянная еврейскимъ фанатизмомъ, жаргономъ и ненавистью къ русскому правительству. Ея центральный органъ «Арбейтерсштимме» издавался на жаргонѣ, и на жаргонѣ же выходила вся агитаціонная литература. Оттуда шла и новая тактика «агитаціи» для всей русской соціалъ-демократіи, обоснованная въ брошюрѣ Цедербаума и открывшая новый періодъ въ исторіи соціалъ-демократическаго движенія въ Россіи. Тамъ же въ Минскѣ, въ 1898 году состоялся съѣздъ, на которомъ была образована «Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія».

Было ясно, что Департаментъ полиціи прозѣвалъ новое революціонное дви-

женіе. Департаментъ схватился за московское отдѣленіе съ его летучимъ стрядомъ, и оно начало работать по западнымъ губерніямъ. По нѣкоторымъ агентурнымъ даннымъ началась работа филеровъ по Ковно, Гродно, Минску, Бѣлостоку и нѣкоторымъ еще пунктамъ. По результатамъ наблюденій начались массовые аресты, для производства которыхъ посылались офицеры и чиновники изъ Москвы, осуществлявшіе ихъ вмѣстѣ съ мѣстными жандармскими управленіями. Цѣлыми вагонами возили арестованныхъ въ Москву, гдѣ и производились разслѣдованія. Шли допросы и по нимъ производились новые аресты. Результаты обысковъ, въ общемъ, были недостаточно хороши. Бундовцы вели себя весьма конспиративно и осторожно. Рѣдко, рѣдко находили одну нелегальную брошюру или прокламацію; найти какую либо рукопись, письмо, замѣтку конспиративнаго характера было почти невозможно. Но, правда, въ Вильнѣ арестовали типографію, взяли и большой транспортъ литературы, а кое гдѣ взяли и небольшія библіотечки.

Держались бундовцы на допросахъ, съ революціонной точки зрѣнія, хорошо, говорили мало, но далеко не всѣ: — были и словоохотливые. При допросахъ шло привлеченіе сотрудниковъ, которыхъ такъ недоставало по западу, и агентура была навербована. Многіе сотрудники были переданы мѣстнымъ жандармамъ, болѣе же серьезные остались за Зубатовымъ.

Все болѣе значительное и серьезное по работѣ было сослано административнымъ порядкомъ въ Сибирь, часть же была освобождена по невиновности или для надобностей агентуры, или чтобы замаскировать нѣкоторыя освобожденія послѣдней категоріи. Много арестованныхъ, если и не пошли сотрудничать, то были распропагандированы Зубатовымъ, оторваны отъ соціалъ-демократіи, ушли изъ ея рядовъ и рѣшили посвятить себя легальной работѣ среди еврейства и бороться съ «Бундомъ». Такъ была создана организація минскихъ «независимыхъ», очень взволновавшая революціонные круги. Тогда выдвинулась энергичная поборница несоціалистическаго рабочаго движенія, еврейка Вильбушевичъ, очерненная соціалистами. Она никогда не была сотрудницей ни отдѣленія, ни Зубатова. Тогда же отошла отъ «Бунда» и пошла въ легализацію группа молодыхъ еврейскихъ писателей, во главѣ съ Волинымъ, изъ которыхъ вышли фанатичные поклонники Зубатова. Зубатовъ внесъ тогда большой расколъ въ еврейское соціалъ-демократическое движеніе, но задушить работу «Бунда» изъ Москвы не удалось.

Увлеченіе марксизмомъ было въ то время повальною болѣзнью русской интеллигенціи, развившейся еще въ 90-хъ годахъ. Профессура, пресса, молодежь — все поклонялось модному богу — Марксу. Марксизмъ съ его соціалъ-демократіей считался тѣмъ, что избавитъ не только Россію, но и весь міръ отъ всѣхъ золъ и несправедливостей и принесетъ царство правды, мира, счастья и довольства. Марксомъ зачитывались всѣ, хотя не всѣ понимали его. Студенческія комнатки и углы украшались портретами «великаго учителя», а также Энгельса, Бебеля и Либкнехта.

Само правительство еще такъ недавно покровительствовало марксизму, давая субсидіи черезъ своего сотрудника на изданіе марксистскаго журнала. Оно видѣло въ немъ противовѣсъ страшному терроромъ народовольчеству. Грамотные люди, читая про диктатуру пролетаріата Маркса, не видѣли въ ней террора и упускали изъ виду, что диктатура невозможна безъ террора, что терроръ цѣлаго класса неизмѣримо ужаснѣе террора группы бомбистовъ. Читали и не понимали, или не хотѣли понимать того, что значилось чернымъ по бѣлому.

А легальный марксизмъ питалъ идейно подпольную работу соціалъ-демократовъ «Бунда» и «Россійской» партіи и очень облегчалъ имъ ихъ задачу пропаганды и стало быть содѣйствовалъ ихъ успѣху.

Непониманіе нарождающагося врага во всемъ его значеніи со стороны центральнаго правительства не могло не отразиться и на мѣстахъ. Жандармскія управленія не знали новаго движенія, а слѣдовательно, не могли и бороться съ нимъ, да къ тому же они и не имѣли на то средствъ. Кредитъ того времени на розыскъ, или на т. н. агентурные расходы, былъ малъ до смѣшного.

При такихъ обстоятельствахъ Московскому охранному отдѣленію было трудно справиться одному, и оно, нанеся «Бунду» большой вредъ, работы его всетаки не прекратило. Но польза тогдашняго похода Москвы на Западъ всетаки была громадна. Она заключалась въ томъ, что Департаменту полиціи было воочію доказано полнѣйшее отсутствіе освѣдомленности о новомъ движеніи у мѣстныхъ органовъ и полнѣйшая неприспособленность ихъ къ борьбѣ съ нимъ.

Между тѣмъ въ Декабрѣ 1900 года появился первый номеръ «Искры», центральнаго органа соціалъ-демократіи. Однимъ изъ основателей его былъ Ульяновъ-Ленинъ, а деньги на изданіе первыхъ номеровъ далъ сынъ члена Государственнаго Совѣта камеръ-юнкеръ Сабуровъ. Трогательное единеніе побывавшаго въ Сибири эмигранта-демагога съ украшеннымъ придворнымъ мундиромъ современнымъ политическимъ Митрофанушкой.

Слухи о томъ, что деньги даны кѣмъ то изъ служилаго сословія, породили сплетню, что ихъ далъ Витте, будущій графъ. И многіе тому вѣрили, т. к. Витте уже и тогда считали способнымъ на разные эксперименты.

«Ближайшей политической задачей русской рабочей партіи — писала «Искра» въ № 1-мъ — должно быть ниспроверженіе Самодержавія, завоеваніе политической свободы... Содѣйствовать политическому развитію и политической организаціи рабочаго класса — наша главная и основная задача» («Насущныя задачи»).

Появленіе «Искры» и ея полныя революціоннаго огня и задора статьи какъ бы открыли глаза правительству, и оно прозрѣло наконецъ весь вредъ марксизма, сѣявшаго классовую рознь и гражданскую войну, пропагандировавшаго царство хама и босяка подъ именемъ диктатуры пролетаріата. И правительство начало борьбу съ соціалъ-демократами болѣе рѣшительными мѣрами. Но въ этой борьбѣ русское общество ему не помогало. Русская профессура, за малымъ исключеніемъ, и русская пресса, и вообще русская интеллигенція или продолжали низко кланяться своему идолу, или молчали. Изобличеніе безнравственности марксизма, какъ теоріи, доказательствомъ вреда и непріемлемости коммунизма къ государственной жизни страны никто не занимался. Между тѣмъ всѣ извѣстные нынѣ тезисы коммунизма были уже и тогда налицо и были переведены на русскій языкъ. Ничего новаго въ дальнѣйшіе годы ни Ленинъ, ни его сторонники не сказали. Вся идеологія большевизма, захлестнувшаго спустя двадцать лѣтъ Россію кровавой волной, была налицо и въ то время. Передовое общество не только не боролось съ нею, но и преклонялось передъ ней.

* * *

Широко пошло организаціонное строительство въ тѣ годы и у соціалистовъ-революціонеровъ. «Рабочая Партія политическаго освобожденія Россіи», о которой упоминалось уже, объединяла изъ Минска свои еврейскія группы въ Бѣлостокѣ, Екатеринославѣ, Житомірѣ, имѣла сторонниковъ въ Двинскѣ, Бердичевѣ и Петербургѣ. Члены этой организаціи, разгромленные въ 1900 году по Минску, уцѣлѣли по многимъ пунктамъ. Надъ ними царилъ Гершуни, сѣя сѣмена террора.

Работавшіе по южной Россіи соціалисты-революціонеры послѣ неоднократныхъ неудачныхъ попытокъ къ объединенію соединились наконецъ лѣтомъ 1900 года на Харьковскомъ Съѣздѣ въ такъ называемую южную «Партію Соціалистовъ-Революціонеровъ» и выпустили программный манифестъ.

На сѣверѣ работалъ «Союзъ соціалистовъ-революціонеровъ» во главѣ съ Андреемъ Аргуновымъ.

Союзъ образовался въ 1896 году въ Саратовѣ, но на слѣдующій-же годъ руководители его перебрались въ Москву, гдѣ въ теченіе двухъ лѣтъ Союзъ заводилъ иногороднія и заграничныя связи и налаживалъ дѣло. Союзъ издалъ на гектографѣ нѣсколько прокламацій и брошюръ и отпечаталъ вновь свою программу «Наши Задачи».

Осенью 1899 года съ дѣятелями Союза познакомился пріѣхавшій изъ-за границы Азефъ. Онъ явился съ хорошими рекомендаціями отъ заграничной организаціи Житловскаго и былъ принятъ хорошо, какъ человѣкъ, сочувствующій соціалистамъ-революціонерамъ и ихъ дѣлу.

Живя заграницей, Азефъ уже въ то время давалъ кое-какія свѣдѣнія завѣдывавшему заграничной агентурой Департамента Полиціи П. И. Рачковскому. Тогда это былъ еще маленькій сотрудникъ. Попавъ въ Москву, онъ, съ согласія Рачковскаго, сталъ сообщать нѣкоторыя свѣдѣнія и Зубатову, продолжая числиться за Рачковскимъ.

Въ то время руководители Союза мечтали имѣть свою типографію и издавать свою газету, къ чему и предпринимали нѣкоторые шаги. Они завязали переговоры съ представителями группы народниковъ «Русскаго Богатства», Пѣшехоновымъ и Мякотинымъ. Тѣ дали согласіе на сотрудничество въ журналѣ.

Весною 1900 года Союзъ поставилъ въ Сибири небольшую типографію, но вскорѣ переправилъ ее въ Финляндію, въ Куокалу. Печатня была небольшая, плохо оборудованная, работники неопытные, незнающіе дѣла. Работали трое. Въ Январѣ 1901 года появился первый номеръ отпечатаннаго ими журнала «Революціонная Россія», въ которомъ были между прочимъ: статья Мякотина «Разгромъ Финляндіи» и Пѣшехонова — «Хроника нашихъ дней».

Въ кругахъ Департамента полиціи появленіе журнала произвело сильное впечатлѣніе. Филеры московскаго отдѣленія уже вели въ Финляндіи наружное наблюденіе за типографіей, но арестовывать ее было нельзя, т. к. то было на территоріи Финляндіи.

Вскорѣ появился «Летучій листокъ» въ память 1-го Марта 1881 г., а въ концѣ Мая 1901 года вышелъ и номеръ второй «Революціонной Россіи», призывавшій къ борьбѣ и террору. Статья Пѣшехонова «Выстрѣлъ Карповича» заканчивалась цитатой изъ Некрасова:

«За идеалы, за любовь
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даромъ. Дѣло прочно,
Когда подъ нимъ струится кровь...»

Лѣтомъ были отпечатаны еще два номера «Летучихъ листковъ». Все это производило сильное впечатлѣніе. Смѣлыя мысли о террорѣ въ печати являлись новостью.

Дѣла Союза шли успѣшно: приходъ кассы увеличивался, связи разрастались, стали поступать корреспонденціи изъ разныхъ городовъ. Такъ, Гершуни прислалъ статью «О Зубатовцахъ». Въ Петербургѣ началъ работать постоянный редакціонный коллективъ съ руководителями «Русскаго Богатства».

Зная кое-что, благодаря Азефу, и имѣя еще кое какія агентурныя свѣдѣнія объ этой работѣ, Зубатовъ обдумывалъ, какъ нанести ударъ столь успѣшно развивавшейся организаціи. Департаментъ полагался на него. Арестовывать типографію въ Финляндіи и наносить ударъ по Союзу въ Петербургѣ признавалось неудобнымъ по многимъ соображеніямъ. Надо было придумать такую комбинацію, которая дала-бы возможность свободно дѣйствовать и розыскному органу да и прикрывала-бы слѣды агентурныхъ источниковъ. Предстоящій провалъ надо было свалить на наружное наблюденіе.

Такъ или иначе, но руководители организаціи стали думать о выборѣ новаго мѣста для типографіи и рѣшили перебраться въ Сибирь и тамъ поставить большую типографію. Мѣстомъ для нея облюбовали Томскій переселенческій пунктъ, куда въ качествѣ служащихъ поступилъ работавшій въ Куокалѣ Барыковъ и еще нѣсколько женщинъ, членовъ организаціи. Туда надо было перевезти изъ разныхъ мѣстъ типографскія принадлежности, надо было также объѣхать нѣкоторые города и сорганизовать доставку корреспонденціи и разныхъ матеріаловъ.

Все это надо было не упустить, видѣть и знать московскому отдѣленію. За финляндской дачей филерское наблюденіе было усилено, соціалисты-революціонеры А. Аргуновъ, Марія Селюкъ, С. Барыковъ и еще нѣкоторые были обставлены наблюденіемъ опытныхъ филеровъ. Лѣтомъ Барыковъ поѣхалъ на югъ, поѣхали за нимъ и филеры. Онъ посѣтилъ рядъ городовъ, побывалъ на Кавказѣ, гдѣ особенное вниманіе удѣлилъ Баку, и наконецъ проѣхалъ въ Томскъ, куда отвезъ тяжелый багажъ — то были части новой типографіи.

Другіе филеры проводили въ Томскъ нѣкую госпожу Вербицкую, везшую также нѣкоторыя типографскія части. Установило наружное наблюденіе и то, что какія-то вещи привозились на Томскій пунктъ изъ Омска, что при проѣздѣ изъ Россіи Барыковъ и Вербицкая имѣли на нѣкоторыхъ станціяхъ Сибирской дороги конспиративныя свиданія.

Скоро по всѣмъ даннымъ наружнаго наблюденія стало ясно, что соціалисты-революціонеры сгруппировались на Томскомъ переселенческомъ пунктѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, въ лѣсу и что тамъ очевидно была поставлена типографія. Работавшіе на пунктѣ не посѣщали города, всѣ-же сношенія съ Томскомъ велъ врачъ Павловъ и его жена.

Зубатовъ рѣшилъ не давать соціалистамъ-революціонерамъ отпечатать что-либо на новомъ мѣстѣ и произвести аресты всѣхъ причастныхъ лицъ при первой возможности. Аресты въ Томскѣ не были опасны для внутренней агентуры, но на всякій случай, для производства ликвидаціи и дознанія по этому дѣлу, было рѣшено послать своего офицера. Выборъ палъ на меня, что было утверждено и Департаментомъ, и министромъ.

Я уже нѣсколько времени и до того по приказанію Зубатова знакомился въ отдѣленіи со всѣми данными наружнаго наблюденія и съ нѣкоторыми агентурными свѣдѣніями по этому дѣлу, теперь же сталъ заниматься этимъ еще внимательнѣе. Въ половинѣ Сентября я получилъ предписаніе выѣхать экстренно въ Томскъ для производства ликвидаціи и дальнѣйшаго по нему дознанія. Посылка офицера изъ Москвы мотивировалась главнымъ образомъ необходимостью прикрыть при производствѣ дознанія источники внутренней агентуры, т. е. не дать революціонерамъ повода думать, что въ раскрытіи организаціи играло роль шпіонство съ ихъ стороны.

Быстро мчалъ меня поѣздъ въ Сибирь, но т. к. филерское наблюденіе установило, что на пунктъ провезли изъ Омска кипы бумаги, то Москва рѣшила поспѣ-

шить съ ликвидаціей и распорядилась произвести обыски до моего пріѣзда въ Томскъ.

23-го Сентября мѣстная Томская жандармерія въ сопровожденіи наряда полиціи и филеровъ нагрянула на переселенческій пунктъ, гдѣ въ домикѣ администраціи была обнаружена на полномъ ходу типографія соціалистовъ-революціонеровъ. Въ ней были застигнуты Барыковъ, Вербицкая и Севастьянова и, кажется, еще фельдшерица Мутныхъ. Отпечатанные частично экземпляры 3-го номера «Революціонной Россіи» сушились развѣшенными по всѣмъ комнаткамъ. Былъ обнаруженъ архивъ журнала съ богатымъ рукописнымъ матеріаломъ въ видѣ подлинныхъ писемъ изъ разныхъ городовъ. Кромѣ работавшаго станка нашли также и части прежней печати. Работою руководилъ Барыковъ, фельдшерицы-же исполняли роль наборщицъ. Медицинскіе щипчики служили для захвата буквъ. Въ ту же ночь были арестованы въ Томскѣ врачъ Павловъ съ женой, а также были произведены аресты и по другимъ пунктамъ Сибири.

Я узналъ объ арестѣ типографіи въ пути. Однажды вечеромъ, на участкѣ между Омскомъ и Томскомъ, пассажиры нашего поѣзда были встревожены необычной остановкой его на разъѣздѣ среди степи. Завывала мятель. Остановился и встрѣчный поѣздъ. Поднялась суета, бѣгала поѣздная прислуга. Оказывается искали меня и, найдя въ салон-вагонѣ, гдѣ мы мирно играли въ шахматы, попросили во встрѣчный поѣздъ. Тамъ находился прокуроръ Омской судебной палаты Ераковъ, возвращавшійся въ Омскъ изъ Томска, гдѣ онъ ознакомился съ результатами обыска. Онъ хотѣлъ познакомиться со мною.

Поздоровавшись, прокуроръ палаты сразу огорошилъ меня вопросомъ: — «Какія Вы имѣете агентурныя свѣдѣнія по этому дѣлу?». Какъ ни неожиданъ былъ вопросъ, я отвѣтилъ, что агентурныхъ свѣдѣній у меня нѣтъ никакихъ.

— «Зачѣмъ-же Васъ тогда прислали и почему не могутъ производить дознаніе мѣстные офицеры?» Прокуроръ палаты закидывалъ меня вопросами, былъ видимо недоволенъ и удивленъ присылкой посторонняго офицера и не скрывалъ своего недоумѣнія. Какъ могъ, я старался разъяснить, что это желаніе министра внутреннихъ дѣлъ въ виду той связи, которая должна установиться по дѣлу съ Европейской Россіей, что дознаніе вѣроятно прійдется перенести въ одну изъ столицъ и т. д.

Прокуроръ палаты слушалъ. Онъ разсказалъ мнѣ затѣмъ результаты обыска и прибавилъ, что далъ уже указанія, кого слѣдуетъ освободить послѣ моего пріѣзда. Ну, подумалъ я, и господа. Не разобрались еще въ дѣлѣ, ничего еще не знаютъ, а ужъ безпокоятся объ освобожденіяхъ. Это добра не предвѣщало. Мы разстались вѣжливо-холодно, видимо не удовлетворенные другъ другомъ.

Пріѣхавъ въ Томскъ, познакомившись съ властями и принявъ дѣло, я былъ пораженъ даннымъ ему направленіемъ. Виновные были привлечены по статьямъ за устройство типографіи безъ надлежащаго разрѣшенія, какъ будто это касалось самой легальной типографіи. О сообществѣ, преслѣдовавшемъ измѣненіе существующаго политическаго строя, не было и въ поминѣ. Мѣстный прокуроръ сразу-же поспѣшилъ объявить мнѣ, кто долженъ быть освобожденъ, и просилъ сдѣлать то поскорѣе. Я отвѣтилъ категорически, что пока не разберусь въ дѣлѣ, никто освобожденъ не будетъ, что дѣло важнѣе, чѣмъ думаютъ, и что къ нему надо отнестись весьма серьезно, а не съ налету.

Получалась самая обычная въ то время вещь. Въ политическихъ дѣлахъ прокуратура въ большинствѣ случаевъ прежде всего схватывалась за освобожденіе и прежде всего принимала на себя роль адвокатовъ арестованныхъ, забывая, для чего она существуетъ. Столицы, конечно, не въ счетъ; тамъ прокуратура была на своемъ

мѣстѣ, но бывали конечно въ этомъ отношеніи исключенія и въ провинціи, гдѣ также находились иногда прокуроры даже еще болѣе жесткіе, чѣмъ жандармскіе офицеры.

Въ качествѣ наблюдающаго за производствомъ дознанія мнѣ дали молоденькаго, симпатичнаго, совершенно неопытнаго товарища прокурора, для котораго выше прокурора палаты ничего на свѣтѣ не существовало.

Побывавъ на мѣстѣ обнаруженія типографіи, я убѣдился въ недостаточной тщательности произведеннаго обыска. На одномъ изъ шкафовъ я нашелъ экземпляръ «Колокола» Герцена со свѣжими рукописными помѣтками, сдѣланными, какъ оказалось потомъ, Евгеніемъ Колосовымъ, и это подорвало у меня довѣріе къ тому, что было сдѣлано. Оплошность была большая. Наличность книги Колосова въ типографіи устанавливала формальную его причастность къ ней. Онъ и былъ къ ней причастенъ, онъ покупалъ въ Омскѣ для типографіи бумагу и привозилъ ее. Не занесенная въ протоколъ обыска его книга теряла значеніе улики.

Началъ я допросы, прокуратура торопила съ освобожденіями, я протестовалъ. Отношенія усложнялись. Видя, что при неопытности мѣстной прокуратуры въ политическихъ дѣлахъ и при отдаленности прокурора палаты, дѣло можетъ быть скомкано и испорчено съ первыхъ-же шаговъ, я далъ телеграмму въ Петербургъ, прося разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, въ виду важности настоящего дѣла, производить одновременно съ формальнымъ дознаніемъ о типографіи, также и разслѣдованіе о соціалистахъ-революціонерахъ въ порядкѣ Положенія о государственной охранѣ. Такъ какъ разслѣдованіе велось безъ участія прокуратуры, то я получалъ большую свободу дѣйствій.

Вскорѣ я получилъ телеграфное распоряженіе министра Сипягина производить также и разслѣдованіе. Прокуратура была очень недовольна и прокуроръ палаты поѣхалъ въ Петербургъ. О жандармскомъ офицерѣ, не согласившемся съ прокурорскимъ надзоромъ, говорили въ министерствѣ юстиціи. Произошелъ нѣкоторый конфликтъ между двумя министрами, но Сипягинъ твердо стоялъ за меня и отданное имъ распоряженіе осталось въ силѣ: — я продолжалъ производить и дознаніе, и разслѣдованіе. Кого нельзя было сразу привлечь формально къ дознанію, тотъ привлекался къ разслѣдованію и по мѣрѣ возможности переводился на дознаніе; кого прокуратура настаивала освобождать по дознанію, тотъ содержался подъ стражей въ порядкѣ охраны по разслѣдованію.

Уже два мѣсяца бился я съ дознаніемъ, работая до позднихъ вечеровъ; были установлены связи по Петербургу, Москвѣ, Ярославлю, Нижнему Новгороду и Чернигову; нѣкоторые арестованные признали себя членами союза соціалистовъ-революціонеровъ, но полнаго откровеннаго показанія получено еще не было. Барыковъ, главный обвиняемый, серьезный, симпатичный мужчина, говорилъ только то, что нельзя было не говорить, и держался вообще весьма осторожно. Въ Томскѣ онъ являлся центральной фигурой. Его губили найденныя при немъ письма, да подводила и невѣста, продолжавшая писать изъ Саратова, не зная объ арестѣ жениха. По этой перепискѣ она тоже была арестована.

Дамы держались проще, но была среди нихъ одна пренесимпатичная барыня. Привезутъ ее бывало въ 40°-ый морозъ на допросъ, бранится посинѣвшая во всю. Предложишь ей погрѣться около распаленной печки, предложишь чаю — начинаетъ успокаиваться. Сниметъ ботинки, грѣетъ ноги и становится по-спокойнѣе, но показанія даетъ скупо, нѣтъ, нѣтъ да и фыркнетъ: — Вы, молъ, жандармы... Другія женщины были очень симпатичныя, простыя, безъ революціонной напускной ученности и важности.

Говорили привлеченныя въ общемъ всѣ по-немногу. Соціалисты-революціонеры были въ этомъ отношеніи лучше соціалъ-демократовъ. На послѣднихъ ужъ очень отражалось вліяніе «Бунда» и его техники. Здѣсь-же все было больше по русски, на-распашку, и разговаривать съ эсъ-эрами было гораздо пріятнѣе.

Изъ сопоставленія различныхъ показаній и данныхъ обысковъ, получалось нѣчто весьма существенное: наличность Союза и его цѣли устанавливались формально, но полной картины все-таки не было. Товарищъ прокурора удивлялся, чего я добиваюсь и почему я не доволенъ дознаніемъ. Между тѣмъ, зная многое по агентурнымъ и филерскимъ даннымъ, я естественно хотѣлъ получить тѣ свѣдѣнія, но уже какъ показанія самихъ привлеченныхъ. Только въ переводѣ на протоколы допросовъ, эти свѣдѣнія пріобрѣтали формальныя значенія уликъ, и получить ихъ было задачей моей работы. И конечно я старался получить эти откровенныя показанія.

Наконецъ, однажды вечеромъ, въ началѣ Декабря, одна изъ арестованныхъ, попавшая въ революціонную среду, видимо, по недоразумѣнію, начала давать откровенныя показанія. То завѣтное, что хранилось у меня въ моихъ личныхъ папкахъ и не показывалось никому, даже своимъ сослуживцамъ по корпусу, стало воплощаться въ официальное показаніе. Союзъ соціалистовъ-революціонеровъ... начало работы... члены организаціи... необходимость переправы типографіи... перевозка валика, перевозка другихъ частей, работа, печатаніе...

Кто былъ слѣдователемъ, тотъ пойметъ, что переживалъ я, получая показаніе. Товарищъ прокурора, обычно дремавшій, сразу проснулся и смотрѣлъ широко раскрытыми глазами. Слѣдующій день былъ настоящимъ праздникомъ. Мои сотоварищи офицеры радовались не меньше меня, довольна была и прокуратура. Многое въ моемъ упорствѣ и нежеланіи освобождать нѣкоторыхъ дѣлалось понятнымъ. Въ Петербургъ полетѣла подробная телеграмма, прокуратура освѣдомила Омскъ. Живѣе пошли допросы другихъ арестованныхъ, получались подтвержденія частностей, создавалась формальная картина всего дѣла.

Я съѣздилъ въ Омскъ, установилъ, гдѣ Колосовъ покупалъ бумагу для типографіи и какъ доставлялась она въ Томскъ. Какъ жалѣлъ я въ это время, что не могъ использовать противъ него какъ улику его «Колокола» съ его собственноручными замѣтками!

По разнымъ городамъ Россіи были посланы требованія о производствѣ дополнительныхъ формальныхъ обысковъ и, въ числѣ ихъ, требованіе въ Москву объ арестѣ А. Аргунова, работавшаго тогда, кажется, въ Ярославлѣ. Въ числѣ привлеченныхъ была и жена, и сестра послѣдняго и кто-то изъ свойственниковъ.

Во второй половинѣ Декабря получилось распоряженіе о переносѣ всего дознанія въ Москву со всѣми арестованными, что должно было выполнить жандармское управленіе. Забравъ слѣдственное производство и распрощавшись съ Томскомъ, я не замедлилъ выѣхать въ обратный путь, напутствуемый добрыми пожеланіями новыхъ друзей, искренно завидовавшихъ человѣку, покидавшему Сибирь и возвращавшемуся въ столицу.

Въ рождественскій сочельникъ я вернулся въ Москву. Начальство поздравило меня съ успѣшнымъ выполненіемъ порученія. Я допросилъ еще нѣсколько лицъ и въ томъ числѣ А. Аргунова, который держался очень неспокойно, и передалъ дѣло въ Московское жандармское управленіе, которое должно было раздвинуть рамки дознанія и охватить весь Союзъ.

По окончаніи дѣла, изъ числа привлеченныхъ къ нему соціалистовъ-революціонеровъ, двѣнадцать человѣкъ были сосланы въ Сибирь на сроки отъ 3-хъ до 8-ми лѣтъ, которые были позднѣе сокращены. Многіе изъ нихъ приняли затѣмъ вновь видное участіе въ революціонной работѣ. Такъ, Севастьянова бросила бомбу въ Московскаго генералъ-губернатора Гершельмана, Н. Куликовскій убилъ графа Шувалова, С. Барыковъ и Н. Чернова участвовали въ подготовкѣ убійства генерала Трепова, а Аргуновъ игралъ большую роль въ центральномъ комитетѣ и т. д.

Тотъ ударъ по соціалистамъ-революціонерамъ былъ очень силенъ и очень перебилъ ихъ работу по Россіи, но все таки Департаментъ полиціи не додѣлалъ тогда своего дѣла. Арестъ Томской типографіи и причастныхъ къ ней лицъ по Сибири не сопровождался одновременнымъ, въ Сентябрѣ-же мѣсяцѣ, заарестованіемъ всѣхъ извѣстныхъ членовъ Союза по разнымъ городамъ Европейской Россіи. Съ этими арестами запоздали мѣсяца на три, а въ это время много работали и Аргуновъ, и Селюкъ, и поддерживавшій тѣсную связь съ ними Гершуни.

И вскорѣ послѣ ареста типографіи, за границу выѣхала Селюкъ, которую Аргуновъ снабдилъ всѣми нужными матеріалами для выпуска за границей арестованнаго въ Томскѣ № 3 «Революціонной Россіи».

Въ концѣ-же года за границу выѣхалъ и Азефъ, которому еще незаарестованные руководители Союза передали всѣ связи, явки, пароли и посылали его за границу какъ своего довѣреннаго представителя на ряду съ Маріей Селюкъ. — «Азефу мы вручили все, какъ умирающій на смертномъ одрѣ» — говорилъ позже Аргуновъ.

Все это зналъ Департаментъ полиціи и онъ тому не воспрепятствовалъ. Выѣхалъ туда и Гершуни съ полномочіями отъ Саратовскихъ и Южныхъ организацій, и ему не помѣшали.

За границей-же начались переговоры объ объединеніи, въ результатѣ чего въ Январѣ 1902 года офиціально образовалась Партія Соціалистовъ Революціонеровъ съ Центральнымъ Комитетомъ во главѣ, съ Центральнымъ Органомъ «Революціонная Россія» и съ девизомъ: «Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое».

Народилась партія, которая принесла Россіи такъ много непоправимаго вреда. Ближайшая задача партіи — сверженіе самодержавія, конечная цѣль — переустройство Россіи на соціалистическихъ началахъ. Средства борьбы — пропаганда, агитація и терроръ. Партія приступала къ работѣ среди рабочихъ и интеллигенціи и, гдѣ можно, среди крестьянъ.

Партія являлась идейной послѣдовательницей Бакунина, Герцена и Лаврова. Ея идеологомъ въ легальной печати былъ столь популярный Михайловскій, принимавшій, правда робко, нѣкоторое участіе и въ подпольной работѣ. Партія являлась представительницей своеобразнаго русскаго соціализма, съ основной эфемерной мечтой русской интеллигенціи, что наша крестьянская община можетъ быть легко использована какъ ступень къ переходу на соціалистическій строй, что нашъ крестьянинъ природный соціалистъ. Въ революціонныхъ рядахъ Партія явилась прямой послѣдовательницей Партіи Народной Воли съ ея тактическимъ девизомъ: «Цѣль оправдываетъ средства».

По ироніи судьбы и по неизмѣнному закону для всѣхъ россійскихъ революціонныхъ партій второй половины прошлаго столѣтія, главнѣйшими заправилами этой «народнической» русской партіи оказались: — Гоцъ, Миноръ, Гершуни, Рубановичъ, Натансонъ, Азефъ... говорить тутъ о любви къ Россіи и о заботахъ о русскомъ народѣ не приходится. Среди нихъ сверкали русскія имена вродѣ будущаго селянскаго министра и нѣмецкаго шпіона Виктора Чернова.

Департаментъ полиціи не сумѣлъ тогда помѣшать сплоченію Партіи, хотя и имѣлъ къ тому полную возможность. Не сумѣлъ, хотя имѣлъ около центра своего освѣдомителя Азефа, хотя объединеніе происходило за границей, гдѣ находился весьма талантливый его чиновникъ Петръ Ивановичъ Рачковскій, получавшій свѣдѣнія непосредственно отъ Азефа. Центральный и руководящій по розыску правительственный органъ не былъ на высотѣ положенія. Тамъ чванились знаніемъ розыскнаго дѣла, но промахи дѣлали непоправимые. Не даромъ-же его особымъ отдѣломъ въ то время завѣдывалъ красивый, свѣтскій Донъ-Жуанъ, любитель-театралъ Леонидъ Александровичъ Ратаевъ, слывшій въ Петербургѣ подъ кличкой «Корнета Отлетаева».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Студенческіе безпорядки 1899—1901 годовъ. — Безпорядки въ Москвѣ. — Безпорядки 1902 года. — Осада Университета. — Заарестованіе безпорядочниковъ. — Манежъ. — Бутырская тюрьма. — Случай въ тюрьмѣ. — Инциндентъ съ профессоромъ Герье. — Иллюминація. — Конецъ безпорядковъ. — Наказаніе. — Покушеніе Аллартъ на оберъ-полицмейстера Трепова. — Покушеніе на него-же Михалевича и соціалистовъ-революціонеровъ.

Пришлось мнѣ въ тѣ годы познакомиться хорошо и со студенческими безпорядками. Студенческіе безпорядки 1899—1902 годовъ послужили началомъ того общественнаго движенія, которое, нарастая затѣмъ постепенно, захватывало все новые и новые слои населенія, слилось съ революціоннымъ и вылилось въ первую 1905 г. революцію, принесшую Россіи хотя и несовершенную, но все-таки конституцію.

8-го Февраля 1899 года, во время годичнаго акта въ Петербургскомъ Университетѣ, студенты, недовольные ректоромъ Сергѣевичемъ за сдѣланное имъ предупрежденіе о нарушеніи уличнаго порядка, освистали его. Послѣ акта, при выходѣ изъ университета, у студентовъ произошло столкновеніе съ полиціей, во время котораго толпа была разсѣяна съ примѣненіемъ нагаекъ. Студенты объявили забастовку, которая и перекинулась на всѣ другія высшія учебныя заведенія столицы, а затѣмъ и по другимъ городамъ.

Оппозиціонные круги общества приняли сторону молодежи и для выясненія причинъ и обстоятельствъ, сопровождавшихъ безпорядки, по Высочайшему повелѣнію былъ назначенъ Генералъ-Адъютантъ Ванновскій, по результатамъ работъ котораго были приняты мѣры къ упорядоченію академической жизни студентовъ и въ числѣ ихъ были утверждены, 29 Іюля 1899 г., «Временныя правила объ отбываніи воинской повинности воспитанниками учебныхъ заведеній, удаляемыми изъ сихъ заведеній за учиненіе скопомъ безпорядковъ».

Это было одно изъ самыхъ ошибочныхъ мѣропріятій царскаго правительства. Въ армію вливали самыхъ недисциплинированныхъ, распропагандированныхъ молодыхъ людей. Тамъ они въ большинствѣ случаевъ сразу-же попадали въ привилегированное положеніе, что меньше всего походило на отбываніе наказанія, которое выдумало для нихъ правительство. Между тѣмъ, всѣ оппозиціонные и революціонные круги приняли новое мѣропріятіе какъ отправку молодежи на исправленіе какъ-бы въ дисциплинарные батальоны. Поднялась агитація противъ правительства. Въ результатѣ — вредъ для арміи, вредъ для правительства и никакой пользы и толку для молодежи.

Осенью 1900 года, безпорядки начались въ Кіевскомъ Университетѣ и, когда къ участникамъ примѣнили временныя правила, волненія перекинулись и на другіе университетскіе города.

Въ обществѣ ходили чудовищные разсказы о томъ суровомъ режимѣ, которому будто-бы подвергаются въ войскахъ студенты. Распространялись ложные слухи, что нѣсколько студентовъ были даже разстрѣляны. Молодежь волновалась, волновалось и общество. Создавалось крайне враждебное отношеніе къ правительству и главнымъ образомъ къ министру народнаго просвѣщнеія Боголѣпову и, наконецъ, 14-го февраля 1901 года прибывшій изъ-за границы соціалистъ-революціонеръ, бывшій студентъ Карповичъ, смертельно ранилъ послѣдняго. Нѣкоторые круги интеллигенціи высказали сочувствіе случившемуся, что еще больше подняло настроеніе молодежи.

19-го февраля произошли безпорядки въ Петербургѣ и Харьковѣ, а 23-го начались они и у насъ въ Москвѣ. Въ тотъ день студенты собрались на университетскомъ дворѣ, когда-же пришла полиція, то студенты взломали двери въ актовый залъ, гдѣ и продолжали сходку. Университетское начальство обратилось къ оберъ-полицмейстеру, по распоряженію котораго выходившихъ со сходки стали задерживать и направлять въ манежъ на Моховой.

Слухъ о начавшихся безпорядкахъ распространился по городу. Группы учащихся, вмѣстѣ съ праздношатающейся молодежью и подростками, появлялись то въ одной, то въ другой части города и нарушали обычный порядокъ жизни. Все тянулось къ манежу: Иногда толпы начинали пѣть студенческія пѣсни.

Вызывались усиленныя наряды полиціи, жандармскіе эскадроны и казаки, при приближеніи которыхъ молодежь шикала, свистала и разбѣгалась, чтобы собраться въ другомъ мѣстѣ. Наряды направлялись туда, туда скакали жандармы, и безпорядочники вновь разбѣгались, и такъ до безконечности. Происходила какая-то своеобразная игра въ кошку и мышку.

Съ непривычки полиція дѣйствовала неумѣло, неразумно, что только подбодряло демонстрантовъ и увеличивало общую сумятицу и безпорядокъ. Больше всего ерунды было въ манежѣ, куда направляли со всѣхъ сторонъ арестованныхъ.

Огромный манежъ былъ полонъ народу. Студенты, вольные, курсистки, полиція и нѣсколько эскадроновъ жандармовъ. Крики, пѣсни и ржанье лошадей. Надъ всѣмъ повисъ густой паръ и запахъ навоза. Порядку никакого. Нѣсколько сотенъ задержанной публики дѣлали, что хотѣли. На кучѣ песку, около одной изъ стѣнъ манежа организовалась сходка. Взобравшійся наверхъ студентъ, предсѣдатель, неистово звонитъ колокольчикомъ и начинаетъ затѣмъ говорить. Галдежъ и рѣчи. Въ другомъ концѣ импровизованный хоръ что-то поетъ. Въ лѣвомъ углу отъ входа большая группа молодежи устроила живую стѣну-кругъ, за которой любители предаются свободной любви съ попавшими въ манежъ проститутками. Оберегающіе происходящее дѣйство студенты хохочутъ. Фактъ былъ зарегистрованъ и тогда-же доведенъ до свѣдѣнія товарища прокурора Золотарева, впослѣдствіи товарища министра внутреннихъ дѣлъ.

Власть бездѣйствовала. Распоряжавшійся всѣмъ полицмейстеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Свѣшниковъ, «бѣлая шапка», какъ прозвали его студенты, предпочиталъ разговаривать и ничего рѣшительнаго не предпринимать, т. к. считалъ, что безпорядки носятъ академическій характеръ. Нѣкоторые полицейскіе офицеры безпомощно метались отъ одной группы къ другой, убѣждали не пѣть, прекратить сходку, просили уговорить товарищей не безобразничать съ дамами и т. д.

Тамъ же и помощникъ начальника охраннаго отдѣленія Сазоновъ. Женатый на москвичкѣ, бывшей курсисткѣ, онъ—поклонникъ гуманныхъ мѣръ, много разговариваетъ, резонерствуетъ, но что либо приказать по собственной иниціативѣ воздерживается.

Подобный же безпорядокъ замѣчается всюду и на улицѣ. Толпа видитъ безтолочь, и это ее веселитъ. Съ наступленіемъ сумерекъ, подростки мальчишки начинаютъ бить фонари.

Офицеры охраннаго отдѣленія, посланные наблюдать за тѣмъ, что и какъ дѣлается, докладываютъ своему начальнику о творящемся безобразіи съ обѣихъ сторонъ; Зубатовъ докладываетъ Трепову, послѣдній рветъ и мечетъ и распекаетъ свою полицію. Общая полиція негодуетъ на насъ.

На наше счастье въ тотъ годъ безпорядки въ Москвѣ не носили политическаго характера. Студенческій исполнительный комитетъ даже выпустилъ прокламацію, приглашая студентовъ не участвовать въ уличныхъ демонстраціяхъ. Все шло офиціально подъ флагомъ академической борьбы.

На 4-е Марта въ Москвѣ была назначена большая демонстрація, но ее не допустили, собравшихся же нѣсколько десятковъ человѣкъ арестовали, на чемъ наши безпорядки и кончились. Задержанныхъ подержали нѣкоторое время въ Бутырской тюрьмѣ и поудаляли затѣмъ изъ Москвы на время, кто куда хотѣлъ. Удаленіе это носило опереточный характеръ: кто жилъ далеко, уѣзжалъ обычно въ Рязань или Тамбовъ, а то и ближе.

Въ другихъ городахъ студенческіе безпорядки того года носили болѣе острый характеръ. Такъ въ Петербургѣ 4-го марта у Казанскаго собора произошло настоящее побоище между демонстрантами съ одной стороны и полиціей съ войсковымъ нарядомъ — съ другой. Демонстранты дѣйствовали палками, желѣзными прутьями и даже стрѣляли. Наряды употребили въ дѣло холодное оружіе и нагайки. За демонстрантовъ вступился генералъ князь Вяземскій, членъ Государственнаго Совѣта, но получилъ соотвѣтствующій отпоръ отъ градоначальника, а затѣмъ и должное возмездіе, дабы не совался не въ свое дѣло и не мѣшалъ дѣйствіямъ полиціи. Оппозиціонные круги не замедлили съ протестами. Среди повышеннаго настроенія земскій статистикъ Лаговскій стрѣляетъ съ тротуара въ кабинетъ оберъ-прокурора Побѣдоносцева.

11-го марта произошла внушительная демонстрація въ Кіевѣ съ участіемъ рабочихъ и разночинной интеллигенціи, причемъ былъ выкинутъ флагъ «за политическую свободу». Происходили безпорядки и въ другихъ городахъ. Въ общемъ, всѣ эти студенческіе безпорядки, конечно, являлись отраженіемъ политическаго настроенія нѣкоторыхъ слоевъ общества, но про нихъ все таки говорили тогда, что они носили не политическій, а академическій характеръ. Это было спокойнѣе, но не совсѣмъ вѣрно.

Студенческіе безпорядки 1902 года носили уже повсюду офиціально признанный политическій характеръ. Заправилы студенческаго движенія не безъ подталкиванія революціонныхъ организацій собрались въ началѣ того года на Всероссійскій студенческій съѣздъ. Съѣздъ подвелъ, какъ писали тогда, «итоги академической борьбѣ» и призывалъ студентовъ выступить открыто на путь политической революціонной борьбы, считая то вѣрнымъ и твердымъ шагомъ, который долженъ привести къ желанной цѣли въ борьбѣ съ правительствомъ.

Захватило новое движеніе и Москву. Въ концѣ Января началось у насъ глухое броженіе среди студентовъ университета, вылившееся наконецъ въ большую сходку въ актовомъ залѣ. Сходка носила политическій характеръ. Кромѣ студентовъ разныхъ учебныхъ заведеній, на ней были курсистки и, правда, немного постороннихъ лицъ. Была принята политическая резолюція и изъ окна былъ выкинутъ флагъ съ революціонной надписью. Жгли какой то научный кабинетъ, жгли документы и раздавали прокламаціи.

Въ виду такого характера событій, рѣшено было дѣйствовать энергично и не въ примѣръ прошлому году. И какъ только университетская администрація увѣдомила оберъ-полицмейстера о характерѣ происходящей сходки и попросила о принятіи мѣръ къ водворенію порядка, университетъ былъ окруженъ войсками. Въ манежъ были высланы войсковые и полицейскіе наряды. Выходившихъ изъ университета арестовывали. Отъ нихъ узнали, что сходочники дебоширничаютъ, произносятъ революціонныя рѣчи, печатаютъ на гектографѣ прокламаціи. Въ манежъ были командированы офицеры охраннаго отдѣленія, прибыли туда на дежурство и чины прокурорскаго надзора.

Вечеромъ, часовъ около 10-ти, явившійся въ манежъ оберъ-полицмейстеръ Треповъ приказалъ мнѣ:

— «Я поручаю Вамъ манежъ. Въ Вашемъ распоряженіи полурота пѣхоты и находящаяся здѣсь полиція. Сюда прибудутъ арестованные изъ университета. Ихъ надо принять и сдѣлать, что нужно. Надѣюсь, что все будетъ выполнено, какъ слѣдуетъ».

Я попросилъ у генерала еще взводъ казаковъ, и на его вопросъ для чего, отвѣтилъ, что казаки успокоительнѣй всего дѣйствуютъ на толпу. Казаки были мнѣ даны.

Оберъ-полицмейстеръ ушелъ съ нарядами къ университету. Огромный манежъ опустѣлъ. Полурота пѣхоты, нѣсколько полицейскихъ офицеровъ, десятка два городовыхъ и взводъ конныхъ казаковъ терялись въ немъ. Переговоривъ съ офицерами, я сдѣлалъ слѣдующія приготовленія. Отъ главныхъ дверей манежа, вдоль его, были растянуты шпалерами двѣ шеренги пѣхоты, сомкнувшіяся въ дальнемъ концѣ, благодаря чему получился длинный коридоръ-тупикъ, шириною сажени въ четыре. Коридоръ былъ подѣленъ на пять частей, причемъ при началѣ каждаго дѣленія, стояло по два казака. Остальные казаки выстроены были внутри манежа по обѣ стороны входныхъ дверей. Тамъ же была и вся полиція.

Планъ былъ таковъ. Когда толпа хлынетъ въ манежъ, она устремится по нашему живому коридору. По моей командѣ два казака отъ входа отрѣжутъ и замкнутъ уже вошедшую въ коридоръ толпу и слѣдуютъ за ней, пока она не упрется въ тупикъ. Когда толпа упрется въ тупикъ, первая часть коридора замыкаетъ кольцо и отходитъ съ окруженными людьми въ сторону. Въ тотъ же моментъ укороченный уже коридоръ смыкается въ новый тупикъ, автоматически наполняется напирающей извнѣ толпой, образуется второе кольцо и такъ далѣе, всѣ пять. При каждомъ кольцѣ казаки поддерживаютъ порядокъ.

Нѣсколько полицейскихъ офицеровъ встрѣчаютъ толпу при входѣ, вырываютъ изъ рукъ палки и бросаютъ ихъ въ правый уголъ манежа. Нѣсколько другихъ офицеровъ энергично отдѣляютъ женщинъ и передаютъ ихъ городовымъ въ лѣвый уголъ, въ особое кольцо. При немъ также казаки. Въ манежѣ должна быть полная тишина. Шумѣть и пѣть не разрѣшается. При попыткахъ къ тому, казаки грозятъ нагайками. Грозятъ, но не бьютъ. Слушаться только моихъ распоряженій.

Построивъ нарядъ и убѣдившись, что всѣ поняли, что намъ надлежитъ выполнить, я вышелъ за двери манежа. Темно. Пылаютъ факелы пожарныхъ. Отъ манежа къ университету протянулись войска. Зловѣщая тишина. Стало непріятно. Мнѣ доложили, что въ университетѣ до тысячи человѣкъ, что есть боевая дружина и готовится покушеніе на Трепова. На него бросится кто-то изъ кавказцевъ.

Около полуночи, послѣ безрезультатныхъ переговоровъ съ осажденными въ Университетѣ, пожарные взломали двери, казаки и городовые проникли въ университетъ, окружили всѣхъ бывшихъ тамъ на сходкѣ и погнали изъ зданія. Все хлынуло на улицу и, подпираемое нарядомъ, двинулось къ манежу.

Густая тьма, фантастически освѣщаемая вспыхивающими факелами; неподвижныя шпалеры войскъ и медленно двигающаяся среди нихъ, замыкаемая казаками толпа, поющая какую-то революціонную пѣсню. Все это производило необычайное, жуткое впечатлѣніе.

Я поспѣшилъ въ манежъ, захлопнулъ двери и приказалъ открыть ихъ только при самомъ приближеніи толпы. На душѣ было неспокойно. Толпой надо сразу овладѣть, захватить, взять въ руки. Иначе — не справиться, и будетъ безпорядокъ. Удастся ли?

Издали доносился шумъ и пѣніе. Все ближе, ближе. Вдругъ распахнулись двери... Скрестившись локтями, въ заломленныхъ назадъ папахахъ, съ палками въ рукахъ двигаются впереди что то горланя, повидимому, кавказцы, вперемежку съ женщинами. Глаза горятъ, лица взволнованы.

— «Казаки, нагайки вверхъ! Молчать, перестать пѣть!»... — раздалась команда. Яркій свѣтъ манежа, казаки съ поднятыми нагайками, сильный властный окрикъ и полнѣйшая неожиданность происшедшаго какъ бы ошеломили толпу. Пѣніе смолкло. Передніе ряды оторопѣли, попятились назадъ, но подпираемые массой уже нерѣшительно продвигались впередъ.

Моментъ былъ выигранъ. Полиція выхватила женщинъ, отбрасывала палки, хистени; казаки раздѣляли толпу, пѣхота смыкала кольца. Все шло, какъ нужно.

Черезъ нѣсколько минутъ въ разныхъ сторонахъ манежа оказалось пять окруженныхъ пѣхотою большихъ группъ арестованныхъ. Около нихъ разъѣзжали казаки. Отдѣльно въ углу женскій кругъ. Всюду тишина. Женщины на всѣхъ безпорядкахъ самый зажигательный для толпы элементъ. Изолированіе ихъ понижаетъ настроеніе мужчинъ. Безъ женщинъ мужчины менѣе воинственны.

За арестованными появился Треповъ въ сопровожденіи полиціи, офицеровъ, чиновниковъ и прокуратуры. Онъ видимо былъ удивленъ тѣмъ, что увидѣлъ. Подойдя ко мнѣ, генералъ сказалъ:

— «Я обѣщалъ Великому Князю освободить манежъ для занятій войскъ къ 6-ти часамъ. Перепишите арестованныхъ и переправьте въ Бутырскую тюрьму. Тамъ приготовленъ ужинъ. Вся полиція въ Вашемъ распоряженіи. Я Вамъ не мѣшаю. Дѣлайте, что нужно».

Передача полиціи въ мое распоряженіе въ то время какъ на мѣстѣ находились полицмейстеры въ генеральскихъ чинахъ — былъ фактъ знаменательный, что и учли конечно въ мою пользу.

Отдавъ приказаніе, генералъ направился въ сторону, сѣлъ на поданный ему стулъ и закурилъ сигару.

Теперь уже было легко. Начали регистрацію задержанныхъ. Время отъ времени меня звали то къ одному, то къ другому кругу. Суденты требовали ѣсть, спрашивали, для чего казаки, что будутъ дѣлать съ арестованными. Я объяснилъ, что ѣда ожидаетъ въ Бутыркахъ, что въ нашихъ общихъ интересахъ скорѣе кончить регистрацію, что казаки необходимы для порядка. Съ молодежью можно было говорить; ей только не надо было лгать.

Въ одномъ кругу попытались было начать пѣть, но казаки внушительно пригрозили нагайками и водворилась тишина. Ко мнѣ подошелъ товарищъ прокурора и началъ говорить о неумѣстности угрозъ казаковъ. Я отвѣтилъ, что казаки исполняютъ мои приказанія, относительно же умѣстности и правильности ихъ я отвѣтственъ передъ моимъ начальствомъ. Отдавъ затѣмъ честь рукою, я пошелъ дѣлать свое дѣло. Больше ко мнѣ прокуратура не подходила.

Часа черезъ три началась отправка задержанныхъ въ Бутырки. Для женщинъ были поданы фургоны, но онѣ гордо отказались отъ нихъ и пошли пѣшкомъ. Это имъ досталось не легко. До тюрьмы было нѣсколько верстъ, и многія изъ нихъ жалѣли потомъ о своей горячности, но было поздно.

Къ шести часамъ манежъ былъ свободенъ, и я доложилъ о томъ Трепову. Генералъ, ни разу не вмѣшавшійся въ мои распоряженія и только наблюдавшій за тѣмъ, что и какъ дѣлается, поблагодарилъ меня, пожалъ крѣпко руку и сказалъ улыбаясь: «будете представлены къ наградѣ».

Всѣ разошлись. Вернувшись домой, я трясся какъ въ лихорадкѣ. Пришлось выпить вина. Но, слава Богу, все сошло хорошо. Ни одного удара, ни одного скандала, ни одной жалобы на дѣйствія войскъ или полиціи.

Эта ночь предопредѣлила мою позднѣйшую службу въ Царскомъ Селѣ. Въ лицѣ Дмитрія Федоровича Трепова я пріобрѣлъ солидную служебную протекцію.

Въ слѣдующіе дни мнѣ приходилось имѣть дѣло въ Бутырской тюрьмѣ. Администрація университета начала свое дознаніе, студенты отказывались разговаривать съ нею, и мнѣ поручили убѣдить ихъ заполнить анкетные листы.

Когда я явился въ тюрьму, то начальникъ тюрьмы, проведя меня въ общій коридоръ, куда выходило нѣсколько огромныхъ пересыльныхъ камеръ съ нѣсколькими сотнями арестованныхъ, закрылъ за мною желѣзную дверь, и я остался одинъ среди заключенныхъ. Пройдя въ одну изъ палатъ, я сталъ въ простѣнокъ между окнами, чтобы видѣть всю толпу и не имѣть никого позади себя, и началъ говорить. Я убѣждалъ студентовъ принять анкетные листы, предложилъ имъ отъ имени Трепова газеты и обѣщалъ ускореніе дѣла. Настроеніе складывалось въ мою пользу: взяли листы, взяли газеты. Вдругъ съ галерки послышался выкрикъ:

— «Да что съ нимъ разговаривать, товарищи, жандармъ вѣдь, вонъ его!»... Выкрики повторялись, толпа зашумѣла, стало какъ то нехорошо. Въ это время одинъ изъ студентовъ пріоткрылъ мой портфель и заглянулъ въ него. Я вспылилъ: — «Что Вы дѣлаете, студентъ. Я довѣрчиво разговариваю съ Вами, а Вы забираетесь ко мнѣ въ карманъ, развѣ это можно!»

Этотъ глупѣйшій инцидентъ выручилъ меня. Стоявшіе около меня студенты начали шикать на своего товарища. Кто-то кричалъ: «Коллега, стыдно, оставьте, нельзя»...

Воспользовавшись моментомъ, я двинулся впередъ, дѣлая жестъ рукой, толпа раступилась. Какъ я вышелъ цѣлымъ изъ камеры, какъ я прошелъ по коридору и очутился за огромной желѣзной дверью, гдѣ меня встрѣтилъ начальникъ тюрьмы, я не понимаю. Наговоривъ любезностей начальнику тюрьмы за оставленіе меня одного среди арестованныхъ, я уѣхалъ. Я чувствовалъ себя избитымъ. Въ отдѣленіи говорили, что на мнѣ не было лица.

Послѣ этого случая Бутырки сдѣлались какъ бы моей монополіей. То и дѣло приходилось ѣздить и разговаривать съ арестованными.

Случилось тогда такое обстоятельство. Профессоръ Герье, десятка два слушательницъ котораго были среди арестованныхъ, попросилъ разрѣшенія у оберъ-полицмейстера переговорить со своими слушательницами. Свиданіе было разрѣшено, но въ присутствіи жандармскаго офицера, и выборъ палъ на меня.

Въ тюремномъ классѣ были собраны арестованныя слушательницы курсовъ Герье. Поздоровавшись съ ними, профессоръ занялъ учительское мѣсто, всѣ разсѣлись по партамъ, а я сѣлъ сзади. Профессоръ обратился къ курсисткамъ съ рѣчью, въ которой высказалъ слѣдующее:

— «М. Г. Вы знаете, что я профессоръ. Вы учитесь у меня, слушаете меня, признаете мой авторитетъ въ наукѣ и никому изъ Васъ не приходитъ въ голову

спорить со мною и говорить, что Вы знаете науку лучше меня. Вамъ не приходитъ въ голову учить меня, даже спорить со мною по моему предмету. Отчего же Вы думаете, что наука управлять государствомъ менѣе сложна. Отчего въ дѣлѣ политики Вы, молодыя, неопытныя, только что вступающія въ жизнь дѣвушки, считаете себя компетентными спорить съ властью. Считаете возможнымъ доказывать ей, что она не права, что Вы лучше ея знаете, что надо дѣлать, и требуете тѣхъ или иныхъ политическихъ реформъ»...

Почтенный сѣдой профессоръ долго развивалъ свои мысли, говорилъ талантливо и горячо, но успѣха не имѣлъ. Ему отвѣчала растрепанная дѣвица: тутъ было все. Нѣсколько курсистокъ наговорили ему затѣмъ много нехорошаго, нетактичнаго и даже дерзкаго. Мнѣ пришлось приблизиться и стать около профессора.

Удивленный, взволнованный и растроганный профессоръ покинулъ классъ и вышелъ со мною. При проходѣ черезъ большое помѣщеніе, гдѣ происходило свиданіе арестованныхъ съ родственниками, студенты узнали профессора, начались шиканья и свистки. Я довелъ профессора до выхода, распрощался съ нимъ и вернулся въ пріемную. Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ подошли два студента и отъ имени всѣхъ остальныхъ просили удалиться, предупредивъ, что въ противномъ случаѣ они не ручаются за послѣдствія. Я отвѣтилъ, что въ насиліе толпы студентовъ противъ одного не вѣрю, что нахожусь среди нихъ не ради удовольствія, а по службѣ. Если же они сами вѣрятъ въ то, что говорятъ, то я, во первыхъ, немедленно прекращу всѣ свиданія и удалю родныхъ и знакомыхъ, а во вторыхъ, попрошу начальника тюрьмы вызвать караулъ и принять соотвѣтствующія мѣры. Отвѣтъ подѣйствовалъ успокоительно. Мнѣ пришлось нарочно пробыть въ пересыльной лишнихъ четверть часа.

Въ тотъ день вечеромъ арестованные устроили въ видѣ протеста иллюминацію: жгли соломенники и подушки, высовывая ихъ въ окна, что заставило вызвать пожарную команду.

Финаломъ московскихъ студенческихъ безпорядковъ того года явились: высылка многихъ въ Сибирь, увольненіе многихъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній и удаленіе остальныхъ на разные сроки изъ Москвы.

Наказаніе первой категоріи являлось очень строгимъ и не соотвѣтствовало винѣ безпорядочниковъ въ массѣ. Къ примѣненію ссылки не было достаточныхъ формальныхъ данныхъ. Основаніемъ для этого тяжкаго наказанія служили большей частью, хотя и солидныя, но всетаки агентурныя свѣдѣнія, исходившія отъ той же молодежи. Самое же заключеніе о персональной виновности каждаго арестованнаго, дѣлалось на-спѣхъ и безъ строгой провѣрки выставленныхъ уликъ. Отсюда частая несправедливость наказанія.

Студенческіе безпорядки очень отражались на настроеніи города вообще. Повсюду чувствовалась особая нервозность и приподнятость.

Однажды въ тѣ дни, 9-го Февраля, пришедшая къ оберъ-полицмейстеру на пріемъ курсистка Аллартъ выстрѣлила въ генерала въ упоръ, но револьверъ далъ осѣчку. Покушеніе à la Вѣра Засуличъ не удалось. Аллартъ схватили, обезоружили и привели въ охранное отдѣленіе. Маленькая, черненькая, нервная дѣвица, она очень была взволнована и не могла толкомъ разъяснить, почему и за что она стрѣляла. Если бы не чиновникъ Войлошниковъ, она была бы избита во дворѣ городовыми, которые очень любили генерала. Аллартъ опросили и передали въ жандармское управленіе.

Въ тѣ же дни, какъ то вечеромъ нѣкій, кажется, акцизный чиновникъ, Михалевичъ, пытался проникнуть къ генералу съ намѣреніемъ убить его ножомъ. Его во время замѣтили и арестовали, а ножъ отобрали. Михалевичъ производилъ впечатлѣніе какого то страннаго человѣка и на допросѣ признался, что хотѣлъ убить оберъ-полицмейстера.

Этимъ покушенія на генерала Трепова не кончились. Послѣ Декабрьской 1904 г. демонстраціи, Московскій комитетъ соціалистовъ-революціонеровъ издалъ прокламацію, въ которой заявилъ, что онъ не остановится передъ тѣмъ, чтобы «казнить» Великаго Князя и Трепова.

Убійство Великаго Князя комитетъ уступилъ Савинкову, а для убійства Трепова воспользовался предложеніемъ молодого чедовѣка Полторацкаго, котораго и снабдилъ револьверомъ. Вскорѣ револьверъ однако отобрали, сказавъ, что выдадутъ, когда будетъ нужно. Въ комитетѣ въ то время видную роль игралъ Зензиновъ.

1-го Января 1905 г. Полторацкій узналъ, что на слѣдующій день Треповъ уѣзжаетъ въ Петербургъ, и сейчасъ-же сообщилъ о томъ въ комитетъ, прося указаній, причемъ предупредилъ, что если ему не дадутъ револьвера, то онъ управится своими средствами, но возлагаетъ отвѣтственность за то на партію. Не получивъ отвѣта, Полторацкій отправился 2-го Января на вокзалъ и произвелъ въ проходившаго въ вагонъ генерала два выстрѣла, но промахнулся. Соціалисты-революціонеры, конечно, отреклись отъ этого покушенія, заявивъ въ «Революціонной Россіи», что Партія ничего общаго съ нимъ не имѣетъ. Такъ пишется исторія.

Весною того-же 1905 года, уже въ бытность Трепова Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, боевая группа соціалистовъ-революціонеровъ, съ Барыковымъ во главѣ, сдѣлала настоящую облаву на генерала на Большой Морской улицѣ, но вся организація была выслѣжена и арестована охраннымъ отдѣленіемъ.

Годъ спустя, лѣтомъ 1906 года, соціалисты-революціонеры вновь пытались убить генерала. Въ Петергофскій паркъ былъ посланъ убійца, который и убилъ тамъ какъ-то вечеромъ нѣкоего генерала Козлова, думая, что стрѣлялъ въ Трепова. Произошла «маленькая» ошибка. Все равно царскій генералъ. Такимъ-же образомъ въ Пензѣ, вмѣсто жандармскаго генерала Прозоровскаго, убили пѣхотнаго генерала Лиссовскаго; въ Кіевѣ, вмѣсто жандармскаго генерала Новицкаго, ударили въ Купеческомъ Саду ножомъ одного изъ отставныхъ армейскихъ генераловъ, а въ Швейцаріи, вмѣсто министра Дурново, отправили на тотъ свѣтъ нѣмецкаго купца Мюллера. Все это «маленькія» ошибки нашихъ соціалистовъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Рабочія волненія и забастовки 1895—96 годовъ. — Рабочій вопросъ и невниманіе къ нему Витте и его министерства. — Зубатовъ — легализаторъ. — Зубатовскія организаціи въ Москвѣ. — Манифестація рабочихъ въ 1902 году и вѣнокъ на гробницу Царя-Освободителя. — Гнѣвъ Витте. — Мечты Зубатова. — Легализація въ Минскѣ. — Легализація въ Одессѣ и ея провалъ. — Причины провала Зубатовскаго движенія. — Отвѣтственность Витте по рабочему вопросу. — Ссылка Зубатова и его самоубійство. — Моя болѣзнь. — Убійство Сипягина. — Поѣздка на Кавказъ. — Харьковско-Полтавскіе безпорядки. — Назначеніе В. К. Плеве и А. А. Лопухина. — Реформа розыска и открытіе провинціальныхъ охранныхъ отдѣленій. — Назначеніе меня въ Крымъ.

Рабочія волненія и забастовки 1895—96 годовъ выдвинули для правительства на очередь рабочій вопросъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ, понимая всю государственную важность этого вопроса и заинтересованное въ немъ также и съ точки зрѣнія поддержанія общественнаго порядка въ странѣ, первое пошло въ этотъ періодъ по пути правильнаго его разрѣшенія законодательнымъ порядкомъ.

Далеко не таково было отношеніе къ рабочему вопросу министерства финансовъ съ его фабричной инспекціей и во главѣ съ Витте, на обязанности котораго по существу лежалъ рабочій вопросъ во всемъ его объемѣ въ то время. Витте ревниво оберегалъ подчиненную ему сферу, но простиралъ свои заботы только на капиталистовъ и не обращалъ должнаго вниманія на рабочихъ и ихъ нужды. И когда, подъ вліяніемъ забастовокъ, по Высочайшему повеленію былъ образованъ при Департаментѣ торговли и мануфактуръ комитетъ для составленія проекта закона о нормировкѣ рабочаго времени въ фабрично-заводской промышленности, то при работахъ его различіе во взглядахъ двухъ министерствъ выявилось въ полной мѣрѣ.

На засѣданіяхъ комитета на защиту интересовъ рабочаго класса выступили тогда не чины министерства Витте съ предсѣдателемъ Ковалевскимъ, что явилось-бы вполнѣ естественнымъ, а представители министерства внутреннихъ дѣлъ: — вице-директоръ Департамента полиціи Семякинъ и хозяйственнаго департамента С. Щегловитовъ.

Почти во всѣхъ пунктахъ законопроекта представителямъ министерства внутреннихъ дѣлъ приходилось бороться съ Ковалевскимъ и другими чинами министерства финансовъ, отстаивавшими интересы фабрикантовъ. Слухи объ этой борьбѣ двухъ министерствъ проникли въ общество и были отмѣчены печатью.

Результатомъ тогдашнихъ работъ явился законъ 2-го Іюня 1897 года, который Витте разъяснилъ затѣмъ своей инструкціей чинамъ фабричной инспекціи и циркулярами опять-таки во многомъ не въ пользу рабочихъ.

Между тѣмъ рабочее движеніе было въ то время на перепутьи, и отъ правительства въ значительной степени зависѣло дать ему то или иное направленіе. Рабочіе являлись той силой, къ которой жадно тянулись революціонные организаціи и особенно соціалъ-демократическія. Соціалъ-демократы старались уже тогда завладѣть пролетаріатомъ и направить его не только на борьбу съ существующимъ политическимъ строемъ, но и противъ всего соціальнаго уклада жизни. Соціальная революція и диктатура пролетаріата уже были провозглашены тогда конечною цѣлью борьбы. Конечно, все это казалось бреднями... Увы!!

То былъ моментъ, когда правительству надлежало овладѣть рабочимъ движеніемъ и направить его по руслу мирнаго профессіональнаго движенія. Витте и его министерство этимъ вопросомъ отъ сердца не интересовались. Изъ двухъ силъ, правильнымъ взаимоотношеніемъ которыхъ въ значительной мѣрѣ разрѣшается рабочій вопросъ — капиталистъ и рабочій — Витте смотрѣлъ только на перваго. Не связанный ни происхожденіемъ, ни духовно со старымъ дворянствомъ и его родовитой аристократіей, онъ, очень заискивая въ нихъ свѣтски, сердцемъ тянулся къ новой знати — финансовой. Ее онъ и защищалъ и весьма часто въ ущербъ рабочаго класса.

Между тѣмъ властямъ на мѣстахъ приходилось сталкиваться и считаться съ проявленіями рабочаго движенія. Надо было такъ или иначе дѣйствовать. Въ такомъ положеніи была и Москва. Зубатовъ, какъ развитой, вдумчивый, много читавшій человѣкъ, видѣлъ нарастающее движеніе въ должномъ свѣтѣ и хорошо понималъ значеніе рабочаго вопроса и его роль въ судьбахъ Россіи. Онъ понималъ, что съ рабочими нельзя бороться одними полицейскими мѣрами, что надо дѣлать что то иное, и рѣшилъ дѣйствовать въ Москвѣ, какъ находилъ правильнымъ, хотя-бы то былъ и не обычный путь.

Онъ рѣшилъ не отдавать московскія рабочія массы въ руки соціалистовъ, а дать имъ направленіе полезное и для нихъ, и для государства. Отсюда вытекла легализація рабочаго движенія, прозванная «Зубатовщиной». Зубатовъ занялся дѣ-

ломъ, которое не входило въ кругъ его обязанностей, что лежало на Витте и его агентахъ, но не выполнялось ими.

Основная идея Зубатова была та, что при русскомъ самодержавіи, когда Царь надпартіенъ и не заинтересованъ по преимуществу ни въ одномъ сословіи, рабочіе могутъ получить все, что имъ нужно черезъ Царя и его правительство. Освобожденіе крестьянъ лучшее тому доказательство.

Рабочее движеніе должно быть профессіональнымъ, а не революціонно соціалъ-демократическимъ и его надо направить на этотъ первый путь. И хотя у самихъ соціалъ-демократовъ увлеченіе экономизмомъ почти проходитъ, но все-таки это направленіе надо использовать. Правительство уже сдѣлало ошибку, прозѣвавъ его, но что-же дѣлать, лучше поздно, чѣмъ никогда. Путемъ собесѣдованія Зубатовъ сталъ подготовлять изъ рабочихъ пропагандистовъ его идей. Въ отдѣленіи была заведена библіотека съ соотвѣтствующимъ подборомъ книгъ. Ввэбъ, Геркнеръ, Прокоповичъ, Зомбартъ, новый трудъ Бердяева — поворотъ къ идеализму, все было пущено въ ходъ, дабы переубѣдить сторонниковъ революціоннаго марксизма и направить ихъ въ сторону профессіональнаго движенія. Зубатовъ заставлялъ насъ основательно знакомиться со всѣми этими трудами, руководилъ этими занятіями и давалъ указанія: что и какъ говорить съ арестованными интеллигентами и съ рабочими. Арестованнымъ соціалъ-демократамъ давали читать только книги нужнаго намъ для дѣла экономическаго направленія, остальное дорабатывалось при собесѣдованіяхъ на допросахъ. Мы вели въ открытую своеобразную контръ-пропаганду. Левъ Тихоміровъ давалъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ нужнаго направленія статьи, т. к. сочувствовалъ вполнѣ проекту Зубатова.

Черезъ своихъ первыхъ развитыхъ и энергичныхъ рабочихъ, среди которыхъ выдѣлялся Слѣповъ, Зубатовъ приступилъ къ образованію въ разныхъ частяхъ города рабочихъ кружковъ, въ которыхъ и начались занятія. Эти кружки были враждебно настроены къ революціи и ея вождямъ. Марксъ былъ для нихъ врагомъ, какъ заядлый ненавистникъ Россіи, какъ одинъ изъ вреднѣйшихъ міровыхъ соціалистовъ.

Рабочіе собирались въ свои клубы, и не только занимались, но и толковали о своихъ дѣлахъ и нуждахъ, и развлекались. Ихъ представители по указанію Зубатова обратились къ нѣкоторымъ профессорамъ, и начались правильныя занятія, лекціи и рефераты. Все проводилось офиціально черезъ оберъ-полицмейстера и генералъ-губернатора. Рабочіе сами ходили всюду съ ходатайствами добиться того или другого. Зубатовъ былъ душа всего дѣла, главный рычагъ, но держался для постороннихъ въ сторонѣ.

Въ то-же время, зная все, что дѣлается на фабрикахъ и заводахъ, Охранное Отдѣленіе своевременно приходило на помощь рабочимъ въ случаѣ какихъ либо несправедливыхъ или неправильныхъ дѣйствій хозяевъ или заводской администраціи. Въ этихъ видахъ по воскреснымъ днямъ въ охранномъ отдѣленіи офицеры и чиновники принимали заявленія и жалобы отъ рабочихъ по всѣмъ вопросамъ. Рабочимъ давали разъясненія, справки, а заявленіямъ должное направленіе и поддержку въ дальнѣйшемъ въ пользу рабочихъ.

Такимъ путемъ въ рабочихъ внѣдрялось сознаніе, что они могутъ добиваться своихъ желаній безъ соціалистовъ, мирнымъ путемъ и что власть не только не мѣшаетъ, но и помогаетъ имъ.

Движеніе разрасталось. Успѣхъ былъ очевиденъ. Рабочіе довѣрчиво подходили къ власти и сторонились революціонеровъ.

Мѣстные революціонные дѣятели всполошились, но обставленные надзоромъ были безсильны. Пошли сплетни и клевета среди разночинной интеллигенціи. Въ старой Россіи было такъ: разъ гдѣ либо видна рука правительства, значитъ то плохо; сдѣлай то-же самое кто либо иной — хорошо.

Дошло до Петербурга. Тамошнія соціалъ-демократическія организаціи стали присылать своихъ долегатовъ познакомиться, что такое дѣлается въ Москвѣ. Зубатовъ, зная о пріѣздѣ этихъ ораторовъ, устраивалъ обыкновенно такъ, что гость допускался на собраніе, ему разрѣшали говорить, но противъ него выступалъ заранѣе подготовленный болѣе сильный, горячій, талантливый ораторъ-москвичъ. Онъ побивалъ пріѣзжаго на диспутѣ и пріѣзжій проваливался въ глазахъ рабочихъ; революціонеръ пасовалъ передъ реформистомъ. Послѣ-же диспута, на обратномъ пути въ Петербургъ депутатовъ нерѣдко арестовывали, что было большою тактической ошибкой, очень повредившей дѣлу легализаціи. Правда, благодаря этимъ арестамъ нежелательные наѣзды въ Москву прекратились; но зато и Москву стали называть гнѣздомъ провокаціи, причемъ въ это понятіе входило уже всякое дѣйствіе, связанное такъ или иначе съ охраннымъ отдѣленіемъ, и словомъ провокація было окрещено и все новое движеніе.

Между тѣмъ въ Москвѣ рабочіе жили новою, болѣе осмысленною, общественною, но не революціонною жизнью. Они жадно слушали профессоровъ, занимались самообразованіемъ, изучали экономическіе вопросы, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока дѣлами руководилъ самъ Зубатовъ и пока участіе въ дѣлѣ легализаціи охраннаго отдѣленія не стало достояніемъ широкихъ слоевъ общества.

1902-й годъ былъ апогеемъ зубатовскихъ организацій въ Москвѣ. 14-го же Февраля того года былъ утвержденъ уставъ: «Московскаго Общества вспомоществованія рабочихъ въ механическомъ производствѣ».

22-го Февраля зубатовскими организаціями была устроена грандіозная манифестація въ Кремлѣ. До 45.000 рабочихъ собрались къ памятнику Царя-Освободителя. Полиція отсутствовала. Порядокъ поддерживался самими рабочими. Была отслужена панихида по Александру II-му и возложенъ вѣнокъ. На панихидѣ присутствовалъ Великій Князь Сергѣй Александровичъ. Смотрѣлъ на происходящее съ удивленіемъ П. И. Рачковскій, командированный нарочито изъ Петербурга. Впечатлѣніе отъ происходящаго было большое. Манифестація рабочихъ происходила всего лишь нѣсколько дней спустя послѣ студенческихъ безпорядковъ.

Въ тотъ-же день рабочіе отправили въ Петербургъ депутацію, которая возложила серебряный вѣнокъ на гробницу Царя-Освободителя въ усыпальницѣ Петропавловской крѣпости. Зубатовъ легализаторъ былъ на верху своей славы. Довѣріе къ нему со стороны Трепова и Великаго Князя было полное.

Но Витте рвалъ и металъ. Московскіе капиталисты не разъ обращались къ нему съ жалобами, что полиція вмѣшивается въ ихъ взаимоотношенія съ рабочими; жаловалась и фабричная инспекція. Онъ пытался препятствовать этому, но успѣха не имѣлъ. Министерство-же внутреннихъ дѣлъ, видя благоволеніе къ работѣ Зубатова Великаго Князя и видя также и результаты въ смыслѣ вліянія на рабочихъ въ то время, когда вездѣ уже бурлило, стало покровительствовать новатору.

Зубатовъ-же, видя успѣхъ въ Москвѣ, уже мечталъ поставить дѣло и по другимъ пунктамъ, мечталъ развить его въ государственномъ масштабѣ, въ каковомъ направленіи и дѣйствовали на министра внутреннихъ дѣлъ.

Съ разрѣшенія Сипягина работа была начата и въ Минскѣ. Во главѣ ея стала большая поклонница Зубатова нѣкая М. Вильбушевичъ. Зубатовъ руководилъ ею изъ Москвы, на мѣстѣ-же наблюдалъ начальникъ Минскаго Жандармскаго Управ-

ленія полковникъ Васильевъ. Движеніе въ Минскѣ имѣло полный успѣхъ и забило работу революціонеровъ. Революціонеры негодовали, и не было той грязи и клеветы, которую не выливали-бы на Зубатова и его послѣдователей. Сотрудниковъ умышленно смѣшивали съ легализаторами и всѣхъ ихъ выдавали за провокаторовъ. Я забѣгу теперь немного впередъ, чтобы покончить съ легализаціей именно Зубатова.

По назначеніи министромъ внутреннихъ дѣлъ Плеве, послѣдній, повидавшись и побесѣдовавъ съ Зубатовымъ, очень заинтересовался его проектами по рабочему вопросу, призналъ его начинанія полезными для государства и далъ согласіе на ихъ продолженіе и развитіе. Зубатовъ не упустилъ, конечно, изъ виду развить передъ новымъ министромъ идею, насколько неправъ Витте, игнорирующій рабочій вопросъ, и сколь было-бы полезно для постановки новаго дѣла черезъ министра внутреннихъ дѣлъ имѣть институтъ фабричной инспекціи въ подчиненіи у этого послѣдняго. Передъ Плеве рисовался цѣлый планъ широчайшей реформы. И какъ только Зубатовъ былъ переведенъ въ Петербургъ, о чемъ будетъ сказано ниже, ему было разрѣшено не только опекать уже созданное московское движеніе, но и продолжать таковое-же въ Минскѣ и ставить его въ Одессѣ, Кіевѣ и, самое главное, въ Петербургѣ.

Конецъ 1902 года и начало 1903 прошли для Зубатова въ подготовительныхъ по Петербургу работахъ. На квартирѣ Зубатова шли совѣщанія съ лицами, увлекавшимися идеей поставить рабочее профессіональное движеніе въ Россіи и шедшими на совмѣстную работу съ Зубатовымъ, за которымъ оставалась однако скрытая закулисная роль негласнаго руководителя. На совѣщаніяхъ участвовали уже занимавшаяся легализаціей въ Минскѣ Вильбушевичъ, предназначенный для постановки дѣла въ Одессѣ нѣкій Шаевичъ, прежній сотрудникъ, а въ то время чиновникъ департамента, Гуровичъ, профессора Скворцовъ и Орнацкій и еще нѣсколько видныхъ Петербургскихъ дѣятелей, а также оканчивавшій въ томъ году Духовную Академію священникъ Гапонъ, который долженъ былъ начать работу среди рабочихъ въ Петербургѣ.

Но эти большія собранія въ сущности лишь утверждали тѣ основныя начала организаціи, которыя вырабатывались въ болѣе интимныхъ бесѣдахъ на конспиративной квартирѣ Мѣдникова на Преображенской улицѣ, между Зубатовымъ, Вильбушевичъ, Шаевичемъ и Гапономъ, т. е. между непосредственными работниками. Раза два былъ на этихъ бесѣдахъ и я. Неподдѣльной искренностью дышало то, что говорила Вильбушевичъ, искреннимъ казался и Гапонъ, глаза котораго горѣли какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, но Шаевичъ оставилъ по себѣ странное, неопредѣленное впечатлѣніе: не то революціонеръ, не то легальный дѣятель, ни рыба, ни мясо. Онъ мнѣ не понравился, хотя Зубатовъ былъ имъ очень доволенъ, но онъ очень иногда увлекался и ошибался въ своихъ симпатіяхъ.

Въ результатѣ предпринятыхъ Зубатовымъ шаговъ, въ началѣ 1903 года въ Петербургѣ было основано «Общество петербургскихъ рабочихъ», торжественное открытіе котораго состоялось при участіи ректора Петербургской Духовной Академіи. Но, понимая невозможность широкой работы въ предпринятомъ направленіи при враждебномъ отношеніи къ нему министра финансовъ, Зубатовъ тогда же предпринялъ нѣкоторые шаги для привлеченія его къ этому дѣлу, и къ Витте была отправлена депутація рабочихъ съ просьбой о содѣйствіи, но тотъ отнесся къ ней крайне неблагопріятно, и депутація ушла отъ него ни съ чѣмъ. Начатое въ Петербургѣ дѣло стало понемногу развиваться.

Въ тотъ же періодъ времени Зубатовъ началъ легализацію и въ Одессѣ, куда былъ посланъ Шаевичъ, присматривать же за нимъ долженъ былъ начальникъ

Одесскаго охраннаго отдѣленія Васильевъ, который былъ вызванъ въ Петербургъ вмѣстѣ со мною и которому даны были соотвѣтствующія по этому поводу указанія и инструкціи. Градоначальнику Шувалову отъ имени Плеве было послано письмо о поддержкѣ новаго движенія съ указаніемъ лицъ туда командируемыхъ. Съ этими лицами былъ познакомленъ начальникъ личной охраны Плеве, Александръ Спиридоновичъ Скандраковъ, пользовавшійся большимъ довѣріемъ министра. Плеве зналъ Скандракова еще со временъ своего директорства, когда тотъ былъ сперва жандармскимъ офицеромъ у генерала Новицкаго въ Кіевѣ, а затѣмъ начальникомъ Московскаго охраннаго отдѣленія. Онъ былъ другъ Судейкина. Черезъ Скандракова Плеве былъ въ курсѣ и всей петербургской легализаціи, черезъ него же онъ зналъ и все то, что хотѣлъ знать своимъ личнымъ путемъ. Скандраковъ вѣдалъ у него перлюстраціей, предназначавшейся только для министра. Въ лицѣ Скандракова была своя личная не только физическая охрана, но и сверхъ-полиція, наблюдавшая путемъ перлюстраціи не только за нѣкоторыми частными лицами, но и за министрами, за нѣкоторыми сановниками и даже за самимъ директоромъ Департамента полиціи.

Работа въ Одессѣ началась и стала расширяться. Но занятый своимъ прямымъ дѣломъ, Васильевъ не справился съ порученной его надзору легализаціей, Шаевичъ ускользнулъ у него изъ рукъ, сыгралъ въ лѣвизну, и одесская работа закончилась лѣтомъ 1903 года большой забастовкой, въ которой приняли главное участіе именно соорганизованные Шаевичемъ рабочіе.

Теперь все сразу обрушилось на Зубатова. Всѣ враги Зубатова какъ бы объединились противъ него и рѣшили использовать благопріятный моментъ для его паденія. Про Зубатова кричали, что онъ самъ устроилъ забастовку, что онъ самъ революціонеръ. Обвиненіе въ революціонизмѣ было конечно нелѣпо, но оно шло изъ круговъ чиновничества и его конечно подхватили въ пику правительству. Въ дѣло вмѣшался Великій Князь Александръ Михайловичъ, доложившій Государю, что забастовку въ Одессѣ устроилъ самъ Зубатовъ. Директоръ Лопухинъ въ это время былъ за-границей. Плеве взвѣсилъ всѣ обстоятельства и рѣшилъ пожертвовать Зубатовымъ и покончить съ нимъ, тѣмъ болѣе, что въ это время онъ узналъ, что Зубатовъ ведетъ противъ него интригу вмѣстѣ съ Витте и княземъ Мещерскимъ, изъ которыхъ послѣдній старается повліять на Государя, дабы убрать его, Плеве, и назначить на его постъ Витте.

Послѣдній долженъ былъ начать нѣкоторыя либеральныя реформы и въ частности реформу по рабочему вопросу въ духѣ идей Зубатова.

Взбѣшенный раскрытою интригою, недовольный Одесскими событіями и натравливаемый на Зубатова со всѣхъ сторонъ, Плеве доложилъ Государю о томъ, что главнымъ виновникомъ Одесской забастовки является Зубатовъ, дѣйствовавшій самовольно и безъ всякаго вѣдома министра. Доложилъ государю Плеье и о раскрытіи имъ интриги и объ участіи въ ней Зубатова и высказалъ мнѣніе о необходимости увольненія Зубатова, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Зубатовъ былъ уволенъ. Мстительный Плеве придалъ увольненію скандально-оскорбительный характеръ. Плеве вызвалъ Зубатова и въ присутствіи командира Корпуса жандармовъ, генерала фонъ-Валля, наговорилъ ему много рѣзкаго вообще и въ частности за одесскую забастовку. Никогда не бывшій по существу чиновникомъ, Зубатовъ отвѣтилъ Плеве не менѣе рѣзко, указавъ ему, что опыты по легализаціи въ Одессѣ дѣлались съ разрѣшенія его, министра, и въ заключеніе быстро вышелъ изъ кабинета и такъ хлопнулъ дверьми, что, какъ потомъ разсказывалъ мнѣ Скандраковъ, чуть стекла не посыпались. «Орелъ былъ очень взбѣшенъ» — говорилъ Скандраковъ.

Генералу фонъ-Валль было приказано наблюсти за немедленной сдачей Зубатовымъ должности его бывшему по Москвѣ помощнику, полковнику Сазонову. Произвели какъ бы обыскъ въ его письменномъ столѣ. Зубатовъ былъ арестованъ и высланъ во Владиміръ на Клязьмѣ, Шаевичъ же былъ сосланъ въ Вологду.

Съ увольненіемъ Зубатова рушилась въ сущности его легализація, т. к. продолженіе ея не шло уже такъ, какъ понималъ и велъ ее онъ, ея творецъ и вдохновитель. Рушился любопытный опытъ Зубатовскаго разрѣшенія рабочаго вопроса на мѣстахъ. Идея Зубатова была вѣрна и не нова, но проведеніе ея въ жизнь было уродливо и неправильно. Оно явилось казеннымъ, полицейско-кустарническимъ и шло, какъ говорится, не по принадлежности. Для профессіональнаго русскаго рабочаго движенія не нашлось въ нужный моментъ національнаго, свободнаго, общественнаго вождя. Не выдѣлило такого реформатора изъ своихъ рядовъ и правительство. У Витте, какъ министра финансовъ, не оказалось глубокаго знанія и пониманія рабочаго вопроса, ни государственнаго чутья къ нему, ни интереса. Его собственныя записки лучшее тому доказательство. Не нашлось около Витте и человѣка, который бы зажегъ его интересомъ къ рабочему вопросу и направилъ бы его на разрѣшеніе этого вопроса государственнымъ размахомъ, какъ то было у Витте въ другихъ сферахъ его дѣятельности. Графъ Витте бранится въ своихъ запискахъ на все и на вся и только мать свою родную онъ, кажется, не обругалъ, но за его политику по рабочему вопросу будущій историкъ Россіи его самого навѣрное не похвалитъ.

Что же сталось съ Зубатовымъ? Ненавидимый революціонерами, непонятый обществомъ, отвергнутый правительствомъ и заподозрѣнный нѣкоторыми въ революціонности, Зубатовъ уѣхалъ въ ссылку. Но опала и ссылка, гдѣ мнѣ удалось побывать у него въ гостяхъ лѣтомъ 1904 года, удалось и долго и хорошо побесѣдовать, не повліяли на его политическія убѣжденія. И во Владимірѣ и послѣ, живя въ Москвѣ, Зубатовъ продолжалъ оставаться честнымъ человѣкомъ и идейнымъ, и стойкимъ монархистомъ.

И когда, спустя четырнадцать лѣтъ, Зубатовъ, сидя за обѣдомъ съ своей семьей въ Замоскворѣчьи, узналъ, что Царь отрекся, что въ Россіи революція, — онъ молча выслушалъ страшную вѣсть, понялъ весь ужасъ происшедшаго и вышелъ въ сосѣднюю комнату....

Раздался выстрѣлъ. Зубатова не стало.

Полная нервнаго напряженія работа по студенческимъ безпорядкамъ 1902 года свалила меня. Меня лихорадило и душилъ кашель. Врачи признали туберкулезъ и требовали выѣзда въ Абастуманъ. Средствъ не было. Стали списываться съ Петербургомъ.

Какъ разъ въ это время, 2-го Апрѣля днемъ, намъ въ отдѣленіе протелефонировали изъ Петербурга, что тамъ только что убитъ министръ Сипягинъ. Убійца, бывшій кіевскій студентъ безпорядочникъ Балмашовъ былъ одѣтъ въ адъютантскую форму и отрекомендовался министру какъ прибывшій изъ Москвы съ пакетомъ отъ Вел. Кн. Сергѣя Александровича.

Новость непріятная. Всѣ были взволнованы. На другой день появилась прокламація, разъяснявшая мотивы убійства и озаглавленная: «Боевая организація партіи соціалистовъ-революціонеровъ». Она имѣла подзаголовокъ: «По дѣламъ вашимъ воздастся вамъ».

Въ ту же ночь, въ отдѣленіе пришла телеграмма отъ начальника Саратовскаго жандармскаго управленія, сообщавшая, что находившійся тамъ подъ наблюденіемъ московскихъ филеровъ нѣкій Мельниковъ, несшій при себѣ какой-то свертокъ и старавшійся скрыться отъ наблюденія, напалъ на одного изъ филеровъ, нанесъ ему нѣсколько ножевыхъ ранъ и скрылся. Убѣгая Мельниковъ обронилъ свертокъ, въ которомъ оказался типографскій шрифтъ и прокламація Боевой Организаціи объ убійствѣ Сипягина, датированная 2-е Апрѣля. Въ отдѣленіи растерялись. На лицо была связь съ убійствомъ министра. Растерялся и Департаментъ полиціи. Свалилась какъ снѣгъ на-голову Боевая Организація. Откуда это, кто во главѣ ея? Что же дѣлаетъ за-границей Рачковскій, вѣдь тамъ центральный комитетъ!

Телеграмма изъ Саратова указывала, что наружное наблюденіе гдѣ-то соприкасается съ Боевой организаціей. Мѣдниковъ волновался и ходилъ въ красныхъ пятнахъ. Просматривались сводки загородняго филерскаго наблюденія.

Въ тѣ дни изъ департамента пришло распоряженіе, чтобы я немедленно отправился въ Тифлисъ для ознакомленія съ положеніемъ революціоннаго дѣла на Кавказѣ, чѣмъ мнѣ предоставили возможность ѣхать лѣчиться. Забравъ жену и дочурку Ксенію, которую она подарила мнѣ въ 1901 году, я не замедлилъ выѣхать, провожаемый съ завистью сослуживцами, которымъ предстояло много хлопотъ.

Служить въ Москвѣ мнѣ больше уже не пришлось. Я уѣзжалъ отсюда, унося новый служебный опытъ, маленькій крестикъ Станислава 3-й степени, какъ поощреніе къ работѣ, и первый Высочайшій подарокъ—золотые карманные часы съ государственнымъ гербомъ, пожалованные за Высочайшій пріѣздъ въ тѣ годы въ Москву Государя Императора. Много я послѣ получалъ болѣе цѣнныхъ и красивыхъ подарковъ, но тотъ скромный оберъ-офицерскій мнѣ былъ дороже всѣхъ. Хранилъ я его бережно подъ ключомъ и сталъ носить только послѣ большевицкой революціи, пока, однажды, въ свѣтлый Іюльскій петербургскій вечеръ, герои «чернаго автомобиля» не напали на насъ съ женою и не освободили насъ отъ всего того, что было въ карманахъ. Погибъ и дорогой подарокъ.

Въ Тифлисѣ я узналъ о Харьковско-Полтавскихъ крестьянскихъ безпорядкахъ и о томъ, что они были быстро прекращены Харьковскимъ губернаторомъ княземъ Оболенскимъ, прибѣгнувшимъ къ поркѣ. На томъ и кончилась энергія князя. Позднѣе, послѣ покушенія на него Кочуры, онъ сдалъ въ Финляндіи по всѣмъ статьямъ.

Въ описаніи этихъ крестьянскихъ разгромовъ, соціалисты-революціонеры доходили до крайняго цинизма. Одна изъ ихнихъ прокламацій сообщала въ тѣ годы на поученіе своей молодежи, что крестьяне «буйствъ и безчинствъ никакихъ не дѣлали, никого не били и не убивали, только если помѣщикъ не соглашался отдать добромъ, такъ отбирали насильно... не чужое, не помѣщичье добро брали они, а только возвращали себѣ свое, потомъ-кровью добытое, несправедливо присвоенное помѣщиками. Какіе же они грабители»....

Такъ писала тогда добрая «бабушка» Брешко-Брешковская и будущій селянскій министръ Черновъ. Они очень любили крестьянъ. Первая даже платочкомъ повязалась тогда и «Катериной» подписываться стала, что не помѣшало однако ей позже, при первой же къ тому возможности, въѣхать на жительство въ Царскіе хоромы, въ Зимній Дворецъ.

Въ Тифлисѣ же узналъ я о назначеніи министромъ Плеве и директоромъ Департамента полиціи Лопухина. Вскорѣ послѣдній вызвалъ меня изъ командировки, т. к. находилъ ее неправильной и далъ мнѣ отпускъ въ Абастуманъ. Лѣчась въ горахъ, я рвался на Сѣверъ. Тамъ, въ связи съ происшедшими событіями шла боль-

шая работа по реорганизаціи политическаго розыска. Убійство Сипягина, офиціальное заявленіе о своемъ существованіи со стороны Боевой организаціи, крестьянскіе безпорядки, участіе въ которыхъ соціалистовъ-революціонеровъ было несомнѣнно, стрѣльба Кочуры въ князя Оболенскаго за усмиреніе безпорядковъ — все это ясно указывало новому министру на плохую постановку розыска на мѣстахъ и въ центрѣ. Прошедшій школу Директора департамента полиціи въ 80-хъ годахъ, помня «Народную Волю», Плеве приступилъ къ реорганизаціи розыска. Но только Плеве не понималъ того объекта, противъ котораго онъ сталъ перестраивать розыскной аппаратъ. На происходящее въ Россіи революціонное движеніе того времени Плеве продолжалъ смотрѣть, глазами 80-хъ годовъ. Онъ не понималъ его широкаго общественнаго характера и видѣлъ въ немъ, какъ нѣкогда, въ эпоху «Народной Воли», лишь проявленіе злой воли кучки энергичныхъ революціонеровъ. Онъ думалъ, что достаточно только изъять ихъ изъ обращенія и революція будетъ побѣждена.

Плеве пригласилъ на постъ директора Департамента полиціи популярнаго въ то время прокурора Харьковской Судебной Палаты, слывшаго за либерала Алексѣя Александровича Лопухина, назначеніемъ котораго онъ мирилъ себя съ либеральными кругами.

Завѣдующимъ Особылъ отдѣломъ Департамента полиціи былъ назначенъ Зубатовъ, хотя офиціально, сперва завѣдовалъ имъ нѣкто Зибертъ. Съ Зубатовымъ Плеве долго бесѣдовалъ сейчасъ же послѣ своего назначенія министромъ, по дорогѣ въ Троицко-Сергіевскую Лавру, которую онъ счелъ нужнымъ посѣтить, приступая къ тяжелой и отвѣтственной работѣ. Летучій отрядъ во главѣ съ Мѣдниковымъ былъ взятъ изъ Москвы въ Департаментъ.

Былъ разработанъ проектъ учрежденія по главнымъ городамъ Россіи охранныхъ отдѣленій подъ именемъ розыскныхъ пунктовъ. Государь утвердилъ положеніе объ нихъ, и новые органы начали дѣйствовать. Они были независимы на мѣстахъ и подчинялись Департаменту полиціи. Начальники ихъ въ строевомъ отношеніи прикомандировывались къ мѣстнымъ жандармскимъ управленіямъ, но это подчиненіе было лишь формальное, зависѣли они только отъ директора, на мѣстахъ же ближе всего стояли къ губернатору.

Внутренняя агентура черезъ сотрудниковъ и филерское наблюденіе черезъ особо нанятыхъ для того людей были заведены повсюду. Руководящія директивы по розыску шли по Зубатову, филерская же служба практиковалась по Мѣдникову. Изъ его Летучаго отряда были назначены завѣдующіе наружнымъ наблюденіемъ во всѣ вновь открытыя отдѣленія. Подчиняясь начальникамъ, эти старшіе филеры сохраняли самую тѣсную связь со своимъ Евстратій Павловичемъ и писали ему подробныя письма о всемъ, что дѣлалось въ отдѣленіяхъ. Начальники послѣднихъ фактически подпадали подъ самый бдительный надзоръ и контроль Мѣдникова. Они должны были писать ему обо всемъ частными письмами. Докладъ директору — письмо Мѣдникову, а кто зналъ хорошо Зубатова, то писалъ еще и ему. Своеобразно, но впервые Департаментъ полиціи взялъ въ свои руки всѣ нити политическаго розыска въ странѣ и сталъ фактически и дѣловито руководить имъ.

Реформа розыска была встрѣчена крайне недружелюбно въ Корпусѣ жандармовъ и его штабѣ. Была довольна молодежь, т. к. ей давали ходъ по интересной работѣ, но старые начальники управленій, считавшіе себя богами, были обижены. Они офиціально отходили отъ розыска, хотя фактически они имъ серьезно и не занимались. Ихъ значеніе умалялось въ глазахъ мѣстной администраціи, полиціи и обывателя. Къ тому же и кредиты, отпускавшіеся имъ на агентурные расходы переходили къ новымъ органамъ.

Штабъ корпуса видѣлъ въ реформѣ усиливающееся вліяніе Департамента полиціи. Часть офицеровъ уходила изъ подъ его власти, и въ корпусъ вливалось статское начало, т. к. весь укладъ службы и обихода охранныхъ отдѣленій рѣзко отличался отъ жандармскихъ управленій. Появилась новая кличка для части офицеровъ — «департаментскіе» или «охранники».

Губернаторы же въ городахъ, гдѣ открывались охранныя отдѣленія, были довольны. Новые органы становились ближе къ нимъ, чѣмъ вполнѣ независимые жандармскія управленія, и во главѣ ихъ были молодые офицеры, на которыхъ, казалось, можно больше вліять. Офицеры эти, зачастую, сами искали опоры въ губернаторахъ. Самое же главное было то, что губернаторъ и начальникъ охраннаго отдѣленія являлись одинаково заинтересованными въ поддержаніи спокойствія въ губерніи и имѣли общее прямое начальство.

Съ новой реформой всѣ служившіе при Зубатовѣ въ Москвѣ офицеры получили отвѣтственныя назначенія: подполковникъ Сазоновъ былъ назначенъ начальникомъ Петербургскаго охраннаго отдѣленія, ротмистръ Ратко — Московскаго, ротмистръ Петерсенъ — Варшавскаго, ротмистръ Герарди взятъ въ Петербургъ и позже назначенъ начальникомъ дворцовой полиціи. Нѣсколько чиновниковъ и въ томъ числѣ Меньщиковъ были переведены въ Департаментъ въ особый отдѣлъ.

Меня, самаго молодого, назначили начальникомъ Таврическаго охраннаго отдѣленія, которое создавалось въ виду нахожденія въ томъ раіонѣ Императорской Ливадіи. Мнѣ дали о томъ телеграмму въ Абастуманъ и потребовали немедленнаго вступленія въ должность, ввиду предполагавшейся поѣздки въ Ливадію Ихъ Величествъ. Я выѣхалъ въ Крымъ. Для меня началась самостоятельная отвѣтственная служба.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Служба въ Крыму. — Поиски Мельникова. — Севастопольскіе эсъ-эры. — Отъѣздъ Государя изъ Крыма. — Переводъ меня въ Кіевъ. — Отъѣздъ изъ Симферополя. — Петербургъ. — Значеніе Кіева. — Назначеніе меня начальниковъ Кіевскаго Охраннаго отдѣленія. — Пріѣздъ въ Кіевъ. — Губернаторъ Ф. Ф. Треповъ. — Прокуроръ Палаты С. А. Лопухинъ. — Генералъ-губернаторъ Драгомировъ. — Пріемъ отдѣленія. — Генералъ В. Д. Новицкій. — Арестъ Мельникова. — Гершъ-Исааковъ-Ицковъ, онъ-же Григорій Андреевичъ Гершуни. — Розыски Гершуни и его арестъ. — Скандалъ съ Новицкимъ и его уходъ. — Клевета Новицкаго на Плеве.

Пріѣхавъ въ Симферополь, я засталъ администрацію въ волненіи въ виду ожидавшагося Высочайшаго пріѣзда. Вскорѣ Ихъ Величества пріѣхали и прослѣдовали въ Ливадію.

Таврическимъ губернаторомъ въ то время былъ только-что назначенъ Владиміръ Федоровичъ Треповъ, братъ Московскаго. Мнѣ это было очень пріятно. Но городъ былъ еще полонъ воспоминаній о старомъ губернаторѣ Лазаревѣ и его женѣ, при которыхъ жизнь кипѣла весельемъ. Новый губернаторъ требовалъ дѣла.

Знакомиться съ обстановкой Крыма и ставить розыскъ мнѣ приходилось при наличіи Державныхъ Хозяевъ, что было очень трудно. Вскорѣ пріѣхалъ Плеве и проѣхалъ въ Ялту. Впервые я представился тогда ему, и онъ говорилъ со мной какъ съ молодымъ, неопытнымъ, но недурнымъ ученикомъ. Департаментъ-же полиціи въ это время засыпалъ меня телеграммами о розыскѣ и арестѣ утеряннаго наблюденіемъ въ Саратовѣ террориста Мельникова, который направился въ Крымъ, что очень безпокоило Петербугъ. Мнѣ прислали знавшихъ его въ лицо филеровъ. Всѣ поѣзда между Симферополемъ и Севастополемъ сопровождались филерами и жан-

дармами, на почтовыхъ-же станціяхъ были учреждены дежурства. Автомобилей тогда еще не было. Я метался между главными пунктами. Въ самомъ Севастополѣ эсъ-эровская группа съ докторомъ Никоновымъ и его друзьями наблюдалась очень хорошо. Мы знали все, что дѣлалось у нихъ. Знали, какъ ѣздятъ они въ одинъ изъ пригородныхъ хуторовъ и мастерятъ тамъ на гектографѣ прокламаціи. Въ городѣ-же, получая корреспонденцію, читаютъ ее всегда передъ каминомъ: чуть подозрительный шорохъ — жандармы — все летитъ въ пламя. Знали кое что и другое. Но Мельникова все таки не находили, что Петербургу не нравилось.

Въ началѣ Декабря Государь съ семьей возвратился изъ Ливадіи въ Севастополь, чтобы слѣдовать на Сѣверъ. Былъ ясный осенній день. Красавецъ «Штандартъ» подъ брейдъ-вымпеломъ Его Величества гордо величественно подходитъ къ Царской Пристани. Онъ точно сознаетъ, кого имѣетъ на борту. Государь съ семьей на палубѣ. Флигель-Адъютантъ полковникъ Мосоловъ держитъ на рукахъ одну изъ Великихъ Княженъ. — «Какой счастливецъ» — говорятъ на пристани. Играютъ гимнъ. Салютуетъ почетный караулъ. Съ рейда, съ горы, со всѣхъ сторонъ несется «ура»...

Все промелькнуло быстро, какъ хорошій сонъ. «Они» уѣхали, и стало какъ-то особенно будничнo и сѣро.

Не прошло и нѣсколько дней послѣ того, не успѣли мы съ женой налюбоваться пожалованными мнѣ прелестными дамскими часиками съ брилліанговымъ орломъ, какъ я получилъ телеграмму о назначеніи меня начальникомъ Кіевскаго охраннаго отдѣленія съ требованіемъ ликвидировать дѣла и прибыть въ Петербургъ. Я только что сталъ привыкать къ мѣсту, мы только что распаковали вещи и—опять укладываться, опять переѣзжать... Жена плакала. Откажись. Мнѣ жалко покидать Крымъ, но ничего не подѣлаешь. Стали спѣшно собираться и, спустя немного, я уже ѣхалъ въ Петербугъ.

Начальство приняло меня въ Петербургѣ очень внимательно. Кіевомъ тогда очень интересовались. Послѣдніе террористическіе акты были связаны съ Кіевомъ. По даннымъ департаментской агентуры, глава Боевой организаціи Гершуни тяготѣлъ къ Кіеву, и тамъ гдѣ-то витала и Брешко-Брешковская. Перлюстрація указывала, что на Кіевъ идетъ изъ-заграницы переписка по Боевой организаціи. Она шла даже и открытками. То получится изображеніе красной вѣдьмы, то всадникъ, взявшій барьеръ — понимай, что кто-то перемахнулъ границу. Сгустившуюся около Кіева конспирацію надо было распутать и ликвидировать, а главное надо было изловить Гершуни.

Кромѣ того, изъ Кіева-же соціалъ-демократы распространяли въ большомъ количествѣ по всему Югу прокламаціи, отпечатанныя косымъ шрифтомъ. Надо было отыскать и эту типографію.

Начальство было недовольно начальникомъ Кіевскаго управленія генераломъ Новицкимъ. Управленіе ничего не знало. Плохо былъ освѣдомленъ и порекомендованный Новицкимъ первый начальникъ охраннаго отдѣленія, почему туда и рѣшили назначить розыскного офицера, прошедшаго охранное отдѣленіе. А. А. Лопухинъ далъ мнѣ нѣсколько цѣнныхъ житейскихъ совѣтовъ. Одному въ жизни не прожить, говорилъ онъ мнѣ, между прочимъ, надо имѣть поддержку, и онъ совѣтовалъ мнѣ найти ее въ прокуратурѣ. Прокуроромъ-же палаты въ Кіевѣ былъ его дядя.

Зубатовъ хотѣлъ начать тогда и въ Кіевѣ легализацію рабочаго движенія и говорилъ со мной на эту тему. Это было одновременно съ началомъ Одесской лега-

лизаціи. Плеве благословлялъ на работу. Я упрашивалъ Зубатова не начинать пока легализацію въ Кіевѣ, а дать мнѣ сначала время и возможность заняться только революціей, а тамъ видно будетъ. Онъ уступилъ, и легализація миновала Кіевъ.

Въ началѣ Января 1903 года, я пріѣхалъ въ Кіевъ и прежде всего явился генералу Новицкому. Принялъ онъ меня холодно. Онъ ненавидѣлъ Зубатова, и это перекладывалось на меня и къ тому-же меня назначили смѣнить его любимаго офицера, котораго признали несоотвѣтствующимъ должности начальника охраннаго отдѣленія, хотя вообще онъ былъ хорошій офицеръ.

Губернаторъ Ф. Ф. Треповъ, генералъ, братъ двухъ Треповыхъ, съ которыми мнѣ уже приходилось служить, принялъ меня хорошо. Онъ былъ на уходѣ. Плеве былъ недоволенъ имъ за демонстрацію 1902 г., которая прошла въ Кіевѣ съ большой помпой, чѣмъ революціонеры очень гордились и хвастались, и поэтому Плеве считалъ Трепова слишкомъ мягкимъ.

Прокуроръ палаты Лопухинъ производилъ впечатлѣніе хорошаго стараго московскаго барина. Спокойный, онъ смотрѣлъ на меня покровительственно свысока. Говорилъ онъ слегка картавя, а слово филеръ произносилъ на французскій манеръ, что имѣло какой-то особый шармъ. Чувствовалось, что въ немъ можно найти благожелателя.

Съ трепетомъ ѣхалъ я являться генералъ-губернатору генералъ-адъютанту Драгомирову, который былъ и командующимъ войсками округа. Про него ходило много легендъ и анекдотовъ. Въ Петербургѣ меня предупреждали, что онъ либералъ, что онъ не любитъ жандармовъ и въ очень плохихъ отношеніяхъ съ Новицкимъ. Разсказывали, что когда-то, когда Драгомировъ былъ помоложе и любилъ выпить, онъ какъ-то закутилъ и веселился дня три. И будто-бы тогда Новицкій написалъ на него докладъ въ Петербургъ. Узнавъ о томъ, Драгомировъ послалъ телеграмму Государю Александру III-му такого содержанія: «Третій день пью здоровье Вашего Императорскаго Величества». И будто-бы получилъ въ отвѣтъ: «Пора-бы и перестать».

Драгомировъ возненавидѣлъ Новицкаго и, при первой-же послѣ этого встрѣчѣ съ нимъ, повернулся къ Новицкому спиной, низко нагнулся и, раздвинувъ фалды сюртука, сказалъ: — «Виноватъ, Ваше Превосходительство, сѣките, виноватъ!» Анекдотъ этотъ былъ очень распространенъ. Все это не предвѣщало ничего хорошаго, и я естественно волновался.

Въ большой пріемной дома командующаго войсками выстроилось человѣкъ двадцать разнаго званія и положенія. Вышелъ Драгомировъ. Крупный, въ сѣрой казачьей черкескѣ съ кинжаломъ, съ Георгіемъ на шеѣ, болѣзненный на видъ, онъ обходилъ по очереди всѣхъ представлявшихся. Дошелъ до меня; я представился. Внимательно всматриваясь въ меня и спросивъ, въ чемъ будетъ заключаться моя служба и кому я буду подчиняться, Драгомировъ признесъ съ разстановкой: — «Такъ, такъ... ну дай Богъ, дай Богъ» и ухмыляясь подалъ мнѣ руку.

Когда же я одѣвался уже въ швейцарской, сверху вдругъ послышался голосъ Драгомирова: — «Ротмистръ, ротмистръ!»

Я сталъ сбрасывать пальто и подбѣжалъ къ лѣстницѣ, а Драгомировъ продолжалъ кричать сверху: — «Ротмистръ, Вы мнѣ артиллеристиковъ то моихъ раздѣлайте, хорошенько раздѣлайте, прощайте!»

Я уходилъ ободренный. Пріемъ генералъ-губернатора мнѣ понравился. Его фраза объ артиллеристахъ была знаменательна: это своего рода картъ-бляншъ относительно военныхъ.

Я представился затѣмъ его помощнику генералу Сухомлинову, который отвѣтилъ мнѣ визитомъ въ тотъ же день и поздравилъ меня съ успѣхомъ у генералъ-

губернатора. Я сталъ принимать отдѣленіе. Въ качествѣ сотрудниковъ мнѣ были представлены два студента, изъ которыхъ ни одинъ никакихъ партійныхъ связей не имѣлъ, да одинъ рабочій желѣзнодорожникъ, это было все. Канцелярію составляли три человѣка, которые были въ ссорѣ и другъ съ другомъ не разговаривали.

На своей квартирѣ предшественникъ передалъ мнѣ двѣ увѣсистыхъ кипы записокъ Департамента полиціи съ копіями перлюстрированныхъ писемъ. Перевязавъ кипы веревкой, я увезъ ихъ къ себѣ въ гостиницу. Начавъ разбираться, я увидѣлъ, что бумаги тѣ были нечитаны, а если и читаны, то исполненія по нимъ не дѣлалось никакого. Между тѣмъ въ письмахъ былъ цѣннѣйшій матеріалъ по эсъ-эрамъ. Недовольство Кіевомъ мнѣ стало понятно. Припявъ филеровъ и денежный ящикъ, я донесъ о вступленіи въ должность и приступилъ къ работѣ. Но работа эта вначалѣ сильно осложнялась ненормальнымъ отношеніемъ съ генераломъ Новицкимъ.

Генералъ Новицкій въ жандармско-революціонномъ мірѣ являлся знаменитостью. Онъ 25 лѣтъ состоялъ начальникомъ одного и того же Кіевскаго жандармскаго управленія и прослужилъ ихъ довольно талантливо и громко. Боролся онъ нѣкогда съ народовольцами и съ успѣхомъ. Былъ въ молодости красивъ и представителенъ. Но это было все.

Когда я встрѣтился съ Новицкимъ, это былъ тучный генералъ съ короткой шеей, бритый, съ энергичной сѣдой головой, съ черными нафабренными усами и бровями, съ живыми глазами. Говорилъ громко. Одѣвался отлично. Дома ходилъ по старинному въ бѣломъ жилетѣ съ Владиміромъ на шеѣ и въ разстегнутомъ сюртукѣ.

Онъ весь былъ въ прошломъ и любилъ разсказывать про былые дни и дѣла. Новаго революціоннаго движенія онъ не зналъ. Агентуры настоящей не имѣлъ. Отъ Витте, послѣ открытія Кіевскаго Политехническаго Института, онъ получалъ на спеціальную по нему агентуру десять тысячъ въ годъ, но это было ихъ обоихъ частное дѣло. Во всѣхъ городскихъ сплетняхъ и передрягахъ былъ отлично освѣдомленъ. Играя каждый день въ карты въ клубѣ съ мѣстными тузами, между которыми были и евреи, считалъ, что получаетъ отъ нихъ богатѣйшій освѣдомительный матеріалъ...

Полиція, чиновники, мирное населеніе его боялись очень, активные же революціонеры надъ нимъ подсмѣивались. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда, зная о предстоящемъ 25-ти лѣтнемъ юбилеѣ генерала по должности начальника управленія, мѣстный комитетъ Росс. Соц.-Дем. Раб партіи выпустилъ посвященную ему крайне ядовитую прокламацію - адресъ, отпечатанную во множествѣ экземпляровъ «косымъ» шрифтомъ.

Окинувъ прошлую службу генерала и указавъ на преслѣдованія, которымъ подвергались отъ него разныя мѣстныя организаціи, комитетъ благодарилъ генерала за исключительно снисходительное къ нему отношеніе, благодаря чему комитетъ, де, могъ работать спокойно и его типографія успѣла «стереть» свой косой шрифтъ. И вотъ, мѣняя послѣдній на другой, комитетъ считаетъ своимъ долгомъ поблагодарить юбиляра. Прокламація била не въ бровь, а въ глазъ и доставила генералу много непріятныхъ минутъ.

Открытіе охраннаго отдѣленія въ городѣ Новицкій считалъ какъ бы личнымъ оскорбленіемъ, а меня своимъ личнымъ врагомъ. Такое отношеніе вліяло и на офицеровъ. Все это далеко не облегчало и безъ того не легкую работу. Приходилось разсчитывать только на себя. Скоро счастливый случай подбодрилъ и меня, и моихъ подчиненныхъ.

Однажды въ концѣ Января 1903 года филеры встрѣтили неожиданно на улицѣ боевика Мельникова, котораго мы такъ тщетно искали въ Крыму, но Мельниковъ сумѣлъ удрать. Я былъ внѣ себя. Не окончивъ Горнаго Института, Мельниковъ сдѣ-

лался профессіональнымъ революціонеромъ, перешелъ на нелегальное положеніе и являлся какъ бы помощникомъ Гершуни по Боевой Организаціи. Онъ принималъ большое участіе въ подготовкѣ убійства Сипягина, стоялъ близко къ одной изъ эсъ-эровскихъ типографій и исполнялъ роль разъѣзднаго агента. Неудача съ Мельниковымъ являлась большою оплошностью Я разнесъ филеровъ. Были приняты всѣ возможныя мѣры и на другой же день филеры арестовали его. Наткнувшись на филеровъ, Мельниковъ бросился бѣжать, юркнулъ въ одинъ изъ дворовъ и закупорился въ уборной. Взломали дверь и взяли его.

Онъ жилъ подъ фамиліей Завадскаго и, какъ оказалось, пріѣхалъ въ Кіевъ изъ Крыма, уѣхавъ оттуда передъ пріѣздомъ Царя. На квартирѣ у него былъ найденъ большой складъ новой эсъ-эровской литературы и въ томъ числѣ манифестъ «южной» партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Арестомъ Мельникова начальство было очень довольно, и потому мы всѣ получили награды, и это насъ очень ободрило. Еще больше, чѣмъ раньше, всѣ мысли и старанія были направлены теперь на Гершуни, роль и значеніе котораго были уже совершенно ясны.

Шавельскій мѣщанинъ, провизоръ Гершъ Исааковъ Ицковъ, онъ же Григорій Андреевичъ Гершуни, Гершунъ или Гершунинъ, являлся создателемъ и диктаторомъ Боевой организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Онъ организовалъ убійство Сипягина и покушеніе на Оболенскаго, подготовлялъ убійство Побѣдоносцева и Клейгельса. Азефъ былъ знакомъ съ нимъ, зналъ про эти его предпріятія, но свѣдѣнія о нихъ Департаменту не давалъ, сообщая лишь о Гершуни въ общихъ чертахъ.

Убѣжденный террористъ, умный, хитрый, съ желѣзной волей, Гершуни обладалъ исключительной способностью овладѣвать той неопытной, легко увлекающейся молодежью, которая, попадая въ революціонный круговоротъ, сталкивалась съ нимъ. Его гипнотизирующій взглядъ и вкрадчивая убѣдительная рѣчь покоряли ему собесѣдниковъ и дѣлали изъ нихъ его горячихъ поклонниковъ. Человѣкъ, надъ которымъ начиналъ работать Гершуни, вскорѣ подчинялся ему всецѣло и дѣлался безпрекословнымъ исполнителемъ его велѣній. Ему особенно поклонялись революціонныя дѣвицы. Въ Кіевѣ былъ цѣлый кружокъ такихъ восторженныхъ революціонерокъ, изъ которыхъ выработалось нѣсколько террористокъ.

Частью лично, частью черезъ своихъ сподручныхъ Гершуни подыскивалъ подходящихъ для террора людей и начиналъ работать надъ ними. Такъ распропагандировалъ онъ и направилъ на убійство слабовольнаго Балмашева. Онъ давилъ на него своимъ вліяніемъ до послѣдняго дня. Дѣйствуя на Балмашева, онъ въ то же время обрабатывалъ слабохарактернаго артиллерійскаго поручика Григорьева и его будущую жену Юрковскую, которая одно время была восторженной поклонницей Гершуни, чѣмъ, конечно, тотъ и пользовался. Онъ систематически подталкивалъ ихъ на убійство Побѣдоносцева и Клейгельса и, добившись согласія, въ теченіе нѣсколькихъ дней навѣщалъ ихъ, чтобы поддерживать въ нихъ революціонный пылъ и рѣшимость. И въ день похоронъ Сипягина они пошли стрѣлять въ намѣченныя жертвы, но оставшись одни, безъ своего злого генія, они оказались сами собою и совершить убійства не рѣшились.

Они постарались затѣмъ совсѣмъ отойти отъ Гершуни и его террора, но это было не такъ то легко. Запутавъ ихъ уже въ конспирацію, заставивъ ихъ уже сдѣлать кое-что преступное и тѣмъ скомпрометировать себя, Гершуни не оставлялъ ихъ въ покоѣ. Уѣхавъ изъ Петербурга, онъ посылалъ къ нимъ то Мельникова, то Ремян-

никову, и тѣ, выполняя его порученія, старались склонить ихъ на преступленіе. Они напоминали имъ данныя ими обѣщанія, Ремянникова же даже угрожала. Такъ фабриковались «идейные» террористы.

Тупого хохла столяра Кочуру сперва натаскивалъ сподручный Гершуни — Аронъ Вейценфельдъ, а затѣмъ за него взялся самъ Гершуни. Онъ въ теченіе нѣсколькихъ дней гуляетъ съ нимъ въ окрестностяхъ Кіева, уговаривая на «подвигъ», расписывая ему, какимъ онъ окажется «героемъ». И когда тотъ согласился, наконецъ, убить Оболенскаго, Гершуни держитъ его въ рукахъ до самаго момента стрѣльбы въ Харьковскомъ саду Тиволи. Въ ожиданіи выхода Оболенскаго они сидятъ на скамейкѣ. Кочура хочетъ закурить, но Гершуни выхватываетъ портсигаръ — не смѣй развлекаться. Выходитъ Оболенскій и Гершуни толкаетъ Кочуру — иди, стрѣляй, и самъ исчезаетъ...

Самъ Гершуни остороженъ до крайности. Онъ только внушаетъ, натаскиваетъ и толкаетъ на дѣло. Дѣйствуютъ-же другіе. Нужны, напримѣръ, револьверы и патроны — онъ даетъ деньги Григорьеву и Кочурѣ, и первый покупаетъ по его велѣнію патроны для Балмашева, второй же для себя. Правда Гершуни самъ отравляетъ пули стрихниномъ, но на то онъ и провизоръ. Нужно написать послѣ убійства Сипягина письма за-границу, онъ ихъ составляетъ, но пишетъ не онъ самъ. Одно письмо пишетъ по его указанію Ремянникова, другое-же подъ его диктовку пишетъ Юрковская.

У Гершуни все продумано и на послѣ убійства. Мстить Оболенскому онъ посылаетъ русскаго Кочуру, хотя на стрѣльбу вызывался еврей. Важно, чтобы потомъ узнали, что за крестьянъ мстилъ крестьянинъ. Посылая на убійство Балмашева, Кочуру и Григорьева, онъ заставляетъ ихъ писать свои біографіи и письма къ товарищамъ. Надо, чтобы это осталось для потомства. Прійдя за этимъ къ Кочурѣ въ гостиничный номеръ, онъ предупредительно вынулъ изъ кармана перо, бумагу и чернила. И тотъ пишетъ. Если-же литература не выходитъ, Гершуни говоритъ, что напишетъ и поправитъ самъ. Сколько такихъ писемъ и рѣчей казненныхъ революціонеровъ, которыхъ они никогда не писали и не произносили, выдаются за подлинныя благодаря Гершуни и ему подобнымъ дѣятелямъ.

Рядомъ продуманныхъ дѣйствій, постепенно, но вѣрно втягивалъ Гершуни въ терроръ намѣченныхъ ему лицъ, и тѣмъ не оставалось ничего иного, какъ исполнить его велѣнія. Есть что то сатанинское въ этомъ давленіи и вліяніи Гершуни на свои жертвы. Кочура дрожалъ передъ нимъ. Онъ началъ давать о немъ показанія въ тюрьмѣ только тогда, когда увидѣлъ его фотографію, на которой тотъ былъ снятъ въ арестантскомъ халатѣ и въ кандалахъ.

«Федоръ Петровичъ» для однихъ, Брентовъ и Кауфманъ для другихъ, всегда снабженный нѣсколькими подложными паспортами, Гершуни казался неуловимымъ. Плеве сердился. Однажды онъ призвалъ къ себѣ Зубатова и, указавъ ему на стоявшую на письменномъ столѣ фотографію Гершуни, сказалъ, что карточка эта будетъ украшать его столъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не будетъ арестованъ. И департаментъ дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы арестовать Гершуни. Фотографіи и примѣты Гершуни были разосланы по всѣмъ розыскнымъ учрежденіямъ и пограничнымъ пунктамъ. Былъ пущенъ слухъ, что за его арестъ дадутъ премію — пятнадцать тысячъ. Начальники отдѣленій то и дѣло получали циркуляры, напоминанія, письма. То тамъ, то здѣсь брали по ошибкѣ лицъ, похожихъ на Гершуни. Была такая ошибка сдѣлана желѣзнодорожниками жандармами и въ Кіевѣ. Задержали пассажира перваго класса, очень походившаго на Гершуни, и продержали его часа два, пока не удалось установить его самоличность.

Въ Кіевѣ я старался попасть на слѣдъ Гершуни агентурой. Мало по малу у меня начались освѣщенія эсъ-эровской среды. Удалось установить, куда поступаютъ письма, получавшіяся изъ-за границы по дѣламъ Боевой организаціи и присылавшіяся въ Кіевъ на адресъ учительницы англійскаго языка Алисы Лойдъ. Она передавала ихъ одной изъ своихъ ученицъ барышнѣ Рейнботъ, а та своей матери, которая состояла въ нелегальномъ красномъ крестѣ. Будучи женой члена С-П-Бургскаго Окружного Суда, имѣя нѣкоторыя связи, эта почтенная пособница революціи думала, что она внѣ всякихъ подозрѣній и опасностей. Она и передавала письма одному изъ комитетчиковъ. Въ квартирѣ ея скрывались иногда и нелегальные.

Удалось подойти и къ конспиративной квартирѣ мѣстнаго комитета, въ качествѣ которой служила одна лѣчебница на Бессарабскомъ базарѣ, гдѣ проживала фельдшерица Роза Рабиновичъ, черезъ которую многое дѣлалось. Въ той лѣчебницѣ, говорили, скрывалась какъ-то «бабушка» подъ видомъ простолюдинки съ платочкомъ на головѣ. Были и еще кое-какіе подходы. Указанныя агентурой мѣста и лица наблюдались филерами, но слуховъ о Гершуни не было.

Въ ночь съ 5-го на 6-ое Мая 1903 г. я узналъ, что въ комитетѣ идутъ разговоры о томъ, что завтра 6-го Мая будетъ убитъ въ Уфѣ губернаторъ. Я телеграфировалъ въ Уфу и въ департаментъ, и на другой день получилъ телеграмму изъ Уфы, что губернаторъ убитъ. Очевидно телеграмма наша запоздала. Мы насторожились и усилили наблюденіе за конспиративной квартирой. Снявъ номеръ въ гостиницѣ окнами на лѣчебницу, черезъ площадь, мы вели оттуда наблюденіе день и ночь. Агентура была предупреждена быть вообще повнимательнѣе. Повидался я тогда съ однимъ господиномъ, у котораго до моего пріѣзда останавливался иногда Гершуни, но тотъ господинъ выказалъ такой страхъ передъ Гершуни, что за его квартирой я поставилъ наблюденіе, думая, что Гершуни можетъ заявиться туда, и онъ его укроетъ и дастъ ему пріютъ. Это былъ сотрудникъ — трусъ.

13-го Мая утромъ явился ко мнѣ на квартиру совершенно необычно одинъ изъ моихъ сотрудниковъ, по имени «Конекъ», и сообщилъ, что въ мѣстномъ комитетѣ получена телеграмма, которая очень всѣхъ взволновала. Что, видимо, долженъ пріѣхать кто-то очень важный. Чувствовалось, что Конекъ что-то не договариваетъ. Какъ ни старался я узнать что либо еще — не выходило, а по глазамъ видно, что знаетъ больше, но что сказать боится. Гершуни — подумалъ я. Я перевелъ разговоръ на другую тему и попрощался съ нимъ, какъ бы не придавъ услышанному большого значенія.

Разставшись съ Конькомъ, я послалъ первую въ тотъ день телеграмму директору о полученныхъ свѣдѣніяхъ, прибавивъ, что по моему предположенію они касаются Гершуни. Очень ужъ волновались въ лѣчебницѣ.

Забравъ затѣмъ интересные эсъ-эровскіе адреса, я поѣхалъ къ начальнику почтово-телеграфнаго округа, прося установить, не получались ли на кого-либо изъ нихъ депеши вчера или сегодня. Вскорѣ онъ мнѣ сказалъ, что была депеша на имя Рабиновичъ по адресу лѣчебницы. Я попросилъ копію депеши, но она была принята по аппарату Юза, а въ такихъ случаяхъ лента наклеивается на бланкъ и въ бюро слѣда не остается. Волнуясь, я сталъ просить добыть копію и симпатичный старикъ обѣщался затребовать служебное повтореніе.

Распрощавшись съ нимъ, я поѣхалъ домой, приказалъ снять наблюденіе съ эсъдэковъ и собрать всѣхъ освободившихся людей въ отдѣленіе. Въ канцеляріи скрытое волненіе. Моя нервность передается служащимъ.

Часа черезъ два томительнаго ожиданія послышался звонокъ по телефону отъ начальника округа: просятъ пріѣхать. Спѣшу. Начальникъ округа подалъ мнѣ синій бланкъ. Едва скрывая волненіе читаю:

«Папа пріѣдетъ завтра. Хочетъ повидать Федора. Дарниціенко». Перечитываю депешу нѣсколько разъ, не вѣря своимъ глазамъ. Все ясно. Я поблагодарилъ горячо начальника округа и помчался домой. Конечно, все ясно, думалось мнѣ. Папа — это Гершуни; Федоръ — одно изъ наблюдаемыхъ лицъ; Дарниціенко — мѣсто назначеннаго свиданія — станція Дарницы. Иначе не можетъ быть! И въ головѣ стучитъ, что и какъ надо сдѣлать.

Пріѣхавъ домой, въ отдѣленіе, я позвалъ завѣдующаго наружнымъ наблюденіемъ. Мы обсудили съ нимъ положеніе дѣлъ. Онъ согласился съ моими заключеніями. Мы сдѣлали наряды на желѣзнодорожныя станціи: Кіевъ—первый, Кіевъ—второй, Дарница и Боярка и оставшимися людьми усилили наблюденіе за эсъ-эрами. Я приказалъ собрать филеровъ, чтобы сказать нѣсколько словъ. Говорить съ ними было легко. Всѣ они были запасные унтеръ-офицеры изъ войскъ. Я предупредилъ ихъ, что по полученнымъ свѣдѣніямъ къ намъ долженъ пріѣхать Гершуни, и что его надо арестовать во что бы то ни стало, что все, что зависѣло отъ меня, какъ начальника розыска, я сдѣлалъ и что теперь уже дѣло наружнаго наблюденія. Я требовалъ быть внимательнѣе, дѣйствовать умно и рѣшительно и приказалъ провѣрить, заряжены ли у всѣхъ браунинги. Люди были наэлектризованы. Отвѣтомъ мнѣ было военное: — «постараемся, господинъ начальникъ».

Наряды ушли. Въ наблюденіе отправлены всѣ, даже канцеляристы. Остались лишь дежурные. Я отправилъ директору вторую телеграмму, указавъ, какъ я понялъ добытую съ телеграфа депешу и какія приняты окончательныя мѣры для ареста Гершуни.

Между тѣмъ Гершуни, подавъ послѣ Воронежа со станціи Нижнедѣвицкъ телеграмму, спокойно продолжалъ свой путь. Совершивъ удачно убійство Богдановича, онъ предполагалъ побывать въ Кіевѣ, проѣхать въ Смоленскъ по дѣламъ и затѣмъ перебраться за-границу. Осторожный ко всему, онъ внимательно посматривалъ на проходившихъ иногда кондукторовъ, стараясь закрываться при появленіи ихъ газетой, какъ будто читая ее.

Около 6-ти часовъ вечера дежурившіе на станціи Кіевъ—второй филеры встрѣтили шедшій въ Кіевъ пассажирскій поѣздъ. Когда поѣздъ остановился, изъ вагона вышелъ хорошо одѣтый мужчина въ фуражкѣ инженера съ портфелемъ въ рукахъ. Оглянувшись разсѣянно, инженеръ пошелъ медленно вдоль поѣзда, посматривая на колеса и буфера вагоновъ. Вглядываясь въ него, наши люди не двигались. Поѣздъ свистнулъ и ушелъ. Инженеръ остался. Какъ будто бы «онъ», думали филеры, но сходства съ карточкой нѣтъ! Вдругъ инженеръ остановился, нагнулся, сталъ поправлять шнурки на ботинкахъ и вскинулъ глазами вкось на стоявшихъ поодаль филеровъ. Этотъ маневръ погубилъ его. Взгляды встрѣтились. «Нашъ» — сказалъ старшій филеръ; — «глаза его, съ косиной, онъ».

Филеры стали еще осторожнѣе. Каждый дѣлалъ свое дѣло. Всѣ были одѣты по разному, двое богомольцами. Близко была Лавра.

Оправившись, Гершуни пошелъ вдоль полотна и направился къ городу. Пошли и филеры. Арестовывать его было нельзя: мѣсто неудобное, городъ далеко, можетъ уйти. Стали подходить къ конечной станціи конки, что шла по Большой Васильковской улицѣ отъ станціи «Лыбедь», до самой лѣчебницы Рабиновичъ. Гершуни подошелъ къ ларьку минеральныхъ водъ и спросилъ лимонаду. Онъ очень волновался: рука дрожала, стаканъ ходилъ. Выпивъ кое-какъ лимонадъ и расплатившись, онъ

направился къ вагону. Двое филеровъ опередили его и заняли площадку. Гершуни блѣдный какъ полотно зашатался. Задніе филеры схватили его: «Вы арестованы!»...

Появились извозчики, городовой.

Задержаннаго усадили съ двумя конвоирами на передняго извощика, остальные усѣлись на заднемъ и всѣ поѣхали въ Старокіевскій участокъ Было уже темно. Гершуни старался улыбаться, говорилъ, что агенты, очевидно, ошиблись, что онъ ничего дурного не сдѣлалъ, что, очевидно, это недоразумѣніе. Филеры соглашались, что можетъ быть это и такъ, и что въ Старокіевскомъ разберутъ.

Это, видимо, успокоило задержаннаго. Ему разрѣшили закурить. Такъ доѣхали до участка. Послали за мной.

Я въ тотъ моментъ былъ на свиданіи въ конспиративной квартирѣ. Услыхавъ отъ прибѣжавшаго нарочнаго, что «шляпа» арестованъ, я полетѣлъ съ нимъ въ Старокіевскій участокъ. Встрѣтивъ по дорогѣ товарища прокурора палаты Корсака, я схватилъ его на радостяхъ, расцѣловавъ и, сказавъ, что случилось, помчался дальше.

На лѣстницѣ участка перевожу духъ, стараюсь казаться спокойнымъ, вхожу.

Большая комната полна народу: филеры, чиновники, полиція. Лица возбужденныя. Спрашиваю — «гдѣ онъ?» Показываютъ. Никакого сходства съ фотографіей.

— «Кто Вы такой, какъ ваша фамилія?» — обращаюсь я къ задержанному.

— «Нѣтъ, Вы кто такой! — закричалъ на меня Гершуни. «Какое право имѣли эти люди задержать меня? Я — Родъ, вотъ мой паспортъ, выданный Кіевскимъ Губернаторомъ. Я буду жаловаться!»

— «Ну и нахалъ же» — подумалъ я.

Назвавъ себя, я продолжалъ:

— «Что же касается васъ, то вы не господинъ Родъ, а Григорій Андреевичъ Гершуни. Я Васъ знаю по Москвѣ, гдѣ вы были арестованы».

Гершуни сразу какъ бы осѣлъ.

— «Я не желаю давать никакихъ объясненій», проговорилъ онъ рѣзко.

— «Это ваше дѣло» — отвѣтилъ я и приказалъ произвести личный осмотръ.

Изъ задняго кармана вынули браунингъ, заряженный на всѣ семь. Въ карманѣ былъ еще восьмой патронъ. Въ стволѣ налетъ отъ выстрѣла. При немъ оказалось 600 слишкомъ рублей и 500 франковъ, записная книжка съ шифрованными помѣтками, пузырекъ съ безцвѣтной жидкостью и два паспорта на имя Родъ, изъ которыхъ одинъ заграничный, фальшивый.

Въ портфелѣ же, который составлялъ весь его багажъ, была чистая смѣна бѣлья и нѣсколько мелко исписанныхъ листковъ. Оказалось, что то были: черновикъ прокламаціи объ усмиреніи рабочихъ въ Златоустѣ, черновикъ прокламаціи Боевой организаціи объ убійствѣ Богдановича и двѣ статьи о томъ же убійствѣ. По прочтеніи ихъ не оставалось сомнѣнія, что Гершуни ѣхалъ прямо съ убійства Богдановича, что онъ являлся авторомъ и приговоровъ объ убійствахъ, печатавшихся отъ имени Боевой организаціи и отчетовъ объ убійствахъ, а также авторомъ и хвалебныхъ гимновъ о Боевой организаціи и ея работѣ, т. е. о самомъ себѣ!!

Во все время производства обыска и писанія протокола Гершуни угрюмо молчалъ, вскидывая иногда глазами на кого либо изъ присутствующихъ.

Только при чтеніи протокола, замѣтивъ дату 13-е Мая, онъ сказалъ, саркастически улыбаясь:

— «Жандармамъ и тринадцать везетъ!»

Послѣ составленія протокола Гершуни поступилъ въ распоряженіе жандармскаго управленія и былъ заключенъ въ камеру при Старокіевскомъ участкѣ. Роль охраннаго отдѣленія была окончена. Мы наше дѣло сдѣлали.

Вернувшись домой и выслушавъ доклады филеровъ, арестовавшихъ Гершуни, я горячо поблагодарилъ ихъ и послалъ третью телеграмму директору, уже объ арестѣ, въ которой просилъ разрѣшенія не производить въ цѣляхъ сохраненія отъ провала агентуры никакихъ партійныхъ арестовъ.

Сдѣлавъ все это, я поѣхалъ къ генералъ-губернатору. Выслушавъ докладъ, генералъ Драгомировъ взялъ меня за плечи, поцѣловалъ и сказалъ: — «Молодчина, и везетъ же Вамъ, молодчина!»

Я насилу сдерживался. Горло сжимало. Нервы гуляли.

Вернувшись домой, я продолжалъ нервничать: какъ бы не убѣжалъ. Всю ночь, какъ говорила потомъ жена, я вскакивалъ, бредилъ, кричалъ. Мнѣ все мерещился побѣгъ...

На слѣдующій день насъ многіе поздравляли. Всѣ спрашивали, конечно, какъ это удалось, на что мы неизмѣнно отвѣчали: случайно, по фотографіи.

Получили мы, наконецъ, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшіяся телеграммы изъ Петербурга, въ отвѣтъ на депешу объ арестѣ.

Начальство и друзья горячо поздравляли и радовались успѣху. Отъ Мѣдникова пришло поздравленіе изъ Уфы. Оказывается, онъ работалъ тамъ съ Летучимъ отрядомъ. Очевидно, Азефъ, не предупредивъ Ратаева, который замѣнилъ Рачковскаго, о готовящемся покушеніи на Богдановича, заднимъ числомъ направлялъ теперь вниманіе Департамента къ Уфѣ. Туда и командировали самого Мѣдникова.

Въ тотъ же день, по телеграммѣ изъ Петербурга, Гершуни заковали въ кандалы. Кандалы до суда, широко практикуемые въ Европѣ, у насъ почти не примѣнялись. Въ данномъ случаѣ они были болѣе, чѣмъ умѣстны. Гершуни театрально поцѣловалъ желѣзо. Вечеромъ его увезли въ Петербургъ подъ сильнымъ конвоемъ въ сопровожденіи жандармскаго офицера.

Арестъ Гершуни встрѣтилъ у высшаго начальства въ Петербургѣ полное удовлетвореніе. Охранное отдѣленіе было хорошо награждено. Всѣмъ моимъ подчиненнымъ дали денежныя награды, завѣдывавшему наружнымъ наблюденіемъ еще и орденъ, мнѣ же былъ Высочайше пожалованъ чинъ подполковника. На такую высокую награду я не имѣлъ даже права разсчитывать. Шелъ всего лишь десятый годъ моей офицерской службы и шестой мѣсяцъ въ чинѣ ротмистра.

Участіе «Конька» въ арестѣ было скрыто для постороннихъ хорошо, но черезъ нѣсколько лѣтъ, благодаря Департаменту, онъ былъ разоблаченъ и его обвинили въ выдачѣ Гершуни. Это несправедливо. Гершуни онъ не выдавалъ и имени его не называлъ.

13-го Мая, генералъ Новицкій не былъ въ Кіевѣ, а находился въ Петербургѣ. Незадолго передъ тѣмъ у насъ съ нимъ произошло большое столкновеніе. Я уже говорилъ, что съ первыхъ же дней моего пребыванія въ Кіевѣ генералъ Новицкій не взлюбилъ меня. Онъ видѣлъ во мнѣ то новое начало въ Корпусѣ жандармовъ, что пришло на смѣну жандармскимъ ветеранамъ, хотя и много послужившимъ государству, но устарѣвшимъ. Онъ органически не могъ мириться съ этимъ, и началась борьба. Съ первыхъ же дней генералъ старался подчинить меня себѣ, но это у него не вышло. По инструкціи я былъ совершенно самостоятеленъ, въ дѣловомъ отношеніи. При первомъ же случаѣ моей поѣздки къ Драгомирову съ докладомъ, генералъ сказалъ мнѣ, что мы поѣдемъ вмѣстѣ. Пришлось согласиться. Поѣхали мы вмѣстѣ и вмѣстѣ вошли въ кабинетъ генералъ-губернатора. Драгомировъ попросилъ насъ сѣсть и, обратившись къ генералу, просилъ его доложить, что есть у него.

Тотъ доложилъ. Помолчавъ немного, хитрый Драгомировъ спросилъ, нѣтъ ли еще чего, и когда услышалъ, что нѣтъ, всталъ и, обращаясь къ генералу Новицкому, сказалъ: — «Благодарю Васъ, Ваше Превосходительство, я Васъ больше задерживать не буду». Генералу пришлось откланяться и уйти, я же остался въ кабинетѣ генералъ-губернатора. Это и много другихъ мелочей дѣлали все болѣе и болѣе наши отношенія натянутыми. Чувствовалось, что это ненормальное положеніе должно чѣмъ нибудь разрѣшиться. Скоро подошелъ и поводъ.

Закончивъ какъ-то розыскъ большой группы эсъ-дековъ, я послалъ генералу докладъ, которымъ, ссылаясь на параграфъ инструкціи, просилъ генерала о производствѣ обысковъ и арестовъ. Генералъ пришелъ въ ярость: — «Какъ онъ, мальчишка, смѣетъ учить меня, что я долженъ дѣлать!»

Онъ приказалъ вызвать меня въ управленіе. Явившись, я засталъ генерала торжественно засѣдавшимъ за громаднымъ столомъ и окруженнымъ всѣми офицерами управленія и товарищами прокурора. Парадъ былъ спеціально приготовленъ для меня.

Едва я успѣлъ поклониться, какъ генералъ, держа въ рукахъ мой докладъ, началъ кричать:

— «Какое право имѣете Вы, ротмистръ, отдавать мнѣ подобныя распоряженія! Какъ смѣете Вы писать мнѣ подобныя предписанія!»

Взявъ себя въ руки, я отвѣтилъ:

— «Вашему Превосходительству я предписаній не давалъ. Я только просилъ Васъ согласно утвержденной министромъ инструкціи о производствѣ обысковъ и арестовъ по законченному мною розыску».

Генералъ совершенно вышелъ изъ себя и, ударивъ кулакомъ по столу, еще громче закричалъ:

— «Вы, ротмистръ, и просить меня объ этомъ не имѣете права. Я Вамъ докажу, ротмистръ, докажу; я...»

Тогда уже я, перебивъ генерала, рѣзко, но спокойно отчеканилъ ему:

— «Просить Ваше Превосходительство я имѣю полное право о чемъ угодно и въ данномъ случаѣ я долженъ это дѣлать и сдѣлалъ. А какъ Ваше превосходительство отнесетесь къ моей просьбѣ, это дѣло Ваше!»

Сказавъ это, я повернулся круто кругомъ по военному, вышелъ изъ комнаты и уѣхалъ въ отдѣленіе. Дома я тотчасъ же телеграфировалъ о происшедшемъ въ Петербургъ, прося перевести меня куда либо въ другое мѣсто ввиду невозможности совмѣстной службы съ генераломъ Новицкимъ. Не успѣлъ я окончить телеграммы, какъ ко мнѣ пріѣхалъ бывшій свидѣтелемъ всего происшедшаго товарищъ прокурора Палаты Корсакъ, дружившій съ генераломъ. Онъ обнялъ меня, выразилъ мнѣ сочувствіе по поводу случившагося, выразилъ удивленіе моей выдержанности на рѣзкости генерала, старался меня успокоить и какъ нибудь уладить происшедшее недоразумѣніе. Я отвѣтилъ ему, что работать въ подобной обстановкѣ я не могу, что не я утверждалъ иструкцію, не я назначалъ себя и въ Кіевъ. Я подчиняюсь генералу въ дисциплинарномъ отношеніи, но по дѣлу я самостоятеленъ и останусь таковымъ. Мнѣ надоѣли эти постоянные уколы, интриги. Вся вина моя въ томъ, что я слишкомъ молодъ по сравненію съ генераломъ. Очевидно, вмѣстѣ мы служить не можемъ; такъ пусть же разберется начальство, кто правъ, кто виноватъ, кто нуженъ, а кто нѣтъ!

Черезъ нѣсколько дней генералъ Новицкій былъ вызванъ въ Петербургъ. Плеве предложилъ ему быть членомъ Совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, но онъ отказался и подалъ въ отставку. Такъ кончилась борьба новаго теченія со старымъ въ

средѣ жандармеріи у насъ въ Кіевѣ. Въ другихъ мѣстахъ она такого обостреннаго характера не носила. Старики ворчали, но уступали позиціи молодежи.

По возвращеніи генерала въ Кіевъ, я согласно устава, представился ему по случаю полученія Высочайшей награды, надѣвъ впервые оффиціально густые штабъ-офицерскіе эполеты.

Генералъ жестоко отомстилъ Плеве за свой уходъ въ своихъ запискахъ, изданныхъ соціалистами-революціонерами еще при царскомъ режимѣ, если только записки дѣйствительно писаны имъ. Онъ обвинилъ Плеве въ попустительствѣ убійству Уфимскаго губернатора Богдановича изъ-за соперничества на романической почвѣ. То была клевета, не имѣвшая, конечно, никакого основанія. Но оппозиціонная печать, конечно подхватила и эту сплетню: въ борьбѣ съ правительствомъ всѣ средства считались позволительными. Наклеветалъ въ тѣхъ запискахъ Новицкій и на меня.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Методы борьбы съ революціей. — Борьба съ эсъ-эрами. — Террористка Фрума Фрумкина. — Покушеніе на Новицкаго. — Товарищъ Александръ. — Работа эсъ-дековъ. — Демонстрація на Прорѣзной. — Комиссія Рафальскаго. — Драгомировъ и что такое филеръ. — Забастовка 1903 года. — Стрѣльба по рабочимъ. — Вице-губернаторъ Штакельбергъ и Драгомировъ. — 1904 годъ. Война. — Обыскъ у богача еврея. — Арестъ эсъ-дековской типографіи. — Первое Мая. — Азефъ глава Боевой организаціи. — Убійство Плеве. — М. И. Гуровичъ и его усердіе. — Работа Азефа. — Драгомировъ и его отъѣздъ изъ Кіева.

Практиковались тогда два метода борьбы съ революціонными организаціями на мѣстахъ. Первый состоялъ въ томъ, что организаціи давали сплотиться и затѣмъ ликвидировали ее, чтобы дать прокуратурѣ сообщество съ бо́льшими по возможности доказательствами виновности. Второй же заключался въ систематическихъ ударахъ по революціоннымъ дѣятелямъ, дабы мѣшать работѣ, не позволять сорганизоваться, проваливать ихъ въ глазахъ ихъ же товарищей, какъ дѣятелей не конспиративныхъ, что влечетъ удаленіе отъ работы, и т. д., иными словами, дѣйствовать системой предупрежденія преступленія, а не только пресѣченіемъ. Первый былъ болѣе эффѣктенъ по результатамъ, второй болѣе правиленъ по существу. Я былъ сторонникомъ второго метода. Мы наносили мѣстнымъ эсъ-эрамъ ударъ за ударомъ, мѣшая имъ. Вскорѣ послѣ ареста Гершуни мы порознь арестовали наиболѣе активныхъ работниковъ. Эсъ-эры массой тогда не владѣли. Партія только-что складывалась. Ихъ кіевскій комитетъ состоялъ изъ евреевъ. Сторонниками партіи въ Кіевѣ была еврейская интеллигентная молодежь, преимущественно дѣвицы. Вліяніе Гершуни сказалось въ томъ, что всѣ онѣ бредили терроромъ.

Какъ то стало мнѣ извѣстно, что въ организаціи ждутъ съ нетерпѣніемъ нѣкую повивальную бабку, убѣжденную террористку. Она устроитъ типографію. Имѣть типографію было мечтой каждой революціонной организаціи. То была Фрума Фрумкина изъ Минска. Нанявъ комнату, она стала оборудовать типографію. Скоро наружное наблюденіе показало, что къ ней принесли деревянную раму, пронесли осторожно, провѣряя, нѣтъ ли наблюденія. На другой же день къ ней нагрянули съ обыскомъ.

Фрумкина была до крайности нехороша собой, даже страшна. Смуглая, черная, съ длиннымъ очень лицомъ, большими непріятными глазами, къ тому же еще хромала. Занимала она небольшую комнатку. Встрѣтила полицію зло, съ руготней, а когда явился я провѣрить обыскъ, она схватила съ окна ножъ и сдѣлала быстрое

движеніе ко мнѣ. Ее схватили и посадили на кровать съ двумя городовыми по бокамъ. Такъ она и просидѣла до конца обыска и злилась ужасно. Послѣ она говорила, что хотѣла всадить въ меня ножъ, но рѣшила, что такою мелочью какъ я не стоитъ заниматься. Еще до того случая, въ Минскѣ, она хотѣла убить жандармскаго полковника Васильева, но ее отговорили. Передъ арестомъ же она хотѣла ѣхать въ Одессу и покончить тамъ съ градоначальникомъ.

Станокъ для печатанія былъ искусно вдѣланъ и замаскированъ въ кухонномъ по виду столѣ. Касса для шрифта была устроена изъ спичечныхъ коробокъ. Было порядочно шрифту. Станокъ еще не начиналъ работать. Фрумкину посадили въ тюрьму. Сидя тамъ, она рѣшила убить генерала Новицкаго. Тотъ еще не успѣлъ сдать управленія. Фрумкина раздобыла въ тюрьмѣ хорошо отточенный ножикъ и подала заявленіе о желаніи дать откровенное показаніе, но только лично генералу Новицкому. Тотъ поддался на удочку и вызвалъ ее на допросъ, хотя уже очень давно никого не допрашивалъ.

Въ маленькомъ кабинетѣ Новицкій и Фрумкина были одинъ на одинъ. Фрумкина наговорила генералу много комплиментовъ и что-то разсказала ему про мѣстныя дѣла. Генералъ былъ доволенъ и сталъ записывать показанія. Этого только Фрумкиной и нужно было. Улучивъ моментъ, она, сидѣвшая немного сбоку генерала, бросилась къ нему и схвативъ лѣвой рукой за голову, правой хотѣла перерѣзать сонную артерію.

Генералъ отмахнулся правой рукой и, какъ человѣкъ сильный, этимъ жестомъ отбросилъ Фрумкину къ стѣнѣ и крикнулъ жандарма.

Стоявшій за дверью жандармъ вбѣжалъ и схватилъ Фрумкину. Вбѣжалъ и я съ однимъ офицеромъ изъ сосѣдней комнаты, гдѣ мы поджидали конца допроса. Взволнованный генералъ прикладывалъ къ шеѣ платокъ, виднѣлась кровь. Какъ фурія ужасная вырывалась изъ рукъ жандармовъ Фрумкина. Ей связали руки веревками. Ее судили и сослали на каторгу. Черезъ нѣсколько лѣтъ она уже въ Москвѣ, состоя въ одной изъ боевыхъ организацій, явилась въ театръ съ цѣлью убить градоначальника, была арестована и повѣшена.

Неудачная постановка типографіи заставила эсъ-эровъ удовольствоваться гектографомъ. Пріѣхавшій нелегальный Федоръ, помѣстившись въ четвертомъ этажѣ, неподалеку отъ лѣчебницы, открылъ у себя цѣлую фабрикацію прокламацій. А такъ какъ обыски производились обычно ночью, то Федоръ занимался печатаніемъ днемъ. Къ вечеру-же онъ такъ очищалъ свою квартирку, что въ ней ничего даже подозрительнаго, не только что предосудительнаго, не оставалось. Ночевалъ-же онъ, гдѣ Богъ пошлетъ. Явились мы къ нему около 4-хъ часовъ дня. Онъ только что приготовилъ гектографскую массу и снималъ первыя прокламаціи. Въ рубашкѣ, засучивъ рукава, съ перемазанными синими пальцами, онъ былъ застигнутъ за работой. Податься было некуда. Федоръ, еврей, назвать себя отказался и предъявилъ фальшивый паспортъ. Это былъ интересный типъ идейнаго, профессіональнаго странствующаго революціонера. То былъ фанатикъ своего дѣла. Такихъ работниковъ давала только еврейская среда. Впрочемъ, Мельниковъ немного походилъ на него, но его натаскалъ Гершуни.

Кружковъ у эсъ-эровъ было мало. Рабочіе тяготѣли или къ Бунду, или къ русскимъ соціалъ-демократамъ. Но вотъ какъ-то пошелъ шумъ, что пріѣхалъ изъ-за границы нѣкій агитаторъ «интеллигентъ» Александръ, работаетъ отлично, говоритъ хорошо, споритъ на дискуссіяхъ съ эсъ-деками умѣло. Нѣсколько недѣль искали мы его и наконецъ взяли какъ-то большую рабочую сходку съ интеллигентомъ. Онъ оказался нелегальнымъ. Послѣ переписи онъ пожелалъ видѣть меня. Привели его

въ отдѣленіе ночью. Небольшого роста рыжеватый еврей, видъ полуинтеллигентный, шустрый.

— «Я — говоритъ, — Александръ, хочу съ Вами работать. Я не вѣрю въ революціонное движеніе, не вѣрю въ руководителей. Все ложь. Я имѣю хорошія связи, меня знаетъ даже «бабушка». Она благословила меня передъ отъѣздомъ сюда, поцѣловала».

Я былъ пораженъ. Какъ, Александръ, о которомъ такъ много говорили, попался внезапно и предлагалъ себя въ сотрудники. Но фактъ на лицо.

Мы долго бесѣдовали съ нимъ. Онъ былъ присланъ изъ-за границы, отъ центра, ставить пропаганду по нашему краю. Я пришелъ къ заключенію, что онъ можетъ принести большую пользу по освѣщенію эсъ-эровскаго центра за-границей, но это уже было внѣ моей компетенціи, а дѣло департамента.

Я подробно описалъ все департаменту и къ удивленію моему получилъ отвѣтъ, что департаментъ въ центральной агентурѣ не нуждается. Я былъ удивленъ и вновь предпринялъ нѣкоторые шаги, чтобы договориться съ особымъ отдѣломъ, но напрасно. Что думаю за странность. Оставаться Александру въ Кіевѣ было неудобно и онъ выѣхалъ за-границу. Писалъ опъ мнѣ оттуда письма и удивлялся, что никто съ нимъ не работаетъ. Письма тѣ попадали департаменту въ перлюстрацію и присылались мнѣ для установокъ.

Дошло до меня наконецъ, что Александръ арестованъ гдѣ-то на границѣ съ транспортомъ и объявленъ провокаторомъ. Все это было очень странно и неясно. Надо полагать, что Азефъ, которому въ департаментѣ по всему вѣроятію открыли Александра, боясь конкуренціи за-границей, не пропустилъ его туда какъ новаго департаментскаго освѣдомителя, а затѣмъ и провалилъ его, какъ сдѣлалъ позже съ Татаровымъ. Отсутствіе перекрестной около Азефа агентуры и дало ему возможность лгать департаменту, какъ онъ хотѣлъ. Провѣрки надъ нимъ не было.

Нѣсколько иной характеръ носила работа у соціалъ-демократовъ. У нихъ въ Кіевѣ было больше кружковъ. Кружки дѣлились на кружки Росс.-Соц.-Дем.-Рабочей Партіи и Бундовскіе. Комитетъ первой состоялъ частью изъ русскихъ, частью изъ евреевъ и былъ хорошо законспирированъ. Его типографія отлично работала. Въ кружкахъ шли правильныя занятія. Часто устраивались сходки. Сходки происходили обычно на квартирахъ, но съ наступленіемъ теплаго времени устраивались массовки. За городомъ, гдѣ либо въ лѣсу, собирались какъ на прогулку сорганизованные рабочіе. Выступали ораторы. Раздавались призывы къ пролетаріату: бороться съ буржуазіей; побѣда надъ капиталомъ, диктатура пролетаріата — вотъ цѣль борьбы. Великій Марксъ сказалъ... и т. д.

Первыя массовки удавались, но потомъ мы научились предупреждать ихъ безъ особаго шуму. Разъѣздъ, другой казаковъ, и при видѣ ихъ массовка разбѣгается ураганомъ.

Происходили сходки и на Днѣпрѣ. Подъ вечеръ, въ тихихъ затонахъ Труханова острова, сцѣпивши бортами нѣсколько лодокъ, руководители устраивали настоящую плавучую аудиторію. На всякій случай взято пиво, хлѣбъ, селедки. Какъ будто-бы прогулка. Кстати, есть и барышни. Справляться съ этими сходками было легко. На приготовленномъ своевременно катерѣ мой лихой жандармскій изъ казаковъ поручикъ Еременъ, атаковывалъ обычно эту флотилію и тащилъ ее на буксирѣ въ городъ, а тамъ уже всѣ арестованные шли по обязательному постановленію отбывать за сходку административныя взысканія. Отъ этихъ сходокъ отучили быстро. На Днѣпрѣ не разбѣжишься, это не въ лѣсу.

Труднѣе было совладать съ такъ называемыми «биржами». На Подолѣ, гдѣ жила главная масса евреевъ, эсъ-деки выбирали какую либо улицу и тамъ въ опредѣленный часъ собиралась партійная публика. Агитаціи, «дискуссіи» шли въ открытую. Жаргонъ слышался повсюду, русской рѣчи не было. При появленіи полиціи все смолкало, на тротуарѣ мирное гулянье. Брать было не за что. Посылали патрули, при видѣ которыхъ молодежь разбѣгалась, но и это не помогало, биржи продолжались.

Весь молодой еврейскій Подолъ былъ въ сущности сорганизованъ по разнымъ партіямъ. Эсъ-эры, эсъ-деки партійные, бундовцы, пайолэйціонъ, анархисты — все что угодно. Все это ширилось, росло, вздымалось.

Старое небогатое еврейство съ безпокойствомъ посматривало на эту соціалистическую молодежь, которая съ 9-10 лѣтъ уже попадала въ кружки, читала прокламаціи, разбрасывала ихъ, выполняла разныя революціонныя порученія. Она считала себя сознательной, сорганизованной, смѣялась надъ стариками и въ большинствѣ не признавала синагоги. Вѣтхозавѣтные старики качали головами. Богатое-же еврейство, ослѣпленное блескомъ золота, вѣря только въ свое всемогущество, не замѣчало, какой врагъ, единый по вѣрѣ и крови, нарождался у него. А онъ росъ и множился, отчасти на его же деньги.

Мы-же съ нимъ боролись только полицейскими мѣрами. Конечно, этого было недостаточно.

Къ 1-му Мая эсъ-деки стали энергично готовиться. Предполагалась демонстрація, которая должна была начаться на Прорѣзной улицѣ и направиться на Крещатикъ. Я плохо еще тогда вошелъ къ нимъ агентурою; свѣдѣній о комитетѣ не было. У нихъ было больше сплоченности и меньше измѣны, чѣмъ у ихъ соперниковъ эсъ-эровъ. У послѣднихъ все выходило больше на распашку. Въ данномъ случаѣ, на эсъ-декахъ болѣе отражалось вліяніе родственнаго имъ по теоріямъ крѣпко сорганизованнаго Бунда.

Къ недопущенію демонстраціи были приняты необходимыя мѣры. Назначена она была на 3 часа. Къ тому времени толпы гулявшей публики заполнили Крещатикъ. Всѣмъ хотѣлось посмотрѣть, что будетъ. Но ожиданія были напрасны. Выскочившіе въ 3 часа на середину Прорѣзной улицы соціалъ-демократы и растрепанныя дѣвицы съ краснымъ флагомъ были въ тотъ-же моментъ перехвачены появившимися изъ воротъ городовыми и гулявшими въ публикѣ на тротуарахъ филерами. Нѣкоторые демонстранты бросились было внизъ къ Крещатику, крича «ура», но были также схвачены. Все кончилось молніеносно, и только валявшіеся то тамъ, то здѣсь по Прорѣзной улицѣ галоши, палки и другіе предметы обихода, указывали, что тамъ происходило только-что что-то необычайное.

Генералъ Драгомировъ въ то время демонстративно проѣзжалъ по Крещатику въ коляскѣ, безъ всякой охраны. Эффектъ былъ полный.

— «Что-же Вы — говорилъ онъ мнѣ потомъ смѣясь — обѣщали демонстрацію, я поѣхалъ и ничего не видѣлъ!»

Дабы не повадно было, нѣсколько десятковъ арестованныхъ на Прорѣзной улицѣ прошли затѣмъ черезъ особую комиссію для наложенія взысканій, согласно обязательному постановленію, воспрещавшему уличныя сборища. Въ этой комиссіи разыгрался любопытный инцидентъ Секретаремъ и докладчикомъ въ этой комиссіи оказался нѣкій Рафальскій, курьезный типъ чиновника съ лѣвизной, мѣтившаго въ губернаторы, а потому заигрывавшаго съ публикой и корчившаго изъ себя либерала.

Онъ былъ чѣмъ-то вродѣ непремѣннаго члена по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

Въ приготовленномъ имъ отъ комиссіи для генералъ-губернатора докладѣ указывалось участіе каждаго изъ арестованныхъ въ демонстраціи лицъ, согласно моихъ и полицейскихъ данныхъ, причемъ очень часто была такая формулировка: «Такой-то по показанію задержавшаго его филера кричалъ «ура» или — «находился въ группѣ лицъ, окружавшихъ флагоносца» и т. д., но всегда со ссылкой, «по показанію филера такого-то».

Когда комиссія въ которую входилъ и я, окончивъ работу, была приглашена генералъ-губернаторомъ, который долженъ былъ опредѣлить каждому наказаніе, Драгомировъ пригласилъ всѣхъ сѣсть и предложилъ Рафальскому доложить списокъ арестованныхъ, вину каждаго и спроектированное наказаніе. Рафальскій сталъ читать докладъ и какъ-только доходилъ до словъ — по указанію филера —, то читалъ ихъ съ легкой насмѣшкой, и продолжалъ: проектируется одинъ, два или три мѣсяца заключенія. Подчеркнулъ онъ разъ непріятныя ему слова, подчеркнулъ два. Меня это задѣло. Ясна была извѣстная, старая либеральная манера мѣшать съ грязью все, что относилось къ жандармеріи, хотя-бы сами купались въ грязи по уши. Драгомировъ, еще не знавшій хорошо меня, слушалъ внимательно, но ни одного наказанія не утверждалъ и только говорилъ иногда:—«Дальше, дальше», и чуть чуть улыбаясь, посматривалъ на меня.

Рафальскій, одобренный молчаніемъ Драгомирова, въ третій разъ и уже болѣе замѣтно подчеркнулъ — по указанію филеровъ. Я не выдержалъ, всталъ и обратился къ генералъ-губернатору за разрѣшеніемъ доложить, что такое филеръ охраннаго отдѣленія, на которыхъ такъ часто дѣлаются ссылки.

— «Доложите, доложите» — сказалъ генералъ.

Рафальскій съ удивленіемъ косилъ на меня изъ подъ очковъ, смотрѣли внимательно и члены комиссіи.

— «Ваше Высокопревосходительство, — началъ я, — филеръ это агентъ наружнаго наблюденія, находящійся на службѣ и получающій жалованье по вѣдомостямъ, которыя идутъ въ контроль. Согласно инструкціи директора Департамента полиціи, филеры набираются изъ запасныхъ унтеръ-офицеровъ арміи, гвардіи и флота, по предъявленіи ими отличныхъ рекомендацій и аттестатовъ отъ ихъ войскового начальства».

— «Вотъ какъ, — протянулъ Драгомировъ, — а я и не зналъ. Такъ, такъ... хорошо, что сказали» — и, обратившись затѣмъ къ Рафальскому, проговорилъ:

— «Такъ что тамъ, прочитайте сначала, что тамъ намѣчено?»

Рафальскій началъ снова читать и какъ только дошелъ до словъ «по указанію филера», Драгомировъ перебилъ его:

— «Сколько тамъ назначено?»

— «Два мѣсяца, Ваше Высок-во.»

— «Такъ... согласенъ, — утвердилъ генералъ губернаторъ, и при дальнѣйшемъ чтеніи все, что имѣло ссылку на показаніе филера, генералъ губернаторъ или утверждалъ, или усиливалъ. И только когда кончилось все чтеніе, онъ обратился ко мнѣ съ улыбкой:

— «Ну, а этимъ... (тутъ онъ употребилъ нелестное словечко) — дѣвицамъ, скостимъ немного, дадимъ имъ по мѣсяцу вмѣсто трехъ. Ну ихъ...»

Финалъ доклада оказался неожиданнымъ для Рафальскаго, и онъ чувствовалъ себя сконфуженнымъ. Мы разстались врагами.

Въ то лѣто съ Юга шла стихійная забастовка рабочихъ, которая захватила и Кіевъ. Бороться съ нею было невозможно, и мы старались только, чтобы она не вылилась въ уличные безпорядки. На Подолѣ, у Лавры, на Житнемъ базарѣ собирались рабочіе; имъ мѣшали, ихъ разгоняли, но движеніе шло на подъемъ. Въ городѣ было неспокойно. Зловѣще завывали заводскіе гудки. То тамъ, то здѣсь проѣзжали казаки. Центромъ движенія скоро сдѣлались желѣзнодорожныя мастерскія, гдѣ неумѣлыя дѣйствія Начальника дорогъ Немѣшаева только подливали масла въ огонь.

Немѣшаевъ былъ большой баринъ, любилъ пожить, благоволилъ къ женскому персоналу своихъ служащихъ, отлично держалъ внѣшнюю сторону сѣти своихъ дорогъ и конечно лѣвилъ. Объ его похожденіяхъ ходили легенды и ихъ отмѣчали даже революціонныя прокламаціи. На рабочихъ онъ должнаго вниманія не обращалъ, и въ разразившуюся забастовку вмѣшался, какъ говориться, слегка присвистывая. Вмѣшался и только обострилъ дѣло.

Чувствовалось, что сгущавшаяся атмосфера должна разрядиться чѣмъ-то большимъ. Ввиду требованія большихъ войсковыхъ нарядовъ, собрали засѣданіе съ военными чинами подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора барона Штакельберга, дабы выяснить, какъ должны дѣйствовать войска. Военные стояли за опредѣленныя рѣшительныя мѣры, гражданская-же власть требовала войскъ и въ то-же время хотѣла, чтобы они дѣйствовали какъ классныя дамы — уговорами. Когда всѣ наговорились, Штакельбергъ спросилъ мое мнѣніе. Я сказалъ, что стрѣльба по сборищамъ не должна быть примѣняема и что лучше всего разсѣивать ихъ казаками, прибѣгая, при надобности, къ нагайкамъ. Дѣйствуетъ-же за-границей полиція резиновыми палками и дѣйствуетъ жестоко, и средство это считается законнымъ и вполнѣ достигаетъ цѣли. Стрѣлять не приходится. У насъ резиновыхъ палокъ еще нѣтъ, но нагайки вполнѣ могутъ ихъ замѣнить и употребленіе ихъ будетъ вполнѣ отвѣчать тѣмъ желѣзнымъ прутьямъ, пружинамъ, кистенямъ, цѣпочкамъ и веревкамъ съ гайками на концахъ, которыми вооружены рабочіе.

Не успѣлъ я докончить доклада, какъ съ вокзала дали знать по телефону, что рабочіе залили локомотивы въ депо и что около двухъ тысячъ ихъ собирается у товарной станціи на путяхъ. Засѣданіе было прервано, и мы съ барономъ Штакельбергомъ поѣхали на вокзалъ.

На путяхъ стояла плотная масса рабочихъ. Противъ нихъ пѣхота и казаки. Командиръ сотни доложилъ, что на путяхъ, межъ рельсъ, его казаки дѣйствовать не могутъ.

Баронъ Штакельбергъ лично обратился къ рабочимъ, предлагая разойтись и предупреждая, что въ противномъ случаѣ будетъ трижды данъ сигналъ горниста, послѣ чего войска начнутъ дѣйствовать оружіемъ.

Рабочіе не расходились. Впереди появились женщины съ дѣтьми. Стали садиться на землю. Проигралъ трижды рожокъ, раздалась команда, и ближайшая рота пошла на рабочихъ стѣной въ рукопашную...

На мгновеніе, все какъ-бы смолкло. Толпа попятилась назадъ. Какъ молоты посыпались тупые удары прикладовъ. Шелъ хрустъ... Толпа обратилась въ паническое бѣгство... По сторонамъ подгоняли казаки... Минута, двѣ — все было кончено, толпа разсѣяна.

Уже дѣйствовавшая рота собралась. Раненыхъ не было; кого помяли, убѣжали. Офицеры и мы со Штакельбергомъ разговаривали о происшедшемъ. Вдругъ справа раздался залпъ, за нимъ второй и третій.

Что, почему, кто приказалъ стрѣлять? Бросились въ сторону залповъ. Тамъ

рота, сдѣлавъ послѣдній залпъ по направленію горы Соломенки, стояла еще «на изготовку», первая полу-рота съ колѣна.

— «Кто приказалъ стрѣлять?» — обратился къ ротному командиру подбѣжавшій Штакельбергъ. Тотъ доложилъ спокойно, что группа рабочихъ изъ разбѣжавшихся стала бросать въ роту камнями, что былъ раненъ солдатъ, офицеръ и сбитъ съ ногъ помощникъ исправника, которому камень угодилъ въ колѣнную чашку, и что онъ, ротный командиръ, согласно приказа по Округу, долженъ былъ въ виду такого дѣйствія рабочихъ противъ его роты, отвѣтить имъ огнемъ, что и выполнилъ.

Офицеръ былъ правъ. Но было что-то непріятное, щемящее... Всѣ мы видѣли, какъ двое изъ убѣгавшихъ въ гору перекувыркнулись послѣ второго залпа и остались лежать, какъ двое другихъ споткнулись, упали и, вставъ, неловко пытались бѣжать дальше, но не скоро... Чувствовалось, какъ-будто сдѣлали что-то нехорошее...

Штакельбергъ волновался. Онъ просилъ меня поѣхать съ нимъ къ Драгомирову. По дорогѣ онъ повѣдалъ мнѣ, что какъ бывшій чиновникъ для порученій, онъ не пользуется у генерала вѣсомъ. Мнѣ жаль было его. Пожилой человѣкъ, онъ никогда не боялся идти въ гущу происходящаго, былъ хорошій человѣкъ и честный. Я далъ слово, что войду къ генералъ-губернатору вмѣстѣ съ нимъ.

О насъ доложили и сейчасъ-же попросили въ кабинетъ. Драгомировъ вышелъ какъ туча. Путаясь, Штакельбергъ сталъ докладывать ему о трехъ залпахъ и о четырехъ раненыхъ. Выходило, что войска дѣйствовали глупо, стрѣлять не умѣютъ.

Драгомировъ вспылилъ: — «Какъ такъ, какой полкъ? Отчислить отъ командованія ротой!» И пошелъ...

Штакельбергъ окончательно растерялся. Вижу насталъ мой чередъ.

— «Ваше Высок-во, разрѣшите доложить», — обратился я къ Командующему.

— «Что еще? Докладывайте», — проговорилъ онъ.

— «Ваше Высок-во, на тысячную толпу рабочихъ послѣ трехъ сигналовъ была пущена рота пѣхоты. Въ двѣ минуты, работая прикладами, рота разсѣяла толпу въ чистую.»

— «Значитъ рота дѣйствовала хорошо?»

— «Отлично, Ваше Высок-тво».

— «А стрѣльба?»

— «То другая рота стрѣляла по рабочимъ, которые бросали въ нее камнями и ранили нѣсколько человѣкъ.»

— «Такъ, понимаю, — съ разстановкой говорилъ генералъ, — значитъ войска, разгонявшія толпу, дѣйствовали хорошо?»

— «Только трескъ шелъ отъ прикладовъ, Ваше Выс-тво. Отлично работали».

Настроеніе генерала сразу измѣнилось. Онъ спросилъ, какой тамъ былъ баталіонъ, и просилъ Штакельберга поблагодарить его командира, сказавъ, что отдастъ въ приказѣ. Приказалъ затѣмъ позаботиться о семьяхъ убитыхъ, если они окажутся, и распрощавшись отпустилъ насъ.

Мы ушли, Штакельбергъ благодарилъ меня за выручку. Стали совѣщаться, что предпринять, чтобы не произошло новыхъ безпорядковъ изъ-за убитыхъ. Стрѣльба дѣйствительно была глупая, хотя ротный командиръ и былъ формально правъ.

Но залпы разрядили грозу. Съ того момента движеніе какъ-то сразу пошло на убыль. Настроеніе рабочихъ упало и скоро все вошло въ норму. Случай со стрѣльбой почти не нашелъ отзвука въ дальнѣйшихъ событіяхъ. Даже сами рабочіе считали, что войска дѣйствовали правильно. Революціонные комитеты не сумѣли использовать такого хорошаго для агитаціи противъ правительства повода, и о стрѣльбѣ на вокзалѣ скоро забыли.

1904-й годъ принесъ съ собой войну, а съ ней въ первые мѣсяцы и нѣкоторую пріостановку въ массовой революціонной работѣ. Кружки почти прекратились. Рабочіе, боясь военныхъ судовъ, которые въ умахъ массы были обязательны во время войны, боялись собираться на сходки. Къ тому-же призывы по мобилизаціи выхватывали то одного, то другого партійнаго дѣятеля.

Продолжала хорошо работать лишь типографія мѣстнаго комитета эсъ-дэковъ. Ее надо было раскрыть во что бы то ни стало. Становилось уже совѣстно, что мы не можемъ до нея добраться. Между тѣмъ подойти къ ней можно было только путемъ наружнаго наблюденія, такъ какъ имѣть въ типографіи внутреннюю агентуру значило бы самому участвовать въ ея работѣ, иными словами, дать классическій примѣръ провокаціи.

Постепенно подходя къ типографіи, дошли мы до распространителей ея литературы. Нѣтъ, нѣтъ, да и приведутъ молодца, обложеннаго подъ рубашкой стопками свѣже-отпечатанныхъ прокламацій. Нѣкоторые изъ такихъ разносчиковъ, взятые съ поличнымъ, ночью, становились «сотрудниками». Стала отпечатанная типографіей литература вмѣсто кружковъ и улицъ попадать къ намъ «агентурнымъ путемъ». Пудами отправляло такую литературу отдѣленіе въ Департаментъ полиціи. Дошло до того, что изъ отпечатанной вновь партіи въ 2000 экземпляровъ къ намъ попадало три четверти. Съ удивленіемъ смотрѣлъ иногда заходившій въ отдѣленіе товарищъ прокурора на кипы этихъ листковъ, на которыхъ краска еще размазывалась, настолько они бывали свѣжи. Да ужъ не сами ли печатаютъ, навѣрно думалъ про насъ онъ.

Отъ распространителей мы дошли до центра распространенія, оставалось установить посредника между этимъ центромъ и самой типографіей. А это было самое трудное. Чѣмъ ближе къ типографіи, тѣмъ строже конспирація.

Въ это время Драгомировъ, во время однаго изъ докладовъ, сказалъ мнѣ, смѣясь, что до него дошли слухи, будто бы я не арестую типографію потому, что она помѣщается у какого-то знатнаго богатаго человѣка.

— «Такъ Вы вотъ что сдѣлайте, говорилъ онъ мнѣ, Вы обыщите меня самого! Обыщите и весь мой домъ и ужъ разъ меня обыщите, генералъ-губернатора, то на Васъ никто не будетъ обижаться, если Вы къ нему пожалуете съ обыскомъ».

Намекъ былъ ясенъ. Довольно зло. Я доложилъ, что къ сожалѣнію мы еще не подошли къ типографіи, но что скоро надѣемся успѣть и въ этомъ, и разсказалъ ему, какъ технически обстоитъ дѣло съ ея розыскомъ. Генералъ-губернаторъ очень заинтересовался моимъ разсказомъ, и разстались мы хорошо.

Какъ разъ на другой день я получилъ указаніе, что къ сыновьямъ одного богатаго еврея, жившаго на Институтской улицѣ, привезли большой транспортъ свѣжей литературы, и я направилъ туда нарядъ полиціи, отправился и самъ. Богатый домъ, огромная квартира. Взволнованный отецъ молодыхъ людей, господинъ Г., ходитъ по красному ковру роскошной гостиной. Онъ хочетъ поговорить по телефону, но приходится ему въ этомъ отказать. У сыновей нашли и два тюка транспорта, и еще кое какую литературу, а главное гектографъ со свѣже отпечатанными прокламаціями. Дѣти богача работали на пролетаріевъ. Помощникъ пристава, изъ бывшихъ офицеровъ, такъ обрадовался результатамъ обыска, что рѣшилъ, что въ домѣ гдѣ либо и спрятана самая типографія. Это былъ на рѣдкость энергичный полицейскій чинъ. Онъ перерылъ весь домъ и даже забрался въ садъ. Войдя туда, я засталъ его въ бесѣдкѣ. Раскраснѣвшись, онъ въ остервенѣніи долбилъ топоромъ дубовый полъ бесѣдки, рѣшивъ, что подъ нимъ обязательно спрятана типографія.

— «Господинъ полковникъ, Вы разрѣшите, я ее отыщу, она навѣрное здѣсь!»

Насилу успокоилъ я его, сказавъ, что все, что надо, найдено уже, что онъ отлично произвелъ обыскъ и что я доложу о томъ губернатору. Онъ былъ счастливъ и все таки продолжалъ просить:

— «Господинъ полковникъ, разрѣшите полъ въ бесѣдкѣ все таки вскрыть, для вѣрности!»

Обыскъ у мѣстнаго богача надѣлалъ много шуму въ городѣ. Были арестованы его два сына. Самъ Г., прійдя въ тотъ или на слѣдующій день въ клубъ, сказалъ неосторожно, что онъ не безпокоится за сыновей, что за деньги все возможно и онъ добьется быстраго освобожденія дѣтей у жандармскаго управленія. Эти слова были доведены мною оффиціально до свѣдѣнія департамента, прокуратуры и жандармскаго управленія, гдѣ производилось дознаніе. Въ результатѣ каждый боялся поднять вопросъ объ освобожденіи братьевъ Г., и они просидѣли благодаря отцу много больше, чѣмъ могли бы просидѣть. Красавица мать очень страдала.

Вскорѣ послѣ этого обыска агентура указала мнѣ, что завтра вечеромъ, часовъ около десяти, у моста, что ведетъ въ крѣпость на Печерскѣ, должно состояться свиданіе одного изъ комитетчиковъ съ человѣкомъ изъ типографіи и что комитетчикъ тотъ и есть посредникъ между центромъ и типографіей. Онъ долженъ на томъ свиданіи передать для типографіи черновикъ первомайской прокламаціи. Было это за нѣсколько дней до перваго мая. Всѣ уже нервничали въ ожиданіи этого дня. Комитеты подготовляли демонстрацію, мы же готовились нанести своевременно хорошій ударъ и сорвать всѣ ихъ планы.

Мой завѣдующій наружнымъ наблюденіемъ посмотрѣлъ мѣсто, гдѣ должно было состояться свиданіе, и установилъ самое осторожное наблюденіе кругомъ. Мѣсто было скверное: глушь, ни одного человѣка.

Въ назначенный день и часъ плохенькій извозчикъ и женщина изъ шатающихся, то были филеры, дѣйствительно замѣтили по виду интеллигентнаго человѣка, который подойдя къ мосту встрѣтился съ молодымъ, какъ будто, рабочимъ. Было темно. Поговоривъ съ минуту, встрѣтившіеся разошлись. Въ сторону интеллигента пошла женщина, за рабочимъ же поплелся извощикъ. Вскорѣ ихъ приняли поджидавшіе въ сосѣднихъ улицахъ другіе филеры, которые и продолжали уже наблюденіе. Интеллигентъ долго крутилъ и въ концѣ концовъ ушелъ отъ филеровъ, его утеряли. «Щуплый» же, такъ прозвали филеры рабочаго, былъ проведенъ въ одинъ изъ домовъ на улицѣ, на которую выходили зады съ Бульварно-Кудрявской. Выходилъ и садъ нашего дома. Зашелъ туда «Щуплый» осторожно, предварительно умно провѣривъ свой заходъ. Вотъ эта-то провѣрка, оглядываніе, чаще всего и проваливала революціонеровъ.

Дальнѣйшее наблюденіе за тѣмъ домомъ показало, что онъ почти никѣмъ не посѣщается. Тамъ царила тишина. Только подъ вечеръ выходилъ, какъ будто, рабочій къ воротамъ, стоялъ, курилъ и уходилъ обратно. Онъ наблюдалъ, конечно, за тѣмъ, что дѣлается около.

Совокупность всѣхъ данныхъ розыска привела насъ къ заключенію, что мы напали на типографію, а потому произведя передъ первымъ мая аресты, я направилъ нарядъ и въ подозрительный домъ. Результатъ превзошелъ наши ожиданія. Въ верхнемъ этажѣ небольшого двухъэтажнаго дома, въ квартирѣ изъ трехъ комнатъ съ кухней, была обнаружена большая хорошо оборудованная типографія. Жила тамъ соціалъ-демократка Севастьянова, скромная по виду, довольно симпатичная, типа народной учительницы женщина. Она была привлечена уже по какому-то дознанію при управленіи и бывала тамъ на допросахъ. Бывать въ жандармскомъ управленіи и въ то же время завѣдывать типографіей было довольно смѣло.

Всѣ комнаты и кухня были запачканы типографской краской. Въ кухонныхъ ведрахъ — черная вода. Во второй комнатѣ на спеціальномъ столѣ находился печатный станокъ, на которомъ уже было отработано нѣсколько тысячъ первомайскихъ прокламацій. Кипы чистой бумаги, кучи обрѣзковъ и старыя прокламаціи валялись повсюду. Уборная была сплошь завалена бумажными остатками. Въ одной изъ комнатъ находился большой сундукъ. Тамъ оказался аккуратно сложенный въ пачкахъ знаменитый стершійся косой шрифтъ. Обнаруженіе его доставило намъ несказанное удовольствіе. Севастьянова даже пошутила надъ тѣмъ, какое мы сдѣлали открытіе. Въ томъ же сундукѣ былъ весь архивъ мѣстнаго комитета съ массой рукописей. Оказалось, что типографія помѣщалась здѣсь нѣсколько лѣтъ. Работала сама Севастьянова, ей помогали еще два человѣка, которыхъ мы не обнаружили. Всю черную работу по кухнѣ выполнялъ дворникъ, который, очевидно, былъ посвященъ въ тайну квартиры, былъ изъ «сознательныхъ». Его тоже арестовали.

Не оказалось въ типографіи только второго маленькаго станка, который передъ первымъ мая изъ осторожности, перенесли на квартиру одного небольшого партійнаго работника. Тотъ такъ былъ гордъ этимъ обстоятельствомъ, что подѣлился секретомъ съ товарищемъ, товарищъ сказалъ женѣ, жена сболтнула кому-то, дошло до насъ и станокъ былъ также арестованъ.

Въ ту же ночь были большіе аресты. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, когда въ городѣ уже появились прокламаціи съ призывомъ на демонстрацію, я, опираясь на наличность призыва, спроектировалъ произвести въ предупрежденіе демонстраціи аресты наиболѣе активныхъ партійныхъ работниковъ. Я побывалъ у прокурора палаты, посвятилъ его въ свой планъ, и онъ согласился съ его правильностью. Аресты производились административнымъ порядкомъ, отъ имени губернатора. Взяли человѣкъ сто пятьдесятъ и всѣмъ объявили, конечно, причину ареста. Празднованіе перваго мая было сорвано и, если администрація и особенно мы были довольны, то не менѣе въ душѣ радовались и рядовые партійные работники, что были заарестованы. Всѣхъ ихъ освободили черезъ нѣсколько дней послѣ перваго мая и для нихъ, конечно, было лучше просидѣть ихъ въ заключеніи, чѣмъ демонстрировать во время войны со всѣми затѣмъ послѣдствіями. Были довольны и заправилы: хотѣли-де устроить, да не удалось, полиція помѣшала. Лучше отдѣлаться пятью днями въ «предупрежденіе», чѣмъ сидѣть три мѣсяца «за демонстрацію».

Наступило лѣто. Въ городѣ было настолько спокойно, что мнѣ разрѣшили отпускъ, который начинался 15-го Іюля. Но въ тотъ день въ Петербургѣ Боевая организація партіи соціалистовъ-революціонеровъ, во главѣ которой стоялъ тогда Азефъ, убила министра Внутреннихъ дѣлъ Плеве.

Эвно Азефъ — здоровый мужчина съ толстымъ скуластымъ лицомъ, типа преступника, прежде всего былъ крайне антипатиченъ по наружности и производилъ сразу весьма непріятное и даже отталкивающее впечатлѣніе. Обладая выдающимся умомъ, математической аккуратностью, спокойный, разсудительный, холодный и осторожный до крайности, онъ былъ какъ бы рожденъ для крупныхъ организаторскихъ дѣлъ. Рѣдкій эгоистъ, онъ преслѣдовалъ прежде всего свои личные интересы, для достиженія которыхъ считалъ пригодными всѣ средства до убійства и предательства включительно.

Властный и не терпѣвшій возраженій тонъ, смѣлость, граничащая съ наглостью, необычайная хитрость и лживость, развивавшаяся до виртуозности въ его всегдашней двойной крайне опасной игрѣ, создали изъ него въ русскомъ революціонномъ мірѣ единственный въ своемъ родѣ типъ-монстръ.

И ко всему этому Азефъ былъ нѣжнымъ мужемъ и отцомъ, очаровательнымъ въ интимной семейной обстановкѣ и среди близкихъ друзей.

Въ немъ было какое-то почти необъяснимое страшное сочетаніе добра со зломъ, любви и ласки съ ненавистью и жестокостью, товарищеской дружбы съ измѣной и предательствомъ. Только варьируя этими разнообразнѣйшими, богатѣйшими свойствами своей натуры, Азефъ могъ, вращаясь въ одно и то же время среди далеко не глупыхъ представителей двухъ противоположныхъ борющихся лагерей — правительствомъ и соціалистами-революціонерами — заслужить рѣдкое довѣріе какъ одной, такъ и другой стороны. И впослѣдствіи, когда онъ былъ уже разоблаченъ въ его двойной игрѣ, его съ жаромъ защищалъ съ трибуны Государственной Думы, какъ честнаго сотрудника — самъ Столыпинъ и въ то же время, за его революціонную честность, бились съ пѣной у рта такіе столпы партіи соціалистовъ-революціонеровъ, какъ Гершуни, Черновъ, Савинковъ и другіе.

И несмотря на всю позднѣйшую доказанность предательства Азефа, несмотря на всю выясненную статистику повѣшенныхъ и сосланныхъ изъ-за его предательства, главари партіи соціалистовъ-революціонеровъ все таки дали возможность Азефу безнаказанно скрыться. Таково было обаяніе и такова была тонкость игры этого страшнаго человѣка.

При разслѣдованіи обстоятельствъ его предательства, одинъ изъ виднѣйшихъ представителей партіи далъ про него такія показанія:

— «.... Въ глазахъ правящихъ сферъ партіи, Азефъ выросъ въ человѣка незамѣнимаго, провиденціальнаго, который одинъ только и можетъ осуществить терроръ..... отношеніе руководящихъ сферъ къ Азефу носило характеръ своего рода коллективнаго гипноза, выросшаго на почвѣ той идеи, что террористическая борьба должна быть не только неотъемлемой, но и господствующей отраслью въ партійной дѣятельности». (Заключеніе Суд. Слѣд. Комиссіи по дѣлу Азефа. Стр. 47—54).

Одинъ же изъ видныхъ партійныхъ работниковъ, Е. Колосовъ, бывшій въ свое время боевикомъ и знавшій Азефа отлично не только по его революціонной работѣ, но и въ семейной жизни, бывшій другомъ его семьи, послѣ полнаго раскрытія измѣны, всетаки говорилъ про него лично мнѣ: — «И всетаки «Иванъ Николаевичъ» былъ недурной человѣкъ!»

Человѣкъ же изъ рядовъ правительства, имѣвшій нѣкогда сношенія съ Азефомъ по службѣ, человѣкъ далеко не глупый и умѣющій разбираться въ людяхъ, который самого Азефа держалъ въ рукахъ не одинъ годъ и такъ держалъ, что тотъ не имѣлъ возможности провоцировать, этотъ человѣкъ — генералъ Герасимовъ, — говорилъ затѣмъ про него: — «Не понимаю, совсѣмъ не понимаю, какъ могъ онъ участвовать въ убійствѣ Плеве и другихъ, онъ, бывшій по своимъ политическимъ взглядамъ скорѣе кадетомъ!»

Таковъ былъ непонятый въ свое время ни кѣмъ: ни правительствомъ, ни революціонерами, ни единственнымъ его другомъ — его женою — Эвно Азефъ, членъ центральнаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ, шефъ ея Боевой организаціи, сотрудникъ Департамента полиціи и въ то же время провокаторъ, въ настоящемъ значеніи этого слова.

Начавъ свою работу на правительство, Азефъ въ теченіе первыхъ лѣтъ этого ремесла былъ только освѣдомителемъ, шпіономъ — «сотрудникомъ». Онъ только давалъ

свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ тѣхъ революціонныхъ кругахъ, съ которыми онъ соприкасается. Но положеніе его въ партіи понемногу росло, и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣнялся характеръ его работы.

Послѣ убійства Сипягина, Департаментъ полиціи вызвалъ Азефа изъ-за границы для освѣщенія положенія дѣла въ Россіи, и Азефъ задержался въ Петербургѣ. Не посвящая, конечно, тѣхъ лицъ изъ Департамента полиціи, передъ которыми онъ отчитывался, Азефъ началъ энергично работать въ интересахъ партіи. Такъ, онъ сорганизовалъ Петербургскій комитетъ, наладилъ транспортъ литературы, начавъ такимъ образомъ уже и «провоцировать» и выдавалъ своему начальству въ нѣкоторыхъ случаяхъ результаты своей работы. Въ то время онъ сблизился съ Гершуни настолько, что послѣдній посвятилъ его въ нѣкоторые изъ своихъ предпріятій, про которыя Азефъ Департаменту, однако, не говорилъ. Гершуни настолько сошелся съ нимъ, что будучи незадолго передъ своимъ арестомъ за-границей, сказалъ Михаилу Гоцу, «что на случай своего ареста онъ поручилъ Азефу взять въ свои руки дѣло Боевой организаціи и реорганизовать путемъ кооптаціи центральный комитетъ». (Заключеніе, стр. 24).

Въ тотъ же періодъ времени Азефъ вошелъ членомъ въ центральный комитетъ партіи. Надо полагать, что и это свое новое положеніе Азефъ скрылъ отъ своего департаментскаго начальства, такъ какъ совмѣстительство ролей члена центральнаго комитета и сотрудника давало явную провокацію. Взгляды же тогдашняго Директора департамента полиціи Лопухина и Зубатова были настолько строги и щепетильны въ отношеніи агентуры, что намъ категорически воспрещалось имѣть сотрудниковъ на роляхъ активныхъ дѣятелей вообще и въ частности членами какихъ либо центровъ. Сотрудники, какъ указывали намъ, могли быть около нихъ, но не въ нихъ. Въ то время не было еще писаныхъ инструкцій по агентурѣ для завѣдующихъ розыскомъ, но руководящія указанія, предостерегавшія отъ провокаціи, даже неумышленной, были неимовѣрно строги.

Сдѣлавшись послѣ ареста Гершуни шефомъ Боевой организаціи, Азефъ въ Іюлѣ 1903 года поѣхалъ за-границу и тою же осенью принялся за организацію порученнаго ему центральнымъ комитетомъ убійства Плеве. Въ это время Зубатова уволили отъ службы, и Азефъ въ Парижѣ имѣлъ дѣло съ Ратаевымъ, а наѣзжая въ Петербургъ, видался съ Мѣдниковымъ.

За-границей Азефъ составилъ Боевую организацію, въ которую кромѣ его и Гоца, какъ высшихъ представителей, вошло семь молодыхъ людей, изъ которыхъ четверо русскихъ, два поляка и одинъ еврей. Былъ выработанъ планъ убійства, и отрядъ направился въ Россію.

18-го Марта 1904 года, въ Петербургѣ, на Фонтанкѣ, около Департамента полиціи должно было состояться первое покушеніе Боевой организаціи на Плеве, путь проѣзда котораго былъ обставленъ боевиками съ бомбами. Но Азефу почему-то убійство въ тотъ день было не выгодно, и онъ заблаговременно предупредилъ директора Лопухина, объяснивъ, однако, что тамъ готовится покушеніе именно на Лопухина, и кстати выпросилъ себѣ прибавку жалованья. Охрана на Фонтанкѣ была усилена, она спугнула боевиковъ, и покушеніе на Плеве не состоялось. Всей охраной и всѣмъ наблюденіемъ тамъ вѣдалъ исключительно состоявшій при министрѣ Скандраковъ, не допускавшій къ этому раіону чиновъ Департамента полиціи.

25-го Марта часть боевиковъ вновь выходила съ бомбами на путь проѣзда министра, но его не встрѣтила. Тогда Азефъ принялся болѣе энергично за организацію покушенія и установилъ черезъ группу боевиковъ во главѣ съ Савинковымъ настоящую облаву на министра, и ко второй половинѣ іюля все было готово для совершенія

убійства. Убѣдившись въ этой готовности, Азефъ покинулъ Петербургъ и, дабы отвести вниманіе департамента полиціи отъ министра, написалъ Ратаеву письмо, что во главѣ Боевой организаціи стоятъ проживающіе въ Одессѣ Геккеръ и Сухомлинъ, что мысль объ убійствѣ министра пока оставлена, а что на очередь для поднятія престижа Боевой организаціи поставлено убійство Иркутскаго генералъ-губернатора Кутайсова.

Усыпивъ такимъ образомъ черезъ Ратаева Департаментъ полиціи, наговоривъ успокоительныхъ вещей и Мѣдникову, Азефъ назначилъ покушеніе на Плеве на 8-е іюля, но изъ за недоразумѣнія при раздачѣ снарядовъ, оно состояться опять таки не могло и было перенесено на 15-е Іюля.

Рѣзво несли въ то утро кони карету съ министромъ по Измайловскому проспекту по направленію къ вокзалу. Онъ ѣхалъ въ Петергофъ съ Всеподданнѣйшимъ докладомъ къ Государю. Сзади насилу поспѣвала одиночка съ чинами охраны. Сбоку катили велосипедисты охранки. Вытягивалась полиція, шарахались извозчики, оглядывалась публика.

А навстрѣчу министру, одинъ за другимъ, съ интервалами спокойно шли съ бомбами направленные Савинковымъ трое боевиковъ. Не доѣзжая до моста черезъ Обводный каналъ, на перерѣзъ каретѣ свернулъ съ тротуара нѣкто въ желѣзно-дорожной формѣ со сверткомъ подъ мышкой. Онъ у кареты. Онъ видитъ пристальный угадывающій судьбу взглядъ министра. Взмахъ рукъ — свертокъ летитъ въ карету, раздается взрывъ.

Министръ убитъ. Убитъ и кучеръ, и лошади. Блиндированная карета разнесена въ щепы. Бросившій бомбу Егоръ Сазоновъ сбитъ съ ногъ охранникомъ-велосипедистомъ и раненъ взрывомъ.

Сазоновъ, которому было тогда 25 лѣтъ, сынъ богатаго купца, окончилъ Уфимскую гимназію и въ 1901 году былъ исключенъ за безпорядки изъ Московскаго университета. Въ 1902 году онъ былъ привлеченъ къ дознанію за участіе въ революціонной организаціи въ Уфѣ и сосланъ на 5 лѣтъ въ Якутскую область, откуда скрылся за-границу, гдѣ и вошелъ въ Боевую организацію. За убійство министра онъ былъ сосланъ на каторгу, гдѣ покончилъ самоубійствомъ.

Получивъ телеграмму объ убійствѣ министра, я задержался съ отъѣздомъ. Я повидался съ сотрудниками и убѣдился, что Кіевъ къ убійству не причастенъ. Пославъ телеграмму о томъ въ Департаментъ, я уѣхалъ въ отпускъ. Но не прошло и недѣли, какъ меня вернули съ Волги телеграммой, которая говорила о причастности къ убійству Плеве именно Кіева.

Оставивъ жену, я помчался къ мѣсту службы. Оказалось слѣдующее. Послѣ увольненія Зубатова, въ Департаментѣ полиціи вошелъ въ большую моду прежній сотрудникъ марксистъ, потомъ чиновникъ, Михаилъ Ивановичъ Гуровичъ, изъ евреевъ. Журнальный міръ зналъ его по «Началу». Для конспираціи онъ надѣлъ темныя очки и изъ рыжаго перекрасился въ жгучаго брюнета, что подало поводъ дружившему съ нимъ ротмистру Комисарову спросить его однажды въ гостинницѣ, гдѣ тотъ жилъ: — «А что, Михаилъ Ивановичъ, Вы и голову свою выставляете для чистки ежедневно за дверь съ сапогами?» Они поссорились и долго не разговаривали.

Гуровичъ былъ болтливъ, считалъ себя знатокомъ по всѣмъ соціальнымъ вопросамъ, но опредѣленнаго мнѣнія не имѣлъ ни по одному изъ нихъ. Въ портфелѣ у него всегда было на готовѣ нѣсколько докладовъ на злободневыя темы и за, и противъ. Какого взгляда держится начальство, тотъ докладъ и подается. Такъ говорили. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ генералъ Валь очень благоволилъ къ нему и считалъ его серьезной величиной.

Вотъ этотъ то Гуровичъ послѣ убійства Плеве принялъ какое то участіе въ розыскѣ около раненаго Сазонова. Онъ слушалъ бредъ Сазонова, сидя около его кровати. Въ бреду онъ разобралъ нѣкое имя и рѣшилъ, что то былъ нѣкій господинъ Х. изъ Кіева. Кіевлянина того арестовали и въ кандалахъ доставили въ столицу. Но вышелъ конфузъ. Кіевлянинъ тотъ, хотя и принималъ участіе въ работѣ, но доказалъ полную невиновность въ дѣлѣ Плеве и былъ освобожденъ. Таково было усердіе Гуровича.

Но въ то время, какъ власти метались, разыскивая главныхъ виновниковъ убійства въ Петербургѣ, главный его организаторъ Азефъ справлялъ свой тріумфъ въ Швейцаріи. Въ день убійства онъ находился въ Варшавѣ, ожидая телеграмму о результатахъ покушенія. Узнавъ про убійство, онъ въ тотъ-же вечеръ выѣхалъ въ Вѣну, откуда и послалъ Ратаеву какую-то пустую телеграмму, устанавливающую, однако, его алиби.

Изъ Вѣны Азефъ проѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ подъ Женевой происходилъ въ то время съѣздъ заграничной организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Азефъ былъ встрѣченъ какъ тріумфаторъ. Сама «бабушка» русской революціи, ругавшая его за-глава «жидовской мордой», поклонилась ему по-русски до земли! Бывшіе же на съѣздѣ эсъ-эры справили убійство Плеве такой попойкой, что дѣло не обошлось безъ вмѣшательства полиціи.

Въ это-же лѣто ушелъ на покой вслѣдствіе тяжкой болѣзни Кіевскій генералъ-губернаторъ Драгомировъ. Мнѣ его было искренно жаль. При немъ въ городѣ чувствовалась рука, которая, правда, лежала спокойно, но, если, поднявшись, опускалась на кого либо, то давала себя чувствовать. Онъ хорошо относился ко мнѣ. Не разъ во время войны, поздно вечеромъ, у себя въ кабинетѣ, выслушавъ докладъ мой за тарелкой простокваши, онъ дѣлился со мной мыслями. Большія карты висѣли отъ него справа на стѣнѣ.

— «Что Куропаткинъ!» — сказалъ онъ мнѣ однажды ухмыляясь и махнувъ безнадежно рукой, а затѣмъ продолжалъ: — «Есть тамъ на Востокѣ старый солдатъ Линевичъ. Вотъ ему и надо приказать и сдѣлаетъ все, что надо, а этотъ...» и опять тотъ-же краснорѣчивый безнадежный жестъ. «Я уже старый, больной человѣкъ, меня тамъ не слушаютъ... а Вамъ, молодому это надо знать».

Я жадно слушалъ его и мнѣ казалось — вотъ большой, большой человѣкъ.

Когда генералъ уже совсѣмъ больной лежалъ въ кровати, въ комнатѣ около кабинета, онъ принималъ по службѣ только своихъ близкихъ военныхъ и тогда я все-таки удостаивался пріемовъ у кровати. Больной иногда даже шутилъ. Въ тѣ дни я однажды принесъ ему поздравленіе съ Монаршей Милостью. Онъ получилъ Высочайшій рескриптъ и еще какую то большую награду. Растроганный, слабымъ голосомъ, съ перерывами разсказывалъ мнѣ больной, какого вниманія удостоилъ его Государь, и слезы блестѣли на его рѣсницахъ. И то былъ Драгомировъ. . . . .

. . . . . .

Вечеръ. Поѣздъ съ салонъ-вагономъ Драгомирова готовъ къ отправленію. Больного генерала везутъ въ его имѣніе въ Конотопъ. Пріѣхавъ на вокзалъ, я протискиваюсь черезъ большую толпу провожающихъ у вагона и прошу доложить о желаніи попрощаться. Черезъ минуту меня просятъ въ вагонъ. Въ большомъ креслѣ сидитъ Драгомировъ. Около него жена, генералы, дамы. Я кланяюсь и говорю пожеланія.

— «Ну, батенька, — смѣется генералъ — не удалось намъ съ Вами поработать дольше, такъ расхлебывайте сами теперь, какъ знаете!»

И хорошо, дружелюбно смѣясь, онъ жметъ мнѣ руку и желаетъ успѣха въ работѣ. Я кланяюсь и цѣлую ручки супруги, у которой случалось и мнѣ ѣсть знаменитую гречневую кашу и пироги. Показывала она мнѣ однажды и свою кухню. Было чѣмъ похвастать. Настоящая образцовая войсковая часть. Все блеститъ, какъ золото! А ея поваренная книга, съ знаменитымъ введеніемъ? Недаромъ-же говорили, что введеніе то написано было самимъ генераломъ, настолько оно было характерно и лаконично.

Уже изъ Конотопа получилъ я отъ Драгомирова его фотографію и гордился ею. Драгомировъ — это эпоха въ Кіевѣ и славная страница въ исторіи русской военной силы.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Генералъ-губернаторъ Клейгельсъ. — Курсъ князя Святополкъ-Мирскаго. — „Весна" зимою. — Отношеніе къ веснѣ Кіевскихъ властей. — Порядокъ групповыхъ арестовъ. — Григорій Гапонъ и 9-е Января 1905 года. — Работа Боевой организаціи подъ начальствомъ Азефа. — Подготовка покушенія на генерала Клейгельса. — Убійство Великаго Князя Сергѣя Александровича. — Поѣздка въ Петербургъ. — У генерала Трепова. — Возвращеніе въ Кіевъ.

Осенью 1904 года въ Кіевъ пріѣхалъ новый генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Клейгельсъ, занимавшій до того постъ Петербургскаго Градоначальника. Генералъ Клейгельсъ былъ выдающійся градоначальникъ въ смыслѣ полицейскомъ. Онъ любилъ полицейское дѣло, интересовался имъ, умѣлъ подбирать исполнительныхъ офицеровъ и умѣлъ использовать ихъ таланты. Другихъ его качествъ я не касаюсь. Послѣ знаменитыхъ оберъ-полицмейстеровъ Трепова и Грессера, это былъ единственный градоначальникъ, въ которомъ столичная полиція видѣла своего по духу человѣка.

Поводомъ къ его уходу изъ Петербурга послужило слѣдующее. Сынъ его давнишняго пріятеля, блестящій гвардейскій кавалеристъ Х. тратилъ большія суммы на очаровывавшую весь кутящій Петербургъ француженку М. Отецъ офицера, обезпокоенный за состояніе своего сына, просилъ Клейгельса помочь ему, и тотъ потребовалъ выѣзда М. изъ Петербурга. Но М. была очень популярна и имѣла хорошихъ защитниковъ. Кавалеристъ пожаловался командиру полка, тотъ доложилъ выше и такъ дошло до командующаго войсками гвардіи Великаго Князя Владиміра Александровича, который вступился за офицера и при первой-же встрѣчѣ съ Клейгельсомъ наговорилъ ему много рѣзкаго и не хорошаго. Престижъ градоначальника былъ подорванъ, оставаться въ Петербургѣ ему было неудобно, и какъ выходъ изъ положенія генералу Клейгельсу было предложено Кіевское генералъ-губернаторство.

Я представился новому генералъ-губернатору еще въ Петербургѣ, будучи тамъ въ первые дни послѣ его назначенія. Это былъ бравый величественный генералъ, цвѣтущаго здоровья, съ бородой по скобелевски. Онъ говорилъ важно и высокопарно и при этомъ часто подбоченивался одной рукой, а другой молодцевато разбрасывалъ бороду-баки. Въ громадномъ Петербургскомъ кабинетѣ, съ массой гипсовыхъ моделей разныхъ монументовъ, онъ былъ великолѣпенъ.

Тогда онъ сразу-же спросилъ меня, знакомъ-ли я съ его «литературными трудами», какъ выразился онъ, и узнавъ, что нѣтъ, предложилъ мнѣ обратиться въ градоначальство. Я обратился, и мнѣ прислали съ десятокъ разнаго формата инструкцій для общей полиціи и большой томъ «Основы полицейской службы». Почти на всѣхъ инструкціяхъ красовалась надпись: «по распоряженію Санктъ-Петербургскаго Градо-

начальника Свиты Ево Величества генералъ-маіора Клейгельса, составилъ капитанъ Галле».

Директоръ Лопухинъ тогда же далъ мнѣ о немъ исчерпывающую характеристику, и я вспомнилъ лишній разъ, что и на солнцѣ бываютъ пятна.

Новый генералъ-губернаторъ своими широкими взглядами и сдержанными поступками какъ бы старался заставить забыть, что онъ служилъ раньше по полиціи, и показывалъ себя просвѣщеннымъ администраторомъ. Онъ очень внимательно занимался разрѣшеніями на покупку земель въ краѣ и давалъ ихъ на великолѣпной бумагѣ. Весь полъ, диваны, кресла его обширнаго кіевскаго кабинета бывали иногда покрыты этими аккуратно разложенными разрѣшеніями. То подсыхала свѣжая подпись генералъ-губернатора, дабы сохранился блескъ чернилъ.

Конкретныхъ указаній генералъ Клейгельсъ вообще не любилъ давать и предоставлялъ каждому широту дѣйствій. Такъ однажды, когда я согласно его приказанія, протелефонировалъ ему около 11 часовъ вечера, что на банкетномъ обѣдѣ судебнаго вѣдомства произносятся рѣчи о конституціи, генералъ, выслушавъ меня, сказалъ внушительно: «Надо дѣйствовать быстро и рѣшительно; завтра Вы доложите мнѣ подробно» — и повѣсилъ трубку. Я подумалъ, подумалъ и легъ спать.

Генералъ Клейгельсъ не жаловалъ нашего губернатора П. С. Саввича. Послѣдній былъ очень хорошій и здравый человѣкъ, честный службистъ, разумно понимавшій свою роль и положеніе. Ихъ взгляды не сходились. Дошло до того, что при безпорядкахъ, когда требовалось иногда получить категорическія указанія генералъ-губернатора, генералъ Саввичъ бралъ меня съ собою. При третьемъ разговаривать оказывалось удобнѣе.

При подобныхъ взаимоотношеніяхъ высшаго мѣстнаго начальства мое положеніе было довольно щекотливо. Но къ намъ генералъ-губернаторъ относился хорошо, хотя его отношенія съ нашимъ начальникомъ А. А. Лопухинымъ были не важны. Онъ вообще на ладилъ съ министерствомъ юстиціи еще съ Петербурга, а Лопухинъ вышелъ изъ него.

Съ новымъ начальствомъ у насъ совпала и новая полоса во внутренней политикѣ въ Россіи. Убійство Плеве, въ которомъ широкіе и бюрократическіе круги общества, и ближайшіе сотрудники убитаго министра видѣли главное препятствіе къ широкимъ реформамъ, нужда въ коихъ назрѣла до очевидности, было встрѣчена не только дикою радостью революціонныхъ партій, но и нескрывавшимся сочувствіемъ всей оппозиціи. Государь, склонный уже въ то время къ измѣненію курса внутренней политики, назначилъ министромъ внутреннихъ дѣлъ виленскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта князя Святополкъ-Мирскаго.

Человѣкъ высокихъ нравственныхъ качествъ, милый и воспитанный, какъ говорили про него поляки въ Вильнѣ — «бардзо цивилизованный чловѣкъ», — князь Святополкъ-Мирскій по уму и по характеру совершенно не былъ пригоденъ къ должности,на которую онъ былъ призванъ. Либералъ по мышленію, онъ, вступивъ въ половинѣ Сентября мѣсяца въ должность, измѣнилъ съ Высочайшаго одобренія курсъ внутренней политики въ сторону либерализма, заявивъ на всю Россію, что отнынѣ таковая будетъ базироваться на довѣріи власти къ обществу. Была объявлена политическая «весна».

Это измѣненіе политики дало возможность развиться широкому общественному противоправительственному движенію, которое слилось затѣмъ съ революціоннымъ.

Образовавшійся еще осенью 1903 года и окончательно сорганизовавшійся въ Январѣ 1904 года тайный «Союзъ Освобожденія», въ который входили представители профессіональной и разночинной интеллигенціи и лѣвое крыло земцевъ конституціо-

налистовъ, призналъ наступившій моментъ удобнымъ для открытія дружной кампаніи всѣхъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ въ цѣляхъ свержснія самодержавія.

Въ Сентябрѣ 1904 года въ Парижѣ состоялась «Конференція оппозиціонныхъ и революціонныхъ организацій Россійской Имперіи» съ участіемъ представителей Союза Освобожденія и партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Рѣшено было добиваться уничтоженія самодержавія, причемъ «Формы, методы, средства, тактика оставались своеобразными для каждой партіи». Такъ писала «Революціонная Россія». Не взявъ бомбы въ руки, наши либералы признали ее у своихъ союзниковъ допустимымъ средствомъ борьбы противъ правительства.

Съ этого момента Союзъ Освобожденія руководитъ всѣмъ общественнымъ движеніемъ въ Россіи, направляетъ дѣйствія земцевъ и всей оппозиціонной интеллигенціи и толкаетъ ихъ опредѣленно на революцію. Оставаясь для правительства въ подпольѣ, онъ проводитъ земскую и судебно-банкетную кампаніи, проводитъ резолюціи о требованіи конституціи, вынесенныя на ноябрьскихъ земскихъ съѣздахъ, разноситъ ихъ широко по Россіи и тѣмъ окончательно поднимаетъ всѣ интеллигентные круги и профессіи. Революціонныя партіи, застигнутыя какъ бы врасплохъ, идутъ поневолѣ за созданнымъ Союзомъ движеніемъ, помогая ему терроромъ, рабочими, крестьянскими и солдатскими безпорядками.

Такъ расцвѣтала объявленная Святополкомъ-Мирскимъ «весна», сперва при осенней слякоти, затѣмъ при заморозкахъ и морозахъ и создала естественный хаосъ. На мѣстахъ все было сбито съ толку, до представителей властей включительно. Даже чины судебнаго вѣдомства, блюстители закона, отклонились отъ него и поддались вѣянію министерской «весны».

Трудно было тогда служить и въ Кіевѣ. У генералъ-губернатора поддержки никакой. Онъ только пышнѣе и звонче сталъ говорить. Кругомъ всѣ бредили свободами, не отдавая себѣ яснаго отчета, чего хотятъ. Только губернаторъ Саввичъ, какъ всегда спокойный и ровный, рѣшилъ не поддаваться никакимъ вѣяніямъ и дѣйствовать строго по закону и по существующимъ циркулярамъ и инструкціямъ, пока они не будутъ отмѣнены или измѣнены формально центральною властью. А министерство, дѣлая революцію сверху, продолжало хранить молчаніе относительно какихъ либо руководящихъ указаній.

Спокоенъ былъ у насъ и прокуроръ палаты, держась существующаго закона, но нѣкоторые маленькіе товарищи прокурора бѣгали какъ угорѣлые. Одинъ все приставалъ ко мнѣ, на какомъ я основаніи дѣлаю то или другое, и такъ надоѣлъ, что однажды я сказалъ ему: «Да, развѣ Вы не знаете, что есть такое учрежденіе въ Кіевѣ на Бульварно-Кудрявской, гдѣ все и всегда дѣлается безъ всякихъ основаній. Если не знаете, то знайте». Онъ обидѣлся, но больше уже не приставалъ.

Но это далеко не было такъ. Прокурорское око смотрѣло зорко, и мы очень считались съ нимъ. Арестъ каждаго лица, даже по охранѣ, долженъ былъ быть обоснованъ серьезно. И если еще арестъ какого либо рабочаго не обращалъ вниманія прокурора, то арестъ интеллигентнаго человѣка и въ частности студента всегда влекъ за собою справку прокуратуры по телефону: за что и почему.

Передъ каждой групповой ликвидаціей я отправлялся къ прокурору палаты и по наглядной схемѣ выяснялъ ему положеніе розыска по данной организаціи, указывалъ сношенія отдѣльныхъ лицъ и выяснялъ сплетеніе наружнаго наблюденія съ агентурой. Я указывалъ дома, гдѣ жили наиболѣе интересные въ смыслѣ революціонномъ люди и гдѣ по нашему предположенію можетъ быть найдено что либо предо-

судительное. Благодаря такому докладу, прокуроръ палаты видѣлъ, что мы разбираемся, а не бросаемся зря хватать праваго и виноватаго.

Самый порядокъ ликвидаціи былъ установленъ слѣдующій. Начальникъ управленія назначалъ офицера, который долженъ былъ начать дознаніе по тѣмъ арестамъ, которые будутъ произведены. Назначался и товарищъ прокурора для наблюденія за будущимъ дознаніемъ. Оба они приходили въ отдѣленіе часовъ въ 11 вечера того дня, когда производилась ликвидація. Отпустивъ наряды на обыски, я разсказывалъ имъ всѣ происходящіе уже обыски и аресты. Когда являлись съ обыска, мы сообща просматривали вещественныя доказательства. Тутъ же дѣлались дополнительныя указанія и всяческія разъясненія. Въ результатѣ, за ночь, и будущій производящій дознаніе, и товарищъ прокурора были введены въ свое дѣло, а на утро, отдѣленіе посылало телеграмму о результатахъ ликвидаціи въ Департаментъ полиціи, а товарищъ прокурора докладывалъ своему начальству. Такъ производились аресты даже «по охранѣ», которые по закону мы могли производить безъ всякаго

10-го или 11-го Января 1905 года, въ Кіевъ вернулся изъ Петербурга генералъ-губернаторъ Клейгельсъ и прямо съ вокзала попросилъ къ себѣ нѣсколькихъ лицъ, губернатора и меня. Всѣ были приглашены занять мѣста за большимъ зеленымъ столомъ въ особой пріемной.

— «Я человѣкъ опредѣленныхъ формъ» — началъ какъ всегда генералъ-губернаторъ и затѣмъ встревоженно важно разсказалъ намъ о происшедшемъ въ Петербургѣ Гапоновскомъ движеніи. Онъ раскритиковалъ Гапона и удивлялся дѣйствію властей. Поговоривъ съ полъ-часа, онъ отпустилъ насъ. Для большинства было не ясно, что въ сущности онъ хотѣлъ и для чего собиралъ насъ, но разгадка была въ томъ, что въ прошломъ Гапонъ былъ до нѣкоторой степени связанъ съ Клейгельсомъ.

Григорій Гапонъ—изъ полтавскихъ малороссовъ, сынъ крестьянина, учился въ семинаріи, по окончаніи которой поступилъ въ 1902 году въ СПБ Духовную Академію.

Нервный, экспансивный, честолюбивый, съ горящими черными глазами аскета, Гапонъ былъ безпокойная мятущаяся натура. Онъ любилъ Царя безотчетно и считалъ, что черезъ него можно достигнуть всего, что только нужно народу. Романтикъ въ душѣ, онъ очень интересовался обездоленными и бѣдными и носился съ разными проектами, какъ улучшить ихъ положеніе.

Еще будучи въ академіи, онъ былъ назначенъ преподавателемъ въ два дѣтскихъ пріюта и скоро выдѣлился своими собесѣдованіями. Онъ посѣщалъ ночлежные дома, петербургскіе притоны, рабочіе кварталы и любилъ, и умѣлъ разговаривать съ ихъ обитателями. Ряса священника, своеобразная рѣчь и задушевный тонъ помогали ему. Скоро незаурядный священникъ-провинціалъ заинтересовалъ собою и академическое начальство, и нѣкоторые салоны петербургскаго аристократическаго общества. Онъ началъ входить въ моду. Открылись для него и двери гостиной статсъ-дамы Ея Величества Е. Н. Нарышкиной. По ея проникнутымъ любовью къ царской семьѣ теплымъ разсказамъ про Государя и его доброту и любовь къ народу, про его дивную семейную жизнь, Гапонъ уже болѣе сознательно началъ любить Государя и проникаться вѣрою, что при немъ рабочій людъ дѣйствительно можетъ добиться всего, что нужно ему для его благополучія. Фантазія Гапона направлялась въ сторону широкихъ соціальныхъ реформъ.

Будучи на второмъ курсѣ академіи, онъ разработалъ проектъ о кооперативѣ безработныхъ и о предоставленіи имъ подрядовъ общественныхъ работъ, о рефор-

мѣ рабочихъ домовъ, о земледѣльческихъ исправительныхъ колоніяхъ для дѣтей и подалъ свои проекты генералу Клейгельсу и причастнымъ къ дѣламъ пріютовъ генералъ-адъютанту Максимовичу и Управляющему Собственной Его Величества Канцеляріи Танѣеву, и былъ обнадеженъ однимъ изъ нихъ, что его проекты будутъ разсматриваться подъ предсѣдательствомъ самой Императрицы Александры Феодоровны. Голова полтавскаго малоросса шла кругомъ.

На четвертомъ курсѣ Гапона уволили изъ академіи изъ-за какого то недоразумѣнія, но затѣмъ вновь приняли не безъ протекціи со стороны охраннаго отдѣленія, которое уже знало тогда Гапона и покровительствовало его работѣ среди бѣднаго люда, находя его собесѣдованія полезными.

Весною 1903 года Гапонъ окончилъ академію и, привлеченный Зубатовымъ къ работѣ въ основанномъ послѣднимъ Обществѣ Рабочихъ, съ жаромъ отдался новой организаціонной дѣятельности. Но онъ, однако, не во всемъ сходился съ Зубатовымъ. Онъ былъ противъ полицейской опеки надъ движеніемъ и стоялъ за его большую самостоятельность, но это не мѣшало, однако, ему быть съ Зубатовымъ и съ Мѣдниковымъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, бывать часто у нихъ на Преображенской улицѣ и принимать отъ Зубатова денежную помощь.

Послѣ увольненія Зубатова, Гапонъ сталъ какъ бы оффиціально во главѣ Петербургской легализаціи. Къ концу 1903 года въ Петербургѣ существовало уже 17 отдѣловъ на разныхъ окраинахъ столицы. Въ отдѣлахъ происходили собесѣдованія и чтенія, начинавшіяся обычно молебствіемъ. На поддержку отдѣловъ Гапонъ получалъ иногда деньги и отъ Департамента полиціи, и отъ градоначальника Клейгельса. Къ этому времени Гапонъ былъ назначенъ священникомъ въ центральную тюрьму.

Съ назначеніемъ градоначальникомъ генерала Фулона, движеніе разрастается еще шире, начинаютъ устраиваться уже общія собранія для рабочихъ и ихъ семей, даже съ танцами, и это движеніе уже перестаетъ удовлетворять Гапона. Ему мало Петербурга, ему хочется перебросить его и на другіе города. Его взоры обращаются на Москву и Малороссію.

Гапонъ поѣхалъ какъ то въ Москву и выступилъ тамъ на одномъ изъ рабочихъ собраній и началъ критиковать московскія организаціи, выставляя въ замѣнъ ихъ свои. Дошло до градоначальника Трепова. Тотъ приказалъ арестовать Гапона и выслать въ Петербургъ, министру же Плеве отъ Великаго Князя было послано письмо, съ указаніемъ, чтобы Гапонъ больше въ Москву не являлся. Плеве извинился, и Гапону было указано, что онъ можетъ работать только въ Петербургѣ. Пытался Гапонъ работать и по провинціи, былъ онъ съ этой цѣлью въ Харьковѣ, а зимой 1904 года пріѣхалъ и къ намъ въ Кіевъ и заявился прямо ко мнѣ. Встрѣтились мы какъ старые знакомые. Сказавши, что дѣйствуетъ по полномочію директора Лопухина, Гапонъ разъяснилъ мнѣ, что онъ пріѣхалъ просить Клейгельса разрѣшить ему начать въ Кіевѣ организацію рабочихъ на подобіе Петербурга и, прежде чѣмъ быть у него, заѣхалъ переговорить со мною и просить поддержки. Мы переговорили, причемъ я разъяснилъ, что все зависитъ отъ генералъ-губернатора, въ душѣ же я считалъ, что время для легализаціи у насъ совсѣмъ не подходящее и что всѣ усилія надо направлять лишь на борьбу съ разрастающейся революціей. Исходя изъ этого положенія, я тотчасъ же послѣ ухода Гапона поспѣшилъ къ генералу Клейгельсу, доложилъ ему о пріѣздѣ Гапона и высказалъ свой взглядъ на полную непріемлемость для Кіева его проекта! Клейгельсъ обѣщался отклонить просьбу Гапона, но я не очень довѣрялъ его обѣщаніямъ и потому поѣхалъ еще и къ губернатору и нашелъ у него горячую поддержку. Онъ обѣщалъ мнѣ воспротивиться какой бы то ни было легализаціи.

Однако, обезпокоенный тѣмъ, что я продѣлалъ все это вопреки желанію директора, на котораго сослался Гапонъ, я срочно выѣхалъ въ Петербургъ и подробно доложилъ обо всемъ Лопухину. Послѣдній возмутился нахальствомъ и ложью Гапона. Онъ позвонилъ секретаря и приказалъ принести дѣло о Гапонѣ и разсказалъ мнѣ его инцидентъ въ Москвѣ, объяснилъ, въ какія онъ взятъ рамки въ Петербургѣ, и показалъ нѣкоторые документы изъ дѣла, а въ томъ числѣ и письмо Великаго Князя и резолюцію Плеве. Директоръ нашелъ мои дѣйствія правильными.

Но разрѣшивъ Гапону широко работать въ Петербургѣ, власти какъ бы забыли, что тамъ не было человѣка, который бы присматривалъ за нимъ, руководилъ бы имъ, держалъ бы все движеніе въ рукахъ, какъ то дѣлалъ Зубатовъ. Формально это какъ бы лежало на генералѣ Фулонѣ.

Между тѣмъ Гапоновскія организаціи увеличивались числомъ и, къ концу 1904 года, созданое имъ движеніе по рабочимъ кварталамъ Петербурга приняло невиданные размѣры. Число сорганизованныхъ рабочихъ доходило до двадцати тысячъ. Ничего подобнаго въ Петербургѣ никогда еще не бывало. Настроеніе ихъ повсюду было настолько лойальное, что при открытіи Коломенскаго отдѣла, на которомъ присутствовалъ и градоначальникъ Фулонъ, многіе рабочіе, приложившись послѣ молебна къ кресту, цѣловали затѣмъ руку градоначальника и просили его сняться съ ними на общей фотографіи.

Въ самомъ концѣ года на Путиловскомъ заводѣ, изъ за увольненія нѣсколькихъ рабочихъ со службы, вспыхнула забастовка, перебросившаяся затѣмъ на всѣ заводы. Гапоновскіе рабочіе приняли въ ней горячее участіе. Самъ Гапонъ съ сердцемъ схватился за своихъ рабочихъ и, не видя нигдѣ помощи и поддержки для бѣдняка въ его борьбѣ съ богатымъ, въ своемъ врожденномъ романтизмѣ обратился къ столь сродному душѣ простолюдина средству — бить челомъ Царю. И Гапонъ бросилъ въ массу мысль идти всѣмъ народомъ съ челобитной къ Государю и просить Его о своихъ нуждахъ. Мысль эта съ восторгомъ была подхвачена рабочими, понравилась она и Фулону, но лишь скользнула по немъ.

У честолюбиваго же романтика Гапона кружилась голова. Онъ ведетъ народъ къ Царю и находитъ у него защиту. Рабочіе не ошиблись, они добились высшей справедливости и добились ея отъ Царя-Батюшки. Царь поднятъ въ глазахъ народа на недосягаемую высоту, и все это сдѣлалъ онъ — вышедшій изъ народа же Гапонъ! Роль красивая, великая, и Гапонъ кипѣлъ въ агитаціи. Среди рабочихъ царило необыкновенное воодушевленіе. Все горѣло желаніемъ: къ Царю, къ Царю!

На окраинахъ были расклеены о томъ воззванія, ихъ никто не срывалъ, про нихъ знала полиція, и весьма естественно, что они считались разрѣшенными.

Среди этого, охватившаго всѣхъ экстаза, представители работавшихъ въ Петербургѣ революціонныхъ организацій заинтересовались невиданнымъ еще явленіемъ и вмѣшались въ движеніе. Главнымъ образомъ то были соціалъ-демократы. Они скоро сумѣли поддѣлаться подъ лозунги рабочихъ, которые сперва не хотѣли имѣть ничего общаго съ ними, и скоро стали какъ бы руководить рабочими. Отдѣльные революціонеры стали дѣйствовать на Гапона. Энергично работалъ около него соціалистъ-революціонеръ Рутенбергъ и представители эсъ-дэковской центральной группы. Его агитировали на революцію. Онъ вождь народный, но ему не достаетъ правильныхъ революціонныхъ лозунговъ; его программа не идейна, не обоснована. Пріими онъ революціонные тезисы — онъ сдѣлаетъ большое народное дѣло, онъ войдетъ въ исторію.

Экзальтированный, ускользнувшій уже отъ опеки градоначальства, Гапонъ увлекается еще болѣе своей случайной ролью, теряетъ равновѣсіе и рѣзко поддается влѣ-

во. Подстрекаемый революціонерами, онъ какъ бы забываетъ своихъ покровителей изъ администраціи. Онъ сначала уклоняется отъ нихъ, а затѣмъ прячется. Первоначальная мысль о просьбѣ къ Царю извращается у него въ мысль о требованіи; возможное неисполненіе просьбы подаетъ сумбурную, подсказанную революціонерами же мысль о какомъ то бунтѣ.

— «Я выйду на площадь, — говоритъ Гапонъ, — если царь принялъ нашу просьбу, махну бѣлымъ платкомъ, если же нѣтъ, махну краснымъ платкомъ и начнется народный бунтъ».

Какой бунтъ? Кто же подготовленъ къ нему? Съ чѣмъ будутъ бунтовать — съ голыми руками? Никто не могъ бы тогда толкомъ отвѣтить на эти вопросы и менѣе всего Гапонъ, но о бунтѣ говорилось.

Увлекшись окончательно своею ролью, окончательно сбитый съ толку и толкаемый господами Рутенбергами и К° на безумный, но столь нужный для ихъ революціоннаго успѣха поступокъ, Гапонъ начинаетъ дѣйствовать какъ заправскій революціонеръ и при томъ революціонеръ-провокаторъ.

Онъ участвуетъ со своими ближайшими учениками въ совѣщаніяхъ съ соціалъ-демократами и принимаетъ ихъ тезисы для петиціи. Поднявъ рабочую массу вѣрою въ Царя и въ его справедливость на челобитную, онъ потихоньку отъ рабочихъ, по сговору съ революціонерами, рѣшаетъ вести ихъ къ Царю, но не съ той челобитною, про которую думаютъ рабочіе, а съ требованіями во имя революціи. Онъ, зная представителей власти и самъ состоя на правительственной службѣ, понимаетъ хорошо, что этого шествія десятковъ тысячъ рабочихъ власти не допустятъ. Онъ зналъ это и все таки рѣшилъ, что поведетъ рабочихъ. Онъ поведетъ ихъ съ цѣлью вызвать столкновеніе съ властью, съ полиціей, съ войсками и тѣмъ дискредитируетъ въ глазахъ наивнаго люда Царя, возбудитъ противъ Царя рабочихъ. Таковъ былъ по истинѣ дьявольскій и предательскій планъ, выработанный революціонными дѣятелями и воспринятый Гапономъ. Гапонъ поддался революціонному психозу.

8-го Января Гапонъ явился къ министру юстиціи Муравьеву для переговоровъ о завтрашнемъ днѣ и для передачи ему заготовленной петиціи, но Муравьевъ уклонился отъ обсужденія вопроса по существу и направилъ Гапона къ князю Святополкъ-Мирскому.

Князь Мирскій не принялъ его совсѣмъ и, какъ объяснилъ послѣ одному изъ своихъ подчиненныхъ, не принялъ потому, что не умѣетъ разговаривать «съ ними». Министръ приказалъ направить его къ директору Департамента полиціи Лопухину, но Гапонъ отказался идти къ послѣднему, заявивъ, что онъ боится говорить съ нимъ и что онъ будетъ теперь дѣйствовать по собственному усмотрѣнію.

Когда Лопухинъ узналъ отъ Мирскаго, что послѣдній уклонился принять Гапона, онъ понялъ, какую громадную ошибку сдѣлалъ министръ и предпринялъ шаги, чтобы исправить ее. Онъ обратился къ митрополиту, думая черезъ него раздобыть Гапона и поговорить съ нимъ, но Гапонъ не пошелъ на призывы митрополита. Онъ, только что искавшій случая переговорить съ представителями власти, теперь упорно уклоняется отъ нихъ. Все это было очень двойственно и неясно. Гапонъ, какъ зарвавшійся азартный игрокъ, шелъ, что называется, очертя голову.

Была еще одна сила, принимавшая какое то не совсѣмъ ясное, какъ будто бы покровительствовавшее Гапону участіе въ подготовкѣ событій 9-го Января — это, такъ называемая, Петербургская общественность, группировавшаяся около вольно-экономическаго общества и имѣвшая сношенія съ Гапономъ. Эта общественность выбрала въ концѣ концовъ изъ своей среды депутацію изъ девяти человѣкъ (Н. Анненскій, К. Арсеньевъ, Е. Кедринъ, Н. Карѣевъ, І. Гессенъ, М. Горькій, Мякотинъ, Се-

мевскій и А. Пѣшехоновъ), которые съ рабочимъ Кузинымъ и посѣтили 8-го числа предсѣдателя Комитета министровъ Витте и просили его «принять мѣры, чтобы Государь явился къ рабочимъ и принялъ ихъ петицію, иначе произойдутъ кровопролитія». (Записки Витте, Томъ II; стр. 308). Но Витте уклонился отъ вмѣшательства въ это дѣло и ограничился тѣмъ, что только протелефонировалъ о томъ князю Мирскому. Депутація пыталась повидать князя Мирскаго, но ее не приняли и направили къ товарищу министра Рыдзевскому, который ничего существеннаго имъ не сказалъ. Такъ и кончилось ихъ хожденіе по администраціи ни въ чью. Попытокъ же повліять на Гапона и на приладившихся къ нему соціалистовъ, въ смыслѣ отмѣны шествія, эта группа не дѣлала.

Что же думали всемогущій министръ внутреннихъ дѣлъ и градоначальникъ? Какъ эти два почтенныхъ генерала, носившіе вензеля Государя на погонахъ, прозѣвали столь лестное для престижа Монарха народное движеніе, какъ выпустили его изъ своихъ рукъ и дали провести себя кучкѣ авантюристовъ?

На несчастье Россіи ни одинъ изъ нихъ не понималъ совершавшагося на глазахъ движенія. Не использовавъ Гапона въ тѣ дни, когда онъ дѣйствовалъ еще лишь какъ увлекающійся ролью вождя священникъ, они, узнавъ объ его уклоненіи влѣво и о принятіи имъ революціонныхъ тезисовъ, они — представители «сильной» власти, совершенно растерялись и окрасили мысленно революціонизмомъ всѣ поднятыя Гапономъ массы. А окрестивъ ихъ огуломъ революціонерами и бунтовщиками, они и средства противъ нихъ избрали соотвѣтствующія. За десятками подлинныхъ революціонеровъ, власти проглядѣли десятки тысячъ вѣрноподданныхъ рабочихъ.

Наступилъ скверный, нехорошій вечеръ 8-го Января. Въ городѣ была полная тьма — результатъ всеобщей забастовки. Чувствовалось что то жуткое и тревожное.

Въ 8½ часовъ вечера министръ внутреннихъ дѣлъ собралъ у себя совѣщаніе, на которое пригласилъ: министра финансовъ Коковцева, министра юстиціи Муравьева, своихъ товарищей Дурново и Рыдзевскаго, Тимирязева, начальника штаба войскъ гвардіи Мешетича. Присутствовалъ также, не принимая участія въ совѣщаніи, директоръ Департамента полиціи Лопухинъ.

Князь Святополкъ-Мирскій въ немногихъ словахъ посвятилъ присутствующихъ въ происходящія событія. Градоначальникъ Фулонъ доказывалъ невозможность допустить рабочихъ до Зимняго Дворца, причемъ напомнилъ Ходынскую катастрофу. Товарищъ министра Дурново поднялъ было вопросъ о томъ, извѣстно ли властямъ, что рабочіе вооружены, но этотъ весьма важный по существу вопросъ, даже самый кардинальный вопросъ, лишь скользнулъ по собранію и какъ то затушевался. Растерявшійся градоначальникъ ничего толкомъ не зналъ и ничего разъяснить не могъ. Было рѣшено, наконецъ: рабочихъ ко дворцу не допускать, при неповиновеніи дѣйствовать оружіемъ, Гапона же арестовать. На послѣднее постановленіе Фулонъ отвѣтилъ, что едва ли это представится возможнымъ сдѣлать. Онъ зналъ, что говорилъ: онъ за нѣсколько дней передъ этимъ далъ Гапону свое «солдатское» слово, что онъ его не арестуетъ, и генералъ Фулонъ сдержалъ свое слово, хотя и вопреки приказанію своего высшаго начальника министра внутреннихъ дѣлъ. Фактъ вопіющій!

Послѣ совѣщанія министръ внутреннихъ дѣлъ поѣхалъ съ докладомъ къ Его Величеству, пригласивъ съ собою и директора деп. пол. Лопухина для доклада Государю на случай, если бы возникъ вопросъ объ объявленіи города на военномъ положеніи. Министръ не считалъ себя достаточно компетентнымъ въ этомъ вопросѣ. Вопросъ этотъ однако не возбуждался.

Вотъ что записалъ послѣ этого доклада Государь въ своемъ дневникѣ:

«Со вчерашняго дня въ Петербургѣ забастовали всѣ заводы и фабрики. Изъ окрестностей вызваны войска для усиленія гарнизона. Рабочіе до сихъ поръ вели себя спокойно. Количество ихъ опредѣляется въ сто двадцать тысячъ. Во главѣ союза какой то священникъ соціалистъ Гапонъ. Мирскій пріѣзжалъ вечеромъ съ докладомъ о принятыхъ мѣрахъ».

Очевидно, Государю не доложили правды, надо полагать потому, что и самъ министръ не уяснилъ ее себѣ, не зналъ ея.

Съ утра 9-го Января со всѣхъ окраинъ города двинулись къ Зимнему Дворцу толпы рабочихъ, предшествуемыя хоругвями, иконами и царскими портретами, а между ними шли агитаторы съ револьверами и кое-гдѣ съ красными флагами. Самъ Гапонъ, имѣя сбоку Рутенберга, велъ толпу изъ за Нарвской заставы. Поютъ «Спаси Господи люди твоя... побѣды благовѣрному Императору»... Впереди приставъ расчищаетъ путь крестному ходу.

Войска встрѣтили рабочія толпы залпами и разогнали ихъ. Были убитые и раненые. Гапонъ былъ спасенъ Рутенбергомъ, спрятанъ у Максима Горькаго и затѣмъ переправленъ за-границу. Рабочая масса негодовала на правительство и на Царя. Во всѣхъ кругахъ общества недовольство, недоумѣніе и возмущеніе. Происшедшее было настолько непонятно, что объясненіемъ его въ глазахъ враждебно настроенной къ правительству публики была только — провокація. Но чья? Ну, конечно, со стороны правительства. И волна негодованія прокатилась повсюду, по всей Россіи. То тамъ, то здѣсь вспыхиваютъ забастовки, сыплются протесты. Поднялась какъ бы вся страна.

Изъ за границы же шли полныя огня прокламаціи. Руководители Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи, петербургскіе товарищи которыхъ сдѣлали все возможное, чтобы спровоцировать 9-е Января, выпустили прокламацію съ призывомъ къ борьбѣ, въ которой писали, между прочимъ, что 9-го Января:

— «Гигантская рука русскаго пролетаріата схватила за горло самодержавнаго звѣря».....; что въ тотъ день — «офицеры хладнокровно рѣзали дѣтей и женщинъ своего народа». Они гордо заявляли, что: — «На алтарь цивилизаціи, свободы и мира несетъ свои жертвы Россійскій пролетаріатъ». Имена Плеханова, П. Аксельрода, Н. Второва, Вѣры Засуличъ и Л. Дейча блистали подъ этими перлами революціоннаго краснорѣчія.

Лидеръ же нашихъ либераловъ П. Струве разразился въ «Освобожденіи» статьей, направленной противъ Государя и озаглавленной «Палачъ народа».

«Царь Николай — позволилъ написать себѣ неосвѣдомленный господинъ Струве — сталъ открыто врагомъ и палачомъ народа... Сегодня у Русскаго освободительнаго движенія должны быть единое тѣло и единъ духъ, одна двуединая мысль: возмездіе и свобода во что бы то ни стало... Ни о чемъ другомъ кромѣ возмезлія и свободы ни думать, ни писать нельзя. Возмездіемъ мы освободимся, свободою мы отомстимъ»...

Такъ совершилось величайшее по своей трагичности и послѣдствіямъ событіе, прозванное революціонерами «Кровавымъ воскресеньемъ». Провокація революціонныхъ дѣятелей и Гапона, глупость и бездѣйствіе подлежащихъ властей и вѣра народная въ Царя — были тому причиною.

То было Воскресенье, убившее въ Петербургскихъ рабочихъ эту вѣру, давшее противъ Государя жгучій, обидный осадокъ обманутой, разбитой надежды. Печальная, грустная, позорная для правительства, запачканная провокаторствомъ революціонныхъ партій, страница Русской исторіи послѣдняго царствованія.

Государь Императоръ уволилъ отъ должности министра Святополкъ-Мирскаго, уволилъ и градоначальника Фулона и для объединенія дѣйствія властей назначилъ Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ генерала Трепова, ушедшаго незадолго передъ тѣмъ по собственному желанію изъ Москвы послѣ ухода съ поста Московскаго генералъ-губернатора В. К. Сергѣя Александровича.

И то, что не пришло своевременно въ голову общепризнанному за гуманнаго и либеральнаго князю Святополкъ-Мирскому, ясно предстало новому генералъ-губернатору, котораго политическіе враги называли всякими нелестными эпитетами.

Именно ему, генералу Трепову, принадлежала инициатива представить Его Величеству депутацію отъ Петербургскихъ рабочихъ разныхъ фабрикъ и заводовъ. Выслушавъ мысль Трепова, Государь посовѣтовался съ министромъ финансовъ Коковцевымъ, который высказался по этому поводу утвердительно, прибавивъ, что, по его мнѣнію, чѣмъ больше народу видитъ Государь и чѣмъ больше и чаще говоритъ онъ съ его представителями, тѣмъ лучше.

И вотъ 19-го Января, въ Царскосельскомъ Дворцѣ, Государь принялъ депутацію Петербургскихъ рабочихъ. Государь внимательно выслушивалъ пожеланія рабочихъ и говорилъ съ ними удивительно просто. Когда державшій отъ рабочихъ рѣчь высказалъ желаніе, чтобы хозяева дѣлились съ ними частью прибыли, Государь разъяснилъ имъ, что приказать этого онъ не можетъ, какъ не можетъ приказать и рабочимъ брать меньшую заработную плату; не можетъ приказать работать или не работать и т. д. Что это дѣло частнаго соглашенія двухъ сторонъ. Рабочіе согласились съ доводами Государя, высказали Государю, что они понимаютъ это хорошо. Вся бесѣда была проникнута довѣріемъ со стороны рабочихъ и необыкновенно чарующей простотою и добротою со стороны Государя.

Государь сказалъ между прочимъ рабочимъ:

— «Знаю, что не легка жизнь рабочихъ, многое надо улучшить и упорядочить, но имѣйте терпѣніе. Вы сами по совѣсти понимаете, что слѣдуетъ быть справедливымъ и къ вашимъ хозяевамъ и считаться съ условіями нашей промышленности. Но мятежною толпою заявлять мнѣ о своихъ нуждахъ преступно... Я вѣрю въ честное чувство рабочихъ людей и непоколебимую преданность ихъ мнѣ и потому прощаю ихъ вину имъ».

Но къ сожалѣнію это все было уже поздно. Если бы тотъ пріемъ представители власти испросили у Его Величества десятью днями раньше!..

Въ охватившей послѣ 9-го Января всю страну революціонной горячкѣ то тамъ, то здѣсь совершались террористическіе акты противъ представителей власти. Стрѣляли члены разныхъ революціонныхъ партій. Говорили и у насъ въ Кіевѣ, что надо бы подстрѣлить кого нибудь, надо бы бросить куда либо бомбу. Чаще всего называли имя барона Штакельберга. Получилъ я, наконецъ, совершенно опредѣленныя свѣдѣнія отъ одного изъ сотрудниковъ, что у насъ готовится покушеніе на генерала Клейгельса, что изъ за границы нашему комитету предложили заняться именно этимъ вопросомъ. То было дѣло рукъ Азефа.

Послѣ убійства Плеве, въ Женевѣ, подъ предсѣдательствомъ Азефа, окончательно сконструировалась Боевая организація партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Былъ выработанъ ея уставъ, Азефъ былъ назначенъ ея главою или членомъ распорядителемъ, а Савинковъ его помощникомъ. Они же двое и Швейцеръ составили верховный органъ организаціи или ея комитетъ.

На состоявшемся затѣмъ въ Парижѣ совѣщаніи этого комитета, было рѣшено организовать убійства: В. К. Сергѣя Александровича въ Москвѣ, В. К. Владиміра Александровича въ Петербургѣ и нашего генералъ-губернатора Клейгельса. Первое дѣло поручили Савинкову, второе Швейцеру, а Кіевское нѣкоему Барышанскому.

Пріѣхавъ въ концѣ 1904 года въ Кіевъ, Барышанскій и началъ постепенно подготовлять порученное ему дѣло и, такъ какъ онъ обратился по поводу его къ нѣкоторымъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, то дошло это и до меня. Надо было разстроить предпріятіе и уберечь генералъ-губернатора. Начали дѣйствовать. Въ комитетъ была брошена мысль, что убійство генерала Клейгельса явится абсурдомъ. Поведеніе генералъ-губернатора въ Кіевѣ не подаетъ никакого повода къ такому выступленію противъ него. Приводились доказательства. Эта контръ-агитація была пущена и въ комитетъ и на тѣхъ, кого Барышанскій могъ привлечь въ качествѣ исполнителей.

Въ то же время мы приняли мѣры наружной охраны генералъ-губернатора. Наше наблюденіе установило, что съ Печерска за генераломъ ведется прослѣдка двумя рабочими. Прослѣдку эту мы демонстративно спугнули, показавъ тѣмъ усиленную охрану генералъ-губернатора.

Все это я донесъ Департаменту полиціи и сообщилъ ему, что если только въ подготовкѣ покушенія будетъ участвовать мѣстная организація, то я гарантирую его предупрежденіе, если-же за осуществленіе возьмется центръ и будетъ дѣйствовать безъ участія мѣстныхъ силъ, то тогда моя агентура окажется въ сторонѣ и покушеніе можетъ легко совершится. Въ послѣднемъ случаѣ мѣрой предупрежденія можетъ служить лишь учрежденіе личной охраны генералъ-губернатора, на которую у отдѣленія нѣтъ кредита.

Я просилъ объ отпускѣ необходимыхъ денегъ, но Департаментъ полиціи отнесся къ моему докладу отрицательно, въ средствахъ на охрану отказалъ и порекомендовалъ лишь усилить агентурное освѣщеніе, разъяснивъ, что въ немъ вся сила. Господинъ Макаровъ вторично открылъ Америку. Но на наше счастье, Барышанскій дѣйствовалъ очень неосторожно. Какъ уже было сказано, онъ обратился къ мѣстнымъ силамъ и наша агитація противъ убійства и филерство на Печерскѣ сдѣлали свое дѣло. Тѣ, кого подговаривалъ Барышанскій, не согласились идти на убійство, отказался отъ него и самъ Барышанскій. У насъ планъ Азефа потерпѣлъ неудачу.

Иначе сложилось дѣло въ Москвѣ, куда для организаціи покушенія на Великаго Князя былъ посланъ Савинковъ. Во избѣжаніе провала Савинковъ рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно, помимо мѣстной организаціи и тѣмъ спасся отъ сотрудниковъ охраннаго отдѣленія. Но кое что, благодаря первымъ шагамъ Савинкова и благодаря его переговорамъ съ однимъ изъ представителей мѣстнаго комитета партіи, а также и съ однимъ изъ либераловъ, дошло до отдѣленія, и оно, предугадывая покушеніе, просило черезъ градоначальника Трепова у Департамента полиціи отпустить кредитъ на спеціальную охрану Великаго Князя. Департаментъ отказалъ. Тогда въ Москвѣ произошло то, чего мы боялись въ Кіевѣ. Работая самостоятельно, Савинковъ сумѣлъ подготовить покушеніе, и Великій князь былъ убитъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ числѣ боевиковъ, входившихъ въ составъ отряда Савинкова былъ и его товарищъ по гимназіи, сынъ околоточнаго надзирателя, исключенный за безпорядки изъ Петербургскаго университета, И. Каляевъ, 28 лѣтъ. Высланный въ 1899 году въ Екатеринославъ, Каляевъ вступилъ тамъ въ соціалъ-демократическую организацію и послѣ безпорядковъ 1901 года намѣревался убить губернатора графа Келлера, но почему-то своего намѣренія не выполнилъ. Въ 1902 году онъ уѣхалъ во Львовъ, гдѣ по его собственнымъ словамъ онъ окончательно «опредѣлился» какъ террористъ. Лѣ-

томъ того-же года, онъ былъ арестованъ на границѣ съ транспортомъ нелегальной литературы, сидѣлъ въ Варшавской крѣпости и былъ высланъ въ Ярославль, откуда осенью 1903 года пробрался за-границу, гдѣ благодаря Савинкову и вступилъ въ Боевую организацію. Въ Москвѣ онъ былъ предназначенъ какъ одинъ изъ бомбометателей.

4-го февраля В. К. Сергѣй Александровичъ, не желавшій, несмотря на неоднократныя просьбы приближенныхъ къ нему лицъ, мѣнять часы и маршруты своихъ выѣздовъ, выѣхалъ въ каретѣ, какъ всегда, въ 2 часа 30 минутъ изъ Николаевскаго въ Кремлѣ дворца по направленію къ Никольскимъ воротамъ. Карета не доѣхала шаговъ 65-ти до воротъ, когда ее встрѣтилъ Каляевъ, получившій незадолго передъ тѣмъ отъ Савинкова бомбу, которую изготовила Дора Бриллiантъ. Каляевъ былъ одѣтъ въ поддевку, былъ въ барашковой шапкѣ, высокихъ сапогахъ и несъ бомбу узелкомъ въ платкѣ.

Давъ каретѣ приблизиться, Каляевъ съ разбѣгу бросилъ въ нее бомбу. Великій князь былъ разорванъ, кучеръ смертельно раненъ, Каляевъ-же раненъ и арестованъ.

Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, оставшаяся во Дворцѣ, услышавъ взрывъ воскликнула: — «Это Сергѣй» — и въ чемъ была, бросилась на площадь. Добѣжавъ до мѣста взрыва, она, рыдая, пала на колѣни и стала собирать окровавленные останки мужа....

Въ это время Каляева везли въ тюрьму, и онъ кричалъ: — «Долой царя, долой правительство», Савинковъ — съ Дорой Бриллiантъ спѣшили въ Кремль, убѣдиться въ успѣхѣ своего предпріятія, душа же всего дѣла Азефъ гдѣ-то злостно смѣялся надъ своимъ начальствомъ, составляя ему новое краснорѣчивое донесеніе.

Въ день этого убійства я былъ въ Петербургѣ, куда пріѣхалъ для объясненій съ завѣдующимъ Особымъ отдѣломъ Макаровымъ. Онъ произвелъ на меня удручающее впечатлѣніе полнымъ непониманіемъ розыска и равнодушіемъ къ мѣстнымъ нуждамъ. Онъ бросилъ мнѣ между прочимъ упрекъ, что у насъ мало раскрыто нелегальныхъ типографій. Я отвѣтилъ, что тѣ типографіи, которыя работали, мы арестовали, сами-же мы ихъ не ставимъ, а потому и не можемъ арестовывать по двадцати типографій въ годъ. Я намекалъ на одинъ изъ городовъ, гдѣ было арестовано очень много типографій, что ставилось намъ въ примѣръ и надъ чѣмъ мы подсмѣивались.

Настроенный Марковымъ, недоволенъ былъ мною и директоръ и между прочимъ на то, что у насъ въ Кіевѣ пряталась будто-бы тогда не разъ упоминавшаяся уже Марія Селюкъ. Я увѣрялъ, что ея нѣтъ у насъ въ Кіевѣ, и случай поддержалъ меня. На второй или третій день послѣ этого разговора, Лопухинъ получилъ по городской почтѣ письмо отъ самой Селюкъ, которая писала ему, что ей надоѣли преслѣдованія филеровъ, сопровождавшихъ ее всюду, куда-бы она ни пошла. И даже, когда она моется въ банѣ, филеръ наблюдаетъ за ней съ полки. А потому она сообщаетъ свой адресъ и проситъ ее арестовать. Письмо было настолько страннсе, что его приняли за шутку, но все таки послали нарядъ по указанному адресу и дѣйствительно нашли Селюкъ. Оказалось, что она заболѣла маніей преслѣдованія. По разсмотрѣнію у нея визъ на паспортѣ, убѣдились, что она въ тотъ періодъ въ Кіевѣ не жила.

Не найдя въ департаментѣ прежней поддержки, не видя дѣла и недовольный невниманіемъ Макарова, я рѣшилъ уйти изъ охраннаго отдѣленія. Я отправился къ генералъ-губернатору Трепову и просилъ его взять меня къ себѣ. Треповъ встрѣтилъ меня хорошо и просилъ зайти къ нему дня черезъ три. Этотъ срокъ падалъ на 5-ое или 6-ое февраля. Трепова я засталъ очень разстроеннымъ. Онъ рвалъ и металъ на Департаментъ полиціи изъ-за убійства Великаго Князя. Онъ обвинялъ директора

въ томъ, что тотъ отказалъ въ кредитѣ на охрану Великаго Князя и потому считалъ его отвѣтственнымъ за происшедшее въ Москвѣ.

Треповъ сказалъ мнѣ, чтобы я ѣхалъ въ Кіевъ, продолжалъ-бы служить и ждалъ-бы его распоряженія. Я задержался еще, кажется, на день и былъ на вокзалѣ, когда вернулся изъ Москвы ѣздившій туда разобраться въ обстановкѣ убійства Лопухинъ. Съ нимъ вернулся и ѣздившій вмѣстѣ Мѣдниковъ. Послѣдній сообщилъ мнѣ, что въ отношеніи Московскаго охраннаго отдѣленія все обстоитъ хорошо, что отдѣленіе хорошо работаетъ и что начальнику надо испросить орденъ Владиміра. Но отъ другого лица, пріѣхавшаго вмѣстѣ съ нимъ изъ Москвы, я узналъ, что охранное отдѣленіе сдѣлало тамъ большую оплошность. Наблюденіе напало на слѣды боевиковъ, но кого-то утеряли, за кѣмъ-то не поставили во время наблюденіе, что-то просмотрѣли. Такъ говорили краснорѣчивыя рапортички филеровъ, что конечно не могло укрыться и отъ зоркаго глаза Мѣдникова. Въ Московскомъ отдѣленіи не было въ то время фактически начальника: старый ушелъ, но не успѣлъ уѣхать изъ Москвы, а новый еще не пріѣхалъ.

Я ничего не понималъ. Походило на сумасшедшій домъ. Въ тотъ-же вечеръ я уѣхалъ въ Кіевъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Акты 18-го Февраля 1905 года. — Настроеніе въ Кіевѣ. — Вооруженное сопротивленіе „нелегальнаго". — Арестъ лабораторій разрывныхъ снарядовъ у Скляренко. — Случай съ сотрудникомъ Руденко на конспиративномъ свиданіи. — Психологія сотрудника. — Покушеніе на меня въ маѣ 1905 года. — Пропаганда среди военныхъ. — Конецъ розыскной службы. — Отъѣздъ изъ Кіева. — Виновникъ покушенія. — Искупительныя жертвы.

Предуказавъ назначеніемъ князя Святополкъ-Мирскаго въ Сентябрѣ прошлаго года уклонъ къ либерализму, будучи даже склоненъ въ Ноябрѣ на созывъ народныхъ представителей, и отвернувшись затѣмъ въ Декабрѣ рѣшительно отъ этого намѣренія, Государь послѣ 9-го Января вновь сталъ думать о немъ.

Ввиду такого новаго поворота во мнѣніи Государя, 3-го Февраля у Его Величества состоялся Совѣтъ Министровъ, обсуждавшій вопросъ о привлеченіи народныхъ представителей къ законодательной дѣятельности, причемъ всѣ присутствовавшіе, за исключеніемъ одного, высказались за эту реформу. Этотъ одинъ, горячо возражавшій противъ введенія въ Россіи народнаго представительства, былъ Сергѣй Юльевичъ Витте.

Слѣдующій день, 4-го Февраля, унесъ главнаго противника либеральныхъ реформъ В. К. Сергѣя Александровича; желаніе Государя крѣпло и, какъ результатъ такого Его направленія, 18-го Февраля былъ опубликованъ Высочайшій рескриптъ на имя новаго министра внутреннихъ дѣлъ Булыгина, въ которомъ заявлялось намѣреніе привлекать избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительныхъ разработкахъ и обсужденіи законодательныхъ предположеній.

Въ тотъ-же день былъ опубликованъ манифестъ, призывавшій общество къ борьбѣ съ крамолой, и указъ Сенату, возлагавшій на Совѣтъ Министровъ разсмотрѣніе поступающихъ отъ частныхъ лицъ и учрежденій заявленій и ходатайствъ, касающихся усовершенствованій государственнаго благоустройства и улучшенія благосостоянія.

Опубликованные акты, призывавшіе страну къ реформаторской работѣ, дали новый толчокъ общественному движенію. Земскія собранія, городскія думы,

профессіональная интеллигенція, образовавшійся явочнымъ порядкомъ рядъ всевозможныхъ союзовъ, отдѣльныя лица — всѣ обсуждали вопросы о народномъ представительствѣ и объ отношеніи къ работѣ Булыгинскаго «совѣщанія». Составлялись резолюціи, петиціи, адреса, записки, проекты о государственныхъ преобразованіяхъ. Все крѣпло и бурлило еще сильнѣе, чѣмъ раньше. Окрыленныя-же успѣхомъ убійства дяди Государя революціонныя партіи еще больше муссировали всеобщее возбужденіе.

Убійство Плеве, принесшее измѣненіе внутренней политики, и убійство Великаго Князя, за которымъ послѣдовали акты 18-го Февраля, какъ-бы служили лучшимъ доказательствомъ правильности революціонныхъ способовъ борьбы и необходимости террора, какъ средства противъ правительства. А успѣшные террористическіе акты всегда побуждали къ подражанію, и терроръ сталъ проявляться все чаще и чаще.

Неспокойно было и у насъ въ Кіевѣ, хотя отсутствіе земства лишало интеллигенцію главной оппозиціонной спайки и объединенія.

Скоро случилось событіе, которое еще больше приподняло революціонное настроеніе у насъ. Были какъ то назначены обыски у соціалистовъ-революціонеровъ, которые вопреки обыкновенію, чтобы застать всѣхъ врасплохъ, производились днемъ. На одной изъ спокойныхъ окраинныхъ улицъ, въ сторону Житняго базара, въ одномъ изъ маленькихъ домиковъ, обнаружили большой складъ свѣжей литературы, гектографъ, на которомъ происходило печатаніе, и кассу организаціи. Черезъ улицу же, въ такомъ же одноэтажномъ домикѣ во дворѣ, шелъ также очень интересный обыскъ. Я поѣхалъ на провѣрку и, побывавъ въ первомъ мѣстѣ, направился во второе.

Обыскиваемая квартира состояла изъ двухъ крошечныхъ комнатъ и кухни. Когда я пріѣхалъ туда, производившій обыскъ приставъ обыскалъ только первую комнату и, арестовавъ двухъ молодыхъ людей, занимался уже писаніемъ протокола. Спросивъ, обыскана ли вся квартира, и получивъ отрицательный отвѣтъ, я сдѣлалъ замѣчаніе приставу, сбросивъ пальто и толкнувъ ногою дверь въ сосѣднюю комнату, быстро прошелъ въ нее. Заглянувъ подъ диванъ, я прошелъ изъ нея въ маленькую кухоньку и, говоря на ходу приставу, чтобы онъ произвелъ самый тщательный обыскъ и въ комнаткѣ и въ кухнѣ, я вышелъ изъ кухни черезъ черный ходъ на дворъ.

Только что я сталъ выслушивать докладъ старшаго филера, что домикъ этотъ ему кажется подозрительнымъ, что въ немъ въ кухнѣ при подходѣ полиціи задвинулась занавѣска, на что приставъ не хотѣлъ обратить вниманіе, какъ послышался рядъ выстрѣловъ. Инстинктивно мы бросились къ чистому входу и, подбѣгая, увидѣли выскочившаго изъ окна молодого человѣка въ студенческой курткѣ и безъ шапки. Давъ по мнѣ на-бѣгу два выстрѣла, онъ какъ ураганъ понесся къ воротамъ и дальше по улицѣ. Остолбенѣвъ сначала отъ неожиданности, я невольно схватился за карманъ, думая найти револьверъ, но онъ остался въ снятомъ мною пальто. Ошибка весьма часто повторявшаяся на обыскахъ и объясняющаяся тѣмъ, что мы меньше всего думали, что намъ прійдется прибѣгать къ оружію. Мы погнались за убѣгавшимъ, но тотъ несся какъ молнія и скрылся въ переулкахъ и садахъ. Городовые въ ихъ длинныхъ шинеляхъ, съ путавшимися межъ ногами при бѣгѣ шашками, конечно, не могли угнаться за молодымъ человѣкомъ.

Положеніе наше было глупое. Вернувшись въ домикъ, я спросилъ, въ чемъ дѣло и кто это стрѣлявшій и убѣжавшій студентъ. Мнѣ доложили, что какъ только я вышелъ изъ кухни, съ русской печки загремѣли выстрѣлы. Приставъ невольно заслонился за печку, а просунувшаяся съ печки изъ за дровъ рука, палила въ него разъ за разомъ, но къ счастью, пули рикошетировали отъ печки въ уголъ. Затѣмъ съ печ-

ки спрыгнулъ кто-то, пронесся черезъ обѣ комнаты и выпрыгнулъ въ окно. Все произошло съ такой быстротой, что полиція только смотрѣла. На печкѣ нашли фальшивый паспортъ, разорванныя на мелкіе клочки бумаги и записную книжку. Кто былъ стрѣлявшій, осталось неизвѣстнымъ, но много позже, мнѣ говорили въ департаментѣ, будто бы то былъ боевикъ Степанъ Слетовъ. Года черезъ два меня даже допрашивалъ по поводу случившагося судебный слѣдователь и предъявлялъ мнѣ фотографію Слетова для опознанія, но я не могъ признать въ немъ стрѣлявшаго по мнѣ неизвѣстнаго.

Это глупѣйшее происшествіе взволновало не только эсъ-эровскіе, но и вообще наши кіевскіе революціонные кружки. Первый разъ за наше въ Кіевѣ время побѣда была на ихъ сторонѣ. Это сейчасъ же стало отражаться и на общемъ положеніи и сразу же высказалось на сотрудникахъ. Они были всегда какъ бы термометромъ настроенія: беретъ верхъ правительство — они энергичны и рѣшительны, чуть начинаетъ одолѣвать революція — они ни то, ни се, говорятъ неопредѣленно, думаютъ объ отъѣздахъ, вообще начинаютъ «шататься». Почувствовалось, что многіе изъ моихъ освѣдомителей зашатались. Смѣлѣе стали вести себя по отношенію филеровъ и наблюдаемыя лица. Это тоже былъ нехорошій показатель. Все шло тогда влѣво. Конституція какъ бы оффиціально носилась въ воздухѣ. Идейно самодержавіе уже было похоронено нашей интеллигенціей.

Въ это то непріятное время вызвалъ меня разъ на свиданіе нѣкій интеллигентный господинъ. Принявъ мѣры предосторожности, я пошелъ повидаться съ нимъ. Господинъ тотъ, довольно пожилой, предложилъ мнѣ вопросъ: желаю ли я арестовать лабораторію соціалистовъ-революціонеровъ, гдѣ готовятся бомбы для срочнаго покушенія, и если да, то на какое вознагражденіе онъ можетъ разсчитывать за указаніе нѣкоторыхъ данныхъ, по которымъ можно раскрыть лабораторію. Я, конечно, сказалъ: желаю, но относительно вознагражденія просилъ высказаться его самого. Подумавъ, господинъ сказалъ: — «Вы мнѣ дадите 500 рублей, но только немедленно, покушеніе предполагается на Клейгельса и на охранное отдѣленіе».

Я отвѣтилъ собесѣднику, что охотно уплачу пятьсотъ рублей, но только послѣ ареста лабораторіи, что раньше я не имѣю права дать деньги, и сталъ доказывать безсмысленность террора, но чувствовалъ, что говорю неубѣдительно и что самъ себѣ не вѣрю. Интеллигентный господинъ принялъ условіе и далъ мнѣ нѣкоторыя данныя, послѣ чего мы разстались, условившись повидаться черезъ нѣсколько дней еще разъ.

Свиданіе то происходило въ Царскомъ саду. Былъ тихій весенній вечеръ Садъ благоухалъ сиренью. Съ высокаго откоса открывался чарующій видъ на широко разлившій свои воды Днѣпръ-могучій. Вдали серебрились затопленныя поля. Суетились пароходики, сновали лодки. Безконечная даль разстилалась за рѣкой.

Какъ чуденъ и обширенъ Божій міръ — думалось мнѣ, а людямъ все тѣсно... опять бомбы, предательство, аресты. Неужели нельзя безъ этого? Ну, что же, будемъ бороться...

Я поспѣшилъ въ отдѣленіе, гдѣ меня уже ждали.

Поставленное наблюденіе скоро взяло въ прослѣдку студента-политехника. Была установлена его квартира, за которой тоже учредили наблюденіе. По даннымъ уже другой агентуры выходило, что въ одной изъ лабораторій Политехническаго Института потихоньку приготовляется для чего то гремучая ртуть. Невольно приходила мысль о связи этихъ двухъ обстоятельствъ.

Доклады наблюденія по этому дѣлу я принималъ лично, сейчасъ же обсуждалъ ихъ съ завѣдующимъ наблюденія и вмѣстѣ рѣшали, что дѣлать. Дѣло было серьезное и щекотливое. Рано пойдешь съ обыскомъ — ничего не достигнешь и только провалишься. Прозѣваешь моментъ — выйдетъ, какъ въ Москвѣ, катастрофа. Поставили въ курсъ дѣла филеровъ, чтобы работали осмысленнѣй. Тѣ насторожились.

Однажды вечеромъ пришедшіе съ наблюденія филеры доложили, что въ квартиру наблюдаемаго политехника проведенъ былъ съ какимъ то свертком, повидимому, студентъ, котораго затѣмъ потеряли, что самъ политехникъ много ходилъ по городу и, зайдя подъ вечеръ въ одинъ изъ аптекарскихъ магазиновъ, вынесъ оттуда довольно большой пакетъ чего то. Съ нимъ онъ отправился домой, прокрутивъ предварительно по улицамъ, гдѣ ему совершенно не надо было идти. Пакетъ онъ несъ свободно, точно сахаръ. Въ ворота къ себѣ онъ зашелъ, не оглядываясь, но минутъ черезъ пять вышелъ безъ шапки и долго стоялъ куря, видимо провѣряя. Уйдя затѣмъ къ себѣ, политехникъ снова вышелъ и снова провѣрилъ, нѣтъ-ли чего подозрительнаго. Но кромѣ дремавшаго извозчика да лотошника со спичками и папиросами, никого видно не было... Ихъ то онъ и не узналъ.

Эти данныя были очень серьезны, политехникъ конспирировалъ больше, чѣмъ когда либо. Онъ очень нервничалъ. Его покупка въ аптекѣ и усиленное замѣтаніе затѣмъ слѣда наводили на размышленіе. Затѣмъ онъ два раза выходилъ провѣрять. Значитъ, онъ боится чего то, значитъ, у него происходитъ что-то особенно важное, не какъ всегда. Переспросили филеровъ и они признали, что есть что то особенно «дѣловое» въ поведеніи политехника. Извозчикъ, который водилъ его цѣлый день, особенно настаивалъ на этомъ.

Стали думать, не обыскать ли. Какъ бы не пропустить момента, какъ бы не вышло Москвы. Какой то внутренній голосъ подсказывалъ, что пора. Мы рѣшили произвести обыскъ немедленно. Наскоро намѣтили для замаскировки еще нѣсколько обысковъ у извѣстныхъ эсъ-эровъ. Я съѣздилъ къ прокурору, къ губернатору, взялъ ордера. Приготовили наряды, приготовленъ и слесарь, можетъ пригодиться.

Часа черезъ два, нарядъ полиціи съ нашимъ офицеромъ, безшумно проникъ во дворъ, гдѣ жилъ политехникъ. Офицеръ запутался нѣсколько во входахъ, такъ что пришлось обратиться къ дворнику. Заняли выходы. Офицеръ стучится въ дверь политехника — молчаніе. Стукъ повторяется — опять молчатъ. Отдается приказъ работать слесарю. Разъ, два, здоровый напоръ и дверь вскрыта мгновенно. Нарядъ быстро проникаетъ въ комнату.

Кинувшійся навстрѣчу съ парабеллюмомъ въ рукѣ бѣлокурый студентъ безъ пиджака сбитъ съ ногъ бросившимся ему въ ноги филеромъ. Онъ обезороженъ, его держатъ. Два заряженныхъ парабеллюма переданы офицеру. Начался обыскъ.

Въ комнатѣ настоящая лабораторія. На столѣ горитъ спиртовка, на ней разогрѣвается парафинъ. Лежатъ стеклянныя трубочки, пробирки, склянки съ какими то жидкостями. Пузырекъ изъ подъ духовъ и въ немъ залитая водою гремучая ртуть; аптечные вѣсы. Тутъ же желѣзныя, правильной формы коробки двухъ величинъ и деревянныя болванки для штамповки ихъ. Чертежи снарядовъ. Офицеръ осторожно потушилъ спиртовку. Рядомъ на кровати аккуратно разложены тремя кучками: желтый порошокъ пикриновой кислоты, желѣзныя стружки, гвозди и еще какое-то сыпучее вещество.

При тщательномъ осмотрѣ, подтвержденномъ затѣмъ вызваннымъ изъ Петербурга экспертомъ Военно-артиллерійской Академіи, оказалось, что у политехника было обнаружено все необходимое для сборки трехъ разрывныхъ снарядовъ очень большой мощности. Каждый снарядъ состоялъ изъ двухъ жестяныхъ, вкладывавших-

ся одна въ другую коробокъ, между которыми оставался зазоръ въ полъ-дюйма. Коробки закрывались задвижными крышечками. Внутренняя коробка наполнялась порошкомъ пикриновой кислоты съ прибавкой еще чего то. Въ нее вставляли детонаторъ ввидѣ стеклянной трубочки, наполненный кислотой. На трубочку надѣвался грузикъ — желѣзная гайка. Свободное мѣсто между стѣнками коробокъ заполнялось желѣзными стружками и гвоздями. Снаружи снарядъ представляетъ плоскую коробку, объемомъ въ фунта полтора-два чаю.

При ударѣ спаряда обо что либо, грузикъ ломалъ трубочку, и находившаяся въ ней кислота, дѣйствуя на гремучую ртуть и пачинку малой коробки, давала взрывъ. Желѣзныя стружки и гвозди дѣйствовали какъ картечь.

Политехникъ былъ застигнутъ за сборкой снаряда; онъ уже успѣлъ залить парафиномъ два детонатора и работалъ надъ третьимъ. Пикриновая кислота оказалась тѣмъ препаратомъ, который онъ купилъ вечеромъ въ аптечномъ складѣ.

Не явись мы на обыскъ тою ночью, снаряды были бы заряжены и вынесены изъ лабораторіи. Судьба.

Хозяиномъ лабораторіи оказался студентъ Кіевскаго Политехническаго Института мѣстной организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ Скляренко.

Система спарядовъ, ихъ составъ, все содержимое лабораторіи, указывало на серьезную постановку предпріятія. Ясно было, что это не является дѣломъ мѣстнаго комитета. И какъ только департаментъ полиціи получилъ нашу телеграмму объ арестѣ лабораторіи, онъ немедленно прислалъ къ намъ Мѣдникова. Зная хорошо послѣдняго, я былъ удивленъ той тревогѣ, съ которой онъ разсматривалъ все найденное по обыску. Онъ былъ какой то странный, очень сдержанно относился къ нашему успѣху и какъ будто чего то боялся и чего то не договаривалъ.

Та лабораторія была поставлена въ Кіевѣ не безъ участія Азефа. Дѣло это было поставлено на судъ, и Скляренко былъ присужденъ къ нѣсколькимъ годамъ каторжныхъ работъ.

Намъ, можно сказать, везло. Кругомъ терроръ, у насъ же никого еще не убили. Пока мы счастливо предупреждаемъ всѣ козни революціонеровъ, но чувствуемъ себя какъ на вулканѣ. Нервы напряжены до крайности. Со всѣхъ сторонъ тревожныя свѣдѣнія. Относительно себя уже просто надоѣло получать угрожающія или предупреждающія объ опасности письма. Еще не такъ давно я получилъ подобное письмо отъ Гуровича. Онъ пріѣхалъ въ Кіевъ повидаться со своимъ новымъ департаментскимъ сотрудникомъ. Заведеніе департаментомъ сотрудниковъ въ провинціи при наличности мѣстныхъ розыскныхъ органовъ и потихоньку отъ нихъ было большою ошибкою, до извѣстной степени политическимъ развратомъ, и способствовало только провокаціи сотрудниковъ на манеръ Азефа. Этотъ порядокъ, при которомъ Департаментъ изъ начальствующаго органа самъ нисходилъ на степень исполнителя, могъ привиться только при невѣжествѣ Макарова.

Уѣзжая, Гуровичъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ сообщалъ, что Кіевскій эсъ-эровскій комитетъ, ввиду разнесшагося слуха о моемъ переводѣ въ Москву, рѣшилъ не выпускать меня живымъ изъ Кіева. Эту фразу Гуровичъ дважды подчеркнулъ въ письмѣ и совѣтовалъ мнѣ быть осторожнѣе.

Вскорѣ послѣ этого я получилъ по городской почтѣ письмо, подписанное Карпенко, въ которомъ авторъ совѣтовалъ мнѣ уѣхать скорѣе изъ Кіева ввиду готовящагося на меня покушенія. А немного спустя, произошло затѣмъ и слѣдующее.

Былъ я однажды ночью на свиданіи на конспиративной квартирѣ. Сижу я въ креслѣ, а напротивъ сотрудникъ изъ рабочихъ — Руденко. Насъ раздѣляетъ маленькій столикъ, на немъ два стакана чаю.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Кіевъ, Руденко былъ привлеченъ къ дознанію при жандармскомъ управленіи, далъ откровенное показаніе и пожелалъ сотрудничать. Его прислали ко мнѣ, и онъ вновь сдѣлалъ то же самое предложеніе. Я принялъ это предложеніе, и когда управленіе освободило его, онъ сталъ давать кое-какія свѣдѣнія. Между тѣмъ рабочіе узнали объ откровенномъ показаніи Руденко, узнали, что онъ выдалъ нѣсколько человѣкъ, и рѣшили убить его. Онъ прибѣжалъ ко мнѣ и со слезами просилъ спасти его.

Переговоривши кое съ кѣмъ, удалось добиться, что Руденко былъ совершенно реабилитированъ въ организаціи и продолжалъ работать. Однимъ словомъ, отдѣленіе его спасло, не будь насъ, онъ былъ бы убитъ. Съ выдававшими на дознаніяхъ па Югѣ раздѣлывались просто.

Прошло съ тѣхъ поръ полтора года. Руденко время отъ времени давалъ свѣдѣнія и теперь уже третій разъ вызывалъ меня на свиданіе. Онъ въ большевицкой организаціи. Тамъ формируются боевыя группы, какія по пятерки, началось обученіе стрѣльбѣ изъ револьверовъ. Недѣлю тому назадъ онъ звалъ меня поѣхать съ нимъ къ одному оврагу на Лукьяновкѣ, гдѣ было назначено свиданіе боевой группы. Но мнѣ что то не понравилось въ его предложеніи, и я отвѣтилъ, что мы поѣдемъ въ другой разъ. Посланные для провѣрки филеры никакихъ рабочихъ не видѣли.

Уже съ полъ-часа мы бесѣдовали съ Руденко, хотѣлось спать, но все таки я дѣлалъ какія то замѣтки въ книжку. Вдругъ вижу мой собесѣдникъ вынулъ откуда то браунингъ и навелъ его на меня въ упоръ. У меня какъ то сразу отяжелѣли и похолодѣли ноги. Инстинктивно я протянулъ руку, сжалъ револьверъ и, отведя его въ сторону, выдавилъ изъ рукъ Руденко. Теперь меня бросило въ жаръ. Руденко смотрѣлъ, смущенно, пытался улыбаться, но это выходило криво. Спрашиваю: «Что это?» — Отвѣчаетъ, что это ему выдано изъ боевой организаціи для практики. Разсматриваю пистолетъ — щеки отвинчены, номера сцилены, выгравирована какая то надпись, все какъ слѣдуетъ, когда идутъ на убійство. Въ мозгу сверлитъ — по мою душу.

Мы молчали. Я посмотрѣлъ на него внимательно, онъ опустилъ глаза. Неловко. Я позвонилъ, вошелъ мой служащій.

— «Проводите сотрудника и больше его сюда не пускайте» — сказалъ я ему.

— «А Вы, Руденко, забудьте, что мы были знакомы, забудьте и дорогу сюда. Это будетъ лучше для Васъ».

Онъ вышелъ, опустивъ голову. Я остался одинъ; я чувствовалъ себя точно меня избили. Ну, слава Богу, на этотъ разъ миновало, подумалъ я и перекрестился.

Закрывши за Руденко дверь, чиновникъ вернулся. Я показалъ ему пистолетъ. Посмотрѣвъ на отвинченныя щеки и на надпись, онъ понялъ все. Подождавъ минутъ пять, мы вышли. Онъ проводилъ меня до дому. Мы всю дорогу молчали.

Сотрудничество явленіе сложное; причины, толкающія людей на предательство своихъ близкихъ знакомыхъ, часто друзей — различны. Онѣ должны быть или очень низменны, или, наоборотъ, очень высоки. Чаще всего будущіе сотрудники сами предлагали свои услуги жандармскому офицеру, но бывали, конечно, случаи, и даже очень частые, когда предложенія дѣлались со стороны послѣднихъ. Такъ или ина-

че, но изъ за чего же шли въ сотрудники дѣятели различныхъ революціонныхъ организацій? Чаще всего, конечно, изъ за денегъ. Получать нѣсколько десятковъ рублей въ мѣсяцъ за сообщеніе раза два въ недѣлю какихъ либо свѣдѣній про свою организацію — дѣло не трудное... если совѣсть позволяетъ. А у многихъ ли партійныхъ дѣятелей она была въ порядкѣ, если тактика партіи позволяла имъ и убійства, и грабежъ, и предательство, и всякіе другіе, менѣе сильные, но не этичные пріемы.

Среди рабочихъ часто играла роль и месть. Повздоритъ съ товарищами въ кружкѣ, обидится на что либо и идетъ къ жандармскому офицеру. Одинъ такой сознательный бундистъ явился разъ ко мнѣ, притащилъ кипу прокламацій и разсказалъ въ концѣ концовъ, что онъ болѣе двухъ мѣсяцевъ разноситъ по раіонамъ литературу, что ему обѣщали купить галоши, но не купили. Пусть же знаютъ теперь. Обозленность его на обманъ съ галошами была такъ велика, что я прежде всего подарилъ ему именно резиновыя галоши. И проваливалъ же онъ потомъ своихъ сотоварищей, проваливалъ съ какимъ то остервенѣніемъ. Вотъ что надѣлали галоши!

Но бывали сотрудники и въ полномъ смыслѣ идейные, для которыхъ деньги отходили на задній планъ. Приходитъ разъ ко мнѣ начальникъ сыскной полиціи и проситъ разрѣшенія представить дѣвушку, которая желаетъ служить въ охранномъ отдѣленіи. Принимаю, разговорились. Хочетъ бороться съ революціонерами и только. Стараюсь понять причины — оказывается, что знаетъ она ихъ очень мало, но ненавидитъ всей душей, считая, что они дѣлаютъ большое зло, сбиваютъ съ пути молодежь, рабочихъ и крестьянъ. Она особенно налегала на послѣднихъ и приводила примѣръ, какъ эсъ-эры агитировали въ Полтавской губерніи и что изъ этого вышло. Старуху «бабушку» она просто ненавидѣла, хотя знала ее только по наслышкѣ.

Я выяснилъ дѣвушкѣ всю трудность работы, всю ея щекотливость, но она твердо стояла на своемъ и сдѣлалась освѣдомителемъ. Работала она отлично, осторожно и умно. Она любила розыскъ какъ дѣло и года два спустя пошла въ открытую противъ революціи, выступивъ въ печати и разсказавъ все, какъ она боролась съ нею въ Кіевѣ. Къ чести эсъ-эровъ надо сказать, что они тогда ее не тронули. Впрочемъ, она въ партіи оффиціально не состояла. Такіе сотрудники являлись, конечно, исключеніемъ.

Но изъ за чего бы ни работалъ обычный рядовой сотрудникъ, у него, въ концѣ концовъ, наступалъ кризисъ. Видя жандармскаго офицера и бесѣдуя съ нимъ разъ, два въ недѣлю, по нѣсколько минутъ, онъ все остальное время былъ въ средѣ инако-мыслящихъ. Жилъ онъ общею жизнью своихъ товарищей и близкихъ. Постепенная выдача одного, другого, непріятныя послѣдствія этой выдачи, какъ тюрьма, высылка, ссылка — не могли не отражаться на немъ. Нервы были и у него. А рядомъ постоянная агитація противъ власти и обвиненія правительства во всѣхъ злодѣяніяхъ до погромовъ включительно. Все это мало по малу дѣйствовало на сотрудника, нервировало его и приводило къ сознанію своего предательства, къ сознанію вины передъ товарищами, къ желанію покаяться и искупить свою вину.

Въ этотъ-то критическій психологическій моментъ и начиналось шатаніе сотрудника. Это былъ моментъ очень опасный для завѣдующаго розыскомъ. Здѣсь у сотрудника зараждалась мысль отомстить ему за свое паденіе, хотя въ большинствѣ случаевъ, послѣдній не былъ въ томъ повиненъ. Этотъ моментъ неминуемо наступалъ у каждаго сотрудника, исключая дѣйствительно идейныхъ. Его надо было не пропустить, подмѣтить, надо было или поддержать сотрудника морально или вывести его изъ революціонной среды, устроить вдали отъ политики — заставить забыть ее. Если офицеръ не успѣвалъ этого сдѣлать, все очень часто оканчивалось катастрофой для него самого.

Такъ былъ заманенъ предательски въ засаду и убитъ Дегаевымъ съ народовольцами подполковникъ Судейкинъ. Такъ стрѣляли въ полковника фонъ-Котенъ, такъ предательски были убиты ротмистръ Грешнеръ въ Н.-Новгородѣ и полковникъ Карповъ въ Петербургѣ. Всѣхъ не пересчитаешь. Многіе погибли, выполняя свой служебный долгъ. Розыскные офицеры знали эту опасность и шли на нее сознательно. Революціонному фанатизму корпусъ жандармовъ противоставлялъ фанатизмъ долга и службы. Корпусъ жандармовъ грудью защищалъ государственный порядокъ Царской Россіи, и не одинъ десятокъ его офицеровъ и нижнихъ чиновъ палъ въ этой борьбѣ съ революціей при Царскомъ режимѣ, не отставая отъ испелнителей своего долга шефовъ корпуса: Сипягина, Плеве, Столыпина. Корпусъ помнилъ долгъ передъ родиной и послѣ, когда случилось исторически неизбѣжное. Въ рядахъ большевицкаго правительства нѣтъ ни одного извѣстнаго жандармскаго имени. Ихъ нѣтъ тамъ, хотя тамъ находятся представители всѣхъ сословій, службъ, профессій, степеней, ранговъ и чиновъ прежней Россіи. Бывшій жандармскій полковникъ Комиссаровъ, покинувшій ряды корпуса ещѣ при Царскомъ режимѣ — единственное исключеніе. Но на то онъ и Комиссаровъ.

Противъ же большевиковъ они боролись всюду: въ организаціи Локкарта въ Москвѣ, на Украинѣ Гетмана, на Дону у Краснова, у графа Келлера, у Колчака, у Врангеля, даже у Савинкова на Волгѣ. Ихъ брали на службу, и они боролись за русскую государственность. И только генералъ Деникинъ съ его окруженіемъ не жаловалъ ихъ, но зато нигдѣ такъ хорошо и не была поставлена большевицкая развѣдка и большевицкая работа, какъ въ арміи Деникина и его Освагѣ.

Но я отклонился въ сторону. Такъ вотъ, это то критическое душевное состояніе «шатанія» и переживалъ, очевидно, Руденко. Я понималъ его хорошо. Странно было только то, что онъ забылъ, что все таки же мы (отдѣленіе) спасли ему жизнь. Я не чувствовалъ къ нему недоброжелательности за его поступокъ. Думалось только, что кто-нибудь стоитъ за нимъ, что надо быть осторожнымъ.

Случай съ Руденко произошелъ передъ арестомъ лабораторіи. Наблюденіе за Скляренко, арестъ его все какъ то заставило забыть о немъ. У насъ въ Кіевѣ въ то время уже года полтора какъ былъ новый начальникъ жандармскаго управленія. Столь извѣстный кіевлянамъ Старокіевскій участокъ, гдѣ четверть вѣка провелъ гроза революціи Новицкій, былъ забытъ. Его замѣнило обширное, удобное помѣщеніе управленія на Львовской улицѣ. У насъ установились самыя добрыя дѣловыя отношенія.

Однажды въ началѣ Мая мнѣ дали знать изъ управленія, что въ Бердичевѣ жандармскій унтеръ-офицеръ убилъ двухъ сослуживцевъ и своего начальника ротмистра, а потому просятъ на панихиду. Я пошелъ туда часовъ въ 11 утра въ статскомъ. Разговоры о томъ, какъ произошло убійство, и самая панихида разстроили меня. Не помню, какъ вышелъ я изъ управленія. Было около часу дня. Очень жарко. Я шелъ, задумавшись, и ничего не замѣчая, прошелъ по Львовской и по небольшой уличкѣ, около больной пожарной команды, вышелъ на Бульварно-Кудрявскую. Я былъ почти у дома. Вдругъ слышу: тра, та, та, та, та...

Стрѣляютъ справа; пять, — пронеслось у меня, — а сердце слѣва, слава Богу... Что то кольнуло, зашумѣло въ ушахъ все потемнѣло... Кто то подхватилъ меня.

Какой кошмаръ, какой тяжелый сонъ... Слышны голоса жены, служащихъ... Если бы это былъ сонъ... Я дѣлаю усиліе проснуться и открываю глаза. Кто то брызжетъ водой въ лицо. Нѣтъ не сонъ, я дѣйствительно раненъ; кругомъ всѣ спрашиваютъ, гдѣ болитъ.

Меня внесли внизу же въ отдѣленіе и уложили на купленную только наканунѣ для дежурнаго чиновника кровать-шкафъ. Снявши пальто и сюртукъ, увидѣли кровь. Прострѣлены грудь и правая нога. Изъ жилетки выпала пуля; кто то говоритъ — распилена.

Я все вижу, все слышу, но какъ то смутно и не могу пошевельнуться. Пріѣхала карета скорой помощи, хотѣли увезти меня, но я прошу оставить дома. Сдѣлали перевязку, было очень больно. Много знакомыхъ лицъ... темнѣетъ въ глазахъ... я вновь въ забытьи . . . . . .

. . . . . .

Произошло это такъ. Стоявшая у окна съ дочуркой и съ сынишкой на рукахъ жена поджидала меня къ завтраку. Она видѣла, какъ я шелъ въ раздумьи и какъ началъ переходить улицу, направляясь къ нашей калиткѣ. Въ это время какой то молодой человѣкъ, по виду рабочій, встрѣтившись со мною, пропустилъ меня и затѣмъ сталъ стрѣлять, шагахъ въ десяти, въ спину. Я схватился за ногу. Стоявшая около тротуара подвода понесла и раздѣлила насъ. Стрѣлявшій побѣжалъ по улицѣ, за нимъ погнались. Держась за ногу, я, пошатываясь и хромая, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и сталъ падать. Меня успѣлъ подхватить дворникъ. Вотъ что видѣла моя жена.

Меня перенесли наверхъ въ мою квартиру, одну изъ комнатъ которой обратили въ палату. Командующій войсками Сухомлиновъ прислалъ фельдшера на все время болѣзни; генералъ губернаторъ Клейгельсъ прислалъ женѣ денегъ, прося не стѣсняться въ отношеніи докторовъ. Хотѣли пріѣхать сами, но я упросилъ не дѣлать этого, боясь какъ бы ихъ не подстрѣлили.

Одна изъ пуль пробила правую ногу, не задѣвъ кости, другая вошла въ спину между ребрами и вышла черезъ грудь также между ребрами, не задѣвъ ихъ. Судьба. Пулю нашли въ жилеткѣ, она была отъ браунинга и была распилена на-крестъ. Лежа съ закрытыми глазами я слышалъ, какъ профессора спорили надо мной, надо или нѣтъ дѣлать операцію. Одинъ настаивалъ, что надо, другой говорилъ, что не зачѣмъ мучить, все равно пуля отравлена, будетъ зараженіе крови, черезъ сутки все кончится.

— «Какая гадость» — мелькало въ головѣ, завтра все кончено...

Я просилъ объ операціи. Ее сдѣлалъ къ вечеру профессоръ Волковичъ. Мнѣ сильно взрѣзали грудь, безъ хлороформа, было больно. Державшій голову не выдержалъ, ему сдѣлалось дурно. Ночь я не спалъ, сверлила мысль — неужели завтра всему конецъ. Къ чему же было жить, суетиться? Что я видѣлъ въ жизни? Развѣ я жилъ для себя, для семьи?.. и вотъ конецъ. Какъ все это глупо...

Никогда не забуду я эти сутки, кошмарныя сутки сознательнаго ожиданія: останешься завтра жить, нли все безполезно, отойдешь къ праотцамъ.

Операція Волковича меня спасла, а докторъ Козловскій и близкіе меня выходили. На это никто не надѣялся. Много помогло создавшееся вокругъ меня настроеніе. Офицеры, администрація, не говоря про знакомыхъ и друзей, отнеслись удивительно сочувственно къ моему раненію. Телеграммы, письма, карточки со всѣхъ сторонъ. Но то, что больше всего придало мнѣ силъ, что подѣйствовало какъ живая цѣлебная вода, то пришло изъ Петербурга. Дня черезъ два послѣ покушенія мнѣ прочитали полученную отъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Трепова депешу, въ

которой онъ сообщалъ, что на сдѣланномъ имъ Государю Императору всеподданнѣйшемъ докладѣ о моемъ раненіи, Его Величеству благоугодно было начертать: — «Желаю Спиридовичу скораго и полнаго выздоровленія».

Я не вѣрилъ своимъ ушамъ. Какъ, самъ Государь знаетъ обо мнѣ и о моей службѣ! Самъ Государь пожелалъ мнѣ здоровья... Я былъ полонъ безмѣрнаго восторга. Не будучи въ состояніи двинуться на кровати, я чувствовалъ себя здоровымъ и счастливымъ какъ никогда. Мнѣ хотѣлось плакать, смѣяться, хотѣлось быть тамъ около Него, возлѣ.

Вотъ если бы спросилъ меня Государь, думалось мнѣ тогда какъ въ дѣтствѣ, — «чего ты хочешь больше всего, Спиридовичъ?» — я бы отвѣтилъ: — «Служить въ охранѣ Вашего Императорскаго Величества!» Но это мнѣ, провинціальному офицеру безъ протекціи и не-гвардейцу, казалось несбыточной мечтой... Но я мечталъ о томъ.

Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ новая радость: губернаторъ сообщилъ о пожалованіи мнѣ за арестъ лабораторіи бомбъ у Скляренко ордена Владиміра 4-й степени. Тогда это былъ самый почетный орденъ мирнаго времени и получить его не за выслугу лѣтъ, а за отличіе, было мечтой каждаго офицера. Мнѣ принесли его. Я любовался имъ какъ дорогой игрушкой и не разставался съ нимъ. Онъ лежалъ около меня на столикѣ рядомъ съ дорогой телеграммою.

Первые дни послѣ раненія я порывался продолжать руководить отдѣленіемъ, но врачи, видя, какое производитъ на меня впечатлѣніе эта работа, категорически воспретили ее. Розыскомъ сталъ вѣдать мой помощникъ Кулябко, назначенный еще при Плеве; мнѣ же, уступая моимъ просьбамъ, сообщали лишь нѣкоторыя особенно интересныя вещи. Такъ я узналъ, что въ день моего раненія, въ народномъ домѣ, какой то молодой соціалъ-демократъ пришелъ вечеромъ въ такой дикій восторгъ, что я «убить», что на радостяхъ выстрѣлилъ тамъ же въ затылокъ дежурному околоточному надзирателю!

Сообщили мнѣ и то, какъ отдѣленію удалось предупредить бунтъ въ одномъ изъ саперныхъ баталіоновъ. Военная среда всегда очень манила къ себѣ революціонеровъ. Имъ всегда очень хотѣлось войти туда съ пропагандой, но офицерство было недоступно и потому они старались подходить хотя бы къ солдатамъ. То въ одной, то въ другой части появлялись иногда въ ротахъ прокламаціи. Начальство безпомощно металось въ поискахъ виновныхъ и чаще всего, не желая выносить сору изъ избы, прикрывало эти происшествія и загоняло ядъ внутрь. Мы знали эту систему, и когда начальникомъ Штаба Округа сдѣлался генералъ Мавринъ, я много бесѣдовалъ съ нимъ на эту тему, доказывая весь вредъ такого пріема. Военное начальство тогда благоволило ко мнѣ потому, что намъ удалось помочь ему получить нѣкоторыя свѣдѣнія относительно австрійской мобилизаціи, и по войскамъ гарнизона было отдано распоряженіе, что замѣтивъ распространеніе прокламацій или вообще что либо въ смыслѣ проникновенія въ части политической пропаганды, командиръ части прежде всего долженъ освѣдомить о томъ лично меня и затѣмъ уже дѣйствовать по нашему взаимному соглашенію.

Распоряженіе это принесло безусловно хорошіе результаты тамъ, гдѣ его выполняли; выполняли же его всѣ, кромѣ саперныхъ частей.

Однажды пріѣхалъ ко мнѣ командиръ одного изъ мѣстныхъ пѣхотныхъ полковъ, полковникъ Толмачевъ, и сообщилъ, что у него завелся кружокъ солдатъ, которые уже одинъ разъ собирались гдѣ то въ городѣ, и что скоро они опять будутъ на собраніи уже со студентомъ. Доложилъ объ этомъ ротному командиру одинъ ун-

теръ-офицеръ, также приглашенный на сходку. Мы сговорились, что унтеръ-офицеръ долженъ идти на сходку, но адресъ ея онъ заблаговременно долженъ сообщить ротному командиру, тотъ командиру полка, а послѣдній мнѣ.

Сходка собралась, Толмачевъ пріѣхалъ ко мнѣ и, забравъ нарядъ, мы поѣхали арестовывать сходку. Распахнувъ дверь комнаты, гдѣ происходило занятіе, мы увидѣли человѣкъ восемь солдатъ, которые сидѣли на двухъ кроватяхъ, слушая лектора. Сидѣли такъ, какъ сидятъ обычно въ ротахъ на «словесности»: спина прямо, голова въ сторону учителя, руки на колѣняхъ, пальцы вытянуты, лица напряженныя. За столикомъ студентъ что то разъясняетъ, передъ нимъ прокламаціи, брошюры.

Я скомандовалъ: — «Встать, смирно!» Какъ одинъ вскочили солдаты и замерли на-вытяжку съ обалдѣвшими лицами: передъ ними самъ командиръ полка. Я скомандовалъ затѣмъ: — «Налѣво, шагомъ маршъ», и «сознательные», топоча ногами, замаршировали изъ комнаты, а полиція занялась учителемъ.

Военное начальство не сдѣлало никакой непріятности полковому командиру; честь полкового мундира не пострадала, и скоро въ полкахъ перестали бояться разговаривать съ охраннымъ отдѣленіемъ. Результатъ былъ тотъ, что пропагандисты стали бояться подступаться къ солдатамъ, а при попыткахъ подхода, солдаты арестовывали ихъ и тащили по начальству, и такимъ образомъ мы скоро отучили ихъ соваться къ войскамъ.

Исключеніе составляли, какъ уже я замѣтилъ, саперы. Тамъ умничалъ командиръ бригады. Онъ рѣшилъ справиться съ пропагандой, которая стала замѣчаться въ его частяхъ, своими средствами. Онъ приказалъ провести звонки отъ входныхъ воротъ въ дежурныя комнаты и роты, съ тѣмъ, чтобы какъ только войдетъ посторонній человѣкъ въ казарму, дневальный звонилъ въ роту и дежурную комнату и по этому звонку за прибывшимъ постороннимъ должно было начаться наблюденіе.

Звонки звонили, за приходящими въ казарму посторонними лицами смотрѣли, а прокламаціи появлялись какимъ то чудсмъ то въ одной, то въ другой ротѣ. Отъ насъ все это скрывали — берегли честь мундира. Наконецъ, генералъ не выдержалъ и пріѣхалъ посовѣтоваться къ губернатору, а тотъ пригласилъ меня. Саперный генералъ сталъ мнѣ разъяснять его систему борьбы; это было его изобрѣтеніе и конекъ. Въ заключеніе генералъ просилъ дать ему въ каждую роту по агенту, которыхъ онъ предполагалъ переодѣть въ саперную форму, и ввести ихъ такимъ образомъ въ роты съ тѣмъ, чтобы они раскрыли ему всѣхъ революціонеровъ въ батальонѣ.

Губернаторъ, слушая этотъ проектъ, смотрѣлъ на меня, улыбаясь глазами, я же думалъ: «Вѣдь выдумалъ же человѣкъ этакую штуку, а еще генералъ и инженерныхъ войскъ!» На сколько можно мягко, я старался разъяснить непригодность генеральскаго плана; говорилъ, что въ каждомъ данномъ случаѣ слѣдуетъ поступать такъ, какъ требуетъ штабъ Округа, что положеніе дѣлъ въ ротахъ слѣдуетъ выяснять черезъ ихъ же солдатъ и т. д.

Генералъ началъ горячиться и сталъ упрекать меня, что я не желаю помочь и не хочу дать ему агентовъ. Я сталъ повторять свои доводы, старался разъяснить получше, какъ надо приступить къ дѣлу, но генералъ сталъ еще больше горячиться, сталъ критиковать нашу систему борьбы и даже сказалъ, что то провокація, къ которой будто бы я хочу прибѣгнуть, не понимая очевидно и смысла слова «провокація». Услышавъ послѣднее, я всталъ и, сказавъ, что въ такомъ случаѣ мое присутствіе излишне, сталъ раскланиваться. Губернаторъ, видя происшедшую неловкость, вступился за меня, сталъ говорить генералу, что тотъ неправъ, что онъ не знаетъ нашей работы, но это дѣла въ сущности не поправило, и я распрощался, сказавъ на всякій случай генералу свой адресъ, и уѣхалъ въ отдѣленіе.

Генералъ остался при своихъ звонкахъ, къ намъ въ отдѣленіе не обращались и, что дѣлалось въ саперныхъ казармахъ, отъ насъ скрывали. Но вотъ, однажды, во время лагернаго сбора, когда я лежалъ уже подстрѣленный, явился въ отдѣленіе нижній чинъ одного изъ саперныхъ баталіоновъ и очень толково и подробно разсказалъ о томъ, что въ батальонѣ есть военно-революціонная организація и что тамъ на дняхъ долженъ вспыхнуть бунтъ, который пріуроченъ къ молебну передъ выступленіемъ на войну. Саперъ раскрылъ всю военную организацію по фамиліямъ, разсказалъ, когда были собранія, что на нихъ было рѣшено и какъ онъ и еще одинъ солдатъ докладывали о томъ одному изъ младшихъ офицеровъ, но начальство почему то не принимаетъ никакихъ мѣръ. Между тѣмъ революціонный комитетъ уже отдалъ послѣднія распоряженія, какъ и когда начинать бунтъ. Было предположено, что батальонъ перебьетъ офицеровъ и откажется выступить на войну.

Явившійся саперъ былъ допрошенъ оффиціально, показаніе его было занесено въ протоколъ, и мой замѣститель немедленно доложилъ о томъ Командующему Войсками Округа генералу Сухомлинову. Сухомлиновъ въ тотъ же день собралъ у себя высшихъ начальствующихъ лицъ гарнизона и предложилъ присутствующимъ доложить ему по-очереди о настроеніи въ частяхъ. Вездѣ все оказалось въ порядкѣ, особенно же было хорошо настроеніе по докладу уже знакомаго намъ генерала въ подчиненныхъ ему частяхъ.

Выслушавъ собравшихся, генералъ Сухомлиновъ огласилъ показаніе нижняго чина о готовящемся бунтѣ. Получился конфузъ и нѣкоторое недоразумѣніе при дальнѣйшемъ обмѣнѣ мнѣній съ саперномъ генераломъ.

На томъ же самомъ совѣщаніи были выработаны необходимыя предупредительныя мѣры, которыя затѣмъ благодаря генералу Сухомлинову и были проведены военнымъ начальствомъ быстро и рѣшительно. Всѣ виновные въ заговорѣ были арестованы, бунтъ былъ предупрежденъ, а батальонъ былъ посаженъ въ вагоны съ особыми предосторожностями.

Надо было быть тогда на той загородней платформѣ, гдѣ происходила посадка и слышать всю ту ругань, что неслась изъ вагоновъ по адресу строевого начальства части, чтобы понять, какъ была развращена та часть, благодаря бездѣйствію такъ любившаго звонки генерала и подчиненныхъ ему лицъ.

О поведеніи эшелона жандармской желѣзнодорожной полиціей былъ тогда же составленъ соотвѣтствующій протоколъ.

Но за всю мою службу въ Кіевѣ это былъ единственный случай революціоннаго проявленія въ войскахъ. Въ общемъ же, войска округа не были затронуты революціонной пропагандой. Настроеніе по поводу войны было самое крѣпкое, хотя война, какъ происходившая очень далеко, была непопулярна и непонятна. Шли на войну безъ энтузіазма, но съ полнымъ спокойствіемъ и съ готовностью жертвовать собою за интересы родины. Такое спокойное, но крѣпкое настроеніе видѣлъ я воочію у частей Кіевскаго Округа, собранныхъ зимою, близъ станціи Жмеринка для полученія благословенія отъ Государя Императора.

Я получилъ телеграмму отъ Директора принять всѣ необходимыя мѣры охраны ввиду предстоящаго пріѣзда туда Государя, но условія мѣстности были таковы, что принимать почти ничего не пришлось, т. к. смотръ войскамъ долженъ былъ произойти въ сторонѣ отъ населеннаго пункта, на полѣ.

Стоялъ вѣтреный морозный день. На полѣ построились уходившія на войну части. По пути слѣдованія Государя небольшая пестрая толпа евреевъ — старыхъ, молодыхъ и ребятишекъ. Вотъ подошелъ Императорскій поѣздъ, и Государь, сѣвъ на коня, прослѣдовалъ къ войскамъ въ сопровожденіи Великаго Князя Михаила

Александровича, Военнаго Министра, Командующаго Войсками Округа и свиты. Холодъ былъ настолько нестерпимъ, что съ Великимъ Княземъ сдѣлалось дурно.

Объѣхавъ войска, Государь сталъ бесѣдовать съ каждой частью и благословлять каждую часть образомъ. Простое, но сильное по смыслу напутственное слово Государя, видимо, очень дѣйствовало на солдатъ и трогало ихъ. Пропустивъ затѣмъ части мимо себя, Государь отбылъ, провожаемый восторженнымъ «ура» войскъ. Кричала и толпа захолустнаго еврейскаго мѣстечка, текли слезы у старыхъ ветхозавѣтныхъ въ длинныхъ одеждахъ евреевъ, порывалась бѣжать за Государемъ завернутая въ платки дѣтвора, но застывала отъ грознаго взгляда урядника.

Государь долго и какъ всегда милостиво бесѣдовалъ на перонѣ съ командующимъ войсками Сухомлиновымъ, котораго онъ очень любилъ, считая его однимъ изъ выдающихся нашихъ военныхъ стратеговъ. А немного позже нашъ генералъ-губернаторъ Клейгельсъ, приглашенный въ поѣздъ къ завтраку, разсмѣшилъ Его Величество разсказомъ про необыкновенныя по величинѣ груши, культуры которыхъ онъ добился у себя въ имѣніи, что генералъ Сахаровъ сравнилъ съ классической развѣсистой клюквой. Въ общемъ всѣ наши мѣстные остались, какъ всегда, очарованы Государемъ и вспоминали затѣмъ каждое его слово, ласковый взглядъ и добрую, слегка ироническую улыбку.

Вскорѣ послѣ саперной исторіи, въ виду тяжелаго состоянія моего здоровья, меня освободили отъ должности начальника охраннаго отдѣленія, и я разстался съ розыскомъ навсегда. Генералъ Треповъ прислалъ изъ Петербурга своего штабъ-офицера сказать, чтобы я не безпокоился о будущемъ, что онъ меня устроитъ. Офицеры Кіевскаго управленія поднесли мнѣ на память о совмѣстной службѣ свой жетонъ, мое же родное отдѣленіе благословило меня образомъ. Къ осени я сталъ кое-какъ вставать и, наконецъ, настолько оправился, что меня смогли увезти въ Швейцарію, откуда мы съ женой проѣхали въ Ментону, гдѣ я уже и долечился окончательно.

Кто же въ меня стрѣлялъ? Стрѣлялъ все тотъ же Руденко. Снабженный Кіевской большевицкой группой всѣми средствами, онъ выполнилъ порученное ему дѣло и скрылся изъ города. Три дня пьянствовалъ онъ на Трухановомъ островѣ, послѣ покушенія, пропилъ выданныя ему деньги и черезъ мѣсяцъ былъ арестованъ отдѣленіемъ въ Бѣлой Церкви на вокзалѣ.

На первомъ же допросѣ онъ показалъ, что долженъ былъ убить меня еще раньше, на томъ свиданіи, про которое я разсказалъ уже, но не хватило духу. Не хватило духу стрѣлять и напрямки, когда встрѣтился со мною въ послѣдній разъ, почему и билъ въ спину. Позже, наканунѣ суда, въ тюрьмѣ у Руденко обнаружили бомбу. Онъ заявилъ, что долженъ былъ бросить ее во время засѣданія суда. Его сослали на шесть лѣтъ въ каторжныя работы.

Но были и еще лица, которыя пострадали отъ того кроваваго эпизода, пострадали жестоко, хотя и являлись совершенно неповинными въ немъ. То была моя жена и наши дѣти. Онѣмѣвшая отъ ужаса смотрѣла она, окруженная дѣтьми, на происходившую за окномъ драму. Пережитое ею тогда потрясеніе было такъ велико и ужасно, что она заболѣла тяжкой психической болѣзнью, отъ которой ей не суждено было оправиться. Она явилась искупительной жертвой въ борьбѣ закона съ демагогіей. А дѣти? А дѣти сперва имѣли около себя больную «маму», не понимая ея страшныхъ поступковъ, а затѣмъ и совсѣмъ утратили ее. Потеряли самое лучшее, самое дорогое, что есть на свѣтѣ, чего никто и никогда не можетъ замѣнить — потеряли мать.

ДНЕВНИКИ

Дневникъ и воспоминанія кіевской студентки

I

Дневникъ

1919 г.

6-го февраля. Сегодня вступили въ городъ большевики. 3 дня у насъ было безвластіе, такъ какъ украинцы уже заблаговременно отступили. Слава Богу, что обошлось безъ прошлогоднихъ боевъ. Надѣюсь, что прекратится вѣчная стрѣльба по ночамъ и вообще не будетъ отвратительной украинской анархіи. Н. П. совершенно права: ужъ лучше одинъ чортъ, но, чтобы сидѣлъ крѣпко. Большевики такъ большевики. Вѣчныя перемѣны власти могутъ съ ума свести. Которое это у насъ правительство, начиная съ 1-го января 1917 г.? Царское, временное, рада, большевики, рада, гетманъ, директорія, теперь снова большевики. Большая часть знакомыхъ бѣжала. Я была противъ бѣгства. Что могутъ сдѣлать тихимъ, смирнымъ людямъ, которые никого не трогаютъ и политикой не занимаются. Понятно, что «Протофисъ» и «Суозифъ», а также члены украинскаго п-ства не могли остаться. Но у остальныхъ это просто паника.

7-го февраля. Новая власть рьяно принялась за дѣла. Лучшія квартиры отводятъ для постоевъ богунцевъ и еще какого-то полка; хозяева должны кормить солдатъ, которые ведутъ себя болѣе чѣмъ грубо, самовольно дѣлаютъ обыски, требуютъ бѣлья, одежды. Въ домъ Гинзбурга, что на Институтской, вселили такимъ образомъ 400 солдатъ. Въ теченіе 3-хъ—4-хъ часовъ, они превратили домъ въ какой-то хлѣвъ. Они снуютъ по лѣстницѣ, звонятъ поминутно въ квартиры и все время носятъ на спинѣ заряженную винтовку. Одинъ изъ нихъ при неосторожномъ движеніи убилъ тутъ же въ домѣ своего товарища.

Глядя на ихъ тупыя, безсмысленныя лица, слушая ихъ убогія рѣчи, я начинаю сомнѣваться въ пользѣ и смыслѣ всеобщаго избирательнаго права. Встрѣтила Б. на улицѣ. Она разсказывала ужасы о Липкахъ. Всѣхъ выбрасываютъ изъ особняковъ, не позволяя ничего забирать съ собой. Частные дома занимаютъ подъ казармы и учрежденія.

12-го февраля. На городъ наложили контрибуцію, очевидно для того, чтобы запугать «буржуевъ» и заставить ихъ платить; началась серія арестовъ. Почти всѣхъ купцовъ и домовладѣльцевъ посадили въ тюрьму. Насъ пока не трогаютъ.

16-го февраля. Къ намъ вселили 2-хъ красноармейцевъ. Они — крестьяне харьковской губ. Пребываніе ихъ мало пріятно; ихъ надо кормить, они потребовали себѣ бѣлья, къ нимъ постоянно приходятъ гости, но, въ общемъ, это два тихихъ, крайне тупыхъ парня. Постой нашей сосѣдки ведетъ себя хуже: въ пять часовъ утра солдаты играли на роялѣ и пѣли.

18-го февраля. Отвратительная ночь. Началось съ того, что часовъ въ 10 веч. нашихъ солдатъ повели дѣлать обыски въ сосѣднихъ домахъ. Это, конечно, раззадорило ихъ аппетитъ, и, вернувшись къ намъ, они рѣшили въ 3 ч. ночи поискать и тутъ. Во время обыска они потребовали чаю. Пришлось встать и грѣть имъ воду, такъ какъ прислуга,

явно стоящая на ихъ сторонѣ, все таки отказалась работать въ такое неурочное время. На этой почвѣ уже началось столкновеніе между красноармейцемъ и кухаркой.

Обыскъ на этотъ разъ кончился благополучно: исчезло только полфунта колбасы.

Арестованныхъ заложниковъ мало-по-малу выпускаютъ. Очень плохо приходится семьямъ бѣжавшихъ: арестуютъ ихъ женъ, дѣтей, громятъ квартиры, націонализируютъ имущество. На каждомъ шагу встрѣчаются подводы, нагруженныя реквизированной мебелью. Въ учрежденія свозятъ стильную мебель, ковры, зеркала.

23-го февраля, Нашу гостиную реквизировалъ сов. служащій — секретарь комиссара по иностраннымъ дѣламъ. Это 18-лѣтній юнецъ очень глупый и невѣроятный лгунъ. Лжетъ онъ такъ нагло, что не знаешь сердиться или смѣяться. Понимая, что его очень молодая внѣшность никому не внушаетъ уваженія, онъ передѣлалъ свой возрастъ въ паспортѣ, такъ что ему оффиціально 28 лѣтъ.

Онъ — москвичъ, и отецъ его бѣжалъ въ Кіевъ при гетманѣ. Онъ не успѣлъ даже кончить гимназіи, но разсказываетъ, что кончилъ 2 факультета.

Всетаки это ничтожество пользуется извѣстнымъ значеніемъ, такъ какъ, когда Ш былъ арестованъ ч.-к., по доносу дворника, ему очень скоро удалось освободить его.

Красноармейцы ведутъ себя довольно спокойно. Въ другихъ домахъ они страшно буянятъ. Интересно то, что отъ этихъ постоевъ страдаютъ и бѣдные люди, напр. бѣженцы Г.: они живутъ въ 3-хъ комнатахъ (ихъ семеро); къ нимъ поставили еще 10 красноармейцевъ, которые заставляютъ дочерей ставить для нихъ ночью самоваръ и т. п. Еще хуже тамъ, гдѣ поселились офицеры, то бишь красные командиры съ женами. Между этими дамами нѣтъ ни одной приличной женщины, и поведеніе ихъ соотвѣтствуетъ ихъ общественному положенію.

Буржуазія въ ужасномъ настроеніи, но мнѣ кажется, что не надо относиться такъ враждебно и зло къ ошибкамъ. Мы должны помнить, что реквизиціи помѣщеній начались еще во время войны, экономическое разстройство страны также внесено не большевиками. Вообще, идетъ еще гражданская война! Меня возмущаютъ, въ особенности, тѣ евреи, которые вздыхаютъ по царѣ. Неужели нѣкоторыя имущественныя потери могутъ сравниться съ тѣми униженіями, которымъ насъ ежечасно подвергалъ царскій режимъ?

*1-го марта.** Здѣсь все ждутъ французбвъ. Мнѣ почему-то кажется, что они не прійдутъ. Примѣръ ихъ собственной революціи вѣдь долженъ былъ бы имъ показать всю безсмысленность иноземнаго вмѣшательства. Самое лучшее и для Россіи и для ея сосѣдей — это нормальное развитіе событій. Большевизмъ — явленіе болѣзненное и, какъ таковое, долго существовать не можетъ. Конечно, это не вопросъ мѣсяцевъ, какъ думали москвичи и петербуржцы, когда они пріѣзжали къ намъ, а нѣсколькихъ лѣтъ. Но иноземное вмѣшательство только задерживаетъ событія и ставитъ имъ ненужныя препятствія.

Одна изъ самыхъ дикихъ сторонъ большевизма — отсутствіе свободной печати. То-есть я неправильно выразилась: печать вообще исчезла. Есть только оффиціальные органы коммунистической партіи, въ которыхъ работаютъ какіе-то садисты и полуграмотные экстерны. Таковы наши кіевскія изданія; московскія газеты значительно лучше. Тамъ пишутъ грамотно.

3-го марта. Лгунишка-комиссаръ арестованъ. — Ему грозитъ разстрѣлъ. Кажется, онъ надѣлалъ какія-то глупости — не то поддѣлалъ подпись Мазуренко, не то рекомендовалъ на службу завѣдомаго контръ-революціонера. Неужели его разстрѣляетъ та же власть, которая допустила на отвѣтственный постъ недоучившагося дурачка?

10-го марта. Уничтожаются частныя библіотеки. Частнымъ лицамъ нельзя имѣть никакихъ коллекцій. Мнѣ предложили мѣсто «эмиссара» въ библіотечномъ отдѣлѣ для осмотра частныхъ библіотекъ. Я отправилась съ Л. въ какую-то канцелярію въ гостинницѣ Гладынюка, но тамъ мнѣ заявили, что женщинъ на эту должность не принимаютъ. Хорошо равноправіе!

---

* Даты марта и апрѣля, вслѣдствіе утери нѣсколькихъ страницъ, возстановлены частью по памяти; возможны ошибки.

Л. приняли и онъ побродилъ нѣсколько дней по разворенным квартирамъ и наложилъ печати на библіотечные шкафы. Можетъ быть, можно будетъ хоть такимъ путемъ спасти тѣ книги, которыя солдаты еще не успѣли разорвать и сжечь.

На одномъ изъ засѣданій по библіотечному вопросу встрѣтила Н. Онъ — бундовецъ и не долженъ былъ бы служить у большевиковъ, хотя при ихъ системѣ надо или эмигрировать, или поступить къ нимъ на службу. Иначе, при все растущей дороговизнѣ можно будетъ умереть съ голоду.

12-го марта. Вчера насъ хотѣли выселить изъ квартиры. Только протекція бывшаго репетитора Ѳ. П., который завѣдуетъ жилищнымъ отдѣломъ, спасла насъ. Вмѣсто нашей взяли въ томъ же домѣ другую квартиру, владѣльцы которой уѣхали. Въ нее вселили какого-то доктора, выселеннаго изъ дома Миркина. Этотъ домъ націонализованъ, такъ какъ владѣлецъ бѣжалъ. Поэтому страдаютъ жильцы: ихъ выдворяютъ, запрещая выносить мебель. Такое выселеніе настоящее разореніе. Можно себѣ представить во что превратятъ квартиры и мебель красноармейцы и «сотрудники» совѣтскихъ учрежденій.

20-го марта. Кіевскія улицы очень измѣнились за послѣднее время. Онѣ всегда были очень оживлены, а при гетманѣ на Крещатикѣ нельзя было протолкаться. И публика была гораздо элегантнѣе, чѣмъ раньше. Теперь наоборотъ, все уменьшается число элегантныхъ и даже опрятно одѣтыхъ прохожихъ, особенно мужчинъ. Большинство ходитъ въ солдатскихъ шинеляхъ или въ кожаныхъ курткахъ и въ черныхъ картузахъ. Многія дамы не носятъ шляпъ. Всѣ стараются придать себѣ «демократическій видъ».

Наши солдаты, слава Богу, ушли, предварительно надѣлавъ намъ еще непріятностей.

Они стрѣляли изъ винтовокъ у себя въ комнатѣ; не говоря о томъ, что такая игра могла кончиться печально и для кого-нибудь изъ насъ, эта стрѣльба чуть было не завершилась «тщательнымъ» обыскомъ, такъ какъ остальные красноармейцы увѣряли, что стрѣляли мы и хотѣли искать у насъ оружіе. А для чего производятъ у буржуевъ тщательные обыски, мы хорошо знаемъ по разсказамъ потерпѣвшихъ знакомыхъ.

Оказывается, что работать въ совѣтскихъ учрежденіяхъ не легко.

Есть нѣсколько учрежденій нейтральныхъ, напр. совнархозъ, губстатбюро. Туда идутъ буржуи, нуждающіеся или надѣющіеся хоть что-нибудь спасти. Р. будто бы пошелъ на совѣтскую службу по послѣднимъ мотивамъ, но онъ жалуется, что ему жить не даетъ коммунистическая ячейка, вмѣшивающаяся въ его дѣловыя распоряженія, все провѣряющая, все подозрѣвающая, и недовольная тѣмъ, что онъ не коммунистъ.

По его словамъ, члены этихъ ячеекъ наихудшій сбродъ даже между коммунистами.

25-го марта. Вездѣ комиссары, которые все портятъ и во все вмѣшиваются. Я удивляюсь, какъ наши профессора выдерживаютъ, когда ими командуетъ недоучившійся студентикъ. Кстати о послѣднихъ: они теперь имѣютъ важное значеніе, ихъ назначаютъ на высокіе посты. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи большевики только идутъ вслѣдъ за своими предшественниками — украинцами: Голубовичъ вѣдь тоже попалъ въ премьеры съ 4-го курса.

Куда-то они всѣ дѣлись? и какимъ это кажется далекимъ!

Какимъ пріятнымъ былъ украинскій фарсъ въ сравненіи съ коммунистической трагедіей. У насъ все грустнѣй и грустнѣй; жизнь дорожаетъ, притѣсненія увеличиваются, всѣ ходятъ какіе-то напуганные.

Нельзя даже развлечься. Театры и кинематографы націонализованы, играютъ тенденціозныя пьесы и показываютъ фильмы, въ которыхъ (довольно тупо) острятъ надъ буржуазіей.

1-го апрѣля. Что ни день, то не легче. Уже не говоря о мученіяхъ, которымъ подвергаются знакомые, за что ихъ жалѣешь, начинаешь сама вѣчно чего-то опасаться.

Каждый звонокъ приводитъ въ ужасъ, боишься выйти на часъ изъ дому, чтобы за время отсутствія не произошло чего-нибудь. А насъ еще пока Богъ миловалъ.

Вчера заходилъ Б. У бѣдняги была большая непріятность: какъ всѣ кіевляне, наученные горькимъ опытомъ москвичей и петроградцевъ, онъ вынулъ, при Директоріи, все наиболѣе цѣнное изъ сейфа. Это было очень умно, потому что сейфы теперь опечата-

ны и ихъ будутъ осматривать. Но затѣмъ онъ уже сдѣлалъ глупость, спрятавъ свертокъ съ цѣнностями на печку. Это мѣсто знаетъ, кажется, каждый ребенокъ, не то, что чекистъ. Когда же къ нему прислали постой, онъ забылъ или не успѣлъ принять свертокъ, который исчезъ вмѣстѣ съ красноармейцами. Въ этомъ случаѣ есть двѣ интересныя стороны: во-первыхъ, пострадавшій совершенно не имѣетъ права жаловаться на воровъ властямъ, такъ какъ самый фактъ владѣнія цѣнностями является преступленіемъ, чѣмъ-то вродѣ сохраненія краденаго при буржуазномъ строѣ. Обокраденный не только не получитъ помощи отъ власти, но будетъ подвергаться обыскамъ, будетъ обложенъ контрибуціей на томъ основаніи, что у него могли еще остаться цѣнности или, что онъ когда-то владѣлъ ими.

Во-вторыхъ, пострадалъ отъ соціальнаго переворота, имѣющаго цѣлью уничтожить бѣдность, бѣдный человѣкъ. То, что украли у Б., было плодомъ долголѣтнихъ трудовъ; онъ давалъ уроки будучи гимназистомъ, всю жизнь былъ заводскимъ врачемъ, лѣчилъ тѣхъ же крестьянъ и рабочихъ, которые его теперь ограбили.

Между прочимъ, Б. страшно радовался революціи, а теперь онъ ее проклинаетъ, и призываетъ тѣнь Побѣдоносцева.

Мы отдѣлались отъ нашихъ красноармейцевъ легко — маленькой кражей постельнаго бѣлья и добровольной данью носильнаго.

10-го апрѣля. На этой недѣлѣ было нѣсколько тяжелыхъ дней. Я не думала, что такъ тяжело присутствовать при томъ, какъ забираютъ вашу собственность. Когда перенесшіе это разсказывали о пережитомъ со скрежетомъ зубовъ, я пожимала плечами и удивлялась такой привязанности къ вещамъ. Жить вѣдь можно и безъ стильныхъ гостинныхъ и персидскихъ ковровъ.

Теперь я поняла, что дѣло совсѣмъ не въ вещахъ и не въ ихъ цѣнности, а въ томъ, что кто-то смѣетъ забирать мое, мою собственность, то, что принадлежитъ мнѣ.

Какое это униженіе! Кто-то къ вамъ врывается и крадетъ на основаніи «закона», несмотря на ваши просьбы, протесты.

Боже мой! конечно, смѣшно жаловаться на такой пустякъ, когда гибнетъ цѣлая страна, и теперь только я вижу, какъ гибнетъ. Что человѣкъ (а можетъ быть, только я) за животное, когда онъ обо всемъ судитъ только въ отношеніи къ самому себѣ!

Одно воспоминаніе о происходившемъ у насъ въ квартирѣ на этой недѣлѣ заставляетъ меня до сихъ поръ вздрагивать. Вытаскивали изъ квартиры мебель, серебро, ковры и еще кричали при этомъ, что все дѣлается для народа, который спасаютъ изъ нашихъ «обагренныхъ кровью» рукъ.

И униженія, просьбы родителей, сопровождавшія эту сцену ... Ужъ лучше стоять и молчать!

Больнѣе всего то, что вся эта конфискація, или попросту кража, произошла по доносу тетиной горничной, которая уже 4 мѣсяца сидитъ у насъ на шеѣ, ничего не дѣлаетъ и беретъ жалованье, такъ какъ мамѣ было жаль ее разсчитать послѣ реквизиціи квартиры. Въ видѣ благодарности, она постаралась, чтобы у насъ забрали серебро, а одинъ жилецъ — подборщикъ — сказалъ чекистамъ, что у насъ хорошая мебель. Никто изъ насъ его никогда не обидѣлъ, такъ что его поступокъ даже не месть, а просто искусство для искусства. Одинъ изъ реквизировавшихъ серебро отрекомендовался студентомъ московскаго университета.

Правда, Б. говорила еще лѣтомъ, что, когда былъ изданъ декретъ о томъ, что, для поступленія въ университетъ, не нуженъ аттестатъ зрѣлости, ея петербургскій дворникъ сейчасъ же записался въ студенты, чтобы не пойти въ красную армію.

14-го апрѣля. Снова хотѣли реквизировать квартиру для какого-то украинскаго коммунистическаго клуба. Ворвались во-время сейдера *.

15-го апрѣля. Два красноармейца пришли реквизировать мѣдный котелъ для выварки бѣлья. Насилу ихъ умолили оставить его, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ немъ противно варить для людей.

---

* Вечеръ наканунѣ праздника Пасхи.

Куда бѣжать изъ этого ада? Ужъ нѣтъ больше терпѣнія!

Каждый день кого-нибудь арестовываютъ или разоряютъ. Угрожаютъ всѣхъ выселить изъ буржуазныхъ домовъ и вселить въ нихъ — бѣдноту. Недавно снова получили письмо изъ Москвы. Родные пишутъ, что они страшно мучались всю зиму. Не было топлива и холодъ въ домахъ былъ невѣроятный? У всѣхъ отморожены руки и ноги.

23-го апрѣля. Пишу поздно ночью. Сегодня насъ хотѣли снова выбросить уже всѣмъ домомъ, чтобы размѣстить штабъ какой-то дивизіи. Комендантъ дома уже назначенъ.

Все чаще и чаще вспоминаются «Бѣсы». Чего собственно хотятъ эти люди? Зачѣмъ все это дѣлается? Я могу объяснить себѣ многое: терроръ — это самозащита правительства, онъ страшенъ, но къ нему прибѣгала всякая власть и, при малѣйшемъ упрекѣ, большевики могутъ указать па всю исторію человѣчества. Правда, мы, ихъ оппоненты, можемъ имъ напомнить, что они же, при временномъ правительствѣ, вопили противъ смертной казни, а теперь кровь льется рѣкой?

Я могу понять отчужденія и конфискаціи недвижимости, могу объяснить контрибуціи — своего рода единовременный налогъ на богатыхъ, но дальнѣйшее? Что измѣнится въ соціальномъ строѣ, если у Х. и У. заберутъ серебро, бѣлье, одежду? Каждый ребенокъ понимаетъ, что все это разойдется по рукамъ другихъ частныхъ лицъ. И это еще въ лучшемъ случаѣ, потому что большинство вещей просто гибнетъ: изъ портьеръ, изъ мебельной обивки дѣлаютъ портянки, куртки, часовые сидятъ передъ чека на дорогой мебели.

Большевистская система способствуетъ развитію самыхъ подлыхъ и низкихъ наклонностей.

Сегодня, напр., была такая сценка: надо замѣтить, что, при реквизиціи дома, выселяемымъ жильцамъ почти ничего не позволяютъ забирать съ собой, поэтому нашъ комендантъ далъ соотвѣтствующее распоряженіе швейцару; послѣдній — приличный человѣкъ и не обращалъ вниманія на то, что многіе жильцы по-тихоньку спасали свое имущество. За такое нерадѣніе ему сдѣлалъ замѣчаніе живущій въ домѣ подборщикъ. Онъ не коммунистъ, но, вѣроятно, надѣется поживиться не одной вещью въ опустѣвшихъ квартирахъ, которыя сплошь и рядомъ пустуютъ, такъ какъ некому ихъ занять.

24-го апрѣля. Есть надежда, что комендантъ за мзду освободитъ нашъ домъ. Онъ — бывшій учитель гимназіи въ Москвѣ, горькій пьяница. Но, конечно, о немъ и о милліонахъ ему подобныхъ русскіе не вспомнятъ. Они будутъ безъ конца перечислять коммунистовъ — евреевъ и указывать на еврейскихъ подонковъ, принимавшихъ участіе въ большевизмѣ. Но о нашемъ коммунистѣ Лебедевѣ, о Собиновѣ, Шаляпинѣ и всѣхъ тѣхъ офицерахъ, чиновникахъ и другихъ русскихъ, которые работали во славу коммунизма, они не вспомнятъ или найдутъ для нихъ смягчающія обстоятельства: они, бѣдные, были выбиты изъ колеи войной, умирали отъ голоду, большевики ихъ принудили силой, угрозами.

25-го апрѣля. За старый чемоданъ и нѣсколько бутылокъ водки коммунистъ Лебедевъ сжалился надъ нами. Кажется, впрочемъ, что значеніе имѣла протекція члена исполкома Алгасова, съ которымъ знакомъ кто-то изъ жильцовъ. Оригинальная власть! Одинъ изъ ея высшихъ представителей не стѣсняется дѣйствовать по знакомству наперекоръ ей.

Вообще, большевики довели до абсурда всѣ недостатки, которыми отличаются плохія правительства. У нихъ безъ протекціи, безъ знакомства нельзя сдѣлать шагу, нельзя вообще существовать. Затѣмъ, бюрократія развилась до безпредѣльности: вездѣ и для всего канцеляріи, 5 чиновниковъ исполняютъ то, что въ прежнее время дѣлалъ одинъ. Бумажки, бумажки безъ конца.

Интересно, что то же происходило во время французской революціи, когда министры должны были издавать распоряженія о бережливомъ отношеніи къ бумагѣ.

Къ сожалѣнію, ряды этихъ чиновниковъ и чиновницъ пополняются, главнымъ образомъ, буржуазной молодежью, преимущественно еврейской.

Конечно, это легко объяснить: большевики уничтожили всѣ частныя предпріятія — часть они націонализировали, часть же (страховыя общества, банки) уничтожили, какъ уродливыя явленія буржуазнаго строя. Лица, служившія въ этихъ учрежденіяхъ, должны имѣть какой-нибудь заработокъ, такъ какъ даже лица, имѣющія крупныя суммы въ банкахъ не знаютъ откуда брать средства на непомѣрную дороговизну, ибо съ текущихъ счетовъ выдаютъ на человѣка 1000 руб. въ мѣсяцъ.

Кромѣ того, совѣтская служба будто бы даетъ паекъ, который никто никогда не получаетъ, и кое-какія привилегіи, напр. тѣ дома, гдѣ живетъ много совѣтскихъ служащихъ, не реквизируются.

27-го апрѣля. Кажется, «коммунистъ» и «идіотъ» — значеніе этихъ двухъ словъ равносильно.

Вышелъ декретъ о количествѣ мебели, которое полагается на семью. Въ сущности стоитъ ли запоминать его содержаніе? Одна мысль о такомъ узаконеніи вызываетъ сомнѣніе въ здравомъ умѣ законодателя. Это похоже на сатиру. Такъ описывалъ соціалистическую республику Евг. Рихтеръ, книгой котораго всѣ теперь зачитываются.

Неужели онъ былъ правъ? Неужели прекрасная мечта о благоденствіи всего человѣчества должна принять въ дѣйствительности такія уродливыя формы? Почему? вѣдь все таки это прекрасная мечта и осуществить ее можно было бы совсѣмъ иначе. Можетъ быть, она попала на слишкомъ неподготовленную почву?

Словомъ, «der langen Rede kurzer Sinn» — въ декретѣ сказано, что на семью полагается шкафъ (1), столъ (1), столько кроватей и стульевъ, сколько членовъ семьи, плюсъ 2 стула для гостей. И все. Умывальники, комоды, этажерки, ночные столики и т. п. считаются, очевидно, излишними предметами роскоши, которые, разумѣется, въ случаѣ нахожденія, будутъ реквизированы.

1-го мая. Сегодня большое торжество. 1-ое мая рабочій праздникъ, а у большевиковъ это офиціальное торжество. Къ нему приготовлялись задолго. Всѣ кіевскіе художники рисовали и писали плакаты большевистскаго содержанія. Правительство покровительствуетъ крайнимъ теченіямъ въ искусствѣ и поэтому понять содержаніе этихъ «картинъ» довольно трудно.

Мы пошли компаніей въ Купеческій садъ, гдѣ должны были выступать Мордкинъ и Собиновъ, но начался спектакль длинной, бездарной рѣчью на тему «о качествахъ пролетаріата и подлости буржуазной сволочи». Болтливый «товарищъ» говорилъ такъ много и долго, что я не выдержала и удрала.

Утромъ былъ такого же рода спектакль для дѣтей — воспитанниковъ народныхъ школъ, пріютовъ и т. п. учебныхъ заведеній. Вообще, къ дѣтямъ большевики относятся очень хорошо. Они ихъ даже чрезмѣрно балуютъ, даютъ имъ совершенно нелѣпое воспитаніе. Очень легко покорить дѣтскія сердца еженедѣльными спектаклями, грудами конфетъ и бездѣльемъ. Такъ большевики приготовляютъ себѣ кадры новыхъ сторонниковъ.

Вообще ихъ педагогическія теоріи: трудовая школа (слышали звонъ, да не знаютъ, гдѣ онъ), надзоръ учениковъ за учителями и т. п. пользуются успѣхомъ не только у гимназистовъ и гимназистокъ, но даже среди молодыхъ учителей.

Чѣмъ дольше у насъ большевики, тѣмъ больше я вижу, что часть русской интеллигенціи (и довольно большая часть), я не скажу сочувствуетъ имъ, но не находитъ въ ихъ дѣйствіяхъ безумія и преступности. Когда имъ говорятъ, что большевики — грабители, разрушающіе частное благополучіе и такимъ образомъ подрывающіе благосостояніе всей страны, они отвѣчаютъ: «Что за несчастіе, если заберутъ землю, или домъ, или мебель у Бродскаго, у Терещенка? Вѣдь не трудомъ праведнымъ нажили они свои палаты каменныя. Да кромѣ того у такихъ богачей всегда что-нибудь останется». Очевидно, ихъ не возмущаетъ фактъ грабежа самъ по себѣ. Что же они думаютъ, что чекистъ, обкрадывающій Терещенко, правильно распредѣляетъ богатство.

Не носили ли русскіе всегда въ себѣ зародышей большевизма? А если часть ихъ теперь имъ недовольна, то, кажется, главнымъ образомъ за то, что въ немъ такое значеніе имѣютъ евреи. Они бы помирились съ Троцкимъ, если бы онъ былъ урожденный не Бронштейнъ, а Ивановъ или Петровъ.

На этой почвѣ у И. непрекращающаяся вражда съ нѣкоторыми одноклассницами. Эти дѣвочки загрызали ее раньше на смерть, а теперь онѣ восторгаются совѣтскими педагогическими мѣрами.

5-го мая. Вчера въ 8 ч. веч. (по совѣтскому времени) позвонили къ намъ Б. Ихъ вторично выбрасываютъ изъ дому и они просили насъ спасти имъ немного бѣлья и фотографіи, такъ какъ имъ заявили, что ничего почти не позволятъ съ собой вынести. Сегодня они сообщили, что волненіе было излишне. Домъ рѣшили пока только уплотнить, такъ какъ тамъ живетъ много служащихъ гор-и губпродкомовъ, и за нихъ вступился Шлихтеръ.

Говорятъ, что на Кіевъ идутъ банды какого-то Григорьева.

8-го мая. Снова 3 дня подрядъ врываются въ квартиру и хотятъ ее реквизировать то цѣликомъ, то частью. Каждый разъ тотъ же торгъ, упрашиванія, мольбы. Невыносимо! А еще противнѣе отношеніе домового комитета. Всякій разъ, когда приходятъ съ ордеромъ, предсѣдатель бѣжитъ къ намъ и отдаетъ нашу квартиру на разореніе. Доходило даже до безобразныхъ сценъ. Вѣдь, эти жильцы такіе же «буржуи», какъ мы, а, можетъ, и большіе; почему же вмѣсто сочувствія, какой-нибудь организаціи для самозащиты отъ того ужаса, который надвинулся на насъ всѣхъ, наши же собратья по классу, по культурному уровню, поддерживаютъ политику большевиковъ.

Живетъ ли въ каждомъ человѣкѣ большевикъ или только въ россійскомъ гражданинѣ? А можетъ быть, это лишь результатъ большевизма; вѣчныя волненія, матеріальныя лишенія, постоянная угроза жизни разбудили въ самыхъ кроткихъ людяхъ звѣря. Кажется, постоянное страданіе не дѣлаетъ человѣка лучшимъ.

16-го мая. Какая это была страшная недѣля. Страшнѣе обстрѣла 18-го года. Онъ совсѣмъ померкъ передъ ней. Слава Богу, все кончилось благополучно.

Послѣдніе дни въ городѣ было довольно тревожно. На Кіевъ шелъ Григорьевъ; разсказываютъ, что его банды вырѣзываютъ цѣлыя еврейскія мѣстечки. Возникъ ли въ связи съ этимъ движеніемъ въ Кіевѣ какой-нибудь заговоръ — не знаю, но произошли массовые аресты русскихъ купцовъ и членовъ союза русскаго народа. Разстрѣляли нѣсколько десятковъ человѣкъ. Нѣкоторыхъ освободили, вѣроятно, за большія деньги. Въ то же время увеличили контрибуцію, такъ что теперь городъ долженъ выплатить 200 милл.

Я бы ихъ всѣхъ очень жалѣла, если бы не мысль о томъ, жалѣли ли бы они меня? Конечно, нѣтъ. Теперь мы страдаемъ вмѣстѣ, но когда-нибудь имъ будутъ пѣть «Вѣчная память», будутъ ставить памятники, а намъ устроятъ пару погромовъ за то, что въ ночь на 12-ое мая арестовали 50 евреевъ — заложниковъ буржуазіи. Къ намъ позвонили въ 3 ч. ночи. Обыска не сдѣлали. Предъявили только ордеръ на имя уѣхавшаго папинаго брата, а когда обратили ихъ вниманіе на это, и они позвонили въ чека, оттуда отвѣтили, что можно взять брата за брата.

Мы боялись, чтобы они не убили папу по дорогѣ, какъ бывало не разъ, и мама съ Н. пошли слѣдомъ за ними, хотя одинъ изъ конвойныхъ грозилъ ей револьверомъ. Они пошли даже вторично, отнести папѣ ѣду и одѣяло, такъ какъ онъ провелъ остальную часть ночи и почти весь послѣдующій день въ сосѣднемъ районѣ.

Въ 6 ч. утра мы всѣ были на ногахъ; началась бѣготня къ друзьямъ и сильнымъ міра сего. Въ общемъ всѣ относились доброжелательно, но никто не хотѣлъ очень стараться: никто не хочетъ компрометировать себя защитой арестованнаго буржуя и всяній прячетъ протекціи для себя.

Телефонируя къ знакомымъ, я два раза попала довольно неудачно: въ мартѣ была арестована Б., мама тогда за нее хлопотала, и я рѣшила обратиться къ ней за какими-нибудь указаніями. Въ 8 час. утра я къ ней позвонила и разсказала о папиномъ арестѣ. Она меня удивила сухимъ отвѣтомъ: «Да, теперь всѣхъ арестовываютъ», и повѣсила трубку. Полчаса спустя я ее увидѣла въ районѣ. Оказалось, что въ ту минуту, когда я хотѣла съ ней говорить, ее арестовали и уводили вмѣсто больного мужа. Ей за шестьдесятъ лѣтъ. Позже, днемъ, я вспомнила объ одномъ знакомомъ врачѣ — человѣкѣ со связями. Долго мнѣ не отвѣчали изъ его квартиры, наконецъ, чей-то голосъ сообщилъ, что и онъ арестованъ.

Къ 4 ч. дня районъ былъ биткомъ набитъ купцами, домовладѣльцами, все евреями. Въ 5 ч. ихъ повели въ чека. Ихъ вели по мостовой; каждый, даже бѣдная Б. съ растрепавшимися сѣдыми косами тащила узлы. Прохожіе смотрѣли на нихъ съ жалостью . . . потому что кому-то пришло въ голову, что это ведутъ арестованныхъ поляковъ. Я подумала, какъ бы измѣнилось отношеніе толпы, если бы они присмотрѣлись и увидѣли, что среди арестованныхъ нѣтъ ни одного арійца. Навѣрное, сказали бы, что подѣломъ, такъ жидамъ и надо.

Въ чека свиданій нѣтъ. Можно лишь 2 раза въ недѣлю приносить пищу. На слѣдующій же день И. побѣжала съ провизіей. Чека находится теперь въ бывшемъ генералъ-губернаторскомъ домѣ, который отгороженъ съ обѣихъ сторонъ, такъ что нельзя мимо него пройти. Канцеляріи находятся въ маленькомъ домѣ на углу Садовой и Институтской. Тамъ была длинная очередь — все родственницы, съ которыми чекисты обращались страшно грубо. Но, несмотря на это, какая-то неунывающая толстая дама затѣяла тутъ же разговоръ о великомъ значеніи большевизма.

Такъ прошло 4 дня. На 5-ый день большинство арестованныхъ выпустили, въ томъ числѣ и папу.

5 дней въ чека это ничего, глупости. Есть люди, которые сидятъ тамъ по 6 недѣль.

Не знаю, кому хуже, семьѣ или арестованному? Пугаетъ полная неизвѣстность. Не знаешь, за что арестовываютъ, въ чемъ обвиняютъ.

Папа сидѣлъ въ одной камерѣ съ Флоринскимъ и другими, разстрѣлянными на этой недѣлѣ. При немъ же ихъ вывели пьяные солдаты. Поздно ночью они ворвались въ камеру и стали вызывать жертвы, сопровождая каждую фамилію непечатной бранью.

На фронтѣ большевикамъ хуже. На Крещатикѣ, около кинематографа «Экспрессъ», расположился «Бупъ», сирѣчь «Бюро Украинской печати»; оно ежедневно вывѣшиваетъ главныя телеграммы, сводки, извѣстія о революціяхъ и забастовкахъ въ Европѣ. И сводки эти гласятъ, что красная армія «отступаетъ на заранѣе приготовленныя позиціи».

Уже не заходятъ такъ далеко на югъ красныя линіи на огромныхъ картахъ, разставленныхъ во всѣхъ скверахъ.

20-го мая. Какъ долго можно жить въ такой атмосферѣ злобы и ненависти? Какъ долго можно разносить остатки столоваго серебра, бѣлье и деньги по знакомымъ? Что это за каторга? Со времени папинаго ареста, я не сплю по ночамъ. Оставляю окно нарочно открытымъ, просыпаюсь каждые часъ, полтора и прислушиваюсь. Такъ спятъ всѣ наши, и я думаю, что такъ спитъ большая часть кіевлянъ. Не имѣю даже своего угла. Пришлось уступить мою комнату Б. Бѣдняжекъ окончательно выбросили изъ дому. Но мы благодаримъ Бога за то, что живутъ у насъ онѣ, а не жена ротнаго командира, которая реквизировала у насъ двѣ лучшія комнаты, во время папинаго ареста. И въ этомъ случаѣ секретарь домового комитета проявилъ себя во всей своей нравственной красѣ. Въ первый же день папинаго ареста, они ворвались къ намъ. Ни просьбы, ни уговоры — ничего не помогало. Даже болѣе того, когда командирша уже удовлетворилась одной комнатой, секретарь уговорилъ ее взять двѣ. Зато онъ былъ наказанъ: наша обстановка этой дамѣ не понравилась, мы должны были все вынести и размѣстить въ сосѣднихъ комнатахъ, а она, съ помощью своего адъютанта, молоденькаго офицерика, выбрала во всемъ домѣ, что было получше и приказала военнымъ шоферамъ, занявшимъ другую квартиру, снести все выбранное ею къ намъ. И секретарь поплатился какими-то креслами. Въ благодарность за услуги, офицерикъ отдалъ одну изъ нашихъ кроватей въ распоряженіе шоферовъ.

Такимъ образомъ, командирша съ адъютантомъ (командиръ все время на фронтѣ) будутъ жить въ 2-хъ комнатахъ, а мы — семья изъ шести человѣкъ — въ 3-хъ.

Только вечеромъ удалось уломать командиршу. Она вспомнила, что видѣла лучшую квартиру гдѣ-то на Костельной и пошла туда терзать людей.

Теперь въ нашей 7-ми комнатной квартирѣ, не считая прислуги, живетъ десять человѣкъ. Это еще по-божески, хотя для меня уже не хватило кровати.

У Ш. въ квартирѣ изъ 8-ми комнатъ живетъ 15 человѣкъ и, что хуже всего, комиссаръ съ женой, то-есть съ женами, такъ какъ каждую недѣлю у него живетъ другая дама.

5-го іюня. Жизнь все ужаснѣе. Уже почти мѣсяцъ я сплю полуодѣтая. Можетъ быть, это глупые страхи, но каждую ночь арестуютъ кого-нибудь изъ знакомыхъ. Многіе скрываются, но развѣ можно долго такъ жить? Что вышло изъ скрыванія несчастной Х. Она почему то не уѣхала съ мужемъ, хотя, какъ родственница гетмана, не должна была оставаться. Но, какъ только большевики вошли, она стала прятаться. Квартиру ея, конечно, сейчасъ же разгромили. Можетъ быть, ея страхи были преувеличены, но она никогда не спала 2-хъ ночей въ томъ же домѣ. Послѣ 4-хъ мѣсяцевъ такой жизни, она простудилась и умерла послѣ очень недолгой болѣзни. Ее даже хоронили подъ чужимъ именемъ.

Все таки нѣсколько знакомыхъ и нѣкоторые пріюты были на похоронахъ. Кстати, о пріютахъ: всѣхъ дамъ, которыя ихъ создали, отставили, потребовали сдать счета, просто прогнали. И все пошло прахомъ. Не только пріюты, но, что хуже, больницы, школы, все, что создала буржуазія въ Кіевѣ въ этой области, а создала она, особенно еврейская, не мало.

И только ли это? А наши фабрики, которыя стоятъ, наши пустующіе магазины и склады, образцовыя фермы Ханенко, разграбленные музеи и библіотеки — все погибло или гибнетъ.

Мы, можетъ быть, были жестоки, жадны, полны предразсудковъ, но мы творили, а они разрушаютъ. Какое право я имѣю говорить «мы»?. Не «мы», а они — наши предки. Мы — наслѣдники сами виноваты въ томъ, что происходитъ. Мало ли было среди насъ соціалистовъ, коммунистовъ, анархистовъ? И теперь мы должны присутствовать со связанными руками при томъ, какъ уничтожаютъ наше наслѣдство.

Недавно былъ декретъ — воззваніе предсѣдателя чека Лациса. Онъ поощряетъ доносы, требуетъ ихъ и обѣщаетъ доносчикамъ тайну и безопасность.

10-го іюня. Сегодня новая очередная непріятность. Уже 4 мѣсяца мы прячемъ и прячемъ наше имущество, раздаемъ по знакомымъ, словомъ — честные люди живутъ жизнью воровъ, прячутъ свое честно пріобрѣтенное имущество, какъ воръ — краденое.

Недавно кому-то пришло въ голову спрятать пакетъ процентныхъ бумагъ въ погребѣ въ пескѣ подъ какой-то доской. Послѣ 2-хъ, 3-хъ недѣль мама заглянула подъ доску. Часть бумагъ была порядочно обгрызана крысами. Новое несчастіе! теперь мы боимся, что при новой контрибуціи или, вообще, когда нужны будутъ деньги на жизнь, нельзя будетъ пострадавшія бумаги продать.

Хотя трудно вѣрить, чтобы русскія бумаги, вообще, имѣли какую-нибудь цѣнность. Вѣдь большинство ихъ, вѣроятно, конфисковано въ сейфахъ и въ банкахъ, то-есть попросту украдено комиссарами и перепродано спекулянтамъ, а будущее буржуазное правительство, если оно не захочетъ санкціонировать кражу, должно будетъ какъ-нибудь разъяснить вопросъ объ этихъ цѣнностяхъ. Есть люди, особенно бѣженцы изъ столицъ, которые тамъ ничего не успѣли спасти, превратившись изъ милліонеровъ въ нищихъ. Напр. Н. Онъ тяжко боленъ и его жена продаетъ послѣднее для покупки лѣкарствъ, которыя неимовѣрно дороги и начинаютъ не хватать.

Продаютъ, положимъ, не только они, продаемъ мы всѣ. Всѣ магазины превратились было въ комиссіонныя конторы. Шурумъ-бурумы богатѣютъ. Точь въ точь то же было въ Петроградѣ, но и тутъ конецъ былъ тотъ же, что тамъ. Большевики спохватились, что у нихъ изъ-подъ носа исчезаетъ много хорошихъ вещей; они заперли всѣ комиссіонныя конторы, находящіяся въ нихъ вещи свезли въ городской ломбардъ, серебро и золото конфисковали, остальныя вещи будто бы будутъ возвращать. У насъ очень много вещей такимъ путемъ пропало.

К. въ отчаяніи. Она открыла такую контору; теперь осталась при однихъ расходахъ. Средствъ у нея и такъ, вѣроятно, немного, такъ какъ ихъ домъ совершенно разграбили.

Она только и думаетъ объ отъѣздѣ, но мнѣ кажется, что все таки еще можно потерпѣть. На фронтѣ большевикамъ неважно. Авось, они до зимы сгинутъ. А положеніе эмигрантовъ такъ ужасно!

15-го іюня. По декрету о бѣльевой повинности, на гражданина У. С. С. Р. полагается не больше 6-ти смѣнъ бѣлья. Буржуи, раздѣленные на категоріи, должны дать

по нѣсколько смѣнъ бѣлья для собеза. Такъ какъ никто своего хорошаго бѣлья дать не хочетъ, то на всей исторіи зарабатываютъ старьевщики.

26-го іюня. Каждую ночь оставляю окно открытымъ для того, чтобы слышать не подходятъ ли къ дому. Сегодня подъ утро, уже было свѣтло, меня разбудилъ шумъ шаговъ на улицѣ. Я подбѣжала къ окну. Нѣсколько человѣкъ подходило къ нашему дому. Я рѣшила, что идутъ обыскивать или арестовывать и стала одѣваться. Б. и И. послѣдовали моему примѣру. Къ счастью тревога оказалась ложной. Эти люди постучали въ наши парадныя двери, имъ не сразу открыли, они ругали швейцара, о чемъ-то спрашивали его, потомъ пошли стучать въ домъ, что напротивъ насъ. Пронесло, слава Тебѣ, Господи!

Долго ли мы будемъ такъ мучаться? Деникинъ наступаетъ, но Колчака бьютъ. Изъ чего мы всѣ сдѣланы? Развѣ мы, жертвы, не можемъ соединиться и уничтожить этихъ палачей? Я чувствую себя, какъ затравленный звѣрь. Не спать и ожидать чекистовъ! Это вѣдь тѣ же драгоннады!

27-го іюня. Сегодня снова стучали подъ утро къ намъ. Оказалось, пришли съ обыскомъ къ часовому мастеру, но каждый думаетъ, дрожа отъ страха, что къ нему и за нимъ.

28-го іюня. Сегодня снова забирали мебель. У насъ взяли мало, но у секретаря взяли весь кабинетъ. Въ городѣ снова серія обысковъ. Я замѣтила, что это происходитъ всякій разъ, когда войсковыя части отправляются на фронтъ. Вѣроятно, только такимъ путемъ коммунисты могутъ возбудить въ своихъ войскахъ жажду воинскихъ подвиговъ.

Подъ вліяніемъ этой ужасной жизни у меня исчезли всякіе интересы. Съ тѣхъ поръ, какъ я сдала послѣдній экзаменъ, мнѣ даже не хочется читать, не то, что работать. Весь день проходитъ въ бѣготнѣ по разнымъ комамъ, въ прятаньи, въ продажѣ. Напр., на дняхъ пришелъ предсѣдатель домкома и сказалъ, что есть декретъ о предѣльныхъ запасахъ муки, сахара и т. п. Всѣ испугались, начали прятать, пересыпать, переносить.

Я даже не полюбопытствовала увидѣть и услышать Троцкаго.

Говорятъ, что онъ здѣсь не имѣлъ никакого успѣха и уѣхалъ, заявивъ, что Украйна похожа на редиску: внутри бѣлая, снаружи красная.

Прозѣвавъ Т., я рѣшила вознаградить себя хоть лицезрѣніемъ иностранныхъ коммунистовъ. Они имѣютъ здѣсь свою газету и засѣдаютъ въ домѣ Апштейна, на углу Лютеранской и Банковой.

Была на 2-хъ собраніяхъ. Публики было довольно много; большинство ея составляли француженки и англичанки.

Во главѣ этихъ коммунистовъ стоитъ бельгійка — уже немолодая женщина — нѣкая m-me Costa, бывшая гувернантка у однихъ мѣстныхъ сахарозаводчиковъ. Теперь она реквизировала ихъ квартиру въ свою пользу. Надо сознаться, что помѣщеніе, занимаемое иностранцами, не имѣетъ того заплеваннаго и ободраннаго вида, который приняли всѣ дома, гдѣ хозяйничаютъ соотечественники.

Больше всего говорили, во время собраній, два какихъ-то французскихъ матроса. Говорили безсвязно, главное содержаніе рѣчей была брань противъ офицеровъ. По ихъ словамъ, они бѣжали съ французскихъ военныхъ судовъ, которыя стояли не то въ Одессѣ, не то въ Крыму. Былъ, оказывается, бунтъ французскихъ моряковъ; они обливали водой своихъ офицеровъ, сошли всѣ на берегъ. Поэтому французы должны были покинуть Одессу.

Описанію возстанія было посвящено первое собраніе. На второмъ m-me Costa ораторствовала противъ колоніальной политики европейскихъ державъ.

Всѣ рѣчи были малоубѣдительны. Когда начались пренія, многія скромныя маленькія гувернантки очень остроумно оппонировали и, такъ какъ запасъ аргументовъ у этихъ коммунистовъ не великъ, то они въ концѣ концовъ запретили пренія. Надо сознаться, что внѣшне они не производятъ такого ужаснаго впечатлѣнія, какъ наши коммунисты. Даже тѣ русскіе коммунисты, которые побывали на Западѣ, не такъ выглядятъ, какъ чисто домашнее производство. У Р. живетъ такой реэмигрантъ изъ Америки. Онъ

чисто одѣтъ, безупречно ведетъ себя, не шумитъ, ничего не требуетъ. Онъ даже не соглашается съ наиболѣе крутыми мѣрами.

Мнѣ кажется, что Т. правъ: Украина безусловно не сочувствуетъ большевикамъ. Но, кто имъ сочувствуетъ? чѣмъ они держатся? На словахъ, всѣ ихъ ненавидятъ. Подъ «всѣми» я понимаю тѣхъ, кто не принадлежитъ къ коммунистической партіи, потому что только у явнаго большевика можно встрѣтить открыто-сочувственное отношеніе къ совѣтской власти.

Оплотъ ихъ, безъ сомнѣнія, Великороссія, хотя пріѣзжающіе оттуда это отрицаютъ. А когда спрашиваешь, откуда ихъ сила, тѣ же люди не даютъ отвѣта. Но не можетъ же власть держаться около 2-хъ лѣтъ, если народъ ее искренно ненавидитъ. Значитъ, чѣмъ-то она кому-то нравится. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ объяснять большевизмъ одной пропагандой на нѣмецкія деньги (если таковыя вообще были) или ненавистью евреевъ къ Россіи. Судя по тому, что мы — кіевская еврейская буржуазія перенесли отъ большевиковъ, даже самая сильная вражда къ Россіи не могла бы насъ побудить такъ разрушить страну, что мы сами гибнемъ подъ ея развалинами. И, вообще, хотя русскій народъ очень темный, но не такое же это стадо, чтобы 100 милліонами русскихъ вертѣло 4 милліона евреевъ.

Нечего сваливать и на латышей и на китайцевъ. Большевизмъ что-то специфически русское, и, если онъ проявляется у другихъ народностей, населяющихъ Россію, то потому, что онѣ заразились у русскихъ, а не наоборотъ.

1-го іюля. Жизнь подтверждаетъ мое мнѣніе. Послѣдніе дни я посѣщаю библіотечные курсы. Это учрежденіе создано большевиками, но при немъ пристроились «безпартійные» интеллигенты. Все русскіе. И отъ ихъ безпартійности сильно пахнетъ большевизмомъ. Уже одно то, что слушатели должны были заполнить анкетный листъ, въ которомъ есть вопросъ: «Ваше отношеніе къ совѣтской власти?» — показываетъ какія требованія были предъявлены лекторамъ. Они имъ подчинились. Подчиняемся мы всѣ. Я тоже написала въ анкетѣ, что мое отношеніе къ совѣтской власти «лойяльное». Одинъ лишь Р. осмѣлился написать, что его отношеніе «дѣловое» и, кажется, ему за это сдѣлали выговоръ.

Тонъ лекторовъ странный. Противно слушать, когда они начинаютъ вилять, не рѣшаясь открыто высказаться ни за, ни противъ уничтоженія частныхъ библіотекъ. Рядомъ трескучихъ фразъ напоминаютъ, что мысль одному лицу принадлежать не можетъ, а потому мысли Пушкина, Толстого и др. не могутъ быть заперты въ шкафу у одного богача. И т. д., и т. д.

На-дняхъ было въ Купеческомъ общее собраніе кіевскихъ учителей. Предсѣдательствовала Луначарская. Почему-то учительскій союзъ считается контръ-революціоннымъ. За что его такъ обижаютъ, не знаю. Послѣднее собраніе носило вполнѣ большевистскій характеръ. Въ теченіе двухъ часовъ истерически-безтолково не говорилъ, а кричалъ тов. Эпштейнъ изъ недоучившихся экстерновъ. Чего онъ хотѣлъ, онъ, вѣроятно, самъ не зналъ, а слушатели и подавно. Ровно два года назадъ, въ томъ же залѣ я слышала рѣчь Шульгина. Въ сущности она отличалась той же безтолковостью, той же безсодержательностью, такъ же не давала ничего конкретнаго.

3-го іюля. Сегодня насъ разбудилъ шумъ на лѣстницѣ. Я вскочила, опасаясь, что это чека и, можетъ быть, къ намъ. Но оказалось, что это была лишь милиція, уводившая 75-лѣтняго Т. на принудительныя работы.

Б. страшно возмущался поведеніемъ своего коллеги — д-ра Быка, который совѣтуетъ, въ одной изъ своихъ статей, коммунистамъ не только доносить на контръ-революціонеровъ, но дежурить у «Бупа», присматриваться къ лицамъ читающихъ телеграммы, прислушиваться къ ихъ разговорамъ, то-есть попросту шніонить.

Б. внѣ себя отъ паденія нравственности. Бѣдняга, вообще, никакъ не можетъ сообразить, что вокругъ него дѣлается. Между прочимъ, мама должна была ходить къ Быку на поклонъ, когда папа былъ арестованъ. Онъ занимаетъ постъ не только въ наркомздравѣ, но и въ пропагандѣ.

6-го іюля. Сегодня приходили шофферы, хотѣли «реквизировать» шахматный столикъ, но Н. нашелся и сказалъ имъ, что они, вѣроятно, ошиблись. Они были милостивы и не настаивали. Послѣднія нѣсколько недѣль намъ какъ-то везетъ, чтобы не сглазить. Даже судъ со швейцаромъ кончился сравнительно хорошо. Онъ тянется со времени прихода большевиковъ. Въ прошломъ году онъ добровольно ушелъ, никто его не разсчитывалъ, жилъ даже еще нѣсколько мѣсяцевъ въ домѣ. Зимой, не имѣя видно заработковъ, предъявилъ въ профессіональный союзъ на насъ жалобу и искъ. Судились мы долго. Дошло до революц. трибунала, гдѣ бывшіе юристы были съ нами корректнѣе, чѣмъ «товарищи» въ проф. союзахъ. Тамъ, несмотря на заступничество секретаря и юрисконсульта (меньшевики), доходило до невѣроятныхъ грубостей; папу чуть ли не обвинили въ кражѣ самовара. Хотя въ револ. трибуналѣ судья былъ на нашей сторонѣ, онъ не рѣшился открыто оправдать буржуевъ и приговорилъ насъ къ уплатѣ 1000 рублей, что на совѣтскія деньги небольшая сумма, такъ какъ все дорожаетъ не по днямъ, а по часамъ.

Р. разсказывалъ, что въ Москвѣ небольшой семьѣ, чтобы прокормиться, нужно истратить 120 тысячъ въ мѣсяцъ. А главное, тамъ не хватаетъ продовольствія, тогда какъ у насъ все есть. Письма М. полны жалобъ, а помочь ему ничѣмъ нельзя. Посылали ему нѣсколько разъ сахаръ, но онъ его ни разу не получилъ. Возившіе посылки всегда разсказывали, что у нихъ съѣдобное конфисковали, но одинъ откровенно сознался, что счелъ за лучшее взять сахаръ себѣ и предложилъ намъ заплатить за него.

10-го іюля. Сегодня утромъ снова брали Т. на принудительныя работы.

18-го іюля. Я, кажется, сглазила нашу спокойную жизнь; осматривали нашъ сейфъ; забрали почти все, несмотря на то, что за старое семейное серебро вступились даже знакомые банковскіе чиновники, но комиссары остались непреклонны. Мама упрекала себя за то, что оставила серебро въ сейфѣ, но вѣдь столовое серебро забрали изъ дому, такъ что конецъ одинъ.

Нѣкоторымъ ловкимъ людямъ удается спасать содержимое сейфовъ. Одна знакомая Р. — генеральская дочка — пошла къ главному комиссару надъ банками, просила, плакала и добилась своего: ей позволили вынуть драгоцѣнности матери изъ сейфа.

Когда они съ Р. были въ банкѣ, взламывали сейфъ наслѣдниковъ граф. Х. Оттуда вынули, между прочимъ, связки дорогихъ, старинныхъ кружевъ. Большевики не знали имѣютъ ли они цѣнность или нѣтъ и подошли справиться объ этомъ у Р. и этой барышни. Надѣясь спасти кружева, они сказали, что они не имѣютъ никакой цѣны.

На этой недѣлѣ выѣхали изъ дому m-me Файнштейнъ и Подольскій, реквизировавшіе наше серебро. Они не побрезгали и меньшей добычей, взяли, на память, тюлевыя занавѣски, тюфякъ, постельное бѣлье, даже мебельные чехлы. Но это считается такой мелкой кражей, что не стоитъ о ней говорить. Грязь они завели страшную, но, пожалуй, не большую, чѣмъ семья доктора, занявшая квартиру А. Какъ можно соединить высшее образованіе съ такой нечистоплотностью. Они никогда не убираютъ квартиру, сушатъ бѣлье въ гостиной и на фасадномъ балконѣ, катаютъ тѣсто, рубятъ котлеты на дубовыхъ буфетахъ, никогда не выносятъ ведра съ помоями, ходятъ въ грязныхъ капотахъ цѣлыми днями.

Какая у нихъ связь съ университетомъ? какое онъ имѣлъ вліяніе на нихъ? Иногда я спрашиваю себя не виной ли всей нашей трагедіи — они — эти представители низовъ, прикоснувшіеся къ культурѣ. Они ея не поняли. Что у нихъ общаго съ наслѣдіемъ долгихъ вѣковъ, выработаннымъ безъ ихъ участія. И, чувствуя себя чужими, видя, что наши требованія, вкусы, нравы не для нихъ, они рѣшили все снести. Отсюда большевизмъ съ его хамствомъ, уничтоженіемъ всей старой культуры и дикими декретами.

Дѣйствительно, зачѣмъ имъ отдѣльные умывальники? можно мыться подъ краномъ. Зачѣмъ шкафы? можно повѣсить платья на стѣнѣ и завѣсить простыней. Зачѣмъ столовое бѣлье? можно ѣсть на клеенкѣ.

Они не имѣютъ культурныхъ потребностей, какъ не имѣютъ ихъ эскимосы; и они хотятъ уподобить насъ себѣ.

До сихъ поръ это имъ блестяще удается: мы уже спимъ по-трое, по-четверо въ одной комнатѣ, все рѣже мѣняемъ бѣлье (мыло дорого), не купаемся (въ водопроводѣ никогда нѣтъ воды).

22-го іюля. Старика Т. снова уводили сегодня утромъ. Каждый разъ онъ откупается, но его снова и снова берутъ. Очевидно, комиссарамъ нравится такой легкій заработокъ. Къ тому же пріятно помучить старика. А мучить окружающихъ — это любимое занятіе коммунистовъ. Напр. поселить опасно больного почками въ сырой квартирѣ, какъ сдѣлали съ К., несмотря на то, что онъ врачъ и какъ таковой пользуется привилегіями, а именно: его не имѣютъ права выселять, онъ не вноситъ бѣльевой повинности. Несмотря на это и на то, что К. лѣчилъ жену коменданта дома, его выселили въ полуподвалъ, а его квартира стоитъ пустая; изрѣдка туда заходитъ какая-нибудь дѣвица постучать на машинѣ.

Я была у него, и онъ сказалъ, что когда-то сочувствовалъ соціалистамъ, надѣялся, что съ ихъ приходомъ къ власти исчезнутъ всѣ несправедливости, а теперь ему кажутся процентная норма и черта осѣдлости дивнымъ сномъ.

Тогда громили только разъ въ пять, шесть лѣтъ, устраивали ритуальный процессъ только каждыя нѣсколько десятилѣтій, накоиецъ, тогда былъ открытъ весь міръ, можно было покинуть негостепріимную родину; а теперь громятъ безпрерывно, оплевываютъ.

И это долгожданный соціализмъ — эта эра хамства и преступности, когда разнузданы самые дикіе инстинкты!

25-го іюля. Сегодня снова было письмо изъ Варшавы. Привезъ его какой-то полякъ. Онъ разсказывалъ, что пробраться въ Польшу трудно, нечего и думать брать съ собой вещи, деньги. Онъ самъ совершаетъ это путешествіе уже вторично для спекуляціи. Напр. теперь онъ провезъ какъ-то 20 золотыхъ монетъ.

Послѣдній разъ онъ былъ въ Кіевѣ 2 мѣс. тому назадъ и находитъ, что въ теченіе этого короткаго времени все измѣнилось къ худшему.

За границей, какъ видно изъ письма, не имѣютъ представленія о томъ, что мы переживаемъ. Вѣроятно, въ Вѣнѣ скоро узнаютъ, такъ какъ въ серединѣ іюня отсюда уѣхалъ, случайно застрявшій, вѣнецъ. Этотъ господинъ имѣетъ здѣсь брата, который хотѣлъ бѣжать при Директоріи, но любознательный европеецъ убѣдилъ его остаться. Онъ хотѣлъ увидѣть революцію. Двѣ недѣли послѣ прихода большевиковъ, онъ иачалъ бѣгать по всѣмъ комамъ и консульствамъ «um aus dieser Hölle herauszukommen». Но полякъ правъ, здѣсь все хуже и хуже. Магазины исчезаютъ. Ихъ или націонализируютъ или «кооперируютъ», то-есть самъ владѣлецъ превращаетъ свое дѣло въ фиктивный кооперативъ и такимъ путемъ спасаетъ остатки запасовъ. Магазины галантереи и мануфактуры почти совсѣмъ исчезли.

Магазины Цинделя и магазинъ Альшванга превращены въ совѣтскіе книжные склады; то же въ магазинѣ Жирардовскихъ фабрикъ. Въ чайномъ магазинѣ Перлова совѣтская цвѣточная торговля, гдѣ покупать могутъ только коммунисты и совѣтскіе служащіе. Въ первой ювелирной артели продаютъ овощи. Аптеки націонализованы. Надъ ними висятъ черныя доски съ кроваво-красными надписями: «первая совѣтская аптека», «вторая . . .» и т. п.

Несмотря на обиліе книжныхъ магазиновъ, въ нихъ нельзя простому смертному купить книгу. Для этого надо имѣть ордеръ изъ наркомпроса, а получить ордеръ можно только доказавши, что книга необходима какому-нибудь учрежденію. Странный способъ распространенія просвѣщенія. Впрочемъ, просвѣщаютъ совѣтскія изданія плохо: и старые и новые магазины завалены только біографіями Ленина, его рѣчами, дешевыми, но отвратительными исторіями октябрьскаго переворота, теоріями «пролетарскаго искусства».

Хорошія книги можно купить на улицѣ. На каждомъ углу стоитъ ларь или кіоскъ биткомъ набитые прекрасными изданіями. Почему-то уличная свободная торговля позволена, и эти букинисты дѣлаютъ прекрасныя дѣла.

Больно смотрѣть на эти книги Почти всѣ онѣ съ иниціалами, многія съ надписями.

Часть ихъ разграблена въ помѣщичьихъ усадьбахъ, другія въ «буржуйскихъ» квартирахъ, третьи, наконецъ, добровольно проданы разоренными владѣльцами.

Встрѣчаются между ними рѣдкіе труды, интересующіе только спеціалистовъ, напр. «Военная исторія Крымской кампаніи» и т. п.

Мнѣ безумно жаль владѣльцевъ. Изъ всѣхъ гибнущихъ вещей, больше всего жаль книгъ. Онѣ покупались и хранились съ наибольшей любовью.

27-го іюля. Я на службѣ у большевиковъ. Мнѣ стыдно, но любопытство превозмогло: я до сихъ поръ видѣла только отрицательную сторону большевизма, ихъ разрушительную дѣятельность. Хочу увидѣть ихъ творчество, то, чѣмъ они держатся. Вѣдь чѣмъ-нибудь они все-таки держатся. Выбрала для этого нейтральное учрежденіе — губернское статистическое бюро — губстатбюро. (Большевики довели сокращенность названій до какой-то маніи: совнаркомъ, совнархозъ, собезъ, наркомпросъ; сама Россія у нихъ только Р. С. Ф. С. Р.).

Это учрежденіе считаютъ, какъ и совнархозъ, убѣжищемъ буржуевъ и «всякой бѣлогвардейской сволочи», но я рѣшила, что разъ имъ управляетъ коммунистъ, то характеръ его достаточно совѣтскій.

Завѣдующій губстатбюро Хургинъ; его товарищи (не-коммунисты) Волковъ и Бискъ.

Моя должность болѣе чѣмъ скромная: я собираю по телефону свѣдѣнія для ежедневнаго статистическаго бюллетеня. Для этого не стоило кончать университетъ. Правда, мой непосредственный начальникъ — «редакторъ» бюллетеня, — старый инженеръ, а въ сосѣдней комнатѣ сидятъ бывшій членъ суда и бывшій прис. повѣр. и исполняютъ приблизительно такую-же работу. Они же единственные благовоспитанные люди въ этомъ учрежденіи, составъ котораго очень непріятенъ. На 1500 чиновниковъ рѣдко, рѣдко мелькнетъ интеллигентное лицо.

30-го іюля. Т. снова водили на принудительныя работы. А у насъ новыя хлопоты: бѣготня по ломбардамъ для полученія вещей, бывшихъ въ комиссіонныхъ магазинахъ.

Постановили возвращать вещи только членамъ профессіональныхъ союзовъ. Такъ какъ Н. въ союзѣ, она взяла на себя заботу о полученіи всего изъ ломбарда. Она ходитъ въ ломбардъ почти мѣсяцъ, и нѣкоторыя вещи ей выдали, но чего только она при этомъ не наслушалась.

Выдача происходитъ въ опредѣленные дни, и тогда ломбардъ биткомъ набитъ людьми; завѣдующій выдачей и его помощники грубы, вороваты, пристрастны. Н. говоритъ, что при малѣйшей жалобѣ или при протестѣ, они грозятъ окончательной конфискаціей, арестомъ въ чека.

Ждать тамъ приходится часами. Положимъ къ этому мы уже привыкли: мы вѣчно ждемъ — въ очередяхъ, въ прихожихъ коммунистовъ; ждемъ избавленія отъ послѣднихъ. Прійдетъ ли оно? Меня уже давно удивляетъ одно: раньше я не могла сидѣть въ бездѣйствіи, ждать минуту; меня возмущало, когда заставляли ожидать даже прислугу въ передней, кучера у воротъ, а теперь я и всѣ окружающіе, мы часами терпѣливо ждемъ — бездѣйствуемъ. На нашихъ лицахъ я вижу то же тупое, безсмысленное выраженіе, какъ у посыльныхъ, у заждавшейся прислуги.

3-го августа. Полтава пала — значитъ помощь близка, а то нѣтъ уже силъ. Нѣтъ силъ выносить это хамство.

Неужели будетъ время, когда не будутъ видны эти безсмысленныя, звѣрскія рожи, когда грубость и грязь не будутъ засѣдать на почетныхъ мѣстахъ.

Есть счастливцы, которымъ удается и теперь освободиться: они бросаютъ все и уѣзжаютъ, хотя бы въ Польшу. Недѣли 2 тому назадъ удрали такъ двое — Л. и З.

7-го августа. Вчера нашъ почти 3-хъ-мѣсячный отдыхъ былъ прерванъ. Дѣйствительно, съ 18-го мая, (когда папа вернулся изъ чека) мы лично не страдали. Зато вчерашній вечеръ былъ бурный.

Часовъ въ 7 веч. къ намъ позвонили, но такъ спокойно, что я даже не обратила вниманія. (Обыкновенно можно сразу отличить по силѣ коммунистическій звонокъ). Папа самъ отворилъ двери. Въ переднюю ворвалось трое военныхъ и, угрожая револь-

верами, они потребовали ключъ отъ виннаго погреба. Папа повиновался и, конечно, нѣсколько сотъ бутылокъ вина пропало. Но, такъ какъ декрета о реквизиціи частныхъ винныхъ погребовъ нѣтъ и они опасались, что мы обратимся къ кому-нибудь за помощью (къ кому?), то они разыграли такую комедію: одинъ изъ нихъ все время стоялъ около папы и кричалъ: «За это укрывательство есть одно наказаніе — разстрѣлъ!» Другіе были заняты подсчетомъ бутылокъ. Наконецъ, они рѣшили, что такое преступленіе не можетъ закончиться одной реквизиціей вина; нужно сдѣлать обыскъ. Съ этимъ они ушли за особымъ отдѣломъ 12-ой арміи. Мы воспользовались ихъ уходомъ и отдали знакомымъ самое цѣнное. Но обыскъ прошелъ болѣе, чѣмъ благополучно. Намъ даже оставили на память 3 бутылки водки. Кажется, благотворно повліялъ, производившій обыскъ офицеръ — армянинъ, до того приличный, что, когда онъ нашелъ въ письменномъ столѣ какую-то кадетскую повѣстку, то только покачалъ головой и разорвалъ ее, а затѣмъ далъ себя уговорить ограничиться обыскомъ безъ ареста.

Обыскали очень корректно. Все настаивали, чтобы кто-нибудь стоялъ при обыскивающемъ во избѣжаніи недоразумѣній и подозрѣній. Одинъ изъ нихъ шепнулъ И.: «Я — рабочій, и если бы вы знали, какъ мнѣ все это противно!» Зачѣмъ же онъ это дѣлаетъ? кто его заставляетъ? партійная дисциплина? зачѣмъ же онъ вступилъ и остается въ этой партіи? Это просто русское фразерство. Если бы «они» этого не хотѣли, если бы имъ это не нравилось, то большевизма давно бы не было. Потомъ, на прощаніе надо было жать имъ руки.

Я впервые видѣла обыскъ настоящій, тщательный обыскъ. Это безконечно унизительно! когда просматриваютъ письма, книги, такое чувство будто раздѣваютъ публично.

И хуже всего это униженіе и безсиліе. Боязнь сказать что-нибудь — не то, что сдѣлать. За мой протестъ можетъ пострадать кто-нибудь изъ близкихъ. А я бы такъ хотѣла мстить, мстить этимъ хамамъ, которые насъ оплевываютъ. И за эти чувства, которыя они возбудили во мнѣ, я ихъ еще больше ненавижу. Они все разрушили, все — чему я вѣрила, на что надѣялась, для чего жила. Я чувствую, что становлюсь такимъ же звѣремъ, какъ они. Мнѣ совсѣмъ не жаль теперь человѣческой жизни.

10-го августа. Деникинцы приближаются и большевики, безъ сомнѣнія, эвакуируются. На Прорѣзной находится военнаркомъ и по ночамъ слышно, какъ изъ него что-то выносятъ. Даже днемъ около него стоятъ вагоны трамвая, которые нагружаютъ полными мѣшками.

Но въ городѣ все еще по-старому; развѣ увеличилось количество безобразныхъ футуристическихъ плакатовъ. Несмотря на ихъ яркія краски, улицы все грустнѣй и пустыннѣй. Площади и скверы обезображены уродливыми бюстами совѣтскихъ дѣятелей. На Софіевской площади красуются Ленинъ и Троцкій. Передъ входомъ на площадь со стороны Владимирской улицы возвышаются огромныя тріумфальныя ворота. Такія же ворота построены на Крещатикѣ, недалеко отъ почты. Передъ памятникомъ Богдана Хмѣльницкаго стоитъ трибуна. Такихъ трибунъ въ Кіевѣ нѣсколько. Съ нихъ произносятъ рѣчи во время официальныхъ празднествъ. Кстати, объ этихъ празднествахъ. Л. разсказывалъ мнѣ, что 1-го мая, когда по городу носили бюсты и портреты К. Маркса, какой-то рабочій съ недоумѣніемъ разспрашивалъ его и другихъ сосѣдей о томъ, кто такой Карлъ Марксъ?

Городской театръ называется театромъ Либкнехта, а драматическій — Ленина. Кажется, ни тотъ, ни другой со сценическимъ искусствомъ ничего общаго не имѣютъ.

Названія улицъ также измѣнены, такъ что старожилы совершенно не могутъ ориентироваться, ибо большевики строго придерживаются своихъ названій.

Изъ всѣхъ перемѣнъ я запомнила только одну, вѣроятно, вслѣдствіе рѣзкости контраста: Столыпинская называется теперь улицей Гершуни.

Вообще, большевики такъ дѣйствуютъ, какъ будто они хотятъ вычеркнуть изъ народной памяти все былое.

Передъ городской думой, на пьедесталѣ столыпинскаго памятника, возвышается какая-то гипсовая неразбериха, долженствующая олицетворять Всевобучъ, то-есть, Всеобщее военное обученіе.

Скамейки въ садахъ почти исчезли. Уже въ первый годъ революціи ихъ ломали митингующіе солдаты. Многія старыя деревья въ Царскомъ саду срублены. Что то будетъ этой зимой, когда при хозяйствѣ совнархоза совсѣмъ не сдѣлано запасовъ дровъ?

Маріинскій садъ превратился въ кладбище. Въ 18 г. лѣтомъ воздухъ во всѣхъ Липкахъ былъ зараженъ благодаря этому саду Теперь часть могилъ приведена въ порядокъ. Большевики и теперь хоронятъ тамъ нѣкоторыхъ военныхъ. Но могила, находящаяся внѣ сада, со стороны дворца, поросла сорной травой, заброшена.

Липки — пустынны Большая часть домовъ разворены. Мимо чека никто охотно не проходитъ. Тамъ даже нельзя ходить, такъ какъ Екатерининская отгорожена со стороны Липскаго переулка.

На каждомъ углу сидятъ торговки хлѣбомъ. Цѣна его достигла 50 руб.

Есть еще боковыя улицы за университетомъ, гдѣ нѣтъ пока слѣдовъ большевизма. Онѣ очень красивы лѣтомъ, полны садовъ. Туда мы ходимъ отдыхать и мечтать объ избавленіи.

13-го августа. Эвакуація явно продолжается, но у насъ въ учрежденіи все спокойно.

Сегодня были дома новыя непріятности: насъ шантажируетъ плотникъ, когда-то работавшій для насъ. Онъ прислалъ черезъ профессіональный союзъ требованіе заплатить ему несуществующій долгъ. Въ случаѣ неуплаты, онъ грозитъ революціоннымъ трибуналомъ. У всѣхъ тѣ же непріятности со служащими и прислугой. П. говорила мнѣ, что кухарка обвиняла ея тетку въ кражѣ гребня.

15-го августа. Большевики стремглавъ бѣгутъ. Если не случится чего-нибудь ужаснаго, добровольцы возьмутъ Кіевъ. Появилась даже нелегальная добровольческая газета съ воззваніемъ Деникина. Онъ обращается ко всѣмъ слоямъ населенія. Тонъ очень приличный, кромѣ абзаца, относящагося къ евреямъ: совѣтуетъ выдѣлить изъ своей среды вредные элементы и т. п. Старые напѣвы! Круговая порука. При царѣ *всѣ* евреи предатели, а при Деникинѣ *всѣ* они — большевики. А *всѣ* русскіе, они всегда что?

Но не надо раздражаться. Можетъ быть, моя еврейская обидчивость все преувеличиваетъ, хотя безусловно христіане видятъ въ нашихъ глазахъ щепки, а у себя бревенъ не примѣчаютъ.

18-го августа. Цѣны очень быстро подымаются, вѣроятно, изъ за недовѣрія къ совѣтскимъ деньгамъ, такъ какъ подвозъ совершенно свободенъ.

Эвакуація во всемъ разгарѣ. Сегодня мы сошли къ гавани, такъ какъ все вывозится по Днѣпру, а мы хотѣли насладиться зрѣлищемъ большевистскаго бѣгства. У берега стоятъ десятки баржъ, ихъ грузятъ кіевскимъ добромъ: мебелью, автомобилями, экипажами, полными ящиками.

Видъ такой, какъ бы эвакуировался непріятель, желающій нанести возможно большій матеріальный ущербъ покидаемому городу, а не правительство, отступающее передъ бунтовщиками. Вѣдь, въ сущности, таковымъ должно быть отношеніе большевиковъ къ добровольцамъ. Пора первымъ уходить, а то всѣ станутъ ворами, какъ напр., нашъ плотникъ. Мы съ нимъ помирились, такъ какъ оказалось, что его шантажируютъ его рабочіе; онъ денегъ не имѣетъ, боится ихъ и рѣшилъ выместить все на насъ, какъ болѣе состоятельныхъ.

Борьба за существованіе! Соціалисты всегда возмущались ею, но оказывается, что ихъ режимъ увеличилъ ее до ужаса. Всякій старается утопить другого лишь бы спастись самому.

22-го августа. Хлѣбъ уже стоитъ 90 руб. фунтъ. Р. разсказывалъ, что жена одного изъ курьеровъ совнархоза, торгующая хлѣбомъ, имѣетъ мѣсячный оборотъ въ 400 тысячъ рублей. Ея мужъ поэтому потребовалъ увеличенія жалованія, не желая быть на содержаніи у жены.

На прощаніе большевики дѣлаютъ страшные повальные обыски, приводятъ будто бы женщинъ, для того, чтобы обыскивать буржуекъ. Нашъ домъ пока избѣжалъ повальнаго обыска, ограничились одной квартирой.

З., живущій въ 21 № по Прорѣзной, разсказывалъ, что у нихъ уже нѣсколько разъ дѣлалось что-то страшное: искали въ рамахъ картинъ, въ резервуарахъ, въ котлахъ, въ вентиляторахъ. Кажется, ничего особеннаго не нашли, но, мимоходомъ, порядочно ограбили жильцовъ; вывозили груды бѣлья и платьевъ.

Угроза болѣе страшная, чѣмъ обыски — это аресты заложниковъ. Уже чека полна заложниковъ, которыхъ разстрѣляютъ или, въ лучшемъ случаѣ, увезутъ въ Москву.

Многіе не ночуютъ дома. Иные совсѣмъ не приходятъ домой. Я., возвращаясь домой, слѣзаетъ съ извозчика за угломъ, потомъ, озираясь, подходитъ къ собственнымъ дверямъ: онъ все боится засады. Конечно, христіане будутъ говорить, какъ М., что евреямъ ничто не грозитъ, но Л., Г., Л-мъ и М. сидятъ въ чека, ожидая высылки въ Москву, уже не говоря о менѣе крупныхъ.

Кромѣ того, многіе заключены въ концентраціонный лагерь, какъ саботажники или безработные буржуи.

Недавно сюда прибылъ Петерсъ. Ему приписываютъ славу спасенія Петрограда отъ Юденича и, вѣроятно, надѣются, что онъ спасетъ Кіевъ отъ Деникина.

А вдругъ дѣйствительно спасетъ? Мы были увѣрены, что Ю. возьметъ Петроградъ, и сами питерцы въ это вѣрили. Получались письма съ сообщеніями, что «дядя» близко. Онъ былъ, кажется, въ 10 верстахъ и . . . не дошелъ.

Колчаку тоже все хуже и хуже. Бѣдный Р., весной такъ надѣялся на него! Сначала доморощенные стратеги объясняли его отступленіе причинами высшаго стратегическаго порядка, но онъ, видно, отступаетъ, потому что не можетъ бороться.

Въ газетахъ промелькнуло извѣстіе о томъ, что разрабатывается декретъ о переселеніи буржуевъ на Трухановъ островъ.

На этой почвѣ у насъ былъ слѣдующій инцидентъ: одну комнату у насъ реквизировалъ докторъ (заурядъ-врачъ). Онъ часто возвращается навеселѣ, и сегодня въ 2 ч. ночи вздумалъ телефонировать къ своей пріятельницѣ. Когда мама вышла изъ спальни и сдѣлала ему замѣчаніе, онъ закричалъ: «Молчать, а то завтра будете на Трухановомъ островѣ!»

24-го августа. Хотя газеты храбрятся и заявляютъ, что «на подступахъ къ Кіеву Деникинъ найдетъ свою смерть», изъ всего видно, что освобожденіе Кіева неминуемо. У насъ въ учрежденіи вдругъ заплатили служащимъ ликвидаціонныя. Уже нѣсколько дней нельзя говорить по телефону, а мы кіевляне — люди опытные и знаемъ, что запрещеніе говорить по телефону и рытье окоповъ означаютъ близость непріятеля — побѣдителя. Кажется, уже гонятъ на окопы около Дарницы; при чемъ гонятъ исключительно буржуевъ.

На-дняхъ стала выходить новая газета — органъ чрезвычайки — «Красный Мечъ». Она выходитъ по воскресеньямъ, очевидно, чтобы усладить отдыхъ гражданамъ Р. С. Ф. С. Р.. Это новое, цѣнное изобрѣтеніе пролетарскаго строя. До сихъ поръ застѣнки не имѣли своихъ органовъ печати. Я сохранила одинъ номеръ. Къ сожалѣнію, я ничего почти не сохранила на память о революціи, но думаю, что одинъ экземпляръ этой газеты замѣнитъ цѣлый архивъ *.

Это такой звѣрскій цинизмъ, что нельзя даже понять откровенности авторовъ. Они открыто высказываютъ самыя страшныя, самыя низменныя мысли, которыя человѣкъ обыкновенно прячетъ глубоко въ себѣ.

И все таки есть большевики, которые продолжаютъ носиться съ мыслью облагодѣтельствованія человѣчества. Они до сихъ поръ громятъ «капиталистическія» войны. Я помню остроумныя, интересныя статьи Троцкаго въ «Кіевской Мысли», когда онъ описывалъ сербское отступленіе 1915 г. Казалось, что онъ плачетъ надъ бѣдными сербскими солдатами. Очевидно, онъ всю свою жалость отдалъ имъ, оставивъ намъ только звѣрство.

Это звѣрство Горькій громилъ еще въ «Лѣтописи». А теперь онъ очень хорошо уживается съ нимъ. Говорятъ, что его квартира въ Москвѣ настоящій музей — все продаваемые буржуями предметы искусства.

---

* Къ сожалѣнію, и этотъ номеръ пропалъ

25-го августа. Сегодня подъ вечеръ въ домъ ворвалось трое солдатъ. Они вызвали предсѣдателя домкома и съ нимъ стали обходить всѣ квартиры, требуя одѣялъ и матрацовъ для арміи. Они не только требовали, а рылись въ постеляхъ и сами забирали то, что имъ нравилось. Я всегда при такихъ сценахъ каменѣю и, молча, уступаю. Ужъ очень унизительно просить о чемъ бы то ни было этихъ хамовъ. Поэтому вещи, порученныя моей опекѣ, очень быстро идутъ на народную пользу.

Но другіе жильцы пробовали защищать свое имущество, поэтому на лѣстницѣ поднялся невѣроятный шумъ, давшій мало положительныхъ результатовъ.

Собравъ достаточную дань, между прочимъ, бѣлое шелковое одѣяло у Д. (для арміи!), красноармейцы тутъ же въ нашемъ дворѣ стали продавать краденое.

Такъ, по-маленьку, мы останемся безъ рубахи (что не «конфискуютъ», то прійдется продать — хлѣбъ уже дороже 100 р. фунтъ). Вчера одна изъ сослуживицъ (нѣкая Гринштейнъ) сказала мнѣ, что ея семью выселеніемъ изъ квартиры совершенно разворили. А сколько такихъ семействъ? Все, что люди собирали поколѣніями, здѣсь въ Кіевѣ, за полгода, пошло прахомъ.

26-го августа. Сегодня снова врывались солдаты и снова рылись въ постеляхъ. Охъ! эти морды, эти «коммунистическіе» локоны изъ жирныхъ волосъ, вылѣзающіе изъ подъ засаленныхъ, сдвинутыхъ, по-пьяному, на затылокъ фуражекъ; этотъ стукъ винтовокъ о полъ, рѣзкіе звонки, брань, и испуганныя, измученныя лица буржуевъ.

Нѣкоторые люди, напр. старикъ Б., мѣсяцами не выходятъ изъ дому. Но въ томъ то бѣда, что «они» приходятъ въ домъ, «они» не хотятъ, чтобы кто-нибудь хоть одну минуту жилъ и дышалъ спокойно.

Но это уже предсмертныя конвульсіи. Въ статистическомъ бюро сняты телефоны и мнѣ приходится ходить по учрежденіямъ собирать свѣдѣнія. Это гораздо интереснѣе, чѣмъ сидѣть въ телефонной будкѣ. Я была даже въ одной изъ канцелярій чека, правда, въ очень скромной, той, которая выдаетъ пропуски на выѣздъ. Она находится въ хорошенькомъ одноэтажномъ домѣ на Екатерининской. Передъ ней стоитъ огромная очередь, жаждущихъ получить пропускъ. Бываю на биржѣ труда, въ больничныхъ кассахъ — все меньшевистскія учрежденія, члены которыхъ имѣютъ иногда недоразумѣнія съ властями.

Владѣлецъ типографіи, въ которой печатается нашъ бюллетень, разъ робко спросилъ меня, каковы политическія новости? По его глазамъ было видно, что онъ хотѣлъ услышать такой отвѣтъ: «Мое учрежденіе эвакуируется». Я отвѣтила уклончиво: «Кажется, на фронтѣ неважно!»

За эту недѣлю я видѣла немало учрежденій, и у меня сложилось такое впечатлѣніе: сидятъ тысячи людей, получаютъ жалованіе, считаютъ, пишутъ и, въ сущности, ничего не дѣлаютъ. Никому ихъ работа не нужна, ни странѣ, ни частнымъ лицамъ. Да это и не работа, а переливаніе изъ пустого въ порожнее.

Трудъ дворника, дровосѣка болѣе полезенъ для нихъ же, чѣмъ ихъ семичасовое высиживаніе въ грязныхъ, неподметенныхъ комнатахъ.

И они сами это отлично чувствуютъ; большую часть дня болтаютъ, уходятъ со службы, никто не скрываетъ своего халатнаго отношенія.

27-го августа. Сегодня приходили забирать швейную машину, но двери открыла Б. и заявила, что она квартирантка, ничего не знаетъ, а хозяевъ нѣтъ. Комиссаръ не настаивалъ и ушелъ, указавъ только, гдѣ надо зарегистрировать машину.

Прямо копія изъ сатиры Рихтера: рояль мы уже зарегистрировали, пишущую машину тоже, теперь очередь за швейной.

Къ чему имъ частныя машины и музыкальные инструменты? Конечно, только, чтобы шиканировать буржуевъ, потому что И. говоритъ, что, когда она пошла по адресу, оставленному комиссаромъ, регистрировать машину, она видѣла, что въ книгахъ, рядомъ съ номеромъ машины отмѣчали кто ея владѣлецъ: «буржуй», «трудящійся», «докторъ».

У первыхъ, конечно, машины заберутъ въ національныя швальни, въ которыхъ отвратительно шьютъ. Р. заказалъ себѣ въ такой швальнѣ косоворотку; ее шили очень долго, наконецъ, выдали безъ пуговицъ и криво скроенную.

У него десять костюмовъ, но онъ долженъ былъ заказать себѣ эту сатинетовую рубаху, потому что ему сдѣлали внушеніе за то, что онъ слишкомъ элегантенъ.

Теперь я понимаю, почему всѣ мои сослуживцы имѣютъ такой неопрятный видъ.

28-го августа. Хлѣбъ стоитъ отъ 120—140 р. фунтъ. Вѣроятно, для многихъ онъ недостижимъ. Я уже нѣсколько разъ покупала для Т. Несчастная старуха не хочетъ прикасаться къ своимъ сбереженіямъ и отказываетъ себѣ въ кускѣ хлѣба. Въ тѣ дни, когда она ѣстъ у насъ, она счастлива, потому что она должна себѣ варить на керосинкѣ, которую она разогрѣваетъ кусочками дерева (керосина давно нельзя достать); дымъ ей выѣдаетъ глаза, разъ она чуть не угорѣла. Всю зиму она собирала щепки на улицахъ. При распредѣленіи кіевлянъ по категоріямъ, она какимъ-то образомъ попала въ 3-ью и ничего не получаетъ. Положимъ, нашъ горпродкомъ такъ работаетъ, что никто почти ничего не получаетъ по карточкамъ.

Судя по сводкамъ, большевикамъ все хуже, но они, видно, рѣшили защищать Кіевъ серьезно, потому что съ каждаго дома взяли людей на окопныя работы. Вчера въ 4 ч. утра потащили въ районъ и 60-лѣтняго К., но онъ доказалъ, что онъ французскій гражданинъ и его освободили.

30-го августа, 7 ч. веч.

Уходятъ! уходятъ! уходятъ!

Въ теченіе недѣли я переходила отъ надежды къ отчаянію, но теперь видно, что они уходятъ.

Городъ имѣетъ страшный видъ. Все мертво, заколочено, только солдаты бѣгутъ по улицамъ и стрѣляютъ въ воздухъ.

Еще утромъ мы не думали, что освобожденіе такъ близко. Утро было ужасно: въ газетѣ списокъ 67 разстрѣлянныхъ въ прошлую ночь. Есть знакомыя фамиліи.

Но на службѣ уже говорили, что Хургинъ уѣзжаетъ и, что всю ночь жгли бумаги; разсказывали, что всю перепись потопили въ Днѣпрѣ. Очень жалко! это была ихъ единственная осмысленная работа.

Къ 3-мъ час. все стало ясно. Р., который никогда не передаетъ слуховъ, вернувшись изъ совнархоза, сказалъ Н.: «Сегодня они уходятъ, «анатные» большевики уже уѣхали.» Теперь онъ жжетъ какіе-то документы. Онъ, кажется, свободно вздохнулъ и потому что ушли большевики, и потому что приходятъ добровольцы, а не Петлюра: онъ почему-то очень боится Петлюры.

Я знаю многихъ русскихъ (даже монархистовъ), которые такъ ненавидятъ украинцевъ, что предпочитаютъ имъ большевиковъ. П. еще лѣтомъ убѣждала меня, что и евреямъ лучше будетъ при добровольцахъ, чѣмъ при Петлюрѣ. Дѣйствительно, несмотря на то, что они имѣютъ министра по еврейскимъ дѣламъ, украинцы вырѣзываютъ цѣлыя мѣстечки. Но въ этомъ отношеніи, я и на добровольцевъ большихъ надеждъ не возлагаю. Я только думаю, что при нихъ легче будетъ уѣхать.

Часовъ въ 5 веч. я вышла полюбоваться эвакуаціей. Уже было мало людей на улицахъ. По Владимирской и Фундуклеевской тянулись обозы, напоминающіе большевистское отступленіе 1918 г. Уже полтора года! А послѣ октябрьскаго переворота «Русскія Вѣдомости» писали, что власть дана большевикамъ только на недѣли. Ужъ очень длинны эти недѣли!

Въ Николаевскомъ паркѣ я взвѣсилась. Хотѣла знать, какъ отразился большевизмъ на моемъ здоровьи. Видно, нехорошо, такъ какъ мой вѣсъ неприличенъ: 2 п. 38 ф. Неудивительно! мы все хуже и хуже питаемся. На 9 взрослыхъ человѣкъ уходитъ въ день только 2 фунта мяса.

31-го августа. Не хорошо, такъ не хорошо на душѣ. Уѣхать! только уѣхать изъ этой страны злобы и ненависти! Какъ я могла одну минуту надѣяться, обманывать себя? Мнѣ казалось, что, если мы страдали вмѣстѣ, то и радоваться можно такъ же. Какъ радужно начался и, какъ грустно кончился день входа добровольцевъ въ Кіевъ!

Ночь была плохая. По своему обыкновенію, большевики, уходя, выместили свою неудачу на мирномъ населеніи, и часовъ отъ 10 веч. до 1 ч. ночи безжалостно обстрѣливали Кіевъ съ Днѣпра. Повреждено не мало домовъ. Они могли отступать только по

Днѣпру къ Чернигову, такъ какъ по шоссе шли добровольцы, а отъ Фастова галичане.

Ночью въ городѣ не было власти. Когда обстрѣлъ прекратился, мы прилегли, но въ 7 ч. насъ разбудили новые выстрѣлы. Слышно было жужжаніе снарядовъ. Мы опасались, что повторятся Муравьевскіе дни и, подъ конецъ, большевики снова завладѣютъ Кіевомъ. Но страхи были напрасны. Стрѣльба вскорѣ прекратилась. Въ городъ вступали галичане и первые разъѣзды добровольцевъ.

Все христіанское населеніе высыпало на улицу. Евреевъ было сравнительно мало; видно, они уже чуяли вражду. До полудня настроеніе было мирное, радужное. Добровольцы и галичане привѣтствовали другъ друга, слово «жидъ» еще не жужжало. У всѣхъ были веселыя лица. Какой-то полякъ подбѣжалъ къ знакомому, крѣпко пожалъ ему руку, говоря: «Неправда ли, какое счастіе, что мы дожили до такого дня!» Словомъ выглядѣло немного такъ, какъ въ первые дни «улыбающейся» революціи.

На Крещатикѣ, тамъ гдѣ висѣли телеграммы Бупа, висѣло уже воззваніе временнаго комитета при городской управѣ.

Но къ полудню картина измѣнилась. На улицахъ появились представители и представительницы тѣхъ слоевъ общества, которые любятъ смотрѣть на всякое зрѣлище (даже на разстрѣлы офицеровъ, какъ было въ 18 г.) и даже принимать въ нихъ участіе. Это было большей частью мелкое мѣщанство, прислуга. Толпа стала съ какимъ-то звѣрскимъ воемъ и хохотомъ срывать большевистскіе плакаты, разбивать бюсты, ломать деревянныя сооруженія. Потомъ разсказывали, что какія-то расходившіяся бабы превратили голову бюста Троцкаго въ извѣстный сосудъ.

Послѣ 2-хъ часовъ стали возникать манифестаціи. Огромная толпа двигалась по Крещатику къ думѣ. Вдругъ выстрѣлъ, крики. Къ счастью кончилось избіеніемъ одного лишь господина — русскаго, такъ какъ его принялъ за еврея какой-то субъектъ, которому онъ нечаянно отдавилъ мозоль. Оказывается, что по городу распространился слухъ, что евреи будутъ стрѣлять изъ оконъ въ добровольцевъ; выстрѣлъ былъ провокаторскій, но погрома вызвать не удалось. Я вторично вышла на улицу и пошла въ Липки. По Крещатику проходила украинская манифестація, довольно жалкая.

Въ Липкахъ всѣ помѣщенія чрезвычаекъ были открыты. Ихъ облегали огромныя толпы. Женщины висѣли на заборахъ, жадно заглядывая въ щели. Дѣйствительно, говорятъ, что внутри чека было ужасно. Рядъ наиболѣе красивыхъ домовъ превращенъ въ застѣнки, въ которыхъ происходили оргіи, полы покрыты грудами разорванныхъ бумагъ, разбитыхъ бутылокъ, поломанныхъ столовъ и стульевъ. Ужаснѣе всего въ домѣ № 5 по Садовой; тамъ въ саду были разстрѣляны и тутъ же закопаны послѣднія 67 жертвъ. Каретный сарай или конюшня въ этой усадьбѣ уже давно служили застѣнкомъ, тамъ былъ устроенъ даже стокъ для крови. Трупы разстрѣлянныхъ совершенно наги.

Когда мы отходили отъ этой усадьбы, къ ней приближался церковный ходъ съ хоругвями и иконами. На лицахъ шествующихъ было видно больше злобы и ненависти, чѣмъ радости и благодарности. Можно было читать въ глазахъ этихъ людей желаніе мстить, посчитаться съ личными врагами, подъ предлогомъ преслѣдованія коммунистовъ.

Въ толпѣ кто-то разсказывалъ, что растерзали коммунистку-еврейку. Какая-то женщина визгливымъ, истерическимъ голосомъ проклинала евреевъ. Была та же ненависть, то же звѣрство, что при большевикахъ.

Только уѣхать, уѣхать отъ этихъ звѣрей. Вечеромъ гроза, висѣвшая надъ городомъ, разразилась. Заработали пулеметы. Продолжалось это недолго, но результатомъ было бѣгство галичанъ изъ Кіева. У думы произошло столкновеніе между украинцами и великороссами. Кто-то сорвалъ чей-то флагъ, завязалась драка, началась стрѣльба.

Только что освободили одинъ изъ крупнѣйшихъ городовъ и уже внесли раздоръ и ненависть. Потомъ русскіе будутъ возмущаться еврейскимъ коммунизмомъ и украинскимъ сепаратизмомъ. Сегодня же вышла первая не-большевистская газета «Вечерніе Огни». Она сообщаетъ, что Днѣпровская флотилія нарочно бомбардировала церкви. Это камень въ еврейскій огородъ, но не совсѣмъ удачно. Всѣ матросы флотиліи, конечно русскіе, комендантъ ея Полупановъ.

Можетъ быть, онъ нарочно обстрѣливалъ свои русскія церкви, убили же лаврскіе послушники своего митрополита въ 1918 г., но объ этомъ говорили гораздо меньше, чѣмъ о самомъ незначительномъ коммунистѣ-евреѣ.

Теперь, черезъ минуту, я уже стыжусь тѣхъ строкъ, которыя мнѣ диктовала злоба. Когда хочу приписать особую злобу или подлость русскимъ, сейчасъ же вспоминаю, что точно такія преступленія совершали въ такіе же моменты и другіе народы.

1-го сентября. Трудно прощать при такихъ условіяхъ. Власть, конечно, нарочно оставляетъ чека открытыми для всѣхъ; она такъ же смотритъ сквозь пальцы на дикія, уличныя сцены, когда толпы, преимущественно женщинъ, набрасываются на евреевъ и евреекъ и избиваютъ ихъ до смерти, подъ предлогомъ, что это коммунисты. Конечно, всѣ эти жертвы ничего общаго съ коммунизмомъ не имѣютъ, но, кажется, такія выступленія были заранѣе подготовлены, такъ какъ я еще вчера замѣтила, что многія брюнетки носятъ нашейные крестики поверхъ одежды. Христіане знали о томъ, что будетъ дѣлаться на улицахъ. Есть между ними рѣдкія исключенія: Р. вернулся возмущенный избіеніемъ, свидѣтелемъ котораго онъ былъ. Сегодня же я испытала, впервые въ жизни, лично, что такое травля евреевъ. До сихъ поръ я страдала отъ «еврейскаго вопроса» только пассивно. Во мнѣ почему-то не узнаютъ еврейку и меня не оскорбляютъ. Правда, зато я не разъ должна слышать изліянія о «жидахъ». Обыкновенно я прерываю собесѣдника заявленіемъ, что и я — еврейка; тогда онъ краснѣетъ, заикается, мнется и спѣшитъ заявить, что «вы такъ не похожи, извините, . . . я не говорилъ объ интеллигентныхъ евреяхъ» . . . и т. д., и т. д.

Но сегодня мы шли съ обѣими К. по Фундуклеевской. Шли мирно. Сначала мимо насъ проѣхалъ автомобиль съ военными, за которымъ бѣжала съ восторженными криками толпа. Автомобиль проѣхалъ. Его замѣнила густая толпа, несущаяся въ противоположномъ направленіи. Тащили съ воемъ и криками «Бошъ» въ контръ-развѣдку. Въ дѣйствительности это была невинная еврейка, которую контръ-развѣдка сейчасъ же отпустила.

Мы шли дальше, не останавливаясь; вдругъ, мы услышали чью-то брань по нашему адресу. Какая-то старуха кричала, что жиды убили ея сына, что мы, навѣрное, чекистки, съ которыми пора расправиться.

К. испуганно молчали, но я не выдержала и крикнула старухѣ, чтобы она отстала. Брань и крики увеличились. На наше счастіе толпа исчезла за угломъ, не обративъ на насъ вниманія. Своеобразное участіе приняла въ насъ одна русская дѣвица, которая посовѣтовала мнѣ не волноваться и не ходить гулять въ такіе дни въ виду возбужденности населенія. Старухѣ она ничего не сказала.

Мой начальникъ разсказывалъ мнѣ, что евреямъ, жалующимся на ограбленіе, деникинскіе офицеры отвѣчаютъ: «Разъ ты жидъ, такъ тебѣ и надо». Я боюсь, чтобы это дикое отношеніе не толкнуло евреевъ окончательно въ сторону большевиковъ. Пока, мелкая еврейская буржуазія антибольшевистски настроена, но такая травля возбуждаетъ желаніе мстить. Каждый еврей скажетъ: если русскій можетъ быть погромщикомъ, то я могу быть большевикомъ.

5-го сентября. Добровольцы идутъ церемоніальнымъ маршемъ. Если такъ пойдетъ дальше, то къ Рождеству они будутъ въ Москвѣ. Дай Богъ! можетъ быть, тогда все измѣнится. У власти станутъ другіе люди, а не генералы въ родѣ Бредова и Драгомирова. Все таки уже 5 ночей мы спимъ спокойно; вѣдь послѣдніе 3 мѣсяца я спала полуодѣтая, въ вѣчномъ ожиданіи обысковъ и арестовъ. И этотъ паническій страхъ изнуряетъ, измучиваетъ больше всего

Безусловно все дикое звѣрство внесъ большевизмъ и чѣмъ дольше онъ держится, тѣмъ больше всѣ звѣрѣютъ. Б. разсказывала мнѣ, что на-дняхъ какая-то простая женщина сказала ей: «Я знаю, что напрасно все на евреевъ сваливаютъ. И вамъ плохо, и намъ нехорошо. Со злости и съ горя другъ на друга бросаемся». Но много ли такихъ людей, которые отдаютъ себѣ отчетъ? Большинство, какъ Шульгинъ, подражаютъ «Красному Мечу». Все таки на улицахъ видны снова веселыя лица. Люди возятъ и носятъ свои, найденныя вещи, возвращаются въ собственныя квартиры

На почвѣ «нахожденія» и «возвращенія» вещей происходятъ недоразумѣнія. Многіе разносили бѣлье, платья, драгоцѣнности по знакомымъ. Теперь возвращаютъ не полностью, сваливая исчезновенія на кражи при обыскахъ или же на прислугу. Это бывало и раньше. Во время обыска М. дала сосѣдкѣ свои серьги. Та въ теченіе получаса ухитрилась ихъ «потерять».

8-го сентября. Евреевъ выбрасываютъ изъ поѣздовъ и убиваютъ на станціяхъ. Солдаты на какой-то станціи, между Кіевомъ и Харьковомъ, хотѣли разстрѣлять Э. Его спасло вмѣшательство 2-хъ солдатъ-евреевъ, и онъ отдѣлался избіеніемъ. Въ Кіевѣ боятся погрома. Несмотря на воззваніе властей, еврейскіе магазины стали открываться только послѣдніе 2—3 дня.

Я умоляю нашихъ уѣхать. Въ такой атмосферѣ жить невозможно. Семь мѣсяцевъ насъ травилъ одинъ хамъ, теперь другой.

Большевики все стоятъ на Ирпенѣ, въ 20 в. отъ Кіева. На Бибиковскомъ бульварѣ и на Нижне-Владимирской слышны орудійные выстрѣлы. А что значатъ слова Р.: «Господа, это передышка, воспользуйтесь ею, уѣзжайте въ портовый городъ». Онъ имѣетъ связи и потому можетъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія. Самъ онъ ѣдетъ въ Ростовъ. Большевики вѣдь не сложили оружіе. Тотъ же Р. видѣлъ двухъ коммунистовъ въ Купеческомъ. Они были превосходно одѣты, ѣли мороженое и ухаживали за дамами. Вѣроятно, они по своимъ талантамъ пропагандистовъ равны тому своему товарищу, который недавно увѣрялъ Р., что «за три недѣли любую дивизію распропагандируетъ».

Кіевляне пока, съ помощью контръ-развѣдки, сводятъ счеты. Служащіе этого учрежденія шантажируютъ людей (и не только евреевъ, а даже христіанъ), которыхъ они обвиняютъ въ коммунизмѣ, требуя денегъ подъ угрозой ареста и разстрѣла.

15-го сентября. Только теперь видно, какъ большевики всё разрушили. Цвѣтущая Украина, богатый Кіевъ — нищіе. Въ магазинахъ ничего нѣтъ. Хлѣбъ, правда, значительно подешевѣлъ, но матеріи и др. вещи еще очень дороги и ихъ попросту нѣтъ. Комиссіонные магазины попрежнему великолѣпно работаютъ. А ровно годъ тому назадъ въ Кіевѣ было все, чего душа желала.

Кто можетъ, тотъ уѣзжаетъ въ Одессу, въ Ростовъ; организуются польскіе, чешскіе и т. под. поѣзда. Всѣ какъ-будто чувствуютъ, что въ Россіи нельзя оставаться.

20-го сентября. Читать гнусныя, глупыя статьи Шульгина и отчеты о звѣрствахъ добровольцевъ въ Фастовѣ — это хорошій отдыхъ для нервовъ послѣ большевиковъ.

Авторы отчетовъ о погромахъ считаютъ, что на Украинѣ погибло не менѣе 100 тысячъ евреевъ. Даже, если бы евреи были отцами большевизма и чрезвычаекъ, то такая месть больше, чѣмъ «око за око», «зубъ за зубъ». Сколько бы ни погибло русскихъ, но ихъ 100 милліоновъ, а евреевъ въ предѣлахъ теперешней Россіи не больше 4-хъ.

Всѣхъ евреевъ-офицеровъ (Керенскаго производства) не принимаютъ въ армію, а заставляютъ подавать въ отставку. Я знаю многихъ, которымъ такъ отказали, вѣроятно, чтобы потомъ, съ цыфрами въ рукахъ, доказать, какъ много было евреевъ коммунистовъ, какъ мало — добровольцевъ. Жена Шульгина пишетъ подъ псевдонимомъ Vendetta. Это слово — символъ добровольческаго движенія. Они пришли мстить, не возстанавливать попранныя большевиками человѣческія права, а только мстить. Ихъ возмущаетъ не терроръ самъ по себѣ, не ограниченія въ правахъ лучшей части населенія — буржуазіи, а то, что это направлено противъ нихъ — русскихъ дворянъ и чиновниковъ. Когда погромы устраивались только евреямъ, когда были облавы только на евреевъ, когда русскій дворникъ имѣлъ больше правъ, чѣмъ еврей съ университетскимъ образованіемъ, тогда все было въ порядкѣ, но, когда еврейскій хамъ сталъ принимать дѣятельное участіе въ тѣхъ обидахъ, которыя наносилъ русскій хамъ своимъ бывшимъ господамъ, тогда послѣдніе рѣшили мстить всѣмъ евреямъ.

Я уже не разъ себя спрашивала, не примирились бы русскіе съ большевизмомъ, если бы нѣсколько сотъ комиссаровъ-евреевъ исчезли? Ихъ возмущаетъ одна мысль о томъ, что большевики не преслѣдуютъ спеціально евреевъ, какъ дѣлали до сихъ поръ другія правительства

Они такъ же нелѣпы въ своемъ желаніи все вернуть вспять, какъ большевики, желавшіе все старое разрушить. Единственное осмысленное распоряженіе послѣднихъ, о введеніи грегоріанскаго календаря, — отмѣнено.

1-го октября. Послѣ двухдневнаго хожденія по Липкамъ, я отыскала часть нашей мебели. Поиски эти были довольно непріятны, но зато я хорошо ознакомилась съ совѣтскимъ домашнимъ хозяйствомъ.

Самая красивая и богатая часть города совершенно уничтожена. На одинъ ремонтъ надо будетъ потратить годы и милліоны. Нѣтъ ни одного, самаго скромнаго домика, котораго не постарались бы загрязнить, ограбить. Я ходила нѣсколько часовъ по всѣмъ улицамъ, по особнякамъ и большимъ домамъ, еврейскимъ и христіанскимъ. Вездѣ та же картина, даже въ школахъ: мебель, относившаяся къ данному дому, непремѣнно вывезена въ другой, гдѣ ее нарочно поломали и загрязнили, обои оборваны, стекла выбиты, полы затоптаны и заплеваны. Въ нѣкоторыхъ квартирахъ,вернувшіеся жильцы приводятъ все въ порядокъ, въ другихъ, люди равнодушно живутъ среди чужихъ обломковъ, вѣроятно, полагая, что не стоитъ возиться и безпокоиться еще неизвѣстно для кого.

Большинство домовъ взято вновь подъ добровольческія учрежденія, но, при опознаніи мебели, ковровъ владѣльцами, они сейчасъ же выдаются.

Сегодня я, продолжая поиски, зашла въ чека, въ домѣ генералъ-губернатора. Это огромный двухэтажный домъ. Нижній этажъ былъ превращенъ въ тюрьму. Я пожалѣла, что зашла для такой неважной вещи, туда, гдѣ мучались сотни людей. Нижній этажъ совершенно не прибранъ. Тамъ и сямъ валяются клоки соломы, безногіе стулья и столы. Комнаты низкія и темныя, но въ нѣкоторыхъ были сдѣланы клѣтки для заключенныхъ, вѣроятно, чтобы ихъ не видѣли извнѣ. На стѣнахъ много надписей и датъ.

Верхній этажъ приводили въ порядокъ. Группа бабъ отдыхала около ведеръ и тряпокъ. Я уловила отрывокъ изъ разговора: онѣ возмущались чека и ругали палачей-жидовъ. Я должна была молча слушать это въ томъ домѣ, гдѣ сидѣли въ вонючихъ клѣткахъ мой отецъ и десятки знакомыхъ и, когда я пришла туда, чтобы найти хотя бы часть нашего имущества. За эти 2 дня я видѣла больше 50 домовъ. Строили ихъ долго: десятилѣтіями создавались эти красивыя улицы, вырастали тѣнистые сады. За семь мѣсяцевъ все безвозвратно исчезло. И роскошь, и уютъ, и даже гигіена (нѣтъ дома, гдѣ бы, послѣ самаго короткаго пребыванія красноармейцевъ, канализація осталась бы въ порядкѣ).

5-го октября. Каждый день приноситъ извѣстія о погромѣ въ томъ или другомъ мѣстечкѣ, о безконечныхъ убійствахъ. Страдаютъ отъ добровольцевъ и христіане. М. разсказывала мамѣ, какъ ее съ семьей ограбили на какомъ-то хуторѣ. Когда М. сталъ уговаривать ихъ, доказывая, что онъ профессоръ, они поняли это такъ, что онъ членъ профессіональнаго союза, то-есть большевикъ и потому еще больше разошлись. Но теперь эти убійства и погромы никого не трогаютъ. Мы совершенно стали равнодушны къ чужой жизни; каждый хочетъ только спасти себя какой угодно цѣной. Кажется, въ Россіи нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ на совѣсти чужой жизни, въ лучшемъ случаѣ чужого имущества.

Правыхъ и виноватыхъ больше нѣтъ. То-есть всѣ виноваты. Нельзя войти въ магазинъ, сѣсть въ вагонъ трамвая, чтобы не нарваться на грубость — такъ всѣ одичали. Всякій видитъ въ другомъ врага. А выбраться отсюда почти невозможно. Приходится ѣхать съ солдатами, которые глумятся надъ евреями, грабятъ ихъ. Сомнительное утѣшеніе приноситъ то воспоминаніе, что евреи — красноармейцы такъ же грубы съ частными лицами, какъ ихъ коллеги — добровольцы.

14-го октября. Большевики снова въ Кіевѣ. Уже вчера положеніе было грозное. вѣчные выстрѣлы звучали ближе; на рынкахъ было мало продуктовъ. Ворвались они сегодня около часу дня. Съ утра улицы были запружены толпами бѣгущихъ. Но, что за смыслъ въ такомъ бѣгствѣ? куда бѣжать?

Неужели мы окончательно погибли. Постоянно раздаются орудійные выстрѣлы. Можетъ быть, все таки добровольцы вернутся?

15-го октября. Добровольцы вернулись, но городъ мертвъ. Только иногда слышно, какъ бьютъ витрины въ магазинахъ. Это солдаты грабятъ паштетныя и другіе магазины.

17-го октября. Нѣтъ хлѣба и идетъ погромъ. Евреи отданы на разграбленіе войскамъ, спасшимъ Кіевъ. Въ безконечныхъ очередяхъ, стоящихъ около булочныхъ, избиваютъ евреевъ, выталкиваютъ ихъ изъ очереди, распространяютъ бредни о томъ. что евреи обливаютъ отступающихъ добровольцевъ кислотой.

Э. стояла въ такой очереди на Жилянской или М.-Благовѣщенской. Вдругъ, къ сосѣднему дому подъѣхали военные верхомъ. Они стали стучать въ двери; имъ не отворяли, тогда они стали стрѣлять, выламывать двери. Наконецъ, они ворвались въ домъ, изъ котораго понеслись крики и стоны. Толпа христіанъ ликовала, а Э. убѣжала безъ хлѣба, но она не могла молча выносить это врѣлище.

25 го октября. Одинъ изъ моихъ родственниковъ бѣгалъ въ началѣ революціи смотрѣть на каждую демонстрацію, чтобы потомъ не сожалѣть о томъ, что онъ проспалъ великую русскую революцію. Теперь онъ припѣваючи живетъ за границей. Зато я могу сказать, что русскую революцію я изучила досконально. Чего я не видѣла, даже погромъ (не царскій) и какой еще! 500 убитыхъ. Сотни ограбленныхъ квартиръ. И радость, дикую радость христіанъ.

Къ намъ пришли 18-го октября, въ субботу. Но введеніе и заключеніе сдѣлала наша собственная прислуга.

Съ утра мама, И. и я, мы остались однѣ съ прислугой. Во время уборки горничная, очень тихая, смирная дѣвушка, подошла къ мамѣ и сказала съ яростью: «А вашъ братъ, небось, жалѣетъ, что коммунистовъ разбили?» Мама оторопѣла и вмѣсто того, чтобы сейчасъ же разсчитать ее, только вышла изъ комнаты. Эта дѣвушка видѣла не разъ, какъ большевики насъ грабили, защищала даже насъ отъ нихъ, но пропаганда въ очередяхъ сдѣлала свое дѣло.

Немного позже позвонили и И. открыла двери. Въ квартиру ворвалось трое деникинцевъ — офицеръ и рядовые. Они потребовали папу. Если бы онъ былъ, то кончилось бы убійствомъ, какъ съ Либерманомъ. На шумъ ихъ голосовъ, я выбѣжала въ переднюю и услышала: «Гдѣ твой мужъ? Я долженъ убить его. Жиды зарѣзали мою мать, и я долженъ за это убить твоего мужа. Давай его!» Они не повѣрили нашимъ увѣреніямъ, что отца нѣтъ, и проникли въ остальныя комнаты, все время угрожая револьверами. Я побѣжала къ сосѣдямъ за помощью; по дорогѣ я встрѣтила горничную, которая сказала мнѣ, что уже просила о помощи. Но никто не пришелъ: евреи боялись и попрятались, христіанъ я не хотѣла просить. Тѣмъ временемъ у насъ къ деникинцамъ присоединились обѣ прислуги. Онѣ кричали: «Убейте ихъ, онѣ прятали коммунистовъ, лили сѣрную кислоту на деникинцевъ!» Кухарка ударила И. Одинъ изъ деникинцевъ замахнулся бутылкой на мою мать. Все время въ квартирѣ хозяйничало двое, а третій сторожилъ парадную дверь, чтобы никто не пришелъ на помощь. Когда постучала сосѣдка — христіанка, онъ черезъ щель сказалъ ей: «Чего лѣзете? здѣсь съ жидами расправляются». Наконецъ, они удовлетворились 2-мя тысячами рублей, золотыми часами и еще нѣсколькими бездѣлушками, но, уходя, обѣщали явиться на слѣдующій день и приказали приготовить для нихъ кольцо съ «большимъ» брилліантомъ.

Мы боялись, что они сдержатъ слово и повторятъ посѣщеніе, поэтому Н. стала на углу, въ ожиданіи отца, чтобы предупредить его и направить къ знакомымъ. Дѣйствительно, этимъ не кончилось.

Мы рѣшили во что бы то ни стало избавиться отъ нашей прислуги, но онѣ не хотѣли уйти, продолжали кричать и грубить. Все таки мы ихъ выдворили изъ кухни и варили сами. Богъ знаетъ, что мы ѣли. Мама говоритъ, что по количеству съѣденнаго эта недѣля можетъ конкурировать только съ той, когда отецъ сидѣлъ въ чека.

Ночевать я пошла къ Б. У нихъ немного успокоилась и рано утромъ въ воскресеніе пошла домой. Весь вечеръ мы у Б. читали Гете, и я какъ-то, на время, забыла о томъ, что творится кругомъ.

Когда я вышла на улицу не было еще восьми часовъ, но на каждомъ второмъ домѣ былъ наклеенъ № «Кіевлянина», со статьей, описывающей еврейскія гнусности и преда-

тельства, указывались адреса и фамиліи, между прочимъ, одного врача, будто бы стрѣлявшаго въ добровольцевъ. Какъ потомъ оказалось, все было ложью.

Къ чему эта безсмысленная ложь христіанъ? Никто никогда не отрицалъ огромной роли евреевъ въ коммунизмѣ, но почему то ихъ обвиненія почти всегда лживы, а ужъ страдаютъ отъ нихъ *всегда* невинные.

Дома за ночь ничего не измѣнилось. Прислуга все еще жила у насъ. Мы отправились въ профессіональный союзъ, просить освободить насъ отъ вредныхъ сожительницъ, такъ какъ обращеніе въ милицію не возымѣло значенія

Въ союзѣ сказали, что сначала должны разобрать дѣло и послали прислугѣ повѣстку.

Но онѣ, побывавъ въ союзѣ и убѣдившись, что дѣло не въ ихъ пользу, пошли во вторникъ въ контръ-развѣдку, гдѣ заявили, что отецъ пряталъ коммунистовъ и передъ приходомъ добровольцевъ сжегъ бумаги. (Бумаги то жегъ, но не отецъ, а Р. — знакомый Шульгина.)

Вмѣшательство контръ-развѣдки могло имѣть очень печальный результатъ, но облегчила наше положеніе болтливость обѣихъ женщинъ: онѣ хвастали своею ловкостью и умомъ передъ швейцаромъ, который предупредилъ насъ.

Мы начали снова бѣгать по знакомымъ со связями (точь въ точь, какъ въ маѣ, только тогда не было такого чувства униженія, не чувствовали себя такими паріями)

Въ среду (меня не было дома и я знаю объ этомъ только по разсказамъ) съ утра позвонили. Дверь открыла (на цѣпочку) мама. Звонилъ офицеръ изъ контръ-развѣдки. Онъ началъ сейчасъ же грубить. Когда увидѣлъ Н., закричалъ: «Подойдите, молодой человѣкъ, поближе, я вамъ пущу пулю въ лобъ! Если бы я зналъ, что здѣсь есть еврейскіе студенты, я бы одинъ не пришелъ!»

Узнавши, что отца нѣтъ дома, онъ хотѣлъ арестовать мать, но кто-то догадался пойти за предсѣдателемъ дом. комитета и тотъ вступился за нее. Оставшись наединѣ съ мамой офицеръ назвалъ ее «еврейской фуріей».

Послѣ его ухода, по совѣту д-ра Б. мы рѣшили пойти простымъ путемъ. Родители пошли въ контръ-развѣдку и тамъ говорили съ самимъ начальникомъ.

Оказалось, что приходившій офицеръ превысилъ полномочія: ему было приказано навести справки, а онъ самъ написалъ ордеръ на арестъ. Когда же мама сказала, что она знаетъ, что все дѣло затѣяли по доносу прислуги, начальникъ контръ-развѣдки смутился и обѣщалъ окончательно оставить папу въ покоѣ.

На прислугу такой результатъ доноса и приговоръ професс. суда о томъ, чтобы онѣ насъ покинули, подѣйствовалъ. Въ четвергъ мы отъ нихъ освободились. Правда, по Соломонову суду професс. союза, мы должны были тѣмъ служащимъ, которыя хотѣли насъ ограбить и убить, заплатить около 3-хъ тысячъ, для того, чтобы отъ нихъ освободиться. Есть еще и третій актъ.

Разставаясь съ папой, начальникъ контръ-развѣдки сказалъ отцу, что, для окончательной ликвидаціи дѣла, онъ можетъ доставить нѣсколько поручительствъ знакомыхъ.

Конечно, это была мелочь, но отцу пришло на мысль сослаться на офицера-поляка Г. Тотъ пригласилъ для этого своихъ двухъ друзей изъ контръ-развѣдки и они потребовали за свои подписи 20 тысячъ «на добровольческую армію». Ясно было, что это шантажъ, но отступать было неудобно. Поторговавшись, сошлись на 5 тысячахъ.

Надѣюсь, что этимъ кончилось и, что отецъ, подъ вліяніемъ такихъ переживаній, согласится выѣхать. Вчера Б. говорилъ мнѣ, что былъ составленъ списокъ богатыхъ евреевъ, которыхъ хотѣли обвинить въ коммунизмѣ и шантажировать. Онъ предлагалъ мнѣ въ нашемъ дѣлѣ услуги офицера изъ приличной дворянской семьи, мужа оперной артистки, который бы все уладилъ за нѣсколько тысячъ.

28-го октября. Тѣло Л. лежало 24 ч. на углу Терещенковской и Бибиковскаго бульвара. Онъ жилъ у чужихъ людей и, когда къ нему ворвались погромщики, то они, вѣроятно, не рѣшились рисковать собой и дали его увести. Передъ тѣмъ онъ сидѣлъ 6 недѣль въ чека, его домъ разграбили, его нѣсколько разъ шантажировали, а теперь добровольцы вознаградили потерпѣвшаго буржуя.

Убили и Ѳ. при нападеніи на домъ раввина. Тѣло его до сихъ поръ не найдено.

«Вечернiе Огни» игривымъ тономъ сообщаютъ, что на Андреевской улицѣ нерѣдко видны собаки, грызущія головы, покрытыя черными волосами, то-есть еврейскія.

Даже крещенье не спасало. Убили молодого Кранца, котораго родители крестили еще въ дѣтствѣ.

А Шульгинъ написалъ статью «Пытка страхомъ», въ которой онъ откровенно выражаетъ свою радость, за «урокъ», который даютъ евреямъ. Урокъ чего? Того, что русскій народъ подлъ, что доказываютъ его вожди и справа, и слѣва?

Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ квартирахъ, откуда вынесли рѣшительно все, грабители французили. Значитъ это были офицеры изъ «хорошей» сферы. Въ иныхъ случаяхъ къ дому подъѣзжалъ цѣлый отрядъ съ площадками (такъ было у дома Гинзбурга на Институтской), и со спискомъ жильцовъ-евреевъ въ рукахъ, ходили изъ квартиры въ квартиру. Иногда жертвъ спасали квартиранты-офицеры. Д-ръ Г. разсказывалъ, что онъ узналъ въ одномъ изъ грабителей своего сослуживца по японской войнѣ. Онъ окликнулъ его, назвалъ себя. Тотъ, сейчасъ же, заявилъ своимъ товарищамъ, что квартира доктора неприкосновенна.

П. ограбили до чиста. Мы должны были одолжить имъ одѣяло. Къ ихъ дому тоже подъѣхали съ возами и вывезли, что могли, а, такъ какъ передъ тѣмъ въ потолокъ столовой попалъ снарядъ, то они не могутъ вернуться къ себѣ.

Изъ знакомыхъ болѣе всего пострадали Ш. У нихъ видно какіе-то враги въ домѣ, потому что и при большевикахъ, и теперь они пострадали болѣе другихъ.

При большевикахъ у нихъ постоянно реквизировали комнаты комиссары, которые по ночамъ устраивали у нихъ настоящія оргіи, не обращая вниманія на то, что въ сосѣдней комнатѣ умиралъ Н. Послѣ прихода деникинцевъ, С., по доносу пріятеля, съ которымъ онъ поссорился, арестовали и при этомъ избили. Ш. стоило не мало денегъ освобожденіе сына. Теперь же, на второй или третій день погрома, къ нимъ ворвалась цѣлая банда. Младшаго сына поставили къ стѣнкѣ; онъ откупился сапогами. Громилы вынесли все, что могли, даже вещи экономки и жилицы. Они возвращались нѣсколько разъ и имѣли столько времени, что выкололи глаза всѣмъ портретамъ. Предсѣдатель домового комитета — крещеный еврей — отказалъ въ помощи. Когда погромщики ушли въ первый разъ, спохватились, что самъ Ш. исчезъ. Нашли его только черезъ 24 ч. Оказалось, что онъ прыгнулъ со второго этажа, съ балкона. Не понимаю, какъ онъ не убился на мѣстѣ. Въ іюнѣ 1918 г. одинъ изъ сыновей Ш. погибъ въ отрядѣ полк. Дроздовскаго въ бою съ большевиками.

1-го ноября. Формируются польскіе поѣзда. Масса уроженцевъ Польши, Бѣлоруссіи, Литвы пользуется ими. Мы не успѣемъ, но обѣщаютъ другой поѣздъ.

Ш. не единственный, прыгавшій съ балкона. Такіе же ужасы творились въ домѣ Демченка, на Ольгинской; тамъ люди со страху порывались выброситься изъ оконъ. Грабилъ домъ отдѣлъ осетинъ. Добровольцы пользуются этими полудикими кавказцами для сверженія большевиковъ, такъ же, какъ большевики пользуются китайцами. Осетинъ такъ же интересуетъ борьба съ коммунизмомъ, какъ китайцевъ — борьба съ капиталистическимъ строемъ, но за этотъ годъ имъ разъяснили, что евреевъ можно грабить и убивать безнаказанно. Они совершенно не знаютъ кто такіе евреи. Одного старика съ пейсами (Г.) они спросили, еврей ли онъ? Г. отвѣтилъ отрицательно и они его оставили въ покоѣ. Въ домѣ Демченка, они, по ошибкѣ, врывались и къ христіанамъ.

Для того, чтобы распознавать евреевъ, они заставляютъ прохожихъ произносить букву «р». Б. говорилъ мнѣ, что мелькающія въ сводкахъ сообщенія о томъ, что еврейское населеніе стрѣляетъ въ добровольцевъ, что еврейскіе коммунисты особенно отчаянно борются, — результатъ опредѣленной политики. Командованіе знаетъ, что большая часть солдатъ сочувствуетъ большевизму и потому послѣдній представляютъ, какъ произведеніе евреевъ, надѣясь, что такимъ путемъ солдатъ доведутъ до Москвы. А потомъ надѣются удержать власть, даже если армія распадется. Брату Б. очень тяжело Онъ еще при болыпевикахъ бѣжалъ изъ Кіева, записался въ добровольческую армію, а теперь долженъ слышать и видѣть все это юдофобство.

Холода наступили въ этомъ году рано, а большевистское хозяйничанье даетъ себя чувствовать. За лѣто совнархозъ не запасся дровами и теперь дровъ мало; пудъ стоитъ 70 рублей (угля, конечно, нѣтъ и въ поминѣ).

Въ большинствѣ домовъ центральное отопленіе не будетъ дѣйствовать, потому что при минимальной топкѣ оно будетъ стоить не менѣе 20—30 тысячъ отъ квартиры, а теперь мало кто располагаетъ деньгами. Рѣшили поставить желѣзныя печи и пустить трубы въ вентиляторы. Въ квартирахъ уже такъ холодно, что у меня болятъ руки и ноги.

3-го ноября. Во время погрома добровольцы напали на еврейскую больницу, убили нѣсколькихъ больныхъ и ограбили то немногое имущество, что оставалось, а оставалось очень мало, такъ какъ всѣ кіевскія больницы въ страшномъ состояніи. Среди убитыхъ были раненые, спасшіеся отъ фастовскаго погрома. Кажется, нападеніе на больницу неслыханная вещь въ исторіи погромовъ. Сегодня видѣла впервые С. Б. Она еще очень плохо выглядитъ. Она пролежала больше 2-хъ недѣль. На третій или четвертый день погрома, она проходила вечеромъ мимо Золотоворскаго сада. Навстрѣчу ей шелъ офицеръ. Ее поразилъ злобный взглядъ, брошенный имъ на нее, и, поровнявшись съ нимъ, она прибавила шагу. Вдругъ, она почувствовала страшный ударъ въ затылокъ. Она очнулась уже въ саду. Кто-то сжалился надъ ней и поднялъ ее съ тротуара. Деньги были при ней, слѣдовательно, офицеромъ руководила только ненависть; онъ узналъ въ ней еврейку и ударилъ ее по злобѣ.

До чего дошелъ этотъ человѣкъ, чтобы ударить беззащитную женщину? Вся Россія — это клѣтка, а населеніе ея — дикіе звѣри.

Я могу себѣ представить, какъ подѣйствовали погромы и волна дикой ненависти на массу еврейскихъ ремесленниковъ и мелкаго мѣщанства, которымъ большевизмъ не вредилъ. Эти люди, если они до сихъ поръ были равнодушны, станутъ теперь большевиками.

Съ какой стати за грѣхи русскихъ правительствъ и русскаго народа отвѣчаютъ евреи? Я вижу, какъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ, со времени изгнаній и преслѣдованій въ Польшѣ, евреи все болѣе и болѣе деморализируются. Если раньше морально евреи стояли выше окружающихъ ихъ народностей, то теперь они такъ же низко пали. Исчезла даже старая національная связь: еврей — коммунистъ также грабитъ своихъ собратьевъ некоммунистовъ, какъ и христіане.

Западная Европа кажется мнѣ далекимъ, недосягаемымъ раемъ. Тамъ есть наука, искусство, тамъ человѣкъ не видитъ въ сосѣдѣ врага, тамъ не дрожишь за жизнь близкихъ. Вѣдь уже почти годъ, какъ насъ травятъ безпрерывно.

10-го ноября. Добровольцы продолжаютъ отступать. Неужели большевики пріѣдутъ въ Кіевъ? Тогда нельзя будетъ даже бѣжать. По временамъ (по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю) въ городѣ подымается дикая паника. Я живу одной мыслью о выѣздѣ. Все равно мы всѣ и здѣсь разворены. Лучше заметать улицы въ буржуазной странѣ, чѣмъ жить на развалинахъ бывшихъ богатствъ въ этой странѣ смерти. Мы продолжаемъ жить продажей нашего имущества. Покупаютъ крестьяне, офицеры и ихъ дамы, кой-какіе спекулянты. Цѣны ниже, чѣмъ при большевикахъ, но зато и жизнь дешевле.

Уже 2 года большевики у власти. Видно, они не скоро падутъ и, можетъ быть, было бы лучше, чтобы прекратилась гражданская война, которая только увеличиваетъ развореніе и озвѣрѣніе. Большевики держатся, главнымъ образомъ, арміей. Когда всѣ красноармейцы, которымъ позволяютъ, даже предписываютъ грабить, будутъ отпущены по домамъ и должны будутъ работать, а плоды ихъ трудовъ будутъ національзированы, тогда, можетъ быть, наступитъ конецъ большевизму.

Но ожидать этого невозможно, тѣмъ болѣе, что физическія условія жизни невыносимы: водопроводъ у насъ дѣйствуетъ лишь изрѣдка, такъ что мы должны таскать воду ведрами изъ ближайшихъ колодцевъ; дрова стоятъ 100 рублей пудъ, ихъ пилятъ студенты (они же разносятъ газеты по домамъ), а такъ какъ желѣзныя печи очень малы, то во всѣхъ семьяхъ мужчины заняты рубкой дровъ на мелкіе куски. Почти никто не держитъ прислуги, а варка теперь пытка. Такъ какъ плиты поглощаютъ

слишкомъ много топлива, то варятъ на маленькихъ желѣзныхъ плиткахъ, на которыхъ помѣщаются самое большее 2 кастрюли; поэтому варка длится вдвое дольше.

Для поддержанія тепла въ нѣкоторыхъ семьяхъ варятъ въ столовой. Тогда запущенная квартира становится еще грязнѣе.

14-го ноября. Большевики все ближе. Махно хозяйничаетъ въ Екатеринославѣ, на Кубани тренія, у насъ на Украинѣ гуляютъ банды. Проснулся воинственный духъ въ потомкахъ гайдамаковъ. Разсказываютъ о нападеніяхъ на поѣзда. Очевидно, крестьяне не признаютъ никакого правительства. Тѣ же банды, что буйствовали при большевикахъ теперь идутъ на добровольцевъ.

Про Махно — анархиста-индивидуалиста — разсказываютъ, что онъ бывшій народный учитель.

Мы, наконецъ, дѣлаемъ попытки уѣхать. Я возненавидѣла этотъ прекрасный Кіевъ. Какой это былъ еще недавно красивый городъ, а теперь — развалины. По нѣкоторымъ улицамъ трудно ходить, въ такомъ видѣ тротуары. Я часто хожу по улицамъ и думаю съ тоской: если бы я васъ видѣла въ послѣдній разъ. Чего здѣсь можно ожидать? Большевиковъ и погромовъ. Погромовъ и большевиковъ.

20-го ноября. Въ моей комнатѣ 7° тепла. Мы спимъ вчетверомъ въ кабинетѣ. Такъ теплѣй. Желѣзныя печи дымятъ и чадятъ. Плитка въ кухнѣ дымитъ и нельзя найти ни печника, ни трубочиста. Я уже нѣсколько разъ видѣла, какъ прохожіе задерживали очень грязныхъ людей, спрашивая ихъ не трубочисты ли они, и съ грустью выслушивали отрицательные отвѣты. Неужели всѣ трубочисты стали комиссарами? Имъ эта перемѣна занятій только выгодна, но у насъ въ кухнѣ слезятся глаза, мы кашляемъ.

Отъ вѣчной копоти въ квартирѣ грязно, а убирать трудно, такъ какъ руки отъ холода пухнутъ, невыносимо болятъ и синѣютъ. Я сажусь на нихъ и такимъ способомъ только могу ихъ отогрѣть.

Послѣ уборки иду продавать старыя вещи въ аукціонный залъ. Милое занятіе старьевщицы! Я мечтала о другого рода дѣятельности, но, такъ уже идутъ пути исторіи, что возвращается каждый къ національному занятію: русскіе бѣгутъ въ деревню, къ землѣ, евреи вновь дѣлаются старьевщиками.

Первый разъ мнѣ было стыдно пойти туда, но, когда я увидѣла, что среди темныхъ личностей, сидятъ приличные люди, старушки, барышни, то успокоилась.

Когда ожиданіе продолжается очень долго, завязывается знакомство и я слышу всегда одно и то же: «Мы продаемъ все и уѣзжаемъ». Куда? одни на родину, другіе бѣгутъ съ добровольцами, третьи ѣдутъ въ деревню, гдѣ легче прокормиться, но всѣ покидаютъ этотъ страшный Кіевъ.

27-го ноября. На-дняхъ снова была паника, но, къ счастью, безпричинная. Одно ясно: если не будетъ чуда, то большевики будутъ здѣсь. Всѣ это знаютъ. Добровольческая армія превратилась въ банды. Конечно, большевистскія войска не лучше. Они не могли измѣниться въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ. Дѣло въ томъ, что народная масса на сторонѣ большевиковъ. Добровольцы дѣлаютъ еще ту ошибку, что принимаютъ въ свои ряды плѣнныхъ, которые нерѣдко сдаются въ плѣнъ со спеціальной цѣлью разложить армію врага.

Есть же и такіе любители наживы и сильныхъ ощущеній, которые перебывали во всѣхъ арміяхъ и во всѣхъ бандахъ. Отношеніе къ евреямъ все то же. Въ теченіе послѣднихъ недѣль рядъ лицъ убито въ поѣздахъ. К. разсказывала, что 14-го октября она, спасаясь отъ большевиковъ, побѣжала со своими на вокзалъ. Трое сутокъ они сидѣли въ вагонѣ, къ которому то и дѣло подходили военные и спрашивали, нѣтъ ли тутъ евреевъ? Нѣсколько разъ ихъ попутчики-христіане отвѣчали отрицательно, наконецъ, опасаясь за себя, они заставили ихъ высадиться.

На-дняхъ мы съ Б. обходили Институтскую, собирая пожертвованія для разгромленныхъ. И на этой улицѣ почти всѣ еврейскія квартиры (о магазинахъ нечего и говорить) пострадали въ октябрѣ. Сосѣдка нотаріуса Цытовича разсказывала, что онъ, несмотря на ея мольбы, не пустилъ къ себѣ ея дѣтей, когда грабили ея квартиру. Ее огра-

били офицеры и нѣсколько дней спустя, ея мужъ встрѣтилъ одного изъ грабителей, гуляющаго по Крещатику.

Въ другомъ случаѣ сосѣди-христіане привели чернымъ ходомъ погромщиковъ, которые не могли проникнуть парадным.

Въ каждой изъ такихъ разгромленныхъ квартиръ ютятся, кромѣ хозяевъ, родственники — бѣженцы изъ разгромленныхъ мѣстечекъ.

Въ одномъ и томъ же домѣ живутъ двѣ семьи — еврейская и русская. У русскихъ убили отца въ чека, у евреевъ — сына въ поѣздѣ. Но ненависть уже такъ велика, что, перенесшіе одно и то же горе, люди другъ другу не сочувствуютъ, а злорадствуютъ.

У одного домовладѣльца, на той же Институтской, большевики сдѣлали *16* обысковъ. И каждый разъ они уходили не съ пустыми руками.

30-го ноября. Появился новый герой — Шиллингъ. Кіевляне молятся за него и на него. Говорятъ, что его армія состоитъ изъ нѣмецкихъ колонистовъ, которые сумѣютъ справиться съ большевиками. Если онъ не прорвется — мы погибли. Большевики спокойно и увѣренно идутъ на Кіевъ. Но, надѣюсь, когда они войдутъ, мы будемъ далеко. Организуется новый польскій поѣздъ. Вчера я дежурила съ Ц. на парадномъ ходѣ и онъ развлекалъ меня анекдотами изъ современной жизни: Шла по Круглой Университетской компанія молодежи. Ихъ остановили солдаты, просмотрѣли документы, и одного гимназиста отвели въ сторону, заявивъ, что онъ арестованъ. Такъ какъ всю ночь онъ не возвращался, то утромъ его пошли искать, и нашли тѣло недалеко отъ того мѣста, гдѣ ихъ задержали. Сестра пошла съ жалобой къ Бредову. Сначала онъ отнесся съ участіемъ, но, когда прочелъ въ прошеніи еврейскую фамилію, бросилъ его и отошелъ.

20-го декабря. Уже 5 дней, какъ большевики снова въ Кіевѣ. Мы не успѣли уѣхать. Въ послѣднюю минуту предпріятіе съ поѣздомъ разстроилось.

Теперь мы навсегда отрѣзаны отъ свѣта Божія. Надо собраться съ силами и ждать паденія большевизма. А если этого никогда не будетъ? Бывало же такъ, что огромныя, довольно культурныя государства погибали, чтобы никогда больше не возродиться. Первые годы революціи Россія казалась мнѣ огромнымъ тѣломъ, сотрясаемымъ судорогами, теперь мнѣ кажется, что это темная, жутко-спокойная могила.

Агонія Кіева длилась 5 дней. Уже съ первыхъ дней декабря населеніемъ овладѣла безумная паника, никто не вѣрилъ бойкимъ приказамъ и воззваніямъ генераловъ. Артиллерійская стрѣльба со стороны Ирпеня не прекращалась, но въ четвергъ 11-го, около часу дня раздались выстрѣлы изъ за Днѣпра. Сначала кто-то распространилъ слухъ, что это только ломаютъ ледъ бомбами, но пять минутъ спустя весь городъ зналъ, что большевики на Слободкѣ. Еще черезъ пять минутъ люди съ котомками и саквояжами неслись къ вокзалу. Немногіе офицеры бѣжали къ Днѣпру; всѣ, кто могъ двигаться, удиралъ отъ врага. Такъ продолжалось до вторника. Городъ не обстрѣливали, но мы слышали трескотню пулеметовъ и пальбу бронепоѣздовъ «Доблесть Витязя» и «Красный Боецъ». Газеты выходили до послѣдняго дня.

Бѣженцы сидѣли до вторника на вокзалѣ въ вагонахъ безъ локомотивовъ или безъ машинистовъ. Наконецъ, какой-то машинистъ сжалился надъ послѣднимъ поѣздомъ и повезъ его. Люди ѣхали на тормазахъ, на площадкахъ

Уѣхали почти всѣ знакомые. Остались или тѣ, которые имѣютъ маленькихъ дѣтей, старыхъ родителей, или тѣ, которые примирились съ большевизмомъ, какъ примиряются со смертью: отъ нея вѣдь не убѣжишь.

Я знаю только одно: попытка контръ-революціи была неудачна, паденіе Кіева и Харькова (въ одинъ день), паническое бѣгство деникинцевъ показываютъ, что на нихъ надѣяться нельзя. Старое погибло безвозвратно. Пришло новое — теперь коммунизмъ, потомъ та сила, которая, возможно, когда-нибудь его свергнетъ. Но людямъ со старымъ міросозерцаніемъ (будь они даже молоды годами) въ этомъ новомъ нѣтъ мѣста.

25-го декабря. Какъ долго можно такъ жить? Встаемъ мы очень поздно, чтобы не такъ долго дрожать отъ холода. Потомъ женщины убираютъ квартиру (неимовѣрно грязную отъ копоти), мужчины рубятъ дрова, топятъ печи. Потомъ идемъ на рынокъ, въ существующія еще лавки. На рынкѣ возобновилась съ новой силой мѣновая тор-

говля. Но крестьяне становятся все капризнѣе: всего охотнѣе они берутъ матерію, серебряныя и золотыя вещи. Дороговизна сразу стала огромная и мы все больше испытываемъ чувство голода. Даже нельзя это назвать опредѣленно голодомъ, потому что многіе еще имѣютъ достаточно пищи, но чувствуется недостатокъ въ жирахъ.

Подъ вечеръ приходятъ старьевщицы. Комиссіонные магазины закрыты (въ нихъ теперь продаютъ провизію) и продавать вещи приходится частнымъ способомъ. Этимъ дѣломъ занялись многія обѣднѣвшія женщины изъ мелкой буржуазіи.

Вечеромъ, такъ какъ выходить въ темнотѣ боятся, жильцы того же дома ходятъ другъ къ другу въ гости. Такъ же ходили другъ къ другу въ 18-омъ г., когда Муравьевъ обстрѣливалъ и взялъ Кіевъ, но тогда не было еще этого чувства обреченности и безсильной злобы.

На-дняхъ споръ съ Ж. А. По ней можно видѣть, какъ молодежь обольшевистилась. Она даже вѣритъ въ большевиковъ, уже думаетъ, «что они, вѣроятно, что-нибудь сдѣлаютъ». А, когда я ее спросила, что сдѣлали до сихъ поръ большевики и, вообще, соціалисты, по сравненію съ созданнымъ буржуазіей, то-есть ея же предками, она мнѣ отвѣтила, что и предки были честными людьми, но не буржуями.

30-го декабря. Встрѣтила Л. П. Ея семья бѣжала. Отецъ и мать къ украинцамъ, мужъ и братъ съ деникинцами. Она осталась одна съ двухмѣсячнымъ ребенкомъ За двѣ недѣли своего пребыванія въ Кіевѣ большевики успѣли сдѣлать у ея дяди нѣсколько обысковъ, арестовать его съ женой; у ея свекрови реквизировали муку, по доносу жильцовъ, такъ какъ она — это несчастное существо — домовладѣлица. Сама Л. живетъ то здѣсь, то тамъ, опасаясь вернуться въ домъ родителей.

Н. П. бѣжала съ деникинцами, оставивъ больную сыпнымъ тифомъ мать.

1920 г.

1-го января. Какой страшный Новый Годъ! Праздновали его, вѣроятно, одни комиссары. Въ прошломъ году собрались у насъ еще знакомые, а теперь никто никого не приглашалъ; да и кому хочется поздравлять съ Новымъ Годомъ? Чего можно желать? Чтобы не забрали послѣдняго и не убили.

5-го января. Каторга лучше этой жизни. На меня находитъ такое отчаяніе, что я громко плачу у себя въ комнатѣ и бьюсь головой о стѣнку.

Что мнѣ дѣлать? Снова пойти къ нимъ на службу? Я бы могла имѣть протекцію по наркомпросу, но, какъ туда пойти? Еще лѣтомъ носились съ планомъ удаленія старыхъ учителей, некоммунистовъ. Значитъ, новые должны быть коммунистами или, по меньшей мѣрѣ, сочувствующими.

По ночамъ я все припоминаю, какъ долго длилась французская и англійская революціи, и сравниваю ходъ развитія русской революціи съ ними. А если у насъ и конца не будетъ?

Кіевъ снова пострадалъ. Со времени возвращенія большевиковъ сгорѣло нѣсколько домовъ, между прочимъ, домъ на углу Крещатика и Фундуклеевской, гдѣ Брабецъ. Онъ горѣлъ три дня, сгорѣлъ до тла и еще долго дымился. Остались отъ него лишь каменныя стѣны. Вещи жильцовъ лежатъ въ грязи и снѣгу на улицѣ.

Людей видно совсѣмъ мало.

7-го января. Чѣмъ мы будемъ жить? Какъ долго можно продавать бѣлье, посуду, картины? Да успѣемъ ли мы ихъ продать? Не сегодня, завтра прійдутъ забрать.

Передъ биржей труда снова безконечныя очереди. А я, по собственному опыту прошлаго лѣта, отлично знаю, что и это ложь. Прямо черезъ биржу очень трудно получить мѣсто. Только заручившись мѣстомъ, надо пойти записаться съ какой-нибудь особой примѣтой, напр. знаніемъ опредѣленнаго языка. Тогда на слѣдующій день тебя требуютъ внѣ очереди.

10-го января. Люди бѣгутъ массами. Кто только имѣетъ какую-нибудь связь съ бывшими окраинами Россіи, бѣжитъ съ этого кладбища. Говорятъ, что не такъ трудно переѣхать черезъ границу.

Мы всѣ живемъ одной надеждой, что весной тутъ будутъ поляки. Еврейская буржуазія должна у поляковъ искать защиты отъ еврейскихъ коммунистовъ.

20-го января. Есть надежда ѣхать. Насъ устраиваетъ въ своемъ вагонѣ комиссаръ — знакомый Н.

На-дняхъ разстрѣляли 10 человѣкъ за «спекуляцію» валютой. 9 евреевъ и 1 русскаго. На огромныхъ плакатахъ развѣшанныхъ по Крещатику, были написаны ихъ имена, и толпа, читая ихъ, радостно гоготала: «Наконецъ-то, и до своихъ добрались, жужжали христіане. Теперь громко евреевъ не оскорбляютъ, въ лавкахъ не отказываютъ продавать имъ, но любимое ругательство попрежнему: «жидовская морда»; оно употребляется и по адресу русскихъ, имѣетъ, вѣроятно, тотъ же оттѣнокъ, что с . . . с . . ., то-есть сравненіе съ какимъ нибудь мерзкимъ существомъ.

За что мы такъ страдаемъ? Русскимъ было и будетъ хорошо, а евреямъ было, есть и будетъ плохо. Малѣйшая контръ-революція, реставрація вернетъ хоть часть имущественныхъ потерь русскимъ, ихъ прежнее положеніе въ обществѣ, а евреямъ ничего не вернутъ, не будетъ протекцій при дворѣ, у министровъ.

А деникинцы катятся все дальше и дальше. Уже Таганрогъ въ рукахъ большевиковъ. «Ихъ банды бьютъ наши банды», какъ говорилъ еще осенью одинъ деникинецъ.

17-го была у О. Н. Были только мы съ Л. Она насъ не ждала. Квартира выглядитъ, какъ у всѣхъ теперь: грязная, запущенная, хозяйка въ рваныхъ платьяхъ, на столѣ битая посуда, рваная скатерть. О. Н. жаловалась на бѣдность. Она — домовладѣлица и потому внѣ закона. Въ ея домѣ живетъ одинъ изъ многочисленныхъ, быстро смѣняющихся, комендантовъ города. Она должна его кормить, снабжать бѣльемъ, постелью. Разумѣется, все переходитъ въ его частную собственность; требованія сопровождаются бранью, угрозами.

О. Н. разсказывала, что ея сестра и племянницы устроили кооперативное хозяйство: онѣ сошлись съ жителями сосѣднихъ домовъ, наняли повара, взяли на себя завѣдываніе хозяйствомъ и кормятъ, такимъ образомъ, нѣсколько десятковъ семействъ. Можетъ быть, это рѣшеніе женскаго вопроса, уничтоженіе отдѣльнаго хозяйства? Можетъ быть, и изъ этого хаоса и ужаса что-нибудь вырастетъ? Развѣ можно надѣяться? Неужели я еще не научена горькимъ опытомъ, что здѣсь нѣтъ мѣста для надежды. Черезъ нѣсколько недѣль, а можетъ быть, и дней прійдетъ «ячейка» и націонализируетъ это «частное предпріятіе». Будетъ вмѣсто него «совѣтская столовая» съ вонючей ѣдой и «сотрудниками», которые будутъ всѣхъ и все обкрадывать.

Кстати о словѣ «сотрудникъ», почему то приказчики, aliаs служащіе библіотеки Идз. стыдятся употреблять два послѣднихъ термина. Они величаютъ другъ друга сотрудниками.

25-го января. Теперь мы должны ѣхать во что бы то ни стало. Дѣло идетъ о папиной жизни. Былъ уже изданъ обычный декретъ о томъ, что укрывающіе цѣнныя бумаги будутъ разстрѣляны, а наши послѣднія бумаги нашли при обыскѣ у знакомыхъ. Отецъ семьи бѣжалъ съ деникинцами; за это разгромили всю квартиру и забрали у двухъ оставшихся старухъ все, рѣшительно все, что онѣ имѣли. Забрали и наше.

Я хожу, какъ сумасшедшая. Въ каждомъ шорохѣ, въ каждомъ звонкѣ мнѣ чудится приходъ чекистовъ.

Р. 6-го февраля. Слава Богу! мы далеко отъ Кіева и, надѣюсь, черезъ недѣлю будемъ въ Польшѣ. Пока сидимъ въ комиссарскомъ вагонѣ, который мнѣ кажется раемъ въ сравненіи съ нашей кіевской квартирой: здѣсь всегда тепло, дровъ кругомъ сколько хочешь, а у насъ послѣдніе дни былъ 1°, 2° тепла.

Но какъ трудно было выбраться изъ этого ада! Я до сихъ поръ поражаюсь, какъ намъ повезло, что насъ нигдѣ не задержали — ни дома, ни на вокзалѣ.

Чтобы не доводить отца до полнаго отчаянія, мы ничего не сказали ему о пропажѣ бумагъ, но только убѣдили его не ночевать дома. Мѣра неумная, но, что было дѣлать?

3 дня комиссаръ насъ обманывалъ, все откладывая отъѣздъ. Послѣдніе 2 дня мы не имѣли на чемъ спать, изъ чего ѣсть.

Все цѣнное спрятали въ чуланъ, двери заклеили, приставили къ нимъ большой шкафъ, но у меня нѣтъ ни малѣйшей надежды, чтобы хоть что-нибудь сохранилось. Какъ только узнаютъ о нашемъ отъѣздѣ (можетъ быть, въ эту минуту), квартиру реквизируютъ и все погибнетъ, какъ и у другихъ.

Кто-нибудь уже постарается донести. З. замуровали свое серебро, вналъ точно мѣсто лишь одинъ управляющій, но кто-то, изъ мести, донесъ на него, какъ на укрывающаго буржуйское имущество. Пришли матросы изъ чека, грозили старику револьверами; онъ указалъ тайникъ.

Наконецъ, въ прошлое воскресеніе мы вышли изъ дому. Вышли, какъ воры, ни съ кѣмъ не попрощавшись. Каждый пошелъ отдѣльно, чтобы не обращать вниманія. Уже полгода я мечтала объ этой минутѣ отъѣзда, а тогда мнѣ было безконечно жаль покидать родной домъ. Можетъ быть, я никогда его не увижу. Неужели я никогда больше не буду ходить по кіевскимъ улицамъ и садамъ?

Мы долго сидѣли въ квартирѣ комиссара. И онъ, и его семья антипатичны. Не исполняютъ обѣщаннаго, ко всему относятся халатно. Чувствуется глухая вражда къ намъ. Кого они въ насъ ненавидятъ? буржуевъ? евреевъ? Комиссаръ — бѣлоруссъ; жена его полька.

Вечеромъ мы пошли пѣшкомъ на вокзалъ. Послѣднее время я никогда не выходила въ сумерки и меня поразилъ вечерній видъ Кіева. Городъ казался совершенно вымершимъ. Такія улицы, какъ Фундуклеевская, Владимирская, кишѣвшія въ былые годы прохожими, были почти пустынны. Трамваи давно уже не ходятъ, рѣдко мелькаютъ извозчики. Чѣмъ ближе къ вокзалу, тѣмъ болѣе жутко. Вокзалъ теменъ и пустъ. Нѣсколько человѣкъ, съ мѣшками на спинѣ, мелькаютъ тамъ и сямъ. Если бы не боязнь разныхъ особыхъ отдѣловъ, чека и проч., и проч., можно было бы свободно ходить по путямъ, на которыхъ нѣтъ никакого движенія. Съ большимъ трудомъ отыскали нашъ вагонъ. Мы ѣхали по-царски; такъ какъ комиссаръ перевозитъ семью со всей рухлядью на новое мѣсто службы, то онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи 2 вагона: одинъ товарный — для багажа, другой — 4-го кл. для насъ всѣхъ.

Въ этомъ то вагонѣ мы живемъ (15 чел.) уже недѣлю. Здѣсь спимъ (мужчины и женщины рядомъ), варимъ, моемся, играемъ въ карты. Кромѣ насъ и семьи комиссара, ѣдутъ 3 поляка (офицеръ съ женой и докторъ).

Стояли мы въ Кіевѣ на вокзалѣ 2 дня. То не было паровоза, то не хватало дровъ. Было очень опасно, такъ какъ каждую минуту могла ворваться желѣзнодорожная чека и подвергнуть обыску.

Отношеніе къ намъ продолжало быть враждебнымъ. Въ первый же вечеръ комиссаръ произнесъ длинную рѣчь на тему о порокахъ и недостаткахъ буржуазіи. Докторъ, не смотря на то, что жестоко пострадалъ отъ большевиковъ и навѣрное не симпатизировалъ имъ (его брали заложникомъ въ Москву), поддакивалъ комиссару. Семейныя отношенія послѣдняго оригинальны: у него 4 дѣтей (3 сына и дочь), но дѣвочка называетъ комиссара — отцомъ, а комиссаршу — теткой. Когда она замѣтила мое недоумѣніе, она покраснѣла и сказала: «Моя мама — сестра Казиміры Казиміровны (комиссарши); она теперь въ Сибири». Объ отцѣ она не упомянула.

(Въ началѣ войны у насъ была кухарка, которая обманывала мужа съ его роднымъ братомъ.)

Старшій сынъ комиссара тоже коммунистъ. Самъ комиссаръ (Л. С.) вступилъ въ партію еще въ 1917 г. и считается «старымъ» коммунистомъ въ противоположность новымъ такъ называемымъ «майскимъ». Кажется, послѣдняя кличка произошла оттого, что 1-го мая партія гостепріимно раскрываетъ для всѣхъ свои объятья. Л. С. не злой человѣкъ; онъ часто оказываетъ услуги совершенно безвозмездно, напр. въ Кіевѣ номинально реквизировалъ квартиру вдовы одного извѣстнаго монархиста, для того, чтобы ее не выбросили оттуда.

По его же разсказамъ онъ спасъ жизнь нѣкоторымъ военнымъ въ январѣ 1918 г. Мнѣ кажется, что онъ скорѣй карьеристъ, чѣмъ искренній коммунистъ.

13-го февраля. Кажется, комиссаръ насъ водитъ за носъ. Цѣлую недѣлю мы жили въ вагонѣ, теперь вагонъ у него забрали, и мы должны были переѣхать въ отведенный ему домикъ.

Жизнь здѣсь ужасна. Насъ шестеро, и мы ютимся въ 2-хъ маленькихъ комнатахъ. Есть только одна поломанная кровать въ нашемъ распоряженіи. На ней спятъ двое. Остальные лежатъ на полу, на завшивленныхъ комиссарскихъ овчинахъ. Изъ широкихъ щелей деревяннаго домика дуетъ. Трубу нашей крошечной плитки надо чистить каждые два дня, иначе проходъ заполняется сажей и дымъ валитъ въ комнату.

Условія жизни комиссара и остальныхъ путешественниковъ не лучшія. Каждый второй день ходимъ на рынокъ, въ городъ. Приходится ходить полями 5 верстъ въ 12° и 15° мороза. На рынкѣ ничего нѣтъ. Мяса въ свободной торговлѣ нѣтъ; изъ подъ полы фунтъ стоитъ 300—350 рублей. Бѣлаго хлѣба почти нѣтъ. Житній стоитъ 160 рублей фунтъ (дороже, чѣмъ въ Кіевѣ), притомъ онъ часто бываетъ съ пескомъ, съ соломой.

Поддерживаетъ насъ одна мысль о близости фронта (80 верстъ).

17-го февраля. Докторъ уѣхалъ. Теперь очередь за нами. Томительно скучно! Комиссаръ, опасаясь за себя и за насъ, умоляетъ ни съ кѣмъ не знакомиться. Онъ, пожалуй, правъ; хотя Р. — уѣздный городъ, но люди здѣсь такъ любопытны, какъ въ мѣстечкахъ. Въ каждой лавочкѣ, при каждомъ ларѣ съ любопытствомъ спрашиваютъ: кто вы? откуда вы? зачѣмъ вы сюда пріѣхали? и т. д. и т. д. Каждое новое лицо сейчасъ же замѣчаютъ.

Городокъ поражаетъ своей бѣдностью. Кирпичныхъ построекъ почти нѣтъ; деревянные дома бѣдные, грязные, покосившіеся. На улицахъ непролазная грязь, но мѣстные жители увѣряютъ, что это ничто въ сравненіи съ весной, когда улицы — сплошныя лужи. Кое-гдѣ есть тротуары изъ досокъ, кажется, положенные нѣмцами.

Населеніе почти исключительно еврейское; рѣдко мелькаетъ польская физіономія. По-русски и евреи, и крестьяне говорятъ плохо, уснащая рѣчь полонизмами.

25-го февраля. Мы все еще на томъ же мѣстѣ. Къ тому же К. К. больна; возможно, что она заразилась сыпнымъ тифомъ. Только этого намъ не хватаетъ. Денегъ намъ тоже, кажется, не хватитъ, если засидимся, и не знаю, можно ли здѣсь продавать вещи. По всей вѣроятности можно; чтобы дѣлали иначе мѣстная буржуазія и помѣщики? Но, можетъ быть, имъ нечего продавать; все было сразу забрано.

По вечерамъ, вернувшись со службы, комиссаръ развлекаетъ насъ анекдотами изъ мѣстной партійной и обывательской жизни. Мы слушаемъ его въ темнотѣ, такъ какъ жаль свѣчъ, а другого освѣщенія нѣтъ.

Судя по его разсказамъ, да и по тому что мы видимъ, большевизмъ здѣсь разрушилъ и уничтожилъ все еще больше, чѣмъ на Украйнѣ. Онъ здѣсь также плотнѣе утвердился.

Когда-то (года два тому назадъ) Р., какъ Днѣпровская пристань была богатымъ городкомъ и успѣшно развивалась. Какой-то предприниматель носился съ мыслью соединить городъ со станціей и съ пристанью трамваемъ. Теперь все это пошло прахомъ. Главная торговля — лѣсомъ — уничтожена. Она перешла въ руки комовъ, которые добились того, что самимъ р.-намъ трудно купить дрова, хотя они окружены лѣсами. Мы живемъ подъ молодымъ лѣсомъ, въ которомъ безпорядочно вырублены тонкія, молодыя деревья. Нашъ комиссаръ рубитъ новыя желѣзнодорожныя вагонетки, разбираетъ сараи, построенные еще нѣмцами.

Тифъ здѣсь страшно свирѣпствуетъ, а лѣкарствъ нѣтъ. Самому комиссару съ трудомъ удалось достать аспиринъ для жены. Смертность поэтому большая, а гробовъ тоже нѣтъ. Недавно на этой почвѣ было такое происшествіе: у краснoармейца умерли въ больницѣ жена и ребенокъ. Онъ почему-то повздорилъ изъ за похоронъ съ милиціонеромъ. Тотъ его смертельно ранилъ. Убитому и его семьѣ устроили торжественныя похороны; гробы были обиты красной матеріей. Послѣ похоронъ пришла милиція разрыла могилу и выбросила покойниковъ изъ гробовъ, которые забрала.

Насколько я могла замѣтить, здѣсь царитъ страшная національная ненависть, даже между коммунистами.

Опредѣленныя вѣдомства находятся всецѣло или въ христіанскихъ, или въ еврейскихъ рукахъ. Положимъ, то же явленіе можно было наблюдать и въ Кіевѣ.

Здѣсь въ желескомѣ (желѣзнодорожный лѣсной комитетъ) работаютъ только христіане. Всѣ они не спеціалисты по лѣсному дѣлу, а бывшіе сапожники, мастеровые, выколеенные войной и революціей.

Малѣйшая попытка контръ-революціи (здѣсь была такая въ прошломъ году) принимаетъ сейчасъ же характеръ еврейскаго погрома. И потому еврейское мѣщанство, въ концѣ раззоренное большевиками, принимаетъ ихъ все таки, какъ меньшее зло.

Таково отношеніе стариковъ. Молодежь, и христіанская, и еврейская, обольшевистилась. Дѣвушки и молодые люди отъ 15 лѣтъ записываются въ партію. Они очень неинтеллигентны и, кажется, больше поддаются духу времени, чѣмъ разбираются въ соціальныхъ ученіяхъ.

1-го марта. У комиссарши сыпной тифъ. Въ этой грязи мы обречены на зараженіе. Грязь невыносимая. Это неудивительно, такъ какъ хозяйствомъ завѣдуетъ 13-лѣтняя дѣвочка. Она первая встаетъ, топитъ печи, приготовляетъ завтракъ, варитъ обѣдъ, стираетъ, носитъ воду. Женщины шьютъ, вымѣниваютъ вещи и для этого ѣздятъ иногда въ далекія деревни за 30, 40 верстъ.

Младшій сынъ комиссара ничего не дѣлаетъ цѣлыми днями, развѣ изрѣдка напилитъ дровъ.

Дѣятельность его отца немногимъ бо̀льшая: онъ ѣдетъ утромъ па службу, въ 4 ч. возвращается и ложится на кровать, гдѣ принимаетъ визиты своихъ сослуживцевъ.

Вся семья комиссара держится женскимъ трудомъ. Онъ всю жизнь занимался спекуляціями, если имѣлъ вѣрную службу, то терялъ ее не столько изъ за нечестности, сколько изъ за халатности. И женины начинанія онъ всегда губилъ, хотя надо признать, что онъ, по-своему, ее любитъ.

4-го марта. Намъ страшно не везетъ. Человѣкъ, перевезшій доктора, поѣхалъ было за нами, но по дорогѣ заболѣлъ тифомъ и умеръ Намъ всегда что-нибудь должно помѣшать. Точно кто-то не хочетъ, чтобы мы освободились. Неужели не удастся покинуть эту проклятую Богомъ страну? Я ее ненавижу. Я не могу даже читать русскія книги. Вездѣ, въ самыхъ бездарныхъ разсказахъ, видны это умничанье, недовольство, пустая болтовня, такъ напоминающія нашего комиссара. А рядомъ прелестные переводныя повѣсти, полныя жизни, энергіи.

6-го марта. Послѣ завтра двинемся.

7-го марта. Вѣроятно, не надо будетъ двигаться; поляки наступаютъ. Въ городѣ переполохъ. Вокзалъ заваленъ вещами коммунистовъ. Идетъ эвакуація.

8-го марта. Поляковъ еще нѣтъ, но передаютъ, что они показались въ 10 верстахъ отсюда.

Вчера большевики панически удирали. Сегодня начинаютъ по-маленьку возвращаться.

Мы живемъ недалеко отъ станціи, такъ что могли изъ нашихъ оконъ любоваться ихъ бѣгствомъ. Очевидно, послѣ полудня были получены удручающія извѣстія, потому что «отступленіе» приняло паническій характеръ. Изъ Гомеля прибыло нѣсколько спѣціальныхъ поѣздовъ. Ихъ поспѣшно нагрузили. Въ послѣднихъ двухъ поѣздахъ люди сидѣли на паровозѣ, на тормазахъ, на крышахъ вагоновъ.

Группа солдатъ, не нашедшая мѣстъ въ поѣздѣ, отошла нѣсколько сотъ шаговъ отъ станціи и скрылась за насыпью. Когда поѣздъ подошелъ, солдаты выскочили, угрожая машинисту винтовками, остановили поѣздъ и втиснулись въ вагоны. Когда мимо насъ проходилъ послѣдній поѣздъ, его нагнало двое верховыхъ; они бросили лошадей у насыпи и на ходу вскочили въ вагонъ. М. хотѣлъ было присвоить себѣ лошадей, но какой-то мужикъ предупредилъ его намѣреніе.

Нашъ комиссаръ остался. Не вѣритъ ли онъ польскому наступленію? поручила ли ему партія остаться для пропаганды, такъ какъ его жена — полька можетъ служить ему защитой? надоѣлъ ли ему большевизмъ?

10-го марта. Поляковъ все нѣтъ. Вѣроятно, это былъ лишь налетъ, но большевики испугались даже въ Гомелѣ, гдѣ, говорятъ, выбрасывали кипы бумагъ изъ оконъ учрежденій на подводы, такъ торопились бѣжать.

Уже вчера утромъ прибылъ первый поѣздъ изъ Гомеля: паровозъ и пара вагоновъ. Онъ шелъ съ опаской, поминутно останавливаясь, очевидно, опасаясь ловушки. Увы! ея не было. Все чаще и чаще приходятъ поѣзда, нагруженные солдатами и трехдюймовками.

13-го марта. Большевики окончательно вернулись и новыя войсковыя части такъ разграбили рынокъ и крестьянъ, что всякій подвозъ и торговля прекратились. Уже 5 дней мы сидимъ безъ хлѣба. Питаемся исключительно картофелемъ, печемъ картофельные блины — спеціальное бѣлорусское кушаніе, которое часто замѣняетъ въ этой бѣдной странѣ хлѣбъ.

Мы бы можетъ и достали муки у евреевъ, но къ несчастью никто изъ насъ не говоритъ по-еврейски, насъ принимаютъ за чужихъ и не хотятъ помочь намъ. Отношенія здѣсь натянуты до крайности. Евреи ненавидятъ христіанъ, христіане ненавидятъ евреевъ, бѣлоруссы ненавидятъ поляковъ и т. д.

Въ поискахъ провизіи я проникала во многіе р—скіе «intérieurs» и до сихъ поръ не видѣла ни одной чистой, уютной комнаты, ничего похожаго на дома нѣмецкихъ, бельгійскихъ крестьянъ и рабочихъ. Я видѣла большую чистоту въ комнаткѣ бѣднаго норвежскаго крестьянина.

Здѣшнія женщины, кажется, причесываются не ежедневно.

Я впервые вижу провинцію и, присматриваясь къ ней и къ домашнему быту нашего комиссара, я лучше понимаю, откуда пришелъ большевизмъ и почему онъ появился въ Россіи, а не въ Западной Европѣ.

Здѣсь нѣтъ почти крашенныхъ заборовъ, совершенно нѣтъ утрамбованныхъ дворовъ, нѣтъ даже колодца въ каждомъ дворѣ, единственныя приличныя уборныя выстроены нѣмцами, но зато въ каждой семьѣ есть, по крайней мѣрѣ, одинъ коммунистъ.

17-го марта. К. К. лучше, но со вчерашняго дня у И. жаръ. Что будетъ, если окажется, что и у нея тифъ? Лучше не думать объ этомъ. Видно, намъ суждено здѣсь погибнуть.

Выбраться отсюда мы не можемъ; одна надежда, что прійдутъ поляки; со вчерашняго дня сильный артиллерійскій бой.

Хлѣба все нѣтъ. Купили фунтъ гречневаго у красноармейца, но онъ оказался несъѣдобнымъ. Неужели солдаты, которыхъ кормятъ такой гадостью, будутъ драться?

Гарнизонъ быстро увеличивается. Большинство солдатъ плохо одѣто. Имѣютъ болѣе приличный видъ китайцы и матросы, главные защитники совѣтской власти. Вездѣ постои. Солдаты ведутъ себя грубо, крадутъ, что могутъ. У насъ тоже постой: ветеринары съ чесоточными лошадьми, заболѣвшими отъ плохого питанія. Благодаря солдатамъ, мы имѣемъ воду изъ нашего колодца, а раньше намъ приходилось носить ее за полверсты. По буржуйской неловкости мы разливали воду, и зимой она леденѣла на насъ.

У комиссара два сторожа, но ни одинъ изъ нихъ ничего не хочетъ дѣлать. Въ началѣ нашего пребыванія, они даже уѣхали въ Полтавскую губ. за мукой, но вернулись съ пустыми руками: заградительные отряды все у нихъ отняли. Это случается сплошь да рядомъ. Наша сосѣдка, будочница, собрала послѣднія деньги, продала, что могла и снарядила сына въ богатыя губерніи. У него тоже по дорогѣ все забрали.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ и будочница, и сторожа продолжаютъ сочувствовать большевикамъ. Всѣ они — бѣженцы, живутъ въ землянкахъ съ семьями и хотятъ вернуться на родину въ мѣстности, занятыя поляками. Я еще въ Кіевѣ замѣтила, что бѣженцы дали очень много сторонниковъ большевизма. Это понятно. Они уже давно лишились всего, ихъ оторвали отъ родины, обращались съ ними, какъ со скотомъ. Если бы Николай Николаевичъ зналъ, что онъ своими приказами о выселеніи евреевъ изъ Царства Польскаго и о переселеніи польскихъ и литовскихъ крестьянъ увеличитъ кадры коммунистовъ!

II

ВОСПОМИНАНІЯ

1.

22-го марта р—ская милиція (замѣнившая уѣздную чека) обратила на насъ вниманіе, и съ тѣхъ поръ началась почти двухмѣсячная пытка. Вотъ какъ было дѣло: денегъ у насъ не хватало, такъ какъ мы не разсчитывали на столь долгую задержку и не приготовили большихъ суммъ. Кто-то, чуть ли не самъ комиссаръ, указалъ намъ на мѣстнаго ювелира, которому можно было продавать деньги и цѣнныя вещи. Еще въ февралѣ мы продали ему какую-то мелочь, но уже тогда меня встревожила неосторожность Д.: увидѣвъ меня у ювелира, она вбѣжала въ магазинъ и обратилась ко мнѣ по-польски, возбудивъ этимъ подозрѣнія ювелира, который сейчасъ же началъ допытываться о томъ, кто мы и отнесся скептически къ моимъ увѣреніямъ, что мы не поляки.

21-го марта я снова продала ювелиру нѣсколько тысячъ думскихъ. (Тогда давали за думскую тысячу — 4 тысячи и 4.500 совѣтскихъ рублей, но часто думскія деньги браковали.)

22-го марта моему примѣру послѣдовали Д. и С. На ихъ бѣду у ювелира сидѣлъ, во время ихъ посѣщенія, нѣкій Лившицъ, — сынъ владѣльца гостиницы. Вся семья — преступники. О нихъ даже многіе коммунисты говорили съ презрѣніемъ. Лившицы служили при всѣхъ властяхъ въ сыскѣ; у большевиковъ они состояли при чека. Не одно раззореніе въ Р. и Гомелѣ — ихъ дѣло. Молодой Л. замѣтилъ въ рукахъ С. золотыя вещи. Онъ сейчасъ же побѣжалъ въ милицію, и, когда С. вышла отъ ювелира, не сойдясь съ нимъ въ цѣнѣ, ее задержалъ милиціонеръ и потребовалъ отъ нея золотыя вещи, которыми она, вопреки закону, торговала. Пошли въ милицію; тамъ С., чтобы замять дѣло, все отдала. Ее отпустили, и она уже надѣялась, что тѣмъ дѣло и кончится. Однако, за ней слѣдили. Дома она намъ ничего не сказала, а предупредила лишь комиссара; тотъ сказалъ по обыкновенію: «ничего!» и не принялъ никакихъ мѣръ. Не прошло и четверти часа, какъ явились два «сотрудника» милиціи съ милиціонерами. Начался обыскъ. Сначала все шло хорошо; чекисты были вѣжливы, предъявили ордеръ. Одинъ былъ русскій — Новиковъ — бывшій матросъ днѣпровской флотиліи, другой — еврей — Крупецкій — бывшій торговецъ краденымъ. У нихъ разгорѣлись глаза при видѣ содержимаго нашихъ чемодановъ, но при первомъ обыскѣ ничего не взяли.

Послѣ ихъ ухода, мы начали прятать наиболѣе цѣнныя вещи и бумаги. Больше всего мы боялись, чтобы большевикамъ не попали въ руки компрометирующіе документы, то-есть польскіе паспорта. Комиссаръ убѣдилъ насъ, что паспорта будутъ у него въ большей сохранности. Онъ ихъ всунулъ въ мѣшокъ съ серебромъ С. и послалъ сына спрятать все на чердакѣ. Было уже темно и мальчикъ взялъ съ собой свѣчу; она то его выдала. Крупецкій и Новиковъ слѣдили за нами. Въ ту минуту, какъ М. поднялся на чердакъ, они вошли въ домъ, боковыми дверьми, угрожая револьверами. Сопротивляться никто не посмѣлъ. Достали мѣшокъ съ чердака, нашли серебро, паспорты. Потомъ оба чекиста ощупали всѣхъ, даже женщинъ; при малѣйшемъ протестѣ, они угрожали наганами.

Эту сцену освѣщала лучина; въ сосѣдней комнатѣ лежала въ жару комиссарша и подъ нее, я, почти на глазахъ чекистовъ, спрятала нѣсколько драгоцѣнностей. Теперь было, положимъ, не до нихъ. Польскіе паспорты грозили намъ разстрѣломъ, насъ могли обвинить въ шпіонствѣ. И вотъ одинъ разъ въ жизни спасло насъ отъ смерти еврейское происхожденіе: ни русскій, ни еврей не признали въ насъ поляковъ, они пользовались лишь находкой паспортовъ, какъ угрозой, для того, чтобы запугать насъ и такимъ путемъ удобнѣе ограбить, но, при враждебности польско-еврейскихъ отношеній, ни они, ни другіе представители совѣтскихъ властей не вѣрили въ привязанность евреевъ къ Польшѣ, даже если они были родомъ оттуда.

Наконецъ, среди ночи, отца увели, не смотря на наши просьбы обождать до утра: мы боялись, что они убьютъ его по дорогѣ. Видя наше отчаяніе, комиссаръ было вызвался пойти съ ними, но, по обыкновенію, не сдержалъ слова и вернулся отъ калитки.

Лишь только они ушли съ отцомъ, кто-то постучалъ къ намъ. На вопросъ, стучавшіе отвѣтили, что они — санитары, сбившіеся съ пути и просятъ позволить имъ переночевать. Ихъ впустили и они легли въ одной комнатѣ съ дѣтьми комиссара. Потомъ мы узнали, что и они были чекистами, спеціально подосланными для слѣжки за нами. Рано утромъ часть семьи пошла въ городъ, другіе остались дома дожидаться дальнѣйшаго.

Послѣ ухода моей матери Д. пришла и настаивала, чтобы дать ей спрятать оставшіяся цѣнности. Я ей отказала, но К. схватила довольно большую денежную сумму и отдала ей.

Часамъ къ десяти пріѣхали на извозчикѣ К. и Н., въ сопровожденіи 3-хъ милиціонеровъ. Они точно по приказу пошли къ тому мѣсту, гдѣ Д. спрятала деньги и сейчасъ же нашли ихъ. Потомъ вернулись въ комнаты и снова стали рыться въ вещахъ С. и нашихъ. Обыскъ продолжался часа три. Закончился онъ распоряженіемъ конфисковать все, что у насъ было, и арестовать всѣхъ мужчинъ, въ томъ числѣ и комиссара. Никакого ордера не предъявили, да и никто изъ насъ не подумалъ спросить о немъ. Было ясно, что хотятъ грабить; уже во время обыска исчезали вещи, даже комиссарскія. Новиковъ, уходя, откровенно сказалъ: «Давайте чемоданъ, въ которомъ я вчера видѣлъ шелковую матерію». Потомъ извозчикъ, возившій ихъ, разсказывалъ намъ, что они вытягивали лучшія вещи изъ сундуковъ уже по дорогѣ, опасаясь, что въ милиціи имъ придется дѣлиться съ товарищами.

Послѣ ихъ ухода, я нашла на столѣ черновикъ телеграммы, посланной въ Гомель. Она гласила: «У комиссара С. нашли контръ-революціонеровъ . . .»; затѣмъ слѣдовало требованіе разслѣдовать дѣло и удалить С. со службы.

Мы рѣшили, что жизни мужчинъ грозитъ такая опасность, что не стоитъ заботиться объ украденномъ добрѣ.

Милиція только этого и добивалась. Но она еще не достигла своей цѣли: — не добралась до нашихъ драгоцѣнностей. Чтобы найти ихъ, насъ еще пять разъ обыскивали, то день за днемъ, то черезъ день. Милиціонеры давали совѣты отрывать полы (этого не сдѣлали, но, кажется, только этого), рыться въ золѣ, въ мусорѣ. Милиціонерами были солдаты мѣстнаго гарнизона, они всѣ относились къ намъ враждебно. Только одинъ изъ нихъ, молоденькій мальчикъ еврей, самъ помогъ спрятать послѣдній узелъ, который хотѣлъ забрать Н.

Мужчины, тѣмъ временемъ, сидѣли въ уѣздномъ арестномъ домѣ, гдѣ было невыносимо грязно и вся пища арестантовъ состояла въ полуфунтѣ гречневаго хлѣба въ день.

Но мы могли имъ приносить пищу и видѣться съ ними. Два раза въ день мы носили имъ судки съ ѣдой; приходилось ходить по свѣже-вспаханнымъ полямъ. Часто во время этихъ прогулокъ, мы слышали отдаленные артиллерійскіе выстрѣлы. При каждомъ выстрѣлѣ молили о внезапномъ польскомъ налетѣ; въ такомъ случаѣ могла быть надежда, что арестантовъ выпустятъ или забудутъ увезти. Дома насъ ждали обыски. Послѣдній былъ самый страшный. Оба чекиста озвѣрѣли отъ неудачныхъ попытокъ найти драгоцѣнности. Они пришли къ намъ, когда дома были лишь мы съ Н. Вещей совсѣмъ почти не осталось, но они снова открывали всѣ коробки, перетряхивали постель, щупали подкладки, муфты, шляпы. У насъ работалъ Н. К-ій тѣмъ временемъ ухаживалъ за С. и Д. Наконецъ, Н-овъ заявилъ, что сдѣлаетъ намъ натѣльный, то-есть личный обыскъ. Но это возмутило даже К-го; онъ рѣшительно запротестовалъ и Н. долженъ былъ ограничиться ощупываніемъ.

Не найдя ничего, они стали полушепотомъ совѣщаться о томъ, какъ задержать на улицѣ и обыскать мою мать и И. Передъ уходомъ они заявили намъ, что скоро прибудутъ изъ Гомеля ищейки, которыя узнаютъ гдѣ что закопано.

Тогда (слишкомъ поздно) мы рѣшили искать защиты, хотя бы у самихъ большевиковъ.

Кто-то слышалъ, что вслѣдствіе большихъ «злоупотребленій», происшедшихъ при конфискаціи нашего имущества, разслѣдованіе дѣла было поручено госконтролю.

На слѣдующій же день мы пошли туда. Какъ мы обрадовались! Оказалось, что мѣстный государственный контроль является убѣжищемъ буржуевъ; бывшіе купцы, юристы, чиновники пошли туда, чтобы считаться на совѣтской службѣ. Послѣ двухмѣсячнаго общенія съ коммунистами, мы снова увидѣли своихъ. Они были милы, любезны, сочувствовали намъ, но помочь были безсильны. Посовѣтовали обратиться къ товарищамъ Василевецкому и Можейкѣ — вліятельнымъ членамъ исполкома.

Пошли въ исполкомъ. Онъ находился въ особнякѣ, сохранившемъ слѣды былого великолѣпія. Пришлось ждать довольно долго, пока товарищъ В., наговорившись до сыта по телефону, обратился къ намъ. И онъ уже зналъ о нашемъ дѣлѣ, но не могъ ничѣмъ помочь буржуямъ, «у которыхъ было найдено нѣсколько дюжинъ чулокъ и перчатокъ и столько носильнаго и постельнаго бѣлья». Все это должно было быть конфисковано. На наши робкіе протесты, онъ заявилъ: «Больше двухъ смѣнъ бѣлья на человѣка не полагается. Я самъ имѣю 2 рубахи и ношу каждую по 2, 3 недѣли».

Съ этимъ гигіеническимъ предписаніемъ, мы ушли. В. производилъ впечатлѣніе честнаго, но глупаго малаго, почерпнувшаго все свое міровоззрѣніе въ полудюжинѣ брошюръ.

На слѣдующій день моя мать и И. пошли ко второму нотаблю — Можейкѣ. Это былъ полякъ-реэмигрантъ изъ Америки, имѣвшей на него хорошее вліяніе, хотя бы въ отношеніи манеръ.

Въ Р. было довольно много такихъ реэмигрантовъ, такъ какъ Можейко говорилъ по-англійски съ нѣсколькими своими товарищами.

Его видно тронули наши жалобы, такъ какъ онъ сказалъ, что это «чортъ знаетъ, что такое» и «что эти безобразія надо прекратить».

Тѣмъ временемъ слухи о насъ распространялись и, въ изукрашенномъ видѣ, докатились до Брянска. Тамъ, какъ намъ передавали, разсказывали, что была раскрыта шайка контръ-революціонеровъ и польскихъ шпіоновъ, у которыхъ нашли пудъ золота (золотыя серьги С., предметъ вожделѣній Лившица и причина всѣхъ нашихъ несчастій). Всполошились и въ Гомелѣ, гдѣ чека, вѣроятно, позавидовала добычѣ своихъ р-скихъ коллегъ. Поэтому, желая поскорѣй замять дѣло, насъ судила р-ская «тройка» — Вас—ій, М—о и Симановскій, тоже «сотрудникъ» уѣздной милиціи, бывшій ломовикъ, извѣстный на весь уѣздъ воръ.

Они были чрезвычайно милостивы; постановили часть вещей намъ вернуть и мужчинъ, за отсутствіемъ состава преступленія, освободить. Но они опоздали. Въ дѣло вмѣшались Гомель и мѣстная желѣзнодорожная чека; мы жили на землѣ, принадлежащей желѣзной дорогѣ и потому входили въ ея вѣдѣніе. Два желѣзнодорожныхъ чекиста пришли къ намъ справиться объ обидахъ, нанесенныхъ намъ милиціей, но начали они съ того, что тщательно перерыли весь домъ. Впрочемъ, были вѣжливы, пили чай и разспрашивали о деникинцахъ, съ интересомъ разсматривали деникинскія деньги.

Наконецъ, двухъ мужчинъ выпустили; остались въ тюрьмѣ комиссаръ и отецъ.

Мы попрежнему носили имъ два раза въ день пищу, такъ какъ никому нельзя было ее довѣрить: М. разъ взялся отнести нѣсколько котлетъ и съѣлъ всѣ самъ по дорогѣ.

Въ тюрьмѣ отношенія были идиллическія; насъ пускали въ камеру, гдѣ всегда сидѣло человѣкъ пятнадцать (иногда и больше). Дѣло въ томъ, что заключеніе въ тюрьму теперь замѣнило у большевиковъ такія мѣры, какъ выговоръ, замѣчаніе.

Сидѣли поэтому офицеры, напр. начхозъ мѣстной дивизіи (57-ой); сидѣли солдаты-дезертиры; сидѣлъ богатый мужикъ, владѣлецъ нѣсколькихъ усадебъ въ Р. Онъ отказалъ стоявшимъ у него красноармейцамъ въ провизіи, и тѣ донесли на него, какъ на «кулака». Послѣ рѣшенія суда намъ вещи вернули, но по выбору милиціи. С—ій самъ отбиралъ ихъ, старательно отдѣляя все старое для насъ, а новое для собева. Возвращали все, согласно декрета, по числу членовъ семьи, при чемъ рѣшили, что мужчины въ простыняхъ не нуждаются. Впослѣдствіи, уже при полякахъ, я видѣла на дѣвочкѣ платьице изъ нашей полотняной скатерти въ цвѣтныхъ разводахъ, а въ наробразѣ слышала разсказъ какой-то фребелички, какъ на ея глазахъ рѣзали бѣлье на куски.

Мы не знали, какъ доставить домой возвращенные чемоданы Пришлось еще просить начальника милиціи о письменномъ разрѣшеніи, такъ какъ во всей Россіи нельзя перевозить по улицѣ частнаго имущества; затѣмъ трудно было сговориться о цѣнѣ (у насъ совсѣмъ почти не было денегъ) за перевозку, но тотъ самый старичокъ-извозчикъ, который увезъ наши вещи, изъ жалости, задаромъ доставилъ ихъ обратно.

Намъ обѣщали на слѣдующій день освободить отца и комиссара, но прибылъ изъ Гомеля чекистъ съ приказомъ доставить ихъ туда. Мать и сестра рѣшили поѣхать вмѣстѣ съ ними, но имъ не выдавали пропусковъ. Мѣстный комендантъ, бывшій царскій офицеръ, кричалъ, топалъ ногами и на всѣ мольбы отвѣчалъ, что не позволитъ буржуямъ разъѣзжать Хуже всего было то, что мы во время обысковъ лишились всѣхъ документовъ и не рѣшались ѣхать и безъ паспортовъ и безъ пропусковъ, опасаясь новыхъ арестовъ. Видно было, что р—скія власти боялись нашихъ жалобъ въ Гомелѣ и не хотѣли насъ выпустить. При мнѣ помощникъ начальника милиціи кричалъ по телефону коменданту: «Вы не смѣете давать пропускъ N.!»

Наконецъ, сжалился самъ начальникъ милиціи и выдалъ временный видъ на жительство. И комендантъ переложилъ гнѣвъ на милость, обѣщалъ пропускъ на завтра.

Отца и комиссара увезли вечеромъ того же дня. Къ нимъ присоединили, по неизвѣстной причинѣ, Н., пришедшаго провѣдать ихъ на вокзалѣ. Когда мы принесли отцу чистое бѣлье и одежду, одинъ изъ солдатъ, карауливших его, сталъ уговаривать насъ, не давать ему ничего съ собой. Было страшно тяжело, такъ какъ мысли этого доброжелателя были ясны: онъ опасался, чтобы хорошій костюмъ не былъ причиной разстрѣла. Дѣйствительно, при отцѣ въ Гомелѣ, разстрѣляли безъ всякаго суда молодого поляка, и сейчасъ же послѣ разстрѣла чекисты появились въ его одеждѣ, а у одного блестѣло на пальцѣ кольцо разстрѣляннаго.

На слѣдующій день поѣхали мать съ сестрой. Благодаря протекціи коменданта станціи, онѣ поѣхали подъ охраной солдата, но въ товарномъ вагонѣ. Пассажирскихъ вагоновъ на этой линіи совершенно не было. Только разъ одинъ изъ комиссаровъ проѣхалъ въ трехъ вагонахъ перваго класса на него одного.

Послѣ отъѣзда родителей, мы ожидали извѣстія о наихудшемъ, но черезъ четыре дня, какъ разъ въ первый день христіанской Пасхи, всѣ вернулись.

Какъ удалось отцу и комиссару освободиться, намъ до сихъ поръ непонятно. Кто за нихъ вступился? почему ихъ не преслѣдовали? Мы объ этомъ и не разспрашивали. Моя мать была у нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, (не-коммунистовъ, такъ какъ таковыхъ мы не знали), но на врядъ ли эти люди, сами вѣчно напуганные могли чѣмъ-нибудь помочь.

Всѣмъ Гомелемъ трясли тогда два брата Нахамкины — сыновья извѣстнаго всему городу вора. Ихъ отецъ умеръ незадолго до того. Послѣдніе мѣсяцы жизни, онъ былъ въ большомъ почетѣ. Его лѣчили лучшіе врачи, весь городъ о немъ заботился. Хоронили его торжественно; на похоронахъ были делегаціи отъ всѣхъ учрежденій.

Одинъ гомелецъ разсказывалъ, что секретаремъ ревкома былъ его бывшій полуграмотный кучеръ, который при встрѣчахъ со своимъ бывшимъ хозяиномъ мялся и иногда величалъ его барином.

Гомельская чека была куда хуже р—ской тюрьмы. Сыпнотифозные лежали въ одной камерѣ со здоровыми. Арестованныхъ, даже женщинъ, избивали до потери сознанія. Пищи совсѣмъ не выдавали. Освободили отца и комиссара подъ расписку: они обязались не покидать Р., такъ что теперь надо было бросить всякую мысль о выѣздѣ.

Они такъ спѣшили домой, что не взяли пропуска и изъ за этого чуть не были снова арестованы гомельской желѣзнодорожной чека.

По дорогѣ въ поѣздѣ, они завязали знакомство съ красноармейцами, недавно вернувшимися изъ Франціи. Это были солдаты изъ тѣхъ двухъ корпусовъ, которые еще при царскомъ режимѣ были посланы во Францію. Всѣ были ярыми коммунистами и ненавидѣли французовъ.

Когда до нихъ дошло извѣстіе о русской революціи, они взбунтовались и убили многихъ своихъ офицеровъ. Тогда французское правительство выслало ихъ въ колоніи, гдѣ

употребляло для тяжелыхъ работъ. Они жаловались на тамошнія условія жизни и на эксплуатацію, которой ихъ подвергали французы. Въ 19 г. ихъ выслали обратно въ Россію. Французы, зная ихъ настроеніе, хотѣли ихъ передать прямо большевикамъ, но, по настоянію Деникина, привезли ихъ на югъ. Тамъ ихъ присоединили къ добровольческой арміи, и, теперь, они хвастали, что немало способствовали ея разложенію. Одѣты они были до сихъ поръ прекрасно, и всю эту обмундировку дали имъ эксплуататоры французы.

2.

Убѣдившись, что мы застряли въ Р. надолго, мы рѣшили искать средствъ къ жизни. Существовать одной продажей и обмѣномъ бѣлья и одежды было невозможно и безсмысленно.

Положеніе матеріальное, какъ наше, такъ и семьи комиссара было печальное. Небольшія средства, взятыя изъ дому, мы частью уже проѣли, частью ихъ украли чекисты. Послѣ долгихъ торговъ, они изъ забранныхъ 50 тысячъ думскими выдали намъ десять тысячъ. Это была ничтожная сумма. На одну ѣду (при нищенскомъ питаньи) мы расходовали въ мѣсяцъ восемьдесятъ тысячъ совѣтскими. Семья комиссара нѣсколько дней сидѣла совершенно безъ хлѣба. Надъ ними разъ сжалился какой-то офицеръ и подарилъ имъ фунтъ своего хлѣба, получивъ обѣщаніе отъ Д., что она смастеритъ куклу для его дѣвочки.

Наше отчаянное положеніе вызвало сочувствіе совѣтскаго слѣдователя при чека, хотя онъ никогда не былъ милостивъ къ буржуямъ.

Біографія этого господина интересна. Онъ — сынъ городового. Мѣстный прокуроръ обратилъ вниманіе на способнаго мальчика и помогъ ему закончить образованіе. При его протекціи Х. началъ дѣлать карьеру по военному вѣдомству. Когда началась революція, онъ объявилъ себя украинцемъ, быстро выдвинулся и правительствомъ Петлюры былъ назначенъ губернскимъ старостой. Но въ началѣ 19 г. пришли въ Гомель большевики. Х. сумѣлъ и имъ понравиться. Сталъ ли онъ коммунистомъ, не знаю, но онъ получилъ высокій постъ и имѣлъ большое вліяніе. Р—ане жаловались, что онъ дѣлалъ карьеру на ихъ благосостояніи. Онъ будто бы поддерживалъ наиболѣе суровыя мѣры, принималъ дѣятельное участіе въ конфискаціи имущества своихъ друзей, даже своего благодѣтеля.

И, какъ это ни странно, этотъ человѣкъ принялъ въ насъ участіе, совѣтовалъ подавать жалобы на ограбленіе и т. п.

Считалъ ли онъ, что поляки обязательно прійдутъ? думалъ ли онъ, что совѣтская власть уже не прочна?

Но совѣтами его мы не могли насытиться и поэтому должны были пойти на совѣтскую службу. И. устроилась при какомъ-то военно-хозяйственномъ отдѣлѣ, Н. при совѣтскихъ столовыхъ, а я при библіотечной комиссіи наробраза. Совѣтскія столовыя — это, навѣрное, самое отвратительное изъ совѣтскихъ учрежденій. Грязь тамъ невѣроятная, ѣда — невыносимая и выдается въ слишкомъ малыхъ количествахъ. Бѣдный Н. долженъ былъ съѣдать 2 обѣда, чтобы насытиться. Приборовъ не даютъ, такъ что каждый долженъ приносить съ собой ложку.

Организація столовыхъ такова, что новоприѣзжій можетъ остаться безъ пищи въ день своего пріѣзда. Обѣды выдаютъ по карточкамъ, но ихъ надо брать наканунѣ начала посѣщеній. Въ тотъ же день обѣда не выдадутъ. Только мольбы могутъ смягчить суровое сердце завѣдующей.

За время моихъ сношеній съ р—ми совѣтскими учрежденіями, я могла приглядѣться къ провинціальной работѣ большевиковъ. Она была еще страшнѣе, чѣмъ въ большихъ центрахъ. Тамъ большій культурный слой сдерживалъ до нѣкоторой степени хамство. Тутъ оно царствовало. Всѣ учрежденія были въ рукахъ недоучившихся студентовъ и курсистокъ. Совершенно неопытные, безтолковые, они еще больше уродовали и безъ того безумныя начинанія совѣтской власти.

Во главѣ библіотечной комиссіи стояла барышня, проработавшая годъ въ какой-то библіотекѣ, какъ помощница завѣдующей; лекціонной комиссіей завѣдывала дѣвица, которая сама откровенно сознавалась, что понятія не имѣетъ, какъ это «устраиваютъ» лекціи. Но онѣ были коммунистками, а остальная, болѣе опытная по этимъ дѣламъ, часть р—го населенія къ партіи не принадлежала. Когда я впервые пришла въ наробразъ и записалась въ неизбѣжномъ опросномъ листѣ безпартійной, всѣ были поражены, но успокоились, вспомнивъ, что мѣстный лекторъ — военный — тоже безпартійный соціалистъ. Они ни минуты не подумали, что я могу быть безпартійной несоціалисткой. Въ ихъ глазахъ люди дѣлились на большевиковъ, меньшевиковъ, которыхъ, какъ и безпартійныхъ соціалистовъ, презирали, но позволяли имъ жить, и на инако мыслящихъ, вредныхъ безумцевъ — мясо для чрезвычаекъ. Наробразъ помѣщался въ, когда-то прелестномъ, домѣ инспектора народныхъ училищъ. Этотъ инспекторъ былъ на дурномъ счету у большевиковъ и бѣжалъ передъ ихъ приходомъ. При насъ говорили, что онъ убитъ. Оставшихся жену и дочь большевики сейчасъ же выдворили изъ дому. Онѣ гдѣ-то ютились на чердакѣ. Я уже не застала слѣдовъ ихъ устройства. Но врядъ ли оно вообще еще существовало. Мало-по-малу я открыла много красивыхъ домовъ въ Р., но немногіе изъ нихъ были въ распоряженіи законныхъ владѣльцевъ.

Милиція помѣщалась въ домѣ главнаго лѣсничаго уѣзда. Она туда переѣхала изъ совершенно разореннаго ею дома нѣкоего Марголина, который, по словамъ Крупецкаго, былъ высланъ въ концентраціонный лагерь въ Москву.

Нѣкоторымъ лицамъ удалось защититься: городовой врачъ отдалъ часть своего дома подъ госконтроль, прокуроръ подъ библіотеку, двѣ одинокія барышни уступили нѣсколько комнатъ дѣтскому саду и т. д.

И. работала въ хозяйственномъ отдѣлѣ несуществующаго учрежденія. Вся дѣятельность служащихъ сводилась къ тому, чтобы выдавать другъ другу пайки, фуражъ и записывать это. За исключеніемъ И. и еще двухъ барышень всѣ служащіе были коммунистами. Они были изъ рабочихъ и крестьянъ. Всѣ почти были христіане. Къ единственнымъ двумъ евреямъ относились пренебрежительно. Однажды, въ это учрежденіе попала польская прокламація, призывавшая русскихъ сбросить съ себя ярмо большевизма, наложенное на нихъ евреями. Воззваніе это разсмѣшило ихъ. Трудно сказать былъ ли искрененъ ихъ коммунизмъ. Одинъ изъ нихъ имѣлъ хуторъ на югѣ, другой лично зналъ вел. кн. Елизавету Ѳеодоровну, бывая у монахини того монастыря, гдѣ она жила. Онъ всегда отзывался о ней съ уваженіемъ.

3.

Такъ проходили недѣли. По нѣскольку разъ въ день пріѣзжали поѣзда съ солдатами и орудіями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, одна коммунистка сказала Д., что предполагаетъ скоро эвакуироваться въ Кіевъ. Такія сообщенія поддерживали насъ въ нашемъ отчаяніи.

Артиллерійскіе бои бывали все чаще и сильнѣй. Дороговизна росла. Соль почти совсѣмъ исчезла. Бывали дни, когда за фунтъ требовали 1800 рублей совѣтскими. За соль крестьяне давали картофель, сало, молочные продукты. Къ несчастью сосѣднія деревни были бѣдныя, къ тому же ихъ разворяли постоянные постои. Въ одинъ изъ самыхъ непріятныхъ дней, когда мы не имѣли ни хлѣба, ни картофеля, мнѣ удалось достать за фунтъ соли пудъ картофеля въ ближайшей деревнѣ. Я его пронесла на спинѣ около 2-хъ верстъ. Какъ ни непривычно было это занятіе для горожанки, я все таки предпочитала это или даже совѣтскую службу — полному бездѣйствію. Въ такія минуты наше отчаяніе выражалось въ ссорахъ, упрекахъ.

Съ теченіемъ времени, я снова начала дѣлать планы бѣгства. Я надѣялась воспользоваться однимъ изъ объѣздовъ по уѣзду, которые должна дѣлать завѣдующая библіотечнымъ отдѣломъ. Представлялся также случай поѣхать Днѣпромъ въ Жлобинъ

Эта станція была главнымъ мѣстомъ переправъ черезъ границу; такъ ѣхали въ Польшу бѣглецы изъ Великороссіи.

Въ Р. кромѣ насъ застряли еще кіевляне, пріѣхавшіе позже. Я хотѣла присоединиться къ нимъ, но не успѣла. Имъ же не повезло; они благополучно добрались до мѣста назначенія (избѣжавъ, благодаря взяткѣ, обыска на пароходѣ), но не могли выѣхать дальше, такъ какъ подъ Жлобинымъ начались бои. Но онъ такъ и не былъ взятъ, и наши друзья выбрались за границу только послѣ долгихъ мытарствъ.

Перваго мая было большое торжество, не только для большевиковъ, но и для насъ: мы узнали о взятіи Житоміра. Шествіе съ красными знаменами было испорчено; прилетѣлъ польскій аэропланъ и брошенныя съ него бомбы испугали шествующихъ.

Вечеромъ персоналъ санитарнаго поѣзда, стоявшаго около насъ, устроилъ концертъ. Больше всего времени заняли рѣчи. Наиболѣе толковую произнесъ рабочій Котовъ, бывшій слушатель рабочаго университета Зиновьева. Онъ старался объяснить намъ, что вся исторія вела человѣчество къ коммунистическому строю. Онъ сознавался, что жизнь въ Россіи ужасна, но увѣрялъ насъ, что это переходное время, эпоха разрушенія стараго. Съ началомъ творчества все будетъ великолѣпно. — «Сначала успокоеніе, потомъ реформы». — Но онъ держался корректно. Послѣ него выступилъ фанатикъ. Сначала онъ заставилъ насъ, стоя, пѣть интернаціоналъ, затѣмъ посыпались обычныя ругательства: «золотопогонная, бѣлогвардейская сволочь, мерзавцы паны, подлая буржуазія» и т. д. Но между двумя ругательствами, онъ сообщилъ намъ, что Житоміръ въ польскихъ рукахъ. Снова мелькнула надежда; поляки могли продвинуться до Днѣпра.

Послѣ рѣчей начался концертъ. Подъ аккомпаниментъ гармоникъ, на которыхъ они играли превосходно, два матроса пѣли циничные, богохульные куплеты, очень понравившіеся публикѣ. Они были такъ мерзки, что, хотя оскорбляли не мою религію, я ушла.

Съ этого дня мы еще съ большей тревогой читали сводки, расклеенныя по стѣнамъ домовъ (единственныя газеты, доступныя жителямъ Р.), о событіяхъ на фронтѣ, онѣ для большевиковъ были непріятны, сообщали съ опозданіемъ, но я должна сознаться, что въ общемъ совѣтскія газеты не лгали. Онѣ сгущали краски, раздували извѣстія о стачкахъ и возстаніяхъ, но самихъ фактовъ не выдумывали.

Наиболѣе интересной ихъ частью, послѣдніе мѣсяцы, — были сводки арміи труда. Я читала ихъ съ трепетомъ. Мнѣ все мерещилось, что большевикамъ удастся кое-какъ организовать трудъ, и коммунистическій режимъ укрѣпится. Положимъ, данныхъ для такихъ предположеній было мало: рядомъ съ откровенными признаніями о неработоспособности 75% желѣзнодорожнаго состава и призывами къ увеличенію труда, стояли такія свѣдѣнія: «на станціи Х. 50 товарищей, проработавъ 8 час., нагрузили шпалами 2 платформы, причемъ тащили шпалы 200 саженъ» и т. п.; въ такихъ-то мастерскихъ отремонтировали за недѣлю паровозъ; тамъ-то за мѣсяцъ нарубили 20 саженъ дровъ. Все минимальныя цыфры, тысячная часть до-большевистской производительности.

Я могла воочію убѣдиться, какъ исполнялась эта работа. Въ тѣ дни, когда по очереди, служащіе опредѣленныхъ учрежденій должны были идти рубить дрова, таскать шпалы, грузить вагоны и т. п., являлись на службу лишь безпартійные, коммунисты регулярно блистали отсутствіемъ.

4-го мая разнесся слухъ, что Кіевъ уже взятъ. Насъ это извѣстіе привело въ ужасъ. Мы опасались, что поляки удовлетворятся правобережной Украиной и не захотятъ идти вглубь Бѣлоруссіи. У насъ ничто не предвѣщало близкаго отступленія. Большевики хозяйничали, какъ всегда. Въ первыхъ числахъ мая, они обложили «буржуевъ» новой данью: по дамскому и мужскому костюму съ семьи. Повторялись знакомыя кіевскія сцены: нѣсколько солдатъ и милиціонеровъ врывалось въ квартиры, рылось въ шкафахъ и сундукахъ, выбирая самую лучшую и дорогую одежду. 6-го мая я зашла по дѣлу въ городскую милицію и увидѣла тамъ груды реквизированныхъ костюмовъ, въ которыхъ рылись милиціонеры, выбирая себѣ то, что каждому наиболѣе нравилось.

Въ ту минуту, когда они были заняты этимъ дѣломъ, въ комнату влетѣлъ одинъ изъ ихъ товарищей. Онъ держалъ въ рукахъ новѣйшій номеръ газеты и, запыхаясь. прочелъ

намъ телеграмму о назначеніи генераловъ Брусилова, Поливанова и многихъ другихъ командующими совѣтскими красными арміями. Сбѣжалась съ криками удивленія вся милиція.

Мнѣ тоже хотѣлось кричать, но отъ ужаса. Брусиловъ и Поливановъ на совѣтской службѣ! Лучшій генералъ и лучшій военный министръ! Я уже видѣла непобѣдимыя красныя арміи, заливающія всю Европу. Р—скіе буржуи, которымъ я принесла это потрясающее извѣстіе, не хотѣли вѣрить мнѣ. Одинъ изъ нихъ съ недоумѣніемъ спрашивалъ: «Но, что будутъ дѣлать Брусиловъ и Поливановъ въ этой босяцкой компаніи?» Мы ломали себѣ головы надъ тѣмъ, что могло побудить ихъ стать во главѣ совѣтскихъ армій. Угрозы ли большевиковъ? ненависть ли къ полякамъ? та любовь къ родинѣ, которая заставляетъ сражаться за нее, даже, когда она жестока? Можетъ быть, и они согласны съ большевизмомъ — эти царскіе генералы? Незадолго до того совѣтскія газеты сообщали, что проф. Тимирязевъ сказалъ, что не-то онъ счастливъ умереть подъ властью Ленина, не то счастливъ оставить своего сына подъ той же властью.

Вечеромъ того же дня у меня было засѣданіе лекціонной комиссіи. По дорогѣ я узнала, что видѣли поляковъ въ деревнѣ Х., въ 40 верстахъ отъ насъ, но я отнесла это извѣстіе къ слухамъ.

На засѣданіи было человѣкъ 7—8: учителя мѣстной гимпазіи, военный врачъ; кромѣ товарища предсѣдателя наробраза — всѣ безпартійные. Работа не клеилась. Мнѣ заявили, что неудобно было предоставлять читать лекціи по исторіи безпартійнымъ, въ виду нежелательнаго освѣщенія фактовъ.

Спорила я слабо; во-первыхъ, я надѣялась, что до лекцій не дойдетъ, во-вторыхъ, была занята разсматриваніемъ своихъ новыхъ знакомцевъ. Это были типичные представители мѣстечковой русской и еврейской интеллигенціи. Видно было, что большевизмъ имъ не по душѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они недовольны и всѣмъ инымъ, поэтому не пріявъ ни того, ни другого, вѣчно сидятъ между двухъ стульевъ, справедливо вызывая недовѣріе представителей обоихъ теченій.

7-го мая родители съ утра пошли съ комиссаромъ на вокзалъ. Они хотѣли поѣхать въ Гомель за семейными бумагами, захваченными во-время обысковъ. Еще до ихъ ухода началось необыкновенное движеніе поѣздовъ товарныхъ и бронированныхъ. Мы поняли, что началась эвакуація.

Около 10 ч. родители съ комиссаромъ пошли на вокзалъ. Но часа черезъ полтора комиссаръ вернулся, и, въ то время, когда онъ подходилъ къ дому, мимо нашихъ оконъ прошелъ поѣздъ въ Гомель. Комиссаръ со смѣхомъ указалъ на него и сказалъ мнѣ: «Поѣхали наши!» На мой вопросъ, почему онъ остался, онъ сказалъ, что долженъ былъ за чѣмъ-то забытымъ вернуться домой, опоздалъ на этотъ поѣздъ и поѣдетъ слѣдующимъ. Не зная о томъ, что творилось на вокзалѣ, я не безпокоилась. Вдругъ, черезъ часъ вернулись родители, съ отчаяніемъ разсказывая, что ихъ не пустили въ поѣздъ. Они вынесли впечатлѣніе, что эвакуація идетъ очень медленно, и они бы успѣли съѣздить въ Гомель и вернуться.

Еще черезъ нѣсколько часовъ, мы благодарили нашу счастливую звѣзду за то, что родителямъ не удалось попасть въ поѣздъ. Но и теперь не понимаю, къ чему былъ очевидный планъ комиссара погубить насъ, отправивши часть семьи въ Гомель. Онъ по всей вѣроятности, узналъ на вокзалѣ о неминуемомъ занятіи Р., хотѣлъ самъ остаться, но почему то добивался отъѣзда родителей.

Гораздо раньше обычнаго времени вернулась со службы И. Въ ея учрежденіи внезапно, около 12 ч., былъ данъ приказъ эвакуироваться, и въ теченіе часа все имущество было нагружено на подводы. Потомъ, при громкомъ плачѣ и пожеланіяхъ скорѣйшаго возвращенія со стороны служащихъ изъ мѣстныхъ дѣвицъ, всѣ коммунисты, снабженные винтовками пошли на фронтъ. (На слѣдующій день нѣкоторые изъ нихъ снова появились въ Р., но уже въ качествѣ польскихъ плѣнныхъ).

Семья комиссара, все время недовѣрчиво относившаяся къ слухамъ продолжала повседневную работу, и вечеромъ Д. предложила мнѣ отнести вмѣстѣ съ ней шляпу, заказанную ей какой-то р—ской модницей.

Мы пошли полями въ сторону Днѣпра. Уже по дорогѣ въ ту сторону, я слышала пулеметную стрѣльбу, но не придала ей значенія, такъ какъ въ этомъ районѣ часто упражнялись въ стрѣльбѣ красноармейцы Переходя черезъ насыпь, мы видѣли, уѣзжавшій въ Гомель, бронепоѣздъ. Со станціи доносились частые гудки. Но въ боковыхъ улицахъ было спокойно.

Заказчицей шляпы была хорошенькая бѣженка. Ея мать пригласила насъ отдохнуть и дала Д. за работу нѣсколько фунтовъ телятины. Въ это время въ комнату вошелъ ея сынъ — мальчикъ лѣтъ 17-ти, 18-ти и поставилъ въ уголъ винтовку. Мы разговорились. Молодой человѣкъ разсказалъ намъ, что его старшій братъ — коммунистъ — сотрудникъ наркомвоена — пошелъ на фронтъ. Онъ самъ не былъ въ партіи, но, будучи въ призывномъ возрастѣ, обязанъ былъ эвакуироваться. Онъ твердо вѣрилъ въ непобѣдимость совѣтскаго оружія. «Увидите», увѣрялъ онъ меня, «черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, красные флаги будутъ развѣваться надъ зданіями Варшавы. Она будетъ нашей». Мнѣ стало невыразимо жутко. Я никогда не забуду этой чистенькой, привѣтливой комнатки съ цвѣтами на окнѣ и иконами въ углу, милой старушки и дѣвушки, и этого мальчика съ дѣтски-круглымъ лицомъ и наивными глазами, который такъ твердо вѣрилъ въ побѣду большевизма.

И это былъ непартійный! Что же долженъ былъ говорить его братъ? Я припомнила себѣ въ этотъ мигъ всю р—скую молодежь, знакомую мнѣ. Всѣ, даже дѣти бывшихъ буржуевъ, сочувствовали коммунизму, сжились съ нимъ. И съ еще большимъ отчаяніемъ, я спрашивала себя какъ ужиться въ этой странѣ, гдѣ отъ генераловъ и профессоровъ до солдатъ и гимназистовъ, всѣ согласны съ большевизмомъ.

Наконецъ, мы попрощались и ушли, пожелавъ юношѣ-воину многихъ побѣдъ.

На возвратномъ пути, мы слышали пулеметы еще яснѣй. Выстрѣлы шли со стороны моста, находящагося въ 3-хъ верстахъ отъ станціи. Теперь было ясно, что идетъ бой. Вопросъ былъ только въ томъ, кто побѣдитъ.

Дома насъ встрѣтили извѣстіемъ, что врагъ близко.

Стоявшій около насъ санитарный поѣздъ отошелъ; ветеринары нагрузили лошадей; сарай со снарядами былъ пустъ. Какъ разъ недѣлю передъ тѣмъ, въ субботу, зная набожность мѣстныхъ евреевъ, большевики пригнали партію стариковъ и заставили ихъ разгрузить цѣлый вагонъ снарядовъ и отнести ихъ въ сарай. Нагрузили ихъ теперь въ пятницу вечеромъ тоже исключительно евреи. Было ли это коммунистическое пренебреженіе къ буржуазнымъ религіознымъ предразсудкамъ вообще, или направлено спеціально противъ евреевъ? Въ Р. еще въ 19 г. были недоразумѣнія на этой почвѣ. Когда мы пріѣхали, я обратила вниманіе на то, что лучшая синагога занята подъ казармы. Комиссаръ объяснилъ мнѣ, что это было сдѣлано въ видѣ наказанія: въ первые же дни вступленія большевиковъ въ Р. они заняли церковь и костелъ. Кто-то поѣхалъ въ Гомель, обвинили еврейскихъ коммунистовъ, христіанскіе храмы освободили и заняли синагогу.

Но теперь и тѣ, и другіе коммунисты убѣгали.

Я сѣла у окна, чтобы наблюдать за желѣзнодорожными путями. Трескотня пулеметовъ доходила уже до насъ. Со станціи непрерывно неслись свистки.

Потянулся длинный поѣздъ. Онъ былъ биткомъ набитъ людьми. Шелъ онъ медленно, осторожно. Когда онъ приблизился къ мосту, стрѣльба усилилась. И вдругъ мы увидѣли, какъ полемъ понеслась въ городъ толпа людей — мужчинъ и женщинъ — соскочившихъ съ поѣзда, потерявъ надежду прорваться. Ихъ опасенія были чрезмѣрны. Поляки объяснили намъ потомъ, что пулеметами они задержать поѣздовъ не могли. Поэтому два товарныхъ поѣзда прорвалось въ Гомель. Ихъ отступленіе прикрывалъ бронепоѣздъ «Черноморецъ» — даръ американцевъ Колчаку. Большевики завладѣвъ имъ, переименовали его. Въ противоположность остальнымъ совѣтскимъ бронепоѣздамъ, онъ былъ совершенно новый. Своимъ блестящимъ зеленымъ цвѣтомъ, онъ напоминалъ чудовище. Теперь въ немъ не видно было никого; казалось, что онъ самъ двигается. Только наверху смѣло стоялъ матросъ.

Сперва «Черноморецъ» шелъ совершенно тихо, но, проѣхавъ мимо насъ, онъ открылъ огонь, разогнавшій польскихъ пулеметчиковъ, и онъ свободно прошелъ черезъ мостъ.

Послѣ его ухода началась орудійная стрѣльба. Большевики, вѣроятно, успѣли поставить орудія на лѣвомъ берегу и стрѣляли въ нашу сторону. Снаряды летали надъ деревяннымъ домикомъ, и насъ угнетала мысль погибнуть въ минуту избавленія. Но вскорѣ стрѣльба утихла и возобновилась только подъ утро.

А на разсвѣтѣ мимо насъ прошелъ первый польскій солдатъ.

Варшава. Іюнь—августъ 1920 г. Май 1921 г.

Дневникъ *

Барона А. Будберга

1919 годъ.

3 Августа. Тяжело быть полнымъ мрачными мыслями, не вѣрить въ возможность благополучнаго исхода, и въ то же время по наружности и передъ подчиненными сохранять бодрость, разводить всѣмъ розовую воду, подбадривать всѣхъ сотрудниковъ и поднимать уровень и качество ихъ работы, дабы въ предѣлахъ своего вѣдѣнія выполнить максимумъ полезной и созидательной работы.

Обидно за невозможность высвободить адмирала изъ подъ власти окружившихъ его вліяній; я сдѣлать этого не могу, ибо я и мои доклады не нравимся адмиралу; я всегда могу вырвать у него нужное мнѣ рѣшеніе, но то же и одновременно могутъ сдѣлать лица совершенно противоположнаго направленія; нѣтъ никакой гарантіи въ томъ, что принятое рѣшеніе не будетъ отмѣнено или разбавлено и добавленó такъ, что лучше бы ничего не дѣлать.

Все зло въ полной безсистемности, въ калейдоскопической смѣнѣ настроеній и рѣшеній, въ метаніи безъ руля и вѣтрилъ подъ сомнительнымъ вліяніемъ разномастныхъ совѣтчиковъ, въ безплодныхъ поискахъ лучшихъ рѣшеній и спасительныхъ средствъ.

И чѣмъ искреннѣе, убѣжденнѣе и энергичнѣе эти совѣтчики, тѣмъ хуже, ибо самая посредственная система лучше той каши, которая получается отъ постоянной смѣны рѣшеній и отъ извилистаго болтанія нашего курса.

Сейчасъ адмиралъ крѣпко захваченъ казачьей коалиціей и примазавшимися къ ней омскими политиками и разными честолюбцами, родителями всевозможныхъ панацей по спасенію положенія.

Ночью арестованъ главный начальникъ военныхъ сообщеній Ставки и тыла генералъ Касаткинъ и нѣсколько желѣзнодорожныхъ служащихъ; послѣднимъ предъявлено обвиненіе во взяточничествѣ, а Касаткину въ бездѣйствіи власти.

Сенсація въ Омскѣ по этому поводу огромная, но нездоровая.

Говорятъ, что вина Касаткина состоитъ въ томъ, что ему было доложено, что комендантъ станціи Омскъ поручикъ Рудницкій беретъ взятки, но К. не принялъ по этому докладу соотвѣтственныхъ мѣръ.

Подробности неизвѣстны; какъ-то странно привлеченіе къ отвѣтственности одного изъ старшихъ чиновъ Ставки и предавать его военно-полевому суду за то, что пятистепенный агентъ бралъ взятки; вѣдь, между Касаткинымъ и Рудницкимъ имѣется цѣлый рядъ промежуточныхъ начальниковъ. Кромѣ того, вся дѣятельность Касаткина, его рѣдкая энергія, добросовѣстность и борьба со всякими злоупотребленіями рѣзко противорѣчатъ предъявленнымъ ему обвиненіемъ; это одинъ изъ лучшихъ и честнѣйшихъ работниковъ Ставки.

Приходилъ Хрещатицкій; очень долго и нѣжно журчалъ о необходимости послать авторитетное и пользующееся довѣріемъ японцевъ лицо (читай его самого) въ Токіо для веденія тамъ всѣхъ сношеній по отпуску намъ снабженій; доказывалъ, что веденіе

*) Окончаніе. См. Архивъ Рус. Рев. т. XIV.

переговоровъ черезъ некомпетентныхъ лицъ уже привело къ тому, что Такаянаги вошелъ въ прямыя сношенія съ Моррисомъ и на нѣкоторые вопросы Х-го, отвѣтилъ ему, что все будетъ рѣшено по соглашенію непосредственно съ представителемъ Соединенныхъ Штатовъ.

Несомнѣнно, что вся эта интрига заведена самимъ Хрещатицкимъ, которому до зарѣзу хочется попасть въ Токіо на хорошее содержаніе и праздное ничегонедѣланіе; онъ бѣгаетъ по разнымъ лицамъ и миссіямъ, обхаживаетъ всячески адмирала и въ производимой мути думаетъ ухватить завѣтную рыбку.

Ушелъ отъ меня очень недовольнымъ, такъ какъ я высказалъ полное несогласіе съ такимъ безцѣльнымъ назначеніемъ какого-то особаго представителя, разъ мы имѣемъ въ Японіи своихъ агентовъ, военнаго и министерства финансовъ, съ цѣлымъ штатомъ пріемщиковъ.

Журчалъ про непригодность Розанова, про ошибочность политики Иванова-Ринова и видимо хотѣлъ попасть мнѣ въ тонъ; очевидно, онъ ведетъ какую-то махинацію по самоустройству и боится моего противодѣйствія. Едва ли сегодняшній визитъ окрылилъ его надежды.

На дорогѣ рядъ крушеній; каторжный трудъ личнаго состава желѣзнодорожниковъ, невѣроятно напряженный за время эвакуаціи, очевидно, всѣхъ вымоталъ и переутомилъ. Вѣдь, выполнена по истинѣ гигантская работа, такъ какъ въ теченіе одной недѣли, при самыхъ тяжкихъ условіяхъ, мы успѣли угнать по двумъ одноколейнымъ путямъ сорокъ семь тысячъ вагоновъ, составляющихъ двѣ ленты поѣздовъ въ триста семьдесятъ верстъ длины.

Особенно тяжела служба ночью, такъ какъ нѣтъ керосина для паровозныхъ фаръ и поѣздъ летитъ въ полной темнотѣ, на авось.

Съ нетерпѣніемъ жду пріѣзда генерала Головина; съ личной точки зрѣнія это освободитъ меня отъ должности, на которой я не въ состояніи приносить пользу, а въ интересахъ общихъ дѣлъ, быть можетъ, Головину удастся пріобрѣсти здоровое вліяніе на адмирала, освободить его изъ Омскаго и казачьяго плѣна, и сдѣлаться настоящимъ руководителемъ новаго курса. Я никогда не видалъ Головина, но отзывы о немъ слышалъ всегда самые благопріятные.

Чѣмъ скорѣе онъ пріѣдетъ и чѣмъ скорѣе я уйду, тѣмъ будетъ лучше для дѣла, такъ какъ я совсѣмъ не подхожу къ характеру адмирала и всей Омской обстановкѣ, а тогда мое движеніе противъ общаго теченія безполезно, а для общей системы, — вѣрнѣе безсистемья, даже вредно.

Я слишкомъ рѣзокъ для адмирала; его увѣрили, что я мрачный пессимистъ; что моя окраска всегда сгущена; что я вижу всегда только скверное; что я вздоренъ и неуживчивъ и т. п. Я вижу, что къ моимъ докладамъ онъ относится съ осторожкой, не умѣя никогда скрывать предубѣжденія; онъ уступаетъ силѣ доводовъ и искренности убѣжденія, порывисто переходитъ на мою сторону, но все это мимолетно, непрочно и только до чьего-нибудь доклада, который разобьетъ мои доводы и можетъ привести къ новому, совершенно иному рѣшенію.

Я знаю, что тѣ, кому я мѣшаю въ ихъ честолюбіи и личныхъ дѣлахъ и которые боятся моей рѣзкой критики и прямолинейности, пользуются всякимъ случаемъ, чтобы показать, что я желчный и завистливый брюзга, которому хочется во все совать свой носъ и который по неуживчивости характера и неудовлетворенному честолюбію на все ворчитъ.

При умѣньи потрафить адмиралу и при подтасовкѣ фактовъ доказать это не трудно, ибо моя дѣятельность идетъ въ разрѣзъ со всѣмъ остальнымъ, причемъ въ оцѣнкахъ, критикѣ, выраженіяхъ, характеристикахъ, а иногда и распоряженіяхъ я дѣйствительно не стѣсняюсь, но дѣлаю это не по тѣмъ причинамъ, которыя выставляются моими противниками, а потому, что иныхъ способовъ воздѣйствія нѣтъ, а иногда сугубой рѣзкостью хочется обратить вниманіе верховъ на совершающееся и заставить ихъ призадуматься, присмотрѣться и покопаться.

Лично мнѣ безразлично, что мой, такъ называемый, пессимизмъ и мое отчаяніе отъ предвидѣнія будущаго вся ата темная компанія оцѣниваетъ, какъ озлобленность честолюбца и зависть; имъ, по ихъ существу, не дано понять, что могутъ быть иныя, болѣе чистыя чувства и побужденія, которыя вызываютъ эти пессимизмъ и отчаяніе.

Быть можетъ, мой крупный недостатокъ въ томъ и заключается, что во мнѣ мало честолюбія, мало заговорщической энергіи, мало желанія разметать всю эту кучку и самому пробраться на болѣе рѣшительныя амплуа.

4 Августа. Дѣло съ арестомъ Касаткина возмутительно по своей поспѣшности; все это проведено съ чернаго крыльца, съ очень темнымъ участіемъ контръ-развѣдки и подъ несомнѣннымъ вліяніемъ адъютантской передней, использовавшей вспыльчивость адмирала и его желаніе реально и круто показать свою силу въ борьбѣ со служебными злоупотребленіями. Быть можетъ, и искренно, но по мальчишески задорно и неумѣло, ближайшій антуражъ адмирала подбилъ его громово хватить по взяточничеству и казнокрадству; провели все очень секретно, при дѣятельномъ участіи контръ-развѣдки, постаравшейся потрафить начальству, на что ея дѣльцы большіе мастера.

Казалось бы, что при замятомъ дѣлѣ Зефирова съ его возмутительной покупкой чая за тройную цѣну, при лежащемъ безъ движенія дѣлѣ Омскаго Военно-Промышленнаго Комитета, при грабительскомъ режимѣ атамановъ и при темныхъ порядкахъ въ дѣятельности нѣкоторыхъ агентовъ Министерства Снабженія можно было давно найти десятки случаевъ, чтобы показать силу и грозность власти, готовой испепелить все зло и тѣхъ, кто его творитъ.

Вмѣсто этого, адъютантская передняя выслѣдила одну изъ мелкихъ компаній мѣстныхъ взяточниковъ и, не понимая, что творитъ, настроила адмирала грохнуть по всей этой воробьиной кучѣ сразу изъ Царь Пушки.

Касаткина примазали къ сенсаціи, ради пущаго эфекта и показательности безпристрастія власти, не останавливающейся передъ положеніемъ виновныхъ; бѣднаго Касаткина заставили играть роль того украшенія изъ овощей, которое прибавляется въ плохихъ ресторанахъ къ разнымъ блюдамъ, чтобы скрасить порченный матерьялъ и плохое приготовленіе.

Всѣ, знающіе Касаткина, возмущены его арестомъ; Уструговъ ѣздилъ къ адмиралу по этому поводу; адмиралъ какъ-то сконфуженъ, но приказъ о преданіи суду уже отданъ и дѣло идетъ.

Написалъ Бурлину, какъ замѣстителю наштаверха, официальное письмо и, какъ старшій офицеръ Генеральнаго Штаба, прошу освѣдомить о причинахъ ареста генерала Генеральнаго Штаба и выражаю увѣренность, что это какое то очень печальное недоразумѣніе и что наштаверхъ приметъ необходимыя мѣры, чтобы впредь оградить нашъ корпусъ отъ такихъ неожиданныхъ, обидныхъ и печальныхъ недоразумѣній.

Въ отвѣтъ получилъ только приказъ Верховнаго Главнокомандующаго о преданіи Касаткина военно-полевому суду за бездѣйствіе власти, обычное умываніе рукъ и спасеніе за приказъ и за букву.

Сидѣли, зѣвали, мямлили, покрывали милліонныя хищенія Зефирова и Ко., военно-промышленниковъ и т. п. и, вдругъ, по наущенію адъютантской челяди изъ дворцовыхъ переднихъ, начинаютъ гвоздить безъ всякаго разбора. Ну, какъ же тутъ не быть пессимистомъ!

Пріѣхалъ съ фронта начальникъ 1 кавалерійской дивизіи Генералъ Миловичъ (настоящій генералъ, участникъ большой войны); разсказалъ про творящіяся на фронтѣ безобразія, про безграмотныя распоряженія юнцовъ командармовъ и комгруппъ, впереди всѣхъ удиравшихъ отъ возможныхъ непріятностей слишкомъ близкаго сосѣдства съ красными; по его словамъ, подъ Челябинскомъ уложили лучшую часть офицерской и инструкторской школы.

Смотрю на карту и наизлющимъ образомъ злюсь; если бы, вмѣсто преступной авантюры Лебедева, мы стояли бы теперь за укрѣпленной линіей Тобола, сохранивъ всѣ резервы, поднявъ матерьяльное и моральное состояніе отдохнувшихъ войскъ и предоставивъ краснымъ нападать, — какъ бы выгодно было наше положеніе. А сейчасъ наше

положеніе много хуже того, что было годъ тому назадъ, ибо свою армію мы уже ликвидировали, а противъ насъ, вмѣсто прошлогоднихъ совдеповъ и винегрета изъ красноармейской рвани, наступаетъ регулярная красная армія, не желающая, — вопреки всѣмъ донесеніямъ нашей развѣдки, — разваливаться; напротивъ того, она гонитъ насъ на востокъ, а мы потеряли способности сопротивляться и почти безъ боя катимся и катимся.

Весь ужасъ въ томъ, что гонитъ насъ не красная армія, не искусство ея вождей, а результаты профессіональной безграмотности нашего наштаверха, его мальчишескаго задора и самомнѣнія; насъ гонитъ неумѣнье сорганизовать настоящую армію, поставить на отвѣтственныя мѣста опытныхъ и знающихъ исполнителей; насъ убиваетъ превалированіе честолюбія надъ подвигомъ, задора надъ опытомъ, авоськи надъ разсчетомъ, усмотрѣнія надъ закономъ, безвластіе и общій нравственный развалъ.

Годъ тому назадъ населеніе видѣло въ насъ избавителей отъ тяжкаго комиссарскаго плѣна, а нынѣ оно насъ ненавидитъ такъ же, какъ ненавидѣло комиссаровъ, если не больше; и что еще хуже ненависти, оно намъ уже не вѣритъ, отъ насъ не ждетъ ничего добраго.

Весь тылъ въ пожарѣ мелкихъ и крупныхъ возстаній и большевистскихъ и чисто анархистскихъ (противъ всякой власти) и чисто разбойничьихъ, остановить которыя силой мы уже, очевидно, не въ состояніи. Вотъ годичные результаты работы Ставки на фронтѣ и Правительства въ странѣ; отъ такихъ итоговъ можно не то, что пессимистомъ сдѣлаться, а выть отъ отчаянія. Стоимъ опять передъ разбитымъ корытомъ, съ задачей начинать все снова, въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ.

Омскіе оптимисты кричатъ, что вотъ де поднимется Сибирское казачество и красные посыпятся, какъ чурки; очередные выкрики на тему, «шапками закидаемъ». Если бы это было правдой! вѣдь, вѣрить этому можетъ только тотъ, кто неспособенъ ни къ какому подсчету и учету всего происходящаго и способенъ жить въ атмосферѣ трескучихъ фразъ, пусканія мыльныхъ пузырей и построенія маниловскихъ воздушныхъ замковъ.

Я считаю, что наше спасеніе въ Деникинѣ и въ томъ, чтобы намъ удалось продержаться до зимы, приступивъ немедленно къ самымъ кореннымъ и рѣшительнымъ реформамъ, какъ въ арміи, такъ и во всей системѣ государственной работы. Надѣюсь, что пріѣздъ Головина и командованіе Дитерихса успѣютъ тогда внести систему въ организаціи, сократить усмотрѣніе, ликвидировать или сузить вліяніе атаманщины, поставить на верхи опытный командный составъ и упорядочить снабженіе; тогда къ веснѣ 1920 года можно будетъ имѣть небольшую, но надежную и хорошо управляемую армію и готовые резервы за ней, т. е. то, что нужно, чтобы быстро, какъ говорится, въ два счета, покончить съ красной арміей. Одновременно надо добиться занятія тыла союзными гарнизонами и введенія тамъ законности и здороваго порядка.

Развѣдка сообщаетъ, что нажимъ красныхъ долженъ ослабѣть, такъ какъ имѣются де данныя, что большевики собираются, въ случаѣ развитія успѣховъ Деникина, отходить на Туркестанъ, Индію, Персію и Китай, чтобы зажечь тамъ такой красный пожаръ, который спалитъ всѣхъ союзниковъ. Наши оптимисты готовы строить на этомъ самые радужные планы.

5 Августа. Отходъ фронта продолжается; остатки третьей арміи съ огромнымъ трудомъ выкарабкиваются изъ того катастрофическаго положенія, куда завело ихъ честолюбіе Лебедева и его желаніе спасти свою валящуюся репутацію. Все положеніе теперь зиждется на томъ, что сдѣлаетъ Дитерихсъ; пока, онъ отдалъ весьма дѣльныя распоряженія самымъ спѣшнымъ порядкомъ отвести за Тоболъ наиболѣе разстроенныя части армій и дать имъ отдышаться; не нравится мнѣ только то, что, какъ заявлено, это дѣлается для послѣдующаго перехода въ наступленіе, т. е. для того, на что мы совершенно сейчасъ неспособны. Эта нелѣпая привязанность къ наступленію во что бы то ни стало и боязнь «подлой» обороны составляютъ лейтъ-мотивъ нашей Ставки, гдѣ главныя мѣста по оперативной части заняты преподавателями нашей военной академіи, помѣшавшейся послѣ 1905 года на идеѣ наступленія; у насъ, вѣдь, даже уничтожили самое слово «оборона» и подвергали херему всякаго, кто осмѣливался даже мыслить, что на войнѣ бываютъ, - и нерѣдко, — такіе случаи, когда оборона является лучшимъ способомъ дѣйствія.

Бывая въ Ставкѣ, отдыхаю, глядя на работу Полевого Инспектора Артиллеріи генерала Прибыловича, выполнившаго и продолжающаго выполнять огромную и планомѣрную работу по возстановленію нашей артиллеріи; самъ Прибыловичъ это рѣдкій талантъ по организаціи, подвижникъ идеи и долга, поразительный примѣръ для всѣхъ подчиненныхъ въ отношеніи добросовѣстности, работоспособности и выполненія идеала быть первымъ среди подчиненныхъ по работѣ и послѣднимъ на отдыхѣ; все у него систематизировано, налажено, находится у него въ рукахъ и даетъ блестящіе результаты.

Вечеромъ засѣданіе Совѣта Министровъ; передъ засѣданіемъ обычный въ такихъ случаяхъ докладъ о положеніи на фронтѣ, дѣлаемый, по вступленіи въ должность перваго генералъ-квартирмейстера генерала Андогскаго, лично имъ самимъ; докладъ оставилъ на мнѣ самое непріятное впечатлѣніе своимъ оптимизмомъ и замазываніемъ очень тяжелаго положенія; вмѣсто того, чтобы сказать членамъ Правительства правду, Андогскій очень цвѣтисто, съ апломбомъ опытнаго лектора повѣствовалъ объ «оздоровленіи армій», о возможности скоро опять перейти въ наступленіе и о томъ, что въ Челябинской операціи наши войска показали блестящія способности маневрировать; такія вещи можно докладывать только по незнанію и по неспособности понять положеніе армій или же съ завѣдомымъ намѣреніемъ скрыть правду и выгородить Ставку.

Быть можетъ, вполнѣ допустимо нѣсколько вуалировать подобные доклады, особенно въ деталяхъ, которыя, не будучи существенными, способны навести ненужное уныніе на малопонимающихъ военное дѣло членовъ правительства, жены, друзья и подчиненные которыхъ немедленно растащатъ панику по всѣмъ стогнамъ столичнаго града Омска; но такая разумная осторожность безконечно далека отъ того благополучія, хвастовства и славословія, коими журчалъ сегодня сладкоглаголивый академистъ.

Вмѣсто чрезвычайно опаснаго гашиша такого лживаго оптимизма, представитель Ставки, уполномачиваемый освѣдомлять Правительство о состояніи фронта и ходѣ боевыхъ дѣйствій, обязанъ сказать членамъ Правительства правду, показать имъ опасность положенія, убѣдить ихъ въ необходимости сильныхъ рѣшеній, однимъ изъ коихъ долженъ быть немедленный отъѣздъ правительства и адмирала изъ Омска, что очень легко объяснить, включивъ Омскъ въ армейскій районъ, что дѣлаетъ пребываніе правительства въ немъ недопустимымъ и по логикѣ и по положенію о полевомъ управленіи войскъ.

Вѣдь, таково желаніе фронта, Дитерихса, командующаго войсками Омскаго округа и тѣхъ немногихъ лицъ, которыя понимаютъ, что прочность правительственной власти не можетъ зависѣть отъ пребыванія ея въ Омскѣ; французское правительство не хотѣло оставлять Парижъ въ самыя тяжелыя минуты нѣмецкаго навала на фронтъ, но было бы по дѣтски глупо и смѣшно равнять нашу растрепанную казачью станицу и фактъ переѣзда изъ нея довольно безразличнаго для населенія правительства съ фактомъ переноса французской столицы куда-нибудь на югъ Франціи.

Третьяго дня, въ кабинетѣ предсѣдателя совѣта министровъ я очень осторожно началъ разговоръ о своевременности подумать о переѣздѣ на востокъ, но на меня накинулись такъ, какъ будто я говорю нѣчто недопустимое; особенно горячился искренній, рѣшительный и импульсивный Пепеляевъ; сегодня, послѣ доклада Андогскаго, наши оптимисты совсѣмъ расцвѣли и, подойдя ко мнѣ, говорили: «вотъ видите, какъ вы ошибались, говоря о положеніи фронта». Отвѣтилъ имъ, что остаюсь при старомъ мнѣніи, такъ какъ считаю, что лучше переѣхать заблаговременно, чѣмъ въ обстановкѣ общаго пожара; это будетъ только умная гарантія отъ всякихъ случайностей и объ этомъ нужно думать такъ же, какъ и о томъ, чтобы бросить бредни о наступленіи, а перейти къ оборонѣ на укрѣпленныхъ позиціяхъ до тѣхъ поръ, пока не укрѣпимся настолько, чтобы имѣть дѣйствительное право на наступленіе.

Вечеромъ засѣданіе у адмирала съ приглашеніемъ всѣхъ старшихъ генераловъ; надѣялся, что наконецъ то все обсудимъ и примемъ сильныя рѣшенія, а вышло, что только поболтали и размѣнялись на самыя жалкія мелочи.

Очень много бубнилъ Ивановъ-Риновъ, настоящій митинговый ораторъ; адмиралъ слушалъ его съ удовольствіемъ, потому что тотъ подавалъ матерьялъ, приходившійся по душѣ адмиралу.

Безконечно долго жевали вопросъ объ организаціи бѣлой гвардіи, ставшимъ очереднымъ, модной nouveauté, въ которой видятъ спасеніе отъ всѣхъ золъ. Ивановъ-Риновъ съ наслажденіемъ старой полицейской ищейки смаковалъ вопросъ объ облавкахъ въ Омскѣ на офицеровъ и о постановкѣ по Иртышу постовъ для ловли дезертировъ съ немедленнымъ ихъ разстрѣломъ; казалось бы, что столь высокому и собранному для важной цѣли совѣщанію совершенно неумѣстно заниматься такой дрянью, но на ней проболтали больше часа.

Едва добился слова и высказалъ, что спасеніе не въ созданіи насильственно бѣлой гвардіи, не въ сугубыхъ карательныхъ мѣрахъ, а въ установленіи крѣпкой и реальной власти, приказы и распоряженія которой безпрекословно исполнялись бы ея агентами и были бы для населенія не только жупеломъ и писаной бумагой; надо покончить съ атаманщиной на фронтѣ и въ тылу и съ равными автономными организаціями; надо, чтобы власть была освобождена отъ тлетворнаго вліянія разныхъ кружковъ, партій, сословныхъ и классовыхъ организацій.

Немыслимо существованіе такой власти, которой приходится гадать на пальцахъ исполнятъ или нѣтъ отданное распоряженіе и при неисполненіи дѣлать видъ, что она это не замѣчаетъ.

Съ военной точки врѣнія дряблая власть не мыслима и всѣ атаманствующіе элементы должны быть сокрушены во что бы то ни стало, ибо это бѣлый большевизмъ, язва, гангрена, которая насъ слопаетъ.

Нужны героическія мѣры по сокращенію армій, по уничтоженію расплодившихся штабовъ и по расформированію дивизій въ 400 штыковъ при 6—7 тысячахъ нестроевыхъ и штабныхъ чиновъ. На командныя должности надо поставить настоящихъ начальниковъ, умѣющихъ распоряжаться боемъ и войсками; нужно, чтобы начальники и штабы всколыхнулись и своимъ примѣромъ показали, какъ надо служить родинѣ въ столь тяжкія времена. Надо открыто глядѣть въ лицо опасности отъ развала офицерства, потерявшаго тѣ кадры героевъ, которые простыми бойцами поднялись противъ господства красныхъ мучителей своей родины и своего народа.

Нужно все это сознать, оцѣнить всю его важность и грозность, поставить на очередь текущаго часа цѣлый рядъ неотложныхъ организаціонныхъ реформаціонныхъ вопросовъ и властно ихъ осуществить; полицейскія же мѣры, облавы и пр. предоставить усмотрѣнію командующаго войсками округа и его комендантамъ.

Затѣмъ, я коснулся вопроса о резервахъ, о несоотвѣтственныхъ способахъ ихъ подготовки и выразилъ сожалѣніе, что фронтъ израсходовалъ наши послѣдніе резервы, причемъ было нарушено обѣщаніе не трогать ихъ ранѣе середины Августа.

Адмиралъ былъ очень разсерженъ моимъ докладомъ, не далъ мнѣ кончить, а, когда я хотѣлъ впослѣдствіи возражать Иванову-Ринову, то сдѣлалъ видъ, что не слышитъ моей просьбы дать мнѣ слово.

Меня рѣшительно, но одиноко поддержалъ одинъ только генералъ Матковскій, заявившій, что вполнѣ присоединяется къ словамъ управляющаго военнымъ Министерствомъ. Моя горячая рѣчь осталась только сотрясеніемъ воздуха; вмѣсто ея обсужденія, занялись вновь полицейскими измышленіями Иванова-Ринова. Только старая дисциплина удержала меня отъ того, чтобы встать, извиниться какимъ-нибудь предлогомъ и уйти изъ этого засѣданія.

Вернувшійся съ фронта Лебедевъ выглядитъ по прежнему важно, беззаботно и весело, его пустая голова и ничтожное сердце, очевидно, не понимаютъ, что его честолюбіе проложило арміи и родинѣ длинную тропу бѣдъ и испытаній; что, благодаря его профессіональной безграмотности, сведены на нѣтъ всѣ успѣхи прошлаго года и что сейчасъ наше спасеніе только въ томъ, чтобы немедленно выгнать изъ Ставки его и его никчемушныхъ сотрудниковъ по погубленію сибирскихъ бѣлыхъ войскъ и начать все снова.

Лебедевъ со свойственной ему рѣзкостью и надменностью набросился на Матковскаго за то, что подчиненный послѣднему округъ не сумѣлъ приготовить во время 11, 12 и 13 дивизіи, сказавъ, что начальники дивизій и командиры полковъ оказались никуда не годны, такъ какъ управляли боемъ по телефону

Чѣмъ виноватъ Матковскій, все время докладывавшій, что дивизіи для боя не готовы, въ томъ, что эти дивизіи были жульническимъ образомъ уведены на фронтъ, гдѣ ихъ погнали въ бой, не считаясь съ тѣмъ, что онѣ не умѣли маневрировать и не кончили курсовъ стрѣльбы. При этомъ погнали въ бой чуть ли не изъ вагоновъ, поставили сложнѣйшія боевыя задачи; одна изъ дивизій была пущена въ бой послѣ 62 верстнаго перехода, причемъ послѣднія 16 верстъ ее гнали форсированнымъ шагомъ; такихъ преступныхъ экспериментовъ не выдержали бы и многія дивизіи старой кадровой арміи.

Вечеромъ засѣданіе Совѣта Министровъ. Общая грозовая атмосфера развязала языки и начались взаимные попреки и уязвленія. Преображенскій очень ядовито сказалъ, что доправительствовались до того, что даже грудныя дѣти насъ ругаютъ. Раздрайка выяснилась капитальная.

Хотѣли по примѣру всѣхъ запутанныхъ и катастрофическихъ временъ и положеній образовать совѣтъ обороны съ участіемъ въ немъ министровъ.

Какъ представитель военнаго вѣдомства, рѣшительно высказался противъ, заявивъ, что въ обычное время это было бы вполнѣ цѣлесообразно, но сейчасъ нужна сильная и единая на фронтѣ власть и одна довѣренная голова, и связывать ихъ разными совѣтами не время; пользы отъ этого никакой, а всякой проволочки и возможнаго вреда сколько угодно.

Въ городѣ сплетничаютъ, что нѣкоторые дальновидные министры достали, на всякій случай, пролетарскіе костюмы.

Адмиралъ опять уѣхалъ на фронтъ, убѣждаемый близкими совѣтниками, что въ этомъ что-то магическое, способное выправить положеніе.

Тюмень наканунѣ перехода къ краснымъ. Дитерихсъ пытается произвести реорганизацію армій, но сейчасъ это почти неосуществимо въ обстановкѣ общей разрухи.

Иностранцы подъ разными благовидными предлогами начинаютъ отбывать на востокъ — зловѣщій признакъ того, что мы «взвѣшены» и найдены «легкими».

Вечеромъ потерялъ нѣсколько часовъ въ безнадежной теперь комиссіи по снабженію предметами первой необходимости населенія мѣстностей, освобождаемыхъ отъ большевизма; какъ это характерно для нашей правительственной работы внѣ времени и пространства; неужели же нѣтъ ничего болѣе срочнаго и реальнаго?

Въ довершеніе словеснаго потопа, на засѣданіе прибыли новые члены изъ состава Гос. Экон. Совѣщанія, пожелавшіе отличиться; они томительно заливали насъ потоками краснорѣчія на разныя темы о выѣденномъ яйцѣ.

7 Августа. Лебедевъ пытается проявлять кипучую дѣятельность; собралъ, какъ военный замѣститель адмирала, продолженіе послѣдняго совѣщанія. Просидѣли мы около шести часовъ, занимаясь невѣроятными пустяками. Началось съ созданія бѣлой гвардіи и первымъ ораторомъ выступилъ самъ наштаверхъ, понесшій какую-то дѣтскую околесицу. На этотъ разъ не выдержалъ, перебилъ его докладъ и коротко выявилъ всю его несостоятельность.

Важный наштаверхъ натопорщился и попробовалъ стать въ положеніе повелѣвающаго, но я закусилъ удила; единодушная поддержка большинства участниковъ засѣданія, мнѣ выявленная, сбила Лебедева съ гордой позиціи.

Вглядываясь все чаще во внутреннее содержаніе этой большой по наружности, но ничтожной по содержанію фигуры, завидуешь удачѣ большевиковъ и неблагосклонности къ намъ фортуны, выбросившей во главу распоряженія сибирскими войсками такую безнадежную ограниченность.

Бетонноголовый, но очень рѣшительный Сахаровъ пытался опять наступать, при чемъ окончательно расквасилъ послѣдніе сохранившіеся остатки своей арміи. При этомъ произошла какая-то частичная катастрофа, которую усердно скрываютъ.

Дитерихсъ занялся приведеніемъ въ порядокъ армейскихъ тыловъ; сейчасъ это легче сдѣлать, такъ какъ многочисленные штабы, управленія и хозяйственные склады, спасая свои шкурки и достатки, въ паническомъ стремленіи удрать подальше отъ фронта, проскочили за Омскъ, лишились непосредственнаго заступничества своихъ командармовъ и ихъ сейчасъ не трудно ущемить и ликвидировать. Дитерихсъ послалъ нѣсколько полномочныхъ комиссій, чтобы все это разобрать.

Въ Барнаульскомъ районѣ начались крупныя возстанія — результатъ хозяйничанья разныхъ карательныхъ экспедицій и отрядовъ особаго назначенія; къ Вологодскому пріѣзжалъ изъ Славгорода какой-то крестьянинъ, изъ бывшихъ членовъ Государственной Думы, и жаловался, что въ ихъ округѣ нѣтъ деревни, въ которой по крайней мѣрѣ половина населенія не была перепорота этими тыловыми хунхузами (очень жидкими по части открытой борьбы съ возстаніями, но очень храбрыми по части измывательства надъ мирнымъ населеніемъ).

Предлагалъ Пепеляеву внести совмѣстно проектъ объ установленіи для чиновъ милиціи и особыхъ отрядовъ тройныхъ окладовъ пенсій и жалованья, дабы привлечь туда болѣе здоровые элементы.

Онъ мнѣ отвѣтилъ, что очень бы хотѣлъ улучшить ихъ матерьяльное положеніе, но боится переобременить средства государственнаго казначейства; я разозлился и сказалъ, что эта боязнь доведетъ до того, что и казначейства не будетъ, да и боящихся тоже.

8 Августа. Продолжительное засѣданіе Совѣта Министровъ съ вызовомъ туда Лебедева и всѣхъ генералъ-квартирмейстеровъ. До начала засѣданія поднялъ вопросъ объ эвакуаціи Омска, указавъ, что таково общее желаніе фронта, Дитерихса, окружного начальства. Получилъ отвѣтъ, что зато категорически противъ самъ адмиралъ и всѣ союзники, которые де считаютъ, что отъѣздъ Правительства изъ Омска это его гибель, и что таково мнѣніе всѣхъ знающихъ настроеніе Сибири.

Что касается ссылки на населеніе, то это форменная ложь, ибо правительствомъ настолько не интересуются, что 90% не обратитъ даже вниманіе на такое перемѣщеніе; используетъ этотъ фактъ, конечно, большевистская пропаганда и антиправительственная агитація, но этой прелести на нашей шеѣ и за нашей спиной столько, что никакой новый добавокъ не ухудшитъ общаго положенія.

Тонъ совѣщанія былъ данъ Михайловымъ, который съ огромнымъ пафосомъ, звенящимъ голосомъ и въ очень красивыхъ фразахъ заявилъ, что отъѣздъ Правительства изъ Омска невозможенъ и что оно должно оставаться здѣсь до самаго конца.

Послѣ этого начала, многіе члены Совѣта, напоминавшіе до начала засѣданія мокрыхъ курицъ, взбодрились и полились рѣчи въ духѣ Мининыхъ и Пожарскихъ, вплоть до выхода всѣхъ министровъ съ винтовками въ рукахъ, когда придется защищать Омскъ.

Слушалъ въ полномъ неодумѣніи; какой злой рокъ отнимаетъ у очень неглупыхъ и по своему дѣльныхъ людей здравый смыслъ въ такомъ серьезномъ дѣлѣ?

Лебедевъ и бывшіе съ нимъ генквары расписали полное благополучіе на фронтѣ и быстрое возрожденіе или, какъ выражается Андогскій, «оздоровленіе армій».

Я деликатно спросилъ, провѣрены ли Ставкой эти оптимистическія, а для меня лично очень сомнительныя свѣдѣнія, и получилъ отвѣтъ Лебедева, что были посланы генералы и чины развѣдки, которые подтвердили правдивость утѣшительныхъ донесеній штармовъ и штабовъ группъ.

Такой опредѣленный отвѣтъ долженъ лечь на совѣсть его дающихъ. Я ему не вѣрю, такъ какъ я видѣлъ десятки прибывшихъ съ фронта настоящихъ, понимающихъ дѣло офицеровъ и большинство ихъ говоритъ другое и столь ярко и опредѣленно, что даже съ поправкой на неизбѣжный пессимизмъ, выводы получаются не только неутѣшительные, но почти что безнадежные. По заявлекію фронтовыхъ офицеровъ, главная болѣзнь нашихъ скороспѣлыхъ формированій: «не хотятъ воевать, не хотятъ ходить, не хотятъ терпѣть», ну, а съ этимъ ничѣмъ, кромѣ чисто комиссарскихъ и намъ неподходящихъ средствъ, уже не справиться.

Какъ ни какъ, а Лебедевъ очень твердо заявилъ Совѣту Министровъ, что арміи черезъ двѣ недѣли перейдутъ въ новое рѣшительное наступленіе; къ этому блюду былъ преподнесенъ соусъ изъ сфабрикованныхъ, несомнѣнно, въ развѣдкѣ свѣдѣній о полнѣйшемъ разложеніи красной арміи. Какъ это мало вяжется съ тѣмъ, что было подъ Челябинскомъ, когда мы, употребляя выраженія Андогскаго, великолѣпно маневрировали и войска проявили высокія боевыя качества, и все же ушли съ разбитыми носами, не будучи въ состояніи разбить «разлагающіяся красныя войска». Хотѣлось спросить

Лебедева, кто же вретъ, онъ самъ или квартирмейстеръ, завѣдывающій операціями, или квартирмейстеръ, вѣдающій развѣдкой.

Въ концѣ засѣданія получена телеграмма Верховнаго Правителя о немедленной эвакуаціи изъ Омска всѣхъ министерствъ; я облегченно вздохнулъ и мысленно поблагодарилъ Дитерихса, подъ вліяніемъ котораго было принято это благое и умное рѣшеніе.

Это было полной неожиданностью, такъ какъ только что Совѣтъ Министровъ, успокоенный заявленіемъ Лебедева, рѣшилъ изъ Омска не уходить и Омска не эвакуировать.

Начались новые дебаты, въ результатѣ которыхъ превозобладало рѣшеніе Михайловскаго большинства, всецѣло поддержаннаго представителями Ставки, и Совѣтъ Министровъ, не обращая вниманіе на телеграмму Адмирала, постановилъ изъ Омска не уѣзжать, а только свернуть министерства до послѣдней возможности съ тѣмъ, чтобы ихъ легче было потомъ эвакуировать.

Вмѣсто дѣла, рѣшили заняться взывательной и рекламной шумихой и «показать странѣ и населенію, что Правительство бодро смотритъ на будущее, что оно сильно, рѣшительно и перешло къ властной, энергичной работѣ на устройство страны и на ея защиту. Что можетъ быть пустопорожнѣе этихъ трескучихъ фразъ послѣ годовой дѣятельности, реально показавшей, что сумѣло дать странѣ это самое правительство во время расцвѣта своей силы и кульминаціоннаго положенія. Кто повѣритъ теперь трескучкѣ, которой завтра оклеятъ всѣ Омскіе заборы и плакатныя доски на большихъ станціяхъ. Вѣдь, населеніе цѣнитъ насъ не по величинѣ плакатовъ и не по звучности взывательныхъ фразъ, а по дѣламъ нашимъ.

Вообще, къ концу засѣданія паръ поднялся очень высоко, но я видѣлъ, какимъ онъ былъ въ началѣ засѣданія, а то, что такъ быстро поднимается, падаетъ въ минуты испытаній еще быстрѣе.

Сначала хотѣлъ подать особое мнѣніе, но видя, что михайловское правительство побѣдило, и что рѣшенія объ эвакуаціи Омска не измѣнить, махнулъ рукой; вышло кстати, такъ какъ при голосованіи оказалось, что при присутствіи Лебедева я права голоса не имѣю.

Вторая часть засѣданія ушла на обсужденіе вопроса о созданіи Комитета обороны; Тельбергъ, ярый сторонникъ этой идеи поднесъ ее подъ умѣло составленнымъ соусомъ и получилъ одобреніе Лебедева и Ко. Рѣшеніе запоздалое; существуй комитетъ раньше, быть можетъ, при его помощи можно было парализовать неумѣлую дѣятельность Ставки и справиться съ безпорядками по Министерству Снабженія; сейчасъ же — уже не до комитетовъ.

Получилъ непріятное извѣстіе, что вагоны, отправленные мной для южной арміи, туда не проскочили; произошло это потому, что офицеры пріемщики не поѣхали вмѣстѣ съ эшелонами и послѣдніе, никѣмъ не опекаемые, болтались по станціямъ и попали въ Челябинскъ уже ко времени его очищенія и ихъ погнали назадъ въ Курганъ. Сообщилъ объ этомъ командарму южной съ просьбой разстрѣлять немедленно этихъ пріемщиковъ, если тѣ къ нему явятся.

Положеніе южной арміи трагическое; она всегда была какимъ-то пасынкомъ — сначала у западной арміи, а потомъ у фронта; у ней не было собственной этапной линіи и ей перепадало только то, что благоволила пропустить западная армія. Между тѣмъ, судя по всѣмъ распоряженіямъ и дѣйствіямъ, у командующаго этой арміей генерала Бѣлова хорошо сдѣланная голова, правильно поставленное мышленіе, хорошее знаніе дѣла, пониманіе значенія тыла и заботливость о войскахъ.

При наличіи въ нашихъ операціяхъ здраваго смысла, южной арміи должно было принадлежать преобладающее значеніе, какъ ближайшей къ Деникину, но этого (причины, Господи, Ты вѣси) не произошло.

Сейчасъ наши ставочные стратеги сначала привели эту армію на край гибели, обезпечивая ей Челябинскую авантюру съ юга и задерживая ея своевременный отходъ, а потомъ валятъ на нее, такія несосвѣтимыя по своему идіотству задачи — «обязательнаго прикрытія дороги на Ташкентъ, для чего ей разрѣшается постепенно отходить, скользя лѣвымъ флангомъ вдоль Ташкентской желѣзной дороги». Только протухшіе мозги могутъ

родить такую задачу, очень эфектную въ академической аудиторіи или въ диссертаціи, но нелѣпую въ современномъ положеніи южной арміи.

Безпокоюсь очень за Уральцевъ и ихъ снабженіе; то, что слышу про этихъ этическихъ борцовъ противъ красныхъ, сдѣлало ихъ моей слабостью, и я готовъ на все, чтобы имъ помочь. Самъ теперь уже безсиленъ продолжать что-нибудь имъ посылать и усердно просилъ Нокса взять ихъ снабженіе на себя подачей всего необходимаго по Каспійскому морю на Гурьевъ. Отзывчивый, какъ всегда, Ноксъ обѣщалъ сдѣлать все возможное.

9 Августа. Маленькій проблескъ пріятнаго въ видѣ надежды наладить собственную выдѣлку хирургическихъ инструментовъ, гигроскопической ваты и лигнина; нашелъ машины и знающихъ дѣло людей; во всемъ этомъ огромная нужда и возможность стать на собственныя ноги очень пріятна.

Вернулся домой въ три часа утра; такъ долго тянулось засѣданіе совѣта министровъ, въ которомъ большинствомъ семи голосовъ противъ шести одобренъ проэктъ совѣта обороны, для фронта совершенно не пріемлемый. Я долго боролся противъ этого рѣшенія, но видя свое безсиліе, написалъ записку-протестъ и передалъ ее Бурлину съ просьбой доложить адмиралу мое мнѣніе.

Вотъ, если удержимся до зимы, то тогда надо обязательно создать такой совѣтъ, но не въ Тельберговской или совѣтской редакціи, а какъ помощь адмиралу въ его работѣ и какъ коррективъ Ставки и Снабженій. У Тельберга получается очень скверная копія гофкригсрата, да еще изъ штатскихъ людей.

Вчера состоялась публичная лекція полковника Котомина, бѣжавшаго изъ Красной Арміи; присутствующіе не поняли горечи лектора, указавшаго на то, что въ комиссарской арміи много больше порядка и дисциплины, чѣмъ у насъ, и произвели грандіозный скандалъ, съ попыткой избить лектора, одного изъ идейнѣйшихъ работниковъ нашего національнаго Центра; особенно обидѣлись, когда К. отмѣтилъ, что въ красной арміи пьяный офицеръ невозможенъ, ибо его сейчасъ же застрѣлитъ любой комиссаръ или коммунистъ; у насъ же въ Петропавловскѣ идетъ такое пьянство, что совѣстно за русскую армію.

10 Августа. Новая серія картинъ Омскаго кинематографа. Лебедева рѣшили убрать, а на его мѣсто по должности Наштаверха и Военнаго Министра назначается Дитерихсъ, остающійся вмѣстѣ съ тѣмъ и Главнокомандующимъ Восточнымъ фронтомъ; сначала вздваивали должности, а теперь начинаютъ ихъ встраивать; неужели же думаютъ, что единство и стройность управленія достигаются сваливаніемъ въ одну кучу трехъ совершенно несовмѣстимыхъ должностей — командной, штабной-оперативной и административной-тыловой. Нѣтъ людей, чтобы хорошо справиться съ каждой изъ этихъ трехъ должностей въ отдѣльности, и въ то же время валятъ на одного человѣка всѣ ихъ три вмѣстѣ.

Лебедева назначили командующимъ южной степной группой, выдумавъ это абсолютно ненужное новое соединеніе только для того, чтобы спустить куда-нибудь ставшаго уже невтерпежъ всѣмъ наштаверха. Намъ надо уничтожить десятки ненужныхъ штабовъ и управленій; мы комичны съ нашими безчисленными штабами, и, несмотря на это, создаемъ новый штабъ арміи, т. е. цѣлое грандіозное по личному составу учрежденіе только ради того, чтобы устроить золотой мостъ выгоняемому по негодности и принесшему столько вреда ничтожеству.

Ивановъ-Риновъ развертывается все шире и шире, гребетъ деньги и матерьялы обѣими лапами, грозно машетъ руками и сулится не только все выручить, но и неукоснительно покорить подъ новѣ всѣхъ противящихся.

Былъ вызванъ къ новому Военному Министру Дитерихсу; видѣлъ его впервые; впечатлѣніе унесъ смѣшанное; есть какое-то «но», въ которомъ еще не разобрался. Первыя распоряженія до нельзя странныя, такъ какъ упраздняются только-что сформированные штабы фронта и управленія главнаго начальника снабженій фронта и снабженіе арміи возлагается непосредственно на Главныя Управленія Военнаго Министра, то есть что-то весьма импровизированное и противорѣчащее всему духу положенія о полевомъ управленіи войскъ; вмѣстѣ съ тѣмъ заявляется, что вся эта реформа только на 4—6

недѣль, а когда начнется уже рѣшенное наступленіе и фронтъ пойдетъ впередъ, то управленія главнаго начальника снабженій будутъ опять возстановлены.

Изъ этихъ распоряженій лѣзетъ какое-то непонятное мнѣ легкомысліе и подозрѣніе, что новое трехглавое начальство совершенно не представляетъ себѣ, какъ производятся и что значатъ такія преобразованія и реформы. Это напоминаетъ горизонтъ очень мелкаго радіуса; даже странно, что бывшій генералъ-квартирмейстеръ настоящаго фронта не понимаетъ, что такое значитъ сформировать и расформировать десятокъ очень сложныхъ отдѣловъ, составляющихъ управленіе снабженій.

По сообщенному же плану выходитъ, что для Дитерихса эти сложныя, требующія многихъ недѣль времени передѣлки, представляются тѣмъ-же, что переложить поводья изъ одной руки въ другую.

Вѣдь, даже при отлично налаженной общей организаціи, всѣ такія реформы очень болѣзненно отзываются на войскахъ, перебиваютъ обычный укладъ ихъ существованія, вызываютъ разлаженность снабженія и всевозможныя задержки.

Едва войсковые штабы и управленія къ чему нибудь привыкнутъ, мы все ломаемъ и подносимъ имъ новое; все это вызываетъ въ нашей скрипучей системѣ такіе мертвые ходы, что у насъ вверху идетъ вторая или третья перестройка, а низы продолжаютъ жить по позавчерашней первой.

Изслѣдованіе удравшихъ въ районъ Новониколаевска и даже Красноярска армейскихъ и войсковыхъ тыловыхъ учрежденій дало ничуть меня не удивившія открытія въ видѣ 30 тысячъ паръ сапогъ въ одномъ эшелонѣ, 20 тысячъ паръ суконныхъ шароваръ въ другомъ, 29 тысячъ паръ бѣлья въ третьемъ и пр. и пр.; нашли вагоны съ револьверами, биноклями и разнымъ снаряженіемъ, надъ которымъ мы распластывались, стараясь возможно скорѣе подать его войскамъ; все это попадало въ руки разныхъ начхозовъ, не въ мѣру заботливыхъ о будущихъ нуждахъ своихъ частей, и складывалось ими про запасъ на будущее время. А фронтъ и арміи вопили, что у нихъ ничего нѣтъ, не пытаясь даже заглянуть въ хранилища своихъ же частей и учрежденій.

Случай на почтѣ далъ мнѣ возможность познакомиться съ какой-то таинственной бухгалтеріей между чехами и Жаненомъ; ко мнѣ попалъ конвертъ, шедшій отъ какой-то чешской комиссіи къ Жанену съ требовательной вѣдомостью текущихъ ассигнованій. Дежурный офицеръ вскрылъ конвертъ и положилъ мнѣ въ очередную почту. Я наткнулся на эту бумагу, удивился, почему она ко мнѣ попала, но, пробѣгая ради любопытства вѣдомость, узрѣлъ что, вслѣдъ за разными рубриками на разные виды довольствія, указывается къ зачету круглая сумма въ девять милліоновъ франковъ «за спасеніе для русскаго народа Каслинскаго завода».

Выходитъ, что чехи не только нагребли у насъ сотни вагоновъ нашего имущества и разбогатѣли на нашемъ несчастіи, но и ставятъ на какой-то таинственный счетъ разныя «спасенія», связанныя съ ихъ вооруженнымъ выступленіемъ противъ большевиковъ.

Отправилъ эти вѣдомости по назначенію, штабъ Жанена поднялъ цѣлую бурю, требовалъ суроваго наказанія начальника полевой почтовой конторы; очевидно, эта бухгалтерія составляетъ пока секретъ ходкихъ на разныя пріобрѣтенія чеховъ и ихъ покладливаго шефа и не подлежитъ оглашенію до тѣхъ поръ, пока не будетъ предъявленъ при надлежащей обстановкѣ общій счетъ за чешскія услуги.

11 Августа. Родилась новая организація Ставки: Дитерихсъ въ тройной коронѣ своихъ должностей съ тремя помощниками Андогскимъ, Бурлинымъ и мною, причемъ опять заявлено, что это только на нѣсколько недѣль, до начала наступленія, которое назначено въ началѣ Сентября.

Затѣмъ, все будетъ такъ, какъ рѣшитъ ѣдущій сюда генералъ Головинъ, назначаемый начальникомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Наступленіе будутъ вести Сахаровъ и Лебедевъ, причемъ послѣднему дадутъ всѣхъ казаковъ. Совершенно не понимаю, какое наступленіе возможно съ остатками нашихъ развалившихся армій и при полномъ отсутствіи какихъ-либо резервовъ.

Имѣлъ двухчасовой разговоръ съ Дитерихсомъ; онъ понимаетъ недостатки существующей организаціи фронта, но недостаточно рѣшителенъ въ вопросѣ сокращенія

старшихъ штабовъ; къ сожалѣнію, онъ усвоилъ себѣ сибирскую точку зрѣнія на то, что гражданская война требуетъ старшихъ начальниковъ, ходящихъ въ атаку съ винтовкой въ рукѣ. Положеніе армій онъ учитываетъ неправильно, но считаетъ себя непогрѣшимымъ авторитетомъ, подчеркивая, что все послѣднее время онъ провелъ въ самой гущѣ войскъ и отлично знаетъ ихъ состояніе и настроенія.

Такое неправильное знаніе хуже незнанія, ибо, при увѣренности въ правильности взгляда, поведетъ Дитерихса на рѣшительные шаги по части наступленія. Онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергъ мое мнѣніе, что арміи уже неспособны къ наступленію и разсказалъ мнѣ идею предстоящей операціи; наступленіе рѣшено вести въ пространствѣ между Тоболомъ и Ишимомъ, нанося главный ударъ своимъ лѣвымъ флангомъ, на которомъ предположено сосредоточить всѣ конныя части. По идеѣ планъ совсѣмъ хорошій, но по состоянію войскъ и неимѣнію резервовъ для развитія длительной и напряженной операціи, неосуществимый.

На мое замѣчаніе о томъ, что по моимъ свѣдѣніямъ солдаты, да и часть офицеровъ не хотятъ воевать, Дитерихсъ очень сухо замѣтилъ, что все это очень преувеличено и искажено разными болтунами, и затѣмъ все время держалъ меня въ рамкахъ разговора о снабженіи; выходило на манеръ «сапожникъ, знай свои сапоги».

Тѣмъ не менѣе я спросилъ Дитерихса, какіе же у него планы на случай неудачнаго наступленія, на что онъ отвѣтилъ: «разобьемся на партизанскіе отряды и, какъ въ 1918 году, начнемъ снова». Это уже полный абсурдъ, ибо трудно представить себѣ обстановку, болѣе отличную отъ 1918 года, чѣмъ настоящая; тогда мы боролись съ разрозненными толпами мѣстной красноармейщины, а сейчасъ противъ насъ регулярная армія, руководимая военными спецами изъ нашего же брата; тогда населеніе было за насъ, а теперь оно противъ насъ; все это дѣлаетъ партизанскую войну для насъ почти невозможной.

Приходилъ сіяющій и торжествующій Ивановъ-Риновъ, плавающій въ блаженствѣ разведенной имъ шумихи, торжествъ, рѣчей и похвальбы разгрома красныхъ поднимаемой имъ казачьей силой.

Идетъ печальное повтореніе поднять настроеніе надрывомъ и угаромъ трескучихъ фразъ; пользы отъ этого никакой, а вреда очень много, ибо туманитъ глаза, застилаетъ правду, смягчаетъ остроту положенія и настраиваетъ на неумѣстный оптимизмъ.

Поднимать настроеніе не мѣшаетъ, но это надо дѣлать умѣло и не словами, а дѣлами; когда же туманъ застилаетъ дорогу «консуламъ, которымъ надо зорко смотрѣть далеко впередъ», то немудрено свалиться въ яму.

Въ нашей гнилой атмосферѣ очень успѣшно зарождаются разныя песьи мухи: прибывшій съ юга генералъ Лебедевъ 2-й, принявъ, вмѣсто Касаткина, должность главнаго начальника военныхъ сообщеній, выговорилъ себѣ право немедленнаго возвращенія обратно въ Екатеринодаръ для выбора себѣ тамъ помощниковъ и состава служащихъ, ибо мѣстные, по его заключенію, никуда не годны.

Ну, что все это онъ написалъ въ докладѣ, это еще понятно, ибо со временъ революціи всѣ обнаглѣли; но то, что Дитерихсъ далъ свое согласіе на эти условія, прямо умопомрачительно; трудно сказать, что больше: наглость просившаго или абсурдность давшаго.

Выходитъ, что явился изъ за морей нѣкій гусь, отказался ѣхать на фронтъ, ухватилъ кстати подвернувшееся и подходящее по цензу мѣсто, призналъ всѣхъ неучами, повертѣлъ носомъ, и, вмѣсто того, чтобы работать и учить насъ неучей, отбываетъ опять на югъ примѣрно на 5—6 мѣсяцевъ, предоставляя неучамъ за него работать.

Написалъ письмо наштаверху съ протестомъ противъ такого нелѣпаго назначенія; въ былыя времена въ генеральномъ штабѣ такіе случаи были органически невозможны.

Приходилъ ко мнѣ порядочно выпившій Ивановъ-Риновъ и въ пьяной болтливости высказалъ нѣсколько весьма характерныхъ мыслей изъ своей системы управленія: 1) предать суду и публично разстрѣлять нѣкоторое количество спекулянтовъ (конечно, жена Его казачьяго Превосходительства, привозившая съ Дальняго Востока товары вагонами, ничего не платя за провозъ, а потомъ публично продававшая ихъ въ Омскѣ по кубическимъ цѣнамъ, къ числу спекулянтовъ не относится).

2) Устраивать постоянныя облавы на офицеровъ и чиновниковъ, причемъ извѣстный процентъ захваченныхъ тутъ же разстрѣливать.

3) Объявить поголовную мобилизацію, ловить уклоняющихся и тоже разстрѣливать.

Симпатичная идеологія, непредвидѣнная даже Щедринымъ, изобразившимъ въ «исторіи одного города» самые разномастные типы россійскихъ помпадуровъ; несомнѣнно, что въ лицѣ этого отставного Держиморды совнаркомъ потерялъ замѣчательнаго предсѣдателя чрезвычайной комиссіи, который затмилъ бы славу Дзержинскаго и Ко.

И, однако, этотъ городовой вылѣзъ на амплуа общаго спасителя и на него съ надеждой и упованіемъ взираетъ вся посѣрѣвшая отъ страха буржуазная слякоть, и ждетъ, что сей рыкающій левъ навѣрняка избавитъ ее отъ краснаго кулака.

12 Августа. Лѣнтяи и трусы заволновались, засуетились; всѣ стали проявлять суматошливую, хаотическую дѣятельность, особливо по части совѣтовъ и спасительныхъ рецептовъ; по діагнозу болѣзней государственно-общественныхъ организмовъ это очень скверные признаки

Сейчасъ омскія канцеляріи и пріемныя напоминаютъ потерявшія регулировку машины или кинематографическія ленты, летящія съ двойной быстротой; обычная картина работы лѣнивыхъ рабовъ, трясущихся передъ надвигающейся грозой и пытающихся въ минуты наверстать то, что потеряно въ часы и дни.

Поздно крѣпить паруса, когда отъ лѣни и недосмотра треснули мачты, а вся корабельная снасть сгнила.

Вся эта суматоха только усугубляетъ общій сумбуръ и отражается на обычной текущей работѣ; въ одно русло сливаются часто самыя противорѣчивыя распоряженія, сталкиваются другъ съ другомъ, отмѣняютъ другъ друга.

Масса охотниковъ быть спасителями; появились прожектеры съ первосортными и безотказными по части спасенія рецептами; какъ и полагается всегда въ такое время, появились изобрѣтатели особоистребительныхъ пушекъ, чудодѣйственныхъ аэропланов, бомбъ и пр. и пр., — неизбѣжное явленіе — спутникъ случайнаго нервнаго подъема толпы, сопровождающаго всегда критическіе періоды военнаго счастья.

Аппетитъ Иванова-Ринова по части денегъ и матерьяловъ не знаетъ предѣла; онъ чувствуетъ себя полновластнымъ хозяиномъ положенія и не стѣсняется; хватка у него по этой части настоящая казачья. Сначала говорилось, что казакамъ нужны только однѣ винтовки, но это было повтореніемъ разсказа о приготовленіи щей изъ топора; за винтовками посыпались требованія, подкрѣпляемыя весьма недвусмысленными угрозами на случай неисполненія, и ко вчерашнему дню сибирскому войску выдано: 102 милліона рублей; все снабженіе лѣтнее и зимнее на 20 тысячъ человѣкъ, сѣдла, упряжь, значительная часть обоза и обозныхъ лошадей.

Все наличіе идетъ казакамъ; снабженіе полураздѣтой и потерявшей свои запасы арміи фактически пріостановлено; на мои заявленія получаю приказанія прежде всего удовлетворить казаковъ.

Исполняю приказы, и вспоминаю разсказы свидѣтелей такого же поголовнаго выхода Оренбургскихъ казаковъ, получившихъ всякое пособіе и снабженіе, а потомъ расплывшихся по своимъ станицамъ.

Кромѣ казны, Ивановъ-Риновъ не забылъ и буржуевъ; биржевымъ комитетамъ Сибири почти что приказано дать деньги для вспомоществованія казакамъ.

Смотря на Ринова, думаю, что онъ временами даже искренъ во всей дѣятельности и воображаетъ что дѣйствительно изъ его шумихи что нибудь выйдетъ; онъ одурманенъ честолюбіемъ, головокружительнымъ успѣхомъ своей затѣи и увлеченіемъ вѣры въ возможность повести людей на лишенія и подвигъ, взвинтивъ ихъ минутное настроеніе шипучими словами.

13 Августа. Вернулся домой въ 4 ч. утра; въ 11 часовъ ночи началось знаменательное закрытое засѣданіе Совѣта Министровъ; грозность положенія смыла сразу весь глянецъ искусственно дружескихъ отношеній и началась грызня, обвиненія и уязвленія.

Гинсъ обрушился на замѣстителя предсѣдателя Совѣта Министровъ Тельберга и на Совѣтъ Верховнаго Правителя съ яркими обвиненіями въ олигархіи, въ проведеніи

указовъ заднимъ числомъ и т. п. Это развязало языки. 10 мѣсяцевъ совѣтъ министровъ былъ только фиктивной властью, исполняя все то, что было угодно Михайлову, Сукину и Ко., всѣ насущные вопросы государственной жизни рѣшались въ секретныхъ засѣданіяхъ пятерки министровъ-переворотчиковъ, членовъ Совѣта Верховнаго Правителя, причемъ остальные члены Совѣта Министровъ совершенно не знали, что дѣлается въ этомъ тайномъ Совѣтѣ и какія рѣшенія тамъ принимаются; это была настоящая дворцовая камарилья, плѣнившая представителя верховной власти, помыкавшая имъ по своему желанію и управлявшая его именемъ.

Въ своемъ нападеніи Гинсъ воспользовался тѣмъ, что Тельбергъ, недовольный, что Совѣтъ Министровъ не принялъ его редакціи проекта Совѣта обороны, а утвердилъ его въ иной, неугодной Тельбергу, редакціи, добился подписанія адмираломъ указа, утверждающаго Совѣтъ въ Тельберговской редакціи, причемъ для полученія права первенства и преимущества надъ оставшейся, такимъ образомъ, за флагомъ редакціей Совѣта Министровъ, указъ Верховнаго Правителя былъ помѣченъ заднимъ числомъ (7 Августа) по сравненію съ днемъ соотвѣтственнаго засѣданія Совѣта Министровъ.

Трудно найти названіе этому поступку, совершенному замѣстителемъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, Министромъ Юстиціи и Генералъ Прокуроромъ ради удовлетворенія своего самолюбія и ради того, чтобы настоять на своемъ; (при этомъ очень характерно, что по Тельберговской редакціи права Совѣта обороны передавались Совѣту Верховнаго Правителя, т. е. той же олигархической пятеркѣ).

Я вполнѣ раздѣлилъ мнѣніе Преображенскаго и другихъ уважающихъ себя министровъ о необходимости всему составу Совѣта Министровъ немедленно же подать въ отставку, ибо происшедшимъ Совѣтъ Министровъ доведенъ до послѣдней степени униженія и дальше идти некуда.

Тельбергъ всячески вывертывался, но фактъ настолько ясенъ, что было неловко слушать эти жалкія оправданія.

Гинсъ поставилъ на голосованіе, довѣряетъ ли Совѣтъ Министровъ Совѣту Верховнаго Правителя, который ведетъ свою собственную политику, не считаясь совершенно со всѣмъ Правительствомъ; это предложеніе, конечно, не получило большинства, ибо за Михайловымъ всегда стоитъ квалифицированное большинство въ нашемъ Совѣтѣ.

Предложеніе Преображенскаго о выходѣ правительства въ отставку было также смазано подъ предлогомъ, что это отразится на настроеніи страны и фронта; думаю, что и та, и другой встрѣтили бы нашъ уходъ съ ликованіемъ, хотя бы потому, что въ этомъ крылась бы надежда на перемѣну неудачнаго курса и на улучшенія.

Государственный Контролеръ внесъ предложеніе обратиться непосредственно къ Верховному Правителю съ запросомъ по поводу участившихся за послѣднее время единоличныхъ указовъ, выпускаемыхъ по такимъ случаямъ, въ которыхъ нѣтъ ничего спѣшнаго, чрезвычайнаго, и что можетъ быть проведено нормальнымъ порядкомъ черезъ Совѣтъ Министровъ; предложеніе это также большинства не получило.

Постепенно страсти разгорѣлись, свалились всѣ фиговые листы; во всей безнадежности представилась разрозненность, хилость и дряблость Правительства, пестрота его членовъ, искусственность состава, ничтожество предсѣдателя . . .

Начались безчисленныя голосованія равныхъ резолюцій и предложеній; результаты 7 противъ пяти, шесть противъ шести и т. п. На голосованіи, не помню, какой по счету резолюціи, я наотрѣзъ отказался голосовать (не воздержался, а отказался), заявивъ, что все сегодняшнее засѣданіе слишкомъ ярко показываетъ, что никакого объединеннаго Кабинета у насъ нѣтъ, а при такомъ положеніи я считаю недопустимой профанаціей голосованіе серьезнѣйшихъ и животрепещущихъ вопросовъ государственнаго бытія и судьбы нашей родины. Не стоитъ тратить времени, чтобы голосованіемъ доказывать нашу пестроту и нашу разноголосицу по основнымъ вопросамъ нашей общей дѣятельности. Сегодняшнее засѣданіе открыло мнѣ глаза, поставило точки надъ всѣми і; сегодня я потерялъ право болѣе сомнѣваться и поэтому я офиціально отказываюсь голосовать.

Вологодскій совершенно растерялся, прекратилъ голосованіе и закрылъ засѣданіе, заявивъ, что иного исхода у него нѣтъ.

Вообще, засѣданіе было на рѣдкость колючее: въ началѣ его Устругов заявилъ, предъявивъ документальныя доказательства, что Сукинъ передалъ союзнымъ комиссарамъ, какъ уже подписанныя всѣми русскими представителями офиціальныя копіи имъ самимъ Сукинымъ составленнаго протокола совѣщанія по желѣзнодорожнымъ дѣламъ, въ которомъ, — вопреки нашимъ интересамъ и вопреки извѣстнаго ему несогласія тѣхъ лицъ, подписи которыхъ онъ помѣстилъ, — союзному комитету предоставлялось полное право распоряженія всѣми нашими желѣзными дорогами.

Сукинъ нагло вывертывался, но видя, что противъ очевидности идти дальше нельзя и, даже не покраснѣвъ, самымъ нахальнымъ образомъ заявилъ, что протоколъ уже въ рукахъ союзниковъ, измѣнить его нельзя и поэтому надо искать какой-нибудь компромиссный выходъ.

Хорошо правительство, въ которомъ возможно наличіе милостиваго государя, способнаго въ угоду иностранцамъ совершить такой проступокъ, пожертвовать основными нашими интересами, и дойти до такой наглости, чтобы рѣшиться на разсылку союзникамъ не подписаннаго нашими представителями протокола подъ видомъ подписаннаго и нами принятаго, поставивъ передъ нами дилемму: или согласиться на завѣдомо невозможный для насъ договоръ, или же объявить, что наше министерство иностранныхъ дѣлъ способно на такія удивительныя ошибки, какъ внесеніе подписи своихъ коллегъ на документы, кои эти коллеги, какъ ему извѣстно, не подпишутъ.

Я сталъ бы, конечно, за второе, ибо разъ обнаруживаются такіе факты, то съ ними надо расправляться безпощадно, къ чему бы это ни привело; разъ внутри ракъ, его надо вырѣзывать.

Заявленіе Устругова замяли, молча выслушали наглое заявленіе Сукина и ничѣмъ дальше на него не реагировали.

Я отказался голосовать, когда поставили на голосованіе запросъ Гинса, отражаетъ ли Совѣтъ Верховнаго взгляды Правительства; предварительно отказа я высказалъ, что мнѣ совершенно не извѣстно, что творится въ этомъ Совѣтѣ, а затѣмъ я не знаю совершенно взглядовъ Правительства, несмотря на то, что почти два мѣсяца имѣю честь засѣдать въ совѣщаніяхъ того учрежденія, которое фиктивно считается почему то Правительствомъ.

Тельбергъ очень усердно защищалъ заслуги Совѣта Верховнаго Правителя, какъ органа, «умѣряющаго экспансивность адмирала», и завѣрялъ, что Совѣтъ смягчилъ и аннулировалъ много вреднаго изъ того, что могло произойти отъ этой «экспансивности».

Зачѣмъ было говорить эту безтактность по отношенію къ лицу, представляющему Верховную власть, и эту неправду? Адмиралъ вспыльчивъ, экспансивенъ, мало уравновѣшенъ, но не самъ по себѣ, а въ зависимости отъ того матерьяла, который доставляется ему докладчиками, совѣтчиками и приближенными; при умномъ и честномъ информированіи адмиралъ будетъ способенъ только на хорошую экспансивность.

Всѣ мы знаемъ хорошія и дурныя стороны характера нашего Верховнаго Правителя, но никто не осмѣливался до сихъ поръ бросить какого либо упрека по его адресу, ибо не равсосалось еще чувство порядочности и сознаніе, что нашъ долгъ аннулировать по мѣрѣ силъ и возможности недостатки носителя Верховной власти.

Сегодняшнее засѣданіе это апоѳеозъ всей дѣятельности нашего совѣта, — упали всѣ ризы и стали видны всѣ кости, всѣ изъяны и язвы.

Когда возвращались домой, я весь трясся отъ негодованія, а мой спутникъ Преображенскій меня успокаивалъ и повѣствовалъ о томъ, что все у насъ управлялось организованной компаніей изъ восьми министровъ, возглавляемыхъ Михайловымъ, дѣлавшихъ все, что нужно было имъ самимъ, ихъ честолюбію и поддерживавшимъ ихъ кругамъ, кружкамъ, союзамъ и организаціямъ. Дикими въ Совѣтѣ, оказывается, считались я, Устругов, Шумиловскій и Преображенскій.

Пошелъ въ министерство, не ложась даже спать; послѣ такого засѣданія не до сна; меня, какъ съ головой окунули въ помойную яму. Несчастный, слѣпой, безвольный адмиралъ, жаждущій добра и подвига и изображающій куклу власти, которой распоряжается вся та компанія, съ внутренними достоинствами которой я сегодня познакомился.

Въ арміи развалъ; въ Ставкѣ безграмотность и безголовье; въ Правительствѣ нравственная гниль, разладъ и засиліе честолюбцевъ и эгоистовъ; въ странѣ возстанія и анархія; въ обществѣ паника, шкурничество, взятки и всякая мерзость; наверху плаваютъ и наслаждаются разные проходимцы, авантюристы. Куда же мы придемъ съ такимъ багажемъ!

14 Августа. Дѣло Касаткина пріостановили и обратили къ дослѣдованію; на второмъ засѣданіи военно-полевого суда одинъ изъ свидѣтелей (служащій въ контръ-развѣдкѣ) покаялся передъ Касаткинымъ въ томъ, что все имъ показанное по обвиненію жены К. въ дружескихъ отношеніяхъ съ женой коменданта Рудницкаго, къ ней не относится, такъ какъ онъ принималъ за жену Касаткина какую-то госпожу Александрову.

Выяснилось также, что все бездѣйствіе Касаткина заключалось въ томъ, что одинъ изъ мелкихъ служащихъ его управленія доложилъ ему, что комендантъ станціи Омскъ беретъ съ грузоотправителей взятки; Касаткинъ приказалъ подать ему объ этомъ рапортъ, но сообщавшій эти свѣдѣнія отказался, заявивъ, что онъ знаетъ это, какъ негласный агентъ контръ-развѣдки, и можетъ докладывать только приватно-конфиденціально.

Затѣмъ выяснилось, что Касаткина даже не опрашивали, какъ то слѣдуетъ по закону; вмѣсто этого къ нему пріѣхалъ въ гости полевой военный прокуроръ и за чашкой чая спросилъ, не докладывалъ ли ему кто-нибудь о взяточничествѣ коменданта станціи, на что К. отвѣтилъ, что докладывали, но что онъ не имѣетъ права начинать слѣдствіе по заявленію, являющемуся, собственно говоря, анонимнымъ доносомъ.

Этотъ разговоръ гостя съ хозяиномъ засчитали, какъ актъ по производству дознанія, — яркій фактъ для характеристики всего этого сквернаго дѣла. Хотѣли хлопнуть по преступникамъ, показать грозность и безпристрастность, а въ дѣйствительности ничего кромѣ срама и конфуза для власти не вышло.

Былъ въ Ставкѣ; видѣлъ много офицеровъ, прибывшихъ съ фронта съ разными порученіями, преимущественно по части снабженій; встрѣтилъ нѣсколькихъ старыхъ знакомыхъ по нѣмецкому фронту и послушалъ ихъ разсказы о состояніи армій; общее заключеніе, что присылаемыя укомплектованія могутъ при умѣломъ обращеніи дать весьма сносныхъ солдатъ, но зато большинство присылаемыхъ офицеровъ ниже всякой критики; наряду съ небольшимъ числомъ настоящихъ дѣльныхъ офицеровъ прибываютъ цѣлыя толпы наружно дисциплинированной, но внутренно распущенной молодежи, очень кичащейся своими погонами и правами, но совершенно не пріученной къ труду и къ повиновенію долгу; умѣющей командовать, но ничего не понимающей по части руководства взводомъ и ротой въ бою, на походѣ и въ обычномъ обиходѣ. Очень много уже пріучившихся къ алкоголю и кокаину; особенно жалуются на отсутствіе душевной стойкости, на повышенную способность поддаваться паникѣ и унынію; свидѣтельствуютъ, — что мнѣ говорили и раньше и что отмѣчено въ донесеніяхъ посылаемыхъ мной на фронтъ офицеровъ, — что очень часто неустойчивость и даже трусость офицеровъ являются причинами ухода частей съ ихъ боевыхъ участковъ и паническаго бѣгства. Мнѣ показывали донесеніе начальника Ижевскаго гарнизона, въ коемъ отмѣчалось, что задолго до прихода на Ижевскій заводъ отходившихъ черезъ него войскъ, онъ наполнился десятками бросившихъ свои части офицеровъ, которые верхомъ и на повозкахъ удирали въ тылъ.

Сообщающіе эти свѣдѣнія совершенно справедливо говорятъ, что скоропалительность въ выпускѣ офицеровъ изъ школы и отсутствіе повѣрки ихъ нравственныхъ и военныхъ качествъ приноситъ арміи великое зло, ибо сводитъ на нѣтъ всю гигантскую и геройскую работу настоящихъ офицеровъ. Дитерихсъ добился, наконецъ, что арміи доставили свѣдѣнія о дѣйствительной ихъ численности; оказывается, что у насъ около пятидесяти тысячъ строевыхъ чиновъ, при трехстахъ тысячахъ ртовъ; въ арміяхъ боевого элемента не больше 12—15 тысячъ человѣкъ въ каждой, т. е. примѣрно около дивизіи хорошаго состава.

Я очень удивленъ малой рѣшительности Дитерихса по части уничтоженія ненужныхъ высшихъ войсковыхъ соединеній; нелѣпо имѣть на 50 тысячъ бойцовъ нѣсколько десятковъ штабовъ армій, группъ, дивизій, бригадъ; реорганизацію армій надо было

начать съ безпощаднаго уничтоженія излишнихъ штабовъ. Говорятъ, что это, однако, невозможно, ибо подлежащее упраздненію начальство этого не хочетъ и не допуститъ.

Много надеждъ возлагается на формируемый кавачій корпусъ; считаютъ, что вскорѣ намъ удастся собрать конную массу до десяти тысячъ шашекъ, т. е. такую силу, которая въ рукахъ талантливаго и энергичнаго кавалерійскаго начальника можетъ совершить большія дѣла. Прорвать красную паутину очень не трудно, а дальше идутъ степи, богатыя продовольствіемъ и фуражемъ, представляющія раздолье для широкаго коннаго рейда съ разгромомъ всего краснаго тыла.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подходящаго для выполненія такой задачи кавалерійскаго начальника; фронтовые офицеры, съ которыми я говорилъ на эту тему, считаютъ, что наиболѣе подходитъ къ такой роли генералъ Каппель, обладающій всѣми необходимыми для этого качествами.

Но горе въ томъ, что возглавленіе этого корпуса уже предрѣшено внѣконкурсной кандидатурой генерала Иванова-Ринова, давно уже мечтающаго о побѣдныхъ лаврахъ и о выдвиженіи въ мѣстные Бонапарты, не безъ дальнѣйшихъ надеждъ и на болѣе высокое будущее.

Это аннулируетъ совершенно боевое значеніе коннаго корпуса, ибо нигдѣ, какъ въ кавалеріи, успѣхъ не зависитъ такъ отъ боевыхъ качествъ ея начальника, его таланта, знаній, беззавѣтной храбрости, главомѣра, настойчивости, разумной, а иногда и безумной рѣшительности и умѣнья схватить, оцѣнить и использовать обстановку.

Какой же кавалерійскій начальникъ можетъ получиться изъ этого полицейскаго выскочки, очень компетентнаго по части пресѣченій и нагаечно-зубодробительныхъ усмиреній, но полнаго нуля во всемъ, что касается боевого руководства вообще, а спеціально-кавалерійскаго сугубо.

Мы достаточно уже насмотрѣлись въ большую войну, какъ наши никчемушніе кавалерійскіе генералы сводили на нѣтъ всю силу нашей конницы и отличныя боевыя качества ея личнаго состава; но и тѣ никчемушники были орлы сравнительно съ этимъ, такъ жадно тянущимся къ побѣднымъ лаврамъ, честолюбивымъ Держимордой.

15 Августа. Съ появленіемъ въ званіи Военнаго Министра генерала Дитерихса, моя работа очень усложнилась и получила очень уродливый характеръ.

Дитерихсъ путается во всѣ мелочи снабженія, отдаетъ распоряженія моимъ подчиненнымъ мимо меня, самъ распредѣляетъ приходящіе запасы и сводитъ меня къ роли какого-то регистратора — дѣлопроизводителя. Я думалъ, что онъ умнѣе, дѣльнѣе и способнѣе распредѣлять работу; казалось бы, что онъ могъ узнать, что я представляю собою въ служебномъ и рабочемъ отношеніи и что мнѣ можно довѣрить; ну, а если я, по его мнѣнію, не подхожу, то мои рапорты и доклады объ увольненіи уже давно ждутъ положительной революціи, а я самъ жду избавленія отъ той нравственной каторги, въ которой держитъ меня эта мной не прошенная должность.

Послѣ обѣда засѣданіе Государственнаго Экономическаго Совѣщанія, въ которомъ я дѣлалъ докладъ по основнымъ вопросамъ снабженія арміи; желаніе принести общую пользу и арміи, и самому совѣщанію сильно приподняло мое настроеніе и я самъ остался доволенъ своимъ докладомъ: говорилъ коротко, ясно, ничего не скрывая и откровенными разъясненіями, повидимому, удовлетворилъ членовъ Совѣщанія. Благодаря этому докладу, опоздалъ къ началу экстреннаго засѣданія Совѣта Министровъ, на которомъ разсматривался вопросъ объ отставкѣ Михайлова и Сукина.

Насколько удалось выяснить, въ началѣ засѣданія Вологодскій заявилъ, что послѣднее засѣданіе Совѣта Министровъ и многочисленныя заявленія серьезныхъ общественныхъ группъ убѣдили его въ невозможности оставленія въ составѣ Правительства Михайлова и Сукина; поэтому онъ проситъ членовъ Совѣта высказать свое мнѣніе по этому вопросу; онъ добавилъ, что имѣетъ основаніе ожидать, что со стороны Верховнаго Правителя послѣдуетъ предложеніе кандидатуры на должность министра финансовъ бывшаго государственнаго контролера Феодосьева, а на мѣсто главноуправляющаго дѣлами Правительства — Самойлова, но онъ, Вологодскій, считаетъ для себя эти кандидатуры непріемлемыми, особенно въ отношеніи Феодосьева, политическая и нравственная

физіономіи котораго совершенно не подходятъ къ составу Правительства и который принималъ участіе въ подачѣ Верховному Правителю записки съ осужденіемъ состава и дѣятельности членовъ Правительства.

Преображенскій, Шумиловскій и Устругов энергично поддержали Вологодскаго, заявивъ, что, если Верховный Правитель не согласится съ тѣми кандидатами, которыхъ изберетъ предсѣдатель Совѣта Министровъ, то все Правительство должно подать въ отставку.

Вологодскій заявилъ, что имъ рѣшено предложить мѣсто министра финансовъ дальневосточному финансовому дѣятелю Гойеру, много лѣтъ стоявшему во главѣ дальневосточныхъ отдѣленій Русско-Азіатскаго Банка; на должность министра Иностранныхъ дѣлъ у него кандидата нѣтъ, а поэтому онъ снесся съ Сазоновымъ и вновь проситъ его пріѣхать въ Омскъ и взять въ свои руки управленіе этимъ министерствомъ.

Защитникомъ Сукина выступилъ его личный пріятель, морской министръ Смирновъ, заявившій, что невозможно мѣнять руководителя нашей иностранной политики въ самый разгаръ важныхъ дипломатическихъ переговоровъ съ союзниками. На это послѣдовали острыя реплики со стороны Устругова и Неклютина, причемъ послѣдній заявилъ, что онъ отказывается засѣдать вмѣстѣ съ Сукинымъ, такъ какъ считаетъ невозможнымъ довѣрять послѣднему наши секретныя и важныя государственныя дѣла.

Казалось бы, послѣ того, что сдѣлалъ нашъ дипломатическій вундеркиндъ и въ чемъ онъ былъ уличенъ Уструговымъ, не слѣдовало бы и разговаривать объ оставленіи такого члена въ составѣ уважающаго себя Правительства. Не понимаю совершенно Вологодскаго, не способнаго использовать все создавшееся положеніе, чтобы круто повернуть курсъ, выбрать новыхъ сотрудниковъ и этимъ удовлетворить и фронтъ, и общественные круги, и общее ожиданіе.

Разъ онъ жертвуетъ главными китами всемогущей пятерки — Михайловымъ и Сукинымъ, наиболѣе ненавистными для всѣхъ персонажами, то все остальное является пустяками. Перемѣна состава Правительства сейчасъ не только не опасна, но даже благодѣтельна, ибо покажетъ всѣмъ, что Правительство осудило свой прежній курсъ и желаетъ сдѣлать что-то новое.

Уже это нѣсколько освѣжитъ атмосферу, породитъ надежды на что-то лучшее и несомнѣнно облегчитъ дѣятельность новаго Состава Правительства, которому надо будетъ рядомъ сильныхъ и благодѣтельныхъ мѣръ закрѣпить эти зачатки надеждъ и постараться обратить ихъ въ увѣренность.

Лучше всего, чтобы ушелъ, конечно, и самъ Вологодскій, но если это не подходитъ, то надо смѣнить весь составъ министровъ и назначить свѣжихъ, дѣловыхъ и внушающихъ довѣріе людей, способныхъ оживить надежды всей страны.

Въ серединѣ засѣданіе было прервано, такъ какъ Вологодскому надо было ѣхать на вокзалъ, чтобы встрѣтить прибывающаго съ фронта Верховнаго Правителя и доложить ему рѣшеніе Совѣта по отношенію къ удаленію Михайлова и Сукина, и намѣченныя новыя кандидатуры; одновременно съ Вологодскимъ отправился и Смирновъ.

Пепеляевъ сдѣлалъ докладъ о своихъ впечатлѣніяхъ отъ поѣздки на фронтъ, — обычныя впечатлѣнія любопытнаго и впечатлительнаго штатскаго человѣка, неспособнаго разобраться въ подаваемомъ ему матерьялѣ, и фаршируемаго сопровождающими его лицами такъ, какъ это имъ выгоднѣе.

Для меня цѣнно только его рѣшительное заключеніе о полной безрезультатности агитаціонной работы многочисленныхъ освѣдомительныхъ органовъ; онъ воочію убѣдился, что эта дѣятельность держится ближе къ Омской поверхности и очень слабо распространяется внутрь страны и вглубь населенія; онъ пришелъ къ заключенію, что распространяемыя газеты, брошюры и листовки написаны не для крестьянъ и временами редактированы настолько неудачно, что приводятъ населеніе къ заключенію, что у большевиковъ лучше, чѣмъ у насъ.

Онъ сознался, что, наконецъ, убѣдился въ томъ, что нашимъ крестьянамъ нужны не воззванія и освѣдомительскій хламъ, а реальные результаты полезной для нихъ правительственной дѣятельности и такія слова, отъ которыхъ пахло бы пользой или по крайней мѣрѣ надеждой на нее.

Искренній, свѣжій и ищущій правды Пепеляевъ одинъ изъ глубоко симпатичныхъ членовъ Правительства; у него твердые взгляды, чистые идеалы и стремленіе къ большому подвигу; крупные его недостатки это малое знаніе жизни и ея реальныхъ, практическихъ коэффиціентовъ и отсутствіе опредѣленной политики по отношенію къ нашимъ лѣвымъ партіямъ; послѣднее, быть можетъ, зависитъ не столько отъ него самого, а отъ общей хлипкости и извилистости нашего курса. По этой части ему слѣдовало бы настоять на одномъ какомъ-нибудь рѣшеніи; точно также слѣдовало бы быть рѣшительнѣе и въ серьезномъ вопросѣ объ организаціи настоящей милиціи и внутренней стражи.

16 Августа. Въ три часа дня экстренное засѣданіе Совѣта Министровъ. Вологодскій объявилъ, что его предложенія приняты Верховнымъ Правителемъ, за исключеніемъ увольненія Сукина; адмиралъ рѣшительно отказался дать свое согласіе на это увольненіе и приказалъ Сукину взять обратно уже поданное тѣмъ прошеніе объ отставкѣ (Преображенскій усматриваетъ въ семъ несомнѣнное вліяніе кувшиннаго рыла морского пріятеля нашего Талейрана).

Ввиду непреклонности адмирала Вологодскому пришлось уступить и согласиться на временное оставленіе Сукина до того, какъ удастся сношеніями съ Сазоновымъ подыскать для него подходящаго замѣстителя.

Въ общемъ всѣ надежды на обновленіе Правительства не оправдались, такъ какъ отставка одного Михайлова не имѣетъ сейчасъ большого значенія; оставленіе же въ составѣ кабинета Сукина и Тельберга послѣ всего происшедшаго показываетъ, что мы не способны на то единственное рѣшеніе, которое было законнымъ и приличнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія.

Я предложилъ обсудить кандидатуру въ министры иностранныхъ дѣлъ генерала Хорвата, наиболѣе подходящаго къ этой должности по свойству своего характера, по умѣнью обращаться съ иностранцами и по тому авторитету, которымъ его имя пользуется въ средѣ союзныхъ представителей. Пепеляевъ и Преображенскій меня поддержали, но Вологодскій призналъ эту кандидатуру для себя непріемлемой, добавивъ, что все равно Хорватъ такого предложенія не приметъ.

Внѣ авторскаго самолюбія думаю, что такое рѣшеніе большая ошибка; наличіе въ кабинетѣ крупной и специфически дипломатической фигуры Хорвата придало бы ему крупный вѣсъ.

Ивановъ-Риновъ обобралъ всѣ наши склады и я безсиленъ помочь фронту; я дѣлаю наряды для отправки на фронтъ, но о нихъ узнаетъ этотъ пронырливый казакъ и все попадаетъ въ его обширныя лапы; малѣйшая задержка вызываетъ жалобы адмиралу съ угрозой, что это отражается на выходѣ сибирскихъ казаковъ на испепеленіе красныхъ; въ результатѣ на каждаго выходящаго казака взято по пять и по шесть комплектовъ и лѣтняго и зимняго обмундированія, а на фронтѣ войска голы и босы.

Въ организацію снабженія казаковъ пущена полная автономія съ демократическимъ соусомъ въ видѣ дружбы и совмѣстной работы съ общественными организаціями; въ извѣстныя времена наши полицейскіе администраторы всегда любили такіе демократическіе соуса, какъ средство сдобрить непрезентабельный вкусъ ихъ привычныхъ, основныхъ блюдъ.

Ушелъ изъ Совѣта Министровъ совершенно разочарованнымъ; упущенъ превосходный случай обновить все импотентное правительство и постараться начать новую политику, освобожденную отъ всѣхъ тайныхъ послѣдствій ноябрьскаго переворота и иныхъ специфически омскихъ міазмовъ. Я мало знакомъ съ составомъ сибирскихъ дѣятелей, но думаю что и въ средѣ Гос. Экон. Совѣщанія и между сибирскими купцами, кооператорами и общественными дѣятелями можно было найти десятокъ дѣловыхъ людей съ прочными, извѣстными и уважаемыми именами, которые согласились бы взять на себя подвигъ спасенія сначала родной Сибири, а за ней и Россіи, смѣнивъ ту случайную кучку, которую ноябрьскій переворотъ вышвырнулъ къ власти.

Ошибки истекшаго года правительственной дѣятельности настолько ясны, что свѣжимъ людямъ очень легко намѣтить новый курсъ однимъ только отреченіемъ отъ этихъ ошибокъ.

То, что рѣшено сегодня Совѣтомъ, равносильно починкѣ трубъ и печей въ домѣ, въ которомъ горятъ потолки и стѣны. Петровское «потеря времени — смерти безвозвратной подобна» со всѣхъ сторонъ уже предъявляетъ свои грозные счета и требуетъ возмездія отъ спящихъ дѣвъ и лукавыхъ рабовъ.

На экзаменѣ на силу и государственность Омскъ провалился безнадежно, и единственнымъ средствомъ измѣнить отношеніе населенія къ власти была полная смѣна ея руководителей и главныхъ исполнителей; не сдѣлавъ этого, потеряли еще одинъ шансъ, — дай Богъ, чтобы онъ не былъ послѣднимъ, — когда можно было еще остановить тотъ полетъ внизъ, котораго не видятъ только заоблачные оптимисты.

17 Августа. Махнулъ на все рукой и приказалъ начальникамъ главныхъ управленій исполнять всѣ требованія Иванова-Ринова. Просилъ Дитерихса остановить это казачье хапанье; Дитерихсъ обѣщалъ самъ контролировать всѣ запросы Ринова, но все это свелось къ однимъ обѣщаніямъ, ликвидированнымъ новымъ распоряженіемъ — никоимъ образомъ не задержать снабженія казачьяго корпуса.

Вечеромъ засѣданіе Совѣта Министровъ, на которое былъ внесенъ вопросъ объ упраздненіи Совѣта Верховнаго Правителя; много говорилось за необходимость этой мѣры, жизненно необходимой для возстановленія законной силы и значенія Совѣта Министровъ, но затѣмъ какъ то обмякли и кончили дряблымъ постановленіемъ, что члены тайнаго совѣта обязаны докладывать Совѣту Министровъ то, что дѣлается въ ихъ засѣданіяхъ.

Въ силу этого рѣшенія, вновь появившійся въ Совѣтѣ Министровъ Сукинъ сдѣлалъ первый докладъ о дѣятельности своего министерства. Между прочимъ, докладъ подтвердилъ то, о чемъ я мелькомъ слышалъ раньше отъ Преображенскаго, и что оказалось ужаснымъ по своимъ послѣдствіямъ; это было самодовольное, съ подчеркиваніемъ его величія и значенія, заявленіе нашего дипломатическаго руководителя о томъ, что два мѣсяца тому назадъ генералъ Маннергеймъ предлагалъ Верховному Правителю двинуть на Петроградъ стотысячную финскую армію и просилъ за это заявить объ офиціальномъ признаніи нами независимости Финляндіи.

Съ сіяющимъ и гордымъ видомъ Сукинъ заявилъ, что Маннергейму былъ посланъ такой отвѣтъ, который отучилъ его впредь обращаться къ намъ съ такими дерзкими и непріемлемыми для великодержавной Россіи предложеніями; по сіяющей физіономіи и по всему тону сообщенія было видно, что главную роль въ этомъ смертельно-гибельномъ для насъ отвѣтѣ сыгралъ нашъ дипломатическій вундеркиндъ. Я не выдержалъ и громко сказалъ: «какой ужасъ и какой идіотизмъ», чѣмъ вызвалъ изумленные взгляды своихъ сосѣдей.

Теперь для меня стала ясна та неразбериха, которая была въ началѣ лѣта съ вмѣшательствомъ Финляндіи и съ занятіемъ Петрограда, и о которой я смутно слыхалъ въ оперативномъ отдѣлѣ Ставки. Вѣдь, если бы не кучка безграмотныхъ совѣтниковъ, вырвавшихъ у адмирала то рѣшеніе, коимъ гордо хвастался сегодня Сукинъ, то теперь Россія была бы свободна отъ большевиковъ, не было бы Уральскаго погрома и надъ нами не висѣли тѣ грозныя тучи, которыя временами застилаютъ послѣднюю надежду на благопріятный исходъ.

Подъ бряканье пустозвонныхъ словъ о великой, недѣлимой Россіи отказались отъ незамѣнимой тогда услуги по спасенію этой самой Россіи и обрекли ее на длительную кровь, на длительныя мученія и на измыванія подъ пятой красныхъ деспотовъ и палачей.

Вѣдь, для людей, способныхъ здраво мыслить и разбираться безпристрастно въ широкихъ государственныхъ отношеніяхъ, было давно понятно, что подчиненіе Финляндіи только внѣшнее, и что все равно она будетъ такой же самостоятельной, какъ и Польша, если только впослѣдствіи обстоятельства не принудятъ ее присоединиться на извѣстныхъ условіяхъ къ сильной и новой Россіи.

Казалось, что для здравыхъ политиковъ и думающихъ государственныхъ людей не могло быть и минутнаго колебанія въ томъ, чтобы немедленно отвѣтить полнымъ согласіемъ на предложеніе Маннергейма и всячески содѣйствовать скорѣйшему успѣшнѣйшему его осуществленію.

Только атмосфера Омскаго болота могла затуманить мозги настолько, чтобы сознательно отказаться отъ помощи въ такихъ размѣрахъ и на такомъ смертельно опасномъ для большевиковъ направленіи. Если Ленинъ и Троцкій узнаютъ когда-нибудь объ этомъ фактѣ, то они обязаны прислать Сукину и его помощникамъ въ этомъ ужасномъ для Россіи дѣлѣ, всѣ свои красные знаки отличія, портреты всѣхъ интернаціональныхъ идіотовъ и прочіе знаки своего краснаго благоволенія.

Ужасно подумать, что за отказъ отъ туманнаго и давно уже фактически потеряннаго права считать Великóе Княжество Финляндское частью Россійской Имперіи, мы получали помощь невѣроятно огромнаго значенія; ужасно подумать, что когда мы, Омскія, собственно говоря, лягушки раздувались во Всероссійскаго Вола, позволяли себѣ играть судьбами нашей родины и толкали Верховную власть на такое гибельное для нея рѣшеніе, мы въ то же время были игрушкой въ рукахъ союзной интервенціи, искали всюду помощи, базировались на чехахъ, радовались возможности получить помощь японцевъ и американцевъ, были безсильны справиться съ читинскимъ Гришкой и хабаровскимъ Ванькой, и вообще находились въ томъ положеніи, которое я называю персидскимъ.

И все это отпадало при принятіи предлагаемой намъ финской помощи, и всего этого мы лишились только потому, что судьбы и Россіи, и наши попали въ руки пяти случайныхъ людей, захватившихъ въ свои руки голову и волю представителя Верховной власти, и неспособныхъ видѣть чего-нибудь дальше своего сибирскаго носа.

Ярко характерно то, что такое рѣшеніе принято даже безъ освѣдомленія о немъ Совѣта Министровъ, то есть того, что по буквѣ закона считается Правительствомъ и несетъ на себѣ всю отвѣтственность; видно, до чего доходила наглость этой пятерки, захватившей власть и не считавшей даже необходимымъ соблюдать хотя бы внѣшнее приличіе по отношенію ко всему совѣту Министровъ.

Ужасъ, злоба и негодованіе охватываютъ по мѣрѣ того, какъ раскрываются внутреннія язвы того, что является нашимъ Правительствомъ, и что позволяетъ себѣ брать въ свои руки управленіе страной въ такія тяжкія времена.

Смѣшно говорить о какихъ-то законахъ исторіи, когда всю эту исторію можетъ свернуть такое жалкое ничтожество, какъ какой-то очень юрній и краснобайный секретарь Вашингтонскаго Посольства, какъ на зло швырнутый судьбой въ Омскъ, быстро пришедшійся ко двору при Омскомъ Градоначальствѣ и феерично выбравшійся въ руководители всей нашей иностранной политики.

Конечно, Лебедевъ и Ставка не могли не знать объ этомъ рѣшеніи, когда оно состоялось; вѣроятнѣе всего, что адмиралъ принялъ это рѣшеніе только послѣ совѣщанія со своимъ наштаверхомъ, а тогда вся отвѣтственность за это рѣшеніе, принесшее Россіи столько лишней крови и ужаса, должна быть раздѣлена между военными и дипломатическими совѣтниками Верховнаго Правителя.

Винить въ этомъ самого Адмирала было бы также несправедливо, какъ и винить покойнаго Императора въ томъ, что дѣлалось его именемъ и по совѣту тѣхъ, кому Онъ вѣрилъ и кто были Ему близки.

Подъ соусомъ громкихъ фразъ о благѣ Россіи, сохраненіи ея территоріальной неприкосновенности и великодержавныхъ правъ, Адмирала можно было подвинуть на любое рѣшеніе въ томъ духѣ, какъ ему докладывали овладѣвшія его довѣріемъ и волей лица.

Какъ ни какъ, а Сукинъ остался управлять министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, и всѣ громы двухъ послѣднихъ засѣданій Совѣта Министровъ остались только сотрясеніемъ воздуха, общая отставка кабинета, предлагаемая Преображенскимъ, Неклютинымъ и Уструговымъ не прошла, а частныя отставки недовольныхъ принятымъ рѣшеніемъ были признаны вредными для всего положенія и въ данной обстановкѣ недопустимыми.

Слишкомъ мы отходчивы, а главное, дряблы и мягкотѣлы; въ обыкновенной жизни это плохо и непрактично, а въ государственной дѣятельности, да еще въ наши тяжкія времена, — преступно.

18 Августа. Получилъ предложеніе Адмирала проѣхать вмѣстѣ съ нимъ на фронтъ; страшно этимъ обрадованъ, ибо получаю возможность самому увидѣть то, о чемъ знаю только по разговорамъ, докладамъ, донесеніямъ и слухамъ

Бѣдный Адмиралъ вѣритъ докладамъ и разговорамъ о томъ, что своими поѣздками на фронтъ онъ поднимаетъ настроеніе войскъ и приноситъ большую пользу; онъ возитъ съ собой цѣлыя горы подарковъ для солдатъ и офицеровъ, волнуется передъ отъѣздомъ, чтобы достать всего побольше и готовъ даже выпрашивать то, что ему хочется повезти и чего у него нѣтъ.

Настроеніе Ставки очень твердое; Андогскій продолжаетъ увѣрять, что оздоровленіе армій идетъ очень успѣшно; оздоровленіе — это очень широкій терминъ и совсѣмъ не то, что понимаетъ подъ нимъ Ставка и ея даленіе отъ фронта дѣятели.

Не подлежитъ сомнѣнію, что тѣ части войскъ, которыя удалось увезти въ тылъ, отдохнули, отоспались и нѣсколько очнулись отъ одури непрерывнаго отхода въ очень тяжелыхъ условіяхъ и въ атмосферѣ потери вѣры въ себя и въ сосѣдей.

Но это очень далеко отъ оздоровленія духа, которое въ такихъ молодыхъ войскахъ приходитъ очень медленно и требуетъ исключительно благопріятной для себя обстановки. Оздоровленіе духа — это реакція — подъемъ въ сторону подвига, героизма, служенія идеѣ и готовности жертвовать для этой идеи всѣмъ и даже жизнью. Откуда явиться этому подъему въ тѣхъ остаткахъ прежнихъ частей, которые мы называемъ арміями?

По моему — неоткуда, и тѣ, которые столь увѣренно говорятъ объ оздоровленіи фронта, глубоко въ этомъ ошибаются; слишкомъ они далеки отъ войскъ, отъ знанія, пониманія и способности учитывать ихъ качества; считать «оздоровленіемъ» естественные результаты краткосрочнаго физическаго отдыха людей — это большая и опасная ошибка.

Тѣ ужасныя слова, которыя были мнѣ сказаны недавно виднымъ представителемъ фронта: «солдаты не хотятъ воевать; офицеры въ большинствѣ неспособны уже на жертвенный подвигъ; арміи выдохлись . . .» — не выходятъ изъ моей памяти, и я знаю и чувствую, что это правда.

Армія, въ ея настоящемъ положеніи, это сломанная во многихъ мѣстахъ палка; по наружному виду ее еще можно, хотя и съ большимъ трудомъ, склеить, но она разлетится вдребезги при первой попыткѣ ею опять ударить.

Мои надежды, — правда, очень микроскопичныя, — на переходъ атаманщины въ тылу на легальное существованіе, съ сдачей въ архивъ прежней идеологіи и пріемовъ, оказались несбыточными; очевидно, гіенъ не пріучишь довольствоваться сладкой травкой. Ядъ атаманщины и сладость беззаконнаго существованія слишкомъ глубоко всюду проникли и намъ не суждено справиться съ этимъ аломъ; насъ оно, вѣроятно, съѣстъ, но и само должно погибнуть среди смрада, имъ производимаго.

Сейчасъ Адмиралъ уже неспособенъ ни на что въ отношеніи ликвидаціи атаманщины, ибо она связана съ казачествомъ, а послѣднее — in corpore — сейчасъ является хозяиномъ положенія и, въ силу солидарности интересовъ, не позволитъ уже безсильной Омской власти посягнуть на кого-либо изъ своихъ сочленовъ,

Адмиралъ завороженъ радужными обѣщаніями казачьей конференціи и Иванова-Ринова, и, какъ ребенокъ, носится съ порожденными ими надеждами.

Сегодня всѣ караулы Омска заняты на половину командами изъ благонадежныхъ городскихъ обывателей; энергичный Матковскій преодолѣлъ всѣ чинимыя ему по этой части затрудненія и добился реальнаго осуществленія этой крайне полезной для насъ мѣры.

19 Августа. По обыкновенію заготовилъ своимъ сотрудникамъ записки, что надо сдѣлать за время моего отъѣзда — надо всѣмъ поставить вѣхи, чтобы не сбивались и чтобы мое отсутствіе не отразилось на ходѣ работы всего Министерства.

Получилъ очень любопытную справку, что, при эвакуаціи управленія снабженій Сибирской арміи, изъ Екатеринбурга было вывезено: женщинъ 502, дѣтей 162, составлявшихъ семейный багажъ офицеровъ и чиновниковъ этого Управленія; очевидно, что, при такомъ дополненіи, большинству служащихъ было не до войны и не до заботъ о своихъ частяхъ, особенно при катастрофической обстановкѣ всей эвакуаціи.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ и министръ юстиціи шлютъ мнѣ многочисленныя жалобы на безобразія, насилія и грабежи, учиняемые дальневосточными атаманами. Меня особенно изводятъ препроводительныя надписи, въ коихъ просится все сіе устранить,

виновныхъ наказать и о сдѣланныхъ распоряженіяхъ увѣдомить; вѣдь, и Вологодскій, и Тельбергъ знаютъ, что всѣ мы безсильны противъ этого зла.

Я въ свою очередь перегоняю все это помощнику Военнаго Министра по казачьей части генералу Хорошхину — онъ же членъ казачьей конференціи — тоже «на зависящее распоряженіе». Какая жалкая картина безсилія и паралича власти!

Искренно хотѣлъ помочь Семенову стать на дорогу законности и покрыть всѣ старые грѣхи; просилъ прислать требовательныя вѣдомости на всѣ виды довольствія его войскъ за прежнее время и откровенно подсчитать, сколько надо ассигновать, чтобы покрыть всѣ его «семенизаціи» и оплатить теперь же всѣ причиненные его агентами убытки; заручился согласіемъ контроля пропустить все это безъ возраженій для ассигнованія необходимыхъ суммъ; послалъ всѣ необходимыя указанія, справки и инструкціи, какъ и что надо сдѣлать . . . и вотъ уже два мѣсяца жду исполненія, не получая даже отвѣта на запросы — послѣдуетъ ли и когда это исполненіе.

20 Августа. Ночью выѣхали на фронтъ третьей арміи. На станціи Петропавловскъ встрѣтилъ бывшаго своего подчиненнаго, тогда начальника штаба 14 корпуса, а теперь командующаго войсками мѣстнаго военнаго округа генерала Георгіевскаго; на немъ лежитъ тяжелая обязанность держать въ порядкѣ весь тылъ арміи, и онъ жалуется на великія безобразія, чинимыя разными нештатными и штатными командами; особенно же безобразничаютъ и насильничаютъ анненковскіе гусары и уланы (какія-то экзотическія части, вытащенныя недавно на фронтъ и, судя по всѣмъ донесеніямъ, самаго башибузукскаго состава и поведенія). Только что по приговору суда разстрѣляно 16 человѣкъ изъ этого отряда и вновь предано полевому суду 2 офицера, но это не производитъ никакого впечатлѣнія, до того всѣ распустились.

На станціяхъ всюду очень грязно; эшелоны послѣднихъ хвостовъ Челябинско-Курганской эвакуаціи идутъ въ большомъ безпорядкѣ и напоминаютъ скорѣе таборы бѣженцевъ, чѣмъ воинскіе эшелоны.

Особенно распущены разныя автомобильныя, авіаціонныя, техническія и иныя команды, которыя въ великомъ множествѣ имѣются при всѣхъ войсковыхъ соединеніяхъ.

Использованіе подвижного состава самое расточительное, и цѣлые поѣзда завалены хламомъ, который давно надо было сбросить подъ откосъ,

Среди этого безпардоннаго потока промелькнули два эшелона, — одинъ съ конной командой и одинъ артиллерійскій, — рѣзко выдѣлившіеся своимъ порядкомъ и прочной подтянутостью; въ вагонахъ и на платформахъ ничего лишняго, солдаты оборваны, но ведутъ себя настоящими солдатами; по офицерскому составу видно, что это настоящія части.

Штабъ Третьей арміи стоитъ на станціи Лебежьей, выдвинувшись почти на фронтъ передовыхъ дивизій. Чины штаба очень обижены на Ставку за переводъ арміи изъ категоріи отдѣльныхъ въ неотдѣльныя, и увѣряютъ, что всѣ текущія неудачи произошли исключительно отъ этой реорганизаціи, лишившей ихъ необходимой самостоятельности.

Смѣшно подумать, что арміи въ 20 тысячъ штыковъ хочется быть на правахъ отдѣльной арміи со всѣми управленіями и тылами, одинаковыми съ управленіемъ и тылами фронта, т. е. тѣмъ, что вѣдало прежде милліонами штыковъ.

Адмиралъ за послѣднее время нѣсколько разъ былъ въ третьей арміи, и это очень усилило положеніе Сахарова, который очень импонируетъ Адмиралу своей рѣшительностью, категоричностью, наступательными тенденціями и оптимизмомъ; это обстоятельство мѣшаетъ работѣ Дитерихса, который довольно рѣшительно реорганизуетъ остальныя армія, но какъ-то избѣгаетъ касаться третьей арміи, продолжающей до сихъ поръ состоять изъ десяти дивизій; часть этихъ дивизій не насчитываетъ и 500 штыковъ, но при всѣхъ неукоснительно состоятъ обозы по 4 и $4^1/_2$ тысячи повозокъ и при 6—8 тысячахъ нестроевыхъ.

Подъѣзжая къ Лебежьей, видѣли вереницы этихъ обозовъ, отходившихъ на востокъ; на повозкахъ бабы, дѣти, масса домашняго скарба; масса тарантасовъ съ дамами и дѣтьми. Все это тщательно вывезено, а артиллерія, пулеметы и средства связи потеряны; по даннымъ начальника инженеровъ при отступленіи брошены десятки тысячъ верстъ телеграф-

наго и телефоннаго кабеля; обычная картина безудержнаго отступленія, когда бросается все, предназначенное для боя, и сохраняется все цѣнное для брюха и для кармана; вѣдь и на большой войнѣ мы видѣли, какъ сначала бросалась лопата, потомъ патроны и винтовки, но бережно сохранялся вещевой мѣшокъ.

Потеря пулеметовъ меня не удивила, такъ какъ все послѣднее время мы снабжали фронтъ спущенными намъ за очевидной негодностью пулеметами Санъ Этьена, образца 1907 года; это пулеметы траншейнаго типа, очень тяжелые, громоздкіе и по высотѣ установки непригодные для полевой войны; поэтому ихъ бросали не только безъ сожалѣнія, но даже съ удовольствіемъ.

Другихъ же у насъ не было; подумалъ, какъ бы пригодились эти пулеметы (ихъ были тысячи) при пассивной оборонѣ линій рр. Тобола и Ишима.

Недалеко отъ штаба арміи расположенъ полевой госпиталь, находящійся въ самомъ ужасномъ состояніи; больные и раненые валяются въ пакгаузахъ, стоящихъ среди лужъ зеленой жижи, которая все время пополняется производимыми тутъ же естественными надобностями больныхъ, половина которыхъ тифозны.

Раненые валяются на грязныхъ и колючихъ доскахъ безъ всякой подстилки; единственный на весь госпиталь докторъ и двѣ сестры сбились съ ногъ отъ непосильной работы; вмѣсто чая даютъ какую-то жидкую грязь, хлѣбъ черствый.

Зато рядомъ въ Штабѣ помѣщается Санитарный Инспекторъ арміи съ порядочнымъ штатомъ докторовъ и фельдшеровъ, пишущихъ на машинкахъ.

Сообщилъ эти печальныя замѣчанія начальнику Штаба арміи, добавивъ, что для меня неудивительны нападки на санитарное положеніе фронта, разъ подъ бокомъ штаба арміи возможно такъ держать госпиталь; достаточно было хоть немного осмотрѣться и тогда увидали бы, что недалеко чистое помѣщеніе элеватора; что на станціи масса соломы и сѣна; что въ штармѣ сидятъ доктора, которые могли бы помочь своему ошалѣвшему отъ непосильной работы коллегѣ; что въ штабныхъ вагонахъ имѣется нѣкоторое число сестеръ милосердія, женъ разнаго начальства, которыя могли бы помочь въ уходѣ за ранеными и хоть этимъ оправдать то званіе, которымъ онѣ пользуются, чтобы избѣжать дѣйствія приказа Дитерихса, воспретившаго имѣть при себѣ семьи.

Армейское начальство сугубо надулось и послало кого-то провѣрять сообщенныя мною свѣдѣнія (до госпиталя всего 100—150 шаговъ).

Сахаровъ долго сидѣлъ у Адмирала съ докладомъ, черезъ вагонъ сидѣлъ я, старый и достаточно опытный генералъ генеральнаго штаба, бывшій начальникъ штаба настоящей арміи и командиръ настоящаго корпуса, но меня не только не пригласили присутствовать при докладѣ, но, когда мнѣ нужно было получить разрѣшеніе Адмирала по вопросу объ эвакуаціи ст. Пѣтухова и я хотѣлъ его видѣть, то получилъ отвѣтъ, что у Верховнаго докладываетъ командующій арміей и меня просятъ подождать.

Объѣхалъ ближайшія тыловыя учрежденія двухъ дивизій; внѣшняго порядка больше, чѣмъ я думалъ, но зато настроеніе самое небоевое и всѣ стремленія на востокъ, подальше отъ красныхъ.

21 Августа. Съ утра собирались ѣхать въ Ижевскую дивизію, но Адмиралъ чувствуетъ себя простуженнымъ и поѣздку отложилъ. Ижевская дивизія рѣзко выдѣляется на всемъ фронтѣ по своему составу; она образовалась исключительно изъ ижевскихъ рабочихъ, семьи которыхъ звѣрски истреблены большевиками; такой составъ придаетъ ей рѣдкую однородность и надежность.

Хотѣлъ проѣхать въ ближайшіе штабы корпусовъ или, какъ ихъ теперь называютъ, группъ, но оказалось, что они находятся въ движеніи, продолжая отходъ на востокъ; понимая, что въ такое время пріѣздъ тылового посѣтителя болѣе чѣмъ некстати, измѣнилъ свое намѣреніе и объѣхалъ ближайшіе къ станціи районы, гдѣ стоятъ обозы и куда отходятъ нѣкоторые резервы.

Впечатлѣніе то же, что и вчера; по внѣшности сѣро и неказисто, но внѣшняго порядка болѣе, чѣмъ можно было ожидать послѣ трехмѣсячнаго отступленія; количество нестроевого элемента поражаетъ своими размѣрами; бросается въ глаза очень приличное снабженіе обозныхъ и всей штабной челяди.

Внутренней дисциплины мало; больше всего заботы о личныхъ удобствахъ; обязанности же постолько, поскольку сіе необременительно и не непріятно.

Былъ въ штабѣ арміи и въ нѣсколькихъ канцеляріяхъ; всюду усердно пишутъ и получается впечатлѣніе кипучей работы.

Познакомился съ состояніемъ снабженій; полтора мѣсяца тому назадъ Неклютинъ увѣрялъ, что организація особой агентуры по пріобрѣтенію и использованію мѣстныхъ средствъ выдачей ихъ сразу въ войсковыя части идетъ очень успѣшно; я повѣрилъ и радовался, ибо видѣлъ въ этомъ одно изъ дѣйствительныхъ средствъ по облегченію подвоза и по прекращенію грабежей; по выработанной нами схемѣ, по всему фронту должны быть учреждены уполномоченные министерства продовольствія и снабженія съ большими правами и кредитами, идущіе вмѣстѣ съ войсками, покупающіе у жителей все для войскъ необходимое и передающіе все пріобрѣтенное сразу же на войсковое довольствіе.

Въ дѣйствительности оказалось, что нигдѣ до сихъ поръ такихъ уполномоченныхъ нѣтъ и они гдѣ то въ тылу собираются приступить къ этимъ обязанностямъ. Таковы оказываются результаты повѣрки дѣятельности этого черепашьяго министерства.

Связь войскъ съ ихъ довольствующимъ тыломъ налажена очень слабо, несмотря на благопріятныя условія отхода на свой тылъ; при такихъ условіяхъ и при должной заботливости можно было отлично наладить довольствіе и не обижать населенія, но этого, къ сожалѣнію, не сдѣлано.

Войска убѣждены, что въ тылу ничего нѣтъ и что безполезно даже надѣяться что либо оттуда получить; поэтому все базируется на собственный промыслъ и добываніе.

Даже штабъ арміи не знаетъ своихъ армейскихъ средствъ; офицеры жаловались мнѣ, что ихъ заѣдаютъ вши, а въ отдѣленіи полевой аптеки штарма столько дезинсекціонныхъ средствъ, что ими можно вымазать нѣсколько разъ всю армію.

Трудно представить, до чего доходитъ беззаботность армейскихъ верховъ; сейчасъ вся армія жмется къ желѣзной дорогѣ и въ отношеніи довольствія находится отъ нея въ полной зависимости; однако, управленіе военныхъ сообщеній до сихъ поръ не догадалось, что надо установить движеніе правильно ходящихъ этапныхъ поѣздовъ, обслуживающихъ войсковыя нужды; таніе поѣзда имѣютъ серьезное значеніе для упорядоченія снабженія и всей тыловой службы, вносятъ систему, связываютъ фронтъ и тылъ и становятся обычно крупнымъ факторомъ въ хозяйственной и обыденной жизни войскъ; ихъ приходъ и уходъ дѣлается однимъ изъ важнѣйшихъ событій дня для всѣхъ тяготѣющихъ къ извѣстной станціи войскъ и учрежденій.

Когда я выразилъ сожалѣніе объ отсутствіи такихъ поѣздовъ, то мнѣ отвѣтили, что они давно въ ходу и даже дали расписаніе, которое при повѣркѣ оказалось никѣмъ неисполняемой бумагой; когда-то хотѣли установить такое сообщеніе, отдали всѣ распоряженія, да забыли провѣрить исполненіе.

Все такъ и осталось писаной бумагой; къ сожалѣнію, такихъ случаевъ десятки, — подтвержденіе тому, что не все, что пишется въ штабахъ, выговаривается въ низахъ.

За завтракомъ у Адмирала видѣлъ весьма юнаго генерала Косьмина, изъ недавнихъ поручиковъ, убѣжденнаго сторонника того, чтобы всѣ старшіе начальники сами ходили съ винтовками въ штыковыя атаки или прикрывали отступленіе.

Этотъ абсурдъ самымъ прочнымъ образомъ укрѣпился на фронтѣ и имъ такъ нафаршировали Адмирала, что онъ самъ готовъ взять винтовку и драться наравнѣ съ солдатами; я увѣренъ, что онъ проклинаетъ Омскую работу, которая мѣшаетъ ему устремиться на фронтъ и показать тотъ идеалъ начальника, который ему рисовали и рисуютъ; это объясняетъ его частыя поѣздки на фронтъ, ибо онъ боится, чтобы его не упрекнули въ отсиживаніи въ тылу.

Вечеромъ Адмиралъ разговорился на политическія темы и выказалъ свою дѣтскую искренность, полное непониманіе жизни и исторической обстановки и чистое увлеченіе мечтой о возстановленіи великой и единой Россіи; онъ смотритъ на свое положеніе, какъ на посланный небомъ подвигъ и непоколебимо убѣжденъ, что ему или тому, кто его замѣнитъ, удастся вернуть Россіи все ея величіе и славу и возвратить всѣ отпавшія и отторженныя отъ насъ земли.

Онъ съ восторгомъ разсказалъ случай съ отказомъ принять предложеніе помощи Маннергейма только потому, что надо было поступиться и признать независимость Финляндіи; когда же я ему высказалъ, что не было-ли такое рѣшеніе крупной военной и государственной ошибкой, то онъ весь вспыхнулъ, страшно огорчился и отвѣтилъ, что идеею великой, недѣлимой Россіи онъ не поступится никогда и ни за какія минутныя выгоды. Несомнѣнно, что это его credo.

Слушая его, думалъ, сколько хорошаго можно сдѣлать изъ этого вспыльчиваго идеалиста, полярнаго мечтателя и жизненнаго младенца, если бы слабой волей руководилъ кто-нибудь сильный и талантливый и руководилъ такъ же искренно и идейно, какъ искренъ и преданъ идеѣ служенія Россіи самъ Адмиралъ.

22 Августа. Утромъ нашъ выѣздъ въ Ижевскую дивизію былъ отложенъ по случаю дождя; только около полудня выѣхали по довольно рискованному, идущему близко къ отходящему фронту, маршруту.

Весь прилежащій районъ представляетъ огромныя удобства для дѣйствія конницы, броневиковъ и танковъ; какъ обидно, что обѣщанные намъ французами танки гдѣ-то застряли и никакъ не могутъ до насъ добраться!

Но для пѣхоты, въ особенности молодой и нестойкой, районъ для дѣйствій очень трудный, благодаря массѣ перелѣсковъ, закрывающихъ кругозоръ и облегчающихъ обходы и охваты; опять подумалъ о преимуществахъ обороны за Тоболомъ, гдѣ на 3—4 версты передъ фронтомъ открытая, мѣстами болотистая, долина рѣки.

Впечатлѣніе отъ Ижевской дивизіи весьма оригинальное, но благопріятное; жаль только, что хорошій по численности полкъ раздули въ цѣлую дивизію, ибо реальной силы это не прибавило, но перегрузило зато по части штабовъ и обозовъ.

Всѣ говорятъ, что это исключительная по боевому достоинству дивизія, и, между тѣмъ, не принято никакихъ мѣръ къ тому, чтобы снабдить ее, какъ слѣдуетъ; при всей нашей бѣдности мы могли бы снабдить, какъ подобаетъ, такую отборную воинскую часть, хотя бы уменьшивъ то, что такъ жадно и безцеремонно заграбасталъ у насъ казачій Омскій хапуга.

По дорогѣ встрѣтили массы отходившихъ обозовъ, шедшихъ въ большомъ внѣшнемъ порядкѣ; на каждой повозкѣ по 1—2 здоровенныхъ солдата съ винтовками — это многочисленные обозные и нестроевые; физіономіи у всѣхъ весьма пухлыя и никакихъ военныхъ тяготъ и лишеній на нихъ не видно, въ этомъ рѣзкая разница съ подтянутыми, сухими и обожженными лицами Ижевскихъ стрѣлковъ и офицеровъ; точно также большинство обозныхъ одѣто щеголями сравнительно съ Ижевцами.

Войсковыя части тоже злоупотребляютъ подводами, требуя ихъ отъ населенія; это очень раздражаетъ мѣстныхъ жителей, такъ какъ ихъ отрываютъ отъ полезныхъ работъ по уборкѣ сѣна и хлѣбовъ, уродившихся въ этомъ году такъ, какъ не бывало уже много лѣтъ; лошади и повозки остро нужны самимъ крестьянамъ, такъ какъ обычная здѣсь уборка машинами сейчасъ невозможна вслѣдствіе неполученія запасныхъ частей, шпагата и машиннаго масла.

Убѣдился, что свѣдѣнія о гомерическихъ размѣрахъ войсковыхъ обозовъ не преувеличены; есть полки съ обозомъ свыше тысячи повозокъ, и армейское начальство безсильно бороться съ этимъ зломъ; можно по этой части отдавать любыя распоряженія о сокращеніи, но никто ихъ не исполнитъ.

Всѣ обозныя и тыловыя должности переполнены сверхъ штата, что самымъ тяжкимъ образомъ отражается на довольствіи и снабженіи строевого состава.

Все это результатъ дѣятельности 25 и 28 лѣтнихъ генераловъ, умѣющихъ ходить въ атаку съ винтовкой въ рукѣ, но совершенно не умѣющихъ управлять своими войсками, придавать имъ правильную организацію и не позволять имъ обращаться въ сплошные обозы.

То, что увидѣлъ и узналъ за эти три дня вполнѣ подтвердило тѣ выводы, къ которымъ пришелъ еще въ Омскѣ по отношенію къ невозможности для насъ наступленія. Нельзя наступать, не имѣя пѣхоты, ибо въ такъ называемыхъ дивизіяхъ по 400—700—900 штыковъ, а въ полкахъ по 100—200 штыковъ; нельзя забывать, что надо занимать широкіе

фронты, а наши дивизіи равны по численности батальонамъ. Нельзя наступать съ растерянной артиллеріей, почти безъ пулеметовъ и съ остатками техническихъ средствъ связи.

Сюда надо добавить совершенно разстроенный армейскій тылъ, не способный правильно довольствовать войска, даже при отходѣ ихъ, на свои запасы; какъ же мы будемъ довольствовать при наступленіи, когда вступимъ въ районъ разрушенныхъ желѣзныхъ дорогъ и истощенныхъ и нами, и красными мѣстныхъ средствъ, т. е. попадемъ въ такую обстановку, въ которой правильная и налаженная работа тыла пріобрѣтаетъ исключительно важное значеніе. Тѣ обозы, которые я видѣлъ въ эти дни, не могутъ работать правильно по кругообороту правильнаго подвоза, ибо это не военные обозы, а кочующіе таборы; они нагружены разнымъ добромъ, продовольственнаго груза принять не могутъ и, кромѣ того, такъ непомѣрно велики по сравненію съ боевыми частями, что сами слопаютъ все подвозимое.

Для Валяй-Сахаровыхъ и имъ подобныхъ полководцевъ все это пустяки; у нихъ горизонты и масштабы не выше ротнаго командира и имъ все это кажется такъ просто. Такіе типы не новость для нашей арміи; сколько мы видѣли ихъ и въ японскую, и въ нѣмецкую войну; для нихъ тылъ, снабженія и зависимость военныхъ операцій массовыхъ армій отъ вопросовъ подвоза и снабженія не существуютъ; они считаютъ, что ихъ дѣло приказывать и командовать, а объ остальномъ обязаны заботиться интенданты и всякая тыловая шушера.

При посѣщеніи Ижевцевъ впервые видѣлъ Адмирала передъ войсками; впечатлѣнія большого начальника онъ произвести не можетъ; говорить съ солдатами онъ не умѣетъ, стѣсняется, голосъ глухой, не отчетливый, фразы слишкомъ ученыя, интеллигентныя, плохо понятныя даже для современнаго офицерства. Говорилъ онъ на тему, что онъ такой же солдатъ, какъ и всѣ остальные, и что лично для себя онъ ничего не ищетъ, а старается выполнить свой долгъ передъ Россіей. Онъ роздалъ много наградъ, произвелъ десятки офицеровъ и солдатъ въ слѣдующіе и офицерскіе чины, привезъ цѣлый транспортъ разныхъ подарковъ, но сильнаго впечатлѣнія не произвелъ.

Онъ не созданъ для такихъ парадныхъ встрѣчъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, я увѣренъ, что, если бы онъ объѣхалъ стоянки частей, посидѣлъ съ солдатами, запросто пообѣдалъ, удовлетворилъ бы несложные запросы и просьбы, то впечатлѣніе осталось бы глубокое и полезное.

23 Августа. Поздно вечеромъ вернулись въ свой поѣздъ, а рано утромъ отправились въ Штабъ 2 арміи; опять понеслись четыре автомобиля по пустыннымъ полямъ и перелѣскамъ, руководствуясь старой и плохой картой; Адмиралъ очень рискуетъ, пускаясь въ такія поѣздки, но никто не рѣшается ему объ этомъ сказать, ибо пользы не будетъ, но за то штормованіе будетъ самое генералъ-адмиральское.

Распрощались съ Сахаровымъ, усердно настраивавшимъ Адмирала на убѣжденіе, что все наше спасеніе въ наступленіи и что постоянный отходъ разваливаетъ армію; повторялись напѣтые въ академіи разговоры о «подлой оборонѣ» и о томъ, что побѣждаетъ всегда наступающій; все это давно извѣстно, но слѣдуетъ знать также, что всякому овощу свое время, и что бываютъ такія обстоятельства, когда все спасеніе въ своевременномъ и разумно руководимомъ отступленіи и въ искусномъ примѣненіи всѣхъ выгодъ оборонительной войны.

Сейчасъ вся обстановка такова, что мы должны отходить, должны обороняться и выигрывать всячески время, нужное для приведенія въ порядокъ нашихъ частей.

Наступленіе же съ остатками армій, безъ резервовъ и укомплектованій — это полное безуміе, послѣдняя ставка зарвавшагося игрока.

Что Сахаровъ бубнитъ о наступленіи, это вполнѣ понятно, ибо ему надо поправить свое положеніе, подорванное челябинской неудачей; по своей военной ограниченности онъ не въ состояніи даже разобраться, какъ слѣдуетъ, въ данномъ вопросѣ и оцѣнить возможность наступленія во всей его совокупности. У него, какъ у большинства нашихъ честолюбивыхъ выскочекъ, главную роль играетъ желаніе и собственное усмотрѣніе, а все остальное ломается и пригибается такъ, чтобы соотвѣтствовать требованіямъ

и хотѣніямъ воли, самодурства и фантазіи. Въ общемъ гибельное засиліе маніака, надъ которымъ нѣтъ контроля и удержа.

Пересѣьли длинныя колонны обозовъ, двигающихся на востокъ; характеръ все тотъ-же, только кое гдѣ на повозкахъ очень много женщинъ и дѣтей.

Штабъ 2-й арміи расположенъ въ большомъ торговомъ селѣ Мокроусово; командующій 2-й арміей генералъ Лохвицкій произвелъ на меня благопріятное впечатлѣніе своимъ обстоятельнымъ и правдивымъ докладомъ о состояніи арміи.

Адмиралъ сразу же перешелъ на необходимость въ концѣ августа начать наступленіе. Лохвицкій очень тактично, съ разными подходами, безъ острыхъ угловъ, но обстоятельно и доказательно доложилъ, что недавно принятая имъ армія находится въ такомъ состояніи, что наступать не можетъ, хотя бы даже потому, что части войскъ во время отхода растеряли всѣ средства связи; затѣмъ всѣ отдѣлы снабженія находятся въ самомъ жалкомъ состояніи, усугубляемомъ тѣмъ, что 2 армія не базируется на желѣзную дорогу и принуждена жить подвозомъ по грунтовымъ дорогамъ, не имѣя организованныхъ колесныхъ транспортовъ.

Также умѣло доложилъ Лохвицкій и о подорванномъ нравственномъ состояніи арміи; вообще, это былъ правдивый докладъ настоящаго начальника, разобравшагося во всей обстановкѣ и не боящагося докладывать правду и собственное мнѣніе.

Состояніе тыла армій дѣйствительно хаотично; при образованіи фронта самостоятельное снабженіе армій было сначала уничтожено, а потомъ приказали его опять возстановить, и все это внесло неописуемую путаницу въ это сложное и скрупучее дѣло.

Старые кормильцы, хозяйственные хвосты дивизій и полковъ разорвались на кучки и находятся неизвѣстно гдѣ; многое улетѣло въ общемъ эвакуаціонномъ потокѣ въ Ново-Николаевскъ и Красноярскъ; правильная система снабженія изъ магазиновъ регулярнымъ кругооборотомъ обозовъ и транспортовъ не существуетъ.

Вечеромъ воспользовался благопріятной обстановкой, созданной докладомъ Лохвицкаго, и, стараясь всячески сдерживаться, началъ доказывать Адмиралу, что арміи еще не окрѣпли настолько, чтобы съ ними можно было рисковать на рѣшительное и длительное наступленіе.

Пришлось слѣдовать примѣру Лохвицкаго и идти послѣдовательными подступами, чтобы не дать Адмиралу сразу закинуться и прекратить разговоръ. Очень трудно говорить по такому деликатному и сложному вопросу съ морякомъ и касаться тонкостей и деталей сухопутной войны, да еще въ завѣдомо непріятномъ для собесѣдника направленіи.

Адмиралъ сразу закинулся и нервно сталъ выбрасывать доводы о необходимости наступленія, какъ спасенія отъ развала армій, о невозможности обороны и пр. и пр.

Когда онъ выкипятился, я доложилъ ему свои подробныя соображенія о зависимости всякой операціи, — а тѣмъ болѣе наступательной, — отъ устройства тыла и обевпеченности снабженій; обрисовалъ маневренную, нравственную и техническую неготовность частей и выразилъ увѣренность, что части смогутъ начать наступленіе, но окажутся неспособными его развивать.

Закончилъ докладомъ, что временно надлежитъ отказаться отъ идеи наступленія и перейти временно къ оборонѣ на укрѣпленныхъ позиціяхъ на Ишимѣ и даже на Иртышѣ.

На это Адмиралъ довольно холодно отвѣтилъ мнѣ, что Главнокомандующій фронтомъ и Командующій 3 арміей, отлично освѣдомленные о состояніи подчиненныхъ имъ армій, настроены совершенно иначе и удостовѣряютъ, что къ сроку задуманнаго наступленія все будетъ готово въ вполнѣ удовлетворительной степени.

Опять выходило «сапожникъ, знай свои сапоги»; тѣмъ не менѣе, я повторилъ свои доводы о недопустимости при нашемъ положеніи риска и о томъ, что лучше потерять пространство, чѣмъ нашу послѣднюю живую силу.

24 Августа. Утромъ узнали, что вчера вечеромъ красные внезапнымъ налетомъ коннаго отряда захватили станцію Лебежью, съ которой только что убрали въ тылъ поѣзда Адмирала и Сахарова; очевидно, что красные узнали, что на станціи стоитъ штабъ арміи и рѣшили попробовать захватить столь цѣнный призъ.

Выяснилось также, что все 23 Августа лѣвый флангъ 3 арміи и ея штаба были совершенно обнажены, такъ какъ самая лѣвофланговая группа генерала Каппеля, слабая числомъ и вымотанная боями и переходами, потеряла способность удерживать фронтъ и, угрожаемая прорывомъ надвинувшихся красныхъ, откатилась на 30 верстъ на востокъ, оставивъ штабъ арміи ничѣмъ не прикрытымъ.

Съ занятіемъ Лебежьей штабъ 2 арміи и находящійся въ немъ Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующій очутились внѣ всякой связи съ сосѣдними штабами армій и со Ставкой.

Съ изумленіемъ пришлось узнать, что вся связь штаба 2 арміи шла черезъ станцію Лебежью, т. е. не назадъ, а вбокъ и даже немного впередъ.

Связи назадъ не было и всѣ просьбы начальника штаба арміи объ устройствѣ таковой разбивались объ упрямство начальника общаго отдѣла Ставки, который убивалъ всѣ техническія средства связи на подготовку какой-то весьма нелѣпой сѣти на случай наступленія.

Хорошо еще, что въ теченіе всей ночи красные не догадались перерѣзать желѣзнодорожные провода, въ которые были включены армейскія станціи и намъ удалось кое-что узнать и кое-что передать.

Не безъ труда удалось убѣдить Адмирала, что ему нельзя продолжать разъѣзжать по частямъ 2 арміи, не имѣя никакой связи съ Омскомъ, и что надо переѣхать въ такой пунктъ, гдѣ бы онъ былъ связанъ и съ Омскомъ и со всѣми штабами армій.

Адмиралъ крайне разсерженъ на то, что неожиданный откатъ лѣваго фланга 3 арміи нарушилъ всѣ разсчеты и всю идею «его» наступленія, и что теперь придется отнести назадъ линію развертыванія назначенныхъ для наступленія дивизій.

Я еще разъ воспользовался случаемъ и опять доложилъ Адмиралу, что надо повременить съ «его» идеей наступленія, такъ какъ случай съ группой Каппеля предупреждаетъ еще разъ, что всѣ предѣлы сопротивляемости частей перейдены, что нервы у нихъ перетянуты и что съ такими больными войсками невозможны никакія наступательныя операціи.

Наступленіе требуетъ спокойствія и большой выдержки войскъ; оно требуетъ большой нравственной устойчивости, ибо надо прорывать красные фронты и временами самимъ быть въ положеніи окруженныхъ. На все это надо смотрѣть съ точки врѣнія взводовъ и ротъ, которые не видятъ и не учитываютъ того, что видятъ и учитываютъ штабы, и которые реагируютъ только на то, что видно ихъ глазамъ и слышно ихъ ушамъ.

Мнѣ было нелегко бороться съ сомнѣніями Адмирала; я для него тыловой человѣкъ, что то въ родѣ интенданта, и притомъ извѣстный брюзга, критикъ и пессимистъ. Онъ не можетъ учесть того, что за мной стоитъ опытъ на много большій, чѣмъ у Дитерихса, Сахарова и кучи фронтовыхъ генераловъ, взятыхъ вмѣстѣ; для него доклады Дитерихса и Сахарова непоколебимая правда, такъ подходящая къ его бурной натурѣ, возстающей противъ дождя неудачъ и жаждущей все это перевернуть на путь успѣха.

Послѣ часового разговора очень разстроенный Адмиралъ спросилъ меня, что же дѣлать, если не наступать; я доложилъ опять, что надо всѣ разстроенныя дивизіи отвести за Ишимъ, спѣшно отрекогносцировать и укрѣпить восточные берега и на укрѣпленныхъ позиціяхъ задержать красныхъ до тѣхъ поръ, пока мы не произведемъ необходимыя организаціонныя реформы, выправимъ настроеніе и снабженіе армій, наладимъ резервы и укомплектованія и, вообще, приготовимся къ настоящей наступательной операціи съ полной надеждой на успѣхъ. Я не хотѣлъ пугать Адмирала, высказывая свое мнѣніе, что эта готовность будетъ не ранѣе слѣдующей весны; мнѣ было необходимо только попытаться сломать, и прочно сломать, навязанную ему вѣру въ необходимость скораго наступленія.

Одновременно съ укрѣпленіемъ линіи Ишима надо продолжать отходъ фронтовыхъ дивизій къ этой линіи, избѣгая ежедневныхъ, изматывающихъ войска стычекъ, подъ прикрытіемъ арьергардовъ изъ болѣе стойкихъ частей.

По отходѣ за Ишимъ, занятый къ этому времени отдохнувшими частями, передовыя дивизіи составятъ резервы оборонительныхъ участковъ, что позволитъ имъ также от-

дохнуть. Одновременно надо использовать конницу, бросивъ ее глубокимъ набѣгомъ въ тылъ и на сообщенія красныхъ (очень жалко, что Каппель заболѣлъ дизентеріей, что снимаетъ его кандидатуру на командованіе конницей).

Въ концѣ бесѣды очень взволнованный Адмиралъ сказалъ мнѣ, что многое изъ сказаннаго мной кажется ему убѣдительнымъ, и онъ еще поговоритъ съ Сахаровымъ и пересмотритъ уже принятое рѣшеніе по поводу наступленія.

Переговоры съ Сахаровымъ грозятъ свести на нѣтъ всѣ мои усилія.

Первый ударъ успѣху моего доклада былъ нанесенъ пріѣхавшимъ къ Адмиралу начальникомъ конной группы генераломъ Волковымъ, настроеннымъ очень воинственно и сразу поднявшимъ наступательныя тенденціи Адмирала. Уже тутъ я понялъ, что моя борьба проиграна и что наступленія мнѣ не остановить.

Послѣ обѣда понеслись на станцію Макушино, но нашего поѣзда тамъ не нашли, т. к. ввиду угрожаемаго положенія этой станціи его отправили на станцію Пѣтухово; тутъ же узнали, что группа Каппеля продолжаетъ катиться назадъ и вмѣсто нея экстренно выдвинута на лѣвый флангъ Ижевская дивизія.

На станцію Пѣтухово къ Адмиралу явился Сахаровъ; сначала онъ былъ очень смущенъ, докладывая объ откатѣ своего лѣваго фланга, но скоро оправился и сдѣлался хозяиномъ положенія. Въ частности доложилъ, что изъ подслушаннаго на линіи разговора между красными штабами, стало извѣстнымъ, что налетъ на Лебежью былъ произведенъ отрядомъ извѣстнаго Уральскаго партизана Катирина, хотѣвшаго захватить штабъ 3-й арміи; какъ человѣка — я пожалѣлъ бы Сахарова, если бы его захватили красные, но былъ бы доволенъ, если бы этотъ горе-полководецъ исчезъ съ нашего стратегическаго горизонта.

Подъ вліяніемъ Сахарова и общаго шторма, вызваннаго переводомъ поѣзда на станцію Пѣтухово, Адмиралъ быстро вернулся къ своему наступательному настроенію и продолжалъ злиться на красныхъ и на группу Каппеля за то, что нажимъ первыхъ и отказъ второй сорвалъ весь его планъ наступленія и все надо наново передѣлывать

Рѣшено вернуться въ Омскъ; моя поѣздка съ адмираломъ кончилась довольно быстро; оптимистическихъ впечатлѣній изъ нея я не вынесъ; зато убѣдился, что эти поѣздки совершенно безполезны для дѣла; потревоженные въ своемъ обиходѣ штабы и войска смотрятъ на нихъ косо и даже недружелюбно, искренности намѣреній Адмирала и его стремленія раздѣлить общія тяготы и всячески помочь никто не знаетъ и не оцѣниваетъ; подарки и награды, имъ разсыпаемые, потеряли силу и скоро забываются; но зато крѣпко учитываются и не забываются случайные штормы, разносы, задержка желѣзно-дорожнаго движенія, мотаніе частей на смотры и т. п.

У Царской власти эти минусы кое какъ покрывались традиціями, ну а новой аплике все это ставится въ счетъ.

25 Августа. Свита Адмирала позволяетъ себѣ дѣлать очень печальныя для авторитета власти распоряженія; сегодня утромъ остановили оба эшелона адмиральскаго поѣзда на забитомъ разъѣздѣ только потому, что иначе Адмиралъ не успѣетъ побриться до прихода поѣзда на станцію Петропавловскъ.

Адмиралъ этого и не подозрѣвалъ, а между тѣмъ это на $1^1/_2$ часа задержало всю эвакуацію заваленнаго эшелонами и грузами Макутинскаго узла.

На станціи Петропавловскъ встрѣтилъ помощника начальника снабженій Южной Арміи полковника Михайлова, присланнаго сюда наладить подвозъ снабженія для этой арміи.

Былъ пораженъ присылкой столь вялаго и глупаго агента, неспособнаго разобраться въ самыхъ простыхъ вещахъ; онъ умудрился, напримѣръ, заполнить весь первый, съ великимъ трудомъ налаженный нами колесный транспортъ 48-линейными бомбами и не послалъ медикаменты, перевязки, дезинфекціонныя средства и теплое бѣлье, т. е. то, что нужно арміи въ первую голову; 48-линейныхъ гаубицъ въ арміи всего пять, и навѣрное ихъ уже бросили во время отступленія.

Въ Петропавловскѣ Адмиралъ выслушалъ доклады начальника резервной группы генерала Косьмина о состояніи пяти дивизій (по численности равныхъ батальонамъ)

третьей арміи, стоящихъ здѣсь на отдыхѣ. Юный генералъ несомнѣнно желалъ угодить въ тонъ Адмиралу и бойко докладывалъ, что, если ему дадутъ то-то и то-то, то къ началу Сентября или «немножко позже» всѣ его части будутъ готовы къ наступленію.

Въ своемъ молодомъ задорѣ и увѣренности Косьминъ былъ, по всей вѣроятности, даже искрененъ и вѣрилъ въ осуществимость того, что докладывалъ; въ его служебномъ багажѣ такъ мало опыта, да и то, что есть — самаго мелкаго масштаба; онъ не представляетъ себѣ даже, что такое значитъ полная готовность части для продолжительнаго и напряженнаго наступленія; онъ считаетъ, что достаточно приказать наступать и самому идти впереди, а остальное приложится; онъ не учитываетъ — и въ своемъ задорѣ и не желаетъ даже учитывать, что сейчасъ совсѣмъ уже не тѣ времена и не та обстановка, при которыхъ онъ и его соратники годъ тому назадъ гнали неустроенныя красныя орды.

Я задалъ ему и бывшимъ съ нимъ командирамъ рядъ вопросовъ о состояніи подчиненныхъ частей и изъ полученныхъ отвѣтовъ убѣдился, что онѣ въ такомъ же состояніи какъ и то, что находится въ боевой линіи, и вся разница только въ томъ, что онѣ немного отдохнули. Оказалось, что пополненія только что прибыли или еще ожидаются; что со снабженіемъ еще не разобрались и солдаты по прежнему раздѣты и разуты; что къ полевымъ занятіямъ еще не приступили, такъ какъ все время занимались устройствомъ на временныхъ стоянкахъ и отдыхали; что часть прибывающихъ пополненій еще не стрѣляла изъ винтовокъ; что обозы — это такіе же подвижные таборы-склады, какіе я видѣлъ при объѣздѣ фронта; что колесныхъ транспортовъ для организаціи подвоза не имѣется; что техническія средства связи, шанцевый инструментъ, значительная часть пулеметовъ потеряны при отходѣ и только что получаются, но не въ такомъ размѣрѣ, чтобы обезпечить длительное наступленіе (ослабленіе контроля и служебной добросовѣстности привело теперь къ тому, что размотанный на линіи телефонный кабель очень часто бросается, а телефоны, инструментъ и пр. не ремонтируются, снашиваются и выбрасываются.

Я убѣдился, что то, что Косьминъ считаетъ воинскими частями, представляетъ собой совершенно сырыя кучи людей, имѣющихъ внѣшній обликъ солдатъ, но лишенныхъ внутренней спайки и спеціальной подготовки. Да иначе и быть не могло; наши вундеркинды никакъ не могутъ учесть той разницы, которая внесена въ нашъ обиходъ отсутствіемъ у насъ старыхъ и опытныхъ кадровъ; они живутъ прежними привычками, когда эти кадры въ нѣсколько недѣль переваривали приходящія къ нимъ укомплектованія и своими боевыми и моральными качествами руководили и вели за собой остальной молодой составъ части.

Теперь все это отошло въ область прошлаго и съ этимъ надо считаться, особенно же, если вы желаете предъявить къ войскамъ (нынѣ уже специфически милиціоннаго характера, да еще съ прибавкой насильственныхъ мобилизацій) требованіе длительнаго и напряженнаго наступленія. Вѣдь, послѣднее требуетъ опытнаго командованія, знающихъ и втянутыхъ въ войну кадровъ, обученнаго состава, прочности моральнаго состоянія, удовлетворительнаго, хотя бы, снабженія и сносной подготовки войскового и армейскаго тыла.

Ничего этого у насъ нѣтъ, а мы пыжимся начинать рѣшительное наступленіе. Мы базируемся на числѣ «штыковъ», а ихъ то у насъ, въ настоящемъ боевомъ значеніи этого слова, — и нѣтъ.

Ставка гонитъ сюда все, что только можно собрать въ тылу по части пополненій; нѣсколько такихъ эшелоновъ стояло здѣсь на станціи и я ихъ обошелъ; народъ все здоровый и по внѣшнему облику довольно симпатичный; одѣты въ новое обмундированіе, но не имѣютъ снабженія, необходимаго для похода (его нѣтъ и въ частяхъ); срокъ обученія въ тыловыхъ частяхъ колеблется между 2 и 11 днями, причемъ занятія сводились, главнымъ образомъ, къ словесности, отданію чести, гимнастикѣ и маршировкѣ; многіе не видали еще винтовки, а стрѣляли только одиночные люди изъ застрявшихъ почему-либо въ этихъ частяхъ на болѣе долгіе сроки.

Судя по внѣшнему виду, изъ этихъ укомплектованій можно сдѣлать хорошихъ солдатъ, но для этого надо нѣсколько недѣль усердной работы опытныхъ и добросовѣстныхъ руководителей; примѣръ этому можно видѣть въ Омскѣ по результатамъ работы нашего владивостокца Волкова и его офицеровъ.

Адмиралъ опять полонъ наступательными тенденціями и приказываетъ всячески торопить снабженіе; доложилъ, что все, что было, отдано на фронтъ или захвачено Ивановымъ-Риновымъ, но что того, что выслано и сдано войсковымъ пріемщикамъ, достаточно для снабженія нашихъ армій; надо только расшевелить армейснія снабженія, такъ какъ изъ доклада коменданта станціи я знаю что вещевые эшелоны стоятъ по недѣлямъ безъ разгрузки.

Изъ бесѣды съ командирами частей убѣдился, что, несмотря на многочисленные штабы и безчисленныя освѣдомленія, войска сидятъ въ полной темнотѣ по части всего, что дѣлается въ тылу, въ странѣ, въ Правительствѣ и т. п. (Только отъ меня узнали, напримѣръ, о новыхъ окладахъ пенсій). Настроеніе къ союзникамъ довольно недружелюбное, такъ какъ извѣрились въ ихъ реальную помощь, болѣзненно желательную, потому что всѣ истомились, истрепались, сознаютъ всю трудность положенія и жаждутъ облегченія и помощи.

Петропавловскъ и станціи къ востоку отъ него загромождены хвостами Челябинской эвакуаціи; преобладаютъ штабныя и тыловыя команды и учрежденія; особенно много разныхъ спеціальныхъ командъ, обильно расплодившихся у насъ на нѣмецкомъ фронтѣ, и очень усердно возстанавливаемыхъ нашими штабами по мѣрѣ ихъ распуханія.

Ставка не сумѣла ввести это во время въ организаціонныя рамки и сдержать появленіе этихъ командъ явочнымъ порядкомъ; въ результатѣ то, что полагалось только въ армейскихъ организаціяхъ, появилось въ дивизіяхъ и даже ниже; для войскъ это было очень удобно, такъ какъ прибавило имъ независимость техническую и снабжательную; это и объясняло, почему у насъ были въ Сибирской арміи штабы дивизій, въ которыхъ числилось 120—125 офицеровъ и чиновниковъ (т. е. десятерной штатъ противъ нормальнаго).

Въ обгоняемыхъ эшелонахъ мало воинскаго, но много обывательскаго, изъ вагоновъ выглядываютъ коровы; подъ вагонами особыя приспособленія для домашней птицы; всюду обиліе женскаго пола и дѣтей.

Вотъ, куда надо прислать весьма энергичную комиссію, которая немедленно бы отправила въ глубокій тылъ все небоевое и ликвидировала всѣ экзотическія тыловыя команды, обративъ ихъ на укомплектованіе спеціальныхъ фронтовыхъ командъ.

26 Августа. Вернулись въ Омскъ; настроеніе скверное, ибо узналъ и увидѣлъ, что предполагаемое и извѣстное изъ разсказовъ и донесеній оказалось реальнымъ и угрожающимъ; исчезла послѣдняя иллюзія, что я до сихъ поръ ошибался въ своихъ мрачныхъ мысляхъ и что общее положеніе еще не такъ плохо, какъ мнѣ казалось изъ моего Омскаго далека.

Вечеромъ въ Совѣтѣ Министровъ состоялся очередной докладъ генерала Андогскаго о положеніи фронта; опять самыя розовыя краски, утвержденіе въ полномъ «оздоровленіи» армій (наши академики всегда любятъ муслить и всюду налѣплять какое-нибудь модное выраженіе) и обѣщанія скораго наступленія.

Послѣ доклада Пепеляевъ спросилъ мое впечатлѣніе отъ поѣздки на фронтъ; отвѣтилъ, что діаметрально противоположное взглядамъ генерала Андогскаго.

Былъ вызванъ къ Адмиралу, гдѣ засталъ Дитерихса и только что прибывшаго изъ Франціи генерала Головина. Адмиралъ предложилъ мнѣ вступить въ исполненіе обязанностей Наштаверха и Военнаго Министра до тѣхъ поръ, пока Головинъ не ознакомится съ положеніемъ дѣлъ и сможетъ принять эти должности.

Предложеніе было очень неожиданное; отвѣтилъ, что по моему убѣжденію нѣтъ такого человѣка, который могъ бы одновременно нести такія разнородныя по сущности и колоссальныя по объему работы и ея значенію должности; поэтому, прежде всего, надо ихъ разъединить и возстановить нормальную и здоровую систему высшаго военнаго Управленія.

Головинъ меня поддержалъ, напомнивъ Адмиралу, что таковъ же былъ и его докладъ по этому вопросу. Затѣмъ, я доложилъ Адмиралу, что мои взгляды на положеніе фронта и веденіе операцій настолько расходятся съ существующими, твердо установившимися и проводимыми въ жизнь всѣми старшими начальниками (понимая его, Сахарова, Иванова-

Ринова и, повидимому, Дитерихса), что я не считаю себя въ правѣ принять исполненіе обязанностей наштаверха, безсильнаго все это измѣнить. Если же моя работа нужна, то прошу оставить меня при Управленіи Военнымъ Министерствомъ при условіи непосредственнаго подчиненія Адмиралу, какъ Верховному Правителю, и предоставленія мнѣ самостоятельности въ проведеніи программы, которую я ему представлю.

Порывистый Адмиралъ выразилъ глубокое сожалѣніе по поводу недавней реформы Ставки и Министерства и приказалъ все вернуть въ прежнее положеніе. Доложилъ ему, что при данной обстановкѣ новая и спѣшная ломка внесетъ новый развалъ въ наше Управленіе и что при его одобреніи я и генералъ Головинъ сдѣлаемъ это постепенно, по мѣрѣ надобности.

Въ концѣ концовъ, Адмиралъ рѣшилъ, что, до вступленія Головина въ должность Наштаверха, эти обязанности останутся на Дитерихсѣ, а я буду назначенъ Военнымъ Министромъ съ правомъ постепеннаго возстановленія всего нарушеннаго Лебедевской реформой.

Былъ у Андогскаго, который является теперь оперативнымъ руководителемъ Ставки, и сообщилъ ему свои печальныя впечатлѣнія, вывезенныя изъ поѣздки на фронтъ; высказалъ ему, что, какъ старый офицеръ генеральнаго штаба и достаточно опытный организаціонный и боевой начальникъ, считаю обязаннымъ заявить ему, какъ руководителю военныхъ операцій, что армія къ наступательнымъ операціямъ не готова; нуждается въ коренной реорганизаціи, и годныхъ для боя пополненіяхъ; сейчасъ, единственный исходъ — это укрѣпленіе линіи Ишима (если уже не поздно) и даже Иртыша, отводъ туда всего кромѣ арьергардовъ и конницы и выигрышъ драгоцѣннаго для насъ времени всѣми способами.

Надо смотрѣть на идею наступленія глазами опытныхъ военныхъ спеціалистовъ, а не тѣхъ юнцовъ, для которыхъ все кажется такимъ простымъ и возможнымъ; мы не можемъ не понимать, что при настоящемъ положеніи арміи, тыла и снабженій никакое наступленіе — въ его разумномъ, оперативномъ смыслѣ — невозможно; это должно быть понятно уже всякому молодому офицеру генеральнаго штаба, познавшему что такое подготовка, планъ и исполненіе всякой военной операціи и выполнившему свою третью академическую тему. Для насъ же, имѣющихъ за плечами много лѣтъ практики, это является непреложной истиной.

Разсказалъ ему свой разговоръ съ Адмираломъ, обрисовалъ вліяніе Сахарова и просилъ разобраться въ этомъ дѣлѣ, ибо другихъ способовъ у меня уже нѣтъ; просилъ отбросить предубѣжденіе противъ приписываемаго мнѣ пессимизма и обратить вниманіе на мои слова и мое безпокойство.

Андогскій слушалъ меня внимательно, какъ будто забезпокоился и обѣщалъ разобраться во всемъ ему сообщенномъ.

Временами я совершенно изнемогаю въ этой борьбѣ; иду на эти разговоры и убѣжденія, какъ какой-то проситель или въ чемъ нибудь виноватый, ибо чувствую, что многіе смотрятъ на меня какъ на маніака или брюзгу, наслаждающагося въ разведеніи мрачныхъ красокъ. Никто не понимаетъ, до чего мнѣ хочется ошибаться въ моихъ выводахъ или же имѣть право быть полнымъ радостныхъ надеждъ и увѣренности. Не мой пессимизмъ, а весь ужасъ того, что кругомъ дѣлается, приводитъ къ тому, что «нѣтъ пѣсенъ у меня веселыхъ».

Я не претендую на непогрѣшимость и прошу только не отмахиваться отъ моихъ словъ, а внимательно въ нихъ разобраться. То, что я говорю о подготовкѣ наступательной операціи, о качествѣ пополненій, объ отсутствіи умѣнья управлять боемъ и маневрировать, о бѣдности снабженій, о неготовности обоза и тыла и вообще объ отсутствіи матерьяльныхъ и моральныхъ качествъ и запасовъ, необходимыхъ для серьезной, длительной и п о с л ѣ д н е й (ибо при неуспѣхѣ — смерть) нашей операціи, — все это подлежитъ подсчету, учету, разсмотрѣнію и оцѣнкѣ.

Я только и хочу, чтобы тѣ, въ рукахъ которыхъ находятся судьбы Россіи, арміи и насъ грѣшныхъ, — заглянули за ту черту, на которую я указываю.

Непріятно смотрѣть на висящую въ моемъ кабинетѣ огромную карту, на которой завѣдывающіи сводками офицеръ наноситъ красными точками пункты и районы возстаній въ нашемъ тылу; эта сыпь дѣлается все гуще и гуще, а вмѣстѣ съ тѣмъ все слабѣе становится надежда справиться съ этой болѣзнью.

Говорилъ на эту тему съ Пепеляевымъ; онъ очень озабоченъ затрудненіями по части организаціи отрядовъ особаго назначенія и не скрываетъ, что нравственный уровень ихъ личнаго состава очень невысокій; все лучшее забрано фронтомъ и центральными управленіями.

Пепеляевъ составилъ себѣ очень хорошій, но очень запоздалый планъ объѣзда наиболѣе важныхъ областей Сибири для того, чтобы на мѣстѣ, путемъ непосредственнаго общенія съ населеніемъ, выяснить причины недовольства и возстаній и мѣры, необходимыя для успокоенія края; по его свѣдѣніямъ главными заправилами всѣхъ возстаній являются новоселы, преимущественно Столыпинскіе аграрники, плохо устроившіеся въ Сибири и мечтающіе о томъ, какъ бы пограбить богатое старожильческое населеніе Сибири, достатокъ котораго разжигаетъ ихъ большевистскіе аппетиты.

Вкладывать персты въ раны дѣло хорошее, но надо было заняться этимъ еще зимой. Теперь заниматься діагнозомъ столь очевидной болѣзни уже поздно.

Наконецъ-то Совѣтъ Министровъ разсмотрѣлъ возмутительное дѣло Омскаго Военно-Промышленнаго Комитета, которое, наравнѣ съ дѣломъ Зефирова, бросило много грязи на репутацію Омскаго Правительства.

Про Зефирова говорятъ, что виноватъ не онъ, а его докладчики и его неопытность; но тогда надо это выяснить и покарать виновныхъ; пока же этого не сдѣлано, надъ властью виситъ пріукрашенное сплетнями и провокаціею густое обывательское обвиненіе Правительства въ томъ, что его бывшій министръ пріобрѣлъ огромную партію чая по четверной цѣнѣ, нанеся казнѣ убытки въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей, — и что Правительство все это покрываетъ.

Засѣданіе Совѣта Министровъ было очень жаркое, было произнесено не мало рѣчей противъ назначенія Сенатской ревизіи всей дѣятельности военно-промышленнаго комитета, какъ того требовало заключеніе докладчика А. М. Окорокова, весьма рельефно обрисовавшаго всѣ злоупотребленія и служебныя преступленія, допущенныя въ этомъ комитетѣ.

Защищать всю эту мерзость по существу было невозможно; поэтому базировались преимущественно на томъ, что Комитетъ привлекъ первую слѣдственную комиссію профессора Лебедева къ отвѣтственности за клевету и надо подождать разбора этого дѣла въ судѣ; кое гдѣ проскальзывали скверныя нотки на тему о желательности поменьше раздувать это дѣло, такъ какъ сіе можетъ отразиться на репутаціи правительственныхъ круговъ.

Поставленный на голосованіе вопросъ о назначеніи Сенаторской ревизіи принятъ подавляющимъ большинствомъ; послѣ этого защитники комитета пытались внести поправку, что ревизія назначается по просьбѣ самого комитета, но эта поправка Совѣтомъ отвергнута.

Идя домой, удивлялся столь страусовой политикѣ, каковой придерживалась до сихъ поръ та кучка людей, которая помыкала и Правительствомъ, и Верховной властью; неужели же судьба монархіи и все послѣдующее ничему не научила (даже по части сохраненія собственнаго положенія и благополучія)!

27 Августа. Состоялось мое назначеніе на должность Военнаго Министра съ подчиненіемъ прямо Верховному Правителю; просилъ Адмирала смотрѣть на меня, какъ на временнаго замѣстителя, такъ какъ здоровье мое совсѣмъ плохо и я могу скоро совсѣмъ свалиться.

Фронтъ продолжаетъ ползти назадъ; настроеніе въ Омскѣ, несмотря на всѣ казачьи завыванія, за послѣдніе дни сильно сдало; дутый подъемъ начала Августа начинаетъ падать и смѣняться растерянностью и пессимизмомъ; тяга на востокъ дѣлается все сильнѣе, такъ какъ «служебныя и коммерческія дѣла» того требуютъ; много охотниковъ получать

разныя командировки въ восточномъ направленіи для разрѣшенія накопившихся тамъ вопросовъ.

Отбыли на Дальній Востокъ и далѣе къ Деникину недавно пріѣхавшіе оттуда генералы Лебедевъ 2-й и Нагаевъ; первый — набирать служащихъ, а второй — для еще болѣе анекдотическаго порученія — провести сюда черезъ Закаспій и Туркестанъ дивизію изъ уроженцевъ Сибири, которую онъ собирается сформировать у Деникина.

Для послѣдней цѣли экстренно ассигновано около 80 милліоновъ рублей романовскими и керенками.

Кредитъ этотъ проведенъ черезъ Совѣтъ Министровъ уже постфактумъ; впервые я не выдержалъ и, отбросивъ всѣ приличія, высказалъ Совѣту свой взглядъ на такія командировки; высказалъ свое негодованіе по адресу Ставки и авторовъ этого нелѣпаго и невыполнимаго проекта, ибо они, какъ офицеры Генеральнаго Штаба, не могутъ не знать исторіи нашихъ Туркестанскихъ походовъ и всѣхъ исключительныхъ условій движенія и военныхъ дѣйствій въ тѣхъ краяхъ; сказалъ, что только высокое мѣсто, въ коемъ я присутствую, удерживаетъ меня отъ того, чтобы назвать все это дѣло и его авторовъ тѣмъ названіемъ, котораго они заслуживаютъ.

Тѣмъ не менѣе ассигнованіе было утверждено и два превосходительныхъ гастролера, отряся Омскій прахъ съ своихъ ногъ и получивъ 2000 фунтовъ стерлинговъ на расходы, плюсъ обобранные изъ всѣхъ казначействъ десятки милліоновъ романовскихъ, изволили отбыть обратно на югъ.

Былъ у Головина; изложилъ ему общую характеристику Омскихъ персонажей и общаго положенія, высказалъ свой взглядъ на состояніе армій, фронта и тыла, сугубо подчеркнувъ опасность наступленія, вымотанность и нервность войскъ, неготовность пополненій и общее паденіе чувства долга, работоспособности и добросовѣстности.

Въ общемъ положеніи указалъ на невозможность работать сейчасъ порядками мирнаго времени и во всероссійскомъ масштабѣ, какъ то дѣлаетъ Правительство; надо облегчить, но въ то же время усилить аппаратъ власти; во многомъ нужна рѣшительная децентрализація, а во многомъ, наоборотъ, централизація, равная, быть можетъ, диктатурѣ.

Высказалъ свое глубокое убѣжденіе, что у Адмирала должно быть два помощника: по военной и по гражданской части, которые должны быть при немъ постоянно и безъ которыхъ никто не можетъ ничего докладывать Адмиралу; помощникъ по военной части долженъ быть наштаверхомъ въ самомъ широкомъ военномъ значеніи этого слова, а помощникъ по гражданской части — чѣмъ то въ родѣ канцлера.

Одновременно надо провести широкую децентрализацію мѣстнаго управленія съ привлеченіемъ туда мѣстныхъ выборныхъ представителей.

Бесѣда съ Головинымъ оставила самое хорошее впечатлѣніе. Дай Богъ, чтобы онъ пріобрѣлъ довѣріе Адмирала и сдѣлался его руководителемъ; вѣдь, онъ не случайный выкидышъ революціонной фортуны, а человѣкъ съ большимъ и многостороннимъ опытомъ, привыкшій работать въ большомъ масштабѣ.

28 Августа. Утопаю въ морѣ бумаги; погибаю въ безчисленныхъ комиссіяхъ и совѣщаніяхъ; временами устаю до полнаго выдыха и маразма. Очередной вопросъ для осуществленія — это возстановленіе разрушенной системы воспитанія дѣтей военно-служащихъ и государственныхъ чиновниковъ; сейчасъ, при общей разрухѣ, надо возстановить интернаты и полуинтернаты, внести новую, живую струю въ ихъ жизнь и ученье, и помочь всѣмъ служащимъ въ главномъ, что ихъ безпокоитъ, то есть въ призрѣніи, воспитаніи и обученіи дѣтей.

Все это надо сдѣлать подальше отъ фронта, на Дальнемъ Востокѣ и въ Иркутскѣ. Былъ вновь обозленъ начальствомъ военныхъ округовъ, которое на мой запросъ, какъ это все осуществить, отвѣтило донесеніемъ о трудности и даже невыполнимости предложенныхъ имъ мѣръ.

Даю все, что надо: право, деньги и вагоны для подвоза матерьяловъ, а взамѣнъ прошу побезпокоиться, подумать и сдѣлать все, что только возможно, но все время натыкаюсь на непонятныя для меня равнодушіе и лѣнь.

Вечеръ просидѣлъ въ засѣданіи Гос. Эк. Совѣщанія, увязшаго въ раскапываніи санитарныхъ безпорядковъ и въ дебатахъ по поводу разныхъ проектовъ организаціи высшаго санитарнаго управленія. Всѣ проекты больны тѣмъ, что ищутъ исхода въ коренной перестройкѣ всей системы въ то время, когда всѣ бѣды кроются въ недостаточности личнаго состава и въ недостаткахъ людей исполнителей. Какой смыслъ ломать и надстраивать системы, если останемся съ тѣми же людьми тѣхъ же качествъ.

Въ своемъ докладѣ Совѣщанію я обрисовалъ все положеніе нашего санитарнаго дѣла и всѣ его устранимые и неустранимые недостатки; указалъ на причины наличныхъ безпорядковъ и на способы ихъ устраненія, подчеркнувъ, что главная бѣда въ нашей слабости по части медицинскаго, фельдшерскаго и санитарнаго персонала и въ отсутствіи должнаго хозяйственнаго, санитарнаго и медицинскаго порядка въ нашихъ врачебныхъ заведеніяхъ. Надо всѣмъ подтянуться; надо преслѣдовать лѣнь и недобросовѣстность; надо привлечь къ черной работѣ въ больницахъ тѣхъ, кто кейфуетъ въ тылу. Если это возможно, то большинство главныхъ бѣдъ пройдутъ сами собой; если же нравственное и служебное оздоровленіе невозможно, то намъ не помогутъ никакія реформы въ системѣ управленія.

Заниматься реформами теперь не время и ни къ чему; у насъ есть положеніе о полевомъ управленіи войскъ, основанное на нашихъ законахъ и организаціи; надо его выучить, имъ руководствоваться и не измышлять ничего новаго; всю же реформаціонную и оздоровительную силу надо направить на усиленіе личнаго состава и на улучшеніе его работы.

Много кричатъ о плохомъ уходѣ, но никто не идетъ въ санитары и сидѣлки, хотя тылъ переполненъ здоровыми балбесами и безработными женщинами; еще больше говорятъ о грязномъ и рваномъ бѣльѣ, но я не слышалъ, чтобы гдѣ-нибудь образовался добровольный кружокъ, который взялъ бы на себя мойку и починку бѣлья. Я какъ-то указалъ начальнику санитарно-эвакуаціонной части на недопустимость возить раненыхъ на двуколкахъ безъ подстилки и узналъ при этомъ, что все затрудненіе въ томъ, что кто-то не можетъ купить соломы по предѣльной цѣнѣ для нея установленной; сего контрольнаго буквоѣдства оказалось достаточнымъ, чтобы сложить ручки и таскать искалѣченныхъ раненыхъ по Омскимъ ухабамъ.

Я видѣлъ, какъ ночью везли раненыхъ, не выславъ для нихъ ни одѣялъ, ни шинелей, и они тряслись отъ холода; при разслѣдованіи оказалось, что эшелоны прибыли ночью и не хотѣли безпокоить то лицо, кое обязано было выдать и послать одѣяла и шинели.

Будь это въ моемъ подчиненіи, я сумѣлъ бы со всѣмъ этимъ справиться, ибо все сіе зависитъ отъ недостатковъ исполнителей, а не самой системы.

Мы обязаны и можемъ дать нашимъ раненымъ и больнымъ помѣщеніе, койки, бѣлье, пищу и хорошій уходъ; конкурировать по внѣшности съ американцами и чехами мы не въ состояніи, но этого и не надо.

Казаки продолжаютъ опустошать всѣ наши склады; Ивановъ-Риновъ завелъ особыхъ вынюхивателей, которые изслѣдуютъ всѣ склады и эшелоны; по ихъ указаніямъ онъ получаетъ разрѣшительные приказы Адмирала и путаетъ всѣ разсчеты Главнаго Интенданта; послѣдняго, буквально, разрываютъ на части присланные съ фронта пріемщики и ходатаи; каждый считаетъ себя самъ первоочереднымъ и при малѣйшей задержкѣ пытается пробраться съ жалобой къ Адмиралу; если это ему удается, то на бѣднаго Сторожева сыпятся адмиральскіе громы. Напрасно прошу установить какую-нибудь систему распредѣленія нашихъ скромныхъ запасовъ, ибо мы не такъ богаты, чтобы продолжать то, что привело насъ къ раздѣтой арміи и полному хаосу въ снабженіи.

Всюду появились разныя добровольческія формированія и суетящіеся около нихъ формирователи; все это гарантируетъ немедленное спасеніе отечества, требуя взамѣнъ милліонныя ассигнованія и тысячи комплектовъ всякаго снабженія.

Чѣмъ сложнѣе и опаснѣе обстановка, тѣмъ больше нервности и сумбура. Главные распорядители не способны взять себя и другихъ въ руки, цукнуть на все смятенное и мятущееся, заставить всѣхъ успокоиться и понять, что намъ болѣе, чѣмъ когда-либо, надо хладнокровіе, выдержка и система въ работѣ.

Въ этомъ отношеніи Дитерихсъ много лучше другихъ; онъ наружно спокоенъ, методиченъ и пытается внести всюду систему; но зато онъ совершенно не умѣетъ разсортировать работу, хочетъ все знать и самъ дѣлать; онъ занятъ чуть ли не 20 часовъ въ сутки и принимаетъ доклады до 2 часовъ ночи; самъ онъ уже переутомленъ, а для большой работы такая централизація ничего, кромѣ вреда, не приноситъ.

Я самъ страдаю до извѣстной степени перегрузкой себя работою, но дѣлаю это только въ тѣхъ отдѣлахъ, гдѣ нѣтъ исполнителей или гдѣ некогда уже учить и исправлять.

29 Августа. Прожектеры и спасатели не даютъ покоя; сначала они лѣзутъ къ Адмиралу, въ Ставку, къ предсѣдателю Совѣта Министровъ; оттуда ихъ присылаютъ ко мнѣ, и я обязанъ ихъ выслушивать; иначе на Военное Министерство обрушатся упреки, что оно не пожелало выслушать того чудодѣя, у котораго всамодѣлишный рецептъ для сокрушительнаго разгрома краснаго врага и блистательнаго, какъ $2 \times 2 = 4$, спасенія родины.

Одинъ изъ такихъ очень модныхъ прожектеровъ — генералъ Голицынъ, взгромоздившійся уже въ званіе инспектора всѣхъ добровольческихъ формированій; сей недавній капитанъ перебывалъ на фронтѣ во всѣхъ арміяхъ, отовсюду почему то изгонялся, воюжировалъ на Дальній Востокъ, вернувшись откуда возгласилъ, что все спасеніе въ добровольцахъ и что чуть ли не всѣ желаютъ спасать отечество, но для этого нужна организація, а во главѣ ея инспекторъ.

Явившись ко мнѣ, сей очередной Каліостро прежде всего заявилъ, что его чуть ли не силой привлекли на эту должность; онъ знаетъ мое нерасположеніе къ предпринимателямъ своего типа и поэтому забѣжалъ впередъ. Затѣмъ послѣдовала передача распоряженія Адмирала о немедленномъ ассигнованіи новому инспектору десяти милліоновъ рублей; затѣмъ появился присланный мнѣ на заключеніе докладъ объ утвержденіи огромнѣйшихъ штатовъ по управленію инспектора.

Я сказалъ Голицыну, что деньги ему будутъ ассигнованы, а что касается штатовъ, то я передамъ ихъ въ Военное Совѣщаніе; свое же заключеніе дамъ только черезъ нѣсколько времени въ зависимости отъ успѣха работы и отъ скорости и числа отправленныхъ на фронтъ добровольческихъ организацій; добавилъ, что въ успѣхъ послѣднихъ не вѣрю, ибо все желающее добровольно служить давно это дѣлаетъ; теперь же, если и соберутъ нѣсколько сотъ, а, можетъ быть, и тысячъ человѣкъ, то это будутъ добровольцы по неволѣ, отъ голода, безработицы или ради исканія приключеній; такія формированія для насъ безполезны и на нихъ мы фронта не выправимъ. Посулами, завываніями и дутымъ подъемомъ не двинуть на подвигъ тѣхъ, для коихъ собственное спокойствіе и безопасность выше всего на свѣтѣ.

Инспекторъ морщился, но доложилъ, что имъ уже получены свѣдѣнія, что всюду добровольцы записываются массами; на это ему отвѣтилъ, что я слишкомъ старая штабная крыса, чтобы придавать вѣру такимъ свѣдѣніямъ.

Мнѣ самому хотѣлось бы вѣрить въ возможность добровольческаго подъема, но для этого нѣтъ никакихъ основаній; всѣ источники добровольчества — офицеры, ихъ сыновья, кое кто изъ идейной интеллигенціи, старые солдаты — все это сильно потрепано во время большой войны и еще болѣе пострадало въ борьбѣ за освобожденіе родины отъ красной погани. Эти добровольцы пошли на свой крестный подвигъ безъ приглашеній и завываній, безъ пособій и сроковъ.

Они сбросили съ Сибири красное ярмо; они бились съ Алексѣевымъ и Корниловымъ; они бьются и у Деникина, и на нашемъ фронтѣ; но они вычерпаны до дна и нѣтъ новыхъ кадровъ имъ на помощь; больше ихъ не будетъ; не найдешь ихъ даже и въ средѣ теперешней молодежи, въ былыя времена экзальтированной и способной ради идеи идти на подвигъ, а теперь въ большинствѣ или дрябло соглашательской, или хулигански огарочной, но всегда минималистической по части подвига и работы, и максималистической по шкурничеству, внутренней трусости и требованіямъ.

Но къ добровольческой рекламѣ уже присосалась масса паразитовъ; они уже начали бить въ свои бубны, фабриковать освободительную шумиху и разводить самыя розовыя перспективы. Скоро лопнетъ и этотъ пузырь, прибавивъ еще одно новое разочарованіе

къ длинной ихъ цѣпи. На подвигъ идутъ тѣ, кто способны служить идеѣ ради нея самой; за деньги это не покупается, отъ рѣчей не зарождается и отъ молебновъ не распространяется. Рожденные ползать — летать не будутъ.

Условія добровольческаго найма составлены очень неумѣло; злые языки считаютъ, что это сдѣлано нарочно, чтобы получить сразу большую запись и оправдать свои трескучія обѣщанія; по этимъ условіямъ обязательный срокъ найма 6 мѣсяцевъ, и нанимающіеся получатъ въ полную собственность полное обмундированіе и комплектъ зимней одежды; черезъ 6 мѣсяцевъ они получаютъ 5 тысячъ рублей преміи. Считаютъ, что среди городской голытьбы найдется не мало ловкачей, которые учтутъ, что зимой войны не будетъ, а къ веснѣ можно будетъ получить разсчетъ; перспектива же имѣть всю зиму помѣщеніе и довольствіе и уйти имѣя 5 тысячъ рублей плюсъ все обмундированіе — это такая перспектива, изъ за которой стоитъ потерпѣть нѣсколько мѣсяцевъ казарменной муштры.

30 Авеуста. Имѣлъ длинную бесѣду съ Головинымъ; доказывалъ ему необходимость принять исключительныя мѣры по реорганизаціи фронта и по сокращенію штабовъ и тыловъ. Мы представляемъ колоссальное туловище, пухлое и безсильное съ маленькими руками. Достаточно указать, что на красной сторонѣ противъ насъ работаетъ одинъ штабъ арміи, состоящей изъ 3—4 дивизій и 2—3 конныхъ бригадъ; на нашей сторонѣ штабъ Главнокомандующаго, пять армейскихъ штабовъ, одиннадцать штабовъ корпусныхъ группъ и, кажется, тридцать пять штабовъ дивизій и отдѣльныхъ бригадъ.

Думается, что комментаріи къ этимъ цифрамъ излишни; думается также, что не справившись съ этимъ штабнымъ зломъ, мы будемъ безсильны сдѣлать вообще что-либо путное.

Головинъ мнѣ сообщилъ, что, по докладу Дитерихса, рѣшено создать въ тылу должности инспекторовъ пополненій и формированія стратегическаго резерва Дальняго Востока, съ изъятіемъ тыловыхъ округовъ изъ подчиненія Военному Министру и передачей ихъ въ распоряженіе Главнокомандующаго фронтомъ. Вся эта комбинація проведена Хрещатицкимъ, провалившимся на разныхъ комбинаціяхъ создать себѣ разныя синекуры, но успѣвшимъ на этомъ послѣднемъ проектѣ.

Все это проведено помимо меня и зная, что я съ этимъ не согласенъ. Совершенно не понимаю, для чего же было меня тогда удерживать и просить остаться. Просилъ Бурлина (Дитерихсъ уѣхалъ на фронтъ) доложить Адмиралу, что, пока я Военный Министръ, я не соглашусь на проведеніе такого проекта, который ломаетъ всѣ основы военнаго управленія, вноситъ многовластіе и сумбуръ въ нашъ расхлябанный тылъ и нуженъ только для матерьяльнаго благополучія нѣсколькихъ авантюристовъ; я не могу допустить, чтобы такія реформы, сугубо вредныя для всего нашего дѣла, проводились ради личныхъ выгодъ господина Хрещатицкаго, только и мечтающаго о томъ, какъ бы устроить для себя какую-нибудь синекуру и удрать на Дальній Востокъ.

Все это я считаю вредной глупостью и молчать больше не намѣренъ; поэтому называю проектъ даже мягче того, чего онъ заслуживаетъ, и прошу доложить это Адмиралу.

Бурлинъ отвѣтилъ, что онъ со мной совершенно согласенъ, но что проектъ этотъ проведенъ Дитерихсомъ и одобренъ Адмираломъ, причемъ все приказано провести ускореннымъ темпомъ, такъ какъ авторы убѣдили Адмирала, что здѣсь залогъ будущаго спасенія; основаніемъ для доклада положили, что фронтъ не вѣритъ тылу и что поэтому во главѣ всѣхъ пополненій должны стоять извѣстные фронту люди, пользующіеся тамъ авторитетомъ, а все должно быть объединено въ рукахъ Главнокомандующаго.

Опять повторяется та-же исторія, что недостатки людей сваливаются на вину недостатковъ системы.

Если фронтъ считаетъ, что, положимъ, я и генералы Матковскій, Артемьевъ и Розановъ неспособны подготовить для него укомплектованія, то ничто не мѣшаетъ Адмиралу удалить всѣхъ насъ съ нашихъ должностей, назначивъ туда такихъ людей, которые, по мнѣнію Дитерихса и фронта, заслуживаютъ ихъ довѣрія и болѣе на это способны.

Вмѣсто этого, дѣлается какой-то абсурдъ: всѣ негодные остаются на своихъ мѣстахъ, сохраняютъ всѣ обязанности, несутъ всю черную работу и отвѣтственность, но въ ихъ

районахъ появляются посторонніе и автономные органы, имъ не подчиненные и осѣненные всѣми благословеніями и полномочіями фронта.

Для исполненія своихъ обязанностей эти органы принуждены будутъ узурпировать всѣ права командующихъ войсками, отобрать у нихъ помѣщенія, склады и запасы, обративъ старшихъ тыловыхъ начальниковъ въ какіе-то обмылки власти, существующіе только для того, чтобы разбивать объ ихъ голову всѣ горшки и сваливать на нихъ всѣ грѣхи, промахи, протори и убытки.

Просилъ Бурлина, ѣдущаго съ докладомъ, доложить Адмиралу мои соображенія и мою просьбу одновременно съ утвержденіемъ приказа о новой реформѣ подписать приказъ объ увольненіи меня отъ должности Военнаго Министра, такъ какъ при такой обстановкѣ работать я не могу и не умѣю.

Вѣдь, только въ Омскомъ болотѣ, въ этой кашѣ безволія и личныхъ честолюбій возможны такія неожиданности. То меня просятъ занимать сразу должности Наштаверха и Военнаго Министра; то уговариваютъ оставаться на посту Военнаго Министра, обѣщая полную поддержку и довѣріе, а черезъ два дня проводятъ приказъ, совершенно разрушающій все управленіе тыломъ и завѣдомо для меня непріемлемый.

Нужно быть пошлой флюгаркой или жалко цѣпляться за свое положеніе, чтобы оставаться послѣ всего этого на своемъ посту.

31 Августа. Вернулся домой очень поздно, такъ какъ вечеромъ состоялось засѣданіе Совѣта Министровъ съ участіемъ Адмирала; выяснилось, что казачья конференція, дѣлавшаяся въ послѣднее время все наглѣе и наглѣе, явилась къ Адмиралу и предложила ему принять на себя полную диктаторскую власть, подкрѣпивъ себя чисто казачьимъ правительствомъ и оперевшись преимущественно на казаковъ. Сначала создалось очень острое положеніе, смягченное затѣмъ вмѣшательствомъ соединенныхъ общественныхъ организацій; въ результатѣ всѣ требованія свелись къ необходимости сокращенія министерствъ, упрощенія и ускоренія правительственной работы и созыва совѣщательнаго собранія. Требованія эти заявлены казачьей конференціей и всѣми группами Гос. Экон. Совѣщанія, т. е. представителями внушительной и наиболѣе государственной части населенія.

Я лично согласенъ со всѣми этими заявленіями, но боюсь, что положеніе фронта и возстанія въ тылу дѣлаютъ ихъ очень запоздалыми.

Обращаясь къ Совѣту Министровъ, Верховный правитель высказалъ свое неудовольствіе по поводу разноголосицы въ мнѣніяхъ членовъ Совѣта по многимъ важнѣйшимъ государственнымъ вопросамъ; онъ подчеркнулъ, что недопустимо, чтобы рѣшеніе принималось большинствомъ одного голоса и перевѣсомъ голоса предсѣдателя.

Сказалъ онъ очень рѣзко, затѣмъ сообщилъ о неудовлетворительномъ настроеніи и состояніи арміи, объяснивъ это, довольно для меня неожиданно, тѣмъ, что армія пропитана большевизмомъ.

Государственный контролеръ просилъ Адмирала передать Совѣту Министровъ, какія именно требованія были заявлены ему казачьей конференціей, такъ какъ объ этомъ ходятъ по городу разные слухи и версіи.

Адмиралъ, не давая отвѣта по существу, указалъ только, что онъ отвѣтилъ казакамъ, что сейчасъ уже не время производить какія-нибудь реформы и перемѣны въ составѣ Совѣта Министровъ, такъ какъ это можетъ отразиться на «настроеніи арміи».

Опять откуда-то навязанная идея, ибо арміи совершенно не интересуются Совѣтомъ Министровъ и не всѣ даже офицеры знаютъ фамилію нашего предсѣдателя; фамиліи же министровъ извѣстны только немногимъ; кромѣ того я увѣренъ, что всякая перемѣна въ составѣ Совѣта будетъ встрѣчена съ удовольствіемъ и съ надеждой на что-нибудь лучшее; надежда на новаго барина, который «пріѣдетъ и разсудитъ», — явленіе широко всероссійское.

Очевидно, что это подсказано Адмиралу тѣми, кто хочетъ забронировать теперешній совѣтъ министровъ; если это сдѣлано искренно и убѣжденно, то показываетъ глупость и негосударственность совѣтчиковъ; если же сдѣлано ради эгоизма, то показываетъ ихъ подлость.

Послѣ отъѣзда Адмирала засѣданіе продолжалось и было посвящено томительнымъ дискуссіямъ, какъ осуществить высказанныя Адмираломъ пожеланія.

1 Сентября. Несмотря ни на что, на фронтѣ началось наступленіе. Дитерихсъ взялъ на себя великую отвѣтственность и поставилъ на карту послѣдніе сибирскіе рессурсы бѣлой идеи.

Я видѣлъ его у Головина передъ самымъ его отъѣздомъ на фронтъ и повторилъ ему тотъ же вопросъ, который задалъ при первомъ съ нимъ разговорѣ по поводу наступленія: «а что же будетъ, если наступленіе не удастся?»

И онъ опять повторилъ, что тогда «придется раздѣлиться на партизанскіе отряды и вновь начать то-же, что было въ 1918 году.»

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на этого Главнокомандующаго, такъ легко и просто рѣшавшаго судьбу Россіи и арміи, и рѣшавшаго ее легкомысленно и ложно; ибо теперь уже не 1918, а осень 1919 года, и вся обстановка рѣзко измѣнилась не въ нашу пользу; теперь для насъ бѣлыхъ уже немыслима партизанская война, ибо населеніе не за насъ, а противъ насъ; немыслима она и потому, что на Сибирь надвигается регулярная красная сила и идутъ красные комиссары, уже спеціализировавшіеся на подавленіи нашихъ бѣлыхъ возстаній. Гдѣ-же мы найдемъ оружіе, патроны и пр. и пр.?

Вспомнилъ, какимъ архичехомъ и руссофобомъ былъ генералъ Дитерихсъ во Владивостокѣ; вспомнилъ разсказъ генерала Розанова, о томъ, какъ, во время очень тяжелаго положенія нашихъ войскъ на Уралѣ въ 1918 году, тогдашній Главковерхъ Болдыревъ просилъ командовавшаго чешскими войсками генерала Дитерихса помочь нашему фронту и взывалъ къ его, какъ русскаго генерала, чувствамъ, но получилъ отказъ, добавленный словами что, «онъ былъ русскимъ генераломъ, а сейчасъ онъ чехъ».

При такой легкости въ перемѣнѣ направленія въ священнѣйшихъ понятіяхъ и обязанностяхъ человѣка и солдата, мало мудренаго въ томъ, что такой человѣкъ способенъ такъ легко смотрѣть на возможныя послѣдствія отъ начатой имъ операціи.

Какъ генералъ Генеральнаго штаба, занимавшій высокія должности — до начштаверха большой Ставки включительно, онъ не можетъ не понимать, что все наступленіе построено на авоську и даже при успѣхѣ дастъ только частичное удовлетвореніе, ибо развить успѣхъ намъ нечѣмъ.

Я сталъ излагать Головину свое несогласіе съ возможностью вести партизанскую войну, но Дитерихсъ отговорился неотложными дѣлами и уѣхалъ.

По свѣдѣніямъ Ставки наступленіе наше на фронтѣ 3-й арміи развивается успѣшно; но иначе и быть не могло, ибо красные этого не ожидали, и теперь всякое такое наступленіе будетъ успѣшно.

Всюду кричатъ: «Громъ побѣды раздавайся»; уныніе смѣнилось неумѣренной радостью; уральскіе бѣженцы собираются уже домой.

Увѣряютъ, что и 1-я армія перешла въ наступленіе и нанесла краснымъ рѣшительное пораженіе. Дай Богъ, чтобы все это было вѣрнымъ, а главное, чтобы у красныхъ не оказалось достаточно резервовъ, чтобы самимъ перейти въ наступленіе, котораго наши слабыя и разорванныя по фронту войска не выдержатъ. Главная же надежда на конницу и на то, что командованіе ею Иванова-Ринова не испортитъ дѣла; на искусство И. Р., какъ кавалерійскаго начальника, разсчитывать не приходится, и вся надежда на его честолюбіе и жажду воинской славы. Сейчасъ передъ нимъ путь къ этой славѣ открытъ; если конный корпусъ глубоко врѣжется въ красные тылы, порветъ ихъ сообщенія и связь и разгромитъ комиссарскіе штабы, то Сибирская кампанія 1919 года нами выиграна и передъ нами вся осень, зима и весна для военныхъ и правительственныхъ реформъ.

Несомнѣнно, что отъ коннаго корпуса зависитъ успѣхъ всей операціи, т. к. пѣхота, по слабости своего состава, не можетъ развить широкаго по фронту наступленія и не въ состояніи долго питать это наступленіе резервами и пополненіями; по схемѣ Дитерихса у него около 11 дивизій числится въ резервѣ, но по численности штыковъ всѣ онѣ равны одной настоящей дивизіи

Въ городѣ говорятъ, что въ казачьемъ бумѣ уже начались прорѣхи, и что въ одиннадцати южныхъ станицахъ казаки отказались выступить на сборные пункты подъ предлогомъ, что послѣ ихъ ухода крестьяне разгромятъ ихъ семьи.

На фронтѣ два молодыхъ казачьихъ полка конной группы генерала Волкова уже отказались исполнить боевой приказъ; ихъ отвели въ тылъ и послали стариковъ ихъ укорять и уговаривать; увѣряютъ, что полки раскаялись, но уже самая возможность такихъ явленій очень знаменательна.

Но сейчасъ отъ казаковъ зависитъ вся судьба нашего наступленія и я готовъ все имъ простить и отдать имъ еще по нѣсколько комплектовъ снаряженія, если они принесутъ намъ переломъ фронтоваго положенія.

2 Сентября. Былъ съ докладомъ у Адмирала; доложилъ ему свой взглядъ на образованіе въ тылу автономныхъ инспекцій, подчиненныхъ только Дитерихсу, и на назначеніе на столь отвѣтственные посты такихъ бездѣльныхъ авантюристовъ, какъ Хрещатицкій; одновременно повторилъ просьбу освободить меня отъ управленія Военнымъ Министерствомъ, каковое мной принято въ надеждѣ полнаго его возстановленія и полныхъ мнѣ довѣрія и поддержки.

Прошло всего нѣсколько дней и Министерство еще болѣе разрушается новыми и вредными реформами; довѣріе же проявляется тѣмъ, что такія реформы проводятся внѣ моего вѣдома и зная, что я съ ними рѣзко несогласенъ.

Адмиралъ заштормовалъ и наговорилъ мнѣ порядочно рѣзкостей; я все выслушалъ, но заявилъ, что все мной сказанное доложено ему по долгу службы и совѣсти; личнаго я ничего не преслѣдую и думаю только объ интересахъ того дѣла, которому мы всѣ служимъ.

Разъ я удостоенъ назначенія Военнымъ Министромъ, то этимъ на меня возложена тяжелая задача и отвѣтственность; выполнить первую и принять на себя вторую, я могу только при полномъ довѣріи и при предоставленіи мнѣ данной мнѣ закономъ власти. Я готовъ нести всю полноту отвѣтственности, но при условіи полученія полноты власти.

Если я и командующіе войсками въ округахъ не пользуются довѣріемъ фронта, то замѣните насъ фронтовыми начальниками, но не ломайте системы; пусть Дитерихсъ выберетъ по своему усмотрѣнію кандидатовъ на мое мѣсто и на должности командующихъ войсками въ округахъ, и мы съ радостью уступимъ имъ наши мѣста.

Доложилъ, что я могу остаться только при исполненіи указанныхъ мной условій; въ противномъ случаѣ очень прошу послать меня на фронтъ въ распоряженіе генерала Лохвицкаго, гдѣ я смогу принести еще какую-нибудь пользу.

Относительно же защиты Адмираломъ личныхъ качествъ Хрещатицкаго, рекомендовалъ Адмиралу потребовать изъ Ставки присланное Владивостокской контръ-развѣдкой письмо сидящаго въ Японіи авантюриста очень низкой марки — генерала Потапова, въ которомъ тотъ сообщаетъ дорогому Борису Ростиславовичу (имя и отчество Х.), что принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы Адмиралъ полетѣлъ кувыркомъ и чтобы всѣ попытки къ признанію Омской власти окончились неудачей. Конечно, не всему, сообщаемому контръ-развѣдкой, надо вѣрить, но въ данномъ случаѣ она личностью Х. спеціально не занимается, и это письмо заслуживало бы извѣстнаго освѣщенія.

Адмиралъ сразу смягчился, но просилъ поговорить обо всемъ съ Дитерихсомъ, т. к. послѣдній очень убѣдительно просилъ утвердить представленный проектъ; добавилъ, что ему, Адмиралу, совершенно все равно, какъ будетъ организовано управленіе пополненіями, лишь бы конечные результаты были успѣшные и лишь бы работа шла хорошо и гладко.

Мнѣ было очень непріятно припирать къ стѣнѣ этого безпомощнаго ребенка и говорить ему тяжелыя для него вещи, но иного исхода не было.

Я не могу спокойно допустить новаго развала тыла; я убѣжденно считаю, что, если судьба намъ подаритъ зиму 1920 года, то тогда весь успѣхъ весенней кампаніи будетъ зависѣть отъ качества подготовленныхъ за это время резервовъ и пополненій и отъ тѣхъ реформъ, которыя будутъ произведены въ самихъ арміяхъ; успѣхъ же подготовки резервовъ и пополненій невозможенъ, разъ въ тылу будутъ сидѣть разномастные и разной

подчиненности начальники и притомъ одни — по законамъ фронта, а другіе — по законамъ тыла.

Вечеромъ скучнѣйшее засѣданіе Совѣта Министровъ. Все кругомъ трещитъ, а мы занимаемся пустячками самаго вермишельнаго характера. Хладнокровіе, спокойствіе и отсутствіе суетливости, конечно, хороши, но ихъ то у насъ и нѣтъ; цѣну же времени всегда надо знать.

Видѣлъ казачій проектъ переустройства власти: наверху Верховный Правитель съ двумя помощниками по военной и по гражданской части; дальше совѣщательный органъ — государственное совѣщаніе; казакамъ даруется полная автономія. Проектъ весьма пріемлемый, за исключеніемъ казачьей автономіи, очень опасной для остального неказачьяго населенія Сибири.

Судя по той сводкѣ, которую видѣлъ въ Ставкѣ наше наступленіе не удалось; сначала красные ошалѣли и все шло для насъ очень удачно, но сейчасъ они оправились, перешли въ контръ-наступленіе на нашемъ правомъ флангѣ и нажимаютъ на Пепеляева; очевидно, свѣдѣнія развѣдки о выдыхѣ красныхъ оказались неправдой.

Одурь беретъ отъ своего безсилія: фронту нужны свѣдущіе и опытные военные юристы, которыхъ много въ тыловыхъ округахъ, но которыхъ никакъ не вытащишь на фронтъ; въ одномъ Харбинѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ русскихъ войскъ, прочно окопались три судейскихъ полковника и упорно не исполняютъ приказа прибыть въ Омскъ. Хорватъ ихъ прикрываетъ подъ предлогомъ нужды въ военныхъ юристахъ.

Дитерихсъ увѣряетъ, что результаты наступленія обнаружатся только черезъ двѣ недѣли; думаю, что это очень опасное заблужденіе: при данной обстановкѣ намъ нужны были молніеносные результаты, ибо наши войска неспособны на длительное напряженіе въ тѣхъ размѣрахъ, какъ того требуетъ наступательный маневръ большого масштаба и рѣшительнаго характера. Боюсь, что ошибся въ своей прежней оцѣнкѣ Дитерихса, считая, что онъ долженъ знать состояніе фронта; видимо, это знаніе наружное, по поверхности, безъ умѣнія оцѣнить многое по его значенію и безъ тѣхъ коэффиціентовъ, которые только и опредѣляютъ истинное боевое значеніе частей.

Боюсь, что и для него дивизіи — это только номера и шашки, ибо только при такомъ отношеніи возможно разсчитывать на длительное развитіе чрезвычайно трудной операціи; онъ не хочетъ или не умѣетъ учесть огромнаго значенія душевной усталости и вымотанности войскъ даже въ той части ихъ состава, которая служитъ только идеѣ и ведетъ за собой остальныхъ. Успѣхъ операціи разсчитанъ на использованіи для перваго удара Ижевской дивизіи; но, вѣдь, она единственная по своему составу; все остальное, быть можетъ, и способно на первый порывъ, но не больше, а если наткнется на сильное сопротивленіе или, чего Боже упаси, красные перейдутъ въ контръ-наступленіе, то все можетъ кончиться катастрофой.

По прежнему — рѣшительный успѣхъ зависитъ только отъ дѣйствія коннаго корпуса.

При докладѣ Совѣту Министровъ весьма оптимистической оперативной сводки, Андогскій весьма внушительно перечислялъ многочисленныя дивизіи резерва. Но развѣ это дивизіи? это еле слѣпленныя кучи частью очень уставшихъ, частью очень сырыхъ солдатъ, не способныя къ полевому, маневренному бою, лишенныя внутренней спайки, не желающія больше воевать, страдать и терпѣть. Лучшій офицерскій составъ, несущій на себѣ всѣ физическія и нравственныя тяготы ужасной по обстановкѣ гражданской войны, безумно усталъ и извѣрился въ возможность полученія откуда нибудь смѣны и отдыха; сырые же, малодисциплинированные, по спеціальности безграмотные и душевно надтреснутые ряды остального офицерства мало чѣмъ лучше солдатъ; они тоже способны на временный порывъ, но не больше; дальше же опять отрицательная реакція, новая порція потери вѣры въ успѣхъ и новый, уже неудержимый, откатъ на востокъ.

Если смотрѣть на нашу операцію по картѣ, считая размѣченныя на ней булавки за настоящія и прочныя войсковыя части, то не можетъ быть сомнѣнія въ полномъ разгромѣ красныхъ. Этотъ миражъ туманитъ головы нашихъ командныхъ верховъ и грозитъ намъ тяжелыми послѣдствіями. Чѣмъ больше будутъ продолжать насиловать арміи при этомъ наступленіи, тѣмъ грознѣе будетъ переломъ.

Вотъ, если конный корпусъ выполнитъ свою задачу, и вгрызется, какъ слѣдуетъ, въ красные тылы, то тогда многія части сдѣлаются способными для энергичнаго преслѣдованія и ихъ надо поберечь до этого времени.

Андогскій съ профессорскимъ видомъ разглагольствуетъ о присущей нашимъ войскамъ маневренности, что де проявлено ими подъ Челябинскомъ. Печальное заблужденіе господина профессора, видѣвшаго войну только изъ кабинетовъ большихъ штабовъ и привыкшаго копошиться въ теоріи и жить въ атмосферѣ трескучихъ фразъ; этому уже совершенно не дано знать боевыхъ коэффиціентовъ войскъ; ему не дано понимать, что не можетъ быть маневренности въ сырыхъ милиціонныхъ, не духомъ поднятыхъ на брань толпахъ, руководимыхъ малосвѣдущимъ по спеціальности командным составомъ; ему не дано знать, что наша старая кадровая армія была очень слаба по части маневренности, ибо 25-лѣтняя практика большихъ и показныхъ маневровъ вбила въ нашу военную психологію боязнь обходовъ и прорывовъ, коимъ, на этихъ экзаменахъ для большого начальства, придавали рѣшающее значеніе; ему не дано знать, что на настоящій маневръ, да еще наступательный, у насъ были способны только рѣднія, на перечетъ, дивизіи, счастливыя тѣмъ, что въ предвоенный періодъ имѣли удачный подборъ талантливыхъ и идейно работавшихъ надъ боевой подготовкой своихъ частей командировъ. Но и тогда это были рѣдкіе зубры; какіе же могутъ быть разговоры о маневренности теперь, при настоящемъ составѣ нашей арміи.

Нѣтъ даже утѣшенія въ томъ, что и красные не въ лучшемъ, чѣмъ мы, положеніи. Конечно, и у нихъ все очень сѣро и лохмато, но за всѣмъ этимъ стоитъ безжалостность комиссарскихъ пулеметовъ и ни передъ чѣмъ не останавливающаяся рѣшительность коммунистическихъ ядеръ, повелѣвающихъ кучами такихъ же насильно собранныхъ парней; да и парни эти обучены много лучше нашего и скрѣплены наличіемъ старыхъ, прошедшихъ всю большую войну, солдатъ.

3 Сентября. По просьбѣ Адмирала Головинъ пригласилъ къ себѣ меня и Дитерихса для выработки соглашенія по организаціи военнаго управленія въ тылу.

Ничего изъ этого не вышло, такъ какъ Дитерихсъ уперся на своемъ. Я предлагалъ всевозможныя уступки, но просилъ только не ломать послѣднихъ остатковъ нашей системы. Я предлагалъ назначить Военнаго Министра и командующихъ войсками въ тыловыхъ округахъ по выбору самого Дитерихса съ тѣмъ, чтобы они проводили тамъ программу, разработанную Главнокомандующимъ и предписанную къ исполненію Верховнымъ Правителемъ.

Я предлагалъ назначить къ Военному Министру и командующимъ войсками особыхъ помощниковъ по организаціонной части, избранныхъ тоже Главнокомандующимъ и работающихъ по особой программѣ, утвержденной Адмираломъ. Предлагалъ, наконецъ, углубить армейскіе районы хотя-бы до Енисея и Байкала и назначить Главнаго начальника тыла, подчиненнаго Главнокомандующему; просилъ только избѣжать недопустимаго двоевластія со всѣми его сумбурными послѣдствіями. Не соглашался только на какое-либо отвѣтственное назначеніе Хрещатицкаго, служебныя и нравственныя качества коего мнѣ достаточно извѣстны.

Соглашался при нынѣ существующей системѣ принять къ безпрекословному исполненію всѣ директивы и общія инструкціи по подготовкѣ резервовъ и пополненій, которыя составитъ фронтъ и утвердитъ Адмиралъ, при условіи, что самое исполненіе будетъ предоставлено Военному Министру и командующимъ войсками въ округахъ.

Головинъ вполнѣ одобрилъ всѣ мои уступки, но Дитерихсъ уперся на своемъ; твердилъ, что фронтъ не вѣритъ тылу и что все дѣло подготовки должно быть въ его рукахъ; было очевидно, что онъ не желаетъ даже вникать въ сущность дѣлаемыхъ ему предложеній. Въ концѣ концовъ, онъ съ пренебрежительнымъ видомъ бросилъ фразу: «еще разъ вижу, что русскіе генералы умѣютъ только ссориться» и, воспользовавшись пріѣздомъ къ Головину генерала Жанена, уѣхалъ.

Я просилъ Головина доложить Адмиралу всѣ мои предложенія и удостовѣрить, что въ моемъ противодѣйствіи проекту Дитерихса нѣтъ ничего личнаго и что, напротивъ, я жертвую всѣмъ личнымъ и соглашаюсь на всѣ допустимыя по сущности дѣла уступки,

но отстаиваю незыблемость системы и организаціи; по длительному и многостороннему опыту знаю, къ чему приводила и приводитъ эта дезорганизація, подъ какими соусами бы ее ни преподносили, и до тѣхъ поръ, пока несу на себѣ отвѣтственность Военнаго министра, буду всѣми силами бороться противъ всякихъ дезорганизаціонныхъ проектовъ, столь обильно рождаемыхъ въ нашей больной обстановкѣ. Вновь и вновь повторяю, что все дѣло сейчасъ въ людяхъ, а не въ перестройкахъ и надстройкахъ нашей организаціонной системы.

Адмиралъ долженъ знать, что я служу не ради честолюбія, а потому, что мнѣ заявляютъ, что моя служба нужна; я готовъ продолжать нести свои обязанности только при условіи полнаго довѣрія и согласія съ моими основными принципами; подчиняться фантазіямъ Дитерихса и потакать личнымъ интересамъ Хрещатицкаго я не хочу и не буду. Я обѣщаю, — а даромъ и впустую я никогда этого не дѣлалъ, — что сумѣю смыть всю грязь ненависти и предубѣжденія, которую сплетня и низость разныхъ ставочныхъ и фронтовыхъ вундеркиндовъ и хундкиндовъ вывалили на репутацію Военнаго Министерства, покрывая этимъ свое собственное ничтожное убожество и свои грѣхи.

Работы я не боюсь; грѣхи и недостатки Министерства знаю; знаю также, что какъ ни рѣдки ряды хорошихъ и добросовѣстныхъ работниковъ, все же можно поставить настоящихъ людей на настоящія мѣста и достаточно удовлетворительно справиться съ предстоящими намъ задачами.

Это не бахвальство, а результатъ обслѣдованій, обдумываній и подсчета. Я смотрю на должность Военнаго Министра, какъ на подвигъ, какъ на принятіе тяжелаго креста и какъ на послѣднюю службу своей родинѣ и своему народу; иду на нее по глубокому, сознательному чувству долга и увѣренности, что сумѣю выполнить эти обязанности; поэтому то считаю себя въ правѣ требовать, чтобы съ моими мнѣніями считались, тѣмъ болѣе, что я вѣдь не лѣзу въ политику, не лѣзу въ чужія дѣла, а требую только довѣрія и полноты власти въ специфическихъ, узкихъ рамкахъ своихъ обязанностей.

Просилъ доложить, что если мои условія непріемлемы, то прошу указаній, кому передать исполненіе должности Военнаго Министра, и назначенія на фронтъ.

При дебатахъ по поводу кандидатуры Хрещатицкаго, Дитерихсъ повторилъ самимъ же Х. сфабрикованную и распространяемую сказку, что его назначенія требуютъ японцы и въ самой ультимативной формѣ, угрожая, при неисполненіи, прекратить намъ отпускъ вооруженія и снабженія.

Отвѣтилъ, что въ эту сказку не вѣрю и что все это выдумано и размазано самимъ Х., не останавливающимся ни передъ чѣмъ для самоустройства; было бы нелѣпо, если бы японское правительство ставило на одну доску такія несоразмѣримыя вещи, какъ оказаніе или неоказаніе намъ помощи и назначеніе или неназначеніе какого-то очень пронырливаго и надоѣдливаго, но безразличнаго для Японіи генерала. Абсурдно это и потому, что все получаемое изъ Японіи идетъ къ намъ не по японской милости, а оплачивается въ золотой валютѣ. Я прошу запросить официально японскую миссію и увѣренъ, что она выразитъ недоумѣніе по поводу сочиняемой Хрещатицкимъ сказки. Я уже запрашивалъ по этому поводу Владивостокъ и получилъ отъ Розанова телеграмму, въ которой тотъ сообщаетъ, что начальникъ японской миссіи отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, никакого особаго инспектора на Дальнемъ Востокѣ не надо и что они не считаютъ себя въ правѣ мѣшаться въ назначенія нашего личнаго состава.

На мою просьбу провѣрить происхожденіе присланнаго Владивостокской контръразвѣдкой письма генерала Потапова на имя какого-то «дорогого Бориса Ростиславовича», Дитерихсъ отвѣтилъ отказомъ, заявивъ, что это «апокрифъ или провокація».

Въ Ставкѣ увѣрнютъ, что Дитерихсъ, Хрещатицкій и Ко. задумали подъ видомъ стратегическаго резерва возстановить гвардейскій корпусъ, какъ основаніе будущаго монархическаго переворота; поэтому то всѣ назначенія въ этотъ резервъ дѣлаются изъ бывшихъ гвардейскихъ офицеровъ.

При желаніи сварить жирныя щи изъ стараго топора въ выдумкахъ не стѣсняются.

Для чешско-русскаго хамелеона новый монархическій вольтъ не представляетъ ничего особеннаго; въ Кіевѣ онъ именовалъ себѣ республиканцемъ, а въ Сибири сталъ монархистомъ.

Вечеромъ былъ на прощальномъ обѣдѣ у японскаго генерала Такаянаги, который въ частной бесѣдѣ заявилъ, что уѣзжаетъ въ Владивостокъ для доклада Главнокомандующему японскими войсками о положеніи дѣлъ на фронтѣ и въ Омскѣ и о необходимости оказать намъ болѣе реальную помощь, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ.

Тяжелое положеніе Омска дѣлаетъ Семеновщину все болѣе и болѣе наглой; мой судный отдѣлъ и канцелярія комитета по охраненію законности (предсѣдатель Министръ юстиціи) наполнены жалобами на грабежи и насилія, чинимые Семеновскими агентами; китайскій консулъ жалуется на постоянные случаи ограбленія китайскихъ купцовъ при осмотрѣ ихъ чинами контръ-развѣдки на станціи Даурія; американскій консулъ заявилъ многомилліонный искъ отъ фирмы Вульфсонъ за захваченные Семеновымъ два вагона цѣнной пушнины. Телеграфирую, прошу Сыробоярскаго повліять на Читу, но все безполезно; такія язвы выжигаются только каленымъ желѣзомъ.

Изъ Владивостока прислана краткая сводка дѣятельности Хорвата; очень характерно, какъ самъ Верховный Уполномоченный и его ближайшій антуражъ разобрали себѣ свободныя земли Посьетскаго района; самому Хорвату отведенъ кусъ въ восемнадцать тысячъ десятинъ земли, одному изъ дѣятелей дальневосточнаго комитета Тетюкову — въ двѣнадцать тысячъ десятинъ, остальному антуражу по важности и по способности.

Къ сожалѣнію, это не выдумки контръ-развѣдки новаго состава, опорочивающей старыхъ владыкъ, ибо подтверждено документами и оффиціальными справками.

И такіе-то люди брали на себя святую и чистую задачу спасенія родины, ея оздоровленія и вывода на новую дорогу. Неужели же въ ихъ голову не забрели мысли о томъ, какое великое зло они творятъ, рельефно показывая населенію, что за люди стали ко власти; неужели они не понимали, что никто не повѣритъ соусу о важности разведенія въ краѣ племеннаго скота и о томъ, что сія важная задача подъ руку только Хорвату, Тетюкову и иже съ ними.

Послѣднее, быть можетъ, и вѣрно, но время ли заниматься такими, вызывающими сомнѣнія, нареканія и сплетни, операціями; вѣдь, не тѣ времена, когда всѣмъ предержащимъ было плевать и на общественное мнѣніе и на настроеніе всего населенія. По истинѣ «ничему новому не научились и ничего стараго не забыли».

4 Сентября. Просилъ Головина еще разъ поговорить съ Адмираломъ объ освобожденіи меня отъ должности; атмосфера несогласія между мной и Дитерихсомъ начинаетъ распространяться на дѣловыя отношенія между Ставкой и Министерствомъ; низы нахохлились и повторяются времена ссоры Лебедева и Степанова. Устранить это приказами нельзя, ибо оно въ психологіи служащихъ топорщиться за свое и за своихъ; между тѣмъ, это совершенно не допустимо.

Разъ Дитерихсу довѣренъ фронтъ и Ставка, то очевидно, ему врученъ максимумъ адмиральскаго довѣрія, а поэтому его взгляды и рѣшенія должны надъ всѣмъ превалировать; въ силу этого соображенія меня надо убрать, замѣстивъ такимъ лицомъ, которое было бы солидарно съ его взглядами.

Оперативная сводка гласитъ, что на фронтѣ развиваются упорные бои; терминъ «упорные» мнѣ очень не нравится, такъ какъ показываетъ, что первый ударъ нашъ не былъ потрясающимъ, и что красные оказались способными на «упорное» сопротивленіе, т. е. то, что не входило въ разсчеты Ставки.

Дитерихсъ очень бережно, но безостановочно вводитъ въ дѣло свои резервы; съ этой точки зрѣнія онъ руководитъ операціей очень спокойно и умѣло; скверно только то, что всѣ эти резервы совсѣмъ не то, что подразумѣвается подъ прикрывающими ихъ номерами дивизій.

Еще хуже то, что сводка сообщаетъ, что мѣстами обнаруживается переходъ красныхъ въ контръ-наступленіе.

Тѣмъ не менѣе, впечатлительный Омскъ ожилъ и подбодрился; мѣстные языкоблуды раскудахтались во всю и разносятъ сообщенія о рѣшительныхъ побѣдахъ и разгромѣ красныхъ.

Въ Ставкѣ опереточные (замѣняетъ «опера́тивные») вундеркинды насмѣшливо на меня поглядываютъ; особенно проникновенно, съ величавымъ спокойствіемъ геніальнаго проворливца смотритъ на меня Андогскій; не сомнѣваюсь, что все сообщенное ему мной по возвращеніи изъ поѣздки на фронтъ отнесено имъ на счетъ моего «остраго пессимизма» и «паничности».

Дай Богъ, чтобы всѣ они были правы, а я оказался старымъ дуракомъ, пессимистомъ и выжившимъ изъ ума паникомъ, ничего не понимающимъ въ военномъ дѣлѣ и въ оцѣнкѣ обстановки, событій и лицъ.

Ужасно то, что непонятный для многихъ скрытый языкъ фронтовыхъ донесеній говоритъ мнѣ слишкомъ много сквернаго; откинувъ шумиху трескучихъ фразъ о тяжелыхъ потеряхъ красныхъ, объ истребленіи цѣлыхъ полковъ и т. п., я вижу, что артиллерія красныхъ уходитъ во время; что тѣхъ мелкихъ трофеевъ, которые неизбѣжны при истребленіи цѣлыхъ частей, нѣтъ; что тѣ полки, которые сегодня показаны въ реляціи уничтоженными, черезъ нѣсколько дней сами атакуютъ и заставляютъ насъ отступать; для меня нѣтъ сомнѣнія, что половина этихъ реляцій и три четверти содержанія остальныхъ сфабрикованы и притомъ малоискусными по этой части штабами. Какіе-то частичные успѣхи и кое-гдѣ есть, но они покупаются непомѣрно дорогой цѣной выматыванія послѣднихъ силъ; подъ ударами шпоръ наши войска напрягаютъ послѣднія усилія . . .

Гдѣ же конный корпусъ? ему давно пора проявить свое рѣшительное значеніе.

Омскія газеты полны побѣднымъ пафосомъ; Сахаровъ объявленъ спасителемъ отечества и героемъ; появилось даже въ видѣ особаго почета данное ему кѣмъ-то названіе «солдатъ-генералъ»; что онъ солдафонъ въ генеральской формѣ, это вѣрно, но чтобы онъ былъ солдатомъ-генераломъ въ высокомъ значеніи этого слова, — сіе безконечно далеко отъ истины.

Вся шпана, примазавшаяся къ добровольческому движенію, гордо машетъ руками и обѣщаетъ двинуть на фронтъ цѣлыя рати; полились хвастливыя рѣчи о поголовномъ выходѣ на фронтъ цѣлыхъ разрядовъ населенія.

А я, какъ противный, каркающій старый воронъ, представляю себѣ, какимъ скользкимъ и трусливо-подлымъ настроеніемъ все это смѣнится, если разсѣется этотъ побѣдный угаръ и надъ Омскимъ болотомъ вновь поднимется призракъ краснаго приближенія.

Подняли большую шумиху съ поголовной мобилизаціей бывшихъ плѣнныхъ изъ Карпаторуссіи; къ этому дѣлу примазался Ивановъ-Риновъ, заявившій, что этимъ путемъ онъ получитъ пѣхоту въ добавокъ къ своему конному корпусу.

Бѣдныхъ карпаторуссовъ стали хватать съ помощью облавъ (И.-Р. по этой части дока); благодаря этому, Омскъ остался безъ хлѣбопековъ и ассенизаторовъ, такъ какъ миролюбивые и неприхотливые карпаторуссы спеціализировались по черному труду; узнавъ о принудительной мобилизаціи, они разбѣжались изъ Омска и въ риновскія сѣти попала только часть.

Озлобленіе среди нихъ страшное; ихъ собрали на станціи Куломзино, рядомъ съ бараками, въ которыхъ помѣщаются семьи Ижевскихъ рабочихъ; на дняхъ у меня были старики Ижевцы и сообщили, что озлобленные карпаторуссы ругаютъ ихъ за вѣрную службу своей родинѣ и, не стѣсняясь, говорятъ, что имъ только бы попасть на фронтъ, а тамъ они расправятся съ тѣми, кто ихъ туда погналъ, а сами уйдутъ къ краснымъ; тѣ же отправятъ ихъ домой.

Сообщилъ это 3-му Ген.-Квару, прося обратить вниманіе, что это идетъ не изъ контръразвѣдчичьихъ сферъ, а сообщается стариками рабочими, неспособными на выдумку.

Въ результатѣ новая глупость и новый вредъ: до сихъ поръ у насъ былъ добровольческій карпаторусскій батальонъ очень хорошаго состава, очень добросовѣстно несшій на себѣ тяжелые наряды и караулы. Теперь эта надежная и прочная горсточка растворена въ массѣ насильно согнанныхъ и нехотящихъ воевать людей

Въ газетахъ моря платныхъ восторговъ по поводу «изумительнаго по своему единодушію поголовнаго подъема героевъ подъяремной Карпатской Руси на спасеніе родного русскаго народа». Платныя перья всегда были особо подлы, а въ теперешней гнилой атмосферѣ они побили всѣ старые рекорды.

Каждое засѣданіе Комитета по дѣламъ печати даетъ мнѣ возможность высказать свое негодованіе по адресу нашихъ освѣдомителей и наемныхъ писакъ. Сначала Крафтонъ на меня обижался, но за послѣднее время часто соглашается, что я правъ и что органы освѣдомленія совершенно не выполняютъ своего назначенія.

5 Сентября. Утромъ вызвали къ Адмиралу, гдѣ уже были Головинъ и Дитерихсъ. Адмиралъ сообщилъ, что, выслушавъ всѣ доклады и доводы, онъ остановился на рѣшеніи включить въ театръ военныхъ дѣйствій весь Омскій военный округъ, сдѣлавъ его главнымъ райономъ для новыхъ формированій подъ руководствомъ Главнокомандующаго и избранныхъ имъ лицъ. Иркутскій и Приамурскій округа остаются въ подчиненіи Верховному Правителю и въ вѣдѣніи Военнаго Министра; никакого стратегическаго резерва на Дальнемъ Востокѣ формироваться не будетъ, а потому вопросъ о назначеніи Хрещатицкаго отпадаетъ.

Доложилъ Адмиралу, что вполнѣ привѣтствую такое рѣшеніе, долженствующее удовлетворить фронтъ и вполнѣ естественное, ибо все равно Омску суждено стать прифронтовымъ городомъ.

Отвѣчая на просьбу Адмирала не уходить съ должности до пріисканія мнѣ замѣстителя, доложилъ, что замѣстителемъ могъ бы быть вполнѣ соотвѣтствующій посту Военнаго Министра генералъ Суринъ, по моему мнѣнію несравненно болѣе меня подходящій къ этой должности; Адмиралъ отвѣтилъ, что противъ кандидатуры Сурина почти весь Совѣтъ Министровъ; это меня удивило, т. к. члены Совѣта не могли не знать, какъ методично, ревностно и добросовѣстно работалъ Суринъ и какіе успѣшные, хотя и невидные, результаты дала его работа; если бы у насъ было побольше такихъ людей и работниковъ, какъ Суринъ, то можно было быть спокойнымъ за будущее.

Вечеромъ въ Совѣтѣ Министровъ узналъ отъ Сукина, что онъ, по порученію Адмирала, былъ у генерала Такаянаги, чтобы узнать правда ли, что японское правительство требуетъ обязательнаго назначенія инспекторомъ формированій Дальняго Востока ген. Хрещатицкаго, связывая съ этимъ назначеніемъ вопросъ объ оказаніи намъ дальнѣйшей помощи.

По словамъ Сукина, Такаянаги былъ до-нельзя удивленъ этими вопросами и отвѣтилъ, что ни о чемъ подобномъ они никогда и не думали и что они не считаютъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ танія дѣла.

Такимъ образомъ открылась вся провокаторская махинація превосходительнаго спиртовоза; очевидно, это и повліяло на утреннее рѣшеніе Адмирала.

Но, тѣмъ не менѣе, Хрещатицкій остается въ распоряженіи Дитерихса и предназначается на должность инспектора формированій въ Омскомъ округѣ.

Спрашивается, сколько же мерзостей надо сдѣлать, чтобы надъ вами поставили, наконецъ, крестъ!

Что прочное и здоровое можетъ быть при такомъ порядкѣ, при которомъ разоблаченій, подобныхъ сегодняшнему, оказывается недостаточно чтобы съ позоромъ и пропечатаніемъ выгнать вонъ способнаго на такіе поступки генерала.

Не безъ труда протащилъ черезъ Совѣтъ Министровъ законопроектъ объ ассигнованіи Военному Министру десяти милліоновъ рублей на экстренные расходы по устройству дѣла воспитанія дѣтей военно-служащихъ. Уже осень и нѣтъ возможности проводить всѣ мелкія статьи, разрѣшающія этотъ насущный вопросъ обычнымъ путемъ; поэтому я и просилъ Совѣтъ Министровъ довѣрить мнѣ это дѣло и отпустить просимый авансъ.

Пролѣзъ большинствомъ только одного голоса и то послѣ того, какъ рѣзко крикнулъ, что голосующіе не имѣютъ права отказать въ помощи дѣтямъ тѣхъ, которые за насъ и за Россію умерли и умираютъ.

Развѣ можно успѣшно работать при такомъ государственномъ механизмѣ, при которомъ приходится протаскивать черезъ голосовальную машину такіе насущные во-

просы и рисковать остаться съ носомъ, если болѣе чѣмъ полудюжинѣ министровъ вздумается голосовать противъ.

Тошно было слушать, какъ двѣ бюрократическихъ крысы отъ контроля и финансовъ вылѣзали изъ шкуры, чтобы какъ-нибудь провалить мой проектъ, доказывая ссылками на законы и протухшіе циркуляры, что получающимъ усиленное жалованье не полагается выдавать пособій на воспитаніе дѣтей.

Съ наслажденіемъ отправилъ бы этихъ крысъ на фронтъ, оклеивъ ихъ этими циркулярами.

6 Сентября. Капризное настроеніе Омска опять потемнѣло; присяжные оптимисты продолжаютъ еще находиться подъ угаромъ «фронтовыхъ побѣдъ, но тревожныя нотки начинаютъ проскальзывать уже даже у заправилъ Ставки; мелкіе успѣхи есть, но разгрома красныхъ не только нѣтъ, но они сами начали насъ кое-гдѣ тѣснить; лучшія наши части уже израсходованы, резервы подходятъ къ концу, а красные не желаютъ даже начать отступленіе.

Спрашивалъ Ставку о причинахъ бездѣятельности до сихъ поръ коннаго корпуса; по секрету сообщили, что наступленіе начато не дожидаясь, не то что развертыванія, а даже сбора частей коннаго корпуса; это такъ ужасно, что не хочется даже вѣрить возможности столь чудовищной оплошности; вѣдь, ничто не требовало начать наступленіе въ столько то часовъ такого то дня.

Отказываюсь понимать поведеніе Дитерихса; самъ Адмиралъ, конечно, тутъ не причемъ. Какъ могъ допустить это Андогскій, который, по званію профессора военной Академіи, обязанъ понимать, что значитъ подготовка операціи и удачное для нея развертываніе.

Въ Ставкѣ сознаются, что сборъ казаковъ шелъ очень медленно; угаръ станичныхъ постановленій навѣянныхъ Риновскими ситцами, подарками и пособіями разсѣялся, какъ только пришлось выходить на службу; но за то вылѣзли во всей будничной остротѣ жалость потерять хорошій урожай, боязнь за семьи, страхъ за жизнь и пр. и пр.

Нѣкоторыя казачьи части сѣли въ вагоны, забравъ съ собой женъ и обильные запасы водки; по пути казачьяго движенія идетъ разгромъ нашихъ продовольственныхъ магазиновъ. Ивановъ-Риновъ очень много шумѣлъ о томъ, что у него будетъ автономное и демократическое снабженіе, но, когда дѣло дошло до реальнаго снабженія продовольствіемъ и фуражемъ, то оказалось, что, кромѣ пустопорожняго названія, у нашего наполеонистаго Держиморды ничего не имѣется. Скверно то, что все это свалилось на насъ неожиданно; все берется по казачьей ухваткѣ въ двойной и тройной запасъ; забираются склады и вагоны, приготовленные для арміи и для пополненія магазиновъ; интендантъ ходитъ, какъ очумѣлый, но я приказалъ все давать и все разрѣшать, дабы хоть чѣмъ-нибудь не помѣшать быстрѣйшему сбору казаковъ.

Офицеры изъ контръ-развѣдки говорятъ, что въ нѣкоторыхъ станицахъ идутъ секретныя совѣщанія о томъ, что не слѣдовало отпускать строевыхъ казаковъ на службу, такъ какъ все-равно красные придутъ, а тогда будетъ трудно съ ними сговориться; не думаю, что это измышлено, такъ какъ очень подходитъ къ казачьей психологіи и спеціально сибирской разсчетливости, чуждой идейнаго сентиментализма.

Потеря нами восточнаго Приуралья и Троицко-Орскаго района лишила насъ огромныхъ хлѣбныхъ и фуражныхъ заготовокъ и подвѣсила все довольствіе армій на запасы Средней Сибири. Всѣ требованія, предъявллемыя въ теченіе двухъ мѣсяцевъ къ Министерству Продовольствія о равномѣрномъ распредѣленіи запасовъ по всѣмъ магазинамъ и о доведеніи до нормы магазиновъ Средней и Восточной Сибири, остались неудовлетворенными. Каждую недѣлю, получая вѣдомости пополненія магазиновъ, писалъ Неклютину бумаги, сначала вѣжливыя, потомъ рѣзкія, потомъ угрожающія и требовалъ исполненія нашихъ нарядовъ, но все безрезультатно. Говорилъ съ Неклютинымъ и его помощниками, получалъ кучи увѣреній и обѣщаній, подкисленныя ссылками на трудность положенія, вызываемую потерей огромныхъ запасовъ на фронтѣ и тяжелыми условіями транспорта, смятаго стихійной эвакуаціей. Съ точки зрѣнія законной отговорки они

на половину правы, но съ точки зрѣнія способности подняться до высоты создавшагося труднаго положенія — ихъ нельзя оправдать.

Сумѣло же министерство путей сообщенія справиться съ еще болѣе тяжелыми и экстренными задачами; сумѣли же и нѣкоторые болѣе энергичные уполномоченные продовольственнаго министерства сдѣлать то же самое; тамъ же, гдѣ сидятъ уполномоченными разные дѣльцы и юнцы (говорятъ, что среди нихъ есть юноша, нѣсколько лѣтъ тому назадъ кончившій лицей), то тамъ дѣло совсѣмъ хромаетъ. Особенно непонятно плохое заполненіе магазиновъ Иркутска, Забайкалья и Дальняго Востока, гдѣ и транспортъ легче, и запасовъ сколько угодно (даже съ поправкой на разныя семенизаціи).

Не мало затрудненій въ дѣлѣ заготовки снабженій чинятъ намъ милые наши интервенты, любящіе плотно и хорошо покушать; сейчасъ они навалились на ограниченные запасы Средней Сибири и изрядно ихъ подсасываютъ; конкурировать съ ними мы не можемъ, ибо они вымѣниваютъ необходимое имъ довольствіе у населенія на разные товары и этимъ привлекаютъ къ себѣ весь сбытъ. Очень много жалобъ на безобразія и насилія чинимыя польскими войсками въ районѣ Ново-Николаевска; эти не стѣсняются грабить, производить насильственныя фуражировки, расплачиваться по ничтожнымъ цѣнамъ и захватывать наши заготовки, эшелоны и баржи съ грузами.

На наши жалобы, обращенныя къ Жанену, не получаемъ даже отвѣта; польское хозяйничанье особенно для насъ обидно; чехамъ мы все же обязаны и часть ихъ дралась вмѣстѣ съ нами за общее дѣло; польскія же войска создались у насъ за спиной изъ бывшихъ плѣнныхъ и нашихъ поляковъ, взявшихъ съ Россіи все, что было возможно, а затѣмъ задѣлавшихся польскими подданными и укрывшихся отъ всякихъ мобилизацій и военныхъ непріятностей въ рядахъ польскихъ частей.

Очень много нареканій на безобразія, учиняемыя весьма экзотическими морскими командами рѣчной флотиліи; они разрушили намъ весь планъ Тюменьской эвакуаціи, забравъ приготовленные для нея пароходы; теперь они плывутъ по Оби, возмущая своими безобразіями мѣстное населеніе и забирая разные запасы.

Очень тяжело положеніе съ эвакуаціей, такъ какъ потеря западныхъ каменоугольныхъ районовъ вызвала необходимость подавать уголь съ востока съ Черемховскихъ копей и притомъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы образовать теперь зимніе запасы и обезпечить себя отъ того тяжелаго угольнаго голода, который былъ такъ остръ въ прошлую зиму.

Но молодецкое М. П. С. находится въ опытныхъ рукахъ и личный составъ его работаетъ выше всякой похвалы, успѣшно преодолѣвая всѣ эти трудности.

7 Сентября. Маленькій, но характерный фактикъ изъ нашей будничной жизни; послалъ провѣрить, какъ идутъ работы, производимыя министерствомъ народнаго просвѣщенія на данные ему мной 12 милліоновъ рублей, по постройкѣ бараковъ; скоро осень и бараки должны были быть готовы; тогда мы могли бы освободить занимаемыя нами помѣщенія учебныхъ заведеній и дать дѣтямъ возможность учиться.

На самомъ же дѣлѣ оказалось, что въ двухъ мѣстахъ привезли нѣсколько сотъ бревенъ и, сваливъ ихъ въ штабеля, мирно почили; только въ Атаманской гимназіи произвели кое-какія работы, да и тѣ оказались надворными постройками и службами для директора гимназіи.

Теперь для меня ясно, что всѣ завыванія на тему о томъ, что военное вѣдомство захватило всѣ учебныя помѣщенія и не даетъ дѣтямъ учиться, были обычнымъ препровожденіемъ времени россійской интеллигенціи, смерть какъ любящей ругать начальство и валить на него отвѣтственность за то, въ чемъ сама на половину виновата.

Я хотѣлъ узнать научилась ли чему нибудь эта публика; я далъ имъ всѣ средства для постройки помѣщеній — деньги, матерьялы и вагоны; оставалось только побезпокоиться и исполнить. Своимъ предложеніемъ я поставилъ ихъ въ пиковое положеніе, ибо лишалъ ихъ возможности продолжать ничего не дѣлать, получать содержаніе и натравливать на насъ общественное мнѣніе, разливая потоки гражданской скорби и демократическаго краснорѣчія и облекаясь въ ризы обиженныхъ педагоговъ и заступниковъ за дѣтей.

Но народъ до того теперь обнаглѣлъ и опустился, что они смущались недолго; поругали меня, вѣроятно, за непріятное для нихъ предложеніе и рѣшили ничего не дѣлать на основаніи ста одной причины, мѣшающей исполненію. Они и интеллигенты, и педагоги, и демократы, и обличители, и заступники, но они не такъ глупы, чтобы стараться строить тѣ зданія, которыя лишатъ ихъ продолженія ничегонедѣланія и возстановятъ учебную жизнь.

Во избѣжаніе отговорокъ приказалъ собрать справки о наличіи въ городѣ матерьяловъ и рабочихъ; того и другого оказалось въ десятерной потребности сравнительно съ тѣмъ, что надо было для такихъ построекъ; не было гвоздей, желѣза и стекла, но все это было разрѣшено получить изъ инженерныхъ складовъ.

Всѣ справки передалъ министру народнаго просвѣщенія, сказавъ коротко, что все это слѣдовало бы предать самой широкой гласности, какъ яркое доказательство нашей лѣни и недобросовѣстности.

Другая картинка, на этотъ разъ изъ дѣятельности нашего городского самоуправленія. Еще въ концѣ іюля, дѣлая распоряженія военнымъ округамъ о самой энергичной и срочной заготовкѣ запасовъ топлива на зиму, чтобы не повторился дровяной голодъ прошлой зимы, я подумалъ и объ Омскѣ и приказалъ запросить городскую управу, обезпеченъ ли городъ запасами топлива и въ какомъ положеніи городскія заготовки. Получилъ отвѣтъ, что не заготовлено и четверти необходимаго запаса, опять таки на основаніи ста одной причины, и въ томъ числѣ призыва на службу какого-то прапорщика, сугубаго спеціалиста по этому дѣлу.

Приказалъ своимъ управленіямъ помочь всѣми способами для устраненія указанныхъ городомъ причинъ, далъ имъ наряды вагоновъ и баржъ, выхлопоталъ нарядъ на работы плѣнныхъ, но одновременно рекомендовалъ пошевелить и омскихъ лежебоковъ обывателей, собрать изъ нихъ рабочія команды и послать на нѣкоторое время на мѣста лѣсныхъ заготовокъ. Въ отношеніи прапорщика спеціалиста нарушилъ свои убѣжденія и приказалъ зачислить его на одну изъ незанятыхъ штатныхъ должностей оберъ-офицеровъ для порученій, съ откомандированіемъ на мѣсто заготовокъ.

На дняхъ приказалъ узнать, какъ идутъ эти заготовки: оказалось — самымъ неудовлетворительнымъ образомъ; часть причинъ задержки весьма уважительна, но надо было объ этомъ во время заявить, а въ случаѣ чего — поднять гвалтъ; вѣдь, недопустимо, чтобы опять повторилось то катастрофическое положеніе съ топливомъ, которое разразилось надъ Омскомъ въ прошломъ году; недопустимо тѣмъ болѣе, что фронтъ приблизился къ тылу и Омску, быть можетъ, прійдется зимой принять въ себя всѣ армейскіе тылы.

При такомъ халатѣ трудно надѣяться на успѣхъ реконструкціи. Всѣмъ не хочется безпокоиться; мой проектъ о снабженіи населенія Омска предметами первой необходимости скончался въ какой-то комиссіи; мои предложенія городу построить на половинныхъ издержкахъ дешевыя хлѣбопекарни и бани для совмѣстнаго пользованія войсками и населеніемъ остались, какъ говорится, «безъ послѣдствій».

Что можно сдѣлать, когда большинство у насъ максималисты по части благъ и правъ и сугубые меньшевики по всему, что касается обязанностей, работы и излишняго служебнаго безпокойства. По внѣшности — что-то дѣлается и какъ-будто бы даже усердно; по внутреннему же содержанію — все сводится къ исполненію опостылой поденщины, осточертѣвшихъ номеровъ.

Испорченный «завоеваніями революціи», — главное изъ которыхъ нравственное разложеніе, — нашъ скрипучій и расхлябанный по всѣмъ частямъ механизмъ управленія все болѣе и болѣе засоряется своего рода мочекислыми отложеніями и нѣтъ въ нашемъ распоряженіи такого уродонала, который способенъ былъ бы разсосать эти гибельные отбросы больного организма.

Такимъ уродоналомъ можетъ быть только нравственный подъемъ; никакія кары, никакая аракчеевщина и семеновщина отъ этого исцѣлить не могутъ, ибо болѣзнью этой больны и сами поклонники разстрѣловъ и самой сугубой аракчеевщины.

На возможность такого подъема нѣтъ и сотой доли шанса; относительно, да и то подъ большимъ сомнѣніемъ, могло помочь примѣненіе большевистской системы понуканія

и принужденія, но для этого у насъ нѣтъ комиссарской непреклонности и безудержной рѣшительности.

Министерство Снабженій грозитъ своей нераспорядительностью оставить насъ безъ должнаго количества теплой одежды. Этотъ вопросъ безпокоилъ меня еще во время Екатеринбургской поѣздки и я просилъ Министерство воспользоваться съѣздомъ, чтобы все распорядить; тогда же предупреждалъ о возможной ненадежности Уральскаго положенія и о желательности налечь на Тюменьскія и Монгольскія заготовки.

Все это было обѣщано. Затѣмъ просилъ, чтобы вся теплая одежда была сдаваема въ склады такъ, чтобы къ концу Августа послѣдній полушубокъ и послѣдняя пара валенокъ были въ распоряженіи Главнаго Интенданта. И это было завѣрено и обѣщано.

Въ первыхъ числахъ Августа поѣхалъ въ Министерство и просилъ дать мнѣ всѣ свѣдѣнія о ходѣ заготовокъ; свѣдѣнія дали довольно утѣшительныя по ходу заготовокъ и совсѣмъ скверныя по части сдачи.

Опять и Неклютинъ и Прозоровъ завѣрили, что понимаютъ мою тревогу и напрягутъ весь аппаратъ для исполненія нашихъ нарядовъ.

Прошелъ мѣсяцъ — съ постоянными запросами и напоминаніями Интендантства; сегодняшняя вѣдомость показываетъ, что обѣщанія Министерства не выполнены и на половину; самое же скверное это то, что заготовка теплаго бѣлья въ Харбинѣ и Китаѣ страшно затянулась, потому де, что Министерство Финансовъ задержало отпускъ валюты, необходимой для выдачи задатковъ и расплаты.

Выразилъ Прозорову недоумѣніе, почему же объ этомъ не было намъ сообщено и не было доложено Адмиралу и Совѣту Министровъ. Снабженіе арміи теплой одеждой — это вопросъ первостепеннѣйшей важности и я увѣренъ, что и Адмиралъ, и совѣтъ Министровъ нашли бы средства для удовлетворенія срочныхъ потребностей Министерства Снабженій.

Выразилъ недоумѣніе, что объ этомъ ничего не было сказано во время происходившихъ у насъ совмѣстныхъ совѣщаній по снабженію, и что, вмѣсто правды, мнѣ доставлялись дутыя вѣдомости.

Чтобы выправить положеніе, приказалъ, чтобы готовыя партіи теплой одежды отправлялись изъ Владивостока и Харбина съ прицѣпкой по 2 вагона къ каждому экспрессу и пассажирскому поѣзду.

Новое подтвержденіе невозможности раздѣленія снабженій между двумя вѣдомствами, изъ которыхъ одно заготовляетъ и ни за что не отвѣчаетъ, а другое довольствуетъ войска чужими заготовками и несетъ на себѣ всю фактическую и нравственную отвѣтственность передъ войсками.

Адмиралъ, которому я жаловался на очевидное нежеланіе Совѣта Министровъ разсмотрѣть, внесенный еще Суринымъ, докладъ о возстановленіи единства заготовки и распредѣленія, просилъ обождать, пока выправится общее положеніе, т. к. онъ считаетъ, что сейчасъ не до коренныхъ реформъ.

Послѣднее вѣрно, но надо тогда подтянуть Министерство Снабженій и заставить его тоже безпокоиться.

8 Сентября. Сбитый съ позиціи и уличенный во лжи Хрещатицкій ушелъ въ подпольную или, лучше сказать, въ вагонную агитацію; идетъ оживленная работа, чтобы меня свалить; сегодня мнѣ передали разговоры всей этой почтенной компаніи, что она грозитъ отбыть въ Забайкалье, соединиться съ Семеновымъ, отдѣлить Дальній Востокъ отъ Сибири и тогда «показать Омску и собравшимся тамъ большевиствующимъ генераламъ».

Состоящая при Х. женская особа очень надѣется на значеніе по этой части своей дружбы съ Машкой Шарабанъ.

Такіе серьезные противники не по плечу такому бѣдному, большевиствующему генералу, какъ я.

Не сомнѣваюсь, что двѣ честолюбивыя и корыстолюбивыя бабы, помыкающія прилипшими къ нимъ превосходительными мужиками, способны надѣлать не мало подлыхъ гадостей.

Вообще, свѣдѣнія изъ Читы показываютъ, что всѣ надежды на эволюцію Семеновщины надо признать лопнувшими; настроеніе противъ Омска тамъ самое озлобленное, и съ нимъ считаются только, какъ съ дойной коровой.

9 Сентября. Освѣдомленіе всячески раздуваетъ мелкіе успѣхи, одержанные коегдѣ на фронтѣ. Спросилъ въ Ставкѣ, зачѣмъ вводятъ въ заблужденіе и населеніе, и весь тылъ; отвѣтили, что этимъ надѣются поднять добровольческое движеніе и этимъ разрѣшить уже остро надвинувшійся вопросъ, чѣмъ пополнять быстро рѣдѣющіе ряды нашихъ боевыхъ частей.

Сознаніе о неимѣніи пополненій еще болѣе усугубляетъ великую вину Дитерихса и Андогскаго, подвинувшихъ Адмирала на настоящее наступленіе. Вѣдь и Главковостокъ и оперативный Генкваръ были обязаны до мелочей оцѣнить всѣ наши средства и учесть, располагаемъ ли мы всѣми средствами для исполненія и развитія предпринимаемой операціи; бывшій генералъ-квартирмейстеръ фронта и настоящій профессоръ академіи обязаны были знать, что обезпеченіе пополненіями составляетъ вопросъ наиѳервостепеннѣйшей важности.

Надо быть слѣпымъ оптимистомъ или безнадежнымъ дуракомъ, чтобы вѣрить въ возможность серьезнаго значенія добровольческаго движенія и возможности базировать на этомъ пополненіе арміи.

Голицынъ и примазавшіеся къ нему господа, не краснѣя (это качество ими давно и безнадежно потеряно), докладываютъ Адмиралу, что они выставятъ очень скоро до 30 тысячъ добровольцевъ. Трудно понять, какъ можно дойти до такихъ нравственныхъ мозолей, чтобы докладывать такую завѣдомую ложь, вѣрить которой они при всей своей тупости все же не могутъ; они знаютъ, что, несмотря на всѣ матерьяльныя заманки, ихъ шумиха провалилась; у нихъ есть донесенія о томъ, что въ большихъ городахъ тыла число добровольцевъ опредѣлилось въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, а въ какомъ-то городѣ записался одинъ человѣкъ.

Они знаютъ, что контингентъ годнаго въ войска населенія исчерпанъ призывами и наборами, а то, что осталось въ деревняхъ, ушло въ шайки Лубкова, Щетинкина и прочихъ лѣсныхъ главарей и громитъ наши тылы.

Они не могутъ не понимать, что нагло лгутъ ослѣпленному и плѣненному Адмиралу и подаютъ ему такія надежды, которыя никогда не будутъ осуществлены. Все это дѣлается ради честолюбія и самоустройства; трудно подыскать даже эпитетъ для оцѣнки дѣятельности этихъ мерзавцевъ.

Очередная шумиха — это дружины креста и полумѣсяца; провалившись на первомъ этапѣ своей добровольческой авантюры, ея создатели, при помощи услужливаго освѣдомленія, стали грохотать, что весь путь добровольчества это религія и защита ея отъ большевиковъ; по сему зазываніе, уговариваніе и вербовку надо производить въ церквахъ, съ надлежащимъ подогрѣвомъ и пр. и пр. Одновременно пущенъ и такой освѣдомительный эффектъ, что чуть ли не всѣ мусульмане Сибири рѣшили идти въ добровольцы, ибо Коранъ осуждаетъ большевизмъ.

Пока что, эта шумиха собрала около 200 человѣкъ добровольцевъ; они расположены около зданія, занятаго военнымъ министерствомъ; большинство изъ нихъ производитъ очень благопріятное впечатлѣніе; видно, что пришли по убѣжденію; если бы такихъ были десятки тысячъ, то пѣсня красныхъ была бы спѣта; все горе въ томъ, что это все, что могла дать ближайшая къ Омску Сибирь; больше такихъ уже нѣтъ и не будетъ.

Моему пессимизму не дано понимать, какимъ образомъ можно хоть на минуту повѣрить возможности минутнымъ подъемомъ дряблаго и трусливаго настроенія нашего массоваго шкурника-обывателя двинуть его на подвигъ, на лишенія и даже на смерть.

Вѣдь все то, что именуется душевнымъ подъемомъ населенія, связано исключительно съ благопріятными свѣдѣніями съ фронта. Но развѣ это душевный подъемъ? это радость трусливенькаго поганыша, радующагося тому, что кто-то отдаляетъ отъ него всѣ жупелы краснаго нашестія, прогоняетъ всѣ связанные съ этимъ грозные призраки и даетъ возможность продолжать свое спокойное существованіе съ идеалами на манеръ навознаго жука.

Нашъ трусливый обыватель будетъ пѣть молебны, будетъ захлебываться отъ радости по поводу побѣдъ; со слюной будетъ смаковать всѣ подробности разныхъ спасительныхъ для него одолѣній; онъ будетъ выносить потрясающія резолюціи и храбро, шумно требовать рѣшительнаго наступленія; кое-кто съ дрожью вожделѣнія, но оглядываясь, чтобы не услыхало что-нибудь подозрительное на красноту, будетъ заглазно уничтожать красные полки и разстрѣливать комиссаровъ, зловѣщія тѣни которыхъ портятъ его буржуазный сонъ.

Но въ то-же время онъ не даетъ ни гроша на нужды арміи и государства; онъ облазитъ всѣ пороги и пойдетъ на всякую гадость, чтобы спасти себя и своихъ близкихъ отъ грязной непріятности попасть на фронтъ или подвергнуться какимъ-нибудь лишеніямъ; онъ безконечно далекъ отъ мысли положитъ свой животъ за какое-то отечество и считаетъ, что это обязаны дѣлать всѣ, кромѣ него самого и его дѣтей; зато онъ считаетъ непреложнымъ, что отечество обязано охранять его животъ, всѣ его преимущества и оберегать отъ красныхъ покушеній его капиталы и бебехи; онъ дѣлается весьма злымъ и крикливымъ, если считаетъ, что отечество не достаточно надежно его охраняетъ, и готовъ тогда насадить ежей за пазухи всѣмъ, кого считаетъ въ томъ виновнымъ.

Но если, чего Боже упаси, ничто не выручитъ и на обывателя все же навалится красная напасть, то онъ сожмется, тоже покраснѣетъ и будетъ стараться потрафлять на новаго повелителя, молясь всѣмъ угодникамъ объ его гибели, но не дастъ на это ни одного гроша, не сдѣлаетъ ни одного опаснаго жеста.

Про конный корпусъ ничего не слышно; въ Ставкѣ говорятъ, что его готовности и сосредоточенію очень повредило одновременное формированіе Степной армейской группы Лебедева; разбросались и оба формированія вышли недодѣланными и запоздали.

Изъ сводки видно, что потрепанныя нашей третьей арміей правофланговыя части красныхъ успѣли уйти отъ окруженія и что красный фронтъ выправился. Это очень печально, такъ какъ сводитъ наше наступленіе къ необходимости наносить лобовые удары, самые тяжелые по приносимымъ ими потерямъ и для нанесенія и развитія которыхъ у насъ не хватитъ средствъ.

Настоящій моментъ для нанесенія удара коннымъ корпусомъ уже упущенъ, ибо, если бы Ивановъ-Риновъ вышелъ въ тылы краснаго праваго фланга въ то время, когда фронтъ красныхъ былъ разбитъ наступленіемъ третьей арміи, то результаты могли быть потрясающими и отозвались бы на исходѣ всей кампаніи 1919 года.

Но и сейчасъ рѣшительный выходъ коннаго корпуса къ Кургану и къ тылу красныхъ по линіи Тобола способенъ привести къ полному разгрому красныхъ.

Ѣздилъ на работы по постройкѣ бараковъ — казармъ для образцовой бригады —, и видѣлъ яркій примѣръ того, что при желаніи работать и при энергіи можно и при настоящей обстановкѣ получать оченъ хорошіе результаты. Работы начаты два мѣсяца тому назадъ, а сейчасъ уже готовы нѣсколько десятковъ огромныхъ бараковъ, кухонь, столовыхъ и офицерскихъ квартиръ и заканчиваются водопроводы, электрическое освѣщеніе, обозные сараи и конюшни. Ведетъ работы рекомендованный мнѣ генераломъ Думбадзе гражданскій инженеръ Трофимовъ, который, принимая на себя эту задачу, заявилъ, что онъ ее выполнитъ при условіи оказанія ему полнаго довѣрія и ослабленія разныхъ контрольныхъ и кассовыхъ крючковъ. Я пошелъ на этотъ рискъ, и сегодня былъ очень обрадованъ полученными результатами. Характерно то, что стоимость постройки съ квадрата оказалась втрое дешевле, чѣмъ на работахъ другихъ учрежденій.

10 Сентября. Ставка оповѣщаетъ, что успѣхъ наступленія развивается и что въ послѣднихъ бояхъ наши части прорвались до красныхъ штабовъ и батарей; мой пессимизмъ просилъ сообщить о числѣ взятыхъ орудій и получилъ отвѣтъ, что «они подсчитываются».

Для меня это плохое предзнаменованіе, ибо по опыту большой войны знаю, что значитъ это темное выраженіе; оно особенно подозрительно теперь, такъ какъ, по свѣдѣніямъ съ фронта, красные очень бѣдны артиллеріей, такъ что долго считать не приходится.

Съ нетерпѣніемъ жду появленія на сценѣ коннаго корпуса и прошу тѣни всѣхъ великихъ кавалеристовъ осѣнить своимъ благословеніемъ всѣ дѣйствія Иванова-Ринова.

На немъ зиждутся всѣ судьбы Сибири. Его успѣхъ — это полное выпрямленіе почти безнадежнаго направленія; это 7—8 мѣсяцевъ передышки и возможности рѣшительно перевернуть весь курсъ нашего военнаго управленія и нашего государственнаго строительства. По этой части всѣ мои надежды обращены на Головина; мнѣ кажется, что это настоящій человѣкъ для того, чтобы благотворно вліять на Адмирала и разумно его направлять; я убѣдился, что Адмиралъ его слушается, ему довѣряетъ и очень считается съ его мнѣніемъ.

Изъ бесѣды съ Головинымъ я убѣдился, что онъ понимаетъ отлично всю нашу обстановку и что онъ сумѣетъ очень тактично, но достаточно крѣпко приняться за леченіе нашихъ болѣзней и за устраненіе недостатковъ.

Въ дѣлѣ государственнаго строительства необходима немедленная смѣна всего состава Совѣта Министровъ (кромѣ Устругова и Краснова) и удаленіе на покой государственной рухляди и какого-то предсѣдательскаго недоразумѣнія — Вологодскаго.

Нуженъ открытый и рѣзкій разрывъ со всѣмъ, что желаетъ идти путемъ черной реакціи и повторенія смертельныхъ ошибокъ прошлаго; надо, чтобы правые разумно полѣвѣли, а лѣвые отказались отъ своихъ утоній и подкоповъ и стали на дѣловую почву; тогда станетъ возможной средняя дорожка совмѣстной работы по возсозданію опрокинутыхъ и разрушенныхъ основаній государственной и общественной жизни на новыхъ, здоровыхъ, пріемлемыхъ для народа и выгодныхъ народу началахъ. Тутъ нечего бояться даже чисто народной совдепіи, ибо она совершенно не схожа съ комиссарской совдепіей и не выходитъ за границу широкаго мѣстнаго хозяйственно-административнаго самоуправленія.

Къ государственной работѣ должны быть привлечены всѣ дѣловые и честные люди, безъ различія партій, но съ обязательствомъ временно забыть партійныя шоры и исполнять общую государственную программу. Для тѣхъ, кто дѣйствительно хочетъ спасти Россію, — и это не однѣ только красивыя фразы, — должны померкнуть маленькія партійныя свѣчечки, за которыя такъ крѣпко держатся революціонные изувѣры и ихъ подголоски.

Третій день чувствую себя отчаянно плохо; внутри какія-то грызущія боли; все это ухудшаетъ и безъ того скверное настроеніе.

Весь вечеръ пропалъ даромъ въ безсмысленномъ засѣданіи Комитета Экономической Политики, гдѣ пережевывались «общіе принципы реквизиціи».

Удивительные мы люди: на фронтѣ идетъ наступленіе, долженствующее рѣшить судьбу Сибирскаго бѣлаго движенія и всей Россіи; тылъ разваливается и пылаетъ возстаніями, а въ это время 12 министровъ и ихъ товарищи убиваютъ три съ лишнимъ часа на обсужденіе вопросовъ самой отвлеченной теоріи.

Я рекомендовалъ использовать прямо положеніе о реквизиціяхъ, вышедшее во время большой войны, но рѣшили все же поговорить.

Я и морской министръ попробовали пропустить два засѣданія этого комитета, но получили затѣмъ письма отъ предсѣдателя съ указаніемъ, что наше отсутствіе замѣчено и впредь просятъ быть аккуратнѣе.

Такія засѣданія напоминаютъ мнѣ дискуссіи о спасеніи души въ вагонѣ, который летитъ кувыркомъ съ многосаженной насыпи, причемъ пассажиры уже не знаютъ, гдѣ у нихъ верхъ, а гдѣ низъ, гдѣ крыша, а гдѣ полъ.

11 Сентября. Штабъ Приамурскаго военнаго Округа прислалъ заключеніе Военнаго Прокурора о дѣяніяхъ хабаровскаго разбойника атамана или, какъ онъ названъ въ прокурорскомъ заключеніи, мѣщанина Ивана Калмыкова. Заключеніе составлено на основаніи документовъ и свидѣтельскихъ показаній; написано оно обычнымъ для такихъ заключеній краткимъ языкомъ, причемъ одно изложеніе учиненныхъ Калмыковымъ преступленій занимаетъ около 20 страницъ.

Я давно добивался этого документа, чтобы дать Адмиралу оружіе для начала борьбы съ атаманами; сейчасъ все это запоздало, ибо хозяевами положенія являются казаки и ихъ конференція, опредѣленно поддерживающая дальневосточныхъ атамановъ.

Доложилъ заключеніе Адмиралу, далъ прочесть Головину и послалъ помощнику военнаго министра по казачьей части для сообщенія казачьей конференціи; вечеромъ

мнѣ сообщили частнымъ образомъ, что, по мнѣнію казачьихъ лидеровъ, дѣлу надлежитъ не давать никакого хода, такъ какъ нельзя дискредитировать Калмыкова ввиду его «государственныхъ заслугъ». При этомъ сказано, что такое рѣшеніе будетъ поддержано конференціей и будетъ окончательнымъ, такъ какъ, ввиду автономіи казаковъ и выборнаго званія атамана, никто не можетъ привлечь Калмыкова къ отвѣтственности.

Поручилъ Главному Военному Прокурору составить докладъ Верховному Правителю съ доказательствомъ нелѣпости такого мнѣнія и съ изложеніемъ мнѣнія о необходимости приказать командующему войсками Пр. В. Округа немедленно дать дѣлу законный ходъ.

Десятки страницъ этого заключенія даютъ яркую картину преступнаго разгула нашихъ бѣлыхъ большевиковъ, — сухое, но наполненное ужасомъ и кровью перечисленіе злодѣяній и гнусностей, совершенныхъ хабаровскимъ исчадіемъ «младшимъ братомъ» (онъ себя такъ всегда именовалъ) читинскаго атамана.

Было бы очень хорошо послать этотъ документъ въ Японію для непосредственнаго доклада Императору; думаю, что тогда не поздоровилось бы тѣмъ японскимъ генераламъ, которые добились посылки хабаровскому убійцѣ и разбойнику привѣтственной телеграммы отъ имени Наслѣдника японскаго престола.

Эти генералы не могли не знать, что такое Калмыковъ, и этотъ поступокъ является чрезвычайно характернымъ для всей японской политики по отношенію къ нашему правительству. Ясно, что имъ нуженъ нашъ развалъ и наше разъединеніе, ибо иначе нельзя объяснить ту рѣшительность, съ которой они поддерживаютъ читинскаго и хабаровскаго разбойниковъ.

Неглубокая и неумная это политика, даже съ точки зрѣнія существенныхъ и интимныхъ интересовъ Японіи. Возрожденная Россія не можетъ быть опасна для Японіи; она можетъ быть ей только полезна, особенно въ будущемъ, какъ могучій противовѣсъ и союзникъ въ неизбѣжномъ соперничествѣ Японіи и Китая.

Восточная Сибирь нужна японцамъ для полученія концессіи и для отхожихъ промысловъ; здравый смыслъ подсказываетъ, что и то, и другое можетъ быть достигнуто только при наличіи у насъ твердой власти и порядка т. е. путемъ рѣшительной поддержки существующаго Правительства и уничтоженія всякой атаманщины.

Политика divide et impera, проводимая японцами въ Китаѣ, уже достаточно имъ напортила и, обогативъ многихъ политическихъ дѣльцовъ и коммерсантовъ, ничего не дала самой Японіи. Повидимому, то же идетъ и сейчасъ. На Семенова ухлопаны немалые японскіе капиталы въ надеждѣ вернуть ихъ вдесятеро. Думаю, что японскіе игроки ставятъ не на ту лошадь. Трудно проникнуть въ сокровенныя тайны японской государственной политики, но, если только Семеновъ поддерживается съ согласія правительства, то такая политика вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы назвать ее глупой и очень смахивающей на жульничество.

Получилъ первую правдивую сводку освѣдомительнаго отдѣла, встряхнутаго назначеніемъ начальникомъ отдѣла полковника Сальникова; въ сводкѣ очень рельефно и правдиво изложено дѣйствительное настроеніе войскъ и приведено много кричащихъ фактовъ, какъ изъ жизни арміи, такъ и изъ жизни населенія и тыла. Свѣдѣнія эти получены путемъ посылки всюду особо избранныхъ агентовъ, заглянувшихъ въ самую душу войскъ и населенія. Красной нитью проходитъ, что тѣ части въ большемъ порядкѣ, гдѣ офицеры лучше, честнѣе и преданнѣе долгу; тамъ и солдатское настроеніе вполнѣ здоровое, благожелательное и чуждое какихъ-либо потрясеній; и это добыто не распустой и ослабленіемъ требованій службы; наоборотъ, въ такихъ частяхъ сохранилась и дисциплина, и порядокъ, ведутся занятія. Да иначе и быть не можетъ.

Обнаружился, наконецъ, конный корпусъ Иванова-Ринова, имѣвшій крупный успѣхъ и разгромившій красную бригаду, подходившую съ юго-запада на усиленіе краснаго праваго фланга. Сейчасъ И.-Р. становится близокъ къ исторической славѣ; трудно представить себѣ болѣе благопріятнаго для конной массы положенія чѣмъ то, въ которомъ онъ теперь находится. У него $7^1/_2$ тысячъ шашекъ на свѣжихъ коняхъ; большинство

личнаго состава старые, опытные казаки, уже бывшіе на войнѣ; его корпусъ находится на обнаженномъ флангѣ красныхъ войскъ, уже совершенно расшатанномъ двухнедѣльными боями и нанесенными ему ударами; корпусу открытъ весь, лежащій передъ нимъ, тылъ красной арміи, на фронтъ которой навалились наши войска; мѣстность ровная, идеальная для дѣйствій конныхъ массъ и богатая мѣстными средствами.

Омскъ ликуетъ. Мнѣ совѣстно за мой пессимизмъ. Всѣмъ сердцемъ желаю, чтобы Господь благословилъ дальнѣйшими успѣхами дѣйствія коннаго корпуса; вѣдь, отъ этого зависитъ судьба Россіи на долгіе годы.

12 Сентября. Положеніе на фронтѣ не разрѣщается; конница какъ-то замялась; по вчерашней сводкѣ ей слѣдовало быть уже у Кургана и громить красные тылы, а объ этомъ нѣтъ донесеній. Дитерихсъ говоритъ, что красные дерутся очень упорно и все время переходятъ въ контръ-атаки; особенно напираютъ на армію Пепеляева, который даже просилъ разрѣшенія начать отходить, но Дитерихсъ ему отказалъ.

Я не вѣрю въ упорность боевъ въ томъ смыслѣ, какъ мы привыкли понимать; несомнѣнно только, что красные превосходятъ насъ упорствомъ командованія, маневренностью и наличіемъ въ тылу комиссарскихъ пулеметовъ, сдерживающихъ у мобилизованныхъ наклонность къ отходу и къ оставленію поля сраженія. Все это дѣлаетъ красныхъ менѣе чувствительными къ обходамъ и прорывамъ и придаетъ ихъ фронту извѣстную стойкость, которую гримъ нашихъ реляцій называетъ упорнымъ сопротивленіемъ, упорствомъ боя.

Южная армія разрѣзана пополамъ и перестала существовать, какъ организованное воинское соединеніе. Гибель этой арміи надо поставить полностью на счетъ безграмотной стратегіи и честолюбія Лебедева и Ко. Они задержали своевременный отходъ этой арміи ради обезпеченія своей Челябинской авантюры; они игнорировали совершенно ея тяжелое положеніе по части снабженій, ибо у ней нѣтъ желѣзной дороги, колесныхъ транспортовъ и ея обозы изъ старыхъ обывательскихъ подводъ уже весной были въ отчаянномъ состояніи (наряды повозокъ казеннаго образца, данные этой арміи изъ заготовокъ Екатеринбургскаго района частью не были выпущены Гайдой, частью были перехвачены тылами Западной арміи).

Когда обнаружилась невозможность удержать за собой Челябинскій районъ, то наши стратеги взвалили на эту несчастную армію задачу прикрывать пути на Туркестанъ и Ташкентскую желѣзную дорогу, вмѣсто того, чтобы разрѣшить Бѣлову идти на соединеніе съ уральцами, что спасло бы армію и очень усилило бы уральцевъ; снабженіе можно было организовать черезъ Гурьевъ и Каспійское море.

Теперь положеніе уральцевъ отчаянное, такъ какъ они предоставлены самимъ себѣ. Все это ягодки нелѣпаго выбора сѣвернаго направленія для весенняго наступленія нашихъ армій; горькая чаша, испитая нами, въ возмездіе за неграмотность тѣхъ, въ руки которыхъ попало высшее руководство бѣлыми вооруженными силами Сибири.

Вечеромъ длинное засѣданіе Совѣта Министровъ; Сукинъ сдѣлалъ докладъ о конфликтѣ, возникшемъ между Америкой и Японіей по Сибирскому вопросу, и сообщилъ содержаніе Американской ноты, въ коей отъ Японіи требуется единство дѣйствій и ей дѣлаются упреки въ двойственной и эгоистической политикѣ.

Сукинъ подчеркнулъ, что Американская нота указываетъ на обязанность всѣхъ союзниковъ вознаградить Россію за ея потери во время великой войны и заявляетъ о готовности Америки оказать Россіи всякую помощь.

Затѣмъ Сукинъ доложилъ, что по полученнымъ изъ Владивостока свѣдѣніямъ, тамъ сосредоточились представители эсеровъ, подготовляющіе переворотъ и сверженіе Омской власти, послѣ чего предположено собрать Земскій Соборъ; извѣстно, что представители Англіи и Америки уже увѣдомили свои Правительства объ ожидаемыхъ вскорѣ событіяхъ и о томъ, что по ихъ мнѣнію дни реакціоннаго Омскаго Правительства уже сочтены, причемъ власть перейдетъ въ руки новаго, чисто народнаго Правительства, которое будетъ Всесибирскимъ и немедленно созоветъ Сибирское Учредительное Собраніе и Земско-Городской Соборъ.

Руководителемъ переворота выступитъ сидящій во Владивостокѣ Гайда, обѣщавшій эсерамъ активную помощь чеховъ во Владивостокѣ и Иркутскѣ и полное содѣйствіе главнаго чешскаго комиссара доктора Гирса.

Дѣло считается настолько вѣрнымъ, что замѣститель высокаго комиссара Великобританіи сэра Элліота О'Рейли видѣлся съ представителями вновь конструируемой власти и обсуждалъ съ ними детали по поводу созыва Собора и созданія Сибирскаго Парламента.

Товарищъ Министра Вн. Дѣлъ подтвердилъ правильность этихъ свѣдѣній; руководство переворотомъ принимаетъ на себя Гайда, желающій отомстить Адмиралу за свою отставку. При проѣздѣ черезъ Иркутскъ Гайда велъ длительные переговоры съ тамошними земцами и эсерами и тогда уже предлагалъ имъ устроить переворотъ и свергнуть Адмирала съ его правительствомъ, но Иркутяне отказались принимать въ этомъ участіе и Гайда уѣхалъ во Владивостокъ, гдѣ и продолжаетъ все время работать надъ подготовкой переворота.

Какъ правъ былъ я, когда совѣтовалъ Адмиралу отправить Гайду за границу черезъ Монголію и Китай; вѣдь и другія лица предупреждали Адмирала, что Гайда очень мстителенъ и всякая задержка его нахожденія въ Сибири очень опасна. Вотъ и доминдальничались!

Непонятно, однако, почему же уже въ Иркутскѣ не были приняты шаги для ликвидаціи этого заговорщика; почему его пустили во Владивостокъ вмѣсто того, чтобы заставить проѣхать черезъ Чань Чунь. Было достаточно времени, чтобы снестись съ Прагой и принять мѣры по обезвреженію подпольной дѣятельности Гирса.

На послѣднемъ совѣщаніи заговорщиковъ рѣшено начать съ поднятія возстанія въ Ново-Николаевскѣ и Иркутскѣ, причемъ они будутъ поддержаны чехами и польскими войсками, а затѣмъ произвести переворотъ во Владивостокѣ. Считаютъ, что этого будетъ достаточно, чтобы задушить Омскую власть.

Данныя о заговорѣ и о дѣятельности Гайды были заявлены генералу Жанену, который заявилъ, что за Владивостокскихъ чеховъ онъ не ручается, а что касается Иркутска, то онъ послалъ генералу Сыровому телеграмму съ подтвержденіемъ приказа президента Массарика, воспрещающаго чехамъ вмѣшиваться въ русскія внутреннія дѣла.

Одновременно съ переворотомъ рѣшено открыть во Владивостокѣ Земско-Городской Соборъ, члены котораго уже намѣчены и частью уже выѣхали во Владивостокъ. Эсеровскіе главари движенія усердно стараются привлечь къ себѣ симпатіи союзниковъ, указывая, что все движеніе совершается по волѣ народа, возстающаго противъ Колчака и реакціонеровъ; особенно сильно обрабатываютъ они американцевъ и Владивостокское американское начальство, всегда враждебное по отношенію къ Омскому режиму.

Слѣпенькіе эсерчики усердно работаютъ на пользу Ленину со товарищи; они воображаютъ, что, сваливъ Омскъ, они сдѣлаются властью.

Трудно понять поведеніе союзниковъ; они держатъ въ Омскѣ своихъ представителей и оказываютъ намъ помощь; во всемъ, что касается необходимости измѣнить общій курсъ правительства, они молчатъ, какъ убитые, называя это невмѣшательствомъ въ наши внутреннія дѣла. И въ то же время во Владивостокѣ ихъ представители имѣютъ сношенія съ тѣми, которые собираются на дняхъ сковырнуть этотъ самый Омскъ. По неволѣ начинаешь думать, не правы ли тѣ скептики, которые увѣряютъ, что всей Европѣ нужно расчлененіе и обезсиленіе Россіи, и что никто тамъ и не думаетъ желать, чтобы вновь на политическомъ горизонтѣ появилась могущественная и реформированная Россія. Съ точки зрѣнія чести и совѣсти это чудовищно, но говорятъ, что въ трезвой политикѣ властвуютъ только эгоизмъ и разсчетъ.

Я не могу защищать Омскую власть; ея дѣятельность за 10 мѣсяцевъ ея существованія принесла только вредъ и разруху; но всякій насильственный переворотъ будетъ сейчасъ только на руку большевикамъ, ибо эсеровское правительство, попавъ ко власти при такой обстановкѣ, не удержится и десяти недѣль и будетъ слопано большевиками безъ всякаго труда.

Очевидно, приближается время бурныхъ потрясеній. Только громовый успѣхъ на фронтѣ можетъ отсрочить нависшую уже катастрофу; судьба очереднаго часа Россіи въ рукахъ Иванова-Ринова.

Союзники, очевидно, насъ уже взвѣсили и начинаютъ понемногу насъ бросать; отъѣзды на востокъ Высокихъ Комиссаровъ очень знаменательны: очевидно, имъ слѣдуетъ оказаться не въ Омскѣ, если произойдутъ какія-нибудь событія. Свѣдѣнія о настроеніи чеховъ внушаютъ серьезную тревогу.

Въ отношеніяхъ союзниковъ все больше и больше прорѣзываются демократическія симпатіи, а мы — неизвѣстно только почему — считаемся на положеніи черныхъ реакціонеровъ (очевидно, вся грязь Читы, Хабаровска и атаманщины легла и на очень дряблый, безсистемный, болтающійся, но отнюдь не реакціонный Омскъ).

Назвать Адмирала реакціонеромъ было бы подлостью; что касается состава Совѣта Министровъ, то при всемъ отрицательномъ отношеніи къ результатамъ его дѣятельности, я не могу назвать его даже относительно реакціоннымъ; огромное большинство министровъ настроены весьма прогрессивно, но, конечно, не по большевистски и лѣвоэсеровски; они очень хотятъ, чтобы всѣ недостатки прошлаго были устранены, но, къ сожалѣнію, не умѣютъ этого сдѣлать и барахтаются въ морѣ нежизненныхъ проектовъ, не своевременныхъ, запоздалыхъ, кургузыхъ и половинчатыхъ поправокъ. У Предсѣдателя нѣтъ никакого курса и государственный корабль безпомощно несется по бурному теченію текущей жизни; поднимется опасная скала справа — мы мечемся къ лѣвому берегу; появится опасность слѣва — мы бросаемся вправо, но все это не въ смыслѣ убѣжденной реакціи, а только въ отношеніи примѣненія средствъ.

Даже теперешній хозяинъ положенія — казачья конференція, въ составѣ большинства ея членовъ, не можетъ быть названа реакціонной, несмотря на то, что по казачьей солидарности она держитъ какъ бы руку Семенова; ея лидеры понимаютъ, что полный возвратъ къ старому невозможенъ и это опредѣленно видно въ ихъ союзѣ съ Гос. Эк. Совѣщаніемъ и въ принятой ими программѣ.

Никакой переворотъ положенія не измѣнитъ; нужна крутая перемѣна въ практической работѣ правительства, въ его составѣ, въ систематичности работы, въ приближеніи къ населенію и его нуждамъ.

Поднялъ вопросъ о необходимости немедленно начать эвакуацію чеховъ на Владивостокъ и дальше, а, если можно, то и на Чань Чунь и Дайренъ для посадки тамъ на срочно и, не останавливаясь передъ расходами, нанятые пароходы; мнѣ отвѣтили, что это недопустимо, такъ какъ имѣются самыя непреложныя свѣдѣнія о томъ, что чехи горятъ желаніемъ оказать намъ активную помощь и что уже посланы весьма надежныя и компетентныя среди чеховъ лица для того, чтобы выработать необходимое соглашеніе. Поистинѣ здравый смыслъ насъ совсѣмъ покинулъ.

Слушалъ разсказы офицеровъ Ставки о томъ, какъ Дитерихсъ почти что силой захватилъ тыловой поѣздъ генерала Вержбицкаго, и о тѣхъ запасахъ всякаго добра и снабженія, которые тамъ оказались, выслушалъ почти анекдотическій по своей внѣшности, но ужасный по своей правдѣ и внутреннему значенію разсказъ о томъ, какъ во время описи контролемъ имущества этого поѣзда, находившійся при этомъ поѣздѣ священникъ, совершенно пьяненькій, все время упрашивалъ комиссію прекратить опись: «подумайте только, сколько труда и работъ положено на все это Его Превосходительствомъ, а вы все собираетесь разгромить»... такъ приставалъ къ контролеру словоохотливый батюшка...

13 Сентября. Былъ въ Ставкѣ; оказалось, что тамъ ничего не знаютъ про Владивостокскій заговоръ; очевидно, вся дѣятельность контръ-развѣдки ушла на выдумываніе несуществующихъ заговоровъ, на сборъ сплетенъ и на разную мелочь.

Вечеромъ получилъ изъ Ставки очень неумѣло и, очевидно, заднимъ числомъ и на спѣхъ сфабрикованное донесеніе по поводу Владивостокскихъ свѣдѣній; очевидно, контръ-развѣдка пытается спасти лицо и показать свою освѣдомленность, но выполнила это такъ неудачно, что бѣлыя нитки вылѣзли изъ всѣхъ швовъ.

Харбинъ срочно донесъ, что получены достовѣрныя, невнушающія ни малѣйшаго сомнѣнія свѣдѣнія, что у Семенова, ѣздившаго недавно въ Мукденъ, состоялось соглашеніе съ Чжанъ-Изо-линомъ на тему о созданіи независимыхъ Маньчжуріи и Монголо-Бурятіи съ самодержавіемъ Чжана въ Маньчжуріи и Григорія I (по моему III, считая Отрепьева и Распутина) въ Монголіи.

Считаютъ, что рождено это въ японскихъ головахъ и будетъ проведено подъ японскимъ флагомъ.

Для Японіи будетъ чрезвычайно выгодно имѣть своихъ вѣрныхъ и многообязанныхъ ставленниковъ въ столь важныхъ военныхъ и экономическихъ районахъ Азіатскаго Материка; кромѣ того, это очень серьезное расчлененіе колоссальнаго китайскаго дракона и большая гарантія отъ будущихъ китайскихъ непріятностей.

Хорватъ доноситъ, что имъ получены свѣдѣнія о намѣреніи Семенова занять своими войсками китайскую жел. дорогу и что обнаружено сосредоточеніе его броневыхъ поѣздовъ по направленію къ станціи Маньчжурія.

Мнѣ думается, что это фабрикатъ Харбинской контръ-развѣдки, такъ какъ силы Семенова слишкомъ слабы, чтобы справиться даже съ китайскими войсками; японцы же никогда не рискнутъ на активное выступленіе противъ Китая, ибо это будетъ равносильно открытому разрыву съ Америкой.

Въ Ставкѣ родили — и подъ большимъ секретомъ — новый проектъ устройства санитарной части на всей территоріи государства, но съ выдѣленіемъ Дальняго Востока въ самостоятельную единицу. Опредѣленно ясно, что весь проектъ рожденъ для устройства вновь заведшейся въ Ставкѣ песьей мухи, нѣкоего доктора Краевскаго и для созданія новой должности для начальника санитарной части Ставки доктора Сезеневскаго, мечтающаго вернуться на Дальній Востокъ.

Докторъ Краевскій изъ числа песьихъ мухъ заграничнаго привоза и, кажется, очень пришелся по стати къ родственнымъ ему типамъ Омскаго болота.

Вообще, очень жаль, что Омскъ не имѣетъ своего Гнѣдича, который нашелъ бы здѣсь богатѣйшій матерьялъ для нѣсколькихъ томовъ послѣреволюціоннаго варіанта «Песьихъ Мухъ».

14 Сентября. Все утро провелъ въ экстренномъ совѣщаніи Совѣта Министровъ, разсматривавшаго срочный вопросъ о преобразованіи Гос. Экон. Совѣщанія въ законосовѣщательный органъ.

Очень характерно, что всѣ наиболѣе капитальныя и важныя реформы мы начинаемъ въ самыя бурныя минуты нашего существованія и когда кризисъ или катастрофа надвинулись на насъ вплотную или совсѣмъ нависли надъ нашими головами.

Когда же все спокойно и прочно, то о реформахъ забывается, и государственный аппаратъ занимается пережевываніемъ разной мелочи или пустяковымъ ремонтомъ старой завали.

Нужно, чтобы неумолимый ходъ событій хватилъ насъ по башкѣ, и тогда мы схватываемся, какъ оглашенные, и начинается кипучая, суматошливая работа, безтолковая и крикливая толчея. Все это и рождаетъ наши законодательные и административные выкидыши и недоноски.

Говорили въ Совѣтѣ много и горячо; слушалъ съ грустнымъ удивленіемъ, ибо видѣлъ, что эти люди не способны разобраться въ обстановкѣ и найти вѣрное и практически разумное рѣшеніе.

Всѣ соглашались, что необходимо въ самомъ срочномъ порядкѣ перейти на систему высшаго управленія съ участіемъ въ работѣ Правительства законно выбранныхъ представителей населенія всей страны; но рядомъ были рѣчи, въ которыхъ, какъ и раньше, звучали нотки боязни, что собраніе этихъ представителей окажется страннымъ крокодиломъ, и, подобно Зевсу, скушаетъ собственнаго родителя.

Я высказалъ, что въ такихъ вопросахъ и въ такое время неискренность и половинчатыя рѣшенія недопустимы. Разъ всѣ согласны, что представительство необходимо, то нечего создавать разные страхи и останавливаться на полдорогѣ. Нужно только сдѣлать все, чтобы въ новый органъ попали настоящіе, дѣловые представители Сибир-

жаго населенія, а не наѣзжіе орателн, какъ то бывало въ Сибири при выборахъ въ Государственную Думу и Учредительное Собраніе.

Если это будутъ настоящіе представители населенія, которые насъ слопаютъ, то такова, значитъ, историческая необходимость, отъ которой не уйти никакими предохранительными мѣрами; пусть лучше насъ смѣнитъ такое совѣщаніе, а не заговорщики эсеры или комиссары-большевики.

Поздновато все это затѣяно; всѣ стѣны нашей храмины уже сгнили, фундаменты покосились, крыша трещитъ, а мы только что начинаемъ думать о ремонтѣ и занимаемся дискуссіями на счетъ выбора тѣхъ или другихъ демократическихъ подпорокъ.

Поздновато настолько, что поднимаются сомнѣнія въ той реальной пользѣ, которую сможетъ принести это дополненіе правительственной власти, разъ все остальное останется совсѣмъ или малоизмѣненнымъ. Придаетъ ли оно власти авторитетъ, дастъ ли ей реальныя силы управленія, понужденія и воздѣйствія?

Сейчасъ созывъ такового совѣщанія — это послѣдняя ставка наличной власти на то, чтобы заставить населеніе повѣрить въ желаніе власти работать на его пользу; это послѣдняя, выжатая обстоятельствами и поздняя попытка сломать недовѣріе нашего подозрительнаго и извѣрившагося уже въ посулы и обѣщанія народа.

Въ вопросѣ о необходимости реформы разногласія въ Совѣтѣ не было, но въ вопросѣ о компетенціи совѣщанія и его правахъ контролировать агентовъ власти голоса раздѣлились поровну — новое подтвержденіе того, какой оригинальный у насъ «объединенный кабинетъ».

Не могу понять, какіе доводы побудили шесть министровъ голосовать противъ права запросовъ и права контроля; неужели они не понимаютъ, что времена, когда можно было скрываться за разныя ширмы, уже прошли. Никто не споритъ, что эти права будутъ крайне непріятны для агентовъ власти, утяжелятъ ихъ положеніе, отнимутъ у нихъ много рабочаго времени, но что-же дѣлать, когда все такъ властно этого требуетъ. Надо считаться съ тѣмъ, что власти никто не вѣритъ; надо жизнью и дѣйствительностью сломать недовѣріе; показать въ открытую всю свою работу, ея достоинства и недостатки — пусть оцѣнятъ первыя и помогутъ устранить вторые.

Умная власть должна желать и запросовъ и контроля; контроль помогаетъ найти зло тамъ, гдѣ сама власть его не досмотритъ; запросы даютъ выходъ накопившейся любознательности, анализу, критикѣ (даже и злобной) и желанію показать свое значеніе и свою прозорливость, т. е. тому, что свойственно всякому вновѣ попавшему ко власти собранію.

Видѣлъ Адмирала; видъ у него усталый и озабоченный; дѣла на фронтѣ очень далеки отъ того, что ожидалось; резервы исчерпаны, а пополненій нѣтъ. Ставка гонитъ на фронтъ кучи новобранцевъ, не пробывшихъ и недѣли въ резервныхъ частяхъ, не соображая, что это не усиленіе, а ослабленіе фронта.

Высказалъ Ставкѣ, что невозможно посылать на фронтъ такія пополненія; отвѣтили очень раздраженно и съ подчеркиваніемъ, что начальники резервныхъ бригадъ другого мнѣнія и считаютъ пополненія годными для высылки на фронтъ; при этомъ все же добавили, что иныхъ пополненій уже нѣтъ, а потому исполняютъ рѣшительный приказъ Дитерихса выслать все, что только имѣется въ тылу.

Вотъ, къ чему приводитъ начало операціи на спѣхъ, безъ разсчета и безъ повѣрки готовности всего, что обезпечиваетъ ходъ, развитіе и успѣхъ всякой большой военной операціи.

Надежды на рѣшительный успѣхъ коннаго корпуса сильно потускнѣли; есть слухи, что Ивановъ-Риновъ не исполнилъ данныхъ ему директивъ и что казаки увлеклись преслѣдованіемъ разбитой ими красной бригады и ушли куда-то въ сторону. Если это вѣрно, то наше дѣло совсѣмъ плохо.

15 Сентября. Получилъ, подписанный Дитерихсомъ, приказъ по Ставкѣ о реформѣ санитарной части, причемъ въ Военномъ Министерствѣ упразднено все Главное Военно-Санитарное Управленіе.

Сдѣлано это совершенно беззаконно, ибо Дитерихсъ не имѣетъ права распоряжаться въ Военномъ Министерствѣ, и, кромѣ того, всѣ реформы по министерствамъ подлежатъ разсмотрѣнію и одобренію Совѣта Министровъ; затѣмъ это сдѣлано не только помимо моего вѣдома, но зная, что я опредѣленно противъ и согласія не дамъ.

Кучка самоустроителей рѣшила воспользоваться особой Омской обстановкой и нахрапомъ провести выгодную для нихъ, но вредную для дѣла реформу, они обманули Адмирала и добились его согласія, разсчитывая, что потомъ отсидятся за этимъ согласіемъ отъ всѣхъ моихъ нападеній. Главнымъ начальникомъ санитарной части назначенъ, конечно, докторъ Краевскій; онъ явился сегодня въ Главное Санитарное Управленіе, но я приказалъ его выгнать и его распоряженій, какъ незаконныхъ, не исполнять.

Написалъ Дитерихсу и прошу остановить опубликованіе приказа, какъ явно незаконнаго, до тѣхъ поръ, пока я не доложу всего Адмиралу.

Прислали на заключеніе докладъ по поѣздкѣ на Дальній Востокъ нынѣшняго инспектора добровольческихъ формированій генерала Голицына. Выгнанный съ фронта, онъ выклянчилъ себѣ служебную командировку во Владивостокъ и, вернувшись, представилъ Адмиралу докладъ, въ которомъ съ развязностью Ивана Александровича Хлестакова и съ неменьшимъ знаніемъ дѣла разрѣшилъ и разрубилъ всѣ главные вопросы и проблемы нашего дальневосточнаго положенія.

Докладъ попалъ мнѣ подъ злую руку; прочитавъ его, написалъ на поляхъ убѣдительную просьбу не обременять мое рабочее время чтеніемъ хлестаковщины, сочиненной превосходительнымъ гастролеромъ, слишкомъ быстро выскочившимъ въ генералы и не успѣвшимъ по дорогѣ, за краткостью времени, ничему научиться.

Правитель канцеляріи, ничтоже сумняшеся, сообщилъ эту резолюцію въ Ставку и автору доклада.

Вечеромъ былъ приглашенъ въ Совѣтъ Верховнаго Правителя по поводу созыва Государственнаго Совѣщанія. Адмиралъ открылъ засѣданіе очень горячей рѣчью, въ которой старался доказать несвоевременность такой реформы; очевидно, онъ былъ нафарширован кѣмъ нибудь изъ ближайшаго, совѣтническаго антуража.

Первымъ отвѣчалъ министръ внутреннихъ дѣлъ, высказавшійся самымъ рѣшительнымъ образомъ за созывъ совѣщанія и предоставленіе ему законодательныхъ функцій; всѣ остальные члены совѣта поочереди высказали свое полное согласіе съ мнѣніемъ Пепеляева и свое убѣжденіе въ неотложности этой мѣры.

Адмиралъ страшно смутился; было несомнѣнно, что по чьему то докладу онъ ожидалъ совсѣмъ другихъ рѣчей.

Послѣ непродолжительнаго обмѣна мыслями, было рѣшено возможно скорѣе собрать Государственное Совѣщаніе съ законодательными функціями, и съ преобладаніемъ въ немъ представительства крестьянъ и казаковъ т. е. главной массы коренного и трудового населенія Сибири.

16 Сентября. Наступленіе выдохлось и замерло; кое-гдѣ продолжаются небольшія стычки и мы еще сохраняемъ свое положеніе; боюсь, что это продолжится не долго, а тогда вымотанныя въ концъ части покатятся вновь назадъ. Остановить ихъ и поддержать будетъ уже нечѣмъ; честолюбивые игроки израсходовали всѣ рессурсы, уложили всѣ резервы; то, что начали Ледебевъ и Сахаровъ, докончили Дитерихсъ и Андогскій. И, если грядущая катастрофа разразится и бѣлое движеніе, начатое въ Сибири полтора года тому назадъ, окончится полнымъ крахомъ, то красные окажутся очень неблагодарными, если не поставятъ благодарственнаго памятника этимъ бѣлымъ генераламъ и не наградятъ ихъ заочно всѣми красными наградами за дѣятельную помощь по сокрушенію сибирскихъ армій.

Ивановъ-Риновъ получилъ отъ Адмирала Георгіевскій Крестъ за первый успѣхъ своего корпуса, а затѣмъ почилъ на лаврахъ; по свѣдѣніямъ Ставки онъ не исполнилъ шести повторныхъ приказовъ Дитерихса и Адмирала двинуться на Курганъ въ тылъ красныхъ.

Свершилось то, чего боялся; послѣдній нашъ козырь, попавъ въ руки этого полицейскаго ничтожества и очевиднаго труса, пропалъ. Послѣ этого для насъ уже нѣтъ выхода и весь вопросъ въ томъ, сумѣемъ ли протянуть военныя дѣйствія до зимы.

Дитерихсъ отдалъ приказъ по арміямъ съ благодарностью за побѣды; стиль приказа напоминаетъ рубленные фельетоны Дорошевича съ добавкой выкриковъ и пустопорожнихъ фразъ. Приплетены, неизвѣстно для чего, и Магометъ, и Будда, коимъ тоже воздается хвала; это nouveauté въ стилѣ религіознаго интернаціонала; недаромъ Голицынъ завелъ у себя мусульманскія дружины и зеленыя знамена съ полумѣсяцемъ.

Адмиралъ наградилъ Сахарова Георгіемъ 3-й степени; какое униженіе для этой великой награды; какая профанація почетнаго бѣлаго креста.

Адмиралъ не понимаетъ, что ему не слѣдуетъ раздавать Георгіевскіе кресты безъ разсмотрѣнія Георгіевской Думой; вѣдь и Государь въ послѣднее время избѣгалъ давать эту награду лично и требовалъ предварительнаго разбора представленія въ Думѣ.

На дняхъ онъ далъ Георгія 4-й степени такъ называемому морскому Министру к.-адмиралу Смирнову за какой-то прорывъ рѣчной флотиліи во время боевъ сибирской арміи на р. Камѣ; знакомые съ этимъ дѣломъ утверждаютъ, что ни одна Дума не присудила бы за это дѣло Георгія.

17 Сентября. До чего Омскъ способенъ на измышленіе разныхъ сенсацій показываетъ ползающій сегодня по городу слухъ, что во Владивостокѣ произошелъ переворотъ и учреждено новое Правительство въ составѣ Гайды, Хорвата и генерала Болдырева.

Включеніе въ эту комбинацію фамиліи Хорвата достаточно опредѣленно гарантируетъ 100% ложности этого слуха, и тѣмъ не менѣе ему вѣрятъ, волнуются и создаютъ разныя будущія вѣроятности. Очевидно, что чьи-то юркія уши подобрали обрывки разныхъ разговоровъ, сводокъ и свѣдѣній и скомбинировали все это вмѣстѣ.

Настаиваю, чтобы Ставка предоставила полчаса разговора по прямому проводу Омскъ Владивостокъ какому-либо органу освѣдомленія для держанія насъ въ курсѣ Владивостокскихъ событій и оріентировки Владивостока о томъ, что дѣлается въ Омскѣ; это лучшій способъ бороться съ пропагандой и сплетней. Правда, что большая часть времени по прямому проводу разобрана союзниками, но все же есть возможность удѣлить полчаса на настоящее освѣдомленіе.

Объявлена грамота Верховнаго Правителя о созывѣ Государственнаго Совѣщанія; редакція мнѣ не понравилась, а стиль напоминаетъ переводъ съ иностраннаго языка.

Очень жаль, что Адмиралъ поддался на рѣщеніе Совѣта Министровъ и не возложилъ теперь же обязанности Государственнаго Совѣщанія на выборный составъ Государственнаго Экономическаго Совѣщанія; это сразу претворило бы посулы и обѣщанія въ настоящее дѣло. Одновременно слѣдовало бы воспользоваться случаемъ и отправить Совѣтъ Министровъ и Временное Совѣщаніе въ Иркутскъ, подальше отъ всякихъ фронтовыхъ случайностей.

На фронтѣ мы выдохлись окончательно и не безъ труда отбиваемъ переходъ красныхъ къ активнымъ дѣйствіямъ; сводка отмѣчаетъ усиленіе красныхъ частей; больно и противно читать въ вѣдомостяхъ сводки про такія красныя части, которыя во фронтовыхъ реляціяхъ показаны совершенно уничтоженными.

Ивановъ-Риновъ отказался окончательно исполнить приказъ Главнокомандующаго о движеніи въ тылъ красныхъ; здѣсь считаютъ ошибкой, что Дитерихсъ не вызвалъ его къ себѣ, какъ бы для полученія инструкцій и не отдалъ приказа его замѣстителю; говорятъ, что дивизіями коннаго корпуса командуютъ молодцы, которые повели бы за собой свои части.

Ивановъ-Риновъ крѣпко базируется на свое званіе выборнаго атамана. Въ этомъ много сквернаго для настоящаго и еще болѣе опаснаго для будущаго.

То положеніе, которое занялъ сейчасъ И.-Р. въ Омскѣ заставляетъ особенно желать чтобы Правительство уѣхало въ какое-либо болѣе безопасное отъ такихъ вліяній мѣсто. Правительству надо быть подальше отъ разныхъ честолюбій, особливо же военныхъ и казачьихъ; омскіе перевороты достаточно это доказали.

18 Сентября. Подъ чьимъ то вліяніемъ и ничего мнѣ не говоря, Адмиралъ не сдержалъ данныхъ мнѣ обѣщаній по моему докладу о невозможности ломать управленіе округами и далъ согласіе на проектъ Дитерихса и на назначеніе Хрещатицкаго инспекторомъ формированій на Дальній Востокъ.

Я достаточно опредѣленно высказалъ свои взгляды по этимъ вопросамъ и изложилъ свое мнѣніе о вредоносности этихъ реформъ и назначеній; я получилъ завѣреніе, что мои взгляды приняты во вниманіе и уважены, но это завѣреніе продержалось всего лишь нѣсколько дней.

При такомъ отношеніи ко мнѣ, удостоенному быть ближайшимъ сотрудникомъ Адмирала въ управленіи военнымъ вѣдомствомъ, я не желаю оставаться болѣе въ этой должности и ждать пріисканія мнѣ замѣстителей.

Адмиралу слѣдовало бы видѣть, что въ моихъ требованіяхъ нѣтъ ничего личнаго и что я только защищаю интересы нашего общаго дѣла, т. е. исполняю то, къ чему обязываетъ мой долгъ и занимаемое положеніе.

Очевидно, Адмиралъ лишенъ способности понимать людей; неужели онъ думаетъ, что со мной можно такъ обращаться и я буду все время терпѣть. Неужели онъ не понимаетъ, насколько некорректенъ его поступокъ по отношенію къ тому, кого онъ столько разъ просилъ не уходить съ поста военнаго министра. Онъ облеченъ правомъ все отмѣнить и все приказать, но его положеніе обязываетъ дѣлать это открыто, а не исподтишка. Повторяется то же, что онъ сдѣлалъ со Степановымъ.

Я понимаю, что его на это толкаютъ; меня надо заставить уйти, ибо я мѣшаю многимъ, поэтому все и дѣлается такъ, чтобы поставить меня въ такое положеніе, чтобы я не могъ оставаться. Неизвѣстно, для чего все это дѣлается, такъ какъ гораздо проще было бы дать согласіе на мою отставку, которую я такъ давно прошу.

Я вполнѣ сознаю свою непригодность для службы въ этой компаніи и прошу только одной льготы — разрѣшенія доѣхать до Харбина въ своемъ теперешнемъ вагонѣ, такъ какъ здоровье мое настолько скверно, что иначе мнѣ будетъ очень тяжело ѣхать.

Утромъ я былъ у Адмирала и онъ ничего мнѣ не сказалъ; поразило меня только то, что встрѣтивъ меня въ залѣ, онъ невѣроятно смутился, подошелъ къ висящей у него въ кабинетѣ картѣ полярныхъ экспедицій и нѣсколько минутъ какъ-то безцѣльно водилъ по ней пальцемъ, ничего мнѣ не говоря.

Передо мной у него былъ Хрещатицкій, съ которымъ я встрѣтился въ передней; очевидно, онъ только что вырвалъ у Адмирала согласіе и подпись устраивавшаго его приказа. Адмиралъ наткнулся на меня совершенно неожиданно и, очевидно, почувствовалъ себя настолько виноватымъ, что это и вызвало послѣдующую нѣмую картину.

Послалъ докладъ объ увольненіи, изложивъ невозможность занимать столь отвѣтственный постъ при томъ недовѣріи и пренебреженіи, которое мнѣ оказаны; то-же самое донесъ и Предсѣдателю Совѣта Министровъ.

Сослуживцы упрекали меня, что я отказался отъ назначенія Наштаверхомъ и Военнымъ Министромъ, когда мнѣ это было предложено.

Я не зналъ, правильно ли я тогда поступилъ, но сегодня узналъ, что я былъ правъ; къ стилю Адмирала я не подхожу, и несомнѣнно, что мое пребываніе на вышеуказанныхъ высокихъ должностяхъ не продолжилось бы и нѣсколькихъ сутокъ.

Вся польза свелась бы развѣ къ тому, что за это время я успѣлъ бы прогнать изъ Ставки кое-какую дрянь, но вѣдь и она вернулась бы обратно послѣ моего ухода.

Вечеромъ засѣданіе Совѣта Министровъ; министры финансовъ и иностранныхъ дѣлъ доложили о положеніи Дальняго Востока — политическомъ и финансовомъ.

Выяснено, что между дальневосточными атаманами идутъ оживленныя сношенія въ связи съ тяжелымъ положеніемъ Омска и Правительства; атаманы считаютъ, что наша пѣсня спѣта (въ Читѣ уже нѣсколько разъ праздновали взятіе красными Омска и бѣгство правительствъ; то же было и въ красныхъ кругахъ Харбина и Владивостока), и приготовляются дѣлить остающіяся безхозяйными ризы. Пока, намѣчена полная автономія всего Дальняго Востока подъ главенствомъ Семенова и подъ негласнымъ протекторатомъ Японіи; сейчасъ идетъ захватъ всѣхъ идущихъ съ востока грузовъ; захватъ Семеновымъ перваго эшелона золотого запаса, отправленнаго на Владивостокъ, обильно снабдилъ Читу золотой валютой и поднялъ атаманское настроеніе.

20 Сентября. Утромъ едва всталъ, чтобы идти на службу, все время сильный озноб и рвущія боли въ области печени; боюсь, что занервничался и перетянулъ себя въ работѣ.

На послѣдокъ обрадованъ извѣстіемъ о пріобрѣтеніи въ Америкѣ патроннаго завода и о полномъ вѣроятіи пріобрѣсти станки и машины ружейнаго завода, изготовлявшаго наши трехлинейки; это большой шагъ для скорѣйшаго перехода на собственное производство главнѣйшихъ предметовъ боевого снабженія. Патронный заводъ направится въ Хабаровскъ, гдѣ на территоріи арсенала есть зданія и все необходимое.

Кромѣ того намъ удалось спасти часть станковъ Златоустовскаго и другихъ уральскихъ заводовъ; сейчасъ эти заводы устраиваются вдоль сибирской магистрали и обѣщаютъ къ веснѣ наладить нѣкоторые отдѣлы нашего военнаго снабженія.

Инженерная часть, руководимая энергичнымъ и нешаблоннымъ Кохановымъ, уже многое наладила по части заготовки разныхъ видовъ техническаго снабженія (до очень хорошихъ телеграфныхъ оборотовъ включительно); подтянулась и санитарная часть.

Не легко все это далось, но все же есть утѣшеніе, что работалъ и измывался недаромъ. Обидно, что мои просьбы наладить кустарныя производства холста и сукна, обращенныя къ министрамъ земледѣлія и торговли, оказались такъ и невыполненными; это оставляетъ насъ въ зависимости отъ заграничныхъ заказовъ.

Ставка совершенно ошалѣла и проводитъ разныя командировки, причемъ трудно даже сказать, какая изъ нихъ наиболѣе нелѣпая. На дняхъ ко мнѣ явился присланный Ставкой очень бравый полковникъ, измыслившій для себя командировку въ Хиву и Бухару для руководства сверженіемъ большевиковъ и совмѣстныхъ затѣмъ дѣйствій противъ ихъ тыла. Приказано ассигновать ему нѣсколько десятковъ пудовъ серебряной монеты и выдать разное снабженіе. Въ связи съ этой командировкой въ Совѣтъ Министровъ внесенъ проектъ правительственныхъ грамотъ на имя Эмира Бухарскаго и Хана Хивинскаго, съ тѣмъ, чтобы эти грамоты были вручены сему бравому полковнику для передачи по назначенію.

Я рѣшительно протестовалъ противъ обсужденія текста этихъ грамотъ, высказавъ, что такіе документы присылаются съ особыми послами и вручаются въ торжественной аудіенціи, а не проносятся зашитыми подъ подкладку шинели или задѣланными въ сапоги, какъ-то придется дѣлать нашему полковнику, собирающемуся пробираться въ Бухару со стороны Китайскаго Туркестана и переодѣтымъ.

Я высказалъ, что уважающему себя правительству не слѣдуетъ дѣлать того, что носитъ смѣшной, опереточный характеръ. Но большинство было другого мнѣнія и текстъ этихъ грамотъ былъ утвержденъ.

Всюду нарождаются добровольные формирователи, рвущіе послѣдніе запасы снабженія; я дѣлаю наряды снабженія для Иркутскаго округа, но это кассируется именемъ Адмирала, и снабженіе передается Голицыну, у котораго нѣтъ и одной двадцатой того числа людей, на которыхъ онъ получаетъ все снабженіе.

Недавно въ районѣ Томска организовался на наши средства какой-то Ижевскій отрядъ, оказавшійся фальшивымъ и предназначенный для захвата Омска при проѣздѣ черезъ него въ направленіи на фронтъ; контръ-развѣдка успѣла раскрыть это за нѣсколько часовъ до посадки отряда на желѣзную дорогу, но мѣры по ликвидаціи принять не успѣли, и большая часть отряда съ нашими винтовками, пулеметами и отпущенными на его формированіе милліонами ушла на сѣверъ въ Тобольскую тайгу, создавъ угрожающее положеніе въ тылу самаго Омска.

Вмѣсто упрощенія организаціи у насъ идутъ все новыя формированія; за послѣднее только время родились штабы южной группы (создана для устройства Лебедева), отдѣльнаго коннаго корпуса (созданъ ради честолюбія Иванова-Ринова), инспектора добровольческихъ формированій (для пропитанія Голицына), инспектора стратегическаго резерва (для пропитанія Хрещатицкаго), но ничего не слышно по части сокращеній.

При каждомъ штабѣ пышно расцвѣтаетъ контръ-развѣдка и освѣдомленіе, послѣднее почти обязательно съ собственной газетой.

Среди освѣдомленія неизбѣжно маячитъ весьма темная фигура полковника Клерже, обвиняемаго въ подстрекательствѣ казаковъ нашего персидскаго корпуса къ истребленію неугодныхъ имъ офицеровъ и въ насиліяхъ и вымогательствахъ надъ жителями города Перми; кромѣ того онъ приговоренъ военнымъ судомъ къ исключенію изъ службы и за-

ключенію въ крѣпость за оскорбленіе бывшаго начальника главнаго штаба генерала Марковскаго, но этотъ приговоръ, по таинственному докладу Ставки, адмираломъ аннулированъ, причемъ объ этомъ запрещено говорить и писать.

Поданный по этому дѣлу докладъ-протестъ Главнаго Военнаго Прокурора оставленъ Ставкой безъ отвѣта.

Совершенно неожиданнымъ оказался докладъ генерала Щербакова, ѣздившаго въ Семирѣчье съ порученіемъ Адмирала разобраться съ тамошнимъ положеніемъ и съ нареканіями на сидящаго тамъ атамана Анненкова. Щербаковъ (самъ семирѣченскій казакъ) вынесъ такое заключеніе, что всѣ нареканія на Анненкова измышлены штабомъ южнаго отряда, и что этотъ атаманъ представляетъ собой рѣдкое исключеніе среди остальныхъ сибирскихъ разновидностей этого званія; въ его отрядѣ установлена желѣзная дисциплина, части хорошо обучены и несутъ тяжелую боевую службу, причемъ самъ атаманъ является образцомъ храбрости, исполненія долга и солдатской простоты жизни.

Отношенія его къ жителямъ таковы, что даже и всѣми обираемые киргизы заявили, что въ районѣ Анненковскаго отряда имъ за все платится и что никакихъ жалобъ къ Анненковскимъ войскамъ у нихъ нѣтъ.

Надо думать, что этотъ докладъ достаточно близокъ къ истинѣ, такъ какъ Щербаковъ человѣкъ наблюдательный, съ собственнымъ твердымъ взглядомъ и умѣньемъ разбираться въ вещахъ и людяхъ; прежнее представленіе объ Анненковѣ, какъ о сугубомъ разбойникѣ, онъ объясняетъ враждебнымъ отношеніемъ къ этому отряду штаба генерала Бржозовскаго, и тѣми двумя полками, которые подъ названіемъ Анненковскихъ черныхъ гусаръ и голубыхъ уланъ наводили ужасъ въ тылу своими грабежами и насиліями надъ мирнымъ населеніемъ. По словамъ Щ. эти полки не были въ подчиненіи А. и послѣдній много разъ просилъ, чтобы ихъ прислали ему въ отрядъ, и онъ быстро приведетъ ихъ въ порядокъ, но въ этомъ ему было отказано.

Тѣ свѣдѣнія, которыя приведены въ докладѣ Щербакова объ устройствѣ Анненковскаго тыла и снабженій, даютъ полное основаніе думать, что въ этомъ атаманѣ большіе задатки хорошаго организатора и самобытнаго военнаго таланта, достойнаго того, чтобы выдвинуть его на отвѣтственное мѣсто.

На фронтѣ ожидается подходъ 2-й красной арміи и переходъ красныхъ въ наступленіе.

Нездоровье ухудшаетъ настроеніе; полонъ самыми мрачными предчувствіями. Надо спасать армію и уходить, ничего не жалѣя, хотя-бы за Байкалъ; спасемъ армію, спасемъ будущее; потеряемъ армію — потеряемъ все. Я безконечно радъ, что успѣлъ отправить главные запасы за Обь и на Енисей; это обезпечиваетъ снабженіе арміи при отходѣ ея на востокъ. Пока же, надо укрѣплять линію Иртыша, гдѣ оборона очень благопріятна, ибо фронтъ очень неширокъ, а фланги прикрыты съ сѣвера болотами, а съ юга районами, неудобными для движенія большихъ массъ. И одновременно самая энергичная эвакуація; обстановка такова, что нужно немедленное и героическое рѣшеніе; времена полумѣръ и колебаній прошли, ибо идетъ девятый налъ, подходитъ двѣнадцатый часъ.

Какъ я завидую сейчасъ краснымъ! Какъ они ни гнусны, но во главѣ ихъ арміи стоятъ рѣшительные люди. Злая судьба обидѣла Сибирь и не дала ей вождей по плечу данному времени; югъ былъ счастливѣе, ибо имѣлъ Алексѣева, Корнилова, Маркова и другихъ, но и тамъ судьба быстро погасила наиболѣе сильныя и нужныя для Россіи жизни. Сибирь выставила не мало тысячъ молодыхъ и старыхъ рыцарей долга, чистыхъ энтузіастовъ, подъявшихъ мечъ борьбы за родину.

Но не нашлось вождей, мужей опыта и таланта, чтобы использовать эти могучія силы; тысячи этихъ борцовъ уже спятъ въ Сибирской землѣ, а всѣ ихъ усилія, ихъ геройскіе подвиги сведены на нѣтъ тѣми, кто, не имѣя никакихъ данныхъ, залѣзъ на верхи военнаго управленія и не принесъ туда ничего, кромѣ ненасытнаго честолюбія, самомнѣнія и безграмотности по руководству большими операціями и по организаціи настоящей арміи.

Я завидую этимъ павшимъ, ибо они счастливы тѣмъ, что не видятъ, къ какой пропасти приведено то, за что они боролись и какія грязныя руки протянулись къ завѣтному бѣлому знамени; я болѣю душой за уцѣлѣвшихъ, ибо имъ выпала доля все это видѣть

и пить до дна послѣднюю горькую чашу, чашу не личную, а русскую чашу горя, стыда и смерти.

21 Сентября. Все утро въ Совѣтѣ Министровъ, гдѣ шло совмѣстное съ представителями Гос. Экон. Совѣщанія засѣданіе по разсмотрѣнію проекта положенія о Государственномъ Совѣщаніи.

Въ глазахъ зеленые круги; чуть не кричалъ отъ боли, но надо было выгребать, ибо разбирался вопросъ первостепенной важности. Впервые ушелъ изъ Совѣта Министровъ съ чувствомъ радости и удовлетворенія; это было по истинѣ дѣловое, государственное засѣданіе; серьезность положенія и серьезность разсматриваемаго вопроса приподняли общее настроеніе, возвысили всѣхъ до государственнаго пониманія, внесли въ пренія сжатость, дѣловитость и толерантность и сдѣлали все засѣданіе на рѣдкость симпатичнымъ.

Дай Богъ, чтобы это было первой ласточкой настоящей весны нашего обновленія, если ею суждено насъ благословить.

Получилъ приказъ Дитерихса о назначеніи Хрещатицкаго инспекторомъ формированій Дальняго Востока; очевидно, мой докладъ Адмиралу остался безрезультатнымъ.

Адмиралъ на фронтѣ; послалъ ему еще разъ протестъ по поводу такого назначенія. Сообщилъ Головину о своемъ уходѣ и невозможности оставаться при томъ отношеніи къ моимъ основнымъ взглядамъ, которое проявляется Адмираломъ и несомнѣнно подъ вліяніемъ Ставки и какихъ-то темныхъ силъ. Ухожу, ибо въ порядкѣ высшаго военнаго управленія совершаются гибельныя, непоправимыя ошибки и совершаются ради прихоти, честолюбія и эгоистическихъ интересовъ такихъ лицъ, которыхъ надо безпощадно гнать отъ нашего дѣла, которое они грязнятъ. Я сдѣлалъ все, чтобы обратить вниманіе Адмирала на эти ошибки, но оказался безсиленъ остановить скверныя распоряженія и предотвратить зло, ими чинимое. Тогда служба моя кончена, долгъ мой исполненъ. Остальное на совѣсти тѣхъ, кто все это сдѣлалъ.

22 Сентября. Дитерихсъ увѣдомилъ меня, что санитарная реформа, противъ которой я заявилъ протестъ, проведена помимо него непосредственнымъ докладомъ Адмиралу доктора Краевскаго.

Хороши порядки, при которыхъ такая серьезная и оспариваемая реформа проводится по докладу очень пронырливаго, но случайнаго человѣка, вопреки желанія Военнаго Министра и безъ вѣдома Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

Прислали мнѣ на заключеніе проектъ передачи городского театра въ вѣдѣніе освѣдомительнаго отдѣла; одно названіе этого отдѣла дѣйствуетъ на меня на манеръ красной тряпки на достаточно энергичнаго быка. Написалъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, что дѣло военныхъ воевать, а не заниматься балаганами; зрѣлищами и шантанами не поднять духа подвига и самопожертвованія тамъ, гдѣ его нѣтъ; пусть лучше освѣдомленіе добросовѣстно дѣлаетъ свое прямое дѣло, и выгонитъ отъ себя всѣхъ примазавшихся къ этому дѣлу желтыхъ газетчиковъ, трусливыхъ аристократовъ и вліятельныхъ родственничковъ, настоящихъ и бывшихъ прохвостовъ, дамъ — пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ и просто пріятныхъ и пр. и пр.

Приходилъ адмиралъ Рихтеръ, способствовавшій проведенію нелѣпой санитарной реформы; онъ очень симпатиченъ, нетребователенъ и, повидимому, порядоченъ, но ограниченъ до невѣроятности и ничего не понимаетъ и не соображаетъ въ санитарномъ дѣлѣ.

Онъ ничего не проситъ, не получаетъ никакого содержанія и бѣгаетъ пѣшкомъ на службу и по службѣ, стѣсняясь просить автомобиля; но когда онъ является въ комиссіи, то вызываетъ улыбки присутствующихъ своимъ незнаніемъ дѣла и полной неосвѣдомленностью. Но онъ близокъ къ Адмиралу и его довѣрчивостью и простотой пользуются, чтобы пролѣзть при его помощи къ Верховному съ разными докладами и проектами.

23 Сентября. Адмиралъ вернулся съ фронта; привезъ въ своемъ поѣздѣ 270 раненыхъ; новые санитарные распорядители устроили показной пріемъ раненыхъ; по этой части убѣдили Адмирала подписать указъ, возлагающій всѣ работы по пріему раненыхъ на общественныя и городскія организаціи.

Противно было смотрѣть, какъ егозили и пытались показать свою энергію новорожденные санитарные юпитеры; ни для кого не секретъ, что это былъ первый поѣздъ съ ранеными, который они удосужились встрѣтить; всѣ старались сами выносить раненыхъ, роняли ихъ съ носилокъ и лили въ нихъ столько молока, что можно было опасаться за ихъ животы.

Не знаемъ мы ни въ чемъ середины; а потомъ очень любимъ втирать очки и показывать начальству не то, что есть на самомъ дѣлѣ; очень уже въѣлись въ насъ эти скверныя привычки.

Отъ Головина узналъ, что въ Ставкѣ разрабатывается какой-то новый проектъ высшаго военнаго управленія съ подчиненіемъ Военнаго Министра Главнокомандующему.

Въ Омскомъ настроеніи полный винегретъ, создаваемый положеніемъ на фронтѣ; обывателю хочется и удрать, и движимость и недвижимость сохранить.

Газеты продолжаютъ бряцать мечами и обѣщать чудеса отъ собирающихся добровольческихъ формированій; Голицынъ устраиваетъ митинги и собранія, но добровольцы нейдутъ.

Платныя перья, захлебываясь отъ патетическаго восторга, описали отправку на фронтъ первой дружины Святого Креста — единственный, пока, результатъ мѣсячнаго раздуванія добровольческаго подъема; картинно описывается, какъ на правомъ флангѣ шелъ унтеръ-офицеръ Болдыревъ — профессоръ и организаторъ добровольческаго движенія, но упущено добавить, что шелъ только до вокзала, откуда вернулся на свое мѣсто въ освѣдомительномъ отдѣлѣ и отбылъ въ Ново-Николаевскъ проповѣдывать новый крестовый походъ; послѣднее вполнѣ нормально и въ этой роли онъ будетъ несравненно лучше, чѣмъ на должности взводнаго унтеръ-офицера, но непріятна ложь и попытки надуть публику. Сейчасъ это хуже, чѣмъ когда-либо.

Большинство населенія, однако, понимаетъ всю серьезность положенія; только немногіе продолжаютъ цѣпляться за надежду на авоську и чудо. Провалъ казачьяго бума и добровольческаго набора отрезвили многихъ; чѣмъ больше были надежды, тѣмъ острѣе разочарованіе.

Жаль, что до сихъ поръ власть боится открыто и правдиво объявить о своевременности эвакуаціи Омска; разъ ставка на казаковъ бита, то больше уже играть нечѣмъ; надо готовиться къ тяжелымъ временамъ и всячески облегчить грядущія бѣдствія; сейчасъ еще есть возможность удалить изъ Омска очень многое въ порядкѣ срочной эвакуаціи, а не паническаго бѣгства.

Государственной власти нельзя быть близорукой, а тѣмъ болѣе нельзя подражать отношенію страуса къ опасности.

Получены свѣдѣнія, что въ ночь на 19-е во Владивостокѣ была произведена первая попытка устроить переворотъ, но неудачно. Розановъ, несмотря на протестъ союзниковъ, ввелъ въ городъ надежныя русскія войска и заговорщики скиксовали.

Совѣтъ Министровъ радуется благополучному исходу Владивостокскихъ событій; не раздѣляю этой радости, ибо инцидентъ не ликвидированъ, а только предотвращенъ, а, если къ лигѣ нашихъ внутреннихъ враговъ присоединились эсеры, то наше дѣло плохо и насъ, въ концѣ концовъ, слопаютъ въ тылу, если даже мы выкарабкаемся на фронтѣ.

Эсеры спеціалисты по подкапыванію и опрокидыванію власти; они напрактиковались на этомъ въ борьбѣ съ монархіей, безконечно болѣе сильнымъ противникомъ, и съ нами справиться имъ будетъ не трудно; все населеніе настроено противъ насъ и ищетъ только на кого-бы перенести свои надежды.

Наша гнилая контръ-развѣдка безсильна бороться съ эсерами; она сама прослоена эсеровскими агентами.

Вѣдь, если подсчитать нашъ активъ и пассивъ, то получается самый мрачный выводъ «every item dead against you»; за насъ офицеры, да и то не всѣ, ибо среди молодежи много неуравновѣшенныхъ, колеблющихся и честолюбивыхъ, готовыхъ поискать счастья въ любомъ переворотѣ и выскочить на верхъ, на манеръ многихъ это уже продѣлавшихъ; за насъ состоятельная буржуазія, спекулянты, купечество, ибо мы защищаемъ ихъ матерьяльныя блага; но отъ ихъ сочувствія мало реальной пользы, ибо никакой матерьяльной

физической помощи отъ него нѣтъ. Все остальное противъ насъ, частью по настроенію, частью активно.

Даже союзники, — кромѣ японцевъ, — отъ насъ какъ-то отошли; чехи же опредѣленно настроены противъ насъ настолько, что ничто не гарантируетъ возможности ихъ активной помощи эсеровскому перевороту, вопреки всякимъ гарантіямъ Жанена и приказамъ Массарика.

24 Сентября. Настроеніе нѣсколько лучше вслѣдствіе хорошихъ извѣстій отъ Деникина; даже у Юденича дѣло какъ будто выправляется.

Слушали сообщеніе прибывшаго отъ Деникина есаула Перфильева; онъ увѣряетъ, что тамъ царитъ порядокъ и законность; это не вяжется съ тѣми свѣдѣніями, которыя привезены офицерами, пробравшимися къ намъ черезъ Каспійское Море; несомнѣнно, что у Перфильева слишкомъ много розовой окраски, а у этихъ офицеровъ, недовольныхъ южными порядками, — слишкомъ все сгущено; очень хотѣлось бы знать, гдѣ лежитъ истина. При томъ размахѣ, который приняло Деникинское наступленіе на одной военной силѣ не удержаться, даже если она и свободна отъ всѣхъ тѣхъ недостатковъ, коими больны наши Сибирскія арміи.

Безъ опоры на прочное сочувствіе всего населенія ничего не сдѣлать. Очень тревоженъ составъ ближайшихъ къ Деникину круговъ и административныхъ верховъ; слишкомъ много фамилій, вызывающихъ воспоминанія о непривлекательныхъ сторонахъ недавняго прошлаго; возникаютъ опасенія, что и тамъ, какъ и у насъ, ничего не забыли и ничему не научились.

Съ настроеніемъ Кобленца, съ вожделѣніями реванша и возмездія за все перенесенное и потерянное — Россіи не возстановить. Тяжело забыть, тяжело простить, но тотъ, кто истинно хочетъ спасенія родины, тотъ принесетъ ей эту великую жертву.

Перфильевъ завѣряетъ, что до сихъ поръ у нихъ не было возстаній въ тылу и что отношенія между войсками и населеніемъ самыя благожелательныя; пріятно былю это слышать; значитъ, тамъ нѣтъ того, что составляетъ нашу смертельную болѣзнь; значитъ, тамъ офицерскій составъ удержался на уровнѣ истинно офицерскихъ идеаловъ и не далъ распуститься и низамъ. У насъ по этой части плохо, я имѣлъ случай бесѣдовать съ нѣсколькими старшими священниками фронта и они въ одинъ голосъ жалуются на пошатнувшіяся нравственныя основы офицерства, преимущественно молодого, сильно тронутаго переживаніями войны и революціи; по мнѣнію главнаго священника западной арміи, изъ восьми случаевъ насилія надъ населеніемъ семь приходится на долю офицеровъ (за исключеніемъ казачьихъ частей, гдѣ «пользованіе мѣстными средствами» составляетъ общій и непреложный законъ). Особенно возмущаетъ населеніе отборъ офицерами лучшихъ крестьянскихъ лошадей и притомъ не для войскъ, а для торговли.

Вечеромъ Головинъ сообщилъ мнѣ, что Адмиралъ и Дитерихсъ поражены поданнымъ мною рапортомъ объ отставкѣ и выражаютъ горячее желаніе, чтобы я не уходилъ; затѣмъ, ко мнѣ пріѣхалъ начальникъ штаба фронта генералъ Рябиковъ и уговаривалъ меня остаться. Отвѣтилъ обоимъ, что отъ работы и исполненія долга никогда не отказывался, но что я опредѣленно поставилъ условія, при которыхъ я могу работать и быть полезнымъ общему дѣлу.

Если я нуженъ для дѣла, то нѣтъ никакихъ основаній не удовлетворить эти условія, въ которыхъ нѣтъ ничего личнаго и которыя продиктованы мнѣ моей совѣстью и сознаніемъ отвѣтственности за поручаемое мнѣ дѣло. Я поступился всѣмъ личнымъ, пошелъ на всѣ уступки; съ моими доводами согласились и обѣщали все сдѣлать, но затѣмъ, ничего не говоря, сдѣлали все наоборотъ, опредѣленно показавъ, что не хотятъ считаться съ моими взглядами. Адмиралъ и Дитерихсъ могутъ гнуть подъ себя чужіе взгляды и мнѣнія, но только не мои; всю свою жизнь я боролся за то, что считалъ своимъ долгомъ, и теперь не намѣренъ измѣнять своимъ убѣжденіемъ. Я останусь только Военнымъ Министромъ, пользующимся полной поддержкой Верховной власти и уваженіемъ къ моимъ взглядамъ и къ моей программѣ. Я принимаю на себя великую отвѣтственность, когда говорю, что дайте мнѣ то-то, а я берусь выполнить тяжелую программу возстановленія и возрожденія центральныхъ аппаратовъ высшаго военнаго управленія. Вся моя служба свидѣтель-

ствуетъ, что это не хвастовство и что я сумѣю это исполнить. Пусть Адмиралъ и Дитерихсъ поймутъ, что беру я на себя, когда заявляю, что все это выполню; тогда они должны согласиться на мои условія. Разъ же согласія нѣтъ, то значитъ нѣтъ вѣры въ мои обязательства, а тогда моя дальнѣйшая служба безполезна, а для меня лично даже и невозможна, ибо примириться съ совершающимися ошибками я не могу, спокойно и убѣжденно работать не могу, выполнять то, что считаю вреднымъ, не буду.

Не понимаю, почему Адмиралъ удивленъ моей просьбой — вѣдь мои условія заявлены много разъ, и онъ не можетъ ихъ не знать; неужели онъ считаетъ, что за честь состоять Военнымъ Министромъ можно со всѣмъ мириться, все терпѣть и всѣмъ жертвовать. Я не считаю себя спасителемъ и знаю, что я очень посредственный Военный Министръ, съ массой «но» и недостатковъ, но знаю также, что никто другой не справится съ предстоящими по военному управленію реформами такъ, какъ сдѣлаю это я, ибо умѣю не только приказывать, но знаю на опытѣ, какъ и что дѣлается. Но справиться я могу только въ томъ случаѣ, если обстановка работы будетъ такой, какъ я прошу.

Просилъ передать все это Адмиралу и Дитерихсу, добавивъ, что условія мои неизмѣнны.

Съ фронта пріѣхалъ одинъ изъ моихъ старыхъ сослуживцевъ по Владивостоку, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ стараго закала, согласившійся, изъ чувства долга, взять на себя каторжную должность начальника снабженій первой арміи.

Онъ разсказалъ, какую тяжелую борьбу приходится ему вести для того, чтобы установить хоть какой-нибудь порядокъ по части снабженій; сверху до низу все распустилось, забыло про законъ и привыкло жить по усмотрѣнію, не останавливаясь передъ проявленіями самаго безшабашнаго произвола.

Было бы нелѣпо въ обстановкѣ настоящей войны продолжать цѣпляться за разные хозяйственные и контрольные крючки и ради нихъ останавливать удовлетвореніе насущныхъ потребностей бурной жизни; но нельзя существовать внѣ всякаго закона, безъ системы и безъ соблюденія и охраненія общаго порядка. При настоящей обстановкѣ болѣе чѣмъ когда-либо нуженъ надзоръ, контроль, удержъ и пресѣкновеніе разныхъ серьезныхъ поползновеній, своеволій и беззаконій; все распустилось такъ, что, если отказаться отъ одержки, то все обратится въ сплошной хаосъ и кабакъ, что въ дѣйствительности и произошло во многихъ частяхъ и во многихъ отрасляхъ войсковыхъ жизни и управленія.

Наиболѣе трудно бороться съ начхозами (начальникъ хозяйственной части полка), автономными повелителями цѣлыхъ поѣздовъ, снабженныхъ салонами, банями, собственнымъ электрическимъ освѣщеніемъ и таящихъ горы всякихъ продуктовъ и имущества казеннаго и благопріобрѣтеннаго при разныхъ эвакуаціяхъ и прочихъ «иціяхъ».

Начхозы держатся въ почтительномъ и безопасномъ удаленіи отъ фронта, часто не знаютъ даже, гдѣ находятся ихъ части, но не особенно объ этомъ волнуются, такъ какъ снабженіе частей и ихъ хозяйство составляютъ для большинства самую второстепенную задачу.

Главная же задача — использованіе своего привиллегированнаго хозяйственнаго положенія въ свою личную пользу путемъ спекуляцій съ продовольствіемъ и снабженіемъ и путемъ покупокъ и продажъ разныхъ товаровъ и провоза ихъ подъ видомъ казенныхъ грузовъ. Все это даетъ огромные доходы и дѣлаетъ жизнь личнаго состава этихъ тыловыхъ учрежденій однимъ удовольствіемъ; поэтому они и переполнены сверхъ всякихъ штатовъ. Есть, конечно, и исключенія, но они рѣдки, какъ зубры или бѣлые слоны.

Мой собесѣдникъ, очень сильный по характеру человѣкъ, неумолимый проводитель разъ принятой системы, но очень хладнокровный и уравновѣшенный, сомнѣвается въ возможности быстро очистить эти Авгіевы конюшни. Слишкомъ всосалось все это въ общій обиходъ; слишкомъ все это жирно и вкусно для всѣхъ тѣхъ, кто непосредственно къ нему присосался и кто со стороны частью этихъ благъ пользуется (начхозы понимаютъ, что отношенія вверхъ къ старшимъ штабамъ и начальству должны быть пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ и знаютъ, какъ въ каждомъ данномъ случаѣ этого достигнуть).

Самое же скверное, что даже и этотъ негодный для настоящаго дѣла составъ некѣмъ сейчасъ замѣнить.

Весной была произведена попытка устроить курсы для подготовки чиновниковъ и офицеровъ на интендантскія и хозяйственныя должности; собрали сорокъ человѣкъ, занимались съ ними нѣсколько мѣсяцевъ, и получили недоучекъ съ очень скудными знаніями, но съ огромнымъ самомнѣніемъ и еще большими требованіями; нравственныя же качества оказались не лучше, чѣмъ у тѣхъ, кого хотѣли замѣнить; но у подлежащихъ замѣнѣ все же былъ и спеціальный и житейскій опытъ, а кромѣ того они уже «сыты», а новые кадры пришли голодными и съ такими аппетитами по части «рванья» и притомъ срочнаго, что быстро обогнали стариковъ.

25 Сентября. Едва добрался до своего кабинета, до того нездоровится. За работой легче забываешь про боли. Утромъ пріѣхалъ Государственный контролеръ, какъ представитель Совѣта Министровъ и Верховнаго Правителя, дабы уговорить меня остаться; онъ заявилъ, что мой уходъ, помимо огромнаго рабочаго ущерба, произведетъ самое тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ порядочныхъ людей и подорветъ послѣднія надежды въ возможность благополучнаго исхода; думаю, что послѣднее прибавлено для пущей дѣйствительности убѣжденія, такъ какъ навѣрно очень немного людей заинтересованы тѣмъ, кто у насъ Военный Министръ и что онъ собой представляетъ. Думаю, что это личное мнѣніе очень добросовѣстнаго и болѣющаго за всѣ наши недостатки Краснова, съ которымъ я очень часто схожусь во взглядахъ.

Разъяснилъ Краснову все положеніе; разсказалъ, чего я прошу и въ чемъ мои условія; просилъ понять всю ненормальность проявляемыхъ ко мнѣ отношеній, которыя, во всей совокупности, опредѣленно указываютъ на чье-то желаніе заставить меня уйти и не мѣшать дѣлать то, что кому-то нужно и выгодно.

Въ концѣ концовъ сдонкихотствовалъ и далъ себя уговорить подъ условіемъ, что Красновъ съѣздитъ къ Адмиралу и добьется его обѣщанія принять мои условія и гарантировать мнѣ полное довѣріе и самостоятельность въ проведеніи предлагаемой мной программы. Красновъ выразилъ увѣренность, что ему удастся разъяснить Адмиралу всю ненормальность сложившейся обстановки и убѣдить Адмирала въ необходимости принять мои условія, ибо они нужны для успѣха общаго дѣла.

Въ Ставкѣ узналъ подробности о причинахъ бездѣйствія коннаго корпуса; Ивановъ-Риновъ, послѣ перваго удачнаго дѣла, на Курганъ не пошелъ и посланныхъ ему шести директивъ и телеграммъ — изъ нихъ двѣ за подписью Адмирала, — не исполнилъ.

Дитерихсъ отрѣшилъ Иванова-Ринова отъ командованія, но тогда, когда уже было поздно и когда общее положеніе на фронтѣ исключило возможность успѣшнаго набѣга на тылъ красныхъ.

Ивановъ-Риновъ прибылъ немедленно въ Омскъ, поднялъ всѣхъ своихъ сторонниковъ, и по ультимативному требованію казачьей конференціи его отрѣшеніе было отмѣнено и онъ съ апломбомъ вернулся на фронтъ къ своему корпусу. Яркое проявленіе импотентности и дряблости власти, засосанной Омскимъ болотомъ и находящейся въ плѣненіи у разныхъ безотвѣтственныхъ, но всесильныхъ организацій, во все мѣшающихся, но ни за что не отвѣчающихъ.

Такая власть не можетъ существовать, ибо sine qua non всякой власти это — ея сила.

Удивляюсь, какъ Дитерихсъ на это согласился; онъ вѣдь тоже реальная сила, и имѣлъ право и возможность принять такой тонъ, съ которымъ должны были бы считаться Омскія лягушки.

26 Сентября. По донесеніямъ изъ Владивостока положеніе тамъ очень острое; взрывъ предупрежденъ, но опасность его не ликвидирована; обѣ стороны натопорщились и выжидаютъ благопріятнаго случая.

Красновъ былъ у Адмирала, получилъ его согласіе на мои условія, о чемъ съ радостью мнѣ и сообщилъ; черезъ нѣсколько часовъ тотъ же Адмиралъ утвердилъ докладъ Ставки объ осуществленіи всѣхъ мѣръ, противъ которыхъ я протестовалъ, и непроведеніе которыхъ поставилъ условіемъ, опредѣляющимъ возможность оставаться на своемъ мѣстѣ.

Отказываюсь что-нибудь понимать.

Послѣ обѣда Сукинъ передалъ мнѣ полученное имъ изъ англійской миссіи извѣстіе, что агенты Калмыкова убили во Владивостокѣ полковника Февралева; его схватили на улицѣ среди бѣлаго дня, увезли за городъ и тамъ застрѣлили. Такимъ образомъ, исполнилась угроза, которая висѣла надъ несчастнымъ Февралевымъ больше полугода, и отвратительный хабаровскій разбойникъ «вывелъ въ расходъ» (спеціальное выраженіе Читы и Хабаровска) опаснаго кандидата на званіе атамана.

Ноксъ возмущенъ до глубины души и заявилъ, что онъ готовъ открыто отказаться отъ поддержки такой власти, которая не въ состояніи предупредить такія гнусныя убійства. Всецѣло раздѣляю его негодованіе.

Сообщилъ объ этомъ убійствѣ казачьей конференціи; телеграфировалъ Розанову о розыскѣ и преданіи виновныхъ военно-полевому суду; телеграфировалъ Семенову, выразивъ надежду, что онъ, по званію походнаго атамана дальневосточныхъ казаковъ, приметъ всѣ мѣры, чтобы не осталось безъ примѣрнаго наказанія убійство одного изъ старшихъ и лучшихъ уссурійскихъ казаковъ, кѣмъ бы оно ни было совершено.

Печально положеніе той власти, которая не можетъ расправиться съ такой гнусностью, а именуется Всероссійской и заботится о великодержавіи Россіи.

27 Сентября. По докладу новоявленнаго начальника санитарной части, Адмиралъ отрѣшилъ отъ должности моего подчиненнаго, начальника главнаго военносанитарнаго Управленія, доктора Лобасова за исполненіе послѣднимъ моего приказа не пускать доктора Краевскаго въ свое управленіе.

Это нѣчто совсѣмъ уже экстраординарное бить по подчиненнымъ за исполненіе приказа начальника, тѣмъ болѣе, что и Ставкѣ, и Адмиралу извѣстно, что распоряженіе о недопускѣ отдано мной и отдано вполнѣ законно, такъ какъ ни Дитерихсъ, ни его ставочные подчиненные не имѣютъ права распоряжаться въ подвѣдомственныхъ только мнѣ управленіяхъ Военнаго Министерства.

Это освобождаетъ меня отъ обѣщанія, даннаго Краснову, не уходить съ своего поста. Я не вѣрю, что Адмиралъ дѣлаетъ все это умышленно, но онъ, повидимому, такъ переутомился, что ничего уже не помнитъ, а этимъ пользуются тѣ . . ., которые способны на все, лишь бы добиться своего.

Съ этими господами мнѣ не по дорогѣ и къ изображаемому ими «Омскому Двору» я не подхожу. Послалъ телеграмму Адмиралу, уѣхавшему на фронтъ, и усердно прошу отмѣнить отрѣшеніе Лобасова, виновнаго только въ исполненіи моего приказа и взыскать съ меня, такъ какъ я считаю невыносимымъ такое положеніе, когда вмѣсто меня карають моихъ подчиненныхъ. Усердно прошу разобраться въ послѣднихъ распоряженіяхъ, касающихся меня и имъ одобренныхъ, такъ какъ поставленъ ими въ исключительно безвыходное положеніе, совершенно невяжущееся съ его обѣщаніями и завѣреніями.

Настроеніе Омска близко къ паникѣ; поѣзда переполнены удирающими въ восточномъ направленіи. Омскія лягушки продолжаютъ квакать о великомъ значеніи Омска, о невозможности выѣзда Правительства и о необходимости защищать Омскъ до послѣдней крайности; этимъ напичкали Адмирала такъ, что съ нимъ невозможно говорить въ противоположномъ духѣ.

Проѣзжающіе черезъ Читу фельдъегеря передаютъ, что тамъ не скрываютъ радости по случаю тяжелаго положенія Омска и стараются, чтобы имъ досталось побольше изъ Омскаго наслѣдства.

29 Сентября. Поѣхалъ на службу послѣ двухъ болевыхъ припадковъ, во время которыхъ терялъ сознаніе; повидимому, что-то неладно въ области печени; ей пришлось переварить столько треволненій и гадостей, что она вправѣ начать пухнуть и проявлять свое негодованіе.

Изъ Министерства пришлось вернуться вслѣдствіе невозможности продолжать работу. Подалъ рапортъ о болѣзни и прошу отпуска до увольненія въ отставку.

Казачья конференція разодралась съ Дутовымъ и Хорошхинымъ; имъ ставится въ вину, что они знали отъ Дитерихса объ его рѣшеніи отрѣшить Иванова-Ринова отъ командованія, но не доложили этого конференціи; этимъ воспользовались для сведенія

старыхъ счетовъ и наговорили Дутову такихъ вещей, что онъ собирается ѣхать въ Ново-Николаевскъ «по семейнымъ дѣламъ».

Вызываютъ въ конференцію Иванова-Ринова для объясненій по поводу его агитаціи по возрожденію Сибирскаго областничества и его заигрыванія съ кооперативами. Во Владивостокѣ ожидаются сегодня серьезныя событія. Генералъ Опя приказалъ Розанову вывести изъ города русскія войска, на что Р. отвѣтилъ отказомъ. Адмиралъ одобрилъ распоряженіе Розанова и приказалъ не останавливаться ни передъ чѣмъ ради сохраненія русской національной чести и достоинства.

Эхъ, если бы такая же рѣшимость была проявлена десять мѣсяцевъ тому назадъ во время Семеновскаго инцидента, не тряслись бы теперь Омскіе обыватели и не сидѣли бы мы всѣ передъ разбитымъ корытомъ; гадая на пальцахъ, «пронесетъ или не пронесетъ»?

30 Сентября. Свалился пластомъ; попалъ въ плѣнъ къ медикусамъ, которые меня щупаютъ и качаютъ головами; вечеромъ объявили женѣ, что у меня, повидимому, гнойное воспаленіе печени и закупорка всѣхъ желчныхъ каналовъ; положеніе серьезное и требующее леченія и моего согласія покориться всѣмъ медицинскимъ требованіямъ, а главное ото всего отойти и не волноваться; поэтому запретили кого-либо ко мнѣ допускать и со мной разговаривать.

14 Октября. Двѣ недѣли ничего не записывалъ, вѣрнѣе, не могъ записывать, ибо находился въ безсознательномъ состояніи; нѣсколько дней былъ въ безнадежномъ состояніи, но въ концѣ концовъ выкарабкался, благодаря исключительной заботливости доктора Б. и уходу жены.

Отставка моя не принята; я назначенъ въ распоряженіе Верховнаго Правителя и уволенъ въ отпускъ для поправленія здоровья; на мое мѣсто назначенъ бывшій командующій Западной Арміей генералъ Ханжинъ.

Не понимаю, почему не назначили генерала Сурина, какъ нельзя болѣе подходящаго къ роли Военнаго Министра, съ огромнымъ стажемъ, какъ разъ по этому мѣсту.

Пока меня отправляютъ въ Томскую клинику для леченія и, буде потребуется, операціи, предупреждаютъ, что сильно тронуты желчные пути и надо долго и систематически лечиться; это хуже всего, такъ какъ хотѣлось бы скорѣе стать на ноги и начать работать; въ болѣе свободномъ положеніи надѣюсь оказаться полезнымъ, хотя бы въ качествѣ разъѣзднаго инспектора войскъ и учрежденій и освѣдомителя Адмирала о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ.

15—26 Октября. Безцѣльно пролежалъ въ Томской клиникѣ; она обращена въ госпиталь и всѣ клиническіе устройства разгромлены; нѣтъ даже ваннъ, безъ которыхъ мнѣ нельзя существовать. Рекомендуютъ двигаться дальше на востокъ, гдѣ сохранились лечебныя заведенія, такъ какъ мое положеніе до сихъ поръ сомнительно и весьма вѣроятна необходимость серьезной операціи.

26 —31 Октября. Медленно двигаюсь на востокъ; слава Богу, что мнѣ оставили тотъ вагонъ, въ которомъ я жилъ въ Омскѣ; адъютанты моего преемника пытались его отобрать, но я впервые такъ окрысился, что они сразу куда-то исчезли; вѣроятно, мой скелетообразный видъ и чернозеленый цвѣтъ лица увеличили эффектъ моего выступленія.

Кончился Омскій періодъ моей жизни; въ вагонѣ тихо; поѣздъ долго стоитъ на станціяхъ; лежу и подвожу итоги своему 174 дневному пребыванію въ Омскѣ; не прошло и шести полныхъ мѣсяцевъ, а сколько пережито и перечувствовано!

Пробылъ, однако, раза въ четыре дольше, чѣмъ разсчитывалъ, когда уѣзжалъ изъ Харбина. Возвращаюсь обратно съ разбитыми вдребезги иллюзіями о возможности скораго избавленія Руси отъ навалившейся на нее красной погани и ея бѣлой разновидности — атаманщины всѣхъ видовъ и калибровъ.

Омскъ держится, но, повидимому, приближаются его послѣдніе дни; онъ еще трепыхается, но надъ нимъ и въ тылу рѣютъ и каркаютъ черные вороны; союзники сокращаются, дабы своевременно выйти изъ непріятнаго положенія.

Продолженіе борьбы въ томъ, сумѣютъ ли спасти армію, совершенно вымотанную произведенными надъ нею экспериментами; все можно поправить и возстановить за исключеніемъ арміи, если ее израсходуютъ на нелѣпой защитѣ Омска.

Пока что, Москва одержала побѣду надъ Сибирской Вандеей, и даже не Москва, а наше собственное ротозѣйство, наша дряблость, наша государственная и военная безграмотность.

Уже во время пребыванія въ Харбинѣ чувствовалось, что въ Омскѣ что-то неладно, и что у военнаго и гражданскаго рулей стоятъ какіе-то плохенькіе кормчіе.

Омскіе гастролеры кричали о могучей арміи, о налаженномъ государственномъ механизмѣ, но что приходило оттуда въ видѣ приказовъ и распоряженій, внушало немалыя сомнѣнія въ правильности гастролерскихъ свѣдѣній. Только Ивановъ-Риновъ былъ способенъ завѣрять, что въ распоряженіи Омска 400 тысячная армія, дисциплинированная, организованная и рвущаяся въ бой.

Но то, что я увидѣлъ, узналъ и пережилъ за истекшіе шесть мѣсяцевъ, превзошло всѣ мои пессимистическія ожиданія и выбросило опять на востокъ физическимъ инвалидомъ, съ разбитыми надеждами на скорое возрожденіе Россіи и съ самыми мрачными взглядами на ближайшее, да и на долгое будущее.

Главная язва, убивающая Омскъ, Адмирала и Правительство, это отсутствіе реальной и сильной власти. Повторяется вѣчная сказка о голомъ королѣ; онъ голенькій и безпомощный, а всѣ притворяются, а кое-кто искренно вѣритъ, что король и одѣтъ и могущественъ.

Власть Омска — призрачный миражъ; власть, какъ самъ Адмиралъ, лишена среднихъ регистровъ; она или шало и безрезультатно гремитъ или, вѣрнѣе сказать, пытается гремѣть, или дряблo и робко закрываетъ глаза на творящееся зло, убогая въ своемъ безсиліи, импотентная заставить исполнить ея волю и ея приказъ; она вынуждена молчать и терпѣть, зная что ея распоряженія исполняются постольку — посколько, и то, главнымъ образомъ, въ выгодныхъ и пріятныхъ для исполнителей секторахъ. Повторяется то же, что было съ нами, военными начальниками, послѣ революціи 1917 года, когда изъ арміи вынули ея душу — дисциплину, и мы, отдавая приказъ, не знали, будетъ ли онъ какъ слѣдуетъ исполненъ, да вообще, будетъ ли исполненъ.

Въ такомъ же ужасномъ положеніи находятся Ставка и самъ Верховный Главнокомандующій; они тоже не знаютъ, будутъ ли исполнены ихъ приказы, если не понравятся почему-либо фронтовымъ сатрапчикамъ.

Конечно, такіе случаи, какъ открытыя выступленія Семенова, Анненкова, Гайды и Иванова-Ринова относительно рѣдки, но они подслоены сотнями, а, можетъ быть, и тысячами такихъ случаевъ, когда неугодное распоряженіе затягивается, забывается, искажается или исполняется такъ, что лучше бы уже ничего не дѣлать.

Начавшись на верхахъ, эта смертельная для всякой прочной организаціи болѣзнь, проѣла постепенно весь военный и государственный механизмъ и выпила изъ него всю силу.

Власть, рожденная путемъ военнаго возстанія, оказалась неспособной быстро и рѣшительно оторваться отъ родившихъ ее организацій и не сумѣла сама стать силой.

Неудачный выборъ старшихъ военныхъ руководителей привелъ къ тому, что власть осталась безъ настоящей, государственной, организованной и прочной арміи, понимающей свое не только специфически военное, но и государственное назначеніе. Создавалась какъ будто бы армія со всѣми ея внѣшними признаками, а, въ сущности, развертывались и росли тѣ же партизанскіе отряды начала борьбы со всѣми присущими имъ достоинствами и недостатками, сохраняя всѣ свои особенности и энергично противясь всему, что затрагивало ихъ привиллегіи и автономныя привычки. Не нашлось талантливыхъ вождей, которые сумѣли бы ввести все это въ здоровыя рамки, сохранивъ и развивъ все хорошее, и парализовавъ постепенно все наиболѣе дурное.

Въ первое время это было нетрудно, ибо составъ арміи былъ относительно не великъ и держался на тѣхъ, кто поднялись на спасеніе родины, движимые чувствомъ подвига и долга.

Въ послѣдующемъ трудно даже винить армію и фронтовыхъ представителей; жизнь ихъ увлекла, положеніе и безнаказанность ослѣпили; въ организаціонныя рамки они не вошли и такъ внѣ ихъ по сущности и остались.

Они подняли возстаніе за свой счетъ, рискуя муками и жизнью; они свергли большевистское иго и открыли всѣ дальнѣйшія возможности; ихъ осѣнили первые боевые успѣхи; они реально показали возможность сбросить красный гнетъ и стали героями освободительной зари.

Они вели первый періодъ войны за освобожденіе въ невыразимо тяжкихъ условіяхъ партизанскаго возстанія, особыми способами и кустарными средствами.

Иныхъ способовъ они не знали, иначе дѣйствовать не умѣли; въ свои пріемы и способы вѣрили, такъ какъ на дѣлѣ попытали ихъ силу и цѣлесообразность.

Успѣхи ихъ опьянили; разобраться въ измѣненіи обстановки не умѣли; понять необходимость перейти къ инымъ формамъ существованія сначала не могли, а потомъ уже и не хотѣли; измѣнить пріобрѣтенные сначала взгляды сами не могли и по молодости, и по отсутствію спеціальныхъ знаній и опыта, и по честолюбію, захватившему наиболѣе сильныя и выдвинувшіяся на передній планъ натуры.

Руководители Ставки не сумѣли всего этого оцѣнить и принять своевременно необходимыя мѣры; сразу не была положена граница между условіями существованія и дѣятельности организованной арміи и пріемами вооруженнаго возстанія офицерскихъ организацій. Первые Главковерхи и Ставки были увлечены политической борьбой и предоставили арміямъ самостоятельно развиваться и устраиваться; повидимому, попытки правильной организаціи были предприняты первымъ командующимъ Сибирской арміей ген. Гришинымъ-Алмазовымъ, но слѣдовъ онѣ не оставили.

Тѣмъ временемъ фронтъ утвердился въ своихъ новыхъ тенденціяхъ, закрѣпилъ выработанные самостоятельно формы и лозунги и постепенно чисто явочнымъ порядкомъ заставилъ безсильный центръ молча признать фронтовые порядки, пріемы войны и снабженій и широкую автономію старшихъ штабовъ и начальниковъ. По организаціонной части Ставка сдѣлалась учрежденіемъ, утверждавшимъ все, что требовалъ фронтъ и проводившимъ только то, что было пріемлемо для фронтовыхъ автономій.

Вся эта негласная фронтовая конституція пронизала всю армію, выродившись постепенно въ весьма неудержную атаманщину; теперь уже все сверху до низу больно этой болѣзнью, что дѣлаетъ борьбу съ ней чрезвычайно трудной; это испыталъ на себѣ Дитерихсъ, какъ только попробовалъ приступить къ коренной реорганизаціи фронта.

Старый афоризмъ, что «тотъ, кто хочетъ командовать, долженъ прежде всего умѣть повиноваться», былъ накрѣпко забытъ; командовать хотѣли всѣ, ну а по части повиновенія царило «постольку — поскольку это мнѣ нравится» и не нарушаетъ моихъ собственныхъ разсчетовъ и соображеній.

Вмѣсто повиновенія и безпрекословнаго исполненія, пышно разрослась критика получаемыхъ приказовъ, безграмотная ихъ корректировка, пересуды и сплетни по адресу вверхъ . . . и, конечно, раздрайка и развалъ.

Критика и пересуды бывали и прежде, но сдерживались; теперь же всякая сдержка пропала.

Снаружи все шло какъ будто-бы совсѣмъ благополучно; не замѣчали (не знаю, не умѣли или не хотѣли), какъ гладенькій по наружности остовъ нашей вооруженной силы покрывался постепенно распространявшейся сѣтью мелкихъ внутреннихъ трещинокъ и держался только отсутствіемъ сильныхъ потрясеній. Послѣ Уфы, Екатеринбурга и Челябинска все это покрылось зіяющими трещинами и отъ внушительнаго остова остались одни осколки.

Общій упадокъ нравственнаго уровня и добросовѣстности, отсутствіе способности и желанія поступаться мелкимъ и личнымъ для общаго дѣла подорвали основные устои войсковой прочности.

Болѣзнь это не новая; она свалилась на насъ сейчасъ же послѣ революціи, когда господа и товарищи подобрали валявшуюся въ Петроградѣ безъ призора власть и съ ловкостью медвѣдя хватили по арміи приказомъ № 1 и обратили ее очень скоро въ разнузданныя вооруженныя толпы; изъ подъ корабля, стоявшаго на стапелѣ, вышибли всѣ подпорки и онъ естественно покатился внизъ.

Создатели Сибирской арміи думали, что достаточно возстановить погоны, отданіе чести и власть начальниковъ и все образуется; они не догадались внушить, а при нуждѣ и вбить кому надо въ голову, что нѣтъ арміи безъ духовной, внутренней, не боящейся никакихъ испытаній дисциплины, заставляющей забывать все личное и приносить его въ жертву общему дѣлу; нѣтъ арміи, разъ приказы могутъ не исполняться или исполняться въ предѣлахъ личнаго желанія или усмотрѣнія. А нѣтъ настоящей арміи, нѣтъ и настоящей государственной власти.

Ставкѣ слѣдовало поставить себѣ двѣ задачи: одну — оперативнаго управленія, другую — твердой и здоровой организаціи вооруженной силы. Верховное Командованіе было обязано сразу же объявить, проявить и доказать свою непреклонную волю добиться поставленной цѣли и пронизать всю армію, начиная съ ея верховъ, — нитями крѣпкой, духовной дисциплины и начать безпощадную борьбу съ остатками партизанщины и всякими проявленіями атаманщины.

Несомнѣнно, это требовало большихъ людей, огромнаго такта и выдержки, глубокаго знанія дѣла и осторожнаго исполненія, дабы, уничтожая плевелы, не задѣть здоровой ткани, не обидѣть достойныхъ и не выбить почву изъ подъ способныхъ честолюбцевъ.

Надо было умѣть оцѣнить всю оригинальную обстановку, въ которой получила свое начало наша вооруженная сила. Мнѣ думается, что, если бы первые руководители Ставки это поняли, то не только безъ противодѣйствія, но даже при помощи теперешнихъ фронтовыхъ сатраповъ, можно было добиться строго необходимой эволюціи; я увѣренъ, что несомнѣнная и яркая любовь къ родинѣ, столько разъ послѣдними доказанная, помогла бы имъ разстаться со многими удобствами своего положенія и самимъ войти и подчиненныхъ ввести въ рамки прочной и здоровой организаціи.

Труднѣе было съ тыловыми нарывами въ Читѣ и Хабаровскѣ, но тутъ нужно было идти на проломъ; я увѣренъ, что, если бы Адмиралъ передалъ все это дѣло на офиціальный судъ всѣхъ союзниковъ и показалъ бы всему свѣту, кого поддерживаютъ японцы, то послѣдніе отступились бы отъ своихъ темныхъ друзей, а тогда ничто не мѣшало бы уничтожить эти помойныя ямы.

Трудно себѣ представить, какіе блестящіе результаты дала бы такая дезинфекція; какъ бы она усилила и укрѣпила Омскую власть; трудно себѣ представить насколько бы улучшилось наше военное положеніе, если бы у насъ не было Читинской пробки, Забайкальскихъ и Хабаровскихъ застѣнковъ и насилій. Быть можетъ, тогда и Хорвату удалось бы кое-что сдѣлать на Дальнемъ Востокѣ. При здоровомъ Дальнемъ Востокѣ онъ былъ бы источникомъ силы и пополненій, а не источникомъ смуты, опасеній и вѣчныхъ тревогъ.

Омскъ не смогъ оцѣнить всей грозности Читинскаго нарыва. Наткнувшись на японскіе штыки, услужливо выставленные у Верхнеудинска, чтобы спасти своего компаньона и русскаго измѣнника и бунтовщика отъ законной кары, Адмиралъ не имѣлъ права на этомъ остановиться; онъ долженъ былъ показать читинскому казачишкѣ и японскому прихвостню, что онъ не тотъ адмиралъ Колчакъ, что сидѣлъ въ Харбинѣ, а что онъ Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующій.

Верховная власть должна была или разгромить бунтовщика, или сама погибнуть. Адмиралъ обязанъ былъ аппелировать къ представителямъ всѣхъ союзниковъ и выявить имъ невозможность существованія власти, разъ японцы прикрываютъ явный бунтъ и не даютъ центральной власти съ нимъ расправиться.

Пригрѣтая японцами моська вообразила, что она сильна и можетъ лаять на слона; слону же надо было доказать, что моська есть только моська и что лаять ей не полагается, а за допущенный лай слѣдуетъ соотвѣтственная кара. Это не сдѣлали и этимъ обрекли себя на нескончаемый рядъ бѣдъ и несчастій.

Пойди Адмиралъ на проломъ, ему ничего не стоило доказать союзникамъ, что за японской защитой Семенова кроются самые низменные и порочащіе японскую честь интересы; что японскіе совѣтники Семенова получаютъ отъ него отнятые у арміи вагоны и на этомъ наживаются; что за японскую помощь Чита расплачивается обѣщаніемъ разныхъ концессій и пр. и пр.

Совѣтъ Министровъ далъ мнѣ возможность познакомиться съ размахомъ государственной дѣятельности нашей власти и ея результатами. Та же дряблость, то же отсутствіе опредѣленной дѣловой программы и то же безсиліе заставить выполнить свою волю; кромѣ того, скверно было то, что власть оказалась, если можно такъ выразиться, неглубокой; она сидѣла далеко отъ населенія, не приносила ему никакой реальной пользы, не базировалась на коренномъ, кондовомъ населеніи Сибири; она не улучшила условій его жизни и не удовлетворила его насущныхъ нуждъ; она оказалась безсильной оградить его отъ злоупотребленій и насилій своихъ мѣстныхъ агентовъ; вмѣсто ожидаемаго благодѣтеля и цѣлителя она оказалась чудовищемъ, возлагавшимъ на измотанное общей разрухой населеніе новыя тяготы и старые, ненавистные скорпіоны.

Сибирское коренное населеніе оригинально, по сибирски, консервативное, а по достатку весьма и весьма буржуазное, не могло не поддержать власть, если бы она пришла сильной, твердой, для всѣхъ справедливой защитницей отъ разныхъ напастей. Но такой власти не пришло.

Когда власти надо было быть сильной, чтобы оградить населеніе отъ насилій, то оно ея не видало, и только напрасно взывало о заступничествѣ и покараніи виновныхъ; когда населеніе хотѣло власти энергичной, распорядительной и заботливой, оно ее не имѣло.

Мѣстные агенты власти, т. е. тѣ, по чьей дѣятельности населеніе судитъ о самой власти, оказались въ большинствѣ случаевъ очень плохими, преслѣдовавшими личные интересы и заставившими заныть старыя обывательскія раны и мозоли, разбудить скверныя воспоминанія прошлаго; они только усугубили и углубили то недовѣріе, а временами ненависть, которыя такъ свойственны нашимъ темнымъ массамъ по отношенію къ власти вообще.

А, между тѣмъ, работали и работаютъ усердно; Омскія министерства и ихъ безчисленные департаменты выбрасываютъ тучи законопроектовъ и распоряженій, требуютъ донесеній, вѣдомостей, статистики и всего прочаго, что полагалось благопристойному россійскому министерству или департаменту. Все это взгромоздилось во всероссійскій масштабъ, распухло въ революціонныхъ пропорціяхъ и впитало въ себя большую часть немногочисленныхъ въ Сибири спеціалистовъ работниковъ. Въ министерствѣ земледѣлія у насъ, напр., 17 департаментовъ и отдѣловъ, причемъ есть отдѣльные департаменты охоты и рыбной ловли; тамъ, гдѣ прежде отлично справлялся одинъ чиновникъ, теперь сидятъ и не справляются три-четыре, а то и больше; вмѣсто писца или одной машинки, сидятъ многочисленная стайка машинистокъ.

Зато на низшихъ мѣстныхъ должностяхъ, тамъ, гдѣ обслуживаются ближайшія нужды населенія, ощущается острый недостатокъ работниковъ; мелкія повседневныя нужды обывателя забыты или плохо обслужены; это и вызываетъ острое негодованіе и глухую злобу населенія къ далекому и никчемушнему Омскому чудовищу, которое «обло, озорно, стозѣвно, лаяй и искій кого бы поглотити», сидитъ гдѣ-то на берегахъ Иртыша и ничего, кромѣ непріятностей, не приноситъ.

Власть должна была быть сильной и ею не была; она должна была быть глубокой, т. е. близкой, полезной и нужной населенію — этого и въ поминѣ не было.

Наши молодые министры, съ серьезнымъ революціоннымъ, но очень легкимъ практическимъ багажемъ, забыли про то, что революція и большевизмъ разрушили всѣ скрѣпы стараго государственнаго аппарата и разгромили многое внизу. Они воздвигли во всемъ ихъ величіи дубликаты Петроградскихъ Министерствъ, и въ нихъ заблудились и погибли для живого дѣла возрожденія и возстановленія.

Вся работа шла и идетъ на верхахъ, на фронтонахъ Министерствъ и на лѣпныхъ украшеніяхъ департаментовъ, а про сѣрые фундаменты и темные подвалы, про разныя мелкія скрѣпы и перекладинки забыли.

Высокіе ранги министерскихъ должностей привлекли къ себѣ всѣ самолюбія; большинство должностей IV и V класса, т. е. то, достиженіе чего являлось когда-то недосягаемой мечтой мелкаго чиновничества.

Власть должна была быть честной и кристально-чистой, ибо это требовалось, какъ никогда, условіями ея зарожденія; высшіе агенты власти должны были показать, что они стали на свои посты ради идеи и подвига, а не достиженія какихъ-либо личныхъ выгодъ,

Нужно было быть сугубо осторожными, чтобы не дать матерьяла для сплетенъ, навѣтовъ и обычныхъ обывательскихъ обвиненій въ непотизмѣ, взяточничествѣ, казнокрадствѣ, попустительствѣ и матерьяльныхъ связяхъ съ поставщиками, коммерсантами, спекулянтами и пр. и пр.

Вмѣсто этого мы имѣли дѣло Зефирова, дѣло Омскаго Промышленнаго Комитета, дѣятельность разныхъ агентовъ Министерства Снабженій, дѣятельность нашихъ агентовъ по заграничнымъ заказамъ, раздачу Хорватомъ казенныхъ земель, избавленіе отъ призыва и укрывательство богатыхъ и вліятельныхъ сыновъ и племянниковъ, продажу вагоновъ и пр. и пр.

Все это раздувалось, размазывалось и обдавало липкой и вонючей грязью верхи управленія, не разбирая виноватыхъ и невиноватыхъ. Избѣжать этого, при нашихъ россійскихъ обычаяхъ, было, конечно, нельзя, но уменьшить основательность и правдоподобность обвиненій слѣдовало до послѣдней степени.

Въ результатѣ Омскій переворотъ далъ Сибири власть дряблую и безсильную, выливщуюся въ узкія Омскія формы и непопулярную, неспособную дать населенію законъ, порядокъ и замѣтное улучшеніе тяжелыхъ условій его жизни. Такой власти оказалось не по плечу подняться на высоту предъявляемой ей жизнью задачи и сдѣлать что-нибудь прочное и дѣйствѐнное въ возсозданіи разрушенной Государственности въ улучшенныхъ, разумныхъ и обновленныхъ формахъ человѣческаго, общественнаго и государственнаго сожительства.

Власть оказалась только формой безъ содержанія; министерства можно сравнить съ огромными и внушительными по виду мельницами, озабоченно и быстро машущими своими крыльями, но безъ жернововъ внутри и съ попорченными и недостающими частями главнаго рабочаго механизма.

Возможно ли теперь поправиться? Думаю, что уже поздно, ибо слишкомъ много времени потеряно и слишкомъ много напорчено. Даже если бы обстановка не была такой грозной и почти безнадежной, то и тогда едва ли возможно было бы вернуть довѣріе населенія и привлечь его на свою сторону. Сейчасъ я не представляю себѣ даже, какія реформы надо было бы осуществить, чтобы поправить положеніе; вѣдь мало того, что мы потеряли безплодно цѣлый годъ; мы успѣли обмануть всѣ надежды населенія и привести его къ заключенію, «что наши, что красные — все равно сволочь»; вѣдь населеніе привѣтствовало насъ лѣтомъ 1918 года не потому, что мы были носителями извѣстной идеи и не потому, что оно жаждало возвращенія чего-то стараго, а потому, что зажиточнымъ и самостоятельнымъ сибирякамъ осточертѣлъ каторжно-разбойный по сущности, а коммунистическій по названію режимъ совдеповъ, комбѣдовъ и комиссаровъ.

По неорганизованности и осторожности сами сибиряки не собирались свергать насѣвшіе на нихъ совдепы, но, когда сіе случилось, то они очень обрадовались, рукоплескали, пѣли молебны, заявляли о преданности, жертвовали старое, рваное бѣлье и ждали отъ новаго барина великихъ благъ, благорастворенія воздуховъ и молочныхъ рѣкъ въ кисельныхъ берегахъ; при этомъ, конечно, полное избавленіе отъ всякихъ «обязанностей и непріятностей» и всевозможныхъ «иній».

Но всего этого не случилось, а кое въ чемъ вышло совсѣмъ наоборотъ, особенно по части атаманщины, которая для простого народа оказалась много хуже комиссарщины. Наступило разочарованіе самаго уксусно-кислаго сорта; чѣмъ дальше, тѣмъ злѣе становится обманутый въ своихъ шкурныхъ и животныхъ надеждахъ обыватель; тѣмъ свирѣпѣе честитъ и поноситъ новаго барина и тѣмъ охотнѣе начинаетъ потихоньку краснѣть, эсерить и подкапываться подъ этого самаго барина, сдѣлавшагося для него такимъ же ненавистнымъ, какимъ былъ когда-то свергнутый совдепъ.

Если мы сковырнемся, и опять на Сибирь навалятся красные совдепы или какая нибудь ихъ разновидность, то не будетъ ничего мудренаго въ томъ, что населеніе встрѣ-

титъ ихъ съ великимъ ликованіемъ, какъ избавителей, будетъ передъ ними лебезить и приспосабливаться, но, какъ только почуетъ ихъ тяжелую, кровью пахнущую лапу и испытаетъ ихъ аракчеевскій режимъ, то начнетъ ихъ ненавидѣть, ждать новаго избавителя и втайнѣ молиться объ его скорѣйшемъ появленіи.

Надо откровенно сознаться: мы обманули надежды обывателя и намъ вѣры нѣтъ, особенно словамъ.

Нужна дѣйствительность; нужно рѣзко, сочно и вкусно показать, что мы измѣнились и можемъ быть полезными для населенія. Но чтобы сдѣлать такое чудо, у насъ нѣтъ умѣнья, а, главное, нѣтъ людей; сейчасъ же, вѣроятно, нѣтъ уже и времени, ибо треснувшій фронтъ и воспаленный возстаніями тылъ не позволяютъ надѣяться на успѣхъ продолжительныхъ и широкихъ реформъ.

Особенно мнѣ жаль, что не умѣли использовать ту благопріятную обстановку, которая сложилась въ Августѣ 1918 года на Дальнемъ Востокѣ; тамъ была полная возможность создать и укрѣпить настоящую и прочную государственность въ твердыхъ, честныхъ и полезныхъ для населенія формахъ; это привлекло бы на сторону власти все здоровое населеніе и, при отсутствіи въ краѣ остроты рабочаго и земельнаго вопросовъ, давало всѣ шансы на успѣхъ; противъ пошла бы только довольно многочисленная каторжанская шпана и уголовно-хулиганскій элементъ городскихъ отбросовъ, но съ этимъ населеніе справилось бы собственными силами, если бы власть обезпечила ему организованную помощь и общее сохраненіе порядка.

Но злая судьба бросила на Дальній Востокъ дряблаго, бездѣйственнаго Хорвата и позволила развиться тамъ Читинскому и Хабаровскому гнойникамъ.

Вмѣсто закона, порядка и твердой власти населеніе Приамурья получило аракчеевско-полицейскій режимъ казачьяго держиморды Иванова-Ринова, карательные отряды, насилія Семенова и Калмыкова и вихлянье Хорвата, принесшаго въ край всѣ порядки и атмосферу своей Харбинской Хорватіи и ея сомнительныхъ дѣльцовъ.

Все это и на Дальнемъ Востокѣ привело къ тому, что мы и тамъ сидимъ сейчасъ у разбитаго корыта съ натопорщившимся противъ насъ и ненавидящимъ насъ населеніемъ, готовымъ промѣнять насъ на эсеровъ, большевиковъ, партизанъ и кого угодно, кто поможетъ имъ насъ сковырнуть.

Отчего оказалась такъ слаба Омская власть? виновата ли въ томъ самая структура власти или тѣ, кто взяли ее въ свои руки? Думаю, что главнымъ образомъ виноваты люди, оказавшіеся не по плечу той задачѣ, которую они на себя приняли.

Не малую роль въ выборѣ этихъ людей сыгралъ способъ зарожденія и утвержденія власти, какъ результата случайнаго политическаго переворота и побѣды Омска надъ уфимско-уральскими комбинаціями и директоріей.

Къ сожалѣнію, у меня не было времени для того, чтобы заняться подробнымъ изслѣдованіемъ причинъ, вызвавшихъ ноябрьскій переворотъ; повидимому, главной причиной было желаніе извѣстной группы лицъ попасть къ власти, свернувъ голову Директоріи; представителями этой группы и явилась затѣмъ Михайловская пятерка, выдвинувшая Адмирала на постъ Верховнаго Правителя и составившая затѣмъ его Верховный Совѣтъ, форменную олигархію, узурпировавшую de facto всю власть. Громкое и чистое отъ грязи и политики имя Адмирала было нужно для прикрытія всей этой специфически Омской махинаціи; несомнѣнно, что, выдвигая Адмирала на постъ Верховнаго Правителя, пятерка знала, что въ его лицѣ она получаетъ очень мягкое и послушное орудіе для осуществленія своихъ плановъ.

Характеръ и душа Адмирала настолько на лицо, что достаточно какой-нибудь недѣли общенія съ нимъ для того, чтобы знать его наизусть.

Это большой и больной ребенокъ, чистый идеалистъ, убѣжденный рабъ долга и служенія идеѣ и Россіи; несомнѣнный неврастеникъ, быстро вспыхивающій, чрезвычайно бурный и несдержанный въ проявленіи своего неудовольствія и гнѣва; въ этомъ отношеніи онъ впиталъ весьма несимпатичныя традиціи морского обихода, позволяющія высокимъ морскимъ чинамъ то, что у насъ въ арміи давнымъ давно отошло въ область преданій. Онъ всецѣло поглощенъ идеей служенія Россіи, спасенія ея отъ краснаго

гнета и возстановленія ея во всей силѣ и неприкосновенности территоріи; ради этой идеи его можно уговорить и подвинуть на все, что угодно; личныхъ интересовъ, личнаго честолюбія у него нѣтъ и въ этомъ отношеніи онъ кристально чистъ.

Онъ бурно ненавидитъ всякое беззаконіе и произволъ, но по несдержанности и порывистости характера самъ иногда неумышленно выходитъ изъ рамокъ закона и при этомъ преимущественно при попыткахъ поддержать этотъ самый законъ и всегда подъ чьимъ-нибудь постороннимъ вліяніемъ.

Жизни въ ея суровомъ, практическомъ осуществленіи онъ не знаетъ и живетъ миражами и навязанными идеями. Своихъ плановъ, своей системы, своей воли у него нѣтъ и въ этомъ отношеніи онъ мягкій воскъ, изъ котораго совѣтники и приближенные лѣпятъ что угодно, пользуясь тѣмъ, что достаточно облечь что-нибудь въ форму необходимости, вызываемой благомъ Россіи и пользой дѣла, чтобы имѣть обезпеченное согласіе Адмирала.

Отсутствіе твердыхъ взглядовъ и твердой воли порождаетъ почти-что ненормальную неустойчивость рѣшеній и вѣчное колебаніе общаго курса правительственной дѣятельности, дѣлающагося вслѣдствіе этого рабомъ разныхъ теченій, возникающихъ во властвующемъ надъ волею Адмирала кружкѣ лицъ.

Тяжело смотрѣть на Адмирала, когда неожиданно онъ наталкивается на коллизію разныхъ мнѣній и ему надо принять рѣшеніе; видно, что онъ боится не отвѣтственности рѣшенія, а принятія невѣрнаго, вреднаго для всепоглощающей его идеи рѣшенія. Своего анализа, своего твердаго критерія у него нѣтъ и это дѣлаетъ его безпомощной игрушкой въ рукахъ тѣхъ, которые пріобрѣли его довѣріе и овладѣли его волею.

Онъ избалованъ успѣхами и очень чувствителенъ къ неудачамъ и непріятностямъ; особенно болѣзненно реагируетъ на все, что становится на пути осуществленія главной задачи спасенія и возстановленія Россіи, причемъ, какъ и во всемъ, тутъ нѣтъ ничего личнаго, эгоистическаго, честолюбиваго. Мнѣ особенно часто приходилось заваливать его цѣлыми кучами самыхъ непріятныхъ и тревожныхъ докладовъ; сначала онъ вспыхивалъ, но быстро темнѣлъ, горбился, потухалъ и какъ-то сжимался подъ тяжестью неопровержимыхъ фактовъ; иногда гремѣлъ, грозилъ все испепелить и сломать всѣ препоны, просилъ совѣта и помощи, какъ все это сдѣлать, и трогалъ искренностью своего горя и переживаній.

Когда у меня было много непріятныхъ докладовъ, то я съ довольно тяжелымъ чувствомъ входилъ въ адмиральскій кабинетъ, зная, что мнѣ придется надолго вывести изъ душевнаго равновѣсія этого больного идеалиста. Если же приходилось докладывать что-нибудь пріятное, то Адмиралъ радовался, какъ ребенокъ, сверкалъ глазами и готовъ былъ всѣхъ облагодѣтельствовать.

Военнаго дѣла онъ не знаетъ совершенно, даже хуже, ибо схватилъ только общія мѣста и пріобрѣлъ кое-какія теоретическія свѣдѣнія, дающія видимость знанія, но крайне опасныя въ практическомъ примѣненіи. Въ этомъ отношеніи онъ настоящій морякъ того типа, десятки образцовъ котораго я видѣлъ во время своей Владивостокской службы; я зналъ многихъ адмираловъ, которые тѣсно соприкасались съ нашей сухопутной жизнью, и совершенно не знали основъ нашей организаціи; были такіе, которые знали очень хорошо разницу между іерархическими положеніями командира корпуса и начальника дивизіи (ибо это опредѣляло порядокъ отдачи визитовъ и число выстрѣловъ салюта), но имѣли очень смутное представленіе, что такое корпусъ и дивизія. Вообще, морская бѣлая кость смотрѣла на «армію» (огульное для насъ названіе), какъ на нѣчто низшее, и считала, что ей невмѣстно и не къ чему знать нашу организацію и основанія нашей службы и боевой работы.

Попавъ на высшій постъ Военнаго Командованія, Адмиралъ со свойственной ему подвижнической добросовѣстностью пытался получить непріобрѣтенныя раньше знанія, но попалъ на очень скверныхъ и недобросовѣстныхъ учителей, дававшихъ ему то, что нужно было для наставленія Адмирала въ желательномъ для нихъ духѣ.

Не думаю, чтобы они дѣлали это сознательно, ибо и сами учителя были очень малограмотны, сами знали только отвлеченныя теоріи и не имѣли должнаго практическаго опыта. Они не знали тѣхъ серьезныхъ практическихъ коэффиціентовъ, кои только и

опредѣляютъ боевое значеніе войскъ, и не смогли передать поэтому этого знанія и Адмиралу. На наше горе эти учителя не были даже третьестепенными подмастерьями своего ремесла, и это сыграло самую роковую роль во всей исторіи перваго года нашего Верховнаго Командованія.

На свой постъ Адмиралъ смотритъ, какъ на тяжелый крестъ и великій подвигъ, посланный ему свыше, и мнѣ думается, что едва ли есть еще на Руси другой человѣкъ, который такъ безкорыстно, искренно, убѣжденно, проникновенно и рыцарски служитъ идеѣ возстановленія единой, великой и недѣлимой Россіи. Истинный рыцарь подвига, ничего себѣ не ищущій и готовый всѣмъ пожертвовать, безвольный, безсистемный и безпамятливый; дѣтски и благородно довѣрчивый, вѣчно мятущійся въ поискахъ лучшихъ рѣшеній и спасительныхъ средствъ; вѣчно обманывающійся и обманываемый, обуреваемый жаждой личнаго труда, примѣра и самопожертвованія; непонимающій совершенно обстановки и неспособный въ ней разобраться; далекій отъ того, что вокругъ него и его именемъ совершается — вотъ бѣглый перечень отличительныхъ чертъ характера того человѣка, на которомъ скоро уже годъ лежитъ тяжелый крестъ олицетворять и осуществлять временную Верховную Власть Россіи.

Къ этому человѣку нужны были крупныя поправки въ лицѣ его ближайшихъ помощниковъ по командованію арміей и по гражданскому управленію страной; нужно было чтобы на посты Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго и Предсѣдателя Совѣта Министровъ попали крупные, талантливые дѣловые люди, спеціалисты своего дѣла, способные справиться съ той великой задачей, которая возлагалась на нихъ ихъ положеніемъ; они должны были прикрыть, сгладить, умѣрить и парализовать всѣ недостатки наличной Верховной Власти и направить всю силу духовнаго и душевнаго величія Адмирала на созидательную практическую работу. Своей системой имъ слѣдовало замѣнить безсистемность Адмирала; своими спеціальными знаніями восполнить его незнанія и непрактичность; своей волей подпереть колеблющуюся волю Верховнаго Правителя. Свою работу, свое творчество великое, спасительное и полезное они должны были провести, какъ работу и творчество самой Верховной Власти, и возвеличиться ея величіемъ.

Одновременно они обязаны были оградить Адмирала отъ нашептыванія и безотвѣтственныхъ вліяній; насколько я узналъ Адмирала, для сильныхъ людей это было вполнѣ возможно, въ особенности, если бы дѣйствительность сразу показала Адмиралу, какіе люди около него стоятъ.

На горе Россіи судьба вздвоила Адмирала самыми второстепенными ничтожествами, и это предрѣшило тотъ потокъ разныхъ бѣдъ, что сыпятся на насъ послѣдніе полгода.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ совершенно потухшій, бездѣятельный и ни на что уже негодный человѣкъ. Трудно даже понять, какъ можно было выдвинуть на такой исключительно важный и отвѣтственный постъ это дѣловое ничтожество, безцвѣтное, беззвучное, импотентное, ничѣмъ не интересующееся и только изображающее изъ себя нашего Предсѣдателя.

Омскъ все время кричитъ, что наличіе Вологодскаго является залогомъ демократической власти и довѣрія къ намъ всѣхъ союзныхъ демократій, и что уходъ его будетъ принятъ, какъ переходъ къ правой реакціи. Опять варіантъ сказки о голомъ королѣ; надо быть очень заинтересованнымъ въ сохраненіи этой демократической руины на посту Предсѣдателя Совѣта Министровъ или же быть очень скорбнымъ главой, чтобы вѣрить, что возглавленіе Правительства какимъ-то господиномъ Вологодскимъ можетъ имѣть хоть какое нибудь значеніе для страны и импонировать за границей.

Ясно, что управлявшей Омскомъ и Адмираломъ олигархіи выгодно было посадить на этотъ постъ столь безопаснаго по своей дряблости человѣка; она же и старалась раздуть его демократическое значеніе, пользуясь для этого всѣмъ аппаратомъ комитета по дѣламъ печати и платныхъ Р. Т. А. и газетъ.

Я увѣренъ, что $^4/_5$ населенія Сибири даже и понятія не имѣютъ, кто такой Вологодскій; та-же $^1/_5$, которая знаетъ это изъ газетъ и интересуется политикой, была бы очень обрадована любой перемѣной въ составѣ Правительства, такъ какъ это давало бы на-

дежду на лучшія времена (конечно, если бы это не было назначеніемъ министрами Семенова, Калмыкова, Иванова-Ринова, и т. п.).

Даже армія, которую всячески пытаются освѣдомлять, и на которую часто кивають головой, какъ на извѣстный регуляторъ правительственныхъ настроеній, совершенно равнодушна и безразлична къ тому, кто въ Омскѣ предсѣдательствуетъ въ Совѣтѣ Министровъ. Но и она, въ той части, которая интересуется политикой, несомнѣнно возликовала бы удаленію и Вологодскаго и всѣхъ его сотрудниковъ, какъ ликовала удаленію Михайлова.

Что касается союзниковъ и заграницы, то казалось бы, что двухлѣтній періодъ всевозможныхъ переворотовъ и нарожденія, и смерти разноцвѣтныхъ временныхъ и иныхъ правительствъ долженъ былъ пріучить заграницу къ русскимъ неожиданностямъ. Ноябрьскій переворотъ, выдвинувшій къ власти нынѣшнее правительство, достаточно убѣдительно показалъ, какъ мало считаются союзники съ тѣмъ, кто стоитъ у насъ у власти.

Сверженіе наидемократичнѣйшей директоріи съ ея дѣйствительно извѣстными заграницѣ революціонно-демократичными столпами и появленіе выдвинутаго военнымъ возстаніемъ правительства Адмирала должны были вызвать извѣстныя опасенія у тѣхъ союзниковъ, которымъ была нужна демократичность нашего курса, но этого не произошло и земля подъ нами отъ этого не провалилась; не шелохнется она и тогда, когда уйдетъ Вологодскій.

Вѣдь, вся оцѣнка Правительственной дѣятельности основывается не на томъ, кто Предсѣдатель Совѣта Министровъ, а на практическихъ результатахъ работы всего правительственнаго аппарата. Что толку въ томъ, что почти годъ мы держимъ демократичнаго Вологодскаго, а на насъ всѣхъ собакъ повѣсили, упрекая въ реакціонности.

Для истинной демократичности нужны здоровыя талантливыя головы и умѣнье оцѣнить и удовлетворить разумныя и законныя требованія и насущныя нужды народа, а не старыя, выдохшіяся демократическія реликвіи, годныя только для сдачи въ архивъ.

Изъ остальныхъ членовъ кабинета настоящимъ министромъ является только одинъ Уструговъ, знающій свое дѣло, кипучій, энергичный, привыкшій и умѣющій работать въ настоящемъ государственномъ масштабѣ; за это его терпѣть не могутъ въ Совѣтѣ Министровъ, а между тѣмъ, если бы всѣ коллеги обладали бы половиной дѣловитости, энергіи и знаній Устругова, то весьма вѣроятно, что мы не сидѣли бы сейчасъ у разбитаго корыта.

Во главѣ остальной компаніи долго и крѣпко стоялъ негласный руководитель и повелитель правительства, финансовый вундеркиндъ и одинъ изъ главныхъ организаторовъ Ноябрьскаго переворота И. А. Михайловъ.

Непонятно, какія политическія махинаціи и внутреннія соображенія не позволили выдвинуть его самого на постъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, гдѣ онъ былъ бы несравненно болѣе на мѣстѣ, чѣмъ въ роли Министра Финансовъ и подпольнаго руководителя правительственной дѣятельности.

Что онъ ничего не понимаетъ въ финансахъ, онъ показалъ это на идіотской реформѣ изъятія изъ обращенія керенокъ, проведенной очень рѣшительно, но обнаружившей полную безграмотность главы финансоваго вѣдомства — теоретическую, практическую, и по части знанія и пониманія наличной обстановки.

Выброшенный революціонной волной на постъ руководителя финансовой политики разрушеннаго Россійскаго Государства въ тягчайшія минуты его историческаго бытія, онъ принесъ съ собою самонадѣянность, молодую смѣлость, огромное честолюбіе и властолюбіе и минимумъ глубокихъ финансовыхъ знаній, не пріобрѣтаемыхъ чтеніемъ университетскихъ книжекъ, а даваемыхъ долгой и обширной практической дѣятельностью.

Полновластный хозяинъ Совѣта Министровъ и Совѣта Верховнаго Правителя, онъ не имѣлъ надъ собой контроля; подъ впечатлѣніемъ минутной и случайной идеи напортить большевикамъ изъятіемъ изъ обращенія керенокъ, онъ, не встрѣтивъ ничьего сопротивленія, небывало скоропалительнымъ темпомъ провелъ эту гибельную для насъ реформу и однимъ ударомъ свалилъ все наше денежное обращеніе въ бездну финансовой катастрофы,

нанеся намъ такой ударъ, послѣдствія котораго во всей ихъ совокупности трудно даже предусмотрѣть.

Хлесткая, непродуманная, непровѣренная мыслишка подкузьмить красныхъ девальваціей керенокъ, на которыхъ, какъ думалъ нашъ финансовый геній, базировалось денежное обращеніе красныхъ армій, была подхвачена льстивой толпой сателитовъ, какъ нѣчто сверхъ-геніальное, и проведена подъ шопотъ восторговъ и похвалъ ея творцу (при этомъ, какъ я убѣдился, при утвержденіи счетовъ комитета по дѣламъ печати, на газетную пропаганду и славословіе этого проекта было истрачено сто тысячъ рублей, — тогда еще настоящихъ, не погубленныхъ этимъ самымъ проектомъ).

Протесты дальневосточныхъ биржевыхъ комитетовъ были спрятаны подъ сукно; въ Омскѣ же и въ Совѣтѣ Министровъ не нашлось никого, кто бы заоралъ: «караулъ, что вы дѣлаете и куда идете?»

Капитальнѣйшая реформа денежнаго обращенія въ такихъ размѣрахъ, передъ которыми останавливались Вышнеградскій, Витте и Коковцевъ, была проведена въ нѣсколько дней.

Послѣ этой реформы дѣятельность геніальнаго финансиста свелась къ печатанію денежныхъ сигнатурокъ самаго примитивнаго образца и къ командованію въ Совѣтѣ Верховнаго Правителя.

Не хватило даже умѣнья наладить печатанье приличныхъ денегъ и возстановить возможность статьи государственныхъ доходовъ помощью введенія подоходнаго налога и сверхналога, печатанія игральныхъ картъ, измѣненія пошлинныхъ ставокъ, всемѣрнаго использованія естественныхъ богатствъ Сибири и пр. и пр.

Для такихъ серьезныхъ, но малохлесткихъ и нерекламныхъ пустяковъ не было ни знаній, ни опыта, да и времени не хватало среди всѣхъ заботъ и треволненій Омской политической борьбы и личныхъ удовольствій.

Онъ ушелъ, выдавленный изъ Совѣта Министровъ накопившимся постепенно вокругъ его фигуры негодованіемъ, но своей дѣятельностью принесъ столько зла, что результаты его будутъ долго тяготѣть надъ Россіей.

Слѣдующимъ по своей вредоносной дѣятельности идетъ дипломатическій вундеркиндъ И. И. Сукинъ, уцѣлѣвшій въ составѣ совѣта Министровъ совершенно непонятнымъ образомъ, ибо то, что было продѣлано имъ съ протоколомъ желѣзнодорожнаго совѣщанія, исключало всякую возможность оставленія его даже на должности отвѣтственнаго сторожа при Министерствѣ.

Судьба, какъ на зло, забросила въ Омскъ этого маленькаго дипломатическаго чиновника и быстро возвела его на постъ руководителя внѣшнихъ судебъ Россіи.

Онъ природно не глупъ, хорошо говоритъ, искусно распредѣляетъ и умѣло подаетъ имѣющійся у него матерьялъ; честолюбивъ и надменно важенъ, копируя, очевидно, какой-нибудь рѣдкій дипломатическій образецъ. Онъ овладѣлъ довѣріемъ Адмирала, позналъ всѣ его слабости и любимые коньки и на этомъ основалъ свою силу и свое вліяніе; онъ ведетъ довѣрчиваго Адмирала на буксирѣ громкихъ фразъ, ослѣпительныхъ дипломатическихъ побѣдъ, великолѣпныхъ, но неосуществимыхъ проектовъ; онъ безпрепятственно и упорно проводитъ свою программу, являясь типичнымъ саженцемъ нашихъ дипломатическихъ парниковъ съ ихъ промозглыми традиціями, заискиваніемъ передъ иностранцами и забвеніемъ русскихъ интересовъ.

Союзные представители учли его слабыя и смѣшныя стороны, и очень ловко водятъ его за его дипломатическій носъ, кормя разными обѣщаніями, о которыхъ онъ побѣдоносно сообщаетъ, но изъ которыхъ, кажется, ни одно до сихъ поръ не исполнено.

Онъ импонируетъ Адмиралу своимъ умѣньемъ рядить все въ доспѣхи Великой Россіи. Вообще же въ этомъ министерствѣ (какъ и въ другихъ за исключеніемъ Министерства Путей Сообщенія и нѣкоторыхъ Главныхъ Управленій) идетъ своего рода любительскій спектакль на дипломатическія темы со всей соотвѣтствующей обстановкой, но съ самымъ скверными составомъ любителей.

По внѣшности все очень прилично и дѣловито, а внутри пустота и ничтожные результаты.

Мы пытались гремѣть, играли въ великіе дипломаты, конспирировали, вели дипломатическія мины и контръ-мины, жаждали, по примѣру отцовъ и дѣдовъ, дипломатическихъ побѣдъ — доказательства геніальности юнаго министрика, вмѣсто того, чтобы честно, открыто и опредѣленно, не скрывая болѣзней и язвъ, сказать, что мы есть, что намъ нужно и безъ чего мы не въ состояніи выполнить принятую на себя задачу. То, что дѣлали съ нами все это время союзники, было верхомъ близорукости, неразсчетливости и результатомъ какого-то сложнаго дипломатическаго тумана.

Намъ нужно было поменьше вихлястой дипломатіи, съ ея лозунгомъ, что языкъ данъ для того, чтобы скрывать правду, но побольше дѣловой работы, способной дать признаніе и опредѣленную помощь на опредѣленныхъ условіяхъ.

Вмѣсто игры въ дипломаты и разныхъ талейрановскихъ фиглей-миглей, недоговорокъ и растушовокъ, Омскій министръ иностранныхъ дѣлъ обязанъ былъ сказать союзникамъ: «мы больны и очень больны, но эта болѣзнь угрожаетъ и Вамъ; своихъ средствъ избавиться у насъ нѣтъ; но насъ надо лечить, лечить скоро и рѣшительно; это ваше дѣло и въ этомъ вашъ интересъ; средства нужны такія то, тогда-то, но сами мы ихъ достать не можемъ, а потому, если вы искренно хотите намъ помочь, то не медлите и дайте то, что намъ нужно; скажите, что это будетъ стоить и на какихъ условіяхъ расплаты?»

Вмѣсто дипломатіи нужно было высунуть больной языкъ, обнажить всѣ язвы и выложить карты на столъ. Съ точки зрѣнія дипломатическихъ доктринъ это была бы недопустимая дипломатія, но съ точки зрѣнія практики и здраваго смысла единственная возможная.

Вмѣсто этого, мы важно хохлились, то рядясь во всероссійское званіе, то принимая какія-то невыясненныя подаянія съ видомъ опустившагося интеллигента, дѣлающаго этимъ одолженіе дающему; язвы и болѣзни скрывали, тяжелой правды не говорили. Вмѣсто ясности получился туманъ; вмѣсто признанія — какое-то нелѣпое персидское положеніе; вмѣсто систематической и налаженной помощи — рядъ подачекъ отъ заморскихъ дядюшекъ, даваемыхъ какъ-то обидно, а иногда и со спускомъ намъ всякаго стараго хлама.

Остальные члены кабинета сѣрыя, безцвѣтныя, безобидныя, по своему добросовѣстныя фигурки совершенно негосударственнаго масштаба; они усердно засѣдали, старались что-то сдѣлать, раздули кадило на всероссійскій размахъ, но не справились съ узкими задачами Омскаго Градоначальничества. Активнаго вреда они не принесли, грязнаго и порочащаго власть сами не дѣлали, но оказались пигмеями передъ грозными требованіями даннаго историческаго часа русской жизни.

Исключительная обстановка требовала исключительныхъ людей, а не добросовѣстныхъ дѣлопроизводителей и усердныхъ просиживателей министерскихъ креселъ; нужны были кипучіе люди, энергичные, нешаблонные реформаторы и организаторы, способные на настоящее творчество, на созданіе новыхъ и разумныхъ формъ и новыхъ здоровыхъ порядковъ; нужны были таланты, способные понять, что произошло на русской землѣ, и какъ надо строить новую жизнь, отвергнувъ старыя и новыя скверны и сохранивъ все здоровое и разумное, что было въ старомъ и чему научило новое.

Что толку въ томъ, что въ многоэтажныхъ и густонаселенныхъ министерствахъ сидѣли ихъ исправные и старательные шефы, подписывали, предписывали, принимали доклады и докладывали; добросовѣстно высиживали долгіе часы во всевозможныхъ комиссіяхъ, совѣтахъ, комитетахъ и засѣданіяхъ, блюли за тѣмъ, чтобы министерскія мельницы не стояли безъ работы и махали своими внушительными по внѣшности крыльями . . . Все это было бы сносно въ нормальной и спокойной обстановкѣ; теперь же привело къ разбитому корыту.

Жизни мы не поймали; ея требованій не поняли и не уловили. Жизнь ушла отъ насъ и стала искать болѣе примитивныхъ, но реальныхъ осуществленій.

Получилось не созданіе государственности, а ея опрощеніе. Старыми прокислыми дрожжами пытались поднять новое тѣсто иной закваски и находимся теперь у порога банкротства.

Мы возстановили всѣ министерства, со всѣми ихъ деталями и закоулками, но не возстановили власти, не возстановили ея дѣйственности и ея моральнаго и физическаго воздѣйствія на населеніе; хотѣли создать органы высшаго, да еще всероссійскаго масштаба, а получили второсортныя омскія магистратуры, забывшія въ своемъ дутомъ величіи о черной землѣ и ея сѣрыхъ нуждахъ.

Если бы съ лѣта 1918 года всѣ наши многочисленныя министерства и управленія выработали себѣ узкія, дѣловыя, чисто мѣстныя программы и начали на мѣстахъ сѣрую и будничную, но видную и полезную для населенія работу, то настроеніе и состояніе тыла навѣрно было бы инымъ, чѣмъ теперь.

Одно изъ важнѣйшихъ для населенія Министерствъ это Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, а что оно дало странѣ? Отрыжки стараго режима, отряды особаго назначенія и показательную неспособность поддержать порядокъ и охранить законопослушное населеніе отъ насилій и справа и слѣва.

Другое, важное для арміи и страны, Министерство Продовольствія и Снабженія, по названію и правамъ всесильный продовольственный диктаторъ, а на дѣлѣ хромающее на всѣ ноги бюрократическое учрежденіе, имѣющее цѣлую армію служащихъ, но неспособное даже частично справиться съ возложенными на него задачами. Неудачная его дѣятельность оставила армію безъ снабженій и обозлила населеніе; присосавшіеся къ нему темные дѣльцы вызвали массу обвиненій въ казнокрадствѣ, взяточничествѣ, пегласныхъ подрядахъ, дутыхъ цѣнахъ и спекуляціи. То, что я видѣлъ во Владивостокѣ весной 19 года и въ Екатеринбургѣ и тѣ мелкіе факты, которые доходили до моего свѣдѣнія не позволяютъ сомнѣваться, что часть обвиненій была вполнѣ справедливой.

Неклютинъ несомнѣнно хотѣлъ ввести въ этомъ Министерствѣ иные порядки, но это было не по плечу этому полному благихъ намѣреній отпрыску модернизованнаго купечества, но министру по недоразумѣнію.

Суетливая, сумбурная, а мѣстами подозрительно грязная дѣятельность многочисленныхъ органовъ этого черепашьяго министерства отшатнула отъ него всю крупную торговлю и промышленность.

Неклютинъ пытается это поправить, но сейчасъ уже поздно. Въ результатѣ живемъ запасами текущаго дня и всякая задержка желѣзнодорожнаго транспорта или неисправность мѣстнаго агента создаетъ кризисы. Тогда начинается самая безшабашная реквизиція, отъ которой зеленѣетъ обыватель и шалѣетъ здоровая торговля и промышленность.

Права у этого Министерства диктаторскія и разговаривать не приходится, но потомъ все стонетъ, указывая, что отъ такой дѣятельности страдаютъ преимущественно приличные торговцы и промышленники, у которыхъ отнимаются послѣдніе запасы, да еще и по пониженнымъ цѣнамъ (равнымъ цѣнамъ неисполненной плановой заготовки, т. е. на нѣсколько мѣсяцевъ назадъ).

У Министерства не хватаетъ даже здраваго смысла расплачиваться по современнымъ цѣнамъ и хоть этимъ облегчить бремя реквизицій.

Вообще же, неудачная и гнилая организація этого архицентрализованнаго аппарата военнаго и гражданскаго снабженій принесла много вреда и гибельно отозвалась на странѣ и на арміи. Голодная и раздѣтая армія не выдержала тяжести испытаній Уральскаго отхода и скорѣе развалилась и перешла къ грабежу, а населеніе страны, ничѣмъ не снабжаемое и обираемое реквизиціями и конфискаціями, распухло отъ злости.

Военное Министерство въ отношеніи распуханія не отстало отъ другихъ, но это ему болѣе другихъ простительно, ибо на его долю выпала большая работа, а его дѣятельность имѣла характеръ и размѣры почти что всероссійскаго масштаба. Въ отношеніи личнаго состава положеніе его оказалось болѣе благопріятнымъ, такъ какъ ему посчастливилось собрать довольно порядочный кадръ старыхъ, опытныхъ работниковъ, среди которыхъ было немало лицъ, занимавшихъ отвѣтственныя должности въ дореволюціонныхъ Главныхъ Управленіяхъ Военнаго Министерства. При должномъ руководствѣ и при осуществленіи строгой дѣловой программы этотъ составъ можетъ дать продуктивную и систематизированную работу. Если ея не было до сихъ поръ, то въ

этомъ менѣе всего отвѣтственны чины Министерства; они дѣлали то, что отъ нихъ требовали; работали тѣмъ темпомъ, который былъ установленъ.

Военныхъ Министровъ прошло пока три: Степановъ, я и замѣнявшій временно насъ обоихъ Суринъ. Всѣ мы были слишкомъ добросовѣстны и недостаточно бурны для этого времени. Степановъ имѣлъ возможность сильно и благотворно вліять на адмирала и могъ повліять на всю дѣятельность Ставки, но уѣхалъ не во время въ дальневосточную командировку и далъ себя свалить.

Я тоже не подошелъ къ Омской обстановкѣ; здѣсь надо было больше бурности, больше вмѣшательства въ политику, больше дерзости и наскока съ одной стороны, но больше покладливости и умѣнія ходить и не прямыми путями съ другой.

Я увлекся своей работой, зарылся въ нее съ головой и видѣлъ только ее; за свое я боролся бурно и достигъ довольно сносныхъ результатовъ. Но за остальное, что я видѣлъ и за что болѣлъ и мучился, я боролся докладами, разговорами, напоминаніями и просьбами; это было мало и теперь, отойдя отъ дѣла, я это сознаю.

Надо было сразу начать гремѣть и или заставить себя слушать или сразу же уѣхать изъ Омска; привычная дисциплинированность и отсутствіе привычки мѣшаться активно не въ свое дѣло не позволили, очевидно, этого сдѣлать.

Затѣмъ надо было быть болѣе покладливымъ и проявить больше житейскаго умѣнія проводить то, что считалъ нужнымъ; быть можетъ, если бы я сумѣлъ больше сойтись съ такими кругами и лицами, которые, хотя мнѣ и претили, но были нужны для успѣха дѣла, то практическіе результаты принесли бы больше пользы, чѣмъ прямая, внѣ уступокъ и компромиссовъ, дѣятельность. Этого умѣнья не было у меня никогда, не было и въ Омскѣ. Быть можетъ, если бы я былъ менѣе рѣзокъ и сумѣлъ пожертвовать принципіальнымъ ради удовлетворенія чужихъ слабостей и интересовъ, то этимъ въ концѣ концовъ принесъ бы больше пользы для общаго дѣла.

Жалѣть объ этомъ поздно, но, при подведеніи общихъ итоговъ, подумать слѣдуетъ. Я былъ Военнымъ Министромъ, но я не былъ членомъ Правительства въ активномъ значеніи этого слова; теперь только вижу, что обстановка требовала послѣдняго; три четверти шансовъ за то, что ничего изъ этого не вышло бы, ибо я очень плохъ по части разныхъ приспосабливаній и слишкомъ неудержимъ въ проявленіи своихъ симпатій и антипатій (не личныхъ, а служебныхъ).

Надо было быть болѣе честолюбивымъ, болѣе властолюбивымъ, болѣе бурнымъ, болѣе политиканомъ и менѣе увлекаться своей прямой работой. На дѣятельность Военнаго Министерства навѣшали цѣлыя стаи собакъ, но едва ли справедливо; могу свидѣтельствовать объ этомъ, какъ посторонній человѣкъ, ибо мое пребываніе въ этомъ Министерствѣ совпало съ его разгромомъ и съ періодомъ работы въ полупараличномъ, катастрофическомъ положеніи.

Принятое мною Военное Министерство представляло весьма удовлетворительно налаженный аппаратъ для исполненія любой работы въ предѣлахъ и объемѣ его вѣдѣнія. Помощникъ Военнаго Министра по части снабженій генералъ Суринъ выполнилъ огромную организаціонную и исполнительную работу, и не его вина, что она не дала тѣхъ благихъ результатовъ, какъ то слѣдовало. Главныя Управленія сдѣлали очень много, чтобы разобраться въ общей обстановкѣ и положить начало серьезной возстановительной работѣ.

Несомнѣнно, что было много корявостей и ошибокъ; были тѣ же распухнувшіе штаты, ослабленіе работоспособности, нарожденіе разныхъ экзотическихъ учрежденій и привѣсковъ, заоблачность, непрактичность и никчемушность извѣстной части работы, неумѣніе оторваться отъ старой плѣсени и начать думать и дѣйствовать сообразно новой, совершенно оригинальной обстановкѣ.

Но все это возможно поправить, ибо въ личномъ составѣ министерства много работниковъ стараго закала, и ихъ очень легко направить на новый курсъ, которому они принесутъ старую добросовѣстность и исполнительность. Это давало мнѣ право надѣяться на успѣхъ того, что я задумывалъ, но что мнѣ не удалось выполнить.

Если намъ удастся вывернуться, то моему преемнику предстоитъ широкое поле дѣятельности; конечно, только, если ему удастся выправить ненормальное положеніе нашего министерства и спасти его отъ разныхъ экспериментовъ, навѣваемыхъ Ставкой.

Совершенно не знаю, что такое Ханжинъ, какъ администраторъ; но онъ почти полгода былъ командующимъ западной арміей, знаетъ нужды фронта, знаетъ, какія жалобы предъявлялись и предъявляются къ тылу, такъ что ему очень нетрудно направить работу такъ, чтобы устранить всѣ такія жалобы.

Въ общемъ, настоящаго государственнаго строительства въ главныхъ его отдѣлахъ не было и вся огромная по размѣрамъ работа Омскихъ министерствъ не дала почти никакихъ результатовъ. Исписаны поѣзда бумаги, пролиты моря чернилъ и типографской краски, проявлены тысячи благихъ намѣреній, составлены сотни очень благопристойныхъ законовъ, но все это прошло мимо жизни и не разрѣшило тѣхъ будничныхъ сѣрыхъ, но существенно важныхъ вопросовъ, которые были поставлены намъ на разрѣшеніе.

Что же дѣлать сейчасъ? Пока всѣми мѣрами спасать армію; министерствамъ бросить немедленно Омскъ, откатиться подальше въ тылъ и на новомъ мѣстѣ отрѣшиться отъ Омскихъ ошибокъ и Омскаго размаха и начать настоящую работу по мелкому ремонту и возсозданію разрушенныхъ жизненныхъ частей государственнаго управленія, съ минимумомъ работы въ министерствахъ и максимумомъ на мѣстахъ, въ самой странѣ. Исполненіе безумно тяжело, быть можетъ, едва ли осуществимо, ибо пожаръ возстаній, охватившихъ почти всю населенную Сибирь, почти уничтожаетъ возможность работы среди населенія; всѣ возстанія сопровождаются истребленіемъ чиновниковъ, священниковъ, учителей и мелкой интеллигенціи; очевидно, новый красный принципъ «бей непокорнаго интеллигента и щади по возможности покладливаго буржуя» проводится достаточно послѣдовательно.

По военной части судьба послала Адмиралу помощника въ лицѣ стратегическаго младенца генерала Лебедева. Въ сказкахъ феи приносили къ колыбели новорожденныхъ принцевъ и принцессъ разные подарки — счастливые и скверные. Какая-то злобная къ Адмиралу и къ Россіи фея принесла въ Сибирь этого погубителя (невольнаго, конечно) сибирской вооруженной силы, успѣвшаго за 10 мѣсяцевъ свести на нѣтъ всѣ успѣхи начала сибирскаго бѣлаго движенія и подвести насъ почти что къ военной катастрофѣ.

Рядовой оберъ-офицеръ Генеральнаго Штаба, оказавшійся не къ масти въ арміи Корнилова, не имѣвшій за собой ничего, кромѣ Георгіевскаго Креста, выскочилъ вдругъ въ полновластные распорядители той могучей вооруженной силы, которую выставила Сибирь для борьбы за освобожденіе Россіи отъ красныхъ тирановъ.

Безъ всякаго служебнаго стажа, ничѣмъ никогда не командовавшій, отбывшій наиболѣе безцвѣтныя въ генеральномъ штабѣ должности для порученій и негодный даже для должности начальника низшаго войскового штаба, онъ взялъ въ свои руки оперативное управленіе арміями и ихъ организацію.

Для обыкновеннаго революціоннаго времени это было бы нормально; тамъ берутъ то, что есть подъ рукой, какъ брали въ началѣ борьбы на должности командующихъ сибирской арміей Гришина-Алмазова, Иванова-Ринова и другихъ.

Но въ концѣ 1918 года борьба на Уральскомъ фронтѣ велась уже тремя арміями; числительность вооруженной силы подходила къ сотнямъ тысячъ; само верховное командованіе приняло всероссійскій титулъ. Все это требовало назначенія на должность Наштаверха такого лица, которое было бы способно оказаться на уровнѣ столь высокаго положенія.

Если не было подходящаго лица въ Сибири, то ничто не мѣшало снестись съ югомъ Россіи, гдѣ безъ дѣла сидѣли десятки генераловъ съ большимъ служебнымъ опытомъ. Да и въ Сибири былъ подъ рукой генералъ Флугъ, какъ нельзя болѣе подходившій къ такой отвѣтственной роли.

Конечно, переворотчики, родившіе Омскую власть, сами разбирали высокія вакансіи, и Лебедеву, какъ одному изъ участниковъ переворота, ничто не мѣшало взобраться на столь высокій постъ, считая вѣроятно, что если прапорщикъ Абрамъ Крыленко былъ краснымъ главковерхомъ, то отчего же подполковнику Лебедеву не сдѣлаться бѣлымъ Наштаверхомъ.

Но, что думали Вологодскій и серьевные Омскіе круги, которые обязаны были понимать, что все будущее поднятой борьбы зависитъ отъ того, въ чьи руки попадетъ руководство боевымъ фронтомъ и организаціей арміи и Ставки?

Вѣдь, всѣ понимали очень хорошо, что Адмиралъ военнаго дѣла не знаетъ и реальнымъ Верховнымъ Главнокомандующимъ быть не можетъ; должны были понимать, что такому Главнокомандующему нуженъ помощникъ и докладчикъ съ огромными знаніями и опытомъ въ дѣлѣ стратегическаго управленія крупными военными операціями и въ дѣлѣ организаціи всей вооруженной силы.

Что Лебедевъ взобрался на этотъ постъ, то это не удивительно; но то, что его допустили это сдѣлать, можетъ быть объяснено только обстановкой военнаго переворота.

Непонятно отношеніе союзниковъ къ факту пребыванія Лебедева на этомъ посту; ихъ военные представители отлично учитывали его негодность; генералъ Ноксъ отказывался «разговаривать съ этимъ мальчишкой». Зачѣмъ же было тогда помогать, разъ знали что то главное, что только и можетъ привести къ успѣшному концу, т. е. вооруженная сила находится въ рукахъ очень самонадѣяннаго, но военно безграмотнаго мальчишки, который съ наслажденіемъ изображаетъ полномочнаго Наштаверха, но неспособенъ выполнить и самой ничтожной части лежащихъ на этомъ званіи обязанностей.

На фронтѣ тоже сидѣли тогда разные вундеркинды, что особенно настоятельно требовало, чтобы на верхи военнаго управленія были поставлены настоящіе мастера своего дѣла.

Къ зимѣ 1918 года передъ Ставкой стояли грандіозныя задачи и отъ умѣлаго и успѣшнаго исполненія ихъ зависѣлъ весь успѣхъ операцій 1919 года, а съ нимъ и всей начатой борьбы. Надо было провести новую организацію фронта и ввести въ регулярныя рамки тотъ конгломератъ разныхъ войсковыхъ образованій, которыя родились въ первый повстанческій и неорганизованный періодъ борьбы.

Нужно было разработать полный планъ кампаніи 1919 года, разработать до послѣднихъ мелочей, какъ по части операцій и снабженій, такъ и самой тщательной подготовки всего тыла. Это требовало огромныхъ знаній, огромнаго опыта и умѣнья дѣлать такую отвѣтственную работу, которая и въ меньшихъ размѣрахъ была по плечу только лучшимъ офицерамъ Генеральнаго Штаба.

Ничего этого сдѣлано не было. Я видѣлъ жалкій докладъ, разбиравшій преимущества сѣвернаго и южнаго наступленій, и былъ пораженъ дѣтскостью его содержанія; въ былыя времена офицеръ Генеральнаго штаба не рискнулъ бы выступить съ такой работой, а если бы рискнулъ, то могъ поплатиться переводомъ изъ Генеральнаго Штаба.

Теперь разбирать и критиковать было некому; надо было только настрочить что-нибудь по внѣшности приличное для того, чтобы убѣдить Адмирала согласиться на выборъ рѣшительнаго наступленія нашимъ правымъ флангомъ на Казань и Вятку, это и сдѣлали съ дерзкимъ самомнѣніемъ молодежи, забравшейся наверхъ и увѣренной, что она все знаетъ и все можетъ.

Это и было все, что сдѣлали для разработки плана кампаніи, долженствовавшей рѣшить судьбы Россіи. Никто не побезпокоился взять въ руки самый элементарный учебникъ стратегіи и, хотя бы по оглавленію, провѣрить равсмотрѣно ли и сдѣлано ли то, что считается sine qua non всякой крупной стратегической операціи. Не нашлось никого, кто бы поставилъ вопросъ объ абсурдности выбора сѣвернаго направленія и доказалъ бы всю предвзятость, натянутость и неосновательность защищавшихъ это направленіе доводовъ. Не нашлось никого, кто нашелъ бы пути доложить Адмиралу невозможность вести войну такого размѣра безъ твердаго плана, въ равсчетѣ только на какую-то авоську; такъ воевать могли нѣсколько партизанскихъ отрядовъ, но продолжать такъ было преступно даже для корпуса, не говоря уже объ арміяхъ, въ которыхъ числили тогда до 400 тысячъ человѣкъ.

Случайный Пермскій успѣхъ безсовѣстно раздутый въ огромную побѣду и залившій его участниковъ дождемъ высокихъ наградъ, раздразнилъ ставочныя и фронтовыя самолюбія, и начался шалый полетъ къ Волгѣ, приведшій къ Уральской катастрофѣ и опредѣлившій всѣ остальныя неудачи и бѣдствія.

Это была не стратегія, не управленіе арміями, а нѣчто невообразимое по своей легкомысленности.

Красныхъ сбросили со счетовъ; о возможности ихъ новаго появленія на фронтѣ забыли (хотя знали, что у красныхъ въ центрѣ Россіи имѣются готовые резервы) и весь фронтъ, какъ ошалѣлый, понесся къ Волгѣ. Всѣ фронтовые полководцы намѣтили себѣ призы — Вятку, Казань, Симбирскъ и Самару и ни о чемъ больше не думали; еще менѣе думала Ставка и Лебедевъ о томъ, что составляло ихъ священный долгъ, а именно объ обезпеченіи шедшей операціи и о будущемъ.

Въ началѣ своего знакомства съ этимъ періодомъ войны я упрекалъ Гайду, Пепеляева и Ханжина за этотъ малый походъ, и только передъ уходомъ изъ Министерства нашелъ оставленныя Степановымъ въ ящикѣ стола копіи директивъ этого періода, даваемыхъ арміямъ Лебедевымъ.

Я остолбенѣлъ тогда, прочитавъ съ какимъ сумасшедшимъ упрямствомъ и повелительной настойчивостью Лебедевъ требовалъ отъ армій быстроты движенія впередъ и какія непосильныя онъ ставилъ задачи.

Для его практической безграмотности это было совершенно понятно; его оберъ-офицерскому горизонту не было дано видѣть, куда и на что онъ тащитъ вымотанныя зимнимъ походомъ арміи; отдавая свои хлесткія директивы, онъ даже не представлялъ себѣ, какъ это все осуществляется на самомъ дѣлѣ и какъ отзывается на войскахъ.

Онъ и его помощники швыряли по картѣ войсками и арміями съ такой же легкостью, какъ переставляли изображавшія ихъ булавки; все остальное было ниже ихъ юпитерскихъ горизонтовъ и должно было осуществляться тѣми, что сидѣли ниже ихъ. А такъ какъ сидѣвшіе были также малограмотны въ большомъ военномъ дѣлѣ, то и понятно къ чему все это привело.

О правильной организаціи арміи совершенно забыли, предоставивъ фронту развиваться и разрастаться совершенно автономно. Полки дѣлались самостоятельно дивизіями, дивизіи корпусами, корпуса — арміями, а Ставка все это принимала къ свѣдѣнію и утверждала. Развитіе организаціи, огромные штабы и тылы требовали людей и на фронтѣ начались мобилизаціи, объявляемыя всѣми, кто хотѣлъ; каша получилась несосвѣтимая, но никакихъ мѣръ по упорядоченію этого организаціоннаго и мобилизаціоннаго кабака принято не было, — Ставка считала, что это не ея дѣло. Все это и привело къ тому, что къ началу 1919 года фронтъ переполнился массами совершенно небоевого элемента и дошелъ до непомѣрной числительности въ 860 тысячъ ртовъ или, какъ ихъ называли, «ложекъ» (въ противопоставленіе штыкамъ). Что это былъ за элементъ, явствуетъ изъ того факта, что Сибирская армія, числившая въ іюнѣ 350 тысячъ ртовъ, отошла къ Тюмени въ составѣ 6 тысячъ штыковъ.

Для ставочныхъ юпитеровъ правильная организація была парой пустяковъ; только полевой инспекторъ артиллеріи понималъ, что такое организація, и выполнилъ колоссальную организаціонную работу, дающую возможность справляться до сихъ поръ со всѣми катастрофами и потерями и поддерживать артиллерію въ весьма сносномъ состояніи. Работа Прибыловича — это работа настоящаго мастера своего дѣла и талантливаго организатора, вполнѣ достойнаго того высокаго поста, который онъ занимаетъ.

Формированіе резервныхъ частей было поручено профанамъ и очковтирателямъ, провалившимся преимущественно на боевомъ фронтѣ; они пытались возстановить свое реноме и широко развили тѣ пріемы, которые всегда были у насъ въ такомъ ходу и заключались въ умѣньи обмануть начальство и блеснуть внѣшностью; спрятавъ и замазавъ всѣ внутренніе недостатки. Вмѣсто полевого обученія и внутренней дисциплины блистали опереточными формами, оркестрами музыки и натаскиваніемъ частей въ церемоніальномъ маршѣ.

Все било на эффектъ и на быструю отмѣну. Правда была не въ ходу. Когда командиръ одного изъ корпусовъ, генералъ Сукинъ, захотѣлъ заставить обратить вниманіе верховъ на отвратительное снабженіе фронтовыхъ частей и вывелъ почетный караулъ для встрѣчи Адмирала безъ штановъ, т. е. въ томъ видѣ, въ которомъ ходили всѣ солдаты корпуса, то его отрѣшили отъ командованія и все время держали потомъ въ немилости.

Процвѣтали за то конвой начальствующихъ лицъ, ставочныя и штабныя роты и сотни, разныя техническія команды и тыловыя учрежденія.

Общее безсиліе Омской власти распространялось и на фронтъ. Зимніе успѣхи распоясали суровую дисциплину перваго періода войны. Распухнувшіе штабы блистали великолѣпными поѣздами; фронтъ сталъ заполняться семьями; строгіе порядки постепенно развсосались; воцарилось штабное засилье, сибаритство.

Въ концѣ концовъ на одного бойца появилось девять тыловиковъ и никто не обращалъ на это вниманія. Ставка величественно это игнорировала, хотя ей, какъ головѣ военнаго управленія, надлежало понимать, что установившіеся на фронтѣ порядки недопустимы и обратятъ армію въ негодные для боя таборы, причемъ въ общей кашѣ исчезнутъ тѣ настоящіе боевые элементы, которые при правильной организаціи будутъ стальной, непреоборимой силой.

Сама Ставка разрослась въ нѣчто чудовищное по своимъ размѣрамъ и совершенно не соотвѣтствовавшее той ничтожной положительной работѣ, которая тамъ производилась. По наружности работали много, по своему, усердно и добросовѣстно, но, по неопытности, съ малыми практическими результатами. Продуктивнѣе другихъ отдѣловъ работалъ отдѣлъ Дежурнаго Генерала, болѣе опредѣленный по своимъ функціямъ и подобравшій большіе кадры старыхъ опытныхъ работниковъ.

Оперативная работа сводилась къ составленію сводокъ, къ разнаго рода статистикѣ и къ мелочному вмѣшательству въ дѣйствія армій, состоянія которыхъ Ставка не знала, въ мѣстности, описанія которой въ Ставкѣ не было и при условіяхъ, которыя ставочные младенцы и представить себѣ не могли, сидя въ Омскѣ.

Наиболѣе роскошно развились такіе паразитныя, а при отсутствіи строгаго надзора, гнусныя учрежденія, какъ контръ-развѣдка и разныя освѣдомленія, создавшія громоздкія, дорогія и вредныя для чистоты нашего дѣла организаціи. У нихъ нѣтъ даже того умѣнья и той профессіональной добросовѣстности, которыми отличались наши старыя охранныя учрежденія и ихъ штатные агенты; зато всѣ скверныя стороны прежняго восприняты полностью.

Настоящей контръ-развѣдки и истинной борьбы съ агентами большевизма у насъ нѣтъ; все дѣлается на показъ, чтобы удовлетворить начальство, проявить дѣятельность и оправдать расходы, достигающіе чудовищныхъ размѣровъ; въ Омскѣ у меня не проходило недѣли, чтобы отъ меня не требовали десятки милліоновъ рублей на расходы по контръ-развѣдкѣ (расходы безконтрольные, повѣряемые и утверждаемые ближайшимъ начальствомъ, что и даетъ просторъ всевозможнымъ злоупотребленіямъ, и требуетъ особо опытнаго и тщательнаго надзора со стороны старшихъ органовъ).

Реформировать и упорядочить дѣятельность этихъ полупочтенныхъ учрежденій будетъ не легко и реформатору надо будетъ проявить исключительную энергію; отрицательные элементы этой клики легко не сдадутъ своихъ вкусныхъ позицій, а они достаточно сильны во вліятельныхъ верхахъ и сумѣли сдѣлаться тамъ очень нужными.

Освѣдомленіе тоже растетъ и пухнетъ; только мѣсяцъ тому назадъ для него проведены новые огромные штаты съ очень повышенными сравнительно со всѣми остальными окладами военнослужащихъ. Пользы отъ этой очень модной организаціи почти никакой, ибо главная ея задача оклеивать заборы Омска плакатами и извѣщеніями; только за послѣднее время она стала доставлять весьма цѣнныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ состояніи частей и настроеніи населенія разныхъ районовъ тыла; это собственно не ея дѣятельность, но она организовала сборъ этихъ свѣдѣній параллельно съ распространеніемъ своей литературы.

Опредѣленно считаю, что отъ казеннаго освѣдомленія пользы не будетъ; лучшимъ казеннымъ освѣдомленіемъ будутъ хорошіе начальники и офицеры въ арміи и честные и полезные для населенія чиновники въ странѣ; если все это есть, то и не особенно сложное освѣдомленіе о дѣятельности правительства будетъ дѣйственно; если же этого нѣтъ, то никакія тысячи освѣдомительныхъ дѣятелей и никакіе израсходованные милліоны уже не помогутъ.

Офицерскій вопросъ разрѣшенъ Ставкой отчаянно плохо; увлеклись непомѣрнымъ развертываніемъ армій и вызваннымъ этимъ спросомъ на офицеровъ; не сумѣли сдержать автономныя формированія и использовать кадры старыхъ унтеръ-офицеровъ для производства и назначенія на офицерскія должности. Остановились на совершенно невѣрной системѣ краткосрочныхъ школъ, не учтя совершенно современнаго состоянія нашей, даже полуинтеллигентной молодежи. На этомъ мы уже обрѣзались въ прошлую войну, но это не помѣшало Ставкѣ повторить ту же ошибку.

Въ нѣсколько недѣль нельзя создать офицера или даже сносный его суррогатъ; его нельзя научить даже азбукѣ военнаго дѣла въ объемѣ, требуемомъ младшимъ офицеромъ и ротнымъ командиромъ; я знаю это по опыту школъ, организованныхъ на фронтѣ во время большой войны. Еще меньше возможно заложить за это время основы офицерской этики въ ея здоровыхъ и разумныхъ проявленіяхъ.

Офицеръ же, умѣющій только командовать, отдавать честь, дѣлать гимнастику, но не знающій основъ военнаго дѣла и лишенный настоящей офицерской этики, это очень опасный матерьялъ для современныхъ милиціонныхъ войскъ, могущихъ быть сносной вооруженной силой только при наличіи хорошихъ и знающихъ офицеровъ.

Произведенные строевые унтеръ-офицеры имѣютъ то преимущество, что знаютъ основные пріемы своего ремесла, умѣютъ распоряжаться въ бою, на походѣ и на отдыхѣ; наши же штампованные офицеры этимъ умѣньемъ не обладаютъ и это лишаетъ ихъ всякаго практическаго значенія. Таково единогласное заключеніе всѣхъ старыхъ офицеровъ, съ которыми я говорилъ по этому поводу.

На германскомъ фронтѣ еще до революціи наши солдаты подмѣтили слабыя стороны офицеровъ, выпускаемыхъ изъ краткосрочныхъ школъ и звали ихъ шестинедѣльными выкидышами.

Жаль то, что среди этой молодежи много хорошаго матерьяла, но надъ нимъ надо долго и внимательно поработать. По тому, что я слышалъ про постоянный составъ нашихъ офицерскихъ и инструкторскихъ школъ, онъ работаетъ очень добросовѣстно, но не въ состояніи сотворить чудо, т. е. создать въ нѣсколько недѣль подготовленныхъ для фронта офицеровъ.

Будь Ставка дальновиднѣе и спокойнѣе, она сообразила бы, что гораздо цѣлесообразнѣе потерпѣть пока съ недостаткомъ офицеровъ на фронтѣ, но за то дать школамъ по крайней мѣрѣ годичный курсъ для одной части и двухгодичный для другой части юнкеровъ. Это обезпечило бы постепенное пополненіе арміи все болѣе и болѣе подготовленнымъ офицерскимъ составомъ.

То же, что мы дѣлаемъ, это только одна видимость и обманъ самихъ себя, ибо на самомъ дѣлѣ мы посылаемъ на фронтъ совершенно негодныхъ и поэтому даже ненужныхъ ему офицеровъ, и въ то же время безцѣльно расходуемъ кадры той молодежи, изъ которой къ веснѣ могли получиться сносные замѣстители младшихъ офицеровъ.

Отсутствіе плана и нервность даютъ здѣсь тѣ же результаты, какіе получились съ несвоевременнымъ выбросомъ на фронтъ неготовыхъ резервовъ; всѣ они погибли, не принеся никакой пользы; сохраненные же и употребленные во время — они навѣрное гнали бы теперь красныхъ обратно за Уралъ.

Адмиралъ и Россія имѣютъ полное право повторить Лебедеву зловѣщій по своему значенію упрекъ: «Варъ, Варъ, отдай мнѣ мои легіоны».

Формированіе резервовъ въ тыловыхъ округахъ было поставлено очень скверно; ихъ считали пасынками, обижали личнымъ составомъ и снабженіемъ; ихъ замаривали караульной службой и не давали заниматься; едва они начинали дѣлаться чѣмъ-то похожимъ на части, ихъ посылали на разныя усмиренія, а при первой возможности вытаскивали на фронтъ.

Здѣсь тоже не было планомѣрности, системы, способности учесть всю важность этихъ формированій и поставить ихъ въ такія условія, чтобы они могли стать войсками и настоящимъ усиленіемъ фронта.

Таковы итоги шестимѣсячнаго пребыванія въ Омскѣ, тяжелыхъ переживаній, печальныхъ выводовъ и мрачныхъ заключеній. Считался въ Омскѣ и уѣхалъ изъ Омска съ зва-

ніемъ брюзги и пессимиста. Въ этомъ отношеніи характерно письмо моего сослуживца, полученное мной въ день отъѣзда изъ Томска; онъ сообщаетъ, что, узнавъ о моемъ отъѣздѣ, Адмиралъ выразилъ сожалѣніе о потерѣ хорошаго работника, но добавилъ: «но у него былъ несносный характеръ и онъ вѣчно со всѣми ссорился». Бѣдный полярный изслѣдователь такъ и не разобралъ, что если я и ссорился, то не ради себя, а ради того же самаго дѣла, о которомъ такъ горѣлъ самъ онъ.

Въ Совѣтѣ Министровъ рядомъ съ искренними сожалѣніями о моемъ уходѣ, высказывалось и облегченіе; одинъ изъ моихъ сосѣдей по столу засѣданій сказалъ: «ну, что это за военный министръ; сидитъ и критикуетъ; молчитъ, молчитъ, а потомъ все разругаетъ и наговоритъ кучу непріятностей».

Я польщенъ этимъ отзывомъ; по внѣшности онъ вѣренъ; жаль только, что говорившій не сумѣлъ разобраться въ томъ, что подвигало меня на эту критику, и до сихъ поръ не расчухалъ, насколько она была справедлива и какъ слѣдовало бы къ ней прислушиваться.

Но на званіе присяжнаго пессимиста я несогласенъ; я не пессимистъ, я только привыкъ разглядывать жизнь, анализировать событія и дѣлать выводы; началось это еще въ училищѣ, развилось на почвѣ увлеченія высшей математикой, укрѣпилось жизнью и двадцатью годами веденія дневника, ежедневнаго подсчета видѣннаго, слышаннаго и выведеннаго. Я не могу скользить по жизни, слишкомъ уже въѣлась привычка все положить подъ аналитическій микроскопъ.

Сейчасъ, переживая опять послѣдніе мѣсяцы моей жизни, когда передъ моей больной памятью проносятся Омскія событія и воспоминанія, искренно жалѣю, что докторъ Б. отстоялъ меня отъ перехода въ потусторонній міръ. Я всегда боялся «доживанія» жизни, съ потерей вѣры въ будущее, и эта опасность теперь на меня надвинулась во всемъ ея ужасѣ.

До Омска у меня украли все прошлое; Омскій періодъ укралъ у меня будущее, разбилъ послѣднія иллюзіи, лишилъ всякихъ надеждъ, что я доживу до возстановленія Россіи — Россіи, а не своихъ потерянныхъ правъ, которыя я похоронилъ безвозвратно и воспоминаніе о которыхъ меня даже не тревожитъ.

До Омска я надѣялся на осуществленіе завѣтной мечты увидѣть опять Россію сильной и здоровой, въ новыхъ и разумныхъ формахъ управленія честными и идейными людьми, подвижнически трудящимися на благо своей страны и своего народа.

Надежда эта была сильно потрепана тѣмъ, что я видѣлъ въ Харбинѣ и въ Владивостокѣ, но все же еще теплилась; я продолжалъ вѣрить и надѣяться, что все пережитое и переживаемое насъ наконецъ встряхнетъ, вышибетъ много старой дряни и заставитъ думать иначе и лучше и поступать иначе и лучше. Омскъ эту надежду доканалъ, вытравилъ послѣдніе ея остатки каленымъ желѣзомъ всего пережитаго и испытаннаго, ѣдкой кислотой проклятыхъ, но неопровержимыхъ выводовъ безпощадной дѣйствительности, сотнями молотовъ разбившей послѣднія иллюзіи и затмившей мрачными, кровавыми тучами послѣдніе кусочки голубого неба надежды.

Теплилась надежда на Деникина, но и тамъ все какъ-то замерло — грозное и мрачное предзнаменованіе того, что было съ нами у Волги.

Боюсь одного: что проклятое Омское болото засосетъ для своей защиты послѣдніе остатки нашихъ армій, въ спасеніи которыхъ послѣдняя надежда на новое возрожденіе сибирской борьбы за бѣлую идею, уже въ новомъ 1920 году.

1919 годъ будетъ проклятымъ для Россіи годомъ, болѣе проклятымъ, чѣмъ два его предшественника, ибо онъ видѣлъ, какъ невѣроятныя ошибки власти и отчаянно скверное управленіе фронтомъ свели на нѣтъ всю борьбу за спасеніе Россіи отъ краснаго ужаса.

Великіе подвиги страстотерпцевъ и мучениковъ, героевъ-борцевъ за родину, усѣявшихъ своими костями поля Сибири и обильно заливщихъ ихъ своей кровью, погибли подъ напоромъ грязи и гноя, порожденныхъ тѣми изъ ихъ недостойныхъ преемниковъ, которые дерзкими и грязными руками схватили завѣтныя бѣлыя эмблемы и прикрыли ими все свое ничтожество и свои вожделѣнія.

Скромные и безвѣстные герои, партизаны первыхъ офицерскихъ организацій и офицерскихъ возстаній, мученически страдавшіе за Родину, безтрепетно поднявшіеся за нее на смертный бой съ ея насильниками, не нашли достойныхъ преемниковъ; оставшіеся въ живыхъ и одиноко разбросанные продолжаютъ нести свой тяжелый крестъ и исполнять свой великій подвигъ на берегахъ Ишима въ послѣднихъ усиліяхъ остановить красный натискъ и опять увидѣть радость побѣды.

Дай только Богъ, чтобы они не сознавали того, что я сознаю и не понимали того, что я понимаю, ибо это было бы хуже смерти.

Я эту смерть уже пережилъ и смертельный ядъ безысходнаго отчаянія уже выпилъ въ безсонныя ночи подведенія Омскихъ итоговъ.

Съ такимъ багажемъ кончаю Омскій періодъ своей жизни и качусь къ временному Харбинскому гнѣзду, въ печальное бытіе печальнаго доживанія безъ прошлаго и безъ будущаго.

Замѣченныя опечатки

въ „Дневникѣ“ барона А. Будберга.

„Архивъ Русской Революціи“ т. XIII.

Стр. 287, строка 21 снизу. Напечатано: „Николаевъ“, слѣдуетъ читать: „Никляевъ“.
„ 291, „ 27 сверху. Напечатано: „Фарева“, слѣдуетъ читать: „Агарева“.

„Архивъ Русской Революціи“ т. XIV.

Стр. 325, строка 6 сверху. Напечатано: „Хоротхинъ“, слѣдуетъ читать: „Хорошхинъ“.

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

издаваемый

И. В. ГЕССЕНОМЪ

XVI

БЕРЛИНЪ 1925

Содержаніе

Стр.

Моя борьба съ епископомъ Гермогеномъ и Иліодоромъ — сен. П. П. Стремоухова 5

Революціонное общество по личнымъ воспоминаніямъ — В. А. Ауэрбаха 49

Съ французами — В. Майбородова 100

Воспоминанія о моей подневольной службѣ у большевиковъ — ген. И. Данилова 162

Документы:

Очеркъ взаимоотношенія Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи и представителей Французскаго Командованія 233

Выписка изъ данныхъ наружнаго наблюденія за Григоріемъ Распутинымъ 263

Верховное Командованіе въ первые дни революціи 279

Письма въ редакцію 291

Моя борьба съ епископомъ Гермогеномъ и Иліодоромъ

Изъ воспоминаній сенатора П. П. Стремоухова*).

Въ 1910 году наступилъ седьмой годъ моего управленія Сувалкской губерніею. Я изъѣздилъ ее вдоль и поперекъ, зналъ каждую деревню, изучилъ насквозь всѣхъ своихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ... и заскучалъ. Захотѣлось чего-то новаго. Перемѣнить губернію въ Привисленскомъ Краѣ мнѣ не хотѣлось, почему я сдѣлалъ попытку перейти на службу въ Имперію.

Новгородская губернія была вакантна. Я написалъ Столыпину, прося его перевода въ эту губернію, но получилъ отвѣтъ отъ директора департамента общихъ дѣлъ, Арбузова, что министръ очень сожалѣетъ, но не можетъ исполнить мою просьбу, потому что эта губернія обѣщана уже другому лицу. При ближайшемъ свиданіи со мною Арбузовъ пояснилъ, что это была только manière de parler и что желаніе мое перейти во внутреннія губерніи совершенно безнздежно, т. к. министръ находитъ возможнымъ назначать на эти должности только лицъ, знакомыхъ съ земскимъ дѣломъ.

Такое положеніе меня очень огорчило, т. к. привязывало меня къ Царству Польскому, гдѣ я прослужилъ уже восемнадцать лѣтъ. Хотѣлось въ Россію, а въ особенности въ Петербургъ, частыя поѣздки въ который особенно разохотили меня къ столичной жизни. Поэтому я рѣшился попытаться пойти по другой линіи. Частыя встрѣчи и проводы въ Вержболовѣ Вдовствующей Императрицы, стоявшей во главѣ вѣдомства Императрицы Маріи, давали мнѣ надежду пройти въ Почетные Опекуны. Должность эта была неплатная, если

*) Настоящій отрывокъ извлеченъ изъ обширныхъ и имѣющихъ значительный интересъ мемуаровъ сенатора П. П. Стремоухова, въ которыхъ онъ излагаетъ свои воспоминанія о воспитаніи его въ Пажескомъ Корпусѣ, о службѣ въ Л.-Гв. Егерскомъ полку, чиновникомъ особыхъ порученій при Варшавскомъ Генералъ-Губернаторѣ (І. В. Гурко, гр. П. А. Шуваловѣ и св. кн. А. К. Имеретинскомъ), затѣмъ въ качествѣ Калишскаго вице-губернатора, Сувалкскаго Губернатора (во время революціи 1905 г.) — Саратовскаго (его борьба съ еп. Гермогеномъ и Иліодоромъ и два года неурожая), Костромского (во время торжествъ 300-лѣтія дома Романовыхъ), Варшавскаго — во время войны; засимъ — Директора Департамента Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (1916 годъ), и, наконецъ, весьма кратковременно — Сенатора. Послѣ сего, въ запискахъ П. П. описывается пребываніе его подъ властью большевиковъ на Кавказѣ въ 1918 году, и, наконецъ, служба его въ учрежденіяхъ «Вооруженныхъ Силъ на Югѣ Россіи», сначала въ качествѣ помощника начальника Минераловодскаго Района, а затѣмъ помощника Главноначальствующаго Сѣвернымъ Кавказомъ, генерала Эрдели. (Гражданское устройство края, катастрофа, эвакуація черезъ Грузію).

не считать выслуженной пенсіи (тысячи три), но какъ указываетъ самое ея названіе, весьма почетная. Мои личныя денежныя дѣла преуспѣвали. Начавшееся послѣ Японской войны оживленіе промышленности почти удвоило мое состояніе, и на получаемые дивиденты, плюсъ пенсію, я могъ, хотя и скромно, жить въ столицѣ. Послѣ Рождества (въ началѣ 1911 г.) я собирался въ Петербургъ, гдѣ и надѣялся устроить свои дѣла.

Глубокою осенью 1910 года вся Царская семья должна была ѣхать за границу, гдѣ Императрицѣ надлежало лѣчиться водами въ Гессенѣ.

Я получилъ телеграмму отъ Столыпина о принятіи мѣръ охраны ж. д. линіи съ указаніемъ, что въ виду болѣзни Императрицы Государь Императоръ строжайше воспретилъ всякія встрѣчи. Какъ надо было понимать послѣднюю фразу? Касалась ли она меня лично? Зрѣло обдумавъ положеніе, я рѣшилъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что я все же Государя встрѣтить долженъ, какъ должностное лицо, столь же необходимое и будничное, какъ швейцаръ на вокзалѣ, или кондукторъ при вагонѣ.

На всякій случай, я заказалъ букетъ съ лентами для Императрицы.

Уже въ Вержболовѣ я получилъ отъ министра повторную телеграмму о недопущеніи какихъ бы то ни было встрѣчъ, но, тѣмъ не менѣе, остался при прежней своей точкѣ зрѣнія.

Наконецъ, въ назначенное время, съ точностью до одной секунды, подкатилъ къ станціи Вержболово Императорскій поѣздъ. Государь вышелъ изъ вагона. Я подошелъ къ нему съ рапортомъ. Его Величество привѣтливо со мною поздоровался и заговорилъ о дѣлахъ губерніи, сказавъ при этомъ, что лишь недавно съ большимъ интересомъ прочелъ мой годовой отчетъ. Затѣмъ вышла изъ вагона Императрица съ дѣтьми и, пройдя черезъ вокзалъ, помѣстилась въ другомъ заграничномъ поѣздѣ, стоявшемъ уже на узкой колеѣ. Государь минутъ десять гулялъ со мною по перрону и очень весело и непринужденно со мною бесѣдовалъ. Ободренный его привѣтливостью, я спросилъ его, не могу ли я представиться Императрицѣ и поднести ей нѣсколько цвѣтовъ.

— А вотъ я сейчасъ спрошу, сказалъ Государь и вошелъ въ вагонъ.

Черезъ минуту онъ высунулся изъ окна и сказалъ:

— Императрица васъ проситъ.

Я вошелъ въ вагонъ къ Государынѣ.

Послѣ 1897 года я видѣлъ ее впервые. Съ того времени она нѣсколько похудѣла и удивительно похорошѣла. Въ своемъ розовомъ шелковомъ капотѣ она была очень красива. Императрица просила меня сѣсть и мы нѣсколько минутъ поговорили съ полною непринужденностью.

Впечатлѣнія отъ этой встрѣчи остались у меня самыя отрадныя.

Мнѣ доложили, что поѣздъ сейчасъ отходитъ. Я прошелъ въ вагонъ-салонъ къ Государю и пожелалъ ему счастливаго пути.

Поѣздъ немедленно отошелъ въ сторону Эйдкунена.

Какъ я хорошо поступилъ, что не послушался министра. Вотъ какъ, иногда наши верхи отстраняли отъ Государя возможность видѣть людей, не принадлежавшихъ къ ближайшему его антуражу.

Немного менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца Царская семья возвращалась изъза границы. Я вновь получилъ телеграмму отъ министра, воспрещающую всякія встрѣчы. На этотъ разъ я поѣхалъ на встрѣчу Царю уже совершенно

спокойно, такъ какъ за мною былъ прецедентъ и при томъ благопріятный.

Чтобы поѣхать въ Вержболово по желѣзной дорогѣ, мнѣ приходилось ѣхать черезъ нѣсколько губерній. По Сувалкской до Гродно, отъ Гродно до Ландварово по Гродненской и Виленской, отъ названной станціи опять по Виленской, затѣмъ по Ковенской и, наконецъ, я оказывался опять въ Сувалкской. Такое «кругосвѣтное путешествіе» облегчалось для меня всегда любезно предоставляемымъ мнѣ управленіемъ дороги вагономъ.

Пріѣзжаю я на этотъ разъ въ Ковно, чтобы наблюсти оттуда за мѣрами охраны ж. д. пути, какъ начальникъ станціи докладываетъ мнѣ, что черезъ нѣсколько минутъ пріѣдетъ въ Ковно экстреннымъ поѣздомъ генералъ-губернаторъ.

Что сей сонъ значилъ?

Подходитъ генералъ-губернаторскій поѣздъ. Вхожу въ вагонъ къ Скалону. Генералъ красный, сконфуженный. Принимаетъ меня въ своемъ купэ съ глазу на глазъ, и говоритъ:

— Не знаю какъ быть. Я получилъ Вашу телеграмму о проѣздѣ Государя, заказалъ поѣздъ и уже собирался ѣхать, какъ получилъ отъ Столыпина телеграмму о воспрещеніи всякихъ встрѣчъ. Я уже раскачался ѣхать, вотъ и пріѣхалъ, и не знаю, хорошо ли я сдѣлалъ.

— Я думаю, что ничего плохого изъ этого не выйдетъ, отвѣтилъ я, и разсказалъ, какъ было со мною при проѣздѣ Государя за границу. Скалонъ успокоился и повѣдалъ мнѣ, что везетъ пять букетовъ для Императрицы и великихъ княженъ, и что было бы глупо не довезти ихъ до назначенія.

Во время этого разговора вошелъ адъютантъ и подалъ Скалону шифрованную депешу.

Мы быстро ее расшифровали.

Въ ней было изложено повторное и категорическое указаніе министра, съ ссылкою на Высочайшую волю, никакихъ встрѣчъ не дѣлать. По разсчету времени было ясно, что кто-то успѣлъ телеграфировать изъ Варшавы въ Петербургъ о выѣздѣ Скалона въ Вержболово, и полученная телеграмма реагировала на этотъ фактъ.

Такая постановка дѣла несомнѣнно осложняла положеніе.

— Я поѣду назадъ, сказалъ Скалонъ.

Я началъ противъ этого возражать, указывая генералу на примѣръ со мною и высказывая мнѣніе, что присутствіе старшаго начальника мѣстности, въ которой имѣетъ хотя бы и временное пребываніе Государь и за которую онъ несетъ отвѣтственность, не есть встрѣча, а только исполненіе своей прямой служебной обязанности, что повернуть съ пути на глазахъ всѣхъ было бы умаленіемъ своего достоинства и послужило бы источникомъ самыхъ неблагопріятныхъ для него толкованій, что, наконецъ, совершенно недопустимо, чтобы Государь не принялъ своего генералъ-адъютанта.

Скалону видимо очень хотѣлось видѣть Государя и, какъ надо полагать, имъ руководило желаніе говорить съ Царемъ по поводу сенаторской ревизіи, ставившей его въ весьма тяжелое положеніе, изъ котораго, такъ или иначе, надо было выйти.

Наконецъ, Скалонъ сдался на мои доводы и мы двинулись къ Вержболову.

Скалонъ высказался вскользь, что появленіе насъ двоихъ на вокзалѣ уже есть встрѣча. На это я отвѣтилъ, что встрѣча можетъ ограничиться и его особою, но что я прошу его доложить Государю и о моемъ присутствіи; я

совершенно увѣренъ, что Царь приметъ и меня, но что быть на станціи и не быть принятымъ было бы для меня тоже очень непріятно, такъ какъ уронило бы мое служебное достоинство.

Такъ мы и порѣшили.

Въ ожиданіи прибытія Царскаго поѣзда мы расположились въ т. наз. директорскихъ комнатахъ. Когда подошелъ Императорскій поѣздъ, я вышелъ на платформу и просилъ перваго вышедшаго изъ вагона, инспектора царскихъ поѣздовъ, доложить Его Величеству о присутствіи на станціи Варшавскаго генералъ-губернатора, послѣ чего вернулся въ директорскія комнаты.

Минутъ черезъ пять вошелъ флигель-адъютанъ и доложилъ, что Государь Императоръ проситъ генералъ-адъютанта Скалона къ себѣ въ вагонъ Скалонъ сейчасъ же вышелъ за нимъ.

Прошло минутъ десять. Меня не приглашаютъ. Еще десять минутъ.

Я начинаю волноваться.

Проходитъ еще десять минутъ.

Я явственно слышу, какъ съ южной стороны вокзала (узкоколейнаго) по коридору на сѣверную (ширококолейную) проходитъ толпа людей. Изъ полуоткрытаго окна я слышу, какъ Государь здоровается съ конвойцами. Наконецъ раздается свистокъ локомотива и Царскій поѣздъ медленно отходитъ отъ станціи.

Я былъ крайне взволнованъ. Было совершенно ясно, что генералъ-губернаторъ не исполнилъ своего обѣщанія обо мнѣ доложить, или, что было-бы гораздо хуже, Государь не захотѣлъ меня принять. Съ завтрашняго дня я сдѣлаюсь притчей во языцѣхъ всѣхъ досужихъ языковъ, а въ особенности моихъ недоброжелателей.

Черезъ двѣ, три минуты входитъ Скалонъ.

— Знаете, П. П., Его Величество чудно меня принялъ, я переговорилъ съ нимъ, и все нужное устроилъ.

— Далеко не все, Ваше Высокопревосходительство, вы изволили забыть ваше обѣщаніе обо мнѣ доложить и я, начальникъ губерніи, остался здѣсь въ комнатѣ въ самомъ глупѣйшемъ положеніи.

Скалонъ вспыхнулъ.

— Ради Бога, простите меня, П. П., я такъ радъ былъ видѣть Государя, что все забылъ.

Скалонъ подошелъ ко мнѣ, обнялъ меня и поцѣловалъ.

Мнѣ ничего не оставалось сдѣлать, какъ пожать протянутую мнѣ руку.

Вспомнились мнѣ слова моего покойнаго тестя: не дай Богъ тебѣ служить при дворѣ. При твоемъ самолюбіи ты зачахнешь черезъ три мѣсяца *).

Приблизительно черезъ недѣлю мнѣ пришлось съѣздить въ Варшаву по какому-то дѣлу. Я собирался побывать и у генералъ-губернатора. Не помню уже по какому поводу Ячевскій — въ то время Петроковскій губернаторъ, а ранѣе того Директоръ Канцеляріи Генералъ-Губернатора и очень близкій Скалону человѣкъ — сказалъ мнѣ:

---

*) Мой тесть, генералъ-адъютантъ А. М. Салтыковъ, много лѣтъ былъ начальникомъ военно-походной канцеляріи Императора Александра II.

— Скалонъ разсказывалъ мнѣ о той досадной исторіи, которая случилась съ вами въ Вержболовѣ: онъ говорилъ, что употреблялъ всѣ усилія, чтобы Государь васъ принялъ, но ничего не могъ сдѣлать.

— Что-о-о-о?

— Ну да, я передаю вамъ его слова.

— Ну такъ онъ сочиняетъ, вспылилъ я, и я могу это доказать, потому что онъ извинялся передо мною въ присутствіи свидѣтелей, что забылъ доложить обо мнѣ.

— Я вамъ передаю только то, что отъ него слышалъ.

— Въ такомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ уже совершенно нехорошо. Я понимаю, что онъ могъ потеряться отъ радости, увидѣвъ Государя, могъ по старости меня забыть, но давать теперь этому инциденту, въ оправданіе себѣ, толкованіе явно неблагопріятное для моего служебнаго положенія, уже положительно дурно.

— П. П., ради Бога, не волнуйтесь.

— Волноваться я не буду, но сегодня-же уѣзжаю въ Сувалки и прекращаю со Скалономъ всякія личныя отношенія. Если хотите, можете ему это передать.

Такъ я и поступилъ.

Я вполнѣ благожелательно отношусь къ Скалону. Считаю, что онъ много сдѣлалъ для успокоенія Края и тѣмъ самымъ для русской государственности, утверждаю, что онъ былъ всегда большимъ джентельменомъ, и я затрудняюсь объяснить его образъ дѣйствій въ данномъ случаѣ. Самое вѣроятное то, что, сознавая свой грѣхъ относительно меня, въ томъ, что онъ не доложилъ обо мнѣ Государю, онъ пытался дать ему въ средѣ окружающихъ объясненіе, его оправдывающее, не давая себѣ отчета, что это объясненіе составляетъ еще большій проступокъ относительно меня, или же малодушно думая, что все это до меня не дойдетъ.

Этотъ инцидентъ еще болѣе укрѣпилъ мое желаніе сдѣлаться почетнымъ опекуномъ.

Странная судьба меня преслѣдовала. Во всякомъ мѣстѣ служенія (а я ихъ перемѣнилъ много) первый же день начинался съ какой-нибудь непріятности. Будучи очень мягкимъ и во всякомъ случаѣ не задирчивымъ человѣкомъ, я со всякимъ начальствомъ всегда былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ и съ большею частью изъ моихъ начальниковъ расходился, и всегда потому, что они мнѣ дѣлали какую-нибудь непріятность, ничѣмъ мною не заслуженную; съ подчиненными же и обществомъ у меня всегда устанавливались наилучшія отношенія.

2-го Января 1911 года я устроилъ охоту для пріѣхавшаго въ Сувалки моего друга и товарища по Пажескому корпусу, А. Ф. Ефимовича, тогда адъютанта В. К. Павла Александровича и крупнаго маіоратиста Сувалкской губерніи.

По возвращеніи домой у меня былъ ужинъ, къ которому было приглашено еще нѣсколько друзей.

Охота въ тотъ день была, хотя и не удачная, но веселая, ужинъ отличный, а вино еще лучше. Настроеніе было самое праздничное.

Уже въ первомъ часу докладываютъ мнѣ, что правитель канцеляріи желаетъ меня видѣть.

Я весь день и даже ночь всегда былъ въ распоряженіи службы, но время, проводимое за столомъ, жена моя ревниво оберегала, т. к. это было единственное время, когда я отдыхалъ, а также и то, въ теченіе котораго мы съ нею видѣлись. Поэтому жена моя даже разсердилась.

— Что у него такое можетъ быть, сказалъ я, позвать его сюда.

Входитъ мой, всегда мрачнаго вида, правитель канцеляріи, Н. Ф. Хвалько

— Что у васъ такой мрачный видъ? Выпейте лучше съ нами вина.

— Вы выпейте,, а мнѣ, кажется, радоваться нечему — прочтите.

Разворачиваю телеграмму.

«Министръ проситъ васъ принять ..... губернію и немедленно отвѣтить». Затѣмъ подпись директора департамента общихъ дѣлъ, Арбузова.

Названіе губерніи было зашифровано.

— Ну и отлично, сказалъ я, куда угодно — надоѣла мнѣ ваша Скалонія.

— Лишь бы не въ Саратовъ, замѣтилъ кто-то изъ присутствовавшихъ, спасибо тамъ съ Гермогеномъ и Иліодоромъ возиться.

Послали за шифромъ.

Расшифровываемъ.

Такъ и есть, Саратовская!

Бѣдная жена моя чуть не въ слезы.

Между моими друзьями началось обсужденіе вопроса, принимать ли мнѣ сдѣланное министромъ предложеніе или отъ него отказаться. Одни говорили, что брать Саратовъ послѣ того, какъ такой крѣпкій человѣкъ, какъ графъ С. С. Татищевъ, сломалъ себѣ тамъ шею въ борьбѣ съ Гермогеномъ и Иліодоромъ — безуміе, а другіе находили, что отказываться отъ поста, связаннаго съ такими трудностями, значило на всегда поставить крестъ на всякое свое движеніе по службѣ.

Я разрубилъ этотъ узелъ старой поговоркой: «На службу не напрашивайся, отъ службы не отказывайся», но надѣялся обезпечить себя нѣкоторыми гарантіями, а потому телеграфировалъ, что завтра же выѣзжаю въ Петербургъ для переговоровъ съ министромъ.

По пути въ Петербургъ я думалъ: какъ это странно — полгода тому назадъ Столыпинъ не находилъ возможнымъ дать мнѣ незначительную Новгородскую губернію, а теперь предлагаетъ мнѣ едва ли не самую трудную, огромную Саратовскую губернію, къ тому же еще осложненную скандальными выходками іеромонаха Иліодора и поддерживающаго его епископа Гермогена. Тогда мнѣ говорили, что министръ не находитъ возможнымъ назначать во внутреннія губерніи Имперіи губернаторами лицъ, не знакомыхъ съ земскимъ дѣломъ... съ того времени это дѣло не стало мнѣ болѣе извѣстнымъ...

Долженъ объяснить, что пріѣзжимъ губернаторамъ не такъ легко было добраться до министра. Для этого надо было заявиться въ его канцеляріи и ждать аудіенціи не менѣе недѣли.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я позвонилъ по телефону къ директору департамента общихъ дѣлъ, А. А. Арбузову.

— «Министръ ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ, — отвѣтилъ Арбузовъ, — и приметъ васъ во всякое время».

Вотъ оно, — подумалъ я, — какъ принимаютъ людей, когда въ нихъ нуждаются; это надо учесть.

Въ 2 часа я былъ у министра.

Столыпинъ принялъ меня очаровательно, и вотъ какой разговоръ произошелъ между нами.

— Ну, что, вы согласны.

— Объ этомъ надо потолковать. Я знаю, что С. С. Татищевъ былъ вынужденъ оставить губернію изъ - за невыносимой обстановки, созданной ему Гермогеномъ и Иліодоромъ. Я полагаю, что меня ожидаетъ то же самое.

— Ваше положеніе будетъ легче. Иліодоръ сосланъ во Флорищеву пустынь, Владимірской губерніи, ну, а безъ него, Гермогенъ не такъ страшенъ.

— Пожалуй, что и такъ, но вы знаете, что я совершенно незнакомъ съ земскимъ дѣломъ и никогда не имѣлъ дѣла съ дворянствомъ. Саратовская губернія буйная и едва ли не самая трудная во всей Имперіи.

— Нѣтъ, это вторая. Самая тяжелая Екатеринославская.

— Пусть будетъ вторая, но, тѣмъ не менѣе, я не могу не опасаться, что не сумѣю справиться.

— Вы справитесь . . . Во всякомъ случаѣ, я прошу васъ принять мое предложеніе. Если Вы откажетесь, я буду поставленъ въ очень тяжелое положеніе. У меня былъ кромѣ васъ только одинъ кандидатъ, кн. Щербатовъ (полтавскій губернскій предводитель дворянства, впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ), но онъ отказался, что же я буду дѣлать?

— Ваше Высокопревосходительство, я охотно исполню ваше желаніе, но я прошу васъ войти и въ мое положеніе. Если Вы предлагаете мнѣ Саратовъ, то, очевидно, у меня хорошая служебная репутація. Въ маленькой губерніи, какъ, напримѣръ, Новгородская, я бы ее поддержалъ, ну, а въ такомъ casse cou, какъ Саратовская, я рискую потерять то, что накапливалъ болѣе десятка лѣтъ. Я совершенно въ себѣ не увѣренъ. Теперь вы меня туда приглашаете, а потомъ разочаруетесь, да я и самъ могу признать себя не на высотѣ положенія.

— Тогда Васъ всегда можно будетъ перевести въ другую губернію.

— Вотъ на это - то я и не согласенъ. Всѣ будутъ говорить, а вотъ Стремоуховъ съ Саратовской губерніею и не справился, такъ его и перевели въ какую - нибудь Калужскую.

— Чего же Вы хотите?

— Ранѣе всего, я хочу вселить въ Васъ сознаніе, что я вовсе не стремлюсь въ Саратовъ, считая себя для него неподготовленнымъ, опасаюсь надѣлать рядъ ошибокъ и, въ концѣ концовъ, получать отъ Васъ же непріятныя бумажки; отъ этого я хочу быть гарантированнымъ.

— То - есть?

— Если Вы будете мною недовольны, или я самъ собою буду неудовлетворенъ, и вамъ объ этомъ откровенно напишу, то по этому поводу, между нами не должно происходить никакихъ непріятностей, Вы просто устроите меня въ Петербургѣ, соотвѣтственно моему служебному стажу.

— А именно?

— Я восьмой годъ губернаторствую; недавно назначенный сенаторомъ, виленскій губернаторъ, гр. Паленъ, служилъ менѣе меня.

Столыпинъ улыбнулся.

— Обѣщаю. Но все - таки Вы послужите саратовскимъ губернаторомъ?

— Все - таки дайте еще подумать.

— Вы завтра будете на выходѣ во дворцѣ?

— Не собирался.

— Я скажу Арбузову, что бы Вамъ прислали входной билетъ. Завтра Вы дадите мнѣ окончательный отвѣтъ, и я завтра же доложу о немъ Государю. Онъ очень интересуется Саратовомъ.

— Слушаюсь.

Отъ министра я поѣхалъ къ Арбузову.

Боже, какая разница въ пріемѣ маленькаго сувалкскаго губернатора и предполагаемаго саратовскаго.

— Вы согласились?

— Я еще думаю, и завтра дамъ окончательный отвѣтъ министру.

— О чемъ тамъ думать? Столыпинъ предлагаетъ Вамъ губернію, изъ которой былъ непосредственно назначенъ министромъ, вѣдь это, такъ сказать, лейбъ - губернія, вѣдь въ министерствѣ уже на васъ «ставятъ».

— Я до сихъ поръ пробовалъ себя лишь на гладкой скачкѣ, ну, а теперь мнѣ предлагаютъ скачку съ препятствіями, на которой каменною стѣнкою Гермогенъ, а ирландскимъ банкетомъ Иліодоръ, тутъ не долго и шею себѣ сломать.

— Qui ne risque rien, ne gagne rien... Смотрите, еще буду къ Вамъ съ докладомъ ѣздить.

— Или спишете съ круга!

6-го, я поѣхалъ во дворецъ и далъ Столыпину свое согласіе. Министру это доставило, повидимому, большое удовольствіе, и онъ, улыбаясь, мнѣ сказалъ: «Я уже доложилъ Государю о Вашемъ согласіи».

— Пожалуйста, — прибавилъ онъ, — кончайте скорѣе ваши сувалкскія дѣла и пріѣзжайте опять въ Петербургъ, тогда и переговоримъ о дѣлахъ губерніи.

Послѣ выхода, я съ остальными придворными чинами пошелъ закусывать. Наложилъ я себѣ на тарелку какого - то паштета и полилъ его малиноваго цвѣта соусомъ Кумберлэндъ, какъ меня кто - то толкнулъ подъ руку. Паштетъ оказался на полу, а соусъ разлился по груди моего камергерскаго, шитаго золотомъ, мундира.

— Ради Бога, простите, — сказалъ мнѣ господинъ въ придворномъ мундирѣ, — чѣмъ мнѣ загладить мою вину!

Я узналъ въ немъ директора Императорскихъ театровъ Теляковскаго, съ которымъ, впрочемъ, не былъ знакомъ.

— Очень просто. Я пріѣзжій губернаторъ, никогда не могъ я получить билета на Шаляпина. Сегодня идетъ «Борисъ Годуновъ», дайте мнѣ возможность его услышать.

— Будетъ исполнено.

И, дѣйстительно, къ 5 часамъ вечера мнѣ былъ доставленъ билетъ второго ряда.

Спектакль этотъ оказался совершенно исключительнымъ. Въ первый разъ, послѣ революціонныхъ лѣтъ, Царь посѣтилъ театръ. Большой свѣтъ и высшая гражданская и военная бюрократія была объ этомъ освѣдомлена и поэтому и безъ того красивый залъ Маріинскаго театра былъ особенно блестящимъ. Получился импровизированный спектакль - гала.

Государь былъ мнѣ все время отлично виденъ.

Шаляпинъ былъ безподобенъ, и я право не знаю, кто болѣе въ этотъ вечеръ приковывалъ мое вниманіе — театральный или настоящій Царь. Въ особенности поразителенъ былъ Шаляпинъ, когда онъ, направляясь на цар-

ское вѣнчаніе, идетъ въ Успенскій соборъ, черезъ Красную площадь. Онъ съ необыкновеннымъ талантомъ и проникновеніемъ соединялъ въ исполненіи своей роли два противоположныхъ элемента: предъ вами могучій, сильный человѣкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось, что онъ уже обреченъ на гибель.

Послѣ третьяго дѣйствія, гдѣ на сценѣ изображена боярская дума, занавѣсъ опустился, вдругъ неожиданно, черезъ минуты двѣ, взвился.

Обращенная къ Императорской ложѣ толпа бояръ, на колѣняхъ, имѣя во главѣ Шаляпина, запѣла «Боже, Царя храни» подъ аккомпаниментъ могучаго, идеальнаго оркестра Маріинскаго театра, руководимаго волшебною палочкой Направника.

Ко всей этой сценѣ умъ не могъ подойти сразу по пути критики и анализа и всѣми присутствовавшими овладѣли нервы. Красиво это было до жути, мурашки буквально забѣгали у меня по спинѣ. «Боже, Царя храни» было трижды повторено и подхвачено публикою. Такого исполненія гимна я никогда болѣе въ моей жизни не слышалъ.

Государь подошелъ къ барьеру ложи и наклоненіемъ головы отвѣчалъ на восторженныя привѣтствія публики.

Говорили потомъ, что депутація отъ хористовъ, принятая Государемъ въ ложѣ, попросила прибавки содержанія... Говорили, что Государь вообще былъ недоволенъ всею этой манифестаціей, а въ особенности тѣмъ, что артисты стояли на колѣняхъ.

Лѣвая печать и оппозиціонные круги долго не могли простить Шаляпину его монархическаго выступленія. Нынѣ (1922 г.) въ кровавой Совдепіи онъ искупилъ свой грѣхъ передъ красными.

Въ Петербургѣ я пробылъ всего только еще одинъ день и успѣлъ посѣтить лишь своего отца и, состоявшаго тогда членомъ Государственнаго Совѣта отъ земства Тульской губерніи, шурина моего, Салтыкова.

Мой старикъ отецъ былъ крайне обрадованъ моимъ блестящимъ назначеніемъ. Салтыковъ же сообщилъ мнѣ довольно пикантную исторію.

Будущій митрополитъ Питиримъ состоялъ въ то время тульскимъ епархіальнымъ архіереемъ и былъ съ Салтыковымъ, какъ съ губернскимъ предводителемъ дворянства, въ хорошихъ отношеніяхъ. Однажды, въ дружеской бесѣдѣ у него сорвалось признаніе, что саратовскій епископъ Гермогенъ — скопецъ, и что этимъ обстоятельствомъ можно объяснить нѣкоторыя странности его характера. Въ молодости, не будучи въ состояніи справиться со своими плотскими страстями, Гермогенъ самъ совершилъ надъ собою операцію оскопленія. Не знаю, насколько эти свѣдѣнія были вѣрны, во всякомъ случаѣ, во внѣшности Гермогена не было ничего скопческаго: у него была борода, правда не особенно пышная, усы, и голосъ у него былъ совершенно нормальный. Вообще Питиримъ въ бесѣдѣ съ Салтыковымъ относился къ Гермогену довольно отрицательно.

24-го января состоялся Высочайшій указъ о назначеніи меня саратовскимъ губернаторомъ, и я вновь пріѣхалъ въ столицу около 23 февраля.

Еще находясь въ Сувалкахъ, я получилъ отъ Гермогена телеграмму, приблизительно слѣдующаго содержанія:

«Привѣтствую въ Вашемъ Превосходительствѣ назначеніе къ намъ, въ Саратовъ, русскаго человѣка. Да ниспошлетъ Господь благословеніе свое на ваши труды въ борьбѣ съ крамолою и жидами».

Слава Богу, подумалъ я, что послѣ двухлѣтней войны съ губернаторомъ, изъ которой епископъ вышелъ побѣдителемъ, такъ какъ графъ Татищевъ ушелъ съ поля сраженія, онъ все же ищетъ сближенія со мною. Избытокъ темперамента, вложенный въ послѣднее слово телеграммы, впрочемъ, меня нѣсколько смутилъ.

Я, конечно, отвѣтилъ Гермогену, что надѣюсь на совмѣстную дружную работу и на его святыя молитвы.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я засталъ правительственную атмосферу довольно сгущенной.

Въ это самое время, Столыпинъ проводилъ законъ объ учрежденіи земства въ Западномъ краѣ. Законъ этотъ не находилъ сочувствія ни въ Государственной Думѣ, ни въ Государственномъ Совѣтѣ. Тогда Столыпинъ рѣшился на крайнее средство: распустить обѣ законодательныя палаты на три дня, и въ этотъ промежутокъ времени провести проектъ, въ порядкѣ 87 статьи Основныхъ Законовъ.

Эта мѣра врядъ ли вызывалась дѣйствительною необходимостью. Такой исключительный пріемъ оправдывался бы, если нужный правительству законъ вызывался общегосударственными интересами, напримѣръ, неутвержденіемъ бюджета, или отказомъ въ увеличеніи контингента новобранцевъ или средствъ для укрѣпленія обороны. Введеніе или невведеніе земства въ Западномъ краѣ, какъ бы ни была полезна эта мѣра, имѣло только мѣстное значеніе, а роспускъ палатъ взволновалъ всю Россію. Образомъ дѣйствій Столыпина въ равной степени были недовольны и правые, и лѣвые. Лѣвые потому, что видѣли въ немъ недостаточное уваженіе къ народному представительству, а правые тѣмъ, что въ конечномъ итогѣ пренебрежительное отношеніе къ обѣимъ палатамъ все же падало на Государя, такъ какъ общество наше не пріучилось къ конституціонному мышленію, отдѣлявшему монарха отъ его правительства, да и самъ Государь не стоялъ на такой точкѣ зрѣнія. Многіе правые члены Государственнаго Совѣта громко высказывали свое неудовольствіе. В. Ф. Трепову и П. Н. Дурново было предложено выѣхать въ заграничный отпускъ; первый вышелъ въ отставку, а второй подчинился приказанію. Такое отношеніе къ Дурново, за пять лѣтъ передъ тѣмъ спасшему Россію отъ напора революціи, крайне волновало правыхъ, клеймившихъ Столыпина именемъ Бориса Годунова и сравнивавшихъ Государя съ Федоромъ Іоанновичемъ. Какъ нарочно, въ то время на сценѣ шла драма гр. Толстого «Царь Федоръ Іоанновичъ», возбуждая въ обществѣ такія историческія воспоминанія и вызывая воображеніе на столь опасныя сопоставленія.

Говорили, что Государь, согласившійся на роспускъ палатъ, теперь былъ очень этимъ недоволенъ и сталъ относиться замѣтно холоднѣе къ Столыпину. Такъ или иначе, премьеръ почелъ необходимымъ поставить передъ Государемъ вопросъ о довѣріи, но опредѣленнаго отвѣта изъ Царскаго Села не получилъ.

Такія обстоятельства очень осложняли мое положеніе. Иное дѣло ѣхать въ трудную Саратовскую губернію, будучи ставленникомъ стоящаго у власти министра, или при другомъ лицѣ, занявшемъ эту должность, не говоря

уже о томъ, что всѣ обѣщанія, данныя мнѣ Столыпинымъ, съ его уходомъ потеряли всякую цѣну. Возможность ухода министра, конечно, внесла и въ департаменты нѣкоторую нервность, и трудно было заручиться какими-нибудь директивами.

Однако, этимъ не ограничились мои затрудненія. Я получилъ цѣлый рядъ писемъ отъ управлявшаго Саратовской губерніею, вице-губернатора П. М. Боярскаго, въ которыхъ онъ жаловался мнѣ на два реприманда, полученныхъ имъ отъ министра. Первый касался его образа дѣйствій относительно Гермогена; въ этомъ образѣ дѣйствій Столыпинъ усмотрѣлъ отсутствіе формъ внѣшняго уваженія, которыя должны были быть проявлены относительно высшаго духовнаго лица, а второй — вызывался нѣсколько рѣзкимъ тономъ, который онъ принялъ относительно одного земскаго начальника, мѣстнаго дворянина, на что губернскій предводитель дворянства Ознобишинъ ѣздилъ жаловаться министру въ Петербургъ. Боярскій очень обидѣлся на Столыпина и, приложивъ къ одному изъ писемъ прошеніе объ отставкѣ, просилъ меня передать его Столыпину, въ свою очередь, тоже поставивъ вопросъ о довѣріи.

Такая исторія меня очень разстроила. Боярскій прослужилъ уже года три въ Саратовской губерніи, конечно, долженъ былъ знать мѣстныя обстоятельства и не только могъ быть мнѣ полезнымъ, но являлся прямо необходимымъ. Что бы я сталъ дѣлать съ новымъ вице-губернаторомъ, столь же неосвѣдомленнымъ въ дѣлахъ губерніи, какъ я самъ. Поэтому, я рѣшилъ, по мѣрѣ возможности, смягчить остроту вопроса съ Боярскимъ, на что я находилъ достаточно основаній уже въ одной возможности оставленія своего поста Столыпинымъ. Какой смыслъ былъ для Боярскаго оставлять службу, когда обидѣвшій его министръ и самъ висѣлъ на волоскѣ и могъ быть каждый день уволенъ. Тѣмъ не менѣе, все это было довольно тягостно. За дальностью разстоянія, обмѣняться мнѣніями съ Боярскимъ я не могъ, и мнѣ приходилось дѣйствовать за человѣка, съ которымъ я даже не былъ знакомъ.

Въ ожиданіи пріема у Столыпина, я посѣтилъ другихъ министровъ. Болѣе другихъ меня интересовалъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, В. К. Саблеръ. Относительно Иліодора Саблеръ завѣрилъ меня, что онъ прочно засаженъ во Флорищеву пустынь и что Гермогенъ безъ Иліодора не будетъ причинять мнѣ особенныхъ хлопотъ. В. К. просилъ меня держать его въ курсѣ всѣхъ возможныхъ недоразумѣній съ владыкою путемъ частныхъ писемъ, и обѣщалъ мнѣ всякое содѣйствіе въ случаѣ, если бы, противъ чаянія, у меня все-таки возникли столкновенія съ строптивымъ святителемъ. Саблеръ находилъ, что мой предмѣстникъ, гр. Татищевъ, сразу сталъ съ епископомъ и Иліодоромъ на слишкомъ оффиціальную и холодную почву, и что съ ними болѣе мягкими пріемами, пожалуй, можно было бы поладить.

Посѣтилъ я такъ же, по совѣту Салтыкова, епископа Питирима. Мнѣ было бы полезно, по тактическимъ соображеніямъ, выслушать, хотя бы отъ одного изъ святителей, отрицательное мнѣніе о Гермогенѣ. Впослѣдствіи, въ случаѣ столкновенія съ послѣднимъ, мнѣ удобно было бы опереться на авторитетное мнѣніе. Однако, Питиримъ оказался не глупѣе меня. Когда я его посѣтилъ и сталъ его разспрашивать о Гермогенѣ, то рѣшительно ничего не могъ отъ него добиться.

Наконецъ, наступилъ день моего пріема у министра. Всѣ въ городѣ говорили, что Столыпинъ уходитъ. Въ пріемной министра насъ представляющихся собралось человѣкъ двадцать. Когда министръ принялъ уже трехъ или

четырехъ представлявшихся, пріѣхалъ министръ земледѣлія и землеустройства, А. В. Кривошеинъ, и прямо прошелъ въ кабинетъ къ Столыпину. Послѣ болѣе чѣмъ получасовой бесѣды, онъ вышелъ изъ кабинета и на вопросъ одного изъ присутствовавшихъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, закусилъ удила, не могъ уговорить...

Для меня стало ясно, что Столыпинъ уходитъ.

Мнѣ крайне нужно было говорить съ нимъ по вопросамъ, касавшимся управленія губерніею и имѣвшимъ для меня чрезвычайно важное значеніе, но какой смыслъ былъ говорить съ министромъ наканунѣ его отставки?

Наступила моя очередь.

Долженъ отдать справедливость Петру Аркадіевичу, что онъ велъ себя съ полнымъ самообладаніемъ и разрѣшилъ всѣ мои вопросы, какъ будто бы собирался еще долго сидѣть въ своемъ креслѣ.

Первый вопросъ мною былъ поставленъ объ Иліодорѣ, можно ли было имѣть увѣренность, что онъ надолго изъятъ изъ Саратовской губерніи. На этотъ вопросъ министръ отвѣтилъ утвердительно.

— А не проститъ его Государь? — спросилъ я.

— Нѣтъ. На этотъ разъ Государь разсердился и сказалъ, что пора положить конецъ его безобразіямъ; съ этой стороны Вы можете быть спокойны.

— Хорошо, но на какой ногѣ мнѣ быть съ Гермогеномъ?

— Я думаю, что Вы съ нимъ поладите: безъ Иліодора, онъ, во всякомъ случаѣ, будетъ смирнѣе. Но прошу Васъ соблюдать съ нимъ всѣ внѣшнія формы. Можно писать епископу все, что угодно, можно съ нимъ воевать, но формы нужно соблюдать. Разъ Вы формы нарушите, то онъ всегда окажется въ выигрышномъ положеніи. Вице-губернаторъ не сумѣлъ этого сдѣлать, и я былъ вынужденъ поставить ему это на видъ.

По иниціативѣ министра, вопросъ о Боярскомъ выплылъ на сцену, и я не могъ его замолчать.

— Да, Боярскій писалъ мнѣ объ этомъ. Онъ очень обиженъ Вашими письмами, какъ по этому дѣлу, такъ и по столкновенію его съ земскимъ начальникомъ, и просилъ меня выяснить, какъ Вы вообще къ нему относитесь; если Вы ему не довѣряете, то онъ уполномочилъ меня передать Вамъ его прошеніе объ отставкѣ...

— Какая нелѣпость! Если всякій вице-губернаторъ станетъ подавать прошеніе объ отставкѣ, когда министръ будетъ указывать ему на его промахи, то управлять вѣдомствомъ станетъ невозможнымъ. Если хочетъ уходить, то пусть уходитъ, это его частное дѣло.

— Вамъ это легко говорить, а мнѣ ѣхать въ новую губернію, да еще съ новымъ вице-губернаторомъ, повѣрьте, не сладко.

— Дѣлайте, какъ хотите. Можете передать мнѣ его прошеніе объ отставкѣ, и я дамъ ему ходъ или оставьте его при себѣ.

— Я предпочитаю послѣднее. Тѣмъ не менѣе, не передавъ Вамъ его прошенія, я долженъ отвѣтить ему, довѣряете ли Вы ему, въ смыслѣ его полезности на службѣ?

Столыпинъ улыбнулся и сказалъ:

— Говорите ему все, что хотите, мнѣ рѣшительно все равно. Это онъ Татищева разыгрываетъ. Кстати о послѣднемъ. Я очень уважалъ и цѣнилъ графа Сергѣя Сергѣевича, но радъ нѣкоторой перемѣнѣ курса въ Саратовѣ.

Татищевъ смѣнилъ меня въ этой губерніи, когда она горѣла огнями революціи, и съ большою энергіею и мужествомъ привелъ ее въ порядокъ. Дѣло было не въ однихъ мужикахъ, но и въ земскихъ либералахъ которыхъ онъ обвѣялъ такимъ холодомъ, что ихъ теперь не видно и не слышно. Но, остудивъ ихъ, онъ и самъ замерзъ. Поза, принятая имъ, вполнѣ соотвѣтствовала обстановкѣ 1906—1907 года, теперь нужно другое, а онъ изъ анабіоза выйти не можетъ. Въ этомъ отношеніи я на Васъ очень разсчитываю... Именно терпимость Вашего характера и остановила на Васъ мой выборъ. Нельзя все время подчеркивать грань «вы и «мы», не только нельзя отталкивать общества, но надо итти ему на встрѣчу. Нельзя стоять все время на почвѣ своего права, права репрессивнаго и ограничивающаго, а надо понять людей, пользоваться ихъ добрыми качествами, эксплоатировать дурныя, а главное не мѣшать жить. Саратовцевъ я хорошо знаю: они очень строптивы; силою съ ними ничего не сдѣлаешь, а ласкою все, что угодно. Губерніею нельзя командовать, ею надо управлять... Ну, простите, больше времени я дать Вамъ не могу, желаю Вамъ счастья и успѣха.

Дня черезъ три я былъ принятъ Государемъ.

— Съ Крайняго Запада на Востокъ, — съ такими словами встрѣтилъ меня Государь.

— Да, Ваше Величество, — сказалъ я, — не ожидалъ я этого и, правду сказать, побаиваюсь.

— Чего?

— Прослуживъ восемнадцать лѣтъ въ Привислинскомъ Краѣ, я не знакомъ ни съ дворянствомъ, ни съ земскимъ дѣломъ, да не знаю и вообще чисто русской жизни.

— Я совершенно увѣренъ въ Васъ, вы справитесь.

— Очень благодарю Ваше Величество за доброе обо мнѣ мнѣніе, но я самъ въ себѣ далеко не увѣренъ и заранѣе прошу снисхожденія, если не оправдаю возложенныхъ на меня ожиданій, къ тому-же еще и Иліодоръ...

— Да уже его нѣтъ, онъ сосланъ въ дальній монастырь.

— На долго-ли, Ваше Величество? Царево сердце милостиво, будетъ очень просить, Вы его простите.

— Нѣтъ, больше не прощу, будьте спокойны.

— А Гермогенъ? Ваше Величество.

— Это другое дѣло, безъ Иліодора онъ будетъ смирнѣе, но Васъ я тоже прошу быть помягче и всячески щадить въ немъ его высокій духовный санъ; если онъ въ чемъ-нибудь и погрѣшитъ, то это падаетъ на него, но совершенно недопустима какая-то драка между губернаторомъ и архіереемъ, на общую потѣху всѣхъ враговъ порядка.

— Разумѣется, Ваше Величество.

— Ну такъ, вотъ я на Васъ и разсчитываю, а теперь желаю Вамъ успѣха, — сказалъ Государь, протягивая мнѣ руку.

На этомъ аудіенція и закончилась.

На слѣдующій день я поѣхалъ къ Курлову, занимавшему тогда должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающаго полиціей.

Слова министра и оберъ-прокурора и обѣщаніе Государя успокоили меня въ томъ отношеніи, что Иліодоръ прощенъ не будетъ и легально въ

Саратовъ не вернется, но я опасался его побѣга изъ Флорищевой Пустыни и по этому предмету хотѣлъ переговорить съ Курловымъ. Допуская возможность побѣга, я хотѣлъ просить Курлова, чтобы полицейскій приставъ, на котораго было возложено окарауливаніе Иліодора въ такомъ случаѣ непосредственно телеграфировалъ мнѣ въ Саратовъ, дабы я могъ своевременно принять соотвѣтствующія мѣры. Въ порядкѣ-же службы приставъ долженъ былъ телеграфировать исправнику, исправникъ владимірскому губернатору, а послѣдній могъ и не догадаться извѣстить меня, а потому телеграфировалъ-бы въ Петербургъ. При такихъ условіяхъ, полученныя мною свѣдѣнія были бы слишкомъ запоздалыми.

Курловъ принялъ меня съ большою важностью, развалясь въ креслѣ и пыхтя огромною сигарою. Между нами произошелъ слѣдующій краткій разговоръ:

— Я пришелъ просить, Ваше Превосходительство, въ случаѣ побѣга Иліодора...

— Иліодоръ крѣпко засаженъ и убѣжать не можетъ.

— Охотно вѣрю, тѣмъ не менѣе, если-бы онъ бѣжалъ, то я прошу...

— Повторяю Вамъ, онъ не убѣжитъ...

— Но если онъ убѣжитъ...

— Если товарищъ министра, завѣдывающій полиціею, говоритъ Вашему Превосходительству, что Иліодоръ не убѣжитъ, то онъ не убѣжитъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ съ Вами больше говорить не о чемъ, имѣю честь кланяться.

Дня черезъ три, въ самый день моего отъѣзда, я зашелъ съ Салтыковымъ въ Учетный банкъ, гдѣ мы встрѣтили Алексѣя Борисовича Нейдгарта, шурина Столыпина.

— Ну что, Петръ Аркадіевичъ остается? — спросилъ его Салтыковъ.

— Гдѣ тамъ, — отвѣтилъ Нейдгартъ, — на дняхъ его похороны по первому разряду, уже Танѣева пригласили въ Царское ризы шить... на покойника... (Танѣевъ въ то время былъ главноуправляющимъ собственной Е. В. канцеляріей, и на него обычно возлагалась обязанность писать рескрипты уходившимъ сановникамъ. Подъ словами «ризы шить» Нейдгартъ очевидно понималъ составленіе рескрипта).

Мало утѣшительнымъ показалось мнѣ это извѣстіе, слава Богу, что хоть Боярскаго удержалъ на мѣстѣ.

Кстати отмѣчу, что въ Учетный банкъ я заходилъ для того, чтобы отдать приказъ открыть мнѣ, подъ мои бумаги, кредитъ на значительную сумму въ одномъ изъ саратовскихъ банковъ. Я зналъ, что въ провинціи это сразу сдѣлается извѣстнымъ, и я этимъ думалъ парализовать возможность часто появлявшейся у насъ легенды: «вотъ, безъ штановъ пріѣхалъ, а теперь шесть вагоновъ вещей увезъ».

Да, отмѣчу еще послѣднюю шутку, которую сыгралъ со мною мой тезка. Какъ разъ въ «Новомъ Времени» въ это время появилось объявленіе:

«Жена, родные и знакомые съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаютъ о смерти камергера Высочайшаго Двора, Петра Петровича Стремоухова».

Въ Саратовѣ эта телеграмма произвела большой переполохъ: не успѣлъ новый губернаторъ пріѣхать и уже умеръ. Мѣстныя газеты хотѣли уже написать сочувственный некрологъ, какъ кто-то догадался запросить сначала

Петербургъ. Отвѣтная телеграмма успокоила волненіе. Долженъ отмѣтить, что саратовская пресса (тамъ выходило три газеты) отнеслась вообще сочувственно къ моему назначенію. Въ то время происходило въ Саратовѣ земское собраніе и многіе изъ присутствовавшихъ подѣлились полученными обо мнѣ благопріятными свѣдѣніями. Многимъ въ этомъ отношеніи я былъ обязанъ бывшему прокурору Варшавской судебной палаты, Чебышеву, тогда старшему предсѣдателю Саратовской судебной палаты, и управляющему отдѣленіемъ государственнаго банка, Танкову, знавшему меня по Калишу, гдѣ онъ занималъ ту-же должность.

Наконецъ, 9-го марта мы сѣли съ женою въ вагонъ, любезно предоставленный мнѣ управленіемъ Рязано-Уральской ж. д., и покатили въ Саратовъ.

Уѣзжая изъ Петербурга, я просилъ Салтыкова срочно держать меня въ курсѣ относительно оставленія своего поста Столыпинымъ и его возможномъ замѣстителѣ.

Резюмируя свои петербургскія впечатлѣнія, я пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Столыпинъ, очевидно, уйдетъ. Это большая потеря для Россіи; кругомъ не было видно человѣка, который по своему государственному размаху могъ бы даже близко къ нему подойти; еще большей потерей это было для меня. Всякій новый министръ будетъ относиться ко мнѣ какъ къ рядовому губернатору, а Столыпинъ, конечно, смотрѣлъ бы снисходительно на возможныя съ моей стороны ошибки. Ну что дѣлать, жилъ до сихъ поръ безъ опеки, проживу и далѣе. Общей политики, разумѣется, буду держаться той, которую указалъ мнѣ Петръ Аркадіевичъ. Если онъ даже и уйдетъ изъ министровъ, то все-же онъ умный человѣкъ, да и губернію знаетъ. Къ тому-же примирительная политика отвѣчала не только требованіямъ времени, но и моему личному складу.

Въ бытность мою въ Петербургѣ, я ознакомился съ всеподданнѣйшими отчетами моихъ предмѣстниковъ и составилъ себѣ о губерніи кое какое общее понятіе.

Саратовская губернія была одною изъ обширнѣйшихъ губерній въ Имперіи. Съ сѣвера на югъ она тянулась около 700 верстъ, а въ ширину раскинулась на 400. Я полагаю, что площадью она была немногимъ меньше Бельгіи и, во всякомъ случаѣ, больше какого-нибудь Вюртенберга. Что бы охарактеризовать размѣры губерніи, скажу, что на сѣверѣ ея, въ Кузнецкомъ уѣздѣ, водились лоси и глухари и росла клюква, а на югѣ, въ Царицынскихъ степяхъ, бродили сайги (родъ антилопъ) и дрофы, вызрѣвалъ чудесный виноградъ и пахали на верблюдахъ. Со своими изгибами Волга протекала по губерніи около 800 верстъ. Населеніе губерніи достигало почти четырехъ милліоновъ; въ губернскомъ городѣ — 250 000, а въ Царицынѣ — 150 000 человѣкъ. Въ преобладающей массѣ населеніе было великорусское; въ Хвалынскомъ уѣздѣ проживали татары, кое-гдѣ была мордва, а въ Камышинскомъ уѣздѣ расположились обширныя нѣмецкія колоніи; кое-гдѣ были вкраплены немногія станицы Астраханскаго казачьяго войска. Промышленность въ губерніи была развита менѣе значительно, а подавляющая часть населенія занималась земледѣліемъ. Нѣкоторыя помѣщичьи латифундіи были громадны и исчислялись десятками тысячъ десятинъ, напримѣръ Баланда — графовъ Шереметевыхъ, Зубриловка — князей Голицыныхъ-Прозоровскихъ, имѣнія графа Орлова-Денисова, Нарышкиныхъ, графа Воронцова-Дашкова. Однако огромная часть

земли была уже во владѣніи крестьянъ. Послѣ революціи 1905 года, съ особою силою отразившейся на Саратовской губерніи, помѣщичьи владѣнія съ каждымъ годомъ, при посредствѣ Крестьянскаго банка, таяли, и путемъ естественной эволюціи вся земля, несомнѣнно, десятка черезъ три лѣтъ, безо всякихъ потрясеній, перешла бы въ крестьянскія руки. Все же, къ моему времени помѣщики были еще богаты и мѣстное дворянское представительство представляло еще изъ себя силу, съ которою надо было считаться. Губернскимъ предводителемъ дворянства состоялъ Владиміръ Ниловичъ Ознобишинъ. Человѣкъ это былъ очень хорошій, добрый въ частной жизни, но, какъ предводитель, несносный, помѣшанный на престижѣ представляемаго имъ сословія и проникнутый идеологіей Союза Русскаго Народа, съ организаціями котораго въ губерніи онъ состоялъ въ самомъ тѣсномъ контактѣ. Большую роль въ мѣстномъ дворянствѣ игралъ и помѣщикъ Панчулидзевъ, состоявшій секретаремъ Объединеннаго дворянства. Человѣкъ это былъ умный, но чрезвычайно непріятный. Земство Саратовской губерніи считалось весьма работоспособнымъ и передовымъ. Во главѣ его стоялъ предсѣдатель губернской управы К. Н. Гриммъ, пользовавшійся репутаціею умнаго и покладистаго человѣка. Принадлежалъ онъ къ партіи Октябристовъ.

Въ средней и западной части губерніи почву составлялъ глубокій плодородный черноземъ, но особыя климатическія условія часто поражали губернію неурожаемъ, и это сильно отражалось на экономикѣ губерніи и психикѣ ея населенія. Крестьянство отличалось буйнымъ нравомъ, особенно, населеніе мѣстностей, прилегающихъ къ Волгѣ. Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ и легенды о Пугачевѣ далеко еще не вывѣтрились изъ народной памяти. Саратовская губернія имѣла громкое революціонное прошлое. Чернышевскій и Каракозовъ были саратовцами, Спиридонова и «Бабушка русской революціи», Брешко-Брешковская, усердно въ ней работали. Тутъ же подвизался и сидѣлъ въ тюрьмѣ знаменитый нынѣ Миноръ.

Приблизительно съ такимъ багажомъ освѣдомленности, я выѣзжалъ въ Саратовскую губернію.

11 марта, въ 10 часовъ утра, мы пріѣхали въ Саратовъ. На вокзалѣ я былъ встрѣченъ вице-губернаторомъ, котораго я принялъ въ вагонѣ.

— Ну, что Столыпинъ? — было его первымъ вопросомъ.

— Уходитъ.

— Ну, значитъ, я могу служить.

Вице-губернаторъ сообщилъ мнѣ, что въ парадныхъ комнатахъ меня ожидаетъ депутація отъ города съ головою Коробковымъ.

При самомъ входѣ въ парадныя комнаты, полиціймейстеръ передалъ мнѣ срочную телеграмму. Это была депеша отъ Салтыкова, условленной фразой извѣщавшаго меня въ самой категорической формѣ, что Столыпинъ остается на своемъ посту.

Городской голова сказалъ мнѣ привѣтственную рѣчь, въ которой выражалъ надежду, что во мнѣ городъ увидитъ второго Столыпина, который теперь, къ скорби всего благомыслящаго русскаго общества, а въ особенности саратовцевъ оставляетъ свой постъ. Я не могу припомнить теперь точно выраженій рѣчи Коробкова, но интересенъ былъ тотъ оттѣнокъ, который придавался уходу Столыпина. Въ этомъ событіи видѣли результатъ давленія справа. Быть можетъ, это и было такъ на самомъ дѣлѣ, но курьезно было

именно то, что непарламентскій образъ дѣйствій Столыпина, выразившійся въ роспускѣ Думы, сразу былъ забытъ съ того момента, что въ Петрѣ Аркадіевичѣ можно было усмотрѣть жертву давленія правыхъ.

На рѣчь головы, пользуясь телеграммою Салтыкова, я могъ отвѣтить завѣреніемъ, что Столыпинъ остается у власти, что произвело на депутацію весьма пріятное впечатлѣніе, на лицѣ же вице-губернатора отразилось крайнее недоумѣніе.

Съ вокзала мы съ женою проѣхали въ соборъ, гдѣ ожидало меня духовенство, совершившее краткое молебствіе.

Изъ собора я поѣхалъ въ губернаторскій домъ, который поразилъ меня, послѣ сувалкскаго домика, своимъ великолѣпіемъ. Была двухсвѣтная танцовальная зала, столовая человѣкъ на сто и не менѣе двадцати господскихъ комнатъ, довольно безвкусно, но богато меблированныхъ.

Вообще я долженъ отмѣтить нѣкоторую пышность и величавость саратовскаго губернаторскаго быта, повидимому, установленнаго рядомъ моихъ предшественниковъ.

Когда я ѣхалъ по городу, впереди на одиночкѣ съ пристяжкою скакалъ полиціймейстеръ, въ чинѣ статскаго совѣтника, а сзади на простой одиночкѣ ѣхалъ приставъ.

Съ перваго дня я отмѣнилъ этотъ церемоніалъ, показавшійся мнѣ ужасною азіатчиною; къ тому же онъ нарушалъ весь мой стиль. У меня была шорная пара тонконогихъ, кровныхъ, энглизированныхъ венгерскихъ кобылъ, кучеръ въ ливреѣ и цилиндрѣ, бритый и, несмотря на то, что онъ былъ воронежскій мужикъ, обладавшій профилемъ чистокровнаго англичанина.

Всю ненужную торжественность я понемногу упразднилъ. Когда я въ первый разъ, съ тросточкою, прошелся одинъ по главной «Нѣмецкой» ул., то это не только взволновало весь городъ, но даже вызвало лестную для меня замѣтку въ мѣстной газетѣ.

Упраздняя пышность, я думалъ, что дѣйствую хорошо. Нынѣ у меня возникаетъ сомнѣніе въ этомъ... Опрощеніе хорошо въ средѣ вполнѣ культурной, ну а при нашей дикости, пышность и недоступность, быть можетъ, и дѣйствовали на воображеніе.

Объѣзжавъ губернаторскій домъ, и поговоривъ о самыхъ срочныхъ дѣлахъ съ Боярскимъ, которому я объяснилъ противорѣчіе моихъ словъ относительно ухода Столыпина, сказанныхъ ему и городской депутаціи, и успокоивъ его въ смыслѣ отношенія къ нему министра, я считалъ, что поступилъ въ его дѣлѣ правильно, удержавъ его, во-первыхъ, отъ шага, о которомъ онъ несомнѣнно впослѣдствіи бы пожалѣлъ, и, во-вторыхъ, сохранивъ для службы этого вполнѣ полезнаго человѣка *).

Затѣмъ поѣхалъ съ визитомъ къ епископу Гермогену.

Когда я спускался по лѣстницѣ, швейцаръ подалъ мнѣ длиннѣйшую шифрованную телеграмму, подписанную Курловымъ. Я послалъ ее для расшифрованія правителю канцеляріи, а самъ поѣхалъ къ Гермогену.

Владыка былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, небольшого роста, съ довольно рѣдкою, сѣдѣющей бородкою, нервный и не обладающій свойственной или, вѣрнѣе, выработанной владыками, величавостью. Черные, острые глаза его

*) Передъ Февральской революціей П. М. Боярскій былъ губернаторомъ въ Казани, гдѣ пользовался общимъ расположеніемъ.

все время бѣгали по сторонамъ и оставляли непріятное впечатлѣніе. Въ общемъ, во внѣшности его было что-то еврейское, я не хочу этимъ сказать библейское...

Отъ Гермогена я проѣхалъ къ губернскому предводителю дворянстваОзнобишину, старшему предсѣдателю судебной палаты Чебышеву, къ сожалѣнію, оставившему Саратовъ — онъ былъ назначенъ присутствовать въ Сенатѣ, — къ начальнику дивизіи Болотову и къ вице-губернатору.

Когда я вернулся домой, то не прошло и пяти минутъ, какъ пріѣхалъ Гермогенъ съ отвѣтнымъ визитомъ, пожелавшій познакомиться и съ моею женою.

Провожая епископа въ прихожей, я наткнулся на правителя канцеляріи Шульца, подавшаго мнѣ расшифрованную депешу:

По отъѣздѣ епископа, я ее прочелъ.

Вотъ, что она вкратцѣ сообщала:

«8-го числа іеромонахъ Иліодоръ бѣжалъ изъ Флорищевой пустыни. По всей вѣроятности, онъ направляется въ Царицынъ. Благоволите принять мѣры къ недопущенію его въ городъ и выѣхать лично на мѣсто для устраненія возможныхъ недоразумѣній. За министра внутреннихъ дѣлъ, генералъ-лейтенантъ Курловъ».

Вотъ тебѣ разъ!

Вспомнились мнѣ его слова: «Когда товарищъ министра, завѣдывающій полиціею, говоритъ Вашему Превосходительству, что Иліодоръ не убѣжитъ, то онъ не убѣжитъ!».

Всѣ мои предположенія и надежды рухнули разомъ. Вѣдь я и бралъ-то Саратовскую губернію только въ виду отсутствія Иліодора, при его-же наличности я на это ни за что-бы не пошелъ.

Каково мнѣ было, не зная никого и ничего, не вступивъ даже, какъ слѣдуетъ, въ должность, сразу скакать въ Царицынъ, гдѣ неизвѣстно, что меня и ожидало.

Выѣхать въ тотъ-же день я не могъ. Еще по распоряженію моему изъ Петербурга на 12 число былъ мною назначенъ пріемъ всѣхъ должностныхъ лицъ губерніи. Въ числѣ представлявшихся долженъ былъ быть и весь окружный судъ; мнѣ сказалъ вице-губернаторъ, что прибыли ближайшіе уѣздные предводители дворянства и предсѣдатели управъ. Человѣкъ вообще могло набраться около полутораста, и пренебречь ими изъ-за какого-то Иліодора я нашелъ невозможнымъ. Къ тому-же торопиться въ Царицынъ не было основаній: если Иліодоръ уже 8-го числа бѣжалъ изъ Флорищевой пустыни, то 11 числа онъ долженъ былъ уже быть гдѣ-нибудь между Ртищевымъ и Царицынымъ и опередить его у меня не было бы ни малѣйшей возможности. Поэтому я могъ только передать телеграмму Курлова царицынскимъ полиціймейстеру и исправнику, а такъ-же начальникамъ жандармскихъ управленій ж. д. для соотвѣтствующихъ распоряженій.

Однако, тревогамъ этого дня не суждено было окончиться. Вечеромъ пріѣхалъ полиціймейстеръ и доложилъ, что только что убитъ семинаристомъ ректоръ духовной семинаріи, архимандритъ Х. (имя я его забылъ).

Вотъ они, прелести Саратовской губерніи, начинаются! — подумалъ я и невольно пожалѣлъ о своихъ, тихихъ, милыхъ Сувалкахъ.

Пришлось ѣхать въ семинарію... Окровавленный лежалъ несчастный убитый архимандритъ, какъ говорили мнѣ, прекрасный человѣкъ.

12 числа состоялся общій пріемъ. Мнѣ впервые пришлось выступать передъ такой большой аудиторіей должностныхъ лицъ, общественныхъ дѣятелей и представителей печати. Большой залъ губернаторскаго дома былъ набитъ биткомъ. Кого тутъ только не было: соборное духовенство, католическій епископъ, суперъ-интендентъ протестантскихъ церквей, муллы, раввины, представители старообрядческой общины, судьи, генералы, ректоръ университета, директора среднихъ учебныхъ заведеній, атаманы станицъ (Астраханскаго войска), желѣзнодорожники, пароходовладѣльцы, консулы, банкиры, дамы патронессы, предводители дворянства, земцы и даже президіумъ мѣстнаго отдѣла Императорскаго общества правильной охоты, поднесшій мнѣ званіе своего почетнаго предсѣдателя и соотвѣтствующій нагрудный знакъ. Сказанная мною привѣтственная рѣчь, въ которой я указалъ на то, что особенно горжусь быть начальникомъ Саратовской губерніи, гдѣ все крупно, и размѣры ея, и размахъ дѣятельности, и богатство, и даже упадающія на нее бѣдствія, какъ по промыслу Божію, такъ и по злой волѣ людей, произвела, какъ мнѣ говорили потомъ, наилучшее впечатлѣніе.

Долженъ отмѣтить, что у саратовцевъ въ высшей степени былъ развитъ свой мѣстный патріотизмъ. Они считали свою губернію первой въ Россіи, себя людьми самыми крупными, и, какъ это ни странно, въ сферу этого преувеличенія вносили и личность своего губернатора. Саратовскій губернаторъ не могъ, по ихъ мнѣнію, быть «кто-то тамъ, такъ себѣ», нѣтъ, это была величина. Имъ особенно льстило, что съ должности саратовскаго губернатора Столыпинъ былъ назначенъ прямо министромъ и весьма скоро послѣ того и Премьеромъ. Если Столыпинъ выбралъ меня для Саратова, то и я что-то большое. Саратовцы могли надѣлать много хлопотъ своему губернатору, но престижъ его оберегали, какъ свой собственный. И на этой струнѣ саратовскаго патріотизма можно было разыграть не одну административную симфонію.

Послѣ пріема представляющихся, я вновь поѣхалъ къ Гермогену, чтобы переговорить съ нимъ о бѣгствѣ Иліодора и о тѣхъ мѣрахъ, которыя слѣдовало бы предпринять на случай его прибытія въ Царицынъ.

Чувствовалось, что владыка уже зналъ о бѣгствѣ іеромонаха и его планахъ, но скрывалъ это довольно удачно.

Во время моего посѣщенія владыки, правитель канцеляріи привезъ мнѣ только что полученную телеграмму отъ царицынскаго полиціймейстера, извѣщавшаго, что Иліодоръ уже находится на Французскомъ заводѣ близъ Царицына и что мѣры къ недопущенію его въ городъ, а въ особенности въ монастырь, приняты.

Я подѣлился съ Гермогеномъ полученными свѣдѣніями, и онъ сообщилъ мнѣ, что тоже поѣдетъ въ Царицынъ. Тогда я сталъ уговаривать его ѣхать вмѣстѣ съ мною и совмѣстными усиліями убѣдить іеромонаха добровольно вернуться на мѣсто ссылки. Владыка обѣщалъ мнѣ всякое свое содѣйствіе, объяснивъ, что именно съ этою цѣлью и собирается въ Царицынъ, но ѣхать со мною отказался, говоря, что вліяніе его будетъ сильнѣе, если онъ будетъ дѣйствовать самостоятельно, а не подъ видимымъ давленіемъ свѣтской вла-

сти. Ни мои просьбы, ни перспектива ѣхать въ удобномъ директорскомъ вагонѣ не разубѣдили Гермогена.

Съ собою я захватилъ правителя канцеляріи Ш. и начальника губернскаго жандармскаго управленія, полковника Семигановскаго. Оба были мнѣ крайне нужны, какъ знавшіе всю предшествующую исторію Гермогена и Иліодора.

На этихъ двухъ лицахъ я остановлю на нѣсколько минутъ вниманіе читателя.

Ш. происходилъ изъ мѣстныхъ нѣмцевъ-колонистовъ и получилъ университетское образованіе. Онъ состоялъ уже помощникомъ правителя канцеляріи въ бытность губернаторомъ Столыпина и правителемъ канцеляріи при Татищевѣ. Зналъ онъ дѣло превосходно, работоспособности былъ изумительной... но былъ совершенно равнодушенъ къ дѣлу. Насколько мой сувалкскій Хвалько клалъ душу свою въ работу и любилъ губернатора (не меня лично, а именно губернатора), настолько въ Ш. я чувствовалъ не только равнодушіе, но даже и нѣкоторое недоброжелательство. На все онъ говорилъ «слушаюсь», и выполнялъ всякую работу быстро и превосходно, но мнѣ казалось, что если-бы я приказалъ ему написать величайшую глупость, за которую меня-бы выгнали со службы, то онъ сдѣлалъ-бы это съ особеннымъ удовольствіемъ и представилъ-бы мнѣ къ подписи на зеленевой бумагѣ.

Мнѣ кажется, что такое характерное отношеніе къ губернатору этихъ двухъ правителей канцеляріи объяснялось слѣдующимъ. Какъ Хвалько, такъ и Ш. по происхожденію своему принадлежали къ податнымъ сословіямъ. Окончившій образованіе въ уѣздномъ училищѣ, Хвалько, дослужившись до должности правителя канцеляріи, считалъ себя на верху возможныхъ для него достиженій, былъ доволенъ своей судьбою и безо всякаго завистливаго чувства обслуживалъ своего начальника. Напротивъ того, Ш., получившій высшее образованіе, былъ неудовлетворенъ въ своемъ честолюбіи и относился ко мнѣ съ чувствомъ пролетарія къ своему хозяину. «Почему ты, а не я! Вѣдь я-же образованнѣе, а, значитъ, и умнѣе тебя».

Какъ бы то ни было, въ теченіе двухъ лѣтъ, я все время чувствовалъ около себя недоброжелателя, но не считалъ себя въ правѣ его отпустить, такъ какъ работалъ онъ безукоризненно.

Полковникъ Семигановскій былъ наилучшимъ изъ жандармскихъ офицеровъ, встрѣченныхъ на моемъ жизненномъ пути. Онъ былъ всегда уравновѣшенъ, тактиченъ, не мѣшался въ сферу, ему не присущую, и, занимая должность начальника районнаго охраннаго отдѣленія, былъ весьма освѣдомленъ въ партійной революціонной работѣ не только въ Саратовской, но и окружающихъ ее губерніяхъ.

До Царицына мнѣ пришлось ѣхать около трехъ дней, проѣхавъ по ж. д. черезъ части Тамбовской и Воронежской губерній и Области Войска Донского.

Долженъ здѣсь представить читателю маленькіе кроки моего будущаго театра военныхъ дѣйствій въ борьбѣ съ Иліодоромъ.

Въ самомъ городѣ Иліодоръ выстроилъ себѣ огромный монастырь, окруженный хозяйственными постройками на подобіе сплошной стѣны. Церковь и монастырскія постройки были самой грубой, если можно такъ выразиться, бутафорской работы.

Верстахъ въ пяти за городомъ стоялъ, такъ называемый, Французскій заводъ, производившій крупныя металлургическія работы. (Впослѣдствіи онъ былъ пріобрѣтенъ извѣстнымъ Виккерсомъ и обращенъ въ пушечный). Заводъ этотъ представлялъ цѣлый городокъ съ пятью, шестью тысячами жителей, изъ которыхъ большая часть, а въ особенности женщины, были ярыми поклонниками Иліодора.

Подъѣзжая къ Царицыну, мы получили свѣдѣнія, что Иліодоръ на одной изъ промежуточныхъ станцій былъ опознанъ и предъявленъ начальнику жандармскаго отдѣленія ж. д. Не знаю, какими именно пріемами, Иліодоръ уговорилъ этого офицера, но фактъ, что, несмотря на мое запрещеніе, іеромонахъ былъ пропущенъ далѣе. (Впослѣдствіи этотъ жандармскій офицеръ былъ куда-то переведенъ, а вскорѣ послѣ того получилъ и повышеніе по службѣ)...

Когда мы пріѣхали въ Царицынъ, то полиціймейстеръ доложилъ мнѣ, что Иліодоръ съ французскаго завода ушелъ и, несмотря на всѣ принятыя мѣры, уже водворился въ монастырѣ, куда онъ проникъ въ женскомъ платьѣ, и собралъ толпу въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Вчера онъ говорилъ проповѣдь, въ которой сообщалъ, что Государь находится въ рукахъ жидо-масоновъ-министровъ, изъ которыхъ самый опасный самъ Столыпинъ, что министровъ слѣдуетъ драть розгами, а Столыпина обязательно по средамъ и пятницамъ, чтобы онъ помнилъ постные дни и чтобы выбить изъ него масонскій духъ.

Кромѣ приведенной ранѣе телеграммы Курлова, я не имѣлъ никакихъ указаній, но мнѣ казалось, что ранѣе всего надо было потребовать отъ Иліодора немедленнаго возвращенія въ мѣсто ссылки и въ случаѣ неповиновенія арестовать.

Я послалъ полиціймейстера въ монастырь и приказалъ Иліодору немедленно ко мнѣ явиться.

Вскорѣ полиціймейстеръ, Василевскій, вернулся и доложилъ, что Иліодоръ просилъ мнѣ передать, что онъ не подумаетъ ко мнѣ являться, а что, если я интересуюсь его видѣть, то я могу и самъ пожаловать къ нему въ монастырь. Это была уже прямая дерзость и на нее слѣдовало соотвѣтственно реагировать.

Въ тотъ-же день, за наступленіемъ поздняго времени, ничего уже предпринять было невозможно.

На слѣдующій день приставъ съ нарядомъ стражниковъ вошелъ въ монастырскую ограду. Иліодора въ кельѣ не оказалось. Онъ служилъ молебенъ и находился въ алтарѣ. Приставъ, конечно, въ алтарь войти не рѣшился, но со стражниками остался въ церкви, ничего не предпринимая и выжидая болѣе благопріятной обстановки для ареста.

Иліодоръ, стоя на амвонѣ, съ возможностью ежеминутно уйти въ алтарь, произнесъ громовую проповѣдь противъ царскихъ опричниковъ, дерзнувшихъ кощунственно своимъ присутствіемъ нарушить святость монастыря и церкви, и заявилъ, что отнынѣ онъ изъ алтаря выходить не будетъ и перестанетъ принимать пищу и питье, пока гоненія противъ него не прекратятся.

Многочисленная толпа слушала проповѣдь, поддакивая Иліодору въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ, женщины плакали и умоляли «батюшку» не обрекать себя на голодную смерть.

— Нѣтъ, нѣтъ, — говорилъ Иліодоръ, — мнѣ ничего кромѣ смерти не остается.

Когда толпа было доведена уже до состоянія бѣлаго каленія, Иліодоръ сказалъ, что только она, толпа, можетъ спасти его и, тѣмъ самымъ, пріуготовать себѣ мѣсто въ царствіи небесномъ. Надо послать телеграмму Государю и просить оставить его, Иліодора, въ Царицынѣ, а до полученія отвѣта онъ, все равно, ни пить, ни ѣсть не будетъ. Откуда-то появился листъ бумаги съ заранѣе заготовленнымъ текстомъ телеграммы, который моментально былъ покрытъ сотнями подписей присутствовавшихъ, отсутствовавшихъ и никогда не существовавшихъ поклонниковъ іеромонаха.

— А теперь, — сказалъ Иліодоръ, указывая на стражниковъ, — этихъ фараоновъ изъ дома Божія надо выгнать.

Моментально толпа набросилась на стражниковъ, вырвала у нихъ шашки, сорвала револьверы, а самихъ стражниковъ, сильно помявъ, выбросила за стѣны монастыря. Особенно неистовствовали женщины.

Телеграмма Государю была отправлена. По произведенному разслѣдованію едва одна десятая часть подписей была дѣйствительна, остальныя оказались апокрифическими.

Что мнѣ надо было дѣлать?

Ранѣе всего, я протелеграфировалъ Столыпину самымъ подробнымъ образомъ о всемъ происшедшемъ въ Царицынѣ, включая и рѣчь Иліодора, находившаго нужнымъ сѣчь министра по средамъ и пятницамъ. Затѣмъ я выяснилъ наличность въ городѣ государственной стражи. Результатъ оказался плачевнымъ: съ такимъ количествомъ стражи отрытою силою взять Иліодора было невозможно. Кромѣ того, меня тревожилъ вопросъ, можно ли, съ точки зрѣнія закона, произвести арестъ въ алтарѣ. Приглашенный на совѣщаніе товарищъ прокурора не могъ дать мнѣ положительнаго отвѣта, но склонялся къ мысли, что это не допустимо; съ житейской точки зрѣнія это казалось и мнѣ несомнѣннымъ *).

Произведенною развѣдкою было установлено, что изъ алтаря былъ прямой ходъ въ келью Иліодора, въ которой онъ преблагополучно и пребывалъ, при малѣйше подозрительныхъ признакахъ, переходя въ алтарь.

Не зная достаточно личныхъ свойствъ мѣстныхъ чиновъ полиціи, я завелъ въ монастырѣ особыхъ агентовъ, даже принадлежавшихъ къ мѣстной интеллигенціи, которые передавали мнѣ въ точности рѣчи Иліодора. Вскорѣ изъ сопоставленія этихъ сообщеній и донесеній полиціи я убѣдился въ полной добросовѣстности послѣдней.

Находя, при создавшихся условіяхъ, почти невозможнымъ изъятіе Иліодора изъ монастыря, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ пріѣзда Гермогена, памятуя его обѣщаніе, всемѣрно мнѣ помочь привести къ повиновенію строптиваго монаха.

Наконецъ, дня три спустя послѣ меня, пріѣхалъ и владыка. Онъ остановился у своего пріятеля, директора реальнаго училища (фамилію его я забылъ), и не повидавшись со мною, прямо проѣхалъ въ монастырь.

Такое начало не предвѣщало ничего хорошаго.

---

*) При арестѣ всегда можно ожидать сопротивленія, поэтому, понятно, что арестующій долженъ быть вооруженъ. По канонамъ — въ алтарь входить съ оружіемъ запрещено.

Вскорѣ мои агенты доложили мнѣ слѣдующее.

Святитель былъ встрѣченъ Иліодоромъ у вратъ церкви. Они облобызались и затѣмъ прошли въ алтарь, гдѣ пробыли около часа Затѣмъ оба совершили молебствіе, послѣ котораго владыка сказалъ слово, въ которомъ высказалъ жалобы на несправедливое преслѣдованіе достопочтеннаго брата Иліодора правительствомъ, выражалъ радость тому, что іеромонахъ разбилъ оковы своей темницы и теперь находится въ средѣ вѣрующей и любящей его братіи и народа православнаго. Епископъ призывалъ присутствовавшихъ сплотиться около іеромонаха и грудью защищать его отъ возможности какого бы то ни было надъ нимъ насилія.

Вотъ какъ епископъ исполнилъ свое обѣщаніе, данное представителю правительственной власти!

Тѣмъ не менѣе, забравъ свои нервы въ руки, я поѣхалъ къ владыкѣ, и говорилъ съ нимъ, будто бы ничего не знаю о его выступленіи въ монастырѣ.

Гермогенъ принялъ меня съ обычною ласковостью и сказалъ, чтобы я потерпѣлъ, что іеромонаха надо оставить въ покоѣ, а что самое цѣлесообразное ожидать результата ходатайства передъ Царемъ всего народа объ его помилованіи.

Стало уже окончательно ясно, что на архіерея мнѣ разсчитывать болѣе нечего.

Тѣмъ временемъ моя агентура установила, что въ монастырскомъ зданіи собралось болѣе пяти тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ многіе имѣли при себѣ оружіе, количество же накопленной мною стражи не превышало ста пятидесяти человѣкъ.

Изъ Петербурга, тѣмъ временемъ, никакихъ извѣстій не приходило. Наконецъ, числа 22-го, совершенно неожиданно для меня, пріѣхалъ, командированный Курловымъ, вице-директоръ департамента, Н. П. Харламовъ.

— Ну, что, — спросилъ я его, — чего они отъ меня хотятъ?

— Право, не знаю, —отвѣтилъ онъ. — Когда я выѣхалъ изъ Петербурга, Ваши телеграммы еще не были получены, а меня командировалъ Курловъ въ помощь Вамъ, въ томъ предположеніи, что Вамъ, какъ едва вступившему въ должность, будетъ очень трудно.

— Трудно-то, трудно, но при чемъ Вы-то тутъ? Вѣдь всякое рѣшеніе я могу принять только на свою голову, и за все, какъ начальникъ губерніи, буду отвѣчать одинъ, ссылаться же на васъ я не могу.

— Совершенно съ Вами согласенъ, и я самъ, въ сущности, не знаю, для чего я здѣсь.

Долженъ отмѣтить, что несмотря на всю фальшивость нашихъ взаимоотношеній, Харламовъ принялъ правильную ligne de conduite и нисколько мнѣ не мѣшалъ. Это былъ вообще разумный и порядочный человѣкъ.

Во время продолжительныхъ разговоровъ между нами, Харламовъ, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что хотя Столыпинъ и остался на своемъ посту, но все же его положеніе сильно пошатнулось, въ особенности въ Царскомъ Селѣ, гдѣ ему не могли простить вовлеченіе Государя въ совершенно ненужный роспускъ Думы и Государственнаго Совѣта и принятіе репрессивныхъ мѣръ противъ правыхъ его членовъ. По словамъ Харламова, открытую агитацію вели правые, ловко натравленные на это лѣвыми кругами.

Иліодоръ ежедневно служилъ обѣдни и говорилъ проповѣди. По поводу пріѣзда Харламова онъ разразился, приблизительно, слѣдующимъ: «Отовсюду воронье слетается, пріѣхали губернаторъ, жандармы, главный сыщикъ изъ Петербурга — и никого - то я не боюсь. Прогоню новаго губернатора, какъ я прогналъ Ирода - Татищева, а если онъ сунется ко мнѣ, то я защищу свой монастырь, какъ преподобный Авраамій Палицынъ Троицко - Сергіевскую Лавру отъ поляковъ, вѣдь не выдадите меня честной народъ православный?»

— Не выдадимъ батюшка, — ревѣла ему въ отвѣтъ толпа.

Моя агентура донесла мнѣ, что Иліодоръ постоянно носитъ на себѣ запасные дары и, если полиція попробуетъ его арестовать, разсыплетъ ихъ, чтобы обвинить ее въ кощунствѣ.

Числа около 22-го я получилъ отъ Гермогена письмо слѣдующаго содержанія:

«Предполагая при участіи духовенства и свѣтскихъ лицъ обсудить вопросъ, какъ поступить далѣе въ дѣлѣ съ достоуважаемымъ батюшкою Иліодоромъ, прошу Ваше Превосходительство пожаловать на означенное засѣданіе сегодня вечеромъ, въ 6 часовъ».

Я конечно рѣшилъ не ѣхать. Обсуждать было нечего. Иліодоръ долженъ былъ покориться и отдаться гражданской власти. Кромѣ того, я не могъ не опасаться возможности рѣзкихъ выходокъ со стороны Гермогена, по моему, или высшихъ властей адресу. Промолчать мнѣ было неудобно, а отвѣчать тѣмъ же, было бы не тактично и шло бы наперекоръ, выраженной мнѣ Государемъ воли. Я даже склонялся къ мысли, что Гермогенъ нарочно создавалъ такое совѣщаніе, чтобы какъ - нибудь спровоцировать меня на какую-нибудь неосторожность и тѣмъ скомпрометировать.

Такое же приглашеніе получили и царицынскіе полиціймейстеръ и исправникъ.

Отвѣтивъ епископу, что я по нездоровью не могу принять его приглашенія, я разрѣшилъ вышеназваннымъ должностнымъ лицамъ отправиться на совѣщаніе, внимательно все выслушивать, но на всѣ вопросы отмалчиваться, ссылаясь на отсутствіе указаній со стороны начальства.

На слѣдующій день оба протоколярно доложили мнѣ рѣчь Гермогена, изъ которой я приведу одинъ абзацъ:

«Сюда, въ Царицынъ, наѣхали всѣ власти съ губернаторомъ во главѣ. Святой монастырь окруженъ полиціею, какъ разбойничье гнѣздо, и нашего достоуважаемаго батюшку Иліодора оскорбляютъ какъ какого - нибудь преступника ... и не подымется ничья рука, чтобы отмстить за него ... Вотъ, когда извѣстную революціонерку, Марусю Спиридонову оскорбилъ приставъ, то нашлись же люди, которые за нее отмстили, а нашего батюшку оскорбляютъ безнаказанно».

Выводъ изъ этой фразы предоставляю сдѣлать читателю.

Обо всемъ этомъ я сообщилъ срочными телеграммами министру и оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода.

На слѣдующій день полиціймейстеръ доложилъ мнѣ, что на квартирѣ у епископа въ реальномъ училищѣ вновь состоится многолюдное собраніе и что по имѣющимся свѣдѣніямъ, въ немъ будетъ участвовать и Иліодоръ, который проберется для этого тайкомъ изъ монастыря.

Я приказалъ полиціймейстеру поставить заставы и по возможности арестовать іеромонаха при прослѣдованіи въ реальное училище.

— А, какъ быть, — спросилъ полиціймейстеръ, — если онъ, минуя заставы, все-таки окажется въ училищѣ?

— Арестуйте его тамъ.

— Ваше Превосходительство, это невозможно. Я увѣренъ, что онъ ни на минуту не отойдетъ отъ Его Преосвященства и что при попыткѣ ареста владыка за него ухватится и придется его отдирать силою. Какъ бы при этомъ невольно, а можетъ быть и при провокаціи съ его стороны, не оскорбить архіерея, а вѣдь въ такомъ случаѣ худо будетъ.

— Вы правы. Однако же это техническія затрудненія, надо обдумать, какъ ихъ преодолѣть.

— Трудновато, Ваше Превосходительство.

— А вотъ, Вы какъ поступите. Поѣзжайте на совѣщаніе, захватите съ собою нѣсколько переодѣтыхъ городовыхъ и агентовъ и сами весь вечеръ ведите себя не только смирно, но даже предупредительно. Когда совѣщаніе кончится и уже всѣ будутъ выходить по лѣстницѣ, постарайтесь протиснуться между владыкою и Иліодоромъ. Агентовъ поставьте на лѣстницѣ и, когда вы съ ними поравняетесь, рѣзко толкните іеромонаха въ руки агентовъ, а сами, въ самой почтительной позѣ, загородите его отъ епископа, а агенты пусть уже волочатъ Иліодора въ приготовленныя сани и везутъ на вокзалъ; тамъ будетъ ожидать вагонъ съ локомотивомъ подъ парами и мы увеземъ его, куда слѣдуетъ.

— Ваше Превосходительство, какъ я его толкну, вѣдь онъ духовное лицо.

— Въ моихъ глазахъ это бунтовщикъ и больше ничего.

— Вы отдаете мнѣ такое категорическое приказаніе?

При этихъ словахъ полиціймейстеръ обвелъ присутствовавшихъ глазами, какъ бы призывая ихъ въ свидѣтели.

— Да, это категорическое приказаніе.

— Слушаюсь. Будетъ исполнено.

Этого приказанія не пришлось приводить въ исполненіе, можетъ быть, на мое счастіе. Иліодоръ на совѣщаніе не пріѣхалъ.

Въ слѣдующую за тѣмъ ночь я получилъ сразу двѣ телеграммы. Первую отъ Саблера, который сообщалъ мнѣ указъ Синода, приказывающій Иліодору немедленно отправиться на мѣсто ссылки съ обращеніемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою, въ случаѣ неповиновенія Иліодора, привести указъ Синода въ исполненіе административными мѣрами. Вторая телеграмма была отъ Курлова, подписавшаго «За министра» и предлагавшаго къ немедленному и неуклонному исполненію просьбы Синода. Копія синодскаго указа одновременно и непосредственно была сообщена оберъ-прокуроромъ и Гермогену.

Въ виду сего, на слѣдующій день я написалъ письмо Гермогену, прося его увѣдомить, для соотвѣтствующихъ распоряженій, гдѣ и когда, въ тотъ же день, Иліодоръ будетъ переданъ администраціи.

На это письмо, посланное съ нарочнымъ, епископъ мнѣ не отвѣтилъ, а поѣхалъ въ монастырь.

Монастырь былъ переполненъ народомъ. Я уже давно принялъ мѣры къ недопущенію въ него новыхъ посѣтителей, но ранѣе проникшая въ него толпа не выходила, ночуя въ монастырскихъ зданіяхъ и самой церкви. По полученнымъ свѣдѣніямъ, санитарныя условія въ монастырѣ стали уже со-

вершенно нестерпимыми. Одно время я останавливался на мысли не допускать туда пищи и тѣмъ вынудить поклонниковъ Иліодора оставить монастырь, но потомъ отказался отъ нея. Иліодоръ, имѣвшій громадное, исключительное вліяніе на толпу, сумѣлъ бы привести ее къ голодовкѣ, и я создалъ бы, себѣ на голову, толпу мучениковъ.

Полицейскій офицеръ попытался было не пропустить и епископа въ монастырь, но, не получивъ на это спеціальнаго указанія, не рѣшился выполнить своего первоначальнаго намѣренія.

Полученіе Гермогеномъ и Иліодоромъ указа Синода произвело на нихъ впечатлѣніе совершенно противное ожидавшемуся. Оба рѣшили Синоду не подчиняться. Епископъ и іеромонахъ произнесли проповѣди самаго возмутительнаго, анархическаго характера, отвергающія всякую власть, какъ духовную, такъ и свѣтскую, причемъ члены Синода, оберъ-прокуроръ, министры и я подвергались самымъ тяжелымъ и грубымъ оскорбленіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Иліодоръ заявилъ, что онъ снимаетъ съ себя клятву голодовки, такъ какъ не «стоитъ», де, себя мучить изъ-за такихъ дрянныхъ людей, какъ нынѣшняя свѣтская власть и іерархи церкви. Народъ принялъ это заявленіе восторженно.

— Кушай, батюшка, кушай на здоровье, — вопила толпа.

Едва недѣлю передъ тѣмъ, этотъ человѣкъ всенародно клялся голодать, пока не получитъ прощенія, а теперь, по случаю своего новаго осужденія наиболѣе компетентною духовною властью, отъ исполненія клятвы отказался. Отсутствіе логики въ поступкахъ и наглое клятвопреступленіе исчезали въ сознаніи толпы отъ гипнотизирующаго краснорѣчія этого наглаго авантюриста.

Въ своей проповѣди Гермогенъ призывалъ паству къ защитѣ батюшки Иліодора, до послѣдней капли крови.

Толпа была нафанатизирована до крайняго предѣла. Женщины рыдали, со многими сдѣлались истерики, а мужчины, грубые и сильные царицынскіе босяки, потрясали кулаками и клялись сокрушить всякаго, кто посмѣетъ попытаться дотронуться до іеромонаха.

Съ того времени Гермогенъ почти не выходилъ изъ монастыря и вмѣстѣ съ Иліодоромъ день и ночь доводили многочисленную толпу до бѣлаго каленія.

О создавшейся обстановкѣ я телеграфировалъ Саблеру и министру, на что вновь получилъ телеграмму отъ Курлова, предлагавшаго, невзирая ни на что, арестовать Иліодора.

Въ одной изъ очередныхъ проповѣдей Гермогенъ заявилъ, что не допуститъ ареста Иліодора, и что онъ встанетъ между нимъ и слугами сатаны и не дастъ имъ дотронуться до святого человѣка, ограждая его Святымъ Крестомъ... пусть только дерзнутъ къ нему прикоснуться.

Положеніе мое было самое отчаянное. Нельзя было оставлять Иліодора безнаказаннымъ, но страшно было и рисковать столкновеніемъ чисто физическимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ кощунственнымъ съ лицомъ, облеченнымъ въ санъ святителя. Къ тому же съ полутораста стражниками нельзя было и думать взять монастырь открытою силою. Я могъ вызвать войска и сдѣлать это при ихъ содѣйствіи, но сколько бы это стоило крови и, при томъ, крови невинныхъ жертвъ преступнаго, гипнотизирующаго воздѣйствія наглаго монаха и потакавшаго ему изувѣрнаго іерарха.

Полагая, что я недостаточно ярко изобразилъ создавшуюся обстановку, я вновь все вышеизложенное изложилъ въ длиннѣйшей шифрованной депешѣ министру, указывая на всѣ тягостныя послѣдствія попытки ареста Иліодора. На эту телеграмму я получилъ отвѣтъ, опять таки отъ Курлова, приблизительно слѣдующаго содержанія:

«Предлагаю къ неуклонному и немедленному исполненію. Прикажите наряду полиціи ночью войти въ монастырь, схватить Иліодора. Заготовьте сани и шубу и по Волгѣ отправьте его въ Х.»

Неисполнимость приведеннаго распоряженія била въ глаза. Какъ будто бы нарядъ полиціи могъ войти въ монастырь и взять Иліодора, какъ барана. Ворота запирались на ночь. Вездѣ были поставлены караулы, какъ въ осажденной крѣпости, съ дубинами и огнестрѣльнымъ оружіемъ. При малѣйшей тревогѣ, вся собравшаяся въ обители толпа всколыхнулась бы, какъ одинъ человѣкъ. Съ колокольни забили бы въ набатъ и много тысячъ поклонниковъ Иліодора, находившихся еще внѣ стѣнъ монастыря, потекли бы къ мѣсту происшествія, имѣя во главѣ епископа Гермогена со Святымъ Крестомъ въ рукахъ. Полиціи, въ лучшемъ случаѣ, пришлось бы позорно ретироваться, а въ худшемъ случаѣ, быть избитой или даже перебитой. Пришлось бы вызывать войска. Представляю читателю самому нарисовать себѣ дальнѣйшую картину.

Приведеніе въ исполненіе распоряженія Курлова привело бы къ кровавымъ событіямъ въ Царицынѣ, слухъ о которыхъ, преувеличенный и разукрашенный стоустою молвою, облетѣлъ бы всю Имперію и едва ли не всю Европу, къ вящшему удовлетворенію враговъ правительства и Россіи.

Кто могъ быть заинтересованъ въ этомъ?

Меня давно уже угнетала мысль, почему на всѣ мои депеши я не получаю отвѣта отъ самого Столыпина, а всѣ телеграммы отъ министра подписаны за него, Курловымъ. Я зналъ, что Столыпинъ очень интересовался дѣломъ Иліодора, почему такое равнодушіе казалось мнѣ совершенно непонятнымъ. Признаюсь, что иногда посѣщали меня недобрыя мысли: посадилъ-де меня въ эту грязную исторію, а теперь и ухомъ не ведешь! Однако, зная характеръ Петра Аркадьевича, его всегдашнюю готовность брать на себя иниціативу и отвѣтственность, я отметалъ эти мысли. Но гдѣ же тогда причина его молчанія? И вотъ я пришелъ къ заключенію, что просто онъ не тѣмъ занятъ. Послѣдствія его образа дѣйствій относительно Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, начавшаяся противъ него интрига, борьба за власть и упроченіе своего положенія въ Царскомъ Селѣ захватили все его вниманіе и всѣ остальныя дѣла, какъ текущія, онъ передалъ, по принадлежности, своимъ товарищамъ, а потому и царицынскій эпизодъ, отошелъ въ вѣдѣніе Курлова, который даже и не посвящаетъ въ него министра... Словомъ, мнѣ думалось, что Столыпинъ просто ничего не знаетъ.

Къ чему привело бы точное исполненіе мною требованія Курлова? Къ громадному скандалу. Кровавыя событія въ Царицынѣ были бы на руку всѣмъ недоброжелателямъ Столыпина, и справа, и слѣва и, пользуясь ими, министру могъ быть нанесенъ послѣдній ударъ.

Никто бы не сталъ разбирать, распоряженія ли Курлова или министра вызвали царицынскія событія, отвѣтственность за все несъ министръ, къ тому же ставшій мишенью для всѣхъ стрѣлъ оппозиціи.

Каково же было бы мое личное положеніе во всей этой исторіи?

Конечно, я могъ всегда сослаться на то, что совершившіяся событія являются прямымъ послѣдствіемъ точнаго исполненія данныхъ мнѣ Курловымъ указаній, но это было бы плохой защитою. Для обвинителей являлось бы всегда оружіемъ, выставляемая въ такихъ и основательно забываемая во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, самостоятельность губернаторовъ, вытекающая изъ природы губернаторской власти. У начальства же всегда являлась возможность, отстаивая правильность данныхъ имъ указаній, обвинять меня въ неумѣломъ ихъ выполненіи: кабы дѣло было исполнено «съ тактомъ», то все бы и кончилось хорошо, ну, а вотъ, губернаторъ не сумѣлъ этого сдѣлать, значитъ, онъ и виноватъ.

По силѣ всѣхъ этихъ соображеній, я рѣшился на крайнее средство, совершенно выходившее изъ всѣхъ обычаевъ и установленныхъ іерархическихъ отношеній. Я написалъ въ Петербургъ слѣдующую, приблизительно, шифрованную телеграмму:

«Министру Внутреннихъ Дѣлъ, Петру Аркадьевичу Столыпину, въ собственныя руки.

Въ теченіе десяти дней я доношу Вашему Превосходительству о чрезвычайныхъ событіяхъ въ Царицынѣ. Всѣ отвѣты на мои телеграммы я получаю не отъ Васъ, а отъ «За министра Внутреннихъ Дѣлъ, генералъ - лейтенанта Курлова», предъявляющаго ко мнѣ требованія, исполненіе которыхъ приведетъ къ самымъ тяжелымъ послѣдствіямъ. Царицынскій монастырь захваченъ толпою нафанатизированныхъ и вооруженныхъ поклонниковъ Иліодора въ пять, шесть тысячъ человѣкъ, предводительствуемой сумасшедшимъ и преступнымъ монахомъ и, покрывающимъ его святостью своего сана, епископомъ. Предварительно принятія мною мѣръ къ штурму православными войсками и полиціею православнаго монастыря, защищаемаго епископомъ православной церкви, съ неизбѣжными кровавыми жертвами съ обѣихъ сторонъ, исчисляемыми сотнями людей и тоже неизбѣжнымъ святотатствомъ, случая безпримѣрнаго въ исторіи Россійскаго государства, прошу испросить на сіе предварительное Его Императорскаго Величества соизволеніе».

Телеграмма эта была отправлена 24 марта, часовъ около 7 вечера.

Съ волненіемъ ожидалъ я отвѣта.

Тревожило меня, ранѣе всего, рѣшеніе дѣла по существу, а затѣмъ и моя личная отвѣтственность.

Телеграммы «За министра» были юридически равносильны телеграммамъ самого министра. Я отказывался ихъ исполнять безъ предварительной санкціи Государя. Это было выраженіемъ недовѣрія подчиненнаго къ самому министру, еслибы онъ захотѣлъ телеграммы своего товарища покрыть своимъ именемъ, что только и было бы въ порядкѣ вещей. Кромѣ того, редакція моей телеграммы прямо намекала на допускаемую мною возможность, что всѣ полученныя мною распоряженія шли помимо министра и безъ его вѣдома. Это было уже прямое обвиненіе противъ всемогущаго товарища министра, завѣдывающаго полиціей. Я, очевидно, ставилъ все свое настоящее и служебное будущее на карту.

Ночью въ 5 часовъ меня разбудили.

Это была телеграмма отъ Столыпина.

Вотъ ея содержаніе:

«Прошу Ваше Превосходительство прекратить всякія дѣйствія противъ монастыря и Иліодора и отбыть въ Саратовъ.

Столыпинъ».

Читатель пойметъ, какъ я былъ счастливъ.

Во-первыхъ, отпадала перспектива дѣйствій противъ монастыря, послѣдствія которыхъ, каковы бы они ни были, всегда тяжелымъ камнемъ легли бы на мою совѣсть, во-вторыхъ, у меня было сознаніе, что я правильно разобрался въ сложной конъюнктурѣ современныхъ обстоятельствъ, въ-третьихъ, я несомнѣнно оказалъ услугу государственному человѣку, сохраненіе котораго у власти я считалъ величайшимъ благомъ родины, въ-четвертыхъ, я проявилъ смѣлость и самостоятельность, давшая мнѣ большое нравственное удовлетвореніе, въ-пятыхъ, я могъ спокойно вернуться въ Саратовъ изъ опротивѣвшаго и измучившаго меня Царицына.

Прошу читателя повѣрить, что я мало спалъ эти десять ночей, и что такіе эпизоды не легко даются, и что, кромѣ «ничего не дѣлавшихъ помпадуровъ», не многія должностныя лица переживали такіе дни и ночи.

На слѣдующій день, въ праздникъ Благовѣщенія, въ 1 часъ дня я уѣзжалъ изъ Царицына.

По свойственной Саратовской губерніи торжественности, меня провожала цѣлая толпа должностныхъ лицъ и нотаблей. Вдругъ, черезъ толпу провожавшихъ, протискивается монашекъ, съ низкимъ поклономъ подаетъ мнѣ просфору и говоритъ:

— Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Владыка, прислалъ Вашему Превосходительству сію просфору, съ пожеланіемъ счастливаго пути.

Я и всѣ присутствующіе поняли всю язвительность, заключающуюся въ этихъ словахъ.

— Передайте Его Преосвященству, — сказалъ я, — что я столь же искренно желаю ему счастливо оставаться.

Пріѣхавшій приставъ доложилъ мнѣ, что епископъ Гермогенъ, по случаю моего отъѣзда, произнесъ въ монастырѣ слово, въ которомъ сравнивалъ Иліодора съ пташками, выпускаемыми въ праздникъ Благовѣщенія добрыми христіанами на волю, а потомъ служилъ Литургію. Затѣмъ Гермогенъ и Иліодоръ съ сонмомъ духовенства, вызваннаго епископомъ, совершили въ бѣлыхъ ризахъ крестный ходъ кругомъ монастыря.

Сѣвъ въ вагонъ, я по обычаю своему, попытался проанализировать совершившіяся событія.

Напоминаю ихъ читателю.

Курловъ отказалъ мнѣ въ просьбѣ непосредственнаго сообщенія о предполагавшемся мною побѣгѣ Иліодора, что дало бы мнѣ возможность предотвратить проникновеніе Иліодора въ монастырь, каковое обстоятельство измѣнило бы весь ходъ событій. Иліодоръ несомнѣнно не особенно крѣпко былъ окарауленъ, если смогъ бѣжать. Жандармскій желѣзно-дорожный офицеръ пропустилъ іеромонаха въ Царицынъ, несмотря на полученное отъ меня запрещеніе. Телеграммы Курлова вызывали меня на образъ дѣйствій, о которыхъ закричала бы вся Россія и послѣдствія которыхъ могли бы свалить министра. При первой же телеграммѣ, полученной отъ меня непосред-

ственно министромъ, всѣ дѣйствія противъ монастыря и Иліодора были имъ прекращены. Прибавьте къ этому, что упомянутый выше жандармскій офицеръ, непосредственно подчиненный Курлову, вскорѣ получилъ повышеніе по службѣ и что при ближайшемъ свиданіи со мною (въ маѣ) Столыпинъ встрѣтилъ меня фразою: «Искренно благодарю васъ за вашъ образъ дѣйствій въ Царицынѣ».

Предоставляю читателю сдѣлать выводы самому. Скажу лишь, что, когда послѣ убійства Столыпина, Гучковъ въ Государственной Думѣ сказалъ рѣчь, обвинявшую Курлова въ преступной небрежности въ охранѣ министра (обвиненіе, кстати сказать, никогда не бывшее опровергнутымъ), то я ей нисколько не удивился. По всей видимости, кто-то подготовлялъ Столыпину гражданскую смерть уже въ Царицынѣ.

Какъ могъ усидѣть на мѣстѣ Курловъ послѣ царицынскихъ событій, несомнѣнно указывающихъ на то, что товарищъ министра, въ такомъ важномъ дѣлѣ, дѣйствовалъ помимо своего патрона, не держа его даже въ курсѣ происходившаго, такъ какъ лишь только министръ былъ освѣдомленъ о положеніи вещей, то онъ немедленно отмѣнилъ всѣ распоряженія своего товарища, — совершенно непонятно.

Здѣсь, увы, мы прикасаемся уже къ тайнамъ Царскосельскаго Дворца, столь ужасно отразившимся на гибели Царской семьи, династіи и Россіи: Курловъ умѣлъ находить поддержки. Нѣсколько дней спустя мнѣ была доставлена фотографическая группа, изображающая епископа Гермогена, Иліодора и... Распутина. Въ 1916—17 годахъ Курловъ и Распутинъ, Протопоповъ и д-ръ Бадмаевъ составляли одну компанію...

По возвращеніи моемъ въ Саратовъ, мнѣ ранѣе всего пришлось приняться за визиты всѣмъ лицамъ, посѣтившимъ меня на слѣдующій день по возвращеніи моемъ въ губернаторскомъ домѣ. При этомъ произошелъ одинъ эпизодъ, довольно ярко характеризующій взаимоотношеніе вѣдомствъ въ послѣдніе годы императорской Россіи.

Въ числѣ саратовскихъ учрежденій была и Судебная Палата. Нужно здѣсь отмѣтить, что только отношенія между гражданскими и военными властями были опредѣленно очерчены въ законѣ и, поэтому, никогда не вызывали недоразумѣній; взаимоотношенія же между другими вѣдомствами, основывались на обычаѣ, тактѣ, прецедентахъ и тому подобныхъ условностяхъ. Между прочимъ, особенно тонкими были взаимоотношенія между губернаторомъ и Судебною Палатою. Послѣдняя имѣла сферою дѣятельности нѣсколько губерній, старшій предсѣдатель ея могъ носить званіе сенатора и, поэтому, имѣлъ нѣкоторое основаніе считать себя выше губернатора, съ которымъ онъ состоялъ въ одномъ классѣ должности, но который не могъ быть сенаторомъ. Однако, съ другой стороны, по закону, губернаторъ признавался представителемъ «Высшей Власти въ губерніи», что проявлялось, напримѣръ, въ томъ, что въ Царскіе дни, послѣ Богослуженія, онъ подходилъ первымъ ко Кресту, даже если бы присутствующій здѣсь же старшій предсѣдатель носилъ званіе сенатора.

Какъ слѣдовало мнѣ поступить при представленіи должностныхъ лицъ? Всѣмъ служащимъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ были посланы повѣстки съ приглашеніемъ пожаловать въ губернаторскій домъ, а относительно Судебной Палаты я остановился на слѣдующей формѣ. Кстати, отмѣчу,

что щадить самолюбіе палатскихъ у меня были особыя соображенія. Я лишь недавно былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, не имѣлъ ленты и былъ чрезвычайно моложавъ. Чины же Судебной Палаты были и въ чинѣ тайнаго совѣтника, имѣли звѣзды и по большей части были старики.

Вернувшись въ Саратовъ, я поѣхалъ къ исправлявшему должность старшаго предсѣдателя, предсѣдателю департамента, Потулову, и сказалъ ему, что посѣщу палату самъ и прошу его указать мнѣ время, когда я могу найти всѣхъ въ сборѣ.

Мы сговорились на опредѣленномъ днѣ и часѣ.

Въ условленное время, надѣвъ мундиръ и ордена, я поѣхалъ въ Палату. Я ожидалъ, что члены ея будутъ собраны въ одной изъ залъ и будутъ мнѣ представлены in corpore. Однако, вышло иначе. Потуловъ сталъ водить меня изъ одной камеры въ другую, гдѣ члены, въ пиджакахъ, занимались своими дѣлами. На мою деликатность, мнѣ не отвѣтили тѣмъ же.

Нѣсколько дней спустя, одинъ изъ непремѣнныхъ членовъ сообщилъ мнѣ, что въ клубѣ слышалъ разговоръ, что палатскіе очень возмущены тѣмъ, что я, сдѣлавъ многочисленные визиты, не посѣтилъ никого изъ нихъ. Я просилъ его передать, кому слѣдовало, что я имъ коллективный визитъ уже сдѣлалъ, несмотря на то, что, въ сущности, могъ ихъ всѣхъ пригласить къ себѣ, что я сдѣлаю визиты всѣмъ, до послѣдняго молодого слѣдователя, но что ни у одного изъ членовъ палаты моей ноги не будетъ.

До меня доходили слухи, что вся эта исторія волновала общество, кто былъ за, кто противъ меня. Вскорѣ старшимъ предсѣдателемъ былъ назначенъ бывшій здѣсь же прокуроромъ палаты, Миндеръ, а на мѣсто послѣдняго Карчевскій. Въ отношеніи моего столкновенія съ палатою Миндеръ не «проявилъ никакихъ поступковъ», пользуясь, очевидно, тѣмъ обстоятельствомъ, для него весьма удобнымъ, что все это случилось до вступленія его въ должность.

Я рѣшилъ ждать...

Проходили недѣли и инцидентъ съ палатою не находилъ себѣ разрѣшенія. Нѣсколько забѣгая впередъ, скажу, чѣмъ онъ кончился.

Въ маѣ я ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ, между прочимъ, побывалъ у своего дяди, сенатора А. М. Стремоухова, и разсказалъ ему о моемъ случаѣ съ палатою. А. М. очень возмутился и обѣщалъ позондировать почву въ министерствѣ. Кстати, долженъ отмѣтить, что дядя былъ лицомъ, весьма близкимъ къ тогдашнему министру юстиціи, И. Г. Щегловитову.

Дня черезъ три, А. М. сообщилъ мнѣ, что обычно губернаторы поступали въ дѣлѣ съ визитами съ палатою такъ же, какъ и я, но это ставилось имъ въ министерствѣ юстиціи въ плюсъ, какъ проявленіе особаго вниманія къ судебному вѣдомству, и, что въ министерствѣ юстиціи имѣется прецедентъ по поводу столкновенія губернатора съ палатою на визитной почвѣ.

Харьковскій губернаторъ И. М. Оболенскій (впослѣдствіи финляндскій генералъ-губернаторъ), вступивъ въ должность, пригласилъ къ себѣ на пріемъ и палату. Палата, считая себя не губернскимъ учрежденіемъ, на пріемъ не поѣхала. Тогда Оболенскій пожаловался министру юстиціи. Министръ, юридически обслѣдовавъ вопросъ, рѣшилъ его въ пользу губернатора и отдалъ распоряженіе палатѣ in corpore въ мундирахъ пожаловать къ губернатору.

Такой прецедентъ былъ мнѣ на руку. Дядя, выражая увѣренность, что и въ данномъ случаѣ, дѣло будетъ рѣшено министромъ въ мою пользу, нахо-

дилъ, однако, болѣе цѣлесообразнымъ инцидента не обострять. Въ министерствѣ онъ получилъ свѣдѣнія, что Миндеръ на дняхъ ожидается въ столицу, и А. М. надѣялся найти съ нимъ вмѣстѣ какое-нибудь компромиссное рѣшеніе, удовлетворяющее обѣ стороны. Если же, паче чаянія, это не было бы достигнуто, то обѣщалъ мнѣ свою поддержку у министра.

По возвращеніи моемъ, а въ скоромъ времени и старшаго предсѣдателя въ Саратовъ, мы оба, по случаю какого-то Царскаго дня, были въ соборѣ. По окончаніи Богослуженія, Миндеръ сказалъ мнѣ, что по случаю Царскаго дня, всѣ члены палаты, находившіеся въ соборѣ, желали бы принести мнѣ свои поздравленія, и спросилъ меня, когда я могу ихъ принять. Я отвѣтилъ, что изъ церкви ѣду прямо домой и радъ видѣть у себя палату. Вскорѣ, человѣкъ пятнадцать членовъ палаты въ мундирахъ и орденахъ пожаловали ко мнѣ. На слѣдующій день я былъ у всѣхъ съ отвѣтнымъ визитомъ. Этимъ инцидентъ благополучно закончился.

Кстати еще два слова о Судебной Палатѣ.

Въ предшествующей главѣ я приводилъ, что губернаторъ участвовалъ на засѣданіяхъ Судебной Палаты, по вопросу о преданіи суду чиновъ администраціи, къ которымъ были предъявлены иски по убыткамъ, понесеннымъ частными лицами отъ ихъ дѣйствій по службѣ.

Припоминаю одно изъ такихъ дѣлъ, довольно курьезное.

Въ холерное время, въ одномъ изъ уѣздовъ Тамбовской губерніи, кажется, Кирсановскомъ, было доставлено на базаръ 30 000 тысячъ недозрѣлыхъ арбузовъ, быстро раскупавшихся населеніемъ. Мѣстный исправникъ усмотрѣлъ въ этомъ большую санитарную опасность и рѣшилъ арбузы уничтожить. Для сего, онъ вызвалъ конную сотню стражниковъ, которымъ и приказалъ изрубить арбузы шашками. При русской страсти къ уничтоженію, я представляю себѣ картину сотни стражниковъ, рубящихъ арбузы: корки летятъ по всему базару, а кровавый сокъ разливается по улицамъ — чисто Мамаево побоище!

Оцѣнивая арбузы около трехъ копѣекъ за штуку, владѣльцы арбузовъ предъявили къ исправнику искъ, что-то около тысячи рублей.

По закону уничтоженіе съѣстныхъ продуктовъ, опасныхъ для здоровья, принадлежало власти санитарно-исполнительной комиссіи, а не единолично исправнику.

Однако, принимая во вниманіе, что народъ уже началъ растаскивать арбузы, что уѣзднаго врача на мѣстѣ не было, а потому не было и возможности собрать своевременно комиссію, что исправникъ, хотя и совершилъ превышеніе власти, но направленное исключительно на благо населенія, палата постановила дѣло производствомъ прекратить.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія изъ Царицына мнѣ однажды доложили, что ко мнѣ пожаловали Гермогенъ и Иліодоръ.

Если бы Иліодоръ прибылъ одинъ, я его, разумѣется бы, не принялъ, но не принять епископа и сопровождающее его лицо я не могъ. О чемъ было мнѣ говорить съ ними?

Царицынскій инцидентъ, въ сущности, не былъ ликвидированъ, Иліодоръ оставался тѣмъ же бѣглымъ монахомъ, подлежавшимъ аресту и водворенію къ мѣсту ссылки. Однако, прекращеніе «воздѣйствія» на монастырь указывало на новыя теченія въ этомъ вопросѣ въ Петербургѣ. На сдѣланные за-

просы и къ министру, и къ оберъ-прокурору, я никакихъ отвѣтовъ не получалъ. Можно ли было арестовать Иліодора, пришедшаго ко мнѣ въ домъ и несомнѣнно нашедшаго гостепріимство въ домѣ епископа?

Я вышелъ къ своимъ посѣтителямъ.

Здѣсь я впервые увидѣлъ знаменитаго іеромонаха: Это былъ человѣкъ, средняго роста, довольно благообразный, худощавый, и совершенно незначительной внѣшности. Ничто не указывало въ его наружности ни на большой умъ, ни на сильную волю.

По обычаю, я подошелъ къ владыкѣ подъ благословеніе и поцѣловалъ руку лица, призывавшаго мстителей за поруганіе Иліодора. Таковы были противорѣчія многогранныхъ губернаторскихъ отношеній того времени...

Иліодоръ велъ себя весьма скромно. Гермогенъ попытался заговорить со мною о царицынскихъ событіяхъ, но я перевелъ разговоръ на другія темы. Скоро бесѣда, совершенно неклеившаяся, пресѣклась, и оба посѣтителя меня оставили.

Очень скоро послѣ того наступила Страстная недѣля. Въ Великую Пятницу я отправился въ соборъ на Богослуженіе, гдѣ, по традиціи, вмѣстѣ съ другими высшими представителями власти я долженъ былъ выносить Плащеницу.

Во время Богослуженія архіерей стоялъ на амвонѣ посреди церкви, а многочисленное духовенство шпалерами выстроилось отъ алтаря до возвышенія. Вышелъ соборный протоіерей и сказалъ проповѣдь слѣдующаго содержанія. Она настолько врѣзалась въ мою память, что мнѣ кажется, что я передаю ее дословно.

«Дорогіе братья и сестры во Христѣ! Предъ нами здѣсь лежитъ святое тѣло Господа нашего Іисуса Христа, Сына Божьяго, проведшаго свою земную жизнь въ борьбѣ со зломъ. Но и Богочеловѣкъ не могъ раздавить главу змія. И послѣ Него многіе боролись со зломъ, но всѣ были побѣждены. Что было не подъ силу Сыну Божьему, то тѣмъ болѣе не подъ силу людямъ. Еще недавно мы всѣ были свидѣтелями, какъ лучшій изъ насъ началъ священную борьбу со зломъ и подвергся тѣмъ же гоненіямъ, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Такъ же его заключили въ темницу, такъ же его гнали, такъ же поносили и заушали, такъ же глумились надъ нимъ. Правда, тѣлесно его не распяли, но духовно его предали распятію. Не тѣ же ли гонители существуютъ и нынѣ, какъ прежніе Ироды и Каіаффы? Да, Ироды, для которыхъ мертво слово Божіе. Не такъ ли давно на этомъ мѣстѣ (указывая на меня) стоялъ одинъ изъ такихъ хулителей вѣры. Правда, это былъ человѣкъ, совершенно лишенный нравственнаго чувства. Вы всѣ помните, конечно, какъ все наше духовенство обратилось къ нему съ просьбою запретить къ представленію на сценѣ кощунственную пьесу Андреева «Анатема». И что же онъ отвѣтилъ ему? — «Я не могу этого сдѣлать, пьеса разрѣшена спеціальной драматической цензурою» *). Такъ пускай хулятъ и оскверняютъ самаго Бога, пускай вырываютъ изъ сердецъ православныхъ чистую вѣру, но да здравствуетъ строка министерскаго циркуляра... Для этихъ людей ми-

*) Долженъ отмѣтить, что графъ С. С. Татищевъ, на котораго указывалъ протоіерей не только не былъ «человѣкомъ лишеннымъ всякихъ нравственныхъ чувствъ», но напротивъ того отличался высокою безукоризненностью. Для театральныхъ пьесъ существовала особая цензура и какой-же это былъ-бы порядокъ, если-бы губернаторъ запрещалъ то, что дозволяла компетентная власть?

нистръ выше Бога... Да, говорю я, братія, тѣ же у насъ гонители Ироды и не лучше ихъ новые Пилаты, только и умѣющіе умывать свои руки...»

При послѣднихъ словахъ взоры протоіерея и всѣхъ присутствовавшихъ обратились на меня. Я невольно взглянулъ на Гермогена; его выразительные глаза засвѣтились особымъ огонькомъ...

Конечно, все это дѣлалось съ его соизволенія и даже, болѣе того, по его указкѣ.

Что было мнѣ дѣлать?

Повернуться и выйти. Это было бы демонстраціею въ самой церкви. Пришлось покориться судьбѣ, подходить къ кресту и цѣловать руку...

Вернувшись домой, я обо всемъ отписалъ Саблеру. Скоро я получилъ отъ послѣдняго отвѣтъ, въ которомъ онъ просилъ меня вооружиться терпѣніемъ.

Тѣмъ временемъ, вернувшійся въ Царицынъ Иліодоръ въ полной мѣрѣ развилъ свою сумасбродную дѣятельность.

Совершалась она подъ флагомъ борьбы съ революціею, «затѣянной жидами, поддерживаемыми всею интеллигенціею и продавшимися имъ чиновниками, губернаторами, министрами, а въ особенности, Столыпинымъ».

На дворѣ монастыря іеромонахъ соорудилъ картоннаго пятисаженнаго дракона — «гидру революціи». По окончаніи проповѣди, онъ пронзалъ ее копьемъ, на подобіе Георгія Побѣдоносца и отрубалъ одну голову, которая за ночь вырастала.

Въ галлереѣ монастыря, по которой молящіеся проходили въ церковь, былъ повѣшенъ портретъ Льва Толстого. Иліодоръ остановился около него и требовалъ, чтобы всѣ проходившіе плевали въ лицо писателя. Подъ конецъ такой дикой операціи, пѣна слюны цѣлою лужею стекала съ портрета на полъ.

Затѣмъ онъ сталъ строить во дворѣ холмъ и прорылъ его многими ходами съ подземными галлереями, дабы укрываться въ нихъ въ случаѣ гоненій, какъ древніе христіане въ катакомбахъ. Все это сооруженіе создавалось безъ соблюденія какихъ бы то ни было строительныхъ правилъ и грозило развалиться и раздавить многочисленныхъ богомольцевъ. Прибывшаго въ монастырь городского архитектора Иліодоръ выгналъ.

Обо всемъ этомъ я писалъ Гермогену, министру и въ синодъ. Всѣ оставались глухи.

По поводу избіенія стражи въ монастырѣ, по приказу Иліодора, подтвержденнаго многочисленными свидѣтелями, прокурорскій надзоръ началъ было дѣло, но, по указанію изъ Петербурга, оно было прекращено.

Осмѣлѣвшій и окончательно обнаглѣвшій отъ безнаказанности, Иліодоръ предпринялъ тогда цѣлое паломничество по Волгѣ, въ цѣляхъ ниспроверженія крамолы.

Онъ или, вѣрнѣе, его поклонники наняли большой пароходъ. На пароходъ нагрузилась безшабашная орава поклонниковъ, а еще болѣе поклонницъ, до тысячи человѣкъ. Вся эта толпа, предводительствуемая Иліодоромъ съ «квачомъ» (огромная кисть), высаживаясь въ попутныхъ городахъ, бродила по улицамъ съ пѣніемъ церковныхъ пѣсенъ, срывала вывѣски съ трактировъ, ресторановъ, увеселительныхъ заведеній и редакцій газетъ и мазала при посредствѣ «квача» дегтемъ ворота лицъ неугодныхъ, а также и физіономіи прохожихъ, не достаточно почтительно относившихся къ шествію.

Своевременно предупрежденный, я не допустилъ высадки Иліодоровской орды въ попутныхъ городахъ губерніи, но въ Самарѣ и Нижнемъ Новгородѣ, Иліодоръ былъ встрѣченъ торжественно. Самарскій губернаторъ встрѣтилъ его на пристани, а нижегородскій — не побрезговалъ даже пригласить Иліодора отобѣдать.

По возвращеніи въ Царицынъ Иліодоръ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ предавалъ меня проклятію.

Это проклятіе произвело на меня тягостное впечатлѣніе. Кто бы онъ ни былъ въ душѣ, Иліодоръ формально былъ іеромонахомъ, духовнымъ лицомъ, почему духъ мой былъ угнетенъ.

Я написалъ объ этомъ Саблеру. Владиміръ Карловичъ отвѣтилъ мнѣ очень теплымъ письмомъ, разъясняющимъ, что единоличное проклятіе даже духовнаго лица, по канонамъ, не имѣетъ рѣшительно никакого значенія, а право проклятія, не примѣнявшееся уже столѣтіе, принадлежитъ только Святѣйшему Синоду.

Но, тѣмъ не менѣе . . .

Народъ и интеллигенція, да признаться и я самъ, перестали что - либо понимать въ безнаказанности Иліодора. Интеллигенція возмущалась нарушеніемъ всѣхъ правовыхъ нормъ, а народъ недоумѣвалъ, почему Иліодоръ можетъ безнаказанно ругать губернатора, министровъ и самый Синодъ.

Тутъ есть что - то непонятное.

Объясненіе, однако, нашлось.

Въ народъ проникъ слухъ, вскорѣ ставшій въ темныхъ массахъ увѣренностью, что Иліодоръ незаконный братъ Государя, отъ отца, чисто русской крови. Этотъ омерзительный слухъ, очевидно, былъ пущенъ самимъ Иліодоромъ. На родинѣ Емельки Пугачева зарождался новый самозванецъ . . . Кто могъ бы угадать всѣ дальнѣйшія возможности нашей страны «неограниченныхъ возможностей»?

Всему этому надо было положить конецъ, во что бы то ни стало.

Я рѣшился ѣхать въ Петербургъ и все повѣдать Столыпину, такъ какъ пришелъ къ убѣжденію, что переписка все равно ни къ чему не приводитъ.

Поблагодаривъ меня за царицынское «сидѣнье», министръ внимательно выслушалъ меня и развелъ руками.

— Неужели вы думаете, П. П., — сказалъ онъ, — что я ничего въ этомъ дѣлѣ не предпринималъ. Всѣ ваши сообщенія я докладывалъ Государю, но онъ отмалчивается.

— Но, В. В., дѣло такъ далѣе итти не можетъ.

— Согласенъ съ вами, но у меня столько борьбы на всѣ фронты, что на этомъ дѣлѣ я не могу сосредоточить всѣ свои силы, у меня есть достиженія и поважнѣе.

— Кто знаетъ, Петръ Аркадьевичъ, что важнѣе . . . Вамъ извѣстно, что правая печать все время трубитъ въ пользу Иліодора. Писатель Родіоновъ (кажется, членъ Госуд. Думы), пріѣзжавшій спеціально въ Царицынъ для ознакомленія съ положеніемъ, издалъ цѣлую книжку въ его защиту. Отъ вашего имени пріѣзжалъ ко мнѣ раскаявшійся извѣстный революціонеръ Тихомировъ, съ цѣлью меня интервьюировать объ Иліодорѣ, и я право не знаю, какую онъ приметъ позицію . . .

— Вотъ, вы и сами указываете, какой я растравлю муравейникъ, если примусь за Иліодора. И безъ того меня травятъ справа, даже болѣе, чѣмъ

слѣва. Всѣ эти голоса проникаютъ до Государя... Ужасно то, что въ исходныхъ своихъ положеніяхъ Иліодоръ правъ, жиды дѣлаютъ революцію, интеллигенція, какъ Панургово стадо, идетъ за ними, пресса также; да развѣ Толстой, подвергнутый имъ оплеванію, не первый апостолъ анархизма, но пріемы, которыми онъ дѣйствуетъ, и эта безнаказанность все губятъ и даютъ полное основаніе оппозиціи говорить, что она права.

Столыпинъ задумался.

— П. П., вы способны на самопожертвованіе?

— Если нужно, то да.

— Я знаю, что Государю и донынѣ непріятно, что Татищевъ оставилъ службу изъ-за Гермогена и Иліодора. Онъ расположенъ къ вамъ. Уходъ второго губернатора изъ-за этихъ авантюристовъ произведетъ на него впечатлѣніе. Вы получите аудіенцію у Государя. Скажите ему всю правду, скажите ему самозванство Иліодора, пусть онъ услышитъ это отъ васъ. Настаивайте на высылкѣ и заточеніи Иліодора, а если онъ васъ не послушаетъ, скажите, что при наличности Иліодора болѣе не можете управлять губерніей и просите объ увольненіи.

— Хорошо.

— Но хватитъ ли у васъ на это духа? Я знаю многихъ лицъ, которыя шли къ Государю, чтобы выложить ему «правду-матку», а потомъ подъ обаяніемъ его личности «языкъ прилипалъ къ гортани» и ничего не выходило. Начать и не докончить, еще хуже выйдетъ.

— Думаю и надѣюсь, что у меня хватитъ пороху.

Столыпинъ пожалъ мнѣ руку.

— Я думаю, что онъ васъ не отпуститъ, ну, а если бы даже и отпустилъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, что-нибудь другое для васъ придумаю.

— Да, кстати, — вспомнилъ я. — Я имѣю опредѣленныя указанія, что Гермогенъ и Иліодоръ дѣйствуютъ въ тѣсномъ единеніи съ Распутинымъ. Какъ доказательство этому, я представлю вамъ группу этой честной компаніи.

— Это усложняетъ положеніе, — замѣтилъ Столыпинъ.

Я раскланялся и вышелъ.

На третій день послѣ этого мнѣ была назначена аудіенція въ Царскомъ Селѣ.

Наканунѣ аудіенціи вдругъ ко мнѣ въ номеръ гостиницы «Франція» раздался звонокъ по телефону.

— Кто у аппарата?

— На фотографической группѣ три лица. Говорите только о двухъ вашихъ, третьяго не касайтесь.

— Да кто говоритъ?

Я услышалъ, какъ трубку повѣсили на аппаратъ, и разговоръ прекратился.

Таинственный голосъ, очевидно, принадлежалъ Столыпину.

Я переговорилъ съ женою. Она благословила меня на рѣшительный разговоръ съ Государемъ, каковы бы ни были его послѣдствія.

Государь принялъ меня съ обычною милостивою улыбкою. Послѣ незначительнаго разговора о нѣкоторыхъ дѣлахъ губерніи, между нами произошелъ слѣдующій діалогъ.

Для меня онъ былъ настолько значителенъ, что основательно врѣзался въ мою память, и я привожу его дословно.

— Ваше Величество, мнѣ нужно еще доложить Вамъ объ Иліодорѣ.

Я замѣтилъ, какъ у Государя задергался мускулъ на щекѣ.

— Тутъ говорить не о чемъ. Я его простилъ.

— Пусть такъ, В. В., (я впервые узналъ о прощеніи Иліодора), но послѣ Вашего прощенія, вмѣсто того, чтобы быть благодарнымъ, онъ продолжаетъ свои безобразія.

— Я все знаю и простилъ его.

— Ваше Величество не можете всего знать. Я нарочно пріѣхалъ для доклада въ Петербургъ, и обо всемъ только третьяго дня доложилъ министру.

— Да я и не хочу ничего знать, все это мелочи.

— Не мелочи... позвольте, В. В., вамъ доложить...

— Я уже сказалъ вамъ, Стремоуховъ, что этотъ разговоръ конченъ...

— Ваше Величество, я не исполнилъ бы своего долга, еслибы не доложилъ Вамъ, что этотъ негодяй не дорожитъ даже честью Вашей семьи, а слѣдовательно и Вашей...

Государь вспыхнулъ.

— Вашъ докладъ конченъ.

— Слушаюсь. Но разъ Вамъ не угодно меня выслушать, значитъ Ваше Величество мнѣ не вѣрите, а потому прошу меня освободить отъ должности саратовскаго губернатора, иначе мнѣ служить не честно.

Послѣдняя моя фраза была не слишкомъ складна, но я очень взволновался. «Истину царямъ съ улыбкой говорить» — умѣетъ не всякій. Мнѣ же было не до улыбокъ. Сознаюсь, что тяжелая слеза скатилась у меня по щекѣ.

Лицо Государя сразу сдѣлалось добрымъ и ласковымъ.

— Я вамъ вѣрю, Стремоуховъ, знаю васъ, но чего вы хотите?

— Не служить болѣе, В. В.; какая польза отъ моей службы, другой, можетъ быть, сдѣлаетъ то, чего я не сумѣлъ сдѣлать, убѣдить Васъ; если я на это не способенъ, то не считаю уже честнымъ пользоваться положеніемъ губернатора...

— Ну, ну, успокойтесь... Я знаю, что вы — честный человѣкъ.

Государь протянулъ мнѣ руку съ ласковою улыбкою и чарующимъ, исключительно свойственнымъ ему, выраженіемъ глазъ, тоже улыбающихся добротой и чуть-чуть ироніей, и тихонько подтолкнулъ меня къ двери.

Я вышелъ.

Бывшіе въ пріемной, дежурный флигель-адъютантъ гр. А. Н. Граббе и командиръ конвоя кн. Трубецкой, вѣроятно, замѣтили мое волненіе.

Дня черезъ три, Салтыковъ сообщилъ мнѣ, что въ кулуарахъ Государственнаго Совѣта разошлось извѣстіе, что Государь «разнесъ» саратовскаго губернатора.

Прямо съ Высочайшей аудіенціи, я проѣхалъ къ Столыпину и разсказлъ ему о происшедшемъ съ Государемъ разговорѣ.

— Завтра я буду у Его Величества, — сказалъ мнѣ министръ, — и сообщу вамъ о его рѣшеніи.

На слѣдующій день я былъ вызванъ Столыпинымъ къ телефону.

— Ну, что? — спросилъ я.

— Государь приказалъ вамъ передать, что повелѣваетъ (Столыпинъ проскандировалъ послѣднее слово) вамъ продолжать службу въ Саратовѣ.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Соблюдать долгъ вѣрноподданнаго — повиноваться.

— А Иліодоръ?

— По этому поводу Государь мнѣ ничего не сказалъ.

Предоставляю читателю самому разобраться во всемъ этомъ эпизодѣ и сдѣлать свои выводы.

Признаюсь, что какъ ни тяжела была для меня вся эта сцена съ Государемъ, какъ она ни взволновала меня, но она составляетъ, можетъ быть, наиболѣе достопамятную страницу моей службы. Говорить съ Государемъ съ такою настойчивостью, не у всякаго хватило бы рѣшимости. Я думаю, что съ моей стороны это не тщеславіе, а лишь сознаніе удовлетворенности отъ исполненнаго долга, и если образъ дѣйствій Царя во всемъ этомъ дѣлѣ, какъ государственнаго человѣка, можетъ быть, и былъ ошибоченъ, съ этого момента, помимо его великаго для меня престижа, какъ помазанника Божія, онъ сталъ мнѣ безконечно милъ и дорогъ: я понялъ его безграничную доброту, являющуюся основнымъ двигателемъ его поступковъ и жертвой которой онъ раньше всего былъ самъ.

Сильно, едва ли не на полъ года, забѣгая впередъ, мнѣ хочется здѣсь, для полноты впечатлѣнія, разсказать все о дальнѣйшемъ «дѣйствѣ» Гермогена и Иліодора.

Въ началѣ лѣта того же года, я предпринялъ путешествіе въ сѣверные, Поволжскіе уѣзды губерніи, Вольскій и Хвалынскій. Въ послѣднемъ я посѣтилъ знаменитый раскольничій, по современной терминологіи, старообрядческій Черемшанскій монастырь. За послѣдній десятокъ лѣтъ его не посѣщалъ, кажется, ни одинъ изъ представителей власти. Ѣхать туда надо было верстъ не то сорокъ, не то шестьдесятъ на лошадяхъ отъ города Хвалынска, глухой лѣсной дорогой. Ѣхалъ я туда не по своей иниціативѣ, а по приглашенію старообрядческаго епископа Мелетія. Со времени указа о вѣротерпимости, старообрядческая іерархія пріобрѣла уже всѣ права гражданства. Приведенное, какъ будто не соотвѣтствующее опредѣленіе, пожалуй, наиболѣе отвѣчало положенію вещей, это дѣйствительно было только «гражданское» признаніе, такъ какъ духовныя наши власти все еще крайне недоброжелательно относились къ старообрядцамъ. Въ то время какъ наше духовенство свободно и по внѣшности даже пріязненно сносилось съ духовенствомъ иныхъ исповѣданій, оно и знать не хотѣло о новомъ положеніи старообрядцевъ. Не даромъ говорятъ, что наиболѣе острыми всегда бываютъ ссоры между близкими родственниками. Долженъ откровенно сознаться, что у меня, напротивъ, было къ старообрядцамъ особое влеченіе. Во мнѣ всегда вызывала большое уваженіе стойкость старообрядцевъ, несмотря на преслѣдованія, въ ихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и сохраненіе ими стараго уклада русскаго быта.

Меня озабочивалъ вопросъ, какъ мнѣ быть съ Мелетіемъ? Какъ его величать? Давать ли ему титулъ Преосвященства? Цѣловать ли ему руку? Я, право, не понималъ, почему римско-католическаго епископа я долженъ былъ титуловать «Вашимъ Преосвященствомъ», а неизмѣримо ближе стоящаго къ православной церкви старообрядческаго епископа лишать этого зва-

нія. Тѣмъ не менѣе, опираясь на дѣловыя справки и прецеденты, я этотъ вопросъ, а равно и о цѣлованіи руки, рѣшилъ отрицательно.

Послѣ пріятнаго путешествія по лѣсной дорогѣ, мы съ исправникомъ подъѣхали къ монастырю. Уже издали насъ встрѣчалъ звонъ колоколовъ. У высокаго тына, я вышелъ изъ экипажа и пѣшкомъ вошелъ во дворъ. Здѣсь встрѣтилъ меня игуменъ и повелъ въ церковь, старую, деревянную, приземистую, далеко не красивой архитектуры. На паперти стоялъ епископъ Мелетій, въ присвоенныхъ его званію одѣяніяхъ, а на встрѣчу мнѣ шпалерами вытянулось десять схимниковъ въ клобукахъ - колпаками и одѣяніяхъ, покрытыхъ изображеніями орудій пытокъ Христа Спасителя и Адамовыми головами. Все это были столѣтніе старцы, съ длинными сѣдыми бородами, нависшими надъ потухшими глазами бровями, подобные иконамъ древняго византійскаго письма, уже давно обрекшіе себя на обѣтъ молчанія и строжайшій аскетизмъ. При моемъ приближеніи они всѣ опустились на колѣни и поклонились мнѣ большимъ поклономъ.

Признаюсь, что ото всей этой, повѣявшей глубокою стариной, картины, мурашки пробѣжали у меня по спинѣ и меня охватило какое - то невольное благоговѣніе.

Когда я приблизился къ епископу, то послѣдній сказалъ мнѣ слово, приблизительно слѣдующаго содержанія:

— «Много, много лѣтъ въ этихъ лѣсныхъ трущобахъ мы хоронили нашу святую вѣру. Много гоненій мы претерпѣли. Когда власти появлялись у насъ, то это имѣло причиною, либо принятіе противъ насъ новыхъ суровыхъ мѣръ, либо поводомъ поборовъ. Потомъ въ болѣе уже терпимое время насъ посѣщали просто изъ любопытства ... За что мы все это терпѣли, вѣдомо одному Господу Богу, которому мы поклоняемся по вѣрѣ отцовъ и праотцовъ нашихъ. Власть свѣтскую мы всегда уважали и безпрекословно исполняли всѣ ея требованія, Русь святую любили и любимъ всѣмъ сердцемъ, не разбирая, кто старой, кто новой вѣры. Въ Царѣ, какого бы онъ обряда ни держался, всегда признавали помазанника Божія ... Но Богъ съ нимъ, съ прошлымъ, оно миновало и забыто ... По волѣ нынѣ благополучно царствующаго Императора, мы получили свободу вѣры и ея оказательства. Да будетъ благословенно его царство отнынѣ и во вѣкъ. Въ васъ, Ваше Превосходительство, мы срѣтаемъ представителя Царя, даровавшаго намъ свободу. Въ лицѣ этихъ схимниковъ, въ совокупности прожившихъ, можетъ быть, тысячу лѣтъ, испытавшихъ жестокія прошлыя гоненія и нынѣ узрѣвшихъ свѣтлую радость, мы привѣтствуемъ Ваше Превосходительство. Позвольте поднести вамъ для цѣлованія этотъ старинный крестъ, до котораго до нынѣ не прикоснулись уста лица, исповѣдывающаго новую вѣру, и благословить васъ сей старинною же иконою Святаго Ильи, покровителя нашего».

Съ чувствомъ особаго благоговѣнія поцѣловалъ я крестъ и поднесенную мнѣ, икону.

Святой Илья, морщинистый и строгій, черный - пречерный, смотрѣлъ на меня изъ своего серебрянаго оклада проницательными глазами.

— А теперь, Ваше Превосходительство, благоволите войти въ храмъ и помолиться вмѣстѣ съ нами за Русь святую и благого Царя ея.

Послѣ Богослуженія, мы прошли въ скромныя хоромы владыки, угостившаго меня столь же скромною, простою, но вкусною, мужицкою трапезою.

Тутъ былъ медъ, всевозможныя грибы, капуста, сушеная рыба, варенье на меду и т. п.

Подъ чарующимъ впечатлѣніемъ Черемшанской обители, я вернулся въ Саратовъ.

Недѣли черезъ три, въ одномъ изъ окрестныхъ большихъ селеній, населенномъ исключительно старообрядцами, по случаю храмового праздника, состоялся многолюдный крестный ходъ, съ образами, хоругвями и т. д.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ Гермогена очень рѣзкое письмо, въ которомъ онъ обвинялъ мѣстную полицію въ совершенно недопустимомъ, по мнѣнію епископа, попустительствѣ оказательства старообрядцами своего ложнаго вѣроученія, и въ весьма рѣшительныхъ выраженіяхъ требовалъ прекращенія такого безобразія.

По разсмотрѣніи дѣла, выяснилось, что какъ дѣйствія старообрядцевъ упомянутаго селенія, такъ и полицейской власти, были совершенно законны. Въ предѣлахъ моей канцеляріи находился указъ Сената, преподанный къ общему руководству, по жалобѣ старообрядцевъ на тобольскаго губернатора, запретившаго имъ совершить крестный ходъ внѣ ограды церкви. Сенатъ разъяснилъ, что со времени указа о вѣротерпимости (17 октября 1905 года) всѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ разрѣшается свободное отправленіе своего культа не только въ церквахъ и молельняхъ, но и на улицахъ и площадяхъ. Единственнымъ основаніемъ къ запрещенію такихъ религіозныхъ демонстрацій, по толкованію Сената, было, если бы таковыя могли послужить поводомъ къ возбужденію неудовольствія части населенія, исповѣдывающей другую религію, и возможности на этой почвѣ безпорядковъ. Очевидно, что при сплошномъ населеніи данной мѣстности лицами, принадлежащими къ одной религіи, какъ въ данномъ случаѣ, нельзя было ожидать безпорядковъ изъ-за крестнаго хода, устроеннаго старообрядцами, а слѣдовательно, дѣйствія полиціи были совершенно правильными. Напротивъ того, запрещеніе крестнаго хода было бы незаконнымъ, могло бы послужить предметомъ обжалованія и, въ виду обязательности примѣненія вышеупомянутаго указа Сената, привести къ заслуженному взысканію съ виновныхъ.

Не вдаваясь ни въ какія разсужденія, я препроводилъ къ епископу копію упомянутаго указа, упомянувъ только объ обязанности его выполненія для должностныхъ лицъ и, закончивъ, по обыкновенію, письмо, призывомъ на себя «святыхъ молитвъ» его преосвященства.

Вскорѣ послѣ того мнѣ былъ доставленъ номеръ «Епархіальныхъ Вѣдомостей», въ передовой статьѣ котораго, принадлежавшей, по полученнымъ свѣдѣніямъ, перу епископа Гермогена, меня громили по всѣмъ пунктамъ.

Статья начиналась приблизительно такъ:

... «Мы, конечно, не можемъ воспретить либеральствующему губернатору ѣздить по раскольничьимъ *) монастырямъ и цѣловать руки самозваннымъ епископамъ, но мы не можемъ не поднять голоса, голоса церкви, когда, по попустительству властей, творятся явно, на глазахъ всѣхъ безобразія, оскорбляющія лучшія чувства православнаго вѣрующаго русскаго народа ...» и т. д., въ томъ же духѣ.

Такая выходка противъ губернатора на страницахъ оффиціальнаго изданія (что бы сказали, если бы я написалъ что-либо подобное противъ епи-

*) Кстати сказать, этотъ терминъ былъ уничтоженъ закономъ.

скопа въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ»?), такое пренебреженіе къ указаніямъ высшей власти, были совершенно нестерпимы. Я сообщилъ обо всемъ этомъ В. К. Саблеру, который частной, короткой запискою увѣдомилъ меня, что вопросъ переданъ имъ на разсмотрѣніе Св. Синода, откуда послѣдуетъ саратовскому епархіальному архіерею надлежащее разъясненіе.

Въ этомъ мѣстѣ моихъ записокъ я долженъ отмѣтить нѣкоторую неполноту ихъ: цѣлый и довольно важный моментъ совершенно изгладился изъ моей памяти. Я отлично помню, что іеромонахъ Иліодоръ былъ лишенъ Св. Синодомъ носимаго имъ сана, а впослѣдствіи и просто разстриженъ. Но, когда именно произошло первое событіе, а, точно, и второе, я положительно не могу возстановить въ своей памяти. Запамятовалъ я и то, что именно лѣтомъ 1912 года продѣлывалъ Иліодоръ. Очевидно, не сидѣлъ смирно, но что дѣлалъ, исчезло изъ моихъ воспоминаній. Объясняю я себѣ это тѣмъ, что я былъ поглощенъ наступившими новыми заботами, а именно, постигшимъ губернію неурожаемъ . . .

Однако, епископъ Гермогенъ въ это время не дремалъ и продолжалъ свое дѣло ненасытнаго и фанатическаго честолюбія.

Читатель помнитъ, вѣроятно, святотатственное ограбленіе Чудотворной Казанской Иконы Божіей Матери. Драгоцѣнныя украшенія этого образа были похищены, а сама святая икона расщеплена и выброшена въ нечистое мѣсто.

Со времени совершенія этого кощунственнаго преступленія Россію постигли большія бѣдствія: революція 1905 года, неудачная японская война, таинственная болѣзнь наслѣдника: Народная молва приписывала всѣ эти несчастія исчезновенію святой, чудотворной иконы.

Въ нѣкоторыхъ деталяхъ послѣдующаго эпизода мнѣ тоже измѣняетъ память. Да не поставитъ мнѣ этого читатель въ упрекъ, тѣмъ болѣе, что онѣ ни въ какой степени не отразятся на ходѣ далѣе излагаемыхъ мною событій.

Кажется мнѣ, что похищеніе иконы было совершено нѣкіимъ бѣглымъ каторжникомъ Кораблевымъ, а пособникомъ ему въ этомъ дѣлѣ былъ Чайкинъ. Можетъ быть, дѣло стояло какъ разъ наоборотъ. Иниціаторомъ былъ Чайкинъ, а пособникомъ Кораблевъ. Участи иниціатора я не помню, но пособникъ, Чайкинъ или Кораблевъ, буду называть его Чайкинымъ, въ описываемое мное время, отбывалъ свое наказаніе въ саратовскомъ арестантскомъ отдѣленіи.

Однажды Чайкинъ пожелалъ видѣться съ епископомъ Гермогеномъ. Свиданіе было разрѣшено тюремнымъ начальствомъ, вопреки тюремной инструкціи, не въ пріемной, а съ глазу на глазъ. Такія свиданія участились. Когда это дошло до меня, то я захотѣлъ было эти свиданія запретить, но, правду сказать, не хватило на это духа. Вѣдь, если какому - нибудь ничтожному повѣренному разрѣшаются свиданія съ своими подзащитными безъ свидѣтелей, то какъ же запретить это пастырю господствующей Церкви, который, быть можетъ, хочетъ спасти душу раскаивающагося злодѣя. Если на это не было спеціальнаго указанія въ тюремной инструкціи, то не можетъ же инструкція предвидѣть всѣ случайности.

Вскорѣ, вѣроятно, по болтливости самого Чайкина, стало извѣстно, что онъ сообщилъ владыкѣ о томъ, что икона Казанской Божіей Матери вовсе не уничтожена, но находится въ одномъ отдаленномъ старообрядческомъ скиту, и что онъ, Чайкинъ, берется ее оттуда изъять, при условіи предоставленія ему временной свободы, а затѣмъ и полнаго помилованія.

Судебнымъ дѣломъ объ ограбленіи иконы съ непреложностью было установлено ея уничтоженіе. Слѣдовательно, сообщенія арестанта были вымышленными. Однако, епископъ Гермогенъ вѣрилъ имъ или хотѣлъ имъ вѣрить.

Между тѣмъ, начальникъ губернскаго жандармскаго управленія, полк. Семигановскій, обладавшій обширною агентурою, донесъ мнѣ, что у одного «спеціалиста» пишется икона Божіей Матери, поддѣлываемая подъ Казанскую. Передать ее по принадлежности еще невозможно, такъ какъ для принятія вида «старины» требуется время и время довольно продолжительное.

Эти свѣдѣнія были доставлены Семигановскому вполнѣ достовѣрнымъ по его мнѣнію лицомъ, не желавшимъ или не могшимъ сообщить ни мастера, ни мѣста поддѣлки иконы. Однако, нѣкоторая связь между Чайкинымъ и темными лицами, занимавшимися поддѣлкою иконъ, была установлена.

Въ свою очередь, я то же поинтересовался Чайкинымъ, но не находилъ возможнымъ сдѣлать это открыто. При очередномъ посѣщеніи тюрьмы, начальникъ ея указалъ мнѣ условнымъ знакомъ на интересовавшаго меня арестанта. Это былъ высокій, красивый, франтоватый, даже въ арестантской одеждѣ, человѣкъ. (Такой совершенно опредѣленный типъ, какъ это ни странно, существуетъ). Вѣроятно, я все-таки слишкомъ внимательно въ него всмотрѣлся, и онъ это замѣтилъ: губы Чайкина скривились едва сдерживаемой улыбкою удальства и хитрости.

Какова была во всемъ этомъ дѣлѣ роль Гермогена? Вѣрилъ онъ Чайкину или не вѣрить? При особомъ складѣ психики Гермогена, допускаю и первое. Во всякомъ случаѣ, повидимому, эти соображенія отпадали въ его сознаніи передъ фактомъ огромной важности, «Обрѣтенія» исчезнувшей, къ горю всей Россіи, Святой и Чудотворной иконы.

Какое счастіе было бы найти эту икону! Вернуть ее народу и глубоко растроганному Царю. Вѣдь, вся вѣрующая Россія, съ Царскою семьею, во главѣ съ самимъ помазанникомъ Божіимъ, склонятся во прахъ передъ этою святынею и вернувшимъ ее народу святителемъ.

Говорили, что Гермогенъ охотно подписывалъ свое имя «Ермогенъ» какъ приснопамятный патріархъ.

Дѣйствовалъ ли епископъ, вѣря или нѣтъ, я не знаю; и да проститъ мнѣ Господь мои сомнѣнія, вызываемыя исключительно благоговѣніемъ къ святынѣ Казанской...

Я видѣлъ во всемъ этомъ, во всякомъ случаѣ, только продѣлку хитраго арестанта и рѣшилъ положить конецъ его затѣѣ.

Вѣдь, если бы икона была въ самомъ дѣлѣ «обрѣтена», я-то бы зналъ, что это результатъ самаго наглаго мошенничества и легковѣрія, а каковото было бы мнѣ увидѣть весь ужасъ благоговѣйнаго преклоненія всего русскаго народа передъ ловкою поддѣлкою, и своимъ молчаливымъ присутствіемъ способствовать кощунству, въ которое былъ бы вовлеченъ самъ Государь.

Я потребовалъ перемѣщенія Чайкина въ одну изъ московскихъ тюремъ, сообщилъ обо всемъ моему товарищу, московскому губернатору В. Ф. Джун-

ковскому, которымъ всякія свиданія съ Чайкинымъ были воспрещены. Попытки въ этомъ отношеніи Гермогена остались безплодными. Все это, черезъ Вел. Кн. Елисавету Феодоровну, было доведено до свѣдѣнія Государя.

Такъ была закончена исторія новаго и кощунственнаго явленія Святой Казанской Иконы Божіей Матери.

Черезъ нѣкоторое время епископъ Гермогенъ былъ вызванъ присутствовать въ Святѣйшемъ Синодѣ. Съ того времени онъ вышелъ изъ сферы моего непосредственнаго наблюденія.

До меня доходили слухи, что тамъ онъ всталъ въ весьма рѣзкую оппозицію къ другимъ членамъ Синода по вопросу объ учрежденіи у насъ духовнаго сана діаконисъ. Проектъ этотъ принадлежалъ иниціативѣ Вел. Кн. Елисаветы Феодоровны. По поводу института діаконисъ я не имѣю никакого собственнаго мнѣнія, а потому на этомъ вопросѣ останавливаться не буду.

Не помню точно, черезъ сколько времени, примѣрно черезъ полгода, я вновь посѣтилъ Петербургъ. На одной изъ промежуточныхъ станцій въ столичной газетѣ я прочелъ, что епископъ Гермогенъ устраненъ отъ участія въ засѣданіяхъ Синода, отставленъ отъ саратовской епархіи и сосланъ въ Жировицкій монастырь гродненской епархіи, пребывавшій же въ столицѣ Иліодоръ куда - то исчезъ.

Уже въ Петербургѣ я узналъ о причинахъ постигшей Иліодора опалы.

Я видѣлъ въ то время многихъ лицъ, стоявшихъ близко къ синодскимъ кругамъ и бывшихъ со мною, какъ съ саратовскимъ губернаторомъ, тоже близкимъ къ ходу событій во всей Гермогено - Иліодоровской эпопеѣ, вполнѣ откровенными. И вотъ, что они мнѣ разсказали.

Гермогенъ и Иліодоръ поссорились съ Григоріемъ Распутинымъ. Какія были тому причины, осталось невыясненнымъ. Нѣкоторые приписывали ее борьбѣ за вліяніе въ Царскомъ Селѣ, другіе болѣе чистому желанію обезвредить развратнаго старца. Гермогенъ написалъ Царю письмо, изобличающее старца. Письмо это было принято холодно и вызвало даже рѣзкое указаніе епископу не вмѣшиваться не въ свое дѣло.

Тогда Гермогенъ и Иліодоръ рѣшили оскопить Григорія.

Попытка эта не удалась и растерзанный «старецъ» успѣлъ отъ нихъ убѣжать въ Царское Село... Затѣмъ послѣдовала опала Гермогена и разстриженіе Иліодора.

Послѣдній долго скрывался въ окраинахъ столицы, главнымъ образомъ, у доктора «Тибетской медицины» Бадмаева, а затѣмъ бѣжалъ на Донъ въ станицу, къ которой былъ приписанъ, какъ казакъ. Съ этого времени онъ сталъ дѣйствовать уже подъ своимъ прежнимъ именемъ Иліодора Труфанова. Вскорѣ онъ отрекся отъ всѣхъ своихъ «правыхъ» тенденцій, проклялъ всякую власть, духовную и свѣтскую, уже съ «лѣвой» точки зрѣнія, сталъ проповѣдывать анархическую сторону ученія Толстого, портретъ котораго еще недавно подвергалъ оплеванію. Преслѣдуемый полиціею, онъ вскорѣ бѣжалъ въ Швецію, а затѣмъ въ Соединенные Штаты, гдѣ вошелъ въ контактъ съ революціонными кругами. Говорили, что онъ дѣлалъ, тутъ же переводимыя на англійскій языкъ, сообщенія въ разныхъ music hall, гдѣ обливалъ помоями всю русскую жизнь, правительство, Царскую семью, а въ

особенности Императрицу. Написанныя Распутину Государыней письма, какъ-то попавшія въ его руки, тутъ же демонстрировались публикѣ.

Письма эти впослѣдствіи были просмотрѣны однимъ близкимъ мнѣ лицомъ и, по его завѣренію, не заключали въ себѣ ничего компрометирующаго честь Царицы, какъ Государыни и женщины. Это были просто письма нервной женщины къ человѣку, который въ ея представленіи —къ чему, впрочемъ, у нея было достаточно основаній *)—былъ единственнымъ источникомъ поддержанія здоровья и даже самой жизни ея страждущаго, единственнаго и обожаемаго сына.

Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ опалѣ, Гермогенъ получилъ вновь епископскую кафедру, на этотъ разъ въ Тобольскѣ. Пребываніе его тамъ совпало съ прибытіемъ туда въ ссылку Царской семьи, къ которой, какъ я слышалъ, онъ отнесся наилучшимъ образомъ.

Мнѣ говорили, что въ первые дни революціи онъ велъ себя съ большимъ достоинствомъ. И мученически погибъ отъ руки большевиковъ.

Что такое были Гермогенъ и Иліодоръ?

Попытаюсь въ этомъ разобраться.

Я полагаю, что Иліодоръ былъ только опаснымъ авантюристомъ, мечтавшимъ выдвинуться и сыграть крупную роль для удовлетворенія своего ненасытнаго честолюбія. Никакихъ убѣжденій ни лѣвыхъ, ни правыхъ, у него никогда не было. Служить Богу, либо чорту ему было совершенно безразлично, лишь бы добиться своихъ ближайшихъ цѣлей.

Натура Гермогена гораздо сложнѣе. Это тоже былъ человѣкъ, снѣдаемый безумнымъ честолюбіемъ, мечты котораго не останавливались на митрѣ митрополита — ему мерещился патріархъ всея Руси, ѣдущій на конѣ, ведомомъ подъ уздцы тишайшимъ Царемъ Московскимъ. Но я думаю, что безграничное честолюбіе имѣло двигателемъ не одно личное чувство, но и пламенную вѣру и, если и не возвышенное, то превыспреннее понятіе о задачахъ православной церкви, передъ которой должно преклониться все: и народъ, и свѣтская власть, и самъ Царь. Воспаленное воображеніе его ненормальнаго, можетъ быть, физическаго состоянія, неограниченное никакими сдерживающими центрами, могло уронить его до грани преступленія и вознести до подвига великаго мученичества. Въ средніе вѣка онъ могъ бы быть великимъ инквизиторомъ, могъ бы быть Григоріемъ VII, съ наслажденіемъ призывающимъ въ Каноссу кающагося, босоногаго и покрытаго власяницею императора, но могъ онъ и, какъ Савонарола, съ блаженствомъ и восторгомъ сгорѣть на кострѣ.

Софія-Парижъ. 1922—24 г.

---

*) Способность Распутина останавливать кровотеченіе у наслѣдника, страдавшаго гемофиліею, и вообще его гипнотически врачующее вліяніе подтверждается многими свидѣтельствами.

Революціонное общество

по личнымъ воспоминаніямъ*

В. А. Ауэрбаха

ЧАСТЬ II

Въ большевицкой Россіи

Глава I

ВЪ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ, УПРАВЛЯЕМОМЪ КОММУНИСТАМИ

Ружейные выстрѣлы, пулеметная трескотня и буханіе орудій еще слышались въ нѣкоторыхъ районахъ Петрограда, пока не было «ликвидировано» сопротивленіе юнкеровъ Владимірскаго и Константиновскаго военныхъ училищъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдалось нѣкоторое волненіе въ связи съ наступленіемъ войскъ генерала Краснова, но въ общемъ послѣ 25 октября наступила какая-то тишина. Для круга лицъ, близкихъ къ Временному Правительству, къ которому принадлежалъ и я, стало тише уже потому, что утратилась освѣдомленность: ставъ рядовыми обывателями, мы узнавали о событіяхъ post factum изъ газетъ, а о намѣреніяхъ побѣдителей ничего не знали. Впослѣдствіи нѣкоторыя организаціи учредили особую информаціонную службу и вслѣдствіе этого черезъ нѣкоторое время освѣдомленность была въ нѣкоторой мѣрѣ возстановлена, но сперва мы питались исключительно газетами, слухами, толками и случайными свѣдѣніями. Но кажется, что и для населенія въ цѣломъ стало тише: послѣ періодически повторяющихся каждые два мѣсяца разрядовъ всегда становилось тише, а на этотъ разъ въ особенности. Часть населенія праздновала побѣду, другая — полагала, что всякая развязка лучше затяжного кризиса, третья —, отупѣвъ отъ безпокойнаго житья въ «свободной Россіи», впала въ равнодушное безразличіе. «Буржуазія» отказывала большевикамъ въ признаніи ихъ въ качествѣ носителей государственной власти и по возможности не исполняла ихъ распоряженій. Таково-же было поведеніе и части «революціонной демократіи». Та многочисленная часть «буржуазіи», что высмѣивала опубликованный за нѣсколько дней до переворота списокъ большевицкихъ министровъ, иронически отнеслась и къ побѣдѣ коммунистовъ, положительно отказываясь вѣрить въ продожительность

* Продолженіе. См. Арх. Рус. Рев. т. XIV.

ихъ господства. Одни полагались на вѣрность Временному Правительству части войска — отчаянному сопротивленію юнкеровъ не придавалось практическаго значенія, но на натискъ арміи генерала Краснова и вообще на реакцію нѣкоторыхъ фронтовыхъ частей возлагались надежды и тѣмъ болѣе сильныя, чѣмъ явственнѣе обнаруживалась немощность облѣнившагося и распустившагося столичнаго гарнизона и неподготовленность рабочей красной гвардіи, — другіе считали, что неопытные въ государственномъ управленіи большевицкіе вожди, не могущіе къ тому-же полагаться на службу за совѣсть арміи чиновниковъ, быстро запутавшись въ дѣлахъ и въ особенности по снабженію населенія продовольствіемъ и другими предметами первой необходимости, будутъ вскорѣ-же смѣщены населеніемъ, третьи предсказывали быстрое паденіе экстремистовъ, исходя изъ историческихъ примѣровъ и не останавливаясь даже на причинахъ, которыя могли-бы сбросить гастролеровъ власти — я помню, какъ мой большой пріятель, умный, разносторонне образованный и дѣльный человѣкъ, стоявшій во главѣ одного изъ крупнѣйшихъ военныхъ управленій, генералъ и профессоръ, меня пытался убѣдить, ссылаясь на парижскую коммуну, что больше 42 дней большевики еще не продержатся, и я записываю это воспоминаніе, считая характернымъ то созерцательное и академическое отношеніе къ событіямъ, что нерѣдко проявлялось со стороны представителей «буржуазіи».

Надежда на немедленное отвоеваніе Петрограда исчезла вскорѣ по ликвидаціи красновскаго наступленія и, какъ извѣстно, дальнѣйшія операціи завоевательнаго характера были перенесены на периферію страны, но попытки организаціи военныхъ выступленій возникали и въ центрѣ Россіи, и даже въ самомъ Петроградѣ.

Въ столицѣ надежды возлагались больше всего на Петровскую бригаду (Преображенскій и Семеновскій полки) и на Гвардейскій Флотскій экипажъ, среди солдатъ которыхъ велась пропаганда. Члены конспиративнаго кружка появлялись въ казармахъ, устраивая солдатскіе митинги, но, будучи широко извѣстными лицами, прибѣгали къ гриму и назывались вымышленными именами. Они-же распространяли среди солдатъ печатныя брошюрки, освѣщавшія разныя соціальные и политическіе вопросы въ удобопонятной формѣ. Я также приложилъ свою руку къ составленію этихъ брошюрокъ, познакомившись съ однимъ изъ виднѣйшихъ партизанъ.

«Прошу къ аппарату инженера Ауэрбаха» — именованіе меня инженеромъ было необыкновеннымъ, а слово «аппаратъ» вмѣсто «телефонъ» прямо-таки меня перенесло въ какой-то другой міръ (къ концу японской войны я былъ на Дальнемъ Востокѣ, и тогда тамъ тоже называли телеграфъ и телефонъ — аппаратами) — «Я — Ауэрбахъ. Кто говоритъ?» — «Членъ комитета Новороссійскаго Общества (Юзовка) инженеръ Ф.; у Васъ вчера было засѣданіе Совѣта Союза металлургическихъ заводовъ, на которое я почему-то не получилъ приглашенія; прошу мнѣ сообщить причины и дать по канцеляріи соотвѣтственныя распоряженія!» — Вѣроятно поспѣшный и начальническій тонъ бывшаго (всего нѣсколько дней назадъ) Верховнаго Комиссара Арміи Максимиліана Максимиліановича Филоненко на этомъ не прервался-бы, если-бы вмѣсто отвѣта я ему не заявилъ, что прошу его пріѣхать ко мнѣ въ Союзъ для объясненій, что онъ и сдѣлалъ немедленно. Мнѣ было еще не извѣстно новое положеніе Филоненко и даже непонятно, какимъ образомъ Верховный Комиссаръ Арміи могъ оказаться представителемъ Металлургическихъ Заводовъ, желѣзныхъ и камен. угол. рудниковъ Новороссійскаго Общества въ нашемъ союзѣ, но Филоненко мнѣ представилъ необходимыя объясненія: все разрѣшилось къ наилучшему, и въ послѣднихъ засѣданіяхъ за большимъ овальнымъ столомъ въ нарядномъ залѣ среди большей части сѣдовласыхъ членовъ Совѣта находился и юный, вновь явленный «промышленникъ». Обыкновенно скучавшій на засѣданіяхъ, онъ очень оживлялся,

когда рѣчь заходила о мѣрахъ военной охраны заводовъ и рудниковъ: едва заговорили о продвиженіи въ Донецкій бассейнъ кавалерійскаго корпуса ген. Бискупскаго, какъ его нервное лицо загорѣлось пламенемъ восторга и изъ его устъ посыпались соображенія о дислокаціи войскъ, о мѣрахъ къ изоляціи солдатъ отъ рабочихъ вліяній, о преимуществахъ концентраціи болѣе крупныхъ отрядовъ всего въ нѣсколькихъ пунктахъ по сравненію съ распыленіемъ по всей территоріи бассейна и др., и вообще въ такихъ случаяхъ Ф. бойко говорилъ, напоминая ученика, вытащившаго на экзаменѣ хорошій билетъ.

Впослѣдствіи я довольно хорошо сошелся съ Ф. и скажу, что меня кое что въ немъ очень подкупало и рѣшительно къ нему располагало.

Небольшого роста, худощавый человѣкъ казался состоящимъ изъ однихъ костей, мускуловъ и, главное, нервовъ, при чемъ скорыя и рѣшительныя движенія его лица говорили о несомнѣнно пылкомъ порывистомъ темпераментѣ, которымъ повидимому онъ обязанъ примѣси еврейской крови. Я помню, какъ много позже въ Парижѣ онъ ко мнѣ приходилъ: когда послѣ сильныхъ и быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ ударовъ въ дверь я, сидя къ ней спиной, едва успѣвалъ повернуть голову, Ф. уже былъ посреди комнаты. Онъ появлялся всегда молодцевато, съ отмѣнной бодростью, изяществомъ костюма и особенно позъ и манеръ. Во время бесѣды онъ иногда угасалъ, но съ тѣмъ, чтобы опять вспыхнуть и огнемъ загорѣться, какъ только представлялся къ тому поводъ. Онъ всегда наблюдалъ за собой, нерѣдко пользуясь находящимся въ комнатѣ зеркаломъ. Вѣроятно, онъ, какъ актеръ, тщательно изучалъ свою внѣшность, позы и манеры, въ уединеніи репетируя передъ зеркаломъ, и во всякомъ случаѣ каждое его движеніе говорило о рисовкѣ и самолюбованіи. Любовь его къ себѣ, могущая приводить Ф. къ героическимъ актамъ, — цѣнное свойство его природы, но ею не ограничиваются яркія черты его характера: я особенно отмѣтилъ-бы его романтизмъ, который проявлялся не только въ интимной жизни, но нисколько не меньше въ политической дѣятельности — онъ положительно поэтъ революціоннаго дѣйства.

Если для иного поэта воспѣваемая героиня бываетъ лишь предлогомъ для романтическихъ переживаній, одной изъ составныхъ частей той среды, что вызываетъ въ его душѣ сладкія эмоціи, то революція или въ равной мѣрѣ контръ-революція была для Ф. лишь условіемъ, поэтической обстановкою, въ которой могъ пылко расцвѣтать его политическій романтизмъ. Героизмъ, жизнь среди опасностей, игра со смертью, подвигъ, охмѣляющія и зажигательныя рѣчи, таинственность и конспирація, опьяняющій успѣхъ или провалъ, бѣшенная гонка на автомобилѣ или сумасшедшій перелетъ на аэропланѣ, безумная вылазка въ непріятельскій лагерь съ переодѣваніями, гримомъ, безстрашная авантюра — все это было не средствомъ достиженія тѣхъ или иныхъ политическихъ результатовъ, а почти самодовлѣющей цѣлью. Конечно, людямъ такого рода не должно занимать руководящихъ положеній, но ихъ сотрудничество съ людьми, обладающими твердой и цѣльной системой, можетъ быть очень и очень цѣннымъ.

Ф. несомнѣнно прекрасный ораторъ, онъ быстро оріентируется въ вопросѣ и въ обстановкѣ, находчивъ, остроуменъ, очень ясно формулируетъ мысли и говоритъ убѣжденно и увлекательно. Должно отмѣтить его способность приводить сложнѣйшій вопросъ къ элементарнымъ формуламъ, вродѣ какъ дважды два—четыре. Отрывокъ его бесѣды съ генераломъ Корниловымъ* во время наступленія на Пе-

---

* Привожу со словъ Ф., не ручаясь за точность, но въ правильности передачи общаго смысла увѣренъ.

трограда можетъ служить иллюстраціей: «Въ настоящее время въ Россіи имѣются три силы», говорилъ Ф. генералу — «Временное Правительство, Совѣтъ рабочихъ депутатовъ и Верховное Командованіе. Союзъ двухъ силъ изъ трехъ побѣждаетъ третью. Вы не можете идти съ Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ противъ Временнаго Правительства, а потому Вамъ нужно идти съ нимъ противъ Совѣта, а если противъ Васъ будутъ и Правительство, и Совѣтъ, то Вы погибнете». Передавая это мнѣ, Ф. добавилъ: «къ сожалѣнію, генералъ не повѣрилъ мнѣ, что два больше одного». Разумѣется, соображеніями, приводимыми къ примитиву, нельзя было убѣдить Корнилова, но ораторъ можетъ въ подходящемъ случаѣ ими увлечь многочисленную толпу. Какъ извѣстно, Ф., не пожелавъ остаться съ обреченнымъ имъ на гибель генераломъ, въ дальнѣйшемъ связалъ свою судьбу съ Керенскимъ, занявши враждебную Корнилову позицію, что впослѣдствіи стоило Ф. немало непріятностей. Когда лѣтомъ 1919 года я изъ Парижа рѣшилъ ѣхать обратно въ Россію, то сталъ уговаривать Ф. тоже отправиться работать въ Добр. Армію, имѣя въ виду его несомнѣнныя дарованія, которыя онъ могъ-бы приложить къ пропагандѣ и развѣдкѣ; при одной мысли о живой работѣ послѣ Парижской бездѣятельности огонь загорался въ глазахъ Ф., вскорѣ однако потухавшій: что-то его озабочивало. Узнавъ, что Ф. имѣетъ основаніе опасаться ареста при высадкѣ на берегъ въ виду отрицательнаго отношенія, проявленнаго имъ въ свое время къ Корнилову, а вмѣстѣ съ тѣмъ полагая, что Ф. будетъ на совѣсть работать въ пользу Добр. Арміи, я предложилъ ему ѣхать вмѣстѣ, беря на себя заботу объ обезпеченіи ему свободы: Ф. согласился, и мы записались въ очередь на корабль, отходящій изъ Марселя въ Новороссійскъ. Однако, передъ отъѣздомъ Ф. перемѣнилъ намѣренія, получивъ телеграмму изъ Екатеринодара отъ своего брата, бывшаго въ то время Начальникомъ Эксплоатаціоннаго отдѣла Управленія путей сообщенія и впослѣдствіи умершаго отъ сыпного тифа во время эвакуаціи Ростова, что пріѣздъ его въ Добр. Армію не безопасенъ. Смѣлый, даже безстрашный человѣкъ въ моменты героическаго воодушевленія при романтической обстановкѣ, оказался болѣе чѣмъ осторожнымъ, когда въ отсутствіи пафоса представилась опасность лишенія свободы, быть можетъ, даже только на короткое время.

Послѣ отступленія, сдѣланнаго для нѣкотораго охарактеризованія этой личности, типичной для эпохи Керенскаго, вернемся къ причинамъ, отъ которыхъ вслѣдъ за октябрьскимъ переворотомъ ожидали избавленія отъ большевицкаго правленія и нѣкоторые даже — крутой реакціи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что послѣ легкой побѣды, дальнѣйшій путь показался большевицкимъ вождямъ гораздо труднѣе и сложнѣе: нужно было реализировать обѣщанія — свобода, земля, хлѣбъ и немедленное окончаніе войны, но прежде всего нужно было закрѣпить власть и подчинить себѣ правительственный аппаратъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ между управляющими и управляемыми вмѣсто промежуточнаго слоя оказалась пустота: какъ извѣстно, чиновники центральныхъ учрежденій, въ своемъ большинствѣ или по крайней мѣрѣ въ своей лучшей части, отказались служить большевикамъ (нѣкоторые прекратили работу, а другіе ее продолжали, игнорируя однако большевицкихъ комиссаровъ и въ томъ числѣ товарищи министровъ — Н. Н. Савинъ, М. В. Бернацкій и др.), что имѣло не демонстративный характеръ, а исходило изъ глубокаго сознанія несовмѣстимости такого служенія съ элементарными требованіями національной совѣсти, а порою и изъ увѣренности въ недолговременности большевицкаго господства. Многихъ изъ чиновниковъ морально и матеріяльно поддержала помощь, оказанная банковскими и промышленными общественными организаціями. Хотя эта помощь достигала нѣсколькихъ милліоновъ

(точной цифры нынѣ не помню), но разумѣется на долго хватить ея не могло. Любопытно при этомъ, что объ этой помощи было хорошо извѣстно совѣтскому правительству, и повидимому даже въ его руки попалъ списокъ отпущенныхъ организаціями суммъ, но особыхъ послѣдствій, кромѣ временнаго ареста нѣкоторыхъ посредниковъ изъ числа чиновниковъ по распредѣленію пособій, это не имѣло: вѣроятно большевики чувствовали себя не очень увѣренно, а ихъ вниманіе было, главнымъ образомъ, направлено на укрѣпленіе своей власти надъ войсками и на защиту себя отъ атакъ военнаго характера.

Вообще можно сказать, что въ первое время послѣ переворота большевики вели себя вяло и дѣйствія ихъ отличались большой осторожностью и нерѣшительностью. Въ общихъ чертахъ порядки оставались тѣми-же, какъ и при Временномъ Правительствѣ, и казалось, что произошелъ не переворотъ, а смѣна кабинета.

Вернувшись въ концѣ августа изъ Крыма, я ѣздилъ въ Харьковъ въ концѣ сентября и потомъ — уже при большевикахъ въ срединѣ ноября: никакихъ видимыхъ перемѣнъ на желѣзныхъ дорогахъ не наблюдалось, я ѣхалъ въ казенномъ спальномъ вагонѣ 1 класса, проводникъ не пускалъ въ вагонъ никого, кромѣ билетныхъ пассажировъ, одновременно со мной ѣхало два знакомыхъ юнкера, не подвергаясь никакимъ непріятностямъ въ пути.

Въ жизни промышленности еще при Временномъ Правительствѣ развился такой безпорядокъ, что уже нельзя было замѣтить послѣ октябрьскаго переворота рѣзкаго перелома, а многочисленные относящіеся къ рабочимъ декреты въ сущности санкціонировали установившійся кавардакъ, и только отъ статистики не ускользаетъ вліяніе событій: такъ выплавка чугуна на южно-русскихъ заводахъ, въ сентябрѣ 1917 года еще достигавшая 11,1 мил. пудовъ, падаетъ въ октябрѣ до 9,6, ноябрѣ 6,7 и въ декабрѣ до 5,3 мил. пудовъ.

Дѣятельность союзовъ послѣ большевицкаго переворота не только не ослабѣваетъ, а напротивъ пріобрѣтаетъ особенно оживленный характеръ: владѣніе и управленіе промышленностью остается въ тѣхъ-же рукахъ, но предоставленные сами себѣ промышленники проявляютъ особенную склонность къ сплоченію и солидаризаціи дѣйствій. То-же въ частности проявилось и на XLII съѣздѣ горнопромышленниковъ въ Харьковѣ, бывшемъ въ концѣ ноября и въ началѣ декабря: до тѣхъ поръ выборы въ Совѣтъ Съѣзда производились не по принципу представительства интересовъ, а на основаніи личныхъ симпатій къ тѣмъ или другимъ лицамъ, что понижало авторитетность Совѣта, вызывая постоянныя нареканія; всѣ понимали это, но сговориться никакъ не могли; между тѣмъ подъ вліяніемъ переживаемыхъ потрясеній выборы протекли по напередъ составленной схемѣ съ проведеніемъ въ Совѣтъ лицъ по заранѣе составленному списку; пропорціональность интересовъ позволила отодвинуть на второй планъ тяжеловѣсный Совѣтъ (72 члена), передавъ значительную часть функцій подвижному и дѣятельному комитету (6 членовъ и 5 замѣстителей), составленному изъ предсѣдателя и изъ пяти членовъ, представителей пяти промышленныхъ союзовъ: Углесоюзъ, Горносоюзъ, Антрацитосоюзъ, Сометаллъ и Рудосоюзъ.

Любопытно, что публичность засѣданій Съѣзда нисколько не мѣшала проявленіямъ жестокой критики «революціонной демократіи» и совѣтскаго правительства, обсужденію вопросовъ, связанныхъ съ избирательной кампаніей (въ Учредительное Собраніе) и съ поддержкою контръ-революціонной прессы и пр. (послѣдній вопросъ обсуждался при закрытыхъ дверяхъ, черезъ которыя все-же проникали посторонніе).

Во время моего пребыванія въ Харьковѣ мнѣ пришлось повстрѣчаться съ Канадской Военной Миссіей, пріѣхавшей за желѣзнодорожными матеріалами, нуж-

ными для задуманной ими постройки сѣти переносныхъ узко-колейныхъ желѣзныхъ дорогъ, долженствующихъ обслуживать фронтъ наряду съ разваливающейся желѣзно-дорожной сѣтью русскаго нормальнаго типа. Можетъ показаться страннымъ, но эти господа не теряли надежды на возстановленіе боеспособности арміи; даже, напротивъ, они считали, что разъ на мѣсто прогнившей деспотической царской власти встала власть народная, разъ на смѣну старцамъ-генераламъ явились молодые и талантливые вожди, то тѣмъ болѣе должно разсчитывать на успѣхъ и окончательную побѣду: «мы американцы» — пояснили они — «цѣнимъ не старость, стажъ и происхожденіе, а волю, энергію и природныя дарованія; по нашему убѣжденію нѣтъ въ Россіи большаго человѣка, какъ Мураловъ (большевицкій главнокомандующій московскимъ военнымъ округомъ), а имѣя такого военноначальника, Вы можете быть спокойны за судьбы Россіи». Разумѣется, изъ проектовъ и суетъ Канадской Военной Миссіи ничего не вышло.

Этими спасителями Россіи, однако, дѣло не ограничилось. При мнѣ въ Харьковъ пріѣзжали, также для спасенія Россіи, Украинскіе Министры: Ещенко — Министръ Путей Сообщенія и профессоръ Ганицкій — Товарищъ Министра Торговли и Промышленности. Въ кабинетѣ предсѣдателя Порайоннаго Комитета, помѣщавшагося въ зданіи Совѣта Съѣзда горнопромышленниковъ, они созвали совѣщаніе изъ начальствующихъ на желѣзныхъ дорогахъ Харьковскаго узла лицъ (я присутствовалъ съ любезнаго разрѣшенія Предсѣдателя Комитета А. В. Лукашевича изъ любопытства), которымъ развили свой планъ дѣйствій. Собственно, планъ развивалъ молодой, стройный, экспансивный и склонный къ героическимъ позамъ Ещенко, а перевалившій за сорокъ, отяжелѣвшій, небольшого роста, мохнатый съ черной бородой, покрывающей почти все лицо, и горбатымъ носомъ, хитрый хохолъ Ганицкій предпочиталъ чаще помалкивать. Планъ ихъ заключался въ прекращеніи хлѣбныхъ перевозокъ на сѣверъ, что, по ихъ мнѣнію, должно было вызвать въ Петроградѣ и Москвѣ возстанія противъ совѣтской власти. Потрясенные этимъ планомъ, путейскіе инженеры попробовали возражать, а одинъ старый инженеръ при мысли о голодѣ, связанномъ съ этими планомъ, въ родномъ для него Петроградѣ, разрыдавшись, вышелъ изъ комнаты. Ещенко упрекалъ инженеровъ въ «слюняйствѣ» въ то время, какъ Правительство готово «отвѣчать головой». Инженеры не сдавались, порою оказывая даже отчаянное сопротивленіе, но потерявшій терпѣніе Ещенко сказалъ, что такова воля «Правительства», и онъ требуетъ исполненія его распоряженій. Я хотѣлъ-бы еще отмѣтить, что Министры говорили о «южной» и «Сѣверной Россіи», а не «Украйнѣ» и «Великороссіи», и притомъ не только Ещенко, но и Ганицкій говорили только по русски, тогда какъ послѣ подписанія мирнаго договора съ нѣмцами «хитрый хохолъ» заговорилъ на «украинской мовѣ».

Итакъ, министры приказали и уѣхали, но слѣда отъ ихъ пріѣзда не осталось: въ Харьковѣ рѣшительно не признавали власти Украинскаго Правительства.

Пробывъ недѣли двѣ—три въ Харьковѣ, я поѣхалъ обратно въ Петроградъ. Условія путешествія по россійскимъ желѣзнымъ дорогамъ были уже значительно хуже: къ этому времени нѣкогда беззавѣтно храбрыя войска уже настолько успѣли проникнуться большевицкимъ лозунгомъ о немедленномъ окончаніи войны, что, рѣшительно не пожелавъ «сражаться для капиталистовъ», цѣлыми потоками понеслись къ роднымъ очагамъ, другіе, тоже въ сѣрыхъ шинеляхъ, съ мѣшками за спиной, устремились въ большіе города и, особенно, въ столицы сбывать по высокимъ цѣнамъ предметы продовольствія, проповѣдуя по пути высокіе принципы «коммунизма» и вовсе не подозрѣвая о крылатомъ словечкѣ «демократизація спекуляціи», которымъ буржуазія назвала пріобщеніе широкихъ массъ населенія къ торговлѣ самаго дурного тона.

Вмѣстѣ со служащимъ въ нашемъ союзѣ инженеромъ К. мы съ трудомъ втиснулись въ купэ II класса и уже не выходили изъ него въ теченіе двухъ съ половиной сутокъ, пока не пріѣхали въ Москву. Въ нашемъ купэ разсчитанномъ на 4 пассажира, помѣщалось 22, изъ коихъ двѣ женщины и трое ребятъ; сидѣли всюду: на нижнихъ и на поднятыхъ верхнихъ полкахъ, на столикѣ, на полу. Въ коридорѣ было сплошное море тѣлъ. Выйти на станцію черезъ коридоръ было не возможно, а окно въ нашемъ купэ было завинчено; «товарищи» выломали изящную ясеневую рамку, окружавшую окно, но дѣло не подвинулось, ковыряли штыками шурупы, но тоже безуспѣшно; одни рѣшили было разбить зеркальное стекло, но другіе объяснили, что «будетъ дюже холодно». Черезъ сутки дѣти стали сильно страдать отъ жажды, почему передали въ коридоръ чайникъ, которымъ одинъ изъ «товарищей-солдатъ» ухитрился при помощи веревки черезъ окно въ противоположной части коридора (единственное открывавшееся) зачерпнуть снѣгу. Но, какъ мало воды получается изъ снѣгу! Мы съ моимъ спутникомъ рѣшили отказаться и отъ снѣга, дабы не имѣть надобности въ уборной, куда пройти невозможно. Нашему примѣру послѣдовали и прочіе путешественники нашего купэ, кромѣ одной старой женщины и молодого солдата. Послѣ долгихъ страданій женщина не выдержала и бросилась въ коридоръ, но «потерпи тетенька!» отвѣчала ей груда тѣлъ; я взялся ее проводить, посыпалась безсовѣстная ругань (свобода слова!), но, не обращая на нее вниманіе, я то одному, то другому приказывалъ — «а ну-ка подсоби тетенькѣ, подвинься маленько, чего разлегся, а вы вдвоемъ передайте женщину на рукахъ» и т. д. и наконецъ «тетеньку» доставили въ уборную, а за нею я шелъ, наступая на ноги, руки, а можетъ быть и животы лежавшихъ и скрюченно сидѣвшихъ на полу тѣлъ, провожаемый злобными взглядами и глухимъ ворчаніемъ, а когда одинъ изъ товарищей замѣтилъ, «глянь, со старухой въ нужникъ пошелъ, видно помоложе не нашелъ», то груда тѣлъ такъ захохотала, что старушка было побоялась войти въ уборную, но я постарался ей объяснить, что это такъ солдаты языками чешутъ, но что на самомъ дѣлѣ она внѣ подозрѣній, и тетенька согласилась; я ее покараулилъ и тѣмъ-же порядкомъ проводилъ обратно, но товарищи заявили, что въ другой разъ больше никого не пустятъ и дѣйствительно не пустили и молодого солдата. Уже за Тулой ему стало такъ нехорошо, что товарищи сжалились и пропустили, но было уже поздно ... впослѣдствіи одинъ врачъ мнѣ объяснилъ, что его постигнулъ параличъ мочевого пузыря, который вѣроятно ему стоилъ жизни.

Въ теченіе первой ночи, конечно, мы и глазъ не смыкали и тѣмъ болѣе, что въ купэ отношеніе другъ къ другу было волчьимъ, но потомъ всѣ примирились со своимъ положеніемъ, привыкли другъ къ другу, вмѣстѣ помогали, чѣмъ могли, дѣтямъ, общность человѣческой ласки къ малюткамъ сближала, появилось любопытство къ окружающимъ, разспросы, завязались разговоры, а въ результатѣ мягкость въ обращеніи, предупредительность, какое-то взаимное пониманіе . . и волки стали человѣками.

Къ наступленію второй ночи нѣсколько бородатыхъ коридорныхъ пассажировъ потребовали смѣниться съ молодыми солдатами изъ нашего купэ. Озлобленныя жертвы неравенства — мы сидѣли на мягкихъ диванахъ, а они на полу въ коридорѣ — съ мѣста въ карьеръ стали высыпать трафаретныя революціонныя сужденія, при чемъ попутно попадали камушки и въ огородъ двухъ мѣщанокъ-женщинъ, при которыхъ были дѣти, и больше всего въ нашъ, но камушки были мелкіе и не острые, почему свободно можно было не обращать на нихъ вниманія, но какъ только, хотя и въ самыхъ неестественныхъ позахъ, мы начинали дремать, такъ метаніе камней усиливалось нужно было что-нибудь предпринимать. «Вы откуда?» — «Каалуцкіе.» —

«А вы?» — «Тульскіе.» — «Какого уѣзда?» — «Чернскіе.» — «Алябьево знаете?» (Это наше бывшее родовое имѣніе, въ которомъ я еще въ юности бывалъ съ отцомъ.) — «Ну какъ-же, мы-же Никольскіе.» — «Графа Толстого?» — «Такъ и есть самаго грахва.» Изъ дальнѣйшаго разговора выяснялось, что помѣщичья земля еще не захвачена, изъ-за спора между сосѣдними деревнями (можетъ-быть свѣдѣнія ѣхавшаго съ фронта товарища были устарѣлыми, но для меня это было неважно). Сталкиваясь съ людьми и особенно во время моихъ многочисленныхъ путешествій, я охотно вступалъ съ ними въ разговоръ, развивая не явно тенденціозныя, а просто трезвыя мысли, и на этотъ разъ я постарался направить бесѣду на соціально-политическія темы и, замѣтивъ, что сидящіе со мною революціонеры — крестьяне, сосредоточился на земельномъ вопросѣ. Разумѣется, ничего новаго я имъ не сказалъ, но ими нѣкоторыя свѣдѣнія и соображенія были приняты, какъ откровенія. Между прочимъ, высказавшись противъ сохраненія при нѣкоторыхъ условіяхъ крупной земельной собственности, я тѣмъ не менѣе отмѣтилъ, что вырѣзать помѣщиковъ — жестоко, а палить ихъ усадьбы и гумна — нелѣпо, разсказавъ, какъ должна въ человѣческомъ, а не въ звѣриномъ обществѣ вестись борьба противъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ и особенно тѣхъ, что сами не занимаются хозяйствомъ, взявъ за образецъ извѣстную австралійскую систему прогрессивныхъ и, для не живущихъ на своей землѣ, исключительныхъ налоговъ.

Обо всемъ этомъ я имъ разсказывалъ не меньше полчаса, но вниманіе ни на минуту не покидало революціонеровъ, они разспрашивали, я объяснялъ имъ подробности, а когда я кончилъ, то они благодарили за мою импровизированную лекцію.

Атмосфера въ купэ вновь оказалась дружелюбной, и я, сидя на краю дивана и изогнувшись подобно мѣсяцу, сталъ дремать въ то время, какъ революціонеры продолжали обсуждать слышанное. Сперва сквозь дремоту до меня доносились возмущенія по адресу глашатаевъ захватческихъ идей и сожалѣнія, что имъ никто не объяснялъ «австрійскаго способа», и я погрузился въ небытіе, невзирая на тѣсноту, неестественность позы, духоту и, главное, громкіе голоса разсуждающихъ. Сколько времени я отсутствовалъ, я не знаю — думаю, что съ полъ-часа или часъ —, но мои революціонеры бдили, и когда вновь я сталъ слегка различать звуки, то слышалъ, что «каалуцкій» говорилъ, что я «противъ народа», что я «буржуй», и не должно-ли даже меня «куда представить», но чернскій возразилъ, что, конечно, должно, чтобы вся земля — народу, что я больно хитро говорилъ, но, что я — ничего — «должно нашъ чернскій, коли грахва знаетъ» ... Кажется, на этомъ бородачи замолкли, а можетъ быть я опять ихъ больше не слышалъ, переставъ ощущать свое бытіе ...

Я много разъ обращалъ вниманіе на то, какъ легко прививать нашимъ мужикамъ желаемыя мысли, они очень легко ихъ схватываютъ и впитываютъ, но также легко онѣ испаряются или вытѣсняются тѣмъ комплексомъ идей, что глубоко засѣлъ въ ихъ душу.

Къ вечеру второго дня въ нашемъ купэ стало до такой степени душно, что можно было наблюдать всѣ признаки отравленія углекислотой и другими газами (я съ этими признаками хорошо познакомился, работая на рудникахъ): учащенное біеніе сердца, красныя пятна на щекахъ, стукъ въ вискахъ, головокруженіе и отдышка. Несмотря на свое здоровье, а также привычку къ спертой рудничной атмосферѣ, я положительно задыхался.

Послѣ двухдневнаго путешествія въ такихъ условіяхъ всѣ такъ утомились, что спали всю ночь мертвымъ сномъ. Я, однако, нѣсколько разъ просыпался отъ громкаго храпѣнія, подъ самымъ моимъ ухомъ «красы и гордости русской революціи» —

здоровеннаго товарища-матроса, граціозно склонившаго свою буйную голову на мое плечо, и отъ того, что порою во снѣ онъ меня обнималъ и ощупывалъ.

Утромъ въ Москвѣ я пересѣлъ въ другой поѣздъ, въ которомъ оказался вагонъ международнаго общества, уплативъ не малую дань проводнику.

Въ Петроградѣ я нашелъ жизнь спокойной и привольной, а нѣкоторые даже съ пріятной улыбкой заявили, что не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Никто не охранялъ ни нашей жизни, ни нашего жилища и имущества, и по истинѣ удивительно, что насъ не рѣзали и не грабили: поразительно велика въ народѣ сила инерціи!

Разумѣется благополучіе жизни, о которомъ я говорю, надо понимать относительно, но все же въ то время еще было возможно ночью ходить и ѣздить по городу — мы съ женой не разъ, возвращаясь съ Васильевскаго Острова на Кирочную, проѣзжали въ часа 2 ночи по совершенно пустыннымъ Сенатской и Дворцовой площадямъ и по Марсову полю въ хорошихъ шубахъ, и никогда не были раздѣты или ограблены — можно было доставать продовольствіе, не было организованнаго преслѣдованія и угнетенія буржуазіи, выходили буржуазныя газеты, шпіонажъ еще не былъ возведенъ въ систему и т. д., и т. д.,

Что поражало въ то время — это страсть къ развлеченіямъ и зрѣлищамъ: кромѣ старыхъ театровъ и кинематографовъ открылось много новыхъ, особенно миніатюръ, въ которыхъ безпрепятственно высмѣивались большевики, условія революціонной жизни, а въ одной пьесѣ появлялся на сценѣ городовой, очевидно въ расчетѣ на овація, и дѣйствительно неизмѣнно раздавались шумные аплодисменты и восторженныя восклицанія. Объ этомъ я передаю съ чужихъ словъ, такъ какъ съ начала революціи развлеченія меня нисколько не привлекали, и я нигдѣ не бывалъ, да и некогда было. Только въ ночь подъ Новый Годъ (1918) я былъ съ женой во вновь открытомъ ночномъ ресторанѣ «Perles», для котораго его владѣлецъ снялъ дворецъ Великой Княгини Ольги Александровны на Сергіевской улицѣ, скупивши также великокняжескіе винные погреба. Столовая ресторана была устроена въ большомъ концертномъ залѣ, а внутренніе покои служили въ качествѣ фойе. Въ нихъ все сохранилось такъ, какъ было, и публикѣ былъ открытъ доступъ всюду — даже въ такія мѣста какъ интимный будуаръ В. Княгини, спальня, ванная и пр. Я помню испытанное мною оскорбленіе и, конечно, не за то, что простые смертные проникли въ помѣщеніе, занимавшееся царской семьей, а за проникновеніе равнодушныхъ или любопытныхъ взоровъ пришедшихъ съ улицы людей въ тѣ мѣста, гдѣ протекала интимная жизнь женщины, гдѣ такъ часто она оставалась одна и куда допускались только близкія ей лица. Революція позволила производящему обыскъ пьяному солдату въ грязныхъ сапожищахъ и въ военной шинели войти въ спальню моей жены, рыться въ предметахъ ея интимнаго туалета и та-же революція впустила «буржуевъ» въ интимые покои другой женщины — Великой Княгини.

Въ эту ночь съ улицы дворецъ казался мрачнымъ, нежилымъ, какъ будто умершимъ, но только черныя занавѣсы стыдливо скрывали отъ улицы тысячи электрическихъ лампочекъ, заливавшихъ свѣтомъ бальныя (декольте) дамскія платья, брилліанты въ пышныхъ прическахъ и на тонкихъ кружевахъ, безукоризненные смокинги и лакированные полуботинки мужчинъ, эстраду съ «пикантными» танцовщицами, дизезками и шансонетками, крахмальное бѣлье и ливреи прислуги и наконецъ бѣлоснѣжныя скатерти, великокняжескій фарфоръ и дорогія вина. — Чѣмъ отличается «буржуазія» отъ переполняющей театры и кинематографы «революціонной демократіи»?

Часа въ три ночи, когда подъ вліяніемъ выпитаго вина, оживленной бесѣды и легкаго жанра танцевъ, пѣнія и музыки гости уже позабыли о непрочности замковъ

въ дверяхъ, отдѣляющихъ ихъ отъ большевицкаго міра, послышались какіе-то странные звуки изъ перваго этажа; сперва, даже не всѣ слышатъ, но звуки становятся все явственнѣе и они все рѣзче напоминаютъ о чемъ-то непріятномъ, но несомнѣнно существующемъ, а одновременно «буржуйская» иллюзія, созданная ночнымъ рестораномъ, покрывается все болѣе и болѣе густой дымкой. Метръ-д'отель успокаиваетъ, что это въ прихожей швейцары поссорились, что все будетъ сейчасъ улажено, но звуки становятся все громче, уже почти можно различить слова, какъ распахивается дверь и въ роскошный, нарядный, освѣщенный a giorno залъ шумливо вламывается кучка людей, въ которой различаются нарядные лакеи и отбивающійся отъ нихъ ободранный съ пьяной и испитой рожей хулиганъ, вскрикивающій: «довольно Вы попили нашей кровушки» ... а за дверью шумъ еще усиливается, по залу проносится какая-то жуть, нѣкоторыя дамы вскакиваютъ съ мѣстъ ... но, неожиданно для всѣхъ, тотъ-же хулиганъ, расшаркиваясь, на французскомъ языкѣ извиняется за причиненный испугъ ... — это былъ загримированный артистъ французскаго театра — Мильтокъ — тотъ самый, что какихъ-нибудь десять минутъ назадъ съ эстрады смѣшилъ публику своими разсказами.

Можетъ быть, даже жаль, что это былъ не настоящій большевикъ-хулиганъ!

Только крайнимъ легкомысліемъ можно объяснить то, что многіе смотрѣли на переворотъ, почти какъ на смѣну кабинета, и, иронизируя большевицкую власть, ждали, что скоро она какъ-то сама собой падетъ. Въ оправданіе должно все же сказать, что въ то время дѣйствительно трудно было представить, чтобы могли найтись такіе сумасшедшіе люди, которые рискнули-бы взаправду продѣлать коммунистическій экспериментъ на необъятномъ пространствѣ Россіи со 180 милліоннымъ населеніемъ, и даже позволительно сомнѣваться въ томъ, чтобы сами большевицкіе вожди увѣрены были въ достаточной своей волѣ и рѣшительности къ проведенію этого безумнаго замысла.

Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ почти два мѣсяца спустя послѣ переворота — 14 декабря въ Петроградѣ были націонализированы частные коммерческіе банки (даже за нѣкоторыми исключеніями) и то съ поразительной осторожностью и даже нерѣшительностью: входы банковъ были заняты войсками, доступъ публики былъ прекращенъ и была объявлена лишь провѣрка счетовъ, а въ провинціи банки продолжали дѣйствовать, какъ и ранѣе, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Въ главѣ 3-ей я отмѣчу еще большую нерѣшительность въ отношеніи націонализаціи промышленности, которой народные комисары прямо-таки боялись.

Глава II

СРЕДИ МНОГОВЛАСТІЯ

Совѣтъ и Управленіе дѣлами Союза представителей металлургической и желѣзодѣлательной промышленности («Сометаллъ») находились въ Петроградѣ, т. е. тамъ, гдѣ правительство и правленія крупнѣйшихъ банковъ и металлургическихъ обществъ, а подавляющее большинство заводовъ, всѣ желѣзные и всѣ принадлежащіе металлургическимъ обществамъ каменно-угольные рудники (насколько помню, съ 59% добычи донецкаго каменнаго угля) — на Югѣ Россіи. Послѣ октябрьскаго переворота прервалась связь съ правительствомъ, а послѣ націонализаціи банковъ, и съ

этими послѣдними, почему естественно было-бы перебраться правленіямъ обществъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Союзу, на югъ Россіи — въ Харьковъ, гдѣ находились правленія рабочихъ профессіональныхъ союзовъ, анологичные «Сометаллу» другіе промышленные союзы — «Углесоюзъ», «Антрацитосоюзъ» и пр., — Совѣтъ Съѣзда Горнопромышленниковъ, «Монотопъ» (Управленіе Государственной монополіей минеральнаго топлива) и гдѣ впослѣдствіи образовалась областная власть — правительство республики «Кривдонбаса», т. е. Криворожскаго и Донецкаго бассейновъ, вмѣшивавшаяся въ промышленную жизнь гораздо болѣе центральнаго петроградскаго правительства, но вѣдь никто не вѣрилъ въ долгое пребываніе большевиковъ у власти, а на короткое время перебираться не стоило, къ тому-же для представительства Союза въ Монотопѣ, въ Совѣтѣ Съѣзда горнопромышленниковъ, въ Углесоюзѣ и въ областныхъ учрежденіяхъ былъ у насъ въ Харьковѣ свой уполномоченный — П. С. Сергѣевъ съ его замѣстителемъ С. Ф. Коржицкимъ и съ цѣлымъ штатомъ служащихъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду оторванности находившагося въ Петроградѣ Союза отъ Юга Россіи при уже совершенно испортившихся средствахъ сообщенія, мнѣ постоянно приходилось туда ѣздить. Только въ началѣ декабря я оттуда вернулся въ столицу, но вслѣдствіе появленія новыхъ запросовъ мнѣ опять пришлось въ серединѣ января съѣздить въ Харьковъ, откуда я возвратился уже только въ концѣ февраля.

На этотъ разъ особенно была тяжела посадка въ Москвѣ. Бѣгущіе съ фронта противники аннексій и контрибуцій, равно какъ и шнырявшіе взадъ и впередъ въ сѣрыхъ шинеляхъ, съ мѣшками за спиной борцы со спекуляціей десятками тысячъ заполонили и изгадили великолѣпный Курскій вокзалъ, беря съ бою каждый отходящій поѣздъ, невзирая на то, что для успокоенія путешественниковъ, штурмующихъ вагоны, было приказано стрѣлять вдоль поѣзда изъ поставленныхъ у конца его пулеметовъ. Не повѣривъ предупрежденіямъ носильщика, я обратился къ дежурному по станціи, отъ котораго услышалъ: «ежедневно мы убираемъ трупы людей, попавшихъ подъ колеса при подачи поѣзда и убитыхъ при посадкѣ; сегодня уже подобрано 18 труповъ.»

Послѣдовавъ совѣту носильщика, я сѣлъ въ поѣздъ, когда онъ еще стоялъ на запасныхъ путяхъ за пять часовъ до его отхода, конечно уплативъ за это, что слѣдуетъ. Когда пришло время подавать поѣздъ къ станціи и вагонъ былъ уже биткомъ набитъ, онъ былъ окруженъ вооруженными солдатами, потребовавшими его очищенія подъ страхомъ разстрѣла: «Не выйдемъ! Стрѣляйте! Товарищи, держитесь крѣпко! Всѣхъ не перебьютъ!» — было отвѣтомъ, но минуты черезъ двѣ готовность умереть за занятыя мѣста вдругъ исчезла, вагонъ мгновенно опустѣлъ, а поѣздъ потянулся къ станціи. Добѣжавъ до станціи, я все же уѣхалъ съ этимъ самымъ поѣздомъ.

Возвращаясь изъ Харькова, я всегда обѣщалъ себѣ больше туда не ѣздить — такъ были тяжелы переѣзды — но проходилъ мѣсяцъ, и меня опять тянула бившая тамъ ключомъ жизнь — по сравненію съ Харьковомъ Петроградъ казался тихимъ, заброшеннымъ кладбищемъ — хотя эта жизнь среди обезумѣвшихъ людей, наполненная непрерывными терзаніями, во истину была едва выносимымъ, проклятымъ кошмаромъ.

Былъ промежутокъ времени, въ теченіе котораго въ Харьковѣ находилось семь самостоятельныхъ органовъ власти: 1. исполнительный комитетъ совѣта рабочихъ депутатовъ, 2. Совѣтъ народныхъ комиссаровъ республики Кривдонбаса, 3. Военно-революціонный комитетъ, 4. штабъ по борьбѣ съ контръ-революціей (прототипъ «чека»), 5. штабъ южной арміи (Антонова), 6. «семерка» (источники ея власти выяснить не удалось), 7.... (не могу припомнить). Каждая изъ этихъ «государственныхъ

властей» заявляла о своей самостоятельности, отказываясь признавать независимость остальныхъ шести. Всѣ граждане приглашались повиноваться безпрекословно и подъ страхомъ разстрѣла именно такому-то органу, не исполняя распоряженій остальныхъ. Семь «государственныхъ властей» вели между собой борьбу, при случаѣ даже разстрѣливая агентовъ конкурента или подвернувшагося подъ руку обывателя. Но если война съ Германіей не мѣшала брататься русскимъ солдатамъ съ нѣмецкими, то съ междоусобной борьбою благополучно совмѣщалось почти братское взаимопониманіе и порою сотрудничество.

Взаимное пониманіе и солидарность, какъ и междоусобная борьба, имѣли, какъ это ни страннымъ можетъ показаться, одни и тѣ-же источники: всѣ хотѣли властвовать, грабить награбленное и издѣваться надъ «буржуазіей» и всѣ видѣли (или дѣлали видъ, что видѣли) передъ собою общаго для нихъ всѣхъ врага — мифическую контръ-революцію.

Когда въ февралѣ 1918 года были арестованы и куда-то увезены Предсѣдатель Совѣта Съѣзда горнопромышленниковъ Южной Россіи Н. Ф. фонъ-Дитмаръ, его товарищъ А. И. Фенинъ и Управляющій дѣлами Совѣта Б. Н. Соколовъ, то я вмѣстѣ съ П. С. Сергѣевымъ отправились нарочно отъ имени Профессіональнаго Союза Инженеровъ Южно-Русской горнозаводской промышленности (трое арестованныхъ и мы оба — горные инженеры), а не отъ имени Совѣта Съѣзда горнопромышленниковъ (капиталистовъ), хлопотать за нашихъ товарищей въ штабъ по борьбѣ съ контръреволюціей. Штабъ помѣщался въ лучшей части города на Садово-Куликовской улицѣ близъ Пушкинской — въ роскошномъ одноэтажномъ особнякѣ Рыжева. Войдя черезъ массивную дубовую дверь, мы увидѣли передъ собою широкую мраморную, всего въ нѣсколько ступеней лѣстницу, у подножія которой лежало два пулемета, направленныхъ къ входной двери, и около нихъ человѣка четыре солдатъ, а на площадкѣ вверху ея увѣшанный пулеметными лентами матросъ возился съ третьимъ пулеметомъ, поворачивая его на бѣлоснѣжныхъ и полированныхъ мраморныхъ плиткахъ. Сбоку отъ главной лѣстницы, тоже мраморный, но узкій маршъ велъ въ какое-то полуподвальное помѣщеніе. Съ площадки вверху главной лѣстницы дверь en face вела въ кабинетъ начальника штаба, а налѣво — въ большой бѣлый залъ съ дорогимъ паркетомъ и лѣпными украшеніями на стѣнахъ.

Никто не обращалъ на насъ никакого вниманія, почему П. С. Сергѣевъ освѣдомился у матроса, не поцарапаетъ-ли онъ мраморъ, поворачивая на немъ пулеметъ. Услышавъ голосъ, матросъ выпрямился, спросилъ, что намъ нужно, и указалъ рукою на открытую дверь, ведущую въ залъ. Ремингтонъ на простомъ крашеномъ столѣ нарушалъ строгость обстановки зала, въ который поминутно входили какіе-то люди, всѣ одѣтые въ военную форму, тихо, почти шопотомъ при встрѣчи другъ съ другомъ озабоченно говорили и опять исчезали. Походивъ взадъ и впередъ по прекрасному паркету, мы, наконецъ, направились къ проходившему молодому тоже въ военной формѣ человѣку съ интеллигентнымъ лицомъ.Ославъ какого-то солдата къ старшему адъютанту, чтобы доложить о насъ начальнику штаба, а потомъ, осмотрѣвъ насъ съ головы до ногъ и спросивъ, кто мы такіе, точно спохватившись, онъ обратился къ намъ съ укоромъ, какъ это мы могли сюда явиться; но это былъ не начальственный окрикъ за чрезмѣрную, граничащую съ нахальствомъ смѣлость, а скорѣе tendre reproche, почти любовное сожалѣніе, что мы оказались въ такомъ вертепѣ, и вольно-опредѣляющійся изъ студентовъ принялся намъ разсказывать, изъ кого состоитъ этотъ «штабъ»: все это сбродъ, подонки общества, ничего не имѣющіе общаго ни съ соціализмомъ и коммунизмомъ, ни вообще съ какими-бы то ни было идеями, къ общечеловѣческому благополучію относящимися. По его мнѣ-

нію, появленіе въ «Штабъ» такихъ несомнѣнныхъ «буржуевъ», какъ мы, не безопасно, почему совѣтовалъ поскорѣе удалиться.

Какой-то военный, подойдя къ намъ, пригласилъ насъ къ начальнику штаба — Войцеховскому. По правую руку отъ двери, ведущей съ мраморной площадки и черезъ которую мы вошли, за дорогимъ, насколько помню — краснаго дерева, столомъ въ солидномъ креслѣ сидѣлъ лѣтъ 32, несомнѣнно штатскій человѣкъ съ бритыми усами и бородой, въ темнокоричневомъ костюмѣ съ отложнымъ стоячимъ воротничкомъ, съ четырьмя большими наружными карманами, верхніе изъ которыхъ соединены тонкой цѣпочкой, просунутой черезъ петлицу застегнутой на все пуговицы куртки. Длинный овалъ лица, тонкія губы, серьезные, чуть грустные глаза, прямой узкій носъ, казалось, говорили, что въ этомъ человѣкѣ не должно ожидать грубости, а сдержанныя движенія и манера говорить подавленнымъ голосомъ, при нервной подвижности лица и при характерныхъ круто спускавшихся отъ носа и глазъ складкахъ, позволяли предполагать въ немъ съ трудомъ скрываемый темпераментъ.

По правую руку отъ него, наискось, около стола вытягивалась по военному стройная фигура старшаго адъютанта — грузинскаго князя. Подчеркнутый шикъ его военнаго платья при нѣсколько дѣланной граціи его движеній и слишкомъ частомъ сдвиганіи каблуковъ съ побрякиваніемъ шпорами напоминали о предшествующей службѣ въ армейской кавалеріи, о которой намъ еще раньше сказалъ вольноопредѣляющійся изъ студентовъ. Бодрый, почти смѣющійся видъ этого молодцеватаго, красиваго и упитаннаго юноши положительно свидѣтельствовалъ о томъ, какъ онъ радуется своимъ успѣхамъ по службѣ (!) и въ средѣ вѣроятно не особенно прихотливыхъ женщинъ и какъ онъ доволенъ широкимъ размахомъ веселыхъ кутежей, о которыхъ потомъ мы не мало слышали въ городѣ.

Въ то время, какъ начальникъ штаба и старшій адъютантъ оживленно обмѣнивались въ полъ-голоса короткими фразами, прямо передо мною изъ подъ задернутой, толстой, штофной занавѣси, отдѣлявшей вмѣстѣ съ аркой рабочій кабинетъ отъ какой-то другой комнаты, появился средняго роста, коренастый, подпоясанный кожанымъ ремнемъ съ заткнутыми за нимъ двумя большими револьверами Нагана, обмотанный черезъ плечи пулеметными лентами, въ высокихъ до колѣнъ сапогахъ матросъ Васильевъ, буйная голова котораго стоила жизни многимъ и очень многимъ людямъ. Быстрыми шагами онъ подошелъ къ стоящему въ глубинѣ комнаты по лѣвую руку отъ меня дивану, на которомъ сбился чехолъ. Не поправляя его, онъ положительно плюхнулся на диванъ, чехолъ съ трескомъ лопнулъ, что вызвало небрежную улыбку на лицѣ героя, а чрезъ образовавшуюся въ чехлѣ щель стало видно оторвавшуюся отъ дивана шелковую ткань. Осмотрѣвъ насъ, матросъ одобрительно окинулъ взглядомъ стоявшій налѣво отъ него откупоренный ящикъ съ шампанскимъ и другой съ ручными гранатами, но остановилъ свое вниманіе на третьемъ, ближайшимъ къ нему, изъ котораго досталъ нѣсколько сигаръ, одну изъ нихъ закуривъ, а остальныя уронивъ на полъ. Вѣроятно замѣтивъ по моему лицу, что его поведеніе производитъ желаемый эфектъ, онъ, вставъ съ дивана, направился къ ящику съ ручными гранатами. Взявъ одну изъ нихъ въ руку и повернувшись опять лицомъ ко мнѣ, онъ сталъ заносить гранату надъ своимъ плечомъ, потомъ выпрямляя руку, по направленію ко мнѣ, какъ будто онъ хотѣлъ въ меня швырнуть гранату. Это упражненіе онъ повторялъ нѣсколько разъ, пока я отъ него не отвернулся.

Вскорѣ докладъ адъютанта закончился и начальникъ штаба по борьбѣ съ контръреволюціей, вставъ съ кресла, очень вѣжливо къ намъ обратился, спросивъ, что намъ угодно. Внимательно насъ выслушавши, опять въ полъ-голоса, что придавало бесѣдѣ какую-то интимность, объяснилъ намъ, что наши товарищи схвачены по

ордеру военныхъ властей, а именно штаба командующаго южной арміей Антонова (какая освѣдомленность о дѣйствіяхъ конкурирующей власти!), что онъ (начальникъ штаба по борьбѣ съ контръ-революціей) сдѣлаетъ все возможное для ихъ скорѣйшаго освобожденія, но что для этого необходимо намъ прежде всего добиться перечисленія арестованныхъ «за нимъ», къ чему у насъ имѣются основанія, такъ какъ наши товарищи подлежатъ не военной, а политической юрисдикціи.

Едва онъ это объяснилъ, какъ изъ-за штофной занавѣси, куда вернулся матросъ Васильевъ, раздался пронзительный женскій визгъ и тихій, но грубый уговаривающій мужской голосъ ... Лицо начальника штаба брезгливо передернулось, но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ разговоръ съ нами въ тѣхъ-же ровныхъ тонахъ. Переговоривъ съ нимъ также о продѣлкахъ «анархистовъ», о чемъ я разскажу нѣсколько позже, и распрощавшись по европейски (безъ рукопожатія), мы вышли опять на площадку мраморной лѣстницы, гдѣ застали десятка два толпившихся солдатъ съ винтовками.

Въ это время черезъ парадную дверь входятъ нѣсколько вооруженныхъ солдатъ, конвоируя большого роста, очень крѣпкаго, атлетическаго вида мужчину въ пиджачной парѣ, сапогахъ и картузѣ, всѣ вмѣстѣ поднимаются по лѣстницѣ и, повстрѣчавъ какого-то военнаго, замѣтившаго: «ахъ, арестовали? хорошо!» мужчина въ пиджакѣ сталъ сразу объяснять ему, что обыскъ и арестъ онъ производилъ на законномъ основаніи, имѣя на то ордеръ отъ ... (названія органа государственной власти я не разслышалъ), протягивая при этихъ словахъ руку съ какой-то запиской. Отвѣтилъ-ли что-нибудь военный, сказавшій: «ахъ, арестовали? хорошо!», или нѣтъ, я не слышалъ, но мужчину въ пиджакѣ, невзирая на его словесные протесты, повели внизъ по узкой лѣстницѣ въ полуподвальное помѣщеніе, оттуда послышался глухой звукъ выстрѣла. Въ то-же время изъ бѣлой залы на площадку вынесли ящикъ съ консервами въ жестяныхъ банкахъ, которые было приказано каждому изъ солдатъ взять по одной. Было объяснено солдатамъ, что они назначаются на усмирніе кого-то; они какъ-то столпились, что-то между собой говорили, потомъ одинъ изъ нихъ громко, бодро и увѣренно сказалъ — «ну нехай, пойдемъ», и пошли...

«Безъ имени святого всѣ двѣнадцать вдаль.
Ко всему готовы, ничего не жаль,»

а за ними вышли на улицу и мы, насмотрѣвшись на своеобразную жизнь этого богатаго особняка.

Кромѣ семи государственныхъ властей большевицкаго типа, должно еще отмѣтить существованіе и кое-какихъ независимыхъ отъ нихъ органовъ государственнаго управленія: 1. комиссаръ украинской Большой Рады Скрыпникъ, но дѣятельности его въ качествѣ представителя украинской государственной власти было невозможно уловить, такъ какъ онъ, будучи большевикомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ занималъ какой-то совѣтскій комиссарскій постъ (насколько помню, онъ былъ комиссаромъ финансовъ южно-русскаго района), и 2. управленіе созданной Временнымъ Правительствомъ и позабытой петроградскими народными комиссарами государственной монополіи торговли минеральнымъ топливомъ («Монотопъ») и Донецкій Комитетъ, объединявшій управленіе по добычѣ минеральнаго топлива, по транспорту и продовольствію промышленнаго Юга, во главѣ которыхъ попрежнему стояли Иванъ Григорьевичъ Сергѣевъ, въ качествѣ главно-уполномоченнаго Особаго Совѣщанія по топливу, Г. Рожицкій — его замѣститель и совѣтъ и комитетъ при немъ, состоявшіе на половину изъ представителей горнопромышленниковъ и на половину изъ представителей горно-рабочихъ (вождей профессіональнаго союза «Горнотрудъ» — мень-

шевиковъ Сандомирскаго, Айгорна, Цукугельна и др.; насколько помню, Сандомирскій — помощникъ присяжнаго повѣреннаго, а Айгорнъ — инженеръ-технологъ); однако, на очень бурномъ, скорѣе напоминающемъ митингъ, засѣданіи Совѣта въ присутствіи и съ участіемъ въ преніяхъ неизвѣстно откуда пришедшихъ и переполнившихъ залъ сотенъ людей было рѣшено, послѣ горячей схватки между меньшевицкими и большевицкими ораторами, примѣнить такъ называвшійся «демократическій паритетъ», согласно которому ⅔ мѣстъ въ совѣтѣ получали рабочіе и ⅓ предприниматели; послѣдніе, ограничившись декларацією, въ преніяхъ участія не принимали, предоставивъ меньшевикамъ защищать буржуазное равноправіе, тѣмъ болѣе, что побѣда большевиковъ представлялась очевидной, и въ связи съ этимъ напередъ было заготовлено заявленіе о выходѣ промышленной фракціи изъ состава Совѣта и Комитета, которое своевременно и было подано.

Если власть комиссара, сохранившагося отъ эпохи Временнаго Правительства Украинской Рады, не ощущалась, а существованіе забытыхъ органовъ того же Временнаго Правительства — и то временно, распространялось только на нѣкоторыя хозяйственныя отношенія, то была еще одна «власть», дѣятельность которой самымъ непосредственнымъ и чувствительнымъ образомъ затрогивала жизнь и собственность харьковскихъ жителей — это власть «анархистовъ».

Между харьковскими большевиками начала 1918 года и «анархистами» въ ихъ практической дѣятельности гораздо больше общаго, чѣмъ ихъ различающаго, но тѣмъ не менѣе, разумѣется, невозможно отнести власть анархистовъ къ числу «государственныхъ властей», даже въ ковычкахъ; «государственныхъ властей» въ Харьковѣ было все же, не 8, а 7, хотя отъ этого было вовсе не легче харьковскимъ жителямъ: дѣятельность «государственныхъ властей» въ ея существенной части, какъ и дѣятельность «власти анархистовъ», одинаково заключалась въ тѣхъ-же самыхъ занятіяхъ — въ грабежѣ, насиліяхъ и убійствахъ —, но «государственныя власти» сверхъ того управляли (какъ? — другое дѣло) органами продовольствія, финансовъ, регулированія труда, транспорта и пр., вообще признавая, хотя-бы нерѣдко лишь теоретически, государственность, тогда какъ «анархисты» только грабили, насиловали и убивали.

Дѣйства «анархистовъ» происходили въ такомъ порядкѣ: подъѣзжали къ какому-нибудь, впрочемъ, вѣроятно, напередъ облюбованному дому автомобили и автокаміоны; прежде всего водружали на его стѣнахъ, вмѣсто когда-то красовавшихся въ высоко торжественные дни трехцвѣтныхъ флаговъ, черныя знамена торжествующей анархіи, послѣ чего начиналась «очистка» дома, при чемъ изгоняемымъ хозяевамъ не разрѣшалось взять съ собой даже смѣны бѣлья. Болѣе цѣнные предметы искусства вывозились въ какой-то, впрочемъ едва-ли кому-нибудь извѣстный, анархическій музей, а прочіе предметы болѣе непосредственнымъ путемъ поступали въ личную собственность лицъ, исповѣдывавшихъ высокіе идеалы анархизма. По окончаніи очистки, входъ въ домъ объявлялся открытымъ, черныя знамена увозились, а находившейся при этомъ на улицѣ публикѣ рекомендовалось выбрать что кому понравится изъ не интересующихъ «идейныхъ анархистовъ», оставленныхъ ими предметовъ домашняго хозяйства: дырявую кадку, шляпную картонку, переносную лѣстницу и пр. Я лично ежедневно наблюдалъ за очисткою особняка Шабельскаго — этого, если можно такъ выразиться, жилого музея — которая производилась «идейными анархистами» въ теченіе, пожалуй, двухъ—трехъ недѣль, а заканчивалась сочувствующими имъ по открытіи свободнаго входа еще въ теченіе доброй недѣли.

Больше всего шума надѣлала въ Харьковѣ произведенная «анархистами» облава многоэтажнаго дома на Мироносицкой улицѣ. Я лично не видѣлъ этого дѣйства, но

помню издерганный, полупомѣшанный видъ осунувшагося за одну ночь моего сотрудника по «Сометаллу» инженера С. Ф. Коржицкаго, когда черезъ два—три дня, нѣсколько придя въ себя, онъ разсказалъ о томъ, какъ въ сосѣдней квартирѣ насиловали жену и дочь квартирохозяина на его глазахъ, а его самого за оказанное сопративленіе тутъ-же разстрѣляли, какъ Коржицкій ждалъ того-же въ отношеніи членовъ его семьи ... (по необъяснимой случайности его квартира была пропущена) ... и о многомъ другомъ, чѣмъ я не могу загромождать моихъ записокъ; поставивъ себѣ за правило не записывать происшествій съ чужихъ словъ, я все же упоминаю о разсказѣ С. Ф. Коржицкаго, такъ какъ именно по этому поводу мы съ П. С. Сергѣевымъ и говорили объ анархистахъ съ начальникомъ штаба по борьбѣ съ контръреволюціей.

Разсказавъ ему объ облавѣ и сопровождавшихъ ее насиліяхъ и убійствахъ, мы замѣтили, что начальникъ штаба, считая себя все же однимъ изъ носителей государственной власти, обязанъ принять мѣры борьбы съ анархистами и охраны гражданъ отъ злодѣйствъ.

— Да, я знаю объ этой облавѣ ..., но что-же мы можемъ сдѣлать, когда анархисты неуловимы: вѣдь я-же не знаю напередъ, какой изъ домовъ они намѣтятъ.

— Слѣдовательно, анархисты могутъ безпрепятственно продолжать?

— Нѣтъ, если къ вамъ придутъ, то вы позвоните ко мнѣ по телефону № 101, а если меня въ то время тутъ не будетъ, то по № 104 въ мою канцелярію.

Намъ не понравилось это ограниченіе — къ вамъ, — для котораго мы не подали никакого повода, но интереснѣе, чѣмъ именно онъ закончилъ свои совѣты.

— Но вы дѣйствительно пришлете военный отрядъ, если вамъ позвонить по телефону? — Послѣ паузы — нѣсколько порывистый отвѣтъ:

— Знаете: вы лучше сами ихъ убивайте!

— Чѣмъ?

— Вѣдь у всѣхъ у васъ имѣются револьверы!

— Да, но убивая анархистовъ, мы этимъ самымъ выдадимъ наличіе ихъ у насъ, когда вами-же запрещено храненіе и ношеніе ихъ подъ страхомъ разстрѣла на мѣстѣ нахожденія! — Сорвалось у насъ съ языка, но начальникъ штаба нашей проговоркой не воспользовался.

— Нѣтъ! Анархистовъ намъ не жаль. Мы даже вамъ будемъ благодарны за каждаго убитаго изъ нихъ, и я вамъ обѣщаю, что въ такихъ случаяхъ за револьверы мы васъ не разстрѣляемъ. Но все же съ оружіемъ вы не попадайтесь!

Вѣроятно, какъ и многихъ другихъ, меня интересовали вопросы: изъ какихъ элементовъ состояли кружки анархистовъ и при томъ въ отдѣльности — вожди и рядовые сотрудники? какова mentalité тѣхъ и другихъ? какова ихъ внутренняя организація? была-ли и въ какой мѣрѣ связь между анархическими кружками Харькова, Москвы и Петрограда?

Я слишкомъ мало зналъ и еще меньше помню, чтобы позволить себѣ отвѣчать на эти вопросы. Отмѣчу только поражавшее меня среди видѣнныхъ мною въ Харьковѣ «анархистовъ» преобладаніе людей среднихъ надъ простолюдинами: люди въ сѣрыхъ шинеляхъ были похожи скорѣе на вольноопредѣляющихся II разряда или писарей, а въ штатскомъ платьѣ — на наборщиковъ, семинаристовъ, слушательницъ курсовъ для повивальныхъ бабокъ, можетъ быть, студентовъ, курсистокъ и пр.; простыхъ-же съ открытыми лицами людей я не помню. Говорили о томъ, что среди «анархистовъ» имѣется много бывшихъ агентовъ полиціи, въ чемъ нѣкоторые видѣли исходящую изъ тактическаго принципа, «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», провокацію населенія къ контръ-революціи. Быть можетъ, среди «анархистовъ» и были люди, пре-

слѣдовавшіе такія цѣли, но, думается, все же, на основаніи видѣннаго, слышаннаго и прочитаннаго въ анархическихъ газетахъ и прокламаціяхъ, что кромѣ того были въ ихъ средѣ фанатики, а больше всего безпринципные и развращенные люди, принадлежавшіе къ подонкамъ общества.

Анархизмъ въ теченіе революціи проявился въ самыхъ разнообразныхъ формахъ — анархизмъ кружковъ, анархизмъ широкихъ массъ населенія и наконецъ анархизмъ «зеленыхъ», все совершенно разныя явленія во всѣ періоды революціи, — и несомнѣнно онъ привлечетъ самое серьезное вниманіе его будущихъ изслѣдователей. Что-же касается жившихъ въ Харьковѣ современниковъ развитія дѣятельности анархистовъ, то если-бы не особливая методичность, съ которой анархисты грабили, не исключительная жестокость, съ которой они насиловали женщинъ и убивали мужчинъ, не подавляюще дѣйствовавшія, наконецъ, на людскую психику черныя знамена, то, пожалуй, о нихъ такъ много въ Харьковѣ не говорили-бы, ибо гораздо меньшее количество людей и имущества, и наконецъ государственныхъ интересовъ пострадало отъ налетовъ лицъ, называвшихъ себя «идейными анархистами» (кстати, какъ на столбцахъ издававшейся ими газеты «Анархистъ», такъ и въ личныхъ разговорахъ со своими жертвами, они не разъ убѣдительно просили ихъ не смѣшивать съ безсознательными анархистами, разбойниками, грабителями, ворами и прочей «сволочью»), чѣмъ отъ дѣйствій такъ называвшейся «организованной демократіи», которыя въ своемъ существѣ, конечно, были глубоко анархическими.

Вѣдь кто-же, какъ не «организованные» рудничные и заводскіе рабочіе, домогались путемъ угрозъ, грабежей и убійствъ, безпрестаннаго поднятія заработной платы, уменьшенія продолжительности рабочаго времени и интенсивности труда, кто-же, какъ не они, уничтожили трудовую дисциплину, безъ которой гибли рудники, заводы, желѣзныя дороги, трамваи и пр., кто-же лишалъ возможности исполнять свои обязанности техническій и административный персоналъ, изгонялъ, арестовывалъ или убивалъ инженеровъ?!

Только за короткое время моего пребыванія въ Харьковѣ пострадали на рудникахъ слѣдующіе инженеры: 1. убитъ горный инженеръ Андреевъ на рудникѣ Екатериновскаго Горнопр. Общества, 2. облитъ смолой и сожженъ инженеръ Фишкинъ на Берестовскомъ рудникѣ Пастухова, 3. убитъ горный инженеръ Звѣревъ на рудникѣ въ Макѣевкѣ, 4. убитъ инженеръ Стаковскій на Ремовскомъ антрацитовомъ рудникѣ, 5. убитъ горный инженеръ Р. И. Параковъ на Берестово-Богодуховскомъ рудникѣ, 6. убитъ инженеръ Гриневичъ на рудникѣ Франко-Русскаго Общества, 7. убитъ горный инженеръ Муравинъ на Боково-Хрустальскомъ рудникѣ, 8. раненъ инженеръ Шишманъ въ Макѣевкѣ, 9. убитъ инженеръ Печукъ на рудникѣ Русскій Антрацитъ и, вѣроятно, убиты многіе другіе инженеры, о которыхъ до меня не дошли свѣдѣнія, о количествѣ-же подвергшихся аресту, грабежу, издѣвательствамъ и пр. и говорить не приходится. При этомъ достойно вниманія то обстоятельство, что многіе изъ инженеровъ пострадали вовсе не изъ мести или вслѣдствіе сопротивленія, оказаннаго рабочимъ въ отношеніи ихъ требованій, а нерѣдко только потому, что они выполняли тогда или раньше распорядительныя функціи: въ видѣ примѣра отмѣчу, что два или три прибывшихъ въ Харьковъ рабочихъ каменно-угольнаго рудника П. А. Карпова получили отъ Харьковскаго исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ депутатовъ ордеръ и въ свое распоряженіе автомобиль для ареста горнаго инженера А. В. Мономахова, который дѣйствительно и былъ арестованъ на Сумской улицѣ въ то время, когда послѣ завтрака онъ выходилъ изъ ресторана, при чемъ единственнымъ пунктомъ для обвиненія было то, что онъ состоялъ управляющимъ выше упомянутымъ рудникомъ: прошло уже полъ-года, что А. В. Мо-

номаховъ сдалъ управленіе рудникомъ, но тѣмъ не менѣе лишь съ большимъ трудомъ его удалось освободить.

Чтобы разсказать хотя-бы малую часть относящихся къ разрушительной дѣятельности «организованной демократіи» фактовъ, о которыхъ такъ много извѣстно каждому изъ насъ — промышленныхъ дѣятелей, пришлось-бы исписать вѣроятно сотни страницъ, но это рѣшительно вывело-бы меня изъ рамокъ моихъ записокъ, къ тому-же въ интересахъ достовѣрности при писаніи «на память» я предпочитаю по возможности ограничиваться тѣмъ, чему я былъ свидѣтелемъ, хотя-бы это было болѣе блѣднымъ.

При наличіи семи «государственныхъ властей» и «кружковъ идейныхъ анархистовъ» жизнь въ Харьковѣ была полна превратностей; беззащитность чувствовалась особенно сильно въ то время, когда обезумѣвшіе низы населенія готовились, какъ говорили на митингѣ на кладбищѣ, къ устройству «Варламеевой (Варфоломеевской) ночи», намѣреваясь перерѣзать «всѣхъ буржуевъ», и отъ постоянныхъ арестовъ, обысковъ, грабежей, убійствъ, насилій ошалѣвшіе люди метались въ тщетныхъ поискахъ защиты, хватались, какъ за соломинку, за каждый слухъ о возстаніи какого-то пѣхотнаго полка, обѣщавшаго водворить порядокъ и спокойствіе, о прибытіи посланныхъ Украинской Радой войскъ, о приближеніи германскаго отряда, предназначеннаго для спасенія харьковскихъ жителей отъ ада, котораго, какъ казалось, больше невозможно выносить. Возстаніе пѣхотнаго полка дѣйствительно имѣло мѣсто, но потомъ враждовавшія «демократіи» какъ-то сговорились. Украинскія войска дѣйствительно прибыли и при томъ въ полномъ порядкѣ, хорошо одѣтыя, сытыя, съ внѣшними признаками дисциплины, но со станціи въ городъ не пошли, а потомъ куда-то сгинули. Германскому отряду, конечно, было неоткуда появиться, но какой-то нѣмецъ изъ военно-плѣнныхъ, хотя и по секрету (!), но съ увѣренностью сказалъ своимъ знакомымъ, что такого-то числа придутъ германскія войска, что ему объ этомъ сообщено, т. к. онъ назначенъ консуломъ, и приказано черезъ него всѣмъ германскимъ офицерамъ образовать изъ военно-плѣнныхъ воинскіе отряды для немедленнаго присоединенія къ имѣющимъ прибыть войскамъ, и все это немедленно разнеслось по городу, и всѣ этому повѣрили: обезумѣвшая отъ ужасовъ «буржуазія» потому, что, забывъ все, кромѣ животной боязни за свою жизнь и имущество, страшно стремилась къ избавленію отъ давившаго ее кошмара какой угодно цѣной, а низы населенія потому, что въ то время не могли еще вѣрить въ безнаказанность попиранія ими того, что лежитъ въ глубинѣ сознанія человѣка и что называется правомъ или нравственностью, хотя-бы до сихъ поръ наукѣ не удалось это понятіе удовлетворительнымъ образомъ опредѣлить; но любопытнѣе всего то, что повѣрили этому и всѣ «государственныя власти» и «идейные анархисты» и настолько повѣрили, что къ назначенному дню на автомобиляхъ все и вся перевезли въ приготовленные поѣзда и собрались эвакуироваться — все это происходило на глазахъ населенія.

Разумѣется, германскіе отряды не пришли, а «государственныя власти» продолжали упражнять свои таланты и энергію управленія, какъ продолжала неистовствовать и «демократія».

Единственнымъ средствомъ защиты была самоохрана, которая была поставлена серьезнѣе, чѣмъ въ Петроградѣ, хотя при меньшей плотности населенія (малоэтажные дома съ малымъ количествомъ жителей, особняки, сады и полисадники) достигнуть дѣйствительныхъ результатовъ было труднѣе: вѣроятно, лучшіе результаты объясняются тѣмъ, что жизнь въ Петроградѣ гораздо покойнѣе, чѣмъ въ Харьковѣ. Охрана была не только внутри домовъ, но и внѣшняя; организація охраны распро-

странялась не на одинъ домъ, а на цѣлый кварталъ; для наружной стражи имѣлось иногда квартальное помѣщеніе, въ которомъ составъ дежурныхъ могъ отогрѣваться, отдохнуть и покурить, оставляя на улицѣ лишь часовыхъ. По звону въ колоколъ у квартальнаго помѣщенія или по гудку должно было являться все занесенное на сей предметъ въ списки мужское населеніе квартала, кромѣ лицъ, считавшихся большевиками. Дежурства были очень частыми (кажется, два раза въ недѣлю) и потому изнурительными: невзирая на безсонную ночь, днемъ «буржуазія» работала. Я, въ качествѣ пріѣзжаго, на дежурства не назначался, но не разъ выходилъ на гудокъ. Организація охраны принесла много пользы: безъ нея грабители явившимся на ихъ звонокъ хозяевамъ или прислугѣ заявляли, что командированы такой-то «властью» для производства обыска; двери имъ, конечно, открывались, и они уносили то, что хотѣли; охрана провѣряла ордеръ на арестъ или обыскъ, а присутствуя при обыскѣ, препятствовала грабежу (конечно, все это въ тѣхъ случаяхъ, когда являлись обыскивать или арестовывать немногочисленныя банды).

Въ знаменитую «Варламееву ночь» привлечено было къ фактической охранѣ все мужское населеніе, которое съ вечера вышло на улицу, не побоявшись взять съ собой припрятанное оружіе. Я жилъ у моего брата на Технологической улицѣ (въ районѣ Пушкинской), и въ томъ-же домѣ квартировали три французскихъ офицера — они тоже явились по мобилизаціи, прихвативъ съ собой, кромѣ оружія, сандвичи и красное вино. Въ сосѣднемъ кварталѣ ухитрились вооружится даже пулеметомъ, купленнымъ въ тотъ день за 15 рублей у солдатъ одной изъ воинскихъ частей харьковскаго гарнизона. Настроеніе у «буржуазіи» было взвинченное, но не отчаянное: передъ перспективой быть по одиночкѣ перерѣзанными по домамъ укрѣпилась солидарность при дѣйствительной готовности оказать сопротивленіе. Если нѣкоторыя женщины нервничали, метались, дѣлали какія-то нелѣпыя приготовленія, то все же мужчины вели себя съ достоинствомъ. «Штабъ» нашего квартала попарно распредѣлилъ половину всего личнаго состава, указавъ каждой царѣ участокъ (въ саженъ 50) улицы, порученный ея бдительности, а другая половина оставлена была въ видѣ резерва въ квартальномъ сторожевомъ помѣщеніи. Не одинъ часъ мы ходили взадъ и впередъ по порученному каждому изъ насъ участку, но непріятель не показывался, напротивъ, даже замѣчалась какая-то необыкновенная тишина. Вдругъ, глубокой ночью съ противоположнаго низменнаго конца Пушкинской показываются два зловѣщихъ огненныхъ глаза автомобиля, фырканіе котораго такъ явственно доносится до насъ по длинной, но пустынной, улицѣ: «начинается» — подумали многіе. Прозвучалъ нашъ сигнальный рожокъ, черезъ нѣсколько мгновеній автомобиль доносится до нашей поперечной (Технологической) улицы, и почти всѣ изъ насъ, безъ всякой команды, устремились навстрѣчу автомобилю съ самыми воинственными намѣреніями (къ счастію, однако, никто не выстрѣлилъ)... Автомобиль принужденъ былъ остановиться. Сидящіе въ немъ вооруженные солдаты объяснили, что ѣдутъ производить арестъ, предъявивъ намъ ордеръ одной изъ «государственныхъ властей». Подлежащее аресту лицо жило не въ нашемъ кварталѣ и къ тому-же дома не находилось: мы болѣе не препятствовали, и автомобиль понесся дальше. Это было маленькое происшествіе за всю ночь. Въ качествѣ добровольца, въ 5 часовъ утра я отправился спать. Итакъ, «Варламеева ночь» не состоялась. Почему? Я не знаю, но можетъ быть именно потому, что угрожаемое населеніе проявило готовность защищаться.

Глава III

ВЪ ПОИСКАХЪ МИРА СЪ «КАПИТАЛИСТАМИ»

Однажды во время пребыванія моего въ Харьковѣ въ началѣ 1918 года въ помѣщеніи Харьковскаго отдѣленія нашего союза «Сометаллъ» появляется молодой человѣкъ—личный секретарь Савельева, заявляющій, что народный комиссаръ хотѣлъ-бы повидаться съ руководителями союза. Въ то время среди промышленной общественности еще было принято, не признавая совѣтскаго правительства, его игнорировать, къ нему не обращаться (хлопоты за пострадавшихъ товарищей, подобно описаннымъ выше, — не въ счетъ: по такому поводу можно обратиться и къ явнымъ разбойникамъ), его требованій не исполнять иначе, какъ подъ угрозой насилія, и на его зовъ не являться.

— До одиннадцати утра мы обыкновенно бываемъ въ помѣщеніи союза — отвѣтили мы съ П. С. Сергѣевымъ (нашъ харьковскій уполномоченный), и молодой человѣкъ удалился. На слѣдующій-же день утромъ намъ доложили, что къ намъ желаетъ войти Савельевъ. Вотъ въ какой приблизительно формѣ велся разговоръ.

— Вы меня извините: можетъ быть вы заняты, и я вамъ помѣшалъ? — тихимъ голосомъ и застѣнчиво сказалъ средняго роста человѣкъ, умѣренная полнота котораго придавала мягкость и даже медлительность его движеніямъ. До октябрьскаго переворота онъ служилъ въ управленіи Главнокомандующаго по оборонѣ (П. І. Пальчинскаго) въ качествѣ, кажется, завѣдующаго статистическимъ отдѣломъ и подобно людямъ эпохи Керенскаго брилъ усы и бороду и носилъ почти военнаго образца однобортную съ большими карманами куртку, застегнутую на всѣ пуговицы. Эти куртки продолжали носить и послѣ переворота, измѣняя свой внѣшній обликъ распространеннымъ среди большевиковъ выбриваніемъ волосъ въ той части головы, гдѣ она переходитъ въ шею, съ образованіемъ такимъ образомъ уступа отпущенныхъ на затылкѣ волосъ. Эта своеобразная прическа, заимствованная матросами — «красой и гордостью русской революціи» — у ихъ британскихъ товарищей, потомъ была усвоена вообще большевицкимъ людомъ и принята, въ частности, и Савельевымъ.

На выраженныя опасенія намъ помѣшать мы изъявили готовность его слушать.

— Я пріѣхалъ по порученію совѣта народныхъ комиссаровъ по дѣламъ тяжелой и въ особенности металлургической промышленности, т. к. каменноугольной ближе займется Б. Собственно я хотѣлъ-бы сперва познакомиться съ металлургической промышленностью, такъ какъ я знаю о ней скорѣе по статистическимъ цифрамъ, чѣмъ непосредственно, и надѣюсь, что лица, многіе годы ею руководившія, мнѣ въ этомъ помогутъ.

— Чѣмъ вы состоите въ совѣтѣ народныхъ комиссаровъ?

— Предсѣдателемъ вновь организованнаго высшаго совѣта народнаго хозяйства, но вѣроятно временно.

— Кто-же будетъ назначенъ въ качествѣ постояннаго предсѣдателя?

— Вѣроятно Лурье (Ларинъ*), а я можетъ-быть останусь его замѣстителемъ, впрочемъ все это неокончательно разрѣшено.

— Вы пріѣхали съ готовымъ планомъ дѣйствій? Можетъ быть, съ планомъ націонализаціи промышленности? — при этихъ словахъ Савельевъ слегка усмѣхнулся.

— Нѣтъ, вопросъ о націонализаціи промышленности очень сложенъ, и мы еще не приняли никакого рѣшенія. Раньше, чѣмъ на нее рѣшаться, необходимо взвѣ-

---

* См. Архивъ Рус. Рев. т. XIV, стр. 13.

сить всѣ обстоятельства, всѣ могущія встрѣтиться затрудненія, а для этого я прежде всего хотѣлъ-бы посовѣтоваться съ ея руководителями — мнѣ говорили, что въ настоящее время въ Харьковѣ съѣхались директоры металлургическихъ заводовъ. Не могу-ли я съ ними переговорить? —

Подкупающему своей скромностью и учтивостью Савельеву мы отвѣтили согласіемъ, предложивъ ему пріѣхать на ближайшее изъ происходившихъ въ то время совѣщаній директоровъ заводовъ.

Всего металлургическихъ заводовъ на Югѣ Россіи 18, хотя не всѣ они были представлены, но просили разрѣшенія присутствовать также и представители угольной промышленности, почему вошедшій въ комнату засѣданій Савельевъ нашелъ десятка три лицъ — кажется, всѣ инженеры.

То-же умственное развитіе, та-же культура въ этомъ съ нѣжной организаціей человѣкѣ, какъ и въ насъ, и разница лишь въ неодинаковомъ пониманіи общественнаго строя, условій общественнаго труда, нужныхъ для благоденствія родины, для преуспѣнія народнаго хозяйства. Видимой искренностью заботы о благополучіи промышленности съ почти любовнымъ къ ней отношеніемъ и неподдѣльнымъ, какъ казалось, уваженіемъ къ ея творцамъ и руководителямъ при обычныхъ для него скромности и застѣнчивости въ своей рѣчи, Савельевъ несомненно подкупалъ симпатіи присутствующихъ.

Между прочимъ, а повидимому въ этомъ была главнѣшая цѣль его обращенія, онъ указалъ на то, что промышленность создана и развивается благодаря талантамъ, знаніямъ, энергіи и труду, кои въ совокупности представляются наиболѣе полно правленіями промышленныхъ обществъ, администраціей заводовъ и ихъ техническимъ персоналомъ; вопросъ о сохраненіи или объ отчужденіи правъ собственности на заводы будетъ разрѣшенъ послѣ тщательнаго обсужденія и при томъ, какъ онъ думаетъ, національзація можетъ быть проведена только при условіи сохраненія на мѣстахъ всѣхъ нынѣшнихъ руководителей металлургической промышленности, при чемъ онъ особенно разсчитываетъ на продолженіе дѣятельности объединяющихъ и регулирующихъ ее органовъ — «Продометы», въ качествѣ центральнаго торговаго аппарата для распредѣленія и «Сометалла» для руководства производствомъ.

Изъ рѣчи Савельева вытекало, какъ это и слѣдовало ожидать, что вопросъ о проведеніи или непроведеніи національзаціи — чисто техническаго порядка, ограничивающійся лишь преимуществами той или иной формы финансированія предпріятій — правительственной или частной*, а центръ тяжести вопроса лежитъ лишь въ необходимости сохраненія одухотворяющихъ промышленность силъ: вотъ на этотъ вопросъ онъ и хотѣлъ получить отвѣтъ. Если-бы этотъ вопросъ былъ предложенъ въ мартѣ 1917 года, т. е. въ то время, когда онъ предсталъ-бы въ обнаженномъ видѣ, то несомнѣнно отвѣтъ былъ-бы опредѣленнымъ и отрицательнымъ, но въ началѣ 1918 года, когда уже былъ введенъ рабочій контроль надъ заводскимъ управленіемъ, когда хозяевами положенія безъ того уже были не владѣльцы, а рабочія массы, разлагавшія необходимый и выработанный десятилѣтіями порядокъ, разрушавшія заводы и производство и терроризировавшія администрацію, то многимъ казалось, что національзація не только неизбѣжна, но что даже она внесетъ какое-то равновѣсіе въ промышленную жизнь, устранитъ борьбу между управленіемъ — «лакеями капиталистовъ» — и рабочими и вернетъ порядокъ, столь необходимый для производ-

* Устраненію изъ угла зрѣнія частнаго предпринимательскаго капитала, какъ одного изъ главнѣйшихъ элементовъ промышленности, способствовало то обстоятельство, что съ мобилизаціей всей промышленности для работы «на оборону» задача финансированія постройки новыхъ заводовъ и производства главнымъ образомъ легла на государство.

ства. Къ тому-же многіе думали, что все это временно, что все-равно совѣтское правительство не справится съ націонализированными заводами и что націонализація позволитъ безболѣзненно пережить смутное время и перенести промышленность въ цѣлости въ лучшія времена.

Зная, что такая психологія — общая для всѣхъ директоровъ заводовъ, я предпочелъ, не давая отвѣта на вопросъ, интересовавшій Савельева больше другихъ, сосредоточить вниманіе народнаго комиссара и другихъ присутствовавшихъ на томъ, что съ націонализаціей связано окончательное упраздненіе свободы приложенія иниціативы, возбуждающей энергію борьбы за существованіе, окончательное превращеніе всѣхъ работниковъ промышленности отъ мала до велика въ чиновниковъ, хуже, въ паразитовъ государства; указавъ, что нынѣ нужно думать не объ отчужденіи предпринимательскихъ барышей, которыхъ нѣтъ, не объ устраненіи произвола эксплоататоровъ-заводчиковъ, потерявшихъ всякую распорядительную власть, а о возвращеніи рабочихъ къ труду, къ подчиненію требованіямъ администраціи безъ всякаго вмѣшательства въ ея распоряженія, и что это нужно для спасенія промышленности, какъ одного изъ важнѣшихъ элементовъ государственнаго хозяйства.

Для насъ, промышленныхъ дѣятелей, всѣ эти соображенія не только не были новы, но скорѣе даже звучали банальностью — въ другихъ условіяхъ было-бы даже неловко высказывать такого рода прописныя истины, но на Савельева они положительно произвели впечатлѣніе, онъ обсуждалъ каждое изъ соображеній, со многими соглашался, благодарилъ за освѣщеніе дѣла и т. д., понявъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что на сотрудничество надежды не велики.

Правда, послѣ меня одно лицо высказывалось въ томъ направленіи, что при создавшихся условіяхъ націонализація въ нѣкоторомъ смыслѣ даже желательна для владѣльцевъ, избавляя ихъ отъ убытковъ и администрацію отъ террора рабочихъ массъ, что инженеры, положившіе всѣ свои силы на пользу промышленности, съ нею настолько сроднились, что не оставятъ ея и въ случаѣ измѣненія общихъ условій, лишь-бы сохранить въ цѣлости заводское оборудованіе*, но повидимому и эта болѣе гибкая психологія не воодушевляла Савельева къ націонализаціи, т. к. въ такомъ образѣ мышленія отражалось не болѣе, какъ признаніе неизбѣжности націонализаціи для преходящ го смутнаго времени.

Мы обратили вниманіе Савельева также на то, что пока народные комиссары обсуждаютъ вопросъ о націонализаціи промышленности, фактически уже началась націонализація или соціализація (націонализаціей называли отчужденіе въ пользу государства, а соціализаціей въ пользу рабочихъ, хотя эта терминологія въ строгости не выдерживалась, тѣмъ болѣе, что въ сознаніи массъ то и другое понятіе одинаково выражало грабительское, направленное въ ихъ пользу дѣйствіе): по постановленію рабочихъ митинговъ или мѣстныхъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ были соціализованы нѣкоторые каменноугольные рудники, а декретомъ совѣта народныхъ комиссаровъ націонализованы заводы и рудники Русско-Бельгійскаго Металлургическаго Общества, при чемъ было арестовано правленіе этого общества и въ томъ числѣ французскій гражданинъ Г. Понселе, а на каменно-угольныхъ рудникахъ рабочими арестованы или убиты управляющіе и инженеры и обыкновенно сверхъ того ограблены ихъ квартиры, хотя этого вида грабежъ тоже назывался націонализаціей или соціализаціей (у одного инженера на рудникѣ націонализировали висѣвшую въ шкафу форменную тужурку за ненахожденіемъ другихъ предметовъ, какъ

---

* Это та самая психологія, которая приводила моряковъ къ службѣ большевикамъ, во имя спасенія кораблей, и сухопутныхъ офицеровъ —, во имя сохраненія арміи и ея матеріальной части.

это и было указанно въ соотвѣтственномъ актѣ); независимо отъ случаевъ сепаративныхъ націонализацій и соціализацій совѣтъ республики Кривдонбаса обсуждалъ вопросъ объ общей націонализаціи рудниковъ Донецкаго бассейна.

На сообщеніе наше о постановленіи совѣта народныхъ комиссаровъ о націонализаціи предпріятій Русско-Бельгійскаго Общества Савельевъ отозвался незнаніемъ, будучи, видимо, смущенъ этимъ извѣстіемъ. Самочинную націонализацію нѣкоторыхъ рудниковъ онъ опредѣленно осудилъ; о предположеніяхъ-же совѣта республики Кривдонбаса сказалъ, что онъ еще не поспѣлъ войти въ сношенія съ заправилами этой новой республики, что такой принципіальный, общій для Россіи и важный по своимъ послѣдствіямъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ, конечно, только центральной властью и что онъ постарается немедленно пріостановить проведеніе всѣхъ мѣръ отчужденія промышленныхъ предпріятій у ихъ владѣльцевъ до принятія центральной властью авторитетнаго рѣшенія.

Въ то самое время, когда смиренный Савельевъ собирался угомонить необузданныхъ націонализаторовъ Кривдонбаса, засѣдавшій тогда совѣтъ республики принималъ резолюцію объ отчужденіи всей каменно-угольной промышленности, которое казалось имъ столь-же легкимъ, какъ и желательнымъ. Насколько мнѣ извѣстно, вожди республики приняли Савельева съ отмѣнной независимостью и отличнымъ пренебреженіемъ, а въ совѣтѣ республики его даже не пожелали дослушать. Ему, вѣроятно, показалось не по пути съ вождями Кривдонбаса, и онъ выѣхалъ обратно въ Петроградъ.

По поводу ареста нѣкоторыхъ дѣятелей горно-заводского Юга мнѣ пришлось быть у президента республики Кривдонбаса — Артема Сергѣева (Харькову положительно везло на Сергѣевыхъ, что часто вызывало путаницу: Артемъ Сергѣевъ — президентъ республики, большевикъ, Иванъ Сергѣевъ — уполномоченный по топливу, назначенный еще Временнымъ Правительствомъ, меньшевикъ и Павелъ Сергѣевъ — уполномоченный Союза металлургическихъ заводовъ, безпартійный, но очень правыхъ убѣжденій: Сергѣевы во всѣхъ роляхъ и на всѣ вкусы). Бывшій рабочій, кажется, кожевеннаго завода, не случайно сталъ президентомъ; къ сожалѣнію, я уже позабылъ его curriculun vitae, нѣкоторыя страницы котораго должны относиться къ Сибири, но помню, что онъ произвелъ на меня впечатлѣніе положительно недюжиннаго и недурно образованнаго человѣка. По внѣшнему виду я бы скорѣе принялъ его не за рабочаго, а за средней руки сибирскаго золотопромышленника въ дорогѣ по тайгѣ: изъ подъ разстегнутой кожаной куртки видна неподходящая къ штанамъ жилетка и перекинутый черезъ шею шнуръ отъ часовъ, на ногахъ высокіе выше колѣна сапоги съ ремешками на икрахъ; ходитъ онъ спокойно, ровно и большими шагами, хотя роста онъ малаго; говоритъ просто, но вразумительно; вытянутое съ черной бородкой клиномъ и средними усами неподвижное лицо съ большими, въ высшей степени проницательными, заглядывающими въ душу глазами, но заглядывающими съ задѣвающимъ равнодушіемъ; когда ему надо что-нибудь прочесть, то онъ надѣваетъ на носъ и за уши очки съ такой медлительностью, какъ люди, научившіеся, недѣлями трясясь полулежа — по сибирски — въ тарантасѣ, презирать суетливость. На мой вопросъ о намѣреніяхъ совѣта республики націонализировать угольную промышленность онъ спокойно махнулъ рукой и равнодушно замѣтилъ: «болтаютъ»... «посмотримъ» — и только!

Если у «дѣятелей» Кривдонбаса (за исключеніемъ, можетъ быть, Артема Сергѣева) не возникало никакихъ сомнѣній, самые сложные вопросы имъ казались простыми и ясными и для разрѣшенія ихъ, какъ имъ вѣроятно представлялось, нужна только воля, то осторожность и даже боязливость были характерными для

первыхъ мѣсяцевъ правленія народныхъ комиссаровъ; захватъ банковъ въ Петроградѣ былъ объясненъ необходимостью произвести контроль, въ провинціи-же банки продолжали дѣйствовать на прежнихъ основаніяхъ (въ Харьковѣ, какъ кажется, и въ другихъ городахъ, были назначены комиссары надъ банками, но они мало вмѣшивались въ дѣла), нерѣшительность въ отношеніи націонализаціи промышленности, какъ увидимъ, проявлялъ не одинъ Савельевъ, но и болѣе отвѣтственные большевицкіе руководители. Боясь, что націонализація оптомъ лишитъ заводы умѣлаго руководства, совѣтское правительство нападало въ розницу и при томъ въ мягкихъ и соблазнительныхъ формахъ: правленію общества предлагалось работать подъ контролемъ назначаемаго для сего комиссара или рабочей контрольной комиссіи или наконецъ принять въ свой составъ представителей рабочихъ. Въ случаѣ отказа правленіе арестовывалось, а предпріятіе «секвестровалось» или «націонализовалось» (примѣнялся и тотъ, и другой терминъ при одинаковыхъ однако послѣдствіяхъ), что вѣроятно должно было склонять еще не атакованныя правленія къ большей сговорчивости. Вѣроятно, въ предвидѣніи соглашеній между правленіями однородныхъ по производству и по географическому мѣстоположенію предпріятій и для большей неожиданности вылазокъ на промышленность ударъ наносился то на Югѣ Россіи, то на Уралѣ, то въ центрѣ. Первымъ на Югѣ Россіи былъ націонализированъ заводъ Русско-Бельгійскаго Общества. Только много позже была декретирована общая націонализація.

Имѣлся въ виду еще другой способъ обойти руководителей промышленности, заключавшійся въ организаціи трестовъ при непремѣнномъ ихъ личномъ участіи. Проведенію такого плана въ отношеніи металлургической промышленности, съ которой и было начато, благопріятствовало, какъ казалось, то обстоятельство, что каждый изъ заводовъ представляетъ очень крупную хозяйственную единицу, а число ихъ невелико (18 на Югѣ, при 23 во всей Европейской Россіи, не включая Урала) и что при акціонерной формѣ владѣнія съ крупными, коллективными капиталами предприниматель, какъ личность, отсутствовалъ*, а руководство принадлежало наемнымъ членамъ правленія изъ числа, обыкновенно, не крупныхъ акціонеровъ. Въ качествѣ-же торговаго аппарата предполагалось использовать «Продамету». Всѣ попытки въ этомъ направленіи успѣха не имѣли, а впослѣдствіи всѣ заводы, какъ и Продамета, были совѣтскимъ правительствомъ объявлены націонализованными.

Если націонализація совѣтскимъ правительствомъ понималась, какъ принудительное и безвозмездное отчужденіе правъ собственности на заводы и рудники въ пользу государства, къ которому въ такомъ случаѣ переходило-бы и такъ называемое «организаціонное право», то рабочіе иногда видѣли въ націонализаціи, какъ и въ предшествовавшемъ ей рабочемъ контролѣ, средство личнаго и немедленнаго обогащенія за счетъ промышленнаго капитала и избавленія ихъ отъ принужденія къ работѣ и къ соблюденію порядка. Въ соотвѣтствіи съ такой «идеологіей» работы прекращались, а рабочіе приступали къ распродажѣ произведенныхъ ранѣе и находящихся въ складахъ товаровъ (особенно ясно я помню распродажу складовъ Константиновскаго Мет. Завода), запасенныхъ матеріяловъ, мелкихъ предметовъ оборудованія, домашнихъ вещей дирекціи и старшихъ служащихъ, при чемъ коляски, автомобили и пр. средства передвиженія поступали въ распоряженіе мѣстныхъ вождей или просто удалыхъ, любившихъ лихо покататься въ пьяномъ видѣ и въ женскомъ обществѣ рабочихъ.

---

* Съ точки зрѣнія предпринимательскаго права я допускаю неточность въ терминологіи, но это для простоты изложенія.

Весьма примѣчательно то, что въ подавляющемъ числѣ случаевъ иниціатива въ захватѣ предпріятій принадлежала пріѣзжимъ и рѣже мѣстнымъ энергичнымъ группамъ лицъ, увлекавшимъ за собой массы. Послѣднія-же нерѣдко проявляли столько инерціи и даже сопротивленія, что потребовалось много времени для повсемѣстнаго проведенія экспропріаціи предпріятій. Такъ, невзирая на упомянутое выше рѣшеніе Совѣта республики Кривдонбаса, южно-русскіе рудники и заводы многіе мѣсяцы оставались во владѣніи промышленниковъ. Повидимому экспропріація вовсе не отвѣчала правосознанію рабочихъ массъ и, чтобы побудить ихъ на дѣйствіе, почитавшееся ими за грабежъ, нужно было «поработать» надъ пробужденіемъ подлыхъ инстинктовъ для заглушенія голоса совѣсти и благоразумія.

Порядокъ проведенія націонализаціи и устанавливающаяся послѣ сего конструкція управленія были весьма различными въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, состава рабочихъ и руководившихъ ими органовъ, свойствъ характера лицъ администраціи и пр. Они были наиболѣе дикими и хаотическими на рудникахъ, гдѣ, вообще говоря, уровень развитія рабочихъ низокъ; на заводахъ-же наблюдалось больше планомѣрности и мягкости въ формахъ. Въ этомъ отношеніи особенно примѣчательно Брянское Металлургическое Общество: Александровскимъ заводомъ продолжалъ управлять Директоръ Гор. Инж. Н. Н. Гогоцкій, хотя и въ тѣсномъ единеніи съ рабочей контрольной комиссіей, въ числѣ членовъ которой были также и инженеры, а для Брянскаго завода того-же общества было организовано коалиціонное правленіе, состоявшее изъ представителей бывшаго правленія, рабочихъ и совѣтскаго правительства.

Когда промышленныя предпріятія Донецко-Криворожскаго района еще оставались въ собственности владѣльцевъ (за нѣкоторыми исключеніями), атмосфера харьковской «революціонной демократіи» уже дошла до точки кипѣнія, конкретнѣе — до точки націонализаціи. Націонализировать собирались все и вся: фабрики, гостиницы, парикмахерскія, газеты, типографіи, говорили о націонализаціи зубныхъ врачей и женщинъ, и рѣшили, какъ это ни нелѣпо, также націонализовать Совѣтъ Съѣзда Горнопромышленниковъ Южной Россіи. До тѣхъ поръ довольно скромные, а съ того дня «революціонные служащіе» ввели въ комнаты Предсѣдателя Совѣта Съѣзда какихъ-то солдатъ и объявили президіумъ — Предсѣдателя Н. Ф. фонъ-Дитмара, Товарища Предсѣдателя А. И. Фенина* и управляющаго дѣлами Б. Н. Соколова — арестованными, а Совѣтъ Съѣзда со всѣми его учрежденіями и недвижимостью націонализованными. Президіумъ былъ увезенъ и помѣщенъ въ вагонъ «на седьмомъ тупикѣ», куда помѣщали по революціонной традиціи обреченныхъ на смерть**. Тѣ изъ начальниковъ отдѣловъ, что не пожелали присоединиться къ возставшимъ, были удалены, касса была захвачена, а на входныхъ дверяхъ великолѣпнаго зданія на Сумской былъ вывѣшенъ плакатъ — «Революціонный Комитетъ Служащихъ Совѣта Съѣзда Горнопромышленниковъ Юга Россіи».

Узнавъ объ этомъ, члены Совѣта Съѣзда, въ числѣ около 30 человѣкъ (всего числилось около 70), попробовали было собраться на экстренное засѣданіе Совѣта въ своемъ большомъ залѣ, но были удалены. Собравшіеся рѣшили перейти въ находившееся по близости помѣщеніе «Углесоюза» (не напоминаетъ-ли это «jeu de pommes»?) и, признавъ нелѣпостью націонализацію общественнаго органа промышлен-

---

* Насколько помню, А. И. Фенина въ то время тамъ не оказалось; но послѣ непродолжительнаго укрывательства онъ по собственной иниціативѣ отдался въ «руки правосудія».

** Черезъ нѣкоторое время ихъ вытребовалъ къ себѣ на ст. Никитовку командующій Южной Арміей Антоновъ, а впослѣдствіи ихъ освободили.

никовъ, выбрали вмѣсто арестованнаго новый временный составъ президіума — Предсѣдателемъ автора этихъ записокъ, Товарищемъ Предсѣдателя А. В. Мономахова и управляющимъ дѣлами М. И. Базкевича, о чемъ и было сообщено въ газеты.

Въ этомъ скорѣе сказалось «боевое» настроеніе собравшихся членовъ Совѣта, чѣмъ практичность и продуманность плана дѣйствій, а публикація въ газетахъ едва даже не стоила ареста второго (временнаго) состава президіума: за насъ вступилось по собственному почину Правленіе Профессіональнаго Союза «Металлистъ», къ которому я въ то время имѣлъ нѣкоторыя отношенія и о которомъ я буду говорить впослѣдствіи. Такъ или иначе, Совѣтъ Съѣзда продолжалъ собираться, пока не растаялъ вслѣдствіе ареста однихъ, бѣгства другихъ и скрыванія третьихъ.

Радости-побѣды «Революціоннаго Комитета Служащихъ Совѣта Съѣзда» смѣнились разочарованіями. Кассовая наличность оказалась незначительной, въ банкѣ не хотѣли покрывать чековъ, подписанныхъ «Революціоннымъ Комитетомъ»,· желѣзными дорогами не выдавались повагонные сборы, на которые раньше содержался Совѣтъ Съѣзда съ его многочисленнымъ составомъ служащихъ, но главное, на рудникахъ и заводахъ «Революціонный Комитетъ» не получилъ признанія, и нелѣпость націонализаціи общественнаго органа промышленниковъ начала пониматься самими «революціонными служащими», но уже слишкомъ поздно, т. к. фактически личный составъ Совѣта Съѣзда къ тому времени уже успѣлъ растаять. Къ тому-же какія-то другія «революціонныя организаціи» съ полнымъ пренебреженіемъ къ «правамъ» первыхъ захватчиковъ стали для себя занимать помѣщенія Совѣта Съѣзда, а въ большомъ залѣ безпрерывно засѣдали какія-то толпища.

Націонализація Совѣта Съѣзда неожиданнымъ образомъ отразилась и на Профессіональномъ Союзѣ Инженеровъ Южно-Русской горно-заводской Промышленности. Канцелярія Союза Инженеровъ помѣщалась въ зданіи Совѣта Съѣзда, но съ націонализаціей послѣдняго ей также пришлось выѣхать. Въ теченіе нѣсколькихъ дней на имя Союза продолжали приносить корреспонденцію по старому адресу, которую, какъ потомъ оказалось, «революціонеры», размѣстившіеся въ канцеляріи Союза, вскрывали и выбрасывали, но среди писемъ попалось извѣщеніе Азовско-Донского Банка о поступленіи на текущій счетъ Союза 300,000 рублей отъ члена правленія одного изъ горнопромышленныхъ обществъ — этого было достаточно для компрометаціи Союза въ отношеніи контръ-революціонности. Созданному во время революціи Союзу, который прилагательное «профессіональный» должно было поставить въ одинъ рядъ съ революціонными союзами рабочихъ и служащихъ, но на самомъ дѣлѣ, какъ это и естественно инженерамъ, жившимъ въ самой гущѣ революціоннаго котла и ощущавшимъ непосредственно и лучше другихъ категорій интеллигентныхъ тружениковъ то, что несетъ революція промышленности, народному хозяйству и наконецъ всей Россіи, было не по пути съ «революціонной демократіей», и его отношеніе къ происходящему въ основныхъ чертахъ было тѣмъ-же, что у промышленниковъ, чему способствовало и то обстоятельство, что, при преобладающей на Югѣ Россіи акціонерной формѣ предпріятій, они были представлены тѣми-же инженерами. Между промышленными организаціями и Союзомъ инженеровъ, въ которомъ часто фигурировали тѣ-же самыя лица, установилось полное согласіе при взаимной поддержкѣ: инженеры стояли на стражѣ правъ предпринимателей, принимая на себя главную тяжесть сыпавшихся ударовъ, а промышленники субсидировали Союзъ и устанавливали страхованія отъ террористическихъ актовъ, фонды для лицъ заводской и рудничной администраціи, т. е. въ подавляющемъ числѣ случаевъ для инженеровъ. Субсидіи, выдаваемыя Союзу, шли на поддержаніе ограбленныхъ инженеровъ, бѣжавшихъ въ города ихъ семей, на содержаніе инженеровъ, потерявшихъ

связь со своими хозяевами или бѣжавшихъ отъ преслѣдованій «революціонныхъ рабочихъ», и слѣдовательно вообще на цѣли, квалифицировавшіяся въ то время контръ-революціонными. Къ числу такихъ субсидій относились и тѣ 300,000 рублей, что были внесены на текущій счетъ Союза при посредствѣ члена правленія одного изъ промышленныхъ обществъ. О томъ, что извѣщеніе о 300,000 рублей попало въ руки «революціонеровъ», стало извѣстно при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Къ моему брату, какъ къ Товарищу Управляющаго Харьковскимъ Отдѣленіемъ Азовско-Донского банка (въ то время онъ замѣщалъ Управляющаго), вошелъ въ служебный кабинетъ какой-то человѣкъ, отрекомендовавшійся «слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ» Александровскимъ и потребовавшій наложить арестъ на суммы Союза Инженеровъ. На выраженное братомъ недоумѣніе по поводу того, что накладывается арестъ на суммы, принадлежащія не занимающемуся торговыми операціями союзу, Александровскій объяснилъ, что онъ напалъ на слѣдъ контръ-революціоннаго замысла, не скрывъ и того, какимъ образомъ ему это удалось. На предупрежденіе брата о невозможности накладывать арестъ безъ письменнаго о томъ распоряженія, слѣдователь отвѣтилъ, что сейчасъ онъ очень торопится, такъ какъ его ждетъ автомобиль, въ которомъ онъ поѣдетъ арестовывать цѣлый рядъ лицъ изъ состава Союза Инженеровъ, а когда братъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы союзъ, созданный для защиты профессіональныхъ интересовъ инженеровъ, занимался политикой, то, задѣтый недовѣріемъ, слѣдователь показалъ брату списокъ подлежащихъ аресту лицъ. Среди десятка все знакомыхъ именъ братъ увидѣлъ и мое, и, что еще лучше, и свое собственное — надо сказать, что мой братъ по образованію горный инженеръ и состоялъ секретаремъ этого самаго союза инженеровъ, о чемъ, конечно, слѣдователь не подозрѣвалъ, обратившись къ управляющему банкомъ. На этотъ разъ, не проявивъ ничѣмъ своего недоумѣнія по поводу болтливости неопытнаго «слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ», а поговоривъ еще немного съ милымъ гостемъ и вѣжливо его проводивъ, братъ позвонилъ по телефону своей женѣ, прося ее предупредить всѣхъ перечисленныхъ въ спискѣ, что было исполнено и сравнительно легко, — оставалось на свободѣ уже немного — нѣкоторые были уже арестованы другими властями и по другимъ поводамъ. По причинѣ, оставшейся намъ неизвѣстной, насъ съ братомъ не арестовали. Слѣдователь былъ у брата въ банкѣ утромъ, но я узналъ объ этомъ къ вечеру. На слѣдующее утро я отправился къ дому, гдѣ жилъ временно исполнявшій обязанности Предсѣдателя Союза Инженеровъ П. С. Сергѣевъ, имя котораго я упоминалъ уже раньше. У подъѣзда я увидѣлъ грузовикъ, на который были уже погружены нѣкоторыя вещи Павла Сергѣевича, а, выйдя на лѣстницу, я встрѣтилъ горничную, которая мнѣ объяснила, что Павелъ Сергѣевичъ вчера же бѣжалъ въ какую-то отдаленную деревню къ надежному крестьянину, что, не заставъ его, пришедшіе его арестовать люди производятъ обыскъ — вотъ почему и грузовикъ съ сундуками, коврами, подушками и пр.! Обыскъ производился еще дня 2 или 3, а Павла Сергѣевича я уже не видѣлъ больше до возвращенія моего въ Харьковъ, уже въ апрѣлѣ.

Если большевики, протягивая «капиталистамъ» пальму мира, за пазухой держали ножъ, то больше искренности было проявлено меньшевицкимъ профессіональнымъ союзомъ «Металлистъ» въ поискахъ соглашенія съ промышленниками.

Еще въ октябрѣ 1917 года «Металлистъ» предложилъ «Сометаллу» заключить коллективный договоръ, препроводивъ выработанный профессіональнымъ союзомъ текстъ, но договоръ былъ заключенъ только въ концѣ февраля 1918 года.

Русская дореволюціонная юрисдикція не знала коллективныхъ договоровъ, т. е. договоровъ, заключенныхъ между союзами предпринимателей и профессіональными рабочими союзами, или при болѣе широкомъ опредѣленіи, между предпринимателемъ или группою предпринимателей и группою рабочихъ; не легализовало ихъ и законодательство Временнаго Правительства, но освятило ихъ новое пониманіе взаимоотношеній капитала и труда, вызванное развитіемъ профессіональныхъ объединеній, а главное, быть можетъ, появленіемъ революціоннаго правосознанія, совершенно не согласнаго съ поблекшими нормами положительнаго права.

Какъ извѣстно, важнѣйшая особенность договоровъ этого рода, среди другихъ извѣстныхъ въ гражданскомъ оборотѣ, заключается въ томъ, что существенныя, вытекающія изъ договора права пріобрѣтаются не заключившими договоръ сторонами, а третьими лицами, равно какъ существенныя вытекающія изъ договора обязанности возлагаются не на стороны, а на третьихъ лицъ, въ чемъ общая черта съ договорами, служащими предметомъ изученія международнаго права, при чемъ дѣйствіе договора распространяется (по крайней мѣрѣ практически) не только на третьихъ лицъ, входящихъ въ составъ промышленныхъ и рабочихъ союзовъ, но и на внѣ ихъ стоящихъ. Устанавливая общія для цѣлой отрасли промышленности или для цѣлаго района нормы, коллективный договоръ несомнѣнно вторгается въ область публичнаго права, а договаривающіеся союзы выполняютъ, вступая въ соглашеніе, а впослѣдствіи и въ силу соглашенія, функціи публичной власти.

Каковы были общія условія, съ которыми встрѣчались попытки насажденія коллективныхъ соглашеній въ русскую промышленную жизнь, и отношеніе къ коллективному договору, какъ къ новой формѣ нормъ, опредѣляющихъ права и обязанности труда и капитала, со стороны разныхъ заинтересованныхъ въ немъ группъ населенія?

Это новое правовое понятіе было импортировано въ Россію защитниками послѣдовательной борьбы пролетаріата за развитіе его правъ и его благосостоянія — меньшевистскими вождями, но какъ разъ именно въ то время, когда меньше всего могла быть понятой сложная глубокая сущность этого понятія, и когда общія условія меньше всего способствовали усвоенію его промышленной жизнью.

Коллективный договоръ — мирный исходъ планомѣрной борьбы между организованными трудомъ и капиталомъ. Непремѣнное слѣдствіе его заключенія — затвердѣваніе отношеній между трудомъ и капиталомъ на обусловленный срокъ. Если для фазиса борьбы характерно движеніе, то фазисъ жизни съ момента подписанія договора и за все время его дѣйствія можетъ быть опредѣленъ, какъ стояніе на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока вновь не начнется борьба. Такимъ образомъ, многолѣтняя планомѣрная борьба естественно разбивается на двухъ-фазные періоды, при чемъ фазисъ собственно борьбы и фазисъ мирной передышки поперемѣнно смѣняются. Съ устраненіемъ одного изъ фазисовъ коллективный договоръ теряетъ всякій смыслъ: безъ предварительной планомѣрной борьбы или по крайней мѣрѣ угрозы этой борьбы коллективный договоръ не достижимъ, а безъ мира, слѣдующаго за его заключеніемъ, онъ мертворожденъ. Къ тому же непремѣнной предпосылкою договора, покоящагося на авторитетѣ сторонъ, т. е. союзовъ, должна быть организованность капитала и труда и строжайшая дисциплина элементовъ, образующихъ союзы, или иначе сказать, примѣненіе въ промышленной жизни коллективныхъ договоровъ требуетъ многолѣтне развиваемой профессіональной культуры. Для усвоенія массами глубокой сущности понятія о коллективномъ договорѣ необходимо участіе ихъ въ планомѣрно проведенномъ двухъ-фазисномъ періодѣ борьбы.

Профессіональныя объединенія промышленниковъ для борьбы съ рабочими совершенно отсутствовали въ началѣ революціи, но, разумѣется, имъ было гораздо легче возникнуть и развиться благодаря меньшему количеству участниковъ и высшему уровню общественной культурности ихъ представителей. Тѣмъ не менѣе, какъ указывалось выше,* союзная дисциплина оставляла желать лучшаго.

Въ условіяхъ внутренняго для страны мира ни промышленники, ни, что еще важнѣе, рабочіе не ознакомились на опытѣ съ планомѣрной борьбою, завершаемой заключеніемъ коллективнаго договора, и съ проведеніемъ его въ жизнь, и такимъ образомъ отсутствовало соціальное воспитаніе въ формахъ высокой общественной культуры. Въ условіяхъ же революціонной жизни съ ея непрерывными «завоеваніями» естественно отсутствовали фазисы мирной передышки, и въ силу этого, какъ уже указывалось, коллективный договоръ неукоснительно обрекался на мертворожденность, онъ становился въ прямомъ своемъ назначеніи безсмысленнымъ.

Говорившіе о чудѣ превращенія въ теченіе трехъ дней толпищъ царскихъ рабовъ въ культурный народъ, «умѣренные» соціалисты принялись насаждать послѣднее слово изъ книгъ по рабочему вопросу, бросивъ въ толпу, въ качествѣ новаго радостнаго сюрприза революціи, идею о коллективномъ договорѣ. Послѣ нѣкотораго недоумѣнія въ преподнесенную толпѣ пустую бонбоньерку она вложила безподобные революціонные конфеты — «ничего не дѣлать и много получать».

Первые изъ заключенныхъ коллективныхъ договоровъ исключительно или преимущественно и заключались въ уменьшеніяхъ количества работы и въ увеличеніяхъ заработныхъ платъ. Особенно въ этомъ отношеніи типично майское соглашеніе «Горнотруда» съ горнопромышленниками Юга Россіи, на которое мнѣ уже приходилось ссылаться. Въ формѣ коллективнаго договора и за счетъ промышленниковъ и, въ конечномъ результатѣ — государства меньшевистскіе вожди дѣлали рабочимъ развращающіе ихъ подарки въ цѣляхъ укрѣпленія своей популярности.

Послѣ первыхъ опытовъ идея коллективнаго договора была массами понята — нужно ли говорить — при данныхъ условіяхъ превратно и тривіально и, распространившись по всей Россіи, повсемѣстно вызвала раздраженіе.

Отношеніе промышленниковъ было различно: въ то время, какъ одни видѣли въ соглашеніяхъ средство относительно спокойно перейти черезъ смуту къ лучшему времени, въ быстрое наступленіе котораго они вѣрили, другіе находили, что коллективный договоръ — недостойная комедія, связывающая промышленниковъ, но ничѣмъ не связывающая рабочихъ, имѣя въ виду, что ихъ вожди признаются ими въ той мѣрѣ, что дѣлаютъ за чужой счетъ подарки, но не предъявляютъ къ нимъ никакихъ требованій. Которое изъ этихъ двухъ мнѣній преобладало, сказать невозможно, но фактъ заключенія большого количества договоровъ даетъ право предполагать, что во всякомъ случаѣ на дѣлѣ преобладала склонность промышленниковъ идти по теченію. Практика примѣненія коллективныхъ соглашеній давала самые различные результаты: по крайней мѣрѣ приходилось слышать самые противорѣчивые отзывы отъ представителей заводовъ того же района и той же отрасли промышленности.

Въ состоящемъ изъ членовъ правленій металл. обществъ Совѣтѣ нашего союза («Сометаллъ») отношеніе къ коллективному договору было отрицательнымъ, и вышеупомянутое октябрьское предложеніе «Металлиста» было оставлено безъ детальнаго разсмотрѣнія и безъ отвѣта. Напротивъ, въ январѣ 1918 года на имѣвшемъ мѣсто въ Харьковѣ совѣщаніи директоровъ заводовъ я встрѣтился съ единодуш-

* См. Архивъ Русск. Рев. т. XIV, стр. 33, сл.

нымъ съ ихъ стороны желаніемъ приступить къ переговорамъ съ «Металлистомъ», представители котораго очень того домогались, въ то время какъ со стороны рабочихъ массъ сыпались ничѣмъ не прикрытыя угрозы. Справедливости ради долженъ отмѣтить, что когда мною были представлены телеграфныя сообщенія съ заводовъ о поведеніи требовавшихъ коллективнаго договора рабочихъ, то смущенное ими Правленіе «Металлиста» командировало своихъ сочленовъ на заводы для антитеррористической пропаганды, а выѣхавшія на мѣста лица порою дѣйствовали съ отвагою, невзирая на возмущенье уже противъ нихъ разгорячившихся головъ.

Коллективный договоръ между «Сометалломъ» и «Металлистомъ» прямо и непосредственно затрогивалъ интересы 18 южно-русскихъ металлургическихъ заводовъ со 130,000 рабочихъ, но фактически долженъ былъ отразиться и на желѣзныхъ и марганцевыхъ рудникахъ, подавляющая часть коихъ въ рукахъ металлургическихъ обществъ съ 60,000 рабочихъ, и на каменноугольныхъ рудникахъ съ 230,000 рабочихъ, имѣя въ виду, что значительная часть добычи каменнаго угля приходилась на долю металлургическихъ обществъ, а нѣкоторые изъ заводовъ, находясь въ Донецкомъ бассейнѣ, составляли вмѣстѣ съ рудниками одно хозяйственно-административное цѣлое.

При такихъ условіяхъ интересовавшій всю горную и горно-заводскую промышленность вопросъ о коллективномъ договорѣ между «Сометалломъ» и «Металлистомъ» подвергся также обсужденію и въ Комитетѣ Совѣта Съѣзда, гдѣ также было проявлено единодушное желаніе къ приступу къ переговорамъ упомянутыми выше двумя союзами.

Изъ двукратныхъ переговоровъ по прямому телеграфному проводу съ Совѣтомъ нашего Союза въ Петроградѣ (заднимъ числомъ трудно вѣрится, что промышленники могли добиться при большевикахъ разговора по прямому проводу!) я узналъ, что и онъ, тверже другихъ стоявшій на непримиримой въ отношеніи коллективнаго договора позиціи, склонялся къ его заключенію.

Въ октябрѣ, одновременно какъ и «Сометаллу», «Металлистъ» предложилъ заключить коллективный договоръ такъ же южно-русскимъ металлообрабатывающимъ заводамъ съ 15,000 человѣкъ рабочихъ и тремъ «обсофазамъ» (Екатеринославскому, Харьковскому и Ростовскому обществамъ фабрикантовъ и заводчиковъ), которые приняли это приглашеніе, но, разумѣется, безъ участія «Сометалла» никакого соглашенія состояться не могло.

Такимъ образомъ, къ концу января имѣлось согласіе приступить къ переговорамъ со стороны рабочихъ, объединенныхъ «Металлистомъ», и всѣхъ предпріятій, на рабочихъ коихъ «Металлистъ» распространялъ практически или теоретически свое вліяніе, при чемъ «Металлистъ» получилъ также «мандатъ» для защиты интересовъ «Союза служащихъ горно-заводской промышленности».

Переговоры начались въ большомъ залѣ еще въ то время не національзованнаго Совѣта Съѣзда, при чемъ неожиданно для насъ явился въ сопровожденіи своихъ чиновниковъ вновь назначенный комиссаромъ труда Лугановскій, до тѣхъ поръ состоявшій комиссаромъ продовольствія и нынѣ совмѣщавшій эту должность съ новой. Человѣкъ — довольно хорошаго роста, плечистый, крѣпкій, мускулистый, одѣтъ обычнымъ для революціонной эпохи образомъ, съ зачесанными назадъ волосами и бритыми усами и бородой, съ остро окаймленными, нѣсколько выпуклыми губами. Съ большимъ лбомъ скуластое, энергичное и даже съ нѣкоторой доброжелательностью лицо. Говорили, что до революціи онъ служилъ приказчикомъ въ мануфактурномъ магазинѣ, но надо отдать ему справедливость, что держалъ онъ себя съ отмѣннымъ достоинствомъ и говорилъ, какъ вполнѣ интеллигентный чело-

вѣкъ. При ясномъ и звучномъ голосѣ и пылкости темперамента онъ видимо сдерживалъ свои жесты и рѣчь такимъ образомъ, что чувствовалась въ немъ какая-то глубокая грусть, но зато когда онъ разгорался, то его голосъ пріобрѣталъ металлическій оттѣнокъ, и судорожно сжатые кулаки тяжело опускались на столъ — онъ всегда говорилъ стоя.

Безъ всякаго съ нашей стороны согласія онъ занялъ предсѣдательское мѣсто и произнесъ рѣчь, содержанія которой я не помню.

Отъ имени представителей промышленности я заявилъ, что мы явились вести переговоры съ профессіональнымъ рабочимъ союзомъ «Металлистъ», а не съ совѣтскимъ правительствомъ, а что содѣйствіе послѣдняго для спокойнаго и нормальнаго хода нашей работы могло бы выразиться въ принятіи мѣръ противъ террористическихъ актовъ, коимъ подвергаются со стороны рабочихъ лица заводской и рудничной администраціи.

Не отвѣтивъ на наше заявленіе, Лугановскій предложилъ выдать всему составу «промышленной фракціи согласительной комиссіи» удостовѣренія въ томъ, что на время веденія переговоровъ мы не подлежимъ аресту, но отъ этого любезнаго предложенія мы отказались.

По желанію представителей «Металлиста», на слѣдующій день состоялось «частное совѣщаніе» съ ними въ одной изъ комнатъ Совѣта Съѣзда, въ теченіе котораго было рѣшено переговоры продолжить, устранивъ непрошенное руководство совѣтской власти.

Какъ разъ въ теченіе этого совѣщанія въ Совѣтъ Съѣзда явились солдаты для его націонализаціи и для ареста его президіума (см. выше), при чемъ вошедшій въ нашу комнату офицеръ съ отрядомъ солдатъ арестовалъ и всѣхъ насъ, т. е. «промышленную» и «рабочую» фракціи. Конечно, рабочая фракція была арестована по недоразумѣнію и только въ виду нахожденія ея вмѣстѣ съ нами въ помѣщеніи Съѣзда, но тѣмъ не менѣе оказавшіеся на минуту въ положеніи «буржуевъ» рабочіе чрезвычайно возмутились актомъ произвола и насилія. Черезъ полъ-часа мы были освобождены, но все же «рабочая фракція» подала какой-то власти энергично составленный протестъ, не допуская въ своемъ заявленіи никакой разницы между собой и нами. Мы же, разумѣется, никакъ на арестъ не реагировали — не искать же намъ права у большевиковъ! Страннымъ можетъ показаться, но этотъ случай расположилъ къ намъ рабочихъ представителей, и съ того момента какъ-то растаялъ бывшій между нами ледъ.

На слѣдующее наше засѣданіе, состоявшееся уже не въ Совѣтѣ Съѣзда, а въ Харьковскомъ «Обсофазѣ», Лугановскій уже не явился, а прислалъ какого-то ничтожнаго молодого человѣка, который съ сильнымъ еврейскимъ акцентомъ сообщилъ, что онъ для «информаціи». Когда началось засѣданіе, то онъ усѣлся на пустое предсѣдательское кресло, аккуратно записывалъ имена говорившихъ и, почувствовавъ себя такимъ образомъ предсѣдателемъ, попробовалъ было что-то сказать, но ни «промышленная», ни «рабочая» фракціи, точно сговорившись, не обратили на него никакого вниманія: онъ посидѣлъ еще немного, незамѣтно ретировался и больше не показывался. Предсѣдательское кресло оставалось не занятымъ до самаго окончанія длившихся около мѣсяца переговоровъ. Я въ первый разъ въ жизни засѣдалъ въ составѣ 15—25 человѣкъ безъ предсѣдателя, но долженъ сказать, что никогда не видѣлъ большаго порядка, какъ въ данномъ случаѣ: разумѣется, причина не въ отсутствіи предсѣдателя, а въ дисциплинѣ, господствовавшей въ обѣихъ фракціяхъ. и въ проявляемой съ обѣихъ сторонъ крайней сдержанности. Можно особенно удивляться корректности и долготерпѣнію «рабочей» фракціи, тѣмъ болѣе, что въ

началѣ нашей совмѣстной работы мы не разъ въ знакъ протеста срывали засѣданіе: причиною этому были чаще всего аресты кого-нибудь изъ членовъ «промышленной фракціи» или даже вообще кого-нибудь изъ нашей среды, тогда какъ «рабочая фракція» была рѣшительно неповинна въ этихъ арестахъ и даже напротивъ по собственному почину хлопотала объ освобожденіи задержанныхъ. Чуть было насъ не разсорилъ въ самомъ началѣ Лугановскій, давшій знать, что въ случаѣ проявленія несговорчивости съ нашей стороны, коллективный договоръ будетъ «декретированъ» (такая нелѣпость съ точки зрѣнія права!) и притомъ, конечно, въ редакціи «Металлиста», но и тутъ спасъ положеніе тактъ со стороны рабочихъ.

«Рабочая фракція» была представлена Правленіемъ Союза «Металлистъ» во главѣ съ предсѣдателемъ Г. Фаеръ, двумя юрисконсультами Союза — Г. Рубинштейномъ и Г. Трахтенбергомъ — и гастролирующими депутатами съ заводовъ. Въ работахъ нашей «согласительной комиссіи» руководство «рабочей фракціи» принадлежало пользующемуся широкой, въ особенности на югѣ Россіи, извѣстностью — Я. Л. Рубинштейну.

Богатый, съ коммерческой, какъ говорили, жилкой человѣкъ и домовладѣлецъ, присяжный повѣренный, Яковъ Львовичъ равнымъ, тайнымъ, свободнымъ и прямымъ голосованіемъ былъ избранъ предсѣдателемъ Харьковской Городской Думы по спискамъ меньшевиковъ-интернаціоналистовъ. Въ свое время меня изрядно смущало противорѣчіе между имущественнымъ и партійнымъ его положеніемъ, а его «интернаціонализмъ» меня прямо-таки коробилъ, но нынѣ я рѣдко вспоминаю съ такимъ удовольствіемъ о согласной, хотя во вражескихъ лагеряхъ, работѣ, какъ — съ Яковомъ Львовичемъ, и объясняю я завоеваніе имъ моихъ самыхъ опредѣленныхъ симпатій исключительными умственными его дарованіями, при неизмѣнной и безукоризненной корректности, ясностью пониманія отстаиваемыхъ имъ интересовъ при уваженіи къ интересамъ противника, смѣлостью и твердостью его требованій при несомнѣнномъ чувствѣ мѣры въ настойчивости. Этотъ человѣкъ навѣрное любилъ и понималъ жизнь, и это придавало ему подкупавшія окружающихъ бодрость и нѣкоторое благодушіе. Небольшого роста, упитанному, съ выпуклымъ животикомъ и круглымъ лицомъ, человѣку по своему внѣшнему облику меньше всего подходило выступать въ качествѣ защитника интересовъ неимущихъ и угнетенныхъ пролетаріевъ, но во время диспутовъ съ нимъ забывались не только его животикъ, но и образы неимущихъ и угнетенныхъ — все вниманіе сосредоточивалось только на нахожденіи общихъ интересовъ и на разграниченіи противоположныхъ.

Другой изъ юрисконсультовъ «Металлиста» — доцентъ Харьковскаго Коммерческаго Института Трахтенбергъ — гораздо менѣе пріятный человѣкъ. Не знаю, принадлежалъ ли онъ къ какой-нибудь партіи, но о немъ мнѣ говорили въ Харьковѣ, какъ о марксистѣ довольно крайняго направленія. Какъ въ индивидуальности, я въ немъ ничего интереснаго не обнаружилъ, но, мнѣ кажется, онъ достоинъ все же нѣкотораго вниманія, какъ представитель довольно распространеннаго въ Россіи типа среди еврейской марксистски настроенной интеллигенціи.

Ненависть возвышается надъ всей сущностью человѣка, ненависть, не какъ слѣдствіе, а какъ причина, ненависть, какъ источникъ наслажденія, ненависть, какъ двигатель къ развитію личности и къ дѣятельности. При остромъ умѣ и при сильной волѣ, или при одномъ изъ этихъ свойствъ, изъ этого типа людей выходили революціонные вожди или тѣ второстепенные, но доставлявшіе населенію столько страданій, комиссары, которые такъ часто представляли на мѣстахъ революціонную власть, но въ отсутствіи этихъ качествъ люди этого типа безъ яркости въ дѣяніяхъ тѣмъ не менѣе всюду съ собой вносили ненависть, а слѣдовательно раздоръ и раз-

ложеніе. Къ такимъ людямъ, какъ мнѣ казалось, принадлежалъ и Трахтенбергъ, и принеся съ собой въ согласительную комиссію злобу, онъ возстановилъ бы стороны другъ противъ друга и привелъ бы ихъ къ разрыву. Послѣ первыхъ его выступленій я указалъ на это рабочимъ, отнесшимся къ моему предостереженію съ полной доброжелательностью и, постепенно стушевываясь, Трахтенбергъ пересталъ даже посѣщать засѣданія.

Перехожу къ рабочимъ, участвовавшимъ въ нашей «согласительной комиссіи», и перехожу съ удовольствіемъ, такъ какъ у меня сохранились о нихъ самыя пріятныя воспоминанія: среди нихъ я вижу хорошихъ, честныхъ людей, въ глубинѣ сердца которыхъ непочатые запасы любви ко всему человѣческому, искренняго стремленія къ свѣтлой правдѣ, отличающей нетронутыя натуры доброты, всепрощенія и доходящаго до экзальтаціи довѣрія, разъ только окажется поводъ для его зарожденія. Это не только не тѣ революціонной эпохи звѣри, отъ которыхъ столь многіе пострадали и за которыми связанные съ ними кошмарныя воспоминанія не позволяютъ многимъ видѣть подлиннаго русскаго народа такимъ, какъ онъ есть, а хорошіе люди, изъ коихъ будутъ выходить въ новой Россіи ея лучшіе граждане. И это не изъ ряда вонъ рѣдкое исключеніе: за мою жизнь я видѣлъ десятки, если не сотни тысячъ рабочихъ и немало я встрѣчалъ среди нихъ хорошихъ, честныхъ людей — отмѣчаю это въ виду того озлобленія, которое такъ часто наблюдается въ отношеніи всѣхъ рабочихъ.

Предсѣдатель Правленія «Металлиста» Фаеръ — изъ совершенно обрусѣвшей семьи прибалтійскихъ нѣмцевъ, квалифицированный рабочій Таганрогскаго металлургическаго завода, меньшевикъ, развитой и начитанный человѣкъ, тридцатилѣтняго возраста, невзирая на многократныя при царскомъ правительствѣ сидѣнія въ тюрьмѣ и на ссылку въ Сибирь, сохранилъ мягкій, почти сентиментальный характеръ. Это не фанатикъ, а доискивающійся правды человѣкъ, со склонностью проникать вглубь вопроса при чрезвычайной любознательности и безъ всякой самоувѣренности, столь свойственной «грядущему хаму» — этому распространенному въ эпоху революціи типу обнаглѣвшаго невѣжды. Со свойственной его натурѣ объективностью Фаеръ не видѣлъ въ насъ «капиталистовъ-кровопійцъ», уважая въ насъ право защищать наши классовые интересы, какъ рабочіе защищаютъ свои; когда же онъ убѣдился изъ хода диспутовъ, что фактически при данныхъ условіяхъ мы даже защищаемъ интересы промышленности, а не промышленниковъ, то, признавъ въ насъ направленную къ общественному благу силу, глубоко къ намъ расположился: мы положительно этимъ пріобрѣли въ его глазахъ авторитетъ и завоевали къ себѣ его довѣріе.

Фамиліи другихъ рабочихъ — дѣятелей «Металлиста», къ сожалѣнію, я большей частью позабылъ, но внѣшній обликъ и душевныя свойства нѣкоторыхъ изъ нихъ еще держатся въ моей памяти. Среди нихъ преобладали меньшевики Рубцовъ, Алферовъ, но были и другихъ партій. Особо отмѣчу анархиста-синдикалиста, привезшаго свою соціальную религію изъ С. А. Ш., гдѣ онъ долгое время работалъ. Отдѣлявшее мою mentalité отъ его религіи огромное пространство нисколько не мѣшало намъ говорить между собой на общемъ для насъ языкѣ — этотъ языкъ находился въ стремленіи къ общему благу — и я объясняю это природнымъ умомъ, широтой кругозора и глубиной развитія много видѣвшаго и много читавшаго человѣка, къ тому же поражавшаго своимъ спокойнымъ достоинствомъ и какой-то внутренней гармоніей. Изъ такихъ людей будутъ выходить хорошіе граждане новой Россіи! — Онъ — анархистъ, но общественный человѣкъ и не только потому, что синдикалистъ, а не анархистъ, а еще потому, что вся глубокая сущность этого вдумчиваго и уравновѣшеннаго человѣка рвется къ общему благу.

Кромѣ членовъ Правленія «Металлиста», порою присутствовали гастролировавшіе представители рабочихъ съ мѣстъ. Бывали толковые люди, а порою появлялся банальный революціонный стрекотунъ, засыпающій обличающими, негодующими и требующими трафаретными изъ революціоннаго лексикона словечками, и въ такихъ случаяхъ изъ «рабочей фракціи» съ улыбкой на устахъ мнѣ дѣлали знаки, чтобы я не обращалъ вниманія, а иногда даже усмиряли своего разбушевавшагося «товарища», шепча ему что-то на ухо.

«Промышленная фракція» «согласительной комиссіи» состояла изъ находившихся въ Харьковѣ членовъ правленій и директоровъ металлургическихъ заводовъ, представителей Союза металлообрабатывающихъ заводовъ, харьковскаго и екатеринославскаго обсофазовъ (обществъ фабрикантовъ и заводчиковъ), стараго президіума Совѣта Съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи, пока онъ не былъ арестованъ, и служебнаго персонала «Сометалла». Руководство подготовительными работами «промышленной фракціи», равно какъ и оффиціальныя выступленія въ согласительной комиссіи, лежали на мнѣ, въ качествѣ предсѣдателя фракціи. Среди членовъ «фракціи» царили миръ и согласіе при строгой дисциплинѣ, установленной съ общаго согласія spicker'омъ, какъ меня звали, и все это облегчало нашъ большой трудъ, о которомъ я вспоминаю съ удовольствіемъ.

Далекій отъ желанія излагать содержаніе «коллективнаго договора» и перипетіи его выработки въ «согласительной комиссіи» — это меня завело бы въ детали, могущія заинтересовать только спеціалистовъ — я остановлюсь лишь на его основныхъ характерныхъ для революціонной эпохи принципахъ, изъ за которыхъ велась борьба и притомъ велась не только въ данномъ случаѣ, но и вообще во всей странѣ, между рабочими и работодателями:

1. Право предпринимателя по своему усмотрѣнію пускать предпріятіе (или его часть) въ ходъ или его останавливать стало оспариваться рабочими, желавшими, чтобы остановка производства или всякое въ немъ измѣненіе производились не иначе, какъ съ согласія рабочихъ (профессіональнаго союза).

2. Право найма и увольненія рабочихъ, по мнѣнію ихъ, должно принадлежать не предпринимателю, а рабочимъ (профес. союзу).

3. Право предпринимателя налагать дисциплинарныя взысканія должно перейти къ профессіональному союзу.

4. Сдѣльныя работы не допускаются.

5. Поденныя платы увеличиваются, при чемъ основаніемъ для установленія ихъ размѣровъ должны служить не хозяйственныя условія, въ которыхъ находится производство, а потребности рабочихъ.

6. Поденныя платы во всѣхъ предпріятіяхъ одинаковы.

7. Однимъ и тѣмъ же фактомъ (коллективными договорами) устанавливаются отношенія между предпринимателями съ одной стороны, и рабочими и служащими, съ другой, при чемъ размѣръ жалованья устанавливался бы этимъ актомъ для всѣхъ, а не индивидуальнымъ соглашеніемъ.

Такимъ образомъ, главный ударъ былъ направленъ противъ принадлежности такъ называемаго организаціоннаго права предпринимателю (п. п. 1, 2, 3 и косвенно 7), каковое должно было быть отчуждено въ пользу профессіональныхъ союзовъ. Формально по пункту 1 организаціонное право отчуждается на половину, но фактически и по этому пункту отчужденіе было бы полнымъ, такъ какъ, разумѣется, нельзя предвидѣть такого случая, чтобы рабочіе признали нужнымъ закрыть одну изъ мастерскихъ или весь заводъ, а предприниматель, напротивъ, желалъ бы продолжать производство. Съ проведеніемъ въ жизнь п. 7, т. е. со сліяніемъ служа-

щихъ и рабочихъ въ одно цѣлое, при полномъ ихъ отмежеваніи отъ предпринимателя, аппаратъ управленія, уходя изъ подъ власти предпринимателя, попадалъ бы подъ вліяніе рабочихъ (професс. союза рабочихъ). Пунктъ 4, также нанося ущербъ организаціонному праву предпринимателя, главнымъ образомъ преслѣдовалъ уменьшеніе напряженности труда, коей сдѣльная плата, напротивъ, конечно, способствуетъ; разумѣется, этотъ пунктъ совершенно демагогическаго характера. Установленіе размѣра заработныхъ платъ на основѣ размѣра потребностей рабочихъ съ гуманитарной точки зрѣнія можетъ быть оправдано, но съ народно-хозяйственной, разумѣется, нѣтъ; къ тому же практически размѣръ потребностей рабочихъ, благодаря ихъ безбрежности, не можетъ служить основаніемъ, а по мѣрѣ развитія революціи хозяйство страны настолько расшатывалось, что не могло быть рѣчи о достаточномъ удовлетвореніи даже такъ называемыхъ первыхъ потребностей.

Если большевики продолжали «углублять революцію», то меньшевики стремились «закрѣпить завоеванія революціи». Къ этой цѣли было направлено все ихъ законодательное творчество, о которомъ я писалъ въ главѣ 2, ч. 1; того же они хотѣли добиться и при помощи коллективныхъ договоровъ. Насколько, въ ожиданіи скорой реакціи, меньшевики торопились окопаться, настолько промышленники хотѣли перейти черезъ мнимо короткое смутное время, не потерявъ принципіальныхъ позицій.

Сравнительно легко идя на матеріальныя жертвы, мы согласились на увеличеніе заработныхъ платъ, не принимая, однако, выдвигаемаго рабочими принципа ихъ установленія. Слѣдуя отъ одного составленнаго «Металлистомъ» проекта коллективнаго договора къ другому мы сумѣли доказать для каждой частности въ отдѣльности, что передача предпринимателями организаціоннаго права была бы губительна для самой промышленности, въ успѣхѣ которой заинтересованы рабочіе такъ же, какъ и работодатели. Оставляя управленіе за предпринимателемъ, мы соглашались на участіе профессіональнаго союза въ разрѣшеніи тѣхъ вопросовъ, что ближайшимъ образомъ касались рабочихъ. Вопросы о правѣ найма и увольненія рабочихъ, и о распространеніи дѣйствія коллективнаго договора и на служащихъ были поставлены нами ультимативно — рабочіе подчинились; мы согласились на рекомендацію проф. союзомъ кандидатовъ на вакантныя мѣста, но въ такой формѣ, что это не связывало администраціи заводовъ. Домогательства рабочихъ къ упраздненію задѣльныхъ платъ разбились о нашу аргументацію, и онѣ были сохранены, но мы согласились на установленіе размѣровъ задѣльныхъ платъ по соглашенію съ профессіональнымъ союзомъ. Равно мы согласились на выработку по соглашенію съ «рабочей фракціей» правилъ внутренняго распорядка, что благополучно и выполнили. Мы согласились также на организацію мѣстныхъ комиссій изъ представителей обѣихъ сторонъ для урегулированія всѣхъ могущихъ возникнуть разногласій и центральной — въ Харьковѣ въ качествѣ руководящей и апелляціонной инстанціи.

Такимъ образомъ, въ лицѣ профессіональнаго союза рабочій пріобщился къ выработкѣ тарифовъ, правилъ внутренняго распорядка и получилъ право рекомендаціи кандидатовъ на вакантныя мѣста, т. е. рабочій уже становился не только орудіемъ, но и субъектомъ производства, участвуя въ его организаціи; правда, въ очень узкихъ предѣлахъ, мало стѣсняя свободу заводской администраціи въ отношеніи управленія предпріятіемъ, но тѣмъ не менѣе, хотя бы слабое участіе рабочато въ разрѣшеніи вопросовъ, связанныхъ съ организаціей производства, открывало возможность для профессіональнаго воспитанія рабочихъ массъ.

Промышленники были довольны заключеніемъ коллективнаго договора въ такомъ видѣ: принципіальныя позиціи, за которыя они крѣпко держались, сданы не

были и между тѣмъ крупнѣйшій профессіональный союзъ рабочихъ — «Металлистъ» — изъ вражескаго лагеря перешелъ въ дружескій. Дѣятели же «Металлиста» ликовали, невзирая на отсутствіе этихъ принципіальныхъ пріобрѣтеній: въ самомъ фактѣ заключенія договора заключалось признаніе объединенными металлургическими заводами профессіональнаго союза, а по содержанію договоръ отводилъ видное мѣсто союзу въ дѣлѣ урегулированія отношеній рабочихъ и администраціи каждаго изъ заводовъ. Со стороны одного представителя промышленности мнѣ пришлось слышать мнѣніе, что именно въ укрѣпленіи нами авторитета профессіональнаго союза рабочихъ и заключалось наше пораженіе и побѣда рабочихъ, ибо мы согласились собственными руками содѣйствовать организаціи нашего въ промышленной жизни врага — рабочихъ, т. е., что при стратегической побѣдѣ мы потерпѣли тактическое пораженіе, но я лично думаю, что профессіональное объединеніе рабочихъ, какъ въ то время, такъ и въ особенности въ будущемъ — фактъ неизбѣжный, и борьба съ нимъ значила бы безполезное, почти донъ-кихотское расточеніе силъ, напротивъ, признаніе профессіональнаго объединенія и содѣйствіе руководителямъ союзовъ къ укрѣпленію авторитета послѣднихъ въ рабочей средѣ создавали бы благопріятныя для спокойной промышленной работы традиціи. Кромѣ того, я думаю, что въ контактѣ организованныхъ рабочихъ и организованныхъ промышленниковъ зарождается эмбріонъ сотрудничества классовъ въ государственномъ строительствѣ новой Россіи.

По причинѣ послѣдовавшихъ политическихъ событій практика примѣненія коллективнаго договора была очень короткой; для нѣкоторыхъ заводовъ онъ остался мертвой буквой, но на нѣкоторыхъ изъ нихъ, по свидѣтельству мѣстной администраціи, онъ оказалъ умиротворяющее вліяніе. Во всякомъ случаѣ за время полуторамѣсячныхъ переговоровъ «Металлистъ» по мѣрѣ силъ и возможности содѣйствовалъ, а не противодѣйствовалъ заводской администраціи.

Подписавши договоръ, стороны, оставшіяся довольными другъ другомъ, дружески и даже съ нѣкоторой сердечностью распрощались. Я сейчасъ же, часовъ въ 8 вечера, прямо изъ залы засѣданія, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ «Металлиста» Фаеромъ и моимъ курьеромъ отправился на вокзалъ для слѣдованія въ Петроградъ. На вокзалѣ дѣлалось что-то невообразимое: весь каменный полъ огромнаго харьковскаго вокзала былъ занятъ тѣлами, здоровыми, больными, а можетъ быть и мертвыми — очевидно всѣ хотѣли куда-то ѣхать, но поѣзда въ то время уже ходили рѣдко и безпорядочно. Фаеръ насъ всѣхъ троихъ устроилъ въ какой-то особый и очень хорошій вагонъ (II класса спальный) съ семью купе, изъ коихъ занято было всего одно, кромѣ нашего. Утромъ нашъ вагонъ прицѣпили къ какому-то пассажирскому наполненному выше всякой мѣры поѣзду. Дальше Курска поѣздъ не шелъ, тамъ вся публика вышла и опять размѣстилась на полу и на платформахъ вокзала, а нашъ вагонъ, которымъ Фаеръ уже окончательно завладѣлъ, былъ прицѣпленъ по его настоянію къ какому-то товарному поѣзду «особаго назначенія», и мы довольно скоро доѣхали до Орла, причемъ въ нашемъ вагонѣ, кромѣ Фаера, моего курьера и меня, никого уже не было. Утромъ, подъѣзжая къ Орлу, мы увидѣли стоящій у платформы и готовящійся къ отбытію поѣздъ въ составѣ красавца-пассажирскаго паровоза, вагонъ-салона и платформы съ погруженнымъ на него автомобилемъ. Въ качествѣ уже владѣльца отдѣльнаго вагона, Фаеръ сумѣлъ внушить «викжельскимъ людямъ» съ красными кантами такое къ себѣ уваженіе, что нашъ вагонъ былъ немедленно прицѣпленъ къ этому поѣзду, и мы покатили со скоростью, временами доходившей до 90 верстъ въ часъ. Днемъ мы были уже въ Москвѣ. Уже передъ самымъ отходомъ мы узнали, что это поѣздъ командующаго южной арміей Анто-

нова, того самаго Антонова, который наводилъ такой ужасъ на населеніе и приводилъ въ трепетъ всѣхъ попадавшихся на его дорогѣ. Онъ ѣхалъ въ Москву съ докладомъ къ народнымъ комиссарамъ.

Въ нашемъ вагонѣ попрежнему мы ѣхали всего втроемъ. На удивленіе моего курьера — бывшаго жандармскаго вахмистра, хорошаго, преданнаго, честнаго, благочестиваго, но совсѣмъ простого человѣка, привязаннаго къ внѣшнему государственному порядку и считавшаго установленное дѣленіе человѣческаго общества на ступени незыблемымъ — я называлъ Фаера по имени и отчеству, разговаривалъ съ нимъ какъ съ равнымъ и съ интересомъ и не безъ любопытства, что не могло ускользнуть отъ вниманія моего курьера. Меня не только удивляли начитанность и широкій кругозоръ фразернаго токаря (Фаера), но и интересовала вся система мышленія этого человѣка, вся его душевная сущность. Отличавшее его отсутствіе банальной и упрямой предвзятости, при искренней вдумчивости, дѣйствительно дѣлало интереснымъ разговоръ пришедшихъ съ разныхъ полюсовъ общества созерцанія людей. Если въ «согласительной комиссіи» наша точка зрѣнія на промышленные и вообще народо-хозяйственные вопросы послужила завоеванію уваженія и симпатій «рабочей фракціи», то я видѣлъ, какъ въ душу Фаера западаютъ мои совершенно чуждыя его образу мышленія сужденія. Порою спохватываясь, онъ шутилъ — въ каждой шуткѣ есть доля правды, а на этотъ разъ и очень много — что если бы мы проѣхали вмѣстѣ еще нѣсколько дней, то изъ послѣдовательнаго соціалиста-демократа онъ превратился бы въ человѣка съ совсѣмъ инымъ порядкомъ мыслей. Натура его гораздо глубже и развитіе его гораздо шире, чѣмъ у тѣхъ солдатъ, съ которыми я бесѣдовалъ мѣсяца два назадъ тоже въ пути изъ Харькова въ Петроградъ, а потому и установившаяся духовная связь съ нимъ оказалась несравненно прочнѣе и длительнѣе, чѣмъ со спутниками въ сѣрыхъ шинеляхъ. Въ минуту экспансивности онъ мнѣ признавался, что въ первый разъ въ его жизни онъ видитъ такъ близко человѣка той категоріи, къ которой я принадлежу, и что, если бы онъ и ему подобные знали, что среди насъ много такихъ людей, какъ я, то не было бы той розни, того раздраженія, что вызвали революцію. Не льстили моего слуха эти слова, а звучали глубокимъ укоромъ: не въ первый разъ я подумалъ о процасти, отдѣлявшей «насъ» отъ «нихъ», о привычномъ для «насъ» третированіи «ихъ» въ качествѣ почти неодушевленныхъ предметовъ, а если бы не революція, то и сейчасъ я не разговаривалъ бы съ Фаеромъ, такъ какъ это было въ «особомъ» вагонѣ II класса, прицѣпляемомъ то къ товарному поѣзду, то къ поѣзду большевицкаго «главкома» Антонова. И раньше, и особенно, когда былъ совсѣмъ молодымъ инженеромъ, я порой разговаривалъ съ рабочими съ нѣкоторой ласковостью и иногда веселостью, но позволялъ ли я имъ становиться на одну со мной плоскость? и не боялся ли я при этомъ того, чтобы они не положили и «ноги на столъ»? А почему при измѣнившихся условіяхъ я уже этого не боялся, а Фаеръ всѣмъ своимъ поведеніемъ доказалъ, что онъ пуще всего остерегается положить «ноги на столъ» и даже больше, чтобы во мнѣ не возникло къ тому опасеній?

По пріѣздѣ въ Петроградъ Фаеръ черезъ нѣсколько дней вернулся на югъ Россіи, и я уже больше никогда его не видѣлъ. Болѣе полугода спустя, когда я былъ въ Кіевѣ товарищемъ министра торговли и промышленности, профессіональный союзъ «Металлистъ» подвергся жестокимъ преслѣдованіямъ со стороны министра внутреннихъ дѣлъ, крутого И. А. Кистяковскаго, арестовавшаго правленіе союза. Къ тому времени составъ правленія измѣнился, а Фаеръ почему-то былъ не въ Харьковѣ, а на Таганрогскомъ металлургическомъ заводѣ. Мнѣ передавали, что, узнавъ объ арестѣ состава Правленія, Фаеръ убѣждалъ своихъ не арестованныхъ товарищей, что

очевидно я объ этомъ не знаю, что необходимо мнѣ телеграфировать, лучше даже поѣхать ко мнѣ въ Кіевъ, и что, разумѣется, я заступлюсь: прошло болѣе полугода, а вѣра не пала, невзирая на то, что я сталъ членомъ «буржуазнаго» и непопулярнаго правительства Ливогуба.

Доѣхавъ до Москвы, мы наняли на Курскомъ вокзалѣ какого-то человѣка перенести наши чемоданы до Николаевскаго (извозчиковъ тамъ не было) и тамъ съ трудомъ втиснулись въ вагонъ третьяго класса отходящаго на Петроградъ поѣзда. Ѣхали мы немногимъ болѣе сутокъ, но дорога была очень тяжела.

На полу во всѣхъ проходахъ, на скамьяхъ, полкахъ, столахъ, скрючившись сидѣли люди, тѣсно было настолько, что положительно нельзя было шевельнуться, отчего ноги отекали до разбуханія; къ тому же пассажиры, находившіеся на площадкѣ и на ступенькахъ, не позволяли закрывать двери — «все же немного изъ вагона на насъ тепло несетъ» — почему при сильномъ на дворѣ морозѣ морозило и въ вагонѣ, что особенно отзывалось на разбухшихъ ногахъ. Проѣхавъ Бологое, я уже пересталъ чувствовать свои ноги — они стали какъ деревянныя.

Коллективный договоръ былъ въ Харьковѣ заключенъ между «Сометалломъ» и областнымъ отдѣленіемъ «Металлиста», почему онъ еще подлежалъ утвержденію Центральнымъ Всероссійскимъ Правленіемъ профессіональнаго союза, а въ соотвѣтствіи съ этимъ я также выговорилъ вступленіе договора въ силу лишь по утвержденіи его совѣтомъ нашего «Сометалла». Фактически Центральное Правленіе его даже не видѣло, а приведенный Фаеромъ къ намъ въ «Сометаллъ» предсѣдатель Центральнаго Правленія «Металлиста», товарищъ Ивановъ, подписалъ его, не прочтя. Совѣтъ же «Сометалла», по разсмотрѣніи, его одобрилъ и утвердилъ.

Глава IV.

ВОКРУГЪ ХАОСА

Прошли всѣ положенные созерцателями революціи сроки, а большевики не только не «падали», но напротивъ все тверже чувствовали почву подъ ногами. За четырехъ-пятимѣсячное господство они успѣли широко развить начатое при Временномъ Правительствѣ дѣло разложенія стараго государства и приступить къ конституированію новыхъ органовъ публичной власти, при чемъ въ ихъ работѣ стали уже принимать участіе и многіе изъ тѣхъ, что еще такъ недавно «саботировали».

Послѣ полуторамѣсячной угарной жизни въ Харьковѣ хорошо было отдохнуть среди кладбищенской тишины Петрограда, но что тамъ дѣлать и можно ли оставаться? На первыхъ порахъ управлявшіе капиталистическимъ государствомъ большевики уже стали проводить въ жизнь коммунистическую программу, сперва ощупью и боязливо, а потомъ все рѣшительнѣе и смѣлѣе, начиная съ Петрограда и затѣмъ распространяя на всю страну. Слѣдовательно, въ перспективѣ — или сотрудничество съ большевиками, или бездѣйствіе.

Мнѣ предлагали принять участіе въ организаціи взрыванія петроградскаго порта, задуманнаго французами для созданія затрудненій наступающимъ на Петроградъ нѣмцамъ, но и это дѣло мнѣ не подходило: я не вѣрилъ въ возможность возстановленія боеспособности арміи, а въ такомъ случаѣ уничтоженіе русскихъ цѣнностей мнѣ представлялось въ данномъ случаѣ по военнымъ соображеніямъ выгоднымъ, быть можетъ, для Франціи, но ни въ какихъ видахъ не для Россіи; между тѣмъ я не принадлежалъ къ числу тѣхъ, кто ставилъ «дружбу» съ французами выше интересовъ Родины.

Дѣлать въ Петроградѣ мнѣ было нечего, и я рѣшилъ выѣхать обратно на югъ Россіи, гдѣ были металлургическіе заводы, съ которыми я былъ связанъ моей дѣятельностью въ «Сометаллѣ», гдѣ находились рудники и главнѣйшіе заводы общества, въ которомъ я состоялъ членомъ Правленія. Къ тому же большевики неодобрительно относились къ моему нежеланію имъ платить налоги, а равно къ нѣкоторымъ моимъ отношеніямъ съ однимъ изъ петроградскихъ банковъ: все это вмѣстѣ взятое не обѣщало мнѣ даже тихаго житья въ Петроградѣ, а подходящей для меня работы, и тѣмъ болѣе, ждать не приходилось. Итакъ, я рѣшилъ выѣхать изъ Петрограда, но оказалось, что это не такъ просто, ибо въ ожиданіи прихода нѣмцевъ, Совѣтское Правительство предприняло эвакуацію, и для выѣзда требовалось особое разрѣшеніе.

Комиссаромъ по эвакуаціи Петрограда былъ назначенъ предсѣдатель Центральнаго Правленія «Металлиста» тов. Ивановъ, подъ канцелярію котораго отвели часть Маріинскаго дворца (зданіе Государств. Совѣта), куда я и отправился. Войдя черезъ лѣвую съ площади дверь, я повстрѣчалъ стараго въ сѣрой дворцовой курткѣ швейцара, котораго я зналъ, бывая иногда на заутренѣ подъ Свѣтлое Христово Воскресеніе въ дворцовой церкви. Старикъ обрадовался посѣщенію нетоварища, возвращавшаго его къ прошедшимъ временамъ. Цѣпью одинъ за другимъ, какъ живые, прошли черезъ его сознаніе тѣни минувшаго, знатные и блестящіе сановники; ушелъ онъ мыслями въ безвозвратное, замолкъ, скатилась слеза ...

— А, впрочемъ, баринъ, пожалуйте! — взмахнулъ онъ рукой и пояснилъ — Неловко можетъ быть мнѣ, коли съ Вами увидятъ! — Поднялся я по знакомой уютной, съ какой-то интимностью лѣстницѣ во второй этажъ, долго блуждалъ тамъ, встрѣчая тысячи совѣтскихъ барышень; помню, проходилъ черезъ Екатерининскій залъ, гдѣ за овальнымъ столомъ засѣдалъ совѣтъ петроградской коммуны. Наконецъ указали мнѣ дверь въ кабинетъ товарища Иванова. Въ большой комнатѣ со стѣнами, украшенными портретами предсѣдателей Государственнаго Совѣта и въ томъ числѣ Великаго Князя Михаила Николаевича, за солиднымъ и роскошнымъ письменнымъ столомъ хозяина не оказалось, и я подошелъ къ его личному секретарю, сидѣвшему за маленькимъ столикомъ въ противоположномъ концѣ комнаты. При видѣ меня молодой человѣкъ всталъ съ мѣста, обратившись ко мнѣ съ изысканной учтивостью и предложивъ сѣсть въ покойное кресло. Черезъ нѣкоторое время распахивается дверь, быстрыми шагами входитъ мастеровой, толстый мужчина въ пиджакѣ и въ высокихъ сапогахъ — комиссаръ Ивановъ — а за нимъ толпа просителей. Онъ меня не узналъ, почему — я ему пояснилъ, зачѣмъ и куда мнѣ нужно ѣхать — отказалъ; его забрасывали просьбами десятки голосовъ, и я отошелъ въ сторону; выгнавъ всѣхъ просителей изъ комнаты, онъ мнѣ объяснилъ, что онъ членъ президіума совѣта комиссаровъ петроградской коммуны, что онъ торопится на засѣданіе для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ, что ему некогда, но на мое замѣчаніе, что мнѣ все-таки надо ѣхать, неожиданно взялъ перо и, что-то наскоро написавъ, протянулъ мнѣ записку. Выйдя изъ комнаты и прочитавъ записку, я убѣдился въ томъ, что онъ дѣйствительно меня не узналъ (можетъ быть, и къ лучшему), а чтобъ отъ меня отвязаться, записалъ въ безпорядкѣ и безъ смысла нѣкоторыя запавшія въ его память мои слова, приблизительно въ слѣдующемъ видѣ: «Внѣ очереди! Оказать содѣйствіе по проѣзду въ Харьковъ Члену Профессіональнаго Донецко-Криворожскаго согласительнаго бюро, В. А. Ауэрбаху.» То же фантастическое званіе было означено и въ самомъ разрѣшительномъ на выѣздъ свидѣтельствѣ, которымъ также предписывалось всѣмъ властямъ оказать мнѣ содѣйствіе. Такъ я и поѣхалъ въ качествѣ «Члена профессіональнаго Донецко-Криворожскаго Согласительнаго Бюро» съ документомъ, составленнымъ на бланкѣ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ, за

подписью самого товарища Иванова, положительно недоумѣвая, какъ это могли мнѣ выдать такую бумагу.

Я вкратцѣ опишу мое путешествіе изъ Петрограда въ Харьковъ, длившееся съ невѣроятнымъ маршрутомъ 24 дня, такъ какъ въ дорогѣ пришлось быть свидѣтелемъ нѣкоторыхъ событій и повстрѣчать немало личностей, если не всегда самихъ по себѣ интересныхъ, то во всякомъ случаѣ характерныхъ для того времени.

Выѣхалъ я 22 марта/4 апрѣля вмѣстѣ со своимъ секретаремъ Наркисомъ Кирилловичемъ Брицкимъ и горнымъ инженеромъ И. И. Л., управляющимъ крупнымъ каменно-угольнымъ дѣломъ въ Донецкомъ бассейнѣ. Въ то время ходилъ между Петроградомъ и Москвою вагонъ Международнаго Общества, но не по Николаевской ж. д., а черезъ Вологду, доходя окружнымъ путемъ до назначенія въ 2 сутокъ.

Въ Москвѣ нужно было вновь хлопотать о разрѣшеніи на дальнѣйшій проѣздъ, однако, съ бумажкой за подписью тов. Иванова мнѣ было это нетрудно; черезъ 2 дня я уже имѣлъ разрѣшеніе отъ мѣстныхъ «властей» и билеты. Взявъ послѣдніе на вокзалѣ, я долженъ былъ, какъ было условлено съ моими спутниками, ихъ вызвать по телефону на вокзалъ, но оказалось, что образцовая московская телефонная сѣть уже поспѣла разстроиться, никто ее не ремонтировалъ, многіе абоненты могли еще вызывать центральную, но къ нимъ уже нельзя было дозвониться. Изъ за этого мы пропустили поѣздъ, но все къ лучшему. Это былъ послѣдній, вышедшій въ Харьковъ поѣздъ. Я видѣлъ, какъ съ этимъ поѣздомъ выѣхала бойкая женщина въ сибирской папахѣ, въ сѣрой шинели и большихъ сапогахъ, съ наганомъ за кушакомъ, называвшая себя громко и съ хвастовствомъ любовницей Антонова и везшая къ нему вагонъ съ ручными гранатами, пулеметами и еще чѣмъ-то. Но на вокзалѣ говорили, что и этотъ поѣздъ дальше Курска не пошелъ. Слѣдующій поѣздъ пустили уже только до Орла: вокзальный комиссаръ объяснилъ, что на Курскъ идутъ нѣмцы и что, вѣроятно, придется дня два переждать въ Орлѣ, пока нѣмцевъ не отгонятъ (какъ теперь извѣстно, въ Курскѣ никогда нѣмцы не были, а дальше Орла поѣздовъ не пускали, потому что всѣ станціи были забиты безпорядочно бѣгущими подъ натискомъ германскихъ войскъ большевиками). Въ тотъ день нашъ знакомый говорилъ по телефону съ Харьковомъ, гдѣ ничего о нѣмцахъ не знали (это было, кажется, за нѣсколько часовъ до занятія его германцами, которое явилось для населенія полной неожиданностью, какъ мнѣ потомъ разсказывали). Въ связи со всѣми этими свѣдѣніями мы рѣшили, измѣнивъ маршрутъ, поѣхать черезъ Рязань, Воронежъ, чтобъ подъѣхать къ Харькову съ востока.

На Рязанскомъ вокзалѣ я встрѣтилъ проводника спальнаго вагона межд. о-ва, отъ котораго узналъ, что его вагонъ долженъ былъ слѣдовать «резервомъ» въ Ростовъ для починки и слѣдовательно пустымъ. Проводникъ согласился за нѣкоторое вознагражденіе впустить насъ въ вагонъ, какъ, впрочемъ, и многихъ другихъ.

Сперва дорога была почти пріятной, а на станціяхъ было сравнительно спокойно, но въ Воронежѣ уже станція оказалась переполненной солдатами, бѣжавшими съ курскаго направленія черезъ Касторную. Говорили они, что Курскъ сданъ уже, но такъ какъ видъ у нихъ былъ сконфуженный, то мы этому не совсѣмъ довѣряли (впослѣдствіи оказалось, что мы были правы), почему обратились къ станціонному начальству: поѣзда дальше Касторной въ западномъ направленіи не шли, и мы рѣшили ѣхать до Лисокъ. Тамъ на станціи мы уже застали полный кавардакъ: всѣ пути были забиты воинскими поѣздами, кромѣ двухъ главныхъ; на вокзалѣ было тѣсно до крайности, въ буфетѣ все было начисто уничтожено, толпища солдатъ имѣли не сконфуженный, а озлобленный до ярости видъ. На одномъ изъ двухъ главныхъ путей стоялъ нашъ поѣздъ, а на другой вошелъ, остановившись передъ нами, санитарный

поѣздъ имени одной изъ Великихъ Княгинь. На стѣнкахъ вагоновъ были развѣшаны парусиновые плакаты съ надписью «Смерть буржуямъ!», а лежавшіе на койкахъ и вышедшіе на площадки больные и раненые слали намъ угрожающіе жесты и скверную брань, какъ будто это мы «буржуи» привели давившихъ ихъ нѣмцевъ.

Въ Лискахъ, какъ и на другихъ узловыхъ станціяхъ (Миллерово, Лихая и Звѣрево), поѣзда въ западномъ направленіи не шли, а станціонное начальство намъ говорило, что на двухколейныхъ линіяхъ убѣгающіе отъ «германо-гайдамацкихъ бандъ» большевики пускали поѣзда по обѣимъ колеямъ въ одномъ и томъ же направленіи. За невозможностью продвигаться на западъ, мы ѣхали тѣмъ же поѣздомъ все дальше и дальше на югъ къ Ростову. Въ Миллерово въ нашъ вагонъ вошелъ отрядъ вооруженныхъ людей подъ предводительствомъ какого-то комиссара изъ мастеровыхъ. Войдя въ наше купе, онъ строго спросилъ, съ подозрительностью насъ осматривая, откуда, куда и зачѣмъ ѣдемъ, нѣтъ ли оружія и пр., но наши отвѣты его повидимому не удовлетворили, почему онъ потребовалъ наши «документы». Увидѣвши въ заголовкѣ протянутой мною бумаги «совѣтъ народныхъ комиссаровъ», печать петроградской трудовой коммуны и прочтя мое новое и безподобное званіе Члена Профессіональнаго Донецко-Криворожскаго Согласительнаго Бюро, нашъ строгій комиссаръ досадливо замѣтилъ:

— Хуже нѣтъ такихъ документовъ! Вотъ и разбери, чи листократы, чи бѣглые каторжные?!

— Такъ кто жъ мы будемъ — листократы или бѣглые каторжные? — засмѣялись мы, а съ нами во весь ротъ и комиссаръ, строгое лицо котораго сразу превратилось въ добродушное и хорошее. Онъ махнулъ только рукой и пошелъ дальше.

Въ Новочеркасскъ мы пріѣхали вечеромъ. На путяхъ стояли поѣзда, нагруженные орудіями, пулеметами, снарядами, воинскими частями: вокзалъ имѣлъ видъ крѣпости, по ту сторону вокзала стояли орудія и пулеметы, дулами направленные на Ермаковскій спускъ, откуда ждали непріятеля — «кадетъ, калединцевъ и прочую сволочь» — городъ былъ въ рукахъ повстанцевъ. Сперва нашего поѣзда не хотѣли дальше пропускать, до производства тщательнаго обыска, но черезъ 10 минутъ неожиданно приказали немедленно отправляться, ибо поѣздъ могъ помѣшать военнымъ операціямъ на станціи.

На Дону въ борьбѣ между красными и бѣлыми казаками игралъ замѣтную роль донской артиллерійскій офицеръ Голубовъ, подъ командой коего, между прочимъ, былъ взятъ Новочеркасскъ въ февралѣ 1918 года. Этого Голубова я встрѣчалъ дважды въ моей жизни. Во второй разъ, приблизительно, — въ 1912 году, когда я былъ профессоромъ Политехникума, а Голубовъ студентомъ, въ первый же разъ — въ 1906 году, на Дальнемъ Востокѣ. Выйдя въ запасъ въ чинѣ поручика казачьей конной артиллеріи, Голубовъ поступилъ сперва рабочимъ, а потомъ сдѣлался горнымъ десятникомъ каменноугольнаго рудника Удзимихэ Китайско-Восточной ж. д., гдѣ я состоялъ въ то время Начальникомъ Горнаго Отдѣла, въ вѣдѣніи котораго среди другихъ рудниковъ былъ и Удзимихэ. Помню, что Голубовъ очень дружилъ съ атаманомъ отряда хунгузовъ (китайскихъ разбойниковъ) и что онъ участвовалъ въ составленіи подложныхъ документовъ вмѣстѣ со своимъ начальникомъ, горнымъ штейгеромъ, котораго онъ впослѣдствіи выдалъ. Голубовъ — человѣкъ активный, боевой и вмѣстѣ съ тѣмъ примитивной, грубой организаціи.

Выйдя въ Ростовѣ изъ вагона, мы рѣшительно не знали, куда дѣваться, тѣмъ болѣе, что была уже ночь. По телефону съ вокзала говорить не разрѣшали. Бродя по улицамъ, случайно увидѣли доску на дверяхъ съ наименованіемъ «Продаметы» — на полу между столами конторы мы и заночевали.

Узнавши утромъ на вокзалѣ, что поѣзда на Таганрогъ не идутъ (мы стремились все время на западъ, хотя неукоснительно продвигались все дальше и дальше на югъ), мы рѣшили ѣхать моремъ на Бердянскъ или Геническъ, а оттуда поѣздомъ или на лошадяхъ въ Харьковъ.

Въ порту ничего утѣшительнаго мы тоже не узнали. Никакихъ пароходовъ нѣтъ, а пойдетъ только паровая баржа, но въ какомъ направленіи, еще неизвѣстно, такъ какъ въ революціонномъ портовомъ комитетѣ разногласія. Въ Маріуполѣ объявилась какая-то «пятерка», претендующая на суверенное господство надъ всѣми азовскими портами, тогда какъ въ Керчи или въ Севастополѣ (сейчасъ уже не помню) какая-то «девятка» признала «пятерку» самочинной и нарушающей цѣлостность управленія «девяткою» всѣми портами Чернаго и Азовскаго морей. Часть членовъ революціоннаго портоваго комитета, увѣренная въ побѣдѣ «девятки», высокій авторитетъ которой, по ея мнѣнію, не могъ вызывать ни въ комъ сомнѣній, находила нужнымъ дать паровой баржѣ назначеніе на Маріуполь и Бердянскъ, другая же часть, проявляя больше пессимизма, опасалась, что, разъ попавши въ Маріуполь, баржа попадетъ подъ вліяніе — «пятерки» и больше ужъ не вернется, и потому предпочитала направить баржу въ Ейскъ, гдѣ никакой опасности захвата не ожидали. Таковы были оффиціальныя объясненія, но, насколько можно было понять, были и болѣе глубокія причины безпокойствъ, возникавшихъ у комитета и лежавшихъ повидимому въ томъ, что флотъ былъ соціализованъ и фрахты поступали въ пользу револ.-порт. комитетовъ, состоявшихъ преимущественно изъ шкиперовъ, а при такихъ условіяхъ, разумѣется, нужно было съ чрезвычайной осмотрительностью выпускать судно изъ порта. Повидимому Ейскъ пересоціализацій не производилъ, а потому на отправкѣ туда баржи, пожалуй, всѣ члены сошлись бы, но зато въ этотъ «свободный портъ» ходили суда со всѣхъ «несвободныхъ портовъ» и, слѣдовательно, при большой конкуренціи тамъ дѣлать было нечего. Положеніе осложнялось тѣмъ еще, что приверженцы ейскаго направленія какъ будто подозрѣвали защитниковъ маріуполь-бердянскаго курса въ томъ, что они куплены маріупольской «пятеркой», почему первые были особенно склонны къ отстаиванію своихъ «принциповъ».

Казалось, что выхода нѣтъ изъ этого чрезвычайно запутаннаго въ экономическомъ, политическомъ и психологическомъ отношеніяхъ положенія, но на третій день судовая команда насъ успокоила, заявивъ, что сегодня же рѣшеніе будетъ непремѣнно принято, такъ какъ стоявшая на парахъ въ ожиданіи своей судьбы баржа израсходовала уже столько угля, что остатка едва хватитъ, чтобы дойти до ближайшаго порта, а въ Ростовѣ его почему-то купить нельзя (вѣроятно, не на что было, не собравши фрахта), и оказалось, что команда тонко понимала обстановку спора. Рѣшеніе было принято и притомъ баржу направили не въ Ейскъ и не въ Бердянскъ, а въ Таганрогъ; это не устраивало ни ту, ни другую части комитета, но при создавшихся послѣ трехдневнаго спора условіяхъ, когда угля уже почти не оставалось, такое рѣшеніе дѣйствительно стало единственно возможнымъ.

Всѣ три дня мы по очереди дежурили въ порту, чтобы не пропустить выхода баржи въ море. Три дня пришлось дожидаться возможности выѣхать изъ Ростова, но эти три дня нельзя считать потерянными для насъ безъ всякой пользы, такъ какъ мы видѣли то, что, быть можетъ, больше не придется увидѣть.

Вечеромъ, кажется, 13 апрѣля, послѣ того, какъ было принято рѣшеніе направить паровую баржу и когда мы шли по центральной части Садовой улицы, неожиданно началась ружейная и пулеметная стрѣльба. Намъ нужно было пройти въ Правленіе Сулинскихъ заводовъ, гдѣ нашлись походныя кровати и гдѣ намъ разрѣшили ночевать. Оно помѣщалось на Садовой за Государственнымъ банкомъ по

направленію къ Нахичевани, но дальше Государственнаго банка пройти было невозможно. Мы пытались обойти оказавшуюся непроходимой часть Садовой, но и смежныя улицы оказались занятыми какими-то вооруженными винтовками и пулеметами людьми. До глубокой ночи мы тщетно бродили въ поискахъ свободнаго пути къ Сулинскому Правленію, но нигдѣ не пропускали, все время трещали пулеметы и тикали ружья — въ 2 часа ночи мы принуждены были опять пойти ночевать въ «Продамету» на Никольскую. Сперва въ городѣ никто не зналъ, въ чемъ дѣло, но къ ночи мы узнали, что осаждаются милиціонные участки анархистами, въ виду предпринятаго милиціей ихъ преслѣдованія. Видѣнные нами наступающіе анархисты были большей частью въ военной формѣ и съ военнымъ снаряженіемъ. Вооруженныхъ схватокъ между отдѣльными группами «вооруженнаго народа» и при отсутствіи общепризнанной и авторитетной власти, разумѣется, было множество по всей Россіи, но этотъ эпизодъ намъ показался любопытнымъ, потому что въ немъ сказалась мощь и организованность анархистовъ при слабости или попустительности носителей «государственной власти». На улицахъ мы слышали мнѣнія, что у большевиковъ были свои счеты съ городской милиціей*, а потому и не препятствовали выступленію анархистовъ. Какими бы ни были мотивы, фактъ былъ на лицо: «государственная власть» бездѣйствовала.

Когда въ этотъ день я съ И. И. Л. былъ еще въ порту и отъ бездѣлья обходилъ стоявшія у берега суда, то ко мнѣ обратился бравый мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, безъ фуражки и безъ пальто въ холщевой рубашкѣ. Ѣдетъ онъ изъ Пензы въ Керчь и, дожидаясь парохода, живетъ въ матросскомъ кубрикѣ одной изъ стоящихъ въ порту баржъ. Онъ — «кадетъ», но проситъ объ томъ никому не говорить — иначе разстрѣляютъ. — Неужели могутъ разстрѣлять такого маленькаго мальчика и при томъ только за то, что онъ носитъ кадетскую форму?

— Какъ кто? я самъ видѣлъ — и онъ намъ разсказалъ, какъ разстрѣливали маленькихъ мальчиковъ только за красный околышъ, за кушакъ съ кадетской бляхой. Преслѣдованіе кадетъ было тѣмъ болѣе безпощаднымъ, что «революціонный народъ» ихъ часто смѣшивалъ съ членами партіи к.-д., а между тѣмъ ихъ было легче обнаруживать, чѣмъ послѣднихъ. У бѣднаго мальчика не было другого платья, кромѣ кадетскаго, а потому онъ и выходилъ изъ кубрика въ одной парусиновой рубашечкѣ. Теперь онъ досталъ нитокъ и черную тряпку, обтянетъ ею околышъ, споретъ петлицы, и тогда будетъ не такъ опасно. Погоны все же не выброшены, а припрятаны въ карманѣ. Отъ предложенныхъ ему денегъ онъ отказался, но согласился ѣхать съ нами въ Бердянскъ — парохода въ Керчь нѣтъ, а въ Бердянскѣ, можетъ быть, окажется, къ тому же вмѣстѣ ѣхать веселѣе. Баржа отходитъ въ 7 час. утра. Мы обѣщали за Володей зайти за полъ-часа.

На пристани мы узнали, что для выѣзда изъ Ростова нужно особое разрѣшеніе. Повели насъ въ какую-то канцелярію. Разсмотрѣвъ данный мнѣ въ Петроградѣ тов. Ивановымъ документъ, «барышня» отказалась намъ написать разрѣшеніе на томъ основаніи, что согласно документа мы ѣдемъ въ Харьковъ и, слѣдовательно, вообще намъ нечего дѣлать ни въ Таганрогѣ, ни въ Ростовѣ даже.

— Но что же намъ съ собой дѣлать, если въ Таганрогъ не пускаютъ и въ Ростовѣ оставаться нельзя?

— Поѣзжайте въ Харьковъ черезъ Звѣрево.

— Но отъ Звѣрева поѣзда на Харьковъ не идутъ!

---

* Она была организована Городской Управой, выбранной при Врем. Правительствѣ.

— Поѣзжайте въ Звѣрево и тамъ дожидайтесь, когда пойдутъ?! А впрочемъ обратитесь къ комиссару! —

Комиссара не оказалось, между тѣмъ утромъ баржа уходитъ. Мы уговорили барышню дать намъ бланкъ и заполнить его съ тѣмъ, чтобы мы могли его сами дать комиссару на подпись, если онъ «въ принципѣ» согласится на нашъ выѣздъ изъ Ростова. Получивъ заполненный бланкъ, мы обратились къ хранителю печатей, который, не замѣтивъ отсутствія подписи комиссара, стукнулъ по подушечкѣ, а потомъ по бланку. Комиссара мы такъ и не дождались, отсутствіе же его подписи было обнаружено уже только въ Таганрогѣ, но при наличіи круглой печати, пользовавшейся такимъ уваженіемъ «революціонной демократіи», особаго значенія этому придано не было, намъ выдали разрѣшеніе на слѣдующій этапъ и дальше мы уже получали разрѣшенія безпрепятственно.

Утромъ мы устроились на палубѣ баржи, но отошла она только въ полдень. День былъ тихій, утренній туманъ уже разсѣялся, и оставалась лишь чуть замѣтная мгла надъ морскою гладью. На кормѣ ровно и мирно постукивала машина, и баржа, почти не волнуя моря, медленно отмѣривала положенные ей четыре узла въ часъ. И небо, и море, и эта почти прозрачная мгла — все было сѣро и тихо, очень тихо. И все особенно казалось сѣро и тихо послѣ оставленныхъ на берегу злобы и вражды, стрѣльбы и крови. Мы точно растворились въ этомъ сѣромъ и тихомъ, и намъ стало какъ-то спокойно-спокойно.

Заварили мы чай, достали провизію, но Володя отказывался, отговариваясь тѣмъ, что сытъ. Съ трудомъ объяснили ему, что онъ не можетъ быть сытъ, когда мы уже больше шести часовъ на баржѣ, но, въ концѣ концовъ согласившись, онъ намъ объяснилъ, что привыкъ не ѣсть. Отецъ его — офицеръ, мать — сестра милосердія военнаго времени — пропали безъ вѣсти, а когда большевики закрыли пензенскій корпусъ, въ которомъ онъ учился, мальчикъ оказался выброшеннымъ на улицу. Имѣя ножъ и наборъ красокъ, онъ сталъ готовить игрушки, отъ продажи которыхъ не только жилъ, но прикопилъ нѣсколько десятковъ рублей для проѣзда въ Феодосію, гдѣ жилъ его дядя — табачный фабрикантъ. Извѣстій отъ дяди онъ не имѣлъ, но все же пустился въ путь. Поѣздъ, съ которымъ онъ ѣхалъ, былъ уже въ 7 верстахъ отъ Харькова, но попавъ подъ огонь «германо-гайдамацкихъ бандъ», вернулся въ Воронежъ, откуда мальчикъ пробрался въ Ростовъ. У него оставалось въ карманѣ всего 11 рублей: онъ разсчитывалъ за 7 рублей доѣхать до Керчи, а оттуда пѣшкомъ пройти въ Феодосію. По его мнѣнію, ѣда совершенно необходима именно во время пѣшаго путешествія, и для этого онъ предназначалъ остальные 4 рубля. Отказываясь отъ чая, передъ этимъ онъ уже два дня ничего не ѣлъ. А какимъ онъ выглядѣлъ бравымъ и бодрымъ мальчишкой!

Въ Таганрогъ мы пришли поздно вечеромъ. Провизіи у насъ не оставалось и мы хотѣли было отправиться ужинать въ городъ, нужно было и гдѣ-нибудь переночевать, но оказалось, что ночью воспрещалось передвиженіе по улицамъ. Къ тому же мы услышали, что готовится къ отходу въ Маріуполь военный корабль-траллеръ. Пришлось остаться въ порту. Просидѣли часа два на каменной портовой набережной, а становилось очень холодно.

— Ахъ ты милый! Да ты жъ замерзнешь! Пойдемъ ко мнѣ, погрѣешься! — обратился къ Володѣ большой, плечистый человѣкъ съ горбатымъ носомъ, при окладистой русой бородѣ и гордой осанкѣ, придававшей ему какую-то строгость и степенность, хотя голосъ его звучалъ необыкновенной добротой. Володя за нимъ послѣдовалъ на баржу въ матросскій кубрикъ. По просьбѣ Володи старый рыбакъ-матросъ согласился и насъ принять, прося только, чтобы мы прошли не сразу, а по

одиночкѣ. Далъ онъ намъ чаю, а Володю и накормилъ. Тепло и, невзирая на всю неприглядность матросскаго помѣщенія, уютно показалось намъ у старика. Долго и мирно мы съ нимъ разговаривали, просто и умно онъ обо всемъ отзывался. Съ Володей онъ обращался иронически, какъ со взрослымъ и даже спрашивалъ: «Вы офицеръ?» или «Вы женаты?». Володя сперва при такихъ вопросахъ запинался и краснѣлъ, а потомъ, инстинктивно почувствовавъ доброту старика, какъ-то сразу его полюбилъ, увидѣвъ въ его насмѣшкахъ теплую отеческую ласку.

Указавъ каждому изъ насъ мѣсто на выстроенныхъ въ три этажа нарахъ, Володѣ старикъ сказалъ: «а вы, молодой человѣкъ, и на табуреткѣ посидѣть можете, а коли, разоспавшись, прислониться пожелаете, то вотъ» и онъ шлепнулъ ладонью по какой-то проходящей черезъ кубрикъ стойкѣ. Володя покорно сѣлъ на табуретку, а старикъ развернулъ тюфякъ, вытащилъ изъ подъ наръ сундучокъ, брякнулъ замкомъ, досталъ простыни, сшитое изъ лоскутковъ ватное одѣяло, подушку, постелилъ и, выпрямивъ спину, приказалъ Володѣ — «ну теперь раздѣвайся!». Володя сопротивлялся, видя, что старикъ, доставъ для него лучшее, что у него было, самъ ляжетъ просто на доскахъ, но тщетно: отказомъ онъ обидѣлъ бы старика. Едва Володя скинулъ платье и сапоги, какъ старикъ взялъ его какъ ребенка на руки, бережно положилъ, прикрылъ одѣяломъ, подтыкавъ его со всѣхъ сторонъ — «а теперь спи!» — погрозилъ онъ ему пальцемъ.

Едва мы всѣ заснули, какъ какой-то мастеровой попросилъ стараго матроса разрѣшить ему тоже переночевать въ кубрикѣ. Спать ему, очевидно, не хотѣлось, и онъ затѣялъ съ нами разговоръ. Принявъ насъ въ потемкахъ за мастеровыхъ, никакъ не могъ согласиться съ нашимъ намѣреніемъ пробраться въ Бердянскъ — «говорю вамъ, ѣзжайте въ Ейскъ! — тамъ — прохвесіональный союзъ и всенепремѣнно найдете работенку въ депѣ!» — «У насъ родные въ Бердянскѣ!» — «Да тамъ нечего дѣлать: все жъ лучше въ Ейскъ ѣзжайте!»

Часовъ въ 5 утра на военномъ суднѣ стало замѣчаться движеніе и, собравшись, мы стали выходить. «Съ Богомъ! Бывайте здоровы!» пожелалъ намъ старый матросъ. «Такъ куда ѣдете? въ Бердянскъ? Все равно въ Ейскъ переберетесь, потому тамъ въ депѣ работенку найдете!» — пробормоталъ сквозь сонъ мастеровой.

«Какъ можно, вольныхъ да на военный корабль!» — не хотѣли насъ принять, но потомъ, вспомнивъ, что судно «національзировано», впустили, предупредивъ, что кормить не будутъ, хотя бы мы нѣсколько дней пробыли въ морѣ. Провизіи у насъ не было, но не оставаться же изъ за этого. На фуражкахъ команды развѣвались георгіевскія ленты, офицеровъ не было, командный составъ выборный, причемъ командиръ, исполнявшій также и штурманскія обязанности, — изъ флотскихъ кондукторовъ.

Отшвартовались и быстро понеслись въ открытое море. Оно было мелкое, а траллеръ сидѣлъ глубоко: непремѣнно нужно было идти каналомъ. Вдругъ что-то заскрипѣло, изъ рубки слышно «стопъ!», «назадъ», «полнымъ ходомъ назадъ!», потомъ опять «стопъ», «впередъ» и т. д., но мы все стояли на мѣстѣ и такъ стояли до вечернихъ сумерекъ, невзирая на суету на кораблѣ, разныя команды, которыхъ никто не слушалъ, перебранки, сигнализаціи на берегъ, присланную помощь — маленькій безсильный портовый катерокъ и пр. и пр.

Днемъ подошелъ къ борту баркасъ, съ котораго къ намъ пересѣло нѣсколько матросовъ, восторженно привѣтствованныхъ тѣми, что уже находились на кораблѣ. Это были ихъ безъ вѣсти пропавшіе боевые товарищи. Для защиты отъ «германогайдамацкихъ бандъ» южнаго района Донецкаго бассейна былъ выдвинутъ матросскій отрядъ подъ предводительствомъ лихого большевицкаго полководца, фами-

ліи котораго не помню; немного позже мы съ нимъ повстрѣчались, познакомились довольно близко, прозвавъ его Пугачевымъ. Отрядъ, численностью въ 700 человѣкъ, потерпѣвъ рѣшительное пораженіе, распался, причемъ оставшіеся въ живыхъ бѣжали группами и въ одиночку. И тѣ, съ которыми мы вышли въ море, и тѣ, что подошли на баркасѣ, принадлежали къ одному и тому же отряду «Пугачева», но лишь въ разное время прибыли въ Таганрогъ. Радостныя встрѣчи, перечисленіе убитыхъ товарищей, разсказы о совершенныхъ подвигахъ героизма и объ обстоятельствахъ бѣгства, все это привело матросовъ въ такой пьяный экстазъ, что со стороны было ясно, что съ мели мы снимемся нескоро, и тѣмъ болѣе, что море продолжало спадать, и мы сидѣли въ мели уже тремя футами и при томъ кормой, поломавши при неумѣломъ маневрированіи винтъ. Мы попросили, чтобы насъ отправили на берегъ: часть матросовъ встрѣтила нашу просьбу недоброжелательно и почти грубо, другая же, изъ вновь прибывшихъ матросовъ, повидимому впервые насъ замѣтивъ и возмутившись тому, что мы могли оказаться на военномъ кораблѣ, распорядилась насъ немедленно высадить, и мы опять оказались на каменной набережной Таганрогскаго порта.

Одинъ изъ моихъ спутниковъ пошелъ узнавать, не отходитъ ли какое нибудь судно, а я — поискать провизіи, т. к. сутки прошли, какъ мы ничего не ѣли. Нигдѣ нѣтъ хлѣба, ни провизіи. Подошелъ къ стоявшему на портовомъ пути воинскому поѣзду — то прибыла отступающая большевицкая артиллерія. Въ одномъ изъ вагоновъ бородатый рослый солдатъ убираетъ лошадей.

— Землякъ, гдѣ бы тутъ хлѣба достать?

— Надо идтить въ городъ: тутъ нигдѣ не найдешь: Да и то — бишь сейчасъ лавки уже позаперты. А ты давно не ѣлъ?

— Со вчерашняго дня.

— Ну погоди! — и солдатъ полѣзъ за какимъ-то сверткомъ. Я предвкушалъ удовольствіе купить «солдатскаго (почему-то) чернаго хлѣба», но постигло двойное разочарованіе: Онъ досталъ изъ тряпки ломоть сухого пшеничнаго хлѣба — «вотъ все, что у меня есть» — и ни за что не захотѣлъ брать съ меня платы — «что ты родимый, нешто я его купилъ!» Чтобы не обидѣть добраго человѣка, я откусилъ, хотя съ трудомъ, кусокъ замерзшаго хлѣба, а «остальное» сказалъ «отнесу своимъ». — «Бывай здоровъ!» Но «мои» не захотѣли ѣсть: слишкомъ чувствовалось, что онъ лежалъ среди конскаго навоза.

Вечеромъ долженъ былъ отойти, еще неизвѣстно куда, минный заградитель передѣланный изъ плоскодоннаго, колеснаго пассажирскаго парохода: мы рѣшили съ нимъ ѣхать. Въ каютъ-кампаніи, приспособленной для помѣщенія минъ, были убраны койки и мебель. Кромѣ того, были двѣ каюты, изъ которыхъ одна тоже совсѣмъ пустая, а въ другой была койка, короткій диванчикъ и столъ. Для заболѣвшаго нашего спутника — И. И. Л. — мы сумѣли выговорить эту каюту; онъ улегся, а мы отправились въ городъ, конечно, пѣшкомъ.

Въ городѣ было сравнительно тихо. Я разговаривалъ по телефону съ директоромъ Таганрогскаго металлургическаго завода, что въ 7 верстахъ отъ города, зашелъ къ одному родственнику, который тоже говорилъ, что въ городѣ относительно тихо, отправился въ ресторанъ лучшей гостиницы вмѣстѣ съ Н. К. Брицкимъ и Володей, а потомъ и въ кафе, гдѣ, между прочимъ, видѣли любопытную пару, пьющую за столикомъ кофе: молодую съ округленными формами женщину въ сѣрой солдатской рубахѣ, такихъ же брюкахъ, высокихъ сапогахъ, сибирской папахѣ, стянутую въ поясѣ кожанымъ ремнемъ и черезъ плечи пулеметными лентами, и съ ней такъ же одѣтаго и такъ же снаряженнаго мальчугана лѣтъ двѣнадцати; у обоихъ въ рукахъ винтовки съ привернутыми штыками.

Гостиница была реквизирована подъ 7 эвакуированныхъ изъ разныхъ городовъ и съѣхавшихся въ Таганрогъ совдеповъ: всюду пили и ѣли въ изобиліи и бойко стукали на пишущихъ машинкахъ.

По возвращеніи на пароходъ, узнавъ, что онъ скоро отходитъ въ Ейскъ*, мы усѣлись въ рубкѣ за столъ на узкій диванчикъ, прикрѣпленный къ стѣнкѣ. Въ рубкѣ уже находилось нѣсколько другихъ пассажировъ.

Черезъ нѣкоторое время входитъ въ рубку матросъ, а за нимъ десятокъ его товарищей, съ шумомъ поставивъ къ ногамъ винтовки.

— Миръ честной компаніи — шаркнувъ каблуками, снявши фуражку съ георгіевскими лентами и наклонивши голову, сказалъ коренастый, средняго роста, крѣпкій, здоровый, съ сангвиничнымъ и грубымъ лицомъ, усатый брюнетъ. На груди его висѣло четыре георгіевскихъ креста и боцманская дудка.

— Позвольте представиться: бѣглый каторжный и георгіевскій кавалеръ, одинъ изъ зачинщиковъ бунта на Потемкинѣ, бѣжалъ въ Румынію; черезъ два года, не вынеся жизни на чужбинѣ, вернулся въ Россію, отдавшись въ руки царскаго правительства, Высочайше былъ помилованъ съ замѣною смертной казни каторжными работами на 20 лѣтъ, бѣжалъ изъ каторги, но пойманъ, съ объявленіемъ войны, припадая къ стопамъ Его Императорскаго Величества, молилъ дать мнѣ возможность пролить мою кровь за родину, за боевыя отличія получилъ георгіевскіе кресты всѣхъ четырехъ степеней, а про теперешнія мои дѣла еще рано разсказывать, прошу любить и жаловать! — Это и былъ Пугачевъ. По его командѣ матросы оставили въ углу винтовки и вышли изъ рубки, съ нимъ же остался только его помощникъ — тоже съ георгіевскими крестами на груди, и женщина въ косынкѣ, восторженно слѣдившая глазами за каждымъ его движеніемъ.

«Что вы замолкли? Пожалуйста, меня не стѣсняйтесь и разговаривайте» — обратился «Пугачевъ» къ пассажирамъ, все время, однако, переводя глаза съ одного на другого, а когда замѣчалъ, что пассажиры начинаютъ обмѣниваться фразами, то жаждя стать опять центромъ вниманія, начиналъ громко разсказывать своему помощнику и женщинѣ про свои подвиги во время службы, какъ монархіи, такъ и анархіи. Володя принесъ намъ чайникъ съ кипяткомъ, мы принялись пить чай, но сахара у насъ не оказалось. Хлопнулъ въ ладони «Пугачевъ» и выросшему, какъ изъ земли, матросу приказалъ достать на берегу сахару. Едва прошло 3—4 минуты, какъ вернувшійся матросъ высыпалъ на столъ больше фунта бѣлаго пиленаго рафинада, а подошедшій къ столу «Пугачевъ», будто защищая его отъ нашихъ нападеній, зло усмѣхнулся. — Ни, ни — не трогать! теперь мы будемъ съ сахаромъ, а вы пейте въ холостую! — Выпивши чаю «въ холостую», мы потянулись за портъ-сигарами, но они оказались пусты. Опять хлопокъ въ ладоши, и на столѣ появляются коробки съ дорогими папиросами. Взявъ одну, онъ какъ будто нечаянно роняетъ на полъ, а, закуривъ другую, замѣчаетъ: «ужъ какъ небось покурить хочется!» Невдалекѣ отъ меня лежала деревянная картонка, въ которой я надѣялся найти папиросы. Потянувшись за ней, я какъ то неловко ее взялъ, картонка упала на полъ, все содержимое высыпалось. Мой спутникъ, подбѣжавъ, положилъ на столъ бумажный свертокъ и потомъ принялся укладывать вещи обратно въ картонку, а «Пугачевъ», схвативъ свертокъ и увидѣвъ тамъ штемпеля и круглыя печати Союза Металлургическихъ Заводовъ, вызвалъ своихъ матросовъ и объявилъ насъ арестованными. — Вчера тоже такъ одинъ молодчикъ обронилъ изъ кармана бумагу, нагнулся

---

* Переѣзжая черезъ Азовское море въ Ейскъ, мы удалялись отъ нашей цѣли, но мы надѣялись, какъ на счастливую случайность, найти тамъ судно на Бердянскъ или Маріуполь.

ее поднять, но я — быстрѣе его, схватилъ и вижу — карта Россіи (не изъ путеводителя ли?) — очевидно шпіонъ, приказалъ ребятамъ вывести въ расходъ.

Испытующе посмотрѣлъ на меня и на пассажировъ: они отзывались одобрительно, довольные тѣмъ, что въ моемъ лицѣ уже найденъ громоотводъ для «пугачевскаго» сумасбродства и, слѣдовательно, отведена съ ихъ головъ грозившая имъ опасность, а въ глазахъ женщины — его спутницы — сіяетъ восторгъ.

— По какому праву у васъ могутъ быть печати, да еще круглыя?! Таковыя могутъ быть только у представителей совѣтской власти! Вы навѣрное не понимаете, какая это важная вещь, вы не знаете, какое я придаю значеніе печатямъ и какова ваша отвѣтственность?! — Про себя: — Что-то подозрительно! Да еще въ пути имѣетъ съ собой печати! — Опять ко мнѣ: — Вы имѣете документы, дающіе вамъ право хранить печати?

— Нѣтъ.

— А кто вы такой?

Я молча протянулъ бумагу тов. Иванова; онъ долго ее разсматриваетъ вмѣстѣ со своимъ помощникомъ, сличаетъ мое безподобное званіе съ текстомъ печатей, къ счастью прочесть не можетъ гравированныхъ наизнанку словъ, и такъ какъ въ это время нашъ пароходъ уже отошелъ отъ берега, то «Пугачевъ» объявляетъ дознаніе прерваннымъ впредь «до установленія личности» по прибытіи въ портъ.

Вѣроятно, все это было главнымъ образомъ театральностью для позированія передъ публикой и передъ его экзальтированной поклонницей, но въ этой шуткѣ могла оказаться и маленькая доля правды.

По прибытіи въ Ейскъ «Пугачевъ» съ его компаніей получилъ какія-то свѣдѣнія; они сдѣлались совсѣмъ тихими и на насъ вниманія уже не обращали. Мы узнали, что черезъ нѣсколько часовъ нашъ «минный заградитель» отправляется въ Маріуполь, что насъ очень устраивало. Въ Ейскѣ было тихо, но мы слышали какіе-то смутные разговоры о приближеніи добровольцевъ. Закупивъ на базарѣ въ изобиліи прекраснаго бѣлаго хлѣба, яицъ, птицы, ветчины и пр., мы все это на извозчикѣ свезли на пароходъ.

Рано утромъ я вышелъ на палубу, какъ разъ въ то время, когда кубанскій берегъ Азовскаго моря уже окончательно скрылся, а донской еще не показывался. Судно мѣрно и плавно покачивалось на плоскихъ и широкихъ волнахъ. Ночью прикрывавшій море, какъ пуховымъ одѣяломъ, туманъ освѣщался задорно-веселыми лучами едва показавшаго свою макушку солнца. Надъ моремъ тихо, тихо и на суднѣ, но солнышко разбудитъ, начнется новый день, а можетъ быть и новая жизнь. Лучше или хуже она старой? Но гдѣ-то тамъ, еще далеко — будетъ новая жизнь.

«Пугачевъ» и его матросы держали себя незамѣтно, а при подходѣ къ берегу они даже совсѣмъ исчезли изъ виду. Во время высадки, узнавая ихъ по лицамъ, мы ихъ видѣли уже въ штатскомъ платьи, а оружіе ихъ повидимому было куда-то припрятано. Въ городѣ было совсѣмъ тихо, чинно и даже не попадалось «революціонныхъ» автомобилей. Потомъ мы узнали, что въ Маріуполѣ дня за три до нашего пріѣзда произошелъ мѣстный анти-большевицкій переворотъ. Произведенъ онъ былъ «фронтовиками» (вернувшимися съ фронта солдатами), вызванными къ этому жестокостями, грабежами и разгулами мѣстнаго большевицкаго комиссара, но произошелъ онъ совершенно неожиданно, какъ для побѣжденныхъ, такъ и для побѣдителей. Вотъ какъ намъ объ этомъ разсказывали: въ то время, какъ въ циркѣ происходилъ митингъ, во дворѣ, окружавшемъ циркъ, находились «для порядка» въ разныхъ пунктахъ до 30 большевицкихъ солдатъ; по какому поводу не помню,

одинъ изъ нихъ набросился на офицера-фронтовика, офицеръ выхватилъ у солдата винтовку, другіе четыре солдата попробовали стрѣлять, но нѣсколько солдатъ-фронтовиковъ отняли винтовки и у нихъ; имѣя же въ рукахъ 5 винтовокъ, послѣ кратковременной перестрѣлки, они обезоружили остальныхъ 25 большевиковъ, а выпуская съ митинга публику, отобрали и припрятанное у нея оружіе; черезъ полчаса въ рукахъ фронтовиковъ оказался уже пулеметъ, къ вечеру въ ихъ власти находился уже весь городъ, при чемъ ненавистные тираны были арестованы, впрочемъ, за исключеніемъ главнаго изъ нихъ, который успѣлъ бѣжать.

Но что же дальше? Благодарное фронтовикамъ населеніе признало за ними всю полноту власти, но они сами не знали, что съ ней дѣлать. Я какъ то былъ на собраніи гражданъ мужского пола, созванномъ фронтовиками въ томъ же циркѣ, и вынесъ впечатлѣніе въ совершенно обывательскомъ характерѣ этого возстанія: вся его идея заключалась въ устраненіи безчинствовавшихъ и безпокоившихъ комиссаровъ, но не имѣла абсолютно ничего творческаго. Дѣйствительно, вслѣдъ за переворотомъ въ городѣ установился внѣшній порядокъ, тишина и благопристойность, но сами побѣдители терзались вопросомъ — а что же дальше? — и не находя отвѣта, готовы были сдать власть каждому, кто сумѣлъ бы на него отвѣтить. Такъ они и поступили и даже забѣжавъ впередъ: услышавъ о продвиженіи австрійскихъ войскъ по Второй Екатерининской жел.-дор. линіи, они отправили къ нимъ на десятый день послѣ своей побѣды надъ большевиками депутацію съ предложеніемъ принять городъ подъ свое покровительство, на что, однако, австрійцы согласились лишь нѣсколько дней спустя.

За маріупольскими фронтовиками должно зачислить еще одну заслугу передъ населеніемъ города, но въ ней сказалась не больше какъ готовность къ самозащитѣ.

Въ Маріуполѣ мы прожили цѣлую недѣлю, помѣщаясь у нашихъ знакомыхъ въ ихъ просторномъ особнякѣ, стоящемъ на краю господствовавшей надъ портомъ и открытымъ моремъ возвышенности. 24 апрѣля, проснувшись и отдернувши занавѣску выходившаго на море окна, я увидѣлъ какое-то странное окружавшее Маріуполь кольцо: то были суда эскадры извѣстной въ то время на югѣ Россіи своими жестокостями анархистки Маруси Никифоровой. Давно уже передавались разсказы о чудесныхъ подвигахъ вышедшей изъ сельскихъ учительницъ анархистки и садистки, но это было новостью: Маруся во главѣ пиратской эскадры осаждаетъ Маріуполь, требуя внесенія до вечерней зари 6-ти милліонной контрибуціи подъ страхомъ снесенія города съ лица земли. Собраніе гражданъ постановило удовлетворить ея требованіе, прося лишь срока для сбора столь большой для города суммы, фронтовики же въ видѣ компенсаціи за терпѣливое ожиданіе предложили снабдить эскадру углемъ и продовольствіемъ. Предложеніе было принято адмираломъ въ юбкѣ и первымъ подошелъ къ берегу флагманскій корабль. Едва были сброшены концы и спущенъ трапъ, какъ фронтовики потребовали сдачи подъ страхомъ разстрѣла корабля, изъ имѣвшихся въ ихъ распоряженіи шестидюймовыхъ орудій. Всѣмъ обезпечивалось сохраненіе жизни ... и Маруся со своимъ штабомъ сдалась безъ выстрѣла. Мы видѣли, какъ ихъ вели изъ порта въ городъ. Что съ ней дальше стало, я не знаю, такъ какъ въ тотъ же день мы выѣхали изъ Маріуполя.

Судовъ, отходящихъ въ Бердянскъ, не было, движеніе по желѣзной дорогѣ совсѣмъ остановилось, почему мы рѣшили ѣхать по направленію къ Екатеринославу на лошадяхъ, прилично зная мѣстность и напередъ составивъ примѣрный маршрутъ; но новое затрудненіе — никто не захотѣлъ насъ везти. Наконецъ, найдя на базарѣ пріѣхавшаго изъ колоніи грека-крестьянина, уговорили его взять насъ съ собою. Оставивъ въ Маріуполѣ у нашихъ знакомыхъ Володю, деньги и наши че-

моданы, мы усѣлись втроемъ — четвертый возница — на плохенькую линейку, и не менѣе плохенькая лошадка насъ потянула, преимущественно шагомъ, по увалам и степямъ Екатеринославской губерніи.

Мы проѣзжали черезъ греческія, нѣмецкія и еврейскія земледѣльческія колоніи и русскія села, преимущественно въ двуконныхъ фурахъ. Отъ зари до зари продвигались на 100 верстъ, а порою тряслись и ночью.

Съ утра покрытые росою зеленые всходы выпрямляются подъ весенними лучами солнца, какъ будто съ гордымъ сознаніемъ творимаго ими важнаго дѣла — они хлѣбъ дадутъ человѣчеству — молодыя, нетронутыя, какъ улыбка ребенка, почки распускаются, говоря — смотрите на насъ и радуйтесь нашей свѣжести и чистотѣ, радуйтесь солнцу, міръ озаряющему, хвалите творца природы совершенной, славьте Бога, миръ міру давшаго ...

— А это что за канава и насыпи свѣжей земли?

— То наши греки защищали колонію отъ большевиковъ. Дважды отбили, такъ въ колонію и не пустили.

Проѣхавъ нѣсколько верстъ, грекъ продолжаетъ, объѣзжая три или четыре уже оплывшихъ земляныхъ кучки:

— Тутъ нѣмцы-колонисты поймали и убили комиссаровъ-конокрадовъ, тутъ же и схоронили.

Далеко слышна канонада: то — между Розовкой и Волновахой австрійцы, не неся урона, укладываютъ на зеленые всходы тысячу пятьсотъ тѣлъ храбро и безсмысленно шедшихъ на смерть матросовъ и рабочихъ, защищавшихъ подступы къ Донецкому бассейну.

Вотъ изъ оврага волками на насъ смотрятъ какихъ-то два оборванныхъ босыхъ человѣка. Вотъ на той дорогѣ кучка австрійцевъ-военнопленныхъ пробирается къ своимъ.

Подхлестываетъ грекъ лошаденку: «Какъ бы плохо не было! смотрите!» — на горизонтѣ видна колымага съ десяткомъ какихъ то людей ...

Подъ высоко стоящимъ солнцемъ весело стрекочутъ не знающія вражды и войны птицы, радуясь свѣту, радуясь жизни. Переѣзжая при станціи Розовой Вторую Екатерининскую линію, мы повстрѣчали австрійскія войска. Мрачный у нихъ видъ — хорошо ли, что такъ глубоко зашли? — недалеко на востокъ къ Волновахѣ бой съ большевиками.

Въ Розовой мы хотѣли переночевать. Люди, боясь другъ друга, не хотѣли къ себѣ впускать какихъ-то странныхъ, не въ пору путешествующихъ. Однако, нашелся старикъ-еврей, знавшій еще въ шестидесятыхъ годахъ моего отца, когда онъ строилъ первый на югѣ Россіи большой, принадлежавшій «Французской компаніи» рудникъ въ Кураховкѣ.

Слѣдующую ночь мы провели въ Гуляй-Полѣ — въ столицѣ анархиста и разбойника Махно. Поздно вечеромъ, уже почти въ центрѣ этого большого, похожаго на городъ по своему устройству села насъ встрѣчаетъ недоумѣнными вопросами патруль вполнѣ «буржуазнаго» вида въ фетровыхъ шляпахъ и касторовыхъ пальто — откуда? что за фантазія путешествовать въ такомъ хаосѣ и въ такое время, когда всѣ воюютъ, хотя толкомъ даже никто не знаетъ противъ кого, съ кѣмъ и за что? какъ могли насъ пропустить окружавшіе село махновцы? какъ насъ не задержала обывательская стража? — Патруль проводилъ насъ тѣмъ не менѣе въ лучшую гостиницу, гдѣ мы прекрасно поужинали и выспались.

Гуляй-Поле, находящееся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ желѣзной дороги и занятое главными силами Махно, было нарочито обойдено австрійцами. Махно же,

въ своихъ разсчетахъ не допускавшій этого, при первомъ появленіи австрійскихъ войскъ на станціи, спѣшно вышелъ со своими соратниками изъ села, побросавъ въ немъ много военнаго имущества, въ томъ числѣ и нѣсколько орудій. Предоставленное само себѣ населеніе зажиточнаго торговаго села образовало милицію для поддержанія внутренняго порядка и для отраженія возможныхъ натисковъ со стороны Махно, послявъ вмѣстѣ съ тѣмъ гонцовъ къ австрійцамъ, прося помощи, но австрійцы не торопились, а Махно почему-то и что-то выжидалъ. Храбрые обыватели полагали, что Махно боится ихъ пушекъ, но судя по тому, что мы свободно проникли въ село и безпрепятственно выѣхали изъ него на слѣдующее утро, получивъ письменные пропуски, какъ отъ обывательскаго комитета, такъ равно на окраинѣ села, куда ходилъ для этого мой спутникъ Наркисъ Кирилловичъ, и изъ «штаба» Махно, — позволительно думать, что причины были какія-то иныя.

Поздно вечеромъ 27-го апрѣля, поднявшись на водораздѣлъ, мы увидѣли вдали залитую электрическимъ свѣтомъ станцію Синельниково, откуда оставалось до Екатеринослава уже только всего 50 верстъ.

Едва мы вошли въ вокзалъ, какъ намъ бросился въ глаза плакатъ — «Bahnhofskommendant» — прошли по широкому коридору въ буфетъ — нигдѣ ни одного представителя «революціонной демократіи», нѣтъ толпищъ, ожидающихъ поѣзда, мирно сидятъ кое-гдѣ за покрытыми салфетками столами пассажиры и нѣсколько германскихъ унтеръ-офицеровъ; — вышли на платформу — тамъ мѣрно шагаютъ въ шлемахъ и съ винтовками въ рукахъ мрачные часовые ...

Вотъ онѣ — «германо-гайдамацкія банды!»

Съ французами

Владимира Майбородова

Rouge, blanc, bleu — les français sont
de mauvais gueux. —

Швейцарская поговорка.

Осенью 1918 г. опять настали тревожные дни въ Одессѣ. Отдохнувшіе подъ защитою нѣмецкихъ войскъ, жители жадно ловили и передавали другъ другу всякаго рода слухи. Газеты сообщали о событіяхъ, которыя развертывались со сказочной быстротой. Крушеніе Германской и Австрійской Имперій отразилось и на насъ. Огромный край Россійской Имперіи – Украина, гдѣ находили себѣ пріютъ всѣ бѣжавшіе отъ большевиковъ и беззаботно, по сравненію съ обитателями Великороссіи, жили «граждане» Великой Украины, погружался въ состояніе анархіи, т. е. переходилъ подъ власть Петлюры.

Наконецъ, и въ Одессѣ петлюровцы «захватили власть». Произошло это автоматически, безъ особыхъ осложненій для города, но торжество побѣдителей было недолговременно; въ скоромъ времени добровольцы Гришина-Алмазова, подъ прикрытіемъ прибывшихъ въ портъ съ Салоникскаго фронта французовъ, выбили ихъ изъ города, и надъ Одессой послѣ долгаго отсутствія сталъ опять развѣваться русскій національной флагъ, а съ нимъ рядомъ тѣ-же цвѣта, но въ другомъ порядкѣ, — союзнаго французскаго флага.

Всѣ вздохнули свободно. Слава Богу, гроза миновала. Правда, при нѣмцахъ было спокойно, хорошо, даже очень хорошо, но на сердцѣ у каждаго было тогда что-то такое, что портило настроеніе. Люди праваго направленія скорбѣли о томъ, что живутъ-де они уже не въ Россіи, а въ какой-то Украинѣ, гдѣ распоряжаются нѣмцы; новые порядки, хотя и никѣмъ не заводились, а все шло по старому, т. е. какъ до революціи, но тѣмъ не менѣе измѣна союзникамъ, расчлененіе Россіи по нѣмецкому плану и т. д. – портили настроеніе. Лѣвые при гетманѣ, пользуясь полнымъ порядкомъ, тосковали объ утратѣ завоеваній революціи.

Тяготѣніе къ большевикамъ проявлялось ими открыто и, не столько приходъ французовъ, сколько крушеніе Германской и Австрійской Имперій и уходъ нѣмцевъ радовали ихъ. Съ приходомъ французовъ, по городу замелькали красныя шапки (шешіа) зуавовъ, небесно-голубыя шинели и рогатые шлыки пѣхоты. Зазвучала французская рѣчь; во всѣхъ кафе, ресторанахъ и другихъ мѣстахъ увеселеній замелькали кепи французскихъ офицеровъ; начались знакомства, разговоры, привѣтствія, — однимъ словомъ «альянсъ» полный.

Скоро за французами стали приходить греки. Но на нихъ какъ-то мало обращали вниманія; первую роль во всемъ играли французы; греки оставались въ тѣни, хотя количество ихъ все время увеличивалось. Почти каждый день приходили все новые и новые транспорты, войска выгружались, проходили на вокзалъ, двигались походнымъ порядкомъ по улицамъ города и своимъ видомъ успокаивали жителей, начинавшихъ было задумываться надъ непрочностью своего положенія при видѣ безобразящихъ по улицамъ пьяныхъ «пью-пью» и «зу-зу», т. е. пѣхоты и зуавовъ.

Прошло нѣсколько недѣль. За это время установилась «русская» власть на смѣну украинской. Стали назначаться должностныя лица на болѣе или менѣе отвѣтственныя мѣста, формироваться учрежденія и воинскія части. Однимъ словомъ, обычная картина, слѣдующая за «переходомъ власти» въ новыя руки.

Херсонскій губернаторъ предложилъ мнѣ занять мѣсто начальника уѣзда въ одномъ изъ сѣверныхъ уѣздовъ губерніи, въ которомъ еще орудовали петлюровцы, но куда должны были выступить французы. Я изъявилъ свое согласіе и сталъ ожидать. Совмѣстное дѣйствіе съ французами мнѣ улыбалось и казалось заманчивымъ. Предстояла возможность поближе ознакомиться съ нашими союзниками и побыть съ ними въ обстановкѣ весьма интересной.

Однажды вечеромъ, когда я уже былъ въ постели, зазвонилъ телефонъ. На мой вопросъ, сдѣланный въ тонѣ, по всей вѣроятности, не особенно любезномъ — «кто у телефона?» — получилъ отвѣтъ: «Херсонскій губернаторъ». Губернаторъ съ первыхъ словъ предложилъ мнѣ завтра быть къ 7 часамъ утра у него на квартирѣ, чтобы, получивши тамъ соотвѣтствующія инструкціи и предписанія, отправиться въ 8 часовъ утра на вокзалъ и вмѣстѣ съ французами ѣхать на станцію Колосовку, гдѣ будетъ находиться передовой французскій отрядъ, при которомъ я долженъ буду состоять въ качествѣ представителя гражданской власти до тѣхъ поръ, пока не представится возможность двинуться въ предназначенный для моей службы уѣздъ. Пожелавъ спокойной ночи, я повѣсилъ трубку и улегся въ постель. Различныя мысли тѣснились въ головѣ: что-то будетъ завтра, какія будутъ инструкціи отъ начальства и какъ примутъ меня французы.

На утро, съ небольшимъ количествомъ самыхъ необходимыхъ вещей, въ назначенный часъ я былъ у губернатора.

Почти одновременно со мною туда-же явились еще два незнакомыхъ мнѣ лица, одѣтыхъ въ военную форму, но безъ погонъ. Оказалось, что это тоже представитель гражданской власти и его помощникъ при другомъ французскомъ отрядѣ, направляющемся на станцію Раздѣльную. Къ намъ вышелъ губернаторъ; въ рукахъ у него были заготовленныя для насъ удостовѣренія, которыя мы должны были предъявить французамъ. Передавъ намъ эти удостовѣренія, онъ пожелалъ намъ счастливаго пути и попросилъ насъ сейчасъ-же ѣхать на Одессу-Товарную, гдѣ происходитъ погрузка войскъ, предупредивъ, что мы должны будемъ прибыть съ французскими войсками на указанныя намъ станціи, что за нами остаются еще петлюровскіе отряды, съ которыми французы ведутъ переговоры, но что въ скоромъ времени петлюровцы уйдутъ. Про обѣщанныя вчера инструкціи о томъ, въ чемъ-же именно заключаются наши обязанности — ни слова. Я напомнилъ объ этомъ. — «Какія тамъ теперь инструкціи», получилъ я въ отвѣтъ, и, какъ-бы желая смягчить рѣзкость своихъ словъ, онъ добавилъ — «Вы безъ всякихъ инструкцій поймете, что надо дѣлать. Телеграфируйте только мнѣ каждый день и копію Вашей телеграммы отправляйте также помощнику военнаго губернатора по гражданской части А. И. Пильцу. Мы Вамъ сообщимъ,

если что надо будетъ. А теперь до свиданья, счастливаго пути.» И пожавъ намъ руки, и проводивъ до порога, губернаторъ возвратился къ себѣ, — мы стали спускаться по лѣстницѣ.

Ѣдучи по дорогѣ къ Одессѣ-Товарной, я былъ настроенъ не такъ весело, какъ во время своего пути изъ дому къ губернатору: «петлюровцы», или, какъ я ихъ всегда называлъ, — «песиголовцы», испортили мое настроеніе. То обстоятельство, что регулярная армія, побѣдившая нѣмцевъ, вмѣсто рѣшительныхъ приказаній и дѣйствій, ведетъ какіе-то переговоры съ бандами, нарушившими законы божескіе и человѣческіе, занимавшимися грабежами и убійствами, ничѣмъ въ своихъ дѣйствіяхъ не отличавшимися отъ большевиковъ, возбуждало у меня сомнѣнія, и мнѣ невольно казалось, что добра отъ этого не будетъ. Ну, да что Богъ дастъ, посмотримъ, что изъ этого выйдетъ? Съ такими мыслями я подходилъ къ станціи. Весь станціонный дворъ былъ занятъ войсками: стояли пѣхота, пушки и зарядные ящики артиллеріи, двуколки съ походными кухнями, всюду бѣгали французскіе солдаты, отдавали распоряженія и что-то исполняли. Картина обычная при погрузкѣ войскъ. Все это дѣлалось въ полномъ порядкѣ — не слышно было никакого крика, ругани, столь принятой въ обиходѣ нашихъ войскъ, никакихъ замѣчаній, все шло само по себѣ. Въ тотъ моментъ, когда я вошелъ на перронъ, грузилась кавалерія; вводили по очереди хорошенькихъ арабскихъ лошадокъ африканскихъ охотниковъ и устанавливали ихъ по мѣстамъ. За всѣмъ этимъ молча, съ трубкою въ зубахъ, съ краснымъ какъ фонарь носомъ, съ надвинутымъ на него кепи, въ холодной шинели, несмотря на большой морозъ, стоялъ старый офицеръ, какъ оказалось, подполковникъ Жэ — командиръ всего отряда. Видно, что онъ весь закоченѣлъ и ему такъ же холодно, какъ и солдатамъ, ожидающимъ очереди погрузки; мнѣ казалось, ему было-бы гораздо удобнѣе отправиться въ свой вагонъ и укрыться тамъ отъ пронизывающаго тѣло холода. Но, какъ я узналъ потомъ, онъ считалъ своимъ долгомъ оставаться на избранномъ для наблюденія мѣстѣ до того времени, когда послѣдній солдатъ его отряда вошелъ въ вагонъ. Тогда только онъ, наконецъ, вошелъ въ поѣздъ и, надѣвъ шубу изъ козьяго мѣха наружу, сталъ отогрѣвать свои закоченѣвшіе отъ продолжительнаго, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, стоянія на морозѣ члены.

При моемъ появленіи на перронѣ, замѣтивъ меня, подошелъ ко мнѣ русскій офицеръ и спросилъ, что мнѣ здѣсь нужно; получивъ отвѣтъ, указалъ на молчаливую фигуру полковника. Я подошелъ къ нему, представился и предъявилъ ему свое удостовѣреніе.

Пробормотавъ что-то себѣ подъ носъ, не вынимая трубки изо рта, полковникъ Жэ кивнулъ головой и продолжалъ молча наблюдать за погрузкой. Я отошелъ въ сторону и, видя, что мнѣ дѣлать нечего, отправился искать офицерскій вагонъ, куда и поспѣшилъ укрыться отъ все усиливающагося мороза. Устроившись въ уголкѣ, я задремалъ, но вскорѣ былъ разбуженъ стоявшимъ предо мною русскимъ офицеромъ, который заявилъ мнѣ, что это вагонъ для начальника французскаго отряда и его штаба, и просилъ меня оставить мое мѣсто. Я молча протянулъ ему свой «мандатъ», и мы познакомились; оказалось, что это былъ одинъ изъ офицеровъ, прикомандированныхъ къ отряду въ качествѣ переводчиковъ, и что онъ уже состоитъ при немъ нѣсколько недѣль. Я сталъ разспрашивать его о французскихъ порядкахъ, объ отношеніяхъ къ нашимъ офицерамъ и т. д.; на все получались самые удовлетворительные отвѣты. Командиръ Жэ—старый африканскій служака, не дуракъ выпить, любитель поухаживать, очень внимателенъ по отношенію къ русскимъ офицерамъ. Остальная компанія офицеровъ въ томъ-же духѣ; кор-

мятъ великолѣпно; пьютъ еще того лучше; всѣ веселы и беззаботны. Очень довольны, что пришли въ Россію, и думаютъ двигаться дальше по направленію къ Кіеву. Однимъ словомъ — настроеніе очень бодрое и всѣ довольны, что на ихъ долю выпало счастье быть первыми при возстановленіи порядка въ Россіи. Нашъ разговоръ былъ прерванъ приходомъ группы офицеровъ во главѣ съ полковникомъ. Оказывается, что погрузка уже кончилась, что первый поѣздъ, съ маленькой пушкой и пулеметами на открытой платформѣ впереди, отошелъ уже для очищенія пути, такъ какъ по полученнымъ свѣдѣніямъ могло быть оказано сопротивленіе со стороны петлюровцевъ, и что скоро двинемся и мы. И дѣйствительно, пока съ шумомъ и смѣхомъ офицеры занимали мѣста, устраивались поудобнѣе, поѣздъ медленно двинулся, и мы покатили по линіи Одесса-Бахмачъ къ станціи Колосовка, гдѣ мы должны были расположиться на неопредѣленный срокъ.

Первое время ухо мое съ трудомъ улавливало знакомыя французскія слова въ слишкомъ быстромъ и непривычномъ произношеніи французскихъ офицеровъ; многія слова совсѣмъ не были знакомы и только съ большимъ напряженіемъ можно было понять, о чемъ говорятъ кругомъ. Какъ оказалось, все привлекало вниманіе иностранцевъ. Особенно поражались они комфортабельностью нашихъ вагоновъ. Обыкновенный вагонъ II класса, носившій на себѣ слѣды завоеваній революціи, казался имъ верхомъ удобства и комфорта. Падавшій все время снѣгъ, какъ нарочно, создавалъ картину, которую, очевидно, уже давно ѣхавшіе къ намъ французы рисовали себѣ въ своемъ воображеніи.

Первый вопросъ, съ которымъ обратился ко мнѣ полковникъ Жэ, былъ о томъ, — много-ли тамъ, куда мы ѣдемъ, медвѣдей. Мнѣ стоило большого труда увѣрить, что въ этихъ мѣстахъ про медвѣдей никто не слыхалъ, но что зайцевъ тамъ порядочно. Видно было, какое разочарованіе отразилось на его лицѣ, когда онъ услыхалъ это отъ меня. Когда-же я объяснилъ, что и снѣгъ, покрывающій все кругомъ толстымъ слоемъ, здѣсь также явленіе незаурядное, что это, очевидно, судьба нарочно устроила имъ такую картину зимняго ландшафта, чтобы сдѣлать иллюзію похода французовъ въ Россію въ 1812 году, онъ отнесся съ недовѣріемъ къ моимъ словамъ, рѣшивъ, очевидно, что я или плохо знакомъ съ условіями русской дѣйствительности, или умышленно искажаю истину, желая похвастаться, что у насъ все такъ же, какъ и въ Европѣ. Предложивъ еще нѣсколько вопросовъ о томъ, есть-ли на станціи Колосовка дрова, подходящія квартиры для людей, конюшни для лошадей и т. п., что касалось удобствъ предполагаемой стоянки, и, не получивъ отъ меня необходимыхъ свѣдѣній, полковникъ довольно раздражительнымъ тономъ спросилъ меня — «да были-ли Вы когда нибудь на этой станціи?» — и былъ очень недоволенъ, что я тамъ абсолютно никогда не былъ и удовлетворить его познанія въ интересовавшей его области не могу. — «Очень жаль» — высказалъ свою мысль разочарованнымъ тономъ полковникъ, — «я ожидалъ, что мнѣ дадутъ такого человѣка, который все знаетъ и своимъ вліяніемъ будетъ намъ полезенъ.» Я не сталъ увѣрять его въ томъ, что для представителя гражданской власти нужны другія познанія мѣстныхъ условій, быта, законовъ и обычаевъ, чѣмъ та узкая область, о которой говоритъ полковникъ и сталъ присматриваться къ офицерамъ штаба полка (état major du régiment), съ которыми мнѣ потомъ пришлось прожить въ самой тѣсной обстановкѣ много мѣсяцевъ.

Особенно выдѣлялся среди нихъ офицеръ высокаго роста, худой съ черною бородкой, — всѣмъ своимъ видомъ и фигурой удивительно похожій на Донъ Ки-

хота, но отличавшійся своею экспансивностью, живостью, веселіемъ и добродушіемъ, — это былъ лейтенантъ Шевалье-де-Шантепи, офицеръ связи.

Своимъ обращеніемъ, постоянными вопросами, на которые онъ совсѣмъ и не стремился получить отвѣтъ, онъ выражалъ свою любовь ко всему русскому и къ намъ съ русскимъ переводчикомъ офицеромъ въ томъ числѣ. Видно было, что онъ страшно счастливъ, что онъ въ Россіи, что для него это праздникъ и величайшая радость. Его шумная веселость и мелькавшая, чуть-ли не одновременно во всѣхъ углахъ вагона, фигура симпатичнаго лейтенанта наполняла вагонъ и заражала всѣхъ своимъ настроеніемъ.

Красавецъ докторъ Віолетъ сидѣлъ рядомъ со мной и только молча и любовно поглядывалъ на меня. Взаимная симпатія у насъ возникла съ перваго взгляда и не покидала насъ до самаго конца, къ сожалѣнію такого трагическаго и неожиданнаго для всѣхъ и въ особенности для браваго доктора.

Среди другихъ выдѣлялся еще третій офицеръ, небольшого роста съ длинными рыжими усами, съ постоянными шутками на устахъ, — адъютантъ полковника — лейтенантъ Жене. Выслужившійся изъ нижнихъ чиновъ, награжденный всевозможными знаками отличія, до почетнаго легіона включительно, уроженецъ той-же деревни, откуда былъ родомъ и командиръ — его сослуживецъ и спутникъ по скитаніямъ въ Африкѣ — лейтенантъ чувствовалъ себя хозяиномъ положенія и правой рукой командира.

Имъ немедленно былъ организованъ обѣдъ, распредѣлены между всѣми порціи консервовъ и всего, что было въ запасѣ. За ѣдой начались непринужденные разговоры. Физіономія полковника расплылась въ широкую улыбку; шутки, смѣхъ и веселье охватили всѣхъ присутствующихъ. Центромъ вниманія и заботъ оказался я. Всѣ угощали меня наперебой, въ то же самое время стараясь объяснить мнѣ неслыханныя мною названія обыкновенныхъ предметовъ: — «вотъ это — обезьяна — singe», — говорилъ Шантепи, предлагая мнѣ коробку съ мясными консервами; — «а это — пинаръ», говорилъ Жене, протягивая мнѣ налитый до краевъ стаканъ краснаго вина.

Нашъ русскій офицеръ чувствовалъ себя за обѣдомъ, какъ рыба въ водѣ, — пинаръ, оніонъ и другіе технические термины были уже знакомы ему не только по названію, но онъ, очевидно, понялъ и оцѣнилъ и всю заманчивую ихъ сущность и воздавалъ имъ должное. Обѣдъ былъ конченъ, мы закурили трубки и стали обмѣниваться дружескими фразами. Никто изъ присутствующихъ, при всемъ желаніи выговорить мою фамилію, не могъ этого сдѣлать; узнавъ мое имя, всѣ стали называть меня просто Владимиръ, — подъ этимъ названіемъ я былъ извѣстенъ до самаго послѣдняго дня.

Пуская клубами дымъ и потягивая уже не простой пинаръ, а pinar de luxe, т. е. отличное бордо, спутники мои постепенно оставили разговоры и дружно начали пѣть хоромъ; бравурные, веселые мотивы пикантныхъ французскихъ пѣсенокъ, вмѣстѣ съ выпитымъ виномъ, подымали настроеніе. Il est cocu, le chef de gare, il est cocu, il est cocu, — пѣла компанія слова знакомой мнѣ, по описаніямъ французскаго фронта, пѣсенки. У каждаго изъ офицеровъ былъ свой любимый мотивъ, который онъ и затягивалъ увѣреннымъ голосомъ. Que je suis beau sergent fourrier, — былъ любимый номеръ нашего доктора; эта совершенно неприличная по своему содержанію, но замѣчательно красивая по мелодіи пѣсенка не сходила съ его губъ въ теченіе цѣлаго дня. И теперь, лишь только утихли слова пѣсни, воспѣвавшей бѣднаго начальника станціи, докторъ увѣреннымъ тономъ началъ свой любимый мотивъ: Que je suis beau sergent fourrier,

que je suis sergent fourrier, пѣлъ онъ; — J'aime savoir ou fourre le pied, j'aime savoir ou fourre le pied, — подхватилъ хоръ. И веселые звуки молодыхъ голосовъ, смѣшиваясь со стукомъ колесъ быстро идущаго поѣзда, наполняли душу радостью и бодростью.

Было такъ хорошо и пріятно среди шумнаго и молодого веселья и беззаботности. Забылись всѣ ужасы революціи и недавней петлюровщины. Присутствіе вѣрныхъ союзниковъ было неоспоримымъ доказательствомъ того, что все уже кончено, что съ ихъ помощью и содѣйствіемъ мы возстановимъ порядокъ и опять Россія займетъ подобающее ей мѣсто среди другихъ народовъ.

Особенно пріятно было чувствовать, что французы, наши вѣрные союзники, для которыхъ мы понесли столько жертвъ, не оставили насъ въ бѣдѣ; по первому нашему зову пришли къ намъ на помощь и охотно и радостно идутъ на встрѣчу всѣмъ опасностямъ, лишь-бы заплатить намъ свой долгъ.

Задумавшись объ этомъ, я совершенно не обратилъ вниманія, что вмѣсто незнакомыхъ мнѣ мотивовъ французскихъ пѣсенъ, русскій капитанъ, пріятнымъ теноромъ выводилъ слова старой студенческой пѣсни — «отъ зари до зари — лишь зажгутъ фонари — то студенты толпами шатаются, они пьютъ и поютъ, и еще кое чѣмъ занимаются», — а французы дружнымъ хоромъ подхватывали: «веригу ли ди ля ля, веригу ли ди ля ля»... И казалось, что я опять переживаю прошедшіе студенческіе годы и нахожусь гдѣ нибудь на студенческомъ вечерѣ въ родной семьѣ своихъ студентовъ. Красныя зуавскія фески и необычные мундиры, казалось, для шутки и «веселости» надѣты подвыпившими студентами - коллегами. Общее веселье достигло апогея, когда тотъ-же капитанъ-переводчикъ запѣлъ слова малорусской пѣсни «гречаники». — «И твій батько и мій батько, вони були козаки, посидали середь хаты, тай напились якъ быки,» — выговоривалъ онъ, а остальные французы дружнымъ хоромъ подхватывали: «гопъ мои гречаники, гопъ мои мили» и т. д. «Гопъ, гопъ, гопъ,» — басомъ ухалъ бравый докторъ. Шантепи не выдержалъ и тутъ-же между диванчиками вагона пустился въ присядку. Такъ за короткій срокъ своего пребыванія въ Одессѣ научились французы веселиться по русскому. Полковникъ, откинувшись на спинку дивана, глядя на долговязую фигуру своего офицера, дрыгающаго ногами въ припадкѣ неудержимаго веселья и танцующаго русскаго «казачка», беззвучно хохоталъ, и отъ смѣха на его красный носъ катились слезы. Его адъютантъ Жене, не разставаясь со стаканомъ «пинаръ де люксъ», въ которомъ онъ мочилъ свои длиные усы, приговаривалъ «Карашо, карашо, ахъ карашо.»

Такъ проходило время. Наступилъ вечеръ, понемногу все стихло. Мы стали укладываться. Лежа рядомъ на диванчикѣ, мы съ докторомъ объяснялись въ любви.

— Ахъ, какъ я люблю Васъ, М-г Владимиръ, и все Русское! Какъ всѣ Вы милы, — говорилъ онъ. — Какъ все у Васъ хорошо. Я пробылъ у Васъ въ Одессѣ всего лишь три недѣли, но за это время я понялъ, что не любить Россію и русскихъ нельзя. Сколько у Васъ благородства. Весь укладъ Вашей жизни другой, чѣмъ у насъ. Насъ всѣ такъ радушно принимаютъ, оказываютъ намъ столько вниманія, заботъ. Повѣрьте, что дома мы бы не получили такого пріема и не испытали-бы такого отношенія, — продолжалъ онъ. — А Ваши женщины, — для нихъ можно съ ума сойти. Если я когда нибудь женюсь, я женюсь только на русской. Жизнь съ нею будетъ раемъ. Въ русской женщинѣ столько граціи, нѣжности и поэзіи, что она воплощаетъ въ себѣ весь міръ; и сколько у Васъ такихъ милыхъ дамъ и барышень. Тамъ въ артиллерійскомъ училищѣ, гдѣ стоитъ нашъ полкъ, въ ка-

ждой семьѣ одна лучше другой, всѣ наши офицеры уже влюблены и всѣ хотятъ жениться на русскихъ. Я такъ радъ, что попалъ въ Россію, мнѣ такъ бы хотѣлось остаться здѣсь подольше, чтобы увидѣть все поближе, научиться русскому языку и сумѣть понять душу такого великаго самоотверженнаго народа. —

Бѣдный докторъ и не чувствовалъ, какъ онъ близокъ къ выполненію своего желанія, что въ Россіи онъ останется навсегда.

— Ну, а что Вы скажете о большевикахъ? — спросилъ я его. — Какъ представляютъ себѣ ихъ французы? —

— Что такое большевики? — переспросилъ докторъ. — Большевки — это боши, — отвѣтилъ онъ. — Какъ пытались они задушить насъ на фронтѣ газами, разбить Парижъ изъ длинной Берты, такъ и теперь они дѣйствуютъ большевиками. Большевизмъ это тотъ-же удушливый газъ, который боши пустили на русскій народъ. О, это мы всѣ отлично понимаемъ. Борьба съ большевиками — продолженіе войны; поэтому то всѣ наши такъ охотно и пришли въ Россію. Какъ Вы видите, здѣсь столько молодежи, у всѣхъ у нихъ дома родные и близкіе, и всѣмъ бы имъ хотѣлось домой, но они видятъ — война еще не кончена, перенесена только на другой фронтъ. Мы, вѣдь, столько понесли жертвъ, намъ было такъ трудно, поэтому-то, чтобы покончить съ этимъ навсегда, мы должны довести дѣло до конца и уничтожить все зло, сдѣланное бошами. Боши — это такіе жестокіе, и мы ихъ такъ ненавидимъ, что будемъ бороться до конца, до полной побѣды. —

Мало по малу докторъ умолкъ, а потомъ и совсѣмъ заснулъ. Я дремалъ, стараясь не поддаваться сну. Мнѣ казалось, что вотъ-вотъ раздастся выстрѣлъ, произойдетъ нападеніе или что нибудь въ этомъ родѣ, со стороны петлюровцевъ, кишащихъ въ этомъ раіонѣ. Мнѣ были памятны ихъ дѣйствія передъ приходомъ французовъ и безцѣльная, жестокая перестрѣлка на улицахъ Одессы въ день прибытія союзнаго десанта. Но, слава Богу, все было тихо, поѣздъ плавно катился по рельсамъ, вагоны покачивались и со всѣхъ диванов слышалось мирное похрапываніе спящихъ. На станціяхъ поѣздъ останавливался, кто-то ходилъ подъ окнами, разговаривалъ.

На одной изъ станцій я вышелъ и разговорился съ дежурнымъ по станціи. Онъ сообщилъ мнѣ, что передовой поѣздъ продвигается впередъ безъ препятствій, всѣ станціи по телефону сообщаютъ о готовности принять его, такъ какъ петлюровцевъ нѣтъ, — ушли въ сторону отъ полотна ж. д., въ глубь уѣзда. Я невольно спросилъ: «Ну, а у Васъ они были?» — «Какъ-же, — еще недавно стояли здѣсь, и только передъ Вашимъ приходомъ удрали.» — «Какъ-же Вамъ было съ ними?» — «Охъ, да и не спрашивайте. Это такая-же ..., какъ и большевики, — кто хуже — и не знаю. Оба хуже», — добавилъ онъ улыбаясь. «Ну, да теперь конецъ — союзники пришли — всѣмъ имъ крышка. А то, знаете, просто обидно: большевики, петлюровцы — все грабятъ, реквизируютъ, разстрѣливаютъ, кто за кого — сами не знаютъ. А нѣмцы пришли — все къ себѣ домой тащатъ, какъ воры на пожарѣ. Пока они тутъ были, сколько добра увезли къ себѣ въ Германію, хлѣба, скота, свиней, гусей, — ничѣмъ не брезгали, все тащили. Аккуратный народъ, чисто работали».

Я вошелъ въ вагонъ, улегся на свое мѣсто и заснулъ. Проснулся уже, когда было свѣтло. Поѣздъ стоялъ, всѣ поднимались, зѣвая и потягиваясь; быстро выпили горячаго кофе и вышли на станцію. Оказывается, мы уже были на станціи Колосовкѣ. Цѣль нашего путешествія была достигнута, надо было выгру-

жаться и устраиваться. Полковникъ Жэ обратился ко мнѣ и предложилъ весьма сухимъ тономъ передать начальнику станціи, что онъ желаетъ быть устроеннымъ на квартирѣ лучше, чѣмъ начальникъ станціи. — «Понимаете-ли Вы, — я хочу быть помѣщенъ лучше, чѣмъ онъ,» — повторилъ полковникъ, указывая глазами на начальника станціи, молча стоявшаго тутъ-же. — «Скажите ему это.» — Такой тонъ меня удивилъ. Я понималъ желаніе полковника, но рѣзкая форма, въ которой оно было выражено, показалась мнѣ странной. Я передалъ начальнику станціи желаніе командира, но совершенно въ другой формѣ.

— Полковникъ увѣренъ, — говорилъ я, — что Вы, какъ начальникъ станціи, хорошо пріймете гостей и устроите ихъ соотвѣтственнымъ образомъ по квартирамъ. Они, вѣдь, совершили большой переходъ и устали послѣ войны, и я надѣюсь, что Вы дадите имъ хорошія квартиры. —

— Какъ-же, помилуйте, — мы уже все это устроили. Г. полковника разрѣшите просить ко мнѣ, а для другихъ г. г. офицеровъ найдутся мѣста у станціонныхъ служащихъ; только пусть извинятъ насъ, ради Бога, — мы здѣсь живемъ въ глуши, плохо и не можемъ имъ доставить большихъ удобствъ. —

Я передалъ слова начальника станціи полковнику и добавилъ, что то, что онъ мнѣ говорилъ въ началѣ, мною было выражено въ другой формѣ, что такая форма напрасно-бы обидѣла человѣка, который съ полною готовностью по собственному почину сдѣлалъ то, что отъ него требовали обстоятельства. На что полковникъ что то буркнулъ себѣ подъ носъ и сказалъ: — «я хочу, чтобы мэры всѣхъ окрестныхъ селъ явились сегодня-же ко мнѣ.»

Началась выгрузка. Скоро по всей станціи замелькали фигуры зуавовъ, всюду ихъ встрѣчали, какъ дорогихъ гостей. Полковникъ Жэ со своимъ штабомъ и мною обошли всѣ помѣщенія и, видя, какъ принимаютъ людей, довольный отправился въ свою комнату устраиваться, а я пошелъ выполнять его распоряженіе о вызовѣ «мэровъ» сосѣднихъ селъ.

Какъ оказалось, ближайшая къ станціи волость состояла изъ нѣмецкихъ колоній. Такимъ образомъ предстояло на первыхъ-же шагахъ представить командиру «мэра» изъ ненавистныхъ ему бошей. Этому-то бошу я и послалъ съ нарочнымъ бумагу слѣдующаго содержанія: «предлагаю Вамъ по полученіи сего немедленно явиться на ст. Колосовку для полученія соотвѣтствующихъ распоряженій отъ командира отряда союзныхъ французскихъ войскъ. Копію настоящаго предписанія переслать въ передаточномъ порядкѣ въ ближайшія сосѣднія волости и предложить имъ немедленно исполнить то же самое.»

Отправивъ это предписаніе, я пошелъ съ лейтенантомъ Жене, который оказался распорядителемъ офицерской столовой (chef de popote), посмотрѣть, какъ устроился поваръ и какъ готовятъ обѣдъ. На запасныхъ путяхъ стоялъ вагонъ, въ которомъ помѣщалась столовая для ж. д. служащихъ, тамъ мы нашли во всеоружіи нашего повара Эка, который, устроившись какъ дома, орудовалъ во всю. Ему помогала хозяйка столовой съ сестрой, съ которой они вели оживленный разговоръ, несмотря на то, что обѣ стороны владѣли только своимъ роднымъ языкомъ. Лейтенантъ Жене принялъ самое горячее участіе въ разговорѣ, пересыпая свои фразы словомъ «карашо» и подмигивая дамамъ, приходившимъ въ восторгъ отъ галантности кавалера. Скоро обѣдъ былъ готовъ, и къ нему собралась вся компанія. У всѣхъ были довольныя лица. Всѣ наперебой разсказывали, какъ они устроились, гдѣ кто размѣстился, у кого какіе хозяева. Особенно были рады тѣ, которые устроились по сосѣдству съ барышнями телеграфистками.

Экъ отличился на славу и подалъ намъ отличный обѣдъ изъ четырехъ блюдъ, которому всѣ оказали должное.

Соотвѣтствующее количество пинара и другихъ винъ оказало свое вліяніе, — опять начались безконечные разговоры и только, когда начало смеркаться, всѣ разошлись по домамъ.

Штабъ, въ томъ числѣ и я, остались жить въ вагонѣ. Каждый занялъ отдѣльное купе и устроился, какъ могъ. Прійдя къ себѣ, я немного разобралъ свои вещи, привелъ себя въ порядокъ, поговорилъ то съ однимъ — то съ другимъ и не замѣтилъ, какъ наступилъ вечеръ, и насъ опять позвали въ «попотъ» на ужинъ. Повторилась та же картина, что и за обѣдомъ, только на первое, вмѣсто закуски, подали бульонъ. Опять безконечные разговоры, передача впечатлѣній, вино, куренье и пѣсни. Пѣли всѣ весело, радостно и беззаботно. Полковникъ былъ доволенъ. Людей устроили, самъ расположился дѣйствительно лучше, чѣмъ начальникъ станціи, такъ какъ тотъ предоставилъ полковнику лучшую часть своей квартиры, — дрова и все, что нужно, оказалось въ изобиліи. Не прибыли только «мэры»; но про нихъ онъ совершенно забылъ. Досидѣвъ до полуночи, мы разошлись и спокойные, и довольные. Скоро всѣ уснули мертвымъ сномъ. Такъ незамѣтно прошелъ первый день.

Утромъ чуть свѣтъ кто-то робко постучался въ мою дверь, и послѣ моего приглашенія войти, въ купе вошло четыре или пять человѣкъ. Бритыя физіономіи, упитанный видъ, хорошее платье, все указывало на то, что это нѣмцы-колонисты. — «Мы къ Вамъ, господинъ начальникъ; прежде чѣмъ являться къ господину французскому командиру, мы хотѣли поговорить съ Вами. Какъ намъ быть?» Смущенный и нерѣшительный видъ былъ какъ-то несвойственъ обычно всюду чувствующимъ себя увѣренно и держащимъ себя съ достоинствомъ нѣмцамъ-колонистамъ.

— Въ чемъ дѣло, господа, — спросилъ я ихъ, — у Васъ что нибудь случилось? —

— Дѣло въ томъ, господинъ начальникъ, что мы — нѣмцы, и не знаемъ, какъ къ намъ отнесется командиръ французскихъ войскъ. Не будетъ-ли онъ насъ считать за германцевъ? Можетъ быть, Вы знаете что нибудь про это? Мы хотѣли Васъ просить доложить, что мы русскіе подданные и добросовѣстно выполняли всегда наши обязанности по отношенію къ отечеству — Россіи. И теперь мы готовы съ радостью выполнять всѣ требованія нашихъ союзниковъ.

По своей службѣ я зналъ отлично нѣмцевъ-колонистовъ. Видѣлъ ихъ и въ мирное время и внимательно наблюдалъ за ними во время войны. И могу сказать, что, если въ мирное время на меня, пріѣхавшаго на Югъ Россіи изъ центра, нѣмецкія колоніи производили впечатлѣніе государства въ государствѣ и первое время колонисты казались элементомъ чуждымъ и не сроднившимся съ русскимъ народомъ, то во время войны я на дѣлѣ убѣдился не только въ ихъ лояльности, но видѣлъ ихъ горячую любовь къ Россіи, преданность и вѣрность. Если въ мирное время нѣмцы позволяли себѣ уклоняться отъ отбытія воинской повинности, уѣзжая въ Америку или поступая въ народные учителя, то послѣ объявленія войны уклоненій отъ призыва въ войска почти не было. Не было также и дезертировъ изъ войскъ. Наоборотъ — всѣ въ высшей степени добросовѣстно являлись на службу и, какъ говорили мнѣ многіе офицеры, были отличными солдатами. Изъ жителей тѣхъ колоній, съ которыми мнѣ пришлось имѣть дѣло, поступившихъ въ войска, процентъ георгіевскихъ кавалеровъ былъ огромный. Оставшіеся дома всѣ военныя тяготы несли весьма добросовѣстно. Поставка въ войска лошадей, повозокъ, упряжи, сдача правительству хлѣба и другія обя-

зательныя повиности, возникшія вслѣдствіе военныхъ дѣйствій, исполнялись примѣрно. Мало того, добровольныя денежныя пожертвованія на нужды войны, открытіе лазаретовъ, изготовленіе и отправка на фронтъ подарковъ, — все это указывало на то, что они вполнѣ пріобщились къ русской государственности и стали въ полномъ смыслѣ слова русскими подданными. Поэтому я сталъ успокаивать прибывшихъ, оказавшихся членами волостной земской управы въ полномъ составѣ съ предсѣдателемъ во главѣ.

— Вы, вѣдь, какъ и всѣ наши нѣмцы, происходите въ большинствѣ отъ выходцевъ изъ Эльзаса и Лотарингіи? — сказалъ я имъ. Поэтому вамъ надо съ первыхъ словъ объяснить это французамъ и выразить свою радость по поводу освобожденія этихъ странъ въ настоящее время. А затѣмъ, я увѣренъ, такъ какъ я хорошо Васъ знаю, что полковникъ на дѣлѣ убѣдится въ вашей полной лояльности, и все будетъ отлично.

Нѣмцы, поблагодаривъ меня за совѣтъ, ушли. Черезъ нѣсколько времени меня позвали къ полковнику Жэ.

— Вы знаете, тутъ есть боши, — заявилъ онъ мнѣ, когда я вошелъ въ дамскую комнату, занятую подъ канцелярію, гдѣ сидѣлъ полковникъ въ ожиданіи меня. Очевидно, это обстоятельство значительно смутило и внесло нѣкоторую тревогу въ душу полковника. — Я этого совершенно не ожидалъ и не былъ объ этомъ предупрежденъ, — говорилъ онъ. — Скажите мнѣ про нихъ все, что Вы знаете. —

Я объяснилъ ему, что на Югѣ Россіи болѣе ста лѣтъ тому назадъ были устроены колоніи изъ нѣмцевъ, болгаръ, сербовъ, грековъ и другихъ. Что за это время они сошлись съ Россіей, стали русскими подданными, принимали участіе въ войнахъ, которыя вела Россія, въ томъ числѣ и въ послѣдней Германской и т. п., что поведеніе изъ всегда было очень хорошее и что они ничѣмъ не отличаются отъ другихъ русскихъ подданныхъ не русской національности. Да и происходятъ то они, вѣдь, отъ выходцевъ изъ Эльзаса и Лотарингіи.

— Какъ изъ Эльзаса? — переспросилъ меня недовѣрчиво полковникъ.

— Да, изъ Эльзаса и Лотарингіи, — и въ подтвержденіе своихъ словъ, я указалъ ему на картѣ на колонію по имени «Эльзасъ». — Вотъ Эльзасъ, вотъ Страсбургъ, а вотъ Ландау, — показывалъ я ему, — да и фамиліи у нихъ часто совершенно не нѣмецкія, напримѣръ Шевалье, Бартле и т. д., — продолжалъ я. Полковникъ былъ пораженъ и пріятно удивленъ.

— Я думаю, они намъ очень благодарны, что мы освободили отъ нѣмцевъ Эльзасъ и Лотарингію? — спросилъ меня полковникъ.

— Да, конечно, — отвѣчалъ я ему, — но, я думаю, что они будутъ болѣе Вамъ благодарны, если Вы ихъ освободите отъ большевиковъ и анархіи.

— Попросите сюда господина мэра и всѣхъ, кто съ нимъ, — сказалъ полковникъ своему адъютанту, и черезъ минуту комната наполнилась прибывшими. Переступая порогъ, предсѣдатель волостной управы надѣлъ на шею знакъ волостного старшины; старосты тоже прикрѣпили на груди свои знаки и приняли официальный видъ, съ какимъ обыкновенно они являлись по начальству при «старомъ режимѣ».

Предсѣдатель волостной управы выступилъ впередъ и, вторично поклонившись полковнику Жэ, произнесъ маленькую рѣчь, въ которой поздравлялъ его съ благополучнымъ прибытіемъ и выражалъ надежду на то, что французы установятъ здѣсь миръ и порядокъ и тѣмъ дадутъ возможность населенію заниматься мирнымъ трудомъ.

Полковникъ поблагодарилъ его за высказанныя пожеланія и первымъ дѣломъ спросилъ: — А правда-ли, что Ваши предки вышли изъ Эльзаса и Лотарингіи? — Очевидно, у него въ этомъ было сомнѣніе, и онъ рѣшился прежде всего провѣрить это.

— По большей части — да. Но есть и такіе, которые происходятъ отъ лицъ, вышедшихъ изъ самой Германіи, — добросовѣстно пояснилъ предсѣдатель.

— Но Вы русскіе подданные? Вы служили въ войскахъ? Вы были на войнѣ съ Германіей? — Продолжалъ задавать вопросы недовѣрчивый полковникъ.

Получивъ на все это утвердительные отвѣты, полковникъ успокоился и сталъ привѣтливо улыбаться. Физіономіи колонистовъ тоже прояснились и утратили строго офиціальное выраженіе.

— А мой тѣтъ бришелъ изъ Эльзасъ, — сказалъ одинъ изъ старостъ — типичный колонистъ съ бритой физіономіей, произносящій «т», вмѣсто «д», какъ это обыкновенно дѣлается нашими нѣмцами.

— Та, и мой доже, — подтвердилъ другой.

Услыша это, полковникъ торжественнымъ тономъ объяснилъ присутствующимъ, что въ настоящее время Эльзасъ и Лотарингія освобождены отъ нѣмцевъ и присоединены къ Французской республикѣ.

Секретарь волостной управы, очевидно, вспомнивъ мое наставленіе, въ цвѣтистыхъ выраженіяхъ изъявилъ живѣйшую радость по поводу этого событія. Полковникъ поблагодарилъ, и пріемъ мэровъ окончился. Пожавъ всѣмъ руку, полковникъ погрузился въ чтеніе служебныхъ бумагъ, а пріѣхавшіе нѣмцы вышли въ сосѣднюю комнату. Я вышелъ за ними. Нѣмцы окружили меня и стали выражать свое удовольствіе, что вышло все такъ хорошо, что они очень безпокоились и волновались, и что теперь имъ очень пріятно, что французы ничего не имѣютъ противъ нихъ и не считаютъ ихъ своими врагами.

Я спросилъ волостного писаря (или, какъ по новому именовался, секретаря волостной Управы), когда имъ получено мое предисаніе и посланы-ли копіи съ него въ сосѣднія волости. На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что предписаніе пришло вчера поздно вечеромъ и что въ ту-же ночь сняты были копіи и отправлены въ разныя стороны во всѣ волости.

— Мы такъ давно не получали приказаній и не выполняли распоряженій настоящаго начальства, что для насъ было большою радостью исполнить Ваше распоряженіе, господинъ начальникъ, — добавилъ онъ.

Поговоривъ еще съ ними нѣкоторое время и выяснивъ настроеніе сосѣднихъ русскихъ селъ, я узналъ, что населеніе въ подавляющемъ большинствѣ устало отъ анархіи, что оно жаждетъ порядка и законности и что съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прихода настоящей власти, такъ какъ преступный элементъ, надѣясь на безнаказанность, широко пользуется полученной свободой для совершенія всякихъ преступленій, и что мирнымъ жителямъ житья отъ нихъ нѣтъ.

— Этотъ Керенскій только шарлатанамъ далъ свободу, — говорили нѣмцы, — а намъ отъ этой свободы житья нѣтъ. Когда пришли германцы, то они трохи нагнали страху, и всѣ товарищи попрятались и сидѣли тихо, а при Петлюрѣ всѣ опять начали свои дѣла.

— Вѣдь сами посудите, изъ всѣхъ тюремъ, арестантскихъ ротъ и каторги вернулись арестанты и говорятъ, что теперь имъ свобода. Положимъ и вѣрно, что свобода: вѣдь, у насъ нѣтъ ни мировыхъ судей, ни слѣдователя, ни полиціи, — можно дѣлать все, что хочешь, и никто къ отвѣту не потребуетъ. Мы уже устроили при волости свою самооборону и своими силами держимъ порядокъ.

Иначе нельзя, — добавили они, какъ-бы извиняясь, и затѣмъ спросили меня: — А не потребуютъ-ли французы, чтобы мы сдали оружіе, какое у насъ есть и не запретятъ-ли имѣть свою оборону въ колоніяхъ? —

Я успокоилъ ихъ, что до прибытія властей судебныхъ и полицейскихъ они не должны ничего измѣнять въ своей организаціи, что оружіе у нихъ тоже отбирать не будутъ, но, что они обо всемъ происходящемъ должны доносить мнѣ и что отъ меня будутъ получать соотвѣтствующія распоряженія и указанія.

На смѣну нѣмцамъ стали появляться старосты и старшины съ писарями изъ другихъ сосѣднихъ волостей.

Всѣхъ ихъ я представлялъ полковнику, который спрашивалъ каждаго, на какомъ разстояніи отъ станціи Колосовки находится ихъ село, сколько въ немъ жителей и т. д. — вопросы, которые предлагаются офицерами, производящими развѣдку, а затѣмъ, пожавъ руку, отпускалъ домой. Я же всѣмъ имъ добавлялъ, что пришедшія французскія войска наши союзники и пришли къ намъ помочь установить порядокъ и законъ. Старосты молча вздыхали, охали и говорили: — «Якъ би то Богъ давъ! Хай имъ Богъ помогае!» — чесали затылки и, помявшись, шопотомъ спрашивали меня: — «А, чи не можно-бъ було послать до насъ у село солдатъ — душъ изъ пьять, шобъ арештувать де-кого, бо у насъ е таки, шо усимъ житья не даютъ» — и что если-бы этихъ людей удалить изъ села, то было-бы всѣмъ безопаснѣе и спокойнѣе. Я ихъ успокаивалъ тѣмъ, что скоро прибудетъ полиція и судебная власть и будетъ поддерживать порядокъ и производить разслѣдованія, и что все будетъ хорошо.

Старосты кивали одобрительно головами и, добавивъ — «а пока що, будемо звертаться до Вашей милости, якъ буде треба,» — уѣзжали домой разсказывать своимъ односельцамъ о прибывшихъ французахъ.

Такъ проходило время.

Прошло незамѣтно нѣсколько дней. Французскій полковникъ Жэ, видя, что окрестное населеніе совершенно спокойно, что относятся къ французамъ очень привѣтливо что никакихъ недоразумѣній и осложненій не возникаетъ, сталъ довѣрчивѣе и менѣе офиціаленъ. Выразилось это, во первыхъ, въ томъ, что онъ пересталъ приглашать къ себѣ въ то время, когда я представлялъ ему мэровъ, — Смоленскаго. Смоленскій былъ солдатъ ихъ полка; послѣ 1905 года онъ бѣжалъ изъ Россіи, поступилъ въ иностранный легіонъ и, владѣя двумя языками — французскимъ и русскимъ, явился какъ-бы цензоромъ моихъ переводовъ командиру и внимательно слушалъ все, что я говорилъ пріѣзжающимъ людямъ.

Кромѣ того, полковникъ Жэ сталъ не читая ставить свою печать на отправляемыя мною по начальству каждый вечеръ телеграммы, тогда какъ первое время требовалъ перевода ихъ на французскій языкъ и внимательно вчитывался въ каждую фразу.

Прошло еще нѣсколько дней. Жизнь установилась и вошла въ норму. Каждый день изъ самыхъ отдаленныхъ пунктовъ пріѣзжали крестьянскія должностныя лица, по мѣрѣ того, какъ до нихъ доходили, посылаемыя въ передаточномъ порядкѣ мои предписанія о прибытіи. За ними потянулись частныя лица; отсутствіе на мѣстахъ властей побуждало ихъ къ этому. Въ скоромъ времени пріемная командира отряда обратилась въ камеру земскаго начальника, такъ какъ съ утра до вечера въ ней толпились старосты, писаря и просители. Полковникъ скоро устранился отъ разговоровъ съ пріѣзжающими, передавъ это дѣло всецѣло мнѣ. Онъ лишь пріятно улыбался посѣтителямъ, пожималъ имъ руки и, покровительственно похлопывая меня по плечу, говорилъ — ça va bien, ça va bien, m-r

Wladimir, — а затѣмъ погружался въ чтеніе и подписываніе своихъ бумагъ. Я-же долженъ былъ выслушивать безконечныя жалобы, главнымъ образомъ заключавшіяся въ нарушеніи правъ собственности; успокаивалъ жалобщиковъ, обѣщая произвести строгое разслѣдованіе, когда прибудутъ на мѣста чины полиціи, и т. д.

Всѣ пріѣзжавшіе интересовались, когда-же установится настоящій порядокъ, прежніе — слѣдователь, мировой судья и другія мѣстныя власти. Вздыхали о прошломъ и съ умиленіемъ вспоминали о «старомъ режимѣ», когда не только жизнь, но и имущество каждаго пользовались неприкосновенностью. Яростно ругали Керенскаго, Петлюру, Центральную Раду, называя ихъ «злодіями», погубившими Россію, и говорили, что теперь они знаютъ, кого надо слушать и какъ надо себя вести, и просили лишь дать имъ «помочи», такъ какъ безъ посторонней «помочи» самимъ въ деревнѣ установить порядка нельзя, а если помощь будетъ вѣрная, то тогда мы со всѣми справимся легко, такъ какъ людей, которые ведутъ себя плохо, немного и всѣ они отлично извѣстны. Видно было, что всѣ жаждутъ порядка и спокойствія, — одинъ приходъ небольшого регулярнаго отряда войскъ внесъ успокоеніе, прекратились самоуправства, грабежи и насилія. Преступный элементъ присмирѣлъ и со страхомъ ожидалъ наказаній за свои подвиги. Благонамѣренная часть деревни успокоилась, подняла голову и возвысила свой голосъ. Сельскія общества стали устраивать у себя самооборону, постановлять общественные приговоры, въ которыхъ просили подвергнуть наказанію наиболѣе преступныхъ лицъ; былъ даже случай, когда въ одномъ приговорѣ сельскій судъ просилъ разстрѣлять нѣсколько человѣкъ своихъ односельцевъ. Сельскія власти стали сами прекращать самоуправства и задерживать попавшихся на мѣстахъ преступленія. Меня завалили всякими приговорами, прошеніями, протоколами. Все это приходилось разсматривать, разрабатывать по возможности сейчасъ-же и, въ случаяхъ особенно важныхъ, отправлять на распоряженіе губернатора, откуда никакихъ извѣстій не получалось.

Несмотря на то, что я каждый день посылалъ самыя подробныя телеграммы о томъ, что происходитъ на Колосовкѣ, и просилъ о скорѣйшемъ командированіи на мѣста властей судебныхъ и полицейскихъ и по временамъ запрашивалъ указаній по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, отъ губернатора никакихъ распоряженій не было. Я былъ всецѣло предоставленъ самому себѣ.

Въ это время линія ж. д. ожила. Какъ-то, послѣ долгихъ переговоровъ по телефону съ Николаевомъ, пустили первый этапный поѣздъ изъ Одессы на Николаевъ. И затѣмъ, когда онъ благополучно прибылъ на мѣсто, открыли регулярное пассажирское сообщеніе между этими городами. Появились и на Колосовкѣ пассажиры, ѣдущіе и пріѣзжающіе изъ этихъ двухъ городовъ, стали привозить всякія новости, передавать слухи и т. д. Стало веселѣе, оживленнѣе. Время летѣло быстро — съ утра пріемъ посѣтителей, обѣдъ, опять пріемъ, ужинъ, разговоры съ пріѣзжающими съ поѣздомъ въ 11 ч. вечера изъ Одессы пассажирами, — и день законченъ.

Среди посѣтителей стали появляться не только жалобщики и просители, но и лица, желающія посмотрѣть французовъ, опредѣлить курсъ и попробовать почву. Такіе посѣтители не удовлетворялись разговорами со мною, а обязательно желали лично обратиться къ полковнику и отъ него услышать то, что ихъ интересовало.

Какъ то разъ явилось два типа, нервно настроенныхъ и рѣзко потребовавшихъ отъ нашего русскаго офицера, который ихъ первый принялъ, чтобы допустили

ихъ къ самому начальнику отряда, такъ какъ къ нему у нихъ есть личное дѣло. Просьбу ихъ исполнили. Войдя въ комнату, офицеръ доложилъ это полковнику Жэ, который попросилъ меня быть переводчикомъ и приготовился внимательно слушать, ожидая услышать какую нибудь серьезную жалобу.

Каждый изъ пришедшихъ старался первымъ начать разсказывать о своихъ дѣлахъ. Пришлось установить порядокъ, — младшаго я попросилъ замолчать; а того, который выглядѣлъ постарше и солиднѣй, спросилъ, въ чемъ его дѣло и что онъ хочетъ отъ полковника. Видъ его не внушалъ довѣрія; бѣгающіе изъ стороны въ сторону глаза, избѣгающіе смотрѣть на Васъ прямо, судорожное движеніе рукъ, которыя онъ не зналъ куда дѣть, и вообще какая-то нервность и ехидство во всей фигурѣ указывали на то, что пальца ему въ ротъ не клади.

На повторенный мною вопросъ онъ замялся, какъ-то хихикнулъ, а затѣмъ, оправившись, сталъ говорить, что у него собственно жалобы никакой нѣтъ, а пріѣхалъ онъ къ полковнику съ порученіемъ отъ всего села узнать, по какимъ законамъ теперь надо жить? Я сейчасъ-же попросилъ его предъявить свои полномочія. — Есть-ли у Васъ копія мірского приговора въ томъ, что Вы посланы всѣмъ обществомъ? — спросилъ я его и получилъ отрицательный отвѣтъ. Мой вопросъ смутилъ его. Уже менѣе развязнымъ тономъ онъ сталъ говорить о томъ, что онъ желаетъ знать, по какимъ законамъ надо теперь жить — по законамъ стараго режима — царскимъ, временнаго правительства, центральной рады, гетмана, Петлюры или новымъ-добровольческимъ? Выговоривъ все это, онъ успокоился, почувствовалъ себя увѣренно и, побѣдоносно посматривая на полковника, имѣлъ видъ побѣдителя. — Ну-ка, разрѣши загадку, — говорилъ онъ всей своей фигурой. Полковникъ переспросилъ меня еще разъ, когда я ему перевелъ все, что говорилъ пришедшій крестьянинъ, и затѣмъ сказалъ: — я тутъ ничего не понимаю. Скажите-же мнѣ, какая-же разница между всѣми этими законами? И по какимъ законамъ дѣйствительно надо имъ поступать? — Я объяснилъ кратко полковнику, что разница между законами стараго режима и всѣми изданными впослѣдствіи такая-же, какъ и между Императорской могущественной Россіей и Россіей теперешней, раздираемой междоусобіемъ и анархіей.

— Такъ какъ-же Вы думаете отвѣтить этому философу? — спросилъ меня полковникъ. — Мы не можемъ посовѣтовать ему жить по законамъ Царя, — насъ обвинятъ въ реставраціи, — добавилъ онъ. Я отвѣтилъ, что вопросъ этотъ заданъ не съ практической цѣлью, по моему мнѣнію, а исключительно изъ желанія вывѣдать направленіе французовъ, чтобы потомъ на этой почвѣ вести агитацію противъ нихъ.

— Ну, тогда отвѣчайте ему, какъ знаете, — заявилъ полковникъ.

— Господинъ полковникъ передаетъ Вамъ, что французскіе войска пришли сюда для установленія порядка и безопасности жителей, и что всѣхъ, кто будетъ этому противиться, они будутъ привлекать къ отвѣту по своимъ законамъ французской республики. А въ русскіе законы онъ не вмѣшивается и совѣтуетъ Вамъ, пока-что, жить по закону Моисееву.

— Какъ по Моисееву закону? — съ недоумѣніемъ спросилъ прибывшій, не ожидавшій такого отвѣта.

— Очень просто, — соблюдайте, пока что, десять заповѣдей Моисея, а главнымъ образомъ тѣ, въ которыхъ говорится — не укради и не убій, — а затѣмъ, впослѣдствіи надлежащія власти разъяснятъ, какими еще законами надо будетъ руководствоваться. —

Свой отвѣтъ я перевелъ полковнику, тотъ молча кивнулъ головой, сдѣлавъ особо офиціальное лицо, и сухимъ тономъ спросилъ, указывая на другого: — а этотъ гражданинъ, что желаетъ? —

Первый посѣтитель, видя, что съ нимъ уже покончено, отошелъ въ сторону, что-то бормоча себѣ подъ носъ. — Це, значитъ, такъ по Моисееву закону кажите. — Видъ у него былъ сконфуженный; ясно было, что номеръ его не удался и ему нечего будетъ дома разсказывать про французовъ и про то, что они хотятъ. Видя такую неудачу своего «товарища», второй проситель, заикаясь и путаясь, началъ говорить о томъ, что онъ, наблюдая неправедный и нехристіанскій образъ жизни ихъ мѣстнаго священника, рѣшилъ обличить его въ этомъ и на дняхъ пришелъ къ нему въ домъ. — Якъ се такъ, казавъ я батюшци, що Вы наробили зъ дерева богивъ, та кланяетеся имъ и усимъ людямъ кажете то це Богъ, а у святому-же писаню сказано «не сотвори себѣ кумира». А еще саме главно Ісусъ Христосъ казавъ ученикамъ своимъ, коли на ныхъ зишла благодать Духа Святого, — даромъ получили, та и даромъ давайте, — а Вы же за всяку требу гроши правите — и за крещене, и за вѣнчане, и за похороны. Де же тутъ правда? Ви даромъ даете?

— Ну, а что-же батюшка Вамъ отвѣтилъ? — спросилъ я.

— Шо отвитивъ? — повторилъ онъ мой вопросъ возмущеннымъ тономъ. — По морди отвитивъ, — добавилъ онъ.

— А Вы, — что, — продолжалъ спрашивать я его.

— Мусивъ тикате, бо винъ дуже здорови. —

Я все перевелъ полковнику, тотъ улыбнулся и, сказавъ — mais il a raison ce curé — объявилъ, что разрѣшеніе такихъ жалобъ его не касается и ушелъ изъ комнаты.

— Полковникъ говоритъ, что Вы не довели дѣло обличенія вашего священника до конца, очевидно, Вы еще сами плохо знаете св. писаніе, такъ какъ тамъ вѣдь сказано, что, если тебя ударитъ кто по одной щекѣ, то подставь ему и другую.

— Ви скажите полковнику — хай винъ підставляе, а я трохи на ногахъ устоявъ одъ одного разу, — такъ уже бильшъ не хочу.

Аудіенція была окончена. За обѣдомъ полковникъ со смѣхомъ разсказывалъ, съ какими жалобами и вопросами являлись къ нему сегодня и какъ M. Wladimir разрѣшилъ ихъ. — Такъ что теперь мы должны житъ здѣсь по заповѣдямъ Моисея, — и затѣмъ, обращаясь къ молодымъ офицерамъ, добавилъ: — смотрите, Вы, кажется, собираетесь нарушить одну изъ нихъ: все время сидите съ барышнями — телеграфистками, особенно Жене.

Познакомились мы и съ петлюровцами. «Petluriens», какъ ихъ называли французы, при нашемъ приближеніи исчезли, какъ дымъ, но въ одномъ изъ селъ или мѣстечекъ задержалась какая-то покинутая рота, командиръ которой, не зная, что ему дѣлать и куда дѣваться, рѣшилъ оставаться на мѣстѣ и ожидать.

Когда стало извѣстно о его существованіи, то, по порученію полковника, я вызвалъ его по телефону и предложилъ ему немедленно явиться на станцію Колосовку. Въ тотъ-же день онъ былъ у насъ и былъ страшно доволенъ, когда ему сказали, что самое лучшее — людей распустить по домамъ. Всѣ его «казаки» были набраны изъ сосѣднихъ волостей принудительнымъ порядкомъ и, получивъ разрѣшеніе, моментально разошлись по домамъ. Такимъ образомъ, вся территорія на разстояніи 100 верстъ отъ Одессы была совершенно свободна отъ петлюровцевъ и большевиковъ. Населеніе съ напряженіемъ ожидало установленія законнаго порядка, но онъ не приходилъ, такъ какъ присутствіе французскаго военнаго отряда, удерживая преступный элементъ отъ попытокъ престу-

пленій, являлось гарантіей лишь безопасности, но не могло собой замѣнить гражданскихъ властей, присутствіе которыхъ ощущалось все болѣе и болѣе необходимымъ и которыя, несмотря на мои непрекращающіяся о томъ просьбы, на мѣста не высылались.

Видя все это, не имѣя абсолютно никакихъ указаній свыше и не получая отъ своего начальства никакого отвѣта на мои бумаги и ежедневныя телеграммы, я рѣшилъ поѣхать въ Одессу и попросилъ на это разрѣшеніе полковника Жэ.

— Пожалуйста, поѣзжайте, — разрѣшилъ онъ, — я тоже считаю нужнымъ поспѣшить съ присылкой на мѣста должностныхъ лицъ, такъ какъ здѣсь все тихо и благополучно, а безъ властей не можетъ быть порядка, — я объ этомъ тоже буду писать своему начальству. Только пріѣзжайте поскорѣй, — мы всѣ такъ привыкли къ Вамъ, и намъ безъ Васъ будетъ скучно.

Вечеромъ, по случаю моего отъѣзда, пили шампанское, давали мнѣ всякіе совѣты — какъ надо повеселиться въ Одессѣ, и всѣ просили исполнить различныя порученія. Ко мнѣ присоединились два или три офицера, и на слѣдующій день мы выѣхали въ Одессу. Передъ отъѣздомъ адъютантъ снабдилъ меня удостовѣреніемъ, въ которомъ говорилось, что совѣтникъ по гражданскимъ дѣламъ при начальникѣ отряда полковникѣ Жэ ѣдетъ въ отпускъ въ Одессу и что всѣхъ просятъ ѣдущему оказывать полное содѣйствіе.

Пріѣхавъ въ Одессу, я обратилъ вниманіе на то, что жизнь города не только совершенно вошла въ норму, но стала еще болѣе кипучей. По улицамъ двигались густыми толпами пѣшеходы, экипажи, носились автомобили, бѣгалъ трамвай. Магазины были завалены товарами, какъ вновь привезенными изъ за границы, такъ и вытащенными изъ укромныхъ мѣстъ, куда они были припрятаны. Всѣ успокоились и увѣренно ждали лучшихъ временъ, думая, что французы прочно обосновались въ Одессѣ и помогутъ возстановить порядокъ въ Россіи.

Первымъ дѣломъ я отправился къ губернатору, который встрѣтилъ меня весьма привѣтливо и сказалъ, что онъ очень радъ, что у насъ идетъ все хорошо, что къ сожалѣнію на Раздѣльной совсѣмъ не то, — а вотъ у Васъ всѣ довольны, Вы сумѣли угодить и помѣщикамъ, и крестьянамъ, французамъ и нѣмцамъ. — Когда-же я доложилъ ему о необходимости прибытія на мѣста властей и на полное отсутствіе у меня какихъ нибудь указаній, какъ дѣйствовать и поступать, онъ отвѣтилъ — побывайте у А. И. Пильца, можетъ онъ Вамъ дастъ такія указанія и распорядится о выѣздѣ на мѣста властей, я же тутъ ничего не могу подѣлать. Поступайте такъ, какъ Вы это дѣлали до сихъ поръ; больше я Вамъ ничего не могу посовѣтовать. — Я откланялся и отправился къ А. И. П. — помощнику по гражданской части военнаго генералъ-губернатора Гришина-Алмазова.

Дождавшись своей очереди, я вошелъ въ кабинетъ. Навстрѣчу мнѣ поднялся худой, высокаго роста генералъ, одѣтый въ гражданскую форму Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Я представился, назвавъ свое имя и занимаемую должность. — Очень радъ съ первыхъ словъ нашего знакомства выразить Вамъ свою благодарность за Ваши умѣлыя и тактичныя дѣйствія; какъ французы, такъ и населеніе, Вами очень довольны, — я тоже самое. Каждый день аккуратно я получаю Ваши телеграммы и отлично Вами освѣдомленъ. Отъ лица службы благодарю Васъ.

Я поблагодарилъ за лестное мнѣніе и подробно доложилъ все то, что говорилъ Херсонскому губернатору.

— Подождите, пока мы еще ничего не можемъ подѣлать. Вотъ пойдутъ французы впередъ, тогда мы разошлемъ чиновниковъ, теперь мы уже подготовляемъ

кадры. Такъ же, какъ и губернаторъ, онъ въ дальнѣйшемъ посовѣтовалъ мнѣ поступать такъ, какъ я это дѣлалъ до сихъ поръ, говоря, что собственно ни въ какихъ указаніяхъ я не нуждаюсь, а въ каждомъ случаѣ соображу самъ, какъ дѣйствовать.

Пробывъ два или три дня въ Одессѣ, я, выполнивъ всѣ данныя мнѣ офицерами порученія, поѣхалъ на Колосовку. Тамъ все шло попрежнему, никакихъ перемѣнъ не было. Опять быстро замелькали дни, похожіе одинъ на другой по своему содержанію; пріемъ посѣтителей съ утра, обѣдъ, опять посѣтители, ужинъ, поѣзда изъ Одессы и Николаева, — вотъ обычное содержаніе каждаго дня. Но станція оживилась — нахлынули спекулянты, пріѣзжающіе изъ Одессы за хлѣбомъ, птицей и другими предметами продовольствія; юркіе евреи старались соблазнить французскихъ офицеровъ, — тѣ сначала обращались съ ними вѣжливо, а потомъ стали гнать ихъ во всю. Этихъ офицеровъ поражала назойливость пристающихъ къ нимъ евреевъ, желающихъ главнымъ образомъ поскорѣй отправить въ Одессу всякіе грузы.

— Теперь мы знаемъ что такое еврей — говорили офицеры.

— Les juifs allemands c'est affreux — восклицали они.

И въ спорахъ между собою ругали другъ-друга, говоря — tu es plus juif, que moi.

Пассажиры, ѣдущіе изъ Одессы и Николаева, тоже доставляли не мало хлопотъ: то у нихъ не было документовъ, удостовѣрявшихъ ихъ личности, то возникали съ ихъ стороны какія то претензіи. И со всѣмъ этимъ они являлись ко мнѣ.

Какъ-то разъ, рано утромъ, послѣ прихода поѣзда изъ Одессы, пришли два скромно одѣтыхъ господина и стали жаловаться на то, что, несмотря на имѣющіеся у нихъ билеты, ихъ выгнали вмѣстѣ съ другими изъ вагона ѣдующіе въ томъ-же вагонѣ сербы, и на ихъ мѣсто стали пускать за плату евреевъ спекулянтовъ.

Когда они это говорили, ко мнѣ подошли два одѣтыхъ въ форму сербскихъ офицера, какъ оказалось бывшихъ военныхъ австріяка, поступившихъ въ сербскіе добровольцы и, отстранивъ властнымъ жестомъ жалобщиковъ, на ломанномъ французскомъ языкѣ, стали увѣрять, что эти господа жалующіеся, никто иные какъ спекулянты, самовольно забрались въ ихъ вагонъ, откуда ихъ и попросили удалиться. Оба жалобщика, понявъ отлично, что говорили наши новые союзники, молча вынули свои бумажники и предъявили мнѣ свои удостовѣренія, изъ которыхъ было видно, что они морскіе офицеры — капитаны I ранга, ѣдутъ въ свои экипажи въ Николаевъ. Я, также молча, протянулъ эти удостовѣренія бравымъ добровольцамъ, которые, прочитавъ ихъ, страшно сконфузились и немедленно исчезли.

Погода все время стояла холодная, очень часто шелъ снѣгъ. и всюду навалило огромные сугробы; крѣпчавшіе морозы и снѣжный ландшафтъ создавали впечатлѣніе настоящей русской зимы. Полковникъ Жэ чувствалъ себя маленькимъ Наполеономъ среди снѣговъ Россіи и только посмѣивался, говоря, что я ихъ увѣрялъ, что у насъ на Югѣ Россіи совсѣмъ не такъ холодно. — Я не удивлюсь, если въ одинъ прекрасный день на насъ нападутъ медвѣди, такъ какъ ихъ М. Wladimir, очевидно, также не замѣтилъ, — острилъ полковникъ. Офицеры и солдаты переносили стужу, доходившую иногда до 15° и даже больше по Реомюру съ сильнымъ степнымъ вѣтромъ, очень легко; одѣтые въ легкія шинели, они прыгали и рѣзвились на морозѣ, какъ дѣти, — швырялись комьями снѣга, потирая покраснѣвшія отъ холода руки. Смѣхъ и пѣсни, все время раздававшіеся изъ теплушекъ, въ которыхъ они помѣщались, указывали на то, что они чувствовали

себя тамъ отлично. Хорошая пища и вино способствовали ихъ хорошему настроенію. Мѣстные жители были ими очень довольны и выражали имъ вниманіе свое по мѣрѣ силъ и возможности. Однажды изъ сосѣднихъ колоній прибыло нѣсколько подводъ, нагруженныхъ колбасами, окороками, саломъ и другими «свинствами». Это нѣмцы-колонисты привезли французскимъ солдатамъ гостинца. Все это было распредѣлено между всѣми ротами поровну. Взаимному удовольствію не было конца; радовались солдаты и офицеры, кушая отличную нѣмецкую ветчину, а еще болѣе радовались пріѣхавшіе нѣмцы, которыхъ соотвѣтствующимъ образомъ угостили и накачали пинаромъ и оніономъ. Особенно понравился имъ послѣдній, — крѣпкая виноградная водка произвела на нихъ неотразимое впечатлѣніе. Одинъ изъ старостъ попросилъ даже дать ему съ собой бутылку, такъ какъ онъ «пальной челофекъ» и ему надо — «лѣчиться», — а въ аптекѣ нѣтъ никакихъ лѣкарствъ. — «Этотъ самогонка, — говорилъ онъ, — очень хорошій и на немъ мнѣ аптекарь сдѣлаетъ лѣкарство». Мы долго вспоминали невинную хитрость «больного» старосты.

Слухъ о пришедшихъ французахъ распространился по селамъ и деревнямъ очень быстро и далеко. Чуть не за полтораста верстъ изъ глуби Ананьевскаго и Тираспольскаго уѣздовъ, изъ мѣстъ, гдѣ дѣйствовали петлюровцы, пріѣзжали старосты и писаря за инструкціями и просили насъ двигаться впередъ къ нимъ. Но мы оставались на томъ-же мѣстѣ неподвижно.

Я счелъ нужнымъ просить полковника разрѣшить мнѣ взять нѣсколько человѣкъ солдатъ и поѣздить съ ними по окрестнымъ селамъ. Съ одной стороны, мнѣ хотѣлось выяснить на мѣстахъ настроеніе населенія, такъ какъ пріѣзжающія по вызову на станцію сельскія власти и отдѣльныя лица отражали собой лишь настроеніе одной части «деревни», а мнѣ хотѣлось знать, что думаетъ вся деревня — вообще, въ цѣломъ; а съ другой стороны, я зналъ, что неподвижное сидѣніе на одномъ мѣстѣ безусловно не можетъ импонировать населенію, такъ какъ будирующій элементъ будетъ всячески стараться отмѣтить то обстоятельство, что французы дальше станціи «никуда носа не показываютъ». Полковнику эта идея понравилась, и онъ приказалъ одному изъ офицеровъ сопровождать меня съ небольшимъ отрядомъ въ моихъ поѣздкахъ.

Первое село, куда мы рѣшили поѣхать, это была ближайшая нѣмецкая колонія не то Роштатъ, не то Вормъ. Я предупредилъ старосту, что завтра мы будемъ у нихъ.

На слѣдующій день часовъ въ 9 утра мы тронулись въ путь. Кромѣ меня и офицеровъ, поѣхало человѣкъ десять конныхъ зуавовъ. Былъ яркій солнечный день и небольшой морозъ. Наши лошади шли дружно и охотно. Настроеніе у насъ было радостное; такъ пріятно было проѣхаться верхомъ по хорошей дорогѣ послѣ долгаго сидѣнія на мѣстѣ. Оживленно разговаривая и мѣняя аллюры, мы не замѣтили, какъ прошли большую часть пути.

Неожиданно на горизонтѣ показался небольшой конный отрядъ, который на рысяхъ стройными рядами быстро шелъ намъ на встрѣчу. Французскій офицеръ тревожно посмотрѣлъ на меня, задерживая ходъ своей лошади. Солдаты стали переглядываться. — Petlouriens — отвѣтилъ я ему и самъ быстро поѣхалъ впередъ, будучи увѣренъ, что это нѣмцы выѣхали намъ на встрѣчу, желая показать свое вниманіе. Я не ошибся, — ѣхавшій впереди всадникъ, увидя меня, пошелъ карьеромъ на встрѣчу и, осадивъ на полномъ ходу превосходнаго рыжаго жеребца, посѣдланнаго кавалерійскимъ сѣдломъ, поздравилъ меня съ благополучнымъ прибытіемъ и затѣмъ добавилъ на отличномъ русскомъ языкѣ, —

имѣю честь представить Вамъ конный отрядъ нашей самообороны. — Я пропустилъ отрядъ мимо себя, поздоровавшись съ ними; на что они дружно — по военному отвѣтили — «здравья желаемъ, Ваше Превосходительство». Подъѣхавшіе французы, съ восторгомъ смотрѣли на отличныхъ нѣмецкихъ лошадей, здоровыхъ и хорошо одѣтыхъ людей, ловко сидѣвшихъ въ сѣдлѣ.

Мы двинулись впередъ, начальникъ обороны поѣхалъ рядомъ со мною, а отрядъ его — сзади ѣдущихъ съ нами конныхъ зуавовъ. Скоро мы были въ колоніи. Населеніе многолюдной колоніи все вышло намъ на встрѣчу и привѣтливо, и радостно кланялось намъ при нашемъ приближеніи. Мы скоро подъѣхали къ большому зданію, какъ оказалось впослѣдствіи, школѣ для глухонѣмыхъ, около которой насъ ожидали мѣстныя власти.

Предсѣдатель Волостной Управы, со знакомъ волостного старшины, привѣтствовалъ насъ небольшою рѣчью и благодарилъ за честь, которую имъ оказали своимъ посѣщеніемъ. Мѣстный пасторъ, на хорошемъ французскомъ языкѣ, также говорилъ привѣтственную рѣчь, обращаясь къ французамъ. Тѣ были страшно поражены, услыхавъ родной языкъ въ глубинѣ русскихъ степей. Насъ попросили въ домъ. Завѣдующій школой счелъ долгомъ показать намъ свою школу, проведя по всѣмъ ея классамъ, и затѣмъ привелъ въ свою квартиру, гдѣ стоялъ накрытый столъ. За обѣдомъ мѣстные жители разсказывали намъ, сколько имъ пришлось пережить во время революціи отъ большевиковъ и какъ ихъ быстро успокоили пришедшіе нѣмцы; а затѣмъ опять то же повторилось при уходѣ нѣмцевъ и прибытіи петлюровцевъ, которые абсолютно отъ большевиковъ ничѣмъ не отличаются, и при которыхъ, чувствуя себя безотвѣтственнымъ, преступный элементъ дѣйствуетъ не стѣсняясь, и что только, благодаря учрежденной самооборонѣ, они смогли защитить себя и свое имущество отъ полнаго разграбленія. За разговорами время проходило быстро, стало смеркаться, и мы поспѣшили домой. Поблагодаривъ за любезный пріемъ, мы взобрались на нашихъ коней и двинулись въ обратный путь. Зуавовъ угостили на славу; покачиваясь отъ выпитаго вина, они обмѣнивались впечатлѣніями отъ посѣщенія колоніи, удивляясь ея благоустройству и богатству жителей.

Пріѣхали мы, когда уже было темно и всѣ сидѣли въ попотѣ. Когда мы появились тамъ, полковникъ, здороваясь съ нами, сказалъ: — а я уже безпокоился, не напали-ли на васъ медвѣди. — Ѣздившій со мною офицеръ подробно разсказалъ ему о своихъ впечатлѣніяхъ отъ поѣздки, особенно поразила его привѣтственная рѣчь пастора и радушный пріемъ.

— Когда-же мы поѣдемъ еще куда-нибудь? — спросилъ онъ меня, окончивъ свой докладъ.

— Очень скоро, — отвѣчалъ я ему. — Послѣзавтра поѣдемъ въ Мостовое. Я назвалъ ему большое торговое село, находившееся верстахъ въ 18 отъ нашей станціи. — Только туда надо взять побольше людей, — добавилъ я, — такъ какъ не знаю, какъ насъ тамъ встрѣтятъ.

Полковникъ тутъ-же распорядился, чтобы все было готово къ нашей поѣздкѣ, и приказалъ взять съ собою взводъ «chasseurs d'Afrique». Проведя слѣдующій день въ обычныхъ занятіяхъ, мы улеглись пораньше спать, чтобы какъ слѣдуетъ отдохнуть передъ предстоящей поѣздкой въ с. Мостовое.

Проснувшись рано утромъ и наскоро выпивъ кофе, мы сѣли на поданныхъ намъ лошадей и отправились на ферму, находящуюся приблизительно въ верстѣ отъ станціи. Тамъ стоялъ эскадронъ кавалеріи. Отъ этого эскадрона былъ назначенъ взводъ для поѣздки съ нами въ Мостовое.

Командиръ эскадрона и два офицера ожидали насъ съ завтракомъ, послѣ котораго мы пустились въ путь. Съ нами поѣхалъ одинъ ихъ офицеровъ эскадрона и русскій переводчикъ при этомъ эскадронѣ, царскосельскій гусаръ князь Гагаринъ, молодой человѣкъ съ не дѣйствующей отъ раненія рукой. Погода испортилась, дулъ холодный сѣверный вѣтеръ. Лошади все время скользили по обледенѣвшей дорогѣ. Мы пошли напрямикъ полемъ и скоро достигли небольшой деревушки, гдѣ сдѣлали привалъ, зайдя погрѣться въ хату старосты. Старосты не было дома — уѣхалъ по дѣламъ въ Мостовое. Принимали насъ женщины. Меня и князя онѣ приняли тоже за французовъ и удивлялись, какъ мы чисто говоримъ по русски.

— Мы, французы, вѣдь, Ваши союзники и потому должны были учиться говорить по вашему, — подшутилъ надъ ними князь.

— Вотъ, спасибо Вамъ, что Вы такіе добрые, — говорила жена старосты, — и по нашему научились и къ намъ пришли.

— Дастъ Богъ, и порядокъ у насъ заведете, а то ужъ очень плохо у насъ стало жить, — такъ плохо, что хуже нѣтъ. Вотъ, были у насъ нѣмцы — хорошо было, тихо, да удрали домой, говорятъ, у нихъ тоже свобода вышла, они и бросили насъ. Мы уже и боимся, что и Вы тоже насъ покините и домой пойдете, а теперь скоро весна, пахать и сѣять надо; а если Вы уйдете, то лучше за это и не браться. Мой мужъ хотѣлъ ѣхать завтра на Колосовку — спросить Вашего полковника, можно-ли будетъ сѣять въ этомъ году, надо-бы было яровой пшеницы купить, да боимся — кто его знаетъ, что будетъ. Говорятъ, что или большевики опять прійдутъ, или Петлюра, — кто ихъ знаетъ.

— А много у Васъ земли? — спросилъ я ее.

— Да десятинъ семь будетъ.

— Ну, а у пановъ берете еще землю? — спрашивалъ я.

— Брали съ половины раньше, а теперь перестали — и своей довольно. Все равно хлѣба не продавать, а реквизируютъ, а для себя намъ и этого довольно. Много у насъ земли пустой стоитъ, — продолжала она, — помѣщики не сѣютъ, а наши тоже не берутъ.

Около хаты, куда мы вышли, собралась вся деревня. Всѣ съ любопытствомъ разглядывали и пересмѣивались съ солдатами. Когда мы вышли на дворъ, всѣ моментально сняли шапки и стали низко кланяться; я поздоровался съ ними. Какой-то старикъ сталъ благодарить насъ за то, что мы пришли къ нимъ.

— Вы же наши союзники и спасители, — говорилъ онъ, — какъ Вы пришли, у насъ стало тихо — а то одинъ другого боимся. Жить нельзя, — такого надѣлали съ той революціей.

Мы попрощались и двинулись дальше. Проѣхавъ верстъ десять, мы наконецъ достигли Мостового. Это оказалось большое торговое мѣстечко съ значительнымъ количествомъ еврейскаго населенія. Разспрашивая по дорогѣ, гдѣ волостное правленіе, мы ѣхали по улицамъ мѣстечка, сопровождаемые любопытными взглядами мѣстныхъ жителей. Въ волостномъ правленіи было много народу, — нашъ неожиданный пріѣздъ ихъ очень удивилъ. — «Французы пріѣхали» — говорили они съ довольными лицами. Къ волости сталъ собираться народъ, и скоро большая толпа собралась на площади. Офицеры эскадрона и князь Гагаринъ вышли на крыльцо къ солдатамъ, опасаясь враждебныхъ намѣреній со стороны населенія и желая послушать, что говорятъ собравшіеся. Пробывъ тамъ нѣкоторое время, они, успокоенные, вошли въ комнату, гдѣ мы сидѣли, и сообщили, что настроеніе жителей самое благожелательное.

Въ это время должностныя лица вытащили на свѣтъ Божій разнаго рода предписанія и распоряженія петлюровскихъ властей и просили меня ознакомиться съ ними. Это были распоряженія, касающіяся мобилизацій, реквизицій, отобранія земель отъ помѣщиковъ, приглашенія на какіе-то съѣзды и т. д. — Мы, — говорили должностныя лица, — ничего не исполнили изъ этихъ предписаній, люди не хотятъ слушаться петлюровцевъ. Всѣмъ уже надоѣла свобода — порядка хотятъ люди. При нѣмцахъ было тихо, а петлюровцы опять хотятъ все перевернуть; вотъ, слава Богу, Вы пришли, и всѣ спокойны теперь. На весну сѣять скоро надо, а то все боялись за работу браться.

Присутствующіе кивали одобрительно головами и подавали различнаго рода реплики, выражающія сочувствіе говорившему, какъ это дѣлается обыкновенно на сельскихъ сходахъ.

— Ну, а какъ Вамъ было при нѣмцахъ? — спросилъ я.

— Хорошо, — отвѣчали они. — Хорошимъ людямъ хорошо было, а вотъ тимъ шо треба нимци заглядали «пидъ хвистъ», — сказалъ кто-то. Всѣ засмѣялись. — А щожь, такъ и треба, — добавилъ говорящій, — безъ цього не буде порядку.

Затѣмъ стали разспрашивать о томъ, когда-же пріѣдетъ начальство? Безъ него, говорили они, никакъ нельзя: нуженъ мировой судья, слѣдователи, полиція. Затѣмъ, тутъ-же кто-то изъ присутствующихъ сообщилъ, что изъ Ананьева, гдѣ находятся петлюровцы, пріѣхали люди, ѣздившіе туда на съѣздъ крестьянъ, и разсказываютъ, что петлюровцы, такъ же какъ и большевики, учатъ ихъ отбирать землю у помѣщиковъ и богатыхъ крестьянъ, грабить скотъ и другое имущество и что черезъ ихъ мѣстечко проходитъ телеграфная линія, по которой петлюровцы передаютъ свои распоряженія. Однимъ словомъ, видно было, что, какъ большевики, такъ и петлюровцы, сочувствіемъ сельскаго населенія не пользуются и при малѣйшей надеждѣ на то, что власти ихъ будетъ положенъ предѣлъ, населеніе испытываетъ чувство живѣйшей радости. Изъ разспросовъ я узналъ, что нѣкоторые помѣщики живутъ до сихъ поръ по своимъ усадьбамъ. Мѣстные крестьяне ихъ никого не трогали, но боялись за чужихъ, теперь же — съ приходомъ французовъ — никто изъ чужихъ не посмѣетъ производить никакихъ насилій. Также много разсказывали про дѣйствія мѣстныхъ евреевъ, которые, какъ они говорили, «прямо показились» послѣ революціи, особенно при Керенскомъ, при нѣмцахъ-же ихъ успокоили.

Изъ волости мы, напутствуемые самыми теплыми пожеланіями и привѣтствуемые глубокими поклонами, отправились на телеграфъ, гдѣ дѣйствительно оказалось, что штабы петлюровскихъ войскъ сносились изъ Ананьева чуть-ли не съ Одессой. Забравъ копіи всѣхъ телеграммъ и прервавъ сообщеніе, мы поѣхали домой. Телеграфные чиновники были очень довольны тѣмъ, что у нихъ прекратилась связь съ петлюровцами. — Мы очень боялись отвѣтственности, — говорили они, — за ихъ дѣйствія, но въ то же самое время ничего не могли подѣлать, — власти никакой нѣтъ, петлюровцы командуютъ, мы должны подчиниться.

Въ такомъ родѣ я сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ по окрестнымъ селамъ и деревнямъ, и всюду насъ принимало населеніе радостно и привѣтливо. Видно было, что дѣйствительно всѣ жадно ждутъ порядка, всѣмъ хотѣлось заниматься своими дѣлами и жить мирною жизнью. Побывалъ я и въ нѣсколькихъ усадьбахъ. Тамъ тоже наступило успокоеніе, ждали весны, чтобы приступить къ полевымъ работамъ, надѣясь на то, что съ помощью французовъ, порядокъ будетъ прочно установленъ. Всѣ вѣрили, что анархіи уже конецъ, и ни у кого въ мысляхъ не было, что въ одинъ прекрасный день французы неожиданно для всѣхъ уйдутъ.

Совершенно неожиданно съ поѣздомъ изъ Одессы прибылъ какой-то пожилой господинъ, который сталъ разыскивать полковника Жэ, и, когда ему указали его канцелярію, то отправился прямо къ нему и, побывъ тамъ нѣкоторое время, вышелъ и обратился ко мнѣ, говоря, что онъ присланъ Херсонскимъ губернаторомъ замѣнить меня при французскомъ командованіи и что я долженъ сейчасъ-же ѣхать въ Одессу къ губернатору, который имѣетъ на меня какіе-то виды. Я былъ очень удивленъ такимъ распоряженіемъ, да еще переданнымъ на словахъ, такъ какъ никакого письменнаго предписанія прибывшимъ привезено не было.

Я отвѣтилъ, что я обыкновенно по вечерамъ посылаю губернатору телеграмму и что я сообщу губернатору о его прибытіи и запрошу о себѣ. Это очень не понравилось пріѣхавшему, который очевидно хотѣлъ какъ можно скорѣе приступить къ своимъ обязанностямъ и избавиться отъ меня. Видя это, я успокоилъ его тѣмъ, что онъ можетъ немедленно считать себя исполняющимъ обязанности при французскомъ командованіи и идти къ полковнику въ кабинетъ говорить и представлять просителей. Онъ такъ и сдѣлалъ и, появившись къ ужину вмѣстѣ съ полковникомъ Жэ, имѣлъ очень сконфуженный видъ, — не зная почти французскаго языка, онъ не могъ лично безъ переводчика говорить съ полковникомъ, да и порядокъ управленія мѣстнымъ краемъ ему не былъ знакомъ, такъ какъ раньше онъ служилъ въ Царствѣ Польскомъ.

Полковникъ имѣлъ видъ сумрачный. Послѣ ужина онъ пригласилъ меня къ себѣ и заявилъ, что онъ не хочетъ отпускать меня отъ себя. Поблагодаривъ за вниманіе, я отвѣтилъ, что долженъ ѣхать, и сказалъ, что, если онъ хочетъ имѣть меня при себѣ, то пусть напишетъ объ этомъ по начальству. — Я увѣренъ, что Генералъ-губернаторъ Ваше желаніе исполнитъ и меня опять пришлетъ къ Вамъ.

Въ то же самое время въ Вознесенскѣ, находящемся отъ насъ въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ, и въ его окрестностяхъ царствовали петлюровцы. Пріѣзжающіе оттуда разсказывали ужасныя вещи про ихъ дѣйствія: произволъ и насиліе у петлюровцевъ были такіе, какъ у большевиковъ. Особенно свирѣпствовалъ какой-то желѣзнодорожникъ, кажется, машинистъ изъ Вознесенска по фамиліи Казубскій. Поэтому населеніе вознесенскаго раіона было очень заинтересовано въ скорѣйшемъ приходѣ туда французовъ, и къ нимъ постоянно являлись не только частныя лица, но и представители гражданскаго самоуправленія и сельскія власти узнать, когда-же наконецъ мы двинемся впередъ. Они весьма резонно указывали на то обстоятельство, что прочно занимать линію ж. д. Одесса-Николаевъ можно только тому, кто владѣетъ Вознесенскомъ, такъ какъ тамъ находится водопроводъ, дающій воду для всей линіи. — Закроютъ воду — и поѣзда Ваши станутъ, — говорили они.

Находившіеся въ Вознесенскѣ петлюровцы по отношенію къ французамъ вели себя сдержанно. Полковникъ Жэ пытался вступить съ ними въ сношеніе по поводу открытія ж. д. сообщенія съ Вознесенскомъ, но изъ этого ничего не вышло, такъ какъ тамъ, собственно говоря, дѣйствовали отдѣльныя банды, съ которыми установить какіе нибудь договоры было очень трудно.

Въ одинъ прекрасный день по телефону изъ Вознесенска запросили разрѣшенія командира отряда прибыть на станцію Колосовку начальнику кавалерійской дивизіи войскъ У. Н. Р. — то есть петлюровцевъ. Командиръ страшно переполошился, но далъ свое согласіе, указавъ, какое количество человѣкъ можетъ пріѣхать съ начальникомъ дивизіи. Приняли мѣры охраны, разставили пулеметы, установили по пути пушки, собрали людей и стали ждать.

Въ скоромъ времени пришелъ паровозъ и съ нимъ классный вагонъ, изъ котораго сначала вынесли желто-голубой флагъ огромныхъ размѣровъ, затѣмъ вышло нѣсколько человѣкъ, обвѣшанныхъ по товарищески оружіемъ, и наконецъ появился «начальникъ дивизіи». Стоявшій рядомъ со мною штабсъ-ротмистръ Астраханскаго полка Л., не разсчитавъ своего голоса, обращаясь ко мнѣ слишкомъ громко, сказалъ: — Ахъ, сукинъ сынъ, да, вѣдь, это нашего полка ротмистръ! — и назвалъ его фамилію. Тотъ, услыхавъ свое имя, обернулся, встрѣтился глазами съ говорившимъ и страшно сконфузился, но, затѣмъ оправившись, подошелъ къ нему и протянулъ руку со словами: — Какая неожиданная встрѣча!

Старые однополчане обмѣнялись, къ великому удивленію стоявшихъ на перронѣ французовъ, рукопожатіемъ и стали оживленно разговаривать, но ихъ разговоръ прервалъ адъютантъ Женэ, позвавъ «начальника дивизіи» къ полковнику. Я пошелъ вслѣдъ за нимъ и присутствовалъ все время при разговорѣ. Изъ этого разговора я убѣдился, что на петлюровцевъ уже напираютъ большевики, и они хотятъ попробовать войти въ сношенія съ французами, чтобы въ случаѣ нужды имѣть у нихъ защиту отъ большевиковъ. Полковникъ Жэ былъ въ полной увѣренности, что имѣетъ дѣло съ настоящимъ начальникомъ дивизіи и потому слушалъ ротмистра съ довѣріемъ и вниманіемъ. Я не утерпѣлъ и тутъ же сказалъ, что это просто ротмистръ Астраханскаго полка, никакой дивизіи у него подъ начальствомъ нѣтъ и что было-бы хорошо выяснить, какое количество людей находится у него подъ командой. Когда полковникъ задалъ ему черезъ переводчика подобные вопросы, то «начальникъ дивизіи» страшно переконфузился и старался объяснить, что дивизія его находится въ періодѣ формированія, что пока людей у него немного, но при ихъ содѣйствіи онъ борется и весьма успѣшно съ анархіей. На это полковникъ посовѣтовалъ ему продолжать борьбу съ анархіей, но не дѣлать ее самому, такъ какъ у насъ имѣются точныя данныя обо всемъ томъ, что происходитъ въ Вознесенскѣ. Прощаясь съ нимъ, полковникъ, назвавъ его «mon capitain», ушелъ къ себѣ, а сконфуженный ротмистръ поплелся въ свой вагонъ, около котораго стояли пріѣхавшіе съ нимъ люди и развѣвался желто-синій флагъ. Лишь подойдя къ своимъ, ротмистръ немного оправился и, поднявъ голову, вошелъ въ вагонъ. Поѣздъ тронулся и, какъ-бы для поднятія престижа петлюровской депутаціи, на площадкѣ появился типъ дѣйствительно съ разбойничьей рожей. «Казубскій!» — раздалось со всѣхъ сторонъ. Желѣзнодорожники узнали своего бывшаго сослуживца, пользующагося въ настоящее время такою извѣстностью въ Вознесенскѣ и его окрестностяхъ.

На слѣдующій день я собрался уѣзжать. Шумно пообѣдавъ въ «попотъ» и выпивъ по случаю моего отъѣзда болѣе, чѣмъ обыкновенно, въ томъ числѣ и нѣсколько бутылокъ шампанскаго, мы, во главѣ съ полковникомъ Жэ, снимались компаніей на станціи, при чемъ меня одѣли въ зуавскую шешія и куртку, мѣхомъ наружу, а мою шубу надѣлъ мой пріятель докторъ. Въ такомъ видѣ мы увѣковѣчили свое пребываніе на ст. Колосовка. Нѣсколько офицеровъ и докторъ, воспользовавшись добродушнымъ настроеніемъ полковника, попросились въ отпускъ и поѣхали со мною въ Одессу. Прощаніе со всѣми было трогательно. Полковникъ многозначительно сказалъ, что мы еще увидимся, а адъютантъ Жене добавилъ — «и вмѣстѣ поѣдемъ въ Кіевъ.»

Губернаторъ, къ которому я явился сейчасъ-же по прибытіи, сконфузился при видѣ меня и, какъ-бы извиняясь, сталъ говорить, что онъ прислалъ мнѣ на смѣну Ивана Ивановича потому, что я навѣрно уже очень соскучился на глухой

станціи, что я буду нуженъ ему здѣсь, что уже пора приступать къ формированію кадровъ администраціи того уѣзда, гдѣ я буду начальникомъ, и т. д. и какъ-бы случайно добавилъ, — «очень ужъ меня просили дать какое нибудь мѣсто этому С... и.»

Я отправился домой и сталъ отдыхать. Изъ канцеляріи губернатора меня не безпокоили, жалованія мнѣ никакого не заплатили и, очевидно, про меня совсѣмъ забыли.

Мое возвращеніе въ Одессу обратило на себя вниманіе землевладѣльцевъ мѣстности, прилегающей къ Колосовкѣ. Успокоеніе, наступившее въ этомъ районѣ уѣзда, они относили къ результатамъ моей дѣятельности и поэтому стали выражать свое желаніе, чтобы я опять ѣхалъ туда. Я рекомендовалъ имъ по этому поводу обратиться къ губернатору. Черезъ нѣсколько дней меня вызвали изъ канцеляріи къ губернатору. Явившись къ нему въ назначенное время, я услыхалъ отъ него, что онъ отнюдь не считаетъ мою дѣятельность оконченной, а лишь только временно прерванной для заслуженнаго мною отдыха — и что на дняхъ онъ отдастъ приказъ о назначеніи меня на должность начальника уѣзда, и тогда мнѣ прійдется опять показать свою энергію и опытъ.

Въ это время я, живя въ Одессѣ, видѣлъ, что несмотря на то, что городъ былъ наполненъ иностранными войсками, что приступили къ формированію русскихъ воинскихъ частей, происходитъ что-то неладное, порядка, который былъ при нѣмцахъ, не было: по вечерамъ раздавалась по улицамъ стрѣльба, никто за этимъ не наблюдалъ и не старался этого прекратить. Были также постоянные случаи ограбленія на улицахъ прохожихъ, налеты на квартиры и т. д. Однимъ словомъ, чувствовалась слабость власти. О движеніи французовъ впередъ ничего не было слышно. Были заняты ими лишь Одесса, Николаевъ и Херсонъ, и станціи Колосовка и Раздѣльная, — дальше дѣйствовали петлюровцы, а за ними большевики. Такимъ образомъ, небольшой лишь клочокъ земли пользовался защитою иностранныхъ войскъ, которыя все время увеличивались въ своемъ числѣ. Изъ газетъ видно было, что французское командованіе вступило, пока что, на путь «переговоровъ». Пріѣзжали отъ петлюровскихъ властей какіе-то представители, министры, члены директоріи и т. д. Всѣхъ ихъ принималъ генералъ д'Ансельмъ и о чемъ-то съ ними договаривался.

Въ это время, пріѣзжающіе по линіи ж. д. Кіевъ-Одесса мои знакомые мнѣ разсказывали, что на Бирзулѣ и другихъ станціяхъ ж. д. вывѣшено объявленіе, въ которомъ говорится, что въ раіонѣ Колосовки, совмѣстно съ имперіалистическими французскими войсками, дѣйствуетъ наемникъ помѣщиковъ и капиталистовъ Майбородовъ, который является врагомъ Украинской Народной Республики, и что каждый долженъ его арестовать и немедленно доставить въ распоряженіе украинскихъ властей для сужденія по законамъ военнаго времени.

Такъ оцѣнили петлюровцы мою дѣятельность въ Колосовкѣ. Объ этомъ я хотѣлъ довести до свѣдѣнія французскаго командованія и съ этой цѣлью отправился въ ихъ штабъ. Въ штабѣ дежурный офицеръ, которому я подробно разсказалъ свое дѣло, рекомендовалъ мнѣ лично побывать у генерала Д'Ансельма, къ которому какъ разъ являются петлюровскія власти для какихъ-то переговоровъ. — «Генералу будетъ интересно услышать отъ Васъ о двуличности петлюровцевъ», говорилъ онъ. Въ тотъ-же день я отправился къ генералу Д'Ансельму. Въ обсерваторномъ переулкѣ, въ роскошномъ особнякѣ барона Масса помѣщался генералъ. Допустили меня къ нему безъ всякихъ затрудненій. Въ пріемной меня встрѣтилъ молодой офицеръ, которому пришлось подробно разсказать

свое дѣло; выслушавъ, офицеръ попросилъ меня подождать, а самъ пошелъ докладывать генералу. Я остался одинъ въ большомъ залѣ. Роскошная обстановка какимъ-то чудомъ уцѣлѣла въ неприкосновенности, несмотря на предшествующее владычество большевиковъ. Все было въ полномъ порядкѣ, полы, натертые воскомъ, блестѣли и въ комнатахъ было тепло и уютно. Меня попросили въ кабинетъ къ генералу. При входѣ, на встрѣчу мнѣ поднялся пожилой, красивый генералъ; сѣдые усы, прямой носъ, привѣтливые и живые глаза привлекали невольно вниманіе. Я представился, генералъ заявилъ, что очень радъ поговорить съ лицомъ, проведшимъ все время на фронтѣ съ полковникомъ Жэ, что отъ меня онъ надѣется услышать много интереснаго. Я началъ излагать ему, что побудило меня явиться къ нему, генералъ перебилъ меня и сказалъ, что офицеръ доложилъ ему объ этомъ подробно, съ моихъ словъ онъ повторилъ все, что я говорилъ дежурному офицеру. — «Такъ-ли я понялъ,» — задалъ онъ мнѣ вопросъ. И на мой отвѣтъ, что все передано генералу совершенно правильно и точно, генералъ возмущеннымъ тономъ сказалъ, что мы положимъ этому предѣлъ, и попросилъ меня побывать въ штабѣ, гдѣ будутъ приняты соотвѣтствующія мѣры. Я поблагодарилъ и, поднявшись, хотѣлъ откланяться.

— Подождите немного, — сказалъ генералъ, — и разскажите мнѣ про Колосовку. Какъ тамъ помѣщае ся и чувствуетъ себя отрядъ нашихъ войскъ?

Я снова сѣлъ и началъ подробно разсказывать обо всемъ, начиная со дня нашего прибытія на мѣсто. Описалъ подробно отношеніе населенія къ прибывшимъ войскамъ, надежды, которыя возлагаются всѣми на французовъ, и сталъ указывать на то обстоятельство, что такъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ нельзя, въ концѣ концовъ надо устанавливать на мѣстахъ законную власть, — что безъ этого порядка быть не можетъ. Затѣмъ я передалъ генералу о томъ, что, какъ намъ извѣстно со словъ представителей городскихъ самоуправленій города Вознесенска, населеніе этого города жаждетъ избавиться отъ царящей тамъ, благодаря присутствію петлюровцевъ, анархіи, — съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прихода французскихъ войскъ — и доложилъ, что въ Вознесенскѣ находится водопроводъ, питающій водой линію ж. д. между Одессой и Николаевымъ, и что также находится артиллерійскій складъ съ огромными запасами снарядовъ.

Генералъ Д'Ансельмъ, внимательно меня выслушавъ, сказалъ мнѣ: — «Вы правы — надо обязательно занять Вознесенскъ; плохо лишь то, что онъ стоитъ на другой сторонѣ Буга, — у отряда въ тылу будетъ большая рѣка».

Поблагодаривъ меня за сообщенныя ему свѣдѣнія, генералъ попросилъ меня въ случаѣ надобности обращаться къ нему лично.

Черезъ нѣсколько дней въ французскомъ Штабѣ мнѣ выдали удостовѣреніе, въ которомъ говорилось, что такой-то, состоящій въ качествѣ совѣтника при полковникѣ Жэ, направляется въ его распоряженіе и что всѣ власти французскихъ и «союзныхъ» войскъ должны мнѣ оказывать полное содѣйствіе и защиту.

Все это время меня нѣсколько разъ приглашали къ Херсонскому губернатору на какія-то совѣщанія, которыя ничего не давали и кончались обыкновенно разговорами о текущихъ событіяхъ. Стали поговаривать о нерѣшительности французовъ, о ихъ медлительности, о томъ, что они только занимаются переговорами и въ то же время не позволяютъ организовываться, не позволяютъ ни мобилизаціи, ни назначенія должностныхъ лицъ и т. д. Наконецъ, послѣ того, какъ на посту военнаго Генералъ-Губернатора Генералъ Санниковъ смѣнилъ генерала Гришина-Алмазова, началось что-то похожее на устройство губернскихъ властей. Получилось извѣщеніе изъ ставки объ утвержденіи Генераломъ

Деникинымъ въ должности начальника губерніи С. Г. Пищевича, — тотъ отдалъ приказы о назначеніи начальниковъ уѣздовъ, въ томъ числѣ и меня, и предложилъ приступить къ формированію канцелярій и уѣздной стражи. Мнѣ на должность помощника начальника уѣзда онъ назначилъ смѣнившаго меня при французахъ И. И. С...и.

Пока мы занимались своимъ дѣламъ, событія шли своимъ чередомъ.

По городу стали ходить какіе то темные слухи, передавались сплетни и о томъ, что французовъ обрабатываютъ большевики, называли имена артистокъ, которыя приняли на себя за огромныя деньги эту задачу. Имя Изы Кремеръ, съ которой не разлучался генералъ Д'Ансельмъ, было у всѣхъ на устахъ. Смерть Вѣры Холодной, очень загадочная по своей обстановкѣ, также давала не мало пищи языкамъ. Таинственное исчезновеніе дочери профессора Ускова и т. п. происшествія, о которыхъ говорилъ городъ, давали основаніе предполагать, что дѣйствительно происходитъ что-то непонятное, — но никто не думалъ, что трагическій конецъ такъ близокъ.

Особенно нелестной репутаціей пользовался начальникъ штаба генерала Д'Ансельма полковникъ Фрейденбергъ. Про него говорили, что онъ спекулируетъ во всю, торгуетъ казеннымъ шеколадомъ и другими вещами и, какъ еврей по происхожденію, особенно близокъ къ одесситамъ спекулянтамъ той-же національности.

Французскіе солдаты вели себя на улицѣ плохо, ходили небрежно одѣтыми, очень часто пьяные, на главныхъ улицахъ приставали къ прохожимъ женщинамъ среди бѣла дня. Все это заставляло обывателей задумываться надъ прочностью своего положенія, и болѣе благоразумные, запасаясь валютой и устраивая свои дѣла, стали уѣзжать изъ Одессы. Въ то-же время стало извѣстно, что большевики приближаются, успѣшно ликвидируютъ остатки «войскъ У. Н. Р.» т. е. петлюровцевъ, и не сегодня-завтра войдутъ въ соприкосновеніе съ союзниками, т. е. съ французами и греками. Такъ и случилось въ Херсонѣ и Николаевѣ, — начались военныя дѣйствія, говорили, что французовъ и грековъ побили, что они должны были уходить на суда, съ которыхъ потомъ обстрѣливали городъ, отъ чего очень сильно пострадали мирные жители, и т. д. Стало какъ-то жутко, и въ Одессѣ ночная стрѣльба не способствовала успокоенію обывателей. Такое положеніе дѣлъ побудило французское командованіе быть мягче и приступить къ формированію русскихъ частей. Ожидали мобилизаціи. Затѣмъ появился проектъ созданія какихъ-то смѣшанныхъ франко-русскихъ отрядовъ, но изъ этого ничего не вышло.

Въ это время отъ полковника Жэ пришла къ губернатору бумага, въ которой онъ, указывая на нежелательность перемѣны личнаго состава прикомандированныхъ къ нему лицъ, просилъ распоряженія о возвращеніи меня на прежнее мѣсто. Сообщивъ мнѣ объ этомъ, губернаторъ просилъ меня выѣхать къ полковнику Жэ какъ можно скорѣе, такъ какъ французы рѣшили двигаться дальше и занять Вознесенскъ, гдѣ очевидно и будетъ наша стоянка, пока не перейдемъ въ полное наступленіе для очистки отъ большевиковъ всей Украины. Мнѣ какъ-то не хотѣлось уѣзжать въ такое тревожное время изъ дому, но дѣлать было нечего. Отдавъ распоряженіе своему секретарю и начальнику уѣздной земской стражи о томъ, чтобы они были готовы по моему вызову прибыть въ Вознесенскъ, гдѣ мы вступимъ въ исполненіе нашихъ обязанностей, такъ какъ французы должны занять этотъ городъ, я, не зная, на сколько времени уѣзжаю изъ дому, сталъ приготовляться въ путь и имѣлъ неосторожность взять съ собою вещей въ количествѣ,

необходимомъ для болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія. Поѣздъ на Колосовку отходилъ вечеромъ. Пріѣхавъ на вокзалъ, я отправился къ французскому комиссару станціи, съ которымъ уже былъ знакомъ раньше, и попросилъ меня устроить въ поѣздѣ, идущемъ на Колосовку. Комиссаръ вопросительно посмотрѣлъ на меня и сказалъ, что поѣздъ идетъ всего лишь до Березовки, гдѣ въ настоящее время находится отрядъ полковника Жэ. Я былъ удивленъ такимъ неожиданнымъ перемѣщеніемъ, но ничего не спросилъ и отправился въ указанный мнѣ вагонъ. Поѣздъ двинулся; въ вагонѣ со мною ѣхало нѣсколько русскихъ офицеровъ, одинъ греческій и еще французскій солдатъ, который очень быстро напился пьянъ, сталъ орать пѣсни, а затѣмъ, успокоившись, заснулъ и наполнялъ весь вагонъ своимъ храпомъ. Пока онъ былъ еще трезвъ, онъ успѣлъ объяснить намъ, что везетъ съ собою вагонъ взрывчатыхъ веществъ для подрыва желѣзно-дорожнаго моста. Офицеръ грекъ и русскіе ѣхали къ своимъ частямъ. Оказалось, по ихъ разсказамъ, что на фронтѣ, кромѣ французовъ, уже находятся греки и вновь сформированныя добровольческія части.

На утро мы были на Березовкѣ. Я отправился отыскивать поѣздъ полковника Жэ и скоро нашелъ его на главномъ пути. Въ вагонѣ еще спали; лишь въ столовой, стоя около таза съ водою, фыркалъ и плескался лейтенантъ Жене. Увидѣвъ меня, онъ радостно засмѣялся и, не успѣвъ поздороваться, сталъ разсказывать мѣстныя новости, которыя были неутѣшительнаго характера. Оказалось, что отряду было предложено занять Вознесенскъ, но этого сдѣлать не удалось, такъ какъ пришли большевики, выгнали оттуда моментально петлюровцевъ, которые частью разбѣжались, а частью явились къ французамъ; тѣ ихъ разоружили и отправили въ Одессу. Когда французы стали подходить къ Вознесенску, то большевики обстрѣляли поѣздъ; французы не рѣшились итти дальше и остановились, большевики взорвали путь позади французскихъ поѣздовъ, отрѣзавъ такимъ образомъ отступленіе, и хотѣли было атаковать французовъ, но, встрѣченные огнемъ, бѣжали въ городъ и, думая, что французы будутъ ихъ преслѣдовать, готовились, какъ это я узналъ впослѣдствіи, уходить изъ Вознесенска, — но французы вмѣсто преслѣдованія большевиковъ, исправивъ взорванный путь, отошли обратно на Колосовку.

Въ это время подъ Николаевомъ появился атаманъ Григорьевъ, который рѣшилъ итти на Одессу по линіи ж. д., поэтому, желая вывести отрядъ изъ подъ угрожающихъ ему съ двухъ сторонъ — съ сѣвера и востока — ударовъ, такъ какъ въ Колосовкѣ соединялись двѣ линіи, полковникъ Жэ рѣшилъ отойти на Березовку. Такъ разсказывалъ мнѣ Жене.

Скоро офицеры проснулись и, увидѣвъ меня, стали шумно выражать свое удовольствіе по поводу моего пріѣзда и наперебой разсказывать о происшедшемъ; больше всѣхъ радовался моему пріѣзду докторъ. Изъ разсказовъ я узналъ, что вчера тутъ-же на Березовкѣ шальной пулей раненъ въ голову одинъ молодой русскій офицеръ — переводчикъ, котораго повезли въ Одессу, — рана безусловно смертоносна. Также раненъ въ ногу помощникъ повара, ночью во время сна.

Замѣнявшій меня при французахъ И. И. С., отойдя со мною въ сторону, сталъ разсказывать, что положеніе здѣсь болѣе серьезно, чѣмъ думаютъ объ этомъ французы, такъ какъ они уже выпустили инициативу изъ своихъ рукъ и вмѣсто того, чтобы гнать большевиковъ, какъ дѣлали это нѣмцы, ожидаютъ ихъ наступленія, а обороняться отъ нападенія гораздо труднѣе, чѣмъ нападать самому. И. И., узнавши, что я пріѣхалъ ему на смѣну, былъ очень доволенъ, говоря, что уже надоѣло валяться въ вагонѣ и хочется отдохнуть немного въ Одессѣ, тѣмъ

болѣе, что дома жена его страшно тоскуетъ. При освобожденіи Одессы отъ петлюровцевъ у него было убито два сына мальчика, пошедшихъ добровольцами.

Я пошелъ являться къ полковнику Жэ, который, выразивъ при видѣ меня живѣйшее удовольствіе, сообщилъ мнѣ, что меня прислали немного поздно, такъ какъ его батальонъ сегодня уходитъ въ Одессу, а здѣсь остаются греки; по его мнѣнію, я долженъ былъ оставаться при греческомъ командованіи и дѣйствовать такъ, какъ я дѣйствовалъ при французскомъ. Разсказавъ мнѣ подробно о нападеніи большевиковъ и о томъ, что въ будущемъ оно можетъ повториться, онъ совѣтовалъ мнѣ быть осторожнымъ, такъ какъ лишь вчера смертельно ранили въ голову прапорщика Илецкаго, который ходилъ безъ каски по станціонной платформѣ.

Скоро мы отправились обѣдать. За обѣдомъ было шумно и оживленно, какъ всегда. Полковникъ объявилъ, что сегодня, лишь только прійдетъ смѣна, они уходятъ въ Одессу на отдыхъ. Всѣ были этому очень рады. Русскій переводчикъ капитанъ Ш. и И. И. все время, къ вящшему удовольствію французовъ, пикировались между собою. Они, какъ оказывается, не поладили изъ за первенства. Каждый считалъ себя болѣе близкимъ къ полковнику Жэ, и на этой почвѣ у нихъ были постоянныя недоразумѣнія. За обѣдомъ я узналъ, что въ составѣ отряда, кромѣ батальона французовъ, значительно порѣдѣвшаго, такъ какъ много людей ушло домой по демобилизаціи, было два батальона грековъ, артиллерійская батарея, три танка и нѣсколько ротъ русскихъ добровольцевъ. Танковъ я еще никогда не видѣлъ въ натурѣ, за исключеніемъ кинематографа, и выразилъ свое желаніе посмотрѣть ихъ. Докторъ предложилъ мнѣ повести меня показать ихъ. — Я кстати Васъ познакомлю съ артиллерійскимъ капитаномъ, съ которымъ рекомендую Вамъ поселиться вмѣстѣ въ вагонѣ, онъ Васъ и кормить будетъ. Вамъ съ нимъ будетъ очень хорошо, это тоже мой большой другъ, — добавилъ онъ, считая очевидно такимъ-же и меня.

Послѣ обѣда я пошелъ къ доктору, гдѣ онъ угощалъ меня чернымъ кофе съ коньякомъ и разсказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ.

— Я думалъ, что намъ будетъ совсѣмъ плохо подъ Вознесенскомъ, — говорилъ онъ, — и прійдется уходить пѣшкомъ, такъ какъ захватили путь. Я уже одѣлся, взялъ въ карманъ Вашу карточку (мы съ нимъ обмѣнялись фотографіями), но путь исправили и мы ушли благополучно. Лучше бы было, если-бы Вы тоже поѣхали съ нами сегодня въ Одессу, а то тутъ будетъ опять что нибудь. Знаете, на дняхъ пріѣхалъ къ намъ младшій врачъ, который жилъ у Вашего брата, онъ такъ много разсказывалъ про Вашу семью, что когда Вы пріѣдете домой, то поведите меня къ нимъ. Этому доктору ужасно не хотѣлось уѣзжать изъ Одессы, онъ до сихъ поръ ходитъ грустный.

Въ это время подъ окномъ вагона неожиданно грянулъ пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой, а затѣмъ пошла непрерывная пальба изъ четырехъ орудій расположенной тутъ-же батареи. Я былъ удивленъ, докторъ пожалъ плечами, поднялся и предложилъ мнѣ пойти на батарею. Тамъ онъ познакомилъ меня съ капитаномъ, наблюдавшимъ за стрѣльбой. Капитанъ сообщилъ, что большевики повели наступленіе на нашу позицію, расположенную передъ станціей Березовкой на сѣверной сторонѣ, но что отъ огня его орудій они несутъ большой уронъ и навѣрно скоро прекратятъ наступленіе. Пальба продолжалась еще нѣкоторое время, а затѣмъ по телефону сообщили, что большевики побѣжали. На память о происшедшемъ капитанъ предложилъ мнѣ мѣдную гильзу изъ выпущеннаго снаряда. Поговоривъ нѣкоторое время съ артиллерійскимъ капитаномъ и по-

лучивъ его приглашеніе къ нему въ вагонъ, мы съ докторомъ двинулись дальше по направленію къ стоящимъ подъ горою танкамъ. Къ намъ присоединился Ив. Ив. и сталъ разсказывать о томъ, какъ вчера работали танки, когда показались большевики.

— Жаль только, что полковникъ приказалъ открыть огонь съ предѣльной дистанціи, не подпустилъ ихъ поближе, много-бы ихъ положили, а то они сейчасъ-же разбѣжались и почти никто не пострадалъ.

Когда мы подошли поближе, то увидѣли три или четыре маленькихъ танка, около которыхъ хлопотали люди, прочищая маленькія пушечки и перетирая тряпками и смазывая, гдѣ надо, части механизма. Солдаты при танкахъ заявили, что имъ навѣрное прійдется поработать и сегодня, но будетъ очень нехорошо, если опять прикажутъ открыть огонь съ такой дистанціи, когда ничего нельзя подѣлать. Надо подпустить непріятеля совсѣмъ близко и тогда уже стрѣлять, — это отобьетъ охоту у нападающихъ, а то такъ только роняется авторитетъ танка; разогнать можно и изъ пушекъ, если по нападающимъ стрѣльнуть раза два, — говорили они, — вѣдь, это все мальчишки идутъ, а не настоящіе обстрѣлянные солдаты.

Посмотрѣвъ танки, мы двинулись по домамъ, такъ какъ я собирался перебираться на новое мѣсто къ артиллерійскому капитану, а докторъ и Ив. Ив. готовились къ предстоящему отъѣзду.

Не успѣли мы отойти на нѣсколько шаговъ отъ танковъ, какъ вдали ухнула пушка, черезъ нѣсколько секундъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ взвился столбъ пыли отъ упавшаго снаряда... Разрыва не было. За первымъ прилетѣлъ второй и закопался уже гораздо ближе. Затѣмъ выстрѣлы посыпались одинъ за другимъ, и столбы поднимающейся пыли указывали, что снаряды падаютъ совсѣмъ близко отъ насъ. Мы остановились. Иванъ Ивановичъ послѣ каждаго выстрѣла стремился бѣжать къ мѣсту паденія снаряда, желая его разсмотрѣть поближе. Мы съ докторомъ удерживали его, что было такъ же трудно, какъ заставить смирно лежать на мѣстѣ охотничью собаку, стремящуюся послѣ неудачнаго выстрѣла бѣжать за раненой дичью.

Видя наше поведеніе, солдаты батарей стали кричать намъ — abritez vous, abritez vous, vous êtes fous. — Мы полѣзли подъ стоящій вблизи поѣздъ, гдѣ подъ сосѣднимъ вагономъ съ машинистомъ во главѣ сидѣла кондукторская бригада и ругательски ругалась по адресу большевиковъ. Сидя подъ вагономъ и чувствуя себя какъ-бы въ безопасности, я оглядывался кругомъ, — всюду видны были люди, старающіеся использовать какое нибудь прикрытіе. Неподалеку, подъ стѣнкой какого-то станціоннаго зданія расположился санитарный отрядъ Краснаго Креста, сестры милосердія и санитары сидѣли на корточкахъ; не знаю откуда взявшіеся польскіе офицеры, стоя на мѣстѣ, совершенно безопасномъ, дѣлали видъ, что они совсѣмъ не боятся огня, хотя нервныя движенія указывали на ихъ волненіе; тамъ и сямъ подъ вагонами сидѣли люди въ штатскомъ и въ военной формѣ. Снаряды продолжали сыпаться все чаще и чаще, но къ нашему счастью ни одного разрыва не было и, несмотря на то, что всѣ желѣзнодорожные пути были густо заставлены поѣздными составами, ни одинъ снарядъ не попалъ ни въ вагоны, ни въ станціонныя зданія.

На французской батареѣ было тихо, но видны были какія-то приготовленія: офицеръ что-то вычислялъ и соображалъ; дѣлалъ онъ это совершенно хладнокровно, несмотря на то, что противникъ, зная, очевидно, точно мѣсто нахожденія батареи, засыпалъ насъ снарядами. Окончивши свои вычисленія, онъ ско-

мандовалъ «feu». Одно за другимъ грянули два орудія, стоявшія рядомъ съ нами, а затѣмъ черезъ нѣсколько секундъ два другихъ, стоявшихъ дальше подъ горой, — и такъ чередуясь между собою, обѣ пары орудій открыли бѣглый огонь, заглушая звуки отдаленныхъ большевистскихъ выстрѣловъ. Скоро дождь падающихъ около насъ снарядовъ сталъ гораздо рѣже, а черезъ нѣкоторое время и совершенно прекратился. Какъ оказалось, нашъ бравый капитанъ взялъ вѣрный прицѣлъ, удачными попаданіями перебилъ прислугу и подбилъ непріятельскія пушки, заставивъ ихъ умолкнуть.

Когда все стихло, всѣ съ облегченнымъ сердцемъ стали оставлять свои мѣста. У всѣхъ видъ былъ радостный и довольный. Такъ, послѣ набѣжавшей тучки, застигнутые дождемъ выходятъ изъ своихъ укромныхъ мѣстъ, радуясь тому, что имъ удалось спрятаться отъ неожиданной непогоды.

Нашъ Иванъ Ивановичъ бѣгалъ отъ одного мѣста паденія снаряда къ другому и палкою расковыривалъ взрытую землю, стараясь нащупать неразорвавшійся снарядъ.

Въ это время подъ горой что-то зашумѣло. Оказывается, заработали танки и, пустивъ въ ходъ моторы, какъ какія то гигантскія черепахи, поползли на сѣверовостокъ отъ станціи, — это вдали показались пѣхотныя большевистскія цѣпи, желавшія съ этой стороны обойти станцію. Скоро они скрылись изъ глазъ.

Мы пошли на станцію, тамъ царило необычное оживленіе, — всѣ офицеры стояли кучкой на платформѣ и что-то оживленно говорили между собой; это они разсуждали объ атакѣ большевиковъ, которую тѣ послѣ артиллерійской подготовки повели на станцію Березовку съ указанныхъ выше направленій. Затѣмъ полковникъ Жэ и командиръ 1-го батальона маіоръ Жеро полѣзли на крышу вагона и что-то долго разсматривали въ бинокль. Это они наблюдали за движеніемъ танковъ, идущихъ навстрѣчу наступающимъ большевикамъ.

Скоро выяснилось, что при видѣ танковъ большевики бѣжали, и нападеніе ихъ было пріостановлено.

Въ то же время на позиціяхъ, которыя были приготовлены на сѣверъ отъ станціи по обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги, все время шла оживленная перестрѣлка. Тамъ въ окопахъ были расположены греки и французы, а гдѣ то — кажется, со стороны мѣстечка Березовки — были расположены русскія роты. Съ этими частями перестрѣливались залегшіе большевики. Начало темнѣть, перестрѣлка становилась все оживленнѣй и оживленнѣй. На станцію стали приносить раненыхъ, стало какъ-то больше народа на перронѣ, начали появляться фигуры греческихъ солдатъ и офицеровъ, которые что-то кричали, кого-то ругали. Станціонные служителя, какіе-то штатскіе съ блѣдными лицами передавали слухи, говорили, что м. Березовку заняли большевики, кого-то уже тамъ разстрѣляли и т. д. Намъ не сидѣлось на мѣстѣ, мы съ Иваномъ Ивановичемъ то входили въ вагонъ, то выходили на станцію, то стояли гдѣ нибудь въ сторонѣ, соображая, что дѣлать въ дальнѣйшемъ. — «Кепске — проше пана» — говорилъ Иванъ Ивановичъ мнѣ, вспоминая польскій языкъ. — «Цо то бендзе, цо то бендзе», — острилъ онъ, — «а я на всякій случай здѣсь для насъ съ Вами подводу держу. Приказалъ стражникамъ задержать одного подводчика, можетъ какъ нибудь вывеземъ наши вещи, а то видно, что плохо будетъ.» — Дѣйствительно за станціоннымъ домомъ стояла парная повозка, на которой сидѣлъ мужикъ съ опущенной головой и тихо просилъ стоящихъ стражниковъ: — «та пустить мене до дому.» — «Намъ не приказано — отвѣтилъ ему стражникъ — будетъ время, пустимъ.» — Мы вынесли изъ вагона наши вещи и положили ихъ на подводу, нашъ

мужикъ повеселѣлъ, — «а чи скоро будемъ їхать?» — спросилъ онъ. — «Скоро, скоро,» — отвѣтилъ я ему, не зная совершенно ничего о томъ, что будетъ дальше.

Войдя на станцію, мы увидѣли всѣхъ нашихъ офицеровъ, стоящихъ у стола и наскоро закусывающихъ.

— M. Wladimir — закричалъ мнѣ Жене, — иди ѣсть, а то сегодня намъ большевики не дадутъ поужинать.

Во время ѣды шли оживленные разговоры, говорили, что большевики стрѣляютъ безъ остановки по нашимъ, сидящимъ въ окопахъ. Дѣйствительно все время слышалась непрерывная, частая ружейная перестрѣлка. Закусивши, я вышелъ опять на перронъ, гдѣ солдатъ было все больше и больше, они какъ-то толкались безъ дѣла въ полномъ снаряженіи. Я спросилъ лейтенанта Шантепи, — откуда они и что это значитъ? Онъ при мнѣ задалъ такой-же вопросъ нѣкоторымъ зуавамъ. — «Раненаго принесли» — отвѣтили они. Подъ видомъ сопровожденія раненыхъ были просто ушедшіе съ позицій, особенно много было грековъ. На это обратили вниманіе и, найдя какого-то офицера, Шантепи сталъ требовать отъ него, чтобы онъ отвелъ своихъ людей на прежнія мѣста. Шантепи кричалъ и горячился, греческій офицеръ безпомощно развелъ руками, а въ это время на перронѣ и вблизи станціи солдатъ появлялось все больше и больше. Маіоръ Жеро, подойдя къ полковнику, сказалъ, что греки уже отправляютъ свои обозы, и дѣйствительно къ станціи приближались вьючные мулы. Полковника позвали къ телефону. Оказывается, его пригласилъ генералъ Д'Ансельмъ. Поговоривъ по телефону, полковникъ Жэ сообщилъ, что приказано держаться до послѣдней возможности. Мнѣ стало какъ-то жутко. Я ощупалъ свой револьверъ, отстегнулъ крышку кобуры и пересчиталъ, сколько имѣется въ запасѣ патроновъ.

— А у меня даже револьвера нѣтъ, — сказалъ Иванъ Ивановичъ, — нечѣмъ будетъ и застрѣлиться, если насъ захватятъ большевики.

Мы оба были увѣрены, что прійдется принять участіе въ отраженіи нападенія большевиковъ на станцію. Стрѣльба стала слышаться все ближе и ближе. Вдругъ кто то изъ русскихъ офицеровъ — переводчиковъ, прибѣжавъ на станцію, крикнулъ: — «Большевики занимаютъ передніе вагоны!» Станція была забита поѣздными составами, которые нельзя было увести, такъ какъ было недостаточно воды для всѣхъ паровозовъ, большевики уже нѣсколько дней закрыли воду въ Вознесенскѣ, и воду доставляли на станцію въ цистернахъ изъ Одессы.

Сообщеніе прибѣжавшаго офицера подтвердилось. Маіоръ Жеро вызвалъ роту пулеметчиковъ и, расположивъ ее передъ самой станціей, открылъ огонь по вагонамъ.

Ко мнѣ подошелъ лейтенантъ Шантепи и сказалъ мнѣ: — не теряйте меня изъ виду, мы сейчасъ уходимъ. — Я передалъ это Ивану Ивановичу, и мы съ нимъ устремились вслѣдъ за Шантепи къ зданію станціи, тамъ съ оконъ снимали пулеметы и всѣ постепенно выходили. Иванъ Ивановичъ, крикнувъ мнѣ, что онъ пойдетъ отправить подводу съ вещами, потащилъ за собою Шантепи, а я остался съ лейтенантомъ Жене, который, хватая со стола бумаги, совалъ ихъ въ горящую печку, я помогалъ ему въ этомъ. Когда все было окончено, я обратилъ вниманіе, что въ зданіи никого не было; лишь въ сосѣдней комнатѣ сидѣлъ желѣзно-дорожный служащій, блѣдный, съ дрожащей челюстью, и смотрѣлъ въ одну точку.

— Идемъ — крикнулъ мнѣ Жене и направился къ выходу.

— Вы забыли бинокль — сказалъ я, схвативъ со стола большой военный бинокль и передавая ему.

— Это не мой, мой на мнѣ. Берите себѣ, пригодится въ дорогѣ. — Я взялъ

и вышелъ на перронъ. Пулеметчики, прекративъ огонь, уже ушли; мы, видя себя послѣдними, побѣжали и скоро нагнали молча идущихъ солдатъ.

— Compagnie hors rang? — спрашивалъ Жене. Ему отвѣтили, что впереди, и мы ускорили шаги и скоро догнали нашъ штабъ полка, идущій во главѣ команды писарей и другихъ составляющихъ Compagnie hors rang 1 R. M. d'Afrique; не было только полковника и доктора.

Станція Березовка расположена въ глубокой долинѣ, идущей съ сѣвера на югъ. Съ востока на западъ эту долину замыкаютъ довольно высокіе холмы. По этой-то долинѣ и проходитъ линія желѣзной дороги Одесса-Бахмачъ. Приблизительно въ верстѣ или больше на югъ отъ станціи долину эту пересѣкаетъ подъ прямымъ угломъ небольшая болотистая рѣчка, черезъ которую перекинутъ желѣзно-дорожный мостъ; приближаясь къ рѣкѣ, мѣстность значительно понижается и вслѣдствіе этого линія желѣзной дороги проходитъ по все поднимающейся насыпи. Такимъ образомъ, идя на югъ, мы съ каждымъ шагомъ впередъ скрывались все глубже и глубже за насыпью, и скоро съ нашей лѣвой стороны были совершенно закрыты ею, съ правой-же стороны, разстилалась широкая степь, на которой ничего не было видно и все было спокойно. Почувствовавъ себя въ безопастности отъ выстрѣловъ и не видя за собой преслѣдованія, мы пріободрились, — всѣмъ стало легче, начали разговаривать въ полъ голоса. Кто закурилъ, но сейчасъ-же потушилъ папиросу, послѣ окрика лейтенанта Жене. Сзади все было тихо. Мы шли быстро и скоро нагнали подводу съ нашими вещами, которую сопровождали два пѣшихъ стражника. Подвода поѣхала за нами. Черезъ нѣсколько времени показался желѣзно-дорожный мостъ, взошла луна и своимъ блѣднымъ свѣтомъ освѣтила окрестности. Мы поднялись на насыпь, по обѣ стороны которой разстилалась широкая, пустынная долина, и лишь по насыпи желѣзной дороги видна была растянувшаяся колонна отступающихъ войскъ. Солдаты шли въ полномъ снаряженіи, а греки вели въ поводу вьючныхъ муловъ и маленькихъ хорошенькихъ осликовъ. Скоро передовые вступили на мостъ и стали переходить черезъ нерo. Съ насыпи я видѣлъ нашу подводу, которая въ нерѣшительности оставновилась на берегу рѣчки, — переправы не было. На мосту началось какое-то замѣшательство, послышались крики и ругань, — ругались французы, греки цокали и что-то кричали въ отвѣтъ, чего никто не понималъ. Подойдя ближе, мы увидѣли, что на мосту, не приспособленномъ для ѣзды и пѣшеходовъ, нѣтъ сплошной деревянной настилки, а доски лежатъ съ промежутками. По мосту греки повели своихъ муловъ иословъ, вьюченныхъ пулеметами и другимъ военнымъ имуществомъ. Эти несчастныя животныя попадали ногами въ промежутки между досками, падали, калѣчились и не могли подняться. Скоро мостъ былъ забитъ такими упавшими мулами, и, только лавируя между ними, можно было пройти по нему.

Перейдя на другой берегъ рѣки, мы остановились около моста и стали смотрѣть въ сторону Березовки, — тамъ была полная тишина. Черезъ мостъ проходили послѣдніе люди, и скоро никого не осталось на той сторонѣ. Мы съ Шантепи продолжали стоять и задумчиво смотрѣть. Наши спускались съ насыпи и взяли направленіе на востокъ. За мостомъ на другомъ берегу мелькнуло нѣсколько огоньковъ и раздались выстрѣлы — это по насъ выпалили подошедшіе къ мосту развѣдчики. Мы моментально скрылись за насыпью и скоро присоединились къ своимъ. Будучи увѣрены, что большевики отрѣзали намъ отступленіе на югъ, занявъ слѣдующую за Березовкою станцію, мы рѣшили описать по степи дугу и выйти на линію желѣзной дороги южнѣе.

Роты французовъ и грековъ расходились въ юго-восточномъ направленіи по различнымъ полевымъ дорожкамъ. На наше счастье теплый весенній день смѣнился ясной морозной ночью, и оттаявшая за день подъ горячими лучами солнца степь стала твердой какъ камень, и намъ можно было итти легко и свободно. На ходу всѣ громко разговаривали, курили и смѣялись, чувствуя, что опасность миновала. Мы ожидали услышать звуки отъ взрыва моста, но ничего не было слышно, очевидно вагонъ со взрывчатыми веществами остался на Березовкѣ. На перекресткѣ двухъ полевыхъ дорогъ мы встрѣтились съ батальономъ грековъ, которые на ходу не переставали что-то кричать, волноваться, цокать; вся дорога ихъ отступленія была усѣяна бросаемыми ими предметами снаряженія, — валялись каски, одѣяла, патронташи и т. д. Очевидно, не втянутымъ въ походную жизнь солдатамъ тяжело было нести полное походное снаряженіе, и они себя постепенно облегчали.

При видѣ насъ, изъ рядовъ по русски кто-то сталъ кричать намъ — стойте, Ваше Высокоблагородіе; мы съ Иванъ Ивановичемъ пошли на крикъ и увидѣли одного изъ двухъ стражниковъ, бывшихъ съ нашими вещами. Онъ сталъ просить освободить его отъ грековъ, которые захватили его въ степи, отняли винтовку, дали раза два по шеѣ и приказали вести въ Одессу. Подошелъ греческій переводчикъ, это былъ какой-то юноша почти мальчикъ, типа служащихъ въ Одесскихъ банкирскихъ конторахъ; онъ объяснилъ намъ, что они взяли этого человѣка какъ проводника и не знаютъ, кто онъ, не будучи увѣрены, что это не большевикъ. Мы сообщили, что это полицейскій стражникъ, сопровождавшій наши вещи. Греки просили оставить его у нихъ, говоря, что они могутъ безъ проводника заблудиться въ степи. Мы имъ это разрѣшили и разошлись. Греки стали удаляться, но еще долго слышался ихъ крикъ и цоканье. Иванъ Ивановичъ, въ которомъ заговорила греческая кровь, тоже началъ волноваться и ругать громко грековъ, которые посмѣли самовольно захватить нашего проводника. На встрѣчу намъ попался всадникъ: это былъ русскій офицеръ изъ эскадрона, который, какъ говорилъ онъ, разсыпанъ по степи, чтобы указывать направленіе отступающимъ; много, говорилъ онъ, идетъ одиночныхъ грековъ и никакъ не могутъ сообразить направленіе.

Скоро насъ опять кто-то окликнулъ по русски, — это былъ нашъ стражникъ, который ухитрился скрыться отъ грековъ.

— Ужъ очень народъ горячій, — говорилъ онъ, — идутъ и кричатъ все время, ихъ за версту слышно, съ ними прямо на большевиковъ наскочишь.

Иванъ Ивановичъ сталъ разспрашивать, что стало съ нашей подводой. Стражникъ отвѣтилъ, что другой стражникъ съ подводчикомъ отправились искать бродъ, но не знаетъ, удалось-ли имъ это, такъ какъ его увели греки.

Нашъ быстрый ходъ постепенно замедлялся и перешелъ въ болѣе медленный.

Вскорѣ лейтенантъ Жене устроилъ привалъ, — всѣ сѣли и стали говорить. Вспомнили объ отсутствующихъ.

— Гдѣ-то нашъ полковникъ и докторъ? спросилъ я, будучи увѣренъ, что они идутъ съ другими ротами.

— Докторъ остался съ ранеными на Березовкѣ, — отвѣтилъ мнѣ лейтенантъ Жене, — я это знаю, онъ говорилъ мнѣ самъ, что не можетъ оставить ихъ однихъ въ рукахъ непріятеля.

Мы вопросительно посмотрѣли съ Иваномъ Ивановичемъ другъ на друга, остальные офицеры спокойно курили, очевидно, не придавая этому обстоятельству значенія. Они еще не знали, что значитъ попасть къ большевикамъ.

— Ну, а полковникъ? — спрашивалъ я.

— О, онъ навѣрное застрѣлился самъ, — отвѣтилъ мнѣ лейтенантъ Шантепи. Остальные молча согласились съ этимъ, такъ какъ всѣ они думали, что самолюбіе стараго офицера, продѣлавшаго всю войну съ «бошами», не позволитъ ему перенести такое позорное пораженіе, нанесенное его отряду какой-то бандой. Какъ-бы желая придать больше значенія силамъ большевиковъ, офицеры стали разсказывать, какъ храбро шли они на окопы, въ которыхъ сидѣли греки и рота французовъ. Шли во весь ростъ и почти не стрѣляя, и даже не нагибая головы; греки открыли огонь по нимъ, когда они еще были очень далеко, а когда подошли на ружейный выстрѣлъ, то стали выскакивать изъ окоповъ и бѣжать на станцію, поэтому французы, видя себя покинутыми греками и будучи въ очень небольшомъ числѣ, давъ нѣсколько залповъ, оставили позицію и ушли на станцію. Лейтенантъ Жене вспомнилъ, что въ поѣздѣ, кромѣ всѣхъ вещей, остался большевикамъ большой запасъ только что присланныхъ изъ Одессы для столовой винъ и всякой провизіи.

Отдохнувъ немного, мы двинулись дальше. Съ приближеніемъ утра итти было все тяжелѣе, силы наши все уменьшались, въ то же время подулъ теплый вѣтерокъ, — степь стала мягче, и на каблуки стала приставать земля: приходилось останавливаться, поднимать по очереди ноги и сбивать землю. Прошли мимо какого-то хутора, расположеннаго близъ степного пруда, разлившагося отъ весенней воды, спустились въ балку, потомъ опять поднялись на возвышенность и, считая, что мы достаточно удалены отъ линіи желѣзной дороги, повернули на югъ, а затѣмъ, пройдя значительное разстояніе, взяли направленіе на юго-западъ, разсчитывая такимъ образомъ выйти на линію желѣзной дороги. Такъ шли всю ночь, по временамъ дѣлая привалы, которые, правду говоря, мало возстановляли наши силы. Казалось, конца не будетъ нашему пути. Привыкнувъ проходить большія разстоянія по степи на охотѣ, я чувствовалъ себя ужъ не такъ плохо, но бѣдный Иванъ Ивановичъ совсѣмъ выбился изъ силъ и все просилъ сказать лейтенанту Жене, чтобы тотъ сдѣлалъ привалъ, а когда я говорилъ объ этомъ, то сейчасъ-же заявлялъ, что онъ еще не усталъ и можетъ двигаться дальше.

Подъ утро мы услыхали вдали лай собакъ, а затѣмъ мелькнули огоньки. Мѣстность стала понижаться, внизу показалось какое-то село. Кто-то увидѣлъ дымъ паровоза, значитъ, мы были у линіи желѣзной дороги. Что это за село было передъ нами — никто на зналъ.

Не доходя нѣсколькихъ сотъ шаговъ до села, мы остановились и зашли въ оврагъ. Жене предложилъ мнѣ взять двухъ зуавовъ и пойти въ деревню узнать, гдѣ мы и нѣтъ ли какихъ войскъ въ селѣ.

— Если будетъ не благолучно — свисните и бѣгите къ намъ. А если все спокойно — пришлите одного зуава за нами.

Я пошелъ впередъ; спустившись къ селу, мы остановились у первой хаты. Я подошелъ къ окну, въ которомъ горѣлъ огонь, и заглянулъ туда: двѣ женщины хлопотали, приготовляясь печь хлѣбъ, — одна мѣсила тѣсто, а другая возилась около печи. Я постучалъ въ окно и затѣмъ вошелъ въ хату; при моемъ приходѣ обѣ женщины съ удивленіемъ посмотрѣли на меня. Я поздоровался и спросилъ ихъ — что это за село?

— Славяно-Сербка, — отвѣчали онѣ.

— А гдѣ живетъ староста? — продолжалъ разспрашивать я. Оказалось, что староста живетъ недалеко; — за нимъ сейчасъ-же послали мальчика. Явился староста; я сталъ разспрашивать — нѣтъ-ли кого въ селѣ. Онъ отвѣтилъ, что ночью

пришли какіе-то люди, обозы и т. д. — Не то греки, не то французы — никто не знаетъ. Я послалъ зуава къ Жене, который черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ хату; за нимъ вошли другіе офицеры; солдаты набились въ сѣни и ушли въ сосѣдніе дома. Стало разсвѣтать. Мы отдыхали, хозяйка поставила на столъ нарѣзанный хлѣбъ, мы попросили воды и, утоливъ жажду, скоро покончили вкусный бѣлый хлѣбъ.

Въ это время Шантепи успѣлъ побывать на станціи и выяснилъ, что съ ближайшей станціи съ сѣвера скоро пріѣдетъ поѣздъ и съ нимъ пріѣдетъ полковникъ Жэ, который отступилъ съ первымъ батальономъ. Теплая комната и отдыхъ разморили насъ; всѣ сидѣли и дремали отъ усталости. Просидѣвъ такъ съ часъ времени, мы поднялись, поблагодаривъ хозяйку за гостепріимство и угощеніе, причемъ она категорически отказалась отъ денегъ. Мы пошли на станцію.

Проходя по селу, мы увидѣли стоящіе на площади обозы, — это изъ Одессы на фронтъ шли воинскіе грузы. Толпились греческіе солдаты, мелькали красныя шапки зуавовъ. Станціонное зданіе было сплошь забито солдатами и офицерами. Въ буфетѣ кипѣлъ самоваръ и къ нему стояла очередь русскихъ офицеровъ, желавшихъ выпить горячаго чайку послѣ тяжелой ночи: это былъ нашъ эскадронъ, тоже отступившій вмѣстѣ съ нами.

Скоро подошелъ поѣздъ, изъ котораго вышелъ полковникъ Жэ. Видъ его былъ сконфуженный. Мы выражали ему наше удовольствіе, что видимъ его живымъ. Онъ сейчасъ-же отдалъ приказъ всѣмъ французамъ грузиться въ пришедшій поѣздъ и задержать на станціи всѣхъ грековъ, такъ какъ послѣдовало распоряженіе намъ итти въ Одессу, а грекамъ на фронтъ изъ Одессы идутъ подкрѣпленія. Мы сѣли въ вагоны, и поѣздъ скоро двинулся.

Изъ разсказовъ полковника мы узнали, что большевикамъ оставили богатую добычу. Танки, пушки, военное снаряженіе, даже лошади эскадрона chasseurs d'Afrique, — все было брошено. Жене опять вспомнилъ про свои запасы вина и провизіи, полученные для «попотъ». Но дѣлать было нечего. Появились откуда-то консервы, которыми мы и закусили вмѣстѣ съ галетами. По дорогѣ намъ попадались эшелоны съ греческими войсками, идущими изъ Одессы.

Часамъ къ четыремъ дня мы пришли на Одессу-Товарную. Извозчиковъ не было, трамвай не ходилъ, и мы должны были добираться домой пѣшкомъ. Въ городѣ шла нормальная жизнь и какъ-то было странно послѣ всего пережитаго идти по улицамъ мирнаго города въ неподходящемъ для города костюмѣ съ ноющими отъ усталости ногами и горящимъ отъ вѣтра лицомъ. Нѣкоторые прохожіе съ любопытствомъ на насъ оглядывались; мы могли бы разсказать имъ много интереснаго. Распростившись и поздравивъ другъ друга съ избавленіемъ отъ опасности, мы разстались съ Иваномъ Ивановичемъ, — каждый пошелъ по своей дорогѣ.

Катастрофа подъ Березовкой въ Одессѣ не произвела почти никакого впечатлѣнія, такъ какъ въ мѣстныхъ газетахъ про нее ничего не писали, а немногочисленные участники изъ русскихъ, бывшіе очевидцами позорнаго бѣгства иностранныхъ войскъ отъ наступавшихъ бандъ Григорьева, не могли оповѣстить широкую публику, поэтому въ городѣ все шло по старому. Огромное количество иностранныхъ войскъ, наводнившихъ городъ, невольно успокаивало даже тѣхъ, въ чью душу успѣло закрасться нѣкоторое сомнѣніе въ прочности своего положенія и недовѣрія къ охранѣ французами города. Я говорю именно французами потому, что, хотя грековъ было и очень много, но они находились въ полномъ ихъ подчиненіи. Даже дома, несмотря на то, что я подробно раз-

сказалъ о случившемся и высказалъ свое предположеніе о томъ, что французы въ одинъ прекрасный день могутъ оставить Одессу такъ же легко, какъ они это сдѣлали подъ Березовкой, мнѣ пришлось выслушать упрекъ въ томъ, что я сѣю панику, и лишь сестра жены моего брата упорно твердила, что разъ высшее французское командованіе спуталось съ еврейскими артистками Изой Креммеръ, Вѣрой Холодной и другими, то добра отъ этого не будетъ, — евреи поставятъ на своемъ и сдадутъ большевикамъ Одессу, покинувъ ее на произволъ судьбы.

Наше начальство, которому мы съ Иваномъ Ивановичемъ подробно доложили о событіяхъ подъ Березовкой, было также довольно спокойно и отнюдь не предугадывало грядущихъ событій. Въ концѣ концовъ и мы, видя общее спокойствіе, тоже пришли къ заключенію, что авось все будетъ благополучно и урокъ, полученный французами подъ Березовкой, послужитъ имъ на пользу.

Наши пріятели изъ 1-го африканскаго полка понемногу оправились отъ пережитыхъ волненій, успокоились и ждали, что имъ опять прійдется идти на фронтъ и проучить большевиковъ за ихъ дерзость — обратившихъ въ бѣгство ихъ, побѣдившихъ непобѣдимыхъ бошей.

Потерявъ всѣ свои вещи на Березовкѣ и выскочивъ оттуда, въ чемъ были одѣты, они чувствовали себя стѣсненными въ костюмахъ и никуда не показывались изъ артиллерійскаго училища, гдѣ они были расквартированы. И. И. С., капитанъ Ш. и я, пользовавшіеся ихъ вниманіемъ и гостепріимствомъ, рѣшили имъ дать реваншъ и пригласили ихъ поужинать съ нами въ ресторанъ, но они заявили категорически, что не могутъ всѣ оставить своихъ казармъ. Не желая оставить нашу затѣю невыполненной, мы рѣшили устроить ужинъ въ мѣстѣ расположенія полка и, получивъ разрѣшеніе коменданта, воспользовались для этого столовой училища, пригласивъ всѣхъ офицеровъ штаба полка на ужинъ.

Ужинъ прошелъ оживленно. Лишь воспоминаніе о погибшемъ докторѣ Віолетъ, который, какъ передали, былъ разстрѣлянъ большевиками тотчасъ по занятіи ими станціи, огорчало всѣхъ.

Изъ общихъ разговоровъ и рѣчей, которыя произносились присутствующими офицерами, видно было, что они далеко не отказались отъ тѣхъ желаній, которыя высказывали во время нашего путешествія на Колосовку. Они были увѣрены, что борьба съ большевиками будетъ вестись до конца, и лишь думали, что опыть Березовки укажетъ начальству, что это дѣло серьезное и браться за него надо осторожнѣй. — Нельзя было — говорили они — выдвигать такъ далеко такой маленькій отрядъ войскъ и подвергать его напрасному риску, жертвой чего сдѣлался бѣдный докторъ и многіе другіе, и ронять авторитетъ арміи. — И проникнутые полнымъ довѣріемъ къ своему начальству, они были увѣрены, что начальство это дастъ большевикамъ соотвѣтствующій урокъ, направивъ на фронтъ должное количество войскъ изъ Одессы. Возможности ухода изъ Одессы они не только не ожидали, но это даже имъ и въ голову не приходило; нельзя оставить не смытымъ позоръ, нанесенный французскому оружію кучкой бандитовъ. Это окончательно разсѣяло наши опасенія, и мы, возвращаясь домой, говорили о возможности нашего скораго отъѣзда въ Вознесенскъ и о предстоящей дѣятельности въ качествѣ административныхъ лицъ. Въ Вознесенскѣ находились дочери Ивана Ивановича, и онъ особенно стремился туда.

Прошло нѣсколько дней. Несмотря на то, что фронтъ еще болѣе приблизился къ Одессѣ, въ городѣ было спокойно; лишь разнорѣчивые о происходящемъ въ высшемъ управленіи слухи смущали умы обывателей. Газеты были полны всякихъ сообщеній, говорящихъ о формированіи франко-русскихъ бри-

гадъ, предстоящей мобилизаціи, возведеніи укрѣпленій кругомъ Одессы и т. д. Но на дѣлѣ ничего этого не дѣлалось — все это лишь было на бумагѣ.

Въ то же время на политическомъ горизонтѣ появились новыя личности. Неизвѣстно откуда выплылъ и сталъ играть большую роль въ административной жизни Одессы именовавшій себя французскимъ консуломъ г. Эно. Женатый на русской еврейкѣ, онъ сталъ особенно популяренъ въ коммерческихъ кругахъ города. Желающіе выѣхать изъ Одессы лишь при содѣйствіи его супруги получали визы; для этого въ одномъ изъ номеровъ Лондонской гостиницы была устроена чуть-ли не настоящая канцелярія. Былъ установленъ «твердый» курсъ на визы въ нѣсколько тысячъ рублей, сколько именно — теперь не помню. Участіе въ дѣлѣ управленія областью г-жи Эно было настолько велико, что бывшій въ тѣ дни въ Одессѣ поэтъ Мятлевъ, поставленный создавшимися условіями въ безвыходное положеніе, написалъ слѣдующее четверостишіе:

Сижу я безъ подштанниковъ —
Теперь мнѣ все равно:
Одессой правитъ Санниковъ,
Или М-ме Эно!!!

И дѣйствительно, русскія власти были въ полной зависимости отъ французовъ, а тѣ въ свою очередь, не имѣя возможности разобраться въ мѣстныхъ условіяхъ, вслѣдствіе отсутствія у нихъ соотвѣтствующихъ знаній и опыта, попадали подъ различное вліяніе той или другой партіи и въ послѣднее время всецѣло находились подъ вліяніемъ еврейскихъ круговъ Одессы, сочувствовавшихъ большевикамъ и боявшихся утерять «завоеванія революціи». Въ Одессу въ это время наѣхало масса бѣженцевъ изъ Кіева и другихъ мѣстъ, успѣвшихъ выбраться оттуда при отходѣ петлюровцевъ передъ большевиками. Путешествія этихъ бѣженцевъ были полны всякаго рода приключеній. Прибылъ тоже бывшій Гетманскій губерніальный староста Волыни Андро и, какъ человѣкъ большой энергіи и силы воли, пытался войти въ сношеніе съ французскимъ командованіемъ и оказать на него соотвѣтствующее вліяніе. Опять заговорили о созданіи украинской національной власти въ видѣ какой-то директоріи, такъ какъ добровольческая власть оказалась слабой и неспособной къ организаціонной работѣ. Около Андро сгруппировались земельные собственники, или, какъ ихъ стали называть, «хлиборобы». Появились надежды на твердость власти и на прочность положенія. Генералъ Д'Ансельмъ, до котораго очевидно дошли слухи о всевозможныхъ разговорахъ по городу, въ одинъ прекрасный день на страницахъ мѣстныхъ газетъ и въ спеціальныхъ объявленіяхъ, расклеенныхъ по городу, сообщилъ населенію, что Одесса ни въ коемъ случаѣ сдана большевикамъ не будетъ, что въ его распоряженіи имѣется достаточное количество военной силы для ея обороны. И дѣйствительно весь городъ былъ наполненъ войсками всѣхъ видовъ — были даже негры и тонкинцы. — Въ порту стояли неразгруженные транспорты, на пристани строились спеціальные холодильники для мороженаго мяса для продовольствія войскъ, дѣлались всевозможныя приготовленія для длительнаго пребыванія арміи на Югѣ Россіи.

Я въ это время былъ тоже занятъ — приходилось организовывать администрацію, писалъ приказы о назначеніи различныхъ должностныхъ лицъ, собравъ свѣдѣнія объ ихъ предшествующей службѣ и дѣятельности, принималъ участіе въ совѣщаніяхъ при губернаторѣ и т. д.

Не помню, въ какой именно день, утромъ у меня возникло сомнѣніе по одному изъ вопросовъ, касающемуся уѣздной стражи, и для разрѣшенія этого вопроса я отправился на Спиридоновскую улицу, гдѣ помѣщалась канцелярія начальника губерніи.

Въ канцеляріи по обыкновенію была масса народу. Пробравшись черезъ нее, я отыскалъ полковника Э. — инспектора стражи губерніи и обратился къ нему съ интересующимъ меня вопросомъ. Полковникъ удивленно посмотрѣлъ на меня и спросилъ меня голосомъ, въ которомъ ясно слышалось подавляемое раздраженіе:

— Вы, очевидно, ничего не знаете: французы уходятъ — надо немедленно готовиться къ эвакуаціи.

Меня какъ обухомъ ударило по головѣ. Я ничего не сказалъ и вышелъ. Собравшись съ мыслями, я отыскалъ правителя канцеляріи и спросилъ его, какія существуютъ распоряженія по поводу эвакуаціи. Онъ разъяснилъ мнѣ, что требуется немедленно составить списки на полученіе служащими жалованія за шесть мѣсяцевъ впередъ и каждый желающій эвакуироваться долженъ сообщить, куда онъ желаетъ ѣхать — въ Бессарабію или на Кавказъ. Все это необходимо сдѣлать сейчасъ-же. Вызвавъ начальника уѣздной стражи и попросивъ его озаботиться о всемъ необходимомъ, я посѣтилъ кабинетъ начальника губерніи, который только что прибылъ; тамъ уже были другіе чины губернской администраціи. Видъ у всѣхъ былъ угнетенный и встревоженный. Всѣ разспрашивали губернатора, что значитъ такое неожиданное рѣшеніе французовъ, почему все это произошло? Губернаторъ только пожималъ плечами и отвѣчалъ: — Ничего не извѣстно, никто ничего не понимаетъ, почему это произошло. Еще вчера на совѣщаніи при Д'Ансельмѣ никому и въ голову не приходило о могущей быть эвакуаціи. Получены какія то распоряженія.

Назначивъ намъ время собраться всѣмъ на слѣдующій день для полученія денегъ и билетовъ на выѣздъ, губернаторъ уѣхалъ по своимъ дѣламъ, а мы, поговоривъ еще немного, разошлись по домамъ устраивать свои дѣла и готовиться къ отъѣзду.

Мы съ Иванъ Ивановичемъ рѣшили побывать у нашихъ французовъ въ полку и попросить ихъ взять насъ съ собою. Пріѣхавъ въ артиллерійское училище, мы всѣхъ нашихъ пріятелей застали за завтракомъ. Усадивъ насъ за столъ, они принялись любезно угощать насъ. Мы сейчасъ-же изложили имъ цѣль нашего прибытія, и полковникъ Жэ съ любезной улыбкой сообщилъ намъ, что понятно не можетъ быть никакого сомнѣнія, — мы можемъ ѣхать съ ними, при чемъ добавилъ, что его полкъ будетъ уходить послѣднимъ и что у насъ есть достаточно времени приготовиться, такъ какъ сначала должны прійти всѣ войска съ фронта, а потомъ уже оставимъ городъ и мы. Мы поблагодарили и попросили разрѣшенія по окончаніи своихъ дѣлъ перебраться къ нимъ въ казарму, такъ какъ въ городѣ нельзя было узнать точно время ухода полка. Обезпечивъ себѣ отступленіе, мы отправились домой. Въ городѣ уже было извѣстно объ уходѣ французовъ. Вѣсть эта произвела на всѣхъ ошеломляющее впечатлѣніе; всѣ смотрѣли сумрачно и выглядѣли какъ-бы постарѣвшими и осунувшимися. На языкѣ у всѣхъ только и было — на чемъ ѣхать. Всѣ старались получить заграничный паспортъ и визу. Полученіе этого сопряжено было съ большими хлопотами, поэтому почти всѣ были въ разгонѣ. Впопыхахъ разсказывали другъ другу новости о томъ, что министерство Клемансо пало и новый кабинетъ, являясь противникомъ интервенціи, отдалъ распоряженіе объ оставленіи французскими войсками Одессы. Говорили объ измѣнѣ, о соглашеніи французскаго командованія съ большеви-

ками, о сдачѣ города, о томъ, что соглашеніе куплено цѣною многихъ милліоновъ и что состоялось оно при непосредственномъ участіи Изы Кремперъ, очаровавшей генерала Д'Ансельма и т. д.

Мой планъ ухода съ французами дома одобрили и стали помогать мнѣ собираться въ дорогу. Приготовивъ необходимыя вещи, я почувствовалъ всю тяжесть оставленія родного дома на неопредѣленное время; будучи совершенно спокоенъ за себя, я въ тоже время тревожился за судьбу своихъ близкихъ, не имѣющихъ возможности выѣхать изъ Одессы. Оставаться съ ними мнѣ было очень рисковано и безполезно, такъ какъ я все равно ничѣмъ не могъ помочь имъ, а взять своихъ съ собою не представлялось никакой возможности.

Получивъ отъ начальника губерніи свое жалованіе и билеты на желѣзную дорогу по линіи Аккерманъ-Одесса, я почувствовалъ себя свободнѣе, такъ какъ всѣ мои служебныя обязанности окончились, и я могъ думать лишь о себѣ, такъ какъ никто изъ служащихъ ввѣреннаго мнѣ уѣзда не собирался эвакуироваться. Послѣднее свиданіе съ начальникомъ губерніи было назначено послѣ обѣда часовъ въ пять. Я поторопился на Спиридоновскую улицу въ канцелярію, но тамъ уже было все пусто. Какой-то человѣкъ подметалъ полъ и, увидѣвъ меня, сказалъ, что всѣ уѣхали на пароходъ и что тамъ можно видѣть начальника губерніи. Я пошелъ домой. По дорогѣ уже было неспокойно — раздавались револьверные выстрѣлы. У воротъ домовъ толпились люди, ловящіе и передающіе другъ другу всякіе слухи. На углу Почтовой и Преображенской улицъ какой-то худосочнаго вида мальчикъ лѣтъ 17 громкимъ голосомъ говорилъ о томъ, что надо немедленно взять заложниковъ отъ буржуазіи и потомъ примѣнить въ городѣ терроръ. Я прошелъ мимо, ораторъ оглянулся на меня и замолчалъ. Въ раіонѣ Александровскаго парка было тихо и лишь вдали были слышны выстрѣлы.

Наконецъ, день отъѣзда насталъ. За мною долженъ былъ заѣхать по дорогѣ Иванъ Ивановичъ, чтобы вмѣстѣ отправиться въ Сергіевское училище. Я ожидалъ его съ нетерпѣніемъ, назначенный часъ наступилъ и прошелъ, его-же не было, — время уходило. Я вышелъ на улицу, нигдѣ не было ни одного извощика. Какъ быть? Безъ вещей ѣхать нельзя, — а самому до училища ихъ не дотащить. Положеніе создавалось очень непріятное. Я уже думалъ о томъ, что прійдется изъ чемодана выбрать самое необходимое и, положивъ въ сумку, идти пѣшкомъ. Въ это время совершенно неожиданно показалась нагруженная какими то сундуками французская повозка съ двумя зуавами. Повозка эта остановилась рядомъ съ нашимъ домомъ и стала разгружаться. Оказалось, что это привезли чьи то вещи изъ артиллерійскаго училища и что повозка принадлежитъ тому полку, съ которымъ я долженъ двигаться. Объяснивъ солдату свое желаніе ѣхать съ нимъ въ полкъ, я получилъ его согласіе лишь послѣ того, какъ онъ увидѣлъ на моемъ удостовѣреніи печать полка. Быстро вынесъ я свой чемоданчикъ, взвалилъ его на двуколку и, попрощавшись со всѣми своими, двинулся въ путь. Въ это время раздался стукъ колесъ извозчичьей пролетки, — это пріѣхалъ Иванъ Ивановичъ, который тоже погрузилъ свои вещи вмѣстѣ со мною, и мы тронулись. Сильные мулы легко потащили пустую повозку, и мы скоро были въ училищѣ. По дорогѣ все было спокойно, городъ имѣлъ видъ пустынный и вымершій.

Въ училищѣ, гдѣ стоялъ полкъ и другія части французской арміи, все было спокойно, — никакихъ приготовленій къ уходу еще не было замѣтно. Наши знакомые офицеры разсказали намъ, что французскія войска уходятъ дня черезъ три, такъ какъ достигнуто полное соглашеніе съ большевиками о сдачѣ города: сначала должны оставить городъ всѣ русскія части, поляки, греки и бѣженцы,

а французы уйдутъ лишь тогда, когда уже никого изъ другихъ войскъ не будетъ и въ городъ вступитъ красная армія.

Мы расположились въ комнатѣ вмѣстѣ съ нашими офицерами, съ которыми помѣщались въ одномъ вагонѣ на Колосовкѣ и рѣшили запастись терпѣніемъ. Я сталъ говорить по телефону, — первымъ дѣломъ сообщилъ домой о всемъ, что узналъ отъ французовъ, и пообѣщалъ побывать дома до отъѣзда, если въ городѣ будетъ тихо. Затѣмъ соединился со своимъ знакомымъ В. и узналъ, что они рѣшили ѣхать изъ Одессы на своихъ лошадяхъ и автомобиляхъ, — въ ихъ распоряженіи было два выѣзда и двѣ машины, — выѣзжать они должны были завтра и слѣдовать мимо Сергіевскаго училища. Я пообѣщалъ ихъ встрѣтить по дорогѣ. Многіе другіе знакомые уѣзжали на пароходахъ, попасть на которые можно было лишь за большія деньги.

За обѣдомъ разсказывали, что всѣ войска съ фронта уже подходили къ городу и завтра начнутъ двигаться по направленію на Овидіополь, что въ городѣ уже неспокойно, — происходятъ налеты и грабежи на улицахъ, что французы поддерживаютъ порядокъ и что ихъ не трогаютъ, тогда какъ грековъ подстрѣливаютъ изъ за угла. Говорили о томъ, какъ сильно упалъ на биржѣ рубль и что одинъ франкъ уже стоитъ 12 рублей. Это обстоятельство было очень непріятно французскимъ офицерамъ, такъ какъ свое жалованіе они получали въ русской валютѣ по курсу, установленному для нихъ распоряженіемъ соотвѣтствующаго начальства. На это мы не преминули указать, что при приходѣ нѣмцевъ ими былъ установленъ твердый курсъ на марку и никакія биржевыя ухищренія не могли измѣнить отношенія ея къ рублю, тогда какъ наши союзники французы за все время пребыванія въ Россіи спокойно слѣдили за паденіемъ рубля и не устанавливали никакого опредѣленнаго твердаго курса для франка, лишь примѣняя свой курсъ для уплаты русскими рублями жалованія войскамъ. Поэтому всѣ спѣшили покупать на свободныя русскія деньги всякія вещи и для этого отправились въ городъ. Мы остались дома и коротали время въ разговорахъ. Стало смеркаться, на дворѣ училища какъ-то зашевелились, стали проводить лошадей, муловъ, провозить повозки, что-то выносить изъ помѣщеній и грузить на двуколки. Я еще нѣсколько разъ говорилъ по телефону съ домомъ, и былъ очень огорченъ судьбой своихъ близкихъ, остающихся въ такой опасности. Въ это время одинъ изъ офицеровъ позвалъ меня пойти съ нимъ опросить арестованныхъ не въ далекѣ отъ училища большевиковъ. Прійдя въ помѣщеніе, гдѣ были расположены зуавы, въ углу комнаты мы увидѣли группу человѣкъ въ шесть, сидящую на нарахъ, и между ними одного взрослаго съ внѣшностью портоваго босяка — это былъ ихъ предводитель; всѣхъ ихъ задержали зуавы въ то время, когда они стрѣляли по прохожимъ и бросали бомбы, очевидно желая вызвать въ городѣ панику. Пойманные на мѣстѣ преступленія, они очевидно не сомнѣвались въ своей судьбѣ и ожидали для себя печальнаго конца, — всѣ они сидя кучкой плакали и дрожали мелкой дрожью и не могли говорить отъ волненія и лишь съ большимъ трудомъ старшій изъ нихъ смогъ выговорить, что они ни въ чемъ не виноваты, такъ какъ они бѣдные люди и поэтому, когда стали раздавать изъ артиллерійскаго склада оружіе, то они взяли и себѣ, и ихъ съ этимъ оружіемъ арестовали зуавы. Какая участь постигла ихъ, — я не знаю, — думаю, что при уходѣ французы просто отпустили ихъ на свободу. За ужиномъ мы узнали отъ командира полка, что нашъ полкъ уходитъ завтра, такъ какъ большевики уже подошли къ Одессѣ, и что отношеніе ихъ къ французамъ дружелюбное, ихъ развѣдчики мирно разговаривали съ зуавами, и тѣ угощали ихъ пинаромъ.

Поужинавъ, мы стали устраиваться на ночевку, при чемъ свободныхъ кроватей для насъ съ Иваномъ Ивановичемъ не было. Меня это обстоятельство не смутило, изъ бурки и шинели я соорудилъ себѣ постель и улегся. Иванъ Ивановичъ никакъ не могъ примириться съ мыслью спать на полу и отправился на поиски. Въ сосѣдней комнатѣ онъ обнаружилъ чью-то свободную кровать, на которой и улегся. Часовъ въ 12 ночи явился ко мнѣ сердитый и ругаясь сталъ разсказывать, что явился какой-то молодой офицеръ, который былъ въ командировкѣ въ штабѣ дивизіи и теперь при отступленіи откомандированъ обратно въ полкъ; онъ потребовалъ себѣ кровать, и Иванъ Ивановичъ долженъ былъ ему ее уступить. — Хамы, — горячился Иванъ Ивановичъ, — парикмахеры, а не офицеры. Развѣ-бы у насъ въ полку допустили наши офицеры, чтобы ихъ гости спали на полу въ то время, когда всѣ молодые люди лежатъ въ постеляхъ. Сейчасъ бы ушелъ отъ нихъ домой, если-бы не ночь.

Дѣлать было нечего, разостлавъ свой полушубокъ рядомъ со мною, Иванъ Ивановичъ улегся. Внизу слышалось пѣніе, игралъ грамофонъ. Спать не хотѣлось, и мы молча лежали, иногда лишь обмѣниваясь короткими фразами. Ночь прошла быстро. На разсвѣтѣ мы поднялись и, выйдя на дворъ училища, увидѣли, что все находится въ движеніи, приготовляясь къ выступленію, мимо же училища идетъ потокъ людей и экипажей. Это отступали войска и бѣженцы на Овидіополь. Проходили части русскія, греческія, польскіе легіоны, обозы, извозчики, повозки, автомобили, шли пѣшкомъ — полное переселеніе народовъ. Скоро посреди двора училища появился начальникъ училища генералъ Бореусъ, который сталъ наблюдать за погрузкой, недалеко отъ него сталъ нашъ командиръ полковникъ Жэ. Я въ это время сообщилъ домой по телефону о томъ, что мы уходимъ сегодня и что уже нѣтъ никакой возможности побывать дома, а затѣмъ позвонилъ на квартиру В., откуда мнѣ сообщила прислуга, что всѣ уже уѣхали, но что только сейчасъ пріѣзжалъ экипажъ со старой барыней, которая впопыхахъ при отъѣздѣ забыла свои документы и должна была возвратиться за ними и что будто панича Мишу по дорогѣ арестовали.

Я вышелъ на дорогу, по которой проходили отступающіе, думая, что удастся увидѣть своихъ знакомыхъ, но простоявъ у воротъ долгое время и ничего не дождавшись, пошелъ обратно. Проходя мимо нашего полковника Жэ, я слышалъ, какъ его просила пожилая француженка-гувернантка взять ее съ собою изъ Одессы, такъ какъ она не можетъ выѣхать иначе, а оставаться съ большевиками ей невозможно. Она умоляла его разрѣшить ей помѣститься на одну изъ пустыхъ полковыхъ повозокъ, но полковникъ заявилъ ей категорически, что это запрещено, и былъ неумолимъ, несмотря на слезы и плачъ бѣдной женщины, которая, не добившись ничего, ушла вся въ слезахъ.

Передъ подъѣздомъ флигеля, гдѣ мы помѣщались, стояли двуколки, на которыя грузили вещи офицеровъ и казенное имущество. Мы вынесли свои чемоданчики и обратились къ адъютанту Жене съ прособой указать, куда мы можетъ положить свои вещи. Взглянувъ на наши чемоданы, кстати сказать бывшіе очень незначительныхъ размѣровъ, Жене пожалъ плечами и заявилъ, что такого багажа намъ брать съ собою нельзя, — у него разсчитано каждое кило и онъ не можетъ перегружать своего обоза.

Иванъ Ивановичъ молча взялъ свой чемоданъ и, подозвавъ стоявшаго случайно извозчика, погрузилъ на него чемоданъ и, попрощавшись со мною, заявилъ: — Ну ихъ къ чорту! Съ такими союзниками далеко не уйдешь. Ѣду домой. — Я остался одинъ. Видя такую сцену, одинъ изъ поваровъ, бывшій съ нами на

Колосовкѣ, подошелъ ко мнѣ и, взявъ мои вещи, уложилъ ихъ на своей повозкѣ, говоря, что здѣсь бы хватило мѣста и для вещей господина С.. Жене въ это время продолжалъ спорить съ русскимъ переводчикомъ ротмистромъ Л., котораго онъ тоже упрекалъ въ томъ, что онъ беретъ съ собой слишкомъ много вещей, ставя себя въ примѣръ.

Ротмистръ на это отвѣтилъ, что это потому, что Жене возвращается къ себѣ домой и дома найдетъ все необходимое, а не уходитъ изъ дома, не зная, что его ожидаетъ впереди. — Кромѣ того, добавилъ ротмистръ, — всѣ ваши вещи остались большевикамъ на Березовкѣ. — Вообще поведеніе Жене и нѣкоторыхъ другихъ офицеровъ съ того времени, какъ рѣшено было уходить ихъ Одессы, совершенно измѣнилось къ худшему.

Когда все было погружено, запрягли муловъ, и повозки наши тронулись къ воротамъ и скоро влились въ общій потокъ отходившихъ войскъ. Мы, постоявъ еще немного и видя, что изъ воинскихъ частей уже никого нѣтъ, а идутъ лишь экипажи и подводы частныхъ лицъ, двинулись впередъ. Первымъ шелъ Жене, указывая направленіе, а за нимъ въ рядъ всѣ офицеры штаба полка, затѣмъ двигалась рота (compagnie hors rang). Скоро прошли тюрьму и, свернувъ съ большой дороги, идущей на Маріинское, пошли полевыми дорожками по направленію къ стрѣльбищному полю. Дорога эта, по которой я ѣздилъ безчисленное число разъ, была мнѣ отлично знакома. По ней я впервые въ 1904 году ѣхалъ къ мѣсту своей службы въ Аккерманскій уѣздъ, а теперь впервые шелъ пѣшкомъ въ такой необычной обстановкѣ. Степь зеленѣла, покрытая свѣжей травкой, жаворонки звенѣли и вѣялъ пріятный весенній вѣтерокъ. Мы шли быстро. Навстрѣчу намъ попался знакомый артиллерійскій офицеръ, который тащилъ на плечахъ свои вещи, — рѣшилъ возвратиться домой, не можетъ оставить свою семью, — и скоро городъ скрылся съ нашихъ глазъ.

Къ вечеру мы добрались до Маріинскаго. Это огромная нѣмецкая колонія, называвшаяся по нѣмецки Gross Libenthal. Тамъ уже расположились на ночлегъ части, вышедшія раньше насъ изъ Одессы. Мы прошли все село и, выйдя на Овидіопольскую дорогу, стали располагаться на ночлегъ въ полѣ подъ самымъ селомъ. Для офицеровъ полка разбили палатки, а для людей подѣлали прикрытія изъ повозокъ и брезентовъ. Начинало смеркаться. Отъ нечего дѣлать мы ходили по бивуаку, заходили въ село. Мѣстные нѣмцы съ сокрушеніемъ качали головами и говорили намъ шопотомъ, что когда германцы уходили отъ нихъ передъ приходомъ французовъ, то говорили, что все равно тѣ долго не будутъ, — такъ и вышло, теперь французы уходятъ, и неизвѣстно, что будетъ. Разсказывали, какъ добровольцы захватили большевиковъ подъ самымъ Маріинскомъ, когда тѣ пытались напасть на отступающихъ. Въ Маріинское все время подтягивались подводы и экипажи бѣженцевъ, ѣдущіе изъ Одессы разными путями. Почти всѣмъ имъ пришлось извѣдать встрѣчи съ отдѣльными бандами большевиковъ, которыя грабили уѣзжающихъ. Бродя такимъ образомъ безъ дѣла по Маріинскому, я невдалекѣ отъ нашей стоянки увидѣлъ группу солдатъ, одѣтыхъ во французскую форму; было ихъ нѣсколько сотъ человѣкъ, по своему виду они, несмотря на французскую форму, отличались отъ французовъ и были больше похожи на нашихъ. Я подошелъ поближе и услышалъ русскую рѣчь. Ближайшаго изъ нихъ я спросилъ — что это значитъ? почему они одѣты во французскую форму? Онъ отвѣтилъ, что здѣсь всѣ русскіе, поступившіе въ иностранный легіонъ; ихъ подъ шумокъ происходящихъ событій успѣли законтрактовать въ Одессѣ наши союзники, пришедшіе къ намъ на помочь, и теперь спѣшили увести съ собою.

Замѣтивъ, что я разговариваю съ солдатами, ко мнѣ подошелъ унтеръ-офицеръ французъ и заявилъ, что разговаривать съ ними не дозволяется. Я не преминулъ выразить по этому поводу свое удивленіе. Послѣ этого французы вызвали караулъ изъ черныхъ и поставили его кругомъ группы русскихъ, охраняя ихъ отъ всякаго соприкосновенія съ мѣстными жителями.

За ужиномъ я не удержался отъ того, чтобы спросить нашихъ офицеровъ, — что это значитъ, что они, прійдя къ намъ на помощь противъ большевиковъ, вмѣсто того, чтобы увеличивать добровольческую армію — увеличиваютъ свой иностранный легіонъ? Офицеры смутились и стали отрицать это. Я имъ указалъ на расположенную недалеко отъ насъ группу, какъ на вещественное доказательство. — Это чехо-словаки, возразили они мнѣ. Я не сталъ спорить и лишь отвѣтилъ, — что я говорилъ съ этими «чехо-словаками».

На утро, части, ночевавшія въ Маріинскомъ, стали выходить изъ села и двигаться въ Овидіополь. Мы стояли на мѣстѣ и пропускали всѣхъ и, когда всѣ вышли изъ села, двинулись и мы, но, пройдя верстъ пять, опять останавились и подъ прикрытіемъ желѣзно-дорожной насыпи должны были стоять до полученія распоряженія. Такимъ образомъ мы составляли аріергардъ отступающихъ войскъ, почему приняли всѣ мѣры предосторожности — выставили сторожевое охраненіе, разставили пулеметы и расположились здѣсь на ночлегъ.

Вдали по линіи желѣзной дороги горѣли какіе-то склады, — это отступающіе греки поджигали желѣзно-дорожное имущество. Ночь прошла спокойно. Люди, бывшіе въ сторожевомъ охраненіи, разсказывали, что съ ними переговаривались большевики, которые идутъ за нами слѣдомъ.

На слѣдующій день мы двинулись дальше, и къ часамъ двумъ дня вдали показался днѣстровскій лиманъ, и мы вошли въ Овидіополь.

Въ Овидіополѣ была масса войскъ, всѣ дома были заняты. Намъ указали раіонъ города, гдѣ долженъ былъ расположиться нашъ полкъ. При нашемъ приходѣ оттуда выходили группы русскихъ добровольцевъ и двигались на Бугасъ, тамъ была переправа на Бессарабскую сторону. Нельзя сказать, чтобы они особенно дружелюбно смотрѣли на французовъ. Французскіе офицеры избѣгали встрѣчаться съ ними взглядами и какъ-то конфузились и стѣснялись ихъ. Какъ сейчасъ помню, изъ того дома, въ которомъ была отведена для насъ квартира, вышло три нашихъ офицера, каждому изъ нихъ было лѣтъ по пятидесяти, — длинныя бороды, грубыя солдатскія шинели, мѣшки за плечами и подвѣшенные къ нимъ чайники, дѣлали ихъ удивительно похожими на странниковъ-богомольцевъ и только винтовки за плечами портили это сходство. Я показалъ на эту группу нашему офицеру, лейтенанту Шантепи, тотъ глубоко вздохнулъ и ничего не сказалъ.

Скоро мы устроились, я пошелъ посмотрѣть на Овидіополь, въ которомъ уже довольно давно не былъ. Къ моему удивленію недалеко отъ городской управы стояла въ конномъ строю казачья сотня. По большей части это были все офицеры различныхъ казачьихъ войскъ, между ними я нашелъ своего знакомаго, есаула А...а, женатаго на К. А. В...ъ, съ которымъ я говорилъ по телефону передъ отъѣздомъ. Онъ ничего не зналъ о своихъ, и я сообщилъ ему, что они должны прибыть сюда-же. Въ это время къ сотнѣ подъѣхалъ командиръ ея, полковникъ, и объявилъ, что румыны всѣхъ разоружаютъ и что всѣхъ отправляютъ въ лагерь, поэтому сотню вести, какъ отдѣльную часть, нѣтъ смысла, и каждый можетъ перейти туда подъ видомъ бѣженца. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ казаки разбрелись по Овидіополю и продавали мѣстнымъ жителямъ своихъ лошадей и сѣдла.

Скоро мы и есаулъ А. узнали, что В. уже въ Овидіополѣ и расположились недалеко отъ насъ. Мы отправились къ нимъ и нашли ихъ въ домѣ мѣстнаго церковнаго старосты. При входѣ во дворъ мы увидѣли всѣхъ въ сборѣ, хлопотавшихъ около лошадей и автомобилей. Самъ В. старикъ лѣтъ за 60 и всѣ мужчины были одѣты въ форму греческихъ солдатъ, — я не могъ не разсмѣяться при видѣ такой метаморфозы. Оказывается, по дорогѣ греческіе офицеры взяли ихъ подъ свое покровительство, и всѣ они вмѣстѣ съ греческимъ полкомъ пришли въ Овидіополь и надѣются подъ видомъ грековъ переѣхать въ Бессарабію. Только греческая форма спасла ихъ отъ «реквизиціи» — т. е. грабежа поляками лошадей и автомобилей. Поляки работали во всю и не постѣснялись даже ограбить своего компатріота графа Стиборъ-Мархоцкаго, имѣніе котораго находилось неподалеку отъ Овидіополя.

Въ Овидіополѣ мы должны были простоять нѣсколько дней, такъ какъ часть войскъ отправлялась на Бугасъ, а другая грузилась на шаланды и переправлялась непосредственно въ Аккерманъ. Тутъ только можно было видѣть, какое огромное количество войскъ и всякаго рода военнаго имущества было привезено союзниками въ Одессу. И все это теперь уходило обратно, не достигнувъ цѣли, заставляя всѣхъ думать о томъ, что значитъ это поспѣшное отступленіе и отъ какой грозной силы бѣжитъ эта масса войскъ.

Въ городѣ не хватало провіанта для людей и поэтому французы посылали въ сосѣднія села покупать скотъ; при посланныхъ находились русскіе переводчики. Въ селѣ Колаглеѣ, верстахъ въ семи, мѣстные большевики убили русскаго переводчика поручика Круссера, а въ другомъ мѣстѣ весь отрядъ захватили въ плѣнъ и отправили въ Одессу. Нашъ переводчикъ по счастью для него былъ одѣтъ во французскую форму, его тоже выдали за француза, и такимъ образомъ онъ спасся отъ неминуемаго разстрѣла. По дорогѣ онъ съѣлъ свой паспортъ и по прибытіи въ Одессу уже не имѣлъ при себѣ никакихъ документовъ. Всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ опросили, а затѣмъ отправили на стоящій на рейдѣ французскій миноносецъ и оттуда черезъ Константинополь въ ихъ полкъ. Такимъ образомъ они присоединились къ намъ въ Аккерманѣ. Мы ихъ конечно уже считали погибшими и были несказанно удивлены ихъ пріѣзду.

Такъ большевики держали себя по отношенію къ французамъ. Не то было съ греками, — всѣхъ случайно задержавшихся и отставшихъ грековъ они убивали, поэтому поляковъ и грековъ въ первую голову стали переправлять на другую сторону лимана въ Аккерманъ.

Переправа шла медленно, такъ какъ перевозочныхъ средствъ было немного, и должна была продолжаться много дней. Нашъ полкъ былъ назначенъ въ послѣднюю очередь. Мы были расположены на самомъ концѣ города и выставили сторожевое охраненіе. Скоро подошли большевики и вступили въ мирные разговоры съ французскими солдатами. Послѣ приближенія большевиковъ переправа пошла быстрѣе, такъ какъ они начали требовать очищенія херсонской губерніи и ухода въ Бессарабію, поэтому много автомобилей и повозокъ, которые вначалѣ должны были быть переправлены на баржахъ, отправили на Бугасъ, гдѣ они застревали въ сыпучихъ пескахъ.

Вообще переправа на Бугасѣ была сопряжена съ большими трудностями и непріятностями, такъ какъ тамъ румынскія власти производили разоруженіе русскихъ частей и реквизицію имущества, въ этомъ отношеніи не отставали и французы, стараясь на перебой захватить что нибудь — автомобиль или лошадей. Все это быстро стало извѣстно въ Овидіополѣ, и поэтому всѣ русскіе бѣ-

женцы старались во чтобы то ни стало избѣжать Бугаса и попасть на баржи; сдѣлать это было очень трудно, и единственная къ тому возможность была пробраться въ Аккерманъ съ воинскими частями въ формѣ французовъ или грековъ.

Къ сожалѣнію, долженъ сказать, что французы въ этомъ отношеніи были гораздо хуже грековъ, — въ то время какъ греки и охотно и любезно принимали русскихъ бѣженцевъ въ свои части, одѣвали ихъ въ свою форму и перевозили въ Аккерманъ, французы отличались своей строгостью, точно исполняя распоряженіе начальства, и слѣдили за тѣмъ, чтобы никто не проникъ изъ не имѣющихъ права на баржи и пароходы, дѣлая исключеніе лишь для дамъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего прихода въ Овидіополь наши офицеры рѣшили съѣздить посмотрѣть Аккерманъ и пригласили меня съ собою. Прослуживши въ аккерманскомъ уѣздѣ съ 1904 по 1906 годъ, я хорошо зналъ городъ, и у меня тамъ было много знакомыхъ, поэтому мнѣ было интересно побывать въ Аккерманѣ и посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

Компаніей въ нѣсколько человѣкъ мы пошли на пристань и стали размѣщаться по лодкамъ. Въ это время ко мнѣ подошелъ дежурный на пристани французскій офицеръ нашего-же полка, съ которымъ мы были вмѣстѣ на Колосовкѣ и вмѣстѣ бѣжали изъ подъ Березовки, и заявилъ, что мнѣ нельзя ѣхать на ту сторону, такъ какъ приказано русскихъ никого не пускать. Я не сталъ ему возражать, а молча вынулъ изъ своего бумажника выданное когда-то мнѣ изъ Штаба Д'Ансельма удостовѣреніе о томъ, что я слѣдую въ распоряженіе командира 1 Африканскаго маршевого полка и всѣ власти войскъ французскихъ и союзныхъ обязаны оказывать помощь и покровительство, и визитную карточку генерала Д'Ансельма, которую онъ прислалъ мнѣ послѣ моего къ нему визита, и предъявилъ ихъ строгому лейтенанту и безпрепятственно усѣлся въ лодку. Лейтенантъ Шантепи сталъ ругать лейтенанта за ненужный формализмъ; тотъ оправдывался категорическимъ приказаніемъ начальства.

Мы отчалили. Погода была отличная; спокойный лиманъ, голубое небо, легкій весенній вѣтерокъ дѣлали переѣздъ очень пріятнымъ. Я невольно вспоминалъ, сколько разъ приходилось мнѣ переправляться черезъ тотъ-же лиманъ за время моей службы въ Бессарабіи и какъ сильно измѣнились обстоятельства съ того времени.

Скоро мы причалили и вышли на берегъ. Наши офицеры стремились въ главную квартиру, которая была расположена въ помѣщеніи уѣздной Земской Управы, я повелъ ихъ туда, и скоро мы пришли на мѣсто. Войдя въ помѣщеніе огромнаго зданія Управы, которое я зналъ отлично въ прежніе годы, я былъ пораженъ его видомъ, такъ оно было опустошено и загажено. Впослѣдствіи я узналъ, что это надѣлали румыны, увезя къ себѣ большую часть обстановки и имущества земства. Офицеры ушли по своимъ дѣламъ, а я пошелъ бродить по городу. Мы условились встрѣтиться на берегу.

Выйдя на улицу, я отправился по знакомымъ мнѣ мѣстамъ къ центру города. Тутъ я обратилъ вниманіе на то, что всѣ русскія вывѣски были сняты и замѣнены румынскими, на улицахъ-же всюду раздавалась русская рѣчь и не было слышно ни одного румынскаго слова, румынскихъ войскъ и полиціи почти не было видно. Я зашелъ въ помѣщеніе уѣзднаго съѣзда, въ которомъ меня поразила та-же картина, что и въ Земской Управѣ — опустошеніе и грязь.

Скоро я вышелъ къ базарной площади. Одѣтъ я былъ во французскую форму, и на меня, какъ и на другихъ французовъ, съ любопытствомъ оглядывались мѣстные жители. Французскіе солдаты на лоткахъ покупали всякія вещи и вели

оживленный разговоръ. Я съ кѣмъ то заговорилъ по русски, публика была очень удивлена этимъ, и скоро около меня собралась большая толпа; я сталъ разспрашивать о румынскихъ порядкахъ. Всѣ единодушно стали ругать румынъ, которые пришли сначала помогать русскимъ противъ большевиковъ, а потомъ объявили Бессарабію присоединенной къ Румыніи. Особенно возмущался пожилой крестьянинъ молдаванинъ въ большой сѣрой шапкѣ — «Пришелъ какой-то цыганъ и каже шо онъ мени братъ», — говорилъ онъ съ особымъ молдаванскимъ акцентомъ, глухо выговаривая букву «л», — «а какой онъ мнѣ братъ, когда я русскій человѣкъ.» Такъ за короткій срокъ своего пребыванія румыны своимъ неумѣлымъ и нетактичнымъ поведеніемъ обрусили скорѣе молдаванское населеніе, чѣмъ русское правительсто за сто лѣтъ своего управленія, такъ: въ прежнія времена молдаване, даже знавшіе по русски, демонстративно отвѣчали на своемъ языкѣ «нушти русешти» и только послѣ того, какъ бывало обратишься съ вопросомъ по молдавански, переходили на русскій языкъ.

Вообще, какъ на херсонскомъ берегу предметомъ разговоровъ и общей ненависти были большевики, такъ на бессарабскомъ берегу такой-же популярностью пользовались румыны. Жители той и другой мѣстности съ нетерпѣніемъ ожидали — херсонцы прихода румынъ для освобожденія отъ большевиковъ, а бессарабцы большевиковъ для освобожденія отъ румынъ. Большевиковъ еще въ Аккерманѣ почти не знали и разсказамъ про ихъ подвиги и систему управленія не вѣрили, но за то отлично видѣли и чувствовали на себѣ любостяжательность румынъ, которые увозили къ себѣ все цѣнное и развели страшное взяточничество. Кромѣ того стѣснительные законы, издаваемые для управленія оккупируемой страной, не могли не раздражать мѣстнаго населенія.

Побродивъ по городу, я зашелъ навѣстить своихъ добрыхъ знакомыхъ, у которыхъ не былъ уже нѣсколько лѣтъ. Когда я вошелъ къ нимъ въ домъ, удивленію при видѣ меня, облаченнаго во французскую форму, не было границъ. Начались безконечные разспросы и разговоры; я разсказывалъ про наши обстоятельства и разспрашивалъ про аккерманскую жизнь. Настроеніе у моихъ знакомыхъ было очень подавленное. Приходъ румынъ чувствительно отразился на всѣхъ русскихъ, ожидавшихъ румынъ съ нетерпѣніемъ и видѣвшихъ въ нихъ освободителей отъ большевиковъ.

Матерьяльное благополучіе почти всѣхъ русскихъ было разрушено: чиновники были уволены отъ службы и выброшены буквально на улицу, землевладѣльцы потеряли свои земли по новому аграрному закону, крестьяне разочаровались въ возможности устраивать «аграрные безпорядки» и, не вѣря аграрнымъ законамъ, отказались по большей части отъ принятія помѣщичьихъ земель, учебныя заведенія были закрыты и дѣти болтались безъ дѣла. Всѣ терпѣли большую нужду и не знали, изъ какихъ источниковъ черпать средства къ жизни. Къ этому присоединилась боль отъ оскорбленія русскаго національнаго чувства и достоинства, поэтому всѣ съ озлобленіемъ говорили о румынахъ и, когда я заговорилъ о большевикахъ, то мнѣ отвѣчали на это, что еще неизвѣстно, что хуже.

Въ Аккерманѣ уже было извѣстно, что происходитъ на Бугасѣ съ бѣженцами и добровольцами, какъ ихъ всѣхъ задерживаютъ румыны на открытомъ воздухѣ или въ холодныхъ дачахъ безъ провіанта, поэтому, когда я собрался уѣзжать обратно въ Овидіополь, меня стали уговаривать этого не дѣлать. Имѣя уже опытъ со своимъ офицеромъ, который не хотѣлъ пропустить меня, я пришелъ къ заключенію, что мои знакомые правы и рѣшилъ остаться. Я пошелъ на пристань, чтобы попросить кого нибудь изъ нашихъ офицеровъ передать въ штабъ

полка, что я буду ожидать ихъ въ Аккерманѣ и попросить привезти мой чемоданъ. На пристани я встрѣтилъ двухъ молодыхъ людей В.....ъ, которые привезли часть своего багажа, они говорили, что лошади и автомобили пошли на Бугасъ, а дамы завтра въ авто-каретахъ греческаго лазарета пріѣдутъ въ Аккерманъ.

На слѣдующій день, выйдя на улицу, я увидѣлъ, что весь городъ запруженъ войсками. Французы, поляки, греки мелькали по всѣмъ улицамъ, только не было видно русской формы. Но за то сколько знакомыхъ русскихъ встрѣтилъ я одѣтыхъ въ форму зуавовъ, польскихъ легіонеровъ и греческихъ солдатъ. Нельзя было смотрѣть на эти фигуры безъ улыбки. Также невольно смѣялись, при видѣ меня, одѣтаго во французскую форму и рогатую шапку пирожкомъ, мои старые знакомые по Аккерману, которыхъ я встрѣчалъ на улицѣ.

Городъ разбили на секторы по національностямъ расположенныхъ въ нихъ войскъ, и всюду реквизировали помѣщенія. По всѣмъ признакамъ видно было, что въ Аккерманѣ войска должны будутъ пробыть нѣкоторое время, а не двигаться сейчасъ-же дальше. Насъ всѣхъ это очень интересовало, такъ какъ мы на основаніи этого старались понять, что значитъ поспѣшный уходъ французовъ изъ Одессы.

Нѣкоторыя воинскія части занимали сосѣднія села и проходили черезъ Аккерманъ, не останавливаясь, при чемъ всѣ онѣ направлялись на сѣверъ отъ Аккермана и располагались по линіи Днѣстра. Было что-то похоже на то, что Днѣстръ будетъ служить линіей обороны — на долго-ли? возникалъ у насъ всѣхъ вопросъ.

Цѣлый день прошелъ въ поискахъ помѣщеній для моихъ знакомыхъ В. и другихъ бѣженцевъ. Отыскать что-либо было очень трудно, такъ какъ почти все было занято войсками, а тамъ, гдѣ было свободное мѣсто, хозяева выставляли требованіе объ уплатѣ за квартиру обязательно царскими деньгами, которыхъ у бѣженцевъ конечно не было. Такое безсердечіе русскихъ къ своимъ-же русскимъ бѣженцамъ очень сильно возмутило насъ. Мы еще тогда не видѣли въ какой тяжелой степени нужды находились мѣстные жители, благодаря румынской оккупаціи, выбросившей на улицу всѣхъ служащихъ чиновниковъ и лишившихъ доходовъ землевладѣльцевъ.

Видя, что дѣйствуя такимъ образомъ мы ничего не найдемъ, мы просто заняли помѣщенія для кого было нужно, пользуясь нашей иностранной формой. Моментально были найдены комнаты съ обстановкой и всѣмъ, чѣмъ нужно. Къ вечеру пріѣхали наши знакомыя дамы, весь день они провели лежа на койкахъ въ лазаретныхъ кареткахъ съ опущенными шторами, дабы скрыться отъ нескромныхъ взоровъ французовъ и румынъ, задерживающихъ бѣженцевъ. При выгрузкѣ ихъ подошелъ румынскій полицейскій, который сталъ говорить о томъ, что женщинъ нельзя пропускать въ городъ, но знакомый греческій офицеръ сталъ что-то объяснять ему и угощать папиросами, а я на молдаванскомъ языкѣ, выругавъ его соотвѣтствующимъ образомъ, послалъ къ чорту. Пораженный тѣмъ, что отъ француза онъ слышитъ знакомыя слова родной рѣчи, полицейскій успокоился, и дамы благополучно выгрузились и отправились на квартиру устраиваться. Черезъ день началъ переправляться и нашъ полкъ и скоро весь былъ на бессарабскомъ берегу, оставивъ херсонскій берегъ въ полное распоряженіе большевиковъ. Съ противуположнымъ берегомъ прекратилось всякое сообщеніе, и мы лишь въ бинокль старались разсмотрѣть, что происходитъ въ Овидіополѣ.

Наши офицеры, прибывъ въ Аккерманъ, размѣстились по квартирамъ, устроили «попотъ» и канцелярію и стали входить въ мѣстную жизнь. Шантепи по се-

крету сообщилъ мнѣ, что, хотя войска и ушли изъ Россіи, но интервенція не окончена, что всѣ свѣдѣнія о паденіи министерства Клемансо ложны, что войска перемѣнили лишь временно позицію и стали по Днѣстру и что по всей вѣроятности мы опять скоро будемъ въ Одессѣ.

Мое положеніе при французахъ было не нормально, и я пробовалъ выяснить, могу ли я сохранять свое званіе, которое имѣлъ въ Херсонской губерніи, но это оказалось невозможнымъ, и послѣ многихъ переговоровъ съ командиромъ полка Жэ и начальникомъ Штаба дивизіи мнѣ удалось зачислиться въ штабъ полка въ качествѣ переводчика. Всѣ офицеры, начиная съ командира полка, были довольны этимъ обстоятельствомъ и поздравляли меня. Я былъ тоже очень доволенъ, такъ какъ официальное положеніе при французахъ спасло меня отъ недоразумѣній съ румынами, которые вылавливали бѣженцевъ и отправляли въ Тульчу.

Наступала Пасха. Мѣстные жители готовились къ праздникамъ, и всѣ жаловались на дороговизну, которая для бѣженцевъ еще осложнялась тѣмъ, что почти у всѣхъ были только украинскія деньги, которыя здѣсь не ходили, а ходили лишь царскія и одесскія городскія, на украинскія же былъ установленъ мѣстными евреями курсъ по 25 р. одесскихъ за 50 карбованцевъ; такимъ образомъ намъ за все приходилось платить вдвое дороже.

Я получилъ реквизиціонный билетъ и жилъ на квартирѣ у своихъ друзей, обѣдать и ужинать ходилъ въ полковой «попотъ». Занятій у меня почти никакихъ не было. По утру лишь заходилъ въ канцелярію полка и принималъ участіе въ общихъ разговорахъ на мѣстныя темы. Наши офицеры постепенно демобилизовались и уѣзжали домой. Полковникъ Жэ тоже уѣзжалъ, такъ какъ за «баталію подъ Березовкой» у него отобрали полкъ, и къ намъ долженъ былъ пріѣхать новый командиръ. Уѣзжалъ также лейтенантъ Шантепи и ветеринаръ Сиро, съ которыми я находился въ наиболѣе пріятельскихъ отношеніяхъ.

Новый командиръ подполковникъ Локань оказался очень симпатичнымъ человѣкомъ, весьма деликатнымъ и воспитаннымъ. Ко мнѣ и другимъ русскимъ переводчикамъ былъ особенно внимателенъ и любезно выразилъ желаніе заниматься по русски, и я предложилъ ему свои услуги. У него оказался учебникъ русскаго языка, и онъ началъ усердно заучивать русскія слова и фразы. Къ Россіи онъ чувствавалъ большую любовь, и все русское ему очень нравилось, онъ все время выражалъ свое сожалѣніе, что ему не приходится побывать въ Россіи, хотя въ Бессарабіи онъ видѣлъ, несмотря на присутствіе румынъ, неотдѣлимую часть Россіи, и былъ увѣренъ, что присутствіе румынъ временно. Французовъ вообще поразило то, что въ Аккерманѣ и его уѣздѣ все населеніе, которое имъ пришлось видѣть, было чисто русское, и они не скрывали своего возмущенія по поводу румынскихъ претензій на Бессарабію. Отношеніе къ оккупантамъ съ ихъ стороны, выражаясь мягко, было «ироническое», и симпатіи къ нимъ они ничѣмъ не проявляли, ограничиваясь чисто официальными отношеніями. Съ русскимъ-же населеніемъ завелись знакомства, пріемы, взаимныя прогулки и т. п. Отъ мѣстныхъ жителей они узнавали про поведеніе и политику румынскихъ властей и, возмущаясь этимъ, писали объ этомъ домой.

Большевики съ другой стороны лимана по отношенію къ французамъ вели себя тихо. Къ нимъ иногда ночью переѣзжали русскіе, которые стремились возвратиться въ Одессу. Но къ сожалѣнію никто съ той стороны къ намъ не пріѣзжалъ, и мы, несмотря на всѣ наши старанія, не могли ничего узнать, что дѣлается въ Одессѣ. Послѣ Пасхи уѣхалъ въ Одессу мой знакомый, живущій по

сосѣдству съ моимъ братомъ; его я просилъ передать своимъ о моей судьбѣ и былъ спокоенъ въ томъ отношеніи, что наши не будутъ безпокоиться обо мнѣ.

Потянулись однообразные дни въ Аккерманѣ, особыхъ развлеченій здѣсь не было, читать было нечего, потому что газетъ почти не приходило. Мѣстная пресса подъ румынскимъ владычествомъ совсѣмъ заглохла, и выходящія газеты на румынскомъ и русскомъ языкахъ не удовлетворили-бы пожалуй читателя и въ 17 вѣкѣ, — до того онѣ были скудны и неясны по своему содержанію. При этомъ значительная часть каждаго номера заполнялась официальными распоряженіями и сообщеніями о дѣйствіяхъ различныхъ должностныхъ лицъ. Обращенія къ населенію, исходящія отъ начальника уѣзда, именовались не иначе какъ «манифесты». Мѣстное населеніе, привыкшее къ тому, что у насъ манифесты издавались лишь Государемъ Императоромъ въ случаяхъ особо важныхъ, относилось къ такимъ проявленіямъ власти румынъ съ полнымъ недоумѣніемъ, думая, что если префекту предоставлено право издавать манифесты, то значитъ ему принадлежатъ и другія прерогативы верховной власти по отношенію мѣстнаго населенія. При чемъ съ одной стороны, напыщенность, а съ другой, страшное взяточничество и произволъ румынскихъ чиновниковъ возбуждали со стороны мѣстнаго населенія полное къ нимъ презрѣніе. Никто изъ мѣстныхъ жителей, а особенно молдаване, никогда не называли ихъ иначе какъ «цигане». На пребываніе ихъ въ Бессарабіи смотрѣли, какъ на явленіе чисто временнаго характера, и мирились съ ними лишь въ силу необходимости. Когда-же пришли французы, то населеніе не могло не замѣтить, что французское командованіе играетъ первую роль, а румыны отошли на второй планъ, поэтому со всѣми претензіями очень часто стали обращаться къ французамъ и, когда ихъ посылали къ румынскимъ властямъ, то категорически заявляли, что къ нимъ нѣтъ смысла ходить, такъ какъ, какая правда можетъ быть у «циганъ».

Кромѣ должностныхъ лицъ, прибывшихъ изъ Румыніи на смѣну русскимъ, въ Бессарабію нахлынула масса музыкантовъ, которые съ наступленіемъ теплыхъ дней съ утра до вечера наполняли звуками своихъ скрипокъ положительно весь городъ. Въ одномъ скверѣ, гдѣ прежде лишь по вечерамъ игралъ оркестръ музыки, теперь цѣлый день гремѣло четыре оркестра румынъ, заглушая одинъ другой.

Мои знакомые В.....ъ познакомились съ греческимъ генераломъ Негропонтисомъ, который взялъ ихъ подъ свое покровительство и, такъ какъ Румыны не давали возможности всѣмъ русскимъ бѣженцамъ оставаться въ Аккерманѣ и отправляли въ Тульчу, то они рѣшили ѣхать въ деревню, куда переѣзжалъ генералъ Негропонтисъ.

Время тянулось въ Аккерманѣ очень однообразно и медленно, никто не зналъ, что будетъ дальше. Войска стояли на позиціи отъ Чернаго Моря до Бендеръ по линіи Днѣстра. Русскія части были разоружены и отправлены въ Тульчу, туда же были отправлены и гражданскіе бѣженцы. Лишь съ отрядомъ броневиковъ произошло осложненіе, такъ какъ тѣ не пожелали сдать своихъ бронированныхъ автомобилей, и французы ничего не могли съ ними подѣлать. Конфликтъ съ броневиками произошелъ на моихъ глазахъ и показалъ мнѣ, что французы совершенно перестали считаться съ добровольческой арміей.

Въ томъ домѣ, гдѣ жилъ я, была отведена комната полковнику гвардіи, фамиліи я его въ настоящее время не помню, командиру отряда броневыхъ машинъ, и онъ подробно разсказывалъ, какъ все происходило. Еще въ то время, когда отрядъ находился въ Овидіополѣ, онъ замѣтилъ какое-то странное отношеніе къ нему французовъ, оттягивавшихъ время переправы машинъ на Бесса-

рабскую сторону. Убѣдившись въ томъ, что это дѣлается умышленно и что его могутъ оставить на берегу въ рукахъ большевиковъ, онъ самовольно погрузилъ на шаланды свои машины, пригрозивъ въ случаѣ нужды открыть огонь, и переѣхалъ въ Аккерманъ, гдѣ, поставивъ въ боевомъ порядкѣ машины около крѣпости, ожидалъ дальнѣйшаго. Французское командованіе предложило ему немедленно сдать всѣ машины румынамъ и личному составу отправиться въ Тульчу. Полковникъ отказался. Въ это время къ нему пріѣхали польскіе офицеры, которые предложили передать броневики польской дивизіи. Такое предложеніе конечно не было принято. Румыны и французы категорически потребовали сдачи машинъ, но опять получили отказъ. Командира вызвали къ генералу Д'Ансельму, полковникъ поѣхалъ, но аудіенція затянулась тамъ слишкомъ долго, офицеры отряда пришли къ тому заключенію, что ихъ командира арестовали и всѣмъ отрядомъ двинулись на выручку. Подойдя къ главной квартирѣ французскихъ войскъ, потребовали освобожденія полковника и, когда французы освободили его, то оставили Аккерманъ и всей колонной въ боевомъ порядкѣ ушли къ польской дивизіи на Ст. Казачье, гдѣ съ ними стали нести службу, пообѣщавъ передать машины полякамъ, если на то будетъ получено согласіе Главнокомандующаго генерала Деникина. Тамъ еще разъ французы пытались отобрать машины, обстрѣляли отряды, ранили нѣсколькихъ офицеровъ и, видя, что тѣ все-таки машинъ не сдаютъ, очевидно боясь скандала, оставили броневики въ покоѣ. Впослѣдствіи они были отправлены въ Добровольческую Армію.

По приходѣ въ Бессарабію французы продолжали производить пріемъ желающихъ поступить въ иностранный легіонъ. Многіе молодые русскіе офицеры, бывшіе при французахъ, уѣхали въ Африку. Среди-же мѣстнаго населенія распространился слухъ, что съ будущаго года румыны произведутъ призывъ новобранцевъ, поэтому очень многіе, зная порядки, царящіе въ румынской арміи, предпочли уѣхать служить въ французскихъ войскахъ, чѣмъ идти на службу къ румынамъ. Я какъ-то разговорился съ однимъ, записавшимся въ интеръ-легіонъ, и онъ мнѣ разсказалъ, что кромѣ обычныхъ недостатковъ, свойственныхъ арміи маленькаго бѣднаго государства, т. е. плохого питанія и обмундированія солдатъ и очень строгаго и жестокаго отношенія команднаго состава, румыны отличаются страшной національной нетерпимостью и солдатъ другихъ національностей называютъ не иначе, какъ болгаръ — магарацами, сербовъ — волами, а русскихъ — свиньями. Эти обстоятельства значительно способствовали тому, что предпріятіе французовъ по вербовкѣ людей въ иностранный легіонъ имѣло полный успѣхъ. Пользуясь той безопасностью и неприкосновенностью, которую получали лица, принятыя въ иностранный легіонъ, большевистскіе комиссары, желающіе выбраться изъ устроеннаго ими въ Россіи коммунистическаго рая, смогли благополучно выбраться за границу. Такъ общее вниманіе въ Аккерманѣ привлекалъ молодой человѣкъ еврей, одѣтый въ шикарный костюмъ и отличные желтые сапоги, привезшій съ собою не менѣе шикарную, но совершенно не интеллигентную дѣвицу, который оказался волонтеромъ, записавшимся въ ино-легіонъ. Когда-же я сталъ разспрашивать его, какъ онъ рѣшился подписать контрактъ на пять лѣтъ, онъ только разсмѣялся.

— Вы наивный человѣкъ, мнѣ важно было выбраться изъ Россіи, а у меня уже готовъ паспортъ. Какъ только французы двинутся, я ихъ брошу и поѣду въ Швейцарію.

Наша мирная жизнь въ Аккерманѣ ничѣмъ не нарушалась, никакихъ столкновеній съ большевиками у насъ не происходило. Кое гдѣ иногда на Днѣстрѣ

часовые обмѣнивались выстрѣлами. Однажды только въ Бендерахъ большевики, переправившись черезъ Днѣстръ, напали на французовъ и даже захватили въ плѣнъ бригаднаго генерала, но скоро ихъ налетъ былъ ликвидированъ французскими стрѣлками, подоспѣвшими на выручку, — генералъ былъ освобожденъ и большевики сброшены въ Днѣстръ.

Какъ-то на улицахъ Аккермана появился украинскій офицеръ и нѣсколько человѣкъ солдатъ. Это породило безконечные разговоры и вызвало всевозможныя догадки. Оказалось, что это былъ полковникъ Аркасъ, который не то предполагалъ отправиться съ депутаціей къ большевикамъ, не то ожидалъ возстанія крестьянъ; онъ выслалъ развѣдчиковъ на ту сторону, но очевидно не дождался никакихъ благопріятныхъ для себя результатовъ и такъ же неожиданно исчезъ изъ Аккермана, какъ и пріѣхалъ.

Имѣя большое количество знакомыхъ въ Бессарабіи, я къ сожалѣнію не имѣлъ никакой возможности съ ними списаться, такъ какъ по всей Бессарабіи почта не ходила и никому не представлялось возможности обмѣниваться письмами. Вообще стѣсненія, которыя испытывали мѣстныя жители отъ румынъ, были чрезвычайно велики, такъ — никто не имѣлъ возможности отлучаться съ мѣста своего жительства безъ соотвѣтствующаго разрѣшенія; вся жизнь въ Бессарабіи замерла и прекратился «естественный обмѣнъ веществъ», за то развилась на этой почвѣ спекуляція, которая очень сильно удорожила жизнь. На нашихъ глазахъ цѣны все росли и росли, а доходы прекращались, и большинство русскихъ находились въ безвыходномъ матеріальномъ положеніи. Поэтому всѣ старались какъ только возможно сократить свои расходы и отыскать какой нибудь заработокъ. Страдала больше интеллигенція, которая почти совершенно не имѣла никакой возможности найти приложеніе своимъ силамъ. Лишь нѣкоторымъ удалось найти занятія въ кооперації, которая въ Бессарабіи, какъ и всюду въ Россіи, передъ революціей сдѣлала огромные успѣхи. Такое безысходное положеніе русскихъ людей сдѣлало то, что когда, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ по оставленіи французами Одессы, румыны предложили желающимъ уѣхать къ Деникину, нашлось много желающихъ, а впослѣдствіи, когда была освобождена добровольцами Одесса, туда уѣхали отъ румынскихъ порядковъ даже многіе коренные бессарабцы чисто «молдавскихъ кровей».

Французы. сидя почти безъ всякаго дѣла, все время проводили въ гуляньи по городу и въ ухаживаніи за мѣстными барышнями, и скоро всѣ гимназистки старшихъ классовъ, оставшіяся тоже безъ дѣла вслѣдствіе закрытія румынами учебныхъ заведеній, цѣлые дни проводили съ молодыми офицерами на бульварѣ, болтая на французскомъ діалектѣ. Отъ молодежи не отставали и старые полковники, и нашъ новый командиръ завелъ романъ съ одной поповной, который для него кончился довольно печально. Отъ такого общенія съ русскими дамами и дѣвицами симпатіи французовъ къ румынамъ не могли увеличиться, такъ какъ въ своихъ разговорахъ эти собесѣдницы разсказывали обо всемъ, что продѣлываютъ румынскія власти; французы этимъ искренне возмущались и открыто говорили, что оккупація Бессарабіи румынами явленіе чисто временнаго характера и что Франція никогда не дастъ своего согласія на присоединеніе Румыніей Бессарабіи. Насколько они были правы, показало дальнѣйшее.

Надежды наши на обратный переходъ союзными войсками Днѣстра постепенно ослабѣвали, такъ какъ видно было, что къ этому не дѣлается никакихъ приготовленій. Приходилось думать о томъ, что въ одинъ прекрасный день французы уйдутъ изъ Бессарабіи, какъ они ушли изъ Одессы. И это тревожило всѣхъ

мѣстныхъ жителей, потому что они уже знали, что съ уходомъ французовъ румыны опять начнутъ примѣнять свои методы управленія, отъ которыхъ они, стѣсняясь французовъ, немного отстали и которые заключаются главнымъ образомъ въ двухъ пріемахъ: взяточничествѣ и битьѣ. Берутъ они со всякаго, у котораго хоть что либо можно взять, и бьютъ тоже всякаго безъ разбора, кто не можетъ ничего дать. Румынское слово «батай» скоро стало извѣстно всѣмъ бессарабцамъ. Мы же, находящіеся на службѣ въ французскихъ войскахъ, задумывались о томъ, что дѣлать дальше? Какъ выбраться изъ Румыніи и пробраться въ Добровольческую Армію?

Наконецъ, послѣ того какъ во Франціи было приступлено къ полной демобилизаціи, стало извѣстно и у насъ въ полку о томъ, что нашъ полкъ будетъ переформированъ въ 17 Стрѣлковый Алжирскій полкъ и перейдетъ для этого въ Румынію, а затѣмъ отправится на оккупацію въ Болгарію. Съ другими частями, находящимися также въ Бессарабіи, предполагалось поступить такъ же. Такимъ образомъ всякая надежда на обратный походъ въ Россію у насъ пропала.

Полковникъ Локань, который чувствовалъ ко мнѣ большую симпатію и проявлялъ ее при всякомъ удобномъ случаѣ, сообщилъ мнѣ послѣ того, какъ получилъ извѣщеніе о назначеніи его на должность командира «17 R. T. A.», что, если я пожелаю, то могу ѣхать съ нимъ въ Болгарію въ качествѣ переводчика. Я понятно согласился и поблагодарилъ любезнаго полковника, но объяснилъ ему, что болгарскаго языка не знаю. — Это ничего, — сказалъ полковникъ, — какъ-нибудь справимся.

Черезъ нѣсколько дней мы начали грузиться на ж. д. и, распрощавшись со своими знакомыми, двинулись черезъ Рени и Галацъ въ Браиловъ, гдѣ должно было происходить переформированіе.

Живя въ Аккерманѣ въ домѣ своихъ друзей и зная, что Одесса, гдѣ остались всѣ родные, находится лишь въ 40 верстахъ, я какъ-то не чувствовалъ себя особенно оторваннымъ отъ семьи. Теперь-же, когда мы двинулись дальше, стало какъ-то особенно грустно.

Ѣхали мы съ полнымъ удобствомъ и возможнымъ комфортомъ. У каждаго изъ насъ было отдѣльное купе и для «попотъ» отведенъ вагонъ, гдѣ мы и проводили большую часть дня. На нѣкоторыхъ станціяхъ мы подолгу стояли, и наши офицеры, научившись кое какъ объясняться по русски, вступали въ разговоры съ мѣстными жителями и старались разспрашивать про отношенія къ нимъ румынъ. Всѣ отзывались самымъ отрицательнымъ образомъ и ругали ихъ самымъ откровеннымъ образомъ. По линіи желѣзной дороги русскіе служащіе были замѣнены румынами, а оставшіеся безъ дѣла русскіе сидѣли на станціяхъ въ ожиданіи отправки въ Россію и «продавались», т. е. распродавали свой домашній скарбъ и рухлядь для того, чтобы не умереть съ голоду. Картины эти производили сильное впечатлѣніе на французовъ, и они возмущались этимъ вполнѣ искренно. Въ Рени мы задержались дольше чѣмъ на другихъ станціяхъ; тутъ, хотя это совсѣмъ близко отъ границы съ Румыніей, всюду былъ слышенъ русскій языкъ; я обратилъ на это вниманіе нашихъ офицеровъ, и они отвѣчали, что теперь своими глазами убѣдились въ неосновательности румынскихъ притязаній на Бессарабію. Скоро мы переѣхали границу и очутились въ Румыніи.

Въ Галацѣ мы сразу почувствовали себя въ другомъ государствѣ, всюду слышна была румынская рѣчь, замелькали черномазыя физіономіи, по вагонамъ стали шмыгать разные ж. д. служащіе, и въ нашемъ поѣздѣ обнаружилась пропажа многихъ вещей. Даже у меня изъ купе ухитрились украсть мой пробковый шлемъ, только передъ поѣздкою полученный мною изъ интендантства.

Отъ Галаца до Рени поѣздъ шелъ по болотистой долинѣ, пересѣкаемой разными каналами, потоками, и французы развлекались тѣмъ, что, выскакивая изъ вагоновъ, били камнями лягушекъ и, радостные отъ удачной охоты, уносили въ вагоны цѣлыя гирлянды крупныхъ лягушекъ.

Въ Браиловъ мы прибыли часа въ два дня и приступили къ разгрузкѣ. Въ городѣ уже было нѣсколько батальоновъ вновь сформированнаго полка и теперь съ нашимъ прибытіемъ пришелъ штабъ полка и послѣдніе батальоны. Съ вокзала мы отправились въ городъ къ командиру 1 батальона, который, ожидая насъ, приготовилъ для всѣхъ насъ квартиры, и мы скоро размѣстились по отведеннымъ для насъ комнатамъ. Мнѣ досталась очень хорошая комната въ домѣ богатаго торговца хлѣбомъ, румынскаго еврея. Хозяева были очень любезны, и я устроился очень удобно. Здѣсь мнѣ пригодились мои слабыя познанія въ молдавскомъ языкѣ, которому я немного научился въ Бессарабіи, и я могъ довольно свободно объясняться съ мѣстными жителями. Вся интеллигенція здѣсь говорила на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Городокъ оказался небольшимъ, но очень чистенькимъ и уютнымъ; по своей распланировкѣ напоминалъ Одессу. Какъ мнѣ потомъ объяснили румыны, построенъ онъ по плану того-же архитектора, который составлялъ планъ Одессы, такъ какъ въ прежнія времена Браиловъ былъ лишь сильной турецкой крѣпостью, которую взяли отъ турокъ русскія войска, и городъ возникъ сравнительно недавно. Во время германской войны онъ былъ оккупированъ нѣмцами и у жителей сохранилась масса воспоминаній о пребываніи непрошенныхъ гостей.

Къ вечеру мы всѣ собрались въ попотѣ, которая была помѣщена въ квартирѣ одного крупнаго коммерсанта по фамиліи Скардели. Хозяинъ и хозяйка дома оказались очень милыми людьми и уступили для попотъ свою столовую. Столъ былъ сервированъ, какъ для званныхъ гостей, и нашъ поваръ Экъ, удобно устроившись въ отличной кухнѣ, приготовилъ намъ отличной обѣдъ. Наши хозяева обѣдали вмѣстѣ съ нами и разсказывали намъ про городъ. Послѣ обѣда мы отправились осматривать Браиловъ и скоро обошли почти весь городъ.

У себя на родинѣ румыны производятъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ въ Бессарабіи; здѣсь они очень внимательны, любезны, веселы и безпечны. Такими они были и въ Бессарабіи первое время послѣ прихода, а затѣмъ совершенно измѣнили свою политику и поведеніе въ отношеніи мѣстныхъ жителей и возбудили противъ себя положительно всѣхъ.

По приходѣ въ Браиловъ, полкъ нашъ былъ окончательно переформированъ и сталъ именоваться 17 R. T. A. Такимъ образомъ онъ уже былъ не зуавскимъ, а стрѣлковымъ, и офицеры надѣли новыя кепи съ голубыми околышами.

Дѣла здѣсь мнѣ почти никакого не было, и мы съ полковникомъ и еще съ двумя или тремя офицерами, проводили все время въ прогулкахъ по городу и окрестностямъ, гдѣ всюду остались слѣды отъ пребыванія нѣмцевъ въ видѣ разрушенныхъ зданій; особенно пострадала прилегающая къ городу дачная мѣстность.

Я нѣсколько разъ ѣздилъ въ Галацъ, гдѣ отыскалъ своихъ знакомыхъ В....ъ, которые все время неотступно слѣдовали за греческимъ генераломъ Негропонтисомъ и наконецъ добрались до Галаца, гдѣ и поселились на квартирѣ у русскихъ сектантовъ, которыхъ очень много въ Галацѣ и которые тамъ главнымъ образомъ занимаются извозчичьимъ промысломъ.

Сектанты эти приняли русскихъ бѣженцевъ очень хорошо и помогали имъ, чѣмъ могли. Одинъ изъ нихъ возилъ меня все время по городу и ни за что не

хотѣлъ взять денегъ. Онъ мнѣ много разсказывалъ про Россію, такъ какъ сравнительно недавно пріѣхалъ оттуда: ему захотѣлось послѣ революціи уѣхать изъ Румыніи къ себѣ домой въ Орелъ, куда онъ и попалъ при большевикахъ. Большевики произвели на него настолько сильное впечатлѣніе, что онъ всю дорогу разсказывалъ мнѣ про ихъ порядки, которые они завели въ Орлѣ. — «Все жиды орудуютъ» — разсказывалъ онъ. И изъ его словъ я ясно увидѣлъ, какой сильный антисемитизмъ распространился среди простого народа, даже тѣхъ губерній, гдѣ евреи не имѣли права жительства и гдѣ населеніе относилось къ случайно заѣхавшимъ туда евреямъ совершенно индиферентно. Особенно возмущали его преслѣдованія ими русскаго духовенства и издѣвательства надъ религіей.

Въ Галацѣ была сосредоточена масса войскъ — грековъ и французовъ; отсюда они должны были постепенно уходить — греки къ себѣ домой, а французы въ Болгарію на оккупацію. Для перевозки французскихъ войскъ были назначены русскіе пароходы, зафрахтованные французами. Намъ предстояло тоже грузиться на эти пароходы и плыть въ Варну.

Дни нашего пребыванія въ Браиловѣ мелькали очень быстро и скоро наступилъ назначенный срокъ для нашей погрузки. Наканунѣ дня отѣзда получилось распоряженіе о томъ, что отъѣздъ нашъ откладывается по случаю наступленія 14 Іюля, дня «взятія Бастиліи», который долженъ быть торжественно отпразднованъ всѣми войсками, въ томъ числѣ и французскимъ гарнизономъ города Браилова, поэтому мы вмѣсто погрузки стали спѣшно готовиться къ празднику.

Полковникъ разработалъ подробно планъ и порядокъ торжества. Такъ какъ это было первое празднованіе послѣ заключенія мира, къ нему готовились по всей Франціи особенно тщательно. Всѣ газеты были полны описаніями предстоящихъ торжествъ въ Парижѣ, куда были собраны всѣ знамена и представители отъ всѣхъ полковъ французской арміи.

Кто то изъ офицеровъ получилъ номеръ журнала Illustration, тамъ по случаю предстоящихъ торжествъ въ краскахъ на большомъ листѣ были отпечатаны національные флаги всѣхъ государствъ, въ союзѣ съ Франціей возставшихъ противъ Германіи. Отсутствовалъ лишь Русскій флагъ; я обратилъ на это вниманіе нашихъ офицеровъ, и мы много говорили по поводу участія Россіи въ міровой войнѣ. Всѣ боевые офицеры отлично понимали, какую великую услугу оказала Россія Франціи и высказали свои предположенія о продажности прессы.

Наканунѣ праздника по городу прошли вечеромъ съ горящими факелами войска, а въ самый день торжества былъ устроенъ парадъ, на которомъ особенно выдѣлялись своими бурнусами африканскіе кавалеристы и красными мундирами ихъ офицеры. Послѣ парада былъ устроенъ парадный обѣдъ. Отпраздновавъ такимъ образомъ 14 Іюля, мы покинули Браиловъ и двинулись въ Галацъ, гдѣ ожидали парохода «Императоръ Александръ III» и «Новороссія». Погрузка произошла безъ особенныхъ хлопотъ и довольно быстро. У насъ все-таки было достаточно времени, чтобы навѣстить своихъ знакомыхъ и погулять по городу.

Здѣсь я встрѣтилъ нѣсколькихъ русскихъ, которыхъ зналъ по Одессѣ. Они ожидали погрузки для того, чтобы ѣхать въ Добровольческую армію. Отъ нихъ я узналъ, что съ большевиками ведется упорная борьба, которая принимаетъ удачный характеръ, и что есть надежда на скорое занятіе Одессы. Французовъ они всѣ ругали, говорили о томъ, что Д'Ансельмъ и Фрейденбергъ преданы суду и что разбирательство дѣла освѣтитъ всѣ ихъ поступки.

Я распрощался со своими друзьями В. Они мнѣ разсказывали, что нашъ общій знакомый поручикъ Х., бывшій при греческомъ генералѣ Негропонтисѣ, получилъ командировку къ Колчаку, и генералъ Негропонтисъ подробно сообщалъ генералу Колчаку о поведеніи французовъ въ Одессѣ и о томъ, что греки стремились своими силами помочь Россіи, но подъ давленіемъ французовъ не могли этого сдѣлать, такъ какъ тѣ не только не позволили привести большаго количества войскъ, но заставили оставить городъ.

Къ вечеру погрузка закончилась и мы были на борту «Императора Александра III», надъ которымъ гордо развѣвался русскій національной флагъ. Капитанъ и вся команда были русскіе, но для наблюденія за ними былъ назначенъ французскій комиссаръ, лейтенантъ Ж., и нѣсколько матросовъ. Было особенно пріятно попасть на русскій пароходъ послѣ долгаго пребыванія среди иностранцевъ. Въ числѣ помощниковъ капитана я нашелъ знакомаго — сына нашего уѣзднаго предводителя; старшій механикъ оказался братомъ моего знакомаго чиновника государственнаго банка. Среди матросовъ преобладала интеллигенція, — студенты, офицеры и т. д., выброшенные революціей на улицу, попали въ концѣ концовъ на пароходъ въ качествѣ простыхъ матросовъ. Свои обязанности они исполняли старательно и добросовѣстно, но матросы-профессіоналы, настроенные большевистски, относились къ нимъ недоброжелательно и недружелюбно.

Во время обѣда мы, т. е. штабъ нашего полка, усѣлись за стрѣлковый столъ, на почетномъ мѣстѣ котораго уже сидѣлъ капитанъ парохода. Узнавъ, что я русскій, да еще при томъ изъ Одессы, капитанъ сталъ разсказывать намъ, что тамъ происходитъ. Свѣдѣнія у него были самыя свѣжія, такъ какъ они ежедневно получали радіо и могли слѣдить за ходомъ борьбы между большевиками и добровольцами. Послѣ обѣда я пошелъ бродить по пароходу, нашелъ своихъ знакомыхъ и вмѣстѣ съ ними долго сидѣлъ въ каютѣ симпатичнаго старшаго механика; туда же пришелъ и Ратко Дмитріевъ, такъ называли на пароходѣ радіотелеграфиста. Отъ него я узналъ, что дѣла большевиковъ плохи, что есть надежда на скорое оставленіе ими Одессы, которая въ настоящее время переживаетъ всѣ прелести большевистскаго режима.

Зашелъ разговоръ о французахъ и объ ихъ отношеніи къ русскимъ. Всѣ говорили о томъ, что поведеніе ихъ совершенно измѣнилось, что ведутъ себя они не какъ союзники и не стараются скрыть своего недоброжелательнаго отношенія къ русскимъ и Россіи.

— У насъ на пароходѣ устроила 14 Іюля банкетъ французская колонія въ Галацѣ, — разсказывали они мнѣ, — и по этому случаю пароходъ былъ украшенъ флагами всѣхъ союзныхъ государствъ, лишь русскій флагъ отсутствовалъ. Но мы заставили поднять его.

— Хорошее дѣло! — думалъ я. — И это на борту русскаго парохода «Императоръ Александръ III.», — хотя бы изъ уваженія къ памяти этого Государя, заключившаго союзъ съ Франціей, отнеслись съ должнымъ вниманіемъ. Что было бы съ «прекрасной Франціей» безъ этого союза? Да и мы бы, пожалуй, не странствовали въ качествѣ бездомныхъ бродягъ по чужимъ землямъ, — а сидѣли бы у себя дома.

Весь вечеръ я провелъ въ буфетной комнатѣ, гдѣ приготовлялись къ ужину пароходные лакеи. Они, узнавъ, что я русскій, стали угощать меня всѣмъ, что было въ ихъ распоряженіи, и занимать разговорами. Ихъ семьи были въ Одессѣ, и понятно, что мы все время невольно возвращались къ вопросу о томъ, когда же намъ удастся возвратиться домой. Такъ незамѣтно среди земляковъ про-

мелькнулъ день. На слѣдующій день, часамъ къ четыремъ, показались берега Болгаріи, и затѣмъ мы вошли въ портъ Варны. Приставъ къ стоянкѣ, начали выгрузку. Ночь должны были провести еще на пароходѣ, а на утро — занимать отведенныя для насъ помѣщенія.

Когда прошла первая суматоха и на пароходѣ все успокоилось, старшій механикъ и другіе офицеры позвали меня на берегъ погулять и вмѣстѣ гдѣ-нибудь посидѣть въ ресторанѣ.

— Сегодня послѣдній вечеръ мы съ вами, — говорили они, — проведемъ вмѣстѣ, а завтра разстанемся, и Богъ знаетъ, когда увидимся въ Одессѣ.

Сойдя на берегъ, мы двинулись въ городъ. Дорога изъ порта и подъемъ въ городъ напоминаютъ немного Одессу. Скоро мы были въ самомъ городѣ, который производилъ довольно пріятное впечатлѣніе; особенно пріятно было видѣть вывѣски магазиновъ, написанныя нашими буквами, смыслъ ихъ всѣхъ легко было понять, иногда-же онѣ поражали насъ своею загадочностью, такъ какъ очевидно наши русскія слова употребляются въ совершенно другомъ значеніи. «Обществено то влагалище» съ изумленіемъ прочиталъ я написанную огромными буквами и украшающую собою многоэтажное зданіе вывѣску; оказалось, что это ничто другое, какъ сберегательная касса. На встрѣчу намъ попадались мѣстные жители. — Вотъ они каковы «братушки», — думалъ я. Среди нихъ мелькали русскаго образца формы офицеровъ, юнкеровъ; особенно много было морскихъ офицеровъ, одѣтыхъ совершенно въ нашу форму; лишь на погонахъ у нихъ красовался вензель Фердинанда. Скоро мы пришли въ городской садъ, расположенный на самомъ берегу моря. Тамъ игралъ оркестръ музыки и двигалась по аллеямъ большая толпа гуляющихъ. Паркъ напомнилъ мнѣ городской садъ въ Орлѣ, гдѣ также когда то въ доброе старое время гуляла публика, играла музыка и люди жили тихо и мирно. По своему виду толпа сильно напоминала нашу губернскую публику. Бѣлые кителя и фуражки офицеровъ, отъ которыхъ мы уже совершенно отвыкли, а главное — полицейскіе стражники, какъ двѣ капли воды похожіе на нашихъ уѣздныхъ стражниковъ съ «селедками» на боку, переносили меня въ невозвратное время. Скоро мы усѣлись за столикъ и незамѣтно, въ пріятныхъ разговорахъ, провели весь вечеръ.

Возвратившись на пароходъ, я опять попалъ въ буфетную, куда меня позвали читать только что полученную болгарскую газету, въ которой сообщалось о блестящей побѣдѣ генерала Врангеля надъ большевиками и о взятіи многихъ тысячъ плѣнныхъ. Такія радостныя извѣстія пробудили у всѣхъ насъ надежды на скорое возвращеніе домой. Съ такими мыслями я отправился въ свою кабинку спать и на утро, распрощавшись со всѣми новыми знакомыми, сталъ собираться на берегъ.

— Смотрите-же, не забывайте насъ и, когда мы прійдемъ опять въ Варну, приходите къ намъ, — приглашали меня пароходные служащіе.

Съ прислугой я также трогательно распрощался, несмотря на то, что они были очень заняты и встревожены тѣмъ, что изъ каютъ пропали подушки, и они пересчитывали ихъ наличность и прятали подъ замокъ.

— Каждый разъ такъ пропадаетъ, когда веземъ ихъ, — говорили они, — а то еще пухъ выберутъ и набьютъ ватой. А мы потомъ отвѣчай, — плати изъ своего кармана. Тоже народъ французы, благородные люди — а хуже нашихъ, — ворчали они. Я ушелъ.

Для штаба нашего полка было отведено зданіе школы рядомъ съ армянской церковью. Тамъ собрались всѣ наши офицеры и ожидали, когда ихъ разведутъ по квартирамъ. Полковникъ устроился въ квартирѣ какихъ-то французскихъ

швейцарцевъ. Тамъ-же должны были помѣстить и нашъ «попотъ», мы же еще комнатъ не имѣли и въ такомъ непріятномъ ожиданіи находились дня два. Наконецъ намъ отвели квартиры, и мы расположились.

Въ Варнѣ наше времяпровожденіе ничѣмъ не отличалось отъ того, какъ мы проводили его въ Аккерманѣ и Галацѣ. Одинъ день былъ похожъ на другой: тѣ же обѣды и ужины и безконечныя прогулки въ паркѣ и по окрестностямъ.

Съ мѣстными жителями сталкиваться приходилось довольно мало, въ особенности въ началѣ. Болгаре были на сторожѣ и немного сторонились отъ французовъ. Но затѣмъ это прошло и при всякомъ удобномъ случаѣ они старались вступать съ нами въ разговоры. Когда же узнавали, что я русскій, то выражали свою неподдѣльную радость. Русскихъ въ Варнѣ, кромѣ военноплѣнныхъ, тогда еще не было. Ко мнѣ часто подходили на улицѣ и старались узнать отъ меня, какъ теперь относится къ болгарамъ русскій народъ, проститъ-ли онъ имъ когда нибудь ихъ измѣну.

— Что про насъ говорятъ русскіе? — спросилъ меня какъ-то одинъ батюшка, окончившій казанскую духовную академію.

— Говорятъ, что сволочи братушки, измѣнили и подвели насъ, — отвѣчалъ я ему.

— Ну, да ничего. Авось, скоро забудутъ, — утѣшалъ я его, — нашъ русскій народъ добръ и не злопамятенъ.

Въ Варнѣ вообще было очень много людей, которые окончили русскія учебныя заведенія или просто жили въ Россіи, поэтому ихъ очень интересовало все, что тамъ теперь происходитъ, при чемъ во время разговора они себя чувствовали сконфуженно и всячески старались убѣдить, что въ измѣнѣ Болгаріи виноватъ Фердинандъ, а не болгарскій народъ. Изъ личныхъ наблюденій я вывелъ заключеніе, что старики, помнящіе Русско-Турецкую войну, всѣ искренно расположены къ Россіи, а молодое поколѣніе, наоборотъ, не только не чувствуетъ никакой признательности и благодарности, а какъ-бы даже старается подчеркнуть, что и безъ нашей помощи они бы достигли всего, да можетъ быть — еще и лучше. Коммунистическія идеи и интернаціоналъ находили себѣ среди нихъ большихъ приверженцевъ. Свои взгляды они старались высказать при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, умышленно афишируя свои убѣжденія. При мнѣ, помню, какъ-то не выдержалъ одинъ старый болгаринъ и, постучавъ по головѣ желторотаго оратора, утверждавшаго, что Болгаріи Россію благодарить совершенно не за что, спросилъ его:

— А шта, бре, имашъ на глава та?

— Шапку, — отвѣчалъ съ недоумѣніемъ спрошенный.

— Да, — а если-бы не Россія, то до сихъ поръ носилъ-бы фесъ, — съ возмущеніемъ замѣтилъ старикъ къ общему удовольствію слушателей.

Какъ-то при случаѣ мнѣ пришлось познакомиться съ служившимъ при Русскомъ Консулѣ кавасѣ, — это былъ старый человѣкъ, чуть-ли не семидесяти пяти лѣтъ. Отъ него я услышалъ много интереснаго про болгаръ, такъ какъ онъ, попавъ въ Болгарію въ 1878 году и продѣлавъ всю Русско-Турецкую войну, остался въ Болгаріи, поступивъ на болгарскую службу, а затѣмъ, выслуживъ уже полный срокъ, уже старикомъ, опредѣлился въ Русское Консульство въ Варнѣ. Несмотря на свой преклонный возрастъ, послѣ объявленія выступленія Болгаріи, онъ былъ интернированъ и перетерпѣлъ съ другими русскими массу лишеній отъ тѣхъ — за кого онъ въ 1878–79 г. г. проливалъ кровь.

— Больше всего обидно было, — говорилъ онъ, — то, что лица, которыя лично были облагодѣтельствованы Россіей, проявили къ намъ столько злобы, сколько не могъ проявить человѣкъ чѣмъ либо обиженный, или пострадавшій отъ Россіи.

Онъ показывалъ мнѣ на улицѣ небольшого роста коренастаго, черномазаго братушку, который сбилъ у него съ головы форменную русскую фуражку и, сорвавъ съ нея русскую кокарду, растопталъ ее ногами.

Также не лестно отзывался о болгарахъ мой случайный знакомый П.....ъ, братъ одного извѣстнаго общественнаго дѣятеля и будущаго градоначальника въ Софіи. Ихъ отецъ, русскій по происхожденію, также послѣ войны остался въ Болгаріи и женился на болгаркѣ, его сыновья были уже болгарскіе подданные и кончили гимназіи въ Болгаріи. Мой знакомый послѣ окончанія гимназіи уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ и кончилъ политехникумъ и въ качествѣ инженера остался служить въ Россіи, а братъ его, сдѣлавшійся морскимъ капитаномъ, плавалъ на болгарскомъ пароходѣ и такимъ образомъ онъ имѣлъ возможность наблюдать поведеніе болгаръ все время. По разсказамъ моего знакомаго инженера, братъ его, какъ и всякій болгарскій подданный, принималъ горячее участіе въ политической жизни и передъ выступленіемъ Болгаріи, на какомъ-то собраніи своей партіи, голосовавшей за объявленіе войны Россіи, спросилъ лидера этой партіи:

— А что-же Вы будете дѣлать съ могилами 200.000 русскихъ, пожертвовавшихъ свою жизнь за освобожденіе Болгаріи?

— Будемъ с... ходить на нихъ, — былъ отвѣтъ на его вопросъ. Тутъ-же П. влѣпилъ пощечину потерявшему всякій стыдъ и совѣсть политику и послѣ этого вскорѣ былъ посаженъ въ тюрьму, какъ руссофилъ, и былъ освобожденъ изъ нея лишь по приходѣ французскихъ войскъ. Кстати сказать, издающаяся въ Софіи газета Echo de Boulgarie цитировала выдержки изъ солидныхъ французскихъ газетъ о нападеніи на французскія войска болгаръ и о числѣ убитыхъ и раненыхъ и съ недоумѣніемъ спрашивала — кому нужно было измышлять такія легенды.

Дѣйствительно, пребываніе наше носило совершенно мирный характеръ. Лишь одинъ разъ, когда у болгаръ происходили выборы въ народное собраніе, обыкновенно сопровождающіеся всякими дебатами и стычками, французское командованіе приняло мѣры предосторожности — запретило солдатамъ выходить на улицу, а офицеры получили приказаніе надѣть сабли и револьверы. При чемъ въ этотъ день, какъ и вообще, никакихъ выступленій не было, и мы жили тихо и мирно, проводя наше время въ прогулкахъ и купаніи въ морѣ.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ нашего прибытія въ Варну опять пришелъ «Александръ III». Я пошелъ навѣстить своихъ знакомыхъ и узналъ отъ нихъ, что дѣла добровольцевъ идутъ все лучше и лучше и что есть надежда на скорое взятіе ими Одессы.

Неожиданно въ Варну пришла рота русскихъ войскъ. Оказывается, это были солдаты частей, посланныхъ на помощь Франціи. Въ ротѣ было нѣсколько человѣкъ офицеровъ, одѣтыхъ въ русскую форму съ погонами и кокардами. Отъ нихъ я узналъ, что они присланы въ Варну на работы, по окончаніи которыхъ будутъ отправлены въ Россію. Эти офицеры разсказывали мнѣ много интереснаго о своихъ мытарствахъ въ чужихъ земляхъ. Революція ихъ застала на Салоникскомъ фронтѣ, гдѣ они были уже довольно долго.

Нѣкоторое довольно продолжительное время русскія части послѣ революціи совершенно не разлагались и только подъ вліяніемъ прибывшихъ изъ Россіи агитаторовъ и получаемыхъ распоряженій, началась извѣстная всѣмъ картина

развала войскъ. Къ сожалѣнію, большое участіе приняли въ этомъ и французы, возбуждавшіе солдатъ противъ офицеровъ. Скоро-же они и сами не рады были, такъ какъ солдатская масса настолько распустилась, что сами французы не знали, что съ ними дѣлать. Когда же они увидѣли, что ихъ поведеніе угрожаетъ и ихъ арміи, то моментально бросили всякія церемоніи и приняли самыя рѣшительныя мѣры.

Они включили всѣхъ, кто желаетъ служить по прежнему и продолжать войну, въ первую категорію; затѣмъ тѣхъ, кто не желаетъ сражаться, но согласенъ выполнять всякую работу, записали во вторую категорію и наконецъ изъ тѣхъ, кто не желали ничего дѣлать и выставили требованіе о немедленномъ мирѣ «безъ анексій и контрибуцій», составили третью категорію. Первая категорія была принята на полное содержаніе на одинаковыхъ съ французами условіяхъ, вторая была подвергнута всевозможнымъ ограниченіямъ, главнымъ образомъ въ пищѣ, а къ третьей примѣнены самыя суровыя мѣры, — имъ прекратили всякаго рода отпускъ продуктовъ и посадили за колючую проволоку. Менѣе упорные быстро стали переходить во вторую категорію, а нѣкоторые, стоя на своемъ, отказывались выполнять какія либо требованія. Французы такихъ подвергали самымъ жестокимъ наказаніямъ, напримѣръ, закапывали по шею въ землю на солнечномъ припекѣ и оставляли такъ на долгое время. Такими мѣрами они скоро заставили взбунтовавшуюся солдатскую массу подчиниться дисциплинѣ. Солдаты прибывшей роты тоже разсказывали мнѣ, какъ они пробыли нѣсколько дней въ третьей категоріи и, считая французовъ неправыми въ примѣненіи къ нимъ такихъ жестокихъ мѣръ воздѣйствія, отзывались о нихъ со злобою и ненавистью, хотя при встрѣчѣ весьма почтительно козыряли французскимъ офицерамъ. Они ждали съ нетерпѣніемъ отправки домой и только высказывали сожалѣніе, что попадутъ къ добровольцамъ, а не къ большевикамъ.

Тогда-же въ Варну пришелъ небольшой русскій пароходъ, который стоялъ тамъ долгое время. Оказывается, на него французы начали грузить винтовки и снаряды для отправленія въ добровольческую армію. Пріемомъ этихъ грузовъ завѣдывало два знакомыхъ по Одессѣ офицера, и я сталъ подумывать о томъ, какъ-бы присоединиться къ нимъ и вмѣстѣ отправиться въ Россію.

Въ Варнѣ я познакомился съ содержателемъ мастерской фуражекъ русскаго образца, которыя приняты въ болгарскія войска. Это былъ молодой человѣкъ, еврей изъ Одессы; попалъ онъ въ Болгарію военно-плѣннымъ и устроился въ концѣ концовъ въ Варнѣ. Здѣсь у него было много знакомыхъ въ средѣ мѣстныхъ жителей, отъ нихъ онъ слышалъ, что Одесса наканунѣ взятія ея добровольцами: такъ говорятъ ѣздящіе туда на лодкахъ болгары. Дѣйствительно, въ Варнѣ стали появляться первыя ласточки. Французскія власти арестовали прибывшихъ изъ Одессы двухъ лицъ — одного еврея и другого латыша, которые почему-то рѣшили бѣжать изъ Одессы передъ занятіемъ ея добровольцами. Очевидно, это были комиссары.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого я зашелъ въ мастерскую къ шапочнику, и онъ радостно поздравилъ меня съ занятіемъ Одессы «кадетами». — Утромъ прибыла лодка — разсказывалъ онъ, — на которой болгарскіе коммунисты выѣхали въ Одессу, но по случаю занятія ея добровольцами вернулись обратно. — Я разсказалъ объ этомъ своимъ французамъ, но никто изъ нихъ не хотѣлъ этому вѣрить. Дня черезъ два они получили официальное сообщеніе объ оставленіи Одессы большевиками.

Съ этого времени всѣ мои мысли устремились на то, какъ-бы мнѣ уѣхать домой. Я заявилъ объ этомъ полковнику; онъ выразилъ свое сожалѣніе и сказалъ

мнѣ, что можетъ меня отправить черезъ Константинополь, при чемъ сообщилъ, что полкъ на дняхъ переходитъ на сербскую границу въ Царибродъ и что онъ проситъ меня проводить ихъ туда, а затѣмъ онъ снабдитъ меня билетомъ до Константинополя и такимъ образомъ я смогу посмотрѣть Балканскій полуостровъ. Я не счелъ возможнымъ отказаться отъ такого предложенія, и черезъ нѣсколько дней мы двинулись въ Царибродъ. По дорогѣ мы остановились въ Софіи, которую осмотрѣли довольно основательно. Особенно понравился намъ памятникъ Александру-Освободителю, про который у насъ писали, что послѣ объявленія войны болгары его уничтожили, и отлично содержимые парки. Самъ городъ немного напоминаетъ нашъ Кіевъ. Оставаться долго мы тамъ не могли и двинулись въ Царибродъ. Это оказался маленькій городъ, среди красивой, горной мѣстности, по своему виду похожій на какое нибудь небольшое мѣстечко на Кавказѣ. Здѣсь мнѣ пришлось задержаться нѣсколько дольше, чѣмъ предполагалъ.

За это время изъ Сербіи по направленію на Константинополь стали проѣзжать русскіе офицеры, направляющіеся въ добровольческую армію. Съ тѣхъ поръ, какъ дѣла арміи пошли въ гору, французы стали опять оказывать ей нѣкоторую поддержку и въ томъ числѣ оказывать содѣйствіе нашимъ офицерамъ, отправляя ихъ въ армію.

На прощаніе полковникъ наговорилъ мнѣ массу пріятныхъ словъ и обѣщалъ писать и просилъ не забывать его. Передъ отъѣздомъ меня снабдили предписаніемъ, предоставляющимъ мнѣ право ѣхать безплатно на одинаковыхъ основаніяхъ съ французскими офицерами до Одессы черезъ Константинополь, и я, простившись со всѣми, отправился въ Софію. Мнѣ хотѣлось получше посмотрѣть городъ, и поэтому я рѣшилъ остаться тамъ на сутки. За это время я осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности болгарской столицы и вечеромъ отправился ужинать въ французское офицерское собраніе. Когда я сидѣлъ въ одиночествѣ за столикимъ, ко мнѣ подошелъ французскій офицеръ и, представившись на чистомъ русскомъ языкѣ, просилъ разрѣшенія присѣсть и побесѣдовать. Оказалось, что онъ, будучи сыномъ французовъ родителей, имѣвшихъ въ Москвѣ на Кузнецкомъ мосту книжный магазинъ, получилъ русское образованіе и въ одинъ годъ со мною окончилъ Московскій университетъ по юридическому факультету. Мы разговорились, и скоро нашъ разговоръ принялъ искренній и непринужденный характеръ.

Мой новый знакомый оказался продуктомъ франко-русскаго союза; онъ, оставаясь по внѣшности и подданству французомъ, впиталъ въ себя русскую культуру. Скоро зашелъ разговоръ о франко-русскихъ отношеніяхъ вообще и о помощи французовъ Россіи — Добровольческой Арміи.

— Вы знаете, — говорилъ онъ — я не могу понять, что теперь происходитъ. Вѣдь, мы всѣ отлично понимаемъ, что Франція не только не погибла, но и вышла съ честью изъ войны, благодаря безконечнымъ жертвамъ Россіи, и что въ будущемъ Франція безъ союза съ Россіей не мыслима, но въ то же время дѣлается все, чтобы исключить въ будущемъ возможность такого союза. Послѣ оставленія нами Одессы русскіе люди имѣютъ полное право не считать насъ больше своими союзниками.

— Меня очень интересуетъ, что говорятъ про оставленіе Одессы русскіе? Кого въ этомъ обвиняютъ?

Я сказалъ ему, что на югѣ Россіи теперь о французахъ послѣ ихъ предательства нѣтъ двухъ мнѣній. Всѣ единодушно ненавидятъ ихъ и не скоро простятъ имъ ихъ дѣла. Обвиняютъ главнымъ образомъ въ этомъ полковника Фрей-

денберга и генерала Д'Ансельма, будто-бы подкупленныхъ большевиками. Говорятъ про еврейское и большевистское вліяніе на французское командованіе вообще.

Мой собесѣдникъ задумался и затѣмъ началъ говорить.

— Вы знаете, еврейское вліяніе во Франціи гораздо больше, чѣмъ знаютъ объ этомъ въ Россіи, — у насъ все въ рукахъ евреевъ. Личный секретарь Клемансо еврей, незаконный сынъ Ротшильда, — въ министерствахъ и вообще у власти ихъ больше, чѣмъ надо. Понятно, что черезъ своихъ они дѣлаютъ, что хотятъ, поэтому имъ было очень легко принять мѣры къ оставленію французскими войсками Одессы.

— Вѣдь занятіе юга Россіи произошло такъ: Одесса и вообще Украина, оккупированная нѣмцами, считалась частью фронта. Ближайшими французскими войсками командовалъ генералъ Франше Д'Есперэ, командиръ Салоникскаго фронта. Онъ, когда нѣмцы очистили Константинополь, занялъ его своими войсками. По настоянію русскихъ общественныхъ дѣятелей на Ясскомъ совѣщаніи онъ сдѣлалъ распоряженіе и о занятіи Одессы и предполагалъ продѣлать то же со всею Украиной. Но исполнителями его распоряженій оказались полковникъ Фрейденбергъ и генералъ Д'Ансельмъ, которые очевидно и продѣлали всю эту операцію, такъ что у главнаго французскаго командованія явилось опасеніе всевозможныхъ осложненій въ парламентѣ. Конечно, безъ большевиковъ и евреевъ тутъ не обошлось. Объ этомъ подробно узнаемъ впослѣдствіи. Во всякомъ случаѣ распоряженіе объ оставленіи юга Россіи было сдѣлано какъ-бы въ цѣляхъ перемѣщенія войскъ съ однаго участка фронта на другой, и войска для большей безопасности были отведены лишь за Днѣстръ, а уже потомъ, когда еврействующая партія добилась прекращенія интервенціи въ Россіи, ихъ увели совсѣмъ изъ Россіи, оставивъ Бессарабію въ полное распоряженіе Румынъ.

— Теперь добровольцы обходятся безъ насъ и вотъ опять взяли Одессу. У насъ получены свѣдѣнія, что имъ помогаютъ англичане, это очень тревожитъ насъ, сторонниковъ союза съ Россіей.

- Во всякомъ случаѣ, я всѣмъ тѣмъ, что происходитъ во Франко-Русскихъ отношеніяхъ, огорченъ больше, чѣмъ кто либо, и отлично понимаю негодованіе и презрѣніе, которымъ теперь дарятъ насъ русскіе. Но если бы они узнали, что подавляющее большинство офицеровъ истинные друзья Россіи, но и они ничего не могутъ сдѣлать: вся власть — въ рукахъ опредѣленной группы политиковъ, на которыхъ мы вліять не можемъ. Вотъ, напримѣръ, въ вопросѣ о Бессарабіи была произведена анкета, спрашивали всѣхъ солдатъ и офицеровъ, бывшихъ въ Бессарабіи, по поводу того, насколько она является русской по населенію, культурѣ и т. д., и отвѣтъ получился самый благопріятный для Россіи, — всѣ высказались конечно за то, что это такая же часть Россіи, какъ и другія губерніи. Конечно, въ настоящее время, когда дѣла добровольцевъ идутъ хорошо и нѣтъ основаній предполагать, что большевики возьмутъ верхъ, относительно Бессарабіи наши будутъ молчать. Ну, а если, не дай Богъ, у добровольцевъ ничего не выйдетъ, то я совсѣмъ не буду удивленъ, если у насъ возьмутъ на себя смѣлость распорядиться чужимъ добромъ и преподнести Бессарабію Румыніи, которая принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы заручиться на это согласіемъ Франціи.

Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ и вопросовъ моего собесѣдника видно было, что онъ всей душой расположенъ къ Россіи и огорченъ всѣмъ тѣмъ, что ему приходится видѣть и наблюдать, поэтому я не могъ не удержаться отъ того, чтобы не разсказать ему подробно, какъ мы съ нетерпѣніемъ ждали французовъ въ Одессѣ, какъ снисходительно смотрѣли на разнузданное поведеніе ихъ солдатъ,

какъ ждали отъ нихъ помощи противъ большевиковъ, какъ въ этомъ всѣ горько ошиблись, и какъ многіе отъ этого сильно пострадали, заплативъ за довѣріе имъ, какъ союзникамъ, своею жизнью.

Разсказалъ я ему и то, что было подъ Березовкой, откуда французы позорно бѣжали, побросавъ все, вмѣсто того, чтобы гнать большевиковъ, какъ это дѣлали нѣмцы — легко и свободно, почти не встрѣчая сопротивленія.

Разсказалъ про ненужный формализмъ и отсутствіе желанія у отдѣльныхъ лицъ въ частныхъ случаяхъ помогать намъ въ бѣдѣ, указывая въ то-же время, какъ греки были внимательны и отзывчивы къ русскимъ бѣженцамъ, какъ старались французы отобрать у добровольцевъ броневики и какія мѣры не постѣснялись принять для этого, какъ реквизировали у бѣженцевъ лошадей и автомобили и какъ они все время старались набрать какъ можно больше охотниковъ для поступленія въ иностранный легіонъ, не стѣсняясь ни обстоятельствами, ни мѣстомъ.

Мой новый знакомый только вздыхалъ и молча кивалъ головою.

— Да, истинные друзья познаются только въ бѣдѣ, какъ мы читали въ латинской хрестоматіи, — наконецъ сказалъ мой случайный знакомый. — А мы сдѣлали все, чтобы Вы имѣли право насъ не считать своими друзьями.

— Да, недаромъ про насъ говорятъ на нашемъ-же языкѣ французскіе швейцарцы:

Rouge, blanc, bleu —
Les français sont de mauvais gueux!

Пожелавъ другъ другу всякаго благополучія, мы разстались. На слѣдующій день я выѣхалъ въ Константинополь, а оттуда домой въ Одессу.

Сента 13. V. 1922 года.
С. Х. С.

Воспоминанія о моей подневольной службѣ у большевиковъ.

Ген. И. Данилова*).

VIII.

20-го ноября мы погрузились въ эшелонъ и отправились въ Симферополь, куда прибыли 1-го декабря. Цѣлые десять дней понадобились для того, чтобы пройти разстояніе отъ Павлограда до Симферополя, пробѣгаемое ранѣе курьерскимъ поѣздомъ обыкновенно въ 8—10 часовъ. По пути приходилось стоять по нѣсколько сутокъ на маленькихъ станціяхъ, такъ какъ не было топлива для паровозовъ. Желѣзныя дороги юга снабжались ранѣе каменнымъ углемъ Донецкаго бассейна, который въ настоящее время почти не работалъ, а тѣ немногочисленные вагоны съ углемъ, которые присылались теперь оттуда, сейчасъ же растаскивались, какъ служащими жел. дор., такъ и пассажирами эшелоновъ для отапливанія теплушекъ, ввиду наступившихъ холодовъ. Машинисты, обыкновенно, израсходовавъ уголь, бросали составъ поѣзда на какомъ-нибудь разъѣздѣ и торопились на оставшемся пару дойти до ближайшаго депо, чтобы не заморозить паровозъ и тѣмъ его не подвергнуть порчѣ. Еще ранѣе на большихъ станціяхъ, какъ Полтава, Лозовая, Александровскъ, всюду виднѣлись громадныя, тянувшіяся на нѣсколько верстъ, кладбища паровозовъ, которые стояли вытянувшись въ одну линію на запасныхъ путяхъ; съ нихъ было все расхищено, мѣдныя части отвинчены и унесены, и надежды на какой-нибудь ремонтъ не было.

По дорогѣ мы узнали, что союзъ между Махно и большевиками, о которомъ такъ восторженно кричали совѣтскія газеты, лопнулъ. Махно снова измѣнилъ имъ или, вѣрнѣе, большевики его обманули. Дѣло въ томъ, что на основаніи договора съ нимъ передъ общимъ наступленіемъ на генерала Врангеля, ему было разрѣшено произвести мобилизацію для пополненія его арміи на территоріи Украйны. Теперь, когда большевики использовали его и онъ имъ оказался болѣе не нужнымъ, они воспретили Махно эту мобилизацію. Въ это время армія его достигла значительныхъ размѣровъ. У него уже были правильно организованные штабы даже съ офицерами генеральнаго штаба, дивизіи и полки, преимущественно конные и пулеметные, свое интендантство и правильно функціонировавшіе госпиталя, персоналъ коихъ пополнялся обыкновенно захваченными въ плѣнъ у генерала Врангеля и большевиковъ врачами, санитарами и сестрами милосердія. Резиденція Махно была въ г. Гуляй-Поле, Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, который въ шутку назывался Махноградъ. Вся его организація представляла довольно серьезную силу, а съ проведеніемъ мобили-

*) Продолженіе, см. «Архивъ Русск. Рев.», т. XIV.

заціи большевикамъ пришлось бы очень считаться съ нею, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшіе замыслы его имъ были неизвѣстны.

Въ составъ войскъ, оперировавшихъ противъ генерала Врангеля, входили, между прочимъ, первая и вторая конныя арміи Буденнаго; одна изъ нихъ была перекинута съ польскаго фронта, другая же пришла сюда съ Дона и Кубани. Это была вольница, которая мало мирилась даже и съ той тѣнью дисциплины, которая существовала тогда въ красныхъ арміяхъ. Родственная по духу грабежа съ войсками Махно, она быстро оцѣнила преимущество службы у Махно, и когда входила въ соприкосновеніе съ его войсками, то будучи тайно подбиваема на переходъ на службу къ нему, массами поступала въ махновцы. Были случаи перехода цѣлыхъ полковъ вмѣстѣ съ командным составомъ; переходили къ нему также и пѣхотныя части. Все это не на шутку встревожило совѣтскую власть и она потребовала отъ Махно отдать распоряженіе, не принимать къ себѣ на службу перебѣжчиковъ изъ красной арміи, а также прекратить агитацію среди нея для перехода къ нему. Махно, взбѣшенный запрещеніемъ произвести мобилизацію согласно договора, отказался исполнить это требованіе большевиковъ, и вотъ, въ отвѣтъ на это, большевистское командованіе отдало приказъ объ арестѣ, какъ Махно, такъ и его главныхъ помощниковъ, рѣшивъ на этотъ разъ покончить съ нимъ окончательно. Махно удалось ускользнуть скрытнымъ образомъ, и онъ объявился въ Гуляй-Полѣ, а части его, разсыпанныя по Таврiи и Екатеринославской губерніи, по его зову спѣшили къ нему.

Въ Крыму, въ частности, въ Симферополѣ, гдѣ былъ расположенъ штабъ его отряда, при занятіи Крыма дѣйствовавшій совмѣстно съ большевиками, послѣдній былъ захваченъ большевиками, при чемъ начальникъ штаба и адъютантъ были разстрѣляны. Тогда весь отрядъ, численностью около 5000 человѣкъ, бросился отдѣльными партіями вонъ изъ Крыма черезъ Перекопъ и, несмотря на то, что здѣсь была выставлена большевистская преграда, они опрокинули ее и выскочили въ Мелитопольскій уѣздъ, гдѣ поддерживаемые населеніемъ и силами, присланными изъ Гуляй-Поле, подъ общимъ руководствомъ Махно, начали операціи противъ красной арміи.

Во время слѣдованія нашего эшелона въ Симферополь мы были брошены на одномъ изъ разъѣздовъ паровозомъ, у котораго кончалось топливо. Просидѣвъ на этомъ разъѣздѣ два дня, мы увидѣли пришедшій сюда бронепоѣздъ съ инспекторомъ броневыхъ поѣздовъ во главѣ. Увидѣвъ наше бѣдственное положеніе, такъ какъ мы уже въ то время голодали за исходомъ провіанта, инспекторъ броневого поѣзда предложилъ намъ довезти насъ, прицѣпивъ къ своему поѣзду, нѣсколько станцій впередъ, гдѣ, быть можетъ, мы и достанемъ паровозъ, который бы насъ повезъ дальше. Везти насъ самъ въ Симферополь онъ не могъ, такъ какъ имѣлъ оперативное заданіе отъ штаба арміи охранять линію жел. дор. отъ бандъ Махно, прорвавшихся изъ Крыма. Мы, конечно, съ радостью на это согласились и отправились въ путь. Подъѣзжая къ станціи «Плодородіе», мы замѣтили окруженную всадниками, двигающуюся по степи колонну повозокъ, растянувшуюся болѣе версты. Командиръ бронепоѣзда остановилъ его, навелъ на эту колонну пушки и пулеметы, но открыть огонь не рѣшался, такъ какъ не было извѣстно, махновцы ли это, или же свои обозы. Для выясненія этого рѣшено было послать къ этой колоннѣ всадника. Пока выгружали лошадь изъ вагона и всадникъ ѣздилъ туда и обратно, колонна проходила параллельно жел. дор. и скрылась изъ глазъ наблюденія въ ближайшую балку. Вернувшійся всадникъ доложилъ, что онъ настигъ лишь хвостъ колонны, отъ которой къ нему поскакали навстрѣчу четыре всадника, что мы и видѣли, и на его вопросъ — «кто они такіе?» — отвѣтили, что это обозъ 5-ой дивизіи, между тѣмъ какъ находящіеся здѣсь инспекторы пѣхотной и кавалерійской инспекціи заявили, что въ 4-ой арміи, какъ кавалерійской, такъ и пѣхотной 5-ой дивизіи нѣтъ. Пока все это происходило, вся колонна скрылась въ балку и не по кому было уже открывать огонь. Впослѣдствіи оказалось, что это была одна изъ бандъ Махно, прорвав-

шаяся изъ Крыма, которая попутно со своимъ слѣдованіемъ произвела налетъ на станцію сосѣднюю съ «Плодородіемъ» и сожгла ее.

Подъѣзжая къ Чангарскому мосту, мы увидѣли множество воронокъ отъ снарядовъ и массу лошадиныхъ труповъ, валявшихся по обѣимъ сторонамъ полотна жел. дор. Это были остатки красной кавалеріи, пытавшейся атаковать Чангарскія позиціи. Далѣе сиротливо стояли морскія орудія на позиціяхъ Чангара, а чѣмъ дальше, тѣмъ больше стали попадаться по дорогѣ воронки отъ снарядовъ, брошенныя повозки и орудія. Такая картина продолжалась вплоть до Симферополя. Въ Джанкоѣ, гдѣ намъ пришлось стоять два дня, мы видѣли партію человѣкъ въ триста арестованныхъ Врангелевскихъ офицеровъ, которыхъ вели въ мѣстную Чека. Сердце замерло отъ жалости при видѣ этихъ несчастныхъ, такъ какъ я зналъ по своему примѣру, что ихъ ожидаетъ, и сознавалъ, что помочь имъ ничѣмъ нельзя.

Въ 18-ти верстахъ отъ Симферополя на ст. «Сарабузъ» мы простояли два дня. Въ верстѣ отъ нея расположена громадная и богатая нѣмецкая колонія, того же наименованія. Здѣсь работали вальцевыя мельницы и можно было купить отличную крупчатку по 7 000 рублей за пудъ. Мы вступали въ обѣтованный по продовольствію край послѣ хроническаго недоѣданія на западномъ фронтѣ, но когда я, четыре мѣсяца спустя, былъ здѣсь, то этотъ обѣтованный край уже былъ обобранъ. Ничего нельзя было купить и за деньги, во-первыхъ, потому, что онѣ потеряли всякую цѣнность, а во-вторыхъ, все было реквизировано и вывезено въ Москву. Населеніе само уже голодало и, если можно было достать что-нибудь, то только въ обмѣнъ на платье или бѣлье.

Гуляя по нѣмецкой колоніи, мы видѣли брошенныя посреди улицы пушки; а населеніе, уже испытавшее режимъ большевиковъ, пряталось по домамъ. Мы разговорились съ однимъ пожилымъ нѣмцемъ, хозяиномъ хорошо оборудованной усадьбы, теперь разоренной, на дворѣ которой стояли изломанные локомобиль и вѣялки, и другія земледѣльческія орудія. Хозяинъ, почуявъ въ насъ бѣлыхъ, горько жаловался на грабежъ и разрушеніе колоніи, который произвели Буденовскія части, проходя мимо, и говорилъ, что у него, помимо съѣстныхъ припасовъ, пшеницы, ячменя и овса, они забрали всѣхъ его 16 лошадей, не оставивъ ему ни одной, благодаря чему онъ, какъ и другіе жители, не будетъ въ состояніи обрабатывать весною землю и посему нечего и думать заготовить хлѣбъ не только для нуждъ государства, но и для себя. Слова его теперь оправдываются, когда слышимъ о томъ голодѣ, который существуетъ въ настоящее время на югѣ Россіи. Впослѣдствіи мнѣ неоднократно приходилось видѣть подобные случаи и слышать такія жалобы; зато кавалерія Буденнаго, послѣ Крыма, сидѣла на великолѣпныхъ лошадяхъ нѣмецкой породы, такъ тщательно культивируемой и разводимой колонистами.

1-го декабря нашъ эшелонъ пришелъ въ Симферополь. Штабъ 4-ой арміи размѣстился въ помѣщеніи громадной «Европейской гостиницы» на Салгирной улицѣ, гдѣ во время генерала Врангеля было Алексѣевское военное училище. Черезъ нѣсколько времени полевой штабъ выѣхалъ обратно въ Мелитополь, вмѣстѣ съ командующимъ арміей Лазаревичемъ, для операціи противъ бандъ Махно, дававшихъ себя знать большевистской власти.

Веселый и шумный когда-то Симферополь, извѣстный своими стильными постройками, началъ переживать всѣ ужасы террора большевиковъ. Здѣсь былъ помимо мѣстнаго Ревкома, Областной Крымскій Ревкомъ, предсѣдателемъ котораго былъ знаменитый звѣрь и палачъ Бѣла-Кунъ. Слухи объ наводимомъ имъ ужасѣ смутили даже центральную власть въ Москвѣ, и она была принуждена черезъ нѣсколько времени его отозвать. То, что дѣлалось въ Симферополѣ и въ Крыму, не поддается описанію. Органами Чека и Особыми Отдѣлами армій и дивизій совершенно произвольно, безъ предъявленія какого-либо обвиненія, арестовывались и сейчасъ же разстрѣливались не только бывшіе Врангелевскіе офицеры, но и ихъ жены и дѣти, юристы, бывшіе служащіе гражданскихъ учрежде-

ній, кооператоры, банковскіе служащіе. Достаточно было быть прилично одѣтымъ на улицѣ, чтобы быть арестованнымъ встрѣчнымъ чекистомъ и отведеннымъ въ тюрьму или застѣнокъ Особаго Отдѣла, изъ котораго уже выхода не было. Конечно, главнымъ образомъ, какъ и вездѣ пострадали здѣсь офицеры.

Обманутые радіо-телеграммой большевиковъ, въ которой обѣщалась жизнь и свобода всѣмъ тѣмъ, кто добровольно останется въ Крыму, офицеры эти, имѣя семьи, которыхъ нельзя было взять съ собою по тѣмъ или инымъ причинамъ, остались въ Крыму и явились на регистрацію, откуда имъ былъ уже одинъ выходъ — въ тюрьму, а дальше — на разстрѣлъ. Спаслись тѣ немногіе, которые, узнавъ о послѣдствіяхъ явки на регистрацію, немедленно бѣжали въ горы на Чатырдагъ, что, впрочемъ, было сдѣлать довольно трудно. Однако, нѣкоторымъ это удавалось благодаря сочувствію мѣстныхъ татаръ, которые изъ чувства человѣколюбія, совершенно безвозмездно скрывали и проводили этихъ несчастныхъ въ горы. Мнѣ лично была извѣстна такая организація, главнымъ дѣятелемъ которой былъ проводникъ татаринъ, доставлявшій въ горы даже и пропитаніе для бѣглецовъ. Впослѣдствіи на Чатырдагѣ въ мартѣ мѣсяцѣ собралось довольно много такихъ бѣглецовъ, бѣжавшихъ изъ разныхъ городовъ Крыма. Туда же ушли вооруженныя воинскія части, даже, какъ говорили, съ пушками, не успѣвшіе прибыть въ Севастополь для погрузки на пароходы, для эвакуаціи изъ Крыма вмѣстѣ съ генераломъ Врангелемъ. Слухи, ходившіе по городу, опредѣляли это количество въ 20 000 человѣкъ. Можетъ быть, ихъ на самомъ дѣлѣ было и меньше, но во всякомъ случаѣ, они приносили и приносятъ еще и теперь большія хлопоты совѣтской власти. Скрываясь въ неприступныхъ пещерахъ Чатырдага, они имѣютъ тамъ правильную организацію и оружіе, доставленное населеніемъ или отнятое отъ красноармейцевъ. Они спускаются съ горъ и нападаютъ на обозы, а иногда и на мѣстечки Крыма, грабятъ склады интендантства красной арміи, захватываютъ оружіе и уходятъ со всѣмъ этимъ обратно въ горы. Обыкновенно они расправляются только съ коммунистами, а красноармейцевъ отпускаютъ на всѣ четыре стороны, поэтому красноармейцы, зная этотъ пріемъ, не оказываютъ имъ никакого сопротивленія при нападеніи на нихъ.

Еще въ бытность мою въ Крыму, въ началѣ апрѣля, такое нападеніе было произведено на городъ Карасубазаръ. «Зеленые», какъ ихъ теперь называютъ, держали этотъ городъ въ своихъ рукахъ въ продолженіе 6 часовъ, разграбили и захватили съ собой провіантъ изъ складовъ и ушли въ горы; и при этомъ батальонъ 46-ой дивизіи сидѣлъ въ казармахъ, не оказавъ никакого сопротивленія. За это былъ отданъ подъ судъ командиръ бригады.

Позднѣе уже въ маѣ мѣсяцѣ, о чемъ мнѣ разсказывалъ впослѣдствіи встрѣтившійся въ Гомелѣ сослуживецъ по инспекціи пѣхоты, машинистъ Притулецкій, — Ялта была захвачена этими зелеными, которые хозяйничали въ ней три дня, вырѣзавъ всѣхъ коммунистовъ во всевозможныхъ исполкомахъ и т. п. большевистскихъ учрежденіяхъ, а также и лѣчившихся въ санаторіяхъ и пріѣхавшихъ сюда изъ Москвы и Петрограда, по образцу прежней бюрократіи, на отдыхъ отъ переутомленія чекистовъ.

Путь между Симферополемъ, Севастополемъ и Ялтой для отдѣльно слѣдующихъ автомобилей и подводъ былъ очень опасенъ. Обыкновенно засада останавливала автомобиль или подводу, производила осмотръ и повѣрку документовъ и, если между пассажирами находились коммунисты, то таковые разстрѣливались, а остальные пассажиры пропускались далѣе съ извиненіемъ за безпокойство. Тотъ же Притулецкій разсказывалъ, что 1-го мая, въ ознаменованіе пролетарскаго праздника, была объявлена общая амнистія этимъ зеленымъ съ приглашеніемъ спуститься съ горъ и вернуться къ мирному труду. Передать эту амнистію были посланы въ преддверье горъ коммунисты, которыхъ зеленые, не причинивъ ничего дурного, вернули обратно, сказавъ: «Въ скоромъ времени мы сами будемъ давать вамъ амнистію». Эти зеленые заняли мѣсто и положеніе по отношенію къ краснымъ, аналогичное съ зелеными во время пребыванія въ Кры-

му генерала Врангеля. Тогда они были объединены подъ командою капитана Орлова и, насколько мнѣ извѣстно, причиняли много заботъ бѣлому командованію. Въ настоящее время то же положеніе повторилось по отношенію къ большевикамъ, съ тою только разницей, что въ число «новыхъ зеленыхъ» влились и «старые зеленые». Съ занятіемъ Крыма большевиками, старые зеленые спустились съ горъ и вошли въ Симферополь вмѣстѣ съ капитаномъ Орловымъ. Дня черезъ три послѣ этого капитанъ Орловъ вмѣстѣ со своими помощниками былъ арестованъ Особымъ Отдѣломъ и разстрѣлянъ, а его рядовые сотрудники бѣжали обратно на прежнія мѣста, гдѣ и были приняты новыми зелеными. Одно время ходилъ слухъ, что между зелеными въ горахъ находятся два генерала Врангелевскихъ войскъ. На этихъ зеленыхъ измученное большевиками населеніе Крыма возлагало большія надежды. Оправдаются ли эти надежды, покажетъ будущее, но пока по тѣмъ отрывистымъ сообщеніямъ, которыя изрѣдка проскальзываютъ въ совѣтскихъ газетахъ о частыхъ нападеніяхъ «зеленыхъ» на селенія Крыма и той расправѣ, которой они подвергаютъ представителей совѣтской власти, можно судить, что организація эта засѣла крѣпко въ горахъ и ликвидировать ее большевистская власть не можетъ, какъ не могла и бѣлая власть ликвидировать «своихъ зеленыхъ». Я знаю по службѣ въ инспекціи пѣхоты, что въ то еще время, когда я былъ въ Симферополѣ, на Чатырдагъ посылались цѣлыя бригады для ликвидаціи ихъ, но безрезультатно, такъ какъ неприступность горъ, съ одной стороны, и отсутствіе знанія именно тѣхъ пещеръ, въ которыхъ укрываются «зеленые», а также и путей къ нимъ, дѣлали это предпріятіе невыполнимымъ, тѣмъ болѣе, что въ ущельяхъ горъ есть такія позиціи, на которыхъ хорошо скрытый пулеметъ можетъ остановить наступленіе цѣлой бригады.

Въ Крыму еще съ 1918 года собралось много интеллигенціи и буржуазіи со всей Россіи, въ послѣдующіе годы она пополнилась еще тѣми, которые пришли вмѣстѣ съ отступающими войсками генерала Деникина и Врангеля. Часть изъ нихъ, у кого были еще средства, при генералѣ Врангелѣ выѣхали за границу, несмотря на всѣ трудности получить визу, большая же часть, не имѣя средствъ для проживанія за границей, осѣла въ Крыму, гдѣ подъ прикрытіемъ бѣлыхъ войскъ жила довольно спокойно. Быстрая эвакуація войскъ генерала Врангеля изъ Крыма поставила передъ ними дилемму: или бросить все то немногое, что они имѣли, и ѣхать неизвѣстно куда безъ всякой надежды на будущее, безъ копѣйки денегъ, или же остаться въ Крыму на милость большевиковъ. Большая часть избрала второе рѣшеніе, за что она жестоко поплатилась. Это было еще счастье, когда нѣкоторые изъ нихъ были сосланы на принудительныя работы въ Архангельскую губернію, гдѣ они, впрочемъ, по всей вѣроятности, тоже погибли; большая же часть изъ нихъ была разстрѣляна.

Окраины города Симферополя были полны зловонія отъ разлагавшихся труповъ разстрѣлянныхъ, которыхъ даже не закапывали въ землю. Ямы за Воронцовскимъ садомъ и въ имѣніи Крымтаева оранжереи были полны трупами разстрѣлянныхъ, слегка присыпанныхъ землей, а курсанты кавалерійской школы (будущіе красные командиры) ѣздили за полторы версты отъ своихъ казармъ (бывшаго Крымскаго Коннаго полка) выбивать камнями золотые зубы изо рта казненныхъ, при чемъ эта охота давала всегда большую добычу. Общая цифра разстрѣлянныхъ въ одномъ Симферополѣ со дня вступленія красныхъ въ Крымъ до 1-го апрѣля 1921 года доходила до 20 000, а все число разстрѣлянныхъ во всемъ Крыму — до чудовищныхъ размѣровъ: 80 000 человѣкъ. Правда ли это или нѣтъ, сказать не могу, такъ какъ, ужасаясь такой цифрѣ, самъ не хочешь въ нее вѣрить, но ее называли коммунисты, причастные къ этимъ разстрѣламъ, и хвастались ею въ разговорахъ между собой, ставя это въ заслугу дѣятельности Чека и Особаго Отдѣла.

Въ городѣ, конечно, по общему большевистскому шаблону была закрыта свободная торговля, а на мѣстномъ огромномъ базарѣ не повинующихся этому гра-

били въ свою пользу агенты Чека и Особаго Отдѣла, устраивая облавы на торговцевъ. По базару вообще проходить было не безопасно. Все тихо и мирно, слышится гортанная, зазывающая рѣчь торговцевъ татаръ, привезшихъ свои продукты на базаръ, вдругъ раздаются выстрѣлы, свистъ пуль, и испуганная толпа шарахается въ разныя стороны. Летятъ лотки, корзины, появляются вооруженные красноармейцы съ площадной бранью, — оказывается, это производится облава для прекращенія торговли. Счастье, если самъ не попадешь въ середину облавы, какъ рыба въ неводъ, а то въ противномъ случаѣ придется посидѣть сутокъ двое гдѣ-нибудь въ Особомъ Отдѣлѣ. Пока докажешь на основаніи своего удостовѣренія личности, что служишь въ штабѣ арміи и шелъ на службу случайно черезъ базаръ. Или же другой примѣръ: идешь по улицѣ на службу или со службы, вдругъ на перекресткѣ улицъ преграждаетъ путь цѣпь красноармейцевъ, не пропускающая далѣе и указывающая другой путь слѣдованія. Уже наученный горькимъ опытомъ знаешь, что тамъ значитъ тоже арестовываютъ всѣхъ, кто туда приходитъ, и поэтому, желая избѣгнуть ареста, бросаешься въ другую улицу, но тамъ натыкаешься на то же самое. Оказывается, что оцѣпленъ цѣлый кварталъ въ нѣсколько улицъ, для провѣрки документовъ, съ цѣлью изловить скрывающихся врангелевцевъ. Для этой цѣли всѣхъ отправляютъ окруженныхъ густымъ конвоемъ въ бывшія казармы Литовскаго полка. Тамъ съ провѣркой не торопятся, а приводятъ лишь новыя и новыя партіи. Въ концѣ концовъ, дня черезъ два, если у кого были документы вѣрны, выпускаютъ, при чемъ, если попробуешь протестовать за незаконное задержаніе, то рискуешь остаться тамъ на болѣе продолжительное время. Конечно, выходишь оттуда вшивый, такъ какъ приходится спать на голомъ каменномъ полу, въ тѣснотѣ, вповалку, всѣмъ вмѣстѣ. И кого только тамъ не увидишь? И обывателя, и красноармейца, и женщинъ, и мужчинъ, и дѣтей, и штабного служащаго, и даже чекиста. Всѣ въ общей кучѣ до выясненія. Служащіе штаба арміи пробовали просить свое начальство объ огражденіи ихъ отъ задержанія въ такихъ случаяхъ, мотивируя тѣмъ, что служба ихъ въ штабѣ страдаетъ отъ этого, что, въ дѣйствительности, и было; начальство соглашалось съ этимъ, но что оно могло подѣлать противъ всесильной Чека и Особаго Отдѣла?

Въ Симферополѣ, какъ и въ другихъ городахъ Крыма, была объявлена націонализація всѣхъ предпріятій и реквизиція всего имущества у буржуевъ и выселеніе ихъ изъ квартиръ, въ которыя долженъ былъ поселиться рабочій пролетаріатъ. Это проводилось съ безпримѣрной послѣдовательностью и жестокостью. Тайнымъ приказомъ Ревкома, который былъ опубликованъ въ мѣстныхъ газетахъ въ день самаго изъятія, былъ назначенъ «день изъятія излишковъ у буржуазіи». Для этого, въ одинъ день къ вечеру были собраны всѣ коммунисты, находящіеся въ Симферополѣ, на митингъ въ кинематографъ по Дворянской улицѣ. Здѣсь имъ были объяснены пріемы изъятія цѣнностей и что подъ этимъ изъятіемъ нужно подразумѣвать. Затѣмъ они были оставлены на ночь въ этомъ кинематографѣ, съ приставленіемъ часовыхъ, чтобы кто-нибудь не разболталъ объ этомъ населенію, такъ какъ день изъятія держался въ секретѣ, дабы населеніе не узнало о немъ и не успѣло бы приготовиться къ нему. На утро всѣ улицы города были оцѣплены вооруженными красноармейцами, а коммунисты, прямо изъ кинематографа, были направлены въ заранѣе распредѣленные имъ раіоны и дома въ сопровожденіи красноармейцевъ и подводъ. Изъ домовъ на улицы никто не выпускался, даже занятія въ штабѣ и во всѣхъ совѣтскихъ учрежденіяхъ въ тотъ день не производились. Городъ словно вымеръ. Въ назначенный домъ или квартиру входилъ коммунистъ и производилъ осмотръ всѣхъ вещей, представляющихъ извѣстную цѣнность, причемъ эти вещи сортировались и подлежащія «изъятію» укладывались въ корзины и выносились красноармейцами на подводу. Изъятію подлежало почти все, такъ напримѣръ, у моихъ хозяевъ были забраны слѣдующія вещи: всѣ ковры, подушки, одѣяла, одежда, бѣлье, посуда, золотыя вещи, ложки, ножи, книги,

зеркала, картины, деньги, продукты и все, что представляло маломальскую цѣнность. Оставляли только по одной парѣ бѣлья и по одному костюму. Конечно, при изъятіи много прилипло къ рукамъ коммунистовъ, да куда дѣвалось и остальное, тоже неизвѣстно. Протестовъ и сопротивленія при изъятіи, конечно, не было, такъ какъ населеніе было до такой степени напугано, что не посмѣло этого сдѣлать, да и это было бы безполезно. Такимъ образомъ, въ одинъ день все населеніе Симферополя было ограблено по заранѣе составленному плану.

Комиссаръ Инспекціи пѣхоты арміи Петровъ, какъ коммунистъ, бывшій въ числѣ этихъ грабителей, съ злобной радостью разсказывалъ намъ о подробностяхъ изъятія. «Пріятно было», — говорилъ онъ, — «войти въ квартиру въ сознаніи своей силы и раскрыть какой нибудь ящикъ буржуйки съ драгоцѣнностями, аккуратно сложенными, потомъ все это свалить въ одну кучу и рыться въ нихъ, видя блѣдное лицо хозяйки, которая трясущимися руками открываетъ слѣдующіе ящики, не смѣя сказать слова протеста. Я бы, собственно говоря, не оставилъ имъ и одной пары бѣлья и пустилъ бы ихъ ходить голыми, пусть бы прикрывались фиговымъ листкомъ».

Привожу это заявленіе для того, чтобы читатель могъ судить о томъ, что творилось при этихъ изъятіяхъ тамъ, гдѣ дѣйствовалъ болѣе невѣжественный коммунистъ, разъ такъ дѣйствовалъ бывшій учитель. Конечно, вездѣ при этомъ сыпалась площадная брань, какъ коммунистовъ, такъ и красноармейцевъ, насмѣшки и издѣвательства надъ беззащитнымъ «буржуемъ».

Вскорѣ послѣ этого, приказомъ Ревкома, жилищному отдѣлу Симферополя было предписано произвести выселеніе изъ домовъ и квартиръ буржуазіи, съ реквизиціей обстановки, и вселить вмѣсто нея рабочихъ. По этому приказу агенты жилищнаго отдѣла являлись на квартиру и предъявляли требованіе очистить квартиру въ 12-ти часовой срокъ, причемъ не исполнявшіе этого выбрасывались, въ полномъ смыслѣ этого слова, на улицу, а мебель отбиралась и свозилась въ жилищный отдѣлъ, откуда она грузилась въ вагоны и вывозилась въ Москву. Такимъ образомъ населеніе было ограблено и выброшено на улицу. До чего доходила при этомъ наглость и издѣвательство большевиковъ, указываетъ слѣдующее сообщеніе «Херсонскихъ Извѣстій»: «Мебельныя фабрики Крыма стали производить при совѣтской власти такое огромное количество мебели, что явилась возможность вывозить ее въ центральныя губерніи». Одновременно съ этимъ въ томъ же номерѣ газеты былъ помѣщенъ приказъ Харьковскаго исполкома, въ которомъ объявляется «день Крымскаго рабочаго, ограбленнаго бѣлогвардейцами», для сбора якобы въ его пользу, т. е. въ Харьковѣ повторялась та же самая исторія, что была въ Симферополѣ и другихъ городахъ Крыма.

Особенную наглость, издѣвательство надъ жителями и жестокость при выселеніи проявили начальникъ жилищнаго отдѣла г. Симферополя, нѣкто Жоржъ, одинъ изъ завѣдующихъ райономъ, и Фельдманъ, — оба евреи, подпольные коммунисты при власти генерала Врангеля, хорошо извѣстные населенію Симферополя. Для этой операціи городъ былъ раздѣленъ на 5 районовъ, при чемъ Фельдманъ такъ отличился въ глазахъ коммунистическаго начальства энергичнымъ выселеніемъ «буржуевъ», что ему поручались послѣдовательно всѣ пять районовъ. Эти «товарищи» явились и къ хозяйкѣ квартиры, въ которой жилъ я со своими сослуживцами по инспекціи пѣхоты. На предъявленное требованіе очистить квартиру и сдать мебель, дочь владѣльца дома - особняка, вдова съ грудным ребенкомъ, спросила ихъ, куда же она дѣнется съ грудным ребенкомъ, у котораго въ настоящее время воспаленіе легкихъ, на что есть удостовѣреніе врача, Фельдманъ отвѣчалъ: «Пусть дохнутъ буржуйскія дѣти». Только благодаря нашему энергичному вмѣшательству, за что мы получили отъ нихъ обвиненіе въ симпатіи къ буржуямъ, семья эта въ составѣ старухи 96 лѣтъ, ея дочери и двухъ внучекъ — обѣ вдовы съ тремя малолѣтними дѣтьми, получили разрѣшеніе занять двѣ комнаты и кухню съ кладовой въ отдѣльномъ флигелѣ во дворѣ дома, гдѣ жила раньше ихъ прислуга, но при томъ только условіи,

если и мы, въ числѣ 4-хъ человѣкъ, будемъ занимать вмѣстѣ съ ними это помѣщеніе, какъ по отводу для военнослужащихъ. Конечно, чтобы не допустить несчастныхъ владѣльцевъ быть выброшенными на улицу, мы тотчасъ же на это согласились, за что хозяева были намъ безконечно благодарны. Бабушка и прабабушка помѣстились въ кладовой, а остальные размѣстились въ кухнѣ и двухъ комнатахъ. У вдовъ была корова для питанія дѣтей молокомъ. Фельдманъ реквизировалъ ее, и на заявленіе, что она необходима для питанія дѣтей, отвѣтилъ: «Пусть она питаетъ дѣтей рабочихъ, а не буржуевъ». Между тѣмъ эта корова была отправлена къ нему на домъ и, какъ всѣмъ было извѣстно, все время находилась у него.

Въ освободившуюся квартиру безъ мебели, были вселены бѣженцы германской войны изъ Польши, такъ какъ рабочіе Симферополя въ большинствѣ случаевъ не хотѣли занимать помѣщеній выселенныхъ «буржуевъ». Жоржъ и Фельдманъ были евреи, но тѣмъ не менѣе они были такъ же жестоки по отношенію къ зажиточному еврейскому населенію города Симферополя, а особенно къ караимамъ, и мнѣ неоднократно приходилось выслушивать жалобы, какъ тѣхъ, такъ и другихъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Симферополѣ было устроено торжественное погребеніе жертвъ «бѣлаго террора». Это были десять человѣкъ подпольниковъ коммунистовъ, осужденныхъ полевымъ судомъ и повѣшенныхъ по приказанію генерала Слащева на трамвайныхъ столбахъ города Симферополя. Несмотря на всѣ старанія отыскать еще такія же жертвы, большевицкой власти не удалось это сдѣлать, и она взяла еще первыхъ попавшихся покойниковъ изъ госпиталей, и такимъ образомъ всего набралось вмѣстѣ съ повѣшенными 52 гроба, которые на пышныхъ погребальныхъ дрогахъ, сопровождаемые оркестромъ музыки, полкомъ пѣхоты, кавалеріей и двумя батареями, между разставленными по улицамъ шпалерами войскъ, были торжественно перевезены въ скверъ около зданія духовной семинаріи и здѣсь, послѣ торжественныхъ рѣчей и проклятій «палачамъ» бѣлымъ, были погребены въ общей могилѣ. Какими же палачами можно назвать большевиковъ, если при всѣхъ усиліяхъ они не могли собрать болѣе 52-хъ труповъ, въ то время, какъ разстрѣлы ими бѣлыхъ, подходили уже къ 20-ой тысячѣ, и разстрѣливались совершенно не причастные къ бѣлому движенію, напримѣръ, за работу при бѣлыхъ въ кооперативѣ, какъ Баркъ, причемъ вся его семья была безжалостно выброшена на улицу, или управляющій пивнымъ заводомъ, Даманскій, за принадлежность къ польской національности. Даманскій не принималъ никакого участія въ бѣломъ движеніи.

Въ Симферополѣ имѣлъ свое мѣстопребываніе архіепископъ Симферопольскій и Таврическій Діонисій — семидесятилѣтній старецъ. Къ нему въ его помѣщеніе былъ поставленъ автомобильный дивизіонъ, и ему была оставлена одна только комната. Большевики хотѣли его арестовать по обвиненію въ контръреволюціи и увезти въ Севастополь для допроса Ревтрибуналомъ, но населеніе, окруживъ домъ плотной толпой, не выдало его, заявивъ большевикамъ, что если необходимо его допрашивать, то Ревтрибуналъ можетъ для этого пріѣхать сюда изъ Севастополя, и большевики отступились, оставивъ архіепископа въ покоѣ.

Рабочее населеніе г. Симферополя, а также и всего Крыма еще и при генералѣ Врангелѣ, какъ я слышалъ, въ своей массѣ было довольно режимомъ бѣлыхъ и особыхъ симпатій къ большевикамъ не проявляло за исключеніемъ, конечно, подпольниковъ-коммунистовъ, оставленныхъ большевиками при первомъ ихъ уходѣ изъ Крыма или присланныхъ черезъ фронтъ, которые работали между этой массой, стараясь возстановить ихъ противъ власти бѣлыхъ, но большого успѣха не имѣли. Бѣлая власть въ Крыму, вѣроятно, наученная прежними ошибками, удѣляла много вниманія рабочему классу и обезпечила ему приличное существованіе. Мнѣ разсказывали, что вообще при томъ общемъ паденіи цѣнности рубля, которое было въ Крыму, а отсюда и колоссальной дороговизнѣ предметовъ первой необходимости, рабочіе все-таки не терпѣли той острой нужды,

которую они встрѣтили съ приходомъ въ Крымъ большевиковъ. При генералѣ Врангелѣ трудъ былъ все-таки урегулированъ и оплачивался довольно хорошо, во всякомъ случаѣ настолько, что за тѣ деньги, которыя получалъ рабочій, онъ могъ пріобрѣсти все необходимое. Такъ, напримѣръ, рабочій зарабатывалъ въ день 250 000 рублей, хлѣбъ же стоилъ 15—20 тыс. фунтъ, а фунтъ сала 50 тыс. рублей. Слѣдовательно, на дневной заработокъ можно было обезпечить себя и свою семью пропитаніемъ. Теперь же, съ приходомъ большевиковъ, Врангелевскія деньги были аннулированы, что создало сразу же недовольство среди рабочихъ, такъ какъ у нихъ собралась уже значительная сумма ихъ, кромѣ того, хотя фунтъ хлѣба вначалѣ стоилъ 100 рублей совѣтскими деньгами (въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ уже стоилъ 6 000 руб.), но за то жалованья чернорабочій получалъ 4—5 000 руб., а квалифицированный — максимумъ 9 000 руб. Конечно, сразу же сказалась разница между жизнью рабочаго при бѣлой власти и совѣтской. Это не замедлило отразиться на настроеніи рабочихъ; къ этому надо прибавить, что въ то время, согласно совѣтскихъ декретовъ, рабочій не имѣлъ права распоряжаться самъ собой, т. е. примѣнять свой трудъ тамъ, гдѣ онъ хочетъ, ибо всѣ рабочіе считались государственными служащими и должны были служить въ тѣхъ предпріятіяхъ, гдѣ они были необходимы совѣтской власти, не считавшейся ни съ мѣстомъ службы, ни съ желаніемъ рабочаго служить въ данномъ предпріятіи. Такъ, напримѣръ, былъ объявленъ декретъ, по которому рабочіе металлургическихъ предпріятій могли быть переводимы, въ случаѣ надобности, изъ одной мѣстности въ другую, до Сибири и Урала включительно, причемъ согласія на такой переводъ у рабочихъ не спрашивалось, такъ какъ они были мобилизованы, какъ работники трудовой арміи. Для рабочихъ все это было дико и непонятно; не то они видѣли у Врангеля и не того они ожидали отъ совѣтской власти. Получалось уже рабство, противъ котораго они ничего не могли подѣлать. Профессіональные союзы, прежде защищавшіе интересы рабочихъ противъ капитала, реформированные большевиками, стали государственными учрежденіями, принимающими ближе къ сердцу интересы государственнаго капитала, чѣмъ рабочаго. Все это отшатнуло крымскихъ рабочихъ отъ большевицкой власти и создало непримиримое отношеніе къ ней. Но, такъ какъ вылить эту непримиримость тѣми способами, которыми они пользовались прежде, т. е. забастовками и бунтомъ, было невозможно, ибо за этимъ слѣдовали немедленныя жестокія расправы, до разстрѣловъ включительно, то пришлось покорно нести свою лямку, вздыхая о счастливомъ времени при бѣлой власти, и слать проклятія большевикамъ, оглядываясь, чтобы кто-нибудь не подслушалъ.

То же самое происходило съ татарскимъ и крестьянскимъ населеніемъ. Здѣсь кляли большевиковъ за ихъ продразверстку, за реквизицію лошадей, за наряды подводъ и за расквартированіе красноармейцевъ по ихъ саклямъ и хатамъ. Особенно, за послѣднее, такъ какъ они обязаны были этихъ красноармейцевъ и кормить. Какъ на примѣръ перемѣны настроенія крестьянскаго населенія къ большевикамъ, можно указать на слѣдующее. По Ялтинскому шоссе въ 20 верстахъ отъ Симферополя находилось большое село, населенное преимущественно выходцами изъ Великороссіи — кацапами. Жители его при бѣлой власти пользовались репутаціей самыхъ отъявленныхъ большевиковъ. Какъ говорили въ Симферополѣ, они доставляли массу хлопотъ бѣлымъ, давая убѣжище подпольникамъ и выдѣляя изъ своей среды коммунистовъ; высказывали явно, не скрываясь, свои симпатіи къ большевикамъ и радостно ожидали ихъ прибытія въ Крымъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ прихода совѣтской власти, это село первое подверглось продразвесткѣ и тотчасъ оно начало служить убѣжищемъ для всѣхъ скрывающихся офицеровъ-врангелевцевъ, которыхъ оттуда препровождали въ горы и которымъ доставляли безвозмездно туда же провіантъ. Это говорилъ мнѣ проводникъ-татаринъ, вывозившій тайно офицеровъ изъ Симферополя.

На южномъ берегу Крыма имѣнія и виллы, представлявшія цѣнность по своему мѣстоположенію, красотѣ и роскоши, были заняты подъ пролетарскія сана-

торіи, которыя заполнились пацiентами со всей Россiи. Сюда направлены были подъ видомъ пролетаріевъ преимущественно коммунисты, дѣятели Чека и Особыхъ отдѣловъ, жаждущіе отдохнуть отъ понесенныхъ ими трудовъ. Жажда побывать въ этихъ санаторіяхъ была между ними такъ сильна, что я, ѣдучи по желѣзной дорогѣ изъ Александровска въ Симферополь, разговорился съ однимъ субъектомъ, который оказался коммунистомъ изъ Семипалатинска, ѣхавшимъ въ отдѣлъ Народнаго Здравоохраненія Крыма, чтобы получить мѣсто въ Ялтинской санаторіи. Крымъ былъ объявленъ совѣтскимъ декретомъ Всероссійской Здравницей, а г. Ялта былъ переименованъ въ Красноармейскъ. Но все это продолжалось недолго: черезъ два мѣсяца въ Крыму уже начался голодъ и въ санаторіяхъ кормить было нечѣмъ. Всѣ эти пацiенты потянулись обратно, не испытавъ той буржуазной жизни, которая имъ мерещилась.

Съ приходомъ большевиковъ въ Крымъ, Врангелевскія деньги были аннулированы и населеніе, оставшееся безъ денежныхъ знаковъ, усиленно понесло на базары свои продукты, которые, несмотря на запрещеніе свободной торговли, въ первое время поражали насъ своей дешевизной по сравненію съ Совдепіей. Такъ, напримѣръ, фунтъ табаку фабрики Стамболи стоилъ 800 руб., натуральный чай, о которомъ въ Совдепіи забыли тогда и думать, стоилъ 1 200 руб. фунтъ и т. д. Но все это было только въ первое время. Черезъ два мѣсяца базары уже были пусты, а если что и было на нихъ, то цѣны были даже выше, чѣмъ въ Совдепіи, Все было скуплено спекулянтами и, если у нихъ по дорогѣ не было отобрано заградительными отрядами, то вывезено въ Москву.

Въ Симферополѣ трамвай не работалъ, электричество отпускалось только въ тѣ квартиры, гдѣ жили коммунисты или совѣтскіе служащіе, населеніе, не имѣя керосина, сидѣло впотьмахъ. Вскорѣ послѣ этого пришла другая напасть: выгребныя ямы переполнились и вывозить ихъ было некому. Содержимое стало переливаться черезъ край по дворамъ. Совѣтская власть вышла изъ этого затрудненія. Въ зданіи бывшей губернской земской управы, въ одномъ изъ этажей котораго былъ расположенъ Совнархозъ Крыма, нечистоты залили весь дворъ. Обитатели дома обратились къ предсѣдателю Совнархоза, какъ компетентному лицу, съ просьбой принять мѣры для очистки выгребныхъ ямъ. Онъ, за отсутствіемъ какихъ-либо средствъ, приказалъ содержимое выпускать на улицу. Этимъ приказомъ стали руководиться и въ другихъ домахъ, такъ какъ иныхъ средствъ освободиться отъ нечистотъ не было, и они заполнили улицы, заражая зловоніемъ воздухъ.

Отсутствіе топлива сильно сказывалось на жителяхъ. Раньше дома отапливались или углемъ, доставляемымъ изъ Крымскихъ копей, или же дровами, заготовленными на Яйлѣ. Теперь же ни того, ни другого не было. Правда, для заготовки этого топлива отправлялись туда, на принудительныя работы, уцѣлѣвшіе отъ разстрѣла контръ-революціонеры, но заготовки эти были ничтожны и кромѣ того имъ препятствовали зеленые, а поэтому весь запасъ заготовленнаго топлива хваталъ лишь на отопленіе квартиръ липъ высшаго коммунистическаго міра, остальное же населеніе принуждено было мерзнуть, спиливая лишь деревья съ улицъ для варки пищи. Мнѣ самому приходилось при наступившихъ холодахъ сидѣть въ комнатѣ при 4—5 градусахъ Реомюра. То же самое было и на службѣ во всѣхъ совѣтскихъ учрежденіяхъ. Впрочемъ это явленіе было ново только для Крыма, такъ какъ въ Совдепіи давно уже привыкли къ этому; въ Московскихъ центральныхъ учрежденіяхъ шли занятія даже при — 12-ти градусахъ Реомюра.

Большое лишеніе несли жители изъ-за отсутствія бань; имѣвшіяся въ городѣ бани были націонализированы и предоставлены въ распоряженіе красной арміи, но вслѣдъ за этимъ онѣ отъ неумѣлаго обращенія были приведены въ негодность, такъ какъ были испорчены водопроводныя трубы и отсутствіе воды заставило закрыть бани. Жители были предоставлены въ этомъ отношеніи самимъ себѣ. Развитіе сильной эпидеміи тифа всѣхъ видовъ и вшивость, какъ

результатъ отсутствія бань, все это увеличивало смертность среди населенія и красноармейцевъ, трупы которыхъ вереницами везли на кладбище, сваливали въ общую яму; но большевицкая власть на все это мало обращала вниманія. Она была занята искорененіемъ контръ-революціи и вывозомъ награбленнаго имущества въ Совдепію.

IX.

Съ переходомъ инспекціи пѣхоты въ Симферополь въ ней произошли перемѣны. Былъ объявленъ новый штатъ, увеличивающій число помощниковъ инспектора съ одного до трехъ, и инструкторовъ — съ четырехъ до двѣнадцати. Инспекторомъ пѣхоты былъ назначенъ бывшій подполковникъ Симоновъ, совершенно безцвѣтная личность, боявшійся большевиковъ и все время думавшій, что его арестуютъ, хотя его ревностная служба не давала никакого повода къ этому, да и прошлое по отношенію его къ большевикамъ было совершенно безупречно, такъ какъ, будучи при большевистскомъ переворотѣ въ Москвѣ, онъ былъ ими тамъ мобилизованъ и зачисленъ на службу въ штабъ Московскаго Военнаго Округа. Будучи трусомъ по природѣ, онъ, конечно, не могъ принимать участія въ какомъ-либо заговорѣ противъ большевиковъ. Въ число трехъ помощниковъ инспектора пѣхоты былъ назначенъ и я.

Еще будучи на западномъ фронтѣ и состоя въ должности инструктора инспекціи, я одно время рисковалъ быть назначеннымъ инспекторомъ пѣхоты арміи, такъ какъ, какъ я уже выше писалъ, эту должность занималъ бывшій заурядъ-военный чиновникъ, на что обратилъ вниманіе инспекторъ пѣхоты западнаго фронта, бывшій командиръ гвардейскаго корпуса Императорской арміи Чернавинъ, которому были подчинены инспектора арміи. Чернавинъ представляетъ собою яркій примѣръ бывшаго гвардейскаго генерала, который, не будучи коммунистомъ, добросовѣстно служитъ совѣтской власти, получая за это всѣ блага жизни въ Совдепіи. Генерала Чернавина я еще прежде зналъ, до войны, по совмѣстной службѣ въ Финляндіи. Это Императорскій стрѣлокъ, впослѣдствіи командиръ 7-го Финляндскаго стрѣлковаго полка, наивѣрноподданнѣйшій Императора, при всѣхъ случаяхъ во время командованія склонявшій кстати и не кстати «Царь батюшка» и «Царица матушка». Будучи, какъ офицеръ 4-го стрѣлковаго Императорской Фамиліи полка, лично извѣстенъ Императору, онъ продѣлалъ быструю карьеру, именно на рекламированіи своей преданности Монарху и даже состоялъ преподавателемъ и воспитателемъ Великихъ Князей Кирилла и Бориса Владиміровичей. Впослѣдствіи онъ командовалъ 3-й гвардейской дивизіей, а на войнѣ и гвардейскимъ корпусомъ. Больно и обидно мнѣ было читать его приказы въ качествѣ инспектора пѣхоты западнаго фронта, въ которыхъ онъ громилъ подчиненныхъ за саботажъ, нежеланіе искренне служить совѣтской власти и призывалъ всѣхъ бывшихъ офицеровъ сплотиться вокругъ нея и своимъ опытомъ и знаніемъ принести ей пользу, угрожая въ противномъ случаѣ репрессіями. Своимъ личнымъ примѣромъ въ этомъ дѣлѣ, знаніями воспитанія и подготовки къ бою солдата, которыя несомнѣнно у него были, онъ отдался весь службѣ совѣтской власти и требовалъ этого и отъ инспекціи пѣхоты армій. Если бы это былъ не Чернавинъ,то съ этимъ можно было бы какъ-нибудь и помириться, но это былъ именно тотъ Чернавинъ, котораго я зналъ по его прежнимъ монархическимъ убѣжденіямъ. Какъ можетъ низко пасть человѣкъ! Такъ вотъ этотъ Чернавинъ обратилъ вниманіе на то, что на должности инспектора 4-й арміи состоитъ бывшій заурядъ-военный чиновникъ, а на должности инструктора инспекціи — бывшій генералъ-маіоръ, и потребовалъ назначенія на эту должность меня. На мое счастье въ это время появился присланный изъ Москвы бывшій подполковникъ Нуркъ, котораго и назначили инспекторомъ пѣхоты 4-й арміи, ибо мнѣ удалось доказать члену Реввоенсовѣта 4-й арміи Меж-

лауку, что я на эту отвѣтственную должность не гожусь. Теперь уже отъ должности помощника инспектора пѣхоты мнѣ уклониться не пришлось, да впрочемъ, она мало чѣмъ и отличалась отъ инструктора пѣхоты. Обязанности были тѣ же самыя.

Изъ штаба арміи было приказано инспектору пѣхоты отправить кого-либо отъ инспекціи въ городъ Джанкой для наблюденія за формированіемъ тамъ запаснаго полка изъ солдатъ-врангелевцевъ. Симоновъ, зная, что до сихъ поръ еще я никуда не ѣздилъ въ командировку, и желая вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать мнѣ непріятность, такъ какъ зналъ мое нежеланіе работать вообще на совѣтскую власть, назначилъ въ эту командировку меня. Меня же эта командировка устраивала, такъ какъ я, уѣзжая изъ Симферополя въ маленькій городокъ-деревню, перестану видѣть терроръ въ Симферополѣ и въ глуши нѣсколько отдохну отъ него.

17-го декабря я выѣхалъ въ Джанкой, при чемъ мнѣ повезло — я ѣхалъ до него всего только сутки, такъ какъ попалъ въ поѣздъ какого-то сильнаго въ коммунистическомъ мірѣ лица, ѣхавшаго въ Москву, для котораго были устранены всѣ задержки въ пути. Попасть же въ этотъ поѣздъ мнѣ было сравнительно легко, такъ какъ я имѣлъ мандатъ штаба арміи и къ тому же послѣ того, какъ я прибылъ въ Вильно, гдѣ я могъ, по мнѣнію даже коммунистовъ, совершенно свободно остаться, о чемъ говорилъ мнѣ комиссаръ инспекціи пѣхоты, за мной прекратилась слѣжка чекистовъ, и я пріобрѣлъ довѣріе у коммунистовъ. Благодаря этому меня свободно пустили въ поѣздъ этого «высокопоставленнаго лица», иначе мнѣ бы пришлось разстояніе въ 80 верстъ ѣхать около четырехъ сутокъ.

Пріѣхавъ въ Джанкой, я засталъ тамъ командира полка бывшаго прапорщика Остапчука, который формировалъ тамъ штабъ полка, но размѣстить полкъ онъ тамъ не могъ за неимѣніемъ мѣста. Джанкой — небольшой поселокъ, только что переименованный большевиками въ городъ, былъ переполненъ госпиталями и всевозможными совѣтскими учрежденіями, и о размѣщеніи еще кого-либо нечего было и думать, ибо въ городѣ были только мазанки, а всѣ деревянныя зданія уже были разобраны на дрова для паровозовъ. Я далъ телеграмму инспектору объ этомъ и въ ожиданіи отвѣта прожилъ спокойно 10 дней, дѣйствительно отдохнувъ душою въ семьѣ нѣмца-колониста. 27-го декабря пришелъ отвѣтъ, что формированіе запаснаго полка въ Джанкоѣ отмѣняется и чтобы я ѣхалъ инспектировать 42-ю дивизію, а для полученія инструкцій по этому поводу заѣхалъ бы по пути въ полевой штабъ арміи, стоявшій въ это время въ вагонахъ на станціи Мелитополь.

Въ это время на желѣзной дорогѣ творилось что-то невѣроятное. При занятіи Крыма желѣзнодорожники, служившіе при генералѣ Врангелѣ, были сняты со своихъ мѣстъ, какъ не заслуживающіе довѣрія у большевиковъ, и эксплоатація была передана военной власти въ лицѣ «Начвосо». И чего только она здѣсь ни надѣлала. При продвиженіи впередъ большевиковъ, посылались безъ всякаго порядка, очереди и расписанія поѣзда, которые забили собой всѣ станціи отъ Александровска до Севастополя такъ, что остановилось почти совсѣмъ движеніе поѣздовъ. Видя всю эту неразбериху, призвали опять обратно на прежнія мѣста старыхъ желѣзнодорожниковъ, но и они уже ничего не могли подѣлать. Тогда была назначена «тройка» изъ коммунистовъ съ диктаторскими полномочіями, которая выѣхала на мѣста стоянки застрявшихъ поѣздовъ. Она обнаружила, что на нѣкоторыхъ станціяхъ стояли пустые составы, такъ какъ изъ нихъ войска выгрузились и отправились пѣшимъ порядкомъ къ мѣсту назначенія, или же стояли до сихъ поръ погруженные имуществомъ и продовольствіемъ перевозимымъ вслѣдъ за арміей, но какой части это принадлежало теперь, этого нельзя было выяснить, такъ какъ конвоиры отъ холода и голода разбѣжались. Приказано было этотъ грузъ выгрузить и отправить въ армейскіе склады путемъ перевозки на крестьянскихъ лошадяхъ, согнанныхъ для этого принудительнымъ порядкомъ, отъ чего поднялся, конечно, ропотъ среди крестьянъ. Пустые ва-

гоны, въ виду невозможности ихъ вытащить изъ образовавшихся тупиковъ и неимѣнія топлива для паровозовъ, приказано было просто сбросить съ рельсъ. Но эта рѣшительная мѣра мало помогла дѣлу: во главѣ желѣзнодорожнаго хозяйства стояли круглые невѣжды комиссары, вчерашніе приказчики мелочныхъ лавокъ и продавцы сельдей, а низшій составъ служащихъ думалъ только о томъ, чтобы при поѣздкѣ «спекульнуть», съ цѣлью обезпечить себѣ и своей семьѣ существованіе, и желѣзнодорожной службой не дорожилъ, готовый всегда ее покинуть, чего однако не могъ сдѣлать, такъ какъ былъ мобилизованъ. Другая причина остановки желѣзнодорожнаго движенія, которая достигла своей кульминаціонной точки въ декабрѣ—февралѣ мѣсяцахъ 1920—1921 года, это отсутствіе здоровыхъ паровозовъ и топлива для нихъ. Я уже упомянулъ выше, что на всѣхъ значительныхъ узловыхъ станціяхъ образовались громадныя кладбища паровозовъ; кромѣ того, при случайной, даже и не значительной поломкѣ частей паровоза онъ чинится въ мѣстномъ депо, крайне медленно, такъ какъ нѣтъ матеріала и инструмента, да нѣтъ и времени мастерамъ, которые изъ казеннаго матеріала дѣлаютъ сковороды, лемехи къ плугамъ, гвозди, зажигалки и т. п. для обмѣна на хлѣбъ, сало и колбасу у крестьянъ, такъ какъ послѣдніе продуктовъ на деньги не продавали. Если же паровозъ и выходилъ изъ депо, то въ пути онъ вскорѣ опять ломался.

Топливо для паровозовъ добывалось тоже оригинальнымъ способомъ. Обыкновенно машинистъ заявлялъ пассажирамъ поѣзда, что, если хотятъ ѣхать дальше, то для этого надо добыть дрова на паровозъ, иначе онъ уйдетъ съ паровозомъ на оставшихся парахъ до ближайшаго депо, такъ какъ боится его заморозить. На югѣ Россіи нѣтъ лѣса, и потому пассажирами дружно разбирались деревянныя постройки сначала на станціяхъ, гдѣ были раньше громадные ссыпные пункты зерна, а когда онѣ были уже прикончены, то и частные дома, причемъ, конечно, никакого протеста со стороны владѣльца не могло быть, такъ какъ, во-первыхъ, частная собственность въ Совдепіи была отмѣнена, а во-вторыхъ, это были не пассажирскіе поѣзда, а воинскіе эшелоны, двигающіеся по государственнымъ соображеніямъ, и поэтому эти разборки дѣлались по приказанію комиссара поѣзда именемъ совѣтской власти. Конечно, разборка такихъ домовъ тоже скоро кончилась, такъ какъ на югѣ въ деревняхъ большей частью мазанки изъ глины или дома изъ мѣстнаго пиленаго камня, и тогда уже топлива совершенно не стало, а отсюда, какъ результатъ этого, прекратилось движеніе поѣздовъ.

Согласно телеграммы, о которой я упомянулъ выше, мнѣ надо было ѣхать въ Мелитополь. На станціи стояла масса застрявшихъ поѣздовъ и, который изъ нихъ отойдетъ первымъ, никто, по обыкновенію, на станціи не зналъ. Наконецъ, послѣ долгихъ розысковъ я, при посредствѣ начальника О. Р. Т. Ч. К. (Отдѣленіе районной транспортной чрезвычайной комиссіи), получилъ мѣсто въ теплушкѣ перваго отходящаго поѣзда, который въ тотъ день вечеромъ отходилъ отъ Джанкоя, простоявъ тамъ три недѣли. Это, оказывается, былъ эшелонъ въ 82 вагона, переполненный солдатами, изголодавшимися на станціи и мерзнувшими отъ холода въ вагонахъ. Въ головѣ этого поѣзда было 17 вагоновъ какой-то «технической связи юга», перевозимой въ Москву, во главѣ съ ея начальникомъ. Для наблюденія за этой перевозкой былъ назначенъ комиссаръ изъ Москвы. Начальникъ связи былъ такъ любезенъ, что помѣстилъ меня у себя въ теплушкѣ, и мы тронулись. Шли довольно хорошо, но, не доѣхавъ трехъ станцій до Мелитополя, машинистъ заявилъ, что у него кончается топливо и онъ уходитъ въ Мелитополь на оставшихся парахъ и бросаетъ составъ, такъ какъ на этой станціи всѣ дома были уже разобраны и достать дровъ было негдѣ, за исключеніемъ самой станціи, которую разбирать было уже нельзя. Тогда начальникъ связи и комиссаръ изъ Москвы стали просить машиниста, чтобы онъ захватилъ съ собою хотя ихъ 17 вагоновъ и довезъ бы до Мелитополя, конечно, для этого между нами была собрана порядочная сумма и вручена машинисту вмѣстѣ съ

просьбой, такъ какъ иначе мы рисковали сидѣть на этой станціи, пожалуй, еще три недѣли. Интереснѣе всего то, что въ сборѣ этой суммы принималъ участіе и московскій комиссаръ. Машинистъ согласился, но красноармейцы узнали, что ихъ вагоны остаются, и потребовали, чтобы или ихъ всѣхъ посадили бы въ эти 17 вагоновъ, или же поѣздъ слѣдовалъ дальше въ полномъ составѣ. Машиниста же одного не отпускали. Тогда московскій комиссаръ попробовалъ ихъ застращать разстрѣлами, но они схватили его, избили и положили на рельсы подъ паровозъ связаннымъ, заявивъ машинисту, что онъ можетъ тронуться, но только переѣхавъ комиссара. Я при этомъ не былъ, такъ какъ сидѣлъ въ теплушкѣ, но мнѣ все это разсказывалъ вернувшійся отъ паровоза, дрожащій отъ страха начальникъ связи. Было три часа ночи, толпа красноармейцевъ шумѣла и выкрикивала уже угрозы по адресу всего состава связи, предлагая вышвырнуть ее изъ вагоновъ, а самимъ погрузиться въ нихъ. Это были демобилизованные красноармейцы, распускаемые по домамъ послѣ ликвидаціи бѣлыхъ въ Крыму. Положеніе спасъ машинистъ. Онъ объявилъ, что если снимутъ съ рельсъ комиссара и посадятъ обратно въ теплушку, то онъ пойдетъ дальше со всѣмъ составомъ поѣзда, но не ранѣе, какъ часа черезъ два, такъ какъ ему надо поднять паръ. Комиссара возвратили на мѣсто, толпа разошлась, и мы дѣйствительно черезъ два часа тронулись. На слѣдующей станціи мы узнали, что въ нашемъ поѣздѣ не 82, а 20 вагоновъ, изъ нихъ 17 вагоновъ связи и 3 вагона съ красноармейцами, которыхъ пришлось взять съ собой, такъ какъ отцѣпить только первые 17 вагоновъ незамѣтно для красноармейцевъ не было возможности, и машинистъ, обманувъ ихъ, долженъ былъ сдѣлать расцѣпку на 20-мъ вагонѣ.

Въ Мелитополѣ полевой штабъ 4-й арміи стоялъ въ поѣздѣ на станціи и велъ операціи противъ бандъ Махно, которыя дѣйствовали въ Маріупольскомъ, Мелитопольскомъ, Бердянскомъ и Александровскомъ уѣздахъ. Екатеринославская губернія и Полтавская тоже были наводнены бандами другихъ наименованій. По линіи желѣзной дороги шли постоянныя нападенія на поѣзда, при чемъ, какъ правило, рубились головы командному составу и коммунистамъ, а красноармейцы раздѣвались и въ одномъ бѣльѣ отпускались на всѣ четыре стороны, за исключеніемъ тѣхъ, которые добровольно поступали въ банды. Жители селъ и деревень относились сочувственно къ бандитамъ, укрывали ихъ и снабжали продовольствіемъ, а сами пополняли ряды бандъ, мстя красной власти за тѣ насилія, которыя она имъ чинила. Бандиты были совершенно неуловимыми для красной арміи, имѣя прекрасный конскій составъ, какъ у конницы, такъ и у повозокъ — «тачанокъ», прекрасныхъ рессорныхъ телѣжекъ, отобранныхъ у колонистовъ, на которыхъ перевозились пулеметы и пѣхота. Они, появившись въ одномъ мѣстѣ, производили налетъ и, не принимая боя, быстро разсѣивались при появленіи силъ красныхъ, дѣлая переходы въ сутки иногда отъ 200 до 300 верстъ, мѣняя въ пути загнанныхъ лошадей у крестянъ, на что послѣдніе никогда не претендовали. Самая подвижная и остроумная организація у Махно были пулеметные полки. Это были 300—400 тачанокъ, запряженныхъ прекрасными лошадьми, причемъ на одной помѣщался пулеметъ и четыре номера, а на другой тачанкѣ патроны къ нимъ. Стрѣльба производилась прямо съ тачанки. Легкость экипажа позволяла скакать по степи безъ дороги, появляясь неожиданно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ совершенно не ждали. Бандиты Махно были одѣты также, какъ мѣстное населеніе, и поэтому, распознать въ крестьянинѣ махновца краснымъ было очень трудно. Мнѣ разсказывали впослѣдствіи, когда я инспектировалъ 42-ю дивизію, слѣдующіе случаи: идетъ погоня за бандой махновцевъ, которые разсѣялись, но нѣсколько тачанокъ не выпускаются изъ вида и ихъ уже настигаютъ. Тачанки влетаютъ въ деревню, красные за ними. Южныя деревни имѣютъ нѣсколько улицъ и вотъ на одномъ изъ поворотовъ за угломъ никого не видно. Тачанки словно провалились сквозь землю. Красные ѣдутъ по улицамъ, заглядывая во дворы: никого нѣтъ. На дворѣ старый дѣдъ вѣетъ рожь,

а молодой парень молотитъ хлѣбъ, понукая лошадей. — «Эй, дѣдъ, не видѣлъ ли, куда поѣхали тачанки?» — «А якъ же бачивъ, ось погнали до степу, тажъ тилько пыль виднѣется». — «А кто жъ у тебя хлѣбъ молотитъ?« — «А то мий сынъ Апонасъ, та жъ такій дурный, скаженный, ни слова не кажетъ». Красные бросятся догонять тачанки по указанному направленію, а «скаженный хлопецъ» вытаскиваетъ изъ скирды хлѣба винтовку, отпрягаетъ лошадей отъ привода, на подмогу къ нему выходятъ еще трое «скаженныхъ хлопцевъ», впрягаютъ лошадей въ тачанку, спрятанную подъ соломой, и ѣдутъ въ другомъ направленіи изъ деревни.

Махно былъ неуловимъ. 6-го декабря онъ былъ подъ Бердянскомъ окруженъ кольцомъ изъ трехъ дивизій, въ томъ числѣ и 42-й, которой командовалъ пресловутый Розенъ, находившійся, впрочемъ, въ то время въ отпуску. Штабъ 4-й арміи ежечасно получалъ телеграммы, что Махно не вырвется и на этотъ разъ попадетъ въ руки красныхъ войскъ. Однако, на разсвѣтѣ 6-го декабря Махно, собравъ всѣ свои силы, обрушился на 42-ю дивизію, которую буквально разбросалъ, и вырвался изъ окружающаго его кольца. О преслѣдованіи нечего было и думать; онъ благополучно прошелъ въ громадное село Большой Токмакъ, гдѣ расположился на отдыхъ. Завладѣвъ Бердянскомъ, онъ произвелъ страшную рѣзню коммунистовъ и команднаго состава красноармейскихъ частей. Всѣ только что сформированныя здѣсь совѣтскія учрежденія были поголовно вырѣзаны. Дивизіи вновь окружили его въ Большомъ Токмакѣ, опять заранѣе праздную надъ нимъ побѣду. Махно повторилъ тотъ же маневръ, вновь разорвалъ окружавшее его кольцо и съ отрядомъ, численность котораго доходила до 5 000 человѣкъ, бросился къ Никополю. Здѣсь онъ перешелъ по льду на правую сторону Днѣпра и, несмотря на то, что на перерѣзъ ему была брошена 1-я конная армія изъ Екатеринослава, не могшая впрочемъ его догнать на своихъ заморенныхъ лошадяхъ, онъ прошелъ сѣвернѣе Екатеринослава снова по льду черезъ Днѣпръ, направился въ южную часть Полтавской губерніи, минуя Константиноградъ, Зміевъ, и дошелъ до гор. Бирюча, Воронежской губерніи, откуда черезъ Купянскъ, Лиманъ, Бахмутъ къ 15 января вновь вернулся въ свою резиденцію Гуляй-Поле. Это былъ, дѣйствительно, изумительный по быстротѣ рейдъ. Дѣлая по 250—300 верстъ въ сутки, мѣняя загнанныхъ лошадей на привалахъ у крестьянъ, онъ далеко оставилъ преслѣдовавшія его конныя красныя части, которыя не могли войти съ нимъ даже въ соприкосновеніе. Кромѣ того, во время этого рейда по всему югу Украины оперировали шайки бандитовъ, можетъ быть, и не состоявшія подъ командованіемъ Махно, но, во всякомъ случаѣ, преслѣдовавшія одну и ту же цѣль — борьбу съ большевиками. Эти банды отвлекали вниманіе красныхъ отъ преслѣдованія Махно, сбивая ихъ съ пути и увлекая ихъ въ другую сторону. Все это создало Махно громадную популярность среди населенія юга Украины, и оно возлагало на него свои надежды, что онъ избавитъ ихъ отъ большевиковъ. Мелкія шайки другихъ наименованій тревожили окрестности Александровска, Бердянска, Мелитополя, угрожая даже Крыму. Съ цѣлью борьбы, какъ съ Махно, такъ и съ другими шайками, командующій арміей Лазаревичъ выѣхалъ съ полевымъ штабомъ въ Мелитополь.

Въ штабѣ арміи я засталъ крайне нервное настроеніе. Шайки бандитовъ оперировали уже подъ самымъ Мелитополемъ, дѣйствуя на пути сообщенія между разбросанными по уѣзду отдѣльными частями красныхъ; вырѣзывали агентовъ продразверстки и комнезаможей (комитеты бѣдноты), а также и всѣхъ совѣтскихъ учрежденій, только что здѣсь насажденныхъ, останавливали поѣзда, при чемъ красноармейцы отпускались раздѣтыми, а комсоставу и коммунистамъ рубились головы. Все это было и далѣе за Мелитополемъ по всему югу Украйны. Въ штабѣ задумывалась новая операція противъ Махно, для чего изъ Екатеринослава въ Александровскъ перебрасывался 3-й конный корпусъ, подъ командой Каширина, бывшаго подъесаула Уральскаго казачьяго войска — коммуниста.

Для разбора дѣла и выясненія виновныхъ лицъ въ прорывѣ Махно черезъ окружавшее его кольцо красныхъ, 6-го и 12-го декабря выѣхали на мѣсто и дѣйствовали уже цѣлыхъ три комиссіи: одна отъ Ревтрибунала 4-ой арміи, другая отъ Особаго отдѣла 4-ой арміи и третья отъ В. Ч. К. изъ Москвы. Когда я былъ у Лазаревича, то послѣдній просилъ меня вмѣстѣ съ инспектированіемъ 42-ой дивизіи выяснить лично для него степень виновности въ прорывѣ Махно ея Начдива Розена, такъ какъ онъ въ разговорѣ со мной отозвался отрицательно о Розенѣ, какъ начальникѣ дивизіи. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ хотѣлъ свести съ Розеномъ личные счеты еще за то время, когда Розенъ былъ въ числѣ слушателей Академіи Генеральнаго Штаба, а Лазаревичъ завѣдывающимъ курсомъ, при чемъ Розенъ постоянно агитировалъ противъ него. На счастье Розена, онъ въ окруженіи Махно подъ Бердянскомъ не участвовалъ, такъ какъ былъ въ отпуску.

Въ штабѣ я узналъ, что 42-ая дивизія въ данное время стояла въ Александровскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ и вела операціи противъ бандитовъ, прикрывая вмѣстѣ съ тѣмъ и Александровскъ. На время инспекціи мною 42-ой дивизіи мнѣ были присвоены права командующаго арміей, при чемъ я имѣлъ право смѣщать начальниковъ частей до Начдивовъ включительно, но частнымъ образомъ начальникъ штаба Рошковскій просилъ меня этого не дѣлать, такъ какъ ихъ замѣнить было некѣмъ. Пользоваться же этимъ правомъ не входило въ мой цѣли. Тутъ же я видѣлъ и командира 3-го коннаго корпуса Каширина, который, только что вернувшись отъ Лазаревича, показывалъ всѣмъ драгоцѣнную, всю усыпанную брилліантами шашку, украденную изъ сокровищницъ Эмира Бухарскаго, пожалованную ему Реввоенсовѣтомъ Совѣтской Республики. Это была драгоцѣнная и рѣдкая вещь, какъ по своему качеству, такъ и по массѣ брилліантовъ, насаженныхъ на золотомъ эфесѣ, ножнахъ и чистаго золота портупеѣ. Присутствующіе здѣсь коммунисты разсказывали, что при занятіи Бухары совѣтской властью, изъ хранилищъ Эмира Бухарскаго было привезено 7 вагоновъ золота и драгоцѣнностей, при чемъ и упомянутая шашка была въ этомъ числѣ.

При второй конной арміи была интернаціональная бригада, состоявшая поэскадронно изъ всевозможныхъ національностей, коммунистовъ; тутъ были и венгры, и поляки, и персы, и кавказскіе горцы, и китайцы и проч. Бригада эта участвовала въ насажденіи совѣтской власти въ Бухарѣ и, конечно, въ грабежѣ, какъ имущества Эмира, такъ и его «буржуевъ». Почти у каждаго всадника этой бригады, помимо массы драгоцѣнностей, были шашки, подобныя этой. Немудрено, что до сихъ поръ существуетъ Туркестанскій фронтъ и тамъ идетъ борьба съ басмачами. Неблагодарные азіаты до сихъ поръ не могутъ понять прелести коммунизма и забыть способы его насажденія.

Между прочимъ, эта бригада весною 1921 года была расформирована за неповиновеніе совѣтской власти. Въ ней были слишкомъ явныя тенденціи къ переходу на сторону Махно, такъ какъ всѣ попытки дисциплины, которую хотѣли въ нихъ внѣдрить, казались ея чинамъ непріемлемыми, послѣ той распущенности, къ которой они поощрялись самой совѣтской властью въ Бухарѣ.

Въ тотъ же день я выѣхалъ въ Александровскъ вмѣстѣ съ Кашириным въ его поѣздѣ и 1-го января 1921 г. былъ уже тамъ.

X.

Въ Александровскѣ стоялъ штабъ 42-ой дивизіи и штабъ 3-ей бригады этой дивизіи, части которой были разбросаны по окружающимъ городъ селамъ и деревнямъ, для непосредственной защиты города отъ бандитовъ. Въ штабѣ дивизіи я засталъ начдива Розена, который въ виду своей командировки въ академію генеральнаго штаба, сдавалъ дивизію вновь назначенному начдиву, Калмыкову, кавалеру ордена краснаго знамени, бывшему кадровому фельдфебелю 22-го сапер-

наго батальона, стоявшаго до войны въ Гельсингфорсѣ. Съ Розеномъ въ академію уѣзжалъ и начальникъ штаба дивизіи. Преемника ему не было назначено, и онъ сдавалъ временно должность начальнику административнаго управленія дивизіи.

Мнѣ впервые пришлось встрѣтиться со штабомъ дивизіи красныхъ, и я нашелъ здѣсь полный сумбуръ. Во главѣ штаба дивизіи стояли бывшіе офицеры, большей частью бывшіе подпоручики и поручики, а такъ какъ въ Совѣтской Россіи писарей нѣтъ, а вмѣсто нихъ есть письмоводители, т. е. тѣ же самые прежніе писаря, только какъ бы повышенные рангомъ, то дѣлопроизводство въ общемъ кое-какъ шло, но оно поражало, какъ, впрочемъ, и во всѣхъ ихъ учрежденіяхъ, громадной перепиской, при полномъ отсутствіи бумаги, чернилъ и проч. письменныхъ принадлежностей. Писали всѣмъ: въ перепискѣ между собой состояли даже отдѣленія штаба. Впрочемъ, для переписки было нѣкоторое оправданіе: въ Совѣтской Россіи на слово никому не вѣрятъ. Писали и пишутъ на чемъ угодно: на оберточной и почтовой бумагѣ, на старыхъ дѣлахъ, реквизированныхъ изъ архивовъ церковныхъ, судебныхъ учрежденій, банковъ, земскихъ управъ, полицейскихъ управленій. Получаешь иной разъ бумагу совѣтскаго учрежденія, а на другой сторонѣ ея оказывается метрическое свидѣтельство какой-нибудь церкви.

Штабъ дивизіи я рѣшилъ инспектировать послѣ осмотра частей ея, но въ концѣ концовъ мнѣ не пришлось сдѣлать этого, такъ какъ я заболѣлъ тифомъ. Въ дивизіи меня приняли очень любезно и съ нѣкоторымъ страхомъ. Какъ никакъ, я для нихъ въ данную минуту представлялъ особу, облеченную властью командующаго арміей, и при усердіи могъ въ строевомъ отношеніи подложить имъ всѣмъ, до комиссара включительно, свинью. Вѣроятно, поэтому, мнѣ была отведена комендантомъ штаба дивизіи у частныхъ жителей отличная комната, конечно, принудительно, а также и предложенъ столъ въ штабѣ дивизіи. Такимъ же вниманіемъ и гостепріимствомъ и, вѣроятно, по тѣмъ же причинамъ, я пользовался, какъ въ штабахъ бригадъ, такъ и въ полкахъ этой дивизіи.

Переночевавъ въ отведенной мнѣ комнатѣ, я выѣхалъ рано утромъ 2-го января для инспектированія 3-й бригады. Хозяйка квартиры горько жаловалась мнѣ, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1920 года она потеряла мужа, а въ ноябрѣ того же года сына, которые были убиты въ уѣздѣ неизвѣстно кѣмъ, по всей вѣроятности, крестьянами, за то, что они служили агентами по продовольственной разверсткѣ. При этомъ добавила, что они не были коммунистами, а принуждены были служить по мобилизаціи продовольственныхъ работниковъ (была и такая мобилизація въ Совдепіи); убиты были звѣрскимъ образомъ: тѣла ихъ нашли за деревней со вспоротыми животами, наполненными пшеницей, съ прикрѣпленной запиской, на которой значилось: «разверстка выполнена». Тогда это былъ общій удѣлъ агентовъ продразверстки, а теперь — агентовъ продналога, если они отлучатся куда-нибудь безъ конвоя.

Въ штабѣ бригады дали мнѣ экипажъ, и я отправился въ ея полки. Всѣ три полка стояли на небольшомъ разстояніи отъ города и вокругъ него. Они заняты были несеніемъ сторожевой службы, выставленіемъ постовъ и заставъ въ предполагаемомъ направленіи мѣстонахожденія бандитовъ и карательными экспедиціями противъ тѣхъ деревень, а въ частности, и домовъ, гдѣ имѣли пріютъ эти бандиты. Экспедиціями этими завѣдывалъ комиссаръ, съ приданными къ нему агентами отъ Особаго Отдѣла дивизіи, при чемъ никакого судебнаго разбирательства и установленія факта виновности судебнымъ слѣдствіемъ не было. Достаточно было, если комиссаръ или агенты Особаго Отдѣла подозрѣвали крестьянина не только въ томъ, что онъ, или кто-либо изъ его членовъ семьи, былъ бандитомъ, но что у него, по слухамъ, переночевали бандиты, чтобы таковой былъ разстрѣлянъ тутъ же комиссаромъ или агентами. Все это, конечно, сильно волновало крестьянъ, вызывало страшную ненависть къ красной арміи, но подѣлать они ничего не могли: слишкомъ они были уже запуганы.

Общее впечатлѣніе отъ полковъ составилось очень неважное. Въ это время шла демобилизація красной арміи — увольняли старшіе сроки службы — и, поэтому, число штыковъ въ полкахъ колебалось отъ семидесяти до ста пятидесяти. Пулеметныхъ командъ въ полкахъ было отъ одной до трехъ, а численность пулеметовъ въ командѣ — отъ двухъ до восьми (штатъ—восемь), такъ какъ въ недавнихъ бояхъ съ Махно пулеметы были имъ отняты. Пулеметы были на тачанкахъ. Оружіе было въ совершенно негодномъ видѣ: заржавленное, съ поломанными прицѣлами и мушками и, какъ общее правило, безъ штыковъ; красноармейцы ихъ не любятъ носить и, какъ лишнюю тяжесть, обыкновенно бросаютъ. Оружіе было старой Императорской арміи еще Германской войны, но между ними попадались винтовки Тульскаго завода, изготовленія 1920 года. На эти винтовки особенно жаловался командный составъ, такъ какъ онѣ были крайне грубо и небрежно изготовлены, и послѣ 20—30 выстрѣловъ затворъ давалъ отказъ, такъ какъ соединительныя планки затвора, вслѣдствіе отсутствія стали, дѣлались изъ желѣза и отъ выстрѣловъ гнулись. Винтовки, очевидно, никогда не осматривались и не протирались. Конечно, этому находили оправданія — отсутствіе смазочнаго полусала, котораго, дѣйствительно, не было и въ поминѣ, но, тѣмъ не менѣе, не было и никакого ухода за винтовкой. При осмотрѣ полка, выведеннаго на инспекторскій смотръ, въ строю попадались сплошь и рядомъ красноармейцы, у которыхъ были заряжены винтовки, въ оправданіе чего они говорили, что вчера смѣнились съ караула. Значитъ, требуемаго уставомъ осмотра винтовокъ, послѣ караула, не производилось, а уставы въ красной арміи остались прежніе. Люди, несмотря на команду «смирно, равненіе на право», когда въ то же время командиръ подходилъ ко мнѣ съ рапортомъ, разговаривали между собой, подпрыгивая на мѣстѣ отъ холода, а по мѣрѣ прохожденія мною ротъ, слышны были возгласы пожеланія роспуска по домамъ. Конечно, люди были не стриженные, съ громадными волосами, о недопустимости чего неоднократно отдавались приказы по арміи и фронту, въ оборванной одеждѣ и въ рваныхъ сапогахъ или лаптяхъ. Понятія объ установкѣ прицѣла не имѣлъ никто, но разсыпаніе въ цѣпь и перебѣжку при наступленіи знали.

Командный составъ представлялъ совершенно невѣжественный, въ военномъ дѣлѣ, элементъ, по сравненію съ тѣмъ, къ чему я привыкъ въ старой арміи. За исключеніемъ командировъ полковъ, между которыми только одинъ былъ изъ фельдфебелей, командный составъ отъ батальоновъ до ротныхъ командировъ былъ преимущественно изъ бывшихъ унтеръ-офицеровъ старой арміи. Командиры полковъ говорили мнѣ, что и это уже очень хорошо, такъ какъ теперь появляются новые красные командиры, которые ровно никуда не годятся. Недостатокъ на этихъ должностяхъ прежнихъ офицеровъ они объясняли громадной убылью, понесенной въ лѣтнихъ бояхъ съ арміей генерала Врангеля и тифозными эпидеміями. Интереснѣе всего, что съ ними предписывалось вести тактическія занятія по образцу и примѣрамъ старой арміи; но какимъ же могъ быть руководителемъ этихъ занятій командиръ полка, въ большинствѣ случаевъ, прапорщикъ производства временъ Керенскаго.

Конскій составъ былъ малочисленъ: на полкъ—отъ 80 до 120 лошадей, въ томъ числѣ обозныя, команды конныхъ развѣдчиковъ и пулеметныя. Обоза, въ полномъ смыслѣ этого слова, не было, а все имущество перевозилось, какъ я выше говорилъ, на принудительно согнанныхъ для этого крестьянскихъ подводахъ; въ случаѣ же внезапнаго отступленія или, вѣрнѣе говоря, бѣгства, все бросалось и попадало въ руки бандитовъ, вслѣдствіе чего, никакого имущества въ полкахъ и не было. Конскій составъ былъ крайне изнуренъ, вслѣдствіе безкормицы и плохого ухода. Лошади были покрыты сплошной чесоткой, которую лѣчить было нечѣмъ, некому и негдѣ, такъ какъ лѣченіе этой болѣзни требуетъ медикаментовъ и теплыхъ конюшенъ.

Въ Совдепіи распространено мнѣніе, что чесотку занесли въ Россію нѣмцы при оккупаціи Украйны, такъ какъ у нихъ въ то время были сильно истощенныя

отъ безкормицы лошади. Можетъ быть, это и такъ, но я думаю, что главную роль здѣсь сыграло отсутствіе ухода за лошадью, который сразу же прекратился еще въ старой арміи, вмѣстѣ съ возвѣщенной Керенскимъ декларацiей правъ «самаго свободнаго въ мірѣ» солдата. Во всякомъ случаѣ это — въ настоящее время громадное бѣдствіе для Россіи, такъ какъ, вызвавъ сильный падежъ конскаго состава въ арміи, чему я лично былъ свидѣтелемъ, зараза эта быстро распространяется и между крестьянскими лошадьми, а лѣчить ихъ нечѣмъ, и конскій составъ государства идетъ на убыль даже въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ онъ сравнительно обезпеченъ фуражемъ, какъ, напримѣръ, въ Западномъ краѣ.

Учебныхъ занятій съ людьми, конечно, не производилось, но за то ежедневно они собирались принудительно на такъ называемые «митинги», на которыхъ коммунисты полкового культпросвѣта настойчиво вбивали въ головы красноармейцамъ прелести коммунистическаго строя и разжигали ненависть къ буржуазіи. Обыкновенно вначалѣ, пробывъ на этихъ митингахъ около получаса, красноармейцы понемногу расходились, и ораторы оставались одинокими, но впослѣдствіи комиссары полка приказывали ставить часовыхъ къ выходу изъ помѣщенія, и такимъ образомъ, аудиторія оставалась полна до самаго конца.

Покончивъ съ осмотромъ полковъ 3-й бригады, я направился въ расположеніе 2-й бригады, полки которой были расположены по лѣвому берегу рѣки Днѣпра, вверхъ по теченію отъ г. Александровска до порога «Ненаситецъ».

Здѣсь также полки заняты были несеніемъ сторожевой службы противъ бандъ, выставляя сторожевое охраненіе по берегу рѣки Днѣпра. Численность полковъ была та же самая, что и въ третьей бригадѣ, и въ томъ же состояніи было и вооруженіе, снаряженіе и обмундированіе людей. Полки были расположены въ когда-то богатыхъ селахъ, конечно, на полномъ иждивеніи крестьянъ. Видно было, что это не особенно имъ нравилось, такъ какъ приходилось тратить запасы, приходившіе къ концу, но развѣ на ихъ неудовольствіе обращалъ кто-нибудь вниманіе?

Здѣсь вездѣ были видны слѣды только что минувшей гражданской войны: разоренныя и сожженныя усадьбы, а у громаднаго села Павло-Кичкасъ, гдѣ желѣзнодорожный путь пересѣкалъ рѣку Днѣпръ, висѣлъ обоими концами въ воду желѣзнодорожный мостъ, взорванный большевиками при отступленіи ихъ изъ города Александровска лѣтомъ 1920 года подъ натискомъ войскъ генерала Врангеля. Мостъ этотъ, по разсказамъ жителей, представлялъ міровую достопримѣчательность мостовой архитектуры, такъ какъ онъ былъ построенъ безъ быковъ. Здѣсь Днѣпръ, прорывая каменную гряду, идетъ между громадной высоты отвѣсными скалами; и вотъ черезъ эти скалы былъ переброшенъ ажурной работы желѣзный мостъ, казавшійся висящимъ на воздухѣ. Подъ нимъ совершенно свободно проходили громадные пароходы, такъ какъ высота обоихъ скалистыхъ береговъ допускала возможность выстроить мостъ безъ разводной части.

Все это представляло печальную картину разрушенія и не давало никакой надежды возстановить этотъ мостъ средствами Совѣтской Республики.

Въ этотъ годъ была довольно суровая зима, и знаменитый порогъ «Ненаситецъ» замерзъ. Все было тихо кругомъ, тогда какъ даже въ теплыя зимы ревъ «Ненаситеца» былъ слышенъ за десятки верстъ, какъ говорили жители.

Окончивъ въ четыре дня осмотръ 2-ой бригады, я возвратился въ городъ Александровскъ, откуда на другой день выѣхалъ въ городъ Орѣховъ, гдѣ былъ расположенъ штабъ 1-ой бригады 42-ой дивизіи, а полки ея разбросаны по окружнымъ селамъ и деревнямъ.

Орѣховъ находился въ 60 верстахъ отъ г. Александровска; къ нему ведетъ большая шоссейная дорога. Это было центральное мѣсто недавнихъ боевъ съ войсками генерала Врангеля. Вездѣ валялись лошадиные трупы, видны были наскоро сдѣланные окопы и воронки отъ снарядовъ. Въ 10 верстахъ отъ г. Орѣ-

хова находится громадное село Жеребецъ, 15 верстъ длиною; въ немъ уже находился штабъ 42-ой дивизіи, перешедшій сюда изъ города Александровска.

Пріѣхавъ 3-го января 1921 года въ г. Орѣховъ, я на другой день выѣхалъ въ село Малую Токмачку, расположенное въ 7 верстахъ къ югу отъ Орѣхова, для осмотра расположеннаго тамъ полка первой бригады. Это — огромное село въ 8 верстъ длины, съ нѣсколькими улицами и тремя каменными церквами. Осмотрѣвъ расположенный здѣсь полкъ, который не отличался ничѣмъ отъ другихъ полковъ дивизіи, я остался здѣсь встрѣтить Рождество, помѣстившись у командира полка, который былъ произведенъ въ офицеры во время Германской войны изъ старыхъ фельдфебелей и въ настоящее время былъ — коммунистомъ. Однако, коммунизмъ не мѣшалъ ему долго молиться утромъ и вечеромъ передъ иконами въ красномъ углу хаты и итти вмѣстѣ со мной въ день праздника Рождества къ обѣднѣ въ церковь. Церковь была настолько переполнена народомъ, что мы съ большимъ трудомъ попали лишь въ притворъ ея. Между богомольцами виднѣлись и красноармейцы. Насколько я могъ замѣтить, крестьяне этого села относились къ красноармейцамъ и ихъ начальникамъ, если не враждебно, то во всякомъ случаѣ сдержанно и никакихъ симпатій не проявляли. Причиной этому были, повидимому, слухи о подвигахъ бандъ Махно, которымъ сочувствовало крестьянство, и, кромѣ того, недовольство большевистскими войсками за постой, реквизиціи хлѣба и фуража и подводную повинность, на которую особенно крестьянство жаловалось.

На третій день праздника, 8-го января, я выѣхалъ обратно, рано утромъ въ г. Орѣховъ, осмотрѣлъ тамъ другой полкъ этой бригады и утромъ 9-го января выѣхалъ въ село «Новониколаевское», расположенное въ 60 верстахъ отъ г. Орѣхова и въ 12 верстахъ не доѣзжая до г. Гуляй-Поле, гдѣ въ это время находилась резиденція Махно. Когда я вечеромъ наканунѣ отъѣзда прощался съ командиромъ полка, у котораго я просилъ лошадей для переѣзда, онъ мнѣ сказалъ, что мы завтра еще увидимся, такъ какъ онъ будетъ лично провожать меня. Я поспѣшилъ отклонить эти проводы, находя это лишнимъ, но онъ категорически мнѣ заявилъ, что онъ сдѣлаетъ это, такъ какъ ему лично нужно осмотрѣть тотъ конвой, который будетъ меня сопровождать. Упоминаніе о конвоѣ меня удивило, и я поспѣшилъ отъ него отказаться, но командиръ полка заявилъ мнѣ, что отпустить безъ конвоя онъ меня ни въ коемъ случаѣ не можетъ, такъ какъ получилъ на это приказаніе отъ начальника дивизіи, и что вообще ѣхать одному небезопасно, такъ какъ дорога идетъ глухой степью по разореннымъ еще въ 1918 г. до основанія хуторамъ и нѣмецкимъ колоніямъ, въ которыхъ теперь устраиваютъ засады бандиты Махно, и что ежедневно приходятъ донесенія о нападеніяхъ на одиночно слѣдующихъ людей, принадлежащихъ къ составу красной арміи.

Въ семь часовъ утра 9-го января я тронулся на рессорной тачанкѣ въ Новониколаевку, сопровождаемый другой тачанкой, на которой находился пулеметъ и 4 номера, и, кромѣ того, окруженный 20 всадниками съ винтовками за плечами. Переѣздъ былъ совершенъ благополучно, никакихъ бандитовъ я не видѣлъ, но за то меня поразила разоренность этой мѣстности. Пришлось проѣхать много хуторовъ и нѣсколько нѣмецкихъ колоній, въ которыхъ не видно было ни одной живой души; вездѣ были только однѣ развалины, слѣды пожарищъ и валялись обломанныя части земледѣльческихъ машинъ и локомобилей для паровыхъ молотилокъ и вѣялокъ. Степь лежала кругомъ заброшенная, не вспаханная, заросшая бурьяномъ и ковылемъ. А вѣдь еще недавно это были житницы, поставлявшія пшеницу за границу. Немудрено, что теперь въ Александровскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ распространено людоѣдство.

Пріѣхавъ въ село Новониколаевское въ тотъ же день поздно вечеромъ, я помѣстился въ отведенной мнѣ командиромъ полка комнатѣ въ семействѣ бывшаго сельскаго торговца, жившаго когда-то зажиточно, а теперь зачисленнаго въ разрядъ буржуевъ и поэтому обобраннаго Совѣтской властью. Семья эта со-

стояла изъ самого хозяина, старика 70 лѣтъ, его жены, больной старухи и четырехъ взрослыхъ молодцовъ-сыновей, старшій изъ которыхъ былъ уже вдовъ, а двое его дѣтей были на попеченіи больной старухи. Всѣ они видимо перебивались съ хлѣба на квасъ и встрѣтили меня, хотя и любезно, но сдержанно.

На другой день 10-го января я произвелъ смотръ полку. Полкъ ничѣмъ не отличался отъ предыдущихъ, численность въ немъ была 147 штыковъ, и командиръ полка, а также и комиссаръ мнѣ жаловались на оторванность его отъ остальныхъ частей дивизіи, указывая, что въ случаѣ серьезныхъ дѣйствій со стороны Махно, который находится отсюда въ 12 верстахъ, въ г. Гуляй-Полѣ, имъ придется всѣмъ погибнуть, такъ какъ они не могутъ оказать серьезнаго сопротивленія по своей малочисленности, тѣмъ болѣе, что и путь отступленія на Орѣховъ кишитъ бандами. Красноармейцы полка, прекрасно зная это положеніе и не ожидая себѣ пощады отъ Махно, были настроены панически.

Это былъ послѣдній полкъ 42-ой дивизіи, который я осмотрѣлъ, и мнѣ оставалось ѣхать въ село Жеребецъ инспектировать штабъ дивизіи и этимъ закончить свою командировку. На другой день утромъ 11-го января я предполагалъ выѣхать въ обратный путь, но всю ночь мнѣ нездоровилось, лихорадило. Утромъ я почувствовалъ, что въ этотъ день выѣхать не могу, и послалъ за полковымъ врачомъ, который вскорѣ прибылъ и опредѣлилъ у меня возвратный тифъ. Этого, собственно говоря, я и долженъ былъ ожидать, такъ какъ за все время моего путешествія я былъ покрытъ вшами, между которыми вѣроятно оказались и тифозныя. Однако, заболѣть здѣсь въ Новониколаевскомъ, гдѣ нѣтъ никакого лѣчебнаго заведенія, лежать въ тифу въ 12-ти верстномъ разстояніи отъ резиденціи Махно, было крайне рискованно. Перевезти-же меня обратно въ ближайшій госпиталь въ г. Орѣховъ на разстояніи 60 верстъ не представлялось возможнымъ, такъ какъ у меня была высокая температура, а на дворѣ стояли 15-ти градусные морозы, при сильномъ степномъ вѣтрѣ. Ко всему этому — полное отсутствіе медикаментовъ, что дѣлало мое положеніе крайне незавиднымъ. Тѣмъ не менѣе, пришлось покориться судьбѣ и плыть по теченію. На мое счастье полковой врачъ оказался очень внимательнымъ и знающимъ свое дѣло. Онъ ежедневно посѣщалъ меня утромъ и вечеромъ, а въ часы возврата тифа все время сидѣлъ около моей постели. Командиръ полка и комиссаръ проявили также ко мнѣ большое участіе и немедленно въ день моего заболѣванія послали нарочныхъ въ г. Александровскъ за камфорой, впрыскиваніе которой было необходимо для поддержанія дѣятельности сердца при 40 градусной температурѣ. Къ моему счастью камфора тамъ оказалась, и она спасла меня отъ смерти. Большимъ вниманіемъ я пользовался также и со стороны моихъ хозяевъ, которые, узнавъ во мнѣ бывшаго бѣлаго офицера, всячески старались высказать свое расположеніе, а сыновья по ночамъ по очереди дежурили у моей постели. Бывали и довольно непріятныя минуты, когда командиръ полка мнѣ осторожно сообщалъ, что по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, ожидается нападеніе бандитовъ на полкъ и что въ такомъ случаѣ, въ виду малочисленности полка, придется отступать, или вѣрнѣе говоря, бѣжать, при чемъ для этого случая дежурила на дворѣ у меня запряженная парой лошадей тачанка съ одѣялами, въ которую, въ случаѣ внезапнаго бѣгства, предполагалось меня бросить и мчать вмѣстѣ съ полкомъ. Однако, къ счастью, до этого дѣло не дошло.

Перенеся три приступа тифа, я къ 15 февраля лежалъ въ постели, хотя и съ нормальной температурой, но сильно ослабленный приступами, и не могъ подняться. 16 февраля, рано утромъ, ко мнѣ пришелъ крайне взволнованный полковой врачъ и сказалъ, что получены крайне тревожныя вѣсти о предстоящемъ нападеніи на Новониколаевку бандитовъ и что, поэтому, онъ рѣшилъ меня отправить для дальнѣйшаго лѣченія въ бригадный госпиталь въ г. Орѣховъ, такъ какъ температура у меня теперь нормальная, и, если я буду тепло одѣтъ, то смогу перенести этотъ переѣздъ, тѣмъ болѣе, что у него при околоткѣ имѣется реквизированная гдѣ-то у нѣмецкихъ колонистовъ карета, и онъ мнѣ дастъ до-

статочное количество одѣялъ для теплоты. Оставаться же при полку онъ считаетъ настолько опаснымъ, что если бы онъ самъ имѣлъ возможность уѣхать отсюда, то немедленно бы это сдѣлалъ. Мнѣ, конечно, осталось только поблагодарить его за любезное ко мнѣ отношеніе и исполнить его совѣтъ. Тотчасъ же я простился со своими милыми хозяевами, горячо поблагодаривъ ихъ за любовное ко мнѣ отношеніе и питаніе, такъ какъ они все время меня и кормили, главнымъ образомъ, молокомъ, которое мнѣ такъ было необходимо; сѣлъ въ карету, запряженную четверкой крестьянскихъ лошадей и отправился съ санитаромъ въ путь-дорогу. Ко мнѣ въ карету докторъ посадилъ еще одного красноармейца, у котораго былъ возвратный тифъ, направляя его въ тотъ же госпиталь, куда ѣхалъ и я. Конвоя на этотъ разъ со мной уже никакого не было, за малочисленностью людей въ полку.

Переѣздъ былъ совершенъ относительно благополучно, въ смыслѣ встрѣчи съ бандитами, но не доѣзжая 8 верстъ до Орѣхова, сломалась задняя ось кареты, и мы очутились въ совершенно безпомощномъ состояніи среди голой степи. Не было ни деревца, ни топора, ни веревокъ, которыми можно было бы кое-какъ исправить ось и дотащиться до Орѣхова. Наступала ночь, мы были совершенно безпомощны, дулъ сильный морозный вѣтеръ, а у моего компаньона красноармейца начался приступъ тифа. Онъ былъ весь въ поту, и я, опасаясь, что онъ простудится, укрылъ его всѣми имѣющимися одѣялами, оставшись самъ въ одной шинели. Становилось холодно, темно и помощи ждать откуда нибудь не приходилось. Проходившій встрѣчный обозъ красноармейцевъ продовольственнаго транспорта, на наши просьбы довезти насъ въ Орѣховъ, отказался это сдѣлать. Надо было выходить изъ создавшагося положенія. Кромѣ насъ, двухъ больныхъ, съ нами находился санитаръ и два хохла-крестьянина, владѣльцы лошадей. Я приказалъ отпречь двухъ лошадей и ѣхать въ г. Орѣховъ санитару и возницѣ крестьянину, гдѣ обратиться въ Исполкомъ съ требованіемъ дать подводу для перевозки насъ, а также добыть топоръ, веревки и жердь для исправленія оси кареты. Санитаръ и хохолъ взгромоздились верхомъ на лошадей и скрылись въ темнотѣ. Мы остались съ другимъ хохломъ, который отъ холода забрался къ намъ внутрь кареты.

Холодный степной вѣтеръ сильно знобилъ насъ, а красноармеецъ бился въ припадкѣ тифа. Хохолъ послѣ долгаго молчанія проговорилъ:

«Да, вотъ гдѣ сидятъ у насъ большевики», указывая на шею. «Вотъ вы приходите къ намъ въ деревню, становитесь къ намъ на квартиры, берете у насъ послѣдній хлѣбъ, овесъ, сѣно, гоняете насъ въ подводы, и мы ничего на это сказать не въ силахъ. Вы уходите, завтра приходятъ банды Махно, дѣлаютъ то же самое, и мы и имъ ничего не можемъ сказать. Они уходятъ, приходите опять вы и говорите, что мы даемъ пріютъ бандитамъ, и начинается за это расправа. Мѣсяцъ тому назадъ у насъ въ деревнѣ ваша Чека разстрѣляла за такое гостепріимство 34 человѣка, въ томъ числѣ моего отца, которому было 70 лѣтъ. Скажите, пожалуйста, можемъ ли мы любить и уважать совѣтскую власть?»

Все это было сказано съ такой злобой и ненавистью къ намъ, такъ какъ въ глазахъ его мы были тѣ же большевики, что я ожидалъ, что онъ возьметъ шкворень, который тутъ же валялся, прикончитъ меня и красноармейца и, пользуясь темнотой, уѣдетъ въ степь. Къ счастью нашему, онъ или не догадался, или не хотѣлъ этого сдѣлать. Я не пытался его убѣждать въ томъ, что я не причастенъ къ этому дѣлу, что я не принадлежу къ большевикамъ, такъ какъ считалъ это излишнимъ, ибо не надѣялся, что онъ мнѣ повѣритъ. Становилось все холоднѣе и холоднѣе; у тифознаго красноармейца припадокъ кончился, и я обращалъ все свое вниманіе на то, чтобы онъ не простудился, стараясь закутать его одѣялами отъ вѣтра. Наконецъ, часа черезъ четыре, послѣ того, какъ посланные въ Орѣховъ скрылись изъ нашихъ глазъ, послышался шумъ колесъ телѣги и топотъ лошадей. Черезъ нѣсколько минутъ подъѣхала къ намъ телѣга въ сопровожденіи верховыхъ: санитара и хохла-возницы. Привезли веревки и жердь. Санитаръ

разсказалъ, что онъ просилъ долго въ Исполкомѣ подводу, въ которой ему тамъ отказали, и наконецъ послѣ того, какъ пригрозилъ отправиться съ жалобой на него къ коменданту, получилъ просимое. Я, видя, что тифозному красноармейцу немыслимо было ѣхать въ открытой телѣгѣ по степи при холодномъ вѣтрѣ, приказалъ перенести себя въ телѣгу, а подъ ось кареты подвести жердь, впрячь лошадей въ карету и, оставивъ въ каретѣ красноармейца, везти его въ Орѣховъ.

Такимъ образомъ въ первомъ часу ночи мы прибыли въ Орѣховъ, гдѣ послѣ долгихъ поисковъ госпиталя нашли его помѣщеннымъ въ зданіи бывшаго земельнаго банка. Однако, въ госпиталь насъ не хотѣли впустить, говоря, что нѣтъ мѣстъ, и предлагали намъ ѣхать туда, откуда мы прибыли. Пришлось поднять шумъ, на который сбѣжались дежурная сестра, фельдшера и, наконецъ, главный врачъ госпиталя. На его вопросъ, почему здѣсь такой шумъ, я объяснилъ, что потому, что насъ тифозныхъ больныхъ не впускаютъ въ госпиталь. Главный врачъ тоже было заявилъ, что мѣстъ нѣтъ, но когда я на это предъявилъ свой мандатъ помощника инспектора пѣхоты 4-й арміи, которому поручено произвести инспекторскій смотръ 42-й дивизіи и всѣмъ ея учрежденіямъ, въ томъ числѣ и санитарнымъ, то получился большой конфузъ: мѣсто для меня и красноармейца моментально нашлось и даже, несмотря на поздній часъ времени, намъ былъ предложенъ ужинъ. Помѣщенъ я былъ, конечно, вмѣстѣ со всѣми красноармейцами, такъ какъ у большевиковъ для команднаго состава отдѣльныхъ помѣщеній нѣтъ. Мой красноармеецъ такъ ко мнѣ привязался за то, что я позаботился о немъ, когда съ нимъ былъ припадокъ въ степи, что непремѣнно требовалъ, чтобы его койка стояла рядомъ съ моей, чего онъ и добился, и всѣмъ разсказывалъ о моемъ уходѣ за нимъ.

Здѣсь, въ госпиталѣ, мнѣ пришлось близко познакомиться съ состояніемъ санитарной части большевицкой арміи и лично испытать всѣ лишенія и невзгоды, которыя переносили красноармейцы, имѣвшіе несчастье попасть въ лѣчебное заведеніе. Могу съ увѣренностью сказать, что мнѣ посчастливилось, когда я, заболѣвъ тифомъ въ Новониколаевскѣ, не былъ отправленъ въ госпиталь за дальностью разстоянія и остался лежать на частной квартирѣ, гдѣ я имѣлъ хорошій уходъ и лѣченіе, такъ какъ въ противномъ случаѣ я, по всей вѣроятности, отправился бы уже къ праотцамъ.

Госпиталь былъ расположенъ въ помѣщеніи земельнаго банка и комплектовался исключительно тифозными больными. Въ небольшой залѣ помѣщались больные возвратнымъ тифомъ, число которыхъ доходило въ этой палатѣ до 50, при чемъ уплотненіе было таково, что на двухъ сдвинутыхъ койкахъ помѣщались трое. Рядомъ съ этой палатой находилась другая, ходъ въ которую шелъ черезъ нашу, при чемъ дверей даже не было. Въ этой палатѣ лежало около 25 больныхъ сыпнымъ тифомъ. Помимо переноса заразы сыпного тифа къ больнымъ возвратнымъ тифомъ и обратно сидѣлками и санитарками, которыя были общими, была громадная опасность заразиться переползающими вшами, такъ какъ больные были ими буквально покрыты, и избавиться отъ нихъ не было никакой возможности, да и персоналомъ госпиталя къ этому даже никакихъ попытокъ и не дѣлалось. Впрочемъ, едва ли они что-либо и могли бы сдѣлать. Какъ на примѣръ, укажу, что больнымъ никакой ванны не дѣлалось за отсутствіемъ горячей воды, ибо топлива въ г. Орѣховѣ не было, и температура палаты не превышала 10 градусовъ Реомюра. Пріѣхавъ въ госпиталь, я, не будучи еще въ ваннѣ или банѣ, попросилъ на другой день сдѣлать мнѣ ванну и, конечно, получилъ отказъ за отсутствіемъ горячей воды, хотя и былъ въ госпиталѣ большой персоной. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого мнѣ принесли казенное больничное бѣлье и, такъ какъ свое у меня было очень грязное, то я обрадовался случаю и хотѣлъ переодѣться, но былъ остановленъ своимъ сосѣдомъ по койкѣ, который сказалъ мнѣ:

«Товарищъ инспекторъ, что вы дѣлаете? Посмотрите, вѣдь на бѣльѣ ползаютъ вши; лучше уже оставайтесь въ своемъ, а то снова заболѣете уже сыпнымъ тифомъ».

И дѣйствительно, когда я разсмотрѣлъ бѣлье болѣе внимательно, то на немъ оказалась такая масса вшей, что я отъ смѣны отказался. Оказывается, за неимѣніемъ горячей воды и мыла, бѣлье, снятое съ больныхъ, стирали только въ холодной водѣ, сушили и вновь выдавали въ носку. Немудрено, что въ госпиталѣ были одновременно больные сыпнымъ и возвратнымъ тифомъ.

Въ госпиталѣ былъ главный врачъ, который, какъ и полагается вообще главному врачу, былъ занятъ канцеляріей госпиталя и отчетностью, предсѣдательствомъ въ комиссіяхъ по освидѣтельствованію выздоравливающихъ и т. п. и поэтому появлялся одинъ разъ въ день въ палатѣ, проходя ее, какъ можно скорѣй. Кромѣ него, были два врача-ординатора — двѣ еврейки, мобилизованныя совѣтской властью; одна постарше, окончившая курсъ медицинскаго факультета еще до Германской войны, знающая свое дѣло и пользовавшаяся поэтому довѣріемъ и уваженіемъ среди больныхъ. Она завѣдывала отдѣленіемъ сыпного тифа. Другая только что кончила медицинскій факультетъ Кіевскаго университета и поэтому не пользовалась никакимъ довѣріемъ у больныхъ и фельдшеровъ старой школы. Послѣдніе называли ее «совѣтскимъ выкидышемъ». Обѣ онѣ были очень милыя, заботливыя и внимательныя по отношенію къ больнымъ, но что онѣ могли подѣлать, когда не было лѣкарствъ, медикаментовъ, ни сносныхъ условій для ухода за больными, а главнымъ образомъ камфоры для впрыскиванія при приступахъ тифа, для поддержанія дѣятельности сердца. Кормили въ госпиталѣ довольно хорошо. Дѣло въ томъ, что по окрестнымъ селамъ и деревнямъ въ это время производилась продовольственная разверстка и, благодаря этому, больныхъ кормили куринымъ супомъ, яйцами и бѣлымъ хлѣбомъ. Не было только чаю, а давали вмѣсто него суррогатъ: жженую морковь и 8 золотниковъ сахарнаго песку, чего, конечно, было очень мало.

Очень плохо обстояло въ Орѣховѣ дѣло съ топливомъ, что сильно отражалось на госпиталѣ. Орѣховъ городъ степной, и лѣса въ окрестностяхъ нигдѣ нѣтъ. Въ прежнее время весь этотъ край снабжался каменнымъ углемъ Донецкаго бассейна. Теперь объ углѣ нечего было и думать. Крестьяне еще кое-какъ вышли изъ положенія, отапливая свои хаты соломой и кизякомъ, но положеніе горожанъ было ужасно. Всѣ деревянныя постройки и заборы въ городѣ были уже сожжены. Городской садъ около собора и громадная тополевая аллея, по которой я въ началѣ января этого года ѣхалъ, теперь была вырублена, и отъ нея, равно какъ и отъ сада, остались только маленькіе пни. Все это сдѣлала военная власть для своихъ нуждъ, жителямъ же было предоставлено право замерзать въ своихъ квартирахъ. Въ 20-хъ числахъ февраля здѣсь выпалъ снѣгъ и продержался при 15 градусахъ мороза съ сильнымъ холоднымъ вѣтромъ до 1-го марта. Это были ужасные дни для здѣшняго населенія и красноармейцевъ. Въ это же время окончательно истощилось всякое топливо въ г. Орѣховѣ. Городская водокачка прекратила свою дѣятельность за отсутствіемъ топлива. Бросились къ частнымъ колодцамъ, ихъ въ городѣ было немного и они скоро были вычерпаны. Благодаря этому мы, больные, три дня сидѣли совершенно безъ воды, не только горячей, но и холодной. Наконецъ «въ порядкѣ боевого заданія» волостнымъ исполкомамъ приказано было за свой страхъ и рискъ путемъ реквизицій у крестьянъ доставить въ городъ для нуждъ водокачки солому и кизякъ, и она стала вновь функціонировать.

Лежа въ госпиталѣ, мы, больные, два раза подвергались опасности попасть въ руки Махно, такъ какъ его банды въ это время находились въ 4-хъ верстахъ всего отъ города и произвели смѣлый налетъ на штабъ 2-й бригады 42-й дивизіи, расположенный въ сосѣдней деревнѣ, гдѣ они разгромили весь штабъ, убивъ въ немъ 19 человѣкъ команднаго состава и комиссаровъ, при чемъ

спасся только командиръ бригады Гринбергъ, бывшій штабсъ-капитанъ, латышъ-коммунистъ.

Въ г. Орѣховѣ былъ расположенъ только штабъ 1-й бригады со своими учрежденіями, но безъ всякихъ прикрытій. Когда сюда дошелъ слухъ о разгромѣ штаба 2-й бригады, то здѣсь поднялась невѣроятная паника: всѣ, кто могъ, запрягали лошадей и готовились къ бѣгству; намъ же, больнымъ, было объявлено, что за неимѣніемъ перевозочныхъ средствъ насъ оставляютъ въ госпиталѣ, а служебный персоналъ долженъ былъ итти пѣшкомъ. Надо правду сказать, что мы пережили въ эту ночь очень непріятныя минуты, такъ какъ по бывшимъ уже примѣрамъ мы знали, что отъ Махно намъ пощады ждать не приходится. Къ нашему счастью банда ограничилась вышеописаннымъ разгромомъ и куда-то исчезла. Жертвы этого погрома были торжественно похоронены на серединѣ площади въ селѣ Жеребецъ; могилы ихъ я впослѣдствіи видѣлъ, проѣзжая черезъ это село.

Пріѣхавъ въ Орѣховъ въ госпиталь, я уже сталъ поправляться отъ тифа; прошелъ инкубаціонный періодъ въ 14 дней, и возвраты тифа болѣе не повторялись, но я былъ очень слабъ и не могъ встать съ постели безъ посторонней помощи. Въ это время у меня начались осложненія послѣ тифа, при чемъ сначала я оглохъ на оба уха. Наши ординаторы отправили меня въ сосѣдній госпиталь къ врачу-спеціалисту по ушнымъ болѣзнямъ, который нашелъ, что у меня это произошло отъ сильнаго малокровія и что это должно со временемъ пройти. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени ко мнѣ вернулся слухъ. Но за то пришла другая бѣда: какъ послѣдствіе возвратнаго тифа, у меня образовалось воспаленіе радужной оболочки лѣваго глаза, а затѣмъ и праваго. Помимо того, что я ослѣпъ, воспаленіе это причиняло сильную боль обоихъ глазъ, особенно по ночамъ. Наши ординаторы не могли опредѣлить эту болѣзнь, а также и лѣчить ее; врача окулиста въ г. Орѣховѣ не было, и они чистосердечно мнѣ признавались, что болѣзни глазъ они не лѣчатъ и что для этого мнѣ надо спѣшить въ городъ Александровскъ, гдѣ по всей вѣроятности есть спеціалистъ по глазнымъ болѣзнямъ, иначе болѣзнь можетъ осложниться.

Переѣздъ въ городъ Александровскъ меня нѣсколько страшилъ: выпалъ снѣгъ, установился санный путь, морозы доходили до 15 градусовъ съ холоднымъ вѣтромъ, я еще былъ очень слабъ, и вдобавокъ ко всему, у меня, кромѣ шинели, никакой верхней одежды больше не было. Путь до г. Александровска былъ около 70 верстъ и лежалъ черезъ село Жеребецъ, въ которомъ стоялъ штабъ 42-й дивизіи. Кромѣ того, меня еще заботилъ вопросъ о передвиженіи. До штаба дивизіи мнѣ обѣщали дать лошадь изъ госпиталя, а дальнѣйшее путешествіе отъ села Жеребца до г. Александровска надо было совершить уже перевозочными средствами штаба дивизіи. 26 февраля я выѣхалъ въ с. Жеребецъ. Въ штабѣ дивизіи меня встрѣтили очень радушно и сообщили, что изъ Симферополя изъ управленія инспекціи пѣхоты справлялись обо мнѣ и что имъ отвѣтили, что я боленъ. Видя мое безпомощное состояніе, мнѣ дали солдата изъ комендантской команды, для сопровожденія меня въ г. Александровскъ и далѣе, такъ какъ меня надо было водить подъ руку, а на другой день дали пару лошадей, запряженныхъ въ сани, одѣяла, и я въ сопровожденіи красноармейца Тишкова отправился въ г. Александровскъ. На половинѣ пути мы заѣхали обогрѣться и покормить лошадей въ нѣмецкую колонію. Здѣсь меня поразила бѣдность колонистовъ, которые еще въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ были такъ богаты. Въ настоящее время у нихъ были съѣдены всѣ запасы, такъ какъ совѣтская власть обязывала ихъ кормить всѣ проходящія большевицкія части и одиночныхъ красноармейцевъ.

Меня поразила удивительная покорность судьбѣ и отсутствіе всякаго ропота со стороны этихъ нѣмцевъ-колонистовъ на такое распоряженіе. Обыкновенно нарядъ о постоѣ и кормленіи проходящихъ людей давалъ мѣстный колонистскій Волисполкомъ, и каждому колонисту приходилось ежедневно кор-

мить отъ 10 до 30 человѣкъ, при чемъ, конечно, пища состояла изъ ветчины, колбасъ и сала, которыми всегда были такъ богаты колонисты, заготавливая ихъ осенью въ прокъ на цѣлый годъ. Теперь, конечно, всѣ запасы были съѣдены, хлѣбъ и картофель также, и колонисты обрекались на голодное существованіе. Чудныя лошади колонистовъ были забраны конницей Буденнаго, а скотъ зарѣзанъ на мясо. На дворѣ стояли сломанные локомобили, паровыя молотилки и вѣялки, и настежь были раскрыты пустые конюшни и хлѣва. Колонисты, какъ бы окаменѣли отъ горя, и отъ нихъ не было слышно ни жалобъ, ни сожалѣнія о быломъ богатствѣ. Жутко было смотрѣть на нихъ, думая, что эти люди обречены на голодную смерть, а теперь, когда я читаю сообщенія о голодѣ въ Александровскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ, то мнѣ всегда приходятъ въ голову эти несчастные страдальцы.

XI.

Въ городѣ Александровскѣ еще находился штабъ 3-й бригады 42-й дивизіи, куда я и явился. Здѣсь мнѣ распоряженіемъ штаба отвели комнату въ семьѣ рабочаго металлургическаго завода, бывшаго Бодянскаго, а на другой день я съ помощью моего новаго вѣстового Тишкова разыскалъ врача-окулиста, который опредѣлилъ родъ болѣзни моихъ глазъ и сказалъ, что слѣпота моя носитъ затяжной характеръ, но тѣмъ не менѣе есть надежда, что зрѣніе у меня возстановится, на что у него уже есть прецедентъ, такъ какъ въ нынѣшнемъ году особенно много случаевъ осложненій послѣ возвратнаго тифа, именно въ болѣзняхъ глазъ, но до сихъ поръ почти всѣ его пацієнты выздоравливали. Утѣшилъ онъ меня еще и тѣмъ, что я долженъ быть благодаренъ судьбѣ за то, что осложненіе вылилось у меня именно въ воспаленіи радужной оболочки глазъ, а не гангренѣ ногъ или рукъ, какъ это имѣло мѣсто при эпидеміи прошлаго года. Для лѣченія мнѣ надо было приходить къ нему ежедневно два раза въ 10 утра и въ 5 часовъ вечера, когда онъ мнѣ всыпалъ дозы атропина въ глаза, чтобы не заросъ зрачокъ, и кромѣ того, прописалъ пріемъ ежедневно по три порошка аспирина. Въ случаѣ же сильной боли-рѣзи, надо было дѣлать горячіе компрессы на глаза, что дѣйствительно черезъ полчаса успокаивало боль. Но все-таки я терпѣлъ сильныя мученія, такъ какъ эта страшная боль, о которой меня предупредилъ врачъ, начиналась обыкновенно часа въ три ночи и, такъ какъ въ это время нельзя было достать кипятку, ибо не будить же было изъ-за этого моихъ хозяевъ, чтобы ставить самоваръ, тѣмъ болѣе, что вопросъ съ углями стоялъ очень остро, то мнѣ приходилось переносить невѣроятныя мученія до 7 часовъ утра, когда подымались мои хозяева. Такъ какъ я ровно ничего не видѣлъ, то къ врачу меня водилъ подъ руку Тишковъ, при чемъ и здѣсь не обошлось безъ приключенія: въ то время, когда мы переходили улицу, на насъ налетѣлъ неожиданно выскочившій изъ-за угла парный извозчикъ и, несмотря на крики Тишкова, чтобы онъ ѣхалъ тише, наскочилъ на насъ, и я попалъ подъ лошадей. Мнѣ посчастливилось какъ-то ухватиться рукой за дышло; я повисъ на немъ; лошади остановились, и меня сбѣжавшійся народъ снялъ съ дышла. Извозчикъ, хотя и былъ самъ во всемъ виноватъ, началъ ругать меня и Тишкова, тогда возмущенная этимъ публика, видѣвшая все это происшествіе, уговорила меня ѣхать на этомъ же извозчикѣ въ милицію и подать заявленіе о неосторожной ѣздѣ извозчика, при чемъ вызвались ѣхать со мной въ качествѣ свидѣтелей. Пришлось исполнить ихъ желаніе, и вотъ я. Тишковъ и три свидѣтеля, усѣвшись въ экипажъ, отправились въ милицію. Извозчикъ все время насъ ругательски поносилъ и увѣрялъ, что намъ придется отсидѣть въ холодной. Въ милиціи насъ встрѣтили довольно холодно и не хотѣли принять моего заявленія, но когда я потребовалъ свиданія съ начальникомъ милиціи и разсказалъ ему о происшедшемъ, предъявивъ свой мандатъ

помощника инспекціи пѣхоты 4-й арміи, то извозчикъ былъ къ большому удовольствію свидѣтелей тотчасъ же арестованъ и тутъ же приговоренъ начальникомъ милиціи къ вывозу навоза съ городской площади въ теченіе мѣсяца безъ права ѣзды для промысла. Свидѣтели мои были очень довольны этимъ рѣшеніемъ, доволенъ былъ и начальникъ милиціи, который сказалъ: «Некому возить накопившійся за зиму навозъ съ улицъ».

Въ г. Александровскѣ, такимъ образомъ, мнѣ пришлось пробыть съ 28-го февраля по 30 марта, при чемъ это время я жилъ исключительно въ рабочей средѣ. Къ моему хозяину, который прежде работалъ литейщикомъ на заводѣ Бодянскаго, ходило по вечерамъ много его товарищей по заводу, и вотъ здѣсь я много наслышался тѣхъ проклятій, которыя сыпались отъ нихъ большевикамъ.

Въ Александровскѣ масса металлургическихъ заводовъ. Въ настоящее время большая часть изъ нихъ разрушена или сожжена, а остальные стояли закрытыми, такъ какъ были расхищены и испорчены машины, растащенъ ручной инструментъ, не было сырья. По словамъ рабочихъ, въ мирное, до-революціонное время число ихъ было до 60 тысячъ, въ настоящее же время ихъ было всего 4 тысячи; остальная масса распылилась по деревнямъ въ поискахъ за кускомъ хлѣба. Остались въ городѣ только тѣ, кто имѣлъ недвижимую собственность, т. е. домикъ, построенный въ болѣе счастливое время, какъ напримѣръ, мой хозяинъ. Я жилъ на первой Московской улицѣ, домохозяева которой были сплошь рабочіе бывшихъ заводовъ и фабрикъ г. Александровска. Судя по жизни моего хозяина, это была раньше зажиточная семья, состоящая изъ старухи матери и трехъ женатыхъ сыновей, въ числѣ которыхъ былъ мой хозяинъ. Сыновья жили отдѣльными семьями въ двухъ собственныхъ домахъ, около которыхъ были разбиты фруктовый садъ и огородъ. Все это они наслѣдовали отъ своего отца, который точно также работалъ на заводѣ. Жили они, по ихъ словамъ, зажиточно, сытно и не стѣснялись въ средствахъ, какъ впрочемъ и остальные рабочіе-домовладѣльцы этой улицы. Съ какимъ восторгомъ они вспоминали доброе старое время, когда могли ни въ чемъ себѣ не отказывать. Разсказывали о своемъ путешествіи на выставки въ Екатеринославъ и Кіевъ, о той дешевизнѣ, которая тогда была. По ихъ словамъ, въ то время они, какъ и большая часть рабочихъ, принадлежали къ соціалъ-демократической партіи, отъ идей которой у нихъ теперь не осталось и слѣда, и они сами пребываніе въ этой партіи въ настоящее время называли утопіей. Разсказывали про 1905 годъ, про движеніе, которое было между рабочими въ г. Александровскѣ и которое выразилось въ открытомъ возстаніи, про ихъ борьбу съ войсками, когда, по ихъ словамъ, на улицахъ Александровска «цѣлые эскадроны взлетали на воздухъ». Всю эту борьбу они теперь вспоминали съ горечью и раскаяніемъ, такъ какъ результатъ этого привелъ ихъ къ большевизму и его послѣдствіямъ, т. е. обнищанію, лишенію свободнаго слова и выраженія мысли и тѣмъ болѣе какого-либо протеста противъ коммунистовъ, которые плотно засѣли въ ихъ профессіональный союзъ и заставляютъ ихъ итти тѣмъ путемъ, которымъ они не хотятъ. Вспоминали они очень тепло своего хозяина Бодянскаго, германскаго подданнаго, находящагося въ настоящее время въ Германіи, на заводахъ котораго работало до 20 000 рабочихъ и который, по ихъ словамъ, проявлялъ большую заботу и справедливость къ нимъ, что, однако, въ свое время не мѣшало рабочимъ предъявлять къ нему еще большія требованія, о чемъ они теперь вспоминаютъ съ глубокой ироніей. Вспоминали они, какъ говорилъ имъ Бодянскій: «Эхъ, русскій рабочій, будешь ты ѣсть кислое молоко». «Тогда мы смѣялись надъ этимъ», говорили они, «а теперь у насъ и этого нѣтъ». И дѣйствительно заводъ Бодянскаго лежалъ въ развалинахъ, работы никакой не было, и поэтому мой хозяинъ служилъ секретаремъ въ Уличкомѣ, за что получалъ на себя паекъ, который и одного его не обезпечивалъ, а у него на рукахъ еще была семья. Особенно мнѣ было жалко его жену, которая выбивалась буквально изъ силъ, чтобы какъ-нибудь добыть средства къ существованію. Мужъ не

могъ никуда отлучиться, такъ какъ былъ мобилизованъ на совѣтскую службу, поэтому жена, продавъ какія-нибудь вещи домашняго обихода на базарѣ, покупала на эти деньги тамъ же гвозди, куски желѣза, оконное стекло и т. п. — предметы необходимые крестьянину, и съ ними отправлялась за 30 верстъ въ деревню, чтобы тамъ обмѣнять эти вещи на сало и масло и вернувшись съ ними, продать ихъ въ городѣ на базарѣ, чтобы опять въ свою очередь купить тѣ же самые предметы для обмѣна вновь въ деревнѣ, а на полученную прибыль купить въ городѣ для себя хлѣба, ибо хотя хлѣбъ можно было бы купить и дешевле въ деревнѣ, но оттуда ей его было не донести.

Все это она продѣлывала, буквально безъ передышки по весенней распутицѣ, переходя по льду черезъ Днѣпръ. Помню, мы всѣ провели очень тревожную ночь изъ-за нея. Днѣпръ уже, къ югу отъ Александровска, тронулся, съ минуты на минуту ждали сдвига льда и у Александровска. Около Хортицы образовались уже большія полыньи, а наша хозяйка была на той сторонѣ и къ вечеру ждали ея возвращенія. Маленькій грудной ребенокъ, котораго она оставляла на попеченіе старшей 9-тилѣтней дочери, въ помощь которой была ея семилѣтняя сестра, соскучившись по матери, оралъ немилосердно. Хозяинъ, вернувшись вечеромъ и не заставъ жены, нѣсколько разъ бѣгалъ къ переправѣ на Днѣпръ, но жены не встрѣчалъ. Наконецъ, ночью ледъ тронулся и пошелъ густой массой и только на другой день къ вечеру она пришла домой вся измученная, промокшая и голодная. Оказалось, что на противоположномъ берегу, въ виду плохого состоянія льда, ее не пустили по льду черезъ Днѣпръ перевозчики, и только къ вечеру, когда поплыли уже отдѣльныя льдины, перевозчики, тронутые ея мольбой, перевезли ее на лодкѣ къ нашему берегу, рискуя каждую минуту перевернуться при встрѣчѣ со льдиной. На другой день она съ принесеннымъ добромъ отправилась на базаръ, но къ несчастью наткнулась тамъ на агентовъ Чека, которые отобрали у нея весь ея товаръ, какъ у спекулянтки.

Надо было видѣть слезы и горе всей семьи, когда эта несчастная вернулась домой. Сколько проклятій она сыпала на голову большевиковъ, вспоминая какая она была «дура», когда въ 16-мъ году ругала Императора Николая за то, что ея мужа мобилизовали и отправили на фронтъ.

«Теперь — говорила она, — я записала имя его въ поминаніе и каждый разъ, когда бываю въ церкви у обѣдни, то подаю за упокой его души. Тогда я не понимала, что дѣлала и что говорила, такъ какъ осталась одинока съ двумя маленькими дѣтьми безъ копейки денегъ, ибо мужу пришлось отдать послѣдніе три рубля. Между тѣмъ на другой день — продолжала она, — я отправились къ своимъ знакомымъ господамъ, которые дали мнѣ работу по стиркѣ бѣлья, рекомендовали меня и другимъ. Всѣ они вмѣстѣ, узнавъ о моемъ бѣдственномъ положеніи, присылали дѣтямъ молоко, булки, масло. Кромѣ того, я получала отъ воинскаго начальника солдатское пособіе; работу мнѣ давали, и я настолько оправилась, что черезъ полтора мѣсяца послала мужу 10 рублей. Теперь же, когда явились проклятые большевики со своей свободой, то мы сидимъ голодные и холодные, работы нѣтъ никакой, а если на митингѣ рабочихъ мужья наши начнутъ говорить объ этомъ, то ихъ арестовываютъ и отправляютъ въ концентраціонный лагерь».

Помню еще — разыгралась и такая сцена. Въ Александровскъ пришелъ конный артиллерійскій дивизіонъ, штабъ котораго расположился недалеко отъ насъ на Московской улицѣ. Входитъ въ комнату ко мнѣ хозяйка и заявляетъ, что такъ какъ по домамъ ходятъ красноармейцы и отбираютъ мебель, то она ставитъ ко мнѣ въ комнату, кромѣ имѣющихся въ ней двухъ стульевъ, еще четыре изъ своей комнаты, которые она и проситъ красноармейцамъ не отдавать, такъ какъ я могу сказать, что комната эта отведена мнѣ, какъ должностному лицу, и стулья мнѣ нужны самому. Я, конечно, на это охотно согласился, выразивъ однако сомнѣніе въ успѣшности защиты этихъ стульевъ отъ грабежа.

Хозяинъ въ это время былъ на службѣ въ Уличкомѣ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени явились ко мнѣ три коммуниста, заявившіе, что они члены культпросвѣта, и спросили, кто я такой. Я предъявилъ свое удостовѣреніе помощника инспекціи 4-й арміи. Они мнѣ заявили, что берутъ отъ меня четыре стула и столъ, такъ какъ имъ необходима мебель для красноармейскаго клуба. На это я имъ отвѣтилъ, что мебель мнѣ необходима самому и что я ее не дамъ. Красноармейцы сказали, что съ меня довольно и двухъ стульевъ и что четыре остальные они возьмутъ. На это я имъ сказалъ, что стыдно отбирать послѣднюю мебель у рабочихъ и посовѣтовалъ взять нужную мебель у «буржуевъ». «Буржуи всѣ уже обобраны», отвѣчали они мнѣ. Въ это время хозяйка не выдержала и, истерически закричавъ на коммунистовъ: «А, такъ вы ограбили всѣхъ буржуевъ и принимаетесь грабить теперь насъ, рабочихъ», легла поперекъ порога, говоря, что она никого изъ комнаты не выпуститъ, иначе какъ черезъ себя. Дѣти, увидѣвъ эту сцену, разревѣлись. Я тогда обратился съ просьбой притти за мебелью нѣсколько позже, когда придетъ домой хозяинъ со службы, и ее теперь не брать насильно. Судя по ихъ голосу, они, вѣроятно, были смущены такимъ рѣшительнымъ отпоромъ моей хозяйки, — къ сожалѣнію, я не могъ видѣть выраженія ихъ лицъ, — и они сказали, что зайдутъ послѣ. Черезъ нѣсколько времени пришелъ хозяинъ, который, услыхавъ отъ насъ о происшедшемъ, снесъ злополучные четыре стула въ канцелярію Уличкома, гдѣ по его словамъ не было тоже мебели и, встрѣтивъ на другой день на улицѣ коммунистовъ культпросвѣта, заявилъ имъ, что стульевъ у него на квартирѣ болѣе нѣтъ, такъ какъ они пошли на меблировку Уличкома. Такимъ образомъ, онъ спасъ свою мебель отъ разграбленія.

Какъ я уже писалъ раньше, рабочіе говорили, что въ настоящее время въ г. Александровскѣ 4 000 рабочихъ. Всѣ они были зарегистрированы въ профсоюзѣ и мобилизованы на государственную промышленность, а слѣдовательно вполнѣ зависѣли отъ совѣтской власти, которая въ любой моментъ могла перебросить ихъ съ одного предпріятія на другое, не стѣсняясь съ осѣдлостью даннаго лица и не справляясь о его желаніи. Такъ, уже были примѣры отправки рабочихъ партій на Уралъ, при чемъ сопротивлявшихся этому объявляли контръ-революціонерами и отправляли въ концентраціонный лагерь, который находился на окраинѣ города по дорогѣ на Кичкасъ и въ которомъ въ то время число заключенныхъ достигало до 1 200 человѣкъ. Все это были преимущественно рабочіе, такъ какъ принадлежащихъ къ другимъ классамъ населенія просто разстрѣливали въ мѣстной Чека.

Рабочіе обслуживали, главнымъ образомъ, бывшую автомобильную мастерскую южнаго фронта Германской войны, кое-какъ влачившую свое существованіе. Сюда сыпались, какъ изъ рога изобилія заказы на починку автомобилей большевицкой арміи и сборку изъ нѣсколькихъ испорченныхъ автомобилей одного цѣлаго; поступали заказы отъ мѣстнаго земотдѣла на плуги, бороны, косилки и вѣялки и т. п. сельско-хозяйственныя машины, которыми предполагалось снабжать весною Совхозы. Какъ курьезъ, можно указать, что изъ центра, т. е. Москвы, приказывалось дѣлать даже тракторы, при чемъ всѣ эти заказы сопровождались громадной шумихой о томъ, какъ идетъ по пути прогресса и возстановленія народнаго хозяйства рабоче-крестьянская власть, о чемъ коммунисты кричали на митингахъ, въ мастерскихъ и заводахъ. Но дѣло дальше этихъ заказовъ и не шло, такъ какъ не было матеріала, инструмента и угля. «Все это такъ намъ надоѣло. Вѣдь всѣ мы прекрасно знаемъ, что мастерскія не въ силахъ выполнить эти заказы и что все это ложь», говорили рабочіе. «Мы только у Бога дни крадемъ», говорилъ другой рабочій. «На заводѣ или въ мастерской никто ничего не дѣлаетъ: или слоняется безъ дѣла, или же дѣлаетъ для себя зажигалки, гвозди, топоры, для того, чтобы обмѣнять въ деревнѣ на хлѣбъ и сало».

Другая часть рабочихъ занималась тѣмъ же дѣломъ на уцѣлѣвшихъ кое-какъ двухъ мелкихъ заводахъ и желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Рабочимъ выдавался паекъ примѣнительно къ красноармейскому только на себя, но крайне неисправно, при чемъ задолженность того или другого вида довольствія доходила до двухъ-трехъ мѣсяцевъ. Квалифицированные рабочіе въ то время жалованье получали отъ 4 000 до 9 000 въ мѣсяцъ.

Въ серединѣ марта на ст. Александровскъ прибыло шесть эшелоновъ съ матросами, вывезенными экстренно изъ Петрограда по случаю Кронштадскаго возстанія, слухи о которомъ дошли и до Александровска. Эшелоны эти совѣтской властью предназначались въ Севастополь, но она не рѣшалась ввезти этотъ ненадежный элементъ туда, такъ какъ агенты Чека раскрывали или провоцировали тамъ одинъ за другимъ контръ-революціонные заговоры. Эшелоны стояли около недѣли въ Александровскѣ, матросы съ нихъ бродили по городу, рѣзко и громко высказывая осужденіе совѣтской власти, проникали въ оппозиціонно настроенную массу рабочихъ, въ результатѣ чего на заводскихъ митингахъ все болѣе и болѣе рѣзко говорили противъ совѣтской власти. Мѣстная Чека насторожилась, и начались массовые аресты между рабочимъ населеніемъ, а эшелоны съ матросами отправили въ Мелитополь. Тамъ повторилась та же самая исторія. Тогда эти эшелоны вновь появились въ Александровскѣ, слѣдуя на ст. Лозовую, откуда они уже въ 10-хъ числахъ апрѣля по ликвидаціи Кронштадскаго возстанія были отправлены въ Севастополь.

Въ числѣ арестованныхъ рабочихъ были два ихъ лидера, соціалъ-демократы, къ сожалѣнію фамилій я ихъ не помню. Мѣстная Чека въ слѣдующую-же ночь послѣ ареста ихъ разстрѣляла. Это сильно взволновало рабочую массу, и она пригрозила совѣтской власти общей забастовкой. Власть испугалась этого тѣмъ болѣе, что разстрѣлъ произошелъ безъ вѣдома центра, и ей пришлось уступить. Рабочіе потребовали производства слѣдствія особой комиссіей, какъ о самомъ фактѣ разстрѣла безъ суда, такъ и о степени виновности арестованныхъ лицъ. Власти пришлось на это согласиться, но, къ сожалѣнію, я не знаю, чѣмъ кончилось это дѣло, такъ какъ я въ это время выѣхалъ въ Симферополь. Судя по разсказамъ тѣхъ рабочихъ, которые собирались по вечерамъ у насъ, они не склонны были къ уступкамъ, да и время то было такое, что они надѣялись на свою побѣду, такъ какъ Кронштадтское возстаніе было въ полномъ разгарѣ и между рабочими ходили самые фантастическіе слухи, которые они принимали съ дѣтской вѣрой, какъ напримѣръ, о возстаніи въ Москвѣ, Орлѣ и Тулѣ. Конечно, это все оказалось пуфомъ и надежды рабочихъ рухнули.

Между прочимъ, на собраніяхъ у насъ на квартирѣ я много наслышался отъ рабочихъ похвалъ Врангелю. Лѣтомъ 1920 года Александровскъ былъ занятъ бѣлыми, и рабочіе теперь съ восторгомъ вспоминали это время. Они говорили, что они за это время отдохнули отъ тираніи большевиковъ и даже, къ моему удивленію, съ большимъ удовольствіемъ разсказывали о тѣхъ приставахъ и околоточныхъ, которые вновь появились въ Александровскѣ при бѣлыхъ. Говорили о той свободѣ, которая въ то время существовала въ Александровскѣ, объ отсутствіи безпричинныхъ арестовъ и объ общемъ довольствѣ всѣхъ гражданъ бѣлой властью. Особенно восторженно они отзывались о генералѣ Врангелѣ, который, по ихъ словамъ, являлся ихъ избавителемъ отъ коммунистовъ, и высказывали недовольство Польшею, которая, заключивъ миръ съ большевиками, по ихъ словамъ, подвела генерала Врангеля, допустивъ этимъ большевиковъ обрушиться всѣми силами на него.

Я особенно обращаю вниманіе читателя на эти строки, такъ какъ только что прочелъ книгу Григорія Раковскаго «Конецъ бѣлыхъ», гдѣ онъ такъ опредѣленно говоритъ объ общемъ недовольствѣ всего населенія, а главнымъ образомъ рабочихъ и крестьянъ, какъ генераломъ Врангелемъ, такъ и его режимомъ, тогда какъ я слышалъ совершенно обратное, какъ отъ тѣхъ, такъ и отъ другихъ, и не только въ Александровскѣ, но и въ Крыму. Можетъ быть такіе отзывы

были результатомъ большевистскаго произвола, котораго они не ожидали, но во всякомъ случаѣ должны были быть какіе-то особые побудительныя причины, заставлявшія рабочую массу вспоминать съ умиленіемъ не только генерала Врангеля, но даже приставовъ и околоточныхъ. И вотъ теперь я не знаю, кому-же вѣрить — г-ну Раковскому или-же тому, что я самъ видѣлъ и слышалъ отъ тѣхъ, кто перенесъ режимъ бѣлыхъ и не мирился съ режимомъ красныхъ?

Городъ Александровскъ имѣлъ очень печальный видъ. Все было расхищено, разграблено, вездѣ была грязь. Когда-то красивые стильные дома пустынно смотрѣли своими окнами безъ рамъ; дверей не было, полы разобраны, потолки провалились: все пошло на топливо помѣщеній, занимаемыхъ красноармейцами. За чертой города валялись трупы лошадей, заражая воздухъ зловоніемъ съ наступленіемъ тепла. Городской водопроводъ за отсутствіемъ топлива прекратилъ свою работу, и жители принуждены были съ ведрами ходить за водой на Днѣпръ, что для многихъ было очень тяжело, такъ какъ приходилось дѣлать для этого нѣсколько верстъ. Вода въ Днѣпрѣ была мутная, грязная, такъ какъ только что кончился ледоходъ, да и кромѣ того по Днѣпру нерѣдко плыли трупы людей и лошадей, погибшихъ въ осеннихъ бояхъ между бѣлыми и красными выше по теченію Днѣпра. Все это обѣщало вспышку новой эпидеміи тифа всѣхъ трехъ видовъ, которая подъ вліяніемъ весенняго солнца начинала было затихать. Правда, власть принимала мѣры къ очисткѣ улицъ и дворовъ отъ нечистотъ, накопившихся за зиму, и къ вывозкѣ ихъ за черту города, но мѣры эти еще болѣе озлобляли населеніе. Дѣлалось это обыкновенно такъ: несмотря на то, что частная торговля была запрещена, тѣмъ не менѣе на мѣсто бывшаго городского базара пріѣзжали окрестные крестьяне съ кое-какими продуктами, для того, чтобы, продавъ ихъ голодающему населенію, на вырученныя деньги купить вещи, необходимыя въ крестьянскомъ обиходѣ. Нечего и говорить, что и населеніе города тянулось на базаръ, неся что-либо изъ дома для обмѣна на продукты. Такимъ образомъ городскіе базары не пустовали, а таковыхъ въ городѣ было три. Милиція и комендантъ города по взаимному соглашенію наряжали роту красноармейцевъ, руководимыхъ агентами мѣстной Чека, внезапно оцѣпляли одинъ изъ базаровъ и объявляли всѣхъ находившихся на немъ «спекулянтами», послѣ чего продукты отбирались, якобы въ отдѣлъ распредѣленія общественнаго питанія, а на самомъ дѣлѣ просто везлись въ мѣстную Чека для распредѣленія между коммунистами, а крестьяне съ подводами и городское населеніе, бывшее на базарѣ, подъ густымъ конвоемъ сгонялось на какую-либо улицу собирать и вывозить навозъ за городъ. На слѣдующій день повторялась та же самая исторія уже на другомъ базарѣ. Продуктивность работъ по очисткѣ улицъ отъ этого получалась очень небольшая, такъ какъ масса времени уходило на оцѣпленіе базара, отбираніе продуктовъ и перерекапія съ публикой, и къ самой работѣ по очисткѣ улицы приступали далеко за полдень, при чемъ у рабочихъ не было ни метелъ, ни лопатъ. Все это вызывало громкое недовольство населенія и большое удовольствіе коммунистовъ, такъ какъ они получали безплатно «реквизированные у спекулянтовъ» продукты. Но никто ничего не могъ сказать или сдѣлать, такъ какъ наиболѣе рьяныхъ протестантовъ отправляли въ концентраціонный лагерь по дорогѣ Павло-Кичкасъ, какъ контръ-революціонеровъ. Думаю, что это уже одно заставляло населеніе города вспоминать Врангелевскихъ городовыхъ и околоточныхъ съ большой любовью.

Какъ я упоминалъ выше, въ Александровскѣ стоялъ штабъ бригады 42-ой дивизіи. Въ десятыхъ числахъ марта командиръ бригады получилъ приказъ по арміи, которымъ 42-ая дивизія переформировывалась въ бригаду, въ виду малочисленности людей, полки въ батальоны и, слѣдовательно, командиръ бригады переходилъ уже на должность командира полка. Все это, конечно, очень не нравилось старшему командному составу. Для переформированія бригадѣ было

приказано итти къ штабу дивизіи въ с. Жеребецъ. Она выступила, но по дорогѣ получила приказаніе слѣдовать походнымъ порядкомъ въ Крымъ, куда двинулись и другія бригады. Мѣсто назначенія было г. Керчь, откуда вся дивизія, переформированная въ бригаду, должна была быть переброшена на Кубань для слѣдованія во Владикавказъ. Этой бригадѣ не повезло: подходя къ Мелитополю, она была окружена бандами Махно, которымъ не могла оказать серьезнаго сопротивленія по малочисленности штыковъ въ полкахъ, при чемъ погибло много команднаго состава и коммунистовъ, которые были изрублены бандитами; красноармейцевъ же, по обыкновенію, раздѣли и отпустили на всѣ четыре стороны. Изъ команднаго состава лишь немногимъ удалось выскочить, въ томъ числѣ и полковому адъютанту одного изъ полковъ, котораго я впослѣдствіи встрѣтилъ въ г. Гомелѣ и отъ котораго я и слышалъ вышеописанное.

Съ уходомъ этой бригады изъ Александровска вопросъ о довольствіи моемъ и моего вѣстового Тишкова повисъ въ воздухѣ. Пайка получать было неоткуда, денегъ-же у меня не было. Въ это время въ освободившемся помѣщеніи штаба бригады помѣстился штабъ артиллерійскаго дивизіона. Тишковъ повелъ меня туда, и я попросилъ завхоза дивизіона принять насъ на довольствіе, тѣмъ болѣе, что у насъ были аттестаты. Завхозомъ оказался офицеръ старой арміи, который очень любезно исполнилъ мою просьбу. Но паекъ оказался еще хуже, чѣмъ въ бригадѣ.

Въ 20-хъ числахъ марта у меня понемногу стало возвращаться зрѣніе, прекратились рѣжущія боли глазъ, но все-таки я видѣлъ очень плохо, и Тишковъ все еще водилъ меня подъ руку. Тѣмъ не менѣе я торопился съ отъѣздомъ въ Симферополь, откуда я не получалъ никакихъ свѣдѣній, что меня нѣсколько безпокоило. Ходили слухи о расформированіи арміи и надо было куда-нибудь устраиваться. Между тѣмъ докторъ не отпускалъ меня, такъ какъ боялся рецидива; я же задумывался надъ тѣмъ, какъ попасть въ вагонъ и сколько времени мы будемъ тянуться до мѣста. Наконецъ, 31-го марта я получилъ согласіе доктора на поѣздку въ Симферополь, при чемъ докторъ снабдилъ меня на дорогу лѣкарствами, и я, поблагодаривъ его за доброе ко мнѣ отношеніе и распростившись съ моими милыми хозяевами, отправился съ Тишковымъ на вокзалъ. Здѣсь по обыкновенію не отъ кого было узнать, когда и гдѣ отходитъ поѣздъ на югъ. Долго меня водилъ Тишковъ по рельсовымъ путямъ, наконецъ, мы случайно попали, очень далеко отъ станціи, на поѣздъ, который готовился къ отходу. Но надо было еще попасть въ вагонъ, между тѣмъ они были всѣ переполнены и насъ ни въ одинъ не пускали. Особенно наглы были въ этомъ отношеніи матросы, которые, занявъ въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ вагонъ, никого туда не пускали, не слушая никакихъ просьбъ. Наконецъ, мы набрели на вагонъ, въ которомъ ѣхали инвалиды. Должно быть, видя во мнѣ товарища по несчастью, старшій вагона разрѣшилъ мнѣ взобраться въ него, но не соглашался впустить моего вѣстового Тишкова. Пришлось доказывать, что мы съ нимъ неразлучная пара, такъ какъ я ѣхать безъ него не могу. Пока шли переговоры, поѣздъ тронулся и Тишковъ уже на ходу вскочилъ въ вагонъ и, такимъ образомъ, пріобрѣлъ себѣ право на мѣсто. Вагонъ, какъ и всѣ въ этомъ поѣздѣ, былъ товарный, безъ наръ, поэтому пришлось размѣститься на полу. Поѣздъ на этотъ разъ шелъ довольно хорошо, и мы въ три часа ночи на 2-ое апрѣля были уже въ Симферополѣ.

По дорогѣ въ вагонѣ пришлось много наслушаться сѣтованій на большевиковъ; и на этотъ разъ главными застрѣльщиками выступали матросы, сѣвшіе въ вагонъ въ Мелитополѣ. Съ нами въ вагонѣ ѣхали два коммуниста, отвѣтственные работники изъ Иркутска; оба они были въ послѣднемъ градусѣ чахотки. Ѣхали они въ санаторію, въ Ялту, нынѣ переименованную въ Красноармейскъ. Вообще на южный берегъ Крыма въ это время была сильная тяга коммунистовъ, которые слыхали, что когда-то туда ѣздили буржуи. Теперь

для новой совѣтской буржуазіи была открыта масса санаторій въ націонализированныхъ дачахъ прежнихъ богачей, куда широкимъ потокомъ и стремились полѣчиться и отдохнуть вѣрноподданые слуги совѣтскаго режима. Между ними были дѣйствительно больные, но въ большинствѣ были чекисты, которые хотѣли отдохнуть отъ своихъ трудовъ по сыску и разстрѣлу, и главнымъ образомъ, имъ хотѣлось отвѣдать той жизни, которой пользовался прежде зажиточный классъ населенія Россіи. Конечно, тѣхъ удобствъ и комфорта, которые были раньше въ санаторіяхъ, въ настоящее время ожидать было нельзя, такъ какъ всѣ эти дачи и санаторіи были разграблены, да и питаніе въ нихъ было неважное по причинѣ начинавшагося уже отсутствія продовольствія въ Крыму, тѣмъ не менѣе наплывъ былъ туда очень большой. Кстати надо замѣтить, что недѣли черезъ двѣ, послѣ моего пріѣзда въ Симферополь, я встрѣтилъ одного изъ этихъ коммунистовъ на улицѣ этого города, который шелъ изъ главнаго Санитарнаго Управленія Крыма. На мой вопросъ, почему-же онъ не въ Ялтѣ, онъ мнѣ отвѣтилъ, что уже былъ тамъ, но возвращается назадъ и заходилъ въ Санитарное Управленіе, чтобы выправить себѣ обратный проѣздъ домой, такъ какъ въ санаторіяхъ нечего ѣсть и, кромѣ того, отсутствуютъ самыя примитивныя удобства. «Тамъ скорѣй умрешь, чѣмъ дома», закончилъ онъ свою рѣчь.

Такъ вотъ по дорогѣ, въ нашемъ вагонѣ эти два коммуниста начали расхваливать прелести совѣтскаго строя и говорить о томъ, какъ гладко идетъ жизнь въ Сибири при большевикахъ послѣ Колчака, но матросы тотчасъ-же вступили съ ними въ споръ и настолько энергично и настойчиво стали имъ доказывать обратное, что коммунистамъ пришлось замолчать. Меня крайне удивило это новое настроеніе у матросовъ, тѣмъ болѣе, что, когда, всего три мѣсяца тому назадъ, я ѣхалъ въ командировку въ городъ Александровскъ, то въ вагонѣ были тоже матросы, которые вели между собой разговоры, дѣлились воспоминаніями и съ какой-то особенной радостью разсказывали другъ другу, какъ они разрывали на части, за руки и ноги, попавшихъ въ плѣнъ Врангелевскихъ офицеровъ, а также о тѣхъ грабежахъ и насиліяхъ, которые производили они у буржуевъ въ занятой области послѣ ухода бѣлыхъ.

Со мной сидѣлъ рядомъ молодой матросъ. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, заданныхъ мнѣ по поводу настоящаго положенія, и получивъ отъ меня сочувственные отвѣты, а именно подтвержденіе его мнѣнія, что эти коммунисты лгутъ, онъ мнѣ разсказалъ, что онъ и другіе матросы Балтійскаго флота во время Кронштадтскаго возстанія были вывезены вмѣстѣ съ другими изъ Петрограда въ Севастополь, такъ какъ большевики опасались, что они поддержатъ кронштадтцевъ. Онъ мнѣ говорилъ, что всѣ они сочувствуютъ кронштадтцамъ, держатъ ихъ сторону и что совѣтская власть, зная мятежный духъ матросовъ, въ настоящее время увольняетъ старшіе возрасты въ безсрочный отпускъ, оставляя на службѣ лишь послѣдніе два призывные года, что дѣйствительно и было на самомъ дѣлѣ. Это, конечно, сильно подрывало сплоченность матросовъ и развязывало руки большевикамъ, но тѣмъ не менѣе матросъ этотъ меня увѣрялъ, что духъ сопротивленія коммунистамъ у нихъ не погашенъ и что они намѣрены съ ними упорно бороться, на платформѣ безпартійныхъ совѣтовъ, и что онъ является однимъ изъ секретныхъ агентовъ комитета борьбы противъ большевиковъ и теперь ѣздитъ по Крыму для освѣдомленія о настроеніи Крымскихъ частей и агитаціи, а по окончаніи своей поѣздки долженъ вернуться въ Петроградъ для доклада центральному комитету о результатахъ. Предлагалъ мнѣ дать еще большее освѣдомленіе по этому дѣлу впослѣдствіи, для чего хотѣлъ зайти ко мнѣ на квартиру въ Симферополѣ и спросилъ мой адресъ, но я адреса своего не далъ, сказавъ, что самъ ѣду въ Симферополь первый разъ и не знаю, гдѣ буду жить, потому что, сказать по правдѣ, несмотря на то, что по наружному виду онъ былъ крайне искрененъ, равно какъ и его товарищи, въ спорѣ съ коммунистами, я, тѣмъ не менѣе, боялся, не секретный-ли

онъ агентъ-провокаторъ Чека. Тѣмъ не менѣе въ Симферополѣ мы разстались очень дружественно, я вышелъ изъ вагона, а матросы поѣхали дальше въ Севастополь.

XII.

Было три часа ночи. Мнѣ было извѣстно, что въ Симферополѣ осадное положеніе и ходить по городу послѣ 9-ти часовъ вечера нельзя до 6-ти часовъ утра. Шелъ дождь, ожидать разсвѣта на перронѣ не хотѣлось, залы вокзала были такъ сильно набиты спавшими вповалку на полу красноармейцами, что тамъ не только сидѣть, но стоять было негдѣ, да кромѣ того былъ опять сильный рискъ заразиться вшами, и я поэтому рѣшилъ пойти въ Управленіе коменданта станціи узнать пропускъ. Тамъ, когда я предъявилъ свое удостовѣреніе, мнѣ его сказали, и мы отправились на ту квартиру, изъ которой я уѣхалъ въ командировку. По дорогѣ на улицѣ мы были остановлены на большомъ разстояніи тремя красноармейцами, которые, взявъ на-изготовку, довольно испуганнымъ голосомъ закричали: «Стой, что пропускъ?» Видно, что повстанцы (бандиты) работали и здѣсь, иначе бы у дозора не было такого испуганнаго вида. Я, сообразивъ все это, отвѣтилъ имъ, что пропускъ слово секретное и кричать на всю улицу я его не могу, а что пусть старшій подойдетъ ко мнѣ, и я скажу ему пропускъ. Послѣ нѣкотораго колебанія одинъ изъ нихъ отдѣлился и нерѣшительными шагами подошелъ къ намъ, а остальные продолжали держать винтовки на-изготовкѣ. Когда я сказалъ пропускъ, то онъ крикнулъ своимъ товарищамъ, они опустили винтовки и подошли къ намъ. Началась дружеская бесѣда. Красноармейцы стали спрашивать насъ, кто мы такіе, откуда пріѣхали, каковъ тамъ паекъ, выдаютъ-ли обмундированіе и не слыхать-ли тамъ, скоро ли отпустятъ красноармейцевъ въ безсрочный отпускъ. Жаловались на плохой кормъ здѣсь, на большіе наряды, на караульную службу, на невыдачу обмундированія и на опасность ходить въ дозоры по ночамъ. Бесѣдуя такимъ образомъ, мы дошли до дома, гдѣ я жилъ.

Здѣсь я засталъ всѣхъ дома, но жилось уже много хуже. На другой день утромъ я отправился въ Управленіе Инспекціи явиться по начальству. Встрѣтили меня довольно равнодушно и, если бы я пропалъ безъ вѣсти, то едва-ли кто-либо сталъ меня разыскивать. Отчетъ о результатѣ инспектированія 42 дивизіи уже не понадобился, такъ какъ она вышла изъ состава 4-ой арміи въ Кавказскую, да кромѣ того я и не могъ его составить, такъ какъ плохо еще видѣлъ, черновыя же замѣтки по инспектированію я бросилъ въ печку.

Въ это время былъ полученъ приказъ изъ центра о расформированіи 4-ой арміи къ 1-му мая. Командующій арміей генеральнаго штаба Лазаревичъ получилъ назначеніе командующимъ Туркестанскимъ фронтомъ, куда и уѣхалъ. За него командовалъ арміей бывшій генеральнаго штаба подполковникъ Бѣлый, на котораго было возложено расформированіе арміи. Согласно плану расформированія, 3-я дивизія оставалась въ Крыму и должна была изъ г. Ѳеодосіи перейти въ Симферополь, 46-ая — занимать Севастополь и Евпаторію, а 30-ая дивизія — раіонъ Мелитополя. Вмѣсто штаба 4-ой арміи создавался штабъ Укрѣпленнаго Крымскаго Раіона, которому подчинялись названныя дивизіи. Кромѣ того, въ Крымъ были передвинуты части 3-го коннаго корпуса, которыя, впрочемъ, были вскорѣ вызваны въ Екатеринославъ, гдѣ и сосредоточились для борьбы съ бандами Махно. Конечно, въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ городѣ Крыма уже находились командные красные курсы, а изъ Москвы были переведены въ Симферополь красные кавалерійскіе курсанты, которые заняли казармы бывшаго Крымскаго Коннаго полка. Расположены также были вездѣ и отдѣльные батальоны В. Ч. К. Всѣ эти войска были поставлены въ лучшія зданія города, какъ-то въ Епархіальномъ училищѣ, Ду-

ховной симинаріи и въ зданіяхъ гимназій и реальныхъ училищъ. Казармы бывшаго 51-го Литовскаго пѣхотнаго полка были обращены въ тюрьму-лагерь, такъ какъ прежняя губернская тюрьма не могла вмѣстить всѣхъ арестованныхъ, несмотря на усиленные разстрѣлы.

Часть служащихъ штаба 4-ой арміи поступила на укомплектованіе штаба Укрѣпленнаго раіона, остальные, которыхъ было больше, зачислялись въ резервъ штаба войскъ Украйны и должны были отправиться въ Харьковъ. Туда же должны были слѣдовать чины инспекціи пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи, каждая входя въ резервъ инспекцій войскъ Украйны. Такимъ образомъ, наша инспекція должна была поступить въ непосредственное вѣдѣніе инспектора войскъ Украйны, бывшаго генералъ-маіора генеральнаго штаба Ольдерогге, который пріѣхалъ въ Крымъ и набиралъ себѣ служащихъ изъ нашей инспекціи, говоря, что у него нѣтъ опытныхъ работниковъ. Мнѣ не хотѣлось ѣхать въ Харьковъ, да кромѣ того, мнѣ необходимо было какъ-нибудь «затеряться», скрыть свой слѣдъ, такъ какъ я зналъ, что большевики выпустили меня изъ тюрьмы и отправили на польскій фронтъ только потому, что имъ нужны были военспецы, теперь же, когда у нихъ идетъ демобилизація арміи, они болѣе во мнѣ не нуждаются и, слѣдовательно, нужно ожидать новыхъ репрессій. Если Архангельская Чека узнаетъ о моемъ мѣстопребываніи, то немедленно потребуетъ моего ареста и отправленія въ ея распоряженіе въ городъ Архангельскъ, чему уже были прецеденты съ бывшими бѣлыми офицерами, несмотря на то, что при выпускѣ насъ на свободу въ 1920 году, въ Москвѣ, агенты большевистской власти гордо намъ говорили о ея великодушіи и о томъ, что, если совѣтская власть предастъ забвенію наше прежнее прошлое и опредѣлитъ насъ къ себѣ на службу, то она никогда не унизится до того, чтобы вновь карать насъ за старые противъ нея грѣхи. Какъ всегда и вездѣ, большевики лгали и въ данномъ случаѣ.

Зрѣніе мое туго поправлялось, хотя я каждый день ходилъ на пріемъ къ врачу спеціалисту. Меня все еще водили подъ руку. Мои сотоварищи по службѣ посовѣтовали мнѣ подать рапортъ о назначеніи меня на комиссію выздоравливающихъ для полученія отпуска по болѣзни, какъ перенесшаго тифъ и его послѣдствія. И дѣйствительно, въ комиссіи мнѣ дали отпускъ по болѣзни на одинъ мѣсяцъ, и я могъ ѣхать въ любой городъ Россіи совершенно безпрепятственно. Это уже много для меня значило: я имѣлъ возможность уѣхать изъ Крыма, не являясь въ инспекцію войскъ Украйны, а по прошествіи мѣсяца, долженъ былъ вновь подвергнуться медицинскому освидѣтельствованію въ комиссіи и могъ получить еще одинъ мѣсяцъ отпуска, какъ не вполнѣ еще оправившійся послѣ болѣзни. Пробывъ такимъ образомъ два мѣсяца въ отпуску по болѣзни, я согласно положенія о военнослужащихъ въ красной арміи, автоматически исключался изъ списковъ по мѣсту моей прежней службы и передавался въ вѣдѣніе мѣстнаго уѣзднаго военнаго комиссара, откуда назначался на пополненіе какой-либо воинской части. Въ старой арміи такое положеніе существовало только для нижнихъ чиновъ, въ красной-же арміи оно распространялось на всѣхъ военнослужащихъ. Конечно, это положеніе меня очень устраивало, ибо, будучи зачисленъ въ резервъ мѣстнаго военнаго комиссаріата, я заметалъ свой слѣдъ, такъ какъ я былъ увѣренъ, что, при существующемъ хаосѣ въ красной арміи, штабу войскъ Украйны не будетъ извѣстно о моемъ увольненіи въ отпускъ. Этотъ планъ мнѣ понравился, и я рѣшилъ ѣхать въ какой-нибудь городъ западнаго края, ближе къ польской границѣ, чтобы при удобномъ случаѣ перейти ее впослѣдствіи. Такимъ городомъ могъ быть Гомель, гдѣ я былъ въ прошломъ 1920-мъ году и путь изъ котораго за границу до Пинска мнѣ былъ извѣстенъ. Я окончательно остановился на этой мысли и сталъ собираться въ путь-дорогу. Путешествіе это представляло большія затрудненія, въ виду моего слабаго зрѣнія и трудности попасть на поѣздъ, хотя у меня и былъ сопровождающій красноармеецъ Тишковъ, котораго я рѣ-

шилъ не отправлять обратно въ дивизію, мѣстонахожденіе которой въ настоящее время не было извѣстно, да кромѣ того онъ и самъ былъ родомъ изъ Могилевской губерніи и не прочь былъ побывать дома.

Врачъ-окулистъ, у котораго я лѣчился, меня задерживалъ, чтобы настолько подлѣчить глаза, чтобы они у меня не разболѣлись дорогою. Тѣмъ не менѣе, съ отъѣздомъ надо было спѣшить: штабъ спѣшно расформировывался, наша инспекція собиралась переѣзжать въ Харьковъ, и я могъ повиснуть въ воздухѣ. Кромѣ того, въ Симферополѣ и жить уже какъ-то было жутко: вездѣ шли разговоры объ арестахъ и разстрѣлахъ, цѣны на продукты вздулись уже неимовѣрно, а жалованія я получалъ всего восемь тысячъ въ мѣсяцъ.

Вскорѣ я случайно встрѣтилъ знакомаго бывшаго офицера, служившаго преподавателемъ на красныхъ кавалерійскихъ курсахъ, которые были переведены въ январѣ мѣсяцѣ изъ Москвы въ Симферополь. Онъ разсказывалъ, что они ѣхали эшелономъ до Крыма 49 дней. Не было топлива для паровозовъ, и имъ приходилось сидѣть на станціяхъ по цѣлымъ недѣлямъ. Сначала отъ Москвы движеніе ихъ шло довольно сносно, такъ какъ при выѣздѣ имъ былъ отпущенъ авансомъ провіантъ и фуражъ. Въ провіантъ входили замороженныя бараньи туши. И вотъ на тѣхъ станціяхъ, гдѣ приходилось стоять за недостаткомъ паровоза, стоило лишь дать по бараньей тушѣ коменданту станціи и начальнику ОРТЧК и паровозъ тотчасъ прицѣплялся, но гдѣ-то, не то въ Курскѣ, не то въ Харьковѣ, ихъ эшелонъ нагналъ комиссаръ курсовъ и запретилъ это дѣлать, въ результатѣ чего пошли безконечныя стоянки на станціяхъ. Впослѣдствіи комиссаръ этотъ поплатился за свое необдуманное распоряженіе. Въ Александровскѣ эшелону пришлось стоять три недѣли. Въ это время тамъ накопилось до 30 эшелоновъ, слѣдующихъ въ различныхъ направленіяхъ. Съ юга шли эшелоны съ демобилизованными красноармейцами, съ сѣвера перебрасывались новыя красноармейскія части. Былъ конецъ января, стояли сильные холода, топливо совершенно отсутствовало. Эшелоны демобилизованныхъ красноармейцевъ голодали, мерзли и разбрелись по окрестностямъ, занимаясь мародерствомъ. Красные курсы, какъ болѣе дисциплинированная часть, состоящая наполовину изъ коммунистовъ, не могли самостоятельно разбрестись на всѣ четыре стороны, но мерзнуть не хотѣли, и поэтому, въ поискахъ топлива и обратили свое вниманіе на пустующіе вагоны разбѣжавшихся красноармейцевъ и начали ихъ ломать на дрова. Конечно, начальство курсовъ вмѣстѣ съ комиссаромъ ничего подѣлать не могло, такъ какъ былъ одинъ выборъ — или жечь вагоны, или мерзнуть отъ холода, да къ тому-же и слабыя попытки воспретить это не имѣли никакого успѣха. Въ результатѣ красными курсами только въ одномъ Александровскѣ было сожжено триста вагоновъ. Нечего и говорить, что ихъ примѣру послѣдовали и другіе эшелоны, и въ результатѣ рельсовые пути этой станціи были надолго загромождены одними только вагонными телѣжками. Не обошлось, конечно, и безъ трагическихъ сценъ. «Отворятъ, бывало, вагонъ» — разсказывалъ мой знакомый — «а въ немъ валяются трупы замерзшихъ красноармейцевъ; трупы тутъ-же выбросятъ на полотно, а вагонъ быстро разберутъ на топливо». Такая система отопленія эшелона понравилась краснымъ курсантамъ, и они ее примѣнили въ Мелитополѣ и въ Джанкоѣ, а когда мѣстная ОРТЧК попробовала было воспрепятствовать этому и, какъ водится въ Совдепіи, арестовать за попустительство начальство и комиссара, то курсанты выставили противъ нея пулеметы. Нечего и говорить, что окрестныя села и колоніи по пути стоянокъ были начисто обобраны въ порядкѣ «реквизицій». Такимъ образомъ, въ 49 дней доѣхали изъ Москвы въ Симферополь. Вскорѣ послѣ пріѣзда пришло донесеніе о сожженіи вагоновъ, въ результатѣ чего были отданы подъ судъ Ревтрибунала начальникъ школы, комиссаръ и командиры эскадроновъ.

Однако, даже судьи «съ революціонной совѣстью», принимая во вниманіе безвыходность положенія, въ которомъ находились обвиняемые во время путе-

шествія, отнеслись къ нимъ болѣе, чѣмъ снисходительно. Приговоромъ Ревтрибунала они всѣ были присуждены къ пяти годамъ принудительныхъ работъ, но въ виду декрета объ амнистіи въ память 3-ей годовщины октябрьской революціи отъ наказанія освобождены. Такимъ образомъ остались и овцы цѣлы и волки сыты. Совѣтское правосудіе не пострадало, а все начальство красныхъ курсовъ и комиссаръ остались на прежнихъ мѣстахъ.

Мой знакомый сказалъ мнѣ, что онъ ѣдетъ на дняхъ въ Москву въ командировку съ нѣсколькими курсантами и поэтому будетъ имѣть отдѣльный товарный вагонъ прямо до Москвы. Онъ предложилъ довезти меня до Харькова въ своемъ вагонѣ, откуда я могъ свернуть на Ворожбу и Гомель. Конечно, я съ радостью ухватился за это предложеніе и началъ собираться въ дорогу.

20-го апрѣля въ 12 часовъ ночи мы тронулись изъ Симферополя. Поѣздъ былъ неимовѣрно длинный — около 85 вагоновъ. По дорогѣ на станціяхъ онъ буквально осаждался народомъ, который взбирался на крыши вагоновъ, садился на буфера и тормазныя площадки. Въ составѣ поѣзда, кромѣ товарныхъ вагоновъ, было нѣсколько пульмановскихъ, въ которыхъ ѣхала совѣтская аристократія. Конечно, внутрь вагоновъ никто не допускался, при чемъ у дверей вагоновъ стояли съ винтовками часовые, но за то я видѣлъ, какъ люди сидѣли между рессорами этихъ вагоновъ и даже въ ящикѣ, который подвѣшенъ подъ поломъ середины вагона. Крыши вагоновъ, не выдерживая тяжести, проваливались, и это заставляло пассажировъ отъ себя выставлять часовыхъ къ вагонамъ, чтобы не пускать на крышу. То же сдѣлали и мы въ своемъ вагонѣ.

Въ это время въ Крыму и Тавріи скопилось громадное количество мѣшочниковъ. Мѣсяца два до этого центральной властью, въ виду голода, было разрѣшено ѣздить на югъ за хлѣбомъ, при чемъ въ то время платы за проѣздъ по желѣзной дорогѣ не требовалось. И вотъ, благодаря этому, а также и голоду въ центральныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ, на югѣ собралось около полумилліона мѣшочниковъ, которые не могли выѣхать обратно домой. Всѣ немногіе поѣзда, отходившіе съ мѣста отправленія одинъ-два раза въ недѣлю, были уже переполнены съ пункта отправленія, и на слѣдующихъ станціяхъ для новыхъ пассажировъ мѣста, кромѣ какъ на крышѣ, буферахъ и рессорахъ пульмановскихъ вагоновъ, не было. Между скученной на вокзалахъ массой мѣшочниковъ развились эпидеміи тифа. Залы вокзаловъ были полны валяющихся на полу человѣческихъ тѣлъ, по которымъ ходили тучи паразитовъ, передавая тифозную заразу. Кромѣ того, многіе изъ мѣшочниковъ, не попавъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль на поѣздъ, проѣлись, или сами съѣли тѣ запасы, которые думали привезти домой, или же изъ-за нужды продали ихъ тутъ же спекулянтамъ. Наиболѣе энергичные изъ нихъ, пренебрегая всѣми опасностями ѣзды на крышахъ и буферахъ, бросались занимать эти мѣста, но послѣднихъ было очень мало по сравненію съ желающими ихъ захватить, да къ тому-же у каждаго изъ мѣшочниковъ былъ грузъ отъ 10 до 15 пудовъ, который надо было куда-нибудь помѣстить. Пассажиры, слѣдовавшіе такъ сказать на законномъ основаніи, вродѣ насъ, опасались перегруженности поѣзда, а тѣмъ болѣе устройства деревянныхъ площадокъ мѣшочниками на буферахъ вагоновъ, куда они грузили свой грузъ и садились сами, такъ какъ отъ этого могло произойти крушеніе поѣзда или разрывъ между вагонами при подъемахъ, и поэтому протестовали противъ перегрузки поѣзда, помогая агентамъ ОРТЧК на станціяхъ сгонять съ этихъ мѣстъ мѣшочниковъ. Но мольбы, слезы и плачъ, которыми встрѣчали мѣшочники требованія пассажировъ, заставляли послѣднихъ отказаться отъ нихъ, а если въ данномъ случаѣ агенты ОРТЧК и были болѣе настойчивы и безжалостны, то во всякомъ случаѣ и это приносило мало пользы дѣлу. Обыкновенно на станціи агенты ОРТЧК обходили поѣздъ и требовали, чтобы слѣзли съ крышъ и буферовъ, угрожая при этомъ стрѣльбой по ослушникамъ и не разрѣшая отправлять поѣздъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ исполнено ихъ требованіе. Въ концѣ концовъ, послѣ долгаго стоянія

поѣзда на станціи, мѣшочники сходили со своихъ мѣстъ, но когда раздавался свистокъ и поѣздъ трогался, то въ ту же минуту мѣшочники на ходу поѣзда моментально карабкались на свои мѣста. Я поражался той акробатической ловкости и быстротѣ, съ которой взбирались на крышу вагона или буферъ не только мужчины, но и женщины, да не однѣ, а съ грузомъ. Видна была и привычка, и организованность, и помощь другъ другу. Конечно, не обходилось безъ массы несчастныхъ случаевъ. Повсюду были слышны разговоры о раздавленныхъ и замерзшихъ мѣшочникахъ, но на это мало кто обращалъ вниманіе.

Троцкій издалъ приказъ о вывозѣ всѣхъ мѣшочниковъ съ юга къ 1-му мая, для чего должны были быть назначены особые поѣзда, но дальше этого приказа дѣло такъ и не пошло, ибо не было подвижного состава и мѣшочники были предоставлены собственной участи.

Въ Крыму, на ст. Таганашъ находились огромные запасы соли, заготовленные еще въ мирное время. Соль эту, проѣзжающіе пассажиры, пользуясь остановкой, набирали, кто сколько могъ, и грузили съ собою въ вагоны. Каждому было извѣстно, что дальше соли нѣтъ и ее можно обмѣнять на рынкахъ на продукты и очень выгодно. Такъ, напримѣръ, за четыре фунта соли можно было получить фунтъ коровьяго масла. Запаслись солью и мы, и она намъ дѣйствительно впослѣдствіи пригодилась.

Когда проѣхали Мелитополь, въ поѣздѣ стали слышаться разговоры, что далѣе къ Александровску будетъ ѣхать не безопасно, ибо въ томъ мѣстѣ, гдѣ Днѣпръ приближается къ желѣзной дорогѣ, въ такъ называемыхъ плавняхъ, скрываются бандиты Махно, которые совершаютъ нападенія на поѣзда. Эти разговоры особенно взволновали коммунистовъ, да и лицамъ, принадлежащимъ къ командному составу, грозила та же самая участь, что и коммунистамъ; у нѣкоторыхъ были подложные документы, въ которыхъ они именовались красноармейцами, но едва-ли это могло принести какую-нибудь пользу. Стали готовиться къ самообороне. Объявился комендантъ поѣзда, который сталъ обходить вагоны, опрашивая, у кого имѣется какое-либо оружіе, но такового оказалось очень мало, да къ тому-же между красноармейцами пошли разговоры, что въ случаѣ нападенія оказывать сопротивленія не слѣдуетъ, ибо они знали, что красноармейцамъ бандиты ничего не сдѣлаютъ, развѣ только оставятъ въ одномъ бѣльѣ. Особенно сильно стали нервничать пассажиры, когда поѣздъ пришелъ на станцію «Васильевка». Въ это время у вагоновъ появились два всадника, которые стали разспрашивать, много-ли ѣдетъ въ поѣздѣ народу, есть-ли между ними вооруженные красноармейцы и т. п. Люди бывалые говорили, что это обычный маневръ бандитовъ. Обыкновенно они на станціи произведутъ развѣдку состава поѣзда, а затѣмъ развѣдчики удаляются, сообщаютъ все, что они узнали, спрятавшимся въ плавняхъ бандитамъ и тѣ производятъ налетъ на поѣздъ. Въ данномъ случаѣ, когда поѣздъ тронулся далѣе, эти два всадника долго ѣхали рядомъ съ поѣздомъ и, наконецъ, отстали, когда онъ пошелъ быстрѣе подъ уклонъ. Во всякомъ случаѣ, опасное мѣсто мы проѣхали благополучно, и у многихъ вырвался вздохъ облегченія, въ томъ числѣ и у меня, такъ какъ, принадлежа къ командному составу большевистской арміи, я не могъ разсчитывать на доброжелательное къ себѣ отношеніе бандитовъ, и никакія мои увѣренія, что я состою на службѣ у большевиковъ принудительно, не подѣйствовали бы: меня зарубили бы шашками вмѣстѣ съ другими.

Мнѣ пришлось ѣхать на Харьковъ и Ворожбу, хотя другой путь — Лозовая—Полтава—Ромны—Бахмачъ былъ короче, но по этой линіи не было движенія, какъ за отсутствіемъ топлива, такъ и вслѣдствіе постоянныхъ нападеній бандитовъ на поѣзда. Эта мѣстность была въ состояніи полнаго возстанія, но только никто не называлъ тогда вещи ихъ именами, какъ, впрочемъ, не называютъ ихъ въ Совдепіи и теперь.

Поѣздъ нашъ двигался довольно скоро, и мы на четвертыя сутки въ 10 час. утра пріѣхали въ Харьковъ. Распростившись съ любезными хозяевами вагона,

мы вышли на платформу и отправились узнавать, какъ ѣхать дальше на Ворожбу. Оказалось, что мы находимся въ столицѣ Совѣтской Украйнской Республики, входящей въ составъ Россіи — Р. С. Ф. С. Р., и, поэтому, намъ надо выправить пропускъ на право выѣзда изъ этой республики въ мѣстной Чека, а для того, чтобы получить пропускъ, надо было простоять въ очереди не менѣе трехъ сутокъ, что, конечно, насъ не устраивало, такъ какъ жить было негдѣ, а на вокзалѣ всѣ залы были переполнены валявшимся на полу народомъ. Мы оказались въ большомъ затрудненіи, но насъ случайно выручилъ изъ бѣды дежурный по станціи агентъ, который посовѣтовалъ намъ ѣхать съ мѣстнымъ поѣздомъ на станцію Люботинъ, отстоящую отъ Харькова верстахъ въ 30, гдѣ, по его словамъ, можно сѣсть безъ всякихъ пропусковъ въ первый попавшійся отходящій поѣздъ на Ворожбу. Мы этимъ совѣтомъ тотчасъ же воспользовались и съ большимъ трудомъ погрузились въ мѣстный поѣздъ. Давка была страшная, но все-таки мы кое-какъ попали въ товарный вагонъ. Въ Люботинѣ намъ посчастливилось: часа черезъ два, по пріѣздѣ нашемъ туда, отошелъ поѣздъ на Ворожбу, въ которомъ мы довольно удобно размѣстились. Удобство заключалось въ томъ, что мы завладѣли отдѣльнымъ товарнымъ вагономъ, который, правда, былъ безъ всякихъ приспособленій, и намъ пришлось расположиться на полу. Но это было не важно, а важно было то, что этотъ вагонъ мы получили въ собственное распоряженіе на время нашего путешествія, т. е. сдѣлались его хозяевами и могли впускать или не впускать по своему желанію въ него публику на промежуточныхъ станціяхъ. Дѣло въ томъ, что на станціи Люботинъ скопилось очень много народу; здѣсь были демобилизованные красноармейцы, уволенные по болѣзни въ отпускъ послѣ тифа, командированные по службѣ и т. п. Всѣ эти люди объединялись между собой въ отдѣльныя группы и занимали для себя вагоны. Объединились и мы въ группу уволенныхъ по болѣзни въ отпускъ и заняли тоже вагонъ, куда набралось насъ человѣкъ около двадцати, и, поэтому, въ немъ особенно тѣсно не было. Далѣе же, при остановкахъ на станціяхъ, мы къ себѣ пускали публику съ большимъ разборомъ и, въ зависимости отъ мѣста въ вагонѣ, такъ какъ онъ получилъ уже названіе вагона особаго назначенія. Слѣдовалъ онъ безъ отцѣпки до станціи Ворожба, но по прибытіи туда, намъ удалось уговорить начальника станціи не выключать вагона изъ состава поѣзда и отправить его до Гомеля. Правда, на станціяхъ приходилось иногда выставлять къ своему вагону часового, чтобы не допустить нахлынувшую публику, но намъ, все-таки, удалось отстоять свое право на вагонъ и, поэтому, можно сказать, мы ѣхали съ комфортомъ.

Была ранняя южная весна, и ѣхать было тепло, но не такъ спокойно, какъ мы думали, когда выбрались изъ Харькова. Здѣсь опять-таки стали ходить разговоры о нападеніи бандитовъ на поѣзда и станціи. Въ подтвержденіе этихъ разговоровъ, когда мы пришли на ст. Богодухово, мы услыхали, что два дня тому назадъ городъ Богодуховъ покинула банда повстанцевъ, владѣвшая имъ три дня. Она вырѣзала болѣе двухсотъ коммунистовъ и разгромила мѣстный исполкомъ и другія совѣтскія учрежденія. Прислушиваясь къ разговорамъ въ вагонѣ, можно было всегда съ точностью опредѣлить симпатіи большинства къ бандитамъ, именно за ихъ расправу съ коммунистами.

Въ нашемъ вагонѣ ѣхали двое коммунистовъ, но они очень осторожно вступали въ споры съ красноармейцами и, видимо, чувствовали себя одинокими, не встрѣчая сочувствія въ массѣ. А обвиненія были страстны и горячи, и имъ пришлось много чего наслушаться. По обыкновенію, красноармейская масса жаловалась на отсутствіе пищи, обмундированія, обуви, дѣлая не лестныя для совѣтской власти сравненія съ порядками въ старой арміи, высказывала осужденіе за обращеніе съ ними комиссаровъ и начальства, говорила, что кормятъ только митингами, а не хлѣбомъ, и указывала на то разочарованіе и обманъ, которые имъ дала совѣтская власть. Это были все землеробы, ѣхавшіе домой по демобилизаціи съ разныхъ концовъ юга Россіи: съ Кавказа, изъ Новороссійска, Маріуполя и

другихъ южныхъ городовъ. Они уже видѣли, какъ было разорено тамъ населеніе, да и сами принимали непосредственное участіе въ этомъ разореніи, участвуя въ карательныхъ экспедиціяхъ совѣтской власти противъ непокорнаго крестьянства, не желавшаго выполнять разверстку, а теперь, приближаясь къ роднымъ деревнямъ, они предполагали встрѣтить дома то же самое, что они видѣли на чужбинѣ, и это сильно ихъ волновало и заставляло рѣзко высказываться о совѣтской власти. Наиболѣе горячіе говорили, что если по пріѣздѣ домой найдутъ тамъ все разореннымъ, то пойдутъ въ бандиты, такъ какъ иного исхода нѣтъ. «Дрался я три года, а за что дрался, совершенно не знаю, и теперь только, когда кончилъ драться, вижу, что дрался въ пустую. Никакого облегченія совѣтская власть не принесла намъ, а только окончательно разорила. Остается взять дубину и пойти на большую дорогу».

Въ началѣ нашего пути моего спутника между станціями Люботинъ и Богодуховъ обокрали, при чемъ воромъ оказался курсантъ красныхъ кремлевскихъ кавалерійскихъ курсовъ. Онъ ѣхалъ изъ Москвы и помѣстился въ нашемъ вагонѣ. Тутъ же ѣхалъ, какъ онъ самъ себя отрекомендовалъ, начальникъ штаба Харьковскаго Военнаго Округа со своимъ адъютантомъ, личность мало внушавшая довѣрія, какъ по своему внѣшнему виду, такъ и по манерѣ говорить. Всѣ они втроемъ вышли изъ вагона, не доѣзжая до Богодухова, при чемъ, взявъ свои вещи, кавалеристъ-курсантъ прихватилъ мѣшокъ моего спутника. Было темно, огня въ вагонѣ не было и вышедшіе скрылись въ темнотѣ. Когда поѣздъ тронулся, мой спутникъ хватился своихъ вещей, ихъ не оказалось на мѣстѣ. Пошли разспросы, какія именно вещи украдены; нашлись люди, которые видѣли, какъ курсантъ несъ описываемый мѣшокъ; сталъ вспоминать этотъ фактъ и самъ потерпѣвшій, который хотя и замѣтилъ свой мѣшокъ въ рукахъ курсанта, но былъ настолько полонъ довѣрія къ кавалеристу-юнкеру, будущему красному офицеру, что никакъ не могъ предположить, что послѣдній способенъ на воровство. Какъ на грѣхъ, незадолго до этого, мой спутникъ раскрывалъ свой мѣшокъ, а въ немъ было порядочное количество табаку, который онъ везъ изъ Крыма домой, и этимъ табакомъ сильно заинтересовался курсантъ. Этимъ происшествіемъ были очень смущены оба наши коммуниста и дали обѣщаніе это дѣло такъ не оставить, а когда они будутъ въ Москвѣ, куда они должны были пріѣхать впослѣдствіи, то зайти на курсы и заявить о кражѣ. Красноармейцамъ же это дало лишній поводъ, чтобы поднять на смѣхъ коммунистовъ и будущихъ красныхъ офицеровъ, и я думаю, что, если бы эта продѣлка была во время замѣчена, то курсанту жестоко досталось бы за это отъ нихъ.

Красноармейцы узнали во мнѣ бывшаго офицера и очень почтительно относились ко мнѣ, такъ что, несмотря на долгое путешествіе — ѣхали мы отъ Харькова до Гомеля пять сутокъ —, я и теперь съ удовольствіемъ вспоминаю эту поѣздку, которая мнѣ дала очень богатый матеріалъ по наблюденію эволюціи мысли красноармейца и крестьянина вправо, а также еще лишній разъ убѣдила меня, что коммунизмъ непріемлемъ для широкой массы населенія Россіи.

XIII.

30-го апрѣля, въ 4 часа ночи, мы пріѣхали въ Гомель, затративъ, такимъ образомъ, на переѣздъ изъ Симферополя девять сутокъ, что по тому времени надо было считать малымъ срокомъ, такъ какъ поѣздка наша складывалась довольно удачнымъ образомъ, и мы, сравнительно легко, часто совершенно случайно, попадали на поѣзда и даже ѣхали въ собственныхъ отдѣльныхъ вагонахъ. Можно прямо сказать, что намъ повезло. Тишковъ отправился дальше къ себѣ домой въ Мстиславскій уѣздъ; мы сердечно распростились, оставшись довольны другъ другомъ.

Просидѣвъ до утра на вокзалѣ, я отправился въ городъ искать себѣ квартиру и по счастливой случайности нашелъ себѣ уголъ у порядочныхъ людей, которые не знали о моемъ прошломъ, т. е. службѣ у бѣлыхъ. Въ Гомелѣ меня никто не зналъ и, конечно, не въ моихъ интересахъ было самому разсказывать о себѣ, ибо впослѣдствіи свѣдѣнія о моемъ прошломъ могли дойти до мѣстной Чека и за мной началась бы слѣжка, а теперь я былъ только военнослужащій инспекціи пѣхоты 4-ой арміи, уволенный по болѣзни въ отпускъ. Такимъ я и явился въ Уѣздвоенкоматъ (Уѣздный военный комиссаріатъ, отправляющій функціи Уѣзднаго воинскаго начальника), предъявивъ свой отпускной билетъ. Здѣсь меня зачислили за собой, выдавъ мнѣ удостовѣреніе на право жительства въ Гомелѣ съ правомъ поѣздки на ст. Житковичи, куда я былъ уволенъ также въ отпускъ инспекціей пѣхоты.

Ст. Житковичи находилась въ 30 верстахъ отъ рѣки Случь, которая служила границей между Польшей и Совдепіей. Эта мѣстность была мнѣ относительно знакома съ прошлаго года, когда я ѣздилъ въ Пинскъ и обратно и, кромѣ того, у меня осталась съ прошлаго же года топографическая карта этой мѣстности въ масштабѣ двухъ дюймовъ. Изучивъ подробно эту карту, я рѣшилъ въ этомъ направленіи перейти границу и слѣдовать далѣе на Вильно, гдѣ у меня были знакомые, которые помогли бы мнѣ матеріально, а также благодаря своимъ связямъ, избавили бы меня отъ польскаго концентраціоннаго лагеря.

Кромѣ того, путемъ осторожныхъ вопросовъ, не выдавая своего желанія бѣжать, мнѣ нужно было выяснить, насколько строго охраняется граница, гдѣ находится пограничный Особый Отдѣлъ и въ какомъ мѣстѣ безопаснѣе всего перейти рѣку. На это у меня ушло времени болѣе двухъ недѣль. Что касается моей поѣздки на ст. Житковичи, т. е. въ районъ пограничной полосы, которая, какъ оказалось, вся была наводнена агентами-шпіонами Чека, то у меня на случай, если бы при повѣркѣ документовъ спросили, почему я оказался въ этой мѣстности, былъ приготовленъ отвѣтъ: «Ѣду за своими вещами, которыя я оставилъ на хуторѣ за Житковичами въ прошломъ году при поспѣшномъ отправленіи изъ Пинска вмѣстѣ съ отступающимъ штабомъ 4-ой арміи». Это въ дѣйствительности такъ и было, но только не со мной, а съ нѣкоторыми сослуживцами по штабу 4-ой арміи.

Наконецъ, 17-го мая я тронулся въ путь-дорогу, сказавъ дома, что ѣду за своими вещами въ Житковичи и что на это имѣю разрѣшеніе отъ Уѣздвоенкомата. Въ то время, какъ я уже выше упомянулъ, не существовало правильнаго пассажирскаго движенія и билетовъ на проѣздъ покупать не надо было: все было безплатно, въ томъ числѣ и ѣзда по желѣзнымъ дорогамъ. Ѣхать мнѣ надо было въ направленіи Рѣчица-Калинковичи (Мозырь). Изъ окрестностей этихъ мѣстечекъ большевики вывозили въ Гомель дрова, заготовленныя прошлой зимой лѣсозаготовительными дружинами для желѣзной дороги. Отсюда обратно ежедневно отходилъ опорожненный составъ товарныхъ вагоновъ вновь за дровами, и вотъ въ такомъ поѣздѣ мнѣ удалось устроиться вмѣстѣ съ другими, ѣдущими до Мозыря по своимъ дѣламъ, и доѣхать до ст. Калинковичи. Здѣсь посчастливилось пересѣсть на подобный же поѣздъ и доѣхать до ст. Житковичи. По дорогѣ была провѣрка документовъ, я предъявилъ свое удостовѣреніе и, какъ не внушающій никакого подозрѣнія, былъ оставленъ въ поѣздѣ. Доѣхавъ въ двое сутокъ до ст. Житковичи, я вышелъ на этой станціи и отправился по знакомой мнѣ дорогѣ къ селу Люденевичи. Пройдя версты четыре, я свернулъ съ дороги въ лѣсъ и пошелъ уже по компасу и картѣ, тщательно избѣгая встрѣчи съ кѣмъ-либо, а также обходя встрѣчающіеся хутора, которыхъ здѣсь было особенно много, такъ какъ изъ раньше произведенныхъ мною разспросовъ мнѣ было извѣстно, что жители пограничной полосы и особенно пастухи находятся на службѣ у мѣстной Чека и доносятъ ей о всякомъ видѣнномъ ими человѣкѣ, особенно въ настоящее время, когда шла усиленная тяга бѣглецовъ за рубежъ. Дѣло въ томъ, что, какъ я уже говорилъ выше, производилась демобилизація арміи и изъ различныхъ

воинскихъ частей были уволены въ безсрочный отпускъ красноармейцы, родина которыхъ была въ окрестностяхъ Лунинца и Пинска. Мѣстности эти отошли по Рижскому договору съ Польшей къ послѣдней, а въ штабахъ воинскихъ частей, благодаря невѣжеству и безграмотности начальства, а также и секретности Рижскаго договора (долой тайные договоры), который большевики весь не опубликовали, никто не зналъ, гдѣ проходитъ настоящая граница между Польшей и Совдепіей, и увольняли въ означенные пункты безсрочноотпущенныхъ красноармейцевъ, которые, пріѣхавъ въ Калинковичи и Житковичи, узнавали, что они теперь уже подданные Польши, а черезъ границу ихъ не пропускала мѣстная Чека.

Такимъ образомъ, въ этихъ двухъ пунктахъ скопилось нѣсколько тысячъ такихъ красноармейцевъ, которые сидѣли на весьма скудномъ пайкѣ, томились отъ бездѣлья и неизвѣстности и рвались домой. Размѣщены они были отвратительно въ нетопленыхъ домахъ съ выбитыми окнами и дверьми. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли уже давно, съ января мѣсяца сего года. Наиболѣе ярые протестовали противъ задержки ихъ отправки на родину, но были мѣстной Чека арестованы и въ назиданіе остальной публики разстрѣляны. Послѣ этого вся эта масса притихла, но за то началось усиленное бѣгство за-границу и именно въ этомъ направленіи, которое и я избралъ для себя. Обо всемъ этомъ я раньше ничего не зналъ и услышалъ только въ вагонѣ отъ ѣхавшихъ со мной красноармейцевъ, случайныхъ попутчиковъ. Нѣкоторымъ счастливчикамъ удавалось проскользнуть черезъ границу, но большинство арестовывалось агентами Чека и отправлялось въ Житковичи, гдѣ для нихъ была устроена тюрьма въ помѣщеніи двухъ еврейскихъ синагогъ и сельской школы, окруженная высокимъ заборомъ и окутанная колючей проволокой. Кромѣ того, черезъ границу перевозилась въ большомъ количествѣ контрабанда, которую большевики преслѣдовали, и пойманные контрабандисты отправлялись тоже въ эту тюрьму. Конечно, по большевистскому обычаю шла жестокая расправа съ обитателями этой тюрьмы, по ночамъ постоянно были слышны разстрѣлы и, хотя все это было извѣстно красноармейской демобилизованной массѣ, тоска по родинѣ и ужасныя условія жизни у большевиковъ гнали ихъ къ границѣ.

Въ этомъ году было большое половодье, а я не принялъ этого во вниманіе при своемъ выступленіи въ путешествіе. Мѣстность, по которой мнѣ пришлось итти, находится въ бассейнѣ рѣки Припяти, перерѣзана массою мелкихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Припять, которыя лѣтомъ пересыхаютъ отъ жары, а въ настоящее время были полны водой. Кромѣ того, эта мѣстность была преддверіемъ знаменитыхъ Пинскихъ болотъ, и мнѣ было очень трудно итти безъ дороги, только по компасу глухими Полѣсскими лѣсами. Приходилось дѣлать большіе обходы трясинъ, попадая иногда въ совершенно безвыходное положеніе, сбиваясь съ пути и опять выправляя направленіе по компасу. Это не былъ обыкновенный сосновый лѣсъ, а сплошная трясина, поросшая вязомъ, осиной и березой. Если прибавить къ этому огромное количество комаровъ, которые тучами меня окружали, то легко представить себѣ, какъ мнѣ было трудно итти этимъ путемъ. По картѣ разстояніе отъ Житковичей до границы выходило въ 30 верстахъ, но я думаю, что прошелъ больше въ два раза, блуждая по болотамъ. Переночевавъ въ лѣсу на болотной кочкѣ и не сомкнувъ ни на минуту глазъ, несмотря на усталость, такъ какъ утчи комаровъ не давали мнѣ покоя, я, какъ только разсвѣло, тронулся дальше и, въ концѣ концовъ, черезъ двое сутокъ своего лѣсного путешествія пришелъ къ завѣтной цѣли: къ рѣкѣ Случь, въ назначенное мною по картѣ мѣсто, опредѣливъ точку стоянія компасомъ. Но къ моему большому горю р. Случь въ данный моментъ была шириною болѣе 30-ти саженъ, благодаря большому половодью, въ то время какъ въ іюльскія жары она пересыхала настолько, что ее можно было перейти свободно въ бродъ. Берега были сильно болотисты и лѣсисты; кругомъ не было ни живой души, и, будь у меня топоръ, я могъ бы смастерить плотъ, на который бы сложилъ свою одежду, и вплавь перебрался бы на тотъ берегъ, толкая плотъ передъ собой; плыть же въ одеждѣ я не рискнулъ —

могъ бы утонуть, явиться же въ Польшу въ костюмѣ Адама тоже было немыслимо. Зная, что вправо и влѣво отъ точки моего стоянія, верстахъ въ 3—4, есть переправы, я, осторожно пробираясь лѣсомъ, отправился осмотрѣть ихъ, разсчитывая, если онѣ не заняты, перейти по нимъ границу, но и здѣсь меня постигло разочарованіе: на обѣихъ переправахъ стояли красноармейскіе караулы. Осторожно попятившись назадъ, я скрылся въ чащѣ лѣса, не замѣченный карауломъ, и рѣшилъ возвращаться обратно въ Гомель, отложивъ попытку бѣгства до болѣе удобнаго времени. Теперь мнѣ нужно было выйти на какую нибудь дорогу и итти смѣло по ней на ж. д. разъѣздъ «Дѣдовка», который по картѣ находился отъ меня верстахъ въ 10. Мнѣ только нужно было незамѣтно отойти отъ самой границы, далѣе же я рѣшилъ перейти на легальное положеніе и въ случаѣ, если бы кто-нибудь изъ агентовъ Чека меня остановилъ, то я рѣшилъ, предъявивъ выданное мнѣ Уѣздвоенкоматомъ удостовѣреніе на право поѣздки въ Житковичи, заявить, что я возвращаюсь съ хутора, гдѣ взялъ свои оставленныя въ прошломъ году вещи, которыя могъ предъявить въ доказательство этого: у меня былъ съ собою мѣшокъ съ бѣльемъ и запасной одеждой.

Благодаря компасу и картѣ я скоро вышелъ на дорогу, ведшую на Дѣдовку, и вскорѣ былъ на ней. Меня никто по дорогѣ не встрѣтилъ. На разъѣздѣ было тихо и пустынно, сидѣлъ только дежурный красноармеецъ отъ желѣзнодорожнаго батальона, который объяснилъ мнѣ, что поѣздъ ушелъ въ Житковичи вчера и снова пойдетъ только черезъ два дня. Дѣло въ томъ, что отъ ст. Житковичи и до границы — до моста черезъ рѣку Случь — эксплоатація желѣзной дороги была въ рукахъ военныхъ властей, и здѣсь ходили, такъ называемыя, «минутки» — поѣзда, состоящіе изъ 2—3 товарныхъ вагоновъ, обслуживаемые желѣзнодорожнымъ батальономъ. Кромѣ того, здѣсь, равно какъ и въ Житковичахъ, стоялъ броневой поѣздъ: по ту сторону границы на ст. Лохва, по свѣдѣніямъ большевиковъ стоялъ съ двумя полками Булакъ-Балаховичъ, и они сильно побаивались его.

Я очень усталъ, меня клонило ко сну, вѣдь я не спалъ четыре ночи, ибо въ вагонѣ, ѣдучи еще до ст. Житковичи, спать не представлялось возможности, кромѣ того нервы, напряженно работая все время, теперь совершенно ослабѣли, и я чуть не валился съ ногъ. Войдя въ комнату телеграфиста-красноармейца я объяснилъ ему, что я военнослужащій, возвращаюсь обратно въ Гомель, показалъ ему свое удостовѣреніе и сказалъ, что очень усталъ, пройдя большой путь съ хутора, куда ходилъ за своими вещами. Красноармеецъ любезно предложилъ мнѣ лечь на его нары, и я заснулъ мертвымъ сномъ. Проснувшись уже поздно вечеромъ, я рѣшилъ, несмотря на усталость, итти пѣшкомъ въ Житковичи, но въ это время пріѣхалъ на дрезинѣ начальникъ участка желѣзной дороги, который черезъ нѣкоторое время долженъ былъ возвращаться обратно въ Житковичи, я попросилъ его подвезти меня, что онъ охотно и исполнилъ.

Пріѣхавъ въ Житковичи, я узналъ, что поѣздъ пойдетъ въ Калинковичи только черезъ три дня; такъ какъ разстояніе отъ Житковичей до ст. Калинковичи пѣшкомъ не пройдешь, то пришлось ждать эти три дня. Недалеко отъ станціи находился заѣзжій дворъ, который содержалъ еврей, пользуясь тѣмъ, что у него жили два агента пограничной Чека, такъ какъ въ то время еще никакія торговыя предпріятія Совѣтской властью не разрѣшались. Вотъ эти три дня я и провелъ на заѣзжемъ дворѣ. На второй день моего пребыванія, около 11 часовъ вечера, пришли во дворъ агенты Чека съ обыскомъ и предложили предъявить всѣмъ намъ документы. Я предъявилъ свое удостовѣреніе, и они имъ удовлетворились.

Разговаривая съ евреемъ, содержателемъ гостиницы, а также съ его тестемъ, евреемъ почтенныхъ лѣтъ, пріѣхавшимъ изъ мѣстечка Турова погостить къ дочери, я вынесъ для себя очень много интересныхъ наблюденій. Обыкновенно днемъ, когда въ домѣ никого не было изъ агентовъ Чека, старикъ еврей, который позондировалъ вначалѣ мои политическія убѣжденія и убѣдился въ томъ, что я не красный, начиналъ горько жаловаться на Совѣтскую власть, при чемъ

къ нему присоединялся и его зять. Конечно, его жалобы на нынѣшнее положеніе всегда сопровождались сравненіемъ съ прежнимъ режимомъ и выходило такъ, что тогда было золотое время. «Вотъ, что вы скажете, господинъ. Тогда у насъ была черта осѣдлости, и мы не имѣли права никуда выѣзжать. Жилъ я въ Туровѣ, понадобилось мнѣ ѣхать въ Кіевъ по дѣламъ. Сѣлъ на пароходъ и черезъ сутки былъ въ Кіевѣ. Выхожу на пристань, смотрю: стоитъ городовой и манитъ къ себѣ пальцемъ. Ну, я понялъ уже въ чемъ дѣло; подошелъ къ нему и положилъ ему въ руку рубль. Онъ только сказалъ: «Ступай себѣ». Прожилъ я въ Кіевѣ пять дней, сдѣлалъ всѣ свои дѣла и вернулся обратно. А вотъ теперь черту осѣдлости отмѣнили, а выѣхать никто не можетъ, такъ какъ безъ удостовѣренія на право выѣзда никуда не пускаютъ, а удостовѣренія не даютъ; положимъ, удостовѣреніе получить можно, но для этого надо дать въ Чека 200 000 рублей (въ то время порядочная сумма), а откуда я ихъ возьму, да и это бы еще ничего, а дѣло въ томъ, что чѣмъ дальше поѣдешь, тѣмъ больше надо давать: и Чека, и милиціи, и кондукторамъ, и всѣмъ, кто на бѣдномъ еврейчикѣ нажиться хочетъ. Нѣтъ, господинъ, прежде съ городовымъ лучше было».

Жаловались они и на запретъ торговли, на постоянныя реквизиціи и аресты — однимъ словомъ на все, отъ чего вездѣ стоналъ обыватель. Когда же я возразилъ имъ, что евреи, казалось бы, теперь должны лучше жить, такъ какъ вездѣ у Совѣтской власти фигурируютъ евреи, и указалъ при этомъ на Троцкаго, Зиновьева и другихъ видныхъ представителей центральной власти, то на это получилъ отвѣтъ:

«— Ой, господинъ, что вы говорите. Какіе же это евреи, холера имъ въ животъ! Развѣ это евреи? Когда наши еврейчики ходили къ Троцкому депутаціей просить, чтобы онъ оставилъ всякія безчинства и ушелъ бы изъ комиссаровъ, потому за это евреямъ не поздоровится и имъ будутъ устраивать погромы; такъ таки, что, вы думаете, онъ сказалъ? Онъ сказалъ, идите отъ меня прочь, я не еврей, а интернаціоналистъ, и мнѣ до васъ, буржуевъ, никакого дѣла нѣтъ. Правда, за это его предали хериму въ синагогѣ. Ну, такъ, господинъ, отъ этого ему хуже не стало, онъ себѣ живетъ въ Москвѣ, а бѣдныхъ евреевъ рѣжутъ Балаховскіе бандиты. Правда, и здѣсь, въ Гомелѣ, есть много молодыхъ евреевъ. которые служатъ въ Чека, ну, такъ вѣдь это все «шруцимъ» — никуда негодные люди, про которыхъ въ Талмудѣ сказано, что они будутъ у власти на вредъ людямъ, только ненадолго. Они и въ синагогу не ходятъ, и въ Бога не вѣруютъ. Нѣтъ, господинъ, мы ихъ за своихъ не считаемъ и они насъ тоже».

«Ну, а какъ вамъ жилось здѣсь, въ Житковичахъ въ прошломъ году, когда былъ Булакъ-Балаховичъ? Мнѣ много говорили, что онъ сильно притѣснялъ евреевъ?»

«Нѣтъ, господинъ, неправда это, жилось не хуже другихъ; никого онъ изъ нашихъ не трогалъ, если только не служилъ у большевиковъ или не былъ коммунистомъ. Правда обыски были, мы сами знаемъ, что безъ нихъ не обойтись, но жаловаться на эти обыски нельзя. Я самъ видѣлъ Балаховича. Его поѣздъ стоялъ на станціи, такъ мы ходили туда смотрѣть, и насъ никто не прогналъ и никакой обиды не причинилъ. Все было чинно. А вотъ, когда пришли обратно большевики, такъ опять пошли опросы: «почему васъ Балаховичъ не разстрѣлялъ? Значитъ, вы ему служили?» У Балаховича было все равно: что русскій, что еврей, что полякъ; коммунистовъ онъ всегда ставилъ къ стѣнкѣ, а другихъ людей не трогалъ».

Гуляя отъ нечего дѣлать по мѣстечку и станціи, я наткнулся на группу «американцевъ». Это были русскіе эмигранты изъ Америки, пробывшіе тамъ по пяти и десяти лѣтъ и въ настоящее время, соблазненные тамъ коммунистической пропагандой о жизни въ Совѣтскомъ раю, вернувшіеся обратно на свою родину. Какъ они разсказывали, мѣсяца два тому назадъ пріѣхали прямо въ Петроградъ, согласно маршруту Совѣтскихъ властей, «чтобы протянуть дружественную руку американскаго рабочаго русскому пролетаріату». И вотъ съ той поры начались

ихъ мытарства. Конечно, никакой работы на Петроградскихъ заводахъ и фабрикахъ они не получили, а между тѣмъ надо было ѣсть и пить. Безплатныхъ государственныхъ столовыхъ и общежитій, о которыхъ такъ много писалось въ коммунистическихъ газетахъ, издаваемыхъ въ Америкѣ, они не нашли. Хорошо, что еще ихъ оставили жить на станціи въ тѣхъ вагонахъ, въ которыхъ они пріѣхали. Доллары, которые они привезли съ собой, совѣтская власть у нихъ отобрала, выдавъ вмѣсто нихъ по своему курсу совѣтскіе рубли, да кстати, попутно и реквизировала у нихъ тѣ лишніе костюмы, которые они привезли съ собой. Совѣтскія деньги при той дороговизнѣ, которая въ то время была въ Петроградѣ, быстро были израсходованы на пропитаніе; дальше жить было не на что. Пришлось продавать съ себя одежду. Между тѣмъ волокита по отправкѣ на родину была невѣроятная. Нѣсколько разъ опрашивали агенты Чека: Зачѣмъ пріѣхали? Что дѣлали въ Америкѣ? Написали массу анкетъ. Нѣкоторые хотѣли ѣхать обратно въ Америку: совѣтская власть не выпускаетъ, да и Америка не принимаетъ. Наконецъ, послѣ долгаго сидѣнія въ Петроградѣ, разрѣшили ѣхать домой, но когда пріѣхали сюда въ Житковичи, то оказалось, что ихъ деревни отошли подъ Польшу, о чемъ въ Петроградѣ имъ не сказали. Здѣсь пограничная Чека задержала ихъ и не пропускаетъ за границу домой. Уже нѣсколько недѣль сидятъ они въ товарныхъ вагонахъ на станціи и ждутъ у моря погоды. Окончательно промѣняли всю свою одежду, привезенную изъ Америки на хлѣбъ и сало мѣстнымъ крестьянамъ, сильно завшивѣли, о чемъ въ Америкѣ забыли и думать, появилась эпидемія тифа. Хотѣли они написать письма въ Америку, чтобы предупредить оставшихся тамъ русскихъ, мечтающихъ о совѣтскомъ раѣ, чтобы они не ѣхали сюда, но большевистская цензура не пропускаетъ этихъ писемъ. Надо было только послушать тѣ проклятія, которыя они сыпали на голову большевиковъ и тѣхъ, кто соблазнилъ ихъ прелестями коммунистической свободы. И свободѣ этой тоже порядкомъ доставалось. Конечно, тутъ же дѣлались сравненія съ американской жизнью и ея свободой. Говорили они, что какъ только пріѣдутъ домой въ Польшу, то сейчасъ же напишутъ обо всемъ въ Америку. Сколько времени эти «американцы» пробыли въ Житковичахъ въ ожиданіи пропуска на родину— не знаю. Но недѣли черезъ четыре послѣ этого я встрѣтилъ въ Гомелѣ одного знакомаго, который былъ на ст. Житковичи, и онъ говорилъ мнѣ, что эти «американцы» все еще сидѣли въ Житковичахъ.

Наконецъ, отошелъ поѣздъ на Гомель, куда я снова въ товарномъ вагонѣ добрался. Неудача первой попытки бѣжать изъ совѣтскаго рая въ этомъ направленіи не разочаровала меня, и я рѣшилъ ее повторить, какъ только представится къ тому удобный случай.

Между тѣмъ срокъ моего мѣсячнаго отпуска истекъ, и я былъ назначенъ Уѣздвоенкоматомъ на комиссію врачей для опредѣленія степени моего здоровья. Здѣсь я заявилъ, что зрѣніе мое еще не возстановилось и, поэтому, я просилъ дать мнѣ еще одинъ мѣсяцъ отпуска. Комиссія врачей отправила меня на испытаніе къ врачу-окулисту, который послѣ тщательнаго изслѣдованія дѣйствительно нашелъ, что зрѣніе у меня еще не возстановлено, въ чемъ и выдалъ мнѣ удостовѣреніе, согласно котораго комиссія продлила мнѣ отпускъ еще на одинъ мѣсяцъ. Такимъ образомъ я списывался съ учета по мѣсту моей прежней службы и зачислялся на учетъ въ мѣстный Уѣздвоенкоматъ, откуда, какъ я упоминалъ выше, по окончаніи отпуска долженъ былъ получить новое назначеніе.

* * *

Когда я еще былъ въ Крыму, въ сѣверной Тавріи и на Украйнѣ постоянно приходилось слышать разговоры о бандитахъ, о чемъ я писалъ раньше. При разобщенности мѣстности, а также при правительственной совѣтской печати, которая пишетъ только то, что выгодно коммунистамъ, намъ ничего не было извѣстно о бандитизмѣ въ Западномъ Краѣ, тѣмъ болѣе что, будучи здѣсь въ прошломъ

году, мы ничего про него не слыхали, такъ какъ дѣйствительно въ прошломъ году его здѣсь не было. Отдѣльные слухи доходили до насъ о постоянныхъ возстаніяхъ и о работѣ бандъ на Дону, Кубани и Сѣверномъ Кавказѣ, но про Западный Край ничего не было слышно, и я предполагалъ, что здѣсь въ этомъ отношеніи спокойно. Каково же было мое удивленіе, когда, еще подъѣзжая къ Бахмачу, мы услыхали въ поѣздѣ, что не только здѣсь мы можемъ подвергнуться нападенію бандитовъ, которые скрываются недалеко отъ станціи въ лѣсу, но и далѣе у Гомеля оперируютъ банды знаменитаго здѣсь Галаха. Это имя въ Гомельской губерніи было у всѣхъ на устахъ и окружено ореоломъ таинственности и святостью идеи борьбы съ коммунистами и увы, съ евреями. Дѣйствительно, проживъ въ Гомелѣ мѣсяцъ я почти ежедневно слышалъ о его лихихъ налетахъ на мѣстечки, поѣзда и пароходы, ходившіе по рѣкѣ Сожу, при чемъ послѣдніе обыкновенно останавливались имъ у мѣстечка Лоева, при впаденіи Сожа въ Днѣпръ. гдѣ Галахъ, повидимому, имѣлъ свою постоянную резиденцію.

Какъ разсказывали, Галахъ былъ крестьянинъ Гомельскаго уѣзда, участникъ Великой войны, произведенный за храбрость изъ солдатъ въ офицеры. Вернувшись по демобилизаціи старой арміи къ себѣ на родину, въ родную деревню, Галахъ увидѣлъ ту массу зла, которую причинили крестьянамъ комунисты и выступилъ съ протестомъ противъ нихъ, а когда послѣдніе хотѣли его арестовать, онъ своевременно скрылся, набралъ себѣ банду около 60 человѣкъ, отъ которой пошли развѣтвленія по всей Гомельской губерніи и которыя въ свою очередь образовали новыя банды, и имя Галаха сдѣлалось грознымъ, какъ для коммунистовъ, такъ и для евреевъ, которыхъ онъ отождествлялъ съ коммунистами, играя въ этомъ отношеніи на непріязни бѣлорусса къ евреямъ вообще. Дѣйствительно бѣлоруссы, видя во всѣхъ совѣтскихъ органахъ и въ мѣстныхъ коммунистическихъ организаціяхъ еврейскую молодежь на отвѣтственныхъ постахъ, которая отличалась своей жестокостью, переносили ненависть и на еврейскую массу, которая сплошь и рядомъ страдала точно такъ же, какъ и другіе, отъ коммунистическаго произвола. Это, конечно, было большое зло, но никто не могъ убѣдить или доказать, что еврейская масса здѣсь не при чемъ. Обыкновенно по городу съ особымъ удовольствіемъ передавали слухъ, что нѣсколько дней тому назадъ, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстечкѣ, Галахъ со своими молодцами вырѣзалъ мѣстный совѣтъ, состоящій изъ коммунистовъ, и заодно съ ними всѣхъ евреевъ мѣстечка, не щадя ни пола, ни возраста. Въ подтвержденіе этихъ слуховъ въ Гомель начали прибывать изъ окрестныхъ мѣстечекъ бѣженцы - евреи, которыхъ совѣтская власть стала вселять въ квартиры, уплотняя населеніе, и мнѣ пришлось самому слышать разсказъ еврея, прибывшаго изъ Городни Гомельской о томъ, какъ бандиты, ворвавшись къ нимъ въ домъ, убили его мать и брата, онъ же избѣгъ той - же участи только потому, что въ это время не былъ дома. Обыкновенно послѣ такого налета изъ города посылался отрядъ милиціи, но когда онъ прибывалъ на мѣсто, то тамъ уже никого не было.

Въ концѣ іюня мѣсяца былъ случай, что въ Лоевѣ были остановлены въ одинъ день два парохода — одинъ изъ нихъ «Восходъ», названія другого не помню. Это были два лучшихъ парохода воднаго транспорта, образованнаго изъ націонализированныхъ судовъ частныхъ владѣльцевъ. Одинъ изъ этихъ пароходовъ отошелъ изъ Гомеля на Кіевъ, наполненный публикой, а другой подымался вверхъ изъ Кіева къ Гомелю. Мѣстомъ встрѣчи ихъ была мѣстность около Лоева. Первымъ былъ остановленъ пароходъ шедшій изъ Гомеля, на который были наведены съ берега пулеметы, и капитанъ, видя послѣдніе, исполнилъ требованіе бандитовъ и присталъ къ берегу, тѣмъ болѣе, что находившаяся на пароходѣ команда красноармейцевъ для охраны его, зная, что бандиты красноармейцамъ, не оказавшимъ сопротивленія, ничего не дѣлаютъ, требовали у капитана исполненія приказанія бандитовъ. Бандиты вошли на пароходъ вооруженные до зубовъ, прекрасно обмундированные, оставивъ на берегу съ коноводами отличныхъ верховыхъ лошадей. Какъ передавали впослѣдствіи очевидцы, у нихъ была строгая дисциплина

и безпрекословное исполненіе приказаній начальника. Пассажирамъ было приказано сойти на берегъ, при чемъ коммунистамъ и евреямъ — стать въ одну сторону, а остальной публикѣ въ другую. Послѣ этого была произведена повѣрка документовъ и вновь обнаруженные коммунисты извлекались изъ общей толпы. Въ это время показался пароходъ шедшій снизу. Съ нимъ и съ его пассажирами было поступлено точно такъ-же. Послѣ сортировки пассажировъ коммунисты и евреи были перебиты и сброшены въ воду, а остальной публикѣ было предложено итти, кто куда хочетъ, при чемъ никакого насилія надъ ними не было сдѣлано, равно какъ и надъ красноармейцами. Пароходы же были сожжены. Всего погибло при этомъ 72 человѣка. Этого происшествія въ Гомелѣ скрыть уже было нельзя, такъ какъ туда явились очевидцы и разсказывали обо всѣхъ этихъ ужасахъ. Гомельскій Губисполкомъ выпустилъ по этому поводу оффиціальное сообщеніе, появившееся на страницахъ «Полѣсской Правды» и расклеенное отдѣльными экземплярами на стѣнахъ домовъ, въ которомъ говорилось о происшедшемъ и въ заключеніе было помѣщено предупрежденіе всему населенію, что въ случаѣ, если кто-либо изъ пассажировъ, при слѣдующемъ налетѣ бандитовъ на пароходъ или поѣздъ, будетъ себя держать пассивно и не окажетъ сопротивленія, а также и не предприметъ ничего къ защитѣ коммунистовъ и евреевъ, то будетъ преданъ суду, какъ соучастникъ бандитовъ. Это нелѣпое распоряженіе только сократило число пассажировъ на пароходахъ.

На Сожѣ появились канонерки. Это были товарные пароходы, съ поставленными на нихъ орудіями и пулеметами, но пользы дѣлу онѣ не принесли, такъ какъ, конечно, банды съ ними въ открытый бой не вступали, а нападенія на пароходы продолжались въ теченіе всего лѣта, ибо канонерки не конвоировали суда, а только занимались патрулированіемъ по рѣкѣ, и банды, всегда прекрасно освѣдомленныя о мѣстѣ нахожденія канонерокъ, дѣлали нападенія на пароходы тамъ, гдѣ канонерокъ не было.

Сожженіе этихъ двухъ пароходовъ нанесло большой ущербъ водному транспорту Гомельскаго узла, такъ какъ, несмотря на то, что въ дореволюціонное время по рѣкамъ Сожу и Днѣпру существовали большія пароходныя общества, водный транспортъ влачилъ жалкое существованіе, ибо почти всѣ пароходы прежняго торговаго флота стояли теперь у пристани или были вынесены половодьемъ на берегъ: машины у нихъ были испорчены, а сами пароходы не отремонтированы. Все, что болѣе или менѣе представляло цѣнность, какъ-то мѣдныя части, трубки и т. п., неизвѣстно кѣмъ, было похищено. Жалко было смотрѣть на тѣ пароходы, которые кое-какъ ходили по рѣкѣ. Они были совершенно не отремонтированы, не выкрашены, съ плохо обученной командой, лишенные какого-либо удобства. Зимой ремонта пароходамъ не производилось, и они были пущены въ ходъ въ томъ-же состояніи, въ которомъ окончили прошлогоднюю кампанію. О правильномъ освѣщеніи береговъ и лоцманахъ говорить не приходилось, а также и объ очисткѣ рѣки дноуглубительными машинами. Пароходы постоянно терпѣли аваріи и садились на мель.

Случай съ нападеніемъ на пароходы былъ далеко не единственный. Въ теченіе лѣта были донесенія о нападеніи на баржи съ сѣномъ, собраннымъ на заливныхъ лугахъ подъ Лоевымъ. Эти баржи были сожжены во время слѣдованія въ адресъ Гомельскаго Упродгуба, а также были сожжены стоявшія въ затонахъ съ прошлаго года судна разныхъ наименованій, принадлежавшія къ водному транспорту.

Нападенія бандъ Галаха имѣли мѣсто ежедневно; но совѣтской печатью обыкновенно это замалчивалось, и только какой-либо особенный случай расправы съ коммунистами и евреями устно доходилъ до Гомеля, волнуя еврейское населеніе, и тогда уже, когда нельзя было утаить шила въ мѣшкѣ, на страницахъ «Полѣсской Правды» появлялось объ этомъ оффиціальное сообщеніе Губисполкома.

Въ началѣ сентября въ Гомель пришла вѣсть о налетѣ банды на станцію Абрамовскую, находящуюся на вѣткѣ желѣзной дороги Василевичи-Хойники По-

лѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ. Это была особенно звѣрская расправа, жертвами которой стали вновь коммунисты и евреи. Какъ мнѣ разсказывали очевидцы этого нападенія, когда поѣздъ подошелъ къ ст. Абрамовской, на платформѣ находились прекрасно вооруженные и одѣтые бандиты, числомъ около 30 человѣкъ. Станція оказалась изолированной отъ другихъ станцій выключеніемъ телеграфа и телефона. Интересно отмѣтить, что слѣдующая станція была «Хойники», въ которой стоялъ совѣтскій кавалерійскій полкъ XI-ой дивизіи, узнавшій о происшедшемъ уже послѣ того, какъ бандиты скрылись. Бандиты окружили поѣздъ и приказали всѣмъ пассажирамъ выйти изъ вагоновъ, произвели повѣрку документовъ, причемъ коммунистовъ и евреевъ заперли въ помѣщеніи станціи, а прочихъ пассажировъ въ вагонахъ. Грабежа или какого-либо насилія къ послѣднимъ примѣнено не было. Коммунистовъ и евреевъ выводили по очереди изъ помѣщенія станціи и тутъ же ломомъ разбивали имъ головы. Всего при этомъ погибло 32 человѣка. Картина этой звѣрской расправы была настолько ужасна, что нѣкоторые изъ очевидцевъ заболѣли нервнымъ разстройствомъ. Стѣны станціи были забрызганы кровью и мозгами убитыхъ. Сдѣлавъ свое дѣло, бандиты сѣли на коней и скрылись. Присланныя впослѣдствіи сюда конныя части XI-ой дивизіи, несмотря на тщательные поиски, бандитовъ не нашли.

До чего дошло огрубѣніе нравовъ у народа во время гражданской войны, можно судить по тому, что разсказы объ этихъ ужасахъ не вызывали сожалѣнія къ несчастнымъ, попавшимъ въ руки бандитовъ, а наоборотъ человѣкъ, который не могъ смотрѣть, какъ рѣжутъ курицу, въ данномъ случаѣ говорилъ, что потерпѣвшіе достойны понесенной ими кары и хорошо было-бы, если бы было возможно вырѣзать всѣхъ остальныхъ коммунистовъ и евреевъ въ одинъ разъ. Сколько надо было вынести страданій такому человѣку, а также и наглядѣться на чужія страданія, чинимыя коммунистами, чтобы дойти до такого рѣшенія?

Въ концѣ концовъ, Галахъ былъ все-таки убитъ, о чемъ осенью было выпущено оффиціальное сообщеніе Губисполкома. Губчека, отчаявшись изловить его воинскими командами, подослала къ нему трехъ коммунистовъ, которые должны были войти къ нему въ довѣріе и при случаѣ его убить. Двое изъ нихъ были изобличены Галахомъ и разстрѣляны, третій же успѣшно выполнилъ свою миссію. Галахъ сдѣлалъ его своимъ ординарцемъ, и тотъ какъ-то вечеромъ, слѣдуя съ нимъ вдвоемъ, выстрѣломъ изъ револьвера сзади убилъ его. Галаха не стало, но дѣло его не пропало. Тотчасъ-же появились его замѣстители различныхъ наименованій и стали жестоко мстить за смерть своего начальника, вымѣщая злобу преимущественно на несчастныхъ евреяхъ, которые въ паникѣ потянулись въ Гомель, бросая свои насиженныя мѣста.

XIV.

Кончился іюнь мѣсяцъ и вмѣстѣ съ нимъ мой отпускъ; я опять явился въ Уѣздвоенкоматъ, который направилъ меня снова въ комиссію по освидѣтельствованію здоровья. Я попросилъ врачей дать мнѣ удостовѣреніе въ томъ, что я по состоянію своего здоровья негоденъ къ строевой службѣ. Врачи исполнили мою просьбу, признавъ меня годнымъ къ службѣ на административныхъ или хозяйственныхъ должностяхъ, и я былъ зачисленъ въ резервъ чиновъ, въ ожиданіи открытія таковой должности, при чемъ этимъ я списывался съ мѣста своей прежней службы, что мнѣ только и надо было. При томъ хаосѣ въ дѣлопроизводствѣ, который, какъ я замѣтилъ, царилъ въ Уѣздвоенкоматѣ, я былъ увѣренъ, что послѣднимъ штабъ войскъ Украйны не былъ извѣщенъ о случившейся перемѣнѣ въ моемъ послужномъ спискѣ, а также и о мѣстѣ моего нахожденія и, слѣдовательно, я теперь уже «затерялся». Черезъ недѣлю послѣ этого вышелъ приказъ по войскамъ Р.С.Ф.С.Р. о демобилизаціи офицеровъ свыше 35-лѣтняго возраста, при чемъ все-таки были сохранены градаціи и дожность помощника инспектора

пѣхоты арміи была приравнена къ должности командира бригады, а таковой могъ быть уволенъ отъ службы только въ томъ случаѣ, если къ 1-му января 1921 года ему исполнилось 50 лѣтъ и если къ тому-же онъ не состоялъ въ чинѣ генерала, что обязывало служить до 60 лѣтъ. Какъ по своимъ лѣтамъ, такъ и по чину я не подходилъ къ этой категоріи, но тѣмъ не менѣе я въ Уѣздвоенкоматѣ, гдѣ мнѣ было предложено написать самому себѣ послужной списокъ, отмѣтилъ себя полковникомъ и заявилъ, что мнѣ 53 года и поэтому я прошу меня уволить отъ службы. У меня спросили метрическое свидѣтельство, котораго, конечно, у меня не оказалось, тогда меня отправили опять въ комиссію врачей, которая должна была опредѣлить мой возрастъ по наружному виду. Врачи согласились съ моимъ заявленіемъ и лишь одинъ комиссаръ комиссіи соглашался только на 52 года, но это мнѣ было рѣшительно все-равно. Съ рѣшеніемъ комиссіи относительно моего возраста я отправился въ Уѣздвоенкоматъ, который и уволилъ меня въ безсрочный отпускъ. Такимъ образомъ я покончилъ съ большевистской военной службой и получилъ изъ Гомельской городской милиціи совѣтскій паспортъ срокомъ на шесть мѣсяцевъ, въ которомъ я именовался просто уже гражданиномъ. Это меня уже окончательно устраивало, но 10-го іюля послѣдовалъ опять приказъ, согласно котораго всѣ бывшіе офицеры должны были явиться вновь въ Уѣздвоенкоматъ и заполнять анкеты, въ которыхъ, въ числѣ другихъ вопросовъ, стояли: 1) Вашъ бывшій чинъ? и 2) Не служили-ли Вы въ бѣлыхъ арміяхъ: Деникина, Колчака, Врангеля и Миллера? На первый вопросъ я написалъ: «полковникъ», а на второй: «никогда въ бѣлыхъ арміяхъ не служилъ»; и очень хорошо сдѣлалъ, ибо впослѣдствіи всѣ офицеры, служившіе въ бѣлыхъ арміяхъ, были высланы въ концентраціонный лагерь въ г. Череповецъ. Такимъ образомъ большевики поблагодарили тѣхъ, кто, хотя и принудительно, служилъ имъ во время польской войны.

Такимъ образомъ, я сдѣлался относительно свободнымъ человѣкомъ, если таковые могли быть въ Совдепіи, но я былъ безъ всякихъ средствъ, и мнѣ нужно было ѣсть и пить. Приходилось надъ этимъ вопросомъ задумываться, такъ какъ въ то время еще «Нэпа» не существовало и, слѣдовательно, служить гдѣ-либо въ частномъ учрежденіи не представлялось возможнымъ, за неимѣніемъ таковыхъ. Поэтому пришлось искать мѣста снова въ какомъ нибудь совѣтскомъ учрежденіи, чтобы обезпечить себя пайкомъ. На мое счастье я встрѣтилъ въ Гомелѣ своего знакомаго, съ которымъ служилъ въ инспекціи пѣхоты 4-ой арміи, когда она была въ прошломъ году въ Гомелѣ. Знакомый этотъ при переброскѣ штаба 4-ой арміи въ Крымъ не поѣхалъ туда и, какъ имѣвшій связи съ совѣтской администраціей, устроился на службѣ въ Гомелѣ. Узнавъ отъ меня, что я теперь нахожусь безъ мѣста, а слѣдовательно мнѣ грозитъ голодное существованіе, онъ предложилъ мнѣ поступить въ агрономическое отдѣленіе Гомупродгуба въ качествѣ инструктора, говоря ,что хотя жалованіе тамъ и не большое, но за то я буду обезпеченъ тамъ красноармейскимъ пайкомъ, и хотя это учрежденіе и военное, но я тамъ буду служить по вольному найму и, слѣдовательно, если мнѣ эта служба не понравится, то я могу уйти оттуда, когда захочу. На выраженное мною сомнѣніе въ пригодности моемъ къ агрономической службѣ онъ заявилъ, что это не такъ важно, лишь бы я выразилъ желаніе, а онъ уже все устроитъ, такъ какъ въ Упродгубѣ у него есть знакомства. Мнѣ не приходилось выбирать, и я поспѣшилъ поблагодарить его за предложеніе и согласиться. Мы условились на другой день итти въ Упродгубъ.

Гомупродгубъ — это управленіе по снабженію красной арміи по Гомельской губерніи. Функціи его — приблизительно окружного интендантства старой арміи, конечно со многими измѣненіями и дополненіями. Такъ, напримѣръ, ввиду отсутствія средствъ у центра кормить воинскія части, было рѣшено, что послѣднія должны прокармливать себя сами, для чего Упродгубъ долженъ былъ получать изъ Губернскаго Земскаго Отдѣла (Губземотдѣла) въ пользованіе имѣнія, отобранныя у помѣщиковъ, за исключеніемъ лѣсныхъ угодій, и эксплоатировать ихъ

самъ, для чего въ его распоряженіи былъ рабочій батальонъ, или же сдавать, главнымъ образомъ, огороды и сѣнокосные луга воинскимъ частямъ, расположеннымъ въ губерніи, оставляя надзоръ и руководство по эксплоатаціи этихъ участковъ за собой. Упродгубъ дѣлился на нѣсколько отдѣленій, въ числѣ которыхъ было и агрономическое, которое завѣдывало всѣмъ вышеизложеннымъ; въ качествѣ агронома-инструктора въ это отдѣленіе и выставлялась моя кандидатура. Начальникомъ агрономическаго отдѣленія былъ нѣкто Михайловъ, какъ говорили, бывшій штабсъ-капитанъ артиллеріи, человѣкъ очень ловкій и умѣющій устраивать свои дѣла при какомъ угодно режимѣ, но въ агрономическомъ отношеніи человѣкъ совершенно ничего не смыслившій, такъ какъ никакого агрономическаго образованія не имѣлъ, да это, впрочемъ, какъ я увидѣлъ впослѣдствіи, на совѣтской службѣ и не особенно было нужно. Когда на другой день я со своимъ знакомымъ явился къ нему, онъ меня принялъ очень любезно и, на мою просьбу дать мнѣ мѣсто, предложилъ подать заявленіе. Когда же я, рѣшивъ быть откровеннымъ, сказалъ ему, что, собственно говоря, я не имѣю никакихъ агрономическихъ познаній и что это меня сильно смущаетъ, онъ мнѣ возразилъ: «Ну, полно, развѣ вы до сихъ поръ еще не знаете, что въ совѣтской республикѣ, если вамъ прикажутъ быть акушеркой, то и это придется исполнить; напишите только въ заявленіи, что вы прежде жили въ деревнѣ и видѣли сельское хозяйство». Услыхавъ этотъ отвѣтъ, я пересталъ сомнѣваться и написалъ указанное мнѣ заявленіе, и сдѣлался инструкторомъ-агрономомъ Упродгуба. Эта служба обезпечила мнѣ полуголодное существованіе, такъ какъ я сталъ получать тыловой карсноармейскій паекъ и 4500 рублей жалованія въ мѣсяцъ.

Начальникомъ Упродгуба былъ нѣкто Куделько, бывшій волостной писарь Игуменскаго уѣзда, а въ настоящее время коммунистъ и очень большая персона. Правой рукой его былъ начальникъ административнаго управленія нѣкто Бучинскій, бывшій подполковникъ, окончившій старую интендантскую академію, человѣкъ очень ловкій съ растяжимой совѣстью и знающій канцелярское дѣло; онъ держалъ весь Упродгубъ въ своихъ рукахъ. Какъ я впослѣдствіи узналъ, они съ Куделько обдѣлывали свои личныя дѣла, обкрадывая совѣтскую казну, но такъ ловко, что прямыхъ уликъ никто не могъ представить, а съ начальниками Губчека и Особаго Отдѣла они были свои люди, такъ какъ дѣлились съ ними прибылями.

Штаты Упродгуба въ то время были чрезвычайно обширны, съ массой служащихъ, главнымъ образомъ, изъ еврейской молодежи обоего пола. Коммунисты занимали должности комиссаровъ въ отдѣленіяхъ и въ военныхъ совѣтскихъ имѣніяхъ (Военсовхозы). Вся эта масса ни на грошъ не приносила пользы дѣлу: во-первыхъ, потому, что никто, какъ и я, не зналъ своего дѣла, а во-вторыхъ, каждый былъ занятъ мыслью использовать службу лично для себя, стараясь урвать все, что только можно было, чтобы обезпечить себѣ существованіе, и если это удавалось, то и отложить на черный день. Моя послѣдующая служба въ Упродгубѣ дала мнѣ возможность хорошо познакомиться съ совѣтскими учрежденіями и видѣть, какой вредъ приносятъ государству эти учрежденія, гдѣ дѣла никакого не дѣлаютъ, а только расхищаютъ государственное имущество. Не мудрено, что всякое предпріятіе и учрежденіе давало убытокъ не только потому, что въ немъ сидѣли не знающіе дѣла люди, но и потому, что тамъ шло безконечное воровство. Воровали всѣ: и отвѣтственные начальники-коммунисты, и рядовые служащіе; разница была только въ томъ, что первые хватали большіе куши, а вторые оставались мелкими взяточниками и воришками. Впрочемъ, послѣднимъ нельзя поставить это въ вину, такъ какъ дѣлать это заставляла ихъ нужда, а существовавшій взглядъ, что «все-равно вѣдь это совѣтское и тоже украдено у другихъ», дѣлалъ совѣсть болѣе покладистой и спокойной.

Я поступилъ въ Упродгубъ 15 іюля въ самый разгаръ сельской работы. У Упродгуба были въ распоряженіи огромные заливные луга по рѣкѣ Сожу, въ окрестностяхъ Лоева. Въ прежнее время эти луга давали огромный доходъ управленію имѣніями княгини Паскевичъ; тамъ были прежде сѣнопрессовальные заво-

ды, откуда сѣно развозилось на баржахъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ Сожу и Днѣпру и поставлялось въ интендантство. Около этого дѣла кормились тысячи людей. Сѣнокосъ производился машинами ввиду огромной площади луговъ. Въ настоящее время объ этомъ и говорить не приходилось: сѣнопрессовальные заводы были сожжены, а машины сломаны и растащены и Упродгубъ уже по одному этому не могъ справиться со своей задачей. Рѣшено было сѣно косить ручнымъ способомъ, пользуясь въ качествѣ рабочей силы, красноармейцами рабочаго батальона, а также и изъ воинскихъ частей. Строевое начальство не давало людей на эти работы, такъ какъ у него было слишкомъ мало штыковъ въ ротахъ и люди находились постоянно во всевозможныхъ карательныхъ экспедиціяхъ противъ бандитовъ. Красноармейцы рабочаго батальона были распредѣлены по военсовхозамъ губерніи, и ихъ было далеко не достаточно. Отдавались распоряженія: снять рабочихъ съ такого то имѣнія и отправить на сѣнокосъ въ Лоевъ, но этому противились управляющіе совхозами, отписываясь, что у нихъ самихъ работы по горло. Шла безконечная канцелярская волокита, уходило время, а трава сохла на корню. Часть красноармейцевъ, прибывшая все-таки въ Лоевъ, работала крайне неохотно, такъ какъ они были всѣ мобилизованные солдаты прежней арміи и всѣ ихъ мысли сводились къ тому, когда придетъ ихъ очередь уволиться домой. Съ грѣхомъ пополамъ къ работѣ приступили, но оказалось, что есть манташки, бруски для точки косъ, но нѣтъ молотковъ для отбиванія ихъ. Работа опять остановилась, пока разыскали молотки. Ѣздили за ними въ Москву, а время шло. Въ военсовхозахъ въ это время поспѣла рожь. Управляющіе стали требовать возвращенія рабочихъ домой. Получилась полная неразбериха, а изъ Упродзапфронта (Управленіе продовольствіемъ западнаго фронта), изъ Смоленска шли грозные запросы: въ какомъ положеніи находится сѣнокосъ. Между тѣмъ завѣдующій сѣнокосомъ, посланный туда Упродгубомъ, доносилъ, что рабочіе красноармейцы требуютъ увеличенія пайка, такъ какъ изнуряются на работѣ, не получая достаточнаго питанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ жаловался на крайне лѣнивую работу послѣднихъ. Увеличили хлѣбный паекъ съ полутора фунта до двухъ, но это мало помогло дѣлу. Ко всему этому стали получаться тревожныя донесенія, что завѣдующій сѣнокосомъ получаетъ предупрежденія отъ крестьянъ, что бандиты собираются произвести на него нападеніе и, когда сѣно будетъ смётано въ стоги, поджечь ихъ.

Вообще крестьянство въ этой мѣстности относилось крайне враждебно къ работѣ Упродгуба, такъ какъ думало, что оно одно является наслѣдникомъ земель княгини Паскевичъ, и поэтому хотѣло воспользоваться сѣнокосомъ, но мечтамъ ихъ былъ положенъ предѣлъ декретомъ о національзаціи земли государствомъ. Въ деревнѣ ставился вопросъ: «Для чего мы дѣлали революцію, если земли намъ не даютъ?» А отсюда появилась симпатія къ бандитамъ, борющимся съ коммунистами. Предвидя, что травы останется много на корню, крестьяне прислали ходоковъ въ Упродгубъ съ предложеніемъ убрать сѣно съ половины; такія же предложенія пришли изъ другихъ совхозовъ. Запросили разрѣшеніе Упродзапа, но онъ категорически отклонилъ это предложеніе, ссылаясь на то, что зимой понадобится масса фуража.

Вскорѣ послѣ этого пріѣхалъ въ Упродгубъ завѣдующій сѣнокосомъ и заявилъ, что на него произвели нападеніе бандиты, увели двухъ лошадей, поломали косы, забрали веревки, его одежду и 200 000 казенныхъ денегъ. Къ этому заявленіе въ Упродгубѣ отнеслись подозрительно, такъ какъ дѣйствительно это былъ типъ готовый на все, но тѣмъ не менѣе ему было приказано вернуться обратно, чтобы скосить сколько возможно травы и доставить ее на баржѣ въ Гомель. Конечно, въ Упродгубѣ онъ говорилъ, что у него, несмотря на всѣ помѣхи, заготовлено сѣна порядочно. Вернувшись обратно, въ концѣ лѣта, онъ вызвалъ въ Лоевъ баржу, на которую погрузилъ сѣно и отправилъ въ Гомель, выѣхавъ самъ впередъ туда-же, якобы для хлопотъ о предоставленіи большого количества тоннажа для перевозки сѣна, но когда онъ прибылъ въ Упродгубъ, то одновременно полу-

чились два донесенія: одно говорило, что баржа по пути слѣдованія подверглась нападенію бандитовъ и была сожжена, что подтверждали и отпущенные бандитами конвоиры, красноармейцы, а другое донесеніе гласило, что на лугахъ Лоева сѣно, сложенное въ стоги, сожжено бандитами. Въ Упродгубѣ пошли разговоры, что тутъ дѣло не чисто и что завѣдующимъ сѣнокосомъ большая часть собраннаго сѣна была продана, а мелочь сожжена бандитами для отвода глазъ не безъ его вѣдома. Въ теченіе лѣта никто изъ агентовъ Упродгуба не соглашался ѣхать для повѣрки сѣнокоса въ Лоевѣ, такъ какъ эта мѣстность кишѣла бандитами, и завѣдующій сѣнокосомъ былъ внѣ контроля. Въ концѣ концовъ, завѣдующій сѣнокосомъ былъ арестованъ Особымъ Отдѣломъ въ началѣ сентября, посаженъ въ тюрьму, и по дѣлу о сѣнокосѣ на лугахъ Лоева началось слѣдствіе. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1922 года неожиданно я встрѣтилъ его уже на свободѣ. Онъ разсказалъ мнѣ, что его только что выпустили изъ тюрьмы, такъ какъ при слѣдствіи не нашли основаній предать суду Ревтрибунала, ибо онъ представилъ доказательства своей невинности, и въ настоящее время онъ увольняется по демобилизаціи отъ службы. Самый фактъ освобожденія его для всѣхъ насъ былъ крайне загадоченъ, такъ какъ между служащими Упродгуба ходили настойчивые слухи, что собранное имъ сѣно дѣйствительно было продано, а часть для отвода глазъ была дѣйствительно сожжена бандитами по уговору съ нимъ. Очевидно, въ этомъ «коммерческомъ дѣлѣ» были замѣшаны воротилы Упродгуба, или же онъ далъ большую взятку слѣдователю Особаго Отдѣла.

Такъ кончилось дѣло съ сѣнокосомъ на заливныхъ лугахъ Лоева, гдѣ большая часть сѣна осталась на корню, благодаря веденію хозяйства коммунистами. Не лучше обстояло дѣло и въ другихъ имѣніяхъ, принадлежавшихъ Упродгубу, какъ, напримѣръ, Голы, Острогляды, Теребовша и т. д. Вездѣ было собрано сѣно, котораго еле хватило для прокормленія въ теченіе зимы немногочисленнаго количества лошадей и рогатаго скота, бывшаго въ этихъ имѣніяхъ, а для нуждъ расположенной въ Гомелѣ и его окрестностяхъ XI кавалерійской дивизіи и артиллерійскихъ частей сѣна не оказалось и съ прекращеніемъ подножнаго корма въ этихъ частяхъ начался сильный падежъ лошадей отъ безкормицы.

Какъ я упомянулъ выше, въ распоряженіи Упродгуба находились реквизированныя у помѣщиковъ имѣнія, общее число которыхъ доходило до 16, разбросанныя по всей Могилевской губерніи. Въ виду отдаленности нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ мѣсторасположенія Упродгуба - Гомеля, были созданы районные управляющіе, которымъ подчинялись три - четыре имѣнія въ данномъ уѣздѣ, съ обширными служебными штатами; эти послѣдніе подчинялись Упродгубу, а послѣдній Упродзапфронту. Благодаря такой системѣ, создавалась колоссальная волокита и переписка, что приносило громадный ущербъ дѣлу въ тѣхъ случаяхъ, когда управляющій военсовхозомъ, будучи человѣкомъ честнымъ, (что случалось, впрочемъ, очень рѣдко), хотѣлъ проявленіемъ собственной иниціативы принести пользу дѣлу. Безъ разрѣшенія онъ не могъ ни купить что - либо, ни нанять рабочихъ, такъ какъ, во - первыхъ, это ему вообще не разрѣшалось, а во-вторыхъ, не было денегъ. И вотъ, о всякомъ вопросѣ онъ писалъ районному управляющему, тотъ отправлялъ рапортъ въ Упродгубъ, а послѣдній по вопросамъ денежнаго характера въ Упродзапъ. Когда приходилъ отвѣтъ, то уже время оказывалось упущеннымъ, и всѣ немногія, добрыя начинанія сводились къ нулю. Кромѣ того, имѣнія были совершенно разорены и даже при честномъ отношеніи къ дѣлу ничего не могли дать. Мнѣ по своей должности инструктора - агронома приходилось бывать, главнымъ образомъ, въ двухъ имѣніяхъ, лежащихъ недалеко отъ Гомеля. Первое было Голы, принадлежавшее прежде графу Меньжинскому. До революціи это было правильно поставленная экономія, приносившая большой доходъ ея бывшему владѣльцу. Здѣсь были сѣнокосные луга, пашни и фруктовый садъ въ 75 десятинъ. Въ настоящее время все было разорено. Имѣніе, переживъ разгромы 1917—18—19 годовъ, результатомъ которыхъ было расхищеніе земледѣльческихъ орудій и рабочаго скота,

а также и сожженіе усадебныхъ построекъ, въ 1920 году было отдано во владѣніе коммунѣ, которая хищнической эксплоатаціей испугала даже Губисполкомъ. Послѣдній отобралъ отъ нея это имѣніе обратно, передалъ его въ Уземотдѣлъ, отъ котораго въ 1921 году Упродгубъ получилъ его для эксплоатаціи.

Фруктовый садъ, дававшій въ прежнее время громадные доходы, въ настоящее время былъ въ безотрадномъ состояніи. Ухода за деревьями не было уже въ теченіе трехъ лѣтъ, и они поросли дичками, появилась масса червей, которые съѣдали весь плодъ; объ обмазкѣ и окопкѣ деревьевъ нечего было и думать, и они стали сохнуть. Если же прибавить къ тому, что сборка плодовъ производилась самымъ варварскимъ способомъ, при чемъ ломались сучья, то ожидать какого-нибудь урожая въ этомъ саду, а слѣдовательно и прибыли, нечего было и думать, и на него новые владѣльцы махнули рукой. Заборъ, окружавшій раньше садъ, былъ растащенъ на дрова, и по саду бродило крестьяское стадо.

Не въ лучшемъ состояніи были и поля этого имѣнія. Почва въ Западномъ Краѣ требуетъ постояннаго удобренія, для чего, помимо искусственнаго удобренія, помѣщики держали массу скота, откармливая его на мясо для Петроградскихъ и Московскихъ рынковъ, для чего пользовались тѣми огромными лугами, которые прилегали къ имѣнію. Въ настоящее время въ имѣніи не было ни одной головы скота, а для полевыхъ работъ имѣлись три чесоточныя лошади, выбракованныя по неизлѣчимости изъ XI-й кавалерійской дивизіи, и двѣнадцать человѣкъ красноармейцевъ рабочаго батальона. Вотъ съ этими-то силами коммунистическая власть и хотѣла поднять это имѣніе до такой степени, чтобы оно могло служить источникомъ прокормленія красныхъ войсковыхъ частей. Конечно, ничего изъ этой затѣи не вышло. Съ сѣнокосомъ вышла та же исторія, какъ и въ Лоевѣ, а съ овсомъ, рожью, картофелемъ еще хуже. Дѣло въ томъ, что благодаря канцелярской волокитѣ, на которую я указывалъ выше, сѣмена опоздали съ прибытіемъ къ посѣвной кампаніи и были получены въ концѣ мая. Сѣменной картофель, который, какъ и прочія сѣмена, въ 1920 году собирался съ крестьянъ путемъ продразверстки, будучи сваленъ въ холодные сараи, зимой замерзъ. Но такъ какъ надо было исполнить номеръ предписанія, то его, хотя онъ и сгнилъ и хотя и было поздно, все-таки кое-какъ доставили на мѣсто. Управляющій своевременно донесъ о негодности его, а также и о поздней доставкѣ остальныхъ сѣмянъ и спрашивалъ указаній, стоитъ ли приступать къ посѣву, въ виду поздняго времени. Получился приказъ — посадить и засѣять. Управляющій рѣшилъ, что дѣло «совѣтское», и исполнилъ приказъ. Результаты получились плачевные: на той небольшой площади земли, которую успѣли разъ вспахать 12 красноармейцевъ и три лошади, картофель совсѣмъ не взошелъ, и поле къ концу лѣта заросло лебедой, а овесъ, ячмень и рожь, дали поздніе и очень рѣдкіе всходы, благодаря истощенности земли. Кромѣ того, рожь оказалась не яровая, а озимая, такъ какъ въ пути сѣмена перепутали, а на мѣстѣ управляющіе оказались настолько невѣжественными, что не могли отличить одну отъ другой, и въ этомъ году, конечно, снять ее не пришлось.

Остальная земля огромнаго имѣнія осталась неиспользованною и вмѣстѣ съ тѣмъ, когда крестьяне окрестныхъ деревень пытались запахивать для своихъ нуждъ землю имѣнія, то они немедленно изгонялись съ нея, при чемъ управляющій имѣніемъ, по приказанію Упродгуба, привлекалъ этихъ захватчиковъ въ народный судъ. Осенью я неоднократно бывалъ командированъ изъ Упродгуба въ это имѣніе въ качествѣ предсѣдателя комиссій для опредѣленія количества урожая и составленія актовъ, что на такой-то площади земли было посѣяно столько-то пудовъ картофеля или овса, ячменя и ржи и что вслѣдствіе плохого качества сѣмянъ, а также истощенности земли родилось столько-то, при чемъ, конечно, комиссіи приходилось констатировать, что урожай въ нѣкоторыхъ случаяхъ не возвратилъ даже и сѣмянъ, какъ, напримѣръ, и было дѣло съ картофелемъ. Конечно, не обошлось и безъ пополненія управляющимъ своего

кармана за счетъ совѣтскаго хозяйства. Комиссія, въ составъ которой, кромѣ меня, входилъ представитель РКИ — рабоче-крестьянской инспекции и РКП — Россійской коммунистической партіи, — взвѣшивала снятый урожай, но управляющій, стакнувшись съ красноармейцами до пріѣзда комиссіи, обыкновенно большую часть и безъ того скуднаго урожая пряталъ. Впослѣдствіи одинъ изъ красноармейцевъ, обойденный въ дѣлежѣ краденаго, донесъ на управляющаго, но послѣдняго только отчислили отъ занимаемой имъ должности, прикомандировавъ къ Упродгубу, даже не привлекая къ отвѣтственности. Да, впрочемъ, и къ чему привлекать? Это была сравнительно маленькая кража и, если бы всѣхъ такихъ дѣятелей отдавать подъ судъ, то суду пришлось бы разбирать эти дѣла лѣтъ черезъ 20—30, настолько онъ былъ бы ими перегруженъ.

Другое имѣніе, въ которомъ мнѣ приходилось часто бывать по дѣламъ службы, было Теребовша, отстоявшее отъ Гомеля въ 38 верстахъ и принадлежавшее раньше члену Государственнаго Совѣта Герарду, бывшему когда-то Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. До революціи это имѣніе, руководимое опытнымъ агрономомъ-управляющимъ, было широко и образцово поставлено. Здѣсь также былъ фруктовый садъ, но только въ 10 десятинъ; былъ винокуренный заводъ и сохранились еще огромныя помѣщенія для четырехсотъ головъ воловъ, которые откармливались на мясо и для прокормленія которыхъ были заливные луга по рѣкѣ Бѣсяда. Такимъ образомъ здѣсь шелъ кругооборотъ. Земля удобрялась навозомъ отъ скота, росла рожь, поступавшая на винокуренный заводъ, послѣдній давалъ спиртъ, остатками обработки котораго выкармливался скотъ, который, помимо своей прибыльности и рабочей силы, давалъ навозъ и т. д. Въ настоящее время здѣсь была мерзость запустѣнія, винокуренный заводъ стоялъ закрытымъ, части машинъ неизвѣстно кѣмъ были расхищены, въ огромныхъ хлѣвахъ стояли восемь коровъ, принадлежащія управляющему, и шесть лошадей, а рабочими состояли пятнадцать красноармейцевъ рабочаго батальона. Управляющій съ семьей и рабочіе-красноармейцы ютились въ домѣ, въ которомъ когда-то жилъ управляющій Герарда. Имѣніе это пострадало отъ погромовъ 1918 года, но въ 1920 году было отдано въ пользованіе 88-мъ Минскимъ пѣхотнымъ командномъ курсамъ, а въ 1921 году перешло къ Упродгубу. Результаты хозяйничанія курсовъ здѣсь были на лицо: фруктовый садъ поломанъ и запущенъ, а домъ управляющаго — безъ оконъ и дверей. Такъ какъ другого помѣщенія не было, а оконнаго стекла въ то время негдѣ было достать, то вмѣсто стеколъ была вставлена уже нынѣшнимъ управляющимъ фанера и сдѣланы кое-какъ двери. Условія жизни самыя примитивныя и убогія.

Съ посѣвомъ и сборомъ урожая здѣсь повторилась та же самая исторія, что и въ Голахъ, такъ какъ сѣмена пришли поздно, а почва была не удобрена за отсутствіемъ навоза. Осенью мнѣ приходилось сюда ѣздить и составлять акты объ отсутствіи урожая вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, которыя помѣшали урожаю и въ Голахъ. Въ такомъ же положеніи были и всѣ остальныя имѣнія, отданныя Гомельскому Упродгубу. Эта затѣя принесла огромный дефицитъ, но тѣмъ не менѣе она не была оставлена, а въ теченіе зимы 1921—22 года Упродгубомъ разрабатывался планъ весенней кампаніи использованія этихъ имѣній. Несмотря на то, что они не вернули сѣмянъ, продолжали тратиться деньги на содержаніе громадной администраціи, на выдачу каждому служащему пайка, и упорно твердили, что коммунистическая власть докажетъ всѣмъ свое превосходство надъ прежней системой частной собственности, и несмотря на неудачу нынѣшняго года, слѣдующій годъ принесетъ уже прибыль. Конечно, этому никто не вѣрилъ, и даже отдѣльные коммунисты иронически на это улыбались. Дѣло въ томъ, что всѣ прекрасно понимали, что разграбленное имѣніе, при отсутствіи капитала и спеціалистовъ, казенными руками никогда не довести до той степени культуры, въ какой оно находилось, будучи въ рукахъ собственника, который былъ лично заинтересованъ въ доходахъ, получаемыхъ съ имѣнія, что заставляло его бережно относиться къ самому имѣнію и всѣми силами ста-

раться поднять его культуру. Теперь же были только одни чиновники, правда отличающіеся отъ прежней формаціи тѣмъ, что они носили на головномъ уборѣ красную звѣзду и нюганы на поясѣ, но въ сущности оставались тѣми же людьми 20-го числа, до коммунистовъ включительно, не говоря уже о безпартійныхъ. Было бы лишь только сдѣлано, а какъ — это уже вопросъ другой, на это всегда можно было отписаться.

Мнѣ неоднократно приходилось слышать отвѣты, когда я задавалъ вопросъ: Почему то или другое сдѣлано плохо? — «Да вѣдь это совѣтское». И въ этомъ отвѣтѣ слышалось столько презрительнаго къ совѣтскому строю, что дальнѣйшихъ поясненій и не требовалось. Если же ко всему этому прибавить, что большая часть руководителей и исполнителей были совершенно не на своемъ мѣстѣ, а знаніемъ дѣла, пожалуй, стояли ниже меня, то нечего и говорить о томъ, чтобы надежды на прибыль отъ эксплоатаціи имѣній въ будущемъ году могли оправдаться. Отсутствіе скота и земледѣльческихъ машинъ, а также сама работа руками мобилизованныхъ красноармейцевъ, которые, не питая пріязни къ совѣтской власти, думали только о томъ, какъ бы уклониться отъ работы, не позволяли привести въ исполненіе даже самые скромные проекты, которыхъ было такое множество въ Упродгубѣ, т. е. поднятія производительности отобранныхъ имѣній до прежняго ихъ благосостоянія. И это было вездѣ и на каждомъ шагу.

Подъ самымъ городомъ Гомелемъ въ пользованіи Упродгуба была площадь земли около 40 десятинъ, выдѣленныхъ изъ общей земли культурнаго имѣнія княгини Паскевичъ подъ названіемъ «Прудокъ». Само это имѣніе находилось въ 3-хъ верстахъ отъ Гомеля и представляло раньше большую статью дохода для владѣльца. Здѣсь была культура всѣхъ злаковъ, растущихъ въ Западномъ Краѣ: огромный питомникъ фруктовыхъ деревьевъ, благодаря которому получили такую громкую извѣстность фруктовые сады Гомеля на рынкахъ Петрограда и Москвы, огромный скотный дворъ, оранжереи и огороды. Теперь это имѣніе, послѣ разгрома въ 1918—19 годахъ, отъ котораго остались только поля и огороды, совѣтская власть націонализировала и Уземотдѣломъ, въ распоряженіе котораго оно перешло, оно было раздроблено на нѣсколько участковъ и роздано въ пользованіе различнымъ коммунистическимъ организаціямъ, а часть площади въ 40 десятинъ земли, прилегавшей непосредственно къ городу, получилъ для эксплоатаціи Упродгубъ. Бывшій волостной писарь Игуменскаго уѣзда, а нынѣ интендантскій генералъ, товарищъ Куделько, рѣшилъ эту площадь земли обратить въ огородъ для питанія зеленью и овощами собственной заготовки, безъ большихъ затратъ, больныхъ и раненыхъ красноармейцевъ въ госпиталяхъ Гомеля и войсковыхъ частяхъ, тѣмъ болѣе, что зелень и овощи были необходимы при цынгѣ, которая въ то время такъ себя давала знать вслѣдствіе плохого питанія. Со свойственнымъ имъ апломбомъ и нахальствомъ люди, бывшіе раньше или волостными писарями, или приказчиками въ сельдяной лавкѣ, теперь принялись за огородное дѣло, ничего въ немъ не понимая. Былъ составленъ проектъ о коренной реформѣ краснаго интендантства въ заготовкѣ соленыхъ огурцовъ, капусты, свеклы и картофеля еще весною 1921 года и отправленъ на утвержденіе въ Упродзапфронтъ въ Смоленскъ, а также расчетъ денежной смѣты на потребное количество необходимыхъ сѣмянъ, которыя должны были быть откуда-то высланы. Въ Смоленскѣ Куделько былъ отмѣченъ открывшимъ Америку и поставленъ въ примѣръ прочимъ начальникамъ Упродгубовъ и, конечно, денежныя средства были отпущены, а сѣмена тоже обѣщали выслать.

Упродгубскіе агрономы, со стажемъ приказчиковъ кожевенной лавки, принялись за дѣло, какъ только сошелъ снѣгъ съ полей, а результаты этого дѣла я увидѣлъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда поступилъ въ Упродгубъ, какъ «инструкторъ-агрономъ». Прежде всего надо сказать, что отпущенныя деньги, вѣроятно, пошли по прямому назначенію, такъ какъ вспашка поля и посадка огородныхъ растеній была произведена «безъ расходовъ отъ казны», а именно, лошадьми

стоявшаго въ Гомелѣ полка, командиру котораго отдавались приказанія о нарядѣ лошадей «въ порядкѣ боевого заданія», а что это значитъ, всѣ чины комсостава красной арміи знаютъ—ибо неисполненіе его влечетъ за собою знакомство съ Особымъ Отдѣломъ В. Ч. К. Посадка же огородныхъ сѣмянъ была произведена красноармейцами рабочаго батальона. Куделько и его агрономы упустили изъ виду въ своемъ проектѣ созданія гомельскаго военнаго огорода то обстоятельство, что земля, отведенная въ ихъ распоряженіе, никогда раньше подъ огородами не была, а засѣвалась овсомъ, рожью, пшеницею и т. п., и, слѣдовательно, почва была не такъ воздѣлана, какъ огородная земля; что же касается удобренія, которое требуется для огорода въ усиленномъ количествѣ, то его уже нѣсколько лѣтъ на этой почвѣ не было, такъ какъ скотъ княгини Паскевичъ былъ расхищенъ еще въ 1918 году. Одно изъ главныхъ условій огорода — близость воды для поливки всходовъ сѣмянъ — также отсутствовало; но все это не остановило новыхъ агрономовъ. Земля была вспахана одинъ разъ, за отсутствіемъ лошадей, ибо командиръ полка, хотя и исполнялъ «боевое заданіе», но все же ему надо было обслуживать и нужды полка. Съ сѣменами опоздали; они пришли въ концѣ мая, при чемъ все было перепутано. Устроили субботникъ, на который всѣ должны были придти, включительно до машинистокъ Упродгуба, и поработали на славу Р. С. Ф. С. Р.

Было посѣяно всего во множествѣ. Посадили гнилой картофель, посѣяли бураки, кормовые и столовые, огурцы, капусту, брюкву, морковь, рѣдьку и редисъ. Передъ началомъ посѣва участвующимъ въ субботникѣ былъ устроенъ митингъ, на которомъ ораторы-коммунисты разъяснили красноармейцамъ и «тупоголовой» служащей интеллигенціи Упродгуба превосходство коммунистическаго государства надъ капиталистическимъ строемъ Европы, чему яркій примѣръ налицо: посѣвъ общими силами совершенно безплатно на пользу государства, который дастъ большіе результаты для питанія красной арміи. По этому случаю была послана телеграмма въ Упродзапъ, откуда пришла благодарность Куделько. Но результатовъ не оказалось: земля, вспаханная одинъ разъ, безъ удобренія, дала очень рѣдкіе всходы, которые поливать было некому и нечѣмъ; сѣмена гнилого картофеля тоже всходовъ не дали, и въ концѣ лѣта вся площадь огорода, за очень малымъ исключеніемъ, поросла лебедой и бурьяномъ, а мнѣ осенью приходилось составлять акты о неурожаѣ, обвиняя въ этомъ сѣмена. А число цынготныхъ въ госпиталяхъ и частяхъ войскъ по прежнему продолжало увеличиваться. Такъ кончилась и эта коммунистическая затѣя.

Не лучше дѣло обстояло и съ фруктовыми садами. Въ Западномъ Краѣ вообще, а въ окрестностяхъ Гомеля, въ частности, — громадное количество фруктовыхъ, садовъ, завоевавшихъ себѣ рынки въ столицахъ и славившихся своими фруктами, главнымъ образомъ яблоками и грушами. Здѣсь, благодаря климату и почвѣ, а также раціонально поставленному веденію садоводства, произрастаютъ всевозможные сорта яблокъ, отличающіеся, какъ хорошимъ нѣжнымъ вкусомъ, такъ и выносливостью къ перевозкѣ. Какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ вездѣ были частные фруктовые сады, образцово поставленные, приносившіе въ прежнее время громадный доходъ владѣльцамъ. Особенно большое количество ихъ было въ окрестностяхъ деревни Брилево. Въ настоящее время всѣ эти сады были отняты отъ прежнихъ владѣльцевъ и числились за Гомельскимъ Уземотдѣломъ, который раздавалъ ихъ въ пользованіе различнымъ Коммунистическимъ организаціямъ для эксплоатаціи. Получилъ въ этомъ году и Упродгубъ одинъ садъ въ самомъ городѣ, такъ называемый «Лисовскаго», и садъ у деревни Брилево, бывшій Мельникова. И что это была за эксплоатація!

Въ 1921 году былъ сравнительно небольшой урожай, такъ какъ ему предшествовалъ урожай 1920 года, и деревья въ этомъ году отдыхали, но тѣмъ не менѣе все-таки яблокъ было такое количество, что ихъ дѣвать было некуда. Прежде, когда эти сады были въ опытныхъ рукахъ хозяина, то онъ, предвидя урожай, заранѣе нанималъ рабочихъ, которые подъ его наблюденіемъ осторожно снимали

фрукты, сортировали, укладывали въ ящики и отправляли на желѣзную дорогу, для транспортированія на столичные рынки. Теперь-же урожай засталъ врасплохъ коммунистическую власть. Продавать ихъ было нельзя, такъ какъ въ то время продажи по коммунистическимъ декретамъ не могло быть, а дѣвать ихъ было некуда. И вотъ приказано было ихъ сушить съ тѣмъ, чтобы потомъ выдавать ихъ въ пайкѣ, какъ суррогатъ чая, но сушилокъ въ городѣ, приспособленныхъ къ этой цѣли, оказалось очень мало, и масса яблокъ сгнила. Самый сборъ фруктовъ производился крайне варварскимъ способомъ. Обыкновенно для этого красноармеецъ влѣзалъ на дерево и принимался усиленно его трясти: яблоки сыпались, какъ горохъ, и бились о землю и, конечно, впрокъ уже не годились. Это еще и не такъ важно, но крайне жалко было смотрѣть, какъ ломались при этомъ деревья.

Красноармейцы мало заботились о сохраненіи дерева и, на замѣчанія быть осторожными въ обращеніи съ ними, отвѣчали: «все равно вѣдь совѣтское». Конечно, масса фруктовъ расходилась по рукамъ, потому что завѣдывающему садомъ, чтобы соблюсти свои личные интересы, нужно было дать кое-что и служащимъ Упродгуба, тѣмъ болѣе, что начальникомъ Упродгуба приказано было отправить нѣсколько вагоновъ фруктовъ въ Москву въ подарокъ членамъ Реввоенсовѣта Республики, а также и въ штабъ фронта въ Смоленскъ. Въ концѣ концовъ, высушено яблокъ было очень мало, и кому они выдавались зимой — неизвѣстно, такъ какъ въ красноармейскій паекъ входила попрежнему вмѣсто чая жженая морковь.

Результаты же такой эксплоатаціи сказались на садѣ: осенью завѣдующій садомъ подалъ рапортъ о томъ, что необходимо вычистить садъ, вырубивъ въ немъ болѣе трехъ тысячъ яблонь, засохшихъ на корню. Осенью же понадобилась окопка деревьевъ, для чего былъ назначенъ нѣсколько разъ «субботникъ», но лучше бы его и не дѣлали: люди, совершенно не заинтересованные въ этой работѣ и согнанные на этотъ субботникъ противъ своего желанія и воли, окапывая деревья, только портили корни, и я думаю, что въ сезонъ 1922 года въ этомъ саду оказалось еще болѣе засохшихъ деревьевъ. Къ этому надо прибавить, что въ распоряженіи завѣдывающаго садомъ не было ни садоваго инструмента, ни опрыскивателей для уничтоженія вредителей деревьевъ, ни извести для обмазки ихъ. Тщетно онъ подавалъ объ этомъ рапорты въ теченіе осени и, наконецъ, зимой, готовясь къ веснѣ, но ничего не могъ добиться, такъ какъ денегъ на пріобрѣтеніе всего этого не отпускалось, да и купить-то не было гдѣ. Подобное безобразіе происходило также и во всѣхъ садахъ военсовхозовъ Упродгуба по губерніи, а также и въ другихъ огромныхъ садахъ Гомеля, принадлежащихъ Уземотдѣлу. Вездѣ имѣло мѣсто крайне хищническое веденіе хозяйства, которое вело къ полной разрухѣ и истребленію всего того, что съ такимъ упорнымъ трудомъ создавалось въ продолженіе десятковъ лѣтъ людьми, относившимися съ любовью къ этому дѣлу. Теперь же стояли у этого дѣла люди, ничего не понимающіе, ничѣмъ не заинтересованные и, слѣдовательно, смотрѣвшіе на него, какъ на «совѣтское». Мнѣ неоднократно приходилось слышать отъ спеціалистовъ, бывшихъ садовниковъ въ этихъ садахъ, что, если будетъ вестись такъ садовое хозяйство и впредь, то не больше какъ года черезъ два-три надо ожидать полной гибели фруктоваго садоводства въ губерніи.

Такъ велось хозяйство въ имѣніяхъ, находящихся въ вѣдѣніи Упродгуба. Моя служба инструктора-агронома заключалась, собственно говоря, въ томъ, чтобы ѣздить по имѣніямъ и составлять акты о неурожаѣ того или другого вида с. х. производства. Въ этихъ поѣздкахъ мнѣ приходилось сталкиваться съ работой въ имѣніяхъ или совхозахъ Уземотдѣла, и вездѣ была общая картина развала и расхищенія всего того, что еще хоть немного сохранилось отъ прежняго владѣльца. Вездѣ у дѣла стояли люди, совершенно съ нимъ незнакомые, невѣжественные, съ крайне растяжимой совѣстью, заботившіеся, главнымъ образомъ, о своемъ

карманѣ. Въ учрежденіяхъ сидѣло нѣсколько прежнихъ спеціалистовъ, мобилизованныхъ на эти должности совѣтской властью, но они были только пѣшками въ рукахъ комиссара учрежденія, по большей части молодого еврея, бывшаго при старомъ режимѣ мальчикомъ на побѣгушкахъ въ какой нибудь лавкѣ; теперь это была важная персона съ «наганомъ» на боку, говорившая много о контръ-революціи, саботажѣ буржуазіи, къ которой причислялись и эти голодные и нуждающіеся спецы, и рѣшенія котораго должны были приводиться безапелляціонно въ исполненіе. Конечно, эти спецы, хотя бы только для того, чтобы ихъ оставили въ покоѣ, исполняли явно абсурдныя распоряженія комиссаровъ, и результатомъ этого являлась крайняя неразбериха. Надо замѣтить, что съ демобилизаціей арміи и сокращеніемъ ея, за штатомъ осталось много коммунистовъ, которымъ надо было дать мѣста. Люди эти были совершенно невѣжественны, едва грамотные, но у нихъ была заслуга передъ Совѣтской властью въ томъ, что каждый изъ нихъ въ свое время разстрѣлялъ или выдалъ въ руки Особаго Отдѣла В. Ч. К. нѣсколькихъ бѣлогвардейцевъ, офицеровъ или бандитовъ, и поэтому Совѣтская власть не могла оставить подобнаго человѣка безъ пайка и приличнаго содержанія тѣмъ болѣе, что коммунистическая партія требовала, чтобы во всѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ не положено было быть комиссарамъ, во главѣ стояли коммунисты, мотивируя свое требованіе тѣмъ, что ея члены будутъ глазами и ушами Совѣтской власти и не допустятъ контръ-революціи. Такимъ образомъ, чтобы быть начальникомъ какого-либо совѣтскаго учрежденія, не надо быть спеціалистомъ какого-либо дѣла, надо быть только коммунистомъ, которому подчинены уже спецы. При такомъ порядкѣ положеніе спецовъ крайне не завидное; они должны унижаться передъ коммунистами, заискивать ихъ расположеніе и не расходиться съ ними во мнѣніяхъ, хотя бы это и противорѣчило ихъ знанію, опыту и совѣсти. Въ противномъ случаѣ, какъ бы ни былъ правъ спецъ, мнѣніе и желаніе начальника-коммуниста всегда восторжествуетъ, а спецъ въ лучшемъ случаѣ можетъ быть перемѣщенъ на худшее мѣсто, если не познакомится съ Чека, благодаря личной мести коммуниста. Даже если спецу и удастся доказать свою невиновность, то перспектива отсидѣть въ тюрьмѣ и въ застѣнкахъ Чека отъ 4—6 мѣсяцевъ, пока ведется о немъ слѣдствіе, голодая и рискуя получить тифъ, который тамъ не переводится, едва-ли это заставитъ такого спеца быть стойкимъ въ своихъ убѣжденіяхъ и не поступиться ими въ состязаніи съ начальникомъ-коммунистомъ. Принимая-же во вниманіе, что всѣ, въ томъ числѣ и спецы, издерганы нервами и душой, что всѣ они, какъ и другіе, перенесли и переносятъ жестокую нужду, обременены семьями и въ поискахъ средствъ къ жизни должны прибѣгать къ взяткамъ, спекуляціи и даже хищенію казеннаго имущества, чѣмъ занимается теперь въ Совдепіи 99 процентовъ служащаго элемента, и что возможно для нихъ дѣлать сравнительно безнаказанно лишь только тогда, когда они живутъ въ согласіи съ коммунистами, то всякому понятно, что заставляетъ ихъ быть покорными исполнителями коммунистической воли и не противорѣчить, хотя бы самому абсурдному распоряженію. И вотъ получается картина, что съ одной стороны дѣло идетъ къ развалу потому, что оно ведется вопреки всякому здравому смыслу, а съ другой стороны — въ силу грандіозныхъ хищеній, взятокъ и спекуляціи.

Въ Совдепіи всѣ такъ къ этому привыкли, всѣ такъ нравственно опустились, что никто въ этомъ не видитъ ничего предосудительнаго и, обыкновенно, общественное мнѣніе попавшемуся въ этомъ высказываетъ не осужденіе, а сожалѣніе въ томъ, что данный субъектъ не умѣлъ спрятать концы въ воду.

Совѣтская власть борется съ этимъ явленіемъ жестокими мѣрами до разстрѣла включительно и, надо правду сказать, разстрѣливаются и коммунисты, но тѣмъ не менѣе побѣдить это зло она безсильна: вмѣсто одного разстрѣлянаго, появляются десятки новыхъ взяточниковъ, воровъ и спекулянтовъ, которыхъ плодится такъ много, которые такъ стараются преуспѣть, которые такъ торопятся сдѣлать это сегодня, что начинаетъ казаться, какъ будто сегодня по-

слѣдній день и завтра произойдетъ что-то такое, когда они это сдѣлать уже будутъ не въ состояніи. Однимъ словомъ, всѣ живутъ только сегодняшнимъ днемъ, а завтра — хоть потопъ.

XV.

Городъ Гомель, переименованный Совѣтской властью въ губернскій, былъ переполненъ всевозможными совѣтскими учрежденіями. Учрежденія эти были расположены въ націонализированныхъ домахъ прежнихъ богачей, которые были или безжалостно выброшены на улицу, или въ свое время разстрѣляны, или же скрылись за границу. Однако, отъ этихъ особняковъ въ настоящее время остались однѣ только стѣны, такъ какъ все, что можно было только вытащить оттуда, своевременно было кѣмъ-то украдено и увезено въ разные города Россіи, до Москвы включительно. Совѣтскимъ учрежденіямъ въ настоящее время приходилось самимъ обзаводиться обстановкой, ибо реквизировать какую-либо мебель не было уже возможности: обыватель былъ ограбленъ до нитки. Поэтому въ учрежденіяхъ были кое-какіе самодѣльные столы и табуретки, которыхъ обыкновенно не хватало для служащихъ, и обыкновенно служебный день начинался съ того, что каждый служащій прежде всего принимался за розыски себѣ мѣста у стола и табуретки, на что шло довольно много времени, а потомъ уже за работу. Лучшіе дома-особняки прежнихъ владѣльцевъ въ городѣ, какъ-то: барона Нолькена, Лисовскаго, предводителя дворянства Стожа, гостиница «Савоя» Шановича, домъ Маянца, домъ Виленскаго Банка и городской Думы были взяты аристократическими совѣтскими учрежденіями, какъ-то: Губревтрибуналомъ, Губчекой, Партійной школой, Исполкомомъ и Коммунистическимъ клубомъ, Губсовнархозомъ, Штабомъ дивизіи, Губкомомъ, Особымъ Отдѣломъ и т. д. Для меблировки этихъ учрежденій было собрано все, что еще не было отобрано у обывателя, при чемъ указаніе и доставка мебели, отъ письменнаго стола, стула, постели и до граммофона включительно, была возложена на предсѣдателей Уличкомовъ, въ порядкѣ «боевого заданія». Послѣдніе, будучи выбранными изъ рядовой обывательской среды, должны были обходить дома и квартиры и описывать всю ту рухлядь, которая осталась отъ былого уюта, и просить, а иногда и требовать, чтобы обыватель отдалъ данную вещь, иначе будетъ непріятность имъ, а также и обывателю за неисполненіе боевого заданія.

Остальныя большія зданія города, какъ-то: бывшая мужская и женская гимназіи, коммерческое училище, семинарія, епархіальное училище, были отведены подъ казармы для войскъ, такъ какъ имѣющіяся въ городѣ казармы 160-го Абхазскаго полка стояли безъ оконъ, дверей и половъ, а другія зданія были обращены въ тюрьму Губчека, желѣзнодорожной Чека и Особаго Отдѣла. Въ огромномъ и спеціально выстроенномъ при прежнемъ режимѣ зданіи для мужской гимназіи помѣщалось Управленіе Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, а въ помѣщеніи семинаріи находился госпиталь, несмотря на то, что въ Ново-Бѣлицѣ, предмѣстьи Гомеля, находилось множество бараковъ, спеціально выстроенныхъ для этой цѣли прежней властью во время Великой войны. Помѣщеній же для учебныхъ заведеній, въ полномъ смыслѣ этого слова, не было, и они ютились въ тѣхъ реквизированныхъ домахъ, которые неудобны для совѣтскихъ учрежденій, т. е. иначе говоря, это были такіе дома, въ которыхъ жить было нельзя. Уже по одному этому можно себѣ представить, какъ шло обученіе дѣтей при такихъ условіяхъ.

Краса и гордость города Гомеля, знаменитый замокъ графа Паскевича Эриванскаго, стоявшій на высокомъ берегу рѣки Сожа, окруженный громаднымъ тѣнистымъ паркомъ, который по своей чистотѣ, планировкѣ и разновидности деревьевъ, а также и аллей, украшенныхъ мраморными статуями, могъ бы въ прежнее время смѣло конкурировать съ любымъ паркомъ Императорскихъ и

Великокняжескихъ дворцовъ въ окрестностяхъ Петрограда, въ настоящее время лежалъ въ развалинахъ. Отъ него сохранилась только башня и галлерея, соединявшая послѣднюю съ главнымъ зданіемъ. Историческій замокъ, принадлежавшій еще когда-то графу Румянцеву, вмѣщалъ въ себѣ массу художественныхъ картинъ, античныхъ вещей и стильной мебели. Все это накоплялось въ теченіе долгихъ лѣтъ его прежними владѣльцами и представляло громадную художественную цѣнность. Замокъ, начиная съ 1917 года, много перенесъ: во времена Керенскаго въ немъ, конечно, поселился совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, пребываніе котораго нанесло неисправимый вредъ художественнымъ цѣнностямъ. Много вещей пропало, а помѣщеніе и мебель были загажены. Послѣ этого во времена Гетмана на Украинѣ, Гомель былъ отнесенъ къ послѣдней, и въ замкѣ помѣстился штабъ оккупаціонныхъ германскихъ войскъ. Нѣмцы художественныхъ цѣнностей не тронули, навели порядокъ, разставили вездѣ часовыхъ, доступъ въ замокъ «товарищамъ» былъ прекращенъ, и отъ нѣмцевъ пострадалъ только знаменитый погребъ винъ замка, который былъ ими распитъ.

Престарѣлая 86-лѣтняя владѣлица замка свѣтлѣйшая княгиня Паскевичъ, урожденная графиня Воронцова-Дашкова, проживала по смерти мужа зимой въ своемъ особнякѣ въ Петроградѣ на Галлерной улицѣ, а лѣтомъ въ Гомельскомъ замкѣ. Революція застала ее въ Петроградѣ. Незадолго до оккупаціи нѣмцами Гомеля она перебралась изъ Петрограда въ свою вотчину и здѣсь благополучно жила при нѣмцахъ. Съ уходомъ нѣмцевъ и съ паденіемъ власти гетмана она бѣжала въ Кіевъ и, въ настоящее время, всѣми оставленная, безъ средствъ вела жалкое существованіе. Княгиня, благодаря своей добротѣ и щедрой благотворительности, оставила добрую память по себѣ въ Гомелѣ и, находясь въ настоящее время въ Кіевѣ со своей камеристкой, которая одна ее не бросила, ютилась гдѣ-то въ комнатѣ, живя подъ чужой фамиліей и питаясь въ польской столовой. Помня ея доброту и отзывчивость къ бѣднымъ, вліятельные люди изъ еврейскихъ круговъ собирали въ еврейской общинѣ деньги и высылали ихъ камеристкѣ княгини, какъ бы въ видѣ дохода съ имѣнія, прибѣгая къ этой уловкѣ, чтобы не обидѣть самолюбія бѣдной старухи. Это было единственное пособіе, на которое кое-какъ жила въ Кіевѣ княгиня.

Съ уходомъ нѣмцевъ замокъ вновь перешелъ въ руки большевиковъ, и въ немъ помѣстился штабъ красныхъ войскъ. Въ 1919 году 25-го марта въ большевицкихъ частяхъ, расположенныхъ въ Гомелѣ, вспыхнуло извѣстное Стрыкопытовское возстаніе. Въ это время Совдепія была въ состояніи войны съ Польшей, хотя обѣ стороны къ активнымъ дѣйствіямъ не приступали. Поляки ограничились занятіемъ праваго берега Днѣпра и г. Рѣчицы, въ 40 верстахъ отъ Гомеля; построили тамъ позицію, изрѣдка обстрѣливая артиллерійскимъ огнемъ большевицкія части, расположенныя на лѣвомъ берегу Днѣпра противъ Рѣчицы. Мостъ черезъ Днѣпръ былъ взорванъ. Большевики, не имѣя достаточнаго количества войскъ въ своемъ распоряженіи, не могли сбить поляковъ, да кромѣ того ихъ дальнѣйшему продвиженію впередъ препятствовало отсутствіе переправъ черезъ Днѣпръ, что не мѣшало, однако, полякамъ выслать свои разъѣзды и на лѣвый берегъ Днѣпра въ тылъ большевикамъ, какъ напримѣръ, до разъѣзда «Приборъ», лежавшаго въ 15 верстахъ отъ Гомеля. Въ большевицкихъ частяхъ тогда еще не было плотной спайки, дисциплина совершенно отсутствовала. Резервныя части, стоявшія въ Гомелѣ, большевицкимъ властямъ приходилось отправлять на позицію послѣ митинговъ, на которыхъ ораторы лѣзли вонъ изъ кожи, чтобы убѣдить красноармейцевъ защищать рабоче-крестьянскую власть отъ нападенія буржуевъ-поляковъ. Для усиленія количества войскъ подъ Рѣчицей, изъ Москвы перебрасывался въ мартѣ мѣсяцѣ 1919 года полкъ, почему-то прозванный впослѣдствіи обывателями Гомеля «интеллигентнымъ». Вѣроятно названіе это было присвоено ему потому, что этотъ полкъ былъ укомплектованъ преимущественно студентами и воспитанниками старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній г. Москвы по мобилизаціи и, слѣдовательно, былъ доста-

точно ненадеженъ въ смыслѣ вѣрности Р.С.Ф.С.Р. Этотъ полкъ, остановившись на ст. Гомель, по пути слѣдованія къ Рѣчицѣ, отказался ѣхать на позицію. Когда власть попробовала принять строгія мѣры, дабы привести его къ повиновенію, то въ полку вспыхнулъ уже настоящій бунтъ, при чемъ къ этому полку присоединилась большая часть войскъ Гомельскаго гарнизона, среди которыхъ велъ дѣятельную пропаганду нѣкто капитанъ Стрыкопытовъ, служившій въ одной изъ частей. Получилось уже настоящее Гомельское возстаніе, которое впослѣдствіи получило названіе «Стрыкопытовщины». Капитанъ Стрыкопытовъ сталъ во главѣ возставшихъ частей и объединилъ общее командованіе. Небольшая часть войскъ, оставшаяся вѣрной большевикамъ, ушла изъ города за рѣку Сожъ въ предмѣстье Ново-Бѣлицу. Въ гостиницѣ «Савоя», на Румянцевской улицѣ собрались всѣ большевицкіе дѣятели, захваченные врасплохъ возстаніемъ, и рѣшили обороняться при помощи батальона китайцевъ. Возставшіе съ вокзала «Гомель-Полѣсскій» открыли артиллерійскій огонь по гостиницѣ, причемъ сразу же оказались меткія попаданія. Послѣ небольшой артиллерійской подготовки, возставшіе штурмомъ взяли гостиницу «Савоя», перебили китайцевъ и комиссаровъ, и Стрыкопытовъ сдѣлался хозяиномъ положенія въ Гомелѣ.

Несмотря на кажущійся успѣхъ, это вспыхнувшее стихійно возстаніе, какъ и другія, ему подобныя, не имѣло въ концѣ концовъ почвы подъ ногами и было подавлено большевиками. Стрыкопытовъ, не имѣя ни съ кѣмъ связи, не могъ разсчитывать на подкрѣпленіе. Военныя силы у него таяли, ибо возставшіе красноармейцы стали расходиться по домамъ, а большевики стянули къ Ново-Бѣлицѣ порядочныя силы изъ Брянска и начали артиллерійскій обстрѣлъ города. Нѣсколько снарядовъ попало въ главное зданіе замка и произвело въ немъ пожаръ, отъ котораго онъ и сгорѣлъ. Стрыкопытовъ держался въ Гомелѣ около недѣли, но по мѣрѣ того, какъ большевики стали проявлять болѣе энергичныя мѣры къ наступленію на Гомель, все болѣе и болѣе терялъ своихъ единомышленниковъ, которые, какъ я уже выше сказалъ, или расходились по домамъ, или же просто перебѣгали къ большевикамъ, чуя конецъ возстанія. Наконецъ Стрыкопытовъ, оставшись съ небольшой горстью идейныхъ защитниковъ бѣлаго движенія, видя, что его дѣло прогораетъ, вышелъ изъ города и отошелъ благополучно къ Рѣчицѣ, гдѣ и перешелъ къ полякамъ. Характерно при этомъ то обстоятельство, что этому не воспрепятствовали тѣ большевицкія части, которыя были расположены на позиціи противъ поляковъ и черезъ которыхъ Стрыкопытовъ, казалось бы, долженъ былъ пробиваться. Большевики вошли въ Гомель и устроили пышныя похороны «жертвамъ революціи». Двадцать четыре комиссара, найденные убитыми въ гостиницѣ «Савоя», съ большой помпой были похоронены въ центрѣ города въ Гоголевскомъ скверѣ, который съ этого времени носитъ названіе уже не Гоголевскаго, а «скверъ 25 марта». На могилахъ погребенныхъ были поставлены гипсовые памятники съ обозначеніемъ фамиліи и званія погребеннаго. Я былъ въ этомъ скверѣ и читалъ надписи — все еврейскія фамиліи. Памятники развалились, могилы затоптаны и покрыты шелухой сѣмячекъ; не видно ни ухода, ни заботы о нихъ. Прошло всего два года, и совѣтская власть забыла тѣхъ, кто погибъ за нее.

Какъ я уже выше сказалъ, главное зданіе замка погибло отъ пожара, погибли въ немъ и вся обстановка и художественныя цѣнности. Во время пожара мало кто заботился о выносѣ ихъ изъ огня, и лишь случайно уцѣлѣвшія вещи были перенесены въ зданіе башни, которая уцѣлѣла отъ пожара, такъ какъ была соединена съ главнымъ зданіемъ только стеклянной галлереей. Уцѣлѣло точно также отъ пожара и противоположное башнѣ зданіе съ домовой церковью. Въ описываемое время въ немъ была расположена «Гомельская консерваторія», а въ лѣвомъ зданіи съ башней были расположены, въ покояхъ князя, художественныя и историческія вещи, бывшія тамъ ранѣе и случайно спасенныя отъ пожара, и все это получило названіе: «Художественно-историческаго музея имени Луначарскаго», что и спасло всѣ художественныя и историческія цѣнности отъ

дальнѣйшаго разграбленія. Это большая заслуга завѣдующаго музеемъ нѣкоего Маневича, еврея по національности, образованнаго человѣка, который своей энергіей отстоялъ художественныя цѣнности отъ разграбленія большевиками и сумѣлъ заинтересовать этимъ музеемъ во время центральную власть въ Москвѣ, которая, признавъ правильность доводовъ Маневича, назначила его завѣдующимъ музеемъ, выдавъ ему мандаты на неприкосновенность музея отъ посягательства какой-либо Гомельской мѣстной совѣтской власти и объявивъ этотъ музей государственной собственностью.

Для осмотра музея были назначены два дня въ недѣлю въ извѣстное время, причемъ поясненіе посѣщающимъ давалъ самъ Маневичъ. Публика очень охотно его посѣщаетъ, а особенно школы, причемъ, надо сказать правду, очень бережно относится къ вещамъ, расположеннымъ въ комнатахъ музея. Много, конечно, импонируетъ той части публики, у которой остались еще грабительскія наклонности, и заставляетъ ее сдерживать свои аппетиты названіе музея — «имени Луначарскаго». Я также побывалъ въ немъ. Это обширное зданіе, состоящее изъ башни въ четыре этажа, горделиво возвышающейся на высокомъ берегу р. Сожа. Первый этажъ, имѣющій нѣсколько большихъ комнатъ, былъ прежде личнымъ покоемъ князя и уставленъ весь предметами, относящимися къ жизни свѣтлѣйшаго князя фельдмаршала Паскевича-Эриванскаго. Здѣсь находятся два громадные хрустальные канделябра — подарокъ фельдмаршалу Императора Николая I, масса батальныхъ картинъ изъ его походовъ, портреты, какъ его самого въ различныхъ формахъ до мундира австрійскаго фельдмаршала включительно, такъ и Императоровъ и Императрицъ, начиная съ Петра Великаго; шатеръ персидскаго Шаха Абассъ-Мирзы, регаліи, коллекція монетъ, мундиры фельдмаршала, ордена и т. д. Здѣсь же стоитъ старая мебель работы извѣстныхъ мастеровъ Парижа, въ свое время выписанная оттуда фельдмаршаломъ. Между прочимъ, интересно отмѣтить отношеніе къ такимъ вещамъ Гомельскаго исполкома. Какъ я уже выше упомянулъ, совѣтскія учрежденія Гомеля въ послѣднее время были озабочены меблировкой своихъ помѣщеній, и вотъ Исполкомъ, обративъ вниманіе на мебель музея, постановилъ реквизировать ее для своихъ нуждъ. Не знаю, чѣмъ кончилась эта исторія, но Маневичъ всталъ на дыбы и заявилъ, что мебели этой онъ ни въ коемъ случаѣ не выдастъ и будетъ искать поддержки у центральной власти.

Второй и третій этажъ башни занятъ огромной библіотекой французскихъ книгъ, доходящей до 20 000 томовъ, между которыми есть очень рѣдкіе экземпляры; кромѣ того, здѣсь висятъ также батальныя картины походовъ фельдмаршала, а въ четвертомъ этажѣ находится довольно большая коллекція костей ископаемыхъ животныхъ, начиная отъ мамонта, найденныхъ въ свое время по берегамъ рѣки Сожа, чуть ли ни противъ замка. Все это содержится въ полномъ порядкѣ, регистрируется и охраняется благодаря Маневичу, который положительно влюбленъ въ свой музей, и надо отдать ему справедливость, что не будь его, все бы исчезло въ свое время безъ возврата.

Вокругъ замка расположенъ огромный паркъ, который въ прежнее время содержался съ исключительной заботливостью. Теперь же онъ находится въ полной запущенности. Гомельская публика, преимущественно совѣтскаго типа, избрала его своимъ любимымъ мѣстопребываніемъ и, конечно, загадила его до неузнаваемости. Мраморныя статуи разбиты, дорожки завалены шелухой отъ сѣмячекъ, а лужайки истоптаны, несмотря на запрещеніе, оставшееся въ силѣ и при совѣтской власти, ходить по травѣ. Прудъ занесенъ пескомъ, и затянулся уже въ болото; отъ бывшихъ здѣсь лебедей остался только ихъ домикъ. Громадныя оранжереи, въ которыхъ культивировались персики, абрикосы и виноградъ, зіяютъ разбитыми стеклянными крышами, и все, что раньше въ нихъ росло, погибло зимой отъ морозовъ. Въ противоположномъ концѣ парка находится усыпальница князей Паскевичъ. Она представляетъ собой большую часовню, построенную изъ отшлифованнаго финляндскаго гранита въ русско-

византійскомъ стилѣ. Подъ часовней находится обширный склепъ, въ которомъ находится прахъ фельдмаршала, его жены и дѣтей, и между ними лежитъ и послѣдній усопшій князь, владѣлецъ замка.

Лѣтомъ 1921 года въ Гомелѣ ходилъ слухъ, возмущавшій жителей, о томъ, что чекисты открыли склепъ и сняли съ труповъ всѣ вещи, представлявшія цѣнность и между прочимъ у послѣдняго князя отрѣзали голову для того, чтобы легче было снять какой-то шейный орденъ, съ которымъ онъ былъ погребенъ.

Около башни замка противъ окна кабинета князя стоитъ громадная конная статуя польскаго короля Понятовскаго, работы Торвалдсена, вывезенная какъ трофей изъ Варшавы фельдмаршаломъ. Въ городѣ говорили, что въ связи съ Рижскимъ договоромъ большевикамъ придется возвратить полякамъ этотъ памятникъ. И дѣйствительно передъ моимъ отъѣздомъ изъ Гомеля въ февралѣ мѣсяцѣ 1922 года въ Гомель прибыла депутація изъ Польши за памятникомъ въ составѣ двухъ ксендзовъ и двухъ гражданскихъ лицъ.

Паркъ еще былъ замѣчателенъ обиліемъ соловьевъ, которые наполняли своимъ пѣніемъ всѣ аллеи, но думаю, что въ недалекомъ будущемъ и они тоже исчезнутъ, такъ какъ ихъ перетаскаютъ на кормъ своихъ птенцовъ грачи, которыхъ въ паркѣ поселилось уже громадное количество. Въ Гомелѣ и его окрестностяхъ вообще много грачей, но прежде садовники строго слѣдили за тѣмъ, чтобы грачи не селились въ паркѣ, разоряя ихъ гнѣзда и даже стрѣляя по нимъ. Отсутствіемъ грачей и объясняется такое количество соловьевъ въ паркѣ. Въ настоящее время никакихъ садовниковъ нѣтъ, и всѣ аллеи парка унизаны гнѣздами грачей, которые, къ тому же, приносятъ вредъ деревьямъ, ломая сучья, отъ чего деревья сохнутъ и, если такъ пойдетъ дальше, то и парку грозитъ уничтоженіе, неизбѣжное при большевицкой власти. Одна надежда на Маневича, который, какъ говорятъ, предполагалъ съ наступленіемъ весны 1922 года забрать паркъ въ свои руки, повѣсить замки на ворота, привести паркъ въ порядокъ и впускать туда публику только за плату съ благотворительной цѣлью, въ извѣстные дни, какъ это было прежде при владѣльцѣ.

Огромное имѣніе княгини Паскевичъ, доходившее до 80 000 десятинъ земли, большей частью покрытое лѣсомъ, лежало втунѣ, такъ какъ хозяйство въ экономіяхъ велось тѣмъ же варварскимъ способомъ, о которомъ я упоминалъ выше. Извѣстная бумажная фабрика въ Добрушѣ, дававшая въ прежнее время милліонные доходы, въ настоящее время еле влачила существованіе, такъ какъ не было, ни спеціалистовъ, ни сырья, а рабочіе, хотя и находились теперь уже на совѣтской службѣ въ государственномъ предпріятіи, по постоянно бастовали, своевременно не получая жалованія.

Лѣсничества, которыхъ было пять, тоже находились въ полномъ упадкѣ, такъ какъ крестьяне за 1918—19 года, вырубившіе массу лѣса, самовольно и, конечно, безъ соблюденія лѣсоохранительныхъ законовъ, въ настоящее время продолжали эти порубки, валя строевой лѣсъ на дрова, цѣна на которыя зимой въ городѣ поднялась до необычайныхъ размѣровъ. Хотя совѣтская власть мобилизовала всѣхъ прежнихъ лѣсничихъ, а также и лѣсниковъ, и вернула ихъ на прежнія мѣста, приказавъ имъ препятствовать самовольнымъ порубкамъ, но это мало помогало теперь дѣлу. Сторожа, боясь краснаго пѣтуха, а то и убійства, которое такъ возможно въ настоящее время, дѣлали лишь робкія попытки къ составленію протоколовъ на порубленный лѣсъ. Съ другой стороны губернскій лѣсотдѣлъ, во главѣ котораго стояли безграмотные въ этомъ дѣлѣ коммунисты, давая наряды на заготовку лѣса для шпалъ и дровъ, для нуждъ желѣзной дороги и отопленія совѣтскихъ учрежденій въ Гомелѣ, не считался съ планомъ рубки лѣса, который составляется на десятилѣтія и, такъ какъ въ настоящее время уже всѣ участки, подлежащіе вырубкѣ въ этомъ году, были использованы, отдалъ приказаніе рубить тотъ лѣсъ, который, собственно говоря, можно было бы рубить только черезъ 10—20 лѣтъ. Въ 1919—20 г.г. были сформированы лѣсозаготовительныя дружины изъ мобилизованныхъ солдатъ старшихъ

возрастовъ. Эти дружины въ свое время вырубили много лѣса, но онъ остался почти не использованнымъ по своему назначенію, такъ какъ, во-первыхъ, вывезти его было не на чемъ, а во-вторыхъ, смѣтливые люди перепродали его спекулянтамъ, и отъ него въ настоящее время не осталось и слѣдовъ. Нужда же въ топливѣ на желѣзныхъ дорогахъ была огромная, и поэтому совѣтская власть отдавала приказанія рубить какой ни есть лѣсъ, лишь бы поближе къ желѣзной дорогѣ.

Лѣсная дичь, водившаяся въ большомъ количествѣ въ лѣсахъ княгини Паскевичъ, въ настоящее время исчезла почти вся. Погибли дикія козы, лоси, кабаны, а также и бережно охраняемый въ прежнее время бобръ, для котораго былъ созданъ заповѣдный участокъ въ лѣсничествѣ около дер. Терешковичи по р. Сожу. Въ періодъ 1918—19 г.г. все это безпощадно истреблялось крестьянами. За то въ настоящее время развелось необыкновенное количество волковъ, которые сдѣлались бичомъ для крестьянскаго населенія. Въ ноябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ постоянно приходилось слышать разсказы о нападеніи волковъ не только на скотъ, но и на людей. Даже подъ самымъ Гомелемъ на окраинахъ города были случаи, когда волки подходили къ самымъ окнамъ. Мнѣ самому пришлось видѣть волка въ полуверстѣ отъ городской черты, который грызъ трупъ павшей лошади. Въ это время въ воинскихъ частяхъ былъ большой падежъ отъ безкормицы, и трупы ихъ по небрежности не закапывались, а просто вывозились за черту города и тамъ бросались. Это, конечно, привлекало голодныхъ волковъ, тѣмъ болѣе, что стрѣлять ихъ было некому и нечѣмъ. Къ этому времени винтовки у населенія были уже отобраны, а у солдатъ хотя и были, но за то не было патроновъ.

На окраинѣ города, по Могилевскому шоссе, были расположены огромныя помѣщенія Земско-городского союза, выстроенныя во время Великой войны. Здѣсь были мастерскія, фабрики и заводы, работавшіе на западный фронтъ. Въ настоящее время все это было закрыто, и на огромной территоріи Земско-городского городка не видно было ни одной живой души. Все это рушилось и растаскивалось на дрова окрестными жителями, а также и воинскими частями, расположенными въ городѣ, которыя зимой мерзли отъ холода. За Полѣсскимъ вокзаломъ былъ расположенъ интендантскій городокъ, построенный также во время Великой войны. Здѣсь также были когда-то громадные сараи, вмѣщавшіе въ себѣ интендантское имущество — базы западнаго фронта. Въ настоящее время не только отъ имущества, но и отъ сараевъ не осталось и слѣда.

Еще осенью 1920 года, когда я былъ первый разъ въ Гомелѣ, была назначена совѣтской властью ревизія интендантскаго городка. За день до ревизіи главные склады, въ которые въ свое время было перенесено имущество изъ другихъ сараевъ, сгорѣли, и этимъ дѣло кончилось, хотя въ городѣ усиленно ходили слухи о поджогѣ, чтобы скрыть слѣды расхищенія. Оставшіеся пустые сараи были разобраны воинскими частями частью на дрова, частью на оборудованіе тѣхъ домовъ подъ казармы для войскъ, которые были отведены воинскимъ частямъ за ненадобностью ихъ для привилегированныхъ совѣтскихъ учрежденій. Такимъ образомъ, пропало большой цѣнности имущество — и зданія Земско-городского союза и интендантства, которыя при другой власти могли быть использованы съ большой пользой для нуждъ государства.

XVI.

Я пріѣхалъ вторично въ Гомель весною 1921 года, въ то время, когда о Нэпѣ еще ничего не было слышно. Тогда еще оставалось въ силѣ ученіе коммунистовъ о вредѣ свободной торговли, о безплатномъ пользованіи государственными предпріятіями, какъ-то: желѣзными дорогами, трамваями, пароходами, водопроводомъ и т. д.. На митингахъ все еще продолжали болтать о томъ,

что въ соціалистическомъ государствѣ деньги не нужны и скоро ихъ совсѣмъ отмѣнятъ, — какъ бы утѣшая этимъ слушателей, которые жаловались на паденіе рубля, — и что каждый трудящійся человѣкъ будетъ получать все, что хочетъ, изъ государственныхъ складовъ по трудовой книжкѣ, въ которую будетъ записано, сколько часовъ онъ проработалъ въ день, и, соотвѣтственно съ этимъ, ему будетъ выдано столько товару, сколько онъ заработалъ. При этомъ обыкновенно добавлялось, что рабочихъ часовъ въ день будетъ очень мало, а выдача за рабочій часъ будетъ очень большая. На агитпунктахъ, которые были устроены повсюду, приходилось слушать и еще болѣе глупыя вещи, но обыкновенно эти глупости большого успѣха не имѣли. Аудиторія только недовѣрчиво покачивала головой, но оппонентовъ не находилось, такъ какъ это было рискованно: можно было по окончаніи митинга познакомиться съ Чека.

Въ то время въ Гомелѣ все было безплатно. Были безплатныя столовыя, въ которыхъ ѣсть не давали, объясняя невыдачей продуктовъ; были безплатныя парикмахерскія, гдѣ нельзя было ни стричься, ни бриться, хотя парикмахеры и были на жалованіи у городской коммуны, но жалованіе это было такъ ничтожно, что парикмахеры даромъ не стригли и не брили, объясняя свой отказъ отсутствіемъ «общественнаго» инструмента, «а ежели съ нашимъ инструментомъ, то пожалуйте денежки». Былъ государственный оркестръ, собранный изъ всѣхъ музыкантовъ города Гомеля, обязанныхъ играть по приказу исполкома, но онъ впослѣдствіи распался. Очень плохо обстоялъ вопросъ съ банями, которыя тоже были объявлены безплатными, но фактически для населенія не существовали. Обѣ бани на Милліонной и на Фельдмаршальской улицѣ были въ свое время реквизированы у владѣльцевъ для нуждъ войсковыхъ частей. Отъ этой реквизиціи бани сильно пострадали: печи, трубы, водопроводъ были испорчены, такъ какъ обращеніе было самое варварское и, хотя въ настоящее время бани были переведены въ коммунальное хозяйство, но ремонтировать ихъ было некому и нечѣмъ, и они стояли закрытыя. Населеніе вшивѣло, такъ какъ мало было счастливцевъ, которые могли попасть въ баню, сохранившуюся гдѣ-нибудь въ усадьбѣ на окраинѣ города, построенную владѣльцемъ для себя. Базары все еще разгонялись, а самое мѣсто базара я при второмъ прибытіи въ Гомель не узналъ: всѣ постройки на немъ были снесены, и онъ представлялъ пустую площадь, тогда какъ въ прошломъ году здѣсь еще стояли лавки и постройки для торговли.

Впервые попытки къ свободной торговлѣ въ Гомелѣ были сдѣланы въ Троицынъ день, въ 20-хъ числахъ іюня. Въ это время уже въ Москвѣ было рѣшено перейти къ Нэпу, но открыто объ этомъ еще не высказывалось. И вотъ въ Троицынъ день въ Гомелѣ прежде всегда была ярмарка, продолжавшаяся 3 дня, на которую съѣзжалась масса окрестныхъ крестьянъ. Къ этому времени начали строить на площади базара балаганъ, въ которомъ на полкахъ стали раскладывать мануфактуру и скобяной товаръ союзы кооперативовъ. Крестьяне, по обычаю, въ этотъ день пріѣхали на базаръ и, увидѣвъ съ удивленіемъ въ балаганѣ такіе рѣдкіе въ настоящее время предметы, осторожно и робко, опасаясь какого-либо подвоха, стали узнавать, въ чемъ тутъ дѣло. Оказалось, что здѣсь можно вымѣнять мануфактуру, гвозди, желѣзо на рожь, пшеницу, ячмень, овесъ и сало, а если этихъ предметовъ и нѣтъ, то можно купить и за деньги. Дѣло пошло ходко и кооперсоюзъ торговалъ на славу. Потомъ замѣтили, что болѣе недѣли не разгоняли базаръ. Далѣе нѣсколько смѣлыхъ евреевъ открыли лавченки, торгуя всякой дрянью. Вскорѣ пришло извѣстіе, что безплатный проѣздъ по желѣзной дорогѣ и на пароходахъ прекращенъ и что теперь надо становиться въ очередь у кассы и покупать билеты. Нѣсколько одураченныхъ на митингахъ чудаковъ, слѣпо вѣрившихъ ораторамъ, попробовали заикнуться, «что, молъ, какъ же это такъ, вѣдь говорили, что все безплатно», но имъ Чека заткнула глотку. Такимъ образомъ «Нэпъ» появился въ Гомелѣ, и все пошло по новому: открылись магазины, конечно, не прежніе, а нищенски-спекулянтскіе, рестораны,

въ которыхъ появились евреи-музыканты, разбѣжавшіеся изъ «государственнаго оркестра»; безплатныя столовыя закрылись; открылись бани, сданныя въ аренду городской коммуной, и за 15 000 рублей можно было уже постричься и побриться въ парикмахерской, не встрѣчая отказа. На улицахъ поражало глазъ обиліе такъ называемыхъ «парфюмерокъ». Это были, собственно говоря, аптекарскіе магазины, но, конечно, въ мизерномъ видѣ; товаръ въ нихъ былъ контрабандный изъ Польши, но за то въ нихъ можно было достать все изъ парфюмеріи, а главное, что было очень цѣнно, здѣсь можно было достать, конечно, тихонько и лѣкарства, тогда какъ ихъ въ аптекахъ, со времени націонализаціи и перехода въ совѣтскія руки, достать не было никакой возможности, и въ то тяжелое время, до «Нэпа», больному обыкновенно приходилось слышать отъ врача, что «рецептъ-то я вамъ пропишу, но лѣкарство въ аптекѣ вы все равно не достанете». Съ «Нэпомъ» націонализированныя аптеки вели жалкое существованіе, и уже ходили слухи, что ихъ исполкомъ тоже будетъ сдавать въ аренду прежнимъ владѣльцамъ, между тѣмъ въ то же время еще не разрѣшали открывать аптекарскіе магазины; но изъ этого положенія смѣтливые гомельскіе евреи легко вышли: они открыли «парфюмерки».

Базары стали торговать открыто; на нихъ среди всякаго хлама появились и предметы, необходимые населенію. Почти все это была контрабанда изъ Польши, перекупаемая спекулянтами въ Минскѣ, который благодаря близости къ границѣ пріобрѣлъ громадное значеніе въ торговлѣ Бѣлоруссіи. Такъ продолжалась «нэповская» торговля въ теченіе іюля и августа мѣсяцевъ, но въ сентябрѣ мѣсяцѣ уже для «свободной торговли» начались стѣсненія, которыя тотчасъ же отразились на повышеніи цѣнъ. Для того, чтобы имѣть право торговать хотя бы весь товаръ находился на рукахъ, нужно было купить въ исполкомѣ билетъ на право торговли, причемъ цѣна этого билета была очень большая, а самъ билетъ былъ дѣйствителенъ только на одинъ мѣсяцъ; въ слѣдующій же мѣсяцъ цѣна возрастала въ нѣсколько разъ болѣе предыдущаго. Помимо этого такъ называемаго «государственнаго сбора», торговцевъ облагали всякими сборами всѣ, кому было только не лѣнь изъ представителей совѣтской власти.

Въ это время у совѣтской власти были особенно въ модѣ «недѣли». Такъ напримѣръ, была объявлена «недѣля помощи голодающимъ Поволжья», которая продолжалась четыре недѣли; вслѣдъ за тѣмъ была объявлена «недѣля улучшенія матеріальнаго положенія красноармейцевъ», «недѣля школы» и т. п. Всѣ эти «недѣли» обыкновенно ознаменовывались вымогательствомъ, соединеннымъ съ угрозами, у населенія денегъ, вещей, носильнаго бѣлья, обязательствомъ купить лотерейные билеты на устраиваемыхъ большевиками гуляніяхъ, при этомъ послѣдніе не стѣснялись въ средствахъ. Такъ какъ эти гулянія посѣщались праздношатающимися красноармейцами и коммунистической молодежью изъ молодыхъ евреевъ, а у этой публики не было ни желанія, ни средствъ покупать билеты лотереи, то большевики прибѣгали къ слѣдующему средству: вызывали предсѣдателей уличкомовъ, раздавали имъ лотерейные билеты и обязывали ихъ въ трехдневный срокъ внести деньги за нихъ. Предсѣдателямъ разговаривать много не приходилось, и они обходили всѣ дома въ своемъ районѣ и предлагали по разверсткѣ на каждую семью купить у нихъ извѣстное число билетовъ, предупреждая, что въ случаѣ отказа данное лицо будетъ объявлено контръ-революціонеромъ и будетъ имѣть дѣло съ Губчской. Конечно, при такомъ заявленіи ничего не оставалось дѣлать, какъ купить эти билеты, часто даже занимая для этого деньги. Мнѣ пришлось также заплатить тысячу рублей за такой билетъ. Кромѣ того, на все время этихъ «недѣль» Гомельскій губисполкомъ устанавливалъ принудительный сборъ въ размѣрѣ отъ 25 до 50% стоимости проѣздныхъ билетовъ на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ, а также за перевозку багажа и товара въ предѣлахъ Гомельской губерніи. Болѣе всего при этомъ облагались торговцы, которые, не успѣвъ внести одинъ налогъ, получали повѣстку на другой. Ко всему этому служащіе со своего скуднаго со-

держанія должны были, согласно постановленію исполкома, вносить 10% отъ своего жалованія въ пользу «недѣль». У въѣзда въ городъ были устроены заставы, на которыхъ надо было купить билетъ на право въѣзда въ городъ, при чемъ не дѣлалось различія между крестьяниномъ, который ѣхалъ туда продавать или покупать что-либо. Всѣ эти поборы страшно взвинтили цѣны на предметы первой необходимости, и измученное и обнищавшее населеніе не имѣло возможности пріобрѣтать что-либо для себя.

Въ началѣ 1922 года аппетиты совѣтскихъ властей по наложенію всякихъ сборовъ на торговцевъ разыгрались настолько, что послѣдніе не могли дальше вести свое дѣло и начали закрывать свои предпріятія. Въ послѣднихъ числахъ февраля передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Гомеля на Румянцевской улицѣ передъ зданіемъ финотдѣла, помѣщавшемся въ зданіи бывшаго Сѣвернаго банка, я видѣлъ толпу болѣе 2 000 человѣкъ, которая состояла изъ торговцевъ всевозможныхъ видовъ, принесшихъ свои торговыя свидѣтельства съ отказомъ отъ торговли на будущее время, въ виду невозможности ее вести, вслѣдствіе сильныхъ поборовъ. Толпа, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ евреевъ, была нервно настроена, жестикулировала, шумѣла и волновалась, оцѣпленная конными красноармейцами стоящей въ Гомелѣ XI-й кавдивизіи, со стороны которыхъ шла отборная площадная ругань по адресу толпы. Сновали милицейскіе и красовался гордо на конѣ начальникъ губернской милиціи Фернебокъ. Недоставало только конныхъ жандармовъ и казаковъ, да красноармейцы были рваные, а то была бы полная картина прежняго «произвола полиціи», а не свободнаго митинга при рабоче-крестьянской власти. Я поспѣшилъ благоразумно удалиться и не знаю, чѣмъ кончилось дѣло, такъ какъ въ тотъ же день выѣхалъ изъ Гомеля, но въ Петроградѣ читалъ въ «Петроградской Правдѣ» телеграмму о томъ, что въ Гомелѣ забастовали торговцы.

Не могу не вспомнить горячихъ жалобъ извѣстнаго въ Гомелѣ булочника, который горько жаловался на то, что онъ повѣрилъ совѣтской власти и съ появленіемъ «Нэпа» открылъ свое прежнее дѣло.

«Вы подумайте только, какъ я попалъ впросакъ, какъ я оказался глупъ, повѣривъ совѣтской власти. Я повѣрилъ совѣтской власти, я, котораго въ нашей еврейской средѣ считаютъ настолько умнымъ, что даже со мной совѣтуются раввины! Пришелъ «Нэпъ», надо какъ-нибудь жить. У меня большая семья, которую надо содержать, раньше были деньги, имущество, все это у меня отобрали, какъ у буржуя, и вотъ я рѣшилъ снова работать. Для открытія дѣла мнѣ нужно было 20 000 000 рублей, и я, доставъ ихъ подъ громадные проценты, такъ какъ вы сами знаете, какіе теперь берутъ, началъ дѣло. Вы сами знаете, съ какими трудностями теперь можно достать муку въ такомъ количествѣ, чтобы открыть булочную. Сколько надо заплатить за провозъ, сколько денегъ затратить на взятки, но все это я продѣлалъ, дѣло вѣрное, нужда въ моемъ товарѣ у населенія большая, и мнѣ казалось, что я наживу деньги. При самомъ открытіи пекарни я уже наткнулся на затрудненія: оказалось, что рабочихъ я могу нанять только черезъ профсоюзъ, который на мое заявленіе, послѣ нѣкоторой волокиты, прислалъ ихъ мнѣ, но не тѣхъ, которыхъ мнѣ нужно было. Такъ, напримѣръ, вмѣсто булочниковъ и кондиторовъ прибыли хлѣбопеки чернаго хлѣба. Когда же я заявилъ, что они мнѣ не нужны, профсоюзъ отвѣтилъ, что я долженъ держать тѣхъ мастеровъ, которые состоятъ въ профсоюзѣ и что другихъ я не получу, а этимъ долженъ платить жалованіе, хотя бы я въ нихъ и не нуждался. Со стороны же, помимо профсоюза, взять кого-либо я не имѣю права. Пришлось самому стать на работу, чтобы кое-какъ на скорую руку обучить этихъ мастеровъ печь булки и дѣлать пирожныя. Все это, конечно, отрывало меня отъ организаціи дѣла и хлопотъ по пріобрѣтенію кліентовъ. Открылъ я дѣло въ октябрѣ мѣсяцѣ, заплатилъ за право торговли три милліона за одинъ мѣсяцъ, — больше не принимали, такъ какъ было заявлено, что неизвѣстно, какая цѣна будетъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Въ ноябрѣ заплатилъ

шесть милліоновъ, въ декабрѣ десять, въ январѣ пятнадцать, а вотъ теперь въ февралѣ получилъ увѣдомленіе, что долженъ внести тридцать милліоновъ. Помимо этихъ государственныхъ сборовъ, сколько я внесъ милліоновъ по приказу Губисполкома, когда были разныя «недѣли». Теперь у меня нѣтъ тридцати милліоновъ, но тѣмъ не менѣе я могъ бы ихъ достать и внести, если бы у меня была увѣренность въ томъ, что въ слѣдующемъ мѣсяцѣ цѣна за право торговли опять не повысится, а уже тогда я не буду въ состояніи внести эту новую сумму, и поэтому мнѣ приходится закрывать свою торговлю, неся убытки, такъ какъ кромѣ вымогательствъ отъ совѣтской власти я ничего не вижу, и мнѣ грозитъ разореніе. Нѣтъ, при совѣтской власти нельзя торговать, можно только спекулировать, и я на этомъ попался».

Съ «Нэпомъ» въ Гомелѣ появилась масса ресторановъ, въ которыхъ можно было получить открыто 20% вино, разрѣшенное къ продажѣ совѣтской властью, а изъ подъ полы сколько угодно спирту. Конечно, все это за баснословно дорогую цѣну; тѣмъ не менѣе рестораны, особенно къ вечеру, были всегда переполнены. Здѣсь кутила новая совѣтская аристократія: нэпманы, чекисты, коммунисты воинскихъ частей и разныхъ совѣтскихъ учрежденій; играла музыка, лилось вино рѣкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же происходили аресты агентами Чека, — часто даже по собственной иниціативѣ, — а иногда бывала револьверная перестрѣлка между пьяными. Чтобы не закрыли ресторанъ, содержателю приходилось платить громадныя деньги, помимо тѣхъ колоссальныхъ поборовъ, которыми облагались рестораны за право торговли и на всевозможныя пожертвованія въ пользу голодающихъ въ Поволжьи, на улучшеніе быта красноармейца и т. п. Тѣмъ не менѣе число ресторановъ въ Гомелѣ быстро увеличивалось. Главная приманка для посѣтителей, конечно, былъ спиртъ и самогонъ.

Спиртъ добывался, главнымъ образомъ, съ ректификаціоннаго завода, находящагося въ предмѣстьи Гомеля Ново-Бѣлицѣ. Этотъ заводъ функціонировалъ и въ прежнее время, принадлежа нѣкоему Гуревичу, Гомельскому милліонеру. Въ періодъ захвата власти большевиками, Гуревичъ, какъ и остальные буржуи, былъ основательно пощипанъ, сидѣлъ въ тюрьмахъ Чека, но какимъ-то образомъ остался живъ. Заводъ его уцѣлѣлъ отъ разграбленія, и большевики въ началѣ 19-го года, еще до введенія «Нэпа», рѣшили его открыть, такъ какъ имъ былъ нуженъ спиртъ «для техническихъ и медицинскихъ цѣлей». Гуревича выпустили изъ тюрьмы, мобилизовали и назначили управляющимъ его собственнымъ заводомъ, какъ спеца. Дѣло пошло хорошо, добывался чистый спиртъ и вмѣстѣ съ тѣмъ добывали этотъ спиртъ съ завода нелегальнымъ путемъ спекулянты, которые поставляли его въ рестораны, а также и продавали частнымъ лицамъ въ Гомелѣ. Дѣло было доходное, такъ какъ спекулянты брали большія деньги за спиртъ, но и хищенія на заводѣ были тоже большія. Тамъ спиртъ воровали всѣ, кто хотѣлъ, изъ служащихъ и рабочихъ. Занимался, если не воровствомъ, то во всякомъ случаѣ попустительствомъ къ этому и самъ Гуревичъ, такъ какъ это было куда прибыльнѣе и доходнѣе, чѣмъ одно нищенское жалованье управляющаго завода. Въ концѣ концовъ, онъ по доносу въ Чека, очевидно, не подѣлившись съ кѣмъ-то доходами, въ октябрѣ 1921 года былъ арестованъ и посаженъ въ Гомельскую тюрьму. Слѣдствіе по его дѣлу шло что-то очень долго, говорили, что съ него спрашивали взятку въ восемьдесятъ милліоновъ, чтобы потушить его дѣло, но онъ не давалъ, и въ февралѣ 1922 года, когда я уже уѣхалъ изъ Гомеля, онъ еще все сидѣлъ въ тюрьмѣ. Однако, съ арестомъ Гуревича и съ назначеніемъ на его мѣсто коммуниста «добыча» спирта съ завода спекулянтами по прежней системѣ не прекратилась. Только спиртъ поднялся въ цѣнѣ. Такъ, напримѣръ, лѣтомъ 1921 года бутылка очищеннаго спирта стоила 50—60 тысячъ, а въ февралѣ 1922 года она дошла до 800 000 рублей.

Кромѣ спирта у тѣхъ же спекулянтовъ всегда можно было достать и самогонъ, который они пріобрѣтали у окрестныхъ крестьянъ, цѣна котораго поднялась съ трехъ тысячъ до ста за бутылку. Самогонъ гнался крестьянами

первобытнымъ способомъ, но въ огромномъ количествѣ по всей Гомельской губерніи и особенно на хуторахъ, гдѣ вырабатывать его было сравнительно безопаснѣе, чѣмъ въ деревнѣ, за отсутствіемъ сосѣдей, а слѣдовательно и доноса властямъ. Почти въ каждой деревнѣ Гомельскаго уѣзда стояли конныя части XI-ой кавдивизіи, и присутствіе ихъ обыкновенно стѣсняло самогонщиковъ, на хуторахъ же, которые, въ виду своей разбросанности, были свободны отъ постоя войскъ, гнать самогонъ было удобнѣе. Но все-таки и деревня не особенно отставала въ этомъ дѣлѣ, хотя самогонщикамъ и приходилось тратиться на взятки коммунистамъ ячеекъ эскадроновъ для избѣжанія доноса. Самогонъ дѣло прибыльное для крестьянина, а если принять во вниманіе, что въ прежнее время въ деревнѣ было сильно развито шинкарство, то теперь люди опытные въ этомъ дѣлѣ зарабатывали большія деньги.

Съ окончаніемъ полевыхъ работъ, а особенно къ Рождественскимъ праздникамъ въ каждой деревнѣ и хуторѣ была приготовлена масса самогона, какъ для продажи, такъ и для собственнаго потребленія. Мнѣ приходилось, при разъѣздахъ по имѣніямъ въ качествѣ агронома-инструктора, часто заночевывать въ пути на хуторахъ. Сначала встрѣчали въ первый разъ обыкновенно недружелюбно, какъ совѣтскаго служащаго, но когда послѣ разговора хозяинъ выносилъ заключеніе, что не сочувствуешь большевикамъ, да еще узнавали, что я бывшій офицеръ, тонъ обыкновенно мѣнялся, и хозяинъ просилъ поужинать, чѣмъ Богъ послалъ. Появлялось на столѣ жареное сало, картофель, борщъ, самогонъ, и дружеская бесѣда затягивалась далеко за полночь. При слѣдующемъ же посѣщеніи, принимали уже какъ своего человѣка и обязательно угощали самогономъ. Въ деревнѣ пьютъ теперь такъ, какъ не пили въ прежнее время, когда существовали казенки; пьютъ всѣ: и старый, и малый. Пьянство тяжелое, нездоровое: отъ самогона болитъ голова и разстраивается желудокъ, но тѣмъ не менѣе это теперь единственная утѣха для мужика. На Рождествѣ 1921 года въ Гомелѣ ходили разсказы о гомерическихъ попойкахъ въ деревняхъ.

ДОКУМЕНТЫ

ОЧЕРКЪ ВЗАИМООТНОШЕНІЙ ВООРУЖЕННЫХЪ СИЛЪ ЮГА РОССІИ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ФРАНЦУЗСКАГО КОМАНДОВАНІЯ*).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Добровольческая Армія, непосредственная преемница нѣкогда грозной Русской вооруженной силы, выдержавшей долгую и упорную борьбу съ сильнымъ врагомъ, отвергла всякую мысль о соглашеніи съ прежнимъ противникомъ, оставаясь вѣрной до конца всѣмъ договорамъ съ Союзными Державами.

Въ серединѣ апрѣля 1918 года, послѣ окончанія перваго Кубанскаго похода, когда германцы заняли Ростовъ и другіе пункты Донской области, а Добровольческая Армія сосредоточилась въ раіонѣ юго-восточнѣе Ростова, вопросъ объ отношеніи къ нѣмцамъ, находившимся въ столь близкомъ сосѣдствѣ, сталъ особенно острымъ. Всѣ попытки германцевъ войти въ переговоры съ Командованіемъ Добровольческой Арміи были категорически отвергнуты, несмотря на то, что этими отказами Армія закрывала себѣ пути къ полученію до нельзя необходимыхъ ей боевыхъ припасовъ.

Позднѣе, высшее германское командованіе въ лицѣ своего представителя при Донскомъ Атаманѣ — Маіора Кохенгаузенъ, тоже неоднократно пыталось завязать сношенія. Не находя отклика со стороны Главнокомандующаго Добровольческой Арміей, Маіоръ Кохенгаузенъ по одному изъ вопросовъ обратился уже съ ультимативнымъ требованіемъ къ Командованію Добровольческой Арміи, которое также было оставлено безъ послѣдствій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ занятіемъ Грузіи и Сочинскаго округа, и съ этой стороны началось давленіе на Добровольческую Армію. Дружественныя отношенія, установившіяся между Добровольческой Арміей и грузинскими частями, боровшимися съ большевиками въ Сочинскомъ округѣ, рѣзко измѣнились. Грузины начали подготовлять оборонительную позицію въ Сочинскомъ округѣ, при чемъ осматривать и руководить работами пріѣзжали германскіе офицеры. Сзади грузинскихъ войскъ появились германскія войска.

Таковы были отношенія Добровольческой Арміи къ врагамъ Россіи и Союзникамъ ко времени побѣды Державъ Согласія.

---

*) Приводимая ниже сводка документовъ, характеризующихъ взаимоотношенія Добровольческой Арміи и представителей французскаго командованія, является перепечаткой оффиціальной сводки, изданной въ 1919 г. въ Екатеринодарѣ въ ограниченномъ количествѣ нумерованныхъ экземпляровъ. Форматъ этой сводки 22½ × 29 см. Въ ней 43 стр. На обложкѣ и на титульномъ листѣ отпечатанъ слѣдующій текстъ: «Очеркъ взаимоотношеній Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи и Французскаго Командованія. Издано Управленіемъ Генералъ-Квартирмейстера Штаба Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югѣ Россіи. Май 1919 г. г. Екатеринодаръ. Типографія Канц. Главн. Нач. Снабж. Воор. с. на Югѣ Россіи. 1919.» Въ правомъ верхнемъ углу — надпись: «совершенно секретно». Подъ этими словами №. На оборотѣ титульной страницы отпечатано: «Всѣ даты приведены по старому стилю».

10 ноября въ Новороссійскъ прибыла Союзная эскадра, а 14 ноября пріѣхали въ Екатеринодаръ представители Англіи и Франціи.

На оффиціальномъ пріемѣ, въ цѣломъ рядѣ рѣчей, представители Франціи подчеркнули, что всѣ дѣянія, направленныя къ созданію Единой Великой Россіи, встрѣчаютъ полное сочувствіе Союзниковъ, признающихъ лишь Единую Россію, единый русскій фронтъ, единое русское командованіе; что всѣ борющіеся открыто или путемъ интригъ противъ этой идеи являются не только врагами Россіи, но и врагами Союзниковъ, что русскимъ Главнокомандующимъ является Генералъ Деникинъ и что нынѣ, когда Дарданеллы открыты, Союзники всѣмъ, чѣмъ могутъ, придутъ на помощь братской и союзнической Добровольческой Арміи.

Генералъ Щербачевъ, командированный Главнокомандующимъ въ качествѣ представителя Добровольческой Арміи къ Главнокомандующему Союзными арміями въ Румыніи, Трансильваніи и на Югѣ Россіи — Генералу Бертело, въ письмѣ своемъ отъ 3 ноября изъ Бухареста писалъ: «Я посѣтилъ Генерала Бертело въ его Главной Квартирѣ въ Бухарестѣ для предварительныхъ переговоровъ о своемъ проѣздѣ въ Главную Квартиру Генерала Франше д'Эспере и далѣе въ Парижъ, съ цѣлью ускорить прибытіе союзныхъ войскъ и средствъ войны — въ Россію.

Въ Бухарестѣ мнѣ удалось достигнуть результатовъ, которые значительно превзошли мои предположенія. Путемъ непосредственнаго общенія и обмѣна мнѣній съ Генераломъ Бертело, съ коимъ насъ связывала и прежняя общность идей и дѣйствій, нынѣ удалось придать переговорамъ въ Бухарестѣ форму исчерпывающе-рѣшительную настолько, что временно отпала надобность проѣзда въ Парижъ и къ Генералу Франше д'Эспере.

Генералъ Бертело, имѣющій личную идейную сильную поддержку Г. Клемансо, Предсѣдателя Союзныхъ Версальскихъ Совѣщаній, облеченъ полною мощью «Главнокомандующаго арміями Союзниковъ въ Румыніи, Трансильваніи и на Югѣ Россіи» и въ качествѣ такового лица имѣетъ возможность проектировать и осуществлять всѣ вопросы политическіе и военные, касающіеся Юга Россіи и спасенія его отъ анархіи. Мнѣ удалось подвинуть этотъ вопросъ настолько, что нынѣ уже едва ли остается желать въ этомъ отношеніи чего-либо сверхъ предположеннаго на совѣщаніи моемъ съ Генераломъ Бертело.

Рѣшено же нижеслѣдующее:

1. Для оккупаціи Юга Россіи будетъ двинуто, настолько быстро, насколько только это возможно, 12 дивизій, изъ коихъ одна будетъ въ Одессѣ на этихъ же дняхъ.
2. Дивизіи будутъ французскія и греческія.
3. Я буду состоять, по предложенію Союзниковъ и Генерала Бертело, при послѣднемъ и буду участвовать въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ.
4. База Союзниковъ — Одесса; Севастополь будетъ занятъ также быстро.
5. Союзными войсками Юга Россіи первое время будетъ командовать Генералъ д'Ансельмъ съ Главной Квартирой въ Одессѣ, гдѣ буду находиться и я, съ состоящими при мнѣ, Вамъ извѣстными лицами.
6. Генералъ Бертело, до времени, со своей Главной Квартирой остается въ Бухарестѣ.
7. По прибытіи союзныхъ войскъ, кромѣ Одессы и Севастополя, которые будутъ несомнѣнно заняты ко времени полученія Вами этого письма, Союзники займутъ быстро Кіевъ и Харьковъ съ Криворожскимъ и Донецкимъ бассейнами, Донъ и Кубань, чтобы дать возможность Добровольческой и Донской арміямъ прочнѣе соорганизоваться и быть свободными для болѣе широкихъ активныхъ операцій.
8. Подъ прикрытіемъ союзной оккупаціи, необходимо немедленное формированіе русскихъ армій на Югѣ Россіи, во имя возрожденія Великой единой Россіи. Съ этой цѣлью теперь же долженъ быть рѣшенъ и разработанъ вопросъ о способахъ и раіонахъ формированія этихъ армій по мѣрѣ продвиженія Союзниковъ. Только при такомъ условіи будетъ обезпечено скорѣйшее наступленіе всѣхъ русскихъ южныхъ армій подъ единымъ командованіемъ на Москву.

9. Въ Одессу, какъ главную базу Союзниковъ, прибудетъ огромное количество всякаго рода военныхъ средствъ, оружія, боевыхъ огнестрѣльныхъ запасовъ, танковъ, одежды, желѣзнодорожныхъ и дорожныхъ средствъ, аэронавтики, продовольствія и проч.
10. Богатые запасы бывшаго Румынскаго фронта, Бессарабіи и Малороссіи, равно какъ и таковые Дона, можно отнынѣ считать въ полномъ нашемъ распоряженіи. Для сего осталось сдѣлать лишь небольшія дипломатическія усилія, успѣхъ коихъ обезпеченъ, такъ какъ онъ опирается на всемогущество Союзниковъ.
11. Относительно финансовой поддержки намъ, у Союзниковъ вырабатывается особый, спеціальный планъ».

29 октября Главнокомандующій Союзными силами на Востокѣ Генералъ Франше д'Эспере, въ письмѣ на имя Генерала Эрдели, представителя Добровольческой Арміи, командированнаго къ нему Главнокомандующимъ, писалъ:

«Г-нъ Генералъ. Я былъ особенно счастливъ сегодня Васъ принять и познакомиться, такимъ образомъ, со столь выдающимся представителемъ русской арміи Генерала Деникина.

Будьте увѣрены, что Франція, которая была всегда вѣрна и лойяльна Союзникамъ, достойнымъ этого имени, не забудетъ истинно русскихъ и не оставитъ Добровольческую Армію.

Тотчасъ же, какъ это будетъ возможно, я прикажу направить въ Новороссійскъ военное судно и прислать боевые припасы и матеріалы, въ коихъ Вы нуждаетесь и о которыхъ Вы мнѣ говорили.

Я прикажу, кромѣ того, доставить Вамъ, немного погодя, всѣ полезныя указанія по этому поводу, первый очеркъ коихъ Полковники Энкель и Песоцкій передали Генералу Деникину.

Прошу принять, Г-нъ Генералъ, увѣреніе, въ моемъ отличномъ уваженіи. Франше д'Эспере».

Такимъ образомъ, все, казалось, указывало на то, что Союзники будутъ всемѣрно оказывать помощь Добровольческой Арміи.

Съ цѣлью наиболѣе полнаго оріентированія Союзнаго Командованія, въ серединѣ ноября 1918 года, Штабомъ Главнокомандующаго былъ составленъ подробный докладъ о политическомъ, стратегическомъ положеніи на Югѣ Россіи и объ основномъ планѣ развертыванія русскихъ вооруженныхъ силъ для наступленія вглубь страны.

Въ докладѣ были указаны:

а) Общая задача армій — разбить совѣтскія войска и овладѣть центромъ Россіи — Москвой, съ одновременнымъ ударомъ на Петроградъ и вдоль праваго берега Волги.

б) Ближайшія задачи:

1. Не допустить противника занять Украину и Западныя губерніи и, прикрывъ ихъ на протяженіи прежней демаркаціонной линіи, Совдепіи и Австро-Германцевъ, создать плацдармъ для будущихъ формированій и для наступленія вглубь Россіи, съ цѣлью ликвидаціи большевизма.
2. Использовать фронтъ, занимаемый Донской и Добровольческой арміями, для наступленія въ Россію и для окончательнаго очищенія отъ большевиковъ Сѣвернаго Кавказа.

Въ виду того, что части Россіи, оккупированныя нѣмцами и лежащія къ западу отъ бывшей демаркаціонной линіи, уцѣлѣли отъ разгрома большевиками, онѣ пріобрѣли особо важное значеніе, являясь:

1. Плацдармомъ для нашего наступленія внутрь Россіи.
2. Источникомъ комплектованія формируемыхъ здѣсь частей Добровольческой Арміи.
3. Раіономъ, обезпечивающимъ возможность выполненія этихъ формированій и снабженія ихъ.

Для выполненія общей задачи предположено было вести наступленіе по 8-ми операціоннымъ направленіямъ съ фронта Псковъ — Царицынъ на линію Пе-

трограда — Казань, при чемъ было высказано пожеланіе о необходимости, съ цѣлью обезпеченія развертыванія русскихъ вооруженныхъ силъ, занять строго минимальнымъ количествомъ союзныхъ войскъ раіоны, прикрывавшіе главнѣйшія направленія и важнѣйшіе въ мобилизаціонномъ и политическомъ отношеніяхъ.

Силы эти исчилялись въ 18 пѣхотныхъ и 4 кавалерійскихъ дивизій, при чемъ было указано, что онѣ ни въ какихъ активныхъ дѣйствіяхъ участвовать не будутъ и лишь обезпечатъ операціи русскихъ армій.

Одновременно былъ представленъ подробный перечень всего необходимаго снабженія для существующихъ (Добровольческая и Донская) и формирующихся армій.

20 ноября, докладъ этотъ, со всѣми приложеніями, былъ посланъ Командующему союзными войсками въ Румыніи, Генералу Бертело, и офицеру для связи съ Французскимъ Командованіемъ, Генеральнаго Штаба Капитану Фуке, для передачи Генералу Франше д'Эспере.

Отвѣта на этотъ докладъ не послѣдовало.

Событія, разыгравшіяся къ этому времени на Югѣ Россіи, въ связи съ очищеніемъ германцами занятыхъ ими областей и началомъ движенія Петлюры, диктовали необходимость приступить къ проведенію намѣченнаго плана въ жизнь, хотя бы только въ своихъ основныхъ чертахъ, — безотлагательно. Поэтому, когда въ серединѣ ноября, вновь образовавшееся Крымское Правительство, въ лицѣ своего Предсѣдателя, обратилось съ просьбой къ Главнокомандующему Добровольческой Арміей, о присылкѣ на Крымскій полуостровъ небольшихъ отрядовъ, достаточныхъ для обезпеченія спокойствія и безопасности въ краѣ, оставляемомъ германцами, по приказанію Главнокомандующаго, Крымъ былъ занятъ Добровольческими войсками.

Въ связи съ эвакуаціей германскихъ войскъ изъ Украины и начавшимися тамъ волненіями, становилось крайне важнымъ оградить отъ большевизма Малороссію, какъ раіонъ, гдѣ въ будущемъ должно было быть произведено развертываніе Добровольческихъ Армій; поэтому, 24 ноября Главнокомандующій телеграфировалъ Генералу Франше д'Эспере: «Чтобы сохранить Югъ Россіи, богатый продовольствіемъ и военными запасами, необходимо какъ можно скорѣе двинуть хотя бы двѣ дивизіи союзныхъ войскъ въ раіонъ Харькова и Екатеринослава», а 1 декабря обратился съ просьбой къ Французскому Командованію объ отдачѣ надлежащихъ распоряженій, для оставленія германскихъ войскъ въ Харьковѣ, съ цѣлью сохраненія порядка.

Въ отвѣтъ на это, офицеръ для связи съ Генераломъ Франше д'Эспере, Генеральнаго Штаба Капитанъ Фуке, вручилъ Главнокомандующему копію телеграммы Генерала Франше д'Эспере, въ которой указывалось, что одна французская дивизія 5 декабря начнетъ высаживаться въ Одессѣ.

Ко времени прибытія французскихъ войскъ, въ Одессѣ обстановка складывалась такъ: весь городъ былъ занятъ «петлюровцами», за исключеніемъ небольшой зоны, прилегавшей къ порту, которая была подъ охраной французскаго флага. Германскія войска, частью перешли къ петлюровцамъ, частью распылились въ городѣ. Сосредоточившееся въ Одессѣ русское офицерство еще не успѣло пріобрѣсти нужной оріентаціи, поэтому, находившійся тамъ Генералъ Гришинъ-Алмазовъ принялъ на себя командованіе Добровольческими частями и началъ приводить ихъ въ порядокъ. Полномочный представитель Державъ Согласія въ г. Одессѣ, французскій Консулъ Энно занималъ въ отношеніи украинскаго вопроса позицію опредѣленную и твердую: украинцы всѣхъ направленій признавались имъ элементомъ вреднымъ, для созданія Единой Россіи, а Добровольческая Армія считалась единственнымъ здоровымъ государственнымъ началомъ на Югѣ Россіи.

4 декабря, въ Одессѣ высадился первый эшелонъ французскихъ войскъ, состоявшій изъ четырехъ ротъ 156 дивизіи, подъ командой Генерала Боріуса. Генералъ Боріусъ вызвалъ къ себѣ Генерала Гришина-Алмазова и передалъ ему, что онъ намѣренъ завтра вступить со своими войсками въ городъ съ музыкой. На это Генералъ Гришинъ-Алмазовъ возразилъ, что въ виду враждебнаго настроенія петлюровцевъ, эта операція невозможна, и что сперва слѣдуетъ очистить городъ отъ петлюровскихъ бандъ. Генералъ Боріусъ согласился съ этимъ дово-

домъ и рѣшилъ совмѣстно съ Генераломъ Гришинымъ - Алмазовымъ на слѣдующій день занять весь городъ французскими и Добровольческими войсками.

5 декабря, съ утра, началась операція по овладѣнію городомъ. Петлюровцы встрѣтили Добровольческіе отряды ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ; стоявшіе на рейдѣ французскія военныя суда и транспорты были обстрѣляны изъ города артиллеріей.

Цѣлый день и всю ночь шелъ ожесточенный бой между Добровольцами и петлюровцами, закончившійся полнымъ пораженіемъ послѣднихъ. Наши потери исчислялись въ 24 офицера убитыми и около 100 ранеными.

Такимъ образомъ, выполняя въ точности предложенныя Французскому Командованію условія о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ, Добровольческая Армія грудью своею проложила путь для союзныхъ войскъ, которыя вступили въ Одессу и заняли городъ — безъ потерь.

7 декабря, Г. Шульгинъ, сообщая, что Генералъ Боріусъ, съ согласія Генерала Эрдели и его, Шульгина, возложилъ на Генерала Гришина - Алмазова обязанности Военнаго губернатора Одессы, просилъ объ утвержденіи этого назначенія. Главнокомандующій назначеніе утвердилъ.

Генералъ Боріусъ получилъ приказаніе отъ своего Высшаго Командованія занять лишь одну Одессу и, несмотря на всѣ увѣренія Генерала Гришина - Алмазова о необходимости немедленнаго выдвиженія впередъ, съ цѣлью занятія важнѣйшихъ тактическихъ пунктовъ, обезпечивающихъ оборону города, и для захвата въ сферу своего вліянія нѣсколько близлежащихъ селеній, питающихъ Одессу, Генералъ Боріусъ не только самъ не продвигался впередъ, но категорически запретилъ это дѣлать и Добровольческимъ частямъ. Результатомъ этого было немедленное вздорожаніе жизненныхъ продуктовъ въ Одессѣ и почти полное исчезновеніе ихъ съ рынка.

Такимъ образомъ, съ первыхъ же шаговъ наши Союзники, съ которыми впервые вошли въ соприкосновеніе части Добровольчской Арміи, не только не оказали имъ помощи, но и затормозили необходимое развитіе ихъ боевого успѣха, вызывая тѣмъ самымъ осложненіе въ тылу и справедливое недовольство населенія.

Обо всемъ изложенномъ Генералъ Гришинъ - Алмазовъ своевременно доносилъ Главнокомандующему, а 13 декабря вновь поднялъ этотъ вопросъ передъ Французскимъ Командованіемъ, передавая Генералу Боріусу и Консулу Эпно памятную записку за № 230, гдѣ указывалъ на необходимость: 1) расширенія занимаемой союзными войсками зоны до линіи Бѣляевка — Сѣвериновка — Антоно - Кодинцово и 2) дальнѣйшаго продвиженія, къ серединѣ января, на линію Тирасполь — Раздѣльная — Николаевъ, къ каковому времени предполагалось закончить формированіе дивизіи военнаго состава Добровольческой Арміи.

Съ пріѣздомъ новаго Командующаго, Генерала д'Ансельма, Генералъ Гришинъ - Алмазовъ 1 января вторично подалъ Французскому Командованію памятную записку за № 393, о необходимости расширенія зоны до линіи Тирасполь — Раздѣльная — Березовка — Николаевъ — Херсонъ, указывая, что занятіемъ этой линіи достигается связь съ Бессарабіей и ликвидируется наступившій въ Одессѣ продовольственный кризисъ.

Выполненіе указанной операціи предлагалось произвести наличными силами, занявъ Тирасполь, Раздѣльную и Березовку союзными войсками и возложивъ обезпеченіе Херсоно - Николаевскаго раіона на 15 германскую ландверную дивизію.

Однако, Французское Командованіе, склоняясь къ предложенію представителей партіи Петлюры, къ «системѣ мирнаго ввода французовъ на украинскую территорію», и предпочитая, въ вопросѣ расширенія зоны, дѣйствовать дипломатическимъ путемъ, попрежнему тормозило выполненіе этого мѣропріятія.

Лишь 3 января Генералъ Гришинъ - Алмазовъ донесъ Главнокомандующему о полученіи отъ Генерала д'Ансельма отвѣта, въ томъ смыслѣ, что Атаману Грекову предложено очистить зону до линіи Тирасполь — Раздѣльная — Березовка — Николаевъ — Херсонъ, при чемъ было заявлено, что, въ случаѣ неисполненія указаннаго требованія, французы заставятъ петлюровцевъ подчиниться силой.

5 января Главнокомандующій вооруженными силами на Югѣ Россіи телеграфировалъ Генералу Вертело:

«Общее положеніе на Украйнѣ съ каждымъ днемъ начинаетъ ухудшаться. Вслѣдъ за выступленіемъ Петлюры, въ разныхъ мѣстахъ Украйны начали орга-

низовываться шайки грабителей, руководимыя своими главарями. Дѣйствія этихъ шаекъ пока носили чисто мѣстный характеръ, но теперь онѣ начинаютъ объединяться, и ихъ дѣятельность принимаетъ угрожающій характеръ. Петлюровское движеніе выливается постепенно въ форму опредѣленнаго большевизма, въ результатѣ чего передъ нами можетъ возникнуть новый большевистскій фронтъ, борьба противъ котораго будетъ уже сложнѣе. Для подавленія этого движенія необходима возможно скорѣйшая присылка союзныхъ войскъ на Украйну, что дастъ намъ возможность перейти къ активнымъ дѣйствіямъ и прекратить дальнѣйшее развитіе событій, явно вредныхъ для общаго дѣла и грозящихъ обратить въ пустыню богатѣйшій край».

Отвѣта на эту телеграмму не послѣдовало.

Въ то время какъ въ раіонѣ Одессы, съ такимъ трудомъ, встрѣчая цѣлый рядъ препятствій со стороны Французскаго Командованія, осуществлялись ближайшія задачи Добровольческой Арміи, въ Крыму происходило слѣдующее:

Части Добровольческой Арміи, занявъ въ серединѣ ноября Крымскій полуостровъ, выдвинулись въ раіонѣ сѣверныхъ уѣздовъ Тавріи, съ цѣлью прикрытія отъ большевиковъ побережій Чернаго и Азовскаго морей, поддержанія связи съ войсками, занимающими Донецкій каменноугольный бассейнъ и образованія плацдарма для дѣйствій вновь формирующихся частей.

28 декабря въ Севастополѣ высадился полкъ французской пѣхоты и былъ оставленъ въ этомъ городѣ.

Къ серединѣ января регулярныя совѣтскія войска выдвинулись на фронтъ Луганскъ — Бахмутъ — Гришино — Гуляй-Поле. Становилась ясной полная вѣроятность ихъ дальнѣйшихъ активныхъ дѣйствій, въ направленіи Крымскаго полуострова, и отсюда — крайняя необходимость: а) срочно использовать призывы сѣверныхъ уѣздовъ Тавріи и занятой части Екатеринославской губерніи; б) немедленно сосредоточить въ сѣверной Тавріи, для усиленія фронта, всѣ части арміи, выведя нѣкоторыя изъ Крыма, гдѣ онѣ занимали гарнизонами главнѣйшіе пункты. Въ Крыму велась усиленная большевистская агитація; настроеніе всюду было крайне неспокойное, и оставить Крымскій полуостровъ — тылъ арміи, безъ войскъ, было невозможно.

Учитывая все это, Главнокомандующій 19 января послалъ телеграмму Генералу Бертело:

«Регулярныя совѣтскія войска сосредоточены на фронтѣ Луганскъ, Бахмутъ, Гришино, Гуляй-Поле и скоро можно ожидать активныхъ дѣйствій со стороны противника. Чтобы дать отпоръ большевикамъ и использовать призывъ сѣверныхъ уѣздовъ Тавріи и занятую часть Екатеринославской губерніи, необходимо вывести Добровольческія части изъ Крыма и сосредоточить ихъ на сѣверѣ Тавріи. Для обезпеченія порядка въ Крыму, послѣ ухода Добровольческихъ частей, прошу срочно занять, хотя бы маленькими союзными гарнизонами, Мелитополь, станцію Сивашъ, Перекопъ, Джанкой, Евпаторію, Симферополь, Феодосію и Керчь. О Вашемъ рѣшеніи прошу поставить меня въ извѣстность».

Генералъ Бертело 4 февраля отвѣтилъ, что въ данное время, въ виду малочисленности частей, находившихся въ его распоряженіи, онъ не можетъ исполнить эту просьбу, но, съ прибытіемъ подкрѣпленій, обязательно это сдѣлаетъ.

Одновременно Генералъ Бертело указалъ, что большимъ тормазомъ въ дѣлѣ переброски войскъ является отсутствіе въ его распоряженіи транспортовъ, и что, сознавая серьезность положенія, онъ отдалъ приказъ пріостановить распоряженіе Генерала Деникина, относительно запрещенія фрахтовки русскихъ пароходовъ, и просилъ передать таковые ему для перевозки войскъ.

Три русскихъ парохода: «Императоръ Александръ III», «Николай I» и «Петръ Великій» были переданы въ Одессѣ въ распоряженіе Французскаго Командованія.

2 февраля Главнокомандующій въ телеграммѣ Генералу Бертело вновь указалъ на крайнюю желательность скорѣйшаго занятія союзными гарнизонами указанныхъ выше пунктовъ, за исключеніемъ Мелитополя, въ раіонѣ котораго мобилизація прошла успѣшно.

Просьбы эти до послѣднихъ дней исполнены не были, и лишь 15 марта въ Симферополь прибылъ баталіонъ грековъ.

Такимъ образомъ, значительная часть Крымско-Азовской арміи, вмѣсто того, чтобы принимать участіе въ активныхъ операціяхъ противъ большевиковъ, вынуждена была занимать гарнизонами главнѣйшіе пункты Крыма, гдѣ большевист-

ская пропаганда все время усиливалась, и настроеніе населенія продолжало быть крайне неспокойнымъ.

При такихъ совершенно неожиданныхъ и мало благопріятныхъ условіяхъ, Добровольческая Армія распространяла свое вліяніе на Югѣ Россіи по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, стремясь къ выполненію ближайшей задачи, намѣченной основнымъ планомъ.

А между тѣмъ, большевистскія войска, постепенно проникая въ Украйну, занимали уже Харьковъ, Кіевъ и продвигались все глубже. Петлюровское движеніе, почти полностью, выливалось въ форму опредѣленнаго большевизма и тяготѣло къ власти совѣтовъ.

И если, вскорѣ же послѣ эвакуаціи германцами Украйны и Западнаго Края, всѣ эти громадныя области могли быть свободно, безъ выстрѣла, заняты ничтожнымъ количествомъ побѣдоносныхъ войскъ Державъ Согласія, то съ теченіемъ времени, эта задача осложнялась все болѣе и болѣе.

Долгое отсутствіе на Югѣ Россіи союзныхъ войскъ, начинало расцѣниваться большевиками, какъ побѣда ихъ лозунговъ, какъ начало ихъ вліянія на «всемірную революцію», и тѣмъ самымъ, стремясь привлечь на свою сторону общественное мнѣніе, они становились все смѣлѣе и упорнѣе.

* * *

Неприбытіе ожидаемой помощи отъ союзныхъ войскъ, невыгодно отразилось, прежде всего, на Донскомъ фронтѣ, гдѣ казаки, утомленные двѣнадцати-мѣсячной безпрерывной борьбой, напрягая послѣднія усилія, больше всего ее ожидали. Но когда помощь эта не пришла, сила казаковъ, растлѣваемая большевистской пропагандой, надломилась. Донская армія начала отступать, быстро рѣдѣя въ своемъ составѣ.

Уже 9 декабря, чтобы парализовать начавшуюся большевистскую агитацію на Дону, Главнокомандующій Добровольческой Арміей послалъ Генералу Франше д'Эспере и Генералу Бертело телеграмму: «Всѣ части Добровольческой Арміи находятся въ бояхъ и не могутъ приступить къ правильной организаціи. Поэтому, изъ числа дивизій, которыя были испрошены ранѣе въ посланной Вамъ 20 ноября (3 декабря) за № 03955 запискѣ, а также, чтобы показать казакамъ, что они борятся за правое дѣло вмѣстѣ съ Союзниками, прошу прислать по одной пѣхотной дивизіи для Донского и Кубанского фронтовъ. Въ случаѣ согласія Вашего, дивизіи эти могутъ быть высажены въ Новороссійскомъ порту».

Отвѣта на эту телеграмму не послѣдовало, но 26 декабря была получена телеграмма, подписанная Генераломъ Бертело и скрѣпленная Французскимъ Консуломъ въ Кіевѣ Г. Энно, адресованная всѣмъ войсковымъ частямъ, всѣмъ учрежденіямъ, газетамъ и всѣмъ жителямъ Юга Россіи.

«Генералъ Бертело, Главнокомандующій войсками Согласія въ Румыніи и Южной Россіи, сообщилъ мнѣ, для опубликованія во всѣхъ газетахъ и распространенія въ возможно большемъ числѣ экземпляровъ, нижеслѣдующее: Жители Южной Россіи! Вотъ уже почти два года, какъ ваша богатая страна, раздирается нескончаемыми гражданскими войнами; истинные злоумышленники захватили мѣстами власть, угрожая жизни и имуществу всѣхъ мирныхъ жителей и друзей порядка, создавая, такимъ образомъ, въ вашей странѣ подлинную анархію, ведущую къ полному разоренію. Ваши Союзники, никогда не забывавшіе усилій, которыя вы приложили во имя общаго дѣла, и желающіе вновь увидѣть вашу страну умиротворенной, процвѣтающей и великой, рѣшили, что наши войска высадятся въ Южной Россіи, чтобы дать возможность благонамѣреннымъ жителямъ возстановить порядокъ. Окажите добрый пріемъ войскамъ Союзниковъ. Они приходятъ къ вамъ, какъ друзья. Всѣ Державы Согласія идутъ вамъ навстрѣчу, чтобы снабдить васъ всѣмъ, въ чемъ вы нуждаетесь и чтобы дать вамъ, наконецъ, возможность свободно, а не подъ угрозами злоумышленниковъ, рѣшить, какую форму правленія вы желаете имѣть. Итакъ, войска Союзниковъ направляются къ вамъ для того, чтобы дать вамъ порядокъ, свободу и безопасность. Они покинутъ Россію послѣ того, какъ спокойствіе будетъ возстановлено. Дайте рѣшительный отпоръ дурнымъ совѣтникамъ, имѣющимъ интересъ вызвать смуту въ странѣ, и встрѣчайте Державы Согласія съ довѣріемъ. Генералъ Бертело. Съ подлиннымъ вѣрно, Консулъ Франціи въ Кіевѣ, съ особыми полномочіями, Энно».

Это сообщеніе быстро облетѣло всѣ части Донцовъ, но казаки отнеслись къ нему съ подозрѣніемъ, сомнѣваясь въ его подлинности: они уже не вѣрили въ то, что Союзники имъ помогутъ...

4 января, въ виду серьезнаго положенія на Дону и необходимости немедленной моральной поддержки Донской арміи, Главнокомандующій Вооруженными силами на Югѣ Россіи, обратился къ Союзному Командованію, съ просьбой спѣшно перебросить на Донъ бригаду или полкъ съ артиллеріей, такъ какъ иначе положеніе Донской арміи и ея моральное состояніе могутъ стать непоправимыми, что осложнитъ наше и Союзниковъ общее дѣло.

Отвѣта на эту телеграмму не послѣдовало.

15 января, не получивъ отвѣта на всѣ вышеприведенныя телеграммы, Главнокомандующій обратился непосредственно къ Маршалу Фошу, передавая свою телеграмму въ копіи Генераламъ Франше д'Эспере, Бертело и послу Сазонову: «Пока надъ еле живымъ тѣломъ Россіи идутъ споры и дебаты дипломатовъ, рушатся постепенно наши надежды. Въ грозной опасности Донъ, палъ Оренбургъ и Уральскъ, наканунѣ анархіи Малороссія, а Центральная Россія умираетъ. Я обращаюсь къ Вашему солдатскому сердцу. Скажите Союзнымъ Правительствамъ, что время разговоровъ миновало, что мы истекаемъ кровью, что необходима немедленная реальная помощь, которой мы не видимъ. Мы не сложимъ оружія и ни минуты не сомнѣваемся въ конечной побѣдѣ. Но эта побѣда можетъ прійти послѣ гибели русской культуры и послѣ того, какъ волна кровавой анархіи захлестнетъ не только побѣжденныхъ, но и побѣдителей».

На эту телеграмму отвѣта не послѣдовало.

29 января Главнокомандующій вновь телеграфировалъ Генералу Франше д'Эспере: «Цѣлымъ рядомъ телеграммъ я просилъ оказать содѣйствіе союзными войсками на Донскомъ фронтѣ. Значеніе этого фронта въ борьбѣ съ большевиками громадно, какъ прикрывающаго Донецкій каменноугольный раіонъ и пути къ богатому Сѣверному Кавказу и портамъ Азовскаго и Чернаго морей. Донскіе казаки въ теченіе года героически сражались и сопротивлялись превосходнымъ силамъ врага, но теперь, усталые, начинаютъ терять вѣру въ поддержку Союзниковъ, такъ какъ помощь дѣйствительно не прибываетъ, а со стороны большевиковъ идетъ пропаганда, что этой помощи и не будетъ. Если Союзнымъ Командованіемъ рѣшено помочь намъ въ борьбѣ съ большевиками, то эту помощь надо дать теперь же, чтобы поднять духъ казаковъ и сохранить Донскую область».

Такъ, въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ, послѣ установленія связи Добровольческой Арміи съ Союзными войсками, протекла борьба Вооруженныхъ силъ Юга Россіи противъ большевиковъ и при такихъ условіяхъ началось выполненіе предложеннаго Союзному Командованію плана для наступленія вглубь страны.

Уже въ февралѣ Главнокомандующій Вооруженными силами на Югѣ Россіи телеграфировалъ Генералу Франше д'Эспере: «Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ Югъ Россіи ждалъ реальной помощи Союзниковъ. Вооруженныя силы Союзниковъ за это время заняли нѣкоторые пункты территоріи Россіи, гдѣ ихъ присутствіе или вовсе не вызывалось русскими интересами, или силы эти могли быть значительно меньше. Въ частности, я нѣсколько разъ просилъ хоть небольшой отрядъ для Дона, гдѣ помощь именно Союзниковъ была психологически необходима. Отказъ въ этомъ привелъ къ разложенію Дона, къ потерѣ имъ почти половины его территоріи, къ возможности потери всей области, что отбрасываетъ всю нашу работу на полгода назадъ. Прошу Васъ оріентировать Ваше Правительство, что эти обстоятельства вызвали полное недоумѣніе и поворотъ русскаго общественнаго мнѣнія не въ пользу Союзниковъ. 2 февраля № 182/II».

Не получивъ на эту телеграмму отвѣта, Главнокомандующій 19 февраля телеграфировалъ Маршалу Фошу и въ копіи Генералу Бертело: «28 января новаго стиля я обращался къ Вашему Превосходительству съ просьбой немедленно помощи. До сихъ поръ таковая прибывала только на второстепенные театры. На главномъ направленіи на Дону мы не получили ни одного солдата. Истощеніе продолжительной двѣнадцатимѣсячной борьбой надломило нравственныя силы Донскихъ казаковъ, они безсильны удержать напоръ врага, занявшаго уже большую часть Донской области и приближающагося къ столицѣ Новочеркасску. Создается крайне тяжелое положеніе и для Добровольческой Арміи, занимающей До-

нецкій бассейнъ. Если мы не будемъ въ состояніи удержать угольный раіонъ въ своихъ рукахъ, то скоро весь Югъ Россіи и флотъ останутся безъ топлива. Посему, вновь обращаюсь къ Вамъ съ просьбой, ускорить присылку войскъ для Дона. Если помощь запоздаетъ, то скоро мы окажемся въ томъ же положеніи, въ какомъ были годъ тому назадъ, и всѣ героическія усилія, ознаменовавшія эту титаническую борьбу за право и цивилизацію — пропадутъ даромъ. Промедленіе въ подачѣ помощи отразится, прежде всего, на интересахъ союзныхъ войскъ, которымъ придется начинать свои операціи съ расширенія раіона будущей базы, отвоевывая территоріи отъ большевиковъ, вмѣсто того, чтобы закрѣпить за собою территорію, добытую нами цѣною безпримѣрныхъ двѣнадцати-мѣсячныхъ усилій. 19 февраля (4 марта) № 275/II».

Отвѣта не послѣдовало.

Когда обнаружилось наступленіе большевиковъ на Крымскій полуостровъ, и, для болѣе прочнаго удержанія его, Главнокомандующій рѣшилъ перебросить туда часть Добровольческихъ войскъ, расположенныхъ въ Одессѣ, чтобы усилить слабыя численно части Крымско-Азовской Арміи, то въ отвѣтъ на отданное распоряженіе Гришинъ-Алмазовъ донесъ: «Херсонъ послѣ боевъ очищенъ Союзниками. Николаевъ эвакуируется ими. Генералъ д'Ансельмъ, считая Одессу угрожаемой, заявилъ мнѣ, что Генералъ Бертело приказалъ не выпускать Добровольческую Армію изъ раіона Одессы. Ожидаю Вашихъ указаній».

1 марта Главнокомандующій телеграфировалъ Генералу Бертело: «Въ ноябрѣ прошлаго года, моимъ штабомъ была составлена записка, съ планомъ формированія, стратегическаго развертыванія и дальнѣйшаго наступленія войскъ Юга Россіи. Записка была послана Вамъ и Генералу Франше д'Эспере. Планъ, изложенный въ запискѣ, былъ разсчитанъ на помощь союзныхъ войскъ. Просимая помощь осуществлена не была, и мнѣ не были сообщены и какія либо предположенія Французскаго Командованія, почему я вынужденъ былъ начать операціи, разсчитывая только на свои силы. Къ сожалѣнію, здѣсь я встрѣтилъ затрудненія со стороны Генерала д'Ансельма. Въ виду создавшагося труднаго положенія въ сѣверной Тавріи и въ Крыму и считая раіонъ Одессы достаточно обезпеченнымъ имѣющимися тамъ союзными войсками, я отдалъ распоряженіе о спѣшной переброскѣ моремъ въ Крымъ части войскъ Добровольческой Арміи изъ Одессы. На это приказаніе Генералъ Гришинъ-Алмазовъ мнѣ донесъ объ оставленіи союзными войсками Херсона и Николаева, и что Генералъ д'Ансельмъ, считая Одессу угрожаемой, заявилъ, что Вы приказали не выпускать частей Добровольческой Арміи изъ Одессы. Настаивая на выполненіи моего приказа, прошу Вашего распоряженія о разъясненіи недоразумѣній, тормозящихъ переброску войскъ и мѣшающихъ выполненію намѣченныхъ мною операцій».

Генералъ Бертело на эту телеграмму не отвѣтилъ.

Таковы были отношенія Французскаго Главнаго Командованія къ операціямъ русскихъ Вооруженныхъ силъ на Югѣ Россіи. Въ результатѣ не только не была оказана помощь для осуществленія намѣченнаго Главнокомандующимъ и предложеннаго Союзному Командованію плана борьбы съ большевиками, но во многихъ случаяхъ проведеніе этого плана въ жизнь встрѣчало препятствія.

* * *

Относясь такъ къ операціямъ Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, Французское Командованіе на мѣстахъ пыталось разрѣшить рядъ принципіальныхъ вопросовъ, касающихся организаціи и системы комплектованія русскихъ вооруженныхъ силъ.

Рѣшеніе этихъ вопросовъ, затрагивающихъ условія русской жизни, представителями Иностранныхъ Державъ помимо Главнокомандующаго, влекло за собой разрушеніе единой власти и самой Добровольческой Арміи.

Французское Командованіе въ Одессѣ упорно противилось объявленію въ Одесскомъ раіонѣ мобилизаціи. Мотивомъ этого, повидимому, была боязнь безпорядковъ, которые, яко-бы, должны были возникнуть изъ за непопулярности, какъ казалось Союзникамъ, Добровольческой Арміи въ населеніи. Несомнѣнно, что впечатлѣніе это создалось подъ большимъ вліяніемъ партіи петлюровцевъ, преслѣдовавшей свои опредѣленныя цѣли.

Основываясь на такихъ соображеніяхъ, но въ то же время признавая необходимость увеличенія количества вооруженныхъ силъ для борьбы съ большевиками, французы, въ день пріѣзда въ Одессу Генерала Бертело, подняли вопросъ о формированіи смѣшанныхъ бригадъ (бригадъ-микстъ) на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Офицерскій составъ этихъ бригадъ назначается властью Добровольческой Арміи, но комплектуется только изъ уроженцевъ Украины.

2. Солдаты пополняются путемъ добровольнаго найма съ жалованіемъ 200—250 руб. въ мѣсяцъ при казенномъ довольствіи.

3. Въ каждый полкъ, въ качествѣ инструкторовъ, придается небольшое количество французскихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ.

4. Въ командномъ отношеніи эти части Добровольческой Арміи не подчиняются.

5. Форма одежды примѣнительно къ французской — безъ погонъ.

Такъ какъ въ такомъ видѣ эта мѣра пріобрѣтала характеръ формированія какой-то другой, не Добровольческой и не Русской арміи, то Главнокомандующій 8 февраля телеграфировалъ Командующему войсками Юго-Западнаго края Генералу Санникову: «Категорически воспрещаю Вамъ дѣлать эксперименты съ русскими войсками по чужой указкѣ. Передайте, что я, Главнокомандующій, не допущу ничьего вмѣшательства въ вопросы формированія русской арміи. Еслибы кто либо позволилъ себѣ сдѣлать это, объявите, что исполнившій незаконное распоряженіе будетъ преданъ суду».

Позже, Главнокомандующій писалъ Генералу Бертело: «Идея формированія бригадъ изъ русскихъ людей съ иностранными офицерами и подчиненныхъ исключительно Французскому Командованію, не можетъ быть популярна, такъ какъ она идетъ въ разрѣзъ съ идеей возсозданія Русской Арміи, во имя чего борется лучшее офицерство и наиболѣе здоровые элементы страны.

Возможно лишь оперативное подчиненіе Французскому Командованію русскихъ формированій, возникающихъ или имѣющихся въ мѣстахъ преобладающаго развертыванія союзныхъ войскъ, въ случаѣ если создавшаяся боевая обстановка того требуетъ.

Опасеніе шовинизма со стороны Русскаго Командованія по отношенію къ населенію Украины и намѣренія укомплектовать формируемыя части мѣстными украинскими уроженцами лишній разъ подчеркиваетъ насколько недостаточно Французское Командованіе въ Одессѣ оріентировано въ обстановкѣ. Русское офицерство, ясно отдавая себѣ отчетъ въ происходящемъ, не можетъ иначе относиться къ населенію Украины, чѣмъ ко всему Русскому народу, съ которымъ она составляетъ одно цѣлое. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нѣкоторыхъ самостійныхъ кругахъ, находящихъ поддержку въ многочисленныхъ австрійскихъ и германскихъ агентахъ, естественно стремленіе созданія особыхъ украинскихъ войскъ и, какъ ни странно, этотъ планъ, противный идеѣ возсозданія Единой могущественной Россіи, что казалось бы наиболѣе соотвѣтствуетъ интересамъ Французскаго народа, находитъ сочувствіе и поддержку у Французскаго Командованія.

Отказъ въ Юго-Западномъ раіонѣ отъ принудительной мобилизаціи разрушитъ совершенно созданную съ такимъ трудомъ Добровольческую Армію, уже перешедшую къ принципу обязательной воинской повинности. Изъ областей, въ коихъ формируются части путемъ призыва, лица, желающія уклониться отъ службы, начнутъ уходить въ мѣста, гдѣ отъ этого принципа отказались.

Разовьется дезертирство и начнется развалъ частей, ибо на смежныхъ русскихъ территоріяхъ не можетъ быть двухъ различныхъ рѣшеній по одному и тому же вопросу. Практика же показываетъ, что при успѣхѣ и силѣ на нашей сторонѣ, мобилизація вездѣ проходитъ успѣшно».

Не меньшія затрудненія для Добровольческой Арміи вызвало отношеніе Французскаго Командованія въ Крыму къ вопросу о введеніи военнаго положенія.

Въ портовыхъ городахъ Крыма, въ особенности въ Севастополѣ, мѣстные большевики, видя, что Краевое Правительство и Союзное Командованіе не принимаютъ противъ нихъ репрессивныхъ мѣръ, начали постепенно поднимать голову и открыто агитировать за совѣтскую власть, выводъ Добровольческой Арміи изъ Крыма и т. д.

Дабы въ корнѣ пресѣчь подобное безобразіе, Главнокомандующій призналъ желательнымъ ввести въ Крыму военное положеніе, предварительно запросивъ по

этому вопросу Командующаго Крымско-Азовской Арміей. На это послѣдній донесъ, что Французское Командованіе, считаясь главнымъ образомъ съ мѣстнымъ правительствомъ, указываетъ, что Добровольческая Армія находится въ Крыму исключительно для поддержанія порядка и спокойствія и что оно противъ введенія военнаго положенія, считая однако вполнѣ возможнымъ, чтобы Министру Внутреннихъ Дѣлъ были предоставлены чрезвычайныя полномочія по принятію различныхъ мѣръ, равносильныхъ введенію военнаго положенія.

Такъ Французское Командованіе, съ трудомъ ориентируясь въ создавшейся сложной обстановкѣ на Югѣ Россіи, но пытаясь итти самостоятельнымъ путемъ, не считалось съ предложеніями Главнаго Командованія Вооруженныхъ силъ на Югѣ Россіи и, гипнотизируемое различными узко партійными заявленіями, тормозило организаціонныя мѣропріятія русскихъ вооруженныхъ силъ, энергичное и быстрое проведеніе которыхъ въ жизнь являлось крайне необходимымъ, какъ обезпечивающее возможность дальнѣйшаго выполненія основного плана.

* * *

Еще менѣе понятнымъ было отношеніе Французскаго Командованія къ вопросу матеріальнаго снабженія Добровольческой Арміи тѣми запасами, которые послѣ демобилизаціи Русской арміи, оказались сосредоточенными въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Какъ прямая преемница Русской арміи, Добровольческая Армія несомнѣнно имѣла на нихъ всѣ права, не говоря уже о томъ, что нужда въ предметахъ снабженія всякаго рода, особенно въ снарядахъ и патронахъ, была большая. Отношеніе это становится тѣмъ болѣе досаднымъ, что послѣ отступленія союзныхъ войскъ изъ раіона Одессы, всѣ огромные матеріальные запасы, не будучи использованы, достались большевикамъ.

Наиболѣе крупные склады военнаго имущества, собранные при демобилизаціи Русской арміи находились въ Тирасполѣ, Николаевѣ и на островѣ Березань — близъ Очакова. На первую просьбу Генерала Санникова оказать содѣйствіе вывозу имущества изъ Тирасполя, Французское Командованіе письменно увѣдомило его, что Тирасполь не находится въ зонѣ Добровольческой Арміи и что имущество впослѣдствіи будетъ правильно распредѣлено. Такая постановка вопроса вызывала недоумѣніе, такъ какъ это имущество, какъ уже указывалось, цѣликомъ составляло собственность Русской арміи и о какомъ бы то ни было распредѣленіи его, казалось бы, не должно было быть и рѣчи.

Когда съ подобной же просьбой Генералъ Санниковъ обратился къ Французскому Командованію въ отношеніи Николаева, то въ отвѣтъ послѣдовало извѣщеніе, что имущество это, какъ не находящееся въ зонѣ Добровольческой Арміи, принадлежитъ Директоріи.

Такой отвѣтъ былъ полученъ за недѣлю до эвакуаціи Союзниками Николаева и все цѣнное и многочисленное имущество складовъ попало въ руки большевиковъ. Впослѣдствіи, при отступленіи изъ раіона Одессы, попали въ руки большевиковъ и склады на островѣ Березани.

Ко всему изложенному надо добавить, что въ Одессѣ Союзники захватили въ свои руки оставшіеся тамъ германскіе авіаціонные ангары, о передачѣ которыхъ въ Добровольческую Армію было уже условлено съ германскимъ командованіемъ.

Точно также Французское Командованіе поступило и съ остатками Русскаго военнаго флота. Прибывъ въ Севастополь, французскій Адмиралъ Леже заявилъ, что ни одинъ способный плавать корабль Черноморскаго флота, даже самый незначительный, не будетъ переданъ русскимъ, пока въ Россіи не установится окончательный порядокъ, такъ какъ нѣтъ увѣренности въ томъ, что суда эти не попадутъ въ руки большевиковъ и не нанесутъ вреда сообщеніямъ Союзниковъ.

Въ серединѣ декабря всѣ годныя суда Черноморскаго флота были уведены Союзниками въ Константинополь.

Такъ, въ стремленіи обезпечить свои морскія сообщенія, Французское Командованіе неизбѣжно наносило ущербъ Добровольческой Арміи, потому что впослѣдствіи, когда этой Арміи пришлось защищать Крымскій полуостровъ, отсутствіе военныхъ судовъ, могущихъ содѣйствовать этой защитѣ ощущалось въ сильной мѣрѣ.

Кромѣ того, когда подъ натискомъ превосходныхъ силъ противника слабыя части Добровольческой Арміи начали очищеніе большей части Крыма, Француз-

ское Командованіе не допустило разрушить желѣзнодорожную линію Симферополь - Севастополь и оставило неповрежденнымъ весь подвижной составъ, который въ большомъ количествѣ и достался большевикамъ.

При всемъ этомъ, французы, раздѣливъ сферы вліянія и снабженія между собой и англичанами, за всѣ эти четыре мѣсяца не только не доставили Русской арміи на одного пуда груза, но даже заставили Русское Командованіе снабжать изъ Новороссійска части Добровольческой Арміи, находившіяся въ Одессѣ и въ оперативномъ отношеніи бывшія въ подчиненіи Французскаго Командованія.

* * *

Политика французовъ на Югѣ Россіи и отношеніе ихъ къ вопросамъ русской государственности поражали своей запутанностью и неправильнымъ пониманіемъ обстановки.

Выше было указано, что всѣ представители Французскаго Главнаго Командованія подтвердили стремленіе Франціи возстановить Единую и Недѣлимую Россію, но ихъ ближайшія мѣропріятія сплошь и рядомъ расходились съ этой основной идеей, влекли за собой непоправимыя ошибки и волновали русское общество, тревожно задававшее себѣ вопросъ: — «съ чѣмъ пришли къ намъ Союзники, на помощь ли истекающей кровью Россіи или съ цѣлью оккупаціи со всѣми проистекающими изъ нея тягчайшими для насъ послѣдствіями».

Представитель Французскаго Командованія въ Екатеринодарѣ Капитанъ Фуке велъ довольно своеобразную политику въ отношеніи Дона, политику обѣщаній и намековъ. Сначала вопросъ о присылкѣ союзныхъ войскъ въ Донскую область онъ ставилъ въ зависимость отъ признанія Донскимъ Атаманомъ единаго командованія въ лицѣ Главнокомандующаго Добровольческой Арміей. Единое командованіе было окончательно признано Донскимъ Атаманомъ 26 декабря и тогда же объ этомъ былъ поставленъ въ извѣстность Генералъ Бертелло. Между тѣмъ 27 января, то-есть ровно черезъ мѣсяцъ, Капитанъ Фуке, по какимъ то причинамъ, предложилъ въ письменной формѣ Донскому Атаману подтвердить достигнутое соглашеніе и признать въ лицѣ Генерала Франше д'Эспере «высшее командованіе и власть по вопросамъ военнымъ, политическимъ и общаго характера». Тогда же Капитанъ Фуке обусловливалъ присылку союзныхъ войскъ на Донъ согласіемъ Донского Атамана на удовлетвореніе изъ Донской Казны лицъ и общества французскихъ и союзныхъ подданныхъ Донецкаго бассейна, какъ на территоріи въ предѣлахъ Донского войска, такъ и въ сосѣднихъ районахъ, за погибшія человѣческія жизни и за всѣ понесенные убытки, происшедшіе отъ занятія района большевиками. При чемъ, все это было подтверждено слѣдующей телеграммой 28 января № 717 на имя Донского Атамана «... Исполненіе военной программы начнется не ранѣе того, какъ я буду имѣть документы въ рукахъ. Капитанъ Фуке».

Это заявленіе, облеченное въ столь категорическую форму, было предъявлено Атаману въ ту минуту, когда на Донскомъ фронтѣ создавалось чрезвычайно тяжелое положеніе: половина области была уже въ рукахъ большевиковъ, а Донскіе казаки, истомленные боями и постепенно терявшіе надежду на помощь Союзниковъ, продолжали отступать.

Всѣ эти документы, которые Капитаномъ Фуке были составлены заблаговременно, Генералъ Красновъ подписать отказался и, оставивъ ихъ у себя, увѣдомилъ объ этомъ Главнокомандующаго, который всецѣло раздѣлилъ точку зрѣнія Донского Атамана.

Въ Крыму, вскорѣ послѣ высадки французскихъ войскъ въ Севастополѣ, представители Французскаго Командованія, повидимому, не будучи вполнѣ оріентированы, что Крымское Правительство является лишь мѣстнымъ, областнымъ, не имѣющимъ общегосударственнаго значенія, сплошь и рядомъ обсуждало съ членами указаннаго правительства вопросы чисто военные.

Начальникъ Штаба Главнокомандующаго, въ сношеніи отъ 19 декабря на имя Генеральнаго Штаба Капитана Фуке, поставилъ объ этомъ послѣдняго въ извѣстность, дабы онъ оповѣстилъ представителей Союзниковъ въ Крыму и далъ имъ возможность вполнѣ правильно оріентироваться въ современномъ политическомъ положеніи Крыма.

Въ Одессѣ, до начала 1919 года, политика Французскаго Командованія не оставляла желать лучшаго.

Позиція, занятая полномочнымъ Представителемъ Державъ Согласія на Югѣ Россіи Французскимъ Консуломъ Энно, хорошо знакомымъ съ Россіей, вѣрно оцѣнивавшимъ украинское движеніе какъ наносное, субсидированное австрійскими и германскими деньгами, отличалась твердымъ стремленіемъ проводить чисто русскую національную политику и вести борьбу съ украинскимъ вліяніемъ. Отношенія его къ Добровольческой Арміи были самыми благожелательными, въ ея лицѣ онъ признавалъ единственное здоровое начало на Югѣ Россіи.

Генералъ Боріусъ и его штабъ совершенно не вмѣшивались во внутреннюю жизнь Одесскаго раіона и въ гражданское управленіе города.

Съ пріѣздомъ въ Одессу Генерала д'Ансельма и его Начальника Штаба Полковника Фрейденберга, Консулъ Энно былъ устраненъ отъ должности и политика французовъ рѣзко измѣнилась.

Душою новаго политическаго курса сталъ Полковникъ Фрейденбергъ, дѣятельность котораго поразительно совпадала съ работой нѣмецкихъ и большевистскихъ агентовъ.

Высадивъ въ Одессѣ сравнительно небольшое количество войскъ, Французское Командованіе не считало ихъ положеніе достаточно прочнымъ и потому стремилось усилить обороноспособность Одесской зоны путемъ использованія мѣстныхъ силъ. Несмотря на то, что вопросъ этотъ, казалось бы, наиболѣе естественно разрѣшался совмѣстной работой съ Добровольческой Арміей, особенно въ случаѣ оказанія послѣдней энергичной помощи въ дѣлѣ формированія и организаціи, Французское Командованіе, плохо освѣдомленное и недостаточно понимающее сущность украинскаго движенія, стало на путь переговоровъ съ Директоріей, не имѣвшей ни силы, ни власти, ни даже, подъ конецъ, территоріи, въ надеждѣ при посредствѣ ея осуществить желаемую цѣль.

Однако, Одесса являлась городомъ, который за все время украинскаго движенія былъ къ нему наиболѣе оппозиціонно настроенъ, поэтому Французское Командованіе, вступая въ тѣсное общеніе съ Директоріей, сразу же отшатнуло отъ себя наиболѣе здоровые элементы населенія.

Убѣжденнымъ сторонникомъ этой политики былъ Полковникъ Фрейденбергъ, сильно вліявшій на Главное Французское Командованіе и отрицавшій главенствующую роль Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, которыя въ его глазахъ казались непопулярными среди населенія и не разсматривались имъ, какъ имѣющія право преемства во всѣхъ отношеніяхъ отъ старой Русской арміи.

Несомнѣнно, что Французское Командованіе въ Одессѣ отрицало и право Вооруженныхъ силъ Юга Россіи на объединеніе занятой территоріи въ гражданскомъ управленіи, и своей политикой разбивало только что создавшееся съ такимъ трудомъ объединеніе власти въ лицѣ Главнокомандующаго Вооруженными силами.

Такая политика французовъ проводилась въ Одессѣ и Крыму тогда, когда въ Екатеринодарѣ, въ Ставкѣ Главнокомандующаго, Представители Франціи и Англіи, сознавая необходимость концентраціи всѣхъ силъ для борьбы съ большевиками и видя въ этомъ одинъ изъ главныхъ залоговъ успѣха, напрягали всѣ усилія, чтобы содѣйствовать Вооруженнымъ силамъ Юга Россіи въ достиженіи этого объединенія возможно быстрѣе и въ наиболѣе полной мѣрѣ. Получалось необъяснимое и загадочное противорѣчіе между заявленіями и работой Представителей Франціи, находившихся въ Екатеринодарѣ, и отношеніемъ къ Вооруженнымъ силамъ Главнаго Союзнаго Командованія, противорѣчіе, которое явилось несомнѣнной и главной причиной потери Николаева, Херсона, Березовки и которое, въ концѣ концовъ, закончилось катастрофой въ Одессѣ и Крыму.

Полковникъ Фрейденбергъ и все Французское Командованіе разсчитывали опереться на Украинскую Директорію. Однако, именно украинцы менѣе всего были жизненны и, конечно, не могли служить опорой въ рѣшеніи вопросовъ большого государственнаго масштаба. Несомнѣнно должно было настать время, когда эта убогая опора должна была надломиться и вся постройка рухнуть.

Это тѣмъ болѣе должно было быть яснымъ, что всѣ болѣе или менѣе значительныя политическія партіи въ Одессѣ, въ большинствѣ, сознавали безпочвенность петлюровцевъ и безплодность политики Фрейденберга, поэтому, если послѣдняго и поддерживали единичныя лица, то они менѣе всего были заинтересованы въ благѣ Россіи, а преслѣдовали свои эгоистическія цѣли, часто близкія къ авантюризму. Къ сожалѣнію, Полковникъ Фрейденбергъ сознательно велъ политику разрушенія и, когда его ставленникъ Андро, личность весьма сомнительная,

сдѣлался главою новаго правительства въ Одессѣ, онъ оказался одинъ — ни одна политическая партія его не поддержала, а Генералъ д'Ансельмъ, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, оказался безсилнымъ провести въ жизнь намѣченные планы и реформы, касающіяся, главнымъ образомъ, формированія новой арміи.

Уже съ первыхъ дней пребыванія въ Одессѣ Генерала д'Ансельма, Французское Командованіе начало постепенно забирать въ свои руки гражданское управленіе района. Началомъ этого послужило запрещеніе ввести русскую администрацію въ расширенной Одесской зонѣ и оставленіе въ ней управленія Директоріи. Результаты не замедлили сказаться. Такъ, въ Николаевѣ началась полная анархія, потому что власть одновременно принадлежала демократической полубольшевистской думѣ, комиссару Украинской Директоріи, Совѣту рабочихъ депутатовъ, Совѣту депутатовъ германскаго гарнизона и наконецъ Французскому коменданту. Очевидно, что при подобной обстановкѣ и во всемъ Одесскомъ раіонѣ, трудно было разсчитывать на возможность проведенія въ жизнь какихъ-бы то ни было мѣропріятій, связанныхъ съ вопросами обороны. Указанія на это Русскаго Командованія — успѣха не имѣли.

Постепенно обстановка усложнялась и потребовала пріѣзда въ Одессу Генерала Бертело. Къ этому времени Командующимъ войсками Юго-Западнаго края былъ назначенъ Генералъ Санниковъ. 2 февраля 1919 года Генералъ Бертело назначилъ Генерала д'Ансельма Командующимъ Союзными войсками въ Южной Россіи. На Генерала д'Ансельма возлагалось руководство всѣми вопросами военной политики и администраціи. Генерала Санникова въ дѣлахъ политическихъ и административныхъ Французское Командованіе подчиняло Генералу д'Ансельму, который, однако, не имѣлъ права вмѣшиваться въ подробности предпринимаемыхъ мѣръ, а долженъ былъ всецѣло согласовать ихъ съ вопросами военнаго характера.

Генералъ Санниковъ признавался Командующимъ Русскими войсками, но посколько дѣло касалось примѣненія этихъ войскъ, Генералъ Санниковъ былъ всецѣло подчиненъ Генералу д'Ансельму.

Въ связи съ введеніемъ этой новой системы подчиненности въ Одесскомъ округѣ, Главнокомандующій телеграфировалъ Генералу Санникову:

«1. Во всѣхъ отношеніяхъ: военномъ, политическомъ, гражданскомъ Вы подчинены мнѣ и только отъ меня можете получать приказанія. 2. Предлагаю Вамъ всемѣрно координировать свои дѣйствія съ Французскимъ Командованіемъ. 3. Въ виду численнаго преобладанія союзническихъ войскъ, русскія части Одесскаго района только въ оперативномъ отношеніи подчиняются Французскому Командованію. 4. Детально взаимоотношенія наши будутъ установлены при свиданіи моемъ съ Генералом Бертело, который сдѣлалъ это предложеніе. 8 февраля № 219 Деникинъ».

Вскорѣ послѣ полученія донесенія изъ Одессы о неразрѣшеніи организаціи гражданской власти на мѣстахъ, Главнокомандующій писалъ Генералу Бертело: «Несогласованныя дѣйствія въ области гражданскаго управленія приведутъ къ нежелательнымъ результатамъ. Гражданская власть должна быть въ рукахъ лица назначеннаго мною, которое дастъ всѣ гарантіи нормальной жизни Союзнымъ войскамъ и будетъ координировать свои дѣйствія съ Союзнымъ Командованіемъ. Вынужденный къ сожалѣнію отложить мое личное съ Вами свиданіе, считаю необходимымъ предупредить Ваше Превосходительство о тѣхъ непоправимыхъ и грозныхъ послѣдствіяхъ, которыя повлекутъ за собой мѣропріятія, намѣченныя Французскимъ Командованіемъ, и надѣюсь, что они не получатъ осуществленія до выясненія всего вопроса при личномъ нашемъ свиданіи».

* * *

Уже въ концѣ февраля 1919 года начали сказываться плоды своеобразной политики французовъ. Союзныя войска понесли пораженіе подъ Херсономъ.

Къ этому времени гарнизонъ Херсона состоялъ изъ 1 баталіона грековъ и роты французовъ при двухъ горныхъ орудіяхъ. Изъ этихъ войскъ одна рота грековъ занимала станцію, отдѣленную отъ города двухверстнымъ открытымъ полемъ. Большевики повели наступленіе на станцію съ фронта и праваго фланга со стороны Б. Снѣгиревки. Греки, утомленные безсонницей и томимые жаждой, долго держались, но обойденные справа, подъ мѣткимъ артиллерійскимъ огнемъ противника устоять не могли, и, чувствуя недостатокъ въ патронахъ, начали от-

ходить къ городу. Видя успѣхъ совѣтскихъ войскъ, мѣстное населеніе, большею частью рабочіе, выступили съ оружіемъ въ рукахъ. Прибывшая на поддержку Херсона рота 176 французскаго полка сперва не хотѣла высадиться, а потомъ, вступивъ въ городъ, отказалась итти въ бой и только послѣ угрозы командира и мѣткихъ разрывовъ непріятельскихъ снарядовъ двинулась впередъ. Съ крейсера былъ открытъ огонь по предмѣстьямъ, въ которыхъ начался пожаръ.

Союзному Командованію стало ясно, что при такомъ положеніи наличными силами удержать городъ не удастся и войскамъ было приказано отходить къ кораблямъ для посадки.

Большевики, видя это, старались отрѣзать Союзниковъ отъ рѣки. Положеніе ихъ было спасено ротой грековъ, успѣвшей высадиться съ подошедшаго изъ Одессы транспорта. Тогда большевики открыли ураганный огонь по всей площади передъ судами и Союзникамъ приходилось подъ этимъ огнемъ грузиться.

Утромъ 25 февраля (10 марта) послѣднее судно подъ огнемъ отошло въ Одессу.

Неудача эта произвела тягостное впечатлѣніе на французовъ. Въ этомъ бою Союзники потеряли около 400 человѣкъ, изъ нихъ 14 офицеровъ.

Потерпѣвъ неудачу подъ Херсономъ, Союзники по совершенно непонятнымъ причинамъ рѣшили эвакуировать и Николаевъ, и вывезли оттуда всѣ свои войска на судахъ непосредственно въ Одессу, отдавъ безъ всякаго сопротивленія весь богатѣйшій раіонъ Херсонской губ. между Днѣпровскимъ и Телигульскимъ лиманами. Въ этотъ раіонъ входила крѣпость Очаковъ и островъ Березань, на которомъ находился громадный складъ артиллерійскихъ снарядовъ. Лишь энергичнымъ выдвиженіемъ Добровольческихъ частей въ сторону Херсона удалось временно закрѣпить за собой Очаковъ и сохранить Березань.

Положеніе въ Одессѣ становилось все болѣе тревожнымъ, но Французское Командованіе, не сознавая своихъ ошибокъ, продолжало проводить въ жизнь свою политику сепаратизма въ отношеніи Вооруженныхъ силъ Юга Россіи.

5 марта Начальникъ Французской Военной Миссіи въ Екатеринодарѣ Полковникъ Корбель сообщилъ Главнокомандующему: «Телеграммой переданной Севастопольской радіо-телеграфной станціей 17/3-19, Генералъ д'Ансельмъ поручаетъ мнѣ увѣдомить Васъ, что въ виду серьезности положенія и трудности сношеній съ Вами, онъ долженъ былъ объявить осадное положеніе и принять командованіе, назначивъ себѣ помощникомъ по гражданской части Его Превосходительство г. Андро Ланжерона. Онъ проситъ меня Васъ увѣдомить, что это, разумѣется, лишь временныя мѣропріятія. Примите, Генералъ, увѣренія моего глубокаго почтенія и преданности. Начальникъ Французской Военной Миссіи Полковникъ Корбель».

Такимъ образомъ совершился «переворотъ» и Французское Командованіе, вдохновляемое Полковникомъ Фрейденбергомъ, окончательно вышло на самостоятельный путь рѣшенія задачъ борьбы съ большевиками, оккупируя Одесскій раіонъ. Несомнѣнно, что «переворотъ» этотъ подготовлялся уже давно и исходилъ, повидимому, изъ стремленія французовъ достичь единства командованія и созданія энергичной и всецѣло подчиненной военному командованію гражданской власти. Къ представителямъ Вооруженныхъ силъ Юга Россіи въ этомъ отношеніи они относились критически.

Желая подчеркнуть настоятельную необходимость этого «переворота» и естественность его происхожденія, Французское Командованіе, и въ частности Полковникъ Фрейденбергъ, искусно воспользовалось интригами мѣстныхъ политическихъ партій и нѣкоторыхъ общественныхъ круговъ. Въ этомъ отношеніи въ лицѣ Г. Андро Полковникъ Фрейденбергъ нашелъ себѣ подходящаго помощника.

Крайнія правыя и лѣвыя политическія партіи Одессы не вполнѣ доброжелательно относились къ Добровольческой Арміи. Первыя (хлѣборобы) мечтали о возвращеніи своихъ земель, а вторыя (соціалисты) находили Добровольческую Армію реакціонной.

Настроеніе этихъ партій и должно было явиться главнымъ козыремъ въ рукахъ Фрейденберга и Андро, которые, стремясь использовать ихъ интриги противъ Добровольческой Арміи, мечтали объ образованіи «кабинета» коалиціоннаго характера, долженствующаго, какъ имъ казалось, удовлетворить широкіе русскіе общественные круги.

Однако, какъ уже говорилось, когда Андро вступилъ въ фактическое исполненіе своихъ обязанностей Помощника Генерала д'Ансельма по гражданскимъ дѣ-

ламъ, его не поддержалъ никто. Сразу же обнаружилось, насколько широкіе общественные круги были чужды его политики, а крайнія правыя и лѣвыя партіи, тоже вышедшія изъ «кабинета», не усматривали въ ней залога своего будущаго благополучія.

Получивъ донесеніе о введеніи осаднаго положенія, Главнокомандующій 5 марта телеграфировалъ Генералу Бертело: «Сообщаю Вамъ для свѣдѣнія телеграмму, посланную мною Генералу Санникову по поводу полученной мною депеши Генерала д'Ансельма: «Одесса Генералу Санникову Передайте Генералу д'Ансельмъ слѣдующее: я совершенно не допускаю установленія никакой гражданской власти, кромѣ назначенной мною. Поэтому приказываю: 1. Ни въ какія сношенія съ Андро не вступать, никакихъ распоряженій его не выполнять ни Вамъ, ни гражданскимъ властямъ. Какого бы то ни было участія въ управленіи краемъ Андро, какъ лица незаслужившаго довѣрія, не допускаю. 2. Вамъ, сохраняя полную гражданскую власть, надлежитъ всемѣрно согласовать свои дѣйствія съ Французскимъ Командованіемъ въ интересахъ соблюденія порядка и обезпеченія союзныхъ армій. 3. Въ интересахъ борьбы съ большевиками Вы, какъ Командующій войсками, исполняете оперативныя указанія Французскаго Командованія, но помимо Васъ ни одно распоряженіе не можетъ быть отдано русскимъ войскамъ. 4. Въ случаѣ полнаго перерыва связи предоставляю Вамъ принятіе чрезвычайныхъ мѣръ отъ моего имени съ соблюденіемъ достоинства Россіи, интересовъ Добровольческихъ Армій и края. 5. По поводу дѣйствій Генерала д'Ансельма дѣлается сношеніе съ Французскимъ Правительствомъ».

Если Генералъ д'Ансельмъ и Полковникъ Фрейденбергъ велиъ свою кампанію противъ Добровольческой Арміи, все же ощупью и осторожно, то пріѣхавшій въ Одессу Генералъ Франше д'Эспере пошелъ противъ Добровольческой Арміи открыто, рѣзко и рѣшительно. Прибылъ онъ, повидимому, уже съ предвзятыми мнѣніями и готовыми рѣшеніями и прежде всего имѣлъ бесѣду съ Андро, совершенно не интересуясь мнѣніями представителей тѣхъ круговъ, которые стояли на позиціи поддержки Добровольческой Арміи и считали ее единственной основой спасенія и возрожденія Россіи.

Вскорѣ Генераламъ Санникову и Гришину-Алмазову было предложено уѣхать въ Екатеринодаръ, а военнымъ губернаторомъ Одессы былъ назначенъ Генералъ Шварцъ, ничего общаго съ Добровольческой Арміей не имѣвшій и служившій ранѣе у большевиковъ. Однако, и Генералъ Шварцъ, повидимому, учитывая шаткость своего положенія, обратился съ просьбой къ Главнокомандующему объ утвержденіи своего назначенія.

14 марта Главнокомандующій телеграфировалъ Генералу Франше д'Эспере: «Генералъ Шварцъ донесъ мнѣ, что онъ назначенъ Генералъ-Губернаторомъ и Командующимъ войсками Одесской зоны. Устраненіе назначенныхъ мною властей повергло меня въ полное недоумѣніе. Я убѣжденъ, что и Вы признаете необходимость нашей совмѣстной согласованной работы. Полагаю, что въ этомъ дѣлѣ кроется недоразумѣніе, которое можетъ вызвать серьезныя послѣдствія. Поэтому считаю особенно желательнымъ скорѣйшее свиданіе. Положеніе на фронтѣ лишаетъ меня возможности, къ крайнему моему сожалѣнію, отлучиться изъ моей Главной Квартиры хотя бы на сколько нибудь продолжительный срокъ. Вотъ почему я предлагаю Вамъ назначить свиданіе въ одномъ изъ портовъ, не очень отдаленномъ отъ Новороссійска, если возможно не далѣе Севастополя. Если Вы раздѣляете мое мнѣніе, я прошу Васъ назначить мѣсто и день свиданія».

Въ то же время Начальникъ Штаба Главнокомандующаго телеграфировалъ Командующему Добровольческими войсками въ Одессѣ Генералу Мельгунову: «Главнокомандующій въ виду происшедшихъ событій приказалъ Вамъ оставаться на мѣстѣ, занимая выжидательное положеніе и донося обстановку сюда. Въ оперативномъ отношеніи подчиняться Французскому Командованію, оберегая Добровольческія части».

Одновременно Главнокомандующій приказалъ Генералу Драгомирову: «Прошу сдѣлать распоряженіе, чтобы всѣ оффиціальныя сношенія съ Одессой дѣлались не съ самозванцами, а съ лицами, назначенными ранѣе Командованіемъ, или черезъ Бернацкаго. Въ частности по военнымъ вопросамъ — съ Генералами Мельгуновымъ и Тимановскимъ».

Такая, совершенно не отвѣчающая обстановкѣ и подрывающая престижъ Добровольческой Арміи, политика французовъ, несмотря на цѣлый рядъ преду-

прежденій и указаній со стороны Главнокомандующаго Вооруженными силами на Югѣ Россіи, незамедлила повлечь за собой неизбѣжныя послѣдствія.

Уже 6 марта произошло неудачное для Союзниковъ столкновеніе съ большевиками подъ Березовкой.

Въ этомъ бою участвовали 2-й и 3-й эскадроны Сводпаго кавалерійскаго полка Добровольческой Арміи. По донесеніемъ командировъ эскадроновъ, у Союзниковъ было три баталіона грековъ, одинъ баталіонъ зуавовъ, 6 орудій и 5 танковъ. Большевики, обстрѣлявъ Союзныя войска изъ 2-хъ орудій — одного легкаго и одного тяжелаго, развернули жидкую цѣпь и повели наступленіе на центръ расположенія французовъ. Въ это время въ мѣст. Березовкѣ, въ тылу позиціи, раздалась безпорядочная стрѣльба. Французы и греки дрогнули. Начальникъ отряда Капитанъ Жэ пытался остановить бѣгущихъ, но тщетно. При отступленіи Союзники бросили весь обозъ, оружіе, снаряженіе и даже шинели. Незначительная часть отступающихъ Союзниковъ была остановлена подошедшимъ изъ резерва греческимъ баталіономъ у ст. Славяносербскъ, остальные отошли прямо на Одессу. Особенно сильна была паника на мосту черезъ р. Березовку, гдѣ были оставлены всѣ орудія и всѣ танки.

Вскорѣ послѣ этого большевики сосредоточили свои войска для наступленія на Одессу.

Политика Французскаго Командованія въ Одессѣ, такъ настойчиво стремившагося въ своемъ конечномъ результатѣ къ увеличенію обороноспособности Одессы и ради этого не брезговавшаго никакими путями, въ концѣ концовъ въ этомъ отношеніи ничего не достигла.

Всѣ распоряженія Французскаго Командованія вносили лишь путаницу и подрывали престижъ какъ Франціи, такъ и Добровольческой Арміи.

Въ результатѣ подобной политики, Генералъ д'Ансельмъ по приказанію Генерала Франше д'Эспере, которое, яко-бы, послѣдовало изъ Парижа, 23 марта 1919 года очистилъ Одессу, эвакуируя французскія войска частью моремъ, частью сухимъ путемъ въ Румынію. Въ Румынію же отошли и Добровольческія части..

Оставленіе Одессы произошло внезапно и должно было быть совершено въ теченіе 48 часовъ, при чемъ Главнокомандующій Вооруженными силами Юга Россіи не былъ объ этомъ предупрежденъ вовсе.

Вскорѣ Одесса съ ея многолюднымъ населеніемъ и огромными запасами, принадлежащими какъ французскимъ, такъ и русскимъ войскамъ, была занята большевиками.

26 марта Главнокомандующій телеграфировалъ Генералу Франше д'Эспере: «Только вчера 26 марта я узналъ, что французскія войска оставляютъ Одессу, давъ невыполнимый срокъ на ея эвакуацію, а Добровольческая бригада направлена на Аккерманъ. Французское Командованіе не нашло даже нужнымъ предупредить меня объ этомъ. Теперь трудно предугадать даже огромныя историческія послѣдствія этого шага. Во всякомъ случаѣ полагаю, что Добровольческая бригада имѣетъ нравственное право на всякую помощь и прежде всего на немедленную отправку ея моремъ въ полномъ составѣ съ артиллеріей и обозами на присоединеніе къ русской арміи въ Новороссійскъ».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Эвакуація Одессы.

Къ 22 марта въ Одесскомъ районѣ находились:

а) Части вооруженныхъ силъ Юга Россіи: Бригада Генерала Тимановскаго — 3 350 штыковъ, 1 600 сабель, 18 легкихъ орудій, 8 гаубицъ, изъ нихъ половина шестидюймовыхъ и 6 броневыхъ машинъ. Бригада находилась на фронтѣ въ 30—40 версахъ отъ Одессы и лишь небольшой отрядъ, около 400 штыковъ, былъ расположенъ въ самомъ городѣ.

б) Союзныя войска: двѣ французскихъ, двѣ греческихъ и часть румынской дивизіи, — всего до 30—35 тысячъ штыковъ и шашекъ.

Этихъ силъ, какъ показывалъ опытъ Добровольческой Арміи, было совершенно достаточно не только для удержанія Одесскаго раіона, но и для овладѣнія всѣмъ Юго-Западнымъ краемъ съ Кіевомъ. Но по заявленію самихъ французовъ

войска ихъ были не надежны, и у Французскаго Командованія не было полной увѣренности, что боевые приказы будутъ ими выполняться.

Что же касается грековъ, то настроены они были отлично, но не имѣли своей артиллеріи, средствъ связи, находились въ подчиненіи Французскаго Командованія и были въ общемъ совершенно не самостоятельны.

Противъ этихъ войскъ со стороны большевиковъ дѣйствовали лишь 2 совѣтскихъ полка мѣстнаго формированія и рядъ многочисленныхъ, наскоро организованныхъ отрядовъ, — всего не болѣе 15 тысячъ штыковъ и шашекъ.

Благодаря крайней инертности Французскаго Командованія, — большевики одержали рядъ частныхъ успѣховъ, несмотря на численное превосходство Союзниковъ.

Страшась потерь и неустойчивости своихъ войскъ, Французское Командованіе рѣшило по опыту Салоникскаго укрѣпленнаго района создать и въ Одессѣ «укрѣпленный лагерь».

Немедленно послѣ этого было приступлено къ инженернымъ работамъ.

Такимъ образомъ до 20 марта не было абсолютно никакихъ признаковъ, которые могли бы указать на возможность экстренной эвакуаціи союзныхъ войскъ изъ Одесскаго района.

Вечеромъ 20 марта Французское Командованіе въ Одессѣ получило директивы изъ Парижа.

На слѣдующій день Начальнику Штаба Юго-Западнаго Края Генералу Мельгунову, Французское Командованіе сообщило о перемѣнѣ политики Франціи въ русскомъ вопросѣ, указавъ на то, что Министерство Клемансо пало вслѣдствіе отказа Парламента въ кредитахъ на восточныя операціи и что отъ Пишона получена телеграмма о выводѣ всѣхъ войскъ изъ предѣловъ Россіи въ трехдневный срокъ.

Въ исполненіе этого распоряженія Генералъ д'Ансельмъ, Командующій союзными войсками въ Южной Россіи, приказалъ закончить эвакуацію Одессы въ 48 часовъ, каковой срокъ былъ также данъ для эвакуаціи расположенныхъ въ городѣ Одессѣ Русскихъ войсковыхъ частей и тыловыхъ учрежденій.

Бывшая на фронтѣ бригада Генерала Тимановскаго находилась въ подчиненіи Начальника 30 французской дивизіи Генерала Нерель. Согласно инструкціи Главной Квартиры № 2 отъ 20 марта за № 7486 § 3, — войска Генерала Нерель должны были отходить къ Румынской границѣ, по путямъ сѣвернѣе Одессы, минуя самый городъ. Въ § 5 той же инструкціи было указано, что, въ случаѣ отступленія къ Днѣстру, задача возложенная на Русскую Добровольческую Армію будетъ дана дополнительно.

Русскимъ частямъ и учрежденіямъ, расположеннымъ въ городѣ Одессѣ, Французскимъ Командованіемъ были назначены три направленія: на Новороссійскъ, Константинополь и Констанцу, причемъ оба послѣднихъ пункта должны были явиться лишь этапомъ для дальнѣйшаго направленія ихъ въ Сибирь къ Адмиралу Колчаку, что, повидимому, совпадало съ желаніемъ Генерала Шварца и нѣкоторыхъ политическихъ партій, интриговавшихъ противъ Добровольческой Арміи.

Для каждаго направленія было предоставлено по нѣсколько транспортовъ.

Желая подготовить общественное мнѣніе къ факту оставленія Одессы союзными войсками, — Генералъ д'Ансельмъ издалъ приказъ, въ которомъ доводилъ до свѣдѣнія населенія, что въ виду невозможности подвести въ ближайшее время достаточнаго количества продовольствія, имъ принято рѣшеніе уменьшить въ Одессѣ число жителей путемъ ея частичной эвакуаціи. Этотъ приказъ появился въ газетахъ 21 марта. Одновременно, всѣ служащіе въ различныхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ по требованію Французскаго Командованія, были спрошены о томъ, куда бы они хотѣли выѣхать изъ Одессы, при чемъ было предложено на выборъ упомянутыя три направленія.

Есть данныя предполагать, что приказъ этотъ не являлся полной неожиданностью для Французскаго Командованія, такъ напримѣръ: Полковникъ Фрейденбергъ, получивъ за недѣлю до эвакуаціи мѣсячный отпускъ, во Францію не уѣхалъ, дѣлъ своему замѣстителю Полковнику Жерменъ не сдалъ и, по полученіи приказа объ эвакуаціи, фактически взялъ все дѣло эвакуаціи въ свои руки.

Въ первый же день эвакуація города приняла до нельзя безпорядочныя формы; произошла полнѣйшая сумятица, прежде всего потому, что французы захватили себѣ нѣсколько русскихъ транспортовъ, ранѣе ими же самими предназначен-

ныхъ для эвакуаціи русскихъ. Лица, которымъ были отведены мѣста на захваченныхъ транспортахъ, оказались за бортомъ и устремились на пароходы, оставшіеся еще въ распоряженіи Русскихъ властей. А въ то же время, Управленіе Андро, не будучи въ этомъ освѣдомлено, продолжало выдавать билеты на тѣ именно транспорты, которые уже были захвачены французами.

Въ первый же день, 21 марта, началась эвакуація и французскихъ войскъ, носившая сумбурный и паническій характеръ.

Состояніе Французскихъ войскъ, близкое къ полной деморализаціи, тотчасъ же подняло духъ мѣстныхъ большевиковъ. Немедленно проявилъ кипучую дѣятельность, до тѣхъ поръ существовавшій лишь нелегально, мѣстный совдепъ, который выпустилъ воззваніе къ населенію, посадилъ во всѣ банки комиссаровъ, наложившихъ запретъ на хранящіяся тамъ суммы и развилъ широкую агитацію среди рабочихъ.

Психика обывателя, благодаря происшедшимъ внезапнымъ перемѣнамъ была настолько потрясена, что ко всѣмъ распоряженіямъ большевиковъ, какъ будушей власти, невольно относились внимательно. Судовыя команды, подчинившись распоряженію большевистскаго штаба, забастовали и сошли на берегъ, предварительно испортивъ на большинствѣ судовъ машины. Это окончательно осложнило эвакуацію.

Въ городѣ начались отдѣльные случаи убійствъ большевиками добровольцевъ и разоруженія греческихъ солдатъ. Изъ тюрьмы были выпущены всѣ, какъ политическіе, такъ и уголовные преступники.

Съ утра 22 марта весь городъ былъ запруженъ бѣженцами. Всѣ старались попасть на какой-нибудь пароходъ, безразлично куда бы онъ ни шелъ, лишь бы только у него была исправна машина и имѣлся уголь, чтобы хотя выбраться изъ порта. Однако такихъ пароходовъ было мало, приходилось занимать и совершенно безнадежныя суда. Въ теченіе всего 23 марта французы выводили такія суда на внѣшній рейдъ, гдѣ они усиліями самихъ же пассажировъ и при весьма слабой помощи союзниковъ, кое-какъ чинились и уходили каждый въ своемъ направленіи. Вывести всѣ суда изъ порта все-таки не удалось.

Въ полдень 23 марта власть въ городѣ перешла въ руки совѣта рабочихъ депутатовъ.

Французское Командованіе и городская дума оффиціально признали его; съ этого момента большевики стали полными хозяевами положенія. Для того, чтобы побудить французовъ оставить въ Одессѣ русскую торговую флотилію, совдепъ командировалъ на французскій линейный корабль «Жюстисъ» депутацію, вступившую въ переговоры съ французскимъ морскимъ командованіемъ.

Судя по большевистской радіотелеграммѣ, переговоры продолжались около 2 часовъ и съ обѣихъ сторонъ носили самый вѣжливый характеръ. Впрочемъ, эти переговоры никакихъ послѣдствій не имѣли, такъ какъ почти всѣ суда, стоявшія въ Одесскомъ порту (болѣе 20), французы предназначили для перевозки своихъ войскъ, военныхъ припасовъ, и мѣстныхъ французскихъ и греческихъ колоній, а тѣ немногія, не успѣвшія въ этотъ день выбраться на внѣшній рейдъ суда, были уже окончательно испорчены самими же большевиками.

Впослѣдствіи, для предотвращенія помѣхи эвакуаціи со стороны большевиковъ, въ городѣ недалеко отъ порта была установлена линія зоны, въ предѣлахъ которой французы оставались до послѣдней минуты полными хозяевами положенія. Прочая часть Одессы, въ которой находились всѣ банки, общественныя и государственныя учрежденія, продолжала оставаться въ рукахъ большевиковъ.

При такой обстановкѣ, эвакуація города съ милліоннымъ населеніемъ, громадными запасами военнаго имущества, матеріаловъ и массою различныхъ учрежденій, конечно, не могла быть закончена въ 48 часовой срокъ: это оказалось фактически не выполнимымъ и послѣднія французскія суда покинули рейдъ Одессы только 26 марта, т. е. спустя болѣе чѣмъ 72 часа по истеченіи двухдневнаго срока.

Такимъ образомъ назначенный чрезмѣрно короткій срокъ эвакуаціи отнюдь не вызывался обстановкой ни военной, ни политической, и могъ быть смѣло увеличенъ до недѣли, въ теченіе которой при спокойныхъ и надлежащихъ распоряженіяхъ Русскихъ властей можно было бы упорядочить эвакуацію, вывезти бѣженцевъ и наиболѣе цѣнное имущество. А между тѣмъ, всѣми предшествующими своими распоряженіями Французское Командованіе лишь дезорганизовало Русское управленіе, лишило власти представителей Командованія вооруженныхъ силъ

Юга Россіи и привело къ тому, что предполагаемая планомѣрная эвакуація вылилась въ паническое и постыдное бѣгство.

При этомъ тяжко пострадали лойяльное населеніе города и въ особенности семьи чиновъ Добровольческой Арміи. Брошенные на произволъ судьбы, потерявъ послѣднее свое достояніе, они въ небольшомъ лишь числѣ, голодные и нищіе, спаслись на транспортахъ. Большая же часть ихъ была брошена и обречена на всѣ ужасы большевистскаго насилія, а, можетъ быть, и на гибель въ Одессѣ...

Бывшая на фронтѣ и состоявшая въ подчиненіи Генералу Нерель, бригада Генерала Тимановскаго, послѣ очищенія греками линіи желѣзной дороги, 23 марта начала отходить изъ района деревни Малый Буялыкъ къ Одессѣ. У станціи Одесса-Сортировочная Вр. Командующій бригадой Генеральнаго Штаба Полковникъ Ерофѣевъ получилъ отъ французскаго командованія приказаніе, — не заходя въ городъ, въ виду захвата его рабочими, слѣдовать черезъ большой Куяльникъ, Усатово въ деревню Дальникъ, гдѣ и расположиться на ночлегъ. 24 марта Вр. Командующій бригадой, не получивъ ни отъ кого никакихъ указаній, направилъ бригаду въ деревню Бѣляеву, куда прибылъ днемъ 26 марта и приступилъ совмѣстно съ находившимися тамъ польскими войсками, къ постройкѣ моста черезъ рѣку Днѣстръ, предполагая здѣсь переправиться въ Бессарабію.

Начальникъ бригады Генералъ Тимановскій находился въ это время въ Одессѣ. 21 марта ему было сообщено объ эвакуаціи. Генералъ д'Ансельмъ письменно заявилъ Генералу Тимановскому, что не допуститъ никакихъ безпорядковъ въ городѣ, открывъ въ случаѣ возникновенія ихъ артиллерійскій огонь со стоящей на рейдѣ эскадры. Однако, какъ уже говорилось, 22-го марта на улицахъ города появились вооруженные рабочіе и еврейскія организаціи, которые разстрѣливали чиновъ Добровольческой Арміи, чему, какъ это не странно, Генералъ д'Ансельмъ совершенно не препятствовалъ.

Одновременно Генералъ д'Ансельмъ сообщилъ о томъ, что всѣ чины Добровольческой Арміи должны получить шестимѣсячный новый окладъ содержанія 22 марта Генералу Тимановскому съ большимъ трудомъ удалось добиться у Генерала Шварца разрѣшенія на выдачу аванса изъ Одесской конторы Государственнаго банка въ размѣрѣ 75 милліоновъ рублей. Посланныя въ этотъ день лица въ банкъ по формальнымъ причинамъ денегъ получить не могли, при чемъ ни вновь образованная русская администрація во главѣ съ Андро, ни Французское Командованіе не оказали въ этомъ случаѣ никакой поддержки. Кромѣ указанной суммы Генераломъ Шварцъ было обѣщано выдать не менѣе 800 000 кронъ для жизни бригады въ первые дни ея перехода за границу.

23 марта, когда мѣстные большевики при полномъ непротивленіи французскихъ войскъ заняли улицы и учрежденія Одессы, Генералъ Тимановскій въ сопровожденіи броневого автомобиля проѣхалъ къ Генералу д'Ансельмъ и изложилъ тяжелое матеріальное положеніе бригады. Генералъ д'Ансельмъ своимъ честнымъ словомъ обѣщалъ Генералу Тимановскому вечеромъ того же дня выдать около 10 милліоновъ иностранной валютой, которые должны были быть получены отъ бывшаго Начальника Штаба Полковника Фрейденберга. Несмотря на безпорядки въ городѣ, Генералъ Тимановскій, не желая терять времени, послалъ вооруженный отрядъ въ Государственный банкъ за полученіемъ денегъ по ассигновкѣ полученной отъ Генерала Шварца. Отрядъ встрѣтилъ сопротивленіе и не достигнувъ банка едва смогъ пробиться обратно. Имѣя въ своемъ распоряженіи всего около 400 штыковъ, бывшихъ въ городѣ, Генералъ Тимановскій не могъ ввязаться въ бой на улицахъ города, чтобы добиться полученія денегъ.

Положеніе этого небольшого отряда, постепенно становилось все болѣе и болѣе угрожающимъ, поэтому послѣ разрѣшенія полученнаго отъ Генерала д'Ансельма, Генералъ Тимановскій, вечеромъ 23 марта съ боемъ, неся потери, вывелъ отрядъ изъ казармъ за городъ.

Въ тотъ же день къ Генералу д'Ансельму, были командированы два броневыхъ автомобиля за полученіемъ обѣщанныхъ денегъ. Въ одномъ изъ нихъ отправился Вр. и. д. Начальника Штаба бригады Генеральнаго Штаба Капитанъ Капнинъ съ соотвѣтствующей довѣренностью, который съ боемъ прошелъ черезъ городъ и явился Генералу д'Ансельму.

Однако, несмотря на данное послѣднимъ честное слово, Капитанъ Капнинъ денегъ не получилъ. Генералъ д'Ансельмъ отвѣтилъ такъ: «Деньги не могутъ быть выданы немедленно; необходимо произвести казначейскую операцію, что

возьметъ два или три дня. Вся Добровольческая бригада должна немедленно отправиться на Фонтаны, — первый пунктъ назначенія, какъ сегодня утромъ просилъ Генералъ Тимановскій, и далѣе въ Овидіополь, гдѣ она получитъ распоряженіе относительно погрузки. Крайне важно, чтобы дороги на Аккерманъ были бы свободны сегодня ночью. Суда, находящіяся въ Одесскомъ порту или рейдѣ ни одного военнаго для погрузки не примутъ. Условія погрузки Русскихъ Добровольцевъ изъ Овидіополя будутъ указаны въ ближайшемъ будущемъ.

800 000 кронъ, обѣщанныхъ Генералу Тимановскому Генераломъ Шварцемъ, тоже получить не удалось, такъ какъ послѣдній находился уже на пароходѣ и проникнуть къ нему безъ боя было невозможно. Вскорѣ Генералъ Шварцъ, выдавъ заблаговременно шестимѣсячный окладъ содержанія себѣ, всѣмъ чинамъ своего Штаба и не позаботившись совершенно о Добровольцахъ, дравшихся на фронтѣ, оставивъ ихъ и ихъ семьи совершенно безъ средствъ, отплылъ благополучно изъ Одессы.

Вечеромъ 23 марта Генералъ Тимановскій получилъ приказаніе Генерала д'Ансельма, переданное ему черезъ Генерала Боріуса. «Генералъ д'Ансельмъ поручилъ мнѣ передать Вамъ категорическій приказъ сегодня же вечеромъ покинуть Одессу и направиться на Аккерманъ черезъ Бол. Фонтанъ со всѣми русскими войсками еще находящимися въ Одессѣ».

Въ тотъ же день части бригады, находящіяся въ окрестностяхъ Одессы, перешли въ Овидіополь. Вся же бригада Генерала Тимановскаго, сосредоточившаяся къ 24-му марта въ деревнѣ Бѣляевка, переправиться черезъ построенный мостъ въ Бессарабію не смогла, такъ какъ отъ Генерала д'Ансельма было получено слѣдующее приказаніе: «Части Добровольческой Арміи, находящіяся теперь въ Аккерманѣ, будутъ 8 апрѣля въ теченіе одного дня на баржахъ отправлены въ Бугасъ и будутъ въ распоряженіи Адмирала Куве, находящагося на кораблѣ «Вальдекъ Руссо». Части, находящіяся въ данное время въ Овидіополѣ, немедленно отправятся на Бугасъ лѣвымъ берегомъ Днѣстра».

Для полученія подробныхъ указаній о погрузкѣ на транспорты Генералъ Тимановскій вмѣстѣ съ своимъ Начальникомъ Штаба и Начальникомъ французской 156 дивизіи Генераломъ Боріусомъ, на дрезинѣ прибылъ на станцію Бугасъ, гдѣ и получилъ личное приказаніе Генерала д'Ансельма. Выяснилось, что на транспорты будутъ погружены лишь люди съ винтовками и патронами, пулеметы, телефонное имущество и багажъ. Вся же матеріальная часть артиллеріи, автомобильныхъ частей, обозы и лошади должны были быть оставлены французамъ. При этомъ Генералъ д'Ансельмъ въ присутствіи многихъ французскихъ и русскихъ офицеровъ заявилъ, что за все оставляемое имущество и лошадей будетъ уплачено Генералу Деникину или Генералу Тимановскому. То же самое 26 марта было имъ подтверждено письменно на имя Генерала Тимановскаго: «Французское командованіе не уполномочено выдавать денежные авансы войскамъ Русской Добровольческой Арміи, но въ виду крайней необходимости и принимая во вниманіе численность этихъ войскъ, казалось бы, слѣдовало примѣнить слѣдующій способъ: Русская Добровольческая Армія увѣдомитъ о матеріалахъ и припасахъ всѣхъ родовъ, каковые она считаетъ лишнимъ перевозить моремъ, или которые невозможно будетъ погрузить (напримѣръ лошади). Будетъ составленъ списокъ этимъ матеріаламъ, который союзнымъ командованіемъ будетъ учтенъ при полученіи его отъ частей Русской Добровольческой Арміи. Генералъ Тимановскій благоволитъ увѣдомить, соглашается ли онъ на такое рѣшеніе вопроса и въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, сообщить какъ можно скорѣе свѣдѣнія объ оставляемомъ имъ матеріалѣ».

Одновременно Командиру 21 отрѣлковаго полка 156 французской дивизіи Генераломъ Боріусомъ было отдано распоряженіе: «Командиру баталіона Сенъ-Жюльенъ 21 стрѣлковаго полка, поручается составленіе описи и охрана матеріала, оставляемаго Русской Добровольческой Арміей у восточнаго входа перваго моста въ Бугасъ. Въ зависимости отъ обстоятельствъ этотъ матеріалъ надлежитъ, либо перевезти на правый берегъ Днѣстра, либо на мѣстѣ уничтожить. Полковнику, Командиру А. Д. 156 надлежитъ назначить достаточное количество людей для пріема и временнаго размѣщенія на островѣ Бугасъ лошадей Русской Добровольческой Арміи. Ему же надлежитъ одновременно съ пріемкой лошадей получить отъ Русской Добровльческой Арміи, весь имѣющійся еще у нихъ фуражъ и зерно».

Въ теченіе 27 и 28 марта шло сосредоточеніе бригады на островѣ у станціи Бугасъ. Движеніе совершалось по сыпучимъ пескамъ, на протяженіи 7 верстъ, при чемъ по пути приходилось преодолѣвать желѣзнодорожный мостъ съ рѣшетчатымъ настиломъ, который французы не приспособили къ движенію повозокъ сами, и не позволили сдѣлать это русскимъ. Мостъ былъ занятъ французскимъ карауломъ, который по своему произволу, а иногда и по приказу Генерала Боріуса, прекращалъ движеніе русскихъ повозокъ, людей и лошадей. Поведеніе французскихъ начальниковъ въ этихъ случаяхъ было пренебрежительнымъ и вызывающимъ. Французы думали лишь о спасеніи своего имущества, которое перевозилось по желѣзной дорогѣ, а русскихъ заставляли бросать и то немногое, что ими было взято съ собой и съ такимъ трудомъ тащилось по пескамъ.

Къ полудню 28 марта вся бригада сосредоточилась на островѣ. Въ ожиданіи погрузки, болѣе двухъ сутокъ бригада находилась въ самыхъ печальныхъ условіяхъ: безъ крыши, безъ продовольствія и фуража, въ состояніи полной неопредѣленности и дерганія взадъ и впередъ.

Въ ночь съ 28 на 29 марта бригада была неожиданно передвинута на правый берегъ рѣки Днѣстра, въ районѣ непосредственно къ западу отъ станціи Бугасъ, при чемъ помѣщенія даже для раненыхъ и больныхъ предоставлено не было. Условія жизни были настолько тяжелы, что Генералъ Тимановскій 29 марта доносилъ Генералу д'Ансельму: «Докладываю: 1. Если сегодня не будетъ доставлено, хотя бы къ вечеру продовольствіе на 5 000 человѣкъ, то я уже завтра не могу отвѣчать за дѣйствія своихъ частей. 2. На мѣстѣ бивака всего два колодца. Къ лиману же за водой, черезъ желѣзную дорогу не пропускаютъ. Необходимо разрѣшеніе на пропускъ къ лиману. 3. Лошади начинаютъ падать отъ голода. Необходима немедленная присылка пріемной комиссіи для ихъ пріема. Съ другой стороны необходимо оставить для всѣхъ частей хотя бы 50 лошадей и доставить для нихъ фуражъ. Необходимо немедленное оказаніе помощи больнымъ и раненымъ, находящимся до сихъ поръ на открытомъ воздухѣ. Больныхъ теперь не менѣе ста человѣкъ. Есть случаи серьезныхъ заболѣваній. 5. Прошу письменнаго разрѣшенія на пропускъ въ Аккерманъ интендантской комиссіи въ составѣ 10 человѣкъ, подъ начальствомъ бригаднаго интенданта, для закупки продуктовъ за деньги. 6. Прошу письменнаго разрѣшенія на проѣздъ въ Бухарестъ трехъ моихъ офицеровъ, для личнаго доклада Генералу Геруа. 7. Прошу отвѣтить на каждый пунктъ, въ виду важности каждаго».

Не успѣли еще части перевезти на новый бивакъ свое имущество, какъ около 12 часовъ, послѣдовало новое приказаніе Генерала Боріуса, объ обратномъ переходѣ бригады на лѣвый берегъ рѣки для немедленной погрузки на транспорты, что и было выполнено.

Погрузка перваго транспорта была закончена вечеромъ 30 марта и транспорты начали отходить въ Тульчу.

Утромъ 30 марта къ Генералу Тимановскому, на транспортъ прибылъ французскій офицеръ, съ переводчикомъ Княземъ Гагаринымъ, и предложилъ 150 000 рублей за русскую матеріальную часть, оставленную на лѣвомъ берегу Днѣстра и принятую 156 пѣхотной французской дивизіей.

Такая ничтожная сумма, за то громадной цѣнности имущество, которое было оставлено французамъ, по ихъ же требованію, конечно, принята быть не могла. Отклоняя это унизительное предложеніе Генералъ Тимановскій донесъ Генералу д'Ансельму:

«Во время пребыванія въ Одессѣ, когда было уже рѣшено оставленіе ея, мнѣ для бригады въ предпослѣдній день передъ уходомъ, Генераломъ Шварцемъ было разрѣшено получить 7 500 000 рублей. Я ихъ не получилъ, такъ какъ при попустительствѣ французскаго караула, въ Государственный банкъ были допущены депутаты совѣта рабочихъ депутатовъ (большевики), а на слѣдующій день 23 марта даже ихъ караулы. Взять деньги съ боя у меня не было силъ.

Генераломъ Шварцемъ было обѣщано 800 000 кронъ. Я ихъ не получилъ, такъ какъ Генералъ Шварцъ съ Вашего разрѣшенія сѣлъ на пароходъ, куда пройти за деньгами я безъ боя также не могъ. Въ результатѣ деньги эти увезены Генера ломъ Шварцемъ, увезены неизвѣстно куда.

23 марта утромъ, при свиданіи со мной у Васъ, Вы мнѣ обѣщали честнымъ словомъ выдать 10—20 милліоновъ иностранной валютой, на содержаніе Добровольцевъ. Деньги должны были быть получены въ тотъ же день-вечеромъ у Полков-

ника Фрейденберга. Когда же вечеромъ мой Начальникъ Штаба Капитанъ Капнинъ съ боемъ на двухъ броневикахъ прибылъ къ Вамъ, то въ деньгахъ было отказано и въ письменной формѣ былъ данъ отвѣтъ: «Деньги не могутъ быть выданы немедленно; необходимо произвести казначейскую операцію, что возьметъ два или три дня». Бумага эта за Вашей подписью и печатью имѣется у меня. Деньги же отъ Васъ такъ и не получены.

26 марта на мосту у ст. Бугасъ, когда выяснилось, что посадка на транспортъ будетъ произведена только людей, пулеметовъ и багажа, а вся матеріальная часть и лошади бросаются, — Вами было обѣщано, за все оставленное имущество, снаряженіе и лошадей уплатить мнѣ или Генералу Деникину. Во исполненіе этого приказа вся матеріальная часть артиллеріи, обозъ, лошади, броневики и легковые автомобили мною оставлены на берегу.

Сегодня 30 марта ко мнѣ на транспортъ прибылъ отъ Генерала Боріуса французскій офицеръ, въ сопровожденіи переводчика Князя Гагарина. Офицеръ привезъ 150 000 рублей русской валютой, не идущей за границей, за нашу матеріальную часть, принятую 156 пѣх. дивизіей, считая это совершенно недостаточнымъ, такую ничтожную сумму для 6 000 человѣкъ (имѣющихся у меня) принять не могу.

Остаюсь безъ денегъ, какъ на мѣстѣ, такъ и на будущемъ пунктѣ остановки.

Исполняя всѣ Ваши приказанія по приказу Генерала Деникина, я никогда не могъ предполагать тѣхъ незаслуженныхъ оскорбленій, униженій, которыя выпали на меня и на подчиненныя мнѣ части. Неужели только за то, что Добровольческая Армія одна осталась вѣрной Союзникамъ, когда весь фронтъ развалился... Ввѣренныя мнѣ части благодаря голодовки, мотаніямъ по постамъ взадъ и впередъ, лишенію матеріальной части, которую мы съ такимъ трудомъ пріобрѣтали, настолько были озлоблены, что мнѣ стоило большого труда и спокойствія, чтобы удержать ихъ въ рамкахъ подчиненія.

Разставаясь теперь съ Вами, Ваше Превосходительство, я по долгу совѣсти и чести доношу Вамъ, что такихъ униженій и скорбленій Высшаго Французскаго Командованія по моему адресу, по адресу русскаго Генерала, который работаетъ съ Франціей 5-й годъ, который погонъ своихъ не снималъ и лица своего не запачкалъ — я никогда не ожидалъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи Генералъ Тимановскій».

По прибытіи бригады въ Тульчу Французскимъ Командованіемъ было предложено, всему составу бригады сдать оружіе. Однако, когда Генералъ Тимановскій заявилъ, что онъ, считая себя Начальникомъ союзной части, можетъ это исполнить, не иначе какъ по приказанію Генерала Франше д'Эспере или Бертело, бригада была пропущена въ городъ съ оружіемъ въ рукахъ, и лишь во время стоянки въ городѣ по распоряженію Генерала Тимановскаго, чины бригады ходили безъ оружія.

Части бригады были размѣщены въ разрушенныхъ домахъ и казармахъ безъ оконъ и дверей.

* * *

Всѣ чины бригады получали лишь половину французскаго пайка и потому жили впроголодь. Купить было не на что. Украинскія деньги, которыя только и имѣлись въ бригадѣ, не имѣли опредѣленнаго курса и почти не принимались. Варка пищи была затруднена до крайности, такъ какъ походныя кухни, по приказанію французовъ были оставлены у Бугаса. Санитарная часть была поставлена очень плохо: городъ больныхъ и раненыхъ не принималъ, а имѣющіяся въ бригадѣ средства не позволяли оборудовать лазареты собственнымъ попеченіемъ.

По настоянію Французскаго Командованія, бригада лишилась всей своей матеріальной части и конскаго состава. Между Каролина Бугасъ и станціей Бугасъ, благодаря открытому противодѣйствію французскихъ начальниковъ, было оставлено: 18 легкихъ, 4—48 линейныхъ и 4 шестидюймовыхъ орудій, 6 бронированныхъ автомобилей, 10 грузовыхъ и 25 легковыхъ автомобилей, 40 походныхъ кухонь, 600 парныхъ повозокъ, 3 000 лошадей, не считая при этомъ цейхгаузовъ съ громаднымъ количествомъ продовольствія, обмундированія, снаряженія и бѣлья, брошенныхъ въ Одессѣ.

Части вооруженныхъ силъ Юга Россіи въ Одесскомъ районѣ въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ доблестно сражавшіяся бокъ о бокъ съ Союзниками противъ большевиковъ, въ тяжелое время оставленія Одессы и отхода въ Румынію не только

не получили никакой помощи со стороны Французскаго Командованія, но, вынеся цѣлый рядъ оскорбленій отъ французскихъ начальниковъ, исключительно вслѣдствіе распоряженій Французскаго Командованія, вынуждены были оставить почти всю матеріальную часть, лошадей и обозъ, т. е. все то, что составляло особенную цѣнность и было до крайности необходимо вооруженнымъ силамъ Юга Россіи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Эвакуація Севастополя.

Съ оставленіемъ союзными войсками Херсона и Николаева, положеніе частей Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, дѣйствующихъ въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ Тавріи и защищающихъ Крымскій полуостровъ, становилось крайне тяжелымъ. На лѣвомъ берегу нижняго Днѣпра появились регулярныя совѣтскія войска; бывшія ранѣе въ этомъ районѣ многочисленныя, но разрозненныя грабительскія банды начали принимать правильную организацію; украинскія войска атамана Григорьева окончательно перешли на сторону большевиковъ.

Подъ давленіемъ превосходныхъ силъ противника, слабыя части Крымско-Азовской Добровольческой арміи принуждены были отходить на Крымскій полуостровъ. Удержаться продолжительное время на перешейкахъ не удалось. Подъ вліяніемъ прорыва фронта у Перекопа и десанта противника, произведеннаго на моторныхъ лодкахъ изъ Геническа, армія продолжала отходить вглубь полуострова въ направленіи на Керчь и удержалась лишь на Акманайской позиціи, поддержанная судовой артиллеріей русскихъ и англійскихъ кораблей.

Непрочность положенія на перешейкахъ сознавалась какъ Русскимъ Командованіемъ, такъ и прибывшимъ 13 марта въ Севастополь Генераломъ Франше д'Эспере. Генералъ Франше д'Эспере указалъ на необходимость продержаться на перешейкахъ еще двѣ недѣли, къ концу которыхъ обѣщалъ оказать помощь. Русскія войска простояли болѣе двухъ недѣль, но помощи отъ французовъ не видѣли...

Въ серединѣ марта гарнизонъ Севастополя состоялъ изъ двухъ баталіоновъ 175 пѣхотнаго французскаго полка, одного баталіона грековъ, двухъ батарей 242-го артиллерійскаго французскаго полка, небольшого количества вспомогательныхъ французскихъ войскъ и высаженнаго на берегъ экипажа сѣвшаго на мель французскаго линейнаго корабля «Мирабо».

Второй баталіонъ грековъ находился въ Симферополѣ, выдвинувъ одну роту въ Таганашъ, а другую къ станціи Джанкой.

Всѣ упомянутыя войска подчинились Командующему союзными войсками въ Крыму — Полковнику Труссону.

На рейдѣ къ этому времени находилась союзная эскадра, въ составѣ трехъ французскихъ линейныхъ кораблей: «Жанъ-Баръ», «Вержіо» и «Мирабо», нѣсколько французскихъ миноносцевъ, англійскаго крейсера «Калипсо» и двухъ греческихъ миноносцевъ. Вся эскадра была подчинена Командующему 2-й французской эскадрой Адмиралу Аметъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ являлся и политическимъ комиссаромъ Франціи на Черномъ морѣ.

Съ нетерпѣніемъ ожидалось прибытіе колоніальныхъ французскихъ войскъ, которыя, однако, нѣсколько запоздали и высадились въ Севастополѣ лишь въ послѣднихъ числахъ марта.

Противникъ численностью до 8—10 тысячъ, войдя въ Крымъ, большею частью войскъ, продолжалъ наступленіе на Керчь, и тѣ ничтожныя силы, которыя докатились до Севастополя, несомнѣнно, могли быть уничтожены союзными войсками, уже находившимися въ крѣпости, а съ прибытіемъ колоніальныхъ войскъ положеніе Севастополя, казалось бы, должно было сдѣлаться совершенно прочнымъ.

Однако, высадившіеся 30 марта 2 000 алжирцевъ, а 1-го апрѣля столько же негальцевъ, изъ крѣпости никуда не выводились и никакой активности не проявили.

А между тѣмъ, крѣпость эта имѣла чрезвычайное значеніе для Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, продолжая оставаться морской базой Черноморскаго флота и вмѣщая въ себѣ громаднѣйшіе запасы военнаго снабженія всякаго рода.

Въ порту находились исправныя русскія суда, лишь частью нуждавшіяся въ незначительномъ ремонтѣ: 2 крейсера, 6 миноносцевъ, 7 посыльныхъ судовъ, 3 подводныхъ лодки, 2 канонерскихъ лодки, 2 тральщика, 8 транспортовъ 7 пароходовъ, 8 буксировъ, 9 катеровъ. Кромѣ нихъ были суда, нуждавшіяся въ капитальномъ ремонтѣ: 2 миноносца, 2 посыльныхъ судна, 6 подводныхъ лодокъ, 1 канонерская лодка, 2 тральщика и 3 парохода.

Уже въ двадцатыхъ числахъ марта положеніе Севастополя становилось тревожнымъ. 21-го марта Полковникъ Труссонъ пригласилъ Коменданта крѣпости Генерала Субботина, его Начальника Штаба и Начальниковъ Артиллеріи и Инженеровъ на совѣщаніе, на которомъ заявилъ, что на случай приближенія большевиковъ, линія обороны к р ѣ п о с т и имъ намѣчается по линій историческихъ бастіоновъ, за исключеніемъ сѣверной стороны. На указаніе Генерала Субботина о чрезвычайной важности именно сѣверной стороны, питающей городъ водою, Полковникъ Труссонъ заявилъ, что онъ это понимаетъ, но по недостатку силъ сдѣлать ничего не можетъ и надѣется, что противникъ, появившійся на сѣверной сторонѣ, будетъ сметенъ судовой артиллеріей. Одновременно Полковникъ Труссонъ предложилъ Генералу Субботину и Генералу Рербергу войти въ совѣтъ обороны. Объ этомъ былъ отданъ приказъ, который однако остался мертвой буквой, такъ какъ совѣтъ обороны не собирался ни разу. Нѣсколько позже былъ выпущенъ второй приказъ, въ которомъ Полковникъ Труссонъ объявилъ себя Военнымъ Губернаторомъ, а Генерала Субботина — своимъ помощникомъ.

Неоднократныя увѣренія французовъ, что Севастополь ими оставленъ не будетъ, вызывали сомнѣніе. Впечатлѣнія Одессы, Николаева, Херсона были еще слишкомъ свѣжи въ памяти, а опредѣленное заявленіе Полковника Труссона о томъ, что несмотря на рѣшеніе французовъ защищать городъ, всѣ части и учрежденія Добровольческой Арміи должны будутъ покинуть Севастополь, вызвало полное недоумѣніе у всѣхъ. Настроеніе въ городѣ становилось паническимъ.

Тѣмъ не менѣе, тотчасъ-же была образована эвакуаціонная комиссія подъ предсѣдательствомъ Коменданта крѣпости, которая должна была выяснить все подлежащее эвакуаціи и распредѣлить транспортныя средства. Къ работамъ было приступлено немедленно, однако комиссія засѣдала всего лишь три раза, такъ какъ въ виду объявленія французами осаднаго положенія, хожденіе по улицамъ позднѣе 8-ми часовъ вечера запрещалось и члены комиссіи вечерами собираться не могли, въ выдачѣ же пропусковъ французы отказали.

Вскорѣ по приказанію Полковника Труссона все дѣло эвакуаціи было передано въ вѣдѣніе Русскаго Морского Штаба. Это неизбѣжно сразу же внесло путаницу въ работу. А между тѣмъ съ началомъ эвакуаціи въ Севастополѣ скопилось много бѣженцевъ изъ Симферополя, Ялты, Евпаторіи, Балаклавы и другихъ городовъ. Съ цѣлью успокоенія взволнованнаго населенія и уменьшенія продовольственнаго кризиса представлялось крайне важнымъ скорѣе освободиться отъ этого пришлаго элемента. Однако французская морская база, выдававшая пропуски, производила это крайне медленно; пріемные часы были ограничены, а обращеніе чиновъ базы съ публикой было надменнымъ и оскорбительнымъ. Съ другой стороны, всевозможными повѣрками, Французское Командованіе тормозило какъ погрузку судовъ, такъ и выходъ ихъ въ море.

Для удовлетворенія нуждъ по эвакуаціи военныхъ учрежденій, а также для уплаты жалованія и выдачи пособія чинамъ Добровольческой Арміи, Комендантъ крѣпости потребовалъ изъ мѣстнаго банка, на основаніи имѣвшейся ассигновки, полмилліона рублей. Директоръ банка оплатить таковую отказался подъ предлогомъ неимѣнія денегъ, что на самомъ дѣлѣ было невѣрно, такъ какъ въ распоряженіи Правительства имѣлось до 11 милліоновъ рублей.

Объ этомъ обстоятельствѣ было сообщено Полковнику Труссонъ, который заявилъ, что въ это онъ не вмѣшивается и предоставляетъ Генералу Субботину полную свободу дѣйствій.

Вызвавъ по телефону Директора банка, Генералъ Субботинъ подъ угрозой ареста добился полученія милліона рублей.

Однако черезъ два дня Субботинъ получилъ отъ Полковника Труссонъ слѣдующее сношеніе: «До моего свѣдѣнія дошло:

1. Что Правительство увезло всѣ деньги, оставивъ городское самоуправленіе безъ денегъ.

2. Что пароходъ «Волга» груженный зерномъ ушелъ несмотря на отданный мною приказъ.

3. Что Добровольцы, уходя, грабятъ матеріалы.

Вслѣдствіе этого я приказываю:

1. Ни одному пароходу не будетъ дано разрѣшеніе на выходъ, пока все не будетъ возвращено.

2. Всѣ чины бывшаго Правительства и, главнымъ образомъ, министръ финансовъ будутъ немедленно задержаны, моимъ распоряженіемъ и препровождены ко мнѣ до полудня. Такая же мѣра по отношенію адъютанта Начальника Штаба Командующаго Добровольцами, по фамиліи Мурзинъ.

3. Добровольцы имѣютъ право увозить только ихъ личный багажъ, ружья, пушки, патроны и снаряды. Безусловно воспрещается вывозъ продовольствія городского или государственнаго какого-бы происхожденія оно ни было, въ частности муки, зерна, постельныхъ принадлежностей, мебели и госпитальныхъ матеріаловъ.

Вы непосредственно отвѣтственны въ исполненіи этихъ приказовъ».

Для разъясненія всѣхъ этихъ вопросовъ Генералъ Субботинъ въ тотъ же день лично посѣтилъ Полковника Труссона, который рѣзко заявилъ, что по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, въ Севастопольскомъ Государственномъ банкѣ было около 11 милліоновъ рублей, деньги эти исчезли и онъ не можетъ допустить, чтобы народное хозяйство расхищалось. На это генералъ Субботинъ возразилъ, что за дѣятельность министровъ онъ не отвѣтственъ.

— «Почему до настоящаго времени они ко мнѣ не доставлены». — «Я понялъ изъ Вашего сношенія, что это будетъ сдѣлано Вашимъ распоряженіемъ». — «Нѣтъ, это должны сдѣлать Вы». — «Я требую, чтобы милліонъ, взятый Вами, былъ возвращенъ».

— «Это невозможно, такъ какъ деньги нужны для расходовъ по эвакуаціи, для оплаты жалованія и выдачи пособій. По закону я имѣю право это сдѣлать. Правительство выдало пособіе всѣмъ, я же выдаю только эвакуирующимся, такъ какъ выдачу пособій не эвакуирующимся считаю несправедливой и у меня не хватитъ денегъ для удовлетворенія претензій этихъ послѣднихъ. Денегъ отъ офицеровъ я отобрать не могу, такъ какъ многіе уже произвели необходимые расходы, а многіе уѣхали. Безъ денегъ я не могу продолжать эвакуацію».

— «Въ такомъ случаѣ я приказываю сдать пятьсотъ тысячъ. У офицеровъ отобрать все, что возможно. Всѣ вышедшія суда будутъ возвращены, обысканы моимъ распоряженіемъ и пока съ нихъ не будетъ снято все, кромѣ собственныхъ вещей, артиллерійскаго имущества и отысканы деньги, ни одно судно не уйдетъ. До тѣхъ поръ, пока я не получу пяти милліоновъ, всѣ министры будутъ арестованы, а также будете арестованы Вы и Начальникъ Штаба».

Давъ исчерпывающія объясненія по всѣмъ остальнымъ пунктамъ сношенія, Генералъ Субботинъ на слѣдующій день написалъ Полковнику Труссонъ:

«Имѣю честь просить Васъ не отказать прислать мнѣ письменное приказаніе возвратить сумму, полученную мною для уплаты содержанія офицерамъ Русской Арміи за прошлые мѣсяцы и добавокъ, который согласно Русскимъ законамъ долженъ быть уплоченъ въ случаѣ эвакуаціи.

Однако прошу имѣть въ виду, что я подчинился Вашимъ приказаніямъ только въ вопросахъ оперативныхъ, а въ вопросахъ снабженія Генералу Деникину, по приказанію котораго я имѣю честь быть Комендантомъ Севастопольской крѣпости. Взамѣнъ милліона, который былъ розданъ офицерамъ и ихъ семьямъ, находящимся нынѣ въ нуждѣ, безъ гроша и крова и для нуждъ самой эвакуаціи, — крѣпость располагаетъ запасами и матеріалами на нѣсколько сотъ милліоновъ.

Я хочу довести до Вашего свѣдѣнія, что свидѣтельство недостатка довѣрія ко мнѣ, какъ высшему представителю Арміи, можетъ быть истолковано, какъ оскорбленіе чести Русской Арміи, какъ бы ни была она мала здѣсь подъ моимъ командованіемъ».

Въ теченіе двухъ дней отвѣта на это письмо не послѣдовало, несмотря на вторичное письмо Генерала Субботина къ Полковнику Труссону, въ которомъ онъ, разъясняя положеніе офицеровъ и ихъ семей, просилъ, отмѣнить приказъ о возвратѣ денегъ, а также не задерживать эвакуаціи, отчего страдали неповинныя женщины и дѣти, и настаивалъ на разрѣшеніи судамъ выйти въ море съ грузами, потому что для разгрузки ихъ не было рабочихъ рукъ.

Наконецъ 1-го апрѣля было получено сношеніе Полковника Труссона: «Разрѣшаю офицерамъ и служащимъ уѣзжать съ деньгами, которыя они получили. Только деньги, которыя Вы смогли возвратить, будутъ сданы Вами въ банкъ подъ расписку. Во всякомъ случаѣ — законъ, который Вы примѣнили для уплаты содержанія впередъ, можетъ быть, отнесенъ лишь къ людямъ, исполнявшимъ свой долгъ и уѣзжающимъ согласно приказанія. Между тѣмъ — многіе офицеры Добровольческой Арміи получили впередъ содержаніе несмотря на то, что постыдно бѣжали передъ непріятелемъ, покинувъ безъ боя товарищей, имущество, раненыхъ и являя передъ всѣми самое гнусное зрѣлище. Я не предполагаю, чтобы законъ могъ быть примѣненъ къ этимъ людямъ и противъ этого то злоупотребленія я и хотѣлъ возстать.

Что сдѣлано, то сдѣлано, пусть покидаютъ Севастополь немедленно, но способъ, примѣненный здѣсь для опустошенія Государственной казны передъ бѣгствомъ, будетъ доведенъ до свѣдѣнія кого слѣдуетъ».

Въ высокой степени наглое разсужденіе Полковника Труссона о бѣжавшихъ Добровольцахъ не отвѣчало дѣйствительности и приведено имъ, повидимому, лишь съ цѣлью оправданія своихъ поступковъ.

Полковнику Труссону докладывалось устно и письменно, что пособія выдавались только офицерамъ, живущимъ въ Севастополѣ и бросавшимъ свое имущество. Если въ періодъ эвакуаціи въ Севастополѣ и скопилось довольно значительное количество офицеровъ, то это были лица, прибывшія изъ различныхъ пунктовъ Крымскаго побережья съ предписаніями отправиться въ Новороссійскъ и, во всякомъ случаѣ, среди нихъ не было позорно бѣжавшихъ съ полей сраженія и бросавшихъ раненыхъ товарищей.

Это были тѣ самыя войска, которыя черезъ 2 мѣсяца, свободныя отъ чужого содѣйствія, въ 2 недѣли очистили Крымъ и лѣвый берегъ Днѣпра!..

Что касается заключительной приписки, то къ Генералу Субботину она тоже не могла имѣть отношенія, такъ какъ деньги были взяты съ вѣдома Полковника Труссона и уѣзжать изъ Севастополя онъ не собирался.

Относясь такъ къ обезпеченію эвакуирующихся русскихъ офицеровъ, французы 14-го апрѣля явились на крейсеръ «Кагулъ» и забрали съ собой хранившуюся тамъ часть цѣнностей Государственнаго Банка.

По поводу этого Адмиралъ Саблинъ писалъ Адмиралу Амету:

«Вчера 14-го апрѣля, на крейсеръ «Кагулъ», стоявшій подъ Русскимъ военнымъ флагомъ, прибыли французскій офицеръ и матросъ, взяли часть цѣнностей Государственнаго Банка, хранившихся тамъ, и увезли ихъ.

Все это было сдѣлано безъ моего вѣдома.

Цѣнности на крейсеръ «Кагулъ» были погружены на законномъ основаніи.

Никакого рода злоупотребленія съ моего вѣдома, не могутъ имѣть мѣста на судахъ и частяхъ флота находящихся подъ моимъ командованіемъ.

Для раскрытія какихъ-либо злоупотребленій я всегда пойду на встрѣчу, происшествіе же имѣвшее мѣсто вчера на крейсерѣ «Кагулъ» меня глубоко оскорбило.

Прошу Васъ принять увѣренія въ совершенномъ почтеніи и таковой же преданности. Саблинъ».

Одновременно съ работой по эвакуаціи войсковыхъ частей и учрежденій сухопутнаго вѣдомства, происходили подготовительныя работы по эвакуаціи судовъ. Задача эта являлась наиболѣе сложной, такъ какъ весь Севастополь эвакуировался моремъ и отъ правильнаго и планомѣрнаго распредѣленія транспортныхъ и буксирныхъ средствъ зависѣлъ ея успѣхъ.

Французскому Командованію было своевременно сообщено, что собственныхъ буксирныхъ средствъ для эвакуаціи всѣхъ судовъ не хватитъ. Французы опредѣленно обѣщали помощь и съ этой цѣлью почти всѣ суда были выведены на рейдъ.

Однако въ результатѣ Французское Командованіе не только не оказало помощи, но задерживая суда, пыталось отобрать наши послѣдніе буксиры, невзирая на то, что главныя буксирныя средства порта уже находились въ ихъ рукахъ и намъ не давались несмотря на цѣлый рядъ просьбъ.

Съ цѣлью упорядоченія эвакуаціи, Штабомъ Адмирала Саблина былъ выработанъ опредѣленный планъ, но провести его въ жизнь такъ и не удалось. Французское Командованіе, захватывая и распоряжаясь русскими транспортами и буксирами, нарушало всѣ расчеты и вносило путаницу. Своего же плана французы

не дали, а всѣ распоряженія ихъ были внѣ связи одного съ другимъ и нерѣдко приказанія Адмирала Амета не согласовались съ требованіями Полковника Труссона.

Всякое русское судно, уходившее изъ Севастополя, кромѣ предписанія Штаба флота должно было получить пропускъ отъ французской базы, что иногда задерживало его отходъ на двое и даже трое сутокъ (суда «Терецъ», «Бугъ» и др.).

Все это явилось главной причиной, тормазившей эвакуацію. Въ результатѣ изъ Севастополя ушли лишь суда первой группы, суда второй группы, которыя предполагалось тоже взять на буксиръ, изъ-за недостатка буксирныхъ средствъ, были оставлены въ Севастополѣ.

Что касается эвакуаціи воинскихъ грузовъ, то она происходила еще съ большими треніями. Благодаря инертности французовъ въ охранѣ города, въ Севастополѣ къ концу марта образовался большевистскій «военно-революціонный комитетъ», свободно выпускавшій свои «Извѣстія» и вліявшій на мѣстныхъ рабочихъ, которые отказывались грузить. Кромѣ того, на работавшихъ въ небольшомъ числѣ грузчиковъ происходили частыя нападенія большевиковъ, поэтому требовалась охрана, однако своихъ людей недоставало, такъ какъ они почти всѣ были заняты погрузкой, а французы въ охранѣ отказывали.

Въ результатѣ удалось погрузить лишь немногое, главнымъ образомъ, часть огнестрѣльныхъ припасовъ, на погрузкѣ которыхъ въ качествѣ грузчиковъ работали преимущественно офицеры. Всѣ же остальные огромные запасы почти полностью были брошены.

До 30 марта работы по укрѣпленію города производились вяло, сами французы, вѣроятно, не были увѣрены въ томъ, что смогутъ удержаться въ Севастополѣ долго. Съ нетерпѣніемъ ожидалось прибытіе подкрѣпленій. Отъ Генерала Субботина все тщательно скрывалось. Комендантъ крѣпости не зналъ ни обстановки, ни предположеній Полковника Труссона, не зналъ даже точнаго количества войскъ: все держалось въ секретѣ отъ него. Возможно, что положеніе французовъ было дѣйствительно тяжелымъ, у нихъ шелъ развалъ, но въ то же время не было замѣтно и мѣръ, принимаемыхъ ими противъ этого. Когда Французскому Командованію указывались факты неоспоримой пропаганды, оно выслушивало это съ видимымъ неудовольствіемъ и ихъ отрицало. Русская контръ-развѣдка неоднократно доносила, что нѣкоторые представители Французскаго Командованія сами находились въ оживленныхъ сношеніяхъ съ мѣстными большевистскими элементами. Былъ даже допущенъ пріѣздъ большевистской делегаціи изъ Симферополя, которая совѣщалась съ мѣстными большевиками въ Союзѣ-Союзовъ.

При всемъ этомъ, желая, повидимому, скрыть свое безсиліе, или свои некорректные поступки въ отношеніи русскихъ, какъ союзниковъ, Французское Командованіе упорно отказывалось входить въ положеніе Добровольцевъ и, зачастую, отношеніе его къ русскимъ носило характеръ болѣе чѣмъ презрительный. Съ одной стороны французы требовали скорѣйшей эвакуаціи офицеровъ, а съ другой, когда потребовалось назначеніе охраны на транспорты и таковую пришлось организовать изъ русскихъ офицеровъ, то бросались оскорбительныя обвиненія въ томъ, что офицеры хотятъ спастись въ первую очередь.

Вечеромъ 30 марта въ Севастополь прибыли 2000 алжирцевъ. Настроеніе французовъ измѣнилось. Видно было ихъ опредѣленное рѣшеніе защищать городъ. Суда эскадры получили боевыя задачи, а часть французскихъ моряковъ была высажена на берегъ для несенія гарнизонной службы. 1-го апрѣля начали прибывать транспорты съ сенегальскими войсками.

Въ тотъ же день Адмиралъ Аметъ въ категорической формѣ потребовалъ отъ Главнаго Командира Севастопольскаго порта Адмирала Саблина, немедленно эвакуировать изъ Севастополя всѣхъ офицеровъ Добровольческой Арміи, а также и Штабъ крѣпости. Адмиралъ Саблинъ сообщилъ объ этомъ Генералу Субботину: «Увѣдомляю Ваше Превосходительство, что Адмиралъ Аметъ требуетъ эвакуаціи изъ Севастополя всѣхъ офицеровъ Доброармии въ кратчайшій срокъ, включая въ то число и офицеровъ Штаба крѣпости.

Для означенной эвакуаціи могу предоставить въ первую очередь пароходъ «Морякъ», могущій поднять 600 человѣкъ.

Прошу Ваше Превосходительство не отказать увѣдомить меня, когда можетъ быть произведена посадка».

Генералъ Субботинъ не считалъ себя въ правѣ покинуть крѣпость безъ раз-

рѣшенія Главнокомандующаго Вооруженными Силами Юга Россіи и просилъ Полковника Труссона срочно отправить радіотелеграмму въ Екатеринодаръ Главнокомандующему: «Адмиралъ Аметъ черезъ Адмирала Саблина требуетъ немедленно эвакуаціи изъ Севастополя всѣхъ чиновъ Управленій и Штаба крѣпости, мотивируя тѣмъ, что отсутствіе въ Севастополѣ Добровольцевъ облегчитъ Союзникамъ задержать наступленіе и задержать входъ въ городъ совѣтскихъ войскъ. Много артиллерійскаго и телеграфно-телефоннаго имущества не вывезено. Прошу указаній. Безъ Вашего приказанія выѣхать отказываюсь 1/14 апрѣля № 2 891».

Въ тотъ же день, 1-го апрѣля Генералъ Субботинъ получилъ письмо отъ Адмирала Амета: «Отъѣздъ войскъ Добровольческой Арміи дѣлаетъ присутствіе Русскаго Генеральнаго Штаба въ Севастополѣ не нужнымъ и я того мнѣнія, что слѣдуетъ также выслать его въ Керчь или на Кубань. Я нахожу, что было бы лучше, если бы Вы сами направились туда же, Ваше присутствіе въ Севастополѣ дастъ больше неудобствъ чѣмъ выгодъ для сохраненія города и арсенала.

Во имя русскихъ интересовъ, я считаю своимъ долгомъ Васъ просить, какъ бы ни было Вамъ тяжело, предоставить Полковнику Труссону одному заботу о защитѣ этого города и выѣхать на Кубань, на русскомъ или французскомъ пароходѣ, который туда направляется въ скоромъ времени.

Было бы хорошо оставить въ Севастополѣ офицера или служащаго крѣпости вполнѣ въ курсѣ военныхъ учрежденій, ихъ топографическаго положенія, ихъ содержимаго, ихъ запасовъ (казармы, склады и т. д.).

Было бы также необходимо передать Полковнику Труссону экземпляровъ 10 разныхъ картъ, которыя могутъ быть въ Русскомъ Генеральномъ Штабѣ, карты крупнаго масштаба самой крѣпости, карты окрестностей по обводу въ 15 километровъ.

Повѣрьте мнѣ, дорогой Генералъ, что я очень сочувствую Вашей горести въ эту минуту. Я шлю самыя горячія пожеланія для возрожденія Вашей прекрасной Родины. Будьте увѣрены, что приложу для этого всѣ свои усилія. Вашъ искренно преданный Аметъ.

P. S Чтобы оправдать Васъ передъ Командующимъ Добровольческой Арміей, я Вамъ пошлю офиціальное письмо, въ которомъ буду просить Васъ покинуть Севастополь со всѣми Добровольцами».

2-го апрѣля Генералъ Субботинъ получилъ извѣщеніе отъ Полковника Труссона: «Честь имѣю увѣдомить Васъ, что за перерывомъ безпроволочнаго телеграфа между Севастополемъ и Екатеринодаромъ, я не могу сегодня же передать Ваше донесеніе за № 2 891.

Что касается разрѣшенія, которое Вы просите объ отъѣздѣ Вашемъ изъ крѣпости, я не вижу препятствій, съ тѣмъ условіемъ, все-же, что въ Севастополѣ останется чиновникъ вполнѣ знакомый съ крѣпостью, всѣми военными постройками, ихъ содержаніемъ и ихъ примѣненіемъ».

Въ 5 часовъ дня 2 апрѣля началось наступленіе большевиковъ силою около двухъ баталіоновъ на сѣверную сторону и на Инкерманскій водопроводъ. Французы открыли сильный артиллерійскій, ружейный и пулеметный огонь.

Греческій караулъ, занимавшій водопроводъ, былъ окруженъ большевиками и при помощи подоспѣвшихъ подкрѣпленій съ большими потерями едва смогъ пробиться въ городъ. Къ ночи Инкерманъ былъ взятъ и городъ остался безъ воды.

Съ наступленіемъ темноты на рейдѣ началась перестрѣлка. Адмиралъ Саблинъ тотчасъ же командировалъ на Французскій линейный корабль Жанъ Баръ къ Начальнику Штаба Командующаго Французскимъ флотомъ своего офицера съ приказаніемъ оріентироваться въ создавшемся положеніи. Начальникъ Штаба устно сообщилъ слѣдующее:

«Передайте Адмиралу, что происшедшій сейчасъ обстрѣлъ Сѣвернаго рейда въ части, прилегающей къ Черной рѣчкѣ и радіостанціи, произведенъ по ошибкѣ французской артиллеріей, а не большевиками, но большевики находятся вблизи Севастополя, главнымъ образомъ въ раіонѣ Инкермана. Произведенной нами воздушной развѣдкой выяснено, что силы ихъ, повидимому, незначительны. Что касается распоряженій по городу и флоту, то мною отданъ приказъ войскамъ и флоту быть въ боевой готовности. Генералу Субботину мною предложено немедленно оставить городъ и вывести изъ него русскія войска. Пароходамъ съ бѣженцами совѣтую покинуть Севастополь возможно скорѣе. Склады боевыхъ припасовъ и портовые магазины я постараюсь сберечь по мѣрѣ возможности, но воз-

можно ли это будетъ сдѣлать, сейчасъ сказать не могу, т. к. они мною еще не осмотрѣны. Что касается русскихъ военныхъ судовъ, то Адмиралъ можетъ распоряжаться ими по своему усмотрѣнію, и уйти съ рейда когда пожелаетъ, я здѣсь никого не задерживаю. Про себя могу сказать, что я могу твердо держаться на рейдѣ пока того желаю, но не могу того же сказать про городъ. Сейчасъ я только что получилъ отъ большевиковъ просьбу принять ихъ делегацію для переговоровъ. При переговорахъ постараюсь сдѣлать все возможное, чтобы избавить городъ отъ боя въ его предѣлахъ и спасти городъ отъ бомбардировки».

Около 2 часовъ ночи Адмиралу Саблину было передано требованіе Адмирала Амета о немедленномъ выходѣ всѣхъ судовъ въ море.

«Въ интересахъ сохранности арсенала, которую я вполнѣ надѣюсь обезпечить, я Васъ прошу приказать «Кагулу» и остальнымъ кораблямъ, которые Вы хотите увезти отсюда, сняться въ теченіе текущей ночи и ближайшаго утра. Это равносильно тому, что и лично Вы вмѣстѣ съ морскими офицерами, за исключеніемъ командира порта и тѣхъ офицеровъ, безъ которыхъ нельзя обойтись въ дѣлѣ помощи намъ по сбереженію портовыхъ учрежденій, — уйдете отсюда.

Прошу Васъ сообщить списокъ остающихся офицеровъ, чтобы я могъ снабдить ихъ охранными свидѣтельствами, взявъ ихъ подъ свою защиту.

Я считаю также условленнымъ, что тральщики останутся здѣсь, чтобы очистить минныя поля, вмѣстѣ съ авіаторами, которые имъ помогутъ.

Выражая свое искреннее сожалѣніе, что мнѣ приходится писать Вамъ по этому поводу и присоединяя свои самыя горячія пожеланія о возсозданіи Русскаго Флота, я прошу Васъ, Дорогой Адмиралъ, принять увѣренія въ искренней преданности. Аметъ».

Въ отвѣтъ на это Адмиралъ Саблинъ сообщилъ:

«Я никакъ не предполагалъ, что съ момента появленія большевиковъ въ окрестностяхъ Севастополя и до входа ихъ въ Севастополь пройдетъ такъ мало времени. Я полагалъ, что получу предупрежденіе объ уходѣ заблаговременно. Меня ставитъ въ очень затруднительное положеніе еще то, что предупрежденіе пришло вечеромъ и я теряю время съ 8 часовъ вечера до 4 часовъ утра для сбора офицеровъ, которые были при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей на берегу, ибо передвиженіе въ городѣ ночью воспрещено.

Оставляю Вамъ тральщики и гидроавіацію и полагаю, послѣ миновація въ нихъ надобности, Вы ихъ вышлете ко мнѣ въ Новороссійскъ.

Командиру порта капитану 1 ранга Никонову я приказалъ оставаться; что же касается офицеровъ для связи, то я ихъ теперь ночью не въ состояніи отыскать. Прошу принять всѣхъ оставшихся офицеровъ подъ свое покровительство.

Примите увѣреніе въ моемъ уваженіи и преданности М. Саблинъ».

Русскій офицеръ, отвозившій это письмо Адмиралу Амету, возвратившись съ линейнаго корабля Жанъ Баръ, донесъ Адмиралу Саблину:

«Доношу Вашему Превосходительству, что пока я ожидалъ на французскомъ кораблѣ Жанъ Баръ отвѣта на Ваше письмо, переданное мною по приказанію Вашему Адмиралу Амету, къ дежурному офицеру вошелъ сигнальщикъ съ вахты, доложилъ, что выходитъ въ море русскій миноносецъ на буксирѣ и получилъ отъ дежурнаго офицера приказаніе послать катеръ, чтобы задержать буксиръ, а миноносецъ выпустить или поставить на бочку, если онъ не можетъ идти самостоятельно. Объ изложенномъ считаю долгомъ донести Вашему Превосходительству, опасаясь, что такого рода распоряженіе Французскаго Командованія могутъ сдѣлать эвакуацію нашихъ кораблей фактически невозможной».

Немногія русскія суда, способныя къ самостоятельному ходу, и небольшая часть судовъ располагавшая остатками буксирныхъ средствъ — вышли въ море. Всѣ же остальныя суда, благодаря захвату французами нашихъ буксировъ, остались въ Севастополѣ.

Генералъ Субботинъ рѣшилъ, что дальнѣйшее его пребываніе въ Севастополѣ безцѣльно и приказалъ передать, что Штабъ крѣпости начнетъ грузиться въ 5 часа утра 3-го апрѣля. Утромъ и днемъ 3 апрѣля было тихо. Около 3-хъ часовъ дня пароходъ «Георгій» со Штабомъ крѣпости вышелъ въ море, взявъ курсъ на Новороссійскъ. Когда «Георгій» былъ на высотѣ Балаклавы, несмотря на встрѣчный вѣтеръ, со стороны Севастополя доносился гулъ канонады...

Вскорѣ стало извѣстно, что союзныя войска въ Севастополѣ, заключили съ большевиками перемиріе, а затѣмъ и совсѣмъ покинули городъ.

ВЫПИСКА*)

из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным, за время с 1-го января 1915 г. по 10-е февраля 1916 г.

1915 год.

1 января. Распутин послал телеграмму в Покровское[1]) сельскому старосте: «Лес выхлопотал даром, возить, когда разрешат рубить».

10 янв. Шаповаленкова[2]) принесла ему в подарок ковер. Послал телеграмму: «Царское, дворцовый госпиталь, Анне Александровне Вырубовой[3]). Хотя телом не был, радую духом, чувство мое, чувство божие. Посылаю ангела утешать и успокаивать, позови доктора».

12 янв. Распутин принял прошения от крестьянина Саратовской губернии Гавриила Пантелеева Шишкина на высочайшее имя с просьбой о помиловании (приговорен судом к заключению в крепости по делу о какой-то секте) и от крестьянина Тамбовской губернии Александра Осипова Слепцова тоже о помиловании, осужденного за подлоги каких-то векселей. За хлопоты с них взял 250 рублей.

17 янв. Распутин на 50 минут посетил бани в д. № 3 по 4-ой Рождественской ул., но был ли он там один или с кем-либо, наблюдение не видело.

18 янв. Распутину принес 1000 руб. и отдал ему под расписку в разносной книге артельщик статского советника (поставщика угля на флот) Гинсбурга[4]), крестьянин Август Корнилович.

26 янв. Симанович[5]) принес Распутину несколько бутылок вина. В этот вечер у Распутина был бал в честь каких-то освобожденных из тюрьмы. На

---

*) Настоящая выписка изъ данныхъ наружнаго наблюденія за Григоріемъ Распутинымъ воспроизводится изъ тома 5-го выходящаго въ Москвѣ «Краснаго Архива». По словамъ редакціи «Краснаго Архива», эта сводка въ уже сокращенномъ видѣ получена при посредствѣ одного лица, имя котораго не указывается, отъ генерала Комиссарова. Въ виду значительнаго интереса, представляемаго этой сводкой, и не имѣя возможности свѣрить ее съ подлинникомъ, мы воспроизводимъ ее въ томъ видѣ, въ какомъ она отпечатана въ «Красномъ Архивѣ». Примѣчанія, составлены, повидимому, на основаніи табели, ведшейся относительно всѣхъ лицъ, посѣщавшихъ и посѣщаемыхъ Распутинымъ.

[1]) Село Покровское, Тобольской губ., родина Распутина.

[2]) Шаповаленкова, Анастасья Николаевна, жена доктора, поклонница Распутина; адр.: Каменноостровск. просп., 24-а.

[3]) Вырубова, Анна Александровна, дочь сенатора Танеева, фрейлина и интимный друг царицы, поклонница Распутина; адр.: Царское Село, Церковная ул., 2.

[4]) Гинсбург, Моисей Акимович, 63 лет, действ. ст. сов. и коммер. сов., петр. 1-й гильдии купец, банковск. делец; адр.: Вас. Остр., 11-я лин., 18.

[5]) Симанович, Арон Симонович, 42 лет, петрогр. 1-й гильд. купец, из гор. Мозыря. Личный секретарь Распутина; адр.: Пушкинская, 9, затем Николаевская, 8.

балу были: супруги Волынские[1]), Шаповаленкова, Мария Головина[2]) и еще по одиночке пришли неизвестные 4 мужчины и 6 женщин, у одного из мужчин была гитара. На вечеринке было очень шумно: пели песни, плясали и кому-то аплодировали; гулянье затянулось до позднего времени.

28 янв. Фон-Бок[3]) с неизвестным привез Распутину ящик вина.

12 февраля. Распутин с неизвестной женщиной проведен в д. № 15—17 по Троицкой улице к князю Андроникову[4]). Отсюда выхода его не видели, а в 4 с половиной часа утра пришел домой в компании 6 пьяных мужчин (с гитарой), которые пробыли до 6 часов утра, пели и плясали. Утром Распутин никого не принимал, так как спал.

18 февр. Распутин послал телеграмму: Царское Село, Вырубовой. «Скажи завтра Коровиной, чтобы была у тебя в три».

19 февр. Распутин в 10 ч. 15 м. вечера вышел из д. № 1 по Спасской ул. от Соловьевых[5]) с двумя дамами и на таксомоторе уехали без наблюдения, а в 3 ч. ночи он вернулся домой один.

21 февр. К Распутину на моторе приехал Николай Алексеевич Глазов и привез с собою несколько бутылок вина. Захватив Распутина, уехали вместе в Большую Северную гостиницу к Тереховой-Миклашевской[6]). Распутин пробыл здесь 1 ч. 50 минут.

10 марта. К Распутину приходила Евгения Карловна Ежова[7]) просить его содействия по устройству ей подряда по поставке белья для войск, на 2 миллиона рублей. Около часу ночи к Распутину пришли человек 7—8 мужчин и женщин, во главе с прапорщиком Карпотиным[8]) и пробыли до 3 часов ночи. Вся компания кричала, пела песни, плясала, стучала и все пьяные вышли вместе с Распутиным и отправились неизвестно куда.

11 марта. В 10 ч. 15 м. утра Распутин встречен один на Гороховой улице и проведен в д. № 8 по Пушкинской ул., к проститутке Трегубовой[9]), а оттуда в баню.

12 марта. Распутину на квартиру Алексеев[10]) принес одну бутылку вина.

13. марта. Миллер[11]) купила Распутину шапку. В 6 ч. 50 м. вечера Распутин направился с двумя дамами в д. № 76 по Екатерининскому каналу, к Савельевым, где пробыл до 5 ч. утра и весь день лежал больной.

14 марта. Поган принес икону и кружку для постановки в передней в квартире Распутина для сбора пожертвований.

25 марта. Распутин выбыл в Москву.

26 марта. В отсутствие Распутина приходила просить Варвара Нищенко[12]) об освобождении ее дяди, полковника Жилецкого, призванного из запаса, за что обещала дать ему 2000 рублей.

---

[1]) Волынские, Михаил Давыдович, 54 лет, агроном, и жена его Софья Леонтьевна, 26 лет, поклонница Распутина; адр.: Троицкая, 15—17.

[2]) Головина, Мария Евгеньевна, 26 лет, дочь действ. ст. сов., поклонница Распутина; адр.: Мойка, 104.

[3]) Фон-Бок, Лев Карлович, 52 л., колл. сов.; адр.: Соляной пер., 7—12.

[4]) Князь Андроников, Михаил Михайлович, 28 л., причисленный к министерству внутр. дел, чиновник; адр.: Троицкая, 15—17, затем: Фонтанка, 54.

[5]) Соловьевы, Николай Васильевич, 52 л., действ. ст. сов., крупный чиновник святейш. синода, и жена его Елизавета Петровна, 30 л., поклонница Распутина; адр.: Спасская, 1, затем Гороховая, 69.

[6]) Терехова, Евгения Георгиевна, 23 лет, урожд. Миклашевская, потомст. дворянка, куртизанка; адр.: Невский, 118, (Северн. гостин.).

[7]) Ежова, Евгения Карловна, 41 г., жена Клинского мещанина; адр.: Невский, 118 (гост. Северная), затем Морская, 39/12 (гост. Астория).

[8]) Карпотины, Николай Вас., 19 лет, прапорщ. учебн. автомобильн. роты и жена его Ольга Васильевна; адр.: Петрогр. Сторон. Больш. просп., 74.

[9]) Трегубова, Вера Иевлевна, 26 лет, Шлиссельбургск. мещанка, замужняя, выкрещенная еврейка, проститутка; адр.: Пушкинская, 8.

[10]) Алексеев, Борис Кириллович, 30 л., чиновн. особ. поруч. VII кл. при мин. торг. и пром., титулярн. сов., жена его Ольга Сергеевна, 30 л.; адр.: Фонтанка, 88.

[11]) Миллер, Малка-Лея-Бася, 41 г., жена Слонимск. мещанина Моисея Нисонова Миллера; адр.: Лиговка, 45.

[12]) Нищенко, Варвара Алексеевна, 35 л., вдова надворн. сов., Вознесенск. просп., 27.

30 марта. Распутин вернулся из Москвы. Послал телеграмму в Москву: 1. Большой Гнездниковский пер., д. 10, княгине Тенишевой. — «Радуюсь за откровение, обижен за ожидание, целую свою дорогую». 2. Козицкий пер., дом Бахрушина, Джанумовой [1]). — «Ублажаемое сокровище, крепко духом с тобой целую».

3 апр. Распутин привел к себе на квартиру в 1 ч. ночи какую-то женщину, которая и ночевала у него.

9 апр. Распутин в 9 ч. 45 м. вечера проведен в д. № 18 по Садовой ул. к окончившему курс московского университета Алексею Фролову Филиппову, бывшему издателю газет «Деньги» и «Биржевой День», и оставлен здесь в 2 часа. Было замечено, что происходило какое-то собрание или пирушка. Распутин вернулся домой в 6 ч. 30 м. утра.

15 апр. Распутин с монахом Мартианом [2]) был в д. № 45 по Лиговке у потомственного почетного гражданина Василия Евгениевича Пестрикова. За отсутствием последнего они с сыном его и еще неизвестным студентом кутили. Играл какой-то музыкант. Пели песни и Распутин плясал с горничной Пестрикова.

25 апр. Распутин послал телеграмму тобольскому епископу Варнаве [3]): Был у Обера [4]) отклоняет по поводу войны, был ласков, но не по нашему делу».

26 апр. Около 10 ч. вечера стали собираться к Распутину неизвестные мужчины и женщины, человек 10—12, в том числе Алексеев, Лисенко, Рубинштейн [5]) с какой-то женщиной. В 11 ч. была слышна игра на гитаре и пляска; кому-то аплодировали. Это происходило до двух часов ночи.

27 апр. Было слышно, что Распутина вызывают в Царское Село, но так как он еще не проспался, то Волынский и баронесса Кусова [6]) не советовали ему в таком виде ехать и говорили: «испортит все дело». Между собой вели разговоры: «что-то наш старец избаловался». Посоветовали ему часа два спать и сказали, чтобы в квартиру к нему никого не пускали.

9 мая. Распутин посылал жену швейцара к массажистке, но та отказалась его принять. Тогда он сам пошел в том же доме к портнихе «Кате», 18 лет и говорит ей: «Почему ты не приходишь ко мне?». Она ответила, что «Нет костюма». «Ты приходи ко мне через неделю, я тебе дам 50 рублей».

11 мая. Распутин послал телеграмму Саблеру: «Милый, дорогой, вчера мы беседовали там с мамой, нашли, что не так просто беспокоить владыку нашего. Они надеются, что можно удержать дело».

Распутин привел к себе на квартиру проститутку и запер в комнате, но прислуга ее выпустила.

12 мая. Распутин послал телеграмму Тобольскому губернатору: «У меня в Покровском три недели живет подозрительный человек, то говорит из Москвы, то другого места. Ответ пошлите Царское Село Вырубовой».

14 мая. В 5 часов вечера направился в д. № 15 по Малой Дворянской улице к Бельковскому и Цезаревой. В 10 ч. в одной из комнат квартиры, занимаемой Бельковским, не было огня, но наблюдению удалось увидеть с улицы, как одна из присутствовавших там женщин перешла освещенный зал и заглянула в темную комнату, и вскоре побежала в ту комнату, где сидели мужчины. После этого было видно, как Распутин, услыхав, повидимому, тревогу, выбежал из темной комнаты, в передней схватил свою шляпу, пальто и, не одеваясь, выбежал на улицу, а в нескольких шагах бежали за ним двое мужчин. Последние только выбежали на улицу и один сказал: «Вот он бежит», и затем оба вернулись в дом. Распутин же на ходу вскочил на извозчика и стоя ехал до Литейного проспекта, все время озираясь, не гонятся ли за ним, а потом остановился среди улицы, пропустил мимо себя всех ехавших за ним и, успокоившись, возвратился домой.

---

[1]) Джанумова, Анна — Елена Францевна, 35 лет, жена моск. купца, поклонница Распутина; Петрогр. адрес: Мойка, 60 (гост. «Россия»).

[2]) Мартиан, игумен Тюменского монастыря, закадычный друг Распутина.

[3]) Варнава, епископ Тобольский, друг и ставленник Распутина.

[4]) Обер-прокурор свят. синода, Саблер.

[5]) Рубинштейн, Дмитрий Леонович, 39 лет, кандидат юридич. наук, банковский делец, крупный аферист; адр.: Царицынская ул., 5.

[6]) Баронесса Кусова, Вера Илларионовна, жена ротмистра, поклонница Распутина; адр.: Захарьевская, 5.

18 мая. Распутина просил инженер Мендель Нейман [1]) устроить высочайшее помилование от 8-месячного сидения в крепости, осужденного за укрывательство или подкуп от воинской повинности. Посредником при передаче прошения Распутину был Поган.

19 мая. Распутин сказал Нейману, что прошение передано «самому». Длин [2]), она же Долина, просила Распутина устроить переход в русское подданство купца Мандль [3]).

26 мая. Распутин вместе с проституткой Трегубовой приехал на моторе купца Мануса [4]) домой пьяный. Страстно целовал Трегубову при прощании и трепал по щеке, а затем жену швейцара посылал за портнихой «Катей», в том же доме, квартира № 31, но ее не было дома.

1 июня. Распутин послал телеграммы: в Покровское, Новых [5]). «Скорблю, рвусь домой. У Аннушки [6]) горе, будет операция, пока не отпускают. Как у вас дела, целую», и туда-же Шестакову (начальнику почтово-телеграфной конторы), «Дай им две тысячи своих, через три недели привезу».

2 июня. Распутин в 10 часов вечера приехал домой пьяный с Манусом и Кузьминским [7]) и, не заходя в квартиру, послал жену швейцара за массажисткой Утиной, живущей там же, но дома ее не оказалось. Тогда он сам отправился в тот же дом в квартиру № 31 к портнихе Кате. Повидимому, его не пустили в квартиру, так как он вскоре вернулся и на лестнице стал приставать к жене швейцара, прося его поцеловать. Та, вырвавшись, позвонила к нему в квартиру и прислуга его, Дуня, увела Распутина домой.

14 июня. Добровольский [8]) привез Распутину корзину вина, а потом эту корзину с вином отвезли в д. № 18 по Садовой ул. к Филиппову.

15 июня. Распутин выехал в село Покровское.

19 июня. В Тюмени Распутин остановился на сутки в мужском монастыре у своего друга, настоятеля этого монастыря, Мартиана. В тот же день был дан Мартианом обед, на котором присутствовали и светские лица с женами. После обеда Распутин был заметно выпивши. По словам о. Мартиана, Распутин один выпил около 2-х четвертей монастырского вина.

20 июня. Распутин с Мартианом, Патушинской и Дуней, имея сверток со свежими огурцами и полведра вина, на монастырских лошадях поехали к проживающему в Тюмени Стряпчеву, где пробыли 40 минут.

24 июня. У Распутина в своем доме в селе Покровском были гости, и он, выпивши, заводил граммофон, плясал и несвязно подпевал. В тот же день рассказывал своим поклонникам, как он освободил от наказания триста человек баптистов и с каждого должен был получить по тысяче рублей, но получил всего лишь пять тысяч. А когда последний раз был у государя, то отстоял от призыва ратников ополчения 2-го разряда до осени, т.-е. до окончания уборки хлеба.

Через с. Покровское проезжал тобольский губернатор. Во время остановки парохода Распутин заходил и просил губернатора сложить штраф в размере 50 рублей, наложенный на крестьянина с. Покровского за постройку дома на неуказанном месте.

25 июня. Во время прогулки по селу Распутин рассказывал агентам, что его любят три министра: Горемыкин, князь Шаховской и третьего не договорил, и что

---

[1]) Нейман, Мендель-Эммануил Янкелевич инженер-технолог; адр.: Садовая, 9.

[2]) Длин, она же Долина, Ефросинья Михайловна, 27 л., Новгородская мещанка, крещ. еврейка; адр.: Лиговка, 44.

[3]) Мандль, крупный московск. купец, торг. готовым платьем, пострадавший при черносотенном антинемецком погроме в начале войны.

[4]) Манус, Игнатий Перфильевич, Петрогр. 1-й гильдии купец, крупный банкир, делец и аферист; адр.: Таврическая, 3-б.

[5]) Новых — новая фамилия Распутина. Телеграмма адресована им жене.

[6]) Анна Вырубова отдавила на жел. дороге ногу. Часть ступни ей ампутировали.

[7]) Кузьминский, Василий Александрович, старш. лейтенант гвард. флотск. экипажа, его жена Надежда Дмитриевна, 28 лет, поклонница Распутина, адр.: Торговая 4, кв. 32.

[8]) Добровольский, Иван Иванович, 48 л. колл. сов., инспектор нар. училищ Царскосельского уезда, впоследствии уволенный. Жена его Мария Семеновна, 29 лет, поклонница Распутина; адр.: Пушкинская, 17, кв. 5.

великий князь Николай Николаевич ему хорошо знаком и что в 1905 году великий князь дал бы России конституцию, но еще было рано.

26 июня. В с. Покровское, к соседке Распутина, Наталье, пришла какая-то женщина и расспрашивала про него, а затем просила переночевать у нее, но та не позволила ей, а утром, придя, рассказала все это Распутину. Последний сейчас же послал десятского искать эту женщину по селу, но не нашел. Распутин очень струсил и долго припоминал Царицынских знакомых женщин.

27 июня. Распутин получил телеграмму из Царского Села от Вырубовой: «Чувствуется горе, скучаю, писала, благослови. Анна».

29 июня. Послал телеграмму Вырубовой. Содержание неизвестно.

30 июня. К Распутину приехали в экипаже из Тюмени епископ тобольский Варнава и настоятель мужского монастыря о. Мартиан. Последний привез два полуведерных боченка вина.

1 июля. К Распутину из Тюмени на пароходе приехал неизвестный еврей, повидимому, какой-то промышленник, проживающий в Перми. Пробыл 40 минут.

4 июля. К Распутину приехал опять о. Мартиан и в тот же день на пароходе с женою Распутина и Дуней уехал в Тюмень.

5 июля. Распутин выходил на пристань встречать какую-то прибывшую из Тюмени женщину и говорил с ней 20 минут. Женщина поехала за Тобольск. В тот же день к нему приехали еще две женщины, живущие в Тюмени, как видно, первый раз.

Послал две телеграммы: Царское Село, Вырубовой — «Как здорова, целую», и Петроград, Пушкинская, 17 Добровольскому — «Скажи, кто третьего выехал».

7 июля. Приходил из села Коврижки дьякон и целовал Распутину руку. В 8 часов 10 минут вечера из Петрограда приехала Елизавета Петровна Соловьева [1]) и с нею из Тюмени жена Распутина и Дуня.

9 июля. К Распутину пришел вновь назначенный в с. Покровское священник отец Сергей и целовал у Распутина руку. В 8 часов вечера Распутин вышел из дома с красным лицом, повидимому, выпивши, и с ним Соловьева. Сели в экипаж и вдвоем поехали далеко за деревни в лес. Через час вернулись, при чем он был очень бледный.

11 июля. К Распутину из Ялуторовска приехала Патушинская, жена офицера. Минут через 10 вышли из дома Соловьева и Патушинская, обхватив Распутина с обеих сторон, а он их, при чем Патушинскую взял рукою за нижнюю часть туловища. В продолжение дня играли на граммофоне, и он был очень весел, пил вино и пиво.

12 июля. Соловьеву вызвал муж телеграммой в Петроград. Распутин, обхватившись с Патушинской, гулял в своем дворе и был очень весел.

13 июля. Распутин после купанья пошел к жене псаломщика Ермолая, которая ожидала его у своего окна и пробыл у нее полчаса. Бывает у нее почти ежедневно с интимными целями.

Патушинская уехала в Ялуторовск по вызову мужа, при чем при отъезде целовала Распутина в губы, нос, щеки, бороду и руки со сладострастием.

14 июля. Распутин уехал в Тобольск к Варнаве. Агентов с собой не взял.

15 июля. К Распутину из Петрограда приехал Добровольский с Авчуховой (ныне его жена).

17 июля. Распутин вернулся из Тобольска. Добровольская после завтрака играла на пианино и пели песни все хором. Распутин много хлопал в ладоши и притáптывал ногами, а потом ходил, обнявшись с Добровольской, не стыдясь своих дочерей. Затем отправились в поле, пели песни, бегали и Распутин играл в мяч.

20 июля. Распутин и Добровольский с женой были в том же селе в гостях у Арапова. Вышел отсюда Распутин выпивши и зашел к жене псаломщика Ермолая. В 5 часов 40 минут дня Распутин, вернувшись домой, хотел опять итти на улицу, но Дуня просила не ходить. Послал ее «к чорту», пьяный ходил прямо, не разбирая грязи. Во время прогулки Распутин разговорился относительно войны. «Прошлый год, когда я лежал в больнице и слышно было, что скоро будет война, я просил государя не воевать и по этому случаю переслал ему штук 20 те-

---

[1]) Соловьева, Елизавета Петровна, 30 л., жена действ. ст. сов., крупн. чиновника свят. синода, поклонница Распутина.

леграмм, из коих одну послал очень серьезную, за которую, якобы, хотели меня предать суду. Доложили об этом государю, и он ответил, что это «наши домашние дела и суду не подлежат». Затем Распутин вел разговор относительно прибывшего в с. Покровское священника о. Сергея. Разговор возник из-за того, что в с. Покровском 20 июля был крестный ход, затем молебен с водосвятием, для каковой цели поставлены были четыре ведра с водой. Священник, увидев 4 ведра, заявил, что четыре раза молебен он служить не будет, порознь для каждого ведра. Тут нашлись смельчаки из молящихся и об'яснили ему, что достаточно и одного молебна на все четыре ведра сразу. По окончании молебна священник не хотел дать приложиться к кресту, а заявил, что это будет в церкви после обедни, на что молящиеся запротестовали, и священник вынужден был согласиться и дал им приложиться. Священник этот совсем не знает богослужения и есть слух, что он происходит из московских купцов и прислан сюда по рекомендации редактора журнала «Колокол», Скворцова. В заключение Распутин сказал, «не знаю, что делать с о. Сергием».

Распутин получает много писем и телеграмм и сам много отправляет, но агентам перестал давать относить их на почту.

21 июля. Распутин, Добровольский с женой, дьякон Ермолай с женой и две дочери Распутина на пароходе отправились до Тюмени, а оттуда в Ялуторовск к Патушинским. Во время пути Добровольская играла на пианино.

22 июля. В Ялуторовске на вокзал приехала встречать Патушинская на паре собственных лошадей, посадила с собой Распутина, а остальные расселись на извощиках и отправились на квартиру к Патушинским, где их встретил сам Патушинский. В 8 ч. вечера Патушинская, Добровольский с женой и дочери Распутина гуляли по улицам. Около 10 часов вечера (повидимому, это было условлено заранее) Распутин выпрыгнул в окно на двор на террасу, а Патушинская вышла в заднюю дверь и затем через окно на двор и в тот же момент подала рукой знак Распутину и вместе удалились в темноту.

23 июля. Добровольский с женой уехали в Петроград. В 12 часов дня Распутин с дочерьми и Патушинской пошли в лес за городом, но через полчаса вернулись. Дочери зашли в дом, а Распутин с Патушинской пошли в нежилой дом в саду и через 20 минут оттуда вернулись. По словам прислуги Патушинских, в том доме когда-то жили князья-декабристы.

24 июля. Распутин с дочерьми уехал от Патушинских в Тюмень и там, оставив дочерей на пристани, сам отправился к настоятелю Мартиану. Через два с половиной часа Распутин вышел вместе с Мартианом, неся корзину, повидимому, с вином и один отправился на пристань и уехал с дочерьми в с. Покровское.

27 июля. Распутин с сыном на лошадях отправились в Тюмень, а отсюда по железной дороге в Петроград. Во время пути на одной из станций обедал с одной тарелки с сыном и руками брал из этой тарелки капусту и клал себе в ложку.

31 июля. В 10 с половиной часов утра прибыл в Петроград. На вокзале встречал статский советник Николай Васильевич Соловьев, жена которого приезжала в с. Покровское. Сели на извощика и поехали к Соловьеву на Гороховую, 69.

2 авг. Распутин послал из Петрограда телеграммы: 1. в Ялуторовск, Патушинским, «Скоро увидимся, целуем», и 2. в Покровское, Тобольской губ. Новых, «Скоро будем, целуем».

5 авг. Распутин выехал обратно в Покровское. На вокзале провожали: Татьяна Шаховская[1]), баронесса Кусова, Миллер, Добровольский с женой, а Вырубова и фон-Пистолькорс[2]) на их моторе привезли его на вокзал, но из мотора не выходили.

В пути Распутин познакомился с тремя неизвестными дамами, которых и вышел провожать на ст. Камышлов. Тут же на платформе прощался с ними, а дам здесь встречали штаб- и обер-офицеры, которым дамы и показали Распутина. В разговоре между ними был слышан рассказ о покушении на жизнь Распутина Гусевой, а затем что-то такое про больницу. Выслушав рассказы дам, подполковник обратился к обер-офицеру: «Видите ли, если бы они проехали еще одну стан-

[1]) Княгиня Шаховская, Татьяна Федоровна, 26 лет, поклонница Распутина; адр.: Моховая, 32, затем Лиговка, 44.

[2]) Фон-Пистолькорс, Александра Александровна, 25 лет, жена поручика запаса, состоящего при штабе твардии, сестра А. А. Вырубовой, дочь сенатора Танеева, поклонница Распутина.

цию, то, наверное, потеряла бы мать дочку или же наоборот. По всему видно, что этот субъект имеет гипноз в глазах».

Не доезжая до станции Буй, Распутин перешел в вагон, где сидели агенты, его сопровождавшие, и начал с ними разговор с войны, что война идет у нас очень плохо и в Петрограде скоро будет большая перемена. «Соловьев получил большую неприятность от Самарина за то, что 31 июля он на вокзале в Петрограде встречал меня, но Самарин долго обер-прокурором синода не будет». А сам Распутин пристально смотрел на агентов и сказал: «Не вы ли донесли о встрече меня Соловьевым?». Агенты ему ответили: «Это не наше дело». «Кто же это мог донести? По поводу этого доноса меня спрашивал император и говорил, — может, сыщики донесли на Соловьева. На это я ответил царю. «Не знаю, может, и они. Вот я еду домой и сам не знаю, надолго ли, может, на одну неделю, а может, и на больше, как там дела». В заключение Распутин сказал, что был у царя два раза. Он ему предлагал отдельный вагон для поездки на родину, но «я от этого отказался». Однажды я возвращался из Царского Села в Петроград, около 12 часов ночи «видел, как прятался от меня за подъемную машину сыщик. Жаль мне его стало, а если бы узнал, кто он такой, то плохо бы ему было».

9 авг. В Тюмени Распутин, выйдя из монастыря от настоятеля Мартиана, отправился на пароходную пристань, где и занял отдельную каюту и в 11 часов утра отбыл в с. Покровское. Около часу дня Распутин вышел из каюты пьяный и пошел к солдатам, едущим на том же пароходе из Тюмени в Тобольск (солдаты были местной конвойной команды в числе 10 человек), и вступил с ними в разговор, а затем дал им на чай 25 рублей и заставил их петь песни. Прослушав несколько песен, удалился в свою каюту и, вернувшись через несколько минут обратно, дал солдатам еще сто рублей. Пенье песен усилилось и в хоре участвовал и сам Распутин. Пенье продолжалось около часу, после чего Распутин забрал всех солдат и повел во 2-й класс, разместил их за столами и был намерен угостить их обедом, но капитан парохода не разрешил присутствовать нижним чинам во втором классе и приказал им удалиться. Спустя некоторое время Распутин опять явился к солдатам, поставил их в кружок, сам стал посередине и все пели хором, при чем пеньем руководил Распутин и был в очень веселом настроении. Дав солдатам еще 25 рублей, заказал для них обед стоимостью в 15 рублей, а затем удалился в свою каюту. Через несколько минут было слышно, как он заявлял о пропаже у него трех тысяч рублей, после чего опять ушел в каюту и минут через 20 вышел из нее пьянее прежнего, зашел в третий класс и там поссорился с некиим Разумовским (из Тюмени). Последний хотел отколотить Распутина, но дело прошло миром. Затем там же Распутин поссорился тоже с тюменским купцом Михалевым. Ссора началась с разговора о вызывающих действиях тобольского епископа Варнавы, а затем Михалев плюнул и ушел. Распутин после этого встретил официанта парохода, обозвал его «жуликом» и сказал, что это он украл у него три тысячи рублей. Официант, попросив некоторых пассажиров быть свидетелями по данному делу, обратился с жалобой к капитану парохода. Капитан ответил, что «приедем в Тобольск и там составим полицейский протокол». После этого инцидента Распутин опять удалился в каюту и у открытого окна, положив голову на столик, что-то долго про себя бормотал, а публика им любовалась. Из публики было слышно: «Распутин, вечная память тебе, как святому человеку». Другие говорили: «Надо его обрить, или машинкой бороду снять». По просьбе агентов окно в каюте было закрыто. Часа за два до прибытия парохода в с. Покровское, Распутин со столика свалился на пол и лежал на полу пьяный до самого прихода парохода в с. Покровское.

В 8 час. вечера прибыли в с. Покровское. Агенты попросили капитана парохода дать им двух человек помочь вывезти Распутина с парохода на берег, и они вчетвером вытащили его, мертвецки пьяного. Встречать его приехали проживающие в с. Покровском Распопов, две дочери Распутина — Дуня и Катя. Взвалили его на телегу и повезли домой.

10 авг. В 10 часов утра Распутин вышел из дому на двор и спрашивал агентов относительно вчерашних происшествий, все время ахая и удивляясь, что скоро так напился, тогда как выпил всего три бутылки вина, и добавлял: «Ах, парень, как нехорошо вышло». В этом разговоре он между прочим сказал, что «Джунковского со службы уволили, а теперь он, быть может, будет думать, что уволили его через меня, а я его не знаю, кто он такой». Еще говорил, что «и ва-

шего губернатора скоро уволят». Агенты спросили: «Какого? графа Адлерберга?» «Нет, я не знаю, как его зовут», а затем начал говорить о чем-то другом.

11 авг. В Покровское приехал из Тобольска Варнава и в тот же день уехал в Тюмень.

15 авг. В Покровское приехал Мартиан.

18 авг. В с. Покровское из Тобольска приехал Августин[1]) и в тот же день уехал в Тюмень. Приехала к Распутину и Патушинская.

19 авг. Распутин отправился к дьякону Ермолаю, который по приходе Распутина тотчас же ушел в церковь, а Распутин пробыл у его жены целый час. Из села Покровского священник о. Николай ездил в Тобольск к Варнаве и привез оттуда Распутину новость, переданную ему Варнавой, что губернатор Распутина за пьянство и приставание хотел арестовать административным порядком на три месяца, но епископ Варнава защитил. Во время передачи всего этого отцом Николаем, Распутин плюнул и сказал: «Что мне губернатор-то?»

6 сент. Во время прогулки Распутин между разговором сказал сопровождавшим агентам: «Да, парень, душа очень скорбит, от скорби даже оглох. Бывает на душе два часа хорошо, а потом неладно». Агенты спросили его: «Почему это у вас так?» «Да потому, парень, неладно творится в стране, да проклятые газеты пишут обо мне, сильно меня раздражают, придется судиться».

9 сент. Когда Распутин находился в гостях у брата своего Николая Распутина и тут же было несколько других лиц, пришел туда же отец Распутина и начал ругать сына Григория самыми скверными словами. Распутин, как бешеный, вскочил из-за стола, вытолкнул отца во двор, свалил его на землю и давай его бить кулаками. Отец кричал: «Не бей, подлец!» Пришлось их силой расталкивать. После осмотра у отца оказался подбитый глаз с огромным кровоподтеком, так что закрыло весь глаз. Оправившись, старик стал еще пуще ругать сына, грозя ему рассказать всем, что он ничего не знает, а «только знает Дуню (прислугу) держать за мягкие части». После этого пришлось Распутина силой удерживать от вторичного нападения на отца. Оба они были пьяны.

В этот день Распутин послал две телеграммы, одну в Царское Село, а другую в царскую ставку.

Распутин сына своего Дмитрия, как ратника 2-го разряда, призванного на действительную службу, повез в Тюмень, куда в тот же день приехала из Ялуторовска и жена штабс-капитана Патушинская, которая и устроила сына Распутина в 7-ую роту местных войск. В Тюмени Распутин, его сын, жена Распутина и Патушинская остановились в мужском монастыре у настоятеля Мартиана. По городу Тюмени Распутин, как видно, боится ходить и в разговоре агенту Терехову сказал, что — «хотя в Тюмени у меня знакомства много, но ходить время нет», а между тем сидит целый день в монастырской ограде, ничего не делая.

Распутин ходит боком. Как видно, во время драки с отцом зашиб бок.

12 сент. Распутин говорил агенту, что хочется выехать в Петроград, но его не вызывает Вырубова.

19 сент. Распутин получил письмо, помеченное 16 сентября, писанное на машинке: «Григорий, наше отечество разрушается, хотят заключить позорный мир. Так как ты получаешь из царской ставки шифрованные телеграммы, значит, имеешь большое влияние. Потому мы, выборные, просим тебя сделать, чтобы министры были ответственными перед народом, чтобы Государственная Дума была собрана к 23 сентября сего года для спасения нашего отечества, и если ты этого не исполнишь, то тебя убьем, пощады не будет, — рука у нас не дрогнет, как у Гусевой. Где бы ты ни был, это будет выполнено. На нас, десять человек, пал жребий».

24 сент. Распутин выехал из села Покровского в Петроград, куда и прибыл 28 сентября.

11 окт. Распутин послал телеграмму Варнаве: «Убери шпиона, плати по 15 рублей душевную больницу Ивану Хлопову я заплачу иереи просят тебя извиниться, что надо, все сделано».

14 окт. Распутин вернулся домой в час ночи совершенно пьяный, на лестнице кричал на швейцариху, что она, якобы, взяла в 25 рублей взятку с какого-то ми-

[1]) Архимандрит Августин.

нистра, и добавил: «Меня хотели похоронить, но теперь самого раньше похоронили».

22 окт. К Распутину около 8 часов вечера пришла неизвестная дама, которая через 10 минут вышла очень взволнованная. Ее на лестнице догнала прислуга и сказала: «Просит вас с ним поговорить, а то ему скучно». Дама сначала, смутясь, отказывалась вернуться, говоря, что зайдет завтра, а то ему сегодня нездоровится. Но потом согласилась и вернулась. До позднего времени выхода ее не было.

24 окт. Распутин послал телеграмму: «Екатеринбург, епископу Серафиму. Извиняюсь за беспокойство, успех мой не совершился, каждый своего тянет. Григорий».

28 окт. Распутин дал письмо Белянину к товарищу министра юстиции, Веревкину, но Веревкин письма этого не принял, сказав, что «дело не мое, а высшего начальства». Тогда Распутин обещал ему содействие через Вырубову. Белянин хлопотал о пересмотре своего дела относительно пожара в его магазине, во Владивостоке.

31 окт. Распутину на квартиру привезли на прокат пианино.

3 ноября. К Распутину пришла неизвестная женщина, которая хлопочет о своем муже прапорщике, лежащем в одном из лазаретов, чтобы его оставить в Петрограде. Выйдя от Распутина, начала рассказывать швейцарихе, что какой-то странный он человек, и описала, как он ее принимал. «Впустила меня в квартиру какая-то девочка и провела в комнату, потом вышел ко мне Распутин (первый раз его вижу) и сказал: раздевайся, пойдем сюда. Я разделась, пошла с ним в комнату, первую от дверей, налево. Он мало слушал мою просьбу, а стал хватать руками за лицо, потом за груди и говорит: «поцелуй меня, я тебя полюбил». А потом написал какую-то записку и снова стал приставать: «поцелуй, поцелуй, я тебя полюбил». Этой записки не дал, сказав, что — «я на тебя сердит, приди завтра». Агент Терехов спросил эту даму, намерена ли она зайти завтра, но последняя ответила: «Нет, потому что к нему итти, то надо дать задаток, какой он хочет, а я не могу этого сделать, потому и не пойду».

5—6 ноября. Распутин на моторе уехал в Царское Село и вернулся 6-го числа в 10 часов 50 минут утра на моторе вместе с Вырубовой. Выйдя из мотора, Распутин перекрестил Вырубову, и та уехала.

Распутин вместе с Боберманом[1]) уехали на моторе и вернулись через 5 часов, при чем Распутин был выпивши и при прощании очень целовался с Боберманом. Когда шел в квартиру, то спросил: «Кто у меня есть?» Ему сказали, что две дамы. «Красивы ли они?» Ему сказали: «Да, очень красивы». «Ну, хорошо, мне такие и нужны». Около 7 часов вечера вышел из дома, еще не проспавшись, дал швейцарихе 10 рублей и что-то бормотал непонятное, стуча палкой.

10 ноября. Распутин послал агента Свистунова с письмом к господину министру внутренних дел.

14 ноября. Распутин пришел домой с Татьяной Шаховской очень пьяный и вместе сейчас же ушли. Вернулся домой в два часа ночи совершенно пьяный.

15 ноября. Секретарь Распутина, Симанович, принес корзину и сказал, что тут шесть бутылок мадеры, икра и сыр.

21 ноября. Распутин вернулся к себе домой, неся две бутылки вина.

22 ноября. Распутин вернулся домой в 8 часов утра, после отсутствия со вчерашнего дня.

23 ноября. Уйдя вчера вечером, Распутин вернулся сегодня в 5 часов утра, совершенно пьяный.

24 ноября. Пришла неизвестная дама и спрашивала у швейцарихи, когда Распутин ездит в Царское Село, когда и куда он ходит в церковь. Когда швейцариха предложила ей зайти к нему, то она отказалась, сказав, что она увидит его в Царском Селе в церкви, и добавила, что ее дочь, якобы, училась с дочерьми Распутина. Увидев на лестнице агентов, неизвестная спросила швейцариху, кто это, и, получив ответ, что — агенты, просила об этом не говорить им.

---

[1]) Боберман, Абрам Моисевич, 49 л., Самарский 1-й гильдии купец; Петрогр. адрес: Михайловская, 1—7 (Европ. гост.).

25 ноября. Распутин вернулся в 5 часов утра. В ночь с 25-го на 26-е у Распутина ночевала артистка Варварова [1]).

29 ноября. Распутин вернулся домой в 7 часов утра.

1 дек. Распутин послал телеграмму: «Москва, М. Дмитровка, 3, Миклашевской. Почему Корзинкина не едет по делу».

Распутин с Долгорукой [2]) приехал на моторе к ней в гостиницу «Астория» в три с половиной часов ночи и остался у нее до утра.

3 дек. Распутин ушел из квартиры с Филипповым и вернулся пьяный. Вскоре после его возвращения пришла в первый раз Лейкарт [3]), урожденная Мордвинова, просить за мужа. Распутин предложил ей поцеловать его, но та отказалась и ушла, а потом пришла содержанка сенатора Мамонтова — Воскобойникова [4]), которой Распутин предложил зайти к нему в час ночи.

5 дек. Распутин вернулся домой в три часа ночи пьяный.

7 дек. Распутин вернулся домой в пять часов утра, довольно пьян.

8 дек. К Распутину на моторе приехал Рубанович и вместе отправились в ресторан «Донон» (Мойка, 24), а отсюда послали шоффера в гостиницу «Россия» и тот привез оттуда в ресторан «Донон» Джанумову и Филиппову [5]). После обеда Распутин поехал с этими дамами в гостиницу «Россия», где они проживают.

12 дек. Распутин вернулся домой в 9 час. 50 мин. утра вместе с Варваровой, по словам извозчика, с Алексеевской улицы. Вероятно, ночевал у Варваровой.

14 дек. Около двух часов ночи с 13 на 14 декабря Распутин вышел из д. № 11 по Фурштадтской ул., от Свечиной [6]), вместе с женой потомственного почетного гражданина, Марией Марковной Ясининской, 28 лет, проживающею в № 104 по Мойке, и на моторе отправились в Новую Деревню, в ресторан «Вилла Родэ», куда за поздним временем их не пустили. Тогда Распутин стал бить в двери и рвать звонки, а стоящему на посту городовому дал 5 рублей, чтобы не мешал ему буянить. Отсюда Распутин вместе со своей спутницей поехали в д. № 49 по 1-й линии к Новой Деревне, в цыганский хор Масальского, где пробыли до 10 часов утра, а потом, сильно подвыпившие, поехали на квартиру к Ясининской, где Распутин пробыл до 12 часов дня и отсюда вернулся домой. На ночь ездил в Царское Село.

15 дек. Распутин с подполковником Езерским [7]), Варваровой и двумя неизвестными женщинами отправились на моторе в ресторан «Вилла Роде» и в 2 часа ночи наблюдением были там оставлены.

17 дек. Княгиня Долгорукая прислала мотор за Распутиным, который и привез его в гостиницу «Астория», где заняли отдельный кабинет. Туда же вскоре явился бывший Петроградский градоначальник генерал Клейгельс и вместе пробыли около 2 часов.

19 дек. Распутин с неизвестным чиновником и дамой вышли из квартиры около часу ночи, а вернулся Распутин домой один в 6 час. утра.

20 дек. Распутин вместе с секретарем митрополита Питирима, бывшим архивариусом канцелярии экзарха Грузии, Иваном Зиновьевичем Осипенко, в моторе отправились в д. № 26-а, кв. 10, по Песочной ул., к потомственному почетному гражданину Андрею Ипполитовичу Книрше, 28 лет (с женой не живет). Сюда же были привезены из ресторана «Вилла Роде» 2 корзины вина и был приглашен хор цыган. Около 2 часов ночи видно было в окно, как Распутин танцовал. В эту ночь Распутин вернулся домой около 7 часов утра в сопровождении двух неизвестных мужчин, мертвецки пьяный.

---

[1]) Варварова, Вера Карловна, 26 л., мещанка гор. Николаева, артистка, содержанка подполковн. Н. С. Езерского; адр.: Алексеевская, 10, кв. 10.

[2]) Княгиня Долгорукая, Стефания Семеновна, 38 лет, жена камер-юнкера высочайшего Двора; адр.: Морская, 39/12 (гост. «Астория»).

[3]) Лейкарт, Ольга Алексеевна, 28 лет, урожденная Мордвинова, жена потомст. дворянина; адр.: Б. Пушкарская, 14.

[4]) Воскобойникова, Надежда Ивановна, 32 лет, вдова под-эсаула, содержанка сенатора В. Н. Мамонтова; адр.: Михайловская ул., 1—7 (Европ. гост.).

[5]) Филиппова, Галина Федоровна, 29 л., жена пот. поч. гражд., подруга Джанумовой, поклонница Распутина.

[6]) Свечина, Елизавета Евгеньевна, 30 лет, жена полковн. генер. штаба.

[7]) Езерский, Николай Семенович, подполк. 31 пеш. Смоленской дружины, содержатель Варваровой; адр.: Алексеевская, 10, кв. 10.

24 дек. В 7 часов вечера к Распутину пришел секретарь митрополита Питирима, И. З. Осипенко, а спустя минут 50 на прокатном моторе к Распутину приехали: княгиня Татьяна Федоровна Шаховская, жена поручика Александра Александровна фон-Пистолькорс и неизвестный офицер, при чем из мотора вышла только одна Шаховская и минут через 10 вывела с собою из квартиры Распутина и Осипенко, которые сели в тот же мотор и все пятеро отправились, повидимому, в Александро-Невскую лавру. В 8 час. 15 мин. вечера на квартиру Распутина на собственном моторе приехала графиня Ольга Эриковна Крейц, проживающая в д. № 29 по Адмиралтейскому каналу, и с нею вместе приехала и дочь действ. ст. сов., Марья Евгеньевна Головина. Последняя зашла в квартиру Распути и вскоре вышла с крестьянкой Акулиной Никитишной Лаптинской [1]), сели в мотор и отправились в Александро-Невскую лавру, в собор, где уже находился Распутин, но ни офицера, ни приехавших с ним дам в соборе наблюдение не видело. После богослужения, в 10 часов вечера, Распутин вместе с Осипенко вышли из собора и направились в покои митрополита Питирима, откуда выхода их наблюдение не дождалось. Две же дамы (кто именно — наблюдение сказать не может, так как хорошо их не видело) направились к отдельному зданию с правой стороны собора, после чего их наблюдение не видело.

Вернулся Распутин домой 25 декабря в 9 часов утра.

1916 год.

1 янв. У Распутина были гости до 4 ч. ночи, пели песни.

2 янв. Распутин в час ночи пришел домой пьяный, а в 2 часа ночи к нему пришел неизвестный офицер с дамой и вскоре сюда же пришла Базилевская. Пробыли они до 4 часов ночи.

4 янв. Распутин вернулся домой с Осипенко около 12 час. ночи. Осипенко сейчас же ушел. В час ночи к Распутину пришла потомственная дворянка, содержательница частной женской гимназии, Елена Порфирьевна Турович [2]), и пробыла около часу.

5 янв. Распутин, Осипенко, Дуня и Миллер на извозчиках отправились на квартиру к Миллер (Лиговка, 45), и сюда же, было видно, привезли корзину вина. Домой Распутин вернулся в 2 часа 80 мин. ночи пьяный.

6 янв. Распутин дома напился пьяным принесенными ему неизвестным мужчиной двумя бутылками вина и пел песни. В 8 час. вечера вышел из дома уже проспавшись и вместе с Осипенко и Евгенией Шаховской [3]) на одном извозчике поехали в дом № 15 по Троицкой улице к князю Андроникову, откуда вернулся домой вместе с Осипенко в 3 часа ночи. Осипенко сейчас же ушел.

8 янв. Распутин посетил д. № 6 по Гагаринской ул. (Нордман) [4]), оттуда вернулся домой около трех часов ночи вместе с двумя дамами. Последние, побыв у него около двух часов, ушли.

9 янв. Распутину на именины Гинсбург прислал 10 бутылок шампанского, кто-то прислал диван, две дюжины стульев, много разных подарков и корзин с разными винами и закусками.

10 янв. Клионовский [5]) принес Распутину десять бутылок вина. Турович [6]) привез корзину вина. Гиль [7]) в ночь с 10 на 11 января ночевала у Распутина. В этот же день (именины Распутина) его посещали много лиц и приносили много

---

[1]) Акулина Лаптинская, кр. Могил. губ. Городецк. у. Светошинской вол., 29 лет, поклонница Распутина, проживала сначала по Каменноостр. пр., д. 24-а, а затем переехала на квартиру Распутина на Гороховую, 64.

[2]) Жена Станисл. Людвиг. Туровича, 29 л., чиновника, причисл. к канцелярии Упр. Земл. и Земл., потомств. дворянина; адр.: Петрогр. стор., Больш. пр., 32.

[3]) Княгиня Евгения Михайловна Шаховская, 25 лет, жена гражд.-инженера, поклонница Распутина; адр.: Басков пер., 18, затем Николаевская, 12.

[4]) Нордман, Федор Борисович, 56 л., ст. сов., старш. делопроизв. капитула императорских орденов; Евгения Оскаровна Н-ман, его жена, 41 года.

[5]) Клионовский, Даниил Корнилович, ст. сов.; адр.: Офицерская, 57.

[6]) Турович, Станислав Людвигович, 29 л., потомст. дворянин, чиновник канц. Упр З. и З.; адр.: Петрогр. стор., Больш. пр., 32.

[7]) Гиль, Мария Сергеевна, жена капитана 145 Новочеркасского полка, поклонница Распутина; адр.: Кронверкск. пр., 47/1.

подарков и несколько корзин с винами, играли на гармонике, гитаре, балалайке, танцовали и пели песни, а потом, позднее, молитвы и «многие лета». Гости от Распутина разошлись в 2 часа ночи.

11 янв. Распутин говорил по телефону в Царское Село из квартиры Соловьевых. (Свой телефон был испорчен).

13 янв. Распутин, Иваницкая, неизвестный офицер и две дамы были в доме № 63 по Лиговской ул. у вдовы ст. сов. Александры Романовны Митинской, от 2 час. до 5 с половиной часов дня. Распутин с тем же офицером и Иваницкой вернулся к себе на квартиру, а затем Иваницкая вышла вместе с офицером, будучи навеселе и одетой в поддевку Распутина, и вместе уехали.

Распутин послал телеграмму в Царское Село Вырубовой следующего содержания: «Сам Бог его исповедует в радости истинной, пусть правда на детях моих во-век, не пришло время видеть воочию».

На моторе, присланном Боберманом, Распутин уехал в «Европейскую гостиницу». Здесь была, повидимому, пирушка, на которой, кроме него, присутствовали: Боберман, Коварский [1]), директор международного банка граф Татищев, прапорщик Хвостов и две какие-то дамы. До двух часов ночи выхода его отсюда наблюдение не видело.

14 янв. Распутин вернулся домой в 7 часов утра, совершенно пьяный в компании Осипенко и неизвестного мужчины; разбил большое стекло в воротах того дома, где живет, и заметна была опухоль около носа, повидимому, где-нибудь упал. В 4 часа 30 мин. дня Распутин с Рубинштейном и двумя дамами уехал в Царское Село, а в 7 часов 41 минута вечера вернулся домой один, при чем во время пути обратно обратился к агентам со словами: «Кто-то из вас передал кому-то, что будто бы я держал на коленах какую-то даму. Это нехорошо говорить. Вы ведь посылаетесь для охраны, а передаете другое».

Нештейн, проживающий по той же лестнице, проходя мимо агентов, обратился к ним: «Вашего патрона скоро назначат в Царское Село управлять всеми лампадами».

16 янв. Распутин передал проститутке Трегубовой какое-то письмо. По полученным негласным сведениям, в один из дней посещения квартиры фон-Пистолькорс (Морская, 59), прислуга подсмотрела, как Распутин, поставив на колени супругов фон-Пистолькорс, что-то, стоя около них, бормотал.

17 янв. К Распутину в 12 час. ночи пришла неизвестная дама и пробыла до 3 часов ночи.

18 янв. Распутин вернулся домой в половине восьмого часа утра, в компании двух мужчин и дамы, совершенно пьяный и на улице у дома, где живет, пел песни. Неизвестные, проводив его до квартиры, вскоре ушли, а Распутин все утро в квартире кричал. Каравья [2]) и ее дочь Маймескул [3]), выходя от Распутина, непринявшего их, ругали его, называя «паршивым мужиком» и рассказывали, что когда-то были в ресторане «Вилла Роде», где Распутин выбегал в зал в одной рубахе и наделал этим не мало шума, за что будто бы ресторан этот закрыт. При разговоре добавили, будто в Царском Селе появился какой-то молодой монах, который будет скоро слыть лучше, чем Распутин.

21 янв. Распутин вместе с Гаар [4]) отправился в д. № 26-а, по Песочной ул., к Книрше, а оттуда Распутин один — в д. № 36 по Бассейной улице к артистке Орловой [5]) (содержанке Мануйлова), где по собранным негласным путем верным сведениям были: Манасевич-Мануйлов [6]) и господин председ. совета министров Б. Штюрмер.

---

[1]) Коварский, Овсей Иоселевич, 36 л., канд. юридич. наук; адр.: Михайловская, 1—7 (Европ. гост.).

[2]) Каравья, Софья Афанасьевна, греческая подданная; адр.: Мещанская, 4.

[3]) Маймескул, Мария Николаевна, 19 л., дочь Каравья, личн. почетн. гражданка, проживала сначала с матерью, затем Пушкинская, 15.

[4]) Гаар, Мария Генриховна, пот. поч. гражданка, поклонница Распутина; адр.: Офицерская, 24.

[5]) Лерман (она же Орлова), Екатерина Федоровна, 25 л., дочь ст. сов., артистка, содержанка Манасевича-Мануйлова.

[6]) Манасевич-Мануйлов, Иван Федорович, отст. колл. асессор, сотрудник газ. «Новое Время», темный аферист, личный секретарь председателя совета министров Б. Штюрмера; адр.: ул. Жуковского, 47.

22 янв. Вернулся Распутин домой в 5 часов утра вместе с Осипенко, неизвестным мужчиной и двумя женщинами, при чем был пьян.

23 янв. Неизвестный священник привез Распутину рыбы. Вечером Распутин оставлен в д. № 6 по Гагаринской улице у стат. сов. Федора Борисовича Нордман (старший делопроизводитель в капитуле орденов).

24 янв. Распутин вернулся домой со вчерашнего дня в 5 час. утра. В 5 час. 20 мин. вечера Распутин на моторе с Головиной и Добровольской поехали в церковь Спаса, что в Колтовской на Б. Спасской улице, где было совершено митрополитом Питиримом всенощное заупокойное богослужение в память умершего протоиерея-настоятеля этого храма, основавшего духовно-нравственные беседы.

26. янв. Распутин вернулся домой в 4 часа ночи с Осипенко и неизвестным мужчиной. В 11 часов 49 минут вечера на Царскосельский вокзал на моторе автомобильной роты приехал Осипенко и туда же вскоре пришел Добровольский, а отсюда, посадив в мотор приехавшего из Царского Села Распутина, уехали на квартиру Добровольского. Распутин вернулся домой на извозчике вместе с Добровольским в 5 час. утра.

29 янв. Посетительница Распутина, Татаринова[1]), выйдя от него рассказывала агентам, как Распутин обнимал и целовал какую-то молодую барышню, и говорила, что ей так было стыдно, что она из квартиры ушла и больше не пойдет. Распутин с Филипповым были в ресторане «Донон», а вечером вместе с Осипенко уехали в Александро-Невскую лавру.

30 янв. Распутин вернулся домой в 4 часа 30 мин. ночи выпивши, в сопровождении какого-то мужчины. Приехал из Москвы священник с Лубянской церкви и с ним неизвестный, за кого священник хлопочет через Распутина по какому-то делу. Неизвестный намеревался дать Распутину задаток (повидимому, большой куш), но священник отсоветовал, сказав, что преждевременно Священник просил Распутина самого с'ездить к г. товарищу министра внутренних дел, сенатору Белецкому, но он отказался, а написал письмо и передал им. После священник смеялся, как Распутин, писав письмо, выводил каракули. Вечером Распутин вместе с Гаар отправились к Книрше (Песочная ул., д. № 26-а), туда же приезжали еще несколько мужчин и женщин. Распутин в два часа ночи тут оставлен, а в 4 часа 30 мин. ночи приехал домой на моторе совершенно пьяный с неизвестным мужчиной и женщиной.

1 февр. Распутин вернулся домой в 4 часа ночи с мужчиной и двумя женщинами. Прибывший из Москвы священник в разговоре с агентом Тереховым сказал, что дело, о котором он хлопочет, затянулось, потому что оно передано Вырубовой, а последняя действует через дворцового коменданта, а тот находится в действующей армии. Распутин жаловался агентам, что его кто-то ругает по телефону, а станция ему номера не говорит.

2 февр. Распутин со вчерашнего дня вернулся домой в 9 час. 30 мин. утра. Добровольская на квартире у него играла на пианино и пела песни. Приехав домой в час ночи, Распутин сейчас же опять вышел и уехал на Офицерскую и домой вернулся только в 3 часа ночи.

3 февр. Распутин вернулся домой из Царского Села около 11 часов вечера, а в 12 час. уехал, но куда — неизвестно. В два часа ночи приехал домой на моторе с двумя мужчинами, которые в квартиру не заходили.

5 февр. Со вчерашнего дня Распутин вернулся домой в 10 час. 10 мин. утра пьяным. Со слов извозчика, привез он его с угла Офицерской и Алексеевской улиц. Каравья, выходя из квартиры Распутина, в разговоре с агентами сказала: «Хотя Распутин и падает духом, но обделывает большие делишки, так, например, Рубинштейн устроил что-то на 300 000 руб. и за это получил от него 50 000 руб.»; при этом добавила, что ей Распутин сказал, что ее дела он устроит через министра Шаховского, который любит Распутина больше, чем Вырубова. В час ночи Распутин вышел пьяным от Езерского, где было несколько неизвестных и Осипенко. Распутин с двумя мужчинами и дамой на моторе уехали на 10-ую Рождественскую ул., д. № 15, кв. 24, к помощнику прис. поверен. Моисею Шмуйловичу Двинову (справлял день своего рождения). Пробыли 25 минут, куда уехали неизвестно, но вернулся Распутин домой в 3 часа 30 мин. ночи.

---

[1]) Татаринова, Анна Михайловна, 44 л., жена полковника; адр. неизвестен.

7 февр. Боберман при входе в квартиру Распутина спрашивал, что с ним случилось, а когда выходил, то сказал, что здоров. Проживающий по той же лестнице Нейштейн, выходя, спросил: «Правда ли, что вашего какой-то офицер у вокзала поколотил?» Симанович на придворном автомобиле, на котором приехала Вырубова, с ее разрешения куда-то ездил. Книрша пробыл у Распутина до часу ночи; при выходе встретил двух приехавших неизвестных мужчин и с ними вернулся обратно на квартиру Распутина, где пробыл еще час, т. е. до двух часов ночи.

8 февр. Распутин вместе с неизвестными чиновниками, на прокатном моторе, без наблюдения, был в Николаевском кавалерийском училище и на Торговой ул. в польском костеле. Книрша принес, как видно, несколько бутылок вина. В 8 час. 15 мин. вечера на квартиру к Распутину приехало пять женщин, со слов извозчика, с Офицерской улицы. Около 10 час. вечера были слышны игра на пианино, пляска и пенье. Все разошлись от Распутина в три часа ночи. В продолжение этого дня Распутин посетителей на принимал.

Начальник Петроградск. Охранного Отделения, генерал-майор *Глобачев.*

Заведывающий наружными наблюдениями *Корнилов.*

Подробная необработанная сводка наружного наблюдения за Распутиным за 8—10 февраля 1916 г.

8 февраля, 1916 г. Сведения.

«Темный» [1]), Гороховая улица, д. 64.

Вчера в час ночи вышел от Темного Книрша, в это время приехали на моторе два неизвестных господина, пошли к Темному, а также и Книрша вернулся с ними, а в два часа ночи ушли.

В 10 час. утра пришла Соловьева, вскоре ушла. В 10 час. 10 мин. утра пришла Мария Головина, через час ушла. В 11 час. 50 мин. утра пришла Татьяна Шаховская, через 50 мин. ушла. В 12 часов дня пришел Симанович, через 10 мин. ушел. В 12 час. 10 мин. дня пришла Сандецкая [2]), через 10 мин. вышла. В 12 час. 15 мин. дня пришел певчий Афонского подворья Деревенский, рассказав, что в прошлом году в сентябре месяце писец Александро-Невской лавры читал газету «Копейка», в которой было напечатано про Варнаву и Гришу, при чем чтение слушал паспортист лавры и будто бы паспортист сказал: «Когда же будет в России революция?» Деревенский спросил, на что революция? Тогда паспортист ответил: «Тогда бы дом Романовых не царствовал, а потом свергли бы эту гадость, Варнаву и Гришку». Фамилия паспортиста неизвестна, а писец теперь священником. В 12 час. 20 мин. дня ушла Лаптинская. В 12 час. 40 мин. дня приехал на моторе № 3 неизвестный чиновник в военной форме, а в 12 час. 50 мин. вышел вместе с Темным и тут же во дворе ожидали два вольноопределяющихся, которым Темный сказал, что придет после. Темный поехал с чиновником, и наблюдением были упущены, а со слов шоффера ездили в Николаевское кавалерийское училище и на Торговую улицу в польский костел. В 5 час. 50 мин. дня Темный вернулся домой с чиновником, который через 10 минут уехал. В 1 час 35 мин. дня пришел сенатор Мамонтов [3]), через 30 мин. ушел. В 1 час 40 мин. дня пришла Гаар с Базилевской [4]), через 1 час и 20 мин. ушли. В 2 часа дня приехал на моторе № 5064 военный вторично с Симановичем, через 20 мин. ушел. В 2 часа 15 мин. дня пришла дама, жена офицера Измайловского полка, живет на Измайловском проспекте в казенном доме, через 1 час 45 мин. ушла. В 3 часа 40 минут дня пришел в третий раз Симанович, который через 30 мин. ушел. В 4 часа 10 мин. дня пришел Книрша, принес, как видно, несколько бутылок вина, через 40 мин. ушел. В 5 часов вечера пришла Турович, пробыла два часа. В 5 часов пришла

---

[1]) «Темный» — условная кличка Распутина для агентов охранки.

[2]) Сандецкая, Клавдия Амвросиевна, 26 л., жена шт.-капитана, поклонница Распутина; адр.: Захарьевская ул., 9.

[3]) Мамонтов, Василий Николаевич, 65 л., тайный советник, сенатор, содержатель Воскобойниковой, поклонницы Распутина, отец В. В. Заусайловой; адр.: Фурштадтская, 12.

[4]) Базилевская, Лидия Платоновна, 28 л., дочь ген.-лейт., бракоразведенная жена инженера Мальтиновского, поклонница Распутина; адр.: Адмир. Канал, 9, затем Екатерин. Канал.

Червинская[1]), пробыла 30 мин. В 5 час. 10 мин. пришла Соловьева. В 6 час. 20 мин. пришел четвертый раз Симанович, пробыл один час. В 6 час. 45 мин. пришел Решетников[2]), пробыл 35 мин. В 7 час. 20 мин. вечера пришла неизвестная дама. В 9 часов 20 мин. вечера пришла Турович вторично, через 20 минут ушла. В 9 час. 30 мин. вечера пришла Добровольская. В 10 час. пришла Берман[3]). В 10 час. 10 мин. приехала Турович с мужем. В 11 час. 10 мин. вечера пришел Кирша, пробыл 20 минут.

Примечание: В 8 час. 15 мин. вечера приехали пять женщин, со слов извозчика, с Офицерской улицы.

В 10 час. вечера пели песни, играли на пианино и плясали. Просителей было человек около 25-ти, но Темный их не принимал.

Терехов[4]). *Свистунов*[4]).

9-го февраля 1916 г. Сведения.

«Темный». Гороховая ул., д. 64.

Гости, которые пришли вчера к Темному, разошлись в 3-ем часу ночи. В квартире Темного играли на музыке и пели. В 9 час. 45 мин. утра приехала Вырубова. В 10 час. 25 мин. пришла Добровольская, через 3 часа 10 мин. ушла. В 10 час. 50 мин. утра пришли Любовь[5]) и Мария Головины. В 11 час. утра пришла Гаар, которая ушла через 2 часа. В 11 час. 40 мин. утра приехали на военном автомобиле № 5064 Мануйлов и Осипенко с неизвестным чиновником, которые пробыли 30 минут, Мануйлов и Осипенко уехали. В 12 час. дня пришел Добровольский, который пробыл 1 час 35 мин. В 12 час. 30 мин. дня приехал на автомобиле № 127 Варнава с Августином, пробыли 40 мин. В 2 часа 40 мин. дня вышел из дома Темный, пошел в Казачий переулок, в баню, через 50 минут вернулся домой. По дороге Темный говорил: «Теперь беда, там наболтали и будут разбираться», и сказал, что «готовят на меня покушение. Вот если узнают, что письмо, написанное от Илиодора[6]), то, действительно, хотят убить». В 4 часа 45 мин. дня пришел фон-Бок, пробыл 25 мин. В 5 час. 20 мин. дня вторично пришла Мария Головина. В 5 час. 30 мин. дня пришла Москвина, пробыла 1 час 10 мин. В 5 час. 45 мин. приехала Турович. В 6 час. вечера пришел Клионовский, пробыл 15 мин. В 6 час. 45 мин. вечера уехали Турович с Головиной. В 8 час. 35 мин. вечера пришел Симанович с неизвестным евреем-инженером, пробыли 30 мин. Просителей Темный не принимал.

Терехов. Свистунов. Попов, Василий. Иванов, Григорий[7]).

10 февраля 1916 г. Сведения.

«Темный». Гороховая ул., д. 64.

Вчера к Темному в 12 часов ночи пришел мужчина, по приметам Мануйлов, скоро ушел; и еще была Соловьева, тоже скоро ушла.

В 10 час. 30 мин. утра пришла генеральша Соколова, скоро ушла. В 11 час. утра пришла Позднякова[8]) с неизвестной дамой, но приняты не были. В 11 час. 10 мин. дня пришел Филиппов с неизвестной дамой. Дама ожидала у подъезда, а Филиппов пробыл у Темного 10 мин., вышел и передал даме карточку, после чего дама пошла к Темному, откуда через 5 минут вышла с письмом на имя товарища министра г. Белецкого. В 11 час. 40 мин. дня пришла Мария Головина. В 11 час. 45 мин. пришла Никитина[9]), пробыла 30 мин. В 12 час. 40 мин. дня пришла Гаар

---

[1]) Червинская, Наталия Илларионовна, 48 л., жена дворянина, приживалка у князя Андроникова.

[2]) Решетников, Николай Иванович, 57 л., пот. поч. гражд.; адр.: Морская, 39/12 (гост. «Астория»).

[3]) Берман, Екатерина Ивановна, 36 л., жена петрогр. купца, пот. поч. гражд., поклонница Распутина; адр.: Фонтанка, 5.

[4]) Агенты наружного наблюдения охранного отделения.

[5]) Любовь Валерьяновна Головина, 59 л., вдова дейст. ст. сов., мать Марии Головиной; адр.: Мойка, 104.

[6]) Илиодор, царицынский монах, авантюрист.

[7]) Агенты наружного наблюдения охранного отделения.

[8]) Позднякова, Елизавета Захарьевна, крест. Витебск. г. Себежск. у. Непоротовской вол., поклонница Распутина; адр.: Ямская, 6.

[9]) Никитина, Лидия Владимировна, дочь генер.-от-артиллерии, фрейлина царицы, поклонница Распутина; адр.: Дворцовая набережная, 30.

с дамой Софьей Михайловной, пробыли 1 час 30 мин. В 1 час 20 мин. вторично пришла генеральша Соловьева[1]) с неизвестной дамой, пробыли 10 минут. В 2 часа дня был подан таксомотор № 224, и в 2 часа 10 мин. дня вышел Темный с Марией Головиной и уехали, а в 3 часа 45 мин. вернулись обратно на том же моторе. В 2 часа 15 мин. ушла Лаптинская, которая через час вернулась. В 3 часа 20 мин. дня пришла Добровольская. В 4 часа 40 мин. дня пришел Киселев[2]), но принят не был. В 5 час. 20 мин. вечера пришел Добровольский, пробыл 1 час. В 5 час. 30 мин. ушла Мария Головина с Лаптинской и Дуней. В 5 час. 50 мин. вечера пришла Берман, пробыла 30 мин. В 8 час. вечера Темный вышел из дому с Добровольским и на извозчике уехали, а через 45 мин. на том же извозчике вернулись. Со слов извозчика — катались и никуда не заезжали. В 8 час. 50 мин. вечера вернулись Мария Головина с Лаптинской и Дуней. В 10 час. вечера Мария Головина ушла, а в 10 час. 10 мин. ушла и Добровольская. Посетителей было человек 15.

Сегодня Нейштейн говорил, что «все мои знакомые спрашивают, здоров ли Темный. Говорят, что его поколотили, и поколотил будто бы какой-то Орлов-Денисов из-за бабы».

Терехов. Свистунов. Попов, Василий и Иванов, Григорий.

---

[1]) Повидимому, описка агентов. Следовало бы: Соколова.
[2]) Киселев, Милий Дмитриевич, 61 года, отст. корнет; адр.: Мойка, 12.

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ ВЪ ПЕРВЫЕ ДНИ РЕВОЛЮЦИИ*).

I.

Телеграммы Н. Н. Романова и М. В. Алексеева.

3 марта 15 час. 55 мин. (Получена была два раза: 3 марта 16 час. 55 мин. и 4 марта 1 час.)

Очень прошу ваше сиятельство держать меня в курсе положения дел в империи и в особенности в столицах. При этом условии могу, с божьей помощью, как верховный главнокомандующий, исполнить свой долг по руководству армиями и подведомственными мне губерниями тыла, ставя в то же время вас в известность относительно общих мероприятий, принятие коих правительством будет являться, по моему мнению, необходимым для обеспечения победоносного окончания войны. Я вполне уверен, что нас объединяет с вами та же любовь к родине и стремление отдать все свои силы для ее блага, почему в наших дѣйствиях, даст бог, будет полная во всем согласованность. № 3317.

Генерал-адъютант *Николай* [1]).

3 марта 18 час. 58 мин. (Получена 4/III 3 час. 25 мин.) Шифрованная.

Весьма секретно.

Начальник штаба верховного главнокомандующего донес мне, что высочайшим указом от 2-го сего марта я назначен верховным главнокомандующим. Считаю необходимым поставить вас в известность о положении дел на Кавказе. С удовольствием я могу засвидетельствовать, что со дня назначения меня наместником нормальная жизнь Кавказа в общем протекала спокойно, и за это время я мог убедиться, что народности края относились ко мне с доверием. События чрезвычайной важности, происходящие в эти последние дни, принимаются пока спокойно населением, главным образом благодаря этому доверию, что дает надежду на сохранение и в дальнейшем в его среде порядка, столь необходимого для развивающихся успехов на фронте кавказской армии, в особенности на персидском фронте, и вообще для достижения нашей главнейшей задачи — довести великую войну до победоносного окончания. Назначение нового наместника при

*) Настоящіе документы отпечатаны въ т. 5 издаваемаго въ Москвѣ «Краснаго Архива». Не имѣя возможности свѣрить ихъ съ подлинникомъ, мы воспроизводимъ ихъ въ томъ видѣ, въ которомъ они появились въ «Красномъ Архивѣ».

[1]) На телеграмме пометки, — на первой (полученной 3 марта) дважды, черным и красным карандашами, «читал», на второй (полученной 4 марта) красным карандашом «читал» и черным «печатать» (вычеркнуто), «опубликовать». Под всеми пометками подпись — «к. Л.» (князь Львов). Телеграмма, несмотря на пометку Львова, опубликована, однако, не была.

настоящих трудных условиях неминуемо повлечет за собой новый режим, и потребует(ся) много времени, дабы наместник вошел в курс всех вопросов, волнующих край, но этим будет создана крайне опасная во время войны обстановка. Обращая внимание вашего сиятельства на серьезность для Кавказа вопроса о замене наместника, считаю необходимым высказать, что, будучи обязан, как верховный главнокомандующий, заботиться о сохранении полного порядка на Кавказе, являющегося одним из районов театра военных действий, я признавал бы крайне желательным для общего дела возбудить вопрос о сохранении за мной звания наместника, с предоставлением мне, по соглашению с вами, наметить лицо, которое, будучи знакомо с краем и оставаясь моим заместителем на время войны, продолжало бы проведение в жизнь необходимых для него начинаний. Оставаясь наместником Кавказа, я мог бы руководить в особо важных случаях делами края и давать директивы, согласные с общим направлением уже установившейся в отношении разноплеменных его народностей политики. Прошу не отказать в срочном мне ответе. № 975.

Генерал-адъютант *Николай* [1]).

3/III 21 час. 11 мин. (Получена 4/III 6 ч. 35 м.) Шифрованная.

Весьма секретно.

Мне необходимо немедленно знать ваше мнение по вопросу о манифесте. Лично я опасаюсь, что отречение в пользу великого князя Михаила Александровича, как императора, с устранением от престола наследника цесаревича, неизбежно усилит смуту в умах народа. Опасение это усугубляется неясной редакцией манифеста и отсутствием указания в нем, кто является наследником престола. Вместе с тем я совершенно убежден, что промедление в этом чрезвычайной важности вопросе крайне опасно. Ожидая от вашего сиятельства срочного ответа, считаю еще необходимым уведомить вас, что мною сейчас получены сведения о якобы готовящемся соглашении между правительством и Советом Рабочих депутатов по вопросу о созыве через полгода Учредительного Собрания. По сему поводу я, как верховный главнокомандующий, отвечающий перед родиной за успех наших армий, считаю необходимым категорически высказать, что заключение подобного соглашения было бы великой ошибкой, грозящей гибелью России. Я ни одной минуты не сомневаюсь, что временное правительство, сильное авторитетом Государственной Думы и общественным доверием, объединяет вокруг себя всех патриотически мыслящих русских людей. Находя необходимым скорейшее разрешение вопроса о манифесте, я имею при этом в виду, что по обнародовании в ближайшее время должна последовать в торжественной обстановке присяга императора конституционному образу правления. Совершение этого акта, как полагающее конец колебаниям по вопросу о государственном строе России, несомненно, посодействует общему успокоению умов.

Генерал-адъютант *Николай* [2]).

4 марта 14 час. 50 мин. Получена 5/III 12 час.

Прошу ваше сиятельство быть уверенным, что я приложу все силы к тому, чтобы поддержать дисциплину и порядок во вверенных мне войсках и в тыловых районах армии, что явится залогом победы России над врагами. Уверен, что и вы, с своей стороны, сделаете все зависящее от правительства для обеспечения победы, восстановив полнейший повсеместно порядок и деятельность заводов и всех вообще учреждений, работающих для нужд армии и флота. № 978.

Верховный главнокомандующий [3]).

---

[1]) Пометки: «Срочно расшифровать, мне. Кн. Львов». «Читал Л.»
[2]) Пометки: «Срочно расшифровать, мне. Кн. Львов». «Читал Л.»
[3]) Напечатана в № 3 (8 марта) «Вестника временного правительства».

5 марта 13 час. 5 м. (подана).

Как верховный главнокомандующий, считаю своим долгом категорически заявить, что для победы безусловно необходима правильная организация командного состава и его взаимоотношений, исходящая от верховного главнокомандующего, как едино могущего преподать ее армии и флоту. Посему прошу вас передать правительству, которому не может быть не дорого благоденствие России и окончательная победа, что безусловно необходимо, чтобы все распоряжения и пожелания правительства, относящиеся до армии, флота и всех воинских чинов, находящихся в тылу, направлялись только в ставку. Я отдал категорическое распоряжение, чтобы на всем подчиненном мне театре войны принимались только распоряжения, относящиеся до армии, флота и военных учреждений тыла, исходящие от моего исключительно имени и притом из ставки, что вполне совпадает с требованиями и духом положения о полевом управлении войск, которым руководствуется армия.

Верховный главнокомандующий [1]).

6 марта 1 ч. 40 м. (Получена 6 марта 5 час. 30 м.)

Выезжаю ставку сегодня. Предполагаю прибыть 10 марта. Определить совсем точно день пока не могу, так как, ввиду неизвестности, насколько путь свободен, нельзя еще составить точного расписания. Как только будет выяснено, сейчас же вам телеграфирую. Очень буду рад вашему приезду в ставку [2]), ибо считаю вопросом чрезвычайной важности лично о многом с вами переговорить.

Верховный главнокомандующий [3]).

Председателю Государственной Думы М. В. Родзянко.

Получена 3 марта 1 час. 52 м.

По донесению коменданта Полоцка, с поездом из Петрограда прибыло 50 нижних чинов, вооруженных револьверами и шашками. Выйдя из поезда, они потребовали разоружения жандармов. На вопрос коменданта, по чьему приказанию они это требуют, они ответили, что по приказанию офицера, который остался в вагоне. На посланного в вагон для проверки жандарма солдаты напали и разоружили. В это время на станции показался взвод драгун из стоявшей близ вокзала части, все приехавшие солдаты разбежались, в вагоне же никакого офицера не оказалось. Убедительно прошу принять необходимые меры, чтобы из Петрограда на фронт не появлялись банды солдат и какие-либо странные и самозванные депутации. Оставить на железных дорогах охрану без вооружения недопустимо, а против лиц, своевольно принимающих на себя право распоряжаться в районе действующей армии, будут приниматься самые суровые меры по законам военного времени. Этого требует благо действующей армии и необходимость спасти ее для великой службы отечеству от того глубокого нравственного разложения, которое переживают все части петроградского гарнизона. 3 марта 1917 г. № 1906.

Генерал-адъютант *Алексеев* [4]).

---

[1]) На телеграмме пометка: «Гучкову. Доложить Совету. Кн. Л.»

[2]) Предполагавшееся свидание Львова с Николаем Николаевичем в ставке не состоялось.

[3]) Пометка: «Читал. Кн. Л.»

[4]) Пометки: «Совету министров. Предс. Гос. Думы Родзянко. 2 (?) марта 917. «Читал. Кн. Л.»

В связи с этой телеграммой стоит следующая циркулярная телеграмма.

Циркулярная телеграмма железнодорожным бригадам, командирам ополченских дружин, по станциям жел. дорог Северного фронта.

(Послана из Пскова 4 марта 15 час., получена [в Петрограде] 5 марта.)

Сообщаю для сведения и руководства копию депеши генерала Кварсева[1]) к № 1266/6 — «По приказанию Наштасева[2]) передаю копию телеграммы генерала Алексеева для соответствующего исполнения. — «Вследствие телеграммы Наштазап[3]) о том, что из Великих Лук на Полоцк едет депутация 50 человек от нового правительства и обезоруживает жандармов, по означенному вопросу был запрошен председатель Гос. Думы, который сообщил, что никаких депутаций не посылалось. Таким образом, повидимому, начинают уже появляться из Петрограда чисто революционные разнузданные шайки, которые стремятся разоружить жандармов на железных дорогах и, конечно, в дальнейшем будут стремиться захватывать власть как на железных дорогах, так и в тылу армии и, вероятно, попытаются проникнуть и в самую армию. Надо принять самые энергичные меры, установив наблюдение на всех узловых станциях железных дорог в тылу и иметь на этих станциях гарнизоны из надежных частей под начальством твердых офицеров. При появлении где-либо подобных самозванных делегаций, таковые желательно не рассеивать, а стараться захватывать и по возможности тут же назначать полевой суд, приговоры которого приводить немедленно к исполнению. 3 марта 1917 г., 11 час. 25 мин. *Алексеев*». Псков 3 марта, 1266/6. *Болдырев*. № 10621[4]).

Председателю совета министров кн. Г. Е. Львову, копия предс. Гос. Думы Родзянко.

Получена 3 марта 4 ч. 15 м.

Ввиду состоявшегося подписания его величеством акта об отречении от престола с передачей такового вел. князю Михаилу Александровичу, необходимо скорейшее объявление войскам манифеста вновь вступившего на престол государя для привода войск к присяге. Прошу ваше высокопревосходительство содействовать скорейшему сообщению мне текста означенного манифеста (ст. 54 осн. законов). № 1909.

Генерал-адъютант *Алексеев*[5]).

Председателю совета министров кн. Г. Е. Львову, копия министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Получена 3 марта 4 час. 20 мин.

Полагал бы необходимым телеграфное извещение глав союзных государств за подписью отрекшегося от престола государя о своем отречении в пользу вел. князя Михаила Александровича независимо от телеграфного уведомления их новым государем о своем восшествии на престол. В случае согласия вашего высокопревосходительства с этой точкой зрения, прошу о скорейшем сообщении в ставку текстов, которые могли бы быть представлены на подписание отказавшегося от престола государя. № 1911.

Генерал-адъютант *Алексеев*[6]).

---

[1]) Ген.-квартирмейстер Северного фронта.
[2]) Начальник штаба Северного фронта.
[3]) Начальник штаба Западного фронта.
[4]) Напечатана в № 4 газеты «Правда».
[5]) Пометка: «Читал. Кн. Л.»
[6]) Пометка: «Читал. Кн. Л.»

Секретно. Председателю совета министров.

Получена 3 марта.

Получено сообщение от вел. князя Николая Николаевича, что инженер Козырев предложил начальнику Закавказских дорог снять жандармов с линии дорог. Вновь повторяю, что снимать охрану с линий железных дорог на театрах военных действий недопустимо. Она прежде всего нужна, дабы продолжать борьбу со шпионажем. Вообще же обращение отдельных агентов правительственной власти с какими-либо распоряжениями к исполнителям, а не через ставку или, в крайних, спешных случаях, чрез главнокомандующих безусловно недопустимо и может роковым образом отразиться на управлении на театре военных действий, внести много путаницы и подорвать авторитет военной власти. В настоящую страшную минуту для спасения России надо принять все меры для сохранения в армии дисциплины и уважения к власти. Если это будет нарушено, то неминуема катастрофа и гражданская война, а в настоящее время и порабощение России немцами. 3 марта 1917 г. № 1926.

Генерал-адъютант *Алексеев* [1]).

Председателю совета министров, копия военному министру.

Отправлена 4 марта 12 час. 20 мин.

Мною получена следующая телеграмма от начальника штаба Северного фронта: «Наштарм 5 [2]) телеграммой Наштасеву донес: «Прибывшие сегодня днем Петрограда в Режицу вооруженные делегаты рабочей партии освободили везде всех арестованных, обезоружив частью караул, обезоружили полицию, начали обезоруживать офицеров, угрожая всем наведенным огнестрельным оружием, ходили даже для этого по квартирам. Примкнули нижние чины гарнизона. Сожгли в управлениях начальника гарнизона, коменданта и в полицейских участках судные и арестантские дела. Кровопролития и особых беспорядков не было. Командарм ходатайствует срочно войти в сношение с представителями власти, немедленно прекратить обезоруживание офицеров, врачей, чиновников. № 2078. *Вахрушев*». Главкосев, находя указанные действия преступными, вносящими разлагающее влияние среди войск и населения ближайшего тыла армий, приказал просить ваше высокопревосходительство о срочном сношении с представителями власти по принятию самых решительных мер к прекращению таких явлений, могущих деморализовать всю армию. Псков. 4 марта. № 1275/б *Данилов*». Прошу срочно принять все меры, чтобы не допускалось отправление на фронт каких-либо делегаций. Вместе с сим сообщаю главнокомандующим фронтами, чтобы, в случае появления таких шаек, они немедленно захватывались и предавались на месте же военно-полевому суду. 4 марта 1917. № 1954.

Генерал-адъютант *Алексеев* [3]).

Председателю совета министров кн. Львову, копия военному министру.

Отправлена 4 марта 13 час. 40 мин.

Сообщаю для сведения, что мною разослана всем главнокомандующим фронтами следующая телеграмма: В ответ на мое донесение верховному главнокомандующему о моем указании главнокомандующим фронтами о необходимости незамедлительно объявить по армиям манифест государя императора об отречении от престола и второй манифест великого князя Михаила Александровича мною сей-

---

[1]) Пометка: «К сведению. Кн. Л.»
[2]) Начальник штаба 5 армии.
[3]) Пометка: «Читал. Кн. Л.»

час получена следующая телеграмма от вел. князя Николая Николаевича: «Ввиду обстоятельств подтверждаю принятое вами решение, вместе с тем повелеваю всем войсковым начальникам от старших до младших внушить и разъяснить чинам армии и флота, что после объявления обоих актов они должны спокойно ожидать изъявления воли русского народа и святой долг их оставаться в повиновении законным начальникам, оберечь родину от грозного врага и своими подвигами поддержать наших союзников в беспримерной борьбе. 4 марта 1917 г. № 4318. Генерал-адъютант *Николай*». Объявляя настоящую телеграмму верховного главнокомандующего, предлагаю его именем немедленно опубликовать и разослать в армии как манифесты об отречении от престола государя императора и великого князя Михаила Александровича, так и настоящую телеграмму верховного главнокомандующего, которую прочитать во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах. 4 марта 1917. № 1949.

Генерал-адъютант *Алексеев*[1]).

Председателю совета министров, копии — председателю Государственной Думы, военному министру.

Получена 5 марта.

Главнокомандующий Северного фронта сообщает на необходимость правительства обратить внимание на крайнюю опасность создавшегося положения, проистекающую из стремления каких-то неуловимых элементов создать солдатские организации на фронте, могущие нарушить порядок на фронте. В Выборге власть над гарнизоном крепости в руках солдатских делегатов, и комендант крепости генерал Петров был арестован нижними чинами, теперь выпущен. Попытки стать хозяевами положения замечаются и в Пскове, при чем при столкновении с толпой пал начальник распределительного пункта полковник Самсонов. Дабы иметь возможность продолжать войну и не допустить позора России, необходимо новому правительству проявить свою власть и авторитет и устранить причины начинающейся разрухи. Правительству крайне необходимо срочно вполне определенно и твердо сказать, что армии никто не смеет касаться и что все распоряжения должны производиться через верховного главнокомандующего. Просил военного министра точно так же издать воззвание правительства к армии, что ее основной, как и прежде, долг — сражаться с врагом внешним, свято хранить лучшее достояние армии — ее прочную дисциплину, что все распоряжения будут исходить от правительства, высших начальствующих лиц, что никакие делегации, депутации не имеют права вводить какие-либо перемены в определенные законом нормы войсковой жизни до перемены закона. Убедительно прошу издать воззвание, ибо на него обопрется всякий начальник, всякому будет понятно, что прежде всего его обязанность — честно исполнить свое прямое дело. Нужно спасти войска от развала всеми силами, способами, ибо начало развала будет знаменовать конец борьбы с неприятелем. № 1973.

Генерал *Алексеев*[2]).

Председателю совета министров, копии — председателю Государственной Думы, военному министру.

Получена 5 марта 22 час. 6 мин.

Телеграммой от 5-го сего марта № 1964 я сообщил военному министру, что по заявлениям главнокомандующих фронтами указывается на недопустимость арестов в пределах района театра военных действий военных начальников лицами, именующими себя делегатами Совета Рабочих и Солдатских депутатов, а так-

[1]) Пометки «Читал. Кн. Л.» «Напечатать (зачеркнуто), «опубликовать» (зачеркнуто). Кн. Л.»

[2]) Пометка: «Кокошкину. Исполнено. Кн. Л.» (Кокошкину было поручено составление воззвания к армии).

же городскими общественными комитетами; а также на недопустимость обезоруживания на станциях и в городах находящихся в пределах районов, подчиненных главнокомандующим, чинов жандармской полиции, офицеров и караулов, выставленных для охраны станционных и железнодорожных сооружений. Вполне поддерживая заявление главнокомандующих, я обратился к военному министру за энергичным его содействием в проведении правительством решительных мер, дабы зараза и разложение, начавшиеся в тылу, не перекинулись в действующую армию и не привели ее к полной небоеспособности. Сегодня мною получено повеление от верховного главнокомандующего, что его высочество, вполне соглашаясь с главнокомандующими армиями, заявляет, что если безотлагательно не появится призыв правительства к порядку к войскам, подчиненным военному начальству, в самой категорической и убедительной форме, а также не будет потребовано прекращения всего того, что ныне происходит в тыловых районах армий, то как его высочество, так и главнокомандующие не ручаются за поддержание порядка и дисциплины, следствием чего явится неминуемый проигрыш войны. Каждая минута промедления, в буквальном смысле этого слова, грозит роковой катастрофой. Всякое изменение существующих уставов и военного распорядка в пределах армии помимо верховного главнокомандующего и без его согласия для пользы дела недопустимо. Необходимо правительственное объявление, что никаких делегаций и депутаций им не посылалось и не посылается для переговоров с войсками и что появляющиеся в некоторых местах подобные люди подосланы врагами России с целью внести разруху, так как только при разрухе Россия будет побеждена и порабощена врагом. Что надо верить только тем, которые призывают к порядку и к напряжению всех сил для победы над внешним врагом. К этому я добавляю, что промедление в присылке текста присяги и задержка в приведении к присяге войск поведет к катастрофе. Получаемые со всех сторон сведения указывают, что брожение начинает распространяться в войсках ближайших к тылу. Эти волнения можно объяснить исключительно тем, что для массы простонародия все же непонятно истинное отношение правительства к начальствующим лицам в армии и недоверие, что последние действуют согласно директив и решений нового правительства. Ради спасения армии, а вместе с ней и родины прошу не медлить ни одной минуты. 5 марта 1917 г. № 1977.

Генерал *Алексеев* [1]).

Председателю совета министров, председателю Государственной Думы, военному министру.

Отправлена и получена 6 марта.

Верховный главнокомандующий приказал мне сообщить вам, что считает необходимым, чтобы содержание телеграммы № 1977 было опубликовано, ибо это вразумительнее всего укажет на взгляд правительства, что армию нужно беречь, сохранить неприкосновенным прочно установившийся уклад службы и отношений в войсках до полного окончания войны, когда можно проводить те или иные реформы. Интересы высшие, по-моему, настоятельно подсказывают соответственность исполнить изложенный взгляд верховного главнокомандующего. № 1989.

Генерал *Алексеев* [2]).

Председателю Государственной Думы, председателю совета министров, военному министру.

Отправлена 6 марта 23 час. 50 м., получена 7 марта 0 ч. 45 м.

По приказанию главнокомандующего Северного фронта мне передан полученный главнокомандующим приказ № 2-й Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских депутатов. Я вынужден вновь просить, чтобы никакие распоря-

[1]) Пометка: «Читал. Кн. Л.»
[2]) Пометка: «Читал. Кн. Л.»

жения общего характера не направлялись непосредственно на фронты, а обязательно через штаб верховного главнокомандующего, так как только верховный главнокомандующий может решать вопросы общего характера, подлежащие объявлению войскам. Я повторяю, что направление распоряжений непосредственно главнокомандующим является недопустимым, вносит дезорганизацию и разруху в дело управления армией. Для армии могут быть обязательны распоряжения лишь правительства, распоряжения же неизвестного, не входящего в состав правительственной власти, Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских депутатов не являются обязательными и объявляться войскам не будут. С грустью должен прибавить, что многочисленные мои представления правительству по аналогичным вопросам остаются без ответа, что деятельность учреждений, не имеющих отношения к армии, развивается, подобные приказы малоуловимыми способами проникают в части действующей армии, грозя разрушить ее нравственную силу и боевую ее пригодность, ставя начальников в невыразимо тяжелое положение ответствовать перед родиной за сохранение нравственной устойчивости вооруженной силы и не иметь способов бороться с потоком распоряжений, подобных приказу № 2. Или нам нужно оказать доверие или нас нужно заменить другими, которые будут способны вести армию даже при наличии факторов, в корень подтачивающих основы существования благоустроенного войска. № 2015.

Алексеев[1]).

II.

Записка ген. М. В. Алексеева временному правительству.

Секретно.

Вр. исп. должн. верховного главнокомандующего. 14 марта 1917 г. № 2237. Ставка. Председателю совета министров князю Г. Е. Львову.

Милостивый государь, князь Георгий Евгеньевич.

Препровождаю для сведения сводку сообщений главнокомандующих фронтами и командующих кавказской армией и флотами Балтийского и Черного морей по вопросу о том, какое впечатление на войска произвел переход к новому государственному строю и последние события.

На северном фронте происшедшая перемена и отречение государя от престола приняты сдержанно и спокойно.

Многие к отречению императора Николая II и к отказу от престола вел. кн. Михаила Александровича отнеслись с грустью и сожалением.

По некоторым данным можно судить, что многим солдатам манифесты были непонятны и они еще не успели разобраться в наступивших событиях.

Во 2-м Сибирском корпусе 12-й армии возбужден целый ряд вопросов относительно могущих произойти последствий. Были некоторые голоса, что без царя нельзя обойтись и надо скорее выбирать государя, что евреев нельзя иметь офицерами, что необходимо наделить крестьян землей при помощи Крестьянского поземельного банка.

В 5-й армии наступившие события некоторыми солдатами рассматривались, как конец войны, другими — как улучшение своего питания, а частью — безразлично.

Во всех армиях фронта многие солдаты искренно возмущались заявлениями Совета Рабочих и Солдатских депутатов о республике, как желании народа, и говорили: почему же нас об этом не спрашивают? То же высказывали и некоторые жители.

Среди офицеров выясняется недовольство, возмущение и опасение, что какая-то самозванная кучка политиканов, изображающая собой Совет Рабочих и Солдатских депутатов, не получившая никаких полномочий ни от народа, ни от армий,

[1]) Пометка: «Читал. Кн. Л.»

действует захватным порядком от имени страны, мешается в распоряжения временного правительства и даже действует и издает вопреки ему распоряжения.

Особенно волнуют попытки Совета вмешаться в отношения между солдатами и офицерами и регулировать их помимо существующих неотмененных законов и законного войскового начальства.

Высказываются пожелания устранить Совет Рабочих и Солдатских депутатов от вмешательства в дело управления государством, так как это крайняя политическая партия, а не полномочные представители народа или армии, которую и нужно поставить на соответствующее место.

Также замечается недовольство выделением петроградского гарнизона в какую-то привилегированную часть армии и высказывается пожелание, чтобы войска этого гарнизона были отправлены также на фронт. В их стремлении остаться в Петрограде усматривается уклонение под благовидным предлогом от исполнения гражданского долга защиты России.

По мнению войск боевой линии, заслуга по образованию нового строя принадлежит не петроградскому гарнизону, а избранникам народа — членам Государственной Думы, народу и всей армии, которая весьма сочувственно отнеслась ко всему происшедшему.

От нового правительства ждут улучшения условий жизни и установления порядка.

На Западном фронте акт об отречении был принят спокойно, серьезно, многими с сожалением и огорчением.

На-ряду с этим перемена строя у многих связана с верой в восстановление порядка. Солдатами новый порядок приветствуется в уверенности, что продовольственная разруха будет устранена и оставшиеся семьи будут наделены пайком в мере действительной потребности.

Выражалась уверенность в прекращении немецкого засилия.

В 9, 10 и сводном корпусах 2-й армии манифест встречен отчасти с удивлением и с сожалением государя.

Многие, видимо, были поражены неожиданностью и той быстротой, с которой к нам подошли настоящие события.

В сибирской казачьей дивизии сводного корпуса манифесты произвели удручающее впечатление.

Некоторыми выражалась надежда, что государь не оставит своего народа и армии и вернется к ним.

Для части солдат это впечатление смягчалось тем, что император Николай II преемником себе назначил великого князя Михаила Александровича, и что в России еще не республика, относительно которой высказывались отрицательно.

Однако самый переход к новой власти казаками сибирской казачьей дивизии принят с полной покорностью.

К допущенным в дни перелома эксцессам толпы к офицерам, имевшим место в Петрограде, Москве и других городах, отношение отрицательное и в офицерской среде толкуется, как пагубное для армии и России желание, клонящееся к разложению армии и вреду страны.

Настроение войск бодрое. Преобладает сознание необходимости довести войну до победоносного конца, для чего необходимы полное спокойствие на фронте и усиленная работа тыла.

На Юго-Западном фронте объявление манифеста встречено спокойно, с сознанием важности переживаемого момента и чувством удовлетворения и веры в новое правительство.

Местами в офицерской среде высказываются сомнения, что новой власти не удастся сдержать крайние революционные элементы.

На Румынском фронте происшедшие перемены войсками приняты спокойно.

Отречение императора Николая II на офицеров 9-й армии произвело тягостное впечатление.

В 4-й армии большинство преклоняется перед высоким патриотизмом и самопожертвованием государя, выразившимся в акте отречения. Здесь же манифест в. кн. Михаила Александровича встречен с недоумением и вызвал массу толков и даже тревогу за будущий образ правления.

Более нервное отношение к событиям чувствуется в 3-м кавалерийском корпусе, где передачу престола великому князю Михаилу Александровичу склонны

понимать, как вручение регентства до совершеннолетия великого князя Алексея Николаевича, которого считают законным наследником.

В кавказской армии к перемене строя войска отнеслись спокойно.

В Балтийском флоте переход к новому строю принят восторженно.

В Черноморском флоте последние события встречены спокойно и с пониманием важности переживаемого момента. Работы не прекращались и не прекращаются.

Назначение великого князя Николая Николаевича верховным главнокомандующим на всех фронтах было принято сочувственно и даже с радостью. У многих принятие им верховного командования связывалось с надеждой на более скорый и победоносный конец войны.

Лишь в 5-й армии Северного фронта ставились вопросы о том, по какому праву и чьим распоряжением вел. князь Николай Николаевич занял пост верховного главнокомандующего.

В заключение считаю необходимым указать, что население в тылу Северного фронта, особенно в местечках, опасается погрома, и к главнокомандующему этим фронтом уже начали поступать ходатайства о присылке войск для охраны безопасности жителей.

Примите уверение в совершенном уважении и полной преданности.

Мих. Алексеев.

Записка ген. М. В. Алексеева М. В. Родзянко[1]).

Смоленск, 25 июля 1917 г.

Милостивый Государь Михаил Владимирович!

Дела России, нашей родины, о которой (заботятся) вершители наших судеб, ответственные, а главным образом, безответственные, — с каждым днем становятся тяжелее и безотраднее. Нехорошо на фронте: стратегическая обстановка на нашем юге может подарить нас тяжкими для самолюбия и для коренных губерний сюрпризами. Плохо в войсковом тылу, где народ кормит не один миллион ничего не делающих и часто безобразничающих бездельников. Безотрадно в общегосударственном тылу, где нет власти, где нет ответственных работников, могущих подняться выше интересов своей партии и окинуть беспристрастным, беспартийным и талантливым взором нужды, желания, чаяния многострадальной России, народа русского в целом, а не одного излюбленного и притом развращенного класса.

16 июля состоялось совещание в Могилеве. Позвольте вам перечислить те меры, на немедленном осуществлении которых настаивали все военные представители совещания. Только эти меры позволят в течение месяцев трех оздоровить больной организм армии, вернее выразиться, — создать кое-какую армию, способную вести бой, так как в данную минуту у нас армии нет. Есть отдельные части, сохранившие верность долгу; есть офицеры и небольшое число солдат, готовых гибнуть и жертвовать собою, но нет массы, спаянной дисциплиною, верою в начальников, желанием боя и победы, способностью проявить мужество и упорство.

Вот эти меры:

1. Временное правительство должно признать свою вину и ошибку в оценке офицерского состава армии, униженного, оскорбленного, сознательно, умышленно лишенного власти и значения. Признать ошибку потому, что именно это главным образом сгубило армию.

2. Признать, что деятели Петрограда не знают армии, а потому должны прекратить военное законодательство и передать это дело в опытные руки верховного главнокомандующего.

---

[1]) Архив Окт. Революции. Ф. III. Опись № 2. Дело № 64. 1917 г.

3. Изгнать из армии всякую политику, уничтожить право митингов, ибо вся армия обратилась в митингующую бесконечно толпу. В митингах утонули здравый смысл, честь, верность русского солдата.

4. Уничтожить декларацию прав солдата, с слишком легким сердцем принятую и подписанную Керенским.

5. Уничтожить войсковые комитеты и комиссаров, которых Керенский считает «глазами и ушами временного правительства». Эти два института смели бесследно власть войсковых начальников всех степеней и породили самое опасное для всякой армии многовластие, многоголовие.

6. Потому скорее восстановить единоличную власть и ответственность начальников. Вернуть то доверие свыше, без которого старший, ответственный начальник не может отдать все силы духа и ума на выполнение боевой задачи; нельзя допускать, чтобы начальника смущали торчащие сзади «глаза и уши» человека, часто не имеющего никакого понятия о военном деле, но желающего во все вмешиваться и, кроме «глаз и ушей», совать всюду и свой «нос».

7. Возродить настоящую дисциплину. Для этого учредить военно-полевые (почему-то и их потребовалось назвать военно-революционными) суды и смертную казнь не только на фронте, но и во всем тылу, ибо прибывающие укомплектования развращены и распущены в такой мере, что появление каждой новой партии укомплектования сразу уничтожает в полку всю работу, которую удалось провести начальникам, не взирая на убийственные условия для такой работы.

8. Создать теперь же отборные части для воздействия на массу в бою, имея их в качестве резерва, и для удержания порядка при демобилизации. (Лично считаю большой ошибкой генерала Брусилова и других начальников, что бесполезно погубили лучших людей и массу офицеров, пустив ударные батальоны вперед; за ними никто не пошел. Ударные батальоны должны были составить резерв и гнать перед собою малодушных, забывших совесть).

Лично от себя я добавил: 9. Не менять, как капризная и богатая женщина бросает перчатки, начальников; гоните слабых, не оказавшихся на высоте своего назначения в бою, но не гоните по тайным, мутным аттестациям, как сделал это Гучков. Он надломил состав начальников, мечтая вызвать в армии взрыв энтузиазма массовым изгнанием. 10. Вернуть в армию тех честных, твердых служак, которые в последние месяцы были выжиты из частей развращенною солдатскою массою.

Требования Корнилова вам известны из газет. Когда на совещании после короткого перечня мер ген. Рузский предложил перейти к подробному рассмотрению и разработке каждой в отдельности, Керенский ответил, что это не входит в задачи совещания, которое должно лишь высказать свое мнение, а разработка мер принадлежит Петрограду, что при разработке не должны быть затронуты те начала, которые завоеваны для армии революцией (?!). При дальнейшем настоянии военных представителей Керенский выразился, что он готов оставить пост военного министра, подписав какой угодно приказ, но убежден, что если сегодня дойдет до массы приказ, утверждающий намеченные меры, то завтра же начнется резня офицеров и командного состава (?).

И вот сегодня, когда я пишу вам это письмо, миновало 10 суток со времени совещания, а никаких мер, даже самых мягких, для оздоровления армии не принято, не объявлено. Между тем потеря каждого дня невознаградима. 20 июля я отправил об этом письмо г. Керенскому; высказал там и убеждение, что не следует опасаться возможности насилия со стороны солдат. Во-первых, этих насилий и без того много, а во-вторых, «смелость сделает свое благотворное дело, и я не разделяю высказанных на совещании опасений. События в Петрограде 3—5 июля наглядно показали, что чем глубже нравственное падение толпы, тем более труслива она и тем легче пасует перед решимостью и смелостью. Быть может, где-либо и произойдут эксцессы. Их можно и нужно задавить жестокою рукою. Это сохранит нам для последующего сотни и тысячи жизней и устранит возможность повторения бунтов».

Конечно, мой голос теперь не может иметь большого влияния, хотя я и счел долгом возвысить его не только на совещании, но и особым письмом.

Грустно то, что и голос генерала Корнилова, звучащий, казалось бы, тверже и настойчивее, потому что за ним уже разразившаяся катастрофа на фронте, которой я не имел еще перед уходом из Могилева, тоже пока не будит от сладкого

сна наших вершителей судеб. Чего же они ждут? Быть может, об этом спросит комитет Гос. Думы; быть может, начнет требовать отчета та часть русского народа, которая еще не погрязла в партийной борьбе, в социалистических бредних, заслонивших собою «Россию и родину». Нужно установить определенно, что нервные об'езды и речи положительно никакой пользы не приносят. Вот отзыв одного строевого офицера полка, удостоенного речью Керенского. «Это опереточный пуф! Солдатская темная масса не знала и не знает Керенского». Прибавлю, как не будет знать каждого, кто приедет к ней со словами и речами, но без власти, силы и кулака.

Еще одно дело. Припомните, сколько разврата внесли громкие проповеди, мерзкие дела Ленина, Зиновьева, Троцкого, Луначарского, Каменева, Коллонтай и пр. Эти негодяи были неприкосновенны. Призывы к бунту на словах и в печати, захват чужой собственности... не вменялись в вину. «Боритесь с ними словом»!.. пока те *не совершили* преступного деяния (как будто не совершали!). Вот что значит быть под покровительством «комитета преступления», т.-е. Совета Раб. и Солд. депутатов.

Зато с какою легкостью и с какой постыдною внешнею обстановкою арестуют генерала Гурко, всю жизнь свою отдавшего на служение родине. Дело не стало за ордером Керенского. Одного письма (!) оказалось достаточным для такого шага. А деятельность, а служба? Что за дело.... было письмо.

Или мелкая трусость людей везде и во всем усматривающих грозный призрак «контр-революции», или, — извините, — мелкая месть человеку, который пришелся не по душе и которого безнаказанно, пользуясь властью, можно запятнать перед Россией. Я склонен думать, что личное нерасположение сыграло в этом деле бо́льшую роль, чем что-либо другое.

Не то ли же побуждение свергло Брусилова? В армии хорошо знали сильные и слабые его стороны; его способность теряться в тяжелые, критические минуты. Командный и офицерский составы без доверия встретили в мае его назначение. Быть может, прорыв на Тарнопольском направлении не без порядочного греха в смысле управления. Но для всех это была только нравственного порядка катастрофа, — безудержное бегство развращенной законами последних 4-х месяцев армии. За что же так неделикатно убрали ген. Брусилова? И мне казалось, что здесь обиженное самолюбие решило вопрос, а объяснения Брусилова в «Русском Слове» только подтвердили это.

Располагали мы министром, которому приписывают участие в событии Фонарного переулка. Теперь военное министерство обзавелось «управляющим», краткая автобиография которого, отпечатанная в штабе VII армии, говорит о великих заслугах настоящего главы и представителя армии: убийство Плеве, Мина, вел. кн. Сергея, организация других убийств. Неужели кровь убитого на большой дороге и кровь убитого по политическим побуждениям не одинаково марает руку убийцы? Впрочем, я сильно отстал и психологию деятелей нашей революции постичь не могу.

Прошу принять уверение в моем глубоком уважении и преданности.

Мих. Алексеев.

P. S. На частном заседании комитета Государственной Думы было высказано мнение, что преступный приказ № 1 Совета Р. и С. Д. был издан скорее бессознательно, чем с намерением сделать вред. 4 мая на том заседании в Мариинском дворце, на начале которого вы присутствовали, на мое заявление, что приказ этот положил прочное начало разврату армии, на мое настояние работать по восстановлению армии тех, кто ее развратил, возражал Церетели. Он отверг вину Совета, ибо «приказ № 1 отвечал моменту». Следовательно, еще 4 мая деятели Совета убежденно считали, что развращение армии было им нужно для потребностей «момента». Это выражение станет впоследствии историческим, как равносильное другому изречению: «после нас хоть потоп». Как кажется, мысль, что приказ сознательно преследовал определенные цели, подтверждена громко и в Стокгольме.

М. Алексеев.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

I.

Милостивый Государь!

Я должна написать нѣсколько словъ истины, по поводу статьи г-на Бориса Соколова «Паденіе Сѣверной Области», помѣщенной въ IX томѣ Архива Русской Революціи.

Дѣлаю я это съ такимъ большимъ запозданіемъ потому, что поступивъ два года тому назадъ въ монастырь, я перестала читать свѣтскую литературу, и о статьѣ г-на Соколова я узнала только теперь отъ моихъ друзей.

* * *

Г-нъ Б. Соколовъ пишетъ: «Первымъ уѣхалъ изъ Сѣверной Области генералъ Клюевъ, получившій весьма загадочную командировку и весьма реальный чекъ на шведскія кроны».

Это — ложь. Первымъ уѣхалъ генералъ Бемъ. Я не знаю подробностей его командировки, знаю только, что поѣхалъ онъ въ Финляндію.

Вторымъ уѣхалъ главноуполномоченный Краснаго Креста Сѣверной Области К. П. Шабельскій въ Швецію.

Мой мужъ уѣхалъ третьимъ, въ серединѣ января, въ командировку въ Карелію, въ Ухту, чтобы установить дружескія сношенія съ карелами. Это было, конечно, слишкомъ поздно, такъ какъ вліяніе Финляндіи всецѣло господствовало въ Карелiи, но думали вѣрно, что лучше поздно, чѣмъ никогда. Командировка была не загадочная, хотя, конечно, широкимъ массамъ публики она и не была извѣстна, а реальный чекъ на шведскія кроны состоялъ изъ ящика со спиртомъ и табакомъ.

Когда уѣзжалъ мужъ, онъ предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ; командировка должна была продолжиться 3—4 недѣли. Поѣздка была интересная: на лошадяхъ, гужемъ, по дремучимъ лѣсамъ Сѣвера, по замерзшимъ рѣкамъ и озерамъ, черезъ интересныя сѣверныя деревни, съ ихъ своеобразными старинными храмами.

Въ это время я была старшей сестрой лазарета Краснаго Креста въ Архангельскѣ; дѣла было много, и я сказала мужу, что это меня удерживаетъ отъ поѣздки. Но главная причина моего нежеланія ѣхать съ мужемъ была та, что неминуемо начались бы разговоры о томъ, что генералъ Клюевъ бѣжалъ изъ Сѣверной Области, (что говорили объ уѣхавшихъ до него!). А тотъ фактъ, что я оставалась въ Архангельскѣ, казалось мнѣ, дѣлалъ эти вымыслы неправдоподобными.

Въ началѣ февраля произошелъ бунтъ въ 3-мъ Стрѣлковомъ полку на фронтѣ, и тогда я поняла, что близокъ грозный призракъ неизбѣжнаго.

17-го февраля, когда я была въ лазаретѣ, меня по телефону просили притти въ Управленіе Краснаго Креста. Я нашла тамъ всѣхъ очень возбужденными. Уполномоченный И. И. Фидлеръ сразу сказалъ мнѣ, что дѣла наши плохи, ежечасно можно ожидать, что войска откроютъ фронтъ; что эвакуація неизбѣжна и просилъ меня, какъ старшую сестру лазарета, ѣхать съ ранеными лазарета на ледоколѣ. Я отвѣтила согласіемъ.

А вечеромъ уполномоченный мнѣ уже сказалъ, что лучше мнѣ ѣхать сухимъ путемъ на станцію Сороки, Мурманской желѣзной дороги; я отвѣтила, что подчиняюсь его рѣшенію. Во время разговора подошелъ г-нъ Соколовъ и, заикаясь еще болѣе сильно, чѣмъ всегда, сталъ говорить, что мнѣ гораздо лучше ѣхать сухимъ путемъ, что меня Красный Крестъ проситъ объ этомъ. Говорилъ о томъ, чтобы я, если возможно, открыла питательные пункты по направленію къ станціи Сороки. «Возьмите впередъ жалованье за нѣсколько мѣсяцевъ и поѣзжайте» — говорилъ г-нъ Соколовъ.

«Я работаю безъ жалованья» — сухо отвѣтила я ему.

Я заѣхала въ лазаретъ проститься со всѣми сестрами. На другой день меня снабдили необходимыми бумагами и большой суммой Чайковокъ (деньги Сѣверной Области). Со мною ѣхали двѣ сестры, санитаръ съ продуктами и молодой неопытный офицеръ, назначенный въ помощь намъ изъ штаба. Въ сильнѣйшій морозъ и снѣжную вьюгу, мы выѣхали изъ Архангельска 18-го февраля. Уѣзжали мы изъ Управленія Краснаго Креста, простившись со всѣми служащими тамъ, въ томъ числѣ и съ г-номъ Соколовымъ.

Но все это онъ забылъ. И пишетъ, что въ числѣ бѣжавшихъ изъ Архангельска была жена генерала Клюева.

* * *

Переворотъ засталъ моего мужа въ Кеми, на обратномъ пути въ Архангельскъ, и онъ повернулъ снова въ Карелію, стараясь пробраться въ Финляндію, что ему и удалось, послѣ невѣроятныхъ мученій, когда онъ большую часть пути шелъ пѣшкомъ, съ язвами на ногахъ, въ страшный морозъ, пока группа офицеровъ, ѣхавшихъ тѣмъ же путемъ, не согласилась взять его въ свои сани.

Въ Финляндіи онъ былъ интернированъ въ лагерѣ, вмѣстѣ со всѣми офицерами Сѣверной Области; больной, измученный, въ самыхъ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ. Послѣ долгихъ усилій, удалось получить для мужа разрѣшеніе финскихъ властей жить внѣ лагеря, и онъ поселился въ Борго.

Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ на мѣсто генерала Бемъ (уѣхавшаго въ Парижъ) представителемъ генерала Миллера въ Финляндіи, для оказанія помощи и раздачи пособій офицерамъ и осиротѣвшимъ семьямъ офицеровъ Сѣверной Области. Эту должность онъ занималъ до своей смерти, въ декабрѣ 1921 года.

Меня и двухъ сестеръ, ѣхавшихъ со мною, арестовали въ маленькой деревушкѣ, не доѣзжая Сорокъ, и повезли на другой день съ часовымъ въ Сороки. На желѣзнодорожной станціи развѣвался красный флагъ, съ надписью: «нѣтъ больше голодныхъ», и желѣзнодорожные мастера, составившіе мѣстную совѣтскую власть, дѣлали намъ допросъ. Всѣ деньги отъ насъ отобрали, бумаги мы уничтожили сами раньше. Шесть кошмарныхъ дней мы провели въ баракѣ для арестованныхъ. Потомъ меня перевели въ желѣзнодорожную больницу; такъ какъ еще въ дорогѣ я заболѣла испанкой, перешедшей въ крупозное воспаленіе легкихъ. Помѣстивъ меня въ больницу, обо мнѣ забыли, и это было моимъ спасеніемъ. Я пролежала тамъ 8 мѣсяцевъ, въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Послѣ воспаленія легкихъ у меня совершенно отнялись ноги и руки. Лѣченія не было никакого, кромѣ горячей ванны, въ которую меня часто сажали, не смѣнивъ воду послѣ цынготныхъ больныхъ, съ открытыми язвами на тѣлѣ. Рядомъ съ женской палатой, гдѣ были больные и хирургическіе, и съ внутренними болѣзнями, и гдѣ лежали и роженицы со своими грудными младенцами — помѣщались больные красноармейцы. Больница была простой бревенчатый баракъ, въ которомъ были, конечно, и клопы, и вши. Для меня лично, все это было скрашено трогательнымъ отношеніемъ ко мнѣ сидѣлокъ, которыхъ всегда вспоминаю съ теплымъ чувствомъ благодарности въ своихъ молитвахъ. У меня не было ни гроша денегъ. Изъ вещей, кромѣ нѣсколькихъ смѣнъ бѣлья, все было брошено по дорогѣ; отблагодарить я ихъ ничѣмъ не могла, и онѣ, съ полнымъ безкорыстіемъ одѣвали, поили, кормили меня и ухаживали за мной. Когда наступила весна, онѣ по собственной иниціативѣ, выносили меня на носилкахъ во дворъ, гдѣ я все-таки радовалась солнцу, голубой дали и зеленѣющей травкѣ.

Осенью меня перевезли въ Петрозаводскъ, тоже въ желѣзнодорожную больницу, а оттуда друзьямъ моимъ удалось меня перевезти въ Петроградъ. И тогда только мужъ мой и я узнали другъ о другѣ.

Весной 1921 года мужъ устроилъ мое бѣгство въ Финляндію. Черезъ границу, черезъ рѣчку, меня несли на носилкахъ, въ туманной ночной мглѣ, неизвѣстные мнѣ люди, и первые шаги я сдѣлала въ Финляндіи, послѣ усиленнаго лѣченія, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, а ходить безъ палокъ я стала уже пріѣхавъ въ монастырь

Вотъ истина! И это все, что я хотѣла написать.

Зинаида Клюева.

Сентябрь, 1924 г.

II.

Милостивый Государь!

Въ статьѣ Б. Б—скаго «Судъ надъ Мясоѣдовымъ (Архивъ Рус. Рев., т. XIV) имѣются слѣдующія строки:

«Сухомлиновъ далъ ему рекомендательное письмо къ командующему X арміей генералу Сиверсу. Послѣдній не могъ отказать лицу съ такой солидной рекомендаціей и взялъ Мясоѣдова въ штабъ арміи, поручивъ ему агентурную развѣдку, такъ какъ это дѣло ему, бывшему жандармскому офицеру, да еще служившему въ мирное время въ томъ же раіонѣ, гдѣ дѣйствовала X армія, было болѣе знакомо, чѣмъ какая-либо другая отрасль службы...»

Сообщая эти свѣдѣнія, полученныя несомнѣнно изъ недостовѣрныхъ источниковъ, Б. Б—скій былъ введенъ въ заблужденіе. Я не знаю, живъ ли въ настоящее время генералъ Сиверсъ, которому принадлежитъ право отвѣта на эти строки, и позволяю себѣ, какъ бывшему въ тѣ времена генералъ-квартирмейстеромъ штаба X арміи, внести въ статью Б. Б—скаго нижеслѣдующія поправки:

1. Подполковникъ Мясоѣдовъ попалъ въ штабъ X арміи съ согласіе тогдашняго начальника штаба арміи генерала Одишелидзе. Это согласіе было получено Мясоѣдовымъ во время совмѣстной поѣздки въ вагонѣ желѣзной дороги въ то время, когда Одишелидзе былъ только что назначенъ начальникомъ штаба арміи и ѣхалъ къ мѣсту расположенія послѣдняго въ Красностокскомъ монастырѣ, около крѣпости Гродно.

Насколько мнѣ извѣстно, генералъ Одишелидзе, служившій все время на Дальнемъ Востокѣ и въ Туркестанѣ, совершенно не зналъ, что такое представлялъ Мясоѣдовъ, и далъ свое согласіе, такъ какъ зналъ, что въ штабѣ много незанятыхъ вакансій и нужны офицеры со знаніемъ нѣмецкаго языка.

2. Генералъ Сиверсъ узналъ о назначеніи Мясоѣдова только тогда, когда объ этомъ состоялся приказъ. Онъ былъ крайне недоволенъ, раздраженъ, и не опротестовалъ приказа только ради сохраненія авторитета генерала Одишелидзе, но запретилъ держать Мясоѣдова при штабѣ даже въ теченіе однѣхъ сутокъ, приказавъ удалить его въ какой-нибудь маленькій штабъ, гдѣ и держать не у дѣлъ, употребляя только для переводовъ нѣмецкихъ газетъ.

Свое предубѣжденіе противъ Мясоѣдова, генералъ Сиверсъ объяснялъ тѣмъ, что «этотъ пакостникъ присланъ своимъ пакостнымъ покровителемъ Сухомлиновымъ для какихъ-либо гадкихъ дѣлъ по шпіонству за распоряженіями Ставки и Великаго Князя Главнокомандующаго, противъ котораго Сухомлиновская клика все время вела подкопы и интриги».

Въ силу приказа генерала Сиверса, Мясоѣдовъ, въ самый день своего прибытія къ штабу X арміи, былъ откомандированъ въ штабъ 57 дивизіи, гдѣ и находился все время, вплоть до начала секретнаго о немъ разслѣдованія и перевода его въ Ковну.

3. Генералъ Сиверсъ отличался рѣдкой самостоятельностью; для него были безразличны какія бы то ни было протекціи. Никакихъ рекомендацій о Мясоѣдовѣ онъ отъ Сухомлинова не получалъ, а если бы и получилъ когда-либо что-нибудь, происходящее отъ Сухомлинова, то это привело бы только къ отрицательнымъ послѣдствіямъ для рекомендуемаго, ибо генералъ Сиверсъ глубоко презиралъ Сухомлинова, говорилъ о немъ съ чувствомъ гадливости и считалъ его опереточнымъ министромъ и легкомысленнымъ погубителемъ русской воруженной силы.

4. Мясоѣдовъ числился на должности переводчика; никакихъ порученій по развѣдкѣ на него не возлагалось, за исключеніемъ только полученія отъ него свѣдѣній о нашихъ зарубежныхъ сектантскихъ эмигрантахъ, жившихъ въ раіонѣ Мазурскихъ озеръ.

Первой и послѣдней командировкой Мясоѣдова по развѣдкѣ была его поѣздка въ Ковну, куда онъ былъ посланъ по приказанію слѣдившихъ за нимъ агентовъ Ставки и штаба X арміи, для приближенія его къ мѣстамъ работы нѣмецкихъ шпіонскихъ организацій и для выясненія всѣхъ участниковъ.

Генералъ-лейтенантъ баронъ *Будбергъ*.

19 іюля 1924 года.

Архив русской революции

Том 15 — 16

Дефекты воспроизведения настоящего репринтного издания обусловлены состоянием оригинала

Редактор *С.А.Кондратов*
Художник *И.Е.Сайко*

Подписано в печать 6.01. 93. Формат 70 x 108 1/16. Бумага тип. № 2. Печать высокая. Усл. печ. л. 56,0. Усл. кр.-отт. 56,0. Уч.-изд. л. 60,4. Тираж 10 000 экз. Заказ 177.

Издательский центр «ТЕРРА». Москва, А-73, Автозаводская ул., 10.

Отпечатано на Ярославском полиграфкомбинате Министерства печати и информации Российской Федерации. 150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.